

Санкт-Петербургский государственный университет

РОССИЯ И ИБЕРОАМЕРИКА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Доклады и материалы
Третьего международного форума
Санкт-Петербург, 2-4 октября 2017**

**Санкт-Петербург
Скифия-принт
2017**

ББК 66.1-66.4(4/70)
Р76

Рецензенты:

Д. ф. н., проф. СПбГУ Н. А. Добронравин
Д. и. н., проф. МГИМО (У) МИД РФ Л. С. Окунева
Д. п. н., проф. ВГУ А. А. Слинко
Д-р Владимир Рувинский, профессор Унив. ICESI

Редакционная коллегия:

Хейфец В. Л., д. и. н. (отв. ред.), Хейфец Л. С., д. и. н. (отв. ред.), Давыдов В. М., д. э. н., чл.-корр. РАН,
Новикова И. Н., д. и. н., Брилев С. Б., к. и. н., Хадорич Л. В., к. и. н., Андреев А. С.

Составители: Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., Андреев А. С., Хадорич Л. В.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

Форум проведен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-07-14008

Р76 Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы третьего международного форума. — Отв. ред. В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец. — СПб.: Скифия-принт, 2017.

ISBN 978-5-98620-296-9

В настоящем издании представлены научные доклады Третьего международного форума «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность», проведенного 2-4 октября 2017 г. Санкт-Петербургским государственным университетом, Институтом Латинской Америки РАН, Институтом Беринга-Беллингаузена при поддержке МИД РФ, фонда «Росконгресс», финансовой поддержке банка «Сантандер», Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова, Российского фонда фундаментальных исследований, Фонда Е. Т. Гайдара.

Издание представляет несомненный интерес для ученых, предпринимателей, студентов, всех, кто интересуется проблемами иberoамериканских стран и их взаимодействия с Россией.

ББК 66.1-66.4(4/70)
Р76

Все тексты, размещенные в настоящем издании, были представлены на рецензию с 01 сентября по 30 ноября 2017 г. и были одобрены для публикации с 1 декабря по 25 декабря 2017 г.

ISBN 978-5-98620-296-9

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017
© Институт Латинской Америки РАН, 2017

Содержание

Пленарное заседание	
Plenary session	27
Магистральные доклады	
Conferencias magistrales	62
<i>Manuel Alcántara Sáez</i>	
Cuatro décadas de política en América Latina	
Four decades of politics in Latin America	62
<i>Gerardo Bleier</i>	
Venezuela: ¿un caso más en la búsqueda desesperada de autonomía nacional?	
Venezuela: Another case in the desperate search for national autonomy?	76
<i>Andrés Serbin</i>	
Los cambios regionales y globales y su impacto en América Latina y el Caribe:	
algunas reflexiones y un cúmulo de incertidumbres	
The regional and global changes and their impact in Latin America and the Caribbean:	
some reflections and an accumulation of uncertainties	81
<i>Gerardo Caetano</i>	
Izquierdas y progresismos en América Latina. A cien años de la Revolución Rusa	
Left-Wing and Progressive Forces in Latin America. One hundred years after the Russian	
Revolution	89
<i>Detlef Nolte</i>	
El Regionalismo latinoamericano: nuevos enfoques para alcanzar el objeto en movimiento	
Latin American Regionalism: new approaches to achieve the object in motion.	101
<i>Carlos Quenan</i>	
Cuestionamientos a la globalización y a las integraciones regionales:	
desafíos para América Latina	
Challenges to globalization and regional integration: challenges for Latin America.	105
<i>“Lucas Carvajal” (Camilo Ernesto Serrano Corredor)</i>	
Un balance de la paz colombiana en primera persona	
A balance of the Colombian peace in the first person	111
<i>Dr. Pablo Gentili</i>	
Desigualdad estructural y secuestro de la democracia en América Latina	
Structural inequality and kidnapping of democracy in Latin America	125
Ибероамериканские страны: место на международной арене	
и тенденции взаимодействия	138
<i>Я. В. Белозеров</i>	
Внешняя политика республики Гайана в 2000–2017 гг.	
The Foreign policy of the Co-operative Republic of Guyana, 2000–2017	138
<i>Dr. Gonzalo S. Paz</i>	
Perspectivas de las Relaciones Internacionales de América Latina en una Era de Cambios	
Perspectives of International Relations in Latin America in an Era of Change	152

<i>Е. М. Астахов</i>	Позиционирование Латино-Карибской Америки в мире Positioning of Latin and Caribbean America in the World	160
<i>Я. В. Лексютина</i>	Межрегиональное взаимодействие Латинской Америки и АТР: основные направления, акторы и их мотивация Interregional cooperation between Latin America and the Asia-Pacific region: forms, actors and motivation	170
Политическая панорама стран Латинской Америки		182
<i>Л. В. Дьякова</i>	Итоги второго президентства М. Бачелет и особенности современного политического процесса в Чили The results of the activity of the second government of M. Bachelet and new political trends . . .	182
<i>Н. С. Аниськевич</i>	Трансформация правоориентированных политических сил Чили после становления демократии Transformation of Chile's right-wing political forces in the period after the establishment of democracy	192
<i>К. А. Неверов</i>	Аргентина после Киршнеров: Маурисио Макри и новый политический курс страны Argentina after Kirshners: Mauricio Macri and new political course of country	201
<i>З. В. Ивановский</i>	Conflicts between the branches of power in Latin America: reasons and effects Конфликты между ветвями власти в Латинской Америке: причины и последствия.	210
<i>Е. С. Галибина-Лебедева</i>	Идеологические основы сближения христианства и сторонников левой идеологии. История и современность Ideological bases for the convergence of Christianity and supporters of the left ideology. History and modernity.	220
Миграции на современном ибероамериканском пространстве: тенденции и проблемы.		229
<i>А. Ю. Борзова, Е. М. Савичева</i>	Арабская диаспора в Латинской Америке Arab diaspora in Latin America.	229
<i>А. В. Коробков</i>	Динамика испаноязычной иммиграции и ее роль в истории и современной политической жизни США The dynamics of Hispanic immigration and its role in the history and contemporary political life of the United States	241
<i>Н. Ю. Кудярова</i>	Миграционная политика администрации Дональда Трампа: риторика и практика The Donald Trump Administration Migration Policy: rhetoric and practice	253
<i>Е. В. Киселева</i>	Проблемы миграции в интеграции государств Иberoамерики The problems of migration in the integration of the states of Iberoamerica	262

Jean Clot

Mercados regionales de la migración irregular en el Caribe y Centroamérica
Regional markets for irregular migration in the Caribbean and Central America. 271

**Кризис левых режимов в Латинской Америке: политические и экономические
последствия. 287**

Т. А. Воротникова

Торгово-экономическое и гуманитарное сотрудничество России с Андскими странами
(на примере Эквадора и Боливии)
Trade, economic and humanitarian cooperation between Russia and the Andean countries (based
on the example of Ecuador and Bolivia). 287

Д. М. Розенталь

Когда заканчивается нефть. Энергетическая дипломатия Венесуэлы в период
нестабильности
When oil ends. Energy diplomacy of Venezuela in the period of instability 294

М. А.-М. Кодзоев

Куба и США. В предвкушении полной нормализации
Cuba and the US In anticipation of full normalization 305

Следы 1917 года в Бразилии 313

Е. Kuperman

As marcas de 1917 na formação da esquerda brasileira
The 1917 marks in the formation of the Brazilian left. 313

Maria Helena Versiani

O lugar da Revolução Russa nos acervos do Museu da República: o trabalhador e seus
sentidos sociais
O lugar da Revolução Russa nos acervos do Museu da República: o trabalhador e seus sentidos
sociais 321

Dina Lida Kinoshita

Relações entre o PCB e a Internacional Comunista (IC)
Relations between the PCB and the Communist International (IC). 330

Profª Drª Maria Teresa Toribio Brittes Lemos

Memória e História — Tensões Sociais, Conflitos e Golpe Militar — Brasil 1964
Memory and History — Social Tensions, Conflicts and Military Coup — Brazil 1964 343

Россия, Европа и Ибероамерика: культурные связи прошлого и настоящего 348

Д. Р. Ярулина

Кубинская революция в художественном дискурсе России и Кубы в контексте
диалога культур
The Cuban Revolution in the Artistic Discourse of Russia and Cuba in the Context
of the Dialogue of Cultures 348

И. А. Шалудько

«В том-то и дело, что совершается что-то трансцендентально-иррациональное...»:
О двух примерах мифологизации исторических событий XX века в литературных
произведениях В. В. Шульгина и Г. Гарсиа Маркеса
“The fact of the matter is that something transcendental-irrational is happening ...”:
Two examples of the mythologization of historical events of the twentieth century
in the literary works of V.V. Shulgin and G. Garcia Marquez 357

Правовые системы Испании и Латинской Америки	364
<i>Б. Ф. Мартынов</i>	
Латинская Америка: правовой аспект цивилизационного дискурса	
Latin America: the Legal Aspect of Civilizational Discourse	364
<i>Е. Ю. Калинина</i>	
Множественная идентичность как феномен современного испанского правосознания	
в эпоху глобализации	
Multiple identity as a phenomenon of modern Spanish sense of justice	
in the era of globalization.	373
<i>П. Костокрызов</i>	
Права человека и права людей: дилемма индивидуальных и коллективных прав	
в латиноамериканских странах	
Human rights and people’s rights: dilemma of individual and collective rights	
in Latin American countries	382
Коммунизм как общий враг запада.	391
<i>Julio Lisandro Cañón Voirin</i>	
La guerra contra el marxismo: la estrategia política de EEUU en la Organización	
de los Estados Americanos	
The war against Marxism: the political strategy of the United States in the Organization of	
American States	391
<i>Giovanni C. Cattini</i>	
El anticomunismo del antifranquismo: el caso del republicanismo catalán	
The anticommunism of anti-Francoism: the case of Catalan republicanism	403
<i>Mario Alberto Cajas Sarria</i>	
La Corte Suprema de Justicia frente al “avance comunista” y la lucha social en la represión	
conservadora en Colombia, 1926–1930	
The Supreme Court of Justice against the «communist advance» and the social struggle in the	
conservative repression in Colombia, 1926–1930.	416
<i>Daniel Rodríguez Suárez</i>	
El anticomunismo y el carácter de la Revolución cubana en el marco de los acuerdos	
comerciales y diplomáticos entre Moscú y La Habana: una visión a través de la prensa	
Anti-communism and the character of the Cuban Revolution within the framework of trade	
and diplomatic agreements between Moscow and Havana: a vision through the press	436
Геополитическое видение в Латинской Америке: персоналии, школы, теории	
и их развитие	447
<i>А. А. Шинкаренко</i>	
Неоэкстрактивизм и «зеленая» геополитика в Латинской Америке	
Neoextractivism and “green” geopolitics in Latin America.	447
<i>Andrés Rivarola Puntigliano</i>	
Continentalism and Latin American geopolitical thinking	
Continentalismo y pensamiento geopolítico latinoamericano.	457
Возобновляемые энергетические источники и энергетическая эффективность	
в Латинской Америке	468
<i>Francesco Petrone</i>	
Global governance and climate change: are brics a new “alternative”?	
Gobernanza global y cambio climático: ¿son los brics una nueva “alternativa”?	468

<i>Ю. Г. Дунаева</i>	
Вода как глобальный вызов: схватка в Гуарани	
Water as a global challenge: a fight in Guarani	482
<i>Л. Б. Николаева</i>	
Инновации в стратегии «зеленого роста» стран Латинской Америки	
Innovations in “green growth” strategy of Latin American countries	491
<i>Yarygin G. O.</i>	
The renewable energy revolution in Chile	
La revolución de la energía renovable en Chile	501
БРИКС и новый мировой порядок: региональные и глобальные измерения	509
<i>Gao Fei</i>	
China’s Transforming Diplomacy: Learning and Exploring	
La Diplomacia Transformadora de China: Aprendiendo y Explorando	509
<i>Sergio C. Trindade</i>	
BRICS and the New World Order: Regional and Global Dimensions	
BRICS y el Nuevo Orden Mundial: Dimensiones Regionales y Globales	515
<i>Н. А. Васильева</i>	
Как влияют культурно-цивилизационные особенности «пятерки»	
на перспективы БРИКС в мировой политике?	
How does the cultural-civilizing peculiarities of the “five” influence the BRICS	
perspectives in the world politics?	520
<i>М. Л. Лагутина</i>	
Интересы стран БРИКС в Арктике и возможности сотрудничества	
Interests of BRICS countries in the Arctic and opportunities for cooperation	526
Бразилия после импичмента: политические и социальные перспективы	537
<i>Rodrigo Stumpf Gonzalez</i>	
O Papel Politico do Poder Judiciário na Instabilidade Institucional do Brasil	
The Political Role of the Judiciary in Institutional Instability in Brazil	537
<i>Sonia Ranincheski</i>	
O Brasil pós-impeachment: perspectivas políticas e sociais à luz da cultura política	
Brazil post-impeachment: political and social perspectives in the light of political culture	546
<i>Henrique Carlos de O. de Castro</i>	
More of the same: coup, continuity, and changings in Brazilian politics	
Mais do mesmo: golpe, continuidades e mudanças na política brasileira	558
Искусство в Испании и Латинской Америке	568
<i>А. В. Морозова</i>	
Античный Гермафродит в контексте испанского искусства XVII в.	
Ancient Hermaphrodite in the context of the Spanish art of the XVII century.	568
<i>Е. О. Калугина</i>	
Погребальная капелла Антонио Браво де Хереса в церкви монастыря Сан-Бенито	
Алькантары (Касерес). Проблемы реконструкции	
Funerary chapel of Antonio Bravo de Jerez in the church of the Monastery	
of San Benito Alcántara (Cáceres). The Problems of its Reconstruction	571

<i>Г. В. Томирдиаро</i>	
Фонтаны Мадрида	
Fountains of Madrid	580
<i>В. З. Бун</i>	
Влияние испанского придворного портрета на сложение школы портретирования	
Новой Испании в Мексике в XVII–XVIII вв.	
The Influence of the Spanish court portrait on the Formation of the school of portraying	
New Spain in Mexico in the 17th-18th centuries	583
<i>А. А. Амосова</i>	
Основные тенденции развития музейного дела в Бразилии в XXI в.	
The Main Trends in the Development of museum business in Brazil in the XXI century	592
<i>И. Ю. Демичева</i>	
Овеществленное чувство: спектр эмоций в антропоморфных терракотовых статуэтках	
мая I тыс. н. э.	
Reflected Feelings: a Spectrum of Emotions in the Mayan anthropomorphic terracotta statuettes of	
the I millennium AD	603
Испания и Португалия, вызовы XXI в.	615
<i>Ю. Н. Фролова</i>	
Проблема суверенитета и самоопределения в Испании (случай Каталонии	
и Страны Басков)	
The Problem of Sovereignty and Self-Determination in Spain (cases of Catalonia	
and Basque Country	615
<i>А. В. Баранов</i>	
Правительственный кризис в Испании (2015–2016) как следствие трансформаций	
партийной системы	
The government crisis in Spain (2015–2016) as a consequence of the transformation	
of the party system	621
<i>Э. В. Маскаленко</i>	
Борьба с безработицей в Испании как элемент посткризисной стратегии	
The fight against unemployment in Spain as an element of the post-crisis strategy	631
<i>И. А. Гриценко</i>	
Образование в Испании: внутренние проблемы и задачи международного уровня	
Educación en España: problemas internos y tareas internacionales	641
Исследования латиноамериканской литературы.	652
<i>О. К. Войку, И. Маньяс Наваррете</i>	
Придуманная страна Исабель Альенде	
Isabel Allende's Invented country	652
<i>И. А. Шик</i>	
«Исчезновение субъекта» в творчестве Франчески Вудман и Сильвии Грав	
The “Disappearance of Subject” in Francesca Woodman's and Silvia Grav's Art.	660
<i>Е. В. Куцубина, М. Л. Непомнящая</i>	
Становление современного гватемальского романа в период 1960–70-х годов	
на примере зеркальных романов Луиса де Лиона «Время начинается в Шибальбе»	
и «Обрахе» Марио Роберто Моралеса	
Formation of the modern Guatemalan novel in the period of 1960-1970s,	
the case of the mirror novels of Luis de Lion “Time begins in Xibalba” and “Obraje”	
by Mario Roberto Morales	669

<i>О. А. Светлакова</i>	
Хуан Рульфо по-русски: перевод Перлы Глазовой (1970)	
Juan Rulfo in Russian: translation of Perla Glazova (1970)	678
<i>Е. С. Коржукова</i>	
Роль прецедентных феноменов в романе Артуро Переса-Реверте «Кожа для барабана, или Севильское причастие»	
The role of precedent phenomena in the novel Arturo Perez-Revert “The skin for the drum, or the Seville Communion”	686
К столетию конституции Мексики 1917 г. и начала русской революции.	
Взаимное влияние	695
<i>Senador Alejandro Encinas Rodríguez</i>	
La Constitución Mexicana de 1917: del Constitucionalismo Social al neoliberalismo	
The Mexican Constitution of 1917: from Social Constitutionalism to neoliberalism	695
<i>Humberto Morales Moreno</i>	
México y Rusia en su centenario: 1917 (Luis Cabrera y V. I. Lenin)	
Mexico and Russia in their centenary: 1917 (Luis Cabrera and V. I. Lenin)	702
<i>Carlos Humberto Durand Alcántara</i>	
Cien años de la revolución rusa, y la revolución mexicana. Vladimir I. Lenin y Emiliano Zapata dos liderazgos trascendentes (algunos aspectos del movimiento campesino).	
One hundred years of the Russian revolution, and the Mexican revolution. Vladimir I. Lenin and Emiliano Zapata two transcendent leaderships (some aspects of the peasant movement)	724
<i>Pablo Yankelevich</i>	
México revolucionario. Redes intelectuales y debates políticos en America Latina	
Revolutionary Mexico. Intellectual networks and political debates in Latin America	746
<i>Guillermo José Mañón Garibay</i>	
La Constitución Mexicana de 1917 y la evolución de los derechos sociales	
The Mexican Constitution of 1917 and the evolution of social rights	764
<i>Carlos Figueroa Ibarra</i>	
La revolución rusa y el imaginario de la conquista del poder en América Latina	
The Russian revolution and the imaginary of the conquest of power in Latin America.	774
<i>А. А. Манухин</i>	
Революционные Конституции и практическая политика Мексики и Советской России: взгляд из США (1917–1920 гг.)	
Revolutionary Constitutions and Practical Policy of Mexico and Soviet Russia: A View from the United States (1917–1920)	788
Латинская Америка: основные тренды политического и социального развития	797
<i>О. Б. Варенцова</i>	
Причины конституционной нестабильности в Венесуэле	
Causes of constitutional instability in Venezuela	797
<i>Л. А. Гайнутдинова</i>	
Государство и гражданское общество в Аргентине и Бразилии	
State and civil society in Argentina and Brazil	803
<i>Е. Г. Мельников, Г. А. Меньшикова</i>	
Административные реформы в странах Латинской Америки	
Administrative Reforms in Latin American Countries.	812

<i>К. Ю. Тупоногова</i>	
Борьба народа Пуэрто-Рико за самоопределение во второй половине XX — начале XXI в.	
The struggle of the people of Puerto Rico for self-determination in the second half of the 20th and the beginning of the 21st centuries	824
<i>А. А. Шинкаренко</i>	
Неоэкстрактивизм и «зеленая» геополитика в Латинской Америке	
Neoextractivism and “green” geopolitics in Latin America.	834
Латинская Америка: достижения и вызовы интеграции.	844
<i>А. А. Бибнев</i>	
Перспективы UNASUR как ведущего интеграционного объединения в Латинской Америке	
Prospects of UNASUR as the leading integration association in Latin America	844
<i>Kuznetsova Elena Sergeevna</i>	
“Las palabras y los hechos” de la integración en el Mercosur en el período de 2014–2016	
“The words and the facts” of the participating countries of Mercosur integration in the period 2014–2016	852
<i>Т. В. Воронина</i>	
Интеграция стран Латинской Америки: ретроспектива, специфика, современные проблемы	
Latin American countries integration: retrospective, specificity, contemporary problems.	865
Отношения России и ибероамериканских стран: история и современность.	875
<i>П. Е. Фомичев</i>	
Российско-португальские отношения в XVIII — начале XIX в.	
Историография и новые источники	
Russian-Portuguese relations in the XVIII — early XIX centuries.	
Historiography and new sources	875
<i>Imelda Ibáñez Guzmán</i>	
La presencia de Rusia en el actual contexto geopolítico latinoamericano y su relación con Estados Unidos	
The presence of Russia in the current Latin American geopolitical context and its relationship with the United States	887
<i>Alessandra Scangarelli Brites</i>	
The impact of the Russia-China strategic partnership on Brazil	
El impacto de la asociación estratégica Rusia-China en Brasil	895
Система международных отношений в западном полушарии: современные вызовы.	904
<i>Martha Ardila</i>	
Variaciones en la inserción internacional latinoamericana: ¿mas autonomía y multilateralismo?	904
Variations in the Latin American international insertion: more autonomy and multilateralism?	904
<i>Андреев Антон Сергеевич</i>	
Внерегиональное направление внешней политики Уругвая	
The extra-regional direction of the Uruguayan foreign policy.	919

Mikhail Borisov

- Cuba and Canada in the XXI century: in search of a new paradigm of cooperation
Cuba y Canadá en el siglo XXI. En busca de un nuevo paradigma de cooperación 931

Л. В. Хадорич

- Д. Трамп и Латинская Америка: межамериканская система в новом политическом контексте
D. Trump and Latin America: Inter-American System in a New Political Context 936

Алексеева К.С.

- Международный аспект урегулирования гражданской войны в Колумбии
The international aspect of the settlement of the civil war in Colombia 948

Б. А. Ширяев

- Мексика: вызов Соединенным Штатам?
Mexico: a challenge to the USA? 955

Mariana Gómez, Oxana Katysheva

- Sobre muros y proteccionismos. Rupturas y continuidades en las relaciones políticas y económicas de Estados Unidos con México y Argentina
About walls and protectionism. Ruptures and continuities in the political and economic relations of the United States with Mexico and Argentina. 962

Ana Teresa Gutiérrez del Cid

- La estrategia de Estados Unidos hacia Rusia en la presidencia de Trum
The US strategy towards Russia in the Trump presidency 971

Современные образовательные системы Латинской Америки и Испании 982

О. А. Береговая

- Латиноамериканская философия образования в глобализирующемся мире
The Latin American Philosophy of Education in a Globalizing World. 982

Т. С. Немчинова

- Роль внешних акторов в формировании и развитии национальных систем высшего образования государств Латинской Америки
The role of external actors in the formation and development of national higher education systems of Latin America. 990

Jesús Lechuga Montenegro, Laura Montiel Orozco

- Educación superior y género: el Techo de Cristal en México (2000–2016)
Higher education and gender: The glass ceiling in Mexico, 2000–2016 1003

С. А. Ильичева, Т. В. Щербакова

- Тенденции развития образования в Чили на примере организации процедуры проведения экзаменов с высокими ставками
Trends development of education in Chile on the example of organizing the procedure for holding examinations with high rates 1013

О. А. Масалова

- Латиноамериканские университеты как объекты Всемирного культурного наследия
Latin American Universities as Objects World Cultural Heritage 1020

Jorge Alberto Gaytán Treviño

- Mexico's Higher Education: The case of the National Institute of Technology of Mexico
La Educación Superior de México: el caso del Instituto Nacional de Tecnología de México 1029

Страны БРИКС в современной международной обстановке: дебаты и перспективы. 1037*Dr. Victor Jeifets, Dr. Nikolai Dobronravin*

The Evolution of Russian-Brazilian Relations in 1991–2015:
the BRICS and Beyond the BRICS 1037

Julia Eder, Marko Juutinen, Gabriel Rached

Alternative or complementary development finance? Comparing NDB's and Bank of ALBA's
lending concepts ¿Financiamiento de desarrollo alternativo o complementario?
Comparando los conceptos de préstamo de NDB y Bank of ALBA
1. Background and Objectives 1056

Bruno Mariotto Jubran

The BRICS through the lenses of Brazilian media (2001–2015): from Heaven to Hell
Los BRICS a través de los lentes de los medios brasileños (2001–2015): del cielo al infierno . . 1071

Gabriel Rached

A nova inserção dos países do BRICS no contextodas transformações internacionais
The new integration of the BRICS countries into the
of international transformations 1085

Aurora Furlong, Raúl Netzahualcoyotzi Luna

China e India en los BRICS: Nuevos escenarios y alternativas
China and India in the BRICS: New scenarios and alternatives 1096

Fernando César Costa Xavier

Derecho, política y desarrollo en los BRICS: Comparaciones posibles entre Brasil y Rusia
Law, policy and development in the BRICS: Possible comparisons between
Brazil and Russia 1105

Экономики ибероамериканского мира: до- и посткризисные стратегии. 1111*Sara Caria, Rafael Domínguez*

Extrae que algo queda. Extractivismos andinos en el auge y caída de los commodities
(2004–2016)
Extract that something is left. Andean Extractivism in the rise and fall of commodities
(2004–2016) 1111

Лариса Николаевна Борисоглебская

Модель «тройной спирали» — эффективный механизм инновационного развития
наукоемких и высокотехнологических отраслей стран Латинской Америки
The model of the triple helix is an effective mechanism for the innovative development
of science-intensive and high-tech industries in Latin America 1124

Елена Петровна Токмакова

Построение единой валютной корзины стран Латинской Америки и Карибского
бассейна
Building a single currency basket in Latin America and the Caribbean 1134

Ю. Н. Мосейкин, М. Н. Мосейкина

Анализ глобальной экономической ситуации и ее последствий в Латинской Америке
и Карибском бассейне
Analysis of the global economic situation and its consequences in Latin America and the
Caribbean 1139

Roger Ivanodik Juan López Churata

Gasto Público y Crecimiento Económico en América Latina
Public Expenditure and Economic Growth in Latin America. 1150

A. E. Авдеев

- Есть ли место для Китая? Особенности двусторонних отношений Никарагуа — Тайвань
Is there room for China? Features of bilateral relations of Nicaragua — Taiwan 1159

Violetta Tayar

- La Unión Europea y América Latina en el contexto de interacción transatlántica
The European Union and Latin America in the context of transatlantic interaction 1167

C. H. Добронравина

- Роль Великобритании в формировании границ в Карибском море после распада Вест-Индской федерации
The role of the UK in shaping Caribbean sea borders after the collapse of the West India Federation 1177

Alexandra Sitenko

- Cooperaciones estratégicas Rusia-América Latina: un balance preliminar
Strategic cooperation Russia-Latin America: a preliminary assessment 1185

Гражданское общество и политическое участие в странах Латинской Америки 1197

Isidoro Cheresky

- Dilemas y desafíos de la democracia en América Latina. ¿Deterioro o renovación?
Dilemmas and challenges of democracy in Latin America. Deterioration or renewal? 1197

Dr. Alberto J. Olvera Rivera

- Crisis de representación y crisis de gobernabilidad en un régimen electoral-autoritario: el caso de México
Crisis of representation and crisis of governance in an electoral-authoritarian regime: the case of Mexico 1219

Dra. Celia del Palacio

- Los medios de comunicación en un régimen electoral autoritario. El caso de Veracruz, México
The media in authoritarian electoral regime. The case of Veracruz, Mexico 1234

Sergio Grez Toso

- De la ciudadanía censitaria a la ciudadanía neoliberal. Elementos centrales para la comprensión del caso chileno (1810–2017)
From census citizenship to neoliberal citizenship. Central elements for the understanding of the Chilean case (1810–2017) 1249

Ибероамериканская мозаика: судьбы ибероамериканских наций в XIX–XX вв. 1261

O. H. Докучаева

- Социалистические идеи в понимании Х.Э. Гайтана
Socialist ideas in the understanding of J.E. Gaitana 1261

Иванов Дмитрий Владиславович

- Кубинская революция как первая в мире революция постиндустриального капитализма
The Cuban Revolution as the world's first revolution of post-industrial capitalism 1269

P. B. Костюк

- Русская революция и ее влияние на левое движение Франции
The Russian Revolution and its Influence at the French Left-Wing Movement 1278

Brian Hamnett

- Constructing the new American world — a long and bitter road, 1820–1880
 Construyendo el nuevo mundo americano: un camino largo y amargo, 1820–1880 1287

A. Хасанов

- «Добрые услуги» Швейцарии в англо-аргентинских отношениях
 после Фолклендской (Мальвинской) войны, 1982–1990
 “Good Services” of Switzerland in Anglo-Argentine relations after the Falkland (Malvinas)
 War, 1982–1990 1308

Alejandro M. Schneider

- Protesta obrera y militancia de izquierda durante la presidencia de Isabel Perón
 (1974–1976)
 Workers protest and militancy of left during the presidency of Isabel Perón (1974–1976). 1315

Daria Pravdiuk

- Influence of landlockedness factor on contemporary Bolivian economy
 Influencia del factor litoral en la economía boliviana contemporánea 1325

Alessandro André Leme

- Ideas y tensiones: el lugar de algunas controversias sobre la dependencia y el desarrollo
 en América Latina — 1960–1970
 Ideas and tensions: the role of some controversy on dependence and development
 in Latin America — 1960–1970. 1334

René González Barrios

- Cuba. 1959. El fantasma del comunismo
 Cuba. 1959. The phantom of communism 1356

E. P. Воронин

- Внешняя территориальная экспансия в Латинской Америке:
 международно-правовые последствия и дипломатические подтексты
 американского вмешательства
 Американо-мексиканская война 1846–1848 гг., Панамский «колониальный прецедент»,
 Фолклендский/Мальвинский вооруженный конфликт. 1364

Испанский язык в мире 1370*Carlos Inchaurrealde Besga*

- El español de España y su relación con otras lenguas
 The Spanish of Spain and its relationship with other languages 1370

К. В. Якушкина

- Основные принципы построения «седативной» стратегической коммуникации:
 прагмалингвистический аспект (на материале испанского политического дискурса)
 The basic principles of constructing «sedative» strategic communication: the pragmalinguistic
 aspect (based on the Spanish political discourse). 1378

Мед Н. Г.

- Роль европейской иммиграции в формировании национального варианта
 испанского языка Аргентины
 The role of European immigration in the formation of the national version
 of the Spanish language of Argentina 1387

Елена Зернова

- Встреча двух миров: лингвистические аспекты конквисты
 Meeting two worlds: the linguistic aspects of the conquest 1396

М. Д. Эман

Логоэпистемы Испании и Латинской Америки в обучении испанскому языку
 Logoepestemy of Spain and Latin America in the teaching of the Spanish language 1405

Неравенство и бедность в Латинской Америке 1409

Mikhail Krasnov

Algunas tendencias del desarrollo socio-demográfico de Colombia a principios del siglo XXI (en comparación con Rusia)
 Some trends of the socio-demographic development of Colombia at the beginning of the 21st century (in comparison with Russia). 1409

Samuel Amador Vázquez, Horacio López Muñoz

Economía Informal en el espacio urbano en Puebla México como consecuencia de las decisiones gubernamentales de política económica de exclusión en el mundo globalizado
 Informal Economy in the urban space in Puebla Mexico as a consequence of the governmental decisions of economic policy of exclusion in the globalized world 1419

Samuel Amador Vázquez, Flora Domínguez Hernández, Carla Yeseli Pacheco Prieto

Vulnerabilidad y evolución del mercado de trabajo migrante mexicano en estados unidos en la construcción de una sociedad informal
 Vulnerability and evolution of the Mexican migrant labor market in the United States in the construction of an informal society 1431

Отношения России и ибероамериканских стран: история и современность. 1455

Alberto Hutschenreuter

Particularidades que explican el mayor relacionamiento entre Rusia y América Latina
 Particularities that explain the greater relationship between Russia and Latin America. 1455

Juan Carlos Ladines Azalia, Oscar Vidarte Arévalo

Perú, ¿una prioridad para Rusia en América Latina?
 Peru, a priority for Russia in Latin America? 1458

A. О. Лукичева

Россия — Латинская Америка: некоторые особенности выстраивания отношений на современном этапе
 Russia — Latin America: characteristics of the formation of relations in the contemporary stage 1481

В. Н. Шкунов

Российско-бразильская торговля и потребности внутреннего рынка Российской империи в XVIII—XIX вв.
 Russian-Brazilian trade and the needs of the domestic market of the Russian Empire in XVIII—XIX centuries. 1490

Dr. Servando Valdés Sánchez

Las relaciones culturales cubano soviéticas a partir de 1959
 The Cuban-Soviet cultural relations from 1959 1506

Политика и субъективность 1516

Omar Alejandro Bravo

Mecanismos subjetivos operantes en los proceso de manipulación política
 Subjective mechanisms operating in the process of political manipulation. 1516

Российская эмиграция в ибероамериканских странах.	1523
<i>Е. Э. Эльц</i>	
Роль российской диаспоры и Русской православной церкви в развитии российско-бразильских отношений	
The role of the Russian Diaspora and the Russian Orthodox Church in the development of Russian-Brazilian relations	1523
Россия и Иberoамерика: межкультурное и гуманитарное взаимодействие и межцивилизационный диалог	1533
<i>Н. М. Боголюбова</i>	
Актуальные тенденции российско-испанского культурного сотрудничества	
Actual tendencies of Russian-Spanish cultural cooperation	1533
<i>П. Б. Клевицов</i>	
Россия и Иberoамерика: проблема ментальной совместимости	
Russia and Ibero-America: the problem of mental compatibility	1545
<i>Ю. В. Николаева</i>	
Проблема формирования положительного имиджа Испании: проект Marca España	
The problem of forming a positive image of Spain: the project “Marca España”.	1554
<i>М. Д. Портнягина</i>	
Немцы в Латинской Америке: проблемы ассимиляции и влияние на развитие культуры стран региона	
The Germans in Latin America: the problems of assimilation and the impact on the development of culture in the countries of the region.	1563
<i>С. С. Ширин</i>	
Международные образовательные программы в странах Южной Америки: возможности для российских студентов	
International educational programs in South America: opportunities for Russian students	1572
СССР и Россия: торговые отношения со странами Латинской Америки и Карибского бассейна	1581
<i>Carlos Raúl Etulain</i>	
América Latina e políticas públicas. Observações acerca das políticas sociais de um grupo de países selecionados (1990 a 2010)	
Latin America and public policies. Comments on the social policies of a selected group of countries (1990 to 2010).	1581
<i>Jorge Alberto López Arévalo</i>	
Las relaciones comerciales de Rusia con América Latina y el Caribe, 2000–2016: los casos de Brasil y Cuba	
Russian trade relations with Latin America and the Caribbean, 2000–2016: the cases of Brazil and Cuba	1591
<i>Óscar Rodil-Marzábal, José Manuel Martín-Ruiz</i>	
Nexos en la participación de Rusia e Iberoamérica en las cadenas globales de valor desde la óptica del comercio en valor añadido	
Nexus in the participation of Russia and Latin America in global value chains from the point of view of trade in value added.	1608

Торговые отношения Латинской Америки со странами мира 1619*А. Г. Коваль, С. Ф. Сутырин, О. Ю. Трофименко*

Страны Латинской Америки и ЕС в ВТО: особенности взаимодействия

Latin American countries and the EU in the WTO: characteristics of relationship 1619

*Е. В. Давыденко*Инвестиционное сотрудничество России и стран Латинской Америки:
современное состояние, проблемы и перспективы

Investment cooperation between Russia and Latin America: current state, problems

and prospects 1629

*Л. В. Попова*Роль преференциальных соглашений в торговле Китая со странами Латинской
Америки

The role of preferential agreements in China's trade with Latin American countries. 1635

Тимофей Малашенко

Торгово-инвестиционное сотрудничество России и Испании в период санкций

Trade and investment cooperation between Russia and Spain in the period of sanctions 1645

Центральная Америка и Карибский бассейн: столица Симона Боливара в геополитическом дискурсе эпохи глобализации. 1655*Óscar Barboza Lizano*

El pueblo Chorotega en Costa Rica: Matambu, identidad en construcción

The Chorotega people in Costa Rica: Matambu, identity under construction 1655

Alexis Toribio Dantas

Aproximação Brasil-Cuba: oportunidades

Brazil-Cuba Approach: Opportunities 1673

Raúl Netzahualcoyotzi, Aurora Furlong

Plan Mesoamérica y Movimientos Sociales

Mesoamerica Plan and Social Movements 1689

Aurora Furlong, Raúl Netzahualcoyotzi

Plan Mesoamérica y proyectos geoestratégicos

Mesoamerica Plan and geostrategic projects 1700

*Katarzyna Dembicz*Great infrastructure development projects in Central America and the Caribbean:
global appropriation of local spaces. Presentation of the project to develop

Grandes proyectos de desarrollo de infraestructura en América Central y el Caribe:

apropiación global de espacios locales. Presentación del proyecto a desarrollar. 1711

Евразия и Латинская Америка: партнерство глобального Юга или постгегемоническое вовлечение? 1723*Ariel Gonzalez Levaggi*

Looking for a Strategic Concept Eurasia and Latin America in the XXIth Century

Buscando un concepto estratégico Eurasia y América Latina en el siglo XXI. 1723

Carlos Humberto Cascante Segura

Costa Rica y Rusia: encuentros y desencuentros de una relación inacabada (1970–2016)

Costa Rica and Russia: encounters and disagreements of an unfinished relationship

(1970–2016) 1732

Sergio I. Moya Mena

- La política exterior de Irán hacia América Latina durante la presidencia del presidente Hassan Rouhani (2013–2016)
Iran's foreign policy towards Latin America during the presidency of President Hassan Rouhani (2013–2016) 1743

Sergio G. Eissa

- Relaciones militares de China, India y Rusia con América Latina: ¿peligros u oportunidades para la región?
Military relations of China, India and Russia with Latin America: dangers or opportunities for the region? 1752

Dr. Paulo Botta

- La ausencia en el siglo XXI del aspecto político de la identidad hispanoparlante en Iberoamérica
The absence in the 21st century of the political aspect of the Spanish-speaking identity in Ibero-America 1785

Идентичность и права человека. Латиноамериканские проблемы в глобальном ракурсе 1791

A. B. Борейко

- Теория и практика кубинского концепта прав человека на примере Боливарианского альянса
Theory and practice of the Cuban concept of human rights based on the example of the Bolivarian Alliance 1791

T. A. Медведева

- Экологические права человека: латиноамериканские подходы
Ecological human rights: Latin American approaches. 1801

Я. Г. Шемякин

- Современная латиноамериканская общественная мысль о проблеме прав человека: основные тенденции
Modern Latin American public opinion on the problem of human rights: the main trends. 1811

Испания и Россия/СССР: диалог, взаимодействие, взаимовлияние 1826

E. O. Гранцева

- СССР и Испания: двусторонние связи и внешняя культурная политика
The USSR and Spain: Bilateral Relations and Foreign Cultural Policy 1826

Жозеп Пучсек Фаррас

- Октябрьская революция как образец для подражания в контексте Гражданской войны в Испании
October Revolution as a role model in the context of the civil war in Spain 1837

A. A. Королева

- Соотношение мифологического и рационального начал в протестной культуре на примере России и Испании
Ratio of mythological and rational principles in protest culture on the example of Russia and Spain 1846

V. И. Фокин

Международная ассоциация писателей в защиту культуры и гражданская война в Испании

International Writers Association for the Protection of Culture and the Civil War in Spain 1852

Г. А. Филатов

Роль Коммунистической партии Испании (КПИ) в отношениях между Москвой и Мадридом

The role of the Communist Party of Spain (CPI) in relations between Moscow and Madrid . . . 1861

Magdalena Garrido Caballero

Las relaciones hispano-soviéticas contemporáneas: la acción diplomática y el papel de los agentes sociales

Contemporary Hispano-Soviet relations: diplomatic action and the role of social agents 1870

Carles Santacana

El modelo de la URSS en los intelectuales antifranquistas españoles

The model of the USSR in Spanish anti-Franco intellectuals. 1882

Teresa Abelló Güell

La Revolución Rusa en el sindicalismo español:

miradas y reacciones 1893

The Russian Revolution in Spanish trade unionism:

looks and reactions. 1893

Коренные народы

в эпоху глобального мира.

Проекты и вызовы 1904

Celina Peña Guzman

De la identidad lingüística a la protección de los pueblos indígenas el caso de la defensa de la Madre Tierra por parte de los pueblos de la Sierra Norte contra los denominados “Proyectos de Muerte”

From linguistic identity to the protection of indigenous peoples, the case of the defense of Mother Earth by the peoples of the Sierra Norte against the so-called “Projects of Death” 1904

Irina Rógova

El Buen Vivir: Búsqueda de alternativas indígena y sus críticas

El Buen Vivir: Search for indigenous alternatives and their criticisms. 1913

Л. Л. Попова

Движение сапатистов в Мексике: генезис и эволюция

The Zapatista Movement in Mexico: Genesis and Evolution 1925

Antonio Cruz Coutiño, Sophia Pincemin Deliberos

Mitología maya contemporánea. Avances de una compilación en proceso

Contemporary Mayan mythology. Advances of a compilation in process. 1933

Латинская Америка

и русская революция: пересечения и расхождения 1942

Mauricio Archila

Las izquierdas colombianas y la Revolución Rusa en el (corto) siglo XX

The Colombian lefts and the Russian Revolution in the (short) twentieth century 1942

Martín Baña

- El impacto de la Revolución rusa en la cultura argentina. El caso de la música de tradición escrita
The impact of the Russian Revolution on Argentine culture. The case of the music of written tradition1970

Iamara Silva Andrade

- Ecoss da Revoluç o Russa en la prensa brasileira (1917–1922)
Echoes of the Russian Revolution in the Brazilian press (1917–1922)1976

Hern n Camarero

-  Revoluci n social o golpe maximalista? Las izquierdas argentinas y el Octubre ruso de 1917
Social revolution or maximalist coup? The Argentine left and the Russian October of 1917.1989

Manuel Loyola

- Diario El Siglo: autoimagen y rol entre 1940–1973
El Siglo newspaper: self-image and role between 1940–1973 2009

Bernhard H. Bayerlein

- Addis Ababa y Rio de Janeiro en 1935: El Anticolonialismo y el Antifascismo del Movimiento Comunista en la Encrucijada
Addis Ababa and Rio de Janeiro in 1935: The Anticolonialism and the Antifascism of the Communist Movement at the Crossroads2019

Alicia Dujovne Ortiz

- El Bur  Sudamericano de la Internacional Sindical Roja en Montevideo2031
The South American Bureau of the Red Trade Union International in Montevideo2031

C. M. Розенталь

-  хо русской революции в Латинской Америке
(по документальным материалам архива Коминтерна)2037
Echo of the Russian Revolution in Latin America
(according to the documentary materials of the Comintern archive)2037

Щелчков А. А.

- Диссиденты и нонконформисты в коммунистическом движении в Латинской Америке в 20–30-е годы XX века
Dissidents and nonconformists in the communist movement in Latin America in the 20–30s of the XX-th century 2048

Caridad Mass n Sena

- La Revoluci n de Octubre en el imaginario de los cubanos (1917–1930)
The October Revolution in the imagination of Cubans (1917–1930) 2058

Irving Reynoso Jaime

- Repensando el “giro a la izquierda” de la Comintern en el movimiento comunista mexicano, 1928–1929
Rethinking the “turn to the left” of the Comintern in the Mexican communist movement, 1928–1929. 2076

Daniel Kersfeld

- La Asociaci n de Amigos de Rusia como pol tica de acercamiento de la Uni n Sovi tica a Am rica Latina
The Association of Friends of Russia as a policy of rapprochement of the Soviet Union to Latin America 2092

<i>César Augusto Ayala Diago</i>	
Representaciones de la Revolución de octubre en la intelectualidad Colombia 1917–1924	
Representations of the October Revolution in the Colombian intelligentsia 1917–1924	2109
<i>Nerina Visacovsky</i>	
Argentinos, judíos y camaradas: una historia icufista	
Argentines, Jews and comrades: an icufista history	2132
<i>Elba Pérez Villalba y Juan de la Fuente Hernández</i>	
Los comunistas mexicanos y su relación con la organización del movimiento campesino, 1929–1964	
The Mexican Communists and their relationship with the organization of the peasant movement, 1929–1964	2147
<i>Luciano Concheiro Bórquez</i>	
Agrarismo Rojo en México, la Revolución de octubre y la Internacional Campesina	
Agrarismo Rojo in Mexico, the October Revolution and the Peasant International	2154
Латинская Америка на мировом рынке продовольствия	
Latin America on the World Food Market	2165
<i>A. В. Щербакова</i>	
Торговля продовольствием между Россией и Латинской Америкой после украинского кризиса	
Trade in food between Russia and Latin America after the Ukrainian crisis	2165
<i>В. Л. Семенов</i>	
Особенности экономической экспансии Китая в Латинскую Америку	
Features of China’s economic expansion into Latin America	2174
Меняющаяся Куба: экономические реформы, политическая модель и международные отношения.	2184
<i>Д. Р. Султанов</i>	
Эволюция общеевропейской политики по отношению к Кубе от «общей позиции» 1996 года к реакции ЕС на нормализацию отношений Куба — США (2014–2016 гг.)	
Evolution of the all-European policy towards Cuba from the “common position” of 1996 to the EU’s response to the normalization of relations between Cuba and the United States (2014–2016)	2184
<i>A. С. Шишков</i>	
Перспективы развития отношений между Кубой и США в эпоху Д. Трампа	
Prospects for the development of relations between Cuba and the United States in the era of D. Trump	2193
<i>Pablo Yankelevich</i>	
México Revolucionario. Redes Intelectuales Y Debates Políticos En América Latina	
Revolutionary Mexico. Intellectual Networks And Political Debates In Latin America	2201
<i>Pablo Baisotti</i>	
Política y religión en Argentina (1966–1976)	
Politics and religion in Argentina (1966–1976)	2220
Оборона и безопасность в Южной Америке в эпоху пост-глобализма	2233
<i>Dr. Héctor Luis Saint-Pierre, Mg. Diego Lopes</i>	
Desenvolvimento tecnológico e autonomia estratégica: reflexões desde o Sul	
Technological development and strategic autonomy: reflections from the South.	2233

Ernesto López

- Cuestion Malvinas, Atlantico Sur y problemática de Seguridad internacional en curso
 Malvinas, Atlantico Sur and problematic issues International security in progress 2243

José Manuel Ugarte.

- Política de defensa y relaciones civiles-militares en Argentina, en el contexto regional:
 Normas y organización coherentes, progresos en relaciones civiles— militares,
 pobres resultados en materia de defensa. Un análisis que incluye comparación con otros
 casos regionales
 Defense policy and civil-military relations in Argentina, in the regional context:
 Consistent norms and organization, progress in civil-military relations, poor defense results.
 An analysis that includes comparison with other regional cases 2257

**Публичная дипломатия и Иberoамерика: культурные связи, академические обмены
 и пропаганда 2268**

Н. А. Цветкова

- Истоки публичной дипломатии: США и Латинская Америка в 1930-е гг.
 The origins of public diplomacy: the United States and Latin America in the 1930s. 2268

Ramsés Sánchez Herrera

- Marca País de México: retos a través de una estrategia digital
 Mexico Country Brand: challenges through a digital strategy 2278

А. Н. Сытник

- Публичная дипломатия США на Кубе в период администрации Б. Обамы:
 молодежь и социальные сети
 US Public Diplomacy in Cuba during the Obama Administration: Youth
 and Social Networks 2288

Актуальные проблемы антропологии и этнографии в Латинской Америке 2298

Л. М. Дмитренко

- Коллекции МАЭ (Кунсткамера) РАН в свете культурного обмена между Россией
 и Аргентиной в начале XX века
 Collections of the MAE (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences in the light
 of cultural exchange between Russia and Argentina in the n. XX century. 2298

О. А. Сапрыкина

- Описание Бразилии в португальских письменных памятниках XVI века
 Description of Brazil in the Portuguese written monuments of the XVI century 2310

О. В. Кондакова

- Императрица Екатерина Великая и первая мексиканская коллекция МАЭ РАН
 The Empress Catherine the Great and the first Mexican collection
 of the MAE of the RAS 2319

А. А. Матусовский

- Индейцы Амазонии и Оринокии — юзеры Всемирной сети
 The Indians of the Amazon and Orinocia as users of the worldwide network 2326

Е. С. Соболева

- «Бразильский дневник» (1914–1915) Генриха Манизера: опыт издания
 спустя 100 лет
 Henry Manizer's «The Brazilian Diary» (1914–1915): experience of the publication
 after 100 years. 2334

В. В. Федюшин

- Саморепрезентация знати майя колониального периода в исторических хрониках династии Печ
Self-representation of the Maya nobles of the colonial period in the historical chronicles of the Pech dynasty 2343

*Н. К. Белобородов**

- Имперсонация в царских ритуальных практиках у древних майя
La personificación en las prácticas rituales de los reyes de los mayas antiguos 2352

Gabriel Cordero Huertas

- Escisión, formación de conciencias y constructivismo en relación al proselitismo neoliberal. Perspectiva y conclusiones de 10 años de trabajo como antropólogo en Iberoamérica y con el ejemplo paradigmático de Cuba
Excision, conscience formation and constructivism in relation to neoliberal proselytism. Perspective and conclusions of 10 years of work as an anthropologist in Ibero-America and with the paradigmatic example of Cuba. 2362

Н. С. Найденова

- Испаноязычная литература Экваториальной Гвинеи: latinidad Africana
Hispanic Literature of Equatorial Guinea: African Latinity 2371

М. Е. Кабицкий

- Контакты и взаимные влияния в истории португальской и бразильской этнографии и антропологии
Contacts and mutual influences in the history of Portuguese and Brazilian ethnography and anthropology 2381

Культурная идентичность Иberoамерики

в эпоху глобализации 2388

Н. С. Константинова

- Теоретические аспекты проблемы культурной идентичности в XXI веке
Theoretical aspects of the problem of cultural identity in the 21st century 2388

Н. А. Шелешнева-Солодовникова

- Архитектура Испании и России XX века: параллели, взаимовлияния, сотрудничество
Architecture of Spain and Russia of the xx century: parallels, mutations, cooperation 2398

В. А. Кузнецова

- Идеология потребления в современном бразильском обществе (культурологический ракурс)
Ideology of consumption in modern Brazilian society (culturological foreshortening) 2406

Е. В. Астахова

- Познание национального образа — ключ к успешной межкультурной коммуникации. Испания как метафора
Knowledge of the national image — the key to successful intercultural communication. Spain as a metaphor. 2415

Латиноамериканская региональная интеграция и демократия 2425

Dra. Susana Mallo

- La protesta contrahegemónica en America Latina
The counterhegemonic protest in Latin America. 2425

Rosario Radakovich y Maria Julia Carvalho

- Políticas audiovisuales en América Latina: nuevas iniciativas de exhibición y circulación de contenidos latinoamericanos en el MERCOSUR
 Audiovisual policies in Latin America: new initiatives for the exhibition and circulation of Latin American contents in MERCOSUR. 2452

Miguel Serna

- Hacia donde va la integración Regional del Sur: el Mercosur 25 años después
 Where the Regional Integration of the South is going: the Mercosur 25 years later 2465

Латинская Америка: реализованные и нереализованные социальные проекты. 2479

А.Н Пятаков

- «Боливарианский альянс» в условиях геополитической турбулентности Латинской Америки
 “Bolivarian alliance” in the context of geopolitical turbulence in Latin America 2479

Кошель Владимир Андреевич, Хиакман Сергей Уаскарович

- Специфика PR-технологий в избирательной кампании Эво Моралеса на пост президента Боливии
 The specificity of PR-technology in the electoral campaign of Evo Morales for the post of President of Bolivia 2489

Медиапрактики Иberoамерики в условиях глобализации и информационного пространства 2496

Г. С. Филаткина

- Президентские выборы в Латинской Америке: роль национальных массмедиа в избирательных процессах в 2006–2017 гг.
 Presidential elections in Latin America: the role of the national mass media in the electoral processes in 2006–2017 2496

А. А. Паусова

- Медиарынок Испании в начале XXI века: проблемы и национальные особенности
 Spanish Media Market at the Beginning of the 21st Century: Problems and National Features 2507

В. В. Декалов

- Трансформация политики в условиях коммуникативного капитализма: Интернет и «движение за независимость Каталонии»
 Transformation of politics in the context of communicative capitalism: the Internet and the “movement for the independence of Catalonia” 2511

Молодежная секция 2520

В. А. Голиней

- Аспекты геополитической идентичности в Латинской Америке
 Aspects of geopolitical identity in Latin America 2520

С. В. Квардаков

- Современная латиноамериканская политика Канады: выводы для России
 Modern Latin American policy of Canada: conclusions for Russia 2530

Н. А. Кузина

- Восприятие каталонского модерна в отечественном искусствознании
 Perception of the Catalan Art Nouveau in the national art history 2535

<i>Кириллов Сергей Михайлович</i>	
Бразилия — форпост «Одного пояса, одного пути» в Латинской Америке	
Brazil — the outpost of the “One Belt, One Road” in Latin America	2544
<i>Е. А. Иванчикова, А. Б. Иванчиков</i>	
Экономические факторы влияния на качество образования в Аргентине	
Economic factors affecting the quality of education	
in Argentina	2551
<i>К. А. Коновалова</i>	
О значении Парагвая для актуальной российской внешнеполитической стратегии	
в отношении Латинской Америки	
On the Importance of Paraguay for the Current Russian Foreign Policy Strategy	
for Latin America	2559
<i>О. Р. Сыртланова</i>	
Villas de emergencia: история возникновения трущоб в Буэнос-Айресе и стигматизация	
их жителей	
Villas de emergencia: the history of the slums in Buenos Aires and the stigmatization	
of their inhabitants	2567
<i>М. И. Нехамес</i>	
Проблема прав человека на протяжении кризиса в Венесуэле	
The problem of human rights during the crisis in Venezuela	2576
Психологическая война в современном мире и в Латинской Америке	2582
<i>М. С. Глебов</i>	
Роль публичной дипломатии Германии в условиях политического противостояния	
в Венесуэле	
The role of Germany’s public diplomacy in the context of political confrontation	
in Venezuela	2582
Темы и акторы в перестройке геополитического пространства Североамериканского региона:	
последствия для Мексики и Латинской Америки	2591
<i>Eleazar Pérez Sánchez</i>	
Impactos del TLCAN en la agricultura mexicana	
Impacts of NAFTA on Mexican agriculture	2591
<i>Ariadna Hernández Rivera</i>	
Negociaciones del TLCAN: Implicaciones financieras para la sociedad mexicana	
NAFTA Negotiations: Financial Implications for Mexican Society	2598
<i>Julio César Silva Vázquez</i>	
Los flujos migratorios en el contexto del TLCAN: Implicaciones económicas y sociales	
Migratory flows in the context of NAFTA: Economic and social implications.	2607
Страны Иberoамерики в ООН и других международных структурах	2616
<i>К. Е. Голодова</i>	
Интеграционная модель Боливарианского альянса (ALBA): особенности	
и перспективы	
Integration model of the Bolivarian Alliance (ALBA): features and perspectives	2616
<i>Peterson NNAJIOFOR</i>	
ISDS/ICS clause in FTAs: facilitating commerce or undermining democracy?	
Cláusula ISDS / ICS en los TLC: ¿facilitar el comercio o socavar la democracia?	2620

<i>Ю. К. Богуславская</i>	
США и Испания в НАТО в эпоху президентства Дональда Трампа	
USA and Spain in NATO in the era of Donald Trump's presidency	2643
Эсперанто как мост между Россией и Латинской Америкой	2652
<i>Д. А. Шевченко</i>	
Язык эсперанто как средство равноправной коммуникации в сети Интернет	
в условиях глобализации	
The language of Esperanto as a means of equal communication on the Internet in the context	
of globalization	2652
<i>А. О. Стриганова</i>	
Опыт преподавания языка эсперанто на филологическом факультете	
Российского университета дружбы народов и Universidade Federal do Ceará	
(Бразилия)	
Experience teaching the language of Esperanto at the Faculty of Philology of the Russian	
University of Friendship of Peoples and Federal University of Ceara	2659
<i>М. К. Чертилов</i>	
БРИКС: Великие культуры и их потребности в коммуникации	
BRICS: Great cultures and their communication needs	2664
Размышляя о Парагвае	2680
<i>Luis A. Fretes Carreras</i>	
El conservadurismo en el Paraguay pos-dictadura	
Conservatism in post-dictatorship Paraguay	2680

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

PLENARY SESSION

Сопредседатель Оргкомитета, профессор СПбГУ В.Л. Хейфец:

Уважаемые дамы и господа! Мы рады вас приветствовать в актовом зале факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета на Третьем международном форуме «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность».

Для торжественного открытия форума предоставляем слово заместителю ректора по международной деятельности *Сергею Владимировичу Андриюшину*.

Выступление заместителя ректора по международной деятельности С.В. Андриюшина

Speech of the SPbU Deputy Rector for Foreign Affairs S.V.Andrushin

Добрый день, уважаемые коллеги, гости Санкт-Петербургского университета! Позвольте от имени ректора СПбГУ Николая Михайловича Кропачева поприветствовать вас на открытии международного форума «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность», который уже традиционно проводится в Санкт-Петербурге.

Наш город рассматривался его основателем как «окно в Европу», и символично, что первый форум по латиноамериканской проблематике, прошедший в 2003 г., так и назывался «Санкт-Петербург — окно в Иberoамерику». Отрадно, что со временем это окно не захлопнулось, а наоборот, открылось шире для новых взглядов, новых контактов и идей.

«Северная столица» России превратилась в площадку для научного и общественного обсуждения наиболее острых вопросов, в том числе научных проблем. Она стала центром общественных инициатив, местом культурного обмена. Я горжусь, что Санкт-Петербургский государственный

университет вносит свой вклад в поддержку подобного имиджа нашего города.

Именно СПбГУ выступил в качестве инициатора проведения традиционных форумов «Российско-германский диалог» и «Диалог Россия — Корея», где наряду с лидерами общественного мнения и учеными своими мыслями могут поделиться первые лица города, страны, а также молодые ученые, начинающие свой путь.

Название нынешнего форума «Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность» мне кажется очень актуальным. Развитие государств и народов невозможно без понимания истории. Именно поэтому требует научного анализа история России и стран Ибероамерики, необходимо исследование основных тенденций мирового развития, влияния технологий на политические и социально-экономические процессы в наших странах.

Безусловно, открывающийся сегодня форум — прекрасная площадка для обмена экспертными мнениями, площадка для взвешенного научного анализа актуальных проблем. Состав и программа мероприятия подтверждают высокий интерес к нему со стороны российского и латиноамериканского общества. Нынешний форум превзошел предыдущие как по числу участников, так и по количеству запланированных мероприятий.

Ключевыми темами форума станут вопросы о примирении в регионе, политическое и экономическое взаимодействие между Россией и странами региона, место нашей страны и стран Латинской Америки в новом мировом порядке.

Искренне надеюсь, что все участники форума смогут приобщиться в полной мере к уникальной научной среде нашего города и нашего университета.

Желаю всем вам успешной работы!

В.Л. Хейфец (СПбГУ): В адрес форума поступило несколько приветственных обращений. Первое обращение — от *президента ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН академика А.А. Дынкина.*

**Текст приветствия в адрес форума от президента
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН академика А.А. Дынкина**

**Greetings to the Forum from the President of the Evgeni Primakov
National Research Institute of World Economy and International
Relations (IMEMO), the academician A.A. Dynkin**

Уважаемые коллеги!

Позвольте от имени Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН горячо приветствовать петербургский форум отечественных и зарубежных латиноамериканистов, который уже обрел традицию масштабного и глубокого обсуждения актуальной проблематики стран Латинской Америки, Карибского бассейна и Иберийского полуострова.

Все больше ощущается внимание к Латинской Америке в общемировых процессах, страны региона оказывают все более заметное влияние на поиск международным сообществом необходимых решений мировых проблем.

Мы ждем от участников вашего форума, отечественных и зарубежных латиноамериканистов, свежих идей и выверенных выводов в области регионоведческих и страновых исследований.

Желаю участникам форума плодотворной работы, интересных дискуссий и творческих открытий.

Другое обращение поступило из Буэнос-Айреса от *председателя Регионального координационного совета экономических и социальных исследований* *Андреса Сербина*.

Текст приветствия в адрес форума от председателя Регионального координационного совета экономических и социальных исследований д-ра Андреса Сербина

**Greeting to the Forum from the President of the The Regional Economic and Social Research Coordinating Association (CRIES),
Dr. Andres Serbin**

De mi mayor consideración:

Tengo el agrado de dirigirme a usted en mi calidad de Presidente de la Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales (CRIES) con el objeto de hacerle llegar mi más sincero apoyo al III Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante”.

Es un honor para mí contribuir desde mi humilde experiencia con tan valiosa actividad internacional, dada la importancia de este tipo de eventos para la discusión y los estudios del tema de referencia; esperamos, desde nuestra Red, que este aporte represente la continuidad de una fructífera colaboración entre CRIES y la Universidad Estatal de San Petersburgo.

Sin otro particular, hago propicia la ocasión para expresarle las seguridades de mi más alta estima y saludarlo muy atentamente.

В.Л. Хейфец (СПбГУ): В адрес форума обратился *президент Российского исторического общества, глава Службы внешней разведки России Сергей Евгеньевич Нарышкин.*

Приветственное слово Директора Службы внешней разведки России, президента Российского исторического общества С.Е. Нарышкина участникам третьего международного форума «Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире»

Welcoming speech of the Director of the Foreign Intelligence Service of Russia, President of the Russian Historical Society, S.E. Naryshkin, to the participants of the III International Forum «Russia and Iberoamerica in a Globalizing World»

Приветствую организаторов, участников и гостей третьего международного форума «Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире»!

На наших глазах продолжается формирование новой многополярной системы международных отношений, важное место в которой принадлежит ибероамериканским государствам. Их роднит с Россией общий взгляд на приоритет ООН и других мировых институтов в глобальных международных отношениях.

В этой связи исследование актуальных процессов, повлиявших, безусловно, на расклад сил в мире, приобретает особое значение. В современных международных отношениях увеличивается политическая и экономическая роль «незападных» стран, некоторые из которых объединены в группу БРИКС. Крайне важно, что участники форума уделяют большое внимание анализу региональной и международной интеграции с учетом роли данной группы. Хорошее же понимание прошлого мира, исторических предпосылок и связей весьма необходимо сегодняшней молодежи, которая завтра будет принимать самостоятельные серьезные решения и нести за них ответственность. Крайне важным представляется рассмотрение на форуме проблем влияния революции в России на страны Латинской Америки и Европы и взаимосвязи революционных движений наших стран, их отражение в современных политических процессах.

Уверен, что ваш форум будет способствовать такому пониманию, а открытая заинтересованная дискуссия послужит укреплению экономических, политических и культурных связей России с государствами Ибероамерики.

Желаю участникам форума успешной работы!

В.Л. Хейфец (СПбГУ): К участникам форума поступили также два видеообращения. Первое из них — речь *доктора Владимира Рувинского* (университет ICESI, г. Кали, Колумбия), который, увы, не смог присутствовать на форуме из-за забастовки сотрудников авиакомпании Avianca.

Приветственное слово в адрес форума д-ра Владимира Рувинского (Университет ICESI)

Welcoming address to the Forum of Dr. Vladimir Rouvinsky (ICESI University)

¡Estimados participantes del Tercer Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante: historia y perspectivas”! En nombre de la Universidad ICESI, uno de los coorganizadores del Foro, me gustaría compartir algunas palabras con los y las participantes de este importante congreso. Desafortunadamente, debido a la huelga de los pilotos de aerolínea “Colombia Avianca” no puedo estar personalmente con Ustedes, pero considero que es necesario destacar en primer lugar el compromiso que tenemos nosotros en Colombia en cuanto a la colaboración de nuestras Universidades con las instituciones académicas rusas. Aparte de los convenios que están firmados entre gobierno de Colombia y Rusia en la materia de cooperación científica y académica, son los proyectos de la investigación que se realizan en conjunto los investigadores de ambos países, intercambios de los estudiantes y participación de nuestros investigadores en los eventos que organizan las universidades en Rusia y en América Latina que realmente constituyen un nuevo etapa en la colaboración académica.

Hoy día no cabe duda en que Rusia está de vuelta a América Latina. El regreso de Rusia se manifiesta no solamente en el aumento de los vínculos comerciales, las visitas de los jefes de los estados y otras actividades similares, pero el regreso ruso es el reconocimiento por parte de las sociedades latinoamericanas del rol que puede jugar nueva Rusia post-soviética en la construcción de nuevo orden mundial. Se trata del orden multipolar donde Rusia y los países latinoamericanos pueden lograr construir nuevos vínculos de cooperación en arena internacional. Los vínculos que necesariamente deben incluir los contactos entre investigadores de universidades u otros centros de investigación a pesar de la distancias geográficas que nos separan. En este sentido me gustaría felicitar a los organizadores del Tercer Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante: historia y perspectivas” por su gran esfuerzo de convertir la Universidad Estatal de San Petersburgo al uno de los centros mas reconocidos en Europa en temas de investigación y divulgación de los resultados de investigación sobre los temas relevantes a América Latina. Pienso que

todos nosotros podemos estar de acuerdo que el programa del congreso en este año muestra el crecimiento impresionante en términos de la diversidad geográfica y temática de las ponencias que se van a presentarse durante el Foro.

Quiero notar el gran número de los participantes colombianos muy conocidos participarán en los debates académicos durante el congreso y presentarán los avances de sus investigaciones. Para mi es una clara evidencia de que San Petersburgo y su Centro de investigaciones iberoamericanas han convertido en unos referentes más sobresalientes en el campo de estudios latinoamericanos. No puedo terminar sin mencionar el hecho de que el Tercer Foro Internacional tiene lugar durante el año muy particular, el año cuando se cumplen cien años después de la Revolución Rusa. El aniversario del evento tan fundamental y tan transformador como la Revolución de 1917 para todo el mundo, pero sobre todo para América Latina, nos ofrece la posibilidad de volver a discutir los temas trascendentales para las sociedades latinoamericanas.

¡Les deseo a todos los participantes del Foro mucho éxito en su trabajo en este evento!

В.Л. Хейфец (СПбГУ): Еще одно видео поступило от *чилийского политического деятеля Марко Энрикеса-Оминами*.

Приветственное слово в адрес форума чилийского политического деятеля Марко Энрикеса-Оминами

**Welcoming address to the Forum of Chilean politician
Marco Henríquez-Ominami**

¡Buenos días!

Hace 2 años fuí al Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante” con los líderes sociales, sindicales, con los políticos y quiero hacer la reflexión. Ahora en su nuevo foro no voy a estar, pero quiero decir que durante el Foro pasado aprendí mucho de los debates en este evento de alto nivel académico de abrir un poco las fronteras de lo posible, de pensar de otra manera sobre Rusia y sobre Iberoamérica. En América Latina tenemos muchos desafíos sociales, económicos y políticos, y ahora Rusia no puede ser nuestro socio comercial, pero es un actor geopolítico importante en Latinoamérica que puede ayudar a nuestra región a resolver problemas de pobreza, narcotráfico, de corrupción, la deuda pública. Pero Latinoamérica es muy distinta y claro que durante últimos años teníamos éxitos en resolución de nuestros problemas. Deseo a los participantes del Foro, a los y las organizadores del Foro un gran éxito. Ahora estoy preparandome a las elecciones en Chile y espero que como el Presidente de Chile puedo saludar la enorme iniciativa de Rusia, de la Universidad Estatal de San Petersburgo y de distintas instituciones. ¡Gran abrazo de Marco Enríquez Ominami!

В.Л. Хейфец (СПбГУ): Para nosotros es un gran honor de haber despertado cierto interés entre los colegas académicos de América Latina y también es un honor y placer para la Universidad de tener aquí a los representantes de la élite política y de diferentes partidos y grupos, los ex-presidentes de varios países. Quisiera invitar a dar palabras de bienvenida a los participantes del Tercer Foro Internacional *al Secretario General de UNASUR (2014–2017) y presidente de Colombia (1994–1998), Dr. Ernesto Samper Pizano.*

Discurso de Dr. Ernesto Samper Pizano (Secretario General de UNASUR, 2014–2017, Presidente de Colombia, 1994–1998)

Speech of the Dr. Ernesto Samper Pizano (Secretary General of UNASUR, 2014-2017, President of Colombia, 1994-1998)

¡Un saludo muy cordial al Rector de la Universidad de San Petersburgo, Doctor Nikolai M. Kropachev, a los copresidentes del Comité Organizador, a los Doctores Lazar y Víctor JEIFETS, al Doctor Vladimir Davydov, a Señora Dilma Rousseff, a Señor Pablo Gentli, a los Doctores Manuel Alcántara Saez y José Antonio Ocampo, a todos invitados!

América Latina sigue siendo el continente del futuro, no del pasado. Siguiendo la afirmación de Hegel que Europa es más historia que geografía, podemos decir que América Latina es más geografía que historia.

Tenemos tres fortalezas para mostrar ante el mundo:

La primera es que seguimos siendo la región de paz. En el medio del mundo hay guerras étnicas, nacionalismos, y conflictos propios de la guerra fría. América Latina parece el continente de paz. Es continente libre de arma nucleares, sin confrontaciones étnicas, con dificultades, por supuesto, de tipo social, pero todas estas dificultades están siendo manejadas de una manera democrática. Hablando de paz quiero notar el hecho muy positivo — la pacificación en Colombia, cuando hemos terminado el último conflicto armado en el continente después de los cincuenta años de la lucha. Hemos firmado las condiciones de paz que van a permitirnos en futuro recurrir todas las suficiencias sin violencia pero con la resolución pacífica.

La segunda es que América Latina tiene una condición privilegiada en materia de los recursos estratégicos. Tenemos el 20 por ciento de reservas de petróleo, 30 por ciento de posibilidades de hidroelectricidad, y esto da la posibilidad de diversificar la economía, cambiar nuestro sistema basado en la agricultura y en la exportación de recursos.

En tercer lugar tenemos una democracia. La región salió hace cuarenta años de autoritarismo que caracterizó como dictaduras militares como el forma del gobierno. Ahora celebramos más de ciento elecciones en toda la región, pero por supuesto esta

democracia está amenazada. Está amenazada en dos frentes. En primer lugar, por unos poderes fácticos que se tratan de actores políticos que son actores políticos sin presentación política. Son los grupos fiscales, algunos grupos internacionales, organizaciones sin fines de lucro, corporaciones transnacionales sobre cuales hemos hablado mucho tiempo con Presidenta Dilma Rousseff que tenía y tiene ahora las relaciones con este poder fáctico, con estos grupos de poder fáctico que hacen la democracia latinoamericana amenazada.

También estamos amenazados por el nivel de inclusión social que ha mencionado Señora Dilma Rousseff. Los últimos 15 años la región logró sacar mucha gente de la pobreza. El mayor desafío que tenemos hoy día es que 120 millones de habitantes regresan a la condición de pobreza absoluta que tenían hace 20 años. Todos estos desafíos, queridos amigos, muestran que tenemos fortalecer la integración regional y desde esta integración desarrollar las relaciones con Rusia que tienen una importancia estratégica. No solamente porque se cambia el sistema interamericano que nos gobernaba durante muchos años y que ahora está en crisis y no porque tenemos que reconstruir su propio sistema de integración latinoamericano, pero porque ahora se realiza el nuevo escenario político del mundo, el escenario multipolar.

¿Y a donde va América Latina? No podemos perder las relaciones con los Estados Unidos y con la Unión Europea, pero ahora tenemos que desarrollar las relaciones en el paradigma “Sur–Sur”. Hay que encontrar modelos como BRICS, los modelos que nos dan nuevas potencias para desarrollar las relaciones internacionales de nuestra región como la parte de “Sur” que tiene mucha dinámica hoy día. Aprovecho esta coyuntura histórica y la situación cuando estamos en este sitio histórico, el sede de la Revolución de Octubre de 1917 que influyó mucho a la región, espero que podemos hacer reflexión colectiva sobre el nuevo lugar de América Latina en el mundo contemporáneo y sobre las relaciones del mundo latinoamericano con Rusia que son muy importantes en el mundo multipolar.

Agradezco mucho a los organizadores por la invitación que me han hecho a participar en esta reflexión colectiva con optimismo que tenemos en el continente de futuro, en nuestra América Latina. ¡Muchas gracias!

В.Л. Хейфец (СПбГУ):

Форум для СПбГУ и наших коллег — это площадка для обмена мнениями. Сегодня здесь представители более 30 стран Латинской Америки, Карибского бассейна, Европы, в том числе Испании и Португалии. Мы считаем наш университет площадкой для неформального обмена мнениями вне зависимости от политических взглядов и позиций. Мы сознательно избрали подобный формат, потому что полагаем, что он привлечет максимальное количество ученых и экспертов. Однако наш форум был бы невозможен без поддержки МИД РФ, Фонда «Росконгресс», программы «Университеты» Банка Сантандер. Огромную помощь в организации форума в этом году оказали Фонд Егора Гайдара, Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Российский Фонд фундаментальных исследований. Мы хотим отметить постоянную поддержку Европейского совета по социальным исследованиям Латинской Америки, президент которого — доктор Юсси Паккасвирта — присутствует сегодня в зале. Мы получили важную помощь от Латиноамериканского совета социальных исследований и его исполнительного директора Пабло Джентили, который также находится здесь. Для нас большая честь, что сегодня здесь присутствует президент Ассоциации Латиноамериканских исследований доктор Альдо Панфичи Уаман. Нужно отметить и помощь Российской Ассоциации исследователей ибероамериканского мира и члена-корреспондента РАН Владимира Михайловича Давыдова, ее возглавляющего.

Как я уже говорил, сегодня здесь присутствуют ученые более чем из 30 стран. Их могло бы быть и больше, но катастрофические последствия воздушных и природных стихий помешали приехать многим ученым, желавшим посетить форум. Оргкомитет форума выражает свою солидарность с жертвами урагана и землетрясения на Кубе и в Мексике и надеется, что участники форума его поддержат.

Хочу предоставить слово *президенту Института Беринга-Беллинсгаузена для обеих Америк, заместителю директора телеканала «Россия» Сергею Борисовичу Брилеву:*

**Выступление президента Института Беринга-Беллинсгаузена
для обеих Америк С.Б. Брилева**

**Speech of the President of the Bering-Bellingshausen Institute for the
Americas, S.B. Brilev**

Уважаемые дамы и господа! Хочу подчеркнуть, что нахожусь здесь в своем параллельном качестве. Мы уже давно подружились с СПбГУ, и я

рад присутствовать на третьем международном форуме «Россия и Ибероамерика». Есть определенная магия чисел: третий международный форум и третья латиноамериканская сессия Петербургского экономического форума, которую мы провели в этом году. Это, безусловно, здорово, что бизнес и академические круги идут рука об руку. Среди тех, кто сидит сегодня в зале, находится со-основатель Института Беринга-Беллинсгаузена доктор Херардо Блейер. Это его первый визит в Россию, и это важный шаг для института. Но помимо общих слов я бы хотел потратить 2–3 минуты и порассуждать о том, что хотел бы услышать на форуме. Я сидел и ждал, когда же прозвучат слова про ядерное оружие, и они прозвучали в приветствии господина Сампера. Прозвучали в позитивном контексте того, что Латинская Америка — это регион, свободный от ядерного оружия. Но я бы хотел обратить ваше внимание на неожиданный поворот, произошедший на Генеральной ассамблее ООН, где был поднят вопрос о необходимости договора о полном запрещении ядерного оружия. Появление такого договора — это тревожный звонок, я бы сказал, что это эрозия коллективной ответственности стран-обладателей ядерного оружия. Конфликт России с Западом, безусловно, есть, он очевиден, печален, но в этом конфликте мы забываем о взгляде со стороны. Это тревожный звонок.

Мы встречаемся здесь в год столетия революции, в километре от Смольного, где располагался штаб революции, мы находимся в городе, который потерял более миллиона человек в годы Второй мировой войны. Какой стране, как не России, говорить об ответственности в Совете безопасности ООН, в клубе ядерных держав? Сейчас происходит расширение горизонтов сотрудничества. Возвращаясь к голосованию в ООН, хочу сказать, что наступает время ответственного взгляда на происходящее в мировой политике. Но никакой объективный взгляд невозможен без Латинской Америки, региона без ядерного оружия, который устал от жизни в разобращенном мире, от балансирования между полюсами и всего того, что происходит сейчас.

Как сказал полушутливо премьер-министр Гренады Кит Митчелл, «вы уж там сами разберитесь, а мы готовы дружить». Мне хочется надеяться, что на сессиях форума мы услышим экспертные оценки прошлого, настоящего и будущего России и Ибероамерики. Но надеюсь, что будет и философский взгляд. Нужно окинуть философским взглядом наши перспективы.

Желаю успехов участникам форума и хочу еще раз поблагодарить «Росконгресс», благодаря которому нынешний форум станет новым шажочком в симбиозе бизнеса, академического и политического сообщества.

В.Л. Хейфец (СПбГУ): К сожалению, по непредвиденным, но важным обстоятельствам (вы о них узнаете из новостей) не смог приехать директор Латиноамериканского департамента МИД РФ, но форум посетил *его первый заместитель, Александр Николаевич Хохоликов*, который поприветствует участников форума от лица департамента.

Приветственное слово А.Н.Хохоликова, заместителя директора Латиноамериканского департамента МИД Российской Федерации

Welcoming speech of the Deputy Director of the Latin American Department of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation, A.N. Khokholikov

Уважаемые участники и гости форума!

Прежде всего хотел бы выразить признательность за приглашение принять участие в столь представительной международной конференции. Складывается добрая традиция подобных мероприятий, отражающая растущий взаимный интерес академических и общественно-политических кругов России и стран ибероамериканского пространства к укреплению диалога и сотрудничества между нашими государствами.

Это особенно важно в условиях, когда система международных отношений претерпевает динамичную трансформацию. Движение в сторону полицентричности носит объективный и естественный характер, во многом представляет собой результат глобализации и связанного с ней перераспределения баланса сил на мировой арене.

Сегодня международную повестку дня невозможно представить без участия новых центров экономического и политического влияния, динамично развивающихся государств и региональных объединений, включая ибероамериканское сообщество, которое является важным связующим звеном между Европой и Латинской Америкой.

Руководство Министерства иностранных дел Российской Федерации придает большое значение вкладу российской академической общественности и ибероамериканского экспертного сообщества в прогнозирование ситуации в регионе и вокруг него, учитывает мнение ученых в своей повседневной работе.

Хотел бы воспользоваться возможностью, чтобы огласить приветственное послание от имени нашего министерства в адрес форума.

**Приветствие организаторам, участникам и гостям
III международного форума «Россия и Иberoамерика
в глобализирующемся мире: история и современность»**

**Greeting to the organizers, participants and guests
of the III International Forum «Russia and Iberoamerica
in the Globalizing World: History and Modernity»**

(г. Санкт-Петербург, 2–4 октября 2017 г.)

Министерство иностранных дел Российской Федерации приветствует организаторов, участников и гостей III международного форума «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность».

С удовлетворением констатируем, что форум становится представительной и востребованной площадкой для обсуждения насущных вопросов сотрудничества между Россией и государствами Иberoамерики. В нем неизменно участвуют известные политологи, представители научно-академических и деловых кругов, главы дипмиссий государств ЛАКБ, аккредитованные в нашей стране, а также молодые ученые и студенты, занимающиеся данной проблематикой. По сути, он отражает современную тенденцию более активного экспертного подключения гражданского общества к выработке задач государственной политики.

Латинская Америка — важное и самоценное направление внешней политики Российской Федерации. Выступаем за сильный, экономически устойчивый и политически сплоченный латиноамериканский регион, превращающийся в одну из опор формирующегося полицентричного мира. Нас объединяет совпадение взглядов по таким ключевым международным вопросам, как верховенство права, укрепление центральной роли ООН, уважение национального суверенитета, неприятие вмешательства во внутренние дела, непризнание силы в международных отношениях.

Исходя из этого, выстраиваем наше сотрудничество с регионом на взаимовыгодной и партнерской основе. В позитивном ключе развиваются политический диалог, торгово-экономические и инвестиционные связи, научно-техническое взаимодействие, гуманитарные и культурные контакты. Для поступательного движения вперед нам нужна хорошая экспертная подпитка.

В этой связи высоко ценим интеллектуальный вклад, который вносит ваш форум в осмысление современных процессов, протекающих в странах иberoамериканского сообщества. Открытый и профессиональ-

ный обмен мнениями, глубокие аналитические выкладки позволяют свежим взглядом посмотреть на текущую практическую работу на латиноамериканском направлении. Выводы и предложения, выработанные на предыдущих форумах, имели важное прикладное значение и учитывались в нашей повседневной деятельности. Уверены в том, что и нынешнее мероприятие даст богатую пищу для размышлений на тему дальнейшего углубления многопланового взаимодействия с нашими иberoамериканскими партнерами.

Желаем участникам и гостям форума интересного общения, плодотворных дискуссий, генерирования новых идей, которые бы позволили открыть широкие горизонты для дальнейшего наращивания сотрудничества на благо наших народов.

В дополнение к приветствию отмечу, что Латинская Америка и Карибский бассейн является для нас уникальным регионом. Это регион мира, где нет международных конфликтов. Это регион, приверженный международному праву. Это регион самобытных интеграционных процессов, развивающихся на основе критерия «единство в многообразии».

Конечно, там вряд ли решаются судьбы мира, не расквартированы военные альянсы и не берут начало крупные финансовые потоки. Тем не менее, он имеет 33 голоса в ООН, это район политической благожелательности, экономических возможностей, культурной близости, уважения к роли и месту России в современном мире.

Исторически у нас нет конфликтов с латиноамериканцами, мы не вовлечены в спорные аспекты их взаимоотношений. События последних лет показали, что Латинская Америка — наш важный внешнеполитический резерв. Она заинтересована в расширении сотрудничества с Россией и — при всех внутренних сложностях — обладает соответствующим потенциалом.

Полагаем, что Латинская Америка со своей уникальной политической философией может активнее привлекаться для поиска прорывных решений застаревших проблем. Не случайно Патриарх Кирилл назвал Гавану «правильным местом» для его встречи с Папой Римским Франциском.

Кстати, как известно, Куба внесла немалый вклад и в мирное урегулирование внутреннего вооруженного конфликта в Колумбии. Россия неизменно высказывалась в поддержку этого процесса, готова и дальше содействовать в удобной для колумбийского правительства форме переговорному процессу, а также оказывать любую другую необходимую помощь, в том числе и в вопросах постконфликтного строительства.

Вместе с тем было бы неверно думать, что у нас с латиноамериканцами нет расхождений. Среди них: их роль в качестве одной из движущих сил

радикального антиядерного движения со ссылкой на гуманитарные аспекты обладания ядерным оружием; инициатива нарколиберальных подходов, что проявилось в ходе спецсессии Генассамблеи ООН по мировой проблеме наркотиков; близкие к западным оценки в правочеловеческой сфере. Однако общий позитивный баланс сотрудничества с регионом для нас намного весомее.

С удовлетворением отмечаем положительную динамику политического диалога на различных уровнях, включая глав государств, министров иностранных дел, руководителей ведомств и парламентов. С рядом стран — Аргентиной, Бразилией, Венесуэлой, Кубой, Никарагуа, Перу и Эквадором — отношения носят стратегический характер.

Но разноплановые связи мы продвигаем со всеми государствами региона без исключения, особенно в условиях нынешних реалий, когда маятник политических интересов не просто качнулся к центру, но и «правее» его. Подобные тенденции развития региона ставят перед нами новую задачу: расширения контактов со всем спектром политических сил и гражданским обществом.

Наши связи со странами Латинской Америки и Карибского бассейна развиваются не только на двусторонней, но и на многосторонней основе. Приоритетом является взаимодействие с Сообществом латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК), с которым у России есть механизм политического диалога и сотрудничества. Первые итоги его работы были подведены на встрече министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова с расширенным «квartetом» СЕЛАК, состоявшейся в Нью-Йорке 20 сентября текущего года.

Вместе с тем сейчас в СЕЛАК отмечаются кризисные явления, разногласия на идеологической основе, есть недостаток лидерства. Аналогичные явления наблюдаются и в некоторых других латиноамериканских блоках. В последнее время одна из причин такого размежевания — «венесуэльский вопрос». Как представляется, все это требует тщательного анализа, в том числе в тесной увязке с политикой новой американской администрации в Западном полушарии.

Россия выступает инициатором развития сотрудничества латиноамериканских стран и их объединений с Евразийским экономическим союзом. На базе уже подписанных Евразийской экономической комиссией меморандумов с Перу и Чили состоялись первые предметные диалоги. Ведется согласование аналогичных документов с МЕРКОСУР, Андским сообществом и КАРИКОМ. В двустороннем формате — с Эквадором и рядом других стран.

Важнейшую задачу на латиноамериканском направлении видим в необходимости конвертации достигнутого высокого уровня политдиалога в практические проекты в области торгово-экономических связей. На

повестке дня остается потребность в диверсификации номенклатуры товарооборота с выходом за рамки традиционных схем, в расширении взаимодействия в высокотехнологичных областях, включая энергетику, машиностроение, мирный космос, биофармацевтику, телекоммуникации и IT-технологии. Эффективным инструментом для этого, помимо Межправкомиссий, может стать поощрение развития деловых контактов между предпринимателями наших стран.

В этой связи придаем большое значение активному участию латиноамериканских партнеров, включая представителей бизнес-кругов, в работе Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ), в ходе которого в последние четыре года проводится специальная региональная «латиноамериканская» секция.

Будем продолжать практическое взаимодействие с латиноамериканскими партнерами по проблематике новых вызовов и угроз как в их традиционном измерении (борьба с терроризмом, наркотрафиком, транснациональной оргпреступностью), так и по новым направлениям — обеспечению международной информационной безопасности, противодействию отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. При этом продолжим использование возможностей специализированных механизмов Организации американских государств — СИКТЕ и СИКАД, а также сотрудничества по линии МВД наших стран.

Важное место в работе с регионом намерены и впредь отводить образованию, культурно-гуманитарной сфере, распространению языков и духовных ценностей россиян и латиноамериканцев, активизации научно-технических связей и академических обменов.

Расширению контактов способствует режим взаимных безвизовых поездок, действующий в последние годы практически на территории всей Южной и большинства стран Центральной Америки, а также Карибского бассейна. Сейчас регион посещает более 200 тыс. российских туристов в год.

Это лишь неполный список основных направлений российско-латиноамериканского взаимодействия, которое мы планируем в меру возможностей расширять и углублять в соответствии с обновленной Концепцией внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом страны в конце прошлого года.

Что касается нынешнего форума, то, на наш взгляд, такая форма работы является хорошим подспорьем в достижении стоящих перед нами общих целей.

Большое спасибо за внимание!

В.Л. Хейфец (СПбГУ): Уважаемые участники форума, я с особым удовольствием передаю слово *научному руководителю Центра ибероамериканских исследований СПбГУ профессору Лазарю Соломоновичу Хейфецу.*

Доклад Л.С.Хейфеца, доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского университета, председателя Научного совета Центра ибероамериканских исследований СПбГУ

Report of L.S. Jeifets, Doctor of History, Professor of St. Petersburg University, the President of the Scientific Council of the Center for Ibero-American Studies of the St. Petersburg University

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: СТАРЫЕ МИФЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Сто лет Великой русской революции — серьезный повод поразмышлять о ее влиянии на Россию и мир.

При Советской власти пропаганда утверждала, что Октябрь открыл новую эру в истории человечества, а также противопоставляла Октябрь Февралю. Сегодня историческая наука говорит, что Февраль и Октябрь являлись этапами единого революционного процесса, одной Великой русской революции. Это дает основание для того, чтобы посмотреть на тогдашние драматические события, действительно изменившие судьбу нашей страны и серьезно повлиявшие на мир, в том числе на Латинскую Америку, под иным углом.

Для нас повод для таких размышлений дает еще и то, что наш форум собрался в комплексе зданий Смольного, где когда-то работал Всероссийский Центральный Исполнительный комитет Советов и где была провозглашена Советская власть. В двух кварталах отсюда располагается Таврический дворец, в котором было объявлено о создании Временного правительства и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, здание, в котором двоевластие функционировало на практике.

Для истории латиноамериканского коммунистического движения наш город знаковый. Можно сказать, что в Петрограде были закреплены прямые связи большевиков с мексиканским революционным движением, установленные первым генеральным консулом РСФСР в Мексике и представителем Коминтерна в Новом свете Михаилом Бородиным в 1919 г. В Таврическом дворце открылся Второй конгресс Коммунистического Интернационала, на котором символически в поток международного ком-

мунистического движения влилась латиноамериканская струя, тогда еще маленький ручей. На знаменитой фотографии Ленина в окружении большой группы участников конгресса за его спиной стоят основатели мексиканской коммунистической партии — индеец Манабендра Нат Рой (он же «Рой Аллен») и американец Чарльз Филипс (он же «Хесус Рамирес» и «Мануэль Гомес»). Долгое время эта фотография публиковалась в урезанном виде — только Ленин и Максим Горький, стоящие на ступенях дворца. Десятки других персонажей были вырезаны. И результат действий цензурных ножниц отражал состояние историографии международного коммунистического движения, из которой один за другим исчезали ключевые фигуры, меняя до неузнаваемости картину взаимоотношений между штаб-квартирой мировой революции и национальными секциями Третьего, Коммунистического, Интернационала.

Долгое время эта история была набором мифов и клише.

Марксистская традиция, доминировавшая в «официальной истории» компартий, настаивала на том, что левое движение в Латинской Америке базировалось на национальных традициях и на том, что мощный идейный импульс для его развития придала Великая Октябрьская социалистическая революция. Практически всегда, за редким исключением, отвергалась сама мысль об организационном влиянии, вмешательстве Коммунистического Интернационала и партии большевиков в революционный процесс на континенте. Причем игнорировалось то, что Коминтерн, как международная коммунистическая партия, не очень скрывал свое влияние на этот процесс, хотя и не открывал, естественно, всех тайн своей нелегальной работы. В значительной мере это было оправдано политической ситуацией во многих странах, где революционное движение подвергалось жесточайшим репрессиям и действовало в подполье. А исследование этих процессов в основном базировалось на опубликованных документах, прессе, воспоминаниях деятелей международного коммунистического движения. И, конечно, являлось односторонним и идеологически детерминированным.

Альтернативная тенденция, назовем ее условно антикоммунистической, была диаметрально противоположной. Как писал американский историк Роберт Александр в своей фундаментальной книге «Коммунизм в Латинской Америке», исследования этого направления в значительной мере основывались на «предположениях и догадках». Если у коммунистов говорили «исторические лидеры» партий, то здесь выступали их антиподы — люди, исключенные или вышедшие из партий, и озвученная ими информация была диаметрально противоположной. Характерны в этом плане, к примеру, работы западногерманского ученого Б. Голденберга. И здесь

главный тезис был предельно прост — коммунистические идеи внесены в Латинскую Америку извне, они результат деятельности так называемых агентов Коминтерна.

Попытки хоть как-то интегрировать идеи представителей этих тенденций, предпринятые венесуэльцем Мануэлем Кабальеро и американцем Джоном Даллесом, не сумели стать достаточно эффективными по простой причине — было невозможно оценить степень их достоверности. Долгие десятилетия был закрыт для исследователей архив Коминтерна. Многие же латиноамериканские левые партии утратили свои архивы из-за постоянных преследований властей и нелегальных условий функционирования. У исследователей не было возможности получить доступ и к правительственным и полицейским архивам. Из-за репрессий властей, внутренних конфликтов и «чисток» во многих латиноамериканских компартиях менялось руководство, нарушалась преемственность. Зачастую целые партии исчезали и появлялись вновь, с новыми лидерами, с новой историей, начинавшейся с чистого листа. По сути, создавались новые партии с прежними названиями. Они «забывали» свою историю, и необязательно в силу собственной злонамеренности. Как говорил шекспировский принц Гамлет: «Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить!»

Ситуация радикально изменилась после распада СССР, когда были открыты архивохранилища КПСС и Коминтерна, в которых некоторые партии хранили свои документы. И тогда появилась огромная масса исследований по истории отдельных партий Латинской Америки, их отношений с Москвой и III Интернационалом. Начало складываться новое направление в историографии, интегрировавшее в значительной мере идеи предыдущих антагонистов. Безусловно, одним из пионеров и важнейших представителей этой тенденции был ныне покойный немецкий историк Юрген Мотес.

И тогда в истории появилось много имен, ранее неизвестных, запрещенных к упоминанию. Изменились оценки, многие события обрели иной смысл. Фактически развеялись многие историографические мифы.

Позволю себе остановиться на некоторых из них.

Миф первый, во всяком случае, по хронологии: Компартия Аргентины — первая секция Коминтерна в Латинской Америке. Действительно, Интернациональная социалистическая партия Аргентины (*Partido Socialista Internacional de Argentina, PSIA*) была фактически первой компартией на континенте, созданной еще до создания Третьего Интернационала и пытавшейся играть роль континентального Интернационала, о чем го-

ворят ее название и ее действия по оказанию поддержки единомышленникам в соседних странах. Но Второй конгресс Коминтерна не принял PSIA в свои ряды, в первую очередь, из-за противодействия аргентинских лениных — радикальной русской эмиграции в этой стране. И только через год аргентинцы смогли убедить Москву в том, что только они являются выразителями интересов пролетариата своей страны и только они могут координировать действия коммунистов континента. То есть решить задачу, которую безуспешно пытались выполнить в 1919–1921 г. их мексиканские коллеги.

Но первой секцией Коминтерна в Латинской Америке, таким образом, стала компартия Мексики (*Partido Comunista de México, PCM*), представленная на Втором конгрессе, у истоков которой стоял эмиссар Коминтерна и первый генконсул Советской России в Мексике Михаил Бородин.

Миф второй: Коминтерн раздувал пожар мировой революции, всячески инспирируя вооруженные восстания по всему миру. Во-первых, следует отметить, что Третий Интернационал не был столь эффективной машиной, как казалось тогда и как об этом пишут многие авторы до сих пор. Во-вторых, Латинская Америка является примером того, как осторожно относились в Москве к инициативам вооруженных выступлений на континенте. Так, исполком Коминтерна решительно отверг план континентальной революции с центром в Перу Виктора Рауля Айя де ла Торре, «гарибальдийский» план Венесуэльской Революционной партии (*Partido Revolucionario Venezolano, PRV*), планировавшей вооруженную экспедицию против диктатуры Х.В. Гомеса, аналогичный план Хулио Антонио Мельи, направленный против режима Х. Мачадо, попытки революционных социалистов Колумбии создать союз с либералами для борьбы против власти. И главный довод был убийственно прост — без сильной пролетарской партии идти на вооруженное восстание нельзя, от этого выиграет только буржуазная оппозиция. То, что результатом такого выступления могло стать свержение диктатуры, в расчет практически не принималось.

И только восстание в Сальвадоре, хоть и потерпевшее поражение, заставило взглянуть на возможности коммунистов в вооруженной борьбе несколько по-иному. А августовская революция 1933 г. на Кубе, когда коммунисты, в общем-то неожиданно для самих себя, свергли Мачадо, но не смогли взять власть, которая буквально валялась на улице, показала, что добиваться успеха можно.

И это в значительной мере побудило Коминтерн к попытке соединить в Бразилии идею Народного фронта (Национально-освободительного альянса (*Aliança Nacional Libertadora, ANL*)) и вооруженного восстания. И хотя приказ был отдан в Москве, что до сих пор отрицают некоторые ав-

торы, эта идея — идея «Янаньского пути», которую считают идефикс руководителя латиноамериканского направления деятельности Коминтерна Георгия Скалова (Синани), не была только плодом неумной фантазии коминтерновских чиновников. Бразильские коммунисты настойчиво убеждали руководство Коминтерна в готовности своей страны к революции. Их доводы пали на благодатную почву. План был разработан, реализован, но восстание потерпело поражение.

Миф третий: Об изначальном противостоянии Коминтерна и Американского народно-революционного альянса (*Alianza Popular Revolucionaria Americana*, APRA). Документы показывают, что до основания (и даже после основания) APRA В.Р. Айя де ла Торре выступал как коммунист и рассматривался Коминтерном как важная потенциальная руководящая фигура для революционного движения Латинской Америки. Помимо некоторых идей Айя, которые стали основой идеологии апризма — неприемлемых для Коминтерна, но являвшихся предметом для дискуссии, этому препятствовала позиция сменившего Хосе Карлоса Мариатеги Эудосио Равинеса, яростно противостоявшего альянсу с APRA.

Миф четвертый: Агенты Коминтерна играли демоническую роль в коммунистическом движении Латинской Америки. Хотя их было не так мало и они действительно серьезно влияли на определение стратегии и тактики компартий, их всемогущество явно преувеличено. Более того, в «романтический» период деятельности Коминтерна (1920-е гг.) между делегатами III Интернационала, работавшими в одной стране, возникали серьезные противоречия, иногда антагонистические, как это было в Аргентине, где возникло противостояние между немцем Феликсом Вайлем и русским Михаилом Александровским, или в Мексике, где в серьезный конфликт вступили поляк Станислав Пестковский и швейцарец Эдгар Воог. Особую остроту в последнем случае придавал тот факт, что Пестковский совмещал в одном лице функции советского полпреда (посла) и представителя Коминтерна.

При этом следует отметить, что в Уставе III Интернационала был официально закреплен институт представителей Коминтерна и границы их полномочий. Конечно, на практике многое зависело от их характера и аппаратного веса в иерархии международной коммунистической партии.

И с этим связан миф пятый: О вмешательстве, или, наоборот, о невмешательстве советских дипломатов. Между Народным комиссариатом по иностранным делам и Коминтерном была тесная связь, но долго шел спор: могут ли дипломаты участвовать в делах компартий. Случай Станислава Пестковского — особый. Он действительно формально совмещал дипломатическую должность с функциями посланца Коминтерна. Это не было

тайной для руководства мексиканской компартии, и не только для нее. В Мехико хорошо знали, что представитель Коминтерна «товарищ Андрей» и полпред Пестковский — одно лицо. И его темперамент, его авторитет старого большевика, участника Октябрьской революции (это он руководил захватом почты и телеграфа в Петрограде, был заместителем Сталина в наркомате по делам национальностей) позволил ему ощущать себя некой надпартийной силой, имеющей моральное право на руководство местным коммунистическим движением. Но когда его сменила Александра Коллонтай, имевшая прямые инструкции Сталина — не вмешиваться в партийные дела, сотрудники полпредства, соратники Пестковского, продолжали действовать по-старому. И это противоречие было трудно устранить.

Миф шестой: О том, что Третий Интернационал был эффективным орудием мировой революции, которая щедро финансировалась Москвой. Пример Латинской Америки показывает, что это не совсем так. Если в первые годы существования Коминтерна миссии Бородина в Мексику и Александровского в Аргентину действительно имели солидную финансовую базу, то потом исполком Интернационала финансировал деятельность своих латиноамериканских секций по остаточному принципу, считая каждый рубль, не видя в континенте перспективного направления мировой революции. Приоритетом были Китай, Германия, Балканы... Немногочисленные финансовые документы, доступные в архиве Коминтерна, показывают, как были жестко регламентированы расходы партий, какие скрупулезные отчеты они представляли в Москву (о стоимости писем и телеграмм, расходах на бумагу и чернила и т.д.).

Миф седьмой: Об «исторических лидерах» партий, их основателях и об историческом пути. Долгое время своей историей партии не занимались, в силу разных обстоятельств, не всегда от них зависевших. Первое масштабное исследование, своеобразный аргентинский вариант «Краткого курса истории ВКП(б)» — «Очерк истории компартии Аргентины», появился к 30-летию создания PSIA. И был, естественно, написан в духе тогдашней марксистской историографии, формируя культ личности Викторико Кодовильи и его соратника Родольфо Гиольди и осуждая ренегатов и раскольников — Пенелона и других. Документы архива показывают, что в период кризиса в КПА (*Partido Comunista de Argentina, PCA*) 1926—1927 гг. Викторико Кодовилья был последовательным сторонником линии Пенелона, отстаивал ее в Москве и только в последний момент изменил свою позицию и превратился в защитника «марксистско-ленинской линии» и последовательного борца против оппортунистического «пенелонизма».

Эти мифы можно было бы перечислять и дальше, но мы ограничены временем.

В знаменитом монологе Сатина из пьесы Максима Горького «На дне» говорится: «Что такое — правда? Человек — вот правда!.. Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему... Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгут!.. Есть ложь утешительная, ложь примиряющая... ложь оправдывает ту тяжесть, которая раздавила руку рабочего... и обвиняет умирающих с голода... Я — знаю ложь! Кто слаб душой... и кто живет чужими соками, — тем ложь нужна... одних она поддерживает, другие — прикрываются ею... А кто — сам себе хозяин... кто независим и не жрет чужого — зачем тому ложь? *Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека!*» Для исторической науки эти слова должны быть непреложным законом. Пока мы не научимся находить правду, не научимся ее доносить до людей, мы не будем свободными. Путь к правде, путь к свободе очень непростой.

Одни партии пытались восстановить историческую истину сами, как это сделала Объединенная социалистическая партия Мексики (Partido Socialista Unificado de México, PSUM) — правопреемница РСМ, опубликовавшая в своей газете несколько документов и статей об основании РСМ и воспоминания ветеранов, а затем книгу своего генерального секретаря Арнольдо Мартинеса Вердуго об историческом пути партии, в том числе ее связях с Коминтерном.

Другие воспользовались документами архива Коминтерна (еще в период, когда они были закрыты для исследователей) для подкрепления своей позиции во внутрипартийной борьбе, к примеру, новое руководство Парагвайской компартии — в борьбе против бывшего генсека Оскара Крейдта. Третьи приняли исследования ученых, открывавшие историю партии в новом ракурсе. Так, недавно мы с моим соавтором, профессором Виктором Хейфецем, получили письмо от члена Политкомиссии компартии Эквадора. Смысл его был прост: «Спасибо! Мы этого не знали!» Лучшей рецензии на статью об основании КПЭ трудно себе представить. Четвертые, невзирая ни на что, игнорируют историческую правду, повторяя мантры прошлых лет. Ну и, наконец, пятые осторожно идут по пути восстановления исторической правды, но постоянно включают внутреннего цензора, оглядываясь на прошлые запреты и ограничения. Можно с уверенностью сказать, что сегодняшняя историография коммунистического движения Латинской Америки, возникшего в результате борьбы рабочего класса под влиянием идей и примера русской революции 1917 года и организационного и идейного воздействия Третьего, Коммунистического, Интернационала, разительно отличается от предыдущего периода и качественно, и количественно. Можно привести простой пример. В биографическом словаре Коминтерна Лазича и Драшковича, долгое время считавшемся эталоном, всего пара десятков справок о деятелях коммунистического движения континента или

связанных с ним работников Коминтерна. Словарь «Латинская Америка в орбите Коминтерна» в 2000 г. вышел объемом 200 страниц. Новое издание, готовящееся к печати при поддержке КЛАКСО, уже третье на испанском языке, превышает объем в 1000 страниц. Сотни новых биографий стали достоянием читателя, раскрыты сотни псевдонимов.

Но сколько сюжетов еще ждут своих исследователей, сколько мифов может быть раскрыто...

В.Л. Хейфец (СПбГУ): Я с огромным удовольствием передаю слово *научному руководителю Института Латинской Америки РАН, д.э.н., члену-корреспонденту РАН, профессору В.М. Давыдову.*

Доклад В.М. Давыдова (доктора экономических наук, члена-корреспондента Российской академии наук, научного руководителя ИЛА РАН, профессора СПбГУ)

Report of V.M. Davydov, Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor of St. Petersburg University

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Говоря о новых тенденциях в мировой латиноамериканистике, уместно сослаться на конгресс Федерации исследователей Латинской Америки и Карибского бассейна (FIEALC), прошедший в Белграде в июле 2017 года. Он убедительно продемонстрировал, что мировая латиноамериканистика все больше разворачивается к пониманию взаимосвязи глобальных процессов и факторов общерегионального и локально-национального значения. Большинство выступлений в категории магистральных лекций были построены именно в этом ключе. Сошлюсь на магистральные доклады Альваро Гарсиа Линеры (Боливия), Риккардо Кампы (Италия), Альберто Ванклаверна (Чили) и Вашего покорного слуги. Вторая отличительная черта — акцент на междисциплинарности, примером чего послужил доклад Эуфемии Павлакис (Греция), выявивший корреляцию между литературным процессом и реалиями экономического развития.¹

Мы, однако, сосредоточимся на первом. Показательно, что даже среди тех, кто занимается конкретно-исторической тематикой, сегодня звучит признание необходимости видеть общемировой контекст крупных исторических событий на латиноамериканской почве. Характерным свидетель-

¹ Van Klavern, Alberto. *Regionalismo en América Latina*; García Linera, Alvaro. *Globalización y deglobalización. El estado del mundo y América Latina*; Campa, Riccardo. *Participación política y expectativas sociales*; Davydov, Vladimir. *Contexto global e imperativos propios de desarrollo latinoamericano*. Pandis Pavlakis, Eftimia. *Literatura y economía. Revelación de conceptos, ideas y temas económicos en la novela latinoamericana: Cajambre de Armando Romero y la mujer que buscó dentro del corazón del mundo de Sabina Berman* // Conferencias magistrales del XVIII Congreso de la Federación Internacional de Estudios sobre América Latina y el Caribe (FIEALC), 25-28 de julio de 2017. Belgrado, Serbia.

ством служит публикация в последнем номере журнала немецких латиноамериканистов.²

В свое время (1970-е и 1980-е годы) латиноамериканские структуралисты, отталкивавшиеся в своей логике от разработок Рауля Пребиша и его школы, и депендентисты, представленные широким диапазоном школ и течений, уже пытались преодолеть периферийность мышления.³ В этом смысле наиболее крупный шаг вперед проделали «миросистемщики» — идейно-теоретическая школа, ассоциирующаяся с именами Иммануила Валлерстейна, Самира Амина и Джованни Арагги. Однако даже в этой, можно сказать, «высшей точке» качество субъектности за незападным миром недооценивалось. Сегодня, когда звезда «коллективного Запада» заметно померкла, а на авансцену выходят новые центры влияния в глобальном и региональном зачете, мы никак не сможем определить равнодействующую траекторию развития без помещения региона в «общий котел» мировой динамики, с одной стороны, а, с другой, без понимания того, что совокупный результат мирового развития есть итог взаимного влияния и взаимодействия всех компонентов глобального сообщества.

В конце концов, такой подход вполне адекватен характеру становления и эволюции латиноамериканского регионального сообщества. Его рождение послужило последним рубежом, замкнувшим «круг» мирового рынка, а затем региону пришлось сыграть роль крупнейшего поставщика денежного материала для покрытия растущего мирового торгового оборота и формирования ядер крупного капитала. Впоследствии, как мы знаем, регион оказался своего рода «мировой лабораторией» формирования и существования разных социально-экономических укладов.

Глобальная система мировой экономики (МЭ) обуславливает, детерминирует динамику и эволюцию отдельных ее компонентов. Но и те, в свою очередь, корректируют, закрепляют либо ослабляют действие общей мирохозяйственной динамики. Таким образом, на ниве латиноамериканистики, как, впрочем, и в поле других регионоведческих изысканий, необходимо в полной мере прослеживать и учитывать обозначенную диалектику.

Восприятие особенностей современной ситуации в мировой экономике (да и в мировой политике) ассоциируется с переходным периодом исторического значения. Неопределенность мирохозяйственного бытия, турбулентное состояние и мировой экономики, и мировой политики и

² Krepp, S., Moreli, A. *Quebrar el bloqueo hemisférico: América Latina y lo global* // Iberoamericana. América Latina, España, Portugal. julio de 2017, № 65: 245-250.

³ См. Давыдов В.М. *Латиноамериканская периферия мирового капитализма*. М., Наука, 1991, гл. 1.

есть, на наш взгляд, естественное следствие нынешнего состояния переходности. А иначе, наверное, и не может быть. Затевая разговор о доминирующих сдвигах в мировой экономической практике, заметим, что в совокупности они, как представляется, отражают многовекторную структурную трансформацию глобальной системы экономических и социальных взаимосвязей.

В свою очередь, характеризуя современное состояние мировой экономики (конъюнктурное оживление 2017 г. пока не отменяет долгосрочный тренд), следует говорить о заторможенной динамике мировой экономики, о дефиците спроса и избытке ликвидности, отрыве финансовой сферы от почвы реальной экономики, от инвестиционного процесса в производстве, об усилении экологических ограничений и климатических рисков, о смене моделей демографического воспроизводства и, наконец, об усугублении неравенства в разных его ипостасях.

Считается, что на нынешнем этапе перспектива утверждения новой технологической парадигмы связана с четырьмя областями: нано- и биотехнологиями, информационной и когнитивной технологиями, которые в сочетании призваны дать синергетический эффект. Все это переводится на рельсы инновационной практики, которая становится мощным интегратором, создающим ведущий кластер в передовых экономиках и в целом в системе мировой экономики. А усиление этого кластера и затем его экспансия способствуют масштабной структурной перестройке, в ходе которой на передний план выступают новые отрасли и хозяйственные макроструктуры.

При все большей взаимозависимости отдельных звеньев мировой экономики обнаруживается нарастающая неравномерность развития. Она проявляет себя в разных измерениях, в том числе изменением отраслевых пропорций мирового хозяйства вследствие разноскоростной динамики. Заметны перепады в соотношении конкурентоспособности национальных хозяйственных систем, росте различий в уровне благосостояния и качестве жизни передовых и отстающих государств. Ну и, конечно же, бросается в глаза крайне непропорциональное распределение доходов по ступеням социальной пирамиды.

В нынешнем мировом контексте ситуация усугубляется тревожным поворотом к усилению социального неравенства. Об этом с большими опасениями говорят и экономисты, и политики, и международные чиновники. Но дело не только в практически повсеместном увеличении разрыва между высшим и низшим слоем, на что имеются неопровержимые доказательства. Речь идет также об эрозии средних слоев, ставших действительно массовым сегментом в социумах «коллективного Запада».

С другой стороны, прогрессирующая эрозия природной среды выводит мировое сообщество на Рубикон, за которым стоят необратимые катастрофические последствия. Надежды на лучшее сегодня связаны с Парижским соглашением 2015 г., закрепившим итог долгих и острых дебатов относительно пропорций ответственности и вкладов в мировой фронт практических действий. Цель соглашения — до конца XXI века не допустить выхода среднемировой температуры вверх за пределы двух градусов по Цельсию относительно доиндустриальных параметров. Парижское соглашение дает шанс выработки и реализации консенсусной программы-минимум на основе согласованной шкалы общечеловеческих ценностей. Достойна глубокого сожаления близорукая и эгоистичная акция администрации Д. Трампа (США), объявившей о выходе из этого соглашения.

Представление о возможности достижения широкого согласия дает сопоставление двух раундов формирования консенсусной программы действий. Первый — выделение восьми приоритетов в качестве Целей тысячелетия. Второй — обозначение семнадцати общемировых приоритетов устойчивого развития. В перечне стратегических установок на 2030 год, принятых Генеральной ассамблеей ООН в 2015 г., доминируют два императива — социальный и экологический. Как видим, с немалыми трудностями, но все же вокруг них удалось сформировать мировой консенсус. Другое дело — имплементация, которая всегда являлась и остается камнем преткновения.

Общественно-научная деятельность предпринимает немало усилий для того, чтобы наиболее полно и всесторонне исследовать экономические и социально-политические реалии, однако, откровенно говоря, мы сейчас способны адекватно оценить формально регистрируемые события и явления, но до сих пор не обладаем должными инструментами для познания нерегистрируемых процессов. Между тем «подспудная» действительность представляет собой, во-первых, довольно широкий спектр реалий, которые очень существенно корректируют формализованные процессы. Немало аналитических работ посвящено неформальному (или теневому) сектору экономики. Растущий сегмент хозяйственной жизни связан с криминальным оборотом товаров и услуг, включая «живой товар», наркотики, оружие, торговлю человеческими органами, не говоря уже о тривиальной контрабанде. Борьба с организованной преступностью и коррупцией становится приоритетной стратегической задачей во многих странах, но часто непосильной на институционально-национальном уровне, учитывая нынешний трансграничный масштаб оргпреступности.⁴

⁴ Мартынов Б.Ф. (отв. ред.). *Современная организованная преступность в Латинской Америке и Карибском бассейне*. Москва: Весь мир, 2017.

Слишком многое сегодня упирается в потенции института государства. Справедливо, что он претерпевает эволюцию, делегируя часть полномочий вверх — на наднациональный уровень и вниз — на локальный. Но, строго говоря, перед нами все еще наполеоновская матрица — государство министерств. Без коренной модернизации государства бессмысленно ставить вопрос о соотношении государственного и частного (рыночного) начала в экономическом развитии, бессмысленно говорить об обеспечении суверенитета, национальной, гражданской и экономической безопасности.

Верифицированная статистическая регулярность указывает на циклическую вероятность очередного мирового экономического кризиса на исходе текущего десятилетия. И он, по всей видимости, будет носить экстраординарный характер, поскольку ни на глобальном, ни на региональном, ни на национальном уровне не извлечены должные уроки из предыдущего кризиса, не созданы новые механизмы регулирования.

Традиционные центры прошли последний мировой кризис с максимальными издержками, страны Латинской и Карибской Америки (ЛКА) — с минимальными, встав в один ряд с государствами, представляющими нарождающиеся рынки других регионов. Конечно, сказалось накопление ресурсов благодаря высокой внешней конъюнктуре предкризисного периода на сырьевые, полусырьевые товары и на продукцию агропромышленного комплекса. Это помогло избавиться от проклятия хронической внешней задолженности, сбалансировать госбюджеты и нейтрализовать риски инфляции. Но другая важная причина была заложена в изменении парадигмы экономической и социальной политики. Этому предшествовал отход от крайностей неолиберальной «моды»; из-за ее завышенных социальных издержек чаши электоральных весов склонялись в пользу лево-ориентированных движений и лидеров. Но при этом политический поворот оказался многовариантным.

Странам ЛКА удалось воспользоваться своего рода децентрализацией мирового хозяйства (выходом на верхние ступени мировой иерархии новых протагонистов) и диверсифицировать географию своих внешних связей. В этом смысле глобализация принесла весьма позитивный эффект. Но диверсификация затронула и содержание экспорта. Таким странам, как Мексика, Чили, Бразилия, Колумбия и ряду других, благодаря стимулам, встроенным в экономическую политику, благодаря современным финансовым, логистическим и политическим механизмам поддержки экспорта удалось серьезно обогатить его позициями с повышенной добавленной стоимостью.

Так или иначе, в годы левой волны (будь то в принципиально-политическом либо прагматическом настрое) латиноамериканским странам уда-

лось совершить беспрецедентный исторический прорыв. Зона бедности в целом по региону уменьшилась с 44% в середине 1990-х гг. до 28% на уровне 2014 г. Десятки миллионов человек получили доступ к современным стандартам потребления (фактически 50 млн.). Менее чувствительно, но все же заметно в первую декаду нового века стала уменьшаться поляризация в распределении доходов.

В посткризисный период темпы экономического роста пошли на убыль в целом по региону. В последние годы общерегиональный показатель опустился даже ниже черты среднемирового темпа прироста ВВП. Судя по всему, в странах ЛКА, во-первых, оказалась недостаточной «подушка безопасности», созданная в годы «тучных коров», а во-вторых, оказалась недостаточной диверсификация экономики, экспорта и, в конечном счете, участия в международном разделении труда.

Можно с уверенностью сказать, что региональная проблематика в нынешних условиях во многом (но отнюдь не во всем) повторяет глобальную проблематику. Иными словами, степень корреляции между ними достаточно высокая. В свою очередь, на региональном уровне различия связаны со степенью остроты тех или иных проблем. Находясь на среднем этаже мировой иерархии (8% с небольшим доля от ВВП по ППС и 8% с небольшим квота в населении планеты, ~10% доля в суммарной численности среднего класса и т.п.), ЛКА гораздо больше обременена социальными императивами. Несмотря на «прорывные» результаты первого десятилетия нового века в преодолении порока бедности и некоторое ослабление поляризации в распределении доходов, страны региона в своем большинстве, увы, остаются лидерами в имущественном расслоении на обозримую перспективу. И это, несомненно, будет «давить» на электоральные настроения.

Экономики ЛКА в полной мере испытывают детерминирующее внешнее воздействие. Сырьевой крен в специализации экономики при нынешней ценовой конъюнктуре создает своего рода «кандалы». Но так есть и будет при инмобилизме в состоянии добывающих отраслей. Поэтому во многих странах региона теперь рефреном звучит призыв к энергичной индустриализации первичного сектора, к созданию на его основе вертикали перерабатывающих производств — точнее, к реиндустриализации. Ну а нынешняя ценовая конъюнктура на рынке сырьевой продукции не может быть константой при поступательной диверсификации промышленного производства как в центрах, так и на периферии мировой экономики. В большинстве случаев объективным условиям региона соответствует модель перерабатывающей модернизации, в которую могут быть включены общие императивы, обозначенные в ООН 17 приорите-

тами устойчивого развития. Речь идет о «перерабатывающей» модернизации в смысле преобразования традиционных отраслей, насыщения их современной техникой и передовым менеджментом. В отличие от «перепрыгивающей» — т.е. перехода от архаичной агрокультуры к микроэлектронному производству, как это было в Юго-Восточной Азии. И в РФ во многом близкая перспектива в силу наличия схожих условий в отраслевой структуре и в силу инертного характера российской экономики. Но глядя в перспективу, наиболее адекватным, на наш взгляд, станет сочетание двух моделей.

Политика, направленная на преодоление заторможенной динамики, сегодня ассоциируется с дальнейшим продвижением по пути диверсификации экономики и экспорта, селективного привлечения иностранного капитала, способного к эффективному переносу передовой технологии, которая будет выращивать свои кластеры, благоприятствуя повышению конкурентоспособности национальных экономик. При этом нужно задействовать резервы региональной и субрегиональной интеграции, отходя от избыточно закрытых схем, продолжать опыт заключения зон свободной торговли на индивидуальной основе (с отдельными странами либо торгово-экономическими группировками).

В технологическом отношении ЛКА сохраняет фазовое отставание от традиционных центров. Но и здесь в передовой группе региона есть свои прорывные достижения, которые обусловлены преодолением отчуждения сферы НИР от реальной экономики и переходом на инновационную практику. Банально говорить о необходимости дальнейшего развития собственной сферы НИР, о модернизации системы образования. Но для стран региона (особенно в категории наименее развитых), как правило, нужно начинать с качества начальной и средней школы. Стоит лишь подчеркнуть, что часто важнее не форма, а содержание — процесс обучения должен быть очищен от архаичных представлений и наполнен сведениями и методами, проверенными современной наукой и практикой.

В странах ЛКА достигнут серьезный прогресс в развитии институциональной базы общества, закреплены институты и процедуры демократии. Они еще далеки от совершенства, но механизм действует. Как уже отмечалось, хуже обстоят дела с ядром институциональной среды — государством. Без его конструктивной модернизации немыслима реализация высоких целей, намеченных 17 приоритетами устойчивого развития — приоритетами 2030. Другое дело комбинация, в которой только и возможно серьезное продвижение вперед. Авторы последнего документа Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛАК) в качестве обязательного условия осуществления намеченного выставляют комбинацию государства, рынка

и гражданского общества — формулу, которая, как они признают, завязана на политические решения и политические действия.⁵

Новое структурирование МЭ и мирового рынка по линии мегапартнерств, казалось бы, может создать качественно новую ситуацию, подкрепляющую американскую гегемонию и позиции «коллективного Запада» в целом. Однако эти сдвиги не купируют абсолютно и не могут купировать альтернативные проекты. И они вырисовываются в зоне влияния Китая, в зоне лидерства России и других членов БРИКС. В принципе «пятерка» может реализовать проект «союза союзов» (обсуждавшийся на последних академических форумах «пятерки»), опираясь на региональные конструкции, сложившиеся вокруг каждого члена этого формата. Однако возможны и индивидуальные решения, обусловленные осложнениями на традиционных направлениях международного сотрудничества. Свидетельство тому — появление мексиканского президента на последнем саммите БРИКС в Китае.

Надо отдать им должное, мегапартнерства — удачное и амбициозное изобретение традиционного гегемона в пору президентства Б. Обамы в США. Но и это изобретение не относится к категории «конца истории». Схемы эти гибкие, не закрытые. В них можно найти уязвимые места, воспользоваться косвенно существующими нишами в зоне их действия. Важно, чтобы на глобальном и региональном уровне был найден свой баланс с появлением новых, альтернативных структур вне зоны «коллективного Запада». События последнего времени вносят серьезные коррективы и в практику, и в наши научные представления о логике структурирования мировой экономики. В ее традиционных центрах, в правящих кругах и в социуме обнаруживаются и расширяются фракции, потесненные противоречивыми глобализационными процессами. И тогда их представители, получившие доступ к власти, включают протекционистские тормоза — так, как это случилось в США с приходом администрации Д. Трампа.⁶ Я далек от мысли списывать со счетов в этой связи перспективу дальнейшей глобализации. Очевидно, что нужно видеть и ее, и то, что действует в противоположном направлении.⁷

Сегодняшние изменения конъюнктуры и ориентиров экономического и политического свойства в ЛКА сопровождаются попытками возрождения дискуссий, казалось бы, давно почивших в бозе. Дискуссии между «оптимистами» и «пессимистами». На подиум вышло молодое поколение — неодесаррольисты, неошумпетерианцы и неокейнсианцы. Оптимисты (ла-

⁵ *Horizontes 2030*. CEPAL. Mexico, 2016.

⁶ См. Яковлев П.П. *Эффект Трампа» или конец глобализации*. М., РУСАИНС, 2017.

⁷ García Linera, A. *Op. cit.*

тино-оптимисты) считают, что в регионе достигнут значительный прогресс, которому благоприятствовали тектонические сдвиги в мировой подоснове. Но высокая конъюнктура сменилась низкой. Общая динамика развития заторможена. Неясно, как пойдут дальнейшие дела. Тогда-то на передний край и стали выходить латино-пессимисты.

Обращает на себя внимание парадоксальное сходство логики двух точек зрения. Первая — то, что нам твердили в 1960-е и 1970-е годы. Зависимость и отсталость (отсталость и зависимость) — врожденные пороки экономики и общества латиноамериканских стран. Они создают порочный круг, который блокирует развитие. Его преодоление обусловлено революционным сломом прежнего порядка. После этого якобы (через революционно-демократическую фазу) открывается путь к социалистическим преобразованиям. Таким образом оптимисты в определенном смысле обращивались пессимистами применительно к возможностям эволюционного порядка (реформисты). Пессимисты (в определенном смысле — конформисты), не веря в собственные потенции модернизации и «догоняющего развития» стран ЛКА (в этой точке совпадая с оптимистами), в конечном счете склонялись к «энтрегизму» — сдаче на милость гегемона, предположительно экономического победителя. Все это, конечно, подавалось под соусом призывов к прагматизму и реализму.

Между тем эволюция региона создавала иную картину. При всей периферийности, отсталости и зависимости то на одном, то на другом направлении ощущались прорывы и серьезные продвижения по пути преодоления «роковой отсталости». Повысилась степень социальной зрелости латиноамериканских обществ в целом и в ипостаси гражданских обществ. Латиноамериканская действительность демонстрирует не только негативный, но и позитивный опыт решения проблем современного развития. Поэтому у нас нет никаких оснований смотреть на нее свысока.

Латиноамериканская проблематика так или иначе перекликается с российской. У нас, понятно, разные исходные позиции. Но последние три десятилетия исторически мы, по существу, шли вслед за латиноамериканскими странами, раньше нас вошедшими в полосу вульгарного неолиберализма. В России 1990-х годов неолиберальные реформы в ряде стран ЛКА принимались за образец. Вспомним визит вице-премьера Б.Е. Немцова в Чили в 1997 г., который рассчитывал на встречу с бывшим диктатором Аугусто Пиночетом (который, как считается, и дал толчок началу реформ, приведших к «чилийскому экономическому чуду»), но тот не снизошел. Потом приезд в Москву Доминго Кавальо (отца аргентинской неолиберальной модели) накануне нашего дефолта в 1998 году. Печальный конец в 2001—2002 гг. реформ Кавальо в Аргентине, как известно, расставил точки над і.

Сырьевая зависимость — врожденная черта многих латиноамериканских экономик, но ее степень отнюдь не всегда может соперничать с российским показателем, за исключением, пожалуй, Венесуэлы. Вместе с тем в регионе немало позитивных примеров отхода от сырьевого заклатья. Среди них Мексика и Чили, существенно диверсифицировавшие производство и экспорт. Позитивный опыт наращивания агробизнеса и агроэкспорта демонстрируют на инновационной основе Бразилия и Аргентина. В обоих случаях в центре модернизации агробизнеса стояли мощные государственные исследовательские институты.

В разряд прорывных достижений, полученных в русле инновационной практики, следует отнести восхождение бразильской компании «Эмбраер» на третью ступень мирового самолетостроения. В свою очередь, корпорация «ЛАН Чиле» вошла в десятку лучших авиакомпаний мира. Компания «Америка мовил», принадлежащая мексиканцу Карлосу Слиму, богатейшему предпринимателю планеты, вошла в число крупнейших операторов мобильной телефонии на американском континенте. Бразильские корпорации «Вале» (металлургия), «Одебрехт» и «Камарго Кореа» (строй-инжиниринг) числятся среди ведущих ТНК своего профиля. Кубинские производители лекарственных средств и экспортеры лечебных услуг по самым тяжелым заболеваниям все более весомо вступают на мировой рынок.

Все это означает, что в латиноамериканском регионе сложились предпосылки для появления зрелых партнеров не только на торговом поприще, но и на ниве производственной кооперации, для совместной реализации крупных инфраструктурных проектов, для подключения к перспективным инновационным программам.

В то же время очевидно, что продолжает усиливаться императив ответственности изменений в моделях экономического и социального развития стран региона тем структурным трансформациям, которые на современном переходном этапе реализуются в общемировом масштабе. Таков ключевой вызов современности, требующий адекватного ответа в любом страновом случае.

МАГИСТРАЛЬНЫЕ ДОКЛАДЫ CONFERENCIAS MAGISTRALES

Manuel Alcántara Sáez¹

Cuatro décadas de política en América Latina

Four decades of politics in Latin America²

Introducción

Los países de América Latina, tras las transiciones a la democracia, un período comprendido entre las elecciones dominicanas de 1978 — que por tanto viene a coincidir con el español — y las salvadoreñas de 1994, consolidaron la democracia electoral para elegir desde entonces a sus gobernantes de manera competitiva, libre y en gran medida limpia. Esto es algo históricamente novedoso por afectar a su gran mayoría y extenderse por un período de tiempo tan pronunciado. No obstante, estos países han seguido pautas de desarrollo político muy distintas en consonancia con sus profundas diferencias que dificultan hablar de la región como un todo homogéneo. Apenas el presidencialismo como forma de gobierno les asemeja.

Las últimas cuatro décadas de la muy diversa política latinoamericana han dado cabida a cerca de ciento cincuenta procesos electorales presidenciales. Una cifra suficientemente importante para evaluar una parte substantiva de la democracia como es la capacidad de traducir el juego gobierno-oposición, o, si se prefiere, confirmar la probabilidad de que los gobiernos pierdan elecciones. En una representación democrática ideal llevada a cabo por el referido binomio gobierno-

¹ Catedrático de Ciencia Política de la Universidad de Salamanca. Correo: malcanta@usal.es.

² Conferencia magistral durante la sesión plenaria del III Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante”.

oposición, la probabilidad de que se diera la alternancia en el largo plazo tendería a ser de 0,50. Pues bien, en el conjunto de América Latina, la alternancia se ha producido en 72 ocasiones de 132 elecciones con posibilidades de darse (0,54) entre 1978 y 2017. Ello significa que, desde esta perspectiva, la vertiente electoral de la democracia ha desempeñado su papel con razonable corrección.

No obstante, al tratarse de valores medios, los casos nacionales se pueden encuadrar en tres tipos de países: aquellos con alternancia baja, con un índice inferior a 0,34, que mantienen pautas de cambio político reducidas como Colombia, El Salvador, Nicaragua y Venezuela; un segundo grupo de países con una alternancia superior a 0,70, que gozan de mayor volatilidad gubernamental, como Costa Rica, Ecuador, Guatemala, Honduras, Panamá y Perú; finalmente, los países de alternancia media, con valores entre 0,34 y 0,69, que se acercan al ideal señalado más arriba: Argentina, Bolivia, Brasil, Chile, México, Paraguay, República Dominicana y Uruguay.

Lo interesante de esta visión comparada, y en un medio plazo, es que permite fijar la atención sobre este índice simple, aunque relevante en el quehacer de la competición política, con otros al uso como la volatilidad electoral, la fragmentación partidista, la institucionalización del país en cuestión así como su calidad de la democracia. Es decir, llevar a cabo análisis que se hacen desde hace tiempo en regiones con tradicionales electorales más longevas. Los resultados son consistentes porque un análisis factorial sencillo subraya que en América Latina, la alternancia media, la baja volatilidad electoral, una mayor fragmentación partidista, un alto índice de institucionalización y una mayor calidad de la democracia están en un mismo saco³. Ello significa que, con independencia de otros factores en el funcionamiento de la política vernácula, la democracia latinoamericana, al recoger la alternancia como valor y práctica política, se encuentra asimilada a los patrones universales del comportamiento democrático, con las especificidades nacionales señaladas.

Las transiciones supusieron el inicio de una etapa insólita en la política latinoamericana que, sin embargo, con la perspectiva que se puede analizar pasados cuarenta años, admite formular una clara periodificación de este lapso transcurrido. En el ciclo transicional la política se organizó en torno a partidos políticos la mayor de las veces tradicionales, se abordaron reformas constitucionales y se confrontaron cuestiones relativas a las violaciones de derechos humanos del pasado. En un buen número de países se mantuvieron las políticas de corte “estado céntrico”. Después, cuando los procesos políticos entraron en su fase de consolidación democrática cambios profundos en la política económica en clave neoliberal alteraron notablemente

³ Los cálculos referidos al índice de alternancia así como su relación con otros índices referidos al comportamiento electoral se puede encontrar en M. Alcántara, D. Buquet y M. L. Tagina. “Introducción” en *Elecciones y partidos en América Latina en el cambio de ciclo* (en prensa).

el panorama. Ello, llevó al punto de inflexión que supuso el inicio del tercer ciclo tras los comicios presidenciales venezolanos de 1998, una etapa que se empezó a agotar cuando muere el caudillo venezolano, Hugo Chávez, y se retrajo la demanda de materias primas, así como cayeron sus precios, cerrándose definitivamente tras las elecciones argentinas de 2015 y el juicio político a la presidenta brasileña el año siguiente.

Este texto, de naturaleza descriptiva, seguidamente aborda la evolución de estos tres ciclos en tres epígrafes⁴, para concluir ofreciendo las claves que alumbran el escenario político latinoamericano al llegar 2018 y que en gran medida estará condicionado a los procesos electorales, fundamentalmente, de Colombia, México y Brasil.

1. Los tres ciclos políticos

1.1. La recuperación de la democracia

Aunque la democracia emerge en la segunda mitad de la década de 1970 en República Dominicana y en Ecuador, no es sino en la década siguiente en que cristalizó de forma generalizada. Sin embargo, el optimismo reinante hacia 1990 comenzaba a ser ampliamente cuestionado. En efecto, una visión positiva a la que no le faltaban argumentos se confrontaba con otra negativa avalada por resultados igualmente sólidos y contrastables⁵.

Los hechos que sostenían la interpretación favorable del rendimiento de la democracia se basaban en tres tipos de argumentos. El primero se alzaba sobre el hecho incuestionable del número de procesos electorales realizados dominados mayoritariamente por el libre juego, el respeto a las normas y un considerable nivel de competición. A ello había que añadir una más que aceptable participación electoral, superior al sesenta por ciento de media regional.

En segundo lugar, cabía destacar la existencia de una clara y libre competencia entre los partidos políticos que canalizan la representación política. Tanto la polarización ideológica como el número efectivo de partidos — con una media regional en torno a 3,6 — permiten referirse a una situación de evidente pluralismo en el que el arco ideológico da cabida a formaciones políticas históricamente excluidas del sistema⁶.

⁴ Se siguen los argumentos expuestos en Alcántara M. “Los ciclos políticos en América Latina (1978-2015)” en *Sistema. Revista de Ciencias Sociales*, Madrid, junio, nº 242-243, 2016, 5-22.

⁵ Véase Larry Diamond; Jonathan Hartlyn y Juan J. Linz, “Introduction: Politics, Society and Democracy in Latin America” en Larry Diamond, Jonathan Hartlyn, Juan J. Linz y Seymour Martin Lipset (eds.), *Democracy in Developing Countries: Latin America*. 2ª Edición, Boulder, Lynne Rienner Publishers, 1999.

⁶ Los casos más notorios son los de los antiguos grupos guerrilleros que se convertirán en partidos políticos llegando a detentar el poder en Nicaragua (FSLN) y aproximándose al mismo en El Salvador (FSLN).

El tercer y último conjunto de argumentos se refieren a que, a lo largo de este lapso, los diferentes mecanismos institucionales fueron usados correctamente para manejar los conflictos en vez de utilizar la fuerza o la discrecionalidad de un único grupo como sucedió históricamente. También se supo tratar políticamente la crisis económica que asolaba a la región en la década de 1980 como consecuencia del agotamiento de la matriz estado céntrica existente y su substitución por una de corte neoliberal⁷. Igualmente los nuevos regímenes democráticos tuvieron una correcta capacidad de saber procesar los distintos momentos de crisis política vividos en la región⁸. Así mismo se contaba con la circunstancia de que los *enclaves autoritarios*⁹ más sólidos que persistían en la política latinoamericana se fueron eliminando paulatinamente. Por último, el avance de formas de democracia directa fue evidente para cierto número de países¹⁰.

Frente a todo ello, no obstante, había una vertiente negativa de todo el quehacer político de este primer ciclo post transicional basada a su vez en tres elementos en que se reflejaba la disfuncionalidad democrática. El primero de ellos se articulaba en torno a la denominada *falacia electoral*¹¹ según la cual, las elecciones eran la expresión casi exclusiva de la democracia en América Latina. Fruto de un complejo histórico basado en la violación frecuente de la práctica electoral y del legado que supuso el descrédito de la denostada *democracia formal*, el énfasis en los procesos electorales, necesarios en todo proyecto constituyente, llenó por completo la agenda de la democratización. Así, América Latina dejó atrás el autoritarismo

Pero, igualmente, el movimiento indígena tuvo un espacio propio nada despreciable en Ecuador bajo las siglas del MNPP.

⁷ Véase Stokes S. C. *Mandates and Democracy. Neoliberalism by Surprise in Latin America*, Cambridge. Cambridge University Press, 2001.

⁸ Argentina y Perú fueron acosados por el golpismo militar durante la presidencia de Raúl Alfonsín (1983-89) y por el terrorismo de Sendero Luminoso y del MRTA durante las presidencias de Fernando Belaúnde (1980-85) y de Alan García (1985-90), sin que peligrara la democracia.

⁹ Véase Garretón M. A.. *La posibilidad democrática en Chile*. Santiago: FLACSO, 1989.

¹⁰ Entre 1978 y octubre de 2000 hubo un total de treinta consultas populares en 10 países de la región. Cinco de ellas (Panamá en 1983, Uruguay en 1980 y las de Chile de 1980, 1988 y 1989) se llevaron a cabo bajo regímenes autoritarios, pero la mayoría de las restantes tuvieron origen en iniciativas “desde arriba”. El Poder Ejecutivo inició directamente once de las veinticinco consultas realizadas (las consultas de Argentina en 1994, de Colombia en 1997, las cuatro de Ecuador en 1986, 1994, 1995 y 1997 y la de Venezuela de 2000; así como las iniciativas de reforma constitucional de Guatemala en 1994, Panamá en 1998, Perú en 1993, y Venezuela). Solamente siete de entre las veinticinco consultas populares se iniciaron “desde abajo” concentrándose seis en Uruguay (dos reformas constitucionales aprobadas — en 1989 y 1994 —, dos rechazadas — en 1994 y 1999 — y dos referéndums contra leyes — en 1989 y 1992). Los siete casos restantes fueron relativos a cuestiones constitucionales (Brasil en 1993, Colombia en 1990, Ecuador 1978, Guatemala en 1999, Panamá en 1992, Uruguay en 1996 y Venezuela en 1999).

¹¹ Véase Karl T. “Imposing Consent? Electoralism Vs. Democratization In El Salvador” En Paul W. Drake Y Eduardo Silva (Eds.), *Elections and Democratization in Latin America, 1980-1985*, San Diego: Center for Iberian and Latin American Studies. 1986, 9-36.

para entrar en una nueva situación en la que solamente un reducido número de países logró consolidar el proceso, mientras que la gran mayoría se situó en una zona híbrida “en vías de la consolidación democrática”¹² y persiguió la citada falacia electoral, donde una condición necesaria de la democracia — las elecciones libres — terminaba siendo también concebida como una condición suficiente. Los países latinoamericanos en vías de consolidación democrática habían asentado “los procedimientos democráticos y, sin embargo, presentan ciertas dificultades para traspasar el umbral de los sistemas democráticos consolidados, [...] El legado de la transición, la ineficacia institucional y la oscilante credibilidad con respecto a las virtudes del sistema”¹³ eran los condicionantes de dicha categoría.

El segundo argumento negativo se refería a la extensión de la *democracia delegativa*¹⁴. Una de las categorizaciones más afortunadas para evaluar el sentido de la democracia en los países latinoamericanos en situaciones en que las transiciones se hallaban concluidas, pero la consolidación se encontraba distante. La democracia delegativa se había asentado en buen número de países de América Latina con instituciones políticas débiles, incapaces de constreñir la autoridad irrestricta de Poderes Ejecutivos elegidos en las urnas por unos votantes movilizados por lazos clientelares o llamamientos personalistas, más que programáticos, ante la presencia de partidos poco vigorosos que, además, se veían rechazados por la ciudadanía. Las notas características de la democracia delegativa eran: la ausencia de mecanismos de control y de rendición de cuentas de carácter horizontal, junto con una forma de gobernar por decreto por parte de presidentes que creían encarnar la voluntad del pueblo, con una autoridad basada en el carisma personal del dirigente y en el apoyo de cierta expresión de movilización popular más que de organización institucionalizada de las preferencias. La novedad de este concepto tenía que ver más con su persistencia en el tiempo y con un contexto exterior obsesivamente pendiente de mantener la fachada democrática, y que generaba presiones poderosas en contra de su desplazamiento, que con su pobre institucionalización y su naturaleza parcialmente autocrática.

El tercer argumento negativo provenía del hecho de que en América Latina el personalismo, la concentración del poder y la existencia de instituciones políticas débiles, se enmascaraban bajo la preocupación de la denominada *governabilidad*¹⁵. Su incidencia se daba, sobre todo, en las condiciones favorables para la acción del

¹² Véase Alcántara M. “Sobre el concepto de países en vías de consolidación democrática en América latina”. *Revista de Estudios Políticos*. 74. Octubre-Diciembre. Madrid: Centro de Estudios Constitucionales. 1991, 113-130.

¹³ Véase Alcántara M. “¿Democracias inciertas o democracias consolidadas en América Latina?”, *Revista Mexicana de Sociología*. 54.1. 1992, 220.

¹⁴ Véase G. O’Donnell. “Delegative Democracy” en *Journal of Democracy*, 1994. 5.1, 55-69.

¹⁵ Véase Alcántara M. *Governabilidad, crisis y cambio*. Madrid: Centro de Estudios Constitucionales, 1994.

gobierno, contribuyendo prominentemente a la turbulencia, a la pobre calidad de la democracia, y al consecuente cinismo y apatía política en las sociedades latinoamericanas¹⁶.

1.2. El ciclo neoliberal

Pero otras circunstancias de carácter exógeno se proyectaban sobre la región de manera generalizada en la década de 1990 llegando a tener efectos igualmente importantes. En primer lugar se registraba la apertura de un nuevo panorama internacional por la caída del muro de Berlín y sus inmediatos efectos sobre el mundo del “socialismo real” con la desaparición de un referente simbólico para sectores de la izquierda. En América Latina, el impacto del último trimestre de 1989 se proyectó contribuyendo decisivamente a la pacificación de Centroamérica y haciendo desaparecer “la amenaza comunista” en la agenda de Seguridad Nacional del Departamento de Estado norteamericano. Paulatinamente esta fue sustituida por otros temas en los que, tras el narcotráfico — que era el asunto estrella al que más tarde se añadiría el terrorismo —, figuraban aspectos como los flujos migratorios, la preocupación ecológica o el libre comercio. El cambio se apuntaló con la llegada a la Casa Blanca de un demócrata en 1993 que rompió la hegemonía republicana de los doce años anteriores bajo la que la Revolución sandinista y su satanización habían centrado, obsesivamente y con un alto componente emblemático, la política norteamericana con respecto a la región.

En segundo término se consolidaba, con ciertos matices según distintos países, el llamado Consenso de Washington¹⁷ como eje central de las nuevas políticas económicas que respondían a una asumida crisis del modelo estado céntrico construido poco a poco a lo largo del medio siglo anterior con avances y retrocesos. El énfasis en las medidas liberalizadoras y en el equilibrio fiscal supuso la irrestricta puesta en marcha de un gradual, pero firme, proceso de liberalización de la economía, con acento en el libre comercio y en la libre circulación de capitales, de desregulación, con una inevitable tendencia a la gestación de grandes monopolios de carácter privado en sectores fundamentales, y de privatización, con una erosión enorme del sector público y de debilitamiento del Estado. Todo ello se pergeñó, además, bajo una acusada falta de transparencia en el proceso que significó una fuente inagotable de corrupción y un aumento de la pobreza y de la desigualdad.

Durante la década de 1990 los países latinoamericanos buscaron diferentes objetivos mediante el rediseño de sus esquemas constitucionales. Se llevaron a cabo procesos de reforma política de ámbito muy diverso en el seno del propio régimen

¹⁶ Véase Alcántara M. “Política, democracia y valores ante el siglo XXI en América Latina”, *Anuario social y político de América Latina y el Caribe*, Caracas-San José. FLACSO-Nueva Sociedad, 1998. Págs. 67-75.

¹⁷ Véase Williamson J. *The Political Economy of Policy Reform*, Washington, Institute of International Economics, 1994.

político mediante los mecanismos regulares establecidos¹⁸. De forma sucinta cabe referirse a seis ejes sobre los que bascularon las reformas políticas llevadas a cabo que, a veces, fueron simultáneas en el mismo país. El primero, y más relevante, fue dirigido para asegurar el predominio del Poder Ejecutivo en el sistema político mediante la introducción de la reelección presidencial en Argentina, Brasil, Perú y Venezuela¹⁹; el incremento del periodo de mandato presidencial en Bolivia y Venezuela; y el aumento de las facilidades para articular la legislación delegada.

El segundo, en consonancia con el anterior, proyectó un Poder Legislativo más débil que perdió centralidad en el juego político como consecuencia de la tendencia registrada a articularlo en una sola cámara, como ocurrió tras las reformas constitucionales de Perú de 1993 y de Venezuela de 1999²⁰.

El tercero buscó una mayor legitimidad y operatividad de los procesos electorales. Para ello se incidió en cuatro niveles: la mejora de la administración electoral para asegurar la confiabilidad de las elecciones²¹; la extensión a un número mayoritario de casos del *ballotage* como forma electoral presidencial que dotase a los candidatos electos de un mayor nivel de legitimidad; la incorporación en la Constitución o en la legislación atinente a los partidos políticos de fórmulas de democracia interna para la elección de sus candidatos y para su funcionamiento; así como el tímido avance en los mecanismos de control del gasto político junto con el paulatino incremento del peso de la financiación pública de la política.

¹⁸ En la década de 1990 hubo amplias reformas constitucionales en Colombia, Paraguay, Argentina, Ecuador y Venezuela, y reformas parciales en Bolivia y México. Solo en Perú se articuló una forma antidemocrática pues el Congreso fue disuelto anticonstitucionalmente en abril de 1992 y el nuevo elegido, con carácter constituyente, no contó con la presencia de todas las fuerzas políticas. También se llevaron a cabo correctamente procesos de reforma en un ámbito menor, pero no por ello menos significativo, como en lo estrictamente electoral, en Uruguay y Nicaragua. Todo ello de una manera regulada por procedimientos asumidos por las principales fuerzas políticas, como incluso aconteció en el tema frustrado de la reforma en Guatemala para implementar los acuerdos de paz.

¹⁹ Si bien en Panamá no se consiguió como consecuencia de la derrota en un plebiscito del proyecto de reforma constitucional realizado bajo el gobierno de Pérez Balladares en 1999.

²⁰ Aunque debe reconocerse su relativo protagonismo en los procesos de destitución, mediante una forma u otra de juicio político, de los presidentes Fernando Collor de Mello (Brasil), Carlos Andrés Pérez (Venezuela), Raúl Cubas (Paraguay), Abdalá Bucaram (Ecuador), sin que por ello el sistema se quebrara, son una prueba del correcto funcionamiento de las instituciones. También lo fue la solución dada por el Congreso guatemalteco a la crisis abierta por el presidente Jorge Serrano. Ernesto Samper fue igualmente sometido a juicio político, si bien quedó exonerado de la acusación vertida contra él de haber recibido fondos del narcotráfico para su campaña presidencial. Pero también las crisis políticas que afectaron a los Poderes Ejecutivos se resolvieron con una notable operatividad sin que se quebrara el orden constitucional como aconteció en los procesos de sustitución presidencial regular de Jamil Mahuad (Ecuador), Alberto Fujimori (Perú) y Fernando de la Rúa (Argentina), acontecidos durante 2001, el año de mayor inestabilidad en la región de los últimos tiempos, o en la superación de la crisis como ocurrió tras el fracaso de los golpes de Estado de Paraguay contra Juan Carlos Wasmosy en abril de 1996.

²¹ El caso más evidente es el de México mediante la potenciación de la figura del Instituto Federal Electoral convertido en Instituto Nacional Electoral en 2014.

El cuarto eje redefinió el papel del Estado en la economía y en sus relaciones con el derecho de propiedad para permitir la introducción del modelo neoliberal.

El quinto continuó la tendencia de la década anterior proclive a la descentralización política y administrativa para una mayor eficiencia y aproximación a los ciudadanos²²; así se pusieron en marcha procesos de elección popular de autoridades locales²³ y se potenciaron las figuras de las entidades territoriales ya existentes.

Finalmente, el sexto eje supuso la incorporación de nuevas figuras institucionales en los ordenamientos jurídicos: desde la introducción en los textos constitucionales de organismos tendentes a la organización, administración y gobierno del Poder Judicial, o de la defensoría del pueblo, al reconocimiento del carácter pluricultural y multirracial de las sociedades, como es el caso de la Constitución ecuatoriana de 1998.

El Estado latinoamericano profundizó su histórica debilidad en la década de 1990. A sus tradicionales carencias de poder tener el monopolio de la violencia legítima, de control del territorio²⁴, de diseño de una burocracia eficiente y de construcción de una ciudadanía portadora de valores cívicos y republicanos, sujeto de derechos universales con capacidad plena para ejercerlos, se debe incorporar el legado del consenso de Washington en los términos señalados más arriba. Como consecuencia, el Estado dejó de tener capacidad operativa para implementar políticas públicas que el gobierno pudiera diseñar para alcanzar ciertos objetivos programáticos acordes con las reivindicaciones y necesidades de las sociedades latinoamericanas.

A lo largo de la década de 1990, América Latina registró la continuidad de expresiones populistas que se creían periclitadas aunque se dieron en un número relativamente bajo de países. La novedad, sin embargo, fue la aparición de fórmulas imbuidas por su carácter desmovilizador y reivindicador de comportamientos antipolíticos. Frente al populismo exhibido por Carlos S. Menem en Argentina, fuertemente arropado por la maquinaria política del Partido Justicialista, o el de Abdalá Bucaram, asido al Partido Roldosista Ecuatoriano, se suscitó el de Alberto Fujimori quien diseñó una actuación destinada a alejar a la política de su acción

²² Véase Jordana J., *Relaciones intergubernamentales y descentralización en América Latina: una perspectiva institucional*, Washington, Banco Interamericano de Desarrollo Serie de Documentos de Trabajo I-22UE, 2001.

²³ Las reformas tendentes a la primera elección popular de alcaldes en Colombia en 1989 fueron coetáneas de las que eligieron a gobernadores en Venezuela. Las reformas constitucionales de Colombia, Argentina y México propiciaron la elección después de gobernadores de los Departamentos en el primero, y de los jefes de gobierno de la Capital Federal argentina y del Distrito Federal en México.

²⁴ El caso más evidente era el de Colombia. El propio Estado concedió una “zona de despeje” a la guerrilla y diferentes actores no estatales llegaron a controlar cerca del 40 % del territorio nacional. Pero también cabría referirse a Perú, Brasil y México. Carteles de la droga y traficantes madereros han impuesto su ley en distintas zonas ante la ausencia del Estado. En México, además, la guerrilla zapatista mantuvo un santuario en la Sierra Lacandona inhibidor de la acción del Estado.

de gobierno para lo cual expresamente desdeñó la movilidad social y/o política que pudo haber articulado mediante algún movimiento o partido, pero que renunció a ello mediante acciones despolitizadoras: así desvirtuó y redujo a la más mínima expresión el papel del Congreso, pero también de las Municipalidades convertidas en oficinas de gestión técnica de proyectos varios²⁵.

Por último, América Latina contempló a lo largo de esta década cómo se fue marginando su posición en el escenario internacional. Un problema que siempre ha tenido la región ha sido su carácter heterogéneo, sus intereses variopintos y su liderazgo disperso. Por otra parte, como ya se dijo, en el imaginario de Washington desapareció la idea de que su “patio trasero” pudiera caer en manos enemigas, desplazándose la centralidad de su política hacia el este europeo por los procesos de transición política y económica que se suscitaron y por el estallido del conflicto de los Balcanes. Paralelamente, América Latina siguió perdiendo peso en la economía mundial por el hundimiento de su modelo económico y por el mayor dinamismo de las economías del sudeste asiático. Aunque los lazos de institucionalización formal con el norte del continente dieron paso a la primera Cumbre de las Américas en 1994²⁶ y cinco años más tarde a la primera Cumbre Unión Europea, América Latina y Caribe, los resultados no fueron muy boyantes²⁷.

1.3. El ciclo bolivariano

Los efectos de las políticas neoliberales que causaron un verdadero trauma social e inspiraron fuertes procesos de movilización popular, sobre todo en Argentina y Bolivia, más Ecuador —que sufrió además una enorme inestabilidad política con siete presidentes en una década—, más el lento pero irreversible deterioro del “puntofijismo” venezolano²⁸, auparon gobiernos de naturaleza diferenciada bajo un modelo común de “populismo rentista”²⁹. Este modelo seguía el articulado por Chávez en Venezuela desde 1999, fortalecido tras superar éste el golpe de Estado y la huelga petrolera que se perpetraron contra su gobierno. Además, estos países supieron

²⁵ En Bolivia hubo experiencias neopopulistas en torno al compadre Palenque o al empresario Max Fernández que apenas lograron alcanzar pequeñas parcelas de poder legislativo y municipal.

²⁶ América Latina únicamente ocupaba dos renglones en la agenda internacional referidos al narcotráfico y a la emigración, solo cuatro años después el *Plan Colombia* sería el ejemplo más evidente como “producto estrella” de la Administración norteamericana para con la región.

²⁷ Con la Unión Europea (UE), y a pesar del impulso que supuso en las relaciones entre ambas partes el ingreso de España y de Portugal, entre 1980 y 2000 la parte del comercio latinoamericano que representa la UE cayó del 20 al 15 por ciento y, lo que era más grave, en el año 2000 las importaciones europeas procedentes de América Latina apenas si representaban el 4,7 por ciento del total importado por la UE y las exportaciones a América Latina alcanzaban un exiguo 5,8 por ciento del total exportado, siendo cinco años antes estos porcentajes del 5,2 por ciento y del 5,7 por ciento respectivamente.

²⁸ El Pacto de Punto Fijo de 1958 sentó las bases del sistema político venezolano entre 1958 y 1998.

²⁹ Véase Mazzuca S. L. “The Rise of Rentier populism”, *Journal of Democracy*, vol. 24, núm. 2, 2013, 108-122.

adoptar un lenguaje común y pautas de accionar solidario desde un compartido hiper presidencialismo plebiscitario bajo los designios de un nuevo regionalismo renovado.

Al socaire del denominado bolivarianismo, los gobiernos de Argentina, Bolivia, Ecuador y Venezuela, al que se sumó el de Nicaragua, adoptaron estrategias comunes y fueron conformando un esquema novedoso de articulación política con cierta aproximación a los regímenes de Brasil, a partir de la llegada a la presidencia en 2002 de Luiz Inácio “Lula” da Silva, y de Uruguay, después del triunfo del Frente Amplio en las elecciones de 2004. En 2008 se uniría parcialmente Paraguay tras el triunfo electoral de Fernando Lugo. Esta nueva coyuntura brindó un argumento potente para articular una respuesta política al exterior de la región medianamente homogénea e inédita superadora del escenario de marginalidad internacional que se señalaba al final del apartado anterior.

El “socialismo del siglo XXI”³⁰ estaba conformado por elementos clásicos de la izquierda latinoamericana: el antiimperialismo, en clave de antiamericanismo; la reivindicación retórica de la patria grande, como culminación del sueño de Bolívar de la unión continental; y la pulsión por la igualdad. Pero, además, se daban cinco elementos propios de la tradición populista latinoamericana: el caudillismo carismático y mesiánico que conllevaba tanto un discurso de gran intensidad emotiva como la reelección indefinida y la concentración del poder; la centralidad del Estado rentista en economías de fuerte carácter extractivo; la advocación constante a la identidad nación-pueblo y a su papel como sujeto de la historia; la tendencia al control abrumador de la información en pro de la libertad de la misma al confrontarse con los grandes grupos empresariales mediáticos; y, aunque el proceso ha venido gozando de una institucionalidad muy baja, un recurso a la práctica electoral tutelada sistemáticamente según una lógica de ventajismo gubernamental permanente en pro de la construcción de una determinada hegemonía.

Formalmente hablando todo ello fue quedando incorporado, sobre todo en Venezuela, Ecuador y Bolivia, en los supuestos del denominado neoconstitucionalismo, confrontador del constitucionalismo liberal clásico. Se fueron introduciendo de forma generalizada la preocupación por el auspicio de derechos de tercera generación, el reconocimiento del carácter multicultural y plurinacional, la incorporación de criterios de democracia participativa, pero también la reelección que tiende a ser ilimitada así como medidas que incrementan el peso del presidencialismo³¹.

No obstante, hay que defender que en este escenario había diferencias significativas entre los países conformadas por las experiencias vividas en un periodo difuso definido entre el final de la última década del siglo XX y el principio de la

³⁰ Otra denominación por la de bolivarianismo no incorporada a los otros procesos y de uso limitado casi exclusivamente al caso venezolano y que en Ecuador se denominó “revolución ciudadana”.

³¹ Véase Nolte D. y Schilling-Vacaflo A. (eds.). *New Constitutionalism in Latin America. Promises and Practices*, London, Asghate, 2012.

siguiente. Un lapso en el que para algunos países —no todos, y éste puede ser tenido como un factor explicativo de primer orden— se evidenció el fracaso de las medidas del Consenso de Washington en lo atinente no sólo a disminuir la desigualdad en la región, que es de las más altas del mundo, sino como contribuidoras a su crecimiento. Asimismo, se puede señalar el fruto de la existencia de una combinación de nuevos liderazgos proactivos, que se añaden al magisterial de Chávez, de Evo Morales, Rafael Correa, Daniel Ortega y Cristina Fernández (antes Néstor Kirchner), con fuertes procesos de movilización social que impulsaron reformas políticas de diferente calado. En su momento lo fueron los drásticos cambios constitucionales de Ecuador y de Bolivia, junto con las reformas constitucionales parciales de Nicaragua y de Venezuela.

Las distintas interpretaciones acerca de la izquierda en el poder en la región han establecido la existencia de dos subgrupos³²: un subgrupo de corte populista más a la izquierda y otro de naturaleza socialdemócrata³³. También se dio una diferencia significativa a la hora de evaluar el hecho de que ni en Chile ni en Brasil ni en Uruguay se plantease la posibilidad de eliminar la cláusula limitadora de la reelección presidencial³⁴ ni se abolieran mecanismos constitucionales del Estado de derecho liberal clásico para limitar el pluralismo democrático, manteniéndose el equilibrio de poderes y alejando cualquier viso de que se inmiscuyera el Ejecutivo en el Judicial o en los organismos electorales. Sin embargo, se dio una aceptación implícita y de validación por parte de estos tres países de la forma de actuar políticamente de los restantes que conformaban el núcleo duro del eje bolivariano donde la obsesión por la reelección presidencial indefinida se abrió paso pronto.

Todo ello planteaba la existencia, con las salvedades que se han indicado, de una situación de sesgo en términos numéricos hacia el centro izquierda con un grupo de países integrado por Argentina, Bolivia, Brasil, Chile, Costa Rica, Cuba, Ecuador, El Salvador, Nicaragua, Venezuela y Uruguay, frente al conformado por Colombia, Guatemala, Honduras, México, Panamá, Perú y República Dominicana.

La heterogeneidad de América Latina quedaba de relieve una vez más, ya que si bien fue cierto que se registró un giro a la izquierda, especialmente en países del sur, éste tuvo un componente dual que generó la existencia de matices profundamente diferenciadores: de respuesta al fracaso del neoliberalismo, como ya se dijo, pero

³² Algunos autores señalan que la visión de las dos izquierdas es reduccionista y superficial. Véase Dabène O. (dir.), *La gauche en Amérique latine*, París, SciencesPo, Les Presses, 2012.

³³ Si bien esas diferenciaciones no han tenido en cuenta, por ejemplo, el hecho de que los amplios gobiernos chilenos de naturaleza coalicional, aunque estuvieran presididos por dos socialistas como Ricardo Lagos y Michelle Bachelet, eran gobiernos de coaliciones multipartidistas con formaciones alejadas de la izquierda; circunstancia similar acaecida en Brasil durante los gobiernos de Lula da Silva o de Dilma Rousseff, en los que, comenzando por los propios vicepresidentes, la inclusión de fuerzas del centro e incluso de la derecha es evidente.

³⁴ En Brasil se admiten dos periodos seguidos. En Chile y Uruguay se permite la reelección no inmediata.

también de culminación de un ciclo político electoral donde la alternancia era una consecuencia natural del mismo. Ello generó procesos con vocación de cambio social basados en una fuerte transformación de la élite en el poder político, que intentaron construir una mística propia mediante la gestación de mitos, o la reinterpretación de los ya existentes —Bolívar—, y también de un discurso nuevo. Pero, por otra parte, se dieron así mismo procesos de institucionalización variopinta que inicialmente alcanzaron logros exitosos tanto en el terreno socioeconómico como en el político.

2. El nuevo ciclo político

Este escenario, no obstante, comenzó a resquebrajarse en 2013. Después de Chávez el escenario venezolano concitó dos circunstancias novedosas en el contexto de un clima de polarización cada vez más agudizado. En la medida en que es imposible transferir el carisma, el liderazgo bolivariano pasó por un proceso de compleja reconfiguración toda vez que Nicolás Maduro³⁵ carecía de las cualidades y atributos que poseía su predecesor. Por otra parte, el estado de la economía venezolana, seriamente afectado por la caída de los precios del petróleo y la ineficacia gubernamental, confronta una inflación galopante y un déficit público enorme, con problemas de desabastecimiento serio y unos índices muy elevados de inseguridad ciudadana. Ello ha tenido unas repercusiones evidentes para el resto de la región sin un líder aglutinador de diferentes sensibilidades, tanto de aquellas generadas por factores vinculados a la personalidad propia de cada uno de los otros líderes nacionales, como del ímpetu en la imposición de un modelo validado por el socialismo del siglo XXI. Además, el fin del escenario de bonanza económica restó a Venezuela su condición financiadora de los países socios.

El periodo entre 2014 y 2017 supuso la realización de elecciones presidenciales en toda América Latina salvo México. En siete países se reeligieron los presidentes (Venezuela, Brasil, Colombia, República Dominicana, Bolivia, Nicaragua y Honduras), en tres hubo cambio presidencial, pero no del partido en el gobierno (El Salvador, Uruguay y Ecuador), y en los restantes (Perú, Argentina, Panamá, Paraguay, Chile, Guatemala y Costa Rica) la alternancia fue completa, aunque en Chile se produjera una suerte de “continuismo interrumpido”. De este último grupo el cambio con mayor impacto fue el de Argentina por el peso que tiene el propio país en la comunidad latinoamericana y por el sentido del mismo al llegar al poder un político de la derecha, Mauricio Macri, por primera vez desde el inicio de la

³⁵ Chávez, diagnosticado de cáncer, dejó el mando del proceso bolivariano a su vicepresidente Nicolás Maduro el 8 de diciembre de 2012 en los prolegómenos de su viaje de regreso a La Habana para continuar su tratamiento médico. Tras el 5 de marzo de 2013, fecha oficial de su fallecimiento, se abrió enseguida el proceso electoral por el que Maduro fue elegido nuevo presidente el 14 de abril de 2013 en unos comicios cuyos resultados fueron muy cuestionados.

transición. También debe enfatizarse que si bien en Ecuador no hubo alternancia partidaria la fuerte impronta de Rafael Correa no tiene continuidad en la figura de su sucesor y conmlitón, Lenin Moreno. En el orden de los comicios legislativos en Venezuela el gobierno bolivariano sufrió su primera derrota en tres lustros ante la heterogénea Mesa de Unidad Democrática en diciembre de 2015.

Cuatro años después de la muerte de Hugo Chávez concluye un periodo en el que, paralelamente a los cambios impuestos por el juego electoral, entre septiembre de 2015 y finales de 2016 se han dado cabida hechos de naturaleza diferente pero de indudable trascendencia regional como el encarcelamiento del presidente guatemalteco Otto Pérez Molina, el juicio político espurio a Dilma Rousseff que supuso que dejara la presidencia brasileña, el proceso de paz en Colombia y la muerte de Fidel Castro. Todos ellos son colofón del ciclo político ya culminado y preámbulo del que se inicia en 2018 con la continuidad del carrusel electoral en el que se destacan los comicios de Colombia, México y Brasil que acompañan a los que tendrán lugar antes en Honduras, Chile, Costa Rica y Paraguay.

Por otra parte, el impacto que supone la corrupción como elemento explicativo de la caída de Pérez Molina se debe vincular con dos circunstancias acaecidas en 2017 en América Latina que evidencian la permanente pulsión en el terreno institucional que acompañan la apertura del nuevo ciclo político cuyo lineamiento es todavía precipitado definir. La primera tiene que ver con la deriva autoritaria del proceso político venezolano en clara consonancia con el proyecto hegemónico que se viene impulsando en este país desde hace ya más de tres lustros. Si las elecciones legislativas de finales de 2015 pusieron de relieve la complejidad del panorama político del país que se reafirma como plural y que como tal responde negando la confianza al gobierno desde una perspectiva pluralista, la respuesta de éste no ha dejado desde entonces de manipular torticeramente las instituciones para bloquear la acción tanto de control como legislativa de la Asamblea. En una situación de deterioro económico insólito el control del Ejecutivo sobre el Poder Judicial, primero, ha supuesto un mecanismo para doblegar al Legislativo en un juego agónico de supervivencia al que ha seguido después la convocatoria ilegítima de una Asamblea constituyente³⁶.

La segunda se refiere al siempre candente asunto de la reelección presidencial, cuya prohibición mantienen todavía México, Panamá y, recientemente, Colombia. Si bien Paraguay se incluye también en ese grupo, partidarios del presidente Horacio Cartes, del Partido Colorado, y del depuesto presidente Fernando Lugo, del Frente Guasú, aunaron sus fuerzas a mediados de 2017 para intentar eliminar la cláusula

³⁶ Un intento de autogolpe permanente que, como acaeciera con Fujimori en 1992 y un año después con Serrano Elías en Guatemala es una seria anomalía en el desarrollo institucional de sistemas políticos más acostumbrados a interrupciones de la institucionalidad desde el Legislativo contra el Ejecutivo. El Legislativo se alzó prepotente en los casos del golpe de estado contra Zelaya en 2009 y de destitución de Lugo en 2012, Pérez Molina en 2015 y Rousseff en 2016.

que prohíbe la reelección en la Constitución de 1992, generando un conflicto que llegó a cobrarse una víctima y provocó el incendio del Congreso, suspendiéndose el cambio constitucional. Sin embargo, en Honduras, el presidente Juan Orlando Hernández, aprovechando la decisión de la Corte Suprema de Justicia relativa a la “inaplicabilidad” de la prohibición de la reelección, logró pasar la enmienda. Son evidencias de un escenario en el que el cumplimiento de las reglas es proceloso y las formas mediante las que se pueden cambiar son a menudo violentadas, como en este terreno ya aconteció en Nicaragua, poniendo en un brete la institucionalidad democrática.

Venezuela: ¿un caso más en la búsqueda desesperada de autonomía nacional?²

Venezuela: Another case in the desperate search for national autonomy?

Anoche en una conversación informal fui acusado de idealista y el interlocutor, mi extrañable amigo, se refirió incluso con cierta ternura a los esfuerzos que hago por tratar de hacer una lectura marxista de la realidad contemporánea. Este esfuerzo si proviene de alguien que aprendió de una profunda crisis existencial, hacer una seria valoración de la tradición liberal garantista, se acenntúa cuando el año pasado escribí un libro de significación actual de Vladimir Illich Lenin — razón por la cuál tienen ustedes razones para asustarse por esta breve intervención.³

Si observamos los problemas que los políticos del mundo tienen, hay una constante, parece que sin comillas y evidente — el desesperado intento, la búsqueda desesperada de muchas naciones por alcanzar lo que podríamos denominar como autonomía nacional, autonomía nacional en manejo de sus recursos, en la generación de las condiciones institucionales para adoptar sus propias decisiones. Venezuela es un caso desesperado de búsqueda de autonomía nacional.

Por ahora me quiero concentrar en ese concepto, porque iniciar ya un ahondamiento de este complejo problema, incorporando la valoración sobre los contenidos de la democracia, es decir, sobre la gestión democrática, requiere el tiempo que no disponemos. Lo obstante lo cual nos parece importante es dejar expuesto, mencionado este conflicto latente en la pariencia de los fenómenos geopolíticos globales — el conflicto entre la cuestión nacional y la cuestión democrática. Puesto que lo que observamos cuando analizamos otros casos de radicalización del esfuerzo por acceder a formas de autonomía nacional no es una tendencia a lograrlo mediante procesos que conduzcan a la calificación de la cultura democrática y de la convivencia democrática implícita, sino al contrario proceso que tiende a lograrlo mediante la exaltación nacionalista, ultranacionalista, que en general además conduce a formas autoritarias. Y a así tenemos enorme cantidad de casos (el turco, por ejemplo, es un

¹ Copresidente del Instituto de Bering-Bellinshausen para ambas Américas, Montevideo, Uruguay.

² Conferencia magistral durante la sesión plenaria del III Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante”.

³ Bleier G. *¡Hello, Lenin!*, Montevideo: Cruz del Sur, 2017.

caso emblemático: hace unos meses que teníamos un presidente Erdogan y ahora tenemos allí un rey Erdogan).

Esta desesperada búsqueda de autonomía nacional se realiza, tiene lugar como consecuencia de la movilización de sujetos sociales para lograr lo que la sociedad domine a la riqueza, o tiene lugar como consecuencia de la necesidad de unas élites para mejor preservar sus privilegios. O es que necesariamente las dos cosas van unidas. Como vemos en la simple forma de formular las inquietudes, y muchos de ustedes lo habrán percibido, no es lo mismo analizar esta desesperada búsqueda de autonomía nacional desde una perspectiva, digamos, Hegeliana o Weberiana que desde una perspectiva marxista.

Una hace hincapié en lo que podríamos considerar la razón del Estado, la ética de responsabilidad y de la adopción de unas decisiones institucionales de una nación para lograr su mejor desarrollo en todos los sentidos: económico, político-jurídico para estar en las mejores condiciones competitivas con otras naciones. Esta es la versión Hegeliana o Weberiana. Y otra es la marxista: hace hincapié en necesidad de incorporar conceptualmente el análisis de problemática, de los problemas referidos hacia la sociedad la que domina la riqueza o la riqueza la que controla a la sociedad.

¿Qué nos dice en este contexto de búsqueda desesperada de autonomía nacional que en todo lado vemos, observamos? Vemos la crisis de la social-democracia que se acentúa muy, diría, dramáticamente en el mundo entero y sobre todo en aquellos países donde accedió y dispuso de posiciones hegemónicas. Nos habla esta crisis de la social-democracia de una crisis del capitalismo de castas, lo que podríamos denominar simpáticamente como el capitalismo de amigos.

¿Cómo obtiene una nación autonomía? ¿Como ha hecho China para construir autonomía desde las reformas implementadas por Deng Xiaoping? Creó una burguesía nacional. Los países que no cuentan con una burguesía nacional, que producen riqueza, reinvierten, dinamizan a la sociedad civil y su conjunto, ¿tienen alguna chance de ser políticamente autónomas frente a la radicalidad no administrada políticamente que tuvo la globalización desde los noventa? Puesto que el mundo tal como lo conocimos desde la pos-guerra hasta el fin de los noventa fue administrado por élites que tuvieron la inteligencia, la seriedad y la solidez de administrar políticamente los procesos de expansión natural y propios en la forma de reproducción del capital.

Razón por cual Europa, la Europa Occidental logró generar una institucionalidad que administró muy inteligentemente los equilibrios, producción de riqueza y de igualdad, condiciones sociales de igualdad en el acceso a la educación y a la salud. Lo hizo ciertamente y es necesario señalarlo por lo que viene después, porque Europa contaba con los enormes recursos obtenidos durante el período de su expansión imperialista, enormes recursos en la forma de universidades, en la forma de innovación, en las formas de investigación científica, enormes recursos de

la capacidad expansiva de su economía. Los sudamericanos sabemos muy bien el peso de esa potencia institucional expansiva de la Europa — que vengo de elogiar — cuando en la década de los noventa privatizó todo en un modo poco transparente (para decirlo de modo elegante) cuando adquirieron la mayoría de las empresas estratégicas en buena parte de América del Sur. Si hubiesemos tenido una élite policlasista sudamericana y hubiese comprendido la enorme importancia de disponer de estructuras productoras de capital autónomas propias, no hubiese ocurrido lo que luego ocurrió. Por ejemplo, la revolución bolivariana.

Desde muy humilde punto de vista el conflicto, lo sustancial del conflicto geopolítico de globalización de este momento, no es entre nacionalismo y liberalismo como lo suelen a presentar los medios de comunicación. No es tampoco en modo alguno un conflicto según la lógica *amigo-enemigo* construida por el teórico nazi Karl Schmid como reacción a los procesos revolucionarios de principio del siglo veinte, como reacción de las élites aristocráticas temerosas frente a la irrupción de “las masas” a la *praxis* política, irrupción y participación política que las sustraía de toda la forma de tradición disciplinante.

Desde mi punto de vista para comprender lo central de la complejidad del momento que estamos viviendo, y que no por casualidad más temprano se menciona como un período de transición inestable, escuche y me trajo muchas reminiscencias la palabra *perestroika*. Quizás porque ciertamente a la institucionalidad del mundo le hacen falta una *perestroika* y una *glasnost*. Que la institucionalidad de pos-guerra administró un estado de situación que ya no es el mismo.

Las instituciones globales como las Naciones Unidas o la Organización Mundial de Comercio — como todos estamos observando — no están siendo capaces de establecer un orden que contemple un factor esencial que la globalización desentrenada, no administrada políticamente, no tuvo en cuenta y sobre la cual advertió con mucho énfasis poco antes de morir el pensador marxista húngaro Georg Lukács. Él nos invitó a todos sus admiradores (y yo me cuento entre ellos) a pensar en dos problemas: el problema de la democratización de la sociedad (prefirió usar este término a cualquier otro, porque hizo una profunda lectura autocrítica de la pretensión igualitaria estatal burocrática que implicó el estalinismo en todas formas) y el análisis de los problemas del desarrollo desigual de las naciones.

Lo que voy a decir, es muy políticamente incorrecto, y si dejase absolutamente de mi espíritu crítico respecto a lo que ha ocurrido en Venezuela, no lo diría. Pero creo que estamos en un lugar donde vale la pena señalarlo para quizás enriquecer el debate. Voy a hablar bien de Nicolás Maduro “*los Pajaritos*”.

Nicolás Maduro heredó un proceso autonomista radical desarrollado por Hugo Chávez, autonomista en relación de sus recursos naturales en un contexto histórico extremadamente difícil. Y además se complementó con la implosión del valor del precio de las materias primas en general, y del petróleo en particular.

Ninguna nación puede construir autonomía nacional alguna si no logra estabilizar institucionalmente al país, a la nación la que procura lograr esa autonomía. Y tengo que decirlo, para mi sorpresa, Maduro ha gestionado este conflicto en los últimos tiempos con mucha más solvencia de lo que podría esperarse.

Yo sé que hay quienes objetan la legitimidad de Maduro y de la Asamblea Constituyente, pero no es mi caso. Creo que así como hubo un proceso del deterioro de la calidad de la cultura democrático-republicana desde el momento, una vez que la oposición gana la Asamblea Nacional y en seguida intenta tirar a Maduro, y con unas lógicas anti-chavistas peligrosamente parecidas a un linchamiento, generó un nivel de polarización en la sociedad venezolana que corría el riesgo de iniciar el proceso de descomposición estatal. ¿Y a quien le sirve una descomposición estatal en una de las naciones más ricas del mundo? Y creo que Maduro con todas sus limitaciones teórico-políticas encontró el modo de encontrar las condiciones de estabilidad sin dejarse arrastrar por otros compañeros de su partido hacia prácticas represivas radicales. No sabemos todavía como va a transcurrir el proceso de la Constituyente puesto que está en plena producción legislativa, pero sí sabemos que logró mediante esa estrategia de convocatoria de una Asamblea Constituyente estabilizar al país y generar la forma de diálogo para posiblemente abrir la oportunidad de participación en el poder político.

¿Por qué señalo esto? Y con esto concluyo. Porque es necesario observarlos los sucesos de Venezuela y de otras naciones bajo esta perspectiva de una desesperada búsqueda de autonomía nacional. Porque si la globalización, según las lógicas neoliberales de los noventa, continúa expandiendo sin contraposición, el riesgo de la descomposición de los estados nacionales es altísima.

Por un lado, por el riesgo de que ocurran fenómenos propios los que la ciencia política llama los *estados fallidos*, por crisis radicalizadas en su interior que pueden conducir a hacer ingovernables esas naciones, lo que beneficie, claro, a los intereses externos. Y el otro proceso de descomposición que puede poner en riesgo la potencia de la autonomía nacional, autonomía tanto en la construcción de cultura democrática como en la construcción del proyecto de desarrollo que contemple la necesidad de administrar los recursos naturales del propio país.

Me refiero con esto a ciertas trenzas de poder política — riqueza que se articula en la administración de los estados y que se explica muchos fenómenos: las denuncias contra poderes como en casos de corrupción (probados y no probados), denuncias contra una empresa nacional apalancada por un estado nacional porque esta empresa compite en otro mercado suramericano con empresas que disponen de altísimos niveles tecnológicos, de disposición capital de sus países centrales.

No se entienda, por favor, que estoy haciendo elogios de la forma de desarrollo de las empresas latinoamericanas mediante el presuroso procedimiento de coimear a los que deciden a quien conceda una obra. ¡Naturalmente que no! Pero estoy haciendo

notar que las lógicas del capitalismo de castas y de los amigos son consecuencias de la necesidad de las naciones de que para disponer con la autonomía nacional necesitan tener capitales y capitalistas nacionales. Y a mi juicio, muchos de los problemas que vemos en el mundo son resultados, incluso el caso catalán, que hemos observado en las últimas horas, son el resultado de lo que vamos a denominar como impotencia competitiva. Es decir, la dialéctica del conflicto entre las prácticas imperialistas o neo-imperialistas, está teniendo lugar más la impotencia competitiva de enorme cantidad de las naciones para consolidar proyectos de desarrollo que les permitan ser autónomas. Este es el principal problema del mundo.

No hay problema entre nacionalismos, no hay un problema entre la emergencia de los populismos. Los hay también, pero el populismo tiene un corto vuelo, por eso no son estos problemas principales. Los problemas principales que afectan a la humanidad son, y lo digo con Carlos Marx: si la sociedad domina la riqueza o la riqueza domina la sociedad.

¡Muchas gracias!

Los cambios regionales y globales y su impacto en América Latina y el Caribe: algunas reflexiones y un cúmulo de incertidumbres²

The regional and global changes and their impact in Latin America and the Caribbean: some reflections and an accumulation of uncertainties

El sistema internacional vive una transición compleja, con altos niveles de incertidumbre y de transformaciones aceleradas, con cambios tectónicos que implican desplazamientos y reconfiguraciones geoeconómicas y geopolíticas a nivel global y que básicamente se desarrollan sobre la base de la combinación de dos ejes. Por un lado, el **fin de ciclo de la globalización** tal como la hemos conocido hasta ahora, hacia una modalidad más regionalizada en el marco de un sistema multipolar, en el sentido que habrá un desarrollo económico, político y social dividido por regiones, en detrimento de la integración e interdependencia mundial generada por la globalización, con el surgimiento de nuevas instituciones y normas que no necesariamente responden a las establecidas por el orden liberal internacional. El nuevo ciclo ha dado lugar a un debate en curso sobre la crisis de la globalización, el desarrollo de una post-globalización (es decir una globalización que sigue en desarrollo, pero con nuevas características que hace a una nueva fase posterior), de una des-globalización, de un re-globalización con rasgos diferentes, de una globalización alternativa a la impuesta por el orden internacional liberal con la emergencia de nuevos focos de dinamismo económico en diversas regiones, de globalizaciones alternativas o a una globalización post-occidental de creciente acento sino-céntrico. Gran parte de este debate se refleja en el documento resultante del coloquio organizado por CRIES en septiembre de 2017 y cuya síntesis se encuentra incorporada como documento en este volumen. La mayoría de los analistas, sin embargo, consideran que este proceso no implica la reversibilidad de la globalización tal como se ha desarrollado en las últimas décadas, sino su transformación, con mayor énfasis en las dinámicas regionales.

Por otra parte, la consecuente y concomitante **reconfiguración y difusión del poder mundial**, con la emergencia de nuevos actores relevantes como China, Rusia

¹ Doctor, presidente de CRIES; Argentina.

² Conferencia magistral durante la sesión plenaria del III Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante”.

y la India en el marco de esta multipolaridad, que dan lugar a nuevas visiones globales, eventualmente en competencia, y que contribuyen a generar nuevas formas de gobernanza y nuevas normas internacionales, en la medida de que los antiguos “*rule-makers*” de Occidente comienzan a ser cuestionados o desplazados por algunos actores que antiguamente, y especialmente luego de la Segunda Guerra Mundial, se asumían cómo “*rule-takers*” en el sistema internacional (como caso ilustrativo se cita a China) y que, en la actualidad dan asimismo lugar a la aparición de en un espectro nuevo de “*rule shakers*” y, eventualmente, de “*rule makers*” emergentes. La multipolaridad que emerge, especialmente en esta fase primigenia, es propensa a errores de política, rivalidades y tensiones geopolíticas, y al desarrollo de nuevas narrativas para interpretar la transición, caracterizada por la persistencia de formas unipolares, multipolares y caóticas o apolares en un mundo en el que nace un **nuevo orden mundial**. Este nuevo orden mundial responde a un mundo “multiplex”, en el cual múltiples actores que reflejan una diversidad cultural y una distribución desigual de poder relativo compiten en diversos niveles simultáneos. Entre estos actores se encuentran no sólo estados nacionales de relativo poder en el sistema internacional, sino también organizaciones internacionales, corporaciones, actores no-estatales de diverso orden y regiones geográficas con un cierto nivel de institucionalización. Este complejo entramado de actores da lugar a la emergencia de un nuevo mundo que no refleja los intereses de un poder hegemónico superior, ni siquiera de un grupo de poderes con la capacidad suficiente de imponer su voluntad, de manera sostenida, al resto, lo cual hace difícil identificar quién determinará las nuevas reglas de juego imperantes en el sistema, particularmente si avanza un debilitamiento del poder hegemónico de los Estados Unidos a nivel mundial. A su vez, las complejas relaciones de multinivel a que da lugar generan nuevas formas de conceptualizar las relaciones entre poder económico, político y militar, en el marco de un ajedrez multidimensional, que da lugar a nuevas formas — más complejas — de articulación regional, ya sea como zonas de influencia de actores más poderosos, áreas civilizatorias re-emergentes o condensaciones de la globalización regionalizada. No obstante, en muchos de los estudios realizados desde América Latina, en el marco de este debate, la preocupación sobre la hegemonía estadounidense parece haber sido desplazado por una visión benévola de la proyección global de China, con un fuerte énfasis sino-céntrico.

Desplazamientos geopolíticos y geo-económicos

La extraordinaria concentración de poder económico que desde el siglo XV caracterizó el desarrollo de Occidente en torno al Atlántico, dio lugar, en distintas fases, a la formulación e imposición de una agenda global y de normas internacionales que convirtieron al ámbito nord-atlántico en el principal y predominante “*rule*

maker” en el sistema internacional en los últimos doscientos años. En las últimas tres décadas, sin embargo, se produce un desplazamiento del eje del dinamismo económico mundial **desde el Atlántico hacia el Asia-Pacífico**, precedida por la desarrollo de algunas economías asiáticas y fuertemente impulsada por el desarrollo acelerado de China y su impacto en Asia del Este. Este desplazamiento no sólo se relaciona con la emergencia de China y la visión progresivamente articulada del “*China dream*”, con su componente sino-céntrico, crecientemente incorporado en la visión de las elites de este país, sino también con el desplazamiento gradual de la generación de instituciones, bienes globales y regionales, y normas internacionales hacia el Asia-Pacífico y, eventualmente, hacia el Sur Global con la emergencia de otros nuevos actores (caso BRICS, MIKTA).

El nuevo acento regional de la globalización que se produce con este desplazamiento, ha dado lugar a que China se comprometa con la globalización en sus propios términos (socialismo con características chinas — Xi), a raíz de los beneficios que le ha proporcionado a su desarrollo y crecimiento económico y a su proyección geopolítica sin modificar la prevalencia del modelo político y de desarrollo propiamente chino.

Durante su presidencia Barack Obama lanzó el “*pivot Asia*” para impulsar una estrategia y contrarrestar el peso chino en la región, y promovió, en ese marco, el TPP (*Trans-Pacific Partnership*), sin la participación de China. China reaccionó primero con el lanzamiento del RCEP (*Regional Comprehensive Economic Partnership*) dirigido a sus vecinos asiáticos y luego, durante la más reciente Cumbre de la APEC, con la propuesta de crear en dos años el FTAAP (Área de Libre Comercio del Asia Pacífico), sin la participación de los EEUU. La cancelación por parte del presidente Trump del TPP (junto a la paralización del TIIP en el área atlántica y la renegociación en curso del NAFTA) en el marco del nuevo proteccionismo estado-unidense, descolocó a sus socios del TPP, incluyendo a tres miembros de la Alianza del Pacífico en América Latina, y afectó significativamente la proyección geoestratégica de los EEUU en el Asia Pacífico. A diferencia del TPP, el RCEP es más tolerante con los modelos de economía planificada y con estándares laborales inferiores, reduciendo y eliminando barreras tarifarias y a la vez no afectando estándares y barreras no-tarifarias.

En este marco, China apela a invertir plenamente en la globalización apoyando el comercio multilateral a través de la aceleración del RCEP y haciendo avanzar la FTAAP, para la región del Asia Pacífico, pero paralelamente ha creado una serie de nuevas instituciones como el *Asian Infrastructure Investment Bank* (AIIB), el Banco de Desarrollo de los BRICS y más recientemente ha lanzado la iniciativa de la Ruta de la Seda para el desarrollo de siete vías de comunicación (seis terrestres y una marítima) orientadas hacia Asia Central y Europa — “*One Belt, One Road*” (OBOR), como un ambicioso plan de proyección continental y de conexión con Europa, basado en el desarrollo de una infraestructura y de inversiones en el área.

En este marco, la preocupación de los últimos años acerca del desplazamiento del dinamismo económico y la difusión del poder del Atlántico hacia el Asia-Pacífico, ha hecho perder de vista otros procesos de desplazamiento geopolíticos no menos importantes pero vinculados a esta dinámica inicial — la progresiva configuración de **la Gran Eurasia**, sobre la base de la convergencia entre China y la Federación Rusa, y en función de una nueva arquitectura institucional que incluye el OBOR, la Unión Económica Eurasiática (promovida por Rusia con dos socios del Asia Central y dos socios europeos), particularmente luego de las sanciones occidentales impuestas por la crisis de Ucrania y la incorporación de Crimea, y la ya establecida Organización de Cooperación de Shangai (OCS) entre Rusia y China, con la participación de los países del Asia Central, Turquía e Irán, y la potencial incorporación de India y Paquistán. Es importante señalar que es particularmente relevante la evolución de la OCS desde un acuerdo orientado a los temas de seguridad, a una creciente configuración como un espacio de intercambio y cooperación comercial.

Por otra parte, la creciente influencia y proyección de China en el Asia Pacífico ha dado lugar a una reacción bajo la forma de la emergencia de una concepción del **Indo-Pacífico**, promovido tanto por los EEUU bajo la administración Trump como por la India, Japón y Australia, quienes, su vez, han impulsado — particularmente en el caso de los dos primeros — el *Asia Africa Growth Corridor* (AAGC), asimismo orientado a desarrollar la infraestructura, la tecnología, la energía renovable y los proyectos agrícolas con foco en los países del África y del Sudeste asiático, en el que el Banco de Desarrollo de África juega un papel primordial.

Tomando en cuenta estos y otros procesos, desde una perspectiva crítica de la geopolítica se hace evidente que emergen nuevas narrativas que dan lugar a orientaciones estratégicas por parte de diversos actores que desarrollan un análisis crítico de los discursos que han protagonizado y que actualmente protagonizan el debate de la relación espacio-poder (Preciados), articulando la geopolítica y la geo-economía en el marco de discursos geoestratégicos promovidos por las respectivas elites políticas, económicas y militares en función de la demarcación de espacios, no sólo en relación con los estados sino también con regiones específicas, bajo el proceso de transnacionalización que ha impulsado la globalización.

Las nuevas narrativas

Si a nivel global, las narrativas que prevalecieron en décadas anteriores se caracterizaron por **una narrativa bipolar** durante la Guerra Fría, una **unipolar** después de la implosión de la URSS con al predominio hegemónico de los EEUU, y la emergencia más reciente de una narrativa **multipolar** —predominantemente económica pero de carácter complejo y no hegemónico — en el marco de esta última las elites respectivas han desarrollado nuevas narrativas acentuando con frecuencia

la importancia de los núcleos de dinamismo regional, sin abjurar de los procesos de globalización y abriendo el camino hacia una globalización regionalizada.

Es así que frente a una **narrativa atlantista** ha surgido una **narrativa del Asia Pacífico** — con elementos descollantes como el rol ascendiente y predominante de China como agente de cambio en la región en el marco del desplazamiento desde el Atlántico ya mencionado, y el énfasis de un Asia para los asiáticos, en función de una polaridad sesgada de normas y valores; dos versiones de una **narrativa euroasiática**, en función de los intereses compartidos pero eventualmente divergentes de China y de Rusia, y una **narrativa del Indo-Pacífico**, de carácter más reactivo.

Sin mencionar otras regiones estratégicamente relevantes a nivel global (como el Medio Oriente y el Golfo Pérsico, de gran importancia energética y estratégica y de vinculaciones diversas con las narrativas anteriores, entre otras), lo cierto es que la percepción de un Asia-Pacífico como una región que ha desplazado al Atlántico de una manera homogénea, choca con una serie de matizaciones que responden a diversos intereses nacionales a nivel regional, a diversas estrategias consecuentes y a la superposición de diversos cambios tectónicos en el ámbito global.

En este contexto, cobra creciente impulso la percepción de la emergencia de un nuevo orden mundial post-occidental, de carácter multipolar y policéntrico, con las dinámicas multiflex ya mencionadas y con el surgimiento de nuevas normas y reglas de juego que surgen de la tensión entre las ideas y valores occidentales y no-occidentales. De hecho, nos encontramos ante un proceso de transición hacia un mundo genuinamente multipolar — no sólo en términos económicos sino también geopolíticos — en el marco de la configuración de una agenda global que aún no se refleja con claridad en los organismos multilaterales y que, por otra parte, va configurando un sistema mixto en el cual coexisten economías centralmente planificadas con economías más abiertas, generando un orden social mixto más diversificado que opera de diversas maneras en diversas regiones y países y en torno a prioridades y temas diferentes de la agenda global (Mazzar). En todo caso, un orden mundial no tan liberal, en tanto si bien los valores occidentales se mantienen parcialmente a nivel global, el orden liberal institucional establecido se acomoda y coexiste con diversos sistemas políticos domésticos y con estrategias regionales y globales diferenciadas, en el marco de narrativas que se articulan con visiones económicas y geopolíticas distintivas.

Pese al cuestionamiento al proceso de globalización — originariamente promovido por movimientos sociales anti-sistémicos y paradójicamente actualmente impulsados por movimientos proteccionistas, nacionalistas y, eventualmente, aislacionistas del mundo atlántico — , en el ámbito de los poderes emergentes la globalización sigue siendo percibida en forma positiva, particularmente a través del impulso a nuevos acuerdos de libre comercio y a la creación de nuevas instituciones y normas. En este marco, la globalización (y sus diversas narrativas) no parece

agotarse sino que adquiere nuevos contornos con la aparición de actores emergentes de diversos tipos que redefinen las reglas y las normas del sistema internacional, en función de valores nuevos o diferenciados.

En suma, la crisis institucional y política del atlantismo y sus aspiraciones a establecer las reglas que rigen la gobernanza global — más allá de las dificultades por las que atraviesa el multilateralismo — dan lugar a cambios en las reglas de juego en la economía y en la seguridad mundial por la aparición de los nuevos actores; se profundiza la erosión del sistema jurídico internacional en su aspiración de debilitar la soberanía de los estados; se acelera la regionalización y transnacionalización de las relaciones internacionales; se agudizan las luchas identitarias y religiosas y se hacen transnacionales a la par de que el modelo de desarrollo global encara una transición junto con las normas de gobernanza que lo apuntalan, mientras que se incrementan las tensiones sociales y la crisis de las ideologías.

América Latina y la nueva coyuntura

En este marco, luego del despliegue del regionalismo post-liberal o post-hegemónico en el contexto favorable del *boom* de los *commodities* y del auge de los gobiernos de izquierda y populistas de la región en la década precedente, la nueva coyuntura que vive la región no sólo se produce en el marco de una reconfiguración de su mapa político y de sus actuales dificultades de crecimiento y desarrollo, sino que abre también una serie de interrogantes no sólo sobre los factores endógenos que pueden condicionar su evolución sino principalmente sobre los factores exógenos que se vinculan con la evolución del orden global, condicionado por las orientaciones internacionales de los EEUU bajo la administración Trump, las transformaciones en Europa, y el acomodamiento de China a su ascenso global, pero también por la reconfiguración del mapa de los centros de poder económico y militar a nivel global y, especialmente, en torno a la emergencia de nuevos polos regionales, frecuentemente legitimados por sus propias narrativas, como en los casos de Rusia, Turquía o Irán. En tanto el orden global se encuentra en revisión, esta reconfiguración de los poderes globales y regionales tendrá un efecto de crucial importancia para América Latina como región, en una etapa de bajo crecimiento, baja integración, liderazgos débiles, menores niveles de concertación y mayores niveles de pragmatismo, en una región más atomizada y de limitadas convergencias.

En suma, en su intento de “volver al mundo” o de insertarse más favorablemente en el sistema internacional, desde 2013 América Latina se enfrenta a un escenario global más difícil e incierto, habida cuenta de esa vulnerabilidad estructural. La paulatina reorientación de la economía china hacia un modelo de crecimiento más focalizado en el desarrollo del mercado interno, unido a la lenta recuperación y débil crecimiento de las economías avanzadas señalan los límites de un modelo de

inserción internacional basado en las exportaciones hacia Asia. El estancamiento de las negociaciones de la Organización Mundial de Comercio (OMC) y las posteriores negociaciones “mega-regionales” del Acuerdo Transpacífico (TPP) y del Acuerdo de Comercio e Inversión Transatlántico (TTIP) plantearon riesgos críticos al conjunto de la región en cuanto a normas más exigentes y a la desviación de comercio y de inversión, al margen de su alineamiento “pacífico” o “atlántico”. El descarrilamiento de estos acuerdos a partir de 2016, con el ascenso de fuerzas de extrema derecha reticentes al libre comercio en Estados Unidos y en la UE, no supone sin embargo un escenario más favorable, pues plantea riesgos de mayor proteccionismo y nacionalismo económico, en particular para los países de América Latina más abiertos a la globalización a través de acuerdos de libre comercio con los EEUU y la UE.

Estos acontecimientos no deben ser vistos como meros fenómenos de corto plazo. Por el contrario, son expresión de un cambio de etapa histórica que puede interpretarse como una crisis de transición de la globalización, y del modelo hegemónico sobre el que se ha sustentado. Se cerraría así la etapa de la postguerra fría, dominada por la globalización económica y la democracia liberal, que ha hecho ascender a los países emergentes impulsando un visible progreso económico y avances en la reducción de la pobreza, aunque también ha empeorado la distribución de la riqueza a escala global, planteando importantes desafíos para una agenda global de desarrollo sostenible. Esa crisis de hegemonía puede abrir un periodo más incierto e impredecible, en el que no pueden darse por sentadas las certezas de la etapa anterior, ya sea el rápido crecimiento de China y de otros países emergentes, el anclaje de la globalización y el internacionalismo liberal en la hegemonía estadounidense, el atlantismo como pivote de la seguridad occidental, la continuidad de la UE, la solidez de la democracia liberal, de los partidos y las élites dirigentes del mundo occidental, o el protagonismo de las multinacionales. De hecho, estos procesos plantean interrogantes de fondo sobre el futuro de la gobernanza global.

En este contexto todos los actores de la región y ésta en su conjunto habrán de valorar adecuadamente esos nuevos escenarios y sus implicaciones a corto y largo plazo para una mejor inserción internacional frente a un escenario global de inestabilidad sistémica, cambios acelerados y mayor riesgo geopolítico.

Las narrativas latinoamericanas que se han desarrollado en las últimas décadas — desde el regionalismo abierto al regionalismo post-liberal o post-hegemónico — han cristalizado en formas institucionales débiles y de alcances limitados, en el marco de lo que hemos denominado un “multilateralismo sui-generis”, ampliamente debatido a nivel regional. Sin embargo, más allá de sus visiones críticas, algunas de éstas narrativas, amén de promover eventualmente una mayor autonomía y diversificación de las políticas exteriores de los países de la región, paradójicamente no han puesto en cuestión el orden internacional liberal,

como lo evidencia el mayoritariamente sistemático alineamiento de los países latinoamericanos y caribeños con los países occidentales en las votaciones en el marco de la ONU, confirmando, más allá de los cambios de la última década, una tendencia a persistir en su papel de “Lejano Occidente” como oportunamente lo señaló Rouquié.

Adicionalmente la región — pese a su atomización y heterogeneidad — cuenta con una serie de activos importantes que — más allá de su inserción económica en el sistema internacional — pueden facilitar un rol más activo en el mismo. Uno de estos activos refiere a la región como “zona de paz”, con una reducción sustancial de conflictos intra e inter-estatales, una adhesión consistente a la no-proliferación nuclear y a la conformación de mecanismos regionales — básicamente a través de la creación de “grupos de países amigos” desde Contadora y el Grupo Río a UNASUR — que pese a un desempeño con altibajos han contribuido a desarrollar mecanismos de mantenimiento de la paz y de resolución de conflictos.

En este marco, y en función de una dinámica predominantemente interna basada en el contrapunto entre dos tradiciones jurídicas históricamente arraigadas — la que remite a privilegiar la soberanía nacional y la no-intervención, y la que ha contribuido a un desarrollo significativo de los derechos humanos — América Latina ha sabido desarrollar una serie de reglas endógenas que la convierten en un “*rule maker*” hacia la región y que, eventualmente puede proyectarse hacia un ámbito más amplio.

Más allá de algunos esporádicos casos de “*rule-brakers*”³, tal vez la actual coyuntura de transición a nivel global, tanto en lo geoeconómico como en lo geopolítico, podría abrir las puertas para un papel más proactivo de la región en diversos mecanismos multilaterales — desde la ONU al G-20 — con una presencia más asertiva en el impulso a reglas de juego más acordes con su acervo cultural, pero desde una perspectiva que no limite ni reduzca la autonomía que ha logrado hasta el momento.

Los movimientos tectónicos por los que atraviesa el sistema internacional pueden constituir una magnífica oportunidad para construir — tanto desde lo bilateral como lo multilateral (caso ejemplo sirve la reactivación de Mercosur y su convergencia posible con la AP, a la par de un avance del acuerdo con la UE) — potenciales consensos para una inserción colectiva más activa a nivel global y, a la vez, para la construcción de espacios comunes que puedan convertirse en plataformas a partir de una agenda de temas transversales que van más allá de los convencionales — innovación tecnológica, conectividad e infraestructura — aprovechando la diversificación de patrones de relacionamiento con los diversos actores emergentes.

³ Como lo ilustra el actual caso de Venezuela.

Izquierdas y progresismos en América Latina. A cien años de la Revolución Rusa²

Left-Wing and Progressive Forces in Latin America. One hundred years after the Russian Revolution

¡Buenos días!

Es un gusto estar aquí. Agradezco mucho a los organizadores del III Foro Internacional y a la Universidad Estatal de San Petersburgo por la invitación.

La idea que tengo es la de trabajar fundamentalmente sobre estas izquierdas y progresismos en América Latina en el período más contemporáneo, pero obviamente los cien años de la Revolución rusa configuraron un acontecimiento de mucho impacto en América Latina. Ayer escuchaba presentaciones de algunos de los libros sobre algunos acercamientos acerca de la llegada y la recepción del marxismo en América Latina. Y en verdad que esta idea de la diversidad en la que ocurren los acontecimientos en América Latina respecto a este tema se confirma.

Es muy interesante ver en el siglo XIX como llegan los textos marxistas a América Latina, por ejemplo a los sindicatos en el Río de la Plata la mayoría de los textos marxistas llegaron en francés, y en la prensa obrera se señalaba de manera muy insistente que los dirigentes sindicales para defender los intereses de los trabajadores debían saber por lo menos dos idiomas, pero el segundo no era el inglés, era francés. Y no es menor el hecho de que se lea un texto en francés o en una traducción generalmente mala en español o en inglés o en alemán. Las traducciones también importan. También es relevante advertir hasta qué punto, a contramano de la historia más generalizada, muchos inmigrantes — anarquistas, socialistas, comunistas — en realidad se hicieron, no todos, pero muchos ellos, anarquistas, socialistas o comunistas en América Latina. No venían portando esas identidades ideológicas. De mismo modo que tampoco venían siendo italianos o españoles, sino que venían reivindicándose y así está en los censos, como calabreses, gallegos, sanmartinos. Esto hace que tratemos de evitar o que sea prudente evitar visiones demasiado cerradas respecto al impacto de un acontecimiento como la Revolución rusa en América Latina.

¹ Uruguay. Doctor en Historia, Universidad de la Republica.

² Conferencia magistral durante el III Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante”.

No fue lo mismo en México que en el Río de la Plata o que en los Andes o en Brasil. Obviamente, el impacto de la Revolución generó ese debate clásico en Occidente entre socialistas y comunistas, pero ese debate que sobre todo se desplegó en su máxima radicalidad a propósito de las 21 tesis de Lenin, no se resolvió de la misma forma. Por ejemplo en Uruguay, los leninistas ganaron los congresos, a diferencia de lo que acontecería en buena parte del Occidente, los leninistas se quedaron con la banca del Partido Socialista en el parlamento, con el diario “Justicia”, con la Casa del Pueblo, entre otras cosas, porque en Uruguay había una corriente política, ideológica de orientación más republicana que orientaba el batllismo, que orientaba la política y que empujaba a los partidos más netamente de izquierda hacia una visión más de izquierda.

Obviamente allí se iniciaría una larga historia cuyo tema no es del que hoy quiero considerar con ustedes, pero la primera idea que quiero transferir es que hay que tener en cuenta, cuando se habla del impacto de una revolución de proyección occidental y universal, que son dos conceptos distintos. En Occidente se cree que lo occidental es universal y no es así, el impacto de la Revolución rusa lo prueba bien. Muchas veces se supone que ese es un fenómeno de trasplante y lo acontecido en América Latina revela que no. En América Latina así como ningún fenómeno político, cultural o social se puede explicar bajo una lógica de trasplante, tampoco el impacto y el despliegue del marxismo, del leninismo, de la Revolución rusa puede explicarse desde esa perspectiva. En primer lugar porque las izquierdas en América Latina nunca fueron solo marxistas y hubo otras corrientes (que podemos calificar propiamente de izquierda) que no tuvieron prioritariamente esa matriz.

Incluso es muy interesante advertir hasta qué punto las primeras izquierdas que precedieron a la Revolución rusa en América Latina tenían como matriz de inscripción ideológica la Revolución francesa y no la Revolución rusa. Y allí lo que refería el continuo izquierda-derecha era la postura frente a la Revolución francesa, luego resignificada en la perspectiva del impacto de la Revolución rusa. Si nosotros tomamos esta premisa — la diversidad de las corrientes de izquierda en América Latina, la diversidad de sus inscripciones en la historia universal y la diversidad del impacto de las revoluciones de los siglos XVIII y XIX y del primer siglo XX en América Latina — una mirada sobre el período más contemporáneo deberá comenzar por la diversidad. En ese sentido, quien habla de América Latina y de sus izquierdas y progresismos, lo primero que tiene que hacer es discernir, incluso si uno se focaliza solo en aquellas izquierdas o progresismos, y aquí es discernimiento bien vale porque izquierdas en definición es una posición de inscripción dentro de un continuo derecha-izquierda que es de construcción histórica y que se va resignificando, y lo que era izquierda en la Asamblea Nacional francesa, 150 años después en América Latina podría no serlo.

Pero hablando en plural de las izquierdas y de los progresismos lo que nos encontramos en la América Latina en los últimos 20–30 años es de una gran diversidad: hay izquierdas más o menos clásicas, como podría ser la izquierda chilena con un Partido Socialista y sus anexos, que pueden o no configurarse en partidos, con un Partido Comunista clásico, con una Democracia Cristiana más clásica, con otras corrientes de izquierda más arraigadas en experiencias más latinoamericanas, izquierdas cristianas, izquierdas de perfil más nacionalista y antiimperialista. La izquierda brasileña que tiene corrientes clásicas, tuvo su Partido Comunista, pero que luego prohija un partido diferente como es el Partido de los Trabajadores o que tiene toda la tradición más propiamente local que se desgaja en perspectivas más progresistas o menos progresistas, como el impacto de la corriente del Trabalhismo. O tiene la experiencia del Uruguay, donde hay una izquierda clásica, comunista y socialista. Pero luego hay otras izquierdas que provienen del desgajamiento de los partidos tradicionales y hay otras izquierdas que van construyendo su perfil desde lógicas nacionalistas e [anti]imperialistas.

Después uno tiene ejemplos tan complejos como es el ejemplo argentino. Hace muy poco tiempo le preguntaron a Cristina Fernández de Kirchner si ella era izquierdista, y ella respondió: “Yo soy peronista”. La definición de peronista en la Argentina es una definición, por decirlo de una manera más elegante posible, muy polisémica, porque hay peronistas de derecha, de centro y de izquierda. Los mismos actores peronistas en ocasiones distintas pueden o no referir a esos perfiles de izquierda o de centro. Generalmente — como suele ocurrir — aquellos que son de derecha no dicen que son de derecha. En América Latina, también como en una buena parte de Europa, quien es de derecha cuestiona que haya izquierda y derecha. Pero tomando esta visión más aluvional y planteando esta idea de situaciones particulares, hay que imaginarse lo que es el Movimiento al Socialismo, el MAS en Bolivia que nació no como el partido, sino como un movimiento social y que luego ha querido configurarse como un partido de movimientos sociales, muchas veces ajenos a los partidos izquierdas clásicos en Bolivia.

O pensemos en los fenómenos que ocurren en Venezuela: ¿qué es, qué fue, cómo se construyó el chavismo? ¿Está toda la izquierda ahí? Bastaría hacer una reconfiguración de la trayectorias para advertir que hay una izquierda clásica no chavista y que marcó su discernimiento respecto del chavismo casi desde sus orígenes, y que esta izquierda no chavista se ha ido engrosando. O el fenómeno ecuatoriano con un desgajamiento permanente. Si nosotros partimos de esa pluralidad necesaria que nos lleva a identificar izquierdas y progresismos, en lógicas más bien laxas, tal vez el mejor abordaje posible respecto a esas izquierdas en el período más contemporáneo tenga que provenir de ciertos desafíos de política que se orientan en una lógica más de demandas.

Me gustaría identificar cinco grandes desafíos históricos en lo que es la América Latina a finales de siglo XX y, sobre todo, esta América Latina de casi dos décadas del siglo XXI y ver cómo izquierdas y progresismos se articulan frente esos desafíos.

En primer lugar, el primer desafío que es un eje de distinción, es la desigualdad. La desigualdad es el principal reto de América Latina, entre otras cosas, porque es el continente más desigual del planeta. Podremos distinguir al África Subsahariana y allí estaremos más o menos empatados, pero la desigualdad es un desafío gigantesco en América Latina. Y es un desafío que cuando han sido gobierno en este último tiempo las izquierdas o los progresismos, han atacado primordialmente y uno podría decir, efectivamente, el período de los gobiernos progresistas o de izquierda en América Latina, sobre todo en Sudamérica, ha generado un descenso fuerte de la pobreza y de la indigencia. Pero, y este es un elemento bien importante, aún en aquellas experiencias más exitosas no han bajado de manera igualmente radical la desigualdad. Con lo cual tenemos un primer reto: si para los partidos o movimientos de izquierda el problema de la pobreza es el problema de la desigualdad, a diferencia de las corrientes de las derechas más clásicas que, por ejemplo, en mi país hay una visión clásica de aquella izquierda republicana de 1900 que decía: “Queremos un país modelo que los pobres sean menos pobres y los ricos, menos ricos”. Durante la dictadura que aplicó políticas fuertemente neoliberales entre 1973 y 1985 un ministro de economía contestó a aquel sentido común uruguayo diciendo: “Para que los pobres sean menos pobres, los ricos tienen que ser más ricos”. La lógica del derrame, del egoísmo creador, la lógica de que para mejorar los indicadores de una sociedad hay que generar un capitalismo fuerte, rentable, que pueda derramar sus beneficios. Bien, la izquierda no cree en eso, pero, y esto es muy importante, cuando en estos últimos 10–15 o 20 años las izquierdas o los progresismos desde versiones muy diferentes han sido gobierno, han logrado bajar y generar políticas de distribución, pero no han logrado generar, por ejemplo, el que el continente en su conjunto o que franjas importantes del continente hayan dejado de configurar el continente más desigual del planeta.

Los estudios últimos tienden a comparar a los mil millonarios con el 50 % de la población, bueno, en América Latina los mil millonarios, los más ricos marcan al respecto un porcentaje muy importante de la sociedad. No tengo que referir cuánto del PIB mexicano marca [Carlos] Antonio Slim, pero esa situación se repite en América Latina en donde aún bajo gobiernos progresistas o de izquierdas, mejorando la distribución notoriamente desde un 48 % hasta un 28 % más-menos, pero también articulado con ciclos económicos más globales que tienden ahora aún en gobiernos de izquierda a generar cierta pulsión a que los logros de la distribución empiecen a sufrir inconvenientes. Y uno podría dar un ejemplo muy clásico que es el ejemplo chileno, en donde Pinochet dejó a los gobiernos de la Concertación un Chile con un 45 % de

pobres, 20 años después, la Concertación le dejó a Sebastián Piñera más o menos un Chile con un 15 % de pobres. Una faena histórica de distribución de los ingresos es muy importante, pero la desigualdad que Pinochet le había dejado al gobierno de la Concertación más-menos fue el mismo nivel de desigualdad medido por ejemplo en el coeficiente de Gini que el gobierno ya la Concentración le dejaron a Piñera. Con lo cual esta lógica de izquierda progresista de que el problema de desigualdad es el problema de la pobreza es el problema de la desigualdad en América Latina, los gobiernos de izquierda no lo han podido encarar. Más allá de su éxito en término de distribución. Y yo podría decir: ¿pero realmente es el problema en América Latina?

Se puede asociar el problema de la pobreza con el problema de la desigualdad? Y en América Latina claramente se puede señalar así. En el informe del Banco Interamericano de Desarrollo en 2005 se decía que si América Latina tuviera la distribución del ingreso que corresponde a su nivel del desarrollo, la incidencia de la pobreza sería la mitad de lo que hoy es realmente. Si el ingreso de América Latina se distribuyera en el sureste de los países asiáticos, la pobreza sería una quinta parte de lo que es en realidad. Si se tomara el padrón distributivo de África se encuentra que para los mayores niveles de desarrollo que tiene la América Latina debería tener la mitad de los pobres que tiene realmente.

Primer indicador entonces que es importante establecer es que ha habido un éxito cuando las izquierdas y los progresismos se han adueñado del gobierno, sobre todo un éxito de la clave distribucionista y no es solamente a través de transferencias monetarias directas con contrapartida, mayor o menor, sino a través de la formalización del trabajo, políticas sociales. Pero las coaliciones de lucha contra la pobreza y la indigencia no han sido tan eficaces como las coaliciones de lucha contra la desigualdad.

Segundo reto importante es el desarrollo, la articulación de una matriz productiva que rompa el vínculo histórico del continente con las exportaciones de *commodities*. La diversificación de la matriz exportadora sigue siendo tan desafiante como antes del gobierno del giro progresista y que aquí los cambios han sido muy pequeños. Uno podría preguntar: ¿Cómo se cambia una matriz productiva tradicionalmente orientada a exportación de materias primas, ya sea de alimentos, de minerales, en 10–15 años? Pero uno tiene que advertir que difícilmente puede hablar de un gobierno de izquierda o progresista, cuando el 96 % de las exportaciones son de petróleo, y sobre todo de petróleo pesado no refinado, que luego es comprado, refinado, a quien ha sido en buena parte su pasado reciente el principal comprador, que son los EEUU.

Me refiero a Venezuela o también a Ecuador, ya que el 40 % de sus exportaciones es petróleo, en mayor parte no refinado. Y aquí vemos que si no se cambia la matriz productiva difícilmente se puede sustentar el cimiento de una transformación social duradera, perdurable. Para cambiar la matriz productiva hoy los gobiernos de izquierda

tienen que afirmar otro tipo de políticas. En ese sentido, en términos de política económica, los cambios que los gobiernos de izquierda, sobre todo en Sudamérica, han desarrollado son muy pequeños, en el manejo macroeconómico particularmente. Faltan políticas sectoriales, falta mayor abundancia en las transformaciones de científico-técnica. Las inversiones y las investigaciones del desarrollo siguen siendo muy bajos en el continente. En medio de auge de la *commodities*, auge de precios que no siempre fue igual, se apostó a incrementar los recursos para distribuir mejor. Pero cerrado el ciclo de la bonanza de los *commodities*, con cambios internos de país comprador (China), nos encontramos con que América Latina sigue siendo tributaria de la exportación de *commodities*. Y aquí hay una limitación fuerte para la transformación social que requiere una transformación económica.

Tercer reto es la sustentabilidad ambiental. El tema del incremento de la producción en América Latina que es un emporio de diversidad natural, una América Latina que tiene las reservas de agua dulce más importantes del mundo, que es la zona de la producción de los alimentos más eficaz y más eficiente. Una América Latina tiene las reservas de energía renovable y no renovable más importantes. Una América Latina que tiene la biodiversidad más importante del mundo, pero es el continente más vulnerable al cambio climático. Una América Latina que tiene riquezas en minerales estratégicos (cobre, litio, hierro), pero sin embargo también está sometida durante siglos a modelos extractivistas, que no han sido cambiados, en unos casos se han profundizado. Y aquí los reclamos de movimientos sociales, muchos de ellos indigenistas, otros, ecologistas, son reclamos cuya articulación y cuya atención por parte de los gobiernos progresistas, ha sido dual.

El cuarto reto, absolutamente claro en América Latina es la consolidación y profundización de la democracia. Las izquierdas y los progresismos latinoamericanos, no en todos los países, pero en buena parte, han forjado su legitimidad ampliada frente a la ciudadanía y la lucha contra dictaduras del terrorismo de estado. En la lucha contra dictaduras de seguridad nacional, financiadas e inspiradas por los EE.UU. y muchas veces llegaron al Gobierno con la legitimación ampliada de consolidar formatos de democracia mucho más radicales, no solo en lo político, sino también en lo social.

Pero ¿con qué nos encontramos muchas veces? El cuadro también es diverso. Que este desafío de profundización democrática termina con gobiernos que no solamente han intentado – y recordemos que la democracia no termina nunca de construirse – siempre hay nuevas experimentaciones para profundizar los derechos, para rearticular las instituciones. Pero una cosa es reconceptualizar la democracia y otra, violentarla. No sabemos cómo será la democracia de la segunda mitad del siglo XXI, pero sí sabemos lo que no será en el futuro. Y no hay democracias con concentración del poder, con reelecciones indefinidas, de liderazgos encarnados. No hay democracia con desbordes de los derechos individuales y colectivos, con grupos

paramilitares. Tampoco hay las que solo se legitiman en las urnas y luego tienen un ejercicio cotidiano de ruptura contra los derechos democráticos. Y hemos visto que muchos gobiernos, sobre todo cuando aquellas reglas de legitimación electoral no empezaron a funcionar y comenzaron a desbordar los marcos democráticos.

El quinto reto fundamental constituye la lucha contra la corrupción. Las izquierdas en América Latina se afirmaron en su legitimidad luchando contra la corrupción que era inherente en los gobiernos oligárquicos clásicos, y sabemos siempre que la corrupción no es de la derecha ni de la izquierda, pero tiene una diferencia: los efectos de la corrupción en la izquierda son devastadores. Porque rompen con el núcleo inspirador de cualquier corriente de izquierda, que es construir una política nueva, distinta y hemos tenido fenómenos de corrupción mayor o menor en gobiernos muy diferentes, con inspiración de corrientes muy diferentes.

Y el último reto muy importante, es el reto de la inserción internacional, el reto de forjar caminos de independencia que en América Latina se traduce inequívocamente en lógicas anti imperiales. En América Latina todavía hay colonias: uno puede ir a Puerto Rico y ver en el pueblo boricua un pueblo profundamente latinoamericano con implantación de banderas norteamericanas. Un pueblo desafiado por una crisis económica ilevantable, cerca de 80 mil millones de dólares de deudamiento, pero sobre todo desafiado por todo lo que implica la colonia. Pero también estamos viendo fenómenos de relacionamiento neocolonial en México, donde a un presidente norteamericano se le ocurre enfrentar fenómenos de migración masiva con un muro o con los condicionamientos que los EEUU han desarrollado en buena parte de América Latina. Los ejemplos podrían ser múltiples. Pero la visión anti imperial de afirmación de un camino independiente no solamente se hace en relación a los EEUU, sino a otros vectores de potencias económicas en el mundo, como, por supuesto, con la UE y China.

En América Latina en algunos gobiernos se ha prosperado la idea de que China es el hegemon benévolo, que ha venido al mundo a establecer lógicas en el orden internacional diferentes a la del colonialismo tradicional. Y así como en África, que es un ejemplo clarísimo de que no es así, en América Latina tampoco es así. Lo que China compra de América Latina son alimentos y minerales sin procesar, incluso de una forma más radical que los EEUU y Europa. En 10–15 años China se ha convertido en el primer o segundo comprador de la mayoría de los países sudamericanos, comprando materias primas, alimentos sin procesar. Claro que les dan la bienvenida a China ya que están buscando la tercería sin flujos muy monopólicos, pero uno advierte que el camino para encontrar un desarrollo más independiente en América Latina tiene que pasar necesariamente por la integración latinoamericana.

Una zona que tiene el comercio intrazona bajísimo del 14–16 % en los países de ALADI que podría rearticular y administrar mucho mejor su comercio, pero que

prefirió otro camino. Los gobiernos de izquierdas y los gobiernos progresistas han sido mucho más integracionistas desde la oposición que del gobierno y muchas veces sus impulsos integracionistas son más retóricos que efectivos. Uno podría recordar el fenómeno de ALBA, pero esto era el peso del petróleo a 140 dólares el barril para forjar un liderazgo continental y se derrumbó cuando el precio bajó a 50 dólares el barril o menos. Y una política de independencia continental no puede derivar de eso.

Vemos los gobiernos de izquierda que aceptan una inserción internacional sobre la base de formatos de tratados de libre comercio tradicionales. Eso implica aceptar la liberalización de la propiedad intelectual, o sea aceptar que nuestra relación en producción sin tecnología va a ser absolutamente marginal y que tendremos economías profundamente desindustrializadas. O una liberalización de compras gubernamentales: que nuestros estados le darán las mismas condiciones de compra a empresas norteamericanas o chinas que a las empresas locales. Los países desarrollados protegieron a sus embriones de desarrollo alternativo. Y decir que tampoco en términos de inserción internacional, eso que dió en llamarse el regionalismo postneoliberal, que buscaba una inserción internacional diferente como sustento de otro desarrollo, finalmente caló hondo.

Me gustaría terminar planteando qué nos deja este balance. Uno podría decir que este balance es muy exigente con los gobiernos de izquierda o progresistas que con los gobiernos de derecha o centro-derecha tradicionales, y así es. La agenda de las izquierdas y los progresismos en un continente como América Latina es más exigente. Y en esta agenda no todo es déficit: ha habido distribución de ingresos, recuperación soberana de recursos naturales muy importantes, por ejemplo, en Bolivia. Ha habido intentos de una mayor integración política, un reclamo de una afirmación en términos de orden internacional menos sujeta a los impulsos de las potencias dominantes.

Pero luego, a la hora de bajar eso en términos de profundidad y a 100 años de la Revolución rusa sabemos que una revolución puede devenir en su contrario. Una revolución de los 100 años puede conmemorar una revolución sin revolución, puede derivar desde una lógica emancipadora en una lógica burocrático-autoritaria. Una revolución puede convertirse en su contrario y lo que cambió para ser coherente con la inspiración del cambio tiene que vivir en el cambio y a través del cambio.

En América Latina lo hemos visto rápidamente: gobiernos de izquierda en donde la lógica del manejo del poder de inmediato cooptó grandes clientelas, los reclamos de una construcción democrática terminaron muchas veces en derivas de corrupción. Los reclamos retóricos por una mayor integración terminaron en políticas nacionalistas de corto vuelo, y sobre todo la demanda de una profundización de la democracia terminó muchas veces en nuevas formas de autoritarismos viejos.

Ya voy a terminar, en un análisis radical o muy desde el observatorio ecuatoriano, una experiencia progresista que continúa, pero de una forma extraña:

gana el mismo partido, pero quien era el presidente anterior y forjador del partido se vuelve a los 30 días el principal opositor de su sucesor. Nada menos que alguien que se llama Lenin Moreno, sucesor de Rafael Correa. A propósito Lenin Moreno pudo tener como vicepresidente a alguien que se llamaba Carlos Marx, lo cual revela hasta qué punto la revolución impactó en América Latina, cuando nombres de tercera o cuarta generación todavía siguen poniendo en América Latina (Lenin, Carlos Marx, algo menos, bastante menos Stalin, pero los hubo). Cómo en la vieja lógica caudillesca un gobierno que hereda a otro gobierno del mismo signo a los 30 días rompe y el caudillo anterior se vuelve en principal adversario del gobierno de aparentemente su partido.

Se decía: “Las izquierdas latinoamericanas no han tenido la profundidad, ni tal vez la posibilidad, para desarrollar políticas post-capitalistas”, pero se pregunta: ¿Si es que en algún lugar del mundo hoy hay espacio para desarrollar políticas propiamente post-capitalistas? Y ahonda en la pregunta. Y recordemos, estamos conmemorando los 100 años de la Revolución cuya brújula era el post-capitalismo, en el error o en el acierto, pero post-capitalismo. 100 años después esa utopía no parece estar disponible y no me vengan con China que es un ejemplo de capitalismo salvaje, tal vez más duro que tengamos. Tampoco con Cuba que hoy está pugnando por controlar el poder político abriendo la economía a lo que venga. A 100 años de la revolución seamos desde la izquierda y los progresismos más modestos y busquemos lógicas post-neoliberales que es establecer reversiones en las sociedades latinoamericanas que empoderen a los movimientos sociales y que establezcan estadía fuerte que existe en América Latina de que no se puede retornar a la América Latina de los 90, con la regulación laboral, sin negociación salarial, con sindicatos débiles, privatizaciones, suicidio del Estado, crecimiento económico, pero regresión de la distribución de ingresos en muchos países, no en todos.

Entonces hay que buscar lógicas post-neoliberales y en su balance, no solo de Ecuador, sino de los gobiernos y de las propuestas de izquierda latinoamericana, sobre todo de aquellas izquierdas que tenían el reto del gobierno, se concluye que estas izquierdas todavía no han legitimado enfoques propiamente post-neoliberales y para hacerlo deben retomar la inspiración en su historia que no es una historia solamente latinoamericana, es una historia universal, pero sobre todo deben tener la convicción de que estos y otros retos que tiene el continente son posibles de ser respondidos desde lógica efectivamente progresista. Que se puede afirmar efectivamente en las sociedades más cuestionadas, donde haya menos pobreza y menos indigencia crítica, pero haya menos desigualdad, que se puede transformar política y económica y desarrollar modelos de desarrollo con diversificación productiva que superen el retraso tecnológico, que generen efectivamente, pensando en el futuro, bases logísticas para una nueva economía, pero sin caer en la tentación perezosa de vivir de los auges cíclicos del incremento del precio de los *commodities*.

Que se puede hacer eso, pero que se lo debe hacer discutiendo sustentabilidad medioambiental. Que se puede hacer eso realmente en democracia y que en democracias las victorias nunca son finales. Que en las democracias quien hoy gobierna mañana es oposición, y no se pueden construir gobiernos para siempre de un mismo color, sino que se tiene que asumir la necesidad de construir sociedades mejores dentro de la lógica de la alternancia, y que sobre todo se puede construir sólidamente caminos independientes sin dejar de perder eso que cualquier gobierno en América Latina tiene, que no es nacionalismo vacío, sino un nacionalismo de desarrollo independiente.

Por supuesto que las izquierdas y los progresistas en América Latina tienen un reto formidable, como en todo el mundo, es claro. Y los 100 años de la Revolución rusa con sus errores y sus aciertos, con sus penas y sus inspiraciones nos vuelven a devolver esa idea inherente a cualquier perspectiva de izquierda o progresista, sea de la matriz que sea. El que quiere un mundo mejor, una sociedad mejor, debe vivir en el cambio. El poder no se conquista tomando el Palacio de Invierno. El poder se conquista reivindicando derechos, libertades y justicias ante poderes de invierno que una y otra vez se van a recrear de las maneras más disímiles. El poder no radica en un solo lugar.

¡Muchas gracias!

Dr. Mauricio Archila Neira (comentarista de la conferencia magistral)³:

Bueno, le agradecemos a Gerardo, su presentación en la que nos ha expuesto rápidamente la diversidad de la izquierda en América Latina partiendo de la recepción del marxismo, del socialismo, de la Revolución Rusa hasta la situación contemporánea, nos ubicaba cinco o seis retos. Yo quisiera decir o comentar que estoy muy de acuerdo con este planteamiento de ver las izquierdas como un resultado plural.

Curiosamente, Gerardo evitó hacer algo que — y no se trata de hacer lo ahora — distinguir a veces que es el progresismo, que es la izquierda, etc. Muy hábilmente evitó esta confrontación que — me parece — no es prioritaria. Creo que la diversidad entre izquierda y derecha no es algo ontológico, incluso comienza como una diferencia topográfica en la Asamblea Nacional francesa. Las izquierdas y derechas se han redefinido a lo largo de su historia; hubo izquierda libre cambista en el siglo XIX, luego volvieron proteccionistas. Totalmente estoy de acuerdo que si la opción es por el cambio, hay que estar cambiando continuamente redefiniéndose.

³ Doctor en Historia, Universidad Nacional, Bogotá, Colombia.

Y en este sentido avalo totalmente los retos, quisiera simplemente desarrollar dos temas muy rápidamente.

Uno: de alguna manera las izquierdas, digamos, marxistas, pero de alguna forma el marxismo ha impregnado todas las izquierdas, aún en cierta forma cierto al peronismo, difícil, pero ha logrado. El marxismo es el fruto del Occidente, del pensamiento occidental, de una relación de dominio sobre la naturaleza, herencia incluso del judeo-cristianismo. Es algo, digamos, que hay que pensarlo en el futuro en términos que como será el modelo del desarrollo para más adelante. Incluso, es curioso, al final, mencionaste al Ecuador. En la Constitución ecuatoriana se consagró el derecho a la naturaleza, la Madre Tierra. Pero eso quedó como letra vacía.

Ahora por supuesto el reto — ya de ser gobierno y tener que enfrentar — como decía el mismo Rafael Correa — una riqueza, una cantidad de petróleo y de pronto no explotarlo. Es un riesgo, pero creo que hay que pensar un poco, como las izquierdas de alguna manera y en año de cien años de revolución rusa tenemos reconocer que es la matriz occidental — y yo me atrevería decir que tal vez el marxismo fue la expresión máxima del pensamiento racional occidental. Por lo menos lo que se hizo a veces como socialismo real. Hoy vamos encontrando muchos elementos cuestionables — que no son el tema de nuestra conferencia — pero de alguna manera hay que comenzar a cuestionar también esos sin negar todo lo que puede ser los aportes de Marx, del marxismo, e incluso el balance que uno puede hacer muy realista de los socialismos realmente contruidos.

Y dentro de las cinco—seis ideas que has expuesto y con las que estoy de acuerdo, me hizo falta una. Es el respeto de la diferencia, el respeto a la diferencia de género, de etnia, de razas, de generación que es componente hoy clave clave para redefinir las izquierdas y que nos lleva a la vieja disputa entre izquierdas y derechas por igualdad y libertad. Según Norberto Bobbio, podemos pensar en unas izquierdas hoy que opten por la igualdad, por la igualdad de clase, por supuesto, y todo lo que tú decías — disminuir la pobreza no necesariamente significa disminuir la desigualdad. Y opten por la libertad. Hoy no se puede entender la dictadura del proletariado. La opción por la libertad, por la emancipación y el respeto a la diferencia que nos lleva mucho más allá de lo que fué muy clave de marxismo (que fue la clase, la lectura desde la perspectiva de clase).

Hoy sin negar que las clases — porque las clases no se han acabado — por el contrario, tenemos muy vivas las clases, pero hay otras dimensiones que deben ser atendidas. A eso me refiero: la diferencia, la diferencia de género, de ética, de generación, la diferencia de opción sexual todas diferencias que hay que valorar. Y en este sentido esto nos lleva al amplio terreno de movimientos sociales que Gerardo nos ha mencionado y que mencionó también Pablo Gentili y otros.

Que allí se está expresando otra expresión de izquierda; no necesariamente en la forma clásica de partido — que sigue siendo válida, creo que partidos siguen

siendo necesarios — pero los movimientos sociales, hay que, por lo menos, prestarlos atención. Y en eso creo que las izquierdas y los progresismos debemos aprender mucho, más que a oírte, ir al pueblo, a construir la democracia desde abajo. En todo caso, muchas gracias, Gerardo, por la presentación, y creo que vamos a continuar este diálogo en otros espacios.

Dr. Víctor JEIFETS (presidente de la sesión): ¡Muchas gracias, Gerardo y Mauricio, por la conferencia y por los comentarios valiosos! Obviamente esperamos que éste diálogo es sólo uno de muchos que seguramente seguirán en nuestros auditorios durante el III Foro Internacional y después de su clausura formal. Uno de los objetivos de este evento es que los estudiantes, los jóvenes escuchen las presentaciones y discusiones y puedan aportar en los debates. Viendo muchos jóvenes en esta sala, tengo la esperanza que estamos logrando un reto. ¡Muchas gracias!

El Regionalismo latinoamericano: nuevos enfoques para alcanzar el objeto en movimiento²

Latin American Regionalism: new approaches to achieve the object in motion

¡Buenos días!

Ya habíamos escuchado varias referencias a los procesos de integración en América Latina, referencias bastante optimísticas. Yo soy un poco más escéptico y la idea de mi presentación es dar un panorama como se interpreta, cuáles son los conceptos para analizar el regionalismo en América Latina.

Actualmente, si se analizan los procesos de integración regional en América Latina, hay una nueva tendencia de hacerlo desde una perspectiva comparativa, se habla hoy de regionalismo comparativo y hay un libro para todos que se interesan del tema de regionalismo. El año pasado ha publicado (en Oxford) un manual sobre el regionalismo comparativo. En el capítulo final de ese manual el regionalismo, los dos autores enumeran los factores interesantes del regionalismo latinoamericano.

Primero, América Latina se caracteriza con una regionalización baja que se ve en el caso de los procesos de interacción regional. Si tomamos América Latina, por ejemplo, un indicador que se puso normalmente para .. regionalización. Es el comercio interregional, que, por ejemplo, en el caso de Unión Europea alcanza sesenta por ciento. Entonces la Unión Europea exporta alrededor de 60 % de sus explotaciones a otros países de la Unión Europea. En Asia tenemos cifras parecidas y también con la NAFTA, también la cifra del comercio interregional es alrededor de 50 %.

En América Latina tenemos un intercambio comercial muy bajo, actualmente es entre 15 % a 20 %. Entonces eso es un poco un factor del regionalismo latinoamericano. Tenemos muy pocas interacciones económicas en comparación con otros procesos de integración. Pero, bueno, con la mano, tenemos lo que se puede llamar “una integración regional de América Latina alta”. Eso se debería al número de organizaciones regionales. Entonces podemos ver una seria contradicción en América Latina: poca interacción económica, pero muchas organizaciones regionales. En el siglo XXI surgieron aún más organizaciones: el

¹ Alemania, doctor. Centro de Estudios latinoamericanos, GIGA.

² Conferencia magistral durante el III Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante”.

ALBA, la UNASUR, la CELAC, y últimamente también la Alianza del Pacífico. Desde esa perspectiva América Latina es una región donde se han creado más organizaciones regionales recientemente en comparación con otras regiones. Esas organizaciones son todavía muy nuevas en proceso de consolidación y desarrollo; a veces es muy difícil de clasificar de que tipo de organización de integraciones regionales se trata.

Y aquí son algunos conceptos académicos que se han usado en los últimos diez–quince años, y el cambio de los conceptos de integración regional tiene también que ver con cambios en los procesos de integración regional. Entonces, el concepto clave de los años noventa de los procesos de integración de ese tiempo fue el del *regionalismo abierto*. Ese es proceso de integración con el idea de crear como, por ejemplo, en el caso del Mercosur (el Mercado Común del Sur) (con Brasil, Argentina, Paraguay, Uruguay) crear un zona de comercio común , una zona aduanera con la corrección de una tarifa común que las empresas en esa zona pueden ganar y competir . Eso es un poco como un campo de entrenamiento para después también explotar hacia el mercado mundial. Una diferencia con los procesos de integración que ya hubo antes, en los años 1960-s donde la idea fue más de crear un mercado cerrado y protegido para crear una industria nacional en vez de crear un mercado internacional. Fue el concepto básico de los años 90 que estaba reflejando también los procesos de integración de ese tiempo.

Pero eso ha cambiado después, a partir de los años 2000. Ya no está el comercio en el centro, ya no está la creación de un mercado común en el centro de los procesos de integración. Los objetivos son más amplios, son más políticos y tienen un componente también, la comparación en el tema de la seguridad, de crear ahí una infraestructura, hasta en el sector de salud se han creado nuevos conceptos como, por ejemplo, aquí hay concepto que habla de tercera ola de regionalismo. La primera ola fue la de los años 60s, la segunda — de los 90, fue el regionalismo post-liberal que se refiere al hecho que ya no está (la liberalización del mercado), la idea de integrarse con esos procesos de integración al mercado global o el regionalismo post-hegemónico o anti-hegemónico. La idea detrás de ese concepto es que ya no existe un modelo único de integración como fue en el caso del regionalismo abierto. Son los diferentes tipos de organizaciones regionales.

Hay otros conceptos de regionalismo, para ejemplo, del regionalismo anárquico que voy a mencionar más tarde en adelante. Aquí esta el de la integración post-comercial que se refiere al centro del comercio para hablar sobre regionalismo segmentado, que se refiere al hecho que hay varias organizaciones, que a veces se sobrepone o compiten entre si. El regionalismo sobrepuesto que se ha mencionado, el regionalismo “ligero” que se refiere al hecho que no hay instituciones regionales fuertes como el caso de la Unión Europea. Últimamente, el regionalismo “cruzado” que voy a mencionar también. Regionalismo funcional, regionalismo pragmático,

regionalismo fragmentado. La multitud de conceptos demuestra que actualmente los procesos de integración regional en América Latina son procesos muy complejos.

Tal vez, el concepto más adecuado para describir la situación actual del regionalismo latinoamericano es el regionalismo post-hegemónico, porque captura varios modelos, que hasta ahora coexisten diferentes grupos regionales. Es un hecho importante que tenemos organizaciones regionales con objetivos muy distintos, y que lo hacen un poco difícil de poner a todos en la misma caja. También es el mismo hecho que se puede captar con el otro concepto como el regionalismo heterodoxo, el regionalismo anárquico que me gusta mucho. Es un concepto que fue desarrollado por Monica Diez, la investigadora brasileña que está en Argentina, y dice que este concepto es el rechazo de la idea de gobierno: no hay instituciones regionales fuertes, se mantiene la preservación de la libertad de los gobiernos. Es un tema que fue mencionado también ayer.

Más recientemente, se han usado también otro concepto, el del regionalismo pragmático, del regionalismo funcionado tecnocrático que se refiere al hecho que hoy no existen los grandes planes que todavía hubo en los años 90 de crear mercados comunes, hoy hay los objetivos mucho más limitados, tal vez más realísticos. Finalmente, el último concepto que voy a explicar más en adelante, es el concepto del regionalismo “cruzado”.

Por las razones del tiempo, voy a salir de eso. Tal vez, mencionaré ese concepto del regionalismo cruzado. Eso se refiere a las organizaciones más recientes en América Latina como, por ejemplo, la Alianza del Pacífico; es una organización que incluye México, Perú, Colombia y Chile. Desde esa perspectiva es una organización regional latinoamericana con el objetivo de fomentar el comercio entre los países. Pero lo nuevo es que son países que ya tenían un acuerdo de libre comercio entre si antes de crear organizaciones. Eso se refleja un poco a un regionalismo más pragmático. Antes fue así que las organizaciones regionales han definido los objetivos, por ejemplo: crear una zona de libre comercio y un estado común. En ese caso existió el libre comercio entre los países y después se creó la organización. Lo nuevo es que la orientación es más aliada de América Latina como ya dice un nombre, la Alianza del Pacífico, tiene la orientación hacia los otros países que están en el Pacífico, de fomentar el comercio con países en otras regiones y atraer las inversiones con otras regiones. De ahí sale el concepto del regionalismo cruzado, porque varias organizaciones se cruzan en sus actividades.

El otro fenómeno importante para comprender el regionalismo latinoamericano es el concepto del regionalismo ligero. Se refiere al hecho que en América Latina, en general, tenemos las instituciones muy débiles y no instituciones fuertes. De cierta manera, se puede decir que ese proceso se ha reforzado con las últimas organizaciones regionales que yo he mencionado antes. De esa perspectiva se puede hablar de un regionalismo superligero. Para explicar eso un poco, cuando

veramos a las organizaciones regionales que fueron creados en los años 90, en ese tiempo todavía fue importante, tenían algo como un parlamento regional. Pero las organizaciones más recientes como son ALBA o UNASUR o CELAC o la Alianza del Pacífico, esas organizaciones tienen un parlamento previsto, pero todavía no existe. CELAC no tiene uno, ALBA formó un Consejo de Movimientos Sociales, sin embargo, este no es un parlamento, La Alianza del Pacífico tiene una Comisión de Monitoreo Parlamentario, pero tampoco es un parlamento. De un otro lado, también las organizaciones más antiguas todavía disponen de un Secretariado Técnico fuerte, las organizaciones más recientes ni siquiera tienen un Secretariado o cuentan con un secretariado muy ligero. Es una tendencia nueva que las instituciones regionales en América Latina son muy débiles, no muy fuertes, por ejemplo, en la comparación con la Unión Europea donde tenemos instituciones muy fuertes, las instituciones supranacionales.

En la literatura comparativa se habla de una transparencia, de soberanía que los países-miembros de las organizaciones regionales están transfiriendo, atribuciones competentes a organizaciones supernacionales. Esos son los aspectos que no existen en América Latina, no hay una transferencia de la soberanía, ni una delegación de autonomía. Todavía en los años 90 fue un idea un poco copiada de la Unión Europea de esos aspectos, pero últimamente me parece que en América Latina se defiende su propio modelo de integración de una manera mucho más pro-activa.

Por razones de tiempo voy a resumir. ¡Muchas gracias!

Carlos Quenan¹

Cuestionamientos a la globalización y a las integraciones regionales: desafíos para América Latina²

Challenges to globalization and regional integration: challenges for Latin America

Esta intervención aborda el tema de los cuestionamientos a la globalización — que han generado la idea de que hemos entrado en un proceso de desglobalización o de post-globalización, — así como de las crisis o impasses de los procesos de integración regional — el regionalismo — que se manifiestan en el período reciente tras el auge de los procesos de internacionalización económica y de formación de bloques regionales en los años 1990 y 2000, y de sus efectos y desafíos para América Latina.

La presentación está organizada en tres partes. En primer lugar, se trata el tema de crisis de la llamada “segunda globalización”, a partir de 2007–2008. En segundo lugar se aborda la cuestión de las dificultades que caracterizan actualmente a los procesos de integración regional. En tercer lugar, a modo de conclusión preliminar, se plantean algunos de los efectos y retos que esto supone para la región latinoamericana.

Crisis de la “segunda globalización”: causas, despliegue, algunos efectos

Junto con el regionalismo, que abordaremos en el punto siguiente, a partir de los años 1990 aparece, en el plano internacional, una clara tendencia a la globalización. La globalización constituye una tendencia de creciente internacionalización de la vida económica (que es medible, aunque no entramos en este punto). Se trata más precisamente de un auge de la internacionalización en tres planos: el comercial, el productivo y el financiero. También podríamos hablar (en un nivel en buena medida “extra-económico”) de una dimensión cultural y “mediática” de la globalización.

Hablamos de “segunda globalización” adhiriendo al enfoque que propugna que se ha verificado una “primera globalización” en el período 1870/1929 asociada, entre otros factores, a la hegemonía de la Inglaterra victoriana y a la llamada segunda revolución industrial. Esta fase de fuerte internacionalización desemboca en la

¹ Profesor de Economía en el Institut des Hautes Etudes de l’Amérique latine (IHEAL) de la Universidad Sorbonne Nouvelle, y Vice-Presidente del Institut des Amériques, Francia.

² Conferencia magistral durante el III Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante”.

Gran Crisis de los años 1930 (crisis bursátil, financiera y luego monetaria, seguida de un desplome de la actividad, la “Gran depresión”, y su despliegue internacional a partir de Estados Unidos a través de diversos canales, repliegue proteccionista...), que a su vez está en la base de otras graves consecuencias, precipitadas también, por supuesto, por diversos factores socio-políticos y geopolíticos internacionales: fascismos, segunda guerra mundial...

La segunda globalización comienza a emerger después de varias décadas caracterizadas por el mundo más cerrado heredado principalmente de la Gran Crisis de los años 1930 y asociado al conflicto Este/Oeste. Este período se caracterizó, a su vez, por modos de crecimiento más nacionales y autocentrados (regímenes fordistas en las economías más desarrolladas con un rol destacado de la demanda doméstica y un papel central en la regulación de los Estados Nacionales,...) en la fase de expansión llamada de los “30 gloriosos” (1945–1975). Cuando esta fase comenzó a mostrar signos de agotamiento se refuerzan las estrategias de internacionalización de los principales actores económicos del mundo desarrollado (grandes bancos, firmas transnacionales...) mientras que un número creciente de gobiernos adoptaron, a partir de fines de los años 1970 y de comienzos de los años 1980, políticas de liberalización, desregulación y apertura (a partir de las experiencias de los gobiernos de Margaret Thatcher en Inglaterra y Ronald Reagan en Estados Unidos).

En el desarrollo del proceso de globalización — que toma cuerpo en la segunda mitad de los años 1980 y sobre todo en los 1990 — predomina la dimensión financiera. Esto va de la mano con la llamada hiper-globalización, una globalización acelerada y no regulada, que genera debates y críticas, por ejemplo el enfoque que plantea un triángulo de imposibilidad o de incompatibilidad: globalización/democracia/soberanía nacional (según el análisis de Dani Rodrick). A su vez, la globalización no regulada del capitalismo financiero está en la base de la Gran Crisis abierta en 2007/2008 que tiene como epicentro Estados Unidos (crisis subprime, quiebra de Lehman Brothers, con efectos de contagio inmediatos a nivel nacional e internacional a través de canales financieros y comerciales...) y se generaliza con la llamada “Gran recesión” de 2009 y su rápido despliegue internacional...

Las autoridades de los países más desarrollados no han impedido el despliegue internacional de la crisis de la globalización — incluso hacia los países emergentes — pero han logrado atenuar algunos de sus efectos más recesivos aplicando — aunque de modo inconsecuente y variable según los países — políticas contracíclicas (apelando sobre todo a políticas monetarias no convencionales). Con todo, éstas han sido insuficientes y, tanto debido a factores de demanda como de oferta, la actividad se ha desacelerado durablemente planteando el problema del debilitamiento de los motores del crecimiento mundial (incluyendo la moderación progresiva del crecimiento, que sigue siendo elevado, de la economía china). Incluso en los países en los que la actividad económica muestra signos de reactivación en 2016 y 2017

una parte importante de los sectores afectados por la crisis no se han recuperado (y sufren a menudo los efectos del cambio tecnológico), el desempleo persiste y sobre todo la calidad del empleo ha disminuido (con una precariedad creciente). Esto junto con otros factores (migración y otros problemas ligados a la guerra en Siria y otros focos de conflicto, terrorismo internacional...) precipita reacciones a nivel socio-político muy parecidas a las que se advirtieron en la crisis de la primera globalización: repliegue, tendencias xenófobas, proteccionismo, desprestigio de la élites políticas (muy claramente en el mundo occidental), todo ello asociado a un cuestionamiento creciente y multifacético de la globalización que ha hecho que numerosos analistas y observadores hablen de la posible entrada en una fase de post-globalización o incluso de desglobalización.

Retroceso del regionalismo: factores globales y específicos

Durante los años 1980 y 1990 del siglo pasado emergió, junto con la tendencia central o principal de la economía mundial, la globalización, una clara dinámica favorable al regionalismo, es decir a la constitución de bloques económicos regionales (principalmente comerciales, pero no solamente).

Esta fase de auge del regionalismo se tradujo en el desarrollo de un nuevo impulso de los agrupamientos regionales ya existentes, por ejemplo la profundización de la integración europea, con el desarrollo de la Union Europea (UE) y la creación de la Zona Euro, la ampliación y la redefinición de la Asociación de Naciones de Asia del Sud-Este (ASEAN) en Asia, o el intento de relanzamiento de la integración andina con la creación de la Comunidad Andina de Naciones (CAN). Al mismo tiempo, en los años 1990 aparecen nuevas iniciativas de integración, por ejemplo el Tratado de Libre Comercio de América del Norte (TLC o NAFTA según su sigla en inglés), constituido por Canadá, Estados Unidos y México o el Mercado Común del Sur (MERCOSUR), constituido inicialmente por Argentina, Brasil, Paraguay y Uruguay.

En los años 2000 se comenzó a manifestar una tendencia a la emergencia de un “regionalismo post-liberal”, especialmente en América Latina. Esta tendencia se expresó como es sabido en la creación de nuevos acuerdos regionales de cooperación como la Alianza Bolivariana para las Américas (ALBA), que se fue organizando alrededor del rol central de Venezuela posibilitado por el auge de los precios del petróleo a partir de 2003, la emergencia de la Unión de Naciones del Sur, UNASUR, integrada por los países de América del Sur con un papel impulsor inicial decisivo de Brasil y la Comunidad de Estados de América Latina y el Caribe (CELAC), instancia de concertación regional que agrupa a partir de 2011 a todos los países de América Latina y el Caribe. Contradiciendo esta tendencia, en este período se crea la Alianza del Pacífico, constituida por Colombia, Chile, Perú y México, que

corresponde más al esquema del “regionalismo comercial” tradicional. A su vez, la creación de este agrupamiento refleja un fenómeno que tiene creciente importancia a partir de los años 2000: una inserción internacional de los países de la región cada vez más orientada hacia el Pacífico —debido sobre todo a la intensificación de los lazos económicos con China — que comienza a ejercer una influencia considerable en los procesos de integración regional.

A partir de la crisis de la globalización abierta en 2007–2008, y sobre todo en los años más recientes, el cuestionamiento a los procesos de integración regional se ha hecho evidente. Esto se explica por factores globales o generales y por factores específicos propios a cada proceso de integración.

Los factores generales son los mismos que operan en el cuestionamiento de la globalización en el plano económico y político y corresponden a las manifestaciones tradicionales propias a una gran crisis que, como dijimos, tiene similitudes con la crisis de los años 1930: tendencia al repliegue, auge del proteccionismo y de la “preferencia nacional”, búsqueda de la “exportación” del desempleo...

Estos factores globales se muestran muy presentes en algunos casos, combinados por supuesto con factores específicos propios a cada proceso de integración. Es lo que ocurre en el NAFTA. En efecto, el discurso contrario a la globalización del presidente Donald Trump se conjuga con una apreciación extremadamente negativa de la actual administración estadounidense sobre los resultados de este acuerdo regional y una demonización de la migración de origen mexicano que, aunque excluida del perímetro del acuerdo, contribuye a crear un “clima” negativo que forma parte del telón de fondo del proceso de replanteo y renegociación del NAFTA que se ha abierto en agosto de 2017. En el caso de la UE, los efectos “mecánicos” del despliegue internacional de la crisis de la globalización se juntan con los problemas de la gobernanza económica y política europea que dicha crisis puso en evidencia y con otros factores como las migraciones y el terrorismo internacional que, capitalizados políticamente por la extrema derecha, precipitan una tendencia al rechazo del regionalismo cuya principal manifestación ha sido hasta ahora el Brexit.

En América Latina el cuestionamiento a la globalización aparece menos marcado en el discurso político porque en los últimos dos años se advierte un posible cambio de ciclo en el plano político que entroniza gobiernos más favorables al libre comercio y a la inserción en los procesos globales, el llamado “retorno del neoliberalismo” (Perú, Argentina, Brasil...). Pero la crisis de la globalización incide en el debilitamiento del regionalismo en la medida es que uno de los factores explicativos del cambio de ciclo económico que conoce la región latinoamericana (sobre todo América del Sur): el fin del ciclo de expansión de los precios internacionales de las materias primas que se explica, entre otros factores, por la atonía del crecimiento mundial. Por supuesto, juegan también los factores específicos, económicos y políticos, propios a cada proceso de integración. En el MERCOSUR, por ejemplo,

se agrava el impasse que existe desde hace varios años por la no resolución de sus problemas tradicionales (asimetrías estructurales y de políticas, divergencia de políticas y performances macroeconómicas...) y aparecen nuevos problemas como la crisis de Venezuela, que afecta negativamente también a UNASUR y a la CELAC...

Efectos y retos para la región latinoamericana

Aunque muchas cuestiones abordadas hasta aquí deber ser profundizadas (por ejemplo la fortaleza de las propuestas cuestionadoras de la globalización y, simétricamente, el enraizamiento de la tendencia a la globalización que se manifiesta desde los años 1990), de modo muy preliminar se puede afirmar que el impacto global del escenario internacional de crisis y cuestionamiento de la globalización se presenta como poco favorable e incierto para el conjunto de América latina y el Caribe —crecimiento mundial moderado a pesar de los actuales signos de reactivación, precios de las materias primas más bien bajos, tensiones proteccionistas...— pero se declina de modo diferente según el patrón de relacionamiento exterior — es decir las características específicas de las relaciones económicas externas y de los socios comerciales principales en el plano internacional — de los diversos países y sub-regiones que componen la región.

Así, es claro que la situación de México, América Central y el Caribe (con relaciones económicas muy centradas en Estados Unidos y distintas combinaciones de exportaciones industriales y de servicios) no es la misma que la de América del Sur (con fuerte proporción de exportaciones de commodities, relaciones económicas externas más diversificadas con fuerte presencia de China como socio preponderante y débil inserción en las cadenas globales de valor).

Parece evidente también que cada país y sub-región debe hacer frente al contexto global y a sus condiciones específicas sin poder apelar a una revitalización significativa del regionalismo en América Latina habida cuenta de los problemas que este atraviesa. Al mismo tiempo, está claro que en algunos casos como el de México ha aparecido un imperativo estratégico de diversificación de sus relaciones externas que, más allá del desenlace de las negociaciones en curso en relación al NAFTA, debería favorecer un mayor relacionamiento económico de este país con el resto de la región latinoamericana más allá de su pertenencia a la Alianza del Pacífico.

Esto, junto con otros factores como la necesidad de toda la región de protegerse frente a las tendencias proteccionistas a nivel internacional, puede llevar a replantear de modo pragmático la integración regional para, en relación con los desafíos del debilitado crecimiento de la región, tratar de sostener la demanda doméstica en el sub-continente, favorecer la diversificación productiva y hacer frente a los desafíos de la era digital y de la llamada cuarta revolución industrial, y promover la creación de cadenas regionales de valor.

Esto no debería excluir la necesidad de tratar de influir —aunque más no sea modestamente — a través de los diversos foros e instancias internacionales —como por ejemplo en la OMC o en el G20, en el que hay tres países de la región, Argentina, Brasil y México — para que, frente a los críticas que se plantean desde la perspectiva de la desglobalización, se aborden seriamente las soluciones más adecuadas a los problemas de la globalización que pasan más por la regulación y gobernanza de su nivel financiero que por el cuestionamiento proteccionista de su dimensión comercial.

“Lucas Carvajal” (Camilo Ernesto Serrano Corredor)¹

Un balance de la paz colombiana en primera persona²

A balance of the Colombian peace in the first person

¡Buenos días!

Antes que todo quisiera agradecer a la Universidad Estatal de San Petersburgo por la invitación para hablar sobre el tema tan importante para Colombia y para América Latina.

Ahora retorno a mi nombre civil, es Camilo Serrano. Lo que pretendo hacer es contar sobre el balance de paz en Colombia en primera persona. Hay suficientes estudios sobre el proceso de paz colombiana, pero quizás el público no tenía acceso a esta información, y también hay parte personal. Quisiera empezar contando que hace 12 años con el profesor Mauricio Archila (el que está moderando la mesa) nos cruzamos en una circunstancia particular, yo era estudiante de la universidad y al mismo tiempo militante clandestino de las FARC, y le invitamos para hacer una presentación, y al mismo día un estudiante de química de 20 años fue asesinado por policía durante protestas estudiantiles. Nos tocó correr la presentación de profesor Archila para otro lugar. Queremos que este tipo de situaciones no se repita; gracias a este proceso de firma de paz. Y ahora seguiremos con el tema principal de nuestra plática.

1. Introducción

El presente documento intenta condensar brevemente un balance del proceso de paz entre las FARC-EP y el gobierno colombiano. Busca responder a la pregunta sobre qué fue lo que hizo a este proceso tan peculiar y cuáles son los retos que se avecinan para quienes queremos una paz completa en Colombia. La oportunidad de preparar este documento y de presentarlo en el III Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante; historia y perspectivas”, representa para mí la feliz oportunidad de volver a un evento académico y, de cierta manera, intentar ejercer mi fallida profesión de historiador. Agradezco a la Universidad Estatal de San Petersburgo y al Dr. Víctor Jéfets esta circunstancia tan especial. No en vano

¹ Licenciado en Historia de la Universidad del Valle, Cali. Militante del partido FARC. Como combatiente de las FARC-EP y bajo el seudónimo de Lucas Carvajal, fue integrante de la Delegación de Paz a la Mesa de Conversaciones en La Habana.

² Conferencia magistral durante el III Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante”.

el camarada Timo³ ha dicho, parafraseando a García Márquez, que la paz debe ser nuestra segunda oportunidad en esta tierra.

Señalo que tratándose de un escrito referido a un proceso histórico vivido personalmente por quien lo escribe, me permito hacer abstracción de las técnicas de la historiografía y de la citación permanente de fuentes documentales. Toco de oído, entonces, y asumo las consecuencias obvias que de esto se derivan.

Conocido es que el Acuerdo Final de Paz entre las FARC-EP y el gobierno de Colombia ha constituido la noticia más aplaudida por la comunidad internacional durante el último tiempo, en medio de un contexto geopolítico signado por la amenaza permanente de la confrontación. El ser el único consenso del Consejo de Seguridad de la ONU bien merece una reflexión desde las ciencias sociales.

2. Un breve recorrido histórico

La colombiana es quizá la guerra irregular de mayor duración en el continente americano. Originada en medio de la Guerra Fría y en el contexto de la Revolución Cubana, hunde sus raíces en la sistemática inequidad en el acceso de la tierra y en la cerrazón del sistema político impuesta por los partidos tradicionales. La histórica resistencia indígena y campesina, así como la movilización del estudiantado y la juventud urbana convergieron en la década de 1960 dando origen a un heterogéneo campo de guerrillas revolucionarias alzadas en contra del Frente Nacional.

Los desarrollos de este conflicto, con el creciente auge del paramilitarismo, el escalamiento militar, la progresiva descomposición de la política tradicional, la paz parcial con otros grupos guerrilleros, y la aparición de nuevos fenómenos —como el de las drogas ilícitas o los grandes megaproyectos transnacionales— configuraron una cruda realidad que representó inmenso dolor para muchos compatriotas: 8 millones de víctimas, 6 millones de desplazados, más de 215.000 muertos y 45.000 personas desaparecidas.

Las FARC-EP, fundadas en la resistencia campesina de Marquetalia en 1964 y fundamentadas en una visión marxista-leninista de la problemática nacional, levantaron desde su mismo nacimiento la bandera de la paz y el diálogo. En tres ocasiones previas a la actual, nuestra organización se sentó con el gobierno colombiano buscando una salida pacífica a la confrontación.

En 1984, a partir del Acuerdo de La Uribe con el gobierno de Belisario Betancur se dio inicio a un cese bilateral de fuegos y se fundó la Unión Patriótica, un movimiento amplio impulsado por las FARC al que se sumaron liderazgos democráticos y de izquierda. Después de su éxito electoral inicial, se inició un genocidio político sin

³ Comandante “Timoshenko” — seudónimo del dirigente de las FARC. — Nota de editores.

precedentes: agentes estatales y paramilitares fueron responsables del asesinato o desaparición de más de 5.000 militantes de la UP, frustrándose así un primer experimento de paz.

Entre 1991 y 1992 un nuevo proceso de diálogos fue abierto. Esta vez en un escenario internacional —primero en Caracas, Venezuela y posteriormente en Tlaxcala, México— las delegaciones gubernamental y de la Coordinadora Guerrillera Simón Bolívar — FARC-EP, ELN y EPL — adelantaron conversaciones que se vieron frustradas por la imposibilidad de lograr un consenso sobre el cese bilateral de fuegos.

Durante el período de 1999 a 2002, el gobierno de Andrés Pastrana sostuvo prolongadas pero infructuosas conversaciones con las FARC-EP bajo condiciones novedosas: las delegaciones se reunían en un área desmilitarizada del sur del país, enmarcadas por importantes foros públicos de discusión sobre los puntos de una agenda acordada. A pesar de la importancia del momento histórico, no pudo desarrollarse el cronograma de conversaciones y la ruptura de los diálogos desembocó en el escalamiento de la confrontación, alimentado por el Plan Colombia patrocinado por los Estados Unidos.

El gobierno de Álvaro Uribe (2002–2010) significó la pérdida de tiempo precioso para el logro de un acuerdo de paz. La casi totalidad de los partidos políticos y de la opinión pública secundaron a una administración que negó la existencia del conflicto, persiguió a sus opositores políticos y caminó en contravía a la integración regional. Esto no implicó que las FARC-EP dejaran de insistir en el camino de la paz, como lo demuestra la búsqueda de escenarios para el intercambio humanitario y de una agenda de diálogos. Fueron los años más devastadores de la guerra, a cuyos horrores y magnitud aún no se ha referido la academia con la precisión requerida.

Una vez iniciado el gobierno de Juan Manuel Santos en 2010 inicio un viraje en cuanto a política de paz. El reconocimiento del conflicto y una tibia legislación en torno a las víctimas, abrieron la puerta a un inicial acercamiento con las FARC-EP a partir de un intercambio epistolar secreto. Se iniciaron entonces de manera secreta las conversaciones entre emisarios del gobierno y de las FARC-EP que desembocaron en la instalación de una nueva instancia bilateral por el fin del conflicto.

Lo que de allí se deriva es públicamente conocido y podría resumirse como un encadenamiento tortuoso: la Agenda del Acuerdo General, la Mesa de Conversaciones de La Habana, los acuerdos parciales, el cese bilateral de fuegos, el primer Acuerdo Final, la X Conferencia de las FARC, la derrota del plebiscito, el segundo Acuerdo Final, la refrendación parlamentaria y el inicio de la compleja implementación. Como se ve, se trata de un proceso peculiarísimo en donde, como habría de esperarse, hay mucho de García Márquez pero también mucho de Kafka.

3. Las peculiaridades del proceso

Quisiera destacar, seguramente de manera desordenada, algunos de los particulares hitos de esta experiencia histórica.

a) Negociaciones en el exterior.

La experiencia de las FARC-EP frente a conversaciones de paz por fuera del territorio nacional era negativa. Sin embargo durante la fase secreta inicial — ocurrida en territorio venezolano — las partes definieron a Cuba como escenario de los intercambios. La decisión no podría haber sido mejor: el gobierno de la Isla garantizó seguridad y confidencialidad inigualables y el pueblo cubano rodeó la feliz ocasión de la paz colombiana como ninguno otro lo hubiera hecho. Al situarse en un momento histórico tan importante para la historia de Cuba, los diálogos lograron una relevancia internacional nunca imaginada, revirtiéndose cualquier interés de aislamiento mediático de la Mesa.

b) El papel de los garantes y acompañantes.

El liderazgo continental del Comandante Hugo Chávez fue el que permitió el inicio de los diálogos. Este reconocimiento es merecido y no debe ocultarse, por más que la Cancillería colombiana haga ingentes esfuerzos en ese sentido. Recordemos que fue en territorio venezolano donde trascurrieron los primeros intercambios directos entre FARC y gobierno. Adicionalmente hay que señalar que la disposición logística y diplomática de los gobiernos de Chávez y Nicolás Maduro terminó siendo definitiva en el desarrollo y el resultado final del proceso.

En la Agenda del Acuerdo General, las partes decidieron que Cuba y Noruega ejercieran como países garantes y que Venezuela y Chile fueran países acompañantes. Es pertinente destacar el compromiso de las cancillerías de las cuatro naciones y su total disposición a aportar en los temas que la Mesa les solicitó.

Referirme al papel que una de los citados países desempeñó en este enrevesado proceso resultaría extenso y contrariaría los tiempos y espacios del Foro. Lo que debo destacar es que tuvieron un punto en común: su total disposición a juntar esfuerzos en los más difíciles momentos de la Mesa de Conversaciones. Ya habrá el momento para detallar cómo estas cuatro naciones dispusieron lo mejor de cada una cuando las crisis parecían hundir la paz colombiana. Este ejemplo de diplomacia de paz efectiva cobra mayor dimensión en un escenario político internacional como el actual y es una verdadera lección aprendida dentro de la metodología de la construcción de paz.

c) Los acuerdos parciales.

El desarrollo de la Mesa permitió borradores de acuerdo en distintos puntos de la Agenda que se fueron haciendo público conforme se lograban. Estos

fueron: Reforma Rural Integral, Apertura Democrática, Solución al problema de las Drogas Ilícitas y Víctimas.

La dinámica de construcción de ellos consistía en Foros de participación ciudadana convocados en Colombia por la Universidad Nacional y Naciones Unidas, en los que las organizaciones sociales debatían y presentaban sus visiones sobre la solución a los puntos en cuestión. A partir de estos Foros, las partes iniciaban el intercambio de visiones respecto a cada punto para a partir de allí realizar la ardua labor de construir los consensos que llevaron a los acuerdos parciales.

d) El debate sobre la justicia.

El debate sobre justicia, inmerso dentro de la discusión del punto Víctimas fue, quizá, el momento más álgido de la Mesa de Conversaciones. Fueron más de dieciocho meses sin el logro de consenso alguno que obligaron a la intermediación clave de los países garantes. Después de una reunión a puerta cerrada, el camarada Timo y del presidente Santos solucionaron la crisis conformando una subcomisión jurídica externa encargada de construir una salida expedita al asunto de la justicia para la paz. Las partes escogerían seis juristas y estos deberían construir una alternativa a contrarreloj⁴.

Surgió de esta subcomisión la Jurisdicción Especial de Paz, JEP, que logra saldar las posturas antagónicas iniciales de las partes. La originalidad de la JEP, que la hace objeto de estudio internacional hoy en día, radica en superar la tradición retributiva local a través de mecanismos propios de la justicia restaurativa. Así, por ejemplo, quienes se demuestren incursores en graves infracciones pero aporten verdad, recibirán sanciones restaurativas que pueden acordarse con las mismas personas o comunidades afectadas. Por el contrario, quienes se nieguen a aportar verdad serán objeto de penas de prisión de hasta veinte años. De esa forma se garantiza el derecho a la verdad plena mientras se da satisfacción a las víctimas directas.

Adicionalmente, hay que destacar que la Jurisdicción Especial no es un tribunal contra las FARC, sino que es un mecanismo de justicia para juzgar la responsabilidad de todos los incursores en violaciones a los DDHH e infracciones al DIH en el marco del conflicto, incluyendo a las FARC, a las Fuerzas Militares y a terceros civiles.

⁴ Los designados fueron el político conservador Álvaro Leyva, el defensor de derechos humanos Diego Martínez, el jurista español Enrique Santiago, el ex magistrado Manuel José Cepeda, el estadounidense Douglass Cassel de la Universidad de Notre Dame, y el rector de la Universidad Externado Juan Carlos Henao.

e) Enfoques de género y étnico.

Como novedad dentro de la historia de los acuerdos de paz en el mundo, la Mesa de La Habana creó una subcomisión de género encabezada por la comandante Victoria Sandino de las FARC-EP y por la abogada del gobierno María Paulina Riveros —actual vicefiscal de la Nación. Este equipo bilateral se encargó de brindarle un adecuado enfoque de género a los acuerdos parciales y de realizar un importante cabildeo con organizaciones de mujeres y de LGBTI de Colombia.

El enfoque de género del Acuerdo Final permitió a las mujeres garantizar tanto el acceso diferencial a derechos largamente postergados dentro de la sociedad colombiana, así como su presencia en diferentes mecanismos de participación.

Asimismo, ante la movilización de los movimientos étnicos del país — cada vez con mayor capacidad de disruptiva en Colombia — se incluyó un capítulo dentro del Acuerdo Final que diera cuenta de sus principales reivindicaciones frente a la implementación. De esta manera las comunidades indígenas y negras tienen un reconocimiento diferencial en la implementación del Acuerdo, particularmente en lo relativo a participación política, Reforma Rural Integral y sustitución de cultivos de uso ilícito.

f) Militares en la Mesa.

Había sido insistencia de las FARC en procesos de diálogo previos la presencia de mandos activos de las Fuerzas Militares en el debate del fin de la guerra. Los gobiernos de ese entonces se habían negado. De esa manera, las FF.MM. habían sido incluso abiertas opositoras a los procesos mismos.

La Mesa de La Habana vino a transformar esta tradición. Desde el inicio de las conversaciones la comisión del gobierno contó con la presencia de dos generales: Jorge Mora del Ejército, y Óscar Naranjo de la Policía — actual vicepresidente de la República.

A la hora de iniciarse la discusión del cese bilateral y definitivo de fuegos y hostilidades, las partes tomaron una decisión novedosa: este espinoso tema sería discutido en una subcomisión técnica conformada por oficiales activos de superior gradación de las fuerzas militares y de policía, y su contraparte serían altos comandantes de las FARC-EP provenientes del terreno. Esto es una novedad dentro de los procesos de paz, toda vez que estas definiciones le son usualmente encargadas al Consejo de Seguridad de la ONU.

La delegación gubernamental para este objetivo fue encabezada por el general de ejército Javier Flórez e incluía a los jefes de inteligencia de las FF.MM., de la Armada y la Fuerza Aérea; así como a generales de Ejército y Policía con experiencia contrainsurgente en terreno. De parte de las FARC-

EP el equipo respectivo estaba dirigido por el comandante Carlos Antonio Lozada del Secretariado Nacional y contaba con altos mandos de las zonas de mayor conflictividad del país como Joaquín Gómez (también integrante del Secretariado), Edilson Romaña, Erika Montero, Isaías Trujillo, Walter Mendoza y Francisco González.

En un acto sin precedentes en conversaciones de paz de conflictos armados internos, se encontraban cara a cara quienes se confrontaban en terreno. Y, contrario a lo esperado, alcanzaron un robusto acuerdo de manera rápida. Se hacía realidad de esta manera el acuerdo sobre el cese bilateral y definitivo a la guerra, se abría camino la Misión Política no armada del Consejo de Seguridad de Naciones Unidas y se conformaba un mecanismo tripartito de monitoreo encargado de verificar el cumplimiento del cese acordado.

g) Un Acuerdo Final farragoso.

La suma de los acuerdos parciales y de los consensos posteriores constituyó el Acuerdo Final para la Terminación del Conflicto y la Construcción de una Paz Estable y Duradera, firmado en Cartagena de Indias el 26 de septiembre de 2016. Un largo título para 297 páginas que venían a condensar los mínimos para parar la guerra y echar a andar lo que debería ser una ola reformista sin precedentes. Desde el mismo nombre se veía que el Acuerdo se inscribía dentro de la muy colombiana tradición del fárrago legal.

Esa misma redacción, plagada de terminología jurídica y de pleonasmos, dificultó enormemente la pedagogía de paz al interior de Colombia. En un país de bajísima tradición lectora y polarizado entre quienes apoyaban o se oponían a la paz, el Acuerdo fue débil contendor de una estrategia mediática sencilla: falacias de fácil difusión, mensajes dirigidos al corazón del ciudadano popular y un llamamiento permanente a las profundas convicciones conservadoras y anticomunistas de muchos compatriotas. Se trata quizá de una lección aprendida de capital importancia para procesos similares en el mundo: consensos de enorme minuciosidad resultan extremadamente difíciles de difundir.

h) La X Conferencia.

En un hecho destacable dentro de la historia de los procesos de paz en el mundo, las FARC-EP sometieron el Acuerdo Final a la refrendación interna de su militancia. Para alcanzar este objetivo, combatientes, milicianos y militantes clandestinos analizaron el Acuerdo y todas sus consecuencias políticas. Así, cada célula de la organización debatió a profundidad y eligió sus delegados a la X Conferencia, la máxima instancia decisoria prevista en los estatutos de la organización guerrillera.

La Conferencia sesionó entre el 17 y el 23 de septiembre de 2017 en los Llanos del Yarí, suroriente del país. Delegados de todas las regiones del país aprobaron en pleno la política de paz de la organización y validaron el Acuerdo Final de Paz.

El mandato final de la X Conferencia facultó al Estado Mayor Central y a su Secretariado a definir los lineamientos para la transformación de la organización político-militar en un partido político legal con miras a participar en el debate político nacional.

i) La tortuosa refrendación.

La Agenda del Acuerdo General preveía que en caso de llegarse a un Acuerdo Final este debía someterse a refrendación popular. El consenso sobre cómo debía darse ésta fue dificultoso, aunque finalmente las partes acordaron la realización de un plebiscito. Las FARC se abstuvieron de cualquier tipo de proselitismo en este contexto. Así, en la práctica, la pelea política entre el Sí y el No se centró en el debate mediático entre el santismo y el uribismo, subsumiendo en éstas corrientes políticas las visiones heterogéneas que apoyaban cada iniciativa.

Los voceros de la campaña del No, fundamentaron su campaña en el conservatismo y el anticomunismo típicos del pueblo colombiano, recurriendo no pocas veces a la mentira abierta. Rumores como los de la amenaza de la “ideología de género”, el “castrochavismo” y hasta el “rayo homosexualizador” fueron recursos discursivos típicos de los enemigos del Acuerdo. El resultado final de la votación demostró el éxito de su táctica mediático: el No derrotó al Sí por el estrecho margen del 1,43 %.

La definición de las partes ante un hecho tan inesperado fue una renegociación con miras a atender las demandas del heterogéneo campo político que reclamaba la victoria del No (Uribe, cristianos, etc.). El resultado fue un nuevo Acuerdo Final, firmado en el Teatro Colón de Bogotá el 24 de noviembre de 2016, que hubo de ser refrendado por las mayorías parlamentarias, generándose no poca resistencia dentro de la extrema derecha local.

4. Las encrucijadas de la implementación

La puesta en marcha del Acuerdo Final implicó la transformación de la Mesa de Conversaciones en — por lo menos — cuatro instancias: el mecanismo tripartito de monitoreo y verificación del cese al fuego (MM&V), la mesa técnica de seguridad, la Comisión para el Seguimiento y la Implementación del Acuerdo (CSIVI) y el Consejo Nacional de la Reincorporación (CNR).

Sin lugar a dudas un Acuerdo tan trascendental implicaba un reto institucional sin proporciones para un Estado débil como el colombiano. Iniciaba una nueva batalla, la de la implementación, cuyas peculiaridades resumo brevemente:

a) Incumplimiento en la construcción y abastecimiento de las Zonas Veredales.

Las 26 zonas transitorias de agrupamiento para el cese bilateral de fuegos obedecían a un detallado protocolo que preveía la construcción de estos espacios de vivienda y formación para los integrantes de las FARC-EP. La tortuosa política de subcontratación estatal prolongó su construcción hasta el infinito. En un hecho inconcebible y vergonzoso para la nación, al día de hoy estos espacios siguen sin terminar de edificarse.

Durante el cese bilateral de fuegos — ya concluido ante la dejación del total del armamento de las FARC — el abastecimiento alimenticio a las zonas de agrupamiento de las guerrillas fue marcado por retrasos y sobrecostos. En terreno, guerrilleros y guerrilleras se encontraron permanentemente con alimentos en estado de descomposición que eran pagados por el erario público a precios exorbitantes.

b) Una ley de amnistía e indulto que no se aplica.

Si bien el Acuerdo Final preveía una Ley de Amnistía e Indulto que permitiría la libertad de la mayoría de integrantes de las FARC que se encontraban en prisión, este proceso ha resultado ser traumático y contraproducente. Si bien al día de hoy han salido de los establecimientos penales más de 2000 integrantes de las FARC, se mantienen en prisión 1125 camaradas sin que a corto plazo el poder judicial planteé alternativas reales para su libertad.

Las excusas del gobierno son múltiples. Desde la kafkiana opereta en la que los jueces de la República no entendieron la Ley de Amnistía hasta que en el listado de las FARC había “colados”. Lo cierto es que los aplazamientos en la liberación de los prisioneros atentan directamente tanto contra la credibilidad del proceso como contra la unidad interna de la guerrilla. No puede entenderse que en pleno proceso de construcción de paz integrantes de nuestra organización continúen en prisión, máxime cuando la situación humanitaria de la cárcel colombiana es, por lo menos, alarmante.

Caso aparte lo constituye el de Simón Trinidad. Nuestro camarada continúa en prisión de máxima seguridad en los Estados Unidos sin que el gobierno norteamericano dé señal alguna de disposición a liberarlo. Continuaremos luchando por su merecida libertad.

c) Continuidad del paramilitarismo y ejecuciones selectivas.

Si bien el Acuerdo Final incluyó un capítulo de Garantías de Seguridad, la situación de derechos humanos post acuerdo es más que preocupante.

El paramilitarismo sigue siendo una realidad en el país. Resumiendo la situación, hay que señalar que a partir del inicio del cese bilateral de fuegos han sido asesinados más de un centenar de líderes de organizaciones sociales, 11 integrantes de las FARC y 7 familiares de integrantes de las FARC.

La presencia paramilitar es abierta incluso en las cercanías de las zonas de agrupamiento de los integrantes de las FARC. Esto ha implicado un creciente descrédito de la política de paz del gobierno en los territorios periféricos y en las organizaciones sociales.

d) Reincorporación lenta y accidentada.

La agenda de reincorporación pactada partía de la creación de una instancia bilateral —el Consejo Nacional de Reincorporación— y del respeto al carácter colectivo de las FARC en su tránsito a la legalidad.

Pero la reincorporación real ha estado marcada — igualmente — por el incumplimiento y los retrasos. Así, la agenda educativa — de extrema urgencia teniendo en cuenta las enormes necesidades en formación de la base guerrillera — solo entró a funcionar una vez finalizada la dejación de armas y haciendo uso de programas precarios y limitados.

Igual ocurre con la reincorporación económica — ya sea individual o colectiva — de los ex combatientes. Hoy, como lo ha señalado nuestro comandante Timo, los apoyos económicos y proyectos productivos no son más que una quimera.

Los riesgos de una situación como esta son, de un lado, la imposibilidad de llevar adelante el proyecto colectivo que ha propuesto las FARC para su militancia, y del otro, la posibilidad de fortalecimiento de organizaciones criminales en los territorios.

e) La enredadera jurídica de la implementación.

El volver norma lo acordado ha sido una tarea más difícil de lo esperado. Si bien el Acuerdo previó un mecanismo de trámite prioritario y ágil dentro del Congreso, la tradición parlamentaria nacional — signada por el clientelismo — ha puesto en aprietos la pervivencia del espíritu original de los acuerdos.

Así, en 9 meses de Fast Track solo se han aprobado 8 de 24 normas fundamentales para la implementación. Cada una de ellas ha implicado extensos debates, intentos de reforma de su contenido y la falta de interés de la mayoría de los parlamentarios de la alianza de gobierno.

La CSIVI como instancia bilateral de control a lo implementado ha sido desconocida en ya numerosas ocasiones por el gobierno nacional. Así ocurrió con numerosos decretos presidenciales en los que se “colaron” disposiciones

políticas ajenas al acuerdo de paz, como con la creación de las instancias de participación territorial ligadas a la Reforma Rural Integral.

5. El Congreso Fundacional de FARC:

Entre el 28 y el 30 de agosto de 2017 se realizó el Congreso Constitutivo del partido de las FARC. Cada columna guerrillera, cada unidad de milicias y cada célula clandestina eligió democráticamente sus delegados a este evento que debía definir los lineamientos políticos de la organización en la legalidad. Por primera vez la militancia clandestina participó abiertamente en un evento político de su organización.

En medio de un debate interno la democracia partidaria votó por conservar el nombre FARC (ahora representando Fuerza Alternativa Revolucionaria del Común), acogió el pensamiento crítico latinoamericano como horizonte ideológico y eligió una nueva dirección ampliada de 111 camaradas. Lo que buscar ser un partido amplio e incluyente al tiempo que transformador, moderno y ligado a una tradición revolucionaria, se hecha andar en el complejo contexto político colombiano.

¿Los retos políticos inmediatos del nuevo partido? Garantizar una bancada parlamentaria democrática que dé continuidad a la implementación del Acuerdo Final, evitar un gobierno enemigo de la paz, y lograr cumplir con una legislación electoral que le obliga a contar con 100.000 afiliados inscritos en 2024. El desafío es enorme, y solo una estructura fuertemente cohesionada y altamente audaz podrá transitarlo exitosamente.

6. Una personal lectura crítica del actual momento

Es válido en medio de esta accidentada exposición el hacer un balance de cómo va nuestra paz. Hace poco le preguntaban a un vocero de FARC sobre su opinión sobre los tiempos del proceso de diálogo con los compañeros del ELN. Nuestro camarada respondió acertadamente: “con este posacuerdo nuestro, qué se van a apurar los elenos”.

Más allá del típico humor negro colombiano, lo que se esconde detrás de este sarcasmo es una realidad dolorosa: el sistemático incumplimiento estatal en los asuntos nodales de la implementación y la reincorporación va en contravía de un posacuerdo exitoso, máxime cuando se confronta con un cumplimiento verificado de parte de las FARC.

Lo notorio es que incumplimiento y lentitud no son casuales. Estos ya 10 meses de implementación nos permiten pasar de la teoría de la conspiración a la confianza factual plena: los poderes reales de Colombia buscan la implementación más cosmética y la paz más barata posible.

La apuesta de FARC es entonces la movilización política por todos los medios a nuestro alcance, buscando construir un bloque democrático que garantice lo acordado y que abra la esperada ola reformista que debía derivarse del fin de la guerra. El fin del alzamiento armado no es, no sobra repetirlo, el fin de la movilización social.

Con el ingreso al año electoral de 2018, lo natural es que la polarización política en Colombia se exacerbe y que el riesgo de no implementación sea mayor, toda vez que pareciera que esta situación no está en el orden del día de las candidaturas de derecha y extrema derecha, centradas en temas mediáticos como la corrupción y la seguridad. Un próximo gobierno débil y alejado de la agenda de paz no puede ser una opción. La defensa del espíritu del Acuerdo Final, su implementación real y el avanzar en la Mesa de Quito con el ELN, se convierten en imperativos para cualquier alternativa democrática en el país.

Dejar inconclusa la tarea de la construcción de paz representaría una tragedia desproporcionada para nuestra nación y, no ceso de destacarlo, para una comunidad internacional que ha rodeado como nunca una iniciativa de construcción de paz en Colombia. El conflicto ha pasado a un estadio nuevo de aguda confrontación política. En éste, el balón está en nuestro campo. Lo único que les puedo asegurar es que los integrantes de las FARC nos hemos propuesto estar a la altura del momento y que lo haremos con la misma disposición como enfrentamos la guerra.

¡Muchísimas gracias!

Dr. Omar Bravo (comentarista)⁵:

Buenos días, mi comentario va ser muy breve, soy colombiano adoptivo, soy argentino, pero hace mucho años que vivo en este país, y soy psicólogo, no soy politólogo.

Fue un evento traumático para mí y para muchos, y nos dicen de una situación ideal: “Podemos ganar” y nada más, sólo de que es necesario ganar las elecciones. Sin embargo, nada fue así — se perdió y pasó la margen de la inquietud que Lucas-Camilo destacó importante para el futuro proceso de paz. Él refiere al proceso de paz más o menos contemporáneo como el de El Salvador y de Sudáfrica. La imagen clásica de proceso de paz sudafricana era: De Klerk y Mandela pescando juntos, en otro tipo de proceso de paz más humano. De proceso de paz en El Salvador hay una imagen muy decente: un abrazo del comandante del ejército salvadoreño con el comandante del Frente de Farabundo Martí.

No hubo este tipo de imágenes en el proceso de paz en Colombia. Se mantiene en el proceso de paz una representación de la FARC como el enemigo, y lo dije

⁵ Universidad ICESI, Cali, Colombia,

a Lucas en la mesa la que compartimos antes de este encuentro. Es un enemigo que adquiere otra condición, no es ya el enemigo armado, pero sí sigue siendo el enemigo, aquél que hay que dejarlo alejado socialmente, aquél que no merece la representación política igual a la de otros. Hay una condición de sub-ciudadanía política. Voy a darle un ejemplo: ayer iba a comprar una camiseta para mi hijo como un recuerdo de San Petersburgo y luego vi una cosa por la que la he devuelto — era camiseta roja con un dibujo del martillo y una hoz, y andar en Colombia en camiseta con esta imagen te puede provocar problemas — eso significa vivir en una situación de guerra aún no habiendo guerra.

Por eso es mejor hablar sobre el período de pos-acuerdo y no de pos-conflicto, porque el conflicto continúe sólo de otra manera. Es una situación cuando hay un enemigo domesticado al que no se puede dar una condición de colombiano o de colombiana, y sí hay una imaginación de lo malo absoluto la que hay que contener. Esto obviamente tiene una funcionalidad en política: el enemigo absoluto responsable de todos problemas del país, ahora falta una figura fantasmagórica como Fidel Castro o Hugo Chávez, podemos recordar como en esta propia ciudad Vladimir Lenin fue acusado como un agente alemán, es la misma lógica — como decía Goebbels: “Mentir, mentir y algo de esta mentira venga” y este ejercicio político atenta contra el ejercicio democrático.

Creo que la buena parte del porvenir de Colombia se van a definir en las elecciones en el año que viene donde estas problemas se van a profundizar, pero donde por otro lado se abren las ventanas interesantes, porque a pesar de este esfuerzo del gobierno de mantener esta amenaza, este enemigo absoluto, otro tipo de discurso empieza a crecer — sobre una política mitigada, y otros temas comienzan a aparecer, como la corrupción. Por ser optimista, quizás, sea una nueva forma de pensar sobre el ejercicio político, porque los problemas de colombianos y colombianas se abren para los partidos en las próximas elecciones. Por ejemplo, una persona colombiana en una situación de pobreza hubiese decir que sus problemas políticos tenía que ver con la FARC y no con las condiciones miserables que realmente tenía. Quizás, el ejercicio político entre en la crisis y, quizás, se abra de la manera plena, tolerante ideológicamente. En términos de estrategia política creo yo que la gente sea beneficiada, con estos 50 años de guerra y estos fantasmas imaritarios, con no hablar de estas temas, y también falta su propia responsabilidad histórica y política sobre toda la pobreza, sobre toda la corrupción.

¡Muchas gracias!

Dr. Mauricio Archila Neira (moderador):

Soy historiador, profesor y hoy con Lucas, el militante clandestino de la FARC, estamos compartiendo esta tribuna. No tuve el privilegio de estar tan cerca

del proceso de paz como algunos colegas de la Universidad Nacional o de Centro de Investigación Popular, pero como un colombiano y historiador tengo cierta información.

Es un acuerdo histórico en el plano mundial y en el plano latinoamericano, yo no sé si hay algún otro país con un número de víctimas que tuvo y afortunadamente sigue a tener Colombia. Hay más o menos unos 7 millones o más de desplazados que son víctimas, desplazados dentro del mismo territorio, hay muchos que han tenido que salir del país, y hay dentro de 200.000 — 300.000 víctimas, y es posible que las cifras sean mucho más de las 300.000 asesinados. Tenemos 53 años de conflicto — uno de más duraderos, si no más duradero del Occidente, casi igual que La Guerra de Cien Años en Europa, y ningún guerrilla en América Latina antes tenía tantos milicianos y guerrilleros como la FARC, es un evento histórico y como historiador lo reconozco.

Los analistas dicen que hay una disminución de los indicadores de violencia, claro que todavía existe la violencia, porque hay grupos paramilitares. Creo que en el acuerdo hay indudables logros — los 6 puntos, y quiero destacar un punto sobre que el gobierno va insistir en el desarrollo, sí no hay el socialismo por el acuerdo, pero hay un avance democrático. Pero algunos problemas siguen siendo pendientes y tiene razón Lucas, hay gran problema — es el cumplimiento, y le diría que hay tipo de literatura que nos ilustra más el problema de guerra y paz, Kafka y Gabriel García Márquez, Tolstoi, Cortázar.

Hay una derecha en Colombia aumentada en la Guerra Fría que mantiene la lógica de la Guerra Fría, incluso es ridículo, pero una de esas senadoras dijo hace que poco no confiaban en Las Naciones Unidas, porque la URSS tenía presencia en El Consejo de Seguridad, la señora no estaba informada de que hace muchos años que cayó la muralla de Berlín y también la Unión Soviética y cree que la URSS existe todavía y tiene representación en El Consejo de Seguridad de la ONU. Eso es una expresión de una extrema derecha que está dispuesta a oponerse a los acuerdos.

Incluso podemos ser críticos sobre algunos acciones de la FARC, de su forma de lucha, pero hoy reconocemos que para democracia, para las fuerzas progresistas de la izquierda en Colombia y en América Latina hay una mental consolidada con el proceso de paz. Ojalá se cumplan el acuerdo en todos los niveles porque algunos querían continuar a combatir, y no solamente en la FARC sino también en la extrema derecha, sea un desastre para Ecuador, Venezuela y en general para América Latina. Creo que en la natura de este evento hay una gran paz y una gran esperanza.

¡Muchas gracias!

Desigualdad estructural y secuestro de la democracia en América Latina²

Structural inequality and kidnapping of democracy in Latin America

¡Buenas tardes a todos y todas!

Es un honor muy grande estar aquí en la Universidad Estatal de San Petersburgo. Es una gran oportunidad también que nos ofrece esta universidad a CLACSO de poder estar compartiendo con ustedes estos días y colaborando mínimamente con la organización del evento. Le agradezco a Dr. Víctor Jeifets, a Dr. Lazar Jeifets, a todo el equipo de la Universidad Estatal de San Petersburgo y a nuestro querido amigo y gran referente de los estudios latinoamericanos fuera de América Latina que es el Dr. Vladimir Davydov, a Violeta Tayar y a todos los compañeros y compañeras aquí de Rusia con quienes compartimos este diálogo, el que el CLACSO tiene mucho interés de profundizar y de consolidar.

Creemos que hay un gran desafío por delante no sólo de ampliar los espacios de diálogo académico entre América Latina y el mundo, sino que particularmente tenemos que fortalecer nuestra cooperación académica y nuestros intercambios académicos con este gran país y con su comunidad académica. No sólo para discutir los temas específicamente de América Latina, sino para discutir los temas de la agenda global. Desde CLACSO nosotros creemos que es muy importante que como latinoamericanos podamos hablar de América Latina naturalmente, pero también creemos que es importante que el pensamiento latinoamericano, que las perspectivas latinoamericanas, los abordajes latinoamericanos de las cuestiones globales también se puedan conocer fuera de América Latina.

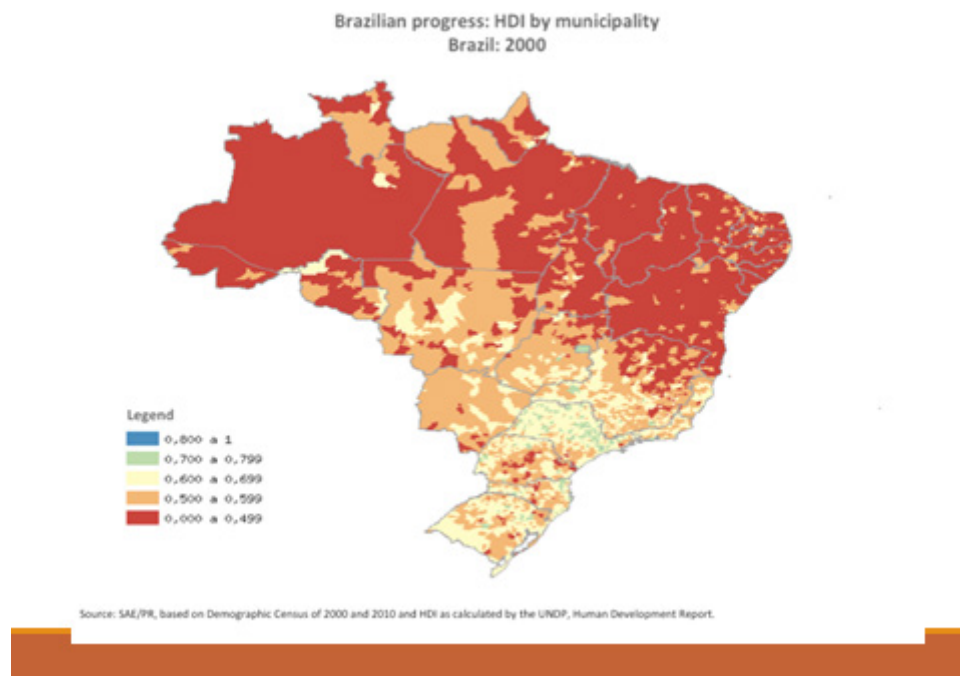
América Latina tiene una presencia muy periférica en el debate global contemporáneo y me parece que la posibilidad de fortalecer este diálogo con Rusia, como lo estamos haciendo también con los países Nórdicos y como también estamos haciendo también con China, es una de las grandes oportunidades y uno de los grandes desafíos que tenemos por delante.

Me gustaría compartir con ustedes, primero, un muy, pero muy rápido diagnóstico del gran dilema que se ha planteado en América Latina después de

¹ Brasil/Argentina, Secretario Ejecutivo de CLACSO.

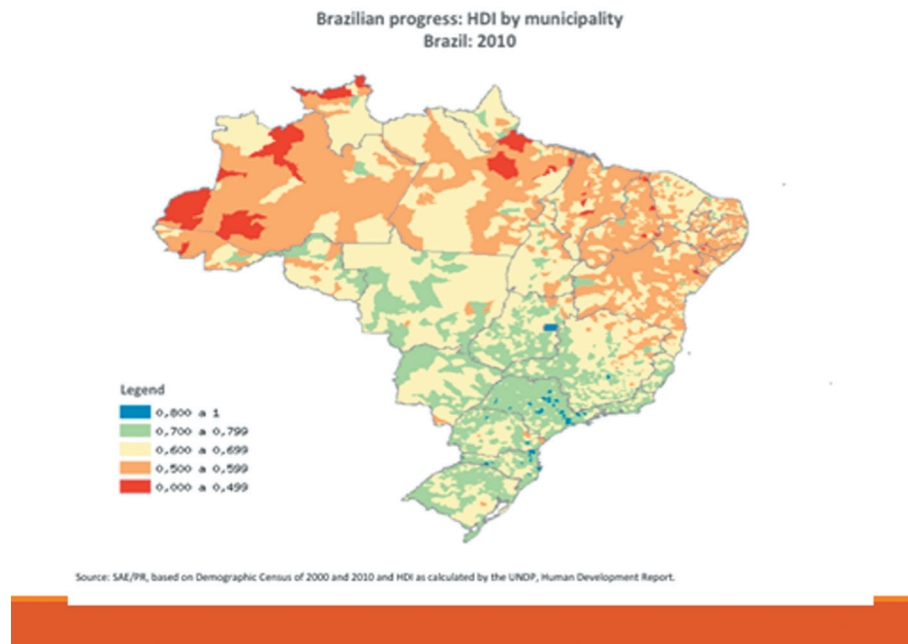
² Conferencia magistral durante el III Foro Internacional “Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante”.

quince años de reformas democráticas que han vivido algunos de nuestros países y a partir de este diagnóstico pensar algunos desafíos que se abren. Voy a tomar como referencia el caso de Brasil. No porque sea más o menos importante que otros casos de América Latina, sino porque creo que es el que resume de manera más emblemática, más característica tanto las transformaciones que se vivieron, como los desafíos que se abren. Naturalmente hay grandes diferencias entre Brasil y otros países de América Latina, no estoy queriendo decir que lo que ocurre en Brasil ocurre en Argentina, en Uruguay, en Chile, en Bolivia, en México o en Venezuela. Son muy diferentes las realidades. Pero el caso brasileño nos ayuda a formular algunas preguntas, a comprender, quizás, mejor algunos de los cambios que hemos vivido y especialmente a presentar de manera más sintética los grandes desafíos que tenemos por delante y que se abren para las próximas décadas en América Latina.

Por lo tanto empezamos porqué es lo que cambió, qué es lo que cambió en Brasil y en muchos otros países de América Latina. Esto que ustedes ven aquí atrás es el mapa de Brasil según el Índice de Desarrollo Humano para el año 2000. Como ustedes verán en este mapa, Brasil a comienzos del nuevo siglo estaba básicamente marcado por un índice de desarrollo humano muy bajo (está en rojo) y en los lugares con mayor desarrollo industrial y urbano con un índice de desarrollo medio y medio bajo (en amarillo). Las zonas más claras que ustedes ven hacia el sudeste de Brasil es la zona de San Pablo, Río de Janeiro y Minas Gerais o el sur de Brasil: el estado de Río Grande do Sul, Porto Alegre o Curitiba, la capital del estado de Paraná. Son

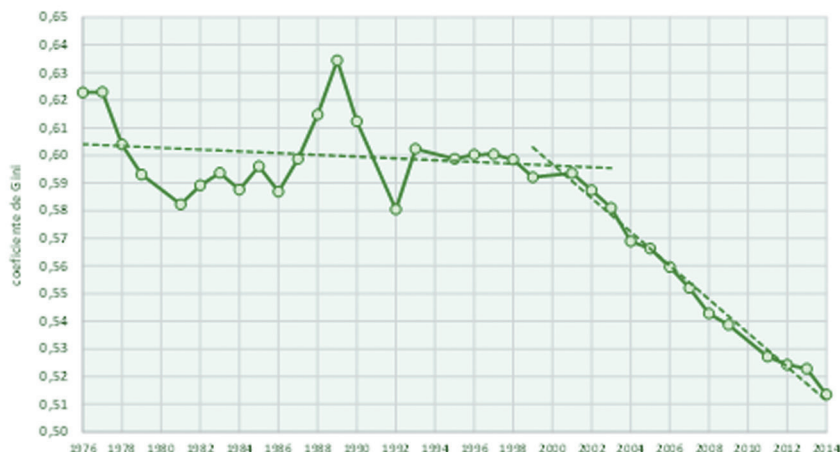
los lugares de mayor desarrollo humano y también de mayor desarrollo económico naturalmente.

De cualquier forma, si ustedes comparan el mapa de desarrollo humano de África a inicio de los 2000 y el mapa de desarrollo humano de Brasil a inicio de los 2000, hace diecisiete años eran muy, pero muy parecidos. Una década más tarde los niveles más bajos de desarrollo humano se concentraban en algunos municipios con muy poca densidad poblacional: en la zona norte y fundamentalmente en el Amazonas. Las áreas de desarrollo humano medio y medio alto se expandieron notablemente. Ustedes ven como ya el color amarillo se expande a gran parte del territorio nacional. El medio bajo continua siendo alto en las regiones del norte y en ciertos sectores del nordeste brasileño. Pero aunque fundamentalmente se expanda el color amarillo, también se expande el color verde que es el desarrollo humano medio alto. E ya aparecen en los grandes centros urbanos como Río de Janeiro, Brasilia o San Pablo, Paraná y Porto Alegre el índice de desarrollo humano alto. ¡Esto en apenas una década!

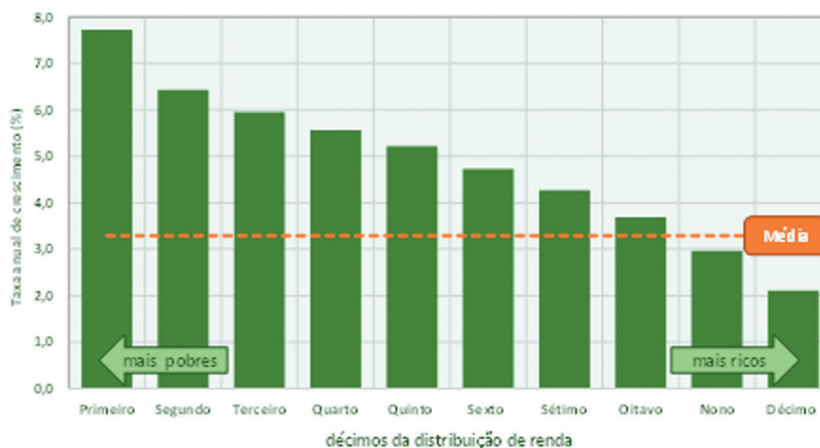
Una transformación social impresionante qué significó sacar a más de 50 millones de personas de la pobreza, desarrollando un conjunto de políticas públicas extremadamente exitosas para producir distribución del ingreso y generar una ampliación de las oportunidades de inclusión social de amplios sectores de la población, que muy poco tiempo atrás estaban excluidos del sistema de salud, del sistema educativo, del sistema del acceso a la vivienda digna, del mercado de trabajo, etc. Este cambio para ser un cambio en apenas una década es realmente muy, pero muy impresionante.

Evolução do grau de desigualdade de renda no Brasil:
Coeficiente de Gini. 1976-2014

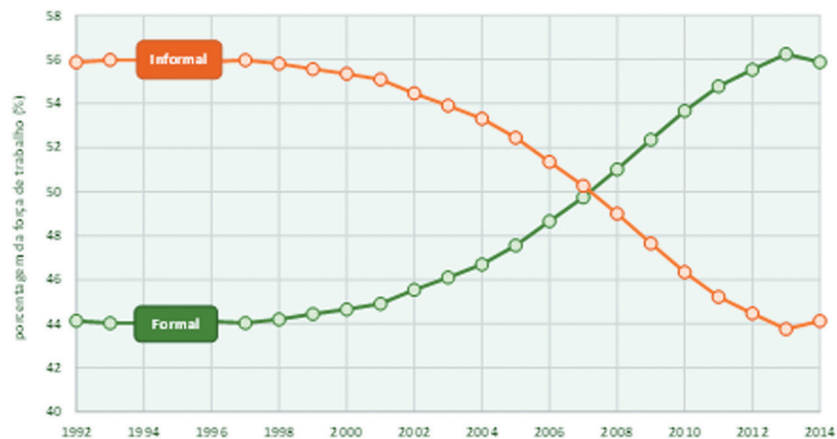

En el gráfico siguiente podemos ver también que esta disminución de la pobreza tuvo un impacto aunque no tan expresivo importante en la disminución de los niveles de desigualdad. Esto es la evolución del grado de desigualdad de Brasil entre el 1976 y el 2014. Nosotros podemos observar como a partir del año 2002 o 2003 (el gobierno del presidente Lula comienza en 2003) se inicia un proceso progresivo de disminución de la desigualdad que aquí se ve de forma muy pronunciada por el tipo de gráfico que hicimos. No fue espeluznante, como sí lo fue la reducción de la pobreza, pero sí fue significativo y creciente. Por lo tanto Brasil durante los catorce años que gobernó el Partido de los Trabajadores: tanto durante la presidencia de Lula da Silva, como de Dilma Rousseff, tuvo de manera sistemática una reducción progresiva de la desigualdad.

Taxa anual de crescimento da renda per capita, por décimo da distribuição: Brasil, 2001-2014

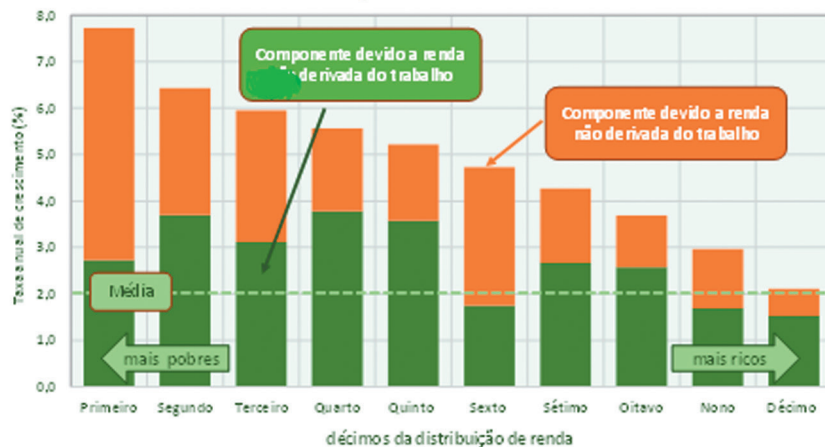

Evolução do grau de formalização do mercado de trabalho brasileiro: Brasil, 1992-2014

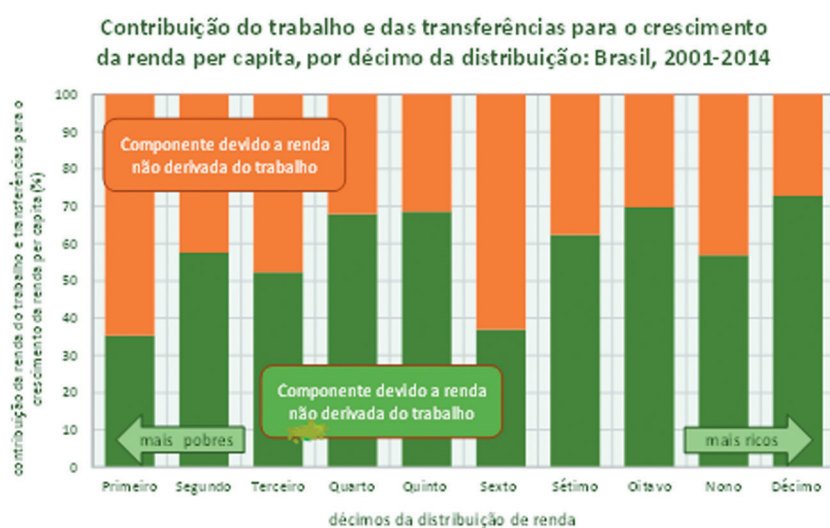
En la tabla siguiente podemos ver cómo afectó esta reducción de la desigualdad en los diferentes sectores de la población brasileña. Dividimos la sociedad brasileña en 10 deciles cada uno con el 10 %, del más pobre al más rico. El primer decil es el más pobre, el décimo es el más rico. Ustedes pueden ver aquí que durante esta estos años (2000 — 2014) todos los sectores sociales en Brasil mejoraron sus niveles de ingreso.

Taxa anual de crescimento da renda per capita, por décimo da distribuição: Brasil, 2001-2014

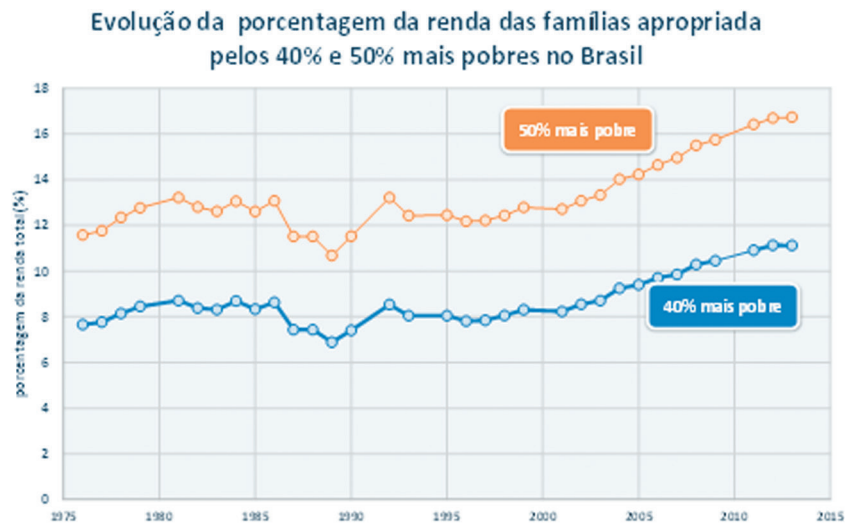

Desde los 10 % más ricos hasta el 10 % más pobres. Con la diferencia de que los más pobres ganaron proporcionalmente muchísimo más, y nosotros podemos ver como durante estos años la tendencia en el sistema de distribución del ingreso

benefició significativamente a los sectores más pobres, que se ubicaron todos ellos por arriba del promedio de la distribución del ingreso. Muchas veces cuando se muestra esto, lo que se dice es que esto se ocurrió por qué se aplicaron políticas sociales de transferencia del ingreso directo a las familias más pobres a través de programas sociales que generaron un especie de burbuja, como la burbuja inmobiliaria, pero social, que impactó rápidamente los más pobres y esto es un diagnóstico un poco limitado de lo que ocurrió en Brasil, como muchos otros países de América Latina donde este mismo fenómeno se puede verificar de manera muy clara. Porque sin usar a dudas las políticas de transferencia de ingreso condicional tuvieron efecto muy importante en mejorar las condiciones de vida de los más pobres.

Pero esto no fue exclusivamente así lo que vamos a ver de la segunda gráfica. La segunda gráfica nos muestra uno de los factores que mejor explica, por qué se produce este proceso de ampliación de más oportunidades de ingresos de los niveles de ingresos los más pobres en Brasil, que básicamente se vincula a una transformación muy radical que se produce en Brasil a partir del año 2004, 2005 y 2006, que es un crecimiento exponencial del trabajo formal y una disminución progresiva del trabajo informal. En buenas medidas las posibilidades que hubieron de aumento en los niveles de renta de ingresos de la población más pobre en Brasil se dividieron a que estos sectores entraron por primera vez dentro del mercado formal junto con su ingreso al mercado formal, a eso se le sumaron una serie de oportunidades y condiciones que genera la formalidad del trabajo, como es seguridad social, el acceso al sistema de salud, el acceso al crédito y a muchos otros beneficios que le impactaron en la renta de los sectores más pobres.

En esta próxima imagen ustedes pueden ver la diferencia está entre lo que son los rendimientos generados por el trabajo y los rendimientos generados por el no trabajo. Los rendimientos generados por el trabajo son naturalmente los que vienen del empleo. Es el salario o en el caso del decil más rico, son los rendimientos generados por sus inversiones, son las ganancias que tienen los más ricos. Esto es el color verde. Y los rendimientos generados por el no trabajo es el color anaranjado. ¿Qué muestra este gráfico? Que son los rendimientos generados por el no trabajo, puede ser el sistema de jubilaciones, si las personas reciben rendimientos y no trabajan más, porque están jubilados y o reciben ingresos por intermedio de transferencias hechas por los gobiernos que en el caso de Brasil fue fundamentalmente el programa “Bolsa Familia”. O en otros países como la Argentina, por ejemplo se llama “Asignación universal por hijo” o sea las transferencias de ingresos condicionados.

Si podemos ver aquí por ejemplo por el decil más pobre, el 10 % más pobres de sociedad brasileña se benefició muchísimo en el aumento de sus ingresos por los planes sociales, por las políticas sociales. Pero esto ya cambia en el 20 % siguiente, estamos hablando de los 20 % más pobre, y ya en este sector el impacto de la formalización en el ingreso al mercado de trabajo, que es una forma mucho más estable de garantizar derechos comienzan optarse de forma clara, como se noten casi todos los deciles, menos en el sexto decil donde ustedes podrán ver, que la presencia del color naranja es muy alta, porque en el sexto decil donde están de manera general casi todos los jubilados del sector público en Brasil. Por eso en el sexto decil en los rendimientos no derivados del trabajo son muy altos. En este caso políticas sociales, sino el sistema de jubilaciones este gráfico muestra muy claramente, que es

un mito la afirmación de lo que hubo solo planes sociales y políticas sociales. Hubo un conjunto de transformación bastante más complejas.

¿Que es por lo tanto lo que se vivió en Brasil como en gran parte de América Latina, en Uruguay, en Argentina, en Bolivia, en Ecuador, en Venezuela, en Chile y muchos otros países de la region? Un enorme proceso de modernización social que se enfrentaba a una enorme cantidad de cuestiones y desafíos por que está asociada a la mejoría de las condiciones de vida de los mas pobres. Estuvieron tambien la ampliación de un conjunto de oportunidades para algunos sectores que fueron muy significativas. Piensen ustedes que Brasil tenía en el año 2003 tres millones y medio de estudiantes universitarios una población de dos cientos veinte millones de habitants, y solo tres millones y medio de habitantes iban a la Universidad. Cuando concluye el gobierno de Lula ocho años más tarde después del 2003, cuando concluye gobierno de Lula, Brasil tenía más de siete millones de estudiantes universitarios. En dos mandatos presidenciales Brasil había duplicado el número de estudiantes universitarios, imaginen lo que esto significaría en cualquier país del mundo. Claro que siete millones de estudiantes universitarios siguen siendo muy pocos para Brasil, esto significa que muchísimos miles y miles de jóvenes están fuera de Universidad todavía en Brasil. Pero la transformación fue muy significativa porqué de esos tres millones y medio de nuevos estudiantes universitarios el 70 % de ellos eran la primera generación de estudiantes universitarios de su familia.

Fue la primera vez que para muchísimas familias brasileñas, si solo tomamos durante todo el periodo del gobierno de Lula, más o menos cerca de siete millones y media de de familias brasileñas tuvieron por primera vez un hijo en la universidad o una hija en la universidad. Y de esas familias 85 % eran negros o negras. En Brasil se suele usar la denominación “negro”, no se usa la denominación norteamericana *afrobrasileño*, porque nos hemos discutido mucho con definitiva, es una distinción que engaña más que muestra, porqué aunque el origen naturalmente es africano por los llegados esclavos, se trata de brasileños y sus características que son discriminados por el color de su piel, no por su origen geográfico. Pero lo que es realmente significativo es que las universidades generaron — como hoy mencionó la presidenta Dilma Rousseff y lo mencionará seguramente mañana — a partir de un conjunto político, se poblaron un sector de la sociedad que es totalmente excluido del acceso de educación. Podrí dar los muchos ejemplos con las políticas de vivienda, los programas del acceso a la vivienda popular, el acceso al crédito, el acceso a la salud y muchos otros datos.

Un verdadero proceso de modernización social que en América Latina no hicieron nunca los gobiernos de los sectores oligárquicos, los sectores más concentrados de las derechas políticas, de las grandes burguesía industriales que históricamente gobernaron con o sin democracia nuestros países. El proceso de

modernización social de nuestros países en general se hizo durante el mandato de los gobiernos populares. Y en Brasil la primera expresión de esto fue el gobierno de Lula y de Dilma Rousseff. El avance, por lo tanto, fue impresionante. Hubieron también sin lugar a dudas enormes desafíos que se abrió a partir de esto.

¿Cuales? Primero que todas estas políticas tuvieron un impacto disminución de la pobreza y ampliación de las oportunidades y derechos muy importantes. Pero tuvieron un efecto mucho más limitado en la disminución de las niveles de desigualdad existentes en Brasil y en toda América Latina.

América Latina tuvo un círculo virtuoso durante última década, pero no dejó de ser una región más injusta del planeta. Y esto no deja de ser al menos para los que gobernaron nuestros países generar una enorme perplejidad. Por qué nuestros países se volvieron más democráticos, nuestros países se modernizaron socialmente, pero no dejaron de ser profundamente injustos. Ahora nosotros o por lo menos algunos organismos internacionales consideramos también, antes se comparaba África con América Latina y América Latina era más desigual que África. Ahora África se divide en África Subsahariana y en África no Subsahariana, y África Subsahariana empata con América Latina niveles de desigualdad. Lo que no deja de ser alarmante es que América Latina pasó durante 15 años por un proceso de modernización social impresionante y que África Subsahariana no pasó . Y sin embargo tenemos los mismos niveles de desigualdad que África Subsahariana.

Pero asociado a los niveles de desigualdad hay otros problemas, mucho más complejos que comenzaron a tornarse muy evidente no solo para nosotros, los sociólogos, sino también para la gente en su vida cotidiana. Por ejemplo. Con mucho menos pobreza, pero América Latina no dejó de ser un región más violento de planeta. Cómo dijo el presidente Samper América Latina es “un continente de paz. No cabe ninguna duda de esto”. No hay guerra y la última que teníamos que es la guerra de Colombia. Pero que seamos un continente de paz no significa que no es un continente extremadamente violento. Las mayores tasas de homicidio se cometen en las ciudades latinoamericanas, cualquier ranking de violencia incluye, por lo menos, seis o siete ciudades latinoamericanas.

Los niveles de violencia en América Latina inclusive si se segmenta por un sector social son verdaderamente espantosos. Por ejemplo, durante el mes de abril en Siria murieron por la guerra brutal 2.700 personas. ¡En Brasil murieron casi 4 mil personas en el mes de abril asesinadas! Brasil tiene más población que Siria, es cierto. Es verdad, en proporción en Siria murieron más personas que en Brasil. De cualquier forma no deja de ser alarmante que es un país que nunca tuvo guerra, tenga y llega tener en algunos momentos hasta 4.000 asesinatos por mes.

Ahora, si nosotros segmentamos, y eso es un especie de ingeniería sociológica tecnológica de terror, segmentamos los muertos por la guerra en Siria por franja etaria, asesinatos en Brasil quintuplica a Siria en la muerte de jóvenes, y eso que

en la querrá mueren en general jóvenes combatientes. Porqué cerca del 70 % de los asesinatos que se cometen en Brasil, se cometen en la población que tiene entre 20 y 24 años. De las cuales las dos terceras partes son los jóvenes negros. Por lo tanto, fíjense ustedes en la enorme complejidad que tiene Brasil que no es un único país violento en América Latina. América Central es la región más violento del mundo de hecho, aumentaron las tasas de violencia en países que antes no tenían tanta violencia.

Es curioso que inclusive a pesar que gran parte, la mayor parte de América Latina fue gobernada por la izquierda, los que han puesto el tema de violencia del debates públicos, han sido las derechas exigiendo más represión, exigiendo una *securitización* de la política pública, etc. Por otro lado, nosotros durante estos 15 años casi quintuplicamos las oportunidades de que los jóvenes negros puedan ir a la universidad. Y al mismo tiempo se triplicaron posibilidades de que los jóvenes negros sean asesinados en el país. Hay cinco más oportunidades que joven negro estudie en Universidad que cuando empezó el gobierno del PT, pero también hay tres veces más posibilidades de que muera asesinado. Es interesante que la tasa de homicidios en Brasil disminuyó en los sectores más ricos y aumentó en los sectores más pobres. Y aumentó tanto en los sectores más pobres que hizo que la disminución de la tasa de homicidios en los sectores más ricos, entre la población blanca, no se notará estadísticamente.

Hay otros elementos también muy complejos y perturbadores. Por ejemplo, uno de los elementos característicos de la desigualdad latinoamericana es desigualdad de género. Tenemos las más altas tasas de violencia de género que compartimos con unos pocos países de África o de Medio Oriente o algunos países árabes. Pero tenemos altísimas tasas de femicidio y de violencia de género. Pero también tenemos las desigualdades de género en los mercados salariales. Y lo que es interesante fisiológicamente y dramático socialmente es que en América Latina las desigualdades salariales de género, la brecha salarial entre hombres y mujeres, aumentan cuanto más aumenta la escolaridad. Por lo tanto la diferencia salarial entre hombres y mujeres con más bajos niveles educativos es menor que la brecha salarial entre hombres y mujeres con los más altos niveles educativos.

Cuanto más estudian las mujeres, más dificultades encontrarán en el mercado laboral después para equiparar su salario con el salario de los hombres que habían estudiado en las universidades con ellas . Cómo decía la presidenta Dilma: hoy podemos tener en Brasil la posibilidad de mujeres negras que se forman como médicas y eso la élite no se acepta nunca. Sin embargo, también la tasa de empleabilidad de una mujer negra es 65 %, mientras que la tasa de empleabilidad del hombre blanco formado por la misma universidad es 94 %. Por lo tanto, se forman, ahora sí, las mujeres negras en la universidad como médicas, pero cuando salen de la Universidad, no consiguen trabajo como médicas y tienen que conformarse con un

puesto de enfermeras cuando lo consiguen y si lo consiguen. Por lo tanto con sueldos mucho más bajos.

Por otro lado también a pesar de los esfuerzos de otros países de disminuir los efectos de la discriminación racista en el mercado del trabajo y el sistema educativo, en la seguridad social e inclusive en los medios de comunicación, nuestros países (no solo Brasil, sino toda América Latina) continúan siendo una región extremadamente racista y discriminadora. Discriminadora con los negros, donde hay negros y negras (Brasil, Colombia, Panamá, Ecuador) y racist también con los indios o con aquellos que parecen negros o parecen indígenas. En aquellos países algunos seres humanos cargan sobre sus espaldas la mochila del estigma, que se le aplica por el hecho de ser pobres, transformándolos en extranjeros dentro de su propio territorio. Como es en Argentina, por ejemplo, que a los más pobres del noroeste argentino se los confunden con bolivianos y se les aplica en el país profundamente racista — como es Argentina — el mismo criterio de las exclusiones y de discriminación que se aplica a los bolivianos, a los peruanos, a todos que no parecen blancos como los argentinos de los niveles más altos.

Por lo tanto, en América Latina el proceso de modernización social ha sido espectacular. Pero esto también ha dejado en evidencia que hay estructuras de producción y reproducción de la desigualdad que se producen de violencia, en discriminación, en injusticia social, en racismo, en sexismo, en estructura de base patriarcal de nuestras sociedades que parecen ser mucho más resistentes a estos cambios. Unos cambios que duraron una década y media y que empiezan a ser revertidos por los gobiernos conservativos que llegan al poder por diferentes vías. En el caso de Brasil por diferentes golpes de estado.

Mañana la presidenta Dilma podrá explicar mucho mejor que yo las razones del golpe de estado que la destituyeron de la Presidencia de la República. Dilma no fue destituida por sus errores, fue destituida por sus méritos, por haber hecho de Brasil un país mucho más democrático. Eso es lo que la élite de Brasil no acepta, no acepta lo que esa transformación democrática exponga la brutalidad del sistema que obliga a los gobiernos a tomar partido y empezar actuar contra el racismo, contra la discriminación de género y contra la desigualdad, que obliga los gobiernos latinoamericanos actuar contra la violencia.

El ciclo y este matrimonio de casi felicidad absoluta que tuvo el progresismo con la reforma social puso en evidencia que lo que había que hacer en América Latina era radicalizar los cambios sociales y no disminuirlos y que las recetas neoliberales eran volver al pasado.

En algunos países — como la Argentina y como parece ser ahora Chile — la ciudadanía comienza desconfiar de estos regímenes progresistas y elige gobiernos neoliberales. El resultado en Argentina es espantoso, aumento significativo de la pobreza, más de 5 millones de pobres. Macri tuvo la capacidad de generar casi un

15 %, de poner casi un 15 % de la población argentina debajo de la línea de pobreza dentro de un año. El gobierno progresistas de Néstor Kirchner demoró casi 5 años para sacar 5 millones de argentinos de la pobreza. Casi un mandato presidencial y un año para sacar 5 millones de argentinos de la pobreza. Macri lo volvió a poner por debajo de la pobreza en menos de un año de gobierno. Endeudó el país profundamente, debilitó significativamente las instituciones de la democracia y desmontó todo el sistema de bienestar que se había generado durante estos años de reforma en apenas algunos pocos meses. Tenemos hoy una Argentina más injusta, y ya era injusta, más desigual, y ya era desigual con muchos más pobres y con las sustituciones públicas de atención a los más pobres en un estado de precariedad y de fragilidad absoluta.

Pero tenemos también otros problemas. Porqué América Latina en gran problema nos son los gobiernos neoliberales que llegan al poder, nada más. Los gobiernos neoliberales que llegan al poder es una buena parte del problema que tenemos. El gran problema que tenemos es que la izquierda en América Latina ha gobernado y ya gobernando ha hecho lo que quizás debería hacer cualquier demócrata o quizás cualquier liberal demócrata que confie en que los efectos de la democracia suelen ser tan ventajosos como si suele decir que son los efectos de la democracia. Para ejemplo, en pensar de que si uno produce un ciclo de reformas que hace que la gente viva cada vez mejor, la gente va a querer vivir cada vez mejor. Y se volcaron los gobiernos progresistas a gestionar la sociedad desde el Estado. Los resultados — como mostré antes — fueron positivos, pero también tuvo un efecto. La izquierda que en América Latina siempre tuvo vinculación muy directa con los más pobres, que ocupó los territorios a través de sus movimientos sociales, sus grupos de base, de sus iglesias populares, fue perdiendo su identidad social, fue ganando su identidad estatal, dejó el territorio y el territorio fue ocupado por otros.

¿Quiénes ocuparon ese territorio en América Latina? ¿Las elites oligárquicas? No. Las elites oligárquicas manejan los medios de comunicación y de alguna manera, sí, colonizan estos territorios. Pero esos territorios los empezaron a ocupar otros militantes, otro tipo de activistas que no conocíamos y cuyos efectos estamos empezando a conocer de forma bastante dramática. Fundamentalmente las Iglesias pentecostales, ciertos grupos evangélicos que empezaron ocupar el territorios de los izquierdos, que empezaron relacionarse con los pobres y que empezaron hacer promesas a los pobres. Fíjense ustedes, que cuando el gobierno de Dilma Rousseff está terminando, se hace una encuesta en todas las mujeres que recibieron el beneficio de la “Beca Familia”. Y se les preguntaban a estas mujeres, si su vida cambió en estos últimos diez años, 95 % respondieron que cambió muchísimo para mejor. La segunda pregunta era, por que cambió. Era una respuesta espontánea. El 70 % dijo: “Cambió gracias a Dios”. Solo en la respuesta inducida, cuando se les daban opciones, 5 % de ellas dijeron: “Cambió gracias a la democracia o a la política”. ¡Cinco por ciento!

Yo fuí a Uruguay, el país más laico en América Latina y conté esta historia porque seguro que en Uruguay esto no pasa. Y mis compañeros del Frente Amplio me miraron perplejos y me dijeron: “Hicimos una encuesta igual aquí”. Y más del 75 % dijo: “Gracias al país”. En Brasil — Diós, en Uruguay — la Nación. En ninguna de los dos — la política, en ninguno de los dos — la Democracia. Y si uno pregunta a los latinoamericanos que piensan sobre la democracia, según Latinobarometro y muchas otras encuestas, más de 70 % de latinoamericanos piensa que democracia es para que los ricos sean más ricos, para que los privilegios de los ricos se multipliquen, y para que su vida cambie poco o casi nada.

La izquierda trató de cambiar la sociedad. Antes la quería cambiar desde la base transformando a la sociedad en los movimientos y organizaciones de lucha que desde abajo construyen hacia arriba el poder. Durante 15 años realizabamos cambios inmensos de arriba hacia abajo.

Yo no creo que se ha acabado el ciclo progresista, porque en política no hay ciclos. La idea de pensar política como un ciclo — como dice muy bien Álvaro García Linera — es una idea biologicista, darwinista, del desarrollo político que piensa en ciclos: que nacen, se desarrollan y se mueran. Es más complejo, la historia funciona haciendo curvas, yendo y viniendo. Y estamos acá, en uno lugares de ese país que hace cien años hizo una gran revolución, y que a partir de esa gran revolución quizás tiene tantas y tantas evidencias de que la historia nunca avanza de forma lineal. Por lo tanto, no se acabó el ciclo progresista, pero sin duda hay una crisis, muy profunda, del progresismo. Y de lo que se trate es de reconstruir todo desde las bases. La izquierda puede volver al poder para gobernar, seguir su ciclo de transformaciones, radicalizando las reformas que se hicieron en el pasado, fortaleciéndolas y aprendiendo de sus errores, por qué como dijo Eduardo Galeano: “Lo único que se construye de arriba hacia abajo son los pozos”.

Lo que hay que construir ahora desde abajo hacia arriba es una nueva forma de poder que haga de nuestras sociedades más justas, más democráticas y libres.

¡Muchas gracias!

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ СТРАНЫ: МЕСТО НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ И ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Я. В. Белозеров¹

Внешняя политика республики Гайана в 2000–2017 гг.

**The Foreign policy of the Co-operative Republic of
Guyana, 2000–2017**

Резюме: Статья посвящена внешней политике Кооперативной Республики Гайана, прежде всего, анализу вопросов решения Гайаной территориальных споров с соседями. Исследованы детали спора о морских границах Гайаны с Суринамом и проанализированы детали решения данного территориального конфликта. В статье также освещена предыстория современного спора о границах Венесуэлы и Гайаны, показаны сложности, возникающие при решении венесуэльско-гайанского спора. Автор демонстрирует, что территориальные споры Гайаны — одно из важных направлений ее внешней политики. В то же время оно не является единственным; страна тратит немало усилий на поиск сильных экономических и политических партнеров. В статье проанализированы проблемы, возникающие при поиске таких партнеров.

Ключевые слова: Гайана; Суринам; Венесуэла; территориальные споры; международные организации; международные союзы.

Abstract: The article is devoted to the foreign policy of the Republic of Guyana, first of all, to the analysis of the issues of resolving the territorial disputes of Guyana with its neighbors. The details of such disputes are researched. The solution of the dispute on the maritime borders of Guyana with Suriname is shown as also the details of this dispute within more than one hundred years. The article also deals with the prehistory of the contemporary border dispute between Venezuela and Guyana. The authors demonstrated that the territorial disputes of Guyana are one of the important directions of its foreign policy, but not the only one. This country is spending a lot of efforts in search for strong political and economic partners. The article is highlighting the problem which are arising in respect to this searches.

¹ Белозеров Ярослав Владимирович, Россия, аспирант СПбГУ, ФМО (ronin203@mail.ru).

Key words: Guyana; Suriname; Venezuela; territorial disputes; international organizations; international unions.

На бывших колониях последствия освобождения от власти метрополии сказывались и сказываются по-разному. Кооперативной Республике Гайяна получение независимости от Великобритании, по сути, принесло массу проблем: страна, располагавшая слаборазвитой экономикой, оказалась к тому же в состоянии перманентных территориальных споров с соседними странами. Вопрос о роли и месте Гайяны на международной арене в конце XX — начале XXI веков остается весьма актуальным. Литературы, посвященной данной теме, довольно немного. Существуют отдельные англоязычные труды, анализирующие те или иные аспекты международной активности Кооперативной Республики Гайяна, однако, во-первых, отсутствуют комплексные работы, исследующие гайянскую внешнюю политику, а во-вторых, рассматриваются они — главным образом — через призму взглядов других, более мощных и известных, стран. Отметим, прежде всего, многотомную работу гайянца Одена Ишмаэля «Трейд дипломатия», описывающей взаимоотношения его государства с Венесуэлой с 1840 годов до XXI века. Третий том этого издания посвящен событиям с 1982 до 2015 годы.² Взаимоотношения этих двух стран также проанализированы Уинстоном Феликсом, в его работе проанализирован период 1897–2015 гг.³ Ряд аспектов данной проблемы — в контексте исследования внешней политики Боливарианской Республики Венесуэла — изучен в статье, вышедшей из-под пера научного сотрудника ИЛА РАН Д.М. Розенталя⁴.

Территориальные вопросы

Практически с самого возникновения Кооперативной республики Гайяна в качестве самостоятельного государства в 1966 г. ей пришлось разбираться с территориальными вопросами, доставшимися «в наследство» со времен пребывания в составе Британской империи. Некоторое время создавалась иллюзия, что пограничные споры стали достоянием прошлого, но с началом XXI века они вновь оказались актуальны. Это было связано, во-первых, с амбициями лидеров и политиков соседних государств — Суринама и Венесуэлы. Вторым фактором, повлиявшим на изменение ситуа-

² Odeen I., *The Trail of Diplomacy*. Vol, III. *The Guyana-Venezuela Border Issue United Nations Involvement and Active Bilateral Relations (1982—2015)*. Blomington: Xlibris, 2013.

³ Winston F., *The Shifting Foreign Policy of Venezuela Toward Guyana*. Guy-Associates. August 7, 2015.

⁴ Розенталь Д.М., *Внешняя политика Боливарианской Республики Венесуэла*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб: 2013; Розенталь Д.М., «Территориальный спор Венесуэлы с Гайаной: эволюция подходов боливарианцев» // *Латинская Америка*, 2011, № 10, 55–65.

ции, стало потенциальное экономическое усиление Гайяны, невыгодное ее конкурентам-соседям. Возможности для усиления страны кроются в разработке открытых в прибрежных водах месторождений нефти. Здесь возникла взрывоопасная ситуация, так как на воды с одной стороны претендует Венесуэла, (которая также претендует и на 2/3 суши Гайяны — так называемый район Эссекибо), а с другой Суринам, трактуя морское приграничное деление по своим правилам (и также выдвигая претензии на часть гайянской территории — так называемый Новый речной треугольник).

Территориальные претензии Суринама

Ситуация конфликта с Суринамом развивалась следующим образом: в 1998 году CGX Resources Incorporated получила от Джорджтауна лицензию на ведение морских геолого-разведывательных работ. Представители же Суринама 11 мая и 31 мая 2000 года высказали свое недовольство, заявив, что эти работы ведутся на его территории. Ответные ноты властей Гайяны 17 мая и 2 июня того же года подчеркивали правомочность таких работ и принадлежность спорной территории Гайяне. 2 июня по инициативе президента Суринама Жюля Вейденбоша состоялись телефонные переговоры между ним и главой Кооперативной республики Бхарратом Джагдео, в ходе которых президенты договорились о необходимости найти разрешение спору посредством консультаций между министрами иностранных дел двух стран.

В тот же день, однако, суринамские военные нарушили морские границы Гайяны, вынудив 3 июня персонал CGX Resources Incorporated покинуть место проведения работ.⁵ 3 июня Джорджтаун заявил официальный протест Парамарибо по поводу действий вооруженных сил Суринама в своих территориальных водах. Представители двух стран провели переговоры по предмету конфликта, а также обратились в КАРИКОМ с целью найти разрешение спора по вопросу о границах.⁶

КАРИКОМ поддержал Гайяну, однако вопрос не был решен, и Джорджтаун обратился в Международный суд, который начал разбирательство межгосударственного конфликта с 24 февраля 2004 года. Разбирательство проходило в соответствии со статьями 286, 287 и приложением VII Конвенции ООН — ЮНКЛОС — по морскому праву. Три вопроса касались

⁵ *The following is President Bharrat Jagdeo's statement at a media conference held on June 8, 2000 to discuss the Guyana-Suriname relations* [Электронный ресурс] URL: http://www.guyana.org/guysur/jagdeo_guysur.html (дата обращения 20.10.2017).

⁶ *Introduction to the Guyana international relations* [Электронный ресурс] URL: <http://www.guyana.org/guysur/introduction.html>(accessed 20.10.2017).

разрешения вопроса о морской границе; требования о выплате Гайяне компенсации за действия Суринама; анализировалось также предполагаемое нарушение Суринамом обязательств согласно статьям 74 (3) и 83 (3). Согласно 15 статье ЮНКЛОС для делимитации морских границ допускалось применение особых обстоятельств, чтобы оправдать уход от средней линии деления (равноудаленности). Каждая сторона расширяла свое пространство в море с 3 до 12 миль. Следует учесть также, что Гайяне ранее запрещалось пересекать воды у реки Коррентине ближе трехмильного расстояния.

Для корректировки морских границ стран и установления исключительной экономической зоны Международный суд определил эквидистантную линию, корректируемую с учетом обстоятельств. Так же судом было признано, что действия военных Суринама представляли угрозу, в то же время требование Джорджтауна о компенсации для Гайяны было отклонено.

Суд установил, что обе стороны нарушали обязательства по статьям 74 (3) и 83 (3). Каждая сторона видела морскую границу по-своему: Суринам при этом исходил из ранее подписанных соглашений, а Гайяна ссылаясь на принцип равноудаленности.

В результате Суринам полагал, что его морская граница должна проходить по линии 10-го градуса от истинного севера, а Гайяна — настаивала на линии, проходившей по 34-му градусу (рис. 1).

Международный суд провел линию, фактически приближенную к требованиям Гайяны (см. рис. 1).

Глава IX вердикта судебного трибунала гласила, что согласно пунктам 280, 406, 410 и 457 он может проводить границы в территориальных водах, континентальном шельфе и экономической зоне, и судить о правомочности действий сторон.⁷ Президент и правительство Суринама заявили, что их решение Международного суда устроила, поскольку установила почти равноудаленную линию для обеих сторон (51 % для Гайяны и 49 % для Суринама в море и 54 % для Гайяны и 46 % для Суринама на прибрежных участках). Обе стороны что-то выиграли, а что-то потеряли в ходе данного разбирательства.⁸ Трибунал также обвинил стороны в нарушениях морской конвенции, полагая, что анонсирование Джорджтауном в СМИ своих планов провести геологоразведку в спорном районе не может быть признано

⁷ “Guyana and Suriname Award of the Arbitral Tribunal”, *The Hague*, 17 September 2007, 165–166. [Электронный ресурс] URL: [https://pca-cpa.org/ru/cases/9/\(accessed 20.10.2017\)](https://pca-cpa.org/ru/cases/9/(accessed 20.10.2017))

⁸ Ivan Cairo, Caribbean Net News Suriname Correspondent Suriname government pleased with resolution of dispute with Guyana Published on Friday, September 21, 2007 [Электронный ресурс] URL: http://www.caribbeannewsnow.com/caribnet/guyana/guyana.php?news_id=3644&start=1480&-category_id=13

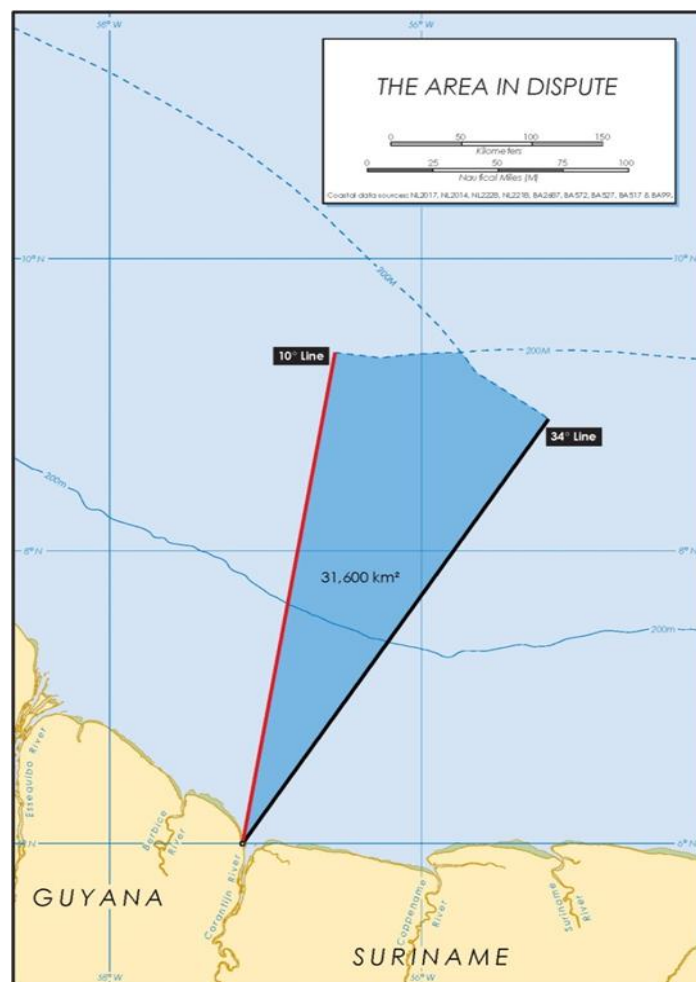

Рис. 1

достаточным юридическим обоснованием претензий на спорные участки, в то же время заявил о недопустимости угрозы применения силы.

Причиной отклонения финансовых претензий Гайяны к Суринаму в размере 34 миллионов долларов стало отсутствие доказательств самого факта ущерба, нанесенного действиями суринамской стороны.⁹ Юридический советник Гайяны Пол Рейхлер в интервью газете 'De Ware Tijd' отметил, что правительству Суринама не следует видеть только прибыльные аспекты приграничного спора, поскольку — в его изложении — не 49 % отходят Суринаму, а 51 % — Гайяне, а Гайяна получала 2/3, а Суринам — 1/3 спорных вод, кроме того, Международный суд не установил, кому принадлежала река Корентин, поскольку в его компетенцию не входило определение

⁹ *UN Tribunal rejects Guyana reparations claim*, September 22, 2007 [Электронный ресурс] URL: http://www.caribbeannewsnow.com/caribnet/guyana/guyana.php?news_id=3646&start=880&category_id=13 (accessed 20.10.2017)

Рис. 2

принадлежности сухопутных территорий.¹⁰ Глава Кооперативной республики Гайяна Бхаррат Джагдео заявил в то же время, что рад самому факту разрешения споров и появлению возможности вести работы, а также тому, что 85 % потенциально богатых участков нефтью были признаны принадлежащими его стране. Он выразил лишь сожаление об упущенных 7 годах, позволивших бы обогатить экономику страны, в то же время обращал внимание на возможности реализации совместных проектов с Суринамом.¹¹

Обращает на себя внимание, что каждая из спорящих сторон предпочла трактовать судебный вердикт в наиболее выгодном для себя свете. При этом остался неурегулированным спор о территориальной принадлежности т.н. «нового речного треугольника» (the New River Triangle), расположенного на территории Гайяны между Верхней Курентене (Новой рекой), рекой Кахрони и рекой Кутари. Суринам претендует на эту территорию еще со времен пребывания Гайяны в составе Британской империи. Не исключено также, что со временем решение арбитражного трибунала утратит силу, о чем свидетельствует пример венесуэльско-гайянского спора.

¹⁰ *Guyana must accept unfavourable aspects of border dispute settlement, says Suriname*, September 25, 2000 [Электронный ресурс] URL: http://www.caribbeannewsnow.com/caribnet/guyana/guyana.php?news_id=3678&start=760&category_id=13 (accessed 20.10.2017).

¹¹ *Maritime dispute resolution opens quantum leap in development, says Guyan president*, September 24, 2007 [Электронный ресурс] URL: http://www.caribbeannewsnow.com/caribnet/guyana/guyana.php?news_id=3669&start=&category_id=13 (accessed 20.10.2017)

Претензии Венесуэлы

Исторически Венесуэла неоднократно выдвигала претензии в адрес Гайяны. Наиболее ярким является пример арбитражного разбирательства 1899 года, в ходе которого часть территории была признана относящейся к Британской Гвиане (на базе которой позднее и возникла Гайяна), а часть — венесуэльской. Согласно арбитражному вердикту вся спорная область была поделена (при делении рек и гор использовался принцип равноудаленности — по вершине гор и середине рек), а также было вынесено постановление о свободном судоходстве обеих сторон по рекам Амакуру и Барима.¹² Оказалось, однако, что раз и навсегда утвержденное арбитражное решение стало сомнительным достижением, когда один из участвовавших в этом процессе адвокатов Северет-Мелет-Прево заявил, что арбитраж являлся результатом закулисной сделки России и Великобритании. Свой меморандум он завещал опубликовать после его смерти, что и было сделано в 1949 году.¹³ Это стало основой для новых притязаний Венесуэлы. У ряда экспертов вызвали сомнения причины необходимости столь долгого сокрытия обвинений и публикации их тогда, когда уже никого из свидетелей не осталось в живых, однако это мало что меняло.

Президент Гайяны Дэвид Грейнджер в ноябре 2015 года высказал надежду на разрешение вопроса о границе с Венесуэлой при посредничестве ООН, однако посредник между Венесуэлой и Гайаной, мало чего смог добиться.

Ситуация усугублялась тем, что президент Венесуэлы Николас Мадуро в мае 2015 года издал указ о защите территориальных вод своей страны — причем включил туда часть вод Гайяны. Возможно, что Великобритания, заключившая соглашение с Венесуэлой в 1966 году и США (один из главных инициаторов арбитражного суда 1899 г.) не останутся в стороне, а подтвердят правомочность решений старого трибунала, в том числе и через ООН.¹⁴ Важной вехой для данного конфликта являлось подписание Женевского соглашения в 1966 году, согласно которому должна быть назначена комиссия для решения приграничных споров и согласно 33 статье

¹² *Sentence arbitrale relative à la frontière entre la colonie de Guyane britannique et les États-Unis du Venezuela Décision du 3 octobre 1899* [Электронный ресурс] URL: legal.un.org/riaa/cases/vol_XXVIII/331-340.pdf (accessed 20.10.2017).

¹³ *The Trail of Diplomacy a Documentary History of the Guyana-Venezuela Border* [Электронный ресурс] URL: http://www.guyana.org/features/trail_diplomacy_pt4.html (accessed 20.10.2017).

¹⁴ *Guyana-Venezuela border issue: The juridical option for a solution* Published on April 13, 2016 [Электронный ресурс] URL: <http://www.caribbeannewsnow.com/topstory-Commentary%3A-Guyana-Venezuela-border-issue%3A-The-juridical-option-for-a-solution-30003.html> (accessed 20.10.2017).

ООН — если не удастся решить вопрос одним способом — будет предложен другой мирный способ. Пункты 1 и 2 статьи V устанавливают незыблемость территориального суверенитета государств, пока стороны не придут к соглашению.¹⁵

Стороны к согласию не пришли до сих пор. Венесуэла периодически предъявляет претензии на спорную территорию, Гайяна же занимается поиском союзников и поддержки как у сильных государств, так и у международных организаций. Следует упомянуть и так называемый “Испанский протокол”, навязанный Гайяне Венесуэлой в 1970 году; его параграф V говорил о приостановке IV параграфа Женевского соглашения, то есть о возможном обращении сторон в ООН.¹⁶ Протокол заключался на 12 лет и позже не был продлен. Согласно “Stabroeknews”, нынешний виток противостояния был предварен еще президентом Венесуэлы Уго Чавесом (1998–2013), который, однако в 2004 года до конца своего правления отказался от совершения агрессивных действий в отношении Джорджтауна. Преемник Чавеса Николас Мадуро повел иную линию, побуждаемый к тому внутренними причинами (в частности, необходимостью продемонстрировать жесткую линию). Так, в 2013 г. венесуэльские пограничники арестовали исследовательское судно Гайяны, обвинив его экипаж в нарушении территориальных вод Венесуэлы. Была также основана Венесуэльская “Национальная организация по безопасности и спасению на море”(ONSA), целью которой провозглашена защита вод у берегов Гайяны в спорном районе Эссекибо.

Согласно опубликованным ONSA картам морское пространство Гайяны представлено как венесуэльское, кроме этого, в бюллетене Венесуэлы от 27 мая 2015 г. (под №40.669) был опубликован Указ президента Н. Мадуро №1.787 от 26 мая о расширении требований Венесуэлы в отношении «якобы гайянской» акватории. Этот указ напоминал другой, выпущенный в июле 1968 года тогдашним главой Венесуэлы Раулем Леони, утверждавший, что все 12 миль от берега в районе Эссекибо принадлежали Венесуэле.

Официальные власти в Джорджтауне не раз подвергали критике бывших глав Гайяны — Бхаррата Джагдео и Дональда Роматара — за излишние контакты и надежду на получение помощи со стороны с Великобритании и

¹⁵ No. 8192 *Venezuela and United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland Agreement to resolve the controversy over the frontier between Venezuela and British Guiana*. Signed at Geneva, on 17 February 1966 [Электронный ресурс] URL: <http://peacemaker.un.org/guyana-venezuela-border66> (accessed 20.10.2017).

¹⁶ No.11410 *Guyana, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and Venezuela Protocol to the Agreement to resolve the controversy between Venezuela and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland over the frontier between Venezuela and British Guiana Signed at Port of Spain on 18 June 1970*. Registered by Guyana on 19 November 1971 [Электронный ресурс] URL: <https://treaties.un.org/doc/.../volume-801-I-11410-English.p...> (accessed 20.10.2017).

США, в то время как необходимо было формировать международную поддержку против Венесуэлы. Они также полагают, что их страна совершила ошибку, поддержав действия Великобритании в ходе аргентино-британского конфликта вокруг Мальвинских (Фолклендских) островов в 1982 г. и воздержавшись от осуждения России по вопросу об «аннексии Крыма» в ходе Генеральной ассамблеи ООН.¹⁷

Можно утверждать, что причины, побуждающие Венесуэлу к агрессивному поведению в отношении Гайаны кроются, во-первых, в желании отвлечь внимание населения от внутренних проблем, а во-вторых, в намерении приобрести новые экономические резервы. Наконец, Каракас хочет в ходе данного конфликта и усилить свое влияние на мировой арене. Нечто подобное уже происходило в 1899 году в ходе арбитражного разбирательства между Венесуэлой и Великобританией с привлечением представителей США и России. Каждый игрок тогда приобретал определенный вес и авторитет, а Венесуэла еще и получала территориальное приращение. Сложность для Гайяны в данном случае кроется в том, что она, с одной стороны, хочет соблюсти политику нейтралитета, но с другой — обрести сильных союзников, не задевая при этом интересы других держав.

Поддержка Джорджтауном Великобритании в ходе Мальвинского (Фолклендского) конфликта была демонстрацией союзнических отношений с Лондоном. Похожая ситуация сложилась и с позицией Гайяны в 2014 г., когда она воздержалась от голосования по резолюции ГА ООН с осуждением действий Москвы в Крыму. В то же время оба прецедента (присоединение Крыма к России и сохранение Мальвин за Великобританией) могут сыграть против Джорджтауна, поскольку Гайяна, по сути, молчаливо признала возможность силового решения территориального вопроса.

Гайяна активно использует международные организации для решения различных внутренних и внешних проблем. Так, она сумела привлечь КАРИКОМ и Группу 77 для своей поддержки и обеспечения мирного разрешения территориальных споров с Суринамом и Венесуэлой. В ходе встречи глав правительств группы 77 было принято совместное обращение к конфликтующим сторонам с призывом решить дело мирным путем.¹⁸ Представители государств КАРИКОМ неоднократно высказывались и высказались в поддержку территориальной целостности Гайяны и за реше-

¹⁷ *Local News Venezuela makes new claim to Guyana's territorial waters, potential oil block — Greenidge says ambassador to be summoned for explanation*, June 7, 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.stabroeknews.com/2015/news/stories/06/07/venezuela-makes-new-claim-to-guianas-territorial-waters-potential-oil-block/> (accessed 20.10.2017).

¹⁸ *Introduction to Guyana international relations*, [Электронный ресурс] URL: <http://www.guyana.org/guysur/introduction.html> (accessed 20.10.2017).

ние территориального спора между нею и соседями мирным путем. Такие обращения были сделаны в июле 2014 года, марте и июле 2015 года, в феврале и июле 2016 года. В феврале 2017 года лидеры КАРИКОМ одобрили посредничество представителя ООН в территориальном споре Венесуэлы и Гайяны и — если оно не приведет к решению конфликта, в 2018 году должно начаться международное арбитражное разбирательство.¹⁹ 27 февраля 2017 года генеральный секретарь ООН известил президента Гайяны Дэвида Грейнджера о назначении Дага Ниландера посредником для переговоров о территориальных претензиях Венесуэлы к соседней стране.²⁰ Первое посещение Джорджтауна Ниландером состоялось 12–13 апреля 2017 года, во второй раз он приехал в Гайяну 5–6 мая 2017 года. В пресс-релизе отмечено, что в случае провала посредничества дело автоматически будет передано в международный суд, если только Венесуэла и Гайяна не попросят этого не делать.²¹ (См. на рис. 3 карту, обозначающую спорные территории.)²²

Таким образом, Гайяна активно задействует и механизм поддержки ООН.

Рис. 3

¹⁹ *Guyana/Venezuela* <http://www.caricom.org/guyana-venezuela-border-dispute> (accessed 20.10.2017).

²⁰ *Press Release: Foreign Ministry welcomes appointment of Dag Halvor Nylander of Norway as Personal Representative on Border Controversy between Guyana, Venezuela* [Электронный ресурс] URL: <http://www.minfor.gov.gy/press-releases/foreign-ministry-welcomes-appointment-of-dag-halvor-nylander-of-norway-as-personal-representative-on-border-controversy-between-guyana-venezuela/> (accessed 20.10.2017).

²¹ *Press Release: Second Visit of Ambassador Dag Nylander* [Электронный ресурс] URL: <http://www.minfor.gov.gy/press-releases/second-visit-of-ambassador-dag-nylander/> (accessed 20.10.2017).

²² Frank Jacobs, “The Lonelines of the Guyanas”, *The Opinion Pages*, January 16, 2012, URL: [Электронный ресурс] URL: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2012/01/16/the-loneliness-of-the-guyanas> (accessed 20.10.2017).

Дипломатическая миссия Гайяны

В обращении президента Гайяны Грейджера, адресованном дипломатическому корпусу страны, содержится перечень ключевых задач, которые характеризуют внешнюю политику Джорджтауна: отказ от конфронтации, необходимость привлечения международной и региональной поддержки для самого ее существования и процветания; активное привлечение торговых экономических и политических союзников для защиты и благополучия страны.

Именно защита целостности страны остается приоритетной задачей для Гайяны на протяжении многих лет ее существования. Страна ищет поддержку в международном сообществе (прежде всего, в ООН) и таких организациях как КАРИКОМ, Британское Содружество, активно действует в Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), Организации американских государств (ОАГ), Южноамериканском союзе наций (УНАСУР) и в CARIFTA. Гайяна — единственная англоязычная страна в Южной Америке — является проводником и связующим звеном между разными мирами — Карибской и Южной Америками.

Ей крайне важно сохранять связь с гайянской диаспорой за рубежом, оказывать ей поддержку, и через нее, и через собственные дипломатические миссии — информировать мировое сообщество о своей стране, пытаясь склонять мировое общественное мнение в поддержку Джорджтауна, активно использовать экономическую дипломатию для привлечения инвесторов и заключения выгодных контрактов²³.

Цели и задачи внешней политики Гайяны хорошо изложены в пресс-релизе Департамента по многосторонним и глобальным вопросам. Это, прежде всего, продвижение интересов Гайяны на мировой арене; укрепление имиджа страны и нейтрализация угроз безопасности для нее; изыскание стратегических партнеров для повышения роли державы в решении международных вопросов; использование механизмов и принципов ООН для проведения своей политики, устранения возникших конфликтных ситуаций.

Департамент занимается установлением связей с дружественными странами, заключением двусторонних союзов, как с государствами, так и с международными организациями, в частности, с ООН, Британским Содружеством, Движением неприсоединения, Группой 77, Европейским сою-

²³ *Agenda of Guyana's diplomatic envoys overseas must be guided by national interests -President Granger tells Heads of Missions* [Электронный ресурс] URL: <http://www.minfor.gov.gy/news/agenda-of-guyanas-diplomatic-envoys-overseas-must-be-guided-by-national-interests-president-granger-tells-heads-of-missions/> (accessed 20.10.2017).

зом, Организацией исламского сотрудничества, Организацией Договора о сотрудничестве в Амазонии и Международным центром Ивокрама.²⁴

«Департамент Америки» Кооперативной Республики Гайяна ставит задачи усиления сотрудничества с целым рядом государств Северной и Южной Америки (в том числе со старыми партнерами — США и Канадой), а также по активному взаимодействию с ОАГ, УНАСУР, СЕЛАК, ЕС-ЛАК, ЛАЭСЮ.²⁵ В ООН Гайяна активно проводит линию за оказание помощи бедным странам, оказание поддержки на основании подлинной, а не ложной информации, устранение политики двойных стандартов, содействие распространению и действию норм международного права, расширение членства в Совете Безопасности, а также выступая за подлинную демократизацию всех международных процессов.²⁶

Заключение

Можно констатировать, что главным для Гайяны с самого начала существования государства являлось решение приграничных вопросов мирным путем. Вопросы о границах решены лишь частично и, возможно, не будут окончательно решены никогда по причине активной политики соседних Суринама и Венесуэлы, где амбициозные политики могут периодически подымать приграничный вопрос. Помимо задачи сохранения целостности государства Гайяна активно ратует за демократизацию международных отношений, полагая, что не только сила и мощь имеют значение, но и нормы права и справедливости. Джорджтаун выступает за установление добрососедских отношений и заключение взаимовыгодных экономических договоров, без которых нормальное развитие страны невозможно. Выступая за расширение состава Совета Безопасности ООН, Гайяна исходит из необходимости увеличения возможностей услышать голос «малых стран» и превращения международных институтов в действительно демократические инстанции, необходимости изменения торгово-экономической системы мира, где последствия глобализации были бы смягчены новыми международными институтами.

²⁴ *Multilateral and Global Affairs Department Home Multilateral and Global Affairs Department* [Электронный ресурс] URL: <http://www.minfor.gov.gy/multilateral-and-global-affairs-department/> (accessed 20.10.2017).

²⁵ *Department of Americas* [Электронный ресурс] URL: <http://www.minfor.gov.gy/department-of-americas/> (accessed 20.10.2017).

²⁶ *Выступление Гайяны на 58 сессии ГА ООН (общие прения) А/58/PV.12, 58-я сессия (2003-2004 г.)* <http://www.un.org/ru/ga/58/plenary/guyana.pdf> (accessed 20.10.2017).

В целом внешняя политика Гайаны является довольно успешной, и если ее видимые результаты оказываются не всегда идеальными — это связано с малой экономической и политической мощностью государства и его меньшей известностью по сравнению с той же Венесуэлой. Тем не менее, работа по популяризации политики Гайаны в мире продолжается.

Библиография

1. “Arbitral Tribunal Constituted Pursuant To Article 287, And in Accordance With Annex VII, of the United Nations Convention on the law of the sea in the matter of an arbitration between: Guyana and Suriname Award of the Arbitral Tribunal”, *The Hague*, 17 September 2007, 165-166 [Электронный ресурс] URL: <https://pca-cpa.org/ru/cases/9/> (accessed 20.10.2017).
2. “Local News Venezuela makes new claim to Guyana’s territorial waters, potential oil block Greenidge says ambassador to be summoned for explanation”, *Staff Writer*, June 7, 2015, [Электронный ресурс] URL: <https://www.stabroeknews.com/2015/news/stories/06/07/venezuela-makes-new-claim-to-guyanas-territorial-waters-potential-oil-block/> (accessed 20.10.2017).
3. *Agenda of Guyana’s diplomatic envoys overseas must be guided by national interests -President Granger tells Heads of Missions* [Электронный ресурс] URL: <http://www.minfor.gov.gy/news/agenda-of-guyanas-diplomatic-envoys-overseas-must-be-guided-by-national-interests-president-granger-tells-heads-of-missions/> (accessed 20.10.2017).
4. *Department of Americas*, [Электронный ресурс] URL: <http://www.minfor.gov.gy/department-of-americas/> (accessed 20.10.2017).
5. Frank Jacobs, “The Loneliness of the Guyanas”, *The Opinion Pages*, January 16, 2012. [Электронный ресурс] URL: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2012/01/16/the-loneliness-of-the-guyanas> (accessed 20.10.2017).
6. Introduction to Guyana International Relations, [Электронный ресурс] URL: <http://www.guyana.org/guysur/introduction.html> (accessed 20.10.2017).
7. Ivan Cairo, “Caribbean Net News Suriname Correspondent Guyana must accept unfavourable aspects of border dispute settlement”, *Suriname Published*, September 25, 2000 [Электронный ресурс] URL: http://www.caribbeannewsnow.com/caribnet/guyana/guyana.php?news_id=3678&start=760&category_id=13 (accessed 20.10.2017).
8. Ivan Cairo, “Caribbean Net News Suriname Correspondent Suriname government pleased with resolution of dispute”, *Guyana Published*, September 21, 2007 [Электронный ресурс] URL: http://www.caribbeannewsnow.com/caribnet/guyana/guyana.php?news_id=3644&start=1480&category_id=13 (accessed 20.10.2017).
9. Marcus Colcheste, *Guyana: Fragile Frontier: Loggers, miners and forest people*, Latin American Bureau, 1997.

10. *Multilateral and Global Affairs Department Home Multilateral and Global Affairs Department*, [Электронный ресурс] URL: <http://www.minfor.gov.gy/multilateral-and-global-affairs-department/> (accessed 20.10.2017).
11. Odeen I., “Commentary: Guyana-Venezuela border issue: The juridical option for a solution”, *Caribbean News*, April 13, 2016, [Электронный ресурс] URL: <http://www.caribbeannewsnow.com/topstory-Commentary%3A-Guyana-Venezuela-border-issue%3A-The-juridical-option-for-a-solution-30003.html> (accessed 20.10.2017).
12. Odeen I., *The Trail of Diplomacy a Documentary History of the Guyana-Venezuela Border, Part four-renewal of the Venezuelan Claim*. [Электронный ресурс] URL: http://www.guyana.org/features/trail_diplomacy_pt4.html (accessed 20.10.2017).
13. Odeen I., *The Trail of Diplomacy, Vol. 3. The Guyana-Venezuela Border Issue United Nations Involvement and Active Bilateral Relations (1982-2015)*, Blomington, Xlibris, 2013.
14. *Press Release: Foreign Ministry welcomes appointment of Dag Halvor Nylander of Norway as Personal Representative on Border Controversy between Guyana, Venezuela* [Электронный ресурс] URL: <http://www.minfor.gov.gy/press-releases/foreign-ministry-welcomes-appointment-of-dag-halvor-nylander-of-norway-as-personal-representative-on-border-controversy-between-guyana-venezuela/> (accessed 20.10.2017).
15. *Press Release: Second Visit of Ambassador Dag Nylander* [Электронный ресурс] URL: <http://www.minfor.gov.gy/press-releases/second-visit-of-ambassador-dag-nylander/> (accessed 20.10.2017).
16. *Sentence arbitrale relative à la frontière entre la colonie de Guyane britannique et les États-Unis du Venezuela Décision du 3 octobre 1899*, [Электронный ресурс] URL: legal.un.org/riaa/cases/vol_XXVIII/331-340.pdf (accessed 20.10.2017).
17. *The following is President Bharrat Jagdeo’s statement at a media conference held on June 8, 2000 to discuss the Guyana-Suriname relations* [Электронный ресурс] URL: http://www.guyana.org/guysur/jagdeo_guysur.html (accessed 20.10.2017).
18. *Выступление Гайаны на 58 сессии ГА ООН(общие прения) A/58/PV.12 -58-я сессия (2003-2004)* [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org/ru/ga/58/plenary/guyana.pdf> (accessed 20.10.2017).

Perspectivas de las Relaciones Internacionales de América Latina en una Era de Cambios

Perspectives of International Relations in Latin America in an Era of Change

Resumen: El objeto de esta presentación es presentar unas breves reflexiones sobre unos pocos temas esenciales para iniciar un diálogo académico sobre procesos que influyen en las relaciones económicas y políticas internacionales de América Latina América Latina y el Caribe, las cuales se haya en una profunda era de cambios cuyas causas son endógenas y exógenas.

Palabras claves: Trump; China; commodities; izquierda; integración.

Abstract: The purpose of this presentation is to present a few reflections on a few essential topics to initiate an academic dialogue on processes that influence the economic and political international relations of Latin America and the Caribbean, which has been in a deep era. of changes whose causes are endogenous and exogenous.

Keywords: Trump; China; commodities; left; integration.

En primer lugar, el llamado “giro a la izquierda” político y más recientemente, el debate sobre su presunto fin, encarnado por la asunción de gobiernos no izquierdistas en varios países (Brasil, Argentina, etc., aunque con excepciones: Venezuela, Nicaragua, y quizá en 2018, también México. Segundo, el llamado “ciclo de los commodities”, impulsado desde comienzos de siglo por la masiva demanda china, cuyo fin también se viene proclamando aproximadamente circa 2013. Las complejas relaciones entre ambos procesos deberán ser objeto de análisis por un largo tiempo entre los políticos, los periodistas, los especialistas y estudiosos en la región. La interacción entre estos dos procesos entrelazados ha tenido impacto tanto en la política exterior de los países de la región y en las organizaciones regionales políticas (entre ellas la Organización de Estados Americanos/OEA, la Comunidad de Estados de Latinoamérica y el Caribe/CELAC, UNASUR), de integración económica (Mercosur, Alianza del Pacífico, Alba, etc). Pero como el resto del mundo, la región también se enfrenta a nuevos retos externos con la elección de Donald Trump como presidente de Estados Unidos y su asunción en enero de 2017. A lo anterior hay que agregar el impacto de eventos o desarrollos puntuales, tales como el exitoso pero complejo proceso de paz colombiano lo la crisis en Venezuela.

¹ Argentina, Universidad de Georgetown, Estados Unidos. gonpaz@yahoo.com

Estamos también ante un largo ciclo electoral: las elecciones de medio término en Argentina (octubre 2017), las presidenciales de Honduras (noviembre 2017) y de Chile (noviembre y diciembre de 2017), que tendrá continuidad en 2018 con importantes elecciones, entre las que se destacan las elecciones presidenciales de México (julio 2018) y Brasil (octubre 2018). Evo Morales, en Bolivia, ha sido habilitado por la Corte Suprema de ese país a buscar una reelección más en las próximas elecciones presidenciales.

El Ciclo Largo o Superciclo de los *Commodities*

Comencemos por explorar las consecuencias de largo ciclo de los *commodities*, a comienzos del siglo XXI, que se extendió quizá hasta 2013. El mismo, como ya dijimos, fue consecuencia directa del proceso de desarrollo chino, que se lanzó con el congreso del Partido Comunista Chino en diciembre de 1978. La demanda china de hierro, níquel, cobre y soja, entre otros, generó un boom exportador en aquellos países que poseen estos minerales y oleaginosos. En lo que ha sido llamado la “lotería de los *commodities*”, algunos países tuvieron más suerte que otros. Si un país tenía uno de estos *commodities* demandados por China, entonces había buenas chances de que ese país aumentara enormemente sus exportaciones y su comercio con China. Esto fue lo que sucedió con Chile (primer productor mundial de cobre), Venezuela (petróleo), Brasil (hierro, y segundo productor mundial de soja), Perú (hierro, cobre), Argentina (tercer mayor productor mundial de soja, hierro), Cuba (uno de los mayores productores mundiales de níquel, Ecuador (petróleo), Paraguay (soja), Incluso en algunos casos algunos países quizá tuvieran superávit en la balanza comercial (por ejemplo Chile, Perú y Argentina, al principio). Como resultado de este proceso China se convirtió rápidamente en el socio comercial número uno o dos de la mayoría de los países de la región.

La contraparte obvia la constituyó el grupo de países que no tienen *commodities* en forma abundante (como los países centroamericanos). México, abundante pero declinante en petróleo, está estructuralmente vinculado al mercado norteamericano por el NAFTA. El resultado del comercio bilateral entre México y China ha sido desastroso para México, con déficits masivos que ha alcanzado los 60 billones de dólares anuales. Chile, Perú y Costa Rica incluso establecieron acuerdos de libre comercio con China. China también estableció asociaciones estratégicas de distinto grado con los principales países de la región. Brasil, resurgiendo con fuerza hasta hace dos o tres años, desarrolló la agenda de política exterior más exitosa al asociarse en los BRICS (Brasil, Rusia, India, China y más tarde, Sudáfrica), aunque no ha logrado hasta el momento su objetivo más ambicioso: una silla permanente en el Consejo de Seguridad de las Naciones Unidas.

Venezuela, aupado por el aumento del precio del petróleo que llegó a más de \$150 dólares el barril en 2008, se transformó en el principal soporte económico internacional de Cuba, en el líder del ALBA y en el sostén de PetroCaribe.

Emergió incluso en este período en círculos académicos una preocupación sobre la posibilidad de que se suscitaran fenómenos de Dutch Disease.

Esta incorporación de China a los mercados históricos de los países de la región produjo un boom de comercio hasta 2008-2009, cuando se produjo la crisis financiera estadounidense y mundial. Después de ese momento fundamental, el comercio (tanto medido en volumen como en precios) se estancó o incluso retrocedió, pero también en forma creciente se ha ido expandiendo la inversión, los préstamos y la cooperación financiera (como fue el caso de los sucesivos acuerdos de swaps firmados entre China y Argentina, tanto en los gobiernos de Cristina Fernández de Kirchner e incluso el de Mauricio Macri).

Esta expansión del comercio con China no se llevó a cabo sin críticas. Se volvía a reiterar un patrón histórico de las vinculaciones económicas internacionales de la región, basada en la exportación de unos commodities y la importación de productos manufacturados, proceso históricamente denunciado por Raúl Prebisch, la Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), la teoría de la dependencia, etc. Se denunció un proceso de desindustrialización y China acumuló demandas en la Organización Mundial de Comercio; el proteccionismo aumentó en algunos casos y hasta hubo algunas represalias chinas, como fue el caso de la Argentina, en particular con el aceite de soja. También la problemática asociada con el daño al ambiente, la polución, la contaminación del agua, el monocultivo, el impacto de los pesticidas en la salud humana, entre otros, emergieron con fuerza, afectando incluso a poblaciones indígenas (Perú, Ecuador).

El Giro a la Izquierda de América Latina

Casi al mismo tiempo una gran parte de la región experimentó lo que se dio en llamar el “Giro a la Izquierda” político, con una mayoría de países gobernados por un largo período por gobiernos de izquierda. Entre las figuras más importantes se destacaron Hugo Chávez en Venezuela, Lula y Dilma Rousseff en Brasil, los gobiernos de la Concertación en Chile (Alwyn, Frei, Lagos y Bachelet, aunque con un programa que esencialmente continuó las líneas maestras instituidas por la larga dictadura de Augusto Pinochet Ugarte entre 1973 y 1990), Rafael Correa en Ecuador, Néstor Kirchner y Cristina Fernández de Kirchner en Argentina, el Frente Amplio en Uruguay, Fernando Lugo en Paraguay.

Se ha señalado que en el “giro a la izquierda” se conformaron dos grupos políticos en la región: aquellos gobiernos con vocación más radical (por ejemplo, Chávez en Venezuela; Correa en Ecuador; Morales en Bolivia; en menor grado,

Argentina con los Kirchner) y otro grupo más reformista-institucional, moderado (por ejemplo Lula y Dilma Rousseff en Brasil, la Concertación de Lagos y Bachelet en Chile, el Frente Amplio con Tabaré Vázquez y con José “Pepe” Mujica en Uruguay).

El Nuevo Escenario Internacional y las Políticas Exteriores de los Países de la Región

La relación entre el proceso económico expansivo y la persistencia de los gobiernos de izquierda en la región genera muchas preguntas centrales para los estudios latinoamericanos que esperamos será objeto de muchos debates académicos, tesis, y libros. ¿Hasta qué punto los gobiernos de izquierda fueron diferentes o mejores a otros gobiernos que en el pasado estuvieron confrontados a fenómenos similares? ¿Fue esta súbita bonanza consumida inmediatamente o se tradujo en una palanca de despegue de un proceso de desarrollo económico acelerado y sustentable? ¿Fueron culpables estos gobiernos de desaprovechar una oportunidad histórica o incluso, el caso de las acusaciones más serias, de reinstaurar una relación neocolonial, como lo denunció en su momento nada más y nada menos que Fernando Cardoso?

Como resultado directo de este proceso (y teniendo en cuenta otros elementos importantes, tales como un mejor manejo macroeconómico en la región), y de las políticas activas redistributivas aplicadas por estos gobiernos se produjo una mejoría notable en la calidad de vida de muchos países de la región, con reducción de la pobreza y pobreza extrema, y en algunos casos en reducción de la inequidad, medida por el índice de Gini (Chile, un caso especial, con marcada reducción de la pobreza pero con una inequidad muy persistente).

Es indudable que la combinación entre las condiciones positivas para muchas de las exportaciones de la región combinado con la persistencia de los gobiernos afines al “giro a la izquierda” sostuvo políticas exteriores con mayores grados de autonomía comparados con los del pasado. Esto se vio reflejado en varias coyunturas en que se alcanzó un clímax particular, como lo fue la Cumbre de las Américas en Mar del Plata, Argentina, en 2005, donde se cerró la posibilidad de una zona de libre comercio de Alaska a Tierra del Fuego (aunque varios proyectos asociacionistas nacionales o subregionales con Estados Unidos, siguieron adelante).

Particularmente importantes fueron la creación tanto de la CELAC y de UNASUR, como los proyectos regionales más abarcativos y ambiciosos.

China surgió como una esperanza de diversificación económica y política en la región frente a las tradicionales relaciones controversiales con Estados Unidos. En el caso de Venezuela (y en menor grado Cuba) hasta se llegó a generar la expectativa de que China se convertiría en un “external balancer”, en una fuerza externa que contrarrestaría la hegemonía estadounidense sobre la región. China sin embargo, aumentó exponencialmente sus relaciones económicas, estrechó las

relaciones con los partidos políticos y en los foros internacionales, aprovechando el histórico antinorteamericanismo en vastos sectores de la política y la sociedad latinoamericana, pero no se dejó arrastrar a ninguna situación que potencialmente pudiera escapar de su control. China evitó verse involucrada en alguna situación que pudiera convertirse en un gatillo de una escalada o aun de una confrontación con Estados Unidos, con quien tiene la relación bilateral más importante del mundo.

China ha percibido por años un intento de cerco internacional propiciado por Estados Unidos que a sus históricamente fuerte vínculos en la región (Japón, Australia, Corea del Sur, Singapur) sumo mejoras sustanciales en sus vínculos con India e incluso Vietnam. El pico de tensión se plasmó en el “pivot” hacia del Asia, definido por Kurt Campbell, Hillary Clinton en la presidencia de Barack Obama, cuyo correlato económico lo encarnó el Acuerdo Transpacífico (TTP, po su sigla en inglés). La reacción de China en la región fue establecer relaciones diplomáticas con Costa Rica, llevar finalmente a cabo el demorado Foro China-Celac, con la cumbre ministerial de Beijing en 2015, y más recientemente, en 2017, el establecimiento de relaciones diplomáticas con Panamá (aunque los casos mencionados de Costa Rica y Panamá respondieron principalmente a la dinámica del conflicto entre China y Taiwán).

Estados Unidos Bajo Obama y la Era Trump

Un factor externo siempre presente en las relaciones exteriores latinoamericanas es Estados Unidos. Bajo las presidencias de Obama la actitud norteamericana fue básicamente de relegamiento benigno hacia la región, aunque el hecho más importante se produjo hacia el final de su presidencia: el restablecimiento de relaciones diplomáticas con Cuba con la mediación del argentino Papa Francisco, anunciada justamente y no por casualidad el día de su cumpleaños, un 17 de diciembre. Este evento fue largamente aplaudido en América Latina, y se consideró en ese momento que era el fin del último resabio de la Guerra Fría. Sin embargo, la nueva administración Trump se abrió con varios puntos fuertes y muchos interrogantes. En primer lugar los ataques a México y al NAFTA, que llevaron las relaciones entre Estados Unidos y México a su punto más bajo en muchos años. En segundo lugar los ataques hacia los inmigrantes de la región en Estados Unidos. En tercer lugar, el cambio de la política hacia Cuba y el desarrollo de los supuestos ataques sónicos, que llevo a Estados Unidos a retirar personal de su Embajada en La Habana y a cerrar la emisión de visas, esto en un contexto político cubano de cierta tensión y expectativa ante la muerte de Fidel Castro en 2016, justo después de las elecciones presidenciales norteamericanas, y el largamente anunciado retiro parcial de Raúl Castro y ascenso de Miguel Díaz Canel anunciado para el inicio de 2018. La administración Trump ha ampliado sus sanciones a personeros del régimen de Maduro en Caracas, recibido

a miembros destacados de la oposición venezolana, y apoyado las críticas de otros países latinoamericanos a Venezuela articulados en el llamado grupo Lima o grupo Perú.

El caso del deterioro de las relaciones entre Estados Unidos y México es de gran relevancia. Tanto en Washington como en Ciudad de México el pesimismo manda sobre la renegociación del NAFTA y el fantasma sobre el fin del NAFTA campea por doquier. China, aprovecha la coyuntura estratégica para tratar de mejorar las relaciones con México, las peores desde principio de siglo con un país importante en la región, y trata de profundizar la división entre Estados Unidos y México, agrandando la brecha entre ambos. En septiembre de 2017 invitó a México a participar de la exclusiva reunión BRICS Plus, e incluso intentó incorporar en forma permanente a México a los BRICS, movida a la que se resistió Brasil vehementemente.

La Región y los Cambios más Recientes

Importantes eventos políticos se han sucedido recientemente que escapan a las posibilidades de tiempo de esta breve exposición: el avance con contratiempos del Proceso de Paz de Colombia (la pérdida del referéndum; el Premio Nobel de la Paz para el Presidente Santos), el fin de la guerrilla histórica de la FARC y su transformación en un partido político; el juicio político a Dilma Roussef y el ascenso de su vicepresidente, Michel Temer; la fractura de la Concertación en Chile y la aparición del Frente Amplio; el fin del gobierno de Correa y el enfrentamiento subsiguiente con su sucesor, el Presidente Moreno; la posible nueva reelección de Evo Morales; el escándalo de las elecciones hondureñas; la resistencia de la dinastía de Daniel Ortega en Nicaragua, la saga del nuevo Canal con su socio chino, entre otros, así como la cumbre de la Organización Mundial de Comercio en diciembre de 2017 en Buenos Aires y la próxima cumbre en 2018 del G20 en Argentina, por primera vez en un país de América del Sur (las cuales hablan también del cambio en la política exterior argentina, sumado a la avanzada iniciativa de ingreso a la OECD y la participación de Macri junto a Bachelet en la conferencia sobre la llamada One Belt One Road/OBOR (Un Cinturón y Una Ruta), ahora llamado Belt and Road Initiative/BRI (la Iniciativa del Cinturón y Ruta de la Seda) en 2017, bajo la guía del cada vez más poderoso Xi Jinping, que amplió aún más su poder renovando su mandato por otro período en el reciente Congreso del Partido Comunista de China, y sin sucesor presumible).

También cabe mencionar los esfuerzos realizados para vincular la Alianza del Pacífico (convenientemente reforzada con varios “países asociados” en 2017, como Australia), con el Mercosur, que van avanzando, o el intento de reflotar la larga negociación entre el Mercosur y la Unión Europea, impulsada por el cambio político

del Mercosur, pero a la vez retrasada por el Brexit y la histórica resistencia francesa ahora encarnada en Emmanuel Macron.

Reflexión Final: Rusia y La Región

Para finalizar este breve e incompleto repaso a los cambios políticos y económicos en la región y sus efectos en las relaciones económicas y políticas internacionales, quisiera incluir unas palabras sobre el nuevo papel de la Federación Rusa en la región. Las relaciones con Rusia vienen subiendo de perfil desde hace varios años como es sabido, siguiendo el ritmo aproximadamente a los períodos de deterioro o status quo de la relaciones entre Estados Unidos y Rusia, que ha llevado a hacerse la pregunta de si estamos ante un “regreso” de Rusia a América Latina. Rusia ha aumentado su interés en América Latina, incluso aguijoneada por el tema de las sanciones económicas impuestas por Occidentes a causa de Crimea, con una activa diplomacia pública y sostenida en medias de comunicación gráfica y televisiva. La venta de sistemas avanzados de armas, tales como los helicópteros a varios países de la región, sigue siendo un fuerte de Rusia. La relación con Cuba y Nicaragua se ha intensificado (en Nicaragua se ha establecido un fuerte proceso de cooperación en la lucha contra el tráfico de drogas, y una estación de comunicación satelital para el sistema *Glonass*). En Venezuela, frente a la creciente preocupación del gran socio de los últimos años, China, Moscú ha aumentado su cooperación en materia energética y sobre todo financiera, transformándose casi en un prestamista de última instancia (aunque menos de lo que soñaba Maduro). Con Brasil continua la cooperación intensa en el seno de los BRICS, a pesar del cambio político en Brasil que es percibido en Moscú como menos favorable. Rusia se alineó con China y se enfrentó a Brasil y la India en la ambiciosa incitativa china de institucionalizar un BRICS ampliado, reflejado parcialmente en los BRICS plus de septiembre de 2017. Incluso con Argentina ha habido una continuidad mayor a la esperada, a pesar de que también Moscú estimaba el fin del “giro a la izquierda” en Argentina como algo negativo, como se ejemplificó con la gran cooperación rusa en el caso de la búsqueda desesperada del submarino argentino ARA SAN JUAN, desaparecido en el Atlántico Sur presumiblemente a causa de una explosión (barco especial “Yantar”, entre otros importantes recursos). El caso es notable desde un punto de vista de relaciones internacionales por varias razones, las humanitarias en primer lugar, el despliegue de un operativo internacional de enorme magnitud, que tuvo hasta la participación de barcos y aviones ingleses (evento nuevo desde la Guerra de las Malvinas de 1982), y que se transformó en una competencia de prestigio entre Estados Unidos (que también desplegó recursos notables y tecnología de primer nivel) y Rusia para ver quién encontraba al submarino primero.

De todos modos, y para finalizar, la creciente tensión política dentro de Estados Unidos sobre Rusia y de Occidente con Rusia (posibles interferencias en elecciones en Holanda, el Brexit, el caso del independentismo catalán, entre otros, no parece augurar nada bueno en los próximos tiempos.

Позиционирование Латино-Карибской Америки в мире

Positioning of Latin and Caribbean America in the World

Резюме: С начала 80-х годов XX века Латино-Карибская Америка (ЛКА) стала включаться в процессы глобализации, в том числе в орбиту сетевой экономики и информационного общества, выходя из периферийного менталитета и активно реагируя на изменения в расстановке сил на мировой арене. В определенных кругах латиноамериканского «креативного» класса все еще сохраняется ощущение «внешней зависимости и отсталости» региона без претензии на особое место в мировой политике и экономике. Однако в латиноамериканском обществе есть и другая точка зрения. Растущий экономический потенциал региона укрепляет позиции сторонников самостоятельного пути развития и многовекторной внешней политики. Растущий экономический потенциал позволяет укреплять свою политическую и экономическую автономию от США и ведущих стран Европейского Союза. Растет внимание к другим центрам силы: Китаю, Индии, Евразийскому пространству, восходящим экономикам Азии.

Ключевые слова: Латино-Карибская Америка; США; Европейский союз; Китай; Россия.

Abstract: Since the beginning of the 80th years of the 20th century the Latin and Caribbean America (LKA) has been included in the processes of globalization, including in the orbit of the networked economy and information society. In recent years the countries of LKA leave the peripheral mentality and have begun to react to changes in alignment of forces on the world scene. In certain circles of the Latin American creative class remains a sense of “external dependency and underdevelopment” of the region without any claim to a special place in world politics and economics. However, the growing economic potential of the region strengthens the position of supporters of an independent way of development and a multi-vector foreign policy. Growing attention to other centers of power: China, India, the Eurasian space, the ascending economies of Asia.

Key words: Latin and Caribbean America; USA; Eurasian space; European Union; China, Russia.

¹ Астахов Евгений Михайлович, Россия, кандидат исторических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД России (Университет), Чрезвычайный и Полномочный Посол (dipr@mgimo.ru).

Латино-Карибская Америка (ЛКА) составляет уникальную цивилизацию² по лингвистическим и конфессиональным признакам, национальной идентичности большинства стран региона, по общности исторических судеб, менталитету и специфике восприятия мира³.

В международной латиноамериканистике многие годы было принято относить ЛКА к разряду периферийных регионов. Сегодня уже говорят о ней как о «среднем слое» мировой иерархии⁴.

С начала 1980-х гг. она стала включаться в процессы глобализации, в том числе в орбиту сетевой экономики и информационного общества. В большинстве государств региона сформировалась современная институциональная структура с работающим механизмом государственного управления и рыночного хозяйствования.

ЛКА является одним из наиболее быстро растущих регионов мира. Это емкий интегрирующийся рынок, с более чем полумиллиардным населением, занимающий 15 % земной суши и производящий более 8 % мирового ВВП. ЛКА обладает практически всем необходимым для самостоятельного развития: 20 % мировых природных ресурсов, в том числе нефть, газ и др. стратегические товары, огромные запасы пресной воды, обширные площади и благоприятные условия для производства продовольствия, которым можно обеспечить все население земли.

В последние годы политико-экономические элиты стран ЛКА стали выходить из периферийного менталитета и начали реагировать на изменения в расстановке сил на мировой арене, на укрепление других центров силы, прежде всего Китая, Индии, Евразийского пространства, восходящих экономик Азии.

Латиноамериканцы исходят из того, что США постепенно утрачивают прежнее доминирование в регионе. Тон Вашингтона, по их наблюдениям, явно меняется: от «командно-силовых» методов он переходит к риторике стратегического партнерства. США не удалось навязать континенту свою модель экономической интеграции. Латиноамериканцы пошли своим путем: США нет ни в Общем рынке стран Южного конуса (МЕРКОСУР), ни в Союзе южноамериканских наций (УНАСУР), куда входит большинство латиноамериканских стран, США удалось вовлечь в возглавляемую ими интеграционную группировку НАФТА лишь одну латиноамерикан-

² В научный оборот входят такие понятия: «Латинская Америка», «Южная Америка», «латиноамериканцы».

³ Давыдов В. М., *Детерминация развития Латино-Карибской Америки. Сохранение глобальной и региональной проблематики*. М.: ИЛА РАН, 2016, 60.

⁴ *Прогноз развития Латино-Карибской Америки до 2030 г.* М.: Институт Латинской Америки РАН, 2010.

скую страну — Мексику. В общем латиноамериканском контексте США сохраняют свое место только в Организации американских государств (ОАГ), старейшей организации Западного полушария.

Снижение политического доминирования США не означает коренного ослабления их экономических позиций. Вашингтон уже не может открыто навязывать свои политико-экономические интересы, однако финансовое, инвестиционное, технологическое и торговое преобладание в регионе остается очевидным.

ЛКА в ближайшие годы будет развиваться сравнительно быстрыми темпами, и, что особенно важно, с упором на реальное производство на основе крупных проектов с государственным участием.

Экономические интересы выводят страны ЛКА за рамки региона. На данном этапе их приоритеты — экономические, диктуемые прагматическими интересами. Они заинтересованы прежде всего в обеспечении равных условий в международной торговле и доступе к ресурсам мировых финансовых институтов.

Растущий экономический потенциал позволяет латиноамериканцам укреплять свою политическую и экономическую автономию от США и ведущих стран Европейского Союза.

Самостоятельность Латинской Америки определяется многими факторами. Латинская Америка, как отмечалось выше, — это особая цивилизация, которая уходит своими корнями в Европу и Африку. Эта цивилизация тесно интегрирована в остальной мир, но не является частью англосаксонского глобального проекта. Принципиальное отличие Латинской Америки от европейских стран в том, что она не связана блоковой дисциплиной. Латинская Америка меньше зависит от США, чем даже лидеры «старой Европы», включая Германию и Францию.

В последние полтора столетия ЛКА удалось избежать катастрофы двух мировых войн и найти формулы для урегулирования межгосударственных военных конфликтов в регионе. По договору Тлателолко (1967) ЛКА стала зоной свободной от ядерного оружия, а в 1968 г. латиноамериканцы инициировали Декларацию ООН об объявлении Южной Атлантики демилитаризованной зоной, что не помешало Великобритании провести здесь военную операцию на Мальвинских островах.

Политика импортозамещающей индустриализации региональной интеграции позволила региону добиться высоких темпов экономического развития и коллективно формировать переговорные позиции на международной арене. Однако в последние годы ослабление общемировой экономической динамики ограничило спрос на латиноамериканские «валютные» товары, доступ к дешевым кредитам и возможности прямых иностранных

инвестиций. Появились проблемы бюджетных дефицитов и выполнения социальных обязательств. Это привело к политическим изменениям в некоторых странах, в частности в Аргентине, Бразилии, Венесуэле.

При этом желательно учитывать следующее.

Сегодня прежние понятия о левых и правых политико-экономических моделях не всегда соответствуют нынешним реалиям. Прежде всего, это характерно для Латинской Америки, где давно прошла мода как на импорт «монетаристских» рецептов вроде «Вашингтонского консенсуса», так и на леворадикальный антиамериканизм. Левые тенденции сохраняются, однако в ряде случаев они сводятся скорее к националистическим подходам и социально-экономической и внешней политике.

Главное для латиноамериканцев сегодня — это поиск доступа к источникам финансирования, прямым инвестициям и рынкам сбыта.

В этом контексте пресловутый «правый поворот» континента отнюдь не носит «контрреволюционного» характера. Это относится, в том числе, и к латиноамериканским границам — Бразилии и Аргентине.

Предварительный анализ ситуации в Аргентине в схематическом плане выглядит следующим образом.

Победа «правого» М. Макри на президентских выборах 2015 г. в Аргентине не привела пока к резким сдвигам во внутренней и внешней политике. Были осуществлены некоторые шаги по либерализации экономики, в частности отменен контроль над валютными операциями, снят ряд ограничений на экспорт сельскохозяйственной продукции, достигнут компромисс с иностранными заемщиками.

Все эти меры позволили отодвинуть угрозу дефолта и несколько оздоровить экономику.

Во внешней сфере был предпринят ряд шагов по возвращению Аргентины в «западный мир»⁵. Состоялись визиты в Аргентину президентов США и Франции, а также премьер-министра Италии⁶. Практическое значение для экономики страны имело возобновление контактов с МВФ. Ключевым событием в аргентино-американских отношениях при Д. Трампе стал визит М. Макри в США в апреле 2017 г. В совместном заявлении была подтверждена готовность к сотрудничеству в экономической области, обсуждались, в частности, вопросы привлечения американских инвестиций в разработку неконвенциональных углеводородов в Аргентине. Вместе

⁵ В.Л. Хейфец, Л.С. Хейфец, «Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения»*, 2015, Том 15, № 4, 45–55.

⁶ Борисов М. М., Андреев А. С., «Новый внешнеполитический вектор Аргентины» // *Клио*, 2017, № 6 (126), 82–91.

с тем примечательно, что свои первые внешнеполитические визиты М. Макри совершил в Бразилию и Чили, а также провел встречу с главой Уругвая, тем самым подтвердив приверженность Аргентины своим обязательствам по интеграционным проектам. Крупное значение в Буэнос-Айресе придается проведению в Аргентине встречи «Группы двадцати» в 2018 г.

Сохраняется линия и на продолжение сотрудничества с Россией. Была проведена результативная встреча с В. В. Путиным, состоялся визит в Россию нового министра иностранных дел и культуры С. Малькорры. Особенно важно, что в ходе этих контактов Аргентина проявила готовность к усилению сотрудничества с Россией в области энергетики, с учетом того, что около 20 % энергетического потенциала Аргентины было создано с привлечением российского оборудования⁷.

Пока преждевременно говорить и о четких параметрах правого поворота в Бразилии. Социальные программы «левых» президентов Л. И. Лулы да Силвы и Д. Руссефф, неконтролируемое разбухание государственного аппарата и коррупционные скандалы привели к широким протестным настроениям и импичменту Д. Руссефф. Однако политическая ситуация в Бразилии вряд ли окончательно определится до президентских выборов 2018 г.⁸

Пока не просматриваются существенные изменения и во внешней политике. Бразилия претендует на роль одного из ведущих игроков в мировой политике и поэтому полное подключение к одному или другому «клубу» вряд ли отвечает ее интересам. Это же относится и к ее участию в БРИКС. Некоторое снижение ее активности в этом формировании вполне возможно, однако Бразилия будет стремиться не терять позиции на всех международных площадках, в том числе и в БРИКС. Это подтвердилось и в ходе визита президента М. Темера в Москву в июне 2017 г. В подписанном по итогам визита Совместном заявлении о стратегическом внешнеполитическом диалоге было отмечено совпадение позиций двух стран по основным аспектам мировой политики, и, что особенно важно, — в оценках значимости БРИКС.

В целом в ЛКА преобладает позитивное отношение к БРИКС. Латиноамериканцам импонирует сама философия БРИКС: стремление сохранить культурно-цивилизационную идентичность стран и самостоятельный путь развития, а также реформировать структуру управления мировой экономикой. Особенно привлекателен тезис, что БРИКС не навязывает

⁷ Дабагян Э. С., «Политические перемены в Аргентине: причины и последствия» // *Иberoамериканские тетради*, 2016, № 4 (14), 17–24.

⁸ Окунева Л. С., «Латиноамериканский «левый дрейф» разворачивается вправо (некоторые штрихи к «портрету» «правого поворота»)» // *Иberoамериканские тетради*, 2016, № 4 (14), 33–39.

ни особую цивилизацию, ни блоковую дисциплину. Это важно для латиноамериканцев, которые исторически склонны к самостоятельному курсу даже внутри региональных интеграционных группировок.

Прогнозы относительно отношений между США и Латинской Америкой при новой американской администрации пока представляются преждевременными.

В первое время после избрания Д. Трампа на континенте преобладали оценки того рода, что в связи с внутривнутриполитической ситуацией в США в краткосрочной перспективе новому президенту будет не до Латинской Америки, и в целом — не до внешней политики. Вместе с тем предполагалось, что в среднесрочной перспективе Д. Трампу придется вплотную заняться своим «ближним зарубежьем», где усиливаются позиции Китая и Европейского союза.

Практика показала, однако, что некоторые направления возможной латиноамериканской политики Д. Трампа просматриваются уже сейчас. Растет озабоченность в связи с его намерениями усилить протекционизм, возвращать в США филиальное производство, отказаться от практики мегапартнерства, подвергнуть ревизии соглашения о свободной торговле и проводить жесткую миграционную политику.

Реальные опасения на этот счет характерны прежде всего для Мексики, чья экономика плотно завязана на США и Канаду в рамках Североамериканского общего рынка (НАФТА). В случае пересмотра условий этого соглашения о свободной торговле и реализации антимиграционных планов Д. Трампа Мексике грозит сокращение экспортных доходов и поступлений от семейных переводов мигрантов, увеличение безработицы и рост социальной напряженности.

Сходные проблемы предстоят и ряду центральноамериканских и карибских стран, связанных с США соглашениями о преференциальной торговле и миграционными потоками⁹.

Особое внимание США придется уделить и кубинской проблематике. Куба имеет для США стратегическое значение в силу географической близости, сложного фактора кубинской диаспоры, военно-политической и экономической значимости, Панамского канала и планов строительства нового подобного транспортного коридора через Никарагуа. Идеологические аспекты более чем полувекового противостояния уже уступают прагматическим интересам геополитического характера, однако от этого острота кубинской проблемы для США не снижается.

⁹ Давыдов В. М., *Последствия смены караула в Вашингтоне / Латиноамериканский резонанс в общем контексте*. М.: ИЛА РАН, 2016, 7.

Позиция США в отношении Кубы будет зависеть от ряда факторов, в том числе связанных с ситуацией в США. Некоторые шаги Б. Обамы по нормализации отношений вызвали в Гаване неоднозначную реакцию. С одной стороны, это было квалифицировано как поражение американской политики, политической и экономической блокады, появились надежды на улучшение экономического положения на острове. С другой — открытие посольства США, перспективы активизации контактов, в том числе с кубинской диаспорой, вызывали в Гаване опасения повторения горбачевской перестройки с соответствующими негативными результатами.

В этой связи, как это ни покажется парадоксальным, антикастристское выступление Д. Трампа перед кубинской диаспорой в июне 2017 г. было воспринято спокойно. К тому же враждебная риторика Д. Трампа, как считают в Гаване, скорее адресована американскому конгрессу, а не Кубе.

Кубинское руководство, скорее всего, беспокоит не позиция Д. Трампа, которая, как ожидается, останется враждебной, а возможная смена режима в Каракасе. Это приведет к сокращению или даже полному прекращению поставок нефти на Кубу из Венесуэлы. Это будет для острова более тяжелым ударом, чем даже усиление политического противостояния с США¹⁰.

Такое развитие событий тем более вероятно, что новая американская администрация продолжает линию на информационную дискредитацию правительства М. Мадуро и прямую поддержку оппозиции.

Применительно к другим левоориентированным режимам тактика прямого давления, возможно, будет заменена более сдержанной линией, чтобы не плодить лишних проблем.

Менее идеологизированной может стать и политика по отношению к «лояльным» странам, в частности Колумбии. При этом будет учитываться развитие процесса мирного урегулирования внутреннего вооруженного конфликта.

Пересмотр при Д. Трампе заявленных ранее планов мегапартнеров вызывают беспокойство ряда латиноамериканских стран, в частности в Перу и Чили, которые опасаются определенных экономических издержек. Особенно это характерно для Чили, которая в свое время была одним из инициаторов (наряду с Брунеем, Новой Зеландией и Сингапуром) учреждения тихоокеанского партнерства¹¹.

Коррекция курса на мегапартнерство вряд ли существенно затронет интересы «атлантических» стран — Бразилии, Аргентины и Уругвая. Они

¹⁰ Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., “Куба: переосмысление роли страны в мировом сообществе” // *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 2, 94–103.

¹¹ Давыдов В.М. *Последствия смены караула в Вашингтоне...*, 7.

сохраняют линию на «латиноамериканскую» интеграцию в рамках МЕРКОСУР (где США не участвуют). Что же касается сотрудничества с США, то упомянутая «тройка» атлантических стран будет делать упор на расширение двустороннего взаимодействия со своим северным соседом.

Независимо от тех или иных нюансов своей латиноамериканской политики Вашингтону придется решать в ЛКА задачу устранения конкуренции внерегиональных держав. Это относится прежде всего к Китаю, который в последние годы заметно потеснил в регионе позиции Европейского союза. В среднесрочной перспективе роль Китая и ряда других «восходящих экономик» Азии для Латинской Америки будет еще более возрастать. Это отвечает стремлению ЛКА не ограничиваться преобладавшей ранее «вертикальной» схемой внешних связей по линии «Север — Юг», а шире задействовать «горизонтальное» направление по линии «Юг — Юг».

Отдельно следует остановиться на перспективах сотрудничества ЛКА с Россией.

Россия пока не может рассчитывать на значимое место во внешнеэкономических связях ЛКА. Однако политическое поле взаимодействия для России остается довольно перспективным.

До своего распада СССР играл роль контрбаланса сил в регионе, где традиционно преобладали США. Такая роль отвечала интересам латиноамериканской элиты, которая зачастую успешно шантажировала оба мировых полюса силы в своих интересах.

После 1991 г. Россия сменила свои геополитические ориентиры и попыталась встроиться в евроатлантические структуры. В 1990-е гг. России было не до Латинской Америки, и прежний интерес к региону был утрачен. Это привело к обрыву ранее налаженных связей, а в ряде случаев — к безвозвратной утрате вложенных средств. Такая резкая, в «русском духе», смена курса негативно сказалась на политических и экономических позициях России в ЛКА. Но самое главное — был нанесен ощутимый урон престижу России, а в некоторых странах произошло снижение доверия к ней как к надежному партнеру.

В последние годы Россия начинает постепенно активизироваться в Латинской Америке. Налажен обмен визитами на высшем уровне, активизируется сотрудничество по линии министерств иностранных дел и других ведомств. Экономические связи получили новую перспективу после введения «коллективным Западом» санкционного режима против России. В 2014—2015 гг. эти «санкции», граничащие с открытой экономической войной, выдвинули ЛКА в число приоритетов российской внешней политики. Регион не только не присоединился к «санкциям», но пытается освоить ниши, оставленные натовским Западом в российской экономике. К тому

же ряд латиноамериканских стран занял по многим международным проблемам более близкую России позицию.

Это создает благоприятную атмосферу для расширения сотрудничества России с ЛКА. Растет латиноамериканский экспорт в Россию. Наблюдается и встречная активизация российских государственных и бизнес-структур в ЛКА в разных областях, в том числе в атомной энергетике и военно-технических связях. Но в экономической сфере России пока трудно соперничать не только с США и ЕС, но и с Китаем, который активно внедряется в этот регион.

Есть разные оценки перспектив значимости ЛКА в мировых делах. Некоторых экспертов не впечатляет доля ВВП ЛКА в мировом ВВП — примерно 8,5 %. Но на Россию приходится менее 3 % мирового ВВП, но никто не сомневается в том, что она является одним из центров силы, и дело тут не только в ядерном оружии. К тому же нельзя мерить геополитику только экономикой. Экономический потенциал Кубы незначителен, однако уже много десятилетий она остается важным фактором мировой политики.

В заключение отметим два тезиса, которые имеют и «российскую проекцию».

В определенных кругах латиноамериканского «креативного» класса сохраняется ощущение «внешней зависимости и отсталости» региона¹². В этой связи предлагается полностью встроиться в «глобальную цивилизацию» без претензии на особое место в мировой политике и экономике. Однако в латиноамериканском обществе есть и другая точка зрения. Растущий экономический потенциал региона укрепляет позиции сторонников самостоятельного пути развития и многовекторной внешней политики.

Библиография

1. Борисов М. М., Андреев А. С., «Новый внешнеполитический вектор Аргентины» // *Клио*, 2017, № 6 (126), 82-91.
2. Дабагян Э. С., «Политические перемены в Аргентине: причины и последствия» // *Ибероамериканские тетради*, 2016, № 4 (14), 17-24.
3. Давыдов В. М., *Детерминация развития Латино-Карибской Америки. Сопряжение глобальной и региональной проблематики*. М.: ИЛА РАН, 2016.
4. Давыдов В. М., «Последствия смены караула в Вашингтоне» // *Латиноамериканский резонанс в общем контексте*. М.: ИЛА РАН, 2016.
5. Окунева Л. С., «Латиноамериканский «левый дрейф» разворачивается вправо (некоторые штрихи к «портрету» «правого поворота»)» // *Ибероамериканские тетради*, 2016, № 4 (14), 33-39.

¹² Давыдов В. М., *Детерминация развития Латино-Карибской Америки. Сопряжение глобальной и региональной проблематики*. М.: ИЛА РАН, 2016, 64.

-
6. *Прогноз развития Латино-Карибской Америки до 2030 г.* М.: Институт Латинской Америки РАН, 2010.
 7. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., «Куба: переосмысление роли страны в мировом сообществе» // *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 2, 94-103.
 8. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С., ««Правый поворот» в Латинской Америке: случайность или тенденция?» // *Латинская Америка*, 2010, № 6, 8-20.
 9. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С., «Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота»» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения»*, 2015, т. 15, № 4, 45-55.

Межрегиональное взаимодействие Латинской Америки и АТР: основные направления, акторы и их мотивация

Interregional cooperation between Latin America and the Asia-Pacific region: forms, actors and motivation

Резюме: Некогда крайне ограниченное по своим масштабам, межрегиональное сотрудничество между Латинской Америкой и Азиатско-Тихоокеанским регионом приобретает быстрое развитие с началом XXI в. В статье дается анализ основных форм межрегионального сотрудничества между Латинской Америкой и Азиатско-Тихоокеанским регионом в XXI в. с акцентом на торгово-экономическое сотрудничество, определяются основные акторы и движущие силы интенсификации взаимодействия между двумя регионами. Также в статье подробно рассматриваются неблагоприятные с точки зрения интересов латиноамериканских стран эффекты интенсификации межрегиональной торговли с АТР. Сравниваются инвестиционные стратегии тройки азиатских стран — Китая, Кореи, Японии — в Латинской Америке. Делается вывод о том, что за все возрастающими объемами межрегиональной торговли и капиталовложений АТР в Латинскую Америку стоит стремительно укрепляющаяся зависимость латиноамериканских стран от Китая.

Ключевые слова: Латинская Америка; Тихоокеанский регион; межрегиональное сотрудничество; торговля; инвестиции; Китай.

Abstract: The beginning of the 21st century has become a major turning point in interregional cooperation between Latin America and the Asia-Pacific region that in the past was very limited in scope. The article analyzes main forms of Latin America — Asia-Pacific interregional cooperation in the 21st century with an emphasis on economic cooperation, identifies main actors and driving forces of this process. It also discusses negative effects of intensification of Latin America — Asia-Pacific interregional cooperation on Latin American economies. It compares investment strategies of the three major Asian actors in Latin America — China, Japan, and South Korea. The article concludes that the major result of the Asia-Pacific region's ever-increasing trade and investment in Latin America is the deepening of Latin American countries' dependence on China.

¹ Лексютина Яна Валерьевна, РФ, доктор политических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-31-01016 «От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке» (lexyana@ya.ru).

Key words: Latin America; Asia-Pacific region; interregional cooperation; trade; investments; China.

Вплоть до начала XXI в. межрегиональное взаимодействие Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) имело крайне ограниченный масштаб². Политические контакты носили нерегулярный характер и были развиты весьма слабо. Тесной экономической кооперации препятствовали географическая удаленность двух регионов, неразвитость транспортно-логистических связей между ними и высокие транспортные издержки, сильные культурные различия и языковой барьер, а главное — отсутствие заинтересованности в развитии межрегиональных контактов. Страны АТР были сфокусированы преимущественно на реализации задач социально-экономического развития и взаимодействии со своими ближайшими соседями. В Латинской Америке вплоть до 1990-х гг. АТР позиционировался как бедный, малопривлекательный с экономической точки зрения регион; внешние товарные потоки латиноамериканских стран были ориентированы на Северную Америку.

Стремительный экономический рост целого ряда стран АТР и усиление позиций этого региона в мировой экономике, в полной мере проявившиеся на рубеже XX–XXI вв. тенденции, привлекли внимание латиноамериканских государств, в качестве национальных курсов, выдвинувших снижение зависимости от США и диверсификацию своих внешнеторговых и внешнеполитических партнеров.

Встречный интерес к развитию межрегионального сотрудничества с Латинской Америкой проявили и многие страны АТР: Китай, Япония, Корея (Республика Корея), Индия и страны Юго-Восточной Азии. В основе вспыхнувшего интереса стран АТР к Латинской Америке лежали преимущественно экономические мотивы, стремление подключиться к динамично протекавшим в регионе хозяйственным процессам, существенно интенсифицировавшимся на фоне появления в регионе различных интеграционных объединений. Латинская Америка привлекала своими богатыми энергетическими, минеральными и сельскохозяйственными ресурсами (нефтью, медью, железной рудой, соей и пр.), а также емкостью своих внутренних рынков. Благоприятные условия для появления и расширения присутствия новых внеполушарных акторов в Латинской Америке создавало снижение активности США в Латинской Америке.

Обусловленное встречным интересом, межрегиональное взаимодействие и в особенности торгово-экономическое получило сильный импульс. За неполные полтора десятилетия объем торговли между Латинской Аме-

² Редким исключением можно считать японское присутствие в Латинской Америке.

рикой и АТР увеличился в семь раз, достигнув в 2013 г. исторического максимума в 522 млрд долл. против 74 млрд долл. в начале XXI в. Ежегодный прирост объема межрегиональной торговли в 2000–2013 гг. достигал в среднем 17 %, в то время как в 1980-х гг. он не превышал 1,5 %, а в 1990-х гг. — 11 %³. С 2000 по 2013 г. доля АТР в латиноамериканском экспорте увеличилась более чем в три раза — с 6 до 20,5 %, а доля в импорте возросла более чем вдвое — с 12 до 29 %⁴. Обойдя ЕС и став вторым крупнейшим торговым партнером Латинской Америки после США, АТР почти догнал США как крупнейшего источника импорта латиноамериканских стран (в 2015 г. соотношение доли США и доли АТР в латиноамериканском импорте составило 31,4 к 30,9 %⁵).

В 2001–2014 гг. основными экспортными рынками Латинской Америки в АТР были Китай (куда было направлено 46,9 % всего латиноамериканского экспорта в АТР), Япония (16,1 %), Корея (8,8 %), Индия (8,1 %), Тайвань (3,6 %), Сингапур (3,2 %), Гонконг (2,7 %), Таиланд (2,2 %), Индонезия (2,1 %) и Австралия (2 %). На остальные страны АТР пришлось всего лишь 4,3 % латиноамериканского экспорта в АТР. Схожая картина наблюдается в структуре латиноамериканского импорта из АТР: в 2001–2014 гг. — 47,6 % всего латиноамериканского импорта поступило из Китая; 15,3 % — Японии, 12,5 — Кореи; 5,4 — Тайваня; 4,1 — Индии; 3,9 — Малайзии; 3,1 — Таиланда; 1,7 — Сингапура; 1,6 — Индонезии; 1,3 % — Австралии⁶. Масштаб торговых связей с Латинской Америкой таких стран АТР, как Лаос, Мьянма, Камбоджа, Бруней и Новая Зеландия, минимален. Крупнейшими торговыми партнерами Латинской Америки в АТР по убыванию являются Китай, АСЕАН, Япония, Корея, Индия, Тайвань и Гонконг. Среди стран АСЕАН ведущими торговыми партнерами латиноамериканских стран выступают Малайзия, Таиланд, Сингапур, Вьетнам и Индонезия.

Основными латиноамериканскими странами, куда направлялись товары из АТР, в 2001–2014 гг. были Мексика (41 % всего экспорта АТР в Латинскую Америку), Бразилия (32,3 %), Колумбия (8,4 %), Чили (7,3 %), Перу (4,4 %) и Аргентина (3,3 %). Крупнейшими источниками импорта АТР

³ *Economic relations between Latin America and the Republic of Korea: advances and opportunities*. Santiago: ECLAC, 2015, 23.

⁴ *Ibid.*, 24.

⁵ *International Trade in Goods in Latin America and the Caribbean*, 2016, bulletin No. 22, 5 [Электронный ресурс]. URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/40322/1/Statistical_bulletin_n22_en.pdf. (дата обращения: 01.10.2017)

⁶ *Latin America — Asia-Pacific Observatory, Commercial—Economic Monitor* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.observatorioasiapacifico.org/OBSEExternalUI/pages/public/monitor.jsf>. (дата обращения: 01.10.2017)

из Латинской Америки в этот период были Бразилия (44,9 %), Аргентина (24,1 %), Чили (12,9 %), Эквадор (5,7 %), Мексика (4,7 %) и Перу (3 %)⁷.

Интенсификации торгово-экономических отношений между Латинской Америкой и АТР в рассматриваемый период способствовали такие факторы, как снятие торговых барьеров вследствие заключения преференциальных торговых соглашений, налаживание транспортно-логистических связей между двумя регионами, развитие информационных технологий.

Среди упомянутых факторов особо стоит выделить заключение межрегиональных преференциальных торговых соглашений, предусматривающих либерализацию торгового режима посредством устранения тарифных и иных торговых барьеров. На апрель 2017 г. между странами Латинской Америки и АТР было заключено 31 преференциальное торговое соглашение. Среди латиноамериканских стран рекордсменами по числу действующих соглашений о свободной торговле с АТР являются Чили и Перу. В сеть межрегиональных преференциальных торговых соглашений пока еще не вовлечены такие страны, как Боливия, Куба, Эквадор, Венесуэла, Доминиканская Республика, Филиппины, Индонезия, Камбоджа, Лаос и Мьянма.

Помимо положительных сторон, прослеживающаяся с начала XXI в. интенсификация межрегиональной торговли имеет ряд неблагоприятных с точки зрения интересов латиноамериканских стран эффектов.

Первый эффект заключается в вытеснении латиноамериканских товаров азиатскими на местных латиноамериканских рынках (равно как и на внешних, например, на рынке США) и в связанном с ним увеличении дефицита Латинской Америки в торговле с АТР. В 2015 г. дефицит Латинской Америки в торговле с АТР составил 131 млрд долл., в то время как дефицит в торговле с миром в целом составил лишь 51 млрд долл.⁸ Положительный торговый баланс с АТР имеют только три латиноамериканских государства: Бразилия, Чили и Венесуэла. 85 % торгового дефицита Латинской Америки с АТР обусловлено возрастающим торговым дефицитом Мексики, Колумбии и Центральной Америки в торговле с Китаем. По результатам 2014 г. только с пятью экономиками АТР Латинская Америка имела профицит в торговле: с Индией, Австралией, Гонконгом, Сингапуром и Мьянмой. Национальная продукция Мексики, Колумбии и Центральной Америки, а также некоторых других латиноамериканских стран подвергается сильной конкуренции со стороны импортируемых дешевых китайских товаров (в особенности текстиля, обуви, мебели).

⁷ Ibid.

⁸ "Statistical Bulletin Latin America" // *Asia-Pacific Bulletin*, 2015, No. 8. [Электронный ресурс] URL: [http://www.observatorioasiapacifico.org/data/OBSERVATORIO.Images/Bulletin/70/20161101040320Boletn8AsiaPacfico\(OCT16\)_ENGLISH.pdf](http://www.observatorioasiapacifico.org/data/OBSERVATORIO.Images/Bulletin/70/20161101040320Boletn8AsiaPacfico(OCT16)_ENGLISH.pdf) (дата обращения: 01.10.2017).

Эта ситуация неоднократно служила причиной инициирования рядом латиноамериканских стран антидемпинговых расследований в рамках ВТО и введением протекционистских мер, призванных защитить национальную промышленность латиноамериканских стран от конкурентов из АТР (особенно от Китая и стран Юго-Восточной Азии). Так, среди латиноамериканских стран по количеству инициированных антидемпинговых расследований и принятых соответствующих антидемпинговых мер в отношении китайских товаров лидируют Бразилия, Аргентина, Мексика, Колумбия и Перу.

Вместе с тем для торговли Латинской Америки с различными странами АТР характерна и своя специфика. Так, если Китай экспортирует в регион по большей части продукцию трудоемких отраслей, представляющую конкуренцию латиноамериканским производителям, Япония, Корея и страны АСЕАН экспортируют в регион преимущественно высокотехнологичную капиталоемкую продукцию, как правило, не вызывающую торговых споров с латиноамериканскими производителями.

В целом экономики АТР являются более конкурентоспособными по сравнению с латиноамериканскими ввиду их большей открытости. Уровень экономической интеграции в АТР существенно выше. В отличие от большинства азиатских экономик латиноамериканские страны в основном не инкорпорировались в международные производственные цепочки (за исключением, пожалуй, Мексики и Коста-Рики). Это затрудняет выход латиноамериканских стран на азиатские рынки, создает конкурентные преимущества для стран АТР на внутренних и внешних рынках⁹.

Второй неблагоприятный эффект состоит в возрастающей зависимости латиноамериканских стран от Китая как торгового партнера. За полтора десятилетия, прошедших с начала XXI в., Китаю удалось значительно расширить масштаб своего экономического присутствия в регионе, потеснив таких традиционных экономических акторов в Латинской Америке, как США, ЕС и Японию. За период 2006–2015 гг. доля Китая в латиноамериканском экспорте увеличилась с 3,4 до 9,2 %, а в импорте — с 8,4 до 17,9 %¹⁰. Сейчас Китай уже занимает второе место после США в ряду крупнейших торговых партнеров Латинской Америки, недавно потеснив в этом отношении ЕС (в 2014 г. доля США во внешнеторговом обороте Латинской Аме-

⁹ *Latin America and Asia Pacific Realities: Defining the Agenda*, 2014, No. 6–7 [Электронный ресурс] URL: http://www.isis.org.my/files/IF_2014/IF11/ISIS_Focus_11_-_2014_Index_2.pdf (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁰ *People's Republic of China and Latin America and the Caribbean. Ushering in a New Era in the Economic and Trade Relationship*, ECLAC. 2011. No. 15; *Statistical Bulletin Latin America // Asia-Pacific Bulletin*, 2015. No. 8.

рики составляла 37,2 %, Китая — 12,9 %, а ЕС — 12,6 %). На смену Японии как крупнейшего азиатского торгового партнера Латинской Америки пришел Китай: если в 1990-х гг. доля Японии в торговле Латинской Америки с АТР достигала порядка 80 %¹¹, то сейчас более половины всего латиноамериканского товарооборота с АТР приходится на Китай. В рекордно короткие сроки Китаю удалось занять лидирующие позиции в структуре внешнеторговых связей многих латиноамериканских государств. Так, в 2014 г. он являлся важнейшим экспортным рынком для Бразилии, Чили, Перу и вторым по значимости — для Аргентины и Колумбии. В 2014 г. Китай стал крупнейшим источником импорта для Бразилии, Чили, Перу, Уругвая, Боливии и вторым — для Аргентины, Колумбии, Мексики, Венесуэлы, Парагвая, Эквадора, Гондураса, Никарагуа и Доминиканской Республики¹². Период с 2000 по 2014 г. отмечен стремительным ростом товарооборота Китая со странами Латинской Америки: он увеличился в 23,2 раза — с 12,1 до 280,6 млрд долл.

Вместе с тем нельзя не отметить высокий динамизм экономического проникновения в Латинскую Америку Индии, АСЕАН и Кореи. Так, Корея уверенно укрепляет свои позиции крупного торгового партнера Латинской Америки: в 1990–2014 гг. среднегодовой прирост торговли Кореи с Латинской Америкой составил 17 %. Для сравнения: прирост торговли Латинской Америки с Японией в этот же период был всего лишь 7 %, а со всей Восточной Азией — 14 %¹³. С 2000 по 2014 г. товарооборот Индии с Латинской Америкой возрос в 22,7 раза (увеличившись с 2 до 45,4 млрд долл.), АСЕАН — в 7,2 раза (увеличившись с 7,2 до 67,9 млрд долл.), Кореи — в 4,5 раза (увеличившись с 10,3 до 46,1 млрд долл.)¹⁴.

Третий неблагоприятный эффект состоит в усилении сырьевой направленности латиноамериканского экспорта в АТР и сохраняющемся преобладании промышленных товаров в импортной корзине латиноамериканских стран из АТР. Основными статьями экспорта латиноамериканских стран в АТР в 2001–2012 гг. были минеральные ресурсы (около 30 %), энергоресурсы (14 %), медь и производные (11,9 %), зерновые (10,5 %), отходы пищевой промышленности (4,2 %), чугун и сталь (3,8 %), мясо (3,2 %),

¹¹ *Reaching across the Pacific: Latin America and Asia in the new century* / Ed. by C. Arnson, J. Heine, Ch. Zaino. Wilson center, 2014, No. 10.

¹² *UN Comtrade database* [Электронный ресурс] URL: <http://comtrade.un.org/> (дата обращения: 01.10.2017).

¹³ Estevadeordal A., Moreira M. M., Kahn T. *Korea and Latin America and the Caribbean: striving for a diverse and dynamic relationship*, IDB, 2015, No. 3.

¹⁴ Рассчитано по: *Latin America — Asia-Pacific Observatory, Commercial–Economic Monitor* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.observatorioasiapacifico.org/OBSEExternalUI/pages/public/monitor.jsf> (дата обращения: 01.10.2017).

масла и жиры (3 %), древесина (2,5 %) ¹⁵. В 2010–2013 гг. в торговле с Китаем на углеводороды и минеральные ресурсы приходилось 61,63 % экспорта латиноамериканских стран, сельскохозяйственную продукцию — 22,71 %, а промышленные товары — 15,60 %, в торговле с Кореей это соотношение было 58,72 к 19,96 к 21,3 %, а в торговле с Японией — 54,40 к 28,25 к 16,61 % ¹⁶. В латиноамериканском экспорте в страны АСЕАН первичная продукция также занимает доминирующие позиции: в 2012 г. на нее пришлось 75 % ¹⁷.

Импортная номенклатура стран Латинской Америки из АТР включает главным образом готовую продукцию (морские суда, автомобили, электронику, оборудование, части и компоненты), в том числе высокотехнологичные товары.

Возрастающий спрос тройки азиатских стран — Китая, Кореи, Японии, ведущих торговых партнеров латиноамериканских стран в АТР, — на топливно-энергетические ресурсы, руды металлов и сельскохозяйственную продукцию способствует увеличению доли сырья в экспортной структуре стран Латинской Америки и, соответственно, их деиндустриализации, а также углублению зависимости от динамики мировых цен на сырье.

Указанный неблагоприятный эффект проявляется и в том, что основными торговыми партнерами тройки азиатских стран становятся преимущественно богатые природными ресурсами латиноамериканские страны, такие как Бразилия, Чили, Мексика, Перу, Венесуэла и Аргентина. Более того, как указывают некоторые эксперты, основными экспортерами выступает ограниченное число крупных латиноамериканских компаний, в то время как средние и малые предприятия и фирмы практически не участвуют в экспорте в АТР, что создает предпосылки для дисбалансов в распределении прибыли, увеличения волатильности доходов и снижения продуктивности экспортного сектора, что в целом способно отрицательно сказаться на экономическом росте и стабильности латиноамериканских стран ¹⁸.

В качестве меры, способной способствовать исправлению создавшихся дисбалансов в торговле Латинской Америки с АТР, в Латинской Америке нередко называется расширение торговли со странами АСЕАН и Индией. Расширение торговли с АСЕАН и Индией не только снизит зависимость от

¹⁵ Bartesaghi I. *Latin America and Asia Pacific Realities. Defining the agenda*, 2014, No. 21.

¹⁶ Estevadeordal. *Op. cit.*, 8.

¹⁷ *Analysis of the economic relations of Latin America and the Caribbean with the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN)*, 2016, No. 31. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sela.org/media/2088255/analysis-of-the-economic-relations-of-latin-america-and-the-caribbean-with-the-association-of-southeast-asian-nations-asean.pdf> (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁸ *Rising concentration in Asia-Latin American value chains: Can small firms turn the tide?* / Ed. by O. Rosales, K. Inoue, N. Mulder, Santiago: ECLAC, 2015, No. 17.

Китая, но и будет способствовать диверсификации товарной структуры торговли. Как указывает координатор Latin America — Asia-Pacific Observatory И. Бартесаги, эти богатые ресурсами развивающиеся страны АТР могут проявить интерес к производимым латиноамериканскими странами промышленным товарам¹⁹.

Вместе с тем, в то время как в межрегиональной торговле наблюдается бум, в сфере инвестиционного сотрудничества Латинской Америки и АТР серьезные сдвиги пока не наступили. За последнее десятилетие средний ежегодный поток иностранных инвестиций из Азии в Латинскую Америку достигает всего лишь 14,1 млрд долл., а из Латинской Америки в Азию — 1,2 млрд долл.²⁰ При этом азиатские страны охотнее инвестируют в Латинскую Америку, нежели латиноамериканские страны — в АТР. В 2007–2012 гг. крупнейшими азиатскими инвесторами в Латинскую Америку стали Япония (27 млрд долл. за указанный период), Китай (7,5 млрд долл.) и Австралия (4 млрд долл.). Основными получателями азиатских инвестиций в этот же период стали Бразилия, Мексика и Чили²¹.

Инвестиционные стратегии азиатской тройки в Латинской Америке различаются: в отличие от Китая, Япония и Корея инвестируют преимущественно в производственный сектор. Так, в секторальной структуре китайских инвестиций доминирует сфера освоения нефтегазовых и минеральных ресурсов: за предшествующие годы на нее пришлось от 85 до 90 % всех китайских инвестиций. Они идут как на непосредственное приобретение активов крупных нефтегазовых корпораций и концернов по добыче минеральных ресурсов, создание совместных с латиноамериканскими странами предприятий в области разработки природных ресурсов, так и на развитие соответствующей инфраструктуры. В гораздо меньших объемах китайские инвестиции направляются в агропромышленный сектор латиноамериканских стран, в высокотехнологичные отрасли Латинской Америки, на развитие портовой инфраструктуры и туристической индустрии стран Карибского бассейна.

Корейские инвестиции направляются в производственный сектор (в частности, в автомобилестроение, производство высокотехнологичной электроники, промышленного оборудования, текстиля и одежды), а несопоставимо меньшая часть — в сферу добычи и обработки руд металлов, а также в финансовый сектор и сферу страхования (в оффшорных зонах Латинской Америки). Корейские инвестиции в производственный сектор

¹⁹ Latin America... *Op. cit.*, 5.

²⁰ Wignaraja G. *Asia's growing ties with Latin America*, 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.eastasiaforum.org/2015/01/24/asias-growing-ties-with-latin-america/> (дата обращения: 01.10.2017).

²¹ Rising concentration... *Op. cit.* P. 20.

ограничены главным образом Мексикой, Центральной Америкой и Бразилией²². С 2003 по 2014 г. 83 % корейских инвестиций в Латинской Америке было направлено в производственный сектор²³.

Японские инвестиции в Латинской Америке распределены достаточно равномерно между производственным сектором, первичным сектором и сферой услуг. Так, на июнь 2015 г. на них пришлось 40, 22 и 35 % соответственно²⁴.

Вполне закономерно, что динамично развивающееся в XXI в. торгово-экономическое сотрудничество между Латинской Америкой и АТР сопровождается интенсификацией политических контактов между странами двух регионов. Хотя развитие контактов между Латинской Америкой и АТР идет преимущественно на двусторонней основе между отдельными странами, прослеживаются попытки выработки скоординированной политики и усилия по налаживанию многостороннего межрегионального диалога. Например, созданное в декабре 2011 г. с целью стимулирования региональной интеграции и сотрудничества Сообщество латиноамериканских и карибских государств в 2012 г. провело первый Индо-Латиноамериканский диалог и первый Китайско-Латиноамериканский диалог. В июле 2014 г. было принято решение о создании Форума «Китай — СЕЛАК», призванного стать важной площадкой для коллективного диалога по широкому спектру вопросов в политической, торгово-экономической, гуманитарной и иных областях. Созданный в июне 2012 г. Тихоокеанский альянс в составе Мексики, Колумбии, Перу и Чили в качестве одной из своих целей ставит углубление отношений с АТР. В сентябре 2014 г. был дан официальный старт Форуму «АСЕАН — Тихоокеанский альянс». Тихоокеанский альянс нередко рассматривают в качестве потенциального моста между Латинской Америкой и АТР²⁵. На апрель 2017 г. статус наблюдателя в этой организации получили такие страны АТР, как Китай, Япония, Индия, Корея, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Таиланд, Индонезия.

²² *Analysis of Experiences in Trade and Investment between LAC and Korea: Lessons Learned in Development*. IDB, 2015, 30.

²³ Kahn T. *Latin America's trade with Korea: moving beyond commodities*, 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://blogs.iadb.org/ideasmatter/2015/03/19/latin-americas-trade-korea-moving-beyond-commodities/> (дата обращения: 01.10.2017).

²⁴ Kahn T. *A virtuous cycle of integration: the past, present, and future of Japan-Latin America and the Caribbean relations*, IDB, 2016, 12 [Электронный ресурс] URL: <https://publications.iadb.org/bitstream/handle/11319/7901/A-Virtuous-Cycle-of-Integration-The-Past-Present-and-Future-of-Japan-Latin-America-and-the-Caribbean-Relations.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 01.10.2017).

²⁵ Herrerros S. *The Pacific Alliance: a bridge between Latin America and the Asia-Pacific?* [Электронный ресурс] URL: <http://www.observatorioasiapacifico.org/data/OBSERVATORIO.Images/News/temp/20160412100017PacificAllianceSHerrerrosISEASbookAsianRegionalism.pdf> (дата обращения: 01.10.2017)..

Многостороннее взаимодействие между странами Латинской Америки и АТР идет также в русле таких межрегиональных форумов и объединений, как АТЭС (куда входят Мексика, Чили, Перу и 14 экономик АТР), Форум сотрудничества Восточной Азии и Латинской Америки, ИБСА, БРИКС (входят Бразилия, Китай и Индия), ТТП (входят Чили, Сингапур, Новая Зеландия, Бруней, Австралия, Вьетнам, Малайзия, Мексика, Япония). Действуют и такие межрегиональные площадки, как саммиты «Республика Корея — Центральноамериканская интеграционная система», Форум корейско-карибского партнерства, Форум корейско-латиноамериканского партнерства, МИКТА, Форум торгово-экономического сотрудничества Китая и стран Карибского бассейна.

Современный этап развития межрегионального взаимодействия Латинской Америки и АТР отмечен активизацией дипломатических контактов. Взаимные визиты глав государств и обмен делегациями высокопоставленных официальных лиц сейчас осуществляются на регулярной основе и весьма интенсивно. Между отдельными странами двух регионов быстрое развитие получили не только торгово-экономическое сотрудничество, представляющее собой основу межрегионального взаимодействия, но и военное, научно-техническое, гуманитарное и иные формы сотрудничества.

В целом в XXI в. Латинская Америка и АТР вышли на новый уровень межрегионального взаимодействия, характеризующийся созданием устойчивого политического и экономического диалога, разнообразных форматов многосторонней коммуникации, стремительным расширением торговли и оживлением инвестиционной активности (преимущественно, стран АТР в Латинской Америке). Основным содержанием межрегионального взаимодействия выступает торгово-экономическое сотрудничество. Стратегические, военно-политические, идеологические и иные мотивы этого же порядка не играют значимой роли в интенсификации межрегионального взаимодействия. Нельзя не отметить и то, что межрегиональное взаимодействие Латинской Америки идет преимущественно с четырьмя наиболее экономически мощными странами АТР — Китаем, Японией, Кореей и Индией. Более того, за все возрастающими объемами межрегиональной торговли и капиталовложений АТР в Латинскую Америку стоит стремительно укрепляющаяся зависимость латиноамериканских стран от Китая — второй мировой экономики и крупнейшей в мире торговой державы, уверенно наращивающей масштабы своего экономического присутствия во всех уголках планеты.

Библиография

1. *Analysis of Experiences in Trade and Investment between LAC and Korea: Lessons Learned in Development*. IDB, 2015. No. 30.
2. Antoni Estevadeordal, Mauricio Mesquita Moreira, Theodore Kahn. *Korea and Latin America and the Caribbean: striving for a diverse and dynamic relationship*. IDB, 2015. No. 3.
3. *Economic relations between Latin America and the Republic of Korea: advances and opportunities*. Santiago: ECLAC, 2015.
4. Herreros S. *The Pacific Alliance: a bridge between Latin America and the Asia-Pacific?* [Электронный ресурс] URL: <http://www.observatorioasiapacifico.org/data/OBSERVATORIO.Images/News/temp/20160412100017PacificAllianceSHerrerosISEASbookAsianRegionalism.pdf> (дата обращения: 01.10.2017)..
5. Ignacio Bartesaghi. *Latin America and Asia Pacific Realities. Defining the agenda*, 2014. No. 21.
6. *International Trade in Goods in Latin America and the Caribbean*, 2016, Bulletin No. 22. P. 5 [Электронный ресурс] URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/40322/1/Statistical_bulletin_n22_en.pdf (дата обращения: 01.10.2017).
7. Kahn T. *A virtuous cycle of integration: the past, present, and future of Japan-Latin America and the Caribbean relations*, IDB, 2016. No. 12. [Электронный ресурс] URL: <https://publications.iadb.org/bitstream/handle/11319/7901/A-Virtuous-Cycle-of-Integration-The-Past-Present-and-Future-of-Japan-Latin-America-and-the-Caribbean-Relations.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 01.10.2017).
8. Kahn T. *Latin America's trade with Korea: moving beyond commodities*, 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://blogs.iadb.org/ideasmatter/2015/03/19/latin-americas-trade-korea-moving-beyond-commodities/> (дата обращения: 01.10.2017).
9. *Latin America — Asia-Pacific Observatory, Commercial-Economic Monitor* [Электронный ресурс] URL: <http://www.observatorioasiapacifico.org/OBSEExternalUI/pages/public/monitor.jsf> (дата обращения: 01.10.2017).
10. *Latin America and Asia Pacific Realities: Defining the Agenda*, 2014. P. 6–7 [Электронный ресурс] URL: http://www.isis.org.my/files/IF_2014/IF11/ISIS_Focus_11_-_2014_Index_2.pdf (дата обращения: 01.10.2017).
11. *Of Southeast Asian Nations (ASEAN)*, 2016, No. 31 [Электронный ресурс] URL: <http://www.sela.org/media/2088255/analysis-of-the-economic-relations-of-latin-america-and-the-caribbean-with-the-association-of-southeast-asian-nations-asean.pdf> (дата обращения: 01.10.2017).
12. *People's Republic of China and Latin America and the Caribbean. Ushering in a New Era in the Economic and Trade Relationship*, ECLAC. 2011. No. 15;
13. *Statistical Bulletin Latin America — Asia-Pacific*. 2015. No. 8. [Электронный ресурс] URL: <http://www.observatorioasiapacifico.org/data/OBSERVATORIO>.

Images/Bulletin/70/20161101040320Boletn8AsiaPacfico(OCT16)_ENGLISH.pdf
(дата обращения: 01.10.2017).

14. *Reaching across the Pacific: Latin America and Asia in the new century* / Ed. by C. Arnson, J. Heine, Ch. Zaino. Wilson center, 2014. No. 10.

15. *Rising concentration in Asia-Latin American value chains: Can small firms turn the tide?* / Ed. by O. Rosales, K. Inoue, N. Mulder. Santiago: ECLAC, 2015. No. 17.

16. Wignaraja G. *Asia's growing ties with Latin America*, 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.eastasiaforum.org/2015/01/24/asias-growing-ties-with-latin-america/> (дата обращения: 01.10.2017).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Л. В. Дьякова¹

Итоги второго президентства М. Бачелет и особенности современного политического процесса в Чили

The results of the activity of the second government of M. Bachelet and new political trends

Resumen: El artículo analiza los planes y resultados principales de la actividad del segundo gobierno de M. Bachelet (2014-2018) y las nuevas tendencias políticas. La atención esencial se fija en el proceso de realización de las reformas innovadoras declaradas en el programa electoral de la Nueva Mayoría (en particular se estudian los problemas y desafíos de la reforma educativa y las protestas juveniles). Asimismo se destaca el reforzamiento de los riesgos sociales y la aparición de los nuevos fenómenos políticos en vísperas de las elecciones presidenciales. Se trata del surgimiento del Frente Amplio como el nuevo movimiento de izquierda, del debilitamiento del sistema de los compromisos partidarios, de la desintegración de la Nueva Mayoría.

Palabras clave: Chile; M. Machelet; nueva mayoría; reformas; ciclo electoral.

Abstract: This paper analyzes the plans and main results of the activity of the second government of M. Bachelet (2014-2018) and new political trends. The essential attention is fixed on the process of realization of the innovative reforms declared in the election program of the New Majority (in particular the article explores the problems and challenges of educational reform and the youth protests). It also highlights the strengthening of social risks and the emergence of new political phenomena on the eve of the presidential elections. It is the emergence of the Broad Front as the new left movement, the weakening of the system of the party compromises, the disintegration of the New Majority.

Key words: Chile; M. Bachelet; New Majority; the reforms; the new electoral cycle.

Подошел к концу второй президентский срок социалиста Мишель Бачелет (2014–2018), триумфально победившей в декабре 2013 г. 19 ноября

¹ Дьякова Людмила Владимировна, РФ, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (diakova65@mail.ru).

2017-го в Чили состоятся очередные президентские и парламентские выборы, а период работы правительства М. Бачелет станет законченным этапом политической жизни страны — со всеми его надеждами, достижениями и неудачами.

В начале 2014 г. с личностью М. Бачелет и правительством левоцентристской коалиции «Новое большинство»² ассоциировалась реализация новаторских реформ, которые поддержала значительная часть общества (в первую очередь — молодежь). Программа нового правительства предполагала: разработку новой конституции; изменение устаревшей «биномиальной» системы выборов в конгресс; кардинальную реформу системы образования, призванную гарантировать его бесплатность и доступность на всех уровнях — от школьного до университетского. Это была программа мер по дальнейшему развитию политических институтов демократии и совершенствованию социального курса, направленного на достижение большей социальной справедливости и равенства. Реализация заявленных планов оказалась сопряжена с усилением внутривнутриполитических рисков и ростом разногласий — как между правительством и правой оппозицией, так и внутри самой правящей коалиции.

Совершенствование политических институтов демократии

Важнейшей политической инициативой 2015 г. стало объявление о начале конституционного процесса процедуры разработки новой конституции страны, поскольку действующая Конституция 1980 г., несмотря на серьезную реформу 2005-го, значительной частью общества продолжает считаться «пиночетовской» по происхождению. Дискуссия о необходимости принятия новой конституции, соответствующей этапу развитой демократии, интенсивно ведется в чилийском обществе на протяжении последних 10 лет.

Другим значительным моментом, связанным с процессом трансформации устаревших политических институтов, созданных для реализации давно выполненных политических задач, явилась одобренная в январе 2015 г. реформа «биномиальной» системы выборов в конгресс³. Разработанная в последние годы военного режима как элемент «управляемого демократического перехода», эта система структурировала политическую жизнь

² Создана в 2013 г. на основе коалиции «Консертасьон» (Concertación) за счет включения в ее ряды, помимо социалистов (PS, PPD) и христианских демократов (PDC), Коммунистической партии Чили (PCCh).

³ *Cámara aprobó en tercer trámite el fin del sistema binominal* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gob.cl/2015/01/20/> (дата обращения: 21.03.2015).

страны вокруг двух крупнейших коалиций — левоцентристской «Консертасьон» (предшественницы «Нового большинства»), и правоцентристского «Альянса» (Alianza por Chile), объединившего партии «Независимый демократический союз» (UDI) и «Национальное обновление» (RN)⁴. Жесткий дизайн ограничивал возможности небольших партий полноценно участвовать в парламентских выборах. Принятие конгрессом законопроекта о переходе к пропорциональной электоральной модели означало конец целого периода, связанного с процессом становления и консолидации чилийской демократии, но усилило разногласия между правительством и правой оппозицией. Правые считали, что это решение носит исключительно популистский характер, а его реализация, предполагающая увеличение числа мест в нижней (со 120 до 155) и верхней (с 38 до 50) палатах парламента, приведет к возникновению множества мелких партий и затруднит работу конгресса.

Важнейшим и давно обсуждаемым решением стало предоставление права голоса на общенациональных выборах чилийцам, проживающим в других странах. (Их, по самым общим подсчетам, 850 тыс. чел., среди них много потомков политических эмигрантов, уехавших в годы военного режима.) Для осуществления этого права к моменту парламентских и президентских выборов 2017 г. будут подготовлены все консульские отделы Чили за рубежом. Выборы будут проходить по местному времени, а подсчет голосов — только после закрытия избирательных участков в Чили.

Социальные реформы

Реформа образования

Одним из самых сложных и противоречивых направлений в работе правительства стала реформа образования, нацеленная на введение бесплатного школьного и бесплатного высшего образования. Предложения в этой сфере были связаны с надеждами и разочарованиями самой экспрессивной социальной группы — молодежи, а их реализация, помимо объективных трудностей, сопровождалась большой эмоциональной нагрузкой.

Чилийская система образования, сложившаяся в результате неолиберальных реформ, проведенных военным режимом, и окончательно закреплённая Законом об образовании 1990 г., являлась объектом ожесточенных споров на протяжении последних 20 лет. На базовом уровне в этой системе сосуществовали школы разных типов — бесплатные государственные (муниципальные), полностью частные, и смешанные — финансируемые государством (с помощью образовательной субсидии, выплачиваемой на каж-

⁴ Дьякова Л. В., *Чилийская демократия: преемственность и перемены*, М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013.

дого ученика) и семьей⁵. Противники этой формы обучения неоднократно критиковали ее за многочисленные взносы и доплаты, собираемые с родителей. Сторонники же указывали, что ликвидация «субсидируемых» школ, которые стали доступны «новому среднему классу», уничтожив положительный опыт, не приведет автоматически к повышению уровня муниципального образования.

Все высшее образование, представленное как частными, так и государственными университетами, является платным; для его получения молодежи из бедных семей предоставляются дифференцированные стипендии и льготные кредиты, срок погашения которых составляет в среднем 15 лет.

Недостатки образовательной модели (ее рыночный дискриминационный характер на всех уровнях и низкое качество обучения в муниципальных школах, закрепляющее социальное неравенство) неоднократно вызывали молодежные волнения, пик которых пришелся на президентство Себастьяна Пиньеры (2010–2014). Проект реформы образования, предложенный правительством М. Бачелет, включал несколько этапов. Первоначально — обеспечить принцип бесплатности и доступности на школьном уровне: прекратить «конкурсный отбор», родительские доплаты и понятие прибыли в «субсидируемых» школах, повысить качество преподавания в муниципальных школах, находящихся в бедных городских и сельских районах. Несмотря на то, что сторонники правительства и оппозиция вели жаростные споры по поводу школьного образования, особенно по поводу судьбы «субсидируемых» школ, законопроект уже в январе 2015 г. был одобрен конгрессом. Реализация новой модели началась с 2016 г. Существенным моментом, вызвавшим очередные молодежные протесты, стал проект «демуниципализации» государственных школ, обсуждаемый в конгрессе на протяжении 2017 г. и предполагающий передачу этих школ из ведения муниципалитетов в специальные структуры — *Servicios Locales de Educación*, подчиненные Министерству образования, с прямым финансированием из бюджета. Этот шаг должен повысить степень финансовой и управленческой самостоятельности образовательных центров, подключить структуры гражданского общества (в форме школьных советов), улучшить качество обучения. Однако в августе 2017 г. студенты и старшеклассники вновь вышли на улицы, опасаясь, что при возможном приходе правого правительства в результате предстоящих выборов демуниципализация обернется

⁵ Ермольева Э. Г., *Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени*. М.: ИЛА РАН, 2014, 142.

только ослаблением независимости школ и закреплением дискриминации в школьном образовании⁶.

Не меньшие трудности были связаны с высшим образованием. Законопроект о введении принципа бесплатности в университетское образование был одобрен обеими палатами конгресса 23 декабря 2015 г. — после напряженного обсуждения конкретных механизмов реализации и категорий молодежи, которые первыми получают это право. Противники данного шага — в оппозиции, среди союзников по коалиции — христианских демократов — и в рядах более радикальных левых сразу отметили недостаточную продуманность и неопределенность новых правил обучения в высших учебных заведениях. Прежде всего в условиях ухудшения экономической ситуации в стране принцип бесплатности на первом этапе предполагалось распространить не на всех, а только на 70 % поступающих на учебу студентов из наименее обеспеченных слоев общества (в 2016 г. их число составило 138 тыс. чел., в 2017 г. — 257 тыс.)⁷. Для финансирования этой программы государство пообещало выделять университетам 2,5 млрд долл. в год. (Еще в сентябре 2014 г. конгресс одобрил проект новой налоговой реформы, предусматривающий увеличение налога на крупные предприятия с 20 до 27 %, а также на алкогольную и табачную продукцию).

Первоначально приоритет отдавался крупным государственным университетам (Университету Чили, Университету Сантьяго), затем в список участников вошли и частные, подавшие соответствующую заявку до 27 декабря 2015 г. (в том числе католические университеты в разных городах), имеющие высокий уровень преподавания и уважения в обществе⁸. В итоге в программу бесплатного образования были включены все университеты, входящие в состав так называемого Совета чилийских ректоров — организации, объединяющей 25 государственных и частных университетов. Отмечалось, что впоследствии в список будут включены и другие вузы, соответствующие необходимым требованиям.

Настаивая на поэтапности проводимой реформы, правительство выступило за сохранение существующей дифференцированной системы стипендий и образовательных кредитов (условия получения и выплаты которых стали максимально льготными). Однако отсутствие принципа уни-

⁶ *Desmunicipalización: así será el nuevo Sistema de Educación Pública* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biobiochile.cl/noticias/nacional/educacion/2016/07/28/desmunicipalizacion-asi-sera-el-nuevo-sistema-de-educacion-publica.shtml> (дата обращения: 25.08.2017).

⁷ *Mensaje presidencial Ide junio de 2017. Ministerio de Educación* [Электронный ресурс]. URL: <http://mensajepresidencial.gob.cl/> (дата обращения: 10.08.2017).

⁸ *Universidades que han manifestado su intención de adscribir al proceso de Gratuidad 2016* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gob.cl/2015/12/27/> (дата обращения: 09.01.2016).

версальности в вопросе доступа к бесплатному образованию, неясность и незавершенность проекта, с которым было связано столько надежд, вызвало жесткую критику и левых, и правых, разочарование молодежи, и массовые протестные выступления студентов в 2016–2017 гг. в Сантьяго и других крупных городах. В итоге важнейшее политическое решение стало серьезным вызовом — правительству, всей левоцентристской коалиции и лично М. Бачелет. Чтобы оправдать этот шаг, новая модель образования должна будет в ближайшие годы продемонстрировать всему обществу явные преимущества, совместить принцип социальной справедливости (который пока введен лишь частично) с принципами высокого качества и эффективности профессиональной подготовки, необходимыми экономике страны.

Легализация аборт и защита социальных прав граждан

Социальные шаги правительства были направлены на улучшение условий жизни и защиту прав наименее защищенных групп общества.

Важнейшей мерой стал закон о частичной легализации абортов. Законопроект, отправленный на обсуждение в конгресс в начале 2015 г., был одобрен сенатом в августе 2017 г. — фактически в последние месяцы работы команды М. Бачелет. Закон предусматривает разрешение аборта в трех особых случаях: при опасности рождения ребенка с серьезными генетическими заболеваниями; при угрозе для жизни матери; если женщина стала жертвой насилия. (Полный запрет абортов был узаконен в Чили только в 1989 г., при А. Пиночете; до этого момента с 1931 г. аборт по медицинским показаниям был разрешен.) Еще в ходе обсуждения законопроект вызвал бурные дискуссии в обществе, обострил принципиальные этические расхождения между представителями различных партий. Несмотря на то, что в его поддержку выступила часть профессионального сообщества, целый ряд влиятельных политических и общественных организаций консервативного толка встретили эту инициативу крайне негативно. С критикой проекта выступили правые партии, а также часть христианских демократов. Социалисты же отмечали, что все пункты избирательной программы, в том числе и тема абортов, разрабатывались совместно, и христианские демократы должны выполнять свои обещания перед правительственной коалицией. После голосования в сенате группа политиков и общественных деятелей (из числа правых и христианских демократов), обратилась к обществу и конгрессу с воззванием, в котором отстаивала свою точку зрения на аборт как на преступление против самих основ человеческой жизни⁹.

В сфере здравоохранения были расширены виды страховой медицинской помощи для бедных слоев населения, в том числе в перечень страхо-

⁹ *El Mercurio*, 16.08.2017.

вых услуг включен ряд дорогостоящих высокотехнологичных операций. Был принят закон о защите прав домработниц и помощников по хозяйству, предусматривающий сокращение рабочих часов, соблюдение выходных и праздничных дней¹⁰. Разработан законопроект, направленный на поэтапное изменение пенсионной системы: к индивидуальным пенсионным накоплениям будет добавляться «солидарная» прибавка из специального Фонда коллективных сбережений, в который предприятия должны будут ежемесячно отчислять 2 % от заработной платы работников. Эти деньги позволят гарантировать всем работающим минимальное «солидарное» пенсионное обеспечение и увеличить пенсии в будущем. При этом еще 3 % от заработной платы будет направляться работодателем на индивидуальный пенсионный счет работника¹¹. Законопроекту еще предстоит пройти обсуждение в конгрессе, однако, учитывая массовые настроения недовольства существующей пенсионной системой в обществе, а также включение этой темы в предвыборные программы всех кандидатов, можно предположить, что он будет принят.

Усиление рисков и новые политические тенденции накануне президентских выборов

Подводя итоги, необходимо отметить, что самое реформистки настроенное правительство Чили за последние 27 лет (с момента перехода страны к демократии) в конце своей работы оказалось в ситуации растущих политических разногласий внутри правящей коалиции и роста общественного разочарования результатами проведенных реформ. Рейтинг президента на протяжении 2016–2017 гг. не превышал 20 %, в отдельные моменты опускаясь до 15 %¹².

Противоречивую реакцию в обществе вызывали все серьезные инициативы правительства — от реформы образования до начала обсуждения новой конституции. Помимо жесткой критики со стороны правой оппозиции и в СМИ, недовольство выражалось в непрекращающихся уличных протестах молодежи, раздраженной кажущейся постепенностью введения изменений в систему образования. Эти крайности — чередующиеся стадии

¹⁰ *Guía de Oportunidades. Capacitación, Trabajo y Emprendimiento* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guiadeoportunidades.gob.cl/> (дата обращения: 21.10.2016).

¹¹ *Nuevo Sistema de Ahorro Colectivo mejorará las pensiones de los chilenos* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gob.cl/> (дата обращения: 24.08.2017).

¹² *El apoyo a Bachelet llega sólo al 15 %, el más bajo desde el retorno de la democracia en Chile* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elmundo.es/internacional/2016/08/19/57b75841268e3ed10a8b45ae.html> (дата обращения: 24.08.2017).

полной поддержки и безапелляционного неприятия — затрудняли работу правительства и президента. Негативную роль сыграли и громкие коррупционные разоблачения, в которых оказались замешаны члены семьи самой М. Бачелет (сын Себастьян Давалос и невестка). В 2015 г. С. Давалосу было предъявлено обвинение в том, что он, используя инсайдерскую информацию в корыстных целях, в 2013 г., после первого тура президентских выборов, лоббировал выдачу кредита Банком Чили своей жене — совладелице компании, занимающейся недвижимостью. Скандал нанес жестокий удар по имиджу М. Бачелет и правящей коалиции в целом, а С. Давалос стал одним из обвиняемых по делу о коррупции. Несмотря на то, что коррупционные разоблачения коснулись затем и правой оппозиции, видные деятели которой обвинялись в уходе от налогов в особо крупных размерах, подкупках должностных лиц и незаконном финансировании избирательных кампаний, вовлеченность именно семьи Бачелет в коррупционную историю повлияла на падение показателей доверия президенту.

Экономические возможности страны в период 2014–2017 гг. также перестали отвечать завышенным социальным ожиданиям общества. Экономический рост, по данным Всемирного банка, оставался на уровне 1,6–2 %¹³, что было связано с общим ухудшением экономической ситуации не только в Чили, но и во всем регионе, с завершением этапа «золотого десятилетия» 2003–2013 гг. и наступлением более сложного кризисного периода.

Для политического ландшафта накануне новых выборов характерно нарастание многочисленных изменений, многие из которых, назревая давно, были ускорены реформами Бачелет. Начался процесс дезинтеграции двух крупнейших коалиций — левоцентристского Нового большинства и правоцентристского «Альянса». На протяжении всего постпиночетовского развития страны эти объединения представляли собой «власть» и «оппозицию», структурировали политическое поле, являлись определенными ориентирами для всех политических игроков. Сегодня их время истекло, и отказ от «биномиальной» системы только усилил этот процесс. Левоцентристская коалиция вступила в период глубокого внутреннего кризиса. Серьезной угрозой единству оказалась жестко-протестная позиция недавно включенных в ряды коалиции коммунистов, особенно популярных студенческих лидеров. Став депутатами парламента, многие из них упрекали М. Бачелет в излишней осторожности, нерешительности, дефиците лидерских качеств и нежелании проводить серьезные реформы, прежде всего — в сфере образования. В условиях, когда практически каждое из важнейших предвыборных обещаний требовало продуманности и постепенности, мо-

¹³ *Chile: Panorama general* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bancomundial.org/es/country/chile/overview> (дата обращения: 23.08.2017).

лодые левые политики требовали от президента и правительства быстроты и напора, что вызывало жесткое неприятие со стороны христианских демократов.

Принципиальные идеологические расхождения между христианскими демократами и левым крылом Нового большинства привели к тому, что по ряду важнейших вопросов PDC открыто поддерживала правых, критикуя президента за уступки «левому радикализму». Это касалось: неподготовленного введения принципа бесплатности образования, экономических последствий налоговой реформы, законопроекта об аборте. В такой позиции христианских демократов некоторые аналитики (например, Карлос Унееус) видят сознательный отход от сохранения коалиции и возвращение к собственной партийной идентичности, во многом утраченной в процессе 30-летнего союза с социалистами.

На новых выборах левоцентристскую коалицию будут представлять два кандидата в президенты. Партия христианских демократов отказалась от участия в праймериз и выдвинула в кандидаты своего лидера Каролину Гоич. Остальные партии «Нового большинства» поддержали Алехандро Гильера — известного теле— и радиожурналиста. Экс-президент Рикардо Лагос, участие которого в президентских выборах всерьез обсуждалось еще в конце 2016 г., в итоге снял свою кандидатуру.

Новым политическим моментом стало появление на левом фланге объединения под названием «Широкий фронт» (Frente Amplio) — аналогия с уругвайской коалицией была сознательно выбрана чилийскими организаторами. В него вошли левые партии и движения (в том числе гуманисты, экологи), не находящие отражения своих идей и ценностей в программе «Нового большинства», критикующие его устаревшие принципы. Их кандидатом на выборах после победы в ходе праймериз стала Беатрис Санчес — известная журналистка и ведущая популярных программ, делающая акцент на большей социальной солидарности, реальных (а не декларируемых) правах женщин, изменении неолиберальной пенсионной системы.

Правоцентристская оппозиция сформировала предвыборный блок «Вперед, Чили» (Chile Vamos), в состав которого, помимо традиционных RN и UDI, вошли две новые партии — Evópoli (Evolución Política) и PRI (Partido Regionalista Independiente). Кандидатом в президенты стал Себастьян Пиньера, победивший на праймериз двух других претендентов. Его программа сосредоточена на идеях экономического роста, социального развития, дальнейшем совершенствовании системы образования (с сохранением начинаний Бачелет). Включение новых партий, созданных независимыми политиками правоцентристской ориентации, и выдвижение, помимо С. Пиньеры, других кандидатов явилось признаком стремления к обновлению,

поиску новых политических фигур, которое наметилось в среде чилийских правых.

В заключение необходимо отметить, что накануне первого тура выборов достаточно сильными позициями обладает экс-президент С. Пиньера, однако ни у кого из претендентов нет явных преимуществ, никто не предлагает программу, сравнимую по яркости и решительности с программой М. Бачелет образца 2013 г., и никого нельзя назвать исключительно популярной политической фигурой. Все эти обстоятельства, практически неизбежно должны привести к проведению второго тура голосования.

Библиография

1. *Cámara aprobó en tercer trámite el fin del sistema binominal* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gob.cl/2015/01/20/> (дата обращения: 21.03.2015).
2. *Chile: Panorama general* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bancomundial.org/es/country/chile/overview> (дата обращения: 23.08.2017).
3. *Desmunicipalización: así será el nuevo Sistema de Educación Pública* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biobiochile.cl/noticias/nacional/educacion/2016/07/28/desmunicipalizacion-asi-sera-el-nuevo-sistema-de-educacion-publica.shtml> (дата обращения: 25.08.2017).
4. *El apoyo a Bachelet llega sólo al 15 %, el más bajo desde el retorno de la democracia en Chile* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elmundo.es/internacional/2016/08/19/57b75841268e3ed10a8b45ae.html> (дата обращения: 24.08.2017).
5. *El Mercurio*. 16.08.2017.
6. *Guía de Oportunidades. Capacitación, Trabajo y Emprendimiento* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guiadeoportunidades.gob.cl/> (дата обращения: 21.10.2016).
7. *Mensaje presidencial Ide junio de 2017. Ministerio de Educación* [Электронный ресурс]. URL: <http://mensajepresidencial.gob.cl/> (дата обращения: 10.08.2017).
8. *Nuevo Sistema de Ahorro Colectivo mejorará las pensiones de los chilenos* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gob.cl/> (дата обращения: 24.08.2017).
9. *Universidades que han manifestado su intención de adscribir al proceso de Gratuidad 2016* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gob.cl/2015/12/27/> (дата обращения: 09.01.2016).
10. Ермольева Э. Г. *Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени*. М.: ИЛА РАН, 2014.
11. Дьякова Л. В. *Чилийская демократия: преемственность и перемены*, М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013.

Трансформация правоориентированных политических сил Чили после становления демократии

Transformation of Chile's right-wing political forces in the period after the establishment of democracy

Abstract: The article analyzes development and transformation of Chile's right-wing political forces in the period after the establishment of democracy. The assessment is given of the current party coalitions of the country and their representatives. Particular attention is paid to Sebastián Piñera as a candidate for right-wing political forces. The author comes to conclusion that stage-by-stage development of the right forces, which is interconnected with the difficult period of democratic transit, and that they increase their influence both in political and in public contexts. Moreover, the article gives a brief analysis of the pre-election programs of the most prominent representatives of presidential candidates.

Key words: Latin America; Chile; party coalitions; Sebastián Piñera; center-right government.

Resumen: El artículo analiza el desarrollo y la transformación de las fuerzas políticas derechistas de Chile en el período posterior al establecimiento de la democracia. La evaluación se da de las coaliciones de partidos actuales del país y sus representantes. Se presta especial atención a Sebastián Piñera como candidato a las fuerzas políticas derechistas. El autor llega a la conclusión de que el desarrollo etapa por etapa de las fuerzas correctas, que está interconectado con el difícil período del tránsito democrático, y que aumentan su influencia tanto en el contexto político como en el público. Además, el artículo ofrece un breve análisis de los programas preelectorales de los representantes más destacados de los candidatos presidenciales.

Palabras clave: América Latina; Chile; coaliciones partidarias; Sebastián Piñera; gobierno de centro derecha.

Латинская Америка имеет свои отличительные черты, связанные с политическими процессами, происходящими внутри региона. Они опираются на исторические и культурные особенности развития континента. За небольшой промежуток времени — с середины XX в. и до настоящего момента — латиноамериканские государства прошли через правление военно-диктаторских режимов, становление обновленных демократических

¹ Аниськевич Наталья Сергеевна — РФ, аспирант Института Латинской Америки РАН. (nataniskevich@gmail.com).

систем, внутреннюю борьбу между так называемыми правыми и левыми представителями власти, стремительный экономический подъем и следующую за ним стагнацию.

В качестве одной из наиболее успешно развивающихся стран региона можно выделить Чили, которая отличается относительно высокими макроэкономическими показателями, достаточно эффективной социальной политикой и активной внешнеполитической деятельностью в латиноамериканском регионе и за его пределами. В период демократического транзита в государстве произошли радикальные структурные преобразования: в 1988 г. режим Пиночета уступил свои позиции в результате проведенного референдума, организованного им же самим. В результате 55 % избирателей проголосовали против авторитарного режима, и только 43 % отдали свои голоса в его поддержку². Это стало новым этапом развития для Чили, на котором начиналась гонка за лидерские позиции между двумя идеологическими соперниками: лево— и правоцентристами.

Формальный процесс избавления от наследия прошлого стартовал в 1990 г. Первому и последующему демократическому правительствам в лице Патрисио Эйлвина (1990—1994) и Эдуардо Фрея — младшего (1994—2000) досталась сложная работа в данном направлении, которая требовала предельной осторожности³. Бывший президент-диктатор все еще пользовался большим влиянием в общественных и армейских кругах и имел пожизненный мандат сенатора. В то же время процесс демократизации не стоял на месте, и в итоге чилийцы смогли преодолеть все имевшиеся риски: «особую роль» военных и влияние А. Пиночета как знаковой политической фигуры, проблему бедности, а главное, избежали новой конфронтации и гражданского конфликта на почве расхождений в оценке предшествующего диктаторского режима. Знаковыми событиями, ознаменовавшими окончательный закат эры генерала, явились передача полномочий главнокомандующего сухопутными войсками в 1998 г. и его уход с пожизненного поста сенатора в 2002 г.⁴

Процесс демократического транзита занял долгие 15 лет, а его финальной точкой можно считать 26 августа 2005 г., когда на совместном заседании обеих палат парламента были приняты фундаментальные поправки в Основной закон (за проголосовало 150 сенаторов и депутатов, против — 3,

² Дьякова Л. В., *Чилийская демократия: преемственность и перемены*. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013.

³ Hira A., Sanghera A., *Chilean Democracy: At a Historical Crossroads*, Centre for Global Political Economy, Working Papers, 2004.

⁴ Siavelis P. M., “Book Review: The Politics of Memory in Chile. From Pinochet to Bachelet” // *Journal of Latin American Studies*, 2015, Vol. 47, No. 1, 192—194.

воздержался — 1). В результате фактически перестала существовать Конституция 1980 г., были расширены полномочия самого парламента. К этому можно добавить избрание М. Бачелет (2006—2010) в качестве женщины-президента, что также подтвердило зримый успех демократии⁵.

Многopартийные коалиции в Чили имеют решающее значение в вопросах управления страной, но стоит отметить, что до этапа становления демократии они носили временный характер и были менее прочными. В то же время как объединение представителей власти в единый союз позволяет завоевывать большее доверие избирателей и увереннее отстаивать общие идеи развития государства.

С конца XX и до начала XXI в. конфронтация между сформировавшимися коалициями основывалась на опыте репрессий и преследования сторон в период нахождения у власти военной диктатуры, т. е. партийные идеи имели только одно связующее звено — это позиция, выражающая отношение к режиму А. Пиночета⁶. В новом столетии новые коалиции партий, объединенных схожей идеологией, стали сосредоточивать свое внимание на большем количестве вопросов, связанных со структурной организацией государственного порядка, политикой снижения уровня безработицы, здравоохранением, образованием и пенсионным обеспечением⁷.

Начало нового тысячелетия стало переломным для Чили: страна избавилась от наследия прошлого, преодолела путь становления демократии и встала на путь экономического и социального развития. Это также отразилось и на политических партиях, теперь они начинают бороться за свои выдвигаемые принципы и убеждения, отходя от модели общей цели и общего развития в последнее десятилетие прошлого века, когда находившиеся у власти центристские правительства выступали своеобразным буфером и тянущим буксиром, который помог стране преодолеть влияние военного правительства и стал стартовой точкой на пути восстановления демократии. На данном этапе четко прослеживается влияние исторического опыта и памяти, выраженных в трагических событиях прошлого, так как сдвиги в политических событиях, имевших место в Чили, нашли свое начало внутри общества, которое подавлялось долгое время.

В настоящее время в Чили осуществляет свою деятельность 31 активная политическая партия, большинство из которых представляет левую или левоцентристскую идеологию. Фактически реальное влияние име-

⁵ Дьякова Л. В. «Деятельность правительств «Консертасьон» в Чили в постпиночетовский период (1990—2010)» // *Латиноамериканский исторический альманах*, 2014, Vol. 1, No. 14, 191—218.

⁶ Дьякова Л. В. *Указ. соч.*

⁷ Gamboa R., Lopez M., Baeza J. “The Programmatic Evolution of Chilean Political Parties 1970—2009: From Polarization to Consensus” // *Revista de Ciencia Política*, 2013, Vol. 33, No. 2, 443—467.

ют всего 5 из них, которые входят в коалиции «Новое большинство» (исп. Nueva Mayoría) и «Вперед Чили» (исп. Chile Vamos)⁸. Правоориентированные партии находятся в меньшинстве, и самым ярким и успешным представителем является коалиция Chile Vamos, где наибольшее влияние имеют «Национальное обновление» (исп. Renovación Nacional, RN) и «Независимый демократический союз» (исп. Unión Democrática Independiente, UDI). До 2015 года данное объединение существовало под названием «Альянс за Чили» (исп. Alianza por Chile). Отличительной чертой партий, входящих в правую коалицию, является то, что они имеют тесные связи в бизнес-сообществах, так как многие представители начали свою карьеру именно в деловом мире⁹. Два основополагающих принципа «Независимого демократического союза»: политика и бизнес.

Chile Vamos в качестве новой политической коалиции сформировала 18 общих принципов. Государству отводится роль вспомогательная и солидарная правам граждан, которые должны уважаться и поощряться. Также коалиция декларирует веру в представительную демократию как политическую систему и планирует укреплять политические институты для восстановления доверия гражданского общества и его участия в жизни страны за счет заключения крупных национальных соглашений, которые будут носить долговечный характер. «Chile Vamos» утверждает, что выступает за социальную рыночную экономику, которая уважает свободу людей и создает больше возможностей для всех¹⁰.

В 2010 г. к власти в Чили пришел Себастьян Пиньера, ставший первым после восстановления демократического режима президентом, исповедующим подобные идеологические взгляды. Причиной сосредоточения власти в руках представителя «Альянса за Чили», стало недовольство большей части населения политикой левоцентристского кабинета, не оправдавшего ожидания чилийцев¹¹. Правоцентристам, однако, также не удалось исправить сложившееся положение, что привело их к поражению на очередных президентских выборах. В то же время правоцентристская коалиция укрепила в 2013 г. свое положение в Национальном конгрессе Чили (рис. 1 и 2).

⁸ *Perfil y evolución del sistema de partidos en Chile* — Paulo Hidalgo [Электронный ресурс]. URL: file:///Users/nataliaaniskevich/Downloads/2108-5383-1-PB.PDF (дата обращения 31.10.2017).

⁹ *Periodo 1990 // Reconstrucción democrática / Chile Vamos* [Электронный ресурс]. URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1990-2022 (дата обращения: 31.10.2017).

¹⁰ *Partidos, movimientos y coaliciones / Chile Vamos* [Электронный ресурс]. URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/wiki/Chile_Vamos (дата обращения: 31.10.2017).

¹¹ *Piñera se desvincula del legado de Pinochet y busca un gobierno de unidad / UH Noticias* [Электронный ресурс]. URL: <https://ultimahora.es/noticias/internacional/2010/01/19/1257/pinera-se-desvincula-del-legado-de-pinochet-y-busca-un-gobierno-de-unidad.html> (дата обращения: 31.10.2017).

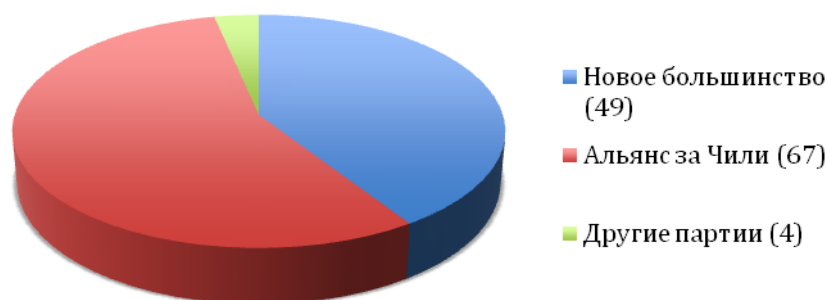

Рис. 1. Распределение мест в Палате депутатов за период 2014–2018 гг. (Источник: http://www.ipu.org/parline-e/reports/2063_E.htm)

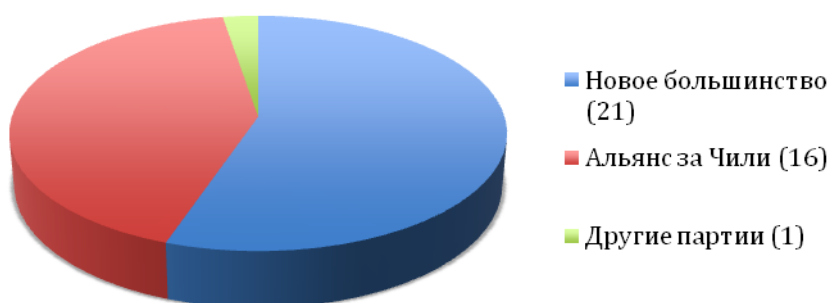

Рис. 2. Распределение мест в Сенате за период 2014–2022 гг. (Источник: http://www.ipu.org/parline-e/reports/2064_E.htm)

Период правления С. Пиньеры можно трактовать по-разному. В основном его характеризуют с негативной стороны¹², указывая на неспособность к согласованию и представлению разнородных и противоречивых общественных интересов, предупреждению и разрешению конфликтов. Ему не удалось реорганизовать систему образования. Правительственные мероприятия в этой области спровоцировали массовые протесты, возникла ситуация тотального взаимного непонимания со стороны власти и общества. Произошла активизация регионализма и рост социальных протестов в удаленных от центра областях с требованиями привлечения адресного внимания к каждой конкретной ситуации и более справедливого распределения государственной поддержки, а также перенесения преимуществ распределения государственной поддержки на всю территорию страны.

Но нельзя не признать, что срок президентства С. Пиньеры привнес и положительные моменты в развитие страны¹³: Чили удалось достаточно успешно справиться с последствиями финансово-экономического кризиса

¹² Guerrero N., Vega A., José M. “Reflexiones teóricas sobre discurso político e ideología: un análisis preliminar de las políticas de emprendimiento del gobierno de Piñera (Chile 2010–2014)”, *Revista Uruguaya de Ciencia Política*, 2015, Vol. 24, No. SPE, 105–120.

¹³ González C. F., “El discurso político de resistencia en las redes sociales: el caso de los memes desde una perspectiva crítica y multimodal”, *Contextos*, 2016, No. 30, 37–48.

2009–2011 гг. и сдержат рост инфляции, безработица оставалась на уровне 6,5 %, что по сравнению со средними по Латинской Америке показателями выглядело неплохо. Прослеживалась нацеленность властей на продолжение и эффективную реализацию социальных реформ и стремление к повышению уровня развития страны. Была воплощена в жизнь идея проекта Тихоокеанского альянса, развитие которого до сих пор остается приоритетным направлением в рамках реализации внешней политики Чили и поддерживается как лево-, так и правоцентристской коалициями. Данная интеграционная группировка выступает в качестве торговой платформы для коллективного сотрудничества стран Латинской Америки с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

В целом итоги правления правоориентированных чилийских сил стали причиной того, что страна вступила в состояние глубокого общественного кризиса и разочарования достигнутыми результатами¹⁴. Как отмечает Л. В. Дьякова, Пиньера, возможно, «оказался несвоевременной фигурой или слишком рано, когда общество еще не почувствовало губительных последствий недостаточного развития, отставания в принципиальных областях, или слишком поздно. Можно сказать, что основной упрек именно к Пиньере состоит в том, что он — не М. Бачелет, популярность которой в конце ее президентского срока [первого — прим. составителей] достигала 80 %, а своеобразный имидж, обаяние и стиль сформировали слишком высокую „человеческую“ планку власти»¹⁵.

В 2014 г. М. Бачелет вернула себе президентское кресло, но результаты ее нынешнего мандата не оправдали всех ожиданий ее сограждан¹⁶. В конце 2017 г. в Чили состоялись президентские выборы, основными кандидатами на которых выступили С. Пиньера (альянс «Вперед, Чили»), Алехандро Гильер («Новое большинство») и Беатрис Санчес («Широкий фронт»). Накануне первого тура голосования Пиньера и Гильер подробно представили свои стратегические программы, значительно пересекающиеся в рамках планов дальнейшего развития внешнеполитического вектора страны и имеющие лишь незначительные отличия.

А. Гильер также, как и М. Бачелет, является представителем Социалистической партии Чили и планирует продолжить политику, выстроенную его предшественницей, заявляя о важности интеграционных объединений и поддержании контактов с региональными партнерами. Он также предла-

¹⁴ Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., ««Правый поворот» в Латинской Америке: случайность или тенденция?» *Латинская Америка*, 2010, No. 6, 8–20.

¹⁵ Дьякова Л. В. *Указ. соч.*

¹⁶ *Nuevo “ciclo” en política exterior en Chile? / Chile vienti uno.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chile21.cl/19288/> (дата обращения: 31.10.2017).

гает принимать активное участие во внерегиональных инициативах: ООН, ВТО, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и др. В дополнение укрепления отношений с Азиатско-Тихоокеанским регионом он предлагает не забывать и о США, которые были и остаются одним из основных торговых партнеров Чили и которые обладают большим влиянием на мировую политику в целом. А. Гильер также ставит перед собой задачу решить проблему демаркации границ Чили и вопросы, связанные с морским правом и подтверждением суверенитета страны на острове Пасхи¹⁷.

Правоцентрист С. Пиньера в дополнение к схожим с его программой вышеперечисленным задачам включает обязательное разрешение боливийского вопроса в ближайшей перспективе и предлагает отказаться от идеологических принципов при поиске торгово-экономических партнеров¹⁸. В рамках интеграционных объединений им выделяется значимость развития и укрепления отношений с Тихоокеанским альянсом и УНАСУР¹⁹.

Стоит отметить, что оба кандидата, вышедшие во второй тур голосования, показывают большую заинтересованность в проведении в Чили в 2019 г. саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (англ. Asia-Pacific Economic Cooperation, АТЭС). По их мнению, форум с большой вероятностью предоставит новые возможности для развития торгово-экономической кооперации страны с ключевыми игроками на международной арене и даст толчок развитию на более высоком уровне инвестиционного, инновационного и технологического партнерства²⁰. Также саммит может стать площадкой для перезапуска отношений между Чили и Россией.

* * *

В целом влияние правоориентированных сил в Чили на данный момент возрастает. Тенденции развития современных политических движений показывают, что в большинстве своем вес имеют те из них, кто высту-

¹⁷ *Bases Programaticas. Cuillier 2018-2022* [Электронный ресурс]. URL: http://www.guillier.cl/images/Bases_Programaticas_Guillier.pdf (дата обращения: 31.10.2017).

¹⁸ *Relaciones Internacionales / Piñera* [Электронный ресурс]. URL: <http://sebastianpinera.cl/tus-ideas-cuentan/relaciones-internacionales/> (дата обращения: 31.10.2017).

¹⁹ “Piñera crea comisión de Relaciones Exteriores que evaluará permanencia de Chile en el Pacto de Bogotá” // *El Mercurio* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elmercurio.com/blogs/2017/04/29/50701/Pinera-crea-comision-de-Relaciones-Exteriores-que-evaluara-permanencia-de-Chile-en-el-Pacto-de-Bogota.aspx> (дата обращения: 31.10.2017).

²⁰ *APEC y Chile — Dirección General de Relaciones Económicas Internacionales* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.direcon.gob.cl/apec-y-chile/> (дата обращения: 31.10.2017).

пает за успешную модернизацию государства, разрабатывают альтернативные линии развития и показывают видимые результаты.

Факты последнего времени и формирующиеся ключевые макротенденции в латиноамериканском регионе свидетельствуют о том, что ближайшие годы станут переломными в развитии политических процессов и направленности их ориентации для многих стран. Начавшиеся глубокие трансформации, судя по всему, будут тяжелыми для ряда государств, и Чили не окажется исключением. Общим латиноамериканским трендом является приход к власти правых и правоцентристских правительств, расширение кризиса левой идеологии. В обществе сложился запрос на обновление модели государственного устройства и механизмов социально-экономического развития. Предпосылками и условиями перехода на новую модель роста, за которую выступают чилийские правые, являются относительно низкий уровень коррупции, инфляции и государственного долга; достигнутая макроэкономическая стабильность.

Библиография

1. *APEC y Chile — Dirección General de Relaciones Económicas Internacionales* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.direcon.gob.cl/apec-y-chile/> (дата обращения: 31.10.2017).
2. *Bases Programaticas. Cuillier 2018–2022* [Электронный ресурс]. URL: http://www.guillier.cl/images/Bases_Programaticas_Guillier.pdf (дата обращения: 31.10.2017).
3. Gamboa R., Lopez M., Baeza J. “The Programmatic Evolution of Chilean Political Parties 1970–2009. From Polarization to Consensus” // *Revista de Ciencia Política*, 2013, Vol. 33, No. 2, 443–467.
4. González C. F. “El discurso político de resistencia en las redes sociales: el caso de los memes desde una perspectiva crítica y multimodal” // *Contextos*, 2016, No. 30, 37–48.
5. Guerrero N., Vega A., José M. “Reflexiones teóricas sobre discurso político e ideología: un análisis preliminar de las políticas de emprendimiento del gobierno de Piñera (Chile 2010–2014)” // *Revista Uruguaya de Ciencia Política*, 2015, Vol. 24, No. SPE, 105–120.
6. Hira A., Sanghera A. *Chilean Democracy. At a Historical Crossroads, Centre for Global Political Economy. Working Papers*, 2004.
7. *Nuevo “ciclo” en política exterior en Chile? / Chile venti uno* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chile21.cl/19288/> (дата обращения: 31.10.2017).
8. *Partidos, movimientos y coaliciones — Chile Vamos* [Электронный ресурс]. URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/wiki/Chile_Vamos (дата обращения: 31.10.2017).

9. *Perfil y evolución del sistema de partidos en Chile — Paulo Hidalgo* [Электронный ресурс]. URL: file:///Users/nataliaaniskevich/Downloads/2108-5383-1-PB.PDF (дата обращения: 31.10.2017).
10. *Periodo 1990 — Reconstrucción democrática — Chile Vamos* [Электронный ресурс]. URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1990-2022 (дата обращения: 31.10.2017).
11. “Piñera crea comisión de Relaciones Exteriores que evaluará permanencia de Chile en el Pacto de Bogotá” // *El Mercurio* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elmercurio.com/blogs/2017/04/29/50701/Pinera-crea-comision-de-Relaciones-Exteriores-que-evaluara-permanencia-de-Chile-en-el-Pacto-de-Bogota.aspx> (дата обращения: 31.10.2017).
12. “Piñera se desvincula del legado de Pinochet y busca un gobierno de unidad” // *UH Noticias* [Электронный ресурс]. URL: <https://ultimahora.es/noticias/internacional/2010/01/19/1257/pinera-se-desvincula-del-legado-de-pinochet-y-busca-un-gobierno-de-unidad.html> (дата обращения: 31.10.2017).
13. *Relaciones Internacionales — Piñera* [Электронный ресурс]. URL: <http://sebastianpinera.cl/tus-ideas-cuentan/relaciones-internacionales/> (дата обращения: 31.10.2017).
14. Siavelis P. M. “Book Review: The Politics of Memory in Chile: From Pinochet to Vachelet” // *Journal of Latin American Studies*, 2015, Vol. 47, No. 1, 192–194.
15. Дьякова Л. В. «Деятельность правительств «Консертасьон в Чили» в постпиночетовский период (1990–2010)» // *Латиноамериканский исторический альманах*, 2014, т. 14, № 14, 191–218.
16. Дьякова Л. В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2013.
17. Хейфец В. Л., Хейфец Л.С. ««Правый поворот» в Латинской Америке: случайность или тенденция?» // *Латинская Америка*, 2010, № 6, 8–20.

Аргентина после Киршнеров: Маурисио Макри и новый политический курс страны

Argentina after Kirshners: Mauricio Macri and new political course of country

Resumen: En el contexto de la crisis económica que acentuó a las principales democracias y economías del mundo durante varios años, el cambio en el paradigma político e ideológico en la política interna afecta mucho a los estados democráticos. Los derechistas, liderados por Mauricio Macri, quien reemplazó a los centristas de izquierda, realizando una serie de reformas liberales en la economía del país, declararon su disposición a emprender una reforma social y política. En el contexto del “giro a la derecha”, parece interesante rastrear cómo la política del estado cambia de izquierda a derecha debido a la reforma liberal de Macri.

Palabras clave: Mauricio Macri; giro a la derecha; reforma liberal; nuevo curso político.

Abstract: In the context of the world economic crisis stressing leading democracies and economies of the world for several past years, change in political and ideological paradigm in domestic policy effects democratical states much. The right-wingers, led by Mauricio Macri, who replaced left-centrists, which, in turn were taken off the bat, striking a series of liberal reforms on the country's economy, declared their readiness to embark on social and political reform. In the context of the “right turn” it seems interesting to trace how the state's policy changes from the left to the right due to the liberal reform of Macri.

Key words: Mauricio Macri; right turn; liberal reform; new political course.

Почти два года прошло с того момента, как Маурисио Макри занял пост президента Аргентины. Сменив «династию» Киршнер, на протяжении 12 лет возглавлявшую одну из крупнейших латиноамериканских демократий, оппозиция во главе с Макри получила шанс изменить историю страны². Однако, на пути у правых реформаторов возможны затруднения в публичной политике — почти половина аргентинцев на президентских выборах отдала свои голоса за киршнеристского кандидата Даниэля Сциоли:

¹ Неверов Кирилл Алексеевич, Российская Федерация, ассистент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (kir.neverov@gmail.com).

² В.Л. Хейфец, Л.С. Хейфец, «Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота»» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения»*, 2015, Том 15, № 4, 45–55.

Макри получил голоса 51,34 % сограждан, а его оппонента — 48,66 %. Показательно, что на их готовность голосовать на Сциоли не повлияла череда социальных протестов, коррупционных скандалов и обвинений в причастности к терроризму, связанных с четой Киршнер.

Нестор Киршнер являлся первым президентом страны, надолго пришедшим к власти после президентской чехарды рубежа веков. На раннем этапе он заслужил поддержку аргентинцев благодаря критике своего предшественника Карлоса Сауля Менема и его преобразований. Однако сам новоизбранный президент был объектом обвинений в совершении финансовых махинаций в ходе парламентских выборов 2005 г., когда пропрезидентский «Фронт за победу» прошел в конгресс. У общественности нашлись претензии и к самой процедуре голосования, в частности, к закрытым партийным спискам, что резко ограничивало возможность выбора.

В экономической сфере Нестор Киршнер за первые годы пребывания у власти решил ряд экономических проблемы: сократил внешнюю задолженность, повысил экономические показатели, сумел добиться уровня безработицы, нищеты и инфляции, повысил пенсии и заработную плату. В то же время он злоупотреблял чрезвычайными декретами (225 декретов за первые три года президентства), большинство из которых относилось к неконтролируемому расходу бюджетных средств и были связаны с манипуляциями с бюджетом. Стоит отметить, что сторонники президента располагали большинством в парламенте, а экономическая ситуация была благоприятной для Аргентины. Супруга президента, сенатор Кристина Фернандес де Киршнер лоббировала в Конгрессе предложение о наделении главы государства постоянными и чрезвычайными полномочиями в вопросах распределения бюджета и необходимости изменить правила утверждения чрезвычайных декретов, отменив обязательное одобрение в конгрессе. Правление Нестора Киршнера в целом характеризовалось стремлением к увеличению полномочий исполнительной власти в ущерб самостоятельности других ветвей власти через ограничение влияния губернаторов провинций, посредством изменения налогового законодательства и вмешательства в выборность членов Верховного суда. Президентство Кристины Фернандес де Киршнер стало продолжением политики мужа. При этом сохранились основные проблемы прошлого: рост преступности, размах коррупции и вызванные мировым экономическим кризисом неурядицы в хозяйственной деятельности.

Нынешний глава государства Маурисио Макри, крупный бизнесмен, экс-мэр Буэнос-Айреса и бывший президент футбольного клуба «Бока Хуниорс», происходит из семьи итальянских иммигрантов, он — сын владельца строительного и автомобилестроительного конгломерата SOCOMA Фран-

ческо Франко Макри, состояние которого на 1998 г., оценивалось в 730 млн. долл. Окончив Аргентинский Католический университет по специальности «гражданское строительство», будущий президент начал работать в компании отца. Однако, после почти 10 лет работы, Маурисио по личным причинам отошел от отцовского бизнеса и в 1995 г. занялся управлением футбольным клубом «Бока Хуниорс», к тому моменту находившемуся в упадке. Выведя клуб в топ мирового футбола, Макри переключился на политическую деятельность, и создал в 2003 г. правоцентристскую партию «Компромисс ради перемен» (*Compromiso para el cambio*), через 2 года трансформировавшуюся в «Республиканское предложение» (*Propuesta Republicana*). 2007 г. ознаменовался для партии альянсом с рядом правоцентристских партий Аргентины, получившим название «Союз-ПРО» (*Unión-PRO*).

Электоральным дебютом партии стала кампания 2007 г., на которых альянс получил 15 % на выборах губернатора провинции Буэнос-Айрес и 9,5 % на парламентских выборах. В 2010 г. Союз-ПРО получил статус общенациональной партии. Через 5 лет альянс объединился с социал-демократами из Гражданского Радикального Союза (*Unión Cívica Radical, UCR*) и левоориентированной Гражданской коалиции (*Coalición Cívica, CC*), в составе коалиции «Изменимся» (*Cambiamos*). В этом составе альянс и одержал победу на президентских выборах.

Политическая карьера Макри не ограничивалась участием в партийной и коалиционной деятельности. Еще в 2003 г. он выдвигался в качестве кандидата на должность мэра Буэнос-Айрес, уступив всего 2 % голосов киршнеристам³. В 2005 г. удача улыбнулась Макри — он прошел в законодательное собрание аргентинской столицы. Через 4 года после первой неудачи на выборах мэра, Макри занял этот пост, и, впоследствии, был переизбран на второй срок.

В ходе президентской кампании 2015 г. основными обещаниями Маурисио Макри в ходе предвыборной кампании и приоритетами его первых дней на посту главы государства являлись борьба с бедностью и распространение социальной защиты, прекращение наркотрафика, победа над коррупцией, расширение и инклюзивность образования, повышение престижа работников образования, создание рабочих мест и привлечение инвестиций в экономику.

После вступления в должность 10 декабря 2015 г., Маурисио Макри инициировал министерскую реформу и поставил на ключевые посты в правительстве членов своей команды. Была преобразована структура министерства экономики: вместо одного суперминистерства появилось семь профильных. Изменения коснулись министерства федерального плани-

³ Яковлева Н. М. «Аргентина: переход к “старой норме”» // *Латинская Америка*, 2016, №2, 43.

рования, инфраструктуры и услуг: вместо него были образованы три профильных — энергетики, транспорта и коммуникаций. К ним примкнуло отдельное ведомство, занимающееся реализацией проекта по развитию инфраструктуры севера Аргентины — «Плана Бельграно»⁴.

В середине декабря 2015 г. правительство Макри произвело девальвацию аргентинского песо с целью оживления слабой экономики. Идя на данный шаг, президент стремился к созданию условий для роста экономики, что позволило бы бороться с бедностью. Девальвация, наряду со снижением экспортных пошлин, также была благоприятна для крупных фермеров.

Во внешней политике Маурисио Макри перестроил взаимоотношения с США, Европой и Японией, модифицировал связи как в субрегионе Южный конус, так и в Латинской Америке в целом: на саммите Меркосур в декабре 2015 г. он призвал к освобождению политических заключенных в Венесуэле, включил Фолкленды (они же Мальвины) в повестку дня, что интенсифицировало диалог с Великобританией. В августе 2017 г. в Буэнос-Айресе состоялась историческая встреча президента с канцлером казначейства Великобритании Филиппом Хэммондом, в ходе которой обсуждались вопросы возобновления торговых отношений между двумя странами, которые были утрачены в 1982 г. Последним официальным лицом Великобритании, ступавшим на аргентинскую землю, был Тони Блэр, побывавший в 2001 г. на водопаде Игуасу. Повестка дня встречи 2017 года включала вопросы возобновления экономических связей и предстоящей встрече G20.

Аргентина, являющаяся одной из ключевых и влиятельных стран на континенте, в последние 30 лет прошла два крупных периода во внешнеполитическом плане. В 1990-е гг. страна находилась в струе концепции «периферийного развития», которая предполагала зависимость от США. Во время правления Киришнеров страна переключилась на мультиреализм, предполагавший разносторонние связи и активное участие в международных организациях. С этого момента Аргентина прочно вошла в Меркосур, где соперничает с Бразилией за звание ключевого игрока на континенте. Отношения с Бразилией в целом носят противоречивый характер: с одной стороны, страны заинтересованы в тесном сотрудничестве в рамках Меркосур, с другой — стремятся упрочить собственное положение и выйти вперед. Киришнер выступал за создание Межамериканской зоны свободной торговли, а его супруга отметилась участием в саммите в Форталезе (2014 г.), проводившемся странами БРИКС.

⁴ Gabinete de Mauricio Macri: jefaturas, ministerios y secretarías // *La Nación*, 25 de noviembre de 2015, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lanacion.com.ar/1848781-gabinete-de-mauricio-macri>

Одним из направлений южноамериканского вектора внешней политики Макри является стремление объединить Тихоокеанский альянс и Меркосур⁵. В сферу внешнеполитического интереса Буэнос-Айреса попали Индия, Китай, арабские страны, Иран. Маурисио Макри стремится сохранить накопленный до него потенциал внешнеполитического взаимодействия Аргентины, но при этом расширить отношения с Европейским союзом, связи с которым оказались ослаблены при Кристины Фернандес де Киршнер. В целом внешняя политика Аргентины приобрела характер политики «открытых дверей»⁶, стремясь к максимальной интеграции в современную международную политику через участие в интеграционных проектах, возобновление двусторонних связей с Великобританией и США, активную внутрирегиональную политику.

Впервые за 20 лет Аргентину посетил президент США. Маурисио Макри и Барак Обама обсудили сближение двух стран после заморозки отношений в киршнеристский период. Глава Аргентины нацелен на выстраивание позитивных отношений и с администрацией Дональда Трампа, несмотря на прежние высказывания в поддержку Хиллари Клинтон и противоречивую характеристику, данную им американскому президенту⁷. В апреле 2017 г. состоялась первая встреча Маурисио Макри и Дональда Трампа в Овальном кабинете Белого дома. Трамп определил отношения с правительством Макри как «дружеские»⁸, также прямо указав на давнюю личную дружбу с аргентинским президентом. Одним из пунктов встречи двух президентов являлось развитие торговых отношений между двумя государствами, в частности, касающееся разрешение на ввоз аргентинских лимонов в США. В октябре 2017 г. состоялся телефонный разговор между двумя лидерами государств, в ходе которого обсуждались вопросы, связанные с разрешением кризиса в Венесуэле.

В экономической сфере поначалу произошел подъем акций аргентинских предприятий. Некоторый прогресс в экономике стал возможен благодаря присутствию в команде Макри директоров фирм и бизнес-консультантов, до этого не принимавших участия в большой политике. Вла-

⁵ Борисов М. М., Андреев А. С., «Новый внешнеполитический вектор Аргентины» // *Клио*, 2017, № 6 (126), 82–91.

⁶ Яковлева Н. М. «Политика "открытых дверей" по-аргентински» // *Латинская Америка*, 2017, №3, 15.

⁷ Sylvia Colombo. *Macri e Trump, entre a amizade e uma saia-justa* [Электронный ресурс]. URL: <http://sylviacolombo.blogfolha.uol.com.br/2016/11/13/macri-e-trump-entre-a-amizade-e-uma-saia-justa/> (дата обращения: 1.10.2017).

⁸ *Remarks by President Trump in Meeting with President Macri of Argentina* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/04/27/remarks-president-trump-meeting-president-macri-argentina> (дата обращения: 1.10.2017).

сти сократили налоговый пресс на село: пшеница, соя, маис и мясо были освобождены от налогового обложения, регионы и горняки также получили ряд налоговых преференций. Правительство унифицировало обменный курс доллара, что привело к девальвации аргентинского песо на 42 %. Доллар подскочил до 16 песо, затем стабилизировался на цифре 14,2 песо⁹. При этом власти, оправдываясь, педалировали следующий тезис: если бы победу на выборах одержал киршнерист Сциоли, было бы хуже. В стране наблюдался рост цен на электроэнергию и коммунальные услуги. Инфляция составила 25 %, цены начали идти вверх с января 2016 г., в мае рост составлял 4 %; снижение темпов развития промышленности составило 2,4 %.

Во внутренней политике сохраняется проблема взаимодействия новой власти с перонистами, занимающими посты как на общенациональном уровне, так и являющимися губернаторами некоторых провинций.

В декабре 2015 г., сразу после своего избрания, Макри встретился с лидерами оппозиции, губернаторами и министрами. Последний раз президент Аргентины проводил подобную встречу 10 лет назад. Новый глава Аргентины совершил поездку на экономический форум в Давосе; до Маурисио Макри за последние 13 лет данное мероприятие посещал только Эдуардо Дуальде (в 2003 г.). Примечательно, что в Давос он поехал вместе с представителем одной из оппозиционных партий, лидером оппозиционного Frente Renovador Серхио Масса.

Была провалена политика общественной безопасности. В то же время Макри расширил пакет социальных мер: были увеличены пособия на ребенка, власти отменили взимание НДС для лиц, получающих низкую зарплату, разработали план сохранения рабочих мест. В стране увеличилась на треть минимальная зарплата, на 650 % было увеличено пособие по безработице¹⁰. Макри призвал к легализации капиталов и приступил к оплате социальных издержек пенсионеров. В то же время внимание кабинета к социальному сектору оценивается экспертами как недостаточное: проект по возвращению 15 % НДС на базовые продукты питания для уязвимых секто-

⁹ Carolina M., “With Argentina's Decade in Financial Wilderness Over, Macri Must Turn to Growth” // *Bloomberg*, January 19, 2017, New York, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-01-19/macri-s-argentina-returns-to-bond-market-amid-hurdles-snapshot> (дата обращения: 1.10.2017).

¹⁰ Raquel G., “Decreto aumento de 33 % del salario mínimo en Argentina” // *PanAm Post*, May 20, 2016, Miami, [Электронный ресурс]. URL: <https://es.panampost.com/raquel-garcia/2016/05/20/aumentan-33-el-salario-minimo-en-argentina/> (дата обращения: 1.10.2017).

ров занял целый семестр.¹¹ По сути, социальная сфера была придана в угоду экономической эффективности.

В начале сентября 2016 г. Маурисио Макри заявил о необходимости смены курса,¹² обозначив в качестве приоритетных целей борьбу с наркотрафиком и диалог со всеми секторами экономики и общества, политической жизни. Власти декларируют борьбу с коррупцией, однако она, главным образом, касается представителей «старого режима».

Намерение экс-главы государства Кристины Фернандес де Киршнер участвовать в выборах объясняется отчасти желанием сохранить иммунитет, дабы противостоять обвинениям в коррупции. Имя самого Макри фигурирует в т.н. Панамских документах, он подозревается в связях с компанией, замешанной в даче взятки в 35 млн. долларов за победу в тендерах, проводившихся в период с 2007 по 2014 г.¹³

Подводя итог, можно заметить, что в целом Маурисио Макри следует в фарватере намеченных в предвыборный период шагов по развитию Аргентины. Он сконцентрировал основные силы на экономических проблемах, порожденных провальным периодом президентства Кристины Фернандес де Киршнер. В ближайшие 6 месяцев Макри собирается пожинать то, что посеял за первые девять. В его приоритете — Аргентина без бедности, что подразумевает создание новых рабочих мест, обеспечение заботы и сопровождения для нуждающихся слоев населения. Стремление нового правительства решать также насущные социальные проблемы, в первую очередь, бороться с бедностью и преступностью, а также намерение активно участвовать в международной жизни и мировой политике позволяет говорить о качественно новом этапе в истории Аргентины. Работа с аграрным сектором и рабочими, которые составляли основной электорат перонистов, составляет важный фактор для сохранения позиций Макри на президентском кресле. Однако, учитывая в целом «левый» характер Латинской Америки, для успешной и продолжительной президентской карьеры Маурисио Макри необходимо привнести в свою политику элементы «левизны», в первую очередь — уделить особое внимание социальным и трудовым вопросам, меньше ориентироваться на Соединенные Штаты и больше сотрудничать со своими географическими соседями.

¹¹ Rosendo F., “Primeros seis meses de Mauricio Macri” // *Los Andes*, 13 de junio de 2016, Mendoza, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.losandes.com.ar/article/primeros-seis-meses-de-mauricio-macri> (дата обращения: 1.10.2017).

¹² *Macri afirmó que en sus primeros 9 meses se logró “corregir el rumbo”*, <http://www.sitioandino.com.ar/n/210809/>

¹³ Benedict M., “Mauricio Macri paves road to victory with transparency promise” // *Financial Times*, July 31, 2017, Buenos Aires, <https://www.ft.com/content/909a7864-6577-11e7-8526-7b38dcaef614> (дата обращения: 1.10.2017).

Библиография

1. Benedict Mander, “Mauricio Macri paves road to victory with transparency promise” // *Financial Times*, July 31, 2017, Buenos Aires, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/909a7864-6577-11e7-8526-7b38dcaef614> (дата обращения: 1.10.2017)
2. *Elecciones Generales — Segunda vuelta — 22 de noviembre de 2015 Resultados — Categoría Presidente Y Vicepresidente De La Nación*, [Электронный ресурс]. URL: https://www.electoral.gov.ar/pdf/escrutinio_definitivo_2da_vuelta.pdf (дата обращения: 1.10.2017)
3. “Gabinete de Mauricio Macri: jefaturas, ministerios y secretarías” // *La Nación*, 25 de noviembre de 2015, Buenos Aires, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lanacion.com.ar/1848781-gabinete-de-mauricio-macri> (дата обращения: 1.10.2017)
4. “Hammond and Macri agree to expand trade, investment and building closer links” // *Mercopress*, August 3rd 2017, Montevideo, [Электронный ресурс]. URL: <http://en.mercopress.com/2017/08/03/hammond-and-macri-agree-to-expand-trade-investment-and-building-closer-links> (дата обращения: 1.10.2017)
5. “Macri, tras reunirse con gobernadores en Olivos: “Estamos todos entusiasmados por esta nueva etapa que comienza”” // *La Nación*, 12 de diciembre de 2015, Buenos Aires, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lanacion.com.ar/1853668-mauricio-macri-almuerzo-gobernadores-residencia-olivos> (дата обращения: 1.10.2017)
6. *Remarks by President Trump in Meeting with President Macri of Argentina* <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/04/27/remarks-president-trump-meeting-president-macri-argentina> (дата обращения: 1.10.2017)
7. Rosendo Fraga, “Primeros seis meses de Mauricio Macri” // *Los Andes*, 13 de junio de 2016, Mendoza, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.losandes.com.ar/article/primeros-seis-meses-de-mauricio-macri> (дата обращения: 1.10.2017)
8. *Macri afirmó que en sus primeros 9 meses se logró „corregir el rumbo”* // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sitioandino.com.ar/n/210809/> (дата обращения: 1.10.2017)
9. Sylvia Colombo, “Macri e Trump, entre a amizade e uma saia-justa” // *Folha de S.Paulo*, 13 de novembro de 2016, São Paulo, [Электронный ресурс]. URL: <http://sylviacolombo.blogfolha.uol.com.br/2016/11/13/macri-e-trump-entre-a-amizade-e-uma-saia-justa/> (дата обращения: 1.10.2017)
10. Борисов М. М., Андреев А. С., «Новый внешнеполитический вектор Аргентины» // *Клио*, 2017, № 6 (126), 82 — 91.
11. Гриценко И. А., «Куда повернет новый президент?» // *Латинская Америка*, 2016, № 4, 58 — 67.
12. Яковлева Н. М., «Аргентина: переход к «старой норме»» // *Латинская Америка*, 2016, № 2, 35 — 49.

13. Яковлева Н. М., «Аргентинские выборы общерегионального значения» // *Перспективы. Электронный журнал* // [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/argentinskije_vybory_obshheregionalnogo_znachenija_2015-12-10.htm (дата обращения: 1.10.2017)
14. Яковлева Н. М., «Политика «открытых дверей» по-аргентински» // *Латинская Америка*, 2017, №3, 15 — 28.

Conflicts between the branches of power in Latin America: reasons and effects

Конфликты между ветвями власти в Латинской Америке: причины и последствия

Resumen: El artículo analiza las causas, el desarrollo y las variantes de una solución posible de los conflictos entre el poder legislativo y ejecutivo. Especial atención se presta a los factores que provocan la conflictividad, tales como las particularidades de los sistemas políticos en la región, la inestabilidad del presidencialismo de la coalición, la infidelidad partidaria, etc., igual que a los catalizadores de la desestabilización, a las posibilidades de disminuir la tirantez y lograr la estabilidad. Como resultados de la contraposición se mencionan el impeachment de los jefes de Estado, “tira y afloja” entre las partes en contradicción y la búsqueda del compromiso. El autor examina también el papel que puedan interpretar la sociedad civil y la comunidad internacional en la solución de los conflictos.

Palabras clave: América Latina; conflictos políticos; poder dividido; superpresidencialismo; presidencia de coalición; impeachment; desestabilización; sociedad civil; comunidad internacional.

Abstract: The article analyzes the causes, the development and the variants of a possible solution of the conflicts between the legislative and executive power. Special attention is given to the factors that provoke conflict, such as the particularities of political systems in the region, the instability of coalition presidentialism, party infidelity, etc., as well as to the catalysts of destabilization, to the possibilities of reducing tension and achieving stability. As a result of the confrontation, the impeachment of the heads of state, “tug of war” between the parties in contradiction and the search for compromise, are mentioned. The author underlines special role of the civil society and international community in conflict solution.

Key words: Latin America; political conflicts; divided government; hiper-presidentialism; coalition presidency; impeachment; destabilization; civil society; international community.

Одним из источников политической турбулентности в большинстве стран Латинской Америки стали обострившиеся противоречия между законодательной и исполнительной ветвями власти. Определенная конфлик-

¹ Ивановский Збигнев Владиславович, Россия, доктор политических наук, профессор, руководитель Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН, профессор факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова (z.w.iwanowski@gmail.com).

тогенность заложена в самой конструкции политических систем региона, где по образцу конституции США сложились различные варианты президентских республик, основанные на разделении властей и системе сдержек и противовесов. Ряд политических режимов в силу предоставленных главе государства конституционных полномочий (Мексика), политической практики (Боливия) или обоих факторов (Венесуэла) можно отнести к гиперпрезидентским республикам, однако во всех странах главы государств обладают сильными полномочиями. Подобная конструкция достаточно устойчива при двухпартийной системе с близкими по идеологии центристскими партиями либо при наличии сильной пропрезидентской партии, опирающейся на парламентское большинство. Ситуация радикально меняется при фрагментированной партийно-политической системе, когда президентская партия не располагает абсолютным, а иногда и относительным большинством (так называемый феномен разделенной власти — *poder dividido*).

Для выхода из сложившегося положения часто используется так называемое коалиционное президентство, при котором глава государства выдвигается на свой пост вместе с представителем другой партии в качестве вице-президента либо добивается формирования проправительственного большинства в парламенте на основе коалиции. Подобная модель затруднительна при поляризации политических сил, когда ветви власти представлены партиями, придерживающимися разных моделей развития. Крайне неустойчива и коалиция, основанная на личных договоренностях, а не на идеологической близости. При отсутствии партийной дисциплины и подвижных партийных и парламентских фракциях, когда каждый депутат и сенатор голосует по своему усмотрению, позиции президента значительно ослаблены, он легко может утратить большинство. Возникновению конфликтов способствует и политическая культура населения, для которой характерна вера в харизматического лидера при низкой степени доверия к государственным институтам.

В условиях противостояния президента и парламента политический конфликт часто завершается победой одной из сторон (*zero-sum game*) либо более сложным поиском компромисса и взаимных уступок на основе системы сдержек и противовесов. Менее склонны к диалогу лидеры леворадикальных режимов, часто возглавляемые харизматическими лидерами, которые считают себя подлинными выразителями интересов народа, а своих оппонентов — не соперниками в равной и честной борьбе, а огромной угрозой. В этом случае для сохранения власти реформируются конституции и электоральное законодательство, ограничивается политический плюрализм, меняется состав Верховного суда и избирательных институ-

тов, распускается или переизбирается конгресс и т. д. Как справедливо отмечает российский исследователь О. Б. Варенцова, эти действия чреватны возникновением институционального кризиса, нарушением баланса равных возможностей и сдвигом в сторону соревновательного авторитаризма². Очевидно, что подобные намерения вызывают сопротивление оппозиции, которая стремится взять реванш, в результате острая политическая борьба может выходить за институционные рамки и порождает насилие и дестабилизацию.

При острых разногласиях между президентом и парламентом в Латинской Америке все чаще используется **импичмент главы государства**, при этом конституционные нормы соблюдаются далеко не в полной мере, а сам механизм временами приобретает форму государственного переворота. Как показывают case studies, существенно различаются мотивы, процедура осуществления и политические последствия импичмента. Как правило, чаще смещаются президенты с низким рейтингом, изначально победившие с минимальным преимуществом голосов и не располагающие парламентским большинством. (Так, в 2005 г. в Гондурасе Мануэль Селайя получил 49,9 % голосов, в Парагвае в 2008 г. за Фернандо Луго проголосовали 40,8 % избирателей, гватемалец Отто Перес Молина в 2011 г. набрал в первом туре 36,01 % и 53,74 % — во втором, в Бразилии в 2014 г. Дилма Руссефф получила соответственно 41,59 и 51,64 % голосов³.) В Гондурасе пропрезидентская Либеральная партия (PLH) занимала 62 из 128 мест в однопалатном парламенте, в Гватемале Патриотическая партия (PP) — 57 из 158 мест, а в Бразилии Партия трудящихся (PT) — 70 из 513 мест в нижней и 12 из 81 в верхней палате. Созданный в рамках коалиционного президентства альянс с центристской Партией бразильского демократического движения (PMDB) и другими умеренными силами вскоре распался, а вице-президент Мишел Темер стал одним из инициаторов импичмента главы государства. В Парагвае первоначальное парламентское большинство (25 из 45 сенаторов и 44 из 80 депутатов) было весьма условным, поскольку Фернандо Луго, левоцентристского сторонника теологии освобождения, поддерживал крайне разнородный Патриотический альянс за изменения (APC), ядро которого составляла правоцентристская Подлинная либерально-радикальная партия (PLRA). После распада коалиции относительное большинство в обеих палатах (30 мест в нижней и 15 в верхней) занимала оппозиционная консервативная Национальная республиканская ассоциация — Партия Колорадо

² Варенцова О. Б., *Современные политические режимы в Венесуэле и Боливии*. М.: Аспект Пресс, 2017, 25–26.

³ См. подробнее: *Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама* / отв. ред. З. В. Ивановский, М.: ИЛА РАН, 2015.

(ANR-PC), против главы государства выступил и представитель либералов вице-президент Федерико Франко⁴.

В Гондурасе, Парагвае и Бразилии главы государств занимали более левые позиции по сравнению с правыми парламентами, что дало основание сторонникам отправленных в отставку президентов говорить о «конституционных переворотах» и искать их корни в США. Тем не менее на практике мотивы импичмента (реальные и декларированные) существенно отличались в каждом отдельном случае. В Гондурасе сближение М. Селайи с леворадикальными режимами и официальное вступление страны в Боливарианский альянс для народов нашей Америки (ALBA) вызвали озабоченность у предпринимательских кругов и традиционных элит, однако формальным поводом для смещения президента стала его идея созвать учредительное собрание для изменения конституции, что позволило бы главе государства переизбираться на второй срок. В Парагвае в июне 2012 г. Ф. Луго обвинили в ненадлежащем исполнении своих обязанностей, формальным поводом стала его ответственность за человеческие жертвы во время выселения безземельных крестьян с захваченных ими земель, сопровождавшегося человеческими жертвами. В Гватемале смещение президента и вице-президента (сентябрь 2015 г.) было вызвано коррупционными скандалами, созданием криминальной сети и незаконным финансированием избирательной кампании. Косвенно коррупционные скандалы стали причиной смещения в августе 2016 г. и президента Бразилии Д. Руссефф, хотя основанием для ее отстранения стали нарушения финансовой дисциплины при распределении бюджетных средств и госзаказов, квалифицируемые п. VI 85 ст. Конституции 1988 г. как преступление в бюджетной сфере⁵.

Неоднозначным было и отношение к событиям в самих странах и за рубежом. В Гондурасе против президента выступили законодательная и судебная ветви власти, генпрокуратура, Верховный избирательный трибунал, все политические партии, включая и президентскую, вооруженные силы и полиция, предпринимательские круги, католическая церковь и средства массовой информации, на стороне главы государства — социальные организации и движения. В Парагвае ставшего главой государства Ф. Франко единодушно поддержали законодательная и судебная власть, основные политические партии, все губернаторы, силовые структуры, предпринимательские круги и высшая церковная иерархия. Хотя после импичмента и имели место немногочисленные акции протеста, в целом в парагвайском обществе сохранялся консенсус относительно принятого решения. В Гва-

⁴ Véase: Iwanowski Z. W., “Poder dividido coma causa de la turbulencia política” // *Iberoamérica*, 2. Moscú, 2017, 107, 108, 111.

⁵ *Constituição da República Federativa do Brasil*, Brasília, 2012. Art. 85.

темале по всей стране проходили акции протеста с требованием наказания виновных, активизации расследования способствовала Международная комиссия по борьбе с безнаказанностью в Гватемале (CICIG). Напротив, бразильское общество оказалось достаточно расколотым, хотя, по данным соцопросов, 63 % респондентов выступали за отставку президента, 33 % — против и 4 % воздерживались. В марте—апреле 2015 г. в массовых акциях протеста участвовали более 2 млн чел., а география протестных акций охватила 150 городов⁶.

События в Гондурасе резко осудили члены ALBA, Организация американских государств единогласно приостановила членство страны в объединении, Европейский союз квалифицировал смещение М. Селайи как неприемлемое нарушение конституционного порядка, а президент США Барак Обама призвал к восстановлению демократических норм⁷. С резкой критикой молниеносного импичмента в Парагвае выступили ALBA и левоцентристские правительства, в то время как более умеренные руководители ограничились критикой процессуальных нарушений, аналогичную позицию заняли ОАГ, ЕС и США. Южноамериканский общий рынок (MERCOSUR) и Союз южноамериканских наций (UNASUR) приостановили членство Парагвая вплоть до очередных выборов. После отставки Д. Руссефф леворадикальные президенты отозвали своих послов, остальные государства сочли смену правительства внутренним делом Бразилии и признали легитимность М. Темера как главы государства.

В политологическом сообществе единодушие в оценках наблюдается только в связи с арестом О. Переса Молины. Очевидно, что смещение и высылка из страны М. Селайи имели все признаки государственного переворота, не лишены основания и доводы о молниеносности импичмента Ф. Луго и нехватке времени у стороны защиты для подготовки к процессу. При отставке Д. Руссефф бросается в глаза несоответствие юридических и моральных факторов: процесс импичмента продолжался несколько месяцев, все предусмотренные законодательством этапы были неукоснительно соблюдены, при этом важную роль сыграла независимость Федерального верховного суда⁸. Тем не менее нельзя не учитывать, что в условиях кризиса

⁶ *El 63 % de los brasileños a favor de la destitución política de Rousseff* [Электронный ресурс]. URL: www.infolatam.com/2015/04/12/el-63-de-los-brasilenos-a-favor-de-la-destitucion-de-rousseff (дата обращения: 19.04.2015); *El Gobierno brasileño dice que menor número de manifestantes no reduce alerta* [Электронный ресурс]. URL: www.infolatam.com/2015/04/13/el-gobierno-brasilenno-dice-que-menor-numero-de-manifestantes-no-reduce-alerta (дата обращения: 20.04.2015).

⁷ Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., «Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота»» // *Вестник РУДН, Серия: Международные отношения*, т. 15, № 4, 45–55.

⁸ Окунева Л. С., «Импичмент президента Бразилии: как это было» // *Латинская Америка*, 2016, №. 8, 28–42; Окунева Л. С., «Импичмент президента Бразилии: размышления и выводы» //

финансовые нарушения часто были вынужденными, именно Д. Руссефф активно боролась с коррупцией, в то время как против большинства парламентариев и вице-президента выдвигались обвинения в злоупотреблениях. По-разному сложилась и судьба смещенных глав государств: О. Перес Молина отбывает длительное тюремное заключение, М. Селайя вернулся в страну и активно занимается политической деятельностью, Ф. Луго избран сенатором, а в июне 2017 г. даже занял пост председателя верхней палаты и конгресса в целом, не лишена политических прав и Д. Руссефф. Политическая ситуация в Гондурасе и Парагвае нормализовалась после избрания новых глав государств, Гватемалу и Бразилию продолжают сотрясать новые разоблачения и коррупционные скандалы, однако есть надежда на стабилизацию после очередных всеобщих выборов.

В Венесуэле происходит «перетягивание каната» между сторонниками и противниками боливарианского «социализма XXI в.», при этом соотношение сил постоянно меняется: в апреле 2013 г. за представителя Единой социалистической партии Венесуэлы (PSUV) Николаса Мадуро проголосовали 50,61 % чел., а за Энрике Каприлеса, кандидата оппозиционного «Круглого стола демократического единства» (MUD), — 49,12 % избирателей, по итогам же парламентских выборов в декабре 2015 г. MUD набрал 66,27 % голосов, в то время как PSUV и ее союзники — только 32,93 %⁹. Предвидя противодействие законодателей, Н. Мадуро при поддержке старого парламента изменил состав Верховного суда, исполнительная власть контролирует также Национальный избирательный совет (CNE).

На фоне катастрофической экономической ситуации противоборствующие ветви власти отказались от какого-либо сотрудничества и взяли курс на уничтожение друг друга. После завершения половины президентского мандата оппозиция запустила механизм предусмотренного конституцией досрочного прекращения полномочий главы государства, однако из-за обвинений в нарушениях при сборе подписей эта процедура была заблокирована. В ноябре 2016 г. президент в пятый раз продлил свои чрезвычайные полномочия, заручившись поддержкой Верховного суда без одобрения Национальной ассамблеи, одновременно им было принято решение о прекращении политического процесса против Н. Мадуро и запрещены демонстрации протеста. В январе 2017 г. Национальная ассамблея объявила президента недееспособным, в качестве ответного удара была предпринята попытка лишить аккредитации значительное число оппозиционных партий. В конце марта 2017 г. Конституционная палата Верховного суда лиши-

Латинская Америка, 2016, № 10, 5–22.

⁹ *Consejo Nacional Electoral* [Электронный ресурс]. URL: www.cne.gob.ve/web/estadisticas/index_resultados_elecciones.php (дата обращения: 27.06.2016).

ла полномочий Национальную ассамблею и аннулировала парламентский иммунитет депутатов, однако массовые акции протеста и негативная реакция большинства латиноамериканских правительств привели к отмене принятого решения. В ходе протестов в течение нескольких месяцев погибли более 120 чел., получили ранения 15 тыс. граждан¹⁰.

Новый виток противостояния вызвала идея президента созвать Национальную конституционную ассамблею (АНС) без предварительного референдума, при этом часть депутатов избиралась по территориальному принципу, а часть — на корпоративной основе, что исключало партийное представительство. Оппозиция сразу же квалифицировала это решение как очередную попытку государственного переворота, часть сторонников боливарианского проекта тоже не видела необходимости реформирования конституции, принятой по инициативе и под непосредственным руководством У. Чавеса.

Выборы в учредительное собрание в очередной раз подтвердили раскол общества: во всенародном опросе, проведенном по инициативе оппозиции в июле 2017 г., приняли участие 7,2 млн чел., свыше 98 % из них отвергли идею созыва АНС¹¹. Поскольку референдум проводился без участия СНЕ, Н. Мадуро и его сторонники отказались признавать юридические последствия итогов голосования. В свою очередь, в выборах в Конституционную ассамблею, по официальным данным, приняли участие 41,53 %, т. е. около 8 из 19,4 млн зарегистрированных избирателей, из-за бойкота оппозиции все депутаты представлены исключительно сторонниками боливарианского проекта¹². АНС объявлена верховным органом власти и намерена принять новый Основной закон, который должен быть одобрен на всенародном референдуме. Учредительное собрание подтвердило полномочия Н. Мадуро в качестве главы государства, правительства и верховного главнокомандующего вооруженными силами, при этом лишило полномочий избранный в 2015 г. парламент и изменило состав Генеральной прокуратуры. Созданная по решению АНС Общественная комиссия по установлению истины, правосудию и общественному спокойствию обвинила оппозиционных политиков в подрывных действиях и измене Родине.

¹⁰ Lissardy G., *Maduro tiene que entregarse para que la justicia pueda juzgarlo: habla Isaías Medina, el diplomático de Venezuela que renunció a la ONU* [Электронный ресурс]. URL: www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-40689521 (дата обращения: 23.07.2017).

¹¹ Meza A., “La oposición venezolana mide el rechazo al proceso constituyente de Maduro” // *El País*, Madrid. 17.07.2017; “Participación masiva y violenta en una Venezuela dividida por el referéndum” // *La Vanguardia*, Barcelona, 17.07.2017.

¹² Meza A. Francesco Manetto, “Maduro consuma un autogolpe en Venezuela en la jornada electoral más violenta”, *El País*, 31.07.2017.

Попытки международного сообщества урегулировать внутривластительский конфликт не увенчались успехом: переговоры, проходившие с сентября 2016-го по январь 2017 г. при посредничестве Ватикана, бывшего председателя правительства Испании Хосе Луиса Родригеса Сапатеро и экс-президентов Леонеля Фернандеса (Доминиканская Республика) и Мартина Торрихоса (Панама), были сорваны, пока не принесла результатов предпринятая в сентябре 2017 г. попытка возобновить диалог между властью и оппозицией по инициативе президента Доминиканской Республики Данило Медины¹³. Пока сценарии развития ситуации просматриваются недостаточно четко, при этом ни один из них не способствует преодолению острого экономического кризиса и стабилизации страны. Выход из тупика возможен только на основе компромисса и взаимного уважения позиций противоборствующих сторон, переизбрания всех ветвей власти в предусмотренные конституцией сроки под авторитетным международным контролем и признания результатов выборов.

Сложные отношения складываются между законодательной и исполнительной властью и в других странах региона, где президенты не располагают парламентским большинством (Коста-Рика, Гватемала, Аргентина, Перу и др.), однако пока ветвям власти удается достичь **компромисса**.

Регулярно возникающие конфликты между ветвями власти в очередной раз усилили в академической среде позиции сторонников парламентской формы правления, при которой глава правительства всегда должен опираться на парламентское большинство при более устойчивой партийно-политической структуре. Тем не менее радикальная реструктуризация латиноамериканских политических систем вряд ли найдет поддержку среди правящих элит, поддержка харизматических лидеров в ущерб государственным институтам характерна и для политической культуры региона. В сложившихся условиях преодолению политической нестабильности и ликвидации поляризованной и фрагментированной партийной системы могли бы способствовать ужесточение регистрации партий и повышение заградительного барьера. Представляется также конструктивным положение нынешней конституции Венесуэлы о возможности досрочного прекращения полномочий главы государства, которое, в отличие от импичмента, не связано с допущенными должностными преступлениями. (Другое дело, что практическая реализация этой меры возможна только при беспристрастном Верховном суде и независимых электоральных институтах.)

Как показывает латиноамериканский опыт, вопреки ожиданиям дестабилизирующую роль может играть и переизбрание глав государств не-

¹³ Хейфец В. Л., Хадорич Л. В., «Кризис в Венесуэле и региональная интеграция» // *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, № 5, 79–87.

ограниченное число раз. Стабилизация ситуации невозможно и без снижения уровня насилия и последовательной борьбы с организованной преступностью, насилием и коррупцией. (В то же время нельзя не отметить, что в ряде случаев коррупционные скандалы используются в политических целях для сведения счетов с оппонентами и изменения расстановки политических сил.)

Ни в коей мере не отрицая роли личности в истории, важно обратить внимание как на подготовку преемников, так и на укрепление государственных институтов. В противном случае смена руководства приводит к политическому вакууму и социальным потрясениям. Особое значение приобретает позиция гражданского общества, которое либо готово стабилизировать ситуацию, либо организует массовые акции протеста, подогревая и без того раскаленную обстановку.

Наконец, очевидно, что резкое снижение популярности президентов, завершившееся их импичментом, в значительной мере вызвано негативными последствиями экономического кризиса. В случае успешной экономической политики правительства и повышения жизненного уровня граждане готовы простить руководителям своих стран некоторые нарушения и даже переизбрать их на новый срок.

Важную роль в урегулировании политических конфликтов может сыграть международное сообщество, однако для этого необходимо, чтобы посредник был беспристрастным и признавался таковым обеими конфликтующими сторонами. В последние годы это условие практически невыполнимо из-за невозможности выработать единую политическую линию в рамках ОАГ, UNASUR и CELAC. Более активную роль могли бы играть и внерегиональные субъекты политики, оказывая давление на своих стратегических партнеров. Тем не менее нельзя не отметить, что, несмотря на турбулентность, продолжается своего рода европеизация Латинской Америки, которая перестала быть «пылающим континентом», в большинстве случаев при всех издержках конфликты решаются в рамках конституционного поля, вооруженные силы непосредственно не вмешиваются (во всяком случае, пока) в политику, а политические системы проявляют относительную устойчивость.

Библиография

1. *Consejo Nacional Electoral* [Электронный ресурс]. URL: www.cne.gob.ve/web/estadisticas/index_resultados_elecciones.php (дата обращения: 27.06.2016).
2. *Constituição da República Federativa do Brasil*. Brasília. 2012. Art. 85.
3. *El 63 % de los brasileños a favor de la destitución política de Rousseff* [Электронный ресурс]. URL: www.infolatam.com/2015/04/12/el-63-de-los-brasilenos-a-favor-de-la-destitucion-de-rousseff (дата обращения: 19.04.2015);

4. *El Gobierno brasileño dice que menor número de manifestantes no reduce alerta* [Электронный ресурс]. URL: www.infolatam.com/2015/04/13/el-gobierno-brasilenno-dice-que-menor-numero-de-manifestantes-no-reduce-alerta (дата обращения: 20. 04. 2015).
5. Iwanowski Z. W., “Poder dividido coma causa de la turbulencia política” // *Iberoamérica*, 2017, № 2, Moscú, 2017, 107-111.
6. Lissardy G., *Maduro tiene que entregarse para que la justicia pueda juzgarlo: habla Isaías Medina, el diplomático de Venezuela que renunció a la ONU* [Электронный ресурс]. URL: www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-40689521 (дата обращения: 23.07.2017).
7. Meza A, “Francesco Manetto: Maduro consuma un aotogolpe en Venezuela en la jornada electoral más violenta” // *El País*, 31.07.2017.
8. Meza A, “La oposición venezolana mide el rechazo al proceso constituyente de Maduro” // *El País*, Madrid. 17.07.2017;
9. “Participación masiva y violenta en una Venezuela dividida por el referendun” // *La Vanguardia*, Barcelona. 17.07.2017.
10. Варенцова О. Б., *Современные политические режимы в Венесуэле и Боливии*, М.: Аспект Пресс, 2017. С. 25–26.
11. *Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама*: отв. ред. З. В. Ивановский. М.: ИЛА РАН, 2015.
12. Окунева Л. С., «Импичмент президента Бразилии: как это было» // *Латинская Америка*, 2016, № 8, 28–42;
13. Окунева Л. С., Импичмент президента Бразилии: размышления и выводы // *Латинская Америка*, 2016, № 10, 5–22.
14. Хейфец В. Л., Хадорич Л. В., «Кризис в Венесуэле и региональная интеграция» // *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, № 5, 79-87.
15. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., «Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота»» // *Вестник РУДН, Серия: Международные отношения*, т. 15, № 4, 45-55.

Идеологические основы сближения христианства и сторонников левой идеологии. История и современность

Ideological bases for the convergence of Christianity and supporters of the left ideology. History and modernity

Abstract: The report aim is to analyze and generalize people historical experience in implementing the idea of freedom, equality and fraternity in its various interpretations, including the synthesis of Christian ideas and left ideology. On historical analysis basis, it will be concluded that the just society idea is not utopian and is a natural and highest stage in human society evolution. And the foundations for Christianity and left ideology ideological convergence are laid in the history itself, for the common Greek cradle brings together Christians and other Abrahamic religions representatives and leftist people in the pursuit of just society high ideals.

Key words: just society; Christianity and left-wing ideology ideological convergence; Sparta society of equals; Christianity ideals; Jesuits; theology of liberation; USSR.

Resumen: El propósito del informe es analizar y generalizar la experiencia histórica de la gente para poner en práctica las ideas de la libertad, igualdad y fraternidad en sus diversas interpretaciones, incluyendo la síntesis de las ideas cristianas y ideología de izquierda. Basado en un análisis histórico, se concluye que la idea de una sociedad justa no es utópica y es un estadio natural y más alto en la evolución de la sociedad humana. Y la base para la convergencia ideológica del cristianismo y de las ideologías de izquierda tienen sus raíces generales en la misma historia, en la cuna griega.

Palabras clave: una sociedad justa; la convergencia ideológica del cristianismo y la ideología de la izquierda; Esparta sociedad de igualdad; los ideales del cristianismo; Jesuitas; teología de la liberación; La URSS.

Победа Октябрьской революции 1917 г. коренным образом отразилась не только на истории нашей страны, но и оказала влияние на весь мир, в том числе и на страны Латинской Америки. Пример Революции 1917 г. и последовавший за ним проект создания СССР наглядно продемонстрировали всему человечеству возможность воплощения в жизнь великих идей не только свободы, но равенства и братства, тесно переплетающихся с христианским идеалом Царствия Божиего на земле.

¹ Галибина-Лебедева Елена Сергеевна, Россия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН (elenagal@yandex.ru).

Одним из интереснейших вопросов, который, может быть переосмыслен в контексте событий, — это идеологические основы для возможного исторического сближения христианства и коммунизма. Распространенная мысль о невозможности интеграции этих идеологий должна быть, по нашему мнению, квалифицирована как заблуждение, во многом спровоцированное буржуазией. Это противостояние отразилось на возможности проведения диалога между христианами и сторонниками левых идей. Возможно, именно в этом идеологическом конфликте можно увидеть трагедию крушения СССР, когда советский социализм так и не смог получить свое христианское осмысление. На наш взгляд, случились как проигрыш СССР в холодной войне», так и поражение всех прогрессивных сил общества, включая христианство, стремящееся к победе общества справедливости, равенства и братства.

Целями данного доклада являются анализ и обобщение исторического опыта людей по претворению в жизнь идеи свободы, равенства и братства в различных ее интерпретациях, включая синтез христианских идей и левой идеологии. На основе сравнительного исторического анализа мы попытаемся доказать, что идея о справедливом обществе не утопична и является естественным и высшим этапом в эволюции человеческого общества. Как известно, на заре человеческой цивилизации взаимопомощь первобытнообщинного строя сменилась в Древнем мире рабовладельческой системой, отрицавшей не только свободу раба, но и его человеческую сущность, видевшей в нем говорящее средство производства, жизнь которого принадлежала господину. Таково было устройство большей части государств, в том числе греческих городов-государств и Римской империи. Однако осознание недопущения уничтожения человеческой личности, лишения ее свободы, а также четкое понимание, что праздная жизнь одной группы людей не может осуществляться за счет каторжной работы других, стали мощным катализатором развития идеи справедливости в ее античном понимании. Это привело к попытке воплотить идеологию, основанную на высоких моральных принципах и системе самоограничения в государственном устройстве Спарты. Общественное устройство этого города-государства вошло в историю как «общество равных» и надолго опередило свое время, став идеалом для многих античных мыслителей и философов, например, Платона².

Не будет преувеличением сказать, что именно в Спарте созрел прообраз будущих христианских идей. Мы делаем этот вывод, основываясь на том факте, что Спарта стала первым в античном мире государством, где не стало места рабовладению. Зависимое население в этом городе-государстве обладало значительными правами: самостоятельно вступать в брак, иметь

² Платон. *Государство*. М.: Азбука, 2015.

имена, участвовать в военных походах, владеть землей и даже копить материальные блага, что под страхом смертной казни запрещалось делать самим спартиатам. Как отмечает профессор кафедры истории Древней Греции и Рима СПбГУ Л. Г. Печатнова: «Правовое, а отчасти и экономическое равенство всех граждан (в Спарте. — *Примеч. автора*) отразилось в появлении нового неформального термина — „равные“, или в греческом варианте — „гомеи“. Это слово возникло в среде самих спартиатов...»³ и заключает: «Эгалитаризм, хотя отчасти и формальный, проник во все сферы жизни спартиатов. Он стал основой идеологии Спарты и главной национальной идеей»⁴. Отметим, также, что в Спарте земля принадлежала всем членам общества, здесь не существовало частной собственности, стяжательство высмеивалось, а за накопительство предметов роскоши, золота и серебра полагалась смертная казнь. «Именно здесь, а не в Афинах, был проведен в жизнь важнейший лозунг греческого демократического движения — „всеобщий передел земли“»⁵. И что принципиально важно, в Спарте благо государства, т. е. благо всей общины, было поставлено верховным законом, а все личные интересы были подчинены государственной пользе.

Итак, мы полагаем, что Спарта явилась пионером социального равенства между людьми, идеей равенства и братства. Это подрывало идеологическую основу рабовладения, поэтому так резки и неистовы были нападки рабовладельческих Афин, а затем и Рима против Спарты, распространяющих про нее самые нелепые мифы. И после насильственного включения Греции в состав Римской империи эллинистические идеи продолжили свое развитие, и их культурное влияние было весомо. Опыт Спарты по построению «общества равных» и свободных был осмыслен греческими философами и стал доступен для всех народов, входивших в состав Римской империи, в том числе и для Древней Иудеи, где, столкнувшись с монотеистической религией и глубокой религиозностью иудеев, произошел синтез указанных идей, в результате чего, по нашему мнению, появилось христианство.

Мы полагаем, что в новой религии с самого начала был заложен мощный революционный принцип, так как в понимании христиан Бог сотворил человека по образу и подобию Своему и наделил человека свободой воли (Книга Бытия 1:26-27), тем самым приравняв его себе, то есть Творец и Его Творение стали равны. А значит, свобода является естеством человека, и он не может и не должен быть рабом. Таким образом, мы полагаем, что само появление идей христианства стало следующим шагом в развитии имен-

³ Печатнова Л. Г., *Спарта. Миф и реальность*. М.: Вече, 2013, 254–255.

⁴ Там же. 258.

⁵ Андреев Ю. В., *Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации*. СПб., 1998, 94.

но греческой цивилизацией и явилось главным итогом развития античной цивилизации. Идеи христианства, отражавшие революционное несогласие против рабовладельческой системы, против власти господ, стали пользоваться большой популярностью прежде всего у зависимой части населения, и быстро распространились в рамках всей Римской империи. Отрицание рабства угрожало существованию системы рабовладения античного мира вообще и римской истории в частности, поэтому христиане столь жестоко преследовались. И только во времена императора Константина христианство стало официальной религией империи.

После разделения Римской империи в ее восточной части, Византии, произошло, по сути, возрождение Древней Греции, приведшее к продуктивному синтезу религии с государственной властью. Так, во времена императора Юстиниана I была достигнута так называемая симфония властей, получившая символическое выражение в виде двуглавого орла. Эту символику, как в целом и эллинистическую идею «общества равных», через Византию унаследовала Россия. Что касается развития христианства в Западной Европе, то здесь оно пустило сильные корни в странах так называемого католического юга, это прежде всего Италия, Испания, Португалия и во многом Франция. Однако, унаследовав от Афин «родовое пятно» в виде стремления к личной свободе за чужой счет и к индивидуализму, оно стало родительницей новой формы религии — протестантизма. Еще раз подчеркнем, что идеи Реформации и их воплощение стали возможны именно в рамках западного христианства. Возможно, поэтому идеи православного мира близки идеям католического, так как имеют общий греческий корень, но совершенно далеки от протестантизма, а тем более от его радикальных современных форм, основанных на кальвинизме, так же, как и весь русский мир далек от идеи буржуазной свободы, понимаемую как право сильного на реализацию своей силы по отношению к слабому; индивидуализма и стремления к личному обогащению.

Католичеству, так же, как и православию, близки высокие идеалы самопожертвования, равенства и братства. Вот почему, отстаивая свои идейные принципы в недрах западного католического христианства, появилось и мощное контрреформистское движение, возглавляемое орденом иезуитов. Основателем этого ордена стал баск по происхождению Игнасио Лойола, чье имя наряду с прочими выдающимися испанцами, такими как Мигель де Сервантес, прочно вошло в историю борьбы человечества за высокие идеалы справедливости. Заметим, что гениально созданный Сервантесом образ Дон Кихота превратился в синоним рыцарского служения, отваги и доблести во благо всего человечества. Другой видный испанский общественный деятель Мигель де Унамуно верно подметил исключительное

сходство в портрете и идейных стремлениях сервантевского Дон Кихота и Игнасио Лойолы⁶. А поскольку нас в нашем исследовании интересует синтез левых идей и христианства на всем протяжении человеческой истории, остановимся более детально на деятельности последователей Лойолы в их заморских миссиях, прежде всего в Латинской Америке.

Основываясь на исторических документах, можно сделать вывод, что в Латинской Америке в XVI–XVIII вв. иезуиты попытались создать собственное государство — империю, основанную на христианских идеалах и принципах справедливой экономики. На наш взгляд, иезуитам частично удалось осуществить свой проект, поставив экономику на службу идеологии. Мы полагаем, что успех в реализации этой идеи стал возможным благодаря применению иезуитами опыта хозяйственного устройства империи инков, которые от первобытнообщинных отношений сразу шагнули к огромной империи, крупнейшей в Америке к тому времени. Отметим, что инки впервые на континенте создали четкую систему распределения товаров по всей своей империи, благодаря чему добивались добровольной интеграции вновь завоеванных племен в общую экономическую систему, предлагая им в обмен на продукты и товары, которые эти племена традиционно производили, товары и продовольствие из других частей империи. Другим важным отличием инкской цивилизации от прочих индейских (например, майя и ацтеков) было отсутствие рабства, «а главными заветами были не вой, не бездельничай, не лги»⁷. Естественная эволюция индейской общины была замедлена приходом испанских колонизаторов, но не остановлена, так как наследниками опыта инков по строительству своей империи объективно стали иезуиты — они воспроизвели основные ее принципы: коллективное владение землей, общественное разделение труда между отдельными провинциями, отсутствие денежного обращения; веротерпимость, общину и единый язык.

Итак, на основе данных источников можно попытаться предложить характеристику христианской империи иезуитов: в области идеологии — высокие христианские идеалы, которые они пытались применить и в области экономики (основным стимулом к экономической деятельности является не получение максимального блага для себя, а принесение максимальной пользы другим людям). Это вместе с элементами использования инкского опыта обусловило наличие черт социалистических и даже коммунистических начал, а именно: 1) общественное владение средствами производства и четкая система распределения продуктов и товаров между всеми членами общества; 2) реализация принципа кооперации и специа-

⁶ Унамуну М. де., *Житие Дон Кихота и Санчо*. М.: Азбука, 2010.

⁷ Ларин Е. А., *Всеобщая история: латиноамериканская цивилизация*. М.: Высшая школа, 2007, 78.

лизации предприятий, что обеспечило предприятиям иезуитов работу в атмосфере взаимной поддержки и взаимовыручки. При этом эффективность производства и качество продукции вместо конкуренции обеспечивала идеология государства; 3) денежный оборот внутри миссий был заменен на натуральный (деньги иезуиты использовали только для общения с внешним миром, например, для внешней торговли и уплаты налогов испанской казне). Качество продукции, производимой на иезуитских предприятиях, подтверждается ее конкурентоспособностью на внешнем рынке, благодаря чему иезуиты, добившись больших успехов во внешней торговле, стали серьезными конкурентами Англии⁸.

Эффективная политика иезуитов на местах мешала стремлению крупного европейского капитала, прежде всего английского, проникнуть в страны Южной и Центральной Америки. Видимо это и послужило причиной для протестантских сил начать борьбу за закрытие ордена, что и произошло в 1773 г. Гонимых по всему миру иезуитов, что показательно, приняла у себя православная Россия — такое решение приняла императрица Екатерина II. Орден иезуитов был восстановлен в своих правах только в 1814 г.

Это было время эпохи Просвещения, которая несла в себе стремление к буржуазной свободе любым путем, и для этого сторонники просветительского рационализма всячески боролись с феодальными пережитками, в том числе католической церковью. Так, например, Вольтер был не только ярким критиком ордена иезуитов, но и прославился своим призывом «Раздавите гадину!», то есть церкви, мешавшей осуществлению мечты буржуазии об обществе свободы сильного. Другой энциклопедист Дени Дидро в своем творчестве также дал критическую оценку иезуитам, уподобив их «жестким спартамцам в черных рясах, обращающимся со своими рабами и индейцами так, как лакедемоняне с илотами, обрекая их на непрерывный труд... не оставив им совершенно права собственности...»⁹. Вывод Дидро, по нашему мнению, ошибочен (в частности, как ни парадоксально, илоты не только не были собственностью, но и «вполне могли иметь некоторый достаток... часть илотов имела средства, чтобы выкупить себя на волю... илоты, как и земля, не были объектами купли-продажи...»¹⁰, а значит, в отличие от афинских рабов, скорее могут быть отнесены к зависимым крестьянам), но само объединение спартамцев и иезуитов как приверженцев одной идеи — верно. Однако развитие французской общественной мысли после

⁸ Галибина-Лебедева Е. С., *Орден иезуитов в Латинской Америке XVII—XIX веков: на примере Эквадора*. М.: Наука, 2014.

⁹ Дидро Д., *Избранные атеистические произведения. Добавление к «Путешествию» Бугенвилля*. М.: АН СССР, 1956, 180–181.

¹⁰ Печатнова Л. Г., «Реформы спартамского царя Клеомена III» // *Мнемон*, 2012, № 11, 94–95.

Великой французской буржуазной революции 1789 г. благодаря якобинцам и их лидеру Робеспьеру смогло возвыситься над буржуазным лозунгом свободы и 100 лет спустя реализовать уже социалистические принципы равенства и братства в Парижской коммуне. Коммуна просуществовала лишь 72 дня и была жестоко подавлена силами французской буржуазии, прибегшей к помощи прусской армии.

Вернёмся в Латинскую Америку, где несмотря на то, что проект иезуитов в XVIII в. потерпел поражение перед объединёнными протестантскими силами, он наглядно доказал, что и христианство, и коммунизм, имея в своей основе идею создания справедливого общества, могут не только сосуществовать, но и идти вместе. А среди главных итогов деятельности иезуитов в Латинской Америке до их изгнания в 1767 г. можно назвать синтез католической и инкской идей о создании справедливого государства, перекликающийся с социалистическими и коммунистическими идеалами. Отметим, что русский коммунизм и социализм точно так же базировался на русской общине, корни которой также лежали в первобытнообщинном строе и сохранились при феодализме благодаря отсутствию в истории России этапа рабовладения.

Уже в современном мире, в XXI в., синтез индейской и христианской идей о справедливом обществе воплотились в «Теологии освобождения».¹¹ Если говорить очень коротко, то «теология освобождения» — это христианская идеология, соответствующая социалистическому способу производства. Основоположники «теологии освобождения» — латиноамериканцы Густаво Гутьеррес, Камило Торрес Леонардо Бофф, Игнасио Эльякурия и другие — не только не видели существенных идеологических противоречий между марксизмом и христианством, но и подчёркивали, что «обязанность католика — быть революционером»¹², а также полагали, что естественным продолжением жизни согласно заповедям станет построение на земле «Царства Божьего», то есть коммунистического общества. Суть новой теологии заключается в том, что Христос воспринимается не только как «Утешитель угнетённых», но, прежде всего, как «Освободитель угнетённых». Впервые идеи «теологии освобождения» одержали политическую победу в Никарагуа с триумфом в 1979 г. Сандинистской революции и приходом к власти президента Даниэля Ортеги.

Пик популярности новой теологии пришёлся на 1960-1970-е гг., однако она не теряет своей актуальности и поныне. Ярким сторонником «теологии освобождения» был ныне покойный президент Венесуэлы Уго Чавес:

¹¹ «Теология освобождения» возникла в XX в. — Прим. Составителей.

¹² Revolutionary Priest. Цит. по: В.П. Андропова, *Политическая роль католической церкви и религии в Латинской Америке /середина 60—80—х гг.* Дисс. Докт. ист. наук, М., 1988, 87.

в своей рождественской речи в 2005 г. он заявил: «Для меня Рождество — это Христос. Христос — бунтарь, Христос — революционер, Христос — социалист»¹³. С избранием в 2013 г. нового Папы Римского, латиноамериканца по происхождению, и впервые из числа Ордена иезуитов — Франциска, в политике Ватикана наметились качественные сдвиги в отношении диалога со сторонниками левых идей. Так, сегодня Папа Франциск наряду с призывом к братскому диалогу и экуменизму с православными и представителями других традиционных религий, заявляет, что «и среди марксистов много прекрасных людей»¹⁴. В связи с этим особый смысл приобретает историческая встреча двух иерархов христианства — Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла и Папы Римского Франциска, прошедшее в столице Кубы — Гаване в феврале 2016 г. На наш взгляд, это символическая встреча ведущих гуманистических идеологий.

Что касается России, то ещё во время Октябрьской революции 1917 г. наиболее прозорливые деятели русской культуры осознали неразрывную связь христианства с идеалами социализма и коммунизма. Так, Александр Блок в своей поэме «Двенадцать», написанной в январе 1918 г., поставил Христа впереди отряда революционных рабочих и солдат, уподобляя их двенадцати апостолам — великий поэт заканчивает свою поэму словами: «В белом венчике из роз — Впереди — Иисус Христос»¹⁵. Необходимость поиска конструктивного диалога понимали и видные деятели Русской Православной церкви, среди которых можно выделить председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии в 1960-1972 гг. митрополита Никодима Ротова. Так, например, говоря о «коммунистическом атеизме» он заметил: «Мы знаем, что атеизм коммунистический представляет собой определённую систему убеждений, включающую в себя моральные принципы, не противоречащие христианским нормам. Другой атеизм — кощунственный, аморальный, возникающий из желания жить «свободно» от божественного закона Правды, существовал преимущественно в недрах старого общества и чаще всего возникал на почве праздной и развращённой жизни имущих классов. Христианство действительно считает смертным грехом атеизм второго типа, но по-иному смотрит на атеизм коммунистический»¹⁶.

Итак, рассмотрев генезис идеи справедливого общества, мы попытались доказать, что это не утопичный, а реальный проект, реализовавшийся-

¹³ Available at: <http://www.psuv.org.ve/temas/noticias/este-es-mensaje-navidad-que-nos-dejo-comandante-a-traves-anos/> (accessed date: 13.09.2017).

¹⁴ Available at: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=53801> (accessed 12.09.2017).

¹⁵ А. Блок, *Двенадцать*, М.: Прогресс-Плеяда, 2010.

¹⁶ Архиепископ Никодим, «Доклад на региональной конференции в Голландии» // *Журнал Московской Патриархии*, 1963, № 1, 42.

ся сначала в «обществе равных» в Спарте и получивший своё осмысление у греческих философов, а через связи эллинского мира с Древней Иудеей привел к синтезу идеи справедливости и монотеистической религии иудеев. Этот симбиоз породил христианство, в основе которого лежат революционные идеи борьбы против рабства, не только за свободу, но и братство и равенства между людьми. Унаследовав от Византийской империи христианство, а через него и античный спартанский опыт, Россия стала наследницей идеи построения справедливого общества, результатом чего явилось создание СССР.

А в своём западном продолжении греческий опыт, осмысленный в католицизме, через иезуитов оказался в Латинской Америке. Здесь идея построения «Царства Божьего» на земле синтезировалась с инкской идеей справедливого устройства общества. Вот почему столь сильны на латиноамериканском континенте левые убеждения, отважна революционная борьба и так глубоко здесь переосмысление Библии и коммунизма, что привело к появлению «теологии освобождения».

Таким образом, мы заключаем, что основы для идеологического сближения христианства и левой идеологии заложены в самой истории. Именно общая греческая колыбель сближает и христиан, и представителей других авраамических религий и людей левых взглядов в стремлении к высоким идеалам справедливого общества, основанного на идеях кооперации, свободы, равенства и братства.

Библиография

1. Revolutionary Priest. Цит. по: В.П. Андропова, *Политическая роль католической церкви и религии в Латинской Америке /середина 60—80—х гг.* Дисс. докт. ист. наук, М.: 1988.
2. Андреев Ю. В., *Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации*, СПб.: Алетейя, 1998.
3. Галибина—Лебедева Е. С., *Орден иезуитов в Латинской Америке, XVII—XIX веков: на примере Эквадора*, М.: Наука, 2014.
4. Дидро Д., *Избранные атеистические произведения. Добавление к Путешествию Бугенвилля*, М.: АН СССР, 1956.
5. Ларин Е. А., *Всеобщая история: латиноамериканская цивилизация*, М.: Высшая школа, 2007.
6. Мигель де Унамуно, *Житие Дон Кихота и Санчо*, М.: Азбука, 2010.
7. Печатнова Л. Г., «Реформы спартанского царя Клеомена III» // *Мнемон*, СПб., 2012, №11, 94-95.
8. Печатнова Л. Г., *Спарта. Миф и реальность*, М.: Вече, 2013, 254-255.
9. Платон, *Государство*, М.: Азбука, 2015.

МИГРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ИБЕРОАМЕРИКАНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

А. Ю. Борзова, Е. М. Савичева¹

Арабская диаспора в Латинской Америке

Arab diaspora in Latin America

Abstract: The study of migration processes had become an integral part of the modern world development. A special attention is paid to the study of migration from the Middle Eastern Arab countries to Latin America. The article shows that the mass migration of Lebanese, Syrians, and later Palestinians was caused by a number of factors related to the structural crisis of the Ottoman Empire in the second half of the XIX-th century, later with the collapse of this empire after the First World War, and then with the creation of the State of Israel. The authors noted that political instability, religious tensions and discrimination against the Arab population stimulated its outflow, and the attractive migration policy of Latin American countries contributed to the emergence of a significant Arab diaspora, or so called “los turkos”. The Arab flows to the countries of the region became the third largest migration after the Spaniards and Italians, and the modern Arab diaspora in Latin America ranges from 15 to 20 million, including migrants and their descendants. The article examines the process of Arab migrants adaptation, reveals their significant contribution to the economic and financial development of countries, their important role in the political life of Argentina, Chile, Brazil, and other states. The authors note that solidarity, mutual assistance and support contributed to the consolidation and survival of the diaspora, the rapid assimilation of migrants and integration into local society, while maintaining ties with their historical homeland and a certain cultural identity.

Key words: Latin America; Arab countries; migration; Diaspora; displaced persons; donor country; recipient country; immigration policy; adaptation; integration.

¹ Алла Юрьевна Борзова, РФ, доктор исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений РУДН (bau845@mail.ru).

Елена Михайловна Савичева, РФ, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений РУДН (savicheva@mail.ru).

Resumen: El estudio de los procesos de migración se había convertido en una parte integral del desarrollo del mundo moderno. El artículo se presta la atención especial al estudio de la migración desde los países árabes del Medio Oriente hacia América Latina. El artículo examina sus causas, características, destaca las fases de la intensificación de la migración árabe, los factores que estimularon este proceso, y analiza el proceso de formación de la diáspora y la integración de los migrantes en la comunidad local. La migración masiva de los libaneses, sirios y más tarde de los palestinos fue causada por una serie de factores relacionados con la crisis estructural del Imperio Otomano en la segunda mitad del siglo XIX, su colapso después de la Primera Guerra Mundial, y después con la creación del Estado de Israel. La inestabilidad política, las tensiones religiosas y la discriminación contra la población árabe estimulan su salida. La política atractiva migratoria de los países latinoamericanos llega a la aparición de un gran diáspora árabe, o «los turkos». La migración árabe hacia la región es la tercera después de los flujos migratorios de los españoles y los italianos, y la moderna diáspora árabe en América Latina esta entre 15 y 20 millones, incluyendo a los migrantes y sus descendientes. El artículo muestra el proceso de la adaptación de los árabes, analiza su contribución al desarrollo económico y financiero de los países latinoamericanos, y el papel importante de los inmigrantes de países árabes en la vida política de los Estados. Los autores señalan que la solidaridad y el apoyo mutuo contribuyeron mucho a la consolidación y la supervivencia de la diáspora, su rápida asimilación y la integración en la comunidad local, manteniendo al mismo tiempo los lazos con su patria histórica, y su identidad cultural.

Palabras clave: América Latina; países árabes; migración; diáspora; personas desplazadas; país donante; país receptor; política de inmigración; adaptación e integración.

Первые сведения о лицах с арабскими корнями, появившихся в Латинской Америке еще в колониальную эпоху, можно найти в работах ряда перуанских историков, где отмечено, что в XVI в. в Перу было привезено от 400 до 500 «морискас», крещеных рабынь-арабок родом из Северной Африки и с Канарских островов. Примечательно, что они стоили гораздо дороже, чем лошадь². В начале XVII в. практически все «мориски», как женщины, так и мужчины, были изгнаны из Испании в Латинскую Америку, прежде всего в Перу и Аргентину.

Привлечение трудовых мигрантов становится важным фактором в развитии молодых латиноамериканских республик после получения независимости. Регулирование миграции осуществлялось принимающей стороной, которая либо содействовала миграции, либо вводила ограничительные меры. Так, в Аргентине в 1812 г. был принят декрет о содействии иммиграции, в 1869 г. в Буэнос-Айресе создается Центральная иммиграционная комиссия, а в 1872-м — Национальное ведомство труда, занимавшееся трудоустройством иммигрантов. В Бразилии после провозглашения независи-

² Huertas L., Espinoza W., Vega J. J., *Peruanidad e identidad*. UNE. 1997, 290.

мости в 1822 г. также изменилась иммиграционная политика, и наиболее многочисленную часть мигрантов составили уже не португальцы, а итальянцы, которые легко интегрировались в новой социальной среде. В страну также приехало значительное число испанцев, сирийцев, ливанцев, которые внесли значительный вклад в развитие промышленности, банковских структур, культуры.

Можно выделить определенные этапы активизации арабской миграции: 1860-1890-е гг., когда Османскую империю охватил серьезный структурный кризис; следующий этап наступил после первой мировой войны и распада Османской империи. Создание государства Израиль в 1948 г. привело к массовой миграции палестинцев. События «арабской весны» также вынудили многих арабов, особенно сирийцев, покинуть свои родные дома.

В странах Латинской Америки первые ближневосточные мигранты появились в последней четверти XIX в. Император Бразилии Педру II в 1876–1877 гг. посетил территории Ливана, Палестины и Сирии, тогда входившие в состав Османской империи, для стимулирования оттуда миграции за океан.

Наиболее массовый поток переселенцев из арабских стран в Латинскую Америку наблюдался в период между 1900–1910 гг. и позднее, между 1920–1929 гг.³ Первая волна была вызвана сложной социально-экономической ситуацией и политической нестабильностью в Османской империи, где арабское население подвергалось сильному угнетению и дискриминации, в том числе и на религиозной почве. Пик второй волны пришелся на финансовые кризисы 1921 и 1929 гг., а ужесточение миграционного законодательства в США переориентировало миграционные потоки в Латинскую Америку, куда в поисках работы и лучшей жизни направлялись и выходцы из Ближнего Востока.

К другим факторам, стимулировавшим арабскую миграцию именно в Латинскую Америку, можно отнести стремление избежать службы в армии США во время Первой и Второй мировых войн, рост интереса латиноамериканских католиков к артефактам со Святой земли, которые привозили для продажи палестинцы. Значительную часть мигрантов составляли члены семей и родственники осевших в странах региона арабских переселенцев, это была так называемая цепная миграция (*migración de cadenas*).

Почти во всех латиноамериканских странах арабских мигрантов называли «турками», независимо от национальности, культурных и религиозных различий, поскольку все они являлись выходцами из Османской им-

³ Camila Pastor, *Lo Árabe y su Doble. Imaginarios de principios de siglo en Honduras y México*. Martín Muñoz, Gema (ed.) / *Contribuciones Árabes a las Identidades Latinoamericanas*. Madrid: Casa Árabe, SEGIB-BibliASPA, 2009.

перию. Сирийцы отправлялись в долгий путь из Триполи, ливанцы — из Бейрута, а палестинцы — из Хайфы, и почти все они следовали в порт Марселя на кораблях, по большей части принадлежавших Французской трансатлантической компании (*la Compagnie Generale Transatlantique Française*)⁴. На кораблях мигранты добирались до основного пункта назначения — Буэнос-Айреса. Оттуда часть мигрантов направлялась в Рио-де-Жанейро, а другие пересекали Анды, предпринимая сложное и опасное путешествие, чтобы оказаться в Чили⁵. Тем мигрантам-христианам, которые оказывались на территории Италии, католическая церковь помогала добраться до Мексики, Колумбии и Карибских островов.

С 1880 по 1960 г. в Бразилию прибыло с Ближнего Востока 140 464 чел. (3 % от общего числа мигрантов, появившихся в этой стране). За период 1884–1939 гг., по данным бразильской статистики, в стране нашли приют 20 507 сирийцев, 5174 ливанца, 677 палестинцев, 826 армян, 645 египтян, 328 марокканцев, 129 иранцев, а также 78 455 чел., которых бразильские власти, не вдаваясь в детали, просто называли «турками»⁶. С 1960 по 1995 г. в Бразилию переехали из Ливана, Палестины и Иордании более 12 тыс. чел., которые осели в штатах Парана и Рио-Гранде-ду-Сул, формируя арабскую диаспору. В отличие от прежних волн арабской миграции, здесь были уже не только христиане, но и мусульмане. Они были задействованы в торговле и импорте продовольствия в приграничных зонах трех стран — Бразилии, Аргентины и Парагвая⁷.

В Аргентине на конец XIX в. насчитывалось 876 выходцев из Османской империи («турок»), а по данным третьей Национальной переписи населения Аргентины 1914 г. там проживало уже 64 369 «турок», из которых большинство были выходцами с территории Сирии и Ливана. В 1947 г. в Аргентине насчитывалось 46 239 ближневосточных мигрантов, а в 1960 г. — 36 362 чел., что показывает снижение их численности на 43,51 %. Во многом это было связано со стабилизацией ситуации на Ближнем Востоке. Большинство из прибывавших в Аргентину сирийцев и ливанцев оседали в сто-

⁴ Mejía I. R., *Encuentro entre dos Mundos: La Migración Árabe en Colombia* [Электронный ресурс]. URL: <http://revistas.uexternado.edu.co/index.php/oasis/article/view/2352/4589> (дата обращения: 02.02.2017).

⁵ Agar L., Saffie N., “Chilenos de origen árabe: la fuerza de los raíces” // *Revista Miscelánea de Estudios Árabes y Hebráicos. Sección Árabe — Islam*, Vol. 54, Año 2005, Universidad de Granada [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memoriachilena.cl/archivos2/pdfs/MC0043169.pdf> (дата обращения: 02.02.2017).

⁶ Toro J. C., “Los árabes en Brasil” // *Inmigración Iberoamericana*, No. 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://iberoamericasocial.com/los-arabes-en-brasil-inmigracion-iberoamericana-no8> (дата обращения: 02.02.2017).

⁷ *Ibid.*

лице, а позже, с развитием железнодорожной сети, они расселялись по другим крупным городам⁸.

В 1890—1980 гг. от 5 до 10 тыс. арабов прибыло на территорию Колумбии⁹.

В Мексику, по данным регистрационных записей, с конца XIX до середины XX в. приехало 7533 ливанца и сирийца. Численность арабских мигрантов росла достаточно быстрыми темпами. Так, если с 1915 по 1919 г. в стране появилось всего 157 арабских переселенцев, то в следующее десятилетие сюда приехало 3862 человека. Ливанское сообщество насчитывало 1365 семей в 1942 г., а в 1982-м — уже 5627 семей¹⁰. Выходцы с территории британской Палестины до 1948 г. оседали в основном на территории Чили и Гондураса¹¹. В Чили рост мигрантов из зоны Леванта был связан с расширением добычи селитры в стране и ростом потребности в рабочей силе, а в 1940-е гг. — с развитием импортозамещающего производства. К 1940 г., по данным исследователя Ахмада Хассана Маттара, в Чили проживало 1226 семей палестинцев, 706 семей сирийцев и 448 семей ливанцев¹². После Второй мировой войны поток арабских мигрантов уменьшился, что было связано с получением рядом стран независимости, а также улучшением положения христиан на территории Палестины.

В течение XX в. Бразилия приняла почти 400 тыс. выходцев с Ближнего Востока, Аргентина — около 350 тыс., Гаити — почти 35 тыс., Венесуэла — 15 тыс. чел. Для сравнения: США в этот период приняли около 400 тыс. ближневосточных мигрантов. Как отмечает испанский исследователь Абделуахед Акмир, арабская миграция в страны Латинской Америки была третьей по численности после испанцев и итальянцев¹³.

⁸ Toro J. C., “Los árabes en Argentina” // *Inmigración Iberoamericana*, No. 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://iberoamericasocial.com/los-arabes-en-argentina-inmigracion-iberoamericana-no5/> (дата обращения: 02.02.2017).

⁹ Isabel Restrepo Mejía. *Ibid.*

¹⁰ Zidane Z., “La inmigración árabe en México: integración nacional e identidad comunitaria” // *Contra Relatos desde el Sur. Apuntes sobre Africa y Medio Oriente*, Año II. No. 3/ CEA-UNC, CLACSO, Córdoba, Argentina. Diciembre, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/ar/libros/argentina/cea/contra/3/zeraoui.pdf> (дата обращения: 02.02.2017).

¹¹ Anna Ayuso and Santiago Villar (CIDOB), Camila Pastor and Miguel Fuentes (CIDE). *Actors and opportunities: interregional processes in the Arab region and Latin America and the Caribbean* // Atlantic Future Working Paper. 2015, No. 25, 25–26 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atlanticfuture.eu/files/1531-Arab%20c%20-%20LAC.pdf> (дата обращения: 02.02.2017).

¹² Mattar A. H., *Guía social de la Colonia Árabe en Chile (Siria, Palestina, Libanesa)*. Santiago: Impr. Ahues Hnos, 1941. 380 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memoriachilena.cl/602/w3-article-92245.htm> (дата обращения: 02.02.2017).

¹³ Akmir A., *Los árabes en América Latina. Historia de una emigración* (En coedición con Casa Árabe e Instituto Internacional de Estudios Árabes y del Mundo Musulmán): editores, SA. Madrid, 2009, 10–11.

На сегодняшний день ряд исследователей оценивают численность арабской диаспоры в странах Латинской Америки от 15 до 20 млн чел., включая мигрантов и их потомков. Для сравнения: в США насчитывается около 3,5 млн выходцев из арабских стран¹⁴. Наибольшее количество выходцев из арабских стран проживают в Бразилии, где численность бразильцев арабского происхождения достигает 10 млн чел., что составляет 5 % от населения страны. Из этих 10 млн почти 7 млн чел. имеют ливанские корни, что делает эту диаспору более многочисленной, чем население самого Ливана (4,3 млн чел.)¹⁵. Следует отметить также, что более 1,5 млн выходцев из арабских стран в Бразилии являются мусульманами, а остальные — христианами.

В последние десятилетия поток ливанских мигрантов в Латинскую Америку ослаб, а предыдущие поколения ассимилировались в бразильское общество. Этот факт отметил и экс-президент страны Луис Игнасио Лула да Силва в ходе организованных в 2005 г. торжеств по случаю 125-летия с начала массовой ливанской миграции в Бразилию. По словам да Силвы, ливанцы смогли внести значительный вклад в создание бразильской нации и интегрировались во все сферы жизни местного общества, привнеся в них свою энергию и талант¹⁶.

Арабскую диаспору в Бразилии составили также выходцы из Сирии, Иордании, Ирака и других ближневосточных стран. Арабская культура оказала влияние на многие аспекты бразильской культуры. Наличие значительной арабской диаспоры в Бразилии содействовало развитию интереса страны к проведению саммитов Южная Америка — Арабские страны, расширению связей со странами Ближнего Востока.¹⁷

В Аргентине проживает от 3 до 4 млн арабов (в основном из Сирии и Ливана), являющихся по конфессиональной принадлежности православными, маронитами и католиками. За столетие миграции они стали играть важную роль в социально-экономической и политической системе новой родины.¹⁸ В Колумбии — около 200 тыс. граждан страны имеют арабские

¹⁴ *The Arabs of Brazil / Saudi Aramco World* [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.aramcoworld.com/issue/200505/the.arabs.of.brazil.htm> Retrieved 2011-09-17 (дата обращения: 02.02.2017).

¹⁵ Савичева Е. М., «Ливан и его диаспора: прямая и обратная связь» // *Вестник РУДН. Сер. «Международные отношения»*, № 2, 2010, 90.

¹⁶ Sarruf M., Daniel I., *A Saga dos Libaneses no Brasil. Começou Há 125 anos*. 20 April 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brazil-brasil.com/content/view/366/78/> (дата обращения: 02.02.2017).

¹⁷ А.Ю. Борзова, *Дипломатическая служба Бразилии как инструмент реализации внешней политики страны (1902-2014 гг.)*, М.:Изд-во РУДН, 2016, 313-314.

¹⁸ Abdelnihad Akmir, *Los árabes en Argentina*, Rosario, UNR Editor, 2011, 273 p. Available at: <http://www.unr.edu.ar/noticia/3529/se-presento-el-libro-quotlos-arabes-en-argentinaquot> (accessed 02.02.2017)

корни, чуть меньше — в Венесуэле и Эквадоре.¹⁹ В Чили сегодня проживает самая большая палестинская диаспора (более 450 тыс. чел.) вне Ближнего Востока (после Израиля, Ливана и Иордании). В Гондурасе насчитывается около 250 тыс. выходцев с территории Палестины, в Гватемале — 200 тыс., в Мексике — 120 тыс., Сальвадоре — 70 тыс., в Бразилии — 59 тыс.²⁰ Все эти мигранты компактно проживают в столице и других крупных городах.

В Чили, например, 2994 семей с арабскими корнями проживают в восточной части Сантьяго, из них — 51% — палестинцы, 30% — сирийцы, 19% — ливанцы.²¹ При этом 85% имеющих арабское происхождение жителей составляют мигранты, а 15% — потомки мигрантов, которые представляют средний класс.²²

В Мексике ливанская диаспора насчитывает более 300 тыс. чел. Ее представители занимают важные позиции в бизнесе, торгово-финансовой, политической и культурной областях. Ливанцы в Мексике — это, как правило, христиане маронито-католического или православного толка.

Мексиканская исследовательница Клаудиа Давила Вальдес²³ на основе архивных документов выявила особенности процесса адаптации выходцев из Ливана на территории штата Юкатан в Мексике, проследив историю нескольких семей. Между 1878 и 1992 гг. в Юкатан прибыло 777 ливанцев, мигрантов первого поколения, а наибольшее количество арабских переселенцев появилось здесь в 1919–1929 гг., т. е. в годы после Первой мировой войны и до начала Великой депрессии. Во второй половине XX в. отмечается спорадическое появление ливанцев, в основном связанное с воссоединением семей²⁴. Ливанское сообщество в Юкатане характеризуется солидарностью, взаимопомощью и поддержкой, что содействует консолидации и выживанию диаспоры, накоплению экономического потенциала, сохранению некоторых культурных особенностей и традиций. Стремление к быстрой ассимиляции в обществе, к тесным контактам с местными представителями средних слоев и элиты проявлялось в том, что представители ливанской

¹⁹ *Cuántos Árabes hay en América Latina?* Available at: <http://francocedillo.wordpress.com/2012/10/01/cuantos-arabes-hay-en-america-latina/> (accessed 02.02.2017).

²⁰ Palestinian Central Bureau of Statistics, October, 2005. Retrieved 2007-09-05. Available at: <https://www.revolvy.com/topic/Palestinian%20diaspora&uid=1575> (accessed 02.02.2017).

²¹ Lorenzo Agar, Nicole Saffie, “Chilenos de origen árabe: la fuerza de los raíces”, *Revista Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos Sección Árabe — Islam*, Vol. 54, año 2005, Universidad de Granada, Available at: <http://www.memoriachilena.cl/archivos2/pdfs/MC0043169.pdf> (accessed 02.02.2017)

²² *Árabes en Chile (4 parte): integración y pérdida de identidad*, Available at: <http://paginasarabes.com/2014/09/26/arabes-en-chile-4oparteintegracion-y-perdida-de-identidad/> (accessed 02.02.2017).

²³ Valdes C. D., Socio-economic tendency and geographical mobility of Lebanese and Koreans. From Motul to Merida. *Migraciones Internacionales* [online]. 2015. Vol. 8. No. 2.

²⁴ *Ibid*, 108–110.

диаспоры давали детям традиционное для Мексики образование. Ливанцы создавали сообщества, предназначенные для взаимопомощи и укрепления связей с вновь прибывшими.

В целом арабские мигранты в Латинской Америке достаточно быстро адаптировались к условиям принявших их стран, интегрировались в местное общество, компактно расселяясь в столицах и других крупных городах. Именно промышленные центры давали возможность мигрантам найти достойную работу, которая служила обязательным условием для их интеграции в общество, развития личности, накопления первоначального капитала и образования для детей. Культурно-религиозные связи внутри арабских диаспор усилились с созданием школ арабского языка в некоторых латиноамериканских странах, строительством мечетей и культурных центров.

Мигранты из Ближнего Востока и их потомки стараются поддерживать связи со своей исторической родиной, финансируют публикацию региональных изданий на арабском языке и создают глобальные институты, как, например, Всемирный ливанский союз (The Union Libanesa Mundial). В Чили и Аргентине существуют федерации арабских обществ (FEARAB — Chile, FEARAB — Argentina), Сирийско-ливанский клуб в Буэнос-Айресе, Культурный союз ливанцев Аргентины (UCAL), Социальный клуб сирийцев Аргентины в г. Росарио. В Университете Чили действует Центр арабских исследований²⁵. Более 150 газет на арабском языке выходят в Аргентине, Чили, Бразилии и других странах региона. В Бразилии открыто около 100 мечетей и молельных домов, в Аргентине — 9 мечетей и Исламский культурный центр, в Колумбии — 3 мечети, а мечеть в Каракасе считается самой большой в регионе²⁶.

Представители арабской диаспоры играют важную роль в развитии экономики принявших их стран. Склонность к предпринимательству, трудолюбие, система взаимовыручки внутри диаспор, стремление оседать в крупных городах содействовали тому, что мигранты проявили активность в торговой сфере, открывая собственные магазины и лавки. Так, в первые десятилетия XX в. в Сан-Паулу более 320 лавочек принадлежало арабским торговцам, больше половины магазинчиков в г. Арекипа (Перу) держали арабские предприниматели, аналогичная ситуация сложилась в Эквадоре, Коста-Рике, Гондурасе, Чили и т. д. Мастера-арабы занимались производством текстильных товаров, шелка, скобяных изделий, одежды и обуви, украшений, сладостей и других продуктов питания. Они открывали гости-

²⁵ *Centro de Estudios Árabes* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.filosofia.uchile.cl/investigacion/centros-y-programas/centros-de-estudio/6889/centro-de-estudios-arabes> (дата обращения: 02.02.2017).

²⁶ *Cuántos Arabes hay en América Latina? Ibid.*

ницы, рестораны, аптеки, постепенно добиваясь большого экономического влияния и получая контроль над значительной частью розничной торговли в Латинской Америке. Так, в Чили в конце XX в. арабам принадлежали 25 % предприятий по пошиву и продаже одежды и 40 % — по производству текстильных товаров. В странах Центральной Америки, особенно в Гондурасе, в первой половине XX в. предприниматели арабского происхождения контролировали 40 % инвестиций. В Боливии и Чили получили известность предприятия семья Саора (Sahora), семья Хирмас (Hirmas) открывает текстильные фабрики. В 1910 г. братья Шайн (Schain Hermanos) основывают парфюмерную фабрику, а Абдала Мансур создает производство по изготовлению кожаных изделий. В Бразилии 75 % товаров из шелка, а в Чили — 90 % вырабатывались на фабриках, открытых арабскими предпринимателями. Эти предприятия процветали после Второй мировой войны, экспортируя в Европу не только текстиль, одежду, обувь, но и аграрную продукцию²⁷.

Позднее потомки выходцев из арабских стран начинают диверсифицировать экономическую деятельность и создают банки, торговые палаты, страховые компании. Первый банк с арабским капиталом был открыт в Аргентине в 1925 г. под названием «Сирийско-ливанский банк Рио-де-ла-Плата». Впоследствии аналогичные банки открываются в Мексике, Чили, Бразилии и других странах. Наряду с банками потомки арабских мигрантов открывают торговые палаты в Сантьяго-де-Чили, Буэнос-Айресе, Сан-Паулу. В Эквадоре выходцы из арабских стран содействовали расширению экспорта какао, развитию сельского хозяйства и торговли, пополняя класс средней буржуазии²⁸. Именно в среде второго и последующих поколений мигрантов размывалась граница «мы — чужие», что позволило некоторым гражданам достичь высших ступенек в бизнесе и государственном управлении. Так, большое влияние в бизнес-сообществе латиноамериканских стран имеют сальвадорец Иса Мигель, которому принадлежит 40 % Жилищного банка (Banco de la Vivienda) в Гватемале, Моисес Хосе Азиз, основатель уже упомянутого банка в Аргентине, Карлос Слим, мексиканец ливанского происхождения, создавший телекоммуникационную империю, которая подняла его в число самых богатых людей планеты²⁹.

Потомки арабских мигрантов активно участвуют в политической жизни стран региона. Так, Карлос Сауль Менем, родившийся в семье эмигран-

²⁷ Molina P., “Por qué Chile es el país con más palestinos fuera del mundo árabe e Israel?” // *Mundo*, 14 agosto 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/mundo/noticias/2014/08/140813_chile_palestinos_comunidad_jp (дата обращения: 02.02.2017).

²⁸ Ingrid Escanilla B., *La emigración árabe al El Ecuador* [Электронный ресурс]. URL: <https://revistas.ucm.es/index.php/ANQE/article/viewFile/ANQE9797110057A/3864> (дата обращения: 02.02.2017).

²⁹ Akmir A., *Los árabes en América Latina. Historia de una emigración*, 501–503.

тов из Сирии, стал президентом Аргентины в 1989–1999 гг. Сын ливанских эмигрантов Абдала Хайме Букарам Ортис, лидер Рольдосистской партии Эквадора, сложная и противоречивая личность, занимал пост президента Эквадора в 1996–1997 гг., Хорхе Хамиль Мауад Витт, потомок эмигрантов из Ливана, избирался президентом Эквадора в 1998–2000 гг. Хакобо Майлута Азар, видный политический деятель Доминиканской Республики, который имеет ливанские корни, был вице-президентом страны в 1978–1982 гг. и 42 дня исполнял обязанности президента, а пришедший ему на смену президент страны Хосе Сальвадор Омар Хорхе Бланко (1982–1986) являлся потомком палестинских мигрантов.

Ливанские корни имеет Эдвард Филипп Джордж Сеага, лидер Лейбористской партии Ямайки в 1974–1989 гг. и премьер-министр страны в 1980–1989 гг., как и президент Колумбии Хулио Сесар Турбай Айяла (1978–1982), который также был министром иностранных дел и послом Колумбии в США. Палестинские корни имеются у Элиаса Антонио Сака Гонсалеса, президента Сальвадора в 2004–2009 гг., у Карлоса Роберто Флореса Факуссе, президента Гондураса в 1998–2002 гг., Альберта Абдалы, вице-президента Уругвая в 1967–1972 гг. В Бразилии Пауло Салим Малуф и Жералдо Алкмин, потомки выходцев из Ливана, в разное время являлись губернаторами штата Сан-Паулу, те же Пауло Салим Малуф и Жилберто Кассаб были мэрами г. Сан-Паулу³⁰. В целом выходцы из арабских стран занимают видные политические посты, работают в парламенте и министерствах, в университетах ряда стран Латинской Америки, принимают деятельное участие в их экономическом развитии, содействуют укреплению связей с арабским миром.

В связи с нынешним сирийским кризисом лидеры ряда латиноамериканских государств проявили готовность принять беженцев, и более 4 тыс. сирийцев получили визы для проживания в Бразилии, где им предоставили убежище³¹. Есть все основания говорить о том, что миграция из стран Арабского Востока носит массовый и устойчивый характер, а отток населения за рубеж сохранится в ближайшей перспективе.

Библиография

1. Борзова А. Ю. *Дипломатическая служба Бразилии как инструмент реализации внешней политики страны (1902–2014)*. М.: РУДН, 2016. 416 с. С. 270, 323–324

³⁰ *Arab roots grow deep in Brazil's rich melting pot*. Washington Times, Retrieved. 17 April 2016.

³¹ Balloffet L., *Syrian Refugees in Latin America: Diaspora Communities as Interlocutors*. North Carolina State University [Электронный ресурс]. URL: <http://lasa.international.pitt.edu/forum/files/vol47-issue1/Debates2.pdf> (дата обращения: 02.02.2017).

2. Савичева Е. М. «Ливан и его диаспора: прямая и обратная связь» // *Вестник РУДН. Сер. «Международные отношения»*, 2010, № 2, 86–101.
3. Akmir A. *Los árabes en América Latina. Historia de una emigración. (En coedición con Casa Árabe e Instituto Internacional de Estudios Árabes y del Mundo Musulmán)*. Editores, SA. Madrid, 2009.
4. Akmir A. *Los arabes en Argentina. Rosario: UNR Editor*, 2011. 273 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unr.edu.ar/noticia/3529/se-presento-el-libro-quotlos-arabes-en-argentinaquot> (дата обращения: 10.10.2017).
5. Mattar A. H. *Guía social de la Colonia Árabe en Chile (Siria, Palestina, Libanesa)*. Santiago: Impr. Ahues Hnos, 1941. 380 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memoriachilena.cl/602/w3-article-92245.htm> (дата обращения: 10.10.2017).
6. Anna Ayuso and Santiago Villar (CIDOB), Camila Pastor and Miguel Fuentes (CIDE). “Actors and opportunities: interregional processes in the Arab region and Latin America and the Caribbean” // *Atlantic Future Working Paper*, 2015, No. 25, 25–26 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atlanticfuture.eu/files/1531-Arab%20c%20-%20LAC.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).
7. *Árabes en Chile (4 parte): integración y pérdida de identidad* [Электронный ресурс]. URL: <http://paginasarabes.com/2014/09/26/arabes-en-chile-4oparteintegracion-y-perdida-de-identidad/> (дата обращения: 10.10.2017).
8. Pastor C. *Lo Árabe y su Doble. Imaginarios de principios de siglo en Honduras y México*. In: Martín Muñoz, Gema (ed.). *Contribuciones Árabes a las Identidades Latinoamericanas*. Madrid: Casa Árabe-SEGIB-BibliASPA, 2009.
9. *Centro de Estudios Árabes* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.filosofia.uchile.cl/investigacion/centros-y-programas/centros-de-estudio/6889/centro-de-estudios-arabes> (дата обращения: 10.10.2017).
10. Valdes C. D. “Socio-economic tendency and geographical mobility of Lebanese and Koreans. From Motul to Merida” // *Migraciones Internacionales* [online], 2015, Vol. 8, No. 2.
11. *Cuántos Árabes hay en América Latina?* [Электронный ресурс]. URL: <http://francocedillo.wordpress.com/2012/10/01/cuantos-arabes-hay-en-america-latina/> (дата обращения: 10.10.2017).
12. Isabel Restrepo Mejía. *Encuentro entre dos Mundos: La Migración Árabe en Colombia*. [Электронный ресурс]. URL: <http://revistas.uexternado.edu.co/index.php/oasis/article/view/2352/4589>
13. Ingrid Bejarano Escanilla, *La emigración árabe a El Ecuador* [Электронный ресурс]. URL: <https://revistas.ucm.es/index.php/ANQE/article/viewFile/ANQE9797110057A/3864> (дата обращения: 10.10.2017).
14. Toro J. C., “Los árabes en Brasil” // *Inmigración Iberoamericana*, No. 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://iberoamericasocial.com/los-arabes-en-brasil-inmigracion-iberoamericana-no8> (дата обращения: 10.10.2017).
15. Toro J. C., “Los árabes en Argentina” // *Inmigración Iberoamericana*, No. 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://iberoamericasocial.com/los-arabes-en-argentina-inmigracion-iberoamericana-no5> (дата обращения: 10.10.2017).

16. Agar L., Saffie N. “Chilenos de origen árabe: la fuerza de las raíces” // *Revista Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos Sección Árabe — Islam*, 2005, Vol. 54. Universidad de Granada [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memoriachilena.cl/archivos2/pdfs/MC0043169.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).
17. Huertas L., Espinoza W., Vega J. J. *Peruanidad e identidad*. UNE. 1997.
18. Balloffet L. *Syrian Refugees in Latin America: Diaspora Communities as Interlocutors*. North Carolina State University [Электронный ресурс]. URL: <http://lasa.international.pitt.edu/forum/files/vol47-issue1/Debates2.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).
19. Sarruf M., Daniel I. *A Saga dos Libaneses no Brasil, Começou Há 125 anos*. 20 April 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brazil-brasil.com/content/view/366/78/> (дата обращения: 10.10.2017).
20. Molina P. “Por qué Chile es el país con más palestinos fuera del mundo árabe e Israel?” // *Mundo14*, agosto 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/mundo/noticias/2014/08/140813_chile_palestinos_comunidad_jp (дата обращения: 10.10.2017).
21. Restrepo M. I. *Encuentro entre dos Mundos: La Migración Árabe en Colombia* [Электронный ресурс]. URL: <http://revistas.uexnado.edu.co/index.php/oasis/article/view/2352/4589> (дата обращения: 10.10.2017).
22. *The Arabs of Brazil* // Saudi Aramco World [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.aramcoworld.com/issue/200505/the.arabs.of.brazil.htm> (дата обращения: 10.10.2017). Retrieved 2011-09-17.
23. Zeraoui Zidane. “La inmigración árabe en México: integración nacional e identidad comunitaria” // *Contra Relatos desde el Sur. Apuntes sobre Africa y Medio Oriente*. Año II. No. 3. CEA-UNC, CLACSO, Córdoba, Argentina. Diciembre. 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/ar/libros/argentina/cea/contra/3/zeraoui.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).

Динамика испаноязычной иммиграции и ее роль в истории и современной политической жизни США

The dynamics of Hispanic immigration and its role in the history and contemporary political life of the United States

Резюме: В докладе анализируются динамика и структурные особенности иммиграции в США из стран Латинской Америки. Автор рассматривает место латиноамериканской иммиграции в совокупном миграционном потоке в США и анализирует ее последствия в социально-экономическом, этно-культурном и политическом плане, а также в сфере безопасности. Обсуждаются изменения демографической, социально-экономической и политической роли испаноязычной диаспоры. Особое внимание уделяется миграционным реформам последних 30 лет, включая иммиграционную реформу Рональда Рейгана и законодательные инициативы Барака Обамы. Автор обсуждает роль миграционной проблематики в возникновении феномена Дональда Трампа, его предложения в миграционной сфере и их возможные последствия как для внутренней политики США, так и для их отношений со странами Латинской Америки.

Ключевые слова: Д. Трамп; Латинская Америка; миграция.

Abstract: The report analyzes the dynamics and structural features of immigration in the US from Latin America. The author considers the place of Latin American immigration in the aggregate migration flow in the United States and analyzes its consequences in the socio-economic, ethno-cultural and political aspects, as well as in the sphere of security. The changes in the demographic, socio-economic and political role of the Hispanic diaspora are discussed. Particular attention is paid to the migration reforms of the last 30 years, including Ronald Reagan's immigration reform and Barack Obama's legislative initiatives. The author discusses the role of migration issues in the emergence of the phenomenon of Donald Trump, his proposals in the migration sphere and their possible consequences for both US domestic policy and their relations with the countries of Latin America.

Keywords: Trump; Latin America; migration.

Избрание Дональда Трампа Президентом США в ноябре 2016 г. вывело ряд серьезных проблем и противоречий в американском обществе, приведя одновременно к обострению многих из них. Одной из наиболее противоречивых в этом ряду является проблема иммиграции. Интересно

¹ Коробков Андрей Владимирович – Россия, профессор политологии и международных отношений Университет штата Теннесси, США (Andrei.Korobkov@mtsu.edu)

при этом отметить, что, хотя Америка уже давно сталкивается с рядом серьёзных проблем в миграционной сфере, включая массовый наплыв незаконных иммигрантов через протяжённую и плохо охраняемую границу с Мексикой — страной со значительно более низким, чем в США, уровнем жизни, все предыдущие попытки республиканских политиков начиная с 1992 г. поставить миграционную проблематику в центр своей избирательной кампании приводили к провалу.

Между тем, успех Трампа как раз и связан не только с его харизмой и умением работать с электоратом, но и с теми серьёзными проблемами, с которыми столкнулось в последнее время американское общество, в том числе и в миграционной сфере. В связи с этим весьма интересно посмотреть на те ответы, которые предлагают американское государство и общество в целом, а также администрация Трампа, в частности, на вызовы иммиграции.

Американский опыт миграционной политики особенно актуален потому, что США — это страна с многовековой историей иммиграции, являющаяся центром крупнейшей миграционной системы мира. В 2016 г. в Соединенных Штатах проживало 46,6 миллиона иммигрантов. При этом приблизительно 11,1 миллиона мигрантов являются нелегалами.² Немаловажно и то, что в иммиграционном потоке в США долгое время доминировали представители одной этнической и религиозной группы — испаноговорящие латиноамериканцы (т. н. *hispanics*), выходцы из Мексики и других стран Латинской Америки. В частности, в США сегодня проживает около 12 миллионов человек, родившихся в Мексике. Даже хотя их численность снизилась в течение 2007–2014 гг. приблизительно на миллион человек,³ данный факт ведёт к росту социальной напряжённости и рассматривается многими в качестве угрозы безопасности страны, усиливая опасения и относительно возможности размывания этнорелигиозной идентичности населения США.

Наиболее видным выразителем этих взглядов был знаменитый политолог из Гарвардского университета Сэмюэл Хантингтон, который утверждал, что испаноязычная иммиграция является «наиболее... серьёзным вызовом традиционной американской идентичности... Игнорируя эту проблему, американцы обрекают [своё общество] на трансформацию на две культуры (англо- и испаноязычную) и два языка»⁴. Согласно Хантингтону, опасность представляют шесть специфических черт новой иммиграционной волны:

² Phillip Connor, “International Migration: Key Findings from the US, Europe and the World,” *Pew Research Center*, Available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/12/15/international-migration-key-findings-from-the-u-s-europe-and-the-world/> (accessed 01.10.2017).

³ Ibid.

⁴ Samuel P. Huntington, «The Hispanic Challenge,» *Foreign Policy*, March-April 2004, 32.

наличие общей границы с Мексикой, масштаб иммиграции⁵, её незаконный характер, территориальная концентрация, последовательность и долгосрочный характер.

Определенная ирония здесь состоит в том, что американская миграционная ситуация оказывается значительно благоприятнее, чем в России и большинстве других принимающих иммигрантов стран, поскольку культурная дистанция между местным населением и большинством иммигрантов — христиан (преимущественно — католиков), говорящих на одном из основных европейских языков, в США оказывается наименьшей.

Иммигранты сегодня составляют примерно 13,5 % населения США. При этом свыше 25 млн вовлечены в экономически активную деятельность. Иммиграция — важнейший фактор не только количественного роста, но и качественных изменений в составе американского населения. Сегодня оно превышает 325 млн человек⁶ и продолжает расти, причем весьма высокими темпами. Ожидается, что к 2065 г. оно достигнет 441 млн., при этом в стране будут проживать 78 млн иммигрантов и 81 млн родившихся в США детей иммигрантов.⁷

Иммиграция обеспечивает приблизительно 1/3 совокупного прироста населения и рассматривается в качестве стимулятора экономической активности, обеспечивая подпитку экономики как низкооплачиваемой рабочей силой, так и высококвалифицированными специалистами (а это означает и значительную экономию средств на подготовку национальных кадров). Интересно, однако, что миграционная политика США долгое время не делала особого акцента на квалификацию мигрантов, уделяя первоочередное внимание их этническому происхождению и странам исхода с тем, чтобы сохранить высокую долю среди населения выходцев из Западной Европы (прежде всего, на основе дискриминационных региональных квот, сформированных в начале XX в.) При этом на протяжении XIX и первой половины XX века жители латиноамериканских стран могли въезжать в США практически свободно, однако масштаб их иммиграции был невелик.

Лишь после 1965 г., с принятием революционного Акта об иммиграционной реформе США радикально пересмотрели свою иммиграционную политику, открыв границы для выходцев из стран третьего мира и квали-

⁵ Ibid., 35.

⁶ *United States Census Bureau*, “US and World Population Clock,” Available at: <https://www.census.gov/popclock/> (accessed 01.10.2017).

⁷ D’Vera Cohn, “Future Immigration Will Change the Face of America by 2065,” *Pew Research Center*, 6 October 2015, Available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/10/05/future-immigration-will-change-the-face-of-america-by-2065/> (accessed 01.10.2017).

фицированных специалистов. Сегодня американская иммиграционная политика направлена на достижение следующих основных целей:

- обеспечение стабильной демографической подпитки населения США;
- поддержание его этнического разнообразия;
- обеспечение экономики рабочей силой разнообразных категорий и качества;
- прием беженцев по политическим, религиозным, этническим и прочим гуманитарным мотивам;
- стимулирование притока высококвалифицированных специалистов, облегчающего нагрузку на образовательную систему США, сокращающего затраты на подготовку профессиональных элит и приносящего значительные доходы американским университетам и национальному бюджету (которые, в частности, могут быть использованы для финансирования научных исследований и субсидирования студентов-американских граждан);
- широкомасштабную подготовку иностранных студентов в американских вузах, позволяющую осуществить отбор лучших кадров для предоставления им работы и постоянного жительства в США и стимулировать формирование проамериканских групп – носителей новой политической культуры и идеологии из тех, кто впоследствии вернется домой. Сегодня студенты-иностранцы и сотрудники-иммигранты составляют в США около 1/2 академического персонала в сфере естественных наук.

Таким образом, миграционная политика США, направленная на решение внутренних социально-экономических и политических задач, одновременно является и важнейшим внешнеполитическим механизмом «мягкой власти», характеризуемой Джозефом Найем как «способность получить то, что вы хотите, на основе [своей] привлекательности, а не путем давления или [денежных] выплат».⁸

И тем не менее, сегодня миграционная политика США подвергается в этой стране жесткой критике. В центре дискуссий – вопрос нелегальной иммиграции. Спектр предлагаемых решений – от полной амнистии 11 миллионов мигрантов-нелегалов до их масштабной депортации. В результате глубоких расхождений между сторонниками противоположных подходов в миграционной сфере США не проводили глубоких структурных реформ с 1986г., когда Президент Рональд Рейган подписал принятый Конгрессом Акт об иммиграционной реформе и контроле, амнистировавший приблизительно 2,7 млн из находившихся в стране шести миллионов

⁸ Nye, Joseph, *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, New York: Public Affairs, 2004.

нелегалов. Сегодня же даже само выражение “иммиграционная амнистия” стало бранным в американском политическом лексиконе и все попытки президентов Клинтона, Буша и Обамы внести серьезные изменения в миграционное законодательство заканчивались провалом.

В частности, проведение глубокой структурной реформы миграционной политики (причем уже в первый же год его первого президентского срока) было одним из важнейших предвыборных обещаний Барака Обамы в 2008г., обеспечившим ему внушительную поддержку испаноязычных избирателей, составляющих сегодня уже более 13 % электората (доля испаноязычных избирателей в составе американского электората увеличивается приблизительно на один процентный пункт с каждым двухлетним избирательным циклом). В 2012 г. Обама получил 71 % голосов этой группы избирателей.

Подобная ситуация вынуждала руководство республиканской партии лихорадочно искать компромиссные решения с тем, чтобы, несмотря на ожесточенное сопротивление консервативных партийных активистов, поддерживать некоторые аспекты миграционной реформы в надежде вернуть поддержку хотя бы части «испаноязычного» электората. Однако неспособность Обамы, несмотря на его предвыборные обещания, договориться с Конгрессом о проведении комплексной иммиграционной реформы, привела к резкому снижению активности испаноязычных избирателей на выборах 2014 г., став одной из важнейших причин сокрушительного поражения Демократической партии. Эта история повторилась с еще более катастрофическими последствиями во время президентской кампании 2016 г.: односторонняя ориентация демократического кандидата Хиллари Клинтон на афроамериканское меньшинство оттолкнула от демократов большую долю испаноязычных избирателей. В результате даже несмотря на агрессивную антииммигрантскую риторику Дональда Трампа, ему удалось получить 29 % голосов испаноязычных избирателей – больше, чем двоим его республиканским предшественникам (Джону Маккейну и Митту Ромни, получившим соответственно 27 % и 23 %). Из республиканских кандидатов только Джорджу Бушу II удалось получить больше – 41 %).

Предлагавшаяся Обамой иммиграционная концепция включала как либеральные, так и достаточно жесткие ограничительные элементы (в частности, в годы его президентства было депортировано более 1,5 млн мигрантов-нелегалов - больше, чем за 16 лет пребывания у власти Клинтона и Буша-младшего).⁹

⁹ Kessler, Glen, *Obama's flip-flop on using executive action on illegal immigration*, Available at: <http://www.washingtonpost.com/blogs/fact-checker/wp/2014/11/18/obamas-flip-flop-on-using-executive-action-on-illegal-immigration/> (accessed 01.10.2017).

Одновременно долгосрочная концепция иммиграционной реформы Барака Обамы предусматривала либерализацию визового режима для высококвалифицированных работников и предпринимателей, готовых вкладывать средства в американскую экономику. С точки зрения целей как демографической политики, так и обеспечения нужд рынка рабочей силы, особое значение имел так называемый “Акт мечты” (“Развитие, помощь и образование для малолетних мигрантов” – The DREAM Act). Принятие этого акта обеспечило бы облегченное и ускоренное получение постоянного иммиграционного статуса, а потенциально – и гражданства теми молодыми (до 31 года) нелегалами, которые детьми (до достижения 12 лет) приехали в США вместе с родителями, не имели серьезных проблем с законом, закончили или учились в школах и университетах или служили в американской армии.

Нежелание республиканского большинства в Палате представителей пойти на компромисс с Белым домом вынудило Президента Обаму в 2012г. пойти на достаточно радикальный шаг – принятие в обход Конгресса исполнительной директивы об “Отложенном действии в отношении тех, кто был привезен детьми” (Deferred Action for Childhood Arrivals), в основу которой были положены положения “Акта мечты”. Она отложила на 2 года депортацию из США порядка 800 тыс. молодых нелегалов, приехавших в страну детьми и отвечавших другим вышеупомянутым требованиям. Придание данной директиве формы закона по-прежнему требовало принятия соответствующего акта американским Конгрессом, обещая многолетнюю острую политическую борьбу.

Не получив законодательной поддержки, 20 ноября 2014г. Обама подписал еще более радикальную исполнительную директиву, еще более осложнявшую его отношения с законодательной властью. Помимо облегчения въезда в страну для высококвалифицированных специалистов, данный документ продлевал до трех лет срок отложенной депортации для порядка 600 тыс. молодых нелегалов, подпадавших под действие директивы 2012г., и распространял ее действие приблизительно еще на 300 тыс. молодых нелегалов и 3,7 млн. родителей иммигрантов – граждан или постоянных жителей Соединенных Штатов (при условии, что они могли документально подтвердить свое пребывание в стране по крайней мере с 1 января 2010г., не были вовлечены в серьезные нарушения закона и обязывались пройти соответствующие проверки, предоставить свою биометрическую информацию, а также оплатить регистрационные пошлины, сборы и налоги на все доходы, полученные за время пребывания в США). При этом директива не только откладывала их депортацию с возможностью дальнейшего продления этого нового статуса, но и позволяла им получить разрешение на работу

и карточку системы социального обеспечения. Тем не менее, новый статус не давал возможности быстрого получения постоянного иммиграционного статуса и, тем более, гражданства — лица, подпадавшие под действие исполнительной директивы, должны были “встать в конец очереди.” Выступая по телевидению, Обама подчеркивал, что его директива не являлась амнистией, а была направлена на “вывод из тени” нелегалов, что, по его словам, было важно как для повышения эффективности сбора налогов, так и обеспечения законности и правопорядка.¹⁰

Между тем, оппоненты президентской директивы не только протестовали против ее принятия в обход Конгресса, но и указывали, что она создала стимулы для формирования новых волн нелегальных мигрантов, также стремящихся к рождению детей, которые автоматически стали бы американскими гражданами¹¹, а также говорили о несправедливости этой меры по отношению к тем мигрантам (включая квалифицированных специалистов), которые приезжают в США легально, но нередко вынуждены десятилетиями ждать получения постоянного статуса и, тем более, гражданства.

Сегодня вопросы приоритетов миграционной политики вызывают серьезные противоречия даже среди сторонников либерального подхода. В частности, имеют место трения между теми, кто поддерживает общее снятие ограничений с иммиграции и массовую легализацию незаконных мигрантов, и теми, кто предлагает радикальное увеличение квоты высококвалифицированных специалистов при одновременном резком сокращении числа лиц, прибывающих по линии воссоединения семей.

Многие критики призывают США перейти на канадскую систему очков как основной принцип формирования миграционного потока и оценки «качества» потенциальных иммигрантов¹². Введенная в 1967 г., она дает значительные преимущества людям моложе 35 лет и имеющим ученые степени или профессиональную квалификацию высокого уровня (аналогичная система используется и в Австралии): 62 % разрешений на постоянное жительство выдаются на основе квалификации (в США же

¹⁰ David Nahamura, “Obama acts on immigration, announcing decision to defer deportations of 4 million,” Available at: http://www.washingtonpost.com/politics/2014/11/20/9a5c3856-70f6-11e4-8808-afaale3a33ef_story.html (accessed 01.10.2017).

¹¹ Четырнадцатая поправка к Конституции США декларирует, что «Все лица, рожденные или натурализованные в Соединенных Штатах..., являются гражданами Соединенных Штатов и того Штата, на территории которого они проживают. Ни один Штат не должен принимать или претворять в жизнь законы, ограничивающие привилегии или гарантии, предоставляемые гражданам Соединенных Штатов...» Available at: <http://usconstitution.com/bill-of-rights/amendments-11-27> (accessed 01.10.2017).

¹² Подробнее см.: www.cic.gc.ca/english/immigrate/skilled/apply-who.asp

— лишь 13 %) ¹³. Выразителем подобного подхода является, в частности, политический обозреватель CNN и журнала Time, ученик Сэмюэла Хантингтона Фарид Закария. ¹⁴ Вероятно, оптимальное решение находится где-то на полпути между канадской и американской моделями иммиграционной политики.

Между тем, одним из ключевых вопросов в миграционной сфере является стремительное возрастание численности и доли в населении испаноязычных жителей, которые не так давно обошли по численности афроамериканцев, став крупнейшим меньшинством США. Ожидается, что к 2065 г. доля «хиспаников» в населении, составляющая сегодня 18 %, возрастет до 24 %, азиатов — увеличится с 6 % до 14 %, в то время как доля афроамериканцев останется почти неизменной — 13% по сравнению с 12 % сегодня. Доля же белых опустится с 62 % до 46 % - т. е. они потеряют свое абсолютное большинство в населении США. ¹⁵ При этом быстрый рост рядов азиатских и латиноамериканских меньшинств будет все более определяться не столько иммиграцией, сколько их высокими темпами рождаемости.

Ожидается, что белые потеряют абсолютное большинство в населении страны к 2044 г., а доля иммигрантов возрастет с 13,3 % в 2014 г. до 18,8 % в 2060 г.). ¹⁶ Между тем, антииммиграционная риторика многих республиканских активистов и нарастающие опасения белого среднего класса относительно утраты своих позиций ведет к усиливающейся поляризации электората.

Осознание этой реальности заставляло республиканскую партийную верхушку делать в последние два десятилетия ставку на тех кандидатов, которые могли бы рассчитывать и на поддержку испаноязычного электората — таких, как Джеб Буш, женатый на мексиканке, свободно говорящий по-испански и известный своими либеральными взглядами по миграционной проблематике, и сын кубинских иммигрантов флоридский консервативный сенатор Марко Рубио. Кубинские корни имеет и гораздо более правый и трудно управляемый сенатор-популист Тед Круз.

Однако появление кандидатуры Трампа и его последующая победа на выборах 2016 г. спутали все карты республиканскому руководству — он не

¹³ Farid Zakaria, “Broken and Obsolete: An Immigration Deadlock Makes the U.S. a Second-Rate Nation,” *Time*, 2012, 18 June, 20.

¹⁴ *Ibid.*, 20.

¹⁵ D’Vera Cohn, *op. cit.*

¹⁶ Sandra L. Colby and Jennifer M. Ortman, “Projections of the Size and Composition of the U.S. Population: 2014 to 2060,” *Current Population Survey: Population Estimates and Projections*, U.S. Bureau of the Census, Washington, D. C., Available at: <http://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2015/demo/p25-1143.pdf> (accessed 01.10.2017).

только отодвинул в сторону «управляемых» кандидатов, но и кардинально изменил тональность избирательной кампании, придав ей четкие антииммигрантские очертания.

При этом его риторика приобрела откровенно расистские тона — он, в частности, стал утверждать, что большинство иммигрантов, прибывающих из Мексики — это уголовники, включая насильников, грабителей и убийц (отметим, что три четверти иммигрантов — выходцы из Латинской Америки).

Трамп также полностью изменил и «громкость», и смысловую направленность предвыборной дискуссии и во внешнеполитической сфере, поставив иммиграцию в центр своей избирательной платформы и описывая ситуацию в терминах, которые до него не рискнул бы употреблять ни один карьерный политик. Сенсацию вызвал и его молчаливый отказ открыто осудить антиисламские высказывания одного из его поклонников. Соответственно, и другие претенденты (Скотт Волкер, Крис Кристи) вынуждены были формулировать свои позиции (сдвигаясь при этом вправо) по проблемам, обсуждения которых они предпочли бы избежать как можно дольше.

С приходом в Белый дом Трамп оставил в силе основные положения своей (анти)иммиграционной программы, которая, в частности, включает:

- планы по строительству стены на границе с Мексикой;
- требование, чтобы это строительство было оплачено мексиканским правительством;
- резкое усиление правоохранительных аспектов миграционной политики, включая упор на депортацию нелегалов и лишение федеральных грантов городов, предоставляющих им защиту;
- отзыв DACA и депортацию молодых мигрантов, подпадавших под действие этого акта;
- резкое ограничение приема еженцев;
- ликвидацию иммиграционной лотереи «разнообразия»;
- перенесение упора миграционной политики с воссоединения семей на интенсивное привлечение высококвалифицированных специалистов и состоятельных мигрантов, готовых вкладывать деньги в американскую экономику и
- блокирование иммиграции из стран, рассматриваемых в качестве рассадников терроризма.

Многие из этих мер непосредственно затрагивают мигрантов из Мексики и других стран Латинской Америки и способны привести к резкому обострению отношений США с их ближайшими соседями. Они также не учитывают того обстоятельства, что численность нелегалов в стране не рас-

тет уже на протяжении десяти лет, а доля выходцев из Латинской Америки в миграционном потоке сокращается. Иммиграция из Мексики, например, сократилась с 770 тыс. человек в 2000 г. до 140 тыс. в 2010 г.¹⁷ Как ожидается, в 2065 г. выходцы из Азии составят 38 % иммиграционного потока, тогда как испаноязычные мигранты – 31 % (сегодня их доли составляют соответственно 47 % и 26 %).¹⁸

Тем не менее, нельзя не отметить, что миграционная политика Трампа следует в русле мировых миграционных трендов последних лет. В частности, с усилением экономических трудностей и нарастанием этнической напряженности во многих европейских странах усиливаются требования о жестком ограничении иммиграции и переориентации миграционной политики на преимущественный прием высококвалифицированных специалистов в ущерб всем остальным категориям мигрантов, включая и беженцев. Бывший президент Франции Николя Саркози, например, говорил о необходимости перехода от «выстраданной» к «избранной» иммиграции.¹⁹ Европейские эксперты различают также «желательную» (высококвалифицированную трудовую) и «нежелательную» миграцию. В рамках «нежелательной» группы выделяются «неизбежные» (по сути, нелегальные, преимущественно низкоквалифицированные) и «принимаемые вынужденно» мигранты – как те, кто пользуется правом на воссоединение семей, так и те, кто просит убежища.²⁰

Помимо этого, многие аспекты политической программы Трампа, в том числе и в миграционной области, пользуются поддержкой (хоть нередко и молчаливой) значительной доли белого электората. Это обстоятельство, наряду с общей “заряженностью” Президента на конфликт со своими оппонентами и упорство в достижении поставленных целей, может свидетельствовать в пользу наращивания запретительных мер в миграционной сфере. Между тем, исторический опыт США говорит прежде всего о значительной пользе миграции и способности и государства, и общества интегрировать значительные массы мигрантов, не подвергая опасности основы

¹⁷ Jeffrey F. Passel, D’Vera Cohn, and Ana Gonzales-Barrera, “Net Migration from Mexico Falls to Zero—And Perhaps Less.” *Pew Research Center: Hispanic Trends*. 23 April 2012. Available at: <http://www.pewhispanic.org/2012/04/23/net-migration-from-mexico-falls-to-zero-and-perhaps-less/> (accessed 01.10.2017).

¹⁸ D’Vera Cohn, *op. cit.*

¹⁹ Joppke, Christian. “Trends in European Immigration Policies”, J. Peter Burgess and Serge Gutwirth, eds. *A Threat Against Europe? Security, Migration and Integration*. Brussels: VUBPress, 2011, 17.

²⁰ Carling, Jorgen, “The European Paradox of Unwanted Immigration”, In: J. Peter Burgess and Serge Gutwirth, eds. *A Threat Against Europe? Security, Migration and Integration*. Brussels: VUBPress, 2011, 134-35.

демократической власти. Помимо этого, все статистические прогнозы свидетельствуют, что как доля мигрантов, так и меньшинств в населении США будут последовательно возрастать (а с ними — и политическое влияние этих групп) — а это может повлечь за собой и очередной пересмотр приоритетов миграционной политики.

Библиография

1. Phillip Connor, “International Migration: Key Findings from the US, Europe and the World,” *Pew Research Center*, Available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/12/15/international-migration-key-findings-from-the-u-s-europe-and-the-world/> (accessed 01.10.2017).
2. Samuel P. Huntington, «The Hispanic Challenge,» *Foreign Policy*, March-April 2004, 32.
3. *United States Census Bureau*, “US and World Population Clock,” Available at: <https://www.census.gov/popclock/> (accessed 01.10.2017).
4. D’Vera Cohn, “Future Immigration Will Change the Face of America by 2065,” *Pew Research Center*, 6 October 2015, Available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/10/05/future-immigration-will-change-the-face-of-america-by-2065/> (accessed 01.10.2017).
5. Nye, Joseph, *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, New York: Public Affairs, 2004.
6. Kessler, Glen, *Obama’s flip-flop on using executive action on illegal immigration*, Available at: <http://www.washingtonpost.com/blogs/fact-checker/wp/2014/11/18/obamas-flip-flop-on-using-executive-action-on-illegal-immigration/> (accessed 01.10.2017).
7. David Nahamura, “Obama acts on immigration, announcing decision to defer deportations of 4 million,” Available at: http://www.washingtonpost.com/politics/2014/11/20/9a5c3856-70f6-11e4-8808-afaale3a33ef_story.html (accessed 01.10.2017).
8. Farid Zakaria, “Broken and Obsolete: An Immigration Deadlock Makes the U.S. a Second-Rate Nation,” *Time*, 2012, 18 June, 20.
9. Sandra L. Colby and Jennifer M. Ortman, “Projections of the Size and Composition of the U.S. Population: 2014 to 2060,” *Current Population Survey: Population Estimates and Projections*, U.S. Bureau of the Census, Washington, D. C., Available at: <http://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2015/demo/p25-1143.pdf> (accessed 01.10.2017).
10. Jeffrey F. Passel, D’Vera Cohn, and Ana Gonzales-Barrera, “Net Migration from Mexico Falls to Zero—And Perhaps Less.” *Pew Research Center: Hispanic Trends*. 23 April 2012. Available at: <http://www.pewhispanic.org/2012/04/23/net-migration-from-mexico-falls-to-zero-and-perhaps-less/> (accessed 01.10.2017).

11. Joppke, Christian. "Trends in European Immigration Policies", J. Peter Burgess and Serge Gutwirth, eds. *A Threat Against Europe? Security, Migration and Integration*. Brussels: VUBPress, 2011, 17.
12. Carling, Jorgen, "The European Paradox of Unwanted Immigration", In: J. Peter Burgess and Serge Gutwirth, eds. *A Threat Against Europe? Security, Migration and Integration*. Brussels: VUBPress, 2011, 134-135.

Миграционная политика администрации Дональда Трампа: риторика и практика

The Donald Trump Administration Migration Policy: rhetoric and practice

Resumen: En la comunicación se analizan las iniciativas de la regulación migratoria de la administración de Donald Trump, se examinan las declaraciones principales de su programa electoral y la práctica de sus aplicaciones. El autor suponga que la construcción del Muro fronterizo Estados Unidos-México en gran parte se corresponda con las consultas de la opinión pública. Sin embargo, los métodos de reducción de la migración irregular encuentran con la resistencia activa.

Palabras claves: EEUU; Frontera México-Estados Unidos; migración; inmigración ilegal; Donald Trump; política migratoria.

Abstract: The report treats the President Trump Administration initiatives on immigration control. The analysis covers both the presidential campaign platform proposals and practical implementation of the policy. Author notes that the Mexico-US border wall construction is generally meeting the public demand. Nevertheless, the illegal migration treatment methods have met an active public resistance.

Key words: USA; Mexican-US Border; immigration; illegal immigration; Donald Trump; migration policy.

Радикальное изменение вектора миграционной политики было одним из знаковых тезисов предвыборной кампании Дональда Трампа. Сложная тема, выдвигающая требования как к самим мигрантам, так и к принимающему обществу, стала важным фактором политической борьбы. Миграционная дискуссия составляет во многом привычный фон социально-экономической и политической жизни. Это объяснимо, ведь в США численность населения иностранного происхождения оценивается в 46,1 млн чел. или 14,3 % жителей². Если рассматривать трансграничную мобильность в формате Западного полушария, то здесь первенство принадлежит пространству, которое можно обозначить как Северный миграционный ареал. Он включает в себя Мексику, центральноамериканские страны и государства Карибского моря, где на США фокусируется более 90 % миграционных по-

¹ Кудеярова Надежда Юрьевна, Россия, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (n.kudeyarova@yandex.ru).

² Подсчитано по данным: *World Bank, Bilateral Migration Matrix* 2013. [Электронный ресурс]. URL: www.worldbank.org (дата обращения: 15.01.2017).

токов. Совокупная численность мигрантов из этого региона в США оценивается в 23 млн чел.³

Территориально большинство латиноамериканцев сконцентрированы в юго-западных штатах, 55 % всех испаноязычных жителей проживали в Калифорнии, Техасе и Флориде. В Калифорнии обосновалось около 14,4 млн чел. или более четверти всех проживающих в США латиноамериканцев⁴. Естественным продолжением территориальной концентрации испаноязычного населения стал сопутствующий рост числа нелегальных мигрантов, которые также стремились поселиться ближе к своим землякам. Галопирующий рост нелегального потока начался в 1990-е гг. и достиг пиковых значений в 2007 г., когда общее число находящихся в стране людей с неурегулированным статусом оценивалось в 12,2 млн чел. Под воздействием экономического кризиса интенсивность потока стала снижаться, и в 2014 г. их численность оценивалась в 11,3 млн. В топ-10 стран происхождения нелегальных мигрантов вошли шесть государств Латинской Америки и Карибского бассейна, на которые пришлось 86,9 % всех нелегалов. Подавляющее их большинство (49 %) составляли мексиканцы (5,6 млн в 2015 г.)⁵.

Эти данные во многом объясняют латиноамериканскую проекцию дискуссии, которая стала активно проявляться в США в отношении методов реализации миграционной политики. С начала XXI в. были предприняты три попытки подготовки и принятия всеобъемлющей реформы, ни одна из них не была утверждена конгрессом США. В этой обстановке оперативные решения принимались указами президента, что вызывало споры и противодействие, но не выходило за рамки традиционного русла решения вопросов⁶.

Эскалация миграционной проблематики началась в ходе президентской избирательной кампании 2016 г. Можно отметить, что и сами представители мейнстрима Республиканской партии оказались не готовы к произошедшей радикализации риторики. В ходе кампании никто, кроме Трампа, не смог эффективно использовать «миграционную карту», в том числе

³ Кудеярова Н. Ю., «Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs Локализация» // *Латинская Америка*, 2017, № 2, 76–91.

⁴ Brown A., López M. H., *Mapping the Latino Population, By State, County and City*. Pew Research Center, August 29, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2013/08/29/mapping-the-latino-population-by-state-county-and-city/#about-this-report> (дата обращения: 01.09.2017).

⁵ Pew Research Center. 5 facts about illegal immigration in the U.S. April 27, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/04/27/5-facts-about-illegal-immigration-in-the-u-s/> (дата обращения: 01.09.2017).

⁶ Кудеярова Н. Ю., «Проблема нелегальной латиноамериканской миграции в США: пространство непримиримого противостояния» // *Вестник СПбГУ. Сер. 6: Политология. Международные отношения*, 2015, № 3, 127–135.

и Марко Рубио — сенатор-республиканец, активно выступавший за проведение миграционной реформы, ужесточающей пограничный контроль и усиливающий борьбу с нелегальной миграцией⁷. Дискурс Дональда Трампа, одержавшего победу на выборах, строился вокруг идеи восстановления американского мирового лидерства, где тезис о возвращении рабочих мест в Соединенные Штаты соседствовал с концепцией ужесточения миграционного регулирования (подразумевалось, что мигранты лишают рабочих мест уроженцев страны), а проблема нелегальной миграции поднималась в увязке с требованиями национальной безопасности.

Основные идеи, озвученные в ходе предвыборной кампании, были в концентрированной форме сформулированы в «Видении Дональда Трампа» (Donald J. Trump's Vision), где в качестве приоритета были обозначены «работа, зарплата и безопасность американского народа». Эти цели можно достичь, если «установить новый иммиграционный контроль, который будет способствовать повышению заработной платы и обеспечению приоритета предложения новых рабочих мест американским рабочим». При этом предлагалось «защитить экономическое благополучие законных иммигрантов, уже проживающих в стране, путем пресечения неконтролируемого приема иностранных рабочих». В «Видении» приоритет отдавался квалифицированным специалистам и финансово состоятельным мигрантам, а также заявлялось о необходимости «временно приостановить иммиграцию из регионов, которые экспортируют терроризм и где в настоящее время не может быть обеспечена проверка безопасности»⁸.

Аргументация заявленных целей миграционной политики фокусировалась прежде всего на вопросах безопасности: «в период с 11 сентября 2001 г. и до конца 2014 г. по меньшей мере 380 человек иностранного происхождения были осуждены по обвинениям в причастности к терроризму внутри США», «с 2008-го по 2014 г. около 13 тыс. преступников были отпущены обратно в американские общины, поскольку родные страны не приняли их обратно», «62 % домохозяйств, возглавляемых нелегальными эмигрантами, использовали наличные и безналичные формы дотаций по социальным программам, в том числе в виде продовольственных талонов или помощи с жильем». В итоге «текущая иммиграционная политика обходится налогоплательщикам в 300 млрд долл. в год»⁹. Однако обвинения в бездействии в адрес администрации демократов во многом не соответствовали реально-

⁷ Кудеярова Н. Ю., «Миграционные реформы в США: мексиканский вектор дискуссии» // *Иberoамериканские тетради*, 2014, № 3, 85–94.

⁸ *Donald J. Trump's Vision* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.donaldjtrump.com/policies/immigration/> (дата обращения: 15.01.2017).

⁹ *Ibid.*

сти. Часть предложений Д. Трампа уже реализовывалась его предшественниками, столкнувшимися на этом пути с серьезным противодействием как со стороны идеологических противников, так и деловых кругов. В период правления Барака Обамы политика в отношении нелегальных мигрантов, совершивших преступления на территории США, была существенно ужесточена: в 2016 г. процент депортированных за тяжкие преступления превысил 90 % от общего числа высланных из страны по сравнению с 51 % в 2009 г.¹⁰

Несмотря на противоречивый предыдущий опыт и отсутствие простых решений, в практике миграционного регулирования были представлены «10 пунктов плана Дональда Трампа как сделать Америку снова первой». Перечислим их по порядку:

1. С первого дня начать работу над физической непроницаемостью стены на Южной границе. Мексика заплатит за стену.
2. Прекращение практики «лови-и-отпусти». При администрации Трампа, тот, кто незаконно пересекает границы, будет задерживаться вплоть до момента депортации из страны.
3. Высылка в течение одного дня иностранцев с уголовным прошлым, осуществляемая в ходе совместных операций с местными и федеральными правоохранительными органами. Прекращение смертоносной политики администрации Обамы, которая позволяет тысячам преступникам-иностранцам свободно ходить по улицам страны.
4. Конец городам-убежищам.
5. Незамедлительное прекращение действия двух незаконных амнистий президента Обамы. Все иммиграционные законы будут выполняться, количество агентов Миграционной и Таможенной служб будет утроено. Любой, кто незаконно приедет в США, подлежит депортации. Это означает соблюдать законы и защищать страну.
6. Приостановить выдачу виз в любом месте, где невозможно провести надлежащий отбор, до тех пор, пока не будут созданы надежные и эффективные механизмы проверки.
7. Убедиться, что другие страны принимают людей, которых мы депортируем.

¹⁰ *DHS Releases End of Year Fiscal Year 2016 Statistics*. December 30, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dhs.gov/news/2016/12/30/dhs-releases-end-year-fiscal-year-2016-statistics> (дата обращения: 01.09.2017).

8. Обеспечить полное внедрение биометрической системы отслеживания въездных и выездных виз во всех наземных, воздушных и морских портах.
9. Отключить магнит притяжения работы и дохода. Многие иммигранты незаконно приезжают в США в поисках работы, хотя федеральный закон запрещает трудоустройство нелегальных иммигрантов.
10. Реформировать механизмы легальной иммиграции, чтобы служить интересам Америки и ее работников, сохраняя уровень иммиграции в пределах исторических норм¹¹.

Многие аспекты, критикуемые в программе Д. Трампа, на протяжении более 20 лет являлись практикой регулирования миграций. Наиболее остро стояла проблема нелегальной миграции, которая имела латиноамериканское лицо. Неспособность государства противостоять этому явлению вызывала критику идеологов и сторонников Республиканской партии. Так, Патрик Бьюкенен, консервативный американский политик, утверждал: «Юго-Запад наводнили нелегальные чужаки, тысячи которых пересекают границу каждый день, увеличивая население Америки. Похищения людей и наркотрафик превращают в насмешку рассуждения о правах человека и уничтожают государство»¹². Связывая миграционные потоки с обострением проблем безопасности, сторонники жестких антимиграционных действий настаивали на пересмотре политики в отношении мигрантов в целом и нелегальной миграции в частности.

Подобная идеология, на протяжении длительного времени находившаяся за пределами практического и законодательного мейнстрима, оказалась чрезвычайно востребованной в ходе прошедшей в 2016 г. президентской избирательной кампании. Основные положения, выдвинутые республиканским кандидатом Дональдом Трампом, были поддержаны избирателями и внесли свой вклад в его победу. Наиболее ярким тезисом стало обещание построить стену на мексиканско-американской границе. Эта «Стена» стала символом новой политики США.

Поддержанная избирателем жесткая риторика на практике может столкнуться со значительным сопротивлением. По многим вопросам отсутствует консолидированное мнение как среди сторонников новой администрации, так и у оппонентов. По данным опросов, проведенных Pew Research Center, американцы поддержали идею строительства стены, однако другие инициативы были восприняты не столь однозначно. Пример-

¹¹ *Donald J. Trump's 10 Point Plan to Put America First* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.donaldjtrump.com/policies/immigration/> (дата обращения: 15.01.2017).

¹² Бьюкенен П., *На краю гибели*. М.: АСТ, 2007, 16.

но восемь из десяти сторонников Д. Трампа заявили, что ситуация с нелегальной миграцией ухудшилась с 2008 г., в то же время респонденты не разделяли жесткой линии в отношении статуса нелегально проживавших в США мигрантов, в том числе потому, что они выполняют работу, на которую не претендуют американцы¹³.

Можно предположить, что миграционная политика виделась в качестве той дискуссионной платформы, где можно найти быстрое решение. После инаугурации администрация Д. Трампа приступила к реализации заявленных в ходе предвыборной кампании целей. Первым шагом стал указ президента «О совершенствовании пограничной безопасности и иммиграционного контроля», опубликованный 25 января 2017 г.¹⁴ В указе внимание фокусировалось на двух задачах — строительстве стены на мексиканско-американской границе и регулировании нелегальной миграции. Отмечалось, что нелегалов, задержанных на территории США за нарушение законов или осужденных в США, будут депортировать. Если страны, из которых нелегалы прибыли на территорию США, не пойдут навстречу и не будут принимать своих граждан, то США могут отказать гражданам этих стран в выдаче виз. Значительная часть указа содержала положения относительно строительства стены. Планировалось, что на начальном этапе первичное финансирование строительства будет происходить за счет американских налогоплательщиков, а впоследствии затраты должны быть компенсированы мексиканской стороной.

Данный указ вызвал широкие протесты в Мексике. В тот же день президент данной латиноамериканской страны Энрике Пенья Ньето выступил с обращением к нации, в котором отметил, что «Мексика не верит в стены. Они не способствуют сближению, они разъединяют». Он отметил, что консульства латиноамериканской страны должны сосредоточиться на помощи мигрантам. Он еще раз артикулировал позицию, что Мексика никогда не будет оплачивать возведение стены на границе¹⁵. В знак протеста визит мексиканского президента в США был отменен.

¹³ Gramlich J., *Trump voters want to build the wall, but are more divided on other immigration questions*. Pew Research Center. November 29, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/11/29/trump-voters-want-to-build-the-wall-but-are-more-divided-on-other-immigration-questions/> (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁴ *Executive Order: Border Security and Immigration Enforcement Improvements*, January 25, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/25/executive-order-border-security-and-immigration-enforcement-improvements> (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁵ *Mensaje del Presidente Enrique Peña Nieto*. 25 de Enero, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gob.mx/presidencia/prensa/mensaje-del-presidente-enrique-pena-nieto-92770> (дата обращения: 01.09.2017).

Идея строительства стены не нова. Первые шаги по возведению ограждения были предприняты еще в 1994 г. с началом волны массовой нелегальной миграции. В период президентства Дж. Буша — младшего строительство получило новый импульс в качестве ответа на террористическую опасность. В настоящее время суммарная протяженность выстроенных ограждений составляет 950 км. Современный проект подразумевает сооружение «от 700 и до 900 миль» стены (1000–1500 км), при том что общая протяженность границы составляет 3201 км.

Несмотря на спорность вопроса и угрозу обострения отношений с латиноамериканским соседом, в июле 2017 г. конгресс США утвердил выделение 1,6 млрд долл. на строительство стены на границе Соединенных Штатов и Мексики¹⁶. На своей странице в «Твиттере» Трамп прокомментировал решение словами: «Большая победа для строительства стены». Утверждение данного бюджета стало первой победой Трампа, члены Республиканской партии отмечали, что президент откажется подписывать бюджет без выделенных на это строительство денег¹⁷. Таким образом, направление миграционной политики, одобряемое общественным мнением, постепенно развивается. Утверждение бюджета стало очередным шагом в развитии конфронтации в отношениях между США и Мексикой.

Однако значительно более конфликтными для внутривнутриполитической повестки США стали решения, ужесточающие меры регулирования нелегальной миграции и противодействия терроризму. Так, 27 января 2017 г. был издан указ «О защите нации от въезда иностранных террористов в США», в котором был введен запрет на въезд в страну на срок 90 дней для граждан шести мусульманских стран: Ирана, Сирии, Ливии, Сомали, Йемена и Ирака, независимо от стремления получить статус беженца¹⁸. Этот указ вызвал жесткое противодействие судебной власти в США, против выступили многие общественные и политические деятели страны.

Новым шагом, увеличивающим внутривнутриполитическую конфронтацию, стала отмена программы, защищавшей от депортации нелегальных мигрантов, въехавших в Соединенные Штаты в детском возрасте. В США находятся около 800 тыс. чел., участников программы, из них 70

¹⁶ *West Wing Reads for 07.12.17* [Электронный ресурс]. URL: https://www.whitehouse.gov/blog/2017/07/12/west-wing-reads-71217?utm_source=twitter&utm_medium=social&utm_campaign=wh_20170712_wwr (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁷ Pozzi S. “Trump logra su primera victoria en el Congreso para construir el muro con México” // *El País*, Madrid, 13 de julio 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2017/07/13/actualidad/1499907290_800566.html?rel=mas (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁸ *Executive Order: Protecting the Nation from Foreign Terrorist Entry into the United States* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/27/executive-order-protecting-nation-foreign-terrorist-entry-united-states> (дата обращения: 01.09.2017).

% — это выходцы из Мексики и в целом 90 % участников программы прибыли в детском возрасте из латиноамериканских стран¹⁹. В постановлении, опубликованном 5 сентября 2017 г., отмечалось, что администрация Трампа закончила «незаконную иммиграционную политику предыдущей администрации, создавшей незаконную программу „Отложенных действий по отношению к прибывшим детям“» (Deferred Action for Childhood Arrivals, DACA)²⁰. Завершение программы должно произойти в течение шести месяцев. Однако власти 15 штатов США подали судебный иск против отмены программы. Противостояние по отмене данного распоряжения только начинается.

Подводя итог сравнительного анализа риторики и практики миграционной политики администрации Д. Трампа, можно отметить, что парадоксальным образом мы видим соответствие анонсированных действий и предпринимаемых шагов. Также отчетливо видно, что поддерживаемая общественным мнением идея строительства стены не встречает мощного сопротивления в политической плоскости. Подобное внешнее проецирование проблем во многом находит поддержку. Однако в вопросах, где нет консенсуса у элит, бизнеса и общественного мнения, поиск простых прямолинейных решений сталкивается с серьезным сопротивлением различных ветвей власти. Начавшийся раунд межпартийного, внутрипартийного противостояния и включения в этот процесс инструментов других ветвей власти тормозят волну планировавшихся реформ. В этой ситуации разменным капиталом может стать межгосударственная повестка, затрагивающая отношения со странами — членами Североамериканского договора о свободной торговле (НАФТА).

Библиография

1. Brown A., López M. H. *Mapping the Latino Population, By State, County and City / Pew Research Center*. August 29 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2013/08/29/mapping-the-latino-population-by-state-county-and-city/#about-this-report> (дата обращения: 01.09.2017).
2. *Pew Research Center. 5 facts about illegal immigration in the U.S.* April 27 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/04/27/5-facts-about-illegal-immigration-in-the-u-s/> (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁹ “It’s outrageous’: 15 states challenge Trump’s DACA decision in court” // *The Guardian*. September 6 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/sep/06/daca-states-lawsuit-trump-dreamers-immigration> (дата обращения: 01.09.2017).

²⁰ *President Donald J. Trump Restores Responsibility and the Rule of Law to Immigration* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/09/05/president-donald-j-trump-restores-responsibility-and-rule-law> (дата обращения: 01.09.2017).

-
3. Кудеярова Н. Ю. «Миграционные реформы в США: мексиканский вектор дискуссии» // *Ибероамериканские тетради*, 2014, № 3, 85–94.
 4. Кудеярова Н. Ю. «Проблема нелегальной латиноамериканской миграции в США: пространство непримиримого противостояния» // *Вестник СПбГУ. Сер. 6: Политология. Международные отношения*, 2015, № 3, 127–135.
 5. Кудеярова Н. Ю. «Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs Локализация» // *Латинская Америка*, 2017, № 2, 76–91.

Проблемы миграции в интеграции государств Ибероамерики

The problems of migration in the integration of the states of Iberoamerica

Resumen: En relación con el aumento del papel y la importancia de la migración en diversas esferas de interacción entre los estados, el artículo describe la cooperación de los países iberoamericanos en la integración económica en términos de migración, llevada a cabo en el marco de asociaciones de integración, acuerdos comerciales regionales y otros foros intergubernamentales. Según las asociaciones de integración, los 4 niveles tradicionales de integración económica se destacan en el trabajo sobre el cual se implementan tres enfoques diferentes a la regulación legal internacional de la migración, que fueron examinados sobre los ejemplos de la Comunidad Andina y el MERCOSUR. Entre los acuerdos comerciales regionales con la participación de los estados iberoamericanos están los que tienen disposiciones sobre migración, se da una descripción general de tales disposiciones. Otros foros interestatales, es decir no creando obligaciones legales para los estados, se consideran los ejemplos del Puebla Process y el Lima Process. Algunas tendencias y problemas en esta esfera están indicados.

Palabras clave: derecho internacional; migración; organizaciones internacionales de integración económica.

Abstract: With the increase of the role and significance of migration in various spheres of inter-state interaction, the article outlines the cooperation of the Ibero-American countries on economic integration in respect of migration, that takes place within the framework of integration organizations, regional trade agreements and other intergovernmental fora. As to the integration organizations, the traditional 4 levels of economic integration are singled out with the three different approaches to the international legal regulation of migration that are used there. The examples of the Andean Community and MERCOSUR are studied. Among the regional trade agreements with the participation of the Ibero-American states, those having provisions on migration are presented, and a general description of such provisions is given. Other interstate fora, i.e. not creating legal obligations for states, are considered at the examples of the Pueblo Process and the Lima Process. Some tendencies and problems in the sphere are outlined, too.

Key words: international law; migration; international organizations of economic integration.

¹ Киселева Екатерина Вячеславовна — Россия, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического института Российского университета дружбы народов (kiseleva_ev@rudn.university). Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 16-03-50188.

В отношении государств Латинской Америки порой отмечается, что миграция оказала самое разностороннее влияние на регион — от формирования концепции защиты прав человека в целом до специфики экономического сотрудничества в частности². Свобода передвижения как право человека может рассматриваться в качестве конституционной традиции региона Южной Америки, где еще в 1811 г. в первой Конституции Венесуэлы было провозглашено (а в дальнейшем воспроизведено и другими странами региона), что все иностранцы независимо от гражданства допускаются на территорию государства³.

Тенденцией последнего полувека для государств Иberoамерики является увеличение потоков внутрирегиональной миграции⁴. На 2015 г. 63 % иммигрантов региона происходят из других государств этого же региона⁵. Такие данные обуславливают вовлеченность государств региона в различные формы взаимодействия по вопросам миграции, в том числе находящиеся в тематической плоскости экономической интеграции.

Как отмечает профессор Г. М. Вельяминов⁶, с позиций международного экономического права применительно к миграции затрагиваются такие аспекты, как регулирование «трансграничных перемещений как таковых, причем не вообще мигрантов, но в их качестве рабочей силы как источника трудовых услуг» (параграф 434), а конкретно — проблемы «во-первых, допуска мигрантов и, во-вторых, обеспечения режима предоставления им трудовых услуг (национальный режим и т. д.)» (там же).

² См., напр.: Миронов Н. М. «Основные этапы становления межамериканской системы защиты прав человека» // *Политические изменения в Латинской Америке*, 2008, № 3—4. [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/latinoamerikanistika/arhiv-nomerov/2008-3---4/n-m-mironov-osnovnye-etapy-stanovlenia-mezamerikanskoj-sistemy-zasity-prav-celoveka>. (дата обращения: 15.01.2017).

³ См.: Acosta D. *Free Movement in South America: The Emergence of an Alternative Model?* August 23 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/free-movement-south-america-emergence-alternative-model>. (дата обращения: 15.01.2017).

⁴ “Around 28,5 Million Latin American and Carribean People Live Outside their Native Countries” // *Economic Commission for Latin American and the Carribean*, 14 November 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cepal.org/en/print/24443>; Pizarro J. M., Villa M. *International migration in Latin America and the Carribean: A summary view of trends and patterns*. 5 July 2005, UN/POP/MIG/2005/14, 4. Ср.: Bown C. P., Lederman D., Pienknagura S., Robertson R., Neighbors B. *Toward a Renewal of Economic Integration in Latin America*. Washington, DC: World Bank, 2017, 162.

⁵ “International migration in Latin America and the Carribean” // *Economic Commission for Latin American and the Carribean*. 5 October 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cepal.org/en/print/34095>. (дата обращения: 15.01.2017)

⁶ Вельяминов Г. М. *Международное экономическое право и процесс (Академический курс)*: учеб. М.: Волтерс Клувер, 2004. В контексте межгосударственных региональных интеграционно ориентированных учреждений (параграфы 124, 161); конкретных региональных организаций (параграфы 242, 270); торговли услугами (366, 369, 375) и др.

Сотрудничество государств по вопросам экономической интеграции в части миграции можно проследить через анализ деятельности интеграционных объединений, содержание региональных торговых соглашений и работу иных межгосударственных форумов.

Интеграционные объединения. В целом выделяется четыре уровня экономической интеграции: зона свободной торговли, Таможенный союз, общий рынок и Экономический союз⁷. Миграция обычно входит в плоскость интеграционного регулирования на последнем и предпоследнем уровнях интеграции.

В зависимости от достигнутого уровня экономической интеграции выделяется три различных подхода к международно-правовому регулированию миграции. Первый — уровень максимальной либерализации — имеет место тогда, когда право на свободу передвижения признается в полном объеме в отношении граждан государств — участников соответствующего межгосударственного объединения. В Иberoамерике примером подобного уровня сотрудничества является Андское сообщество⁸.

В 2001 г. Андским советом министров иностранных дел было принято Решение 503 «О признании национальных документов, удостоверяющих личность»⁹, установившее наличие документов, перечисленных по странам в ст. 1 Решения, в качестве единственного условия для проезда и краткосрочного пребывания¹⁰ во всех странах субрегиона в туристических целях (т. е. без намерения остаться для постоянного проживания и, соответственно, без разрешения на занятие оплачиваемой деятельностью; ст. 2 Решения). Венесуэла, первоначально не участвовавшая в Решении 503, присоединилась к нему в 2005 г., когда вступило в силу соответствующее Решение 603 «Об участии Венесуэлы в Решении 503». Решением 504 2003 г. было принято решение о введении единого документа — андского паспорта (решение вступило в силу 31 декабря 2006 г. Решением 525 (июль 2004 г.) утвержден проект электронного паспорта¹¹. Для достижения целей общего рынка были приняты и другие меры, облегчающие проезд по странам субрегиона¹². Например, в 1996 г. была создана Андская миграционная карта

⁷ *International dialogue on migration. No. 13. Free movement of persons in regional integration processes* / ИОМ, Geneva, 2010, 19.

⁸ См., напр.: Киселева Е. В. *Международно-правовое регулирование миграции: учеб. пособие*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017.

⁹ Вступило в силу в январе 2002 г. См. также: Bown Chad P., Lederman D., Pienknagura S., Raymond R., Neighbors B. *Op. cit.*, 166.

¹⁰ До 90 дней с правом однократного продления (ст. 10 Решения).

¹¹ См.: *Comunidad Andina: normativa en material de migraciones*. Secretaria General SG/di 701. 2005. P. 2.

¹² Например, сокращение и упрощение полицейских и таможенных формальностей и т. д.

как единственный документ контроля за миграцией. Она обязательна при въезде из стран Андского сообщества.

Второй подход реализуется на трех иных из четырех упомянутых уровнях экономической интеграции (в общем рынке, Таможенном союзе, зоне свободной торговли). Этот подход заключается в ограниченном признании права на свободу передвижения и права на труд и лишь для отдельных групп иностранцев. В значительной степени используется аналогия с наработками Всемирной торговой организации (ВТО), где в рамках четвертого способа оказания международных услуг по Генеральному соглашению по торговле услугами (ГАТС) за государствами сохраняется свобода в принятии мер регулирования допуска на свою территорию и пребывания на ней иностранцев. Ибероамериканские государства сотрудничают по такой модели, например, в рамках Общего рынка юга (МЕРКОСУР)¹³.

Достижение свободы передвижения всех факторов производства, включая рабочую силу, было включено в учредительные документы МЕРКОСУР — Асунсьонский договор 1991 г. Отталкиваясь от положений Протокола Оуро Прето 1994 г., государства-участники приняли ряд соглашений по миграционной тематике, в соответствии с которыми отдельным категориям мигрантов была предоставлена возможность получения автоматической визы и свободы проживать и работать на территории государств-членов при определенных условиях (отсутствие судимости за, предшествовавших въезду) — Соглашение о свободе передвижения и проживания для граждан государств — членов МЕРКОСУР. Другим мигрантам (например, ученым, журналистам и др.) было предоставлено право на краткосрочный въезд для некоторых целей.

В 1998 г. на основании протокола Монтевидео по торговле услугами было облегчено положение лиц, оказывающих услуги на территории другого государства-члена. Было также заключено соглашение о визе МЕРКОСУР, позволяющей находиться до четырех лет на территории государств-членов с целью оказания услуг.

В соответствии с третьим подходом государства устанавливают облегченные правила относительно въезда на свою территорию и временного пребывания на ней ограниченного числа категорий граждан иностранных

¹³ См.: Беликова К. М. «Институциональная структура и источники права ЕС и МЕРКОСУР: сравнительно-правовой аспект» // *Международное право и международные организации*, 2013, № 1, 78–91; *International dialogue on migration*. No. 13. Free movement of persons in regional integration processes / IOM, Geneva, 2010, 34–36; *Globalization and International Migration in Latin America and the Caribbean: Trends and Prospects for the 21st Century*, Regional Seminar Santiago, Chile, October 27–29, 1998 Final Report / UNESCO, MOST Management of Social Transformations, 1999. Migration Studies Network for Latin America and the Caribbean (REMIALC).

государств, не предоставляя при этом даже им послаблений в отношении доступа к рынку труда.

Относительно региональных организаций интеграции существует точка зрения, что их создание не самым типичным образом связано с проблемами незаконной миграции. Если обычно незаконная миграция рассматривается в качестве негативного фактора, препятствующего эффективной реализации экономических целей межгосударственных организаций интеграции, которые стремятся преодолеть с помощью международно-правовых средств, то в Латинской Америке незаконная миграция относилась к поводам к созданию новых международных объединений, где последние рассматривались среди прочего в качестве средств к снижению остроты проблем незаконной миграции¹⁴. Другими словами, не результат экономической интеграции в качестве более высокого уровня жизни в государствах-участниках (в сравнении с другими государствами) является притягивающим фактором для осуществления миграции с нарушением законодательства соответствующих государств, но государства создают интеграционные организации для того, чтобы отчасти разрешить проблему незаконной миграции.

Региональные торговые соглашения. На 20 июня 2017 г., по данным Всемирной торговой организации (ВТО) между государствами мира действовало 279 региональных торговых соглашений (РТС)¹⁵. Рост числа РТС составляет одну из тенденций современности, диалектически дополняющую вместе с иными формами региональной интеграции тенденцию к глобализации.

Всё большее число РТС затрагивает вопросы миграции¹⁶. Так, среди примерно 80 РТС с участием ибероамериканских государств, 20 охватывает вопрос перемещения работников, из которых 4 являются внутрирегиональными РТС (Чили — Колумбия, в силе с 8 мая 2009 г.; Перу — Мексика, 1 февраля 2012; Панама — Чили, 7 марта 2008 г.; Коста-Рика — Перу, 1 июня 2013 г.)¹⁷.

¹⁴ См., напр., в отношении МЕРКОСУР: Acosta D. *Free Movement in South America: The Emergence of an Alternative Model?* August 23 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/free-movement-south-america-emergence-alternative-model>. (дата обращения: 1.10.2017)

¹⁵ *Facts and figures, Regional trade agreements, World Trade Organization* [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm. (дата обращения: 1.10.2017)

¹⁶ См., напр.: Crawford J.-A., Fiorentino R. V. *The Changing Landscape of Regional Trade Agreements / World Trade Organization, 2005, Discussion Paper No 8* [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/discussion_papers8_e.pdf, 5. (дата обращения: 1.10.2017)

¹⁷ Составлено на основе данных ВТО [Электронный ресурс]. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>. (дата обращения: 1.10.2017)

Миграционная проблематика может быть освещена в РТС в качестве первостепенного или второстепенного аспекта. Она может включать положения относительно въезда в государство, пребывания на его территории, доступа к рынку труда и др. Чаще других встречаются наиболее мягкие формы облегчения свободы передвижения лиц: упрощенный порядок выдачи виз, введение многократных виз, виз более длительного срока действия, отмена визовых требований и др. В части правил проживания и трудоустройства могут встречаться нормы об упрощении получения или отмене обязательности получения разрешения на временное пребывание или разрешения на работу.

Хотя ряд ученых высказывает сомнения относительно перспектив использования РТС для расширения международного сотрудничества развивающихся государств, именно в сфере миграции как временного передвижения рабочей силы региональные торговые соглашения значительно опережают в своей эффективности многосторонние действия¹⁸.

Иные межгосударственные форумы. Государства Иberoамерики, как и государства иных регионов не ограничиваются лишь теми формами межгосударственного сотрудничества, которые создают обязательства юридического характера. Региональные консультативные процессы также распространены в регионе.

Одним из первых региональных консультативных процессов стала Региональная конференция по миграции, Процесс Пуэбла¹⁹, инициированная в Мексике в 1996 г. В настоящее время Процесс Пуэбла привлекает внимание государств к проблемам миграционной политики и управления миграцией; правам человека мигрантов независимо от статуса мигрантов; приграничному сотрудничеству; связи миграции и вопросов здравоохранения; борьбе с торговлей людьми и др.

Действует с 2000 г. и Лимский процесс, иначе называемый Южно-Американской конференцией по миграции²⁰, в чьи приоритеты входит обеспечение уважения к правам человека мигрантов независимо от статуса

¹⁸ Hoekman B., Winters A. L. "Multilateralizing preferential trade agreements: A developing country perspective" // Baldwin R., Low P. (Eds.). *Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 636–680. Ср.: Crawford J.-A., Fiorentino R. V. *The Changing Landscape of Regional Trade Agreements / World Trade Organization*, 2005. Discussion Paper No 8. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/discussion_papers8_e.pdf, 16. (дата обращения: 1.10.2017)

¹⁹ См. официальный сайт процесса: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rcmvs.org/> Государства-участники: Белиз, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Канада, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Сальвадор, США. (дата обращения: 1.10.2017)

²⁰ См. официальный сайт процесса: [Электронный ресурс]. URL: <http://csm-osumi.org/> Государства-участники: Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай, Чили, Эквадор. (дата обращения: 1.10.2017)

мигрантов; продвижение подходов к миграции в связи с развитием; усиление диалога и политической координации между государствами; подчеркивание значительности вклада мигрантов в благосостояние и культурное обогащение государств происхождения; продвижение участия представителей гражданского общества.

Оба консультативных процесса затрагивают сотрудничество по региональным и субрегиональным соглашениям государств, а также вопросы взаимодействия с государствами иных регионов²¹. Кроме названных, действуют, например, Андский форум по миграции, Специальный форум МЕРКОСУР по миграции²².

В качестве сложностей сочетания участия государств в интеграционных объединениях, региональных торговых соглашениях и иных межгосударственных форумах, как правило, называются проблемы согласования международно-правовых обязательств конкретного государства по всему спектру международных договоров, имеющих одинаковые элементы объекта международно-правового регулирования, но разные правовые установления, а также положительный вклад в развитие межгосударственного сотрудничества юридически необязательных форм взаимодействия, в данном случае — региональных консультативных процессов. В этой части государства Иberoамерики едва ли отличаются от государств иных регионов мира.

Кроме того, в целом отмечается изменение акцентов в сопряжении вопросов миграции и экономической интеграции с направленными на ограничения к расширяющим применение правозащитных подходов к миграции²³. Причем параллельное развитие тенденций секьюритизации международно-правового регулирования миграции и продвижения правозащитного подхода соответствует напряженности сочетания политики и права в сфере миграции, что актуально для регионов и государств, испытывающих социально-экономические сложности безотносительно собственно миграции.

²¹ Pizarro J. M., Villa M. *International migration in Latin America and the Caribbean: A summary view of trends and patterns*. 5 July 2005. UN/POP/MIG/2005/14, 16.

²² См.: “Regional integration and migration policies in Latin America” // *INTAL Monthly Newsletter*. No. 195. November 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www19.iadb.org/intal/cartamensual/Cartas/PDF/195/en/MonthlyNewsletter195_Regional%20And%20Global%20Overview_Art5.pdf; Opeskin B., Perruchoud R., Redpath-Cross J. (Eds.). *Foundations of international migration law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 369.

²³ См.: *Regional integration and migration policies in Latin America...*

Библиография

1. Acosta D. *Free Movement in South America: The Emergence of an Alternative Model?* August 23 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/free-movement-south-america-emergence-alternative-model>. (дата обращения: 1.10.2017)
2. “Around 28,5 Million Latin American and Caribbean People Live Outside their Native Countries” // *Economic Commission for Latin American and the Caribbean*. November 14, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cepal.org/en/print/24443>. (дата обращение: 1.10.2017)
3. Bown Chad P., Lederman D., Pienknagura S., Robertson R. *Better Neighbors: Toward a Renewal of Economic Integration in Latin America*. Washington, DC: World Bank, 2017.
4. *Comunidad Andina: normativa en material de migraciones*. Secretaria General SG/di 701. 2005.
5. Crawford J.-A., Fiorentino R. V. “The Changing Landscape of Regional Trade Agreements” // *World Trade Organization, 2005. Discussion Paper No 8*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/discussion_papers8_e.pdf. (дата обращение: 1.10.2017)
6. *Facts and figures, Regional trade agreements*. World Trade Organization [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm. (дата обращение: 1.10.2017)
7. *Globalization and International Migration in Latin America and the Caribbean: Trends and Prospects for the 21st Century*. Regional Seminar Santiago, Chile. October 27–29 1998. Final Report / UNESCO, MOST Management of Social Transformations, 1999. Migration Studies Network for Latin America and the Caribbean (REMIALC).
8. Hoekman B., Winters A. L. “Multilateralizing preferential trade agreements: A developing country perspective” / R. Baldwin, P. Low (Eds.). *Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 636–680.
9. *International dialogue on migration*. No. 13. Free movement of persons in regional integration processes / IOM, Geneva, 2010.
10. “International migration in Latin America and the Caribbean” // *Economic Commission for Latin American and the Caribbean*, October 5, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cepal.org/en/print/34095>. (дата обращение: 1.10.2017)
11. Opeskin B., Perruchoud R., Redpath-Cross J. (Eds.). *Foundations of international migration law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
12. Pizarro J. M., Villa M. *International migration in Latin America and the Caribbean: A summary view of trends and patterns*. July 5 2005. UN/POP/MIG/2005/14.
13. “Regional integration and migration policies in Latin America” // *INTAL Monthly Newsletter*, No. 195, November 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://>

www19.iadb.org/intal/cartamensual/Cartas/PDF/195/en/MonthlyNewsletter195_Regional%20And%20Global%20Overview_Art5.pdf. (дата обращения: 1.10.2017)

14. Беликова К. М. «Институциональная структура и источники права ЕС и МЕРКОСУР: сравнительно-правовой аспект» // *Международное право и международные организации*, 2013, № 1, 78–91.

15. Вельяминов Г. М. *Международное экономическое право и процесс: (Академический курс) учеб.* М.: Волтерс Клувер, 2004.

16. Киселева Е. В. *Международно-правовое регулирование миграции: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп.* М.: Юрайт, 2017.

17. Миронов Н. М. «Основные этапы становления межамериканской системы защиты прав человека» // *Политические изменения в Латинской Америке*, 2008. № 3–4 [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/latinoamericanistika/arhiv-nomerov/2008-3---4/n-m-mironov-osnovnye-etapy-ustanovleniya-mezamerikanskoj-sistemy-zasity-prav-celoveka>. (дата обращения: 1.10.2017)

Mercados regionales de la migración irregular en el Caribe y Centroamérica

Regional markets for irregular migration in the Caribbean and Central America

Resumen. En este artículo nos enfocamos en las nuevas rutas de las migraciones de larga distancia en el continente americano en los años recientes. Vemos como ciertos países latinoamericanos se volvieron importantes etapas de la migración indocumentada hacia Estados Unidos y cómo se conforman mercados regionales de la migración irregular a partir de las diferencias en materia de política migratoria de un país al otro. Dichos mercados son el lugar de interacción entre compradores (los migrantes en situación irregular) y los vendedores (los intermediarios de la migración llamados “coyotes”) y plantean, como se abordará, una serie de retos para los gobiernos de la región.

Palabras claves: migración irregular; migración de tránsito; tráfico de personas; Américas.

Abstract. In this paper, we focus on the new migratory routes in the Americas in recent years. We show how some of the Latin American countries became important stages of undocumented migration to the United States and how human trafficking markets emerge as a result of differences in migration policies from one country to the other. These markets are the place of interaction between buyers (irregular migrants) and sellers (migration intermediaries called “coyotes”) and pose, as will be discussed, challenges for the governments in the region.

Keywords: irregular migration; transit migration; human trafficking; Americas.

Introducción

Desde inicios del siglo XXI, se puede observar en México un incremento importante de la migración de tránsito hacia Estados Unidos, principalmente de la región del Triángulo del Norte (Guatemala, El Salvador y Honduras), región marcada por problemas estructurales de pobreza y violencia.

En los últimos años se puede constatar un aumento de las migraciones de larga distancia, por ejemplo de la región caribe (Haití, Cuba) y de otros continentes como África y Asia (Instituto Nacional de Migración, 2016). Se trata de trayectorias migratorias cada vez más largas y complejas, citemos como ejemplo el flujo de la migración cubana que atraviesa diez países de Sur y Centroamérica, lo cual representa

¹ Jean Clot, Francia, Investigador postdoctoral, Fondo Nacional Suizo para la Investigación Científica, Laboratoire Pacte (Sciences Po Grenoble, CNRS, Université de Grenoble Alpes).

itinerarios migratorios que recorren más de diez mil kilómetros atravesando mares, desiertos, ríos y junglas, con la finalidad de llegar a Estados Unidos.

En este texto, nos centramos precisamente en este tipo de migraciones que se efectúan en gran parte de manera irregular; a partir de un estudio sobre la migración de tránsito en el sur de México, identificamos las principales rutas y etapas de la migración caribeña y extracontinental. Dado de que existen obstáculos de distinta índole (políticos, institucionales, geográficos, etc.) en su itinerario, el migrante tiene que recurrir a los servicios de actores — comúnmente llamados “traficantes de migrantes” — para evitar, superar o transgredir dichas limitaciones. Exponemos entonces cómo se configuran mercados regionales de la migración indocumentada y ponemos de relieve su funcionamiento.

Itinerarios y etapas de la migración de larga distancia en el continente americano: un panorama general

En el proyecto de investigación que estamos realizando, nos enfocamos en las diferentes trayectorias de los migrantes, en particular de los que provienen de la región caribe y del continente africano. Enfatizamos en los itinerarios migratorios de larga distancia y sobre todo en las diferentes etapas que consideramos como espacios intermedios entre el lugar de origen y el de destino. En dichos lugares, los migrantes tejen relaciones sociales y desarrollan estrategias para subvenir a sus necesidades durante la etapa y seguir su viaje hacia el lugar de destino.

Antes de proseguir, es necesario hacer una precisión en cuanto al carácter extenso de los itinerarios migratorios: la distancia es relativa y depende de la escala de análisis. En este trabajo privilegiamos un enfoque macro, por lo tanto cuando hablamos de distancias largas, nos referimos a distancias largas en un plano global o macro-regional, y no a los niveles micro-regional (un centro urbano por ejemplo), regional y nacional. Como lo veremos, son trayectos migratorios que recorren y atraviesan macro-regiones (América del sur, central y norte, Caribe) e incluso intercontinentales (África, América). Por lo mismo se puede hablar de migraciones que tienen un carácter forzosamente internacional y que implican el tránsito en varios países antes de llegar al destino final, así como distancias largas a escala continental o planetaria. De hecho, estas trayectorias se caracterizan no solamente por su extensión en el espacio, sino también en el tiempo².

En el marco del estudio, llevamos a cabo una investigación de campo en la ciudad fronteriza de Tapachula en el suroeste mexicano. Segunda ciudad más grande del estado de Chiapas (alrededor de 350'000 habitantes), principal polo urbano de la región, Tapachula es una importante encrucijada migratoria y comercial dada

² Para dar una idea, todos los migrantes extracontinentales y de la región caribe que entrevistamos efectuaron viajes cuya duración supera tres semanas y se extiende a veces más de un año.

su colindancia con la frontera guatemalteca. La podemos definir incluso como la principal puerta de entrada y salida hacia América Central. Varios factores estimulan económicamente la ciudad: la economía de servicios relacionados con los flujos transfronterizos (transporte, telecomunicación, cambio, transferencia de dinero, alojamiento, etc.), así como el comercio y las actividades agrícolas en las zonas circundantes.

Retomando el tema de las estrategias migratorias, no se puede dissociar las lógicas individuales a nivel micro de las estructuras que ejercen poder y un control en el plano macro; es decir, al atravesar un país, por ejemplo Colombia, Nicaragua o Guatemala, el migrante está inmerso en un contexto específico (social, institucional, jurídico, geográfico, etc.) que determina un campo de posibilidades: por ejemplo la persona tiene en ciertos casos la oportunidad de acudir a organismos gubernamentales de atención al migrante, optar por la vía legal y tramitar un salvoconducto, en otros casos de beneficiar de la ayuda de asociaciones o de la población.

En determinados lugares y situaciones más adversas, sus opciones se encuentran considerablemente limitadas y recurre en consecuencia al servicio de intermediarios que se dedican a facilitar el cruce de las fronteras y trasladar al migrante (entre otras actividades). En esta comunicación me centraré precisamente en el negocio de la movilidad indocumentada, así como en las redes de tráfico de personas.

A partir de las informaciones recabadas con los migrantes en tránsito en Tapachula, se puede identificar varios itinerarios migratorios de larga distancia. El primero concierne a la migración que proviene de la región caribe, en particular de Cuba y de Haití. Frente al endurecimiento de los controles fronterizos y migratorios y a las dificultades para llegar a Estados Unidos por vía marítima — por ejemplo por las costas de Florida, como lo hicieron históricamente los cubanos — las rutas de la migración se diversificaron y se volvieron más complejas. En efecto, los migrantes usan “países puentes” para llegar posteriormente a Estados Unidos.

Ecuador: una etapa importante de las migraciones de larga distancia

Muchos migrantes de larga distancia que tienen como objetivo ir a Estados Unidos ingresan al continente americano por Ecuador. En efecto, dicho país cuenta con una política de expedición de visas de las más flexibles en el mundo, o “laxas” dependiendo la perspectiva³. Se reconoce el principio de una “ciudadanía universal” y de “libre movilidad humana” y no exige visas de turismo a los visitantes extranjeros

³ Gualdoni, F. *El visado libre de Ecuador dispara las alarmas en Washington*. Recuperado el 18 de noviembre de 2017 de: https://elpais.com/internacional/2010/12/17/actualidad/1292540412_850215.html

desde el 2008⁴. Por lo mismo, un número creciente de cubanos entraron a Ecuador en calidad de turistas durante la segunda mitad de los años 2000: mientras se registran 2166 ingresos⁵ de cubanos al territorio ecuatoriano en el 2006, ascienden a 24057 en 2010 para culminar a 35763 en el 2014. Si bien una parte de los cubanos que ingresaron a Ecuador regresan a su país de origen, muchos otros salen posteriormente del país por la frontera colombo ecuatoriana y suben — no sin dificultades — por vía terrestre hacia la frontera norte de México⁶.

Se puede observar la magnitud de estos flujos migratorios de tránsito a través de las estadísticas mexicanas que señalan un fuerte aumento de los ingresos de cubanos en la frontera sur del país que inicia a final del año 2014 y culmina en el 2015. Asimismo se estima a partir de los datos oficiales en Estados Unidos que 43'159 cubanos llegaron o intentaron llegar a Estados Unidos durante el año fiscal 2015, de los cuales más de 30'000 ingresaron a Estados Unidos pasando por la frontera norte de México.

En lo que concierne la migración de Haití, la situación presenta ciertas similitudes: a partir del 2008 cuando se canceló la política de las visas en Ecuador, un número importante de haitianos transitaban por este país, no obstante, a diferencia de los cubanos, la mayor parte tenía la finalidad de llegar a Brasil. En 2010, después del terremoto cuyos efectos fueron devastadores y generaron una grave crisis humanitaria en Haití, la migración haitiana a Brasil aumentó aún más. Es importante señalar que la recepción de los migrantes haitianos se efectuó no solamente por razones humanitarias, sino también para responder a una necesidad de mano de obra para la construcción de la infraestructura requerida para la Copa Mundial de fútbol en 2014 y para la Olimpiadas de Río en 2016.

A raíz de la caída de la demanda de mano de obra, y de manera general, a la crisis económica que afecta Brasil desde el 2015, una parte del flujo migratorio haitiano se redireccionó: por un lado, hacia Chile, tal como lo señalan organismos

⁴ Asamblea Nacional de Ecuador. (5 de enero de 2017). *Pleno aprobó Ley de Movilidad Humana por unanimidad*. Available at: <http://www.asambleanacional.gob.ec/es/noticia/47649-pleno-aprobo-ley-de-movilidad-humana-por-unanimidad> (accessed: 18.11.2017).

⁵ Cabe señalar que se registran los movimientos y no las personas; una persona puede efectuar varios movimientos — entradas y salidas — durante el transcurso de un año. No obstante, como lo señala el Instituto Nacional de Estadística y Censos ecuatoriano, las magnitudes de los movimientos reflejan tendencias en relación con el número de personas.

⁶ Una vez en la frontera norte de México, los migrantes cubanos podían pasar fácilmente de México a Estados Unidos en virtud de la ley “pies secos y pies mojados”. A través de dicha ley, el gobierno de Washington devuelve a Cuba a los migrantes interceptados en el mar (pies mojados), mientras continua otorgando facilidades de regularización a los que logran pisar su territorio (pies secos). Como consecuencia del proceso de normalización de las relaciones bilaterales entre Cuba y Estados Unidos, el entonces presidente Obama canceló con efecto inmediato la ley “pies secos y pies mojados” el 13 de enero del 2017.

nacionales⁷, y por otro lado, hacia Estados Unidos, transitando nuevamente por Ecuador.

Además de las migraciones procedentes de la región Caribe, se puede observar en los últimos años un incremento de las migraciones extracontinentales en el continente americano, aun cuando no son flujos migratorios mayoritarios. Asimismo un número creciente de migrantes de África del oeste (Ghana, Camerún, Guinea), del cuerno africano (Somalia, Eritrea, Etiopía), de regiones de conflicto en medio oriente (Irak, Afganistán) así como de Asia (India, Pakistán, Nepal, Bangladesh, China), optaron migrar hacia Estados Unidos, principalmente vía Ecuador.

El país andino puso progresivamente restricciones, de acuerdo con las circunstancias internacionales, es decir *grosso modo* cuando los flujos migratorios eran inusuales y que se constataba que un número significativo de “turistas” no regresaban a su país de origen. Por ejemplo, a partir de 2010 se exigió nuevamente visas a ciudadanos chinos (aunque se decidió recientemente la mutua suspensión de visas de turismo de 30 días), posteriormente, a finales de 2014 reanuda la política de las visas para los cubanos y en 2015 para los ciudadanos senegaleses ya que se usaba Ecuador como plataforma para ir posteriormente a Argentina. Asimismo en la actualidad, los ciudadanos de diez países requieren una visa para ingresar al territorio ecuatoriano: Afganistán, Bangladesh, Eritrea, Etiopía, Kenia, Nepal, Nigeria, Pakistán, Somalia y Senegal⁸.

Cabe mencionar que a partir de cuándo se solicitó nuevamente visas a los ciudadanos cubanos, los flujos migratorios tomaron un nuevo rumbo, es decir, se desplazó y reorientó progresivamente hacia Georgetown, la capital de Guyana, en donde los cubanos pueden ingresar libremente para 90 días a condición de tener un boleto de avión ida y vuelta y una reservación de hotel.

⁷ Departamento de Extranjería y Migración. *Migración haitiana en Chile*. Available at: <http://www.extranjeria.gob.cl/media/2016/09/boletin-1.pdf> (accessed: 18.11.2017).

⁸ A nuestro criterio, el origen de la decisión de establecer restricciones es multicausal: prevenir violaciones en materia de derechos humanos constituye un factor, tal como lo señala el gobierno, al cual habría que añadir ciertas presiones externas e internas. Las primeras se ubican a nivel de las relaciones internacionales y se ejercen mediante la vía diplomática: no todos los países de la región ven positivamente la perspectiva ecuatoriana de la libre movilidad dado de que sufren repercusiones. De la misma forma, hay que tomar en cuenta que existen dos bloques ideológicos que tienen visiones opuestas en cuanto a la migración y libre movilidad: Washington y sus aliados, tales como Panamá o Colombia que emiten fuertes críticas hacia Ecuador argumentando que el país se volvió una puerta abierta a la migración indocumentada y a posibles terroristas y narcotraficantes. Por otro lado, el gobierno ecuatoriano critica la criminalización de la migración y defiende una visión humanitaria de la movilidad humana, visión que se inscribe en una línea política opuesta al llamado “consenso de Washington”. En cuanto a las presiones internas, la OIM así como varias fuentes periodísticas hacen hincapié en el aumento de la inseguridad a raíz del flujo mayor de migración de tránsito, y en la existencia de redes delictivas que organizan el tráfico de migrantes desde el país andino (OIM, 2012; El Tiempo, 4 de mayo 2014; El Tiempo, 24 de junio 2017). Poner restricciones a la llegada de ciertas poblaciones migrantes particularmente expuestas al tráfico de migrantes permite debilitar las mismas redes criminales.

El tránsito vía Brasil

Si bien Ecuador constituye la principal puerta de entrada al continente americano para las migraciones extracontinentales, las grandes ciudades brasileñas, como Rio de Janeiro et Sao Paulo, son también un punto de ingreso importante, en particular para las migraciones africanas. En efecto, el gobierno brasileño aplica una política de reciprocidad en cuanto a la expedición de visas, es decir, establece las mismas restricciones para ingresar a su territorio que las que se aplican a los ciudadanos brasileños en el extranjero. En comparación de otros destinos como países de la Unión Europea o Estados Unidos, le resulta relativamente fácil a un solicitante africano obtener una visa de turismo acudiendo a la embajada brasileña desde su país de origen⁹. Ello se debe al hecho de que Brasil no constituye solamente un puente por su política de visados, sino porque se encuentra una importante comunidad africana instalada de forma más o menos duradera, tal como ha sido subrayado.

Tras la llegada en avión y una etapa en Río o Sao Paulo, los migrantes atraviesan la cuenca amazónica e ingresan de manera irregular a Perú o a Colombia. Una vez en territorio colombiano, siguen el mismo camino que los migrantes caribeños: de Colombia, los migrantes pasan a Panamá, y luego a Costa Rica, Nicaragua, Honduras, Guatemala y México. De hecho no es extraño que grupos de migrantes de múltiples nacionalidades (cubanos, haitianos, somalíes, nepaleses, etc.) realicen ciertos tramos del viaje juntos. En todo caso, la ruta migratoria centroamericana representa trayectos de miles de kilómetros que atraviesan ríos, junglas y montañas, que se efectúan con todo tipo de vehículo y caminando, y en determinados lugares de forma clandestina, tal como lo veremos a continuación.

En efecto, es importante señalar que los itinerarios migratorios de larga distancia no se inscriben en un esquema de irregularidad y clandestinidad en su totalidad. Los migrantes entran regularmente y realizan etapas en países en donde existe flexibilidad en cuanto a la obtención de visas de turismo; el tiempo de estancia legal, en general de 90 días, les permite preparar la continuación de su viaje. Al salir, por ejemplo de Ecuador, de Guyana o de Brasil, se encuentran en una situación de irregularidad y carecen de documentos así como de estatus migratorio. Es precisamente cuando necesitan recurrir a redes de traficantes de personas que les faciliten traslados y cruces fronterizos en determinadas regiones.

⁹ Señalamos que la mayoría de los migrantes africanos que entrevistamos en Tapachula transitaban por Brasil después de haber obtenido previamente una visa de turismo. De la misma forma, nos encontramos con migrantes de Pakistán que pudieron entrar a Brasil con una visa turística.

El tráfico ilícito de migrantes: del concepto a la práctica

El tráfico de migrante no es un fenómeno nuevo; se trata más bien de un fenómeno dinámico en constante evolución que toma formas diferentes según la situación geográfica, las circunstancias internacionales, y los mismos procesos de gestión fronteriza y de control de las migraciones. Efectivamente estamos frente a una paradoja: más restrictivos son los controles migratorios y la vigilancia fronteriza, más le resulta difícil al migrante ingresar a un país, más necesitará recurrir a los servicios de traficantes; en otros términos son las mismas medidas que buscan reducir la migración irregular que crean una demanda para evadir o evitar los controles

La Organización de las Naciones Unidas contra la Droga y el Delito (UNODC según sus siglas en inglés) define este tipo de actividades como tráfico ilícito de migrantes, es decir “la facilitación de la entrada ilegal de una persona en un Estado del cual dicha persona no sea nacional o residente permanente con el fin de obtener un beneficio financiero u otro beneficio de orden material”. Tiene una dimensión forzosamente transnacional.

En su definición, la organización internacional diferencia también el tráfico de migrantes de la trata de personas: en el primer caso, aunque las condiciones de viaje son en general peligrosas o degradantes, se realiza con el consentimiento de la persona, al contrario de la trata. Por otra parte, se plantea que el tráfico ilícito termina con la llegada del migrante a su destino, mientras que la trata implica una “explotación persistente” de la persona. Asimismo se puede observar que el tráfico de migrantes tiene una dimensión siempre transnacional mientras la trata se puede circunscribir en un Estado nacional.

Se puede complementar esta primera definición general con algunas observaciones sobre la situación en México y Centroamérica: el tráfico no siempre termina con la llegada al lugar de destino, sino existen engaños, fraudes o extorsiones que desembocan a veces en situación de explotación que se asemejan a la trata, citemos como ejemplo casos de mujeres centroamericanas obligadas a prostituirse temporalmente en México, u otros casos de migrantes secuestrados por un rescate o para trabajar en plantaciones de marihuana en el norte del país. Puede haber conexiones entre diferentes grupos y actividades criminales. En otros términos, el límite entre tráfico y trata puede llegar a ser muy tenue. Un análisis reciente sobre el caso cubano indica también que un migrante puede pasar de ser objeto de tráfico a víctima de la trata¹⁰.

Por otra parte, es importante señalar que detrás del concepto de “tráfico” o “traficante de migrante”, podemos encontrar situaciones relativamente distintas. En

¹⁰ Sorolla Fernández, I., & Moreira Seijos, O. J. “Intersecciones entre la migración irregular, el tráfico y la trata de migrantes. El caso de Cuba” // *Mundi Migratios*, 2014, vol. 2, no 1, 89–130.

primer lugar, cabe señalar que al traficante de migrantes se le denomina comúnmente en México y Centroamérica “coyote”¹¹; desde los años noventa, el “coyote” se volvió un actor imprescindible para atravesar la frontera norte de México a medida de que aumentó la seguridad y vigilancia del lado estadounidense¹². Posteriormente, cuando se reforzó también la seguridad y se incrementaron los controles migratorios en México durante la década de 2000, el “coyote” también se convirtió progresivamente en un actor clave en el sur de México y en países de América central, en particular Guatemala, Honduras y El Salvador. Cada vez más centroamericanos optaron por recurrir a los servicios de coyotes para cruzar el territorio mexicano cuya travesía se volvió cada vez más peligrosa.

Aunque se habla a menudo en singular “del coyote”, éste forma parte en general de una red, es decir, tiene contactos con otras personas involucradas en la logística del viaje migratorio clandestino: por ejemplo, transportistas, particulares que brindan alojamiento, informantes, e incluso policías y agentes de migración. No obstante, el tamaño de las redes y la complejidad de las ramificaciones varían de una región a otra: existen redes familiares o comunitarias que brindan un tipo de servicio de “proximidad” como se ha señalado por ejemplo en el caso chiapaneco¹³.

De la misma forma, Sorolla & Moreira¹⁴ (2014) ponen de relieve la pluralidad y heterogeneidad de tipos de personas que pueden participar a dichas redes: “el sujeto puede ser un individuo, un grupo reducido o una organización. Pueden ser hombres o mujeres, una pareja o matrimonio, incluso familiares, amigos o vecinos, residentes en el país o fuera de él” más allá de las figuras “sórdidas, violentas y marginales” que se construyen a través de los medios de comunicación y del cine¹⁵. En el caso de las organizaciones más grandes y complejas, éstas se asemejan a empresas transnacionales y cuentan con la participación de funcionarios corruptos, de oficiales de inmigración, de

¹¹ Si bien el coyote tenía en la época prehispánica una connotación positiva, tiene en la actualidad un significado esencialmente negativo: se trata de un intermediario que realiza beneficios a expensas de otros y que puede resultar ser engañoso. En México, señalamos que no se les llama “coyotes” únicamente a los intermediarios de la migración, sino también a otros tipos de intermediarios, por ejemplo en la compra venta de café.

¹² López Castro, G. “Tráfico de personas: coyotes y guías comunitarios en la migración mexicana” // F. Migraciones, *Migración: México entre sus dos fronteras, 2000–2001*, México D.F.: Foro Migraciones, 88–93.

¹³ Clot, J., & López Arévalo, J. *Le Chiapas dans les migrations internationales: déterminants et caractéristiques*. Available at: http://www.ieim.uqam.ca/IMG/pdf/le_chiapas_dans_les_migrations_internationales_-_clot_lo_pezhl.pdf (accessed: 18.11.2017).

¹⁴ Sorolla Fernández, I., & Moreira Seijos, *Op. cit.*

¹⁵ Sorolla Fernández, I., & Moreira Seijos, O. J. “Intersecciones entre la migración irregular, el tráfico y la trata de migrantes. El caso de Cuba” // *Mundi Migratios, 2014, vol. 2, no 1*, 101.

policías, de empresas privadas¹⁶ e incluso del crimen organizado en el caso de México¹⁷.

Redes de tráfico y mercados regionales

De la misma forma que encontramos situaciones diversas tras las palabras “traficante” o “coyote”, encontramos también redes de tráfico de distinta índole y que superan generalmente las fronteras nacionales comprendiendo diferentes ubicaciones geográficas.

Por red, entendemos grupos de diferentes tamaños que tienen conexiones y comunicaciones entre sí, así como funciones diferentes: por ejemplo ciertas personas captan o reclutan a los migrantes, otras los trasladan, otras los hospedan, otras les procura falsos documentos, otras realizan las operaciones financieras, otras son informantes, etc. La gran mayoría de los estudios, reportes e investigaciones sobre el tema señalan la participación de funcionarios, en particular de aduanas y migratorios, lo cual remite a un fenómeno de corrupción.

Si bien una red de tráfico no constituye una organización piramidal y jerarquizada, existe un actor individual o colectivo que coordina los demás grupos.

Dichas redes conforman y estructuran un mercado de la migración irregular en donde se relacionan los compradores (los migrantes en tránsito) y los vendedores (los proveedores de diversos servicios, por ejemplo de cruce fronterizo irregular). Como en el caso de otros mercados, existe una interacción entre oferta y una demanda; la oferta se desplaza y surge en función de los obstáculos a la migración irregular, es decir, en donde se establece restricciones importantes a la migración aparece una oferta para superar dichas restricciones. Hay que tomar en cuenta que la oferta surge cuando la relación entre beneficios y riesgos es favorable, lo cual ocurre en general en el caso del tráfico de migrantes: las probabilidades de detección y de sanción son relativamente bajas y los beneficios cuantiosos.

En determinados puntos geográficos, precisamente en donde las condiciones de cruce o de traslado son particularmente difíciles para los migrantes, se intensifican las actividades relacionadas con el tráfico ilícito y se forman lo que llama la Comisión Europea “hub”, es decir un tipo de “plataforma de tránsito” en donde se concentran y densifican las diferentes actividades relacionadas con el tráfico de migrantes. Se

¹⁶ “United Nations Office on Drugs and Crime” // *Global Report on Trafficking in Persons, 2015*, New York: United Nations publication, Sales No. E.13.IV.1.

¹⁷ Martínez, G., Cobo, D. S., & Narváez, J. C.. Trazando rutas de la migración de tránsito irregular o no documentada por México. *Perfiles Latinoamericanos, 2016, vol. 23, núm. 45*, 127–155.

señala que más se vuelve importante un *hub*, más aumenta el nivel de profesionalismo y el nivel organizativo de las redes¹⁸.

Tomando estos planteamientos teóricos como punto de partida, podemos emitir una serie de observaciones en cuanto al tráfico de migrantes en América Latina.

Existen redes de diferente tamaño y complejidad: fuentes judiciales y periodísticas señalan periódicamente el desmantelamiento de redes transnacionales que involucran a una diversidad de actores: por ejemplo en 2016 se llevó a cabo en América Central la Operación Mesoamérica coordinada por el Servicio de Inmigración y Control de Aduanas de Estados Unidos. El operativo fue realizado de forma simultánea por unidades policiacas en Guatemala, Panamá, El Salvador, Honduras y Costa Rica. Permitted desmantelar una red de traficantes liderada por una persona de nacionalidad peruana radicando en Guatemala con identificación guatemalteca falsa. En un primer tiempo, 27 personas fueron arrestadas en los países centroamericanos — de las cuales varios agentes de migración — y posteriormente 14 personas en Colombia. Según los primeros elementos de la investigación, la red organizaba la migración de personas de Asia, África, Europa y del Medio Oriente por Sur y Centroamérica cobrando el servicio alrededor de 20'000 USD por persona¹⁹.

De acuerdo con la información recolectada durante el trabajo de campo²⁰, podemos determinar que los migrantes que entrevistamos tuvieron que insertarse en diversos mercados regionales de la migración irregular. Asimismo identificamos varios *hubs*:

Quito

Se incrementó el tráfico de migrante a raíz de la decisión de Ecuador de eliminar las visas de turismo. Dado el carácter clandestino de estas prácticas, resulta difícil evaluar su dimensión real, no obstante las fuentes judiciales y periodísticas nos puede dar una idea acerca de la complejidad, extensión y ramificaciones de

¹⁸ Commission Européenne. *Étude sur le trafic illicite de migrants, caractéristiques, réponses et coopération avec des pays tiers*. Brussels : European Migration Network, 2015.

¹⁹ U.S. Immigration and Customs Enforcement, 2016. *41 arrested in multinational human smuggling takedown in Central America and South America*. Available at: <https://www.ice.gov/news/releases/41-arrested-multinational-human-smuggling-takedown-central-america-and-south-america> (accessed: 18.11.2017).

²⁰ Que incluye a) entrevistas con migrantes en tránsito en la ciudad de Tapachula, b) entrevistas con intermediarios semilegales de la migración (transportistas, hoteleros) c) observación participante en ciertas zonas claves de la ciudad en donde se reúnen los migrantes (albergues, parques, hoteles, etc.), d) entrevistas con funcionarios de dependencias gubernamentales relaciones con el tema migratorio en México, e) entrevistas con funcionarios diplomáticos de los países relacionados con el fenómeno de la migración de tránsito (como Guatemala, Honduras y Ecuador), f) entrevistas con trabajadores sociales que atienden a migrantes, y g) “conversaciones orientadas” con ex funcionarios o funcionarios corruptos, así como otros actores involucrados de alguna manera, directamente o indirectamente en el tráfico de migrantes.

ciertas redes cuando se logra proceder a su desmantelamiento: por ejemplo, La Fiscalía general de Ecuador en colaboración con la policía colombiana desarticuló un grupo que reclutaban esencialmente a personas de origen asiático en Ecuador con la finalidad de trasladarlas posteriormente a Colombia, procurarles documentos falsos para que pudieran viajar por vía aérea a América Central, y luego a Estados Unidos transitando por México. La mayor parte de los integrantes de la organización provenían de la India, de Nepal y de Bangladesh y operaban desde Quito²¹. En 2014, las autoridades colombianas arrestaron a un ciudadano libanés establecido en el país que se dedicaba a organizar la migración de libaneses desde Beirut hacia Colombia, vía Ecuador con la complicidad de funcionarios públicos²². A finales de 2015, la Fiscalía y Policía de Ecuador también desmantelaron una red conformada por varios ecuatorianos y liderada por un paquistaní que reclutaban sobre todo a ciudadanos de Paquistán y de la India para trasladarlos hacia Colombia.

La frontera entre Guyana y Brasil

Como lo señalamos, la migración cubana se reorientó a partir de finales de 2015 hacia Guyana, frente a la decisión de Ecuador de exigir nuevamente visas. Un número creciente de cubanos optaron por viajar a dicho país en calidad de turista con la intención de trasladarse posteriormente a Brasil y seguir su viaje por vía terrestre hasta el norte de México.

A raíz de la repentina afluencia de cubanos a Georgetown y una demanda correspondiente se organizó progresivamente un mercado de traslado hacia Boa Vista, la capital regional del estado brasileño de Roraima.

Ciertos entrevistados cubanos afirman haber recurrido a lo que llaman “una línea” o una “cadena”: tienen un contacto quien los guía a través de Whatsapp a partir de su llegada a Georgetown; se les proporciona contactos que se encargan de alojarlos y darles de comer mediante una remuneración. Después de pocos días, se organiza su traslado a la frontera con Brasil. Otro intermediario los hace cruzar la frontera y los lleva a Boa Vista. Posteriormente se les proporciona nuevamente números y contactos en Brasil a través de las redes sociales, y así sucesivamente en Perú y Colombia. Los entrevistados señalaron también la presencia de otros cubanos que sirven de intermediarios en los países de tránsito, además de los nacionales del país.

La zona de la triple frontera Brasil, Perú, Colombia

Por su situación geográfica, esta zona, en particular el paso fronterizo conformado por las localidades de Tabatinga (Brasil) y de Leticia (Colombia),

²¹ Ministerio del Interior. *Ciudadanos de 11 países requieren de visa para ingresar a Ecuador*. Available at: <http://www.ministeriointerior.gob.ec/ciudadanos-de-11-paises-requieren-de-visa-para-ingresar-a-ecuador/> (accessed: 18.11.2017).

²² *El Heraldo*, 5 de mayo 2014.

constituye una importante puerta de entrada a los países andinos desde la región amazónica. La mayor parte de los migrantes que entrevistamos transitaban por dicha región.

La zona fronteriza entre Colombia y Panamá

En este caso, se organiza los traslados desde el puerto caribeño de Turbo hacia la localidad de Capurganá en el departamento del Chocó en Colombia a proximidad de Panamá. Se trata del punto de partida para atravesar la jungla, hacia la provincia panameña de Darién que colinda con Colombia a lo largo de 266 km. Cabe mencionar que esta región es denominada frecuentemente el “tapón de Darién” ya que es el único lugar en donde se interrumpe la carretera panamericana en el continente americano: carece de infraestructura vial dado las condiciones topográficas.

Es una región con una presencia prácticamente nula de los Estados, históricamente zona de refugio para poblaciones oprimidas y más recientemente para guerrilleros así como grupos que se dedican a actividades ilegales: tráfico de droga, contrabando, minería ilegal, tala ilegal, etc.²³. En dichos lugares reclutan los diferentes intermediarios asegurando a los migrantes que los pueden guiar a través de la selva hasta Panamá. De acuerdo con los testimonios y las fuentes periodísticas, hay muchas estafas y extorsiones cuando no son robos a mano armada o asesinatos. Se trata de hecho de una de las zonas más peligrosas que atraviesan los itinerarios migratorios de larga distancia.

En este caso, se trata de un mercado relativamente reciente que emergió a raíz del incremento de las migraciones caribeñas y extracontinentales en 2015 aunque ya existía un flujo migratorio irregular los años anteriores, pero minoritario. Ciertos actores individuales y colectivos vieron nuevas oportunidades de negocio trasladando a grupos de migrantes en la selva. Para los proveedores del servicio, los riesgos son mínimos, la inversión también: prácticamente no hay logística y el grado de sofisticación es bajo, sólo se trata de guiar a los migrantes por las trochas de la jungla. Éstas constituyen una infraestructura mínima ya usada para trasladar productos de contrabando: drogas, armas, madera, etc.

Los precios son muy variables — ciertos migrantes entrevistados afirman haber pagado 35 USD, otros 300 USD, mientras fuentes periodísticas hablan de montos que alcanzan hasta los 2000 USD para pasar de Turbo a Panamá (Palomino, 7 agosto 2016) — lo cual sugiere un mercado relativamente desorganizado integrado por actores diversos, por ejemplo particulares más o menos experimentados que se improvisan guías y también grupos delictivos quienes de por sí se dedican a actividades ilegales y que trasladan a migrantes para obtener ingresos complementarios. Pareciera

²³ Servicio Jesuita a Refugiados.. *Panamá: la migración forzada desde la opinión pública, 2014*. Available at: https://www.sjrlac.org/Assets/Publications/File/Informe_monitoreo%20de%20Prensa_Panama20142.pdf (accessed: 18.11.2017).

de igual forma que varios grupos criminales se dedican únicamente a extorsionar a los migrantes que van de paso.

La zona fronteriza entre Costa Rica y Nicaragua

En el caso de la zona fronteriza entre Costa Rica y Nicaragua, se trata de un mercado más consolidado y que se asemeja más a situaciones descritas por la Comisión Europea respecto a la migración irregular en la región mediterránea. Como lo hemos visto, a partir de cuándo las autoridades nicaragüenses decidieron endurecer los controles fronterizos en el 2015, la población migrante se agrupó progresivamente en varias localidades fronterizas, tales como Peñas Blancas y La Cruz (en donde se abrieron albergues temporales). Existen dos modalidades principales de reclutamiento: los intermediarios se hacen pasar por migrantes y proponen servicios directamente en los campamentos y albergues, o todo se efectúa a través del teléfono celular y de las redes sociales.

De hecho, es interesante señalar que los mismos migrantes contribuyen al reclutamiento de las redes de tráfico, compartiendo contactos, rutas e informaciones con otros migrantes a lo largo del viaje. De esta forma, al llegar por ejemplo a La Cruz, una persona indocumentada ya dispone a menudo de ciertas informaciones para acceder a los proveedores que los harán cruzar hasta Honduras. Sin embargo, no todos los migrantes acceden y se insertan de la misma forma en el mercado de la migración irregular; este proceso depende de los recursos a disponibilidad: desde luego el presupuesto, pero también el capital social que abre posibilidades (por ejemplo para recibir un recurso económico en un corto plazo o para beneficiar de informaciones), las experiencias migratorias previas, así como el manejo del idioma.

Como en el caso del cruce a Panamá, no hacen falta los testimonios acerca de estafas y extorsiones diversas, sin embargo, de acuerdo con las informaciones recabadas, existen varias tarifas correspondientes a distintos tipos de servicios, los montos más altos equivaliendo a trayectos más seguros por vía marítima directamente desde la frontera Costa Rica-Nicaragua hasta Honduras. Asimismo, los testimonios de los migrantes sugieren que existen ciertas rutas “autorizadas”, es decir, en donde operan grupos con la colusión de las autoridades. El monto es elevado — las tarifas mencionadas varían entre 800 y 1200 USD — pero la probabilidad de llegar del lado hondureño, sin extorsión o ser entregado a las autoridades, es también más elevada.

Consideraciones finales

En los países de Centro y Suramérica en donde transita la migración irregular proveniente de otros continentes o del caribe, existen grandes diferencias en materia de gestión fronteriza y migratoria: mientras países facilitan la migración otros son más estrictos e incluso represivos

Cabe señalar que las acciones políticas se fundamentan en determinados principios, es decir cada país adopta medidas de acuerdo con sus intereses, de acuerdo con las alianzas que estableció con otros países, y de acuerdo también con a su visión ideológica o política del fenómeno migratorio; por ejemplo, mientras Ecuador defiende la idea de libre movilidad humana y ciudadanía universal, Colombia plantea que debe de prevalecer la lucha contra la migración irregular y que de ninguna manera se debe de facilitar la migración indocumentada. Aunque ambos países quieren una migración ordenada y legal, las perspectivas y los medios empleados para perseguir este objetivo difieren.

Este trasfondo de discordancias y de unilateralismo es propicio a la formación de mercados de la migración irregular y a la aparición de redes de tráfico, así como de *hubs*, tal como los hemos identificado en varias regiones de Latinoamérica. Vimos que coexisten varias redes: ciertas son complejas y consolidadas y puede mover al migrante a través de varios países y frontera, mientras otras son emergentes y tienen un anclaje más regional, por ejemplo en la zona fronteriza entre Colombia y Panamá. De la misma forma, tras la designación de “coyote” o “traficante”, encontramos una diversidad de actores que tienen roles diferentes.

El hecho de que estas redes sean transnacionales y las medidas implementadas para luchar contra la migración irregular sean esencialmente nacionales favorece su crecimiento y profesionalización: es sólo de manera multilateral y conjunta, a través de la cooperación, que se puede obtener logros. Si bien vimos algunos casos de redes delictivas desmanteladas gracias a un esfuerzo internacional, sigue siendo un fenómeno limitado. Además los grandes operativos en contra del tráfico de migrantes son frecuentemente coordinados y liderados por Estados Unidos, país que tiene sus propios intereses en la región (geoestratégicos, económicos, entre otros).

A nuestro criterio, otros factores propios al contexto latinoamericano favorecen también la aparición de redes de tráfico de migrantes al mismo tiempo que debilitan las medidas gubernamentales, por ejemplo la corrupción. Varios países de la región latinoamericana presentan problemas estructurales de corrupción y de debilidad institucional. Y este es precisamente una componente del tráfico de migrantes: resulta difícil organizar traslados y cruces fronterizos sin el apoyo de funcionarios corruptos o de privados que prestan servicios corruptos (por ejemplo de transporte). Además se trata de una región en donde existen organizaciones criminales que se dedican al tráfico de drogas hacia Estados Unidos, precisamente desde los países andinos y transitando por Centroamérica y México. Son grupos que ya funcionan como empresas transnacionales y que buscan diversificar sus actividades; podrían entonces involucrarse cada vez más en este tipo de negocios, como ya se ha reportado en México, aprovechando la infraestructura, las rutas de traslado y las redes delictivas y de corrupción ya establecidas.

Bibliografía

1. Aja Díaz, A., La migración desde Cuba // *Aldea Mundo. Revista sobre Fronteras e Integración*, 2007, Año 11, núm. 22, 7–16.
2. Asamblea Nacional de Ecuador, // *Pleno aprobó Ley de Movilidad Humana por unanimidad*. Available at: <http://www.asambleanacional.gob.ec/es/noticia/47649-pleno-aprobo-ley-de-movilidad-humana-por-unanimidad> (accessed: 18.11.2017).
3. Clot, J., Faire route d’Afrique vers les Etats-Unis: un regard sur les itinéraires migratoires de longue distance depuis le Mexique // *CariCen. Revista de Análisis y Debate sobre el Caribe y Centroamérica*, 2017, Nº 2, 16–32.
4. Clot, J., & López Arévalo, J., *Le Chiapas dans les migrations internationales: déterminants et caractéristiques*, 2016 Available at: http://www.ieim.uqam.ca/IMG/pdf/le_chiapas_dans_les_migrations_internationales_-_clot_lo_pezhl.pdf (accessed: 18.11.2017).
5. Commission Européenne, *Étude sur le trafic illicite de migrants, caractéristiques, réponses et coopération avec des pays tiers*. Brussels : European Migration Network, 2015.
6. Departamento de Extranjería y Migración. *Migración haitiana en Chile*. Available at: <http://www.extranjeria.gob.cl/media/2016/09/boletin-1.pdf> (accessed: 18.11.2017).
7. Gualdoni, F., *El visado libre de Ecuador dispara las alarmas en Washington*. Available at: https://elpais.com/internacional/2010/12/17/actualidad/1292540412_850215.html (accessed: 18.11.2017).
8. Instituto Nacional de Estadística y Censos. (2015). *Anuario de estadísticas de entradas y salidas internacionales 2014*. Available at: http://www.ecuadorencifras.gob.ec/documentos/web-inec/Poblacion_y_Demografia/Migracion/Publicaciones/Anuario_ESI_2014.pdf (accessed: 18.11.2017).
9. Instituto Nacional de Migración. *Boletines estadísticos*, 2016. Available at: http://www.politicamigratoria.gob.mx/es_mx/SEGOB/Boletines_Estadisticos (accessed: 18.11.2017).
10. López Castro, G., . Tráfico de personas: coyotes y guías comunitarios en la migración mexicana. En F. Migraciones, *Migración: México entre sus dos fronteras, 2000-2001*. México D.F.: Foro Migraciones, 2002, 88–93.
11. Martí Noticias, *43.159 cubanos llegan en último año fiscal a EEUU; superan éxodo de balseiros del 94*. Available at: <https://www.martinoticias.com/a/mas-de-43000-cubanos-llegaron-2015-eeuu/108339.html> (accessed: 18.11.2017).
12. Martínez, G., Cobo, D. S., & Narváez, J. C., “Trazando rutas de la migración de tránsito irregular o no documentada por México” // *Perfiles Latinoamericanos*, vol. 23, núm. 45, 127-155.
13. Ministerio del Interior, *Ciudadanos de 11 países requieren de visa para ingresar a Ecuador*. Available at: <http://www.ministeriointerior.gob.ec/ciudadanos-de-11-paises-requieren-de-visa-para-ingresar-a-ecuador/> (accessed: 18.11.2017).
14. Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana, *Ecuador solicita visa de turista a los cubanos desde el 1 de diciembre*. Available at: <http://www.cancilleria.gob.ec/>

gob.ec/ecuador-solicita-visa-de-turista-a-los-cubanos-desde-el-1-de-diciembre/ (accessed: 18.11.2017).

15. Minvielle, R., L'Amérique du Sud ou l'émergence d'un nouveau théâtre des migrations africaines. *Afrique et Développement*, 2015, vol. XL, no 1, 19-39.

16. Moguel, Y., *Quintana Roo y Yucatán nuevo paraíso para indocumentados cubanos*. Available at: <http://www.elfinanciero.com.mx/nacional/quintana-roo-y-yucatan-nuevo-paraiso-para-indocumentados-cubanos.html> (accessed: 18.11.2017).

17. Oficina de las Naciones Unidas contra la Droga y el Delito, *¿Qué se entiende por tráfico ilícito de migrantes?* Available at: https://www.unodc.org/mexicoandcentralamerica/es/TIM_QUE.html (accessed: 18.11.2017).

18. Palomino, S., *Colombia intensifica la presión a los migrantes cubanos*. Available at: https://elpais.com/internacional/2016/08/08/colombia/1470614253_379305.html (accessed: 18.11.2017).

19. Servicio Jesuita a Refugiados. *Panamá: la migración forzada desde la opinión pública*. Available at: https://www.sjrlac.org/Assets/Publications/File/Informe_monitoreo%20de%20Prensa_Panama20142.pdf (accessed: 18.11.2017).

20. Sorolla Fernández, I., & Moreira Seijos, O. J., Intersecciones entre la migración irregular, el tráfico y la trata de migrantes. El caso de Cuba. *Mundi Migratios*, 2014, vol. 2, no 1, 89–130.

21. United Nations Office on Drugs and Crime, *Global Report on Trafficking in Persons*. New York: United Nations publication, Sales No. E.13.IV.1, 2012.

22. U.S. Immigration and Customs Enforcement. (7 de agosto de 2016). *41 arrested in multinational human smuggling takedown in Central America and South America*. Available at: <https://www.ice.gov/news/releases/41-arrested-multinational-human-smuggling-takedown-central-america-and-south-america> (accessed: 18.11.2017).

КРИЗИС ЛЕВЫХ РЕЖИМОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Т. А. Воротникова¹

Торгово-экономическое и гуманитарное сотрудничество России с Андскими странами (на примере Эквадора и Боливии)

Trade, economic and humanitarian cooperation between Russia and the Andean countries (based on the example of Ecuador and Bolivia)

Resumen: Las relaciones entre Rusia y los países Andinos (Bolivia, Ecuador) han salido a un nuevo nivel y actualmente se desarrollan en un ambiente amistoso. La cooperación incluye la inversión extranjera, el comercio y la colaboración en la esfera de energía, que tiene por objetivo de mejorar las oportunidades económicas y diversificar las políticas exteriores en el espacio mundial. En el informe se examinan las principales líneas y posibilidades de interacción.

Palabras claves: las relaciones Rusia-Bolivia, las relaciones Rusia-Ecuador, las inversiones extranjeras, los proyectos de petróleo.

Abstract: International relations between Russia and the Andean countries (Bolivia, Ecuador) have reached a new level and nowadays are developing in a warm friendly manner. The cooperation includes investment, trade and energy partnership aimed at expanding economic opportunities and the political diversification in the global world. The report describes the main ways and means of interaction.

Key words: Russia-Bolivia cooperation, Russia-Ecuador cooperation, foreign investment, oil-gas projects.

¹ Воротникова Т. А., Россия, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, ФМО. (vorotnikovat@yandex.ru), гр. РФ.

Отношения между Россией и Андскими странами «левого вектора», к которым относятся Боливия и Эквадор, в нынешнем десятилетии вышли на новый уровень взаимодействия и развиваются в дружественном ключе. Двустороннее сотрудничество, включающее прежде всего инвестиционное, торговое и энергетическое партнерство, направлено на расширение экономических возможностей для обеих сторон и диверсификацию политического взаимодействия в глобальном геополитическом контексте. Как заметил президент Многонационального государства Боливия Эво Моралес в интервью РИА «Новости» накануне Петербургского международного экономического форума 2016 г., «для нас важно присутствие России не только в Боливии, но и во всей Латинской Америке, что нам даст гарантии экономического освобождения»².

Боливия

Боливийская сторона объясняет свое желание сотрудничать с такими державами, как Китай и Россия, не только экономическими, но и политическими мотивами. В частности, по ее заверениям, в отличие от США, для которых предоставление кредитных линий или заключение торговых соглашений возможно в обмен на ряд политических решений (уничтожение листа коки, размещение военных баз с целью борьбы с наркотрафиком, приватизация предприятий), Россия и Китай подобных условий не ставят. Так, Боливия была вынуждена отказаться от американской программы помощи бедным странам «Вызовы тысячелетия» (Millenium Challenge Account), выйти из системы тарифных предпочтений для Андских стран (Andean Trade Promotion and Drug Eradication Act) и обратиться в сторону поиска новых геополитических и торговых партнеров³.

Боливия стремится стать «энергетическим сердцем» Латинской Америки, учитывая ее географическое положение в центре континента и богатые природные ресурсы (месторождения драгоценных металлов, запасы углеводородов, лития и гидроресурсы). Боливия занимает третье место в регионе по доказанным запасам газа (около 300 млрд куб. м) и по объему производства углеводородов (свыше 20 млрд куб. м в год)⁴. Боливия заинтересована в привлечении иностранных инвестиций. В 2015 г. был принят

² Никольский А. Эво Моралес: Боливия готова поддержать Россию в деле признания Крыма. — РИА «Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/interview/20160602/1442020055.html> (дата обращения: 02.06.2016).

³ Ibid.

⁴ Боливия. — Gazprom International [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom-international.com/ru/operations/country/boliviya>.

специальный закон, гарантирующий права частных инвесторов (Ley 708 de Conciliación y Arbitraje. Jueves 25 de junio de 2015)⁵.

Основные линии взаимодействия между российской и боливийской сторонами лежат в сфере добычи углеводородов и мирного атома. Сотрудничество строится на основе подписанного 21 февраля 2007 г. Меморандума о взаимопонимании между ПАО «Газпром» и боливийской государственной нефтегазовой компанией YPFV (Yacimientos Petroliferos Fiscales Bolivianos). Работа ведется по следующим направлениям: добыча, транспортировка, переработка природного газа, а также научно-техническое сотрудничество. Газпром в партнерстве с Total E&P Bolivia и TecPetrol de Bolivia участвует в проектах освоения перспективных нефтегазоносных участков «Ипати» и «Акио», на территории которых введено в эксплуатацию месторождение «Инкауаси»⁶. Генеральная схема развития газовой отрасли Боливии была актуализирована вплоть до 2040 г. Помимо промышленных проектов, российская компания планирует обучение и развитие персонала и в перспективе создание в Боливии научно-технического центра газовой промышленности.

В феврале 2016 г. Министерство углеводородов и энергетики Боливии и Gazprom International подписали Меморандум о сотрудничестве в области применения сжиженного природного газа. В мае 2016 г. был поставлен в Боливию первый образец — седельный тягач КамАЗ для демонстрации возможностей техники, работающей на газе. Предполагается, что часть автопарка и водного транспорта Боливии будет переведена на использование более экономичного и чистого газомоторного топлива, что положительно отразится на экологической ситуации в промышленных регионах страны и внесет существенный вклад в решение проблемы автономной газификации ее труднодоступных регионов⁷.

В списке боливийских внешнеполитических интересов и приоритетов стоит сотрудничество с Россией по военно-технической линии. Несколько лет назад активно обсуждалась возможность поставки российских вертолетов, эффективных в условиях высокогорья, для борьбы с наркотрафиком. Тем не менее тогда Боливия закупила несколько единиц техники у

⁵ El gobierno promulgó la Ley 708 de Conciliación y Arbitraje, Vicepresidencia de estado Plurinacional de Bolivia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vicepresidencia.gob.bo/El-gobierno-promulgola-Ley-708-de> (дата обращения: 25.06.2015).

⁶ Газпром собирается подписать на ПМЭФ контракты по газу в Боливии. — РИА «Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20170527/1495210994.html> (дата обращения: 27.05.2017).

⁷ Боливия. — Gazprom International [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom-international.com/ru/operations/country/boliviya>.

Франции. В настоящее время переговоры возобновлены⁸. С 2013 г. боливийские полицейские проходят обучение в Перу на курсах для сотрудников антинаркотических ведомств при МВД России. В 2016 г. было подписано соглашение о военном сотрудничестве на проходившем в России международном военно-техническом форуме «Армия — 2016», которое заложило основу для дальнейшего взаимодействия в этой области. В будущем возможно подписание новых контрактов⁹.

В марте 2016 г. Россия и Боливия подписали соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях и сооружении Центра ядерных исследований и технологий в городе Эль-Альто на высоте более 4 тыс. метров. Строительство центра в условиях высокогорья — первый совместный проект РФ и Боливии в атомной энергетике, а также самый крупный и амбициозный проект госкорпорации «Росатом» в регионе. Эксплуатация центра позволит Боливии начать работу по освоению атомных технологий и их применению для нужд науки, медицины, промышленности и сельского хозяйства. Боливийское правительство планирует полностью профинансировать проект, под который зарезервировано около 300 млн долл.¹⁰

Интересным фактом является то, что Боливия с ее благоприятным инвестиционным режимом в отношении азартных игр является своего рода раем для игорного бизнеса, в который активно вкладывается российский капитал. В частности, 15 казино в крупнейших боливийских городах управляются российской компанией в индустрии развлечений Ritzio International¹¹.

Боливия стала одной из последних стран в Латинской Америке, подписавших соглашение с РФ о безвизовых поездках. Страна намерена развивать туризм и образовательные программы. Тем не менее значительных шагов в этом направлении пока не сделано.

⁸ Паниев Ю. Россию и Боливию сплотят газ и атом. — Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/world/2017-08-17/7_7053_bolivia.html (дата обращения: 17.08.2017).

⁹ Россия и Боливия заключили соглашение о военном сотрудничестве. — РИА «Новости» [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/defense_safety/20160906/1476170648.html (дата обращения: 6.09.2016).

¹⁰ Россия поможет Боливии создать атомную отрасль. — Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2016/03/07/bolivia/> (дата обращения: 07.03.2016).

¹¹ *Astrada Marvin and Martín Félix*. Russia and Latin America: From Nation-State to Society of States. — N. Y., 2013.

Эквадор

Эквадор является одним из ведущих внешнеполитических партнеров России в Латинской Америке после Бразилии и Мексики. Торгово-экономическое сотрудничество между двумя государствами строится в рамках режима наибольшего благоприятствования, закрепленного в Торговом соглашении с СССР в 1969 г. Объем товарооборота составляет около 1,4 млрд долл. (2015), причем импорт эквадорских товаров в несколько раз превышает экспорт российской продукции. Эквадор поставляет в Россию в основном продовольственные товары — фрукты, орехи, креветки, а также живые и срезанные цветы, известные всем эквадорские розы. Около 90 % бананов, поставляемых на полки российских магазинов, также выращены в Эквадоре. Россия в основном экспортирует удобрения, топливо и оборудование¹².

Президент Эквадора Рафаэль Корреа за время своего пребывания у власти успел дважды побывать в Российской Федерации с официальными визитами. В 2009 г. он стал первым в истории своей страны действующим президентом, посетившим Россию. Во второй раз Р. Корреа побывал в Кремле в 2013 г. Благодаря достигнутым договоренностям во время этих поездок сотрудничество между Москвой и Кито значительно активизировалось. Стороны договорились об инвестировании, прежде всего в энергетический сектор. Среди российских компаний, развивающих связи с эквадорской стороной, следует выделить ООО «Премиум инжиниринг», работающего в области газопереработки, ОАО «Тяжмаш» и ПАО «Интер РАО ЕЭС», участвующие в сооружении гидрокомплекса «Тоачи-Пилатон», а также дочернее предприятие «Интер РАО-Экспорт», заключившее контракты на строительство сразу нескольких объектов. Помимо этого, ОАО «Российские железные дороги» ведет железнодорожные проекты на территории южноамериканской республики.

Помимо практического взаимодействия на уровне предприятий, предпринимаются шаги по активизации сотрудничества в области науки и техники. Изучаются возможности осуществления совместных проектов в области космоса, в том числе по использованию системы ГЛОНАСС. Для их реализации готовится подписание соответствующего соглашения¹³. В 2014 г. при содействии российских специалистов был проведен первый в истории южноамериканской страны сеанс связи с МКС.

¹² Экономические отношения России и Эквадора. — Досье, ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/3331430> (дата обращения: 14.02.2016).

¹³ Андрей Векленко: санкционные ниши нужно заполнять товарами из Латинской Америки. Интервью с послом РФ в Эквадоре А. В. Векленко. — РИА «Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/interview/20170215/1488029069.html> (дата обращения: 15.02.2017).

Большое внимание в двусторонних отношениях РФ и Эквадора уделяется гуманитарному сотрудничеству. Эквадор придает огромное значение образованию и развитию человеческого таланта как инструмента развития государства и общества. Страна занимает одно из ведущих мест в Латинской Америке по уровню вложений в образовательный сектор, объем которых составляет около 13 % государственных расходов (в 2015 г.)¹⁴.

Эквадорской стороной подписаны соглашения о научном сотрудничестве с рядом российских университетов. Отдельную нишу занимает сфера обучения эквадорских студентов за рубежом. Российская сторона регулярно предоставляет эквадорским учащимся, желающим обучаться за рубежом, стипендии на обучение в России от Правительства РФ, а также ведущих российских вузов. Среди российских университетов, ведущих активную деятельность по развитию двустороннего сотрудничества, можно отметить Юго-Западный государственный университет (ЮЗГУ), Российский университет дружбы народов (РУДН), Российский новый университет (РосНУ).

Ввиду проявляемого эквадорцами интереса к изучению русского языка в г. Кито был открыт Центр по изучению и распространению русского языка, а также курсы русского языка¹⁵. Центр должен стать основной площадкой в латиноамериканском регионе по подготовке студентов, желающих продолжить обучение в России.

Знаменательным вектором двустороннего сотрудничества должно стать развитие отношений между Фондом «Сколково» и государственным предприятием Эквадора наукоградом «Ячай». Российские специалисты принимали непосредственное участие в строительстве эквадорского «города знаний», делясь опытом с эквадорскими коллегами¹⁶.

Расширение сотрудничества в сфере инновационных разработок и совместные проекты в различных областях могут принести плодотворные результаты и иметь хорошие перспективы.

Библиография

1. *Никольский А.* Эво Моралес: Боливия готова поддержать Россию в деле признания Крыма. — РИА «Новости». [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/interview/20160602/1442020055.html> (дата обращения: 02.06.2016).

¹⁴ Expenditure on education as % of total government expenditure (%). — World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://datos.bancomundial.org/indicador/SE.XPD.TOTL.GB.ZS>.

¹⁵ В Эквадоре открывается Центр русского языка. — МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/maps/ec/-/asset_publisher/CFYBCMnKwk3G/content/id/2538631 (дата обращения: 29.11.16).

¹⁶ *Бакланов М.* Опыт «Сколково» хотят перенести на экватор. [Электронный ресурс]. URL: <https://sk.ru/city/b/news/archive/2013/10/29/opyt-skolkovo-hotyat-perenesti-na-ekvator.aspx> (дата обращения: 29.10.2013).

2. Боливия. — Gazprom International [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom-international.com/ru/operations/country/boliviya>.
3. El gobierno promulgó la Ley 708 de Conciliación y Arbitraje, Vicepresidencia de estado Plurinacional de Bolivia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vicpresidencia.gob.bo/El-gobierno-promulgo-la-Ley-708-de> (дата обращения: 25.06.2015).
4. Газпром собирается подписать на ПМЭФ контракты по газу в Боливии. — РИА «Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20170527/1495210994.html> (дата обращения: 27.05.2017).
5. Паниев Ю. Россию и Боливию сплотят газ и атом. — Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/world/2017-08-17/7_7053_bolivia.html (дата обращения: 17.08.2017).
6. Россия и Боливия заключили соглашение о военном сотрудничестве. — РИА «Новости» [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/defense_safety/20160906/1476170648.html (дата обращения: 6.09.2016).
7. Россия поможет Боливии создать атомную отрасль. — Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2016/03/07/bolivia/> (дата обращения: 07.03.2016). Astrada Marvin and Martín Félix, *Russia and Latin America: From Nation-State to Society of States*, New York, 2013.
8. Экономические отношения России и Эквадора. — Досье, ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/3331430> (дата обращения: 14.02.2016).
9. Андрей Векленко: санкционные ниши нужно заполнять товарами из Латинской Америки. Интервью с послом РФ в Эквадоре А. В. Векленко. — РИА «Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/interview/20170215/1488029069.html> (дата обращения: 15.02.2017).

Когда заканчивается нефть. Энергетическая дипломатия Венесуэлы в период нестабильности

When oil ends. Energy diplomacy of Venezuela in the period of instability

Abstract: This article is devoted to the oil diplomacy of Venezuela during the political and economic instability in this country. The author analyzes the effectivity of the energetic activity of Caracas in Latin America, determines its results. In the situation of the deep crisis of the bolivarian project the government of N. Maduro is not able to continue the “oil game”. Besides, the efforts of the USA and the low prices on the fuel can be the serious obstacles of the Caracas’ energetic policy.

Keywords: Venezuela, oil diplomacy, N. Maduro, Petrocaribe, international relations, economic crisis, political conflict.

Resumen: Este artículo está dedicado a la diplomacia energética de Venezuela durante la inestabilidad política y económica en el país. El autor analiza su efectividad y determina sus resultados. En la situación de la crisis profunda del proyecto bolivariano el gobierno de N. Maduro no es capaz de continuar “el juego petrolero”. Además, los esfuerzos de Estados Unidos y los precios bajos del combustible pueden ser obstáculos serios a la política de Caracas.

Palabras claves: Venezuela, diplomacia petrolera, N. Maduro, Petrocaribe, relaciones internacionales, crisis económica, conflicto político.

Экономический кризис и политическая нестабильность в Венесуэле отразились на международном положении этого государства. Уменьшился потенциал Каракаса по продвижению своих интересов. Обострились его отношения с соседними Колумбией и Гайаной, региональными гигантами — Бразилией и Аргентиной, осложнилось членство Боливарианской Республики в интеграционных группировках, понизилась эффективность энергетической дипломатии. Последнее обстоятельство подчеркивает масштаб проблем латиноамериканской страны — «забарахлил» основной внешнеполитический механизм правительств Уго Чавеса и Николаса Мадуро.

¹ Розенталь Дмитрий Михайлович, Россия, кандидат исторических наук, ученый секретарь Института Латинской Америки РАН, (belive2004@bk.ru), гр. России.

Нефтяной социализм

Энергетическая дипломатия — традиционный инструмент внешней политики Венесуэлы. В XX в. Каракас не раз использовал богатые запасы нефти для усиления влияния на международной арене, спонсировал ее льготное распределение (соглашения Сан-Хосе² и Пуэрто Ордас³). С приходом к власти Уго Чавеса поставки топлива приобрели весомую идеологическую нагрузку.

Пропаганда идей «единого континента» и «социализма XXI века» требовала больших вложений. Венесуэльская нефть массово поставлялась странам-союзницам, близким политическим течениям, общественным организациям (не только в Латинской Америке, но и в Великобритании, и США). Лишь в благополучном 2007 г. Каракас вложил в программы энергетического сотрудничества 1,6 млрд долл., что, по словам У. Чавеса, превышало инвестиции Вашингтона за тот же период⁴. Сам лидер Боливарианской революции, за щедрость получивший от журналистов саркастическое прозвище «Санта из тропиков»⁵, заявлял о развитии «нефтяного социализма»⁶

Особое значение венесуэльские поставки имеют для стран Карибского бассейна, вынужденных тратить до 13 % ВВП на закупки топлива⁷. При этом программа его льготного распределения — Petrocaribe⁸ позволяет государствам-реципиентам получать нефть в долгосрочный кредит (до 25 лет) под 1–2 %. Возможна и бартерная сделка. Кусок «энергетического пирога» доставался и другим союзникам Каракаса. Так, используя доходы от «черного золота», правительство У. Чавеса выкупило львиную часть аргентин-

² Соглашение «Сан-Хосе» заключено между Венесуэлой и Мексикой в 1980 г., согласно которому обе страны снабжали нефтью страны Карибского бассейна. От 20 до 25 % поставок оплачивались в кредит.

³ Соглашение «Пуэрто Ордас» заключено в 1975 г. между Венесуэлой, странами Карибского бассейна и Центральной Америки, согласно которому поставки нефти осуществлялись в кредит на 6–25 лет.

⁴ Халитов Б. «Энергетическая дипломатия» Боливарианского правительства Венесуэлы // Латинская Америка. 2007. № 10. С. 32.

⁵ Los Angeles Times. Los Angeles, 5.03.2006.

⁶ Сапожников К. Уго Чавес. Одинокий Революционер. — М.: Молодая гвардия, 2011. С. 289.

⁷ Piret Glegg. Venezuela and Oil Diplomacy: The End of the Road for Petrocaribe? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-ir.info/2013/09/12/venezuela-and-oil-diplomacy-the-end-of-the-road-for-petrocaribe/>.

⁸ Помимо Petrocaribe в Латинской Америке функционируют другие венесуэльские программы льготного распределения нефти: Petrosur (страны Южной Америки) и Petroandina (андские государства).

ского долга — 5,77 млрд долл.⁹ Подобная услуга на сумму 300 млн долл. была оказана и руководству Эквадора¹⁰.

Вместе с тем эффективность нефтяной дипломатии Венесуэлы вызывала вопросы. С одной стороны, страны-реципиенты солидаризировались с ключевыми постулатами чавистов. Нефть стала скрепляющим материалом основного внешнеполитического проекта Каракаса — Боливарианского альянса для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*). Только за первые четыре года его существования на развитие экономик государств-членов было потрачено 23,5 % доходной части бюджета республики¹¹.

Боливарианцы получили инструмент экономического давления. В разное время энергетические санкции вводились против правительств Гайаны, Доминиканской Республики и Коста-Рики. В свою очередь, слова ветерана венесуэльской политики, министра обороны, иностранных дел, вице-президента республики Хосе Висенте Ранхеля о том, что нефть во все времена была политическим оружием, вызвали широкий общественный резонанс¹².

С другой стороны, декларативные заявления ряда латиноамериканских правительств не переходят в действительную поддержку боливарианских инициатив. В частности, немецкий исследователь М. Поертнер обнаружил зависимость между дотациями Каракаса и голосованием стран-реципиентов в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций лишь в отношении некоторых государств¹³. Зачастую партнеры Венесуэлы принимали решения, идущие вразрез с политикой ее руководства. В частности, страны Карибского бассейна поддерживали создание зоны свободной торговли в обеих Америках (*Area de Libre Comercio de las Americas*,

⁹ *Günther Maihold*. Foreign policy as provocation. Rhetoric and Reality in Venezuela's External Relations under Hugo Chavez. [Электронный ресурс]. URL: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2009_RP01_ilm_ks.pdf.

¹⁰ *Douglas Schoen, Michael Rowan*. The Threat Closer to Home: Hugo Chavez and the War Against America. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=ndgoy_h3taIC&pg=PT102&lpg=PT102&dq=hugo+chavez+helped+evo+morales+in+war+of+gas&source=bl&ots=zSYZnfcuW&sig=gxBo-ELy08eVc8xgtOnDdt5k0BM&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewjMpOCsk77NAhUiJpoKH RdIBdE4ChDoAQgaMAA#v=onepage&q=bolivia&f=false.

¹¹ Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы / Под ред. Збигнева Ивановского, Анны Лавут. — М.: ИЛА РАН, 2012. С. 48–49.

¹² Stabroek News. Georgetown, 9.X.2000.

¹³ *Mathias Poertner*. Venezuelan oil diplomacy and voting in the U.N. General Assambley // Journal of International Service (20), Spring 2011. P. 106.

ALCA), критикуемое чавистами¹⁴. Член ALBA Никарагуа и вовсе подписала подобное двустороннее соглашение с США.

Кризис нарастает

Экономические неурядицы внесли серьезные коррективы в практику энергетической дипломатии боливарианского правительства. Снижение объемов поставок проявилось еще в 2013–2014 гг. В частности, дотации по линии Petrocaribe были сокращены в среднем на 12 %¹⁵. В Доминику, Гондурас, Парагвай и Боливию в 2013 г. венесуэльская нефть не поставлялась вообще¹⁶. Впрочем, тогда Н. Мадуро выражал оптимизм и заявлял о готовности расширить программу льготного распределения топлива¹⁷.

Окончательно иллюзии развеялись после того, как в 2016 г. Каракас сократил на 40 % нефтяные поставки своему главному союзнику — Кубе¹⁸. Этот вынужденный шаг влечет за собой серьезные последствия как для репутации правительства Н. Мадуро, неспособного обеспечить топливом ключевого партнера по ALBA, так и для социальной политики Боливарианской Республики. «Черным золотом» оплачивалась работа в Венесуэле медиков, учителей и спортивных инструкторов с Острова свободы. В результате более 20 тыс. специалистов были вынуждены вернуться на родину¹⁹.

Среди причин сокращения венесуэльской помощи первое место занимает снижение добычи нефти в латиноамериканском государстве. К июлю 2017 г. она сократилась до 2,1 млн баррелей в сутки (в 2013 г. в стране ежедневно добывалось 2,9 млн баррелей «черного золота»)²⁰. Негативная динамика объясняется как технологическим отставанием государственной компании *Petróleos de Venezuela (PDVSA)* (она подвергается открытой критике,

¹⁴ *Andrés Serbin*. El Caribe, Chávez y los límites de la diplomacia petrolera. — Nueva Sociedad [Электронный ресурс]. URL: <http://nuso.org/articulo/el-caribe-chavez-y-los-limites-de-la-diplomacia-petrolera/>.

¹⁵ *David L. Goldwyn, Cory R. Gill*. The Waning of Petrocaribe? Central America and Caribbean Energy in Transition. [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.atlanticcouncil.org/Petrocaribe/>

¹⁶ Diplomacia petrolera de Chávez se volvió insostenible [Электронный ресурс]. URL: <https://www.martinoticias.com/a/diplomacia-del-petroleo-de-chavez-se-hizo-insostenible/72949.html>

¹⁷ *Daniel Trotta*. Venezuela wants to expand oil diplomacy despite falling prices [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/us-cuba-venezuela-summit/venezuela-wants-to-expand-oil-diplomacy-despite-falling-prices-idUSKBN0JS0RS20141214>.

¹⁸ Venezuela reduce un 40% el envío de barriles de petróleo a Cuba [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diariolasamericas.com/venezuela-reduce-un-40-el-envio-barriles-petroleo-cuba-n3924796>.

¹⁹ *Holly K. Sonneland*. Venezuela Is Running Short of Everything [Электронный ресурс]. URL: <http://www.as-coa.org/articles/update-venezuela-running-short-everything>.

²⁰ Vladimir's Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <http://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/rngs/VENEZUELA-RUSSIA-OIL/010050DS0W3/index.htm.l>

в том числе со стороны российских нефтяников²¹), так и непривлекательным инвестиционным климатом в стране²².

Зачастую Каракас неспособен производить топливо в объемах, необходимых для выполнения международных обязательств. Так, в 2015 г. он был вынужден поставлять на Кубу нефть, приобретенную в Анголе и России²³. В условиях экономического кризиса подобные жесты солидарности становятся непосильной ношей для венесуэльского бюджета.

Неуклонно уменьшается прибыль венесуэльских нефтяников. Так, еще при высоких ценах на топливо в 2012 г. они заработали на 1 млрд долл. меньше, чем в 2011 г.²⁴ Одной из причин низкой эффективности может быть высокий уровень коррупции в Боливарианской Республике — Каракас занимает незавидное 166-е место из 176 в списке стран по индексу ее восприимчивости²⁵. По оценкам бывших министров в правительстве У. Чавеса Эктора Наварро и Хорхе Джиордани, из 1 трлн долл., полученного за последние 10 лет от продажи углеводородов, около трети было разворовано²⁶.

Наконец, падение мировых цен на нефть, на которую приходится 96 % экспортных поступлений Каракаса²⁷, катастрофически уменьшило доходную часть венесуэльского бюджета. В этих условиях правительство Н. Мадуро не в состоянии продолжать прежнюю «нефтяную игру».

Впрочем, и в усеченном виде энергетическая дипломатия боливарианцев обладает некоторым потенциалом. Так, во многом благодаря поддержке стран Карибского бассейна Организация американских государств не смогла принять резолюцию, осуждающую действия венесуэльских властей. Против этого решения (для которого было необходимо набрать 24 голоса) выступили три страны — участницы Petrocaribe: Сент-Китс и Невис, Сент-Винсент и Гренадины, Доминика. Еще шесть государств, входящих в

²¹ *Thomas W. O'Donnell*. Russia Is Beating China to Venezuela's Oil Fields [Электронный ресурс]. URL: <http://www.americasquarterly.org/content/russia-beating-china-venezuelas-oil-fields>.

²² Market Strategy — Sovereign Default Is Likely In 2017 — JAN 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.latinamericamonitor.com/market-strategy-sovereign-default-likely-2017-jan-2017>.

²³ Venezuela reduce un 40% el envío de barriles de petróleo a Cuba // *Op. cit.*

²⁴ *Michel Martin*. Venezuela Oil Diplomacy: From Caracas To Cuba [Электронный ресурс]. URL: <http://www.npr.org/2013/04/12/177032265/venezuela-oil-diplomacy-from-caracas-to-cuba>.

²⁵ Corruption by country, Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <https://www.transparency.org/country/#VEN>

²⁶ *Яковлев П.* Латинская Америка в условиях глобальной нестабильности // *Латинская Америка*. 2016. № 5. С. 20–21.

²⁷ The world bank data [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/en/country/venezuela/overview>.

программу (Сальвадор, Гренада, Гаити, Доминиканская Республика, Суринам, Антигуа и Барбуда), воздержались²⁸.

На фоне усиливающейся международной изоляции, в которой оказалась Боливарианская Республика, нефтяная дипломатия остается одним из немногих действенных внешнеполитических рычагов в арсенале правительства Н. Мадуро. Вместе с тем углубление внутривнутриполитического кризиса в стране и сложная международная обстановка в регионе препятствуют розыгрышу и этой «энергетической карты».

Большая нефтяная игра

Обрушившийся на Венесуэлу экономический и политический кризис остро поставил вопрос о выживании «боливарианского проекта». Падение социально-экономических показателей ослабило положение правительства Н. Мадуро. Рейтинг доверия главы государства, по данным авторитетной исследовательской компании Datanalisis, на октябрь 2017 г. не превышал 23 % населения страны²⁹. Политический вес набрала оппозиция. Нестабильная обстановка способствовала радикальной смене приоритетов чавистского руководства, в том числе и на международной арене.

Если в благополучные для боливарианцев годы основной акцент во внешней политике делался на идее регионального единства, на усилении позиций Каракаса в Латинской Америке, то в период кризиса приоритетными для правительства Н. Мадуро стали внутренние проблемы. При этом международная повестка используется для мобилизации чавистского электората и усиления общественной поддержки. В подобных условиях нефтяная дипломатия Венесуэлы стремительно теряет эффективность.

Эту тенденцию иллюстрируют отношения Венесуэлы с соседней Гайаной (между странами существует длительный территориальный спор за регион Эссекибо). В поисках общественной поддержки правительство Н. Мадуро пошло на обострение пограничного конфликта. Одним из способов давления на соседнее государство стал отказ от закупок риса, которые Каракас оплачивал нефтью. В качестве ответной меры Джорджтаун был вынужден апеллировать к международному сообществу, прежде все-

²⁸ OEA no logra votos suficientes para hacer declaración sobre Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eltiempo.com/mundo/latinoamerica/oea-no-logra-votos-para-resolucion-sobre-crisis-en-venezuela-100592>.

²⁹ Ewald Scharfenberg. Las elecciones locales de Venezuela abren la puerta a la reconfiguración de la crisis política [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2017/10/07/actualidad/1507412452_739583.html.

го к странам Карибского бассейна³⁰. Напряженные отношения с одной из стран — участниц Petrocaribe и введение против нее экономических санкций едва ли способствуют привлекательности Боливарианской Республики на международной арене.

Серьезную угрозу для нефтяной дипломатии Венесуэлы представляет победившая на парламентских выборах 2015 г. оппозиционная коалиция «Блок демократического единства» (Mesa de la Unidad Democrática, MUD). При этом один из ее лидеров — Энрике Каприлес уже заявил о необходимости свернуть программы льготного распределения топлива³¹. Схожего мнения придерживаются и другие представители MUD, в том числе Мария Корина Мачадо³². За пересмотр энергетических соглашений высказался и бывший генеральный секретарь этого объединения Хесус Торреальба³³.

Позиция MUD понятна как с точки зрения здравого смысла, так и тактики политической борьбы. Страдающая от дефицита продуктов первой необходимости, перебоев электроснабжения, недостатка валютной ликвидности Венесуэла могла бы извлечь больше пользы для населения страны от нефтяных поставок (за скобками, впрочем, остается успешный опыт сотрудничества с Кубой). Зачастую поступления топлива оплачиваются бартерными сделками. «Живыми деньгами» регулярно рассчитываются лишь Индия и США.

Венесуэльскими неурядицами стремится воспользоваться Вашингтон. В частности, руководство США заинтересовано в купировании влияния Каракаса на страны Карибского бассейна. Еще вице-президент в администрации Барака Обамы Джо Байден открыто назвал программу Petrocaribe «инструментом контроля» боливарианцев над регионом³⁴. Для борьбы с режимом Н. Мадуро Белый дом наращивает свои поставки нефти и природного газа по сниженным ценам в страны — участницы програм-

³⁰ Guyana dice que disputa con Venezuela supone una “amenaza” a su supervivencia [Электронный ресурс]. URL: http://www.el-nacional.com/noticias/mundo/guyana-dice-que-disputa-con-venezuela-supone-una-quotamenazaquot-supervivencia_48013.

³¹ *Mauricio Vicent*. El Caribe se prepara para el fin de la ‘diplomacia petrolera’ [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2015/12/09/actualidad/1449695791_360389.html.

³² *Juan Cristóbal Nagel*. Venezuela’s Marked Woman [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/07/24/venezuelas-marked-woman/>.

³³ *Juan Carlos Bow, José Adán Silva*. Vamos a verificar que cada gota de petróleo llegue a quien la necesite [Электронный ресурс]. URL: <https://www.laprensa.com.ni/2015/12/10/politica/1952260-jesus-torrealba-petroleo-llegara-a-quien-lo-necesite>.

³⁴ *Z. C. Dutka*. Venezuela’s Maduro Expands PetroCaribe Investments in Saint Vincent & Grenadines [Электронный ресурс]. URL: <https://venezuelanalysis.com/news/11649>.

мы. Американское правительство содействует и развитию «чистой энергетики» в этих государствах³⁵.

Заслуживает внимания и желание Мексики заменить Каракас в программе Petrocaribe (в том случае, если режим Н. Мадуро не устоит). По сведениям информационного агентства Reuters, вопрос рассматривается на министерском уровне³⁶. Это решение, несомненно, усилит позиции правительства Энрике Пеньи Ньето на международной арене. Кроме того, страна обладает опытом нефтяных дотаций — в рамках соглашения Сан-Хосе в 80-х гг. Мехико и Каракас совместно распространяли льготное топливо в 11 государствах Латинской Америки.

Наконец, низкие мировые цены на нефть позволили многим странам Карибского бассейна снизить зависимость от Petrocaribe. В частности, такие государства, как Ямайка и Доминиканская Республика, выплатили все кредитные обязательства по программе. При этом потребность Каракаса в срочных валютных поступлениях способствовала его гибкой позиции на переговорах — в обоих случаях произошло списание большей части долга³⁷.

Освободившись от финансовых обязательств, эти страны могут позволить себе большую решимость в отношениях с венесуэльскими партнерами. В частности, Ямайка числится в списке стран, поддержавших резолюцию ОАГ с осуждением политики Н. Мадуро (Доминиканская Республика воздержалась от голосования)³⁸. Каракас осторожно критикуют и другие государства — участницы Petrocaribe. Так, премьер-министр Белиза Дин Барроу заявил, что его кабинет не будет слепо поддерживать все действия боливарианцев³⁹.

* * *

Несмотря на все экономические неурядицы, венесуэльское правительство продолжает использовать энергетическую дипломатию, но ставит перед ней другие задачи. Пропаганда идей регионального единства и «социализма XXI века» уступила место стремлению сохранить «болива-

³⁵ David L. Goldwyn, Cory R. Gill // Op. cit.

³⁶ Gabriel Stargardter. Mexico studies supplying Petrocaribe oil if Venezuela govt falls — sources [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-mexico/exclusive-mexico-studies-supplying-petrocaribe-oil-if-venezuela-govt-falls-sources-idUSKCN1B31X3>.

³⁷ Jamaica pagó con descuento su deuda con Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elsalvador.com/noticias/negocios/155393/jamaica-pago-con-descuento-su-deuda-con-venezuela/>.

³⁸ OEA no logra votos suficientes para hacer declaración sobre Venezuela // Op. cit.

³⁹ Mac Margolis. Venezuela Scrapes the Bottom of Oil Barrel Diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-06-27/venezuela-scrapes-the-bottom-of-oil-barrel-diplomacy>.

рианский проект» и поддержать региональных союзников. Впрочем, падение уровня добычи нефти и неблагоприятная международная обстановка грозят свести на нет и этот инструмент внешнеполитической игры Каракаса.

Библиографический список

1. Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы / Под ред. Збигнева Ивановского, Анны Лавут. — М.: ИЛА РАН, 2012. С. 48–49.
2. Сапожников К. Уго Чавес. Одинокий Революционер. — М.: Молодая гвардия, 2011. С. 289.
3. Халитов Б. «Энергетическая дипломатия» Боливарианского правительства Венесуэлы // Латинская Америка. 2007. № 10. С. 32.
4. Яковлев П. Латинская Америка в условиях глобальной нестабильности // Латинская Америка. 2016. № 5. С. 20–21.
5. Corruption by country, Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <https://www.transparency.org/country/#VEN>.
6. Juan Carlos Bow, José Adán Silva. Vamos a verificar que cada gota de petróleo llegue a quien la necesite [Электронный ресурс]. URL: <https://www.laprensa.com.ni/2015/12/10/politica/1952260-jesus-torrealba-petroleo-llegara-a-quien-lo-necesite>.
7. Diplomacia petrolera de Chávez se volvió insostenible [Электронный ресурс]. URL: <https://www.martinoticias.com/a/diplomacia-del-petroleo-de-chavez-se-hizo-insostenible/72949.html>
8. Guyana dice que disputa con Venezuela supone una “amenaza” a su supervivencia. — [Электронный ресурс]. URL: http://www.el-nacional.com/noticias/mundo/guyana-dice-que-disputa-con-venezuela-supone-una-quotamenazaquot-supervivencia_48013.
9. Piret Glegg. Venezuela and Oil Diplomacy: The End of the Road for Petrocaribe? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-ir.info/2013/09/12/venezuela-and-oil-diplomacy-the-end-of-the-road-for-petrocaribe/>.
10. David L. Goldwyn, Cory R. Gill. The Waning of Petrocaribe? Central America and Caribbean Energy in Transition. — [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.atlanticcouncil.org/Petrocaribe/>
11. Jamaica pagó con descuento su deuda con Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elsalvador.com/noticias/negocios/155393/jamaica-pago-con-descuento-su-deuda-con-venezuela/>.
12. Los Angeles Times. Los Angeles, 5.III.2006.
13. Günther Maihold. Foreign policy as provocation. Rhetoric and Reality in Venezuela’s External Relations under Hugo Chavez. [Электронный ресурс]. URL: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2009_RP01_ilm_ks.pdf (дата обращения: 26.10.2017).

14. *Mac Margolis*. Venezuela Scrapes the Bottom of Oil Barrel Diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-06-27/venezuela-scrapes-the-bottom-of-oil-barrel-diplomacy>.
15. Market Strategy — Sovereign Default Is Likely In 2017 — JAN 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.latinamericamonitor.com/market-strategy-sovereign-default-likely-2017-jan-2017>.
16. *Michel Martin*. Venezuela Oil Diplomacy: From Caracas To Cuba [Электронный ресурс]. URL: <http://www.npr.org/2013/04/12/177032265/venezuela-oil-diplomacy-from-caracas-to-cuba>.
17. *Juan Cristóbal Nagel*. Venezuela's Marked Woman [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/07/24/venezuelas-marked-woman/>.
18. *Thomas W. O'Donnell*. Russia Is Beating China to Venezuela's Oil Fields [Электронный ресурс]. URL: <http://www.americasquarterly.org/content/russia-beating-china-venezuelas-oil-fields>.
19. OEA no logra votos suficientes para hacer declaración sobre Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eltiempo.com/mundo/latinoamerica/oea-no-logra-votos-para-resolucion-sobre-crisis-en-venezuela-100592>.
20. *Mathias Poertner*. Venezuelan oil diplomacy and voting in the U.N. General Assambly // *Journal of International Service* (20), Spring 2011. P. 85–107.
21. *Ewald Scharfenberg*. Las elecciones locales de Venezuela abren la puerta a la reconfiguración de la crisis política [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2017/10/07/actualidad/1507412452_739583.html.
22. *Douglas Schoen, Michael Rowan*. The Threat Closer to Home: Hugo Chavez and the War Against Americ[Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=ndgoy_h3taIC&pg=PT102&lpg=PT102&dq=hugo+chavez+helped+ev+o+morales+in+war+of+gas&source=bl&ots=zSYZnfcUW&sig=gxBo-ELy08eVc8xgtOnDdt5k0BM&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewjMрOCsk77NAhUiJpoKH RdIBdE4ChDoAQgaMAA#v=onepage&q=bolivia&f=false (дата обращения: 26.10.2017).
23. *Holly K. Sonneland*. Venezuela Is Running Short of Everything [Электронный ресурс]. URL: <http://www.as-coa.org/articles/update-venezuela-running-short-everything>.
24. *Z. C. Dutka*. Venezuela's Maduro Expands PetroCaribe Investments in Saint Vincent & Grenadines [Электронный ресурс]. URL: <https://venezuelanalysis.com/news/11649>.
25. *Andrés Serbin*. El Caribe, Chávez y los límites de la diplomacia petrolera. — Nueva Sociedad. [Электронный ресурс]. URL: <http://nuso.org/articulo/el-caribe-chavez-y-los-limites-de-la-diplomacia-petrolera/>.
26. Stabroek News. Georgetown, 9.X.2000.
27. *Gabriel Stargardter*. Mexico studies supplying Petrocaribe oil if Venezuela govt falls — sources [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-mexico/exclusive-mexico-studies-supplying-petrocaribe-oil-if-venezuela-govt-falls-sources-idUSKCN1B31X3>.

28. The world bank data [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/en/country/venezuela/overview>.
29. *Daniel Trotta*. Venezuela wants to expand oil diplomacy despite falling prices [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/us-cuba-venezuela-summit/venezuela-wants-to-expand-oil-diplomacy-despite-falling-prices-idUSKBN0JS0RS20141214>.
30. Venezuela reduce un 40% el envío de barriles de petróleo a Cuba [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diariolasamericas.com/venezuela-reduce-un-40-el-envio-barriles-petroleo-cuba-n3924796>.
31. Vladimir's Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <http://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/rngs/VENEZUELA-RUSSIA-OIL/010050DS0W3/index.html>.
32. *Mauricio Vicent*. El Caribe se prepara para el fin de la 'diplomacia petrolera' [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2015/12/09/actualidad/1449695791_360389.html.

Куба и США. В предвкушении полной нормализации

Cuba and the US In anticipation of full normalization

Abstract: During his presidency Barack Obama fully changed the character of bilateral relations between Cuba and the United States. As a result of this, Cuba started playing the new role. But with the victory of Donald Trump as the president of the United States, the most interesting is how it will destroy all the results of the normalization of the era of Obama and Raul Castro.

Keywords: Cuba, USA, complete normalization, D. Trump.

Resumen: Durante su presidencia Barack Obama plenamente cambió el carácter de las relaciones bilaterales entre Cuba y EEUU. Como un resultado de esto, Cuba comenzó jugar el papel nuevo. Pero con la victoria de Donald Trump como el presidente de EEUU, lo que mas interesante es: como va a destruir todos los resultados de la normalización de la época de Obama y Raul Castro.

Palabras clave: Cuba, EEUU, la normalización completa, D. Trump.

Современная прикладная политология часто пользуется анализом актуальных проблем мировой политики без оглядки на мельчайшие детали объекта исследований. В то время как дипломатия является, перефразируя слова древнекитайского полководца Сунь Цзы, искусством обмана, а конфликт движется по траектории наибольшей непредсказуемости; в то время как история в каждой ее отдельной точке развивается с разной скоростью и в разных направлениях; в то время как политики и дипломаты усваивают уроки прошлого и создают новые алгоритмы действий для каждого нового аналогичного предшествовавшим конфликтам, современная прикладная политология все еще пользуется методами сравнительного анализа и примитивного принципа историзма. Для того чтобы наиболее глубоко осознать значение и последствия того или иного международного конфликта, в первую очередь ученому необходимо самому стать его частью. Не антагонистом, а наблюдателем, но с определенной долей вовлеченности. Каждое публичное заявление первых и вторых лиц государства следует воспринимать как переменную, которая с высокой долей вероятности является карточным фокусом, подвохом или ловушкой для другой стороны конфликта.

¹ Кодзоев Магомед Абдул-Мажитович, аспирант, научный сотрудник ФГБУН Института Латинской Америки РАН. Доклад и статья подготовлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 17-37-01019/15 «Кризис левых режимов в Латинской Америке», (zakon2bona@mail.ru), гр. РФ.

Поэтому, прежде чем судить о «завершенной» или, наоборот, «провалившейся» нормализации отношений Кубы и США, необходимо решить, была ли она в принципе возможной. На этот вопрос и попытался дать ответ автор данного доклада.

Эпоха Барака Обамы прошла так же, как и все предыдущие администрации Белого дома. Вместе с каждым экс-президентом уходят в прошлое и надежды, связанные с их правлением. На всех догадках и прогнозах исследователей ставится своеобразная точка с запятой, и возникает ощущение, что мир на пороге чего-то потрясающе нового, чего-то, чего не было в прошлом. Именно это заставляет мир с содроганием следить за очередными выборами первого лица замечательной и огромной страны — США.

Когда Дональд Трамп победил на выборах и стало ясно, что теперь внешнеполитическая линия Вашингтона двинется по совершенно иной траектории, у людей, интересующихся американо-кубинскими двусторонними отношениями, должно было возникнуть двойственное чувство. Во-первых, трудно себе представить, что Белый дом вершит свою дипломатию, совершенно не оглядываясь на принципы и обязательства непосредственно предыдущей администрации. Решение Б. Обамы пойти на нормализацию отношений с Кубой было настолько исторически важным, что смена курса в подобных вопросах может вызвать ощущение абсолютной непоследовательности у самой могущественной державы современности. Во-вторых, Д. Трамп сам выходец из большого бизнеса и должен понимать, насколько невыгодна его стране политика изоляции в отношении соседа.

Что теперь делать ученым, наблюдавшим все эти годы за нормализацией отношений двух стран? Они-то полагали, что ситуация будет развиваться совсем другим путем. В иллюзиях о скорой победе Хиллари Клинтон на выборах 2016 г. идеально вырисовывался облик полностью урегулированных двусторонних отношений. И тем не менее политологи сохраняют спокойствие. Ведь вряд ли Д. Трамп так прост, каким его считают. Его выступление в Маленькой Гаване 16 июня 2017 г. было окружено пристальным вниманием, пафоса этому мероприятию было не занимать. Высокопарные заявления вроде «мы не повернемся спиной к кубинскому народу», демонстративное согласие Вашингтона вновь передать бразды правления кубинского направления внешней политики американцам кубинского же происхождения — все было устроено на высшем уровне. Несмотря на это, при ближайшем рассмотрении выходит, что Д. Трамп ничего не поменял. Новым стало лишь то, что была названа конкретная компания Министерства обороны Кубы Grupo de Administracion Empresarial (GAESA), контролирующая чуть ли не 60 % всей внутренней экономики, как объект американских санкций. Было запрещено вести бизнес с любой компанией,

имеющей какое-либо отношение к вышеназванной государственной корпорации. Остальные детали, вроде ужесточения правил поездок американцев на Кубу, не так интересны, как эта.

Во-первых, с каких это пор в Вашингтоне склонны различать отдельные независимые компании и государственные корпорации на Кубе? Во-вторых, насколько велика роль того, что уже сделано во время Б. Обамы? Ведь новая политика Д. Трампа не отменила практически ничего. Авиа сообщение по-прежнему сохраняется, круизные компании могут и дальше отправлять свои суда к берегам острова, граждане все так же могут посещать страну, хоть и не в туристических целях. Тогда что конкретно поменял новый президент? Ровным счетом ничего. И вряд ли когда-либо на это пойдет. Ясно, что ничего доброго также нельзя ожидать. И все же в историю он войдет как лидер, который отказался нормализовать отношения с Гаваной. Вкупе с общей провальной картиной его администрации кубинская политика Д. Трампа будет оцениваться как ошибка системы. Последующие кандидаты на роль главы Белого дома почтут за честь обещать гражданам своей страны пойти на полную нормализацию отношений с Гаваной!

Наиболее внимательный исследователь мог заметить, что Б. Обама также исходил из исключительно прагматических соображений. На Кубе был сделан такой акцент, что стало понятно — это и есть причина, по которой Вашингтон выбрал стратегию мягкой дипломатии, политики «нового лица». Степень объективной необходимости американо-кубинской нормализации была настолько велика, что в Белом доме решили отработать Нобелевскую премию мира именно за счет этой хорошо обыгранной кубинской карты.

А Д. Трампу Нобелевскую премию никто не давал. И он не обязан продолжать линию своего предшественника. И опять же все не так просто. То, что было сделано при Б. Обаме, настолько сильно понравилось и американцам, и всему миру, что назад дороги уже нет. Так что для президента будет правильно вовсе избегать кубинской тематики. А еще лучше — передать всю компетенцию по этому вопросу Американо-кубинскому национальному фонду, как было во времена Великой Америки. Эта мысль обязательно навестила бы любого, окажись он на месте Д. Трампа. Конечно же, такой гиперболы не произойдет, но консенсус с Марко Рубио и другими консерваторами конгресса, думаю, заключается именно в делегировании им полномочий по отдельным вопросам.

Но вернемся к тому, что уже было сделано при Б. Обаме. На самом деле заявления, которые делались экс-президентом еще с начала предвыборной гонки относительно его готовности к переговорам с кубинским правительством, сплошь и рядом изобилуют эвфемизмами. Начиная с главного —

термина «нормализация». Толковый словарь дает ему четкое определение: «Процесс установления нормальных дипломатических отношений между двумя странами»². Что получается? Неужели с декабря 2014 г. по осень 2015 г. мы видели полную нормализацию отношений Гаваны и Вашингтона в том смысле, который вкладывали в это понятие сами стороны конфликта? Разумеется, нет. В одном из своих выступлений Рауль Кастро сказал: «Восстановление дипломатических связей — это начало процесса нормализации двусторонних отношений»³. То есть первое не тождественно последнему. Дальше читаем у экс-министра иностранных дел: «Мы ожидаем *полной* нормализации отношений»⁴. Здесь выражение «*полная* нормализация» вызывает интерес, так как это автоматически предполагает противопоставление пока еще мифической «неполной». Сам Б. Обама считал, что для того, чтобы приступить к процессу нормализации отношений, должен произойти «определенный прогресс» в сторону демократии во внутренней политике острова⁵. То есть сначала либерализация внутренней политики Кубы, а уж затем нормализация отношений. В Гаване принять протянутую руку Вашингтона считали приемлемым, только если переговоры будут основаны на принципах «равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимного уважения»⁶. Все это можно считать ценой за урегулирование целого ряда конфликтных узлов между странами. Но ничего из сказанного, ни одно из условий не было выполнено. Тогда почему стали возможными одновременные заявления глав государств о нормализации отношений в декабре 2014 г.?

Ответ на этот вопрос подсказал Фелипе Перес Роке, бывший глава внешнеполитического ведомства Кубы. Выше я подчеркнул его выражение

² Толковый словарь английского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovar-vocab.com/english/bed-vocab/normalization-7854624.html>.

³ Raul Castro: Guantanamo Should Be Returned to Cuba — Telesur, 29.01.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telesurtv.net/english/news/Raul-Castro-Says-Guantanmo-Territory-Should-Be-Returned-to-Cuba-20150129-0003.html>.

⁴ Edith M. Lederer. Cuban FM expects new US president to lift US trade embargo, AP [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aparchive.com/metadata/UN-Cuba-2/cd3ee5c62fafb9d93e34d4301bc99b93?query=Cuba+Expects+New+US+President+to+Lift+Embargo¤t=1&orderBy=Relevance&hits=2&referrer=search&search=%2fsearch%3fstartd%3d%26endd%3d%26allFilters%3d%26query%3dCuba%2bExpects%2bNew%2bUS%2bPresident%2bto%2bLift%2bEmbargo%26advsearchStartDateFilter%3d%26advsearchEndDateFilter%3d%26searchFilterHdSDFormat%3dAll%26searchFilterDigitized%3dAll%26searchFiltercolorFormat%3dAll%26searchFilteraspratioFormat%3dAll&allFilters=&productType=IncludedProducts&page=1&b=c99b93>.

⁵ Democratic debate at University of Texas in Austin. Feb 21, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.c-span.org/video/?204139-1/texas-democratic-presidential-candidates-debate>.

⁶ Full text: Raul Castro speech. BBC News, 2 December 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/6202898.stm>.

«полная нормализация». Так вот автор этих строк склонен различать «полную» и «неполную» нормализацию в данном ключе. В то время как последняя сводится исключительно к восстановлению дипотношений, первая является решением конфликта в его основе, она устраняет саму причину взаимного недоверия сторон, сам базис, на котором строится конфликт. И в то время как рождение и развитие последней мы имели возможность наблюдать в течение всего 2015 г., то первую стороны отложили, так сказать, до греческих календ.

Идеологическая пропасть между Кубой и США настолько существенна, что «полную нормализацию» следует считать вовсе невозможной, несовместимой со стартовыми условиями этого процесса. Как она вообще осуществится, если полвека стороны создавали образы непоколебимого врага в лице своего визави? Это первый и самый существенный вопрос, который возникает, когда мы пытаемся анализировать двусторонние отношения обамовских времен.

Этот период (с тех пор как в 2006 г. фактическим лидером острова стал Р. Кастро) знаменуется еще одним эпохальным, не побоюсь этого слова, процессом — актуализацией экономической модели. Она сопровождается некоторой либерализацией внутренней политики и децентрализацией полномочий государства, возникновением частного бизнеса, раздачей государственных земель в пользование крестьянам и т. д. Реформы коснулись всех областей жизни — от повседневных забот простых граждан до правил ротации высших должностных лиц. Эволюционирует и сама идеологическая основа государства. На VII съезде компартии Р. Кастро обрушился с критикой и на ту часть истеблишмента, которая обременена «балластом устаревшего мышления», и на контрреволюционеров, чьи «замаскированные попытки восстановить капитализм» неприемлемы⁷. На высшем уровне было объявлено, что новая стратегия будет исходить из опыта реформ в Китае и Вьетнаме. Эту мысль давно высказывали и отечественные исследователи⁸. Смешанная экономика в какой-то мере может считаться консенсусом, но в гораздо большей степени криком отчаяния. И это не является чем-то особенным, чем-то, что вызвано какими-либо из ряда вон выходящими обстоятельствами. Это объективный процесс. Во всяком случае, если верить классикам политологии. «Не сотрудничество, а конфликт заставляет людей объединяться в общества, а потом полнее развивать потенциал этих

⁷ *Raúl Castro Ruz*. Informe Central al VII Congreso del Partido Comunista Cuba. CubaDebate, 17.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cubadebate.cu/noticias/2016/04/17/informe-central-al-vii-congreso-del-partido-comunista-cuba/#.WNellaChqkp>.

⁸ *Ивановский З.В.* Политическая константа // Куба: новый этап адаптации. М.: ИЛА РАН, 2011. С. 19.

обществ», — пишет Френсис Фукуяма в «Конце истории»⁹. Он приводит множество примеров того, как именно угроза войны, конфликты толкают правительства к модернизации собственной экономики. Когда государство понимает, что без реформ не обойтись, то оно радикально меняет характер своей внутренней политики. В этой связи Куба является парадоксальным случаем. Если полувековой конфликт с США не заставил Гавану пойти по пути реформ, то почему? Во времена холодной войны угрозы вторжения как бы и не было. В начале 90-х гг. Фидель Кастро совершил еще одну попытку экономической модернизации без политических реформ. По этому поводу также у Ф. Фукуямы читаем: «На какой-то период можно избегать требований технологического рационализма, если государство размещается на изолированной или не привлекающей соперников территории»¹⁰. В биполярном мире остров был как будто бы изолирован стенами социалистического лагеря, а во время «особого периода» как будто не привлекал внимания США, победивших в противостоянии с СССР. Думаю, в сегодняшнем положении (самом худшем с геополитической точки зрения) Гавана понимает всю срочную необходимость преобразований.

То есть если Куба и пойдет дальше по пути реформ к заветной цели смешанной экономики, то не из-за принципов соглашательства с могущественным соседом, а по объективным причинам развития государства. Это понимают в Гаване, так же как и понимал Б. Обама. В силу объективной рефлексии (термин Томаса Шеллинга) Р. Кастро тоже должен был знать, что безвыходность положения его страны учитывается и в Белом доме. Таким образом, замкнулся круг наиболее полного понимания сторонами дальнейшей логики развития конфликта. Островитяне прекрасно знали, что имеется в виду под словом «нормализация». Гавана и Вашингтон яснее всех остальных понимали суть того, о чем ведутся переговоры (сначала на расстоянии, а потом непосредственные). Только сами переговоривающиеся стороны осознавали, что «полная нормализация» невозможна, с самого начала. Поэтому они с легкостью выдвигали друг другу самые невозможные, невообразимые условия нормализации, создавая гротескную картину будущего. Чего стоит требование «демократизации» Кубы! Здесь затронуты не просто идеологические противоречия, а различное понимание самой концепции демократии. Кратко позицию острова по данному вопросу можно выразить в формуле, афористически высказанной национальным героем Хосе Марти: «Единственный способ быть свободным — это быть образованным»¹¹. Островной социализм добавляет: быть здоровым, жить в безо-

⁹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005. С. 131.

¹⁰ Там же.

¹¹ Jose Marti. Maestros ambulantes // La América. Nueva York, 1884. Т. 8. Р. 290.

пасности, оставаться сытым и рассчитывать на безбедную старость. Социальные достижения кубинского народа, по мнению власти, являются главным залогом свободы. Конечно же, к этому добавляется и национальный суверенитет.

Со своей стороны Куба потребовала возвращения ей территорий Гуантанамо и отмены эмбарго. При всем желании Б. Обамы посадить стороны за стол переговоров это требование было и остается невыполнимым.

Таким образом, то, что мы понимаем под политикой вовлечения (engagement) Кубы в региональные процессы, под урегулированием конфликта, делится на свою реальную и мифическую ипостаси. Да, были налажены дипотношения, Гавана была приглашена на саммит Америк, подписаны многочисленные соглашения по почтовому, морскому и авиасообщению и многое другое. Но эта часть не входит в список «новых» запретов Д. Трампа за июнь 2017 г.

Строгий подход американского президента, высокопарные речи, обвинения в сторону Гаваны, рукопожатия с М. Рубио и др. — все это имеет отношение только к мифической ипостаси нормализации — той, которая никогда не была реализована.

Вопросы двусторонних отношений Кубы и США приобретают наибольшее значение как прекрасная иллюстрация того, какое место будет занимать остров во внешней политике Вашингтона, если американская дипломатия примет в качестве основного инструмента «мягкую силу». Доктрина Б. Обамы, политика «нового лица», была своеобразным воплощением теоретических построений Збигнева Бжезинского и Генри Киссинджера. Пожалуй, впервые в таких масштабах было объявлено о мировом лидерстве Соединенных Штатов вместо глобального доминирования. Но этот опыт был лишь эпизодическим явлением, с которым разом покончил республиканец Д. Трамп. Впрочем, в силу все еще становящегося многополярного мира можно предположить, что именно за обамовским методом дипломатии будущее. Кратко сам экс-президент выразил суть своей концепции в утверждении, что США должны вести диалог «не только с друзьями, но и с врагами»¹². Все, что происходило в период его правления в отношениях с Гаваной, было простым перечислением того необходимого «инвентаря» политических рычагов давления, сопровождающих «мягкую силу». Иными словами, это и есть «мягкая сила» с чистого листа.

Поэтому американо-кубинские отношения могут служить прекрасным уроком по эволюции геополитики в условиях тотального пересмотра внешнеполитического поведения Вашингтона. Так как стратегия един-

¹² Democratic debate at University of Texas in Austin. Feb 21, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.c-span.org/video/?204139-1/texas-democratic-presidential-candidates-debate>.

ственной сверхдержавы современности и мировая политика комплементарно взаимосвязаны, то период доктрины «нового лица» должен был вывести Кубу на уровень совершенно новой политической карты мира и оставить в подвешенном состоянии. Если прежде остров считался «врагом», диалог с которым неприемлем, то сейчас он играет роль «врага», с которым необходимо вести диалог. Судя по всему, Д. Трамп не в состоянии изменить это условие, раз, несмотря на все обещания, у него получилось устроить лишь пышное мероприятие в Маленькой Гаване.

Так что же удерживает Кубу в ее новом амплуа «рукопожатного неприятеля»? Должно быть, в международных отношениях существует некая «черная масса», скрытая от глаз политических обозревателей, которая удерживает на весу достижения прошлого. А это уже вопросы фундаментальной науки, требующие своего детального рассмотрения в отдельной работе.

Библиография:

1. Raul Castro: Guantanamo Should Be Returned to Cuba — Telesur, 29.01.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telesurtv.net/english/news/Raul-Castro-Says-Guantanmo-Territory-Should-Be-Returned-to-Cuba-20150129-0003.html>.
2. Edith M. Lederer. Cuban FM expects new US president to lift US trade embargo, AP [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aparchive.com/metadata/UN-Cuba-2/cd3ee5c62fafb9d93e34d4301bc99b93?query=Cuba+Expects+New+US+President+to+Lift+Embargo&.current=1&orderBy=Relevance&hits=2&referrer=search&search=%2fsearch%3fstartd%3d%26endd%3d%26allFilters%3d%26query%3dCuba%2bExpects%2bNew%2bUS%2bPresident%2bto%2bLift%2bEmbargo%26advsearchStartDateFilter%3d%26advsearchEndDateFilter%3d%26searchFilterHdSDFormat%3dAll%26searchFilterDigitized%3dAll%26searchFiltercolorFormat%3dAll%26searchFilteraspectratioFormat%3dAll&allFilters=&productType=IncludedProducts&page=1&b=c99b93>.
3. Democratic debate at University of Texas in Austin. Feb 21, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.c-span.org/video/?204139-1/texas-democratic-presidential-candidates-debate>.
4. Full text: Raul Castro speech. BBC News, 2 December 2006. — [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/6202898.stm>.
5. Raúl Castro Ruz. Informe Central al VII Congreso del Partido Comunista Cuba. CubaDebate, 17.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cubadebate.cu/noticias/2016/04/17/informe-central-al-vii-congreso-del-partido-comunista-cuba/#.WNellaChqkq>.
6. Ивановский З.В. Политическая константа // Куба: новый этап адаптации. М.: ИЛА РАН, 2011. С. 19.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005. С. 131.
8. Jose Martí. Maestros ambulantes // La América. Nueva York, 1884. Т. 8. P. 290.

СЛЕДЫ 1917 ГОДА В БРАЗИЛИИ

E. Kuperman¹

As marcas de 1917 na formação da esquerda brasileira

The 1917 marks in the formation of the Brazilian left

Resumen: La revolución Rusa influyó mucho al proceso de la formación de movimiento izquierda en Brasil. El autor muestra la etapas de la formación de la izquierda brasileña en el contexto de la historiografía contemporánea.

Palabras clave: Revolución de Octubre; Revolución 1917; izquierda brasileña.

Abstract: The Russian revolution greatly influenced the process of the formation of the left movement in Brazil. The author shows the stages of the formation of the Brazilian left in the context of contemporary historiography.

Key words: Revolution of October; Revolution 1917; left movement in Brazil.

Se os comunistas têm razão, então eu sou o louco mais solitário em vida. Se eles estão errados, então não há esperança para o mundo.

Jean Paul Sartre

A esquerda brasileira é filha da Revolução de 1917. Não estamos tratando apenas como uma questão de cronologia, embora haja uma série de coincidências que apontam para o nascimento da esquerda brasileira em momentos muito próximos à ocorrência e consolidação da Revolução Bolchevique. Mas também estamos nos referindo à filiação ideológica que a esquerda brasileira possui em relação à Rússia de 1917.

A agremiação brasileira mais identificada com este processo foi o Partido Comunista Brasileiro². Fundado em 1922, ou seja, 5 anos após a Revolução Bolchevique, na maior parte de sua história o PCB foi marcado pela influência bolchevique e pela Internacional Comunista. No início do século XX, os comunistas não consideravam a Rússia um país dotado de condições históricas para um processo

¹ Kuperman Esther — Brasil, historiadora, Doutora em Ciências Sociais, Professora Titular do Programa de Mestrado Profissional em Práticas de Educação Básica do Colégio Pedro II.

² Atualmente identificado como Partido Comunista Brasileiro, na época de sua organização era intitulado Partido Comunista do Brasil, só mudando para PCB em 1960, para se adaptar à legislação partidária da época e obter a legalização.

de ruptura. Tal análise decorria da constatação de que a Rússia, naquele momento, apresentava relações semi-feudais no campo e um capitalismo incipiente nas cidades. Para eles o desenvolvimento capitalista era uma das condições importantes para uma ruptura estrutural. Neste sentido, consideravam que a Inglaterra ou a Alemanha, países onde o capitalismo era consolidado e desenvolvido, possuíam condições e seriam palco da revolução proletária. Da mesma forma, os comunistas das primeiras décadas do século XX consideravam que no Brasil, dado o grande atraso no desenvolvimento capitalista, não haveria condições para uma ruptura do sistema. Esta convergência quanto às análises e aos prognósticos a respeito das estruturas econômicas e sociais dos dois países coincidem, ou foram trazidas da Rússia para o Brasil? No entanto foi na Rússia que as condições para a Revolução se apresentaram, mas este fato não foi capaz de mudar as concepções a respeito do capitalismo brasileiro e suas condições para uma revolução proletária.

Entendemos que alguma influência das análises sobre a Rússia antes de 1917 possa ter marcado esta ideia de dois Brasis. Desta forma, a influência de 1917 ficou marcada de maneira importante no PCB.

A ideia de que o Brasil era dividido entre a metade feudal — no campo — e metade capitalista — na cidade, ficou conhecida como dualismo. A noção inicia, a princípio, como debate teórico e foi enunciada por Octávio Brandão, em 1924, no seu livro *Agrarismo e Industrialismo*³. Esta primeira análise sobre a sociedade e a economia brasileiras que informou a esquerda constituiu a base para a formulação de um projeto de luta defendido pelo PCB durante a maior parte do século XX. Atribuiu-se ao ISEB⁴, que acolheu importantes intelectuais brasileiros, como Nelson Werneck Sodré, muitos deles ligados ao PCB, a ideia de Brasil dual, mas na verdade a concepção dualista já informava os comunistas desde os anos 1920, e produziu suas estratégias desde então.

No livro *Agrarismo e Industrialismo*, Octávio Brandão expõe a sua ideia de “dois Brasis”: o “antigo” e o “moderno”, concepção que defendia a necessidade de superar a chamada etapa agrária para consolidar o capitalismo no Brasil, inclusive através do apoio à burguesia nacional. Só assim se criariam as condições para uma revolução brasileira. Para eles, a burguesia nacional teria contradições com o capitalismo internacional e seria uma aliada na luta contra o imperialismo. Seria, portanto, o ponto mais importante da tática do PCB a superação desta etapa. Segundo esta linha de pensamento, a revolução burguesa no Brasil seria o processo necessário

³ *Agrarismo e Industrialismo: ensaio marxista-leninista sobre a revolta de São Paulo e a guerra de classes*, foi publicado, inicialmente em 1924, sem indicação de editora, sob o pseudônimo de Fritz Mayer. A edição assinala que foi impresso em Buenos. Atualmente encontra-se publicado, desde 2006, pela Editora Anita Garibaldi, de São Paulo.

⁴ Instituto Superior de Estudos Brasileiros. Surgido em 1955 como agência do Estado, foi um espaço importante de discussões sobre o Brasil, aglutinando importantes intelectuais que participavam de seus cursos e debates. Foi extinto após o golpe de 1964.

para que, mais tarde, deixando de ser feudal o país se tornasse capitalista. A superação da fase alcançada com a revolução burguesa seria uma revolução proletária, nos moldes do que aconteceu na Rússia em 1917. Tais ideias foram formuladas e levadas à prática pelo PCB, sob orientação da Internacional Comunista⁵. Consideramos este o primeiro grande momento estruturador da esquerda brasileira.

O dualismo que informou a esquerda brasileira foi abandonado, décadas depois, por ter sido a matriz da proposta de aliança com a burguesia nacional. Esta tática é vista pelos críticos do PCB como um dos fatores que levaram à derrota da esquerda, especialmente frente ao golpe de 64. O apoio e a participação do empresariado no golpe de 1964 demonstraram claramente que a burguesia brasileira não era nacionalista nem tinha contradições com o imperialismo. Ao contrário: pretendia, com o golpe, criar condições políticas e institucionais para a associação com o capital estrangeiro.

De toda forma, consideramos o dualismo pensamento fundador da esquerda brasileira, na medida em que influenciou a prática do Partido Comunista até os anos 70.

A primeira ruptura com estes pressupostos ocorreu em 1958, com a chamada “Declaração de Março”. Segundo Vinhas

Trata-se de um marco na luta para libertar o pensamento político dos comunistas brasileiros das malhas do sectarismo e do dogmatismo. Desde já, porém, esta ruptura não é radical e a nova linha política, em que pesem as críticas explícitas ao “Manifesto de Agosto” e ao “Programa” do IV Congresso, guardará muitos pontos de contato com a anterior e, sob certos aspectos, permanecerá mesmo tributária desta. O que permite, apesar disso, qualificá-la precisamente de “ruptura” é o fato de que ela aceita a tese da coexistência pacífica a nível internacional, recusa uma leitura catastrófica do capitalismo, admite ainda que timidamente que ele se desenvolveu no Brasil e, a partir daí, retoma a questão da democracia e do caminho da revolução brasileira⁶.

Após o golpe de 1964, o questionamento da noção de dois Brasis e da tática de aliança com a burguesia nacional originou uma profunda divisão dentre as forças de esquerda brasileira, levando à saída de muitos militantes comunistas para formarem novos agrupamentos.

Um dos primeiros grupos que se originou na ruptura com o PCB foi o PC do B — Partido Comunista do Brasil. A divergência inicial, em 1958, veio em função

⁵ Também denominada Komintern, a Terceira Internacional (1919–1943) reunia os Partidos Comunistas situados em vários países e funcionava como um espaço de formulação e decisão das políticas para todos os países membros, buscando formar quadros para os partidos comunistas ao redor do mundo e promover uma unidade de ação em nível internacional.

⁶ Vinhas, M., *O Partidão — a luta por um partido de massas 1922–1974*, São Paulo: Editora Hucitec, 1982, 183.

da divulgação, dois anos antes, do Relatório Kruschew. Com a difusão das denúncias sobre o que se passava na URSS durante a era Stálin, um grupo de militantes comunistas lançou a “Carta dos Cem”, com a qual iniciaram a formação de outro partido comunista, que recebeu a sigla PC do B, em 1962. O novo partido comunista *não obteve reconhecimento do PCURSS, alinhando-se às teses do Partido Comunista Chinês e à tática da guerra popular prolongada, pela qual o campo deveria cercar as cidades, sob a direção de um exército popular de base camponesa. Para eles, tal como na China, no Brasil o campesinato seria a força motriz da revolução socialista. Tal concepção, na verdade, não deixava de considerar a dicotomia entre campo e cidade para traçar uma estratégia de luta.*

*A ideia diferenciava-se claramente do pressuposto do PCB, que considerava o proletariado urbano como a classe que iria ser o condutor da revolução socialista. A partir da ideia de que a revolução sairia do campo a direção do PC do B desenvolveu a estratégia da guerrilha rural para o Brasil e organizou a *Guerrilha do Araguaia*.*

Mas a guerrilha do Araguaia não foi a primeira. Embora não apontasse na direção do socialismo, mas sim do fim da ditadura e da retomada da democracia, a guerrilha de Caparaó antecedeu a do Araguaia. Caparaó foi concebida pelo MNR (Movimento Nacionalista Revolucionário) e profundamente influenciada pelas teses de Régis Debray, bem como pela revolução cubana. Constituído por sargentos e oficiais de baixa patente — chamados praças de pré — eram militares que haviam sido expulsos ou punidos pelas Forças Armadas por ideias “subversivas” ou insubordinação. Alguns deles tinham sido quadros de organizações clandestinas, especialmente a POLOP, mas nenhum deles pertenceu aos quadros do PCB, nem eram influenciados pela URSS.

O MNR, grupo de cunho nacionalista, mas sem orientação explicitamente socialista, foi ao primeiro movimento organizado com vistas a implantar a luta armada no Brasil, sem que houvesse a influência do PCB da URSS ou da China. Produziu, entre outras, a guerrilha do Caparaó, assim chamada por ter como base a serra do Caparaó, na divisa entre os estados de Minas Gerais e Espírito Santo. A guerrilha foi organizada em 1966, mas foi desbaratada ainda durante os treinamentos, em 1967.

Além da definição do campesinato como força motriz da revolução, a luta armada como proposta de enfrentamento da ditadura surgiu a partir da constatação de que a luta institucional havia sido inviabilizada pelo endurecimento do regime e a intervenção da ditadura nas instituições da sociedade civil (sindicatos, organizações de moradores, etc) e nos partidos políticos legalmente constituídos, especialmente a partir do AI-5 (Ato Institucional n.5) ⁷. A partir do AI-5 muitos grupos abraçaram a proposta de enfrentamento armado da ditadura como forma de retomar a democracia.

Segundo Gorender,

⁷ Os Atos Institucionais foram a forma encontrada pelo governo instituído após o golpe de 1964 para legislar e estabelecer medidas de exceção. O AI-5 foi o quinto destes, assinado em dezembro de 1968,

À exceção da maioria do Comitê Central do PCB, a esquerda considerou a falência do caminho pacífico um fato provado. Seguiu-se que a luta armada, não travada contra o golpe de direita, tornava-se imperativa quando os golpistas já tinham o poder nas mãos. À questão da luta armada se acrescentavam outras, concernentes aos antecedentes partidários e doutrinários, a influências teóricas de origem nacional e internacional, pressões de países socialistas, limitações regionais, etc.⁸

Algumas dissidências do PCB surgiram a partir da adesão à luta armada: uma delas, o MR-8 (Movimento Revolucionário 8 de outubro) — surgiu inicialmente com DI-RJ (Dissidência do Rio de Janeiro), de 1968. Sua ação se caracterizava por seqüestros de figuras eminentes, muitas vezes para serem trocados por militantes de esquerda presos, a divulgação das ideias socialistas, a denúncia internacional das prisões, mortes e torturas e a noção de que estes grupos iriam mostrar à população brasileira como resistir à ditadura. Outro grupo foi a ALN (Ação Libertadora Nacional), surgida no final de 1967 com a saída de Carlos Marighela do PCB e a influência do modelo cubano de revolução socialista. Em 1966 surgiu a VPR — Vanguarda Popular Revolucionária — formada por dissidentes da POLOP e alguns sargentos egressos do MNR (o grupo que organizou a Guerrilha do Caparaó).

Outra grande ruptura do PCB originou, em 1961, a ORM-PO — Organização Revolucionária Marxista Política Operária — também conhecido como POLOP — Política Operária. A criação deste grupo coincidiu com a crítica à visão dualista e a conseqüente proposta de aliança com a burguesia nacional. A POLOP, em sua primeira fase, também pertenceu ao grupo das organizações voltadas para a luta armada, mas, em fins da década de 1960 foi um dos grupos que participou da elaboração de um documento intitulado PSPB (ou PSB) — Programa Socialista Para o Brasil.

A influência deste documento e a crítica à luta armada conduziram a esquerda novamente à intervenção nas lutas sociais, ao trabalho no interior do movimento sindical e à ideia de organização de um partido ligado à classe trabalhadora:

Se a caracterização socialista da revolução no Brasil foi uma das causas fundamentais do surgimento da Política Operária, outra, não menos decisiva, foi a sua definição proletária. A intervenção direta da classe operária e sua liderança sobre as demais

fechou o Congresso Nacional, suspendeu as garantias institucionais, o que resultou na violência política traduzida pelas intervenções nos espaços de organização da sociedade civil, nas prisões e tortura de lideranças políticas contrárias ao regime, proibiu reuniões políticas, instituiu a censura prévia e cassou parlamentares de oposição, entre outras medidas.

⁸ Gorender, J., *Combate nas Trevas — A esquerda Brasileira: das ilusões perdidas à luta armada*. São Paulo: Ed. Ática, 1990, 79.

*classes e camadas oprimidas da sociedade é premissa para a revolução, nas condições do Brasil, atingir os objetivos socialistas que a história coloca na ordem do dia*⁹

Consideramos o surgimento do PSPB um segundo momento de inflexão no pensamento da esquerda brasileira, mas, desta vez, rompendo com a influência da Internacional Comunista. Trata-se de um documento refundador da esquerda brasileira. Com o PSPB esta se afasta definitivamente da ideia de Brasil dual e de um pré capitalismo, e suas conseqüências em termos táticos bem como promove a superação da luta armada, propondo uma volta à intervenção nos movimentos sociais recolocando as esquerdas na vanguarda da luta anti capitalista. A importância deste documento é grande, na medida em que ele redefine os rumos da esquerda brasileira, retoma a luta pelo socialismo e a organização independente dos trabalhadores. Formulado ainda em 1967, ou seja, num momento de grande preponderância da luta armada foi utilizado no final dos anos 60 e início dos 70, especialmente pela POLOP como referência para a formulação das novas linhas que iriam guiar sua atuação na sociedade brasileira. Neste sentido é que consideramos o PSPB como um documento que demarca diferentes momentos das esquerdas brasileiras.

A ORM PO deu origem a vários grupos de esquerda, dentre eles o a VPR — Vanguarda Popular Revolucionária — Colina (Comando de Libertação Nacional), a VAR Palmares (Vanguarda Armada Revolucionária Palmares), o MCR (Movimento Comunista Revolucionário), o POC (Partido Operário Comunista), a OMP (Organização Marxista Proletária), o MCR (Movimento Comunista Revolucionário), o MEP (Movimento pela Emancipação do Proletariado), o MM5 (Movimento Marxista 5 de Maio) e o Coletivo Marxista. Algumas destas organizações surgiram e atuaram no período da luta armada. Outras, como o MEP, são posteriores e contemporâneas do PSPB, pautando sua prática pela atuação nos movimentos de massa e pela construção de um partido voltado para os interesses do operariado brasileiro.

Todos estes grupos seguiam a orientação leninista, tanto do ponto de vista de sua prática política quanto de sua organização interna, o que os reaproximava de sua origem, o PCB. Como vemos, à parte os grupos trotskistas e a APML (que surge da militância católica), grande parte da esquerda brasileira fluiu do PCB, que, por sua vez, tinha fortes ligações com a Internacional Comunista e com o Partido Comunista da União Soviética. As orientações emanadas pela IC eram seguidas pelos partidos comunistas de todo o mundo, mas, no Brasil, a crítica às diretrizes geradas pela IC criou dissidências que constituíram novas organizações de esquerda. Assim, mesmo sendo sob a forma de contestação das orientações da IC, as organizações egressas do PCB também tinham por referência a Revolução de 1917.

⁹ *Centro de Estudos Victor Meyer. POLOP — uma trajetória de luta pela organização independente da classe operária no Brasil.* Salvador: Editora Centro de Estudos Victor Meyer, 2009, 153.

A partir de meados da década de 1970, com a derrota da luta armada, as organizações de esquerda voltaram-se definitivamente para a inserção nos espaços de organização da sociedade civil. Este processo impulsionou uma nova fase de greves que começaram a ocorrer, especialmente no ABC paulista, região que já apresentava concentração de indústrias. Este processo, ao lado de outros contribuiu para o desgaste do regime, bem como para o processo de abertura política. Muitos sindicatos e organizações de trabalhadores que estiveram sob intervenção durante a ditadura e sem grande representatividade junto às categorias profissionais, passaram a estar presentes nos movimentos reivindicatórios, contando, entre suas direções, com membros da então chamada nova esquerda. A esquerda passa a disputar o comando destas instituições e a dar um novo rumo a estes espaços da sociedade civil. Destes movimentos e sindicatos renovados começaram a surgir as novas centrais sindicais, como a CUT (Central Única dos Trabalhadores) e os partidos políticos, como o Partido dos Trabalhadores, herança do florescimento dos movimentos sociais. No entanto, apesar de contar, em seus quadros, com ativistas ligados às organizações de esquerda, o PT e a CUT não possuíam vínculo político ou ideológico com a URSS ou com os Partidos Comunistas ligados à IC. Tratavam-se, especialmente o PT, de uma frente de forças de esquerda, com o objetivo de construir um partido de massas.

No final da década de 1970 e início da década de 1980 o PCB passou por uma grande crise, representada pelas críticas formuladas por seus quadros ligados ao eurocomunismo e à saída de Luís Carlos Prestes, antigo dirigente, que levou consigo muitos militantes. Mas, a volta à legalidade proporcionou um avanço em direção às novas políticas. Durante os anos 70, sem ter ainda formulado a autocrítica das propostas de aliança e apoio à burguesia nacional, o PCB apontava, novamente, para a luta pela redemocratização e para a participação no processo eleitoral, com vistas a melhorar o alcance de suas ideias e propostas. Esta reformulação só aconteceu a partir dos anos 80. Sem grande penetração no movimento sindical e perdendo ativistas em vários processos de dissidência, o PCB encerrou seu X congresso, em janeiro de 1992, dividido entre aqueles que rompiam com o partido para formar uma nova agremiação — o PPS — e os que decidiram manter a sigla e reconstruir o partido. No entanto, nenhum destes dois braços do antigo PCB manteve a vinculação com a antiga URSS, que por sua vez também se encontrava no processo de crise que resultou na sua desagregação.

Como vemos, a Revolução de 1917 e as instituições construídas a partir daquele processo — como a Internacional Comunista — possuíram profunda influência na esquerda brasileira, especialmente o PCB. Mesmo aquelas que romperam com as diretrizes da IC e surgidas a partir deste partido tiveram como forte referência as ideias e os fatos relacionados à Revolução de 1917, presença importante no pensamento político brasileiro durante todo o século XX.

Bibliografia

1. Brandão, Octávio. *Agrarismo e Industrialismo* — ensaio marxista leninista sobre a revolta de São Paulo e a guerra de classes no Brasil. 2ª Ed — São Paulo: A. Garibaldi, 2006.
2. Centro de Estudos Victor Meyer. *POLOP — uma trajetória de luta pela organização independente da classe operária no Brasil*. Salvador: Editora Centro de Estudos Victor Meyer, 2009.
3. Falcão, Frederico José. *Os Homens do Passo Certo — O PCB e a esquerda revolucionária no Brasil (1945–1961)*. São Paulo: Editora José Luís e Rosa Sunderman, 2012.
4. Fundação Dinarco Reis. *PCB — Uma História de Luta*. Volume II. São Paulo: Fundação Dinarco Reis, 2010.
5. Gorender, Jacob. *Combate nas Trevas — A esquerda Brasileira: das ilusões perdidas à luta armada*. São Paulo: Ed. Ática, 1990.
6. Hobsbawn, Eric J. *Era dos Extremos: o breve século XX; 1914–1991*. São Paulo: Companhia das Letras, 1995.
7. Kuperman, Esther. *A Guerrilha do Caparaó (1966–1967): um ensaio de resistência*. Rio de Janeiro: dissertação de mestrado, Departamento de História. Programa de Pós Graduação em História Social do Brasil — UFRJ, 1992.
8. Moraes, Dênis de. *A Esquerda e o Golpe de 64: Vince e cinco anos depois, as forças populares repensam seus mitos, sonhos e ilusões*. Rio de Janeiro: Espaço e Tempo, 1989.
9. Vinhas, Moises. *O Partidão — a luta por um partido de massas 1922–1974*. São Paulo: Editora Hucitec, 1982.

O lugar da Revolução Russa nos acervos do Museu da República: o trabalhador e seus sentidos sociais

O lugar da Revolução Russa nos acervos do Museu da República: o trabalhador e seus sentidos sociais

Resumen: En este artículo se plantean las formas de valorización del trabajo presentes en el ideario comunista y en la formación del patrimonio cultural brasileño, este observado en la perspectiva del acervo museológico preservado en el Museo de la República. La hipótesis es que, si el proyecto comunista no se consolidó como alternativa política hegemónica en Brasil, uno de sus principios centrales fue incorporado al discurso oficial del país, a saber, el reconocimiento del trabajo y del trabajador como el valor mayor de la nación.

Palabras clave: Revolución Rusa; Museo de la República; Imaginario nacional; Trabajo.

Abstract: This article discusses the forms of labour valorization present in the communist ideology and in the Brazilian cultural heritage, observed in the light of the museological collection preserved in the Republic Museum. The hypothesis is that if the communist project did not consolidate itself as a hegemonic political alternative in Brazil, one of its central principles was incorporated into the Brazilian official discourse, namely the recognition of labour and the worker as the greatest value of the nation.

Keywords: Russian Revolution; Republic Museum; National imaginary; Labour.

Apresentação

Este artigo discute as interrelações entre duas narrativas valorativas da categoria “trabalhador”: a) a que alimentou o ideário comunista; e b) a que se constitui como um valor no acervo do Museu da República, instituição museológica pública brasileira.

O pressuposto é que a formação de acervos opera com a afirmação de valores sociais, na linha de estudos recentes em torno das relações entre Memória e História.² Dentro dessa temática mais ampla, ganha força a ideia de que a formação de acervos é ação que se realiza no campo dinâmico das interações sociais, envolvendo percepções de mundo, interesses e disputas. Quem forma e opera com os acervos trabalha a

¹ Brasileira. Doutora em História, Política e Bens Culturais e Pós-Doutora em História. Pesquisa. Setor de Pesquisa Histórica do Museu da República. (m.versiani@globo.com)

² Ver, por exemplo, Roger Chartier, *A história cultural: entre práticas e representações*, Lisboa, Difel, 1990.

partir de complexos processos de ingerência que envolvem a delimitação do que deve ser reputado como patrimônio cultural. O que deve ser preservado e o que deve ser secundarizado ou esquecido? Tal decisão resulta da adoção de procedimentos críticos, que não dizem respeito apenas às variáveis da técnica museológica. Tão importantes são as circunstâncias sociais que influenciam os sujeitos envolvidos, orientando as suas percepções sobre quais objetos devem ser musealizados. Cada critério adotado opera necessariamente no campo social da atribuição de valor.

No acervo do Museu da República, determinada referência valorativa da categoria “trabalhador” pode ser pensada à luz dos impactos da Revolução Russa na vida política nacional. A hipótese é que um vetor central da doutrina comunista — a saber, o reconhecimento do trabalhador como valor social maior e agente de sua emancipação política — foi ressignificado e incorporado a um projeto de governo que logrou enorme popularidade no Brasil, apresentando-se como alternativa ao projeto comunista.

A Revolução saúda o trabalhador!

A Revolução Russa, como lembra Marc Ferro: “Inscreveu na História o projeto socialista”.³ As aspirações por um mundo comunista incluíam a superação da sociedade de classes e a instituição da igualdade de direitos entre os homens. Dentro da visão marxista, o comunismo ocuparia o último estágio do desenvolvimento histórico das sociedades, após a etapa revolucionária de reformas que operassem a organização paulatina do modo de produção socialista.

Valor subliminar a essas propostas era a afirmação dos trabalhadores como força motriz do mundo social. Tal compreensão justificou a luta por um mundo comunista e a urgência por mudanças políticas profundas que inviabilizassem práticas e tradições servis. O trabalho não poderia ser um jugo a que o trabalhador devesse se submeter para garantir sua subsistência. Era forçoso superar as injustiças que marcavam a vida dos trabalhadores, eliminando do mundo a exploração do homem pelo homem. Para o sucesso desse projeto, o trabalhador deveria ser elevado à condição de força protagonista nas decisões políticas da vida social. Tratava-se do sonho de criar um novo mundo, novas sociedades, o que necessariamente passava por desconstruir qualquer sentido de inferioridade ou incapacidade política associado ao trabalhador. Contra o mito da suposta civilidade ou superioridade da elite, contrapôs-se o reconhecimento das tradições populares e da “cultura proletária” como bem maior.

Assim, a construção de uma ética valorativa do trabalho posicionou o trabalhador como protagonista da cena política, econômica e social e preencheu de

³ Marc F., *O ressentimento na história*, Ensaio, Rio de Janeiro, Agir, 2009, 55.

sentidos e razões o processo revolucionário que conduziria à primeira experiência de um regime comunista no mundo.

A cidadania do trabalho no Brasil

No imaginário político brasileiro, o trabalho constitui importante chave de pertencimento social, percebida como maneira indispensável de inserção do indivíduo na sociedade. Para a constituição de tal imaginário político, há hoje praticamente um consenso entre os analistas de que a ascensão de Getúlio Vargas à Presidência da República do Brasil, em 1930, foi um marco. Com Vargas na Presidência, em dois períodos distintos, entre 1930 e 1945 e entre 1951 e 1954, o Estado assumiu papel preponderante na investidura de determinada forma de valorização do trabalhador brasileiro. Vargas tomou para si o encaminhamento de propostas de regulamentação do trabalho. Instituiu leis em benefício dos trabalhadores, do que foram emblemáticos os decretos de 1932, estabelecendo a jornada de oito horas para o trabalho na indústria e regulamentando o trabalho das mulheres, a licença-maternidade e o salário-mínimo. Em 1943, Vargas assinou a Consolidação das Leis do Trabalho. Era a afirmação do “Estado de compromisso”. Porém, tratava-se também de inviabilizar todos os canais legais de luta política direta dos trabalhadores. Garantia-se uma agenda de direitos aos trabalhadores, mas por via autoritária e centralizadora. Não por acaso, uma das primeiras iniciativas do governo Vargas, já em novembro de 1930, foi a criação do Ministério do Trabalho, Indústria e Comércio, que passou a exercer forte controle sobre os sindicatos.

A ideia da cidadania do trabalho afirmada no país atravessou o tempo e até hoje encontra lugar na cultura política brasileira. Porém, se ela se consolidou oficialmente na chamada Era Vargas, isso se deu a partir da incorporação de determinado discurso de inclusão do trabalhador brasileiro em uma agenda de direitos que desde fins do século XIX já era demanda central dos movimentos sindicais trabalhistas organizados no Brasil.

Nos primórdios da República, reivindicações por direitos trabalhistas já estavam na ordem do dia, investidas da construção de uma identidade positiva para os trabalhadores. No contexto brasileiro da pós-abolição e da criação de um mercado de trabalho livre, esses trabalhadores rejeitavam a tendência, dominante na longa história de escravidão do Brasil, de encarar o ato de trabalhar por um prisma depreciativo. Rejeitavam também o sentido atribuído ao trabalho pela elite política da época, como atividade regeneradora e preventiva em relação à vadiagem e à desordem social. Ângela de Castro Gomes diz:

Se o trabalhador é o esteio da sociedade, mas não é reconhecido como tal pelas outras “classes sociais”, cumpre lutar para que esta situação se transforme. Esta

luta é uma luta política, pois se traduz na conquista do status de “bom cidadão”, organizado e representado politicamente, já que cumpridor dos deveres e merecedor dos direitos “das classes a que pertence”.⁴

Os primeiros sindicatos de trabalhadores no Brasil surgem em fins do século XIX, vinculados ao desenvolvimento ainda tímido da indústria, em um país de produção econômica agrária, e ao processo de substituição do trabalho escravo pelo trabalho assalariado. A precariedade afligia o cotidiano dos trabalhadores, posta no mais completo vazio de políticas públicas e sociais. Cláudio Batalha comenta o cenário:

A maioria dos trabalhadores estava submetida a longas jornadas de trabalho — que nos primeiros anos do século XX atingiam 14 horas no Distrito Federal e 16 horas em São Paulo —, com poucas possibilidades de descanso e de lazer. Esses trabalhadores moravam em habitações precárias, como cortiços, nas periferias dos centros urbanos, padecendo dos problemas de transporte e de infraestrutura; ou ainda, submetidos ao controle patronal, caso das vilas operárias das empresas. No caso de doença, invalidez, ou desemprego, o trabalhador que não contasse com um fundo beneficente da empresa, ou que não contribuísse por sua própria iniciativa para alguma forma de sociedade que fornecesse auxílios, via-se inteiramente desassistido e tinha a sobrevivência ameaçada em virtude da completa ausência de políticas sociais.⁵

Outras muitas questões agravavam esse quadro de exploração, com especificidades extremas relacionadas ao trabalho infantil, das mulheres, dos negros e do imigrante.

Nos anos que se seguiram à Proclamação da República, propostas de dignificação do trabalho definiram a agenda de luta dos trabalhadores brasileiros. O legado deixado por essas lutas, embora não alcançando tanta significação do ponto de vista das conquistas materiais auferidas, representou a afirmação de uma nova identidade para o trabalhador, que, ao final da segunda década do século XX, já ocupava lugar de importância no imaginário político nacional.

Em todo esse processo, não foi pouca a influência das teses comunistas, particularmente no pós-Revolução Russa. Momento de luta heroica contra o capitalismo, a Revolução trouxe esperanças ao proletariado de transformar a sua realidade concreta. Pela primeira vez, a experiência de um governo socialista se consolidava, mostrando-se possível aos olhos dos trabalhadores de todo o mundo.

⁴ Ângela de Castro Gomes, *A invenção do trabalhismo*, 3.ed., Rio de Janeiro, Editora FGV, 2005, 17.

⁵ Cláudio Henrique de Moraes Batalha, *O movimento operário na primeira República*, Rio de Janeiro, Jorge Zahar, 2000, 11.

Como lembrou Sodré: “Com o proletariado no poder, num país das dimensões da Rússia, rasgava-se horizonte muito mais amplo, por toda parte, nas lutas operárias”.⁶

A vitória dos comunistas na Revolução Russa impacta as lutas dos trabalhadores brasileiros. Em 1922, foi criado o Partido Comunista Brasileiro-PCB, que assumiu a defesa da Revolução e se apresentou como o seu herdeiro dileto. O partido investiu na difusão da doutrina marxista, repercutindo a ideia de que os trabalhadores são o sujeito real da construção da sociedade comunista. Progressivamente, intensificou-se a influência do ideário comunista nos sindicatos de trabalhadores do país, inclusive, ao final dos anos 1920, suplantando a hegemonia anarquista até então com maior tradição nessas organizações.⁷ Maria Valéria Junho Pena lembrou: “A Revolução Russa e a fundação do Partido Comunista significaram uma opção política que pareceu mais viável a muitos militantes”.⁸

O PCB pretendeu ser um instrumento da construção de amadurecimento político nas lutas dos trabalhadores, estes percebidos como a força diretiva na edificação de uma nova sociedade. Não por acaso, o presidente Getúlio Vargas, ao conceber, em 1945, a criação do Partido Trabalhista Brasileiro, deixaria claro que um de seus propósitos era oferecer uma alternativa de participação política para a parcela dos setores populares à época influenciada pelo Partido Comunista. Estratégia que visou, sobretudo, mobilizar os trabalhadores urbanos beneficiados pelas leis trabalhistas e de amparo social introduzidas em seu governo, fazendo frente à ameaça posta pela força de atração do Partido Comunista sobre os sindicatos e a massa trabalhadora em geral.⁹

Contudo, na contramão da doutrina comunista, a apropriação que Vargas faz do discurso da valorização do trabalho não reconhece os direitos do trabalhador de dirigir a sua emancipação política. O entendimento é o de ser uma obrigação elementar do governo garantir que os trabalhadores não ocupem posição marginal na sociedade. É o Estado quem decide, autoriza ou controla o movimento sindical possível. Assim, a chamada Era Vargas constituiu um momento de estabelecimento da cidadania da classe trabalhadora brasileira, que se deu a partir de um projeto estatal de reconhecimento de um conjunto de direitos sociais aos trabalhadores, mas não de seus direitos políticos.

No plano simbólico, Vargas também investiu fortemente, com todos os recursos de difusão e censura que a sua posição dominante no jogo do poder autoritário

⁶ Nelson Werneck Sodré, *Contribuição à história do PCB*, São Paulo, Global, 1984, 38.

⁷ Sobre o anarquismo no Brasil, ver Rafael Borges Deminicis, Daniel Aarão Reis Filho (Orgs.), *História do anarquismo no Brasil*, v. 1, Niterói, Eduff, Rio de Janeiro, Mauad, 2006.

⁸ Maria Valéria Junho Pena, *Mulheres e trabalhadoras*, Presença feminina na constituição do sistema fabril, Rio de Janeiro, Paz e Terra, 1981, 204.

⁹ O assunto é desenvolvido em Marieta de Moraes Ferreira, Partido Trabalhista Brasileiro (PTB): 1945–1965, In: Alzira Alves de Abreu et al. (Coord.), *Dicionário Histórico-Biográfico Brasileiro Pós-30*, v. IV, Rio de Janeiro, FGV, 2001, 4419–4430.

permitia, na elaboração do discurso oficial que reproduzia a ideia de cidadania do trabalho anteriormente articulada pelos trabalhadores — embora sem fazer qualquer menção à preexistência dessa demanda. Enfim, resgatou-se o valor do trabalho e do trabalhador, mas não o valor da participação do trabalhador na construção de uma nova sociedade, como atores políticos e senhores de seu destino.

Objetos de representação e de legitimação

Museus são espaços de representação do real. Objetos transformados em acervos museológicos não se definem mais por seu valor de uso. São objetos de representação, mediadores de conhecimento. Porém, se todos os bens desse mundo são bens culturais, dado que todos estão indefensavelmente relacionados às diversas maneiras de viver ao longo do tempo e do espaço histórico, por que alguns bens culturais são musealizados e outros não? O que determina que certos bens culturais sejam investidos de recursos públicos, preservados para as gerações futuras e valorizados como fonte de pesquisa e conhecimento, enquanto outros são descartados? Tal decisão, necessariamente, ocorre no mundo das relações sociais, e não raro envolvendo interesses políticos, econômicos e disputas, posto que o mundo das relações sociais é um campo de lutas. A decisão de formar determinado acervo público opera sobre o que deve ser preservado e lembrado, no presente e no futuro, sendo uma forma de atribuir valor no campo da memória.

O acervo museológico do Museu da República reúne 74 coleções, sendo que 63 são coleções de titulares. Ou seja, trata-se em grande medida de um acervo biográfico. Esse conjunto de coleções é batizado com nomes de personalidades públicas, reunindo, sobretudo, objetos doados ao museu pelos próprios titulares ou por seus familiares. São peças ligadas aos espaços da vida pública e privada de ex-presidentes da República, ex-ocupantes do Legislativo, ex-ministros, republicanos históricos e militares, entre outros representantes da elite política, econômica e social do país.

Doações privadas a um museu público e nacional não costuma ser uma atitude desinteressada. Antes, envolvem esforços para a construção de representações positivas. Celebrar memórias é uma forma de garantir lugar entre os imortais. Assim, a legitimidade do homem público encontra apoio e confirmação em condecorações, medalhas, diplomas, retratos e outros objetos preservados em instituições museológicas. Ou seja, o simbolismo em torno das peças preservadas em museus não apenas alude às próprias peças, mas serve para cultuar seus titulares. Acervos, colocados em evidência para apreciação pública, são também uma forma de poder simbólico que encontra cumplicidade social, nos termos sugeridos por Pierre Bourdieu.¹⁰

¹⁰ Pierre Bourdieu, *O poder simbólico*, São Paulo, Difel, 1989.

No acervo em exame, representações positivas dos titulares são de fato uma marca forte, como seve nas figuras abaixo:

Honório Peçanha. Busto do presidente Juscelino Kubitschek. Acervo do Museu da República/Ibram/MinC. Fotografia de Rômulo Fialdini & Valentino Fialdini.

Celso Campos. Talha com figura do presidente Ernesto Geisel. Acervo do Museu da República/Ibram/MinC. Fotografia de Rômulo Fialdini & Valentino Fialdini.

Edgard Andrade de Freitas. Garrafa de areia, do artista popular cearense. Homenagem ao presidente Lula. Acervo do Museu da República/Ibram/MinC. Fotografia de Rômulo Fialdini & Valentino

Tais objetos ganham particular efeito de exaltação a partir da presença, no acervo, de homenagens prestadas às autoridades públicas por grupos de trabalhadores, não surpreendendo que Getúlio Vargas apareça com particular destaque, como autoridade pública que se legitima ao lado do trabalhador brasileiro.

Respeito, admiração, gratidão e confiança. Tributos concedidos aos titulares em atitude de profunda deferência. O acervo repercute a narrativa da cidadania do trabalho assumida por Getúlio Vargas quando parece sugerir que viver no Brasil republicano sempre será mais “amigável” para os trabalhadores na proporção de haver “bons governantes”, “sensíveis” ao valor do trabalho. O “bom governo” é o que promove a ampliação dos direitos sociais, sem que isso necessariamente seja articulado à emancipação política dos trabalhadores.

Estatueta de bronze representando a Justiça. Homenagem do Sindicato Com. Vendedores Ambulantes ao Presidente Getúlio Vargas.

Acervo do Museu da República/Ibram/MinC. Reprodução fotográfica de Mailson Santana

Observações finais

O valor do trabalho como chave de pertencimento social tem conexões importantes com a proposta de construção de um mundo comunista, logrando enorme influência na luta dos trabalhadores brasileiros por direitos, nos anos seguintes à Revolução Russa. Tal realidade não passou despercebida a Getúlio Vargas, que se apresentou como alternativa política ao projeto comunista, assumindo o papel de pai fundador do discurso da cidadania do trabalho. Porém, no discurso oficial, o valor do trabalho foi descolado de qualquer plano de superação da sociedade capitalista. Se Vargas, de fato, contribuiu para a ampliação dos direitos sociais dos trabalhadores, cobrou o preço de sua não emancipação política. Afirmou-se a cidadania do trabalho por meio da “concessão” de direitos sociais pelo governo, porém desprezando-se a máxima de que é o trabalhador, engajado no trabalho produtivo e na construção de uma sociedade sem classes sociais, que deve “fazer a História”. O acervo museológico preservado no Museu da República, com todo o seu simbolismo como patrimônio cultural do Brasil e representação da República, é expressivo nesse sentido.

Em tempos de comemoração dos cem anos da Revolução Russa, talvez a melhor maneira de brindar a importância histórica dessa experiência revolucionária seja observar que o esvaziamento do projeto de construção de uma sociedade comunista pode ter consequências severas para a naturalização da ideia de que o trabalhador não é a força protagonista na definição das regras do jogo político. Regras que, no Brasil, seguem como patrimônio das elites, perpetuando lógicas sociais de privilégio e colocando em permanente risco cada avanço no campo dos direitos do trabalho.

Bibliografia

1. Batalha Cláudio Henrique de Moraes, *O movimento operário na primeira República*. Rio de Janeiro: Jorge Zahar, 2000.
2. Bourdieu, P., *O poder simbólico*. São Paulo: Difel, 1989.
3. Carone, E., *Classes sociais e movimento operário*. São Paulo: Ática, 1989.
4. Chagas, M., Abreu, R., (Org.). *Memória e patrimônio: ensaios contemporâneos*. Rio de Janeiro: DP&A Editora, 2003.
5. Chartier, R., *A história cultural: entre práticas e representações*. Lisboa: Difel, 1990.
6. Del Roio, M. T. A revolução socialista na Rússia e a origem do marxismo no Brasil. *Revista Crítica Marxista*, v. 1 tomo 5, São Paulo: Xamã, 1997, 117–123.
7. Deminicis, Rafael Borges; Reis Filho, Daniel Aarão (Orgs.). *História do anarquismo no Brasil*. v. 1, Niterói: Eduff; Rio de Janeiro: Mauad, 2006.
8. Ferreira, Marieta de Moraes. Partido Trabalhista Brasileiro (PTB): 1945–1965. In: Abreu Abreu, Alzira Alves de et al. (Coord.). *Dicionário Histórico-Biográfico Brasileiro Pós-30*. v. IV, Rio de Janeiro: FGV, 2001, 4419–4430.
9. Ferro, Marc. *O ressentimento na história* — Ensaio. Rio de Janeiro: Agir, 2009.

10. Gomes, Ângela de Castro. *A invenção do trabalhismo*. 3. ed. Rio de Janeiro: Editora FGV, 2005. [1. ed. 1988, Vértice/IUPERJ]
11. Konder, Leandro. *A democracia e os comunistas no Brasil*. Rio de Janeiro: Graal, 1980.
12. Koval, Boris. *A grande Revolução de outubro e a América Latina*. São Paulo: Alfa Omega, 1980.
13. Mattos, Marcelo Badaró. O manifesto comunista no Brasil. *Varia Historia*, nº 22, Belo Horizonte, Jan. 2000, 170–182.
14. Meneses, Ulpiano Bezerra de. *Da arqueologia clássica ao patrimônio cultural: os sentidos da cultura material e seus desdobramentos*. São Paulo: USP, 2008.
15. Pacheco, Eliezer. *O Partido Comunista Brasileiro (1922–1964)*. São Paulo: Alfa Omega, 1984.
16. Pena, Maria Valéria Junho. *Mulheres e trabalhadoras. Presença feminina na constituição do sistema fabril*. Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1981.
17. Sodré, Nelson Werneck. *Contribuição à história do PCB*. São Paulo: Global, 1984.
18. Zaidan Filho, Michael. *O PCB e a Internacional Comunista (1922–1929)*. São Paulo: Vértice, 1988.

Relações entre o PCB e a Internacional Comunista (IC)

Relations between the PCB and the Communist International (IC)

Resumo: Revolução 1917 influyó mucho a todo el continente sudamericano. Bajo de influencia de Moscú fueron formados partidos comunistas en la región. El artículo analiza el desarrollo de los vínculos entre Partido Comunista de Brasil y la Internacional Comunista en el contexto de los documentos del fondo de la Comintern y la historiografía contemporánea. O autor começa com a descrição do desenvolvimento do movimento anarquista no Brasil, depois analisa o impacto das divisões dentro do movimento socialista internacional e a fundação da Internacional Comunista (o Cominten), finalmente chega à análise dos momentos mais importantes da criação do Partido Comunista Brasileiro.

Palabras clave: Partido Comunista de Brasil; izquierda brasileña; Comintern; Revolución 1917.

Abstract: The 1917 Revolution greatly influenced the entire South American continent. Under the influence of Moscow, communist parties were formed in the region. The article analyzes the development of the links between the Communist Party of Brazil and the Communist International in the context of the documents of the Comintern fund and contemporary historiography. The author starts with description of the development of the Anarchist movement in Brazil, then analyzes the impact of the divisions within the international socialist movement and the foundation of the Communist International (the Cominten), finally she comes to the analysis of the most important moments of the creation of the Brazilian Communist Party.

Key words: Communist Party of Brazil; left movement in Brazil; Comintern; Revolution 1917.

O anarquismo no Brasil

Embora houvessem lutas sociais e revoltas de escravos desde o Brasil Colônia, e uma greve memorável de gráficos, no Rio de Janeiro, em 1852, um movimento operário, ainda que incipiente, começa a se organizar logo após a abolição da escravidão em 1888, e a proclamação da República, no ano seguinte.

Último país da América a abolir a escravidão, até esta data, praticamente não havia mão-de-obra livre no Brasil, essencialmente agrário. As primeiras levas de imigrantes europeus chegaram na década de 80 do século XIX para substituir a

¹¹ Dina Lida Kinoshita foi membro da Cátedra UNESCO de Educação para a Paz, Direitos Humanos, Democracia e Tolerância, IEA — USP, entre 1997 e 2016.

mão-de-obra escrava nas lavouras cafeeiras bem como para estabelecer um novo tipo de produção agrícola nas colônias do Paraná, Santa Catarina e Rio Grande do Sul. Estes imigrantes chegaram de vários países europeus: poloneses, lituanos e ucranianos do Império da Rússia Czarista, Alemanha, Itália e Espanha entre outros. Os imigrantes destes dois últimos países se estabeleceram com maior facilidade uma vez que existiam maiores afinidades lingüísticas e religiosas. Entre italianos e espanhóis havia um grande contingente de anarquistas e os italianos chegaram a estabelecer colônias¹², e também, passaram a influenciar o movimento operário no seu nascedouro. Embora já houvessem pequenos círculos de “socialistas vulgares” entre a intelectualidade brasileira desde a segunda metade do século XIX, o movimento anarquista se espalhou pelo país, publicando jornais¹³, e organizando sindicatos e centros operários, com o que adquiriu grande expressão. Em 1906, foi organizado um grande Congresso, que deu origem à Confederação Operária Brasileira (COB), em 1908. No entanto não havia nenhuma preocupação em organizar um partido devido a princípios ideológicos.

Com a eclosão da I Guerra Mundial (1914–1918), o Brasil teve sua primeira industrialização de “substituição de importações”, uma vez que os tradicionais fornecedores europeus não tinham mais como suprir os produtos necessários ao consumo brasileiro. Isto acarretou um expressivo crescimento numérico da classe operária e as ideias anarquistas tinham uma grande penetração apesar da repressão ferrenha do poder estabelecido. Entretanto, “os anarquistas continuavam rejeitando a luta política do proletariado, dirigindo-a para o plano eminentemente econômico”¹⁴. Este ciclo de movimento operário e sindical teve seu auge em 1917, quando os anarquistas estavam na linha de frente do proletariado, num contexto em que a I Guerra Mundial agravou as condições de vida das massas brasileiras. “Os gêneros alimentícios sumiram do mercado. Os aluguéis atingiram níveis proibitivos. Fecharam-se as pequenas operações de crédito. Os agiotas pululavam às portas das fábricas e nas repartições públicas. Os industriais agravavam ainda mais as condições de trabalho do proletariado. Os comerciantes estocavam mercadorias aguardando melhores preços ou condições de aumentá-las.”¹⁵. Tudo isto gerava uma enorme revolta e a eclosão de movimentos grevistas em todos os Estados importantes do país. Apesar do denodo e heroísmo dos anarquistas, estes não possuíam suficiente organização e todo o movimento entra em colapso.

No entanto é preciso notar que práticas anarquistas são ressuscitadas pelo PT e entidades sociais vinculadas a esse partido. Como exemplos pode-se citar a

¹² Kupper A., *Colônia Cecília, uma experiência anarquista*, Ed. FTD AS, São Paulo, 1993.

¹³ Sodré, N. W., *História da Imprensa no Brasil*, Ed. Civilização Brasileira, Rio de Janeiro, 1966.

¹⁴ Bandeira, M., Melo, C. e Andrade, T., *O Ano Vermelho — a Revolução Russa e seus reflexos no Brasil*, Ed. Civilização Brasileira, Rio de Janeiro, 1967.

¹⁵ *Ibidem*.

luta sindical, meramente por melhorias salariais, sem se dar conta das mudanças acarretadas pela globalização e pela Revolução Tecno-Científica além de ser contrário a mudanças de uma legislação trabalhista copiada da Carta del Lavoro do fascismo italiano ou das escolas do Movimento dos Sem Terra (MST), que se parecem com as “colméias” (*La Ruche*) dos anarquistas franceses do passado.

Cisão do movimento socialista internacional e criação da Internacional Comunista

Por sua vez, do outro lado do mundo, os bolcheviques tomam o poder no mesmo ano de 1917, na Rússia, após uma longa jornada de lutas, que se inicia ainda antes da frustrada Revolução de 1905¹⁶.

Durante a I Guerra Mundial, o movimento socialista internacional sofreu um duro embate. Embora a II Internacional (1889–1914), núcleo principal de reunião dos partidos marxistas do mundo, especialmente da Europa, tradicionalmente defendesse a paz mundial contra as guerras entre os países capitalistas, vários parlamentares de sua principal corrente, a social-democracia, aprovaram os créditos dos governos de seus países para financiar a participação no conflito. Dois dos principais expoentes socialistas radicais que já tinham expressado posições mais consequentes pela manutenção da paz, durante a guerra, se desfilaram da II Internacional: o russo Vladimir Ilich Lênin, fundador da corrente bolchevique do Partido Operário Social-Democrata da Rússia (1903), e a polonesa, militante do Partido Socialista Alemão (SPD) Rosa Luxemburg, fundadora da Liga Espartaquista (1915).

Em outubro de 1917, pelo calendário juliano ou novembro pelo gregoriano, Lênin liderou uma revolução que derrubou o governo provisório de Kerenski, sucessor do czarismo russo (este abolido em fevereiro) e pôde, assim, aplicar na prática sua política socialista radical, chamada de “comunista”, uma ruptura completa com a velha social-democracia da II Internacional, a qual julgava “oportunista” e “reformista”. Em decorrência desta ruptura, e a necessidade de consolidar a Revolução Russa, era preciso criar uma nova organização mundial que agregasse todos os outros movimentos comunistas ou de soviets, também protagonistas de revoluções em curso na convulsionada Europa do pós-guerra. Assim, por iniciativa bolchevique, foi fundada em 1919 a III **Internacional**, ou **Internacional Comunista**, ou ainda **Comintern**, para sustentar a nova onda revolucionária e opor-se fortemente ao reformismo e ao colonialismo.

Mas a vaga soviética na Europa não vingou do jeito que os comunistas planejavam¹⁷, e o movimento precisou cerrar ainda mais suas fileiras para que

¹⁶ Grol T., *Gueshtaltn un Perzenlikhkeitn in der idisher un veltlekher gueshikhte*, Ed. do Autor, Paris, 1976.

¹⁷ Pons S., *A Revolução Global — história do comunismo internacional (1917–1991)*, Rio de Janeiro, Contraponto e Brasília. Fundação Astrojildo Pereira, 2014.

os insucessos e a repressão institucional não o desagregassem de vez. Todas as insurreições foram sufocadas e os russos ficaram isolados, especialmente após a queda da efêmera República Soviética Húngara de Bela Kuhn. Foi o fim desta breve experiência no poder que influenciou Lênin a enrijecer as condições para que os partidos fossem admitidos na IC, buscando afastar tendências menos radicais que pudessem diluir a combatividade da organização. O líder propôs, então, em seu II Congresso Mundial (julho a agosto de 1920), 19 pontos que deveriam ser seguidos pelos candidatos ao ingresso na jovem Internacional.

Discutidas previamente numa comissão especial, as 19 condições sofreram leves alterações, tendo sido adicionada, por iniciativa do próprio Lênin, aquela que se tornaria a condição 20 (sobre a composição dos principais órgãos centrais) e transformada a condição 12 no segundo parágrafo da primeira (ambas tratando da imprensa e da propaganda partidárias). Em seguida, debatidas em plenário, essas novas 19 condições, aceitas prontamente por uns e rejeitadas fortemente por outros, foram acrescidas ainda das de número 18 (publicação dos documentos do Comitê Executivo da Internacional Comunista) e 21 (expulsão dos militantes contrários às 21 condições), esta última, considerada a mais drástica, por incentivo especial do italiano Amadeo Bordiga. Aprovado o documento, estava doravante fixado “o marco que dividiria o antigo socialismo institucionalizado e o comunismo renovador e inconformista”.

Fundação do PCB

Diferentemente dos países do Cone Sul da América Latina, as ideias marxistas chegaram tardiamente ao Brasil. Nunca houve um partido socialista expressivo no país, como os partidos socialistas do Uruguai, Argentina ou Chile fundados em fins do século XIX ou nos primórdios do século XX. Mesmo sem raízes nos movimentos sociais organizados, somente no II pós-guerra, em 1947, é que surgiu no Brasil um Partido Socialista que se mantém até hoje.

Mas foram intelectuais anarquistas brasileiros que se deram conta dos motivos do colapso. Astrojildo Pereira, um ex-anarquista, um dos fundadores do PCB, constata: “As grandes greves e agitações de massas do período de 1917/20 puseram a nu a incapacidade teórica, política e orgânica do anarquismo para resolver todos os problemas de direção de um movimento revolucionário de envergadura histórica, quando a situação objetiva do País (em conexão com a situação mundial criada pela guerra imperialista de 1914/18 e pela vitória da Revolução operária e camponesa na Rússia) abria perspectivas favoráveis a radicais transformações na ordem política e social dominantes.”¹⁸

¹⁸ Pereira, A, *Formação do PCB*, Ed. Vitória, Rio de Janeiro, 1962.

Foi após a derrocada do anarquismo brasileiro e a tomada do Palácio de Inverno pelos bolcheviques russos em 1917, que se iniciaram tentativas para criar um Partido Comunista, ainda em 1919.

O ano de 1922 caracteriza-se por uma grande efervescência tanto no plano internacional quanto no nacional. No Brasil, ele é marcado por manifestações que expressam os grandes anseios por mudanças na esfera artístico-cultural representada pela Semana de Arte Moderna, realizada em São Paulo no mês de fevereiro, como na esfera sócio-política, pelo Movimento Tenentista constituído por militares de média e baixa patentes, que perderam protagonismo desde a presidência de Hermes da Fonseca. em particular, e pela pequena burguesia urbana, de um modo mais geral, Estas manifestações ocorrem num contexto de desagregação das velhas oligarquias rurais e aprofundamento do modo de produção capitalista. Esses setores passam a reivindicar uma série de direitos liberais como uma nova constituição republicana que represente o novo mundo que emerge e sobrepuja o mundo rural, eleições secretas sem fraudes nem corrupção e liberdade de expressão e comunicação. A primeira crise institucional acontece com o levante tenentista, conhecido como o Levante dos 18 do Forte, por ter ocorrido no Forte de Copacabana, no Rio de Janeiro, em 1922. Outro ocorreu em 1924, em São Paulo, comandado por Isidoro Dias. Derrotado, Isidoro Dias, conduziu as tropas rebeldes para o Paraná. Esta tropa se uniu às tropas gaúchas rebeladas em 1923 comandadas por Luis Carlos Prestes, para formar a Coluna Prestes. Esta Coluna deslocou-se, ao longo de dois anos, por cerca de 25 mil quilômetros, atravessando todo o território nacional. Sem muito apoio popular, sofrendo perseguições e cercos, sem uma clareza política e ideológica, a Coluna se desagregou. em um ambiente caracterizado por uma democracia muito frágil, com seguidas crises institucionais, e um movimento social que apresenta muitas debilidades, em especial, no seio do movimento operário. No plano internacional, ocorre a reconstrução europeia pós I Guerra Mundial, e sob o impacto da Revolução Socialista de Outubro de 1917, setores expressivos da humanidade sentem-se estimulados por ideias libertárias e revolucionárias¹⁹.

É nesse contexto que o Partido Comunista do Brasil (PCB), foi finalmente fundado no I Congresso, realizado entre os dias 25 e 27 de março de 1922, em Niterói. Participaram deste Congresso nove delegados nacionais, representando 73 membros de diversos agrupamentos comunistas existentes nas cidades do Rio de Janeiro, Niterói, São Paulo, Recife, Cruzeiro (MG) e Porto Alegre, a saber: Abílio de Nequete (barbeiro), Astrojildo Pereira (jornalista), Cristiano Cordeiro (professor), Hermôgenes da Silva (eletricista), João da Costa Pimenta (gráfico), Joaquim Barbosa (alfaiate), José Elias da Silva (sapateiro e operário da construção civil), Luís Peres (vassoureiro) e Manuel Cendón (alfaiate). Sete deles eram egressos das

¹⁹ Malina, S., *Última entrevista concedida por Malina antes de seu falecimento*, a Rocha, E., publicada pela Fundação Astrojildo Pereira, Brasília, 2002.

fileiras anarco-sindicalistas. Os únicos com origens socialistas, eram os estrangeiros Manuel Cendón, espanhol e Abílio de Nequete, libanês. O Congresso foi convocado para que houvesse tempo hábil para enviar uma delegação a Moscou, para o IV Congresso da IC a se realizar em novembro de 1922.

O grande motor deste projeto era Astrojildo Pereira. Intelectual autodidata era homem de letras, com vasta leitura de obras nacionais e universais, conhecia as obras de Marx e Engels. Diferentemente de outros intelectuais anarquistas, teve facilidade de migrar para as ideias marxistas. Ainda em 1915, organizou no Brasil, um movimento pela paz, mundial, contra a I Guerra Mundial. Mas o Secretário-Geral eleito no I Congresso foi Abílio de Nequete. Astrojildo foi eleito no I Congresso, membro da Comissão Executiva Central (CEC), Secretário de Imprensa e Secretário Internacional do PCB. Mas esse partido teve várias crises de ordem tática, durante a primeira década de sua existência. A primeira delas, em 1923. O próprio Secretário Geral, não concordava com as 21 condições impostas para admitir um partido na IC. Ademais, esta organização desconfiava de um partido com tamanha hegemonia anarquista. Antonio Bernardo Canellas, um gráfico, foi indicado para a Comissão Executiva Central (CEC) do PCB, e delegado ao IV Congresso da IC. Um anarquista libertário e místico, não era um estudioso, mas um ativista voluntarioso. Antes de chegar a Moscou, teve contato com anarquistas na França. O IV Congresso da IC se concentrou, prioritariamente, no debate de problemas existentes no PCF, tais como a grande influência da maçonaria entre outros. Canellas teve um comportamento inadequado no IV Congresso: defendeu a maçonaria, inadmissível para os bolcheviques e mentiu ao informar que o PCB tinha chegado a 500 militantes, quando na verdade, eram 123. Elaborou um relatório confuso, pouco objetivo, criticando os dirigentes da IC. Solicitado a reformulá-lo, recusou-se a fazê-lo²⁰.

Surgindo com o nome de Partido Comunista, Seção Brasileira da Internacional Comunista, o PCB acatou as 21 condições políticas e orgânicas da IC, e foi admitido nesta organização graças ao empenho de Astrojildo Pereira e Octávio Brandão, que aderiu ao PCB no final de 1922, e depois da expulsão de Nequete e Canellas. Astrojildo Pereira assumiu a Secretaria Geral do PCB e Octávio Brandão²¹ a Secretaria de Relações Internacionais.

²⁰ Carone, E., “Uma Polêmica nos Primórdios do PCB: o incidente Canellas e Astrojildo” // *Memória e História*, Editora Livraria Ciências Humanas, São Paulo, 1981.

²¹ Otávio Brandão participou do movimento revolucionário desde os 15 anos. Teve grande atividade como anarquista. Aderiu ao PCB no final de 1922. Participou no trabalho do Comitê de Ajuda aos famintos do Volga (1923). Assistiu à reunião do Secretariado Sul Americano da IC em Buenos Aires, onde foi criticado por “apoiar e difundir a teoria da revolução democrática pequeno-burguesa” (1930). Para não ser expulso do Partido fez sua auto-crítica (1930). Depois da Revolução Liberal, foi preso e expulso do Brasil. Foi inicialmente para a Alemanha e posteriormente viveu na URSS por muitos anos.

Durante as primeiras décadas de sua existência, o PCB sofre as vicissitudes da Internacional Comunista. De um modo mais geral pode-se afirmar uma vinculação histórica do PCB com o chamado “socialismo real”, identificado com a URSS até a sua derrocada, em 1991. Entretanto, a trajetória do PCB é caracterizada por duas linhas gerais contraditórias: ora prevalecia o dogmatismo que acabava por transformá-lo num instrumento de políticas e concepções vindas de fora, ora prevalecia um Partido que se rebelava /e se recusava a levar à frente essas mesmas políticas e concepções, procurando, desse modo, traçar e seguir seu próprio caminho. É claro que essas duas vertentes não podem ser examinadas de maneira maniqueísta, visto que, em muitos episódios, os personagens e as políticas interagem de uma maneira complexa e interdependente.

Não se pretende nesse trabalho escrever um tratado da história do PCB. Procura-se tratar de dois episódios mais marcantes.

Astrojildo teve um grande protagonismo no movimento comunista. Como Secretário Geral do CEC do PCB na IC (1923–1924), participou do V Congresso da IC (1924), sem ser delegado oficial, e foi eleito membro sul-americano da Comissão Internacional de Controle (CIC)²². O V Congresso ainda foi convocado sob a direção de Lênin, porém este líder faleceu em janeiro de 1924 e pode ser considerado como uma transição para o stalinismo. Foi nesse congresso que se definiu “a construção do socialismo num só país” e a manutenção da política de Frente Única nos outros países em apoio a esta orientação. Daí em diante, sob a égide do stalinismo, os congressos deixaram de ser anuais, e até 1943, quando a organização foi dissolvida, só se realizaram dois: o VI em 1928 e o VII em 1935.

As relações entre tenentistas e comunistas eram muito tensas. O PCB acusava os tenentistas de serem linha auxiliar da burguesia e das oligarquias. Estas tensões foram responsáveis por crises táticas e expulsões no PCB. O II Congresso do PCB, realizado entre 16 e 18 de maio de 1925, no Rio de Janeiro, o PCB fez a primeira tentativa de abordar a realidade nacional de um ponto de vista de classe. Embora de uma forma precária e incipiente a análise parta de uma concepção dual “agrarismo versus industrialismo”. Na Resolução Política é evidente a opção pelo “industrialismo”, expressão inequívoca de progressismo e sentido histórico. Após este Congresso, o PCB decidiu apresentar-se afinal a uma eleição, criando a legenda do Bloco Operário. Tal decisão decorreu não só da orientação estabelecida no IV Congresso da IC em 1922, de que fosse adotada uma política de Frente Única, mas também, do desejo dos comunistas brasileiros de preparar uma base orgânica e política legal para o PCB e atrair para suas ideias e ações segmentos sociais mais amplos, em especial da pequena burguesia urbana. A partir de 1926, ingressam no

²² Jéfets L. e Jéfets V. L., *América Latina en la Internacional Comunista — Diccionario biográfico*, Ariadna Ediciones, Santiago de Chile, 2015.

PCB os intelectuais, Leôncio Basbaum, Mario Pedrosa, Lívio Xavier, entre outros. Finalmente, foi lançado em janeiro de 1927, o Bloco Operário.

Leônidas de Resende, proprietário do diário A Nação, do Rio de Janeiro, cedeu o seu jornal ao PCB, para divulgar suas posições e as do Bloco Operário. Assim, em 5 de janeiro de 1927, os comunistas publicaram nas páginas de A Nação uma Carta Aberta dirigida a personalidades e organizações reformistas do Rio de Janeiro propondo a adesão à criação de uma Frente visando às eleições para a Câmara dos Deputados. Em sua Carta Aberta, o PCB propunha a seus interlocutores a criação do Bloco Operário, nos marcos de uma política de “frente única” que tinha por objetivo juntar os esforços de todos, em razão de sua “afinidade básica de interesses”, para a disputa eleitoral. A Carta apresentava algumas ideias básicas e uma plataforma a serem seguidas pelos aderentes. Uma série de organizações e o deputado federal carioca João Batista de Azevedo Lima concordaram com os termos. Formada a Frente Única, pretendiam iniciar um combate à “política personalista, individualista e irresponsável dos cabos eleitorais sem princípio, sem programa e sem finalidade” e garantir, assim, o compromisso dos políticos com as massas.

A plataforma apresentada na Carta propunha a unificação de todas as reivindicações propostas ao longo do tempo, em grandes jornadas de luta e o compromisso e defesa das lutas operárias por seus direitos políticos e trabalhistas, liberdade de associação e reunião, bem como de expressão e comunicação.

Embora o Deputado Azevedo Lima não fosse militante do PCB, por sua adesão à Carta Aberta, sua candidatura foi acolhida na chapa do Bloco Operário, da qual participava também, o gráfico comunista João da Costa Pimenta.

Nas eleições de março de 1927, por sua experiência eleitoral, Azevedo Lima foi reeleito, obtendo 11.502 votos, enquanto João da Costa Pimenta teve um resultado pífio, de 1.965 votos. A repressão ao movimento tenentista e ao PCB e sua legenda legal, o Bloco Operário, vai num crescendo. A vitória de Azevedo Lima e a grande influência exercida pelo diário A Nação como meio de divulgação e organização, do PCB e do Bloco Operário, provocaram uma reação por parte do governo presidido por Washington Luis, quando é aprovada a Lei Celerada (Decreto nº 5.221, de 12 de agosto de 1927). Esta lei visava jogar o PCB novamente na clandestinidade. Aprovada pelo Congresso Nacional, a lei de repressão previa “atos contrários à ordem, moralidade e segurança públicas”. Esta lei censurava a imprensa e restringia o direito de reunião da população.

A Lei Celerada obrigou os comunistas a buscar uma nova forma de ação que pudessem manter uma expressão pública, ainda que, não de forma explícita. Em novembro de 1927 teria seu nome alterado para Bloco Operário e Camponês (BOC). A possibilidade de realizar debates e comícios, fazendo uso do nome do BOC e contando com a presença do deputado Azevedo Lima, presidente da organização, bem como o trabalho de alistamento de eleitores numa base mais ampla — que

significava, também, a possibilidade de se obterem novos militantes para o PCB —, abriam um amplo espectro de oportunidades de ação.

Esse novo formato do BOC fez com que ele começasse a crescer e a se implantar pelo país. A partir de então, e ao longo dos anos de 1928 e 1929, foram se formando seções estaduais, locais ou de categorias profissionais em quase todos os estados do país. No entanto, foi em sua unidade mais bem organizada, a do Rio de Janeiro, que o BOC obteve uma vitória significativa nas eleições de 28 de outubro de 1928, com a eleição de dois vereadores para o Conselho Municipal do Distrito Federal. Pela primeira vez em sua história, o PCB conseguiu levar a uma casa parlamentar dois de seus militantes: o farmacêutico Octávio Brandão do Rego, com 7.650 sufrágios, e o marmorista Minervino de Oliveira, primeiro operário negro eleito no Brasil, com 8.053.

Por interferência da IC, com o propósito de colaborar com o líder da Coluna, Astrojildo encontrou-se com Luís Carlos Prestes, na Bolívia, no fim de 1927. Palmiro Togliati, assistente da IC para a América Latina, escreveu duas cartas a Prestes, em 1928. É possível que estas cartas esclarecessem algo sobre os acontecimentos ocorridos na época, no Brasil. Consta, porém, que estão extraviadas nos arquivos de Moscou. O Instituto Gramsci não possui cópias e até o momento não há vestígio delas no Brasil.

A eleição dos dois representantes do BOC marcou o ápice da organização e também o início de sua dissolução. Houve desentendimentos entre o PCB e o Presidente do BOC, que acabou se afastando, agastado da Presidência e, expulso do BOC em 1929, por rompimento de acordos pactuados. Foi substituído na presidência pelo gráfico comunista João da Costa Pimenta, o que estreitou a organização. Mas, o que enterrou o BOC foi a nova orientação política definida pela IC no seu VI Congresso.

O III Congresso do PCB, realizado entre 29 de dezembro de 1928 e 4 de janeiro de 1929, em Niterói, estado do Rio de Janeiro, foi precedido de forte luta ideológica, sob influência estreita das orientações inspiradas na tática adotada pela IC, em seu VI Congresso realizado em 1928, de “classe contra classe”. O Partido optou pelo “obreirismo”, expulsou seus intelectuais, entre eles, Astrojildo Pereira²³ seu fundador.

²³ Astrojildo assiste ao VI Congresso da IC (1928) como delegado, e é eleito membro brasileiro do Comitê Executivo da IC (CEIC). Depois da reorganização da SSA da IC, em maio de 1928, foi membro brasileiro da SSA. Participou nas discussões das questões brasileiras e chilena pelo SSA, em julho de 1928. Faria um informe sobre a questão do BOC na I Conferência Comunista Latino Americana, em Buenos Aires, em junho de 1929, mas não assistiu ao evento. Participou no X Pleno do CEIC, eleito membro do Presidium do CEIC pelo pleno, na reunião do CEIC, em setembro de 1928. Participou das reuniões do SSA, em 1929. Expôs um documento durante a discussão da questão brasileira em 22/10/1929. Representante dos partidos comunistas da América Latina na Redação da Revista Comunista Internacional. Depois da reunião da direção do PCB na SSA da IC, em Montevideu, em 1930, Astrojildo insistiu na expulsão de P. Melo do Partido, por seu “trotskismo”. Foi criticado pela SSA da IC por “direitista” em 4 de maio de 1930 e afastado do cargo de Geral do PCB por sua intenção de incluir o Partido no “Golpe de Estado

Se foi capaz de explicitar novos parâmetros organizacionais e funcionais, do ponto de vista político, sua tese da “terceira onda revolucionária” sobre o imediato futuro político do país foi um grande equívoco. A dinâmica da luta de classes no país e no mundo problematiza a Resolução do III Congresso no tocante à consolidação da Revolução Burguesa no Brasil e os eventos de 1930. Embora houvesse no país grande turbulência política e econômica, explicitada, sobretudo, pelo tenentismo desde 1922, é na esteira da crise mundial de 1929 que entra em colapso a estrutura oligárquica, expressão política da economia latifundiária. No entanto, com a deposição do presidente da República, Washington Luís, em outubro de 1930, e o estabelecimento de um Governo Provisório, aflora a heterogeneidade de composição surgida da luta militar: de um lado, a corrente tenentista com seu programa reformista e, do outro, a corrente tradicional, disposta a alijar a primeira e dar ao Estado a feição conveniente aos seus interesses. Se, num primeiro momento há um rompimento com o latifúndio, aos poucos, a burguesia tende a se compor com ele, eliminando a componente mais avançada com quem havia se aliado para derrubar a oligarquia latifundiária. (SODRÉ, 1976) Neste processo contraditório, dá-se o ingresso de Luís Carlos Prestes no PCB, com a interferência direta da IC. Em 1930, o PCB, quando muito, era um projeto de partido completamente instável e nada consolidado, na medida em que fracassava no estabelecimento de alianças e quando optava ou era condenado a ficar à margem da primeira experiência do poder e da política nacionais. Mesmo com os êxitos de ações decorrentes dos esforços dos seus fundadores que se expressam no jornal diário de sucesso — *A Nação* — e da experiência do Bloco Operário e Camponês (BOC) que logrou eleger um deputado federal, em 1927, e dois vereadores na capital da República, em 1928, não há como esconder que foi a ação do Estado, de um lado, e a intervenção da IC e a adesão de Luís Carlos Prestes, de outro, que deram viabilidade e retiraram o partido do gueto sindical²⁴

O PCB passou 25 anos sem realizar um congresso, embora ocorram vários acontecimentos dramáticos no país. O surgimento da Aliança Nacional Libertadora (ANL) e o Levante Comunista de 1935, em Natal, Recife e no Rio de Janeiro, certamente refletem as discussões que precederam o VII Congresso da IC, em julho de 1935. Embora estes dois importantes eventos tenham fortes componentes nacionais decorrentes das contradições de 1930, eles foram influenciados por acontecimentos externos, tendo como pano de fundo a crise econômica mundial detonada pelo *crack* da Bolsa de Nova Iorque. Neste ínterim, em meados dos anos

Secretário preparado pela Aliança Liberal” e seu Bloco com elementos burgueses, em novembro de 1930. Propuseram-lhe reconhecer seus erros e trabalhar no Comitê de São Paulo do PCB. Foi detido em São Paulo em 08/1931, e expulso do PCB em 1932. Assistiu à reunião da SSA da IC em Buenos Aires, onde foi criticado por “divulgar a teoria da revolução democrática pequeno-burguesa” em 1930.

²⁴ Brandão, G. M., *A Esquerda Positiva: as duas almas do Partido Comunista – 1920/1964*, Ed. Hucitec, São Paulo, 1997.

1930 o Movimento Comunista Internacional foi protagonista de acontecimentos dramáticos. Com a consolidação do poder stalinista na União Soviética (URSS) e a decisão da construção do socialismo num só país, a política da IC se resumia na “luta de classe contra classe”. Mas esta política sofreu uma derrota de grandes proporções na Alemanha, onde a divisão entre comunistas e social-democratas (denominados pelos comunistas de social-fascistas) abriu caminho para a ascensão dos nazistas ao poder. Nos anos imediatamente subsequentes ocorreu um imenso debate na IC, pois o líder comunista búlgaro Ghiorgy Dimitrov, havia proposto uma mudança radical de linha política, consubstanciada nas “frentes populares” para derrotar o nazi-fascismo. Forças expressivas discordavam da mudança, tentando demonstrar que a linha anterior era mais correta. No Brasil, em particular, os acontecimentos assumiram maior gravidade. Tendo em vista uma série de questões não resolvidas na Revolução de 1930 e a palavra de ordem das “Frentes Populares”, foi criada no início de 1935 a Aliança Nacional Libertadora (ANL). Considerando a experiência do BOC como um episódio mais restrito, a ANL é a primeira experiência aliancista importante, de caráter moderno de mobilização, do PCB. Não obstante o “baluartismo” de alguns quadros brasileiros, que entendiam que o país passava por um momento revolucionário, é plausível que a experiência da Coluna Prestes fizesse alguns dirigentes da IC tentar convencer o Capitão Luiz Carlos Prestes a organizar o Levante de novembro de 1935, um grande equívoco político e militar que vem se somar à derrota de Mao Tsé Tung frente a Chang Kai Chec na China um pouco antes. É significativo que boa parte dos assessores internacionais vindos ao Brasil eram alemães e que alguns também tivessem passado pela China²⁵. Seria a última cartada da política de “classe contra classe”. Em contradição com o golpe de novembro de 1935, a ANL não foi compreendida por sua modernidade naquele momento. A política aliancista foi retomada em 1945 e como uma estratégia central permanente, apenas a partir de 1958²⁶.

O PCB foi destruído pela repressão implacável entre 1935 e 1940, diminuindo de maneira drástica suas atividades, com a maioria de seus quadros encarcerada²⁷ e, algum poucos, lutando na Guerra Civil Espanhola, mais tarde juntando-se aos resistentes franceses durante a II Guerra Mundial²⁸.

²⁵ Em particular, o líder comunista Arthur Ewert foi afastado de suas funções políticas no KPD (Partido Comunista Alemão), devido a sua ação determinante contra a stalinização. Considerado comunista confiável, recebeu atribuições internacionais importantes, afastado do centro de gravidade da hierarquia do poder da IC, na China e América Latina, onde desempenhou funções de liderança nos secretariados Regionais da IC.

²⁶ Brandão, G. M., *A Esquerda Positiva: as duas almas do Partido Comunista –1920/1964*. Ed. Hucitec, São Paulo, 1997.

²⁷ Carone, E., *O Estado Novo (1937–1945)*, Ed. Difel, São Paulo/Rio de Janeiro, 1977.

²⁸ Carvalho, A., *Vale a Pena Sonhar*, Rocco, Rio de Janeiro, 1997.

Várias Direções Regionais, sobretudo São Paulo, mas também Paraná e Minas Gerais, onde já havia um movimento operário organizado, ainda que incipiente, eram contrárias a este movimento.

Com a ascensão do nazismo na Alemanha, a IC — num processo de autocrítica, liderado pelo búlgaro Guiorgui Dimítrov — propõe a política das Frentes Populares, o que se dá sob fortes resistências. No plano brasileiro, a criação da ANL expressa os setores favoráveis à mudança política e à adoção das Frentes Populares, enquanto o Levante Comunista de 1935 é uma tentativa desesperada de manter a política de “classe contra classe”. É emblemático que os membros da IC, chegados ao Brasil para orientar e preparar o Levante, tinham sido os recém-derrotados na China.

Em razão do fracasso do Levante, o PCB é desarticulado e, com o advento do Estado Novo, o governo autocrático implantado em 1937, a repressão assesta golpes profundos na organização partidária. Por volta de 1940, a direção central é destituída e formam-se, em vários estados, núcleos dirigentes regionais. Alguns deles organizam, em 1943, a Conferência da Mantiqueira, no interior do estado do Rio de Janeiro. A questão central neste momento é a luta contra o fascismo e de novo surgem duas posições: uma priorizava a luta contra o Estado Novo enquanto a segunda afirmava ser preciso centrar fogo contra o “nazi-fascismo” uma vez que a derrota do fascismo na Europa condicionaria a derrota dele no Brasil. Prevaleceu a segunda posição com o aval de Luis Carlos Prestes, o que abriu caminho para a defesa da participação brasileira na II Guerra Mundial. E, de fato, o combate ao Eixo e pela democracia no exterior acabou reforçando a luta democrática no Brasil, deixou a ditadura Vargas vulnerável, precipitando a sua derrota. O PCB é legalizado no imediato pós-II Guerra Mundial. Porém, com o advento da Guerra Fria, seu registro eleitoral é cassado, sob a alegação de que era um partido estrangeiro, uma vez que se denominava Partido Comunista do Brasil. A fim de legalizar o PCB, no seu V Congresso realizado em 1960, foi renomeado Partido Comunista Brasileiro.

Em 1948 foi criado o COMINFORM para substituir a IC. Sob forte impacto desse novo organismo, depois da vitória de Mao Tsé Tung em 1949, na China, ocorre nova radicalização no Brasil caracterizada pelo Manifesto de Agosto.

Bibliografia

1. Almeida, F. I. (org), *O último secretário — as lutas de Salomão Malina*, Fundação Astrojildo Pereira, Brasília, 2002.
2. Bandeira, M., Melo, C. e Andrade, T., *O Ano Vermelho — a Revolução Russa e seus reflexos no Brasil*, Ed. Civilização Brasileira, Rio de Janeiro, 1967.
3. Brandão, G. M., *A Esquerda Positiva: as duas almas do Partido Comunista — 1920/1964*, Ed. Hucitec, São Paulo, 1997
4. Carone, E., “Uma Polêmica nos Primórdios do PCB: o incidente Canellas e Astrojildo” // *Memória e História, Editora Livraria Ciências Humanas*, São Paulo, 1981.

5. Carone, E., *O Estado Novo (1937–1945)*, Ed. Difel, São Paulo/Rio de Janeiro, 1977
6. Carvalho, A., *Vale a Pena Sonhar*, Rocco, Rio de Janeiro, 1997
7. Dulles, J. W. F., *O Comunismo no Brasil, 1935–1945: repressão em meio ao cataclismo mundial*, Nova Fronteira, Rio de Janeiro, 1985
8. Grol, T., *Gueshtaltn un Perzenlikhkeitn in der idisher un veltlekher gueshikhte*, Ed. do Autor, Paris, 1976.
9. Jeifets L. e Jeifets V. L., *América Latina en la Internacional Comunista — Diccionario biográfico*, Ed. Laguna, Santiago de Chile, 2015.
10. Kupper, A., *Colônia Cecília, uma experiência anarquista*, Ed. FTD AS, São Paulo, 1993.
11. Malina, S., *Última entrevista concedida por Malina antes de seu falecimento, a Rocha, E.*, publicada pela Fundação Astrojildo Pereira, Brasília, 2002.
12. Pereira, A., *Formação do PCB*, Ed. Vitória, Rio de Janeiro, 1962.
13. Pons, S., *A Revolução Global — história do comunismo internacional (1917–1991)*, Rio de Janeiro, Contraponto e Brasília. Fundação Astrojildo Pereira, 2014.
14. Sodré, N. W., *História da Imprensa no Brasil*, Ed. Civilização Brasileira, Rio de Janeiro, 1966.
15. Sodré, N. W., *História da Burguesia Brasileira*, Ed. Civilização Brasileira, Rio de Janeiro, 1976.
16. Vinhas, M., *O Partidão: a luta por um partido de massas (1922–1974)*, Ed. Hucitec, São Paulo, 1982.

Memória e História — Tensões Sociais, Conflitos e Golpe Militar — Brasil 1964

Memory and History — Social Tensions, Conflicts and Military Coup — Brazil 1964

Resumen. La memoria constituye un espacio de divergencias y enfrentamientos, olvidos y silencios, de prácticas individuales y sociales además de las apropiaciones. Reconfiguración y recuperación de las distintas visiones del pasado forman parte de la memoria y de sus estrategias de recordar, recordar, crear representaciones y construir eslabones identitarios entre los grupos sociales. En esos sentidos hechos relevantes del Golpe Militar Brasil 1964 contextualizan el atribulado gobierno de João Goulart. La recuperación de esa visión del pasado, forma parte de los recuerdos de la autora, a través de los hechos vividos y presenciados, además de los relatos de las personas torturadas, perseguidas y que vivenciaron el Golpe y la Dictadura en el país. En ese contexto se inserta la figura de João Goulart, o Jango Goulart, o simplemente Jango, como era más conocido y así popularizado.

Palabras clave: Golpe Militar Brasil 1964, dictadura, izquierda en Brasil

Abstract. Memory constitutes a space of divergences and confrontations, forgetfulness and silence, of individual and social practices beyond appropriations. Reconfiguration and recovery of the different visions of the past are part of memory and its strategies of remembering, remembering, creating representations and building identity links between social groups. In this sense, relevant facts of the 1964 Military Coup in Brazil contextualize the troubled government of João Goulart. The recovery of this vision of the past, is part of the author's memories, through the facts lived and witnessed, in addition to the reports of people tortured, persecuted and experienced the coup and dictatorship in the country. In this context is inserted the figure of John Goulart, or Jango Goulart, or simply Jango, as it was better known and thus popularized.

Palabras clave: Golpe Militar Brasil 1964, dictadura, izquierda en Brasil

Introdução

Desde as primeiras décadas do século XX, com a obra de Maurice Halbwachs sobre os *Quadros Sociais da Memória*, historiadores e cientistas sociais, além dos psicólogos, reconheceram a importância de se aprofundar os estudos da memória coletiva para maior entendimento dos processos identitários dos grupos sociais. A

¹ Maria T. T. Brittes Lemos — Brasil, doctora, Universidade do Estado do Rio de Janeiro —UERJ. (mtlemos@uol.com.br).

necessidade de se conhecer a formação e a transmissão da memória coletiva dominou os autores da memória

Os historiadores da Escola dos Anales também contribuíram substancialmente para o entendimento da memória como fonte para a construção da história social ou das mentalidades, como Jacques Le Goff, Georges Duby, Aurore Becquelin, além dos aportes recebidos de James Fentress e Chris Wickham e da psicologia através dos estudos de Maurice Moscovici, Denise Jodelet, Celso Sá entre outros estudiosos.

Esses autores apontaram a necessidade de se valorizar as lembranças, as recordações e as representações do passado, através de um imaginário reformulado pelo tempo, anacrônico, não compromissado com verdades, compreendendo apenas informações retidas na memória, contada pelos mais velhos, ou apreendidas pela interação dos grupos sociais.

As lembranças passaram a ser valorizadas, assim como a cultura popular, desde a tradição à oralidade. A história precisa se abastecer dessas memórias, de suas estratégias de guardar ou esquecer acontecimentos, de suas astúcias em organizar as representações do passado vivido ou imaginado, versões de uma realidade ou uma irrealidade. Os especialistas em Ciências Sociais reconhecem que memória é feita de fragmentos dispersos, muitas vezes evasivos, frutos de uma imaginação criativa, de lembranças individuais ou coletivas, versões da realidade e imaginário.

A memória constitui também um espaço de divergências e confrontos, esquecimentos e silêncios, de práticas individuais e sociais e dos espaços de apropriação. Reconfiguração e recuperação das distintas visões do passado fazem parte da memória e de suas estratégias de lembrar, recordar, criar representações e construir elos identitários dos grupos sociais. E estratégias de dominação são mecanismos reveladores de manipulação da memória coletiva como instrumento de poder.

Esta comunicação aborda fragmentos de memória, especialmente lembranças da autora sobre o período de ascensão e queda do presidente João Goulart. Esta recordação a faz retornar à década de 60, especialmente ao período turbulento das greves e convulsões políticas.

Assim, recuperação desta visão do passado, faz parte das lembranças da autora, acrescentadas pelos os fatos contados pelo seu grupo e pelas leituras realizadas. Essa recuperação da época do Golpe Militar é parte das estratégias de lembrar que a memória desenvolve, recordar, criar representações e construir vínculos de identidade ideológica.

Fragmentos de Memória — percurso político do Presidente João Goulart

Os fatos da memória me permitem reconstruir o período histórico entre a renúncia de Jânio Quadros, em agosto de 1961, até 31 de março de 1964, quando ocorreu um golpe militar que depôs o então presidente João Belchior Marques

Goulart, caracterizou-se por um turbilhão de acontecimentos políticos que antes não tinha ocorrido em tão pouco tempo

Em agosto de 1961 houve a derrubada do regime presidencialista e sua substituição pelo regime parlamentar. Depois, o retorno ao presidencialismo, devido ao resultado de um plebiscito nacional. Refinarias de petróleo foram encampadas, uma forte politização desenvolveu-se entre sargentos e marinheiros e acentuou-se uma divisão na sociedade entre forças progressistas e conservadoras.

A leitura apaixonada e sectária daquela época muitas vezes deixa emergir de forma equivocada a figura do ex-presidente João Goulart. A ele se atribuíram o acirramento das tensões sociais e os conflitos, nas cidades e nos campos, apontados como causa principal do golpe militar e suas graves conseqüências para as liberdades públicas. Mas a história frequentemente nos ensina que, à medida que nos distanciamos dos fatos, passamos a enxergar e avaliar melhor seus protagonistas e suas ações positivas em favor dos interesses nacionais.

E' nessa perspectiva que se insere a figura de João Goulart, ou Jango Goulart, ou simplesmente Jango, como era mais conhecido e assim popularizado. Tendo ingressado na política pelos braços do ex-presidente Getúlio Vargas, e reconhecido como seu herdeiro político, Jango logo exibiu alguns traços de seu padrinho: tolerância com os adversários e até inimigos, extrema paciência para atingir os objetivos perseguidos, defesa dos princípios nacionalistas, luta pela ampliação dos direitos dos trabalhadores urbanos e do homem do campo.

Aquelas características hoje podem ser melhor avaliadas, devido à distância dos fatos históricos de que João Goulart foi um dos principais atores.

Foi a persistência dele que garantiu a sobrevivência da Petrobras, na época fortemente ameaçada pelas forças conservadoras, sobretudo diante de resultados inexpressivos apresentados até então pela empresa nas áreas de exploração e produção de petróleo.

Graças à extrema capacidade de transigência de Jango, foi possível ao país mudar o seu regime político, introduzindo o sistema parlamentarista de Governo, uma obra de engenharia política que permitiu atender às exigências das Forças Armadas, contrárias à posse legítima dele como presidente após a renúncia de Jânio Quadros. Jango soube assimilar e absorver esse verdadeiro golpe branco, evitou um choque armado e os brasileiros muito devem a ele por ter sido possível aceitar aquela mudança sem maiores traumas que pudessem atingir o povo, ou convulsionar o país.

Depois, também sem levar o país a qualquer descaminho, Jango conseguiu restabelecer o presidencialismo, recuperando os poderes que lhe haviam sido usurpados com a implantação do parlamentarismo. Um memorável plebiscito levou o povo brasileiro a manifestar-se maçicamente pelo retorno do sistema presidencial de Governo, benefício que o país lhe deve até hoje.

Também devemos a João Goulart a defesa intransigente do patrimônio nacional, sobretudo dos setores estratégicos, cobiçados fortemente pelo capital estrangeiro com apoio dos seus tradicionais aliados internos. A encampação das refinarias particulares de petróleo, incorporando-as ao patrimônio da Petrobras, foi uma ação mortal contra os grupos privados que procuravam sabotar o trabalho da maior empresa brasileira. Deve-se recordar que, na época, havia um forte movimento das forças conservadoras para quebrar o monopólio estatal do petróleo, então exercido pela Petrobras.

As reformas de base constituíram outra importante iniciativa política do Governo João Goulart. Ele foi incansável na pregação, em todo o país, da necessidade de serem implantadas reformas em todos os principais setores da vida nacional — no campo, na economia, na política, na sociedade, nas empresas — para que o Brasil continuasse sua trajetória de país independente, soberano e moderno. E defendeu a consolidação de uma política externa independente, o que lhe valeu inúmeras pressões do Governo norte-americano. Hoje, quando vemos as terríveis dificuldades das forças políticas e do Governo Federal de levar adiante mudanças indispensáveis, é que mais se engrandece a figura de estadista de Jango — aquele que enxerga muitos anos à frente, com os olhos voltados exclusivamente para os interesses nacionais.

No exílio, demonstrou de forma inequívoca como era um grande político, conciliador e com visão de estadista. Aceitou unir-se a adversários que muito o prejudicaram quando exerceu a Presidência, esquecendo divergências e animosidades, e colaborou decisivamente para que se formasse a Frente Ampla, a primeira tentativa de unir as forças políticas contra os militares golpistas que detinham o poder. Se essa iniciativa tivesse tido êxito, a história do Brasil teria sido escrita de outra forma, muitos sacrifícios humanos poderiam ter sido poupados e o nosso país teria hoje certamente uma configuração diferente.

E' este o João Goulart que me ficou na memória e de muitos brasileiros que não o esquecem. E' o Jango, é o Jango, é o Jango Goulart, como dizia um refrão de música da época, em que também se apelava para o povo dançar, cantando o estribilho: Vamos Jangar, Vamos Jangar

Bibliografia

1. Bialek, Graciela. *Los Sapos de La Memoria*. Cordoba Colección Memoria y Maravilha, 2000.
2. Jaffard, Robert. *La diversité de la Mémoire — Préface da la Revue Dossier pour la Science*. Paris, Édition Française de Scientific American, Série -Avril/Juillet 2001.
3. Joutard, P. *Mémoire Collective, In Dictionnaire des Sciences Historiques*. Paris, PUF, 1986.
4. Le Goff, Jacques. *História e Memória*. SP., Unicamp, 1996

5. Loftus, Elizabeth. *Mémoire et évolution biologique*. Paris, Ed.Française de Scientific American, avril-juillet, 2001.
6. Macera, Pablo e Fornis, Santiago. *Nueva Crônica Del Perú Siglo XX*. Lima, Fondo Editorial del Congreso del Perú, 2000.
7. Wachtel, Nathan. *La Visión des Vaincus (1971)*. Apud, Le Goff História e Memória , SP.Edit.Unicamp,1996, 69.
8. Wehling, A. *Memória e História.Fundamentos, convergências , conflitos*, In Memória Social e Documento. RJ, 1997., UNIRIO.

РОССИЯ, ЕВРОПА И ИБЕРОАМЕРИКА: КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Д. Р. Ярулина¹

Кубинская революция в художественном дискурсе России и Кубы в контексте диалога культур

The Cuban Revolution in the Artistic Discourse of Russia and Cuba in the Context of the Dialogue of Cultures

Резюме: В докладе показано, что Кубинская революция занимала значительное место в отечественном и кубинском художественном дискурсе, положив начало диалогу культур двух народов и являясь концептуальным ядром образа Кубы. Показана роль Кубинской революции в становлении национальной идентичности и преемственность двух революций, которую художественный дискурс определяет как главное связующее звено между двумя странами. Путем проведения компаративного анализа выявлен ряд общих для двух рассматриваемых культур мифологем, мотивов, символов и образов, характеризующих Кубинскую революцию, а также — их взаимное заимствование и влияние. Показано, что образ Кубы в художественном дискурсе является динамичным, прослежена эволюция этого образа и выявлены ее причины: политические, идеологические, культурологические.

Ключевые слова: кубинская революция; Россия; Куба; диалог культур; образ; дискурс.

Abstract: The paper shows that the Cuban Revolution occupied a significant place in the domestic and Cuban artistic discourse, initiating a dialogue between the cultures of the two nations and being the conceptual core of the image of Cuba. The paper demonstrates the role of the Cuban Revolution in the shaping of national identity and the continuity of the two revolutions, which the artistic discourse defines as the main link between the two countries. A comparative analysis revealed a number of mythologies, motifs, symbols and images common to the two cultures under consideration, characterizing the Cuban

¹ Ярулина Динара Руфатовна, Россия, кандидат культурологии, исполнительный ассистент по политическим и экономическим вопросам Посольства Республики Сингапур в РФ, (jardina@mail.ru).

Revolution, as well as their mutual borrowing and influence. It is shown in the paper that the image of Cuba in the artistic discourse is dynamic, the evolution of this image is traced and its political, ideological, and culturological causes are revealed.

Key words: Cuban Revolution; Russia; Cuba; dialogue of cultures; image; discourse.

После победы революции на Кубе в январе 1959 г. Советский Союз, взяв под свою опеку молодую республику, осуществил не только идеологическое, политическое, экономическое, но и культурное проникновение на Американский континент — можно сказать, что было положено начало диалогу культур, не связанных до этого общей судьбой. В российском (советском) общественном сознании кубинская революция занимает особое место, воспринимаясь не только как самоценность, но и как обновленный образ революции вообще, как возможность лучше осмыслить собственное прошлое, возродить светлую память революции 1917 г. в России, главного исторического события страны. Интерпретируя саму революцию и ее концептосферу в системе координат национальной культуры, подчеркивая преемственность двух революций, художественный дискурс определяет их роль как главного связующего звена между двумя странами, более того, кубинская революция является концептуальным ядром образа Кубы.

Отметим, что образ одной страны в общественном сознании другой формируется в первую очередь посредством их культурных контактов, и такие контакты после кубинской революции не замедлили состояться. На Кубу поехали известные советские поэты, писатели, художники, музыканты, балетмейстеры, журналисты и режиссеры: Евгений Евтушенко, Виктор Иванов и Петр Оссовский, Роман Кармен, Михаил Калатозов, Генрих Боровик и многие другие. Созданные ими путевые заметки, повести, поэмы, фильмы и картины были первыми аутентичными свидетельствами советских очевидцев. Но поскольку их политические симпатии уже сложились до посещения Кубы, они не просто определяли, но, можно сказать, диктовали восприятие Острова свободы. В целом в художественных текстах доминировала идея чистой, героической и романтической кубинской революции, формирующая идеальный образ Кубы в сознании советских людей. Так, писатель и публицист, журналист-международник Г. А. Боровик, предваряя публикацию очерков о революционной Кубе, положенных в основу его двух книг «Повесть о зеленой ящерице» и «Пылающий остров», в журнале «Огонек» писал: «Езжу по всей Кубе, абсолютно влюбляюсь в эту революцию. Потому что для нас эти молодые люди, которые совершили революцию — искренне, без бюрократии, настоящую, как мы думали, социалистическую революцию, — были примером для всех, меч-

той на будущее»². В 1960 г. он прошел по следам революционных боев, повторив путь отряда Фиделя Кастро от места высадки его на болотистом побережье Ориенте до Гаваны. В основу «Повести о зеленой ящерице», которая освещает отдельные эпизоды кубинской революции, легли рассказы участников событий и очевидцев, документы и фотографии. Однако особенно яркий образ кубинской революции формируется в его книге «Пылающий остров». Метафора «пылающего острова» возникает не только из-за «пламени революции», но и в буквальном смысле — из-за пожаров на плантациях сахарного тростника от бомб, сброшенных с американского самолета, взрыва корабля в порту Гаваны, поджога в новогоднюю ночь самого крупного универмага в Гаване из-за диверсии США. Выдающийся кинорежиссер Р. Л. Кармен по сценарию Г. А. Боровика снял фильм «Пылающий остров» (1961), обошедший экраны многих стран мира, а режиссер и сценарист были удостоены Государственной премии СССР.

В 1962 г. Советский Союз посылает на Кубу режиссера М. К. Калатозова и оператора С. П. Урусевского для создания фильма, который должен был стать своего рода одой кубинской революции и способствовать укреплению советско-кубинских отношений. Фильм «Я — Куба», снятый ими по сценарию Е. А. Евтушенко и кубинского сценариста Э. Барнета, представлял собой совместный проект «Мосфильма» и ИСАИС (Куба) и щедро финансировался как кубинской, так и советской стороной. Несмотря на то что он ставился по заказу партийного руководства в качестве инструмента идеологической пропаганды, получилось произведение, имеющее несомненную художественную ценность. Тема революции, главная в картине, раскрывается в четырех новеллах, а контур повествования создает образ королевской пальмы; пальма — это первое, что с высоты птичьего полета видит зритель. В финале фильма пальма — это фон для победно марширующих под звуки гимна повстанцев. Пальма является одним из главных символов образа Кубы, но если для советского человека пальма — символ экзотики, то для кубинца — исконный национальный символ с огромной идеологической нагрузкой, прежде всего связанной с творчеством Хосе Марти. «Счастье погибнуть за родину под родными пальмами! Пальмы ждут нас, как невесты, но выше этих пальм мы должны поставить законы справедливости»³, — писал он в своем обращении к кубинцам. С пальмой соотносится еще и христианская символика, занимающая особое место в эстетике картины: когда камера приближается к берегу, из-за пальм вырастает крест, а в финале — винтовки, которыми потрясают марширующие

² Боровик Г. А., «Очерки о Кубе» // *Огонек*, 1960, № 11, 7.

³ Марти Х., *Со всеми и для блага всех. В защиту Кубы* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/cuba/cuba04.htm>. (дата обращения: 01.10.2017).

«барбудос». Таким образом, соотношением креста и винтовок повстанцев в фильме вводится идея революционности как новой духовности. Отметим, что для советского зрителя 60-х гг., жившего в атеистической стране, этот религиозный символизм был тем не менее понятен и близок и не противоречил революционной теме.

В этот же период советские художники В. И. Иванов и П. П. Оссовский, побывавшие на Кубе, написали ряд картин из жизни кубинского народа. Одна из известных картин художника В. И. Иванова — портрет девушки-революционерки Анхелы Алонсо, являющийся, можно сказать, каноническим образом кубинской женщины в революции. Девушка изображена на фоне развернутого знамени республики и воспринимается как символ Кубы. Эти картины экспонировались на многочисленных выставках в Советском Союзе и на Кубе. Примечательно, что образ Анхелы Алонсо вдохновил композитора К. Я. Листова на создание оперы. Увидев плакат и узнав историю этой героической девушки, он написал оперу «Дочь Кубы» (1962).

Ключевыми фигурами в формировании образа кубинской революции являются образы ее лидеров, поэтому они требуют отдельного рассмотрения. Одно из первых упоминаний Фиделя Кастро в советской поэзии находим в стихотворении Е. А. Евтушенко: «Но чтоб не путал я века / И мне потом не каяться, / Здесь на стене у рыбака / Хрущев, Христос и Кастро»⁴. Отметим, что идея общечеловеческого братства как основы социальной жизни, пронизанное христианским духом стремление к справедливости и любви к ближнему являются фундаментом мировоззрения поэта, и в этих строках христианские символы как раз укладываются в рамки революционной идеологии. Этот мотив, выраженный триадой «демократия, христианство, братство», получает дальнейшее развитие и в ряде других произведений. Как известно, Фидель Кастро в год победы революции приближался к возрасту Христа, а во время одной из его речей к нему на плечо сел белый голубь, как бы указывая на его высшее предназначение. Фиделя Кастро с голубкой на плече мы видим в фильме «Пылающий остров» и на фотографиях, демонстрирующихся на выставках. В этой связи отметим, что знаменитый кубинский писатель и драматург В. Пиньера также соотносит Фиделя Кастро с Христом, а его триумфальный вход в Гавану — со входом Христа в Иерусалим⁵. Религиозные мотивы революционной эстетики присутствуют, органично соединяя христианские и революционные образы, и в более позднем стихотворении Е. А. Евтушенко «Гуаякильский художник»: «И под фальшивой брошкой в небе / Иисус Христос — метис чуток. <...> / Вот в

⁴ Евтушенко Е. А., *Нежность*. М.: Художественная литература, 1962, 141.

⁵ Pinera V., *Teatro compino*. La Habana, 1960, 17–18.

ореоле бороды / Идет с отрядом бородатым / Сам Че Гевара впереди...»⁶. Образ кубинской революции в советском художественном дискурсе состоял не только из фигур ее лидеров — Че Гевары и Фиделя Кастро, еще одним ее неотъемлемым символом были «барбудос». Бороды для кубинских повстанцев, давших обет носить их до победы, стали отличительным знаком, своего рода культурным кодом. «Бородатые, с длинными, пышными шелюрами, увешанные оружием и амулетами, молодые красавцы, умные и безумно храбрые»⁷, они и вели себя не так, как другие латиноамериканские «рыцари удачи», а всерьез намеревались искоренить «продажность, коррупцию и всякую гниль и сделать из Кубы самую передовую страну на континенте»⁸, — пишет в своей книге И. Р. Лаврецкий.

Рассматривая кубинскую революцию в художественном дискурсе 60-х гг. прошлого века, отметим, что эти годы ознаменовали собой и начало нового периода в истории советского общества, нового мироощущения советского человека. В целом это мироощущение можно назвать более оптимистическим — появились пространство для некоторой дискуссии в обществе и несколько иные, в сравнении с предыдущими десятилетиями, культурные ориентиры. Мировоззрение людей времен оттепели, культура «шестидесятников», ассоциация с Кубой их кумира Хемингуэя оказали определяющее влияние на формирование романтического и идеализированного образа этой страны в СССР, а главное, концептуального ядра этого образа — кубинской революции. «Революция была выражением русского национального духа»⁹, — писал Н. А. Бердяев, а кубинская революция происходила в настоящем времени, только в другом пространстве, на «сюрреалистическом континенте»¹⁰, и позволяла лучше осмыслить собственное прошлое, а именно главное историческое событие своей страны — Октябрьскую революцию. Слишком многое в сознании советского человека работало тогда на популярность кубинской революции, которая воспринималась еще и как своего рода «идейный реванш» за гибель Испанской республики. Красота и простота испанского языка напоминала об этом событии, столь же романтически воспринятом в советской культуре, а лозунг «Но пасаран!» трансформировался в «Патриа о муэрте!». Таким образом, можно сказать, что «“медовый месяц” кубинской революции “чудесным образом” совпал с началом “оттепели” в СССР»¹¹. Но образ страны — понятие динамичное.

⁶ Евтушенко Е. А., *Избранные произведения*. М.: Художественная литература, 1975, т. 2, 202.

⁷ Лаврецкий И. Р., *Эрнесто Че Гевара*. М.: Молодая гвардия, 1973, 33.

⁸ Там же.

⁹ Бердяев Н. А., *Истоки и смысл русского коммунизма*. М.: Наука, 1990, 94.

¹⁰ Карпентьер А., *Мы искали и нашли себя*. М.: Прогресс, 1984, 16.

¹¹ Вайль П., Генис А., *60-е, мир советского человека*. М.: Новое литературное обозрение, 1998, 26.

В 80-е гг., в период перестройки в СССР, подверглась пересмотру и лишилась своего вдохновения дружба с Кубой; как следствие этого — потускнел и образ кубинской революции. После распада СССР, в период с 1990-го по 2000 г., ситуация в государстве и обществе изменилась кардинально. Сближение России с США, проводящими враждебную Кубе политику, не могло не привести к ухудшению российско-кубинских отношений. В эти годы в связи с падением общего интереса к Кубе практически не создавалось произведений культуры на кубинскую тематику — Куба полностью ушла из художественного дискурса в масс-медиа и публицистику. К концу первого постсоветского десятилетия в связи с изменением политической обстановки в России и потеплением отношений с Кубой ситуация опять начала меняться, что нашло отражение и в произведениях культуры, которые, освободившись от идеологии, приобрели большую объективность в репрезентации Кубы. В новых культурно-исторических условиях образ Кубы усложняется, получают развитие и становятся приоритетными отдельные его элементы, не имеющие распространения, по понятным причинам, в советском художественном дискурсе. Этот период отражен, например, в фильме В. Манского «Родина или смерть!» (2011).

Обратимся к образу кубинской революции, бытующему в кубинском художественном дискурсе. В этой связи отметим, что, по мнению известного исследователя латиноамериканской литературы Ю. Н. Гирина, роль кубинской революции в становлении национальной идентичности неоспорима: «“Революция” в понимании кубинца есть обозначение не только данного исторического события, но и вообще национального бытия, начиная с 1959 года»¹² (на самом деле можно считать — с 1868 г.). Изменения в политической, социальной и экономической сферах, произошедшие после кубинской революции, повлияли на духовное сознание нации и обеспечили подъем кубинской культуры. Сотрудничество Советского Союза и Кубы в области культуры и искусства привело к созданию на Кубе таких отраслей культуры, которые до революции практически не существовали. Это в первую очередь относилось к кинематографии — уже в 1959 г. при Культурном управлении повстанческой армии был создан отдел кино, преобразованный в марте этого года в Кубинский институт киноискусства и промышленности (ICAIC). Кинематограф Кубы стал не только зеркалом происходящих в стране процессов, но и в значительной мере их активным участником. Так, фильмы двух известных кубинских режиссеров — «Люсия» (1969) У. Соласа и «Воспоминания об отсталости» (1968) Т. Гутьерреса Алеа, относящиеся к так называемому «золотому веку» кубинского кино, были порождены об-

¹² Гирин Ю. Н., *Литература Кубы. История литератур Латинской Америки. XX век: 20–90-е годы*. Ч. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2004, 4.

щим духовным и эмоциональным подъемом в стране. В своей картине «Люсия» У. Солас повествует о трех девушках с одним и тем же именем Люсия, создавая образ женщины и позиционируя его как воплощение духа народа. В тематике фильма существенными и важными являются конкретно-исторические аспекты: каждая героиня живет в эпоху, являющуюся знаковой в истории страны. Этим на первых взгляд разных героинь роднит то, что их жизнь связана с событиями революции, это натуры самобытные, внутренне богатые, с сильной волей и страстной жаждой свободы. В этом фильме женщина становится лицом страны, определяя новый образ Кубы и воплощая основные черты национального характера.

Образ кубинской революции актуализируется и в творчестве кубинских художников Марьяно Родригеса, Сервандо Кабрера Морено и Орландо Яниса, хорошо известных в Советском Союзе. «Я-образ» Кубы, бытующий на этих картинах, был близок образу Острова свободы, созданному уже упомянутыми выше советскими художниками. Кубинская революция становится основной темой музыкальных произведений, созданных в 60–70-е гг. Это «Песни революции» (1962), кантата «Победа на Плайя-Хирон» и «Команданте Че» (1968) Х. Ардеволя; кантата Э. Мартина на стихи Н. Гильена «Гранма» (1962); оратория А. Грамеджа на стихи Н. Гильена «Смерть партизана» (1968) и «Кантата Абелью Сантамарии» (1973), кантата Х. Бланко «Монкада» (1967). Как видно уже из самих названий, эти произведения отражали все знаковые события революционной истории Кубы и несли значительную идеологическую нагрузку.

Другой важной сферой бытования революционной тематики является кубинская литература; это прежде всего произведения таких авторов, как Н. Гильен и А. Карпентьер. В стихах Н. Гильена революция выражается метафорой «восходящего солнца», за которым наступает новый день, а пик Туркино, главная вершина гор Сьерра-Маэстра, откуда началось наступление повстанческой армии Фиделя Кастро, — вообще источник сакрального в кубинском национальном самосознании: «Солнце взошло над долиной. Где-то синсонте поет. / И хрустальная трель льется со склона Туркино... — / Добрый день! Добрый день, Фидель!»¹³. Отметим, что рецепция творчества поэта в советской культуре находилась в тесной взаимосвязи с основными тенденциями литературной политики Советского государства этого времени, Гильен неоднократно посещал СССР, где пользовался официальным признанием. Впервые поэт побывал в Москве в 1954 г. в качестве гостя на съезде советских писателей; в том же году он получил Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами». В создаваемый

¹³ Гильен Н., *Избранное* / Пер. П. Грушко, Р. Линцер, О. Савич, М. Самаев. М.: Художественная литература, 1982, 496.

по идеологическим параметрам образ Кубы легко встраиваются и многие советские лозунги — антиимпериализм, антиколониализм, братская помощь народам. Следующие строки выражают мотив дружбы с СССР, ставшей вскоре после победы революции одной из важнейших черт кубинского национального самосознания: «Ты, товарищ Брежнев, и Фидель / Здесь на одном пути — / Словно на вершине пика Туркино / Ленин и Марти».¹⁴

Другой известный кубинский мыслитель, писатель и журналист А. Карпентьер, принявший после победы революции деятельное участие в культурной жизни страны, был известен прежде всего такими романами, как «Превратности метода» (1974) и «Весна священная» (1978). Квинтэссенция «нового человека» в его романах воплощена в образе прецедентных личностей — Фиделя Кастро, Че Гевары, Рауля Кастро, Камило Сьенфуэгоса, которых автор наделяет такими эпитетами, как «мифические», «возвышенные и величавые». Карпентьер называет «барбудос» «особой расой», «новой расой», отмечая такие черты характера, как жертвенность и стойкость, упорство и терпение; новыми были и их внешние признаки, а именно длинные волосы и бороды, которые кубинцы не носили с начала века. В то же время их восприятие построено на несложной дихотомии «надежда (что новая раса и сделает что-то новое) — страх» («но ведь “что-то новое” — это революция, а самое слово, самая мысль о ней насмерть пугает меня»¹⁵). Важно также описанное автором отношение кубинского народа к этим людям, «неподкупным», «оскорбительно суровым», «не считавшимся с тем, что мы привыкли ладить с властями»: «они обладали удивительным даром: их любил народ. Огромные толпы шли на площадь Революции, к балкону Правительственного дворца — да куда угодно, чтобы услышать голос Фиделя Кастро и тех, кто делил с ним подпольную или вооруженную борьбу»¹⁶. Как видно из вышеизложенного, концепция «нового человека» и образ повстанцев — «барбудос» по всем параметрам совпадает с их представлением в отечественном художественном дискурсе

Итак, вышесказанное позволяет сделать вывод, что образ («Я-образ») кубинской революции составляет в совокупности ряд устойчивых мифологем, мотивов и символов; и в нем отечественная культура находит идеи, образы и проблемные коллизии, созвучные времени, конкретным обстоятельствам и запросам своей культуры, обнаруживая глубокие духовные смыслы и непреходящие ценности.

¹⁴ Гильен Н., *Москва—Гавана* / Пер. Р. Казаковой. М., 1977, 362.

¹⁵ Карпентьер А., *Превратности метода*. М.: Прогресс, 1987, 331.

¹⁶ Там же. С. 339.

Библиография

1. Боровик Г. А., «Очерки о Кубе» // *Огонек*, 1960, № 11, 7.
2. Боровик Г.А., *Пылающий остров*. М.: Молодая гвардия, 1964.
3. Евтушенко Е. А., *Нежность*. М.: Художественная литература, 1962.
4. Евтушенко Е. А., *Избранные произведения*. М.: Художественная литература, 1975. Т. 2. 204 с.
5. Марти Х., *Со всеми и для блага всех. В защиту Кубы* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/cuba/cuba04.htm>. (дата обращения: 01.10.2017).
6. Лаврецкий И. Р., *Эрнесто Че Гевара*. М.: Молодая гвардия, 1973.
7. Бердяев Н. А., *Истоки и смысл русского коммунизма*. М.: Наука, 1990 .
8. Карпентьер А., *Мы искали и нашли себя*. М.: Прогресс, 1984.
9. Карпентьер А., *Превратности метода*. М.: Прогресс, 1987.
10. Вайль П., Генис А., *60-е, мир советского человека*. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
11. Гирин Ю. Н., *Литература Кубы. История литератур Латинской Америки. XX век: 20–90-е годы*. Ч. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2004.
12. Гильен Н., *Избранное* / Пер. П. Грушко, Р. Линцер, О. Савич, М. Самаев. М.: Художественная литература, 1982.

**«В том-то и дело, что совершается что-то
трансцендентально-иррациональное...»:
О двух примерах мифологизации исторических
событий XX века в литературных произведениях
В. В. Шульгина и Г. Гарсиа Маркеса**

**“The fact of the matter is that something transcendental-
irrational is happening ...”: Two examples of the
mythologization of historical events of the twentieth
century in the literary works of V.V. Shulgin and G.
Garcia Marquez**

Resumen: El artículo está dedicado al problema de la mitologización literaria en las memorias del político y periodista ruso Vasili Shulguín *Los días* (1922) y en la novela épica del escritor colombiano Gabriel García Márquez *Cien años de soledad* (1967). El análisis estilístico y comparativo de los fragmentos de los textos muestra que los autores emplean el mismo recurso artístico para representar los hechos históricos del siglo XX: la abdicación del zar Nicolás II y la firma del tratado de Neerlandia respectivamente. En ambos casos el protagonista está dotado de poderes de un héroe épico que en ningún momento deja de controlar la situación.

Palabras clave: Vasili Shulguín; Gabriel García Márquez; hecho histórico; mitologización literaria; héroe épico.

Summary: The article deals with a question of literary mythologization in the memoirs *The Days* (1922) by Russian politician and publicist Vasily Shulgin and in the epic novel *One Hundred Years of Solitude* (1967) by Colombian writer Gabriel García Márquez. The stylistic and comparative analysis of the text fragments shows that the authors employ the same artistic device in order to represent such 20th century historical events as the Tsar Nicholas II's abdication and the signing of the Treaty of Neerlandia respectively. In both cases the protagonist is endowed with powers of an epic hero who is able to control every situation.

Keywords: Vasily Shulgin; Gabriel García Márquez; historical event; literary mythologization; epic hero.

¹ Шалудько Инна Александровна, Россия, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, (shaludko@gmail.com).

Проблема мифологизации исторических событий в современной науке чаще всего рассматривается в узком значении этого термина, т. е. как негативный феномен подмены научной парадигмы псевдонаучной. А между тем широкая трактовка понятия «мифологизация» не только нейтрализует его отрицательный коннотат, но и позволяет видеть в нем важное явление творческого процесса, позволяющее автору создавать художественный образ на основе исторических событий. В данной статье проблема литературной мифологизации исследуется на материале эпизодов мемуарной прозы русского политика и публициста В. В. Шульгина «Дни» (1922) и романа колумбийского писателя Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» (1967).

Талантливый литератор Василий Витальевич Шульгин, озаглавливая свои мемуары, наделяет их свойством эпичности. Для читателя, который не уловил в «Днях» литературной реминисценции на поэму Гесиода «Труды и дни», в кратком прологе «Вместо предисловия» автор недвусмысленно поясняет:

В жизни каждого человека есть дни, которые следовало бы записать. Это такие «дни», которые могут представлять интерес не для него одного, а и для других. Таких дней набралось некоторое число и в моей жизни. Так, по крайней мере, кажется мне, хотя я сознаю, что не легко угадать общий интерес из-за сбивающейся сетки собственных переживаний. Если я ошибся, буду утешать себя тем, чем льстят себе все мемуаристы: плохие записки современников — хороши для потомков.²

Несмотря на то что В. В. Шульгин пишет мемуары, а не художественное произведение, он при этом не берет на себя функцию беспристрастного летописца. Более того, «сбивающаяся сетка собственных переживаний» и литературный талант автора создают условия для отхода от строгой объективности в изложении событий, для обращения к литературным приемам повествования.

Так, изображение в «Днях» одного из ключевых событий российской истории столетней давности — отречения Николая II 2 марта 1917 г. — представляет собой яркий пример литературной мифологизации.³ Участник тех драматических событий В. В. Шульгин, который вместе с другим членом Временного комитета Государственной думы А. И. Гучковым принимал отречение императора от престола, сначала прибегает к ретардации, чтобы время с утра до вечера того дня (путь от Петрограда до Пскова) заполнить воспоминаниями о предыдущих встречах с императором. Ср.:

² Шульгин В. В., *Дни*. 1920. М.: Современник, 1989, 74.

³ Там же, 235–263.

Чуть серело, когда мы подъехали к вокзалу. Очевидно, революционный народ, утомленный подвигами вчерашнего дня, еще спал. На вокзале было пусто. <...> Тот роковой путь, который привел меня и таких, как я, к этому дню 2 марта, бежал в моих мыслях так же, как эта унылая лента железнодорожных пейзажей, там, за окнами вагона... День за днем наматывался на этот клубок... В нем были этапы, как здесь — станции... Но были эти «станции» моего пути далеко не так безрадостны. Как вот эти, мимо которых мы сейчас проносились...

В первый раз в своей жизни я видел государя в 1907 году, в мае месяце. Это было во время Второй Государственной думы.

<...>

С тех пор прошло года полтора. Это было в начале 1909 года.

<...>

И еще раз... Это было 26 июля 1914 года... В тот день. Когда на один день была созвана Государственная дума после объявления войны.

<...>

В 10 часов вечера мы приехали. Поезд стал. Вышли на площадку. Голубоватые фонари освещали рельсы. Через несколько путей стоял освещенный поезд... Мы поняли, что это императорский...⁴

Драматической торжественности исполнена сама сцена отречения в интерьере большого вагона-гостиной со стенами, обитыми зеленым шелком. Ее лейтмотив — прямой, спокойный и непроницаемый взгляд царя, его выразительное молчание, в котором автор прочитывает: «Эта длинная речь — лишняя...», «Этого можно было бы и не говорить...»⁵, — указывает на то, что решение монархом уже принято и подписание манифеста лишь формальность. Кульминация сцены — лаконичная речь царя, построенная на контрасте к речи А. И. Гучкова:

Гучков окончил. Государь ответил. После взволнованных слов А. И. голос его звучал спокойно, просто и точно. Только акцент был немножко чужой — гвардейский:

— Я принял решение отречься от престола... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына Алексея... Но к этому времени я переменил решение в пользу брата Михаила... Надеюсь, вы поймете чувства отца... Последнюю фразу он сказал тише...⁶

Очевидно, что монархист В. В. Шульгин идеализирует и даже героизирует образ Николая II, озабоченного благом страны и судьбой собственного

⁴ Там же, 235–236, 240, 248, 250.

⁵ Там же, 252.

⁶ Там же, 253.

сына. Заметим, что его персонаж совсем не похож на тот, который изображен в воспоминаниях председателя Государственной думы М. В. Родзянко. Ср.:

Мне невольно вспоминается одна из аудиенций, во время которой больше, чем когда-либо, можно было понять императора Николая II. Ошибаются те, которые называют его лживым и черствым человеком. Он был только слабый волей, легко поддающийся под чужое сильное влияние.

После одного из докладов, помню, государь имел особенно утомленный вид.

— Я томил вас, ваше величество?

— Да, я не выспался сегодня — ходил на глухарей... Хорошо в лесу было...

Государь подошел к окну (была ранняя весна). Он стоял молча и глядел в окно.

Я тоже стоял в почтительном отдалении. Потом государь повернулся ко мне:

— Почему это так, Михаил Владимирович? Был я в лесу сегодня... Тихо там, и все забывается, все эти дразги, суету людскую... Так хорошо было на душе...

Там ближе к природе, ближе к Богу...

Кто так чувствует, не может быть лживым и черствым.⁷

Еще более далек от образа мужественного и волевого правителя, контролирующего ситуацию в стране или по меньшей мере собственные эмоции, участник следующей сцены, имевшей место менее чем за месяц до событий 2 марта:

10 февраля мне была дана высочайшая аудиенция. ...

Необычная холодность, с которой я был принят, показала, что я не мог даже, как обыкновенно, в свободном разговоре излагать свои доводы, а стал читать написанный доклад. Отношение государя было не только равнодушное, но даже резкое. Во время чтения доклада, который касался плохого продовольствия армии и городов, передачи пулеметов полиции и общего политического положения, государь был рассеян и, наконец, прервал меня.

— Нельзя ли поторопиться? — заметил он резко. — Меня ждет великий князь Михаил Александрович пить чай.⁸

Ветеран гражданской войны в Колумбии — Тысячедневной войны (1899—2002), участник подписания Неерландского мирного договора 24 октября 1902 г. полковник Николас Маркес не оставил мемуаров. Но его знаменитый внук не только поведал о жизни деда в собственных мемуарах⁹, по стечению обстоятельств опубликованных в год столетия Неерландского мира, но еще 45 годами ранее, вдохновленный биографией революционного

⁷ Родзянко М. В., *Крушение Империи: Книга воспоминаний*. М.: Скифы, 1991, 209—210.

⁸ *Там же*, 213—214.

⁹ Márquez Gabriel García, *Vivir para contarla*. N. Y.: Vintage Books, 2002, 45, 61—62, 80—82, 93—97, 104—112 y sig.

полковника и его братьев по оружию, написал повесть «Полковнику никто не пишет» (1957). А 10 лет спустя в романе «Сто лет одиночества» (1967) Габриэль Гарсиа Маркес сделал исторические события в Колумбии начала XX в. объектом эпической мифологизации.

В повести «Полковнику никто не пишет» есть лишь краткое ретроспективное упоминание о Неерландском договоре и о полковнике Аурелиано Буэндиа, прототипом которого стал Николас Маркес.¹⁰ В масштабном полотне романа «Сто лет одиночества» эпизоду подписания Неерландского перемирия, «положившего конец почти двадцати годам гражданских войн»¹¹, отведено всего несколько страниц¹². Но этот скромный по объему пассаж чрезвычайно важен в канве эпического повествования (неслучайно автор размещает его в середине романа): для полковника-либерала Аурелиано Буэндиа¹³, который «поднял тридцать два вооруженных восстания и все проиграл»¹⁴, этот мирный договор не что иное, как позорный акт о капитуляции, по сути, недостойный его статуса эпического героя. Ситуация усугубляется гротесковостью самой церемонии, которая происходит под «дырявым цирковым шатром»¹⁵. Однако даже в этих плачевных условиях спасение чести и славы полковника оказывается возможным благодаря его способности заранее спланировать и осуществить задуманное.

Ранее именно это свойство позволило ему принять решение покончить с «этой дерьмовой войной» и «завоевать поражение, более сложное, кровавое и тяжелое, чем победа»¹⁶. И в этот раз он действует по четкому плану: закапывает оружие во дворе дома, оставляя при себе пистолет с единственной пулей и намечая ей цель — нарисованный йодом кружок на груди, чтобы тотчас по подписании акта с педантичной точностью (в 15 ч. 15 мин.) спустить курок. И только «злая шутка» личного врача полковника, наметившего пуле «чистую траекторию», в обход всех жизненно важных органов, сохранила ему жизнь. Что касается его чести, то она оставалась неприкосновенной при любом исходе и независимо от реакции окружающих, поскольку единственный ее творец — сам полковник Аурелиано Буэндиа. Красноречивым свидетельством тому является следующий пассаж:

¹⁰ Márquez Gabriel García, *La hojarasca. El coronel no tiene quien le escriba*, Moscú: IKAR, 2002, 170–173.

¹¹ Márquez Gabriel García, *Cien años de soledad*. Moscú: Progreso, 1980, 123.

¹² *Ibid*, 123, 185–190.

¹³ У этого романного персонажа два исторических прототипа: полковник Николас Маркес и командующий войсками либералов в Тысячедневной войне генерал Рафаэль Урибе Урибе.

¹⁴ *Ibid*, 123.

¹⁵ *Ibid*, 187.

¹⁶ *Ibid*, 182.

El fracaso de la muerte le devolvió en pocas horas el prestigio perdido. Los mismos que inventaron la patraña de que había vendido la guerra por un aposento cuyas paredes estaban construidas con ladrillos de oro, definieron la tentativa de suicidio como un acto de honor, y lo proclamaron mártir. Luego, cuando rechazó la Orden del Mérito que le otorgó el presidente de la república, hasta sus más encarnizados rivales desfilaron por su cuarto pidiéndole que desconociera los términos del armisticio y promoviera una nueva guerra. La casa se llenó de regalos de desagravio. Tardíamente impresionado por el respaldo masivo de sus antiguos compañeros de armas, el coronel Aureliano Buendía no descartó la posibilidad de complacerlos. Al contrario, en cierto momento pareció tan entusiasmado con la idea de una nueva guerra que el coronel Gerineldo Márquez pensó que sólo esperaba un pretexto para proclamarla.¹⁷

(«Неудача в смерти в считанные часы вернула ему утраченный престиж. Те же люди, которые распускали гнусные слухи о том, что он продал победу в войне за дворец со стенами, сложенными из золотых кирпичей, расценили его попытку самоубийства как поступок чести и провозгласили его мучеником. Позже, когда он отказался от Ордена Почета, которым его наградил президент республики, даже самые яростные его противники заявлялись к нему с просьбой отвергнуть условия перемирия и начать новую войну. Дом наполнился подарками, сделанными, чтобы загладить вину. Под запоздалым впечатлением от этой массовой поддержки со стороны бывших товарищей по оружию полковник Аурелиано Буэндия не исключал возможности удовлетворить их просьбы. Напротив, одно время он казался таким вдохновленным идеей новой войны, что полковник Херинельдо Маркес решил, что он лишь ждет предлога, чтобы объявить ее»¹⁸).

В приведенном фрагменте на фоне вызывающего непостоянства в поведении окружающих — клеветников друзей и приносящих дары врагов — полковник Аурелиано Буэндия, несмотря на крах предпринятых им военных действий и крушение личных надежд, ведет себя с полной предсказуемостью и постоянством. И это нисколько не удивительно, так как обусловлено неизменностью его истинного статуса. Вопреки попыткам друзей и врагов представить его предателем или мучеником, полковник Аурелиано Буэндия не может быть ни тем ни другим, поскольку его роль в романе совершенно несовместима с подобными характеристиками: он эпический герой, всегда контролирующей ситуацию, какой бы сложной она ни была, и готовый при первой необходимости возглавить борьбу за восстановление справедливости.

В заключение отметим, что литературное отражение исторических событий, весьма отдаленных во времени или недавних, будь то в художественном произведении или в мемуарной прозе, требует от писателя осмыс-

¹⁷ *Ibid*, 189–190.

¹⁸ Перевод наш.

ления не только их значения для мировой истории, но и функций их участников. Здесь, вероятно, возможны принципиально разные авторские решения, включая присвоение персонажам определенных стандартных ролей, в том числе противоположных. В одном случае литературные герои, словами М. М. Бахтина, «порождены самим сюжетом»¹⁹, подчиняются чужой (высшей) воле и силе обстоятельств. В другом — ход событий не имеет довлеющего значения по меньшей мере на некоторых участников (так называемых эпических героев) и, более того, способен меняться по их воле.

Таким образом, при всем несхождении ситуаций и персонажей оба автора, В. В. Шульгин и Г. Гарсиа Маркес, используют один прием: император Николай II и полковник Аурелиано Буэндиа предстают в роли эпического героя, не теряющего способности контролировать происходящее даже в самых неблагоприятных условиях, а следовательно, сохраняющего собственную честь и достоинство.

Библиография

1. Márquez Gabriel García, *Cien años de soledad*. Moscú: Progreso, 1980.
2. Márquez Gabriel García, *La hojarasca. El coronel no tiene quien le escriba*. Moscú: IKAR, 2002.
3. Márquez Gabriel García, *Vivir para contarla*. N. Y.: Vintage Books, 2002.
4. Бахтин М. М., «Проблемы творчества Достоевского» // М. М. Бахтин. *Собр. соч. Т. 2*. М.: Русские словари, 2000.
5. Родзянко М. В., *Крушение Империи: Книга воспоминаний*. М.: Скифы, 1991.
6. Шульгин В. В., *Дни. 1920*. М.: Современник, 1989.

¹⁹ Бахтин М. М., «Проблемы творчества Достоевского» // М. М. Бахтин. *Собр. соч. Т. 2*. М.: Русские словари, 2000, 75.

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ИСПАНИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Б. Ф. Мартынов¹

Латинская Америка: правовой аспект цивилизационного дискурса

Latin America: the Legal Aspect of Civilizational Discourse

Abstract: This article deals with the civilizational aspects of different attitudes towards some modern problems of international law. The author stresses systemic roots of mutual non-comprehension of the most important legal problems of modernity and underlines the necessity of a closer cooperation between the civilization archetypes, which belong to the “continental” law system, namely — Latin American and Russian.

Key words: international law; civilizational problems of modern international relations; foreign policy of Latin American countries; cooperation between Russia and Latin America.

Resumen: El artículo se trata con los aspectos civilizacionales de diferentes actitudes hacía ciertos problemas del derecho internacional. El autor acentua los raises sistémicos de la mutua no-compresión de los problemas legales de la modernidad y subraya la necesidad de la más estrecha cooperación entre los arquetípos civilizacionales que pertenecen al sistema “continental” del derecho — América Latina y Rúsia.

Palabras claves: derecho internacional; problemas civilizacionales de relaciones internacionales modernas; política internacional de los países latinoamericanas; coperación internacional entre Rúsia y América Latina.

В современном, унаследованном от холодной войны мировом порядке (МП), который характеризуется как «непредсказуемый» и «анархичный», авторитет международного оказался серьезно подорван.

В отличие от отраслей внутреннего права, МП не знает единого законодателя. Он основывается на добровольных началах и принципе суве-

¹ Мартынов Борис Федорович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики МГИМО (У) МИД РФ, (bfmartynoff@gmail.com).

ренного равенства. При отсутствии фактического равенства юридическое равенство — это единственная альтернатива «праву силы». Отсюда и та поистине решающая роль, которая принадлежит уважению к МП и к этой его специфике в мире, который, несмотря ни на что, пытается выйти на неконфликтные уровни политического взаимодействия. Очевидно, что, говоря о таких понятиях, как «уважение» или «доверие», мы неизбежно привлекаем в политический дискурс элементы, связанные цивилизационно-культурным развитием обществ и государств.

Все главные мировые правовые системы (и соответствующее им правосознание) глубоко укоренены в национальной почве, а следовательно, по-разному приспособлены к реагированию на внешние факторы. От того, насколько в том или ином социуме исторически и цивилизационно укоренено уважение к МП, и будет по большому счету зависеть его готовность или неготовность считать право основой международных отношений. На каждодневных примерах мы раз за разом убеждаемся в цивилизационных характеристиках правосознания и правоприменения, когда согласие сторон по констатирующей части проблемы («терроризм — это зло», «с пиратством нужно бороться» и т. д.) еще не гарантирует согласия в выборе средств и методов противодействия ей. Отсюда вытекает принципиальная важность активного взаимодействия между теми глобальными акторами, отношение которых к МП можно квалифицировать как «уважительное».

Основное отличие англосаксонского правосознания от континентального (романо-германского) в первую очередь затрагивает сферу МП². Философия прагматизма, заложенная в основу *Common law*, придает ему дополнительный динамизм, который оправдывается логикой хозяйственной и внутриполитической жизни. Сильная же сторона романо-германской системы в том, что закон нельзя отменить в одночасье, создав на его месте отвечающий злобе дня прецедент.

В Соединенных Штатах международное право не только не обладает приоритетом над внутренним (в отличие, например, от Российской Конституции 1993 г.). Оно не является и источником права, т. е., создавая тот или иной прецедент, американский судья попросту не обязан учитывать международно-правовую норму. В силу этого устойчиво-пренебрежительное отношение «Англо-Америки»³ к МП следует считать не каким-то вре-

² Российский исследователь О. Карпович выделяет как минимум четыре различные культурно-цивилизационные формы психологического разрешения конфликтов: «англосаксонскую, восточно-азиатскую, западноевропейскую и ближневосточную» (Право и безопасность. 2011. № 3–4, дек.). К сожалению, за рамками его анализа осталась латиноамериканская, доказавшая свою действенность в XIX–XX вв.

³ Выведение авторами вышедшего в 2010 г. комплексного труда под редакцией П. Каценштайна англо-американского мира за рамки «единого Запада», когда США рассматриваются отдельно

менным явлением, а феноменом, который основан на культурно-исторических и цивилизационных реалиях этой страны и, следовательно, имеет непреходящий характер.

Бомбардировки Югославии в обход Совета Безопасности ООН в 1999 г. стали рассматриваться некоторыми англо-американскими юристами в качестве прецедента, долженствующего обеспечить перевод МП на прецедентную основу. Это вытекает из ложного представления о существовании в мире некоего виртуального наднационального «судьи» и устойчивого желания подменить международное право внутренним правом одного наиболее могущественного государства.

Историческая глубина подобных попыток не вызывает сомнений. Достаточно вспомнить агрессию США против Гренады в 1983 г., минирование Вашингтоном портов Никарагуа в 1986-м, поимку панамского диктатора Норьеги на основе решения американского судьи в 1989-м, принятие в США *внутреннего* закона Хелмса-Бартона, запрещающего третьим странам торговлю с Кубой, вторжение в Ирак и бомбардировки Боснии и Югославии без санкции ООН, произвольные трактовки резолюции Совбеза ООН по Ливии, «Закон Магницкого», похищения агентами ЦРУ лиц, подозреваемых в терроризме на территории третьих стран, и создание там незаконных тюрем, практику прослушивания лидеров иностранных государств и т. д. Параллельно наблюдается последовательный отказ США от соблюдения старых (Венская конвенция о дипломатических сношениях 1969 г.) и разработки новых международно-правовых норм, в частности определения «терроризм» и правил использования беспилотников. Сознательная релятивизация международного права ведет к утверждению в мировой политике «права силы», которое с точки зрения «коллективного Запада» оправдано хотя бы только тем, что военная сила помогла ему утвердить свое мировое господство⁴.

Воспрепятствовать релятивизации МП, очевидно, способны представители только тех цивилизационных архетипов, которые принадлежат к континентальной системе права и демонстрируют традиционное уважение к нормам международного общения. Далеко не последнее место занимают страны Латиноамериканского региона. Историческая глубина их приверженности нормативистике не вызывает никаких сомнений.

от Европы (чего еще нет у С. Хантингтона), может отражать некую новую реальность. По словам Дж. Курта, в Соединенных Штатах «сегодня не осталось почти никого» (в том числе и в академическом мире), кто защищал бы, выражаясь его словами, «идеологический конструкт» — единую цивилизацию Запада (*Civilizations in World Politics. Plural and Pluralist Perspectives*. Routledge, 2010; *Anglo-America and its Discontents. Civilizational Identities Beyond East and West*. Routledge, 2012, 606).

⁴ Samuel Huntington, S., *The Clash of Civilizations*. N. Y., 2005, 55.

Крупнейшая страна региона — Бразилия, которая граничит со всеми странами Южной Америки, кроме Чили и Эквадора, в период 1898—1909 гг. *мирным путем* решила все свои территориальные споры, создав уникальный в своем роде прецедент. Разрешение территориальных споров между европейскими странами в тот период шло, как известно, по совершенно другому пути. Право и здравый смысл в начале и середине XX в. позволили бразильцам не довести геополитическое противостояние, основанное на аргентино-бразильско-чилийском соперничестве, до «большой войны» в Южной Америке, в отличие опять-таки от стран «цивилизованной» Европы.

Особняком стоит роль бразильской дипломатии в разработке обширного инструментария средств и методов мирного разрешения споров, в деле закрепления в режиме *jus cogens* (императивные нормы права) таких принципов, как суверенитет, равенство, невмешательство и территориальная целостность, неприменение силы и угрозы силой. Выступая в защиту этих принципов, Бразилия в 1907 г. на 2-й Гаагской конференции мира сумела объединить вокруг себя представителей малых и средних государств, чем фактически положила начало коллективной дипломатии государств третьего мира.

В 30-е гг. XX в. бразильская дипломатия приложила огромные усилия для урегулирования региональных конфликтов между Перу и Колумбией и между Боливией и Парагваем. Ей принадлежит выдающаяся заслуга в деле разрешения в 1998 г. тянувшегося с 1941 г. территориального спора между Перу и Эквадором. Бразилия — инициатор создания международных режимов безъядерных зон и формирования первого из них в Латинской Америке («Договор Тлателолко», 1967). С тех пор режимы безъядерных зон охватили большую часть планеты. То же относится и к «зонам мира». Первая из них была создана по инициативе Бразилии в Южной Атлантике в 1986 г.

В основе бразильской доктрины МП лежит принцип суверенитета наряду с признанием невозможности «оперативно» истолковать правовую норму вопреки изначально закладывавшемуся содержанию. При этом ведущие бразильские юристы-международники (Ж. де Бритту Мело, В. Маротта, П. Борба Казелла и др.) объясняют особый вклад Бразилии в развитие МП существованием особой «лузо-бразильской культуры компромисса», основы которой были заложены в писаниях португальского (и бразильского) монаха-иезуита о. Жозе де Аншиета (1534—1597). «Культура компромисса» позволила Бразилии обеспечить мирное освобождение от владычества Португалии, отмену рабства и переход от монархии к республике. Она же помогла ей существенно смягчить последствия внутривосточных потрясений в XX в.

Особый вклад в развитие МП внесли и такие крупные и влиятельные страны этого региона, как Аргентина, Мексика и Чили, и менее заметные на политической карте, как, например, Эквадор. Говоря о настоятельной необходимости сокращения гонки вооружений, не стоит забывать, что *пионерами* в этой области были Чили и Аргентина, радикально сократившие свои военно-морские флоты в 1902 г. («Майские пакты»). В 1909 г. за этими странами последовали Бразилия и Аргентина («Договор Рио-Бранко — Каркано»). Нельзя недооценивать того огромного вклада, который страны региона внесли в разработку конвенции по морскому праву (1982). Право дипломатического убежища — институт, внедренный в мировую практику латиноамериканскими государствами, до сих свято и неукоснительно соблюдается ими, несмотря на давление, которое подчас оказывается на них со стороны сильных мира сего: достаточно вспомнить длительность пребывания Дж. Ассанжа в посольстве Эквадора в Лондоне. Среди имен выдающихся юристов-международников имена латиноамериканских юристов выделяются особо. Это бразилец Э. Прадо, уругваец Х. де Аречага, кубинец Л. Бустаманте-и-Сирвен и др. Особый вклад стран Латинской Америки в кодификацию и прогрессивное развитие международного права позволил многим отечественным и зарубежным юристам говорить об особой «латиноамериканской» школе МП⁵

Очень многое объединяет Россию с философией права и правосознанием латиноамериканцев. Но есть и существенные отличия. На наш взгляд, нормативная функция МП в России исторически подвергалась бóльшим испытаниям по сравнению, например, с той же Бразилией, поскольку понятия о неких абстрактных «благах», «справедливости» или «правде» зачастую ставились у нас выше не только самой правовой нормы, но иногда даже выше интересов безопасности. Многие войны императорской России и СССР, которые не были напрямую связаны с вопросами их выживания, обуславливались мессианским (Н. Бердяев и др.) характером русского народа и некой вселенской идеей. «Национальный эгоизм» русских при этом принимал мало понятную для западного менталитета форму отречения от чего-то насущного и конкретного ради «общего» и абстрактного. Последним примером такого рода стала попытка проведения М. С. Горбачевым внешней политики СССР на основе доктрины «общечеловеческих ценностей», которая не только не встретила искомой отдачи на Западе, но и нанесла непоправимый ущерб интересам безопасности Советского Союза. При этом, однако, наиболее известные русские философы и юристы — кн. Е. Н. Трубецкой, Н. Бердяев, Вл. Соловьев, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин,

⁵ См., напр.: *Проблемы Латинской Америки и международное право* / Отв. ред., д. ю. н. Лазарев М. И. М.: ИЛА РАН, 1995; *Латинская Америка и международное право*, М.: РУДН, 2017.

Б. Н. Чичерин, Г. Гинс, Л. И. Петражицкий, Ф. Ф. Мартенс и др. в своих трудах старались акцентировать универсальные связи между всеми представителями рода человеческого, а не только выстраивать однонаправленный «спасительный» мостик к цивилизации Запада. Это проверенное временем качество могло бы стать хорошим заделом для укрепления и развития институтов общего международного права.

Наиболее настоящим в этом смысле нам представляется устранение противоречий между такими основополагающими принципами МП, как принцип территориальной целостности, с одной стороны, и принцип самоопределения народов и наций — с другой, между принципами государственного суверенитета и защиты прав человека. Юридический механизм нового коллективного подхода к данной проблеме был предложен бразильским юристом П. Борба Казеллой. По его мнению, применение того или иного принципа в конкретной ситуации должно определяться не идеологической догмой или соображениями политической конъюнктуры, а международно-правовой регламентацией каждого казуса в отдельности с максимально широким спектром экспертного анализа ситуации. Такой подход наверняка позволил избежать абсурдного положения, когда «легитимным» становится мнение 1800 человек, обслуживающих военную базу Великобритании на Фолклендских (Мальвинских) островах, и «нелегитимным» волеизъявление 2,2 млн жителей Крыма.

Последовательно нормативистский подход к международному праву со стороны так называемых «полицентричных» цивилизаций-культур⁶ мог бы помочь принятию в будущем глобальной конвенции по борьбе с терроризмом и юридически значимого определения международного терроризма. Сегодня произвольное толкование понятий «терроризм» и «террорист» не позволяет выработать четкого отношения к участникам целого ряда внутривнутриполитических конфликтов, создавая условия для их обострения и затягивания.

С проблемой внутривнутриполитических вооруженных конфликтов (ВВК) как наиболее распространенных в современном мире связан и целый ряд других острых международно-правовых проблем. Это дефиниция статуса комбатантов и некомбатантов применительно к ВВК, решение вопроса о гуманитарных пределах экономических и прочих санкций, определение понятия «косвенная агрессия» и, наконец, регламентация действий беспилотных летательных аппаратов (БЛА).

В сфере международного гуманитарного права обращает на себя внимание отсутствие четких норм, направленных на защиту гражданского населения не от действий армии вражеского государства (классиче-

⁶ См.: Роберт Льюис, Р., *Столкновение культур*. М., 2013, 398–406.

ский вариант), а от действий силовых структур собственной страны. Запад в лице Англо-Америки попытался заполнить эту лакуну сначала с помощью практик «гуманитарной интервенции», а затем, по мере дискредитации последних, путем внедрения концепции «ответственности за защиту» (*“Responsibility to protect” — R2P*). Произвольное применение R2P в Ливии в 2011 г. выявило ее конечную направленность — смену неугодных режимов, поэтому Бразилия внесла на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН ее видоизмененный вариант — «ответственность во время защиты» (*Responsibility while protecting — RwP*).

Аргументация бразильских юристов сводилась к тому, что, трактуя суверенитет не как право, а как обязанность (препятствовать нарушению прав человека, актам геноцида и т. п.), концепция R2P открывает ящик Пандоры, проецируя идеальную норму на далеко не идеальную канву международных отношений⁷. Ведь если государственный суверенитет в любой момент может быть отозван (кем и на каком основании?), то МП вообще прекратит свое существование и будет заменен «правом сильного».

Бразильская инициатива, как констатировал П. Борба Казелла, следует букве и духу так называемой «оговорки Мартенса»⁸, которая была внесена этим известным российским юристом-международником на 2-й Гаагской конференции мира еще в 1907 г., что лишний раз доказывает близость правосознания цивилизационных архетипов людей, принадлежащих к так называемому «интуитивно-чувственному психологическому типу» (К.-Г. Юнг).

Цель поправки Мартенса в том, чтобы ограничить произвол военных начальников в отношении гражданских лиц и комбатантов именно в тех неопределенных случаях, которые пока не урегулированы нормами МП. Согласно ей указанные лица остаются под защитой и действием МП, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, законов человечности и требований общественного сознания⁹. Актуальность этой поправки концепции RwP в условиях, когда жизни и комбатантов, и гражданских лиц зачастую приносятся в жертву «идеалам свободы и демократии», такова, что любые усилия по ее утверждению в качестве нормы *jus cogens* (императивные нормы права) были бы абсолютно оправданы.

⁷ Это положение хорошо соответствует латинской максиме: «Summum jus — summa injuria» («Высшее право — высшая несправедливость»).

⁸ Casella, P. B., *BRIC. Uma perspectiva de cooperação internacional*. São Paulo, 2011, 71.

⁹ Мартенс Ф. Ф., *Современное международное право цивилизованных народов*. (По изданию 1904 г.). М., 1996, 5–6.

Особо следует отметить роль латиноамериканских стран в поддержании авторитета ООН как главной структуры, ответственной за поддержание международного мира и безопасности. Ни одна из латиноамериканских стран не ставит под вопрос авторитет и уникальную роль ООН в мире, однако все они признают необходимость реформирования этой организации в целях максимального повышения ее эффективности и способности отвечать на множасьщиеся глобальные вызовы. При этом, в отличие, например, от США, они считают, что процессу общего реформирования реформы ООН должна предшествовать реформа ее главного органа — Совета Безопасности¹⁰. Общее мнение латиноамериканских государств о необходимости расширения числа постоянных членов Совбеза за счет представителей крупнейших регионов Земли соответствует их общему стремлению к созданию не просто «многополярного», а «многоцивилизационного» мира. К сожалению, на пути этих планов стоят не только амбиции некоторых развитых государств (на постоянное членство в Совбезе претендуют, как известно, Германия и Япония), но и неспособность самих латиноамериканских стран выдвинуть единую кандидатуру от своего региона¹¹. Отсутствие прогресса в этом вопросе пока затрудняет любые шаги по приведению ООН в соответствие с запросами времени.

Перечисленное выше далеко не исчерпывает всего поля проблем, которыми характеризуется современное состояние МП. Их решение носит *срочный* характер, поскольку без этого трудно представить себе перспективы освоения человеком доселе неосвоенных или малоосвоенных пространств (киберсфера, стратосфера, ближний и дальний космос, районы открытого моря, Арктика и Антарктика). Необходимо, чтобы этот процесс разворачивался в правовом поле.

Необходима более тесная координация действий на международной арене стран, близких между собой в области правосознания и правоприменения. Такая координация действий могла бы осуществляться через широкие межцивилизационные форматы, которые существуют на сегодняшний день. Это БРИКС, РИК и ШОС, а также такие интеграционные объединения, как ЕвразЭС, Меркосур, СЕЛАК, СААРК, САДК и АСЕАН. В условиях кризиса мировоззренческих основ западной цивилизации странам, которые не являются частью «коллективного Запада», наверное, пора

¹⁰ Соединенные Штаты предлагают приступить к реформе Совбеза в последнюю очередь, очевидно надеясь «утопить» проблему реформирования главного органа ООН во второстепенных вопросах.

¹¹ Решение о выдвижении единой кандидатуры от государств Латинской Америки было принято еще на асунсьонском саммите «Группы Рио» в 1997 г. Кандидатура Бразилии, однако, до сих пор сталкивается с оппозицией в лице Аргентины и Мексики.

задуматься о разработке совместной системы ценностей и приоритетов в мировой экономике, политике и праве, предложив миру некую новую коммунитарную философию современного бытия. Такая философия могла бы уравновесить те предельно эгоистические мотивы, которые становятся все более ощутимы в жизни современных обществ.

Библиография

1. Casella, P. V., BRIC. *Uma perspectiva de cooperação internacional*. São Paulo, 2011.
2. Samuel Huntington, S., *The Clash of Civilizations*. N. Y., 2005.
3. *Латинская Америка и международное право*. М.: РУДН, 2017.
4. Мартенс Ф. Ф., *Современное международное право цивилизованных народов. (По изданию 1904 г.)*. М., 1996.
5. *Проблемы Латинской Америки и международное право* / Отв. ред. д. ю. н. Лазарев М. И. М.: ИЛА РАН, 1995.
6. Роберт Льюис, Р., *Столкновение культур*. М., 2013.

Множественная идентичность как феномен современного испанского правосознания в эпоху глобализации

Multiple identity as a phenomenon of modern Spanish sense of justice in the era of globalization

Resumen; Identidad a menudo se determine como un constructo social dinámico que cambia su forma según acontecimientos políticos que pertenece a la conciencia. Sin embargo, su parte más importante es la herencia histórica que consolida la nación. El moderno proceso globalizante exige la creación de la identidad unificada, contrapuesta a las identidades nacional, étnica y regional. De estos procesos surge el fenómeno de la identidad plural. La identidad en España moderna se puede determinar como plural, porque existen sus niveles diferentes. Los acontecimientos políticos de hoy, como el caso de Cataluña, exigen la introducción de una nueva forma de la identidad, la actual o espontánea..

Palabras clave: Identidad; globalización; España; niveles de la Identidad; conciencia legal.

Abstract: Identity is often determined as a dynamic social construct, which changes its form, depending on the political events. This is a phenomenon of the consciousness. However, the historical legacy consolidating the nation is a fundamental component of the Identity. The modern process of the globalization requires the creation of the especial type of the Identity, the plural one. It opposes to another types of the Identity, like the national, ethnic and regional. The modern Spanish identity is plural, because it consists of some levels. Recent political events, as a case of Catalonia, demand to include a new form of identity, the actual o spontaneous one.

Keywords: Identity; Globalization; Spain; Levels of Identity; Legal Consciousness.

Идентичность в современном мире. Общий обзор концепта

В конце XX — начале XXI в. перед нами встали вопросы, «которые имеют отношение к идентичности, для работы с которыми мы не располагаем концептуальными инструментами и удовлетворительными способами разрешения»². Сам же концепт идентичности часто представляется уста-

¹ Калинина Елена Юрьевна, Россия, к. ю. н., доцент, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), (bellaflor@mail.ru).

² Daniel Innerarity Grau, “El Estado-Nación y la identidad plural”, *Diálogos sobre el Estado-Nación y la identidad plural*, 2009, 1-8, 2 [Электронный ресурс] URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5746491> (дата обращения: 01.10.2017).

ревшим и неудовлетворительным, недостойным дальнейшего изучения, поскольку до сих пор не нашлось измерительного инструмента, который мог бы с точностью определить, что такое идентичность. Между тем она явно существует и основывается на психологическом феномене необходимости принадлежности к какой-нибудь группе³.

Объясняя сущность идентичности, можно выделить два аспекта. Первой особенностью феномена идентичности является ее центральная иррациональная составляющая, которая не означает отсутствия рационального компонента. Например, идентификация может происходить не только с реальными группами, но и с воображаемыми, уже не существующими (предки) или еще не существующими (потомки)⁴. Вторая особенность — это базисная роль в формировании как средневековой европейской государственности, так и государства эпохи модерна, а в настоящее время — глобального мирового сообщества. Следовательно, идентичность предстает как частично рациональный и частично иррациональный необходимый компонент феномена государственности. Иррациональная, чувственная, ценностная, эмоциональная и т. п. основа характерна для вполне конкретных логически измеримых рациональных государственно-правовых концептов. Идентичность неизбежно определяет сущность государства и права в тот или иной исторический момент. Так, например, сегодня идентичность приобретает множественный характер в связи с новыми историко-правовыми условиями, в которых современные государства обнаруживают себя.

Некоторые исследователи полагают, что в нынешней ситуации глобализация снимает в сознании вопрос о наличии и смысле идентичности, поскольку в современной действительности понятие «другой» очевидно теряет смысл. Следовательно, глобализация становится явлением, отрицающим идентичности и вытесняющим ее из сферы научного изучения⁵. Более того, мы сталкиваемся иногда с предположениями о необходимости «денационализировать» государство, которое, как известно, выросло из модели национального государства, а следовательно, такие попытки могут быть приравнены к необходимости «дестатализации нации»⁶ (т. е. лишить нацию государства как сущностного экзистенциального принципа ее существования, провести «разгосударствление», коль скоро мы идентифи-

³ Marta Burguet i Arfelis. “Apuesta ética por una ciudadanía plural”, *Ars Brevis: anuario de la Càtedra Ramon Llull Blanquerna*, 15, 2009, 25–38, 25.

⁴ *Ibid.*, 27.

⁵ *Innerarity Grau // Op. cit.*

⁶ Guy Laforest. “El Estado-Nación y la identidad plural”, *Diálogos sobre el Estado-Nación y la identidad plural*, 2009, 1–12. 2. [Электронный ресурс] URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5746494> (дата обращения: 01.10.2017).

цируем нацию и государство). Это связано с беспокойством ряда исследователей по поводу того, что национальная идентичность может оказывать негативное воздействие на интеграцию ряда государств в рамках процесса глобализации или может рассматриваться как «культурная угроза»⁷.

Однако реальность демонстрирует, что, напротив, в ряде регионов укрепляется локальная идентичность, возможно, в противовес национальной, хотя и национальная идентичность не теряет смысл (удивительным образом сегодняшние события в Каталонии демонстрируют не только и не сколько рост региональной идентичности, как это будет показано далее, но, в первую очередь, консолидацию испанской нации). Таким образом, мы приходим к ситуации, когда индивиды или группы одновременно могут идентифицировать себя со своей местностью (городом, деревней, регионом), государством и глобальными наднациональными сообществами (Европа). Так формируется новый феномен, который мы определяем как «множественная идентичность».

Множественная идентичность как современный политико-правовой феномен

Множественная идентичность — это альтернатива глобальному миру с единой глобальной идентичностью. В последнем случае (если предположить, что такое состояние коллективного сознания и правосознания в принципе возможно) мы могли бы наблюдать исчезновение «другого», что представляется идеалом для глобального мира. Это однозначно предполагает потерю самоидентичности, понимания того, что есть «я» в результате стирания границ. Множественная идентичность — это реальное состояние дел в современной Европе и, в частности, в Испании. Это «идентичность с множеством измерений, которая принимает во внимание не единственную принадлежность (к какой-либо группе. — *Е. К.*), а позволяет индивиду поддерживать связи с несколькими группами одновременно»⁸. Она предполагает существование «я» и «других», но предоставляет сознанию (правосознанию) возможность примерить на себя роль этих «других», идентифицироваться с большим количеством социальных групп. В том числе снимаются категорические запреты на одновременное существование в разных и даже противоположных группах, что лишает остроты цивилизационные, культурные, религиозные, национальные противоречия. Европейская идентич-

⁷ Ann Elizabeth Wilson, Elvira Barriga Ubed, Joaquim Prats, “Los Jóvenes y la Unión Europea: Identidad y Política en Cataluña”, *RISE*, 6, Extra 1, 2017, 132–158.

⁸ Juan Luis Fuentes Gómez-Calcerrada, “Identidad cultural en una sociedad plural: propuestas actuales y nuevas perspectivas”, *Bordón. Revista de pedagogía*, 66, 2, 2014, 61–74.

ность существует «над» национальными и локальными идентичностями и взаимодействует с ними на комплементарной основе⁹.

Глобальная и множественная идентичности имеют принципиальное различие. Оно заключается в том, что невозможно идентифицировать себя с разными объектами (например, социальными группами), которые лежат в одной и той же плоскости или принадлежат к одной и той же реальности. Например, если мы говорим о культурной идентичности, то нельзя быть одновременно христианином и мусульманином или верующим и атеистом. Можно быть, например, испанцем и республиканцем или каталонцем и мусульманином. Это вопросы, которые решает множественная идентичность, снимая ряд исторических политико-правовых конфликтов в современной реальности. Глобальная же идентичность предполагает игнорирование наличия разных социальных групп, формируя представление о тождестве со всеми ними сразу, что, по сути, должно привести к уничтожению границ и исчезновению самих групп. В этом смысле теоретически должны исчезнуть различия, например, между христианами и мусульманами в современном обществе, т. е. между группами, которые располагаются в одном культурном поле. Это может быть достигнуто в случае достижения «этического компромисса», в котором важную роль будет играть признание как общих идентификационных ценностей, так и различий¹⁰.

Множественная идентичность полезна в современном мире в политическом и правовом плане. Она сконструирована более сложно и касается более сложных концептов, чем предполагают некоторые теоретики, говоря о том, что индивид одновременно может быть фанатом «Битлз», вегетарианцем, христианином в одно и то же время¹¹. Скорее, речь здесь идет о ролевой групповой социальной принадлежности индивида как психологическом, но не социально-психологическом и политико-правовом феномене идентичности. Хотя, вероятно, первая представляется базой для развития второй.

Особенности испанской идентичности

В Испании необходимо различать культуно-национальную идентичность, сформировавшую современную государственность в Испании в конце XV — первой половине XVI в., и политическую национальную идентичность, связанную со становлением конституционализма и национального государства. Первая имеет глубокую историю и основывается на

⁹ Wilson, Barriga Ubed, Prats, *Op. cit.*, 134.

¹⁰ Burguet i Arfelis, *Op. cit.*, 37.

¹¹ Fuentes Gómez-Calcerrada, *Op. cit.*, 65.

общей культуре, исторической памяти, общенациональных мифах (например, Реконкиста, римское наследие, трикультура), едином языке, религии и т. п. Вторая основана на формировании официального правового и политического сознания и конституционализма, который также основывается на мифах о политической нации (например, империя, ибероамериканское единство). Эти объединительные мифы могут закрепляться в правосознании через праздники (12 октября — День испанской нации). Испанская идентичность носила экстенсивный характер и была множественной, т. е. включала в себя локальный, региональный, национальный, паниспанский и глобальный компоненты¹².

Испанская национальная идентичность изначально глобальная, поскольку связана с ибероамериканским компонентом и империей. Империя и глобализм — это паттерны испанской государственности. Для Испании сегодня это «духовная империя», которая стала основой для идеи ибероамериканской «сверхнации»¹³, которая включает в себя разные нации и национальности, которые могут даже консолидироваться за счет идей местных национализмов, но при этом всегда обладать базой для объединения в случае любого типа экспансии (например, экономической и культурной экспансии со стороны США в Южной Америке). При этом концепт ибероамериканской сверхнации не обладает достаточной силой, внутренней энергией и безусловной привлекательностью, чтобы противостоять политическому и экономическому влиянию.

Любопытно, что модель сверхнациональной Испании, включающей в свой ареал (хотя бы культурный) множество политически независимых друг от друга и от самой Испании наций, во многом соответствует каталонской идее государственности, в которой разные национальности будут политически независимыми от центра. Эта идея (например, в виде федерации или даже конфедерации) обсуждалась при принятии кадисской Конституции 1812 г. Более того, Испания, собираясь в Средневековье в качестве государства, по сути, выработала ту же самую модель, которая в ту эпоху называлась «Испанией». Во всех случаях кризис центра приводил и приводит к тому, что единство начинает расшатываться. Современная испанская государственность оказалась неспособна справиться не только с ролью «Большой Испании» для южноамериканских государств, но, похоже, в очередной раз сталкивается с возможной перспективой распада государственности.

¹² David Marcilhacy. “América como vector de regeneración y cohesión para una España plural: “La Raza” y el 12 de octubre, cimientos de una identidad compuesta”, *Hispania: Revista española de historia*, 73, 244, 2013, 501–524.

¹³ *Ibid*, 511.

В то же самое время европейская (глобальная или наднациональная) идентичность в современной Испании не представляется угрозой ни национальной, ни локальной идентичностям. Современные исследователи полагают, что это связано с двумя основными положениями. Во-первых, Испания — дотируемое государство Евросоюза, которое пользуется финансовой поддержкой со стороны этого образования. Во-вторых, испанцы считают вхождение в Евросоюз прямым следствием и необходимым компонентом демократизации¹⁴. Во многом это связано с тем, что именно из-за диктатуры Франко Испания некоторое время после Второй мировой войны оставалась на положении государства-изгоя, пока не нашла поддержку в лице США, которые воспользовались ее полуостровным стратегическим положением, чтобы разместить там свои базы.

Современная ситуация в Каталонии. Региональная, национальная и спонтанная (актуальная) формы идентичности

Если мы пытаемся рассуждать о современной ситуации в Каталонии, то необходимо прежде всего рассмотреть базисные принципы каталонской национальной идентичности, чтобы принять окончательное решение, можно ли считать Каталонию нацией, а следовательно, существуют ли перспективы государственности вне Испании. Если мы применяем основные признаки национальной идентичности к каталонской ситуации, то замечаем, что ядро национальной идентичности здесь формируется за счет единого языка и общих культурных ценностей, что позволяет некоторым исследователям считать Каталонию нацией¹⁵.

Как бы то ни было, последние социологические исследования в молодежной среде Каталонии показали приблизительно те же результаты, что и в фундаментальном исследовании 2001 и 2003 гг. В этот период уже начали проявляться признаки кризиса развития нового испанского конституционализма, связанного с Основным законом 1978 г. 19,7 % опрошенных показали, что чувствуют себя больше испанцами, чем каталонцами, 37 % — прежде всего каталонцами, 36 % одинаково испанцами и каталонцами, 6,6 % показали, что не ощущают идентичность ни с одной группой¹⁶. Вероятно,

¹⁴ Wilson, Barriga Ubed, Prats, *Op. cit.*, 134.

¹⁵ Rebeca Soler Costa. “La lengua catalana en la construcción de la identidad social de Cataluña: análisis de este nacionalismo lingüístico”, *Revista electrónica interuniversitaria de formación del profesorado*, 12, 4, 2009, 123–128.

¹⁶ Juan Pablo Fus., *España. La Evolución de la identidad Nacional*. [Электронный ресурс] URL : http://www.fundacionfaes.org/file_upload/publication/pdf/20130426110711espana-la-evolucion-de-la-identidad-nacional.pdf (дата обращения: 01.10.2017).

это были мигранты, которых в Каталонии довольно много в связи с экономической развитостью региона. Однако исследователь не указывает их принадлежность. Можно также предположить, что среди них были так называемые «индивидуалисты»¹⁷. Когда речь зашла о глобальной идентичности, то 14 % опрошиваемых заявили, что идентифицируют себя с Испанией, 32 % с Каталонией и 6,5 % — с миром или Европой¹⁸. Вместе с тем 71 % молодых людей при опросе указали, что положительно относятся к Европейскому Союзу и тому факту, что Испания является его частью. При этом гордость от ощущения себя европейцами становится меньше, когда возникает необходимость идентифицировать себя со своим регионом или городом, а также Испанией¹⁹. Очевидно также, что глобальная европейская идентичность для молодежи не несет в себе политической идеи. Лишь примерно 50 % идентифицируют Европу с европейским правительством²⁰. Гораздо более значимым фактором идентичности является культурный — возможность путешествовать, учиться в других европейских странах. Напротив, региональная идентичность (особенно в Каталонии) связана с политическим фактором — независимостью от испанского правительства. Локальная идентичность снова приобретает культурный характер. Это местные праздники, местные святые, местные исторические символы.

Если мы теперь попытаемся понять нынешние события, происходящие в Каталонии, то мы увидим, что наиболее сильное политическое влияние на формирование правосознания оказывает региональная идентичность. В рамках этого компонента множественной идентичности начинает играть роль такой малоучитываемый фактор, как спонтанная идентичность. Между тем представляется, что именно спонтанная идентичность становится основной движущей силой современного социального протестного движения. Об этом типе идентичности пока говорится довольно мало, но можно увидеть, например, рассуждение о том, что «актуальная или спонтанная идентичность является главным механизмом, структурирующим социально и культурно значимое поведение, и нормативные качества индивида и общества»²¹. Она формируется как бы сама по себе, но на самом деле это тот самый вопрос, который необходимо изучать. Даже если

¹⁷ Калинина Е. Ю. «Национальная идентичность в современной Испании: историко-правовой анализ концепта» // *Вестник Алтайской академии экономики и права*, 3, 2015, 66–70.

¹⁸ Fusi, *Op. cit.*

¹⁹ Wilson, Barriga Ubed, Prats, *Op. cit.*, 135.

²⁰ *Ibid.*, 136.

²¹ Попов М. Е. «Метаморфозы надэтнической идентичности: советскость, этничность и российская гражданская нация» // *Национальная идентичность России и демографический кризис*, М.: Научный эксперт, 2007, 607–617.

предположить, что за формированием спонтанной идентичности не стоят внешние по отношению к системе силы (а потому их воздействие неочевидно), то необходимо выяснить, какие факторы внутри системы (помимо декларируемых) оказывают на нее непосредственное влияние. Так, можно говорить о декларируемых и истинных факторах. В случае с Каталонией ясно, что декларируемые факторы (например, коррупционность центрального правительства) не могут играть первостепенную роль. Это эмоциональный фактор, связанный с конкретным событием (например, арест зятя короля за коррупционные схемы), который переносится на общее: монархию как политический институт, центральное правительство в Мадриде. Эти факторы призваны оказать сильное ситуационное психологическое воздействие, которое позволит вывести на улицы толпы недовольных с целью совершения государственного переворота (именно так в испанском обществе часто определяется происходящее в Каталонии). Отсюда можно сделать вывод, что ситуационная идентичность проявляет себя как мощная, но кратковременная сила, поскольку при сколь-либо значимом изменении ситуации люди не только перестанут помнить, что именно вызвало у них столь бурную реакцию, но будут искренне уверены в том, что именно актуальные события являются для них наиболее значимыми.

Вместе с тем нельзя не учитывать значительный рост поддержки сторонников независимости в Каталонии за последние годы, т. е. серьезное укрепление региональной идентичности за счет ее политической составляющей. Выборы 2015 г. показали значительную поддержку населением сторонников независимости — 48 %²². Очевидно также, что формирование спонтанной идентичности в последние дни связано с тем, что ни одна чаша весов не могла перевесить, и нужно было подтолкнуть толпу к действию. Каталонцы вынуждены были балансировать между двумя типами идентичности, и в разных сферах их существования та или иная идентичность превалировала ситуационно.

Исходя из данного краткого обзора, можно выявить, что глобальная идентичность в меньшей степени свойственна Испании, чем множественная. В последней можно выделить несколько уровней идентификации: глобальная, национальная, региональная, локальная. Особое внимание нужно уделять развитию региональной идентичности, так как именно она в наибольшей степени связана с политическим компонентом (наравне с национальной идентичностью, которая по определению является политико-правовым феноменом), тогда как остальные в большей степени носят культурный характер. Сегодня появляется такой тип идентичности, как спонтанная (ситуационная, актуальная) идентичность, которая определяет

²² Wilson, Barriga Ubed, Prats, *Op. cit.*, 137.

сиюминутное отношение к тем или другим социальным явлениям и может служить мощной и неуправляемой силой в современном мире, направленном на разрушение существующих политико-правовых социальных паттернов.

Библиография

1. Burguet i Arfelis M. “Apuesta ética por una ciudadanía plural” // *Ars Brevis: anuario de la Càtedra Ramon Llull Blanquerna*, № 15, 2009, 25–38.
2. Fuentes Gómez-Calcerrada J. L. “Identidad cultural en una sociedad plural: propuestas actuales y nuevas perspectivas” // *Bordón. Revista de pedagogía*, 2014, Vol. 66, № 2, 65.
3. Fusi, J. P. *España. La Evolución de la identidad Nacional*. [Электронный ресурс] URL: http://www.fundacionfaes.org/file_upload/publication/pdf/20130426110711espana-la-evolucion-de-la-identidad-nacional.pdf (дата обращения: 01.10.2017)
4. Innerarity Grau D. “El Estado-Nación y la identidad plural” // *Diálogos sobre el Estado-Nación y la identidad plural*, 2009, 1-8. [Электронный ресурс] URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5746491> (дата обращения: 01.10.2017)
5. Marcilhacy D. “América como vector de regeneración y cohesión para una España plural: “La Raza” y el 12 de octubre, cimientos de una identidad compuesta” // *Hispania: Revista española de historia*, 2013, Vol. 73, № 244, 501–524.
6. Soler Costa R. “La lengua catalana en la construcción de la identidad social de Cataluña: análisis de este nacionalismo lingüístico” // *Revista electrónica interuniversitaria de formación del profesorado*, 2009, Vol. 12, № 4, 123–128.
7. Wilson A. E., Barriga Ubed E., Prats J. “Los Jóvenes y la Unión Europea: Identidad y Política en Cataluña” // *RISE*, 2017, Vol. 6, № Extra 1, 132–158.
8. Калинина Е. Ю. «Национальная идентичность в современной Испании: историко-правовой анализ концепта» // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2015, № 3, 69.
9. Попов М. Е. «Метаморфозы надэтнической идентичности: советскость, этничность и российская гражданская нация» // *Национальная идентичность России и демографический кризис*, М.: Научный эксперт, 2007, 616.

**Права человека и права людей:
дилемма индивидуальных и коллективных прав
в латиноамериканских странах**

**Human rights and people's rights: dilemma of individual
and collective rights in Latin American countries**

Abstract: The paper is devoted to the problem of collective and individual rights in Latin American countries. The author points two fundamental controversies of the liberal approach to human rights: first, between individualistic character of human rights and social form of their practicing and guaranteeing; second, between universality of these rights and cultural determinancy of their subject. Then he analyzes Latin American countries' experience in protecting collective rights and balancing them with the individual ones. The conclusion is drawn that the challenge facing scientists, politicians and legislators is finding optimal balance between "human rights" and "people's rights" — individual and collective ones — in such a way as to provide the most favorable legal environment for every human.

Key words: human rights; collective rights; individual rights; indigenous peoples; legal pluralism; legal anthropology; community; Latin America.

Resumen: El artículo es dedicado al problema de derechos colectivos e individuales en los países latinoamericanos. El autor señala dos controversias fundamentales del enfoque liberal de derechos humanos: primero, entre el carácter individualista de los derechos humanos y la forma social de su práctica y garantía; segundo, entre la universalidad de dichos derechos y la determinación cultural de su sujeto. Luego él analiza la experiencia de los países latinoamericanos en protección de derechos colectivos y su equilibrio con los individuales. Se concluye que el desafío al que se enfrentan los científicos, políticos y legisladores es encontrar un equilibrio óptimo entre los "derechos humanos" y los "derechos de la gente", los individuales y los colectivos, de forma que se proporcione el ambiente legal más favorable para cada persona.

Palabras clave: derechos humanos; derechos colectivos; derechos individuales; pueblos indígenas; antropología jurídica; pluralismo jurídico; comunidad; América Latina.

Идея прав человека — стержневая для правовой идеологии и законодательной практики государств позднего Нового и Новейшего времени — прошла определенную эволюцию. Зародившись в умах философов эпохи Просвещения, она ворвалась в политическую реальность под громовые

¹ Костокрызов Павел, Россия, кандидат исторических наук, старший преподаватель Уральского государственного юридического университета и научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, (pkostogryzov@yandex.ru).

раскаты революций XVIII–XIX вв. и окончательно утвердилась в качестве политико-юридической аксиомы после Второй мировой войны. Первоначально господствовала либеральная трактовка концепции прав человека, в рамках которой носитель этих прав виделся как идеализированный универсальный индивид, «очищенный» от социальных связей и культурно-исторического бэкграунда и противопоставленный такому же универсальному государству — выразителю предельно абстрактного общего блага.

Эта модель не оставляла места для исторически сложившихся социальных структур «среднего уровня», заполнявших в обществе премодерна пропасть между всемогущим Левиафаном государства и слабым атомизированным индивидом. Такими структурами были различные общности, в сложном взаимодействии которых и создавалась социальная ткань — словесные и профессиональные корпорации, городские и сельские общины, религиозные, клановые, этнические и локальные группы. Объединяя людей с общими интересами и сходными жизненными практиками, они сводили силы множества «социальных атомов» в «кристаллическую решетку», которая уже могла оказывать сопротивление внешним воздействиям и воздействовать сама на государство и различных политических акторов.

Просвещенческая политическая идеология считала эти «пережитки феодализма» излишними и даже вредными, так как они сковывали свободу воли суверенного индивида, а политическая практика революций XVIII–XIX вв. была направлена на их последовательное искоренение. Очищенный от шелухи сословных, корпоративных, родовых и прочих связей гражданин оставался один на один с государством. Государство же в свою очередь мыслилось как правовое, конституционное — основанное на разделении властей и равенстве всех перед законом, где на случай нарушения чьих-нибудь прав существует прозрачная и эффективная процедура их защиты и восстановления.

И здесь кроется одно из внутренних противоречий либеральной теории прав человека: с одной стороны, цель правового государства — гарантировать права человека, а с другой — именно государство представляется той огромной и опасной силой (Левиафаном), от посягательств со стороны которой они, собственно, и нуждаются в защите. Для разрешения этого противоречия были предложены механизмы разделения властей, сдержек и противовесов и т. п. — предполагается, что одни части государственной машины будут защищать права и свободы граждан от нарушений со стороны других ее частей. Но что может помешать ветвям власти вступить в сговор и совместно угнетать граждан ради каких-нибудь эгоистических («государственных», а на деле узкогрупповых) целей? В классической просвещенческой парадигме гарантией против такого поворота событий должны

служить демократические институты — представительство, выборность и сменяемость органов власти и т. д., призванные обеспечивать соответствие проводимой государственными властями политики воле нации. Однако государство — организованная сила, и разрозненные «социальные атомы», сколь бы много их ни было, обречены на поражение в борьбе с этим Левиафаном.

Но, к счастью, в реальной жизни, в отличие от абстрактной теории, люди не ведут себя подобно атомам газа, пребывая в бесконечном «броуновском движении». Унаследованные от общества премодерна социальные структуры «среднего уровня» не были полностью уничтожены в ходе буржуазных революций и реформ, и на их основе выросло то, что получило название «институтов гражданского общества». Именно они в развитых странах Запада, опосредуют отношения «человек — государство», создавая инфраструктуру для гражданского контроля над государственными институтами и защиты прав человека. Но при этом в юридическую доктрину прав человека институты гражданского общества полностью инкорпорированы не были, она по-прежнему базируется на дуальной оппозиции «человек — государство».

С образованием ООН и принятием Всеобщей декларации прав человека² началась эпоха глобальной экспансии этой доктрины, которая стала обязательным стандартом для государств, претендующих на статус правовых и цивилизованных. При этом вскрылось еще одно противоречие либерального понимания прав человека: их трактовка, выработанная западной политической и юридической мыслью, предписывалась в качестве эталона всему остальному миру без учета особенностей других цивилизаций. Это породило ряд проблем: чужеродные политико-правовые принципы не работают в местной социокультурной среде, оставаясь лишь красивыми декларациями на бумаге; в то же время реальные нужды и чаяния народов незападных стран не находят адекватного нормативно-правового выражения, так как не вписываются в заимствованную (или навязанную) доктрину.

Поэтому социально-политические и интеллектуальные процессы XX в. привели к существенной корректировке «классических» представлений о правах человека. Осознание того, что природа человека культурно и социально обусловлена, поставило под вопрос универсальность этих представлений (хотя указания на необходимость учитывать культурные различия встречаются уже у консервативных критиков просветительской идеологии и раннего либерализма Ж. де Местра и Э. Берка. «Мне довелось видеть французов, итальянцев, русских и т. д., но касательно *общечеловека*

² *Всеобщая декларация прав человека* [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 01.10.2017).

я заявляю, что не встречал такого в своей жизни»³, — писал савойский мыслитель). Результатом стало то, что Я. Г. Шемякин вслед за мексиканским мыслителем О. Пасом называет «мятежом исключений»: «речь идет о многочисленных фактах усиленной акцентировки, иногда — гипертрофии черт специфики локальных человеческих общностей различного типа и уровня — этнических, языковых, культурных, территориальных и т. д.»⁴. «Мятежники» стремятся утвердить собственное видение прав человека с позиций мировоззрений, отличных от господствующего на Западе. Примером могут служить Исламская декларация прав человека (в двух вариантах: парижском 1980 г. и каирском 1990 г.), Арабская хартия прав человека 2004 г. и др.

Среди ученых-юристов, анализирующих итоги «экспансии» доктрины прав человека за пределы породившей ее западной цивилизации, с конца XX в. также наметился определенный скептицизм в отношении возможности ее реализации в мировом масштабе (хотя преобладающим настроением остается все-таки оптимизм). Известный российский теоретик права И. Л. Честнов в 1999 г. в статье под провокативным названием «Универсальны ли права человека?» поставил под сомнение возможность «копирования или переноса правовых институтов из одной цивилизации в другую» и сами «концептуальные основы, восходящие к эпохе Просвещения, на которых зиждется Всеобщая декларация прав человека»⁵. «Как невозможна универсальная (общемировая) цивилизация, так невозможен и универсальный человек», считает И. Л. Честнов, а следовательно, принципы Всеобщей декларации «наполняются различным конкретным содержанием в контексте отдельной цивилизации»⁶. Интересно, что ученые указывали на необходимость учитывать это еще в период подготовки текста Декларации. В «Меморандуме о правах человека» Американской антропологической ассоциации (1947) говорилось: «Попытка сформулировать всеобщие постулаты на основе представлений или моральных кодексов одной из культур ограничивает применимость соответствующей декларации к человечеству в целом... Человек свободен только тогда, когда может жить согласно пониманию сво-

³ Местр Жозеф де., *Рассуждения о Франции*. М., 1997, 88.

⁴ Шемякин Я., «Права человека: цивилизационное измерение (латиноамериканский опыт в сравнительно-исторической перспективе)» // *Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность. М-лы и докл. Второго международного форума*. СПб., 2015, 389.

⁵ Честнов И., «Универсальны ли права человека?» // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 1999, № 1 (224), 80.

⁶ Там же, 82.

боды, принятому в его обществе»⁷. Но политики тогда не прислушались к голосу научного сообщества...

В качестве способа разрешения этого противоречия между чаемой универсальностью прав человека и фактическим культурно-цивилизационным разнообразием носителей этих прав Я. Г. Шемякин предложил дополнить Всеобщую декларацию правом на идентичность. «Обретение идентичности означает обретение смысла существования. Только человек, его обретший, способен действовать в соответствии со своей сущностью как “человека разумного”. Следовательно, формирование собственной идентичности является предпосылкой действительно свободного выбора, а тем самым и реализации всех остальных основанных на нем прав»⁸. Но человеческая идентичность формируется и в дальнейшем функционирует в определенной социальной среде и тесно связана с принадлежностью к конкретной общности — семье, роду, этносу, религиозной общине, локальному сообществу, нации... Таким образом, здесь встречаются и завязываются в один узел оба обозначенных нами противоречия просвещенческой, либеральной трактовки прав человека: первое — между индивидуалистическим пониманием этих прав и необходимостью общественных институтов для их реализации и второе — между универсальностью прав и цивилизационным разнообразием человечества.

Необходимость развязать этот узел привела к смещению фокуса внимания юридической науки с прав индивидов на права общностей. Законодатели и международные акторы в конце XX — начале XXI в. также стали чаще направлять усилия на защиту коллективных прав. В Латинской Америке эта тенденция проявляется наиболее выпукло.

Одна из важнейших категорий коллективных прав — права коренных народов. В странах Латинской Америки, население которых включает значительный процент индейцев, в последние десятилетия регулирование коллективных прав этнических общностей развивалось чрезвычайно динамично. Эта динамика определялась как внешними, так и внутренними факторами. С начала 60-х гг. активизировалось движение индейцев за права и землю. Примерно в то же время в общественном мнении стран региона все большую роль стал играть индихенизм — идейно-политическое течение, выступающее за признание права коренных народов на сохранение культурной самобытности и традиционных социальных институтов без ограничения других прав.

Все эти факторы способствовали развороту официальной политики в сторону более широкого признания прав индейцев. Важной вехой на этом

⁷ Там же, 81.

⁸ Шемякин Я., *Указ. соч.*, 396.

пути стало принятие Международной организацией труда в 1989 г. Конвенции № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах»⁹, которая впоследствии была ратифицирована многими государствами Латинской Америки. Статьи 8 и 9 Конвенции признают «право соответствующих народов сохранять собственные обычаи и институты, если они не противоречат основным правам, определенным национальной правовой системой, и международно признанным правам человека», а также обязывают государства «учитывать их обычаи или обычное право» при применении к ним национальных законов.

Все латиноамериканские конституции, принятые в последние три десятилетия (кроме Конституции Доминиканской Республики), включают разделы о правах коренных народов. Значимость «индейского вопроса», например, в такой стране, как Боливия, видна из того, что ее Конституция не только упоминает коренные народы и их антиколониальную борьбу в преамбуле, но уже во второй статье гарантирует им «свободное самоопределение... которое состоит в праве на автономию, самоуправление, собственную культуру, признание их институтов и территориальных организаций»¹⁰. Во всех странах региона признаются территориальные права индейцев, их право на сохранение традиционного образа жизни (в различных его проявлениях — способах хозяйствования, религиозных практиках, традиционной медицине и т. д.), право на политическое представительство и предварительное обсуждение с ними вопросов, непосредственно затрагивающих их интересы (хозяйственное освоение территорий их проживания и т. п.), на двуязычное образование. Конституция Боливии, где доля коренного населения наибольшая среди латиноамериканских стран, предусматривает создание индейских автономий¹¹.

В тесной связи с пристальным вниманием к коллективным правам находится признание плюрализма в качестве одной из ведущих ценностей и главных принципов латиноамериканского неоконституционализма¹². Термин «плюрализм» довольно давно вошел в политический и юридический дискурс и успел в нем прочно укорениться. Различные виды плюрализма — культурный, религиозный, языковой, этнический, по-

⁹ *Indigenous and Tribal Peoples Convention, 1989 (No. 169)* [Электронный ресурс]. URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312314:NO. (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁰ *Constitución Política del Estado Plurinacional de Bolivia, 2009* [Электронный ресурс]. URL: http://www.justicia.gob.bo/index.php/normas/doc_download/35-nueva-constitucion-politica-del-estado (дата обращения: 01.10.2017).

¹¹ *Ibid.*, art. 286–296.

¹² Подробнее о латиноамериканском неоконституционализме см.: Костогрызов П. «Феномен латиноамериканского неоконституционализма» // *Право и политика*, 2016, № 12, 1492–1500.

литический, экономический — стали уже стандартными для современного права и не вызывают ни острых научных споров, ни значительной оппозиции в политических кругах. Но латиноамериканские государства смогли найти собственное прочтение этого понятия, придав ему более широкий смысл, чем тот, который оно имеет в нормативно-правовых актах стран Старого Света или в документах международных организаций. В новейших латиноамериканских конституциях оно трактуется весьма широко, охватывая различные сферы общественной жизни. Наибольший интерес представляют категории национального и правового¹³ плюрализма, нехарактерные для европейского и североамериканского права и ставшие новеллами конца XX — начала XXI в. в праве латиноамериканских стран.

Постепенно отвоевывают себе признание со стороны латиноамериканских государств в качестве субъектов прав и другие человеческие общности, кроме этнических (в первую очередь это относится к локальным общинам). Это происходит пока в основном не на конституционном уровне, а на уровне законов, а часто и вовсе явочным порядком, без какого-либо нормативно-правового закрепления, тем не менее сама тенденция прослеживается достаточно четко.

Почему именно Латинская Америка дает пример активного развития и законодательного признания коллективных прав? С одной стороны, это объясняется высокой динамичностью политических и законодательных процессов, свойственной большинству стран региона. Ни для кого не секрет, что конституции здесь меняются часто. Более глубокой, на наш взгляд, причиной является общее состояние государственных институтов в латиноамериканских странах. Общеизвестно, что во многих из них уровень развития этих институтов недостаточен для того, чтобы гарантировать гражданам полноценный доступ к правосудию и правовую защиту от преступности и других форм нарушения их прав. Иногда центральные власти вообще не контролируют отдельные части национальной территории. Слабое государство неспособно обеспечить права человека¹⁴, и люди объединяются, чтобы совместно «добывать» себе права и отстаивать их. Таким образом, постоянно воспроизводятся и поддерживаются те самые социальные структуры «среднего уровня», образующие «кристаллическую решетку» общества, которые в странах «первого

¹³ Подробнее см.: Костокрызов П., «Юридический плюрализм в латиноамериканских странах: откат к средневековью или путь к правопорядку постмодерна?» // *Латинская Америка*, 2016, № 11, 19–24.

¹⁴ См., напр.: Rosembert Ariza Santamaría, “Los derechos Humanos en América Latina: Una promesa sin cumplir” // *Argentina Diálogo Político*, 2010, 73–91.

мира» существуют в неявном, «снятом» виде, пребывая в тени развитого гражданского общества и правового государства. Именно они удерживают многие латиноамериканские социумы от социальной дезинтеграции и погружения в хаос.

Такая особенность социальной структуры может казаться признаком неразвитости (и в отношении государственных институтов это правда), но, с другой стороны, она же свидетельствует о жизненной силе общества и прочности его институтов. То, что выглядит как отсталость, может оказаться историческим преимуществом на новом этапе развития. В современном мире наметилась тенденция на ослабление государств и размывание национального суверенитета. Похоже, что государство-нация эпохи модерна, исчерпав свой исторический потенциал, будет уступать место каким-то иным, менее централизованным типам политий. И в этой ситуации общности субнационального уровня будут играть более важную роль, в том числе и в обеспечении прав человека. Поэтому признание коллективных прав таких общностей и выработка механизмов их реализации — процессы, важные не только в региональной, но и в мировой перспективе, и опыт Латинской Америки представляет большой интерес.

При этом надо учитывать, что такое признание не только расширяет возможности защиты прав личности, но и порождает новые вызовы в сфере права. Самый значимый из них — это вопрос о соотношении коллективных и индивидуальных прав. Так, признание обычного права и судебных полномочий традиционных властей индейских общин удовлетворяет требования коренных этносов, но отдает их отдельных представителей под юрисдикцию общинных органов, что в некоторых случаях может вести к применению юридических практик, противоречащих международно признанным правам человека (телесные наказания, изгнание с места проживания и т. д.).

Персональная самоидентификация личности может войти (и часто действительно входит) в противоречие с коллективной идентичностью. «Мятеж исключений» переходит на уровень отдельных людей. Здесь завершается виток диалектической спирали нашего рассуждения, и мы снова должны обратиться к либеральной интерпретации прав человека, от которой оттолкнулись в начале: ценность человеческой личности приоритетна, и ее права должны быть защищены в том числе и от нарушения со стороны коллектива, к которому она принадлежит.

Итак, задача, стоящая перед учеными, политиками и законодателями: найти оптимальный баланс «прав человека» и «прав людей» — индивидуальных и коллективных — таким образом, чтобы обеспечить наиболее благоприятную для человеческой личности правовую среду.

Библиография

1. *Constitución Política del Estado Plurinacional de Bolivia*, 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.justicia.gob.bo/index.php/normas/doc_download/35-nueva-constitucion-politica-del-estado (дата обращения: 01.10.2017).
2. *Indigenous and Tribal Peoples Convention*, 1989 (No. 169) [Электронный ресурс] URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312314:NO. (дата обращения: 01.10.2017).
3. Rosembert Ariza Santamaría. “Los derechos Humanos en América Latina: Una promesa sin cumplir” // *Argentina Diálogo Político*, 2010, 73–91.
4. *Всеобщая декларация прав человека* [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 01.10.2017).
5. Костогрызов П. «Феномен латиноамериканского неоконституционализм» // *Право и политика*, 2016, № 12, 1492–1500.
6. Костогрызов П. «Юридический плюрализм в латиноамериканских странах: откат к средневековью или путь к правопорядку постмодерна?» // *Латинская Америка*. 2016, № 11, 19–24.
7. Местр Жозеф де. *Рассуждения о Франции*. М., 1997.
8. Честнов И. «Универсальны ли права человека?» // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 1999. № 1 (224), 80.
9. Шемякин Я. «Права человека: цивилизационное измерение (латиноамериканский опыт в сравнительно-исторической перспективе)» // *Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность. М-лы и докл. Второго международного форума*. СПб., 2015.

КОММУНИЗМ КАК ОБЩИЙ ВРАГ ЗАПАДА

Julio Lisandro Cañón Voirin¹

La guerra contra el marxismo: la estrategia política de EEUU en la Organización de los Estados Americanos

The war against Marxism: the political strategy of the United States in the Organization of American States

Resumen: En el presente texto observaremos cómo dimanó, desde EEUU hacia el resto de los países americanos, la idea de defensa contra el comunismo, que a partir de la doctrina Truman (1947) sustituyó a la de contención. Aquí, nos proponemos analizar su difusión a través de la Organización de los Estados Americanos desde su creación (1948) y su realización eficiente en el golpe de Estado contra Jacobo Arbenz (1954). En primer lugar, presentaremos esquemáticamente los rasgos principales de los años inmediatamente posteriores a la Segunda Guerra Mundial y los primeros años de la Guerra Fría. Luego, realizaremos un análisis de los discursos que emergen de los espacios institucionales en los que se piensa la defensa contra el comunismo y se implementa, en tanto política de seguridad, como guerra contra el marxismo. Nos centraremos en los procesos de elaboración de una imagen específica del comunismo como peligro y como amenaza para el statu quo del continente americano. Una de las conclusiones de nuestro análisis es que la guerra contra el marxismo es un fenómeno inescindible del imperialismo. Es decir, la protección de los intereses del capitalismo, fundamentalmente por parte de EEUU, se presentaron y difundieron en el seno de la Organización de los Estados Americanos, tras la defensa contra el comunismo

Palabras clave: EEUU, Defensa, Comunismo, Seguridad, Imperialismo

Abstract: The aim of this paper is to observe how, from the USA to the rest of the American countries, the idea of defense against communism emerged, which, starting with the Truman doctrine (1947), replaced that of contention. Here, we propose to analyze its dissemination through the Organization of American States since its creation (1948) and its efficient realization in the coup against Jacobo Arbenz (1954). In the first place, we will present schematically the main features of the years immediately after the Second World War and the first years of the Cold War. Then, we will carry out an analysis of

¹ España. Doctor en Historia Contemporánea. Phd Institute of Latin American Studies; Barnard College/ Columbia University, Nueva York. juliolisandro.canon@gmail.com

the discourses that emerge from the institutional spaces in which the defense against communism is thought and implemented, as a security policy, as a war against Marxism. We will focus on the processes of developing a specific image of communism as a danger and as a threat to the status quo of the American continent. One of the conclusions of our analysis is that the war against Marxism is an inseparable phenomenon of imperialism. That is to say, the protection of the interests of capitalism, fundamentally by the United States, was presented and disseminated within the Organization of American States, after the defense against communism.

Keywords: EEUU, Defense, Communism, Security, Imperialism

La inmediata posguerra y la Guerra Fría

La nueva realidad que se sitúa inmediatamente después del fin de la segunda guerra mundial presenta como rasgos más característicos: la consolidación de EEUU como potencia hegemónica; una Europa social y materialmente estragada; la redefinición de los lazos entre las metrópolis y sus colonias; y la consolidación de la URSS como modelo alternativo al sistema capitalista.

De entre los muchos objetivos que las potencias vencedoras (EEUU, Francia, Inglaterra y la URSS) se habían trazados, el establecimiento de los territorios que quedarían bajo la influencia de cada una de ellas, y la reconstrucción de Europa, ocupaban sus preocupaciones más inmediatas. Además, para las potencias occidentales, el siempre latente y, ahora, renovado temor a que se produjera una revolución comunista, o el ascenso al poder de partidos comunistas, o la intervención de comunistas en los gobiernos, daban, o bien, nueva vida a visiones de antaño sobre la acción del comunismo, o bien, producían visiones propias de las condiciones específicas de la contemporaneidad de posguerra.

En ese contexto, el presidente norteamericano, Harry Truman (1945–1953), pronunció su más que conocido *Recommendation for assistance to Greece and Turkey* (12/03/47)², donde trazó los principales objetivos de la política exterior estadounidense. El discurso en sí es la petición ante el congreso estadounidense para que este autorice, como respuesta a la solicitud de los gobiernos de Grecia y Turquía, el envío de 400 millones de dólares y de personal civil y militar a los mencionados países. Sin embargo, como es bien sabido, este mensaje presidencial constituye la enunciación de la llamada doctrina Truman. La misma, marca una nueva fase del intervencionismo norteamericano y una clara ofensiva contra el comunismo.

Sin duda, los puntos importantes del discurso son: el autoreconocimiento de EEUU como potencia hegemónica; su decisión por asumir el rol de gendarme

² Truman, Harry, *Recommendation for Assistance to Greece and Turkey: Address of the President of the United States Delivered Before a Joint Session of the Senate and the House of Representatives, Recommending Assistance to Greece and Turkey*, Washington, U.S. Government Printing Office, 1947.

mundial; y su inquebrantable disposición para colaborar con todos aquellos países que recurrieran a él para combatir al comunismo.

Otro aspecto central, es la potencia prefigurativa de la doctrina para establecer los marcos de representación de la Guerra Fría, es decir, los criterios empleados para comprender la realidad de esos años. En ese sentido, la doctrina presentó un mundo dividido en dos grandes bloques, enfrentados en un conflicto a escala planetaria: occidente cristiano y comunismo ateo. Una representación dicotómica que oponía a dos adversarios con concepciones civilizatorias antagónicas e irreconciliables: el mundo libre (como síntesis de la democracia capitalista) y el totalitarismo comunista (vigente en la Unión Soviética).

Finalmente, interesa subrayar la centralidad con que las nociones de amenaza, peligro y defensa articulan las problemáticas tratadas en el discurso. En efecto, la denuncia constante hacia el comunismo como una fuerza terrorista y subversiva que sembraba el caos y desestabilizaba la seguridad, está atravesada por una retórica defensiva. Esta última, centrada en defenderse de un enemigo terrorífico, respondía a una necesidad de sustituir el escasamente operativo concepto de contención del comunismo, por el de defensa. Un resorte movilizador que encuadraba, mucho más debidamente, con el principio de seguridad, entendido este último como bien social supremo de la sociedad capitalista³.

A partir de este momento se operó un cambio muy significativo. Los ministerios de guerra se convirtieron en los ministerios de defensa. Ahora, pasaban a coordinar y gestionar todas las actuaciones de represión y control al interior del propio país, en el marco de lo que se consideró una guerra ideológica contra un enemigo interior.

Como señalábamos anteriormente, la atención inmediata de EEUU tras el fin de la Segunda Guerra estaba en Europa, el continente americano no aparecía como una prioridad para sus intereses. No obstante, a través de la Conferencia de Chapultepec (1945, México), EEUU realizó un primer intento para reposicionar sus intereses económicos y su incidencia política hacia el sur de sus fronteras. Se trató de una primera acción institucional por conseguir el acceso a nuevos mercados y materias primas. Para ello, la Carta Económica de las Américas, señalaba como meta a conseguir los imperativos categóricos del liberalismo económico: primacía de la propiedad privada, liberalización comercial, estímulos para la empresa privada, garantías para las inversiones de capital, y el rechazo a las políticas económicas estatales intervencionistas⁴.

En principio, esas pretensiones no fueron aceptadas por los gobiernos americanos (inmersos en la intensificación del proceso de industrialización por sustitución de importaciones y diversificación productiva), por considerar que la

³ Al respecto puede consultarse, Karl Marx, *Sobre la cuestión judía*, Buenos Aires, Prometeo, 2004.

⁴ Véase la Carta Económica, en Cámara de Senadores de Argentina, *Aprobación del Acta de Chapultepec y Carta de las Naciones Unidas*, Buenos Aires, Congreso de la Nación, 1946.

apertura y desregulación económica eran inversamente proporcionales al desarrollo económico nacional autónomo. Y si bien todavía no habían aparecido los síntomas del período económico siguiente, caracterizado por la lentitud en el crecimiento y el deterioro en los términos de intercambio, sabían que para promover el desarrollo económico dependían de la asistencia técnica y financiera de fuentes exteriores.

Sin duda, esas resistencias modificaron la evaluación de los ideólogos norteamericanos respecto del comunismo, de su naturaleza y particularmente del influjo que podía ejercer sobre los países del continente. De hecho, si bien la necesidad de vencer aquellas resistencias no da cuenta por sí sola de las diferentes dimensiones del fenómeno imperialista, aquel primer intento norteamericano será seguido por acciones más sistemáticas. Estas responderán a la reconfiguración del orden mundial; a la modificación del carácter de las pugnas y disputas interimperialistas; a las necesidades de ampliación económica del capital (mercados, materias primas, fuentes de energía); y al ejercicio efectivo de EEUU como potencia hegemónica en el continente americano. En efecto, los elementos mencionados intervendrán en el rediseño de las políticas imperialistas, cada vez más agresivas y menos sutiles.

El Tratado Interamericano de Asistencia Recíproca, la Organización de Estados Americanos y el imperialismo norteamericano

Si la doctrina Truman proyectaba hacia Europa los intereses de la política exterior norteamericana, el Tratado Interamericano de Asistencia Recíproca (Conferencia Interamericana para el Mantenimiento de la Paz y Seguridad del Continente, 1947, Río de Janeiro), fue su correlato más inmediato para América.

Su aprobación (02/09/47) significó una importante avanzada de los propósitos norteamericanos, en tanto implantó los mecanismos conducentes a un sistema de seguridad colectiva, que se consolidaría tras la promulgación de las leyes Mutual Defense Assistance (1949) y Mutual Security (1951), y los acuerdos bilaterales de asistencia militar que ellas permitieron. El Tratado establecía que: “un ataque armado por parte de cualquier Estado contra un Estado Americano, será considerado como un ataque contra todos los Estados Americanos”⁵. Incluso, iba más allá, y contemplaba como agresión todo hecho u acción que pusiera en peligro la defensa y seguridad del continente, aunque “no sea ataque armado”. Además, mediante el artículo 2º del Tratado, EEUU conseguía eludir la tutela de la naciente ONU, colocando al continente americano bajo su órbita exclusiva.

Así, comenzaban a instituirse los perfiles de una política hemisférica constituida sobre un imaginario vertebrado en torno a la existencia de una Tercera Guerra Mundial, y que posicionaba a la URSS y al comunismo como la mayor amenaza para las comunidades nacionales. Punto de inicio para una política de seguridad, que pronto trascenderá los elementos estrictamente militares, en directa

⁵ *Tratado Interamericano de Asistencia Recíproca*, Washington, Unión Panamericana, 1956.

relación con una estrategia represiva a escala continental, que cimentó una lógica de persecución contra el comunismo. Su tendencia, alcance y finalidades comenzarían a materializarse a partir de la década siguiente, a través de distintas acciones (formación de cuadros militares, asistencia militar, desestabilización económica, intervenciones directas, etc.) acompañadas por la cada vez más acentuada participación de la Agencia Central de Inteligencia norteamericana (CIA).

Dentro del enorme y acelerado proceso persecutorio contra el comunismo, la IX Conferencia Panamericana (1948, Bogotá)⁶ constituye un primer hito. En ella, se fortaleció la prefiguración del comunismo como una fuerza avasalladora contra la civilización cristiana. Al tiempo que se lo condenaba por considerarlo una ideología inconciliable con la tradición de los países americanos, e incompatible con la misma por su, supuesta, naturaleza antidemocrática (Resolución XXXII de la Conferencia)⁷. De esta manera, el enfrentamiento civilización cristiana versus comunismo ateo quedaba formalmente instituido como marco interpretativo de la realidad.

La delegación norteamericana comenzó una campaña, que mantuvo a lo largo del tiempo en todas las reuniones continentales, para “desarraigar e impedir” las acciones subversivas⁸. Para ello, supieron contar con el respaldo de los responsables de la política exterior de su país, con la asistencia de intelectuales y técnicos, del sector empresarial y, por supuesto, de distintas instancias de los gobiernos de los países miembros de la OEA. En ese sentido, los representantes norteamericanos en la IX Conferencia solicitaron la Reunión de Consulta de Ministros de Relaciones Exteriores, fundamentando en que “el problema que se plantea en los actuales momentos con respecto a nuestra colectividad americana es el de la supervivencia”⁹.

Llegados a este punto, es necesario tener en cuenta que, las disposiciones legales referentes al comunismo constituían un robusto corpus, cierto es que disperso y desarticulado. Se trataba de normativas circunstanciales, que respondían a condiciones específicas de cada realidad coyuntural y que en cierta medida anteceden a la Guerra Fría (no como cronología sino como proceso). A modo de ejemplo baste citar los casos de la República Dominicana (1947), Brasil (1947), Haití

⁶ En esta reunión se creó la Organización de Estados Americanos (OEA), al suscribirse la Carta de la OEA por los siguientes países: Argentina, Bolivia, Brasil, Chile, Colombia, Costa Rica, Cuba, Ecuador, El Salvador, Estados Unidos, Guatemala, Haití, Honduras, México, Nicaragua, Panamá, Paraguay, Perú, República Dominicana, Uruguay y Venezuela.

⁷ Organization of American States, General Secretariat, *IX Conferencia Internacional Americana, Bogotá Colombia, Marzo 30–Mayo 2 de 1948: informe sobre los resultados de la Conferencia*, Washington, Unión Panamericana, 1948.

⁸ Organization of American States, General Secretariat, *IX Conferencia Internacional Americana, Bogotá Colombia, Marzo 30–Mayo 2 de 1948: informe sobre los resultados de la Conferencia*, Washington, Unión Panamericana, 1948.

⁹ *Idem.*

(1948), Perú (1948), Chile (1948) Venezuela (1950), Costa Rica (1950) y Bolivia (1950), cuya intención era bloquear la participación de los partidos comunistas y las organizaciones que se consideraban asimiladas a éstos. Pero esto cambió después del Memorándum 68 del Consejo Nacional de Seguridad y de la Internal Security Act (1950, Estados Unidos).

En efecto, el memorándum 68 supuso el triunfo de la idea que asimilaba al comunismo a una fuerza conquistadora, que sólo podía sobrevivir y prosperar si destruía y sometía a los pueblos:

La Unión Soviética a diferencia de anteriores aspirantes a la hegemonía, está animada por una fe fanática nueva, antitética a la nuestra, y trata de imponer su autoridad absoluta sobre el resto del mundo. El conflicto, se convierte en endémico (...) y entrará en la fase de la guerra total. Los problemas que enfrentamos son trascendentales, implican el logro o la destrucción no sólo de esta República, sino de la propia civilización¹⁰.

El memorándum, también, introdujo una modificación importante, pues a partir de ese momento EEUU ya no estará dispuesto a colaborar con aquellos que acudan a él, ahora les exigirá un alineamiento irrestricto “fortalecer la orientación hacia los Estados Unidos de las naciones no-soviéticas, y si esas naciones son capaces y están dispuestas a hacer una contribución a la seguridad de EEUU, se colaborará para aumentar su estabilidad económica política y su capacidad militar”¹¹. Es decir, el memorándum reforzó el propósito por establecer una política de bloques, y la búsqueda de alineaciones. A decir verdad, EEUU presionará indisimuladamente para conseguirlo, a través de los acuerdos bilaterales de asistencia militar posibilitados por la Mutual Defense Assistance (1949) y la Mutual Security (1951).

Por su parte, la Internal Security Act, que en nombre de la defensa y la seguridad ponía en tela de juicio la vigencia del liberalismo político, revela cuán capital fue la lucha contra el comunismo. EEUU se mostraba dispuesto a suspender las libertades civiles, al menos a los sectores de la población que gozaban de ellas, en su propio territorio, por considerar que habían permitido la infiltración comunista que conducía a la desintegración del país. Aparece así una primera innovación, la infiltración que, junto a otra, el carácter ideológico de la subversión, estarán llamadas a tener una centralidad inigualable cuando se piense en cómo combatir al marxismo. Esta norma, no sólo iba contra el movimiento comunista en cada una de sus manifestaciones ideológicas y de organización, sino que imponía límites a la libertad del hombre, atacaba directamente su capacidad creativa, cercenaba su

¹⁰ *A Report to the President Pursuant to the President's Directive of January 31, 1950. NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security.* April 14, 1950, Available at: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm> (accessed 01.03.2017).

¹¹ *Idem.*

movimiento libre. Observar sus consecuencias en el inmediato y en el largo plazo, implica acercarse a un proyecto racional, elaborado y articulado, que en la práctica supuso la construcción de un enemigo interior

Ambos documentos, al desarrollar una visión del comunismo como enemigo (ya no como adversario u opositor), justificaban las prácticas persecutorias y las legitimaban. Porque la relación con ese enemigo no será gnoseológica, no busca refutarlo, su refutación no interesa porque no se le reconocía legitimidad, sólo se deseaba su destrucción. Así es como todos los esfuerzos se direccionaron hacia la conformación de un imaginario colectivo donde al comunismo sólo se lo reconocía socialmente como agresor.

Dicha intención, que se inspiraba en instancias ideológicas, desde luego, pero que no dejaba de ser respaldada por objetivos más materiales, como son los intereses del capital norteamericano y de sus aliados nacionales, hace comprensible la difusión de tal imaginario hacia los distintos países miembros de la OEA. La política norteamericana comenzaba a tomar así el aspecto de una cruzada contra el comunismo, algo que sería particularmente refrendado bajo la administración de Eisenhower (1953–1960). No es un dato menor que sus memorias, *Cruzada en Europa* (1948), contaran con un capítulo final dedicado a la URSS, donde afirmaba que “el comunismo puede montar una ofensiva que no se puede contrarrestar con las armas, (...) en vano resulta confiar en el poder militar”¹². La democracia norteamericana quedó elevada a paradigma político ante un enemigo común: el comunismo. Así se entiende cómo la OEA, para defenderse de ese supuesto afán expansionista, determinó la incompatibilidad de la adhesión al marxismo por parte de cualquiera de sus integrantes, y encaminó sus actuaciones hacia la preparación de resoluciones para prescindir de todos los movimientos sociales, políticos y culturales considerados afines al comunismo. Con ellas, EEUU aspiraba a institucionalizar su dominio, garantizar la producción y reproducción de su condición de potencia, sujetando las riendas de la operativización política y económica del continente.

En ese contexto, y en virtud de tales condiciones, la IV Reunión de Consulta de Ministros de Relaciones Exteriores (1951, Washington) recomendó a las naciones del continente americano que modificasen su ordenamiento político y jurídico para contrarrestar el “accionar subversivo” del comunismo y en su caso para sancionarlo (Resolución VIII sobre Fortalecimiento de la Seguridad Interna)¹³. Por otra parte, se encomendó a la Unión Panamericana (Secretaría General de la OEA), la elaboración de un informe, que esta presentó en 1953: Fortalecimiento de la Seguridad Interna.

Mientras tanto, EEUU comenzaba a firmar acuerdos bilaterales de asistencia militar con distintos países del continente americano (Brasil, Colombia, Perú,

¹² Dwight Eisenhower, *Cruzada en Europa*, Barcelona, Inédita, 2007.

¹³ *Acta final de la IV reunión de Consulta de Ministros de Relaciones Exteriores: Washington 26 de marzo — 7 de abril de 1951*, Santiago de Chile, Ministerio de Relaciones Exteriores, 1951.

Chile, Ecuador, Uruguay, Cuba, todos ellos en 1952). Así, gracias a los acuerdos, EEUU conseguía uno de sus objetivos: asentar su zona de influencia en América. Luego, provisto de todas las garantías y viéndose en una posición de poder por el establecimiento de misiones militares, ejerció su injerencia en la política militar e interior de los países anfitriones. Aunque también, la firma de tales acuerdos alimentaba las esperanzas, entre los gobiernos americanos, por conseguir, la siempre postergada, ayuda económica.

El documento, Fortalecimiento de la Seguridad Interna¹⁴, tipificaba al comunismo como delito, y por extensión, las actividades comprendidas dentro del accionar comunista, o, mejor dicho, las acciones que se le atribuyeron como propias. Esa tipificación legalista, que instalaba al comunismo en el plano de lo jurídicamente punible, en el área de los delitos contra la seguridad interior, convivirá con otra cuyo alcance y consecuencias se tornan impredecibles. Puesto que, hacía de los actores de la subversión comunista, sujetos ajenos a la red de obligaciones estatales, respecto de la preservación de su integridad.

Las conclusiones del documento son un perfeccionamiento de las prácticas persecutorias y de hostigamiento, y un compendio de medidas represivas, muy semejantes a las de la Internal Security Act. Al igual que esta última, se centraban en el ámbito ideológico político, para señalar que se debían “reprimir manifestaciones, actividades o aspiraciones políticas”¹⁵. Los discursos que pueblan el informe respecto de la amenaza del comunismo por su potencia subversiva, y el hecho de introducirlo en el ámbito de la criminalización por su condición delictiva, no sólo son una herramienta de opresión política, en tanto utilización del orden jurídico como instrumento de dominación, sino que son la contraparte del activo estratégico en torno al que gira el mantenimiento de las relaciones capitalistas. El que la legislación nacional y los reglamentos militares de los distintos países recogieran las recomendaciones del informe, implicó una revisión a fondo de los sistemas políticos a través del establecimiento de una nueva racionalidad estatal, basada en la seguridad interior.

De este modo, las primeras medidas, supresión de los partidos comunistas organizados y prohibición de las actividades en conexión con ellos, son prohibiciones contra los opositores. Sin embargo, las normas se irán dilatando, y ya no responderán a un sentido específico y humano, sino que pasaron a ser normas para la defensa del nuevo orden impulsado por los Estados Unidos y sus aliados locales. El punto de llegada y de partida de este proceso lo constituye la Declaración de solidaridad para la preservación de la integridad política de los Estados Americanos contra la intervención del Comunismo internacional (X Conferencia Interamericana,

¹⁴ Departamento Jurídico, *Fortalecimiento de la Seguridad Interna*, Washington, Unión Panamericana, 1953.

¹⁵ Idem.

Caracas, 1954), presentada por el representante norteamericano, John Foster Dulles. La misma traducía la intención norteamericana por reafirmar su política y sus intereses, incluso tenía un objetivo inmediato: debilitar y desestabilizar al gobierno de Jacobo Arbenz. Así debe entenderse la aprobación de una resolución que sentenciaba: “el dominio o control de las instituciones políticas de cualquier Estado americano por parte del movimiento internacional comunista (...) pondría en peligro la paz de América”¹⁶.

El delegado por Guatemala comprendió prontamente la intencionalidad: “Se ha querido hallar un fácil expediente para mantener la dependencia económica de las repúblicas americanas y suprimir los anhelos legítimos de sus pueblos, catalogando como “comunismo” toda manifestación de solidaridad e independencia económica”¹⁷. Como se observa, no se trató de una defensa del comunismo, sino de un llamado de atención por la amplitud y vaguedad con que EEUU se refería al comunismo.

Es necesario, reparar en un aspecto que aparece con inusitada potencia en el apartado resolutivo de la Declaración: la infiltración. Ella expresa claramente la decisión norteamericana por controlar a aquellos gobiernos no dispuestos a colocarse bajo su influjo. Esa viva preocupación, desembocó en una proliferación de acciones institucionales destinadas a vigilar y ordenar la vida social, política, económica, cultural e ideológica, de las comunidades americanas, que comenzó con el golpe de Estado en Guatemala.

El derrocamiento de Arbenz, en un golpe financiado por la administración norteamericana y canalizado a través de la CIA¹⁸, mostró, por un lado, el hostigamiento al que serían sometidas las alternativas políticas que osaran alejarse del paradigma democrático impuesto por la política exterior estadounidense. Por otro, materializó una lógica persecutoria que, obviamente, se manifestó en el terreno de lo político al dinamizar los aparatos represivos e ideológicos del Estado. Un primer dimensionamiento de esto último se dio con el Comité de Defensa Nacional contra el Comunismo (julio 1954), y la Ley Preventiva Penal contra el Comunismo (agosto 1954). Ambos instrumentos, en tanto métodos de control social, buscaban la

¹⁶ Unión Panamericana, *X Conferencia Interamericana. Actas y documentos, Vol. I*, Washington, Unión Panamericana, 1954.

¹⁷ Idem.

¹⁸ La CIA desclasificó unas mil cuatrocientas páginas de sus archivos secretos sobre su participación el programa de desestabilización y en el golpe de 1954 en Guatemala. La operación encubierta de la CIA, Operación PBSUCCESS, fue la primera de la agencia en América Latina. Los documentos detallan la planificación, organización y ejecución del golpe de Estado que derrocó a Jacobo Arbenz 27 de junio de 1954. La PBSUCCESS fue autorizada por el presidente Eisenhower en agosto de 1953, con un presupuesto de \$ 2,7 millones para la guerra psicológica, la acción política y la subversión, entre otros componentes de una pequeña guerra paramilitar. Posteriormente la PBSUCCESS se convirtió en el modelo para las futuras actividades de la CIA en América Latina. Los archivos están disponibles en línea: <<http://www2.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB4/docs/doc01.pdf>> consultado el 12 de febrero de 2016.

eliminación de toda forma de oposición existente o potencial: “todas las personas que en cualquier forma hubieran participado en actividades comunistas o de resistencia susceptibles de ser consideradas como comunistas”¹⁹.

Según estimaciones de la época, desde la creación del Comité y hasta finales de 1954, más de 70 mil personas habían sido catalogadas como comunistas e incluidas en los registros creados a tal fin. En una intensificación del proceso de control y persecución, se creó la Dirección General de Seguridad (1956), una entidad que debía centralizar: “La investigación, control, vigilancia, denuncia y persecución de las actividades comunistas”²⁰. Se modificó la Carta Magna, incorporando al ordenamiento constitucional del país la prohibición de todas aquellas entidades que propugnen la ideología comunista (artículo 23), tipificando la punibilidad de toda acción comunista o asociada (artículo 62).

Mientras, los técnicos norteamericanos asesoraban al nuevo gobierno, ejerciendo en la práctica una administración informal y paralela a la oficial, en la reestructuración del Estado. Se partía de un escenario que había tendido a la modernización del Estado y a las mejoras de las condiciones de vida de los sectores subalternos que, entre 1944 y 1954, habían visto satisfechas algunas de sus demandas, y que ahora era sustituido por una serie de transformaciones socioeconómicas, políticas e ideológicas en pos de los intereses norteamericanos. Dicha modificación apuntó a liberalizar el mercado, a eliminar cualquier restricción a la inversión extranjera, y a fortalecer el sector privado norteamericano, beneficiario exclusivo de la concesión de la explotación de los recursos petrolíferos (nótese que el Código Petrolero de 1955 fue publicado en inglés en el diario oficial de Guatemala), y adjudicatario de los contratos públicos para infraestructuras.

Cierre

De acuerdo con todo lo señalado, parece claro que, los principales objetivos de EEUU eran: la reconstrucción de Europa; evitar la expansión del comunismo; y dar respuesta a las necesidades de ampliación de capital. Por supuesto que, tan ambiciosos y complejos propósitos habrían de tener que enfrentarse a, también, complejos problemas de política interna norteamericana.

La doctrina Truman, entre otras cuestiones, recoge la dicotomía entre el imperialismo y la nación. Conciliar los objetivos expansionistas con la política interna, no era tarea sencilla, conciliarlos mucho menos. Sin embargo, la defensa contra la supuesta acechanza de un enemigo que amenazaba con destruir a los propios EEUU, facilitó la tarea.

¹⁹ Junta de Gobierno, *Ley preventiva-penal contra el comunismo, Decreto número 59*, Guatemala, Secretaría de Propaganda y Divulgación de la Presidencia de la República, 1954

²⁰ Presidente de la República, *Se crea la Dirección General de Seguridad Nacional, Decreto número 553*, Guatemala, El Guatemalteco, 1956.

Difícilmente EEUU sufriera una agresión militar extranjera, algo de lo cual no parecían dudar los ideólogos de la guerra contra el comunismo. No obstante, se consideraban agredidos desde el seno mismo de la sociedad, por la infiltración. Un potente catalizador, que hacía hincapié en la subversión de carácter ideológica y en la existencia de un enemigo interior. Enhebrando lo anterior, la Internal Security Act, como parte de una política de seguridad — donde el control ideológico sobre los individuos era primordial — condensó los temores y dilató la imagen del marxismo como un ente terrorífico, que atacaba a las bases mismas de la sociedad. Preservar la propia existencia, defender los ideales de la democracia, exigía sacrificios, renunciamientos, incluso encomendarse a Dios frente al ateísmo de los comunistas (en 1954 EEUU aprobó como lema oficial de su país: *In God we trust*).

Si EEUU se sacrificaba por defender su seguridad y la democracia del mundo occidental ¿cómo no pedirles lo mismo a los países de su continente?

Al iniciar este texto mencionamos el cambio operado en el interés y en las estrategias de la política exterior estadounidense, respecto del continente americano. En efecto, este último se había vuelto un bien muypreciado para EEUU, desde que estos lo consideraron una pieza fundamental para su seguridad. Como parte de ese cambio, EEUU, aceleró una estrategia de dominación expansiva, que implicó agregarle a los medios pasivos de seguridad de los bienes y de los intereses económicos, la persecución y el ataque contra todos aquellos a los que desde las esferas de poder se los identificó como comunistas. De ese modo, en su pretensión por blindar la protección del orden social, y para mantener, e incluso aumentar, las ventajas materiales, la lucha contra el marxismo se convirtió en parte fundamental de la Tercera Guerra Mundial, cuya prevención era ofensiva.

En ese contexto, las distintas administraciones norteamericanas consiguieron posicionar al comunismo como la mayor amenaza para el *statu quo* del continente, al mismo tiempo, fortalecían políticamente a los militares, y se inquietaban, sobre todo, ante aquellos gobiernos que mostraban una cierta autonomía. La integración de los intereses y las preocupaciones de EEUU, con los de las clases dominantes y las FFAA nacionales, condujo a una unificación de las perspectivas de combate contra el comunismo.

Es por este estrecho camino por el que se precipitan las acciones de desestabilización y los derrocamientos. No obstante, el imperialismo identifica su expansión con la causa de la democracia. Es la racionalidad instrumental para ejercer su dominio, es la expresión de la racionalidad capitalista norteamericana que necesita expandirse y autojustifica su condición en la defensa de la democracia. Así, podemos decir que los objetivos norteamericanos en la OEA eran fundamentalmente tres: la defensa de la unidad continental de América; la promoción de los ideales norteamericanos; y la preservación de los intereses norteamericanos.

Bibliografía

1. *A Report to the President Pursuant to the President's Directive of January 31, 1950. NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security*. April 14, 1950, Available at: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm> (accessed 10.03.2017).
2. *Acta final de la IV reunión de Consulta de Ministros de Relaciones Exteriores: Washington 26 de marzo — 7 de abril de 1951*, Santiago de Chile, Ministerio de Relaciones Exteriores, 1951.
3. *Departamento Jurídico, Fortalecimiento de la Seguridad Interna*, Washington, Unión Panamericana, 1953.
4. *Dwight Eisenhower, Cruzada en Europa*, Barcelona, Inédita, 2007.
5. *Junta de Gobierno, Ley preventiva-penal contra el comunismo, Decreto número 59, Guatemala, Secretaría de Propaganda y Divulgación de la Presidencia de la República*, 1954
6. *Presidente de la República, Se crea la Dirección General de Seguridad Nacional, Decreto número 553*, Guatemala, El Guatemalteco, 1956.
7. *Tratado Interamericano de Asistencia Recíproca*, Washington, Unión Panamericana, 1956.
8. Truman, Harry, *Recommendation for Assistance to Greece and Turkey: Address of the President of the United States Delivered Before a Joint Session of the Senate and the House of Representatives, Recommending Assistance to Greece and Turkey*, Washington, U.S. Government Printing Office, 1947.
9. *Unión Panamericana, X Conferencia Interamericana. Actas y documentos*, Vol. I, Washington, Unión Panamericana, 1954.

El anticomunismo del antifranquismo: el caso del republicanismo catalán

The anticommunism of anti-Francoism: the case of Catalan republicanism

Resumen. Uno de los temas debatido por la historiografía española e internacional ha sido el papel del exilio republicano en la construcción de la cultura democrática que condujo a la Transición. Esta comunicación pretende participar de este debate historiográfico a partir del análisis de la acción de los grupos políticos e intelectuales catalanes que, entre el exilio y el retorno a la España franquista, quisieron contribuir a un proceso que llevaría a una futura democracia. En este sentido, analizaremos su cultura política, subrayando el doble rechazo a los sistemas dictatoriales de derecha e izquierda y, especialmente, su rechazo al comunismo y la reivindicación de la democracia liberal. También reflexionaremos sobre las dificultades que tuvieron para organizar un movimiento antifranquista que excluía a los comunistas y, cómo, en la década de 1960 fue cada vez más difícil la marginación de este sector por su vitalidad y su capacidad de expansión en el interior.

Palabras clave. Anticomunismo, franquismo, republicanismo, historia de España

Abstract. One of the topics debated by Spanish and international historiography has been the role of republican exile in the construction of the democratic culture that led to the Transition. This communication intends to participate in this historiographical debate from the analysis of the action of the Catalan political and intellectual groups that, between exile and the return to Francoist Spain, wanted to contribute to a process that would lead to a future democracy. In this sense, we will analyze their political culture, underlining the double rejection of dictatorial systems of the right and left and, especially, their rejection of communism and the demand for liberal democracy. We will also reflect on the difficulties they had in organizing an anti-Francoist movement that excluded the communists and how, in the 1960s, the marginalization of this sector was becoming increasingly difficult due to its vitality and its ability to expand inland.

Key words: anticommunism, francism, republicanism, history of Spain.

El lugar del exilio antifranquista en la cultura de la España de la década de 1960

Evaluar el peso del republicanismo y del exilio en la construcción de la cultura política democrática de la Transición es un tema de una gran complejidad, puesto que, como se ha subrayado, la mayoría de los exiliados tenían poca posibilidad de

¹ Giovanni C. Cattini — España, Professor Serra Húnter, Universitat de Barcelona. (gccattini@ub.edu).

incidir en el cambio político: por la edad, porque el alejamiento histórico o político los marginaba lejos del centro del debate². Además, todos los exponentes de la cultura republicana habían tenido que sufrir una campaña de desarraigo sistemática, manipulaciones y calumnias que llevaron a cabo los intelectuales franquistas para ocupar un espacio cultural y simbólico que no les correspondía por la baja calidad de su producción. Los intelectuales del exilio habían hecho, sin duda, la elección más integra desde el punto de vista moral, pero habían callado respecto a su público lector natural, y habían hecho “oídos sordos” a las exigencias de una sociedad que conocían sólo por sus propios recuerdos o por las informaciones sesgadas que podían recoger desde su situación de expatriados³.

El régimen franquista, por otro lado, no dudó en condenar a todos los exponentes de la cultura republicana del exilio al ostracismo y al silencio. De hecho, y desde sus inicios, la dictadura consideró imprescindible el control más rígido en el plan ideológico y cultural para conseguir la socialización plena de la población mediante la eliminación de los elementos considerados desafectos e indeseables⁴. Con los años, el control sobre las voces del exilio fue una constante por parte del régimen, que continuó en su acción de persecución, aprovechando que estos intelectuales exiliados vivían fuera de España, alejados del propio público y con muy poca capacidad para hacer llegar, sin mediaciones, sus mensajes a los lectores. El régimen franquista podía condenarlos al silencio, pero también podía manipularlos, presentando las tesis de manera parcial o falseando los textos, de los cuales la mayoría de los posibles lectores peninsulares desconocían la versión original; o, finalmente, podía normalizar aquellos escritores que con el paso del tiempo habían moderado sus posiciones y no representaban un peligro para las premisas morales de la dictadura⁵.

Quizás con una contundencia que no contempla revisiones, el juicio que expresa Gregorio Morán sobre las relaciones entre cultura española y exilio es el que mejor puede resumir los dramas de aquellas generaciones que habían luchado por la libertad y la democracia en los años treinta y que, desde 1939, habían tenido que enfrentarse a una Segunda Guerra Mundial y a sobrevivir en el nuevo orden de cosas: «el exilio será la asignatura imposible de la cultura española. Una quiebra sin

² Una primera aproximación en Cattini, G. C. «El recuerdo de la República en el Tardofranquismo. El papel cultural de los exiliados que vuelven a España», *Actas del XIII Congreso de la Asociación de Historia Contemporánea, Albacete*, 2017, 2949–2959.

³ Báez Ramos, J. «La capacidad social para tolerar una disonancia cognitiva: la recuperación de los exiliados» // Balcells, J.M.; Pérez Bowie, J.A. *El exilio cultural de la Guerra Civil, 1936–1939*, Salamanca, Universidad de Salamanca, 2001; Larraz, F. *El monopolio de la palabra. El exilio intelectual en la España franquista*, Madrid, Biblioteca Nueva, 2009; Gracia, J. *A la intemperie. Exilio y cultura en España*, Barcelona, Anagrama, 2010.

⁴ Ascunce Arrieta, J.A. *Sociología cultural del franquismo (1936–1975). La cultura del nacional–catolicismo*, Madrid, Biblioteca Nueva, 2015.

⁵ Larraz, F. *El monopolio de la palabra... cit.*, 12–13

punto, ni pasarela, ni nada que evite la ausencia. La cultura española del siglo XX vivió dos inmensas derrotas irreparables: el fin de la democracia, en julio de 1936, y la disolución del exilio, un proceso que en los años setenta se puede dar como finiquitado.»⁶

Ante esta situación hay que añadir que el intelectual catalán del exilio compartía con el español la condición de no tener un destinatario colectivo inmediato y de sufrir todas las acusaciones que el régimen dedicaba a la oposición exiliada. Otro elemento que los diferenciaba era el hecho que los catalanes eran escritores con una lengua apartada de los usos públicos. No es un hecho secundario la proscripción y la persecución de la lengua catalana, puesto que la comunidad catalanoparlante llegaba a los años sesenta siendo prácticamente analfabeta en su lengua materna⁷. Se ha remarcado muchas veces el intento de “genocidio cultural” llevado a cabo en los primeros años de la dictadura franquista en contra de Cataluña, así como el papel en pro de la cultura catalana que hicieron los grupos de catalanes exiliados, incidiendo en las comunidades catalanas y como, todos juntos, contribuyeron a mantener la llama de la cultura en lengua catalana hasta final de los años cincuenta. En la década siguiente este exilio literario y cultural se redujo notablemente, tal y como explicó, hace años, Albert Manent, uno de los máximos conocedores del tema⁸. Algunos de estos escritores intentaron volver a la España franquista, un país sin libertad donde tenían que sobrevivir haciendo traducciones y llevando una vida muy espartana. Tal y como ha explicado Montserrat Corretger, la trayectoria de Domènec Guansé ejemplifica el alejamiento de una generación que no acabó de conectar con las nuevas levadas intelectuales del Principado: por un lado continuó manteniendo una situación de extrañeza hacia los cambios que había experimentado la sociedad catalana, y por la otra, sufría añoranza del mundo que lo había acogido en su exilio⁹.

Esta fisura entre la generación del exilio y las nuevas generaciones del interior, según Javier Muñoz Soro¹⁰, caracterizaba también el contexto español y se podía explicar por la voluntad de dejar atrás los elementos que habían desembocado en la Guerra Civil. Las nuevas generaciones, entonces, estaban más preocupadas en cicatrizar las heridas, todavía vivas en la sociedad, y en buscar un futuro de paz

⁶ Morán, G. *El cura y los mandarines. Historia no oficial del Bosque de los Letrados. Cultura y política en España 1962–1996*, Madrid, Akal, 2014, 452.

⁷ Benet, J. *L'intent franquista de genocidi cultural contra Catalunya*, Barcelona, Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 1995; Rafanell, A.: *Notícies d'abans d'ahir. Lengua i literatura catalana del segle XX*, Barcelona, A Contravent, 2013.

⁸ Manent, A. *La literatura catalana de l'exili*, Barcelona, Curial, 1989.

⁹ Corretger, M. *Domènec Guansé, crític i novel·lista: entre l'exili i el retorn*, Barcelona, Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 2008, 125–213.

¹⁰ Muñoz Soro, J. «Entre la memoria y la reconciliación. El recuerdo de la República y la guerra en la generación de 1968» // *Història del Presente*, n. 1–2 (2003), 83–100.

y coexistencia en la diversidad ideológica y el pluralismo. Según Paul Aubert¹¹, los exiliados no perderían jamás esta condición, pero tampoco la ilusión de poder contar algo en un futuro proceso de Transición a la democracia en España. Junto a esta frustración, los exiliados republicanos tenían que asumir la imposibilidad de integrarse plenamente en la vida cultural de los países hospitalarios.

El anticomunismo en los sectores republicanos catalanes: el peso de las divisiones de la Guerra Civil (1939–1954)

A tales debates sobre la incidencia de la cultura del exilio antifranquista hay que añadir el problema que dividía a los sectores no comunistas con el Partido Comunista de España (PCE), y su filial catalana, el Partit Socialista Unificat de Catalunya (PSUC). En el caso catalán, el anticomunismo tenía sus raíces más cercanas en las divisiones nacidas en la Guerra Civil, que iban desde la persecución de los sectores socialistas no afines al estalinismo hasta las divergencias con los sectores republicanos¹².

Especialmente estos últimos habían compartido responsabilidades gubernamentales y divergencias muy importantes en el decurso de la guerra, e incluso el paso de la frontera entre finales de enero y principios de febrero de 1939. En este sentido, Esquerra Republicana de Catalunya (ERC), el partido más votado durante la República, consideraba terminada su colaboración con los partidos del Frente Popular y, especialmente, con los comunistas. El presidente del gobierno catalán de la Generalitat, Lluís Companys (1882–1940), había centralizado las funciones ejecutivas, hasta el nombramiento de un Consejo Nacional (abril de 1940) que tenía como finalidad «la labor de solidaridad y la de cultura, con la colaboración de todos los sectores catalanistas de contenido democrático y liberal», según la propaganda de los dirigentes republicanos en el Méjico de 1942¹³. Los años de la Guerra Civil habían dejado una huella profunda en una parte significativa del mundo republicano y nacionalista catalán que acusaba al presidente Companys de haber supeditado el gobierno catalán a la acción del PSUC. Además, el Tratado de no agresión entre

¹¹ Aubert, P. «Teoría y práctica de la Transición. El papel de los intelectuales» // *Bulletin d'Histoire Contemporaine d'Espagne*, n. 50 (2015), 127–161.

¹² Faltan todavía monografías sobre la fenomenología del anticomunismo en el antifranquismo, hay algunas aproximaciones como la de Ferrer Gonzalez, C, Muñoz Jofre, J. «El anticomunismo en la izquierda: a propósito del origen y la ruptura del Moviment Socialista de Catalunya (1945–1966)», Navajas Zubeldía, C.; Iturriaga Barco, D. *Siglo: Actas del V Congreso Internacional de Nuestro Tiempo*, Logroño: Universidad de La Rioja, 2016, 423–438; sobre los primeros años del exilio republicano y sus divergencias cfr. Morales, M: *La Generalitat de Josep Irla i l'exili polític català*, Barcelona, Editorial Base, 2008.

¹³ ERC, Declaració. México D.F., agost de 1942 citado por Vilanova i Vila–Abadal, F. «L'Esquerra Republicana de Catalunya de postguerra: crisi i devallada» // AAVV: *Esquerra Republicana de Catalunya. 70 anys d'història (1931–2001)*, Barcelona, Columna, 2001, 139. En catalán en el original.

la Alemania nazi y la URSS en agosto de 1939 (Pacto Ribbentropov–Molotov) exacerbó la condena de los republicanos hacia el mundo comunista. En octubre del mismo año, *El Poble Català*, un portavoz oficial de ERC, no dudaba en afirmar que: «Los catalanes han sido víctimas de dos guerras al mismo tiempo: la de los que atacaban desde fuera y la de los que atacaban desde dentro. Enemigos blancos [franquistas] y enemigos rojos [comunistas] llevaban en el corazón el mismo viejo rancor anticatalán»¹⁴.

Después de muchas negociaciones, el presidente Companys nombró el Consejo Nacional el 18 de abril de 1940. Sus miembros no tenían un perfil político marcado sino que destacaban por sus capacidades intelectuales. Entre sus miembros destacaban el padre de la normalización y modernización del catalán contemporáneo, Pompeu Fabra (1868–1948) de Acción Catalana Republicana (ACR), el escritor i periodista liberal catalanista Josep Pous i Pagès (1873–1952), l'historiador Antoni Rovira Virgili (1882–1949) de ERC y el filósofo y ex-rector de la Universidad de Barcelona, Jaume Serra Húnter (1878–1943), entre otros.

El decurso de la Segunda Guerra Mundial, la dispersión de los exiliados, la captura del presidente Companys por la Gestapo, su traslado a España y su fusilamiento posterior paralizaron la acción de la política catalana. La presidencia de la Generalitat fue asumida por Josep Irla (1876–1958) que tuvo que intentar solucionar los diferentes problemas que se le plantearon: las rivalidades entre las corrientes de ERC se agudizaron; le falta de una estructura clandestina en el interior que facilitara la reorganización del partido en Cataluña era otro problema de primera magnitud porque vaciaba el sentido de la acción política del mismo partido. Finalmente, los dirigentes del partido habían reforzado el papel de la presidencia del partido y las labores culturales de la Fundación Ramon Llull y lo que quedaba de los restos institucionales. Entre las figuras clave del partido en estos años hay que mencionar a Josep Tarradellas (1899–1988) que había apostado por romper con el PSUC e impulsado la organización del partido alrededor de la presidencia y de los aparatos culturales. También trabajó por desmentir la campaña de acusaciones que el PSUC levantaba contra la supuesta traición de ERC¹⁵.

La ocupación de Francia por las tropas alemanas trasladó la actividad de la política catalana a Londres, donde se creó un *Consell Nacional de Catalunya*, presidido por Carles Pi i Sunyer (1888–1871), que representó una importante radicalización del exilio catalanista y que defendió la necesidad de superar el marco autonómico republicano en nombre de la autodeterminación de Cataluña. A partir de 1944, Josep Irla, presidente de la Generalitat en Francia, trabajó por recuperar el liderazgo político en víspera del final de la Segunda Guerra Mundial y fue partidario

¹⁴ Morales, M: *La Generalitat de Josep Irla... cit.*, 56. Original en catalán.

¹⁵ Vilanova i Vila-Abadal, F. *Als dos costats de la frontera. Relacions polítiques entre exili i interior a la postguerra, 1939–1945*, Barcelona, Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 2001, pp. 59 i sig.

de respetar la legalidad republicana y el Estatuto de Autonomía¹⁶. El pulso acabó con la pacificación de los dos sectores y la creación del primer y único gobierno catalán del exilio que fue presidido por Irla y contaba con el mismo Carles Pi y Sunyer, Antoni Rovira i Virgili, Pompeu Fabra, Josep Carner (1884–1970), el comunista Joan Comorera (1894–1958) y el socialista Josep Xirau (1893–1982).

En el interior, las fuerzas políticas republicanas y catalanistas tenían muchos problemas en reorganizarse, ya que faltaba una cultura militante de lucha en la clandestinidad. Los núcleos republicanos tuvieron que rivalizar con el Front Nacional Català, creado por elementos d'Estat Català en 1940 en París y presente en Barcelona desde el final del mismo año¹⁷. Las rupturas de la Guerra Civil permanecían vivas y el anticomunismo estaba todavía muy presente en todas aquellas fuerzas que organizaron el primer comité de enlace del antifranquismo catalán, nacido en Barcelona en 1944¹⁸. Hay que recordar que lo impulsó el abogado Sorribes, exmilitante de la republicana Acció Catalana. Este abogado permitió los primeros contactos en el interior de partidos diferentes como la católica Unió Democràtica (con su representante Miquel Coll Alentorn), Esquerra Republicana (Josep Pous Pagès) y de la Unió Socialista de Catalunya. A lo largo de 1945 estos contactos se materializaron en la formación del Consell Nacional de la Democràcia Catalana, que fue presidido por el mismo Josep Pous Pagès, con el apoyo de los partidos citados anteriormente y Estat Català. Faltaba el citado Front Nacional de Catalunya de Joan Cornudella, que aspiraba a su vez a unificar todas las fuerzas republicanas y catalanistas que actuaban en el interior de Cataluña. A pesar de eso, también el Front Nacional acabó incorporándose al Consell a finales de 1945, poniendo en entredicho la misma función del Front y congelando su actividad¹⁹.

En el mismo período, el Moviment Socialista de Catalunya (MSC), nacido en 1945 y formado por la fusión de lo que quedaba de la antigua Unió Socialista de Catalunya con gente que provenía del POUM, acaba ingresando en el citado Comitè Pous Pagès. El MSC había estado impulsado con la intención de reorganizar un socialismo catalán, alejado del estalinismo del PSUC. Sus impulsores, militantes socialistas reformistas y ex-revolucionarios, consideraban viable la nueva formación porque consideraban que la derrota nazi-fascista en la Segunda Guerra Mundial tenía que significar el fin del franquismo. Asimismo querían conseguir la unidad

¹⁶ El debate en Cattini, G. C.: «España y Cataluña. Pensando el catalanismo desde el exilio. Los refugiados de Acció Catalana a Perpiñán» // Archilés, F; Saz, I.: *Naciones y Estado. La cuestión española*, València, PUV, 2014, 89–105.

¹⁷ Rubiralta, F. *Una història de l'independentisme polític català*, Lleida, Pagès, 2004, 116 y sig.

¹⁸ Balcells, A. *Miquel Coll i Alentorn. Historiografia i democràcia (1904–1990)*, Barcelona, Proa, 1999, 217 y sig.

¹⁹ Rubiralta Casas, F. *Joan Cornudella i Barberà. (1904–1985). Biografia política*, Barcelona, Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 2003, 193 y sig.

sindical y crear un partido más bien socialdemócrata, respetuoso con la democracia sin la cual no se podía conseguir el socialismo²⁰.

La actividad del Comitè Pous Pagès radicaba en poderse presentar como interlocutor — si, como parecía en 1945, hubiera caído Franco — para influir en una evolución democratizadora de España y su reforma en sentido federal. En el mismo sentido, no querían contar con los comunistas ya que se oponían tanto a una dictadura blanca como a una roja²¹. El Comité fue receloso del primer y único gobierno que creó Josep Irla en 1947 y, en 1948, con la consolidación de la Guerra Fría en el plano internacional, se consolidó el anticomunismo con la intención de presentar a la opinión pública internacional la existencia de unas fuerzas democráticas que, sin ser comunistas, se oponían a la dictadura franquista²². De la misma manera, el Comitè Pous Pagès recelaba de las iniciativas de Josep Tarradellas de quererlos subordinar a sus directivas mientras que, por el contrario, exigía un trato de iguales que tenía que reconocer el protagonismo de la resistencia interior contra el franquismo²³.

Entre las iniciativas del Comitè Pous Pagès se podría recordar el pacto que esta organización suscribió con los monárquicos el 4 de mayo de 1951, por el cual los republicanos aceptarían una restauración de la monarquía siempre que esta permitiera el retorno de las libertades públicas y un régimen provisional de descentralización para Cataluña y el País Vasco, primer paso hacia una reforma federal del Estado. Además, el pacto preveía un gobierno de concentración nacional con la exclusión explícita de falangistas y comunistas. Este pacto, tal y como ha explicado Albert Balcells²⁴, no tuvo más trascendencia, pero fue el primero de una serie de pactos que culminaría en los de la Transición de 1976.

Las reticencias del Comitè Pous Pagès hacia Tarradellas respondían a la influencia que el político ejercía en una parte del exilio catalán y especialmente sobre el presidente Josep Irla y diferentes dirigentes del partido. De hecho, se consideraba que Tarradellas estaba detrás de la decisión de Irla de disolver el gobierno catalán, en enero de 1948. Esta decisión motivó una sonada polémica entre comunistas y republicanos. El PSUC respondió con intervenciones muy duras: desde las páginas de la su revista *Lluita*, editada en París, acusó a ERC de utilizar «todas las fórmulas claudicantes, antirepublicanas y anticatalanas que tanto sirven a los intereses de los

²⁰ Rubiol, G., *Josep Pallach i el Reagrupament*, Barcelona, Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 1995, 26 y sig; Martín Ramos, J.L. *Endavant revista del socialismo català (1945–1968)* a *Endavant*, Barcelona, R. Campalans, 2006, 11 y sig. Y Ferrer Gonzalez, C, Muñoz Jofre, J. *L'anticomunismo en la izquierda ... cit.*

²¹ Balcells, A. *Miquel Coll i Alentorn. Cit.*, 219.

²² Una aproximación al debate cultural de estos años en Cattini, G. C.: «Cultura política i exili. L'ocàs del republicanisme català (1939–1948)» // Santacana, C.(ed): *Entre el malson i l'oblit. L'impacte del franquisme en la cultura a Catalunya i les Balears (1939–1960)*, Catarroja, Afers, 2013, 215–243.

²³ Santacana, C. «Josep Tarradellas. L'exili (1939–1954)» // *Els documents de l'arxiu Tarradellas. L'exili (1939–1954)*, Barcelona, Dau, 2014, 49 y sig.

²⁴ Balcells, A. *Miquel Coll i Alentorn. Cit.*, 225.

imperialistas anglosajones». La prensa republicana, sin cortarse, comparó Stalin con Hitler y Mussolini, y defendió la necesidad de romper todas las relaciones políticas con los comunistas. Así lo resumía la revista *La Humanitat*, publicada en Méjico: «sería un suicidio idiota si aceptáramos la compañía de los que sabemos que pretenden hundir la dictadura franquista para entronizar otra igual de humana y salvaje»²⁵. El mismo Josep Tarradellas intervino con un largo artículo que publicó *La Humanitat* en diciembre de 1948 y que resumía la historia del PSUC y señalaba la llegada de dirigentes no catalanes como la causa de la involución del partido, nacido socialista y catalanista el julio de 1936, y dividido entre las diferentes ánimas y la influencia de los dirigentes comunistas españoles. Si en la Guerra Civil una parte del PSUC había acabado apoyando al gobierno Negrín en su campaña contra la Generalitat, en la coyuntura de la disolución del Gobierno de Josep Irla, el PSUC había llevado a cabo una campaña de insultos violentos que según el mismo Tarradellas se explicaba de esta manera: «¿Por qué era necesaria esta crítica violenta de los hombres más destacados de la Esquerra? Sencillamente porque el descrédito de nuestro partido llevaba como consecuencia obligada el descrédito de aquellos dirigentes comunistas que habían colaborado y mantenido una línea de actuación conjunta con la de Esquerra.»²⁶ Tarradellas recordaba las purgas de la guerra civil que comparaba a los nuevos casos de Heriberto Quiñones o Jesús Monzón, y que unos meses más tarde acabarían con el mismo Joan Comorera.

El antifranquismo no comunista entre los recelos anticomunistas y la necesidad de la unidad política (1954–1975).

Las rupturas eran claras entre ERC y el PSUC, pero la iniciativa política de los republicanos catalanes tenía que hacer las cuentas con el nuevo contexto de la Guerra fría y tenía que sobrevivir prácticamente sin recursos en medio de las discordias entre las diferentes familias republicanas. En esta coyuntura, Josep Tarradellas dejó clara la importancia de desvincularse de las hipotecas con los gobiernos españoles del exilio que criticó duramente y apostó por replegar el partido sobre la presidencia de la Generalitat con la finalidad de resistir, aguantar más que el franquismo²⁷. Su obra más importante fue conseguir por lo tanto la presidencia de la Generalitat. Gracias a su relación con Josep Irla, que promulgó dos decretos que le allanaron el camino, y gracias a su capacidad de convencer una parte de los diputados exiliados, especialmente los de México, consiguió su objetivo: en la capital

²⁵ Culla, J— B. *Esquerra Republicana de Catalunya. 1931–2012. Una historia política*, Barcelona, La Campana, 2012, 75–78. Original en catalán.

²⁶ Tarradellas, J. “El perquè d’una actitud” // *La Humanitat*, n. 103, 25/12/1948, consultable en *Els documents de l’arxiu Tarradellas. L’exili (1939–1954)*, cit., 419–427.

²⁷ Culla, J— B. *Esquerra Republicana de Catalunya ...* p. 82.

azteca, Tarradellas fue elegido presidente de la Generalitat el 7 de agosto de 1954. En los años siguientes, la obsesión del político catalán fue consolidar la presidencia, haciendo llamamientos a la unidad alrededor de la Generalitat, y ser el interlocutor para negociar el restablecimiento de la democracia y del autogobierno catalán²⁸.

A pesar de las numerosas dificultades, que le llevaron incluso a enfrentarse a la mayoría de dirigentes de su partido en el exilio, consiguió blindar su presidencia. También eran complejas sus relaciones con el interior: en 1952 la muerte de Pous i Pagès determinó la disolución del Comité que fue substituido por el Consell de Forces Democràtiques de Catalunya (CFDC), presidido por Claudi Ametlla. El CFDC, conocido como Comitè Ametlla, heredó la misma concepción de ser un amplio frente antifranquista, integrado por toda la oposición liberal y democrática con la exclusión de comunistas y falangistas. Las acciones del Comité Ametlla se limitaron mayoritariamente a hacer reuniones para compartir informaciones entre diferentes fuerzas políticas que iban desde los republicanos y catalanistas hasta los monárquicos y liberales, católicos o ex-falangistas, e incluso llegando a tener contactos con José María Gil Robles o Dioniso Ridruejo, entre otros. La acción más destacada del Comité Ametlla fue participar en el denominado “Contubernio de Múnich” ya que parece que fue José María Gil Robles quién delegó en Ametlla la lista de los catalanes que tenían que participar en la reunión del Movimiento europeo, mantenida en la capital de Baviera en junio de 1962. La delegación catalana del interior y la del exterior fueron presididas por Rafael Tasis²⁹; le acompañaban Marius Estartús, por el Moviment Socialista de Catalunya; Jaume Serra Gasulla, por Esquerra Republicana de Catalunya; los monárquicos Antoni de Senillosa y Cros, Francesc Sitjà y Josep Lluís Urruela; el democrático cristiano Felip Lagarriga; el director del Instituto Europeo de Barcelona Jordi Ballester; los catalanistas independientes monseñor Josep Sanabre y el poeta Marià Manent³⁰. A pesar de defender el derecho del «reconocimiento de las peculiaridades lingüísticas, culturales, históricas e jurídicas de los pueblos hispánicos», los delegados catalanes tuvieron que retroceder y aprobar una moción que, además de desear la vuelta de las libertades públicas y de las instituciones democráticas, apoyaba un vago «reconocimiento de la personalidad de las distintas comunidades naturales». También los socialistas se comprometieron a apoyar la Restauración monárquica, siempre y cuando ésta se acompañara de una implantación de la democracia en España. La persecución del régimen hacia los que participaron en el Contubernio de Múnich sirvió para multiplicar el eco del encuentro en toda España y en el extranjero. La reunión de

²⁸ Santacana, C. «Josep Tarradellas. L'exili (1954–1977)» prólogo a *Els documents de l'arxiu Tarradellas. L'exili (1954–1977)*, Barcelona, Dau, 2015, 13 y sig.

²⁹ De Pilar, P., Solé, Q. *30 anys d'història d'europèisme català. 1948–1976*. El contuberni de Munic, Barcelona, Editorial Mediterrània, 1999, 104 y sig.

³⁰ Manent, A. *Marià Manent. Biografia íntima i literària*, Barcelona, Planeta, 1995, pp. 189 y sig.

Múnich fue un paso muy importante respecto a la definición de un antifranquismo liberal y moderado que quería superar las divisiones traumáticas de la Guerra Civil, así como su visualización delante de la opinión pública internacional y su capacidad para bloquear las negociaciones entre la Comunidad Económica Europea y España. Por otro lado, el congreso de Múnich no consiguió materializar una oposición democrática que pudiera poner en crisis el franquismo³¹.

Desde el punto de vista del presidente Josep Tarradellas, la reunión del Movimiento europeo en Múnich representó un retroceso de la causa catalana y la condenó con palabras muy contundentes, afirmando que no tendría «efectividad en la lucha contra el franquismo»; además, consideró que había sido una «acción negativa», cuyo único resultado tangible se había traducido en «donar satisfacciones personales a aquellos que habían confundido nuestros deberes y derechos con sus vanidades»³². No hay que olvidar que los recelos de Tarradellas se explican también porque, en 1959, una amplia delegación, encabezada por el poeta Carles Riba e integrada por intelectuales y fuerzas políticas del interior, que iban desde Esquerra Republicana hasta Unió Democràtica, incluyendo el Moviment Socialista de Catalunya y Acció Catalana, había pedido la destitución del mismo Tarradellas como presidente de la Generalitat y su substitución por una personalidad de consenso como el reconocido músico Pau Casals. La iniciativa fracasó, pero originó el rechazo de Tarradellas hacia las personas activas del interior, a las que consideraba más bien como sus enemigas, a excepción de Rafael Tasis, su interlocutor privilegiado³³.

El presidente Tarradellas tuvo otros enfrentamientos con el interior: con Òmnium Cultural y con el abad Aurelio Escarré y los monjes de Montserrat. A los primeros los consideraba unos burgueses que habían colaborado con los franquistas durante la Guerra Civil, y a los segundos los criticaba porque consideraba que la Iglesia no tenía que hacer política y porque veía que las revistas patrocinadas por Montserrat, como *Qüestions de vida cristiana* o *Serra d'Or*, abrían sus puertas a una línea que sería seguida por el Concilio Vaticano II, y había sido aprovechada por los comunistas que se estaban infiltrando en la redacción de estas revistas para hacer propaganda de sus ideas. En una carta a su amigo Jaume Miravittles, en agosto de 1965, describía la capacidad de los comunistas por ocupar posiciones en el antifranquismo a lo largo del periodo 1960–1965. Tarradellas definía a los comunistas despectivamente como “paraguayos”, pero no podía no reconocer su habilidad en conseguir sus objetivos³⁴.

³¹ Amat, J. *La primavera de Múnich. Esperanza y fracaso de una transición democrática*, Barcelona, Tusquets, 2016.

³² Benet, J. *El president Tarradellas en els seus textos*, Barcelona, Empúries, 1992, 91 y sig..

³³ Junto con la bibliografía citada anteriormente cfr: Sauret J. *L'exili polític català*, Barcelona, Proa, 1979, 132 y sig.

³⁴ Santacana, C. «Josep Tarradellas. L'exili (1954–1977)» *cit.*, 42.

Precisamente la realidad política del antifranquismo decantaba los diferentes sectores hacia un pragmatismo que contemplaba la necesidad de converger hacia una unidad de acción con los comunistas, determinando que el anterior peso del anticomunismo tuviera que dejarse de lado. Así, el MSC se rompió prácticamente en 1966 entre un interior que llevaba ya tiempo colaborando con los comunistas y un exterior que no la contemplaba por considerarla una fuerza no democrática. El dinamismo del nuevo antifranquismo activo en las Comisiones Obreras, el Sindicato Democrático de Estudiantes o la Taula Rodona de fuerzas políticas, donde las voces cantantes eran del PSUC, marcaría el nuevo curso histórico³⁵.

En los últimos años del franquismo, Tarradellas miró también con suspicacias a las plataformas unitarias que se crearon, como la Coordinadora de Forces Polítiques de Catalunya (1969) o la Asamblea de Catalunya (1971). Se difundió la reivindicación del restablecimiento de la Generalitat y de la autonomía catalana, pero sin poner el mismo énfasis en el regreso de su presidente y relegándolo a un papel más bien simbólico. Todo cambió con la muerte de Franco, el 20 de noviembre de 1975: se creó el Consell de Forces Polítiques de Catalunya, el 23 de diciembre siguiente. El nuevo organismo reclamaba la vuelta de la Generalitat y de su presidente. Las elecciones de 1977, con el triunfo de las izquierdas en Cataluña, aceleraron la “operación Tarradellas” que se realizó con negociaciones a tres bandas entre el Gobierno de Madrid, de Emilio Suárez, el presidente exiliado y la Asamblea de Parlamentarios catalanes. Para Suárez y la centroderecha española era mejor negociar con el moderado Tarradellas que con los izquierdistas que habían ganado las elecciones en Cataluña. A pesar de las luces y sombras, la “operación Tarradellas” fue un éxito ya que permitió la reinstauración de la autonomía catalana y de la única institución republicana que sobrevivió en el exilio, la Generalitat de Catalunya.

Bibliografía

1. Amat, J. *La primavera de Múnich. Esperanza y fracaso de una transición democrática*, Barcelona, Tusquets, 2016.
2. Ascunce Arrieta, J.A.: *Sociología cultural del franquismo (1936–1975). La cultura del nacional-catolicismo*, Madrid, Biblioteca Nueva, 2015.
3. Aubert, P.: «Teoría y práctica de la Transición. El papel de los intelectuales», a *Bulletin d’Histoire Contemporaine d’Espagne*, n. 50 (2015), 127–161.
4. Báez Ramos, J.: «La capacidad social para tolerar una disonancia cognitiva: la recuperación de los exiliados» // Balcells, A. *Miquel Coll i Alentorn. Historiografía i democràcia (1904–1990)*, Barcelona, Proa, 1999, 217 y sig.

³⁵ Ferrer Gonzalez, C, Muñoz Jofre, J.: «El anticomunismo en la izquierda... cit p. 436–437. Sobre el PSUC y su peso en la cultura y política del contexto: Molinero, C.; Ysàs, P.: *Els anys del PSUC. El partit de l’antifranquisme (1956–1981)*, Barcelona, L’Avenç, 2010 y de Pala, G.: *El PSUC. L’antifranquisme i la política d’aliances a Catalunya (1956–1977)*, Barcelona, L’Avenç, 2011 y *Cultura clandestina. Los intelectuales del PSUC bajo el franquismo*, Granada, Comares, 2016.

5. Benet, J. *El president Tarradellas en els seus textos*, Barcelona, Empúries, 1992, pp. 91 y sig.
6. Benet, J. *L'intent franquista de genocidi cultural contra Catalunya*, Barcelona, Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 1995.
7. Rafanell, A. *Notícies d'abans d'ahir. Lengua i literatura catalana del segle XX*, Barcelona, A Contravent, 2013.
8. Cattini, G. C. «Cultura política i exili. L'ocàs del republicanisme català (1939–1948)» // Santacana, C.(ed): *Entre el malson i l'oblit. L'impacte del franquisme en la cultura a Catalunya i les Balears (1939–1960)*, Catarroja, Afers, 2013, 215–243.
9. Cattini, G. C. «El recuerdo de la República en el Tardofranquismo. El papel cultural de los exiliados que vuelven a España» // Actas del XIII Congreso de la Asociación de Historia Contemporánea, Albacete, 2017, pp. 2949–2959.
10. Cattini, G. C. «España y Cataluña. Pensando el catalanismo desde el exilio. Los refugiados de Acció Catalana a Perpiñán», Archilés, F; Saz, I.: *Naciones y Estado. La cuestión española*, València, PUV, 2014, 89–105.
11. Corretger, M. *Domènec Guansé, crític i novel·lista: entre l'exili i el retorn*, Barcelona, Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 2008, 125–213.
12. Culla, J-B. *Esquerra Republicana de Catalunya. 1931–2012. Una historia política*, Barcelona, La Campana, 2012, 75–78. Original en catalán.
13. De Pilar, P., Solé, Q. *30 anys d'història d'europèisme català. 1948–1976. El contuberni de Munic*, Barcelona, Editorial Mediterrània, 1999, pp. 104 y sig.
14. Gracia, J. *A la intemperie. Exilio y cultura en España*, Barcelona, Anagrama, 2010.
15. Junto con la bibliografía citada anteriormente cfr: Sauret J.: *L'exili polític català*, Barcelona, Proa, 1979, pp. 132 y sig.
16. Larraz, F. *El monopolio de la palabra. El exilio intelectual en la España franquista*, Madrid, Biblioteca Nueva, 2009;
17. Manent, A. *La literatura catalana de l'exili*, Barcelona, Curial, 1989.
18. Manent, A. *Marià Manent. Biografia íntima i literària*, Barcelona, Planeta, 1995, pp. 189 y sig.
19. Morán, G. *El cura y los mandarines. Historia no oficial del Bosque de los Letrados. Cultura y política en España 1962–1996*, Madrid, Akal, 2014, p. 452.
20. Muñoz Soro, J. «Entre la memoria y la reconciliación. El recuerdo de la República y la guerra en la generación de 1968», a *Història del Presente*, n. 1–2 (2003), pp.83–100.
21. Pérez Bowie, J.A. *El exilio cultural de la Guerra Civil, 1936–1939*, Salamanca, Universidad de Salamanca, 2001;
22. Rubiralta Casas, F. *Joan Cornudella i Barberà. (1904–1985). Biografia política*, Barcelona, Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 2003, pp. 193 y sig.
23. Rubiralta, F. *Una història de l'independentisme polític català*, Lleida, Pagès, 2004, pp. 116 y sig.
24. Santacana, C. «Josep Tarradellas. L'exili (1954–1977)» prólogo a *Els documents de l'arxiu Tarradellas. L'exili (1954–1977)*, Barcelona, Dau, 2015, 13 y sig.

25. Tarradellas, J. «El perquè d'una actitud» en *La Humanitat*, n. 103, 25/12/1948, consultable en *Els documents de l'arxiu Tarradellas. L'exili (1939–1954)*, cit., 419–427.
26. Vilanova i Vila-Abadal, F. *Als dos costats de la frontera. Relacions polítiques entre exili i interior a la postguerra, 1939–1945*, Barcelona, Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 2001, pp. 59 i sig.

La Corte Suprema de Justicia frente al “avance comunista” y la lucha social en la represión conservadora en Colombia, 1926–1930

The Supreme Court of Justice against the «communist advance» and the social struggle in the conservative repression in Colombia, 1926–1930

Resumen: La Revolución Rusa despertó los temores de la hegemonía conservadora que gobernó a Colombia entre 1914 y 1930, y que pensaba que los “bolcheviques” avanzarían sobre el país de la mano del movimiento obrero. Ante tales “peligros”, los gobiernos conservadores colombianos enfrentaron la “cuestión social” como un asunto de orden público.

La ponencia aborda en perspectiva histórica y política el papel que jugó la Corte Suprema de Justicia con respecto a las herramientas jurídicas que reprimieron la protesta social. Es decir, de cómo el tribunal también contribuyó a detener la “amenaza” “bolchevique” y obrera entre 1926 y 1930.

Palabras clave. Corte Suprema de Justicia de Colombia; Revolución Rusa; comunismo latinoamericano.

Abstract. The Russian Revolution aroused the fears of the Conservative Hegemony that ruled Colombia between 1914 and 1930 because it thought that the «Bolsheviks» would advance over the country at the hands of the workers’ movement. Colombian Conservative governments took seriously those “threats”, so they faced the «social question” as a matter of public order.

This paper, in a historical and political perspective, deals with the role played by the Colombian Supreme Court on the legal tools that repressed social protest. That is, how the court also helped to stop the «Bolshevik» and the threats of the worker’s» movement between 1926 and 1930.

Key words. Supreme Court of Justice of Colombia; Russian Revolution; communism in Latin America.

A cien años de la Revolución Rusa conviene reflexionar sobre algunos de sus influjos en Colombia. En efecto, en nuestro país por cerca de dos décadas se hablaría del peligro de los avances de los “bolcheviques” y su relación con sectores subalternos del país, en particular con el movimiento obrero. Ese temor estuvo latente en los

¹ Universidad Icesi, Colombia, mcajas@icesi.edu.co

llamados gobiernos de la hegemonía conservadora, que enfrentaron la “cuestión social” como un asunto de orden público.

Se trata, en primer lugar, del decreto 707 de 1927 o de *Alta Policía*. En segundo término, de las medidas de estado de sitio dictadas para reprimir la huelga bananera de 1928, que la Corte evaluó casi tres años después, cuando ya habían perdido vigor. Así, pretendo poner en evidencia cómo el tribunal, por acción y por omisión, terminó respaldando las medidas aprobadas por el régimen conservador para contener la protesta social, a la que se acusaba de estar vinculada a la expansión “revolucionaria” y sobre todo “bolchevique”.

Empezaré por caracterizar brevemente el contexto político de la llamada hegemonía conservadora y luego me centraré en el papel que jugó la Corte con respecto a esas dos herramientas jurídicas mencionadas.

En primer lugar, debemos recordar que el retorno del partido Conservador al poder hegemónico en el siglo veinte colombiano se dio con el triunfo aplastante de José Vicente Concha en las elecciones presidenciales de 1914, así como el control casi total del Congreso en las elecciones del mismo año, y por último la posterior conformación de una Corte Suprema de Justicia compuesta por una mayoría de magistrados conservadores desde 1915. Los conservadores lograron mantener ese poder hegemónico hasta la sorpresiva llegada del gobierno del liberal Enrique Olaya Herrera (1930–1934)².

Si bien los conservadores habían logrado hacerse al control de las tres ramas del poder público, así como a la burocracia estatal a lo largo de ancho del país, tendrían que enfrentar uno de sus mayores desafíos hacia la segunda década del siglo veinte, cuando la “cuestión social” emergía de la mano con el naciente movimiento obrero surgido con los primeros años de la industrialización. De este modo, tanto las tensiones con el movimiento obrero y los desafíos políticos de nacentes grupos de izquierda fueron asociados con la “amenaza comunista” de los “bolcheviques”, y la “peligrosa” influencia de la Revolución Mexicana.

Así las cosas, la “cuestión social” sólo empezó a ser resuelta hacia la década de los treinta, con la llegada de la llamada “Segunda República Liberal”, y algunos derechos sociales alcanzaron rango constitucional hacia 1936 con la reforma constitucional impulsada por el partido Liberal en la presidencia de Alfonso López Pumarejo (1934–1938); una enmienda que se aprobó en medio de fuertes rechazos del opositor Partido Conservador y de amplios sectores económicos del país.

En cuanto a la Corte Suprema de Justicia, el diseño institucional de la reforma constitucional de 1910 había dispuesto que a su conformación concurrirían

² En el caso de la Corte Suprema de Justicia el Partido Conservador dominó hasta que el Partido Liberal ganó las mayorías en el Congreso y pudo elegir magistrados que en su mayoría eran liberales, en 1935, vease Cajas Sarria, M. (2015). *La historia de la Corte Suprema de Justicia de Colombia, 1886–1991*, Tomos I y II, Bogotá: Universidad de los Andes y Universidad Icesi, 2015.

el Ejecutivo y el Congreso: el primero proponía las ternas de candidatos y el segundo elegía los magistrados. Este sistema parecía asegurar “frenos y contrapesos” entre los poderes públicos, en línea con el ideal republicano de quienes dominaron la Asamblea Constituyente. No obstante, una vez la Unión Republicana desapareció del mapa político nacional en las elecciones de 1914, como dije previamente, con el conservatismo en la presidencia de la República y con mayorías legislativas, la Corte Suprema también pasó a ser dominada por el partido Conservador. Los magistrados, cuyos períodos eran quinquenales y podían aspirar a ser reelegidos indefinidamente, fueron mayoritariamente conservadores por veinte años; por su parte los liberales eran minoría pues el número de magistrados dependía de la proporción en que cada partido estuviera representado en el Congreso³.

Esa misma enmienda constitucional de 1910 había establecido en Colombia la acción pública de inconstitucionalidad, un mecanismo de defensa judicial de la Constitución y pionero a nivel mundial, que facultaba a cualquier ciudadano a demandar las leyes ante la Corte Suprema de Justicia⁴. Tal avance “procesal” en favor de la garantía de la Constitución, contrastaría con la represión al movimiento obrero y la lucha social de los cuatro períodos presidenciales de la hegemonía conservadora en el siglo veinte (1914–1930).

1. Protesta social y gobierno conservador en las primeras dos décadas del siglo veinte

Aunque en Colombia el movimiento obrero se había empezado a gestar hacia finales del siglo diecinueve, su consolidación empezaría a tomar forma en las dos primeras décadas del siglo veinte con la creación de las primeras organizaciones políticas, lo cual ocurría con los primeros desarrollos industriales⁵. Fue así como una de las primeras protestas de impacto en el país la protagonizaron artesanos y obreros que marcharon por las calles de Bogotá para exigir al gobierno nacional que no contratara con empresas extranjeras la confección de uniformes militares, sino con sastres locales⁶. La movilización fue convocada por el Sindicato Central

³ Acto Legislativo 3 de 1905.

⁴ La historia política del surgimiento de este mecanismo, así como su uso durante la vigencia de la Constitución de 1886, en Cajas Sarria, M. *La historia de la Corte Suprema de Justicia de Colombia, 1886–1991*, Tomos I y II, Bogotá: Universidad de los Andes y Universidad Icesi, 2015.

⁵ La bibliografía sobre el surgimiento y desarrollo del movimiento obrero, así como de las organizaciones sindicales y políticas de la izquierda Colombiana en las tres primeras décadas del siglo veinte es extensa. Las relaciones entre todas ellas, así como las influencias de la Revolución Rusa, la Revolución Mexicana y el comunismo internacional, por supuesto que exige matices y distinciones que exceden los propósitos de este trabajo.

⁶ Bushnell, D. *Colombia: una nación a pesar de sí misma: nuestra historia desde los tiempos precolombinos hasta hoy*, 16ª edición actualizada, Bogotá: Planeta, 2007.

Obrero en marzo de 1919 y fue brutalmente reprimida por el gobierno conservador de Marco Fidel Suárez. La acción de la fuerza pública, que incluyó el ataque con arma de fuego por el propio Ministro de Guerra, general Pedro Sicard a uno de los líderes de la movilización, produjo una masacre y decenas de heridos. El gobierno justificó la respuesta militar como una reacción ante un “amotinamiento” causado por “provocadores” anarquistas y bolcheviques⁷. Al final, por supuesto, el gobierno no sólo no accedió a las peticiones del movimiento obrero sino que en diciembre del mismo año contrató con empresas inglesas la confección de uniformes para la Policía Nacional⁸. Más adelante, los gobiernos conservadores también continuarían enfrentando movilizaciones y huelgas: en 1920 hubo 32 huelgas, entre 1921 y 1923: 23 más y así sucesivamente durante la década de los veinte y todas ellas fueron reprimidas por la fuerza⁹.

Volvamos ahora la mirada al enorme poder que acumuló el partido conservador en la llamada Hegemonía Conservadora. Como dijimos, entre los años 1914 y 1930, el Partido Conservador Colombiano dominó en los poderes Ejecutivo, Legislativo y judicial. Entretanto, el partido Liberal pasó a ser una escasa minoría en las tres ramas del poder público a nivel nacional y en los poderes ejecutivos y judiciales locales, bajo el modelo de república unitaria y centralizada impuesta por la Constitución de 1886. A los gobiernos conservadores les correspondería enfrentar el enorme descontento social que producían las transformaciones económicas que vivía un país camino a la industrialización, con una clase obrera creciente y cada vez más organizada: la condición de los trabajos era precaria, con bajos salarios, extensas jornadas laborales y modalidades de contratación indirecta que perjudicaban al trabajador¹⁰. En 1919 y 1920 se aprobó una legislación reactiva para permitir la huelga, bajo la presión de la movilización obrera, controlando la huelga y prohibiendo su declaración en actividades consideradas como de servicios públicos. En suma, la llamada Hegemonía Conservadora no intentó solucionar el fondo de esta problemática, que exigía una mayor intervención social por parte del Estado, sino que prefirió darle

⁷ Vega, R. *Gente muy rebelde: protesta popular y Modernización capitalista en Colombia*. 3. Mujeres, artesanos y protestas cívicas, Bogotá: Ediciones Pensamiento Crítico, 2002, 50.

⁸ Vega, R. *Op. Cit.*, 55.

⁹ Archila, M. “La clase obrera colombiana, 1886–1930”, Tirado Mejía, A. (Ed), *Nueva Historia de Colombia*, Vol. III. Capítulo 9, 19–244. Bogotá: Planeta, 1989.

¹⁰ “Una transformación tan radical tiene todas las posibilidades de provocar convulsiones sociales considerables y un régimen que tiene una concepción rígida del orden político se encuentra poco preparado para hacerles frente (...) la construcción de los ferrocarriles, el aumento del tráfico por el río Magdalena y la formación de enclaves petroleros en manos de compañías extranjeras provocan una afluencia de trabajadores que hace posible la conformación de un movimiento sindical importante, origen de numerosas huelgas. Ese sindicalismo, pero también ciertos núcleos de artesanos, ofrecen rápidamente el terreno fértil sobre el cual prosperan corrientes radicales diversas, anarcosindicalistas, socialistas o comunistas que alarman al gobierno”. Posada Carbó, E. “1910–2010. Dos momentos y cien años”, *Colombia, 1910–2010*. Calderon M. y Restrepo I., (Eds.). Bogotá: Taurus, 2010, 53.

un tratamiento bajo la óptica de una amenaza al orden público: es decir, enfrentar la “cuestión social” como un asunto de subversión del orden establecido y que por tanto había que contener por la fuerza.

La Hegemonía Conservadora no solo lidiaba con asuntos de naturaleza local sino que debía considerar un contexto regional y mundial desafiante para las tradiciones y el liberalismo político. En efecto, la amenaza de la Revolución Rusa que se expandía por el mundo preocupaba a los Estados Unidos de América¹¹ y a su patio (en donde se situaba Colombia)¹², y a esta se sumaba la revolución agrarista mexicana que en 1917 también había aprobado su Constitución de 1917. Así, por ejemplo, a propuesta del también presidente conservador, Marco Fidel Suárez (1918–1921), el Congreso aprobó distintos instrumentos legales para contener la participación de extranjeros en actividades políticas de inclinaciones anarquistas y comunistas.

De igual modo, la ley 78 de 1919 sancionaba con la expulsión del país a los extranjeros a quienes se hallare responsables de tomar parte en “asonadas o motines, con pretexto u ocasión de huelgas”, así como a quienes hicieran propaganda para fomentar esos motines y asonadas.¹³ Asimismo, la ley 48 de 1920 prohibía la entrada al país de extranjeros que desafiaran a las autoridades, así como a los “anarquistas” y “comunistas” que atentaran contra el “derecho de propiedad”¹⁴, al igual que a quienes promovieran el “derrocamiento” del gobierno o practicaran “doctrinas subversivas del orden público social”, tales como la anarquía y el comunismo.

El gobierno que selló el fin de la Hegemonía Conservadora fue el de Miguel Abadía Méndez (1926 —1930), cuya administración enfrentó con mayor agudeza la intensa agitación laboral que crecía a la par del sindicalismo que se levantaba en contra de las injustas condiciones laborales que afectaban a gran parte de la población obrera del país. Por ejemplo, en 1926 los trabajadores del Ferrocarril del Pacífico entraron en una huelga, y en 1927 estalló en Barrancabermeja la huelga de los trabajadores de la *Tropical Oil Company* (Troco), que fue reprimida con severidad por el gobierno¹⁵.

La administración Abadía pensaba que esas movilizaciones de los trabajadores y las huelgas eran un síntoma del avance comunista y de los peligros de grupos que

¹¹ Nótese que la Unión Soviética se estableció en 1922 y que México fue el primer país de América Latina en establecer relaciones con ese país en 1924.

¹² Con la caída de la Unión Soviética se han develado nuevos archivos que dan lugar a nuevas investigaciones e hipótesis sobre la influencia de la Revolución de Octubre en América Latina. Un balance sobre los estudios en ese tópico así como los desafíos para agendas de investigación al respecto la ofrece. Véase: Silva R. “Presentation: on the studies about the Russian Revolution of 1917 conducted in Latin America”, *Historia Crítica*, 2017, 64.

¹³ *Diario Oficial*, 24 de noviembre de 1919.

¹⁴ *Ley 48 del 3 de noviembre de 1929*, Diario Oficial No. 17392 y 17393 de 1920.

¹⁵ Pécaut, D. *Orden y violencia: evolución socio— política de Colombia entre 1930 y 1953*, Bogotá: Norma, 2001, 114.

buscaban alterar el orden público¹⁶. La amenaza pudo no haber sido tan real o de la proporción que imaginaba el gobierno conservador, pero tanto la propaganda que lograron difundir las organizaciones obreras y socialistas, como la proveniente de los Estados Unidos parecían suficientes como para crear el ambiente necesario para la acción gubernamental. Por ejemplo, el Secretario de Estado estadounidense, Frank Billings Kellogg había manifestado sus preocupaciones sobre la influencia de México en la expansión de la Revolución Rusa en la región en un informe al Comité de Relaciones Exteriores del Senado el 12 de enero de 1927¹⁷, en el que presentaba una serie de presuntas “evidencias” de los vínculos mexicanos con los bolcheviques, así como también de la propaganda comunista antiestadounidense: “(...) Los líderes bolcheviques (...) han tenido ideas definidas respecto al rol que México y América Latina juegan en su programa de revolución mundial. Ellos establecieron como una de sus tareas fundamentales la destrucción de lo que ellos nombraron Imperialismo Americano como un prerrequisito necesario para el desarrollo exitoso del movimiento revolucionario internacional en el Nuevo Mundo. (...)”. Este mensaje, por cierto, luego sería explícitamente mencionado por la Corte Suprema de Justicia como elemento del contexto de peligro ante la “amenaza bolchevique” que enfrentaba Colombia.

Así que la represión no solo aparecía justificada por la capacidad de turbación del orden público que parecían tener algunos grupos de ciudadanos que se enfrentaban al gobierno y a sus empleadores sino también por las supuestas o reales articulaciones de las organizaciones sociales y del movimiento obrero al comunismo internacional¹⁸.

También bajo el gobierno de Abadía encontramos evidencia de la preocupación por las “influencias” de extranjeros en las difíciles condiciones del orden público interno. Por ejemplo, el Congreso aprobó la ley 103 del 23 de noviembre de 1927, que establecía dentro de las causales de expulsión del territorio nacional a quienes: aconsejen, enseñen o proclamen el desconocimiento del gobierno por la fuerza o la violencia, o “*la práctica de doctrinas subversivas del orden publico social, tales como la anarquía y el comunismo, o que atenten contra el derecho de propiedad*”; así como también a aquellos “*que violen la neutralidad, a que están obligados, ingiriéndose en*

¹⁶ “Especialmente inquietante para los conservadores era la admiración que sentía la clase obrera por la Revolución rusa de 1917. Esto, unido al hecho de que la mayoría de los dirigentes sindicales y un número considerable de jóvenes activistas sociales que emergía por entonces, proclamaban su compromiso con el socialismo revolucionario, llenó de terror a los conservadores”. (Vease: Henderson, J. D. *La modernización en Colombia: los años de Laureano Gómez 1899–1965*. Medellín: Universidad de Antioquia, 2006, 228).

¹⁷ “Statement by the Secretary of State regarding Bolshevik aims and policies in Mexico and Latin America”, Washington, January 12, 1927, *Foreign Relations*, Vol. 1, 1942. P. 356–263.

¹⁸ Las interpretaciones sobre este tipo de representaciones siguen abiertas y hasta ahora parecen restringidas a la mención de evidencias documentales sobre el período o a trabajos que podrían llamarse “clásicos”, sin que haya innovación o renovación. (Silva, *op. cit.*, 24).

la política interna de Colombia, sea por medio de la prensa, redactando o escribiendo en periódicos políticos sobre asuntos de esta clase; o por palabra, pronunciando discursos sobre política colombiana; o afiliándose a sociedades políticas”.¹⁹

2. La Corte Suprema de Justicia contra los *bolcheviques* y la protesta social

Como lo mencioné, el gobierno de Abadía tramitó el conflicto social como un asunto de orden público, que exigía una actuación severa y rápida a fin de evitar que la alianza del comunismo internacional con sediciosos locales lograra destruir las instituciones. El Ministro de Guerra Ignacio Rengifo se encargó de difundir a los cuatro vientos la amenaza del comunismo y la subversión del orden, tanto interna como externa, que acechaba al país. Como recuerda Germán Colmenares: “*Los esfuerzos de represión del ministro se dirigieron ante todo contra las formas embrionarias de organización socialista*”²⁰. Una muestra de ello fue la solicitud de Rengifo al Congreso para que se incrementara el pie de fuerza de las fuerzas militares y de policía, así como también más herramientas jurídicas ante el riesgo de un gran levantamiento de trabajadores que tendría lugar el primero de mayo de 1927.

A continuación me referiré a esas herramientas jurídicas que empleó el régimen conservador, así como el papel que con respecto a ellas jugó la Corte Suprema de Justicia.

2.1. El decreto para prevenir “desórdenes” el Primero de mayo de 1927.

Ante la llamada “amenaza comunista, el gobierno del presidente Miguel Abadía Méndez dictó el decreto 707 del 26 de abril de 1927: “*Por el cual se dictan reglamentos de Policía Nacional, sobre orden público, reuniones públicas y posesión de armas y municiones*”. Como dijimos atrás, esa fue una de las medidas urgentes que solicitó el Ministro de Guerra, quien decía tener información sobre el gran levantamiento obrero que habría el 1o de mayo de 1927.²¹

¹⁹ Las influencias y los nexos entre sectores del naciente sindicalismo colombiano con socialistas, anarquistas y con el comunismo internacional está bien documentados. Esas relaciones e influencias fueron heterogéneas, intermitentes y muchas veces conflictivas para la propia dirigencia sindicalista nacional. Una de las reconstrucciones que aporta al entendimiento del tema en Vanegas, I. “Cabeza socialista, brazos proletarios: Los liderazgos socialistas en Colombia, 1909–1924”, *Cuadernos de Historia* No. 42, 2015, 33–59. Departamento de Ciencias Históricas, Universidad de Chile.

²⁰ Colmenares 1989 narra que el 22 de septiembre de 1927 un juez de Honda, en el Departamento del Tolima, encarceló a 17 delegados a un congreso socialista que se llevaba a cabo en la Dorada (Departamento de Caldas). Colmenares, G. Ospina y Abadía: la política en el decenio de los veinte. En: Tirado Mejía, A: *Nueva Historia de Colombia, Tomo I: Historia Política, 1886–1948*, Bogota, Nueva Sociedad, 1989, 258.

²¹ El Tiempo, diario liberal, en la sección “Cosas del Día” del 1º de mayo de 1927, en tono crítico daba cuenta de las alarmas prendidas por el gobierno de Abadía y su ministro Rengifo: “Hoy se va a librar la batalla definitiva entre el bolcheviquismo que, según declaraciones del doctor Rengifo, tiene organizadas

Pese a las denuncias del ministro Rengifo y las acusaciones del gobierno de que el liberalismo se aliaría con los socialistas para turbar el orden público aprovechando la celebración del 1 de mayo, la jornada transcurrió en calma, con la plena aplicación del Decreto de Alta Policía²². Incluso *El Tiempo* del 2 de mayo de 1927 reportó que la celebración del día del trabajo habría sido una de las más tranquilas de que se haya tenido noticia en Bogotá.²³ Esto informó²⁴ :

Durante dos meses el señor ministro de guerra se preparó minuciosamente para resistir la acometida que iban a hacerle ayer a las instituciones todos los elementos revoltosos del país. El doctor Rengifo hizo la grave declaración de que había connivencia entre liberales y socialistas para turbar la paz pública. De esa manera justificó el intenso movimiento de tropas, el reclutamiento llevado a cabo, como en las peores épocas en que se cazaba voluntarios a lazo, la agitación extraordinaria y la verdadera suspensión de las garantías que encarna el decreto de alta policía (...) Llegó el día trágico. Todo estaba listo. Artillería, caballería, infantería, aviación. Los soldados en sus puestos. Los generales, coroneles y oficiales subalternos ávidos de recoger laureles. (...) Todo estaba listo, si, salvo lo esencial: el enemigo. No había enemigo. Ni pequeño ni grande. No fue posible encontrar a todo lo largo y ancho de la tierra colombiana ni un solo bolchevique, ni un solo liberal que tuviera la bondad de lanzar un grito sedicioso. Nada. (...) El ministro de Guerra inventó, preparó y organizó un complot para darse el gusto de debelarlo el solo.

todas sus tremendas fuerzas, y el gobierno tutelar que nos rige (...) El gobierno no se siente bien seguro. El enemigo es verdaderamente formidable. Acaso no se le podría comparar sino a aquellos desaforados gigantes que, examinados de cerca por Sancho, resultaron inofensivos molinos de viento. Todas las fuerzas del ejército y la policía fueron acuartelados desde ayer por la tarde (...) “La Estrella Roja”, periódico bolchevique, ha publicado unos editoriales incendiarios (...) Y por los editoriales de “La Estrella Roja”, las cartas y las conversaciones se ha alarmado al país, se ha movilizó en todas las direcciones al ejército y se han gastado un par de centenares de millones de pesos! Es un escándalo verdaderamente inaudito. Ahora, ni el doctor Abadía, ni el doctor Rengifo, pueden creer que el país va a tolerar en silencio semejante farsa (...)” *El Tiempo*, Bogotá, 1 de mayo de 1927 “La jornada de hoy”, P. 3.

²² La aplicación del decreto, así como de la ley 48 de 1920 permitió la expulsión de dos importantes anarco-comunistas claves en la formación del movimiento obrero colombiano, que ya se mencionaron antes: Filipo Colombo y Juan García: “Colombo y García conformaron en Bogotá un grupo anarco-comunista llamado Pensamiento y Voluntad y crearon un periódico con el mismo nombre. También establecieron contactos con los anarquistas del Grupo Sindicalista Antorcha Libertaria y del Grupo Libertario de Santa Marta. Es evidente su participación en el Tercer Congreso Obrero y en la segunda huelga de Barrancabermeja. Posteriormente, desde el Centro Fraternidad y Rebeldía, denunciaron las características autoritarias que estaba adoptando la corriente socialista del PSR. Por último, publicaron varios artículos de prensa, entre los que se resaltó un análisis imparcial de la prensa colombiana.” Flórez (2011).

²³ “El temido primero de mayo de 1927, el día para el cual se anunciaban los más graves trastornos, pasó en una clama idílica. Fue el más tranquilo desde hace muchos años. No hubo en todo el territorio nacional ni un tiro, ni una cuchillada, ni un grito (...)”. “El día de ayer en Bogotá fue de absoluta calma”. *El Tiempo*, 2 de mayo de 1927. Primera página.

²⁴ “Después de la Jornada”, *El Tiempo*, 2 de mayo de 1927, primera página.

El decreto 707 decía fundarse en la facultades que el Congreso le había conferido al gobierno en la ley 51 de 1925, para reorganizar la policía nacional. El paquete de medidas ponía en manos de la Policía Nacional la función de “prevenir” los actos delictivos y hechos de turbación del orden público, que en la práctica le apuntaban a reprimir la movilización de los sindicatos, y por este camino a evitar el avance del comunismo internacional en suelo patrio.

Había transcurrido más de un año después de haberse expedido el Decreto No. 707 de 1927 cuando la Corte Suprema de Justicia decidió sobre una demanda ciudadana de inconstitucionalidad en contra del paquete de medidas. Era el 18 de noviembre de 1928 y para entonces el país vivía gran agitación, principalmente en la región bananera de la Costa Atlántica, en el Departamento del Magdalena, en donde se registraba una gran huelga de los trabajadores de la United Fruit Company (UFC), que luego desencadenarían en la “masacre de las bananeras” a la que se referirá más adelante este trabajo. De este modo, podría afirmarse que la decisión sobre el decreto de 1927 se produjo en el ambiente del conflicto social que había estallado en el norte del país, cuando los trabajadores bananeros eran acusados por el gobierno de estar conectados con los intentos de traer la revolución comunista al país. Por ejemplo, mientras *El Tiempo* informaba del fallo de la Corte y se publicaban los salvamentos de voto de los magistrados disidentes de origen liberal (como Parmenio Cárdenas), reportaba que habían sido detenidos cuatrocientos trece trabajadores, que intentaron detener un tren cargado de tropas, ametralladoras y material bélico en la estación de Riofrío en el Magdalena.²⁵

La Corte que decidió sobre la constitucionalidad del Decreto 707 de 1927 estaba compuesta por ocho magistrados de origen conservador y cuatro liberales. Los conservadores eran Julio Luzardo Fortóul, Juan C. Trujillo, Juan N. Méndez, Enrique Becerra, Francisco Tafur, Jesús Perilla, Germán B. Jiménez y Jenaro Cruz. La minoría liberal la componían: José Miguel Arango, Luís Felipe Rosales y Tancredo Nannetti.

La sentencia resolvía el proceso iniciado por Pablo Emilio Sabogal González, un abogado²⁶ cercano al naciente partido socialista colombiano²⁷, que demandó la inconstitucionalidad del decreto 707/1927. Según Sabogal, el Presidente de la República había dictado medidas que solo eran competencia del Congreso, con lo cual había invadido esferas de ese órgano legislativo en clara vulneración de la Constitución. Además, señaló que el decreto contrariaba la Carta Política porque: (i) atribuía funciones de los jueces ordinarios a la policía nacional, (ii) pretermitía “las

²⁵ *El Tiempo*, “La situación de las bananeras es delicada”, Bogotá, 17 de noviembre de 1928. primera página

²⁶ Uribe M. *Los años escondidos: Sueños y Rebeldías en la Década del Veinte*. Bogotá: CETRA— CEREC, 223.

²⁷ Vanegas, op. cit.

formalidades y procedimientos legales propios de cada juicio para juzgamiento y castigo de los juicios criminales”,(iii) permitía a la policía hacer detenciones y allanamientos, así como cerrar lugares de reunión, (iv) restringía la libertad de tránsito, y con todo esto, se desconocían “*los derechos y garantías sociales que la Constitución consagra y deja a las personas residentes en Colombia a merced y voluntad de funcionarios de policía, las más de las veces ignorantes y arbitrarios*”.²⁸

Aun cuando el gobierno invocó la ley 51 de 1925 como fundamento normativo para dictar el decreto 707 de 1927, para la Corte el amparo legal se circunscribía estrictamente a la reorganización administrativa y material del Ejército y de la Policía Nacional. Es decir, que el Congreso no había autorizado al Ejecutivo para expedir decreto demandado. No obstante, en un claro gesto de respaldo a la política *anticomunista* de Abadía, la Corte argumentó en favor de la inconstitucionalidad de las medidas. En efecto, el tribunal estableció que el decreto 707 de 1927 se enmarcaba dentro de las facultades constitucionales y legales que tenía el Ejecutivo para garantizar la seguridad y el orden público en el territorio nacional.

Por un lado, acudió a la obligación constitucional del Presidente de la República de “conservar y restablecer el orden público en donde fuere turbado”, y por otro, a la doctrina de la “naturaleza” y sus “fines”, según la cual había unas competencias implícitas del Ejecutivo que establecía la Constitución y que dentro de ellas cabía dictar decretos para preservar el orden público, como era el caso del decreto 707 de 1927. Así, para la corporación, el Ejecutivo había regulado las atribuciones preventivas de policía, es decir aquellas que “*tienen por misión descubrir los planes y confabulaciones secretas y hacerlas malograr antes de que estallen las obras*”, pero había un vacío legislativo con respecto a la policía política, de modo que el Estado había quedado inerte frente a una de las perturbaciones más preocupantes, como era “*la revolución que atenta contra la seguridad del Estado y las instituciones fundamentales sobre las que descansa la sociedad política*”. A renglón seguido la Corte señaló que ante el vacío legislativo mencionado, se justificaba que el Presidente de la República expidiera el decreto 707 de 1927.

La Corte parecía hacer una reflexión doméstica pero a la vez conectada con el contexto global sobre lo que suponía el “avance comunista”, y que consideraba necesario enfrentar con medidas como el decreto 707 de 1927, sin esperar a que el Congreso tomara cartas en el asunto. Así, hizo alusión a la alerta del gobierno de los Estados Unidos de América sobre la propaganda “bolsheviki” en contra de las instituciones de los demás países y para esto se sirvió del mencionado informe del Secretario de Estado, Frank Kellogg.²⁹ De este modo, para el tribunal había

²⁸ Corte Suprema de Justicia, Sala Plena, Bogotá, 13 de noviembre de 1928, Gaceta Judicial No. 1832, Tomo XXXVI, Bogotá, 193.

²⁹ Véase: Flores Torres, O. *México en la memoria de los jefes de misión estadounidenses, 1822–2003*, Monterrey: Centro de Estudios Históricos. UDEM, Universidad de Monterrey, 2007, 310. Sobre los

suficientes pruebas de las “proporciones magnas que en todo el mundo presenta el problema de la propaganda comunista de la cual no está exenta Colombia”, y de que estas sobrepasaban la capacidad de la policía y las autoridades locales, por lo que debían contrarrestarse con el poder de las autoridades nacionales.

De ahí que la corporación considerara que había llegado el momento en que el Legislativo y el Ejecutivo “con acción armónica, vigorosa y oportuna”, se ocuparan de preservar el orden público³⁰. Con este fallo, entonces, la Corte se sumaba a esa “colaboración armónica”, pues recuérdese que el decreto había surgido como respuesta a la movilización social que se creía sería aprovechada por el comunismo internacional y local para desestabilizar el país en la celebración del 1 de mayo de 1927; y que además la sentencia se producía en plena huelga bananera, en un ambiente de gran “agitación social”.

La Corte también se pronunció sobre las acusaciones de que el decreto vulneraba libertades y garantías constitucionales. En primer lugar, aclaró que no contrariaban la Constitución las medidas que ordenaban a la policía “*velar por la conservación de la paz pública...descubriendo las tramas, maquinaciones y conciertos contra la seguridad de la Nación*”. También consideró que se ajustaba a la Constitución la facultad de la policía de disolver las reuniones que degeneraran “en asonada o tumulto, obstruya las vías públicas, o llegue a vías de hecho contra las personas o las propiedades”.

En cuanto a la medida que facultaba a la policía para disolver reuniones públicas y detener a los responsables de que se produzcan “*manifestaciones o actos sediciosos que puedan degenerar en delitos contra la tranquilidad y el orden público*”, castigados por el Código Penal, o “*se hagan excitaciones*” que amenacen la seguridad de la nación o los intereses particulares o públicos, la Corte estimó que debía diferenciarse entre una reunión en donde el “tribuno” realiza incitaciones y amenazas” que no se realizan al instante”, ni ocasionan “tumulto o alboroto” en los concurrentes sino que estos permanecen como “auditorio tranquilo”, de aquellas en donde se seguía una actuación sediciosa. En el primer caso, la corporación consideró que la medida era inconstitucional porque “*viola el derecho de reunión pacífica porque impone una sanción inmerecida sobre personas que no cometen atentado alguno*”; mientras que en el segundo la disposición cabía dentro de una “*necesaria y racional reglamentación del derecho de reunión*”.³¹

informes de inteligencia del gobierno americano con respecto al plan de los revolucionarios rusos para crear una gran liga comunista en América Latina con apoyo de México, también véase Spenser, D. *El triángulo imposible: México, Rusia Soviética y Estados Unidos en los años veinte*, México: CESAS, 2004, 1177.

³⁰ Corte Suprema de Justicia, 1928, 197.

³¹ Corte Suprema de Justicia, Sala Plena, Bogotá, 13 de noviembre de 1928, 207.

La corporación también halló inconstitucional la disposición que le confería a la policía la potestad de detener provisionalmente a las personas cuando hubiera “*motivos fundados para temer un movimiento contra la paz pública o el orden social*”, hasta por veinticuatro horas, con el fin de averiguar los hechos e imponerles las sanciones respectivas. Según el tribunal, esa medida vulneraba la Constitución porque la única excepción constitucional al habeas corpus en tiempos de paz era aquella que permitía que el gobierno, previo dictamen de sus Ministros, pudiera aprehender a quienes se sospeche que puedan atentar contra la paz pública.

Este fallo se producía tan solo trece días después de que el Congreso dominado por los conservadores hubiera aprobado la llamada “ley heroica” o ley 69 del 30 de noviembre de 1928: “*por la cual se dictan algunas disposiciones sobre el orden social*”, que suscitó intensos debates parlamentarios y que fue votada por el Congreso con la total oposición del liberalismo y de algunos conservadores. Esa ley también restringía las libertades, como el decreto de Alta Policía.

De este modo, entonces, la mayoría de los magistrados de la Corte se inclinaba por el apoyo a la política represiva del gobierno conservador en un clima de intenso conflicto laboral, bajo la creencia de que la revolución amenazaba al país. El profundo desacuerdo que produjo la sentencia en el seno de la Corte también da pistas de un cierto alineamiento ideológico entre la mayoría conservadora en la Corte y el gobierno conservador: el fallo fue respaldado por los votos de la mayoría conservadora y rechazado por los cuatro magistrados de la minoría liberal.

Con esta actuación, la Corte dejaba ver su apoyo a la política represiva del Ejecutivo, no solo por la constitucionalidad de gran parte del decreto, sino porque le enviaba el mensaje al gobierno y al Congreso, de que futuras medidas que se aprobaran en ese sentido, en las que se privilegiara el orden público sobre las libertades y garantías ciudadanas, serían consideradas como ajustadas a la Constitución.

La decisión de la Corte fue criticada por sectores liberales que consideraron que el decreto debió declararse inexecutable. Por ejemplo, *El Tiempo* señaló en su edición del 14 de noviembre de 1928: “*Ayer salió el fallo de la corte suprema de justicia (...) la sentencia declara inexecutable el artículo segundo del decreto (...) Declara inexecutable el artículo tercero (...) El resto del decreto fue declarado inexecutable, a pesar de que contiene disposiciones abiertamente en pugna con el espíritu de la Carta Fundamental de la Nación*”.³²

³² “La Corte Suprema falló sobre el decreto de Alta Policía Nacional”, *El Tiempo*, 14 de noviembre de 1928, primera página. Y, luego en la página cuatro señaló: “Nota: Salvaron voto también los magistrados Arango, Nannetti, Cárdenas y Luzardo Fortoul. Este último respecto de algún punto de la parte motiva, que no de la resolutive”, como enfatizando que los votos de la minoría eran de magistrados liberales opuestos al fallo de la mayoría conservadora. *El Tiempo* del 17 de noviembre de 1928 también publicó el salvamento de voto de Los magistrados liberales Parmenio Cárdenas y Luís Felipe Rosales.

2.2. ¿Una “omisión política” sobre el estado de sitio de la huelga bananera?

El conflicto laboral y la movilización obrera en el Magdalena en 1928.

En 1928 se presentó uno de los mayores actos represivos en contra del movimiento obrero bajo la hegemonía conservadora. En efecto, la huelga de los trabajadores bananeros de la región del Magdalena, al norte de Colombia, se enfrentó como un problema de orden público en el cual “revolucionarios” intentaban afectar la tranquilidad ciudadana, así como la operación y el patrimonio de la importante compañía estadounidense United Fruit Company (Frutera Sevilla).

El conflicto laboral empezó a trabarse el 6 de octubre de 1928 cuando se reunieron delegados de todos los trabajadores bananeros, crearon la Unión Sindical de Trabajadores del Magdalena (USTM) y formularon un pliego de peticiones. Luego se intentó un arreglo directo del conflicto laboral entre los directivos de la UFC y los trabajadores pero ni siquiera se logró una reunión entre las dos partes por la negativa de la compañía. Esto y los rumores de que la empresa recurría a otros medios para recolectar toda la fruta, sin necesidad de emplear a los trabajadores, precipitó que se declarara la huelga general el 11 de noviembre de 1928.³³

Ante la huelga, la UFC acudió al gobierno nacional, quien respondió con el envío de tropas del ejército bajo el mando del general Carlos Cortés Vargas. Hubo varios enfrentamientos entre los militares y los huelguistas, y el uso de la fuerza pública fue justificado por un supuesto peligro a que se veían expuestas las vidas de los directivos de la empresa, así como las propiedades de la misma. Además, el gobierno consideraba que la huelga sería utilizada para promover una grave revuelta animada por “bolcheviques”³⁴. Sobre esto último dice Archila:

Pero el nacionalismo también contaba para los agentes estatales, al aducir externalidad del comunismo y anarquismo en la huelga. Cortes Vargas lo señala y Rengifo lo repite: se tenían informaciones “fidedignas” sobre la existencia de centros comunistas y anarquistas en la zona — ¡gran descubrimiento! (...) No faltaban los señalamientos de presencia directa de extranjeros en la huelga (...) El New York Times llegó a decir que los huelguistas estaban dirigidos por comunistas mexicanos.

Después de varias semanas de cese de actividades, el gobierno de Abadía expidió el decreto de estado de sitio No. 01 del 5 de diciembre de 1928, “por el cual declaraba turbado el orden público en la provincia de Santa Marta y el Departamento de Magdalena”; cuyo fundamento era que en la zona había un “desconocimiento de

³³ Varila, D. “Huelgas colombianas en la década del veinte: el caso de la zona bananera a finales de 1928”, Archila M. y Torres J. (Eds.) *Bananeras, huelga y masacre: 80 años*. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2009, 138.

³⁴ Archila, M. “Primeras representaciones de la masacre de las bananeras”, Archila, M. y Torres, J (Eds.), *Bananeras, huelga y masacre: 80 años*, Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2009, 161.

las autoridades legalmente constituidas”; “se había atacado a fuerzas del ejército y a personas y propiedades particulares”, por lo que era necesario acudir a la “ley marcial”. La medida, que contó con la firma de todo el Consejo de Ministros y con una aprobación “express” del también Conservador Consejo de Estado, designó de inmediato al general Cortés como jefe civil y militar de la zona. El mismo día de su posesión, Cortés dictó varios decretos: por ejemplo, el 01 por el cual se “disolvería toda manifestación de más de tres personas”; y el 04 que declaraba “cuadrilla de malhechores” a los “*revoltosos, incendiarios y asesinos que pululan en la actualidad en la Zona Bananera*”, ordenaba perseguir y reducir a prisión a los “dirigentes, azuzadores, cómplices, auxiliares y encubridores”, y también facultaba a los miembros de la fuerza pública quedaban “*facultados para castigar con las armas a aquellos que se sorprendan en in fraganti delito de incendio, saqueo y ataque a mano armada*”³⁵.

Al día siguiente, cuando los huelguistas estaban concentrados en Ciénaga esperando al Gobernador del Magdalena, el general Cortés llegó con sus tropas y le leyó a la multitud los decretos que ordenaban el inmediato retiro de todas las personas de ese lugar. Luego dio la orden de tocar la corneta que avisaba a los manifestantes que debían abandonar la reunión en breves minutos, pero nadie acató la orden. Los ánimos se exacerbaron, hubo disparos del ejército contra la multitud y un número indeterminado de personas murieron. El gobierno también impuso severas restricciones a la locomoción de los habitantes de la región del Magdalena, que obligaba a la consecución de salvoconductos para poderse movilizar.

Durante los días siguientes a la masacre se produjeron numerosas capturas y el movimiento obrero fue desarticulado por la fuerza pública. Uno de los instrumentos legales que sirvieron a ese propósito fue el decreto legislativo 02 del 31 de diciembre de 1928,³⁶ dictado en el marco del estado de sitio que se declaró para la región bananera. Según el decreto, quienes se hallasen sindicados de cualquier índole con motivo o causa en el “movimiento subversivo”, así como los que en lo sucesivo fuesen detenidos en relación con esas mismas causas, serían juzgados por Consejos Verbales de Guerra y de conformidad con el Código Militar. En suma, el decreto sometía a los civiles a la justicia penal militar, además de crear delitos que se aplicarían a hechos ocurridos antes de haberse dictado la medida.

A pocos meses de la masacre, el abogado penalista, líder liberal y Representante a la Cámara, Jorge Eliécer Gaitán protagonizaría el célebre debate sobre los hechos

³⁵ *El Tiempo* tituló en primera página: “Un decreto del general Cortés Vargas declara cuadrilla de malhechores a los sublevados de la zona bananera: los sorprendidos in fraganti delito serán fusilados”. Y luego anotó: “Ayer hubo un nuevo choque. Los huelguistas inermes y desmoralizados huyen. Cien hombres desarmados acompañan a Mahecha, cuya captura parece inminente (...)” *El Tiempo*, 10 de diciembre de 1928.

³⁶ *El decreto legislativo No. 01* se dictó el 5 de diciembre de 1928. Diario Oficial No. 20962.

de las bananeras. Gaitán, luego de una exhaustiva investigación mostró la evidencia de los excesos de la fuerza pública ante los manifestantes de la región Bananera, de modo que por primera vez permitió que la opinión pública comprendiera que la población civil había sido víctima y no victimaria, contrario a la propaganda del gobierno de Abadía. Ese debate fue uno de los que más contribuyó a la pérdida de legitimidad política y moral de la Hegemonía Conservadora. Por otra parte, ni el general Cortes ni sus tropas que participaron en la masacre fueron responsabilizados jurídicamente por la represión de las bananeras.

Avanzaba el gobierno de Abadía y llegó el año 1929. El Partido Conservador se había dividido entre quienes apoyaban al candidato Guillermo Valencia y al general Alfredo Vásquez Cobo para las elecciones presidenciales de 1930. Las agudas tensiones entre facciones de ese partido se manifestaron en fuertes debates en el Congreso, en el cual los “Vasquistas”, que parcialmente se habían aliado con la minoría liberal, denunciaron las preferencias del gobierno con el candidato Valencia. El enfrentamiento incluyó el gesto inusual de los presidentes de las dos cámaras, quienes en representación del ala “Vasquista” visitaron al presidente Abadía y lo amenazaron con adelantar un juicio en su contra si no renunciaba. En ese contexto se aprobó la ley 21 del 26 de octubre de 1929 “por la cual se concede un recurso extraordinario en materia penal”. La ley establecía un recurso especial de revisión ante la Sala de Casación en lo Criminal de la Corte Suprema de Justicia para aquellos procesos seguidos por los Consejos de Guerra Verbales llevados a cabo en aplicación de los decretos de estado de sitio dictados para contener la huelga de las Bananeras de 1928³⁷. La ley fue vista como un triunfo parcial de la minoría liberal, que al menos lograba un poco de justicia para las víctimas de la represión estatal al movimiento obrero.

3. La Corte que “congeló” una demanda para luego abstenerse de resolverla

El 13 de marzo de 1929, el dirigente socialista Julio Navarro T. demandó el decreto 02 del 31 de diciembre de 1928 ante la Corte Suprema de Justicia. Según Navarro, el decreto debía declararse inconstitucional porque quebrantaba varias normas constitucionales relacionadas con: (i) el debido proceso, (ii) el principio de legalidad, (iii) la favorabilidad, y (iv) la irretroactividad de la ley penal. La acción judicial instaurada por el dirigente llegaba un poco tarde pues justo el día anterior el

³⁷ La misma ley establecía las causales por las que la Corte podría llevar a cabo esta revisión: “1º. Nulidad del proceso por incompetencia de jurisdicción; 2º Error en la denominación genérica del delito; 3º Error en la aplicación de la ley penal; 4º Carencia de pruebas suficientes para condenar o error en la apreciación de las mismas; 5º Haberse pretermitido las formalidades procedimentales correspondientes”. Ley 21 del 26 de octubre de 1929, Diario Oficial, Año LXV. No 21230, del 30 de octubre de 1929, P. 1.

gobierno había dictado el decreto No. 4 de 1929 que declaraba restablecido el orden público en la Provincia de Santa Marta.

Pero si la demanda fue un poco tardía, lo fue más la respuesta de la Corte Suprema de Justicia, que luego de guardar silencio durante más de dos años decidió declararse inhibida para decidir en una sentencia del 27 de agosto de 1931, con la ponencia del magistrado conservador Enrique A. Becerra. Tanto tardó la corporación en resolver la demanda de Navarro, que para la fecha de la decisión inhibitoria ya el partido Liberal había derrotado a los conservadores en las elecciones presidenciales de 1930.³⁸ Y, precisamente, el triunfo de los liberales en parte se atribuiría al manejo equivocado de la protesta social y de la masacre bananera bajo el gobierno de Abadía.

La Corte, que ahora estaba integrada por siete magistrados Liberales y cinco Conservadores, justificó su fallo inhibitorio en que el decreto demandado en 1929 ya había dejado de existir y que por tanto ella no era competente para juzgar la constitucionalidad de una norma que había desaparecido del orden jurídico. Para el tribunal era claro que la Constitución le había asignado la función de decidir la “exequibilidad” de leyes y decretos; es decir de aquello “ejecutable”. Como lo que ya no estaba vigente no podía ejecutarse, no cabía pronunciarse.

La Corte, entonces, se tomó un tiempo largo para evitar decidir sobre un asunto conflictivo en plena protesta social, y prefirió “descongelarlo” cuando el contexto político parecía menos hostil. De hecho ya ni siquiera el gobierno de Abadía, que ordenó la masacre, estaba en el poder. Parece que el tribunal prefirió escapar de un fallo de fondo y “a tiempo” sobre el contenido del decreto: una sentencia de inconstitucionalidad antes de que el Congreso dictara la mencionada ley 21 de 1929 habría significado la desaparición del marco jurídico bajo el cual el gobierno conservador había reaccionado por la fuerza contra el movimiento obrero. Es decir que se habría roto la “solidaridad” del tribunal con la administración conservadora. Una decisión como esas “a tiempo”, además, habría supuesto la posibilidad de que centenares de trabajadores y manifestantes detenidos y juzgados bajo la justicia penal militar quedaran en libertad, o que al menos la solicitaran, pues desaparecerían las normas que sustentaban ese procedimiento y los delitos bajo los cuales se los juzgaba³⁹.

Por otra parte, la constitucionalidad del decreto, a tiempo o a destiempo, tampoco parecía muy cómoda para la Corte pues aquel contenía medidas severas en contra de civiles, que muy difícilmente la comunidad interpretativa de juristas aceptaba como ajustadas a la Constitución.

³⁸ Los Liberales lograrían integrar la Corte con una mayoría de magistrados de su partido en 1934, cuando no fueron reelegidos los magistrados de origen conservador en las ternas propuestas por el presidente Liberal Alfonso López Pumarejo al Congreso de ese año, cuando ya contaba con mayorías de su mismo partido.

³⁹ Corte Suprema de Justicia, 1931, 474.

Es importante anotar que la Corte reiteró que su postura doctrinal de no pronunciarse sobre normas que habían perdido vigencia se había venido aplicando de manera continua por varios años. No obstante, como dije, en este caso parecía más una estrategia para evitar revivir los hechos de las bananeras, cuya trascendencia política era evidente. De este modo, si bien desde la perspectiva de la disciplina de la Corte con su precedente judicial es aceptable la invocación de la doctrina de la “inhibición”, cuando menos parece llamativo que aquella se usara justo después de haber dejado en reposo por un largo tiempo una demanda presentada por un dirigente obrero en contra de uno de los decretos de estado de sitio que permitieron los excesos de la fuerza pública en contra de la población civil. Y, además, que la corporación evitara juzgar la constitucionalidad de una de las medidas de la represión conservadora cuya aplicación dejaba más víctimas.

Otro aspecto de interés es que los cinco magistrados liberales se sumaron a la mayoría conservadora, pues el fallo fue unánime. Es probable que la restricción de los materiales jurídicos haya obrado en este caso: en efecto, la abstención estaba fundada en el precedente jurisprudencial, es decir en fallos previos que definían la postura inhibitoria. No obstante, aunque Liberales y Conservadores parecían actuar bajo tal restricción, también podría pensarse que la aceptación unánime de tal doctrina fuera una especie de “pacto tácito” en el que la Corte en pleno daba por cerrado el “asunto de las bananeras de 1928”; en parte por la ley 21, que como se dijo permitía la revisión de los juicios llevados a cabo en contra de quienes participaron en la huelga contra la UFC. Además, vale la pena señalar otro aspecto que podría respaldar la anterior explicación: la prensa y los archivos revisados no dan cuenta de que este fallo inhibitorio haya tenido alguna relevancia jurídica o política, de modo que esto podría sugerir que el caso estaba “relativamente” cerrado hacia 1931.

4. Consideraciones finales

La represión del régimen conservador al naciente movimiento obrero y a la protesta social, entre 1926 y 1930 fue canalizada por el partido Liberal, que de tener una plataforma política propia del Liberalismo clásico decimonónico, recogió las banderas sociales de la izquierda germinal y dio un giro a su agenda política. Los liberales aprovecharon el desgaste de los conservadores, en parte atribuible al manejo de la protesta social, al desastre de la masacre de las bananeras, y a la incapacidad de tramitar las demandas sociales por vías distintas a las medidas de orden público. Así, una de las primeras acciones del gobierno Liberal de Enrique Olaya Herrera fue reconocer el derecho de asociación sindical e impulsar la ley 83 de 1931. Más adelante, la reforma liberal conducida por el presidente Alfonso López Pumarejo en 1936 reconoció constitucionalmente derechos sociales como el trabajo, la asistencia social, y la función social de la propiedad.

Esta ponencia ha puesto en evidencia el comportamiento estratégico de la Corte Suprema del último gobierno de la hegemonía conservadora, que se alineó con los demás poderes públicos para respaldar la represión del conflicto social, y los temores frente al “avance “bolchevique” en Colombia. Así, la Corte de la mano con el gobierno conservador, trató la “cuestión social” como un asunto de orden público. Primero, en 1928, declarando exequible el decreto de Alta Policía de 1927 con el cual se amplió el poder de policía para enfrentar las movilizaciones obreras en favor de los derechos sociales; y luego en 1931 cuando prefirió abstenerse de fallar una demanda de inconstitucionalidad de las severas medidas de estado de sitio con las que se reprimió al movimiento obrero con motivo de la huelga de las bananeras de 1928.

En suma, en esta ponencia he intentado ofrecer una mirada distinta a los influjos de la Revolución de Octubre de 1917 en suelo colombiano, tomando como “ventana de observación” a la Corte Suprema de Justicia conservadora entre 1926 y 1930.

Bibliografía

1. Archila, M. ¿De la revolución social a la conciliación?: algunas hipótesis sobre la transformación de la clase obrera colombiana (1919–1935), *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*, 1984, 12.
2. Archila, M. La otra opinión: la prensa obrera en Colombia 1920–1934. *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*, 1986, 13–14.
3. Archila, M. La clase obrera colombiana, 1886–1930. En: Tirado Mejía, A. (Ed), *Nueva Historia de Colombia, Vol. III. Capítulo 9*, 19–244. Bogotá: Planeta, 1989.
4. Archila, M. Primeras representaciones de la masacre de las bananeras. Archila, M. y Torres, J (Eds.), *Bananeras, huelga y masacre: 80 años*, Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2009.
5. Botero, S. La reforma constitucional de 1936: El Estado y las políticas sociales en Colombia. *Anuario de Historia Social y de la Cultura*, 33, 2006.
6. Bushnell, D. *Colombia: una nación a pesar de sí misma: nuestra historia desde los tiempos precolombinos hasta hoy*, 16ª edición actualizada, Bogotá: Planeta, 2007.
7. Cajas Sarria, M. *La historia de la Corte Suprema de Justicia de Colombia, 1886–1991*, Tomos I y II, Bogotá: Universidad de los Andes y Universidad Icesi, 2015.
8. Cajas Sarria, M. La última Corte Suprema de Justicia de la hegemonía conservadora en los inicios del gobierno liberal de Alfonso López Pumarejo, 1934–1935”. En: *Precedente: 15 años de una nueva forma de ver el Derecho*, Cajas, M. y Natalia Rodríguez (Comp.) Cali: Universidad Icesi, 2016.
9. Colmenares, G. Ospina y Abadía: la política en el decenio de los veinte. En: Tirado Mejía, A: *Nueva Historia de Colombia, Tomo I: Historia Política, 1886–1948*, 243–268. Bogotá: Planeta, 1989.

10. Corte Suprema de Justicia, Sala Plena: Bogotá, 13 de noviembre de 1928, *Gaceta Judicial* No. 1832, Tomo XXXVI, 28 de enero de 1931.
11. Corte Suprema de Justicia, Sala Plena: Bogotá, 27 de agosto de 1931, *Gaceta Judicial* No. No. XXXVI de 1931.
12. Diario Oficial Año LXIV, No. 20962, 5 de diciembre de 1928: [http://www.suin-juriscal.gov.co/clp/contenidos.dll/Decretos/1000313?fn=document-frame.htm\\$f=templates\\$3.0](http://www.suin-juriscal.gov.co/clp/contenidos.dll/Decretos/1000313?fn=document-frame.htm$f=templates$3.0)
13. Elías Caro, J. Influencias de la Revolución Mexicana en los movimientos obreros y sindicales en Colombia, *Proyecto Historia*, 39, 1999.
14. Elías Caro, J. La masacre obrera de 1928 en la zona bananera del Magdalena—Colombia. Una historia inconclusa. *Andes*, Vol. 22, No. 1, enero—julio de 2011, 2011.
15. *El Tiempo*, Bogotá: 2 de septiembre de 1924, 4 de mayo de 1925; 27 de abril, 1 y 2 de mayo de 1927; 15, 17 de noviembre y 10 de diciembre de 1928; 5 de diciembre de 1929 y 28 de agosto de 1931.
16. Flores Torres, O. *México en la memoria de los jefes de misión estadounidenses, 1822—2003*, Monterrey: Centro de Estudios Históricos. UDEM, Universidad de Monterrey, 2007.
17. Flórez López, C. *Derecha e izquierda en Colombia 1920—1936, Estudio de los imaginarios políticos*, Medellín: Universidad de Medellín, 2010.
18. Flórez Pinzón, M. Anarquismo y anarcosindicalismo en Colombia antes de 1924, En: *Pasado y presente del anarquismo y el anarcosindicalismo en Colombia*, Buenos Aires: Centro de Investigación Libertaria y Educación Popular, 2011.
19. González R. y Molineras, I. Movimiento Social y protesta social en Colombia, 1920—1950. *Historia Caribe*, Volumen VIII, 2012, 22, 167—193.
20. Henderson, J. D. La modernización en Colombia: los años de Laureano Gómez 1899—1965. Medellín: Universidad de Antioquia, 2006.
21. Jeifets, V. & Reynoso, J. Del Frente Único a clase contra clase: comunistas y agraristas en el México posrevolucionario, 1919—1930. *Revista Izquierdas* 2011, 19.
22. LeGrand, C. El conflicto de las bananeras. En: Tirado Mejía, A. *Nueva historia de Colombia*, Tomo III, Planeta: Bogotá, 1989.
23. Ley 78 de 1919, *Diario Oficial* No. 16992, Bogotá, 16 de noviembre de 1919.
24. Ley 51 de 1925 *Diario Oficial* Año MCMXXV, No. 20031, 26 de octubre de 1921.
25. Ley 69 del 20 de octubre de 1928. *Diario Oficial*, Año LXIV. N. 20934. 2 de noviembre de 1928.
26. Ley 21 del 26 de octubre de 1929, *Diario Oficial*, Año LXV. No 21230, del 30 de octubre de 1929.
27. Ley 48 del 3 de noviembre de 1929, *Diario Oficial* No. 17392 y 17393 de 1920.
28. Melo, J. O. De Carlos E. Restrepo a Marco Fidel Suárez: Republicanismos y gobiernos conservadores. En: Tirado Mejía, A: *Nueva Historia de Colombia*, Vol. III. Capítulo 9, 215— 241. Bogotá: Planeta, 1989.
29. Mora, O. Los dos gobiernos de Alfonso López Pumarejo: estado y reformas económicas y sociales en Colombia (1934—1938, 1942—1945), *Apuntes del CENES*, 50. Vol. XXIX, II Semestre de 2010.

30. Ortiz, J. La influencia de la Constitución de 1917 en la Constitución de la República de Colombia, pp. 685–706 en: Fix Zamudio H. y Ferrer Mac— Gregor, E. (Coord.) *México y la Constitución de 1917, Influencia extranjera y trascendencia internacional (Derecho Comparado)*. México: Senado de la República, Secretaría de Cultura, INEHRM, IIJ. UNAM, 2017.
31. Palacios, G. Julio Cuadros Caldas: un agrarista colombiano en la revolución mexicana, *Historia Mexicana*, Vol. XLIX, 3. México: D.F. El Colegio de México, 2000.
32. Pécaut, D. *Orden y violencia: evolución socio— política de Colombia entre 1930 y 1953*, Bogotá: Norma, 2001.
33. Pita, R. La expulsión de extranjeros “perniciosos” en Colombia durante los últimos años de la Hegemonía Conservadora. *Historelo*, 2017, 17.
34. Posada Carbó, E.. Limits Of Power: Elections Unders the Conservative Hegemony, 1886–1930”, *Hispanic American Historical Review*, 1997, 77:2.
35. Posada Carbó, E. 1910–2010. Dos momentos y cien años. En: *Colombia, 1910–2010*. Calderon M. y Restrepo I., (Eds.). Bogotá: Taurus, 2010.
36. Santana, A. La revolución mexicana y su repercusión en América Latina, *Revista de Estudios Latinoamericanos*, 44. México, D.F.: Centro de Investigaciones sobre América Latina y el Caribe, 2007.
37. Silva R.. Presentation: on the studies about the Russian Revolution of 1917 conducted in Latin America. *Historia Crítica*, 2017, 64.
38. Spenser, D. *El triángulo imposible: México, Rusia Soviética y Estados Unidos en los años veinte*, México: CESAS., 2004.
39. Tirado Mejía, Á. y Velásquez, M. *La reforma Constitucional de 1936*. Bogotá: Editorial Oveja Negra, 1982.
40. Tirado Mejía, Á. López Pumarejo: la Revolución en Marcha. En: Tirado Mejía, A. *Nueva Historia de Colombia*, 305–348. Editorial Planeta: Bogotá, 1989.
41. Uribe M. *Los años escondidos: Sueños y Rebeldías en la Década del Veinte*. Bogotá: CETRA— CEREC, 1994.
42. Vanegas, I. Cabeza socialista, brazos proletarios: Los liderazgos socialistas en Colombia, 1909–1924, *Cuadernos de Historia* No. 42, 33–59. Departamento de Ciencias Históricas, Universidad de Chile, 2015.
43. Varila, D. Huelgas colombianas en la década del veinte: el caso de la zona bananera a finales de 1928. En: Archila M. y Torres J. (Eds.) *Bananeras, huelga y masacre: 80 años*. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2009.
44. Vega, R. *Gente muy rebelde: protesta popular y Modernización capitalista en Colombia. 3. Mujeres, artesanos y protestas cívicas*, Bogotá: Ediciones Pensamiento Crítico, 2002.
45. Vega, R. Luchas y movilizaciones artesanales en Bogotá (1910–1919). *Memoria y Sociedad* No, 6. 29–55, 2002.

El anticomunismo y el carácter de la Revolución cubana en el marco de los acuerdos comerciales y diplomáticos entre Moscú y La Habana: una visión a través de la prensa

Anti-communism and the character of the Cuban Revolution within the framework of trade and diplomatic agreements between Moscow and Havana: a vision through the press

Resumen. A principios de febrero de 1960 Anastas Mikoyan visitó Cuba para inaugurar una exposición sobre los logros de la URSS. Durante esta visita se firmaron una serie de acuerdos comerciales. Aquel encuentro terminó por facilitar el restablecimiento de relaciones diplomáticas tres meses después. El propósito de este trabajo se centrará en el análisis de las campañas anticomunistas que se impulsaron en aquel momento, en la evaluación del perfil ideológico de las posiciones enfrentadas y en la exploración de las consecuencias que todo ello tuvo para el futuro inmediato de Cuba y su revolución.

Palabras claves: anticomunismo, revolución pasiva, imperialismo y propaganda.

Abstract. In early February 1960 Anastas Mikoyan visited Cuba to inaugurate an exhibition on the achievements of the USSR. During this visit a series of trade agreements were signed. The meeting eventually facilitated the re-establishment of diplomatic relations three months later. The purpose of this work will be to analyze the anticommunist campaigns that were promoted at the time, to assess the ideological profile of the positions confronted and to explore the consequences that all had for the immediate future of Cuba and its revolution.

Keywords: anti-communism, passive revolution, imperialism and propaganda.

1. La guerra de trincheras en la batalla ideológica: el anticomunismo como pretexto para la imposición de modelos y tutelas

Las campañas anticomunistas, que formaban parte de la cotidianidad cubana desde el inicio de la Guerra fría, se vieron alteradas tras el triunfo de la revolución en enero de 1959. Y es que, desde un primer momento, las sospechas sobre el carácter de la revolución tendieron a difundirse. Una circunstancia que desencadenó una pugna entre los medios de comunicación cubanos para tratar de tutelar, influenciar

¹ Daniel Rodríguez Suárez. Nacionalidad española. Doctor en Historia Contemporánea por la Universidad Autónoma de Madrid (darosuares@gmail.com).

y en muchos casos desvirtuar aquella revolución caribeña que estaba destinada a transformar el panorama latinoamericano. Para explicar de forma somera lo acontecido durante este período, el que va de enero de 1959 a finales de julio 1960, momento en el que los ataques reiterativos contra los comunistas patrios y foráneos cesan, nos amparamos en los relatos que de la marcha revolucionaria hicieron los diarios y publicaciones periódicas de Cuba, tomando como referencia a tres de estas cabeceras, Bohemia, Diario de la Marina y La Quincena. Tres publicaciones que apostaron por las campañas anticomunistas para tutelar a la revolución, pero que desplegaron estrategias propagandísticas diferentes.

1.2. Ultras, girondinos y jacobinos en la contienda ideológica

Las posiciones que terminaron por definirse en lo tocante al comunismo podrían circunscribirse a tres. Ahora bien, es necesario señalar que dentro de estas tendencias genéricas no reinó la ortodoxia en los principios, pues estas nociones doctrinales que rigieron como rectoras estuvieron sujetas a las diferentes interpretaciones que cada grupo albergaba y a los intereses materiales e ideológicos que los sustentaban.

Una vez expuesta esta aclaración necesaria, podemos adentrarnos en la caracterización de estas tres tendencias genéricas. En primer lugar, nos encontraríamos ante un sector, profundamente conservador, que abominaba de cualquier tipo de connivencia con la izquierda política y que, desde el mismo arranque de la revolución, hizo gala de un anticomunismo doctrinal y utilitarista que fue blandido sin desmayo para frenar los avances de la revolución en los ámbitos económico y social. El Diario de la Marina, decano de la prensa cubana, ejemplificó como ningún otro medio esta posición dentro de Cuba y dibujó, con meridiana claridad, el tránsito que siguieron los sectores más conservadores de la sociedad cubana en sus relaciones con la revolución².

Estos sectores conservadores respetaron a la revolución hasta que se comenzó a poner en entredicho el régimen de propiedad imperante en Cuba y la división entre bloques propia de la Guerra Fría. Apostaban por un tímido reformismo y no dudaron en cargar contra la revolución cuando esta trató de trasgredir los fundamentos del bloque de poder que había sido hegemónico en Cuba desde la separación de España. Por lo demás, frente al fuerte carácter nacional y liberador que encarnaba la revolución, la prensa conservadora, con mención especial al Diario de la Marina, no escatimó esfuerzos a la hora de encumbrar la labor de España en América y la imprescindible tutela de Washington en los asuntos hemisféricos.

² Un pequeño esbozo de este tránsito está deliciosamente expuesto por la profesora Díaz Castañón en su obra *Ideología y Revolución*. Véase. María del Pilar Díaz Castañón, *Ideología y revolución. Cuba, 1959–1962*, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 2001, 122 y 123.

En segundo lugar, al margen de los sectores más conservadores, nos hallaríamos ante aquellas esferas de la sociedad cubana que apoyaron sin fisuras al frente revolucionario, pues consideraban que la sociedad cubana precisaba transformaciones de calado. Unas transformaciones que, dadas las deficiencias heredadas, tendrían que ir más allá de la mera reorganización política y que afectarían, por necesidad, a intereses económicos que parecían inquebrantables dentro de Cuba. El bloque hegemónico que había señoreado en Cuba durante décadas tendría que ceder ante el empuje de la revolución y las necesidades de las clases sociales antaño preteridas. En este sector, las clases más radicales de la pequeña y mediana burguesía cubana tenían su asiento³, como lo tenían también aquellas facciones del catolicismo que rechazaban la deshumanización del capitalismo que imperaba en las Américas y como lo tenían igualmente aquellas otras sensibilidades políticas que consideraban que Cuba tenía que regirse por un régimen democrático en el que los intereses de los más tendrían que imponerse a los privilegios de los menos. Los primeros encontraron acomodo a sus ideas en la influyente revista *Bohemia*, para los católicos progresistas *La Quincena* ejerció como vocero del sentir que albergaban y *Revolución* dio cobijo a aquella parte del frente revolucionario que aborrecía de la colaboración con los comunistas, pero que apostaba por un régimen político y económico de fuerte contenido social.

Nos encontraríamos así ante un sector de la sociedad cubana que apoyó sin complejos a la revolución en su vorágine transformadora. Un sector, por lo demás, heterogéneo, que iba desde el centro político hasta la izquierda moderada de tintes socialdemócratas y que se amparaba en la necesidad de instaurar un nuevo orden que privilegiara a lo cubano y que rompiera con la observancia estricta del respeto a los intereses de los Estados Unidos. Un sector profundamente antiimperialista, pero que, al mismo tiempo, recelaba de todos aquellos pasos que pudieran establecer las bases para una posible transición al socialismo. Así pues, desde este conglomerado de sentires, se señaló la necesidad de ahondar en la transformación social y económica y se secundó la labor revolucionaria en la arena internacional a través de la ruptura del encasillamiento de la Guerra fría. Sin embargo, aquella postura decidida no fue óbice para que estos medios acompañaran su defensa de la revolución de un profundo anticomunismo.

Ya por último y en tercer lugar, se encontrarían aquellos sectores que consideraban que el marxismo, tanto en su versión más rigorista como en aquella otra que debía atender a las particularidades de Cuba, parecía la ruta más segura para ejercer la plena soberanía y llevar a término la profunda transformación que requería el país. Todos estos sectores comprendían o intuían que la resolución del

³ Para un análisis detallado de la compleja estructura que existía dentro la burguesía cubana véase Marifeli Pérez Stable, *La Revolución Cubana. Orígenes desarrollo y legado*, Madrid, Editorial Colibrí, 1998, 111–119.

régimen de contradicciones en el que estaba inmersa Cuba, las contradicciones entre el campesinado y los latifundistas, las contradicciones entre los trabajadores y los capitalistas, las contradicciones entre los diferentes estratos de la burguesía, y, en última instancia, la contradicción entre el pueblo cubano y el imperialismo norteamericano, sólo podía acometerse con éxito si se colocaba en el centro del debate la contradicción fundamental del sistema capitalista, la contradicción capital trabajo⁴. La lucha por la emancipación nacional, la transformación social, y el cambio económico solo podía articularse bajo el auspicio de alguna receta socialista. Y esta idea, sufragada por los miembros del PSP⁵ y asumida como propia por los sectores más conscientes dentro del Movimiento 26 de Julio y del Directorio Revolucionario 13 Marzo, fue la que terminó por imponerse de forma oficial a mediados de abril de 1961, en vísperas de la invasión de Bahía Cochinos. Sus principales órganos de expresión fueron *Revolución* y *Noticias de Hoy*, vocero, este último, de los comunistas cubanos. Sin embargo, antes de que llegara esa asunción definitiva y definitiva sobre el carácter socialista de la revolución, el frente revolucionario y el bloque hegemónico de poder que lo sustentó tuvo que lidiar con el anticomunismo, utilizado con procacidad tanto por detractores manifiestos y emboscados como por partidarios irrestrictos que rechazaban el posible arribo del socialismo a Cuba.

Para poder entender cómo se articuló este discurso anticomunista, además de delinear de forma somera los ejes discursivos principales que lo sustentaron y aquellos otros que lo refutaron, es necesario también exponer el uso que se hizo de este discurso anticomunista, los fines que persiguió en cada momento, y los períodos por los que pasó este discurso en relación a estos fines y usos.

2. El anticomunismo como herramienta heurística para contener el empuje revolucionario: períodos y usos

Podrían establecerse cuatro períodos en este marco temporal que va de enero de 1959 a agosto de 1960 en lo tocante a los discursos anticomunistas. Un primero, que iría de enero de 1959, triunfo de la revolución, hasta mediados de mayo de 1959, Ley de la Reforma Agraria. Un segundo que iría desde la Reforma Agraria hasta el conflicto de la Revolución cubana con las representaciones diplomáticas de España y Estados Unidos, finales de enero de 1960. Un tercero que arrancarían en febrero de 1960 con la visita de Mikoyan y que se extendería hasta el restablecimiento de

⁴ Sobre el régimen de contradicciones imperante en Cuba tras el triunfo de la revolución y los mecanismos para superarlos, véase Anatoliĭ Danilovich Bekarevich et al., *El Gran Octubre y la Revolución Cubana*, La Habana, Editorial Ciencias Sociales, 1982, 9–43 y Thalía Fung Riverón, *En torno a las regularidades y particularidades de la revolución socialista en Cuba*, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1982, 8–11.

⁵ PSP, Partido Socialista Popular, siglas bajo las que se desenvolvían en aquel entonces los comunistas cubanos.

relaciones diplomáticas con la URSS a principios de mayo de 1960. Y un cuarto y último que iría desde mediados de mayo de 1960 hasta mediados de julio de 1960, momento en el Miguel Ángel Quevedo, director de Bohemia, abandona Cuba y la dirección de la revista dejando tras de sí una serie de aseveraciones sobre el carácter comunista de la revolución.

Cuatro períodos en los que el comunismo fue utilizado para torcerle el brazo a la revolución, para sembrar la disidencia dentro de sus filas o para encauzarla por la senda de un reformismo que se alejara de las vías del socialismo. En la primera fase, aquella que va de enero de 1959 a mayo del mismo año. Tanto el Diario de la Marina, como Bohemia y La Quincena, dedicaron varios artículos y editoriales a desprestigiar al comunismo como doctrina política y a menoscabar el papel del partido comunista en la historia de Cuba a través de ataques constantes a los miembros del PSP⁶.

Sin embargo, a pesar de la convergencia en estos principios, hubo diferencias evidentes en los tres medios. A diferencia de lo acontecido con el Diario de Marina, que dedicó varios artículos a criticar la acción revolucionaria tan pronto como comenzaron a verse afectadas las plusvalías de algunos sectores sociales e intereses norteamericanos, La Quincena y Bohemia apoyaron todas aquellas medidas revolucionarias que tenían como fin aliviar a las clases más castigadas. La Quincena y Bohemia apoyaron también a la revolución en todo aquello que encajaba con el proyecto nacionalista y antiimperialista, pero esto se combinó con un ataque desaforado a las corrientes de pensamiento marxista, especialmente a aquellas que se situaban en su vertiente comunista.

En esta primera fase el anticomunismo fue una herramienta que se utilizó para alertar a las clases dirigentes sobre los peligros de la infiltración comunista y también para sembrar en Cuba el proyecto de la revolución pasiva, una revolución restauración encabezada por parte de la pequeña y mediana burguesía cubana y por los sectores más avanzados del catolicismo que pretendía pulir de sus aspectos más radicales a la revolución para encauzarla por las sendas del reformismo. Es decir, el anticomunismo, obró como herramienta heurística en la apuesta en práctica de lo que Gramsci definió como revolución pasiva o revolución restauración⁷.

En la segunda fase de propaganda anticomunista, que arranca tras la Ley de Reforma Agraria y que se extiende hasta el enfrentamiento de Fidel Castro y el frente revolucionario con las Embajadas de España y Estados Unidos, las tendencias apuntadas en el primer período se asientan y se hacen más evidentes. Las críticas del Diario de la Marina hacía el frente revolucionario se acentúan, como se acentúa también el apoyo de Bohemia y La Quincena a la revolución. Sin embargo, a pesar de estas posturas enfrentadas entre conservadores y progresistas, los ataques al

⁶ Uno de los ejemplos paradigmáticos de esta posición puede rastrearse en el siguiente editorial de *Bohemia*: Editorial, "Contra el comunismo", *Bohemia*, 2, La Habana, 11 de enero de 1959, Año LI, 95.

⁷ Antonio Gramsci, *La política y el Estado moderno*, Barcelona, Ediciones Península, 1971, 139.

comunismo como ideología siguieron convergiendo en ambas tendencias. Bohemia y La Quincena hicieron uso del anticomunismo como parte del proyecto de la revolución pasiva, pues servía para que estos medios pudieran asumir parte del proyecto revolucionario, podando sus aristas más subversivas y canalizándolo en provecho propio.

Para el caso de La Quincena y Bohemia, el anticomunismo durante este período se articuló desde la perspectiva del ataque a las ideas que le daban vida y a través de las críticas decididas a aquellos que trataban de vincular a la revolución con estas corrientes de pensamiento. El marco de esta campaña tuvo como referente y pretexto primero la deserción del comandante Díaz Lanz. El 30 de junio Pedro Luis Díaz Lanz huyó a los Estados Unidos tras informar al presidente Urrutia que los comunistas estaban ocupando posiciones destacadas en la dirección revolucionaria. La noticia fue aireada en la prensa cubana, española y norteamericana, pero ninguna publicación fue tan dura como Bohemia en el enjuiciamiento del personaje, las circunstancias que envolvieron su partida y la acogida que se le brindó en Estados Unidos⁸. Por su parte, el Diario de la Marina fue el único medio que se hizo cargo de difundir dentro de Cuba la justificación del presidente Eisenhower al señalar que las autoridades norteamericanas no había acusado a la Revolución cubana de comunista, aquellas aseveraciones pertenecían a Díaz Lanz y, por tanto, él era el único responsable ante ellas⁹. Pocos días después de aquel engorroso asunto, que tensó de forma definitiva las relaciones entre Washington y La Habana, Fidel Castro renunció de forma temporal de su puesto de primer ministro para recuperar el cargo por aclamación pocas horas después. Detrás de aquella renuncia estaban de nuevo las acusaciones de infiltración comunista y en esta ocasión habían sido lanzadas nada menos que por la primera magistratura del Estado, el presidente Urrutia, quien renunció a las pocas horas de la salida temporal de Fidel Castro abrumado por el rechazo popular que había cosechado su irresponsable actitud¹⁰.

De este modo, la lucha entre los elementos girondinos y los sectores jacobinos que medraban dentro de la revolución terminó por consolidarse. Dentro de la revolución había partidarios de frenar el proceso, de revertir algunas medidas, de poner en marcha una suerte de convención “termidoriana” para descabezar a la revolución de sus elementos más radicales. La revolución pasiva tuvo en la huida de Díaz Lanz y la renuncia, casi obligada, del presidente Urrutia uno de sus momentos álgidos. El frente revolucionario se resquebrajaba y la añorada unidad se ponía en entredicho, detrás de esta fractura se encontraban las campañas anticomunistas.

⁸ Editorial, “Díaz Lanz: traidor y desertor”, *Bohemia*, 29, La Habana, 19 de julio de 1959, Año LI, 73.

⁹ “No han acusado los Estados Unidos de comunista al Gobierno de Fidel Castro, dice Eisenhower”, *Diario de la Marina*, 165, La Habana, 16 de julio de 1959, Año CXXVII, 1A.

¹⁰ Reportaje especial de la sección En Cuba, “16 horas que conmovieron a Cuba”, *Bohemia*, 30, La Habana, 26 de julio de 1959, Año LI, 68–72 y 76–81.

Sin embargo, uno de sus episodios más peligrosos llegó tras la renuncia de Hubert Matos, uno de los hombres relevantes dentro de la comandancia del “26 de Julio”. Los motivos de la renuncia no sorprendieron a nadie, pues respondían al discurso imperante dentro de la contrarrevolución: la penetración comunista en la dirigencia revolucionaria¹¹.

La tercera fase arrancó tras los desencuentros del frente revolucionario con España y Estados Unidos. Fidel Castro acusó públicamente a las Embajadas de España y los Estados Unidos de prestar ayuda a la contrarrevolución. La diplomacia española y estadounidense intervenía así en el rumbo de la revolución y en las disputas sobre su carácter y lo hacían apoyando a los sectores más violentos, que eran, a la postre, los que hacían de la supuesta infiltración comunista la justificación para su labor conspirativa.

A partir de este momento, las campañas anticomunistas se desatan con mayor fuerza que en los meses precedentes. De todos modos, el pretexto para la difusión de aquellas virulentas campañas, más allá del encononazo de la revolución con los dominadores de antaño y hogaño, fue la visita de Mikoyan a la Habana. La inminente llegada del mandatario ruso a tierras cubanas produjo, casi de inmediato, la intranquilidad en una parte significativa de la prensa. *Bohemia* y *La Quincena* no desmerecieron los acuerdos comerciales, pero alertaron sobre los peligros de las relaciones diplomáticas y orquestaron una campaña contra la URSS¹².

El *Diario de la Marina* presentó una línea argumental que en nada difería de lo aparecido en aquella época en la prensa franquista o la estadounidense. A nadie sorprendía ya que el decano de la prensa cubana tuviera en las teorías de la conspiración y de la infiltración progresiva del comunismo en Cuba una de sus líneas argumentales predilectas. Por lo demás, el *Diario de la Marina*, hasta el establecimiento de relaciones diplomáticas con la URSS, cargó ya directamente contra la dirigencia revolucionaria, a la que acusó, a veces de forma velada y otras de forma manifiesta, de haberse convertido en la compañera de viaje ideal del proyecto de dominación soviética.

El *Diario de la Marina* durante este periodo y a través de la pluma mordaz de su hiperactivo propietario, Ignacio Rivero, se enfrentó a los sectores más progresistas del catolicismo, cargó contra los comunistas patrios y foráneos, criticó con suma dureza las relaciones económicas con la URSS y se enfrentó a través de una agria polémica

¹¹ El contencioso con Hubert Matos guardaba relaciones evidentes con los episodios de Urrutia y Díaz Lanz, tal y como reflejaron las publicaciones de la época. Véase José Pardo Llada, “Fidel: sacude la manta y... adelante”, *Bohemia*, 44, La Habana, 1 de noviembre de 1959, Año LI, 102.

¹² Los ejemplos sobre este particular fueron múltiples, sirvan como ejemplo los dos siguientes: Ignacio Biaín, “La glosa breve”, *La Quincena*, 6, La Habana, 31 de marzo de 1959, Año VI, 32,33 y 46 y Reportaje fotográfico sin firma, “Lo que no trae la exposición soviética”, *Bohemia*, 7, La Habana, 14 de febrero de 1960, Año LII, 66–68.

con el propio Fidel Castro¹³. La revista Bohemia, superada ya por el cauce de los acontecimientos, dio voz en sus páginas a parte de estas polémicas y maniobró para situarse en una posición de cierta equidistancia para mantenerse a flote en medio de la dura batalla que conservadores, católicos y comunistas estaban protagonizando por hacerse un hueco y fijar sus criterios en aquel momento trascendental¹⁴.

Bajo este clima de máximo enfrentamiento ideológico se llegó a mediados del mes de mayo, momento en el que las recién reestablecidas relaciones diplomáticas entre Moscú y La Habana terminaron por precipitar el cierre paulatino de los diarios más conservadores. El restablecimiento de relaciones diplomáticas no hizo más que precipitar lo que ya se había avizorado en los meses precedentes, pues los permanentes conflictos entre la línea editorial de estos diarios y el frente revolucionario, constantes y virulentos, vinieron a unirse a la falta de subvenciones gubernamentales, alimento con el que gran parte de la prensa se había nutrido durante años. Además, la publicidad decreciente y los conflictos constantes entre los trabajadores y los directores de estos diarios terminaron por hacer, además de prescindible, insostenible la presencia en Cuba de los medios de comunicación más reaccionarios. A mediados de mayo el Diario de la Marina echó el cierre, fue el primero en hacerlo, con esta clausura se finiquitaban más de cien años al servicio de la reacción, tal y como aseveró la plantilla de este diario en el último número que salió a la calle¹⁵.

A partir de este momento, comienzo de la que hemos denominado cuarta fase en las campañas anticomunista, el peso de la lucha contra el marxismo en ciernes recayó en la pequeña y mediana burguesía progresista que arrastraba todavía fuertes prejuicios contra el comunismo. Su vocero más prestigioso en Cuba, Bohemia, trató de vehicular sus intereses.

De mayo a agosto de 1960 se produjo el mayor empuje transformador de la revolución desde la alborada fidelista y a resultas de ello Cuba tuvo que lidiar también con el acoso obstinado, en todos los ámbitos, de la Administración norteamericana, renuente a aceptar que la revolución había llegado para quedarse. Durante este definitivo trance Bohemia concedió la palabra a los sectores más progresistas del catolicismo que todavía tenían arrestos para continuar con aquella campaña anticomunista. Una campaña que ya sólo tenía por objeto tratar de imponer a la desesperada aquella revolución pasiva que cada vez parecía más incierta y más

¹³ Los artículos, reportajes y editoriales fueron muchos, pero sirvan como referente los siguientes: Editorial “El tratado con la Unión Soviética”, *Diario de la Marina*, 40, La Habana, 17 de febrero de 1960, Año CXXVIII, 1A y 2A y José Ignacio Rivero, “Carta sin sobre al doctor Fidel Castro”, *Diario de la Marina*, 44, La Habana, 21 de febrero de 1960, Año CXXVIII, 1A y 2A.

¹⁴ Véase Andrés Valdespino, “Entre La Marina y La Quincena”, *Bohemia*, 7, La Habana, 14 de febrero de 1960, Año LII, 36, 37 y 95 y José Ignacio Rivero, “Entre la justicia social y el extremismo”, *Bohemia*, 8, La Habana, 21 de febrero de 1960, Año LII, 64, 65 y 70.

¹⁵ Editorial, “Un día con el pueblo, 128 años al servicio de la reacción. Al pueblo de Cuba y al Gobierno revolucionario”, *Diario de la Marina*, 112, La Habana, 12 de mayo de 1960, Año CXXVIII, 1A.

extemporánea. Sin embargo, la libertad de prensa y opinión, que siempre había abanderado el semanario más influyente de Cuba, terminó por pasarle factura, pues los comunistas cubanos terminaron por solicitar del director de Bohemia el derecho a réplica que les asistía.

Se inició así la batalla definitiva entre detractores y defensores del comunismo. Una contienda que determinó de forma definitiva el futuro de la revolución en lo tocante a su carácter y a los perfiles ideológicos que la alimentaban. De finales de mayo a mediados de julio, Andrés Valdespino, intelectual señero de la intelectualidad católica cubana, trató de desvirtuar la labor presente y pasada del comunismo patrio y también del foráneo¹⁶, pero encontró la cumplida réplica, por primera vez articulada desde las páginas de Bohemia, de los núcleos rectores del PSP. Carlos Rafael Rodríguez, una de las figuras preeminentes de la formación comunista cubana, con experiencia al frente de los asuntos de Cuba durante el período prerrevolucionario, fue el encargado de salir en auxilio de los postulados marxistas. En aquel trance, Carlos Rafael Rodríguez defendió los principios de la política exterior soviética, explicitó el entramado propagandístico e insidioso que durante años se había tejido en Cuba contra los planteamientos marxistas y, sin entrar en justificaciones innecesarias ni ocultar los errores cometidos en el orbe soviético, expuso con suma rigurosidad la realidad de la URSS y de los países de la Europa del Este¹⁷.

En aquella contienda fue el propio director de la revista Bohemia el que impartió justicia y terminó por evidenciar quien había salido victorioso en la justa, pues el número del 17 de julio de la revista Bohemia fue el último que contó con la dirección de Miguel Ángel Quevedo. Uno de las personalidades que más había apostado por el proyecto cubano desertaba del frente revolucionario y lo hacía como lo habían hecho sus predecesores: dejando tras de sí las acusaciones sobre el carácter comunista de la revolución. Tras la salida de Quevedo quedó claro que el proyector democrático burgués de factura capitalista había fenecido en Cuba como posibilidad de futuro.

A partir de aquel momento las campañas contra el comunismo en los medios de comunicación cesaron y se articuló un discurso de impronta nacional vinculado a las luchas históricas de Cuba por la independencia. Por lo demás, la composición de aquel relato de la revolución, de hondo sabor cubano, permitía ya una doble

¹⁶ Andrés Valdespino, “El comunismo: la gran estafa del siglo XX”, *Bohemia*, 21 y 22, La Habana, 22 y 29 de mayo de 1960, Año LII, 60, 61 y 80–81; “Las verdades de un camarada”, *Bohemia*, 23, La Habana, 5 de junio de 1960, Año LII, 48, 49 y 79, 80; “Las consignas del agente que lo parece...y lo es”, *Bohemia*, 25, La Habana, 19 de junio de 1960, Año LII, 42–44 y 79–81, y “Las argucias de un agitador”, *Bohemia*, 28, La Habana, 10 de julio de 1960, Año LII, 52–53 y 77.

¹⁷ Carlos Rafael Rodríguez, “Las mentiras de un agente que no quiere parecerlo”, *Bohemia*, 24 y 25, La Habana, 12 y 19 de junio de 1960, Año LII, 64–56, 78, 79 y 72–76; “Despedida de un mentiroso que rehúye el debate”, *Bohemia*, 27, La Habana, 3 de julio de 1960, Año LII, 66–68, y “Esperemos a la historia”, *Bohemia*, 29, La Habana, 10 de julio de 1960, Año LII, 43 y 71.

lectura, pues la interpretación marxista del proceso revolucionario fidelista podía vertebrarse sin herir sensibilidades. Dado lo avanzado del proceso revolucionario, tanto el marxismo como sus interpretaciones de la realidad cubana dejaron de ser anatema. De este modo, la contradicción que había ejercido como principal desde el inicio de la revolución, la contradicción entre el pueblo cubano y el imperialismo norteamericano, encontró acomodo en la contradicción fundamental del sistema capitalista, la contradicción capital trabajo. O dicho de otro modo, el paradigma nacionalista dominante y el proyecto de liberación nacional antiimperialista pudo interpretarse dentro de los cánones marxistas.

Conclusiones

Durante este período que hemos analizado se produjo un agrio debate en torno al carácter de la revolución y las campañas anticomunistas se erigieron en material predilecto para sostener aquello que definió Antonio Gramsci en su momento como revolución pasiva o revolución restauración. Los defensores de esta tesis en sus diferentes variantes salieron derrotados tras casi veinte meses de enconado enfrentamiento. Sin embargo, los comunistas del PSP no fueron los grandes vencedores de la contienda. Los verdaderos triunfadores terminaron siendo los conductores del proceso revolucionario primigenio, el puñado de hombres de la sierra que constituían el núcleo más cercano a Fidel Castro y aquellos otros elementos de la naciente revolución que les secundaban: un sector liberado de prejuicios ideológicos y que abanderaba un programa radical de transformación social, económica y política que estaba dispuesto a llegar a todo tipo de acuerdos, sin excluir a los comunistas, para cubrir los objetivos de la revolución. Este sector tenía en Ernesto Guevara y en los hermanos Castro a sus máximos representantes. Muchos de sus miembros ocupaban ya puestos relevantes o estaban llamados a ocuparlos en un período breve y eran además los que mantenían una actitud más firme ante el acoso interno y externo.

Los últimos girondinos se retiraron tras el naufragio de Miguel Ángel Quevedo y su proyecto en Bohemia y los jacobinos tomaron el poder con el apoyo de los comunistas, situados en un prudente segundo plano. Al frente de ellos comenzó a situarse el verdadero factótum de la revolución, Fidel Castro. A finales de 1960, el grupo fidelista, el más radical dentro del frente revolucionario, controlaba ya el Gobierno de Cuba, en manos de Fidel Castro; la Presidencia, en poder de Osvaldo Dorticós; el Ministerio de Asuntos Exteriores, con Raúl Roa al frente; el Ministerio de Trabajo, en manos de Augusto Martínez Sánchez; el INRA, bajo la jefatura de Núñez Jiménez, y, sobre todo, esta facción del “26 de Julio”, contaba con algo fundamental, la banca nacional y las fuerzas armadas, la hucha y los fusiles, que habían pasado a la dirección de Ernesto Guevara y Raúl Castro respectivamente.

Bibliografía

1. María del Pilar Díaz Castañón, *Ideología y revolución. Cuba, 1959–1962*, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 2001.
2. Marifeli Pérez Stable, *La Revolución Cubana. Orígenes desarrollo y legado*, Madrid, Editorial Colibrí, 1998.
3. Anatoliï Danilovich Bekarevich et al., *El Gran Octubre y la Revolución Cubana*, La Habana, Editorial Ciencias Sociales, 1982, 9–43.
4. Thalía Fung Riverón, *En torno a las regularidades y particularidades de la revolución socialista en Cuba*, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1982, 8–11.
5. Antonio Gramsci, *La política y el Estado moderno*, Barcelona, Ediciones Península, 1971, 139.
6. “No han acusado los Estados Unidos de comunista al Gobierno de Fidel Castro, dice Eisenhower”, *Diario de la Marina*, 165, La Habana, 16 de julio de 1959, Año CXXVII, 1A.
7. Ignacio Biaín, “La glosa breve”, *La Quincena*, 6, La Habana, 31 de marzo de 1959, Año VI, 32,33 y 46.
8. Editorial “El tratado con la Unión Soviética”, *Diario de la Marina*, 40, La Habana, 17 de febrero de 1960, Año CXXVIII, 1A y 2A
9. José Ignacio Rivero, “Carta sin sobre al doctor Fidel Castro”, *Diario de la Marina*, 44, La Habana, 21 de febrero de 1960, Año CXXVIII, 1A y 2A.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ПЕРСОНАЛИИ, ШКОЛЫ, ТЕОРИИ И ИХ РАЗВИТИЕ

А. А. Шинкаренко¹

Неоэкстрактивизм и «зеленая» геополитика в Латинской Америке²

Neoextractivism and “green” geopolitics in Latin America

Abstract: The change in the sociopolitical realities of Latin American society facilitated the search for an alternative paradigm of development, which is closely watched both in academic circles and among civil activists of the continent. This process often boils down to discussions about the essence of the non-extractivist model, where the economy is based on the over exploitation of natural resources, which has a detrimental effect on the state of the environment in the areas of its application. Counteraction to such tendencies among the new social movements of Latin America has become part of the so-called “green” geopolitics, which is a natural reaction to the expansion of extragalactic projects in the region.

Key words: “Buen Vivir”; neoextractivism; problems of indigenous peoples; oil exploration; the Indigenous cosmogony; “Pacha Mama”; models of development.

Resumen: Los cambios de la realidad socio-política en América Latina han contribuido a la búsqueda de paradigma de desarrollo alternativo, que fue seguido de cerca tanto en círculos académicos y entre los activistas sociales del continente. Este proceso a menudo se reduce a discusiones sobre el sentido del modelo noextractivista, donde la

¹ ** Шинкаренко Александр Александрович (Россия) — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН, hombreyo@gmail.com.

² * Доклад и статья подготовлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 15-37-01216 «Латиноамериканские геополитические коды: влияние на формирование внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии поведения стран региона в полицентричной мировой системе и построение долгосрочных отношений с Российской Федерацией».

economía se basa en la explotación de los recursos naturales, lo cual tiene un efecto negativo sobre el medio ambiente en las áreas de su aplicación. Para los nuevos movimientos sociales de América Latina la lucha contra esas tendencias se convierte en parte de geopolítica “verde”, que es una reacción natural a los proyectos de expansión extractivista en la región.

Palabras clave: geopolítica “verde”; conceptos de desarrollo; “anti-crecimiento”; “Buen Vivir”; problemas ambientales.

Латиноамериканские реалии неоэкстрактивизма

Модель экономики, основанная на добыче и реализации сырьевых ресурсов (экстрактивизм), унаследованная многими странами Латинской Америки, способствовала формированию соответствующей идеологии, которая бы обслуживала данные процессы. Для последних в ряде государств региона стали характерны обостренные взаимоотношения между центром и периферией, чья трактовка возможна при помощи концепции «внутреннего колониализма». Данная категория была описана американским исследователем М. Гехтером, который обосновывал имеющийся опыт взаимодействия между элитами и населением удаленных районов³. В то же время изменение социально-политических реалий латиноамериканского общества подтолкнуло интеллектуалов и гражданских активистов к поиску альтернативной парадигмы развития, что нередко приводит к дискуссиям о сущности экстрактивистской модели. В последние годы к термину «экстрактивизм» стала добавляться приставка «нео», что было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, неоэкстрактивизм определяется исследователями как экономическая модель, основанная на сверх (!) эксплуатации природных ресурсов⁴. Из-за губительного воздействия на состояние экосистемы в районах проведения подобных разработок противодействие неоэкстрактивистскому тренду стало ключевым для политической повестки новых социальных движений⁵. В Эквадоре и Боливии протестные кампании стали частью так называемого экотерриториального сдвига, что, на наш взгляд, можно отнести к локальным проявлениям «зеленой» geopolitics. Данная особенность позволила местным общинам влиять на дискуссии по вопросам климатических изменений и альтернативных моделей развития⁶.

³ Hechter Michael. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966*, London, 1975, 30.

⁴ Свампа Маристелла. «Бросая вызов неоэкстрактивизму в Латинской Америке» // *Глобальный диалог*, № 1, том 6, март 2016, 24–25.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Fuentes Federico. *South America: How “Anti-extractivism” Misses the Forest for the Trees*. Available at: <http://links.org.au/node/3859> (accessed: 23.05.2017).

Во-вторых, в некоторых государствах Латинской Америки власти продолжали акцентировать внимание на преимуществе сложившейся системы. Тем самым местные элиты стремились скрыть новые формы неравенства, привнесенные международным разделением труда. При этом правительственные чиновники оставляют за скобками критику и возможные негативные последствия неоекстрактивистской модели и не учитывают нарастающий резонанс в обществе. В-третьих, стоит отметить, что процесс сверхдобычи полезных ископаемых резко возрос по мере расширения спроса на латиноамериканское сырье на китайском рынке. Так, Пекин стал вторым по значимости импортером продуктов, поставляемых из Аргентины, Перу, Колумбии и Кубы, третьим — из Мексики, Уругвая и Венесуэлы.

В-четвертых, правительства большинства государств Латинской Америки наладили устойчивые партнерские отношения с частным транснациональным капиталом. Так, проекты по мегадобыче природных ресурсов часто реализовывались при участии крупных инвестиционных групп, что способствовало росту данного процесса на протяжении декады 2000–2010-х годов. В частности, на территории Бразилии предполагалось возведение нескольких плотин в амазонской сельве. В соседней Боливии процесс, получивший название «большого индустриального скачка», объединил изыскания по добыче углеводородов, лития, железа, а также по развитию сельского хозяйства⁷. В Венесуэле стратегический план предполагал расширение нефтедобычи в «поясе Ориноко». Пример Аргентины также свидетельствует о расширении неоекстрактивистской деятельности в областях сельского хозяйства и активного освоения природных ресурсов⁸. Национальный стратегический план 2010–2020 подразумевал 60 % рост производства сои, а также добычи полезных ископаемых⁹. В 2013 г. соглашение между YFP, Chevron и администрацией аргентинской провинции Неукен положило начало крупномасштабным разработкам с использованием технологии гидравлического разрыва пласта (фрекинга) на месторождении сланцевых углеводородов Вака Муэрта, запасы которого оцениваются в 22,5 млрд баррелей нефти¹⁰. Все эти примеры объясняют подъем общественных протестов на местах, перерастающих в возникновение новых акторов, в частности, антиэкстрактивистских движений. Из-за активности добывающих

⁷ *Bolivia da el gran salto industrial* [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.hidrocarburos.gob.bo/index.php/prensa/noticias/285-bolivia-da-el-gran-salto-industrial.html> (дата обращения: 27.02.2017).

⁸ Альварес Мариан Сола, «Новый аргентинский экстрактивизм» // *Глобальный диалог*, № 1, том 6, март 2016, 30–31.

⁹ Там же.

¹⁰ *Месторождение Вака Муэрта* [Электронный ресурс]. URL: http://www.nftn.ru/oilfields/america/argentina/vaka_muehrta/73-1-0-1331 (дата обращения: 13.02.2017).

предприятий на территориях традиционного проживания коренных этносов последние стали играть все более значимую роль в глобальной экологической повестке. Так, по мнению аргентинского социолога М. Свампы, возникновение неоекстрактивистской модели в Латинской Америке привело к протестам, направленным против правительств, поддерживающих «товарный консенсус», под которым понимается новый «экономический и политико-идеологический» порядок, основанный на активном спросе на сырье¹¹. Это же привело к появлению в латиноамериканском обществе новых форм неравенства, и как следствие — потенциальных конфликтов.

Согласно информации Центра исследования конфликтов в горнодобывающей промышленности (ОКМАЛ), в 2010 г. в Латинской Америке произошло 120 конфликтов, затронувших 150 сообществ. К 2014 г. их число увеличилось до 198, а количество участников составило 296. Примечательно, что самые высокие показатели конфликтных ситуаций отмечались в Мексике, на долю которой пришлось 36 столкновений; Перу (35), Чили (34), Аргентине (26), Бразилии (20), Колумбии (13), Боливии (9), а также в Эквадоре (7)¹².

Стоит также отметить, что, выйдя за пределы локальной повестки, некоторые формы социально-экологического протеста в настоящее время стали неотъемлемой частью национального политического ландшафта. Яркими примерами такой тенденции являются общественные кампании в защиту боливийского национального парка Исиборо (ТИПНИС)¹³, где местное население выступило против строительства транспортной артерии. Вместе с тем многие из общин, принимавших активное участие в протестных акциях, были лишь против предполагаемого маршрута прокладки автомагистрали¹⁴.

«Зеленая» геополитика и неоекстрактивизм

Дискуссии о так называемой зеленой геополитике, где экология является одним из факторов, формирующих геополитическое видение, стали вестись с 60-х гг. XX в. Все они приводили к размышлениям о текущей модели развития. Некогда популярная «теория догоняющего развития»

¹¹ Свампа. *Op. cit.*, 25.

¹² *Mapa de conflictos mineros, proyectos y empresas mineras en América Latina* [Электронный ресурс]. URL: Available at: https://mapa.conflictosmineros.net/ocmal_db/ (accessed: 17.05.2017).

¹³ См. подробнее: Воротникова Т. А., «Десять лет спустя: как изменилась Боливия при Эво Моралесе» // *Свободная мысль*, № 6, 2016, 125–136.

¹⁴ Fontana Lorenza Belinda, “Evo Morales at the Crossroad: Problematizing the Relationship between the State and Indigenous Movements in Bolivia”, *Iberoamericana. Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies*. Vol. XLIII: 1–2 2013, 19–45.

(catching-up development) опиралась на понятие прогресса. Однако ввиду отсутствия в экономической науке четкой дефиниции «развития», оно часто заменялось понятием экономического роста, хотя данные термины являются лишь относительно тождественными. Подобная путаница в категориях превратилась в «ахиллесову пяту» всех теорий развития. Логичным продолжением данного процесса стала теория модернизации, авторы которой искренне полагали, что менее развитые страны должны в максимально короткий срок пройти те же стадии, которые прошли более развитые государства¹⁵.

Тем не менее латиноамериканские исследователи, среди которых выделялись Р. Пребиш, А. Гундер Франк, Ф. Кардозу, Т. душ Сантуш, Р. Ставенхаген и др., выступая с резкой критикой теории модернизации, подчеркивали, что подобная парадигма неспособна вывести страны «третьего мира» из отсталости. Приводя пример государств Латинской Америки, ученые отмечали, что уничтожение традиционных институтов и жизненного уклада привнесло социальную дезорганизацию и рост девиантного поведения, в частности, среди представителей коренного населения континента. Данные процессы привели к смене подхода (70-е гг. XX в.) в решении вопроса по интеграции представителей автохтонных жителей в латиноамериканское общество, который стал известен под названием «концепция этноразвития». Ее смысл состоял в том, что для собственного развития коренные народы региона обладают всеми необходимыми внутренними ресурсами¹⁶.

Критическое отношение к догме непрерывного роста, лежащего в основе процессов глобализации, ранее обсуждалось в рамках социально-экономической концепции антироста («сдерживание роста при сохранении благополучия»), согласно которой в долгосрочной перспективе для обеспечения благосостояния в обществе необходимо сократить размеры экономики. В частности, «антирост» предполагает целенаправленную экономическую и социальную трансформацию, с помощью которой станет возможным максимизировать уровень счастья и благополучия¹⁷. Необходимость в

¹⁵ Братерский М. В., «Миротворчество и развитие в контексте демократизации современного мира: Уточнение существующей парадигмы» // *Актуальные проблемы Европы*, 2015, № 3, 93–106.

¹⁶ Шинкаренко А. А., *Теория четвертого мира: человеческое измерение геополитики через призму этнического фактора в Латинской Америке. Выступление на круглом столе ИЛА РАН «Латинская Америка в полицентричном мире: геополитический анализ положения региона»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilaran.ru/?n=991> (дата обращения: 01.03.2017).

¹⁷ Впервые термин «антирост» был применен французским философом А. Горцем в 1972 году. Другие авторы стали активно к нему прибегать после публикации доклада Римского клуба «Пределы роста» (1972) и вышедшего годом ранее исследования «Закон энтропии и экономический процесс» Н. Джорджеску-Регена. Иногда в качестве альтернативного варианта перевода термина в российской историографии встречается название «дерост».

продолжении широкой дискуссии по вопросам дальнейшего развития авторитетных общностей на волне повышенного внимания к экологическим проблемам во второй половине 2000-х гг. предопределила появление концепта «Буэн Вивир», в котором ряд исследователей и гражданских активистов увидели альтернативу сложившейся практике неоэкстрактивизма и теории «догоняющего развития».

Формирование данного подхода, как отмечает уругвайский исследователь Э. Гудинас, проходило в 2007–2008 гг. при деятельном участии различных социальных групп и прежде всего представителей коренных общностей Эквадора¹⁸. Само понятие *Buen Vivir* (другое его название на языке кичуа “*sumak kawsay*”, т. е. буквально — «жизнь в гармонии») было заимствовано из древнего мировоззрения о жизни у индейских народов этого андского государства. Несомненно, важным является и то, что парадигма *Buen Vivir* отразилась на конституциях Эквадора (2008) и Боливии (2009), став частью общественного дискурса¹⁹. Идея *sumak kawsay* предполагает, что люди являются неотъемлемой частью «Пачамама» (Матери-Земли). Данная концепция, основываясь на архаичных традициях коренного населения Латинской Америки, направлена на поиск гармонии с природой и удовлетворение необходимых потребностей²⁰. Как справедливо отмечает Гудинас, обращение к культурным традициям коренного населения могло бы помочь в создании концепций развития и их адаптации к современным условиям²¹.

Сами дискуссии о том, что же есть *sumak kawsay*, охватили широкие слои эквадорской общественности. Так, в 2009 г. первый государственный план национального развития аннулировал существующую доминантную парадигму, признав «разрушительный характер экстрактивистского пути развития стран Юга»²². В то же время ряд исследователей, таких как И. Алмейда, Л. Туаса и А. Ортис Лемос подчеркивали, что *sumak*

¹⁸ Gudynas Eduardo, Acosta Alberto. “El buen vivir mas allá de desarrollo” // *Qué Hacer. DESCO, Lima*, Febrero/Marzo, 2011, 70–81.

¹⁹ Шинкаренко А. А., «Общественно-политическая мысль в Андском субрегионе в контексте теории «четвертого мира»» // *Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы Второго международного форума* / отв. ред. В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец. Том II, СПб.: изд-во «Гамма», 2015, 720–727.

²⁰ *Vivir Bien desde los pueblos indígenas y originarios* [Электронный ресурс]. URL: <http://filosofiadelbuenvivir.com/buen-vivir/definiciones/> (дата обращения: 29.08.2015).

²¹ Gudynas Eduardo, *Ecuador. Los derechos de la naturaleza después de la caída de la moratoria petrolera en la Amazonia* [Электронный ресурс]. URL: Available at: <http://alainet.org/active/66547> (дата обращения: 24.09.2015).

²² Захер Уильям, Баэс Мишель, «Экстрактивизм и *Buen Vivir* в Эквадоре» // *Глобальный диалог*, № 1, том 6, март 2016, 26–27.

kawsay — не столько отсылка к древней индейской традиции, сколько продуманная стратегия, узаконивающая политический проект эквадорского экс-лидера Р. Корреа²³. Любопытно и то, что в новой конституции Эквадора данная парадигма представлена широким спектром «прав Buen Vivir», таких как питание, здоровая окружающая среда, доступ к воде, образование и др.²⁴

Примером практической реализации концепции Buen Vivir, как стратегии перехода к постэкстрактивистскому Эквадору, по мнению исследователей Латиноамериканского факультета социальных наук (FLASCO) У. Захера и М. Баэса, стал проект национального парка Ясуни, для чего бывший эквадорский лидер Р. Корреа в 2007 г. запустил программу «Инициатива Ясуни-ИТТ»²⁵. Данная кампания вызвала живой интерес потому, что могла бы стать альтернативой активным разработкам нефтяных месторождений в Амазонии, с целью сохранения биоразнообразия региона.

В Боливии концепт Buen Vivir, получивший название «Suma qamaña», был введен в оборот индейскими интеллектуалами, такими как социолог-аймара С. Ямпара²⁶. По мнению Гудинаса, боливийский вариант «Буэн Вивир» является, прежде всего, набором этико-моральных принципов, действующих в полиэтничном обществе: «ama quilla», «ama llulla», «ama suva» (не ленись, не обманывай, не воруи); «ñandereko» (букв. «гармоничная жизнь») и др.²⁷ Отметим, что дискуссии по поводу данного концепта вышли за пределы национальных границ Эквадора и Боливии. В них включились не только автохтоны, но и представители академических кругов континента. Последние, в частности, занялись разработкой индикаторов Buen Vivir, которые бы фокусировались на благосостоянии граждан и социальной справедливости. Таким образом, предполагался отход от уже устоявшейся антропоцентричной модели развития к сбалансированным отношениям между человеком и природой. Все это стимулировало дискуссии о возможном будущем без «хищнического» экстрактивизма²⁸.

²³ Lemos Andres Ortiz, *La desnudez del Sumak kawsay* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.planv.com.ec/ideas/ideas/la-desnudez-del-sumak-kawsay> (дата обращения: 06.07.2016).

²⁴ *Constitución del Ecuador 2008* [Электронный ресурс]. URL: http://www.asambleanacional.gov.ec/documentos/constitucion_de_bolsillo.pdf (дата обращения: 24.09.2015).

²⁵ Gudynas Ecuador, *Los derechos de la naturaleza después de la caída de la moratoria petrolera en la Amazonia*. Op. cit.

²⁶ Gudynas Eduardo, “Buen Vivir: Today’s tomorrow” // *Development*, 2011, 54 (4), 441–447.

²⁷ Gudynas Acosta, Op. cit. 75–76.

²⁸ *Ibid*, 80.

Дальнейшее наступление неоэкстрактивизма

Дискуссии вокруг проблем, связанных с развитием в тех странах Латинской Америки, где экономической базой остается добыча полезных ископаемых, все еще остаются актуальными, принимая новые очертания и объединяя новых участников. Также остается резонным вопрос — насколько левые режимы (Боливия, Венесуэла и Эквадор) добились успеха в реализации заявленных целей?

По прошествии нескольких лет с момента начала реализации политической инициативы *Buen Vivir* любопытно посмотреть на ее практические последствия. На протяжении своего последнего мандата (2013–2017) глава эквадорского государства Р. Корреа одобрительно относился к проектам по расширению добычи полезных ископаемых. Так, в нефтяном секторе для новых концессий в амазонской части Эквадора были расконсервированы для разработки свыше 3 млн га. По свидетельству исследователей FLASCO, на сегодняшний день «множество проектов по добыче меди и золота продолжают функционировать, несмотря на то что добыча происходит в высокочувствительных точках, где проживает коренное население, а также в местах с повышенным биологическим разнообразием и водными запасами»²⁹. Наиболее важные из начинаний принадлежат крупным корпорациям, среди которых значатся чилийская CODELCO (владелец разработок «Льюримагуа»); канадские Lunding Mining, Cornerstone и Dynasty Metals; китайские государственные компании Tongling и China Railways. Правительство успешно увеличило доходы государства от продажи углеводородов путем пересмотра контрактов и увеличения степени участия национальных игроков. Тем не менее новые районы бурения в основном предназначены для иностранных участников нефтяного сектора. По свидетельству Захера и Баэса, на территориях нефтедобычи и горнорудных разработок компании и государственная администрация изымают у местного населения земельные участки, а у средних добывающих компаний — оборудование, что необходимо для создания материальных условий, позволяющих реализовать обширную неоэкстрактивистскую кампанию. Отмечается, что на территориях горной и нефтяной добычи происходит увеличение численности полицейского и военного контингента, что является тревожным знаком для местного населения. Данный фактор, как отмечает Свампа, вкуче с криминализацией протестов против ресурсных разработок, свидетельствует об откате демократии, когда власть переходит «к более традиционным

²⁹ Захер, Баэс. *Op. cit.*

режимам господства на основании классических популистских моделей национального развития»³⁰.

Справедливо и то, что многие противники экстрактивистских проектов не призывают к закрытию всех предприятий, занятых в добыче. Так, в локальных общинах, объединенных проблемами неоэкстрактивизма, наблюдаются различные точки зрения. Критики данной парадигмы в регионе, среди которых уругвайский исследователь Э. Гудинас, а также боливийский интеллектуал Р. Прада, активно подчеркивают, что необходимо провести водораздел между «хищническим», «разумным» и «необходимым» экстрактивизмом. Пока же ни одна из предложенных альтернатив (экотуризм, добыча в более мелких масштабах и т. д.) не позволила покончить с социальной исключенностью, так как подобные бизнес-планы не являются сколько-нибудь жизнеспособной заменой для большей части местного населения.

Библиография

1. *Bolivia da el gran salto industrial* [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.hidrocarburos.gob.bo/index.php/prensa/noticias/285-bolivia-da-el-gran-salto-industrial.html> (дата обращения 27.02.2017).
2. *Constitución del Ecuador 2008* [Электронный ресурс]. URL: http://www.asambleanacional.gov.ec/documentos/constitucion_de_bolsillo.pdf (дата обращения 24.09.2015).
3. Fontana Lorenza Belinda. “Evo Morales at the Crossroad: Problematizing the Relationship between the State and Indigenous Movements in Bolivia” // *Iberoamericana. Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies*, Vol. XLIII: 1–2 2013, 19–45.
4. Fuentes Federico. *South America: How “Anti-extractivism” Misses the Forest for the Trees* [Электронный ресурс]. URL: <http://links.org.au/node/3859> (дата обращения: 23.05.2017).
5. Gudynas Eduardo, Acosta Alberto. “El buen vivir mas allá de desarrollo” // *Qué Hacer. DESCO, Lima, Febrero/Marzo, 2011, 70–81.*
6. Gudynas Eduardo. “Buen Vivir: Today’s tomorrow”// *Development*, 2011, 54 (4). 441–447.
7. Gudynas Eduardo. Ecuador. *Los derechos de la naturaleza después de la caída de la moratoria petrolera en la Amazonia* [Электронный ресурс]. URL: <http://alainet.org/active/66547> (дата обращения: 24.09.2015).
8. Hechter Michael. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development. 1536–1966*, London, 1975.
9. Lemos Andres Ortiz. *La desnudez del Sumak kawsay* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.planv.com.ec/ideas/ideas/la-desnudez-del-sumak-kawsay> (дата обращения: 06.07.2016).

³⁰ Свампа. *Op. cit.*, 25.

10. *Mapa de conflictos mineros, proyectos y empresas mineras en América Latina* [Электронный ресурс]. URL: https://mapa.conflictosmineros.net/ocmal_db/ (дата обращения: 17.05.2017).
11. *Vivir Bien desde los pueblos indígenas y originarios* [Электронный ресурс]. URL: <http://filosofiadelbuenvivir.com/buen-vivir/definiciones/> (дата обращения: 29.08.2015).
12. Альварес Мариан Сола, «Новый аргентинский экстрактивизм» // *Глобальный диалог*, № 1 (том 6), март 2016, 30–31.
13. Братерский М. В., «Миротворчество и развитие в контексте демократизации современного мира: Уточнение существующей парадигмы» // *Актуальные проблемы Европы*, 2015, № 3, 93–106.
14. Воротникова Т. А., «Десять лет спустя: как изменилась Боливия при Эво Моралесе» // *Свободная мысль*, № 6, 2016.
15. Захер Уильям, Баэс Мишель, «Экстрактивизм и Buen Vivir в Эквадоре» // *Глобальный диалог*, № 1 (том 6), март 2016, 26–27.
16. *Месторождение Вака Муэрта* [Электронный ресурс]. URL: http://www.nftn.ru/oilfields/america/argentina/vaka_muehrta/73-1-0-1331 (дата обращения: 13.02.2017).
17. Свампа Маристелла, «Бросая вызов неоэкстрактивизму в Латинской Америке» // *Глобальный диалог*, № 1, том 6, март 2016, 24–25.
18. Шинкаренко А. А., «Общественно-политическая мысль в Андском субрегионе в контексте теории «четвертого мира» // *Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы Второго международного форума* / отв. ред. В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец. Том II. СПб.: изд-во «Гамма», 2015, 720–727.
19. Шинкаренко А. А., *Теория четвертого мира: человеческое измерение геополитики через призму этнического фактора в Латинской Америке. Выступление на круглом столе ИЛА РАН «Латинская Америка в полицентричном мире: геополитический анализ положения региона»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilaran.ru/?n=991> (дата обращения: 01.03.2017).

Continentalism and Latin American geopolitical thinking

Continentalismo y pensamiento geopolítico latinoamericano

Abstract: The aim of this study is to analyse the emergence of continentalism and its linkage to geopolitics in the Latin American region. It suggests that continentalism have roots back in the Iberian empires. It also explores the early connections to modern geopolitics at the early 20th century, and the insertion of continentalist perspectives in national as well as regional strategies and visions of development and autonomy. Finally, the study identify vantage points on this matter, from both Portuguese and Spanish speaking pundits but also identify common Latin American points of view.

Keywords: continentalism; geopolitics; Latin America; South America; development; autonomy.

Resumen: El objetivo de este estudio es analizar el surgimiento del continentalismo y sus conexiones a la geopolítica, en la región Latinoamericana. Se sugiere que el continentalismo tiene raíces históricas en los imperios Ibéricos. El estudio también explora la temprana conexión a las ideas modernas de geopolítica desde comienzos del siglo 20, en estrategias y visiones nacionales y regionales de desarrollo y autonomía. Finalmente, el estudio identifica puntos de vista sobre este tema, en exponentes de lengua portuguesa y castellana, pero también puntos elementos comunes Latinoamericanos.

Palabras clave: continentalismo; geopolítica; América Latina; Sudamérica; desarrollo; autonomía.

Introduction

As for the case of many other concepts related to human communities and geographic dimensions, there is much of mythology and political interest behind what is defined as a “continent”². It could be said that “continents” are like “world islands” of large territorial space, in relation to a broader world. In this sense, beyond mythologies and subjectivities, there is a geographic delimitation that distinguish “continents” from “regions”. A continent might be equal to a region, but the contrary is only true if the geographic framework of “world island” is there. Even if

¹ Lecturer and Director of the Institute of Latin American Studies, Stockholm University, Sweden: (andres.rivarola@lai.su.se)

² M. W. Lewis and K. E. Wigen, *The Myth of Continents. A Critique of Metageography*, Berkley: University of California Press, 1997.

the concept “continent” have roots back in the antiquity, the use of the more policy-oriented idea of “continentalism” is more recent; linked to the projection of a state towards a particular territory associated with a continental landmass. Even if earlier civilizations had large territorial ambitions and possessions, the projection of their control over continental limits was problematic, if not impossible, due to limitations in a more precise knowledge of territorial boundaries. One example of a modern “continentalism” was the “continental system” proposed by Emperor Napoleon Bonaparte in the early 19th century. This system contained economic and political policies aimed to the Western European territories dominated by Bonaparte, but with a Eurasian projection.

Continentalism was later also part of German ideals of national projection. According to the influential political economist Friedrich List, ‘continental politics’ was a step towards the highest ultimate aim of rational politics. That is, the uniting of all nations under a common law of right, “attained through the greatest possible equalization of the most important nations of the earth in civilization, prosperity, industry, and power, by the conversion of the antipathies and conflicts which now exist between them into sympathy and harmony”³. Indeed, modern economy was an indispensable tool, but also the control of resources and trade routes. If sea power was out of reach, states could turn to a continental projection through the union of continental nations. Only by union, said List, “is it possible to constitute an agricultural manufacturing commercial nationality of the first magnitude”⁴.

Following Alexandre de Toqueville’s early announcement, by the mid-19th century, the “continental” vision was becoming true in the United States of America (US) and Russia, where the potential of controlling natural and human resources was linked to direct control of a large territory. In the case of the US, also with a growing industrial potential. It was partly the great expansion of these states that showed the way towards what the German political geographer Friedrich Ratzel identified as the historical “drive toward the building of continually larger states”⁵. Space, territory, economy and nationhood were all elements that attracted central and north European scholars and policymakers in the search of ways of understanding social organization and the evolution of civilizations. There was also an intention to secure the progress of their own states, marginalized by continental expansions in the west and east and by the still dominant role of the British Empire across the seas. The linkage between the new scientific outlooks, and states search of progress and expansion led to ‘continentalist strategies’, which could be regarded as geopolitics in action.

³ F. List, *The National System of Political Economy*, London: Longmans, Green & Co., 1909. Available at: <http://oll.libertyfund.org/titles/315>. Downloaded 2017-09-18, 277.

⁴ *Ibid.*, 284, 329.

⁵ F. Ratzel, ‘The Laws of Spatial Growth of States’, R. E. Kasperson & J. V. Minghi (eds) *The Structure of political geography*, Chicago: Adline Publishing Company, 1969, 28.

When it comes to continentalism and geopolitics, the usual focus is on North European, British and US pundits and policies. The aim of this paper is, through a brief overview, show that there was also continentalist oriented thinking and initiatives among the Iberian empires and this was continued in Latin America, until our days.

Early Iberian continental outlooks

Continental projection of political and economic thinking in America took its first steps with Amerigo Vespucci's (1454–1512) identification of a new continental territory, later on visualized and named in Martin Waldseemüller's world map, from 1507. This opened the door to the differentiation between the *orbis terrarium* from the *orbis alterium*, leading to the idea of the *mundus novus* identified as America in honor of Vespucci.

Even if the word 'continent' was not yet incorporated into new identities, the perception of this *mundus* as new 'world island' became quite soon part of the policymaking and strategic projection for the establishment of new civilizations. That was particularly the case of the Spaniards, due to the large extension of their settlements from North to South America. When the project of colonization advanced and strategic territories had to be protected from rival powers (European and indigenous), the Spanish authorities were forced to acquire a 'continental outlook'. As explained by J. H. Elliot, "the scale of the conquest and organizational requirements was simply too large, the potential resources of the continent too vast, for the crown to remain indifferent to the ways in which those resources were exploited and developed". For example, settlement oriented expeditions were directed to the south, to secure the silver findings in Potosí, 1545, ending up with the foundation of Buenos Aires at the shores of the River Plate (in 1536) and the later territorial consolidation through the creation of the Viceroyalty of Rio de la Plata in 1776. The same was true in North America, to defend the silver of Zacatecas and the strategic Viceroyalty of New Spain, pushing further the frontiers towards Texas, Florida and later to the pacific coast.

In the case of the Portuguese, their scope, until the mid-16th century had been fundamentally Atlantic, confronting both indigenous nations and the French. Things changed with the union of the Spanish and Portuguese crowns through the Iberian Union in 1580, under the rule of the Spanish King Philip II (1527 —1598) that also became King of Portugal, as Philip I. The now united Iberian positions controlled most of the American continent, including its transoceanic connections across the Pacific to the Spanish Philippines, and across the Atlantic, towards Portugal's African possessions and the southern route to India.

One historically relevant outcome of this union was the elimination of the former border between Spain and Portugal, sanctioned by the Treaty of Tordesillas

in 1494. For Portugal, “it meant that Spanish America was now open to Portuguese trade, even though Brazil remained a Portuguese monopoly market. This meant new possibilities for Portuguese businessmen, which gained easier access to Spanish American silver and the Spanish trans-Pacific trade route between Manila and Acapulco. There was also a stimulus for increased migration across former borders”⁶. This was the beginning of Brazilian *drang nach westen*, an idea of great geopolitical significance concerning the formation of the current Brazilian nation-state and a continentalist framework for national expansion⁷. Along the new continental scope, the Portuguese intended to create a foothold in the River Plate aiming at further expansion towards the west, reaching the silver mines in the Andes and connecting the Portuguese American coast with the door to the Pacific Ocean.

A difference between Portugal and Spain was that while the former’s ‘continental’ framework of action was South America, for the latter’s, due to offensive or defensive reasons, it was the whole American continent. A common element among both Iberian was that the ‘continental’ scope went beyond the states due to the transnational and international role of the Catholic Church across the continent, including also French and British territories.

Continentalism and independence

The continental scope remained during the crisis of the Iberian empires, in the late 18th century and throughout the whole process of independence. The Spanish Empire had all the intentions to maintain its American territory that reached its maximal territorial extension in 1783, after the Treaty of Paris when Spain acquired Louisiana and got back Florida. The Caribbean became here a Spanish *mare nostrum*, and the Spain pushed forward plans for settlements, alliances with indigenous nations, and new fortifications; with intention of contending the advance of the United States at the west and British and Russians at North.

In the South, the goal was also to consolidate territory, with the foundation of Montevideo at the Rio de la Plata in 1724 and securing its position at the Malvinas islands. A major issue was the aim to avoid further conflicts with the Portuguese through a new encompassing agreement that would substitute the obsolete Tordesillas Treaty. A step into this direction was the Treaty of Madrid in 1750, and the later treaty of San Ildefonso in 1777 (first of three). That did not end conflicts but it meant the creation of new institutional tools for dialogue and peaceful coexistence. The spirit of the Iberian Union never really left the visions of union and expansion among Spanish and Portuguese speaking elites, whose relations were more marked

⁶ Rivarola Puntigliano & J. Briceño-Ruiz, *Brazil and Latin America: Between the Integration and Separation Paths*, Lanham, Maryland: Lexington Books, 2017.

⁷ J. P. Calógeras, *A Política Exterior do Império*, vol. 1, Brasília: Senado Federal, 1998, 155–159.

by careful diplomatic maneuvering than open conflicts. For example, when the Spanish empire was in its terminal crisis, confronting revolutionary movements across South America, the Portuguese balanced their expansionary desires with support of the Spaniards. One of the plans at this moment was to counterbalance the republican advance as well as the increasing British regional influence, with an Iberian union in the form of a South American kingdom. Continentalism became also American when, after independence, the minister of foreign affairs of the new imperial government, José Bonifácio, proposed a project of American “continental solidarity” for trade promotion and mutual defense.

The American “continental outlook” was here opened by the need of the new independent (American) states to cooperate, due to conflicts and fears of the dominant role and intervention of European powers. In fact, the first to establish the new independent ‘continental outlook’ were the former British colonies of North America. A particularity of the North American case was its forthright “continental” approach; a territorial scope that was even indicated in its very inception, at the “Continental congress” in 1776. Surrounded by big powers, and with a strong will of survival and autonomy, “size” and “expansionist motif” became a cornerstone in the construction of a state that adopted a very peculiar name. The name “United States” pointed out the integration of separate states, and ‘America’; the geopolitical, territorial, *lebensraum* needed “to the enlargement, the enrichment, and the strengthening of the Union”. The world ‘continental’ was partly related to the British, when referring to America as a “the continent”. However, by the time of the independence movement, there was also, among the colonists, a growing “continental consciousness”. That is, a geopolitical projection of their *lebensraum* beyond their current territory, projecting through the idea of a “Manifest destiny” towards the whole North American continental space. In 1823, with consolidated national institutions, the scope was widened towards the whole continent through the Monroe Doctrine. This projection over the whole continent seemed as unrealistic as it was in 1776 for North America. In the first case, with the desired of expanding to the west, in the second, marking the continental scope of US’s foreign policy by issuing limitations to other powers over American territory.

Continentially oriented initiatives and aims did also exist within the independence movement in Spanish America. One of the most famous forbearers of continentalism was the Venezuelan Francisco de Miranda (1750–1816). He advocated a union of all former Spanish American colonies, into one confederation of Hispanic-American states, proclaiming (in 1806) the union of the “Peoples of the Colombian Continent” and proposing a “continental congress” at the isthmus of Panamá⁸. This proposal was later echoed by Simón Bolívar (1783–1830), who

⁸ C. L. Bohórquez Morán, *Francisco de Miranda. Precursor de las Independencias de la América Latina*, Fundación Editorial el perro y la rana: Caracas, 2006, 355.

convened the new Hispanic American states to an Anfictionic Congress, to be held in Panamá, 1826.

The cornerstone of those initiatives was the idea that the American continent was a singular and autonomous part of the international system, different from Europe. In spite of deep disagreements with Miranda⁹, Bolivar shared the concern for maintenance of unity after independence. He knew about the Spanish, French and British ambitions of controlling the new independent nations, and was suspicious of US interest in controlling the resources of Latin America. Yet, at some point Bolivar's ideals also had a global continental scope. The documents of the Anfictionic Congress stipulated, for example, that the new continental order would 'set the basis of a system that, in the long run, would embrace all countries in the world'¹⁰. The Congress did not succeed, but it did become a juridical base and inspiration for later efforts to create common links between states. In what refers to the Spanish speaking states, the congress also meant a first step towards the idea of a nation of nations.

The return of “continentalism”

After the failure of Panamá, former Spanish America initiated a process of fragmentation that led to the formation of the current nation states. Even if “continentalist” ideals survived, it was not enough to counter the balkanization of the former Spanish empire. Yet, some “continentalist instincts” remained. For example, when states were confronted to foreign imperialist aggressions, from European powers or the US. Two examples of this were the first American Congress in Lima, 1847, and the second, in Chile, 1864. The case of Brazil was different since the country managed to stay united throughout the independence process. In this case, continentalism was not an “instinct” but already “conscious”; maintained by the continuity of empire as well as the continuity of the Portuguese bureaucratic apparatus.

In the case of the Spanish speaking states, after the failure of Bolivar and his supporters, the re-emergence of a “continental consciousness” grew from below. After the failed independence of Cuba, due to the US's intervention and the takeover of Puerto Rico, a movement of intellectuals and cultural personalities gained force, upholding the Bolivarian proposals as well as promoting a new American nationhood: the Latin American. People such as José Martí (1853–1895) and José Enrique Rodó (1871–1917) are usually mentioned, but in what concern the ‘continental’ concept I will specially refer to the later, Manuel Ugarte (1875–1951). He was a prolific writer and influential intellectual in promoting explicitly Latin American continentalism as political agenda. As argued by Ugarte, what had been most harmful for the Latin

⁹ J. Londoño, *La Visión Geopolítica de Bolívar*, Bogota: Imprenta del Estado Mayor General, 1950, 11–13.

¹⁰ G. A. de la Reza, *El Congreso de Panamá de 1826 y Otros Ensayos de Integración Latinoamericana en el Siglo XIX*, México D.F.: Universidad Autónoma Metropolitana, 2006, 38.

Americans was their own notion of nationality, since they had not understood that above the interests of the group were those of the motherland, Latin America. Along this line he advocated both a “continental consciousness” as a “continental patriotism”¹¹. Differently to Martí, Rodó and other earlier pundits, Ugarte’s “continentalist” national scope included Brazil, since, as he said; “Brazil is part of Hispanic America and its destiny as a nation is inseparable from the rest of the continent”¹².

Another “continentalist”, contemporary of Ugarte, was the Peruvian Francisco García Calderón (1883–1953). Calderon also went along this track, writing about the Latin democracies and the creation of a ‘continent’, which was to be sustained on *common values* (democracies), a *race* (American) and a *zollverein*, that would assure industrialization. Ugarte was on the same line concerning economic policy but was ahead of other concerning Latin American nationalism and the inclusion of Brazil. Particularly in clearly formulating the need of creation a new state: the United States of the South. Common among them all was to see Latin America as a ‘fractioned nationalism’ that only through (re) unification could ensure development and help to confront the US and other big powers. There was indeed a strong connection to Bolívar’s ideals but adding a new form of nationalism, with continental scope, that received the name Latin American. Moreover, by using the word “continental” they were also signaling for a territorial scope that was larger than the Latin American region.

Continentalism and geopolitics

A forbearer in joining continentalism and geopolitics was the Spanish diplomat Badía Malagrida. He did, however, not speak of Latin America but used the more traditional concept Hispanic America, he did not either use the concept geopolitics. Probably because he made his study quite early in the 20th century, and was perhaps not yet familiar with the work of the Swede Rudolf Kjellén (1916), where the concept “geopolitics” was more thoroughly elaborated for the first time. Nevertheless, Malagrida (as Kjellén) found much inspiration and ideas in the earlier work of Ratzel. Badía Malagrida’s study was highly connected to the renaissance of Boliviarian visions mentioned above, linking that to spatial and geographic insights from the modern discipline of political geography. Two other relevant elements here were the importance given by Badía Malagrida to the construction of a new “super national” foundation for the Hispanic American confederation projection. The second was that even though Badía Malagrida rejected the concept Latin America, he clearly included Brazil as an essential part of his confederation project.

¹¹ M. Ugarte, *La Nación Latinoamericana*, Caracas: Biblioteca Ayacucho, 1978, 18–21.

¹² *Ibid.*, 25.

This study was widely read across the region, also in Brazil, albeit Malagrida's Spanish bias. As said, Brazil was, perhaps, the Ibero American country where "geographic consciousness" was most institutionalized among state elites, combined with deep insights with modern ideas on political geography and geopolitics de¹³. A more specific linkage to geopolitics was made in the 1930s, in a pioneering Latin America textbook on geopolitics, where the Brazilian geologist Everardo Backheuser recommended the internal consolidation of national space with a central role of the state¹⁴. Drawing fundamentally on north European geopolitical thinking, Backheuser focused on the issue of national unity and occupation of space. This opened the door to the later work of Mario Travassos who gave a more direct emphasis to "continentalism" and geopolitics; directly applied to Brazilian strategic projections (1947). Since its initial steps in the 1930s, Brazil produced highly qualified geopolitical studies with great influence in governments, from Getulio Vargas's first government (1930–1945) to the different military regimes until 1983.

In sum, Brazilian Continentalism had roots in the Portuguese empire but was continued under the leadership of the Minister of foreign Affairs José Maria da Silva Paranhos Júnior (the Barão do Rio Branco, 1845–1912) in the transition from Empire to Republic at the late 19th century. It was later linked to a modern geopolitical outlook, during the governments of Vargas, between the 1930s and 1950s. Nevertheless, even if South American continentalism have been the dominating one, there are two other other continental outlooks that, in different ways, marked Brazilian continental outlooks; the Pan American and the Latin American.

In the Spanish speaking countries, Argentina had the most early and prominent geopolitical thinking. In relation to continentalism I already referred to the influence of Ugarte, who was part of a broader "revisionist movement" that gained influence since the 1940s, including within the military forces, where Juan Domingo Perón (1895–1974) became a leading profile. Even if Perón's worldview was influenced by Ratzel and other European thinkers, he was foremost an Argentinean and Latin American nationalist, convinced that Argentina would never be independent — nor developed — on its own. Inspired by the revisionists and new outlooks coming from Brazil, Perón took definite steps towards a "geographical consciousness" within a clear geopolitical framework. When elected President (1946–1955), Perón pursued an ambitious continentalist foreign policy aiming towards the formation of a United States of South America¹⁵. He understood that the Argentinean development was dependent on a strengthening of the Argentinean-Brazilian axis, as well as overcoming

¹³ C. de Meira Mattos, "A Geopolítica Brasileira — Predecessores e Geopolíticos", *O General Meira Mattos e a Escola Superior da Guerra*, Rio de Janeiro: Escola Superior de Guerra, 2007, 14.

¹⁴ E. Backheuser. *Curso de Geopolítica Geral e do Brasil*, Rio de Janeiro: Gráfica Laemmert Limitada, 1948.

¹⁵ J. D. Perón. *Los Estados Unidos de América del Sur* (Buenos Aires: Ediciones Corregidor, 2008).

what Badía Malagrida saw as the “fatal condition” of the Andean barrier¹⁶; which implied a closer integration with Chile and the Andean countries.

Perón’s strategic outlook was made in “continental” terms and he appears to have been the first in formulating the need of building a “continental state”, as an imperative for autonomous development. He differed though with Malagrida in the goal of creating a broader Hispanic American Confederation of states. An interpretation of Perón’s view could be that the possibility of creating an autonomous state depended of the consolidation of a continental state, and the South American dimension was the only geopolitically viable framework. Perón’s continentalism went hand in hand with a “super national”, Latin American, nationalism, opening the door to a deeper Argentina-Brazil rapprochement and setting South America as a geopolitical goal. His point of view had also a clear economic outlook, based in the idea that industrialization was a key to overcome weak economic structures based on exports of primary goods. Continentalism and geopolitics was here tightly intertwined with an integration project with focus on customs unions, import substitution, and a national-popular dimension.

There were many other influential continentalists such as Arturo Jauretche or Abelardo Ramos, outside the army. Within the army, an important name was General Juan E. Guglielmelli, who marked distance from early Argentinean geopoliticians (as Segundo R. Storni) and their advocacy for an Argentinean “peninsular insularity”. In Guglielmelli’s view, changed contexts and development demands required the strengthening of a national economy, autonomy and potential for defense. According to him, this was not possible without “continental vertebration” and a closer relation to Brazil and suggesting a union with Chile¹⁷. Guglielmelli had important influence in the policies applied by Arturo Frondizi’s government (1958–1962) but this was lost after a military coup against, with shifting geopolitical priorities among the military forces. However, Argentinean continentalism continued to be inexorably linked to regional integration and “super national” nationalist ideas, fundamentally linked to Latin American nationalism. There were further interesting studies along this line after Guglielmelli, but without relevant impact on policymaking. That was the case of the work of Coronel José Felipe Marini, perhaps the first to identify in geopolitical terms, a Latin American ‘geopolitics of integration’¹⁸.

There were of course relevant exponents of continentalism in other Spanish speaking countries. One was the former minister of the Chilean President Carlos Ibáñez del Campo’s (in 1953) and later first President of the Inter-American Development Bank, the economist Felipe Herrera (1922–1996). Herrera had

¹⁶ C. Badía Malagrida. *El Factor Geográfico en la Política Sudamericana* (Madrid: Instituto Editorial Reus, 1946)

¹⁷ J. E. Guglielmelli. *Geopolítica del Cono Sur*, Buenos Aires: El Cid Editor, 1979, 70.

¹⁸ J. F. Marini, *Geopolítica Latinoamericana de la Integración*, Buenos Aires: Editorial Humanitas, 1987.

a systemic point of departure, arguing that in the age of continental states, the fragmented Latin American nation must unite in order to become sovereign¹⁹. His contribution was a convergence with the geopolitical continentalist approach, with modern political economy and development oriented view; arguing that integration was “a political economic phenomenon, both in its objectives as in its procedures”²⁰. Later on the two Uruguayan geopoliticians, Bernardo Bernardo Quagliotti de Bellis and Alberto Methol Ferré. The latter brought back much of Peron’s ideas within a Ratzelian framework, through which he advocated regional integration and path towards a “continental state”²¹; with much influence on the foreign policy of President José Mujica (2010–2015).

Conclusion

Continentalism goes far back in the history of policymaking in Latin America. The same is true for the connection between “continentalism” and “geopolitics”, a linkage that was quickly adopted and further developed by Latin American pundits. One of the interesting contributions of continental geopolitics in the region is related to the mixture between geopolitics and political economy. Probably due the growing need to combine the search for “autonomy”, with “development” that are two pivotal goals for Latin American continentalist geopolitical thinking. There is, however, a difference between Spanish and Portuguese speaking pundits and policies, related to how the national dimension is incorporated. In the case of the first, the natural nationhood of continentalism is Latin America, even when South American is involved. In the case of the latter, their dominating “continental” visions generally lack a national dimension, or are indirectly seen from the perspective of Brazilian hegemony.

Bibliografía

1. Backheuser E., *Curso de Geopolítica Geral e do Brasil*, Rio de Janeiro: Gráfica Laemmert Limitada, 1948.
2. Badía Malagrida C., *El Factor Geográfico en la Política Sudamericana*, Madrid: Instituto Editorial Reus, 1946..
3. Bohórquez Morán C. L., *Francisco de Miranda. Precursor de las Independencias de la América Latina*, Fundación Editorial el perro y la rana: Caracas, 2006.
4. Calógeras J. P., *A Política Exterior do Império*, vol. 1, Brasília: Senado Federal, 1998.
5. M. da Costa W., *Geografia Política e Geopolítica*, São Paulo: Editora Universidad de São Paulo, 2013.

¹⁹ F. Herrera, *América Latina Integrada*, Buenos Aires: Losada S.A, 1964, 36.

²⁰ *Ibid.*, 23.

²¹ Methol Ferré, *Los Estados Continentales y el MERCOSUR*, Merlo: Inst. Superior Dr. Arturo Jauretche, 2009.

6. de la Reza G. A., *El Congreso de Panamá de 1826 y Otros Ensayos de Integración Latinoamericana en el Siglo XIX*, México D.F.: Universidad Autónoma Metropolitana, 2006.
7. do Couto e Silva G., *Geopolítica do Brasil*, 2ª edição, Rio de Janeiro: Livraria José Olympio Editora, 1967.
8. García Calderón F., *La Creación de un Continente. Obras Escogidas II*, Lima: Fondo Editorial del Congreso del Perú, 2006.
9. Gugliamelli J. E., *Geopolítica del Cono Sur*, Buenos Aires: El Cid Editor, 1979.
10. Herrera F., *América Latina Integrada*, Buenos Aires: Losada S.A., 1964.
11. Jauretche, *Ejército y Política. La Patria Grande y la Patria Chica*, Buenos Aires: Peña Lillo Editor, 1958.
12. Kjellén R., *Staten som Lifsförm*, Politiska Handböcker III, Stockholm: Hugo Gebers Förlag, 1916.
13. Lewis M. W. and K. E. Wigen K. E., *The Myth of Continents. A Critique of Metageography*, Berkeley: University of California Press, 1997.
14. List F., *The National System of Political Economy*, London: Longmans, Green & Co., 1909. Available at: <http://oll.libertyfund.org/titles/315>. Downloaded 2017-09-18.
15. Londoño J., *La Visión Geopolítica de Bolívar*, Bogotá: Imprenta del Estado Mayor General, 1950.
16. Marini J. F., *Geopolítica Latinoamericana de la Integración*, Buenos Aires: Editorial Humanitas, 1987.
17. de Meira Mattos C., 'A Geopolítica Brasileira — Predecessores e Geopolíticos', *O General Meira Mattos e a Escola Superior da Guerra*, Rio de Janeiro: Escola Superior de Guerra, 2007.
18. Methol Ferré, *Los Estados Continentales y el MERCOSUR*, Merlo: Inst. Superior Dr. Arturo Jauretche, 2009.
19. Perkins, *The Cambridge History of American Foreign Relations. The Creation of a Republican Empire, 1776–1865*. Vol I, Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
20. Perón J. D., *Los Estados Unidos de América del Sur*, Buenos Aires: Ediciones Corregidor, 2008.
21. Ratzel F., "The Laws of Spatial Growth of States", R. E. Kasperson & J. V. Minghi (eds) *The Structure of political geography*, Chicago: Adline Publishing Company, 1969.
22. Rivarola Puntigliano & J. Briceño-Ruiz, *Brazil and Latin America: Between the Integration and Separation Paths*, Lanham, Maryland: Lexington Books, 2017.
23. Rivarola Puntigliano, "Geopolitics of Integration" and the Imagination of South America. *Geopolitics*, 2011, Vol. 16, Issue 4, 846–865.
24. Travassos M., *Projeção Continental do Brasil*, 4th edition (São Paulo: Companhia Editora Nacional, 1947).
25. Ugarte M., *La Nación Latinoamericana*, Caracas: Biblioteca Ayacucho, 1978.

ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

*Francesco Petrone*²²

**Global governance and climate change: are brics a new
“alternative”?**

**Gobernanza global y cambio climático: ¿son los brics una
nueva “alternativa”?**

Abstract. In this paper we wonder if the BRICS can play a decisive role towards suitable reforms in climate change issues and, in general, in global governance (GG). This question arises from the finding that the BRICS have already tried to be “alternatives” to the western-model of GG, by creating “parallel institutions” such as the New Development Bank (NDB). To answer to this question, we first debate the meaning of the term “global governance”, then we analyze the process of institutionalization of the NDB and the current situation of the BRICS and finally the measures taken in the field of climate change and their adequacy, as well as their weight on GG.

Keywords: BRICS; Global Governance; climate change; international institutions.

Resumen: En este paper nos preguntamos si los BRICS pueden jugar un papel decisivo para lograr reformas adecuadas sobre cambios climáticos y, en general, en la gobernanza global (GG). Esta pregunta surge del hallazgo de que los BRICS ya han tratado de ser “alternativas” al modelo occidental de GG, creando “instituciones paralelas” como el Nuevo Banco de Desarrollo (NDB). Para entender estos temas, debatimos el significado del término “gobernanza global”, después analizamos el proceso de institucionalización del NDB y la situación actual de los BRICS, y finalmente las medidas tomadas en el campo de los cambios climáticos y su adecuación, así como su peso en la GG.

Palabras clave: BRICS; Gobernanza Global; cambios climáticos; instituciones internacionales.

²² Italiano, doctor, Universidad de Barcelona. (cikypetro@gmail.com).

Introduction

To understand these issues, we must first start from the debate around the meaning of the term global governance: although it pretends to describe the functioning of policy-making processes promoting wide participation of various stakeholders (civil society, interest groups, private companies, etc.), it hides several unclear issues. As a result we will analyze the process of establishing, composition and institutionalization of the NDB (we will consider only NDB and not also CRA) as a parallel institution, then analyze the current situation of the BRICS and finally we will list the measures taken in the field of climate change and their adequacy, as well as their weight on global governance. Our aim is to understand whether through the implementation of policies related to the development of renewable energy, the BRICS can make a decisive contribution in this field. In short, are they compact or do the member countries pursue divergent interests? It must be mentioned that the crises within the various countries have exposed important differences. However, it is uncertain whether these differences can be overcome.

What is Global Governance?

The term “global governance” has become deeply used in political language in recent years. On the one hand, it is used as a means to describe a certain type of international order, where a larger participation to decision making is promoted; on the other hand there are innumerable critics of the use of this concept. In their opinion the term shows a deep lack, in terms of descriptions, of how the international framework works and the way in which global decisions are taken in it. In fact there are several definitions given, but almost all of them define a process, or a set of international processes, which do not have a precise order. Just to take some of the definitions, Lawrence Finkelstein highlighted, “since the international system notoriously lacks hierarchy and government, the fuzzier word “governance” is used instead”. Of the term “governance” itself, Finkelstein highlights its lack of definition and the fact that the word conceals a lack of order. He states that, “we say governance because we don’t really know what to call what is going on”. Thomas Weiss outlines a clearer picture of the term. He states that the word “governance” is employed “to connote a complex set of structures and processes, both public and private”.

It is clear that in theory the word denotes an undefined mechanism, in different fields, that tries to describe a set of processes that lead to decisions taken by both the public and private sectors. In a global context, these fields ranging from terrorism to disease, from climate change to the participation of civil society in decision making, but also trade treaties and measures to contrast with economic crisis as, for example, the one recently happened in Europe. In every area thus far mentioned, and others,

the decision-making processes have been carried out with the aim of fostering a more global debate and involving multiple actors (stakeholders).

Although the global governance processes involve, at least in their theoretical path, a form of enlarged participation, there have been several critics that have outlined a number of ambiguities in the decision-making processes. Starting from the whole definition of “global governance” and continuing through to the institutions and stakeholders involved, critics have tended to consider this set of structures and processes as a way for the Western countries to impose their decisions to the rest of the world.

The world order that has emerged from Bretton Woods and the created institutions (WTO — WB — IMF), are seen as a means to apply “Western policies” to global problems, those that Kofi Annan has described as “problems without passport”. Joseph Stiglitz describes globalization as a process managed by the interests of Western powers. Specifically, Stiglitz analyzes the failure of the IMF policies, where an unfair voting system and a leaning toward the Western powers have fostered the development of a globalization with “winners and losers” and consequently a global imbalance. In the IMF, the process of involvement in decision-making reproduces the imbalances arising from the Bretton Woods system inaugurated after World War II. In short, the overall architecture of global governance in recent decades has seen Western powers as the main protagonists, who, through international institutions, have dictated the timing and agenda of global development. Hence the system is organized by the massive presence of powers that prevent a free and efficient development of globalization and that create a global system in which it is hard to find consensus on many issues.

Global governance and the BRICS

In this scenario, between the various blocks that have been trying to find the converging policies on different issues, the BRICS²³ stand out. In our opinion, BRICS have represented a sort of “alternative” to the modus operandi of the Bretton Woods institutions. In fact, the creation of institutions such as the NDB, for example, represented a challenge to the west establishment, looking for alternative ways along the paths of development. In general, BRICS have tried to shape a different global governance by trying to find a convergent and cooperative policies in different fields: like politic, finance and development issues.

²³ BRICS, a group of emerging countries (Brazil, Russia, India, China and South Africa), have gained importance in recent years. Their growth has shaken up the international framework: with the 23 % of global GDP, 42 % of the world’s population (a fifth of the world’s population live in China, 17.5 % in India, 2.9 % in Brazil, and 2.2 % in Russia), and covering a large surface of the earth, these countries started taking shape as the most important emerging economies of the Global South.

The first meetings held by the group, initially only BRIC (South Africa joined the group in 2011), were informal ones. However, over the years the group has been consolidating and pushing forward several initiatives²⁴ including the creation of the New Development Bank (NDB) in Shanghai in 2014. Despite the difference in GDP between countries, the bank was equipped with authorized capital of \$ 100 billion, and initial capital of 50 billion dollars²⁵. For this initial capital, BRICS countries have participated with a percentage of 20 % for each one (\$ 10 billion) with the reasoning that an equal share for all countries would not have created an imbalance in the voting process. Consequently, every country has the same degree of decision-making power. A “revolutionary” method if we think of the imbalance in the voting system at the IMF, despite recent reforms.

It is very important to point out that turning point, because it represents a real innovation compared to the system that was established after the war. This bloc of countries represented a “threat” regarding the Western consolidated system that emerged from Bretton Woods. The economic importance of the BRICS, the size of the population in these countries, and the weight they have accumulated at an international level, have created a kind of alternative to the Western post-war model, and represent a new development paradigm in the Global South. In fact, starting since the first meetings, they have underpinned in different moments their will to give a new shape to global architecture: BRICS intention was to strive to undermine the previously closed system and give a reforming input to the system of global governance²⁶. But how could they influence global governance? First, these countries have seen unprecedented economic growth that has given them more weight on the world stage, so that, for example, Chinese investments in the rest of the world have grown and also India’s economic growth has been very strong. Also Brazil has had an important growth, though marred by recent economic and political crisis. Militarily, Russia’s presence in the Syrian war has had a significant impact. At the same time Russia and China are permanent members of the UN Security Council. In general, the BRICS represent the strongest voice of the Global South. Between other things, the promotion of South-South cooperation, focused on

²⁴ Most important steps: the first formal meeting of BRIC (initially South Africa was not a member) took place in 2009 in Brazil with the clear intention to reform the existing financial institutions. In 2010 South Africa was formally allowed to join them, and then officially participated as a full member in the 2011 meeting (BRICS), when the BRICS Forum was created with the aim to encourage trade, political and cultural cooperation between the members. The NDB project began was initiated in 2013, and first saw light in 2014 with the agreements made in Fortaleza during the sixth BRICS summit. In 2016 the first loans linked to projects for the development of green energy were granted.

²⁵ Radar Socioambiental N. 4 July 2016. Available at: <http://bricspolicycenter.org/homolog/publicacoes/interna/7150?tipo=Radar> (accessed: 01.10.2017).

²⁶ From the first meeting in 2009, one of the things claimed by BRIC was the reform of global financial institutions, i.e. governance that supports the current policy-making process.

aid and development cooperation with lots of Southern countries, is one of BRICS key points. With all this weight, BRICS have tented to create an unprecedented alternative to the consolidated system, as we have seen, with the NDB. In their opinion the creation of alternative institutions devoted to finance infrastructure and sustainable development in emerging market and developing countries, would have challenged the consolidated and western-centered institutions of global governance. In the embedded current international system, the emerging powers have not the same voice as the strongest ones. Due to the economical and political centrality after the WWII, western countries have shaped institutions of global governance on the basis of their moods. In this way has become difficult to interfere in their decisions from inside these institutions, and the only way to give a new direction to global governance has been to create parallel ones in order to follow different patterns of development. But, is that right? Are these new institutions, as for the case of NDB, really devoted to different way to approach problems such as climate changes?

However, before tackling with these issue, and also to questions related to climate change, it is important to point out that in recent months the BRICS have experienced crises that have underscored their differences and weakened the structure.

The crisis of the BRICS

Despite impressive growth and development, including institutionally, in the last two years the trend has seen a slowdown. For example, China's growth has slowed down while Brazil has suffered a very important economic and political crisis, as a result of alleged corruption scandals. Russia's economy suffers a contraction and the sanctions imposed are increasingly isolating the country.

In this sense, the route to consolidate BRICS stability is still uphill. In addition, there are various divisions and divergent interests within the group, although they are not openly declared. For example, Russia, increasingly isolated by the West, has found in BRICS a "natural" place where there are no opponents to its political choices; China believes in the value of the BRICS, but often in this group and in the NDB sees "an institution among the others" and then gives it the same weight as it gives to other organizations²⁷; and also India, Brazil and South Africa, who previously had founded the "India, Brazil, South Africa Dialogue Forum (IBSA or G3)", have their particular interests, to focus on, that gave them more motivation to be part of BRICS and to strongly cooperate between them in the South-South cooperation: Brazil has strong interests in finding partners for its trade, above all because its economic interests are sometimes in contrast with US and EU, and also

²⁷ B. lo, *The illusion of convergence — Russia, China and the BRICS*, Russie.Nei.Visions, No. 92, March 2016. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_92_bobo_lo_brics-eng_march_2016_0.pdf

Brazil would like to obtain a position in UN Security Council, in order to represent Latin-American region and counterbalance global governance from there by having a more central role in UN. In this sense, a stronger coalition with other emerging powers is pivotal. At the same time, South Africa's participation in this group has one of its main "national interests" — as Biallas & Knauer said about South African purposes in IBSA — in getting a better position in the WTO agriculture-negotiations. The strong influence by the national Agro-Lobby in the Ministry of Trade explains why the country is engaged politically in this sector, even if it represents only a small share of GDP. This is one reason why this Ministry focuses so much on South-South alliances in its "Global Economic Strategy". Finally, also India has a strong interest in counterbalancing the global governance system, because in this way, and being part of a "parallel" and strong group as BRICS, also its weight will be stronger in the international arena (economically and politically) .

Although it came about as the result of different historical and political situations, it is important to understand the extent to which these different perspectives can influence the future of BRICS. For now, according to the intentions expressed in the last G20, the main purpose is to cooperate on sustainable development and the protection of trade. In the future, these principles could be the means to cement cooperation and sustainable projects in different fields. But at the moment, because of the recent crisis and the change in their economic and politic situation, BRICS countries have also shown their particular interests in this coalition.

At this point we have to ask what will be the influence of this situation on the NDB and other cooperative initiatives.

The BRICS and their commitment on climate change.

Problems related to climate change occupy a central role in contemporary debates. Despite the alarming situation of the planet, it is hard to find valuable agreements on the issue. The reasons are essentially tied to the interests of individual states or groups of states, that rather than pursue a common dialogue, follow their own particular interests. Just as an example, we can think about the disappointing results of the Kyoto and Copenhagen summits, which lacked real commitments, especially for the most vulnerable areas of the world. Regarding Kyoto Protocol, for example, it legally bound developed countries only to limit their Greenhouse Gas (GHG) emissions, without placing any corresponding responsibility on developing countries. On the basis of the principle of "common but differentiated responsibility" (Article 10 of Kyoto Protocol, that states that all parties have to formulate, implement and publish measures to mitigate and adapt to climate change), this situation showed that even though BRICS did not have legally binding obligations under Kyoto Protocol, they shared responsibility of mitigating and adapting to climate change.

That was the situation until 2012. After 2012, and the end of Kyoto Protocol's first commitment, BRICS pushed adoption of a second commitment period with continued binding obligations on developed countries. Only Russia opted out of the second commitment period. This position was not acceptable by developed countries who had hoped that BRICS would take ambitious commitments, culminating into voluntary pledges established by Copenhagen Accord²⁸.

BRICS rapid economic growth and increased energy demand had and will continue to have significant impact on climate change, that make them among the top GHG emitters in the world, yet they refused to take binding commitments to reduce their emissions.

After these previous meetings (the more relevant for our work), last year COP21 took place in Paris. Although the Paris Agreement was ratified by sufficient majority, which is often viewed as a historic result, there are still many limitations that do not sufficiently address the climate change needs.

The BRICS have a privileged position with regard to trade negotiations, and play a leading role among the developing countries; at the same time they play an important role within the G20²⁹. For this reason, despite the recent crisis, during the informal meeting of BRICS on the margin of the last G20 in Hangzhou, the leaders of the BRICS countries made a commitment to follow among other things, "the importance of openness, solidarity, equality, mutual understanding, inclusiveness and mutually beneficial cooperation"³⁰. During the month of April 2016, the NDB approved the first tranche of the loans to invest in renewable energy. And before the last G20, China ratified the Paris agreements together with the United States. These were really important steps on the way to commit to issues related to climate change, and above all a step forward after Kyoto and Copenhagen.

In particular, these last events were important above all because these projects were the first financed by the NDB (Brazil US\$ 300 million for wind and solar power; India US\$ 325 million dollars to increase renewable energy, China US\$ 81 million to produce solar panels; South Africa to build new power lines and for generating renewable energy; and Russia US\$ 100 million for construction of hydropower plants³¹). We found this important because it was a first way to see how NDB "acted" about climate change issues.

But how were commitments of BRICS for COP21? Were these loans, a part of the importance of founding renewable project, the mirror of a real change in climate

²⁸ Decision 2/CP.15, Copenhagen Accord, UN Doc. FCCC/CP/2009/11/Add.1, 30 March 2010.

²⁹ New Development Bank. BRICS Leader's Informal Meeting in Hangzhou on the Sidelines of G20 Summit. (15/09/2016) Available at: <https://goo.gl/IJDXiO> (accessed: 01.10.2017)

³⁰ Brics Leaders' Informal Meeting On The Margins Of The G20 Summit Media Note. 4 September 2016.

³¹ Radar Socioambiental N. 4 July 2016. Available at: <http://bricspolicycenter.org/homolog/publicacoes/interna/7150?tipo=Radar> (accessed: 01.10.2017).

change politics in BRICS? And, at the end, did these projects had any impact on global governance?

To answer to the first question, we propose the following table:

This table has been created by taking as source climateactiontracker.org.

COUNTRY	TARGET : Intended Nationally Determined Contribution(INDC)	TRACK and JUDGMENT	RATE
RUSSIA	To reduce emissions of net greenhouse gases (GHG) by 25 % to 30 % below the 1990 level by 2030.	“After accounting for forestry this is a reduction of only 6 % to 11 % below 1990 levels of GHG emissions excluding land use, land use change and forestry (LULUCF), and an increase of 30 % to 38 % compared to 2012 levels”.	“Inadequate”
CHINA	<ul style="list-style-type: none"> — Peak CO2 emissions by 2030. — Lower the carbon intensity of GDP by 60 % to 65 % below 2005 levels by 2030. — Increase the share of non-fossil energy carriers of the total primary energy supply to around 20 % by 2030. — Increase forest stock volume by 4.5 billion cubic meters, compared to 2005 levels. 	<ul style="list-style-type: none"> — Emission levels estimated for 2025 and 2030 resulting from all aspects of the INDC results medium. — Weak INDC carbon intensity targets. 	“Medium with inadequate carbon intensity targets”
BRAZIL	<ul style="list-style-type: none"> — Reduce net greenhouse gas emissions, including land use, land use change and forestry (LULUCF), by 37 % below 2005 levels by 2025. -“Indicative contribution” to reduce emissions by 43 % below 2005 levels (incl. LULUCF) by 2030. 	<ul style="list-style-type: none"> — Intention of reaching a share of 45 % renewables in the total energy mix by 2030. Estimation that INDC will result in GHG emissions (excl. LULUCF) increasing by about 36 % above 2005 levels by 2025. 	“Medium”

COUNTRY	TARGET : Intended Nationally Determined Contribution(INDC)	TRACK and JUDGMENT	RATE
INDIA	<ul style="list-style-type: none"> — lower the emissions intensity of GDP by 33 % to 35 % by 2030 below 2005 levels. — Increase the share of non-fossil based power generation capacity to 40 % of installed electric power capacity by 2030 (equivalent to 26–30 % of generation in 2030). — Create an additional (cumulative) carbon sink of 2.5–3 GtCO₂e through additional forest and tree cover by 2030. 	<ul style="list-style-type: none"> — Put forward a pledge to reduce the emissions intensity of GDP by 20 % to 25 % by 2020 below 2005 levels. 	“Medium”
SOUTH AFRICA	<ul style="list-style-type: none"> — Reduce its greenhouse gas (GHG) emissions to between 398 and 614 MtCO₂e (incl. LULUCF — land use, land use change and forestry), over the period 2025–2030. 	<ul style="list-style-type: none"> — South Africa’s commitment is not in line with interpretations of a “fair” approach to reach a 2°C pathway. This means it is not consistent with limiting warming to below 2°C. 	“Inadequate”

Assessment — Source: climateactiontracker.org

In general, we can see from this scheme that even though the NDB investments represented an important point of convergence, and surely there was a step forward from the previous pledges, commitments were not enough and, above all, there is no concrete cooperation in the climate changes field. It seems that BRICS pursue individual interests in this area, even though the public discourse is to try to find common policies and cooperation on this subject.

In fact, during the last G20, there were other commitments such as the one by China to open up its markets and to reduce the use of coal; the one by Brazil to provide technical assistance to small and medium entrepreneurs with a promise to increase their national productivity by 20 % by promoting renewable solutions; Russia’s commitment to set up an agency to develop innovative technological solutions; the creation of an Indian adaptation fund to protect vulnerable communities and productive sectors from climate change; and finally South Africa’s fund to subsidize investments in renewable energy. These declarations pointed to “the very close relationship between the world economy and trade with social and environmental

issues”³², but are these declarations an effective contribution to the global governance of climate change? Even if we see important investments we wonder how effective cooperation is and whether development of common policies is related to climate change policies.

COP22, BRICS Summit in GOA and Civil Society Participation

Global governance, as we have seen, pretend to describe a process in which also civil society and social movements gain more participation in global decisions. We started to wonder in which way BRICS can shape a different global governance, and we have seen that until now there have been positive declarations but really low practical response. In addition to this, we also wonder which degree of transparency and accountability BRICS have had in relation to climate change issues and their commitments.

During the last month of October 2016, the VIII BRICS annual meeting took place in GOA, India. Just before this meeting, a People’s Forum on BRICS took place in the same city. The People’s Forum aim was to create a debate between civil society, social movements and academia of the five states. The final declaration of the forum moved lots of critics on how NDB and CRA are actually working³³. On the basis of this declaration, both institutions are not working as an “alternative” to the IMF and the WB, but they are working complementarily to them. At the same time, critics were addressed to transparency and accountability of BRICS, above all due to the extractive policies implemented and the environmental degrade they are creating³⁴.

At the same time, during the last summit in Marrakesh (COP 22) that took place in November 2016, no really step forward were made: basically countries have just promised to continue to be committed with Paris Agreements , and BASIC countries (BRICS without Russia) underpinned the importance to avoid that developed countries changed their commitments taken during COP21³⁵. That means the during the meeting in Marrakech there were not really decisive commitments, but only debates on challenges to implement Paris Agreements.

Things being like this, we have now to wonder again which influence these countries have had and can have in relation to global governance and which alternative

³² *Radar Socioambiental*, N. 6, September 2016. Availabla at: <http://bricspolicycenter.org/homolog/publicacoes/interna/7160?tipo=Radar> (accessed: 01.10.2017).

³³ *Radar Socioambiental*, N. 7, October 2016. Availabla at: <http://bricspolicycenter.org/homolog/publicacoes/interna/7186?tipo=Radar> (accessed: 01.10.2017).

³⁴ *Ibidem*.

³⁵ *Radar Socioambiental*, N. 8, November 2016. Availabla at: <http://bricspolicycenter.org/homolog/publicacoes/interna/7210?tipo=Radar> (accessed: 01.10.2017).

can propose to climate change. The answer is that even at the beginning BRICS have represented an alternative, we can now see how their policies have started to be less counterbalancing through the western predominance (in IMF and WB). This may have occurred because of their recent crisis. But it is also due to different interests in their political and economical aims. The table about climate commitments have shown how BRICS haven't different purposes relative to their energetic policies, that means a divergent interest in the governance of climate change. At the same time, the recent rapprochement of Brazil and India to USA, have surely produced a deeper gap between these countries.

At the same time transparency, accountability and participation of civil society to decision making being so difficult to achieve, it will be difficult to give a different shape to global governance as it was in the original purposes of BRICS.

Conclusions

One of the first conclusions is probably that in spite of their search for cooperation and convergence on different points, the recent events could jeopardize the spirit of rapprochement that had characterized BRICS at the beginning. The crisis in Brazil and South Africa, the problems of Russia, China's situation, as well as other "small" problems that have occurred in recent months (e.g. the fact that Putin did not meet the Brazilian delegation to the G20 because of the new government), demonstrate a kind of fragmentation that undermines the ability to contribute to the "reform" of global governance. For this reason we believe that the field of climate change represents an emblematic example that highlights a diversity of interests of the BRICS: it seems that every member pursues policies related to its particular concerns, above all due to their recent crisis.

At the same time also the critics to the NDB represent a really important signal that lots of purposes that were in the beginning intentions of BRICS are changed.

In practice:

"while the Bank has given a nod to environmental sustainability, it has doggedly ignored the basic tenets of social sustainability — transparency and participation. The Bank did not involve civil society in the formation of its social and environmental policy framework, despite repeated calls for consultation. While the Bank released an Interim Policy on Information Disclosure, it hasn't put in place the necessary measures or mechanisms to ensure that communities who might be impacted by NDB investments have the information they need, the opportunity to influence project decisions, and access to remedy if they are harmed"

And:

“Since NDB’s inception, civil society groups within BRICS countries have repeatedly tried to engage national representatives and NDB officials in a dialogue on how to make the NDB a positive force for sustainable development and South-South cooperation, to little avail. Leading up to the BRICS Summit in Goa, civil society groups organized several consultations and forums in which they called on the NDB and its member countries to adopt clear commitments, including the establishment of sustainability criteria, meaningful engagement with affected communities and civil society at the project and policy level, and the development of a robust policy framework that meets international standards and reflects best practice”.³⁶

We started this Policy Brief by asking if BRICS can give a different shape to embedded global governance and global governance institutions. At the same time we have asked if their policies on climate change issues can also present an “alternative” focus as it was in the intentions of the NDB. At this point we can say that there are still lots of things to do to influence and give a different shape to global governance. In fact, we have seen that also NDB has adopted policies that are in line with Bretton Woods institutions. In a second moment we have seen that recent crisis and a fragmentation of interests have given a divergent result about climate change policies, even if NDB investments in renewable energy seemed important. And in the end also the lack of transparency, accountability and participation have influenced the correct work of BRICS institutional and policy mechanism.

At the moment, the original purpose to shake and give a new direction to global governance, is still far. If at the beginning one of the purposes of the BRICS was struggle to reform global governance, we recognize that in the field of climate change, for example, persists a certain fragmentation and diversity of interests and purposes, that at the moment seem hard to solve. Although on the one hand the public speech is to promote cooperation among the BRICS, in these areas there are no clear intentions to pursue common goals, to give more transparency and accountability, to promote more participation and to promote the alternative model that could give an input to the current governance.

Recommendations

On the basis of what has been described, despite the rise and momentary stall of the BRICS, the following recommendations have been elaborated:

1. To reform global governance was one of the main focuses of BRICS. Although the recent crisis has undermined this purpose, they should try to keep their purpose in the climate change field by funding projects in line

³⁶ Source: “Does the BRICS Bank have the tools for sustainable development?” Available at: Link: <http://dialogochino.net/does-the-brics-bank-have-the-tools-for-sustainable-development/> (accessed: 01.10.2017).

with the commitments taken in the Paris Agreements but above all trying to find a cooperative line. The latest crisis has demonstrated a fragmentation that should be overcome in order to give important contributions in global decisions.

2. To give an impetus to global governance in a positive way and try to create a governance that has realistic aims to cope with those “problems without passports”, we believe that the role of the BRICS is decisive. In this way, is important to find a real and greater collaboration in areas related to climate, to the financing of projects and especially to a functional role of the NDB. At the same time the lack of transparency and accountability underlined by social movements critics is a primarily question to solve. Without a real commitment with also civil society and social movements, there is no way to give a shape to governance.
3. Although reasons for being part of BRICS may differ between countries, it is essential to discuss the principles that are the common basis from which to start, to continue to be a counterweight to the global governance system.

Bibliography

Books

1. Alex Biallas & Jan Knauer, “*Von Bandung zum Ölgeschäft: Indien und Inder in Afrika*”, *GIGA Focus Africa 01*, 2006.
2. Bobo Lo, “The illusion of convergence — Russia, China and the BRICS”, *Russie. Nei.Visions* n. 92, 2016.
3. Joseph E. Stiglitz, *Globalization and its discontents*, London, Penguin, 2002.
4. Lawrence S. Finkelstein, “What Is Global Governance?”, *Global Governance*, Vol. 1 No. 3, Sept.–Dec. 1995, 367–372.
5. Regina Maria Soares de Lima & Monica Hirst, “Brazil as an intermediate state and regional power: Action, choice and responsibilities”, *International Affairs* n.82, Washington, 2006, 21–40.
6. Thomas G. Weiss, “Governance, Good Governance and Global Governance: Conceptual and Actual Challenges”, *Third World Quarterly*, Vol. 21, No. 5, Oct. 2000, 795–814.
7. Zygmunt Baumann, *Globalization: The Human Consequences*, New York, Columbia University Press, 1998.

Other Sources

Publication from BRICS Policy Center — Rio de Janeiro:

- 1) *Radar Socioambiental* N. 4 July 2016. Available at: <http://bricspolicycenter.org/homolog/publicacoes/interna/7150?tipo=Radar> (accessed: 01.10.2017)
- 2) *Radar Socioambiental* N. 6, September 2016. Available at:

<http://bricspolicycenter.org/homolog/publicacoes/interna/7160?tipo=Radar>
(accessed: 01.10.2017)

3) *Radar Socioambiental* N. 7, October 2016. Available at:

<http://bricspolicycenter.org/homolog/publicacoes/interna/7186?tipo=Radar>
(accessed: 01.10.2017)

4) *Radar Socioambiental* N. 8, November 2016. Available at:

<http://bricspolicycenter.org/homolog/publicacoes/interna/7210?tipo=Radar>
(accessed: 01.10.2017)

Other publications:

8. “Does the BRICS Bank have the tools for sustainable development?”. Available at: <http://dialogochino.net/does-the-brics-bank-have-the-tools-for-sustainable-development/> (accessed: 01.10.2017)

9. New Development Bank. “BRICS Leader’s Informal Meeting in Hangzhou on the Sidelines of G20 Summit”. (15/09/2016) Available at: <https://goo.gl/IJDXiO> (accessed: 01.10.2017)

10. Brics Leaders’ Informal Meeting On The Margins Of The G20 Summit Media Note. 4 September 2016.

11. Copenhagen Accord, UN Doc. FCCC/CP/2009/11/Add.1, Decision 2/CP15, 30 March 2010.

12. IBSA Summit Declaration 2006.

13. Kyoto Protocol.

Вода как глобальный вызов: схватка в Гуарани

Water as a global challenge: a fight in Guarani

Резюме: Дефицит воды - глобальный вызов XXI века. В докладе анализируется проект «Экологическая защита и устойчивое использование водоносной структуры Гуарани» Глобального Фонда окружающей среды ООН².

Ключевые слова: Дефицит воды; гидродипломатия; индекс питьевой бедности; Гуарани; «factor puaj»; водный кризис; водоносный горизонт; «голубое золото»; эвтрофикация водоемов; Hippo Water Roller; Южноамериканская линза.

Abstract: Water shortage is a global challenge of the 21st century. The report analyzes the project «Environmental protection and sustainable use of the Guarani aquifer structure» of the UN Global Environment Facility.

Keywords: Water shortage; hydrodiplomacy; index of drinking poverty; Guarani; «factor puaj»; water crisis; aquifer; «blue gold»; eutrophication of water bodies; Hippo Water Roller; South American lens.

Дефицит воды - глобальный вызов XXI века. Только две жидкости планеты Земля названы драгоценностями и метафорически приравнены к «священному металлу» — нефть как «чёрное» и вода как «голубое золото» (blue gold, oro azul).

«Водная карта»

Согласно данным ВОЗ, в современном мире более 80 государств с общей численностью населения более 2 млрд. человек не имеют чистой, безопасной для здоровья воды. 70 % Земли покрыто водой, но пресная вода, или «голубое золото», составляет из 1,4 млрд кубических километров воды только 2,5 %, то есть около 35 млн км³. Только 1 % воды легко доступен — остальная часть «заперта» в ледниках и под землей (т.н. «палеовода» составляет треть запасов). Таким образом, 7,3 миллиарда человек получают лишь 0,007 % всех водных запасов нашей планеты³.

Глобальная десятка стран — обладателей самых значительных (возобновляемых) водных ресурсов такова: 1. Бразилия (8233 км³); 2. Россия (4508

¹ Дунаева Юлия Генриховна – Россия, к.и.н., кафедра мировой политики СПбГУ (j.dunaeva@spbu.ru).

² Глобальный экологический фонд <http://www.thegef.org/> (дата обращения 22.11.17).

³ *The United Nations World Water Development Report, UNESCO, 2015*, 139. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002318/231823E.pdf> (дата обращения 23.11.17).

км³); 3. США (3069 км³); 4. Канада (2902 км³); 5. Китай (2840 км³); 6. Колумбия (2132 км³); 7. Индонезия (2019 км³); 8. Перу (1913 км³); 9. Индия (1911 км³); 10. Венесуэла (1320 км³)⁴.

Основную массу воды «потребляет» сельское хозяйство (около 58 %), за ним — индустрия (34 %), и только 8 % достается непосредственно человеку. Уровень потребления воды постоянно растёт: с 1950 г. потребление увеличилось втрое и достигло 4300 км³ в год, а объём водных ресурсов на душу населения сократился за 50 лет с 15 тыс. м³ до пяти тысяч⁵. Таким образом произошло увеличение «ноосферной» нагрузки на Землю.

Статистика *Института мировых ресурсов США* показывает: во всем мире около 1,2 миллиарда человек (1/5 населения Земли) проживают в зонах, где воды не хватает, еще 500 миллионов рассредоточены в зоне риска (13 государств), 1,6 миллиарда жителей планеты (43 государства) — располагают водой в объеме ниже минимальной потребности человека, а 39 стран мира получают необходимую воду из-за границы. К 2025 году, согласно прогнозам ООН, 48 стран с общим населением 2,8 миллиардов человек (а к 2050 году около 4 миллиардов человек, проживающих в 54 странах) будут испытывать серьезные проблемы с доступом к пресной воде⁶.

К 2050 году спрос на пресную воду вырастет на 55 %⁷ — его катализаторами являются рост населения, урбанизация, политика продуктовой и энергетической безопасности, развитие ирригационного сельского хозяйства и макроэкономические процессы, такие как глобализация, изменение рациона питания, повышение стандартов и качества жизни.

Новый тип войны за ресурсы

«Чем меньше водных ресурсов, тем больше риск возникновения войн за обладание ими», — считает Питер Глик, президент Тихоокеанского института в Окленде (Калифорния). За период с 2010 по 2013 год зарегистрирована 41 война из-за обладания водными ресурсами: одна разразилась в Океании, шесть — в Азии, восемь — в Латинской Америке, 11 — в Африке и 15 — на Ближнем Востоке. Вода становится «нефтью» XXI века.

⁴ *The UN World Water Development Report 2015: Water for a Sustainable World (WWDR 2015)* URL: <http://www.unesco.org/new/en/loginarea/natural-sciences/environment/water/wwap/wwdr/2015-water-for-a-sustainable-world/> (дата обращения 23.11.17).

⁵ Lalzad A., *An Overview of the Global Water Problems and Solutions*, London, 2007, p.39 URL: www.ariaye.com/english/images/lalzad.pd. (дата обращения 22.11.17).

⁶ *World Resources Institute (WRI)*. (*Институт мировых ресурсов США*) // URL: <http://www.wri.org> (дата обращения 22.11.17).

⁷ *Water for life. UN. Decade 2005-2015* // URL: <http://www.un.org/waterforlifedecade/reference.html> (дата обращения 21.11.17).

Проблема доступа к питьевой воде признается одной из важнейших целей, сформулированных в *Глобальных целях ООН* 2015 года. Вопросы дефицита водных ресурсов включены также в повестку дня международных организаций, так как Всемирный Банк, ЮНЕП, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО.

Гуарани - одна из крупнейших в мире водоносных структур площадью около 1,2 миллиона кв. километров – находится в «приграничном треугольнике» Латинской Америки и снабжает водой Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай. Название водоносного горизонта происходит от группы индейских народов гуарани, проживающих на этой территории. Согласно исследованиям, проведенным аргентинским Центром военных исследований (CEMIDA), запасы воды в Гуарани составляют около 50 тысяч куб. км, а бассейн может обеспечить водой 360 миллионов жителей по 300 литров в день на человека. Мировой лидер среди «гидродержав» — Бразилия, она обладает не только подземными водами - здесь течёт самая полноводная река в мире — Амазонка, площадь которой равна площади Австралии, а ее бассейн содержит пятую часть всех речных вод планеты.

«Приграничный треугольник» Гуарани занимает площадь размером в 2,5 тысячи кв. км, где проживает около 500 тыс. чел.⁸ «Тройная граница» образована слиянием двух мощных рек - могучей Параны и одного из ее притоков Игуасу, здесь находятся знаменитые на весь мир водопады Игуасу — одно из красивейших мест на планете. Для защиты своих национальных интересов Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай создали проект «Экологическая защита и устойчивое использование водоносной структуры Гуарани», который финансируется Глобальным фондом окружающей среды и Всемирным банком. Удачное завершение этого проекта будет важным шагом на пути решения проблемы долгосрочного обеспечения пресной водой народов этих стран.

Питьевая вода - самое полезное ископаемое (нередко также используется термин «палеовода»). Из-за того, что льды полюсов Земли имеют непростой международный правовой статус, «палеовода» оказывается доминирующим открытым и доступным источником воды на Земле. В подземных водоносных пластах содержится 96 % доступной пресной воды на нашей планете. Палеовода на 70 % покрывает нужды во влаге Евросоюза, а зависимость многих стран, особенно в засушливых регионах, таких как Испания, ЮАР, Тунис, Индия, от подземных вод колеблется в диапазоне от 80

⁸ *The UN World Water Development Report 2015: Water for a Sustainable World (WWDR 2015)* URL: <http://www.unesco.org/new/en/loginarea/natural-sciences/environment/water/wwap/wwdr/2015-water-for-a-sustainable-world/> (дата обращения 23.11.17).

до 90 %⁹. В настоящее время в мире разведано около трёхсот подобных подземных источников. Самым богатым регионом по количеству подземных водных линз является Европа, здесь их порядка ста пятидесяти, далее следуют две Америки (68 «горизонтов»), в Африке их обнаружено 38, а в Азии пока только двенадцать¹⁰. Есть в проблеме добычи палеоводы и политический аспект: подавляющее большинство подземных бассейнов расположено на территории сразу нескольких стран, из-за чего ведутся непрерывные межгосударственные споры. Особое место среди подземных резервуаров палеоводы занимают четыре крупнейших: Большой Артезианский бассейн в Австралии, водоносный пласт Гуарани в Южной Америке, Западно-Сибирский артезианский бассейн в России и африканский Нубийский песчаник.

Аквифер Гуарани

Водоносный горизонт Гуарани относится к классу трансграничных и расположен на территории четырёх южноамериканских государств — Бразилии, Аргентины, Парагвая и Уругвая. Все четыре страны объединены в Южноамериканский общий рынок (MERCOSUR), документы которого эффективно регулируют права и ответственность каждого из государств, в том числе и в плане вододобычи. Южноамериканская линза сформировалась, по оценкам геологов, приблизительно 144 миллиона лет назад. Объём водоносной жилы Гуарани огромен — 45 тыс. км³ - можно поить человечество в течение двухсот лет даже с учётом демографического роста¹¹, площадь водоносного пласта столь же впечатляюща — около 1180 тыс. км², глубина Гуарани колеблется в диапазоне от 70 до 1140 метров, большая часть расположена на территории Бразилии (840 тыс. км²), остальная площадь распределена между Аргентиной (225 тыс. км²), Парагваем (70 тыс. км²) и Уругваем (45 тыс. км²)¹². На территории этого глобального «рудника голубого золота» проживают чуть более 30 млн человек: 25 миллионов бразильцев, почти три миллиона аргентинцев, два миллиона парагвайцев и чуть более пятисот тысяч уругвайцев. Львиная доля потребления приходится, естественно, на Бразилию, где водами Гуарани пользуются жители пятисот городов и сель-

⁹ Barlow M., *Blue Gold: The Global Water Crisis and the Commodification of the World's Water Supply*, 2001, p.87 URL: <http://global.wisc.edu/development/resources/blue-gold.pdf> (дата обращения 22.11.17).

¹⁰ *World Water Assessment Programme (WWAP)* // URL: <http://www.unesco.org/new/en/natural-sciences/environment/water/wwap/> (дата обращения 21.11.17).

¹¹ *Глобальный экологический фонд* <http://www.thegef.org/> (дата обращения 22.11.17)

¹² *The UN World Water Development Report 2015: Water for a Sustainable World (WWDR 2015)* // URL: <http://www.unesco.org/new/en/loginarea/natural-sciences/environment/water/wwap/wwdr/2015-water-for-a-sustainable-world/> (дата обращения 21.11.17).

ских населённых пунктов, в Уругвае функционирует порядка 130 колодцев и скважин, а в Парагвае около двухсот. Все они находятся в государственной или муниципальной собственности, и любые попытки их приватизировать встречают горячий отпор со стороны местного населения — такой же горячий, как и сама вода Гуарани¹³. При добыче её температура может достигать 65 градусов по Цельсию.

Трудности заключаются в том, что вода залегает на *разной глубине*, и по мере истощения поверхностных горизонтов, её добыча будет становиться сложнее и дороже. Во-вторых, сама по себе *добыча ухудшает качество* подземных аквиферов — уровень воды в них постепенно снижается, и в них просачивается океанская *солёная вода*, делаая палеоводу непригодной для питья. Наконец, пусть и в весьма отдалённой перспективе, даже эти запасы — объективно *исчерпаемы*.

Другая трудность — криминогенный характер региона. Парагвайский город Сьюдад-дель-Эсте — третья по величине свободная экономическая зона в мире после Майами и Гонконга; он производит около 60 % ВВП страны¹⁴. В зоне парагвайско-бразильской границы функционирует множество подпольных фабрик и заводов, для приема контрабанды в этом регионе существует не менее 100 взлетно-посадочных полос, в приграничных городках действует 60 банков, которые, по сведениям полиции, занимаются отмыванием незаконных денег¹⁵.

По данным Исламской Ассоциации Латинской Америки, в регионе проживает сегодня около 4 миллионов мусульман, что некоторые эксперты полагают широкой вербовочной базой для Аль-Каиды. Атмосфера антиамериканизма способствует установлению весьма дружеских отношений между исламскими террористами и местным населением. Экстремистские группировки Ближнего Востока получают из «приграничного треугольника» от 300 до 500 миллионов долларов финансовой помощи в год¹⁶. Здесь находится крупнейший центр южноамериканской наркомафии, а также террористические «гнезда» исламских фундаменталистов Ирана и Ливана. Отсюда, из «треугольника», готовились и были осуществлены взрывы в 1992 и 1994 годах еврейского национального культурного центра и посоль-

¹³ Hinrichsen D., Tacio H., *The Coming Freshwater Crisis is Already Here*, 2011, p.26 URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/popwawa2.pdf> (дата обращения 21.11.17).

¹⁴ *World Scientists' Warning to Humanity*, P.1 URL: <http://www.wordtrans.org/whole/warning.html> (дата обращения 23.11.17)

¹⁵ WTO: *World Trade Report*, 2016 URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtr13-2b_e.pdf (дата обращения 20.11.17).

¹⁶ Сапожников, К.Н. *Парагвайские заметки в стиле ньяндуту* // <https://www.tiwy.com/pais/paraguay/zametki/part4.phtml> (дата обращения 20.11.17).

ства Израиля в Буэнос-Айресе (в них погибли 114 человек, сотни получили ранения).

Бразилия, Аргентина и Парагвай работают над «состыковкой» национальных законодательств, координацией действий спецслужб по установлению контроля за эмигрантами, финансовыми учреждениями и воздушным пространством, а также повышают эффективность работы таможенных и пограничных служб.¹⁷ Министры внутренних дел и руководители спецслужб стран - членов Меркосур подписали соглашение о борьбе с отмыванием нелегальных денег, торговлей детьми, оружейным бизнесом, бесконтрольной проституцией, угоном автомашин. Общий план действий включает создание компьютерной базы данных на лиц, подозреваемых в террористической и экстремистской деятельности. Борьба с «крестными отцами» будет затяжной и вряд ли бескровной.

Международный характер водной проблемы

Кроме очевидных или прямых эффектов нехватки воды, таких как конфликты, существует также ряд косвенных последствий: здоровье и качество жизни людей. Поскольку 65 % всей пресной воды уходит именно на ирригацию (полив) (остальные 25 % используется в промышленности и 10 % домашними хозяйствами), нехватка воды может привести к нехватке продовольствия¹⁸. 60 % пресной воды используется для производства экспорта, следовательно, проблема воды связана с международной торговлей, ежегодные темпы роста которой составляют 7 %¹⁹. С экономическим ростом связано загрязнение воды, как результат истощения почвы и избыточного использования удобрений. Такой дисбаланс косвенно приводит к эвтрофикации водоемов и загрязнению пресной воды.

В современном мире гидроинфраструктура делает прорыв. Темпы строительства водохранилищ впечатляют: ежедневно вводится два водохранилища, а их общее число увеличилось на планете с пяти тысяч в 1950 году до 55 тысяч в 2014-м. Улучшились технологии добычи, доставки и хранения питьевой воды. В некоторых странах право доступа к источникам воды прописано в Основном законе. Например, в Мексике в 2012 году была

¹⁷ Хейфец В.Л., Правдюк Д.А. “Страны Латинской Америки и проблема «Исламского государства»”, *Латинская Америка*, 5, 2016, 62-74.

¹⁸ Hoeksra A. Y., *The relation between international trade and freshwater scarcity, University of Twente, the Netherland, 2010, p.26* URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201005_e.pdf (дата обращения 29.11.17)

¹⁹ *The World Conservation Union, IUCN.* (Международный союз по охране природы и природных ресурсов, МСОП) // URL: http://www.iucn.org/what/global_programme/ (дата обращения 21.11.17).

проведена конституционная реформа, в результате которой право на воду было квалифицировано как общечеловеческое.

Гидробедность

ООН разработала и активно использует Индекс питьевой бедности (как часть «Многомерного индекса бедности»). С 1997 года регулярно, с промежутком в три года, проводится так называемый «Всемирный Водный Форум». Недавно, в 2015 года, в чилийском городе Вальпараисо прошёл форум «Наш океан», обсудивший вторичное использование очищенной воды. Некоторые страны стремятся проводить политику водной экономии. Когда ещё был жив венесуэльский президент Уго Чавес, он обратился к жителям Каракаса с просьбой поменьше петь во время принятия душа. В Арабских Эмиратах создали фирму по мойке машин соком деревьев, а ее создатели сейчас расширяют проект, включив и мытье соком небоскрёбов. В Чили и Эквадоре с 2013 года собирают конденсат тумана с помощью специальных водосборников - «Ловителей влаги»: у столицы Кито установлены шесть таких водосборников, установка способна «улавливать» от 120 до 160 литров воды в день. В Мексике придумана «твёрдая вода» - изобретение исследователя Национального Политехнического института Серхио Рико (Sergio Jesus Rico), - это переворот в мелиорации. Гранулы не загрязняют почву, а их создатель номинирован на Мировую Премию Воды Международным Институтом Воды в Стокгольме. Для бедных районов, где жители вынуждены переносить на себе тяжёлые ёмкости с водой, изобретен огромный бидон в форме колеса или катка (Hippo water roller, Wello WaterWheel)²⁰. Он вмещает до 90 литров, и его относительно легко катить. Но эти изобретения проблемы водного дефицита не решают, а лишь являются мерами локального применения и ограниченного эффекта.

Жители голосуют против экономии воды и отказываются использовать сточные воды. Американский биоэтик Артур Каплан из Пенсильванского университета открыл психологический феномен, а именно «фу-фактор» (по-английски — «yuck factor», по-испански — «factor puaj»), когда культурные и ментальные стереотипы мешают принять новые научные достижения и технологии - культурная инерция встала на пути прогресса²¹. К сожалению, пока поиск инновационных способов экономии и добычи

²⁰ Barlow M., *Blue Gold: The Global Water Crisis and the Commodification of the World's Water Supply*, 2001, p.87 URL: <http://global.wisc.edu/development/resources/blue-gold.pdf> (дата обращения 23.11.17)

²¹ *The World Conservation Union, IUCN*. (Международный союз по охране природы и природных ресурсов, МСОП) URL: http://www.iucn.org/what/global_programme/ (дата обращения 21.11.17)

воды не в состоянии решить проблему растущей глобальной жажды человечества.

Market failure — провалы рынка

Три крупнейшие теоретические и практические проблемные вопросы, на которые, к сожалению, нет ответа.

Бесплатность или минимальная оценка огромного количества природных благ и услуг

Экстернальные (внешние) эффекты от экологического ущерба — болезни, сокращение жизни, слабость подрастающего поколения.

Фактор времени - проблема дисконтирования. Например, климатические ущербы начнут наиболее ярко проявляться через 30–50 лет, поэтому сейчас мы не включаем в процесс принятия решений эти факторы, а административно-командные меры (command and control) — большие штрафы и драконовские наказания — не дают эффекта.

Выводы

Рост экономики и населения ведет к увеличению дефицита воды.

Дефицит водных ресурсов приводит к обострению политических противоречий между государствами и усилению конфликтности.

Проблема социального неравенства усиливается из-за разной степени доступа к воде у разных слоёв населения Земли.

Проблема пресной воды носит глобальный характер и требует международного уровня и коллективных политических усилий.

Библиография

14. *Глобальный экологический фонд* <http://www.thegef.org/> (дата обращения 22.11.17).

15. *The United Nations World Water Development Report, UNESCO, 2015*, 139. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002318/231823E.pdf> (дата обращения 23.11.17).

16. *The UN World Water Development Report 2015: Water for a Sustainable World (WWDR 2015)* URL: <http://www.unesco.org/new/en/loginarea/natural-sciences/environment/water/wwap/wwdr/2015-water-for-a-sustainable-world/> (дата обращения 23.11.17).

17. Lalzad A., *An Overview of the Global Water Problems and Solutions*, London, 2007, p.39 URL: www.ariaye.com/english/images/lalzad.pd. (дата обращения 22.11.17).

18. *World Resources Institute (WRI)*. (Институт мировых ресурсов США) // URL: <http://www.wri.org> (дата обращения 22.11.17).
19. *Water for life. UN. Decade 2005-2015* // URL: <http://www.un.org/waterforlifedecade/reference.html> (дата обращения 21.11.17).
20. *The UN World Water Development Report 2015: Water for a Sustainable World (WWDR 2015)* URL: <http://www.unesco.org/new/en/loginarea/natural-sciences/environment/water/wwap/wwdr/2015-water-for-a-sustainable-world/> (дата обращения 23.11.17).
21. Barlow M., *Blue Gold: The Global Water Crisis and the Commodification of the World's Water Supply, 2001, p.87* URL: <http://global.wisc.edu/development/resources/blue-gold.pdf> (дата обращения 22.11.17).
22. *World Water Assessment Programme (WWAP)* // URL: <http://www.unesco.org/new/en/natural-sciences/environment/water/wwap/> (дата обращения 21.11.17).
23. *Глобальный экологический фонд* <http://www.thegef.org/> (дата обращения 22.11.17)
24. *The UN World Water Development Report 2015: Water for a Sustainable World (WWDR 2015)* // URL: <http://www.unesco.org/new/en/loginarea/natural-sciences/environment/water/wwap/wwdr/2015-water-for-a-sustainable-world/> (дата обращения 21.11.17).
25. Hinrichsen D., Tacio H., *The Coming Freshwater Crisis is Already Here, 2011, p.26* URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/popwawa2.pdf> (дата обращения 21.11.17).
26. *World Scientists' Warning to Humanity*, P.1 URL: <http://www.wordtrans.org/whole/warning.html> (дата обращения 23.11.17)
27. *WTO: World Trade Report, 2016* URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtr13-2b_e.pdf (дата обращения 20.11.17).
28. Сапожников, К.Н. *Парагвайские заметки в стиле ньяндуту* // <https://www.tiwy.com/pais/paraguay/zametki/part4.phtml> (дата обращения 20.11.17).
29. Хейфец В.Л., Правдюк Д.А., “Страны Латинской Америки и проблема «Исламского государства»”, *Латинская Америка*, 5, 2016, 62-74.
30. Hoeksra A. Y., *The relation between international trade and freshwater scarcity, University of Twente, the Netherland, 2010, p.26* URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201005_e.pdf (дата обращения 29.11.17)
31. *The World Conservation Union, IUCN*. (Международный союз по охране природы и природных ресурсов, МСОП) // URL: http://www.iucn.org/what/global_programme/ (дата обращения 21.11.17).
32. Barlow M., *Blue Gold: The Global Water Crisis and the Commodification of the World's Water Supply, 2001, p.87* URL: <http://global.wisc.edu/development/resources/blue-gold.pdf> (дата обращения 23.11.17)
33. *The World Conservation Union, IUCN*. (Международный союз по охране природы и природных ресурсов, МСОП) URL: http://www.iucn.org/what/global_programme/ (дата обращения 21.11.17)

Инновации в стратегии «зеленого роста» стран Латинской Америки

Innovations in “green growth” strategy of Latin American countries

Резюме: Большинство стран Латино-Карибской Америки разделяют стратегию «зеленого роста», делая ставку на экологически чистые технологии, рациональное и бережное использование ресурсов. В статье рассматриваются достижения и проблемы внедрения инноваций на пути построения «зеленой экономики». Отмечая многогранность проблемы, автор уделяет особое внимание вопросам перехода на альтернативные источники энергии как главный фактор снижения выбросов углерода. Ситуация парадоксальна: регион отличается относительно невысокой долей в общемировых выбросах парниковых газов (8,3 %) — основной причины глобального потепления, при этом Латинская Америка оказывается наиболее уязвимой перед последствиями глобальных климатических изменений и нарушений экобаланса. В этих обстоятельствах большинство латиноамериканских стран, следуя принципам Парижского соглашения по климату, создают условия для наращивания мощностей электрогенерации на основе возобновляемых источников энергии — солнца, ветра, биомассы и активно включаются в цепочки создания стоимости «нетрадиционной» энергетики.

Ключевые слова: инновации; «зеленая экономика»; экология; Латинская Америка; возобновляемые источники энергии; альтернативные виды топлива.

Abstract: Most of the Latin-American countries support “green growth” strategy, betting on such factors as environmental-friendly technologies, rational and careful usage of resources. In the article, author considers achievements and problems of innovations integration on the way to “green economy” establishment. Highlighting versatility of the problem, author pays special attention to the transition to alternative energy resources as main factor in reducing of carbon emissions. The situation is paradoxical: the region is characterized by a relatively small share in global greenhouse gas emissions (8.3 %) — the main cause of global warming, herewith Latin America becomes the most vulnerable in front of consequences of global climate changes and eco-balance disturbance. In such circumstances most of Latin American countries, in pursuance of Paris climate agreement, create conditions for the enhancement of power generation capacities based on renewable energy resources — solar, wind, biomass and intensively becomes the part of value chain creation of “non-traditional” energy.

¹ Николаева Людмила Борисовна — Россия, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра экономических исследований ИЛА РАН (nlb2008@yandex.ru).

Key words: eco-innovations; green economy; ecology; Latin-America; renewable energy; alternative fuels.

Неотъемлемой чертой «зеленой» экономики, понятие которой неразрывно связано с концепцией устойчивого развития, становится обеспечение экономического роста и благосостояния общества без избыточного давления на природу. Этот курс предполагает увеличение инвестиций в «чистые» технологии (*cleantech*, или *greentech*) и инфраструктуру, поиск новых источников роста на основе инноваций, принятие мер во избежание катастрофических последствий глобального изменения климата.

Однако итоги прошедших двух десятилетий мировым сообществом были признаны неутешительными, негативные тренды не только сохранились, но и усилились. Странам не удалось прийти к единому мнению по «зеленой экономике» и способам достижения устойчивого развития. В принципе нет и официально принятого понятия «зеленой» экономики, на этапе обсуждения находится вопрос разработки базовых показателей и способов измерения прогресса на пути к «зеленой» экономике, как и более общие показатели устойчивого развития. Наиболее авторитетное и широко применяемое определение сформулировано Программой Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП): «"Зеленая" экономика — это экономика, которая обеспечивает долгосрочное повышение благосостояния людей и обеспечивает социальную справедливость, при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднения»².

Понятие «зеленой» экономики многоаспектно. Это

- энергетика;
- транспорт (использование альтернативных видов топлива, гибридных авто- и электромобилей);
- устойчивое развитие сельского хозяйства и органического земледелия;
- лесовозобновление (рефостеризация);
- развитие аквакультуры;
- строительство «зеленых» зданий («умная» организация систем отопления, освещения, охлаждения и вентиляции);
- переработка и утилизация твердых бытовых отходов;
- защита водного бассейна, пресная вода и санитария;
- сохранение и восстановление среды обитания;

² *Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. Обобщающий доклад для представителей властных структур. ЮНЕП, 2011 г., 1–2.*

- сохранение и эффективное управление экосистемами (биоразнообразием) и прочее.

Представления об устойчивом развитии и «зеленом росте» у разных стран различны и скорее всего будут меняться в дальнейшем. Но, несмотря на бурные дискуссии, уровень недоверия к «зеленой» экономике заметно снижается и большинство государств признают ее важность.

Характерной чертой региона является высокий уровень урбанизации. Поэтому особое внимание здесь стали уделять городскому планированию с учетом последствий для окружающей среды, т. е. таких факторов, как рост объемов мусора и отходов, загрязнение воздуха, доступ к безопасной питьевой воде, давление на экосистемы окрестностей и др.

Основным источником загрязнения окружающей среды в городах остается транспорт. Новаторские идеи организации городского пространства были реализованы в г. Куритиба (Бразилия). Этот город вошел в рейтинг самых «зеленых» (*eco friendly*) городов мира³, который учитывает такие параметры, как использование возобновляемых источников энергии, общественный транспорт, уровень концентрации загрязнителей воздуха, городского шума, объем сточных вод, санитарно-гигиенический и экологический менеджмент, эксплуатация зданий и ряд других. Гордостью Куритибы является система городского общественного транспорта, прежде всего это касается скоростных автобусных линий. Также Куритиба в числе рекордсменов по числу зеленых насаждений на одного жителя.

Благодаря оптимизации работы транспорта более высокий, чем большинство столиц и городов Южной Америки, «зеленый» индекс имеет колумбийская столица Богота. Система скоростного автобусного сообщения (BRT) в Боготе позволила снизить выбросы в расчете на одного пассажира на 14 %⁴.

В рейтинге *Global Green Economy Index* за 2014 г. впервые участвовала Коста-Рика, которая вошла в топ-лист, уступив лишь Германии и Швеции, в 2016 г. в первую двадцатку попали Бразилия, Коста-Рика, Колумбия, Уругвай⁵.

Переход к «зеленой экономике» не может произойти автоматически, «экоразвитие» должно стать выгодным. Два основных вопроса, которые

³ [Электронный ресурс]. URL: Available at: https://www.siemens.com/entry/cc/features/greencityindex_international/all/en/pdf/gci_report_summary.pdf
<https://eyeonlatinamerica.com/2016/02/05/epi-2016-greenest-countries-latin-america/> (accessed 07.08.2017).

⁴ *Навстречу «зеленой» экономике...* Op. cit., 22.

⁵ *The Global Green Economy Index GGEI 2014*, Measuring National Performance in the Green Economy. 4th Edition, October 2014. *The Global Green Economy Index GGEI 2016*, Measuring National Performance in the Green Economy. 5th Edition, September 2016.

встают на этом пути, это обеспечение необходимого уровня инвестиций и доступ к технологиям. Процесс предполагает изменение структуры производства и потребления, его сложно представить без участия государства. Неслучайно переход на чистые технологии постепенно входит в ранг государственной политики, включающей меры стимулирующие, регулирующие и, возможно, принудительного порядка.

Среди инструментов для перехода к «зеленой экономике»:

- отказ от неэффективных субсидий;
- реформирование систем «экологического» налогообложения (введение налогов на то, что вредит окружающей среде);
- политика государственных закупок, которая поощряет производство экологичной продукции и использование соответствующих принципам устойчивого развития методов производства;
- рост государственных инвестиций в соответствующую принципам устойчивого развития инфраструктуру;
- целевая государственная поддержка исследований и разработок, связанных с созданием экотехнологий, и ряд других.

Так, например, в Бразилии распространена практика государственных закупок, с помощью которых формируется высокий и долгосрочный спрос на «зеленые» товары и услуги. В 2011 г. в Эквадоре был принят закон развития окружающей среды и оптимизации государственных доходов, который предусматривал введение экологического налога на транспортные средства и налога на «не возвращаемые» пластиковые бутылки и установление специальных тарифов для гибридных и электрических автомобилей. В Перу были изменены размеры акцизного сбора на топливо с учетом его «вредности» для окружающей среды и снижен налог на импорт новых автомобилей, использующих природный газ или более качественный бензин.

Коста-Рика, а затем Чили и Мексика установили налог на выбросы углерода (*carbon tax*). Данная мера направлена на смягчение последствий изменения климата за счет ужесточения требований и стимулирования использования более безопасных технологий добычи ископаемых видов топлива и производства электроэнергии.

14 стран Латинской Америки создали специальные государственные фонды для развития альтернативной энергетики. Некоторые из них предлагают поддержку исследований и разработок в области возобновляемых источников энергии через механизм учреждения научно-исследовательских фондов, программ, специальных премий для студентов, а также специальных фондов, таких как, например, Inova Energia в Бразилии, Фонд устойчивого развития энергетики, продвижения исследований и техноло-

гического развития в Мексике или Фонд развития инвестиций в энергетику в Никарагуа. Колумбия учредила официальную медаль за рациональное и эффективное использование энергии и нетрадиционных источников, в том числе на этапе научных исследований.

Говоря об инновациях для построения «зеленой экономики», несмотря на многофакторность вопроса, речь прежде всего идет о переходе на более чистые источники энергии, технологии, минимизирующие выбросы углерода (т. е. технологические решения в таких областях, как энергетика и транспорт).

Инновационные решения по выработке энергии из возобновляемых источников за последние четыре-пять лет привели к существенному снижению затрат на ее производство. Развитие новых технологий позволило сократить стоимость производства солнечной энергии на 80 %, ветровой — на 60 %⁶. Обе технологии имеют высокий потенциал использования в латиноамериканском регионе и могут составить серьезную конкуренцию традиционным видам топлива, при этом не нанося ущерба здоровью населения и не оказывая негативного воздействия на климат.

Очевидно, что большая часть расходов на инновации и разработки по сохранению окружающей среды, включая альтернативную энергетику, электро— и гибридные автомобили, эффективного энергопотребления и др., приходится на США, Японию и Европу.

Вместе с тем в регионе есть и собственные инновационные разработки, созданные на основе использования своих природных ресурсов и богатств экосистемы. Среди таких новаций — биотопливо, по объему производства которого Латино-Карибская Америка занимает второе место после США. Стоит упомянуть и такой вид топлива, как этанол. Признанным лидером по производству этанола из сахарного тростника по собственной технологии является Бразилия.

Эта страна стала первой в мире, которая на законодательном уровне приняла решение об использовании биотоплива (этанола и биодизельного топлива) в качестве автомобильного горючего. Технологические решения бразильских специалистов *Motores Flex-Fuel*, позволяющие работать транспортным средствам на основе любой смеси бензина и этанола, — первая разработка такого типа, запущенная в 2004 г. Тогда же бразильский производитель самолетов *Embraer* впервые представил самолет с двигателем, работающим на этаноле.

Инновационные разработки в Чили позволили использовать в качестве «энергетического сырья» водоросли. Не прекращает Чили и исследо-

⁶ *Green energy leaders. Latin America's Top Countries in Renewable Energy*. November 2014, WWF Report, 5.

вания в сфере использования энергии волн. Вперед шагнули не только технологии использования солнечной энергии, но и смежные отрасли: с 2015 г. здесь стала применяться робототехника для очистки панелей, расположенных в пустыне, что позволило уменьшить затраты на рабочую силу и экономить драгоценные источники воды⁷.

Доступ к финансированию является ключом к развитию возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Политика поощрения инвестиций в возобновляемые источники энергии отмечается в большинстве стран региона с 2000-х гг., когда после относительного равновесия цена на нефть превысила 50 долл. за баррель, тем самым заставив задуматься над повышением энергетической безопасности и диверсификации источников энергии.

С 2004 по 2015 г. инвестиции в развитие возобновляемых источников энергии (без учета гидроэнергетики) в Латинской Америке выросли в 11 раз, в мире — в 6 раз. В 2015 г. в Латинской Америке на развитие ВИЭ было выделено почти 20 млрд долл., что составило 6,5 % всех инвестиций на развитие чистой энергии в мире⁸. Однако в 2016 г. произошло снижение объема инвестиций. При этом за последние пять лет заметно изменилось распределение инвестиций в ВИЭ как по странам — сократилась доля Бразилии и выросла Мексики, Чили, Гондураса, — так и технологическим секторам — существенно сократилась в биотопливную и гидроэнергетику и выросло в ветровую и солнечную.

Чили стала одним из центров притяжения «зеленых» инвестиций: с 2006 по 2013 гг. в проекты развития возобновляемых источников было вложено более 7 млрд долл.. Только в 2015 г. Чили вложила 3,2 млрд долл. (для сравнения — 1,3 млрд долларов в 2014 г.) и заняла 10-е место в мире и 3-е в регионе по этому показателю⁹. Из них около 2,2 млрд были направлены на развитие солнечной энергетики¹⁰.

Инвестиции в чистую энергетику Бразилии за 2006–2015 гг. составили 111 млрд долл., в 2016 г. — 6,8 млрд долл. Около 70 % этого объема было направлено на развитие ветровой энергии. Страна занимает 4-е место в

⁷ 2015: *Qué tecnologías despegarán en países en desarrollo* [Электронный ресурс]. URL: Available at: <http://www.scidev.net/america-latina/tecnologia/noticias/2015-que-tecnologias-despegaran-en-paises-en-desarrollo.html/> (accessed 22.06.2017).

⁸ *Análisis del Mercado de Energías Renovables*. América Latina. Resumen Ejecutivo, IRENA 2016, 3–4.

⁹ *CLIMASCOPIO 2016: Resultados y prospectiva del desarrollo mundial de las Energías Renovables no convencionales*. 1 abril, 2017 [Электронный ресурс]. URL: Available at: <https://icapmaestriagerenciaproyectos.wordpress.com/2017/04/01/climascopio-2016-resultados-y-prospectiva-del-desarrollo-mundial-de-las-energias-renovables-no-convencionales/> (accessed 22.08.2017).

¹⁰ *Brasil, Chile y Uruguay, los países que invirtieron más en energías renovables en América del Sur en 2015*. 08.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: Available at: <http://www.cesla.com/detalle-noticias-de-colombia.php/detalle-noticias-de-latinoamerica.php?Id=23147&fecha=2016> (accessed 22.12.2016).

мире по инвестициям в строительство ветряных электростанций, третье — в создание мощностей по нагреву воды с использованием солнечных батарей, второе — по инвестициям в гидроэнергетику, производство биодизельного топлива и этанола.

Относительно стабильный с 2008 г. рост инвестиций в экологически чистую энергетику наблюдается в Мексике — в среднем около 13 % ежегодно¹¹, и в 2015 г. он составил 4 млрд долл.¹² После Бразилии и Чили эта страна стала наиболее привлекательной для инвестиций в ветровую энергетику в Латинской Америке.

В последние годы заметно возрос интерес частных финансовых институтов, как национальных, так и зарубежных, к сектору альтернативной энергетики в регионе, прежде всего в Бразилии, Чили и Мексике.

Рост инвестиций закономерно привел к увеличению мощностей возобновляемых источников энергии: с 2006 по 2015 г. в ЛКА они выросли более чем в три раза¹³. Пять из 26 стран региона — Коста-Рика, Уругвай, Бразилия, Чили и Мексика — благодаря благоприятной бизнес-среде и инвестиционной привлекательности, энергетической и промышленной политике весьма в сжатые сроки обеспечили условия для проникновения чистых технологий на свои энергетические рынки.

Яркий пример приверженности концепции «зеленой экономики» и экоинноваций — Бразилия. К 2013 г. 80 % в энергобалансе Бразилии приходилось на возобновляемые источники энергии, в первую очередь гидроэнергетику, также страна стала региональным лидером по производству ветровой энергии. Среднегодовой темп ввода мощностей ветровой энергетики за пять лет составил 34 % (Перу — 200 %, Уругвай — 77 %, Чили — 45 %, но за счет того, что в 2010 г. в этих странах фактически вообще не было мощностей).

Отсутствие запасов ископаемого топлива и благоприятные условия для установки ветряков стали главными мотивами для перехода на этот источник энергии в Уругвае¹⁴.

Большие перспективы развития в ЛКА имеет солнечная энергетика, доля которой в энергобалансе региона пока незначительна. Однако тенденция к росту очевидна: за шесть лет (с 2010 по 2016 г.) мощность установлен-

¹¹ *Green energy leaders...* Op. cit., 26.

¹² *Análisis del Mercado de Energías Renovables...* Op. cit., 4.

¹³ *Ibid.*, 6.

¹⁴ Об энергетических проектах Уругвая в контексте субрегиональной интеграции см. Андреев А. С., «Механизм субрегиональной интеграции Уругвая, Парагвая и Боливии» // *Латинская Америка*, 2017, № 7, 50–60.

ных солнечных электростанций в регионе выросла в 30 раз (со 114 МВт до 3 417 МВт).

Лидирующие позиции по темпам ввода мощностей по производству энергии от солнца за пять лет занимает Чили (284 %), а также Уругвай (170 %) и Бразилия (62 %).

В 2016 г. на Мексику приходилось 3 % ввода геотермальных электрических мощностей в мире¹⁵. При этом за последние годы здесь резко выросли мощности ветровых электростанций (к 2015 г. превысили 3 000 МВт).

В процесс перехода на чистые источники энергии активно включились страны Центральной Америки. Наибольших успехов добились Коста-Рика, Гватемала, Гондурас, Никарагуа.

Сегодня Латинская Америка — мировой лидер в области использования энергии из возобновляемых источников: ЛКА производит примерно 7 % всей электроэнергии в мире, из которых 65 % — из возобновляемых источников¹⁶. Доля такой энергии в общем объеме энергопотребления составляет почти 28 %, тогда как в среднем по миру около 18 %. Но в балансе выработки энергии из возобновляемых источников есть свои особенности: бóльшая часть здесь вырабатывается на гидроэлектростанциях (доля гидроэнергетики в четыре раза превышает среднемировой уровень). На долю же «нетрадиционных» возобновляемых источников электроэнергии, таких как солнечная, ветровая, геотермальная, энергия биомасс и др., пока приходится лишь 7 %.

Исследование «Переосмысление будущего нашей энергетики» (*Repensemos nuestro futuro energético*), проведенное Межамериканским банком развития, выявило, что в регионе необходимо удвоить объем выработки электроэнергии к 2050 г.¹⁷ Доля возобновляемых источников энергии в удовлетворении этого спроса может составить половину. Ожидается, что к 2050 г. доля чистой энергетики (без учета гидроэнергетики) вырастет до 20 %¹⁸.

Страны региона ставят перед собой весьма амбициозные задачи: Уругвай планирует довести долю возобновляемых источников в производстве электроэнергии до 95 % к концу 2017 г., Коста-Рика до 100 % и Брази-

¹⁵ *REN21, Energías Renovables 2017. Avanzando en la transición mundial hacia la Energía Renovable, Reporte de la situación mundial*, 26.

¹⁶ *Green energy leaders... Op. cit.*, 7.

¹⁷ *Inter Press Service. América Latina tiene enorme margen para más infraestructura verde* [Электронный ресурс]. URL: Available at: <http://www.ipsnoticias.net/2015/08/sobra-margen-a-america-latina-para-ampliar-infraestructura-verde/> (accessed 27.03.2017).

¹⁸ *Green energy leaders... Op. cit.*, 7.

лия до 23 % к 2030 г., Чили — до 20 % к 2025 г., Мексика до 50 % и Колумбия до 100 % к 2050 г., Перу — до 60 % к 2025 г., Аргентина — до 20 % к 2025 г.¹⁹

Пока же ЛКА по-прежнему сильно зависит от ископаемого топлива и гидроэлектроэнергии, продолжаются и совершенствуются исследования и методы добычи невозобновляемых видов топлива (например, технология гидроразрыва пласта при добыче нефти и газа), в течение многих лет основная доля инвестиций направлялась в так называемое грязное производство электроэнергии. В балансе источников первичной энергии региона на углеводороды приходится более 46 %.

Очевидно, что развитие энергетики на основе возобновляемых источников обеспечивает региону долгосрочную энергетическую безопасность, снижает затраты (как домохозяйств, так и промышленных объектов), обеспечивает более широкий доступ к энергии, создает новые рабочие места, улучшает санитарно-экологические условия и минимизирует влияние/воздействие на изменения климата.

Однако недостаток финансовых средств, технологий, слабость институциональной системы сдерживают практическое воплощение многих инициатив. Реализация государственной экологической политики наталкивается на ряд препятствий, связанных с проблемами бедности, интенсивной урбанизации, недостаточного уровня развития базовой инфраструктуры, общей нестабильности экономики и др.

Несмотря на заметный рост сторонников концепции «зеленого развития», сохраняется общее для большинства стран противоречие между экологическим и социально-экономическим развитием, краткосрочным и долгосрочным приоритетами. Как правило, страны вынуждены делать выбор в пользу быстрого социально-экономического развития, в том числе за счет эксплуатации природных ресурсов, вынуждены развивать те ниши, которые уже сегодня дают конкурентные преимущества.

Стратегия на будущее — постепенный переход к «зеленой» экономике, рациональное и максимально бережное использование ресурсов с минимальным ущербом для окружающей среды, широкое внедрение инноваций и новых технологий (а также новых методов управления, мониторинга, контроля за состоянием окружающей среды, методов восстановления экосистемы и пр.), продвижение идей энергоэффективности и перехода на чистые источники энергии, создание устойчивой и диверсифицированной энергосистемы региона.

Библиография

¹⁹ REN21, Renewables 2017 Global Status Report, Paris, 2017, 191–194.

1. *Agencia Internacional de Energías Renovables (IRENA). Análisis del Mercado de Energías Renovables. América Latina. Resumen Ejecutivo*, IRENA 2016.
2. *Green energy leaders. Latin America's Top Countries in Renewable Energy*. November 2014, WWF Report.
3. *REN21, Energías Renovables 2017. Avanzando en la transición mundial hacia la Energía Renovable*, Reporte de la situación mundial, 2017.
4. *REN21, Renewables 2017 Global Status Report*, Paris, 2017.
5. *The International Renewable Energy Agency (IRENA). Renewable Energy Statistics 2016. Latin America and The Caribbean*. United Arab Emirates.
6. Андреев А. С., «Механизм субрегиональной интеграции Уругвая, Парагвая и Боливии» // *Латинская Америка*, 2017, № 7, 50–60.
7. *Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности*. Обобщающий доклад для представителей властных структур. ЮНЕП, 2011.

The renewable energy revolution in Chile

La revolución de la energía renovable en Chile

Abstract. The trend of greening of power industry has been launched by the international community and can be traced in many countries all over the world. Introduction of renewable energy sources into national energy matrix has become integral component of power industry progress of developed and developing states. Will renewables replace conventional energy sources in a foreseeable future or they will coexist in national energy packages remains the question. The article provides analysis of Chilean experience of rapid introduction of the renewable energy into its energy system. Key factors, risks and challenges are considered.

Key words: Chile, renewable energy, national energy priorities.

Resumen. La comunidad internacional ha lanzado la tendencia de reverdecimiento de la industria energética y puede rastrearse en muchos países de todo el mundo. La introducción de fuentes de energía renovables en la matriz energética nacional se ha convertido en un componente integral del progreso de la industria energética de los estados desarrollados y en desarrollo. Si las energías renovables reemplazan a las fuentes de energía convencionales en un futuro previsible o si coexistirán en paquetes nacionales de energía, sigue siendo la pregunta. El artículo proporciona un análisis de la experiencia chilena de la rápida introducción de la energía renovable en su sistema energético. Se consideran factores clave, riesgos y desafíos.

Palabras clave: Chile, energía renovable, prioridades energéticas nacionales

Global prospects of renewable energy

In 2017 146 governments all over the world politically and financially (through a number of instruments) supported renewable energy projects compared to only 48 governments in 2004. This is how clean energy markets have been created attracting investments from all over the world.

One cannot disregard that almost 86 % of the energy that currently powers the world is generated by fossil fuels. And this remains a steady trend. However, acceleration of green energy intrusion is very promising. In the beginning of 2000s global renewable energy generation showed 2–3 % of annual growth, in 15 years the tempo revealed annual growth of 9 %. 2016 demonstrated 30 % for solar energy generation. In 2015 renewable energy capacities to generate power left behind coal capacities known before as the largest source of installed capacities. By 2017 globally

¹ Russia, Saint Petesburg State University.

built capacities to generate energy for at least 50 % comprised renewable energy installations.

Renewable energy and energy saving technologies rapidly infiltrate into technological processes and products. For instance nowadays electric cars represent no more than 1 % of global car market. But 2016 demonstrated 42 % growth in sales of electric vehicles compared to 2015, which means electric cars were sold 8 times faster their conventional analogues. The largest part of electric cars in 2016 was sold in China.

Most known green energy headliners are Germany, Japan and surprisingly China.

Being the second largest economy of the world, China has already installed 33 % of global wind power capacity and more than 25 % of solar power capacity. China hosts six of the top ten world solar panel producers and four of the ten top wind turbine producers. According to the International renewable energy agency due to technological development and partly because of Chinese green focus the price for solar panels has dropped down for 80 % and wind turbines for 30 % since 2009.²

There is a lot of substantial criticism in regard to the concept of gradual replacement of conventional fuels with renewables. Based on historical parallels of gradual replacement of wood and coal, coal and oil, etc. critics argue that it will take much more time than it is believed now. Such a criticism is reasonable and well grounded. However, what it does not take into consideration is the availability and affordability of renewable energy technologies, which become more and more efficient and productive and less demanding in terms of investments. This factor makes renewables more competitive to conventional resources. It should be acknowledged that competitiveness does not necessarily mean replacement of conventional resources by renewables. But in case of Chile coal may be either replaced by renewables or its portion in Chilean energy matrix will be shortened to minimum.

Chile as a renewable energy revolutionary. Why Chile?

Besides green giants like Germany or China a row of developing countries such as Chile, Morocco, Kenya, Uruguay etc. develop green power industry and attract substantial investments into renewable energy sector.

Chile has been taken as an object for the analysis because of the following factors

- 1) Chile possesses very limited domestic fossil energy resources. Imported fossil resources: coal, oil and liquefied natural gas stand for 70 % of the

² Clark P., "The Big Green Bang", *The Financial Times*, (May 19, 2017): news, 10.

- country's total energy consumption. Dependency on import of energy resources constitutes a threat to national energy security.
- 2) Government of Chile performs renewables oriented energy policy to reduce its energy dependency.
 - 3) Growing energy demand and relying on mainly imported energy sources have contributed to high electricity costs for both households and industries. The electricity prices have grown 11 % since 2010 and it is forecasted that they will add 35 % by 2027 (if Chile does not solve the problem of dependency on imported energy).
 - 4) Chilean GDP substantially depends on the energy price. This problem is of high importance for the mining industry in which the cost of energy now represents about 20–30 % of the total cost of production. Consequently, this factor negatively effects national economic indicators — GDP: the mining industry accounts for 20 % of the GDP and 60 % of exports. Chilean mining industry pays twice as much for electricity as the mining industry in neighboring Peru.
 - 5) Chile is the first country in South America to introduce in September 2014 a carbon tax which imposed a levy of US\$5 on each metric ton of carbon dioxide emitted by thermal power plants with a generation capacity of at least 50MW (not including biomass).

Thus, high energy cost and shortages are the key challenges for Chile's private and public sector and represent major barriers to its economic development. According to the World Bank Chilean economy is forecasted to grow 2,1 % in 2017 and 2018. As the country's economy expands Chile's energy demand for 2015–2030 is seen "to grow in parallel at a rate of 72,98 % in the Central Interconnected System (SIC) and by 93,76 % in the Northern Interconnected System (SING) system"³.

Introduction of the renewable energy into national energy package of Chile will significantly contribute to national economic development and global environmental agenda at the same time.

Renewable energy potential of Chile

Chile possesses a vast spectrum of renewable energy resources: Solar energy (Atacama Desert); Wave and tidal energy; Wind (the El Arrayán Wind Farm (launched in 2014) is one of the largest in the country, utilizes Siemens-produced turbines to serve the energy needs of approximately 200,000 households per year; Geothermal power ("Pacific-Ring of Fire"); Biomass, Hydropower etc. Hydropower is the most used renewable resource accounting for more than 6,000 MW of installed Chilean capacity. At the same time, currently, solar energy is the cheapest energy in

³ Chile, *Renewable energy in Latin America*, Norton Rose Fulbright, 2017, 15.

Chile. the price offered for this technology is US\$29 MWh compared to wind energy US\$31 MWh.

The National Energy Commission of Chile forecasts that of the 2,915 MW planned to start operations by 2027 65 % will correspond to solar energy and 980 MW to wind farms.

The portion of installed renewable energy capacity in the Chilean energy mix in 2013 constituted 6,3 %. Each following year it progressed and in 2016 reached 17,05 % of total electrical capacity. The energy market of Chile is privatized. This allows to more than 160 solar developing corporations of national and foreign origin operated in Chile. The same year Chile became the largest producer of solar energy in Latin America. Chile hosts some of the largest projects not only in Latin America but in the world.

Investments attractiveness and ranking

Chile is considered by many to be one of the world's top renewable energy markets.

Ernst & Young's Renewable Energy Country Attractiveness Index (RECAI) of 2016 — a quarterly updated ranking of 40 countries according to a complex of macro, technology and market indicators ranked Chile to the 4th position.

According to the World Bank reports: since 2012 by 2015 the renewable energy sector of Chile has attracted US \$9.2 billion in investments. This bulk of investments represents all investments in the sector collected for the period from 1993 to 2011.

Furthermore in 2015 Chile attracted 50 % of investments in renewable energy sector for all Latin America and Caribbean. As a result, Chile has been ranked third in the renewable energy investment attractiveness by the Inter-American Development Bank⁴.

The Doing Business Report 2017 by the World Bank has ranked Chile to 57th position as the best business ground in Latin America and Caribbean.

Thus, the renewable energy market demonstrated the highest investments rate in Chile among all sectors of national economy for 2015–2016.

Legal frameworks and agenda setting for green energy breakthrough

Since 2000 Chile has adopted a complex of laws setting legal requirements for energy sector boosting renewable energy development. By 2017 this complex has embraced 12 laws.

On April 1, 2008 — The Law № 20257 better known as Non-Conventional Renewable Energy Law (NCRE Law) aimed to fulfill future energy requirements by developing non-conventional renewable energy sources, such as geothermal,

⁴ *The Energy Finance Climascope 2015*, Bloomberg New Energy Finance and the Inter-American Development Bank. 2015.

wind, solar, tidal, biomass and small hydroelectric plants for the first time set the progressive annual quota.

This quota came into force at the start of 2010 and until 2014 required 5 % of electricity to be generated from non-conventional renewable energy sources. Starting from 2015, the obligation increased by 0.5 % annually, to reach 10 % by 2024.

On 14 October 2013, the law was reformed into Law 20698 and 20701 known as “Law 20/25” and mandated that electric utilities with more than 200MW operational capacity should generate 20 % of electricity from renewable sources by 2025.

In December of 2015 the government released an Energy Agenda, where a more ambitious goal was established to reach 70 % of renewable energy portion (including large hydro) in the energy package of Chile by 2050. Such goal setting may seem quite ambitious compared to the EU 2014 target indicator of 27 % of renewables in energy mix by 2030 and the US 2014 target indicator of 50 % of renewables in energy package by 2050.

However, Chile succeeded with the initial renewable energy policy implementation and in 2016 the installed capacity in renewable energy sources of Chile reached 3,119 MW. This corresponds to 17 % of the total national power capacity. With such an indicator achieved Chile already fulfilled its road map ahead of schedule.

Probable risks and challenges

Lack of infrastructure prevents renewable energy market from developing.

For electricity transmission Chile employs four independent electricity grids:

1) the Northern Interconnected System Grid (Sistema Interconectado del Norte Grande (SING)), the northern grid stretches from Arica to Antofagasta and accounts for about 19 % of national generation;

The northern region of Chile has one of the highest energy demands because of the world’s largest copper reserves located there and primary concentration of mining industry.

2) the Central Interconnected System Grid (Sistema Interconectado Central (SIC)), the central region’s grid stretches from Taltal to Chiloé island and accounts for 68.5% of national generation and serves 93 % of Chile’s population;

3) the Aysén Grid in southern Chile (0.3 % of total generation);

4) the Magallanes Grid, also in southern Chile (0.8 % of total generation).

Fragmentized transmission infrastructure is a working environment for 36 electricity distribution companies.

Disconnected electricity grids systems cause technological and logistic barriers on the way for the large scale renewable energy utilization. Thus, it prevents solar

energy generated in the Atacama Desert (with the highest rates of solar radiation on the world) in the north of Chile from being delivered to the most populated central regions — Santiago areas.

The government of Chile has approved the large project to interconnect the two major national electricity grids, the SING and the SIC. The project was launched in July 2016. the French Engie and the Spanish Red Electrica Internacional got a contract to build a missing transmission line. Regardless of the scale and complexity of the project the executive director of the Chilean Renewable Energy Association (ACERA) Carlos Finat expressed his belief that the connection segment would be complete on time by mid-2017 adding a reservation “the project can be delayed a few months. Instead of having it by mid-2017, it may be online by the end of 2017 or the first month of 2018, it is a reasonable delay in a project such as this.”⁵

Interconnecting grids is a part of a national transmission modernization plan and it does not primarily focus on push to a solar energy. At the same time, it will bring solar energy projects of the North of Chile to a larger market.

Too intensive tempo and lack of governmental participation can undermine positive trend of renewable energy development.

Chile was one of the first countries in the world which privatized its energy industries. This factor has dual effect in terms of renewable energy development. On the one hand it attracts investors on the other it makes them to believe that free market principles may damage the renewable energy sector and without governmental participation interests of investors may suffer in certain circumstances. In June of 2016 renewable energy developers and investors felt uncomfortable when Bloomberg reported as follows: “Chile’s solar industry has expanded so quickly that it’s giving electricity away for free. Spot prices reached zero in parts of the country on 113 days through April 2016, a number that’s on track to beat 2015 total of 192 days”⁶.

Thus, with light governmental regulation of Chilean energy market energy developers take the risk to set a regime and sell the electricity they produce in given circumstances.

Lack of funds for companies-winners of auctions of contracts to supply energy is another challenge for Chilean renewable energy industry. Several companies (Solarpack, First Solar Inc., Mainstream Renewable Power (through Aela its joint venture with private equity firm Actis Asset Management) which won contracts in 2015 and 2016 experienced troubles with attracting funds from banks and other

⁵ Kenning T., “Major Chilean grid connection on schedule for completion by mid-2017”. Available at: <https://www.pv-tech.org/news/major-chilean-grid-connection-on-schedule-for-completion-by-mid-2017> (accessed August 24, 2017).

⁶ “Chile Has So Much Solar Energy It’s Giving It Away for Free”, *Bloomberg*, 2016-06-02 19:14:25.678 GMT

investors the same year of auction and failed to launch their work as scheduled on time⁷.

Criticism

Based on such reports and a number of other factors some researches conclude that renewables are not viable on liberalized energy market (opposite to planned economy and centralized market)⁸. They would also argue that full and rapid decarbonization of energy sector is unreachable. The logic of the argument is founded on a premise that deployment of the renewable energy resources and the renewable energy technologies rely on the conventional energy resources and the conventional energy technologies. From these positions over intensive (opposite to gradual) application of renewables may be negative to Chilean energy complex.

Conclusion

The expansion of the renewable energy industry in Chile must be considered rather as a long standing trend than a cycle. It is hard to expect that any of difficulties discussed above can bring Chile back on the rails of dependency on energy import and high electricity prices.

Chilean renewable energy industry can be described as an industry of catch up development characterized by the deficit of its own unique technologies and sufficient funding. In such circumstances Chile finds itself in a permanent search for investments and renewable energy developers. To what extent Chilean energy market and energy infrastructure are mature for massive infiltration of a large number of renewables' developers-competitors remains the question. Nevertheless, Chilean energy sector undergoes a phase of rapid modernization and innovation.

The renewable energy resources and the renewable energy technologies in Chile are expected to represent a substantial portion in national energy profile in the near future, already by 2021. Stronger implementation of the renewable energy sources will displace coal from the national energy mix. The renewables will decrease the electricity price and contribute to the energy national security.

Bibliography

1. "Chile Has So Much Solar Energy It's Giving It Away for Free", *Bloomberg*, 2016-06-02, 19:14:25.678 GMT

⁷ Lombrana Laura Millan, "Banks Question Cost of Chile's Renewable Energy Revolution", *Bloomberg*, 2016-10-20, 17:26:00.473 GMT

⁸ Blazquez Jorge, Fuentes-Bracamontes Rolando, Bollino Carlo Andrea, Nezamuddin Nora. "The renewable energy policy Paradox", *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 82, 2018, 1–5.

2. Blazquez Jorge, Fuentes-Bracamontes Rolando, Bollino Carlo Andrea, Nezamuddin Nora. "The renewable energy policy Paradox", *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 82, 2018, 1-5.
3. Chile, *Renewable energy in Latin America*, Norton Rose Fulbright, 2017, 15.
4. Clark P. "The Big Green Bang", *The Financial Times*, (May 19, 2017): news, 10.
5. Kenning T. "Major Chilean grid connection on schedule for completion by mid-2017" Available at: <https://www.pv-tech.org/news/major-chilean-grid-connection-on-schedule-for-completion-by-mid-2017> (accessed August 24, 2017).
6. Lombrana Laura Millan, "Banks Question Cost of Chile's Renewable Energy Revolution", *Bloomberg*, 2016-10-20, 17:26:00.473 GMT
7. *The Energy Finance Climscope 2015*, Bloomberg New Energy Finance and the Inter-American Development Bank. 2015.

БРИКС И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Gao Fei¹

China's Transforming Diplomacy: Learning and Exploring

La Diplomacia Transformadora de China: Aprendiendo y Explorando

Abstract: The world is undergoing profound and tremendous changes and Chinese domestic politics and economy have entered what is called 'new normal'. Against such background, an important transformation is emerging in China's foreign policy, aiming at conforming to the trend of the new era improving the principle of great power diplomacy with Chinese characteristics, promoting efficiency in dealing with foreign affairs, making more contributions to the global development in a more peaceful and prosperous manner while maintaining its own territorial integrity and security.

Keywords: BRICS; New World Order; China's Diplomacy; OBOR.

Resumen: El mundo está experimentando profundos y tremendos cambios y la política y la economía domésticas chinas han entrado en lo que se llama 'nueva normalidad'. Ante estos antecedentes, está emergiendo una importante transformación en la política exterior de China, apuntando a ajustarse a la tendencia de la nueva era, mejorando el principio de la diplomacia de las grandes potencias con características chinas, promoviendo la eficiencia en el manejo de asuntos exteriores, haciendo más contribuciones al desarrollo de una manera más pacífica y próspera mientras se mantiene su propia integridad y seguridad territorial.

Palabras clave: BRICS; Nuevo orden mundial; Diplomacia de China; OBOR.

The transforming role: a developing country + a major global power

The primary role of China is its capacity of a member of developing world. In 2014, China's GDP per capita reached \$6747, ranking 81st globally, which was roughly a seventh of that in the US, one fifth of that in Hong Kong, a half of that in Russia. China still has about 70million people whose annual per capita

¹ China, Assistant President of CFAU and Professor of Diplomacy (e-mail: fgao@cfau.edu.cn)

income is less than \$2300. Chinese economy and society are in a crucial period of transformation. Serious imbalance of human and environmental resources; reconstructing industrial structure; the on-going process of urbanization; fast-aging society have jointly implied that domestic development is still the most pressing issue. The development goals can be categorized as “The Two Centenary Goals” — to finish building a moderately prosperous society in all respects by 2021 and to turn China into a modern socialist country with great prosperity, strength, democracy, civilization, and harmony by 2049. To this end China needs to transform its foreign policy accordingly.

China is also a growing global power. Since the reform and opening up in 1978 China has maintained fast economic growth of more than 9 % over 3 decades and is now the world’s second-largest single-nation economy. China’s oversea investment grew 13.7 times from 2004 to 2013. In 2014, China’s OFDI was up to \$102.9 billion. The Ministry of Commerce of China predicted the foreign investment scale would exceed \$500 billion, with more than 10 % annual growth rate and more than trillion dollars total amount for the next five years. China’s investment has stretched from natural resources to high-tech field such as telecommunication, high-speed rail, nuclear energy, civil aviation and etc.

With greater power comes greater responsibility. We define “responsibility” as “China development will benefit the majority of the developing countries”. First has been the fast growth of foreign aids since the beginning of this millennium. We had the average annual growth rate of 29.4 % between 2004 to 2009, and the total amount reached 89.34 billion during 2010 to 2012. President Xi Jinping, announced at the UN that China planned to set up a fund with an initial contribution of US\$2 billion to support South-South cooperation and to assist developing countries in implementing their post-2015 development agenda, and to write off outstanding debts in the form of bilateral governmental zero-interest loans borrowed by the least developed countries, landlocked developing countries, and small island states, that matured at the end of 2015.

Secondly, China provides vast amounts of concessional loans. China’s loan to other developing countries has exceeded that of the World Bank since 2010. China is leading the foundation of BRICS Development Bank, AIIB, and Silk Road fund in 2014, which offers more choices for emerging economies for better financing. At the same time, it has strengthened the mutually beneficial cooperation with BRICS, Asian countries and European countries.

Thirdly, China has made contributions to world peace. Since 2000, there have been over 21000 peacekeepers from China, variously deployed in 30 operations, and now, China is the biggest contributor of peacekeeping personnel among the five permanent members of the Security Council of the UN. Since 2008, Chinese has dispatched 22 navy fleets to conduct escort missions off the Somali coast and the

Gulf of Aden. In 2013, Chinese warship escorting the transfer of Syrian Chemical Weapons, contributed to the destruction of Chemical Weapons. In 2015, president Xi announced China's decision at UN to establish a 10-year, US\$1 billion China-UN peace and development fund and build a peacekeeping standby force of 8,000 troops to support the UN's mission. China is fulfilling its responsibilities as a major country in anti-terrorism, global climate and environment.

The transforming diplomacy: From reaction to engagement

In the new era, the CCP has been aiming at coordinating the overall situations at home and abroad, enabling China's diplomacy to shift from reactive postures to vigorous engagement while withstanding the consistent principle in foreign affairs..

First is to pursue great-power diplomacy with Chinese characteristics. China's diplomacy in the new era should retain salient features of Chinese characteristics including confidence, backbone, and generosity. Given the national conditions and its traditions, China is committed to pursuing foreign policies of peaceful rise, independence while protecting its legitimate rights and core interests. China claims democracy in international relations; we adhere to the Five Principles of Peaceful Coexistence; We stay committed to the principle that all countries, big or small, strong or weak, rich or poor, are equal; We insist that the future of the world must be shaped according to wishes of all countries; We contribute actively to international fairness and justice; we speak up for developing countries. China has actively deepened cooperation and developed relationships within BRICS in recent years. During the reformation of international organizations such as the IMF and World Bank, China has proposed to expand and enhance the discourse right of developing countries, making the existing international order more just and reasonable.

Second, we develop a new type of relationship among major powers. Great power relations dominate international politics. The future of the world peace depends heavily on the peaceful coexistence among major powers. The main structural conflict in contemporary world exists between China and America, according to realism politics. China is a rising power while America is the current established global power. The strategic rivalry between these two countries seems inevitable. However, with globalization and widespread interdependence, bilateral cooperation is extremely necessary. In February 2012, Xi Jinping, China's then vice president, visited the US and proposed to build a new model of major power relationships. In June 2013, President Xi Jinping and President Obama met at the Annenberg Estate where both leaders agreed to build such relations with non-confrontation, mutual respect and win-win outcome. The new model of great power relationship is to abandon the Cold War mentality that two strong nations are bound to clash with each other for power dominance, and to respect diverse social systems in China and

America so that the two countries can jointly tackle with common challenges the world is facing.

Third, China has shaped the network of partnership without forming alliance. Since China and Brazil first established such partnership in 1993, “non-alliance partnership” has been an important feature of China diplomacy. By the end of 2015, China has gathered more than 80 partners, of various forms. China’s partnerships have covered most major countries and regions in the world. Sino-US constructive and cooperative relationship focuses on global issues; China-Japan relationship is based on the common interests on energy, economy, and trade; the strategic partnership of coordination between China and Russia is based on the relations of policy and economy. Since 2013, we have upgraded bilateral relationship to the level of all-round strategic partnership with such important countries as Indonesia, Malaysia, Peru, Mexico, Turkmenistan, Belarus, Kazakhstan, Algeria, Argentina, Venezuela, Australia, and New Zealand. We have already established the strategic partnership with Kyrgyzstan, Tajikistan, Ukraine, Mongolia, and Qatar. We have also greatly strengthened strategic partnerships with such regional powers as France and Germany.

The transforming relationship between China and the international system: a role of builder + reformer

Ultimately, the transformation in China’s roles, diplomatic ideas and behaviors stem from the transforming relationships between China and international system. China’s roles have changed from being reactive, revolutionary, challenging the present order to being constructive and reforming. China became a revolutionary state in 20th century due to its Bourgeois Democratic Revolution, New Democratic Revolution, Socialist Revolution at home and the Revolution aiming at challenging international system.

However, China’s relations with the rest of the world have undergone historic changes with the development of reform and opening up. One is that China’s economy has been increasingly linked with the global market. Chinese goods, personnel, and capital have traveled around the world. From 1978 to 2013, our import and export value increased from \$20.6 billion to more than \$4.16 trillion and China’s status in the world trade of goods rose from less than 1 % to 12 %. Mainland citizens made about 280000 overseas visits from 1949 to 1978, while the amount was over one hundred million in 2014. Arrivals from China accounted for 10 % of the global travel. Chinese overseas students accounted for 14 % of the world total number of overseas students.

The second is that China has widely participated in multilateral cooperation and maintained close ties with many countries. Since China joined the World Trade Organization, such ties have become even closer. We have set up the mechanisms in bilateral trade and economic cooperation with 163 countries; we have signed ten treaties of free trade zones, the BITs with 129 countries, and the agreement for the avoidance of double taxation with 96 countries. China has been a member of over 100 inter-governmental organizations and signed nearly 400 international treaties.

In today's world, all countries are interdependent in terms of future welfare. President Xi Jinping has always stated that, as a responsible player in the international system, China has benefited from it and made contributions to its development as well. To reform the existing international system does not mean to build a rivaling system. On the contrary, China is seeking to make the international order more adaptive to the current changes. AIIB is a good example in case of mutual benefit and win-win cooperation. According to a World Bank analysis, the investment capital cannot sufficiently meet a great amount of demand for infrastructures in the next decade. This financing gap will reach \$800 billion.

The infrastructure's dragging and fund's lacking could seriously restrains further growth in Asia. In 2014, China proposed to establish AIIB, which later attracted 58 countries from Europe and Asia to join the process. It not only helped Chinese enterprises with going overseas, but also brought opportunities for other member states to finance and cooperate through a dialogue platform even for longtime rivals like Israel and Iran. AIIB has put the idea of mutual benefit and win-win cooperation into reality.

The pains of transforming: learning+ adjusting

The transformation in China diplomacy and the adjustment in international system are going hand in hand together. Learning and readjusting through frictions and conflicts are of great importance to China's transforming diplomacy.

With the process of globalization countries are increasingly interdependent. Although it does not exclude the possibility of conflicts, the solution to present problems may differ from that in the past. We insist on resolving disputes and differences through communication and coordination; we lay strong emphasis on mutual learning, for international relations need both peaceful co-existence and co-evolution.

Development is meaningful only when it is inclusive and sustainable. Today, countries share security interests, are interdependent in economy, and all linked in politics. In face of many world issues, terrorism, climate change, large-scale infectious diseases, food security, no country can manage alone or stand isolated.

Mutual benefit and win-win cooperation will be the best choice under the new situation.

China is a major country as well as a developing one. Development is still its priority. It means the progress in society, politics, and other field, rather than mere growth in economy. It is shown not only in the longitudinal progress of history, but also in the horizontal comparison of the world. It's the first time for China to go global, China needs to learn how to better adjust itself to the world, and how to act as a responsible player. The world is a mirror and a teacher for China. Only by keeping tolerant mentality, adjusting its internal affairs and diplomacy from constant learning can China rise with other Asian countries peacefully.

The transformation of the China's diplomacy is a historical mission. Modern China has gone through poverty and vulnerability. The transformation in this era was mandatory. China was forced to transfer from a "Middle-kingdom diplomacy" to a "weak-country diplomacy" During revolutionary period, the transformation was a result of bipolar structure, which converted China's postures from rivaling between two camps to strategic triangle. The current transforming is based on domestic development and globalization, which is bound to facilitate China's great rejuvenation and enduring peace and common prosperity across Asia and the world.

BRICS and the New World Order: Regional and Global Dimensions

BRICS y el Nuevo Orden Mundial: Dimensiones Regionales y Globales

Abstract: This paper is devoted to analysis of BRICS' role in the formation of the New World Order. The author analyzes the BRICS as a geoeconomic, geopolitical and multipolar alternative to Bretton Woods and the current Western global governance paradigm. The author pays attention to the historical and civilization background of BRICS formation and then estimates regional and global prospects of the current cooperation of BRICS' countries. Special attention the author gives to the new possible direction of BRICS' cooperation in the Arctic and in the framework of the Belt and Road (New Silk Road) Initiative. In conclusion the author suggests that the Asian Infrastructure Investment Bank — AIIB and the BRICS New Development Bank could engage Ibero-America, Russia and the BRICS in equity and credit financing, trade and technology transfer, for mutual benefit.

Keywords: Ibero-America; BRICS; New World Order; Brazil; Russia; the Belt and Road (New Silk Road) Initiative.

Resumen: Este documento está dedicado al análisis del papel de los BRICS en la formación del Nuevo Orden Mundial y el papel especial de Iberoamérica. El autor presta atención a los antecedentes históricos y de civilización de Iberoamérica y la formación BRICS y luego estima las perspectivas regionales y globales de la cooperación actual de los países BRICS e Iberoamérica. Especial atención prestó el autor a la nueva dirección posible de la cooperación BRICS en el Ártico.

Palabras clave: Iniciativa Iberoamérica; BRICS; Nuevo Orden Mundial; Brasil; Rusia; el cinturón y la carretera (Nueva Ruta de la Seda).

To understand Ibero-America, it is important to learn how humans first penetrated the area. To begin with, it must be recalled that all humans can trace their origin to somewhere in Africa and that several waves of migration, at different times, dispersed humans throughout the world.

¹ PhD, ChE, MSc, chemical engineering, with minors in energy economics, technology management and international business, Massachusetts Institute of Technology — MIT; contributor to the work of the Intergovernmental Panel on Climate Change — IPCC, which was awarded the Nobel Peace Prize (2007); Former Assistant Secretary-General of the United Nations for Science and Technology for Development (1986–91); President of SE2T International, Ltd. Consultants on the Management of Change (strindade@alum.mit.edu).

The Early Ibero-Americans Originated from Russia

The population of Ibero-America resulted from migrations that took place over thousands of years, beginning with Asian peoples from Siberia. At the time of their first appearance in the western hemisphere, they were able to cross by foot from Asia, as due to a glacial age the ocean level was much lower than it is today. But, it is likely that some Asian peoples also came through the Pacific. The fact is that, when they first came there were no humans in the western hemisphere. Thus, the first Ibero-Americans came from what is today Russia and they brought with them their culture and knowledge. These peoples were driven by the basic human instincts of survival and preservation of their genetic heritage. Historically, competition over food, energy and natural resources led to human migrations in search of survival in new habitats. The movements of humans from Asia into the Western hemisphere date from 15–30 thousand years ago, influenced by climate change, and the other factors mentioned.

Late Ibero-Americans came from Europe and Africa

Vikings of Norwegian origin came to North America from Iceland, reaching Greenland, Labrador and Newfoundland, in today's Canada, by the ninth century, but their early colonies did not prosper and disappeared into oblivion. By the late XV and early XVI centuries, Portuguese maritime voyages reached from Labrador to Brazil, as well as to Africa and Asia. From the late XV century, Spanish Atlantic voyages reached North, Central and South America and Pacific traverses brought them to the Philippines. African slave migration to the Western Hemisphere brought Africans from West and Southwest Africa to work in the New World. Other Europeans augmented the migration to Ibero-America, such as the French Atlantic crossings to Quebec, the Caribbean and South America. English Atlantic voyages to North America established British presence in the hemisphere. Other voyages brought Dutch to North America, Caribbean and South America and Danish to the Virgin Islands.

The BRICS

Brazil, Russia, India, China and later South Africa constituted the BRICS as a geo-economic, geopolitical and multipolar alternative to Bretton Woods, the current global governance paradigm. Their weight in the world can be measured by the sheer size of their combined population of 3 billion people, some 40 percent of the total. Their total GDP is of the order of 20 percent of the total US\$ 16 trillion GDP of the world. They hold about US\$ 4 trillion in financial reserves. However, the

BRICS countries have not much influence on international governance and in key organizations such as the World Bank and the International Monetary Fund.

But, among the BRICS, China and Russia, are permanent members of the Security Council of the United Nations. Also, Brazil, a BRICS country, is the largest Ibero-American country. Among the BRICS development alternatives, the following are worth noting: the New Development Bank, established in Shanghai (July 2015), with a regional office in Johannesburg and a Memorandum of Understanding — MoU, with the Asian Development Bank (July 2016) and with many other multilateral and national development financing organizations, including many in Iber-America. In addition, contingent reserve arrangements have been established to facilitate financial transactions between its members.

The BRICS share concern about security and economic development. All BRICS but South Africa have large land surface and large economies and sometimes similar rates of economic growth. Russia, China and India have contiguous territory in the Northern hemisphere. There is a history of tensions between Russia and China as well as between China and India. Brazil and South Africa are in different continents in the Southern hemisphere. But, if the BRICS are to have a lasting impact on world affairs they must find more common ground and scope for joint initiatives. The ominous threat of Climate Change and its dreadful consequences are a challenge the BRICS will have to face. This will offer them an opportunity for joint action and influence in the world.

Russia, BRICS and Ibero-America

Brazil and Russia are BRICS countries and can work together to foster cooperation between Russia and other BRICS countries. One mechanism that could be considered for such cooperation is the BRICS New Development Bank. Brazil is a significant portion of Ibero-America and could promote joint efforts between the BRICS, including Russia and Ibero-American countries.

In addition, Ibero-America participates in a number of regional arrangements: Ibero-American States Organization — OEI, Organization of American States — OAS, InterAmerican Development Bank — IADB, Mercosur, Andean Union, UNASUR, UNESCLAC, etc. These networks of regional arrangements could be made accessible to the BRICS, including Russia, for joint collaborative initiatives.

In short, the BRICS, including Russia, and Ibero-America could promote flows of trade, investment and technology using all existing multi-lateral and bi-lateral and regional arrangements.

Russia, BRICS and the Belt and Road (New Silk Road) Initiative

The Chinese government has recently launched a Belt and Road Initiative to stimulate development in a vast region of the world from Asia to Europe, with an extension to Africa and why not Ibero-America. The area affected by the initiative contains 62 % of the world's population, hosts 34 % world's merchandise trade and produces some 31 % world's GDP.

One of the concrete initiatives of the vast program is the Asian Infrastructure Investment Bank — AIIB, which is focused on development the physical and financial framework to make the Belt and road Initiative feasible. These developments could benefit Ibero-America, Russia and the BRICS by promoting Trans-Pacific and Trans-Atlantic flows of trade, investment and technology. It is conceivable that the Asian Infrastructure Investment Bank — AIIB and the BRICS New Development Bank could engage Ibero-America, Russia and the BRICS in equity and credit financing, trade and technology transfer, for mutual benefit.

Russia, BRICS, Ibero-America and sustainable development of the Arctic

Another area of potential cooperation among Russia, the BRICS and Ibero-America, would be in the sustainable development of the Arctic. Climate change is bringing threats and opportunities to the Arctic, which Ibero-American countries could examine jointly.

Russia is Member of the Arctic Council, where China and India have achieved the status of Observer Members. At this point no Ibero-American country is an Observer at the Arctic Council, although Brazil might be considering such participation in the Arctic Council. Argentina, Brazil, Chile and Uruguay all have Antarctic research capability developed under the Antarctic Treaty, which could be profitably deployed in the Arctic. Ibero-America could be interested in mining, oil and gas, fishing, shipping, and tourism in the Arctic.

In conclusion, if there is sufficient political will, there are multiple existing channels for beneficial opportunities for initiatives involving Russia (and the BRICS) and Ibero-America that could change the existing paradigm of international relations on Earth.

Bibliography

1. Asian Infrastructure Investment Bank. *Overview*. Available at: <https://www.aiib.org/en/index.html> (accessed: 01.10.2017).
2. Grant, Shelagh D., *Polar Imperative — A History of Arctic Sovereignty in North America*. D&M Publishers, Vancouver, 2011.

-
3. Hansson, Pia, *The Belt and Road Initiative: Implications for the Arctic*. Center for Arctic Policy Studies, University of Iceland, at Break out Session at the Arctic Circle Assembly, Reykjavík, 15 October, 2017.
 4. “National Geographic”, *The Genographic Project — The Human History*. Available at: <https://genographic.nationalgeographic.com> (accessed: 01.10.2017).
 5. New Development Bank, Available at: <https://www.ndb.int/about-us/essence/history/> (accessed: 01.10.2017).
 6. Organizaton of Ibero-American States for education, science and culture. www.oei.es/index.html (accessed: 01.10.2017).
 7. Roett, Riordan and Guadalupe Paz, eds, *Latin America and the Asian Giants — Evolving Ties with China and India*. Brookings Institution Press, 27 Sep 2016.

Как влияют культурно-цивилизационные особенности «пятерки» на перспективы БРИКС в мировой политике?

How does the cultural-civilizing peculiarities of the “five” influence the BRICS perspectives in the world politics?

Аннотация: Изучение проблем БРИКС являются перспективным направлением современных исследований международных отношений. Однако, нечасто исследователи обращаются к культурным процессам в этих странах, акцентируя внимание на социально-экономических и политических взаимодействиях. Страны БРИКС являются ведущими в своих регионах и имеют серьезное культурно-цивилизационное воздействие на окружающие страны. Несмотря на глубинные различия в культурных и цивилизационных основаниях, страны БРИКС обладают общим видением будущего мироустройства на принципах полицентричности и единства в многообразии для реализации демократических идеалов мирного сосуществования и равноправия всех народов. В настоящем докладе анализируются особенности культурной идентичности стран БРИКС в контексте их многостороннего взаимодействия в многополярном глобализирующемся мире.

Ключевые слова: БРИКС; культура; цивилизация; полицентричность; единство в многообразии; равноправие всех народов.

Abstract: The study of BRICS problems is a promising area for modern research in international relations. However, infrequently researchers are turning to cultural processes in these countries, focusing on socio-economic and political interactions. The BRICS countries are leading in their regions and have a serious cultural and civilizational impact on the surrounding countries. Despite the deep differences in cultural and civilizational foundations, the BRICS countries have a common vision of the future world order on the principles of polycentricity and unity in diversity for the realization of the democratic ideals of peaceful coexistence and equality of all peoples. This report analyzes the features of the cultural identity of the BRICS countries in the context of their multilateral interaction in a multipolar globalizing world.

Keywords: The BRICS countries; cultural and civilizational grounds; principles of poli-centrality and unity in diversity; equality of all peoples.

¹ Васильева Наталия Алексеевна — Россия, доктор философских наук, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета (n52basil@gmail.com). Doctor of Philosophy, Professor of World Politics Department, St.-Petersburg State University, Russia.

В настоящее время происходит кардинальная трансформация мировой системы. Картина мира в виде «вестернизация = унификация» уступает место картине в виде мозаичного полотна, где различные культуры-цивилизации совместно формируют универсальный портрет глобального мира. Если в течение последних столетий шел процесс глобальной вестернизации, то в настоящее время мы наблюдаем формирование ответа на этот процесс со стороны традиционных обществ (культур, цивилизаций). Если вестернизация означает унификацию мира под лозунгом модернизации, то реализация данного проекта в XXI в. значительно замедлилась. Причина — протест незападных культур-цивилизаций против западно-центричной моноструктуры мира. Фактически можно говорить о новой эпохе Возрождения, но не Запада, а Востока, а точнее, эпохе восхождения на вершины глобального управления тех народов, которые стремятся реализовать своей огромный культурно-цивилизационный потенциал на благо себя и мира в целом. Как отмечает Н. А. Косолапов, «если во второй половине XX в. статусы стран определили вначале итоги Второй мировой войны, позднее — деколонизация и научно-техническая революция, то в первой трети века XXI определяющими факторами станут, видимо, социально-экономическая амбициозность страны и способность подкрепить подобные амбиции делами и достижениями»². Страны БРИКС — крупные страны, по разным причинам не включенные или не полностью включенные в систему западных институтов и крупных организаций, оказывающих влияние на мировое сообщество, что не соответствует их статусу. Китай и Индия имеют многовековые культурно-цивилизационные структуры, которые дают им возможность вновь заявить о себе как о «растущих гигантах XXI века»; Россия находится в стадии восстановления статуса великой державы; Бразилия и ЮАР являют собой яркий пример кросс-расовой полиэтнической цивилизации, огромный потенциал развития которой только начинает раскрываться.

Бесспорно, что все пять стран — членов БРИКС по культурно-цивилизационным параметрам значительно отличаются друг от друга, что дает основание многим аналитикам усматривать в этом причины скорого распада этого неформального объединения. Если именно на этом делать акцент, то на первый план выходят конфессиональные и этнические различия. Например, конфуцианский Китай имеет мало общего с католической Бразилией, а этнические и лингвистические особенности народов ЮАР не имеют никакого сходства с этнолингвистической историко-культурной

² Косолапов Н. А., *Россия и БРИК: вызовы глобальной маргинальности* [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/table/brik_kak_novaja_koncepcija_mnogovektoornoj_diplomatii_2010-03-13.htm (дата обращения: 01.10.2017).

традицией России. Если говорить о политических системах этих стран, то наблюдается большая пестрота подходов к демократии: Бразилия и Индия заявляют о своей приверженности демократии западного типа, применительно к России эксперты говорят о концепции «управляемой демократии», в ЮАР идет трудный процесс становления демократического кросс-расового управления, а в КНР фактически существует однопартийная демократия. Однако, по мнению Я. Г. Шемякина, «при всех различиях между странами, входящими в БРИКС, их объединяет некая фундаментальная общность подхода к миру и жизни, общий тип рациональности — ценностная рациональность. Это является важнейшей предпосылкой взаимопонимания не только на конъюнктурном, но и на глубинном уровне»³. Действительно, эти различия в языках, религиях, традициях, уровнях научно-технологического развития, государственном и политическом устройстве не мешают иметь общие представления о преобразованиях современного миропорядка.

Страны БРИКС придерживаются принципа невмешательства во внутренние дела других стран, рассматривая принцип суверенитета как главный в глобальном управлении. И в этом ключе можно рассмотреть феномен БРИКС как проект универсума (единство в многообразии), который должен прийти на смену вестернизации (единство в унификации). Западная модель развития — это один из вариантов, но в XXI в., когда столь мощно о себе заявили народы, ранее находившиеся на периферии мирового развития, нельзя более игнорировать возможность и необходимость многовекторного развития, что и отстаивают страны БРИКС как лидеры мнения не-западного мира. В современных условиях уже невозможно игнорировать мнение БРИКС в рамках существующих международных организаций (ООН, МВФ, ВТО и др.), где совместно эти страны выступают за реализацию принципа полицентричного мира на основе международного права, равноправия и суверенности государств. Как отмечает китайский эксперт Ван Вэн, «БРИКС, будучи мировым многосторонним механизмом сотрудничества, в котором не принимают участие западные развитые страны, пытается вернуть развивающиеся государства с периферии в центр на платформе глобального управления, где в прошлом развивающиеся страны практически не имели своего голоса. Относительно позиции участников этого объединения Китай, Россия, Индия, Бразилия и ЮАР твердо придерживаются независимости и самостоятельности, выступают за невмешательство во внутренние дела других стран, стремятся к мирному развитию, поддерживают центральное положение и роль ООН, призывают к более

³ Шемякин Я. Г., *БРИКС: цивилизационные параллели* [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/briks_civilizacionnyje_paralleli_201 БРИКС: цивилизационные параллели-11-03.htm. (дата обращения: 01.10.2017).

справедливому и рациональному международному экономическому и политическому порядку. С точки зрения мировой истории «коллективный подъем» стран БРИКС показывает новый путь и новую концепцию развития, которые отличаются от методов западных стран. Это большой вклад в развитие человечества»⁴. Данная оценка китайского ученого феномена «коллективного подъема» стран БРИКС заставляет задуматься о причинах этого «подъема», которые вероятно определяются основополагающими установками их видения формирующегося мироустройства, где большое внимание уделяется независимости участников мирового сообщества, желающих и способных проводить самостоятельную политику, признанию их права на равноправное участие в глобальном управлении. В этом контексте интересно экспертное мнение Н. М. Ахлямовой и А. Н. Исмагиловой, которые считают, что, в отличие от международных структур, возникших в период холодной войны по антагонистическому принципу («Запад — Восток»: НАТО — Организация Варшавского Договора; «Север — Юг»: Большая семерка — Движение неприсоединения), БРИКС является уникальным объединением, в котором «представлены все ключевые геополитические игроки, все культурно-цивилизационные типы: евразийский Север (Россия), азиатский Восток (Индия и Китай), африканский Юг (ЮАР) и дальний Запад (Бразилия). Причем это форум стран, которые являются цивилизационными лидерами: Россия олицетворяет евразийский православно-исламский блок, Китай консолидирует прилегающие страны Восточной и Юго-Восточной Азии, ЮАР является выразителем интересов нарождающейся цивилизации Черной Африки. <...> Что касается Бразилии, то уже сейчас не вызывает сомнений, что именно эта страна станет лидером латиноамериканской интеграции. <...> Бразилия обладает и амбициями, и возможностями для того, чтобы возглавить этот процесс»⁵. Таким образом, обосновывается тезис о том, что страны БРИКС, являясь ведущими в своих регионах, имеют серьезное культурно-цивилизационное воздействие на окружающие их страны. Это утверждение можно проиллюстрировать на примере второй встречи министров культуры стран — участниц объединения БРИКС, которая состоялась в июне 2017 г. в китайском городе Тяньцзинь. В комментариях китайского агентства «Сихуа» отмечалось, что ее участники подписали План действий по реализации Соглашения между

⁴ Ван Вэн, *Механизм БРИКС ожидают обнадеживающие перспективы развития* [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0818/c95181-9257334.html> (дата обращения: 01.10.2017).

⁵ Ахлямова Н. М., Исмагилова А. Н., «Страны группы БРИКС на пути более тесного взаимодействия» // *Восточный свет*, № 2, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vatanym.ru/?an=vs212_mwrlid2 (дата обращения: 01.10.2017).

правительствами государств БРИКС о сотрудничестве в области культуры на 2017–2021 гг. План действий касается многих сфер — искусства, культурного наследия, индустрии культуры, книг, СМИ, печати и т. д. Планируется организовывать выставки и форумы в музеях, художественных галереях и библиотеках. Также стороны договорились создавать веб-сайты для совместного пользования информацией, а также укреплять обмены в сфере подготовки специалистов. По мнению министра культуры КНР Ло Шуган, укрепление цивилизационных обменов, продвижение практического сотрудничества в культурной сфере, возвращение общих ценностей стран БРИКС, укрепление общественного мнения в сфере сотрудничества является общим чаянием всех стран — участниц блока⁶. Действительно, сближение стран БРИКС в сфере культуры способствует лучшему взаимопониманию, причем не только народов стран-участниц, но и народов тех стран, которые тесно сотрудничают, как экономические партнеры и ближайшие соседи по региону.

Важно отметить, что еще в 2013 г. на саммите в Дурбане был предложен проект «Аутрич», предполагающий участие в саммитах БРИКС представителей стран, входящих в зону влияния или в зону интересов каждой страны — участницы неформального объединения. Цель данной политико-экономической глобальной инициативы — объединить наиболее влиятельные развивающиеся государства в рамках проектных предложений стран БРИКС в различных сферах сотрудничества. Так, например, в июне 2017 г. в китайском городе Фучжоу в работе Форума политических партий, мозговых центров и гражданских организаций стран БРИКС приняли участие представители двадцати восьми стран (Индонезии, Малайзии, Филиппин, Камбоджи, Египта, Нигерии, Эфиопии, Кении, Аргентины, Чили, Мексики и др.). Непосредственно для участия в самом сентябрьском саммите в Китае были приглашены главы ряда развивающихся государств (Таджикистан, Египет, Гвинея, Таиланд, Мексика), которые «благодаря своему региональному влиянию, экономическому потенциалу, размеру территории и численности населения по праву претендуют на то, чтобы надолго войти в ареал деятельности БРИКС. <...> Китай предложил еще и проект «БРИКС++», что предполагает участие в работе БРИКС стран не только из регионов, но и со всего мира, тех стран, которые наиболее влиятельны

⁶ Белькова М. *Вторая встреча министров культуры стран — участниц БРИКС состоялась в Тяньцзине* \\\ Россия и Китай. 20 июля 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://ruchina.org/china-article/china/1368.html> (дата обращения: 01.10.2017)

и должны со временем стать постоянными партнерами БРИКС как в ходе саммита, так и в ходе постоянных секторальных контактов»⁷.

Таким образом, культурно-цивилизационные различия стран БРИКС можно рассматривать в положительном ключе, как основу для плодотворного сотрудничества в формировании диалектического единства разнообразных народов для построения не унифицированного моноцентристского порядка, а универсального единения для делового партнерства и мирного сосуществования. Связующим элементом стран БРИКС выступает совпадение интересов по широкому кругу международных проблем, взаимодействие для решения которых страны БРИКС выстраивают в формате сетевой многовекторной дипломатии, чтобы своими совокупными усилиями способствовать реализации позитивной повестки дня международных отношений.

Библиография

1. Ахлямова Н. М., Исмагилова А. Н. «Страны группы БРИКС на пути более тесного взаимодействия» // *Восточный свет*, № 2, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vatanym.ru/?an=vs212_mwrl2 (дата обращения: 01.10.2017)
2. Белькова М., Вторая встреча министров культуры стран — участниц БРИКС состоялась в Тяньцзине // *Россия и Китай. 20 июля 2017* [Электронный ресурс]. URL: <http://ruchina.org/china-article/china/1368.html> (дата обращения: 01.10.2017)
3. Ван Вэн. *Механизм БРИКС ожидают обнадеживающие перспективы развития* [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0818/c95181-9257334.html> (дата обращения: 01.10.2017)
4. Косолапов Н. А., *Россия и БРИК: вызовы глобальной маргинальности* [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/table/brik_kak_povaja_koncersija_mnogovekornoj_diplomatii_2010-03-13.htm (дата обращения: 01.10.2017).
5. Толорая Г., *Каковы перспективы саммита БРИКС* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/BRIKS-na-puti-k-mezhtcivilizatcionnomu-soyuzu-18940> (дата обращения: 01.10.2017).
6. Шемякин Я. Г., *БРИКС: цивилизационные параллели* [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/briks_civilizacionnyje_paralleli_2016-11-03.htm. (дата обращения: 01.10.2017).

⁷ Толорая Г. *Каковы перспективы саммита БРИКС* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/BRIKS-na-puti-k-mezhtcivilizatcionnomu-soyuzu-18940> (дата обращения: 01.10.2017).

Интересы стран БРИКС в Арктике и возможности сотрудничества

Interests of BRICS countries in the Arctic and opportunities for cooperation

Аннотация: Сегодня БРИКС представляет собой интенсивно развивающуюся платформу взаимодействия пяти стран: Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, в связи с чем актуализируется важность разработки новых перспективных направлений сотрудничества стран БРИКС. Одним из таких направлений постепенно становится взаимодействие стран в полярных регионах.

Россия является крупнейшей арктической державой, Китай и Индия уже получили статус наблюдателей Арктического совета, о своих интересах к арктическим делам начала заявлять Бразилия, в повестке дня последних саммитов БРИКС стали упоминаться Арктика и Антарктика как территории, которые в ближайшие годы будут приобретать все больший вес в мировой повестке дня. В данной статье рассматриваются предпосылки, существующие проекты и перспективные направления сотрудничества стран БРИК(С) в Арктике. Особое внимание в статье будет уделено оценке перспектив Бразилии в Арктике.

Ключевые слова: Арктика; БРИКС; международное сотрудничество; Арктический совет; полярные исследования; Арктический банк реконструкции и развития; Банк БРИКС; Бразилия.

Abstract: Today BRICS is an intensively developing platform for cooperation between five countries: Brazil, Russia, India, China and South Africa, and the importance of developing new promising areas for cooperation of the BRICS countries is actualized. One of these areas is the interaction of countries in the polar regions.

Russia is the largest Arctic power, while China and India have already received the status of observers for the Arctic Council, and Brazil has begun to declare its interests in Arctic affairs; consequently, the agenda of the latest BRICS summits began to mention the Arctic and the Antarctic as territories that will become increasingly important in the coming years world agenda. This article discusses the prerequisites, existing projects and promising areas of cooperation of the BRIC(S) countries in the Arctic. Particular attention in the article will be given to the assessment of the prospects of Brazil in the Arctic.

Key words: Arctic; BRICS; international cooperation; Arctic Council; polar research; Arctic Bank for Reconstruction and Development; BRICS Bank; Brazil.

¹ Лагутина Мария Львовна — Россия, кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета (email: manipol@mail.ru).

В последние годы Арктика стала центром притяжения интересов различных стран, порой даже географически очень далеких от региона, что привело к значительному расширению состава наблюдателей в ведущей региональной организации, Арктическом совете. Сегодня по количеству стран-наблюдателей больше (12 стран), чем непосредственно арктических государств-членов (8 стран). В числе новых участников арктической политики крупные развивающиеся державы, входящие в состав неформального объединения БРИКС.

Россия является крупнейшей арктической державой, Китай и Индия уже получили статус наблюдателей Арктического совета, о своих интересах к арктическим делам начала заявлять активно и Бразилия.

На данный момент Бразилия не является полноценным участником арктического сотрудничества, но достаточно активно в последние годы заявляет о своем желании получить место наблюдателя в Арктическом совете, ссылаясь на свои успехи и достижения в Антарктике. По мнению бразильских экспертов, активная роль Бразилии в Арктике и Антарктике определяется национальными интересами страны. Бразилия является участником Договора об Антарктике 1959 г., обеспечив тем сама себе место в антарктическом сотрудничестве. Теперь необходимо добиться места в арктических делах, получив статус наблюдателя в Арктическом совете, для чего Бразилии следует осуществлять активно инвестиции как со стороны государства, так и со стороны частного сектора, что позволит мобилизовать все заинтересованные стороны на пути достижения общей цели². В качестве основной цели их деятельности на данный момент выступает поддержка бразильского правительства в получении статуса наблюдателя в Арктическом совете, что станет основанием для расширения сотрудничества между Бразилией и арктическими странами и обеспечит Бразилии доступ к арктическим делам³.

В настоящее время основной площадкой для выражения своего видения арктического сотрудничества и возможности участия в нем Бразилии является ежегодная ассамблея «Арктический круг», на которой представители бразильского бизнеса и научных кругов неоднократно озвучивали свои интересы в Арктике.

В основе претензий Бразилии на участие в арктических делах лежит также тот факт, что Бразилия является крупнейшей морской державой и «в решении комплекса проблем морской политики Бразилии особое внимание отводится развитию международного сотрудничества в океанической

² Trindade S., *Brazil and the Sustainability of the Arctic* / Proposed Panel at Arctic Circle Assembly III, October 2015.

³ Ibid.

сфере»⁴. Бразилия активно сотрудничает с Комиссией ООН по устойчивому развитию, в рамках ООН Бразилия принимает также активное участие в программе TRAIN-SEA-COST (TSC), созданной Управлением ООН по морским делам и морскому праву в соответствии с рекомендациями «Повестка дня XXI». Таким образом, Бразилия имеет богатый опыт океанического управления, что намерена применить в том числе в регионе Северного Ледовитого океана.

Большое внимание Бразилия намерена уделять развитию *научного сотрудничества* с арктическими странами, и ключевую роль на этом направлении предполагается отвести Академии наук Бразилии (Brazilian Academy of Science), которая успешно реализует Антарктическую программу Бразилии (PROANTAR)⁵ уже более 30 лет. Бразилия присоединилась к Договору об Антарктике в 1983 г. после начала научно-исследовательской программы в регионе. С тех пор участие Бразилии в антарктическом сотрудничестве было институционально оформлено на национальном уровне. Здесь следует упомянуть такие важные структуры, как: Полярный и климатический центр (Polar and Climate Center), Институт наук о Земле (Geosciences Institute), Южный Федеральный университет Рио Гранде (Federal University of Rio Grande do Sul (UFRGS)). Особую роль играет Полярный и климатический центр, который выступает базой сотрудничества между различными исследовательскими структурами как в Бразилии, так и за ее пределами. Внимания заслуживает взаимодействие Центра с Бразильским национальным институтом науки и технологий (INTC of Cryosphere), одним из последних проектов которого стало исследование влияния климатических изменений в Арктике на Южную Атлантику⁶. В 2012 г. бразильская станция в Антарктике (the Comandante Ferraz Statio), основанная в 1984 г., серьезно пострадала в результате пожара, сейчас идет ее восстановление.

В 2013 г. правительство Бразилии подготовило и опубликовало «План действий Бразилии в Антарктике на период с 2013 по 2022 г.»⁷ Согласно данному плану, предлагается создать «пять научно-исследовательских тематических программ», которые покажут взаимосвязь между процессами, происходящими в Антарктике, и окружающей средой Южной Америки,

⁴ *Морская политика Бразилии / Теория и практика морской деятельности*. Серия научных публикаций под ред. Г. К. Войтоловского. М., 2010, 80–86.

⁵ *Brazilian Academy of Sciences* [Электронный ресурс]. URL: http://ianas.org/members/query_Brasil.html.

⁶ См. подробнее [Электронный ресурс]. URL: www.ufrgs.br/inctcriosfera. (дата обращения: 01.10.2017).

⁷ *Antarctic Science for Brazil An action plan for the 2013–2022 period*. Brasilia, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.scar.org/scar_media/documents/meetings/33scar2014/33_IP14_Brazilian_Action_Plan.pdf. (дата обращения: 01.10.2017).

особо уделив внимание влиянию, оказываемому на Бразилию⁸. В числе этих пяти программ указаны следующие:

1. «Роль криосферы в системе Земли и взаимодействие с регионом Южной Америки».
2. «Биокомплексность экосистемы Антарктики, их взаимосвязи с регионом Южной Америки и изменением климата».
3. «Изменение климата и Южный океан».
4. «Геодинамика и геологическая история Антарктики и ее отношения с регионом Южной Америки».
5. «Динамика Антарктики в области атмосферных, геопространственных взаимодействий и взаимосвязь с регионом Южной Америки».

В данном документе отражен интерес Бразилии к Северному полюсу. Опыт научных исследований и международного сотрудничества, полученный на Южном полюсе, а также созданную систему институтов для изучения Антарктики Бразилия намерена применить и на Северном полюсе. В частности, бразильское научное сообщество полагает, что полученные в Антарктике результаты исследований в области циркуляции вод океана, климатических изменений и атмосферных исследований будут полезны и для региона Арктики⁹.

Интерес бразильского научного сообщества к Арктике обозначился около семи лет назад. В частности, ученых Бразилии интересуют следующие вопросы в отношении Арктики:

- Как быстро климатические изменения в Арктике и таяние арктических льдов скажутся в Южной Атлантике?
- Каковы экономические выгоды от открытия ежегодного судоходства по северным морским путям, обеспечивающим навигацию между Европой и Азией?
- Как повлияет на мировые рынки разработка нефтяных и газовых месторождений на шельфе арктической зоны РФ?

В документе уделено особое внимание взаимосвязи двух полюсов. В частности, отмечается, что «Антарктическое научное сообщество заинтересовано в углублении сотрудничества с исследователями из арктического региона для совместного изучения взаимосвязи между двумя полярными регионами...»¹⁰ Ссылаясь на глобальные последствия климатических изме-

⁸ *Ibid*, 4.

⁹ Trindade S., *Brazil and the Sustainability of the Arctic* / Proposed Panel at Arctic Circle Assembly III, October 2015.

¹⁰ *Antarctic Science for Brazil An action plan for the 2013–2022 period*. P. 27. Brasilia, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.scar.org/scar_media/documents/meetings/33scar2014/33_IP14_Brazilian_

нений в Арктике и возможного их влияния на Антарктику, Бразилии рекомендуется стать активным членом международного арктического научного комитета (IASC), особенно по вопросам изменения климата и геологических исследований.

Вторым важным аспектом интересов Бразилии к Арктике является *экономическое сотрудничество*. Не стоит забывать, что Бразилия — седьмая крупнейшая экономика мира, активно развивающая «зеленые» технологии в сфере энергетики¹¹. Интересно отметить, что, по словам президента компании SE²T International, Ltd. С. Триндаде, бразильские бизнесмены рассматривают Арктику как перспективную площадку для инвестиций. Кроме перспектив добычи нефти и газа на арктическом шельфе, которые на данном этапе потеряли свою рентабельность с учетом падения мировых цен на нефть, бразильскую сторону интересуют такие сферы арктического сотрудничества, как судоходство, рыболовство, туризм. Бразилия выражает готовность выступить инвестором в перечисленные сферы деятельности в Арктике. На практике Бразилия в экономической сфере достаточно близка к Арктике. В качестве наиболее перспективного партнера в арктических делах можно указать крупнейшую бразильскую горнодобывающую компанию Vale S. A., которая ведет активную деятельность на территории одной из арктических держав — Канады, где компания владеет железнодорожными линиями и рядом морских портов¹². Деятельность этой крупнейшей бразильской компании может стать примером для других компаний Бразилии.

Бразильский бизнес также интересуют возможности и перспективы развития судоходства по северным морским путям. Бразилия занимает 9-е место в мире как крупнейшая судостроительная держава и в этой связи видит возможность участия в строительстве арктического торгового флота наряду с такими странами, как Китай, Япония, Южная Корея и Сингапур¹³. На данном этапе именно крупный бизнес продвигает идею участия Бразилии в арктических делах.

Наконец, третья сфера интересов Бразилии к Арктике — *охрана окружающей среды и устойчивое развитие*. Как и большая часть неарктических стран, которые заявили о своих намерениях присоединиться к арктическо-

Action_Plan.pdf. (дата обращения: 01.10.2017).

¹¹ Gomes I., *Brazil: Energy and the Arctic* / Breakout Session: Brazil and the Sustainability of the Arctic. Arctic Circle Assembly III — Reykjavik, Iceland. 16th October 2015.

¹² Annual Report 2015 (SEC Filing Form 20-F) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/917851/000104746916011818/a2227496z20-f.htm>. (дата обращения: 01.10.2017).

¹³ Trindade S., *Brazil and the Sustainability of the Arctic* / Proposed Panel at Arctic Circle Assembly III, October 2015.

му сотрудничеству, Бразилия обеспокоена, в первую очередь, последствиями климатических изменений и перспективами таяния арктических льдов. Бразилия занимает 15-е место в рейтинге стран, являющихся мировыми источниками парниковых газов. В то же время Бразилия занимает второе место после России по количеству лесных массивов на ее территории и в этой связи выполняет важнейшую функцию в поддержании экобаланса на планете, выступая, наряду с Россией, в роли «легких» планеты. Бразилия является активным участником климатических переговоров. Озабоченность последствиями изменения климата для двух полюсов Земли, как уже отмечалось, нашло отражение в «Плане действий Бразилии в Антарктике на период с 2013 по 2022 г.»

Таким образом, за исключением ЮАР, страны БРИКС активно проявляют свой интерес к участию в арктической политике.

Что касается непосредственно формата БРИКС, то в последнее время в его повестке дня все чаще начинают звучать вопросы, связанные с важностью полярных исследований и с проблемами исследования Мирового океана и Арктики. Так, в конце октября 2015 г. в рамках председательства России в БРИКС состоялась международная конференция «Подходы стран БРИКС к урегулированию общих пространств: направления и потенциал сотрудничества», в ходе которой в частности обсуждались вопросы *совместного использования мирового океана и Арктики*¹⁴.

В октябре же 2015 г. прошла встреча министров стран БРИКС по вопросам науки, технологий и инноваций. На ней была подписана «Московская декларация», отражающая основные направления сотрудничества стран БРИКС на среднесрочную перспективу. Особое место в декларации уделено созданию сетевой кооперации по следующим направлениям: биомедицина, здоровье людей и нейронаука; информационные технологии программного обеспечения высокопроизводительных вычислительных машин; *исследование океанов и полярные исследования*; координация материалов по нанотехнологиям и фотоника¹⁵.

В ходе третьей встречи министров стран БРИКС по вопросам науки, технологий и инноваций 8 октября 2016 г. перспективы совместных полярных исследований странами БРИКС также обсуждалась и в итоговой «Джампурской декларации» отмечена организация первой встречи Рабочей группы БРИКС по вопросам совместных океанических и полярных исследований.

¹⁴ *Эксперты стран БРИКС обсудили вопросы общих пространств* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/563081796272696445070000>. (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁵ *Страны БРИКС обсудят в Москве использование мировых водных ресурсов* [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/610936>. (дата обращения: 01.10.2017).

Наконец, на саммите БРИКС в Китае в 2017 г. в числе пространственных приоритетов, которые, по оценкам экспертов стран БРИКС, в ближайшие годы будут приобретать все больший вес в мировой политике, наряду с космическим пространством были отмечены полярные территории¹⁶. В ходе саммита лидеры стран БРИКС отметили недопустимость военной составляющей сотрудничества в данных пространствах и провозгласили Арктику, Антарктиду и космическое пространство зонами мирного сотрудничества.

Вероятно, своего рода реакцией на обсуждение возможности сотрудничества в полярных регионах в ходе последнего саммита стало появление в конце октября 2017 г. в российских СМИ информации о планах создания арктической корпорации с участием стран БРИКС¹⁷, которая займется совместным освоением месторождений российского Севера. Речь, в частности, идет о Томторском месторождении редкоземельных металлов и уникальных так называемых космических алмазов Попигайского кратера.

Несомненно, на данном этапе речь идет лишь о предпосылках участия структуры БРИКС в арктическом сотрудничестве, однако вполне представляется возможным определить степень участия этих стран на разных уровнях арктического сотрудничества.

Двустороннее сотрудничество арктических и неарктических государств: на уровне двусторонних связей России, Китая и Индии и их совместного участия в различных арктических проектах: например, проект российского Газпрома и китайской национальной нефтегазовой корпорации CNPC (China National Petroleum Corporation) на Ямале, активно прорабатывается вопрос участия индийской OVL (дочерней компании государственной нефтегазовой корпорации ONGC (Oil and Natural Gas Corporation Limited), уже являющейся участником проекта «Сахалин-1») в проектах Роснефти и Газпрома и т. д.; развивается двустороннее сотрудничество и в сфере образования — в сентябре 2016 г. в Приморском крае открылся российско-китайский центр по изучению Арктики, в создании которого приняли участие Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ, Россия) и Харбинский политехнический университет (КНР) и т. д.

Многостороннее сотрудничество:

— *Организация Объединенных Наций:* страны БРИКС участвуют в различных проектах ЮНЕП (например, United Nations Environment Programme Finance Initiative; программа «Чистые реки БРИКС»,

¹⁶ Наваретте Х. Э., *Встреча лидеров стран БРИКС в Сямэне*. 08.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170908/240233668.html>. (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁷ Страны БРИКС могут подключиться к освоению месторождений российской Арктики. 27.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4683348>. (дата обращения: 01.10.2017).

- интерес к участию в которой проявил ряд международных организаций (ЮНЕП, ЮНИДО, МСОП) и крупные бизнес-структуры;
- *Арктический совет*: Россия — полноправный член АС, с 2013 г. Индия и Китай получили статус наблюдателей в АС, что дало им возможность активно участвовать в работе Совета на всех уровнях: от Целевых групп (Task Forces) до Рабочих групп (Working Groups);
 - *Северный форум*: просматриваются широкие перспективы для участия стран БРИКС в работе Северного форума, в котором на данном этапе представлены российские регионы, а также Китай — своей северной провинцией Хэйлунцзян; сегодня деятельность СФ направлена на развитие субрегионального диалога и реализацию совместных проектов («Северный морской путь», «Управление дикой природой», «Мониторинг окружающей среды», «Создание Банка реконструкции и развития Арктики» и т. д.)

Что касается перспективных направлений сотрудничества стран БРИКС в Арктике, то здесь можно отметить следующие направления.

Во-первых, БРИКС может участвовать *в роли ведущего инвестора* в арктические дела посредством Банка БРИКС. В 2016 г. на Петербургском экономическом форуме для реализации масштабных проектов было предложено создать Арктический банк реконструкции и развития, в работе которого предполагается участие всех регионов страны.

Во-вторых, важным направлением сотрудничества стран БРИКС является, несомненно, сотрудничество *в области охраны окружающей среды*. Здесь наиболее перспективным проектом БРИКС может стать «Платформа зеленых технологий БРИКС», первое заседание которой состоялось в апреле 2016 г. Данная Платформа «призвана стать практической площадкой для стран БРИКС по обмену опытом законодательного регулирования в области охраны окружающей среды, обмену информацией о наилучших доступных “зеленых” технологиях в сфере окружающей среды, поиска, обмена и их внедрения, разработки совместных проектов»¹⁸.

В-третьих, отдельным направлением сотрудничества стран БРИКС может стать *обеспечение устойчивого использования водных ресурсов и обмен опытом управления водными ресурсами*. Вопросы охраны водных объектов являются приоритетными для всех стран БРИКС, где сосредоточено более 40 % населения Земли и проблема доступа к чистой питьевой воде, чистым рекам имеет важное значение. Россия является страной, ответственной за укрепление практического сотрудничества стран БРИКС по приоритетному направлению «Водные ресурсы и борьба с загрязнением воды».

¹⁸ *Состоялось первое заседание «Платформы зеленых технологий БРИКС»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=143311>. (дата обращения: 01.10.2017).

В контексте перспектив арктического направления сотрудничества стран БРИКС в Арктике не стоит забывать, что в Арктике сконцентрировано 1/5 мировых запасов пресной воды и развитие так называемой «водной дипломатии» БРИКС может стать успешным инструментом арктического сотрудничества пяти стран. Согласно ст. 6 Московской декларации 2015 г., Россия является ответственной стороной за охрану водных ресурсов и их защиту от загрязнений в рамках БРИКС¹⁹. В связи с этим на основе «Платформы зеленых технологий БРИКС» РФ инициировала создание зонтичной программы «Чистые реки БРИКС», предусматривающей восстановление рек стран — участниц ассоциации²⁰. Данный опыт, несомненно, будет полезен для исследования арктических ледников и предотвращения загрязнений Арктики. В сентябре 2016 г. под эгидой БРИКС состоялся «Водный форум БРИКС», в рамках которого обсуждались проблемы устойчивого использования водных ресурсов и поиска эффективных решений.

В-четвертых, сотрудничество стран БРИКС в сфере совместного использования Северного Морского пути для транспортировки грузов.

В-пятых, сотрудничество в сфере *научной и образовательной деятельности*. Так, например, опыт сетевого Университета Арктики может быть интересен для проекта сетевого Университета БРИКС. Что касается научных исследований, то, на наш взгляд, данное направление в целом является наиболее перспективным для всех участников БРИКС.

Подводя итог, можно отметить следующее:

- на сегодняшний день наметились предпосылки к формированию арктического направления сотрудничества стран БРИКС;
- страны Б(Р)ИК(С) заинтересованы в дальнейшем расширении своего присутствия в Арктике и активном вовлечении в арктическую систему сотрудничества;
- арктическое сотрудничество может стать основой реализации совместных многосторонних инвестиционных проектов, которые подняли бы экономическое взаимодействие в рамках объединения БРИКС на новый уровень;
- пока на практике не хватает институциональных основ для развития арктического направления сотрудничества, есть только отдельные проекты и двусторонние связи.

¹⁹ *Московская декларация. 28.10.2015.* [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/%D0%BC%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80/Downloads/Moscow_Declaration_STI_ru%20(3).pdf. (дата обращения: 01.10.2017).

²⁰ *Города стран БРИКС будут развивать экологическое сотрудничество* // НКИ БРИКС. 10.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/59130f1962726948820b0000>. (дата обращения: 01.10.2017).

Библиография

1. *Annual Report 2015* (SEC Filing Form 20-F) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/917851/000104746916011818/a2227496z20-f.htm>. (дата обращения: 01.10.2017).
2. *Antarctic Science for Brazil* An action plan for the 2013–2022 period. Brasilia, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.scar.org/scar_media/documents/meetings/33scar2014/33_IP14_Brazilian_Action_Plan.pdf. (дата обращения: 01.10.2017).
3. Gomes I. *Brazil: Energy and the Arctic. /Breakout Session: Brazil and the Sustainability of the Arctic. Arctic Circle Assembly III* — Reykjavnk, Iceland. 16th October 2015.
4. Lagutina M. “Russian Arctic Policy in the XXI-st century: from international to transnational cooperation?” // *Global Review*, Winter 2013.
5. Trindade S. *Brazil and the Sustainability of the Arctic / Proposed Panel at Arctic Circle Assembly III*, October 2015.
6. Xie K. “Some BRICS in the Arctic” // *Developing Powers Look North* May 22, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://hir.harvard.edu/some-brics-in-the-arctic-developing-powers-look-north>. (дата обращения: 01.10.2017).
7. *Города стран БРИКС будут развивать экологическое сотрудничество // НКИ БРИКС*. 10.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/59130f1962726948820b0000>. (дата обращения: 01.10.2017).
8. Лабецкая Е. О. *Транснациональное политическое пространство Арктики (Trans-Arctic): проблемы и перспективы сотрудничества стран БРИКС* [Электронный ресурс]. URL: ukros.ru/wp-content/uploads/2016/02/Лабецкая1.doc. (дата обращения: 01.10.2017).
9. Лагутина М. Л., Харлампыева Н. К. “Транснациональная модель арктического управления” // *Арктика и Север*, № 3, 2011.
10. *Морская политика Бразилии / Теория и практика морской деятельности*. Серия научных публикаций под ред. Г. К. Войтоловского. М., 2010.
11. *Московская декларация*. 28.10.2015. С. 2 [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/%D0%BC%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80/Downloads/Moscow_Declaration_STI_ru%20\(3\).pdf](file:///C:/Users/%D0%BC%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80/Downloads/Moscow_Declaration_STI_ru%20(3).pdf). (дата обращения: 01.10.2017)
12. Наваретте Х. Э. *Встреча лидеров стран БРИКС в Сямэне*. 08.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170908/240233668.html>. (дата обращения: 01.10.2017).
13. *Состоялось первое заседание «Платформы зеленых технологий БРИКС»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=143311>. (дата обращения: 01.10.2017).
14. *Страны БРИКС могут подключиться к освоению месторождений российской Арктики*. 27.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4683348>. (дата обращения: 01.10.2017).

15. *Страны БРИКС обсудят в Москве использование мировых водных ресурсов* [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/610936>. (дата обращения: 01.10.2017).

16. *Эксперты стран БРИКС обсудили вопросы общих пространств* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/563081796272696445070000>. (дата обращения: 01.10.2017).

БРАЗИЛИЯ ПОСЛЕ ИМПИЧМЕНТА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Rodrigo Stumpf Gonzalez¹

O Papel Político do Poder Judiciário na Instabilidade Institucional do Brasil

The Political Role of the Judiciary in Institutional Instability in Brazil

Resumen. La acusación del presidente en Brasil en 2016 planteó el problema del trabajo de las instituciones legales del país. Este informe está subordinado al rol político del poder judicial en la política interna actual del país.

Palabras clave: acusación; Brasil; poder judicial.

Abstract. The president's accusation in Brazil in 2016 raised the problem of the work of the country's legal institutions. This report is subordinated to the political role of the judiciary in the current internal politics of the country.

Key words: impeachment; Brazil; judiciary.

Introdução²

Depois das eleições de 2014 o Brasil tem passado por uma série de momentos de instabilidade política, tanto provocados por manifestações públicas contra os Governos de Dilma Roussef como de seu posterior substituto como por embates e votações dentro do Congresso Nacional. Crises institucionais e enfrentamentos de grupos políticos adversários não são algo novo na história política brasileira. No entanto, no período recente, um novo ator foi frequentemente citado nas manchetes envolvendo os momentos de crise: o Poder Judiciário. Este texto busca discutir como

¹ Professor do Programa de Pós-Graduação em Ciência Política da Universidade Federal do Rio Grande do Sul, Brasil. Contato: (rodrigo.stumpf@ufrgs.br).

² O desenvolvimento deste trabalho contou com apoio do CNPQ, por meio de bolsa de Produtividade em Pesquisa e da CAPES, por concessão de bolsa de Estágio Senior.

os magistrados, em especial os Ministros do Supremo Tribunal Federal, tornaram-se protagonistas do processo político e quais as consequências deste novo papel.

São apresentados três aspectos que influem neste resultado: a estrutura institucional do Poder Judiciário definida na Constituição Federal de 1988, as mudanças no processo de recrutamento dos magistrados e no seu comportamento público e a evolução do fenômeno da judicialização da política na nova ordem constitucional. Com base neste pano de fundo são apresentados exemplos recentes de intervenções do Poder Judiciário no processo político e discutidas ao final as consequências desta intervenção.³

O Poder Judiciário na Constituição de 1988

No debate sobre a estrutura dos poderes na Assembleia Nacional Constituinte de 1987/88 um dos aspectos polêmico foi o da estrutura das Cortes Superiores e do sistema de controle constitucional brasileiro por via judicial. Este propõe duas formas de intervenção: a difusa, pelo qual qualquer autoridade judicial pode declarar inconstitucional em um processo específico, com efeitos apenas para este caso e estando sujeito a recurso a instâncias superiores e o controle concentrado, feito diretamente pelo Supremo Tribunal Federal, por meio de Ações Diretas de Inconstitucionalidade, que tem no Ministério Público, no Poder Executivo dos diferentes Governos e nos partidos políticos os autores possíveis, além de algumas outras exceções.

Ao se definir o sistema judicial na Constituição, no entanto, foi mantida uma competência dupla para o Supremo Tribunal Federal (STF), tanto como instância final de recurso dos processos regulares como órgão responsável pela avaliação de constitucionalidade das leis. Ainda que tenha sido transformado o antigo Tribunal Federal de Recursos em Superior Tribunal de Justiça (STJ) com a finalidade de transformar-se em corte recursal para os processos regulares tanto dos Sistemas Estaduais de Justiça como da Justiça Federal, foi mantido um sistema de justiças especializadas, como a Justiça do Trabalho, a Justiça Eleitoral e a Justiça Militar, também federais, com os respectivos tribunais superiores. Assim, diferentemente do inicialmente discutido na Assembleia Constituinte, não foi criada uma Corte Constitucional, mantendo este papel o STF junto com o papel de corte recursal de última instância.

Para o mundo político, a consequência mais importante desta estrutura institucional se dá no processo de recrutamento dos membros do Supremo Tribunal Federal. A escolha dos Ministros do STF tradicionalmente seguiu dois caminhos diferentes: de um lado há a seleção entre profissionais reconhecidos no mundo

³ Neste trabalho não será discutido o desdobramento da Operação LavaJato e a atuação da Justiça Federal do Paraná, em especial do Juiz Sérgio Moro, o que por si daria conteúdo para um outro trabalho.

jurídico, escolhidos entre os ministros de algum dos tribunais superiores, como o STJ ou o Tribunal Superior do Trabalho, em geral magistrados de carreira que galgaram postos em distintos tribunais, ou advogados com certo renome, em especial os que ocuparam cargo de direção na Ordem dos Advogados do Brasil. Correspondem a um perfil mais técnico e tendem a ser especialistas nas áreas do direito a que se dedicaram durante a sua carreira, que pode ser penal, administrativo, do trabalho ou civil, mas não necessariamente direito constitucional. De outro lado, muitos ministros foram escolhidos entre ex-ministros da justiça, que em geral tem formação jurídica como advogados, mas também uma carreira política como deputados ou senadores.

Estas circunstâncias geram dois elementos do perfil dos 11 ministros que compõe a Suprema Corte brasileira: de um lado a maioria não tem uma trajetória profissional centrada no direito constitucional. De outro lado, aqueles que foram selecionados a partir de um perfil mais técnico tendem a ter pouca experiência no mundo político, uma vez que a legislação brasileira proíbe aos magistrados de carreira afiliação partidária.

Por outro lado, as características do mundo jurídico brasileiro (devido a um decreto do Imperador, no século XIX todos os advogados podem ostentar o título de “Doutor”, mesmo contando apenas com a formação de bacharel) fazem com que apenas recentemente tenha sido valorizada a carreira acadêmica e ainda que muitos ministros do Supremo tenham carreiras de docentes de ensino superior, é menor o número dos que tem doutorado e poucos os que tem produção acadêmica regular. Na atual composição apenas dois dos onze ministros combinam uma carreira acadêmica e especialidade em direito constitucional.

Do ponto de vista da experiência política o STF já teve ministros e presidentes como Paulo Brossard de Souza Pinto, que foi Senador e Nelson Jobim, deputado federal e relator do projeto de constituição, sendo que ambos foram também ministros da justiça e professores de direito constitucional, fazendo o périplo por quatro instâncias que poderiam influir no conhecimento dos aspectos referentes às decisões políticas: os três poderes da República e o mundo acadêmico. Nenhum dos atuais ministros tem este perfil.

Um último elemento pode ser adicionado: tendo o papel de corte recursal o STF é responsável pelo julgamento de milhares de ações, ingressando em torno de quarenta mil novas ações a cada ano na Corte, o que pode significar que cada Ministro tem mais de cinco mil processos sob sua responsabilidade em tramitação.

A origem dos magistrados

O Poder Judiciário, ao longo do século XX, foi ocupado por uma elite intelectual, oriunda das famílias mais ricas ou da classe média alta. Esta limitação se dá pela limitação de acesso aos cursos superiores, pela manutenção de tradições que

facilitavam o acesso ao corpo judicial de membros das famílias de seus ocupantes e o prestígio dos cargos, que servia como elemento de atração para os membros da elite econômica e intelectual.

Ao mesmo tempo, esta característica de “nobreza togada” tornava como regra não escrita de comportamento a manutenção de um baixo perfil. O magistrado era alguém desconhecido da sociedade em geral, cuja presença pública se limita a cerimônias públicas oficiais e que em geral não manifestava suas opiniões fora dos processos judiciais. O sentido de Campo Jurídico⁴ se completa pelo uso de uma linguagem estranha a população em geral, com o abuso de citações em latim e de um jargão profissional.

Estas características têm mudado ao longo das últimas décadas. O acesso às Faculdades de Direito foi ampliado. As carreiras jurídicas, por sua alta remuneração são vistas como uma oportunidade de ascensão social. Um magistrado inicia a carreira recebendo uma remuneração superior 100 mil dólares anuais e pode chegar a receber mais de 200 mil anuais. Os concursos públicos passaram a basear-se em critérios tecnocráticos, diminuindo a influências dos clãs jurídicos.

Ao mesmo tempo os magistrados passaram a ter uma perspectiva de agentes políticos, dentro e fora do espaço judicial, manifestando opiniões perante os meios de comunicação e mesmo criando sua própria rede de comunicação, existindo hoje diversos canais de rádio e televisão mantidos por tribunais que transmitem sessões de julgamento ou entrevistas com seus membros. A estes elementos institucionais se adiciona o uso de redes sociais, não sendo incomum o uso de instrumentos como o Twitter para manifestações pessoais. Não é incomum a manifestação pública na imprensa ou redes sociais de um ministro da Suprema Corte comentando ou criticando a decisão de outro.

Judicialização da política

No Brasil o que tem sido chamado de Judicialização da Política, cujo debate é identificado com os trabalhos de Werneck Vianna⁵ tem duas faces distintas.

De um lado há uma maior intervenção de decisões do Poder Judiciário na formulação de políticas públicas, em especial com a garantia aos cidadãos que movem ações judiciais da prestação de serviços públicos de saúde, educação e assistência social, entre outros, diante dos problemas de financiamento de políticas públicas e oferta irregular de serviços.

⁴ Bourdieu, P., *O poder simbólico*. Lisboa, Difel, 1989.

⁵ Werneck Vianna L., *Corpo e alma da magistratura brasileira*, Rio de Janeiro : Revan, 1997.

Werneck Vianna L.. *Ajudicialização da política e das relações sociais no Brasil*. Rio de Janeiro: Revan. 1999

Estas decisões são características dos juízos de primeira instância, caracterizadas por uma ética de convicção e sem levar em conta limites orçamentários⁶ e podem ser consideradas respostas a uma Constituição Federal de 1988 que ampliou os direitos sociais, em descompasso com um Estado com recursos limitados e com uma estrutura federal que leva a grandes diferenças de qualidade na execução dos serviços públicos em diferentes municípios ou estados da federação., que também ampliou a possibilidade de atuação do Ministério Público⁷.

Por outro lado, este é um fenômeno comum a países com constituições que reconhecem direitos sociais e somente demorou a ocorrer no Brasil devido a 21 anos de governo autoritário com limitações na autonomia e possibilidades de ação do Poder Judiciário.

Outra face completamente distinta da Judicialização da Política é a que se dá junto aos órgãos judiciais superiores, chamados a atuar como árbitros nas desavenças entre grupos políticos. Pode ser usado como um instrumento de defesa de grupos parlamentares minoritários, contestando decisões da maioria que não podem ser barradas pelo voto ou como solução de enfrentamentos de grupos políticos adversários que controlam o Poder Executivo e o Legislativo.

Esta intervenção em um primeiro momento, nas primeiras décadas da nova constituição foi centrado no uso das Ações Diretas de Inconstitucionalidade, com as quais o Executivo pretende barrar uma lei aprovada por uma maioria contrária que controla o legislativo, ou um grupo ou partido político minoritário intenta barrar uma decisão de um governo que conta também com maioria parlamentar.

Este uso do Judiciário como mecanismo contra majoritário e que está nos limites estritos da Constituição tem sido aos poucos substituído por um protagonismo político mais ativo nos últimos anos.

De um lado os escândalos de corrupção levaram à abertura de inquéritos e processos judiciais contra grande quantidade de representantes políticos. Tendo em vista que Ministros, Deputados e Senadores contam com direito a foro privilegiado, estes processos cabem aos Ministros dos Tribunais Superiores, que passam a atuar como instrutores de processos criminais e não no controle da Constitucionalidade.

Por outro lado, a contestação pela via judicial de medidas dos Poderes Executivo e Legislativo extrapolou a discussão sobre a constitucionalidade de leis aprovadas, para incluir a discussão da possibilidade de tramitação de projetos dentro das Casas

⁶ González, Rodrigo Stumpf, “Racionalidades conflitantes nas decisões dos Poderes Executivo e Judiciário sobre políticas públicas” // Grohmann, L. G.. *Comportamento e Instituições Políticas*. Porto Alegre: Editora da UFRGS/Cegov, 2016.

⁷ González, Rodrigo Stumpf, “Limites da intervenção do Ministério Público nas políticas públicas de promoção de Direitos Humanos no Brasil” // *Revista Debates*, 2017, v. 11, n. 1, 79.

Legislativas, substituindo o controle interno, feito por Comissões Parlamentares pelo controle externo do Poder Judiciário.

O papel político do Poder Judiciário

Convergem estes elementos para os resultados da atuação do Poder Judiciário na atual conjuntura política brasileira. A fragmentação do sistema partidário fez com que nas últimas décadas as maiorias de suporte ao governo no Congresso Nacional, o que foi chamado de Presidencialismo de Coalizão. Estas coalisões foram construídas muitas vezes pelo uso de negociações tradicionais de troca de favores, distribuição de cargos e de recursos públicos e mesmo, conforme tem sido investigado pela Operação Lavajato, entre outros inquéritos policiais, pelo desvio de recursos de empresas públicas por meio de contratos com empresas, para financiamento ilegal dos partidos ou mesmo enriquecimento pessoal de políticos. As investigações e o rompimento de acordos e maiorias fez com que o recurso ao Poder Judiciário como solucionador de divergências tem aumentado.

Mudando uma posição dominante no passado, de considerar que o Poder Judiciário não deveria interferir em temas *interna corporis*, como a interpretação do regimento interno ou a suspensão de mandato de parlamentares, Ministros do STF passaram a tomar decisões neste sentido, seja individualmente, por meio de medidas liminares, seja por decisão colegiada. Exemplo de decisões recentes neste sentido foram :

1. Decisão do Ministro Luis Fux, em dezembro de 2016, determinando a retomada dos passos iniciais à Câmara dos Deputados da tramitação de um projeto de lei, sob o argumento de que sendo projeto originário de iniciativa popular, não teria sido submetido à tramitação regimental adequada. Este projeto havia sido uma iniciativa do Ministério Público Federal e havia sofrido uma série de emendas na Câmara, criticadas pelos seus propositores.
2. Decisão do Ministro Teori Zavascki em maio de 2016ⁱ, de afastar do mandato e conseqüentemente, da Presidência da Câmara dos Deputados, do Deputado Eduardo Cunha. Como consequência o deputado teve enfraquecido seu poder político na casa, o que favoreceu sua posterior cassação e, tendo perdido o foro privilegiado, a decisão de sua prisão provisória.
3. Decisão do Ministro Marco Aurélio Mello, em dezembro de 2016, de afastar da Presidência do Senado o Senador Renan Calheiros, argumentando que sendo réu de um processo, não poderia estar na linha sucessória da Presidência da República, lembrando que com o afastamento da Presidente Dilma Rousseff e a posse definitiva de seu vice, Michel Temer, o Presidente do Senado passou a ser o segundo na linha sucessória. Neste caso o

Senador Calheiros evitou receber a notificação, articulou seus aliados no Senado para evitar o cumprimento da medida e recorreu da decisão do Ministro, que nunca chegou a ser cumprida. Como consequência uma das turmas do STF decidiu que ele podia ser mantido na Presidência do Senado mas ficava afastado da sucessão presidencial, um recuo para tentar salvar as aparências e uma clara vitória de Calheiros, que manteve o cargo e a influência política.

Estes exemplos mostram que o STF tem a última palavra quando há um processo de divisão política no legislativo, mas diante de grupos que contam com maioria sólida e influência, a defesa corporativa acaba predominando. Vai neste mesmo sentido as conclusões de Lopes⁸ que mostra que quando o TSE ou o STF interferiram nas regras eleitorais, quando havia uma maioria clara em contra, o Legislativo derrubou as medidas por criação de nova legislação. Quando estava dividido, a decisão judicial foi mantida.

As acusações de corrupção que atingem todo o espectro ideológico dos partidos políticos e tanto o Poder Executivo como o Legislativo faz com que o Poder Judiciário seja percebido por parte da população e por parte de seus próprios membros, como uma espécie de “reserva moral”, em contraste com os políticos tradicionais. O discurso jurídico reforça a ideia de atuação técnica e não política como forma de legitimação de sua intervenção.

A busca de reconhecimento público por parte de Ministros das Cortes Superiores, como uma forma de preenchimento de expectativas do ego aumenta sua presença nos meios de comunicação e sua percepção como atores do processo político. Periodicamente algum Ministro passa a ser visto como um possível candidato presidencial. Porém isto aumenta a possibilidade de que a popularidade e as posições da opinião pública interfiram no processo decisório, ainda que este seja justificado por meios técnicos.

Isto faz com que o Poder Judiciário, em especial os Ministros do Supremo Tribunal Federal tenham se tornado um ator político interveniente na crise institucional atual. Diante da baixa credibilidade e apoio aos Partidos Políticos, ao Poder Legislativo e seus líderes, muitos veem na atuação do Poder Judiciário um fator de estabilização institucional.

Porém ao atuar politicamente o Poder Judiciário perde um de seus elementos de legitimação, que é sua suposta atuação equidistante e técnica frente às forças políticas. Se os Ministros atuam politicamente, as decisões do Tribunal nada mais são do que o predomínio de um grupo político sobre outros.

Este raciocínio é comum no sistema judicial dos Estados Unidos, em que o próprio processo de nomeação é analisado do ponto de vista do partido do Presidente

⁸ Lopes, Ana Paula de Almeida, *Poder judiciário e democracia: uma análise do impacto da intervenção judicial nas regras da competição política de 2002 a 2010*. 2015.

da República e do Partido dominante no Senado no momento da nomeação, o que pode ser visto no recente episódio do bloqueio de uma nomeação feita por Barack Obama e depois aprovação da indicação feita por Donald Trump. A aceitação deste vínculo não afeta o prestígio e a aceitação da Suprema Corte, ainda que seja possível identificar a divisão entre liberais e conservadores.

No caso brasileiro, parte da legitimação do STF advém do discurso de neutralidade e de atuação técnica. Apenas em um período recente começou a ser um elemento questionado nas audiências prévias à nomeação no Senado Federal as preferências políticas prévias ou eventual atuação anterior.

Mesmo no caso de candidatos que tinham claramente este vínculo, como os citados Paulo Brossard e Nelson Jobim, do PMDB, ou Maurício Correa, que foi Senador pelo PDT antes de ser Ministro da Justiça e Ministro do STF, ou a relação do Ministro Gilmar Mendes como Advogado Geral da União do Governo de Fernando Henrique Cardoso (PSDB) não foram aspectos que geraram grande polêmica quando da aprovação de sua nomeação pelo Senado Federal. Muito diferente foi o caso das nomeações recentes, de Luis Facchin e de Alexandre de Moraes, em que houve claro questionamento por parlamentares da possibilidade de interferência de preferências políticas pessoais nas decisões do futuro ministro, sendo as aprovações garantidas pela maioria parlamentar do Governo e não pelo consenso sobre o candidato. A noção de que a nomeação para a Suprema Corte é quase como a entrada em uma ordem religiosa, em que a vida mundana anterior é deixada para trás e não constitui parâmetro para julgar o comportamento posterior foi definitivamente abandonada.

Erodidas as velhas fontes de legitimidade tradicional do Poder Judiciário, adicionada a uma sacralidade carismática baseada no mistério da profissão e na pureza monástica de seus membros e tendo em vista a clara fragilidade da sustentação racional-legal e do respeito à Constituição como fundamento último da necessidade de respeitar as decisões dos Ministros, resta o apelo à relação carismática do apoio popular, que parece ter sido cada vez mais presente na interação entre a população e o Judiciário. De oráculos e eremitas passaram a pregadores para as massas populares. No entanto, esta legitimação é frágil e a opinião pública é volúvel.

O episódio do afastamento não ocorrido do Presidente do Senado é um exemplo do que pode ocorrer quando neófitos na prática política creem no próprio poder e enfrentam uma velha raposa da política brasileira. A questão que se coloca é, na medida em que o Judiciário, em especial o STF assume um papel de ator político e abandona, conscientemente ou não, parte dos fundamentos de sua legitimidade em busca de novos horizontes, competindo com profissionais que estão acostumados a mobilizar o eleitorado a seu favor a cada quatro anos, quem resolverá a próxima crise se esta legitimidade for questionada.

Referências

1. Abranches, Sérgio, “Presidencialismo de coalizão: o dilema institucional brasileiro” // *Dados*, 1988, vol. 31, no 1, 5–38.
2. Bourdieu, P., *O poder simbólico*. Lisboa, Difel, 1989.
3. *Brasil. STF. Estatísticas*. Available at: <http://www.stf.jus.br/portal/cms/verTexto.asp?servico=estatistica> (accessed: 20.07.2017).
4. González, Rodrigo Stumpf, “Racionalidades conflitantes nas decisões dos Poderes Executivo e Judiciário sobre políticas públicas” // Grohmann, L G.. *Comportamento e Instituições Políticas*. Porto Alegre: Editora da UFRGS/Cegov, 2016. .
5. González, Rodrigo Stumpf, “Limites da intervenção do Ministério Público nas políticas públicas de promoção de Direitos Humanos no Brasil” // *Revista Debates*, 2017, v. 11, n. 1, 79.
6. Lopes, Ana Paula de Almeida, *Poder judiciário e democracia: uma análise do impacto da intervenção judicial nas regras da competição política de 2002 a 2010*. 2015.
7. Shapiro, Martin; Sweet, Alec Stone, *On law, politics, and judicialization*. Oxford University Press, 2002.
8. Weber Max, *Economia y Sociedad* . México, Fondo de Cultura, 1987.
9. Werneck Vianna L., *Corpo e alma da magistratura brasileira* . Rio de Janeiro : Revan, 1997.
10. Werneck Vianna L., *A judicialização da política e das relações sociais no Brasil*. Rio de Janeiro: Revan. 1999.

O Brasil pós-impeachment: perspectivas políticas e sociais à luz da cultura política

Brazil post-impeachment: political and social perspectives in the light of political culture

Resumen. El presente artículo retoma el debate sobre la estructura económica brasileña -una de las más desiguales del mundo— y la relación con la formación histórica de un tipo de cultura política cuyas características se presentan tanto entre la población como en las clases dominantes, condiciones diferentes. En este ámbito, se puede entender cómo el impeachment sufrido por la presidenta Dilma Rousseff fue un claro golpe político, siendo uno más para la lista de mandatos presidenciales interrumpidos en 128 años de República en Brasil. Por motivos y formas diferentes, la clase dominante brasileña cuando lo necesita, usa su carácter autoritario, desatendiendo los resultados de las elecciones, y retira del poder a los candidatos elegidos. Siendo así, el presente artículo inicialmente discute las características estructurales, luego delinea la formación política de Brasil y concluye, a la luz de la cultura política, cuáles serían los futuros políticos y sociales para el país.

Palabras clave. Brasil, acusación, cultura política

Abstract. This article aims to reopen the debate on Brazil's economic structure — one of the most unequal of the entire world — and its relation with the historic formation of a specific political culture that can be found both in the population and in the upper ruling classes, but under different conditions. In this context, it can be understood that president Dilma Rousseff's impeachment was clearly a political coup, one more of its kind for the list of interrupted presidential terms in all the 128 years of the Brazilian Republic. Through different ways and motives, Brazil's upper ruling class has used its authoritarian disposition whenever it needs in order to take elected candidates out of their terms, disrespecting results from actual elections. Therefore, this article initially discuss structural characteristics, then traces Brazil's political formation, for then concluding, in light of political culture aspects, what's the political and social future for the country.

Key words. Brazil, impeachment, political culture.

¹ Pós-doutora na École des Hautes Études en Science Sociales (Paris/França), Doutora em Sociologia pela UnB. Professora na Universidade Federal do Rio Grande do Sul (UFRGS). E-mail: sonia.ranincheski@ufrgs.br

Introdução²

O Brasil é um país capitalista que apresenta uma das maiores desigualdades sociais do planeta, possui uma frágil democracia, uma sociedade pouco organizada politicamente, uma classe dominante distante da nação e um Estado forte. Estas características além da falta de base legal nas acusações indicam que o impeachment sofrido pela presidente Dilma Rousseff, em 2016, foi um golpe político.

O presente artigo apresenta a estrutura econômica e política do Brasil indicando os desdobramentos na formação de uma cultura política brasileira marcada pela dependência do Estado, pelo seguimento a lideranças carismáticas, pelo clientelismo e pela desconfiança nos dirigentes políticos e mesmo na democracia. Estas características da cultura política se apresentam tanto entre a população quanto nas classes dominantes, mas sob condições diferentes: entre a população trata-se de esperar os acontecimentos e nas classes dominantes trata-se de dirigir e controlar todos os acontecimentos. Se para o povo e a classe dominante o Estado é importante, o significado não é o mesmo. Para a classe dominante é uma questão de controlar por dentro das instituições estatais, indicando e influenciando os diferentes governos.

É neste escopo que se pode entender como o impeachment sofrido pela presidente Dilma Rousseff, tendo sido um claro golpe político, é mais um para a lista de mandatos presidenciais interrompidos em 128 anos de República no Brasil. Por motivos e formas diferentes, a classe dominante brasileira quando necessita, usa o seu caráter autoritário, desrespeitando os resultados das eleições, e retira do poder os candidatos eleitos.

Para pensar o Brasil no após impeachment de Dilma Rousseff é preciso levar em consideração estas premissas. O contexto do golpe foi a emergência de uma crise econômica, no segundo mandato da presidente Dilma, abrindo condições de um novo golpe político³. Sendo assim, o presente artigo inicialmente discute as características estruturais, em seguida delinea a formação política do Brasil e conclui à luz da cultura política quais seriam as futuras políticas e sociais para o país.

1. Características estruturais e históricas do Brasil

O Brasil é um país capitalista que se desenvolve primeiramente sob a exploração de trabalho escravo até o final do século XIX e posteriormente se consolida como capitalista industrial explorando a mão de obra assalariada. Ao longo do século XX,

² Agradeço ao meu aluno de doutorado em Ciência Política da Universidade Federal do Rio Grande do Sul, Lauro Allan Almeida, pelas valiosas contribuições para este artigo.

³ Baquero, Marcello and Gonzalez, Rodrigo Stumpf. *Political culture, economic changes, and inertial democracy: a post-2014 elections analysis*. Opin. Publica [online]. 2016, vol.22, n.3.

o país atravessou grandes movimentos sociais em busca de melhores condições de trabalho e de vida para a população pobre e a classe média. Contemporaneamente inicia o século XXI com a triste marca de ser um dos países mais desiguais do mundo, além de continuar, mesmo que residualmente, com o uso de trabalho escravo no campo. A combinação de grades proprietários de terras — os chamados latifúndios — e a grande indústria nacional e depois absorvida pela empresa internacional gerou um tipo de dominação cujo poder está concentrado na força do Estado e no desrespeito às leis sempre que possível e necessário pela classe dominante.

Nas duas últimas décadas (2003 em diante) o Brasil passou por um crescimento da economia e não foi afetado pelas grandes crises do sistema capitalista de 2000 e 2008. Este crescimento gerou uma falsa imagem externa e internamente de que o país teria saído da zona de país subdesenvolvido. O sistema internacional inadvertidamente passou a chamar o Brasil “de país em desenvolvimento” contribuindo para essa falsa imagem de crescimento. Internamente, no Brasil, o sentimento de euforia foi grande o suficiente para igualmente aceitar a falsa ideia de que o crescimento seria duradouro. Partidos políticos de esquerda e governos progressistas como o governo Lula da Silva (2003–2006 e 2007–2010) e governo Dilma Rousseff (2011–2014 e 2015–2016) usaram essa retórica do crescimento e pouco ou nada preveniram quanto à continuidade das grandes desigualdades sociais e possíveis reveses na economia. O limite de atuação governamental foi impulsionar o consumo e as políticas sociais que são importantes, mas não contribuem para diminuir ou acabar com o grande fosso entre ricos e pobres que há no Brasil.

Tal crescimento econômico do Brasil dessas últimas décadas aprofundou, de forma notável, a heterogeneidade estrutural da sociedade brasileira — uma característica marcante de nosso processo histórico de desenvolvimento. O Brasil cresceu, mas não eliminou a profunda desigualdade social historicamente existente. A heterogeneidade se expressa, hoje, na imagem contraditória de uma ordem social no limiar da maturidade industrial, embora com sinais de desindustrialização, porém marcada por profundos desequilíbrios e descompassos em suas estruturas social, política e econômica. Como afirma Abranches no plano macro-sociológico houve um fracionamento da estrutura de classes, que determina a multiplicação de demandas setoriais competitivas e a exacerbação de conflitos, em múltiplas configurações, corta horizontal e verticalmente as fronteiras da estratificação social. Houve mudanças como a ocorrência de novos segmentos sociais, através do avanço do agronegócios, do processo de assalariamento no campo e na cidade e do declínio das profissões liberais exercidas pelas classes medias.

A heterogeneidade, no entanto, revela graves conflitos distributivos, disparidades técnicas e desníveis de renda entre pessoas, empresas, setores e regiões, revelando muitas realidades socioeconômicas dentro de um mesmo país. Como afirma Abranches, há setores avançados da sociedade que se estrutura com

base em padrões de produção, renda e consumo próximos dos países capitalistas industrializados. Simultaneamente, parcela considerável da população ainda vive em condições socioeconômicas típicas das regiões em desenvolvimento e outra parcela significativa da população está vivendo em condições precárias iguais as que prevalecem nos países mais pobres.

Neste debate sobre o recente crescimento do Brasil somado com coincidência de governo Lula da Silva e Dilma Rousseff progressistas em muitas políticas e conservadores em outras, autores divergem sobre o caráter desse crescimento, isto é, se pode ser chamado de desenvolvimentista⁴. Alguns autores sustentam que estes governos embora não tenham rompido com o capitalismo introduziram mudanças importantes na economia, na política e na atuação internacional do Estado brasileiro⁵. Outros afirmam que as políticas sociais que foram expandidas a partir do governo Lula e mantidas no governo Dilma Rousseff não parecem ser suficientes para aplacar de um lado a profunda desigualdade social existente no país e de outro construir uma cultura mais solidária⁶ (BAQUERO, CASTRO E RANINCHESKI, 2016).

2. O histórico da política de interrupções de mandatos presidenciais no Brasil republicano

No Brasil o Estado é forte e seu papel tem sido essencial na formação econômica e política do país. O patrimonialismo e o Estado “oligárquico” presentes na história brasileira não foram fatores impeditivos à acumulação primitiva de capital institucional. Dessa maneira historicamente a classe dominante brasileira exerceu e controlou diferentes governos e instituições do Estado com a lógica de não sofrer riscos e de impedir que a população seja ativa e ciente da sua verdadeira realidade. Desta matriz de pensamento pode-se entender por que ao longo do século XX e XXI o Brasil sofreu várias interrupções de governos, sendo o golpe na presidente Dilma Rousseff apenas mais um na lista de presidentes retirados do poder.

A extensão dos direitos políticos no Brasil nem sempre esteve ligada ao aumento da participação política no processo eleitoral. Esta questão decorre do próprio processo histórico de extensão desses direitos e da forma como essa movimentação se deu. As eleições presidenciais estiveram, desde o começo da República, em 1889, controlada

⁴ Sallum Jr., Brasílio e Casarões, Guilherme Stolle Paixão e. *Impeachment do presidente Collor: a literatura e o processo*. Lua Nova, São Paulo, 2011, 82: 163–200; Diniz, Eli. “Desenvolvimento e estado desenvolvimentista: tensões e desafios da construção de um novo modelo para o Brasil do século XXI” // *Rev. Sociol. Polít.*, Curitiba, 2013, v. 21, n. 47, 09–20.

⁵ Boito Jr, Armando e Berringer, Tatiana. “Brasil: classes sociais, neo-desenvolvimentismo e política externa nos governos Lula e Dilma” // *Rev. Sociol. Polít.*, Curitiba, 2013, v. 21, n. 47, 31–38.

⁶ Baquero, M.; Ranincheski, Sonia; Castro, H. C. O. “A formação política do Brasil e o processo democracia inercial” // *Cuadernos Latinamericanos*, Moscou, v. 4, 2016, 40–57.

pelas forças econômicas que limitavam a liberdade de expressão e de participação da maioria da população. Os analfabetos, por exemplo, só vieram a conquistar o direito de votar em 1988 e em caráter facultativo. Não podendo, no entanto, ser elegíveis⁷. Atualmente o Brasil possui 9,6 % de analfabeto, representando, assim, uma parte importante da população ainda sobre o preconceito de uma condição atribuída pelas condições de desigualdade no país.

A dominação política, desta forma, sempre foi marcada pelos arranjos entre grupos dominantes, à margem da própria lei instituída por eles mesmos. Essa característica existiu no passado e ainda se apresenta no período atual. A população brasileira presenciou outros golpes políticos contra presidentes eleitos: 1930 com o golpe de Estado realizado por Getúlio Vargas, o modernizador do Estado e da economia brasileira, e que governa em regime de autoritário por quinze anos. A instauração do Estado Novo, pelo próprio governante Getúlio Vargas (1937-1945), extinguiu todos os direitos políticos dos cidadãos brasileiros, bem como qualquer tipo de participação política. O argumento utilizado pela corrente autoritária que detinha o poder era de que faltava capacidade e maturidade ao povo brasileiro e que somente esta elite política poderia representar e construir a nação brasileira.

Com o fim da II GM e a pressão internacional pela democracia no Brasil, o presidente ditador Getúlio Vargas renuncia e os ventos da democracia pareciam promessas de respeito às urnas. Foram apenas promessas. O presidente de perfil moderado e política desenvolvimentista Juscelino Kubitschek (JK), eleito em 1955, também foi alvo de tentativas de golpe. A oposição da direita conservadora tentou anular a eleição com a alegação de que JK não havia obtido a maioria absoluta dos votos. Juscelino assume a presidência, realiza um mandato com perfil modernizador na economia e conservador em relação à política operária. Incentiva a vinda das primeiras multinacionais para o Brasil, constrói a capital Brasília e com isso aumenta significativamente a dívida externa do país. Juscelino termina o mandato, mas a conjuntura política é de instabilidade em decorrência dos conflitos sociais, das disputas entre grupos dominantes e da emergência das forças militares como ator político importante.

O presidente eleito, na sequência do governo de JK, o paulista Jânio Quadros renuncia meses após a sua posse, em 1961, assumindo o seu vice João Goulart. A pressão da direita mais conservadora se faz presente dado que o João Goulart representava a ala de grupos progressistas e trabalhistas da política brasileira. Como resultado da atuação da direita, em 1964 é desferido contra Goulart e a população o golpe civil-militar no Brasil que vigorará por mais de 20 anos.

⁷ Na Constituição de 1988, no artigo 14 da Carta aparece que “a soberania popular será exercida pelo sufrágio universal e pelo voto direto e secreto, com valor igual para todos”. No entanto, estabelece que o alistamento eleitoral e o voto são obrigatórios para os maiores de 18 anos e facultativos para os analfabetos.

O fim da ditadura e o período de redemocratização, em 1984, novamente traz ventos de democracia e liberdades como nos anos 40, após a renúncia de Vargas. Novamente, porém, presidentes eleitos tiveram seus mandatos interrompidos: o presidente Collor de Mello, outsider da política, da região nordestina, não consegue liderar os interesses dos grupos dominantes e é destituído dois anos após sua posse. O processo de impeachment de Fernando Collor, acusado de corrupção, transcorreu no final de 1992, é ainda hoje entendido como tendo sido um impeachment e não um golpe político. No entanto, antes de ser colocada em votação pelo Congresso, Collor apresenta sua carta de renúncia. Por que o Congresso e as forças políticas não aceitaram a sua renúncia? A condução desse impeachment ficou dividida entre diferentes partidos dentre eles, o PT que, 22 anos após, em 2016, viria a sofrer do mesmo argumento e processo de afastamento impetrado pelo Congresso Nacional.

O impeachment de Dilma Rousseff foi um processo antes de tudo político. A conjuntura política era de conflitos entre os diferentes partidos políticos, sobretudo com a pressão do PSDB (partido que perdera a última eleição justamente para a presidente Dilma) e do PMDB (partido com maior número de prefeitos no país). Havia também forte pressão de grupos da sociedade que se manifestavam nas ruas — as chamadas manifestações de 2013 — com claras evidências de pertencerem a direita mais radicalizada.

Aqueles que defendem ter ocorrido um impeachment alegam que teria sido uma questão processual dado ter ocorrido no Legislativo com rito processual e aberto. No entanto, o processo suposto de impeachment foi um golpe devido a ausência de base legal nas acusações contra a presidente Dilma. Resumidamente, o processo iniciou-se em 2015 na Câmara dos Deputados com uma denúncia por crime de responsabilidade fiscal atribuída a presidente. No dia 17 de abril de 2016, na Câmara dos Deputados, foi votado o pedido impeachment contra a presidente Dilma Rousseff. No dia 31 de agosto do mesmo ano foi votado no Senado. (ver a cronologia do golpe no final deste artigo)

Ambas as sessões decisórias sobre o destino do governo de Rousseff foram televisionadas para a sociedade brasileira que, neste caso, pode conhecer melhor os seus representantes, isto é, ver a baixa qualidade dos representantes: as manifestações favoráveis ao impeachment se destacaram por afirmações grotescas e as justificativas ridículas com políticos dedicando os seus votos à sua família, à religião, à Deus, aos militares, etc, em outras palavras, sem a devida e seriedade discussão do processo. Os parlamentares do PT, PSOL, PC do B votaram, em bloco, contra o impeachment e os partidos PSDB, PMDB, PP, DEM, PSD, PSB, PTB entre outros votaram a favor.

3. A Cultura política do Brasil

A cultura política brasileira está relacionada com as condições históricas estruturais sendo possível destacar um conjunto de valores e atitudes perenes entre a população brasileira. Assim sendo, a estrutura de profunda desigualdade social e a força do Estado geram condições para valores conservadores e de desconfianças na política. Em outras palavras, é relevante considerar o peso do meio social na formulação do pensamento individual do indivíduo, como afirma Mills (1992), bem como a classe social — indicativa de um meio social onde a individualidade se constitui. Nas palavras de Mills, a mente é produto da vida compartilhada do lugar e do tempo e depende do tipo de atenção e de afeição que as condições sociais específicas fornecem. No e do meio social é que se derivam os atritos ou choques entre os indivíduos e que serão considerados fatos sociais.

Abranches afirma haver no Brasil disparidades de comportamentos desde as formas mais atrasadas de clientelismo até os padrões de comportamento ideologicamente estruturados, configurando o que o autor chama de «pluralismo de valores». Apesar desta pluralidade de valores, no entanto, a cultura política brasileira tem sido marcada por elementos de liberalismo em simbiose com autoritarismo, níveis baixos de confiança nas instituições, paternalismo e protecionismos do Estado. Estes valores aparecem tanto entre a classe dominante como entre a maioria da população.

A compreensão de como a confiança funciona e se origina é de relevância fundamental para avaliar as implicações para o estabelecimento de democracias duradouras e socialmente eficientes. Por exemplo, por que os brasileiros parecem demonstrar uma predisposição permanente de não confiança nas instituições políticas? É o legado histórico que estabeleceu formas autoritárias de relações sociais? As atitudes de caráter autoritário permanecem ao longo do tempo, a despeito da institucionalização de procedimentos poliárquicos? Essas características e a convivência com as desigualdades sociais têm gerado um tipo de hibridismo da cultura política, propiciando a manutenção de velhas práticas políticas em épocas eleitorais, como o clientelismo, o nepotismo e o patrimonialismo.

O Brasil é um país com déficit de pensamento liberal. Formou-se uma cultura da conveniência, isto é, sempre que necessário o uso da força e sempre através controle do Estado. Desta ótica, dificilmente se desenvolveria uma cultura liberal no sentido de sociedade ativa sem apontar o Estado como a solução de todos os males. Os empresários brasileiros são conhecidos por temer o risco nos seus negócios. Durante todo o século XX, lideranças e grupos mais a esquerda se organizaram e resistiram a esse *modus operandi* de uso do autoritarismo.

A força e peso decisório do Estado brasileiro é percebida também pela percepção da população que entende este Estado como sendo o principal e importante ator

político do país. A questão a ser ressaltada é que ao longo desse tempo foi sendo forjado uma cultura política geral dependente do Estado e este Estado não engendra qualquer tradição de vida civil ativa, não é um poder público garantidor dos direitos de todos, mas uma presa de grupos econômicos e cidadãos que com ele tecem uma complexa rede clientelista de distribuição particularista de bens públicos. A isso José Murilo de Carvalho chama de *estadania*.

A materialização deste poder, na visão da população, é o presidente da República que detém os maiores poderes. Grande parte dos trabalhos sobre a política brasileira entendem que se deve estudar, portanto, a força do executivo considerando a figura, a ideologia, a agenda e os poderes do presidente. A percepção centrada na força do presidente da República como ator unitário na arena decisória se constitui em mais um dos elementos da cultura política do brasileiro⁸. O presidente é a figura mais destacada e com força na política brasileira, embora o Legislativo e o judiciário, em alguns períodos, tenham se mostrado atuantes. Na destituição de Collor quanto na de Dilma Rousseff, o Congresso Nacional se mostrou como sendo o protagonista do conflito secundarizando o poder executivo. O Legislativo que até então era visto pela população como algo pouco importante, aparece como o palco onde se retira presidentes. Sobre a relação entre poderes, uma das explicações mais usadas pelos cientistas brasileiros sobre o sistema político brasileiro é a definição de presidencialismo de coalizão. Esse sistema teria por base um presidente eleito diretamente e com mandato próprio, mas que para governar conta com o apoio de uma coalizão multipartidária.

Além da exclusão de partes da população, outra característica marcante da política brasileira — que se torna parte da cultura política do país — é o exercício do poder pela via autoritária, praticada sempre pelos grupos econômicos dominantes. O próprio nascimento da República, em 1889, foi resultado de um golpe de Estado. Desse período aos dias de hoje, o Brasil sofreu inúmeras situações de interrupções de mandatos presidenciais.

Gerou-se na política institucional o que já era uma prática na sociedade: a ausência de respeito por parte dos grupos econômicos dominantes a direitos constituídos sejam eles direitos de natureza trabalhista ou econômica. No começo do século XX, por exemplo, a questão social era defendida pelos patrões e políticos como sendo uma questão de polícia. Atualmente, século XXI, o Brasil é, para citar outro exemplo, um dos países com maior número de trabalhadores escravos. E a constituição que poderia ser uma salvaguarda de direitos, em muitos casos, é simplesmente usada pelos interesses como se fosse um menu sugestivo.

A cultura política do uso da lei quando importa e uso da força quando necessário — sendo que o necessário é uma questão de decisão ligada a interesses

⁸ Sobre isso ver Batista, Mariana. “O Poder no Executivo: explicações no presidencialismo, parlamentarismo e presidencialismo de coalizão” // *Rev. Sociol. Polit.*, 2016, v. 24, n. 57, 127–155.

dominantes — está presente nos grupos dominantes e se espalha pela população em geral num claro processo de hegemonia do pensamento dos grupos dominantes na sociedade brasileira. Bolivar Lamounier (2014), cientista política brasileiro, cristalizou essa ideia de uso da força sempre que necessário ao afirmar que no Brasil, dos primeiros anos da República, havia um sentimento e uma prática que conjugava o autoritarismo e o liberalismo. Essa cultura política autoritária-liberal permanece até os dias atuais.

Todas estas interrupções de governos presidenciais indicam além de um viés autoritário e não democrático por parte dos grupos dominantes o alijamento da população nos principais temas políticos da nação. Durante a instauração da República o povo não se envolveu e não compreendeu o seu se passava, tendo assistido bestializado o golpe que fundara a nova nação, o mesmo ocorreu no golpe de Dilma Rousseff, com a diferença de que atualmente os processos são televisionados e geram uma falsa noção de acompanhamento e transparência do processo. Novamente, em suma, o povo apenas observa sem ter condições de influenciar efetivamente nos rumos do país.

Conclusão

O golpe sobre presidente Dilma Rousseff em 2016 foi mais um na lista de golpes que o Brasil já passou. A formação política do país está voltada para a prática autoritária e distante da consolidação de cidadania ativa. Além disso, o período de desempenho econômico favorável não permitiu a consolidação de uma cultura política democrática, com rápida deterioração do apoio às instituições e aos governantes a partir da crise econômica. Como reverter essa marca da política brasileira? De certa forma, poderíamos entender as necessidades dos grupos dominantes em interromper os mandatos dos presidentes pelo dilema institucional brasileiro em encontrar um ordenamento institucional suficientemente eficiente para agregar e processar as pressões derivadas do quadro heterogêneo brasileiro.

Para os institucionalistas seria uma questão de criar bases mais sólidas para a legitimidade e que capacite o sistema político a intervir de forma mais eficaz na redução das disparidades e na integração da ordem social. Esta tese de Abranches (1988) é um tanto fraca por recorrer a ideia de que bastaria uma fórmula institucional para proporcionar respeito às regras do jogo político. É preciso haver, porém, mudanças socioeconômicas estruturais no sentido de menor desigualdade para criar condições de se forjar uma outra cultura política. Não se trata novos arranjos institucionais, mas de acabar com a profunda desigualdade social e tecer outras crenças e atitudes políticas com condições de disputar efetivamente o jogo democrático, seguindo práticas democráticas no sentido de acatamento às normas vigentes.

A cultura política que se forma no Brasil na classe dominante e estendida a classe dominada é forjada em meio às características histórico estruturais de desigualdades sociais configurando uma dominação política autoritária e dependente do Estado. O fraco envolvimento do povo nas ruas em defesa do mandato da presidente Dilma pode ser entendida mais uma vez pela cultura política. O estilo e o governo do presidente Lula foram diferentes do governo Dilma. Lula, sendo a principal liderança do PT, lidera o seu partido e governo o país com um estilo carismático correspondendo a cultura política do brasileiro de se orientar pelas pessoas, pelos políticos e não pelos partidos. O PT, cooptado pelo poder de ser governo, se distancia da sociedade e governa com Lula. Neste sentido, o PT mobiliza a sociedade, mas não organiza politicamente a população. O estilo de Lula é carismático e de líder populista, inclusive. Mas o seu governo foi um governo de estilo tradicional como sempre fora praticado no Brasil: realiza alianças partidárias, cede e negocia com os grandes interesses nacionais e internacionais e deixa de atacar os reais donos do poder. O golpe em Dilma Rousseff foi uma espécie de abandono: a classe dominante abandona o governo de Dilma; o PT, em alguns momentos, abandona a sua filiada Dilma e a sociedade não abandona ninguém por que segue esperando pelo resultado.

Assim, as perspectivas políticas para o Brasil, sem entrar no exercício de fazer prognósticos, apontam para a manutenção dos padrões tradicionais da cultura política; para a baixa expectativa de políticas sociais representarem efetivas mudança estruturais de condições materiais; para o reforço do líder político forte; para permanência da visão da política como algo negativo; para a permanente exploração das classes dominantes via o sistema político, também. Talvez a novidade seja a crescente exposição das forças de direita e de sua auto-reconhecimento como sendo de direita.

Bibliografia

1. Baquero, M.; Ranincheski, Sonia; Castro, H. C. O. “A formação política do Brasil e o processo democracia inercial” // *Cuadernos Latinamericanos Moscou*, 206, v. 4, p. 40-57, 2016.
2. Baquero, Marcello and Gonzalez, Rodrigo Stumpf. *Political culture, economic changes, and inertial democracy: a post-2014 elections analysis*. *Opin. Publica* [online]. 2016, vol.22, n.3.
3. Baquero, Marcello. (b). “Democracia formal, cultura política informal e capital social no Brasil” // *Opinião Pública*, Campinas, 2008, v. 14, 380-413.
4. Batista, Mariana. “O Poder no Executivo: explicações no presidencialismo, parlamentarismo e presidencialismo de coalizão” // *Rev. Sociol. Polit.*, 2016, v. 24, n. 57, 127-155.
5. Boito Jr, Armando e Berringer, Tatiana. “Brasil: classes sociais, neo-desenvolvimentismo e política externa nos governos Lula e Dilma” // *Rev. Sociol. Polit.*, Curitiba, 2013, v. 21, n. 47, 31-38.

6. Carvalho, José Murilo. *Estadania*. Jornal do Brasil, 24/06/2001.
7. Chaia, Vera. *A Liderança Política de Jânio Quadros (1947-1990)*. Ibitinga: Humanidades, 1992.
8. Diniz, Eli. “Desenvolvimento e estado desenvolvimentista: tensões e desafios da construção de um novo modelo para o Brasil do século XXI” // *Rev. Sociol. Polít.*, 2013, Curitiba, v. 21, n. 47, 09-20.
9. Lamounier, Bolívar. “Bases do autoritarismo revisitado: diálogo com Simon Schwartzman sobre o futuro da democracia Brasileira” // Schwartzman, Luisa Farah et alli. *O Sociólogo e as Políticas públicas: Ensaio em Homenagem a Simon Schwartzman*. Rio de Janeiro: Editora FGV, 2009.
10. Lamounier, Bolívar. *Tributos, profetas e sacerdotes*. RJ: Cia das Letras, 2014.
11. Mills, Wright. *A elite do poder: A sociedade de massas*. RJ: Zahar Editores, 1962.
12. Ranincheski, Sonia; Silva, Carla E.M. “Hegemonia, consenso e coerção e os beneficiários do Programa Bolsa Família” // *Revista Katálysis*, v. 16, 2013, 111-121.
13. Sallum Jr., *Brasilio e Casarões, Guilherme Stolle Paixão e. Impeachment do presidente Collor: a literatura e o processo*. Lua Nova, São Paulo, 82: 163-200, 2011.
14. Sallum Jr., Brasilio e Goulart, Jefferson O. “O Estado brasileiro contemporâneo: liberalização econômica, política e sociedade nos governos FHC e Lula” // *Rev. Sociol. Polít.*, 2016, v. 24, n. 60, 115–135.

Cronologia do Impeachment da Presidente Dilma

- Dilma Rousseff (PT) reelegeu-se em 26 outubro de 2014 em com 51,65 % dos votos válidos no segundo turno. (“Com a força do povo” — PT, PMDB, PSD, PP, PR, PROS, PDT, PC do B, PRB).
- Logo após as eleições, a presidente é derrotada na Câmara na votação do Decreto 8.243/2014 que instituiria a Política Nacional de Participação Social (em 28/10/2014).
- 6/12/2014 — Protesto convocado pelo candidato derrotado Aécio Neves tem pequena adesão em São Paulo.
- 1º/02/2015 — é eleito para presidente da Câmara Federal o deputado Eduardo Cunha (PMDB). Concorriam também o candidato governista Arlindo Chinaglia (PT), Julio Delgado (PSB) e Chico Alencar (PSol).
- 15/03/2015 — Ocorrem grandes protestos em algumas capitais pedindo o impeachment da presidente Dilma. Alguns grupos também pedem intervenção militar.
- 2/12/2015 — O presidente da Câmara Eduardo Cunha aceitou pedido de impeachment contra a presidente Dilma feito encaminhado pelos juristas Hélio Bicudo, Miguel Reale Júnior e Janaina Paschoal.
- 15/12/2015 — O Conselho de Ética da Câmara aprovou a abertura de processo contra o deputado Eduardo Cunha por quebra de decoro parlamentar.
- 16/12/2015 — O STF discutiu e definiu os termos do rito do processo de impeachment no Senado federal.

-
- 18/12/2015 — O Ministro da Fazenda Joaquim Levy pede demissão de seu cargo sendo substituído por Nelson Barbosa.
 - 29/02/2016 — A pedido do juiz Sérgio Moro, o ex-presidente Lula prestou depoimento à Polícia Federal na sala do Aeroporto de Congonhas. Havia um pedido de condução coercitiva do ex-presidente Lula caso ele se recusasse a depor.
 - 13/03/2016 — Ocorrem grandes manifestações pelo país a favor do impeachment da presidente Dilma e pela prisão do ex-presidente Lula.
 - 16/03/2016 — Após vazamento de conversa telefônica entre Lula e Dilma, houve intensos protestos pelo país.
 - 17/03/2016 — Câmara elege os membros da Comissão Especial do impeachment
 - 31/03/2016 — Governo apresenta defesa na Comissão Especial do impeachment na Câmara dos Deputados.
 - 17/04/2016 — Em sessão do Plenário da Câmara Federal, o processo de Impeachment é aceito por 367 votos favoráveis contra 137 contrários.
 - 26/04/2016 — É instalada a Comissão de Impeachment no Senado Federal.
 - 12/05/2016 — Com 55 votos favoráveis e 22 contrários, o Senado aceita e autoriza a abertura de processo de impeachment. Dilma é afastada da presidência até o julgamento.
 - 31/07/2016 — Houve grandes manifestações em todo país, algumas a favor outra contra o impeachment da presidente Dilma.
 - 10/08/2016 — o relatório da Comissão do Impeachment no Senado é aprovado em plenário.
 - 31/08/2016 — Dilma é cassada no Senado, mas mantém seus direitos políticos.

More of the same: coup, continuity, and changings in Brazilian politics

Mais do mesmo: golpe, continuidades e mudanças na política brasileira²

Resumen. El artículo tiene como objetivo dar una explicación alternativa para el golpe parlamentario que derrocó a la ex presidenta Dilma Rousseff en Brasil. El argumento principal es que la política brasileña puede cambiar en todo menos en acuerdos de élite hechos para preservar sus intereses políticos y económicos hegemónicos. En otras palabras, la política en Brasil está organizada por y para que las élites detengan sus beneficios económicos y sociales. Por lo tanto, cada vez que sus intereses se ponen en peligro levemente (o incluso se perciben como si estuvieran en peligro), las élites económicas y políticas reorganizan inmediatamente la política (y la sociedad misma) para conservar sus privilegios. Para hacer eso, los presidentes pueden ser expulsados, se dan golpes civiles o civil-militares, a veces con apoyo popular. El resultado es una inestabilidad política permanente combinada con el mantenimiento de los privilegios políticos y económicos de la élite.

Palabras clave: acusación; Brasil; cooperación política.

Abstract. The paper aims to give an alternative explanation for the parliamentary coup in Brazil that overthrew the former president Dilma Rousseff. The main argument is that Brazilian politics can change in everything but in elite agreements made in order to preserve their hegemonic political and economic interests. In other words, politics in Brazil is organized by and for the elites to detain their economic and social benefits. Therefore, whenever their interests are slightly endangered (or even perceived as if it were in danger), the economic and political elites immediately reorganize the politics (and the society itself) in order to keep their privileges. In order to do that, presidents can be ousted, civil or civil-military coups are given, sometimes with popular support. The result is a permanent political instability combined with the maintenance of the elite's political, and economic privileges.

Key words: impeachment; Brazil; political cooperation.

¹ Professor at the Graduate Political Science Program, and at the Department of Economics and International Relations at The Federal University of Rio Grande do Sul. Brazilian main investigator of the World Values Survey Research. National Council for Scientific and Technological Development (CNPq) Fellow.

² Paper presented at the round table “O Brasil pós-impeachment: perspectivas políticas e sociais”, Tercer Foro Internacional (2–4 de octubre 2017): Rusia e Iberoamerica en el mundo globalizante, S. Petersburg, Oct. 2017.

*“For things to remain the same, everything must change.”
(Giuseppe Tomasi di Lampedusa’s novel The Leopard)*

Introduction: a history of instability

Some months ago, I was talking to a foreign friend and he asked if I could explain him what was going on with Brazil; my answer was simple: if I could, I would. Nevertheless, if having a complete explanation of what is happening in Brazil is quite complicated, I’ll try at least to draw a brief picture of the recent events in Brazil with the only objective of open questions to the debate.

Well, the Brazilian society has changed a lot since I was born in the beginning of the 1960’s; indeed, I grew up in a very different country. I’ll give some examples:

- Brazil is today mostly an urban country,
- we have a real universal public health service (literally any person — Brazilian or foreign — can use it for free, and some procedures, such as transplants, are only done by this public system). It has its problems, but it works,
- the Brazilian educational profile has changed tremendously,
- the electric power supply is almost universal today,
- and even the levels of poverty have decreased in the past 20 years, among others important social chances.

Even on the political arena, some important changes happened. We have today an electoral democracy with elections at all levels, some freedom of expression (nevertheless, with a high monopolistic media) and so on. Indeed, the country has changed.

- On the other hand, in the way politics is done in Brazil (and at the political culture level), little has changed in the past years:
- We live a permanent political instability,
- A strong “authoritarian liberalism” both at the elite and at the population behaviors,
- lack of a minimum political consensus (not even on democracy or on the organization of the State),
- A strong concentration of economic and political power in the hands of a very, very small elite,
- The practice of elite arrangements without any concern about the population,
- And, important to mention, a significant portion of the Brazilian elite (both economic or political) supports democracy **only** when it is convenient to their goals.

But we cannot say nothing has changed in politics, for the good or the bad. I would like to highlight two important changes in the recent years:

- a political super-activism of members of the Judicial branch, and
- there is another thing really new in the Brazilian politics: an open right-wing activism.

On the one hand, judges, especially from the high courts, have always had an important political role in Brazil, but today we can see literally any judge interfering on political issues. For instance, it is not unusual nowadays a first level judge interfering on a Presidential decision because he or she disagrees with its contend (I'll talk later about a very particular situation of clearly political action of a judge: the process so-called "Lava Jato", or "Car Wash" operation).

On the other hand, even existing and being very politically active, the right-wing in Brazil seldom assumed its real face, and rather preferred refer to themselves as "center-right" or even "center". Today there are both politicians and ordinary people proud of being rightists. This is really new.

In the political arena, which is the main goal of this paper, the recent events (I mean the overthrow of former President Dilma Rousseff in 2016) did not entail a real change in the Brazilian political pattern. A lot of people in Brazil was shocked about the way Dilma was taken from office because they believed Brazil had become a real democracy; and it has not (as we know, democracy is much more than just elections).

Indeed, the Brazilian political history is a history of instability: for instance, since 1930, just four presidents were elected and ended theirs mandates as shown at this table:

Brazilian President (since 1930)	Elected President?	Ended Administration?
Michel Temer (2016–2017)	No	Current
Dilma Rousseff (2011–2016)	Yes	No
Luiz Inácio Lula da Silva (2003–2010)	Yes	Yes
Fernando Henrique Cardoso (1995–2002)	Yes	Yes
Itamar Franco (1992–1994)	No	
Fernando Collor (1990–1992)	Yes	No
José Sarney (1985–1989)	No	
João Figueiredo (1979–1985)	No	
Ernesto Geisel (1974–1979)	No	
Emílio Médice (1969–1974)	No	
Arthur da Costa e Silva (1967–1969)	No	
Humberto Castelo Branco (1964–1967)	No	
João Goulart (1961–1964)	No	
Jânio Quadros (jan/1961–aug/1961)	Yes	No
Juscelino Kubitschek (1956–1961)	Yes	Yes
João Café Filho (1954–1955)	No	
Getúlio Vargas (1951–1954)	Yes	No
Eurico Gaspar Dutra (1946–1951)	Yes	Yes
Getúlio Vargas (1930–1945)	No	

Recent events, notably the impeachment of the former President Dilma Rousseff, did not entail a change in the Brazilian political pattern: some were surprised because they believed that democracy had been established in the country since they were limited to look to elections and government transitions.

Indeed, a wave of optimism spread out in Brazil with the election of the former President Fernando Henrique Cardoso, as known as FHC (in 1995), and the smooth transition to Lula's administration (in 2003): it was like Brazil finally achieved democracy and economic stability. At the same time, social policy became part of the political agenda: it seemed that the time had come for the poor. With the Lula's administration, the optimism grew up! The social policy was apparently the main goal of his administration, and finally Brazil seemed to be not the country of the future, but of the present.

The economic elites, on their side, were very calm and happy because, on the one hand, there was no substantial change in the economy, with the maintenance of the state support to the capital, and, on the other, because the social movements (such as the landless movement, the MST) were calm and very collaborative with the administration. Indeed, in order to be elected, Lula publicly abandoned all his attachments to the left-wing and decided to make an electoral and political alliance with conservative sectors (you don't have to believe me: just take a look at the "Letter to Brazilians" Lula sign just before his election in 2002, in which he gave the security the political and economic elite needed).

Important to say that both FHC and Lula are very experienced and good negotiator politicians. Besides, Lula is very charismatic and popular, and had the chance to run the country during a moment in which the economy was very strong, mostly due the increase of agribusiness exportations.

In short, the brief political stability in Brazil in the last years can be resumed as follows:

FHC's Administrations: feeling of return to democracy, economic stability, social instability, social policy brought to the national agenda.

Lula's Administrations: optimism with smooth transition, social policy seem as the main goal of the administration, continuity of electoral and political alliances with conservative sectors ("Letter to Brazilians" as a warranty to the right), the elites' organization change in the country's management, respect to social movements.

Dilma's Administrations (2011–2014 / 2015–2016)

Lula used his political ability to open path to his successor, because he really wanted to come back to the presidency just after the next term (in Brazil, it is allowed just one reelection but a president can return after another term). In these sense, the election of Dilma was part of an attempt of the former president Lula to return to

the Presidency. The political calculation was simple: as Lula could not run to a third mandate, his best move would be the election of a person who were linked to him, and depending on his political strength.

Dilma Rousseff was the perfect pick: different from others politicians from his party, Dilma had no electoral record and she was completely politically dependent on Lula. So, once elected, it would be reasonable to Dilma not run to reelection and open path to the return of Lula to the presidency. Nevertheless, history doesn't like to be controlled... Lula had the virtue, using Machiavelli words, but didn't had the fortune: during the first Dilma's administration, he had a cancer that took him out of the political arena and forced him to abandon (at least at that moment) his reelection project. In short, Lula's cancer, the re-election of Dilma, corruption scandals, explosion of "spontaneous" protests in 2013, and her political inability allowed the sectors interested on the impeachment to openly act.

Dilma, on her side, was certainly very proud of herself and of the power she would never ever dreamed have (and she was right); after all, she was a former guerilla urban fighter imprisoned by the military regime that became the first woman at the presidency in Brazil. But she is not a traditional politician; on the contrary, she seemed to be very uncomfortable with the political rituals and practices, avoiding the politicians even from her party. Quickly she made a lot of enemies among her allies, and became to get more and more politically isolated. To complete the scenario, during her administration some corruption scandals were revealed, huge not expected protest movements appear in 2013 and a lot of another bad news to her administration happened. That is to say, the optimistic mood that was reigning during almost all the previous years gave room to an enormous feeling of dissatisfaction and revolt both at the elite and at the people levels.

That was the political scenario just before Dilma's reelection: a divided country, with both sides blaming each other for the same problems both were guilt of. As we will see, as usual, the people was used as a cannon fodder...

Different from Lula, Dilma Rousseff was not able to conduct the political game, specially during a very complicated and important political crisis. She did not please neither the frontbenchers, nor the backbenchers in Congress, did not treat well neither the leaders of her party, nor ministers of State (her own team!), did not consider the State governors, did not handled properly the international affairs: in short, she acted as the Presidency were just a public department, not a political institution.

In a wider context of politics, PT seems to have broken with the traditional sharing of the State's benefits between different sectors of the political elite (it does not mean facing private and public structural corruption, but not share the benefits of the state with the others, benefits understood as the results of the political power, not necessarily money or corruption). Traditionally in Brazil the ruling party gets the

lion's share, but it seems that PT in a way changed the rules and tried to get almost all benefits to them (this is just a hypothesis, given the angry of some politicians against PT, and even some statements given by some of them). The opposition, in its turn, began to make effective and disruptive opposition, not limited to criticizing or blocking the administration's actions: they explicitly wanted to end the government even against the law!

Dilma was re-elected in 2014 in the second round with tight advantage (51.64 % against 48.36 % of Aécio Neves). Aécio Neves contested the result and called for an "audit of the vote", suggesting some fraud suspicion (which there wasn't). Even then there was a strong media campaign denouncing corruption in government and suggesting the government was the only guilty for all problems in the country (which is not true), which spread on digital social networks and street protests supporting and denouncing the government. Of course the new social networks and street rallies for and against the government had a very important role during the process, with the country literally divided and claiming the other side was guilty of everything, real or imaginary. This environment was conducive to the former President of the Chamber of Deputies, Eduardo Cunha, to accept that the House initiated impeachment proceedings. He was a backbencher representative, clearly involved in corruption and personally also despised by President Dilma.

The police-legal-media operation that enabled the impeachment of the former President Dilma Rousseff also helps to explain a known fact: Brazilian media business is not journalism or news, it is the building of crisis, instability and "normality". It is what we also call *novelization of news* and a comprehensive attempt to "build the reality".

In this 2016 crises that was part of the impeachment social and political construction, we saw in Brazil a daily apocalypse with the information leaks of **Lava Jato**: coercive arrests, denunciations series and agenda-bombs in matched operations between the Judiciary branch, the police and the media.

A media's "novelizada" narrative, like a Brazilian "telenovela" (soap opera), produced emotional storms announcing the "Final Judgment". The novelization of the crisis, its screenplay, the spectacle, produced a real soap opera on TV, on the editorial in the headlines of newspapers and magazines of the mainstream press, and made explicit becoming-advantage of the media acting as one of the great forces of political destabilization and building characters and scenarios. It was like the political arena were not reality, but rather a fantastic realism novel, and millions of Brazilians were waiting to the happy ending! To be seen always pleases politicians, especially those who are unknown and can have space in the national media for the first (and perhaps only) time. Unfortunately, it was not fantasy but the political reality of the country.

Impeachment is an instrument foreseen by the Brazilian Constitution, but in very specific cases, since we are not a parliamentary system, when Congress can dismiss the trustee for political reasons, but a presidential republic. The charges that led to the impeachment of former President Dilma were not those write in the Constitution. Much of the deputies and senators voted with an argument that became known as the “body of work”, that is: policies implemented by her governments (and by Lula), corruption and, finally, because of the accusation. Thus, the decision to dismiss the president was outside the constitutional limits and motivated by political issues of interest of the opposition.

Important to say that the way former president Dilma run the government, her personal characteristics or even the unpopularity of her administration were not legal or political reasons to her impeachment. If were, her successor — Michel Temer — should be thrown out of the office the very first moment he began his administration, given his popularity is the lowest of any president since the re-democratization, and he was conducted to the Presidency through a “parliamentary-judicial coup”, as professor Anita Prestes, in recent article, explains.

The 2016 Coup

The country’s largest party, PMDB, and the Vice President Michel Temer, had decided quit the government at the end of 2015. The reasons were clear: on the one hand, they considered that supporting Dilma could mean a defeat in the municipal elections in 2016; on the other, Dilma’s impeachment would be a real possibility of getting the power, because PMDB hardly could win a presidential election, even being the biggest party. Definitely Brazil is not for amateurs.

So PMDB launches a manifesto (“Uma ponte para o future” or “Bridge to the future”) with a proposal clearly against to Dilma’s administration agenda (which were elected), and gradually began to move to the opposition. PMDB is the largest party at the Congress, with many backbenchers; when it quit the government, Dilma lost a very important portion of her caucus. The vice president at that moment was clearly working with Eduardo Cunha and other members of PMDB in order to build the two-thirds majority at the chamber of deputies to carry out Dilma’s impeachment trial (the process had to go later to the Senate, but the major political barrier was the Chamber).

It was created in the country, a climate of public lynching of politicians, particularly those related to Lula and Dilma or PT, and an important parcel of the population seemed to support any sanction against them, and taking the president from her job would be the symbolic “revenge” against politicians. And, as I already said, there is a novelty in Brazil: an unprecedented political super-activism of judges, in particular the process so-called “Lava Jato”, or “Car Wash” operation, by a

politically motivated judge (important to mention that the judges are not elected in Brazil, they are public servants, hired on the basis of entrance examinations, they have a for life job, salaries much higher than any other civil servant in Brazil and even among the best public salaries in the world).

The operation “Lava Jato”, which was created to investigate corruption in Petrobras, the state-owned oil company, has guided media with leaking of specific information in order to create an accusatory narrative without the right to the contradictory. The way of conducting investigation in “Lava Jato” improved the favorable environment for President Dilma’s impeachment. More importantly, the judge in charge of “Lava-Jato” seems to be linked to one important political party against PT, and it seems clear that his goal is put in jail important PT leaders, including the former president Lula.

Thus, if we look at the general picture, there was a mood in Brazil that everything had reached its limit, a sense that something — anything — had to be done. As a consequence, the simplistic idea that the overthrow of the president Dilma would solve the country’s problems begun to grow up in public opinion, which facilitated the life of those who wanted the fall of the government, and get the power.

In this climate of public lynching, that corruption had worsened with the PT administrations (not true at all), in which PT was blamed as responsible for all the country’s problems (political, economic and even individual), of radicalization of political discourse, with the support of important sectors of the media for the impeachment, with the activism of the VP and his party (PMDB) in favor of impeachment, with the political activism of judges against PT, the decision to overthrow Dilma got easy.

Thus, once again Brazil faces what always happens in political crises: an authoritarian output with elite arrangements, with the exchange of the ruler at the boundaries of law. The vice president Michel Temer assumes the office, and suddenly the political and social chaos the media was talking about seemed to be finished.

It was like Brazil was back to normality: Congress supports any presidential measure, the press stops the attacks against the government, street demonstrations for and against Dilma declined... The life was “normal” again. That doesn’t mean that the opposition and important sectors of the society, such as the students among others, abandoned the struggle against the new government, but the big media said nothing about what was happening in the country. For instance, about 70 % of the Brazilian universities were occupied by students just after the inauguration of Temer’s Administration, and the main national media networks mentioned nothing about it, clearly trying make the public opinion believe everything was fine again.

Temer’s Administration started, but the same problems remained. By the way, the new administration did exactly the same sort of procedures (the so called “pedaladas fiscais”) that were the pretext to Dilma’s impeachment. Indeed, the

exchange of rulers is not enough at all to change the political and social situation of Brazil.

Brazil faced a coup d'état in 2016 because the impeachment was done at the margins of the Constitution, but with the support of a significant part of the political and economic elite of the country (and even of the population). Once again Brazil faces its historical pattern: an elite agreement in order to avoid political disruptions in the country, with a few keeping their privileges at the expenses of the majority of the population. The people, in turn, or stunned watch the events, or is active but used as pawns: once the agreements are made, they are invited to go back home and stand there.

The politics by and for the elites

To conclude, I would like to make a quick comparison between the impeachment of the former President Dilma and two other important mass movements in recent years in Brazil: the movement “Diretas Já” or “Direct Vote Now” (1983–1984) and the impeachment of former President Collor in 1992.

In each one of the three cases, there was intense participation of the media, actions of politicians calling the protests and culminated with elites' agreements, and the intense street protests and the apparent radicalization ceased when the arrangements were made (everything returned to normality, at least in appearance).

The 2016 crisis was described above.

In the “Diretas Já” example, there was an apparent unanimity in favor of direct elections, although the real interest of the new political arrangement that was being organized was the election of Tancredo Neves and José Sarney, both then at the PMDB, both not exactly a challenge to the political and economic elites (just the contrary: reassuringly the right wing and other sectors committed to the dictatorship).

In the case of impeachment of former President Collor, whose dismissal also did not respect the Constitution, once again there were huge popular rallies, the use of the population by the elites, and once again a politician historically linked to the PMDB got the Presidency: Collor's vice-president, Itamar Franco. As usual, elite agreements were made in order to preserve the hegemonic political and economic interests, as Gramsci stated, in Brazil.

I believe that these three examples of our recent political history give us a good picture of how Brazilian politics works: top-down political solutions, with little or even no respect for the Constitution or the rule of law, using the people as pawns, without any risk to the interests of the elites, which are the only real beneficiaries of public goods.

Finally, I am not pessimistic about the future of my country, but I believe we cannot have illusions about what Brazil is in fact. In Brazil, everything can change but the wealth's and power's concentration. We are a country with **an authoritarian political culture** and a **political and economic elite that cares little about the people**. Some administrations may act more **focused on** social issues, some less, but all administrations act in order to maintain the privileges of elites. And while this perverse equation “everything to the elites, and crumbs to the people” remains, little will change in Brazil.

ИСКУССТВО В ИСПАНИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

А. В. Морозова¹

Античный Гермафродит в контексте испанского искусства XVII в.

Ancient Hermaphrodite in the context of the Spanish art of the XVII century

Abstract: The article is devoted to analysis of the perception of the antique statue of Hermaphrodite in Spanish culture and art of the seventeenth century. Plaster cast of an antique statue was commissioned by Velázquez during his second trip to Italy. Already in Spain bronze casting was commissioned. The statue of Hermaphrodite enjoyed the admiration of art lovers and yard. The pagan content of the image didn't interfere with his high aesthetic evaluation.

Keywords: statue of Hermaphrodite; Spanish Art and Culture; Velazquez.

Resumen: Artículo se centra en el análisis de la percepción de la antigua estatua de Hermafrodit en la cultura y el arte del siglo XVII. El molde de yeso de la antigua estatua fue encargada de Velázquez durante su segundo viaje a Italia. Ya en España, bastidor de bronce fue encargado. La estatua de Hermafrodit gozó de la admiración de los amantes del arte y de la corte. El contenido pagano de la imagen no impedía a su alta evaluación estética.

Palabras clave: estatua de Hermafrodit; el arte y la cultura de España; Velázquez.

Копии с античной статуи Гермафродита, как римские, так и Нового времени, украшают крупнейшие музеи мира: Лувр, Прадо, Эрмитаж. По античному мифу Гермафродит был сыном Гермеса и Афродиты, о чем свидетельствует и его имя. Его полюбила нимфа Салмакида и попросила богов навеки соединить ее с возлюбленным. Боги выполнили ее желание.

Образ Гермафродита был достаточно популярен в античном искусстве. Его античные статуи были открыты в Европе в эпоху Возрождения. Уже Лоренцо Гиберти в своих III комментариях с восхищением описывает подобное изображение: «[Фигура]... на вскопанной почве. На эту почву было наброшено полотно. Статуя находится на полотне и была согнута так, что обнаруживала мужскую природу и природу женскую, руки опирались на землю, а кисти рук перекрещивались, одна поверх другой, и вытянутая

¹ Морозова Анна Валентиновна, Россия, доцент, кандидат искусствоведения, Институт истории СПбГУ (amorozova64@mail.ru).

держит одну ногу за большой палец. Она взяла полотно, и в том, как она тянула материю, было видно изумительное искусство»². Любопытно, что уже Гиберти не был склонен обращать внимания на смысловую сторону образа, больше интересуясь сложной композицией и необычной пластикой скульптуры.

Как свидетельствует описание Гиберти, он знал другую античную композицию, чем та, что получила известность в XVII в. Статуя, которую видел Гиберти, изображала Гермафродита, взявшимся одной рукой за палец ноги, а другой за полотно, лежащее прямо на земле. В изображениях же из Ватикана Гермафродит лежит на тюфяке, положив голову на руки. Но именно это произведение и начинает широко копироваться с XVII столетия.

Веласкес, во время своей второй поездки в Италию, по поручению Филиппа IV заказал целый ряд гипсовых слепков со знаменитых антиков для убранства мадридского Алькасара. Понятно, что в XVII в. предпочтение отдавалось копиям знаменитых антиков, а не пусть и не перворазрядным, но оригиналам. Позволение сделать копии со знаменитых бельведерских статуй Веласкес получил как благодарность за портрет Иннокентия X³. Во время пожара Алькасара в 1734 г. гипсовые слепки сгорели. Среди слепков был и слепок с Гермафродита, по которому уже в Испании была сделана бронзовая отливка. Сейчас эта статуя входит в коллекцию Прадо и выставлена в залах испанской живописи.

Во времена Веласкеса в XVII в. бронзовая статуя Гермафродита украшала так называемую Галерею северного ветра Алькасара. Конкретнее, статуя находилась в комнате с окнами в парк, расположенной на выходе из Северной галереи. Комната помещалась около северо-западной башни Алькасара, называемой башней Гермафродита и Франции. Первое название происходило от самой статуи Гермафродита, второе было дано в память о плененном Франциске I, содержавшимся в XVI в. в этой башне. В инвентаре 1686 г. статуя Гермафродита описывается как «бронзовая статуя обнаженного мальчика на тюфяке и подушке, все бронзовое»⁴. Размеры статуи даны как 1,7 метра в длину и примерно столько же в ширину. В 1666 г. стоимость указывалась как 900 дукатов серебром. Уже тот факт, что по статуе получила название и башня, свидетельствует о том, как ее ценили. Теоретик и историк испанского искусства А. Паломино (1653—1725) в своем тру-

² Гиберти Л., *Комментарии* / пер., примеч. и вступительная статья А. Губера, М., Изогиз, 1938, 37.

³ Harris E., *Velazquez*, Oxford, Phaidon, 1982, 27.

⁴ Bottineau Yves, "L'alcazar de Madrid et l'inventaire de 1686. Aspects de la cour d'Espagne au XVIIe siècle" // *Bulletin Hispanique*. Bordeaux, 1958. Vol. LX. No 1—4, 171.

де писал об этой статуе: «Он [Веласкес] также привез обнаженную фигуру, отдыхающую на диванной подушке, гермафродита, о котором поэты говорили, что он был произведен союзом нимфы Салмакиды (подруги Наяды) с сыном Меркурия и Венеры, юноша исключительного совершенства, боги по просьбе нимфы Салмакиды превратили его в персону, имеющую знаки обоих полов. Это наиболее красивая статуя, которую только можно вообразить»⁵. Языческая сущность образа с его, по христианским воззрениям, явно сомнительной добродетельностью и языческой чувственностью не дает Паломино повода для негативных или индифферентных высказываний об эстетическом впечатлении от статуи. Его оценки исключительно восторженные. Как справедливо отмечал Э. Панофский, со времен Ренессанса в Италии, и, добавим, с эпохи XVII столетия в остальной Европе, к античности относились как к некоему культурному феномену прошлого, законы жизни которого не подлежали осуждению⁶. И Веласкеса, и Филиппа IV, и Паломино Гермафродит интересовал прежде всего как произведение высокой эстетической ценности. Как известно, пластическое решение античного Гермафродита вдохновило Веласкеса на создание его Венеры (ныне находящейся в собрании лондонской Национальной галереи).

Таким образом, широко распространенное представление об Испании как стране инквизиции, где были запрещены античные сюжеты и обнаженная натура, сильно отличается от той более сложной картины достаточно мирного и общепринятого сосуществования христианского и языческого, современного и древнего, которая была на самом деле, и доказательством чего является и судьба испанского Гермафродита!

Библиография

Гиберти Л. *Комментарии*. М.: 1938.

Harris E. *Velazquez*. Oxford: Phaidon, 1982.

Bottineau Yves. “L’alcazar de Madrid et l’inventaire de 1686. Aspects de la cour d’Espagne au XVIIe siècle”. *Bulletin Hispanique*. Bordeaux, 1958. Vol. LX. No. 1–4.

Панофский Э. *Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада*: пер. с англ. А. Г. Габричевского под ред. В. Д. Дажиной. М.: Искусство, 1998.

⁵ Palomino A., “El museo pictórico y escala óptica” [фрагменты], in Harris. *Op. Cit.*, 211.

⁶ Панофский Э., *Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада*: пер. с англ. А. Г. Габричевского под ред. В. Д. Дажиной, М., Искусство, 1998.

Погребальная капелла Антонио Браво де Хереса в церкви монастыря Сан-Бенито Алькантары (Касерес). Проблемы реконструкции

Funerary chapel of Antonio Bravo de Jerez in the church of the Monastery of San Benito Alcántara (Cáceres). The Problems of its Reconstruction

Abstract: The article examines the chapel of frey Antonio Bravo de Jerez, commander of Piedrabuena in the convent of San Benito, Alcántara. The chapel was created by the architect Pedro de Ybarra, sculptor Luis Mitata and painter Luis de Morales in 1545-1567. Special attention is paid to the reconstruction of the iconographic program of the altarpiece, including sculptural and pictorial works, in particular, the paintings created by Luis de Morales between 1562 and 1567, not preserved in situ. This triptych, including “The Birth of Mary” (Prado Museum), “The Visitation of Mary and Saint Elizabeth” and “The Presentation of Jesús in the Temple” (both, the Cultural Foundation of the Hessian House), it was reconstructed at the exhibition of Morales at the Prado Museum in 2015. The article reveals possible prototypes of the images of St. Anne and the girl, holding a basket of fruit of Morales’s painting “The Birth of Mary”.

Keywords: Extremadura; Jerez; Pedro de Ybarra; Luis Mitata; Luis de Morales; the Spanish painting; 16th century; religious iconography.

Resumen: Este artículo analiza la capilla del frey Antonio Bravo de Jerez, comendador de Piedrabuena en el convento de San Benito, Alcántara. La capilla fue creada por el arquitecto Pedro de Ybarra, escultor Luis Mitata y pintor Luis de Morales en 1545-1567. Se presta especial atención a la reconstrucción del programa iconográfico del retablo, que incluye obras escultóricas y pictóricas, en particular, las pinturas, creadas por Luis de Morales entre 1562 y 1567, no preservado in situ. El tríptico que incluye pinturas “El Nacimiento de María”(Museo del Prado), “La Visitación de María y Santa Isabel” y “La Presentación de Jesús en el Templo”(las dos, Fundación cultural de la casa de Hesse), fue reconstruido en la exposición de Morales en el Museo del Prado en 2015. El artículo revela posibles prototipos de las imágenes de Santa Ana y de la joven sosteniendo la canasta de frutas de la pintura de Morales “La Natividad de María”.

Palabras clave: Extremadura; Orden militar de la Alcántara; convento de San Benito de Alcántara; frey Antonio Bravo de Jerez; Pedro de Ybarra; Luis Mitata; Luis de Morales; pintura española del siglo XVI; iconografía religiosa.

¹ Калугина Елена Олеговна, Россия, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, ГМЗ «Царское Село» (elena-kalugina@mail.ru).

Связи испанского живописца Луиса де Моралеса (1509/1510–1586) с орденом Алькантары занимали важное место на протяжении всего его творчества². Д. Берхано Эскобар даже считал его живописцем этого ордена³. Как известно, средневековый испанский военно-монашеский орден Алькантары возник в 1176 г. на территории, принадлежавшей королевству Леон с целью защиты христиан и борьбы с Альмохадами. В конце Средневековья орден, как и другие «национальные» ордена, владевший огромными земельными угодьями, а также его военная мощь, явились основой для наиболее амбициозной аристократии, стремившейся даже оспаривать власть монархов.

Алькантара, расположенная на западе Верхней Эстремадуры, с 1218 г. являлась родовым домом ордена. Здание главного монастыря Сан-Бенито, построенное между 1505 и 1576 гг. при участии лучших архитекторов эпохи, сочетающее элементы готического стиля с архитектурными особенностями стиля платереско, являлось одним из наиболее совершенных памятников архитектуры эпохи Возрождения в Испании. Трехнефная церковь с готической башней, украшенной ренессансными орнаментами, внутри декорирована скульптурными гирляндами в стиле платереско; внутренний двор монастыря, выстроенный в готическом стиле, имел и характерные ренессансные детали. Начало работ относится к 1505 г. и связано с именем Педро де Лареа. Он завершил постройку церкви и создал несколько капелл, среди них Диего де Сантильяна и Николаса Овандо⁴. С 1544 г. и до 1570 г. работами руководил Педро де Ибарра, главный архитектор всех построек монастыря Сан-Бенито и ордена Алькантары. Он создал главную капеллу монастырской церкви и капеллу командора Антонио Браво де Хереса (1545–1551)⁵.

Члены ордена, представители эстремадурской, кастильской и андалузской аристократии, являлись важнейшими и богатейшими заказчиками произведений искусства. Поэтому не случайно, что Моралес и его мастерская выполняли многочисленные живописные работы по заказам членов ордена для молелен их частных владений и погребальных капелл. Со многими представителями ордена художник находился в тесных дружеских отношениях. Для монастырской церкви Сан-Бенито Алькантары в разные годы им были созданы три ретабло. Первое, самое раннее, было написано для погребальной капеллы Антонио Браво де Хереса (ок. 1562–1567). Позже были созданы два других для капелл Диего Сантильяна (?–1502) и леген-

² Carmelo S. R., *Luis de Morales*. Badajoz, 1999, 91, 92.

³ Berjano E. D., *El pintor Luis de Morales (El Divino)*, Madrid, Ediciones Mateu, 1922 (?), 25.

⁴ Mateos A. N., “La capilla del comendador de Piedrabuena en el convento de San Benito, Alcántara. Aportación documental” // *Revista Norba XIV–XV*. Universidad de Extremadura. Cáceres, 1996, 63–64.

⁵ Mateos A. N., *Op. cit.*, 64–65.

дарного Николаса де Овандо и Касерес (1584–1585)⁶. Фрей Николас Овандо (1460–1511), командор-майор (главный командор) ордена Алькантары, конкистадор, третий испанский губернатор Гаити (Эспаньолы), был избран католическими королями первым губернатором Индии. Его погребальная капелла была основана 4 февраля 1502 г. перед отправлением в Новый свет с большим флотом из 30 кораблей⁷.

Капелла Антонио Браво де Хереса, командора Пьедрабуэны, расположена с южной стороны трансепта, симметрично с сакристией, и кажется несколько нарушающей пропорции и план церкви, так как была пристроена позднее (1545–1551). Сооружение представляет собой квадратный в плане призматический объем. Наружные стены украшены триглифами и крестами, а также четырьмя щитами с гербами командора. Капелла перекрыта звездчатым крестовым сводом, типичная деталь архитектуры Эстремадуры XVI в. С западной стороны к ней примыкают небольшая сакрестия и винтовая лестница, ведущая на трибуну, служащую хором⁸.

В центре капеллы находилось великолепное надгробие командора, выполненное из алебастра скульптором из Леона Луисом де Митатой в 1562 г. В настоящее время оно находится в церкви Нуэстра Сеньора де Альмоковар Алькантары⁹.

Антонио Браво де Херес, командор Пьедрабуэны с конца XV в. до своей смерти 27 мая 1562 г., являлся главным ревизором (визитадор генераль) ордена Алькантары, алькайдом монастыря Алькантара, пажем католических королей, придворным королевы Изабеллы Португальской. Как губернатор округа Алькантары он выполнял в течение многих лет административное и юридическое управление в городах Кастилии после восстания комунерос.

Происходил из семьи, долгие годы находившейся на службе у герцогов де Бехар и Аревало, был сыном Васко Яньеса де Херес, счетовода семьи Суньига, герцогов Пласенсии и Беатрис Браво де Лагуна, которая являлась дальней родственницей последнего главного магистра ордена Алькантары, дона Хуана де Суньига, который пожаловал дону Антонио при его рож-

⁶ Mateos A. N., *Op. cit.* P. 65, 67, 69, 70, 79, notas 10, 12; Carmelo Solís Rodríguez. *Op. cit.* P. 91, 92; Dionicio Ángel Martín Nieto. “Luis de Morales y Lucas Mitata en el Sacro Convento de la Orden de Alcántara. Nuevas aportaciones documentales” / *Revista de Estudios Extremeños*, 2002, Vol. 58, Issue 1, 31–60, 75–79; Álvares F. M. “Nuevos apuntes sobre Luis de Morales” / *Revista de Estudios Extremeños*, 2002, Vol. 58, Issue 2, 672; Dionicio Ángel Martín Nieto, “El sacro convento de Alcántara en tiempos de Pedro de Ybarra (1544–1570)” / *Revista de Estudios Extremeños*, 2011, Vol. 67, Issue 3, 1379, 1401, 1410–1412, 1427–1429, 1432, 1433.

⁷ Martín Nieto, 2002, *Op. Cit.*, 45.

⁸ Navareño Mateos, *Op. cit.*, 64, 65.

⁹ Navareño Mateos, *Op. cit.*, 71, 72; Martín Nieto, 2002. *Op. cit.*, 56–60; Martín Nieto, 2011. *Op. cit.*, 1434–1435.

дении командорство Пьедрабуэны. Являлся могущественным сеньором, имея в услужении 300 человек, включая идалго. Хотя в ту эпоху члены военно-рыцарских орденов не могли жениться, он имел двух сыновей, Хуана и Антонио от доньи Изабель де Эрреры и Гусман, сеньоры де Ольмас и Маньентос¹⁰.

Постамент надгробия украшен изображениями шести львов. По углам надгробия расположены фигуры орлов, а по сторонам — гербы командора, медальоны с рельефными изображениями евангелистов и Отцов Церкви (Св. Иероним, Св. Григорий или Св. Августин). Венчает надгробие фигура лежащего командора с длинной бородой и глубоко запавшими глазницами, одетого в кирасу и держащего обеими руками шпагу. Рядом — металлические перчатки и шлем, а с другой стороны — фигура спящего отрока¹¹.

На центральной стене капеллы находится богато украшенная ниша, перекрытая полукруглой аркой, обрамляющая ретабло, которое некогда включало скульптурные и живописные произведения. Картины, выполненные Луисом де Моралесом (1562–1567), не сохранились *in situ*, но наличествуют скульптурный декор и богато орнаментированные колонны с капителями тончайшей резьбы. Ниша украшена атлантами и различными мифологическими фигурами. На архивольтах арки помещены скульптурные бюсты Св. Варвары и Св. Лусии. Над ними расположен скульптурный фриз с изображением процессии с повозками с фруктами и фигурами путти, вызывающий ассоциации с погребальной процессией. Выше помещены другие рельефы, расположенные в виде полукруглой арки, имитируя полукруглый фронтон. В центральной его части изображение благословляющего Бога Отца. В верхней части стен расположены гербы командора, завершающие декоративную программу ансамбля. Архитектура и скульптура ретабло были выполнены резчиком Франсиско Пересом и скульптором Луисом Митатой¹².

Особый интерес представляли надписи, помещенные, согласно ренессансной традиции, в верхней части трех стен капеллы, посвященные жизни и деятельности Антонио Браво де Хереса. Надписи, до нашего времени практически не сохранившиеся, были опубликованы в каталоге Х. Р. Мелиды, посвященном памятникам архитектуры провинции Касерес (1924)¹³.

¹⁰ Pedro Cordero Alvarado, “El sacro y real convento de San Benito de Alcántara. Un tesoro heráldico ignorado. (Cinco blasones del exterior)” // *Alcántara: revista del Seminario de Estudios Cacerenses*, 1992, Vol. 27, 43–44; Navareño Mateos, *Op. cit.*, 63, 64, nota 4; Martín Nieto, 2002. *Op. Cit.*, 49.

¹¹ Подробное описание ретабло и историю его создания см.: Navareño Mateos, *Op. Cit.*, 71–72; Martín Nieto, 2002. *Op. cit.*, 55–60; Martín Nieto, 2011. *Op. cit.*, 1434–1435.

¹² Navareño Mateos, *Op. cit.* P. 65–70; Martín Nieto, 2002. *Op. cit.* P. 48–60; Martín Nieto, 2011. *Op. cit.* P. 1410–1415, 1427–1433.

¹³ Navareño Mateos, *Op. cit.*, 65, 66, nota 8.

Одна из них свидетельствует о том, что капелла командора Пьедрабуэны была выполнена Педро де Ибаррой, дата ее окончания 16 мая 1551 г.¹⁴

Хронист ордена Алькантары фрей Алонсо де Торес и Тапиа в первой трети XVII в. составил самое раннее описание иконографической программы ретабло, посвященного Успению Божьей Матери¹⁵. Оно включало многие образы святых, в частности Св. Бенито и Св. Бернарда, в среднем рельефе. В его нижней части находились три картины Луиса де Моралеса, который «был самым выдающимся живописцем, которого знали в то время», на темы из жизни Христа и его Матери¹⁶. В верхней части располагалось изображение Успения Божьей Матери, окруженной ангелами. Венчало ретабло скульптурное Распятие с предстоящими Богородицей и Св. Иоанном.

Антонио Понс в XVIII в. упоминал о «...картинах Св. Бернарда, Св. Бенито и других, посвященных жизни и Страстям Христовым, размещенных в алтаре, выдающихся произведений Моралеса»¹⁷.

Как указал К. Солис Родригес, ретабло капеллы Антонио Браво де Хереса было выполнено между 1550 и 1574 гг.¹⁸ Д. А. Мартин Ньето на основании детального анализа документов пришел к заключению, что картины Моралеса для ретабло капеллы были написаны в период между 1562 и 1567 гг.¹⁹

Мартин Ньето в 2002 г. опубликовал документ от 23 февраля 1560 г., в котором сам командор А. Браво де Херес описал иконографическую программу будущего ретабло: в центре его — скульптура «Вознесение Марии», по сторонам — картины «Св. Бернард» и «Св. Бенито», выше — «Распятие», а в пределе: «Рождество Марии» и «Введение во храм Пресвятой Богородицы». Сюжет третьей картины не назван²⁰.

Исследователь реконструировал иконографическую программу ретабло командора Пьедрабуэны, подобрал предполагаемые аналоги и составил графическое воспроизведение²¹. В центре он поместил скульптурное изображение «Вознесения Богородицы, окруженной ангелами», увенчанное голубем, олицетворением Св. Духа работы Л. Митаты (собор, Кория). По сторонам — картины «Св. Бернард» и «Св. Бенито». В качестве их аналога ученый привел изображение святого на картине «Св. Бенито, дающий устав

¹⁴ Ibid., 66, 68.

¹⁵ Описание ретабло А. де Тореса и Тапиа приведено в ст.: Navareño Mateos, *Op. cit.*, 67, nota 10.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Цит. по: Martín Nieto, 2002. *Op. cit.*, 51.

¹⁸ Solís Rodríguez, *Op. cit.*, 92.

¹⁹ Martín Nieto, 2011. *Op. cit.*, 1432, 1433.

²⁰ Martín Nieto, 2002. *Op. cit.*, 52, 53.

²¹ Martín Nieto, 2002. *Op. cit.*, 51–60, 75, 76, 79.

монахам» ученика Моралеса Бенито Санчеса Галиндо (монастырь Монсеррат). Над «Вознесением Богоматери» — скульптурное Распятие (Алькантара), по сторонам его — рельефные полуфигурные изображения Св. Петра и Св. Павла и гербы А. Браво де Хереса. Над Распятием в верхней части ретабло исследователь поместил изображение благословляющего Бога Отца кисти Моралеса (в настоящее время картина находится в церкви Св. Мартина Тревехо Алькантары). Для картин пределы Мартин Ньето не привел подходящих аналогов, указав, что картина «Принесение во храм» Моралеса из музея Прадо (инв. № P-943) по своим размерам 146×114 дм не могла входить в состав пределы²².

В сохранившемся живописном наследии Луиса де Моралеса есть только одно произведение на сюжет «Рождество Марии» (ок. 1563–1567, Музей Прадо, Мадрид, инв. № P-7859). Картина была приобретена в 2003 г.²³ На выставке, посвященной живописцу из Эстремадуры, проходившей в Музее Прадо в 2015 г. картина экспонировалась с двумя произведениями «Встреча Марии и Елизаветы» и «Принесение во храм» Луиса де Моралеса меньшего формата²⁴, происходящих из коллекции Гильерма II, маркграфа Гессенского²⁵. Эти картины, мало изученные, известные в черно-белых воспроизведениях, не привлекали внимания исследователей. Автор подробной аннотации к картинам Е. Сеналмон Брукетас, ссылаясь на указанные выше статьи А. Навареньо Матеоса (1996) и Д. А. Мартинеса Ньето (2002 и 2011) и атрибуцию Габриэле Финальди убедительно доказала, что три картины происходят из ретабло погребальной капеллы Антонио Браво де Хереса монастыря Сан-Бенито Алькантары²⁶.

Триптих отличают чрезвычайно высокие живописные качества, совершенство композиции и необычайная тонкость исполнения, характеризующие творчество Луиса де Моралеса 1560-х гг., период расцвета искусства мастера. Важнейшее значение играет линейный строй произведения, построенный на филигранно четких контурах и усложненном ритме словно

²² Martín Nieto, 2002. Op. cit., 52.

²³ По нашему мнению, размеры картины $69,2 \times 93,2$ дм вполне могли соответствовать произведению из предела капеллы командора Антонио Браво де Хереса.

²⁴ Их размеры $67,5 \times 49,9$; $66,0 \times 49,5$ дм.

²⁵ Картины поступили в коллекцию маркграфа Гессенского в 1830 г. из собрания барона Георга фон Хаммерштейна, приобретшего их в Испании, вероятно, в результате Войны за независимость. С 2012 г. картины хранятся в Музее замка Фазанери в Айхенцелле (Культурный фонд Гессенского дома). См.: Leticia Ruíz Gómez, (ed.) // *El Divino Morales* (catálogo de la exposición). Edición a cargo de Leticia Ruíz Gómez, Madrid, Museo Nacional del Prado, Bilbao, Museo de las Bellas Artes de Bilbao, Barcelona, Museo Nacional d'Art de Catalunya, 2015, cat. No. 1, 2, 3.

²⁶ Elena Cenalmor Bruqueta, “Nacimiento de la Virgen”, “La Visitación”, “La Presentación en el tiempo”, Ruíz Gómez. Op. cit. Cat. 1, 2, 3.

прочеканенных складок одежд. Поражает филигранность в исполнении мельчайших деталей и орнаментов. Цветовое решение отмечено богатейшей гаммой оттенков, необычным сочетанием тонов, редко встречающихся в произведениях Моралеса. «Рождество Марии» стоит особняком в творчестве эстремадурского мастера. К сюжетам «Встреча Марии и Елизаветы» и «Принесение во храм» мастер из Бадахоса обращался неоднократно, в частности, создавая ретабло для церкви в Арройо де ла Лус (1560–1563) и церкви Св. Мартина Пласенсии (1565–1570). Картины из собрания герцогов Гессенских имеют сходный типаж и характерные черты индивидуальной художественной манеры Моралеса этого периода. Центральную картину отличают некоторые особенности живописной техники и композиционного решения, отражающие влияние искусства северных школ. Испанский мастер передал момент после родов с удивительной простотой и скромностью, в отличие от пышных многофигурных сцен, характерных для живописи того времени. Четырехфигурная композиция укрупнена и приближена к переднему плану. Центр картины занимает фигура Св. Анны с изможденным лицом, в светлом платье с розовато-сиреневыми переливами и белой токе, возлежащая на подушках, полуприкрытая зеленовато-охристым покрывалом, жестами рук выражая боль от перенесенных страданий. Роженицу поддерживает девушка с вьющимися рыжеватыми волосами, с золотистой шалью на плечах, предлагая бульон в традиционном фаянсовом блюде. Тип Св. Анны, с нашей точки зрения, восходит к изображению лежащей женской фигуры, представленной в левой части гобелена «Явление Мадонны» из серии «Сказание о Деве Марии Саблонской» (Брюссель, 1518–1519) Государственного Эрмитажа (инв. № Т-2976), выполненном по картону, приписываемому Баренту Ван Орлею. Новорожденная Мария представлена на картине Моралеса завернутой в покрывало, перевязанное крест-накрест лентой, — черта, не характерная для живописи Испании, но отмеченная в искусстве Франции и Германии. В качестве примера можно привести витраж с изображением Рождества из собора Лаона, опубликованном Эмилем Малем²⁷.

Особый интерес представляет фигура юной девушки в лимонно-желтом с голубыми переливами платье, с оборками на воротнике и манжетах, отделанными белым кружевом, загадочно смотрящая на зрителя. Длинные золотистые локоны уложены в сложную затейливую прическу, немного напоминающую образы Богоматери в цыганском наряде Моралеса. В руках она держит корзинку с фруктами, похожими на мелкие яблоки или персики. Испанская исследовательница предположила, что художник изобразил

²⁷ Émile Mâle, *L'art religieux du XIIIe siècle en France : étude sur l'iconographie du moyen âge et sur ses sources d'inspiration*. Paris: Librairie ArmandColin, troisième édition, 1958, 249, fig. 105.

родственницу Св. Анны, пришедшей навестить роженицу, возможно, это даже портретное изображение женщины, ждущей ребенка, о чем говорит характер расположения складок на платье²⁸. Мы бы хотели акцентировать символическое значение образа в контексте иконографической программы ретабло. Как неоднократно отмечалось, эта фигура имеет большое сходство с фигурой молодой девушки, держащей корзинку с яйцами, изображенной на картине Моралеса «Святое семейство с гороскопом Христа» из Испанского общества Америки. Идентичны жест правой руки, ракурс фигуры и тип лица. Ряд исследователей считает, что здесь изображена блаженная провидица, возвестившая о рождении, смерти и воскресении Иисуса²⁹. В христианском богословии мессианские пророчества были связаны не только с ветхозаветными пророками, но и с сивиллами, обладавшими даром ясновидения. Мотив сбывшихся пророчеств и изображения этих древних предсказательниц часто включали в произведения на новозаветную тематику в западноевропейском искусстве эпохи Возрождения. В книге Франсиско де Оланды «Образы возрастов мира» из Национальной библиотеки Мадрида евангельские и ветхозаветные сцены дополнены изображениями пророков и сивилл. Среди них изображение сивиллы Амальтейской, держащей корзинку с фруктами³⁰.

Капелла Антонио Браво де Хереса является замечательным произведением искусства эпохи Возрождения благодаря участию в ее создании выдающихся мастеров своего времени. Она представляет редкую возможность изучать живописные произведения в контексте архитектурного и скульптурного ансамбля, что позволяет составить более полное представление о задачах, стоявших перед искусством того времени.

Библиография

1. Berjano Escobar Daniel. *El pintor Luis de Morales (El Divino)*. Madrid: Ediciones Mateu, 1922.
2. Pedro Cordero Alvarado. “El sacro y real convento de San Benito de Alcántara. Un tesoro heráldico ignorado. (Cinco blasones del exterior)” / *Alcántara: revista del Seminario de Estudios Cacerreños*, 1992. No. 27. P. 25–44.
3. Maxime Deurbergue. “Temporis plenitudo”: astrologie et théologie dans la “Sainte Famille” de Luis de Morales” / *L’art de la Renaissance et magie* (sous la

²⁸ Ruíz Gómez, *Op. cit.*, Cat. 1, 2, 3.

²⁹ Maxime Deurbergue, “Temporis plenitudo”: astrologie et théologie dans la “Sainte Famille” de Luis de Morales” // *L’art de la Renaissance et magie* (sous la dir. De Morel Philippe). Paris: Academie de France à Rome. Somogy éditions d’art, 2006, 106.

³⁰ Francisco de Holanda, *De aetatibus mundi imagines — Livro das idades* // Francisco d’Ollanda. Edição fac-similada / com estudo de Jorge Segurado. Lisboa: Academia Nacional de Belas-Artes, 1983, 32.

- dir. De Morel Philipe). Paris: Academie de France à Rome. Somogy éditions d'art, 2006. P. 99–116.
4. Fernando Marcos Álvares. “Nuevos apuntes sobre Luis de Morales” / *Revista de Estudios Extremeños*, 2002, Vol. 8, Issue 2, 667–684.
 5. Émile Mâle. *L'art religieux du XIIIe siècle en France: étude sur l'iconographie du moyen age et sur ses sources d'inspiration*. Paris: Librairie ArmandColin, troisième édition, 1958.
 6. Dionicio Ángel Martín Nieto. “Luis de Morales y Lucas Mitata en el Sacro Convento de la Orden de Alcántara. Nuevas aportaciones documentales”. *Revista de Estudios Extremeños*, 2002, Vol. 58, Issue 1, 31–92.
 7. Dionicio Ángel Martín Nieto. “El sacro convento de Alcántara en tiempos de Pedro de Ybarra (1544–1570)”. *Revista de Estudios Extremeños*, 2011, Vol. 67, Issue 3, 1379–1444.
 8. Antonio Navareño Mateos. “La capilla del comendador de Pierdabuena en el convento de San Benito, Alcántara. Aportación documental” / *Revista Norba XIV–XV*. Universidad de Extremadura. Cáceres, 1996. P. 63–79.
 9. Leticia Ruíz Gómez (ed.) / *El Divino Morales* (catálogo de la exposición). Edición a cargo de Leticia Ruiz Gómez, Madrid, Museo Nacional del Prado, Bilbao, Museo del 18. Bellas Artes de Bilbao, Barcelona, Museo Nacional d'Art de Catalunya, 2015.
 10. Carmelo Solís Rodríguez / *Luis de Morales*. Badajoz: Fundación Caja de Badajoz, 1999.

Фонтаны Мадрида

Fountains of Madrid

Abstract: The article is devoted to the fountains of Madrid, which play a significant role in creating the aesthetic appearance of the Spanish capital. However, in the literature, both Russian and foreign, that the fountains just mentioned. Meanwhile, all of them are worthy monuments of art and must be researched.

Keywords: the fountains of Madrid; Spanish sculpture; Spanish art.

Resumen: El artículo está dedicado a fuentes de Madrid, que juegan un papel importante en la creación de la apariencia estética de la capital española. Sin embargo, en la literatura, la rusa y extranjera, las fuentes eran sólo se mencionado. Entre tanto, todos ellos son dignos monumentos de arte y deben estar estudiados.

Palabras clave: fuentes de madrid; la plaza de españa la escultura; el arte de la española.

В Мадриде насчитывается около 500 фонтанов. Но на всех обложках книг путеводителей о Мадриде фигурирует, как правило, один и тот же знаменитый фонтан Кибелы, украшающий старинный центр города. А в текстах приводятся и упоминаются очень немногие из огромного количества фонтанов². Нет и специального издания, посвященного фонтанам Мадрида.

Между тем фонтаны Мадрида очень разнообразны, и история их создания и существования часто очень необычна. Нам показалось интересным и полезным обратиться к этой теме. И хотя в небольшом докладе мы коснемся только в лучшем случае 1/10 тех фонтанов, что есть в испанской столице, но и эта малая часть позволяет убедиться в том, какую важную роль фонтаны играют в формировании своеобразия эстетического облика Мадрида.

Посетитель Мадрида встречает фонтаны повсюду — на улицах, площадях, перекрестках, в садах и парках. Водные каскады обрамляют пешеходные дорожки, тротуары, отделяя их от зеленых газонов для прогулок и уголков для отдыха. Как бы сопровождая идущего по улице человека, ча-

¹ Томирдиаро Галина Владимировна, Россия, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, просветительный отдел (tomirgal@mail.ru).

² Александрова А., *Мадрид, Оранжевый гид*, М., Эксмо, 2013.; Курушин М., *Мадрид, город солнца*, М., Вече; Инман Н., Виллануэва К. *Мадрид. Путеводитель*, М., Фаир, 2012.; Burgaleta A. y Vargas S., De., *Madrid de Mohamed I a Juan Carlos I*. Madrid: Artes Graficas, 1998.

сто установленные маленькие вертикальные струйки указывают пешеходу дальнейший путь. Высокие единичные мощные струи устремляются вверх в середине небольших прудов в Ботаническом саду и в парке Буэн Ретиро. Необыкновенно пышно оформленные и мощные, украшенные скульптурными группами, завораживают зрителей самые знаменитые старинные фонтаны, расположенные в центре главных площадей на улице Кастьяна, пересекающей Мадрид с юга на север. Это фонтаны Кибелы, Нептуна и Аполлона. В северной части на Кастьяна, которая еще недавно считалась местом сравнительно нового строительства (в районе Новых Министерств), находятся аскетические каменные сооружения, поражающие лаконичной суровостью гладких стен без украшений. И даже там введение хотя бы одного водного потока, изливающегося из кубоподобного основания, совершенно меняет впечатление от окружающей застройки, придавая ей живой импульс движения и жизни. Даже в самых новых районах рядом с грандиозными башнями небоскребов Мадрида (район называется зона АЗКА), выросших за последние 5–10 лет, созданы многочисленные фонтаны. Своими хрупкими подвижными изгибающимися линиями водных струй фонтаны оживляют каменный лес зданий и одновременно подчеркивают мощь и грандиозность новых сооружений.

Фонтаны Мадрида создавались в разное время и, естественно, не все сохранились до наших дней. Один из них, наиболее ранний, названный фонтаном Доброй удачи, был сооружен на площади Пуэрта дель Соль в XVII в. Он был поставлен над одним из источников вблизи монастыря Сан-Сусеко. Ведь широко известно, что Мадрид был богат водными источниками и даже название города в переводе означает «богатый источниками». Изображение фонтана сохранилось на одной из старых гравюр³. В XVIII в. фонтан был украшен белой мраморной статуей, получившей в народе прозвище Марибланка. Статуя была привезена из Италии в 1725 г. и источники называют двух разных ее авторов (Рутилио Гачи, по одной версии, и Фиорентино Лудовико Туркви, по другой). Статуя была привезена и поставлена над фонтаном⁴. В таком виде фонтан просуществовал на площади Пуэрта дель Соль до 1838 г., а позже он «переехал», как ни парадоксально это звучит. То, что кажется необычным и неестественным для фонтанов в других местах, в Испании повторялось не только с этим фонтаном. Фонтан пере-

³ *Мадрид 1561–1875. Неделя Мадрида в Москве. 21–27 ноября 1981 г.* // Государственная Третьяковская галерея. Madrid, Impreso en Espana por Usigraf Arabi: пер. Р. Виноградовой, директор выставки Мерседес Агульо-и-Ково, директор Муниципальных музеев. С. 70; Курюшин М., *Мадрид, город солнца*, М., Вече, 2013, 27.

⁴ Впрочем, о статуе и ее истории мы говорили на другой конференции, где тема доклада была «Скульптура Мадрида» (апрель 2017 г., Санкт-Петербург, Сервантесовские чтения).

несли в 1838 г. с площади Соль на площадь Дескальсес Реалес. А в 1892 г. фонтан разрушился, и от него сохранилась только статуя Марибланки, которая теперь находится на площади Соль, но только не она сама, а ее копия, и поставлена она не на первоначальном месте. И хотя самого фонтана (и монастыря) уже давно не существует, посетитель площади Пуэрта дель Соль имеет возможность получить представление об этом фонтане. Его изображение находится на поливной глиняной табличке, установленной на углу здания, выходящего на площадь.

Особенно поражает прохожих зрелище вечерних специально подсвеченных фонтанов. Недалеко от площади Христофора Колумба (Пласа Колон), вблизи памятника великому мореплавателю, но по другую сторону движения транспорта, расположены несколько одинаковых оригинальных фонтанов, общие очертания которых напоминают плывущие корабли. Днем можно не обратить на них внимания. Но все совершенно необыкновенно меняется вечером. В наступающей тьме эти фонтаны, ослепительно ярко сверкающие своими белоснежными струями, напоминают белые паруса колумбовых кораблей.

Прекрасны, вне сомнения, фонтаны Петергофа в России и фонтаны Версаля во Франции. Но у фонтанов Мадрида, безусловно, есть свой особенный шарм и о них требуется упоминать, знать и стремиться их увидеть!

Библиография

Александрова А., *Мадрид, Оранжевый гид*. М.: Эксмо, 2013.

Курушин М., *Мадрид, город солнца*. М.: Вече, 2013.

Инман Н., Виллануэва К., *Мадрид. Путеводитель*. М.: Фаир, 2012.

Burgaleta Agustin y Vargas Simon de., *Madrid de Mohamed I a Juan Carlos I*. Madrid: Artes Graficas, 1998.

Мадрид 1561–1875. Неделя Мадрида в Москве. 21–27 ноября 1981 г. Государственная Третьяковская галерея, Madrid, Impreso en Espana por Usigraf Agabi: пер. Р. Виноградовой, директор выставки Мерседес Агульо-и-Ково, директор Муниципальных музеев. С. 70.

Курушин М., *Мадрид, город солнца*. М.: Вече, 2013.

Влияние испанского придворного портрета на сложение школы портретирования Новой Испании в Мексике в XVII–XVIII вв.

The Influence of the Spanish court portrait on the Formation of the school of portraying New Spain in Mexico in the 17th-18th centuries

Resumen: El desarrollo de la pintura novohispana fue vinculado estrechamente con el ámbito artístico de la metrópoli. Los primeros modelos de retratar ya aparecían en Nueva España del siglo XVI. Pero sólo durante el próximo siglo algunas obras se convirtieron en el fenómeno artístico que etapa del auge databa del siglo XVIII. Los retratos novohispanos del siglo XVII repiten el canon del retrato cortesano de España que formaba en el siglo anterior, sin embargo, ya el principio del siglo XVIII podemos decir de la aparición de propia escuela de la retratística. Las obras de la escuela novohispana se caracterizaban por la profunda individualidad y el verismo de los efigies y por la atención a los detalles. Estos rasgos de la escuela retratística de Nueva España fueron heredados de la tradición española, pero a diferencia de la metrópoli ellos se cobservaban y seguían desarrollando en el siglo XVIII.

Palabres clave: retrato; Virreinato de Nueva España; pintura novohispana.

Abstract: The evolution of painting in New Spain was closely related to the artistic life of the Metropoly. The first portraits appeared in the Viceroyalty in the XVIth century. The next century saw the development of local portrait painting from scattered specimen into the substantive art form that blossomed in the XVIIIth century. The XVIIth century porraits took after the Spanish Court Poratraiture tradition of the XVIth century. However the early XVIIIth century brought about the beginning of New Spain school of portrait painting. Deep individuality and attention to details are typical for the works of this school, portrait images are naturalistically true to life. Portrait school of New Spain inherited these features from spanish painting tradition, but unlike the metropoly New Spain preserved and developed them in the XVIIIth century.

Keywords: portrait; Viceroyalty of New Spain; new spanish painting.

Вопросы возникновения и развития национальных художественных школ всегда интересовали и продолжают привлекать внимание исследова-

¹ Бун Валентина Захаровна, Россия, аспирант Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина при Российской академии художеств.

телей. Из этого интереса вытекает стремление проанализировать пути взаимодействия и механизмы влияний одних художественных традиций на другие, чтобы в дальнейшем определить их особенности. Начиная разговор о колониальном искусстве стран Латинской Америки, мы понимаем, что основными художественными школами, изначально насажденными, а затем и воспринятыми местным населением, были испанская и португальская. В своем сообщении мы не стремимся доказать факт влияния испанского придворного портрета на местную традицию портретирования на территории вице-королевства Новая Испания, скорее нам интересно рассмотреть, каким образом наследие одной живописной школы стало источником для создания другой национальной традиции.

Вице-королевство Новая Испания было основано в 1535 г., и начиная уже со второй половины 1530-х гг. вместе с колонистами и миссионерами на новые земли приезжают художники с европейского материка, чье количество к 1550-м гг. оказалось настолько значительно, что они начинают объединяться в мастерские и гильдии². Одной из главных задач, в первое время стоящих перед правящей элитой, была скорейшая христианизация местного населения. Все живописные художественные силы концентрируются на работах, связанных с созданием станковой и настенной религиозной живописи, рассказывающей историю Священного Писания. Несмотря на то, что в следующем, XVII столетии, появляются живописные примеры других жанров, произведения на религиозную тематику в течение 300 лет существования вице-королевства продолжали быть важнейшим и престижнейшим видом живописи. Если мы будем говорить в целом о факторах развития колониального искусства, то выше мы уже упоминали, что с самого основания Новой Испании на ее землях работали художники, выходцы с материка, преимущественно испанцы. Таким образом, мы видим, что первой художественной школой, с которой знакомятся индейцы, была испанская, зачастую переданная через мастеров второго-третьего круга, которые прибывали на новую землю в поисках признания и заработка.

Помимо непосредственного присутствия испанских мастеров, большую роль в постоянных непрерывающихся художественных контактах между колонией и метрополией играла торговля, где среди прочих предметов, шедших в вице-королевство, были в том числе и предметы искусства: живопись и гравюры. Вплоть до 1717 г. торговля с Испанией проходила через Севилью, где располагался торговый орган Casa de Contratación³, пока он не был переведен в Кадис. В свете чего общее место, что на живопись колоний оказали влияния севильская школа и творчество Мурильо и его

² Alcalá L. E., Brown J., *Pintura en Hispanoamérica, 1550–1820*. Madrid: Ediciones El Viso, 2014, 81.

³ Alfonso E. Pérez Sánchez, *Pintura barroca en España (1600–1750)*. Madrid: Cátedra, 2009, 31.

учеников, кажется вполне закономерным⁴. Севилья была не единственным городом, из которого прибывали суда на новую землю. Европейские живописные произведения привозились в Новую Испанию также на кораблях из Мадрида, Фландрии, Неаполя, Рима и Франции.

В случае с Мадридом, можно предположить, что в основном речь шла о портретных изображениях испанских правителей, наличие которых было обязательно для всех государственных институтов испанской империи. Эти художественные образцы копировались и рассылались во все государственные и городские учреждения колонии. Таким образом, там, где было невозможно личное присутствие короля, его функцию выполнял портрет, который не только олицетворял собой королевскую персону как таковую, но и тиражировал художественные схемы, по которым это изображение создавалось. Двор вице-короля в Мехико был организован по аналогии с мадридским, являясь воплощением королевской власти в колонии, и как испанская элита подражала своему монарху, так и креольская следовала за своим вице-королем⁵. Именно двор становится отправной точкой распространения портретного жанра в XVII столетии в Новой Испании, когда вопрос христианизации уже не стоит так остро.

Когда мы говорим о каноне испанского придворного портрета, то имеем в виду определенную модель портретирования правящей или знатной персоны, сложившуюся в Испании во второй половине XVI в. В случае с монаршей особой придворный портрет, помимо художественной ценности, мог передавать определенное политическое пропагандистское послание или носить мемориальный, исторический характер. В то время как портретные изображения испанской знати являлись показателем социального статуса портретируемого, который подчеркивал свою близость к королевскому двору за счет композиции и образа по характеру напоминающих портреты монарха. Несмотря на то, что религиозная картина оставалась приоритетным видом живописи, портрет в Новой Испании, наследуя композиционные схемы и функции испанского, начинает свое самостоятельное развитие в XVII в.

Мексиканский исследователь, историк Элиса Баргаслуго Ранхель предложила свою классификацию портретного наследия колониальной эпохи вице-королевства Новая Испания⁶. Весь массив портретных произведений историк предлагает поделить на две группы — религиозный и светский, основываясь на этом относить портретируемый к клиру или

⁴ Alcalá L. E., Brown J., Op. cit, 162–163.

⁵ Inmaculada Rodríguez Moya, *La mirada del virrey: iconografía del poder en la Nueva España*. España: Universitat Jaume, 2003, 59.

⁶ Inmaculada Rodríguez Moya, Op. cit., 60.

миру. В свою очередь светский подразделяется на портрет социальный (изображения вице-королей и знати), портреты донаторов, автопортреты, исторический портрет и изображения каст. Большой интерес для нас представляет портрет социальный и исторический, на котором зачастую также изображались вице-короли, только уже почившие, так как именно эти два направления наиболее тесно связаны с традицией испанского придворного портретирования.

Сохранившиеся портретные изображения вице-королей, относящиеся ко второй половине XVI–XVII вв., в подавляющем своем большинстве выполнены анонимными художниками, с использованием одних и тех же композиционных схем, повторяющих испанский канон. Говоря о первой половине XVII столетия, мы знаем имена только двух художников, приехавших из Испании и оставивших после себя портретные произведения. В 1608 г. из Вальядолида в свите Франсиско Гарсия Герра, нового архиепископа Мехико, в Новую Испанию прибывает Алонсо Лопес де Эррера, доминиканский монах и художник. К 1609 г. относится портрет Гарсия Герра. Сочетание темного фона, из которого выступает фигура монаха, и красного цветового пятна, стола, покрытого тканью, напоминает нам испанские образцы XVI в. Второй художник — это Себастьян де Артеага, родившийся и выросший в Севилье и одно время помогавший в мастерской Сурбарана⁷. Портрет епископа, вице-короля Новой Испании Маркоса де Торрес и Руеда, представляет нам портретный тип изображения, наиболее распространенный в XVI–XVII вв. среди двора вице-королевства и городских учреждений. Вице-король изображен по пояс в развороте в три четверти, держащим в руках мандат на управление колонией. В правом верхнем углу холста на темном однородном фоне выступает личный герб портретируемого, а если мы переведем взгляд на нижний край картины, то создается впечатление, что нас от фигуры отделяет заграждение, доска, на которой написано, кто изображен на портрете и дата вступления в должность вице-короля. Такое композиционное решение использовалось для создания портретных изображений, входящих в галерею портретов, так называемых «кабинет-портретов», традиция формирования которых также пришла в колонию из Метрополии. В зданиях городских органов управления, университетах, монастырях и т. д., по примеру зала Совета — дворца вице-короля, создавались отдельные помещения⁸, в которых были выставлены портреты вице-коро-

⁷ Xavier Moysén L., “Sebastián de Arteaga(1610–1652)” / *Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas*. No. 59. México, 1988, 18–19.

⁸ María del Pilar Andueza Unanu, “La joyería masculina a través de la galería de retratos de virreyes del Museo Nacional de Historia (México)” / *Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas*. México, 2012. No. 100, 43–44.

лей или других исторических личностей, или именитых современников. Так, королевский университет Мехико в течение XVII—XVIII вв. собирал портреты своих знаменитых членов. Портретные произведения для таких мемориальных залов должны были быть примерно одного размера и иметь общую композиционную схему, которая могла отличаться только деталями. В качестве примера можем привести портрет четвертого вице-короля Новой Испании Мартина Энрикеса де Альманса, датируемый XVI в., и второго вице-короля Луиса де Веласко, чей портрет относят к XVII столетию. Мы видим идентичное расположение фигур на темном фоне, тот же разворот тела в три четверти, герб в левом верхнем углу, единственное различие — это положение рук. Веласко изображен опирающимся рукой на доску с именем — прием, который встречается еще в эпоху Ренессанса, в то время как Энрикес де Альманса сжимает перчатку. Помимо погрудных или поясных изображений, в XVII в. создавались поколенные портретные произведения, в которых композиционная и колористическая связь с испанскими образцами придворного портретирования ощущается еще явственнее, чем в работах, упомянутых выше. Портрет Диего Варгаса Кальдерона или изображение Бартоломе Перес де ла Каналь, датируемые XVII в., говорят нам о том, что анонимные художники, написавшие эти произведения, использовали испанскую схему: в одном углу красный занавес, делящий пространство по диагонали, в другом стол, на который опирается одной рукой фигура портретируемого. Мы точно не знаем, были ли художники, занимающиеся портретом в вице-королевстве в XVII в., приехавшими испанцами или среди них уже встречались местные мастера, но те портреты, которые дошли до наших дней, характеризуются определенной инертностью, застенчивостью композиционного решения, повторяющего испанские образцы, относящиеся еще к XVI столетию, но в то же время эти работы отличает особое внимание к деталям портретного образа, таким как, к примеру, одежда, изображение которой всегда отвечало изменениям моды Метрополии.

Если первые портретные произведения создавались художниками, приехавшими с европейского материка, то уже к концу XVII в. начинают появляться местные мастера, специализирующиеся на портрете, и чьи имена и произведения дошли до наших дней. Стоит отметить, что, в отличие от испанского монарха, у вице-короля не было должности придворного портретиста, наподобие тех, что существовали при мадридском дворе⁹. Таким образом, этот жанр был менее регламентирован, и художники имели

⁹ Fátima Halcón, “El artista en la sociedad novohispana del Barroco” / *Actas III Congreso Internacional del barroco americano: Territorio, Arte, Espacio y Sociedad: Universidad Pablo de Olavide, Sevilla, 8 al 12 de octubre de 2001*. Sevilla, 2001, 105.

большую творческую свободу, но чести портретировать вице-короля и его свиту удостоивались только лучшие живописцы своего времени. Несмотря на то, что портретные изображения, создававшиеся в вице-королевстве, композиционно оставались зависимыми от испанских образцов, но уже с начала XVII столетия в них появляется и сохраняется черта, которая исчезнет в испанском портрете второй половины века — максимально правдивая передача черт лица портретируемого. В дальнейшем эта тщательная и скрупулезная прорисовка каждой морщины станет отличительной особенностью местной живописной школы. В отличие от испанских придворных художников, которые на протяжении многих лет использовали одни и те же единожды найденные портретные образы, мастера Новой Испании изначально ставились в лучшие условия для выражения этой подчеркнутой личной индивидуальности. Вице-короли колоний и правящая элита сменялись часто, и перед художниками не ставилась в большей степени ремесленная задача из года в год писать одни и те же лица, в результате чего они сохраняют свой интерес к живой натуре.

На рубеже XVII—VIII вв. в Мехико работают братья Родригес Хуарес, Хуан и Николас. О творчестве этих живописцев мы можем говорить как о начальном этапе становления собственной национальной школы портретирования. Портрет Хуана Эскаланте Коломбреса де Мендоса, созданный приблизительно в 1697 г., композиционно еще тесно связан с традицией испанской школы, но, оценивая качество живописи и яркий портретный образ, мы можем говорить о том, что художник не просто копирует, а перерабатывает и ассимилирует в своей работе свой и чужой художественный опыт. Одним из лучших портретных произведений живописца является портрет Фернандо де Алекастре Норонья и Сильва, герцога де Линареса 1711—1714 гг. Первое, что бросается в глаза, это то, как умело мастер интерпретирует обязательные части любого портрета Новой Испании: картуш с надписью, где указывалось имя портретируемого и все его титулы, и герб; вписывая их в обстановку помещения, в котором изображен вице-король. Сама фигура герцога де Линареса, одетого уже по французской моде¹⁰, пришедшей в Испанию вместе с династией Бурбонов, выступает на передний план и приковывает к себе все внимание. Колонна, закрытая занавесом, часы, стоящие на массивном столе, чьи изогнутые линии ножек повторяют плавные изгибы картуша на постаменте колонны, все эти детали напоминают нам работы Клаудио Коэльо. В то время как в самой Испании мы наблюдаем кризис национальной портретной школы, в далекой колонии

¹⁰ Beatriz Berndt León Mariscal, “Todo emana de su persona, a imagen del soberano: reflexiones a partir de un retrato del virrey duque de Linares” // *Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas*. México, 2011. No. 99, 182.

продолжают развиваться ее идеи, приобретая свое звучание. Примером портретного творчества Николаса Родригеса Хуареса является «Портрет мальчика Хоакина Мануэля Фернандес де Санта-Крус» 1695 г. Так же как и работы его брата, относящиеся еще к концу XVII в., композиционно произведение отсылает нас к более ранним образцам испанской портретной традиции, но складки зеленого занавеса и общее настроение говорит о том, что художник знал барочные образцы европейских портретов.

К этому же переходному этапу становления собственной национальной школы также относится творчество художника Франсиско Мартинеса, которому приписывают авторство многих портретных изображений, но только единицы из них подписаны. Так, к 1723 г. относятся подписанные портреты кардинала Луиса Портокарреро, архиепископа Толедо и портрет герцога де Линареса¹¹. Оба изображения были посмертными и, в случае с герцогом де Линаресом, мастер использовал модель, созданную Хуаресом. Несмотря на то, что оба произведения были готовы в одно время, художник осознанно делает их стилистически различными, что говорит нам об уровне мастерства живописца. Также особый интерес представляют парные портреты Филиппа II и Филиппа V кисти Мартинеса¹², имеющие зеркальную композицию, и которые явно отвечали задаче пропаганды Филиппа V в качестве законного наследника испанского престола, как мы видим в том числе и на территориях испанских колоний.

Одним из крупнейших художников мексиканского барокко первой половины XVIII столетия в Новой Испании был Хосе де Ибарра, из мастерской которого выйдет целая плеяда мастеров, прославивших живопись вице-королевства. Как уже упоминалось выше, местные художники большое внимания придавали деталям, которые поддерживали ту высокую степень правдивости портретного образа. Так в портрете дипломата Педро де Себриана и Августина привлекает внимание жилет из ткани с узором из экзотических цветов. С одной стороны, такая яркая деталь делала образ более насыщенным и декоративным, с другой — вице-королевство активно торговало с Азией, и такие ткани действительно ввозились в Новую Испанию. Портретное изображение Педро Мало де Вильявисенсио, так же как и портрет герцога Линареса работы Хуареса, говорит нам об усвоении испанских барочных образцов. Но в то же время эта узорчатость тканей и внимательно прописанные черты лица и жесты рук портретируемого создают образ, далекий от испанского барочного аффекта второй половины XVII в., вбирая в

¹¹ Luisa Elena Alcalá, “La obra del pintor novohispano Francisco Martínez” // *Anales del Museo de América*. Madrid, 1999. No. 7, 177.

¹² Inmaculada Rodríguez Moya. “Los Retratos de los Monarcas Españoles en la Nueva España. Siglos XVI–XIX” // *Anales del Museo de América*. Madrid, 2001. No. 9, 293.

себя, возможно, и рокайльные тенденции, пришедшие в Испанию в первой половине XVIII в.

Переходя к творчеству Мигеля Кабреры, необходимо сразу отметить, что если портретные произведения его учителя Ибарра были еще этапом становления, то портретное наследие самого ученика — это этап окончательного формирования собственной национальной школы портретирования Новой Испании. Покровителем художника был архиепископ Мехико Мануэль Хосэ Рубио и Салинас, чьи портреты Кабрера иногда подписывал как «Pintor de Cámara»¹³, что говорит о невероятно высоком статусе, которого добился мастер. Портретное изображение 1754 г., написанное при жизни архиепископа, показывает нам, что живописец не только освоил технику своего учителя, но и был знаком с европейскими портретными образцами XVIII в. При этом мы уже не можем сказать, что художник заимствует ту или иную художественную схему, перед нами самостоятельное произведение, автор которого, переработав как непосредственное наследие своего учителя и местных художников, так и живописные образцы, прибывшие в вице-королевство по морю, создает свою собственную художественную манеру. В отличие от барочных испанских портретов работы Кабреры не теряют своей глубокой индивидуальной трактовки портретного образа, отличающей все портретное наследие Новой Испании, и за счет нейтральных фонов не имеют такого градуса торжественного пафоса, характерного для придворного портрета времени первого представителя династии Бурбонов на испанском престоле.

Таким образом, мы видим, как портретный жанр, изначально воспринимающийся как повторение и копирование испанских образцов, развивается в самостоятельную художественную школу, которая, возможно, за счет своей удаленности от европейских художественных центров медленнее воспринимала новые тенденции, но являлась носителем своей собственной традиции, характеризующейся глубокой индивидуальностью и определенной непосредственностью портретных образов, не знающей барочной идеализации и лести. В том числе в мексиканской художественной школе XVIII в. сохранялись и черты испанской, в отличие от самой Метрополии, где придворный портрет в конце XVII в. растворяется в интернациональной школе портретирования, а в начале XVIII в. окончательно вытесняется французскими образцами.

Библиография

Luisa Elena Alcalá. “La obra del pintor novohispano Francisco Martínez” // *Anales del Museo de América*. Madrid, 1999. No. 7, 175–187.

¹³ Luisa Elena Alcalá. “Miguel Cabrera y la congregación de la Purísima” / *Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas*. México, 2011. No. 99, 131.

- Luisa Elena Alcalá. “Miguel Cabrera y la congregación de la Purísima” // *Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas*. México, 2011. No. 99, 111–136.
- Luisa Elena Alcalá, Jonathan Brown. *Pintura en Hispanoamérica, 1550–1820*. Madrid: Ediciones El Viso, 2014.
- María del Pilar Andueza Unanua. “La joyería masculina a través de la galería de retratos de virreyes del Museo Nacional de Historia (México)” / *Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas*. México, 2012. No. 100, 41–83.
- Fátima Halcón. “El artista en la sociedad novohispana del Barroco” / *ACTAS III CONGRESO INTERNACIONAL DEL BARROCO AMERICANO: Territorio, Arte, Espacio y Sociedad: Universidad Pablo de Olavide, Sevilla, 8 al 12 de octubre de 2001*. Sevilla, 2001, 91–106.
- Beatriz Berndt León Mariscal. “Todo emana de su persona, a imagen del soberano: reflexiones a partir de un retrato del virrey duque de Linares” / *Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas*. México, 2011. No. 99, 181–235.
- Inmaculada Rodríguez Moya. *La mirada del virrey: iconografía del poder en la Nueva España*. España: Universitat Jaume, 2003.
- Inmaculada Rodríguez Moya. “Los Retratos de los Monarcas Españoles en la Nueva España. Siglos XVI— XIX” / *Anales del Museo de América*. Madrid, 2001. No. 9, 287–301.
- Alfonso E. Pérez Sánchez. *Pintura barroca en España (1600–1750)*. Madrid: Cátedra, 2009.
- Xavier Moysén L. “Sebastián de Arteaga (1610–1652)” / *Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas*. México, 1988. No. 59, 17–34.

Основные тенденции развития музейного дела в Бразилии в XXI в.

The Main Trends in the Development of museum business in Brazil in the XXI century

Abstract: Museum work of Brazil is actively developing in the XXI century. The modernization of traditional museums and the creation of new museums are the most important directions of the state cultural policy in the country. Today, Brazil participates actively in the international cooperation, in order to share experience with foreign museum specialists. However, despite the high rates of economic and cultural development, such problems as the accessibility of the cultural heritage for the poorest social strata of the Brazil population, the lack of objectivity in the representation of the national history in museums, the disproportionate distribution of the museum network across the country's territory are still relevant for the museums of Brazil.

The main trends in the development of the museum work in Brazil, such as modernization of traditional museums, creation of new museums, international cooperation in the museum sphere are little studied in the museological literature. Aspects of practical implementation of these activities are discussed in this article.

Keywords: museum work in Brazil; ICOM Brazil; Brazilian National Register of Museums; The Brazilian Institute of Museums.

Resumen: La actividad de los museos en Brasil se desarrolla activamente en el siglo XXI. La modernización de los museos tradicionales y la creación de nuevos museos son las direcciones más importantes de la política cultural estatal en el país. Hoy, Brasil participa activamente en la cooperación internacional, para compartir experiencias con especialistas de museos extranjeros. Sin embargo, a pesar de las altas tasas de desarrollo económico y cultural, problemas tales como la accesibilidad del patrimonio cultural para los estratos sociales más pobres de la población de Brasil, la falta de objetividad en la representación de la historia nacional en los museos, la distribución desproporcionada de la red de museos en todo el territorio del país sigue siendo relevante para los museos de Brasil.

Las principales tendencias en el desarrollo del trabajo del museo en Brasil, como la modernización de museos, la creación de nuevos museos y la cooperación internacional en el museo. Los aspectos de la implementación práctica de estas actividades se discuten en este artículo.

Palabras clave: trabajo en museos en Brasil; ICOM Brasil; Registro Nacional de Museos de Brasil; Instituto Brasileño de Museos.

¹ Амосова Алиса Анатольевна, Россия, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории СПбГУ (a.amosova@spbu.ru).

В рамках Генеральной конференции Международного совета музеев (ИКОМ), прошедшей в Рио-де-Жанейро в 2013 г., бывший министр культуры (2003–2008) Жилберту Жил констатировал, что Бразилия пробуждается, а мы становимся свидетелями бурного роста количества музеев в стране, восхищаемся рождением новых музеев на окраинах городов, в деревнях аборигенов, в небольших городах по всей стране, в природных и исторических местах и в то же время мы полностью поддерживаем развитие традиционных музеев². Эти слова емко характеризуют важнейшие направления развития музейного дела на территории современной Бразилии. Вопросам практической реализации этих мероприятий посвящен настоящий доклад.

Характеристика музейной сети. Общие сведения

Согласно данным Национального реестра музеев, в Бразилии насчитывается более 3300 музеев (при более чем 200 млн человек населения)³. Большинство их сосредоточено в юго-восточном регионе, что отражает неравномерное распределение богатства между севером и югом страны. Для Бразилии характерен высокий уровень имущественного расслоения населения. Наиболее значительными музейными центрами страны являются города Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Бэлу-Оризóнти (порт. Belo Horizonte). В других регионах преобладают небольшие музеи⁴.

Более 80 % бразильских музеев являются государственными учреждениями, которые управляются Министерством культуры и иными министерствами или ведомствами и, как правило, субсидируются правительством⁵. В то же время в XXI в. возросла доля частного музейного финансирования, реализуемая в форме грантов, выделяемых на конкурсной основе не только государственными фондами, но и частными⁶.

В 2009 г. бразильские музеи посетили 80 млн чел. Сегодня этот показатель возрос еще больше, важно при этом, что подавляющее большинство посетителей бразильских музеев являются людьми с высшим образова-

² 23rd General Conference International Council of Museums [Электронный ресурс]. URL: http://icom.museum/fileadmin/user_upload/pdf/ICOM_2013/Doc_promo_CG_2013_ENG.pdf. (дата обращения: 27.09.2017)

³ Sepúlveda dos Santos M., “New Initiatives Emerging in the Brazilian Museum Field” // *Museum international*. 2014. No. 253–256, 34.

⁴ Lasmar T., “Brazilian Museums and Tourism: A Brief Overview” // *Museum international*. 2014. No. 253–256, 22.

⁵ Sepúlveda dos Santos M., “Representations of black people in Brazilian museums” // *Museum and society*. Mar, 2005. No. 3 (1), 53.

⁶ Araujo Santos A. O., “Museums in the process of social change: the role of IBRAM” // *Museum international*. 2014. No. 253–256, 15.

ем. В формировании статистических показателей активно участвуют и туристы. Несмотря на растущие показатели, бразильские музеи по-прежнему посещает очень небольшая часть местного населения, принадлежащая к более образованным и богатым слоям общества.

Проблемы модернизации традиционных музеев

Музейное дело в Бразилии возникло под влиянием португальских колонизаторов. Первые музеи создавались в соответствии с позитивистскими научными тенденциями того времени и в интересах местной элиты и во многом способствовали утверждению в экспозициях первых музеев идей, связанных с социальным неравенством в обществе⁷. К сожалению, данная парадигма оказалась очень стойкой.

Даже с началом республиканского периода истории Бразилии в 1889 г. и возникновением новых музеев ситуация практически не изменилась. Так, Музей Паулиста (совр. название — Museu Paulista Universidade de Sao Paulo) был создан в 1895 г. как символ борьбы за независимость Бразилии. В нем первоначально присутствовал и естественно-научный компонент. В период подготовки к празднованию 100-летней годовщины Независимости в 1922 г. в экспозициях музея была усилена его историческая направленность, сформировались новые коллекции с акцентом на историю Сан-Паулу.

Сегодня в экспозиции Музея Паулиста широко представлены предметы изобразительного, декоративно-прикладного искусства (имеется большая коллекция мебели), исторические документы и вещи, связанные с имперской эпохой. Вопросы социального неравенства в экспозиции, как и прежде, не находят должного освещения.

Экспозиции Национального музея изобразительных искусств (порт. Museu Nacional de Belas Artes) в Рио-де-Жанейро не акцентируют внимание на принадлежности автора в той или иной расе⁸. Национальный музей, учрежденный еще в 1818 г. королем Португалии и первоначально носивший название Королевского музея, в современных экспозиционных решениях, даже в этнологическом разделе, посвященном культуре коренных народов, практически не касается «острых вопросов» межрасового взаимодействия⁹.

⁷ Funari Pedro Paulo A., “Cultural Heritage and Museums in Brazil: An Archaeological Appraisal” // *Museum international*. 2014, No. 253–256, 26.

⁸ “Bem — vindos” // Museu Nacional de Belas Artes [Электронный ресурс]. URL: <http://mnba.gov.br/portal/> (дата обращения: 27.09.2017).

⁹ Brasil Indigena // Museu Nacional [Электронный ресурс]. URL: http://www.museunacional.ufrj.br/dir/exposicoes/etnologia/brasil_ind.html (дата обращения: 27.09.2017).

Нередко историю афробразильцев в музеях трактуют в связке с историей спорта и популярной культуры. Исторические музеи игнорируют африканское происхождение значительной части населения Бразилии и подчеркивают их пассивность во время рабства. Герои нации избираются из числа белых интеллектуалов и политиков¹⁰.

Таким образом, сегодня мы наблюдаем своеобразный экспозиционный кризис в музеях исторического профиля. Несмотря на то, что во внутренней политике современной Бразилии уделяется значительное внимание борьбе с дискриминацией коренных народов¹¹, презентация национальной истории в музеях страны дается, как правило, в официальной трактовке, в которой события, связанные с геноцидом коренных народов и рабством, трактуются как явления далекого прошлого, не имеющие связи с настоящим, либо вовсе замалчиваются.

В мае 2003 г. были разработаны мероприятия, направленные на создание и модернизацию национальных музеев, в целях содействия признанию, сохранению и репрезентации культурного наследия¹². Документ включал в себя меры по преобразованию музейной сети: менеджмент, свободный доступ населения к национальному культурному достоянию, разработка образовательных программ, компьютеризация и т. д.¹³

В целях модернизации музейной сети страны в Бразилии была создана база данных — Национальный реестр музеев (порт. *Cadastro Nacional de Museus*, CNM)¹⁴. Его данные были использованы для совершенствования государственной политики, ориентированной на музейный сектор, и являются важнейшим источником распространения информации о бразильских музеологических учреждениях как на национальном, так и международном уровнях.

С помощью сведений, аккумулированных в Национальном реестре музеев, было инициировано издание «Путеводителей по бразильским музеям» («Музеи Северного региона», «Музеи Северо-Восточного региона», «Музеи Центрально-Западного региона», «Музеи Юго-Восточного регио-

¹⁰ Sepúlveda dos Santos M., “Representations of black people in Brazilian museums” // *Museum and society*. Mar, 2005. No. 3 (1), 61.

¹¹ Sepulveda dos Santos M., “New Initiatives Emerging in the Brazilian Museum Field” // *Museum international*. 2014. No. 253–256, 34.

¹² Francisco J., *Brazilian museology and the sustainable museum management* // Academia [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/4956743/BRAZILIAN_MUSEOLOGY_AND_THE_SUSTENABLE_MUSEUM_MANAGEMENT (дата обращения: 05.06.2016).

¹³ Ibid.

¹⁴ *Cadastro Nacional de Museus* // IBRAM: portal do instituto brasileiro de museus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museus.gov.br/sistemas/cadastro-nacional-de-museus/> (дата обращения: 16.05.2016).

на», «Музеи Южного региона», «Исчезнувшие, объединенные и переименованные музеи, музеи in-situ и виртуальные музеи»¹⁵).

В целях разработки и внедрения программы мероприятий по модернизации музейных учреждений Бразилии в 2009 г. правительство учредило Бразильский институт музеев (IBRAM)¹⁶, подчиненный напрямую Министерству культуры. Институт был создан для реализации национальной музейной политики в области совершенствования музейной сети Бразилии, которая подразумевает повышение качества услуг в отрасли (рост посещаемости музеев, обеспечение доступности музеев и т. д.)¹⁷. Тридцать бразильских музеев различных профилей были отобраны для создания на их основе моделей для музейных учреждений соответствующей специализации¹⁸. В настоящее время в число модернизированных музеев входит Национальный исторический музей (порт. Museu Histórico Nacional, 1922 г.), находящийся под юрисдикцией IBRAM.

После проведенной реновации музей получил возможность принимать крупные международные выставки, а также предлагать качественный сервис для туристов, став достойным и приятным местом для посетителей¹⁹. На сегодняшний день в музее реализуется цикл лекций, посвященных истории и культуре населения африканского происхождения на территории Бразилии²⁰.

Создание новых музеев

Движение по обновлению бразильских музеев с целью привлечения национальных и международных туристов является одним из магистральных направлений музейной политики страны в последние два десятилетия.

¹⁵ Guia dos Museus Brasileiros // Ibram. Portal do Instituto brasileiro de museus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museus.gov.br/guia-dos-museus-brasileiros/> (дата обращения: 28.09.2017).

¹⁶ О Ibram // Ibram [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museus.gov.br/acessoainformacao/o-ibram/> (дата обращения: 28.09.2017).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Araujo Santos A. O. “Museums in the process of social change: the role of IBRAM” / *Museum international*. 2014. No. 253–256, 14.

¹⁹ A História // *Museu Histórico Nacional* [Электронный ресурс]. URL: <http://mhn.museus.gov.br/index.php/o-museu/> (дата обращения: 01.09.2017).

²⁰ Bonde da História — A presença negra no MHN // *Museu Histórico Nacional* [Электронный ресурс]. URL: <http://mhn.museus.gov.br/index.php/bonde-da-historia-a-presenca-negra-no-mhn/> (дата обращения: 29.09.2017).

тия. Особенно это характерно для крупных городских центров, таких как Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Белу-Оризонти²¹.

Рио-де-Жанейро является колыбелью бразильских музеев²². В нем сегодня имеется более 110 музеев, охватывающих разнообразие и богатство бразильского культурного наследия. Рио-де-Жанейро в XXI в. превратился в город, в котором была реализована одна из крупнейших инноваций в музеологическом плане — в 2006 г. здесь был создан Музей фавелы Маре (порт. Museu da Mare), основанный при поддержке федеральной программы «Места культуры» (порт. Pontos de Cultura), разработанной Министерством культуры Бразилии тремя годами раньше с целью развития культурных контактов с общинами с низким уровнем доходов²³.

Музей построен в одной из самых больших и опасных фавел в городе. Его экспозиция знакомит с историей и современностью городских трущоб Бразилии и построена на контрасте с экспозиционными решениями традиционных музеев. Структурно она состоит из 12 тематических разделов (по количеству месяцев в году), отсылающих посетителя к идее цикличности времени и предлагающих оригинальный метод его исчисления (Время Дома, Время Сопrotивления, Время Работы, Время Праздника, Время Веры, Время Ребенка, Время Страха)²⁴.

Музей проводит в своих стенах лекции, семинары и практикумы. Осуществляется пополнение коллекций за счет предметов, переданных местными жителями в дар. С момента своего создания музей привлек к себе внимание инновационной работой, оказал глубокое воздействие на окрестности, привлек значительное число посетителей.

В штате Рио-де-Жанейро в марте 2013 г. открылся Музей искусств Рио (порт. Museu de Arte do Rio), а в декабре 2015 г. — Музей будущего (порт. Museu do Amanha). Здание Музея искусств объединяет три здания с различными архитектурными характеристиками и представляет собой культурный центр, объединяющий Музей искусства, образовательный медиа-

²¹ Lasmar T., “Brazilian Museums and Tourism: A Brief Overview” // *Museum international*. 2014. No. 253–256, 22.

²² Sepulveda dos Santos M. “New Initiatives Emerging in the Brazilian Museum Field” // *Museum international*. 2014. No. 253–256, 34.

²³ Ibid. P. 39. Всего было разработано две федеральные программы: «Места культуры» (порт. Pontos de Cultura), 2003 г., и «Места памяти» (порт. Pontos de Memoria), 2009 г.

²⁴ Os 12 tempos da Mare // *Museu da mare* [Электронный ресурс]. URL: http://www.museudamare.org.br/index.php?option=com_content&view=article&id=54&Itemid=55 (дата обращения: 01.09.2017).

центр, развлекательные помещения (ресторан, магазины, бистро)²⁵. Одной из целей музея считается интеграция искусства и образования²⁶.

Музей будущего — это музей прикладной науки, естественно-научный музей. В нем демонстрируются несколько возможных сценариев развития человечества на ближайшие пять десятилетий²⁷. Экспозиция приглашает в путешествие через пять основных тематических разделов: «Космос», «Земля», «Антропоцен»²⁸, «Завтрашний день» и «Сегодняшний день», где посетитель должен будет пройти через серию экспериментов и опытов.

В городе Сан-Паулу были созданы два ультрасовременных музея: Музей португальского языка (порт. Museu da Língua Portuguesa), учрежденный в 2006 г., и Музей футбола (порт. Museu do Futebol), открывшийся в 2008-м. В обоих активно применяются интерактивные технологии, большое внимание уделяется образовательной деятельности.

Большим прорывом на пути к освещению проблем расовой дискриминации стало создание музея Афро-Бразилии (Museu Afro Brasil) в городе Сан-Паулу. Музей Афро-Бразилии (не путать с Афро-Бразильским музеем в г. Салвадор) — это исторический, художественный и одновременно этнологический музей, знакомящий своих посетителей с культурным пластом части населения страны, корни которого уходят на Африканский континент. Администрация этого музея истории ставит перед собой цели по исследованию и сохранению исторических экспонатов, раскрывающих культуру народов, населяющих Бразилию²⁹. Торжественное открытие музея состоялось в 2004 г.

В городе Белу-Оризонти, столице штата Минас-Жерайс, Музей искусств и ремесел (порт. Museu de Artes e Ofícios), открытый в здании старого вокзала, превратился в успешную достопримечательность и способствовал снижению криминогенной ситуации, а также привел к обновлению в целом неблагополучной территории³⁰.

Несмотря на бурное музейное строительство в Юго-Восточном регионе Бразилии, в целом стоит констатировать, что в других регионах стра-

²⁵ Services // *Museu de Arte do Rio* [Электронный ресурс]. URL: <http://museudeartedorio.org.br/en/visit/services> (дата обращения: 29.09.2017).

²⁶ Education // *Museu de Arte do Rio* [Электронный ресурс]. URL: <http://museudeartedorio.org.br/en/education> (дата обращения: 29.09.2017).

²⁷ Inovanças: Criações à Brasileira // *Museu do Amanha* [Электронный ресурс]. URL: <https://museudoamanha.org.br/inovancas/> (дата обращения: 01.09.2017).

²⁸ Антропоцен, обозначающий геологическую эпоху, связанную с человеческой активностью.

²⁹ O museu // *Museu Afro Brazil* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museuafrobrasil.org.br/o-museu> (дата обращения: 27.09.2017).

³⁰ Lasmar T., “Brazilian Museums and Tourism: A Brief Overview” // *Museum international*. 2014. No. 253–256, 22.

ны расширение музейной сети за счет создания ультрасовременных музеев является редкостью. Наиболее востребованными профильными группами музеев можно назвать исторические музеи и художественные музеи (в частности, музеи современного искусства). Создание современных музеев направлено на оживление деградировавших районов, формирование новых культурных центров.

Международное сотрудничество

В начале XXI в. Бразилия заявила о своих претензиях на лидирующие позиции в регионе и на новую роль в мировой политике, что проявилось в создании международных объединений, таких как UNASUR (или Союз южноамериканских наций) и БРИКС (в составе Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики). В совместных документах организаций были провозглашены общие культурные задачи³¹, в частности необходимость развития сотрудничества и обменов в музейном деле, сохранении культурного наследия³².

С 1948 г. Бразилия является активным участником международного межмузейного сотрудничества под патронажем Международного совета музеев (ИКОМ). О возросшем статусе страны свидетельствуют факты организации на территории Бразилии большого количества значимых мероприятий ИКОМ. 10–17 августа 2013 г. Рио-де-Жанейро принимал XXIII Генеральную конференцию ИКОМ. Заглавие конференции воплотило в себе последние актуальные научные тенденции: «Музеи (память + творчество) = социальные изменения»³³. На XXVIII Генеральной ассамблее ИКОМ в Рио-де-Жанейро, в числе прочих были приняты резолюции: № 2 «О принципах музейной документации», № 5 «Об охране культурного наследия во время и после вооруженного конфликта, революции или гражданских бес-

³¹ *Declaración del Cusco sobre la Comunidad Sudamericana de Naciones III Cumbre Presidencial Sudamericana* [Электронный ресурс] // URL: http://www.comunidadandina.org/documentos/dec_int/cusco_sudamerica.htm (дата обращения: 30.05.2016).

³² Страны БРИКС укрепляют сотрудничество в сфере культуры и туризма // *Министерство культуры Российской Федерации* [Электронный ресурс]. URL: http://mkrf.ru/press-center/news/ministerstvo/strany-briks-ukreplyayut-sotrudnichestvo-v-sfere-kultury-i-turizma?sphrase_id=5165311 (дата обращения: 30.05.2016).

³³ Past General Conferences // *International Council of museums (ICOM)* [Электронный ресурс]. URL: <http://icom.museum/activities/general-conference/past-general-conferences/L/0/> (дата обращения: 31.05.2016).

порядков», № 6 «Об обеспечении развития музеев в условиях мирового финансового кризиса» и др.³⁴

12–14 августа 2013 г. в Рио-де-Жанейро состоялся XXXV Симпозиум Международного комитета по музеологии (ИКОФОМ) под названием «Специальный посетитель: каждый из нас». В рамках обозначенной тематики участникам было предложено представить свои взгляды на концепцию уникального посетителя музея в противовес сложившейся системе разделения посетителей в соответствии с групповым признаком, такими как возраст или образование³⁵. Докладчики из Бразилии в своих выступлениях затронули вопросы о методах эффективного диалога музея и посетителя³⁶, аспекты работы с посетителем в экомузеях³⁷, музеях современного искусства³⁸ и др.

В 2013 г. на XV Международной конференции Международного движения за новое музееведение (MINOM) в Рио-де-Жанейро была утверждена очередная Декларация³⁹, посвященная актуальным вопросам новой музеологии. Новая музеология как теоретическое направление предполагает широкую интеграцию музея в социальную среду, выдвижение на передний план актуальных политических проблем, «вместо бесстрастных раздумий над давно ушедшим прошлым»⁴⁰.

17–19 октября 2016 г. в городе Ору-Прету штата Минас-Жерайс состоялось очередное, XXIV, совещание ИКОФОМ ЛАМ⁴¹ по тематике: «Музей-

³⁴ Rio de Janeiro 2013 // *International Council of museums (ICOM)* [Электронный ресурс]. URL: <http://icom.museum/the-governance/general-assembly/resolutions-adopted-by-icom-general-assemblies-1946-to-date/rio-de-janeiro-2013/L/0/> (дата обращения: 31.05.2016).

³⁵ Davis A., “The Special Visitor: Each and Every One of Us” / *ICOFOM Study Series*, ISS. 42. P. 13.

³⁶ Menezes de Carvalho L., Scheiner T., “Museums of each one, museums of everyone: reflecting about ideas and possible practices for an effective dialogue” / *ICOFOM Study Series*, ISS. 42, 71–82.

³⁷ Brulon Soares B. “The Ecomuseum and its public: the visitor’s experience, between objectivity and subjectivity” / *ICOFOM Study Series*, ISS. 42, 39–49.

³⁸ Duarte Cândido M. M., Aidar G., Conrado Martin L. “The museum experience: discussion on the relationship between contemporary museums and their visitors” / *ICOFOM Study Series*, ISS. 42, 50–58.

³⁹ Reference documents: Declaration MINOM Rio 2013 // International movement for a new Museology [Электронный ресурс]. URL: http://www.minom-icom.net/files/rio_declaration-en_0.pdf (дата обращения: 05.06.2016).

⁴⁰ Харрис Дж. «„Наша печаль, наше хрупкое мужество“: музеефикация и новая музеология» // *Вопросы музеологии*. 2011. № 1 (3), 31.

⁴¹ В конце 1980-х гг. при участии бразильского музеолога Терезы Шайнер был разработан проект латиноамериканского отделения Международного комитета по музеологии (ИКОФОМ) — будущего ИКОФОМ ЛАМ.

ность и культурное наследие в научной мысли стран Латинской Америки и Карибского бассейна»⁴².

Современная Бразилия характеризуется активно развивающейся музейной политикой. Модернизация традиционных музеев и музейное строительство остаются важнейшими направлениями государственной культурной политики в стране. Сегодня Бразилия является участником международного сотрудничества, направленного на обмен опытом с зарубежными музейными специалистами. Однако, несмотря на высокие темпы экономического и культурного развития, для музеев Бразилии продолжают сохранять актуальность такие проблемы, как доступность культурного достояния для беднейших социальных слоев населения, объективность в репрезентации национальной истории в музеях, непропорциональное пространство музейной сети по территории страны.

Библиография

Sepulveda dos Santos M. “New Initiatives Emerging in the Brazilian Museum Field” // *Museum international*. 2014. No. 253–256, 34.

Lasmar T. “Brazilian Museums and Tourism: A Brief Overview” // *Museum international*. 2014. No. 253–256, 22.

Sepúlveda dos Santos M. “Representations of black people in Brazilian museums” // *Museum and society*. Mar, 2005. Vol. 3 (1)

Araujo Santos A. O. “Museums in the process of social change: the role of IBRAM” / *Museum international*. 2014. No. 253–256.

Funari Pedro Paulo A. “Cultural Heritage and Museums in Brazil: An Archaeological Appraisal” // *Museum international*. 2014. No. 253–256.

Sepúlveda dos Santos M. “Representations of black people in Brazilian museums” / *Museum and society*. Mar, 2005. Vol. 3 (1). .

A História // Museu Histórico Nacional [Электронный ресурс]. URL: <http://mhn.museus.gov.br/index.php/o-museu/> (дата обращения: 01.09.2017).

Bonde da História — A presença negra no MHN // Museu Histórico Nacional [Электронный ресурс]. URL: <http://mhn.museus.gov.br/index.php/bonde-da-historia-a-presenca-negra-no-mhn/> (дата обращения: 29.09.2017).

O museu // Museu Afro Brazil [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museuafrobrasil.org.br/o-museu> (дата обращения: 27.09.2017).

Davis A. “The Special Visitor: Each and Every One of Us” / *ICOFOM Study Series*, ISS. 42.

Menezes de Carvalho L., Scheiner T. “Museums of each one, museums of everyone: reflecting about ideas and possible practices for an effective dialogue” / *ICOFOM Study Series*, ISS. 42, 71–82.

⁴² Previous Conferences // *ICOM International committee for museology* [Электронный ресурс]. URL: <http://network.icom.museum/icofom/who-we-are/subcommittees/conferences/previous-conferences/> (дата обращения: 29.09.2017).

Brulon Soares B. “The Ecomuseum and its public: the visitor’s experience, between objectivity and subjectivity” / *ICOFOM Study Series*, ISS. 42, 39–49.

Duarte Cândido M. M., Aidar G., Conrado Martin L. “The museum experience: discussion on the relationship between contemporary museums and their visitors” / *ICOFOM Study Series*, ISS. 42, 50–58.

Харрис Дж. «„Наша печаль, наше хрупкое мужество“: музеефикация и Новая музеология» / *Вопросы музеологии*. 2011. № 1 (3).

Previous Conferences // ICOM International committee for museology [Электронный ресурс]. URL: <http://network.icom.museum/icofom/who-we-are/subcommittees/conferences/previous-conferences/> (дата обращения: 29.09.2017).

Овеществленное чувство: спектр эмоций в антропоморфных терракотовых статуэтках майя I тыс. н. э.

Reflected Feelings: a Spectrum of Emotions in the Mayan anthropomorphic terracotta statuettes of the I millennium AD

Резюме: Статья посвящена изучению различных эмоций, представленных на антропоморфных терракотовых статуэтках майя I тыс. н.э. Высокий уровень мастерства, с которым были проработаны фигурки, позволяет выделить, определить и описать конкретную выраженную эмоцию, с учетом практически всех проявлений ее мимических особенностей. Радость и гнев, удивление и отвращение, страх и грусть читается на лицах персонажей. На фигурках представлены положительные, отрицательные и нейтральные эмоции. Комплексное изучение сюжетов позволяет в ряде случаев интерпретировать триггеры эмоций. Интересной дополнительной деталью при характеристике эмоций на фигурках, служат изображение на них разнообразных личин, которые также являются индивидуальными выразителями очень ярких психоэмоциональных состояний. Изучение образов майяской терракоты, с присущей им статикой эмоционального выражения, позволяет существенно расширить эвристические возможности реконструкции чувственного мира общества майя.

Ключевые слова: Майя; терракотовые статуэтки; эмоции.

Abstract: The article is devoted to studying the various emotions represented in the anthropomorphic terracotta figurines of the Maya the I Millennium BC. High level of skill with which figures were made out allows to allocate, define and describe the concrete expressed emotion, taking into account almost all manifestations of her mimic features. Joy and anger, surprise and disgust, fear and grief are reading on the faces of figures. On figures are presented positive, negative and neutral emotions. Complex studying of plots allows to interpret triggers of emotions in some cases. An interesting additional detail in describing the emotions in the figures, the image on them a variety of masks, which are also individual expression is very lively emotional states. The study of the images of Mayan terracotta, with their clearly manifested by static emotional expression, can significantly extend the heuristic possibilities of reconstruction of the sensory world of mayan society.

Keywords: Maya; terracotta figurines; emotions.

¹ Демичева Ирина Юрьевна, Россия, кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Нижегородского института (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета (iudem@mail.ru).

Изучение эмоциональных состояний человека и их визуализации применительно к конкретным историческим сообществам является предметом молодой науки эмоциологии, которое начало наиболее активно развиваться с начала 2000-х гг.

Работы исследователей основываются преимущественно на анализе письменных источников, описывающих или упоминаящих — прямо или косвенно — чувственные и эмоциональные переживания людей различных эпох. Тем более ценны характеристики источников изобразительного характера, которые, с той или иной степенью детальности, фиксируют широкий спектр человеческих эмоций, носят (в отличие от чувств) кратковременный характер и обычно являются ответом на конкретный внешний раздражитель или манипуляцию.

Такая передача эмоций представлена и на антропоморфных терракотовых статуэтках майя I тыс. н. э., что позволяет увидеть в них не только уникальное произведение искусства, но и воплощение образа живых людей. Высокий уровень мастерства, с которым были проработаны фигурки, дает возможность определить и описать конкретную выраженную эмоцию, с учетом практически всех проявлений ее мимических особенностей. Радостью и гневом, удивлением и отвращением, страхом и грустью наделены «терракотовые персонажи». Кроме того, на фигурках читаются не только разные формы положительных и отрицательных эмоций, но и нейтральные. Насыщенность и динамика некоторых сюжетов иногда позволяет интерпретировать и ряд функций эмоций, в частности сигнальную, защитную и побудительную. Интересной дополнительной деталью при изучении эмоций на фигурках служат изображения на них разнообразных личин, которые также являются индивидуальными выразителями очень ярких эмоций.

Изучение образов майянской терракоты, с их ярко проявленной статикой эмоционального выражения, позволяет существенно расширить эвристические возможности реконструкции чувственного мира общества майя. При этом необходимо учитывать некоторые особенности фигурок, связанные с общей спецификой этой группы источников. Результативно можно изучать изображения лишь хорошей сохранности, фигурки с четко проработанными лицами с явными признаками представленных эмоций.

В связи с этим мимическому анализу подвергались лица антропоморфных терракотовых статуэток без учета возрастных изменений лица (возрастные морщины при характеристике эмоций не учитывались); утрированные выражения лиц, так называемые fat face (жирные лица); антропоморфные личины, изображенные на предметах одежды, украшениях,

предметах вооружения, и зооморфные «лица» с явными признаками присутствия человеческих мимических выражений.

За основу в характеристике разных эмоциональных выражений была принята система кодирования движений лица (FACS), разработанная ведущими американскими специалистами в области психологии эмоций Полом Экманом и Уоллесом Фризенем²¹. Для более эффективной визуализации полученных результатов была создана единая база выражений лиц, представленных на фигурках, с наложением на общепсихологические признаки мимических выражений. Характеристика предусматривала анализ по ряду признаков:

Во-первых, общая характеристика источника, включающая в себя: 1) изображения лица персонажа (в случае парных фигурок лица рассматривались индивидуально); 2) отметку и ссылку или номер источника; 3) вид изображения лица (анатомически верное, утрированное, личина, антропо-зооморфное) с пояснительными примечаниями по степени сохранности изображения.

Во-вторых, детальное описание мимики лиц по секторам лица. Верхняя часть лица представлена одним признаком — это лоб, в рамках которого рассматриваются его величина (высокий/низкий) и форма мимических морщин. Средняя часть лица включает брови, глаза нос и щеки. Брови имеют три признака: положение, форма бровей, наличие и направление морщин между бровями. Глаза характеризуются по двум признакам: собственно глаза (степень открытия и направление взгляда, если таковое представлено) и веки (верхнее и нижнее, отдельно с описанием их положения и формы). Нос имеет два признака: переносица и ноздри, в каждом из которых отмечено наличие или отсутствие мимических морщин. Щеки описаны по одному признаку — их положению. Нижняя часть лица включает рот, подбородок, челюсть. Анализ рта содержит общие данные (форма и положение), губы имеют шесть признаков (положение, полнота, положение верхней губы, положение нижней губы, положение уголков губ (комиссуры)). Подбородок описан по общему внешнему виду и его положению, челюсть — по положению.

В-третьих, представлен блок с предполагаемой эмоцией или комбинацией эмоций, выявленными на конкретном изображении с учетом наложения на общие мимические признаки посредством введения фильтров в программе Microsoft Excel 2010.

Кроме того, следовало учитывать специфику стилистических особенностей изображения персонажа и способы прорисовки деталей в фигурках. Кажущаяся очевидной эмоция при детальном рассмотрении могла ока-

²¹ Экман П., *Психология эмоций*. СПб.: Питер, 2017, 26.

заться эмоцией принципиально иного характера. Несмотря на это, удалось определить и интерпретировать достаточно широкий спектр эмоций, представленных в фигуративной пластике.

Тема эмоций и их мимических выражений в психологии имеет довольно долгую историю изучения. Данное направление представлено широким кругом авторитетных исследователей, которые продолжают интенсивно его развивать. Несмотря на некоторые теоретико-методологические разночтения в формулировках психологи традиционно выделяют базовые эмоции: радость, гнев, удивление, отвращение, страх, грусть, презрение. Каждая из них, по мнению Кэррола Изарда, может фигурировать в нескольких вариантах.

Радость представлена счастьем, воодушевлением, весельем, удовольствием; гнев — яростью, бешенством, негодованием; удивление — изумлением и интересом; отвращение — омерзением, неприятием, презрением; страх — боязнью, испугом, ужасом, паникой; грусть — печалью, горем, тоской, унынием, скорбью³. Несмотря на таксономическое различие в группировке эмоций, исследователи на основании длительных кросс-культурных исследований подтвердили их универсальность у представителей разных народностей⁴. Несмотря на то, что причины, повлекшие за собой проявление эмоций, разные, их проявление будет идентичным⁵. Поэтому именно мимические выражения эмоций чаще всего являются главным маркером их идентификации, которые столь ярко проработаны на терракоте. Кроме того, на фигурках коропласты запечатлели кульминационный период выражения эмоции, когда ее проявление находится на максимальном уровне⁶. С учетом того, что само проявление эмоции ограничивает себя очень малым временным интервалом, в среднем эмоция длится от 1/3 до 4 секунд⁷, коропласты сумели передать все особенности выражения лица, свойственные той или иной эмоции. Кроме того, мастера искусно проработали выражения лиц, наделенных целой эмоциональной гаммой, когда сложно идентифицировать преобладание или ведущую роль какой-нибудь одной эмоции в ряду нескольких. Стоит подробно остановиться на каждой представленной базовой эмоции.

Одна из самых ярких переживаемых человеком эмоций — это радость, относящаяся к группе позитивных эмоций. Данная эмоция является одной из самых простых в плане мимической идентификации. Основным марке-

³ Кэррол Э., Изард. *Психология эмоций*. СПб.: Питер, 2007.

⁴ Экман. *Op. cit.*, 16–18.

⁵ Там же, 33–35.

⁶ Изард. *Op. cit.*, 49.

⁷ Там же.

ром проявления радости является улыбка или смех. Исследователи выделяют несколько вариантов улыбок: искреннюю, фальшивую и несчастную, жалобную⁸. Кроме того, интенсивность и скорость появления улыбки позволяет определить, что в конкретном случае испытывает человек — веселье или удовольствие, облегчение, изумление или благодарность⁹. Улыбка на лице появляется в результате сокращения большой скуловой мышцы и мышцы уголков рта. При этом губы растянуты, уголки (комиссуры) губ приподнимаются. В случаях, когда рот открыт, могут быть видны зубы или десна. «Широкая улыбка поднимает щеки кверху, собирает в складки кожу под глазами, уменьшает степень открытия глаз и даже вызывает появление морщинок „куриные лапки“...»¹⁰ Именно эти морщинки чаще всего свидетельствуют об искренности улыбающегося человека. Ведь в ряде случаев улыбка и смех могут выражать смесь удовольствия и презрения или даже отвращения.

Улыбающиеся и смеющиеся персонажи составляют довольно представительную группу среди фигурок. Они встречаются среди фотографических и утрированных изображений, антропо-зооморфных фигурок и личин. Наиболее четко они прослеживаются у изображенных людей, обладающих большим сходством с реальным человеком.

Радость в фотографических изображениях, как правило, соответствует всем особенностям проявления данной эмоции у человека. Прорисовка деталей с большой долей вероятности позволяет интерпретировать испытываемое персонажем состояние. Бурное проявление радости в виде улыбки, переходящей в смех, представлено на фигурке, изображающей пожилую женщину с ребенком на руках (рис. 1а). В данном случае мастером отображены все мимические изменения лица, свойственные ее проявлению. Детально прописаны не только мимические и возрастные морщины, образующиеся при улыбке, высоко поднятые щеки, но и расходящиеся от внешних краев глаз морщинки («куриные лапки»). Особенно хочется отметить изображение малыша на руках у дамы, который также испытывает удовольствие. Несмотря на схематичность в проработке деталей, мастеру удалось передать сощуренные глаза малыша и приоткрытый в улыбке рот. Во всех отношениях нам показаны счастливые люди. Уместно предположить, что они радуются самому факту наличия друг друга.

⁸ Изард. *Op. cit.*, 107.

⁹ Экман. *Op. cit.*, 182.

¹⁰ Там же, 185.

Рисунок 1. Выражение радости на статуэтках: слева направо: а) фигурка пожилой женщины с ребенком; б) статуэтка мужчины, вводящего клизму. Источники, слева направо: K5778, K5078, <http://research.mayavase.com>

Иной характер причин бурной радости прописан на статуэтке мужчины, вводящего клизму (рис. 1б). Наличие динамического сюжета позволяет интерпретировать причину проявления эмоций как следствие от действия наркотического вещества. Данная практика манипуляции была довольно подробно рассмотрена Джастином Керром при анализе изобразительных источников¹¹. Мимика мужчины явно свидетельствует об испытываемом им удовольствии. Прищуренные глаза, высоко поднятые щеки, и естественно широко открытый в улыбке рот. Видна большая часть верхних передних зубов. На щеках глубокие дугообразные морщины.

К сожалению, не всегда удается выявить причину проявления бурной радости у персонажей. В большинстве своем коропласты фиксируют кульминацию эмоционального состояния без указания на триггер¹². Несмотря на это, сама эмоция читается очень хорошо. Например, смеющийся пожилой воин, у которого сощурены от смеха глаза и слегка запрокинута назад голова. Рот широко открыт, видны остатки верхних и нижних зубов. Прорисован весь спектр мимических и старческих морщин. Много персонажей наделено скромными улыбками, фиксирующими радостное выражение лица.

Несколько отличается выражение радости у утрированных и антропо-зооморфных фигурок. Утрированным лицам свойственна гиперболизация черт лица. При этом сохранен механизм действия мимических мышц. Круглые, широко открытые, намеренно увеличенные глаза, большой, ши-

¹¹ Stross B., Kerr J., "Notes on the Maya vision quest through enema" // *The Maya vase book*. N. Y., 1997. Vol. 2, 349–361.

¹² Триггером принято называть внешний фактор, вызывающий эмоцию.

роко открытый улыбающийся рот, с полными губами, и высунутый язык указывают на проявление радости. Несмотря на общую тенденцию к схематизму таких изображений, иногда мастерам удавалось проработывать приподнятые щеки и морщины на щеках, появляющиеся за счет работы скуловых и щечных мышц.

Интересным является проявление радости у статуэток с телом человека и головой животного. Например, есть фигурка человека в маске лисы или лисы с телом человека в данном эмоциональном состоянии. Трактовка выражения данного «лица» может быть различной. В случае если глаза изображенного персонажа сощурены и верхняя линия является прямой бровью, а не верхним веком открытого глаза, то указанный персонаж явно испытывает легкое удовольствие, выраженное в прищуренных глазах и легкой полуулыбке. В противном случае, если мастер подобным образом схематически изобразил широко распахнутые глаза, выражение свидетельствует об отсутствии каких-либо эмоциональных проявлений.

Эмоции удовольствия не всегда выражены улыбкой или смехом. В ряде случаев ее можно определить по верхней части лица. У некоторых персонажей глаза сощурены, нос слегка сморщен, прорисованы морщины на переносице. Щеки и скулы приподняты. Рот полуоткрыт, при этом губы утончены, вытянуты вперед. Отнести данную эмоцию к группе физического удовольствия позволяет общая сюжетная картина, указывающая на занятие мужчины мастурбацией (рис. 2а).

Рисунок 2. Выражения удовольствия на статуэтках. Слева направо: а) фигурка мастурбирующего мужчины; б) старик и молодая женщина в «любовной позе»

Кроме того, и улыбка не всегда указывает на проявление радости и может свидетельствовать о наличии иных, отнюдь не позитивных эмоций. В связи с этим особый интерес представляют собой статуэтки, изображающие персонажей в так называемой любовной позе.

Нам показан мужчина преклонных лет (старик), обнимающий и ласкающий молодую женщину. Большой частью акцент в изображении данной пары сделан на беззубую улыбку старика и полуулыбку его спутницы. При более детальном рассмотрении мимических особенностей как дамы, так и мужчины можно говорить о том, что выражение лица старика свидетельствует об испытываемом им легком гневе и предстоящем удовольствии. В отличие от него женщина проявляет явные признаки омерзения и отвращения, плохо скрываемые за полуулыбкой (рис. 2б). Интересными являются и идентичные фигурки, где женщина при схожих сюжетных обстоятельствах выражает легкие нейтральные чувства, четко идентифицировать которые проблематично, а пожилой мужчина показывает признаки удивления с удовольствием, что подтверждают приоткрытый в предстоящей улыбке рот и широко открытые глаза.

Таким образом, можно говорить о некоторых особенностях выражения эмоции радости и удовольствия, прописанных на фигурках.

Во-первых, независимо от варианта изображения (фотографического, утрированного, схематичного) или самого изображенного персонажа (человека, животного или антропо-зооморфного субъекта) прослеживается универсальность в прорисовке мимики, отвечающей за проявление радости. Как правило, это улыбка, приподнятые щеки и сощуренные глаза.

Во-вторых, в ряде случаев можно определить триггер, вызывающий данную эмоцию: получение физического удовлетворения (введение наркотической клизмы или мастурбация) или испытание радости от нахождения рядом близкого и родного человека (ребенок на руках).

Немалую группу среди фигурок составляют индивиды, на лицах которых читается одна из самых показательных негативных эмоций — гнев. В рамках данной эмоции представляются ярость, бешенство и негодование¹³. Чаще всего гнев на лице выражается в виде стянутой на лбу кожи, опущенных и сведенных вместе бровей, при этом уголки бровей сдвинуты в направлении носа, губы плотно сжаты и напряжены¹⁴. На фигурках чаще представлена несколько иная, так называемая врожденная мимическая реакция гнева¹⁵ — оскал, при котором рот открыт и видны зубы, нос сморщен. В первую очередь в гневе изображены воины (рис. 3). Проявление

¹³ Изард, *Op. cit.*, 180.

¹⁴ Эжман, *Op. cit.*, 126.

¹⁵ Изард, *Op. cit.*, 180.

гнева можно фиксировать на утрированных фигурках богов. В подобных случаях большое внимание уделено проработке морщин, появляющихся за счет сведения бровей, и оскалу. Иногда подобный оскал фигурирует и на различного рода личинах, вероятно служащих для внушения страха окружающим.

Страх — еще одна негативная эмоция, нашедшая отражение в предметах фигуративной пластики. Мимические проявления чистого страха на фигурках встречаются нечасто. Для испуга, боязни и паники характерны приподнятые брови, имеющие не дугообразную форму, а вытянутые по прямой, приоткрытый рот с оттянутыми назад краями губ. Проявлению ужаса присущ открытый рот, с опущенной и оттянутой назад челюстью. Подобные выражения встречаются на личинах у воинов. Чаще всего некоторые признаки страха изображены вместе с другими эмоциями и состояниями: страх и гнев, страх и печаль. Частым спутником страха выступают мимические проявления боли, которую исследователи как отдельную эмоцию не выделяют, а характеризуют ее как определенное человеческое состояние.

Рисунок 3. Выражение гнева на фигурках воинов.

Источники, слева направо: K6268, <http://research.mayavase.com>; №231895, <http://www.fotodom.ru/image/BR09-4998.html>

При боли брови сужаются, опускаются. В центре лба могут появиться вертикальные морщины. Веки прикрыты, рот зажат или открыт в крике (стоне), губы искривлены, голова может быть приподнята или откинута на-

зад. Такими изображены персонажи военнопленных со связанными сзади руками или прикованные к столбу.

Не менее искусно мастера показали и мимику, свойственную отвращению и грусти. Отвращение, брезгливость и презрение проявляются слегка нахмуренными бровями, сморщенным носом. Верхняя губа слегка приподнята, нижняя губа может быть приподнята до уровня верхней, при этом комиссуры опускаются вниз. При презрении может наблюдаться определенная асимметрия. Выражения лиц с признаками отвращения и презрения не носят среди фигурок единичный характер, но не столь часто представлены в чистом виде. Как правило, данные эмоции фигурируют в комплексе с другими.

Впрочем, как и выражение грусти, которое может скрываться за печальной полуулыбкой. Например, в случае с изображенной пожилой дамой, сжимающей рыбу и подпирающей рукой щеку. Ее взгляд направлен вниз, брови приподняты и сведены вместе, что указывает на проявление печали (рис. 4а). Кроме того, не всегда признаки данных эмоций маркируют их на утрированных изображениях. Это во многом связано со спецификой прорисовки таких терракот. Приподнятые ноздри и морщины на переносице у человека подчас указывают на отвращение, что не всегда отражает оное на такого рода фигурках. Это во многом определено тем, что некоторые части лица заведомо увеличены и утрированы. И часто с учетом положений других частей лица выражение скорее можно расценивать как нейтральное.

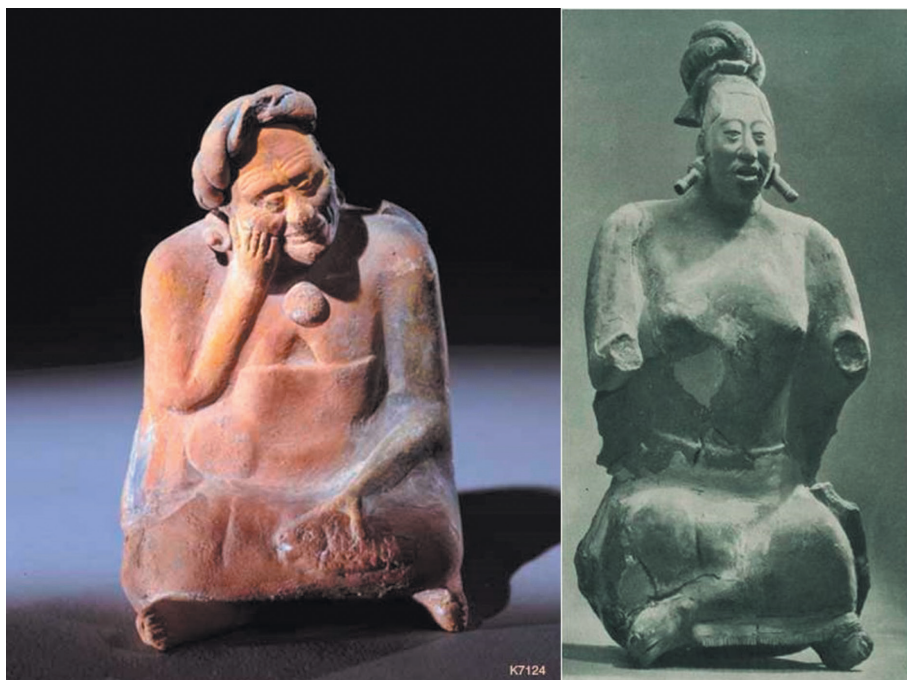

Рисунок 4. Выражение печали и удивления.

Слева направо: а) фигурка пожилой женщины; б) статуэтка молодой дамы.
Источники, слева направо: K7124, <http://research.mayavase.com>; Искусство древней Мексики, 1962, рис. 91–92

Единично в чистом виде на фигурках представлено удивление, которое характеризуется приподнятыми дугообразными бровями, широко открытыми глазами, опущением нижней челюсти, что придает рту овальную форму (рис. 4б).

Особо стоит отметить целую группу фигурок, на лицах которых мимически проявлены не эмоции, а, скорее, общее состояние: задумчивость, проявление боли, подготовка к действию. Иногда наличие определенного выражения лица изображенного персонажа обусловлено некоторыми объективными факторами. Например, сосредоточенное выражение свойственно при подготовке какого-либо действия (воин сконцентрирован на подготовке к броску), что подтверждает характерная в таких случаях поза. Или выражение лиц при каком-либо усилии (как правило — физическом, реже — умственном). В таких случаях брови нахмуриваются, на переносице могут появиться морщины, веки могут быть прикрыты, но не напряжены, губы же, наоборот, напрягаются, становятся тоньше. Рот может быть приоткрыт, нижняя губа иногда выпячивается, щеки вваливаются. Кроме того, есть фигурки, где определенного рода мимика указывает на производимые человеком действия. Так, открытый рот указывает на то, что человек говорит или поет. Например, барабанщик, поющий под аккомпанемент своего барабана, или говорящий что-то писец.

Вместе с тем среди терракот присутствуют фигурки, лица которых можно интерпретировать как нейтральные. В таких случаях лицевые мышцы находятся в спокойном состоянии, мимические изменения отсутствуют. Брови приобретают естественную форму, глаза открыты, взгляд прямой; рот закрыт, губы сомкнуты, находятся в расслабленном состоянии. В жизни такие выражения крайне редки, и скорее создаются человеком намеренно. В терракотовых статуэтках они являются одной из иконографических особенностей изображения статических сюжетов.

Таким образом, терракотовые изображения рисуют нам довольно полную картину переживаемых персонажами эмоций. В среднем на 300 персонажей нашей выборки положительные эмоции испытывают 24 % (с преобладанием радости — 14,2 %), отрицательные — 26 % (с преобладанием злости и гнева — 12,2 %), выражают мимикой какое-либо состояние — 33,5 %, испытывают целый комплекс эмоций 16,6 % (рис. 5). Высокий профессионализм коропластов позволил наделить терракотовых героев теми

же переживаниями, эмоциями и чувствами, свойственными обычным людям. Они любят и гnevаются, грустят и презирают, боятся и удивляются, действуют и молчат — живут.

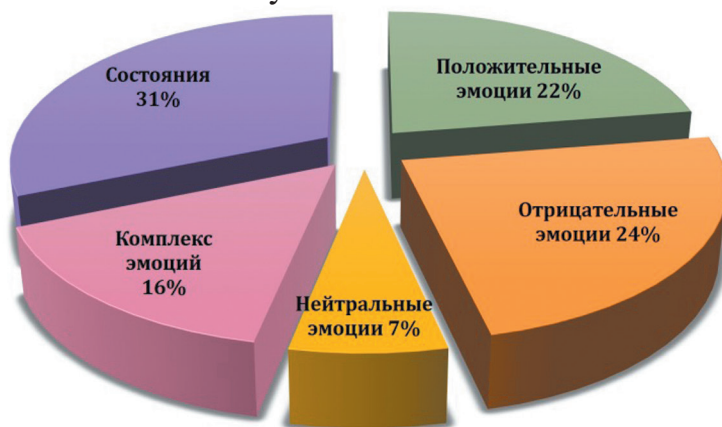

Рисунок 5. Соотношение групп эмоций и состояний, представленных на терракотовых статуэтках

Библиография

Изард Кэррол Э., *Психология эмоций*. СПб.: Питер, 2007.

Искусство древней Мексики: сост. И. Голомшток. М.: Государственное издательство изобразительного искусства, 1962.

Экман П., *Психология эмоций*. СПб.: Питер, 2017.

Stross B., Kerr J., “Notes on the Maya vision quest through enema” / *The Maya vase book*. N. Y., 1997. Vol. 2. P. 349–361.

Shale L., Miller M. E., *The blood of king. Dynasty and ritual in Maya art*. N. Y.: George Braziller, Inc., 2006.

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ, ВЫЗОВЫ XXI В.

Ю. Н. Фролова¹

Проблема суверенитета и самоопределения в Испании (случай Каталонии и Страны Басков)

The Problem of Sovereignty and Self-Determination in Spain (cases of Catalonia and Basque Country)

Abstract: The article reveals the conflict of principles of sovereignty and right of nations for self-determination on the example of Catalonia and Basque Country. The illegal referendum of October 1 in Catalonia made a new turn of the problem, which is considered to be a complex of issues that are urgent both for Basque country and Catalonia. The solution should be elaborated on the basis of negotiations between all concerned parties.

Keywords: sovereignty; right of nations for self-determination; Basque Country; Catalonia.

Resumen: El artículo revela el conflicto de los principios de la soberanía y el derecho de las naciones para la autodeterminación en el ejemplo de Cataluña y País Vasco. El ilegal referéndum del 1 de octubre en Cataluña hizo un nuevo giro en el problema, el cual es considerado como un complejo de problemas que son urgentes, tanto para el País Vasco y Cataluña. La solución debe ser elaborado sobre la base de las negociaciones entre todas las partes interesadas.

Palabras clave: la soberanía; el derecho de las naciones para la autodeterminación; País Vasco; Cataluña.

1 октября 2017 г. в Каталонии прошел референдум о независимости, который был признан нелегитимным испанским правительством и Европейским союзом. Тем не менее референдум привел к ряду последствий, которые в дальнейшем могут оказать значительное влияние на ситуацию в Каталонии и в Испании в целом.

Прежде чем ответить на вопрос, каковы его результаты, необходимо обратиться к истории вопроса. Право наций на самоопределение и прин-

¹ Фролова Ю. Н., Россия, аспирант кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (frolovayuliya@yahoo.com).

цип суверенитета — одни из ключевых принципов международного права, закрепленных в документах международных организаций. Если принцип суверенитета был закреплен еще с формированием Вестфальской системы международных отношений и формулировался как «абсолютная и постоянная власть государства над подданными и гражданами»², то право наций на самоопределение стало активно применяться в XX в., когда встал вопрос о проблемах колоний. В рамках правового подхода к концепту права народов на самоопределение существует деление его на две части: внешнее и внутреннее самоопределение³. Внешнее самоопределение изначально разрабатывалось для решения проблем колоний и колониальных стран, оно и предполагало образование новых государств. Что касается права на внутреннее самоопределение, то оно относится к культурному, языковому и религиозному самоопределению этнических меньшинств в случае их существования внутри государств, в которых они находятся. При этом важным аспектом является невозможность нарушить территориальную целостность государства или посягнуть на его суверенитет.

Специалисты выделяют ряд условий, при которых внешнее самоопределение для неколониальных территорий возможно. Среди них — систематическая дискриминация и нарушение прав меньшинств со стороны государства и большинства населения; невозможность решить подобные конфликты политическим путем в силу того, что меньшинства не представлены в аппаратах государственного управления⁴. Ни Каталония, ни Страна Басков не подходят к категории территорий, претендующих на внешнее самоопределение.

Исторически более активную борьбу за независимость вели именно баски. Сепаратистские различия двух регионов имеют глубокие корни, которые в основном базируются на экономических предпосылках. В Стране Басков сформировался малочисленный, но сильный класс капиталистов, тесно связанных с испанским государством. Связи носили как экономический, так и политический характер. Кроме того, влияние баскской элиты основывалось и на сильной банковской системе. Это было одним из факторов, которые повлияли на предоставление региону широкой автономии. В Каталонии складывалась иная ситуация: основной отраслью экономики являлась легкая промышленность, которая не предполагала такого значи-

² Определение политического суверенитета [Электронный ресурс] // Политический словарь. URL: http://mirslovari.com/content_pol/POLITICHESKIJ-SUVERENITET-1272.html (дата обращения: 12.08.2017).

³ Perea U. J. A., “El secenismo catalane en el contexto del derecho internacional” // *Foro*, Nueva epoca. 2014. Vol. 17. No. 2., 144.

⁴ *Ibid.*, 147.

тельного накопления капитала и формирования сильного класса капиталистов. При этом влияние на испанские власти было значительно меньше, чем в Стране Басков. Кроме того, в Каталонии росту оппозиционно-демократических настроений способствовала сильная система университетского образования⁵. В XIX в. Каталония шла по пути быстрой индустриализации, что привело к значительному различию в уровне развития между регионом и основной частью Испании. Изначально национализм долгое время носил автономистский, а не сепаратистский характер: Каталония хотела оставаться частью Испании с более широкой автономией.

По-другому дело обстояло в Стране Басков. Немногочисленный класс капиталистов был чужд основной части общества региона, поэтому национальное движение носило не только сепаратистский, но и антикапиталистический характер. В итоге здесь сформировалось сильное движение за самоопределение, которое было возглавлено единственной влиятельной организацией — ЭТА. В Каталонии, в свою очередь, оппозиция была многочисленной и включала в себя партии и организации различных направлений. В целом этой характеристикой обладала вся политическая партийная система Каталонии. В сложившихся условиях поиск лидера осложняла постоянная конкуренция между организациями. Сегодня различия каталонского и баскского сепаратизма претерпевают значительные изменения. В Стране Басков в связи с расформированием ЭТА вооруженный конфликт сменился политическим движением. Правительство Страны Басков активно поддержало движение за независимость в Каталонии. В ситуации отсутствия лидирующей националистической силы в Стране Басков процессы, происходящие в Каталонии, представляют собой один из важнейших катализаторов развития процесса движения за самоопределение.

Проблема заключается еще и в процессах глобализации. Прежде всего речь идет об акторах международных отношений. Согласно Вестфальской системе международных отношений, основными акторами являлись государства. В рамках этой системы проблемы наций, борющихся за самоопределение, действительно решались бы только внутри самого государства, либо малой группой заинтересованных государств. В случае басков и каталонцев речь в классическом понимании шла бы, вероятнее всего, только о решении вопроса внутри Испании, либо между Испанией и Францией (ввиду того, что исторические области вышеуказанных народов находятся на территориях обеих стран). Более того, в рамках такой системы достаточно сложно было бы представить успешные попытки этнических групп по-

⁵ Медрано Х. Д., «Разделенные нации. Классы, политика и национализм в Стране Басков и Каталонии» // *Современная Испания. Реферативный сборник* / сост. С. М. Хенкин. М.: РАН ИНИОН, 2003, 79–91.

лучить независимость от государства, так как суверенитет являлся одним из ключевых принципов, а право наций на самоопределение к таковым еще не принадлежало. Сейчас ситуация изменилась, и проблема носит как минимум общеевропейский характер.

Согласно последним социологическим исследованиям, накануне референдума в Стране Басков экономический кризис действительно изменил приоритеты в регионе (на основе данных исследовательского центра Euskobarometro). Самым главным вопросом, который беспокоит жителей региона, является безработица, которая оставила вопросы политики на третьем месте. Подавляющее большинство басков оценивают деятельность испанского правительства крайне негативно — около 90 % недовольны правящей Partido Popular. Что касается национализма, то последний опрос показывает, что в Стране Басков сторонников национализма стало меньше, чем противников: 45 % против 50 %⁶. Следуя общим настроениям, баски более активно стали выступать за федерализм как вариант решения вопроса самоопределения; при этом и здесь мы видим деление общества на три почти равные части: за федерацию — 34 %, на независимость — 28 %, за автономию — 33 %.

Данные опросов общественного мнения, проведенные расположенными в Каталонии центрами, показывают несколько иную ситуацию (на основе статистики Political Opinion Barometer, Centre d'Estudis d'Opinio). При высоком общем уровне недовольства нынешним автономным статусом основная часть населения разделилась между двумя вариантами: образование независимого государства (34,7 %) и сохранение статуса кво (30,5 %). В отличие от Страны Басков сторонников создания федерации здесь не так много — 21,7 %⁷. Общественное мнение в Каталонии фактически разделено между двумя сценариями решения вопроса — независимость или сохранение автономии. Как таковых сторонников независимости не большинство, однако в целом каталонское общество готово к проведению подобного референдума даже без санкции Испании.

Позиция Европейского союза по вопросу референдума Каталонии оставалась и остается неизменной: проблема является внутренним делом

⁶ Euskobarometro, Estudio periodico de la opinion publica vasca. Mayo 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ehu.es/documents/1457190/1525260/Euskobarometro+1705+castellano> (дата обращения: 12.08.2017).

⁷ Political Opinion Barometer, 2nd wave 2017. Centre d'Estudis d'Opinio. Generalitat de Catalunya [Электронный ресурс]. URL: <http://ceo.gencat.cat/ceop/AppJava/pages/home/fitxaEstudi.html?colId=6288&lastTitle=Bar%F2metre+d%27Opini%F3+Pol%EDtica.+2a+onada+2017> (дата обращения: 12.08.2017).

Испании, и ЕС не может вмешиваться в этот вопрос⁸ даже после произошедших беспорядков. Более того, вместе с выходом из Испании Каталония фактически выйдет из ЕС, а для обратного включения в союз необходимо пройти всю процедуру, включая согласие всех нынешних членов ЕС, в том числе Испании, что представляется проблематичным вопросом. Этот фактор представляется важным для каталонцев, так как подавляющее большинство их считают необходимым сохранить членство в ЕС. Сам каталонский референдум ЕС признал незаконным и призвал стороны к диалогу, осудив, однако, действия испанской полиции.

Страна Басков активно поддерживала проведение референдума в Каталонии и сам факт свободного выражения мнения по вопросу самоопределения. Однако результаты референдума были восприняты отрицательно: в своем официальном заявлении руководитель Баскского региона Иньиго Уркульо утверждал, что 1 октября проиграли все⁹ ввиду организации проведения референдума, действий полиции и самих результатов.

Итоги плебисцита в Каталонии действительно сложно назвать определенными: явка составила чуть более 40 %, из которых 90 % проголосовали за независимость. При этом произошли беспорядки и столкновения с полицией, в результате которых часть голосов не была обработана. Вероятно, такие результаты опроса нельзя называть релевантными мнению всего региона. Референдум оставил больше вопросов, чем ответов, однако существует один безусловный результат — это осознание наличия проблемы, которое четко дал понять плебисцит. Возможным выходом из ситуации являются трехсторонние переговоры (Каталония — Испания — ЕС), которые ранее не проводились. И необходимость переговорного процесса как инструмента решения вопроса уже осознается сторонами.

Библиография

1. Определение политического суверенитета [Электронный ресурс] // Политический словарь. URL: http://mirslovarei.com/content_pol/POLITICHESKIJ-SUVERENITET-1272.html (дата обращения: 12.08.2017).

⁸ By refusing the request for a new statute for Euskadi Spain is violating the principle of the self-determination of peoples [Электронный ресурс] // Parliamentary questions. European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getAllAnswers.do?reference=E-2005-0516&language=EN> (дата обращения: 12.08.2017).

⁹ Urkullu: “Se han traspasado líneas rojas pero la relación con el Gobierno de Rajoy debe mantenerse” [Электронный ресурс] // *El Correo*. URL: <http://www.elcorreo.com/politica/urkullu-referendum-cataluna-20171002091946-nt.html> (дата обращения: 12.08.2017).

2. Unceta Jose Antonio Perea, “El secesionismo catalane en el contexto del derecho internacional” // *Foro*, Nueva época, 2014, Vol.17, No. 2, 130-150.
3. Медрано Х. Д., «Разделенные нации. Классы, политика и национализм в Стране Басков и Каталонии» // *Современная Испания. Реферативный сборник* / сост. С. М. Хенкин. М.: РАН ИНИОН, 2003, 79–91.
4. Euskobarometro, Estudio periodico de la opinion publica vasca. Mayo 2017 [Электронный ресурс]. URL: Obtenido de <http://www.ehu.es/documents/1457190/1525260/Euskobarometro+1705+castellano> (дата обращения: 12.08.2017)
5. Political Opinion Barometer, 2nd wave 2017, Centre d’Estudis d’Opinio. Generalitat de Catalunya [Электронный ресурс]. URL: <http://ceo.gencat.cat/ceop/AppJava/pages/home/fitxaEstudi.html?colId=6288&lastTitle=Bar%F2metre+d%27Opini%F3+Pol%EDtica.+2a+onada+2017> (дата обращения: 12.08.2017).
6. By refusing the request for a new statute for Euskadi Spain is violating the principle of the self-determination of peoples [Электронный ресурс] // Parliamentary questions. European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getAllAnswers.do?reference=E-2005-0516&language=EN> (дата обращения: 12.08.2017)
7. Urkullu: “Se han traspasado líneas rojas pero la relación con el Gobierno de Rajoy debe mantenerse” [Электронный ресурс] // El Correo. URL: <http://www.elcorreo.com/politica/urkullu-referendum-cataluna-20171002091946-nt.html> (дата обращения: 12.08.2017).

Правительственный кризис в Испании (2015–2016) как следствие трансформаций партийной системы

The government crisis in Spain (2015–2016) as a consequence of the transformation of the party system

Abstract: The report reveals the transformation of the party system of Spain, leading to the government crisis of 2015–2016. Qualitative changes in public opinion about political parties, shifts in social support and organizational structure of the main actors of the party system are assessed: the People’s Party, the PSOE, Podemos, and Ciudadanos. A party system of moderate pluralism has emerged, replacing the bipartisan system, which makes the coalition interaction in the parliament unsustainable. The transformation of the party system has not been completed. The creation of the People’s Party government is a forced step postponing the resolution of conflict. The growth of the party system instability is predicted as a result of the elites’ refusal from the fundamental reforms of the political system.

Keywords: party system; transformation; Spain; government crisis; 2015–2016.

Resumen: El informe revela la transformación del sistema de partidos de España, que condujo a la crisis del gobierno de 2015–2016. Se evalúan los cambios cualitativos en la opinión pública sobre los partidos políticos, los cambios en el apoyo social y la estructura organizativa de los principales actores del sistema de partidos: Partido Popular, PSOE, Podemos y Ciudadanos. Un sistema partidario de pluralismo moderado ha surgido, reemplazando al sistema bipartidista, lo que hace insostenible la interacción de la coalición en el parlamento. La transformación del sistema de partidos no se ha completado. La creación del gobierno del Partido Popular es un paso forzoso que pospone la resolución del conflicto. El crecimiento de la inestabilidad del sistema de partidos en España se pronostica como resultado del rechazo de las élites de las reformas fundamentales del sistema político.

Palabras clave: sistema de partidos; transformación; España; crisis del gobierno; 2015–2016.

В условиях глобализации институты демократии, в том числе партийные системы, подвергаются трансформациям. Эти процессы ведут к кризису партийного представительства общественных интересов, что зримо проявляется в политиях с непрочными традициями демократии и рисками фрагментации. Речь идет о кризисе доверия к партиям, к базовому

¹ Баранов А. В., Россия, доктор политических и исторических наук, проф. кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (baranovandrew@mail.ru).

консенсусу в рамках либеральных, консервативных и социал-демократических ориентаций. Катализатором перемен стал мировой экономический кризис, с повышенной силой проявившийся в Испании. Важны не только организационные трансформации партий, но и изменения повестки дня партийной конкуренции, способов политической коммуникации. Испанская партийная система демонстрирует в концентрированном виде тенденции политического развития, которые проявляются в ключевых странах Европы.

Цель настоящей статьи — раскрыть трансформации партийной системы Испании, приведшие к правительственному кризису 2015–2016 гг. Исследование выполнено на основе применения принципа исторического институционализма и концепции социокультурных размежеваний.

В отличие от других стран «волны демократизации» 1970-х гг. в Испании новые политические партии формировались на основе консенсуса элит и пактов между основными акторами политики, что надолго привело к упрочению двухпартийной системы. Весомым фактором ее стабильности являлся выбор институционального дизайна системы. По Органическому закону «О политических партиях»² партии регистрируются по заявительному принципу. В автономных сообществах сформировались обособленные партийные системы. Партии получают государственное финансирование, что делает их картельными. Нижняя палата парламента — Конгресс депутатов (350 чел.) избирается по закрытым партийным спискам, с низким заградительным барьером 3 %. Мандаты в Конгрессе депутатов распределяются по формуле д'Ондта. Прямые выборы большинства членов сената (208 из 256; остальные назначаются) проводятся одновременно с выборами нижней палаты. По расчетам А. Г. Орлова, число голосов для получения депутатского мандата в нижней палате колеблется по 17 регионам в 5,15 раза (выигрывают малые автономные сообщества, проигрывают густонаселенные). Среднее различие между набранными голосами и количеством полученных мест в Генеральных кортесах составляет 8,15 %, что беспрецедентно много для пропорциональных систем³. Испанская избирательная система приводит к диспаритету парламентского представительства, завышая представительство двух основных партий более чем на 4 % каждой⁴.

² “Ley Orgánica 6/2002, de 27 de junio, de Partidos políticos. Última modificación: 31 de marzo de 2015” // *Boletín oficial del estado*. Madrid, 154, de 28 de junio.

³ Орлов А. Г., «Избирательная система Испании» / *Современные избирательные системы*. М.: РЦИОТ, 2009. № 3. С. 83–89.

⁴ Llera F. J., “La política en España: Elecciones y partidos políticos” / *España. Una sociedad en cambio*. Madrid: Fundación Caja Madrid, 2010. P. 243; Penades A., Santiuste S. “La desigualdad en el sistema electoral español y el premio a la localización del voto” // *Revista española de ciencia política*. Madrid, 2013. No. 32, 89–116.

Роль правого центра традиционно играла Народная партия, тогда как роль левого центра отводилась Испанской социалистической рабочей партии. Две основные партии постоянно набирали на выборах в Генеральные кортесы свыше 75 % голосов, чередуясь у власти и обеспечивая стабильность. Партийная дисциплина депутатов высока, что затрудняет продвижение новых политических инициатив. Эффективное число политических партий за 1977–2011 гг. колебалось от 2,33 до 2,93⁵. НП и ИСРП из программных партий превращались во всеохватные, утрачивая идеологические и социально-классовые различия. Изменения основывались на трансформациях идентичностей испанцев. За 1985–2009 гг. частота идентификаций респондентов с людьми сходных политических взглядов снизилась с 11,7 до 3,7 %, со своим классом — с 24,6 до 8,8 %, а выросла с 39,1 до 65,8 % — со средним классом⁶. Это сделало неэффективной типичную при пропорциональной избирательной системе стратегию позиционирования на основе четкой программы.

Но партийная система, существовавшая до 2014 г., была «несовершенной двухпартийной»⁷. НП и ИСРП с 1993 по 2011 г. не получали на выборах более 50 % голосов каждая, что привело их к блокированию с региональными партиями. Строение партий становится все более федералистским, что особенно проявляется в ИСРП. Правительство Х. Л. Родригеса Сапатеро в 2005–2006 гг. повысило статус автономных сообществ, прежде всего — Каталонии, чем усилило региональную фрагментацию партийной системы.

Дисфункции партийной системы стали нарастать в условиях мирового экономического кризиса. Коррупционные скандалы (особенно разоблачение «черной кассы» функционера НП Л. Барсенаса) снизили уровень доверия не только правящей с 2011 г. Народной партии, но и политической системе. Кризис разбалансировал центр — региональные отношения.

Анализ доверия испанцев партиям за 2006–2016 гг. (по данным службы «Метроскопия») подтверждает негативные тенденции. В 2006 г. удовлетворены основными партиями были 75 % опрошенных⁸. В ноябре 2016 г. опрос 3500 чел. (погрешность 1,7 %) зафиксировал рекордно низкий уровень доверия партиям — 20 %. Доверяют «руководству государства» 72 %, Верховному трибуналу — 50 %, правительству — 40 % и парламенту —

⁵ Макаренко Б. И. (рук.), *Партии и партийные системы: современные тенденции развития*. М.: Политическая энциклопедия, 2015, 64.

⁶ Salustiano del Campo, José Félix Tezanos (eds.), *España. Una sociedad en cambio*. Madrid: Fundación Caja Madrid, 2010, 24–25.

⁷ Llera F. J., *Op. cit.*, 246.

⁸ Данилевич И. В., «Партии и политика в государстве автономий» // *Испания. Акцент и профиль*. М.: Весь мир, 2007, 307.

26 %⁹. Значительны различия доверия политической системе в зависимости от партийных симпатий. Наиболее оптимистичны сторонники НП — 57 %. Близок уровень доверия электората центристской партии «Граждане» (Ciudadanos) — 36 % и ИСРП — 31 %. Самый низкий уровень доверия политической системе — у сторонников леворадикального блока «Вместе мы можем» (Unidos Podemos) и его региональных союзников — 21 %¹⁰. Запрос на коренную реформу партий сосредоточен среди левых.

Общественное мнение достаточно критично оценивает деятельность партий. По опросам Группы исследований социальных тенденций, в 2011 г. респонденты назвали неэффективность партий четвертой по иерархии проблемой страны (22,1 %) ¹¹. Данные Центра социологических исследований за май 2017 г. подтверждают иерархию. На первом месте — безработица (71,3 %), на втором — коррупция (54,3 %), на третьем — экономические трудности (21,3 %), на четвертом — качество политики (18,1 %) ¹².

По мнению растущего слоя респондентов, их интересы слабо представлены партиями и в парламенте. Критикуется отсутствие конструктивного диалога между правящей партией и оппозицией о выходе из кризиса и реформе политической системы, слабость делиберативных процедур. Согласно данным опроса Группы исследований социальных тенденций (2007), только 44,6 % испанцев признают действенность подачи петиций и борьбы с несправедливостью ¹³. Многие чувствуют себя отчужденными от принятия решений и слабо могут контролировать партии ¹⁴.

Протест привел к росту антисистемных леворадикальных сообществ (в 2011 г. созданы народные ассамблеи и Indignados — «Возмущенные»). Движение «Возмущенные» и выросшая из него партия «Подemos» имеют сетевой тип организационного строения и коммуникаций (состоят из равноправных «кружков»), и принимают решения путем внутреннего консен-

⁹ Toharia J. J., “Confianza en las instituciones: España en perspectiva comparada” [Электронный ресурс]. URL: <http://metroscopia.org/confianza-en-las-instituciones-espana-en-perspectiva-comparada/> (дата обращения 01.08.2017).

¹⁰ García F. C., “Confianza institucional: de los defensores del PP a los críticos de Unidos Podemos” [Электронный ресурс]. URL: <http://metroscopia.org/confianza-institucional-de-los-defensores-del-pp-a-los-criticos-de-unidos-podemos/> (дата обращения 01.08.2017).

¹¹ Estudio Barómetro de mayo 2011, Madrid: Centro de investigaciones sociológicas, 2011.

¹² Se dispara la preocupación de los españoles por la corrupción, según el CIS [Электронный ресурс]. URL: <http://www.heraldo.es/noticias/nacional/2017/06/06/se-dispara-preocupacion-los-espanoles-por-corrupcion-segun-cis-1179952-305.html> (дата обращения 01.08.2017).

¹³ Tezanos J. F., “Desigualdades y estratificación social en España” // *Una sociedad en cambio*. Madrid: Fundación Caja Madrid, 2010, 127.

¹⁴ Álvarez K., Gallego P., Gandara F., Rivas O., “Nosotros, Los Indignados: Los Voces Comprometidas del #15, Madrid; Barcelona; Destino, 2011, 34.

суса. «Возмущенные» выступили против партий и профсоюзов как устаревших форм, требуя «немедленного установления реальной демократии»¹⁵.

Выборы Генеральных кортесов 20 ноября 2011 г. сохранили двухпартийную систему, поскольку избиратели были поставлены перед фактом ограниченного предложения (см. табл.). Народная партия сменила у власти ИСРП, беспомощную перед лицом кризиса. Как отмечает А. А. Куракина-Дамир, впервые партийные лидеры имели столь низкий и падающий в ходе кампании рейтинг популярности. За три дня до выборов 75 % граждан не испытывали доверия к лидерам ИСРП и НП. Это привело к переходу голосов 9,8 % явившихся на выборы в пользу альтернативных партий и блоков¹⁶. Совокупная поддержка НП и ИСРП снизилась с 83,8 до 73,5 % явившихся. В Конгрессе депутатов стали представленными 14 партий вместо 10. Увеличила участие оппозиция — «Объединенные левые», каталонская правоцентристская «Конвергенция и союз», баскская леворадикальная «Амайур»¹⁷.

Таблица 1

Результаты парламентских выборов по партийным спискам в Испании, 2011 – 2016 гг., проц. от явки / мандаты

Партии и блоки	Конгресс депутатов, 2011 г.	Европейский парламент, 2014 г.	Конгресс депутатов, 2015 г.	Конгресс депутатов, 2016 г.
Народная партия	44,6/186	26,1/16	28,7/123	33,0/137
Испанская социалистическая рабочая партия	28,8/110	23,0/14	22,0/90	22,6/85
“Ciudadanos” («Граждане»)	-	3,2/2	13,9/40	13,1/32
Леворадикальные партии и блоки	6,9/11	20,1/11	21,7/69	21,1/71
Региональные партии Каталонии	5,2/14	4,0/2	4,6/17	4,6/17
Региональные партии других автономных сообществ	5,2/19	7,3/4	6,5/11	2,4/8
Иные партии и блоки	9,3/10	16,3/5	2,6/0	3,2/0
Итого	100/350	100/54	100/350	100/350

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Куракина-Дамир А. А., «Выборы-2011: победа Народной партии» / *Иберийские страны: трудный старт в XXI век*. М.: Ин-т латин. Америки РАН, 2012, 51, 54.

¹⁷ Elecciones generales 2011. Total España [Электронный ресурс]. URL: <http://resultados.elpais.com/elecciones/2011/generales/congreso/> (дата обращения 01.08.2017).

Логика электоральной конкуренции сделала неизбежным перерастание протестных леворадикальных движений в партию «Подemos» (январь 2014 г.). Ее документы отвергают власть глобальных элит и касты, к которой относят правящие элиты, включая руководство традиционных партий. Партия «Подemos» и ее лидер П. Иглесиас Туррион требуют кардинальной смены общественной и политической системы, создания «прямой демократии», перераспределения доходов. «Подemos» — единственная из общеиспанских партий, поддерживающая проведение референдума о статусе Каталонии¹⁸.

Выборы депутатов Европейского парламента в Испании (май 2014 г.) знаменательны ростом поддержки новых оппозиционных, в основном — леворадикальных партий при низкой активности электората (см. табл.). Совокупная поддержка НП и ИСРП снизилась с 80,9 до 49,1 % явившихся, а поддержка левых партий и блоков «Плюралистические левые», «Мы можем» (Podemos) и «Народы решают» выросла в четыре раза и достигла 20,1 % явки. Половину голосов левого электората аккумулировала партия «Подemos», образованная за два месяца до голосования¹⁹. Утрата 40 % мандатов привела к отставке лидера ИСРП А. Переса Рубалькабы и к его замене на 43-летнего П. Санчеса Переса-Кастехона, представителя левого крыла партии. На местных выборах весной 2015 г. «Подemos» и другие новые партии завоевали посты алькальдов четырех крупных городов: Мадрида, Барселоны, Валенсии и Сарагосы.

Со строительством сильной партии в лице «Подemos» согласны не все сторонники, и это привело в 2015–2017 гг. к размежеванию леворадикального лагеря (выход из «Подemos» одного из ее основателей Х. К. Монедеро Фернандеса-Гала). Потребность увеличить электоральную поддержку привела к значительному смягчению и непоследовательности лозунгов «Подemos». В декабре 2014 г. П. Иглесиас был избран генеральным секретарем партии, что противоречит сетевому принципу. Проявляются растущие разногласия между генеральным секретарем партии П. Иглесиасом (лидером радикального крыла) и секретарем И. Эррехоном (сторонником социал-демократической адаптации). Неполно оправдалась тактика 2016 г. — идти на выборы несколькими региональными блоками, что вызвало раздробление фракции в кортесах.

В правоцентристском сегменте партийной системы тоже совершилась масштабная перегруппировка сил. В 2014 г. начался рост влияния новой

¹⁸ González J. F. M. (coord.), *Podemos. Desconstruyendo a Pablo Iglesias*. Barcelona: Centro libros PAF; Ediciones Deusto, 2014, 80.

¹⁹ Elecciones europeas. Resultados 2014. Total España [Электронный ресурс]. URL: <http://resultados.elpais.com/elecciones/2014/europeas/index.html> (дата обращения 01.08.2017).

партии «Граждане» во главе с А. Риверой Диасом. Партия позиционирует себя как сторонница транспарентности политики и противница коррупции, защитница социальных программ государства благоденствия и государственного единства, субъект модернизации демократии²⁰. «Граждане» претендуют на центристский электорат и являются конкурентом, прежде всего, для Народной партии. Как и «Подemos», «Граждане» активно применяют популистские обещания.

Выборы депутатов Генеральных кортесов 20 декабря 2015 г. закрепили трансформацию партийной системы (см. табл.). Основные «старые» партии — НП (28,7 % голосов) и ИСРП (22,0 %) совокупно получили 50,7 % голосов и 60,9 % мест в Конгрессе депутатов²¹, что сделало невозможным создание однопартийного правительства консерваторов.

В стане региональных партий отметим значительный сдвиг влево. Долго правившая в Каталонии правоцентристская коалиция «Конвергенция и союз» распалась, уступив на региональных и национальных выборах 2015 и 2016 гг. «Левым республиканцам Каталонии». В Стране Басков выиграл на выборах левоцентристский блок «Бильду». Важным новым явлением стал успех региональных предвыборных коалиций, аффилированных с «Подemos», в Галисии, Валенсии и Каталонии²². Так, в Андалусии за НП и ИСРП совокупно голосовало 82,2 % электората в 2011 г. и 64,8 % — в 2016-м. В Каталонии совокупная поддержка НП и ИСРП снизилась с 47,4 % явившихся голосовать в 2011 г. до 29,5 % в 2016-м.²³ Партийные системы регионов становятся всё менее интегрированными в общеиспанскую систему.

Монарх трижды поочередно предлагал формировать кабинет лидеров НП и ИСРП. Но обе партии не могли вступить в коалицию, не утратив электорат. Лидер Народной партии М. Рахой предлагал «большую коалицию» НП и ИСРП, отвергнутую социалистами из опасений утратить общественную поддержку. Все оппозиционные партии отказывались от коалиции с партией относительного большинства — НП. Невозможна по идеологическим мотивам также коалиция ИСРП, «Граждан» и «Подemos». Левоцентристы исходили из приоритета изоляции «Подemos», получившей 21,7% голосов и 19,1% мандатов²⁴.

²⁰ 350 soluciones para cambiar España a mayor [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ciudadanos-cs.org/nuestro-proyecto> (дата обращения 01.08.2017).

²¹ Consulta de Resultados Electorales. Congreso/Diciembre 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoelectoral.mir.es/infoelectoral/min/busquedaAvanzadaAction.html> (дата обращения 01.08.2017).

²² Elecciones generales 2016, 26 de junio [Электронный ресурс]. URL: www.resultados.elpais.com/elecciones/generales.html (дата обращения 01.08.2017).

²³ Ibid. Elecciones generales 2011...

²⁴ Consulta de Resultados Electorales. Op. cit.

В том случае, если на протяжении двух месяцев не будет набрано абсолютное большинство депутатов нижней палаты (176 чел.) для утверждения кандидатуры главы правительства, возможны досрочные выборы. До 2016 г. эта норма оставалась «спящей». Теперь стали неизбежны роспуск парламента и проведение внеочередных выборов.

Выборы Генеральных кортесов 26 июня 2016 г. доказали устойчивость предпочтений граждан в сравнении с декабрем 2015 г. Народная партия увеличила представительство в нижней палате с 123 до 137 депутатов, ИСРП снизила с 90 до 85, «Подemos» и ее региональные союзники нарастили с 69 до 71, «Граждане» уменьшили фракцию с 40 до 32 чел.²⁵ Но небольших подвижек влияния хватило, чтобы обеспечить формирование коалиционного правительства НП и малых региональных партий (премьер-министр М. Рахой) при поддержке «Граждан» и нейтралитете социалистов. «Граждане» и ИСРП подтвердили лояльность политической системе и отказ от ее кардинальных реформ.

Кризис партийной системы нельзя считать завершенным, поскольку не совершился пересмотр правовых норм партийной конкуренции, не перестроены практики взаимодействия акторов политики. Подтверждение — безуспешное обсуждение в Конгрессе депутатов вотума недоверия правительству НП (июнь 2017 г.). Против отставки правительства М. Рахоя проголосовали 170 депутатов (НП, «Граждане», «Союз народа Наварры», «Астурийский форум» и «Канарская коалиция»), за — только 82 («Унидос Подemos», «Левые республиканцы Каталонии» и «Бильду»), а 97 депутатов от ИСРП, Демократической европейской каталонской партии, Баскской националистической партии и «Новых Канар» воздержались²⁶. Соотношение сил повторяет сложившееся при голосовании о формировании правительства 30 октября 2016 г. Противоречивы тенденции развития ИСРП. Лидер левого крыла П. Санчес, вынужденный подать в отставку с поста руководителя партии осенью 2016 г., победил на выборах генерального секретаря ИСРП в мае 2017 г.²⁷, что вновь может привести к смене позиционирования партии.

Сделаем выводы. Кризис партийной системы Испании в 2010-х гг. стал следствием долгосрочных тенденций роста отчуждения граждан от власти, элитарной замкнутости основных партий, коррупции, упадка форм представительства групповых интересов. Это вызвало рост недоверия к ин-

²⁵ Elecciones generales 2016, 26 de junio [Электронный ресурс]. URL: www.resultados.elpais.com/elecciones/generales.html (дата обращения 01.08.2017).

²⁶ Unidos Podemos pierde la moción de censura contra Rajoy / *El País*. Madrid, 2017, 13 de junio.

²⁷ Diez A., Marcos J., “Pedro Sánchez vuelve a ser el secretario general del PSOE” // *El País*. Madrid, 2017, 23 de mayo.

ституту политических партий в целом и к постоянному двухпартийному доминированию в частности. Мировой экономический кризис стал катализатором коренной трансформации партийной системы.

Частое проведение выборов в Европарламент, Генеральные кортесы, органы власти автономных сообществ и муниципалитетов (2014–2016) имело кумулятивный эффект. В итоге электорального цикла партийная система Испании преобразовалась из «несовершенной двухпартийной» в систему умеренного плюрализма. Сформировались новые партии в левом («Подemos») и центристском («Граждане») сегментах, возросла роль региональных партий. Состоялось успешное формирование «новейших левых». Стали невозможны однопартийное правление и «каудильистский» стиль поведения, что вынудило партии к компромиссам и к созданию прагматических коалиций. Избиратели подтвердили в трёх кампаниях за 13 месяцев устойчивость предпочтений.

Определены стратегии преодоления правительственного кризиса, предлагаемые партиями. Народная партия исходила из сохранения неолиберального политического курса и унитарного государства. ИСРП допускала частичные корректировки той же стратегии и постепенную федерализацию, что привело к фрагментации партии. «Граждане» играли роль партии-маклера и «дублера» НП, получив выгоды от участия в создании правящей коалиции. «Подemos» стремилась сохранить идеологическую непримиримость и, в меньшей мере, образовать коалицию левых сил с участием ИСРП, что остается нереалистичным. Как доказал правительственный кризис 2015–2016 гг., когда партии 10 месяцев не могли договориться о правительственной коалиции, трансформация партийной системы не завершена. Коалиционное взаимодействие в парламенте неустойчиво. Кризис подтвердил необходимость реформы государства автономий в направлении симметричного федерализма.

Прогнозируется рост нестабильности партийной системы Испании вследствие отказа элит от коренных реформ государства автономий. Поворотной вехой в развитии кризиса может стать незаконный референдум о статусе Каталонии 1 октября 2017 г.

Библиография

1. “Ley Orgánica 6/2002, de 27 de junio, de Partidos políticos. Última modificación: 31 de marzo de 2015” // *Boletín oficial del estado*. Madrid, 154, de 28 de junio.
2. Орлов А. Г. «Избирательная система Испании» // *Современные избирательные системы*. М.: РЦИОТ, 2009. № 3. С. 83–89.
3. Llera F. J. “La política en España: Elecciones y partidos políticos” / *España. Una sociedad en cambio*. Madrid: Fundacion Caja Madrid, 2010. P. 243; Penades

- A., Santiuste S. “La desigualdad en el sistema electoral español y el premio a la localización del voto” // *Revista española de ciencia política*. Madrid, 2013. No. 32. P. 89–116.
4. Макаренко Б. И. (рук.). «Партии и партийные системы: современные тенденции развития». М.: Политическая энциклопедия, 2015.
5. Salustiano del Campo, José Félix Tezanos (eds.) // *España. Una sociedad en cambio*. Madrid: Fundación Caja Madrid, 2010, 24–25.
6. Данилевич И. В. «Партии и политика в государстве автономий» // *Испания. Анонсы и профиль*. М.: Весь мир, 2007, 300–317.
7. Estudio Barómetro de mayo 2011. Madrid: Centro de investigaciones sociológicas, 2011.
8. Tezanos J. F. “Desigualdades y estratificación social en España” // *Una sociedad en cambio*. Madrid: Fundación Caja Madrid, 2010, 120–137
9. Álvarez K., Gallego P., Gandara F., Rivas O. Nosotros, *Los Indignados: Los Voces Comprometidas* del No. 15-M. Barcelona: Destino, 2011.
10. Куракина-Дамир А. А. *Выборы-2011: победа Народной партии. Иберийские страны: трудный старт в XXI век*. М.: Ин-т Латин. Америки РАН, 2012.
11. González J. F. M. (coord.) / *Podemos. Desconstruyendo a Pablo Iglesias*. Barcelona: Centro libros PAPF; Ediciones Deusto, 2014.
12. Unidos Podemos pierde la moción de censura contra Rajoy // *El País*, Madrid, 2017, 13 de junio.
13. Díez A., Marcos J. “Pedro Sánchez vuelve a ser el secretario general del PSOE” // *El País*, Madrid, 2017, 23 de mayo.

Борьба с безработицей в Испании как элемент посткризисной стратегии

The fight against unemployment in Spain as an element of the post-crisis strategy

Resumen: Para España, el desempleo siempre ha sido la más dolorosa indicador macroeconómico a finales de 1970. La situación hubo un detrimento en 2009. Medidas de lucha contra la crisis económica mundial de 2008 se aprobaron tarde y ahora el desempleo sigue siendo el problema principal de la macroeconomía de España. Este indicador es uno de los más altos en la Unión Europea. La reforma del mercado de trabajo no traen eficaces resultados. Es necesario considerar nuevas medidas para la lucha contra el desempleo. En este artículo el autor propone una serie de medidas económicas, que pueden estimular el mercado de desempleo, mediante la creación de nuevos puestos de trabajo y la confección de los trabajadores calificados, con experiencia de trabajo en el período de la la escuela superior.

Palabras clave: la economía española; el desempleo; la crisis; las estrategias después de la crisis; la lucha contra el desempleo; de la Unión Europea.

Abstract: For Spain, unemployment has always been the most painful macroeconomic indicator since the late 70s. The situation has become worse since 2009. Measures to fight the global economic crisis of 2008 had been taken later and now unemployment is the negative impact to macroeconomic problem of Spain. To date, the level of this indicator remains one of the highest in the European Union. The labour market reforms that have been adopted are not producing results. That's why should be developed additional measures to reduce unemployment in Spain. In this article the author proposes a number of economic measures that could stimulate the market unemployment by creating new jobs and preparing skilled workers with experience in the period of study in university.

Keywords: the Spanish economy; unemployment; crisis; post-crisis strategies; combating unemployment; European Union.

Безработица — один из основных показателей состояния страны, характеризующий макроэкономическую нестабильность и имеющий циклический характер развития². Уровень безработицы представляет собой отно-

¹ Маскаленко Элина Валентиновна, Россия, аспирантка кафедры международного предпринимательства, СПбГУАП (lina_maskalenko@mail.ru).

² [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ereport.ru/articles/macro/macro12.htm> (дата обращения: 23.06.2017).

шение численности безработных к общей численности рабочей силы, выраженное в процентах.

В Испании уже долгое время безработица является одной из основных макроэкономических проблем. Исторически прослеживается реакция экономики страны на изменения внешней и внутренней конъюнктуры через потерю рабочих мест.

На рис. 1 проиллюстрирована динамика безработицы в Испании начиная с 1974 г. Наилучший показатель по безработице был отмечен в период кабинета министров во главе с Карлосом Ариасом Наварро — 4,4 % в 1976 г.

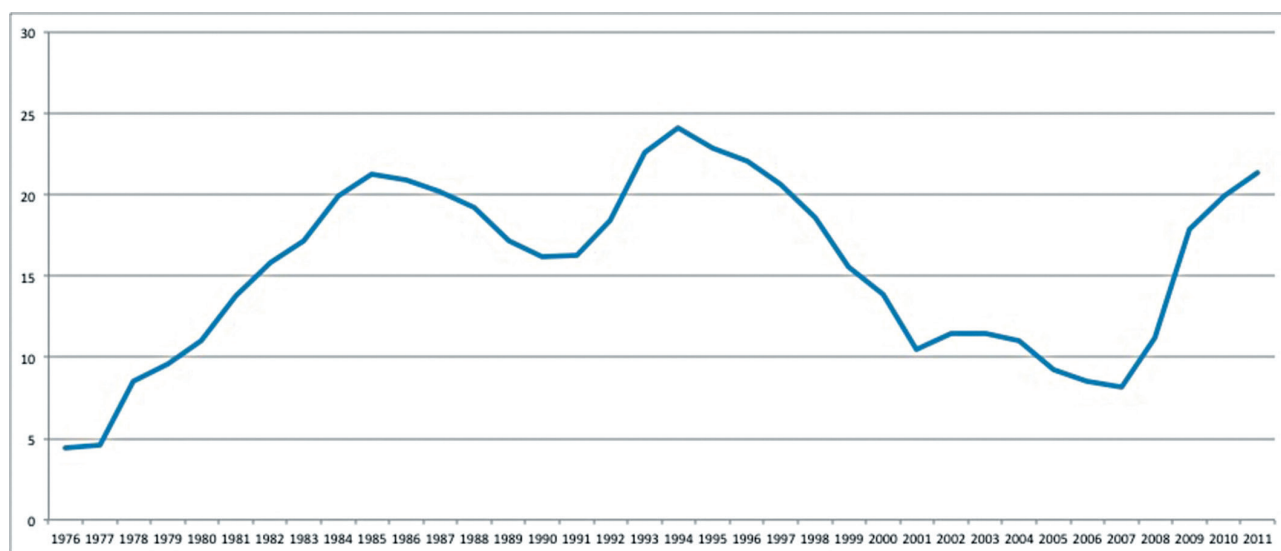

Рисунок 1. Динамика безработицы в Испании с 1976 по 2011 г., %

В середине 1980-х гг. Испания вошла в период экономической нестабильности, которая выражалась в резком падении темпов роста ВВП, росте инфляции, а также высоком уровне безработицы. При постепенном росте данного макроэкономического показателя к 1984 г. он достиг уровня в 21,9 %³. В это время можно проследить влияние внешнего фактора на макроэкономические показатели Испании как результат влияния мирового экономического кризиса 1973–1974 гг., который в литературе получил название «нефтяного шока».

Следующий критический показатель безработицы отмечается в 1992 г. — в 24,6 % (рис. 1). На этом этапе также можно проследить влияние мирового кризиса 1987 г., когда падение индекса Доу-Джонса оказалось причиной оттока инвесторов с региональных рынков.

На современном этапе, по официальным данным правительства Испании (в аналитическом докладе о состоянии рынка труда), самый высокий

³ Alberto Carreras y Xavier Tafunell, *Historia económica de la España contemporánea (1789–2009)*. Barcelona: Crítica, 2010.

показатель безработицы был зафиксирован в 2013 г. — 27,2 % безработных в возрасте от 15 до 64 лет, и это составило около 6 041,8 млн чел.⁴

Такое макроэкономическое состояние также наблюдалось после мирового финансового кризиса 2008 г. Правительство Испании до сих пор не может стабилизировать свою экономику, при этом в большей степени страдает социально-экономическое состояние страны.

Как только премьер-министр Испании Мариано Рахой вступил в свою должность после досрочных выборов в 2011 г., его кабинет предпринял ряд реформ, в том числе направленных на борьбу с безработицей, которая к тому времени достигла уровня 21,5 %.

Данные меры включали следующее:

Отмену выплат рождественских премий государственным служащим.

Повышение НДС до 21 %.

Ликвидацию имущественных выплат на жилье.

Прогрессивную шкалу налога на прибыль.

Выплату материальной помощи в размере 400 евро только тем, кто работал.

Сокращение выплат на 6 млрд евро государственным учреждениям.

Сокращение числа государственных компаний и 30 %-ное сокращение членов городских муниципалитетов.

Сокращений пособий по безработице, премий и взносов на социальное обеспечение.

Позже была сделана ставка на повышение гибкости трудового кодекса, снижение социальной нагрузки на госбюджет, облегчение работодателям процесса найма и увольнения сотрудников, что позволило предприятиям быстрее перестраиваться в неблагоприятных экономических условиях и избежать закрытия учреждений⁴.

Принятые меры, однако, не дали должного результата, и показатель безработицы продолжал расти, достигнув к 2013 г. своего исторического максимума в 27,2 %.

На рис. 2 можно проследить динамику повышения уровня безработицы в стране, начиная от 2008 г. — года мирового финансового кризиса.

Кабинет министров не остановился на попытках стабилизировать уровень безработицы и ввел в действие следующий пакет реформ в области регулирования рынка труда в период с 2013 по 2015 г.⁵

⁴ [Электронный ресурс]. URL: http://www.empleo.gob.es/es/sec_trabajo/analisis-mercado-trabajo/numeros/120/TablasyGraficos.pdf (дата обращения: 24.06.2017).

⁵ Маскаленко Э. В., «Экономическая политика Х.Л. Родригеса Сапатеро и М. Рахой в условиях кризиса: сравнительный анализ» // *Латинская Америка*, 2014, № 2, 61-69.

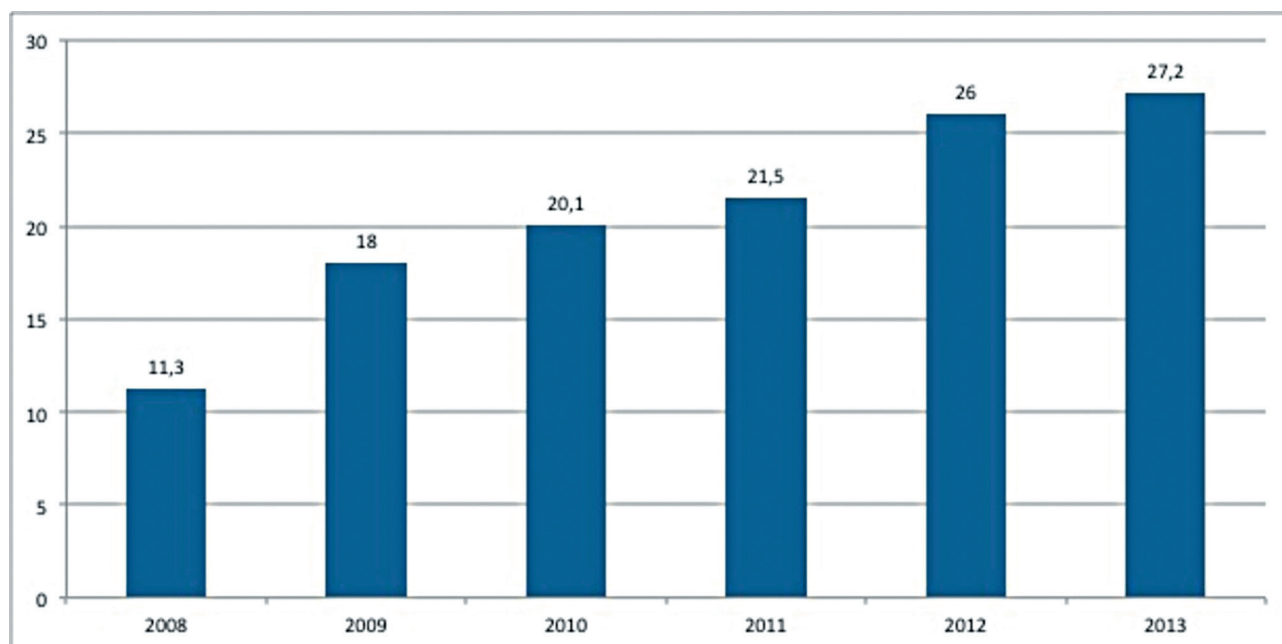

Рисунок 2. Уровень безработицы в Испании с 2008 по 2013 г., %

Стимулирование предпринимательства и самозанятости среди молодежи до 30 лет. При открытии собственного бизнеса предпринимателю устанавливалась льготная налоговая база — налог на прибыль взимался в размере 15 % для первых 300 тыс. евро, а также 20 % — для прибыли сверх этой суммы.

Стимулирование компаний в принятии на работу молодых людей. Создание стимулов для принятия на неполный рабочий день, сопряженный с обучением.

Увеличение информированности государственной службы занятости со стороны работодателей о необходимых требованиях к соискателям. Обеспечение прозрачности устройства рынка труда.

Возможность сочетать пособие по безработице с работой по найму в соответствии с установленной программой содействия в трудоустройстве.

Заключение временных контрактов с молодыми людьми с опытом работы менее трех месяцев для получения ими первичных профессиональных навыков.

Содействие частичной занятости и гибкому графику рабочего дня.

Заключение трудового договора на неопределенный срок с неполным рабочим днем, при этом предприятию предоставляются бонусы в течении трех лет.

Принятые меры дали свои плоды, и социально-экономическое состояние Испании начало улучшаться. Так, средний показатель безработицы на 2016 г. составил 19,6 %, как показано на рис. 3.

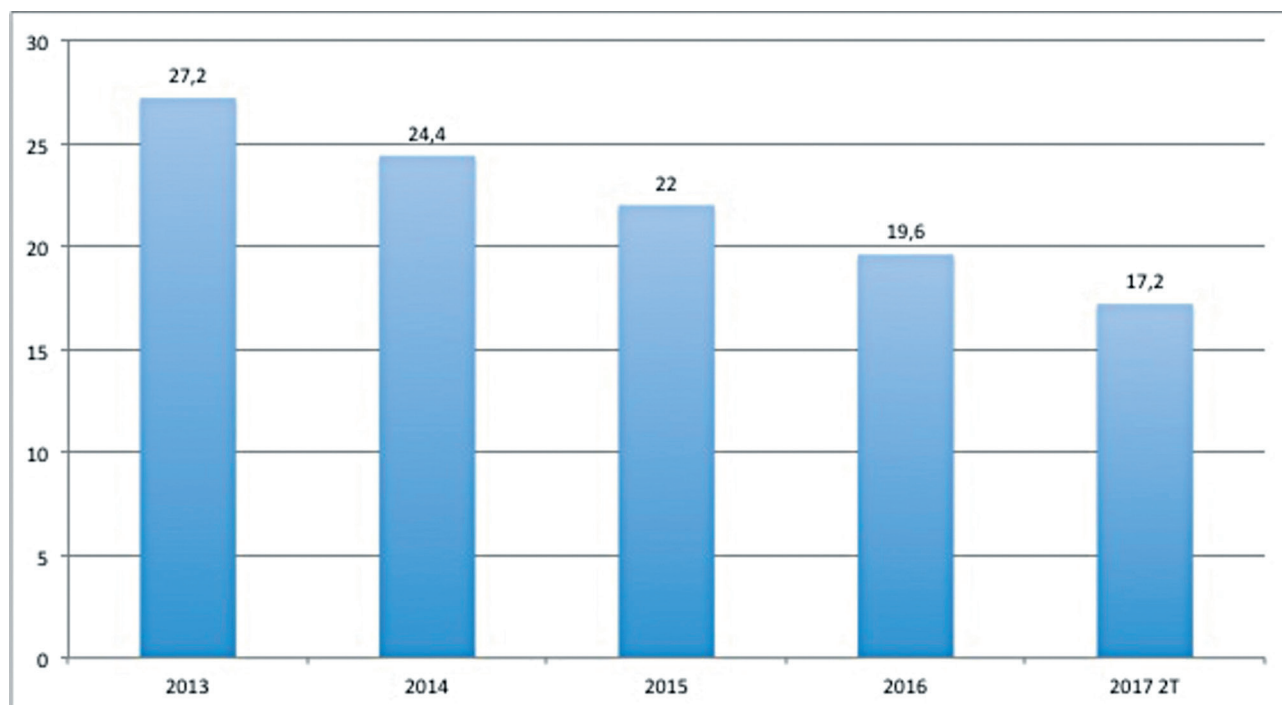

Рисунок 3. Динамика безработицы Испании с 2013 г. по I квартал 2017 г., %

За три года показатель безработицы упал на 7 % и продолжает снижаться в начале 2017 г. В то же время, несмотря на положительную тенденцию, показатель безработицы еще не вышел на предкризисный уровень 2007 г. По данным национальной испанской статистики, в тот момент он составлял 8,2 %.

Рассматривая по кварталам прошедший 2016 г., можно заметить тенденцию к снижению безработицы от I квартала к IV на 2,77 %. По мнению автора, если безработица будет снижаться в среднем по 3 % ежегодно, то к 2020 г. Испания сможет достигнуть докризисного уровня. Такая динамика положительно отразится на статистике Европейского союза (ЕС), в таком случае средний показатель безработицы может сократиться до 7 %.

Однако прогнозы ряда экспертов не столь утешительны. Например, экономический портал Trading Economics прогнозирует уровень безработицы Испании к 2020 г. в 14,9 %⁶ (табл. 1).

Все еще одной из основных проблем остается безработица среди молодежи в возрасте от 16 до 24 лет, она составляет около 44 % от экономически активного населения. Этот показатель в Испании является самым высоким по всей еврозоне — 9813,9 безработных молодых людей из общего числа рабочей силы страны.

⁶ [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/spain/unemployment-rate/forecast> (дата обращения: 24.06.2017).

Таблица 1

Экономически активное население Испании в 2016 г.

Квартал 2016 г	В млн чел.			В %	
	Экономически активное население	Занятые	Безработные	Экономически активное население	Безработные
1	22 821,0	18 029,6	4 791,4	59,29	21,00
2	22 875,7	18 301,0	4 574,7	59,41	20,00
3	22 848,3	18 527,5	4 320,8	59,28	18,91
4	22 745,9	18 508,1	4 237,8	58,95	18,63
Среднее значение	22 822,7	18 341,5	4 481,2	59,23	19,63

Сравним безработицу среди молодежи (от 16 до 24 лет) с некоторыми другими странами ЕС (рис. 4).

Даже соседняя Португалия с общим уровнем безработицы 11,2 % на 2016 г. обладает показателем нетрудоустроенной молодежи в размере 28,2 %, что в два раза меньше, чем в Испании.

В связи с этим испанским властям стоит обратить внимание на разработку мер борьбы с безработным населением среди молодежи.

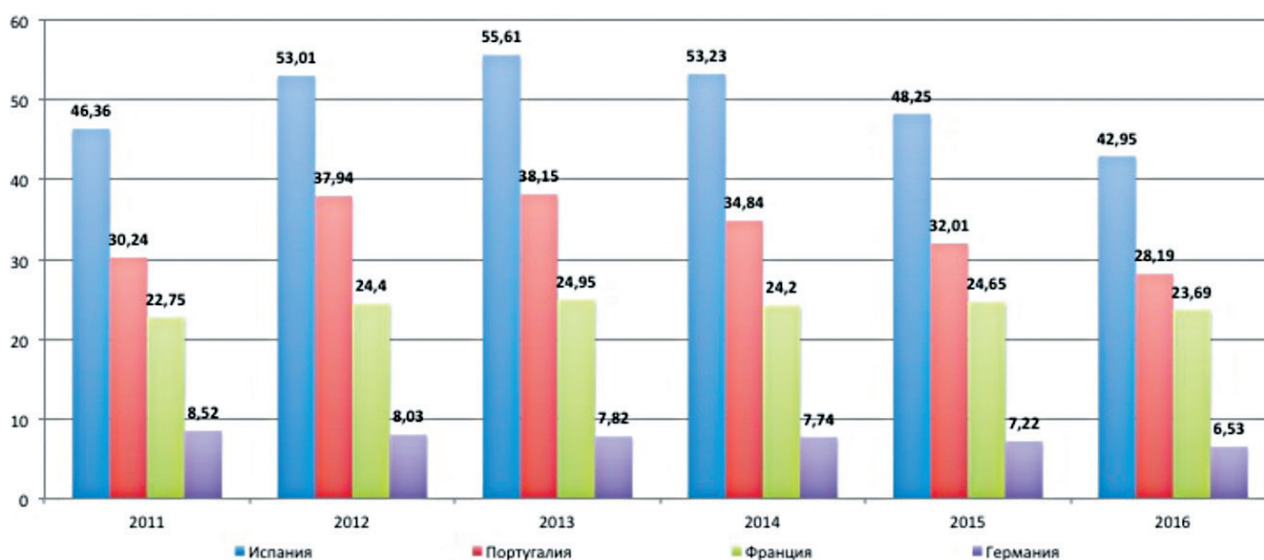

Рисунок 4. Безработица среди молодежи от общего числа рабочей силы в возрасте 16–24 лет, %

Другая проблема Испании, которая не так часто освещается экспертами, — разрыв показателей безработицы в разных районах страны. Отмечается, что юг намного больше нуждается в новых рабочих местах, чем север Испании. Как отмечает интернет-портал *Expansión*, наибольший процент безработицы на 2016 г. был сосредоточен в таких регионах, как Андалусия (28,3 %), Эстремадура (28,3 %) и Мелилья (27,4 %). Динамика по остальным регионам проиллюстрирована на рис. 5.

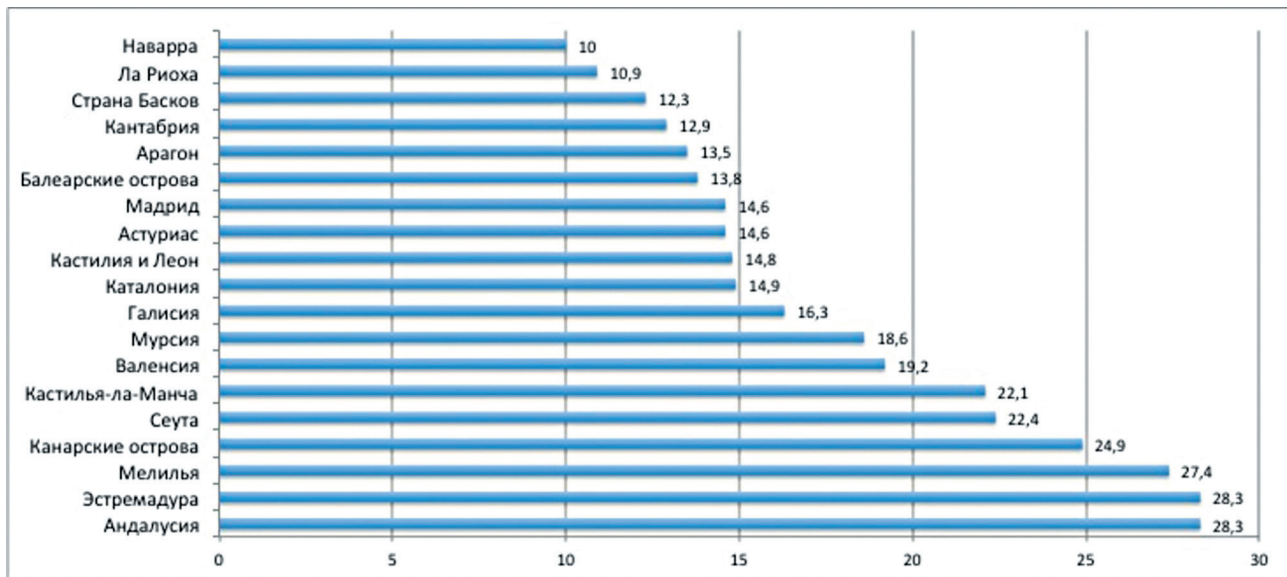

Рисунок 5. Среднее значение безработицы по регионам Испании в 2016 г., %

Разрыв между самым высоким уровнем безработицы в Андалусии и Эстремадуре и самым низким показателем в Наварре (10 %) составляет 18,3 %, что еще больше усугубляет дисбаланс макроэкономического развития Испании. Некоторые испанские аналитики утверждают, что, несмотря на ежегодное стимулирование создания правительством новых рабочих мест, многие из них аккумулируются на севере страны, а южные районы так и остаются в черте высокой безработицы, которые в большей степени пострадали от мирового финансового кризиса⁷.

Проведенные исследования дают основания полагать, что необходимо разработать дополнительные меры по борьбе с безработицей с учетом особенностей испанской конъюнктуры. Автором предлагается ряд мер, которые могли бы простимулировать испанское общество для создания новых рабочих мест, в первую очередь для молодых людей, заканчивающих высшие учебные заведения и не имеющих опыта работы, а также для южных районов, где сохраняется наиболее высокий уровень безработицы.

⁷ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elmundo.es/economia/macroeconomia/2017/05/04/5909ea88e2704e47468b4651.html> (дата обращения: 24.06.2017).

Предлагаемые меры борьбы с безработицей:

1. Интеграция предприятий в образовательный процесс.

Для борьбы с безработицей среди молодежи необходимо, чтобы предприятия участвовали в образовательном процессе, тем самым контролировали подготовку новых кадров, готовили для себя специалистов, в которых нуждается рынок труда.

2. Ввод в образовательную программу курса по открытию и развитию собственного бизнеса.

Студентам необходимо не просто изучать теоретическую возможность построения собственного бизнеса, но и на практике открывать стартапы на базе университетов. На выходе государство получает готовый бизнес, который, в свою очередь, также будет давать новые рабочие места.

3. Включение в образовательные программы увеличенного количества практик на предприятии.

Заключение контрактов между образовательными организациями и предприятиями для прохождения студентами практик на производстве, при этом необходимо засчитывать им такую практику, как опыт работы на предприятии. При окончании учебного заведения выпускник выходит на рынок труда с полным комплектом документов (трудовой книжкой, где записан срок его работы на предприятии, социальным пакетом и т. д.), т. е. он полностью готов к дальнейшему трудоустройству.

4. Сокращение пособий по безработице.

Предлагается временно сократить размер пособия по безработице, а также период выплаты до 18 месяцев. В настоящее время пособие по безработице предоставляется сроком на 24 месяца.

5. Увеличение информированности населения о принятых законах правительства.

Возможно, одной из проблем высокого уровня безработицы является недостаточное знание населением своих прав и новых законов, принятых правительством. Проанализировав официальные интернет-ресурсы, можно заметить имеющиеся предложения о работе, а также бланки заполнения пособий по безработице, информацию о помощи по социальному обеспечению и статистику социально-экономической политики. Несмотря на это, можно предположить, что молодые люди не интересуются официальными источниками, поэтому стоит продумать более современный способ информирования, например через социальные сети.

6. Увеличение экспорта в страны, не входящие в ЕС.

Увеличение экспорта предполагает увеличение производства продукции, идущей в другие страны для продажи, а следовательно, увеличение рабочих мест.

Чтобы определить наилучшие направления для экспорта товаров из Испании, рассмотрим рис. 6.

В настоящее время приоритетным направлением для Испании являются страны Европы, куда экспортируется около 67 % испанской продукции. Между тем на страны Латинской Америки, наиболее близкие по языковой культуре и этнической схожести, приходится всего 3,3 % экспорта. Стоит увеличить товаропоток в страны Латинской Америки, прежде всего продукцию текстильной промышленности и машиностроения.

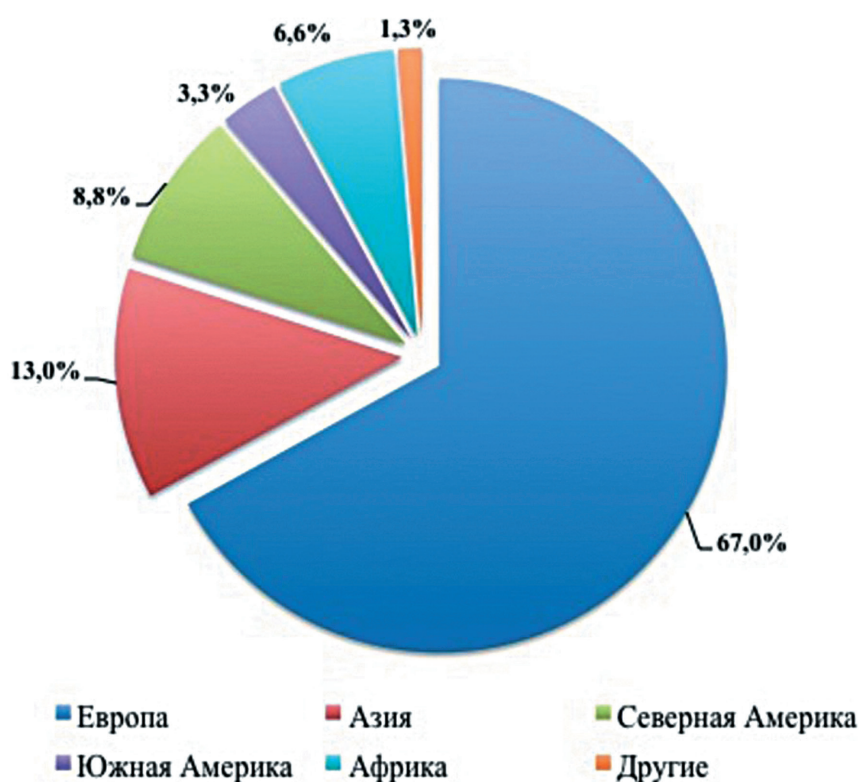

Рисунок 6. Структура испанского экспорта по направлениям в 2016 г., %

7. Привлечение наибольшего числа туристов на юг страны.

Как отмечено выше, наблюдается сильный разрыв по уровню занятости между севером и югом Испании: на юге страны имеется около 26,2 % безработных, на севере — около 16 %. Развитие туристической инфраструктуры в южных районах поможет в образовании новых рабочих мест.

8. Налоговые льготы для предприятий, принимающих на работу молодежь без опыта работы.

Правительством Испании была разработана и запущена реформа, в рамках которой заключение контрактов о «первой занятости» с молодыми людьми предусматривает бонус для предприятия на социальное обеспечение в размере 500 евро в год в течение трех лет.

Автор предлагает усилить данную меру и предложить для малых и средних предприятий налоговые льготы на прибыль при трудоустройстве молодежи, которая только что закончила высшие учебные заведения. При этом соответствующие расходы должны быть направлены на повышение квалификации работников в размере налоговой льготы.

Подобные меры по борьбе с безработицей простимулируют рынок труда, помогут сократить проблемы среди молодежи, с которой они сталкиваются во время поиска работы после окончания высших учебных заведений, а также нивелировать разрыв между югом и севером Испании в уровнях безработицы. При положительной динамике макроэкономических показателей страны, а также стабильной внешней конъюнктуре мирового рынка возможно будет достигнуть уровня безработицы в среднем до 7 % к 2020 г., как было спрогнозировано автором выше.

Библиография

1. Tafunell A. “Historia económica de la España contemporánea (1789–2009)”. Barcelona: Crítica, 2010. 559 p.
2. Маскаленко Э. В. «Экономическая политика Х. Л. Родригеса Сапатеро и М. Рахоя в условиях кризиса: сравнительный анализ». Латинская Америка, 2014, № 2, 60-69.
3. Analisis Mercado de trabajo. Available at: URL: http://www.empleo.gob.es/es/sec_trabajo/analisis-mercado-trabajo/numeros/120/TablasyGraficos.pdf (дата обращения: 24.06.2017).

Образование в Испании: внутренние проблемы и задачи международного уровня

Educación en España: problemas internos y tareas internacionales

Resumen: el presente artículo analiza brevemente la situación con la reforma de la educación española y en particular la posibilidad de llegar a un acuerdo sobre el pacto de educación. La segunda parte se dedica a la experiencia positiva de España como el destino más popular para los participantes de los programas Erasmus.

Palabras clave: España; reforma de la educación española; pacto educativo; Erasmus.

Abstract: the article pretends to analyze briefly the situation with the educational reform in Spain and the possibility of the agreement about the pact on education. The second part of the paper is dedicated to the Spanish positive experience as the most popular destination for the Erasmus students.

Keywords: Spain; Spanish education reform; pact on education; Erasmus.

Россия — не единственная страна, где сегодня проводится глубокое реформирование системы образования. Ярким примером такого процесса является Испания, где продолжающаяся дискуссия о необходимости введения очередного нового закона об образовании, кажется, всколыхнула едва ли не все общественные слои, не оставляя равнодушных. Постоянное внесение изменений в образовательное законодательство правительствами сменявших друг друга у власти партий высветило необходимость общественного консенсуса по вопросу реформы образования, которого пока не удалось достичь.

В то же время — при очевидных внутренних сложностях и разногласиях в вопросе трансформации национальной системы обучения — Испания демонстрирует уверенные успехи на международном образовательном пространстве.

¹ Гриценко Илона Александровна, Россия, научный сотрудник Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, старший преподаватель кафедры иностранных языков лингвистического факультета Российского государственного социального университета (gricenko_ilona@mail.ru).

Реформирование без конца

“Cambio de gobierno, cambio de ley educativa”² — эта фраза как нельзя лучше подходит, чтобы резюмировать фактически непрерывное реформирование образования в Испании в последние 35 лет. В очередной раз устав от нестабильности системы образования, испанское общество, кажется, было настроено решительным образом покончить с таким положением дел.

Непрекращающиеся реформы образования в Испании обусловлены объективными причинами: насущной необходимостью адаптации системы к новым реалиям XXI в. Как строить учебные планы в условиях мультикультурного окружения, чтобы учащиеся не теряли культурной идентичности? Как вводить в содержание предметов постоянно обновляющуюся информацию, которая становится все более междисциплинарной? Как формировать практическую конкурентоспособность? Нужно ли адаптировать систему образования под нужды рынка труда? Ответы на эти вопросы еще только предстоит найти.

Другая, не менее значимая причина реформирования испанской образовательной системы — присоединение к Болонской декларации, что подразумевает конвергенцию в рамках общеевропейского пространства и унификацию систем образования для его более успешной интернационализации в рамках Европейского союза (ЕС).

Но постоянство изменений законодательной базы в области образования было связано не только и не столько с объективными причинами. Как пишет Э. Г. Ермольева, законы, «регулирующие работу национальной инфраструктуры обучения, довольно часто перерабатываются действующими правительствами, пересматриваются парламентом, широко обсуждаются в обществе»³. Это означает, что Испания обязана непрекращающимися изменениями образовательной системы попеременной смене у власти двух ведущих политических сил — Народной партии (исп. — *Partido Popular, PP*) и Испанской социалистической рабочей партии (исп. — *Partido Socialista Obrero de España, PSOE*). Каждое новое правительство стремилось внести корректировки (часто прямо противоположные) в законы, изданные предшественниками в соответствии со своими взглядами на то, каким должно быть образование. Споры о реформе просвещения превратились в арену политического противостояния, где партии стремятся набрать политические очки, что бывает особенно заметно в предвыборный период.

² Рус.: Смена правительства — смена закона об образовании.

³ Ермольева Э. Г., «Испания: полемика вокруг законов об образовании» // *Латинская Америка*, 2006, № 10, 33–44.

Для регулирования одного только высшего образования с 1982 г. было издано множество законов и специальных декретов. Вот лишь некоторые из них:

1982 г. — разработанный PSOE Закон об университетской реформе (*Ley Orgánica de la Reforma Universitaria, LRU*), адаптировавший вузы к новым социальным, политическим и экономическим условиям и законодательной базе и заменивший закон 1970 г.;

1990 г. — выпущенный в дополнение Закон об общем порядке в системе образования (*Ley Orgánica de ordenación general del sistema educativo, LOGSE*), как и закон 1982 г. критиковавшийся PP за снижение качества образования в результате курса на его массовость;

2002 г. — явившийся ответом на необходимость адаптации к новым условиям и технологиям информационного общества Единый закон об университетах (*Ley Orgánica de Universidades, LOU*) и Закон о квалификациях и профессиональной подготовке (*Ley Orgánica de cualificaciones y formación profesional, LOFP*) авторства «народников», обсуждавшийся в течение девяти месяцев на фоне протестных манифестаций и вызвавший широкую общественную дискуссию. Члены PSOE настаивали на внесении 600 поправок, но ни одна не была принята. Едва вступив в силу, в 2004 г. закон отменен пришедшим к власти правительством социалистов;

2006 г. — предложенный PSOE новый вариант Единого закона об университетах (*Ley Orgánica de Universidades, LOU 2006*), в котором в качестве главного приоритета реформирования высшей школы называлось вхождение в Единое европейское образовательное пространство, что потребовало перехода на систему «бакалавриат + магистратура». Он вызвал уличные протесты против новой структуры обучения, связанные с увеличением расходов на образование среди студентов в связи с введением магистратуры;

2013 г. — Единый закон по улучшению качества образования / закон Верта (*Ley orgánica para la mejora de la calidad educativa, LOMCE; ley Wert*).

Обсуждение положений закона Верта непосредственным образом повлияло на атмосферу, царящую сегодня в испанском образовательном обществе, накалив ее до предела. Хотя в этом законе речь идет в основном о начальном и среднем образовании, его положения логичным образом драматически влияют на высшую школу.

По мнению авторов закона, LOMCE должен был стать главным инструментом борьбы с проблемой низких академических результатов, показатели по которым в Испании намного хуже среднеевропейских, и высоким процентом не окончивших школу (28,5 % при среднеевропейском уровне 14,5 %, по данным Евростата). Второй целью LOMCE являлась борьба с

растущей безработицей среди молодежи⁴ посредством ранней интеграции учащихся на рынок труда. Однако положения закона вызвали более чем бурную реакцию в испанском обществе. Так, преамбула LOMCE гласит, что качество образования должно оцениваться по выходным данным — результатам студентов, а не по уровню инвестиций, числу преподавателей и т. п. По мнению экс-министра просвещения Испании Хосе Игнасио Верта (2011–2015), образование должно улучшаться без необходимости увеличения финансовых вложений в него. В то же время инвестиции Испании в образование составляют 4,3 % от ВВП при среднем значении 5,2 % в странах ОЭСР⁵.

В законе Верта есть много камней преткновения, среди них — вопрос «религии и языков». Закон предписывает, что религия в качестве образовательной дисциплины приобретает такой же вес для финальной оценки успехов учащегося, как и другие магистральные предметы (например, математика и иностранные языки), и должна учитываться для получения стипендии. С этим положением закона Верта многие категорически не согласны. Что касается национальных языков двуязычных автономных сообществ (например, Каталонии), то, согласно закону, они, напротив, становятся «специальными дисциплинами» или дисциплинами по выбору и не будут оцениваться на госэкзаменах. В связи с этим представители автономий даже обращались в Конституционный суд Испании.

Жесткое противостояние образовательного сообщества и Министерства просвещения сопровождалось протестными демонстрациями преподавателей и студентов и вовлеченностью широких слоев общественности в дебаты. Все чаще были слышны голоса, говорившие, что образовательная система не должна находиться в столь сильной зависимости от политической конъюнктуры, что это мешает ее поступательному развитию, а постоянные изменения в законодательстве парализуют работу учебных учреждений и не способствуют четкому функционированию системы, создают путаницу в признании дипломов и т. д.

В течение 2016 г. в стране самым активным образом обсуждалась идея о заключении так называемого пакта об образовании. Дискуссия разворачивалась на фоне политических противоречий, которых с возникновением на политической арене Испании новых сил — партий Ciudadanos и Podemos — прибавилось. В одном участники дискуссии сошлись — соглашение необходимо.

⁴ Подробнее о проблеме безработицы среди испанской молодежи см.: Ермольева Э. Г., «Молодежь Европы: потерянное поколение для будущего?» // *Современная Европа*, 2016, № 5 (71), 79–90.

⁵ Jabonero Blanco M., “La educación: con o sin pactos” // *El País*, 23.01.2017. URL: www.elpais.com.

Пакт об образовании — реальность или утопия?

Возможно ли подписание пакта? Вот лишь некоторые из заголовков, которыми пестрит испанская пресса: «(Не)возможный пакт об образовании»; «Пакт об образовании, которого не будет»; «Четыре препятствия на пути к заключению пакта об образовании»; «Сейчас не лучший момент для заключения пакта, чем в 2010-м»⁶. Как видно, этот вопрос занимает многих.

Заключение национального пакта об образовании — возможность стабилизировать образовательную систему. Но выработка положений документа возможна лишь после обсуждения не только представителями профессионального сообщества, но представителями всех задействованных слоев общественности (ученики, семьи, политические партии, профсоюзы, организации, экспертное сообщество и т. д.). Требуется разработка единой стратегии в области образования, в рамках которой система не будет подвергаться нововведениям, действие которых может быть отменено следующим правительством, как показывала практика последних лет. Участники дискуссии настаивают на необходимости деидеологизации дебатов, на том, что пакт должен быть не только политическим, но и социальным, что и предполагается, учитывая его полное название — *Pacto de Estado Social y Político por la Educación*.

1 декабря 2016 г. комиссия по вопросам образования Конгресса депутатов Испании одобрила предложение о создании комиссии (*Subcomisión para el pacto educativo*), которой было поручено за полгода выработать доклад о пакте об образовании. Этот документ должен послужить основой для нового (!) закона об образовании, который внес бы вклад в стабильность образовательной политики.

20 февраля 2017 г. на полях образовательного форума “*Educación, esa asignatura pendiente*” присутствовавшие на нем четыре экс-министра образования Испании — Густаво Суарес Пертьерра (1993–1995, PSOE), Эсперанса Агирре (1996–1999, PP), Пилар дель Кастильо (2000–2004, PP), Анхель Габилондо (2009–2011, PSOE) — совпали во мнении, что воля к заключению пакта существует⁷. Тем не менее обсуждение положений документа, ввиду противоречий между группами-участницами, проходит с большими затруднениями. Срок работы комиссии в мае 2017-го был продлен до конца года. Противники действующего на данный момент LOMCE, требующие немедленного прекращения его действия, указывают, что нынешний ми-

⁶ Исп.: El (im)posible pacto educativo; El pacto educativo que nunca llega; Cuatro obstáculos para el pacto educativo; Ahora no es un momento mejor que en el 2010 para un pacto educativo.

⁷ Cuatro exministros de Educación coinciden en que hay voluntad para el pacto [Электронный ресурс]. URL: <http://europapress.es/> (дата обращения: 20.02.2017).

нистр просвещения Иньиго Мендес де Виго выказывает все меньше готовности существенно менять положения закона⁸.

В этой связи следует вспомнить слова специалиста в области образования из Валенсии Хуана Гарсии Рубио о том, что вопрос времени является невероятно важным, и единственный момент, когда есть шанс заключить пакт, — пока на горизонте нет каких-либо выборов.⁹ Рабочие группы в составе комиссии обязаны представить текст соглашения о том, каким должно быть испанское образование в начале 2018 г. С учетом проволочек, вызванных необходимостью проводить документ через парламент и желанием правящей партии оставить в силе LOMCE как можно дольше, новый закон об образовании мог бы вступить в силу по самому позитивному прогнозу не раньше 2019/20 учебного года¹⁰. С учетом же нынешней ситуации неопределенности, сложившейся вокруг Каталонии после проведения 1 октября 2017 г. так называемого референдума о независимости, признанного центральным правительством нелегитимным, можно считать, что момент упущен.

Международный успех Испании в Erasmus в цифрах

На фоне сложной ситуации вокруг образования внутри королевства Испания демонстрирует очевидные успехи в качестве страны — участницы программы Erasmus. «Нельзя понять Erasmus без Испании, и Испанию нельзя понять в том, что касается интернационализации образования без Erasmus», — эти слова директора Испанской службы интернационализации образования (SEPIE) Пабло Мартина Гонсалеса с очевидностью находят подтверждение, если обратиться к статистическим отчетам Еврокомиссии, касающимся этой всемирно известной программы.

В 2013/14 учебном году испанские университеты заняли шесть из верхних десяти строчек образовательных учреждений, которые принимают больше всего участников Erasmus. Что касается университетов, в которые предпочли отправиться в том же году студенты со всей Европы, участвующие в программе, испанские учреждения были самыми востребованными: из десяти лидеров — пять испанских (табл. 1, 2).

⁸ Castillo del C. “El pacto educativo se retrasa: la LOMCE seguirá viva hasta el final de la legislatura” [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publico.es/> (дата обращения: 12.09.2017)

⁹ Rubio J. G., “Pacto educativo, ¿ahora o nunca?” [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levante-emv.com/opinion/2017/03/23/pacto-educativo-ahora-o/1544746.html> (дата обращения: 23.03.2017).

¹⁰ Ibid.

Таблица 1

Топ-10 вузов по числу принятых участников Erasmus

№	Страна	Название вуза	Кол-во чел.
1	Испания	Университет Гранады	1,918
2	Испания	Мадридский университет Комплутенсе	1,731
3	Испания	Университет Валенсии	1,722
4	Италия	Болонский университет	1,678
5	Чехия	Карлов университет	1,360
6	Испания	Политехнический университет Валенсии	1,290
7	Испания	Университет Севильи	1,139
8	Испания	Университет Барселоны	1,106
9	Словения	Люблянский университет	1,091
10	Бельгия	Лёвенский католический университет	1,048

Источник: Европейская комиссия. Erasmus 2013/14 Top 500 higher education institutions receiving Erasmus students, www.ec.europa.eu

Таблица 2

Топ 10-вузов по числу отправленных по программе Erasmus студентов

№	Страна	Название вуза	Кол-во чел.
1	Испания	Университет Гранады	2,020
2	Италия	Болонский университет	1,901
3	Испания	Мадридский университет Комплутенсе	1,775
4	Испания	Университет Валенсии (UVEG)	1,601
5	Италия	Падуанский университет	1,347
6	Испания	Каталонский политехнический университет	1,275
7	Испания	Политехнический университет Валенсии	1,253
8	Польша	Варшавский университет	1,241
9	Австрия	Венский университет	1,206
10	Чехия	Карлов университет	1,185

Источник: Европейская комиссия. Erasmus 2013/14 Top 500 higher education institutions sending Erasmus students, www.ec.europa.eu

Сегодня Испания находится на третьем месте после Франции и Германии по числу студентов, участвующих в программе (около 37,5 тыс.), но сохраняет лидирующую позицию по количеству принятых учащихся (около 44 тыс.). Больше всего прибывает в Испанию учащихся-итальянцев, французов и немцев.¹¹

¹¹ Fuentes A. G., “España, destino preferido de los estudiantes Erasmus, ABC” [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abc.es/sociedad/> (дата обращения: 24.05.2016).

В 2016 г. Европейской комиссией было опубликовано исследование¹² влияния программы Erasmus на личность и карьеру участников в целом по Европе и в отдельно взятых странах. Этот документ содержит анализ ответов студентов Erasmus на вопросы об их мотивах о полученном опыте.

Согласно документу, для испанских участников наибольшую мотивацию представляет, как и в других странах Южной Европы, возможность улучшить навыки владения иностранным языком, личные умения и главное — расширить перспективы трудоустройства за рубежом¹³. Очевидно, такая мотивация вызвана высокими показателями безработицы в странах Южной Европы, среди которых и Испания. В то же самое время респонденты из Северной Европы упоминают как наиболее важную возможность знакомства с новыми людьми и улучшение перспектив трудоустройства в родной стране¹⁴.

В случае Испании программой воспользовались 625 тыс. студентов университетов, свыше 73 тыс. обучающихся по программам профессиональной подготовки и преподавателей, более 130 тыс. молодых людей — по программам обмена, множество научных кадров и волонтеров¹⁵.

В числе причин, по которым иностранные участники программы предпочитают Испанию, наиболее весомой является хорошее соотношение между ценой и качеством жизни и хороший климат. Другие причины — желание выучить испанский язык, на котором разговаривают свыше 500 млн чел. по всему миру, пейзажи, богатая история страны и искусство. Наиболее популярными городами у студентов Erasmus являются Барселона, Валенсия и Мадрид¹⁶.

Важно отметить, что, несмотря на такую большую популярность Испании в качестве направления для участников программы Erasmus, к сожалению, страна не является приоритетом для прохождения обучения иностранными гражданами. По данным El País, только 2,9 % студентов — иностранцы (по сравнению с 17,1 % в Великобритании, 4,7 % в Италии и 4 % в Португалии). Среди причин — отсутствие программ обучения на

¹² The Erasmus impact study regional analysis. A Comparative Analysis of the Effects of Erasmus on the Personality, Skills and Career of students of European Regions and Selected Countries, Comisión Europea, 2016. <http://www.ec.europa.eu/>.

¹³ Ibid, 13–14.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Bruselas lanza una consulta pública para evaluar la eficacia del programa Erasmus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europapres.es/> (дата обращения: 28.02.2017).

¹⁶ Fuentes A. G., “España, destino preferido de los estudiantes Erasmus, ABC” [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abc.es/sociedad/> (дата обращения: 24.05.2016).

английском языке, нехватка стипендий для иностранцев и бюрократия¹⁷. Тем не менее, принимая во внимание опыт Испании по участию в Erasmus, у страны есть все возможности для улучшения этих показателей. Одним из важных факторов является то, что программа бакалавриата в большинстве вузов Испании по новому стандарту длится всего три года, в отличие от некоторых других стран Европы, где ее длительность — четыре года. Это вкупе с испанским языком делает страну приоритетным направлением образовательной миграции студентов Латинской Америки¹⁸, что несет экономические вливания для иберийской страны.

Рассматривая экономический аспект участия Испании в программе Erasmus, следует обратить внимание на то, что бюджет программы составляется из фондов, направленных Европейским союзом, а также из вложений стран-участниц. Вклад Испании в финансирование программы постепенно увеличивался вплоть до резкого снижения практически в половину в 2012–2013 гг. График 1 показывает динамику изменения бюджета Испании на программу за последние шесть лет.

Бюджет Erasmus в млн. евро

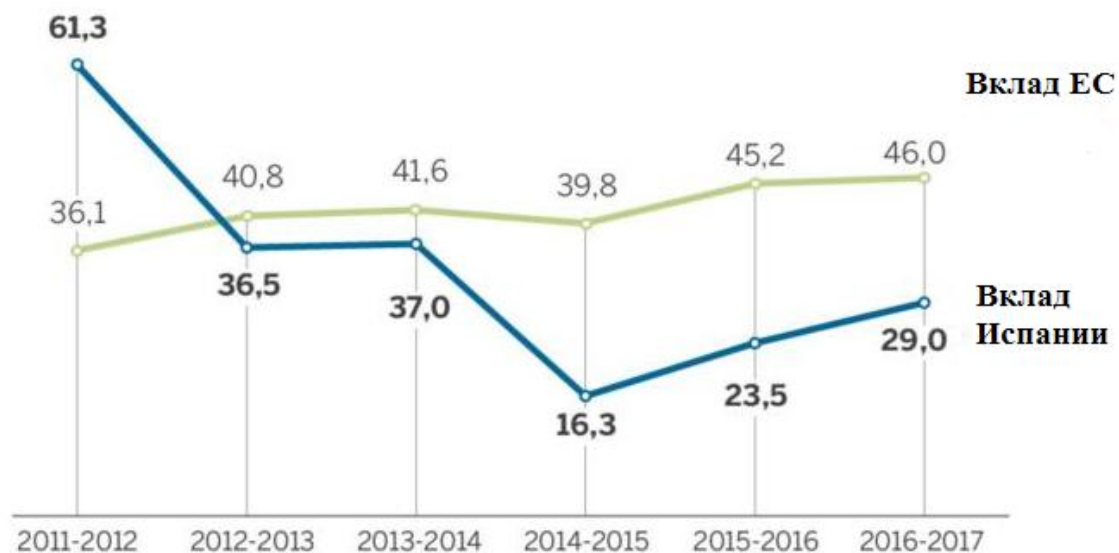

График 1

Источник: España ha reducido su presupuesto para becas Erasmus más del 50 % en los últimos seis años. El País. 19.05.2017

¹⁷ Álvarez P., “España triunfa con los Erasmus, pero no con todos los titulados extranjeros”. El País [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elpais.com/> (дата обращения: 18.01.2016).

¹⁸ Степанов М. С., Сервантес Нахера Б., «Перспективные направления образовательного сотрудничества со странами Латинской Америки» // *Ученые записки РГСУ*, 2016, Т. 15, № 6 (139), 100–107.

По данным газеты ABC, несмотря на такое резкое снижение финансирования, студенты, приезжающие по программе обмена, приносят Испании около 242 млн евро в год (например, в Италии сумма значительно скромнее: 147 млн). Эта сумма почти в 10 раз превышает выделенную страной на Erasmus на 2015/16 учебный год, что в случае Испании делает очевидной выгоду от вложений в программы студенческой мобильности, в частности в Erasmus.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что проблема «реформирования без конца» останется актуальной для Испании на ближайший период времени. Хотя в диалоге об образовательном пакте есть определенные подвижки, разногласия по поводу того, каким должно быть испанское образование, велики, и для того чтобы подводить промежуточные итоги, необходимо дождаться окончания работы специальной комиссии по выработке документа-основы для будущего единого закона.

Что касается интернационализации испанского образования, очевидный успех страны по линии академических обменов и причины, по которым участники Erasmus выбирают Испанию, могли бы лечь в основу привлечения иностранных студентов на обучение по программам бакалавриата и магистратуры. Тем не менее трудности внутри страны в достижении консенсуса по вопросам образования представляют серьезное препятствие на этом пути.

Библиография

4. Ермольева Э. Г., «Испания: полемика вокруг законов об образовании» // *Латинская Америка* 2006, № 10, 33–44.
5. Ермольева Э. Г., «Молодежь Европы: потерянное поколение для будущего?» // *Современная Европа*. 2016. № 5 (71).
6. Jabonero Blanco M., “La educación: con o sin pactos” // *El País* [Электронный ресурс]. URL: www.elpais.com (дата обращения: 23.01.2017).
7. Cuatro exministros de Educación coinciden en que hay voluntad para el pacto [Электронный ресурс]. URL: <http://europapress.es/> (дата обращения: 20.02.2017).
8. Castillo del C., “El pacto educativo se retrasa: la LOMCE seguirá viva hasta el final de la legislatura [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publico.es/> (дата обращения: 12.09.2017).
9. Rubio J. G., “Pacto educativo, ¿ahora o nunca?” [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levante-emv.com/opinion/2017/03/23/pacto-educativo-ahora-o/1544746.html> 23.03.2017).

10. Fuentes A. G., “España, destino preferido de los estudiantes Erasmus”, *ABC* [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.abc.es/sociedad/](http://www.abc.es/sociedad/) (дата обращения: 24.05.2016).
11. The Erasmus impact study regional analysis. A Comparative Analysis of the Effects of Erasmus on the Personality, Skills and Career of students of European Regions and Selected Countries, Comisión Europea, 2016. <http://www.ec.europa.eu/>.
12. Bruselas lanza una consulta pública para evaluar la eficacia del programa Erasmus [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.europapres.es/](http://www.europapres.es/) (дата обращения: 28.02.2017).
13. Fuentes A. G., “España, destino preferido de los estudiantes Erasmus”, *ABC* [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.abc.es/sociedad/](http://www.abc.es/sociedad/) (дата обращения: 24.05.2016).
14. Álvarez P., “España triunfa con los Erasmus, pero no con todos los titulados extranjeros”. *El País* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elpais.com/> (дата обращения: 18.01.2016).
15. Степанов М. С., Сервантес Нахера Б., «Перспективные направления образовательного сотрудничества со странами Латинской Америки» // *Ученые записки РГСУ*, 2016, Т. 15, № 6 (139), 100–107.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О. К. Войку, И. Маньяс Наваррете¹

Придуманная страна Исабель Альенде

Isabel Allende's Invented country

Resumen: Este artículo trata de la vida y la obra, así como de la recepción crítica de famosa escritora chilena Isabel Allende (1942) llamada “García Márquez con falda”. “La casa de los espíritus” (1982) la situó en la cúspide de los narradores latinoamericanos. En su libro “Mi país inventado” Chile deviene un país real y fantástico a la vez. Isabel Allende vuelca sus sentimientos para recrear dos historias enlazadas, la de su país y la propia. El martes fatídico de 2001 fue un momento decisivo, nada volverá a ser como antes. No se puede permanecer neutral en una crisis. Por una escalofriante coincidencia el golpe militar de Chile ocurrió un martes 11 de septiembre en 1973..

Palabras clave: Isabel Allende; Chile; país inventado.

Abstract: This article is dedicated to the life and works of the famous writer Isabel Allende from Latin America — Chile and especially to her book “Mi país inventado” which tells us about her country and the nostalgia that she feels towards her country. She gives a large retrospective of her life in Chile. The work of Isabel Allende shows us a completely unfamiliar side of Chile. The author introduces the hardships and unusual history of the Chilean people as well as the culture, customs and traditions of their homeland. Isabel Allende reveals the inner world, feelings and pain for her country. She pictures the identity and pride of the Chilean people very thoroughly. We see the image of Chile in the context of world history. Isabel Allende believes it was no accident that the coup in Chile occurred on September 11, 1973 and the twin towers in New York were destroyed on September 11, in the year 2001.

Key words: Isabel Allende; Chile; famous writer.

Исабель Альенде Льона на данный момент — одна из самых читаемых латиноамериканских авторов. Она родилась в столице Перу Лиме 2 августа 1942 г. Там работал в дипмиссии ее отец, Томас Альенде, двоюродный брат

¹ Войку Ольга Константиновна, Россия, кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (voicou@mail.ru).

Маньяс Наваррете Ибан, Испания, PhD, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета (iban.manas@yahoo.es).

будущего президента Чили Сальвадора Альенде. В 1945 г. брак распался, мать, Франсиска Льона Баррос (Панчита), уроженка Чили, увезла Исабель и двух ее братьев в дом своего отца в Сантьяго. Таким образом, перуанская культура вряд ли могла оказать влияние на формирование личности, мировоззрение и язык Исабель Альенде.

В 1953 г. Франсиска выходит замуж за Р. Уидобро, другого чилийского дипломата, которого через несколько месяцев командируют в Ла-Пас, столицу Боливии. В Боливии Исабель посещает частную американскую школу, а в столице Ливана Бейруте, куда вскоре направлен Уидобро и где семья жила до 1958 г., будущая писательница учится в частной английской школе.

Закончив факультет журналистики, в 1959–1965 гг. Альенде успешно работает тележурналисткой в информационной службе Организации по продовольствию и сельскому хозяйству ООН в Сантьяго. На телевидении она ведет еженедельную передачу о программе ООН по борьбе с голодом.

В 1964–1965 гг. Исабель путешествует по Европе, недолгий период живет с мужем и дочерью в Бельгии и Швейцарии. В 1966 г. ее семья возвращается в Чили. Примерно на этот же период (1967–1974) приходится и расцвет журналистской карьеры Исабель Альенде: она становится главным редактором чилийского журнала *Paula*, единственного печатного издания феминистского движения Чили. В журналистике она часто обращалась к вопросам эмансипации женщин и равноправия полов и получила известность как автор критических социальных и феминистских материалов. В журнале публиковались статьи о левом правительстве Народного единства, руководимого Сальвадором Альенде. Вела она и юмористическую колонку *Los impertinentes*. Позднее (1973–1974) Исабель работает в детском журнале *Mampato*, в котором публикует два рассказа: *La abuela Panchita* и *Lauchas y lauchones*.

Лексема *la laucha* и ее производное *el lauchón* — результат влияния на испанский язык индейского арауканского языка мапуче; *la laucha* — синоним кастильского *el ratón*.

В 1971 г. в Сантьяго поставили пьесу Исабель Альенде *El embajador*. Кроме того, Альенде работала ведущей популярных передач на двух каналах чилийского телевидения и готовила репортажи.

Во вторник 11 сентября 1973 г. в Чили произошел военный переворот. Его подробное описание мы находим в одном из первых изданий, посвященных этому событию². Хорхе Тимосси, аргентинский писатель и журналист в издательстве *Prensa Latina*, был свидетелем героической борьбы

² Timossi J., *Grandes Alamedas el combate del presidente Allende*, La Habana: Editorial de ciencias sociales, 1974.

правительства Народного единства под руководством Сальвадора Альенде и отмечает мужество, с которым президент отверг предложение воспользоваться бронжилетом (их не хватало для всех). Сальвадор Альенде отказался покинуть дворец Ла Монеда, до конца оставался со своими соратниками на боевом посту и героически погиб.

В своем последнем официальном обращении к народу Чили по радио, которое передавалось под звуки орудий, президент сказал: «Да здравствует Чили, да здравствует народ, да здравствуют трудящиеся! Это мои последние слова, я уверен, что жертва будет не напрасной»³.

Об этом же говорили в своих выступлениях, посвященным солидарности с чилийским народом, 28 сентября 1973 г. дочь Сальвадора Альенде, Беатрис, и Фидель Кастро⁴.

В 1975 г., через два года после военного переворота Аугусто Пиночета, в котором был убит Сальвадор Альенде, Исабель, спасаясь от политической «чистки», вместе с семьей уезжает в Каракас, столицу Венесуэлы, потому что это «была одна из последних стран, в которой сохранялась демократия»⁵.

После установления военно-фашистского режима в стране все лучшие писательские силы оказались в эмиграции. Их печатными органами являются литературно-политический журнал «Араукария де Чили» и литературно-критический журнал «Чилийская литература в изгнании», издаваемые в других странах. Оба эти органа объединяют левую чилийскую интеллигенцию, которая ведет борьбу за освобождение родины⁶.

Долгие годы (более 10 лет), прожитые в столице Венесуэлы, оказались самыми значимыми в ее жизни, ведь именно этот период способствовал началу более серьезной литературной деятельности.

Как это происходило со многими чилийцами, бегство в одночасье разделило семью, а последняя сыграла едва ли не наиболее существенную роль как во внутреннем становлении Исабель в качестве писательницы в самом широком смысле этого слова, так и в становлении практическом, т. е. когда мир узнал об авторе Исабель Альенде. В частности, письма, которые она посылала в Сантьяго своему деду, явились основой романа «Дом духов»: родители ее матери стали прототипами героев Эстевана Труэвы и Клары дель Валье, главных персонажей романа.

³ Ibid, 232.

⁴ *El más alto ejemplo de heroísmo*, La Habana: Editorial cubano del libro, 1973.

⁵ Allende I., *Mi país inventado*, Edición Novoprint, S.A. Energía. Sexta edición en DeBolsillo: marzo, 2005, 194.

⁶ Мамонтов С. П., *Испаноязычная литература стран Латинской Америки*. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во «Высшая школа», 1983, 94.

Роман «Дом духов» Исабель Альенде создала в Венесуэле, ее мать, прекрасно разбирающаяся в литературе, заметила, что этот роман — литературный шедевр. Она же, несмотря на трудное время, сумела связаться с литературным агентством Барселоны, так как не могла допустить, чтобы роман не стал достоянием широкой публики, от этого в некотором смысле зависела литературная судьба ее дочери. Роман вышел в свет в 1983 г., но закончен был годом ранее. На писательницу буквально обрушилась слава. Критики называли это произведение неофеминистским: женщина борется за свои права, женщины представлены как примиряющая сила. Газета *La Tercera* (Сантьяго) от 13 марта 1983 г. назвала Исабель Альенде “*García Márquez con falda*” — «Гарсиа Маркесом в юбке»⁷.

Интересен тот факт, что в России перевод этой работы в исполнении блестящего переводчика, преподавателя СПбГУ С. П. Николаевой появился лишь через 10 лет в издательстве «Азбука». Как рассказывала нам сама Сусанна Павловна, это было вызвано недоразумениями в редакции.

В 1989 г., уже будучи знаменитой писательницей, Исабель Альенде со своим новым американским мужем переезжает в США. В настоящее время писательница живет в пригороде Сан-Франциско, Сан-Рафаэле.

Резиденция Исабель Альенде известна под названием «Дом духов», это результат неоспоримой популярности созданного произведения. По роману «Дом духов» датский режиссер Билли Аугуст снял одноименный фильм в 1993 г. с участием Джереми Айронса и Мэрил Стрип. В 1994 г. была экранизирована и повесть «Любовь и тьма» с известным испанским актером Антонио Бандерасом в главной роли.

Не все произведения Исабель Альенде были однозначно приняты критикой. Второй роман *De amor y de sombra* (1984) не вызвал у публики большого интереса. В журнале *Vanidades* его назвали «дамским романом». Роман *El plan infinito* (1991) вовсе оказался незамеченным критикой.

В 2003 г. Исабель Альенде пишет повесть *Mi país inventado*, в которой очень откровенно и подробно рассказывает о своей жизни, размышляет о прошлом, настоящем и будущем; это произведение является автобиографией великой писательницы и одновременно энциклопедией Чили. Для более полного знакомства с жизнью Исабель Альенде, а также для того, чтобы понять ее внутренний мир, переживания, настроение, роман представляет огромную ценность. В повести дважды автор цитирует стихи великого чилийского поэта Пабло Неруды⁸, говорящие о той душевной боли, которую испытывала писательница, находясь в разлуке с родиной:

⁷ [Электронный ресурс]. URL: www.livelib.ru/autor/146234 (дата обращения: 21.08.2017).

⁸ Пабло Неруда (1904–1973), лауреат Нобелевской премии (1971) для чилийцев является знаковой фигурой, его стихи знакомы и близки каждому чилийцу. П. Неруда также долго жил в

¿Cómo puedo vivir tan lejos
de lo que amé, de lo que amo?⁹

Мi país inventado состоит из 17 глав, каждая из которых, по своей сути, является законченным произведением. Его надо читать и перечитывать снова и снова, постоянно находя что-то новое. Прекрасный литературный язык позволяет окунуться в волшебный мир испанского языка с его латиноамериканскими вариантами (в данном случае — чилийский вариант испанского языка). Реалии и экзотизмы чилийской жизни, прекрасно раскрытые и объясненные автором, нисколько не затрудняют чтение, а наоборот, делают его более познавательным и захватывающим.

Взяться за перо писательницу побудили два события. Первое — слова маленького внука Алехандро о том, чтобы бабушка не волновалась, уж года три она проживет точно. Второе — вопрос, заданный читателем во время творческой встречи о том, какое значение имеет ностальгия в произведениях писательницы.

Ностальгия, по мнению самой Исабель Альенде, является ее главным пороком, преследуя всю жизнь. Обычно ностальгию связывают со счастливым и безоблачным детством. Однако счастливое детство — это миф, ведь даже в детских сказках много жестокости. А в юности Исабель Альенде всегда было трудно принять то, что другим казалось принять естественно и легко. В зрелые годы писательница выражала свое мнение, которое значительно отличалось от мнения других людей. Получив в годы правления Сальвадора Альенде так называемый корсарский патент, т. е. разрешение на обращение к любым злободневным темам, она продолжала бороться за правду и справедливость.

Однако после военного переворота 11 сентября 1973 г. Исабель Альенде стала чужой в своей собственной стране, ей пришлось уехать с родины, потому что жить и воспитывать детей там стало невозможно. Долгие годы все ждали перемен в Чили, но когда они все-таки наступили, семья писательницы уже жила недалеко от Сан— Франциско. Решив не возвращаться на родину навсегда, в 1994 г. Исабель Альенде после долгого отсутствия приехала в Чили. Теперь каждый год, точнее, два-три раза в год, она приезжает навестить своих родных, но все чувствуют облегчение, когда она уезжает в США, поскольку высказываемая писательницей точка зрения нередко является крайне резкой.

Интересно ее следующее высказывание:

эмиграции. Возможно, именно поэтому в произведениях Исабель Альенде часто встречаются строки из его стихов.

⁹ Allende, *Op. cit.*, 194.

«Если бы меня совсем недавно спросили, откуда я родом, я ответила бы, не раздумывая долго, что я — ниоткуда, или же, что я — латиноамериканка, или, может быть, что сердцем я — чилийка. Сегодня же, однако, я говорю, что я — американка... В тот далекий вторник 1973 г. моя жизнь разделилась на две части, ничто уже не могло быть таким, как раньше, я потеряла свою страну. Вторник 11 сентября 2001 г. также был решающим моментом, ничто уже не будет таким, как раньше, а я приобрела отечество»¹⁰.

Действительно, по какому-то чудовищному, даже кармическому совпадению военный переворот в Чили и атака на башни-близнецы в США были совершены на рассвете во вторник 11 сентября, соответственно, в 1973 г. и в 2001-м. Во время этих трагических событий в разные годы погибло много невинных людей, все изменилось. Но после 2001 г. изменился весь мир. Особенно эта трагедия повлияла и на Исабель Альенде. Она стала ощущать себя американкой.

Огромное значение для всех латиноамериканцев имеет семья. Характер человека формируется в семье, главой которой является отец, дед, дядя — мужчина. Отец Исабель Альенде был сильным и властным человеком, сторонником мачизма, как мы уже упоминали выше, он послужил прототипом главного персонажа романа «Дом духов». Кроме отца, Исабель Альенде вспоминает и своего хромого дядю Агустина, которому каждое движение доставляло страдание, но он никогда не жаловался на эту боль и другие свои проблемы. На все другое, да, жаловался, как всякий уважающий себя чилиец. Дядя Агустин прожил почти 100 лет, оставаясь настоящим рыцарем, знал много поговорок, пословиц и народных сказок. Также он передал своей племяннице дар самодисциплины и любовь к языку, без которых невозможно стать писателем.

Женщины в Чили всегда несли на себе груз домашних дел, заботу о земле, растили и заботились о детях, не имея практически никаких прав. С грустью всегда пишет об этом Исабель Альенде в своих произведениях, так же как и о смерти от рака своей любимой дочери Паулы.

Особенности географического положения, климата, культуры также нашли отражение в книге *Mi país inventado*. В первую очередь, Чили была и остается аграрной страной. С иронией говорит Исабель Альенде о том, что жители городов с большим интересом следят за статьями в еженедельном сельскохозяйственном приложении к главной газете страны *Mercurio*, в которых говорится о букашках, появившихся в картофеле, о кормах, которые улучшают надои. А ведь никто из них ни разу так и не видел живой коровы!

¹⁰ Allende, Op. cit., 14–15.

В плане географического положения Чили уникальна: государственный флаг страны водрузили на Южном полюсе. А ведь север — это мир холода и одиночества, бескрайней белизны, где рождаются легенды и гибнут люди.

Очень важен тот факт, что Исабель Альенде на протяжении всего романа отождествляет себя со своей страной, употребляя постоянно притяжательные местоимения: *en el polo sur hemos plantado nuestra bandera, nos creemos el centro del mundo, nuestras costas, nuestra característica*.

Сами чилийцы считают, что мир создан только для того, чтобы пить чилийское вино (самое лучшее на свете, а как же иначе!), а еще поставлять футбольные команды, которые непременно будут разгромлены (конечно же, а как же иначе!).

Да, некоторые чилийцы еще и мастера на все руки. Существует так называемый институт *maestro*. Это всегда только мужчины. Они все могут и умеют делать при помощи простейшего снаряжения.

Вспоминая свою жизнь с самого начала, Исабель Альенде иногда возвращается к написанному, по-новому, с позиции современной жизни рассматривая и оценивая прошлое. Так, например, она говорит о том, что в годы правления президента Сальвадора Альенде не все было правильно и гладко, были допущены ошибки в управлении страной. Однако, как утверждают некоторые исследователи из США, при Пиночете страна не достигла большого расцвета, потому что процветала коррупция, было сделано все, чтобы стереть из новейшей истории имя Сальвадора Альенде. А когда Пиночета арестовали в Лондоне, никто в Чили не верил, что его передадут Испании для проведения суда. Перед нами возникает образ страны уже в контексте мировой истории.

На всем протяжении повествования Исабель Альенде пытается осмыслить и создать образ Чили, сохраненный в ее памяти. Писательница никого не обвиняет, она просто вспоминает то, что было на самом деле, что она помнит, как ей кажется, но уже глядя на прошлое из сегодняшнего дня. Правда жизни никогда не сможет уместиться в одном сердце, в одной книге. Да, в Чили настоящая дружба крепче семейных уз, но в США не существует нетолерантности, в отличие от Чили. И таких несоответствий в обеих странах много.

Так, все-таки, что же за страну придумала себе Исабель Альенде? Как нам кажется, однозначного ответа на этот вопрос нет, и не может быть, ведь история Чили и история жизни Исабель Альенде неразрывно связаны и тесно переплетены. Писательница признается, что написанная книга помогла ей разобраться в себе и понять, что не надо принимать никакого решения. Можно жить, сидя на двух стульях, ведь существуют же самолеты! Таким

образом, в Калифорнии у Исабель Альенде живет семья, там ее домашний очаг, а Чили — это земля ностальгии. Сердце не разделено на две части, а наоборот, оно окрепло. В то же время Исабель Альенде просит не очень-то и доверять ей, потому что, говоря о Чили, она не может быть объективной, точнее, не может быть объективной никогда, будучи душой и сердцем писателем. Мы можем сделать вывод, что придуманная страна Исабель Альенде, это та страна, в которой она сама живет. А это навсегда останется тайной для всех нас, кто любит и читает ее произведения.

Библиография

1. Allende I., *Mi país inventado*, Edición Novoprint, S.A. Energia. Sexta edición en DeBolsillo: marzo, 2005.
2. *El más alto ejemplo de heroísmo*, La Habana: Editorial cubano del libro, 1973.
3. Timossi J., *Grandes Alamedas el combate del presidente Allende*, La Habana: Editorial de ciencias sociales, 1974.
4. Мамонтов С. П., «Испаноязычная литература стран Латинской Америки». Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во «Высшая школа», 1983.
5. [Электронный ресурс]. URL: www.livelib.ru/autor/146234 (дата обращения: 21.08.2017).

«Исчезновение субъекта» в творчестве Франчески Вудман и Сильвии Грав

The “Disappearance of Subject” in Francesca Woodman’s and Silvia Grav’s Art

Резюме: В статье исследуются ключевые стратегии работы с проблематикой «исчезновения субъекта» в творчестве американского фотографа Ф. Вудман и испанской фотохудожницы С. Грав в контексте эстетики сюрреализма, а также теории и истории фотографии. Проблематика «исчезновения субъекта» визуализируется в работах Ф. Вудман и С. Грав посредством применения зеркал/замещения лица портретируемого пустотой, размывания границ тела модели посредством длинной выдержки и фотоманипуляций или его слияния с пространством. Автор приходит к выводу, что, работая с темой «исчезновения субъекта», Ф. Вудман и С. Грав поднимают проблемы личностной нестабильности и внутренней пустоты, невозможности самопознания, присутствия в жизни «влечения к смерти», являющиеся актуальными для современного человека. Автор заключает, что для Ф. Вудман и С. Грав, как некогда для их предшественников-сюрреалистов, фотографический медиум становится средством саморефлексии и психолого-философского высказывания.

Ключевые слова: фотография; сюрреализм; современное искусство.

Abstract: The article analyzes the key strategies of the “disappearance of subject” representation in the works of the American photographer F. Woodman and the Spanish photo artist S. Grav in the context of Surrealist aesthetics as well as the theory and history of photography. The “disappearance of subject” conception is visualized in the works of F. Woodman and S. Grav by the applying mirrors/substitution of the person portrayed by the emptiness, the blurring the model’s body boundaries through the long exposure or some photographic manipulations or its fusion with space. The author comes to the conclusion that, working with the “disappearance of the subject” conception, F. Woodman and S. Grav actualize such important for a modern man problems as the personal instability and the inner emptiness, the impossibility of self-knowledge, the “death drive” presence in a human life. The author summarized that for F. Woodman and S. Grav, as for other Surrealist photographers, the photographic medium becomes a means of self-reflection and a psychological and philosophical statement.

Keywords: photography; Surrealism; contemporary art.

¹ Шик Ида Александровна, Россия, аспирантка кафедры истории западноевропейского искусства СПбГУ, специалист ОНД, Государственный Эрмитаж (ida.shik@bk.ru).

Работы американского фотографа Франчески Вудман и испанской фотохудожницы Сильвии Грав² являются характерным примером рецепции сюрреализма в современном фотоискусстве. Центральной для творчества Ф. Вудман и С. Грав остается проблематика «исчезновения субъекта», реализуемая за счет замещения лица портретируемого пустотой, размывания границ и дематериализации человеческого образа, а также его слияния с пространством. Целью нашего доклада является исследование проблематики «исчезновения субъекта» в творчестве Ф. Вудман и С. Грав в контексте эстетики сюрреализма, а также теории и истории фотографии.

В серии снимков Ф. Вудман «Самообман» (1977–1978) проблематика «исчезновения субъекта» реализуется посредством использования мотива зеркала, отражающего пустоту, — оно замещает собой лицо модели или становится визуальной параллелью ее телу, которое показывается со спины или сливается со старой, потрескавшейся стеной, утрачивая свою материальность. Лишь на одном из снимков серии модель встречается со своим отражением — однако ее лицо размыто, а глаза опущены вниз. Согласно концепции «стадии зеркала» Ж. Лакана, представление человека о собственном «я» формируется посредством его идентификации с зеркальным отражением, позволяющим увидеть себя как некую целостность³. При этом Лакан подчеркивает зрительный, спекулярный аспект стадии зеркала. Зрение обретает первостепенное значение в субъективации, в отношениях с собой и другим. Так, еще одно следствие стадии зеркала — явление взгляда другого, надзирающего за мной, всевидящего ока. Собственное «я» выставлено напоказ. Оно — под постоянным надзором. Этот взгляд мой вне меня. Взгляд незримо взирает извне⁴.

Фотография — «зеркало с памятью», бесконечно репродуцирующее образ воображаемого другого, которое позволяет человеку составить представление о самом себе. В серии «Самообман» образ модели лишается как целостности, так и контролирующего взгляда извне. Кроме того, мотив пустого зеркала поднимает вопрос о наличии у субъекта некой стабильной идентичности, его собственного «я». Для исторической сюрреалистической фотографии этот вопрос является одним из ключевых: личность нередко интерпретируется фотографами-сюрреалистами как набор театральных масок, «модель для сборки», характерным примером чего явля-

² Подробно творчество Сильвии Грав в контексте эстетики сюрреализма рассматривалось в докладе «Рецепция сюрреализма в творчестве Сильвии Грав», прочитанном автором на Международном конгрессе «Россия — Испания: политика, экономика, культура» (М.: ВШЭ, 2016).

³ Лакан Ж., «Стадия зеркала как образующая функцию „я“» // *Семинары. Кн. 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа*. М.: Гнозис; Логос, 1999, 508–516.

⁴ Мазин В. А., *Введение в Лакана*. М.: Прагматика культуры, 2004, 62–63.

ются автопортреты К. Каон с ее интерсексуальным переодеванием. За масками, призванными скрывать внутреннюю сущность, в итоге не оказывается ничего, кроме пустоты, как показывает работа К. Д. Лафлина «Они одни», в которой лицо модели, облаченной в черные одежды, замещается ручным зеркалом.

В серии работ С. Грав «Я не могу видеть себя» проблематика «исчезновения субъекта» реализуется посредством замещения лица, изображенного пустотой, — если Ф. Вудман использует для этого зеркало, то испанская фотохудожница стирает глаза, а также нередко нос и рот портретируемого посредством фотоманипуляций. В буквальном смысле человек действительно не может видеть себя полностью без использования отражающих поверхностей. Составить представление о самом себе могла бы помочь фотография — однако С. Грав лишает своих моделей этой возможности. Зрение для человека является основным средством постижения окружающего мира и формирования представлений о самом себе⁵. В этом смысле «я не могу видеть себя», равно «я не могу познать себя». Кроме того, стирая черты лиц своих моделей, С. Грав уподобляет их безликим манекенам, лишенным индивидуальности, своего «уникального» образа и своего «я». Субъект исчезает, оставляя вместо себя пустоту, которую можно скрыть за любой маской.

Замещение лица пустотой посредством использования зеркала и стирания глаз в работах Ф. Вудман и С. Грав создает эффект жуткого⁶ от сопоставления живого и неживого, способствующий рождению сюрреалистической конвульсивной красоты⁷. Актуализируя проблемы самопознания и наличия у человека стабильной идентичности, Вудман и Грав предлагают зрителю задуматься о своей собственной внутренней сути. Смотрящий всегда оказывается рассматриваемым и оцениваемым, однако в данном случае он принципиально лишен такой возможности. Вместо глаз Другого на него смотрит пустота. Если представление человека о самом себе формируется не только на основе идентификации с собственным образом, но и с образами других людей, то здесь ему предлагается соотнести себя с пустотой. Кроме того, мотив пустого зеркала / отсутствия глаз в работах Ф. Вудман и С. Грав может рассматриваться как рефлексия о фотографии как о взгляде невидимого Другого, являющегося идеальным свидетелем, что находит

⁵ Техника и призраки: Виктор Мазин о «жутком» у Фрейда. Теории и практики [Электронный ресурс]. URL: <http://special.theoryandpractice.ru/unheimlichkeit> (дата обращения: 08.04.2016).

⁶ Фрейд З., «Жуткое» // *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 4. М.: ООО «Фирма СТД», 2006, 261–298.

⁷ Бретон А., *Безумная любовь*. М.: Текст, 2007. 13. Подробнее о связи фрейдистского жуткого и концепций сюрреализма см.: Foster H. *Compulsive beauty*. Cambridge: MIT Press, 1993.

параллели в работах американского фотографа Р. Ю. Митгьярда⁸ («Крастон Ритчи с портняжным манекеном», 1964).

В серии снимков Ф. Вудман «Дом» (1975–1978) проблематика «исчезновения субъекта» исследуется посредством слияния тела с пространством⁹. Субъект стремится исчезнуть в пространстве старинного заброшенного дома, спрятавшись за камином («Дом#4», 1976) или слившись со стеной, почти превратившись в призрака («Дом#3», 1976). В работе из серии «Пространство²» (1975–1978) Вудман развивает эту тему, пытаясь замаскировать свое обнаженное тело под обоями, отстающими от стены. В своем дневнике фотограф писала: «мне интересно, как люди связаны с пространством. Самый лучший способ понять это — показать их взаимодействие с границами этих пространств. Начав это делать с изображениями-призраками, люди превращаются в плоскую поверхность, становясь стеной под обоями или продолжением стены на полу»¹⁰. Отношения субъекта с пространством привлекали внимание фотографов-сюрреалистов, которые в своих работах демонстрировали, как человеческое тело сливается с пространством, становясь его частью (М. Рэй «Возвращение к разуму», 1923; Р. Юбак «Битва амазонок», 1936). По мысли Р. Краусс, подобные интерпретации отношений «пространство-субъект» в сюрреалистической фотографии являлись иллюстрацией концепции мимикрии как поглощения тела пространством, предложенной Р. Кайуа, согласно которой мимикрия является не столько защитной реакцией организма, сколько «чем-то вроде психастении. <...> Потери субстанции „я“»¹¹. По мысли Кайуа, жизнь любого организма зависит от его возможности поддерживать свое отличие, очерчивающую его границу, от его, в буквальном смысле, «обладания собой». Мимикрия отражает потерю этого обладания: животное, которое сливается со своим окружением, оказывается дисквалифицировано, дереализовано, как будто уступило искушению слияния, исходящему от самого бесконечно внешнего ему пространства¹².

В ряде работ Вудман пространство, в котором исчезает субъект, — это старинный заброшенный дом с потрескавшимися стенами и облупившейся штукатуркой, который может рассматриваться как одно из воплощений

⁸ Гавришина О., *Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности»*. М.: НЛЮ, 2001. С. 94.

⁹ О мимикрии в работах Ф. Вудман см. подробнее: Pedicini I. “Francesca Woodman: The Roman Years Between Flesh and Films”. Rome: Contrasto DUE, 2012, 92–96.

¹⁰ Цит. по: Conley K. *Surrealist Ghostliness*, Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2013, 152.

¹¹ Краусс Р., *Фотографическое: опыт теории расхождений*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014, 241.

¹² Там же.

жуткого как давно знакомого, но впоследствии вытесненного¹³. Старый заброшенный дом вызывает «связанное с матерью воспоминание (или фантазию) о физической близости и телесном единстве»¹⁴, от желания вновь обрести которое порой сложно отказаться взрослому человеку. Обыгрывая фантазию о возврате в материнское тело¹⁵, Вудман стремится спрятаться в пространстве дома, ища в нем защиты и поддержки и одновременно теряя себя как субъекта. В сюрреалистической фотографии мотивы старинной архитектуры и руин являются одними из ключевых при обращении к проблематике возвращения вытесненного. Характерным примером этого является творчество американского фотографа К. Д. Лафлина, снимавшего старые кладбища и заброшенные плантации, с которым корреспондируют работы Вудман. Кроме того, исчезновение субъекта в пространстве заброшенного здания указывает и на проблематику времени. Одной из причин эстетической привлекательности ветхих вещей для человека, как показал С. А. Лишаев, является их своеобразное «родство»: вещи и здания, как и сам человек, подвержены влиянию времени¹⁶. Как старинное здание постепенно превращается в руины, так и человеку предстоит исчезнуть, вернувшись в свое изначальное состояние, в буквальном смысле слившись с пространством и потеряв свое «я».

Проблематика отношений субъекта и пространства схожим образом обыгрывается в серии фотографий С. Грав «Потерянные фотографии». В двух парных работах испанской фотохудожницы, объединенных идентичным местом действия, мы видим фигуры мужской и женской моделей в пространстве старого полуразрушенного дома, которые повисли над полом словно в состоянии полета. Они постепенно сливаются с окружающим пространством, теряя свою материальность и становясь подобными призракам. На другом снимке серии перед нами раскладной деревянный стул, сидящий на котором человек почти исчез — от его тела остались только полупрозрачные ноги и клубящиеся облака, которые заменили собой верхнюю часть фигуры. «Потерянные фотографии» — это снимки, с которых исчез (или собирается исчезнуть) человек.

Серия фотографий С. Грав «Снова конец» запечатлела обнаженную молодую женщину в пространстве дома с белоснежным камином, над которым висят три монохромных черных картины. На одном из снимков жен-

¹³ Фрейд З., *Op. cit.*, 286.

¹⁴ Foster Н. *Op. cit.*, 163.

¹⁵ Jui-Ch'i Liu. "Francesca Woodman's Self-Images: Transforming Bodies in the Space of Femininity" // *Woman's Art Journal*, 2004. Vol. 25. No. 1, 27.

¹⁶ Лишаев С. А., *Влечение к ветхому. Опыт философского истолкования*. Самара: Самарская гуманитарная академия, 1999, 13.

щина сидит на полу в позе зародыша, на другом стоит на четвереньках, опустив голову, на третьем лежит на камине. Из черной пустоты камина к ней тянутся чьи-то руки, словно желая извлечь ее из пространства дома. Принимаемая моделью поза зародыша и протянутые к ней из камина руки вызывают ассоциации с процессом рождения ребенка, который появляется на свет из тела матери, покидая свой изначальный дом. Название серии «Снова конец» и напряженные позы модели подчеркивают травматический характер этого события¹⁷, лишаящего человека привычного ему окружения, где он пребывает в состоянии покоя и равновесия и к которому будет стремиться вернуться впоследствии.

Более агрессивной дематериализация человеческого тела становится в тех работах Ф. Вудман, в которых оно превращается в подобие призрака посредством съемки в движении или использования длительной выдержки, что приводит к буквальному «исчезновению субъекта». В ее ранней работе («Без названия», 1972–1975) мы видим обнаженную девушку, которая пролазит через отверстие в памятнике, стоящем на заросшем травой кладбище. Верхняя часть тела девушки размыта, она почти превратилась в призрак, словно репетируя свой грядущий уход в небытие¹⁸. Как писал З. Фрейд, любая жизнь в конечном счете стремится к «восстановлению прежнего состояния», к смерти¹⁹. Последовательно эта проблематика будет развита в серии работ Вудман «Пространство²» (1975–1978): фигура модели, которая идет, лежит, танцует, стоит в пространстве пустой комнаты, теряет свои границы и постепенно утрачивает свою материальность. Если тело модели остается частично видимым и материальным, то ее лицо всегда размыто и призрачно. Фотограф словно задается вопросами: что значит исчезнуть? каково это — быть невидимым?

В истории фотографии проблематика дематериализации образа и призрачности получает различные прочтения. Фотография способна фиксировать то, что невидимо, недоступно невооруженному глазу. В XIX в. получило развитие такое направление, как «фотография духов», фиксировавшее призрачные образы умерших родственников рядом с живыми людьми. В начале XX в. проблема передачи движения в фотографии, следствием которого была частичная дематериализация образа, оказалась в центре внимания представителей фотодинамизма. Благодаря съемке жестикулиру-

¹⁷ О рождении как травмирующем событии см.: Ранк О., «Травма рождения и её значение для психоанализа». М.: Когито-Центр, 2009.

¹⁸ Phelan P., “Francesca Woodman’s Photography: Death and the Image One More Time” // *Signs*. 2002. Vol. 27. No. 4, 979.

¹⁹ Фрейд З., «По ту сторону принципа удовольствия» // *Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3*. М.: ООО «Фирма СТД», 2006, 261.

ющих или движущихся моделей, яркому свету и последующей обработке негатива, изображение теряло свою четкость, многократно дублировалось и имело тянущийся полупрозрачный белый шлейф. По словам Д. Казетти, одного из владельцев магазина-галереи «Мальдорор», специализировавшегося на авангардной литературе и искусстве, который Ф. Вудман часто посещала во время своего пребывания в Риме в 1977–1978 гг., фотодинамические эксперименты произвели на нее большое впечатление²⁰. Кроме того, фотограф проявила интерес и к снимкам венгерского фотографа, запечатлевшего исчезновение двух женщин, с которыми она также познакомилась в «Мальдороре»²¹.

С проблематикой призрачности активно работали американские фотографы К. Д. Лафлин и Р. Ю. Митъярд. Лафлин, в лучших традициях «фотографии духов», запечатлевал призрачные женские образы на кладбищах Нового Орлеана («Ламия возвращается», 1941) или сопровождал ими свои снимки полуразрушенных плантаций, словно напоминая о том, что здесь когда-то кипела жизнь («Мосс плачет», 1941). Митъярда привлекала дематериализация человеческого образа: на одном из его снимков мы видим фигуру мальчика, прыгающего из окна, которая утрачивает свою телесность, превращаясь в призрак. Более близкими по времени к работам Вудман являются серии фотографий Д. Майклза «Состояние человека» (1968–1969) и «Смерть приходит к пожилой женщине» (1969), чьим творчеством она очень интересовалась²². В серии «Состояние человека» фигура молодого человека, захваченная светом, постепенно дематериализуется и наконец превращается в космическое сияние звезд, полностью исчезнув. В серии «Смерть приходит к пожилой женщине» фигура пожилой дамы, сидящей в кресле, с приближением к ней смерти, персонифицируемой мужской фигурой, теряет свои очертания и становится призрачной. В отличие от Майклза, у которого процесс «исчезновения субъекта» происходит в несколько этапов, Вудман сразу переходит к его кульминации.

В известной работе *Camera lucida* Р. Барт говорит о наличии у фотографии непосредственной связи со смертью, отмечая, что «в плане воображения фотография... представляет то довольно быстротечное мгновение, когда я, по правде говоря, не являюсь ни субъектом, ни объектом, точнее, я являюсь субъектом, который чувствует себя превращающимся в объект: в такие моменты я переживаю микроопыт смерти (заклучения в скобки), становлюсь настоящим призраком»²³.

²⁰ См.: Pedecini I., *Op. cit.*, 120.

²¹ *Ibid.*, 34.

²² *Ibid.*

²³ Барт Р., «*Camera lucida*». *Комментарий к фотографии*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011, 33.

Такого рода «микроопыт смерти» и становления «призраком» предельно отчетливо передают те фотографии Вудман, в которых она лишает тело модели материальности.

Частичное «исчезновение субъекта», его поглощение светом, окружение туманом или космическим сиянием реализуется в сериях С. Грав «Студия света» и «Вселенная», которые корреспондируют с «Состоянием человека» Д. Майклза. Проблематика призрачности, заявленная в серии С. Грав «Потерянные фотографии», получает развитие в «Триптихе» (2013–2014): на одном из снимков лицо модели превратилось в отвратительную безжизненную маску, из которой прорастают ветви с листьями, а на двух других ее лежащее на кровати тело постепенно становится бесплотным, исчезая в пространстве. Наиболее драматический характер «исчезновение субъекта» приобретает в серии «Умирание является синонимом жизни»: тела портретируемых динамично размываются, превращаясь в бесформенное скопление энергии, сливаясь с пространством, становясь ничем. Само название серии очень красноречиво. Оно напоминает о том, что человеческая жизнь является не чем иным, как постепенным приближением к своему концу, к смерти. Фрейдовское «стремление к восстановлению прежнего состояния» обретает здесь буквальный характер.

Сюрреалистическая конвульсивная красота рождается в момент встречи движения с покоем²⁴, инстинкта жизни с инстинктом смерти, что наглядно демонстрирует нам фотографический перформанс Ф. Вудман и фотоманипуляции С. Грав. Их снимки способны ранить зрителя, задев его за живое и напомнив ему о его собственной временности и о предстоящем опыте небытия.

Таким образом, работая с темой «исчезновения субъекта», Ф. Вудман и С. Грав поднимают проблемы личностной нестабильности и внутренней пустоты, невозможности самопознания, присутствия в жизни «влечения к смерти», являющиеся актуальными для современного человека. Для них, как некогда для их предшественников-сюрреалистов, фотографический медиум становится средством саморефлексии и психолого-философского высказывания.

Библиография

1. Барт Р., *“Camera lucida”*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011.
2. Бретон А., *Безумная любовь*. М.: Текст, 2007.
3. Гавришина О., *Империя света: фотография как визуальная практика эпохи „современности“*. М.: НЛО, 2001.

²⁴ Бретон А., *Op. cit.*, 13.

4. Краусс Р., *Фотографическое: опыт теории расхождений*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
5. Лакан Ж., *Семинары*. Кн. 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. М.: Гнозис; Логос, 1999.
6. Лишаев С., *Влечение к ветхому. Опыт философского истолкования*. Самара: Самарская гуманитарная академия, 1999.
7. Мазин В., *Введение в Лакана*. М.: Прагматика культуры, 2004.
8. Ранк О., *Травма рождения и ее значение для психоанализа*. М.: Когито-Центр, 2009.
9. «Техника и призраки: Виктор Мазин о „жутком“ у Фрейда» / *Теории и практики* [Электронный ресурс]. URL: <http://special.theoryandpractice.ru/unheimlichkeit> (01.08.2017).
10. Фрейд З., *Собрание сочинений*. В 10 т. Т. 3, 4. М.: ООО «Фирма СТД», 2006.
11. Conley K., “Surrealist Ghostliness”. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2013.
12. Foster H., *Compulsive beauty*. Cambridge: MIT Press, 1993.
13. Liu, Jui-Ch’i, “Francesca Woodman’s Self-Images: Transforming Bodies in the Space of Femininity” // *Woman’s Art Journal*, 2004, Vol. 25, No. 1, 26–31.
14. Phelan P. “Francesca Woodman’s Photography: Death and the Image One More Time” // *Signs*, 2002, Vol. 27, 4979–1004.
15. Pedicini I. *Francesca Woodman: The Roman Years Between Flesh and Films*. Rome: Contrasto DUE, 2012.

**Становление современного гватемальского романа
в период 1960–70-х годов на примере зеркальных
романов Луиса де Лиона «Время начинается
в Шибальбе» и «Обрахе» Марио Роберто Моралеса**

**Formation of the modern Guatemalan novel in the period
of 1960-1970s, the case of the mirror novels of Luis de
Lion “Time begins in Xibalba” and “Obraje”” by Mario
Roberto Morales**

Abstract: This article is dedicated to the evolution of the genre of novel in Guatemala in the 1960-1970. Two novels, one, written by Luis de Li3n “El tiempo principia en Xibalb3”, and the other, written by Mario Roberto Morales, “Obraje”, were made as a common project as an attempt to show the life in Guatemala from two sides. One from the Indian point of view and other from the Ladino’s one. Both novels have the same motives of the desintegration of the society despite the common territory and environment. These novels are analyzed in the cultural and political contextualization.

Keywords: the genre of novel in Guatemala; Luis de Lion. El tiempo principia en Xibalb3; Mario Roberto Morales; Obraje. Guatemala; literature of Guatemala.

Resumen: El art3culo est3 dedicado al desarrollo de la nueva novela en Guatemala en los a3os 60-70. Las novelas de Luis de Li3n “El tiempo principia en Xibalb3” y de Mario Roberto Morales “Obraje” fueron escritas como un proyecto literario de los autores en el af3n de mostrar la vida en Guatemala de dos lados opuestos: una con los ojos de los indios y otra por el contrario con los de los ladinos, conservando los mismos motivos de la desintegraci3n de la sociedad a pesar de compartir las realidades y el territorio. Las novelas se analizan en el contexto de la situaci3n pol3tica y social de aquel 3poca en Guatemala.

Palabras clave: la novela guatemalteca; Luis de Lion; El tiempo principia en Xibalb3; Mario Roberto Morales; Obraje; Guatemala; literatura de Guatemala.

Для многих стран Центральной и Южной Америки XX в. стал временем потрясений — перевороты, диктатура, гражданские войны, борьба индейцев за свои права. Не избежала этой участи и Гватемала. В 1944 г. пра-

¹ Куцубина Елизавета Вячеславовна, Россия, доцент кафедры немецкого, романских и скандинавских языков и перевода СПбГЭУ (geshtinanna7@gmail.com); Непомнящая Мария Леонидовна, Россия, кандидат филологических наук, ассистент кафедры немецкого, романских и скандинавских языков и перевода СПбГЭУ, (seinamasha@mail.ru).

вительство попыталось уравнивать индейское население в правах с остальными — приняло меры по ликвидации безграмотности, по обеспечению медицинского обслуживания, представители индейцев впервые были избраны в парламент. В 1952 г. была проведена аграрная реформа, которая, однако, из-за недостаточной информированности не была принята индейским населением. И, таким образом, создалось представление, что индейцы в массе своей консервативны.

В 1954 г. в Гватемале произошел военный переворот, прервавший демократическое развитие страны и повлекший за собой десятилетия нестабильности.

Уже в 1960-е гг. в Гватемале возникло повстанческое движение, направленное на свержение военной диктатуры. Это стало началом гражданской войны, которая продолжалась с большей или меньшей активностью в зависимости от ответных действий режима вплоть до 1990-х гг.²

Наиболее жестокими были конец 1960-х, 1970-е и начало 1980-х гг. Любые оппозиционные официальному правительству действия подавлялись, противники режима исчезали без вести, мирных жителей, оказавшихся в зоне вооруженных столкновений, убивали.

В 1966–1967 гг. во время крупной операции в департаменте Сакапа было убито около 300 повстанцев и более 3 тыс. мирных жителей. В период правления Арана Осорио (1970–1974) 10 % только депутатов парламента было убито или исчезло.

На фоне всех этих трагических событий в Гватемале началось бурное развитие литературы. В частности, революционной поэзии, распространявшейся в условиях подполья. Также новое начало получил жанр романа.

В Гватемале роман как жанр имеет достаточно короткую историю: в XIX в. он появился на волне романтизма (Антонио Хосе де Ирисарри и Хосе Мила-и-Видаурре), позднее появился модернистский роман (Рафаэль Арвалло Мартинес, Энрике Гомес Карильо). Самой значительной фигурой для развития гватемальского романа и всей гватемальской литературы, без сомнения, стал Мигель Анхель Астуриас, который внес значительный вклад не только в латиноамериканскую, но и в мировую литературу. М. А. Астуриас объединяет в своем творчестве влияния реализма, модернизма и креолизма и, перерабатывая их, выковывает авангардистский роман мирового уровня.

Новый гватемальский роман не избежал влияния поэтики и инструментария Астуриаса, но в некоторой мере попытался преодолеть невольную подражательность мастеру. Первым новым романом считается «При-

² Андрианова О. В., Хейфец Л. С., «Гражданская война в Гватемале: как все начиналось» // *Клио*, 2014, № 12, СПб, 18–24.

ятели» Марко Антонио Флореса (1976), за ним последовали «Дикие демоны» Марио Роберто Моралеса и «После взрывов» Артуро Ариаса. Однако основная идея нового гватемальского романа была сформулирована чуть раньше, в 1972 г., в литературном манифесте, идея которого принадлежит Луису де Лиону (1939–1984), а авторство — Роберто Моралесу (1947): «Убьем Мигеля Анхеля Астуриаса». Луис де Лион полагал, что преодолеть влияние Астуриаса удастся, лишь читая и перечитывая его произведения, чтобы осознать особенности его творчества и создать нечто новое, отличное от художественного мира и поэтики Астуриаса. Роберто Моралес убежден, что дальнейшему развитию романа способствует понимание диалектики Астуриаса и созданной им вселенной, а не подражание художественным приемам и образам писателя. «Следует признать, что мир Астуриаса — идеально завершенный, замкнутый, он не предполагает — как много лет считалось в Гватемале — открытия новой национальной традиции, тем более американской, он скорее простая — хоть и необходимая — колыбель, которой суждено заполнить пустоту между Пополь-Вухом и тем, что происходит сейчас в Гватемале»³.

В попытке отойти от традиций прозы Астуриаса создавались и тексты сомнительного литературного качества, и литературные произведения первого ряда, занявшие свое место в истории гватемальской литературы, но есть те, что незаслуженно забыты: «Время начинается в Шибальбе» Луиса де Лиона (1971) и «Обрахе» Марио Роберто Моралеса (1970). Оба произведения заняли первые места на Центральноамериканском и Карибском литературном конкурсе в Кесальтенанго, но так и не были изданы из-за решения молодых писателей оставить романы неопубликованными — те казались им незавершенными и не очень качественными. Судьба романов, как и их авторов, сложилась по-разному, но именно с этих двух произведений началось формирование того, что сейчас называется новым гватемальским романом, и знакомство с этими текстами и их создателями представляется существенным для формирования полной картины развития латиноамериканской литературы и важной вехой в становлении нового романа.

Луис де Лион (настоящее имя Луис де Леон Диас), майя-какчикель по происхождению, родился в Гватемале, в маленьком индейском городке Сан-Хуан-де-Обиспо 19 августа 1939 г. После переворота 1954 г. жизнь в таких городках стала довольно тяжелой. Если в столице еще сохранялась видимость законности, в остальных частях страны военные действовали самыми жестокими методами. Для противодействия партизанским отрядам были созданы специальные военные подразделения, уничтожавшие целые деревни при малейшем подозрении на сочувствие повстанцам. Чтобы ли-

³ Roberto Morales M., *Dossier de la obra* // M.A. Asturias. *Cuentos y obras*. ALLCA XX. Paris, 2000.

шить партизан поддержки, уничтожалось население целых районов. Среди гражданского населения создавались, часто принудительно, сети информаторов и отряды для защиты. Отказ был невозможен, так как автоматически расценивался, как участие в партизанском движении.

Больше всего от последствий диктатуры и гражданской войны страдало именно население деревень. Когда в конце 1960-х гг. стало понятно, что политическая борьба при отсутствии элементарных конституционных гарантий, прав и свобод невозможна, оппозиция решила перенести свою деятельность из городов в сельскую местность. Ее население не было однородным — богатые белые землевладельцы-латифундисты, ладино — потомки индейцев и испанцев, индейцы. Последние составляли примерно 80 % крестьян. Именно они в наибольшей степени пострадали во время хаоса гражданской войны. В первую очередь это было связано с тем, что они были лишь частично включены в жизнь общества.

Несмотря на тяжелую ситуацию в стране и индейское происхождение, де Лиону удалось получить не только среднее образование, но и закончить факультет психологии в Университете Сан-Карлоса, где он изучал литературу и философию. Взрослые годы жизни де Лиона приходятся на тяжелое для Гватемалы время вооруженных конфликтов и сменяющихся друг друга жестоких диктатур. Небольшая надежда на улучшение появилась в 1966 г., когда президентом стал Хулио Сесар Мендес Монтенегро — юрист по образованию, профессор университета. Однако вскоре стало понятно, что это всего лишь гражданский фасад для военных и его личные взгляды не имеют никакого значения.

Де Лион был школьным учителем и преподавал в Университете, состоял в Гватемальской партии труда, активно ратовал за доступное образование и ликвидацию безграмотности среди индейского населения. По рассказам современников, де Лион имел отношение к так называемому Движению Майя (Movimiento Maya): в 1980 г. группа индейцев прибыла в столицу с требованием расследовать убийства индейцев военными в их регионе. Им отказали в слушании, а их юридический советник был застрелен. В качестве ответной меры 31 января 1980 г. группа индейцев захватила испанское посольство и потребовала пересмотреть политику правительства в отношении индейцев. Все они были уничтожены.

Через несколько лет политическая и социальная деятельность писателя привела к тому, что 15 мая 1984 г. по дороге из школы Луис де Лион был посажен в черный джип без номеров и больше его никто не видел. Только в 1999 г. был рассекречен Военный Дневник, в котором Луис де Лион значился под номером 135 с пометкой, что он расстрелян в июле того же года.

Роман «Время начинается в Шибальба» (*El tiempo principia en Xibalbá*), написанный между 1970 и 1972 гг., занял второе место на Цветочных играх в Кесальтенанго, первое место было объявлено пустым. Позднее первая глава романа вышла в одном журнале, а полностью роман был опубликован только в 1985 г., через год после гибели писателя. Второе издание вышло в 1996 г., третье — в 2004-м, а летом 2013 г. дочь де Лиона Майари представила четвертое издание романа.

Марио Роберто Моралес родился в 1947 г. в столице Гватемалы, закончил Университет Рафаэля Ландивара по специальности «филология и философия», изучал искусство в Университете Флоренции, преподавал в Университете Сан-Карлос в Гватемале. С 1983 по 1991 г. во время сандинистской революции он жил в Никарагуа. Марио Роберто получил степень магистра социологии в Университете Коста-Рики и докторскую степень по литературе и культуре Латинской Америки в Университете Питтсбурга, а в 2007 г. завоевал Национальную литературную премию Гватемалы — премию им. Мигеля Анхеля Астуриаса. В настоящее время Роберто Моралес — действительный член Гватемальской академии языка, член-корреспондент Испанской королевской академии, писатель, академик, журналист.

Роман «Обрахе» (*Obraje*) — первый литературный опыт писателя (не считая сборника рассказов «Вырождение» (*La debacle*), в 1971 г. роман занял первое место на местном литературном конкурсе, но затем рукопись была утеряна, и копия романа была найдена и опубликована лишь в 2010-м.

Луис де Лион и Роберто Моралес, коллеги и друзья, написали романы по договоренности: «зеркальные» романы с цикличной структурой, чтобы их можно было начать читать с любого места и в любую сторону: де Лион писал об индейцах, Роберто Моралес — о ладино. Уникальность подобного литературного опыта в том, что писатели принадлежат совершенно разным, в сущности, противостоящим мирам ладино и индейцев, но, несмотря на подобную культурную и социальную пропасть, они оказались университетскими преподавателями, задумавшими литературный «диптих» — романы, затрагивающие основные проблемы современной им Гватемалы, увиденные с разных позиций: глазами индейцев, и глазами ладино.

Оба романа вскрывают одни и те же болезненные нарывы современного им гватемальского общества, но делают это с противоположных ракурсов: индейцев и ладино. Писатели не идеализируют ни одного из своих героев, все они живые, каждый со своей болью, своими пороками и чертами характера.

На момент написания романов индейцы и ладино только искали общий язык. Ладино воспринимали индейцев как необразованную консервативную массу, а индейцы, в свою очередь, воспринимали их как чужаков,

не заслуживающих доверия. В 1976 г. была создана независимая партия индейцев и она заявляла следующее: «Существующие условия жизни не удовлетворяют нас, поскольку ладино создали государство на свой манер, установили свою конституцию и свои законы без участия индейцев, несмотря на то что последние составляют большинство населения страны и являются подлинной основой нации... Индейцы должны отказаться от поддержки существующих политических партий и создать собственную, со своей философией, способную развернуть борьбу против насилия и дискриминации, которой они подвергаются со стороны ладино»⁴.

И практически в то же время Роберто Моралес так писал об этом: «Проблема, с которой мы оба столкнулись, в том, что ни индейцы, ни ладино не являются обособленными мирами, а совсем наоборот — взаимодействующими вселенными, сочлененными тысячью смешанных способов, и вынуждающими нас, несмотря на нестираемые различия и дискриминацию, разделять экономические, культурные и политические реалии»⁵.

Индейцы де Лиона очень разные, но, как и два главных героя романа, не вписываются в современное общество, отвергнуты им. Повествование строится на истории двух мужчин: Паскуалья Баэсы и Хуана Каки. Паскуаль Баэса — единственный из деревни, кто ушел в армию добровольно, — дезертирует и возвращается домой, чтобы умереть там, где «похоронен его пуп». Он обнаруживает, что в деревне все по-прежнему, ничего не изменилось: ни деревня, ни люди. Баэса меняет свое решение и собирается уйти; перед этим он заходит в церковь, видит деревянную статую Девы Непорочного Зачатия и остается, охваченный желанием овладеть «единственной ладино в деревне». Позднее Паскуаль крадет и насилует статую Девы.

Хуан Кака является противоположностью Паскуалья: он с детства живет в городе, потому что родители определили его в семинарию. После смерти родителей Хуан, бросив учебу, возвращается в родную деревню и открывает продуктовый магазин. На фоне остальных жителей он выделяется пристрастием к чистоте и аккуратности, из-за чего многие считают его гомосексуалистом; как пишет де Лион, «он уехал индейским мальчиком, а вернулся полным иной жизни, иных привычек»⁶. В отличие от Паскуалья, находящегося в вечной борьбе с миром ладино, Хуан стремится во всем подражать ему. Паскуаль насилует статую Девы с целью взять верх над белой женщиной; Хуан женится на индейской женщине Конче по прозвищу Дева

⁴ *Estudios sociales centroamericanos*, San Salvador, 1978, 356/357, 447.

⁵ Roberto Morales M., *El indio por un indio: una version critica del mestisaje indigena de Guatemala // Homenaje imaginario a la obra literaria de Luis de Lion*. Antigua, Guatemala: Galeria imaginaria, 1991, 3–10.

⁶ De Li6n L., *El tiempo principia en Xibalb6*. Guatemala: Artemis-Edinter, 1996, 80.

Непорочного Зачатия из-за ее невероятного сходства со статуей в церкви, но не вступает с ней в сексуальные отношения; этот союз для него — еще один способ стать ближе миру ладино.

Хуан Кака и Паскуаль Баэса представляют собой аллегорических персонажей, олицетворяющих собой два пути для индейца: путь ассимиляции и конформизма, как Хуан, или борьбы за право быть индейцем, как Паскуаль. Несмотря на противоположность характеров, этих мужчин многое объединяет: они оба жили некоторое время в городе. Паскуаль имел любовницу ладино, которая отказалась родить ему ребенка индейской крови; как пишет де Лион, Паскуаль вернулся в деревню «с глазами, полными жизни, ненавистной жизни, жизни ладино, в которой он познал унижение»⁷. Хуан уехал в город для того, чтобы найти себе жену, но городские девушки смеялись над ним, называя грязным индейцем. Несмотря на то, что Паскуаль и Хуан очень разные и явно противопоставлены друг другу в романе, де Лион не питает иллюзий: ладино отвергают и презирают их обоих, а самое трагичное то, что они отвергают и презирают сами себя; в этом, по мнению писателя, и состоит основная проблема индейского народа. Он говорил Роберто Моралесу: «Я узнал, что я индеец, когда спустился в Антигуа, до этого я был человеком»⁸.

Мир городка Обрахе Роберто Моралеса — это вселенная, вмещающая и ладино, и индейцев, и даже китайцев, но главный герой романа — мальчик Гуичо, один из самых богатых детей в деревне. Роман начинается с того, что местная гадалка говорит, что Гуичо станет президентом республики, и это оказывается правдой. Циклическое действие развивается одновременно и в прошлом, и в будущем, в реальности и в воспоминаниях Гуичо. Одна из важных тем романа, ставшая классической для Латинской Америки тема диктатора, представлена в романе в гротескной, ироничной форме: реальная власть — в руках министра обороны, а Гуичо — лишь «незначительный президент республики», старик, боящийся министра и мечтающий о победе, на который он никогда не решится.

Созданный писателем образ президента явно относит нас к упомянутой выше фигуре Хулио Сесара Мендеса Монтенегро — Гуичо, — так же как и реальный президент, получил юридическое образование, так же беспомощен перед военной диктатурой, и так же является первым за долгое время гражданским правителем. За горькой иронией Роберто Моралеса скрывается искреннее сочувствие как реальному, так и вымышленному президенту — гражданским не место там, где всем заправляют военные.

⁷ De Li6n L., Op. cit., 28

⁸ Roberto Morales M., Op. cit.

Но так ли сильно отличаются миры обоих романов, как отличаются миры их создателей? «Священник, который приходит вести службу, другой, но у него такое же испанское лицо, и церковные колокола надрываются вот уже много веков, но все не трескаются, и никто не осмеливается плохо говорить ни о Боге, ни о его матери, ни о его сыне. Дерьмовая деревня, ни одной новой улицы, ни одной новой фамилии, ни нового лица, ни нового способа влюбиться, пить или одеваться»⁹, — пишет де Лион о своей деревне; а у Роберто Моралеса мы читаем: «Он хотел бы увидеть что-то, что не было бы записями о рождении и смерти, ибо это единственное, что случается в деревне»¹⁰. С какой стороны ни посмотри, будь то ладино или индейцы, проблема одна: «Именно в этих культурных и политических рамках Луис и я, — пишет Роберто Моралес, — хотели рисовать сельский уклад жизни в Гватемале, уже сильно затронутый современностью, но придерживающийся старого мировидения, с которым население встречало новшества эпохи, еще не вытеснившей прошлое, несмотря на настойчивое вмешательство будущего»¹¹.

В романе «Обрахе» мать Гуичо — яркий пример человека уходящей эпохи, она полна предрассудков и снобизма, не способна принять технический прогресс. Например, когда по радио объявили о космическом запуске русскими ракеты с собакой на борту, она наутро рассказывала всем, что ночью видела светящийся предмет в небе, а за ним на цепочке летела собака.

Говоря о рассказах доньи Чус, подобных этим, автор отмечает, что только индейцы верили ей и пугались. Это замечание, сделанное будто незаметно, показывает, что на самом деле и ладино, равно как и индейское население Гватемалы, не успевают за развитием науки, техники, и конечно, развитием общества, в котором каждая из сторон должна принять Другого как часть «я», ибо, как верно отмечает Роберто Моралес, все они являются пусть и разрозненным, но все же единым народом, начавшим свое болезненное формирование 500 лет назад. И все же, несмотря на схожее мироощущение, донья Чус каждый раз протирает стойку мужа-аптекаря после каждого индейца.

Основными особенностями нового гватемальского романа, по Сеймуру Ментону¹², считаются: стремление экспериментировать, синкретизм жанров, интерес к языку (гватемальскому испанскому в этом случае), са-

⁹ De Lión L., Op. cit., 27.

¹⁰ Roberto Morales M., *Obraje*. Editorial Praxis, Mexico. 2010.

¹¹ Roberto Morales M., *El indio por un indio: una version critica del mestisaje indigena de Guatemala // Homenaje imaginario a la obra literaria de Luis de Lion*. Antigua, Guatemala: Galeria imaginaria, 1991, 3–10.

¹² Menton S., *Historia crítica de la novela en Guatemala*. Editorial Universitaria. Guatemala, 1960.

монаблюдение и магический реализм. Все эти черты присущи обоим романам: экспериментальная структура романов, действие которых бродит из прошлого в будущее, стирая само понятие линейности времени; смешение литературных традиций М. А. Астуриаса, Х. Рульфо и А. Яньеса (в случае с де Лионом); обращение к магическому реализму и, безусловно, тщательная и тонкая работа над языком романов, изобилующим гватемализмами и стремящимся описать окружающий мир героев с помощью флоры и самых традиционных для Гватемалы предметов.

Каждый из этих романов заслуживает пристального внимания. Они важны не только с точки зрения развития жанра нового романа в Гватемале. Они отражают окружающую действительность и изменения в восприятии мира ладино и индейцами.

В рамках доклада невозможно дать полный анализ ни одного из них, можно лишь привлечь внимание к этим двум важным для гватемальской литературы произведениям, которые сначала по воле авторов, а затем воле судеб оказались незаслуженно забыты.

Библиография

16. Roberto Morales M. *Dossier de la obra // M. A. Asturias. Cuentos y obras.* ALLCA XX. Paris, 2000.
17. *Estudios sociales centroamericanos.* San Salvador, 1978. 356/357.
18. Roberto Morales M. *El indio por un indio: una version critica del mestisaje indigena de Guatemala // Homenaje imaginario a la obra literaria de Luis de Lion.* Antigua, Guatemala: Galeria imaginaria, 1991, 3–10.
19. De Li6n L. *El tiempo principia en Xibalb6.* Guatemala: Artemis-Edinter, 1996.
20. Roberto Morales M. *Obraje.* Editorial Praxis, Mexico. 2010.
21. Menton S. *Historia cr6tica de la novela en Guatemala.* Editorial Universitaria. Guatemala, 1960.

Хуан Рульфо по-русски: перевод Перлы Глазовой (1970)

Juan Rulfo in Russian: translation of Perla Glazova (1970)

Резюме: В статье освещается специфика восприятия текста Хуана Рульфо русским переводчиком 1970 года, главным образом в социокультурном аспекте. При сравнении перевода и оригинала высвечиваются как особенности эпической поэтики Рульфо, так и закономерные ограничения в восприятии текста на конкретном этапе советской латиноамериканистики.

Ключевые слова: Хуан Рудольфо; перевод; Перла Глазова.

Abstract: The paper considers, primarily in sociocultural context, the reception of Juan Rulfo in the 1970 Russian translation. The comparison of the translation with the original sheds light on both Rulfo's epic narrative and the inevitable limitations of Soviet Latin American studies of the period.

Keywords: Juan Rudolfo; translating; Perla Glazova.

Перла Натановна Глазова (1922–1980) — ленинградский переводчик художественной литературы, главным образом с испанского, французского и немецкого языков, работала в 1960–70-е гг. Выпускница романского отделения филологического факультета ЛГУ (1948), она некоторое время преподавала, затем, с начала 1960-х, перешла к литературному переводческому заработку и вошла в Союз писателей. Среди ее трудов — переводы из Томаса Манна, Бертольда Брехта, Жоржа Сименона, Жорж Санд, Онелио Хорхе Кардосо и другие трудные и ответственные, порой классические тексты. Старшие коллеги по цеху еще помнят и тепло вспоминают ее приятную неброскую внешность и скромные манеры, ее трудолюбие и незлобивость. В январе 1980-го она покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна.

П. Н. Глазова часто работала в составе переводческих коллективов, выполняя лишь часть большой работы. Целиком же ей принадлежат несколько переводов, в том числе один исключительной важности: первый русский текст всего очень небольшого по объему творчества великого Хуана Рульфо — роман «Педро Парамо» (названный в русском издании повестью) и 15 рассказов из сборника «Равнина в огне».

¹ Светлакова Ольга Александровна, Россия, доцент кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета СПбГУ, кандидат филологических наук (nerdanel63@rambler.ru).

Рульфо начал печатать рассказы в журналах «Пан» и «Америка» в середине сороковых. Сборник «Равнина в огне» вышел в свет 18 сентября 1953 года. Сначала в нем было 15 рассказов, затем прибавились еще два. Медленный темп формирования сборника, придирчивый отбор текстов автором² соотносятся с общими принципами поэтики Рульфо, которые Нурия Амаг в названии его биографии назвала «искусством молчания»³: парадоксальным образом за словом этого автора стоит молчание, нарушаемое собственно словом лишь тогда, когда необходимость этого слова становится абсолютным. Кратчайшие объемы, медленность и огромная художественно-смысловая плотность текстов («Педро Парамо» в русском переводе назван повестью, ибо повествование в 110 страниц при традиционном подходе романом считать не принято), выход в итоге сюжета в бессловесный черно-белый мир фотографии, которой автор в первых изданиях всегда сопровождал свой словесный, — все эти черты особой поэтики Рульфо, эпической по заданию, но стремящиеся к предельной краткости, подобно твердой поэтической форме, предъявляют почти невыносимые требования к переводчику его текстов на другой лингвистический язык. Адекватным мог бы стать лишь перевод откуда-то взявшегося русского Хуана Рульфо — человека, одаренного не только в той же степени, но и теми же качествами таланта. Не следует ждать подобного фантастического перевода — в истории межкультурных связей действуют более реалистические закономерности, и пытаться найти именно их, рассматривая данные нам историей конкретные факты.

Переводы «Педро Парамо» и 15 рассказов из «Равнины в огне» были сделаны Перлой Натановной Глазовой для издательства «Художественная литература» в 1969–1970-х гг. Книга в мягкой обложке тиражом 100 тыс. экз. вышла в начале 1970-х гг. с предисловием Льва Осповата, и затем неоднократно переиздавалась («Амфорой» в 1999 г., «Астрелью» в 2009 г.) и была оцифрована в том же переводе. Таким образом, мы имеем дело с полувекковой жизнью широко известного и единственного русского перевода одного из вершинных испаноязычных текстов XX в. Представляется вполне назревшим и целесообразным вопрос о соотносительности этого перевода с современным языковым и культурным сознанием, с писательской личностью переводчика, с историей русской испанистики, а главное, с текстом

² Известно, что Эфрен Эрнандес вытащил текст «Кумушкина взгорья» из мусорной корзины, куда его отправил автор. Классическое произведение испаноязычной литературы могло, если бы не случайность, никогда не увидеть свет. См.: Till Ealling [“Causa, a un tiempo...”]. *América, Revista antológica*. Vol. 55, 29 de febrero de 1948. P. 31, 32.

³ Amat Nuria, *Juan Rulfo. El arte de silencio*, Barcelona, Omega, 2003.

оригинала, насколько мы сегодня его понимаем. Разумеется, эти вопросы поставлены лишь частью и в самом общем виде.

Перевод Перлы Натановны при первом чтении по-русски, да и при поверхностном сравнении с оригиналом, невозможно не назвать блестящей работой: в нем сквозит образцовое внимание к каждому элементу текста, ни слова не упущено, каждый смысл рассмотрен любовно и честно, нет ни следа раздраженно-торопливого ремесленничества, неотъемлемого от коммерческой деятельности современного издательства. В случае с переводом Глазовой мы имеем ответственный, почти благоговейный подход к художественному тексту, который в случае с Рульфо, тогда одним из многих полуживых латиноамериканских писателей, переводчица, несомненно, умеет оценить непосредственно при работе над ним. Впрочем, Рульфо уже в 1970 г. наиболее проницательные критики, как автор предисловия к изданию перевода Лев Осповат⁴, все чаще оценивали как каноническую для XX в., классическую литературу. Труды, вложенные в этот русский перевод, во-первых, ярко характеризуют творческую личность переводчицы, прежде всего ее требовательность к себе и последовательность трактовки переводимого рассказа; во-вторых, стиль культурной (издательской) работы тогдашнего социума, который сочетал жесткий редакторский контроль — равным образом филологического качества и идеологической выдержанности с демократичностью и масштабностью проектов (бумажная обложка при тираже в 100 тыс. экз.); но более всего привлекают сегодня внимание те качества перевода, которые никак не могли быть отрефлексированы тогда и которые отражают само историческое время.

В переводах рассказов встречаются нечастые и не очень грубые, но заметные сбои в переводе значений слов. Это ошибки, связанные с трудностями перевода далеких и объективно плохо освоенных по-русски реалий или с обычными для любого уровня перевода неизбежными сдвигами в понимании текста. Так, *guardaganado*⁵ — не просто калитка в изгороди, а грубая решетка, положенная прямо на дороге или даже над небольшим рвом, которую скот сам не переходит и которая убирается или закрывается скотоводом во время перегона через нее скота; *dar puntapiés*⁶ — не «топтать», а пинать, бить носком сапога. Картина того, как Хусто «топчет» Эстебана, мало правдоподобна, а бросок на камни и пинки — совершенно заурядная и убедительная последовательность драки. *Empedrado* скотного двора в

⁴ Осповат Л., «Мир Хуана Рульфо», *Педро Парамо* / пер. П. Глазовой. М.: Художественная литература, 1970, 5–30.

⁵ Хуан Рульфо, *Педро Парамо* / пер. П. Глазовой. М.: Художественная литература, 1970, 60.

⁶ Там же, 62.

Мексике вряд ли представляло собой «каменные плиты»⁷, это и дорого и неудобно, гораздо правдоподобнее грубое мощение камнями, просто вбитыми в землю. Примеры подобного рода можно было бы умножить, но вряд ли это имеет смысл. Понятно, что перед нами просто примета времени до эпохи интернета с его переводческими форумами и оцифрованными словарями, когда технические возможности сделали абсолютную точность трактовки чужих реалий доступным для каждого делом и обязательным требованием в переводческой работе, примета времени полувековой давности, когда немногочисленные хорошие бумажные словари в Ленинграде стояли на полках в десяти или двенадцати известных знатокам местах, а телефонный звонок в Мексику коллеге с просьбой проконсультировать был немногим менее фантастичен, чем командировка в Древнюю Грецию. Удивляет не наличие подобных сбоев, а их немногочисленность. Переводчику неизвестны (или лучше сказать, известны не в полной мере) лишь те реалии, которым на деле объективно нельзя было добраться до русского культурного сознания полсотни лет назад через препоны географических расстояний — очень больших, планетарных, и через фильтры культурных контактов и словарей — очень немногочисленных и сосредоточенных лишь в крупных библиотеках. Перла Натановна не знает тонкостей содержания скота и устройства скотных дворов в Мексике, не реагирует в переводе на названия некоторых деревьев и плодов⁸ (у Рульфо несомненно неслучайных и нагруженных смыслом — как вообще все сплошь значимо в тексте высокохудожественном) и переводит обобщенно, называя, так сказать, вместо вида род, и такое переводческое решение нельзя не признать наиболее рациональным в ее конкретной ситуации.

Чтобы заметить, что в переводе некоторых реалий Перлой Натановной есть несоответствие сегодняшней, изменившейся культурной ситуации, включающей интернет и многочисленные связи русского культурного сознания с мексиканским миром, надо знать оригинал досконально и смотреть на текст перевода очень внимательно, ища подобные несоответствия. Что касается другой особенности перевода, ярко отражающей смену социокультурных условий за время, прошедшее с конца 1960-х гг., то для нее не требуется пристального взгляда: она видна сразу и касается важнейшего для Рульфо религиозного пласта смыслов. Вернувшаяся в нашу сего-

⁷ Там же.

⁸ Например, единственно возможное решение переводчика в начале рассказа «На рассвете» назвать незнакомое русскому читателю дерево просто «камичином», потому что так звучит его название в оригинале, тем не менее есть огромная потеря символического смысла: Рульфо, конечно, недаром вводит в первую строчку сюжетного повествования это название известного растения, рода фикуса, который при росте обволакивает собой и пожирает другие деревья.

дняшнюю русскую повседневность православная церковная сфера с остротой ее многообразного переживания в разных слоях общества, с ее языком и реалиями, все чаще упоминаемыми и все более понятными уже и не воцерковленным людям, в ее сосуществовании в крупных городах с другими религиями, эта сфера сознания, ставшая одной из самых обсуждаемых и спорных — такая постоянно присутствующая в нынешней идеологии проблематика не позволяет взгляду современного читателя скользнуть по некоторым выражениям, не задержавшись на них в недоумении. При звуках «утреннего благовеста Эстебан слезает с коровы, опускается посреди дороги на колени и, вытянув руки, складывает их в крестное знамение»⁹ (в оригинале “Oye las campanadas del alba en San Gabriel y se baja de la vaca, arrodillándose en el suelo y haciendo la señal de la cruz con los brazos extendidos”¹⁰). Даже далекий от церковной жизни человек сегодня настороженно отнесется к упоминанию православного «благовеста» в мексиканской глубинке, тем более что эти одиночные удары церковного колокола, называемые в ортодоксальной традиции благовестом, обычно ассоциируются с праздничной службой. «Вытянутые руки» Эстебана, «сложенные в крестное знамение», окончательно дезориентируют: или вытянутые, или сложенные! Место с описанием молитвы Эстебана действительно несколько темное, если не принять во внимание смысл фигуры Эстебана, центральной в цитируемом рассказе «На рассвете». Рульфо уже здесь, во втором абзаце своего невероятно плотного смыслами текста, подспудно дает читателю понять, насколько глубока христианская вера в этом мексиканском погонщике скота. Диалог в тюрьме с неизвестным повествователем в дальнейшем раскроет уже в словах — или почти в словах, ибо они бескомпромиссно сжаты в кратчайшие формулы — высочайший, величественный в своей абсолютной простоте христианский стоицизм Эстебана, поставленного в экзистенциальную ситуацию между жизнью и смертью. Именно фигура Эстебана — территория, на которой автор переводит социальную проблематику в философский аспект. Эстебан не просто формально молится, потому что зазвучали утренние колокола, — он всем существом отдается особому состоянию истовой молитвы, раскинув руки крестом и забывая себя, так, что от крика совы в ближних кустах, вырвавшего его из этого состояния, вздрагивает и даже покрывается испариной. Переводчик, искренне не понимая, что написано у Рульфо, вынужденно стилизует под не вполне понятный внутренний монолог Эстебана («от страха ему стало жарко... ветерок обвеет жар, а с жаром и

⁹ Хуан Рульфо, *Педро Парамо* / пер. П. Глазовой. М.: Художественная литература, 1970, 61.

¹⁰ Rulfo J. *Llano en llamas*, Мèxico, Fondo De Cultura Economica, 1992, 28.

страх пройдет»¹¹ авторскую речь, в которой в оригинале нет ни намёка ни на просторечие, ни на многословие: там как всегда у Рульфо кратчайшее и очень точное указание на факт, сделанное не Эстебаном, а всезнающим повествователем (Эстебан снимает рубаху «para que con el aire se le vaya el susto, y sigue su camino»). Эстебан ничего не боится, у него нет «страха» из русского перевода. *Susto* не есть *miedo*. У Рульфо речь идет не о страхе, а о потрясении или «испуге», который персонаж испытал (даже вспотев от неожиданности), когда его молитву вдруг прервал крик птицы, о той нервной реакции, которой останавливают икоту или которая заставляет нас вздрогнуть всем телом, если в момент глубокой задумчивости рядом раздастся резкий звук. Необъяснимый «страх» Эстебана делает прозу Рульфо куда более загадочной, чем она есть, и уводит нас от важнейшей линии глубокого христианского стоицизма Эстебана, о котором, собственно, и написан рассказ в первом приближении к его пониманию. Эстебан вспотел от крика совы, когда тот вырвал его из молитвы: так бывает только с теми, кто в любой момент своей жизни готов к созерцанию истинного мира, кто ежедневно «натренирован» на такое полное переключение. Иначе говоря, в 14 кратких словах Рульфо, описывающих эффект крика птицы, прервавшего молитву героя, в этой единственной детали короткой сцены под утренний колокольный звон дана самая важная тема, настраивающая нас, как камертон, на тему сюжета. И она полностью, вплоть до непонимания авторского намерения, выпадает из поля зрения переводчика — переводчика внимательного, тонкого, отлично знающего язык. Не его искусство и не его личность тому были виной, но вся оптика взгляда на чужую культуру, в которой полусознательно «опускалось» то, что не находило себе оснований в своей. Без «встречного движения», по знаменитому термину Веселовского, повисает и гибнет непонятым порой не только «важное», но и совершенно необходимое для понимания смысла. В данном рассказе он без подготовки обрушивается на читателя в финальном монологе Эстебана: “...si acaba con todas mis facultades, ya no pierdo mucho, ya que casi no me queda ninguna. Y en cuanto a mi alma, pues ahí también a El se la encomiendo”¹². В переводе нельзя уничтожить потрясающей силы христианский смысл смирения Эстебана, здесь равного проклятию и пророчеству. В переводе он лишен величия, снижен к усталому вздоху («...я и говорю, все в руке божьей... а душу свою тебе, господи, вручаю»)¹³. Отсутствие в русском тексте библеизма «ближний», намеренно или нет не переведенного страницей ранее (“¿No cree usted que matar a un

¹¹ Хуан Рульфо, *Педро Парамо* / пер. П. Глазовой. М.: Художественная литература, 1970, 61.

¹² Rulfo J., *Llano en llamas*, Mèjico, Fondo De Cultura Economica, 1992, 28.

¹³ Хуан Рульфо, *Педро Парамо* / пер. П. Глазовой. М.: Художественная литература, 1970, 64.

prójimo deja rastros?» — «Шутка ли, человека убить»)¹⁴, входит в этот ряд полусознательных искажений тонкого рисунка Рульфо, ведущего образ Эстебана через идиллию и трагедию к этической кульминации — к последней строчке перед вторым описанием предрассветного часа: “...también a El se la encomiendo”, говорит этот крестьянин о своей душе, поручая бестрепетно ее Богу, готовый умереть, не зная, за что его судят и убивают. Рульфо, с помощью высочайшей постфолкнеровской нарратологической изощренности сделавший в цитированном выше рассказе «На рассвете» из бытового акта сельский виоленсии сюжет, выдержавший груз почти эпического изображения мексиканского человека, настаивает на христианских корнях его силы и достоинства. Переводчик, который не считается с этим сознательно (если такое представимо), сознательно же разрушает авторский замысел. Гипотетический переводчик, совсем не ведающий о христианстве и потому не понимающий смысла рульфовского художественного текста, переводит вслепую и при всей доброй воле не имеет шанса на «попадание в мишень», не говоря уже о «десятке». Переводчик, образованный в культуре, так никогда и не занявшей на деле принципиальной позиции по отношению к тысячелетней традиции православия, но официально ведущей дело так, словно этой традиции как бы нет, попадает во власть межеумочной, не до конца им самим осознаваемой «полосы помех», из которой его то слышно, то нет, и внутри которой он сам отчасти дезориентирован.

Перевод Перлы Натановны Глазовой, задуманный и заказанный ей издательством «Художественная литература» в конце 1960-х г. не столько для глубинной интерпретации текста Рульфо, сколько для ознакомления широкой читающей массы с интересным латиноамериканским писателем, вполне отвечающим к тому же идеологическим требованиям — левизной взглядов и «сочувствием к простому народу», на самом деле выполнен на максимально высоком уровне, который можно реалистически помыслить для указанного времени советской культуры. Это перевод испанистически квалифицированный, перевод тонкий, ставящий себе писательскую задачу, сочувственно внимательный к авторской интенции. Но внимательность нашего слушания собеседника, увы, не всегда гарантирует понимание. Расхождения переводчицы со смыслом переводимого порой ошеломляющие, целиком обусловлены слабо отрефлексированной литературным субъектом специфической социокультурной ситуацией — глухим культурным бойкотом богословского дискурса, с которым вступал в острое противоречие сам живой язык. Сегодня, через полвека и в ситуации, возможно, не менее опасной, но в любом случае позволяющей нам некоторый избыток виде-

¹⁴ Rulfo J. *Llano en llamas*, Мéxico, Fondo De Cultura Economica, 1992. P. 31; Хуан Рульфо, *Педро Парамо* / пер. П. Глазовой. М.: Художественная литература, 1970, 63.

ния по отношению к 1970 г., мы должны, как представляется, признать две очевидности: высокую полезность и благодарное признание нами перевода Глазовой и острую необходимость нового перевода мексиканского гения на русский язык в новых условиях.

Библиография

1. Nuria A., Rulfo J., *El arte de silencio*. Barcelona: Omega, 2003.
2. Осповат Л. *Мир Хуана Рульфо, Педро Парамо* / пер. П. Глазовой. М.: Художественная литература, 1970, 5–30.
3. Хуан Рульфо, Педро Парамо / пер. П. Глазовой. М.: Художественная литература, 1970.
4. Rulfo J., *Llano en llamas*, Mèjico: Fondo De Cultura Economica, 1992.

Роль прецедентных феноменов в романе Артуро Переса-Реверте «Кожа для барабана, или Севильское причастие»

The role of precedent phenomena in the novel Arturo Perez-Revert “The skin for the drum, or the Seville Communion”

Resumen: No es del todo apropiado hablar de las obras de Arturo Pérez-Reverte sin mencionar el periodismo porque en gran medida se originan en el pasado periodista del autor. Una de las características distintivas del periodismo moderno es su intertextualidad — los periodistas a menudo citan otros textos, mencionan acontecimientos, personas y obras artísticas para crear un “contexto vertical” y la narrativa multifacética. En el periodismo, sin embargo, el autor espera que el texto citado es algo bien conocido por el lector con él que hablan el mismo idioma. En contrario, en las obras de Pérez-Reverte resulta imposible contar con un conocimiento exhaustivo del lector ya que el rango temporal y estilístico de citas y alusiones es demasiado amplio. El lector se ve obligado a dedicarse a la autoeducación, y no en vano surge impresión de que esto es uno de los objetivos predominantes de Pérez-Reverte, a pesar del género literario aparentemente fácil — lo detectivesco siempre parece ser algo frívolo.

Los signos culturales de la intertextualidad son los llamados fenómenos de precedente que constituyen un importante instrumento artístico del autor permitiéndole revelar diferentes facetas de caracteres de protagonistas, su retrato psicológico, crear un auténtico escenario de acciones e involucrar activamente al lector en los acontecimientos de la novela, así como los de la historia y cultura globales.

Palabras clave: Fenómenos (nombres, situaciones) de precedente; influencia; cultura; historia; periodismo; intertextualidad.

Abstract: It is not quite right to talk about the works of Arturo Pérez-Reverte without mentioning journalism because they largely originate in the author’s journalistic past. One of the hallmarks of modern journalism is its intertextuality — journalists often cite other texts, mention events, people and artistic works to create a “vertical context” and multifaceted narrative. In journalism, however, the author hopes that the cited text is something well known to the reader as they speak the same language. On the contrary, in Perez-Reverte’s works it is impossible to count on an exhaustive knowledge of the reader since the temporal and stylistic range of quotations and allusions is too wide. The reader

¹ Коржукова Елена Станиславовна, Россия, кандидат филологических наук, старший преподаватель, МГИМО МИД России (balears@yandex.ru).

is forced to self-educate, and there is not by accident an impression that this is one of the predominant objectives of Pérez-Reverte despite the apparently easy literary genre — detective stories always seem to be something frivolous.

The cultural signs of intertextuality are the so-called precedent phenomena that constitute an important artistic instrument of the author allowing him to reveal different facets in characters of protagonists, their psychological portrait, create an authentic scene of actions and actively involve the reader in the events of the novel, as well as those of global history and culture.

Keywords: Precedent phenomena (names, situations); influence; culture; history; journalism; intertextuality.

Роман Артуро Переса-Реверте «Кожа для барабана, или Севильское причастие» завораживает яркими типажам, неоднозначными взаимоотношениями между героями, постоянным диалогом настоящего (в неповторимом колорите Севильи) и прошлого. Оно воссоздается не только через призму легенды об истории любви Карлоты Брунер и капитана Ксалока — в писательском арсенале Реверте — эпитафии к главам, отсылки к историческим событиям, персоналиям. Когда речь идет об Артуро Пересе-Реверте, не совсем корректно говорить только о продукте литературного творчества — во многом стиль автора определяется его собственным жизненным и писательским опытом. По образованию Перес-Реверте журналист, а с 1973 по 1996 г. — военный репортер в горячих точках планеты — от Ливана и Никарагуа до Боснии и Герцеговины. Это страшный опыт, но в любом случае опыт, формирующий взгляд человека на мир. Помимо литературного творчества, Артуро Перес-Реверте известен своими смелыми статьями — он сотрудничает с известным изданием «Экис Эль Семаналь», ведя там собственную колонку. В литературном и журналистском багаже писателя множество заслуженных премий — в 1993 г. Премия Астурии в области журналистики за освещение событий в бывшей Югославии. В 2003 г. Антонио Перес-Реверте стал членом Испанской королевской академии. В непосредственной связи с романом «Кожа для барабана» стоит отметить премию г. Севильи за выбор этого города в качестве сцены действия романа. В 2013 г. Университет г. Севильи удостоил Реверте I премии в области культуры. Можно привести множество других фактов из профессиональной биографии Артуро Переса-Реверте, и каждый из них будет свидетельствовать в пользу авторского стремления к беспристрастной оценке действительности, несмотря на, казалось бы, популярный жанр исторического детектива, созданный им в испанской литературе. Эта форма литературного произведения сама по себе призвана не только и не столько развлекать читателя, сколько развивать его, заставляя оглянуться на прошлое, чтобы глубже, правильнее понять настоящее. Это своего рода роман-ловушка, ко-

торый привлекает острой сюжетной линией, но одновременно через исторические и культурные аллюзии вовлекает читателя в гораздо более массивный культурно-исторический контекст, о котором он, возможно, и не подозревал вначале. Хотелось бы приоткрыть завесу писательской мастерской Реверте, обратившись к такому языковому приему, как прецедентные феномены.

По мнению М. Н. Володиной², с помощью языка осуществляется познание, создающее нашу картину мира, т. е. то, каким образом мы интерпретируем окружающую действительность. С помощью языка как хранителя информации возможно обращаться к знанию и опыту предыдущих поколений и черпать из него все, что может быть полезно для дальнейшего развития общества. Представляется, что автор рассматриваемого романа многое вкладывает именно в эту функцию языка.

Вновь возвращаясь к журналистскому прошлому Переса-Реверте, отметим, что в чем-то его литературные произведения схожи с публицистикой — не зря он продолжает трудиться на этой ниве. Одна из отличительных особенностей современной публицистики — ее интертекстуальность, которая, по определению А. П. Чудинова, означает «присутствие в тексте элементов других текстов, что обеспечивает его восприятие как части общего политического дискурса и — шире — как элемента национальной культуры»³. Журналисты довольно часто приводят цитаты из других текстов, создавая «вертикальный контекст» и многоплановость повествования. В публицистике, однако, автор надеется на то, что процитированный текст хорошо известен адресату — таким образом, они говорят на одном языке с читателем. В художественной литературе, в частности в произведениях Переса-Реверте, рассчитывать на исчерпывающее знание читателя не приходится — слишком широк временной и стилистический диапазон приводимых цитат и аллюзий. Читатель вынужден «проверять» себя, заниматься самообразованием, благо сейчас для этого есть все возможности. В произведениях Реверте создается впечатление, что такая интертекстуальная насыщенность если и не носит просветительский характер, то уж точно направлена на то, чтобы читатель не просто отслеживал запутанный детективный сюжет, но и сам проводил параллели — исторические, культурные, нравственные.

Культурными знаками интертекстуальности являются прецедентные феномены. В широком смысле прецеденты — это «образцовые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов, представленные в

² Володина М. Н., *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 16.

³ Чудинов А. П., *Политическая лингвистика*. М.: Флинта; Наука, 2008, 114.

речи определенными вербальными сигналами, актуализирующими стандартное содержание, которое не создается заново, но воспроизводится»⁴. Внутри прецедентов выделяется особая группа, называемая прецедентными феноменами. Они представляют собой, как пишет Д. Б. Гудков, «особую группу вербальных или вербализуемых феноменов, относящихся к национальному уровню прецедентности»⁵. Они же, в свою очередь, подразделяются на прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию и прецедентное имя. Прецедентное имя — это индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией. Это «своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени»⁶.

Прецедентная ситуация, по определению, представленному А. П. Чудиновым, это «хорошо известная историческая ситуация, событие, яркие признаки которого запечатлены в народном сознании с той или иной эмоциональной оценкой»⁷.

Присутствие в тексте прецедентных феноменов вносит в него новые смыслы, способствует представлению события в общеисторическом и культурном контексте.

Кроме того, современные публицистические произведения, равно как и многие произведения Антонио Переса-Реверте, буквально пронизаны иронией, она «как бы узаконивает двойственность, параллельность смыслов, а значит, и двуплановость восприятия»⁸.

Прецедентные феномены в «Коже для барабана» весьма разноплановы по своим художественным функциям. Прежде всего, это средство характеристики персонажей, тот последний штрих, который необходим для придания героям своеобразной «изюминки».

Чего стоит один только Дон Ибраим (Кубинец) с часами, якобы, выигранными в покер у самого Эрнесто Хемингуэя в известном значном местечке Гаваны «Чикита Крус» еще до времен Кастро! Он дружил и с другими богемными персонажами — кубинским певцом Бенни Море, «Королем мамбо» Пересом Прадо, мексиканским певцом и актером Хорхе Негрете и

⁴ Гудков Д. Б., *Прецедентные феномены в текстах политического дискурса*; Володина М. Н. *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М.: Изд-во МГУ, 2013, 147.

⁵ Гудков Д. Б., *Op. cit.*, 148.

⁶ Красных В. В., Изотов А. И., *Язык, сознание, коммуникация* / сб. ст. М.: Филология, 1997, 83.

⁷ Чудинов А. П., *Op. cit.*, 115.

⁸ Клушина Н. И. «Общие особенности публицистического стиля» // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М., 2003, 285.

даже кое-чему научился у известного кубинского боксера Кида Тунеро. Наверняка нынешним читателям мало что говорят эти имена, но в свое время они были знаковыми фигурами — и такие факты в характеристике формально отрицательного персонажа, главаря банды трогательных в своем невезении бандитов, не случайны. Возможно, в рассказах о прошлом дона Ибраима многое придумано, но ведь и выдумка выдумке рознь — этого человека, при всей странности его судьбы, всегда тянуло к кругу творческих, особенных людей. Он без труда вспоминает легендарных звезд немого кино и более позднего англо-американского кинематографа — Дугласа Фербенкса, Джеймса Мэйсона, Рональда Колмана, Стюарта Гренджера. Его сокровище — старый проигрыватель и пластинки американского джазового певца Нэта Кинга Коула, мексиканского трио «Лос Панчос», кубинского певца и музыканта Антонио Мачина, кстати, нашедшего свое последнее пристанище именно в Севилье. Вот и теперь он всеми силами пытается доступными ему способами помочь Красотке Пуньялес, своей взрослой подруге и «боевому товарищу», выйти на таблао — ведь она и фламенко неотделимы! Она, по словам Реверте, «и пение, и стих, и Испания до мозга костей, не той Испании дешевого фольклора... а другой, настоящей». В унисон мелодии души дона Ибраима звучит по радио голос «Мика Джаггера из Кадиса» — испанского кантаора, певца фламенко Камарона де ла Исла...

Создавая образ этого героя, автор балансирует на грани выдумки (по большей части самого персонажа) и тонкой иронии, которая часто передается за счет искажения прецедентных имен в виде названий произведений или общеизвестных высказываний. Например, в девятой главе дон Ибраим вспоминает о Маркесе, с которым он познакомился, когда автор незнакомо нам произведения «Полковника Парамо никто не посещает» был скромным корреспондентом хроники происшествий в Картахене. В целом образ главаря банды отнюдь не воспринимается отрицательно — авторская ирония добрая. Дон Ибраим, если и не является, то по крайней мере изо всех сил стремится быть всесторонне развитым человеком — чего только стоят его упоминания об Одиссее или испанском конкистадоре Кортесе. Кстати, именно дон Ибраим является неким связующим звеном между старой и новой Испанией — уж очень часты его латиноамериканские воспоминания — горячие пляжи Сан Хуана, долгие прогулки по Старой Гаване, аперитив в Веракруссе под песни марьячи. Наивный бандит-добряк даже сравнивает себя с Колумбом и завоевателем империи инков Франсиско Писарро, примеряя на себе их роль и думая о том, как непросто быть предводителем.

Так, даже на примере одного персонажа, становится ясна одна из целей использования автором прецедентных феноменов — комплексно охарактеризовать героя, выйдя за рамки его кажущейся сущности, которая

связана с его положительной или отрицательной ролью. Артуро Перес-Реверте старается в каждом своем герое открыть человека, перешагнув через положенную ему по сценарию функцию.

В таком ключе становится вполне понятным, почему таким нестандартным для католического священника, пусть даже выполняющего особую миссию, предстает падре Куарт, «предводитель» противоположного «лагеря» в романе. Ему поручено расследовать череду странных смертей в храме Пресвятой Богородицы, слезами орошенной, и выяснить, связаны ли они с загадочными посланиями хакера под псевдонимом Вечерня, проникшего в компьютерную сеть Ватикана и призывающего спасти вышеупомянутый храм от нечестивцев. Да, Лоренсо Куарт необычный священник, он служитель совсем иного уровня — собственной спецслужбы Ватикана, выполняющей исключительные, часто секретные задания во славу святой католической церкви. Куарт харизматичен и безупречен и внешне, и, как кажется, внутренне, в первую очередь он священник. Однако... только вначале. Чем дальше развиваются события, тем больше проявляется его человеческая сущность, которая по многим параметрам не укладывается в канонический образ католического священника. В пятой главе романа стереотип дает трещину — оказывается, падре Куарт, в отличие от подобных ему служителей культа, никогда не был уверен в родстве Бога и человека, в божественном происхождении последнего — крамольные для священника мысли. Стоя перед зеркалом и пытаясь уловить в себе-человеке божественное, он пытается во что бы то ни стало уклониться от извечного вопроса (прецедентное высказывание): “Abba, Abba, ¿por qué me has abandonado?” («Отец, отец, почему ты меня покинул?») Казалось бы, кто как не священник должен быть близок к Богу, но на деле Куарт всё больше кажется если не атеистом, то уж точно агностиком.

Вслед за таким прочтением главного героя наступает полное развенчание мифа скромного священника. Шестая глава романа под названием «Галстук Лоренсо Куарта» открывается эпиграфом из романа неоромантика Джозефа Конрада «Золотая стрела»: В вас воплощены все женщины мира. И она о Куарте-мужчине, как бы это странно ни звучало применительно к священнику, и его первом разговоре с Макареной Брунер — главной героиней романа. Как ни старается падре, разговор не получается деловым — ни Макарена, ни сам Куарт не воспринимают его в полной мере как священника, и человеческое — мужское и женское — все равно сквозит в словах и взглядах. Позже он так и не сможет преодолеть соблазн и бросится в объятия Макарены, которая в его сознании прочно слилась с образом новеллы Проспера Мериме о Кармен, работнице табачной фабрики — черноволосой роковой красавице.

Прецедентными именами, событиями сквозит весь роман, многие из них привязаны к конкретным персонажам, открыто или подспудно раскрывая их суть. На голубятне Карлоты Брунер, излюбленном месте наблюдения за звездами старого падре Ферро, целая россыпь литературных имен: Толстой, Достоевский, Кеведо, Гейне, Гальдос, Бласко Ибаньес, Валье-Инклан, есть там и трактаты по космографии, небесной механике и астрофизике. В цитате из «Путевых картин» Генриха Гейне, которую отметил падре Ферро, заложена его трагедия, трагедия падре Куарта и вообще человека, который был и остается одиноким и вечно сомневающимся:

«Жизнь и сам мир — всего лишь сон пьяного бога, удалившегося с божественного ужина, чтобы поспать где-нибудь на одинокой звезде, и не ведающего, что и во сне творения его продолжают... Но однажды бог проснется, протрет глаза, улыбнется, и наш мир погрузится в ничто, словно его никогда и не существовало».

Эти строки Куарт вспомнит еще не раз.

За счет прецедентных феноменов герои говорят на одном языке, с полуслова понимая друг друга, как в случае с президентом банка Октавио Мачука и старой графиней Крус Брунер, оказавшейся в итоге тем самым хакером под ником Вечерня. Их общение теперь, спустя много лет, когда они могли, но не стали близкими людьми, сводится к нежному взаимному обожанию, воспоминаниям и цитированию стихов, чаще всего испанского поэта Рамона де Кампоамор:

“Las hijas de las madres que amé tanto
Me besan ya como se besa a un santo...”

Оба влюбленных прекрасно понимают, что жизнь уже близится к закату, но принимают ее и такой, с легкой грустью и благодарностью. Кстати, в этих встречах один из формально отрицательных героев, Октавио Мачука, лишается своей отрицательно-шаблонной маски, показывая другую сторону себя — человека.

В разговорах между Падре Куартом и Макареной Брунер последняя вспоминает фильм «Касабланка» с Хэмпфри Богартом, а также героев произведений Джона Стейнбека и испанского писателя Рамона Сендера, проводя параллели с Куартом и создавшейся ситуацией в целом. Ее собеседник всегда уместно и естественно реагирует на такие аллюзии, основываясь на знакомых обоим фильмах, книгах, идеях. Безусловно, такое возможно только между людьми одного интеллектуально-культурного уровня, ибо

диалог, по мнению М. М. Бахтина⁹, есть способ взаимодействия сознаний — если интеллектуально-культурный багаж не совпадает, диалог невозможен.

В этой связи отдельно стоит сказать об уже упомянутой функции использования прецедентных феноменов, которая связана с вовлечением и просвещением читателя. Романы Переса-Реверте, в частности «Кожа для барабана», можно читать с ручкой и блокнотом наперевес, составляя себе списки “must read”, “must watch” и т. д., — книг, которые нужно прочитать или перечитать, событий и имен, о которых нужно узнать, фильмов, которые следует посмотреть. Почему? Потому что из этого всего складывается комплекс разносторонне культурно-развитого, а значит — мыслящего человека. К такому идеалу читателя, как нам кажется, стремится сам Реверте, прилагая к тому максимум усилий.

Отдельно выделяется исторический, в том числе библейский, пласт — это в полной мере оправдано исторической сюжетной линией и желанием автора связать прошлое с настоящим: инквизиция, Крестовые походы, тамплиеры, троянский конь, трактат Фомы Кемпийского «О подражании Христу», труды Св. Августина и Фомы Аквинского, цитата из Евангелия от Иоанна (слова Христа, выгоняющего из храма торговцев, — прямая параллель с историей храма Пресвятой Богородицы, слезами орошенной), неоднократные упоминания об Иуде Искарите, старозаветной библейской истории о погонщике мулов Озе и ковчеге Завета, Самсоне и Олоферне из Старого Завета, Сенеке, Сократе, карлистских войнах в Испании, войне в Боснии и Герцеговине — продолжать можно долго.

Однако часто речь идет не только о глубоко исторических классических трудах, событиях давно минувших дней — отнюдь. В воспоминаниях Лоренсо Куарта песня Брюса Спрингстена “Back in the USA”, Монсеньор Корво, архиепископ Севильи, неожиданно вспоминает Стивена Кинга, а в комнате падре Приамо Ферро, помимо катехизиса и сборников цитат на латыни, оказывается роман Морриса Уэста «Адвокат дьявола», в котором целый параграф отмечен рукой самого падре о потере связи между священством и паствой, о сужении веры до сухой концепции и других вопросах, беспокоящих старого пастыря. В комнате последователя и ученика падре Ферро, Оскара Лобато, который тоже уже почти священник, рядом с литографией Иерусалима висит постер кинофильма «Беспечный ездох» с Питером Фонда и Деннисом Хоппером на мотоциклах — культовый фильм об идеалах американской молодежи времен хиппи. В комнате сестры Грис Марсала среди большой музыкальной коллекции, от барокко до классического и современного фламенко, нашлось место и любимцу дона Ибраи-

⁹ Бахтин М. М., *Эстетика словесного творчества*. М., 1979, 245.

ма — Камарону де ла Исла, а в откровенном разговоре с Куартом о своем прошлом она проводит параллель с романом Джорджа Оруэлла «1984», рассказывая о суровых порядках монастырской жизни.

Отдельного читательского внимания требует изобразительное искусство — мы встречаем картины Сурбарана, Мурильо, Матиа Прети, висящие в кабинете севильского архиепископа. Лоренсо Куарту при взгляде на великолепную Макарену Брунер часто вспоминает работу кисти испанского художника-реалиста Ромеро де Торреса, написавшего портрет героини Мериме Кармен. На стене в ресторане — и тут не обошлось без авторской иронии — огромная копия полотна Веласкеса «Пьяницы, или Триумф Вакха». На выставке «Религиозное искусство в Севилье эпохи барокко» банкир-бизнесмен Пенчо Гавира, муж Макарены Брунер, смотрит на полотно Вальдеса Леаля “In Ictu Oculi” («В мгновение ока») и говорит архиепископу и главе банка: «Красивая картина...» Чтобы и здесь оценить иронию Реверте, стоит лишь взглянуть на картину: фигура Смерти с косой, держащей под мышкой гроб, попирает все, что мило сердцу смертного, — символы богатства, власти и учености.

Подводя итоги небольшого экскурса только в одно произведение Артуро Переса-Реверте с точки зрения использования им прецедентных феноменов, можно сказать, что они занимают прочное место среди авторских инструментов художественной изобразительности для полновесной характеристики героев и создания аутентичного пространственно-временного полотна повествования. Однако не менее активно прецедентные ситуации и имена используются автором в целях писательского воздействия, дабы способствовать участию читателя в конкретном романе и — шире — в череде событий, соединяющих прошлое с настоящим.

Библиография

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Володина М. Н. *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М.: Изд-во МГУ, 2013.
3. Гудков Д. Б. «Прецедентные феномены в текстах политического дискурса» // М. Н. Володина. *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М.: Изд-во МГУ, 2013.
4. Клушина Н. И. «Общие особенности публицистического стиля» // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М., 2003.
5. Красных В. В., Изотов А. И. *Язык, сознание, коммуникация* / сб. ст. М.: Филология, 1997.
6. Чудинов А. П. *Политическая лингвистика*. М.: Флинта; Наука, 2008.

К СТОЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ МЕКСИКИ 1917 Г. И НАЧАЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ВЗАИМНОЕ ВЛИЯНИЕ

Senador Alejandro Encinas Rodríguez¹

La Constitución Mexicana de 1917: del Constitucionalismo Social al neoliberalismo

The Mexican Constitution of 1917: from Social Constitutionalism to neoliberalism

Resumen. Artículo esta dedicado a la Constitución mexicana del año 1917. El autor analiza el texto de la Constitución en el contexto de los procesos políticos y sociales en Mexico en los inicios del siglo XXI, incluyendo el fenómeno de Maximato y Obregonismo.

Palabras clave: Constitución mexicana; maximato; obregonismo.

Abstract. Article is dedicated to the Mexican Constitution of 1917. The author analyzes the text of the Constitution in the context of political and social processes in Mexico at the beginning of the 21st century, including the phenomenon of Maximato and Obregonismo.

Keywords: Mexican constitution; maximato; obregonismo.

“Así como Francia, después de su revolución, ha tenido el alto honor de consagrar en la primera de sus Cartas Magnas los inmortales derechos del hombre, así la Revolución Mexicana tendrá el orgullo legítimo de mostrar al mundo que es la primera en consignar en una Constitución los sagrados derechos de los obreros”. Tuvo razón el Constituyente Alfonso Cravioto al percibir la trascendencia que tendría la Constitución Mexicana de 1917.

La Constitución de Querétaro inaugura el ciclo que será denominado en el Derecho Constitucional como la etapa del Constitucionalismo social. Los movimientos sociales que tuvieron lugar en Europa, como una respuesta a la implantación del capitalismo salvaje y a su envoltura ideológica el liberalismo

¹ México, Senador de los Estados Unidos Mexicanos. Con la colaboración de Ricardo Ruíz Suárez, Licenciado en Derecho con especialidad en Derecho Constitucional.

individualista, da como resultado también el desarrollo de corrientes de pensamiento críticas como el llamado socialismo utópico, el marxismo y el anarquismo. El movimiento conocido como la comuna de París en 1871 y más adelante la revolución socialista en Rusia serán los movimientos que prefiguran todo un ciclo de rebeliones y de organizaciones de los trabajadores que se iniciaron a mediados del siglo XIX.

En México, la Revolución Mexicana que inicia en 1910 es la expresión del descontento acumulado por diversos sectores sociales y que pone fin a la “paz porfiriana” y al espejismo creado por el liberalismo individualista y al positivismo de las élites aristocráticas contenidas en la famosa consigna de “orden y progreso”. A pesar de que la integración del Constituyente de 1916-1917 excluyó a los revolucionarios de otros “ejércitos”, como los villistas y zapatistas que habían sido derrotados militarmente, existió la sensibilidad y talento para plasmar demandas de los sectores sociales más golpeados por la enorme desigualdad económica y social producida por las élites económicas y políticas del país.

La integración de las Garantías Sociales rompió en su momento con la ortodoxia jurídica y con los dogmas y modelos del Constitucionalismo de la época. Como sucede con las innovaciones y sobre todo de las que surgen a partir de movimientos sociales y revoluciones es común que escudados en los modelos y en los dogmas doctrinales, políticos y fundamentalmente jurídicos, se cuestione a quien quiere transformar las cosas. Todos sabemos la historia pero es bueno refrescarla, sobre todo para quienes en la actualidad argumentan a partir de visiones formalistas y dogmáticas la imposibilidad de introducir en las constituciones y en las leyes normas que garanticen suficientemente los derechos de los sectores mayoritarios de la población. Al discutirse el Artículo 5 del proyecto presentado por Venustiano Carranza, referido a la libertad de trabajo, diversos constituyentes plantearon la insuficiencia de este artículo para garantizar condiciones mínimas para los trabajadores del país, ante lo cual se argumentó que dichas normas no podían estar contenidas en una Constitución y que debían de ser motivo de leyes secundarias toda vez que una Constitución debía de contener sólo principios y derechos de los individuos, ante lo cual el Constituyente Manjarrez señaló “A mí no me importa que esta Constitución esté o no dentro de los moldes que previenen jurisprudencias, a mí no me importa nada de eso, a mí lo que me importa es que se den las garantías suficientes a los trabajadores, a mí lo que me importa es que atendamos debidamente el clamor de esos hombres que se levantaron en la lucha armada y son los que merecen que nosotros busquemos su bienestar y no nos asustemos a que debido a errores de forma aparezca la Constitución un poco mala en la forma; no nos asustemos de esas trivialidades, vamos al fondo de la cuestión; introduzcamos todas las reformas que sean necesarias al trabajo, démosles los salarios que necesitan, atendamos en todas y

cada una de sus partes lo que merecen los trabajadores y lo demás no lo tengamos en cuenta”. En el mismo sentido Heriberto Jara señaló que “los juristas y los tratadistas podían encontrar ridículo consignar en una Constitución la jornada máxima de trabajo, pero el precepto era necesario y la experiencia así lo demostraba. Nuestra Constitución de 1857, por establecer sólo principios generales, había resultado un traje de luces para el pueblo Mexicano”. Agregó que el establecimiento de la jornada máxima tenía como finalidad garantizar la libertad del trabajo, su vida y su energía y que “la Constitución se pretendía hacer como telegrama, como si costase a mil francos cada palabra su transmisión; no señores, yo estimo que es más noble sacrificar esa estructura a sacrificar al individuo, a sacrificar a la humanidad, salgamos un poco de ese molde estrecho en que quieren encerrarla; rompamos un poco con las viejas teorías que los tratadistas que han pensado sobre la humanidad porque señores leyes verdaderamente eficaces, leyes verdaderamente salvadoras, no las encuentro”.

Como se puede observar la introducción del artículo 123 y posteriormente del artículo 27 (que se discutió en el Constituyente días después) efectivamente rompieron con los moldes constitucionales de la época. El canon constitucional señalaba que sólo debían de existir dos partes en una Carta Magna: la llamada parte dogmática que establecía las garantías del individuo frente al estado, y la parte “orgánica” que establecía la estructura y la forma de su gobierno. La incorporación de normas que reglamentaban aspectos vinculados con los contratos obrero-patronales o bien, que establecían modalidades a la propiedad de manera pormenorizada, aparecían como atentados contra la técnica legislativa y contra las doctrinas aceptadas del Derecho Constitucional. O como lo afirmó el Constituyente Lizardi, quedaban “como un par de pistolas a un Santo Cristo”. Afortunadamente a pesar de esas críticas “ilustradas” se pusieron las pistolas y esa audacia dio como resultado la gran innovación y aportación de México al Constitucionalismo.

Las garantías sociales integradas a la Constitución de 1917, rompieron también con principios que el liberalismo individualista del siglo XIX, consideraban prácticamente sagradas. Uno de estos principios era el de la garantía de igualdad ante la ley, que formaba parte de los derechos que el estado reconoció a los individuos, de acuerdo a la visión liberal, esta igualdad formal de los individuos ante la ley, no hacía más que ocultar la desigualdad económica y social que propicia el sistema capitalista. Por eso es que el reconocimiento de la existencia de clases sociales (factores de la producción dice la Constitución) es un paso importante para reconocer la desigualdad real que existe en la sociedad, y la necesidad de que el Estado una vez reconociendo las diferencias, estableciera medidas “tutelares” para la protección de la parte más débil. Esta aceptación de las diferencias sociales y esta tutela rompió de un plumazo con el principio de “igualdad” que existía en materia de contratos de trabajo, a través del cual el salario, la jornada y las condiciones de trabajo quedaban

sujetas a la “voluntad” de las partes, estas fueron las pistolas que se les pusieron al Santo Cristo.

Otro principio del liberalismo clásico que se modificó con los preceptos aprobados por el Constituyente del 1916-1917 fue el del régimen de propiedad. La protección de la propiedad privada sin taxativas y límites fue un principio consagrado por las constituciones decimonónicas con antecedentes desde los derechos del hombre surgidos de la Revolución Francesa. En esta visión el estado reconoce un derecho natural de los hombres que es el derecho de propiedad. Al establecer el Artículo 27 de la Constitución la propiedad originaria de la nación sobre el territorio nacional, retomando planteamientos de Andrés Molina Enríquez, la propiedad privada deja de ser inviolable y se le otorga una función social, así como límites cuantitativos y cualitativos. Se reconocen otras formas de propiedad social tales como la propiedad comunal como un reconocimiento obligado al derecho de los pueblos originales, lo cual dejaba sin efecto las privatizaciones de la propiedad indígena que tuvieron lugar a partir de la Constitución liberal de 1857, lo que en los hechos implica una crítica hacia esa mirada individualista de los liberales mexicanos, y además se establece la propiedad ejidal como mecanismo para repartir la propiedad acumulada en los latifundios, así como para dotar a la propiedad de la función social. Otro aporte más es el que se refirió a la propiedad del subsuelo y al monopolio que se le otorga al Estado para la explotación de algunos recursos naturales tales como el petróleo. Esto se convirtió en un principio fundamental del constitucionalismo en el 17 que miraba hacia el futuro y la importancia que tendría esos recursos para el desarrollo del país. Otra visión hacia el futuro fue hablar de la propiedad de la Nación sobre el espacio aéreo y las tierras y las aguas tanto internas como al mar territorial y patrimonial. A partir de la Constitución mexicana de 1917 la propiedad tendría un carácter y una normatividad absolutamente diferenciada del concepto clásico de propiedad que el liberalismo y el capitalismo habían diseñado hasta ese momento.

La gran aportación del Constituyente estaba concluida: dotar al Estado Mexicano de capacidad para dirigir los destinos de la nación, es cierto, dentro de un sistema capitalista, pero con una visión social que permitía al propio Estado a diferencia de la visión decimonónica, establecer límites al capitalismo salvaje, tutelar a las clases sociales más desprotegidas, desarrollar el reparto agrario y garantizar y proteger los recursos naturales en beneficio de la nación. Se iniciaba con esto el Constitucionalismo social, en otras latitudes, en Rusia, tenía lugar a la Revolución Bolchevique que planteaba la desaparición de la propiedad privada de los medios de producción y dos años más tarde en Alemania, la Constitución de Weimar retomaba las bases de esta visión social en las Constituciones. En adelante las garantías sociales se integraron como un elemento fundamental de las Constituciones en el ámbito del

derecho de occidente, paralelamente al desarrollo de los regímenes socialistas en diversas partes del mundo.

La aplicación de los preceptos del Constitucionalismo Social mexicano han sido erráticos, ya que han ido de la mano de la conformación del sistema político nacional y del desarrollo del capitalismo subordinado al camino que han trazado las grandes potencias capitalistas. Es claro que el punto culminante de la aplicación de los principios de lo que se ha denominado “la ideología de la Revolución Mexicana”, lo fue el Cardenismo. El gobierno del General Lázaro Cárdenas representa el momento más alto en la aplicación de esta visión social: el reparto agrario, el fortalecimiento del ejido, la entrega de las tierras y la atención a los pueblos indios, el respeto e impulso a los derechos de los trabajadores, la expropiación petrolera y la defensa de los recursos naturales, son algunos de los aspectos que de manera sólida pueden comprobar esta afirmación. Por su puesto no desconocemos que también con el General Cárdenas se inician los rasgos presidencialistas y corporativistas que desligados de los propósitos originales del Cardenismo y vaciados de su contenido y propósito, tanto mal harían a nuestro país en las siguientes décadas.

Sin mencionar las ambigüedades del Obregonismo y el Maximato en la aplicación de la normatividad laboral y la precariedad en el reparto agrario y el respeto a los preceptos que hablaban de la protección de los recursos naturales y de la función social de la propiedad, es en el régimen de Miguel Alemán donde se da el primer retroceso al mandato del Constituyente del 17, al establecer el amparo en materia agraria que se convirtió en un dique que trabó las posibilidades del avance del reparto agrario y permitió la simulación de los latifundios en el campo. Lo anterior en el contexto de la corporativización de las organizaciones obreras y campesinas, la consolidación del presidencialismo que propició la centralización política y que conjuntamente con el desarrollo del sistema político conformó un sistema de partido único o partido hegemónico como se le denominó en su momento, que permitió la aplicación selectiva de los preceptos constitucionales, a cargo de un gobierno que los utilizó políticamente. A pesar de estas limitaciones y del proyecto autoritario que se conformó, se crearon instituciones en el marco del pensamiento predominante, en la órbita capitalista del “Estado benefactor”. Instituciones como el Seguro Social, el ISSSTE, la CONASUPO, la conformación de un sector paraestatal de la economía, permitió paliar y de alguna forma subsidiar las incapacidades de los empresarios mexicanos que crecieron bajo su sombra, en un marco de estabilidad política y de una estabilidad social, que gradualmente fue dependiendo cada vez del control corporativo sobre las organizaciones sociales y más adelante como en 1958 y en 1968 de la utilización frontal del ejército y la fuerza pública para mantener esa “estabilidad”.

Si bien es cierto que el crecimiento del estado y el desarrollo de las políticas vinculadas con el estado benefactor, tuvieron excesos que volvieron obseso a nuestro estado y que en aras del fortalecimiento del partido único dejó de atender sectores importantes de la población, por no mencionar la asfixia política y el autoritarismo que llegó a tener la llegada en 1982 del gobierno de Miguel de la Madrid y de manera particular la imposición de Carlos Salinas de Gortari después del gran fraude que impidió la llegada del Ingeniero Cuauhtémoc Cárdenas a la presidencia de la República, inició la entronización del proyecto neoliberal que fue seguido por los gobiernos sucesivos del PRI, del PAN y que llega hasta nuestros días con el actual régimen.

Independientemente de los efectos, de acuerdo a todos los indicadores sociales, desastrosos que ha propiciado en México la puesta en práctica del proyecto neoliberal, para efectos de la valoración del estado en que se encuentra a unos meses de cumplir un centenario la Constitución Mexicana de 1917, no es difícil observar que los planteamientos neoliberales van en un sentido diametralmente contrarios al espíritu y a la propuesta del Constituyente del 17, y aquí no se trata de tener una visión conservadora y defensora a ultranza de dogmas o de principios que se emitieron hace 100 años y que como dirían los neoliberales de diferentes colores políticos, se debe “modernizar” y poner al día, “actualizar” la Constitución, por supuesto que es válido modificar los preceptos jurídicos, adecuarlos a las necesidades, integrar principios que fortalezcan las identidades que surgen de nuestra historia y que se reflejan en sus normas, en este caso por ejemplo nadie puede dudar que la incorporación a nuestra constitución de las normas relativas a los Derechos Humanos, a incorporar principios y formas de interpretación que el derecho convencional, supranacional ha desarrollado a través de los tratados internacionales y a través de los organismos hemisféricos o mundiales que se ha integrado, pro su puesto que es correcto integrarlos, es sano hacerlo, en este sentido vamos caminando en un sentido adecuado, las reformas de 2011 nos llevan en este camino, no discutiremos aquí si como pensamos, la errónea política seguida por los gobiernos mexicanos en los hechos invalidan los derechos relativos a los derechos humanos, hemos expresado públicamente ya esta opinión, pero para efectos de este trabajo, lo importante es que nuestra identidad constitucional no se riñe de ninguna manera con su actualización en este sentido. Otro aspecto que podemos señalar como positivo en términos de la actualización constitucional como es el que se refiere a la incorporación en 2001 del precepto constitucional relativo a garantizar los derechos de los pueblos y comunidades indígenas, también aquí. Independientemente de que consideramos que este precepto se quedó corto en relación con los acuerdos de San Andrés Larrainzar que todavía están pendientes de cumplir en sus términos, pero sin duda hay un avance en nuestra Constitución al incorporar esta normatividad, y así podríamos hablar de manera positiva de otros preceptos, no todo es blanco y negro.

Lo que sí afirmamos es que los cambios constitucionales que han tenido lugar fundamentalmente de 1988 a nuestros días, vinculados a preceptos fundamentales de la Constitución Mexicana de 1917, así como los que han tenido en otras leyes secundarias, de manera destacada la Ley Federal de Trabajo, y que tienen como marco de referencia el proyecto neoliberal cuyo objetivo fue dismantelar toda la estructura institucional vinculada con la concepción del estado benefactor y que favoreció a los sectores sociales mayoritarios de la población, así como neutralizar los beneficios y los principios normativos que el constitucionalismo social otorgaba a diversos sectores sociales es un retroceso de nuestro constitucionalismo y de nuestro proyecto de Nación. Como señalamos no se trata de actualizaciones, no se trata de modernización, como demagógicamente se han tratado de explicar de justificar estos cambios. En el gobierno de Carlos Salinas de Gortari la reforma al Artículo 27 Constitucional para permitir la privatización de los ejidos y que sentó las bases para lo que ahora presenciamos, respecto a la invasión de empresas mineras que se han apropiado de los recursos naturales de nuestro país, en territorios donde existe la propiedad comunal y ejidal. La modificación al Artículo 130 Constitucional en relación a la Iglesia Estado que se dio en ese régimen. Las reformas a la Ley Federal del Trabajo en el gobierno de Felipe Calderón que en los hechos anulan los principios tutelares que son base del Artículo 123 Constitucional, la privatización del petróleo, y de la industria eléctrica y en general del sector energético del país, son algunos de los ejemplos más claros de cómo los principios que fueron los pilares de la Constitución de 1917 fueron destruidos. En ese sentido, la Constitución actual con los parches neoliberales que se han introducido se convierte en un pantano ideológico donde nuestra identidad normativa se ha perdido, nuestro proyecto de nación se ha modificado sustancialmente, en un retroceso del constitucionalismo social a los conceptos liberales que privaban antes de la Revolución Mexicana. Se ha mencionado por varios autores, de la muerte de la Revolución Mexicana. A partir de esta intromisión neoliberal en nuestro texto constitucional, sin dudarlo, podemos hablar de la muerte de la Constitución Mexicana de 1917, no existe ya fuera de la demagogia, ni en espíritu ni en contenidos los que pretendieron los brillantes constituyentes que lograron plasmar los anhelos que se manifiesta en nuestra la Revolución Mexicana. Se requiere urgentemente con el apoyo se los sectores mayoritarios de la sociedad conformar un nuevo constituyente, que retome las bases de un constitucionalismo social, no como un regreso al pasado, sino como una necesidad de conformar una visión que favorezca el desarrollo equilibrado, proteja los recursos naturales del país y permita un estado de derecho basado en el respeto a los Derechos humanos en un arco de libertades e igualdad real sin discriminación y garantizando la paz social y la viabilidad y desarrollo sustentable de nuestra Nación.

México y Rusia en su centenario: 1917 (Luis Cabrera y V. I. Lenin)²

Mexico and Russia in their centenary: 1917 (Luis Cabrera and V. I. Lenin)

Resumen. En este ensayo se presenta una biografía política del abogado mexicano Luis Cabrera, ideólogo de la Revolución Mexicana entre 1910-1917. El paralelismo doctrinal en su concepto del Estado Autoritario como necesidad en una revolución que pretendía garantizar derechos sociales de las masas campesinas y proletarias con las ideas de V. I. Lenin entresacadas de su famoso texto de abril de 1917, *El Estado y la Revolución*, es sorprendente, a pesar de que los resultados de ambas revoluciones fueron divergentes cuando Lenin le apuesta a la dictadura del proletariado y a la violencia contra la burguesía y la aristocracia semi-feudal rusa, mientras que Cabrera llamó a una Revolución democrática y liberal donde el Estado sería el árbitro entre los dueños del capital y los trabajadores.

Palabras clave: Revolución Mexicana; Luis Cabrera; V. I. Lenin.

Abstract. This essay presents a political biography of Mexican lawyer Luis Cabrera, ideologist of the Mexican Revolution between 1910-1917. The doctrinal parallelism in his concept of the Authoritarian State as a necessity in a revolution that sought to guarantee social rights of the peasant and proletarian masses with the ideas of V. I. Lenin culled from his famous text of April 1917, *The State and the Revolution*, is surprising, although the results of both revolutions were divergent when Lenin bet on the dictatorship of the proletariat and violence against the bourgeoisie and the Russian semi-feudal aristocracy, while Cabrera called for a democratic and liberal revolution where the State would be the arbitrator between the owners of the capital and the workers.

Keywords: Mexican Revolution; Luis Cabrera; V. I. Lenin.

¹ México. Profesor/Investigador de la Facultad de Filosofía y Letras de la Universidad Autónoma de Puebla, Secretario Académico del Instituto Latinoamericano de Historia del Derecho y coordinador del Centro de Investigación de Historia económica y Social de la misma FFYL de la UAP.

² Este ensayo es una adaptación actualizada de mi libro *Luis Cabrera Lobato 1876-1954*. (Ideólogo del Estado y la Revolución en México), Las Ánimas, México, 2012.

El ideólogo de la etapa armada de la Revolución Mexicana.

Luis Cabrera Lobato fue un prolífico pensador mexicano de lo que definiríamos de entrada: “El Estado y la Revolución”, parafraseando el conocido texto del revolucionario ruso, Vladímir I. Lenin³. Sólo que Lenin escribe entre agosto y septiembre de 1917 su famoso texto, en su exilio en Finlandia, mientras que nuestro revolucionario pensador está escribiendo sus primeras arengas importantes entre 1896-1912, todas dirigidas en lo político, a construir el *estado nuevo* que la Revolución Mexicana estaba llamada a consolidar. Algunos de sus biógrafos consideran que definir la trayectoria de Don Luis Cabrera se resumiría en su afán por construir la conciencia crítica del nuevo siglo XX mexicano⁴.

Lenin no necesita mucha presentación, pero Luis Vicente Cabrera Lobato nace el 17 de julio de 1876 en Zacatlán de las Manzanas, cabecera del Distrito y de la municipalidad, en la bocasierra del Estado de Puebla en el México central. Es un contemporáneo del porfirismo, el periodo marcado por la llegada al poder del General Porfirio Díaz, héroe de la guerra contra el segundo imperio francés y que gobernó México entre 1876-1911. Abrasa desde muy joven la causa liberal y se convierte muy pronto en un crítico de los excesos de la dictadura de Díaz. Hijo de un modesto panadero, Cesáreo Cabrera y de Gertrudis Lobato, crece junto con sus hermanos en un ambiente serrano con fama de conservador, en contraposición de la sierra rebelde y liberal de Juan Francisco Lucas, de Xochiapulco y Tetela. Narra Eugenia Meyer que

“(…) mientras reparte cotidianamente el pan horneado por su padre, empieza a aprender el náhuatl, lengua que muchos años después le serviría para preparar un Diccionario de aztequismos.⁵

En la biografía de Gabriela de Beer⁶ se constata que sus estudios de primaria los realizó entre 1882-1888 bajo la dirección del maestro José Dolores Pérez, en una escuela particular de Zacatlán. A los trece años es enviado a la ciudad de México para ingresar a la Escuela Nacional Preparatoria. Sus biógrafos coinciden en que

³ Véase, Lenin, V. I. *El Estado y la revolución*. Barcelona, 2001. (las citas de los capítulos de esta obra se tomaron de la edición de Madrid de 2006)

⁴ Véase el largo prólogo de Eugenia Meyer, *Obra Política, Luis Cabrera*, (estudio preliminar y edición de...), UNAM, México, 1992. Vol. I.

⁵ Menciona Meyer que Cabrera no vio concluido su propósito. “Fue J. Ignacio Dávila Garibi quien ordenó y revisó los materiales para su publicación.” Véase, Eugenia Meyer, *Obra Literaria* en Luis Cabrera, *Obras Completas*, México, Ediciones Oasis, S.A., 1974 Vol II, 420-580.

⁶ Véase Gabriella de Beer, *Luis Cabrera*. Un intelectual de la Revolución Mexicana, FCE, México, 1984. Esta biografía tiene la virtud de haberse construido con documentación directa de la familia de Luis Cabrera, en particular de Guillermo Cabrera Nevraumont (1910-1983), su hijo, quien proporcionó a la autora notable información inédita.

por razones de economía y salud precarias, Cabrera interrumpe sus estudios de Jurisprudencia. Poco tiempo después lo ubicamos como maestro en Tecomaluca, Tlaxcala, y finalmente en 1896, ingresaba en la Escuela Nacional de Jurisprudencia. Para mantenerse en sus estudios ingresó muy rápido en el periodismo, también como cronista taurino y de teatro, usando el pseudónimo ZIP en *El Noticioso*. Al parecer, entre 1896-1898 aparece ayudando a su tío Daniel Cabrera, en el famoso periódico de oposición *El Hijo del Ahuizote*. “Poco después, en 1898, acorde con el romanticismo de la época, aparecen en *Crisantema* sus primeras dos poesías: “Ausencia” y “Zacatlán”⁷. Esta etapa romántica y de crítica mordaz a la dictadura entre 1896-1901 preparó el terreno a su talante de pensador de la Revolución en los siguientes años.

El abogado.

En el año de 1951, en ocasión de su jubileo como abogado, Luis Cabrera confesaba que entre 1913-1922 se consagró a “...servir a la patria..” y no ejerció como abogado.⁸ En 1901 se recibe de abogado y empieza a ejercer la profesión en la Ciudad de México. Muy a tono con el siglo, su examen de recepción se llamó: *Los seguros sobre la vida en México*. De 1901 a 1904 fue abogado postulante asociado al despacho de Rodolfo Reyes⁹. Entre 1909 — 1912 trabajó en el bufete de William A. McLaren y de Rafael Hernández.

Poco tiempo después instaló su primer despacho en la calle de Cordobanes. En 1923 se mudaría a Av. Juárez 40, junto con el Lic. Guillermo Ordorica, y más tarde, asociados ambos a Eliseo Arredondo, se establecen en Avenida Juárez 88, para finalmente quedarse en la calle de 5 de mayo núm. 32. Todas sus biografías coinciden en afirmar que para el año de 1911 empezaría a dar clases de Derecho Civil en la Facultad de Leyes, y para 1912 designado el primer director de la Escuela de Jurisprudencia surgida de la Revolución, en la recién integrada Universidad Nacional de México. Ocupó el cargo hasta enero de 1913, cuando comenzó su activismo político a favor del carrancismo¹⁰.

⁷ Meyer, op. cit., véase también su edición de 1972 en ediciones Oasis.

⁸ Véase De Beer, op. cit., pág. 14 y Meyer, *Obras completas, Vol. I*.

⁹ Rodolfo, hermano del connotado escritor y diplomático Alfonso Reyes ha sido redescubierto para la historia de la abogacía en México por Don Andrés Lira. Por el sabemos que que su desencanto por el derrotero que siguió la revolución en México lo llevó incluso a adherirse al franquismo estando exiliado en España, donde vivió el proceso constituyente de la II República en 1931. Véase Andrés Lira, *Rodolfo y Alfonso Reyes, dos visiones del Derecho*, en: Leticia Pérez Puente y Enrique González González, *Permanencias y Cambios, universidades hispánicas, 1551-2001*, México, UNAM, 2006 Tomo II, 341-355.

¹⁰ Se le llama así al período del ex gobernador de Coahuila, Venustiano Carranza, que se levanta en armas con el plan de Guadalupe en marzo de 1913 como consecuencia del asesinato del Presidente Francisco

Anti porfirista.

En 1908 comienza su activismo político. Ya la dictadura de Díaz dejaba al descubierto las contradicciones de la “querrela de las elites” con la crisis de 1907. La crisis, el brote de un enfrentamiento, las huelgas de Cananea y Río Blanco, así como la conformación del Partido Liberal Mexicano de los hermanos Flores Magón y la proclamación del Plan y Programa de 1906, cuestionaban la política de “pan y palo”. El lema “Poca política y mucha administración,” a fuerza de ser repetido durante tres décadas, había despertado una oposición que en las jóvenes generaciones tomaba nuevos bríos, pues se agotaba el discurso “heroico” de la Independencia, la Reforma y la Intervención Francesa. Las nuevas generaciones formadas en el “liberalismo triunfante” reclamaban sus tiempos y sus espacios en la política activa de México; a ellas pertenecía Luis Cabrera en 1908. Eugenia Meyer se sorprende de un Luis Cabrera que,

“(…) injustificada o inexplicablemente, no menciona ni reconoce la tarea de Ricardo Flores Magón, ni del Partido Liberal Mexicano. A su buen ver y entender, el proceso revolucionario se gesta en ese año de 1908, cuando luego de la entrevista Díaz-Creelman que define como “el punto de partida del renacimiento democrático mexicano”, se abren las compuertas de un desbordado caudal de ansias de libertad y justicia social.”

Con su primer anagrama. “Lic. Blas Urrea” escribe para periódicos como *El Partido Democrático*, *El Dictamen* y *El Diario del Hogar*, animado por las declaraciones de la entrevista Díaz — Creelman. Se afilia con sus hermanos (Federico, en Chiapas, Alfonso en Veracruz y Lucio, en Puebla) al Partido Antirreleccionista, pero en verdad era simpatizante de Bernardo Reyes. Siempre desconfió de la capacidad de Madero como líder del movimiento nacional y es esta veta política la que lo aleja en un principio de la ruta radical anarquista de Aquiles Serdán en Puebla. Recordemos que en Puebla la propuesta de Madero urgía a un cambio político, a una reconfiguración del esquema electoral y democrático en el país, lo cual sólo sería posible con la salida de Díaz y, en principio, de todos los porfiristas del Poder Ejecutivo.

Todo hace creer que si las cosas siguen en tal estado, el General Díaz, ya sea por convicción ó por condescender con sus amigos nombrará como sucesor a alguno de éstos, el que mejor pueda seguir su misma política, con lo cual quedará establecido de un modo definitivo el régimen del poder absoluto.

(...)

El único medio para evitar que la República vaya al abismo, es hacer un esfuerzo entre todos los buenos mexicanos para organizarnos en partidos políticos, a fin de

Madero, lo que desató lo que se conoce como la revolución constitucionalista que termina con la promulgación de la nueva Constitución de Querétaro de 1917.

que la voluntad nacional esté debidamente representada y pueda hacerse respetar en la próxima contienda electoral.¹¹

Proclamas como esta animaron a personajes de la ciudad de Puebla que se mostraban inconformes con el clima de antidemocracia que se percibía en todo el país. La gente más letrada, como se decía en esos días, o inmiscuida en la política local era la más perceptiva a este tipo de llamados a la democracia, sabían que la idea de conformar una oposición política era posible y que el apoyo de las masas se conseguiría si se encontraba la manera de hacer llegar a las clases trabajadoras y medias un discurso unificador que pusiera de manifiesto sus problemas con soluciones viables.

En el contexto del avance del anarquismo libertario en el centro de México (Aquiles Serdán su mejor representante en Puebla, entre 1908-1910), Luis Cabrera se la juega en un principio con Bernardo Reyes, uno de los posibles contendientes para la candidatura y posteriormente, para el cargo de vicepresidente, y supo de la movilización que Aquiles Serdán comenzaba en Puebla, así que fue considerado como una opción en el proceso político. Samuel Espinoza de los Monteros, amigo de Cabrera invitó a Serdán a unirse al movimiento reyista. Serdán rechazó la propuesta, al parecer no estaba de acuerdo con la ideología que ellos pregonaban.

En 1909, Aquiles conoce en la ciudad de México a Madero y comienza con él un intercambio de impresiones acerca de la situación política del país y sobre las posibilidades de echar andar un ambicioso, pero posible movimiento de oposición política al oficialismo del gobierno de Díaz. Parte de las conversaciones mantenidas con Madero las reproducen en su zapatería en Puebla, desde donde comienza, de alguna manera, su formal incursión en el antirreleccionismo¹². Comenzó entonces el proceso de propaganda a favor de la causa de Madero. Y es aquí donde aparecen en escena los rebeldes que acompañarán a los Serdán en la aventura revolucionaria del 18 de noviembre de 1910.

Por su cuenta, y más ligado a un liberalismo moderado, Luis Cabrera veía en el futuro líder de la revolución democrática, Francisco I. Madero, virtudes de honestidad, más que de capacidad. Madero, al contrario, reconocía el talento del joven periodista, aunque cuestionaba sus ataques al grupo de *los científicos* y al ministro de Hacienda José Ives Limantour, que son las primeras incursiones políticas de Cabrera. Sus ensayos nunca se publicaron en *El Antirreleccionista* y sus biógrafos sugieren que llegó a criticar de oportunista al director del periódico, Don Félix F. Palavicini.

Más tarde, sus inquietudes románticas lo llevarán a construir el segundo anagrama, “Lucas Ribera” con el cual escribió poesía y tradujo obras importantes.

¹¹ Madero, *Sucesión*, 1987, 359.

¹² Ross, Stanley, *Francisco*, 1955, 121-122.

Tenemos su interpretación de *El Cantar de los Cantares del glorioso Salomón*¹³. En su interesante versión española del *Diario de Polk*¹⁴ deja ver su concepción nacionalista. Lenin lo hubiera quizá catalogado aquí de un social-chovinista en 1913.¹⁵

Agrarista liberal por convicción, Cabrera fue, quizá por su carrancismo radical, antizapatista y antivillista. Al ser derrotado Díaz en los acuerdos de Ciudad Juárez en mayo de 1911, Francisco León de la Barra quedó como presidente interino y le pidió a Cabrera que ocupara la Subsecretaría de Gobernación bajo el mando de Emilio Vázquez Gómez. Cabrera no aceptó la propuesta y se decidió mejor por su candidatura independiente por el 11° Distrito Electoral para participar en la XXVI Legislatura Federal como representante de Tlalpan, Milpa Alta, San Ángel y Coyoacán. Es curioso pero a pesar de ser un enemigo del zapatismo, Cabrera dedicó buena parte de sus escritos entre 1911-1913 a recordarle a Madero que “la Revolución es Revolución”.¹⁶ Que el programa agrario no se estaba cumpliendo y que la anormalidad de un proceso revolucionario terminaba con el desmantelamiento del “antiguo régimen” y con la imposición de las reformas en forma autoritaria, militarista y centralizada, para después volver a la normalidad democrática. Lenin retomaría esta idea pero más radical, pues en su célebre ensayo hablaría de la *extinción del Estado* por la momentánea dictadura del proletariado. La vena del autoritarismo centralizador y disolvente del antiguo régimen, parece una lectura fina de Cabrera sobre la experiencia del modelo francés de “la Terreur” de Robespierre¹⁷. El Partido Nacional Democrático se opuso, no a la candidatura del General Díaz, pero sí a la de Ramón Corral a la vicepresidencia, proponiendo al General Bernardo Reyes para esa posición. El origen de la propuesta se encuentra en los clubes reyistas creados a partir de 1908. A este organismo se unieron el Partido Nacional Obrero y los obreros de las fábricas de San Antonio Abad en la Ciudad de México. Finalmente, el Partido Anti-

¹³ Lucas Ribera, *El Cantar de los Cantares del glorioso Salomón*, México, 1918.

¹⁴ Luis Cabrera, *El Diario del Presidente Polk (1845-1849)*, Reproducción de todos los asuntos relativos a México, tomados de la edición completa de M. M. Quaipe, con numerosos documentos anexos relacionados con la guerra entre México y Estados Unidos. Recopilación, traducción, prólogo y notas de Luis Cabrera, México, Antigua Librería de Robredo, 1948 (2 volúmenes).

¹⁵ Véase Lenin, *El estado y la Revolución*, op. cit, en particular el capítulo que trata el tema del social-chovinismo en Alemania y Rusia, como reformismo oportunista del Estado Burgués, Cap. I, La sociedad de clases y el estado, págs.. 27-45.

¹⁶ Véase la entrevista publicada en *El Tiempo*, el 19 de julio de 1911.

¹⁷ Véase la discusión del panel «Las primeras revoluciones sociales del siglo XX», México y Rusia. Conferencias de Víctor Jiefets (Universidad Estatal de San Petersburgo) y Humberto Morales (Universidad Autónoma de Puebla), bajo el patrocinio de la Alianza Francesa de Puebla, Embajada de Francia en México, y Universidad Autónoma de Puebla. 22 de agosto de 2017. El autoritarismo revolucionario de Cabrera viene del concepto de abolir el lastre del antiguo régimen mexicano de caudillos y camarillas con beneficios sociales centralizados en una burguesía revolucionaria, para usar el lenguaje de Marx. El de Lenin es la arenga a luchar contra los enemigos del proletariado, justificando la violencia como el arma de la extinción del Estado Burgués.

releccionista con su lema, “Sufragio Efectivo. No Relección”, selló desde entonces la vida política de México. La mesa directiva de este partido quedó conformada de esta manera: Presidente: Licenciado Emilio Vázquez Gómez, Vicepresidente, Francisco I. Madero, segundo vicepresidente, licenciado Toribio Esquivel Obregón, secretarios, Filomeno Mata, Félix Fulgencio Palavicini, licenciado José Vasconcelos y Paulino Martínez, vocales, licenciado Luis Cabrera, Octavio Bertrand, doctor Bonifacio J. Guillén y Felipe Xochihua. Y Puebla entró en la historia del movimiento cuando Emilio Vázquez Gómez nombró como delegado en Puebla a Aquiles Serdán Alatraste. El periódico del organismo se llamó *El Antirreleccionista* y lo redactaron Félix F. Palavicini, José Vasconcelos, Luis Cabrera y Federico González Garza, con el apoyo económico de Mercedes y Ángeles Madero.

Es en este contexto firme de llamada de atención que la vertiente del Aquiles Serdán “sacrificado” fue deslizada por el propio Luis Cabrera en su oración conmemorativa del 24 de noviembre de 1912 ante el monumento de Aquiles Serdán en la ciudad de México. De tal forma que entre el sacrificio “ingenuo”, el adelanto por “accidente” y los arrebatos de un puñado de conjurados, el Serdanismo ha sido opacado en la historiografía al reducirlo como un movimiento integrante de la Revolución Maderista en Puebla, y no como un movimiento propio, que cedió ante Madero para avanzar en su *propia revolución*, que no tenía casi nada que ver con Madero, excepto el anti-reeleccionismo. La “sombra de Aquiles Serdán” de la que haría alusión Luis Cabrera en ocasión del homenaje y busto que se develó en honor del prócer poblano el 24 de noviembre de 1912¹⁸ vaticinó la desgracia del régimen maderista a dos años del levantamiento del 20 de noviembre, cuando afirmaba:

“Más si extraviados alguna vez nos empeñáremos en querellas sangrientas de hermanos contra hermanos o cayéremos abyectamente en una nueva servidumbre, entonces al levantar los ojos a esa estatua, (...) la veremos doblar sus duros dedos hasta crisar el puño, en iracundo ademán de maldición; (...) “Generación Infel y perversa, ¿hasta cuando tendré que estar con vosotros?”¹⁹

El agrarista.

En su etapa activista de la Revolución, Cabrera fue el gran ideólogo de la condición agraria de México, tomando de su maestro, don Andrés Molina Enríquez las mejores lecciones, enriqueciendo la visión histórica del problema y proponiendo desde temprana hora, ya en 1912, solución al problema ancestral de la tierra. Su pensamiento está plasmado en el decreto del 12 de diciembre de 1914 y en la famosa

¹⁸ Véase Luis Cabrera, “La sombra de Aquiles Serdán”, en: *Obras políticas del Lic. Blas Urrea*, México, 1921. *Apud en: En torno a la democracia*, México, INEHRM, 2004, 283-301.

¹⁹ “La Sombra...”, 301.

Ley del 6 de enero de 1915, que, hasta cierto punto y el lo advierte muy bien, acompañaron la redacción del nuevo artículo 27 de la Constitución de 1917.

“las revoluciones son siempre operaciones dolorísimas para el cuerpo social; pero el cirujano tiene ante todo el deber de no cerrar la herida antes de haber limpiado la gangrena... usted abrió la herida y usted está obligado a cerrarla; pero ay de usted, si acobardado ante la vista de la sangre o conmovido por los gemidos de dolor de nuestra patria cerrara precipitadamente la herida... el sacrificio habría sido inútil... en otros términos, y para hablar sin metáforas: usted, que ha provocado la revolución, tiene el deber de apagarla... La revolución debe concluir; es necesario que concluya pronto, y usted debe ayudar a apagarla; pero a apagarla definitivamente y de modo que no deje rescoldos (...) La responsabilidad de usted en este punto es tan seria, que si no acierta a percibir con claridad las reformas políticas y económicas que exige el país, correrá usted el riesgo de dejar vivos los gérmenes de futuras perturbaciones de la paz, o de no lograr establecer por completo la tranquilidad del país”²⁰

Y esta advertencia para Madero hizo que Cabrera no se equivocara en su pronóstico, como tampoco al advertir el oportunismo de la presidencia de Francisco León de la Barra, ni en el reconocimiento, en 1911, de la capacidad de Venustiano Carranza, a quien apenas había visto y de quien sería con el correr del tiempo, el ideólogo político y el más empeinado defensor.

Cabrera invirtió muchos de sus escritos a definir las revoluciones, a diferenciarlas de las reformas y de los pronunciamientos. Es si duda, nuestro mejor teórico del *Estado y la Revolución* antes de que Lenin apareciera en la escena del bolchevismo. Reconocido por sus frases lapidarias como “la revolución es revolución” y “la tierra hay que tomarla donde la haya” definió algunos de los grandes problemas nacionales con notable continuidad a lo que su maestro Molina Enríquez ya había esbozado en su notable obra, *Los grandes problemas nacionales*:

“El caciquismo: o sea la presión despótica ejercida por las autoridades locales que están en contacto con las clases proletarias, y la cual se hace sentir por medio del contingente, de las prisiones arbitrarias, de la ley fuga, y de otras múltiples formas de hostilidad y de entorpecimiento a la libertad del trabajo.

El peonismo: o sea la esclavitud de hecho o servidumbre feudal en que se encuentra el peón jornalero, sobre todo el enganchado o deportado del sureste del país, y que subsiste debido a los privilegios económicos, políticos y judiciales de que goza el hacendado.

El fabriquismo: o sea la servidumbre personal y económica a que se halla sometido de hecho el obrero fabril, a causa de la situación privilegiada de que goza en lo económico y lo político el patrón, como consecuencia de la protección sistemática que se ha creído necesario dar a la industria.

²⁰ Ídem.

El hacendismo: o sea la presión económica y la competencia ventajosa que la gran propiedad rural ejerce sobre la pequeña, a la sombra de la desigualdad en el impuesto, y de una multitud de privilegios de que goza aquélla en lo económico y en lo político y que producen la constante absorción de la pequeña propiedad agraria por la grande.

El cientificismo: o sea el acaparamiento comercial y financiero y la competencia ventajosa que ejercen los grandes negocios sobre los pequeños, como consecuencia de la protección oficial y de la influencia política que sus directores pueden poner al servicio de aquéllos.

El extranjerismo: o sea el predominio y la competencia ventajosa que ejercen en todo género de actividades los extranjeros sobre los nacionales, a causa de la situación privilegiada que les resulta de la desmedida protección que reciben de las autoridades y del apoyo y vigilancia de sus representantes diplomáticos”.

Cabrera estaba convencido del apostolado democrático de Madero, pero con energía revolucionaria de cambios radicales. Urgía a aplicar leyes electorales y sistemas diferentes de elección para los cargos de funcionarios municipales, distritales, departamentales y federales. Así se vislumbra ya el planteamiento que enarbolará el Constitucionalismo, en lo que se refiere a la supresión de las jefaturas políticas y rescatar el principio del municipio libre.

En cuanto al Poder Judicial pugnará por su independencia y autonomía, y era menester reformar las leyes de reclutamiento militar para librar a las “clases proletarias de las contribuciones forzadas de sangre que hasta ahora se han conocido con el nombre de la ‘leva’ o ‘contingentes.’ Las reformas agrarias no se lograrían sin la creación y protección de la pequeña propiedad agraria y la construcción de los ejidos, procurando que éstos fuesen inalienables:

“tomando las tierras que se necesiten para ello, de las grandes propiedades circunvecinas, ya sea por medio de compras, ya por medio de expropiación por causas de utilidad pública con indemnización, ya por medio de arrendamiento o aparcerías forzosas.”

El intelectual orgánico de la nueva revolución no olvidaba sus raíces serranas. Al igual que con Serdán, en otra perspectiva ya estudiada recientemente²¹, Madero no comprendía la lógica de Cabrera de tomar “la tierra donde se encontrara” porque sólo de esa forma se pacificaría a los campesinos rebeldes, a los zapatistas de tantas regiones que ante la imposibilidad de usar el azadón, la pala y el pico, se veían forzados a tomar el fusil para reclamar lo que les correspondía. Esto lo lleva a definir los procesos revolucionarios como “anormales” pero necesarios. Preocupado por esta situación anómala que vivía el país, recupera las ideas de Morelos, e insiste en la necesidad de dar cuerpo jurídico a las demandas y conquistas revolucionarias.

²¹ Véase Humberto Morales Moreno, *De la conjura a la rebelión. Puebla: 1909-1911*, México, Conaculta/ Gob. Del Estado, 2010.

De aquí que busque ser legislador.²² Argumentaba que “es muy común creer que con leyes se resuelven las cuestiones políticas (...) cuando lo que necesitamos son hombres nuevos”. Había batido a muchos con la pluma y con todo y eso no había sido invitado formalmente a formar parte de la Revolución Maderista. Su primera llamada de atención era:

*“... las ansias de libertad y de los sueños de redención de muchas generaciones de mexicanos que hablaban por mi boca. El único mérito que me toca, es haber sabido interpretar y haber tenido el valor de decir lo que muchos sentían y anhelaban vagamente en la época en que yo escribía (...) No tengo la pretensión de haber cambiado el mundo con mis ideas; sé que son la verdad; sé que por ello lucharon y murieron muchos patriotas, no porque fueran mías, sino porque eran también las suyas.”*²³

Durante el gobierno de Madero, Cabrera observó con pesar las diversas crisis ministeriales. Al parecer se le ofreció la cartera de Fomento que había dejado vacante Jesús Flores Magón, pero aquéllos que rodeaban a Madero, (Rafael Hernández, Pedro Lascuráin, Ernesto Madero y especialmente su padre don Francisco Madero) lo disuadieron de su propósito, arguyendo que Cabrera era “demasiado radical”.

Su visión de la Revolución lo hacía aclarar las circunstancias y espacios en que debían sucederse los cambios, sin reconocer en ocasiones su transitoriedad. Cabrera hacía ver que los mexicanos vivíamos varias circunstancias históricas a la vez; que por un largo periodo los problemas nacionales se habían concentrado en las manos de cuatro grandes tiranos: el gobierno, el clero, la banca y el latifundio. Un pueblo que había sido víctima de una constante dictadura apoyada en un quinto jinete, el ejército; y éste, siempre oportunista y advenedizo, habría de convertirse —en los años treinta— en una casta burocrática privilegiada. Cabrera analiza con objetividad a los mexicanos y es profundamente autocrítico respecto a la corrupción, ignorancia, ociosidad, apatía e insubordinación. Insiste en algo muy contemporáneo: la admirable capacidad de los mexicanos para olvidar lo que ha sucedido. Y si los sucesos se olvidan con tanta facilidad, qué no decir de los documentos oficiales que nunca se leen con cuidado, y se olvidan todavía con mayor prontitud, sobre todo en momentos trágicos o de entusiasmo desbordado. Seguimos siendo, decía, “un pueblo un tanto soñador, que cree en la democracia y en la libertad”. Sí, la Constitución, que fue hecha con premura, que es imperfecta y no está a la medida de la realidad, sigue siendo nuestra meta, norte y código de nuestros ideales democráticos, pese a las múltiples enmiendas que se han hecho, más por conveniencia política ocasional

²² Cabrera fue legislador activo tanto en la XXVI como en la XXVII legislaturas, en su *Obra Política, en 4 vols.* aparecen todos sus discursos.

²³ Parte del “Discurso pronunciado ante la Soberana Convención Revolucionaria de la ciudad de México el 5 de octubre de 1914”

que por verdadera necesidad. Ve a México como un pueblo amante de las formas, que busca en la ley una pauta y una regla para controlar los evidentes excesos.

Cabrera, se daba cuenta evidentemente de la necesidad social de tierras, pero no podía negar el derecho a la propiedad privada. Aquí será la antípoda de Lenin. Decía que había muchas dificultades en el asunto agrario y que se necesitaban muchas leyes para resolverlas. Era menester la creación y protección de la pequeña propiedad agraria como objetivo central para liberar a los pueblos de la prisión económica y social que ejercían las haciendas sobre ellos; de ahí su proposición, en 1912, de reconstituir los ejidos, procurando que fueran declarados inalienables y buscando en los grandes latifundios las tierras con qué dotar a los pueblos, “ya sea por medio de compra, ya por medio de expropiación por causa de utilidad pública con indemnización”. Reiteraba que de no subsanar toda la gama de desajustes en el agro mexicano, el campesino cambiaría la pala, el pico y el arado en desuso, por el fusil. Una redistribución de la propiedad privada de la tierra dirigida por el Estado revolucionario. Vaya proyecto! que inspiraría el futuro *koljoz* de la Unión Soviética, después de la muerte de Lenin²⁴.

Cabrera insistió en que los precursores de la Revolución²⁵ habían señalado el problema de la tierra, y Madero lo señalaba también en el Plan de San Luis. Pero en 1912, cuando ya Madero era Presidente legal y legítimo, el problema agrario se dejó de lado. No había un plan coherente de reparto ni de restitución de las mismas. Entendía que los zapatistas tenían razón aunque extrañamente no simpatizó nunca con su causa. Finalmente, después de la Convención de Aguascalientes, la necesidad de una política agraria se hizo impostergable. Carranza dictará en diciembre de 1914, las adiciones al “Plan de Guadalupe”, incorporando los razonamientos de Cabrera²⁶.

Carranza, quizá aconsejado por Cabrera, le deja redactar el espíritu de la ley agraria del 6 de enero de 1915 para adelantarse a las consignas zapatistas del “Plan de Ayala” reformado, bajo control de un modelo constitucional. Una ley circunstancial y en plena Revolución sólo podía encargarse a los jefes militares de cada uno de los bastiones recuperados por el Ejército Constitucionalista.

²⁴ La expresión rusa *kollektivnoye jozyaistvo* hace mención a una especie de cooperativa agrícola instaurada en 1928 por Stalin en la URSS. El modelo se parece mucho al ejido colectivo mexicano de la reforma agraria derivada del art. 27 constitucional de 1917. El neologismo ruso «*Sovétskoye Jozyáistvo*» (Sovjuz) de 1929 hace alusión a la tierra directamente controlada por el estado donde los campesinos eran técnicamente, asalariados. Este modelo si es original de la URSS bajo Stalin.

²⁵ Artículos 34, 35, 36 y 37 del *Programa del Partido Liberal Mexicano*, proclamado en Saint Louis Missouri, EUA, 10 de julio de 1906. *Apud en*: Graziella Altamirano y Guadalupe Villa, *La Revolución Mexicana. Textos de su historia*, compiladoras, México, Secretaría de Educación Pública, Instituto de Investigaciones, Dr. José María Luis Mora, 1986, vol. I, 333.

²⁶ Véanse “Adiciones al Plan de Guadalupe” (Por las que se establece el compromiso de expedir, durante la lucha, las bases que satisfagan las necesidades económicas, sociales y políticas del país), Veracruz, 12 de diciembre de 1914. *Apud en*, *La Revolución Mexicana, Textos de su historia, op. cit.*, vol. III, 439.

El fiel aliado de la Revolución Constitucionalista. (La República democrático-burguesa a la mexicana)²⁷

Sus biógrafos coinciden en la severidad con la que husmea y previene el proceso revolucionario maderista; cómo defiende y da sustento legal al movimiento carrancista; defiende el civilismo, vislumbrando los problemas inherentes a las posiciones militaristas; condena la intromisión americana y el proyecto intervencionista de los diferentes gobiernos de los Estados Unidos de América. Ya para 1914, a raíz de los acontecimientos con el golpe de estado de Victoriano Huerta, sugiere la necesidad de una nueva constitución política. Insistió notablemente en la no reelección y simpatizaba con la supresión de privilegios, especialmente al capital extranjero; debatió mucho transformar la legislación en materia civil y penal, modificar el juicio de amparo, inspirado en su maestro Rodolfo Reyes, incidió en reconocer la responsabilidad de los funcionarios públicos, conceder la libertad de imprenta, así como mejorar las condiciones de los jornaleros y obreros de fábricas.

Al observar la imposibilidad de Madero para cumplir el proyecto de la Revolución, Cabrera fue a principios de 1913, junto con otros miembros del Bloque Renovador de la Legislatura, a pedir al Presidente que prosiguiera por el camino de la transformación, pues la contrarrevolución iba cobrando fuerza. Sin embargo, estas advertencias no tuvieron éxito. Es entonces cuando Cabrera sale del país rumbo a los Estados Unidos; desde ahí envía a su familia a España y él se traslada temporalmente a La Habana con miras al regreso. Pierde el barco hacia México, hecho que lo obliga a trasladarse a Nueva York, donde se entera de la *decena trágica*²⁸. En una carta famosa publicada en *El Imparcial* el 5 de marzo de 1913, declaró no haber participado en actividades políticas fuera del país, y se identificó con los elementos renovadores “que nunca fueron personalistas”; dio como consumados estos hechos trágicos para “sus futuros trabajos dentro de las vías constitucionales, procurando el pronto restablecimiento de las libertades, pero absteniéndose de obrar hasta conocer los programa políticos de los nuevos hombres sobre administración

²⁷ Fue Eric Hobsbawm quien puso el término marxista en la discusión historiográfica europea en su célebre texto, *Las revoluciones Burguesas, Madrid, Guadarrama, 1979*. En la URSS los pioneros de este análisis en el contexto de los intereses imperialistas americanos en México fueron M.S. Alperovich y B.T. Rudenko. *La Revolución Mexicana de 1910-1917 y la política de los Estados Unidos*. Fondo de Cultura Popular, México, 1960. La edición original de esta obra fue publicada por la Editorial de Literatura Económica Social, Moscú, 1958. El concepto viene muy en la línea de lo que Lenin analizaba sobre la Revolución Democrático-Burguesa Rusa de 1905-1907. Su ola aparentemente expansiva llegó a China, Irán y Turquía en el contexto de sociedades dependientes y acosadas por el imperialismo inglés. No es claro si en el caso de México, haya habido algún tipo de conexión entre el 1907 burgués ruso y la «querrela de las élites» porfiristas de 1907. Para los historiadores soviéticos el caso de México fue bastante original en su contenido y en su desenlace. Véase V. I. LENIN. *Obras completas*, en ruso, T. XVIII, 546.

²⁸ Llamada así por el periodo que va del 13 al 23 de febrero de 1913 en que cae asesinado por traición el Presidente Madero en la ciudad de México.

de justicia, autonomía municipal, reclutamiento militar, reformas agrarias y demás ideales renovadores”.

Estas arengas se encaminaron a apoyar el constitucionalismo de Venustiano Carranza para luchar en contra de Victoriano Huerta. Cabrera concibió la revolución contra Huerta como una continuación de la iniciada por Madero. A esa nueva etapa de la lucha se integraría en diciembre de 1913 en Nogales, Sonora, dando paso así a su más importante asociación política: su alianza con Carranza, primer jefe del ya integrado ejército constitucionalista.

Para entender el contexto en el que Luis Cabrera defenderá la actuación de Carranza al frente de la Revolución es necesario explicar el contenido programático de las acciones y pensamiento político del constitucionalista y la manera en que “Blas Urrea” lo asesoró hasta el final de sus días. Asistiría a la Convención Militar de la ciudad de México, donde el 5 de octubre de 1913, defendió al denominado Primer Jefe e insistió en su autoridad militar y moral. Defendió el civilismo frente a quienes habían logrado las grandes movilizaciones populares en la lucha armada. Fungió como Secretario de Hacienda en 1914 y 1916. Fue por tanto, responsable de financiar la lucha armada y fue el responsable de armar la primera política financiera de un régimen revolucionario.

Si revisamos la literatura que produjo el Carrancismo desde la muerte del Primer Jefe, vemos que ésta descansa en las acciones militares, la movilización popular, los cambios políticos y sociales que trajeron consigo los diversos movimientos armados. Tenemos “*El Militarismo Mejicano*²⁹” de Vicente Blasco Ibáñez, “*El águila y la serpiente*³⁰” de Martín Luis Guzmán; “*Carranza: El Hombre, El Político, El Caudillo, El Patriota*³¹” de Francisco L. Urquizo; “*Camino a Tlaxcalantongo*³²” de Ramón Beteta; “*Semblanza Publicada en el Periódico CROMOS, de Bogotá*³³” de José Juan Tablada; “*Carranza forjador del México actual, su vida y su muerte*³⁴” del Tte. Coronel, Ignacio Suárez; “*El Rey Viejo*³⁵” de Fernando Benítez. Pero sin duda, antes del definitivo silencio de más de 10 años de nuestro biografiado, el texto de Cabrera, *La Herencia de Carranza*, fue marcado por la idea de “Reconstruir a México sobre

²⁹ Vicente Blasco Ibáñez, *El Militarismo Mejicano*, Estudios Publicados en los Principales Diarios de los Estados Unidos, Prometeo Sociedad Editorial, Valencia, 1920.

³⁰ Martín Luis Guzmán, “El Águila y la Serpiente” Colección Ideas, Letras y Vida; CIA. General de Ediciones, S.A. México; 14ª Edición; México, 1972, 180-181.

³¹ Francisco L. Urquizo, “Carranza”, *El Hombre, El Político, El Caudillo, El Patriota*. 9ª Edición, México 1970.

³² Ramón Beteta, *Camino a Tlaxcalantongo*, Colección vida y Pensamiento de México, 1era edición, FCE, México 1961.

³³ <http://www.tablada.unam.mx/archivo/fotograf/notas/i119-30.html>

³⁴ Ignacio Suárez G., *Carranza forjador del México actual, su vida — su muerte*; B. COSTA — AMIC Editor, México DF, 1965.

³⁵ Fernando Benítez, *El Rey Viejo*, Colección Popular, FCE, 2ª Edición, México, 1959.

la base de una verdadera autonomía: Autonomía en lo militar, en lo económico, financiero e internacional”³⁶

Cabrera estaba convencido del patriotismo de Carranza. En lo militar, el problema de la fabricación de armas y parque no llevaba una finalidad internacional. Lo que Carranza buscaba al pretender la autonomía en materia militar era similar a su llamada “doctrina” en materia internacional, esto es, que ninguna nación extranjera tuviera injerencia, ni pudiera ejercer influencia en los asuntos interiores. La política económica del desarrollo y del fomento de la riqueza del país, se basaba en que las riquezas naturales deberían beneficiar de preferencia a los mexicanos o aquellos extranjeros que por residencia o familia invertían en México.

La literatura sugiere que Cabrera influyó mucho en las ideas autonomistas de Carranza en materia de explotación y salvaguarda de las riquezas naturales. En lo sucesivo y respetando siempre los derechos ya adquiridos, las adjudicaciones de concesión debían ser siempre a favor de mexicanos. Esta estrategia tuvo una gran cantidad de resistencia para su aplicación, sin embargo, Carranza la siguió invariablemente por conducto de la Secretaría de Fomento y de Industria conforme al espíritu del nuevo artículo 27 de la Constitución de 1917. Las políticas financieras y económicas de Carranza si lograron establecer una reglamentación estatal de la economía, subordinando la explotación de los recursos naturales bajo su control. También fue capaz de detener la inflación y de equilibrar el presupuesto bajo el modelo heredado todavía de Limantour. Paradójica actitud si recordamos que Cabrera empezó su vida como periodista político denunciando a Limantour como un “científico” de origen “afrancesado” para evitar su postulación a la presidencia de la República en 1910. Cabrera fue autor de textos de denuncia de los enjuagues del grupo de los científicos exigiéndole a Limantour “cargos concretos”. Los acusó de enriquecimiento ilícito, obtención de puestos o empleos públicos, canonjías de contratos aprovechando dichos puestos, tráfico de influencias para provecho de intereses o negocios particulares. Al denunciar a Limantour, cosa que molestó incluso a Madero, plantea que, a finales de marzo de 1911, la situación del país demandaba la renuncia de Díaz. Fue enemigo de una paz pactada entre Madero y Díaz.

En cuanto a las empresas de servicios públicos Carranza pensaba que debían ser poseídas y administradas por los gobiernos municipales, estatales o federales, según el caso. Al igual que en las otras políticas, el país debía bastarse por sí mismo, por lo que fue muy estricto y sin temor a tropezarse, y en cuanto a los recursos monetarios jamás acudió a otras fuentes que a las nacionales. La política fiscal de Carranza fue de igualdad y equidad.

La creación del banco único de emisión y la incautación de la banca, son dos importantes cuestiones íntimamente relacionadas con la política carrancista de construir un gobierno como entidad financiera independiente. La idea de establecer

³⁶ Blas Urrea, *La Herencia de Carranza*, Imprenta Nacional S.A., México, 1920, 34-35.

dicho banco, introducida originalmente en el texto de la nueva Constitución, era una consecuencia de la necesaria política de autonomía bancaria. Sin embargo, los obstáculos políticos provenientes de la campaña presidencial fueron múltiples, por lo cual se retiraron del Congreso las propuestas de ley y se procedió a la liquidación por medio de convenios privados con los bancos incautados, para darle forma legal³⁷. Es por ello que se le dio un gran fomento a la Comisión Monetaria, lo que vendría a ser el antecedente de la futura creación del Banco de México en 1925.

Por otro lado, la Constitución de 1917 obligó a Carranza a construir un estado fuerte con justicia social para las masas trabajadoras en las fábricas y en el campo. Carranza acató hasta cierto punto, pero insistió en un poder ejecutivo firme. También se sintió obligado a limitar las reformas agrarias y laborales, porque deseaba el orden interno en caso de una guerra con los Estados Unidos. La clase media, el sector más importante dentro de su coalición, insistió igualmente en la paz, sin huelgas prolongadas ni incautaciones de tierras, la ruptura de Carranza con la Casa del Obrero Mundial y la CROM muestra que su populismo paternalista no era suficiente para satisfacer a los líderes laborales. Carranza y sus partidarios nacionalistas, (social-chovinistas Lenin dixit) Cabrera, la cara más visible entre ellos, defendieron hábilmente su nuevo proyecto autoritario de Estado contra los revolucionarios radicales, así como contra los reaccionarios porfiristas. La tarea de poner en práctica las reformas sociales se convirtió en un reto importante para su gobierno. Se esforzó arduamente por lograrlo pero los resultados no fueron del todo favorables.

En cuanto a la geopolítica internacional, comenzó a sentirse la intromisión extranjera en las cuestiones internas, y ya desde 1912 la embajada norteamericana era un centro de conspiración³⁸. La conducta de Henry Lane Wilson durante la decena trágica acabó de demostrar cuán poco respeto le merecía la soberanía de México y hasta donde era capaz de llegar. Con tal de mantener la independencia que se requería en los asuntos extranjeros, Carranza resueltamente apoyó la neutralidad de México durante la Primera Guerra Mundial³⁹. En vez de alinearse con los vencedores, Carranza atacó a la *Liga de las Naciones*. El artículo 21 de la *Carta de la Liga* era particularmente irritante, pues reconocía la “Doctrina Monroe” y consolidaba la hegemonía de los Estados Unidos en América Latina. Carranza afirmó que como no se le había consultado a América Latina sobre esta decisión,

³⁷ Véase la argumentación de “Blas Urrea” en *Op. Cit.*, 54.

³⁸ Conspiración en la cual Lane Wilson fue el principal sostén y cómplice de Félix Díaz desde su levantamiento armado en Veracruz en 1912; además de ser indirectamente el instigador del “cuartelazo de la ciudadela” durante la decena trágica y el lazo de unión entre Huerta y Díaz, y el factor más importante en el pacto que produjo la traición y el golpe de Estado, conocido como el “Pacto de la Embajada”. Luis Cabrera narra con mucho sentimiento estos hechos en *La Herencia de Carranza*, 59.

³⁹ Douglas W. Richmond, *La Lucha Nacionalista de Venustiano Carranza 1893 — 1920*, FCE, 1ª ed., México 1986, 263.

no reconocería la Doctrina Monroe. Dijo que el hecho de reconocerla crearía un “tutelage forzoso”. Para Carranza la Doctrina Monroe y la Liga representaban una hegemonía peligrosa de Estados Unidos y de la nueva Europa. Afirmo que México no entraría a la Liga hasta que se estableciera “...una Igualdad perfecta para todas las Naciones y Razas”. Carranza formuló sus opiniones en la llamada “Doctrina Carranza”, una declaración fieramente nacionalista que se anticipaba a las actitudes contemporáneas del posteriormente llamado “tercer mundo”; y apelando a la Doctrina Calvo⁴⁰, pidió que la Fuerza Armada y la Diplomacia arrogante, no se emplearan para proteger las inversiones extranjeras y a los ciudadanos extranjeros, a expensas de los ciudadanos de países débiles.

En asuntos Legislativos, Carranza mantuvo que la Soberanía Nacional tenía presencia sobre la ley. La “Doctrina Carranza”, que tenía intención de proteger sus reformas dentro de la Constitución de 1917, era un arma conveniente⁴¹. La confrontación a propósito de los recursos mexicanos siguió siendo la principal fricción en las relaciones entre México y los Estados Unidos. Esto orilló a Carranza a buscar la posibilidad de tener otras inversiones de capital como parte de su plan para reducir la dependencia de México respecto de los Estados Unidos.

Luis Cabrera negó años después del asesinato de Carranza el haber tenido los méritos que se le señalaban, alegando que sólo ocupó el puesto de servidor público dos años y dos meses y al restablecerse el orden, durante un lapso de un año y un mes. Pero es evidente que durante su larga asociación con Carranza, pugnó por alcanzar una legislación paternalista para el campesinado mexicano y, pese a que siempre dijo no tener influencia en aquél, su pluma se delata como el llamado “teórico del modelo de estado carrancista”.

Fue comisionado a recorrer la península yucateca, Tabasco y Chiapas. Luego estuvo en los Estados Unidos y Europa, para fomentar una imagen más justa del proceso revolucionario, desnaturalizado por los embates intervencionistas de los

⁴⁰ Es una institución del Derecho Internacional que en ocasiones insertan los gobiernos latinoamericanos en contratos públicos celebrados con extranjeros como una previsión para el caso de que si hubiera controversia derivada de tales instrumentos, el extranjero queda obligado a agotar los recursos locales antes de acudir a la protección de su gobierno. En nuestro país esta cláusula se encuentra consagrada en la Constitución Federal, en el Artículo 27, fracción I, al señalar...» El Estado podrá conceder el mismo derecho a los extranjeros siempre que convengan ante la Secretaría de Relaciones Exteriores, en considerarse como nacionales respecto de dichos bienes y en no invocar por lo mismo la protección de sus gobiernos por lo que se refiere a aquellos” para ver más aspectos relativos a esta Cláusula Calvo véase, Lic. Armando R. Campo, www.mexicolegal.com.mx y también el ensayo de Humberto Morales Moreno, “America Latina en la Segunda Guerra Mundial.” (La Historiografía del populismo en la región), en: *Historia de América*, IPGH, San José de Costa Rica, Vol. 140, 2009, 50-75.

⁴¹ Douglas W. Richmond, *La Lucha Nacionalista de Venustiano Carranza 1893 — 1920*, FCE, 1ª ed. México 1986, 264.

americanos y las actitudes dubitativas de algunos países del viejo continente. Alegaba que “muy pocos estaban dispuestos a que fuéramos fuertes y sanos”⁴².

Al regresar, decidió probar de nueva cuenta sus convicciones en la XXVII Legislatura; en esta segunda ocasión ocupó la curul por un brevísimo periodo de cuatro meses. Finalmente, en el camino a Veracruz, en 1920, Cabrera acompañó a Carranza a su trágico destino. En Tlaxcalantongo, por azares del destino, no le tocó morir junto a su jefe. Tuvo la oportunidad de escapar por estar en otra choza, y esconderse. Fruto de sus meditaciones, verá la luz en ese terrible año de 1920 *La Herencia de Carranza*. Poco tiempo después publica sus *Obras políticas del Lic. Blas Urrea* y empieza su memorable defensa del Barón de Cuatro Ciénegas. Sus biógrafos coinciden en que su retiro de la “política anterior”, no le impidió aprovechar la práctica de periodista para condenar lo que el consideró siempre un retroceso de la Revolución iniciada por Madero: los sonorenses, Bucareli y las estrategias del propio General Cárdenas en el poder.

La Revolución es la Revolución. El legado de Cabrera.

Luis Cabrera detectó muy tempranamente a lo largo de su etapa activista y de servidor público carrancista, que México se debatía entre el ser y el deber ser del Derecho. A ello se debe también, en su postura crítica, que los mexicanos hayan buscado con afán una fórmula política; pese a que las leyes de nuestro país han sido en teoría buenas y relativamente avanzadas, nunca se hicieron efectivas, produciendo así una considerable desigualdad jurídica y económica. La dificultad política fundamental de México radicaba en lograr abolir la ficción política heredada del antiguo régimen (F. X. Guerra). Los grandes problemas nacionales en el aspecto económico y social no se podrían resolver sin acudir a las raíces de la ficción.

El pueblo mexicano tiende a confundir el concepto de revolución con los de revuelta y pronunciamiento. Todos los movimientos se definen en México como revoluciones, y por ello el concepto mismo ha sido banalizado⁴³. Se habla de Revolución de la Noria, de Revolución de Tuxtepec y, sin embargo, la Historia, ese juez supremo, califica a todos estos trastornos políticos como de mero intento de escalar el poder. Según Cabrera, México sólo ha tenido tres revoluciones en su concepto del término. A saber: la Revolución de Independencia, que va de 1810 a 1821 y que debe entenderse como la lucha del pueblo contra la opresión. Luego la

⁴² Véase a Frederick Katz, *La guerra secreta en México*, México, ediciones Era, 1982.

⁴³ Véase al respecto el reciente debate sobre el concepto de *pronunciamiento* en Will Fowler, “El pronunciamiento mexicano del siglo XIX. Hacia una nueva tipología,” *Estudios de Historia Moderna y Contemporánea de México* 38 (julio-diciembre 2009), 5-34. Y el libro bajo su coordinación: Will Fowler (ed.), *Forceful Negotiations: The Origins of the Pronunciamiento in Nineteenth-Century Mexico* (Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2010).

Revolución de Reforma, que comenzó en 1854 y que no puede decirse que terminó sino hasta 1867. Finalmente, la Revolución que él define como de la Igualdad, que empezó en 1910 y no pudo llevarse a buen término. Revoluciones todas surgidas de la improvisación, en tanto que Miguel Hidalgo no pensó en la independencia de México y menos en la reforma republicana de un nuevo gobierno, que Juan Álvarez no pensó en la separación de la Iglesia y el Estado y que, finalmente, Madero no creyó en la existencia de una oligarquía científica y que, menos aún, tuvo conciencia de que ésta tuviera influencia alguna en la situación mexicana, ni que el pueblo mexicano necesitara urgentemente una serie de reformas agrarias que lo redimiesen.

Las revoluciones las define como crisis en el desarrollo histórico de los pueblos, ya que las reformas trascendentales en el nivel nacional nunca se logran por medio de procedimientos *legales y constitucionales*. Por lo mismo, las revoluciones son cortas, y es su breve existencia la que les permite desconocer los sistemas legales anteriores y crear otros nuevos. Las revoluciones no deben hacerse crónicas, sino que deben convertirse en gobiernos, consolidando así sus propios principios legales para ponerlos en vigor.

La Revolución implica el empleo de la fuerza para destruir un sistema, y valerse luego de gran pericia para instituir un nuevo régimen político. Desde la perspectiva de la sociología política, interpreta el hecho revolucionario como la rebelión de un pueblo en contra de un sistema que encuentra obsoleto. Sin embargo, recalca, todo sistema social está encarnado en un conjunto de leyes y en una organización política. Y así, toda Revolución aparece como la violación a las leyes existentes y como el tácito desconocimiento de un gobierno. De ahí que las revoluciones presenten el aspecto de atentados anárquicos que intentan destruir la sociedad; y quizá también por eso, advertía el autor, gran cantidad de insurrecciones se confunden con revoluciones. Pues éstas rompen con la legalidad en busca de una nueva legitimidad⁴⁴.

Cabrera establece una periodización del proceso revolucionario. La “Revolución de la Igualdad” comenzó el 20 de noviembre de 1910 y terminó el 13 de febrero de 1913, caracterizada por el intento de los elementos de poder dictatoriales, militares y los “científicos” que constituían la fuerza del general Díaz, de engañar a la Revolución y quedarse dominando al país. Reconocía entonces que la de Madero fue una Revolución con una mínima intención de reforma social y una máxima de modificación política, debido a lo cual ni la oligarquía, ni la clases privilegiadas se sintieron amenazadas. Desgraciadamente, el movimiento de 1910 atacó principalmente a la maquinaria autocrática y dictatorial que se encontraba funcionando y procuró destruirla con un mero cambio de hombres, dejando en pie todos los sistemas y, sobre todo, la fuerza plutocrática que era la base sustancial

⁴⁴ Para una discusión sobre estas contradicciones en tiempos de revoluciones véase el libro de Humberto Morales Moreno, *Las tribulaciones de la SCJN entre la legalidad y la legitimidad: 1912-1917*. SCJN, México, Comisión BYC-PJF. (Col. La Justicia durante el Porfiriato y la Revolución, 1898-1914. No. 6) 2010.

del porfiriato. El apostolado maderista no fue suficiente para barrer al “antiguo régimen”. La segunda comienza el 19 de febrero de 1913 y culmina en octubre de 1914, cuando se reúne la Convención militar en la ciudad de México; el poder destruido, o al menos el que se intentó destruir, era el poder militar que había sido base de la dictadura. La tercera se da del 1º de noviembre de 1914 en adelante, cuando se pretende la desaparición de los elementos económicos y plutocráticos porfiristas. Según Cabrera, fue el “periodo reformativo”. Un capítulo oscuro de su visión de la etapa reformista de la Revolución es su negativa a reconocer el papel de Villa y de Zapata en la movilización popular anti-huertista. Quizá su muy temprana filiación con Carranza lo hizo prejuzgar la animadversión que el propio Primer Jefe tuvo hacia los movimientos populares.

“...Toda revolución empieza con un ciego movimiento de rebeldía en contra de una situación que parece insoportable, sin tener un programa previo de acción ni un catálogo de principios. Del malestar se pasa a la rebelión y después a los principios”.

Era evidente que Cabrera veía a nuestra guerra civil en tres fases con lógicas distintas. Había que demarcar las diferencias entre revoluciones y guerras; en las primeras, lo principal son las causas sociales que las motivan aunque al cabo pueden coincidir con las segundas en desencadenar luchas sangrientas y radicales. Las revoluciones son estados patológicos y críticos de las sociedades, y por tanto se caracterizan como situaciones anómalas dentro de la vida de los pueblos. Casi siempre son inconscientes, esbozan si acaso sus tendencias, indicando sus propósitos destructivos, y en particular la mexicana no acusaba una disputa ideológica claramente definida.

Una idea muy importante dentro de su planteamiento teórico fue sin duda la de dejar en claro que las revoluciones triunfan cuando sus resultados ideológicos se plasman en el marco legislativo. Desde esta perspectiva, tiene razón Arnaldo Córdova cuando concluye en su *Proceso Ideológico de la Revolución Mexicana* que la suma de revueltas, guerras civiles y pronunciamientos entre 1910-1938 concluyeron en un proceso ideológico exitoso plasmado en el nuevo Partido del Estado y en un marco legislativo diferenciado en lo sustancial del antiguo régimen porfirista⁴⁵.

Su crítica “reaccionaria” a la Revolución de los años 30 parece dirigirse también conceptualmente al proceso institucional de la misma, que en su aguda mirada parece un total sin sentido. Avizora el anquilosamiento de las reformas y la vuelta de tuerca del “status quo” militarista del porfiriato. Se preguntaba: ¿quiénes hacen las revoluciones? Los desheredados, los siervos, los perseguidos. Es siempre la rebelión de una mayoría popular contra la injusticia de un régimen social o económico. Por lo tanto, las revoluciones las hacen los pueblos para salir de la condición de

⁴⁵ Véase Arnaldo Córdova, *La ideología de la Revolución Mexicana*, México, Era, 1973.

servidumbre o de inferioridad en que los tiene sumidos un régimen. Incluso si en apariencia tratan de derrocar al gobierno, en el fondo, su objetivo es el cambio de las leyes y las costumbres para establecer otras más justas. Es indudable, además, que la Revolución no surge nunca de uno de los poderes incrustados en el mando, sino de los elementos extraños al gobierno y por eso se oponen al orden total, ya que habrán de desconocer tanto al régimen mismo como a las leyes vigentes. Es por tanto una acción radical ejercida por una clase social oprimida en contra de la presión que sobre ella ejerce la clase privilegiada. El medio será la fuerza, la violencia. Cuando el levantamiento viene de la propia oligarquía no debe considerarse como Revolución, sino como mera insurrección, cuartelazo o pronunciamiento.

Cabrera distinguía en toda Revolución dos etapas: la primera, constituida en esencia por una fase destructiva, que podría llamarse propiamente revolución, y la segunda, la reconstructiva, que por lo general dicta que debe convertirse en gobierno para consolidar sus principios, legalizarlos y ponerlos en vigor. Resultaba indispensable que la fase destructiva sea recorrida con toda celeridad. Además no hay duda de que todas las revoluciones constituyen operaciones dolorosas en el cuerpo social de un pueblo, y por lo mismo la agonía social debe ser breve. Y aunque en principio no justifica la violencia, (lo que lo separaba claramente del modelo blanquista-leninista), reconoce que históricamente, las grandes conquistas de la libertad humana en muy pocas ocasiones han podido forjarse sin el recurso de los sacrificios y de la sangre de muchos. En la revolución es inevitable una gran dosis de arbitrariedad para hacer posible el dominio de los jefes sobre los elementos adversos, de allí lo ineluctable en la irregularidad en sus procedimientos.

Mencionábamos líneas arriba que las revoluciones responden a crisis en el desarrollo de los pueblos. Crisis que darán paso a un gobierno fuerte, sin olvidar que mientras no aparezca, la revolución no ha concluido o su fracaso es definitivo. Y sólo puede concluir de tres maneras precisas: por el completo aniquilamiento, el total triunfo y por transición y rescatando las ideas que un siglo antes esgrimiera Morelos, “Revolución que transa es revolución perdida”.

Obras de Luis Cabrera de carácter doctrinal:

1. *La reconstitución de los ejidos de los pueblos como medio de suprimir la esclavitud del jornalero mexicano*, México, Tip. de F.S. Soria, 1913.
2. *El Cantar de los Cantares del glorioso Salomón*, trad., México, Talleres Gráficos del Gobierno Nacional, 1919.
3. *La herencia de Carranza*, México, Imprenta Nacional, 1920.
4. *Obras políticas del Lic. Blas Urrea: recopilación de escritos publicados durante los años de 1909, 1910, 1911 y 1912, con numerosas notas históricas y explicativas y un apéndice con los documentos políticos principales de esa misma época*, México, Imprenta Nacional, 1921.

5. *El balance de la Revolución: conferencia sostenida por el Lic. Luis Cabrera en la Biblioteca Nacional de México la noche del día 30 de enero de 1931, con una introducción explicativa*, México, 1931.
6. *Observaciones a la reforma del artículo 10 de la Ley de 6 de enero de 1915*, México, A. Mijares, 1932.
7. *Un ensayo comunista en México*, México, Editorial Polis, 1937.
8. *Veinte años después; el balance de la Revolución; la campaña presidencial de 1934; las dos revoluciones*, 3ª ed., México, Ediciones Botas, 1938.
9. *El Evangelio de la Revolución: discurso pronunciado por el Lic. Luis Cabrera en la velada que se verificó en el Palacio de Bellas Artes, de la ciudad de México, la noche del día 5 de febrero de 1942, en celebración del 25º aniversario de la Constitución de 1917*, México, 1942.
10. *Diario del Presidente Polk*, 2 vols., trad., México, Antigua Librería Robredo, 1948.
11. *Una opinión mexicana sobre el conflicto mundial*, México, Nuevo Mundo, 1951.
12. *Obras completas*, 4 vols., México, Ediciones Oasis, 1972-1975.
13. *La solución del conflicto y Carta abierta a don Francisco I. Madero*, México, Centro de Documentación Política, 1977.
14. *La Revolución es la Revolución*, Prólogo de Francisco Martínez de la Vega, México, Ediciones del Gobierno del Estado de Guanajuato, 1977.
15. *La Revolución es la Revolución*, Prólogo de Rocío García Olmedo y comentario final de Miguel González Avelar. Redición de la LVII Legislatura del H. Congreso del Estado de Puebla, 2010.

Bibliografía básica sobre Luis Cabrera.

1. Alba, Víctor, "Luis Cabrera, Blas Urrea y Lucas Ribera, una sola persona que ha sacudido a México con su talento y pasión, dice su hijo", *Hoy*, 7 de julio de 1951.
2. Azuela Salvador, comp. *Luis Cabrera: semblanzas y opiniones*, México, Biblioteca del Instituto Nacional de Estudios Históricos de la Revolución Mexicana, 1976.
3. Azuela, Salvador, "Científicos y tecnócratas: de la tecnocracia", *Novedades*, 8 de marzo de 1976.
4. Barba González, S., *La lucha por la tierra: Ponciano Arriaga, Andrés Molina Enríquez, Luis Cabrera, Pastor Rouaix*, México, Editorial del Magisterio, 1963.
5. Beer, Gabriella de, *Luis Cabrera, un intelectual de la revolución mexicana*. México: Fondo de Cultura Económica, 1984.
6. Beer, Gabriella de, "Los cien años de Luis Cabrera: actualidad de su pensamiento revolucionario", *Cuadernos Americanos*, 209, núm. 6 (1976), pp. 80-91.
7. Beer, Gabriella de, "Luis Cabrera, Intellectual Activist of the Mexican Revolution", en *Homenaje a Andrés Iduarte*, Jaime Alazraki, Roland Grass y Russell O. Salomon, comps., Clear Creek, Ind., The American Hispanist, 1976, pp. 85-98.
8. Beer, Gabriella de, "Luis Cabrera, ensayista y teórico de la Revolución mexicana", *Cuadernos Americanos*, 202, núm. 5 (1975), pp. 155-160.
9. Cabrera Nevraumont, G., "Carta", *Novedades*, 12 de abril de 1974.

10. Cabrera, M., *Luis Cabrera. Bibliografía. Aspectos de su vida. Páginas escogidas*, México, Editorial Cultura, 1951.
11. Cabrera, L., *Obra Política*, (Estudio preliminar y edición de Eugenia Meyer), UNAM, México, 4 vols. 1992.
12. Carrancá y Rivas, R., “Luis Cabrera, jurista”, *El Gallo Ilustrado (El Día)*, 22 de abril de 1979.
13. Córdova, A., *La ideología de la Revolución Mexicana*, Era, México, 1973.
14. García Cantú, G., “Cabrera ante Zapata”, *Siempre*, 16 de agosto de 1979.
15. González Martínez, E., “El caso Luis Cabrera”, *Lectura*, 106, núm. 3 (1955), pp. 83-92.
16. Laborde, H., *Luis Cabrera, traidor a Yucatán y a México*, Mérida, 1936.
17. Menéndez, M. Á., *Respuesta a Luis Cabrera*. México, Nuevo México, 1938.
18. Meyer, E., (Comp. y estudio introductorio) *Revolución e historia en la obra de Luis Cabrera (antología)*. México: FCE, 1994.
19. Meyer, E., *Luis Cabrera: teórico y crítico de la Revolución*, México, Sep-Setentas, 1972.
20. Meyer, E., “Cabrera: el revolucionario de entonces... ¿El de ahora?”, *Revista Mexicana de Cultura (El Nacional)*, 20 de junio de 1976.
21. Morales Moreno, H., *Luis Cabrera Lobato 1876-1954*. (Ideólogo del Estado y la Revolución en México), Las Ánimas, México, 2012.
22. Picato, P., “La política y los intereses extranjeros. Un artículo de Luis Cabrera” en *Relaciones*, vol. 22. Número 85, El colegio de Michoacán, Zamora, 2001. Págs.161-190.
23. Suárez Molina, J. L., “El pensamiento agrario de Ponciano Arriaga y de Luis Cabrera: su influencia en el derecho agrario”, tesis, Universidad Nacional Autónoma de México, 1963.

**Cien años de la revolución rusa, y la revolución mexicana.
Vladimir I. Lenin y Emiliano Zapata dos liderazgos
trascendentes (algunos aspectos del movimiento
campesino)².**

**One hundred years of the Russian revolution, and the
Mexican revolution.**

**Vladimir I. Lenin and Emiliano Zapata two transcendent
leaderships (some aspects of the peasant movement).**

Al Dr. Ernesto Guevara de la Serna, el Che, en el cincuentenario de su sacrificio.

Resumen. A finales de octubre de 1917 el líder social agrario más importante de la Revolución mexicana — Emiliano Zapata — festejó y comunicó a Vladimir Ilich Lenin, el carácter vindicativo de la Revolución Rusa, aspecto que sin lugar a dudas trascendía a la lucha que el movimiento armado de México desarrollaba por su liberación, el paralelismo entre dichos movimientos, en su visión acerca del cambio revolucionario trascendió como un hecho histórico que influyó de alguna manera con la visión zapatista de la revolución en México. Sin embargo conforme a los acontecimientos acaecidos en México, existen también desencuentros ideológico — políticos con la muerte de Zapata y el surgimiento del Estado capitalista en México.

En este ensayo se buscan eslabonar dos factores que concebimos guardan relación, por un lado, la visión política de Zapata y Lenin y fundamentalmente su trascender en el actual contexto de la globalización a partir del pensamiento del movimiento denominado Ejército Zapatista de Liberación Nacional que consideramos ha hecho de suyo, entre otros aspectos, estas dos vertientes de su ideología político — social.

Palabras clave: Zapatismo; leninismo; reivindicaciones agrarias; revolución social; comunidades agrarias.

Abstract. At the end of October 1917 the most important agrarian social leader of the Mexican Revolution — Emiliano Zapata — celebrated and communicated to Vladimir Ilyich Lenin, the vindictive character of the Russian Revolution, aspect that undoubtedly

¹ México. Profesor — Investigador. Universidad Autónoma Metropolitana, Azcapotzalco. Coordinador de la Maestría en Derecho.

² Versión modificada de la ponencia sustentada por el autor en la Universidad de San Petersburgo, Rusia, el 3 de octubre de 2017, en el marco del Tercer Foro Internacional: Rusia e Iberoamérica en el mundo globalizante. Historia y Perspectivas.

transcended the struggle that the armed movement in Mexico, for his liberation, the parallelism between these movements, in his vision of revolutionary change transcended as a historical fact that influenced in some way the Zapatista vision of the revolution in Mexico. However, according to the events that occurred in Mexico, there are also ideological — political disagreements with the death of Zapata and the emergence of the capitalist state in Mexico. In this essay we seek to link two factors that we conceive to keep, on the one hand, the political vision of Zapata and Lenin and fundamentally its transcendence in the current context of globalization from the thinking of the movement called the Zapatista Army of National Liberation that we believe has made of it, among other aspects, these two aspects of its political — social ideology.

Keywords: Zapatism; Leninism; agrarian claims; social revolution; agrarian communities.

Introducción

El acontecer del hecho revolucionario en su enfoque social, independientemente del contexto desde donde se gestó, y cuya visión ha sido la de reivindicar nuestra condición humana, constituye una épica de personajes que juegan un papel protagónico, quizás incluso sin proponérselo, circunstancia que en la historia de los pueblos se ha fincado en virtud del estrecho vínculo de los explotados con sus líderes e intelectuales, esta fue en buena medida la expresión que adquirieron Emiliano Zapata y Vladimir Ilich Lenin, el primero de extracción popular y campesina con antepasados que lucharon en el marco del liberalismo mexicano, además de tener fuertes raigambres comunitarias con los pueblos de origen náhuatl del Estado de Morelos, República mexicana; el segundo, de familia acomodada, con estudios universitarios en abogacía en la Universidad de San Petersburgo, y que en 1894, a sus escasos 24 años de edad, ya habría escrito su primer libro: *“Quienes son los amigos del pueblo y como luchan contra los social demócratas”*.

Si bien en la visión política de ambos dirigentes subyacen ciertas diferencias, en tanto que la ideología zapatista se cifró originalmente en la recomposición del campo del aún incipiente capitalismo mexicano, a partir de la vindicación de los derechos agrarios de millones de jornaleros, indígenas y campesinos que habrían sido expoliados por las grandes haciendas, lo que sin embargo no imbrica que los ideólogos del zapatismo no hayan hecho de suyo (con algunas intermitencias) aspectos que conciernen al socialismo y del anarquismo.

Al decir de Adolfo Gilly, el zapatismo trascendió en el marco de una “Revolución Interrumpida”, con una proyección en sus objetivos hacia la ideología, socialista, al respecto Maxime Durand señala:

La thèse de la révolution interrompue.

On peut aussi bien exposer d'emblée la grille de lecture qui permet de comprendre le processus de la révolution mexicaine. Et le mieux est de citer Gilly : "La conception prolétarienne et marxiste dit que la révolution mexicaine est une révolution interrompue. Avec l'irruption des masses paysannes et de la petite bourgeoisie pauvre, elle s'est développée initialement comme révolution agraire et anti — impérialiste pour acquérir un caractère empiriquement anticapitaliste porté par les initiatives d'en bas et malgré la direction bourgeoisie et petite bourgeoisie dominante. En l'absence de direction prolétarienne et de programme ouvrier, elle dut s'interrompre à deux reprises: en 1919 — 1920 d'abord, puis en 1940 sans pouvoir atteindre une issue socialiste : mais en même déroute en leur retirant leurs conquêtes révolutionnaires fondamentales. Il s'agit pour cette raison d'une révolution permanente dans la conscience et l'expérience des masses³.

Mientras que el leninismo, concretó por primera vez, llevar a la práctica la sustentación de Carlos Marx y Federico Engels, esto es, la praxis del socialismo y en donde su construcción advierte la conjunción de la teoría marxista — leninista, y en cuyas acepciones podríamos hallar no sólo una definición socio — política sino una actitud ética ante la vida.

Con sus debidas reservas ambos dirigentes se guiaron por reflexionar algunas de sus circunstancias históricas en un enmarque social, con un diseño principal de carácter ético, que si bien enraizado en la ideología, se funda en palabras de Emmanuel Levinas en que: "El único valor absoluto es la posibilidad humana de dar prioridad al otro sobre uno mismo"⁴. Al decir de Teodorov⁵ este fundamento — más que político, es de carácter moral y:

"(...) para ellos decir 'esto revierte en mi propio interés' o 'éste es mi deseo' no basta para ennoblecer una acción. Saben que el ser humano no termina en los límites de su cuerpo, sino que incluye la relación con los demás. No piensan que todos los valores son de naturaleza económica y dan más valor a las relaciones humanas que a la acumulación de bienes (...). Los valores de amor, tolerancia y compasión no dependen de la fe ni de una religión concreta".

Más allá de las complejidades de ambos movimientos revolucionarios, encontramos cuatro variables que sitúan su paralelismo: la reivindicación histórico — social del campesinado, la acechanza imperialista, la que en el campo se expresa en gigantescas concentraciones agrarias, ya sea a través de los monopolios o de los terratenientes, la nacionalización de las tierras, (por lo que hace al zapatismo durante su fase final)

³ Maxime Durand. *La tourmente mexicaine : révolution, miracle et crise*. Ed La breche. París 1987, 14.

⁴ Emmanuel Levinas. *Entre nous*, Ed. Grasset, 1991, 119. [Trad. esp.: *Entre nosotros: ensayos para pensar en otro*, Valencia, Pre-Textos, 2000.] Cit. En: Tzvetan Todorov. *Insumisos*. Galaxia/Gutenberg. Barcelona, España 2016, 27.

⁵ *Ibíd.*

y contrario a lo que podría suponer (en el caso mexicano), la búsqueda en las dos revoluciones de la alianza obrero — campesina⁶.

Si bien existe este entramado diverso y complejo en que se sitúan los movimientos en cuestión, en este ensayo delimitaremos algunos de los aspectos que principalmente conciernen a la cuestión agraria y con sus debidas reservas situar que en el caso ruso el vínculo del pensamiento socialista con las luchas campesinas tuvo determinadas expresiones, no siempre del todo afortunadas, como así aconteció con algunos espacios de corte anarquista y con las luchas del campesinado ucraniano representadas por su líder Néstor Makhno, quien no obstante su alianza con los soviets, su movimiento fue sofocado.

Marco referencial

A finales de octubre de 1917 el líder social agrario más importante de la Revolución mexicana Emiliano Zapata, festejó y comunicó a Vladimir Ilich Lenin, el carácter vindicativo de la Revolución Rusa⁷, aspecto que sin lugar a dudas trascendió en el movimiento armado de México.

⁶ Zapata señala: “En momentos tan críticos como decisivos para el porvenir de la República, la revolución agraria invita a un esfuerzo común, contra el déspota, a todos los verdaderos revolucionarios del país, a todos los hombres que *anhelan la emancipación del obrero y del campesino*, a los que tengan fe en los destinos de su pueblo, a los que desean para sus compatriotas una era de bienestar, de trabajo, de paz, pero también de trascendentales y necesarísimas reformas. A todos los mexicanos amantes del progreso de su país y de la redención, de los que tienen hambre y sed de justicia, *los exhorta la revolución defensora del Plan de Ayala, a combinar sus esfuerzos, su propaganda, sus capacidades y sus energías de combate* para emplearlas contra el funesto personaje que sin más apoyo que su capricho, es hoy por hoy el único estorbo para el triunfo de los ideales reformistas y para el restablecimiento de la paz nacional”. Zapata Emiliano. *Manifiesto: Al Pueblo. Tlaltizapán, Morelos, Diciembre 27, 1917*. Instituto Nacional de Estudios Políticos, A.C. (INEP) <http://www.inep.org/>

⁷ Al decir de Zapata: “Mucho ganaríamos, mucho ganaría la humana justicia, si todos los pueblos de nuestra América y todas las naciones de la vieja Europa comprendiesen que la causa del México revolucionario y la causa de la Rusia irredenta, son y representan la causa de la humanidad, el interés supremo de todos los pueblos oprimidos.

Aquí como allá hay grandes señores, inhumanos, codiciosos y crueles que de padres a hijos han venido explotando hasta la tortura, a grandes masas de campesinos. Y aquí como allá, los hombres esclavizados, los hombres de conciencia dormida empiezan a despertar, a sacudirse, a agitarse, a castigar.

Una y otro van dirigidos contra lo que León Tolstoi llamara «el gran crimen»: contra la infame usurpación de la tierra, que siendo propiedad de todos, como el agua y como el aire, ha sido monopolizada por unos cuantos poderosos, apoyados por la fuerza de los ejércitos y por la iniquidad de las leyes.

No es de extrañar, por lo mismo, que el proletariado mundial aplauda y admire la revolución rusa (...) Emiliano Zapata. *Cartas*. Ediciones Antorcha, México, 1987, 83-86 (Recopilación realizada por Chantal López y Othón Cortés).

Cit. <http://www.bibliotecas.tv/zapata/1911/z27ago11.html>. (Consulta 23 de abril de 2017).

El paralelismo entre dichos movimientos⁸, acerca del cambio social y en particular el que correspondía al problema agrario repercutió como un hecho histórico, que influyó de alguna manera en el contexto mundial.

Sin embargo, conforme a los acontecimientos ocurridos en el cierre de ambas revoluciones, existen también desencuentros ideológico — políticos con la muerte de Zapata⁹ y el surgimiento del socialismo en Rusia.

Más allá de la diversidad ideológica por la que transitaron ambas corrientes políticas; populismo, liberalismo, anarco — sindicalismo, y el marxismo — leninismo, este ensayo se ubica en aspectos que les son equidistantes y que corresponden a la cuestión agraria y en cuyos significados contemporáneos identificamos escenarios que siguiendo (entre otras), las tesis del Ejército Zapatista de Liberación Nacional de México (EZLN), y porque no, de Ernesto el Che Guevara, nos sitúan en que la lucha de los explotados del campo¹⁰, puede ser también, la traza del “hombre nuevo”, aún incluso con la adopción de sus propios paradigmas socio culturales (la de los indios) .

Por otro lado, se buscan eslabonar dos factores que concebimos guardan relación, en la visión política de Zapata y Lenin, acerca del campesinado y contra todo lo que puede suponer, su vigencia en el actual contexto de la globalización.

En esta tesitura concibo un corte epistemológico¹¹ y de tipo temático que bajo un sentido analítico buscan primigeniamente identificar aspectos que vinculan

⁸ “Existe una asociación cronológica entre las revoluciones mexicana, rusa y china, y, para algunos, existe incluso una verdadera conexión entre las tres. Es innegable que estos movimientos revolucionarios ofrecen ciertos puntos de comparación (...). Unas veces la influencia extranjera en México fue rusa, y otras veces fue asiática (del Japón y de la India). Pero hay asimismo fuentes norteamericanas, e inclusive alemanas”. Cf. Bernstein Harry, “Marxismo en México” En Aguirre Carlos (editor). *Militantes, intelectuales y revolucionarios, ensayos sobre marxismo en América Latina*. Universidad de Oregón, Contra corriente. 2013. P. 498

⁹ En la víspera de su postrer asesinato Zapata escribió a Carranza (finalmente presidente de México, al término de la revolución burguesa, en alianza con los EUA): “Como ciudadano que soy, como hombre poseedor del derecho de pensar y hablar alto; como campesino conocedor de las necesidades del pueblo humilde al que pertenezco; como revolucionario y caudillo de grandes multitudes, que en tal virtud y por eso mismo he tenido oportunidad de reconocer las reconditeces del alma nacional y he aprendido a escudriñar en sus intimidades y conozco de sus amarguras y de sus esperanzas; con el derecho que me da mi rebeldía de 9 años siempre encabezando huestes formadas por indígenas y por campesinos; voy a dirigirme a usted ciudadano Carranza, por vez primera y última.

No hablo al Presidente de la República, a quien no reconozco, ni al político, del que desconfío (...). Carta (extracto) de Emiliano Zapata a Carranza. Cuartel General del Ejército Libertador en el Estado de Morelos, a 17 de marzo de 1919.

¹⁰ A cincuenta años de su asesinato en Bolivia, el doctor y comandante guerrillero, Ernesto Guevara de la Serna el “Che”, constituye una huella indeleble para la humanidad y el internacionalismo social y de quien es imposible olvidar su participación con los guajiros y campesinos cubanos en la zafra de los primeros años de la Revolución.

¹¹ La posibilidad de situar “fronteras en el campo del conocimiento” — en nuestro caso de carácter histórico — resulta fundamental, en este sentido es primigenia la categoría conceptual desarrollada a

a ambas corrientes revolucionarias con el problema agrario, el campesinado y los pueblos originarios (indígenas), de México y Rusia.

Más allá de una elaboración de orden teórico el presente ensayo se enmarca en el contexto de la denominada historiografía crítica¹², es decir, se intenta establecer una mirada retrospectiva bajo una ojeada no oficial, y más bien situar a la historia en el análisis que concibe el advenimiento de discursos más justos¹³ y en la búsqueda de que *otro mundo es posible*.

También se delimita un corte en el tiempo que va, en el caso ruso, de finales de 1900, llegando a 1924 (muerte de Lenin), con la adaptación de la política leninista al Estado socialista y su concomitante aportación a la lucha agraria fundamentalmente la que correspondió a los campesinos pobres y pueblos originarios de Rusia.

Mientras que en el caso mexicano este corte temporal, se ciñe a los años de 1899 con las aportaciones del anarco sindicalismo y el comunalismo indígena y cierra en 1919 con la traición a la revolución agraria y el asesinato de Emiliano Zapata, teniendo su epicentro en la conformación del gobierno de la Convención revolucionaria de Aguascalientes, República Mexicana, que dio cauce a la reivindicación social agraria.

El agrarismo en prospectiva

Mi padre decía que él había descubierto al verdadero México al convivir, durante la Revolución con los campesinos de Morelos, Guerrero y Puebla. Muchos antiguos zapatistas viajaban a mi casa, Entre ellos Antonio Díaz Soto y Gama una figura quijotesca a la que quise mucho y admiré. Después fui alumno suyo en la cátedra de Historia de la Revolución Mexicana, que impartía en San Ildefonso. Mi padre me había iniciado

finales del siglo pasado por Gastón de Bachelard, relativa a lo que denominó como ruptura epistemológica, y recuperada por sus discípulos Balibar y Pêcheux Cf. Pedro Karczmarczyk. “La ruptura epistemológica, de Bachelard a Balibar y Pêcheux”. En: *Estudios de epistemología*, Universidad Nacional de La Plata., No. 10, 2013, 9.

¹² Rösen, Jörn, «La escritura de la historia como problema teórico de las ciencias históricas. Bosquejo del fondo histórico de la discusión actual», en Silvia Pappe (coord.), *Debates recientes en la teoría de la historiografía alemana*, México, UAM-A/UIA, 2000, 235-264.

¹³ “La historiografía crítica, lejos de basarse en una definición simplificadora, se propone como una forma de problematizar el conocimiento sobre el pasado, su potencial significativo, así como la historicidad de los procesos de construcción de conocimiento histórico. Así, en el pensamiento histórico y específicamente en el quehacer disciplinario de la historia, hay ciertos aspectos, preguntas y problemas que han sido y siguen siendo objeto de continuos debates: el lugar que ocupa la historia en los saberes y las disciplinas; su confrontación con los ámbitos de la ciencia que la hacen reflexionar en torno a problemas relacionados con representatividad, objetividad, verdad y verosimilitud”. Pappe Silvia. *Historiografía crítica. Una reflexión teórica*. UAM. 2000, 13

en el conocimiento de la otra historia de México al hablarme de la lucha de los campesinos por la tierra. Soto y Gama completó y amplió esta iniciación y me dio otra visión de México¹⁴.

Octavio Paz.

En el mes de octubre de 1917 dos grandes movimientos sociales, *fundamentalmente de carácter campesino* conmovieron al mundo, la revolución rusa y la mexicana, las que si bien preñadas de diversas contradicciones que les son de alguna forma común, valga en su caso recordar, la colonización e inserción del capital monopolista en ambos países, que no sólo se constituyó en asechanza económica, sino inclusive en intervención militar, lo cual anunciaba el advenimiento de la “modernidad del siglo XX”¹⁵.

Más allá del diverso cuño ideológico imperante en ambos procesos revolucionarios, son característicos de un profundo atraso de sus fuerzas productivas.

Mientras que en la Rusia zarista subyace una masa de población rural de aproximadamente el 80 % que vive a expensas de la Monarquía y de los terratenientes, mientras que en México las haciendas son acreedoras de la renta del suelo que expolian a millones de jornaleros y esclavos rurales, de esta manera en el horizonte social de cada pueblo es inminente la movilización social. En el caso ruso el movimiento socialdemócrata, conjuntamente con los socialistas advertirán los movimientos huelguísticos de San Petersburgo y Moscú, en algunos sectores aún incipientes del movimiento obrero, y se finca la primera gran huelga universitaria en todo el país.

Mientras que en el caso mexicano, se desarrollan las luchas campesinas del valle del Yaqui en el norte de México y en los años de 1905 y 1907 las huelgas minera y de textiles en Cananea, Sonora y Río Blanco, Veracruz. Estos hechos se expresarían

¹⁴ Paz Octavio. “Entrevista con Julio Scherer García”, en *Revista Proceso*, números, 57, 58, del 5 y 12 de diciembre de 1977.

¹⁵ En el caso ruso la coyuntura de la Primera Guerra Mundial, aunada a la deuda económica por parte de los Zares, con sus acreedores franco — sajones, imbrica éste acontecer del intervencionismo alemán. Mientras que en México es consabida la asechanza norteamericana, (entre otras) que cerraría un ciclo con su inserción en el puerto de Veracruz. Hansen D. Roger. *La Política del Crecimiento en México. Siglo XXI*. 1980. C. I. Al decir de Alperovich, encontramos que: “La política de los EUA en México, durante el periodo de 1910— 1917, dimana de sus propios intereses económicos (...) a finales del segundo decenio del siglo XX tenían invertidos dos terceras partes de la suma total de inversiones en A. L (...) Esta es la razón por la cual los imperialistas yanquis no se detuvieron ante nada para frustrar la Revolución mexicana. Se inmiscuyeron groseramente en los asuntos internos de México; recurren a la presión económica, a subterfugios más o menos diplomáticos, a maniobras políticas de todo género, a la amenaza y por último a la intervención armada.

La agresiva política de los EUA constituyó el factor externo de mayor influencia en el curso de la Revolución. Por ello hacer resaltar el carácter contra revolucionario de la política norteamericana, reviste enorme importancia científica y política. Alperovich M. S. *Et al. La Revolución mexicana de 1910 — 1917 y la política de los Estados Unidos*. Ediciones de Cultura Popular. Décimo primera impresión. México. 1979, 10

en la pesadumbre y la agudización de las contradicciones socio — económicas subyacentes en millones de campesinos y desheredados de la tierra que anuncian las revoluciones de contenido eminentemente agrario que están por desembocar.

Más allá del significado que el leninismo invocó para su revolución a la que concibió como eminentemente obrera es importante señalar que:

No deja de ser paradójico (...) que los bolcheviques llamaron siempre proletaria (a su revolución) la que se produjera en un país en el cual el 80 por ciento de su población eran campesinos, donde el proletariado era pequeño, en términos relativos y absolutos, más desde luego, que en cualquier otro país de Europa capitalista y desarrollada.

Esta tradición tenía sus fundamentos en parte en la nostalgia de un orden social más libre de los tiempos anteriores a la servidumbre, y en parte también en el equitativo derecho de quienes cultivaban directamente la tierra a consumir sus frutos¹⁶.

Algunos aspectos del zapatismo

México vivió una de las conmociones más grandes de su historia a partir del año 1899¹⁷. La expresión de la lucha social de este período tiene diversas vertientes; en su forma más trascendente encuentra su significado en el conjunto de reivindicaciones socio — económicas que pretenden los núcleos subalternos, tanto campesinos como obreros.

Diversos autores advierten el devenir del pensamiento revolucionario del zapatismo bajo distintos momentos o etapas, como un *in crescendo*, o transición¹⁸ que podríamos situar desde su origen liberal, hasta llegar a sustentar determinados aspectos concernientes al ideario socialista, en donde incluso se llegó a invocar la alianza obrero — campesina y la confiscación y nacionalización de las tierras de los enemigos de la revolución.

La depredación de la hacienda rural de la época cuyos antecedentes se remontaban a la Colonia española, que había despojado a los pueblos o *calpullis* del sur y centro de la República mexicana de sus propiedades, no existiendo más

¹⁶ Hill Christopher. *La Revolución Rusa*. Ariel. Londres 1967, 80

¹⁷ Este corte histórico corresponde a diferencia de la historia oficial al inicio del movimiento magonista y cuyo cierre ideológico se delimita, por un lado con el asesinato de Zapata en 1919 y la muerte en los Estados Unidos de Ricardo Flores Magón. Cf. Durand Alcántara Carlos. *El Problema y el Derecho Agrario en México*. Porrúa 3ª ed. 2017. Cap. VI.

¹⁸ Dentro de estos trabajos encontramos, entre otros: Sotelo Inclán Jesús *Raíz y Razón de Zapata*, Ed. CFE. Womak John. *Zapata y la Revolución mexicana*. Siglo XXI. Gilly Adolfo, *La Revolución Interrumpida*, Ediciones el caballito. México 1974. Díaz Soto y Gama Antonio. *La Revolución agraria del sur y Emiliano Zapata su caudillo*. El Caballito México. 1976 (1950). Millon Robert. *Zapata ideología de un campesino mexicano*. El Caballito. 1977.

alternativa que la lucha revolucionaria; en este contexto sobresalen las vanguardias que se encuentran dirigidas por Emiliano Zapata, Francisco Villa y Ricardo Flores Magón, movimientos revolucionarios que buscan restituir a los pueblos sus tierras, desarrollar dotaciones agrarias y establecer un nuevo modelo de crecimiento agrario en el país y aún incluso en la prospectiva magonista (que ha sido concebida como anarquista) la abolición del Estado y de la propiedad privada. En otras palabras, se buscaba consolidar una reforma agraria integral que afecte de raíz a la gran propiedad, transformando la estructura agraria de México.

La organización socio-política zapatista, una visión desde los pueblos originarios de México

Una sociedad regida no por una ética productivista sino por reglas de convivencia social fundadas en una moral pre capitalista. El calpulli era la semilla social y económica de esta utopía milenarista, extraída no de libros sino de la tradición campesina. El zapatismo fue la expresión más radical de este milenarismo¹⁹.

Octavio Paz

El contexto de la rebelión zapatista y su organización política fluye desde el epicentro de los pueblos indígenas, el significado que podría atribuirse a dicha organización se proyecta retrospectivamente al momento de la conquista en el que los pueblos originarios fueron desprovistos de sus condiciones de vida y en donde la comunidad o *calpulli*, representaba la guía de la restitución social de los bienes naturales de los pueblos de referencia.

El espacio geográfico de esta lucha corresponde a Mesoamérica, teniendo como base de su expresión y organización a los *Calpullis*, que son unidades de producción familiar, de organización solidaria (mano de vuelta, *tequitl* — *tequi*, faena, trabajo colectivo, guelaguetza, etcétera) y que trascienden en la visión política de la Junta Revolucionaria del Sur y Centro de la República mexicana, dirigida por Emiliano Zapata.

Entre los años de 1913 y 1918 los revolucionarios del sur llegaron a dominar una vasta zona del país, incluyendo la Ciudad de México, los estados de México, Morelos, Puebla, Guerrero (1914-1915) y poblados distantes de Oaxaca, y Chiapas; la lucha militar revolucionaria derivó en la implantación de leyes, decretos y órdenes militares que se convirtieron en derecho social vigente y consecuentemente en su política agraria, tanto para la sociedad civil como para las fuerzas armadas revolucionarias.

¹⁹ Paz Octavio. *El ogro filantrópico*. Joaquín Mortiz. 1978, 323

Hacia una visión etnológica de la lucha agraria zapatista

El significado que guardó la participación en el proceso de lucha de pueblos y comunidades indígenas y campesinas con características culturales propias, permite establecer la hipótesis acerca de que la resistencia tenaz del zapatismo fue factible, en correspondencia a la presencia de sujetos sociales -los indígenas— que trasladaron sus costumbres (lealtades-principios, etc.) y culturas a la organización de un ejército y gobierno propios. Así, habrá que revalorar (en el caso mexicano) las relaciones de parentesco, su sincretismo religioso (el compadrazgo), los consejos de ancianos, los *tata mandones* y otros rasgos singulares de las culturas indígenas, como elementos que explican al agrarismo zapatista, en el contexto de la Revolución mexicana.

Subyace en la visión de esta lucha, además de su orientación político — ideológica, la recuperación histórica del sujeto social que finca su devenir social desde su vida comunitaria.

El comunismo agrario, como opción política ha sido muy debatido, por un lado, como una crítica al populismo que se expresó desde el siglo XIX en Europa, particularmente y con sus concomitantes expresiones en los Estados Unidos y México, en el continente americano, y el cual se sustentó básicamente como la reproducción de diversidad de rebeliones agrarias, de las comunidades originarias que pretenden la recuperación de sus tierras y por otro, desde sus ideólogos, como la vindicación del comunismo agrario como una posible transición del Estado hacia la opción socialista. En el caso ruso correspondió al denominado *Mir*, expresión de la vida comunitaria y multicultural desde donde los anarquistas y populistas se emanciparon²⁰.

Esta tipo de formulaciones acerca de la organización del régimen de propiedad y de la lucha agraria, aún en nuestros días, amerita de un profundo análisis, en cada uno de los espacios geográficos en que se escenificó y conforme a las contradicciones que le son inherentes a su propio entorno histórico.

²⁰ En la historia del ideario sociopolítico no dejan de ser significativas las aportaciones que brindó el populismo, tanto a la ideología anarquista, como socialista.

“El populismo resume en buena medida el ambiente político, económico y social de las décadas precedentes. En esencia se trató de un movimiento intelectual con inspiraciones revolucionarias cuya característica más sobresaliente era su confianza en la comuna campesina como base de una nueva organización social (...) la comuna campesina ocupaba un lugar destacado en la historia social y política de Rusia, por lo que todavía a finales del siglo XIX era considerada un depósito de tradiciones y potencialidades. Sin embargo, la valoración que le otorgaban los populistas era excesiva, al grado de llegar a idealizarla. No obstante, esta idealización involucraba también una importante fuente de paternalismo, ya que una buena parte de los populistas no podían imaginar al campesinado de otro modo más que como un menor de edad necesitado de protección, educación y conducción”. Cf. Roberto García Jurado *Las raíces del populismo*. “Los movimientos populistas del siglo XIX en Rusia y Estados Unidos” En revista: *Argumentos*. Vol. 23 no. 63 México mayo — agosto. 2010. http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0187-57952010000200011 (consulta 15-1-2017).

En este trabajo demarcamos que en el caso zapatista existe una vindicación de la tierra que “hibridiza” la identidad cultural de los pueblos originarios con la ideología de carácter reivindicativo — social, contexto desde el cual ubico la presencia del elemento, “etnológico” y en cuyo caso advertiría ciertas diferencias con el populismo desarrollado en México en el siglo XIX²¹.

De esta forma, el estudio del problema agrario en México, puede adquirir una nueva categorización a la que defino como “etnológica”, por cuanto implica reconocer a diversos sujetos agrarios que se han visto involucrados en la historia del país, como lo son los pueblos indios, dicho en su gentilicio, mayas, zoques, náhuatls, triquis, mixtecos, etcétera, y con quienes la Nación mexicana tiene una gran deuda no solamente reconociéndolos como sujetos agrarios, sino como pueblos originarios que cuentan con su propia historia y desarrollo, aspecto que de alguna manera trasciende en el México contemporáneo a través de algunas de las concepciones sustentadas por EZLN²².

Con la ruptura revolucionaria de 1899-1919, el sujeto social indígena-campesino comenzó a “construirse a sí mismo”. Esta “reconstrucción del sujeto social indígena” tiene como base la identidad cosmogónica del indio con la tierra. La viabilidad de la pervivencia de los pueblos indios sería factible tan sólo a partir de la reivindicación agraria. Las comunidades -culturalmente— no observan tan sólo la condición utilitaria de la tierra, sino el espacio físico de reproducción de sus culturas, consecuentemente la revolución zapatista es una lucha anticapitalista, pero también de fondo cultural étnico.

De esta manera, el agrarismo zapatista puede ser comprendido de dos maneras: una que se expresó en relación a sus ideólogos, y aquella que es pragmática y surge directamente de la cultura regional -de influencia indígena-, que sin imponerse a la primera, procura ser incluyente y propositiva, trátase entre otros, por ejemplo del papel que desarrolla el general Genovevo de la O, en el oriente del Estado de Morelos.

Las bases de reconstrucción de lo étnico, en el zapatismo

- a) La reivindicación agraria no es sustentada fundamentalmente por la vía ejidal, sino por la restitución comunal, con sus concomitantes reconocimientos políticos, relativos a su autonomía y autogobierno y consecuentemente su posible advenimiento cultural, aspecto que como asentábamos guarda su antecedente en el *calpulli* mesoamericano.

²¹ En el ámbito latinoamericano sin lugar a dudas los estudios desarrollados por José Carlos Mariátegui constituyen un importante punto de inflexión para el planteamiento vertido. Cf. *Siete ensayos de interpretación de la Realidad Peruana*. Era. México 2010

²² Cf. Entre otros documentos. EZLN. *Sexta Declaración de la Selva Lacandona*. en: <http://enlacezapatista.ezln.org.mx/sdsl-es/> y comunicados 1994 — 2005. Consulta 2 de julio de 2017.

- b) La fuente fundamental -dijéramos “jurídica”— de autenticación de lo agrario atiende al origen y cultura de las etnias al ser los códices (*amoxtlamatl*), los documentos ideográficos -codificadores, que probaron el derecho que asistía a las etnias respecto de sus propiedades agrarias. Al referirse a los códices, Felipe Carrillo Puerto y a Marte R. Gómez, expresaban la manera en que los pueblos demostraban su propiedad con “la mapa”, (sic) documento que incluso permitía debatir con otros pueblos los derechos de propiedad²³.
- c) La pervivencia de diversos segmentos poblacionales indígenas, de sus costumbres y en buena medida de sus lenguas en su condición de despojados y marginales (jornaleros aparceros), se proyectó en el agrarismo zapatista, en tal sentido es significativa la continuidad del derecho consuetudinario indígena como elemento de organización y regulación de cada comunidad. Valga señalar lo asentado en la Ley Agraria de Manuel Palafox la que a la letra señalaba... “Se llevará a cabo esa repartición de tierras de conformidad con la costumbre y usos de cada pueblo”.²⁴
- d) De singular importancia resulta la oposición relativa de diversos pueblos y comunidades al Cuartel General zapatista, respecto la producción en los ingenios capturados en Temixco, “el Hospital”, Altihuyan y Zacatepec y de cuyos fondos el zapatismo procuraba financiar el proceso revolucionario. Las comunidades se negaron a producir caña de azúcar, lo que en el fondo denota el otro sentido cultural, el de las etnias, que se crean y recrean en torno a una producción milenaria, como así corresponde al maíz²⁵, y bajo una organización comunal y fundamentalmente de autoconsumo. Aspecto que también se reprodujo en las zonas mineras del Estado de Guerrero con los indígenas tlapanecos, mixtecos, amuzgos y náhuatls.

En el fondo, el agrarismo pragmático zapatista, sus políticas, sus formas de organización y proyecciones, evidencian la presencia del elemento cultural étnico.

La nacionalización de bienes de los enemigos de la revolución, septiembre de 1914, un argumento de la legitimación social — agraria.

Una de las convergencias del leninismo con la lucha agraria de Emiliano Zapata se ubica en el ámbito de la socialización de la tierra, y en cuyo caso se expresa el sentido expropiatorio social que acude a los sujetos explotados respecto de

²³ Cfr. Womak John. *Zapata y la Revolución mexicana. Op.Cit.*

²⁴ *Ibidem.*

²⁵ Este aspecto fue magistralmente tratado por el premio nobel de literatura guatemalteco don Miguel Ángel Asturias en su ya célebre obra: *Hombres de maíz*, como un encuentro entre los pueblos indígenas de América y su cosmos.

bienes que originalmente les pertenecieron. Si bien en el caso de Lenin, se avizoró esta vindicación de justicia social bajo un enmarque socialista que correspondió a todo el Estado soviético, para el Ejército Libertador del Sur se aplicó solamente de manera regional en el marco de sus zonas de influencia político — militar y en una coyuntura de transición en la que el gobierno carrancista habría planteado su alianza con los Estados Unidos y su traición absoluta al movimiento obrero con el que había pactado una coalición. Uno de los casos más conocido correspondió a la represión de Carranza a la diversidad de huelgas que se escenificaron entre 1915 — 1916, sus líderes fueron encarcelados y en la víspera de aplicarles la Ley juarista de 1862 que planteaba entre otros aspectos la pena de muerte²⁶.

Regresando con la nacionalización de tierras por el zapatismo, este fue sustentado en el decreto de nacionalización de 1914 y rompe con los criterios hegemónicos del derecho burgués y que al igual que lo sostuvo el movimiento bolchevique se planteó la confiscación de los bienes de los hacendados que habían despojado a los pueblos.

La nacionalización sustentada por el zapatismo no deviene del poder del Estado, sino de la determinación campesina e indígena. El concepto de Nación, que esgrimieron los revolucionarios fue aquel que surgió del pueblo, de los explotados, de los indios. Así la Nación dejó de ser una categoría ideológica que se identificaba solamente con los intereses del bloque dominante forjando a la Nación en relación con los fines de los explotados.

La nacionalización de los bienes agrarios de los hacendados implicó además una socialización de los bienes confiscados, pasando a ser útiles al pueblo. La dimensión del derecho agrario, incorporado tanto en el Plan de Ayala y en el decreto de nacionalización no fue letra muerta, se reivindicaron miles de hectáreas en beneficio de los pueblos del sur y centro de la República²⁷.

El zapatismo tuvo como eje de su lucha al agrarismo revolucionario que buscó terminar con la influencia de los grandes monopolios y de la hacienda porfirista; sin embargo sólo al final de su proceso, considero el problema acerca del Estado, lo que en buena parte explica la derrota campesina, aunque sin lugar a dudas este final también derivó del apoyo militar que los Estados Unidos y otros gobiernos brindaron al carrancismo.

²⁶ Benito Juárez García. 1862 *Ley para castigar los delitos contra la Nación*.

²⁷ Al decir de Soto y Gama encontramos: “La propiedad de la tierra, que se nos quiere imponer como un dogma intocable e indiscutible, como algo ultraterrestre y súper humano, es una simple creación del legislador, una concesión de la ley, que ésta puede restringir o retirar, según lo exija la conveniencia o la necesidad del mayor número, el bienestar o la subsistencia de la gran familia nacional”. González Manuel. “El pensamiento agrarista de Soto y Gama”. En *Estudios de Historia moderna contemporáneo de México*. UNAM IHH. Vol. III, México 1970, 158.

El caso ruso, algunos aspectos trascendentes sobre la cuestión campesina, en el marco de su Revolución

Pero el campesino no sabe por qué vive en la miseria, pasa hambre y se arruina, ni cómo podrá librarse de esta penuria. Para saberlo hay que comprender ante todo de dónde provienen la penuria y la miseria, tanto en la ciudad como en el campo²⁸.

Lenin

Introducción

Con pasajes de horror la narrativa de la Rusia que antecede a la Revolución invoca escenarios complicados en que pululan la híper explotación de la servidumbre campesina, que en algunos casos raya incluso no sólo en la privación de la dignidad humana, sino de la vida misma de los campesinos. El contexto político social de la Rusia monárquica en el campo es el de gigantescas propiedades, encabezadas por el zar y un grupo de terratenientes y millones de siervos, campesinos pobres y desheredados de la tierra.²⁹

Si bien en la idea originaria de Marx el campesinado³⁰ no constituía una clase revolucionaria *per se*, la práctica desarrollada por Lenin y el estrecho vínculo que mantuvo con dicha clase social aunado a las circunstancias históricas de una Rusia de principios de siglo en donde sus relaciones sociales fundamentalmente se ciñen al marco rural, permitieron situar la importancia de la alianza de este movimiento con los obreros, sin embargo, al igual que en México (hay que subrayarlo) la Rusia zarista aún mantiene esencialmente diversidad de formas de organización rural en el marco de un capitalismo en transición.

Uno de los aspectos que recupera este estudio corresponde al planteamiento de la hipótesis acerca de que el *mir*, como “paradigma comunitario rural” en la Rusia revolucionaria constituyó una de las bases, tanto culturales como sociales que

²⁸ V. I. Lenin, *Obras Escogidas, tomo II*. “A los pobres del campo” Moscú: Ed. Progreso, 1981, 224 — 225.

²⁹ “En el campo ruso subsistían monstruosos vestigios del feudalismo. Su fuente eran los latifundios, enormes propiedades agrarias de los terratenientes. El primer y mayor terrateniente era el zar. La familia imperial poseía ella sola más tierra que medio millón de hogares campesinos. Treinta mil grandes terratenientes tenían tanta tierra como diez millones de familias campesinas arruinadas por la explotación feudal...” Ponomariov. B. *et al. Compendio de historia del Partido Comunista de la Unión Soviética*. Ed Progreso Moscú 1975, 10

³⁰ En esta tesitura resulta importante el estudio que en el futuro se puede establecer acerca de diversos criterios que Carlos Marx refirió acerca del campesinado, valga señalar su balance respecto del modo de producción asiático, antiguo y germánico, así como determinados señalamientos en sus obras económicas inéditas, o Tomo IV de su obra cumbre, *El Capital*. En este marco valga mencionar que en el caso del *mir* ruso que: “Karl Marx se impresionó de los *mir* y los calificó como, los viejos comunistas de Rusia». Cit en Web: [https://es.wikipedia.org/wiki/Mir_\(comunidad\)](https://es.wikipedia.org/wiki/Mir_(comunidad)) consulta 3 de agosto de 2017.

organizaban a la población del campo en base a la vida familiar, y de sus propios usos y costumbres y que dieron paso no sólo a la alianza obrero — campesina que cifró Lenin como opción estratégica de su movimiento revolucionario sino inclusive a la consumación de la lucha.

“Lenin conocía el problema agrario a fondo...directamente en Kazán a la edad de dieciocho años (...) se pasaba horas discutiendo con los campesinos de sus problemas. Durante el tiempo que ejerció la profesión de abogado, se especializó sobre todo como asesor de litigios de tierras”³¹

“Los habitantes de Rusia vivían en el campo. El campesinado constituía las cuatro quintas partes de la población si atendemos a su estatus jurídico y las tres cuartas partes desde el punto de vista ocupacional, la misma proporción que en Francia en vísperas de la Revolución. En una medida inimaginable tanto en Occidente como en los países no occidentalizados, la población rural rusa era un mundo en sí misma. Su relación con el funcionariado y las clases cultas era en todos los aspectos, salvo el racial, como las que mantenían los nativos de África o Asia con sus gobernantes coloniales”.³²

Si bien el mir se erige como el prototipo de la vida comunitaria en Rusia, de igual forma habría que advertir la existencia de una población disímbola, integrada en más de doscientas culturas que habitaban el vasto territorio ruso de más de ocho millones de kilómetros cuadrados.

Ruptura revolucionaria y leninismo.

La Revolución rusa abrió de tajo una nueva coyuntura para la historia mundial, semejante a la que en su momento surgió de la Revolución francesa, en este caso se trataba de la puesta en práctica del ideario marxista que a su vez conjugó las aportaciones de Lenin en el marco del socialismo. Dos son los momentos decisivos que trascienden en años de lucha y que fluyeron desde el populismo ruso, al respecto es innegable la contribución en este sentido de Plejanov con el movimiento más avanzado de *Tierra y Libertad*, e incluso del movimiento anarquista, circunstancias que fueron reconocidas por el propio ideario socialista una vez consolidada la revolución.

“Marx, Engels y Lenin valoraban altamente a los populistas su democratismo revolucionario — campesino y sus llamamientos a la revolución. Pero al mismo tiempo, criticaban su errónea teoría, que les impedía ver la verdadera fuerza histórica que había que encabezar...esa fuerza era la clase obrera...”³³

³¹ Ponomariov. B. et al. *Op cit.*

³² Pipes Richard. *La Revolución Rusa*. Ed. Debate. Barcelona España 2016, 99.

³³ Ponomariov. B. et al. *Compendio de historia del Partido Comunista de la Unión Soviética*. Ed. Progreso Moscú 1975, 23.

De igual manera dos fueron los momentos de coyuntura que se conjugaron en la consolidación de esta lucha, por un lado, el fortalecimiento de los movimientos campesino, obrero e incluso estudiantil, que en el año de 1905 tocó las puertas fundamentalmente en San Petersburgo lo que los socialistas concebían como el advenimiento de la revolución democrático burguesa y que detonó ciertas reformas, que advirtieron un avance cualitativo del Parlamento Ruso con el acceso de los socialistas y demócratas en la *Duma* o representación popular, así como el reconocimiento de determinados derechos — humanos — en la ley³⁴, aspectos que por sus posibles consecuencias fueron inaplicables, dando paso años después, a la Revolución de octubre de 1917 con el devenir de los soviets³⁵, en los que el leninismo había logrado integrar el poder popular a través de los concejos políticos compuestos por obreros, campesinos e incluso el ejército que se había opuesto al zar, de manera que las repercusiones de la Revolución rusa se sentirían en todos los rincones del planeta durante el resto del siglo.

Emiliano Zapata escribió en febrero de 1918, a Lenin: “la meta por la cual lucha el México revolucionario y la recién liberada Rusia, es objetivo común de toda la humanidad, objetivo en el cual están profundamente interesados todos los pueblos oprimidos”³⁶

Multiculturalismo y diversidad social campesina

Si bien las aldeas y comunidades rurales de principios del siglo XX en Rusia estuvieron sujetas a diversidad de formas socio — culturales que se vincularon al

³⁴ “El partido — social demócrata — proclamaba como su principal tarea política inmediata el derrocamiento revolucionario de la monarquía zarista y su sustitución por una república democrática (...) Sufragio universal, directo y secreto para todos los ciudadanos y ciudadanas; ... (Derechos humanos en general). Por primera vez el partido obrero estudió las necesidades de los campesinos. Las reivindicaciones del programa agrario perseguían un fin; terminar con los graves vestigios de la servidumbre...Devolución de la tierra quitada a los campesinos (recortes) y derogación de todas las leyes que le impedían a los campesinos disponer de su tierra.

La solución a los problemas candentes del campo había que ponerla en manos de los propios campesinos, creando comités campesinos. El programa agrario llamaba a los campesinos a la lucha revolucionaria contra los terratenientes y el zar. El partido fue mejorando su programa agrario, sobre la base de un profundo estudio de las relaciones en el campo... Durante la revolución de 1905, los bolcheviques presentaron la reivindicación de confiscación de todas las tierras de los terratenientes y de la nacionalización del suelo, es decir, de anulación de la propiedad privada sobre la tierra...” G. N. Golikov. *La gran revolución socialista de octubre*. Grijalbo Colección 70. México 1971.

³⁵ “El triunfo de la insurrección armada fue consolidado por las decisiones del II Congreso de los Soviets de toda Rusia que era exponente de los intereses del pueblo trabajador (...) Hallábase representantes de 402 soviets más que en el primero que se había reunido en junio de 1917. Su composición reflejaba la distribución de las fuerzas de clase a que se había llegado en octubre. De los 673 delegados había 390 bolcheviques, 160 social revolucionarios — la mayoría de izquierda y 72 mencheviques, los restantes pertenecían a grupos pequeños”. G. N. Golikov. *La gran revolución socialista de octubre*. Grijalbo Colección 70. México 1971, 36.

³⁶ Manifiesto Emiliano Zapata *Op. Cit.*

devenir campesino, la vastísima extensión del territorio ruso estuvo habitado por casi doscientas culturas que se caracterizaron por sus patrones de vida múltiples, complejos y diversos y sin que este proceso expresara una condición primigenia respecto de sus formas de organización social se vinculan de alguna manera al tradicional *mir*, caracterizada por su economía comunal organización rural muy cercana en sus proyecciones de tipo familiar y colectivo a las comunidades y pueblos que se desarrollaron en el territorio Mesoamericano, así como en buena parte del territorio latinoamericano. Sin embargo es importante desatacar que:

“Las numerosas naciones, pueblos y tribus campesinas que habitaban Rusia se hallaban en distintas fases de desarrollo social. Unos habían llegado al período capitalista, otros vivían en un régimen feudal patriarcal y en otros se conservaban incluso vestigios del régimen gentilicio. Unos pueblos constituían naciones plenamente formadas, otros eran grupos étnicos débilmente vinculados y hasta tribus enemigas. Unos vivían sedentariamente y habían construido grandes centros urbanos; otros eran nómadas y se desplazaban con sus rebaños por las zonas desérticas...”³⁷

Si bien es indudable la diversidad de vindicaciones que para las comunas o *mir* de Rusia brindó la planeación socialista, al nuevo orden socialista encontramos que:

“(...) se pensaba que, el contrapeso natural del principio comunal era la propiedad individual. Es también una garantía al orden, ya que el pequeño propietario es la célula sobre la que descansa todo orden permanente del Estado. La legislación posterior a 1906 se dirigió a romper el control de la comuna sobre la vida del campesino y sobre sus métodos de cultivo y a sustituir por propiedades consolidadas las parcelas desparramadas de los campos comunales”.³⁸

De esta manera la organización del campo socialista concita al impulso de la reforma agraria integral, que provenga desde abajo y de manera horizontal, es decir, de los comisariados del pueblo, dándole todo el poder a los soviets, como así lo profesó Lenin en su ya clásica obra; *El quehacer*, más allá de los atavismos de tipo ideológico que imbrica esta fenomenología, con el devenir de la comuna rusa o *mir*, nos plantea el reto, insistimos acerca de la inserción de los campesinos en las luchas al lado de los socialistas. Y de igual forma habrá que recapitular acerca de aquellos pueblos y comunidades que *contrario sensu* decidieron enfrentarse a las estructuras del movimiento leninista

³⁷ Ponomariov. B. et al. *Compendio de historia del Partido Comunista de la Unión Soviética*. Ed. Progreso Moscú 1975, 17

³⁸ *Ibidem*.

La nacionalización del suelo

La planificación socialista se tornó también como una socialización de la tierra y sus productos, en cuyo caso fue afectada la gran propiedad terrateniente de los monopolios y de la monarquía imperial, aspecto que implicó diversos semblantes que se manifestaron no sólo en la ocupación agraria que favoreció a ex siervos, esclavos, e indigentes, sino a soldados que regresaron al campo como producto de los periodos de post guerra, como lo fueron aquellas huestes que sin concebir las razones, participaron en la Primera Guerra Mundial y en la revolución rusa, valga precisar que incluso el leninismo consideró a indigentes para reivindicarles una parcela.

Si bien esta reforma agraria socialista deja entrever un profundo sentido de justicia social, habría que advertir que en el caso del *mir* y de sus economías campesinas, algunas aldeas fueron afectadas, en virtud de no concebir del todo el ideario socialista, el sentido comunal y cultural en el cual se desenvolvían.

Años más tarde el propio Lenin reubicó su política en el año de 1919, estableciendo que dichas localidades podrían aplicar la organización social que mejor conviniera a los *mir*.

La nacionalización se estableció a través del decreto a cerca del suelo del 8 de noviembre de 1917, ya con el gobierno socialista se eliminó el derecho de propiedad sin indemnización alguna, declarándose el suelo como propiedad del pueblo, siendo puesto a disposición de aquellos que lo trabajan.

Por otro lado, a través del decreto del 19 de febrero de 1918 sobre la socialización del suelo se dispone que toda propiedad privada de la tierra, de las riquezas minerales, de las aguas, los bosques y de las fuerzas naturales quedaba eliminada para siempre del territorio de la URSS^{39 40}

“El Decreto de la Tierra proclamaba suprimido para siempre el derecho de propiedad privada sobre la misma que era suprimido por la propiedad estatal, de todo el pueblo. Se prohibía la venta, compra y el arriendo de tierra, así como el trabajo asalariado. Se implantaba el usufructo igualitario con arreglo al criterio del trabajo o a las necesidades, con redistribuciones periódicas del fondo agrario.

³⁹ Kerning C. et al. Economía 3. *Marxismo y Democracia, Enciclopedia de conceptos básicos*. Ed. RIODUERO. Madrid. 1973, 79

⁴⁰ “El segundo informe de Lenin se refería al problema de la tierra que, como el de la paz, afectaba a los intereses más profundos de las masas de millones de trabajadores. El Decreto de la tierra que el propuso suprimía a la gran propiedad inmediatamente y sin compensación alguna. Las posesiones de los terratenientes, así como todas las tierras de los feudos, de los monasterios y de la iglesia, con todos los bienes muebles, animales y las dependencias pasaban a la disposición de los comités agrarios y de los soviets de campesinos de cada distrito. El decreto establecía que “cualquier daño causado a los bienes confiscados, pertenecientes desde ahora a todo el pueblo, constituía un delito grave que sería castigado por los tribunales revolucionarios” Cf. V. I. Lenin. “II Congreso de los Soviets de diputados obreros y soldados de toda Rusia 25-26 de octubre (7-8 de noviembre) de 1917”. *Obras Completas*. T. XXVI, 226.

Vale la pena precisar que la recién creada URSS, recuperó una visión multicultural acerca de su diversidad étnica, advirtiendo aspectos tan significativos como lo fueron el respeto a los pueblos originarios de referencia a sus contextos culturales y no sólo ello sino inclusive los que correspondían a su autodeterminación, en donde ubicamos a diversas poblaciones de origen asiático, mongol, musulmán, caucásico etcétera.⁴¹

“Uno de los logros cardinales fue la construcción nacional de pueblos y nacionalidades que no habían podido integrarse como naciones y nacionalidades en la etapa prerrevolucionaria, como Ucrania, Bielorrusia, Georgia, los pueblos de Transcaucásica y Moldavia; los del Asia Central, Siberia y el Extremo Oriente, muchos de los cuales antes de la revolución vivían en el aislamiento y en la marginación en todos los órdenes. La revolución dio la posibilidad de integrar a la vida del país a sujetos sociopolíticos que posteriormente reclamaron derechos y reivindicaciones”⁴².

En 1921 la NPE de Lenin hizo una gran pausa...y en el 9 Congreso de los Soviets ordeno que cada *mir* libremente a mayoría de votos optara por la forma de tenencia de la tierra que decidieran.⁴³

El *Mir*, cosmogonía y Lenin

Parafraseando a Hill encontramos que:

“el *mir* es una bella palabra del lenguaje ruso que significa no sólo comuna rural, sino también paz... mundo...universo.

Lenin murió el 21 de enero de 1924... Kalinin un campesino que como el mismo decía, había hollado con sus pies sucios la casa de los zares, lloraba... la muerte de Lenin.

Cada civilización ha de hacer con sus grandes hombres lo que puede, para asimilar sus ideas a su propio idioma. En Tadjik y Kazak los campesinos mantenían la leyenda del líder tan alto como los montes y las nubes...en el pensamiento de los campesinos de los mir de Dungan dimensionaban a Lenin como más brillante que

⁴¹ “... en la Declaración de derechos de los derechos de los pueblos de Rusia, aprobada por los Comisarios del pueblo el 2 (15) de noviembre de 1917. La Declaración proclamaba la igualdad y la soberanía de los pueblos de Rusia, su derecho a la libre autodeterminación, hasta llegar a la separación y formación de un Estado independiente, la abolición de todos los privilegios y restricciones nacionales y nacional religiosos y el libre desarrollo de las minorías nacionales y nacional religiosos, y el libre desarrollo de las minorías nacionales y grupos étnicos que habitaban en territorio ruso. En el llamamiento a todos los trabajadores musulmanes de Rusia y del Oriente, en el manifiesto al pueblo ucraniano y en otros documentos, el poder soviético puso claramente de relieve la diferencia radical, de principio de su política nacional de liberación y la política del Gobierno Provisional Cf. G. N. Golikov. *La gran revolución socialista de octubre*. Grijalbo Colección 70. México 1971, 56.

⁴² López y Rivas Gilberto. “La Revolución socialista de 1917 y la cuestión nacional y colonial. En *La Jornada*. Diario. México 20 de octubre de 2017, 21.

⁴³ Enríquez Coyro Ernesto. *Op. Cit.*, 43.

el sol, desconocedor eterno de la noche. Los pueblos originarios oyruts le concebían como quien llevaba un rayo de luna.

Para los usbecos, Lenin era un gigante que podía sacudir la tierra. En la fábula kirguízs, Lenin llevaba un anillo mágico que le ayudaba siempre a que el bien venciera al mal. Se cuenta que llegó a Armenia montado en un caballo blanco para conducir al pueblo. En otra leyenda, Lenin era un titán en lucha contra Asmodeo, amigo del rico, el peor enemigo de los pobres...Estas y otras versiones más existen de aquellos campesinos de los *mir* que en franca alianza y bajo su tradición comunal libraron la lucha por su libertad y por el advenimiento del socialismo”.

Conclusiones.

Más allá de las consecuencias de índole ideológico, con respecto al movimiento agrario de la Rusia revolucionaria, en la que trascendió la idea leninista acerca de las vindicaciones socialistas (iniciada por los populistas y anarquistas) y en donde habría que reflexionar acerca de la importancia que guardo el *mir*, en su debido corte histórico, en el funcionamiento de la alianza obrero campesina y en la consecución misma de la Revolución; y en el caso mexicano, las aportaciones de las comunidades indígenas (*calpullis*) en la lucha del zapatismo que planteó la restitución agraria, el impulso a la distribución de la tierra y la nacionalización del suelo agrario, así como la proyección respecto del cambio social, lo que para algunos como Adolfo Gilly constituye la adaptación de una “revolución social interrumpida”.

Es indudable que como establece Teodorov los héroes e insurrectos son necesarios en el devenir de los pueblos, como así queda asentado en el perfil y congruencia ética de dos personajes que cumplieron con su momento histórico, y en cuyo contexto se encuentran miles de trabajadores del campo y la ciudad que concibieron la lucha de sus dirigentes, aspecto que al mismo tiempo no objeta la incorporación revolucionaria de pueblos originarios diversos que de igual forma con sus cosmovisiones no dejan de conjugar sus propias expresiones culturales, en la visión de estos luchadores sociales.

Mientras que ciertos ideólogos habrían insistido acerca de un pasado ominoso de pueblos y comunidades que se niegan en “dejar su cultura y sus raíces”, como así correspondería a los pueblos originarios, valdría la pena en el marco de este estudio analizar, ante las asechanzas del actual paradigma neoliberal, en qué medida estos pueblos habrían aportado a la humanidad saberes y representaciones acerca del “buen vivir”, como así lo sitúan por ejemplo los aimaras — quechuas del sur latinoamericano.

En todo caso no se trata de idealizar a éstos protagonistas revolucionarios de las dos primeras décadas del siglo XX, o situarnos en una vindicación de lo que

Antonio Gramsci⁴⁴, o en nuestros días, Gayatri Chakravorty Spivak⁴⁵, refieren como la adaptación en la transformación política a partir de ciertas formas de “*nativismo*”.

Bibliografía

1. Alperovich M. S., *Et al. La Revolución mexicana de 1910 — 1917 y la política de los Estados Unidos*. Ediciones de Cultura Popular. Décimo primera impresión. México. 1979.
2. Asturias Miguel Á., *Hombres de maíz*. Ed. Planeta. 2002.
3. Bernstein H., “Marxismo en México” En Aguirre Carlos (editor). *Militantes, intelectuales y revolucionarios, ensayos sobre marxismo en América Latina*. Universidad de Oregón, Contracorriente. 2013.
4. Castoriadis C., “El Imaginario Social Instituyente”. *Zona Erógena*. Nº 35. 1997.
5. Díaz Soto y Gama Antonio, *La Revolución agraria del sur y Emiliano Zapata su caudillo*. El Caballito. México. 1976 (1950).
6. De Souza Santos Boaventura, Introducción. *Las Epistemologías del Sur*. En: http://www.boaventuradesousasantos.pt/media/INTRODUCCION_BSS.pdf. Consulta 2 de mayo de 2017.
7. Durand Alcántara Carlos, *El Problema y el Derecho Agrario en México*. Porrúa 3ª ed. 2017.
8. Durand Maxime, *La tourmente mexicaine : révolution, miracle et crise*. Ed. La breche. París 1987.
9. Enríquez Coyro Ernesto, *Los Estados Unidos ante nuestro problema Agrario*. UNAM. 1984.
10. EZLN, *Sexta Declaración de la Selva Lacandona* en: <http://enlacezapatista.ezln.org.mx/sdsl-es/> y comunicados 1994 — 2005. (Consulta 2 de julio de 2017).
11. García Jurado Roberto, “Las raíces del populismo. Los movimientos populistas del siglo XIX en Rusia y Estados Unidos” En revista *Argumentos*. Vol. 23 no. 63 México agosto. 2010. http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0187-57952010000200011 (Consulta 15-V-2017).
12. Gayatri Chakravorty Spivak, *Crítica de la razón poscolonial: Hacia una crítica del presente evanescente*. Akal, Madrid España, 2010
13. Gilly Adolfo, *La Revolución Interrumpida*, Ed. El Caballito. México 1974.
14. Golikov G. N., *La gran revolución socialista de octubre*. Grijalbo Colección 70. México 1971.
15. González Manuel, “El pensamiento agrarista de Soto y Gama”. En: *Estudios de Historia moderna contemporánea de México*. UNAM ITH. Vol. III, México 1970.
16. Gramsci Antonio, *Cuadernos de la Cárcel*, 2ª ed. 6 Vols. Era. BUAP. 1999.
17. Hansen D. Roger, *La Política del Crecimiento en México*. Siglo XXI. 1980.
18. Hill Christopher, *La Revolución Rusa*. Ariel. Londres 1967.

⁴⁴ Gramsci Antonio. *Cuadernos de la Cárcel*, 2ª ed. 6 Vols. Era. BUAP. 1999.

⁴⁵ Gayatri Chakravorty Spivak. *Crítica de la razón poscolonial: Hacia una crítica del presente evanescente*. Akal, Madrid España, 2010.

19. <http://www.bibliotecas.tv/zapata/1911/z27ago11.html>. (Consulta 23 de abril de 2017).
20. Juárez García Benito, *Ley para castigar los delitos contra la Nación*. 1862.
21. Karczmarczyk Pedro, “La ruptura epistemológica, de Bachelard a Balibar y Pêcheux”. En: *Estudios de epistemología*. Universidad Nacional de La Plata., No. 10. 2013.
22. Kerning C., et al. “Economía 3”. *Marxismo y Democracia, Enciclopedia de conceptos básicos*. Ed. RIODUERO. Madrid. 1973.
23. Lenin V. I, *Obras Escogidas*, tomo II. “A los pobres del campo” Moscú: Ed. Progreso, 1981.
24. Lenin V. I, *II Congreso de los Soviets de diputados obreros y soldados de toda Rusia* 25-26 de octubre (7-8 de noviembre) de 1917. Obras Completas. T. XXVI.
25. Lenin V. I, Quienes son los amigos del pueblo y como luchan contra los social demócratas”. *Obras Completas*. Ed. Progreso Moscú 1980.
26. Levinas Emmanuel, *Entre nous*, Ed. Grasset, 1991. [Trad. Esp. : *Entre nosotros: ensayos para pensar en otro*, Valencia, Pre-Textos, 2000.]
27. López y Rivas Gilberto, “La Revolución socialista de 1917 y la cuestión nacional y colonial”. En *La Jornada*. Diario. México 20 de octubre de 2017.
28. Magaña Gildardo, *Emiliano Zapata y el Agrarismo en México*. T. III, Ed. Ruta. México 1954.
29. Mariátegui José Carlos, *Siete ensayos de interpretación de la Realidad Peruana*. Era. México 2010.
30. Millon Robert, *Zapata ideología de un campesino mexicano*. El Caballito. 1977.
31. Pappé Silvia, (coord.), *Debates recientes en la teoría de la historiografía alemana*, México, UAM-A/UIA, 2000.
32. Paz Octavio. “Entrevista con Julio Scherer García”, en *Revista Proceso*, números, 57, 58, del 5 y 12 de diciembre de 1977.
33. Pipes Richard, *La Revolución Rusa*. Ed. Debate. Barcelona España 2016.
34. Ponomarev. B. et al. *Compendio de historia del Partido Comunista de la Unión Soviética*. Ed Progreso Moscú 1975.
35. Sotelo Inclán Jesús, *Raíz y Razón de Zapata*, Ed. CFE. 1968.
36. Tzvetan Todorov, *Insumisos*. Galaxia/Gutenberg. Barcelona, España 2016.
37. Womak John, *Zapata y la Revolución mexicana*. Siglo XXI. 1980.
38. Zapata Emiliano, *Cartas*. Ed. Antorcha, México, 1987. (Recopilación realizada por Chantal López y Othón Cortés).

México revolucionario. Redes intelectuales y debates políticos en America Latina

Revolutionary Mexico. Intellectual networks and political debates in Latin America

Resumen. Este texto explora las lecturas realizadas desde América Latina al proceso revolucionario mexicano. Interesa mostrar el impacto de la labor de emisarios mexicanos, encargados de difundir el programa de una revolución triunfante, en espacios políticos e intelectuales de América de Sur. En especial, se presta atención al encuentro de la generación de la Reforma universitaria de Argentina y Perú con sus congéneres de México. Como resultado de este encuentro cristalizaron proyectos y organizaciones políticas articuladas a partir de una densa red de vínculos en torno a personalidades como los argentinos Alfredo Palacios y José Ingenieros, el mexicano José Vasconcelos, y el peruano Victor Raúl Haya. Entre otros, estos intelectuales renovaron ideas y formularon propuestas interesadas en construir sociedades más justas e igualitarias, y en ese panorama, la Revolución Mexicana jugó el papel de modelo ejemplar.

Palabras clave: Revolución mexicana; pensamientos sobre revolución mexicana; historia intelectual; intelectuales latinoamericanos.

Abstract. This text explores the readings made from Latin America to the Mexican revolutionary process. It is interesting to show the impact of the work of Mexican emissaries, in charge of spreading the program of a triumphant revolution, in political and intellectual spaces of South America. In particular, attention is paid to the meeting of the generation of the University Reform of Argentina and Peru with their counterparts in Mexico. As a result of this encounter, projects and political organizations crystallized from a dense network of links around personalities such as the Argentineans Alfredo Palacios and José Ingenieros, the Mexican José Vasconcelos, and the Peruvian Victor Raúl Haya. Among others, these intellectuals renewed ideas and formulated proposals interested in building more just and egalitarian societies, and in that panorama, the Mexican Revolution played the role of exemplary model.

Keywords: Mexican Revolution; thoughts on Mexican revolution; intellectual history; Latin American intellectuals.

Desde su estallido y en una marcha no exenta de obstáculos, la Revolución Mexicana ocupó un lugar sobresaliente en espacios de la política y la cultura latinoamericana. Dar cuenta de este fenómeno obliga a considerar la convergencia de dos procesos. En primer lugar, un sostenido interés de los revolucionarios por

¹ Mexico. El Colegio de México. Doctor en Historia.

propagandizar su gesta, tratando de construir un escudo defensivo frente a una política norteamericana empeñada en negar legitimidad a las acciones y propuestas revolucionarias. En atención a estos asuntos, fue diseñada una estrategia publicitaria que se esparció por la geografía continental, tratando de enderezar noticias e informaciones que mañosamente trasmitían las agencias de información y el propio gobierno norteamericano. Desde febrero de 1917, aquella estrategia tuvo su principal soporte en la nueva Constitución mexicana. Los derechos de los trabajadores, la reforma agraria, el nacionalismo en materia de riquezas naturales, la educación pública y el jacobino laicismo contenido en el texto constitucional permitieron que en una genérica izquierda latinoamericana decantaran imágenes de un México en pie de lucha contra injusticias seculares y agresiones extranjeras.

En segundo lugar, estas imágenes se instalaron en un ambiente latinoamericano particularmente sensible a propuestas como las mexicanas. En realidad, el espíritu regenerador de las ideas mexicanas terminó encontrándose con otras, gestadas a la sombra de un proceso signado por el ascenso e incorporación al campo de la lucha política de un sector de clases medias empeñado en impugnar el ordenamiento político vigente. Protagonista de este proceso fueron la juventud universitaria y toda una pléyade de intelectuales integrantes de la llamada *Generación de la Reforma*.

La Reforma universitaria con su fuerte componente juvenil, aparece como tributaria de una serie de procesos que permitieron definir sus principales contenidos: uno de ellos, el más decisivo quizás, fue el impacto de la Primera Guerra Mundial. Las elites intelectuales percibieron que con aquella guerra se cerraba un ciclo de la historia. El fracaso de un modelo civilizatorio fracturó el cosmopolitismo dominante para dar lugar a un resurgir de preocupaciones nacionales. Una Europa desbastada obligó a volver la mirada a América, y aquí, la Revolución Mexicana replanteó la necesidad de forjar una conciencia nacionalista, anticosmopolita, cargada de un espiritualismo defensivo de reconocibles huellas arielistas. En este sentido, frente a la crisis de paradigmas que puso al descubierto la guerra europea, la experiencia mexicana emergió como modelo de reconstrucción política y cultural. Todo ello, además, en un escenario internacional donde el triunfo de la Revolución Rusa desempeñaría un papel decisivo abriendo nuevos horizontes en la conciencia política de aquella Generación. Ante la incertidumbre, la destrucción y las injusticias del capitalismo, México primero y Rusia más tarde bosquejaron una esperanzadora utopía.²

² Patricia Funes, *Salvar la nación: Intelectuales, cultura y política en los años veinte latinoamericanos*, Buenos Aires, Ed. Prometeo, 2008; Martín Bergel, *El Oriente desplazado. Los intelectuales y los orígenes del tercermundismo en la Argentina*, Buenos Aires, Universidad Nacional de Quilmes, 2015, Laura Ehrlich, et. al. Dossier “El antiimperialismo, ese objeto múltiple. En torno a las derivas del antiimperialismo latinoamericano de los años ‘20” en *Políticas de la Memoria*, Nº 6/7, Buenos Aires, Cedinci, verano 2006/2007, 103-164; Fredrick B. Pike, *The United States and Latin America: myths and stereotypes of civilization*, Austin, University of Texas Press, 1992; Juan Carlos Portantiero, *Estudiantes y Política en*

En este marco general, presentaré algunas aproximaciones a México revolucionario realizadas desde el Río de la Plata y el Perú en los años veinte. Interesa destacar la manera en que México permitió recortar temas y problemas que definirán propuestas y prácticas políticas de un heterogéneo segmento de la izquierda sudamericana.

Desde el Río de la Plata

En el espacio rioplatense y desde 1916 el Partido Socialista fue el interlocutor por excelencia de los revolucionarios mexicanos.³ En buena medida esa relación es deudora de la labor del servicio exterior mexicano en Buenos Aires y sobre todo de figuras como Isidro Fabela, Amado Nervo, Antonio Mediz Bolio Enrique González, Martínez y Alfonso Reyes. Las tareas de propaganda de la gesta revolucionaria, muy tempranamente despertaron el interés en dos figuras centrales del socialismo rioplatense: José Ingenieros y Alfredo Palacios, referentes ineludibles del movimiento de Reforma Universitaria. El primero, médico psiquiatra, criminólogo, escritor y sociólogo, era una de las figuras más encumbradas del pensamiento latinoamericano de entonces. El segundo, abogado precursor de la legislación laboral argentina. Además, desde 1904, Palacios gozaba del prestigio de haber sido el primer socialista latinoamericano en obtener una curul en un parlamento nacional.⁴

Los escritos de Ingenieros no eran desconocidos en México, sobre todo sus reflexiones que en el campo de la sociología y la política contemporánea mostrando el convencimiento de las potencialidades transformadoras de Revolución Rusa. Esta Revolución inauguraba un proceso que entendía internacional, en tanto materialización de “una nueva conciencia moral” capaz de regenerar éticamente a las sociedades conforme a nuevos principios de justicia económica, política y educacional. El optimismo de Ingenieros en la experiencia soviética, condujo a que con igual intensidad criticara a los que la “repudiaban” como a aquellos que intentaban imitarla. El intelectual argentino afirmaba que “las aspiraciones revolucionarias serán necesariamente distintas en cada país, en cada región, en cada municipio, adaptándose a su ambiente físico, a sus fuentes de producción, a su nivel de cultura y aún a la particular psicología de sus habitantes”.⁵

América Latina. 1918-1938. El proceso de Reforma Universitaria, México, Siglo XXI Eds. 1978; Oscar Terán, *En busca de la ideología argentina*, Buenos Aires, Ed. Catálogos, 1986.

³ Pablo Yankelevich, «El socialismo argentino y la Revolución Mexicana. Los resultados de una intercepción carrancista» en *Boletín del Instituto de Historia Argentina y Americana Dr. Emilio Ravignani*, Nº 9, Buenos Aires. Facultad de Filosofía y Letras. Universidad de Buenos Aires, mayo 1994

⁴ Víctor O. García Costa, *Alfredo Palacios: entre el clavel y la espada: una biografía*, Buenos Aires, Planeta, 2007; Oscar Terán, *José Ingenieros. Antimperialismo y Nación*, México, Siglo XXI Eds., 1979.

⁵ José Ingenieros, “La significación histórica del movimiento maximalista” en *Los tiempos nuevos. Obras Completas*, Bs. As., Elmer Ed. 1957, 458.

Estas argumentaciones fueron conocidas en México, despertando simpatías en un núcleo de revolucionarios pertenecientes a la vertiente más radical del agrarismo. Estos revolucionarios habían iniciado un tránsito hacia un socialismo que, sin adherir a la III Internacional, no disimuló simpatías por los que sucedía en la Rusia de los soviets.

En el Río de la Plata, el interés por la causa mexicana mucho debió al proceso de transformación iniciado en Yucatán por Salvador Alvarado y que, poco después, cristalizó en el experimento socialista bajo el liderazgo de Felipe Carrillo Puerto. Justamente con este último, Ingenieros mantuvo un nutrido intercambio epistolar. Estas cartas entre un intelectual sin ninguna experiencia política, y un líder con una escasa formación teórica, dibujan el esfuerzo y el deseo de “autoctonizar” una experiencia revolucionaria que se desenvolvía coetáneamente a la rusa. Un compañero de Carrillo Puerto en la XXIX legislatura, el veracruzano Manlio Fabio Altamirano, editó en México un ensayo de Ingenieros sobre la significación de la Revolución Rusa, y en el prólogo a este texto apuntó:

No seremos nosotros, los visionarios de la causa popular, quienes pretendamos copiar ciega o servilmente los procedimientos de la Rusia de los soviets, quienes intentemos trasplantar el estado social de Rusia a la región mexicana [...]. Nosotros queremos estar preparados para servir en un momento dado a nuestro pueblo, teniendo en cuenta los nuevos ideales [...] pero sin olvidar, ni por un momento, los antecedentes históricos de nuestro país, la idiosincrasia de nuestro proletariado.⁶

En una carta fechada el 1º de junio de 1922 y dirigida a Carrillo Puerto, Ingenieros expresó: “el caso Yucatán me parece de un interés no sólo americano, sino mundial” en tanto que “están ustedes haciendo un experimento de política social tan interesante como el de Rusia y, aunque de menor escala, lleva la ventaja de no tener a su frente la coalición europea”. Dicho lo anterior, pasó a recomendar una serie de acciones tendentes a consolidar la gestión gubernativa. En primer término, “sería esencial que su gobierno pusiera en primera línea las reformas educacionales.” En atención a estas cuestiones subrayó la necesidad de compilar la nueva legislación revolucionaria que se publicaba en el *Diario Oficial*. Ello se justificaba en tanto conformación de “cuerpo de doctrina” capaz de imprimir nuevos rumbos a la enseñanza jurídica. También en aquella misiva expuso ideas de significativa importancia en la constitución de la izquierda argentina. Era necesario, escribió al gobernador de Yucatán, que desplegara sus influencias para convencer al presidente Obregón de que desplegara “una propaganda metódica e ilustrada” tendiente a “ir preparando una

⁶ Manlio Fabio Altamirano; “La Revolución Rusa como fuerza transformadora de la mentalidad humana” en *En pro de la cultura de México.* [Prólogo a la edición mexicana del ensayo de Ingenieros “La Revolución Rusa como transformadora de la mentalidad humana”], México, s.p.i., octubre de 1921.

confederación de países latinoamericanos capaz de enfrentar “a los imperialismos europeo y yanqui, cuyo peligro para nuestra autonomía sería ingenuo ignorar”.⁷

La ejemplaridad de la experiencia mexicana alcanzó su momento cumbre cuando Jose Vasconcelos visitó Buenos Aires en 1922. En una sencilla reunión organizada por un grupo de intelectuales se rindió homenaje al proceso de transformación cultural y educativa que liderada Vasconcelos. El discurso, *Por la Unión Latinoamericana*, escrito por Ingenieros, resulta trascendental por lo menos en dos cuestiones. La primera, al hacer evidente el resultado de una campaña propagandística iniciada años antes, y que condujo a la constitución de la más significativa imagen que de la Revolución mexicana quedó instalada en la conciencia intelectual de América Latina:

Los escritores [...] aquí reunidos, saludamos [...] a todos los hombres de esa generación de mexicanos que ha emprendido la obra magna de regenerar las costumbres políticas; que ha emprendido la reforma educacional, [...] que ha emprendido la reforma social [...]. Estas hermosas iniciativas [...] hacen que hoy México merezca, además de nuestra simpatía, nuestro estudio. Convertido en vasto laboratorio social, los países de América Latina podremos aprovechar muchas de sus enseñanzas para nuestro propio desenvolvimiento futuro.⁸

La segunda cuestión se refiere al papel que en la Argentina de los veinte jugó aquella imagen de México, al permitir cohesionar un espacio político-intelectual de nítidos contornos antiimperialistas y latinoamericanistas. Tomar distancia de Europa condujo a un replanteamiento de la cuestión nacional, y cuando ello sucedió se advirtió la real dimensión del fenómeno imperialista y en consecuencia se pensó en una nueva fisonomía para América Latina. Es decir, en sectores de la izquierda forjada en la matriz internacionalista, México permitió articular propuestas interesadas en llevar adelante una verdadera “defensa nacional”, a partir de gestar una conciencia colectiva capaz de “resistir conjuntamente las coacciones de cualquier imperialismo extranjero”.⁹

Alfredo Palacios, estuvo en México en 1923 y aquí pudo acercar la utopía a la realidad. Desde la tribuna de la Cámara de Diputados pronunció un largo discurso haciendo evidentes que el programa revolucionario no era otro más que la Constitución de 1917:

[...] En esa hermosa Constitución habéis lanzado la proclamación de los grandes derechos de la plebe, [...] habéis dicho que era menester declarar el derecho a la huelga. En esta constitución habéis declarado que es indispensable repartir la tierra:

⁷ “Del Doctor Ingenieros al líder Felipe Carrillo Puerto” en *El Popular*, Mérida, 17 de Julio de 1922.

⁸ José Ingenieros. “Por la Unión Latinoamericana” en *Revista de Filosofía*, Buenos Aires, N° VI, año VIII, 1922, 438, 440 y 441.

⁹ *Ibidem*, 447 y 448.

hermoso programa de acción que nace no de los países europeos que llegaron a la cumbre de su evolución, sino de este país ignorado, apenas conocido [...]. Habéis dicho que era necesario nacionalizar el subsuelo que todavía en el sur de América, no quieren realizar entregando el petróleo al Coloso del Norte, sin tener en cuenta que hoy el conflicto internacional del mundo gira alrededor de la lucha entre dos grandes capitalismo, el capitalismo yanqui y el capitalismo inglés [...] ¹⁰

“El socialismo de los mexicanos es puramente mexicano sin vinculaciones internacionales”¹¹ sentenció Ingenieros después de visitar México en 1925. En realidad para Ingenieros y Palacios, México era la posibilidad de compaginar la utopía socialista con los verdaderos problemas nacionales y en este sentido, para los padres fundadores de aquello que más tarde se llamó la “nacionalización” de la izquierda, México fue colocado en el papel de vanguardia de propuestas y políticas renovadoras. “Grande es la responsabilidad social e histórica asumida por Uds., declaró Palacios a un periodista mexicano, al acometer tan decididamente la realización de ideales socialistas considerados utópicos por las viejas naciones europeas y aún por las democracias del Nuevo Mundo [...]. Es este el primer Estado que en plena paz, sin recurrir a dictaduras más o menos militares, apoyado por el asentimiento general, sin sujetarse a dogmatismos de ninguna especie, emprende reformas trascendentales de carácter social capaces de asegurar el bienestar de los humildes. [...] Por eso estimo que es grande la responsabilidad que Uds. afrontan, porque de su acción depende que se acelere o se retarde el triunfo de nuestros ideales en Sudamérica.”¹²

A la sombra del experimento mexicano, un núcleo de intelectuales argentinos, bajo la dirección de Ingenieros y Palacios conformaron una organización en las que cristalizó buena parte de estas inquietudes. El discurso que pronunció Ingenieros en el homenaje a Vasconcelos en 1922, sirvió de exposición de motivos para la constitución de la *Unión Latinoamericana* en 1925.¹³ Entre las bases programáticas de esta organización figuraron los siguientes temas: solidaridad política entre los pueblos latinoamericanos, condena del panamericanismo, solución arbitral de diferencias jurisdiccionales, oposición a toda política financiera atentatoria de soberanías nacionales, nacionalización de las fuentes de la riqueza, lucha contra la influencia de la iglesia en la vida pública, extensión de la educación gratuita, laica, obligatoria y defensa de las formas democráticas de ejercicio del poder.¹⁴ Si se

¹⁰ *El Universal*, México, 4 de marzo de 1923.

¹¹ “Regreso de Ingenieros” en *Revista de Filosofía*, Buenos Aires, vol. XXV, septiembre de 1925, 476.

¹² *Tierra*. Órgano de la Liga Central de Resistencia, Mérida, 30 de septiembre de 1923, 3.

¹³ “El acta de fundación de *La Unión Latinoamericana*, 1925” en Alfredo Palacios, *Nuestra América y el imperialismo yanqui.*, Madrid, s.e., 1930, 16 y 17.

¹⁴ Pablo Yankelevich, *Miradas Australes. Propaganda, cabildeo y proyección de la Revolución Mexicana en el Río de la Plata, 1910-1930*, México, SRE-INEHR, Alexandra Pita González, *La Unión Latino Americana*

cotejan estas bases con la propaganda de México en Sudamérica, resulta fácil inferir los puntos de contacto y la ejemplaridad que asumió la Constitución de 1917 en una buena cantidad de debates, y entre ellos destacaron los vinculados a la política petrolera.

En efecto, durante la segunda mitad de esa década, tuvo lugar en Argentina una batalla política que se expresó en el Congreso Nacional cuando se discutieron diversos proyectos legislativos que atendieran a la propiedad y producción petrolera. Esos debates legislativos amplificaron un conflicto que envolvió intereses particulares, empresas extranjeras y autoridades nacionales y provinciales. Las discusiones giraban en torno al papel del Estado frente a una industria que además de su importancia estratégica, mostraba prometedores signos de expansión. Entre junio y septiembre de 1927, la Cámara de Diputados debatió un proyecto de ley petrolera, cuya versión final aprobada por mayoría, contemplaba la nacionalización de los yacimientos, el monopolio estatal de explotación y transporte, y la prohibición de exportar petróleo. Un año más tarde, y ya en la segunda presidencia Hipólito Yrigoyen un nuevo proyecto modificó el anterior para incluir la expropiación de las concesiones en manos privadas. Turnado al Senado para su tratamiento, la iniciativa de ley nunca fue debatida por concentrarse en esta instancia legislativa el mayor bloque opositor al gobierno yrigoyenista. El golpe militar encabezado por el Gral. Félix Uriburu en 1930, canceló esta experiencia nacionalista aunque sus aspectos medulares marcaron, desde entonces, la sinuosa política argentina en torno a la industria petrolera.¹⁵

Como no podía ser de otra forma, en las discusiones parlamentarias destacó el ejemplo de México. Al promediar 1927, Carlos Gracidas, agregado obrero en la embajada mexicana en Buenos Aires, apuntaba en un informe: “Sería difícil encontrar algún escrito, algún libro o escuchar alguna conferencia, que no mencione insistentemente el nombre de México en relación a las actividades mundiales de la Standard Oil y de la Royal Dutch.”¹⁶

En efecto, México fue una referencia obligada con independencia de las diferentes posturas que se ventilaban en la tribuna legislativa rioplatense. El argumento que generó mayor movilización fue la amenaza a la soberanía nacional que implicaba que empresas extranjeras tuvieran el dominio de las reservas de hidrocarburos. “El

y el *Boletín Renovación: redes de intelectuales y revistas culturales en la década de 1920*, México, El Colegio de México-Universidad de Colima, 2009.

¹⁵ Arturo Frondizi: *Petróleo y Política*, Buenos Aires, Ed. Raigal, 1954; Carl Solberg, *Petróleo y nacionalismo en Argentina*, Buenos Aires, EMECE, 1982; Carlos Mayo, Osvaldo R. Andino y Fernando García Molina, *La diplomacia del petróleo (1916-1930)*, Buenos Aires, CEAL, 1983; Fernando García Molina y Carlos Mayo, *El general Uriburu y el petróleo*, Buenos Aires, CEAL, 1985. Orietta Favaro y Marta B. Morinelli, *Petróleo, Estado y Nación*, Buenos Aires, CEAL, 1991; y Nicolás Gadano, *Historia del petróleo en la Argentina, 1907-1955: desde los inicios hasta la caída de Perón*, Buenos Aires, Edhasa, 2006.

¹⁶ Archivo General de la Nación, Departamento del Trabajo, exp. 8/130/316 A 927.

petróleo es la vida o la muerte de las naciones” sentenció el diputado de la Unión Cívica Radical Diego Luis Molinari,¹⁷ y bajo este clima el caso de México fue traído y llevado por legisladores de distintas bancadas. La Constitución de 1917 fue citada en forma permanente cuando las discusiones abordaban los fundamentos legales de la nacionalización de las reservas.¹⁸

El diputado santafesino Juan Fiorillo, arremetiendo contra la Standart Oil, “empresa que acostumbra a provocar, incitar, diseminar y mantener cuando sus intereses se lo indican, situaciones de anarquía y sumisión” exhortaba a recordar “todas las revoluciones que estallan en México” provocadas por el dominio del petróleo.¹⁹ “Ninguna nación ha sufrido más que México como consecuencia de las combinaciones político-mineras y sobre todo por las del petróleo, producidas por los capitales norteamericanos, llegando a ensangrentar con guerras civiles su territorio”, señaló el socialista Juan Carlos Raffo de la Retra.²⁰ Y si aquella fue la política que Estados Unidos siguió “en México -argumentó el radical Daniel y Amadeo y Vedia— no tenemos porque pensar que no lo intente con nosotros”.²¹ En sus intervenciones parlamentarias, fueron los socialistas quienes hicieron alarde de su conocimiento de la situación mexicana. Esta bancada revisó antecedentes jurídicos y detalles de la complicada relación entre las administraciones de Carranza, Obregón y Calles con petroleros y el gobierno norteamericano. Los diputados Enrique Dickman, Nicolás Repetto y José Castellanos dedicaron a México largos espacios en sus alocuciones, el diputado Castellanos explicó las razones:

He dedicado a México y a su problema petrolífero [...] la parte más larga de mi exposición, por motivos que son de todos conocidos. Nos une con los hombres que dirigen los destinos de aquel pueblo un vínculo ideal, somos servidores del mismo propósito de elevación mental, moral y material del proletariado, y seguimos como anheloso interés el grave experimento que ellos realizan.²²

¹⁷ Diario de Sesiones de la Cámara de Diputados (DSCD), Congreso Nacional, Buenos Aires, 4 de agosto de 1927, 435.

¹⁸ Entre otros, véase el discurso del Ministro de Agricultura Emilio Mihura, del 29 de julio de 1927 en DSCD p. 1.164; y del diputado radical Raimundo Meabe en DSCD, 3 de agosto de 1926, 416.

¹⁹ DSCD, 24 de junio de 1927, 67.

²⁰ DSCD 28 de julio de 1927, 242.

²¹ DSCD, 5 de agosto de 1927, 491.

²² DSCD, 28 de julio de 1927, 280. Radicales y socialistas convenían en la nacionalización de las reservas de petróleo, no así en crear un monopolio estatal para su explotación, asunto al que los socialistas se oponían defendiendo el papel de la iniciativa privada como promotora del desarrollo. Citando el caso mexicano los socialistas apoyaron su postura. Enrique Dickman en una argumentó: «Saben los señores diputados que en México el petróleo ha desempeñado un papel importante en los últimos acontecimientos de aquel país [...] Pero allí no se ha pretendido establecer el monopolio del Estado. Hombres capaces e inteligentes, hombres que no adoptan posturas demagógicas [...] hombres como el presidente Calles, [...] jamás han propuesto el monopolio del Estado, porque ello hubiera sido arruinar la gran industria petrolera mexicana. Tengo en mis manos la ley reglamentaria del artículo constitucional que nacionalizó el petróleo

En aquella coyuntura argentina, la emergencia de posturas nacionalistas en el campo de la política y la economía mostró su máximo despliegue, fue entonces cuando el embajador Alfonso Reyes apuntó en un informe a su cancillería: “En todo momento nuestro caso se establece como ejemplo político y jurídico”.²³

En tanto que Alfredo Palacios, presidente de la *Unión Latinoamericana*, en un documento dirigido a la Cámara de Diputados de Argentina, en apoyo al proyecto de nacionalización, invocaba el ejemplo mexicano: “Los gobernantes del México nuevo que señala el rumbo a Latinoamérica, han sabido demostrar con su entereza que los vilipendiados “extremistas” son capaces de realizar la más compresiva y eficaz acción nacionalista.”²⁴

En Argentina, aquella batalla en defensa del petróleo tuvo una figura de primera magnitud: el general Enrique Mosconi. Este hombre, que entre 1923 y 1930 estuvo al frente de la empresa estatal Yacimientos Petrolíferos Fiscales (YPF), se reveló como un incansable defensor de las riquezas en hidrocarburos, pero además fue un entusiasta pionero en la administración de una empresa de propiedad estatal. Con el apoyo del gobierno de Marcelo T. de Alvear (1924-1928), Mosconi había logrado encauzar a YPF dándole un fuerte impulso a fin de garantizar el autoabastecimiento, de vital interés estratégico para las Fuerzas Armadas, pero también para el desarrollo industrial del país.

La originalidad de sus planteamientos no residía tanto en la enconada lucha que encabezó en favor de una legislación que nacionalizara los recursos, sino y sobre todo, su convicción de que una empresa controlada nacionalmente fuera capaz de competir con los consorcios extranjeros en las actividades de exploración y producción y comercialización del petróleo. Los resultados que alcanzó YPF bajo su dirección, servían para corroborar la justeza su propuesta y en tal sentido su figura no tardó en trascender las fronteras, convirtiéndose YPF en un modelo de organización empresarial de donde extrajeron enseñanzas otras naciones del continente.²⁵

México no fue la excepción, la creación de Petromex en 1934, en alguna medida fue alentada por la experiencia que Mosconi capitaneó, y que tuvo oportunidad de explicar cuando visitó México a finales de enero de 1928. Como todo viajero con convicciones nacionalistas, sus primeras declaraciones fueron para celebrar

en México, para que los señores diputados perciban que nacionalizar no quiere decir monopolio [...]. En México se nacionalizaron las minas, pero no las explota el Estado [...] en ninguna parte del mundo el Estado es industrial del petróleo. Sostengo que para el interés argentino, el monopolio sería un desastre. Tendríamos menos petróleo y el petróleo sería más caro, tendríamos la corrupción política llevada a su último extremo [...]» (*DSCD*, 6 de agosto de 1927 pp.1.561).

²³ *Archivo Histórico Diplomático de la Secretaría de Relaciones Exteriores*. Fondo Embajada en Argentina, 1927-1931, leg. 33, exp. 14, folio. 36.

²⁴ *DSCD* 28 de julio de 1927, 210.

²⁵ Enrique Moscón; *La batalla del petróleo: YPF y las empresas extranjeras*, Buenos Aires, Ed. Problemas Nacionales, 1957.

las coincidencias de una legislación que en ambos países colocaba las reservas petrolíferas en manos del Estado.²⁶

El militar argentino dejó amplio testimonio de su identificación con el esfuerzo mexicano por dar cumplimiento al mandato constitucional en materia petrolera. No escondió su admiración por Calles, reforzada después de la entrevista que sostuvo con el mandatario mexicano: “Ojalá general, me dijo, México no hubiera tenido petróleo [...]. Recordaré siempre esas palabras del presidente Calles, y las recordaré como ciudadano argentino que desea que su patria no sufra los males de México, por el único pecado de ser un país aspira a una lógica situación de pueblo libre”.²⁷

Calles no podía dejar de congratularse por los avances en la legislación rioplatense, expresando su opinión de que “Argentina se encontraba en buen momento para legislar, sirviendo de ejemplo la dolorosa experiencia que México presentaba, para que oportunamente evitaran tantos tropiezos y la formación de un estado de cosas, después imposible de retrotraer”.²⁸ A Mosconi, conecedor de las tensiones en la relación entre petroleros norteamericanos y el gobierno de Calles, no escaparon las modificaciones recientes en la legislación petrolera mexicana.²⁹ Sin embargo, quizás por haber experimentado él mismo el embate de las presiones, no pudo menos que justificar el cambio de rumbo en la política mexicana, apuntando al respecto:

Durante el gobierno del general Calles entró a regir la Constitución del año 1917, cuyo artículo 27 es el código más completo y que más ampliamente haya defendido los intereses petroleros del país. De ahí las dificultades con que tropezó el gobierno del pueblo hermano [...] Se plantearon entonces problemas más graves, si cabe, que los que se trataba de resolver, a los que el presidente Calles procuró dar solución, y si no lo consiguió en la forma amplia de sus deseos de gobernante, los puso en camino a ella, y ya se está logrando, gracias al empeñoso patriotismo de los hombres que dirigen allí estas cuestiones.³⁰

De esta forma, mientras en México se transitaba hacia una política que privilegió el entendimiento con Estados Unidos a costa de sacrificar posiciones nacionalistas, cuya defensa había tensado una relación de vecindad hasta ponerla al borde de amenazas intervencionistas; en Argentina, esa historia de amenazas e intervenciones otorgaba sustento a un proyecto de ley discutido y sancionado en un

²⁶ *Excelsior*, México, 27 de enero de 1928.

²⁷ Enrique Mosconi, *Op. Cit.*, 175-176.

²⁸ *Archivo del Ministerio de Relaciones Exteriores de Argentina*, Sección Consular, caja 2.657, leg. 26, 5 de febrero de 1928.

²⁹ Lorenzo Meyer, *México y los Estados Unidos en el conflicto petrolero. 1917-1942*, México, El Colegio de México, 1972.

³⁰ Enrique Mosconi, *Op. Cit.*, 174 y 175.

ambiente de marcados tintes antinorteamericanos. La visita de Mosconi a México reforzó sus convicciones, y de ello dejó constancia en un largo artículo publicado días después de su regreso:

El problema del petróleo en México, representa un conjunto valioso e irremplazable de antecedentes que deben servirnos para resolver en oportunidad [...] el problema petrolífero argentino [...]. La Revolución mexicana lucha por depurar la atmósfera de delito que en el antiguo régimen gubernamental rodeara al petróleo. Entre los hombres representativos, lo mismo que entre las clases populares, se conserva clara la memoria del pillaje, de las coacciones, secuestros, robos y asesinatos que durante años se cometieron en torno al codiciado mineral, pero los hombres que actualmente dirigen los destinos de México tienen vigor y energía para sacar a la Nación de ese marasmo, restableciendo un ambiente moral que no se habría subvertido nunca si leyes previsoras hubieran mantenido el control de los yacimientos en manos del poder central.³¹

Desde los Andes

A diferencia del caso rioplatense, en Perú la reflexión sobre Revolución Mexicana fue realizada a partir de la práctica política de un núcleo de jóvenes intelectuales que, desde su condición de líderes universitarios, consiguieron articular un movimiento político con aspiraciones continentales, el APRA, que a la postre ya inserto en la realidad peruana, marcó el rumbo de la política en aquella nación. En tal sentido, México se significa como un lugar de referencia en la reflexión teórica, pero también como un escenario donde se desarrolló parte del accionar político.³²

México fue sometido a una heterodoxa mirada crítica que abrió polémicas en el campo de la izquierda internacional. La Revolución de 1910 sirvió para contrastar diagnósticos elaborados en los cenáculos de la III Internacional Comunista en un esfuerzo por diseñar estrategias políticas formuladas en clave continental.

La represión y el autoritarismo bajo la segunda presidencia de Augusto Leguía (1919-1930), convirtió a México en bandera de las fuerzas opositoras. No es de sorprender entonces que cuando en octubre de 1923, el líder de la Federación de Estudiantes Universitarios de Perú, Víctor Raúl Haya de la Torre, fue apresado y posteriormente desterrado a Panamá, Vasconcelos hiciera gestiones para su traslado a México,³³ y una vez en este país le extendió una oferta de empleo. “Voy a México

³¹ *La Prensa*, Buenos Aires, 19 de marzo de 1928.

³² Ricardo Melgar Bao, *Redes e imaginario del exilio en México y América Latina. 1934-1940*, Buenos Aires, Libros en Red, 2003.

³³ *Archivo General de la Nación, Grupo Documental Álvaro Obregón y Plutarco Elías Calles*, exp. 121-E-P—18, f. 2945.

-escribió desde Panamá— invitado por los estudiantes, por el maestro Vasconcelos y por todo lo que hay de libre y de revolucionario en esa gran tierra de libertad”.³⁴

En efecto, Haya de la Torre pudo confrontar las ideas e imágenes que tenía de México con una realidad que parecía transformarse por obra de un gobierno que decía encarnar los reclamos populares. Y es que, para aquel peruano perseguido, los discursos y las obras del presidente Obregón y el candidato Calles confirmaban su arribo a un paraíso revolucionario. “Los agraristas son la mejor gente de México” le había dicho Vasconcelos, y el dirigente universitario pudo comprobarlo cuando asistió a un homenaje al caudillo sureño: “Zapata— aunque parezca insólito afirmarlo— es una de las más altas figuras de la Revolución Mexicana, y a la vez una de las menos conocidas en el exterior. Es el adelantado del socialismo, o hablando con más precisión, del comunismo agrario mexicano”.³⁵

La valorización del pasado y el presente indígena, eran propuestas que ya rondaban en la mente de los estudiantes peruanos. Se pensaba rescatar al indígena y convertirlo en un sujeto de la transformación revolucionaria, en tanto portador de prácticas culturales y económicas que facilitarían la construcción de un nuevo orden. Haya de la Torre fue testigo de la apropiación que el régimen mexicano hizo del zapatismo, y en tal sentido este hecho no hacía más que confirmar la validez de aquellas propuestas que hasta entonces no eran más que intuiciones:

A la hora de los discursos, Calles declara que él será el continuador de la obra revolucionaria de Zapata. ‘La tierra para el campesino’, dice Calles, antiguo maestro de escuela, general de la Revolución [...]. Su palabra va encendida de incitaciones. ‘No aceptaré intrigas del capital nacional o extranjero’, exclama. Y una tempestad de aplausos le saluda. Luego habla Soto y Gama, el orador de más fama en México. Recuerda a Rusia y dice que América Latina tiene un proletariado que espera de México la cruzada que lo redima. Los campesinos son los autores de la Revolución y deben seguir hasta cumplirla. Hay vítores a Rusia y a la América proletaria³⁶

Además, la Revolución tenía lugar en la frontera con un vecino que pocas simpatías despertaba en el resto del continente. Las luchas mexicanas en defensa de la soberanía nacional servían de ejemplo para resistir los embates del “imperialismo yanqui, máquina siniestra del capitalismo opresor que avanza tentacularmente sobre nosotros”³⁷

En mayo de 1924, ante un grupo de estudiantes mexicanos reunidos en la Escuela Nacional Preparatoria, Haya de la Torre hizo público los puntos programáticos de

³⁴ “Declaración después del destierro” en *Renovación*, Buenos Aires, diciembre de 1923.

³⁵ Víctor Raúl Haya de la Torre, “Emiliano Zapata, apóstol y mártir del agrarismo mexicano” en *Obras Completas*, Lima, Librería-Editorial Juan Mejía Baca, vol. 1, 1977, 35.

³⁶ *Ibidem*, 37.

³⁷ Víctor Raúl Haya de la Torre, “A los estudiantes y obreros de Panamá”, en *Ibidem*, 41.

una nueva organización: El APRA. “No sólo queremos a nuestra América unida sino a nuestra América justa. Sabemos bien que nuestro destino como raza y como grupo social, no puede fraccionarse: formamos un gran pueblo, significamos un gran problema, construimos una vasta esperanza.”³⁸ No fue fortuito que los cinco puntos programáticos del APRA: acción contra el imperialismo yanqui, unidad política de América Latina, nacionalización progresiva de tierras e industrias, internacionalización del canal de Panamá y solidaridad de todos los pueblos y clases oprimidas, fuesen lanzados desde México, en donde parecía existir un gobierno dispuesto a asumir los objetivos trazados por Haya de la Torre.

Sin embargo, hacia el final de los años veinte, banderas de corte antimperialistas, antilatifundistas y antioligárquicas en tanto repertorio de temas que compartían distintas vertientes de la izquierda latinoamericana comenzó a mostrar signos de agotamiento. En buena medida la ortodoxia de la III Internacional bloqueó la reflexión teórica; la dureza de un marxismo de cuño centroeuropeo que, en sucesivos congresos terminó condenando a Latinoamérica a la agenda de la “cuestión colonial”, fracturó y sectarizó el pensamiento de lo que hasta entonces emergía como la fracción más avanzada de la intelectualidad pequeño burguesa en América Latina. En ese panorama, destacaron voces heterodoxas como la de Haya de la Torre, en un esfuerzo por pensar la revolución en clave nacional, es decir, abrir paso a las particularidades de sus pueblos de este continente en el diseño de los programas y las estrategias revolucionarias.³⁹

La ruptura de Haya de la Torre con la Comintern, a partir de la conocida polémica en Bruselas con José Antonio Mella en 1927, define teóricamente al APRA y marca su rumbo inmediato.⁴⁰ Contra la ortodoxia comunista, Haya de la Torre sintetizó un plan de acción tendiente a la consecución de un socialismo de corte hispanoamericano. Sus observaciones fundadas en la escasa densidad histórica del capitalismo en el subcontinente, cuyos orígenes reconoce en la penetración imperialista, lo llevaron a invertir la fórmula leninista al sostener que el capital imperialista en América Latina se significaba como el estadio inicial del desarrollo capitalista. En sentido contrario del diagnóstico de la III Internacional, el tránsito al socialismo se percibía como una tarea de largo plazo, a consecuencia de la debilidad o ausencia de una moderna clase trabajadora que pudiera conducir el proceso revolucionario. Sobre esta base, Haya de la Torre alentó la constitución

³⁸ Víctor Raúl Haya de la Torre, “¿Qué es el APRA” en *Por la Emancipación de América Latina*, Santiago de Chile, Ed. Ercilla, 1927, 8.

³⁹ José Aricó, *Marx y América Latina*, México, Ed. Alianza, 1980; y *Las hipótesis de Justo, Escritos sobre el socialismo en América Latina*, Buenos Aires, Ed. Sudamericana, 1999.

⁴⁰ Julio Antonio Mella, *¿Qué es el ARPA?: La lucha revolucionaria contra el imperialismo, el primer documento político sobre el aprismo*, México, s.p.i., 1928; Christine Hatzky, *Julio Antonio Mella. Una Biografía*, Santiago de Cuba, Editorial Oriente, 2008.

de frente único de trabajadores manuales e intelectuales capaz de conducir la lucha contra el imperialismo; y como parte de esa lucha planteó su tesis de la necesaria la construcción de un “estado antimperialista” como peldaño preparatorio al socialismo continental.

El líder peruano tenía en su horizonte las experiencias revolucionarias de Rusia, China y México. Con los teóricos bolcheviques confrontó ideas y conceptos en torno al significado y validez de las tesis marxistas en general y en particular sobre la Nueva Política Económica en la Rusia leninista; del caso chino y de la empresa anticolonial del Kuomintang rescató la estrategia frentista; pero lo que realmente guió su propuesta fue el principio de una acción autónoma de los pueblos latinoamericanos en la lucha contra el imperialismo, y es aquí donde la apelación a México cobró un dimensión cualitativamente distinta: “Ninguna experiencia histórica, en verdad, más cercana y más aprovechable para los indoamericanos, que las que nos ofrece México. En mi concepto, la Revolución Mexicana es *Nuestra Revolución*, es nuestro más fecundo campo de ensayo renovador.”⁴¹

Se trataba de consolidar un cuerpo doctrinal que hiciera posible adaptar las propuestas del marxismo europeo a la experiencia latinoamericana, y como parte de ella, México señalaba el límite entre lo posible y de lo deseable. Quizá por esto, en 1928 Haya de la Torre apuntaba que la gesta mexicana por “sus aciertos y sus errores, principalmente porque sus errores aportan un fecundo acervo de enseñanzas trascendentes que conviene recoger y analizar con método científico y con nítido y firme sentido de nuestra realidad.”⁴²

¿Cuáles eran las enseñanzas mexicanas que servían para validar el programa aprista? En primer lugar, la necesaria dimensión continental de la lucha antimperialista. Enfrentar al imperialismo era parte de una estrategia que incluía nacionalizar la riqueza y desfeudalizar la sociedad para poner en marcha un dispositivo que defendiera la soberanía nacional e implantara la justicia social. Hacer frente al imperialismo no podía ser obra de naciones aisladas:

[...] No hay que olvidar que México en su lucha revolucionaria por su independencia económica fue hasta donde pudo ir solo. Ningún país aislado de Indoamérica podría haber ido más lejos. Esa es la primera lección que nos ofrece la Revolución mexicana. Sus limitaciones y sus derrotas son características de un pueblo que lucha aisladamente por liberarse del imperialismo y de sus aliados internos, bajo la presión del poder formidable y próximo de su gran enemigo.⁴³

⁴¹ Víctor Raúl Haya de la Torre, *El antimperialismo y el APRA*, Santiago de Chile, Ed. Ercilla, 1936, 82. *Cursivas en el original.*

⁴² *Ibidem*, 87.

⁴³ *Ibidem*, 83-84

En la consecución de estos objetivos, Haya de la Torre propuso la formación de un amplio frente interclasista, en el entendido de que la lucha antimperialista era también y al mismo tiempo una lucha nacional, de suerte que en esa etapa, los trabajadores del campo y la ciudad y los sectores medios, podían suscribir alianzas temporales, “convenios transitorios” los llama Haya de la Torre, con burguesías nacionales amenazadas por el imperialismo.

La “inmadurez” de capitalismo latinoamericano obligaba a pensar en una estrategia revolucionaria distinta a la rusa. Allí, señalaba Haya de la Torre, la transición al socialismo se verificaba a través de un “capitalismo de Estado” cuya manifestación política era una dictadura proletaria derivada del peso específico que había alcanzado la clase obrera rusa. Para América Latina y con base en “la gran experiencia histórica de la Revolución Mexicana”, Haya de la Torre sostendrá la tesis de un “Estado antimperialista.”⁴⁴ Sucedió que los puntos de partida eran distintos, mientras que para “nosotros” la cuestión primaria era la emancipación del imperialismo, para Rusia lo era la dictadura del proletariado. “Nosotros vamos a conseguir la emancipación nacional como primer paso de nuestra transformación social que deberá comenzar y afirmarse en la desfeudalización de nuestros países.”⁴⁵ En este proceso, después de la toma del poder, la construcción de un Estado fuerte devenía en necesidad ineludible, solo desde allí se podría reestructurar la producción y la circulación de bienes con base en un programa de nacionalizaciones que permitiera echar a andar un amplio sistema cooperativo. En la conducción de este proceso Haya de la Torre ubicaba al APRA, organización que garantizaría la hegemonía obrera y campesina; y en este punto

También la Revolución Mexicana nos ofrece experiencia valiosa. La falta de una organización científica y económica del Estado, la falta de una estructura integral del aparato político revolucionario, consecuencia del carácter instintivo e improgramado del movimiento, ha producido la preponderancia de la clase media en el México post-revolucionario. Ideológica, política y económicamente la Revolución Mexicana, en la práctica no ha utilizado a las clases medias, sino que éstas han utilizado en gran parte la revolución. [...] La experiencia de México en este caso nos está señalando por negación, que en la organización estricta y científica del Estado antimperialista, queda prevista cualquier desviación posible de las clases medias fuera de su interesante y circunscrito rol.”⁴⁶

Destruir las bases de la feudalidad terrateniente y poner límites al poder imperialista, controlando y decidiendo las características de la inversión extranjera, constituía la razón de ser de la nueva estatidad. México marcaba el rumbo de nueva

⁴⁴ *Ibidem*, 145.

⁴⁵ *Ibidem*, 147-149.

⁴⁶ *Ibidem*, 153-154.

cuenta, pero esta experiencia se hallaba limitada por la ausencia una dirección política partidaria capaz de corregir la orientación pequeño burguesa que había asumido el proceso.

Ante este panorama, y en su búsqueda de una vía autóctona al socialismo, las apelaciones permanentes a México permitían a Haya de la Torre ubicar sus propuestas en las coordenadas de la realidad latinoamericana. “La Revolución Mexicana representa la primera etapa de la lucha ant imperialista”, y así como en el caso del zapatismo encontró terreno idóneo para plantear sus tesis de las potencialidades antifeudales del “comunismo primitivo”, hizo lo mismo en el caso peruano, donde en la tradición colectivista de los trabajadores indígenas creyó hallar las condiciones históricas favorables para cumplir la segunda etapa.⁴⁷

México fue entonces un referente de insoslayable presencia en las izquierdas de América Latina. En 1922 José Ingenieros exhortó a la intelectualidad latinoamericana a dirigir la mirada hacia un país, que por obra de una revolución se había convertido en un “vasto laboratorio social” de donde era posible extraer “muchas de sus enseñanzas para nuestro propio desenvolvimiento futuro”⁴⁸ Además, para los propios mexicanos su revolución no dejaba de ser un laboratorio donde ensayaron políticas tendientes la construcción de un orden social que privilegiara los intereses populares. El movimiento que estalló en 1910 y que se prolongó por casi una década, no estuvo liderado por una vanguardia política que diera soporte a planes, programas y proclamas. Se trató de un auténtico levantamiento popular en busca de una vida mejor sin que se supiera exactamente en qué consistía ni con qué medios alcanzarla. En realidad, la Revolución Mexicana fue pensada durante los años veinte por un sector de intelectuales mexicanos que salió al encuentro de propuestas teóricas y doctrinales en muchos casos compartidas por los miembros de la Generación de la Reforma en América Latina.

México sirvió de ejemplo para una práctica política que reivindicaba un programa socialista cuya realización dependía de las peculiaridades del desarrollo histórico de las naciones latinoamericanas. En este sentido, las reflexiones de latinoamericanos en torno a México, exhiben un esfuerzo por definir parámetros de autoctonía en la construcción de una estrategia revolucionaria, circunstancia que debe ubicarse en un panorama dominado por la ortodoxia de la III Internacional Comunista, y en donde la “ejemplaridad” de México dotaba de mayor visibilidad a los problemas derivados de la “cuestión nacional” en el espacio continental. Una variedad de temas se ventiló a la luz de la experiencia mexicana, entre otros, la naturaleza de un nuevo Estado atento a salvaguardar el interés nacional y a

⁴⁷ Ricardo Melgar Bao “Las lecturas andinas de la Revolución Mexicana” en *Cuicuilco*, México, ENAH, N° 31/32, julio diciembre, 1992, 34-46.

⁴⁸ José Ingenieros. “Por la Unión Latinoamericana” en *Revista de Filosofía*, Buenos Aires, N° VI, Año VIII. 1922. 441.

promover los derechos sociales de obreros y campesinos. En este sentido, durante los veinte México hizo las veces de espejo que devolvió imágenes donde podían reconocerse tanto los problemas como las utopías de transformación pensados a escala continental.

Bibliografía:

1. Patricia Funes, *Salvar la nación: Intelectuales, cultura y política en los años veinte latinoamericanos*, Buenos Aires, Ed. Prometeo, 2008;
2. Martín Bergel, *El Oriente desplazado. Los intelectuales y los orígenes del tercermundismo en la Argentina*, Buenos Aires, Universidad Nacional de Quilmes, 2015,
3. Laura Ehrlich, et. al. Dossier “El antiimperialismo, ese objeto múltiple. En torno a las derivas del antiimperialismo latinoamericano de los años ’20” en *Políticas de la Memoria*, N° 6/7, Buenos Aires, Cedinci, verano 2006/2007, pp. 103-164;
4. Fredrick B. Pike, *The United States and Latin America: myths and stereotypes of civilization*, Austin, University of Texas Press, 1992;
5. Juan Carlos Portantiero, *Estudiantes y Política en América Latina. 1918-1938. El proceso de Reforma Universitaria*, México, Siglo XXI Eds. 1978; Oscar Terán, *En busca de la ideología argentina*, Buenos Aires, Ed. Catálogos, 1986.
6. Pablo Yankelevich, “El socialismo argentino y la Revolución Mexicana. Los resultados de una intercepción carrancista” en *Boletín del Instituto de Historia Argentina y Americana* Dr. Emilio Ravignani, N° 9, Buenos Aires. Facultad de Filosofía y Letras. Universidad de Buenos Aires, mayo 1994
7. Víctor O. *García Costa, Alfredo Palacios: entre el clavel y la espada: una biografía*, Buenos Aires, Planeta, 2007;
8. Oscar Terán, José Ingenieros. *Antimperialismo y Nación*, México, Siglo XXI Eds., 1979.
9. José Ingenieros, “La significación histórica del movimiento maximalista” en *Los tiempos nuevos. Obras Completas*, Bs. As., Elmer Ed. 1957
10. Manlio Fabio Altamirano; “La Revolución Rusa como fuerza transformadora de la mentalidad humana” en *En pro de la cultura de México.* [Prólogo a la edición mexicana del ensayo de Ingenieros “La Revolución Rusa como transformadora de la mentalidad humana”], México, s.p.i., octubre de 1921.
11. Pablo Yankelevich, *Miradas Australes. Propaganda, cabildeo y proyección de la Revolución Mexicana en el Río de la Plata, 1910-1930*, México, SRE-INEHR,
12. Alexandra PitaGonzález, *La Unión Latino Americanayel Boletín Renovación: redes de intelectuales y revistas culturales en la década de 1920*, México, El Colegio de México-Universidad de Colima, 2009.
13. Arturo Frondizi: *Petróleo y Política*, Buenos Aires, Ed. Raigal. 1954;
14. Carl Solberg, *Petróleo y nacionalismo en Argentina*, Buenos Aires, EMECE, 1982;
15. Carlos Mayo, Osvaldo R. *Andino y Fernando García Molina, La diplomacia del petróleo (1916-1930)*, Buenos Aires, CEAL, 1983;

16. Fernando García Molina y Carlos Mayo, *El general Uriburu y el petróleo*, Buenos Aires, CEAL, 1985.
17. Orietta Favaro y Marta B. Morinelli, *Petróleo, Estado y Nación*, Buenos Aires, CEAL, 1991; y Nicolás Gadano, *Historia del petróleo en la Argentina, 1907-1955: desde los inicios hasta la caída de Perón*, Buenos Aires, Edhasa, 2006.
18. *Archivo General de la Nación*, Departamento del Trabajo, exp. 8/130/316 A 927.
19. *Diario de Sesiones de la Cámara de Diputados (DSCD)*, Congreso Nacional, Buenos Aires, 4 de agosto de 1927, p. 435.
20. *Entre otros, véase el discurso del Ministro de Agricultura Emilio Mihura*, del 29 de julio de 1927 en DSCD p. 1.164; y del diputado radical Raimundo Meabe en DSCD, 3 de agosto de 1926. p. 416.
21. *Archivo Histórico Diplomático de la Secretaría de Relaciones Exteriores*. Fondo Embajada en Argentina, 1927-1931, leg. 33, exp. 14, folio. 36.
22. *Archivo del Ministerio de Relaciones Exteriores de Argentina*, Sección Consular, caja 2.657, leg. 26, 5 de febrero de 1928.
23. Lorenzo Meyer, *México y los Estados Unidos en el conflicto petrolero. 1917-1942*, México, El Colegio de México, 1972.
24. Ricardo Melgar Bao, *Redes e imaginario del exilio en México y América Latina. 1934-1940*, Buenos Aires, Libros en Red, 2003.
25. *Archivo General de la Nación*, *Grupo Documental Álvaro Obregón y Plutarco Elías Calles*, exp. 121-E-P— 18, f. 2945.
26. “Declaración después del destierro” en *Renovación*, Buenos Aires, diciembre de 1923.
27. Víctor Raúl Haya de la Torre, “Emiliano Zapata, apóstol y mártir del agrarismo mexicano” en *Obras Completas*, Lima, Librería-Editorial Juan Mejía Baca, vol. 1, 1977, pp.35.
28. José Aricó, *Marx y América Latina*, México, Ed. Alianza, 1980; y *Las hipótesis de Justo*, Escritos sobre el socialismo en América Latina, Buenos Aires, Ed. Sudamericana, 1999.
29. Ricardo Melgar Bao “Las lecturas andinas de la Revolución Mexicana” en *Cuicuilco*, México, ENAH, N° 31/32, julio diciembre, 1992, pp. 34-46.

La Constitución Mexicana de 1917 y la evolución de los derechos sociales

The Mexican Constitution of 1917 and the evolution of social rights

Resumen. En 2017 se conmemora el centenario de la constitución mexicana y de la Revolución rusa. Dos eventos que inauguraron un proyecto de gobierno a favor del mejoramiento social en cada país. En México, la revolución de 1910 culminó con la redacción de la constitución de 1917, que pretendía recoger las demandas populares que dieron origen al levantamiento armado. Dos artículos son destacables para ilustrar la intención de “mejoramiento social”: el 27 y el 123; el primero trata sobre la cuestión campesina o agraria y el segundo sobre la cuestión laboral u obrera. ¿Cuál fue su alcance desde su promulgación, cómo transformó la realidad social del país y qué queda en la actualidad de ambos después de las múltiples reformas que ha sufrido la constitución y el país? Para responder a esta pregunta es necesario entender la *cultura de la legalidad en México*, el papel social de las leyes, su cumplimiento por parte del gobierno y de los gobernados. En este artículo se analizara el contenido de ambos artículos, su aplicación y trascendencia en la vida nacional.

Palabras clave: Constitución Mexicana; desarrollo social en Mexico; derechos humanos en Mexico.

Abstract. In 2017 the centenary of the Mexican Constitution and the Russian Revolution is commemorated. Two events that inaugurated a government project in favor of social improvement in each country. In Mexico, the revolution of 1910 culminated in the drafting of the 1917 constitution, which sought to collect the popular demands that gave rise to the armed uprising. Two articles are remarkable to illustrate the intention of “social improvement”: 27 and 123; the first deals with the peasant or agrarian question and the second with the labor or labor issue. What was its scope since its enactment, how did it transform the country’s social reality and what is left of both today after the multiple reforms that the constitution and the country have undergone? To answer this question it is necessary to understand the culture of legality in Mexico, the social role of the laws, their compliance by the government and the governed. In this article we will analyze the content of both articles, their application and transcendence in national life.

Keywords: Mexican Constitution; social development in Mexico; human rights in Mexico.

¹ México. Doctor, Investigador A, de tiempo completo, Instituto de Investigaciones Jurídicas, Universidad Nacional Autónoma de México.

Primero: De las revoluciones de México al programa social de la constitución de 1917

La inestabilidad del país (en todos sentidos: económico, político, social, cultural, etc.) en la primera mitad del s. XIX condujo a la inoperancia de la constitución de 1824 y a la revolución de Ayutla de 1854, encabezada por el antiguo insurgente Juan Álvarez. Desde ese momento surgió como tema central el establecimiento de un nuevo congreso para establecer la nación como una república, representativa y popular. Esto no sería posible sin la transformación del pensamiento conservador en uno liberal y así operar el cambio de las estructuras sociales heredadas de la colonia.

La constitución de 1857 se propuso, precisamente, transitar del orden colonial al republicano-liberal, lo que significaba transformar las estructuras políticas donde prevalecía la relación rey-súbdito y sustituirlas por la de gobernante-ciudadano. Sus 8 títulos y 128 artículos deseaban cumplir los anhelos del Nuevo Régimen revolucionario francés, a saber: igualdad, libertad y justicia social. Pero las buenas intenciones no estaban exentas de dificultades: después de su promulgación, vendría la guerra de los tres años o de Reforma, la intervención francesa y la dictadura de Porfirio Díaz. De esta forma, el siglo XIX mexicano concluyó sepultando el respeto a los derechos del hombre (i. e., libertad de expresión, educación trabajo, asociación), la aplicación pareja de la ley y la autonomía de poderes, sin reducir las presiones de la iglesia (con su lema “religión y fueros”), incompatibles con una república liberal.

Pese a los clamores democráticos, los resultados de las elecciones de 1910 confirmaron a Porfirio Díaz en el poder. Además, su más acérrimo adversario, Francisco Madero, fue aprehendido y enviado a San Luis Potosí. Con el plan del mismo nombre se convocó el 20 de octubre a las 6 de la tarde a un levantamiento popular que dio origen a la Revolución mexicana. En mayo de 1911, el dictador Díaz huyó a Europa y Madero entró en la capital aclamado por el pueblo. Sin embargo, esto no puso fin al levantamiento armado, porque los agravios iban más allá de la negativa a la alternancia democracia. Por ello, el 28 de noviembre de 1911 se levantó en armas Emiliano Zapata con el lema “reforma, libertad, justicia y ley”. Su plan social (Plan de Ayala) pretendía hacer justicia social mediante la restitución de tierras, montes y aguas al pueblo trabajador.

El movimiento de la ciudadela de 1913 conferiría el poder al usurpador Victoriano Huerta, previa renuncia y asesinato del presidente Madero y del vicepresidente Pino Suárez. Con esto, no sólo se echaría al suelo las aspiraciones democráticas, sino también de justicia social manifestadas por Zapata. El mismo año de 1913, el gobernador de Coahuila, Venustiano Carranza, reconoce la

ilegitimidad de Huerta para ocupar la silla presidencial y da comienzo al periodo constitucionalista de la revolución con el fin de restaurar la constitución de 1857.

El plan de Guadalupe le daría legitimidad a su movimiento y a la ocupación interina de la presidencia de la república. El 13 de agosto de 1914 Victoriano Hurta fue derrocado y el 14 de octubre se inauguró en la ciudad de México la convención de jefes militares, misma que Carranza trasladaría a Aguascalientes, con el objetivo de elaborar un programa de reformas político-sociales. Carranza se separó de la convención revolucionaria e inició su propio plan de reformas (plan de Guadalupe) en la ciudad de Veracruz. Su plan estuvo abanderado con el lema “constitución y reforma” con el doble fin de conciliar las distintas facciones revolucionarias (como los zapatistas, villistas y orozquistas) y poner término al levantamiento armado.

El plan de Guadalupe propuso el pleno goce de los derechos ciudadanos, la igualdad ante la ley, reformas a la legislación en materia civil, penal, mercantil y la restitución de tierras a los campesinos, disolviendo latifundios y formando minifundios mediante las nuevas leyes agrarias (sin dejar a la zaga la ley de aguas y minas).

Esto no bastó para pacificar al país, y a partir de ese momento tanto zapatistas (Zapata asesinado en 1919) como villistas (Villa asesinado en 1923) tuvieron que ser sometidos. En 1916, Carranza convocó a elecciones para un Congreso Constituyente, el cual se instaló en Querétaro. Éste se encargó de modificar el proyecto de constitución presentado por Carranza e incluir importantes reformas en materia laboral y agraria. Así nacería la nueva constitución, firmándose el 31 de enero y promulgándose el 5 de febrero de 1917.

Las novedades respecto a la constitución de 1857 fueron las siguientes: si bien ambas eran liberales, la anterior lo era en la doctrina y la posterior en la realidad, ya que tomaba en cuenta la decadencia de las monarquías y la crisis de los estados liberales, responsable de la primera gran guerra. Ambas proponían una república federal, pero la segunda otorgaba un papel preponderante al poder ejecutivo para hacer efectiva la reconstrucción nacional; y mientras la primera desembocó en la dictadura de Díaz, la segunda lo haría en un estatismo autoritario, con la capacidad de intervenir en asuntos económicos, educativos y religiosos. Ambas constituciones eran nacionalistas, porque deseaban conjurar el sometimiento colonial del pasado (s. XIX) y las intromisiones o “expediciones punitivas” del s. XX. Sin embargo, la constitución de 1917, a diferencia de su antecesora, hizo grandes concesiones en reparto agrario y derechos laborales a los campesinos y obreros debido a su fuerza militar y política ganada durante la guerra revolucionaria. Esta fue la razón de su contenido social.

Segundo: El contenido social de la constitución de 1917

Cien años de la constitución mexicana, cien años de la revolución rusa, y el proyecto social recogido en ambas constituciones² está desahuciado, porque a lo largo de las últimas décadas ha perdido gran parte de su sentido originario, tanto por parte del ideario de la constitución mexicana como por el de la Revolución de octubre (sentido social). Durante todas estas décadas se desplegaron de forma paralela dos fenómenos interrelacionados, uno de política económica interna y otro externa, ambos con incidencia en la estructura y organización social y constitucional.

Por el lado de la política económica interna, la ruptura constitucional y social está en clara sintonía con los poderes privados, que modifica normas e instituciones en detrimento de los derechos sociales y en favor de la acumulación de capital privado. Por el lado de la política económica externa, la transformación del orden mundial ha tenido como fin diseñar normas e instituciones para fomentar y garantizar la inversión de las transnacionales. Con estos dos fenómenos se minaron los controles del Estado-Nación en la defensa de sus intereses, tanto hacia dentro como hacia fuera del país.

A ambos fenómenos se les puede ver como *procesos des-constituyentes para la acumulación de riqueza*, porque la constitución nacional y sus instituciones tienen como tarea la de dotar al gobierno de herramientas para someter los poderes e intereses privados a favor del bien común, y hoy día es evidente que no cumplen este papel. Por ello, el control de los poderes fácticos representan el reto del constitucionalismo (mexicano o ruso) para la defensa de los valores e ideales sociales plasmados en la carta universal de los derechos humanos (incorporados en el 2011 a la constitución mexicana).

Fenómenos y procesos des-constituyentes

Por poco más de treinta años comenzó en México el proceso de “modernización” nacional que comprendió una transformación jurídica e institucional del país. Este proceso desmontó o anuló reformas legales esenciales del proyecto social anclado a la constitución de 1917. El “plan nacional” que avalaba estas transformaciones planteaba la salida de la crisis económica, provocada por el modelo conocido como “sustitución de importaciones”, a través del fortalecimiento del sector industrial y financiero privado, capaz de atraer la inversión privada del exterior para así recuperar la tasa de ganancia.

Esto ocurrió a partir del sexenio de Miguel de la Madrid (1982-1988), con la venta de cientos de empresas paraestatales consideradas “no-estratégicas” y la

² i. e.: Constitución mexicana de 1917 y la constitución rusa (o soviética) de 1924, pero sobre todo la de 1936, que influyó en todas las constituciones de los países socialistas como Cuba o Vietnam.

creación de un andamiaje jurídico que garantizara a la iniciativa privada la concesión de las funciones y riquezas públicas.

En esta ponencia se denomina a ese proceso *des-constituyente*, porque el proyecto económico-político ha requerido de reformas importantes del marco jurídico, mismas que han terminado reformulando el espacio público-privado, subrogando las responsabilidades del Estado al capital privado. Para muestra, dos ejemplos: el del campo y el del trabajo.

Reformas emblemáticas

Entre las reformas más emblemáticas logradas por la Revolución mexicana, y plasmadas en la constitución del 17, están la agraria y laboral, la campesina y la obrera, la plasmada en el artículo 27 y 123 constitucional. El primero de estos artículos posibilitó el reparto agrario y la creación del ejido protegido constitucionalmente bajo la lógica social-comunal. El segundo, materializó las demandas del movimiento obrero y otorgó el derecho a la organización obrera, a la huelga, jornada máxima, salario mínimo, descanso obligatorio, etc.

El análisis de ambos artículos muestra claramente el contenido social de la constitución de 1917.

La cuestión agraria

Tanto la *Convención Revolucionaria* (1914) como el *Congreso Constituyente* (1917) de Querétaro (las dos asambleas más representativas de la Revolución mexicana) vieron en el problema agrario el origen de la revolución y el problema nacional más urgente a resolver.

En una primera etapa, el Plan de Ayala fue la plataforma programática para resolver el problema. El programa de reformas económica y sociales de los delegados zapatistas establecieron la manera en que lo harían en sus primeros cuatro artículos, allí se estableció:

1. Destrucción del latifundio,
2. Creación de la pequeña propiedad (dotando de tierra a todo el que lo necesitara)
3. Devolución de los ejidos a los pueblos
4. Fomento a la agricultura con créditos y
5. Creación de escuelas de agricultura.

Los miembros del consejo ejecutivo de la convención revolucionaria promulgaron una *Ley Agraria* donde determinaron que la posesión de la tierra es un derecho que el Estado debe garantizar y, por ello, restituir a los pueblos la tierra

arrebatada, expropiando las grandes propiedades y dándolas a quien las necesita y trabaja.

En el *Congreso Constituyente* el tema de la tierra fue también central y dio lugar a artículos constitucionales que admitían implícitamente que el despojo agrario había sido la razón principal del descontento popular. Por ello, puede decirse que el artículo 27 constitucional estableció un puente entre el pasado (colonial) y el futuro (republicano), reivindicando para la nación la propiedad de la tierra, aguas, y bienes del subsuelo, reservando al Estado la transferencia de su dominio a los particulares (constituyendo así la propiedad privada), pero reservándose la facultad de expropiarlos por *causa de utilidad pública*. Por lo que respecta a los recursos naturales del subsuelo (petróleo, gas natural, minería) se establecía que éstos eran propiedad originaria de la nación, con la responsabilidad de preservarlos y concesionarlos para su usufructo y desarrollo nacional.

Erosión del programa social del artículo 27

Aunque la convención y el constituyente coincidían en la importancia del problema agrario y en la centralidad de su solución, existían diferencias, a saber: en la *Convención Revolucionaria*, los delegados zapatistas dominaron la reforma agraria, plasmada en el Plan de Ayala, donde proyectaron una reforma radical pensada *desde abajo*, porque en ella las comunidades recuperaban las tierras que les habían sido arrebatadas. Los hacendados que quisieran recuperarlas tendrían que acudir a los tribunales agrarios para exponer y defender su derecho a ellas. Por otro lado, el agrarismo del *Congreso Constituyente* no era *desde abajo*, sino controlado *desde arriba* por el Estado, a través de los tribunales agrarios, que evaluaban y dictaban la viabilidad o no de las dotaciones de tierra a repartir y donde el juez (y en última instancia el presidente del ejecutivo) decidía el momento y lugar y la cantidad de tierra que sería repartida. Esta era una reforma agraria *desde arriba*, idónea para legitimar al Estado posrevolucionario al mismo tiempo que dotarlo de poder y control.

La cuestión laboral

Otro aspecto central de ambas asambleas fue el laboral. Tanto villistas como zapatistas impulsaron dentro del programa de reformas de la *Convención Revolucionaria* un capítulo obrero en donde se plasmaron las demandas más sentidas del movimiento de los trabajadores. En la *Convención Revolucionaria* participaron delegados como Antonio Díaz Soto y Gana, Luis Méndez, Rafael Pérez Taylor, Santiago Orozco y Manuel Mendoza López, cercanos al movimiento radical de la época (anarco-sindicalista) y a la casa del Obrero Mundial.

En el programa de reformas se reconocía la personalidad jurídica de los sindicatos, el derecho a huelga, la supresión de las tiendas de raya y pago en especie,

así como el derecho obrero a boicotear comercialmente a las fábricas que tuvieran conflicto con los trabajadores.

En la etapa final de la convención, cuando se concentró en la facción zapatista (luego de las derrotas de Villa en el bajío), el consejo ejecutivo elaboró la ley del trabajo, en donde se plasmó de forma clara el problema laboral y su solución: primero, establecía el derecho al trabajo como al disfrute íntegro del sueldo devengado. Después, jornada de trabajo máxima de 8 horas, el descanso dominical obligatorio, el salario mínimo (fijado anualmente), la prohibición del trabajo nocturno y subterráneo para mujeres y niños menores de 14 años, la obligación de los patrones de proporcionar condiciones de higiene y seguridad adecuada para evitar accidentes, y en caso dado, indemnizar a las víctimas de ellos.

La ley establecía como objetivo a largo plazo la socialización de los medios de producción, así como la constitución de sociedades cooperativas de producción y consumo, formadas por las clases productoras. Ciertamente, después se limitó el alcance de la socialización de los medios de producción a las industrias de propietarios sin herederos y los monopolios perjudiciales para el pueblo.

Con el triunfo constitucionalista sobre la dictadura de Huerta, y después sobre la *Convención Revolucionaria*, se estrechó la alianza entre un sector del movimiento laboral y la corriente encabezada por el primer jefe Venustiano Carranza. Obregón, junto con gobernadores y jefes militares constitucionalistas, promovió las reformas laborales en Estados gobernados por simpatizantes de esa corriente, como Antonio Villarreal de Nuevo León, Salvador Alvarado en Yucatán, Rafael Cepeda en San Luis Potosí, Francisco Múgica en Tabasco.

Erosión del programa social del artículo 123

Tanto en el programa de la *Convención Revolucionaria* como en el artículo 123 de la constitución se materializaron las demandas del movimiento obrero. Sin embargo, también hubo aquí diferencias, a saber: la *Convención Revolucionaria* orientaba las reformas laborales a favor de los trabajadores con propuestas muy avanzadas y radicales, en las que el Estado protegía a la parte más débil y garantizaba sus derechos. Mientras los *constitucionalistas* dieron al Estado el papel de mediador en las relaciones obrero-patronales, al asignar facultades para autorizar las organizaciones de trabajadores (sindicatos) y dictaminar la licitud o no de sus huelgas.

Como en el caso del artículo 27, el 123 constitucional dotaba al Estado, particularmente al presidente, del poder sobre trabajadores y patrones, subordinando ambos sectores a sus propósitos.

Tercero: Los derechos sociales de la constitución de 1917 en el mundo globalizante actual

En el marco de la globalización actual, el sentido social de la constitución del 17 se encuentra desahuciado, porque si bien a principios de siglo XX la constitución fue pionera al incorporar los derechos sociales al más alto nivel legal, actualmente las transformaciones constitucionales han convertido al Estado en aliado de los intereses económicos privados, que algunas veces incluso rebasan el marco del derecho constitucional actual. Esto obliga a repensar las viejas leyes e instituciones diseñadas para proteger los derechos sociales e imaginar otras nuevas capaces de enfrentar los peligros de los poderes del capital privado. Hoy día no es la autoridad estatal quien viola los derechos sociales, sino las empresas (nacionales e internacionales), en parte porque su avaricia no encuentra tope y freno dentro del marco legal.

Se puede mencionar el ámbito energético, el de la salud, de las pensiones, de la educación, etc. Por ejemplo: la iniciativa de la ley de aguas nacionales cambia la noción del agua como bien común a bien con valor económico; la iniciativa de la ley de minas, que antes consideraba dicha actividad como de utilidad pública (incluso actividad preferente sobre cualquier otra), ahora permite la expropiación de los terrenos donde se encuentran los posibles yacimientos y otorga concesiones por 50 años prorrogables casi al infinito. Por ello, no es casual que hoy día cerca del 25 % del subsuelo nacional esté concesionado a compañías mineras privadas (nacionales e internacionales).

El panorama no es esperanzador, porque todos los gobiernos recientes han avanzado por la misma ruta de apertura al libre mercado, a la especulación y acumulación de riqueza: Ernesto Zedillo (1994-2000) modificó el 28 constitucional para permitir la participación de los privados en la comunicación satelital, ferrocarriles y electricidad (i. e., con argucias legales que permite su producción privada). Vicente Fox (2000-2006) buscó privatizar la educación superior y la salud. Propósito continuado por Felipe Calderón (2006-2012), quien modificó la ley del ISSSTE y la ley de bioseguridad para permitir la entrada de semillas genéticamente modificadas. Pero ninguno se compara con Enrique Peña Nieto (2012-2018) que modificó en 21 ocasiones la constitución para lograr 11 reformas que flexibilizan el mercado laboral, la participación en la explotación de hidrocarburos, la producción y venta de electricidad, etc. Todo esto bajo la presión de los poderes privados, dotados de facultades constituyentes y con capacidad de trastocar el sentido social de la constitución del 17.

Este proceso violento de ruptura constitucional implica un quiebre del orden social anhelado por la constitución del 17: porque ahora se da una primacía de lo privado sobre lo público, una sustitución de la noción de bien común por el de ganancia privada, una imposición de los intereses de capital sobre los del Estado

social y beneficio de las mayorías. En pocas palabras: una ruptura constitucional desde la cúpula del poder, antidemocrática y a favor de los poderes fácticos.

Este es el llamado proceso *des-constituyente*, avalado por un modelo *democrático procedimental* o de “democracia mínima” (multipartidismo y elecciones regulares), basado en el reemplazo de las élites políticas en el poder (a la Ernano Vitale), que impide la participación de la ciudadanía en las decisiones y soluciones.

Conclusiones

Con la llegada de Carlos Salinas de Gortari al poder presidencial (1988-1994) se profundizaron los principios de la nueva política económica gubernamental (tanto reformas constitucionales como reformas en la legislación secundaria). Dichas políticas coincidieron con el paquete de medidas propuesto por John Williamson para los países en desarrollo. A este programa económico se le conoció con el tiempo como *Consenso de Washington* (1989), y proponía 10 medidas, entre otras:

1. Liberación financiera
2. Disminución de barreras aduanales
3. Ausencia de barreras a la inversión extranjera
4. Privatización de las empresas públicas y empresas estatales
5. Desregulación de los mercados y
6. Protección dogmática de la propiedad privada

Estas medidas dieron lugar a importantes transformaciones constitucionales entre las cuales se encuentran aquellas que modifican el espíritu de los artículos 27 y 123. Con la modificación al primero se decretó el fin del reparto agrario y se anuló el carácter inalienable de la propiedad social ejidal. Con la modificación al segundo se flexibilizó el empleo, se anuló de facto el derecho a huelga y se congeló el salario mínimo.

Salinas de Gortari (1988-1994) robusteció el pacto con el sector empresarial que desembocó con la firma del TLCAN. Desde ese entonces a la fecha los gobiernos subsecuentes han avanzado en la misma ruta, abriendo nuevas oportunidades para el libre mercado, la especulación y acumulación de capital. Es difícil encontrar algún otro país en el que haya irrumpido con tanta violencia los poderes privados en la vida político-económica de una sociedad, al abrigo de reformas constitucionales y trastocando el sentido social de sus leyes.

En el plano exterior, también han tenido lugar reformas a múltiples leyes y normas sobre libre comercio, todas ellas diseñadas para garantizar la seguridad jurídica de las empresas transnacionales (y muchas veces a contrapelo del sistema jurídico nacional). La consecuencia de la acumulación de poder por parte de las

empresas internacionales ha sido la violación de los derechos humanos, como el de acceso a la información (de sus estados de cuenta e inversiones a accionistas), la violación del derecho a un medioambiente sano (por el llamado *fracking* de la minería o fracturación hidráulica), la violación al derecho a la salud, al agua, a la alimentación (semillas genéticamente modificadas), violación al derecho a la tierra y territorio de los pueblos indígenas (expropiando sus tierras para la explotación de la riqueza del subsuelo). Por ello no es de extrañar que México se encuentra entre los seis países que han recibido más comunicados por parte de la relatora especial de la ONU (Margaret Sekaggya) por violación de los derechos humanos por parte de sus empresas.

Hoy día las 500 empresas más poderosas del mundo controlan el 52 % de la riqueza total del planeta. Su valor patrimonial equivale al producto interno bruto de 130 países del mundo, si bien sólo ocupan 1.8 % de la fuerza laboral mundial. Y pese a la crisis planetaria causada por el *crack* del 2008, las ganancias de estas empresas no han dejado de incrementarse sin ninguna reacción por parte del derecho internacional (OIT).

Por último, vale la pena traer a colación la opinión del maestro Isaac Katz, profesor de una institución de educación superior privada (el Instituto Tecnológico Autónomo de México) donde estudiaron muchos miembros de los gobiernos recientes:

El artículo constitucional que regula el mercado laboral, considerado desde su promulgación en 1917 como uno de los más avanzados de su tiempo, ganó a la carta magna, junto con el artículo 27, el calificativo de la primera constitución social del siglo XX. Es por ese contenido social, sin embargo, que México sigue siendo un país con bajos niveles de desarrollo económico y notoriamente inequitativo (sic). (Ver: La constitución y el desarrollo económico de México. Editorial Cal y Arena, México 1999, p. 318)

La revolución rusa y el imaginario de la conquista del poder en América Latina.

The Russian revolution and the imaginary of the conquest of power in Latin America.

Resumen. El autor ofrece sus reflexiones sobre el impacto que tuvo la Revolución rusa en América Latina, en su desarrollo político y ideológico, así como social. El artículo aborda la evolución de los partidos comunistas latinoamericanos y sus papeles en la vida nacional de los países latinoamericanos en el contexto histórico mundial hasta los años 1980.

Palabras clave: Revolución rusa; América Latina; leninismo, movimiento comunista internacional; Partido Comunista; la Unión Soviética.

Abstract. The author offers his reflections on the impact that the Russian Revolution had on Latin America, on its political and ideological, as well as on its social development. The article addresses the evolution of the Latin American communist parties and their roles in the national life of Latin American countries in the world historical context until the 1980s.

Key words: Russian Revolution; Latin America; Leninism; international communist movement; Communist Party; Soviet Union.

El triunfo de los bolcheviques y el inicio de la revolución rusa el 25 de octubre de 1917 tuvo como es sabido una repercusión mundial. En los más recónditos lugares del mundo se tuvo noticia de este magno acontecimiento. Las reflexiones que siguen están vinculadas al impacto político e ideológico que tuvo en América latina y particularmente en lo que se refiere al camino del poder (vía de la revolución), es decir en la lucha por la transformación socialista en la región. No obstante el proceso ruso y sus vicisitudes también influyó en cómo se imaginó la transición al socialismo (el carácter de la revolución).

Cuando se habla del impacto de la revolución rusa en América Latina, no solamente se alude a las repercusiones que tuvo el triunfo bolchevique, sino también a los hechos históricos que le precedieron y sucedieron. También a la elaboración teórica que se hizo de los mismos particularmente por Lenin, cuyo pensamiento después de 1917 tuvo una trascendencia mundial. La resonancia de la revolución rusa en América Latina y en el mundo, también tiene que ver con la enorme influencia

¹ Mexico, Profesor — Investigador. Benemérita Universidad Autónoma de Puebla.

que llegó a tener el Partido Comunista de la Unión Soviética en lo político y en lo ideológico.

El triunfo bolchevique confirmó las expectativas de los revolucionarios de todo el mundo de que el planeta entero entraba ya a la fase de transición del capitalismo al socialismo y eventualmente al comunismo. El triunfo revolucionario en Rusia confirmó la aseveración hecha en el Manifiesto del Partido Comunista de Marx y Engels de que la lucha del proletariado era “internacional por su contenido y nacional por su forma” asimismo que las clases obreras de cada uno de los países tenían el deber de derrotar su propia burguesía.

La revolución rusa también afirmó la idea de que el camino del poder tenía que ser conducido por un partido, el partido de la clase obrera, y que este partido tenía que ser un “partido de nuevo tipo”. En esencia esto significaba un partido de clase, de la clase obrera, estar conducido por el principio del centralismo democrático y con una militancia profesional en su columna vertebral. Se definió de acuerdo a los cánones de Lenin que el partido era un concepto dialéctico debido a su vinculación con el momento histórico que se vivía y que por tanto el centralismo como la democracia tendrían que ampliarse o restringirse según las circunstancias. Ambas ideas se plasmaron en primer lugar en la fundación de los partidos comunistas en toda la región y en la aceptación de los mismos en su incorporación a la III Internacional, organización que durante muchos años tuvo una influencia notable en la definición de la línea política que los comunistas tenía que seguir independientemente de las condiciones específicas de lucha que seguía.

La revolución rusa pronto le dió organización internacional a la disidencia que los bolcheviques mantuvieron desde 1914 con la II Internacional. En 1919 fundaron la Komintern (Internacional Comunista) conocida también como la III Internacional. Esta organización propició la fundación de partidos comunistas en todo el mundo y América Latina no fue la excepción. El Partido Comunista Argentino fue el pionero en esa tendencia (1918) seguida por el Partido Comunista de México (1919), el Partido Comunista de Uruguay (1920) los partidos comunistas de Brasil, Chile, el de Centroamérica (1922), Cuba (1925) y el Partido Comunista de Ecuador (1926). Hacia fines de la década de los treinta del siglo XX surgieron el Partido Comunista de Perú (1928), el de Colombia (1930) y el de Venezuela (1931). Después de la disolución del Partido Comunista Centroamericano observamos el surgimiento del Partido Comunista de El Salvador y el de Panamá (1930), el de Costa Rica y el de Puerto Rico (1934). Finalmente en un tercer momento surgieron el Partido Comunista de Nicaragua (1944), el Partido Comunista de Guatemala (1949) y el de Bolivia (1950). Un surgimiento tardío fue el del Partido Unificado de los Comunistas Haitianos fundado en 1969. En un lapso de 10 y 12 años, la mayor parte de los países de América Latina ya tenían presencia de comunistas organizados en partidos. Aproximadamente 15 años después del triunfo de la revolución rusa, estos

partidos ya se encontraban actuando en la formación o participación de sindicatos, ligas campesinas, organizaciones estudiantiles y formaron el destacamento inicial de una izquierda revolucionaria, que posteriormente se iría diversificando conforme se fueron dando diversos acontecimientos en el mundo. Con mayor o menor arraigo en los diversos países latinoamericanos puede decirse que en la década de los cuarenta y de los cincuenta del siglo XX, estos partidos se beneficiaron del enorme prestigio con el cual la Unión Soviética emergió de la segunda guerra mundial. Finalmente, uno de los rasgos ideológicos decisivos de estos partidos era la identificación con “la gran patria del socialismo”, la cual era considerada el principal “bastión en la lucha contra el imperialismo”. Con arraigo marginal en algunos países (por ejemplo Nicaragua) y en otros con una inserción importante en las centrales sindicales (por ejemplo en los casos de Argentina, Colombia, Uruguay y Chile), en algunos casos los partidos comunistas tuvieron una incidencia no desestimable en los acontecimientos políticos de sus países. En El Salvador, un recién fundado partido de artesanos, campesinos y pescadores rápidamente se arraigó en amplios sectores sociales habría de protagonizar la gran insurrección de 1932 contra la dictadura de Maximiliano Hernández Martínez (1931-1944) la cual fue aplastada sangrientamente. En Guatemala, el partido fundado en 1949 era ya con el nombre de Partido Guatemalteco del Trabajo (PGT) una organización influyente en el seno del movimiento sindical y en el mismo gobierno de Jacobo Arbenz Guzmán (1951-1954). En la década de los cincuenta y los sesenta, el Partido Comunista Chileno formaba junto al Partido Socialista el eje de una izquierda que habría de conquistar la presidencia del país en 1970 con la Unidad Popular encabezada por Salvador Allende. En Colombia, el PCC apoyó a las guerrillas de origen liberal que surgieron en el área rural después del asesinato de Jorge Eliécer Gaitán en 1948. Estas guerrillas surgidas como autodefensas habrían de convertirse a partir de los sesenta en una fuerza político militar que gravitaba de manera importante en la vida política colombiana.

Todos estos partidos pasaron por diversas fases políticas e ideológicas a lo largo de su existencia. Sin embargo, a partir de la década de los treinta y cuarenta del siglo XX era posible advertir ciertas líneas ideológicas comunes que derivaban de una manera ostensible de los lineamientos ideológicos heredados del marxismo y del pensamiento de Lenin. Todos ellos se volvieron tributarios de la versión soviética del marxismo surgida en la Unión Soviética con Stalin después de la muerte de Lenin. El “marxismo-leninismo” fue el nombre de esta versión del marxismo que fue ampliamente difundida por el mundo y específicamente en América latina por la difusión de las obras de Marx, Engels y Lenin por la Editorial Progreso de Moscú, la Revista Internacional editada en Praga, los manuales de marxismo-leninismo de Otto V. Kuusinen y Victor Afanasiev, la Escuela de Superior de Cuadros y la del Komsomol (Unión Comunista de la Juventud).

El movimiento comunista internacional nunca fue homogéneo (baste observar la diferenciación ideológica que se fue observando en los partidos comunistas de Europa occidental) y en el caso de América latina no fue la excepción. Sin embargo es posible definir líneas ideológicas generales por lo menos hasta la década de los sesenta. El imaginario del camino del poder comenzaba en la manera en que visualizaban la situación internacional. El mundo había comenzado una transición del capitalismo al socialismo a partir de la revolución de octubre de 1917. Esta transición era evidente con la paulatina incorporación de amplios territorios del planeta al mundo socialista después de la segunda posguerra con la revolución china y el traslado de Europa oriental a la influencia soviética. Además desde la década de los cincuenta, se observaba un proceso de disgregación del sistema colonial del imperialismo. En la lucha de clases a nivel internacional tres eran las fuerzas motrices de la transición al socialismo: el campo socialista con la Unión Soviética a la cabeza, la clase obrera internacional y los movimientos de liberación nacional. El mundo vivía un sólido paso hacia el socialismo y en ese sólido tránsito, los partidos comunistas estaban cumpliendo un importante papel.

En lo interno los partidos comunistas visualizaban como fuerzas motrices de la revolución en primer lugar a la clase obrera la cual tenía una fisonomía y una conducta distinta de acuerdo a las características del desenvolvimiento capitalista en cada uno de los países. La alianza obrero-campesina era el eje del destacamento social de la revolución y era el propósito el ganar para el campo revolucionario a las capas medias. Un elemento importante en la discusión comunista y de los partidos comunistas fue la existencia o no de una burguesía nacional que podría apoyar una revolución democrática nacional. Es de destacar que el análisis de las fuerzas motrices de la revolución en los partidos comunistas era eminentemente clasista. El análisis del comunista peruano José Carlos Mariátegui, sensible al papel de los pueblos indígenas y sus formas de organización social comunal como activo de una eventual transición socialista, no fue común en el seno de los comunistas latinoamericanos. De una manera más acusada en algunos países y menos pronunciada en otros, el capitalismo en América latina era visto como algo articulado a una fuerte presencia de vestigios feudales y comunales. Por vestigios feudales se entendía todos los resabios de trabajo servil que se observan en las áreas rurales. Esa forma de concebir a la formación social tenía repercusión en la forma en que aparecía el cuadro de las clases sociales: la existencia de burguesías industriales y comerciales coexistiendo con oligarquías terratenientes agroexportadoras y latifundistas que se sustentaban en trabajo campesino semiservil.

El cuadro de las clases sociales y la naturaleza atrasada del capitalismo en América latina tal como la veía el comunismo latinoamericano, influyó decisivamente en su interpretación del “carácter de la revolución más próxima”. Si América latina en mayor o menor medida dependiendo del país que se tratara, tenía un capitalismo

atrasado y dependiente, la revolución por la que se luchaba en América latina no tenía un carácter socialista. Se trataba de una revolución democrática nacional con un carácter agrario, antiimperialista y popular. Esta fue una diferenciación fundamental con la izquierda trotskista que se fue irradiando en América latina conforme se empezaron acusar los efectos organizativos en la región de la IV Internacional. Las diferentes corrientes trotskistas, *mutatis mutandi*, pregonaron que tal caracterización de la revolución era “etapista” y que en el fondo escamoteaba de manera reformista el necesario carácter socialista y permanente que debería tener el cambio revolucionario. Los comunistas deploraron la importancia que los trotskistas le daban al programa revolucionario, olvidando la máxima leninista de que en una revolución la cuestión fundamental radicaba en quien tenía el poder. Los partidos comunistas se inspiraban en todas las elaboraciones hechas entre 1905-1917 por Lenin con respecto al carácter de la revolución que diferenciaba un momento democrático nacional del momento revolucionario dado el carácter de las clases sociales y sociedad que estaba viviendo la transición revolucionaria. Fuera de estas divergencias revolucionarias, no pocos partidos comunistas secundaron sin chistar el anatema soviético de que los trotskistas, empezando por el propio León Trotsky, eran agentes del imperialismo.

En no pocos casos, los partidos comunistas siguiendo esta caracterización se plantearon seriamente hacer alianzas con lo que ellos llamaban “burguesía nacional” en un programa democrático que se planteaba como alternativa a estados dictatoriales. En América latina en efecto, la democracia liberal y representativa como sólida continuidad estuvo restringida a casos excepcionales: Costa Rica, Venezuela, Colombia, Uruguay, Chile. En los demás países, las dictaduras unipersonales heredadas del período oligárquico del siglo XIX y mitad del siglo XX se vieron sucedidas por las modernas dictaduras militares que se consolidaron desde principios de la sexta década del siglo XX al calor que la doctrina de seguridad nacional que desencadenó la revolución cubana. O bien como sucedió en el caso mexicano, en el que no hubo una dictadura militar pero sí un régimen autoritario sustentado en un partido inamovible del gobierno y aun del Estado durante 70 años. Estas circunstancias provocaron una suerte de ambigüedad en torno a los objetivos programáticos y la vía revolucionaria. Por un lado la existencia del autoritarismo convertía a la lucha por la democracia en una bandera plausible e inclusiva. Por otro lado los objetivos programáticos de los comunistas no se restringían a la instauración de una democracia liberal y representativa sino a transformaciones revolucionarias enfiladas hacia el socialismo. En ese contexto la vía de la revolución, aunque fuera a largo plazo se visualizaba como violenta necesariamente.

Hasta mediados de los años cincuenta, el imaginario en la conquista del poder, la “vía de la revolución”, fue imaginada como una ruptura violenta que llegaría después de un largo proceso de “acumulación de fuerzas”. En este imaginario

también fue notable la influencia del ejemplo ruso en las revoluciones de 1905 y 1917. En ambos casos la vía de la revolución fue la insurrección armada que fue imaginada preferiblemente en los cascos urbanos. Todas las formas de lucha útiles para la acumulación de fuerzas, tarde o temprano habrían de desembocar en un momento de ruptura insurreccional. La lucha por la democracia, las luchas agrarias y sindicales, estudiantiles y reivindicativas, legales e ilegales, abiertas y clandestinas, habrían de servir para elevación de la conciencia de las masas hasta un punto en que se observaría lo que Lenin denominó “el momento de viraje” característico de la “situación revolucionaria” o “crisis nacional general”. Esta situación revolucionaria estaría sustentada en una articulación de las “condiciones objetivas” (crisis política y social profunda) con las “condiciones subjetivas” que se expresarían en la imposibilidad de las clases dominantes de seguir dominando como antaño y en la rebeldía de las clases populares a seguir siendo gobernadas como antes. De alguna manera esto fue lo que sucedió con la insurrección en El Salvador en 1932, con la revolución guatemalteca en 1944, la boliviana en 1952, la cubana en 1959 y la nicaragüense en 1979. De igual manera, la teoría leninista construida al calor de la experiencia rusa fue un elemento interpretativo ineludible en las luchas armadas que se observaron en América latina después de la revolución cubana. Aun cuando en este último caso, justo es decirlo, en la mayor parte de los casos, no fueron los partidos comunistas sus protagonistas.

Más aun, una parte importante de las luchas armadas en América Latina fueron encabezadas por fuerzas guerrilleras cuya matriz no necesariamente era el marxismo-leninismo. Ejemplo relevante de este caso es el Movimiento de Liberación Nacional-Tupamaros, los Montoneros de Argentina que tuvieron orígenes católicos y nacionalistas y el Movimiento 19 de abril, cuyas raíces son la indignación ocasionada por el fraude cometido el 19 de abril de 1970 contra el ex dictador Gustavo Rojas Pinilla. EL M-19 tuvo una ideología nacionalista y emparentada con un planteamiento socialdemócrata radical. Una guerrilla ideológicamente parecida fue la Organización del Pueblo en Armas (ORPA) en Guatemala en cuyos documentos no puede advertirse el sesgo doctrinario marxista-leninista característica no solo de los partidos comunistas sino también de sus disidencias armadas.

En casi todos estos casos, la teorización leninista sobre la insurrección, el terror revolucionario, la guerra de guerrillas fue un elemento indispensable de interpretación. Puede decirse de esto en las luchas armadas observadas en Guatemala (1960-1996), en El Salvador (1980-1992), en Nicaragua (1961-1979), en Colombia (1948-2016), Venezuela (1962-1965), Ecuador (1983-1991), Perú (1962-1965/1980-1992), Bolivia (1963-1979), Chile (1983-1991), Argentina (1963-1979), Uruguay (1968-1973), Brasil (1964-1971). Justo es decir, como más adelante se abundará, que en la constitución de los distintos grupos guerrilleros en todos estos países, a la par de la teoría leninista sobre la lucha armada, confluyeron otras vertientes teóricas: el

guevarismo, el maoísmo y la sistematización de la experiencia vietnamita a través de los textos del general Vo Nguyen Giap. Pero todas estas teorizaciones eran a su vez en mayor o menor medida, tributarias del pensamiento leninista.

Un elemento fundamental en la teorización leninista de la violencia revolucionaria en la conquista del poder, fue la articulación dialéctica de la vía revolucionaria con las formas de lucha. El que un partido revolucionario definiera la vía de la revolución como una de carácter violento, no significaba que desde el principio del proceso las formas de lucha fueran violentas. Siendo requisito indispensable en la visión leninista el que la lucha armada fuera el resultado de una elevación de la subjetividad revolucionaria de las masas hacia su máximo nivel, el lograr ese estadio implicaría una fase más o menos larga de acumulación de fuerzas de todo orden (organizativas, políticas, ideológicas, militares) que implicaría el que se adoptaran las más diversas formas de lucha: económicas, políticas, ideológicas, reivindicativas, legales, ilegales, pacíficas y violentas. Y cabía prever que en las primeras etapas de dicho proceso las formas de lucha organizativas, legales, pacíficas fueran las esenciales y predominantes.

Estas ideas en forma simple o compleja formaron parte de las enseñanzas básicas en los partidos comunistas latinoamericanos hasta a mediados de la década de los cincuenta del siglo XX. Un parteaguas parece haber sido el planteamiento asumido en el XX Congreso del Partido Comunista de la Unión Soviética (PCUS) en el que se concluyó que se ampliaban las posibilidades del tránsito pacífico al socialismo. La visión del PCUS fue reiterada en las Conferencias de Partidos Comunistas y Obreros de 1957 y en 1960. Eran ya los tiempos de la impronta del período de Nikita Jruschov y su alejamiento del culto a Stalin. Las posibilidades del tránsito pacífico al socialismo partían de lo que se consideraba una correlación de fuerzas cada vez más favorable al campo socialista en su confrontación con el imperialismo. Esto generaba condiciones para que en determinados países en los cuales no existían regímenes autoritarios y partidos obreros fuertes (comunistas o socialistas) se pudiera plantear una alternativa de tal naturaleza. La aseveración sería recibida con simpatía en los partidos comunistas de Europa Occidental quienes desde hacía algún tiempo habían llegado a parecidas conclusiones. En América Latina el planteamiento fue aceptado en términos generales por los partidos en base al criterio de que las vías revolucionarias eran diversas de acuerdo a las circunstancias históricas, políticas y hasta geográficas de cada uno de los países en los que se realizaba una lucha revolucionaria. No obstante ello, América latina vivía ya la impronta de la revolución cubana y el ejemplo de su vía guerrillera para la conquista del poder había impactado profundamente a los partidos comunistas ocasionando escisiones y surgimiento de organizaciones revolucionarias articuladas en torno a la lucha armada. El movimiento comunista internacional también estaba advertido de las experiencias de la lucha vietnamita y también de la experiencia

de la guerra popular prolongada de base campesina que fuera encabezada por el Partido Comunista Chino.

Es este el contexto en el que el Secretario General del Partido Comunista de Uruguay, Rodney Arismendi, escribió un libro titulado *Lenin, la revolución y América Latina* (1970). Dotado de una enorme erudición en lo que se refiere a la inmensa obra de Lenin, Arismendi dio forma a lo que en términos generales podría haber sido las ideas fuerzas de los partidos comunistas pro soviéticos latinoamericanos en lo que se refiere a la conquista del poder y el papel de la lucha armada en ello. El planteamiento inicial parte del aforismo leninista que retoma la idea del teórico militar prusiano Carl Von Clausewitz de que “la guerra es la continuación de la política por otros medios”. Una vez establecida que la vía violenta de la revolución era el inevitable camino revolucionario en un país, habría que establecer si esta se daría a través de la insurrección o de la guerra de guerrillas. La insurrección implicaba un desenlace rápido y por ello era imprescindible que el partido fuera preciso en el momento de desencadenarla. La guerra de guerrillas podría era de una duración mayor en el tiempo e inclusive podría adquirir las características de una guerra popular prolongada. Si esto es así, en la visión leninista lo político debe conducir a lo militar y la militar es una de las formas de lucha que debe ser conducida por el partido. Ciertamente esta forma de lucha, secundaria en las iniciales fases del proceso, se convertirá en la principal conforme el proceso revolucionario se profundice y se acerque a la situación revolucionaria. Ninguna forma de lucha deben ser aceptada o negada en abstracto, todo dependen del momento en que se esté viviendo. El requisito fundamental para el ejercicio de cualquier forma de lucha, es que esté en consonancia con el nivel de conciencia de las amplias masas de la población y que su ejercicio no aleje al partido de éstas o peor aún lo desprestigie. El libro de Arismendi, uno de los teóricos comunistas más importantes de la región, se escribió teniendo en mente varios adversarios en el propio campo aunque no los haya mencionado explícitamente.

Probablemente el más importante haya sido la concepción foquista que se había irradiado en América Latina en los años que siguieron a la revolución cubana que ponía en cuestión algunos de los postulados leninistas por ejemplo que la lucha armada debería ser conducida por el partido y que la lucha armada más que la consecuencia de una acumulación de fuerzas más o menos prolongada podía ser un detonante en la elevación de la conciencia revolucionaria de las masas. Siendo las ciudades un escenario importante en el imaginario comunista de la revolución, el foquismo planteaba que la revolución podía ir del campo a la ciudad. Es importante señalar que siendo estas ideas no afectas al pensamiento de Arismendi, éste trata con el mayor de los cuidados a Ernesto *Che* Guevara y a su derrota en Bolivia. En general los partidos comunistas latinoamericanos, siendo aliados estratégicos de la revolución cubana no fueron las organizaciones más queridas por la dirigencia

cubana. La causa de esto es sencilla: no eran organizaciones guerrilleras. Sin embargo, los partidos comunistas latinoamericanos en medio de estas diferencias, hicieron de la revolución cubana un faro que alumbraba el camino de la revolución latinoamericana. El tema del imaginario de la conquista del poder también estuvo influido por la experiencia vietnamita que siguiendo la experiencia china, concibió la guerra como un esfuerzo militar de masas conducido por el partido. Además como una guerra de liberación nacional frente al imperialismo que necesariamente tenía que tener un carácter prolongado dado la fortaleza del enemigo al cual se estaban enfrentando: el imperialismo. A pesar de que la experiencia vietnamita abrevaba de la china, en el libro de Arismendi hay un deslinde con respecto al maoísmo que después de la ruptura sino-soviética empezó a tener en América Latina una expresión en la fundación de los partidos comunistas “marxista-leninistas”. Además de no aceptar la caracterización china del PCUS como expresión del “revisionismo soviético”, hay una diferenciación con respecto a la aseveración maoísta de postular la guerra como necesaria en todos los momentos y circunstancias.

Sin embargo, hay en el planteamiento de Arismendi un adversario más: el oportunismo que implicaba el adoptar una vía pacífica de la revolución de manera abstracta e indiscriminada. Resulta así más inteligible el esfuerzo de Arismendi de darle autoridad teórica y moral a la idea de que en términos generales y haciendo a un lado casos excepcionales que confirmaban la regla (el efímero momento en Rusia entre febrero y octubre de 1917, la efímera revolución húngara de 1919, los países de Europa oriental en el contexto de la ocupación soviética), ésta regla era que los intereses de las clases dominantes no permitirían una transición pacífica. Y la autoridad teórica y moral que con gusto o regañadientes tendrían que aceptar los partidos comunistas y aun otras fuerzas políticas de inspiración marxista era la de la experiencia rusa y su sistematización teórica en el pensamiento de Lenin. Resulta curioso que la sustentación más completa de la idea de la vía violenta de la revolución haya sido hecha por un dirigente comunista cuyo partido no se vio involucrado de manera sustancial en la lucha armada. Hasta el golpe de estado de 1973, el Partido Comunista de Uruguay se vio fuertemente involucrado en la organización de la Convención Nacional de Trabajadores y en la del Frente Amplio. Con la emergencia de la dictadura militar, en medio de severos golpes como asesinato y encarcelamiento de militantes y dirigentes, el PCU mantuvo su operatividad y sobrevivió a los 12 años de dictadura. Sin embargo, la lucha armada en Uruguay fue llevada a cabo esencialmente por el Movimiento de Liberación Nacional-Tupamaros.

En términos generales fueron pocos los partidos que llevaron a la práctica la idea de la lucha armada en los términos leninistas que Arismendi brillantemente sintetizó. Independientemente de que en términos generales, en algunos momentos coyunturales los partidos comunistas pudieran haber efectuado formas de lucha militares, solamente son cuatro los casos en los cuales el esfuerzo militar se convirtió

en una parte esencial o importante de su lucha. Un caso relevante es el del Partido Guatemalteco del Trabajo quien desde su III Congreso decidió adoptar “todas las formas de lucha” para hacerle frente a la dictadura militar. Posteriormente en la Conferencia de 1966, el PGT reafirmó esa concepción en el planteamiento de la “Guerra Revolucionaria Popular” la cual se sistematizaría de manera más profunda en el IV Congreso en 1969 ya en el contexto de la finalización del primer ciclo guerrillero en el país. Con esa concepción se vería involucrado en los dos grandes ciclos de lucha armada en Guatemala (1960-1972/1972-1996) y en medio de severos golpes y divisiones terminaría fusionándose en la Unidad Revolucionaria Nacional Guatemalteca (URNG) después de los acuerdos de paz de 1996. El Partido Comunista Venezolano, en el contexto de una aguda represión hacia sus militantes y dirigentes, adopta la línea de la lucha armada en su III Congreso (marzo de 1961) la cual hizo valer en los hechos hasta 1965 para después formalizar su abandono de ésta en un pleno de su Comité Central en abril de 1967. En Colombia, el Partido Comunista empieza en la década de la violencia (1948-1958) la organización de las autodefensas campesinas como respuesta a la violencia gubernamental contra campesinos liberales y comunistas. En 1960 el IX Congreso adopta la línea de “la combinación de todas las formas de lucha como vía estratégica de liberación nacional”. Para ese entonces Manuel Marulanda Vélez, un guerrillero campesino ya era parte del partido y en el contexto de la ofensiva hacia la “república independiente” de Marquetalia funda las Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia (FARC), organización que llegaría a convertirse en un ejército irregular (FARC-Ejército del Pueblo) y la guerrilla más poderosa de América Latina desde el punto de vista militar. Sin embargo, la guerrilla con mayor incidencia política en la cual participaron los comunistas fue el Frente Farabundo Militar de Liberación Nacional (FMLN) en EL Salvador en el cual participaría El Partido Comunista Salvadoreño después de que en octubre de 1979 diera el viraje hacia la lucha armada revolucionaria. A través de las Fuerzas Armadas de Liberación (FAL) el PCS cumpliría un papel relevante en el FMLN junto a otras organizaciones, algunas de las cuales provenían de las filas comunistas como fueron las Fuerzas Populares de Liberación (FPL), dirigidas por el antiguo secretario general del partido, Salvador Cayetano Carpio. Al igual que el PCU, el PCS daría al comunismo latinoamericano una de sus figuras más brillantes, Schaffick Jorge Handal.

Las premisas de la parte esencial de la izquierda latinoamericana, en medio de su heterogeneidad ideológica, fueron sentadas por las líneas ideológicas marcadas por la experiencia de la revolución rusa y particularmente por el poderosamente influyente pensamiento de Lenin. Hemos tratado de reconstruir los rasgos esenciales de dicho pensamiento en las páginas precedentes. Durante aproximadamente setenta años, la izquierda mundial estuvo marcada por la experiencia soviética. Los partidos comunistas prosoviéticos hicieron de dicha dicha experiencia la referencia

positiva ineludible para pensar la revolución en los propios países. También lo hizo la vertiente comunista que empezó a tener una visión crítica después de haber sido afectos a Moscú, tal es el caso de los partidos de Europa occidental o el singular caso del Partido Comunista Mexicano. Los partidos maoístas tuvieron en la experiencia soviética una referencia positiva hasta que expresaron su disidencia con respecto a lo sucedido en el XX Congreso del PCUS. Incluso los partidos trotskistas siempre tomaron elementos de la experiencia soviética como referencias aunque en lo esencial consideraran al socialismo soviético como expresión de un “Estado obrero degenerado”. En el caso de América latina, muchas de las organizaciones guerrilleras que surgieron de desmembramientos de los partidos comunistas, hicieron de lo que llamaron la inconsecuencia de dichos partidos con respecto a la necesidad de la lucha armada el rasgo esencial de su disidencia. No hicieron cuestionamientos esenciales al socialismo real en la medida en que Cuba, su referencia fundamental, no las hizo. O más bien las hizo cuando la perestroika de Gorbachov empezó a cuestionar muchas de las verdades soviéticas que habían permanecido incólumes durante décadas.

En el caso de los partidos comunistas en América Latina y muchas de las organizaciones que surgieron de sus desmembramientos, la revolución rusa inauguró una época en la que se sentaron premisas esenciales que conformaron una ideología que tuvo un nombre, el marxismo-leninismo. El marxismo leninismo no solamente fue una concepción del marxismo que como una suerte de religión laica, instauró Stalin en el contexto de la purga de Trotsky, Zinoviev, Kamenev y Bujarin. Fue un pensamiento articulado que encajaba perfectamente en las necesidades teóricas de la praxis revolucionaria en el tercer mundo y en particular América latina. El leninismo daba respuesta a la situación de subyugación imperialista que se vivía en esos momentos —que aún se vive—, de igual manera que toda la teorización leninista sobre el desenvolvimiento capitalista en un país con predominancia rural, gran población campesina y vestigios serviles. El leninismo también fue la teorización sobre la necesidad de construir un partido que hacía su lucha contra un régimen autocrático y profundamente represivo, un partido que por tanto tenía que hacer uso de la clandestinidad y la lucha armada. Lo mismo puede decirse del pensamiento maoísta, tributario del leninismo pero que acentuaba el papel del campesinado como poderosa fuerza motriz en la lucha revolucionaria. En suma, el leninismo fue un pensamiento que resultaba funcional a las necesidades de la lucha por el socialismo en América Latina.

El marxismo-leninismo como ideología que expresó el impacto de la revolución rusa en América latina partió de premisas sólidas que articularon a los partidos comunistas de la región. En primer lugar el triunfo de los bolcheviques y la emergencia de la Unión Soviética como consecuencia de dicha revolución, creó una correlación de fuerzas sobre la que se asentó la izquierda mundial que luchaba por una sociedad poscapitalista. El triunfo bolchevique y la presencia creciente de la Unión

Soviética en el concurso mundial, dio asidero real a la “actualidad de la revolución”. El mundo fue visto por los partidos comunistas como en transición al socialismo por lenta o accidentada que fuera ésta tradición. Los triunfos revolucionarios en China, Vietnam del norte, Cuba y la misma instauración de regímenes del socialismo real en Europa Occidental, fueron vistas como parte de la creación de una correlación de fuerzas que paulatinamente arrinconaba al imperialismo. La Unión Soviética se convirtió en un modelo que serviría de referencia a la eventual construcción de socialismos en otros países. Continuación de estas premisas fue el éxito productivo inicial de la URSS después de la segunda guerra mundial que llevó en 1969 a Nikita Jruschov a expresar que en 1980, la Unión Soviética superaría en su Producto Interno Bruto a los Estados Unidos de América y se sentaría las bases para una transición del socialismo al comunismo.

La “actualidad de la revolución” y el marxismo-leninismo tuvo un elemento adicional de sustento en la época del flujo revolucionario que el planeta vivió después de 1945 y hasta la década de los ochentas. Siendo protagonista fundamental de la derrota fascista en la segunda guerra mundial, la Unión Soviética emergió de dicha guerra con un prestigio extraordinario. Ciertamente la intervención en Hungría en 1956 y en Checoslovaquia en 1968, mermaron notablemente dicho prestigio. Pero esto aconteció en Europa y no de manera considerable en América Latina. Baste recordar cómo en la región solamente el Partido Comunista Mexicano fue crítico con respecto a la invasión de Checoslovaquia y la interrupción de la primavera de Praga. El Partido Comunista de Cuba, referencia de la izquierda guerrillera en América Latina apoyó explícitamente la intervención soviética en Checoslovaquia. El prestigio soviético siguió entonces siendo paraguas del flujo revolucionario después de la segunda guerra mundial expresado en diversos hechos algunos de los cuales podemos consignar de manera somera: el triunfo de la revolución china en 1949; la derrota francesa de Dien Bien Phu en 1954; los movimientos de liberación nacional en África, los cuales entre 1957 y 1962 lograron la independencia de 19 estados africanos; el triunfo de la revolución cubana que generó el primer ciclo guerrillero en América Latina; la presencia importante de la clase obrera en Europa occidental; los movimientos estudiantiles y populares de 1968; la derrota estadounidense en Vietnam en 1975, el triunfo de la revolución sandinista en 1979; la intervención cubana en Angola, Etiopía y Namibia que cambió el panorama subsahariano y contribuyó a demoler el régimen de apartheid en Sudáfrica.

En la década de los setentas una parte muy importante del territorio y población del planeta vivía bajo la égida del socialismo real. El sistema colonial del imperialismo había colapsado y había abierto el paso a países independientes que en no pocas ocasiones aparecían como aliados de la Unión Soviética. En el contexto del capitalismo fordista y keynesiano los Estados socialdemócratas y desarrollistas veían a la clase obrera organizada en sindicatos como interlocutores fundamentales

para la gobernabilidad. En América Latina, el triunfo de la revolución sandinista y el estallido revolucionario en Centroamérica hizo voltear los ojos del mundo a dicha región que se convirtió en el epicentro del enfrentamiento de la guerra fría. Todo aparentaba que el flujo revolucionario en la segunda posguerra continuaba. Sin embargo esto ya no era así. Contrariamente a la predicción de Jruschov, en 1980 la Unión Soviética mostraba claros signos de recesión al extremo de que se especuló que su crecimiento era de 0 %. La Unión Soviética y el campo socialista se encontraban en una crisis que pocos años después se mostró que era postrera. El Estado de bienestar se encontraba también en una crisis terminal. Un nuevo modelo de acumulación capitalista, el neoliberal, había sido implantado como ensayo en Chile a partir de 1973 y en 1979 y 1980 era ya impulsado en Gran Bretaña y Estados Unidos de América y pronto se convertiría en un modelo mundial expresado en el Consenso de Washington. En pocos años se pasó de un presidente Nixon que decía “todos somos keynesianos” a un presidente Reagan que afirmaba “El Estado es el problema no la solución”. El derrumbe del muro de Berlín en 1989 y el colapso de la Unión Soviética en 1991, sustrajo la piedra angular del marxismo-leninismo, del movimiento comunista internacional y difuminó la idea fuerza de éstos, la de la “actualidad de la revolución”.

Fue el fin de toda una época marcada por la influencia de la revolución rusa en el mundo y particularmente en América Latina. El fin de la “actualidad de la revolución” tuvo un efecto demoledor en todo el imaginario latinoamericano de la conquista revolucionaria del poder. El derrumbe soviético no solo hizo añicos al marxismo-leninismo sino arrastró en su caída al marxismo mismo. Lenin se convirtió, para usar la imagen de Thomas Carlyle sobre Cromwell, en “un cuerpo debajo de una montaña de perros muertos”. Todo el debate sobre las vías de la revolución y las formas de lucha en América latina quedó obsoleto en el contexto de un discurso triunfalista que se plasmó en la idea de “el fin de la historia”. Igualmente el debate sobre “el carácter de la revolución más próxima” que generó encarnizados enfrentamientos entre comunistas y trotskistas, o sobre el papel del campesinado en las fuerzas motrices de la revolución que enfrentó a comunistas, maoístas y trotskistas. Advenía el fin de una época de la izquierda mundial y latinoamericana, de la cual los partidos comunistas eran parte sustancial. Como aconteció en otras partes del mundo, solamente unos cuantos partidos comunistas sobrevivieron en América Latina, mientras el resto se volvió realidad nominal, desapareció o se fundió en organizaciones más amplias. Explica todo ello, la desaparición de la Unión Soviética y el campo socialista, el debilitamiento de la clase obrera en el marco de la precarización laboral triunfantemente implantada por el neoliberalismo, la diversificación de los sujetos y de los movimientos sociales que cuestionaba profundamente la centralidad obrera, la nueva tesitura que este contexto provocó en la descolonización en África y Asia, el giro económico observado en China, el

cuestionamiento profundo al autoritarismo y tendencias totalitarias del socialismo real.

El fin de la izquierda del siglo XX en el mundo y en particular en América Latina, no es por supuesto el fin de la historia. Además el colapso soviético no fue sucedido por una sociedad más justa sino exactamente todo lo contrario. Pensar lo histórico y social como totalidad cerrada siempre ha resultado ser un disparate. Pero cierto es que buena parte de los fundamentos de la parte sustancial de la izquierda, de manera muy acusada la organizada en los partidos comunistas, desaparecieron. El fin de la influencia de la revolución rusa en América Latina, implica pensar de manera esencialmente distinta a como hace apenas unos cuarenta años se pensaba en América Latina, la identidad de la izquierda, la reforma y la revolución, el sujeto revolucionario, el partido, el sentido de la transformación, el camino del poder, las formas de lucha. La izquierda sufrió una derrota histórica, pero ya se ha empezado a pensar en cómo salir de ella.

**Революционные Конституции и практическая
политика Мексики и Советской России:
взгляд из США (1917–1920 гг.)**

**Revolutionary Constitutions and Practical Policy of
Mexico and Soviet Russia:
A View from the United States (1917–1920)**

Abstract: The paper examines the U. S. approach to the estimation of revolutionary state-building and politics in Mexico under Carranza and Soviet Russia between 1917 and 1920. The Mexican Revolution and the Russian Revolution had many parallels, yet the constitutional experience of the two, along with practical politics taken by the respective governments, differed seriously. Meanwhile, for many foreigners both were a proof of a rising left tide, a challenge for the liberal democratic ideal. After the Bolsheviks took over in late 1917, their theory, origin and style of government were compared by American officials, academics and journalists with those of the much well-known Mexican revolutionary factions. Defining the subjects presented in the available sources, as well as the way of promoting them by key groups of observers, the author is trying to reveal the typical perceptions of a foreign revolutionary change.

Key words: revolution; Constitution; 1917; Mexico; Soviet Russia; the United States; Bolshevism.

Resumen; La ponencia examina el enfoque en los Estados Unidos a la estimación de la construcción estatal y política de México bajo Carranza y Rusia Soviética entre 1917 y 1920. La Revolución Mexicana y la Revolución Rusa tenían muchos paralelos, sin embargo, la experiencia constitucional de las dos, junto con las políticas prácticas seguidas por los gobiernos respectivos, se diferenciaban seriamente. Al mismo tiempo, para muchos extranjeros ambas fueron la prueba de la incipiente ola izquierdista, un desafío para el ideal liberal democrático. Después de la toma del poder por los bolcheviques a finales de 1917, su teoría, origen y estilo de gobernar se comparaban por los oficiales, los académicos y los periodistas estadounidenses con mucho más conocidos de facciones revolucionarias mexicanas. Por destacar los asuntos presentados en las fuentes disponibles, así como la manera de promoverlos por las agrupaciones decisivas de los observadores, el autor trata de revelar las percepciones típicas del cambio revolucionario extranjero.

Palabras clave: revolución Constitución; 1917; México, Rusia Soviética; los Estados Unidos; bolchevismo.

¹ Манухин Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН (warcraftdouble@yandex.ru), гр. РФ.

Столетие завершения мексиканской революции 1910–1917 гг. и русской революции 1917 г. вновь предоставляет возможность для изучения исторического опыта двух стран в развитии своих институтов. Обе революции поставили на повестку решение вопросов землепользования, отношений труда и капитала, контроля государства над природными ресурсами и его роли в развитии программ образования и здравоохранения. Немаловажным был и внешний фактор, который выражался не только во вмешательстве других государств, но и активностью революционных Мексики и России на международной арене в пропаганде новых взаимоотношений между государствами и народами. Возможно, наиболее сложным и неоднозначным было взаимодействие двух революционных государств с США, которые также переживали сложный период изменений во внутренней политике, общественной жизни и внешнеполитическом статусе. В настоящем докладе рассматриваются тенденции в оценке институционального оформления и практической политики революционных режимов Мексики и Советской России. Значительное сходство, следование положительной или отрицательной модели обнаруживали дипломаты, законодатели, представители академических кругов, публицисты. Сопоставление может помочь пониманию того, как американцы расставляли приоритеты при оценке зарубежной социальной революции.

С точки зрения интересов США обеспокоенность направлением конституционного развития Мексики объяснялась прежде всего влиянием на статус иностранной собственности и иностранных граждан. Так называемый «доконституционный режим», провозглашенный правительством «первого вождя армии конституционалистов» Венустиано Каррансы в 1914 г. для скорейшего воплощения в жизнь завоеваний революции, экспериментировал с ограничением прав иностранцев на ведение бизнеса и повышением налогов в добывающих отраслях промышленности. По этой причине содержание новой мексиканской Конституции, принятой на Конституционном Конвенте в г. Керетаро 5 февраля 1917 г., вызвало особый интерес и тревогу американских инвесторов и политиков.

Как известно, положение статьи 27 Конституции о нации как верховном собственнике земель и их недр восходило еще к колониальным временам. В то же время она содержала ограничения националистического толка, в частности запрет на «прямое» владение землей иностранцами и запрет на государственные земельные концессии для них в приграничной и прибрежной полосах². Разработчики Конституции продемонстрировали

² Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, Diario Oficial de la Federación 5 de febrero de 1917, última reforma DOF 29 de enero de 2016: <http://www.ordenjuridico.gob.mx/Constitucion/cn16.pdf> [accessed: 01.09.2017].

важное значение этой статьи³. В ее разработке принимала участие большая группа делегатов, решительно настроенных на реформирование законодательства о собственности⁴. Однако американский бизнес, в особенности нефтяной, охарактеризовал характер статьи «преступным». Больше, чем сама статья, сопротивление нефтепромышленников и работавших на них юристов вызывали декреты правительства Каррансы о повышении налогов и необходимости регистрировать месторождения для разрешения на продолжение добычи. Эти требования, по их мнению, были необоснованными, поскольку все нефтеносные земли компании приобрели у частных лиц, а не от мексиканского государства⁵.

В этих условиях единственным подходящим выходом для продолжения работы своих предприятий они видели в игнорировании мексиканских декретов. Разделяя подобную позицию, американская дипломатия отмечала, что данное законодательство направлено против США и даже отчасти инспирировано Германией⁶. Порой высказывались утверждения об отсутствии в Мексике земельного вопроса как такового⁷. На втором и третьем месте по степени внимания были статьи 3 и 33 Конституции, в которых содержались ограничения прав духовенства и право исполнительной власти высылать из страны «нежелательных» иностранцев.

Типичным утверждением являлось, что Конституция якобы отрежет Мексику от жизненно необходимых ей капиталов из-за рубежа⁸. Логическим завершением революционного законодательства станет конфискация иностранной собственности⁹. Сторонники достижения взаимопонимания с правительством Каррансы видели историческую необходимость, заключающую в себе условия для беспрепятственной разработки природных ресурсов иностранцами¹⁰. По мнению включившихся в борьбу с «заговором против Мексики» публицистов и миссионеров, иностранному бизнесу сле-

³ Pastor Rouaix, *Génesis de los artículos 27 y 123 de la Constitución Política de 1917* // México, Biblioteca Nacional de Estudios Históricos de la Revolución Mexicana, 1959, 143–174.

⁴ Edward V. Niemeyer, Jr. *Revolution at Querétaro: the Mexican Constitutional Convention of 1916–1917*. Austin and London: University of Texas press, 1974, 134–165.

⁵ United States, Congress, Senate, 66th Congress, 1st session, Hearing Before a Subcommittee of the Committee on Foreign Relations: Investigation of Mexican Affairs (далее: *Investigation of Mexican Affairs*). In 2 vols. Vol. 1. Wash. (D.C.), 1920, Government Printing Office, 590–594.

⁶ Arthur S. Link (ed.), *The Papers of Woodrow Wilson* (далее: *PWW*). In 69 vols, Vol. 55. Princeton, University press, 1986, 352–356.

⁷ *Investigation of Mexican Affairs*. Vol. 2, 2687.

⁸ Isidro Fabela, Josefina Fabela (ed.), *Documentos históricos de la Revolución Mexicana, en 20 tomos, t. 17: La Revolución y Régimen constitucionalista*. México, Editorial Porrúa, 1969, 281–284.

⁹ Jorge Vera Estañol. *Carranza and His Bolshevik Regime*. Los Angeles: Wayside press, 1920, 64–83.

¹⁰ Leander De Bekker. *The Plot Against Mexico*. New York: Alfred A. Knopf, 1919, 205–213.

довало лишь довериться доброй воле правительства, которое не собирается нарушать их права¹¹.

В случае с Конституцией РСФСР 1918 г. внимание американских наблюдателей распределялось иначе. Несмотря на некоторое сходство в определении статуса государственной собственности, советский Основной закон подразумевался как временный документ, рассчитанный на чрезвычайные условия «диктатуры пролетариата». Экономические аспекты обсуждались американцами куда меньше, чем структура государственной власти и избирательная система. Прежде всего, это объяснялось скромным, по сравнению с Мексикой, присутствием американцев в экономике России. Однако именно из-за неприятия идеологии большевиков в практическом курсе Вашингтона на русском направлении утвердилась линия на противостояние им, что перевешивало любые тактические соображения¹². Противники большевиков подчеркивали, что многоступенчатая система выборов по классовому признаку делает их откровенно недемократическими, хотя «теория большевизма» преподносит их как самые представительные¹³. Результаты выборов определяются руководящими органами в Москве¹⁴. Отмечались «отсутствие связи отдельных частей советской власти с целым» и спонтанная манера проведения выборов¹⁵.

Эти же положения Конституции 1918 г. давали основания американцам, симпатизирующим большевикам, изобразить Советскую Россию государством, где царит справедливость. Советы и профсоюзы в их глазах были совершенно независимыми организациями, способными контролировать правительство в лице ВЦИК и СНК¹⁶. Американские корреспонденты либеральных изданий акцентировали внимание на тех случаях, когда в депутаты Советов попадали даже «классово чуждые», делая вывод о том, что «большевики — всего лишь одна из партий, в то время как форма правления советская»¹⁷. Советская власть изображалась как «национальная» форма правления¹⁸. Обоснованием этому виделось многообразие социаль-

¹¹ John K. Turner. "Why Should We Leave Mexico Alone". *The Nation*. Vol. 109: 2839, New York, November 29, 1919, 680–682.

¹² *PWW*. Vol. 45. Princeton, University press, 1984. 427–430.

¹³ United States, Congress, Senate, 65th Congress, 3rd session and thereafter, Hearing before a Subcommittee of the Committee on Judiciary: Bolshevik Propaganda (далее: *Bolshevik Propaganda*), Wash. (D.C.), Government Printing Office, 1919, 96.

¹⁴ *Ibid.*, 283.

¹⁵ "Russian Soviets Mask Bolshevism", *The New York Times*, July 7, 1918, 1.

¹⁶ "What Is at Stake in Russia", *The New Republic*, 14: 170, New York, February 2, 1918, 6.

¹⁷ Jerome Davis, "The Russian People and the Soviets", *The Nation*, 69: 2827, New York, September 6, 1919, 350–353.

¹⁸ *Bolshevik Propaganda*, 615.

но-экономических и культурных укладов, соединить которые может лишь сильная власть¹⁹. В глазах многих реформистски настроенных американцев Советы являлись единственным спасением России от наследия царского режима и беспомощности либералов²⁰.

США придавали Мексике и Советской России различный правовой статус. С октября 1915 г. режим Каррансы признавался ими де-факто, а после его избрания в качестве конституционного президента в 1917 г. он получил от администрации Вудро Вильсона признание де-юре. Несмотря на это, Мехико постоянно испытывал дипломатическое, экономическое и военное давление США. В свою очередь, последовательное непризнание правительства большевиков со стороны США, экономическая блокада Советской России и участие в союзной интервенции всегда оставляли пространство для неофициальных переговоров. Опыт взаимодействия с Мексикой, состоявший в балансировании между сотрудничеством и силовым вмешательством, наложил отпечаток на развитие политики в «русском вопросе».

Главным аргументом против революционных правительств обеих стран со стороны их критиков служил насильственный характер их власти. Поправ собственную декларацию о намерении восстановить Конституцию 1857 г., Карранса на конгрессе, состоявшем из лиц, лояльных «движению конституционалистов», принял радикальную новую Конституцию. Отказ от компромиссов с противниками привел к тому, что опорой его власти стало коррумпированное и некомпетентное офицерство и бюрократия. Отмечалась неуправляемость страны под «номинальным» правлением конституционалистов. В то время как население страдает от голода, режим продает продовольствие за рубеж, а войска мятежников снабжаются за счет оружия, которое продают им правительственные войска²¹. Сам Карранса, даже если и хотел бы положить этому конец, не располагает такими возможностями, предоставляя местным «боссам» полную свободу²².

Если применительно к Мексике формировался образ «слабой диктатуры», то правление большевиков расценивалось как превращение России в базу для мировой революции любой ценой. Отмечалось, что практически каждая новая экономическая или административная мера большевиков еще больше отчуждает от них различные слои населения²³. Образ больше-

¹⁹ Edward A. Ross, *Russia in Upheaval*, New York, The Century, 1918, 304–329, 330–337.

²⁰ Raymond Robins, “Social Control in Russia Today”, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 84: July, Philadelphia, 1919, 129–134.

²¹ Thomas E. Gibbon. *Mexico under Carranza*. New York, Doubleday, Page and Co, 1919, 3–41.

²² *Investigation of Mexican Affairs*. Vol. 1. 1864.

²³ United States, Congress, Senate, 66th Congress, 2nd session, Senate Documents. Vol. 4: *Bolshevist Movement in Russia*, Wash. (D.C.), Government Printing Office, 1920, 14–19.

виков накладывался на сложившийся к началу XX в. образ царского самодержавия: как и царизм, они «правят вопреки воле народа»²⁴. В. И. Ленин настолько изменил марксизм, что из социально-экономической доктрины он превратился в разновидность религиозной веры, а ее адепты — в фанатичных сектантов, неспособных к компромиссам²⁵.

«Каррансизм» и большевизм, при всех очевидных отличиях по своему происхождению, на пике противостояния им (конец 1918 — начало 1920 г.) трактовались американскими критиками как некие «братья-близнецы». Несмотря на умеренность и непоследовательность Каррансы и его ближайшего окружения, им приписывались намерения водворить в Мексике социализм. Наибольшую тревогу вызывали меры губернатора Сальвадора Альварадо в штате Юкатан по развитию государственных программ в сфере образования и здравоохранения, давление на землевладельцев и предпринимателей. Рабочие «Лиги Сопротивления», основанные энергичным реформатором и сторонником улучшения положения индейцев Фелипе Каррильо Пуэрто, рассматривались как модель для будущей «большевизации» всей Мексики²⁶.

Разумеется, для такой пропаганды были и объективные причины. Каррильо Пуэрто в ходе визита в США не только общался с радикальным крылом Социалистической партии Америки, но даже обменивался посланиями с советским полномочным представителем Людвигом Мартенсом о возможности координации американского и мексиканского рабочего движений²⁷. Карранса через агентуру в США заигрывал с такими организациями, как анархо-синдикалистские «Индустриальные рабочие мира»²⁸. Конституционалисты пытались поставить на повестку дня объединение государств Латинской Америки на антиимпериалистической основе через так называемую «доктрину Каррансы»²⁹.

В рядах критиков мексиканского и русского «социализма» наблюдалось единство консерваторов, «прогрессивных» либералов-интернационалистов и умеренных социалистов. Предлагаемые ими пути решения отталкивались от отстранения от власти правящей политической силы. Взамен

²⁴ Frank Bohn. “Task of Democracy in Germany and Russia” // *The New York Times*, April 7, 1919, 1–2.

²⁵ William E. Walling. *Sovietism*. New York and London, E.P. Dutton and Co, 1920, 3–17.

²⁶ *Investigation of Mexican Affairs*. Vol. 2. 2820–2822.

²⁷ *Ibid.* 2823–2825.

²⁸ Michael M. Smith. “The Mexican Secret Service in the United States, 1910–1920” // *The Americas*, 59: 1, Oceanside, July 2002, 80–84.

²⁹ Pablo Yankelevich. “En la retaguardia de la Revolución Mexicana: Propaganda y propagandistas mexicanos en América Latina, 1914–1920” // *Mexican Studies / Estudios Mexicanos*, 15:1, Berkley, Winter 1999, 35–71.

предлагалось оказание поддержки широкой коалиции сил, которые смогут создать стабильное правительство и будут заслуживать оказания им финансовой, технической и иной помощи. В Мексике региональные движения, враждебные каррансизму, позиционировались как сторонники развития демократии «снизу»³⁰. В России опорой создания новой демократической страны виделись земства, кооперативные организации или обновленные Советы, свободные от диктата большевиков³¹. Расчет делался на последовательное развитие «сопротивления большевикам» со стороны населения России³².

В то же время на другом фланге общественно-политических и интеллектуальных сил США мрачной картине «радикального» заговора противопоставлялся взгляд на мексиканскую и русскую революции как закономерный этап эволюции общества и государства. Стремление к унификации, применение насилия расценивались как построение подлинной, «экономической» демократии, отличной от поверхностной «политической»³³. Голод и падение темпов производства, транспортный кризис рассматривались как последствия гражданских войн, которые поддерживаются извне. Неизменно подчеркивалось, что за советской революционной фразеологией власти вынуждены приспособляться к нуждам населения, отступая от идейных догм³⁴.

В течение 1920 г. крупные перемены произошли во внутреннем и международном положении Мексики и России. Военное «движение Агуа-Приеты» в поддержку кандидатуры на президентских выборах генерала Альваро Обрегона, в мае 1920 г. свергло режим Каррансы. Советская Россия к лету 1920 г. резко укрепила свои позиции, в основном одержав победу над Белым движением. Экономическая блокада Антанты была снята, что позволило поставить вопрос о дипломатическом признании. В Мексике США пытались воспользоваться переходным периодом для того, чтобы добиться гарантий пересмотра статьи 27 Конституции, сделав это одним из условий дипломатического признания нового мексиканского режима, встретив в его лице непростого партнера по переговорам. На русском направлении Вашингтон фактически признал отсутствие у него возможностей влиять на

³⁰ William Gates. "The Four Governments of Mexico" // *The World's Work*. Vol. 37, March–April 1919, 572–580, 654–665.

³¹ Arthur Bullard. *The Russian Pendulum: Autocracy—Democracy—Bolshevism*. New York, The Macmillan Co, 1919, 209–245.

³² *Bolshevik Aims and Ideals and Russia's Revolt against Bolshevism*: Reprinted from a Round Table, New York, The Macmillan Co, 1919, 86–89.

³³ Lincoln Steffens. *The Autobiography*. New York, Heyday press, 1931. P. 722–732, 757–761.

³⁴ Henry G. Alsberg. "Russian Impressions" // *The Nation*. Vol. 111: 2807, New York, August 21, 1920, 207–208.

ситуацию. «Нота Колби», положившая начало политике непризнания Советского государства до 1933 г., сделала условием восстановления нормальных отношений ликвидацию большевизма.

Состояние Мексики и России после революций описывалось в США преимущественно в таких терминах, как «дезорганизация», «хаос», «коллапс» и «неразбериха». Положения мексиканской Конституции противоречили важнейшему пункту деловой этики классического либерализма: опоре на частную инициативу в развитии производства и торговли. Советский Основной закон рассматривался как форма без содержания: его применение выглядело зависимым от возможностей текущего момента или воли работающих на данном участке бюрократов. В оценках положения в Мексике была свойственна абсолютизация «личного» фактора и «технократизма» конституционалистов, а для Советской России — недооценка роли партии как стержня формирующейся политической системы и представление о способности «народа» либо свергнуть большевиков, либо творить под их руководством чудеса. В ретроспективе можно сказать, что постепенно в США стали лучше понимать национальные черты каждой из революций, хотя это и не уберегло от свойственной американцам склонности к обобщениям исторического опыта.

Библиография

1. Arthur Bullard. *The Russian Pendulum: Autocracy—Democracy—Bolshevism*, New York, The Macmillan Co, 1919.
2. Arthur S. Link (ed.). *The Papers of Woodrow Wilson* (далее: *PWW*), in 69 vols., vol. 45, 55, Princeton, University press, 1986.
3. *Bolshevik Aims and Ideals and Russia's Revolt against Bolshevism*: Reprinted from a Round Table, New York, The Macmillan Co, 1919.
4. Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, Diario Oficial de la Federación 5 de febrero de 1917, última reforma DOF 29 de enero de 2016: <http://www.ordenjuridico.gob.mx/Constitucion/cn16.pdf> [accessed: 01.09.2017].
5. Edward A. Ross. *Russia in Upheaval*. New York, The Century, 1918.
6. Edward V. Niemeyer, Jr. *Revolution at Querétaro: the Mexican Constitutional Convention of 1916–1917*, Austin and London, University of Texas press, 1974.
7. Frank Bohn. “Task of Democracy in Germany and Russia” // *The New York Times*, April 7, 1919, 1–2.
8. Henry G. Alsberg. “Russian Impressions” // *The Nation*, 111: 2807, New York, August 21, 1920, 207–208.
9. Isidro Fabela, Josefina Fabela (ed.). *Documentos históricos de la Revolución Mexicana, en 20 tomos, t. 17: La Revolución y Régimen constitucionalista*, México, Editorial Porrúa, 1969. P. 281–284.

10. Jerome Davis. "The Russian People and the Soviets" // *The Nation*, 69: 2827, New York, September 6, 1919, 350–353.
11. John K. Turner. "Why Should We Leave Mexico Alone" // *The Nation*, 109: 2839, New York, November 29, 1919, 680–682.
12. Jorge Vera Estañol. *Carranza and His Bolshevik Regime*. Los Angeles, Wayside press, 1920.
13. Leander De Bekker. *The Plot Against Mexico*. New York, Alfred A. Knopf, 1919.
14. Lincoln Steffens. *The Autobiography*. New York, Heyday Books, 1931.
15. "Russian Soviets Mask Bolshevism" // *The New York Times*, July 7, 1918, 1.
16. Michael M. Smith. "The Mexican Secret Service in the United States, 1910–1920" // *The Americas*, 59: 1, Oceanside, 2002, 65–85.
17. Pablo Yankelevich. "En la retaguardia de la Revolución Mexicana: Propaganda y propagandistas mexicanos en América Latina, 1914–1920", *Mexican Studies / Estudios Mexicanos*, 15:1, Berkley, 1999, 35–71.
18. Pastor Rouaix. *Génesis de los artículos 27 y 123 de la Constitución Política de 1917*. México, Biblioteca Nacional de Estudios Históricos de la Revolución Mexicana, 1959.
19. Raymond Robins. "Social Control in Russia Today" // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 84, Philadelphia, July 1919, 127–145.
20. Thomas E. Gibbon. *Mexico under Carranza*. New York, Doubleday, Page and Co, 1919.
21. United States, Congress, Senate, 65th Congress, 3rd session and thereafter, Hearing before a Subcommittee of the Committee on Judiciary: *Bolshevik Propaganda*, Wash. (D.C.), Government Printing Office, 1919.
22. United States, Congress, Senate, 66th Congress, 1st session, Hearing Before a Subcommittee of the Committee on Foreign Relations: *Investigation of Mexican Affairs*, In 2 vols., Wash. (D.C.), Government Printing Office, 1920.
23. United States, Congress, Senate, 66th Congress, 2nd session, Senate Documents: *Bolshevist Movement in Russia*, Wash. (D.C.), Government Printing Office, 1920.
24. William E. Walling. *Sovietism*. New York, E. P. Dutton and Co, 1920.
25. William Gates. "The Four Governments of Mexico" // *The World's Work*, 37, New York, November 1918–April 1919, 385–393, 570–580, 654–665.
26. "What Is at Stake in Russia" // *The New Republic*, 14: 170, New York, February 2, 1918, 6–7.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

О. Б. Варенцова³⁵

Причины конституционной нестабильности в Венесуэле

Causes of constitutional instability in Venezuela

Abstract: This paper seeks to explain the causes of constitutional instability in Venezuela at the beginning of the 21st century. The paper argues that recurring political and institutional crisis contributed to this phenomenon. The crisis of democratic representation in the 1990s and the deadlock between presidential and legislative branches of government in 2017 resulted in convocation of a constituent assembly — a body charged with drafting a new constitution. Therefore, the case of Venezuela confirms a hypothesis posed by some political scientists (G.Negretto, D.Nolte) that one of the main causes of constitutional instability are global political and socioeconomic changes like reconfiguration of party system, institutional or economic crisis, etc.

Key words: Venezuela; constitutional instability; constituent assembly.

Resumen: Esta ponencia busca explicar las razones de inestabilidad constitucional en Venezuela en el siglo XXI. Se sostiene que las recurrentes crisis políticas e institucionales contribuyeron a este fenómeno. La crisis de representatividad democrática en los años noventa, así como impasse entre el Ejecutivo y el Legislativo en el año 2017 dieron lugar a convocatoria de una asamblea constituyente responsable de redacción de nueva constitución. Por lo tanto, el caso de Venezuela comprueba una hipótesis planteada por algunos investigadores (G.Negretto, D.Nolte) que una de las causas más importantes de inestabilidad constitucional son cambios políticos y socioeconómicos globales como reconfiguración de sistema de partidos, crisis institucionales y políticas, etc.

Palabras clave: Venezuela; inestabilidad constitucional; asamblea constituyente.

Венесуэла является региональным лидером по количеству конституционных изменений (осуществленных попыток полного пересмотра конституции). С момента объявления независимости в 1811 г. до 2000 г. в стране

³⁵ Варенцова О. Б., кандидат политических наук, младший научный сотрудник РГСУ (olgavaren@gmail.com), гр. РФ.

было принято 26 конституций, из них 16 — в XX в., тогда как в среднем по Латинской Америке эти цифры в несколько раз меньше (10,7 и 5,7 соответственно)³⁶. В среднем одна венесуэльская конституция в XX в. действовала не более 6,3 г. (против 28,7 г. в среднем по региону)³⁷.

Демократическая конституция 1961 г., принятая после падения очередной диктатуры, была призвана сократить уровень конституционной нестабильности в стране и потому не предусматривала фигуру Конституционной ассамблеи (Учредительного собрания) в качестве инструмента пересмотра основного текста³⁸. Тем не менее в 1999 г. избранный президент Уго Чавес Фриас при поддержке Верховного суда сумел добиться созыва этого института путем проведения консультативного референдума³⁹. В результате появилась новая конституция, позволяющая президенту, 2/3 депутатов или 15 % зарегистрированных избирателей созвать Конституционную ассамблею и полностью переписать Конституцию страны (статьи 348–350).

1 мая 2017 г. пришедший на смену Уго Чавесу президент Николас Мадуро в ответ на затянувшееся противостояние с оппозиционным парламентом и широкомасштабные уличные протесты объявил о созыве Конституционной ассамблеи, воспользовавшись полномочиями, которые дает ему конституция 1999 г.: «Я созываю орган учредительной власти для того, чтобы народ со своим суверенитетом восстановил мир [в стране]»⁴⁰.

Причины конституционной нестабильности

Если до середины XX в. созыв Конституционной ассамблеи в Венесуэле являлся способом восстановить конституционный режим, то в конце XX — начале XXI в. это стало ответом на затяжные политические и институциональные кризисы.

В 1990-х гг. идеологическая конвергенция двух традиционных партий *AD* и *COPEI* (обе партии поочередно принимали пакеты неолиберальных

³⁶ Negretto G. L., *The Durability of Constitutions in Changing Environments: Explaining Constitutional Replacements in Latin America*. Kellogg Institute Working Paper #350, 2008, 12.

³⁷ Negretto G. L., *Op. cit.* 12.

³⁸ Brewer-Carías A. R. *Golpe de Estado y proceso constituyente en Venezuela*. México, Universidad Nacional Autónoma de México, 2001, 60.

³⁹ Brewer-Carías A. R., *Historia constitucional de Venezuela*. Tomo II, Venezuela, Editorial Alfa, 2008, 153.

⁴⁰ Lozano D. “Maduro intenta otro autogolpe y anuncia una asamblea constituyente”. [Электронный ресурс]: <http://www.elmundo.es/internacional/2017/05/01/5907abfe268e3ed7048b45b3.html>.

реформ) привела к размыванию партийной идентификации венесуэльских избирателей и реконфигурации партийной системы страны (табл. 1 и 2)⁴¹.

Таблица 1

Эволюция партийной идентификации избирателей в Венесуэле (%)

Год	Сторонники партий	Независимые избиратели	Незаинтересованные в политическом участии
1973	48,7	19,2	32,1
1983	38,4	38,0	23,6
1990	32,4	47,0	20,6
1994	22,8	44,5	32,7

Источник: Molina J. E., Pérez C. B. “El fin del bipartidismo en Venezuela. Las elecciones venezolanas en la década de los noventa”, *Urnas y desencanto político: Elecciones y democracia en América Latina, 1992–1994*, San Jose, Instituto Interamericano de Derechos Humanos, 1998, 459.

Таблица 2

Голоса избирателей, отданные за кандидатов от AD и COPEI на президентских выборах в период 1973–1993 гг. (%)

Президентские выборы, год	Голоса избирателей за кандидатов от партий, %
1973	AD = 49%, COPEI = 35%
1978	AD = 43%, COPEI = 45%
1983	AD = 55%, COPEI = 33%
1988	AD = 53%, COPEI = 40%
1993	AD = 23%, COPEI = 22%, Causa R = 22%, Convergencia = 17%; MAS = 11%

Источник: Crisp B. *Democratic Institutional Design*, Stanford, Stanford University Press, 2000, 45.

Так называемый «кризис демократического представительства» (С. Мэйнуоринг и др.)⁴² был настолько глубок, что ряд местных экспертов начал готовить проекты созыва конституционной ассамблеи. Так, например, 30 июня 1990 г. экспертная группа под названием «Патриотический фронт» опубликовала в СМИ программу по выходу из сложившегося кризиса, предусматривавшую созыв Конституционной ассамблеи⁴³. После неудавшейся попытки государственного переворота, предпринятой военными

⁴¹ Roberts K. M., *Changing Course in Latin America. Party Systems in the Neoliberal Era*, Cambridge, Cambridge University Press, 2014; Molina J. E., Pérez C. B. “El fin del bipartidismo en Venezuela. Las elecciones venezolanas en la década de los noventa”, *Urnas y desencanto político: Elecciones y democracia en América Latina, 1992-1994*, San Jose, Instituto Interamericano de Derechos Humanos, 1998.

⁴² Mainwaring at el. *The crisis of democratic representation in the Andes*. Stanford, Stanford University Press, 2006.

⁴³ Combellas R., “El proceso constituyente venezolano” // *América Latina Hoy* 21, 1999, 25.

во главе с подполковником Уго Чавесом 4 февраля 1992 г., консультативный совет при президенте также подготовил свое предложение о созыве Конституционной ассамблеи⁴⁴. Таким образом, к моменту президентских выборов 1998 г. созыв Конституционной ассамблеи значился первым пунктом в избирательной программе практически каждого кандидата в президенты.

Опираясь на широкий общественный консенсус относительно необходимости радикального пересмотра конституции, пришедший к власти Уго Чавес в первый же день своего правления 2 февраля 1999 г. издал указ о проведении консультативного референдума о созыве Конституционной ассамблеи. Одобренный Верховным судом, этот указ запустил процесс подготовки к выборам в учредительный орган.

Стоит отметить, что для Чавеса главным стимулом для созыва Конституционной ассамблеи было не только желание выполнить предвыборное обещание, но также намерение деактивировать оппозиционный парламент, что стало возможным, когда ассамблея получила сверхконституционные полномочия: парламент был распущен и потенциальный конфликт между двумя ветвями власти предотвращен.

Созванная в 2017 г. Николасом Мадуро Конституционная ассамблея — попытка найти мирный выход из очередного политического кризиса, возникшего из-за длительного противостояния президента с Национальной ассамблеей — оппозиционным парламентом, избранным в декабре 2015 г. В 2016 г. лояльный президенту Верховный суд заблокировал почти все законодательные инициативы парламента (например, проект введения чрезвычайного положения в связи со стремительно ухудшавшейся экономической обстановкой, а также проект бюджета), вынеся не менее 30 постановлений, а также лишил народных избранников депутатской неприкосновенности⁴⁵. В марте 2017 г. Верховный суд отозвал полномочия парламента в свою пользу, что вызвало волну уличных протестов, унесших жизни более ста человек⁴⁶.

⁴⁴ Brewer-Carías A. R., *Historia constitucional de Venezuela*. Tomo II, Venezuela, Editorial Alfa, 2008, 149.

⁴⁵ Mora F., “TSJ ha dictado 30 sentencias contra la Asamblea Nacional”. [Электронный ресурс]: http://www.eluniversal.com/noticias/politica/tsj-dictado-sentencias-contra-asamblea-nacional_622598; Pérez-Liñan A. “Una crisis que no tiene retorno”. [Электронный ресурс]: <http://www.lanacion.com.ar/2001938-una-crisis-que-no-tiene-retorno>.

⁴⁶ El Nacional, “65% de asesinatos en protestas corresponden a colectivos y al Estado”. [Электронный ресурс]: http://www.el-nacional.com/noticias/politica/asesinatos-protestas-corresponden-colectivos-estado_196333; Комин М. “Методичка для диктатора: что позволяет президенту Мадуро сохранять власть”. [Электронный ресурс]: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/06/07/2017/595e33319a7947a3026988b1>.

Как и в 1999 г., ассамблея получила суперконституционные полномочия и в августе 2017 г. объявила о том, что принимает на себя функции законодательной власти⁴⁷. Однако, в отличие от предшественницы, эта ассамблея вряд ли сможет выполнить свою главную задачу по возвращению власти утраченной ею легитимности. Прежде всего потому, что на этот раз в обществе отсутствует консенсус о необходимости радикальных конституционных изменений. Как свидетельствуют данные опроса венесуэльского аналитического центра Datanálisis, проведенного в период с 29 мая по 4 июня 2017 г., 85 % населения страны выступают против пересмотра конституции⁴⁸. По мнению большинства венесуэльцев, пересмотр конституции не поможет решить главные экономические проблемы страны (галопирующая инфляция, нехватка продовольствия и медикаментов и т. д.).

Стоит отметить, что новейшая история Венесуэлы подтверждает гипотезу о том, что одна из основных причин конституционной нестабильности — глобальные изменения социально-политического ландшафта (Г. Негретто, Д. Нолте), как, например, реконфигурация партийной системы, институциональный кризис или социальная мобилизация против действующей власти⁴⁹. Действительно, политический кризис 1990-х гг., а также конфликт между двумя ветвями власти в 2015–2017 гг. привели к созыву Конституционной ассамблеи, призванной выработать новый текст конституции.

Библиография:

1. Медушевский А. Н. *Теория конституционных циклов*. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005.
2. Brewer-Carías A. R. *Golpe de Estado y proceso constituyente en Venezuela*. México, Universidad Nacional Autónoma de México, 2001.
3. Brewer-Carías A. R. *Historia constitucional de Venezuela*. Tomo II. Venezuela, Editorial Alfa, 2008.
4. Combellas R. “El proceso constituyente venezolano” // *América Latina Hoy* 21, 1999.

⁴⁷ BBC, “La Asamblea Constituyente de Venezuela asume funciones legislativas del Parlamento controlado por la oposición”. [Электронный ресурс]: <http://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-40981405>; ТАСС, “Конституционная ассамблея Венесуэлы взяла на себя функции парламента страны”, [Электронный ресурс]: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4491851>.

⁴⁸ Infobae, “El 85% de los venezolanos rechaza modificar la Constitución, como propone el régimen chavista”. [Электронный ресурс]: <http://www.infobae.com/america/venezuela/2017/06/11/el-85-de-los-venezolanos-rechaza-modificar-la-constitucion-como-propone-el-regimen-chavista/>

⁴⁹ Negretto G. *The Durability of Constitutions in Changing Environments: Explaining Constitutional Replacements in Latin America*. Kellogg Institute Working Paper #350, 2008; Nolte D. *Reformas Constitucionales en América Latina*. GIGA Working Paper, 2013.

5. Crisp B. *Democratic Institutional Design*. Stanford, Stanford University Press, 2000.
6. Mainwaring at el. *The crisis of democratic representation in the Andes*. Stanford, Stanford University Press, 2006.
7. Molina J. E., Pérez C. B. “El fin del bipartidismo en Venezuela. Las elecciones venezolanas en la década de los noventas” // *Urnas y desencanto político: Elecciones y democracia en América Latina, 1992–1994*, San Jose, Instituto Interamericano de Derechos Humanos, 1998.
8. Negretto G. L. *The Durability of Constitutions in Changing Environments: Explaining Constitutional Replacements in Latin America*. Kellogg Institute Working Paper #350, 2008.
9. Nolte D., Schilling-Vacaflor A. *New Constitutionalism in Latin America*. Farnham, Ashgate, 2012.
10. Nolte D. *Reformas Constitucionales en América Latina*. GIGA Working Paper, 2013.
11. Roberts K. M. *Changing Course in Latin America. Party Systems in the Neoliberal Era*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014.

Государство и гражданское общество в Аргентине и Бразилии

State and civil society in Argentina and Brazil

Resumen: El término «sociedad civil» en el sentido moderno se originó en varios países de América Latina, incluso en Argentina y Brasil al fin del siglo XX, en el proceso de transición del autoritarismo a la democracia. En el proceso de modernización dependiente se han formado las especiales formas de inclusión de diferentes sectores de la población en el proceso político y determina la naturaleza de la relación de la sociedad civil con el estado, así como su grado de independencia.

Palabras clave: estado; la sociedad civil; la democracia; el autoritarismo; el populismo; modernización dependiente; las redes del clientelismo; la inclusión/exclusión.

Abstract: A term 'Civil Society' in its modern idea appeared in a number of Latin American countries including Argentina and Brazil at the end of 20th century during the process of transition from authoritarian trend to democracy. There emerge new ways of inclusion of broad layers of population into politics in the course of catch-up modernization and there was identified the nature of communication between the civil society and the state, as well as the level of its independence.

Keywords: state; civil society; democracy; authoritarianism; catch-up modernization; process of inclusion; incorporative cliental networks; populism.

В конце XX в. понятие гражданского общества возникает в качестве основного структурного элемента перехода от авторитаризма к демократии в ряде стран Латинской Америки, в том числе в Аргентине и Бразилии. Это обусловлено глубокими преобразованиями, связанными с процессами модернизации: именно в период модернизации оформляются способы включения в политический процесс и определяются основные характеристики связи гражданского общества с государством.

В процессе трансформации авторитарного режима можно выделить два этапа: период «либерализации», понимаемой как реставрация и/или расширение прав индивидов и групп интересов, и стадию демократизации, когда происходит установление принципа гражданства, основанного на

¹ Гайнутдинова Людмила Александровна, заведующая кафедрой политологии, доктор политических наук, доцент. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, факультет истории и социальных наук (lgaynutdinova@list.ru), г.р. РФ.

процедурном участии. Гильермо О’Доннела и Филлипс Шмиттер² успешность этих переходов связывают в значительной мере с возрождением гражданского общества. Гражданское общество понимается ими как сеть групп интересов и ассоциаций, играющая роль посредника между индивидуумом и государством, сферой частного и сферой публичного. В отличие от клана, клики и клиентелы, ассоциации гражданского общества сами по себе обладают формальным правом на существование, возможностью открыто обсуждать общественные проблемы и публично выступать в защиту своих интересов.

Завершающим этапом «возрождения» гражданского общества является высокая степень массовой мобилизации, в ходе которой различные слои гражданского общества вырабатывают единую коллективную идентичность. Однако следует учесть, что, во-первых, в авторитарных государствах, вступивших на путь либерализации, гражданское общество приходит в движение не все сразу, а последовательно, слой за слоем, и слои эти, обладая существенными отличиями, мобилизуются друг за другом. Последовательность этой мобилизации может быть самой разной, но даже в условиях высокой степени мобилизации различные группы, ассоциации и организации не сливаются в единую массу. Во-вторых, формы активности возрожденного гражданского общества, как правило, являются не столько массовыми, сколько публичными. Они представляют собой в совокупности новую среду, в которой происходит обучение гражданству или так называемая «тренировка на гражданина»³. Конечно, чтобы странам с сильным вектором радикализма остаться в рамках политического процесса, необходима опора не столько на социальные движения, имеющие высокую степень мобилизованности и эффективности в борьбе за достижение конкретных политических целей, сколько на институционализованные структуры гражданского общества, практика функционирования которых воспроизводит политическую культуру консенсуса.

Как правило, давление мобилизованного общества не способствует завершению процесса перехода к демократии, так как гражданские ассоциации, социальные движения и даже средства коммуникации не могут заменить собой стратегически мыслящих политических акторов. Поэтому для завершения перехода к демократии необходима ориентация на политическое общество, без которого невозможно ни осуществление переговоров-

² Guillermo O’Donnell, Philippe Schmitter, *Transitions from Authoritarian Rule*: 4 vols. Baltimore, 1986, 48ff.

³ Яковлев П., *Государство и общество в Латинской Америке: история и современность* [Электронный ресурс]: http://www.perspektivy.info/rus/gos/gosudarstvo_i_obshhestvo_v_latinskoj_amerike_istorija_i_sovremennost_2014-02-28.htm (дата обращения: 14.09.2017).

ных процессов для консолидации интересов разных сторон, ни выработка механизмов общественного контроля над государством, ни процесс демобилизации гражданского общества и институционализации его основных стратегий в рамках политического общества.

По мнению Дж. Коэна и Э. Арато⁴, характер самого мобилизованного гражданского общества зависит от двух альтернативных моделей: во-первых, оно более однородно там, где не существовало или не сохранилось никаких структурированных сообществ; во-вторых, оно более плюралистично и структурировано там, где гражданское общество не приходилось создавать с нуля.

Опыт Аргентины показывает, что авторитарные режимы после закрепления своей власти атомизируют, деполитизируют общество, выталкивая население в сферу частной жизни и превращая публичную сферу в область манипуляций и контроля. В Бразилии же гражданское общество при авторитарном правлении имеет тенденцию к сохранению в форме ассоциаций по интересам, различного рода независимых организаций и местных органов управления.

В период демократизации и проведения неолиберального экономического курса наблюдалось ослабление прямого воздействия политической власти на гражданское общество. Наибольшую активность гражданское общество проявило в годы кризиса на рубеже XX и XXI вв. Например, в Аргентине ухудшение социальных показателей, когда более половины населения оказалось за чертой бедности, привело к массовым протестам в декабре 2001 г., что породило новую для страны структуру социальной мобилизации — народные ассамблеи. Вначале это был чисто столичный феномен, но очень скоро он проявил себя и в других городах и провинциях. К началу 2003 г. в стране насчитывалось 272 ассамблеи, которые взяли в свои руки решение самых разнообразных проблем, затрагивающих насущные интересы граждан. Деятельность ассамблей привлекла к себе широкое внимание как одна из форм «прямой демократии», отразившей стремление простых аргентинцев тем или иным путем компенсировать неспособность государства остановить развитие негативных процессов, связанных с неолиберальным экспериментом⁵. Давление мобилизованных структур вызвало волну политических и экономических изменений в регионе, что повлекло пересмотр всей системы взаимоотношений государства и гражданского общества.

⁴ Джин Коэн, Эндрю Арато, *Гражданское общество и политическая теория*. М.: Мир, 2003, 84–85.

⁵ Яковлев П., *Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине*. М.: 2010, 232–236.

Гражданское общество и государство

В целом в Аргентине и Бразилии противопоставление гражданского общества и государства явилось концептуально двойственным результатом периода самоорганизации общества, приведшего к поляризации демократических и авторитарных сил. Гражданское общество было достаточно сильным, для того чтобы не только выжить, но и бросить вызов легитимности авторитарного государства. Однако оно не было достаточно сильным для того, чтобы заставить государство идти на компромиссы или вообще отказаться от авторитарного стиля правления. Такое положение обусловлено рядом обстоятельств, связанных с процессами догоняющей модернизации: несмотря на то, что нижние слои и классы в условиях модернизации активно включились в национальные политические процессы, они не получили достаточного влияния на политическую власть, распределение финансовых ресурсов и социального статуса.

Профессор социологии Лондонской школы экономики Никос Музелис⁶ считает, что если процесс модернизации влечет за собой распределение сверху вниз гражданских и политических прав по горизонтали, то такой процесс способствует формированию сильного гражданского общества. Когда же массы вовлекаются гетерономно, то такой процесс ослабляет перспективы гражданского общества. В соответствии с таким подходом можно определить характеристики сильного гражданского общества: во-первых, наличие правовых условий, эффективно защищающих граждан от произвола государства; во-вторых, существование хорошо организованных негосударственных групп интересов, способных контролировать государственную власть; в-третьих, сбалансированность общества, когда ни одна из структур гражданского общества не может стать абсолютно доминирующей.

Сегодня сила гражданского общества так же определяется степенью участия в распределении политической власти по всему общественно-политическому спектру. Именно сильное гражданское общество способно поддержать стабильность демократических режимов. В свою очередь, доминирование государства свидетельствует о слабости гражданского общества и его уязвимости перед авторитарными тенденциями, которые никогда не покидают политические процессы в Аргентине и Бразилии.

⁶ Nicos Mouzelis, "Modernity. Late Development and Civil Society", J. Hall (ed.), *Civil Society. Theory. History. Comparison*. Cambridge, 1995, 225.

Способы включения в политику в период модернизации

В Аргентине и Бразилии, где процесс модернизации проходил намного позже, чем в западноевропейских странах, процесс политического включения приобрел более вертикальный и авторитарный характер, а распространение политических и социально-экономических прав происходило крайне неравномерно.

Н. Моузелис выделяет три способа политического включения — интегративный, инкорпоративно-клиентелистский и инкорпоративно-популистский и отмечает, что именно последние становятся определяющими в странах Латинской Америки, в том числе в Аргентине и Бразилии⁷, мобилизуя и выводя граждан в активную политику посредством массовой привязанности к лидеру, чья харизма становится главным источником легитимации. Из-за наличия структурных сложностей в институционализации интегративных способов в этих странах развилась тенденция формирования инкорпоративно-клиентелистского и/или популистского способов.

Инкорпоративные способы

Инкорпоративно-клиентелистский способ представляет собой активизацию и расширение уже существующих патрон-клиентских сетей, которые характеризуются неформальными отношениями между индивидами или группами, занимающими неравные позиции и основанными на обмене бенефициями. Патрон — человек, обладающий высоким статусом, использует свой авторитет и ресурсы для оказания покровительства и предоставления бенефиций тем, чей статус низок, — клиентам, которые в обмен за это оказывают ему поддержку и разного рода услуги. Патрон-клиентские отношения конституируют наиболее древние модели отношений, но особенностью современного клиентелизма является то, что связи носят более комплексный характер: патрон, контролируя политические организации, пользуется общественными ресурсами (рабочие места, пенсии, социальные льготы), тогда как клиенты, которыми могут быть и организации (этнические меньшинства, профессиональные союзы), в ответ оказывают электоральную поддержку. В качестве главного механизма современного клиентелизма выступает политическая машина, возглавляемая и направляемая боссом, играющим роль политического менеджера. В этом случае политическое включение, осуществляется путем расширения и централизации уже имеющихся сетей и организаций патронажа. В процессе догоняющей модернизации традиционный олигархический клиентелизм трансформи-

⁷ Mouzelis, *Op. cit.*, 226.

руется и заменяется другим типом политической инклюзии, основанным на популистских механизмах, снижающих роль системы функционального представительства, т. е. сильных посредников, свойственных как для клиентелистского, так и для интегративного типа.

Инкорпоративно-популистский способ инклюзии/включения в политику влечет за собой создание плебисцитарных организационных структур и развивает такие организационные формы, которые легко подчиняются харизматическому лидеру, способному апеллировать напрямую к «народу»⁸. Латиноамериканский популизм представляет собой массовые националистические движения, аморфные в социальном и политическом плане, но объединенные вокруг «сильных личностей», авторитарных и харизматических вождей. Руководители движений (национальные лидеры) выдвигают популярные в массах лозунги, апеллируют к недовольным в разных слоях общества в кризисные, переломные моменты истории. В националистических популистских движениях сильный акцент делается на патриотических и антиимпериалистических чувствах»⁹.

Социально-экономическая и политическая деятельность популистских режимов привела к кардинальному повышению роли государства не только в экономике, но и в других сферах общественной жизни, а также к тому, что опорой власти стали массовые партии, ставшие сердцевиной политической системы (в Аргентине — Перонистская партия, в Бразилии — Трabalьистская). Была создана целая сеть вертикально интегрированных институтов гражданского общества, формально независимых, но фактически находившихся под строгим государственным контролем.

В середине XX в. в Латинской Америке популистские режимы стали фактором мобилизационного типа развития при активной, ведущей роли государства по отношению к пассивному и ведомому обществу¹⁰. И самое важное: процесс социального реструктурирования и национальной интеграции, т. е. включения широких масс в государственную социально-экономическую и политическую систему по каналам, подконтрольным лидеру, не предполагал самостоятельности гражданского общества и переводил его в категорию социального статиста.

Конечно, популизм в Аргентине и Бразилии имеет серьезные корни и социокультурные основания, и его устойчивость и распространенность не в последнюю очередь объясняются экономическими факторами. Но в

⁸ Nikos Mouzelis. "On the Concept of Populism: Populist and Clientelist Modes of Incorporation in Semiperipheral Polities" // *Politics and Society*. 1985. Vol. 14, 134.

⁹ Строганов А., *Латинская Америка в XX веке*. М., 2002, 138.

¹⁰ Подробнее см.: Ворожейкина Т., "Государство и общество в России и Латинской Америке" // *Общественные науки и современность*. М., 2001. № 6, 5–26.

отличие от типичной западноевропейской траектории, приведшей к формированию интегративного способа включения широких слоев населения в политический процесс, в Аргентине и Бразилии инкорпоративные механизмы включения (клиентелистские или популистские) не отходят на задний план по мере того, как эти страны достигают более высокого уровня индустриализации и урбанизации и сохраняют тенденцию к доминированию в различных вариантах. Вместо интеграции в Аргентине возникает ситуация маятника, когда открытые/демократические и закрытые/диктаторские решения сменяют друг друга по мере того, как гражданские и военные элиты пытаются бороться с растущими противоречиями догоняющего развития; а в Бразилии возникает ситуация, когда более стабильное авторитарное правление с инкорпоративными способами включения ведет к системе «управляемой демократии»¹¹.

Таким образом, инкорпоративные способы, в отличие от интегративных, в условиях массовой политики являются не столь эффективными для поддержки хорошо функционирующей парламентской демократической системы и приводят к авторитарным решениям в тот момент, когда клиентелистские и/или популистские организационные договоренности перестают работать. Однако это не означает, что авторитаризм может быть институционализирован навечно. Несмотря на слабость существующих демократических традиций, авторитарным режимам, как правило, не удается обеспечить себе длительную массовую поддержку и организационную основу.

Причины провала интегративного способа в Аргентине и Бразилии

Основной причиной провала установления интегративного типа политической инклюзии на этапе догоняющего развития является наследие периода до независимости этих стран. Аргентина и Бразилия вплоть до начала XIX в. были в составе огромной патримониальной Иберийской империи и не приобрели опыта западноевропейского абсолютизма с его уникальным балансом между монархом и аристократией, который уже на ранних стадиях привел к зарождению основ правового государства и возникновению средних слоев. В этих странах отсутствие политического феодализма позволило иберийским правителям создать сильное деспотическое государство, нетерпимое к интересам групп и ассоциаций, где доминировал тип крайнего патримониального правления. Государство в Аргентине и Бразилии находилось под бременем недемократического наследия и после

¹¹ Яковлев П., *Государство и общество в Латинской Америке: история и современность*. [Электронный ресурс]: http://www.perspektivy.info/rus/gos/gosudarstvo_i_obshhestvo_v_latinskoj_amerike_istorija_i_sovremennost_2014-02-28.htm (дата обращения: 14.09.2017).

обретения независимости. А если учесть колоссальный рост государства и принять во внимание, что широкомасштабная модернизация была достигнута лишь под патронажем государства, то не удивительно, что большинство организаций гражданского общества функционировали здесь не как защитники от государственного давления, а как административное дополнение к высоко коррумпированному и партикуляристскому государственному аппарату, ориентированному, прежде всего, на защиту частных и узкогрупповых интересов. Это справедливо, например, по отношению к профсоюзам, которые, в отличие от западного варианта, создавались не оппозицией государству и бизнесу, а самими государственными элитами для укрепления своих каналов доминирования.

На основании высказанных выше положений можно сделать следующие выводы: если интегративные способы политической инклюзии ведут к формированию относительно сильного гражданского общества, то инкорпоративные способы — и клиентелистский, и популистский ослабляют гражданское общество. Таким образом, инкорпоративно-популистский способ включения в политику, который широко практикуется в Аргентине и Бразилии, ослабляет гражданское общество, потому что жесткий контроль популистскими лидерами государственного аппарата ведет к снижению роли посреднических структур, а значит, и всего гражданского общества.

Сегодня в странах Латинской Америки в целом и в Аргентине и Бразилии в частности возникает спрос на новые политические идеи для более молодого поколения, которое уже не знакомо с диктатурой, бедностью и бесправием. В результате социальных изменений и коррупционных скандалов позиции центристов и радикалов левого крыла в этих странах ослабли, что заставляет многих исследователей говорить об усилении тенденций «правого разворота»¹². Остается открытым вопрос реальной опасности политико-психологического раскола между беднотой, которая является главной референтной группой «левых» сил, и средним классом, пока не обретшим того уровня психологической и экономической компенсации от правления «левых», чтобы в дальнейшем хотя бы частично стать их референтной базой. От ответа на этот вопрос будет зависеть стабильность/нестабильность политического процесса в Аргентине и Бразилии.

¹² На выборах в октябре 2015 г. на пост президента победил представитель политической оппозиции страны от правоцентристов Маурисио Макри, положив конец 12-летнему правлению политической партии «Фронт за победу» (исп. Frente para la Victoria, FpV). Президент Бразилии Мишел Темер, занявший пост после импичмента Д. Руссеф, от центриста так же быстро прогрессирует вправо (*Примеч. авт.*).

В заключение хотелось бы подчеркнуть: социальные основы гражданского общества, начиная с первичных групп (семьи, друзей) и кончая различного рода ассоциациями, никогда не исчезали совсем ни при одной из латиноамериканских диктатур. Так как авторитарным режимам никак не удается на длительное время решить проблему собственной легитимности, они вынуждены создавать или реконструировать элементы гражданского общества, которые способствовали бы развитию независимой от государства общественной деятельности, чтобы периодически использовать ее в своих интересах. Таким образом, задача подтверждения легитимности режима не позволяла превращать гражданское общество в полный фарс. Вместе с тем демократические институты и правила игры остаются во многом формальными, ограничивая для основной массы населения Аргентины и Бразилии возможности участия в политической жизни и контроля над властью. Отчуждение общества и народа от политики продолжает расти, однако преодолеть это отчуждение и продвинуться по пути демократизации можно, если сохранятся институты и нормы формальной демократии, стабильное функционирование которых — необходимое, но недостаточное условие демократизации всех сфер социума, или, иначе говоря, становления гражданского общества.

Библиография

12. G. O'Donnell, Philippe Schmitter, *Transitions from Authoritarian Rule*: 4 vols. Baltimore, 1986, 48ff.
13. Mouzelis N., "Modernity. Late Development and Civil Society", J.Hall (ed.), *Civil Society. Theory. History. Comparison*. Cambridge, 1995. P. 225.
14. Mouzelis N., "On the Concept of Populism: Populist and Clientelist Modes of Incorporation in Semiperipheral Polities" // *Politics and Society*. 1985.Vol. 14.
15. Ворожейкина Т., "Государство и общество в России и Латинской Америке" // *Общественные науки и современность*. М., 2001. № 6, 5–26.
16. Коэн Д., Арато Э., *Гражданское общество и политическая теория*. М.: Мир, 2003.
17. Строганов А. *Латинская Америка в XX веке*. М., 2002.
18. Яковлев П., *Государство и общество в Латинской Америке: история и современность*. [Электронный ресурс]: http://www.perspektivy.info/rus/gos/gosudarstvo_i_obshhestvo_v_latinskoj_amerike_istorija_i_sovremennost_2014-02-28.htm (дата обращения: 14.09.2017).
19. Яковлев П., *Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине*. М., 2010.

Административные реформы в странах Латинской Америки

Administrative Reforms in Latin American Countries

Abstract: The article analyzes insufficiently presented in the Russian scientific field the direction of modernization in Latin American countries — administrative reforms. Given the difference in the ways of their development, the transformation of administrative management is also carried out in different ways. At one pole (with the course on “left” development), the emphasis is given on the introduction of planning methods (in their entire range). At other (in countries going along the liberal path) — attention is being paid to the introduction of market relations in public department’ service. In any case, the similarity of the problems makes the theme extremely topical for the Russian reader.

The article outlines the successes of the LA countries in the following areas of administrative reform: government coordination, the range and prevalence of accountability practices, budget reform, the introduction of digital policy. decentralization of management and assistance to regions, social orientation of government activities. They are relevant for our country, so the analysis of problems is significant for Russians.

Key words: administrative reforms; technologies of reforming; cluster differentiation.

Resumen: El artículo analiza insuficientemente presentado en el campo científico ruso la dirección de la modernización de los países latinoamericanos — las reformas administrativas. Dada la diferencia en las formas de desarrollo de los países, la transformación de la gestión administrativa también se lleva a cabo de diferentes maneras. En un polo (con el curso sobre desarrollo “izquierdo”), se hace hincapié en la introducción de métodos de planificación (en toda su gama), en el otro (en países que siguen el camino liberal): se presta atención a la introducción de relaciones de mercado en departamentos gubernamentales estatales. servicio. En cualquier caso, la similitud de los problemas hace que el tema sea extremadamente tópico para el lector ruso.

El artículo describe los éxitos de los países de América Latina y el Caribe en las siguientes áreas de reforma administrativa: la coordinación del gobierno, el alcance y la prevalencia de las prácticas de rendición de cuentas, la reforma del presupuesto, la introducción de la política digital. descentralización de la gestión y asistencia a las regiones, orientación social de las actividades gubernamentales. Son relevantes para nuestro país, lo que hace que el análisis de problemas sea significativo para los rusos.

Palabras clave: reformas administrativas; tecnologías de reforma; diferenciación en clusters.

¹ Мельников Е. Г., кандидат философских наук, доцент, СПбГУ, гр. РФ.

² Меньшикова Г. А., кандидат экономических наук, доцент, СПбГУ (menshikova.g.a@mail.ru), гр. РФ.

1. Введение

Административные реформы стали обязательным и непреходящим процессом, который имеет место практически во всех странах мира. Можно сказать, что в XXI в. они «вышли из-под контроля правительств», став обязательным проявлением общественного устройства нового типа. Этому способствуют рост грамотности (а точнее, образованности) населения, распространение компьютеров и интернета. Роль реформ как отражения общемирового курса на демократизацию общества признается правительствами практически всех государств, включая автократические режимы.

Понятно, что в разных странах реформы идут по-разному: с разной скоростью, актуализируя особые направления, используя различные методы инициации проводимых модернизаций. Для РФ как страны с гибридной формой демократии особенно интересно выявлять трансформации в развитии стран, находящихся в похожей политической и социально-экономической ситуации, т. е. тех, где имеет место определенный откат от принципов демократизации. Между РФ и странами Латинской Америке (ЛА) много общего: они примерно в одно время начали административные преобразования, реформы идут параллельно с внедрением рынка. При этом есть и отличия: население РФ более образованно, уровень жизни несколько выше. Есть еще одно обстоятельство, которое нужно иметь в виду: страны ЛА различны между собой по уровню развития в целом и политическому развитию в частности, что в какой-то мере напоминает неравенство между регионами РФ. Разнонаправленность трендов реформ (между левыми и правыми правительствами в ЛА) также напоминает РФ, где нет единой стратегии развития страны.

Представим некоторые данные из доклада ОЭСР³, характеризующие инфраструктуру, в которой проходят процессы управленческой модернизации в ЛА. Бесспорно, отличительной чертой региона является бедность населения. Так, доход на человека составлял в 2014 г. в Аргентине 8 тыс. долл., в Уругвае — 6 тыс., Бразилии, Чили, Эквадоре — больше 4 тыс., в Сальвадоре — 2 тыс., в среднем по ЛА — 4,5 тыс. В докладе приводятся для сравнения средние данные по ОЭСР — 45 тыс. долл. Принято считать, что каждый третий житель ЛА живет за чертой бедности, а расслоение по уровню богатства в 15 из 17 стран ЛА превосходит показатели стран, которые находятся в таком же кластере по уровню дохода.

По расчетам исследователей, социальные расходы здесь составляют 15 % от НД, т. е. на 60 % ниже, чем в среднем по странам ОЭСР (см. табл. 1).

³ *Government at a Glance. Latin America and Caribbean*. OECD, 2017, 32.

Различие в количественной оценке роли правительств возрастает при использовании абсолютных данных (получении населением помощи в денежной оценке) (см. табл. 2).

Таблица 1

Социальные расходы государства по 15 странам ЛА
(в процентах от НД по видам расходов: О — образование, СП — социальная помощь, Здр — здравоохранение, П — пенсионное обеспечение, В — всего)

Страна	В	О	СП	Здр	П	Страна	В	О	СП	Здр	П
Гватемала 2009	7	2	-	-	2	Чили 2013	13	4	2	3	3
Перу 2011	7	2	1	-	1	Боливия 2009	15	6	3	3	1
Гондурас 2011	9	5	-	4	-	Коста-Рика 2014	17	5	5	2	4
Эквадор 2011	9	3	-	1	4	Уругвай 2008	18	3	6	2,5	4
Сальвадор 2011	9	3	-	4	1	Бразилия 2008	20,5	3,5	3,5	2	8
Мексика 2010	10,5	4	3	2	1	Аргентина 2012	23	5	4	1	8
Колумбия 2010	11	3,5	1	3	3	ЛА в среднем 12	12	4	3	1	3
						ОЭСР -23	23	4	5,5	2,5	7

Таблица 2

Правительственные расходы на одного жителя, в американских долларах⁴

Страна	2009	2014	2015	Страна	2009	2014	2015
Аргентина	5000	8000	10000	Коста-Рика	2100	3200	3300
Барбадос	6000	7800	7900	Перу	2100	3000	3100
Уругвай	4500	6800	6800	Доминиканская республика	2000	2500	2500
Бразилия	5200	6100	6100	Ямайка	3800	2100	2100
Чили	3000	5200	5200	Парагвай	1800	2000	2100
Эквадор	3000	5000	4500	Сальвадор	1900	200	2100
Панама	4000	5000	5000	В среднем	4000	5200	5300
Мексика	4100	4900	4900	ОЭСР	16000	18000	18000
Колумбия	3500	4000	4000				

Другой важнейшей характеристикой является размер национального долга стран ЛА. Так, в Ямайке он составляет 140 % ВВП, в Бразилии, Уругвае и Сальвадоре — 60 %, в Мексике, Аргентине, Колумбии — 50–40 %, в Чили — 10 %, что в среднем оценивается в 50 %, при ОЭСР — 120 %. Пересчет долга в показатель его размера на душу населения показывает следующее: в Барбадосе — 16 тыс. долл., Уругвае — 12 тыс., в Ямайке, Бразилии,

⁴ *Government at a Glance. Latin America and Caribbean*, 59.

Аргентине — 10 тыс., в Чили и Перу — менее 3 тыс., что в среднем составляет 8 тыс. по ЛА, при 45 тыс. долл. на человека в ОЭСР.

Следствием бедности является низкий индекс возможностей человеческого капитала. Если в ОЭСР за 2012 г. он оценивался как 80 % из 100, то в ЛА — 50 %. Соответственно тесты по математике написали в странах ОЭСР 80 % школьников против 40 % в ЛА⁵.

Все-таки в целом экономика и политика стран ЛА оценивается как устойчиво развивающаяся. В странах растет самостоятельность в выборе направлений экономической и социальной политики, формируются национальные кадры руководителей. На фоне роста образованности растет гражданская активность населения.

2. История и основные направления административной реформы

Административные реформы в ЛА начались в конце 80-х гг. XX в. Первый этап совпал с переходом на рыночные отношения и борьбой с инфляцией, он выразился в сокращении роли государства. Это направление было оправдано общим трендом рыночного реформирования, но не отражало общемирового курса на демократизацию общества и оказалось неудачным. Вторая волна реформ озвучивалась как реструктуризация государства при полном признании его роли как базового института экономической политики и социального развития. При этом пути реформирования различались как между странами ЛА, так и по сравнению с европейскими моделями.

В рамках экономического направления планировалось усиление роли государства как организатора внешней торговли, реализующего поддержку предприятий-импортеров при одновременном вводе экспортных пошлин. Параллельно ставилась задача увеличить приток иностранных инвестиций, поддерживающих образование и научную деятельность, но сначала в экспортно-ориентированных сегментах производства. В качестве важнейшей социальной задачи рассматривалась борьба с бедностью.

В политических преобразованиях воплотилось стремление к преодолению авторитаризма. При этом, учитывая слабость партий и НКО, эта задача оказалась трудноисполнимой. Успешным оказался курс на децентрализацию управления при образовании МСУ. Так, по данным исследований мирового банка, если в конце 70-х гг. XX в. в странах существовало 3 тыс. НКО, то в 1997г. — 13 тыс. Как определенный успех можно считать внедрение принципа подотчетности в работу госслужб.

⁵ Ibid., 35.

Приведем изложение направлений второго этапа административных реформ в ЛА, ориентируясь на официальный текст, составленный латиноамериканским центром государственного управления и развития (CLAD — Latin American Centre for Public Administration and Development)⁶. В нем указаны следующие направления:

1. Профессионализация чиновников высшего звена, которые смогут составить оппозицию политикам в ходе процесса принятия политических речений (ПППР), став супервизорами и регуляторами общественного участия. При этом, как отмечалось CLAD, важно не противопоставлять эти две группы высших руководителей (чиновников и законодателей-политиков), а создавать формы их сотрудничества, обеспечивая тем самым их поддержку административным реформам, что рассматривается как фактор их успешности.
2. Транспарентность рассматривалась как важнейшее направление, учитывая прирост финансирования в государственный бюджет, что может подтолкнуть к коррупции.
3. Децентрализация услуг правительств, что, помимо прочего, должно было усилить возможность участия населения в контроле за их качеством. CLAD всячески настаивал на сотрудничестве центра и региона, справедливо указывая на необходимость распределения функций по управлению между уровнями власти, т. е. центр должен помогать усилению территорий, участвовать в формировании элиты, а регион — решать социальные и политические проблемы экономики и качества жизни на местах. Учитывая огромную задолженность, эта задача осталась практически невыполненной.
4. Перераспределение задач по реформенной активности вниз по управленческой вертикали, что, по нашему мнению, характеризует общемировой тренд административных реформ в странах гибридной демократии. «Верхи» готовы к реформам «в низах», что параллельно распространяет их идеи и на верхний уровень.
5. Если в Европе реформа означала некоторое ослабление нормативов и правил, то в ЛА, наоборот, роль законов должна быть усилена, в том числе и для защиты тех, кто инициировал их начало. Ужесточение требований к анализу результатов развития и реформирования (апостериорный метод) должно привести к изменениям в общей системе социального управления, способствуя внедрению в практику, например, системы контрактов между центром и агентствами по поставленным целям и достигнутым результатам.

⁶ A New Public Management for Latin America. URL: <http://www.rrojasdatabank.info/unpan000163.pdf/> (дата обращения 28.11.2017).

6. Введение показателей эффективности в систему управления агентствами. Стоимостный анализ (причем и затрат, и результатов финансирования, введение соревнования между агентствами за качество обслуживания) должен войти в практику социального управления. Он поможет населению при определении предпочтений на выборах, сформирует основы рекомендаций по ротации кадров, перераспределению финансирования. В документах приводятся примеры: родители должны соучаствовать в управлении школами, больные — медициной, при этом особо значимой сферой контроля признается область права, которая традиционно слабо функционирует в ЛА.
7. Создание агентств и передача части государственных функций НКО (НГО), т. е. формирование негосударственного публичного пространства (non-statal public Space), что предполагает рост участия населения в управлении, формирование сетей взаимодействия и коопераций, расширение объема финансирования за счет средств бизнеса и т. д.
8. Качество обслуживания населения должно стать главным критерием оценивания деятельности государственной службы.
9. Изменение роли бюрократии за счет включения ее в процесс демократизации, применив к ней принципы подотчетности (1), распространив на нее обязанность обслуживания населения (2), а также сделав эти принципы частью выборной кампании (3).

В документе признаны ошибки первого этапа, излишне акцентирующего внимание на рынок, а не на рост качества управления и управляемости.

3. Особенности реформирования по кластерам ЛА

Страны Латинской Америки еще пару десятилетий назад было принято разделять на четыре группы⁷:

1. Страны с высокими шансами для устойчивого роста. К этой группе относили только Чили, отмечая, однако, сохранение и в ней института авторитаризма власти и силы армии.
2. Страны, имеющие благоприятные перспективы, но при серьезных проблемах. Это, во-первых, Бразилия (при президенте Ф. Кардозу). Ее западные эксперты оценивали высоко, отмечая при этом отсутствие развитой демократии. В стране в тот момент только начинала формироваться политическая система, где преобладали

⁷ Например, Роберт Кауфман. <http://www.xserver.ru/user/lanpr/> (дата обращения 28.11.2017)

партийный популизм, слабость партийной системы, преобладание партий-однодневок. Во-вторых, это Мексика. В ней сложилась благоприятная политическая ситуация: многопартийность и действенный парламент, но при этом имели место нищета и апатия населения. Еще одна страна — Аргентина (несмотря на полуавторитарный режим К. Менема). К этой же группе относили Уругвай — страну с относительно развитыми демократическими институтами, но при замедленном развитии рыночных реформ. Две последние из названных стран отличаются относительно высоким социальным капиталом при менее остром, чем в других странах, противостоянии богатых и бедных. Боливию также относили к этой группе из-за ее ориентации на рынок (с конца 1980-х гг.), но признавали наличие у нее трудностей политического характера.

3. Страны, имеющие серьезные риски. К этой группе относили, прежде всего, Перу (при диктаторском лидере А. Фухимори), учитывая успешные рыночные реформы и рост экономики. При этом полученные от реформ инвестиции были использованы отдельными лицами, но не вложены в экономику страны. Венесуэла начала переход к демократическому правлению в конце 1950-х гг. В 1990-е гг. она испытала подъем экономики из-за высоких цен на сырье, однако правление Р. Кальдеры оценивалось как авторитарное.
4. Страны с высокой вероятностью экономического и политического кризиса (Куба).

Как видно, представленный перечень отличается от того, что принято относить к так называемым страны большой пятерки или ЛА5. Как известно, страны ЛА5 (Бразилия, Колумбия, Мексика, Перу, Чили) производят 80 % ВВП региона, что характеризует их экономику, но не систему политического устройства.

4. Распределение стран по направлениям реформирования

Исследователи выделяют следующие крупные блоки административных реформ.

1. Формирование «правительственной скоординированности».
2. Распространение передовых практик подотчетности (Accountanility).
3. Бюджетное реформирование.
4. Внедрение цифровой политики.
5. Децентрализация управления и помощь регионам.
6. Социальная направленность деятельности правительств.

Рассмотрим коротко каждый из перечисленных, взяв за основу информации уже названный отчет ОЭСР.

1. Формирование «правительственной скоординированности».

Правительственная скоординированность (CGI — central government Institutions) — перечень институтов, рекомендуемых международными организациями, включая ММВБ, ОЭСР и другие, которые должны помогать главе правительства в принятии управленческих решений. Хочется напомнить, что именно регулирование процесса принятия политических решений (ПППР) рассматривается учеными и практиками как современное наполнение курса демократизации и административного реформирования⁸.

Многие страны, реализуя рекомендации ММВБ (в том числе и как возможность получения иностранных инвестиций), приняли соответствующие документы, в которых обозначили направление регулирования деятельности правительства (как внутри страны, так и во взаимодействии с внешними институтами). Они приняты в Бразилии, Коста-Рике, Колумбии и Мексике.

Думается, что технологией, которая получила наибольшее распространение в силу востребованности контроля за финансовыми (и товарными) потоками, а также как основа централизованного планирования, стала практика СВА (cross-benefit analyses — сравнение эффективности с помощью метода сопоставления «затраты — выгоды»). Она внедрена в Аргентине, Гондурасе, и Уругвае, хотя в некоторых странах, например в Гватемале, совсем не используется⁹. В Мексике и Коста-Рике проводят рыночные мониторинги как метод макроэкономического анализа рыночной конъюнктуры. Конкретным воплощением практики регулирования можно рассматривать внедрение ОРВ (оценку регулирующего воздействия — процедуры публичного обсуждения принимаемых законодательных актов или пересмотра уже действующих)¹⁰, что имеет место в Мексике и Коста-Рики.

Общей целью внедрения правительственной скоординированности является возможность оценки эффективности затраченных ресурсов и полученных результатов, выработка стратегии национального развития, общий мониторинг процессов, происходящих в стране, регионах или отраслях. Практика мирового управления выявила три способа регулирования ПППР: консультирование, экспертизу и встречи кабинетов в расширен-

⁸ Меньшикова Г.А., “Основы государственного и муниципального управления” // *Агенты и технологии принятия политических решений*. М.: Юрайт, 2017.

⁹ *Government at a Glance. Latin America and Caribbean*, 69.

¹⁰ Меньшикова Г. А., Миронова А. А., Пруель Н. А. “Оценка регулирующего воздействия как общественная экспертиза управленческих решений” // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Серия 12*. 2016. Вып. 3, 101–117.

ном составе. Наиболее активно эти контакты осуществляются в Чили, Колумбии, Коста-Рике, Панаме и Парагвае, менее — на Тринидаде и Тобаго, а также в Гайане. В 80 % стран ЛА осуществляются межминистерские переговоры (коммуникации) при принятии управленческих решений. Ученые выделяют три кластера стран ЛА по уровню координированности деятельности:

- высокий — Чили, Колумбия, Гватемала, Доминиканская Республика, Гондурас;
- средний — большинство;
- низкий — Панама, Перу, Тринидад и Тобаго.

Практически во всех странах существуют планы экономического и социального развития, причем практически во всех они опубликованы. Примерно половина стран планирует на 10 лет, вторая половина — на пять. При этом использование планов как обязательных для реализации документов осуществляется только в половине стран.

Выделяют три функции планов: определение стратегий развития, Performance отчетность и мониторинг результатов. Все три функции реализуются в Чили, Колумбии, Доминиканской Республике, Мексике, хуже обстоят дела на Гаити и в Уругвае. Наиболее признанная функция — мониторинг процессов — имеется почти во всех странах ЛА¹¹. Важно, что 80 % стран помимо самих планов публикуют и их оценки экспертами. Публикация оценок отсутствует в Чили, Гондурасе и Панаме.

2. Распространение передовых практик подотчетности (Accountanility).

Подотчетность — второе из современных направлений проявления демократизации. Оно внедряется в странах, скорее, точно. Его используют на госслужбе, внедряя практики управления человеческим развитием (капиталом) (HRM) в форме обязательной оценки планов и результатов работы персонала госслужб. Другой сферой обязательной отчетности являются государственные банки. Это направление используют страны ЛА5.

Как известно, цель подотчетности — создание условий для правильной кадровой политики (учитывающей заслуги работников, а не их связи), совершенствование контроля в области налогообложения, контроль за деятельностью национальных банков страны.

3. Бюджетное реформирование.

Мировой финансовый кризис при постоянной потребности в средствах на развитие экономики предопределил значимость реформирования бюджетного процесса. Выделяют три уровня реформ. Первый предполагает наличие бюджетного плана и открытое его обсуждение, что имеет место в Аргентине, Барбадосе, Коста-Рике, Эквадоре. Второй — наличие плана,

¹¹ *Government at a Glance. Latin America and Caribbean*, 83.

а также его внутривластьственное обсуждение (Колумбия и Доминиканская Республика). Третий — обсуждение плана в экономических министерствах (Бразилия). При этом респонденты, описывающие практику своих стран, указывали, что цель бюджетного контроля часто сводится не к оптимизации бюджета, а к политическому противостоянию. Соответственно, лидеры комиссий по контролю уходят при смене правительства (по итогам выборов), что имело место в Коста-Рике и в Доминиканской Республике.

В ряде стран ЛА существуют внебюджетные централизованные (правительственные) расходы: фонды, социальная безопасность и др., которые используются для финансирования программ. В некоторых странах осуществляется особая практика контроля за бюджетом при его секвестировании. Там назначены либо особые лица, либо институты, осуществляющие перераспределение средств: президенты страны (Гватемала, Чили, Аргентина), кабинет министров (Перу, Мексика, Ямайка), министр финансов (Бразилия, Колумбия, Коста-Рика, Сальвадор, Гондурас, Панама, Ямайка).

При формировании ежегодного бюджета исполнительная власть разрабатывает пакет документов, включающий: долгосрочный план налоговой политики, макроэкономическое обоснование, прогнозы и выявление внебюджетных (социальных) целей, план долгосрочных инвестиций. До 2014 г. также разрабатывался долгосрочный план развития, что из-за непредсказуемости мировых процессов отменили.

4. Внедрение цифровой политики.

Латинская Америка, как и все страны мира, не может не испытывать влияния цифровой политики (экономики), что означает расширение информационной базы за счет данных статистики, постоянного мониторинга процессов, обмена информацией с другими странами и международными организациями. «Цифровую политику» или методы управления, сопровождаемые экономическими обоснованиями, используют семь стран ЛА, включая Бразилию, Мексику, Аргентину, Колумбию и др.

Остальные 27 стран начали переход к внедрению стратегического планирования, например Никарагуа, Суринам, Сальвадор, Гаити. 60 % стран используют цифровые индикаторы для оценки эффективности деятельности правительств. Практически во всех странах существуют правительственные сайты и можно получить ряд услуг с их помощью (оформить лицензии, разрешения, получить сертификаты). Единственные страны, где эта практика отсутствует, — Белиз и Перу.

5. Децентрализация управления и помощь регионам.

Государственная помощь регионам рассматривается как важное направление административных реформ, поскольку оно решает не только социальные задачи и выравнивает региональные диспропорции, но и повы-

шает роль регионов, одновременно приближая власть к населению. Помощь осуществляется (т. е. государственные инвестиции в регионы превышают частные) в Уругвае, Панаме, Мексике, Сальвадоре, Чили, Коста-Рике, на Карибах¹².

б. Социальная направленность деятельности правительств.

Учитывая низкий уровень жизни населения, равно как и то, что этот фактор серьезно тормозит возможности экономических и политических преобразований, ряд стран выделяют именно это направление как ведущее, например Уругвай. Направлений решения социальных проблем несколько: создание и поддержание развития социального сектора в экономике, реализация программ помощи беднейшим слоям населения. Так, в Уругвае последовательно реализовали следующие госпрограммы: «План срочной социальной помощи» (2005–2007), «Работа в Уругвае» и «План равенства» (2010). Позднее они были дополнены продолжающимися поныне образовательными («Интернет в каждый дом», «Проект 300» (реализующий всеобщую обязательность обучения детей)), а также медицинскими и социальными программами. Линию на социальные реформы как доминанту проводит и нынешний президент страны Т. Васкес.

Таблица 3

Занятость в общественном секторе в % от общей занятости¹³:

Страна	2009	2014	Страна	2009	2014	Страна	2009	2014
Барбадос	7	23	Уругвай	15	15	Эквадор	8	9
Доминиканская Респ.	13	18	Бразилия	12	12	Перу	9	9
Аргентина	15	18	Мексика	12	12	Сальвадор	8	8
Панама	15	15	Чили	10	11	Колумбия	4	4
Коста-Рика	15	15	Парагвай	9	10	В ср. ЛА	12	12
						ОЭСР	22	22

Думается, что значимым направлением реформирования является поощрение женской занятости. Оно не только преодолевает социальное неравенство между полами, но и выявляет дополнительный потенциал рабочей силы. Занятость женщин в общественном секторе ЛА пока ниже, чем в ОЭСР, где этот показатель превышает 59 %, но уже сейчас составляет примерно половину. Наиболее широко используется женский труд в Бразилии (59 %), наименее — в Сальвадоре (43 %). Отмечается общая тенденция к росту показателя, за исключением Эквадора (-2,5 % с 2009 г.) и Сальвадора (-0,5 %).

¹² *Government at a Glance. Latin America and Caribbean*, 67.

¹³ *Idid.*, 73.

Итак, латиноамериканский регион является зоной постоянных трансформаций и неопределенности. С одной стороны, в нем происходит укрепление демократических преобразований, что становится импульсом (хотя и не всегда) развития административных реформ. Это характерно для правительств Эквадора (после победы Корреа), последователей У. Чавеса в Венесуэле и в какой-то мере курса Э. Пеньи Ньето в Мексике. Усиливается ставшая традиционной социальная направленность в деятельности правительства Уругвая. Пока неизвестно, как оценивать «полевение политики» в такой стране, как Чили. Продолжается авторитаризм в управлении Кубой. Ряд исследователей оценивают как антисоциальный и авторитарный курс президента Орасио Картеса в Парагвае.

Susan Rose Achkerman,¹⁴ авторитетный специалист по Латинской Америке, дает следующие оценки административным реформам: по качеству государственного управления лидируют Чили, Коста-Рика и Уругвай. К отстающим странам она относит Парагвай и Венесуэлу.

Дифференциация практик осуществления реформ в разных странах, чередование шагов вперед с отступлением назад при смене политического руководства позволяет выявить факторы, способствующие и препятствующие реформированию. Так, к факторам, инициирующим процесс, можно отнести рыночные реформы, демократизацию в политике, политическую волю руководителей к совершенствованию работы органов власти и управления. Наоборот, воплощение личных амбиций лидеров, интенции к коррупционным нарушениям, включая семейственность (клановость), тормозят преобразования.

Библиография

1. Achkerman Susan Rose. *Public Administration and Institutions in LA*. Yale University, 2007.
2. A New Public Management for Latin America, publication of Latin American Centre for Public Administration and Development. <http://www.rrojasdatabank.info/unpan000163.pdf/> (дата обращения: 29.11.2017).
3. Development and the Politics of Administrative Reform: lessons from Latin America, ed. <https://www.amazon.com/Development-Politics-Administrative-Reform-Westview/dp/0865319561> (дата обращения: 29.11.2017).
4. *Government at a Glance. Latin America and Caribbean*, Paris, OECD, 2017.
5. Payne M. J., Zovatto D. G., Diaz M. M. *Democracies in development Politics and Reform in Latin America*. Paris, 2007.
6. *Serving citizens. A decade of Civil Service Reforms in Latin America (2004–2013)*. Ed. Velarde J. C. C., Lafuente M. Washington, DC, 2014.

¹⁴ Achkerman Susan Rose. *Public Administration and Institutions in LA*. Yale Univ., 2007.

Борьба народа Пуэрто-Рико за самоопределение во второй половине XX — начале XXI в.

The struggle of the people of Puerto Rico for self-determination in the second half of the 20th and the beginning of the 21st centuries

Abstract: This paper examines the problem of the unresolved status of Puerto Rico, whose people are fighting for their right to self-determination and for the termination of dependence on the United States of America through centuries. The article highlights the activities of the most vivid movement for self-determination in Puerto Rico — the activities of the «Los Macheteros» organization, which was headed by F. O. Rios. After the organization ceased to exist, the mood in Puerto Rican society changed to diametrically opposite. The reasons for this are also discussed in the article. The changes brought about the activation of the processes of self-determination, but of a peaceful nature, namely the holding of referendums, which showed that the people of Puerto Rico are completely unprepared for independence, and proceeding from welfare issues, it would be more appropriate to remain either in association with the US or enter in the US on the rights of the 51st state.

Key words: Puerto Rico; the USA; “Los Macheteros”; nation, self-determination movement.

Resumen: Este artículo examina el problema del estatus irresuelto de Puerto Rico, cuyo pueblo lucha por su derecho a la autodeterminación y por la terminación de la dependencia de los Estados Unidos de América a través de los siglos. El artículo destaca las actividades del movimiento más vivo para la autodeterminación en Puerto Rico: las actividades de la organización «Los Macheteros», encabezada por F. O. Ríos. Después de que la organización dejó de existir, el ambiente en la sociedad puertorriqueña cambió a diametralmente opuesto. Las razones de esto también se discuten en el artículo. Los cambios provocaron la activación de los procesos de autodeterminación, pero de naturaleza pacífica, a saber, la celebración de referéndums, que demostraban que el pueblo de Puerto Rico no estaba preparado para la independencia, y por cuestiones de bienestar, sería más apropiado para permanecer en asociación con los EE. UU. o ingresar a los EE. UU. en los derechos del 51 estado.

Palabras clave: Puerto Rico; Estados Unidos; “Los Macheteros”; nación; movimiento de autodeterminación.

¹ Тупоногова Ксения Юрьевна, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета, аспирант 1-го года обучения (kseniap.58@gmail.com), гр. РФ.

Пуэрто-Рико стал зависимой от США территорией в 1898 г. в результате победы последних в Американо-испанской войне. Новая колония предоставила право управления своей территорией Соединенным Штатам и приняла и одобрила кандидатуры глав исполнительной власти, назначенных Вашингтоном.

После Второй мировой войны происходили социальные, политические и экономические изменения, результат которых можно видеть и сегодня. 10 июня 1948 г. был принят печально известный «Ley de la Mordaza»² («Закон о цензуре»). Закон, официально известный под номером 53, запрещал демонстрировать флаг Пуэрто-Рико, петь патриотические песни, говорить о независимости или бороться за освобождение острова. Начиная с 1950-х гг., стали появляться националистические партии, происходили восстания за независимость Пуэрто-Рико, первым из которых было восстание Хаюя³ в 1950 г.

В феврале 1952 г. была принята Конституция Пуэрто-Рико⁴, в которой был закреплен статус Пуэрто-Рико как Свободно ассоциированного государства Пуэрто-Рико. С 1960-х гг. движение за независимость государства начинает приобретать форму вооруженной борьбы.

В 1974 г. появилась организация «Вооруженные силы национально-освободительного движения Пуэрто-Рико» (Fuerzas Armadas de Liberación Nacional de Puerto Rico (FALN)), которую возглавил Филиберто Охеда Риос. Впервые эта организация заявила о себе 26 октября 1974 г., в День солидарности с независимостью Пуэрто-Рико. В этот день в Нью-Йорке произошли атаки на пять больших американских корпораций в знак протеста против колониального доминирования США в Пуэрто-Рико.

В 1978 г. члены FALN сформировали организацию «Лос Мачетерос», лидером которой также стал Ф. Охеда Риос⁵. Название организации «Лос Мачетерос» происходит от легенды, согласно которой во время Американо-испанской войны пуэрториканцы защищали свою территорию от американского вторжения, вооруженные мачете, которые применялись для рубки сахарного тростника. Мачете как символ неравного противостояния

² Puerto Rico entre siglos: Historiografía y cultura // Puerto Rico entre siglos: [página-web]. URL: <https://puertoricoentresiglos.wordpress.com/tag/ley-de-la-mordaza/> (accessed: 27.04.17).

³ Partsch J. T. *Piñero y la Guerra Fria*, ISSUU, 2008. URL: http://issuu.com/jaimepartsch/docs/jes_s_t_pi_ero_y_la_guerra_fria?e=1033316/2694406 (accessed: 27.04.17).

⁴ Ramos C. *El Desarrollo Constitucional de Puerto Rico: Documentos y casos*, La Editorial, 1985. URL: http://books.google.ru/books?id=28WMgzul8V4C&dq=puerto+rico+estado+no+incorporado,+pero+organizado&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed: 27.04.17).

⁵ André A. *El origen de los Macheteros*, La Crónica Gráfica, 1987. URL: <http://www.latinamericanstudies.org/puertorico/origen.htm> (accessed: 27.04.17).

и нескончаемой борьбы против колониального строя было помещено в центре флага и эмблемы организации⁶.

«Лос Мачетерос» являлась хорошо организованной террористической организацией левого толка, которая выступала против статуса Свободно ассоциированного государства Пуэрто-Рико. В состав организации входили бойцы, боровшиеся с полицией и военными силами США. Их стратегия базировалась на одном главном принципе — поднятии больших масс людей на борьбу за независимость⁷.

После того как США начали свое управление территорией Пуэрто-Рико, они ввели на его территорию оккупационные вооруженные силы. Эти военные формирования пытались уничтожить национальную самобытность народа Пуэрто-Рико, его культуру, традиции и язык, что выражалось в тотальном контроле над национальной экономикой, СМИ, образовательными учреждениями, а также над всеми политическими институтами, отвечавшими за установление и обеспечение порядка на территории страны.

Эта агрессия вынудила сознательные слои пуэрториканского народа организоваться в целях сохранения нации. На протяжении десятилетий после американского вторжения пуэрториканцы всеми доступными способами боролись за свободу и справедливость. Защита культурных ценностей стала основой этой борьбы. Вооруженная борьба декларировалась в качестве незаменимого способа отстаивания своих прав на проживание в суверенном государстве.

Члены «Лос Мачетерос» утверждали, что их борьба направлена не против народа США, а против проведения колониальной политики по отношению к Пуэрто-Рико, в рамках которой территория острова используется для экономических целей в качестве рынка сбыта, а также для реализации политических задач — как площадка для исследования реакций на нововведения.

Для лидера организации Ф. Охеды Риоса подпольное вооруженное противостояние являлось одной из форм борьбы, которая в совокупности с другими видами сопротивления могла приблизить момент обретения независимости народом Пуэрто-Рико. Для него борьба не ограничивалась пропагандой, актами возмездия и террористическими актами, направленными против колониального режима. Охеда Риос считал, что революционная же-

⁶ Negroni A. *Historia Militar de Puerto Rico*. España, 1992, 152.

⁷ Santiago R. *Boricuas: Influential Puerto Rican Writings. Los Macheteros*. Random House Publishing Group, 2009. URL: <https://books.google.ru/books?id=ulLx8d96I00C&pg=PA62&lpg=PA62&dq=program+of+macheteros&source=bl&ots=ocwZmtL7GX&sig=qXUSFW3HXBTqpYeCBboemwgj6OU&hl=ru&sa=X&ei=mBBmVY2VFOOn5ywOsjoH4Aw&ved=0CFkQ6AEwCDgU#v=onepage&q=program%20of%20macheteros&f=false> (accessed: 27.04.17).

стокость появляется и существует как ответ на колониальную жестокость⁸. «Лос Мачетерос» неоднократно предпринимали атаки на военные базы, объекты военной инфраструктуры, размещенные на территории США и Пуэрто-Рико⁹. Атаки преимущественно совершались на незащищенные или слабо защищенные объекты.

В августе 1978 г. группа взяла на себя ответственность за убийство полицейского Сан-Хуан Хулио Родригеса Риверы при попытке угнать его автомобиль. В 1979 г. два нападения были совершены на безоружных техников Военно-морского флота США. Во время первого из них, 3 декабря, «Лос Мачетерос» открыли огонь по автобусу, перевозившему моряков военно-морской группы безопасности, убив двух человек и ранив еще девять. Второе нападение было совершено на моряков, стоявших на посту: погиб один, а трое были ранены. Нападение стало мстью за убийство в тюрьме одного из членов «Лос Мачетерос».

12 января 1981 г. была совершена атака на авиабазу Национальной гвардии, расположенную на территории международного аэропорта им. Луиса Муньоса Марина в пригороде Сан-Хуана. Нападавшие уничтожили или повредили десять легких штурмовиков и один сверхзвуковой истребитель-перехватчик. Общая сумма ущерба оценивается свыше \$45 млн долл.

12 сентября 1983 г., в ходе операции «Белый орел» (*Aguila Blanca*) группа боевиков напала на депо, расположенное в Уэст-Хартфорде (штат Коннектикут), «экспроприировав» в общей сложности 7 млн долл. После атаки члены «Лос Мачетерос» выбросили часть похищенных денег в воздух с высокого этажа здания. Согласно письменному заявлению, распространенному организацией, действие являлось символическим протестом против «жадности мужчин и механизмов, способных деформировать наших народных избранников, государственные учреждения и общественные устремления в Пуэрто-Рико». Согласно законодательству Пуэрто-Рико и США эта акция была классифицирована как терроризм. Уголовное дело возбудили в отношении ее участников по обвинениям в грабеже при отягчающих обстоятельствах, грабеже при отягчающих обстоятельствах застрахованных Федеральным банком средств, вооруженном ограблении и в заговоре с целью помешать торговле за счет грабежа.

⁸ Gonzalez-Cruz M., Sola A. M., Terando L. *Puerto Rican Revolutionary Nationalism: Filiberto Ojeda Rios and the Macheteros*. Latin American Perspectives, 2008. URL: http://www.jstor.org/stable/27648144?&seq=3#page_scan_tab_contents (accessed: 27.04.17).

⁹ Alberici A. *The Untied State: United States Policy, Puerto Rican Independence, and the Independence Movement*, ProQuest, 2008. URL: <https://books.google.ru/books?id=U-tOF7t1xfUC&pg=PA66&lpg=PA66&dq=program+of+macheteros&source=bl&ots=Tkhf0VuuaY&sig=S2ejWleog66kEHcVmSGftJTNlRs&hl=ru&sa=X&ei=gxBmVaH7KciyqOqroDgDg&ved=0CGQQ6AEwDTgK#v=onepage&q=program%20of%20macheteros&f=false> (accessed: 27.04.17).

В 1998 г. «Лос Мачетерос» взяли на себя ответственность за взрыв на электростанции небольшой мощности в пригороде Сан-Хуана. В результате взрыва в городе наблюдались перебои с электричеством.

23 сентября 2005 г., в год празднования годовщины «El Grito de Lares» («Клич из Лареса») агенты ФБР окружили скромный дом на окраине города Ормигерос, Пуэрто-Рико, где, по предварительным данным, проживал Охеда Риос. При попытке штурма один из агентов ФБР был ранен в перестрелке, а сам лидер организации «Лос Мачетерос» получил смертельное ранение. Последующее вскрытие его тела показало, что он умер от потери крови в течение от 15 до 30 минут. Содружество гражданских прав Пуэрто-Рико вскоре после смерти Охеды Риоса создало комиссию, начавшую расследование инцидента¹⁰.

В период борьбы за независимость от США на территорию Пуэрто-Рико было отправлено более трехсот агентов ФБР и других структур, занимающихся обеспечением национальной безопасности, чтобы провести аресты и массовые задержания членов организации «Лос Мачетерос». Впоследствии большинство активистов организации были заключены под стражу и отправлены в федеральные тюрьмы США. После смерти Ф. Охеды Риоса деятельность организации пошла на спад.

Несмотря на гибель лидера организации, нельзя сказать, что деятельность «Лос Мачетерос» не оказала влияние на ситуацию со спорным статусом Пуэрто-Рико. Экономическое и политическое доминирование США не оставляет пуэрториканцам другого выхода, кроме как «американизироваться». Обычно к «американизированным» относят успешных иммигрантов в США. Но для пуэрториканцев, живущих на родине, это создавало вынужденные и некомфортные условия, которые перерастали в продолжительное и непрерывное оскорбление их культуры. Средние и бедные классы находились под большим давлением американской культуры, а элите ничего не оставалось, как «американизироваться», чтобы сохранить свои позиции в обществе («если ты не можешь побороть их, присоединись к ним»)¹¹.

В ноябре 2012 г. был проведен референдум о статусе Пуэрто-Рико. Жителям было предложено ответить на два вопроса. Первым был вопрос, удовлетворены ли они настоящим положением отношений Пуэрто-Рико с США, и 54 % респондентов оказались недовольны. Им был предложен

¹⁰ Kushner H. *Encyclopedia of Terrorism. Macheteros*. Sage Publications, 2002. URL: <https://books.google.ru/books?id=mr51AwAAQBAJ&pg=PA219&lpg=PA219&dq=macheteros+communicate+1&source=bl&ots=rvtS--P-Dk&sig=L0dNohw1G9e9wK83WG4QK6bTf2Q&hl=ru&sa=X&ei=DCJmVfqDHeLlywPNrYK4Cg&ved=0CDcQ6AEwBA#v=onepage&q=macheteros%20communicate%201&f=false> (accessed: 27.04.17).

¹¹ Alberici. *Op. cit.*

следующий вопрос, в котором давались варианты решения проблемы: 5 % опрошенных проголосовали за создание суверенного государства, около 34 % — за независимость, но с установлением тесных отношений с США (таким статусом обладают, например, Микронезия и Папуа), а 61 % респондентов высказались за вхождение в состав США в качестве 51-го штата¹².

В деятельности сепаратистских организаций, боровшихся за самоопределение Пуэрто-Рико, произошел спад уже к началу XXI в. Преимущественно это было связано с двумя причинами: во-первых, движения за самоопределение принимают умеренный характер или исчезают вовсе, во-вторых, с 2006 г. в Пуэрто-Рико начинается тяжелый экономический кризис, который вынудил территорию искать помощи у США.

Экономически Пуэрто-Рико в настоящее время переживает один из тяжелейших спадов в своей истории¹³. Темпы развития экономики острова начали стремительно сокращаться с 2006 г., и государственный долг в настоящее время составляет около 72 млрд долл. США¹⁴.

В июне 2015 г. губернатор территории Алехандро Гарсиа Падилья, объявив, что Пуэрто-Рико не в состоянии выплатить государственный долг, попросил США помочь в преодолении экономического кризиса¹⁵. Еще ранее, в 2012 г., Пуэрто-Рико получил 16 млрд долл. США в виде федеральных трансфертных платежей. Однако важно отметить, что большая часть этой суммы по праву не может считаться «финансовой помощью», поскольку она соответствует расходам, которые начисляются для помощи отдельным категориям пуэрториканцев (пенсии по социальному обеспечению, пособия для ветеранов или расходы на общественное здравоохранение). Одним из следствий экономического кризиса стало значительное сокращение численности населения, поскольку пуэрториканцы в массовом порядке мигрировали в Соединенные Штаты. С 2010 по 2014 г. население Пуэрто-Рико

¹² Григорьев А. В. *Пуэрто-Рико: 51-й штат США?* Голос Америки, 2012. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/p-r-election/1543008.html> (дата обращения: 27.04.17).

¹³ Orabona A. M. *Deuda pública, política fiscal y pobreza en Puerto Rico*. The International Human Rights Clinic of the Interamerican University of Puerto Rico Faculty of Law. URL: <http://www.derecho.inter.edu/inter/content/deuda-p%C3%BAblicapol%C3%ADtica-fiscal-y-pobreza-en-puerto-rico> (accessed: 5.05.2017).

¹⁴ Pérez A. T. Q., Irizarry I. J. S. “Wealth Extraction, Governmental Servitude, and Social Disintegration in Colonial Puerto Rico” // *New Politics*. 2016. № 15. P. 92.

¹⁵ *Mensaje del Gobernador Alejandro García Padilla sobre situación fiscal de Puerto Rico*. El Nuevo Día, 2015. URL: <http://www.elnuevodia.com/noticias/politica/nota/mensajedelgobernadoralejandrogarciapadillasobresituacionfiscaldepuertorico-2066574/> (realizado 20.05.2017).

сократилось почти на 5 %¹⁶. Волна миграции официально является самой крупной в истории Пуэрто-Рико, опережая массовую миграцию 1950-х гг. во время операции «Загрузка»¹⁷.

После получения Пуэрто-Рико статуса Свободно ассоциированного государства эта территория все больше включалась в федеральную структуру США. Сегодня по многим причинам Пуэрто-Рико фактически рассматривается в качестве одного из штатов США¹⁸. Федеральное правительство США в значительной степени руководит Пуэрто-Рико, осуществляя исключительные полномочия в таких областях, как денежная система, вопросы гражданской ответственности, иммиграция, банкротство, а также вопросы обороны. В рамках договоров между США и Пуэрто-Рико территория не обладает исключительными полномочиями ни в одной из этих областей. Даже в тех сферах, которые федеральное правительство традиционно оставило под контролем Пуэрто-Рико, власти острова в случае каких-либо противоречий должны уступить полномочия федеральной власти США. Губернатор Пуэрто-Рико является самым высокопоставленным выборным должностным лицом острова, но президент США по закону является главой территории. Федеральная судебная система также действует в Пуэрто-Рико, представляя собой параллельную судебную систему, действующей наряду с местными судами. Федеральная власть заявила, что толкование законов Пуэрто-Рико, включая его Конституцию, — задача Верховного суда Пуэрто-Рико¹⁹, в то же время федеральные суды США могут рассматривать дела, непосредственно относящиеся к предмету ведения пуэрториканского законодательства²⁰. Верховенство федерального закона означает, что любой закон США может заменить закон Пуэрто-Рико, включая Конституцию.

У острова есть один представитель (без права голоса) на федеральном уровне. Уполномоченному резиденту, избранному в Пуэрто-Рико по результатам всенародного голосования, поручено представлять интересы Пуэрто-Рико в палате представителей конгресса США. В то же время он не располагает правом голосовать по законопроектам, обсуждаемым американским парламентом²¹.

¹⁶ *Puerto Rico pierde 177 392 personas en 51 meses*/ El Nuevo Día, 2015. URL: <http://www.elnuevodia.com/noticias/locales/nota/puertoricopierde177392personasen51meses—2000606/> (realizado 20.05.2017).

¹⁷ *Superada la migración boricua del 50*. El Nuevo Día, 2016. URL: <http://www.elnuevodia.com/noticias/locales/nota/superadalamigracionboricuadel50—2193771/> (realizado 20.05.2017).

¹⁸ Ramos R. *Puerto Rico: Autonomy or colonial subordination? Practicing Self-Government: A Comparative Study of Autonomous Regions*, Cambridge, 2013, 107.

¹⁹ Ramos. Op. cit., 107.

²⁰ Monge T. *Puerto Rico: The Trials of the Oldest Colony in the World*. Yale, 1997, 162.

²¹ Ramos. Op. cit., 105.

На международной арене Пуэрто-Рико принимает ограниченное участие: у территории имеется статус наблюдателя в Карибском сообществе (CARICOM), ассоциированное членство во Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Пуэрто-Рико не является членом ни Организации Объединенных Наций, ни Организации американских государств. Пуэрто-Рико предпринимала попытки вступить в Организацию Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), но они не увенчались успехом²².

Референдум в Пуэрто-Рико в 2012 г. является переломным моментом в истории борьбы Пуэрто-Рико за самоопределение²³, поскольку после него начинается процесс разрешения вопроса о статусе острова, поддерживаемый как национальными властями, так и правительством США. После референдума 2012 г. президент и конгресс одобрили денежный транш в размере 2,5 млн долл.²⁴ для проведения нового плебисцита, который подтвердит законность первого. Он состоялся 11 июня 2017 г.

Выделенные средства были также направлены на информирование жителей Пуэрто-Рико о возможных вариантах будущего статуса острова. Это предложение Федерального правительства было сделано в момент, когда возглавлявшая правительство Пуэрто-Рико Народно-демократическая партия не предприняла никаких активных действий в отношении разрешения статуса острова. Политическая ситуация изменилась в ходе всеобщих выборов на острове в ноябре 2016 г., когда на выборах победила Новая прогрессивная партия, главный сторонник идеи вхождения Пуэрто-Рико в состав США на правах 51-го штата.

В феврале 2017 г. новым правительством Пуэрто-Рико был принят Закон о немедленной деколонизации Пуэрто-Рико²⁵ (Puerto Rico Immediate Decolonization Act). Акт начинается с заявления о мотивах организации нового референдума и того, почему акцент делается на деколонизации, а не просто на выборе статуса.

В акте также было сказано, что в ходе этого референдума должен решаться вопрос о гражданских правах, а не осуществляться выбор того или иного статуса: «Колониальный статус игнорирует волю народа Пуэрто-Рико, выраженную в результатах референдума 2012 г., взять на себя те

²² Ibid., 107.

²³ Garrett R. S. *Puerto Rico's Political Status and the 2012 Plebiscite: Background and Key Question*. Congressional Research Service. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42765.pdf> (accessed 17.05.2017).

²⁴ *Public Law 113-76 (01/17/2014) Consolidated Appropriations Act*. The US Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/3547/text> (accessed 18.05.2017).

²⁵ *Puerto Rico Decolonization Act, 2017, Office of Legislative Service*. URL: <http://www.puertoricoreport.com/wp-content/uploads/2017/02/A-7-2017.pdf> (accessed 20.05.2017).

же обязанности в поддержке нации; равное обращение с народом с точки зрения возможностей, предоставляемых для укрепления социально-экономического развития; иметь качество жизни, которым должны обладать все граждане США независимо от их происхождения. Такое неравенство должно закончиться»²⁶.

Библиография

1. *Puerto Rico entre siglos: Historiografía y cultura* // Puerto Rico entre siglos: [página-web]. URL: <https://puertoricocentresiglos.wordpress.com/tag/ley-de-la-mordaza/> (realizado: 27.04.17).
2. Partsch J. T. *Piñero y la Guerra Fria*. ISSUU, 2008. URL: http://issuu.com/jaimepartsch/docs/jes_s_t._pi_ero_y_la_guerra_fria?e=1033316/2694406 (realizado: 27.04.17).
3. Ramos C. *El Desarrollo Constitucional de Puerto Rico: Documentos y casos*. La Editorial, 1985. URL: http://books.google.ru/books?id=28WMgzul8V4C&dq=puerto+rico+estado+no+incorporado,+pero+organizado&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (realizado: 27.04.17).
4. André A. *El origen de los Macheteros*, La Crónica Gráfica, 1987. URL: <http://www.latinamericanstudies.org/puertorico/origen.htm> (realizado: 27.04.17).
5. Negroni A. *Historia Militar de Puerto Rico*. España, 1992. P. 152.
6. Santiago R. *Boricuas: Influential Puerto Rican Writings. Los Macheteros*. Random House Publishing Group, 2009. URL: <https://books.google.ru/books?id=ulLx8d96I00C&pg=PA62&lpg=PA62&dq=program+of+macheteros&source=bl&ots=ocwZmtL7GX&sig=qXUSFW3HXBTqpYeCBboemwgj6OU&hl=ru&sa=X&ei=mBBmVY2VFOn5ywOsjoH4Aw&ved=0CFkQ6AEwCDgU#v=onepage&q=program%20of%20macheteros&f=false> (accessed: 27.04.17).
7. Gonzalez-Cruz M., Sola A. M., Terando L. *Puerto Rican Revolutionary Nationalism: Filiberto Ojeda Rios and the Macheteros*, Latin American Perspectives, 2008. URL: http://www.jstor.org/stable/27648144?&seq=3#page_scan_tab_contents (accessed: 27.04.17).
8. Alberici A. *The Untied State: United States Policy, Puerto Rican Independence, and the Independence Movement*. ProQuest, 2008. URL: <https://books.google.ru/books?id=U-tOF7t1xfUC&pg=PA66&lpg=PA66&dq=program+of+macheteros&source=bl&ots=Tkhf0VuuaY&sig=S2ejWleog66kEHcVmSGftJTN1Rs&hl=ru&sa=X&ei=gxBmVaH7KciqygOqroDgDg&ved=0CGQQ6AEwDTgK#v=onepage&q=program%20of%20macheteros&f=false> (accessed: 27.04.17).
9. Kushner H. *Encyclopedia of Terrorism. Macheteros*. Sage Publications, 2002. URL: <https://books.google.ru/books?id=mr51AwAAQBAJ&pg=PA219&lpg=PA219&dq=macheteros+communique+1&source=bl&ots=rvTS--P-Dk&sig=L0dNohw1G9e9wK83WG4QK6bTf2Q&hl=ru&sa=X&ei=DCJmVfqDHeLlywPNrY>

²⁶ Ibid.

- K4Cg&ved=0CDcQ6AEwBA#v=onepage&q=macheteros%20communique%201&f=false (accessed: 27.04.17).
10. Григорьев А. В. *Пуэрто-Рико: 51-й штат США?*, Голос Америки, 2012. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/p-r-election/1543008.html> (дата обращения: 27.04.17).
11. Orabona A. M. *Deuda pública, política fiscal y pobreza en Puerto Rico*. The International Human Rights Clinic of the Interamerican University of Puerto Rico Faculty of Law. URL: <http://www.derecho.inter.edu/inter/content/deuda-p%C3%BAblicapol%C3%ADtica-fiscal-y-pobreza-en-puerto-rico> (accessed: 5.05.2017).
12. Pérez A. T. Q., Irizarry I. J. S. “Wealth Extraction, Governmental Servitude, and Social Disintegration in Colonial Puerto Rico” // *New Politics*. 2016. № 15. P. 92.
13. *Mensaje del Gobernador Alejandro García Padilla sobre situación fiscal de Puerto Rico*. El Nuevo Día, 2015. URL: <http://www.elnuevodia.com/noticias/politica/nota/mensajedelgobernadoralejandrogarciapadillasobresituacionfiscaldepuertorico-2066574/> (realizado 20.05.2017).
14. *Puerto Rico pierde 177 392 personas en 51 meses*. El Nuevo Día, 2015. URL: <http://www.elnuevodia.com/noticias/locales/nota/puertoricopierde177392personasen51meses—2000606/> (realizado 20.05.2017).
15. *Superada la migración boricua del 50*. El Nuevo Día, 2016. URL: <http://www.elnuevodia.com/noticias/locales/nota/superadalamigracionboricuadel50—2193771/> (realizado 20.05.2017).
16. Ramos R. *Puerto Rico: Autonomy or colonial subordination? Practicing Self-Government: A Comparative Study of Autonomous Regions*. Cambridge, 2013. P. 107.
17. Monge T. *Puerto Rico: The Trials of the Oldest Colony in the World*. Yale, 1997. P. 162.
18. Garrett R. S. *Puerto Rico’s Political Status and the 2012 Plebiscite: Background and Key Questions*. Congressional Research Service. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42765.pdf> (accessed 17.05.2017).
19. *Public Law 113-76 (01/17/2014) Consolidated Appropriations Act*. The US Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/3547/text> (accessed 18.05.2017).
20. *Puerto Rico Decolonization Act, 2017, Office of Legislative Service*. URL: <http://www.puertoricoreport.com/wp-content/uploads/2017/02/A-7-2017.pdf> (accessed 20.05.2017).

Неоэкстрактивизм и «зеленая» геополитика в Латинской Америке²

Neoextractivism and “green” geopolitics in Latin America

Abstract: The change in the sociopolitical realities of Latin American society facilitated the search for an alternative paradigm of development, which is closely watched both in academic circles and among civil activists of the continent. This process often boils down to discussions about the essence of the non-extractivist model, where the economy is based on the over exploitation of natural resources, which has a detrimental effect on the state of the environment in the areas of its application. Counteraction to such tendencies among the new social movements of Latin America has become part of the so-called “green” geopolitics, which is a natural reaction to the expansion of extragalactic projects in the region.

Key words: “Buen Vivir”; neoextractivism; problems of indigenous peoples; oil exploration, the Indigenous cosmogony; “Pacha Mama”; models of development.

Resumen: Los cambios de la realidad socio-política en América Latina han contribuido a la búsqueda de paradigma de desarrollo alternativo, que fue seguido de cerca tanto en círculos académicos y entre los activistas sociales del continente. Este proceso a menudo se reduce a discusiones sobre el sentido del modelo noextractivista, donde la economía se basa en la explotación de los recursos naturales, lo cual tiene un efecto negativo sobre el medio ambiente en las áreas de su aplicación. Para los nuevos movimientos sociales de América Latina la lucha contra esas tendencias se convierte en parte de geopolítica «verde», que es una reacción natural a los proyectos de expansión extractivista en la región.

Palabras clave: geopolítica “verde”; conceptos de desarrollo; “anti-crecimiento”; “Buen Vivir”; problemas ambientales.

Латиноамериканские реалии неоэкстрактивизма

Модель экономики, основанная на добыче и реализации сырьевых ресурсов (экстрактивизм), унаследованная многими странами Латинской

¹ Шинкаренко Александр Александрович, к. полит. н., старший научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН (hombreyo@gmail.com), гр. РФ.

² Доклад и статья подготовлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 15-37-01216 «Латиноамериканские геополитические коды: влияние на формирование внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии поведения стран региона в полицентричной мировой системе и построение долгосрочных отношений с Российской Федерацией».

Америки, способствовала формированию соответствующей идеологии, которая обслуживала бы данные процессы. Для последних в ряде государств региона стали характерны обостренные взаимоотношения между центром и периферией, чья трактовка возможна при помощи концепции «внутреннего колониализма». Эта категория была описана американским исследователем М. Гехтером, который обосновывал имеющийся опыт взаимодействия между элитами и населением удаленных районов³. В то же время изменение социально-политических реалий латиноамериканского общества подтолкнуло интеллектуалов и гражданских активистов к поиску альтернативной парадигмы развития, что нередко приводит к дискуссиям о сущности экстрактивистской модели. В последнее годы к термину «экстрактивизм» стала добавляться приставка «нео», что было обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, неоэкстрактивизм определяется исследователями, как экономическая модель, основанная на сверх (!) эксплуатации природных ресурсов⁴. Из-за губительного воздействия на состояние экосистемы в районах проведения подобных разработок противодействие неоэкстрактивистскому тренду стало ключевым для политической повестки новых социальных движений⁵. В Эквадоре и Боливии протестные кампании стали частью так называемого «эко-территориального сдвига», что, на наш взгляд, можно отнести к локальным проявлениям «зеленой» геополитики. Данная особенность позволила местным общинам влиять на дискуссии по вопросам климатических изменений и альтернативных моделей развития⁶.

Во-вторых, в некоторых государствах Латинской Америки власти продолжали акцентировать внимание на преимуществе сложившейся системы. Тем самым местные элиты стремились скрыть новые формы неравенства, привнесенные международным разделением труда. При этом правительственные чиновники оставляют за скобками критику и возможные негативные последствия неоэкстрактивистской модели и не учитывают нарастающий резонанс в обществе. В-третьих, стоит отметить, что процесс сверхдобычи полезных ископаемых резко возрос по мере расширения спроса на латиноамериканское сырье на китайском рынке. Так, Пекин оказался

³ Michael Hechter, *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966*. London, 1975, 30.

⁴ Свампа Маристелла. «Бросая вызов неоэкстрактивизму в Латинской Америке» // *Глобальный диалог*. № 1, том 6, март 2016, 24–25.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Federico Fuentes, *South America: How “Anti-extractivism” Misses the Forest for the Trees*. Available at: <http://links.org.au/node/3859> (accessed: 23.05.2017).

вторым по значимости импортером продуктов, поставляемых из Аргентины, Перу, Колумбии и Кубы, третьим — из Мексики, Уругвая и Венесуэлы.

В-четвертых, правительства большинства государств Латинской Америки наладили устойчивые партнерские отношения с частным транснациональным капиталом. Проекты по мегадобыче природных ресурсов часто реализовывались при участии крупных инвестиционных групп, что способствовало росту данного процесса на протяжении декады 2000-2010-х гг. В частности, на территории Бразилии предполагалось возведение нескольких плотин в амазонской сельве. В соседней Боливии процесс, получивший название «большого индустриального скачка», объединил изыскания по добыче углеводородов, лития, железа, а также по развитию сельского хозяйства⁷. В Венесуэле стратегический план предполагал расширение нефтедобычи в Поясе Ориноко. Пример Аргентины также свидетельствует о расширении неокстрактивистской деятельности в областях сельского хозяйства и активном освоении природных ресурсов⁸. Национальный стратегический план 2010–2020 гг. подразумевал 60 %-ный рост производства сои, а также добычи полезных ископаемых⁹. В 2013 г. соглашение между YFP, Chevron и администрацией аргентинской провинции Неукен положило начало крупномасштабным разработкам с использованием технологии гидравлического разрыва пласта (фрекинга) на месторождении сланцевых углеводородов Вака Муэрта, запасы которого оцениваются в 22,5 млрд баррелей нефти¹⁰. Все эти примеры объясняют подъем общественных протестов на местах, перерастающих в возникновение новых акторов, в частности антиэкстрактивистских движений. Из-за активности добывающих предприятий на территориях традиционного проживания коренных этносов последние стали играть все более значимую роль в глобальной экологической повестке. Так, по мнению аргентинского социолога М. Свампы, возникновение неокстрактивистской модели в Латинской Америке привело к протестам, направленным против правительств, поддерживающих «товарный консенсус», под которым понимается новый «экономический и политико-идеологический» порядок, основанный на активном спросе на

⁷ *Bolivia da el gran salto industrial*, Available at: <http://www2.hidrocarburos.gob.bo/index.php/prensa/noticias/285-bolivia-da-el-gran-salto-industrial.html> (accessed: 27.02.2017).

⁸ Мариан Сола Альварес. «Новый аргентинский экстрактивизм» // *Глобальный диалог*. № 1, том 6, март 2016, 30–31.

⁹ Там же.

¹⁰ *Месторождение Вака Муэрта*, Available at: http://www.nftn.ru/oilfields/america/argentina/vaka_muehrta/73-1-0-1331 (accessed: 13.02.2017).

сырье¹¹. Это же привело к появлению в латиноамериканском обществе новых форм неравенства и, как следствие, потенциальных конфликтов.

Согласно информации Центра исследования конфликтов в горнодобывающей промышленности (ОКМАЛ), в 2010 г. в Латинской Америке произошло 120 конфликтов, затронувших 150 сообществ. К 2014 г. их число увеличилось до 198, а количество участников составило 296. Примечательно, что самые высокие показатели конфликтных ситуаций отмечались в Мексике, на долю которой пришлось 36 столкновений; Перу (35), Чили (34), Аргентине (26), Бразилии (20), Колумбии (13), Боливии (9), а также в Эквадоре (7)¹².

Стоит также отметить, что, выйдя за пределы локальной повестки, некоторые формы социально-экологического протеста в настоящее время стали неотъемлемой частью национального политического ландшафта. Яркими примерами такой тенденции являются общественные кампании в защиту боливийского национального парка Исиборо (ТИПНИС)¹³, где местное население выступило против строительства транспортной артерии. Вместе с тем многие из общин, принимавших активное участие в протестных акциях, были лишь против предполагаемого маршрута прокладки автомагистрали¹⁴.

«Зеленая» геополитика и неоэкстрактивизм

Дискуссии о так называемой «зеленой» геополитике, где экология является одним из факторов, формирующих геополитическое видение, стали вестись с 60 гг. XX в. Все они приводили к размышлениям о текущей модели развития. Некогда популярная «теория догоняющего развития» (catching-up development) опиралась на понятие прогресса. Однако ввиду отсутствия в экономической науке четкой дефиниции «развития», оно часто заменялось понятием экономического роста, хотя данные термины являются лишь относительно тождественными. Подобная путаница в категориях превратилась в ахиллесову пяту всех теорий развития. Логичным продолжением данного процесса стала теория модернизации, авторы которой искренне

¹¹ Свампа, *Op. cit.*, 25.

¹² *Mapa de conflictos mineros, proyectos y empresas mineras en América Latina*. Available at: https://mapa.conflictosmineros.net/ocmal_db/ (accessed: 17.05.2017).

¹³ См. подробнее: Воротникова Т. А., «Десять лет спустя: как изменилась Боливия при Эво Моралесе» // *Свободная мысль*. 2016. № 6, 125-135.

¹⁴ Lorenza Belinda Fontana. «Evo Morales at the Crossroad: Problematizing the Relationship between the State and Indigenous Movements in Bolivia» // *Iberoamericana. Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies*, Vol. XLIII: 1–2 2013, 19-45.

полагали, что менее развитые страны должны в максимально короткий срок пройти те же стадии, которые прошли более развитые государства¹⁵.

Тем не менее латиноамериканские исследователи, среди которых выделялись Р. Пребиш, А. Гундер Франк, Ф. Кардозу, Т. душ Сантуш, Р. Ставенхаген и др., выступая с резкой критикой теории модернизации, подчеркивали, что подобная парадигма неспособна вывести страны третьего мира из отсталости. Приводя пример государств Латинской Америки, ученые отмечали, что уничтожение традиционных институтов и жизненного уклада привнесло социальную дезорганизацию и рост девиантного поведения, в частности, среди представителей коренного населения континента. Данные процессы привели к смене подхода (70-е гг. XX в.) в решении вопроса по интеграции представителей автохтонных жителей в латиноамериканское общество, который стал известен под названием «концепция этноразвития». Ее смысл состоял в том, что для собственного развития коренные народы региона обладают всеми необходимыми внутренними ресурсами¹⁶.

Критическое отношение к догме непрерывного роста, лежащего в основе процессов глобализации, ранее обсуждалось в рамках социально-экономической концепции антироста («сдерживание роста при сохранении благополучия»), согласно которой в долгосрочной перспективе для обеспечения благосостояния в обществе необходимо сократить размеры экономики. В частности, «антирост» предполагает целенаправленную экономическую и социальную трансформацию, с помощью которой станет возможным максимизировать уровень счастья и благополучия¹⁷. Необходимость в продолжении широкой дискуссии по вопросам дальнейшего развития автохтонных общностей на волне повышенного внимания к экологическим проблемам во второй половине 2000-х гг. предопределила появление концепта «Буэн Вивир», в котором ряд исследователей и гражданских активистов увидели альтернативу сложившейся практики неэкстрактивизма и теории «догоняющего развития».

¹⁵ Братерский М. В., «Миротворчество и развитие в контексте демократизации современного мира: Уточнение существующей парадигмы» // *Актуальные проблемы Европы*. 2015. № 3, 93–106.

¹⁶ Шинкаренко А. А. *Теория четвертого мира: человеческое измерение геополитики через призму этнического фактора в Латинской Америке*. Выступление на «круглом столе» ИЛА РАН «Латинская Америка в полицентричном мире: геополитический анализ положения региона». Available at: <http://www.ilaran.ru/?n=991> (accessed: 01.03.2017).

¹⁷ Впервые термин «антирост» был применен французским философом А. Горцем в 1972 г. Другие авторы стали активно к нему прибегать после публикации доклада Римского клуба «Пределы роста» (1972) и вышедшего годом ранее исследования «Закон энтропии и экономический процесс» Н. Джорджеску-Регена. Иногда в качестве альтернативного варианта перевода термина в российской историографии встречается название «дерост».

Формирование данного подхода, как отмечает уругвайский исследователь Э. Гудинас, произошло в 2007–2008 гг. при деятельном участии различных социальных групп и прежде всего представителей коренных общностей Эквадора¹⁸. Само понятие «Buen Vivir» (другое его название на языке кичуа «sumak kawsay», т. е. буквально «жизнь в гармонии») было заимствовано из древнего мировоззрения о жизни у индейских народов этого андского государства. Несомненно, важным является и то, что парадигма «Buen Vivir» отразилась на конституциях Эквадора (2008) и Боливии (2009), став частью общественного дискурса¹⁹. Идея «sumak kawsay» предполагает, что люди являются неотъемлемой частью «Пачамама» (Матери-земли). Данная концепция, основываясь на архаичных традициях коренного населения Латинской Америки, направлена на поиск гармонии с природой и удовлетворение необходимых потребностей²⁰. Как справедливо отмечает Гудинас, обращение к культурным традициям коренного населения могло бы помочь в создании концепций развития и их адаптации к современным условиям²¹.

Сами дискуссии о том, что же есть «sumak kawsay», охватили широкие слои эквадорской общественности. Так, в 2009 г. первый государственный план национального развития аннулировал существующую доминантную парадигму, признав «разрушительный характер экстрактивистского пути развития стран Юга»²². В то же время ряд исследователей, таких как И. Алмейда, Л. Туаса и А. Ортис Лемос, подчеркивали, что «sumak kawsay» не столько отсылка к древней индейской традиции, сколько продуманная стратегия, узаконивающая политический проект эквадорского экс-лидера Р. Корреа²³. Любопытно и то, что в новой Конституции Эквадора данная

¹⁸ Gudynas Eduardo, Acosta Alberto, “El buen vivir mas allá de desarrollo”. *Qué Hacer*, DESCO, Lima, Febrero/Marzo, 2011, 70–81.

¹⁹ Шинкаренко А. А., “Общественно-политическая мысль в Андском субрегионе в контексте теории «четвертого мира». // *Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы Второго международного форума*. Т. II. Отв. ред. В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец. СПб.: Гамма, 2015, 720–727.

²⁰ *Vivir Bien desde los pueblos indígenas y originarios*. Available at: <http://filosofiadelbuenvivir.com/buen-vivir/definiciones/> (accessed: 29.08.2015).

²¹ Gudynas Eduardo. *Ecuador. Los derechos de la naturaleza después de la caída de la moratoria petrolera en la Amazonia*. Available at: <http://alainet.org/active/66547> (accessed: 24.09.2015).

²² Захер Уильям, Баэс Мишель. “Экстрактивизм и Buen Vivir в Эквадоре” // *Глобальный диалог*. № 1, том 6, март 2016, 26–27.

²³ Andres Ortiz Lemos, “La desnudez del Sumak kawsay”. Available at: <http://www.planv.com.ec/ideas/ideas/la-desnudez-del-sumak-kawsay> (accessed: 06.07.2016).

парадигма представлена широким спектром «прав Buen Vivir», таких как питание, здоровая окружающая среда, доступ к воде, образование и др.²⁴

Примером практической реализации концепции «Buen Vivir» как стратегии перехода к постэкстрактивистскому Эквадору, по мнению исследователей Латиноамериканского факультета социальных наук (FLASCO) У. Захера и М. Баэса, стал проект национального парка Ясуни, для чего эквадорский лидер Р. Корреа в 2007 г. запустил программу «Инициатива Ясуни-ИТТ»²⁵. Данная кампания вызвала живой интерес потому, что могла бы стать альтернативой активным разработкам нефтяных месторождений в Амазонии с целью сохранения биоразнообразия региона.

В Боливии концепт «Buen Vivir», получивший название «Suma qamaña», был введен в оборот индейскими интеллектуалами, такими как социолог-аймара С. Ямпара²⁶. По мнению Гудинаса, боливийский вариант «Буэн Вивир» является, прежде всего, набором этико-моральных принципов, действующих в полиэтничном обществе: «ama quilla», «ama llulla», «ama suva» (не ленись, не обманывай, не воруй); «ñandereko» (букв. «гармоничная жизнь») и др.²⁷ Отметим, что дискуссии по поводу данного концепта вышли за пределы национальных границ Эквадора и Боливии. В них включились не только автохтоны, но и представители академических кругов континента. Последние, в частности, занялись разработкой индикаторов «Buen Vivir», которые бы фокусировались на благосостоянии граждан и социальной справедливости. Таким образом, предполагался отход от уже устоявшейся антропоцентричной модели развития к сбалансированным отношениям между человеком и природой. Все это стимулировало дискуссии о возможном будущем без «хищнического» экстрактивизма, которое является неотъемлемым условием данной концепции²⁸.

Дальнейшее наступление неоэкстрактивизма

Дискуссии вокруг проблем, связанных с развитием в тех странах Латинской Америки, где экономической базой остается добыча полезных ископаемых, все еще остаются актуальными, принимая новые очертания и объединяя новых участников. Также остается резонным вопрос, насколько

²⁴ *Constitución del Ecuador 2008*. Available at: http://www.asambleanacional.gov.ec/documentos/constitucion_de_bolsillo.pdf (accessed: 24.09.2015).

²⁵ Gudynas, «Ecuador. Los derechos de la naturaleza después de la caída de la moratoria petrolera en la Amazonia». *Op. cit.*

²⁶ Gudynas Eduardo, «Buen Vivir: Today's tomorrow» // *Development*. 2011, 54(4), 441–447.

²⁷ Gudynas Acosta. *Op. cit.*, 75–76.

²⁸ *Ibid.*, 80.

левые режимы (Боливия, Венесуэла и Эквадор) добились успеха в реализации заявленных целей.

По прошествии нескольких лет с момента начала реализации политической инициативы «Buen Vivir» любопытно посмотреть на ее практические последствия. На протяжении своего последнего мандата (2013–2017) глава эквадорского государства Р. Корреа одобрительно относился к проектам по расширению добычи полезных ископаемых. Так, в нефтяном секторе для новых концессий в амазонской части Эквадора были расконсервированы для разработки свыше 3 млн га. По свидетельству исследователей FLASCO, на сегодняшний день «множество проектов по добыче меди и золота продолжают функционировать, несмотря на то, что добыча происходит в высокосензитивных точках, где проживает коренное население, а также в местах с повышенным биологическим разнообразием и водными запасами»²⁹. Наиболее важные из начинаний принадлежат крупным корпорациям, среди которых значатся чилийская CODELCO (владелец разработок «Льюримагуа»), канадские Lunding Mining, Cornerstone и Dynasty Metals, китайские государственные компании Tongling и China Railways. Правительство успешно увеличило доходы государства от продажи углеводородов путем пересмотра контрактов и увеличения степени участия национальных игроков. Тем не менее новые районы бурения в основном предназначены для иностранных участников нефтяного сектора. По свидетельству Захера и Баэса, на территориях нефтедобычи и горнорудных разработок компании и государственная администрация изымают у местного населения земельные участки, а у средних добывающих компаний — оборудование, что необходимо для создания материальных условий, позволяющих реализовать обширную неоэкстрактивистскую кампанию. Отмечается, что на территориях горной и нефтяной добычи происходит увеличение численности полицейского и военного контингента, что является тревожным знаком для местного населения. Данный фактор, как отмечает Свампа, вкупе с криминализацией протестов против ресурсных разработок, свидетельствует об откате демократии, когда власть переходит «к более традиционным режимам господства на основании классических популистских моделей национального развития»³⁰.

Справедливо и то, что многие противники экстрактивистских проектов не призывают к закрытию всех предприятий, занятых в добыче. Так, в локальных общинах, объединенных проблемами неоэкстрактивизма, наблюдаются различные точки зрения. Критики данной парадигмы в регионе, среди которых уругвайский исследователь Э. Гудинас, а также боли-

²⁹ Захер Баэс. *Op. cit.*

³⁰ Свампа. *Op. cit.*, 25.

вийский интеллект Р. Прада, активно подчеркивают, что необходимо провести водораздел между «хищническим», «разумным» и «необходимым» экстрактивизмом. Пока же ни одна из предложенных альтернатив (экотуризм, добыча в более мелких масштабах и т. д.) не позволила покончить с социальной исключенностью, так как подобные бизнес-планы не являются сколько-нибудь жизнеспособной заменой для большей части местного населения.

Библиография

1. Hechter Michael. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966*. London, 1975.
2. Свампа Маристелла. “Бросая вызов неоэкстрактивизму в Латинской Америке” // *Глобальный диалог*. № 1, том 6, март 2016. С. 24–25.
3. Fuentes Federico. *South America: How “Anti-extractivism” Misses the Forest for the Trees*. Available at: <http://links.org.au/node/3859> (accessed: 23.05.2017).
4. *Bolivia da el gran salto industrial*. Available at: <http://www2.hidrocarburos.gob.bo/index.php/prensa/noticias/285-bolivia-da-el-gran-salto-industrial.html> (accessed 27.02.2017).
5. Мариан Сола Альварес. “Новый аргентинский экстрактивизм” // *Глобальный диалог*. № 1 (том 6), март 2016. С. 30–31.
6. *Месторождение Вака Муэрта*. Available at: http://www.nftn.ru/oilfields/america/argentina/vaka_muehrta/73-1-0-1331 (accessed: 13.02.2017).
7. *Mapa de conflictos mineros, proyectos y empresas mineras en América Latina*. Available at: https://mapa.conflictosmineros.net/ocmal_db/ (accessed: 17.05.2017).
8. Воротникова Т. А. “Десять лет спустя: как изменилась Боливия при Эво Моралесе” // *Свободная мысль*. 2016. № 6, 125–135.
9. Lorenza Belinda Fontana. “Evo Morales at the Crossroad: Problematizing the Relationship between the State and Indigenous Movements in Bolivia” // *Iberoamericana. Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studie*. Vol. XLIII: 1–2. 2013. P. 19–45.
10. Братерский М. В. “Миротворчество и развитие в контексте демократизации современного мира: Уточнение существующей парадигмы” // *Актуальные проблемы Европы*. 2015. № 3. С. 93–106.
11. Шинкаренко А. А. *Теория четвертого мира: человеческое измерение геополитики через призму этнического фактора в Латинской Америке. Выступление на «круглом столе» ИЛА РАН «Латинская Америка в полицентричном мире: геополитический анализ положения региона*. Available at: <http://www.ilaran.ru/?n=991> (accessed: 01.03.2017).
12. Gudynas Eduardo, Acosta Alberto. “El buen vivir mas allá de desarrollo” // *Qué Hacer*, DESCO. Lima, Febrero/Marzo, 2011. P. 70–81.
13. Шинкаренко А. А. “Общественно-политическая мысль в Андском субрегионе в контексте теории «четвертого мира»” // *Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы*

Второго международного форума. Т. II. Отв. ред. В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец. СПб.: Гамма, 2015. С. 720–727.

14. *Vivir Bien desde los pueblos indígenas y originarios*. Available at: <http://filosofiadelbuenvivir.com/buen-vivir/definiciones/> (accessed: 29.08.2015).

15. Gudynas Eduardo. *Ecuador. Los derechos de la naturaleza después de la caída de la moratoria petrolera en la Amazonia*. Available at: <http://alainet.org/active/66547> (accessed: 24.09.2015).

16. Захер Уильям, Баэс Мишель. “Экстрактивизм и Buen Vivir в Эквадоре” // *Глобальный диалог*. № 1 (том 6), март 2016. С. 26–27.

17. Andres Ortiz Lemos. *La desnudez del Sumak kawsay*. Available at: <http://www.planv.com.ec/ideas/ideas/la-desnudez-del-sumak-kawsay> (accessed: 06.07.2016).

18. *Constitución del Ecuador 2008*, Available at: http://www.asambleanacional.gov.ec/documentos/constitucion_de_bolsillo.pdf (accessed 24.09.2015).

19. Gudynas Eduardo. “Buen Vivir: Today’s tomorrow” // *Developmen*. 2011. 54(4), 441–447.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ДОСТИЖЕНИЯ И ВЫЗОВЫ ИНТЕГРАЦИИ

А. А. Бибнев¹

Перспективы UNASUR как ведущего интеграционного объединения в Латинской Америке

Prospects of UNASUR as the leading integration association in Latin America

Abstract: The report examines the prospects of UNASUR as the largest regional organization pursuing the goal of regional cooperation and integration. This union has an extensive program agenda, which is aimed at solving the most acute problems of South America. The key structures of the Union are considered: COSIPLAN-IIRSA, which is aimed at creating regional infrastructure, as well as the Defense Council, whose goal is to peacefully settle regional conflicts. However, in order to realize the set tasks UNASUR must solve a number of urgent challenges. The most important are low rates of economic integration and conflict of interest with other regional institutions that leads to overlapping effect and low efficiency. A comparative analysis of the regional structures created in the 21st century was carried out.

Keywords: Latin America; integration; UNASUR; COSIPLAN-IIRSA; the South American Defense Council; the Bank of the South.

Резюме: В докладе рассматриваются перспективы UNASUR как крупнейшей региональной организации, преследующей цель регионального сотрудничества и интеграции. Этот союз имеет обширную программу повестку, направленную на решение наиболее острых проблем Южной Америки. Рассмотрены ключевые структуры союза: COSIPLAN-IIRSA, целью которого является создание региональной инфраструктуры, а также Южноамериканский Совет Оборон, целью которого является мирное урегулирование региональных конфликтов. Однако для реализации поставленных задач и интенсификации процесса интеграции UNASUR необходимо решить ряд принципиальных задач. Наиболее

¹ Бибнев Андрей Александрович, ассистент, аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет (andrey.bibnev@gmail.com), гр. РФ.

важными являются низкие темпы экономической интеграции и конфликт интересов с другими региональными институтами, что приводит к эффекту наложения и низкой эффективности. Проведен сравнительный анализ региональных структур созданных в XXI в. — UNASUR, ALBA, Тихоокеанский альянс.

Ключевые слова: Латинская Америка, интеграция, UNASUR, COSIPLAN-IRSA, Южноамериканский Совет Оборона, Банк Юга.

К концу 1990-х гг. стало очевидным, что неолиберализм в Латинской Америке сходит на нет. Неблагоприятные последствия интеграции способствовали глубокому разочарованию в неолиберальной политике. В это время страны региона стали все чаще сталкиваться с прогрессирующим уровнем нищеты и экономического неравенства. Растущая задолженность, возрастающие социальные издержки, вызванные неолиберальной моделью, изменили отношение к рыночным реформам. Темпы экономического роста в регионе на протяжении 1990-х гг. оказались меньше, чем в 1970-х гг.² Кризис «открытого» регионализма был тесно связан с уменьшающимся влиянием Соединенных Штатов в Латинской Америке.

Следствием этого стало появление новой волны региональной интеграции, которая строится на идее автономного латиноамериканского регионализма и оппозиции панамериканизму, получившей название «постнеолиберальная политика». Постнеолиберализм стремится решить проблему неравенства, которая остро стоит во всем регионе, за счет социально-ориентированной модели. Экономическая составляющая, которая стояла в центре неолиберальной региональной политики, отходит на второй план. Поиск парадигм альтернативного развития объединяет идею открытых рынков и левую политическую и социальную повестку.³

В рамках данной политики в 2004 г. на встрече президентов стран Южной Америки было создано Южноамериканское сообщество наций (Comunidad Suramericana de Naciones, CSN). CSN был создан для интеграции региональных процессов Mercosur и Андского сообщества. В 2005 и 2006 гг. состоялись встречи на высшем уровне, где был сформулирован план по консолидации общей повестки в регионе. В 2007 г. во время Южноамериканского энергетического саммита, проходившего в Венесуэле, главы государств изменили название Южноамериканского сообщества народов на Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas,

² Pribble Jennifer, Huber Evelyne, Stephens John D. “Politics, Policies, and Poverty in Latin America” // *Comparative Politics* 41, no. 4 (July 2009), 387-407, URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/4761/9cd5fa0d9e0541a5bceef975cc78f6aa6d87.pdf> (mode of access 17.09.2017).

³ Nahuel Arenas-García. “21st Century Regionalism in South America: UNASUR and the Search for Development Alternatives”, eSharp, Issue 18: *Challenges of Development*, 2012, 64-85, URL: https://www.gla.ac.uk/media/media_228378_en.pdf (mode of access 17.09.2017).

UNASUR). 23 мая 2008 г. был утвержден Учредительный договор UNASUR, который вступил в силу в 2011 г.⁴

Необходимо выделить несколько ключевых характеристик UNASUR. Совместно UNASUR является пятой экономикой мира, ведущим мировым производителем и экспортером продовольствия и объединяет 380 млн человек. Учредительный договор UNASUR выражает необходимость политической кооперации и интеграции в целях содействия устойчивому развитию, борьбе с нищетой и неравенством. Цель союза состоит в том, чтобы интегрировать достижения Mercosur и Андского сообщества таким образом, чтобы способствовать политическому диалогу и всестороннему социальному и человеческому развитию. UNASUR имеет широкую программную повестку, которая направлена на решение наиболее острых региональных проблем. Важно отметить, что в договоре закреплён пункт о стремлении UNASUR содействовать укреплению единства Латинской Америки и Карибского бассейна⁵, что говорит о желании союза не ограничиваться странами Южной Америки, а распространять свое влияние на весь регион.

Одной из наиболее важных инициатив блока является развитие южноамериканской интеграции в области инфраструктуры (COSIPLAN-IIRSA). Этот проект направлен на развитие транспортной, коммуникационной и энергетической инфраструктуры, включая строительство крупных автомагистралей, глубоководных портов и гидроэлектростанций⁶. COSIPLAN стремится создать эффективную энергетическую систему, которая будет отвечать потребностям каждой страны, использовать различные технологии и опыт в области разведки, добычи, переработки ископаемых ресурсов, развивать альтернативные и возобновляемые источники энергии⁷.

⁴ Historia, UNASUR [Official site] URL: <http://www.unasur.org/es/historia> (mode of access 22.09.2017).

⁵ Tratado Constitutivo de la Union de Naciones Suramericanas. UNASUR [Official site] URL: https://repo.unasur.org/alfresco/service/unasur/documents/content/TRATADO_CONSTITUTIVO_DE_LA_UNION_DE_NACIONES_SURAMERICANAS.pdf?noderef=44d79020-e810-4d55-99f7-7f0ae5db23ec (mode of access 22.09.2017).

⁶ Linke-Behrens Luisa. South American Regionalism: Explaining the Foundation of UNASUR, *KFG Working Paper Series*, No. 67, November 2015, Kolleg-Forscherguppe (KFG) "The Transformative Power of Europe", Freie Universität Berlin, URL: http://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/45371/ssoar-2015-linke-behrens-South_American_regionalism_explaining_the.pdf?sequence=1 (mode of access 20.09.2017).

⁷ Lineamientos de Estrategia Energética Suramericana, UNASUR [Official site] URL: <http://www.unasur.org/images/descargas/ESTATUTOS%20CONSEJOS%20MINISTERIALES%20SECTORIALES/LINEAMIENTOS%20DE%20ESTRATEGIA%20ENERGETICA%20SURAMERICANA.pdf> (mode of access 22.09.2017).

К концу 2016 г. COSIPLAN имеет 128 реализованных проектов, что составляет лишь пятую часть от проектов, запланированных до 2022 г. Практически половина из реализованных проектов — 44 % приходится на строительство дорог, 13 % — на речное и 10,5 % на железнодорожное сообщение. 84 % из них пришлось на национальный уровень, остальные на международный⁸. Уже реализованные и запланированные проекты COSIPLAN позволяют существенно снизить себестоимость транспортных услуг и оптимизировать торговые потоки, как внутрорегиональные, так и ориентированные на экспорт.

Другой ключевой структурой UNASUR является «Южноамериканский совет обороны» (Consejo de Defensa Suramericano, CDS), который призван решать проблему региональной безопасности. Данная структура руководствуется принципами невмешательства и суверенитета, которые традиционно поддерживаются в регионе. Основная цель совета — содействовать политическому диалогу и сотрудничеству в вопросах обороны, предотвращать межгосударственные кризисы и вносить свой вклад в урегулирование кризисов. В рамках совета гарантируется прозрачность военных расходов и обмен информацией оборонного характера.⁹ Наиболее значимым достижением совета стало решение конфликта между Колумбией и Эквадором, поддержанное Венесуэлой в 2009 г., а также нейтрализация попытки государственного переворота в Эквадоре в сентябре 2010 г.

Таким образом, UNASUR проводит региональную политику, которая нацелена на сочетание ранее существовавших южноамериканских торговых соглашений, появившихся в эпоху «открытого» регионализма 1990-х гг., укрепление институциональной структуры и самостоятельную позицию в системе международных отношений. Данный набор характеристик и инициатив является уникальным для действующих латиноамериканских интеграционных объединений. Сравнивая UNASUR с другими интеграционными объединениями, возникшими в XXI в. (табл. 1), бросается различие в целях и подходах к интеграции.

⁸ Informe de la Cartera de Proyectos del COSIPLAN 2016, IIRSA-COSIPLAN [Official site] URL: <http://www.iirsa.org/Document/Detail?Id=4424> (mode of access 22.09.2017).

⁹ Estatuto del Consejo de Defensa Suramericano de la UNASUR, UNASUR [Official site] URL: <http://www.unasur.org/images/descargas/ESTATUTOS%20CONSEJOS%20MINISTERIALES%20SECTORIALES/ESTATUTO%20CONSEJO%20DE%20DEFENSA.pdf> (mode of access 22.09.2017).

Сравнение региональных союзов созданных в XXI в.

	ALBA	Unasur	Pacific Alliance
<i>Принцип построения региона</i>	Политический. Лево-радикальные страны Латинской Америки и Карибского бассейна	Географический. Южная Америка	Географический. Тихоокеанское побережье Латинской Америки
<i>Цель</i>	Распространение политического влияния	Политическая кооперация, интеграция	Поиск новых рынков
<i>Области кооперации</i>	Политика, социальная сфера, энергетика	Политика, инфраструктура, безопасность, социальная сфера, экономика	Экономика
<i>Основные вызовы</i>	Экономический кризис, отсутствие политического лидера, отсутствие роста блока	Медленные темпы экономической интеграции	Политика Дональда Трампа, отказ от договора о Транс-Тихоокеанском партнерстве
<i>Лидеры</i>	Венесуэла, Куба	Бразилия	Мексика, Чили
<i>Перспективы</i>	?	Ведущий региональный интеграционный блок	Новые внерегиональные рынки

Преимуществами UNASUR перед другими объединениями является самый большой территориальный охват. Также союз не ограничен функцией политического форума, а имеет ряд инициатив, которые направлены на решение наиболее острых региональных проблем и способствуют укреплению региональной кооперации. Наконец, UNASUR все еще обладает возможностью для роста.

Вместе с тем перед союзом стоит ряд вызовов, которые союзу необходимо решить для того, чтобы прогрессировать. В первую очередь это связано с большим количеством альтернативных интеграционных структур в регионе. За исключением Гайаны и Суринама, каждое южноамериканское государство состоит минимум в трех региональных объединениях, что создает ситуацию, которую в теории международных отношений принято называть «эффект наложения» (overlapping effect). Данный феномен характеризуется дублированием программных повесток региональных институтов, что приводит к их неэффективности.

Таблица 2

Действующие региональные блоки в Южной Америке. Страны-участницы

Страна/Союз	Unasur	Mercosur	CAN	ALBA	Pacific alliance	ALADI
Аргентина	+	+				+
Боливия	+	+	+	+		+
Бразилия	+	+				+
Венесуэла	+	+		+		+
Гайана	+					
Колумбия	+		+		+	+
Парагвай	+	+				+
Перу	+		+		+	+
Суринам	+			+		
Уругвай	+	+				+
Чили	+				+	+
Эквадор	+		+	+		+

Помимо регионального измерения, данная проблема существует и в глобально-региональном измерении. Так, ООН, а не уже упомянутый выше Совет обороны UNASUR, принимала участие в урегулировании противоречий между колумбийским правительством и FARC (Революционные вооруженные силы Колумбии), хотя данная структура UNASUR была создана как раз для решения ситуаций подобного рода. Следовательно, UNASUR сталкивается с проблемой эффекта наложения не только на региональном, но и на глобальном уровне.

Помимо этого, UNASUR показывает низкие темпы экономической интеграции. Банк Юга — структура, которая была создана для укрепления взаимодействия в экономической и финансово-валютной сферах, включает лишь семь участников UNASUR из двенадцати. Сложность заключается в том, что с точки зрения латиноамериканских стран, которые зачастую экспортируют схожие товары, интереснее создавать интеграционные соглашения со странами из других частей света.

Еще одной проблемой представляется ослабление в некоторых странах позиций левых политиков и усиление правых сил, наметившееся в середине десятилетия и получившее название «правый реванш»¹⁰. Данный факт может стать реальной угрозой для UNASUR, имеющего левую повест-

¹⁰ Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., «Правый поворот» в Латинской Америке: случайность или тенденция?» // *Латинская Америка*. 2010. № 6, 8–20.

ку, если существующий тренд сохранится и получит распространение во всем регионе¹¹.

Таким образом, дальнейшие перспективы UNASUR зависят от способности союза решить существующие проблемы. Три наиболее реалистичными вариантами перспектив союза представляются:

- Стратегия распространения влияния. Данная модель предполагает ориентацию на интеграцию со странами Центральной Америки и Карибского бассейна за счет реализации совместных проектов, а также поиск новых внерегиональных партнеров.
- Стратегия внутреннего развития. Требуется полноценной реализации запланированных проектов, в первую очередь в рамках COSIPLAN, что создаст возможность для углубления экономической интеграции. Интенсификация интеграции в рамках Банка Юга.
- Стагнация. Характеризуется отсутствием развития, уменьшением значимости институтов и инициатив союза, формализмом в ущерб эффективности.

Библиография

1. Pribble Jennifer, Huber Evelyne, Stephens John D. “Politics, Policies, and Poverty in Latin America” // *Comparative Politics*. 41, no. 4 (July 2009), 387–407, URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/4761/9cd5fa0d9e0541a5bceef975cc78f6aa6d87.pdf> (mode of access 17.09.2017).
2. Nahuel Arenas-García. “21st Century Regionalism in South America: UNASUR and the Search for Development Alternatives”, eSharp, Issue 18: *Challenges of Development*, 2012, 64–85, URL: https://www.gla.ac.uk/media/media_228378_en.pdf (mode of access 17.09.2017).
3. Historia, UNASUR [Official site] URL: <http://www.unasursg.org/es/historia> (mode of access 22.09.2017).
4. Tratado Constitutivo de la Union de Naciones Suramericanas, UNASUR [Official site] URL: https://repo.unasursg.org/alfresco/service/unasursg/documents/content/TRATADO_CONSTITUTIVO_DE_LA_UNION_DE_NACIONES_SURAMERICANAS.pdf?noderef=44d79020-e810-4d55-99f7-7f0ae5db23ec (mode of access 22.09.2017).
5. Linke-Behrens Luisa. “South American Regionalism: Explaining the Foundation of UNASUR”, *KFG Working Paper Series*, No. 67, November 2015, Kolleg-Forschergruppe (KFG) “The Transformative Power of Europe“, Freie Universität Berlin, URL: http://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/45371/ssoar-2015-linke-behrens-South_American_regionalism_explaining_the.pdf?sequence=1 (mode of access 20.09.2017).

¹¹ Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., “Латинская Америка: правый шторм для левого поворота” // *Вестник РУДН*. Серия: Международные отношения. Т. 15. № 4, 45–55.

6. Lineamientos de Estrategia Energética Suramericana, UNASUR [Official site] URL: <http://www.unasur.org/images/descargas/ESTATUTOS%20CONSEJOS%20MINISTERIALES%20SECTORIALES/LINEAMIENTOS%20DE%20ESTRATEGIA%20ENERGETICA%20SURAMERICANA.pdf> (mode of access 22.09.2017).
7. Informe de la Cartera de Proyectos del COSIPLAN 2016, IIRSA-COSIPLAN [Official site] URL: <http://www.iirsa.org/Document/Detail?Id=4424> (mode of access 22.09.2017).
8. Estatuto del Consejo de Defensa Suramericano de la UNASUR, UNASUR [Official site] URL: <http://www.unasur.org/images/descargas/ESTATUTOS%20CONSEJOS%20MINISTERIALES%20SECTORIALES/ESTATUTO%20CONSEJO%20DE%20DEFENSA.pdf> (mode of access 22.09.2017).

“Las palabras y los hechos” de la integración en el Mercosur en el período de 2014–2016

“The words and the facts” of the participating countries of Mercosur integration in the period 2014–2016

Resumen: En el presente artículo se analiza las actividades de integración del Mercosur en el período 2014-2016. El autor identifica las principales direcciones de la interacción, los problemas existentes y el vector de desarrollo del bloque. También, en el artículo se describen las etapas de desarrollo de comercio intrazona en el período determinado.

Palabras clave: Mercosur; integración; comercio interregional; Argentina; Brasil; Venezuela; comunicados conjuntos del Mercosur.

Abstract: The article examines the activities of Mercosur in the period 2014-2016. The author reveals the basic directions of integration, problems and vector of development of the trade bloc. The article describes the stages of development of internal trade of Mercosur in the mentioned period.

Key words: Mercosur; integration; intraregional trade; Argentina; Brazil; Venezuela; summits of heads of state.

El bloque del Mercosur como una agrupación de integración es un ejemplo curioso de diagrama de relaciones en el ámbito regional, a nivel mundial, y desde el punto de vista de las rivalidades a nivel regional. A diferencia de otros esquemas de integración en el mundo, por ejemplo, el Tratado del Libre Comercio de América del Norte (TLCAN) y la Unión Europea (UE), en el Mercado Común del Sur no existe una cooperación estable. El inicio del proyecto de integración Mercosur fue muy prometedor en la década de 1990, cuando el comercio intrarregional aumentó en 4 veces, pero después, tal éxito ha dado paso a la predicción pesimista acerca del “fin” de esta integración en la década de 2000, en 2013 y en 2016.

Sin embargo, el Mercosur ya se ha “reiniciado” varias veces, y los jefes de estado reafirman su compromiso para con los objetivos estratégicos de la unidad, colocando como prioridades del bloque la unidad de desarrollo de comercio interior y la cooperación entre los países participantes. En el este artículo se analiza el funcionamiento del Mercosur durante el período 2014-2016. También el autor identifica las principales direcciones de la interacción, los problemas existentes y el

¹ Rusia. PhD candidato, GUAP.

vector de desarrollo de la unidad. Asimismo, se describen las etapas de desarrollo de comercio intrazona del Mercosur en dicho período.

Hoy el Mercosur es una agrupación regional económica que comprende a los países en desarrollo de América del Sur 4+2: Argentina, Brasil, Paraguay y Uruguay. Los otros dos miembros son: Venezuela, aprobada como miembro de pleno derecho del Mercosur en 2012 y con suspensión total para participar y aprobar las decisiones del bloque desde el 05.08.2017² y Bolivia, cuyo proceso de adhesión al bloque aún no ha sido completado (su adhesión aún no ha sido ratificada por Brasil). La integración entre los países del Mercosur se caracteriza por varios rasgos:

- asimetrías — en el bloque participan países con economías de diversos tamaños (la economía de Brasil es 100 veces mayor que la de Paraguay, 45 veces la de Uruguay y 5 veces la de Argentina³), esto genera conflictos debido al nivel de la Tarifa Externa Común (TEC), el interés de los países “pequeños” para firmar acuerdos de TLC con países terceros de forma unilateral, etc.;
- el comercio intrarregional se encuentra estable y con un nivel bajo (por ejemplo, si se lo compara al de la UE).
- en el comercio intrarregional hay un gran porcentaje de productos industriales y bienes de alto valor.

En virtud de Tratado de Asunción firmado en 1991 cuando se crea el bloque, la presidencia (el control) del Mercosur se asume consecutivamente por los países miembros del bloque en orden alfabético cada 6 meses, y termina con la cumbre del Mercosur con la participación de todos jefes de estado del bloque⁴. Dada la integración asimétrica del Mercosur, cada país presidente pro tempore del bloque especifica el vector de desarrollo de la agrupación. En la tabla 1 se muestra el orden de prioridad de la presidencia de los países del Mercosur en el período 2014-2016.

2014

Las actividades del Mercosur en el primer semestre de 2014 comenzaron con la primera presidencia *pro tempore* de Venezuela como miembro pleno del bloque. En la Cumbre Presidencial del Mercado Común del Sur el presidente de Venezuela,

² Available at: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/4506/1/decision-suspension-de-venezuela-del-mercosur_es.pdf (accessed: 01.08.2017).; Хейфец В. Л., Хадорич Л. В., Кризис в Венесуэле и региональная интеграция // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 5, 79-87.

³ Available at: [http://ibbamericas.com/project/data/files/ReportSvop%20IBBA%20\(rus.\).pdf](http://ibbamericas.com/project/data/files/ReportSvop%20IBBA%20(rus.).pdf) (accessed: 01.08.2017).

⁴ Available at: <http://www.mercosur.int/> (accessed: 01.08.2017).

Nicolás Maduro marcó una nueva etapa de integración para el bloque económico de la región⁵.

En realidad la agenda del Mercosur continuó desarrollando aspectos jurídicos e institucionales de la unidad relacionados con el regreso de Paraguay y la ratificación de las decisiones “perdidas” del bloque; con la adhesión de Venezuela, y el proceso planificado de integración en el bloque de Bolivia y la convergencia de los países de Guyana y Surinam con el bloque. Cabe señalar que la solución de estas cuestiones no es una tramitación diaria para el bloque y enriquecen su experiencia de integración.

También la presidencia *pro tempore* de Venezuela en el año 2014 puso sobre la mesa nuevos temas para la agenda del Mercosur. En particular, estos nuevos temas han sido menos comerciales y económicos, pero sí interesantes desde el punto de vista del desarrollo “amplio” de la integración:

- se llegó a un acuerdo sobre la incorporación de la metodología en el entorno de la integración productiva del Mercosur (el objetivo del acuerdo es la definición de la capacidad de integración industrial de cada país, la identificación de posibles problemas en la red de producción, la creación de un plan dirigido a la obtención de resultados). Especial atención en el acuerdo se centrará en el sector automotriz, el sector de petróleo y el gas;
- se aprobó el presupuesto del Fondo para la Convergencia Estructural (FOCEM) en el año 2014;
- se inició el proyecto Unidad de Apoyo a la Participación Social cuyo objetivo es facilitar el diálogo de los ciudadanos y el bloque del Mercosur,
- se formó una política de comunicaciones de la unidad;
- firma de un acuerdo sobre la adopción e implementación de la Patente (Placa o Chapa) Mercosur, a la brevedad posible. Las placas uniformes de circulación, como en la UE, permitirá al Mercosur no sólo crear una imagen de identidad entre los países participantes del bloque, sino que también faciliten la circulación de personas dentro del bloque.

Durante su presidencia *pro tempore* en el Mercosur, Venezuela introdujo nuevas propuestas acerca de la creación de nuevos Comités: MERCOSUR Obrero y MERCOSUR Indígena.

También a propuesta de Venezuela en la cumbre se firmaron los documentos sobre la creación en el futuro de la nueva zona económica del Mercosur con los países que integran la Alternativa Bolivariana para Nuestros Pueblos de América, ALBA, la unión de Petrocaribe y Caribbean Community, CARICOM⁶. Este proyecto está diseñado para promover el proceso de integración en América Latina y América

⁵ — Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4259#top (accessed: 01.08.2017).

⁶ — Available at: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/4488/1/comunicado_conjunto_estados_partes.pdf (accessed: 01.08.2017).

Central, como una herramienta integrada de desarrollo de los países y la lucha contra la pobreza.

La cumbre del 29 de julio de 2014 también destacó los avances en la industria aeroespacial: se anunció el pronto lanzamiento del primer satélite de comunicaciones Arsat1, diseñado, construido y testeado íntegramente en la República Argentina. También destacó la reciente puesta en órbita del satélite AntelSat, primer satélite desarrollado y construido en su totalidad por la República Oriental del Uruguay, lo que podría abrir una nueva etapa de las capacidades tecnológicas en dicho país. Se puso énfasis en el desarrollo de las industrias minera, mineral y metalúrgica como eje central para la atracción de inversiones y la creación de puestos de trabajo. Destacaron los avances del trabajo conjunto de las Aduanas en la implementación del “Programa de Gestión del Riesgo Aduanero del MERCOSUR” y el “Programa intra-MERCOSUR de Seguridad Aduanera en la Cadena de Suministro de Bienes” tendientes a la armonización de los procedimientos y control aduaneros. Manifestaron la necesidad de continuar trabajando en el marco del Plan de Circulación de Trabajadores del Mercosur con el objeto de contribuir a la libre circulación de trabajadores en el bloque con especial énfasis en las zonas de frontera. Se ratificó la iniciativa del desarrollo de un Puerto de Aguas Profundas en la costa oceánica uruguaya. La nueva tarea del bloque es la búsqueda de formas de participación de los países del Mercosur en este proyecto⁷.

La presidenta argentina, Cristina Fernández de Kirchner, habiendo recibido la presidencia del Mercosur de parte de Venezuela, instó a los países del bloque a buscar una integración “inteligente”, el fortalecimiento de los mercados internos y la búsqueda conjunta de soluciones a los problemas de estos tiempos modernos. “Podemos discutir acerca de los mercados y de las economías de los países, pero la pregunta sobre la integración de nuestros pueblos es una cuestión política que deben resolver los presidentes elegidos por voluntad popular”, dijo Kirchner⁸.

El 17 de diciembre de 2014 fue la 47ª cumbre de jefes de estado del Mercosur, bajo la presidencia de la Argentina, las principales cuestiones planteadas en la cumbre, fueron los problemas sociales: el tema de la migración, las drogas, la libre circulación de ciudadanos de los países del bloque, los derechos humanos, la financiación de proyectos sociales, así como el aumento de recursos del Fondo de Convergencia Estructural (FOCEM), las cuestiones de la cultura (se estableció el primer premio del Mercosur en el ámbito de las artes plásticas, publicó el manual “La Diversidad de las expresiones culturales: las Mejores prácticas en el Mercosur”), así como las cuestiones de seguridad regional.

⁷ Idem.

⁸ The periodical RIA-Novosti (Electronic resource) URL: http://rian.com.ua/world_news/20140730/355470855.html (accessed: 01.08.2017).

Continuando con las iniciativas del Foro anterior se señaló la finalización de la primera Reunión de indígenas del Mercosur (RAPIM), que tuvo lugar el 5 de diciembre de 2014. Este evento tenía como objetivo la difusión de la evaluación y la cosmovisión de los pueblos indígenas del norte y del sur. También fue aprobado el “Plan de acción de los pueblos indígenas del Mercosur para el período 2015-2016, que contiene una serie de temas, objetivos y acciones destinadas a la creación de espacios de inclusión y participación de los pueblos indígenas en la operación del Mercosur.

Fue aprobado el modelo de la matrícula del Mercosur, que es obligatorio para todos los vehículos de los estados miembros del bloque desde el 1 de enero de 2016. Sin embargo, en este momento la nueva placa está disponible sólo en Uruguay y Argentina.

La agenda que trató más los temas económicos durante la Cumbre fue una discusión informativa de los Ministros del Mercosur y de la Alianza del Pacífico (01.11.2014), que brindó la oportunidad de intercambiar experiencias en materia de integración. También se examinaron los resultados del seminario “Diálogo sobre integración regional: Alianza del Pacífico y Mercosur”, que tuvo lugar el 24 de noviembre de 2014 en la ciudad de Santiago de Chile⁹.

Cabe mencionar que las preguntas de la agenda de las reuniones del Mercosur en 2014 han perdido las cuestiones del proceso de armonización de las economías de los países fundadores de la unidad, posicionando en primer lugar el fomento de la cooperación hacia los países de Centroamérica, el aumento de miembros de pleno derecho del bloque y la integración de sus economías en el marco del Mercosur. El bloque ha tomado el curso solidario en el desarrollo social y humanitario, y la mejora de la conciencia de la sociedad sobre el Mercosur. La ausencia de un solo vector de las política del comercio intrazona de los países del bloque dirigen el vector de integración de Mercosur por el camino de “una integración amplia” (política, social, de transporte, física) al reducir el aspecto económico.

2015

En la 48 Cumbre del Mercosur, celebrada del 16 al 17 de julio de 2015 en Brasil, Bolivia estuvo a punto de obtener su condición de miembro de pleno derecho del bloque. Cabe señalar que en este momento Bolivia sólo tiene voz consultiva dentro bloque. Además, la adhesión de Bolivia al Mercosur aún no ha sido ratificada por todos los países del bloque, precisamente por la no ratificación de Brasil.

En el foro, se señaló de forma optimista que durante la existencia del Mercosur, el volumen comercial intrarregional había aumentado en casi 12 veces, mientras que

⁹ — Available at: http://www.mercosur.int/innovaportal/v/4506/4/innova.front/declaraciones_y_decisiones_presidenciales (accessed: 01.08.2017).

el comercio mundial aumentó sólo en 5 veces. También, la presidenta de Brasil, Dilma Rousseff, señaló que en el actual contexto de crisis, el rol de la integración regional aumenta: “El ciclo de los productos básicos se ha acabado, la economía de China ha cambiado los parámetros de crecimiento, esto nos exige nuevos enfoques para la reanudación del crecimiento de nuestros países han emprendido reformas internas, y en esta estrategia Mercosur ocupa un lugar fundamental”¹⁰.

En la Cumbre consideraron las cuestiones de desarrollo de las economías más débiles hasta economías “industriales” como las de Argentina y Brasil, mediante la ejecución del Plan de Trabajo del Subgrupo N° 7 “Industria” y la búsqueda de los exportadores competitivos en la industria de petróleo y gas, la industria agrícola y de la maquinaria, la industria de la minería y el sector de autopartes; la distribución del FOCEM (de mil millones de dólares) y la prolongación de las actividades del FOCEM en 10 años; así como una disputa territorial entre Venezuela y Guyana sobre el tema de la explotación petrolífera de la plataforma¹¹. Se re-anunció la agenda del Mercosur para la creación y el reforzamiento del diálogo del bloque con otros bloques integrantes, en particular el desarrollo de las relaciones con la Alianza del Pacífico y la continuación del diálogo sobre la creación de una nueva zona económica del Mercosur con los países que integran el ALBA, Petrocaribe y CARICOM.

Pero la pregunta principal en la agenda de la cumbre de 2015 bajo la presidencia de Brasil se convirtió en la posibilidad de reforzar la región contra las amenazas de golpe de estado¹².

De cara al futuro, cabe señalar que la preocupación del presidente de Brasil se confirmó y extendió por los nuevos y claves cambios políticos en la región, los cuales directamente afectan al funcionamiento del Mercosur, precisamente los siguientes:

- en la Argentina en las elecciones presidenciales la posición ha recibido la oposición de la “derecha” con el líder Mauricio Macri en diciembre de 2015;
- en Brasil, se celebró el juicio político a la presidenta Dilma Rousseff, en 2016;
- en Venezuela, la prolongada crisis económica, que se inició durante el reinado de Hugo Chávez, se ha complementado con la crisis política más profunda no terminada en 2016.

El 21 de diciembre de 2015 en el Paraguay, se comenzó a trabajar en la 49ª Cumbre de los líderes de los países del Mercado Común del Sur. En la reunión

¹⁰ — Available at: <http://politrussia.com/news/merkosur-vystupaet-za-214/> (accessed: 01.08.2017).

¹¹ — Available at: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/4488/1/comunicado_epp_final_es_18_08.pdf (accessed: 01.08.2017).

¹² — Available at: <https://www.pravda.ru/world/restofworld/southamerica/22-07-2015/1268123-kondor-0/> (accessed: 01.08.2017).

previa de la Cumbre de jefes de estado se definió la lista de los 80(!) de los obstáculos del comercio intrarregional, que no se corresponde con el “Plan de acción para el fortalecimiento del Mercosur en el comercio y la economía”. De nuevo, la agenda clave de la cumbre fue la integración con otros bloques regionales. En el comunicado conjunto de la Cumbre, se destaca que la cooperación con la vecina Alianza del Pacífico es especialmente importante para el desarrollo de los países sin acceso al mar, como Paraguay y Bolivia. Al mismo tiempo, el desarrollo de una estrecha cooperación aún se ha supuesto mediante una celebración de la reunión de los jefes de estado entre de los dos bloques. Mercosur no se ha progresado en la cuestión de la promoción de la colaboración del Mercosur — UE. Los bloques todavía no han intercambiado propuestas y finalmente el tema de la cooperación con la UE, anunciada como la agenda principal, no fue mencionada en el comunicado conjunto. Se ha iniciado el programa regional llamado “Después de la guerra. La memoria, la reflexión y la cultura de la paz”, como una iniciativa que contribuye a la reflexión sobre el pasado y el presente, con el objetivo de promover la integración regional y el mantenimiento de la paz en la sociedad latinoamericana¹³.

2016

Para el colmo, ya a mediados de 2016, se produjo una escalada del conflicto dentro del bloque por el proceso de transferencia temporal de la presidencia de Mercosur de Uruguay a Venezuela. Argentina, Brasil y Paraguay declararon que Venezuela no está preparada para asumir responsabilidades en el bloque, a causa de la crisis política tan profunda en el país. Por otro lado, Uruguay, recordando la elección democrática del presidente Nicolás Maduro, iba a entregar la presidencia del bloque a Venezuela, de acuerdo con el protocolo. Por lo tanto, la presidencia de Venezuela en el segundo semestre de 2016, no fue reconocida por 3 de los 5 países miembros.

Es muy interesante la posición de la Comisión de Asuntos Económicos del Senado Federal de Brasil, la que se expresa, a su vez, en desacuerdo con la posición del gobierno temporal de Brasil. Dicha comisión considera que la decisión de Brasil (del gobierno temporal) era contraria a los instrumentos jurídicos del Mercosur. Venezuela es un estado miembro, con pleno ejercicio de sus prerrogativas, y no sufre ninguna consecuencia ni sanción dentro del bloque. Los argumentos expuestos en la prueba, como el incumplimiento de la norma jurídica del Mercosur no tienen validez técnica. Las afirmaciones de que Venezuela no puede asumir la presidencia del bloque debido a que no ha conseguido cumplir todas las normas del Mercosur previstas en el Protocolo de Adhesión, son totalmente inadecuadas. Ningún estado

¹³ — Available at: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/4488/1/comunicado-ep_es_1.pdf (accessed: 01.08.2017).

miembro del Mercosur, incluyendo a Brasil, cumple totalmente con las normas del bloque. El Brasil no ha ratificado una serie de protocolos y de acuerdos firmados en el marco del bloque y, como en todos los demás estados miembros, en Brasil no se impone plenamente el Arancel externo común (AEC). El senador G. Hoffman, toma nota de la gravedad de los conflictos internos en Venezuela, pero cuestiona la posibilidad de que puedan servir de base para tales decisiones no democráticas en el marco de la unidad. Los conflictos internos en Venezuela pueden ser resueltos mediante el diálogo y la cooperación, y no por medio de regímenes autoritarios y medidas ilegales que inevitablemente agudizarán los problemas ya existentes. El cumplimiento de las reglas y de las instituciones democráticas siempre es la mejor opción, como en el Mercosur en su conjunto, y en un caso estado miembro por separado¹⁴.

De hecho, el tema de la situación de Venezuela en el Mercosur ha llevado prácticamente a la paralización de funcionamiento del bloque, 2016. Durante este período, el consejo del Mercado Común (órgano supremo de dirección de la unidad), aprobó sólo 10 decisiones¹⁵, que es el menor número de decisiones adoptadas en el año desde la creación del bloque.

En diciembre de 2016, Mercosur (Uruguay se abstuvo de firmar) envió al Ministro de Relaciones Exteriores de Venezuela una carta en la que informó del país no tendrá voto en bloque, en virtud del incumplimiento por parte de Venezuela de los compromisos adoptados al adherirse a la unidad (en particular, el retraso en la adopción de AEC y el protocolo sobre la protección de los derechos humanos, etc.).

En agosto de 2017 la pertenencia de Venezuela en el Mercosur ha sido finalmente suspendida debido a la ruptura del orden democrático aplicando "la cláusula democrática" del protocolo de Ushuaia contra Venezuela¹⁶. Para poder ingresar de nuevo Venezuela tendría que convocar unas elecciones transparentes, liberar a los presos políticos y dismantelar la Asamblea Constituyente. La expulsión plena no existe en las normas del Mercosur.

Si las Cumbres del Mercosur transcurridas en el año 2014 aún suponían el camino de una integración amplia con una disminución en el aspecto económico, en 2015 el bloque ha demostrado sólo las proclomaciones por compromiso de integración de los objetivos del bloque de desarrollo del comercio interno entre los socios fundadores. El debate se limitó a las intenciones de la diversificación por las líneas de cooperación como Mercosur-UE y Mercosur-Alianza de Pacifico. La retórica en favor de la cooperación del Mercosur con Rusia, o con La Unión

¹⁴ — Available at: http://rusia.embajada.gob.ve/index.php?option=com_content&view=article&id=641%3Acomunicado-del-senado-federal-brasileno-sobre-presidencia-venezolana-del-mercosur&catid=5%3Acomunicados-embajada&Itemid=21&lang=ru

¹⁵ El Observador. Uruguay. 27.II.2017.

¹⁶ — Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4464611> (accessed: 01.08.2017).

Económica Euroasiática no fue consignada en los Comunicados del periodo 2014-2015.

El éxito relativo del Mercosur durante este período, se puede atribuir, tal vez, sólo a la realización del proceso de adhesión de Bolivia al bloque, que fue anunciado en julio de 2015. Sin embargo, este éxito es controvertido teniendo en cuenta las disputas políticas y suspensión de Venezuela, así como a la situación de Bolivia, las condiciones especiales de su entrada, ya que, al convertirse en miembro de pleno derecho del Mercosur, también conserva la pertenencia a la Comunidad Andina de Naciones.

A pesar de los fenómenos de la crisis en las economías y las políticas de los países miembros del bloque del Mercosur, los jefes de estado citaron varias veces las cifras optimistas a favor del comercio interzona del bloque. Examinó la dinámica de comercio interregional y la importancia del mercado interno del bloque para los países miembros del Mercosur en la segunda parte del artículo.

El comercio intrazona de los países miembros del Mercosur en el período 2014-2016 se presenta en las tablas 2 y 3¹⁷.

El año 2014 se caracteriza por la reducción interna de importación y de exportación de los países en la interzona del Mercosur. Pero si la importación y exportación internas del Mercosur, en promedio, se redujo en un 7,7 % y un 5,4 % en 2014 en comparación con 2013, en el 2015 la situación empeoró. Las ventas dentro del bloque cayeron en 23,6 % y las importaciones disminuyeron en un 21,2 %.

Las causas de la reducción de los indicadores de exportación para el comercio interregional no sólo fue el estancamiento económico en la agenda de la unidad, sino también la coyuntura externa: la desaceleración del crecimiento económico de China como uno de los principales inversores de la región a un nivel por debajo del 7 %, así como la recesión que atraviesa la economía industrial de Brasil, el líder indiscutible de la región. También durante todo el período considerado, tuvo impacto la caída drástica de algunos precios de los productos de exportación, tales como minerales de hierro y el petróleo.

La reducción de importación interna se relaciona, en general, con la desaceleración de la actividad económica de los países y con el descenso de los precios internacionales de las materias primas. La devaluación del real brasileño ayudó a Brasil, por ejemplo, a reducir las compras de los vecinos del bloque. Las importaciones de Brasil en 2015 reducidas en un 25 %, y en el primer semestre del

¹⁷ Las tablas en la base de datos: https://publications.iadb.org/bitstream/handle/11319/7280/Informe_MERCOSUR_N_20_2014_2015_Segundo_Semestre_2014_Primer_Semestre_2015.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 01.08.2017) y <https://publications.iadb.org/bitstream/handle/11319/7959/Informe-MERCOSUR-No-21-2015-2016-Segundo-semester-2015-Primer-semester-2016.pdf?sequence=7&isAllowed=y> (accessed: 01.08.2017)

año 2016, el ritmo de reducción de las importaciones se han conservado en el mismo nivel.

En la Argentina, la menor caída de importación se debe a la aplicación de medidas proteccionistas unilateralmente aun en 2013-2014. Cabe señalar que el comercio exterior del Mercosur con otros países en 2015 se redujo también en un promedio de 22 %.

Es importante entender que con un bajo nivel general del comercio interregional del Mercosur, con promedio de 13,75 % en el período 2014-2015, el comercio interno del Mercosur para algunos de los socios fundadores (como Argentina, Paraguay, Uruguay) es de un tercio a casi la mitad de todo comercio exterior. La evolución de la importancia del mercado interno en 2013-2015 para los países miembros de la unidad se presenta en la tabla 4.

Tabla 4

La comparación del comercio intrazona y el volumen de negocios el comercio exterior de los países miembros del MERCOSUR a finales de 2013 y finales de 2015

País	2013			2015		
	Las exportaciones al Mercosur	Las importaciones al Mercosur	El comercio intrazona, %	Las exportaciones al Mercosur	Las importaciones al Mercosur	El comercio intrazona, %
Argentina	25,2	33,6	29,4	24	23,1	23,5
Brazil	11,9	8,9	10,4	11	7,5	9,25
Paraguay	29	42	35,5	40	41	40,5
Uruguay	33,8	48,8	41,3	23,5	32,5	28
Venezuela	2,4	18	10,2	2,4	11	6,7

De acuerdo con la tabla 4, se ha identificado una interesante evolución de la importancia del mercado interno de los países más pequeños del bloque. En particular, en el período que abarca desde 2013 hasta 2015 la proporción de exportaciones de Paraguay en los países del Mercosur aumentó de 29 % a 40 %, debido al deterioro de las posiciones de Paraguay en los mercados externos (teniendo en cuenta las cifras de la tabla 3 de la reducción de las exportaciones de Paraguay). Así pues, la dependencia de Paraguay del bloque, en general, se ha aumentado. La situación inversa se produjo con el Uruguay. En el marco del Mercosur, Uruguay redujo las entregas, como en el sector de automotriz y la industria alimentaria. Por lo tanto, el nivel de comercio intrazona de ese país se redujo en un 13%, pero al mismo tiempo se vio compensado por el aumento de contratos comerciales con China, Estados Unidos, Rusia e Irak. Uruguay en el marco del Mercosur ya hace tiempo que aboga por la conclusión de

nuevos tratados de libre comercio (TLC) con países terceros ya sea unilateralmente o en el marco de la unidad.

La reducción de las importaciones argentinas de los países del Mercosur, se caracteriza principalmente por la reducción de las entregas de piezas de automóviles a su principal socio comercial, Brasil. Las relaciones comerciales entre Argentina y Brasil últimamente se caracterizan por la mutua aplicación de las medidas de control del comercio.

En el marco de la agenda del Mercosur hacia otros bloques integrantes considero la estructura geográfica de las exportaciones y las importaciones del Mercosur en 2014-2015 en la tabla 5.

Tabla 5

**Composición geográfica del comercio del MERCOSUR Como porcentaje del total.
Datos de 2014-2015**

Países	2014		2015	
	Exportaciones, %	Importaciones, %	Exportaciones, %	Importaciones, %
Mercosur	13,1	15,5	13,6	13,3
Resto AL	7,3	4,9	9	6,9
América del Norte	18	19,3	17	19
UE	14,7	18,3	15,6	18,3
Asia	30,7	26,9	31,6	29,8
Resto del mundo	16,2	15,2	13,1	12,8

La tendencia a la diversificación de las relaciones comerciales con la UE y otros países de América Latina están ligeramente respaldadas por el incremento de su participación en el total de comercio del Mercosur. De acuerdo con la tabla 5, el aumento de las exportaciones del bloque a los países de la UE fue de 1 %, el incremento de las exportaciones a otros países de la región, casi un 2 %.

Los datos de comercio intrazona del Mercosur confirman el menguante componente económico en la agenda de las Cumbres del bloque en el período 2014-2016 y expansión de la crisis en el bloque, tanto económica como política. Los llamados “Merco-pesimistas” insisten en lo cíclico de la crisis interior y su menguante valor tanto económico como estratégico. Los “Merco-optimistas”, por el contrario, destacan importantes avances en la liberalización del comercio y de la coordinación de los países miembros del bloque en el escenario internacional, así como la importancia de la firma de un acuerdo Mercosur-UE para la comunidad mundial.

En general, el bloque sudamericano de integración del Mercosur, que reúne a en un vector común económico a Argentina, Brasil, Uruguay y Paraguay es un claro ejemplo de la combinación de los estados “con ídoles nacionales”. La presencia de las particularidades nacionales en una agrupación que busca una visión conjunta, implica el cabildeo y la transmisión de los países participantes al Mercosur de sus intereses nacionales a por turnos, y lleva a la transformación constante del componente comercial del bloque, formando períodos de cooperación, de estancamiento y de conflictos de intereses. A pesar de las declaraciones de los jefes de estado acerca de su compromiso con el desarrollo del comercio intrazona, el período de 2014-2016 se caracteriza por la falta de soluciones orientadas a la intensificación del comercio interior. La falta de un solo vector comercial en las políticas de los países del bloque enviaron un vector de integración del Mercosur por el camino de “una integración amplia”, y la causa del deterioro económico entre los países de un bloque fueron los factores externos (estado de las economías de China, la recesión mundial del comercio). En el mediano plazo, el cambio de presidente en la Argentina por un defensor de la liberalización del comercio, Mauricio Macri (junto con suspensión de Venezuela), puede llevar al bloque a hacer agendas sistemáticas sobre la competitividad de la exportación de los bienes y servicios producidos en el Mercosur, y el considerable aumento de relaciones internacionales del Mercosur, mediante la celebración de una serie de acuerdos de TLC con países europeos, latinoamericanos y con Asia.

Bibliografía:

1. http://www.mercosur.int/innovaportal/file/4506/1/decision-suspension-de-venezuela-del-mercosur_es.pdf (accessed: 01.08.2017)
2. Хейфец В. Л., Хадорич Л. В. Кризис в Венесуэле и региональная интеграция // *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, № 5, 79-87.
3. [http://ibbamericas.com/project/data/files/ReportSvop%20IBBA%20\(rus.\).pdf](http://ibbamericas.com/project/data/files/ReportSvop%20IBBA%20(rus.).pdf) (accessed: 01.08.2017)
4. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4259#top (accessed: 01.08.2017)
5. http://www.mercosur.int/innovaportal/file/4488/1/comunicado_conjunto_estados_partes.pdf (accessed: 01.08.2017)
6. The periodical RIA-Novosti (Electronic resource) URL: http://rian.com.ua/world_news/20140730/355470855.html (accessed: 01.08.2017)
7. http://www.mercosur.int/innovaportal/v/4506/4/innova.front/declaraciones_y_decisiones_presidenciales (accessed: 01.08.2017)
8. <http://politrussia.com/news/merkosur-vystupaet-za-214/> (accessed: 01.08.2017)
9. http://www.mercosur.int/innovaportal/file/4488/1/comunicado_eepf_final_es_18_08.pdf (accessed: 01.08.2017)
10. <https://www.pravda.ru/world/restofworld/southamerica/22-07-2015/1268123-kondor-0/> (accessed: 01.08.2017)

11. http://www.mercosur.int/innovaportal/file/4488/1/comunicado-ep_es_1.pdf (accessed: 01.08.2017)
12. http://rusia.embajada.gob.ve/index.php?option=com_content&view=article&id=641%3Acomunicado-del-senado-federal-brasileno-sobre-presidencia-venezolana-del-mercosur&catid=5%3Acomunicados-embajada&Itemid=21&lang=ru (accessed: 01.08.2017)
13. El Observador. Uruguay. 27.II.2017
14. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4464611> (accessed: 01.08.2017)
15. https://publications.iadb.org/bitstream/handle/11319/7280/Informe_MERCOSUR_N_20_2014_2015_Segundo_Semestre_2014_Primer_Semestre_2015.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 01.08.2017)
16. <https://publications.iadb.org/bitstream/handle/11319/7959/Informe-MERCOSUR-No-21-2015-2016-Segundo-semester-2015-Primer-semester-2016.pdf?sequence=7&isAllowed=y> (accessed: 01.08.2017)

Интеграция стран Латинской Америки: ретроспектива, специфика, современные проблемы

Latin American countries integration: retrospective, specificity, contemporary problems

Abstract: The evolution of the Latin American countries integration from import substitution model, to the model of open regionalism, and then to the post-liberal model caused by internal reasons and external challenges. The article provides analysis of the features, economic results and problems of each stage of integration, considering the political and ideological component in the period 1960-2016.

Key words: integration; regionalism; Latin America; ALBA; ALAI; CACM; CAN; CARICOM; UNASUR; MERCOSUR; The Pacific Alliance.

Resumen: La evolución de la integración de los países latinoamericanos en la dirección del modelo de sustitución de importaciones al modelo de regionalismo abierto y luego al modelo posliberal estuvo condicionada por causas internas y desafíos externos. El trabajo analiza las características, los resultados económicos y los problemas de cada etapa de integración, teniendo en cuenta el componente político e ideológico para el período 1960-2016.

Palabras clave: integración; regionalismo; América Latina; ALBA; Asociación Latinoamericana de Integración; Mercado Común Centroamericano; Comunidad Andina; Comunidad del Caribe; UNASUR; MERCOSUR; Alianza del Pacífico.

Процесс интеграции с участием 34 стран Латинской Америки постепенно развивается более 50 лет. В настоящее время Латинская Америка занимает третье место после Европы и Восточной Азии по активности региональных торговых соглашений.² Глубокая трансформация регионального пространства в последние десятилетия, проявляющаяся в многомерных и мультислойных интеграционных конфигурациях стран Латинской Америки, соответствует общим закономерностям процесса интеграции в мире,³

¹ Воронина Татьяна Васильевна, РФ, д.э.н., доцент зав. кафедрой мировой экономики и международных отношений, Южный федеральный университет, t.v.voronina@mail.ru

² ВТО. Официальный сайт. URL:https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm (дата обращения: 01.10.2017).

³ Воронина Т.В., «Трансформация линейно-стадиальной модели международной экономической интеграции в эпоху глобализации: причины, формы, последствия», *Фундаментальные исследования*, 2014, № 6(3), 539.

однако обладает региональными особенностями. В условиях мультирегионального мира исследование интеграции латиноамериканских государств, ее особенностей и проблем, с учетом экономической, исторической и идеологической составляющей, является актуальной задачей, так как расширяет представление о региональной специфике интеграционного процесса.

В научной литературе исследователи выделяют три этапа развития интеграции в Латинской Америке, при этом различаются их временные рамки⁴. Автор придерживается следующей периодизации: 1) становление интеграции (1960-х н.1980-х годов); 2) модернизация/обновление соглашений (середина 1980-х годов ХХ — к. ХХ в.); 3) поиск новых форматов интегрирования (2000 год — по настоящее время).

К 60-м годам ХХ века у стран Латинской Америки сложились классические предпосылки экономической интеграции: общее историческое прошлое, схожесть экономических проблем, языковая и культурная идентичность. В рамках первого этапа были созданы первые интеграционные группы: Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ЛАСТ, 1960), Центрально-американский общий рынок (ЦАОР,1960), Андский общий рынок (АОР,1969), Карибская Ассоциация Свободной Торговли (КАРИФТА,1965), Организация Восточно-карибских государств (ОВКГ,1981). Главными мотивами интеграции выступали экономические цели: общими усилиями осуществить индустриализацию, сократить бедность, обеспечить экономический рост.

Теоретической платформой интеграции выступали принципы закрытого регионализма, а экономической — модель импортозамещающей индустриализации, предполагающую активную протекционистскую политику государства.

В силу объективных и субъективных, экономических и политических причин в 1960–1980 гг. не были реализованы заявленные ступени интеграции (зона свободной торговли в ЛАСТ, общий рынок в ЛАИ, таможенный союз в ЦАОР). Проявилась тенденция к дезинтеграции (выход Чили из Андской группы). В 70-80-х годах ХХ века факторами дезинтеграции в ЦАОР, Андском сообществе и других объединениях, выступали экономические противоречия между членами групп, территориальные конфликты, гражданские войны (в Сальвадоре и Никарагуа), военные перевороты и диктатуры (1961-1964 гг. — Бразилия; 1973-1989 гг. — Чили; 1951-1954 гг. — Гватемала; 1972-1975 гг. — Гондурас).

Главные проблемы первого периода заключались в сильной экономической дифференциации стран; аграрно-сырьевом характере их эконо-

⁴ Anna Ayuso and Santiago Villar «Integration Processes in Latin America», GRC GULF PAPERS, 2014, October, 2.

мик; схожих структурах производства и экспорта стран; политической нестабильности. Несмотря на то, что все страны относились к группам государств с низким уровнем дохода и доходом ниже среднего уровня⁵, тем не менее, в 1970 году, расхождение между минимальными и максимальными значениями показателя ВВП на душу населения в интеграционных группах были существенными: в 6,8 раз в ЦАОР, почти в 10 раз в КАРИКОМ, в 6,7 раз в ЛАИ.⁶

Доминирующими отраслями выступали сельское хозяйство и горнодобывающие производства, продукты которых составляли основу экспорта латиноамериканских государств. При этом ведущими торговыми партнерами оставались бывшие метрополии из Европы и США. Так, в 1970 г. в структуре экономик стран-участниц ЦАОР, ЛАИ, КАРИКОМ, Андского сообщества доля сельского хозяйства, лесного хозяйства, рыболовства составляла 19,84 %; 10,97 %; 10,41 %; 20,38 %, соответственно.⁷ Ориентация на экспорт продукции добывающих отраслей (б. 90 % добытых сырьевых ресурсов) и сельского хозяйства (б. 80 %), предопределяла зависимость экономик большинства стран от конъюнктуры мировых рынков. Так, с 1970-х гг. Коста-Рика (ЦАОР) имеет постоянное отрицательное внешнеторговое сальдо, которое возникло в связи с ростом цен на нефть после 1974 г. и падением цен на кофе после 1977 г., а также с постоянным спросом на импортные товары потребительского назначения.

Тем не менее, страны ощутили позитивные эффекты интеграции в результате снижения торговых барьеров. Доля взаимного экспорта в совокупном экспорте группы в 1980 г. достигла в ЦАОР — 22 %; ЛАИ — 14,4 %, Андской группе — 20,0 %. Во всех группах в период 1970-1980 гг. вырос показатель ВВП на душу населения. В КАРИКОМ в 3,22 раза, в Андском сообществе — в 2 раза, в ЛАИ — в 3,3 раза, в ЦАОР — в 2,9 раз. Наибольший рост демонстрировали страны КАРИКОМ: в Антигуа и Барбуда — в 3,69 раз, Барбадосе — 4,49 раз, Белизе — 6,55 раз, Гренаде — в 4,89 раз, Тринидад и Тобаго — 6,61 раз.⁸ Если в 1970 году ВВП Сальвадора едва достигал 30 % от среднего показателя ВВП по ЦАОР, то к концу 80-х гг. он уже составил 93,7 % от среднего уровня по интеграционному объединению.

⁵ По версии МБРР.

⁶ Рассчитано по данным ЮНКТАД. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 01.10.2017).

⁷ Рассчитано по данным ЮНКТАД. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 01.10.2017).

⁸ Рассчитано по данным ЮНКТАД. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 01.10.2017).

Второй этап интеграции охватывал период с середины 80-х годов по начало 90-х годов XX века. Благоприятным фоном для развития интеграции на стали демократические преобразования в большинстве латиноамериканских стран, в результате которых к власти пришли гражданские правительства в Бразилии (1985), Аргентине (1983), Перу (1980), Чили (1989). Во всех странах прошли президентские и Парламентские выборы. Процессы либерализации и демократизации в Латинской Америке создали внутренние предпосылки для развития экономик и модернизации проектов региональной интеграции. Новые политические силы активизировали экономические реформы. Они были направлены на либерализацию экономик, поддержку частного сектора, приватизацию. Под влиянием внутренних (укрепление экономик, демократические изменения в обществе) и внешних факторов (активное развитие интеграции и ее позитивные эффекты в ЕС, НАФТА, АТР) процесс интеграции в Латинской Америке получил новые стимулы.

Идеологической и теоретической платформой интеграции второго периода выступал принцип открытого регионализма, а экономической — экспортоориентированная модель экономики. Внешняя задолженность латиноамериканских государств, возросшая после мирового кризиса 1973 года, требовала валютных ресурсов. Теперь с помощью региональной интеграции страны стремились интегрироваться в мировую экономику, повысить национальную конкурентоспособность и наращивать экспорт. Для этих целей были заключены новые торговые соглашения. Были учреждены МЕРКОСУР (1991), Центральноамериканская интеграционная система (ЦАИС, 1991), зона свободной торговли между Колумбией и Мексикой (1995), между Чили и Мексикой (1999). Также произошли внутренние реформы в действующих группах и оформились в таможенные союзы КАРИКОМ, ЦАОР, МЕРКОСУР (с 1994 года).

Результатами второго этапа интеграции стал дальнейший рост ВВП на душу населения в 1985-2000 годах в ЦАОР в 1,8 раз, Андском сообществе — 1,4 раза, КАРИКОМ — 2,1 раз, ЛАИ — 2 раза, МЕРКОСУР — 1,8 раз.⁹

Интеграционные группы стали более открыты, ориентированы на активную торговлю друг с другом, с другими странами региона и мира. Модернизация торговых соглашений и вызванный ими рост взаимодействия экономик, способствовали увеличению взаимного экспорта в интеграционных группах. Если доля экспорта во взаимной торговле в общем объеме экспорта групп в 1990 году составляла в Андском сообществе — 16,6 %, ЦАОР — 11,6 %, ЛАИ — 11,8 %, то в 2000 году удельный вес взаимного

⁹ Рассчитано по данным ЮНКТАД. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 01.10.2017).

экспорта в общем экспорте достиг в Андском сообществе — 23,6 %, ЦАОР — 16 %, ЛАИ — 13,8 %, МЕРКОСУР — 18 %, КАРИКОМ — 15,5 %.¹⁰ Открытость экономик усилила зависимость латиноамериканских стран от внешних рынков и шоков, что усугубляло неравенство стран региона. Макроэкономическая нестабильность в больших экономиках-лидерах интеграции способствовала обострению торговых противоречий, усиливала протекционистские тенденции. Так, девальвация бразильского реала в 1999 г. стала причиной торговых споров в МЕРКОСУР. Несмотря на декларируемую полную отмену торговых барьеров в таможенных союзах, Единый таможенный тариф (ЕТТ) не покрывал все товарные позиции в МЕРКОСУР и КАРИКОМ. Только в ЦАОР единый внешний тариф распространялся на более 90% региональной торговли¹¹. У каждой из стран МЕРКОСУР по настоящее время существуют многочисленные изъятия из ЕТТ — около 100 позиций для Аргентины и Бразилии, 225 позиций для Уругвая и 649 позиций для Парагвая.¹²

Начало XXI века отмечено высокой интеграционной активностью стран Латинской Америки, поиском новых форматов интеграции, конкуренцией моделей интеграции на боливарианской или панамериканской идее. Идеологической и теоретической платформой интеграции третьего периода выступает постлиберальный регионализм, а экономической — борьба с бедностью, социальные преобразования в обществе. В этот период оформились Боливарианская альтернатива для Америк (2004), переименованная в Боливарианский альянс для народов нашей Америки (АЛБА, 2009)¹³, Союз Южноамериканских наций (УНАСУР, 2007), Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК, 2010), Тихоокеанский Альянс (ТА, 2011) и другие. В результате подписания многочисленных двусторонних и многосторонних торговых соглашений с 2000 года по август 2017 года (79 соглашений)¹⁴, в том числе межрегионального характера, в регионе сформировалась сложная конфигурация интеграционных групп с перекрывающимся членством, признаками многомерности и мультислонности.

¹⁰ Рассчитано по данным ЮНКТАД. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 01.10.2017).

¹¹ В настоящее время ЕТТ не применяется в МЕРКОСУР к продукции автомобильной и текстильной промышленности, к сахару, информационным технологиям и телекоммуникациям, капитальным средствам.

¹² Кадочников П.А. «Интеграционные процессы в Латинской Америке и перспективы участия в них России (Таможенного союза)», Российский внешнеэкономический вестник, 2014, №12, 6.

¹³ ALBA-TCP (Bolivarian Alliance for the Peoples of Our America — Peoples' Trade Treaty)

¹⁴ Рассчитано по данным RTA database. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 01.10.2017).

Современные интеграционные соглашения отличаются более широким охватом и глубиной интеграционного взаимодействия на основе координации макроэкономической политики, общих правил в отношении государственных закупок, защиты прав интеллектуальной собственности, регулирования сферы услуг, конкурентной политики, общих правил происхождения товаров. Схема глубокой интеграции положена в основу 14 соглашений в Латинской Америке, в том числе, между ЦАОР и Доминиканской Республикой, между Мексикой и ЕС, между Мексикой и ЕАСТ. Многие группы (Андское сообщество, МЕРКОСУР, ЦАОР) решают задачу макроэкономической конвергенции стран-участниц. Для этого, по аналогии с ЕС, были приняты критерии конвергенции и учреждены институты, привязанные контролировать их соблюдение.

В результате мирового финансового кризиса (2008–2009 гг.) замедлились темпы роста как внутрирегионального, так и внешнего экспорта и импорта у МЕРКОСУР, Андской группы, ЦАОР. Сокращение экспорта наиболее сильно затронуло экономики Мексики и стран Центральной Америки, тесно связанных с американской экономикой.¹⁵ В посткризисный период снизилась доля промышленного производства в валовом региональном продукте ЦАОР, Андского сообщества, КАРИКОМ, ЛАИ, МЕРКОСУР. Это вновь актуализировало задачу диверсификации торговли в географическом и товарном аспектах и дало стимулы для новых региональных и внерегиональных соглашений в посткризисный период (со странами АТР, ЕАСТ, Африки, Израилем, Индией).

Анализ торговой интеграции показал, что за исключением ЦАОР (рост с 18,3 % до 22,6 %), в Андском сообществе, КАРИКОМ, ЛАИ, МЕРКОСУР в 2001–2016 годах доля взаимного экспорта в совокупном экспорте групп сократилась с 9,2 % до 7,6 %; с 16 % до 14 %; с 14,4 % до 14,3 %; с 16 % до 14 %, соответственно¹⁶. Снижался индекс интенсивности внутрирегиональной торговли в 2000–2016 годах в Андском сообществе с 21,4 % до 10,5 %; в МЕРКОСУР с 11,5% до 6,6 %. Доля внутрирегиональной торговли в региональных валовых продуктах групп (РВП) в 2000–2016 годах незначительно выросла только в Андском сообществе и ЦАОР, с 2,34 % до 2,43 %; с 9,2 % до 9,4 % соответственно. Показатель снизился у КАРИКОМ с 6,8 % до 5,3 %; у ЛАИ с 4,6 % до 3,9 %; у МЕРКОСУР с 3,74 % до 2 %.¹⁷

¹⁵ На рынки США ориентированы 38% экспорта Коста-Рики, 34% Гватемалы, 49,8% Гондураса, 51,7% Никарагуа, 47% Сальвадора. (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁶ Рассчитано по данным ЮНКТАД. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁷ Рассчитано по данным ЮНКТАД. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 01.10.2017).

Все это свидетельствует об ориентации торговли в большей степени на внешние рынки, чем на торговлю с партнёрами по интеграции и сохраняющейся низкой взаимозависимостью экономик. На данном этапе тенденция к дезинтеграции проявилась в Андском сообществе, МЕРКОСУР. Внутренние противоречия привели к выходу Венесуэлы из Андского сообщества в 2006 году и присоединением ее к МЕРКОСУР, но в 2016 году было приостановлено ее членство и в МЕРКОСУР¹⁸, также в 2012 году было приостановлено членство Парагвая в МЕРКОСУР.¹⁹

Высокая интеграционная подвижность стран Латинской Америки сопровождается борьбой за лидерство в регионе, поисками региональной идентичности на основе конкурирующих идеологических платформ интеграции: Панамериканской (объединения двух Америк) и Боливарианской (объединение американских государств без США и Канады) идей.²⁰ Стимулирующим фактором самостоятельной латиноамериканской интеграции, стал провал проекта США по созданию Всеамериканской зоны свободной торговли к 2005 году. В настоящее время на объединительную роль в континентальном масштабе претендуют АЛБА, УНАСУР, опирающиеся на левые или левоцентристские силы²¹ и Тихоокеанский альянс с ориентацией на центристские и правые силы в регионе и помощь США. Существует также общелатиноамериканская организация СЕЛАК (Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна, CELAC). При этом в странах Латинской Америки отсутствует консенсус по поводу поддержки той или иной интеграционной модели. Многие государства имеют членство сразу в нескольких блоках.

Стратегическая задача АЛБА (2004) заключается в консолидации стран Латинской Америки на основе идей Боливарианской революции в целях образования единого латиноамериканского военно-политического, экономического и культурного пространства. Сейчас АЛБА представляет единое экономическое пространство (Есо-ALBA, 2012), с общерегиональной валютой сукре.²² На 18 саммите АЛБА (2014) была принята Совместная

¹⁸ Хейфец В. Л., Хадорич Л. В., Кризис в Венесуэле и региональная интеграция // Мировая экономика и международные отношения, 2017, № 5, 79-87.

¹⁹ Венесуэла не выполнила 112 резолюций и почти 300 условий, необходимых для членства в МЕРКОСУР. Экономические санкции в отношении Венесуэлы вводятся, но она отстраняется от участия в заседаниях и права голоса.

²⁰ Кузнецов Д.А., «Особенности и перспективы латиноамериканской интеграции на современном этапе», Ибероамериканские тетради, 3(9) 2015, 38.

²¹ Пятаков А.Н. Боливарианский и Тихоокеанский альянсы. Два пика интеграционного «марафона» в Латинской Америке в начале XXI в. URL: <http://forum.ilhs.info/attachment.php?aid=198>

²² Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Наступит ли эра сукрэ? Латинская Америка на пути к единой валюте // Латинская Америка, 2013, № 7, 21-35.

декларация о создании единой экономической зоны государств входящих в АЛБА, МЕРКОСУР, КАРИКОМ, PETROCARIBE²³.

УНАСУР (2007) ²⁴ нацелен на координацию внешнеполитических курсов стран-членов; создание Южноамериканской зоны свободной торговли (*ALCSA*); поддержку интеграции в регионе через развитие общей инфраструктуры (энергетической, транспортной и систем связи); выравнивания уровней развития стран. По мнению А. Пятакова,²⁵ УНАСУР более эффективно выполняет функцию урегулирования межгосударственных противоречий (государственного переворота в Боливии (2008) и Эквадоре (2010); эквадорско-колумбийского пограничного конфликта 2008 году; путча в Гондурасе (2009); дипломатического кризиса между Венесуэлой и Колумбией (2010); «парламентского переворота» в Парагвае (2012).

Цели Тихоокеанского альянса (ТА, 2011) — создание глубокой интеграции для постепенного продвижения к свободному обороту товаров, услуг, капитала и труда; содействие более широкому росту, развитию и конкурентоспособности экономики в целях достижения большего благосостояния, преодоление социально-экономического неравенства; развитие торговой интеграции со странами мира, особенно со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Страны ТА одновременно являются членами МЕРКОСУР, АЛБА, УНАСУР. Большое влияние на деятельность альянса оказывают США, имеющие статус наблюдателя. Четыре государства ТА, через стандартизированные договоры о свободной торговле расширяют свое влияние в регионе и его пределами. Так, согласно базе ВТО, у Чили заключены договоры с 51 государством, у Колумбии — 15 договоров (охват 50 стран), у Мексики — 12 договоров (охват 44 страны), у Перу — 17 договоров (охват 39 стран). Реализуя свои геополитические цели Мексика, Перу, Чили стали членами Транстихоокеанского партнерства (ТТП, 2015).

Таким образом, несмотря большое количество интеграционных групп и их заявленных инициатив, процесс экономической интеграции в регионе развивается противоречиво. Проблемными точками интеграции Латиноамериканских стран продолжают оставаться на протяжении 50 лет различия в уровнях развития экономик, бедность, схожие структуры производства и экспорта, низкие темпы индустриализации, нерешенные вопросы транспортной инфраструктуры, отсутствие действенных наднацио-

²³ The Bolivarian Alliance for the Peoples of Our America — Peoples' Trade Agreement (ALBA-TCP), Permanent Secretariat of SELA Caracas, 2015, August SP/Di № 11-15, 17-24.

²⁴ УНАСУР объединяет два таможенных союза — Андское сообщество и МЕРКОСУР.

²⁵ Пятаков А.Н., БРИКС разбудил UNASUR: на пути к единой Южной Америке. URL:<http://rusrand.ru/analytics/briks-razbudil-unasur-na-puti-k-edinoj-juzhnoj-amerike> (дата обращения: 01.10.2017).

нальных институтов, способных контролировать соблюдение соглашений. Большое влияние на специфику интеграции в регионе оказывают политические интересы ведущих стран (Бразилии, Мексики, Чили, Венесуэлы) и геополитические факторы.

Интеграцию латиноамериканских стран отличает: с точки зрения субъектного состава — доминирование интеграции по линии Юг-Юг (41 соглашение); с позиции форм и глубины — учреждены классические зоны свободной торговли, таможенные союзы (4), присутствуют элементы валютной интеграции (КАРИКОМ, АЛБА) и формируются современные схемы интеграции на основе принципа внерегиональности (МЕРКОСУР-Израиль, МЕРКОСУР-Южноафриканский таможенный союз, МЕРКОСУР-Индия и др.); с точки зрения качественных признаков интеграции — наблюдается поливекторность экономических отношений, многомерность (учреждение интеграционных объединений с другими блоками и странами на межконтинентальной основе), мультислойность (субрегионализация, перекрывающееся членство); с точки зрения перспектив развития — интеграция развивается в трех проекциях: на субрегиональном уровне (в рамках действующих групп по линии углубления интеграции); общерегиональном (в целях региональной консолидации АЛБА, УНАСУР, ТА); глобальном (ТТП, ЕС-МЕРКОСУР).

Библиография

17. Воронина Т.В., «Трансформация линейно-стадиальной модели международной экономической интеграции в эпоху глобализации: причины, формы, последствия», *Фундаментальные исследования*, 2014, № 6(3), 539-543.
18. Кадочников П.А., «Интеграционные процессы в Латинской Америке и перспективы участия в них России (Таможенного союза)», *Российский внешнеэкономический вестник*, 2014, №12, 3-18.
19. Кузнецов Д.А., «Особенности и перспективы латиноамериканской интеграции на современном этапе», *Иberoамериканские тетради*, 3(9) 2015, 37-49.
20. Пятаков А.Н., *Боливарианский и Тихоокеанский альянсы. Два пика интеграционного «марафона» в Латинской Америке в начале XXI в.* URL: <http://forum.ilhs.info/attachment.php?aid=198>
21. Пятаков А.Н., *БРИКС разбудил UNASUR: на пути к единой Южной Америке.* URL: <http://rusrand.ru/analytics/briks-razbudil-unasur-na-puti-k-edinoj-juzhnoj-amerike> (дата обращения: 01.10.2017).
22. Хейфец В. Л., Хадорич Л. В., Кризис в Венесуэле и региональная интеграция // *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, № 5, 79-87.
23. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Наступит ли эра сукрэ? Латинская Америка на пути к единой валюте // *Латинская Америка*, 2013, № 7, 21-35.

24. Anna Ayuso and Santiago Villar «Integration Processes in Latin America», *GRC GULF PAPERS*, 2014, October, 1-25.
25. Susanne Gratius und Detlef Nolte, «Die EU und Lateinamerika: Partnerschaft auf Augenhöhe?», *GIGA Focus Lateinamerika*, 2013, № 2, 1-7.
26. The Bolivarian Alliance for the Peoples of Our America — *Peoples' Trade Agreement (ALBA-TCP)*, Permanent Secretariat of SELA, Caracas, 2015, August SP/Di № 11-15, p.1-29.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ИБЕРОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

П. Е. Фомичев¹

**Российско-португальские отношения в XVIII —
начале XIX в. Historiografia и новые источники**

**Russian-Portuguese relations in the XVIII — early XIX
centuries. Historiography and new sources**

Резюме: В статье дан историографический и источниковедческий обзор истории российско-португальских дипломатических и торгово-экономических отношений на начальном этапе: с 20-х гг. XVIII в. до периода наполеоновских войн в первой декаде XIX в. Приводится анализ основных работ португальских и российских историков по исследуемому вопросу, использованных ими источников из российских и португальских архивов. Выделяются основные этапы исследования российско-португальских отношений: дореволюционный, в 70–80-е гг. XX в., и с конца XX века по сегодняшний день с акцентом на развитие португалистики в СПбГУ. Изучается вопрос введения в научный оборот комплекса выявленных авторами документов, прежде всего из основных фондов Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного исторического архива, Российского архива древних актов и важнейших португальских архивов, и перспектив дальнейшего исследования российско-португальских отношений указанного периода на основе документов, опубликованных в последнее время. Особое внимание в этой связи уделяется изданному совместно МИД России и МИД Португалии в 2007 г. первому тому Сборника документов по российско-португальским отношениям. **Ключевые слова:** Россия; Португалия; историография; источники.

Abstract; This article is devoted to the issue of historiography and source study of Russian-Portuguese diplomatic and commercial relations on their initial stage: from 1720-th to the first decade of XIX century, time of Napoleonic wars. Main investigations of Russian and Portuguese historians are analyzed, foremost on the subject of the research of the documental sources from Russian and Portuguese archives. The main stages of the

¹ Фомичев Павел Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент СПбГУ (pavel1981@mail.ru), гр. РФ.

investigation of Russian-Portuguese relations are highlighted: before 1917, in 70–80th of XX century and from the end of XX century up to the present day, with special emphasis on Portuguese studies in St.-Petersburg State University. The issue of introducing into scientific circulation of discovered documents, most of all from the most important Russian (Archive of Foreign Affairs of Russian Empire, Russian State Historical Archive, Russian State Archive of Ancient Acts) and Portuguese archives and perspectives of further investigation of Russian-Portuguese relation of the aforementioned period through the documents published in the recent period is also explored. Special attention in this regard is paid to the first volume of the Collection of documents on Russian-Portuguese relations, edited in cooperation by Russian and Portuguese Ministeries of Foreign Affairs in 2007.

Key words: Russia; Portugal; historiography; sources.

История российско-португальских отношений, насчитывающая около двух с половиной веков, до сих пор остается одной из самых малоизученных тем как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Число трудов, специально посвященных данной проблеме, невелико. Это утверждение особенно справедливо для работ, касающихся исследования становления и первоначального этапа развития российско-португальских отношений в XVIII — начале XIX в. Отношения с Португалией в России и с Россией в Португалии никогда не считались приоритетом внешней политики и были незаслуженно обойдены вниманием историков.

Первым исследователем российско-португальских отношений можно считать Н. Н. Бантыш-Каменского² — замечательного археографа, историка, возглавлявшего в 1800–1814 гг. Московский архив Коллегии иностранных дел (МАКИД). В главе «Переписка с португальским двором» достаточно подробно освещаются основные события русско-португальских отношений с 1724 по 1799 г. Н. Н. Бантыш-Каменский основывается в своем исследовании на материалах МАКИД. Это, прежде всего, переписка между европейскими дворами и дипломатическими представителями государств. Также приводятся тексты российско-португальского торгового договора 1787 г. и оборонительного трактата 1799 г. Несмотря на то что исследование носит обзорный характер, автору удалось осветить основные события в русско-португальских отношениях указанного периода, обозначить их общий ход.

Другим дореволюционным ученым, обращавшимся к теме российско-португальских отношений, был В. А. Уляницкий³. В своей работе, посвященной развитию системы российских консульств в XVIII в., автор дает исторический очерк деятельности российского генерального консульства в

² Бантыш-Каменский Н. Н., *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*. Ч. 1–4. М., 1894–1902.

³ Уляницкий В. А., *Русские консульства за границей в XVIII веке*. Ч. I–II. М., 1899.

Лиссабоне. Опираясь на схожую с использованной Н. Н. Бантыш-Каменским документальную базу, он начинает исследование с 1765 г., когда в Лиссабон для сбора сведений о португальской внешней торговле был неофициально направлен князь С. В. Мещерский, и доводит очерк до 1790-х гг. Автор достаточно подробно освещает конкретную работу генеральных консулов. В. А. Уляницкому удалось расширить введенную в научный оборот базу дипломатических и иных документов по истории российско-португальских отношений. Некоторые из них опубликованы во второй части исследования. Это статистические данные по торговле между странами, документы дипломатической переписки, в том числе инструкции российских коллегий генеральному консулу в Лиссабоне.

В советский период работы, посвященные российско-португальским торгово-экономическим и дипломатическим отношениям, появились лишь в конце 1980-х гг. Особого внимания заслуживает статья М. С. Альперовича⁴, известного историка стран Латинской Америки и Пиренейского полуострова. Автор основывает свое исследование на документах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), фондах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА, ныне Российский государственный архив древних актов — РГАДА) и Центрального государственного исторического архива (ЦГИА, ныне Российский государственный исторический архив — РГИА). Большое внимание М. С. Альперович уделяет как дипломатической истории становления российско-португальских отношений, взаимодействиям Петербурга и Лиссабона в различных вопросах европейской политики, так и развитию русско-португальских торгово-экономических связей, анализируя тарифно-таможенную политику обеих стран, российско-португальские торговые договоры 1787 и 1798 гг. Отметим несомненно высокий уровень указанной статьи, разносторонность использованных документальных материалов, обоснованность выводов. Однако сам формат статьи не дает возможности получить полномасштабную картину развития российско-португальских торгово-экономических и дипломатических отношений.

Обзор русско-португальских отношений XVIII — начала XIX в. содержится и в работе Б. Н. Комиссарова⁵. В ней автор впервые использует, кроме прочих материалов, донесения русского генерального консула в Лиссабоне А. Я. Дубачевского, внесшего значительный вклад в развитие российско-португальских консульских и дипломатических отношений⁶.

⁴ ³ Альперович М. С., «У истоков русско-португальских отношений (вторая половина XVIII — начало XIX в.) // *Новая и новейшая история*. 1988. № 1, 65–82.

⁵ Комиссаров Б. Н., *Петербург — Рио-де-Жанейро. Становление отношений. 1808–1828*. Л., 1987.

⁶ В XVIII в. консулы не являлись дипломатическими работниками.

Ряд работ отечественных авторов, посвященных российско-португальским отношениям, появился в 90-е гг. XX в. в рамках исследований по португалистике в СПбГУ. Определенным аспектам истории российско-португальских консульских и дипломатических отношений посвящены статьи Б. Н. Комиссарова и С. Г. Божковой⁷. В статье И. С. Шарковой⁸ особо интересными представляются статистические данные по русско-португальской торговле через Санкт-Петербургский порт в последней четверти XVIII в., основанные на документах архива СПб ФИРИ РАН, относящихся, прежде всего, к деятельности А. Р. Воронцова. В другой работе И. С. Шарковой⁹ следуют упоминания о Португалии в допетровской прессе, интерес русского двора к сообщениям из пиренейского государства. В начале 2000-х гг. были опубликованы работы автора данной статьи¹⁰, основанные прежде всего на исследовании документов российских архивов, не введенных на тот момент в научный оборот. Упомянутые статьи посвящены в основном развитию российско-португальской торговли XVIII — начала XIX в.

В португальской историографии появление научных трудов по указанной теме относится лишь к последней трети XX в. Нам известно только о трех работах, касающихся российско-португальских торгово-экономических и дипломатических отношений. В 1979 г. вышла достаточно объемная монография португальского историка Ромуло де Карвальо¹¹, посвященная непосредственно российско-португальским отношениям XVIII в. Это на сегодняшний день, видимо, самое большое исследование по данной теме в зарубежной историографии. Освещающая различные сферы отношений ра-

⁷ Комиссаров Б. Н., Божкова С. Г., “Российские дипломаты и консулы в Португалии в последней трети XVIII — начале XX в.” // *Мир Лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.)*. СПб., 2001, 213–230; Божкова С. Г., “Адреса португальских дипломатических и консульских представительств в Санкт-Петербурге в последней трети XVIII — начале XX в.” // *Мир Лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.)*. СПб., 2001, 192–197.

⁸ Шаркова И. С., “Русско-португальские торговые отношения в последней трети XVIII в.” // *Португалистика в Санкт-Петербурге. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. О. К. Васильевой-Шведе (13–15 сентября 1995 г.)*. Отв. ред. проф. Б. Н. Комиссаров. СПб., 1998, 161–168.

⁹ Шаркова И. С., “Португалия в русской письменности XVI–XVII вв.” // *Мир Лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.)*. Отв. ред. проф. Б. Н. Комиссаров. СПб., 2001, 304–309.

¹⁰ Фомичев П. Е., “Российский генеральный консул в Лиссабоне А. Я. Дубачевский о португальской внешней торговле на рубеже XVIII–XIX вв.” // *Мир Лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.)*. Отв. ред. проф. Б. Н. Комиссаров. СПб., 2001, 279–289; Он же. “Становление и развитие российско-португальских торгово-экономических отношений в XVIII — начале XIX вв.” / *Международный форум «Санкт-Петербург — окно в Ибероамерику»*. Санкт-Петербург, 11–12 апреля 2003 г. Сб. докладов. М., 2003, 116–134.

¹¹ Carvalho Rómulo de., *As relações entre Portugal e a Rússia no século XVIII*. Lisboa, 1979.

бота в значительной степени обращена к торгово-экономической и дипломатической их составляющих. Начиная исследование с истории установления консульских и дипломатических отношений между двумя странами в 60–80-е гг. XVIII в., Карвальо переходит к анализу развития торговли, влиянию на нее российско-португальских торговых договоров, тарифно-таможенной политики. В монографии приводятся обширные статистические данные по конкретным статьям экспортно-импортных операций. Большое внимание уделяется деятельности португальских торговых домов и компаний в России. В качестве основных источников автор использует португальскую прессу и португальские архивные материалы (прежде всего, дипломатическую переписку, таможенные ведомости, торговые документы португальских купцов), некоторые из них опубликованы в приложении. Другое исследование, посвященное отношениям между двумя странами в XVIII в., принадлежит перу В. П. Ругля¹². Оно основано на материалах португальской прессы. Историк использует ряд периодических изданий: «Газету в форме письма» (годы издания: 1701–1716), «Лиссабонскую газету» (начала выпускаться с 1715 г.), «Информационно-исторический ежегодник» (годы издания: 1740–1750), «Литературную газету» (июль 1761 — июнь 1762), «Энциклопедическую газету» (1788–1790) и другие. Работа не столь объемна, как труд Карвальо, однако вводит в научный оборот дополнительный вид весьма информативных источников. Необходимо упомянуть также о работе Фернандо де Брандао¹³, в которой на основе документов португальских архивов анализируется португальская внешняя политика конца XVIII в., российско-португальское сотрудничество в эпоху первых антифранцузских коалиций. Работа заслуживает определенного внимания при исследовании российско-португальского оборонительного трактата, хотя сам договор, заключенный в 1799 г., фактически не выполнялся и не сыграл существенной роли в отношениях двух стран.

Комплекс источников по истории российско-португальских отношений на начальном этапе развития, введенный в научный оборот к середине 2000-х гг., представляет собой в основном документы, отложившиеся в российских архивах, прежде всего в АВПРИ, РГАДА и РГИА.

В АВПРИ хранятся материалы относительно дипломатической истории российско-португальских отношений. Фонды 72 «Сношения России с Португалией» (описи 72/1, 72/5) и 73 «Лиссабонская миссия. Русское генеральное консульство в Лиссабоне» (опись 73/1) содержат переписку российских генеральных консулов и дипломатических представителей в Португалии с руководством Коллегии иностранных дел и в меньшей степени Ком-

¹² Rougle W. P., *As relações luso-russas através da imprensa portuguesa no século XVIII*. Lisboa, 1979.

¹³ Brandão F.C. de., *A política externa portuguesa e aliança defensiva de 1799 com a Rússia*. Lisboa, 1985.

мерц-коллегии по всем вопросам российско-португальских отношений. Отдельные документы по отношениям двух стран содержатся, в частности, в фонде 5 «Секретные мнения КИД» (Опись 5/1), фонде 20 «Дела о вооруженном нейтралитете (опись 20/1).

Среди документов РГАДА необходимо выделить фонд Воронцовых (№ 1261, описи 1 и 6). Важнейшими для исследования являются бумаги А. Р. Воронцова — крупнейшего российского государственного деятеля эпохи Екатерины II и бессменного главы Коммерц-коллегии. Материалы (ведомости портовых таможен, переписка Коммерц-коллегии с российскими чиновниками, российскими и иностранными купцами, протоколы заседаний Коммерц-коллегии, рескрипты и указы Екатерины II, касающиеся исследуемых нами вопросов, записки о внешней торговле соответствующих ведомств и др.) посвящены тарифно-таможенной политике, статистике русско-португальской торговли, обсуждению проектов торгового договора с Португалией; имеются материалы переписки с российскими дипломатическими и консульскими представителями в Португалии. Фонд Комиссии о коммерции и пошлинах (№ 397, опись 1) содержит важные материалы по тому же кругу вопросов.

В документах РГИА мы находим достаточно разрозненные материалы, касающиеся Португалии, и прежде всего вопросов русско-португальской торговли, содержащиеся, в частности, в фонде 13 «Департамент министра коммерции» (опись 2), фонде 1260 «Комиссия составления законов» (опись 1) и фонде 1329 «Именные указы и высочайшие повеления Сенату» (опись 3); 1409 «Собственная е. и. в. канцелярия» (опись 1).

До определенного времени комплекс опубликованных источников по истории российско-португальских отношений исследуемого периода был невелик и затрагивал документы начала XIX в. Они представлены в серии «Внешняя политика России». Данное издание отличается масштабностью и основательностью и содержит материалы дипломатической переписки по российско-португальским отношениям¹⁴.

Кроме того, некоторая информация по развитию российско-португальской торговли содержится в публикациях о российской внешней торговле, тарифной политике России и т. д.¹⁵ Ряд документов из португальских архивов опубликован в уже упомянутой работе Ромуло де Карвальо.

¹⁴ *Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы российского министерства иностранных дел (ВПР)*. Серия I. 1801–1815. Т. I. 1801–1804. М., 1960; Т. 2. 1804–1805. М., 1961; Т. 3. 1806–1807. М., 1963; Т. 4. 1807–1809. М., 1965.

¹⁵ См.: *Внешняя торговля России через петербургский порт во второй половине XVIII — начале XIX века: ведомости о составе купцов и их торговых оборотах*. Ред. Комиссаренко А. И., Шаркова И. С. М., 1981; *Государственная внешняя торговля в разных ее видах. 1802*. СПб., 1803; *Государственная внешняя торговля в разных ее видах. 1803*. СПб., 1804; *Государственная внешняя торговля в*

Запрос сегодняшнего дня на полноценное и объективное понимание современного мира в эпоху глобализации и развития международного сотрудничества делает особенно важным и актуальным анализ малоизученных еще вопросов истории международных отношений. Итогом такого понимания стала публикация в 2007 г. первого сборника документов по истории российско-португальских отношений — совместного труда историков двух стран при поддержке министерств иностранных дел России и Португалии¹⁶ (далее — Сборник документов).

Сборник документов предваряют обращения министра иностранных дел России С. В. Лаврова и министра иностранных дел Португалии и по делам португальских сообществ Португалии А. Монтейру. Обращение было подготовлено в 2004 г. к изданию сборника на португальском языке. В обращении А. Монтейру особое внимание уделяется новаторскому характеру данного издания в силу того, что оно явилось первым для Португалии опытом издания двусторонних сборников документов.

Издание снабжено исчерпывающими научными комментариями по существенным вопросам двусторонних отношений и европейских международных отношений соответствующего периода в целом, подробным указателем имен, справочными таблицами, посвященными дипломатическим представителям России в Португалии и Португалии в России. Пожалуй, с изданием данного сборника документов открывается новая страница для возможностей исследования российско-португальских отношений в части обеспечения доступности и систематизации источниковой базы.

Российская часть документов была выявлена в основных архивохранилищах — АВПРИ, РГАВМФ, РГАДА, РГИА. При этом в научный оборот вводятся ранее не исследованные документы как из упомянутых выше фондов, так и из фондов, косвенно связанных с непосредственно российско-португальскими отношениями. Так, в фонде 13 АВПРИ «Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и высоким особам» содержится предписание Петра I канцлеру Г. И. Головкину от 27 февраля (10 марта) 1722 г.: «Г-н канцлер. По письму Вашему определяем к дворам на перемену: во Францию к[нязь] Александр Куракин; в Гишпанию — к[нязь] Сергей Голицын, князь Дмитриев сын; к прусскому двору — меньшей сын Ваш. Еще надобно в Португалию, да два консула, например, изготовить — Ливорну

разных ее видах. 1804. СПб., 1805; Государственная внешняя торговля в разных ее видах. 1805. СПб., 1806; Государственная внешняя торговля в разных ее видах. 1807. СПб., 1808; Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / Под ред. В. И. Покровского. Т. 1. СПб., 1902; Storch H. Supplementband zum fünften, sechsten und siebenten Theil des historisch-statistischen Gemäldes des Russischen Reichs. Leipzig, 1803, и др.

¹⁶ *Россия — Португалия: XVIII — начало XX века. Т. I. 1722—1815. Сб. документов. Под ред. Грушко А. В. М., 2007.*

и Кадикс. <...>. У подлинного приписано е. и. в-ва собственною рукою по сему: Петр»¹⁷. И хотя документов, свидетельствующих о предпринятых шагах по исполнению этого повеления Петра, не обнаружено, такое поручение заставляет по-новому посмотреть на оценку Петром важности развития российско-португальских отношений, поскольку является прямым указанием к учреждению российского представительства в Португалии, в отличие от известных нам мнений и указаний Петра, носивших более общий характер, как, например, в указе 1723 г.: «Умножать свои коммерции... в Гишпании и Португалии, которая коммерции великую прибыль принести может»¹⁸.

Тридцатые годы XVIII в. были отмечены рядом взаимных инициатив российской и португальской сторон, направленных на изучение выгоды и перспектив прямой торговли между двумя странами.

С 1733 г. практически в течение трех лет проходили переговоры между Марко Антонио де Азеведо Коутиньо и князем Кантемиром — представителями обеих стран в Лондоне. Азеведо Коутиньо в своих письмах в Лиссабон изъявил желание донести до португальских купцов мысль об особой прибыльности прямой торговли с Россией и о необходимости получить более конкретную информацию об ассортименте российских товаров и ценах на них¹⁹. Документы португальских архивов, введенные ранее в научный оборот, дополняются важными свидетельствами из материалов дипломатической переписки, опубликованных в Сборнике документов. Так, еще до начала переговоров Кантемира с Азеведо Коутиньо, российский посланник 18 (29) декабря 1732 г. докладывал вице-канцлеру А. И. Остерману: «... на прошедших днях господин Кампос — португальский секретарь, быв у меня, разговаривал со мною партикулярно о коммерции, которую завести бы можно между Россиею и Португалиею. Из речей его я выразумел, что из наших товаров им угодны: пенька, железо, холсты, клей рыбой и, может быть, многие другие, которые я припомнить ему не мог, а Португалия нам ничего не может дать, кроме вина, овощей и золота — от чего в. с.-во свободно усмотреть изволите, что оный коммерциум ее и. в-ва подданным был бы гораздо авантажнен. К тому ж и для обучения матрозов российских в мореплавании довольно бы способу было, потому что, как он, господин Кампос, мне сказывал, португальцы любят, чтоб все чужестранные товары к ним привезены были, а они кораблей своих, кроме своей Америки, ни-

¹⁷ Там же, 23.

¹⁸ Цит. по: *Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России* / Под ред. В. И. Покровского. Т. I. СПб., 1902. С. XXIII.

¹⁹ Carvalho R. de. *Op. cit.*, 58.

куды охотно не посылают»²⁰. Этот короткий отрывок из донесения Кантемира очень информативен: во-первых, очевиден португальский интерес к товарам российского производства; во-вторых, мы понимаем, насколько велико влияние политики меркантилизма, одним из существенных принципов которой было наличие у страны положительного торгового баланса. Данный принцип, как ни парадоксально с современной точки зрения, распространялся не только на общий баланс внешней торговли страны, но и на баланс торговли между двумя странами, которая считалась выгодной только при превышении экспорта над импортом в денежном выражении. При этом совершенно не учитывалось то, что необходимые товары все равно пришлось бы покупать, только у посредников с соответствующей наценкой. В-третьих, мы находим подтверждение того, что португальский флот был задействован в основном в колониальной торговле с Бразилией, что позже отмечалось во многих донесениях российских генеральных консулов и дипломатических представителей в Португалии, однако для времени первых российско-португальских контактов это была ценная информация.

За последующие почти пять десятилетий, после нескольких этапов российско-португальских переговоров через представителей обоих государств в третьих странах и ряда других инициатив, направленных на развитие прямой торговли и дипломатического сотрудничества между Россией и Португалией, произошел ряд важных событий. В таможенном тарифе 1766 г. по инициативе России была в 10 раз (со 100 до 10 %) снижена пошлина на португальское вино, доставляемое в российские порты португальскими или российскими купцами на кораблях одной из двух стран. А в период с 1769 по 1781 г. были установлены консульские и дипломатические отношения между двумя государствами. В итоге ко второй половине 1780-х гг. началась подготовка первого российско-португальского торгового договора. Среди материалов, опубликованных в Сборнике документов, важным и информативным представляется письмо, датированное 1786 г., португальского эксперта Д. Карвальо де Лусены государственному секретарю по делам морского флота и заморских владений Португалии М. де Мелу-и-Каштру по вопросам установления торговых отношений между Португалией и Россией (т. е. о подготовке торгового договора, заключенного в результате в 1787 г.). В частности, португальский эксперт пишет: «...я обязан обратить внимание в пр-ва на то, что эти столь желательные для нас торговые сношения с Россией, которые, по моему мнению, могут принести большую пользу Португалии, зависят не столько от уступок и привилегий, которых следует добиваться от России (что представляется весьма затруднительным

²⁰ *Россия — Португалия: XVIII — начало XX века*. Т. I. 1722—1815. Сб. документов. Под ред. Грушко А. В. М., 2007. С. 27. Донесение отложено в фонде 36 АВПРИ «Лондонская миссия».

вследствие того, что эти условия должны быть значительно более выгодными, нежели условия, предоставленные Россией Англии и Голландии), сколько от уступок и льгот, которые сочтет нужным предоставить наша августейшая государыня, с тем чтобы стимулировать и поощрять эту торговлю и позволить Португалии сохранить за собой бóльшую часть тех внутренних средств, которые неизбежно будут уходить из страны в обмен на доставляемые из Балтийского региона товары»²¹. Это, как и ряд других мнений португальских дипломатов и государственных деятелей, повлияло на условия заключенного между двумя странами торгового договора, который среди прочего предусматривал снижение пошлины до уровня 50 % на бóльшую номенклатуру российских товаров. Также существенным является понимание того, что подобное мнение, отличавшееся от позиции португальской стороны на раннем этапе переговоров, когда важность прямой российско-португальской торговли осознавалась не в полной мере, было, вероятно, во многом основано на успехе португальских торговых компаний, которые стали появляться в Петербурге с начала 1780-х гг. Их деятельность доказала реальность и выгодность прямой торговли вопреки принципам политики меркантилизма и боязни осуществлять навигацию по Балтийскому морю.

Нужно сказать, что дальнейшее развитие российско-португальских отношений шло с переменным успехом. Однако в 1780-е гг. были заложены основы сотрудничества двух стран в вопросах внешней политики и торговли. Отметим, что письмо Д. Карвальо де Лусены опубликовано в Сборнике документов наряду с большим комплексом архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, прежде всего дипломатической переписки и иных источников, отложившихся в основных архивах и библиотеках Португалии.

Подводя итог данному обзору, можем утверждать, что исследование российско-португальских отношений периода их становления и начального этапа развития на основе изученных ранее, опубликованных в настоящее время и вновь выявляемых источников может приобрести комплексный и системный характер.

Библиография

27. Альперович М. С. «У истоков русско-португальских отношений (вторая половина XVIII — начало XIX в.) // *Новая и новейшая история*, 1988, № 1, 65–82.
28. Бантыш-Каменский Н. Н., *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*. Ч. 1–4. М., 1894—1902.

²¹ Там же. С. 275. Документ отложился в архиве внешнеполитического ведомства Португалии.

29. Божкова С. Г., “Адреса португальских дипломатических и консульских представительств в Санкт-Петербурге в последней трети XVIII — начале XX в.” // *Мир Лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.)*. СПб., 2001.
30. *Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы российского министерства иностранных дел (ВПП)*. Серия I. 1801–1815. Т. I. 1801–1804. М., 1960; Т. 2. 1804–1805. М., 1961; Т. 3. 1806–1807. М., 1963. Т. 4 1807–1809. М., 1965
31. *Внешняя торговля России через петербургский порт во второй половине XVIII — начале XIX века: ведомости о составе купцов и их торговых оборотах* / Ред. Комиссаренко А. И., Шаркова И. С. М., 1981.
32. *Государственная внешняя торговля в разных ее видах*. 1802. СПб., 1803.
33. *Государственная внешняя торговля в разных ее видах*. 1803. СПб., 1804.
34. *Государственная внешняя торговля в разных ее видах*. 1804. СПб., 1805.
35. *Государственная внешняя торговля в разных ее видах*. 1805. СПб., 1806.
36. *Государственная внешняя торговля в разных ее видах*. 1807. СПб., 1808.
37. Комиссаров Б. Н., *Петербург — Рио-де-Жанейро. Становление отношений. 1808–1828*. Л., 1987.
38. Комиссаров Б. Н., Божкова С. Г., “Российские дипломаты и консулы в Португалии в последней трети XVIII — начале XX в.” // *Мир Лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.)*. СПб., 2001, 213–230.
39. *Россия — Португалия: XVIII — начало XX века*. Т. I. 1722–1815. Сб. документов / Под ред. Грушко А. В. М., 2007.
40. *Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России* / Под ред. В. И. Покровского. Т. 1. СПб., 1902.
41. *Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России* / Под ред. В. И. Покровского. Т. I. СПб., 1902. С. XXIII.
42. Уляницкий В. А., *Русские консульства за границей в XVIII веке*. Ч. I–II. М., 1899.
43. Фомичев П. Е., “Российский генеральный консул в Лиссабоне А. Я. Дубачевский о португальской внешней торговле на рубеже XVIII–XIX вв.” // *Мир Лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.)*. Отв. ред. проф. Б. Н. Комиссаров. СПб., 2001, 279–289.
44. Фомичев П. Е. “Становление и развитие российско-португальских торгово-экономических отношений в XVIII — начале XIX в.” // *Международный форум «Санкт-Петербург — окно в Ибероамерику». Санкт-Петербург, 11–12 апреля 2003 г. Сборник докладов*. М., 2003, 116–134.
45. Шаркова И. С., “Португалия в русской письменности XVI–XVII вв.” // *Мир Лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.)*. Отв. ред. проф. Б. Н. Комиссаров. СПб., 2001, 304–309.
46. Шаркова И. С., “Русско-португальские торговые отношения в последней трети XVIII в.” // *Португалистика в Санкт-Петербурге. Материалы*

международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. О.К. Васильевой-Шведе (13–15 сентября 1995 г.). Отв. ред. проф. Б. Н. Комиссаров. СПб., 1998, 161–168.

47. Brandão F. C. de., *A política externa portuguesa e aliança defensiva de 1799 com a Rússia.* Lisboa 1985.

48. Carvalho Rómulo de., *As relações entre Portugal e a Rússia no século XVIII.* Lisboa, 1979.

49. Rougle W. P., *As relações luso-russas através da imprensa portuguesa no século XVIII.* Lisboa, 1979.

50. Storch H., *Supplementband zum fünften, sechsten und siebenten Theil des historisch-statistischen Gemäldes des Russischen Reichs.* Leipzig, 1803.

La presencia de Rusia en el actual contexto geopolítico latinoamericano y su relación con Estados Unidos

The presence of Russia in the current Latin American geopolitical context and its relationship with the United States

Resumen. La presentación describe y analiza el lugar de Rusia en el contexto geopolítico latinoamericano de los últimos años, así como la posición que mantiene actualmente. Se argumenta que el fortalecimiento de la presencia rusa en América Latina se ha producido en dos momentos: (2001-2012) y la actualidad. Sin embargo, a pesar de la influencia que mantiene, sobre todo en América del Sur, deberá anticiparse a los riesgos o cambios que presente la influencia de Estados Unidos en la región ahora que Donald J. Trump ha sido electo presidente.

Palabras clave: Geopolítica; Rusia, Latinoamérica; Estados Unidos; Influencia, Alianzas.

Abstract. The presentation describes and analyzes the place of Russia in the Latin American geopolitical context of recent years, as well as the position it currently holds. It is argued that the strengthening of the Russian presence in Latin America has occurred in two moments: (2001-2012) and the present time. However, despite its influence, especially in South America, it must anticipate the risks or changes that present the influence of the United States in the region now that Donald J. Trump has been elected president.

Key words: Geopolitics; Russia; Latin America; United States; Influence; Alliances.

Introducción

Desde el fin de la Guerra Fría han sido muchos los estudiosos que han tratado de identificar y estudiar la dinámica geopolítica rusa en la actual política mundial. La presente ponencia centra su interés en el estudio de un aspecto muy concreto, pero muy relevante para el estudio de las Relaciones Internacionales, como es el desarrollo que ha presentado el lugar de Rusia en la región latinoamericana y su influencia en la configuración geopolítica desde inicio del siglo XXI.

El objetivo de la ponencia es presentar la importancia de la dinámica geopolítica latinoamericana para el gobierno ruso y responder a las siguientes preguntas: ¿En

¹ México. Doctorante en Ciencias Políticas con orientación en Relaciones Internacionales por el Programa de Posgrado en Ciencias Políticas y Sociales de la Universidad Nacional Autónoma de México (UNAM) correo: (imelda.ibg@gmail.com).

qué medida influye geopolíticamente Rusia en la región? y ¿Cuál es la posición de los gobiernos latinoamericanos respecto a su relación con el gobierno ruso en el contexto de la administración Trump?

Para lograr este objetivo, se fundamenta en la distinción de dos etapas en la evolución de dicha posición a partir de la primera década del presente siglo:

- Una primera etapa (2008-2012) que, comprendida entre el arribo de gobiernos denominados de izquierda a la región, la elección y re-elección de Barack Obama a la presidencia de Estados Unidos, se caracterizó por encaminar al gobierno ruso a buscar un acercamiento y acrecentar la cooperación en materia energética y venta de armamento. Así, el contexto respecto a la formación de alianzas comerciales y políticas, limitaron la influencia estadounidense y se reorientaron a la integración, así como a reestructurar la arquitectura de seguridad y defensa regional.
- Una segunda etapa (2014— 2017) comprendida entre los sucesos de Ucrania, las sanciones económicas impuestas a Rusia hasta los cambios políticos, se caracteriza por un nuevo giro en los gobiernos latinoamericanos, a las políticas de integración y a la formación nuevamente de alianzas político-comerciales. La intensificación de la presencia rusa durante estos años en el plano económico y político es de carácter estratégico y abre la perspectiva de un contexto geopolítico regional en el que la administración de Donald J. Trump deberá buscar su lugar para mantener un contrapeso.

Rusia y América Latina en la primera década del Siglo XXI

En el caso latinoamericano, o por lo menos sudamericano, la región comenzó a reflejar una dinámica geopolítica diferente ante el contexto internacional. Además del papel estratégico que asumieron los recursos naturales, fue en esta etapa cuando los modelos alternativos de inserción económica y geopolítica en la región se entendieron como el resultado de actores sociales y políticos nacionales y se tradujeron en propuestas de gobierno que avanzaron intereses según las características propias de los países o grupo de países en la región.

Entre los cambios más significativos cabe apuntar tres fenómenos. Primero, la latinoamericanización casi simultánea de las políticas exteriores de Brasil y Argentina — dos países que, al margen de sus diferencias culturales y del peso relativo en la balanza de poder regional, buscaron e imaginaron sus destinos nacionales más allá del Sur—. En segundo lugar, la proyección de Venezuela, Ecuador y Bolivia en el escenario hemisférico y extra continental, de nuevo bajo la bandera de la unidad latinoamericana. Finalmente, la renovada importancia del Caribe y de la América Central.

Por lo anterior, después de la elección de Vladimir Putin a la presidencia de Rusia, América Latina comenzó a ocupar un lugar destacado entre las prioridades de la política exterior de Rusia. Entre los países latinoamericanos que figuraron un mayor interés se encontraban Brasil, Chile, Venezuela, Argentina y México.

Con el triunfo de partidos de tendencia de izquierda en los procesos electorales y la consolidación de gobiernos que buscaron establecer un nuevo modelo de relaciones internacionales en la región latinoamericana, el gobierno ruso llevó como objetivo construir alianzas con países clave para evitar el predominio del unilateralismo en el orden internacional, a la vez de fortalecer una posición importante en el área de influencia tradicional de Estados Unidos.

A partir de agosto de 2008 se constata una mayor activación del interés por parte de Rusia de estrechar los vínculos políticos, militares y económicos con la región. Desde ese momento —que coincidió con los acontecimientos en Osetia y el apoyo militar y económico de Estados Unidos a Georgia—, iniciaron intercambios al máximo nivel entre delegaciones políticas y militares de ambas partes. El presidente ruso visitó varios países latinoamericanos (Venezuela, Brasil, Nicaragua, Cuba, Perú) y los presidentes de Venezuela, Cuba, Argentina, Bolivia, Nicaragua visitaron Moscú.

La visita a Cuba tuvo un significado mayormente simbólico, tomando en cuenta su relación como aliados ideológicos. Por su parte, la visita del presidente Raúl Castro a Moscú — la primera de alto nivel en 25 años— permitió la firma de nuevos documentos, entre los cuales, destacó el Memorando sobre los Principios de Colaboración Estratégica y lanzar una propuesta para modernizar y suministrar equipos para la construcción de una flota de buques petroleros.

El caso de Venezuela ha sido el más interesante. El presidente Hugo Chávez visitó Moscú en siete ocasiones desde su llegada al poder y a partir de la segunda mitad de 2008. El gobierno ruso se acercó a Caracas. Venezuela se mostró como el principal comprador de armamento ruso, el gobierno venezolano importó una cantidad considerable de submarinos, tanques y sistemas de defensa, jets, helicópteros y fusiles para modernizar sus fuerzas armadas.

Durante la siguiente visita a Rusia, el presidente Chávez, se entrevistó con el presidente Dmitry Medvédev y con el primer ministro Vladimir Putin y logró firmar dos acuerdos significativos en materia de cooperación energética. El acuerdo contemplaba la constitución de un consorcio entre las principales empresas rusas del sector y la estatal *PDVSA* (Petróleos de Venezuela)

La cooperación entre los gobierno venezolano y ruso se consolidó hasta el punto que, durante ese mismo año, 2008, se efectuó por primera vez la visita a Venezuela de dos bombarderos estratégicos TU-160 y de navíos de la Flota Rusa del Mar del Norte capaces de transportar misiles nucleares y se celebraron maniobras

militares conjuntas en la zona del Mar Caribe — en esa ocasión los navíos también visitaron Cuba y Nicaragua.

Los acontecimientos antes citados tuvieron un fuerte significado simbólico por mostrar a Rusia como un Estado influyente que puede mantener el equilibrio en la región además de reivindicar su posición multilateral ante el unilateralismo estadounidense.

En lo que respecta a las alianzas y los esfuerzos de integración latinoamericanos en la dinámica geopolítica regional, a partir de 2004, se constataron cambios y alineamientos frente a la estrategia del presidente Barack Obama que se reflejaron en la marcha atrás de la propuesta de replantear el proyecto de una zona de libre comercio e integración mediante el Área de Libre Comercio para las Américas (ALCA) como modelo de regionalismo abierto.

La Alternativa Bolivariana para los Pueblos de América, más tarde Alianza para los Pueblos de América— Tratado Comercial de los Pueblos (ALBA-TCP), y la Comunidad Suramericana de Nacionales (CSN) que tras la firma de su correspondiente Tratado se constituyó en 2008 como la Unión de Naciones Suramericanas (UNASUR) fueron el contrapeso que es ese momento sustituyó al ALCA. Otro mecanismo que se fortaleció en este contexto de cambios geopolíticos fue la CELAC (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños) que ha sido el contrapeso a la Organización de Estados Americanos (OEA) y en el que participan los Estados que conforman la región excluyendo a Estados Unidos y Canadá.

Los procesos de integración comercial entre los que destacan el Mercado Común del Sur (MERCOSUR) y la Comunidad Andina de Naciones (CAN) se mostraron de mucha importancia para Rusia, debido a que representaban la tendencia de ampliación en lo que respecta a negociaciones comerciales.

En una entrevista al Ministro Serguei Lavrov, él afirmó que el rumbo de Rusia hacia la consolidación de la colaboración multifacética con los países de América Latina es de carácter estratégico, a largo plazo y se basa en el pragmatismo y la aspiración a que se materialice en proyectos mutuamente ventajosos. De esta manera, Rusia y los países latinoamericanos son aliados en la conformación de un nuevo orden mundial y en la solución de los problemas clave de actualidad con base en el apego común a las normas fundamentales del Derecho Internacional y al robustecimiento de los mecanismos multilaterales de regulación de las Relaciones Internacionales.²

² Serguei Lavrov, Entrevista concedida por el Ministro de Asuntos Exteriores de Rusia, *Revista América Latina*, 2009, N.2. En: http://www.embrumex.com.mx/pdfs/sp_abril2009_01.pdf (accessed 01.08.2017).

Cambios regionales y globales en la relación estratégica

Al hacer un balance de la segunda década del Siglo XXI y ante los cambios ocurridos en los últimos años tanto en la región postsoviética como latinoamericana, la posición de Rusia se sitúa en un contexto en el que su política exterior volvió a fortalecer su presencia en América Latina aun con el giro que presentó para la región el arribo de algunos gobiernos que abandonaron el ideal de integración. Las elecciones presidenciales en Argentina y las elecciones parlamentarias en Venezuela llevaron al poder a las fuerzas de oposición. La presidenta de Brasil cayó bajo un fuerte ataque de la derecha, que la llevó a un juicio político y la destitución del cargo. Sin duda, estos acontecimientos cambiaron el vector izquierdo de desarrollo de estos países-líderes de la región.

Asimismo, la creación de alianzas político-comerciales posicionaron nuevamente al gobierno de Barack Obama como actor importante, tales como la firma del Acuerdo Transpacífico (TPP) que involucró a Chile, Perú y México y la creación de la Alianza para el Pacífico que reúne a México, Perú, Colombia y Chile, Estados que tradicionalmente se encuentran alineados a la política exterior de Washington.

El acontecimiento que marcó un giro en el contexto geopolítico latinoamericano fue el cambio en la relación Estados Unidos-Cuba, al momento en que los gobiernos estadounidense y cubano decidieron en diciembre de 2014 restablecer relaciones diplomáticas.

Con la visita a América Latina del presidente Vladimir Putin a la ciudad de Fortaleza en julio de 2014 y que estuvo vinculada con la cumbre BRICS, en sus comentarios, los políticos y los medios de comunicación locales se centraron en dos puntos clave: la visita tenía un objetivo geopolítico y contribuyó a un notable avance de los intereses económicos de Rusia en la región al lograr prácticamente de todos los líderes de la región, sino un apoyo a la posición de Rusia en Ucrania, entonces, en cualquier caso, la condena del sistema de sanciones practicadas por países occidentales.

En la actualidad, la relación entre Rusia y América Latina puede desarrollarse mediante diversos vectores como: la interacción con los países latinoamericanos en varias organizaciones internacionales — en la ONU, G20, APEC, BRICS, OMC y otros. La Federación de Rusia ha desarrollado amplios contactos políticos en la región. Esto se hace especialmente urgente en la situación en que las relaciones con algunos países occidentales se han agravado por Moscú. En América Latina existen importantes oportunidades para esto: es significativo que cuando se presentó el proyecto de resolución sobre la integridad territorial de Ucrania en la ONU, de 11 países que votaron en contra de la resolución, 4 fueron de América Latina (Cuba, Bolivia, Venezuela, Nicaragua),

En lo que respecta a la posición rusa en los mecanismos de cooperación e integración, la CELAC es la que ha mostrado apertura hacia la cooperación con el gobierno ruso, cabe destacar que fue en 2016 cuando en la ciudad Rusia, Sochi, se reunieron cuatro representantes del bloque con el Ministro Serguei Lavrov como resultado de la creación de un Mecanismo Permanente de Diálogo Político y Cooperación entre Rusia y el organismo en 2015.

En el ámbito económico multilateral, Rusia inició en 2009 un acercamiento hacia el Sistema Económico Latinoamericano y del Caribe (SELA) en el que se analizan las principales tareas de las relaciones económicas. El objetivo de la Secretaría Permanente del SELA conjuntamente con Rusia es analizar las perspectivas de corto y largo plazo en las relaciones económicas desde el grado actual, la disponibilidad de recursos materiales, tecnológicos y financieros además de toma en cuenta las experiencias en términos de colaboración, sobre todo en los rubros de: generación de energía eléctrica, energía nuclear e infraestructura.³

Con todo, la incursión de Rusia en América Latina ha abierto paso a Moscú en una zona que históricamente ha sido objeto de los intereses geopolíticos estadounidenses. La estrategia rusa es participar en la región y mantener influencia mediante mecanismos bilaterales o multilaterales.

Rusia — Estados Unidos y sus proyecciones para América Latina

De la relación que mantiene Rusia con Estados Unidos respecto a las posiciones de ambos en el plano latinoamericano, es necesario distinguir la estrategia que representa cada uno. Estados Unidos persigue el avance del internacionalismo liberal en el mundo bajo su liderazgo. Rusia, por el contrario, apoya las relaciones más igualitarias entre las principales potencias mundiales en la búsqueda de la multipolaridad donde se mantenga un escenario estable para fortalecer su posición al negociar con las diversas regiones del mundo.

El análisis de las tendencias de Estados Unidos hacia América Latina muestra dos procesos paralelos: por un lado, la continuidad de la primicia estadounidense en México, Centroamérica, la región Andina y parte del Caribe; no es casual en absoluto que los países que integran esas zonas tengan un importante intercambio comercial con su socio del norte. Por el otro, los países de América del Sur siempre han mostrado una dinámica de diversificación tanto comercial como política con Europa, Asia-Pacífico, Rusia e incluso Sudáfrica. Por lo anterior, la idea de que

³ Antonio F. Romero, *Las relaciones económicas entre la Federación de Rusia y América Latina y el Caribe: situación actual y perspectivas*. Página web del Sistema Económico Latinoamericano y del Caribe, <http://www.sela.org/bd-documental/documentos/presentaci%C3%B3n-del-documento-base-las-relaciones-econ%C3%B3micas-entre-la-federaci%C3%B3n-de-rusia-y-am%C3%A9rica-latina-y-el-caribe-situaci%C3%B3n-actual-y-perspectivas> (accessed 01.08.2017).

Estados Unidos se mantiene como actor hegemónico en América Latina se difumina, pero también resulta como una imagen inercial del pasado, lo anterior se constata con la fallida proyección del proyecto ALCA.

El pasaje que estamos viviendo en el actual contexto geopolítico latinoamericano es cambiante y por lo tanto difícil de calibrar, pues exigirá para Rusia negociar en doble movimiento, tanto a nivel bilateral como multilateral, ello en el contexto de los numerosos acuerdos, sobre todo en el ámbito del comercio de armas que el gobierno ruso firmó con diversos Estados y de esa manera acercarse a los principales protagonistas como son Brasil, Argentina, México, Chile y la relación especial desde hace décadas que mantiene con Cuba a la vez del acercamiento que ha iniciado con el gobierno boliviano de Evo Morales en los planes concernientes al desarrollo de energía nuclear y con el gobierno de Nicaragua que se mantiene expectante de la posición rusa en la región.

Debe prestarse especial atención a la cooperación en el sector de la energía, en el que Rusia es un Estado líder. Como parte de esta política durante la última gira por América Latina del presidente Vladimir Putin, se firmó un acuerdo con Argentina sobre cooperación en energía nuclear, el contrato para la construcción de cuatro unidades para la explotación y desarrollo de campos de petróleo en Cuba, incluyendo en alta mar. En tanto con Argentina, la empresa "Inter RAO" conectará la construcción de centrales hidroeléctricas, en cuanto a Brasil, a pesar de la crisis que ha pasado, ROSNEFT producirá hidrocarburos en la cuenca Solimões.

Cabe destacar también que América Latina representa un amplio mercado que para la industria y el comercio exterior rusos significa un mercado real con amplias oportunidades para la comercialización de productos de alta tecnología y maquinaria.

Por otro lado, la estrategia que implemente Estados Unidos bajo el mandato de Donald J. Trump puede abrir nuevas facetas en la relación de Estados Unidos con los Estados que conforman la región, especialmente a la luz del "giro correcto" que ha surgido en varios países. Inicialmente, en América Latina se reaccionó de manera sorpresiva a la noticia de la elección de un nuevo presidente. En Chile, Michelle Bachelet, que apoyó abiertamente a Hilary Clinton, lamentó la derrota de su colega. Sin embargo, el presidente de México, Enrique Peña Nieto, como los líderes de Brasil, Colombia y Argentina declararon estar dispuestos a desarrollar y profundizar las relaciones bilaterales. Los opositores posicionales de Estados Unidos, Nicholas Maduro y Evo Morales, también expresaron su esperanza de cooperación.

Los Estados que conforman América Latina están experimentando un período de cambios y realineamientos con un número importante de problemas, especialmente en el ámbito interno, pero con el objetivo de buscar su posición en el plano internacional y diversificar, sobre todo los del sur, sus políticas exteriores y en este sentido de mantenerse la actual política de contención por parte de varios países

hacia Rusia y al observar y tomar en cuenta la riqueza en recursos naturales de la zona y el creciente interés en el mercado de armas en América Latina, la región podría convertirse en una zona de permanente prioridad y revestirá una mayor importancia para el gobierno ruso.

Библиография:

1. Serguei Lavrov. Entrevista concedida por el Ministro de Asuntos Exteriores de Rusia, *Revista América Latina*, 2009, N.2. En: http://www.embrumex.com.mx/pdfs/sp_abril2009_01.pdf
2. Antonio F. Romero, *Las relaciones económicas entre la Federación de Rusia y América Latina y el Caribe: situación actual y perspectivas*. Página web del Sistema Económico Latinoamericano y del Caribe, <http://www.sela.org/bd-documental/documentos/presentaci%C3%B3n-del-documento-base-las-relaciones-econ%C3%B3micas-entre-la-federaci%C3%B3n-de-rusia-y-am%C3%A9rica-latina-y-el-caribe-situaci%C3%B3n-actual-y-perspectivas>

The impact of the Russia-China strategic partnership on Brazil

El impacto de la asociación estratégica Rusia-China en Brasil

Abstract. Russia and China have established a strategic partnership that can lead to formation of a new global economic and political center, which will be placed in Asia. The New Silk Road plans to articulate different countries with significant economic and political importance in that continent and in Europe. Brazil, a former member of the BRICS countries, is an important partner, which is not part of the region where this strategic political-economic cooperation is being developed; and still, it is located in a zone that directly holds great political and economic influence from United States, the headquarter of the western economic and political pole. In this new context, what opportunities the strategic partnership between Russia and China could provide to the Brazil and South America continent?

Keywords: strategic partnership; Brazil; Russia; China; BRICS; United States; economic system; New Silk Road.

Resumen. Rusia y China han establecido una asociación estratégica que puede conducir a la formación de un nuevo centro económico y político mundial, que se colocará en Asia. La Nueva Ruta de la Seda planea unir diferentes países de gran importancia económica y política en ese continente y en Europa. Brasil, un antiguo miembro de los países BRICS, es un socio importante, que no forma parte de la región donde se desarrolla esta cooperación política y económica estratégica; y aún así, está ubicado en una zona que tiene directamente una gran influencia política y económica de Estados Unidos, la sede del polo económico y político occidental. En este nuevo contexto, ¿qué oportunidades podría brindar la asociación estratégica entre Rusia y China al continente de Brasil y Sudamérica?

Palabras clave: asociación estratégica; Brasil; Rusia; China; BRICS; Estados Unidos; sistema económico; Nueva Ruta de la Seda.

Introduction

The world economic system has been under significant changes as emerging and reemerging players are arising and redesigning once again its structure, creating

¹ Brasil. Journalist and scriptwriter, specialized in International Politics. She graduated from Faculty of Communication at Pontifical Catholic University of Rio Grande do Sul, completed a specialization in International Politics at the same institution and holds a master's degree in International Strategic Studies from Federal University of Rio Grande do Sul (ascangarellibrites@mail.ru).

other political spheres throughout the globe, which is possibly leading to a multipolar balance of power. At the beginning of the twenty-first century, China, after some decades of national economic reforms, supported with political domestic stability, became the focus of this important change, and seems to be objectively inclined to foster a new alternative world economic center in Asia. To achieve that main purpose some diplomatic, political and economic initiative are extreme important as to finance a New Silk Road, to improve further collaboration among Shanghai Cooperation Organization and other International Organizations, beyond establish strategic close relations with specific partners as Russia, for instance.

The Chinese “enterprise” opened innumerous possibilities to other countries as Russia, which after Europeans and United State imposed economic sanctions, it has found in China a short-term way out to supply its economy with exports, imports and investments. After the chaotic situation left by Gorbachiov’s Perestroika/Glasnost and Ieltsin’s neoliberal shock therapy, Russia was left with a fragile economy, whose two main weak points are oils, gas and arms trade dependency and lack of economic diversity. Very few goods are produced inside the country. Therefore, a Chinese strategic long-term cooperation could improve Russian economy, not only through financial investments, but also with joint-venture company’s initiatives, specifically on technological, scientific and production fields. Even Russia’s Eurasian Economic Union (EEU), depends much on China, as Vladimir Putin himself once said the EEU could serve as an economic integration which could aligned Berlin, Moscow and Beijing altogether, creating a new commercial route.

All these initiatives also aim to diminish United States influence in Europe and Asia, two geopolitical and economic strategic regions, which the US, to maintain and expand its sphere of influence always looked for to remain present by favoring and indirectly controlling Russian and Chinese local rivals, or competitors. Russia is alongside with the US a military power, and China, ironically, became alongside the United State an economic power. These two countries put directly into risk the unipolar world, whose center of power is represented by the US.

Actually, this is a situation where United States helped to create for itself, as some years ago, planning to destroy and divide the Communist World, Nixon retied relations with China, in 1972, transferring its main industrial and economic force to Asia, resulting nowadays in many economic depression areas inside the United States. China strategically through Deng Xiaoping reforms took advantage of the new situation designing a carefully and well-think long-term economic development plan.

It is not a coincidence that China and Russia, also, step by step, are getting close of South America, a US direct sphere of influence. China has already become the main economic partner for the region, and Russia tries to persuade South American partners that it can be an alternative military and political source and

partner for them. To Brazil, China substituted United State as the main commercial and investment partner, being the biggest importer of Brazilian goods, commodities and merchandise. The Chinese not only see Brazil as a significant trade, market and investment partner, they pursue to find new allies, especially in multilateral cooperation, at International Organizations and forums. That is one of the reason behind the existence of BRICS group (Brazil, Russia, India, China and South Africa), the *acronym* for an association of these five major *emerging national economies* that are, or, at least were, considered leaders on the present transformation of the economic world system. In a very short-time, the BRICS broke through the acronym barrier and became a political and financial forum for the members involved.

The whole scenario of the BRICS and the Russia and China cooperation seems very attractive, but could it be a real alternative to countries as Brazil, the biggest economy in Latin America and one of the 10th biggest economies in the world, who still finds itself submerge in many social, political and economic problems? On this article, we are going to focus our discussion in how the strategic Russian-Chinese partnership could affect Brazil, as a country that besides not being an Asian nation, still located on a region where United States exert great political influence.

Indian and South Africa, despite being main allies in forums like Ibas and BRICS, when we look in concrete results, their presence and approach to Brazil and South America still find a large space to improve. However, with India there are good future prospective to cooperation on biotechnology, industry and on health industry. Russia also is way behind to become a main partner as China, however the Russians have been already trying to expand their cooperation in areas they hold expertise as spatial, nuclear, oil and armaments.

China: an important ally to Russian plans to create an eastern economic and political power center

In 2000, the Eurasian Economic Community was created, an international organization that guarantees multilateral economic cooperation among its member countries: Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russian Federation and Tajikistan. The aim is to create common policies such as employment and customs tariffs. In a long-term future, it is intended to establish a common market project. In 2010, a Customs Union was created between Belarus, Kazakhstan and Russia, but divergences regarding the collection of export taxes, especially of oil products, hold further negotiations for some time.

One must also consider the fragile state apparatus that Central Asian countries still have and their incomplete transition to a productive market system. With the end of the USSR, there was an implosion of a structure and an administrative system that had been built in an integrated way. At that time, Soviet Russia as an economic

and political center power of the soviet bloc, had the most part of natural resources and the possession of the main space, nuclear and military technology. Russian Federation inherited all, and its neighbors, at least, some of them, were left only with their oil reserves. This is one of the causes which is why it is still difficult to promote a deepened integrated economic in the region. But we can mention some other important elements as the asymmetry among regional economies and the western interference that aims to empower and support anti— Russian regimes in this strategic region.

Central Asia, is the main bridge to establish a cordial and peaceful cooperation with China. Nowadays, they have also come to stand out as a center that can converge interests between Chinese economic power and Russian military apparatus. In 2001, a Good Neighborliness and Friendly Cooperation Treaty was signed between the two countries, ending decades of strife over the borders demarcation that nearly led them to war in 1969.

Russia has transferred territories that China demanded and in return the Chinese had secured investments in Russian economy. The treaty's assure that both China and Russia would respond to any threat from outside their territories, and a mutual response in case of any attack from an outsider to anyone of them. The economic cooperation has been improving, especially in the military and energy sphere. Chinese investments are also welcome, especially in the more depressed areas of the Russian territory, the eastern part, which is also sparsely populated. Although Russia's internal political groups do not always look favorably on Chinese immigration to these areas, other leaders and thinkers point out the importance of immigrants in that region, especially in a country that is struggling to overcome the high decline of its population.

In addition, the formation of an oil and gas net structure, which aims to supply the Chinese economy with Russian energy, promotes a pragmatic approach between both. For some Russian analysts, the Chinese pose a lesser threat to the existing ones that come from the West, and also Russians can find less barriers in dealing with China than with Japan, which it still refuses to settle negotiations regarding the Kuril Islands and other territories. Is worth to remember that Japanese and the Russians has been unable to sign a peace treaty, even after 70 years of the end of World War II. Russia had a plan to build a pipeline construction that was supposed to provide energy to Japan, but the Japanese disrupted the project, and contribute to the Russian pipeline to be redirected to Mongolia, reaching China.

The Sino-Russian alliances has been found many skepticisms among experts, however one can highlight that even if the Chinese and the Russian might find a lot of obstacles in their path to cooperation, it is also true that they lack strength when acting alone. It is also important to mention that both countries have common rivals, which is a main point that can easily converge their interest to collaboration.

Each one of them intend to build their own trade economic region, which could complement one and another, despite a big range of different interesting that they might have. However, these obstacles can not be disregarded, as professor Silvana Malle pointed out:

“A more problematic area for cooperation is that of the Eurasian Economic Union (EAEU). Economic integration in Eurasia was originally pursued by Russia with no immediate concern and/or interest for China. It is becoming clear that both countries have developed strong interests in this region. While each country has pursued autonomously projects in Central Asia, where both are economically present and to a large extent competing, joint infrastructural projects may be convenient to both. China and Russia could either decide to strive one against the other for primacy in the region, or back down and engage in a process of cooperative net working. Judging from their comparative strengths and geo-economics neither could reasonably be a winner. But both could be losers to outsiders. Compromise may be the only way out in the short to medium term”².

Other issues, as the constant threat of ancient “enemies” presence in the region could strongly push China forward to a cooperation with Russia. Although relations with the Chinese have improved in recent years, Japan still does not pose itself as a player inclined to boost and seek a real cooperation and integration relationship with its neighbors. The strong USA presence in Japan and in the Korea Peninsula also could be list as one reason that lead the Chinese to establish closer ties with the Russians. Even if the Chinese plans to build a new Silk Road, could not include Russia, it is also true that the Russian economy can provide different alternatives commercial routes, that may lead in the future to a total change on Asian continent infrastructure, making it more complex, through a modal interconnection, with the construction of railway networks, waterways, highways.

This initiative includes the presence of other countries such as India. By interconnecting the main countries commercially and infrastructurally, Asia might become less prone to arm conflicts and even to Western interference. At the same time it can, if all interests converge, definitely build a new dynamic world independent economic center, that is to say acting more autonomously of the western Atlantic route. This will require a great deal of cooperation and integration. Putin’s plan to build a Eurasian economic zone implies the existence of this transposition process, or the creation of a new power center in Asia. Thus, Russia seeks its participation in this new context, being a strategic actor who, at the same time, helps promote the integration of Asia and provides interaction with the former Western European bloc.

² Malle, S., Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior, *Journal of Eurasian Studies*. Volume 8, Issue 2, July 2017, 136-150.

“With the construction of the Customs Union and Common Economic Space, we are laying the groundwork for a prospective Euro-Asian economic union study. At the same time, the customs union and ESC will expand involving Kyrgyzstan and Tajikistan. We intend to go further and propose an ambitious goal of reaching a higher level of integration — the Euro-Asian Union. None of this implies any kind of return to the Soviet Union. It would be naive to try to relive or emulate something that was referred to in history. But these times require close integration based on new values and a new political and economic basis. We suggest a powerful supranational association capable of becoming one of the poles of the modern world and serving as an efficient bridge between Europe and the dynamic Asia-Pacific region.”³

The construction of a new economic center in Asia might be appealing to outsiders; potential economic friendly regions as South America. Brazil is the main economy of the continent and could see in this Sino-Russian strategic alliance a big alternative to its South Atlantic Commercial Route, which mean more business and more cooperation, even in the political sphere. However, the Brazil’s internal political division could again miss the perfect time to participate indirectly form these Sino-Russian strategic cooperation, specially inside the BRICS.

Russian-Chinese partnership: a strategic alternative to Brazil?

The Russian-Chinese can indeed open a new business perspective to Brazil’s economy. They can pave the way to strength and deep integration of South America economies with Brasilia. They also are allies that widen that chorus for reforms on international organizations that would improve Brazil’s bargaining power on these institutions. To Brazil expand its presence in Asia, it will need the help of other South American countries to reach that purpose. Brazil’s has no military power as United State; although stronger than Russian Economy, Brazilian presence in the international market it is really small, not reaching 9 % of Brazilian total participation, as the Minister of Industry and Commerce pointed out. It needs also to improve its exports by adding higher value-added products, and not only commodities. Brazil also it is not have access to the Pacific Ocean, as United States, what increases even more its needs to get closer to its South America neighbors and invests in infrastructure plans in the continent.

Well strategic policies conducted by a Government who its main goals is to lead the country on good partnerships, as joint-ventures, or allocate foreign investments on science and technology could take the best of what the Chinese and Russian collaboration have to offer. But, it will depend entirely on its internal correlation forces to wisely and pragmatically take advantage of that situation, in order to improve the country’s power position in the international system and boost

³ Putin, V., In: <http://premier.gov.ru/eng/events/news/16622/> (Accessed on: 25.11.2017).

Brazilian economy to other frontiers. The main problem lies on the lack of long-term vision and strategic thinking of a significant part of Brazilian entrepreneur's elite. Unfortunately, they are still far from acknowledge that their private goals must be ally with the country's interests, resulting even to find new markets and to seek the improvement of the Brazilian economy. The deepened connection that a share of Brazilian political, intellectual and economic elite has with United States and its allies as France and United Kingdom in Europe still could lead anyone to think that colonialism did not disappear in the country and in the region.

The lack of commitment, even in the lowest levels, with the national interests would bring harsh consequences for the solidity of many big national companies. For instance, let's take regional economic integration initiatives that where foster by the Brazilian Government in collaboration with other main economies as Argentina and Chile. The efforts to integrate South America through infrastructure and unite its different commercial and economic zones were easily put on hold when Dilma Rousseff was impeached in 2016, without actual evidence that would support corruption accusations against her, and Michel Temer's government swang the Brazilian Foreign policies back towards the narrow cooperation with Europe and USA, leaving BRICS and South America to second level priority.

The lack of consistence in the policies implement of governments with different ideological approaches leave the country in a situation it ends not protecting the national interests and losing even important shares of its own market to foreign companies, including Chinese enterprise, selling national and strategic companies, for a bargain. The package of privatization that the today's Brazilian interim government is offering in different economic forums does not shows any sign of being part of a broader strategic long-term plan that could show that Brazil is leading in any directions. The previous government had a very specific national project, which main goal was to wider Brazilian economic and commercial partnership and improve Brazilian presence in the world, strengthening its power in the international system, through an alliance with the emerging and the developing countries. Projects as the Initiative for the Integration of the Regional Infrastructure of South America (IIRSA), and other policies that where being step by step conducted by the Union of South America Nations which Brazil's, under Lula government, invested a lot of effort, where put aside from the priority list. The political elites, from left, center and right wing in Brazil need to find a common ground, that goes beyond their private interests.

Conclusion

To establish a national plan that will prevail, despite who is in power, is the key to consolidate Brazil's position as a nation that sustain economic and political

relations with West and East center powers. Nevertheless, the option that have been taken by Michel Temer's government are part of an old form of conducting Brazilian foreign relations and is not regarding changes that had occurred in Brazilian society, who is demanding a different form to conduct international affairs. Brazil's needs to go beyond the position of a commodity exporter and needs to increase its participation in the international market. It also needs a strategic military reform, which shall be conducted along with its South American neighbors, not only to secure the mutual security in the region, but also to coordinate efforts to build strategic initiatives as the of building a multinational atomic energy company with Argentina, for instance. Infrastructure also calls for investments and actions that demand participation from South America countries that live alongside the Pacific Ocean.

Chile, Ecuador and Peru are not as close to Brazil as countries from Plata River region. They are extremely important players and partners to boost South American national economies, empowering the region and open new commercial routes, economic and political alternatives that would provide South Americans countries with more independence. Brazil as the biggest economy in Latin America, should consider these strategic collaboration to consolidate its position as an important player in the international economic system. Not taking these issues into account will only repeat the past, by changing United States as the main commercial and political partner, and replace it with China, providing natural resources and commodities to the Chinese, not transforming and enriching Brazilian economy.

Brazilian cooperation with Russia it will also not improve to a real strategic one, which includes working and financing mutual projects that could help to create new prospects to both economies. In June of this year, during bilateral meeting, the interim president Temer announced that when Brazil reach the Mercosur's presidency next year, his government will push forward negotiations to close ties with the Eurasian Economic Union, however, so far both continuing to have a balance of trade based mainly on the export and import of commodities. All the projects developed in the Brazilian territory by Russia, are based on energy, such as the construction of hydroelectrics. It is necessary that the partnership extends to other strategic areas that involve communication and space technology, for example, fields that Russia has a lot of expertise. Little has also been done to increase cooperation in the military sector, with Brazil limiting itself to buying some Russian helicopters and nothing more. There is no news of military exercises being done together. One might think that this timid collaboration in the military field is due to the significant influence that the United States has on the Brazilian armed forces, with the military having a preference in negotiating and conducting training activities with the United States and some European countries, showing that the Cold War mentality is still strong on the country's strategic minds that should be the most pragmatic when it comes to defend national interest.

Bibliografia:

3. GU, Ho Eom, “Silk roads again: Revisiting roads connecting Eurasia”, *Journal of Eurasian Studies*, Volume 8, Issue 1, January 2017,1-2
4. Wilson, L. Jeanne, *Strategic Partnership — Russian-Chinese relations in the post Soviet Era*. M. E. Sharpe, New York. 2004.
5. Sakwa, R., *Putin’— Russia’s choice*. Routledge, New York, 2004. SEGRILLO, Ângelo. O Fim da URSS e A Nova Rússia — De Gorbachev ao pós-Yeltsin, Petrópolis, Ed. Vozes, 2000.
6. Stiglitz, J., *Globalization and Its Discontentents*. Ed. Penguin Books, Londres, 2002.
7. Ab-Sad. *Sergio Caldas Mercador*. A Potência do Dragão, UNB, Brasília, 1996.
8. Vizentini, P.; Wiesebr N, Marianne (Org.). *Neohegemonia Americana ou Multipolaridade? — Pólos de Poder e sistema internacional*, 1 ed, Porto Alegre, Ed. UFRGS, 2006.
9. *Sistema Económico Latinoamericano y del Caribe* — SELA, July 2009, Caracas, Economic relations between the Russian Federation and Latin America and the Caribbean: Current situation and prospects, Caracas, 2009.
10. Blank, S., *Russia in Latin America: Geopolitical Games in the US’s Neighborhood*. Paris, Abril 2009, IFRI.
11. Zubezú de Bacigalupo, G., As relações russo-brasileiras no pós-Guerra Fria. *Revista Brasileira de Política Internacional*, Instituto Brasileiro de Relações Exteriores, Brasília, 2000, Vol. 43 n. 2, 59-86.
12. Altemani de Oliveira, H., Brasil-China: Trinta Anos de Uma parceria Estratégica. *Revista Brasileira de Política Internacional*, Instituto Brasileiro de Relações Exteriores, Brasília, 2004, Vol. 47, n. 001, 7-30.
13. Pimentel Puga, Fernando. A., *Inserção do Brasil no Comércio Mundial: O efeito China e Potenciais de Especialização das Exportações*. In: texto para Discussão 106. Rio de Janeiro, p. 1-68, outubro, 2005.

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Martha Ardila¹

Variaciones en la inserción internacional latinoamericana: ¿mas autonomia y multilateralismo?

Variations in the Latin American international insertion: more autonomy and multilateralism?

Resumen. Latinoamérica atraviesa una nueva configuración regional marcada por diversos modelos de desarrollo y tipos de inserción internacional. Esta transición se da en medio de una compleja relación internacional Norte-Sur y Sur-Sur en la que se observa la conformación de grupos subregionales, la diversificación y la búsqueda de nuevos márgenes de autonomía. Este artículo debate las variaciones del concepto de autonomía vinculado con la inserción internacional de países como Colombia — México, y Brasil — Venezuela. Para ello se parte de la hipótesis de que el multilateralismo ha contribuido a incrementar los márgenes de autonomía de los países latinoamericanos. No obstante se observan diferencias entre los países y subregiones.

Se concluye que los patrones de inserción latinoamericana, si bien buscan mayores márgenes de autonomía y asociación, continúan oscilando entre la ideologización y el pragmatismo, y Estados Unidos continua incidiendo, directa o indirectamente, económica o políticamente, en las relaciones internacionales de América Latina.

Palabras clave: America Latina; autonomía; multilateralismo.

Abstract. Latin America is going through a new regional configuration marked by different models of development and types of international insertion. This transition occurs in the midst of a complex North-South and South-South international relationship in which the formation of sub-regional groups, diversification and the search for new margins of autonomy are observed. This article discusses the variations

¹ Colombia. Politóloga y PhD. en Estudios Latinoamericanos y en Ciencia Política y Relaciones Internacionales. Es Profesora e Investigadora del Centro de Investigaciones y Proyectos Especiales, CIPE, de la Universidad Externado de Colombia. Este artículo hace parte de una investigación más amplia sobre Teoría de Relaciones Internacionales que se realiza en el grupo de investigación OASIS en el CIPE de la Universidad Externado de Colombia. (martha.ardila@uexternado.edu.co).

of the concept of autonomy linked to the international insertion of countries such as Colombia — Mexico, and Brazil — Venezuela. This is based on the hypothesis that multilateralism has contributed to increasing the margins of autonomy of Latin American countries. However, differences are observed between countries and subregions. It is concluded that Latin American insertion patterns, while seeking greater margins of autonomy and association, continue to oscillate between ideology and pragmatism, and the United States continues to influence, directly or indirectly, economically or politically, Latin America's international relations.

Key words: Latin America; autonomy; multilateralism.

La teoría de la dependencia y las tesis estructuralistas y cepalinas, hicieron grandes aportes en esta materia. Analistas como Helio Jaguaribe y Juan Carlos Puig plantearon reflexiones, algunas de las cuales fueron aplicadas cuando Fernando Henrique Cardoso cuando fue presidente de Brasil y / o cuando Puig fue ministro de relaciones exteriores. A su vez, los estudiosos dependentistas se desplazaron y vivieron en otros países como Venezuela donde dejaron sus enseñanzas y moldearon sus ideas a las condiciones de los países receptores.

Estas teorías tuvieron mayor asidero en Suramérica que en el resto del continente, lo cual no significa que en países como México se desconociera el tema. Todo lo contrario, desde finales del siglo XIX y debido a intervenciones externas y a la pérdida de territorio, así como gracias a la Revolución Mexicana, se creó una escuela del pensamiento, vinculada con la soberanía que tuvo como principal huésped el Colegio de México, con una visión legalista en un comienzo, y luego más política. Lorenzo Meyer, Soledad Loaeza, Francisco Gil, hicieron parte de ella.

Por su parte, el multilateralismo y la búsqueda de la asociación también tomaron fuerza en la región sobre todo a partir de la década de los 40 del siglo XX cuando se crearon las Naciones Unidas, ONU, en 1945 y la Organización de Estados Americanos, OEA, en 1948, sin desconocer la suscripción del Tratado Interamericano de Asistencia Recíproca, TIAR y la creación del Banco Interamericano de Desarrollo, BID, entre otros. No obstante, muy pronto vimos que los organismos internacionales que fueron creados bajo el contexto de la Guerra Fría entraron en crisis, buscando entonces la subregión un nuevo multilateralismo.

Este nuevo multilateralismo tomó fuerza gracias al debilitamiento de los Estados Unidos, a la aparición de potencias regionales de diferente rango, como Brasil, México, Venezuela, Colombia, y al surgimiento de una nueva izquierda en América Latina. Sin embargo, organismos multilaterales que surgieron como la Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA, entraron en crisis debido al declive de Venezuela en la jerarquía de poder regional y a la disminución de los precios del petróleo.

Teniendo en cuenta las anteriores consideraciones, este artículo busca dar respuesta a: ¿cómo ha variado el concepto de autonomía vinculado con la inserción

internacional y como se ha desarrollado en países como Colombia — México, y Brasil — Venezuela?

Para ello se parte de la hipótesis de que el multilateralismo ha contribuido a incrementar los márgenes de autonomía de los países latinoamericanos. No obstante se observan diferencias entre los países y subregiones.

Se concluye que los patrones de inserción latinoamericana, si bien buscan mayores márgenes de autonomía y asociación, continúan oscilando entre la ideologización y el pragmatismo, y Estados Unidos continua incidiendo, directa o indirectamente, económica o políticamente, en sus relaciones internacionales.

Conceptos que cambian

Tanto el concepto de autonomía como el de multilateralismo varían según el enfoque teórico que utilicemos. En este artículo nos basamos en la Interdependencia Compleja Asimétrica, en la cual el rol de los regímenes internacionales y del multilateralismo adquiere especial significado. Se tiene en cuenta al Estado como actor social con capacidades no solo cuantitativas sino además cualitativas que hacen alusión a la legitimidad y al liderazgo, y que interactúa con actores no gubernamentales. Se vincula la interacción entre lo interno y lo externo, y los diversos canales de interconexión; se contemplan aspectos económicos y políticos; y se enfatiza en la cooperación que buscan los regímenes internacionales (u organismos multilaterales).

Los regímenes internacionales tienen principios, normas y procedimientos, aunque en ocasiones carecen de una institucionalidad rígida, como es la Alianza del Pacífico. Cuando se encuentra constituido por actores de diversa magnitud, el más débil se verá beneficiado por el margen de permisibilidad y maniobra. En su análisis y vinculando elementos internos y externos, Amador hace alusión a que los más pequeños disminuyen su vulnerabilidad doméstica por medio de la asociación con otros países y se refiere al “margen de maniobra”². Es el caso de los países centroamericanos y del Caribe insular, y de otros como Ecuador y Bolivia en Suramérica. Algunos de ellos hacen parte del ALBA, de UNASUR o de la Asociación de Estados del Caribe.

En todo caso, las variables internas resultan determinantes en el momento de analizar la autonomía. No sólo el papel de las elites nacionales, en muchas ocasiones las económicas, sino situaciones de vulnerabilidad interna resultan definitivas para la permisibilidad de la autonomía. Es el caso de conflictos internos como el colombiano que duró más de 50 años. O la pugna entre diversas elites que se negaron a seguir auspiciando el liderazgo brasilero. O las elites económicas mexicanas que propiciaron e incidieron en una integración económica más profunda con Estados Unidos.

² Amador, E. A., Algunos elementos teóricos para el análisis de políticas exteriores de pequeños países, *Estudios Internacionales*, 1998, 88-101.

En este sentido y de manera complementaria, se observan condicionamientos para mejorar los márgenes de autonomía y maniobra, como su modelo de desarrollo político y económico; el apoyo de diversos sectores de la sociedad, es decir el consenso, en torno a proyecto político y económico; las alianzas intrarregionales e internacionales; y el empleo de los recursos de poder. De tal manera, la autonomía contempla muchos aspectos, que van desde lo histórico, lo interno, las capacidades de los países, y en lo externo, la posición del hegemón, que en caso latinoamericano son los Estados Unidos.

En todos ellos, el tema de la soberanía se encuentra presente. Un concepto que también ha variado, pero que en muchos países y sectores continúa presentando una visión westfaliana de defensa y territorialidad como la que predominó durante el siglo XIX y principios del XX en América Latina. Krasner clasifica tipos de soberanía que van desde la westfaliana de 1647, pasando por la legal, la interdependiente y la interna. No es la misma la que se basa en el derecho internacional, que la que se observa en las fronteras, o la que se encuentra impregnada en los tomadores de decisiones y la población en general. Esta última, en muchas ocasiones, es debida a factores históricos vinculados con la pérdida de territorios como ocurrió en México y Colombia. O por políticas expansionistas como las que, desde la percepción argentina, tuvo Brasil.

En este sentido, la soberanía continúa presente en los estudios sobre autonomía y multilateralismo, observándose diferencias entre los países centrales y periféricos. Mientras en los países centrales la autonomía y la soberanía van de la mano, en la periferia tan solo algunos Estados llegan a alcanzarla, cuyo margen dependerá de la estrategia adoptada por las élites nacionales³. Por su parte, Russell y Tokatlián subrayan que hay una zona gris entre autonomía y soberanía, y reservan el concepto de soberanía para el ámbito jurídico y el de autonomía para lo político⁴. Lo cierto del caso es que la autonomía es una etapa posterior a la soberanía.

Teniendo en cuenta las anteriores consideraciones, se observan diferentes tipos de vinculaciones autonomía — multilateralismo. La primera es la autonomía tradicional basada en un viejo multilateralismo, vinculada con la soberanía y el desarrollo, de la cual se desprende la autodeterminación y no injerencia, siendo una visión clásica westfaliana. Es el multilateralismo que surge antes y durante la Guerra Fría cuando se crean organismos multilaterales como la OEA. La segunda es la Autonomía Relacional que se hace presente a partir de la década de los 90 y que hace referencia a la transición hacia un multilateralismo mucho más diversificado y activo,

³ Briceño Ruiz, J., & Simonoff, A., La Escuela de la Autonomía, América Latina y la teoría de las relaciones internacionales, *Estudios internacionales (Santiago)*, 2017, 49(186), 39-89.

⁴ Russell, R., & Tokatlian, J. G., América Latina y su gran estrategia: entre la aquiescencia y la autonomía/Latin America and its grand strategy: between acquiescence and autonomy. *Revista cidob d'affers internacionals*, 2013, 157-180.

basado en muchos casos en un menor papel del Estado, que interactúa con actores no gubernamentales, que presenta una apertura de mercado y un regionalismo abierto. Durante esta etapa en 1994 se suscribe el acuerdo de libre comercio de México con Estados Unidos y Canadá, NAFTA. La tercera se observa en el siglo XXI y es un replanteamiento de la estrategia de autonomía debido al surgimiento de la nueva izquierda latinoamericana, el cambio en el modelo de desarrollo y el reacomodo de una agenda pos neoliberal. Se buscan nuevas alianzas, una diversificación de las relaciones internacionales y la creación de nuevos organismos multilaterales como el ALBA, la CELAC, UNASUR y la Alianza del Pacífico.

Diversos tipos de inserción internacional: colombia — mexico, y brasil — venezuela

En esta parte se examinan dos tipos de modelo de inserción internacional⁵: el de subordinación (o aquiescencia) ejemplificada por Colombia y México, y el de “autonomía” de Brasil y Venezuela.

Las vinculaciones mencionadas hacen parte de las diversas modalidades de inserción externa que van desde el equilibrio suave hasta el acoplamiento, pasando por la diversificación, el repliegue y la unidad colectiva⁶. La unidad colectiva se refiere a la integración, asociación y multilateralismo. Citando a Smith, estos autores señalan que busca aumentar la integración, cooperación y concertación entre los países latinoamericanos con el propósito de aunar fuerzas y robustecer la capacidad de negociación individual y grupal.

Este artículo analiza en primer lugar a México y Colombia como países dependientes, y en segundo lugar, a Brasil y México que buscan la autonomía, teniendo en cuenta la variable histórica vinculada con la pérdida de soberanía, los conceptos que emanan, la posición frente a Estados Unidos (principal referente), y la posición frente a grupos regionales.

Colombia y México. ¿Una subordinación que permanece?

Para Colombia, la separación de Panamá dejó un sentimiento de impotencia en los tomadores de decisiones, y de furia en diversos sectores de la sociedad. Ni

⁵ En los esfuerzos de inserción externa, América Latina ha combinado esfuerzos de autonomía con la aquiescencia (Russell y Tokatlian, 2013) Otros autores se refieren a los países transformacionales, contestatarios o hegemónicos (Badie); o No-alineados, líderes de bloques, balanceadores o satélites (Holsti, 1970); o Pro-core o anti-core, o autónomos-dependientes, (Hey, 1997); y/o ideológicos o Pragmáticos (Gardini, 2011). En este sentido, algunos buscan la autonomía y otros son más dependientes, incluso de manera racional y consentida. Es el caso de Colombia a lo largo de su historia reciente que desde comienzos del siglo XX, y desde la década de los 90, buscó una mayor presencia de Estados Unidos.

⁶ Russell, R., & Tokatlian, J. G., América Latina y su gran estrategia: entre la aquiescencia y la autonomía/Latin America and its grand strategy: between acquiescence and autonomy. *Revista cidob d'afers internacionals*, 2013, 157-180.

la creación Comisión Asesora de Relaciones exteriores en 1913 ni la negociación y posterior suscripción del Tratado Urrutia Thompson en 1914, opacaron la percepción de Colombia como país que perdía uno de sus territorios más prósperos pero que debido al centralismo de la Constitución de 1886, de esa época, descuidaba los territorios lejanos de su capital. El papel fragmentador que jugó Estados Unidos condujo a un distanciamiento entre ese país y Colombia.

En ese contexto, el presidente Marco Fidel Suárez (1918-1921) planteó un *Respice Pollum* para la política exterior colombiana que consistía en buscar una orientación externa hacia los Estados Unidos, con el objetivo de renormalizar las relaciones entre ambos países. Se creía que una alianza con ese país favorecería negociaciones de límites y las relaciones con América Latina y el resto del mundo. Desde entonces, este lema ha predominado en la inserción externa del país, no obstante esfuerzos que se dieron desde la década de los 70 cuando se buscó un *Respice Simillia*, de fortalecer vínculos con países similares como los de América Latina y del Tercer Mundo, durante los gobiernos de Carlos Lleras Restrepo (1966-1970) y Alfonso López Michelsen (1978-1978).

El acercamiento y dependencia de Colombia frente a los Estados Unidos no fue obstáculo para que el país desarrollara una política de Subordinación Activa que significaba que a pesar de dicha dependencia, Colombia tenía una política exterior activa, protagonista y en ocasiones con liderazgo, pero para fortalecer los intereses norteamericanos. La máxima expresión de dicha subordinación se dio durante la Guerra Fría, como lo demostró el envío de tropas colombianas a Corea a comienzos de la década de los 50, la posición frente a Cuba, y la actuación en la OEA y la ONU⁷.

Muy pocos momentos de la política exterior colombiana han mostrado márgenes de autonomía. Entre ellos se encuentra el gobierno de Alfonso López Michelsen cuando participó en 1977 en la negociación de la firma del Tratado Torrijos-Carter para la devolución del Canal por parte de Estados Unidos a Panamá. Durante esa administración se dio también la apertura de relaciones internacionales con países socialistas. Luego cuando asume la presidencia Belisario Betancur (1982-1986), Colombia ingresó al Movimiento de los No Alineados, NOAL y se distanció del Fondo Monetario Internacional durante los dos primeros años de su cuatrenio.

Cuando inició la apertura comercial y la aplicación del modelo neoliberal, durante el gobierno de César Gaviria (1990-1994) se reabren relaciones diplomáticas con Cuba en octubre de 1993, las cuales habían sido interrumpidas en 1981 a raíz de una incursión del M19 por el sur del país, encontrándose armas de fabricación cubana donde varios de sus líderes habían sido entrenados. Durante el gobierno de Ernesto Samper (1994-1998) se produjo un distanciamiento de los Estados Unidos, que condujo a la diversificación y profundización de vínculos con Europa, Asia y

⁷ Ardila, M., *Cambio de Norte?*, Editorial Tercer Mundo— Instituto de Estudios Políticos y Relaciones Internacionales, 1991.

África, en parte gracias a la presidencia que ejerció del NOAL pero también al vacío de poder que dejó Estados Unidos y que fue aprovechado por la Unión Europea. No obstante, la subordinación y la aquiescencia han sido permanentes.

Los gobiernos de Andrés Pastrana (1998-2002) y Álvaro Uribe (2002-2010), mostraron un reacomodo hacia los Estados Unidos, llegando a hablar de un Nuevo *Respice Pollum*, de una “intervención por invitación”⁸ y de una ausencia de política exterior. Lo cierto del caso, es que se dio una remilitarización y securitización de las relaciones con Estados Unidos. El Plan Colombia y el Plan Patriota por un lado, la posibilidad de que Estados Unidos utilizara bases militares colombianas por el otro, y el calificativo de amenaza terrorista al conflicto interno colombiano, profundizó la desconfianza en los países vecinos y aisló a Colombia del escenario regional, teniendo la política exterior hacia una bilateralización. Estas características mostraron su máxima expresión con la Operación Fenix⁹ y la ruptura de relaciones con Ecuador en abril de 2008, ocasionando una crisis diplomática con este país y con Venezuela.

Teniendo en cuenta los anteriores sucesos, se observa que son variados y por diferentes razones los momentos de distanciamiento de la política exterior colombiana de los Estados Unidos. En ellos se combinan elementos ideológicos, pragmáticos y circunstanciales, tanto políticos como económicos.

Mucho se ha discutido si Juan Manuel Santos inauguró un nuevo modelo de política exterior. Son varias las características de la inserción externa colombiana desde que Santos en agosto de 2010 llega a la Presidencia de la República. La primera de ellas se relaciona con el apoyo de la comunidad internacional a las negociaciones con las FARC. Países como Noruega, Venezuela, Cuba, Estados Unidos y Chile, jugaron un importante papel como acompañantes y facilitadores. En la actualidad las Naciones Unidas y la OEA trabajan de la mano en las diferentes etapas del posconflicto. En segundo lugar, se recobra el multilateralismo para la inserción externa del país, como lo demuestra su actuación en Naciones Unidas, UNASUR, la OEA y la Alianza del Pacífico. En tercer lugar, se fortalecen relaciones con los países latinoamericanos y en particular con Venezuela, Brasil, Ecuador y Brasil. No obstante, a medida que se fue profundizando la crisis venezolana y debido a las declaraciones gubernamentales de ambos países, las relaciones se fueron deteriorando. La verdad es que predomina una profunda desconfianza que tiene raíces más históricas que coyunturales.

⁸ Tickner, A.B., “Intervención por invitación. Claves de la política exterior colombiana y de sus debilidades principales”. *Colombia Internacional* 65, ene — jun 2007, 90 — 111.

⁹ El 1 de marzo de 2001, fuerzas militares y de la policía incursionaron en territorio ecuatoriano realizando un bombardeo donde murió el líder guerrillero Raúl Reyes, y otros miembros de las FARC, 4 estudiantes mexicanos y 1 ecuatoriano. Ecuador y Venezuela reclamaron a Colombia por violar soberanía y vulnerar la Convención de Viena. Ecuador y Venezuela rompieron relaciones diplomáticas con Colombia, las cuales fueron reestablecidas en noviembre de 2010 bajo la administración de Juan Manuel Santos. Durante esos años se presentó una triangulación de las relaciones Colombia-Venezuela-Ecuador.

En cuarto lugar, se diversifica la inserción internacional del país aunque Estados Unidos continua presentándose como un importante socio siendo las exportaciones hacia ese país entre un 30-35 % del total de las exportaciones colombianas. Con la administración de Donald Trump prima la incertidumbre, debido a la política comercial y migratoria anunciada. Se teme la renegociación del tratado del libre comercio suscrito en el 2013 y una mayor disminución de las remesas. Pero no solo ello, sino una renarcotización de las relaciones con ese país debido al aumento de los cultivos de coca que casi alcanzan las 190.000 hectáreas.

Aquí resulta pertinente señalar que con Santos se muestran cambios en la inserción externa del país. Basados en su carácter pragmático, se acerca a América Latina recomponiendo la relación con Ecuador y Venezuela. Pero, difícilmente podríamos decir que se presenta un nuevo modelo de política exterior, ni tan siquiera con las negociaciones de paz.

Por su parte, México en cambio, reaccionó de manera diferentes frente a la pérdida de territorio y también tuvo invasiones externas. Durante los primeros 50 años del siglo XX. Entre 1836 y 1847 pierde el 65 % de su territorio. El internacionalista del Colegio de México Lorenzo Meyer señala, que desde la separación de Texas en 1836, el “factor norteamericano” constituye el eje de la política exterior mexicana e incide directa o indirectamente en el proceso político interno azteca”¹⁰.

La pérdida de soberanía y la defensa de la misma, es un elemento central de una política exterior, impregnada por la diferencia y asimetría de poder entre México y Estados Unidos. En el mismo sentido, Soledad Loaeza¹¹ indica que hasta los noventa, el factor internacional ejercía una enorme influencia sobre procesos e instituciones locales de manera directa e indirecta; en la sensibilidad del sistema político que variaba dependiendo de su naturaleza y de las actitudes y creencias de sus elites y/o en la misma distribución del poder dentro del país. Durante estos años, la autonomía se vincula con la soberanía y el nacionalismo, y nacen conceptos como el de nacionalismo defensivo¹².

Autonomía, desarrollo y relación con Estados Unidos han sido temas prioritarios, estando los tres íntimamente vinculados. En cuanto al último, uno de

¹⁰ Meyer, L., Estados Unidos y la evolución del nacionalismo defensivo mexicano, *Foro internacional*, 2006, 421-464.

¹¹ Loaeza, S., La política de acomodo de México a la superpotencia. Dos episodios de cambio de régimen: 1944-1948 y 1989-1994, *Foro Internacional*, 627-660.

¹² El Nacionalismo Defensivo nació de la experiencia histórica y de la injerencia norteamericana en México y en sus asuntos internos. La guerra de 1847 y la pérdida de la mitad de territorio, la experiencia de desestabilización del gobierno constitucional del Presidente Francisco Madero en 1913, y la ocupación del Puerto de Veracruz que ordenó el Presidente Woodrow Wilson en 1914, condujeron a desarrollar este concepto (Loaeza, 2013). Este Nacionalismo Defensivo de la posrevolución tuvo políticas concretas de largo plazo en educación, en relaciones exteriores y en economía. La primera transmitía valores de la identidad mexicana; y la política exterior defendía la soberanía y la autodeterminación, buscando fortalecer el país frente al exterior.

los objetivos fue mantener su línea anti intervencionista y no contravenir demasiado a Estados Unidos¹³. En palabras de Ojeda, se decía que Estados Unidos aceptaba y reconocía la necesidad de México para disentir de la política estadounidense fundamental para México, pero que para Estados Unidos no lo era. Ello contribuyó a la estabilidad del sistema político mexicano. A cambio de estas concesiones, México cooperaba con Estados Unidos en lo que fuera importante para Estados Unidos y no tanto para México.

La vecindad con Estados Unidos ha sido una fuente constante de tensión para México. La asimetría que separa a estos dos países es, en sí misma, una amenaza para el más débil y una tentación de intervención e injerencia en los asuntos internos para el más fuerte. No obstante, en 1994 se suscribió el Tratado de Libre Comercio, NAFTA, el cual selló la alianza con Estados Unidos. Este acuerdo fue el resultado de una serie de reformas estructurales aperturistas que venían desde la administración de Carlos Salinas de Gortari (1988-1994), y muestra el cambio más radical de la política exterior económica mexicana “dando vuelta a la página del modelo nacional-popular del régimen de la Revolución”¹⁴. Consolida así, un nuevo modelo de desarrollo económico, alimentado por el Consenso de Washington.

El académico internacionalista mexicano Rafael Velázquez denomina la política exterior mexicana como un “Pragmatismo Principista” que “ha oscilado entre una actitud basada en principios ideológicos y otra que recurre a la satisfacción de los intereses básicos desde una visión más pragmática”¹⁵. Mezcla elementos pragmáticos con rasgos normativos y doctrinales, “es la combinación de una política exterior realista, basada en intereses, con otra idealista fundada en principios normativos”. Este principio plantea una dualidad entre lo interno y lo externo, entre el discurso y la realidad. El gobierno asume una posición externa de manera pública, y proyecta una diferente en el ámbito interno y privado.

México tiene una política exterior activa, que se concentra en Norteamérica y Centroamérica, descuidando durante los últimos 20 años a Suramérica¹⁶. Realiza esfuerzos de profundización hacia la Unión Europea y el Asia Pacífico. Tiene un acuerdo de asociación con la Unión Europea, integra el Foro de Cooperación Económica Asia-Pacífico, APEC, y el Tratado de Asociación Transpacífico, TTP. Desde Vicente Fox se viene afianzando una Diplomacia Económica buscando insertarse más activamente en la globalización. Para contrarrestar la relación de

¹³ Ojeda, M., La política exterior de México: objetivos, principios e instrumentos. en *Revista Mexicana de Política Exterior*, 1984, imred, (2), 6.

¹⁴ Rouquié, A., México y el TLCAN, veinte años después, *Foro internacional*, 55(2), 2015, 433-453.

¹⁵ Velázquez Flores, R (2015), “Pragmatismo principista”: la política exterior de México, *Revista de Relaciones Internacionales de la UNAM*, 2015, 120-121.

¹⁶ Brasil, a su vez, hace esfuerzos para que México no entre en Unasur, en una tentativa de “retirar” al país azteca la posibilidad de una participación en esta organización.

dependencia con Estados Unidos, fomenta políticas multilaterales activas que van desde el Plan Puebla— Panamá — o Proyecto Mesoamérica— que busca combatir la pobreza en Centroamérica utilizando iniciativas público-privadas, hasta la Comunidad de Estados Latinoamericanos y del Caribe, CELAC y/o la Alianza del Pacífico.

Los organismos multilaterales de los que hacen parte México y Colombia, como la Alianza del Pacífico, fomentan un Modelo Liberal de regionalismo abierto, y de énfasis en lo económico y comercial. De ahí la importancia de la participación del sector empresarial. Por medio de la Alianza del Pacífico, México se acerca a Suramérica y a potencias regionales secundarias como Chile, Colombia y Perú, haciéndole un contrapeso a Brasil y al ALBA. En este grupo fomenta un Multilateralismo Cooperativo y Transformacional¹⁷.

Con la renegociación del NAFTA propuesta por el Presidente Donald Trump, muy seguramente México profundizará en la Alianza del Pacífico y el Proyecto Mesoamérica. Y Colombia muy seguramente también lo hará, buscando una mayor cooperación entre sus miembros y una inserción más activa en el Asia-Pacífico.

Brasil y Venezuela: autonomía, un concepto basado en la diversificación, el multilateralismo y la oposición

Los primeros teóricos de una visión autonomista de las relaciones internacionales como Puig y Jaguaribe, tendían a una visión mayormente separatista, confrontacionista y aislacionista frente a los Estados hegemónicos que se representaban en mayor medida con Estados Unidos a partir de un paradigma de centro-periferia para explicar el relacionamiento entre dichos países y América Latina, y se veía la autonomía como oposición a la potencia hegemónica. Esta teoría en un primer momento tomó varios de sus elementos del realismo de las relaciones internacionales bajo explicaciones geopolíticas de las dinámicas de poder. A su vez, Chagas Bastos clasifica los niveles de Autonomía en: autonomía por la distancia que se separa de Estados Unidos; autonomía por la participación aludiendo al multilateralismo, y autonomía por la diversificación¹⁸.

Brasil y Venezuela, con sus debidas proporciones, son dos países que se han orientado hacia la búsqueda de la autonomía por oposición a los Estados Unidos, la diversificación, la construcción de nuevas alianzas, y el liderazgo dentro de organismos subregionales.

¹⁷ Ardila, M., “Multilateralismo cooperativo de México, en el Proyecto Mesoamérica y en la Alianza del Pacífico (2000-2014)”, en Martha Ardila (Editora), *Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y actores en pugna*, Universidad Externado de Colombia, 2016, 147-178.

¹⁸ Chagas Bastos, F. H., *Modelos de inserción de América Latina de inicio del siglo XXI (1990-2014), Un análisis comparativo de Brasil y México*, Universidad de Sao Paulo, Tesis de Doctorado en el Programa de Integración en América Latina, 2015.

A diferencia de Colombia y México, la conformación de organismos multilaterales liderados por Venezuela y Brasil hace parte de un regionalismo y multilateralismo Postliberal que es presidencialista, con mayor participación del Estado y búsqueda de políticas sociales, predominantemente político, contestatario y antihegemónico.

La relación de Brasil con Estados Unidos ha sido ambivalente y pragmática. Desde el siglo XIX, buscó márgenes de autonomía. Para ello ha utilizado la mediación-concertación— integración-multilateralismo por un lado, y por el otro, el liderazgo representando intereses regionales y del sur en general. En el conflicto Colombia-Perú en la década de los 30 y en el diferendo Peru-Ecuador, jugó un importante papel, primero en la Liga de las Naciones y luego, como país garante. Desde entonces promueve una Autonomía por la Integración.

Por su parte, Venezuela fue un socio cercano a los Estados Unidos, que tuvieron relaciones muy cordiales, pero que parecen estar al borde de la ruptura. No obstante, tienen en el plano económico y, particularmente, en el energético, una relación interdependiente. El comercio mundial de Venezuela se orienta en un 50 % a ese país, cuyas importaciones procedentes de allí y giran alrededor del 45 %. La empresa petrolera estatal, PDVSA invierte en Estados Unidos y ha establecido alianzas estratégicas con compañías norteamericanas. De ahí que autores como Romero se hayan referido a una relación “Esquizofrenica”¹⁹. En el mes de agosto de 2017, el gobierno del Presidente Trump señaló que colocarían represalias a los negocios e inversiones con venezolanos. De todas maneras, Venezuela teme una intervención norteamericana en su territorio.

Desde 1999 con la llegada de Hugo Chávez al palacio de Miraflores, buscó proyectarse regional e internacionalmente por medio de recursos materiales como el petróleo, y de ideas y símbolos como los del modelo de la revolución bolivariana. Un modelo político que se sustenta en una visión del mundo de amigo-enemigo, y la promoción de un “paquete ideológico” radical que incluye tradiciones nacionales como el activismo internacional y el presidencialismo²⁰.

A la vez, ha utilizado un *softbalancing* para contrarrestar a los Estados Unidos, y ha apoyado el multilateralismo regional. Tiene un papel muy activo en la creación de la Comunidad de Estados Latinoamericanos y del Caribe, CELAC, y en el liderazgo en la Alianza Bolivariana de los pueblos de América, el ALBA. La primera de ellas se pone en marcha en el 2011 y el ALBA en el año 2004. La CELAC busca hacerle un contrapeso a la OEA, al integrar todos los países del sistema interamericano con excepción de Estados Unidos y Canadá. Por su parte, del ALBA hacen parte

¹⁹ Romero, C., “Venezuela y Estados Unidos: una relación esquizofrenica?”, en *Nueva Sociedad*, 2006, No 206, 77-92.

²⁰ Romero, C., “La política exterior de la Venezuela Bolivariana”, *Working Paper*, 2010, No 4, julio de 2010.

Venezuela, Cuba, Bolivia, Nicaragua, Dominica, Antigua y Barbuda, Ecuador, San Vicente y Las Granadinas, Santa Lucía, San Cristóbal y Nieves y Granada.

Los primeros años de la Revolución Bolivariana cuando Hugo Chavez subió al poder, se caracterizó por una diplomacia pragmática, donde las relaciones con Estados Unidos fueron tensas pero no se produjeron rupturas. Profundizó una estrategia dual en sus relaciones con Estados Unidos, jugando una política de brinkmanship²¹ en espera de una respuesta de apaciguamiento. También, configuró una estrategia revolucionaria a fin de cambiar el actual sistema internacional. Esta estrategia estuvo basada en la guerra asimétrica planteada por el maoísmo, y en el apoyo a la multipolaridad.

Se presenta así una intensa actividad internacional y una Diplomacia Presidencial muy arraigada que se observa en las visitas y giras presidenciales, que buscaron su proyección internacional y contruir nuevas alianzas. Aquí, Rusia, China e Irán jugaron un papel importante, lo mismo que Brasil, Argentina, Ecuador, Bolivia y Nicaragua en América Latina. Desde el 2003 ha sido un gobierno más ideologizado que pragmático.

Con la muerte de Hugo Chávez y la sucesión de Nicolás Maduro, que conduce a una crisis multidimensional, no solo política y económica, sino también humanitaria que presenta repercusiones en la región debido a los flujos masivos de migrantes que se dirigen principalmente a Colombia pero también a otros países como Panamá, Perú, Argentina y Chile.

En Brasil, nació la idea de integrarse con otros países. Ejemplo de ello ha sido la el MERCOSUR, la Unasur, la Organización del Tratado de Cooperación Amazónica, entre otros. Esta búsqueda de integración se concentró en el suramérica, lo que contribuyó también, a dividir América Latina: por un lado américa del sur y por el otro, centroamérica y México.

Ya desde entonces, Brasil buscó un liderazgo. Mas adelante, durante el gobierno de Luis Ignacio Lulla lo formuló y ejerció de manera mas abierta y como estrategia de gobierno. Para ello contó con el apoyo de las elites económicas que mas adelante sintieron que no deberían seguir asumiendo el costo económico que el liderazgo significaba en materia de infraestructura, seguridad y desarrollo.

Brasil también tiene una Diplomacia muy activa con rasgos anti-americanos, a fin de beneficiar el país en el escenario regional e internacional. El objetivo no es enfrentarse directamente a Estados Unidos, sino socavar, de forma blanda e inteligente, su poder e influencia en varias partes del mundo. A inicios del siglo XXI, diplomáticos, intelectuales y gobernantes brasileños realizan una intensa

²¹ La política clásica del brinkmanship, que se aplica en tiempos de crisis y que consiste en amenazar a un adversario hasta obligarlo a desarrollar un gesto de conciliación. «Lo esencial de esta estrategia es la manipulación de los riesgos compartidos de violencia —que se asume que ningún actor quiere— para hacer que el otro baje el tono, a sabiendas de que nadie quiere el escenario de la guerra” (Romero, 2006).

labor en el sentido de afirmar la presencia del país, no solamente en el escenario latinoamericano, sino también mundial.

Brasil ha buscado constituir organismos multilaterales diferentes a la OEA. La creación de Unasur fomentada por este país, confiere una dimensión geopolítica a América del Sur que indica que Brasil desafía de forma contundente la influencia de Estados Unidos en la región²².

Conclusion

En América Latina y en los casos examinados para este artículo, el concepto de autonomía ha venido evolucionando, de una visión confrontacional vinculada muy estrechamente con la soberanía, a un enfoque más pragmático y cooperativo. Esta nueva visión se basa en la diversificación de las relaciones internacionales —una autonomía por diversificación— y en el multilateralismo.

El multilateralismo en América latina es incierto y atraviesa una transición, en la que se observan dos modelos: el Liberal es más económico, y es propio de países dependientes de los Estados Unidos, con un modelo de desarrollo basado en el regionalismo abierto; y el modelo PostLiberal con mayor participación del Estado, es contestatario y busca la diversificación. En este último, el liderazgo de Venezuela fue importante, lo cual explica en gran medida, el agotamiento que actualmente atraviesa el ALBA.

De todas maneras la inserción externa latinoamericana oscila entre autonomía y subordinación, ideologización y pragmatismo, y bilateralización y multilateralismo.

Bibliografía

1. Amador, E. A., Algunos elementos teóricos para el análisis de políticas exteriores de pequeños países, *Estudios Internacionales*, 1998, 88-101.
2. Ardila, M., “Multilateralismo cooperativo de México en el Proyecto Mesoamérica y en la Alianza del Pacífico (2000-2014)”, en Martha Ardila (Editora), *Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y actores en pugna*, Universidad Externado de Colombia, 2016, 147-178.
3. Ardila, M., *Cambio de Norte?*, Editorial Tercer Mundo— Instituto de Estudios Políticos y Relaciones Internacionales, 191.
4. Bernal-Meza, R., México: de la autonomista potencia media a socio subordinado de Estados Unidos, *Revista Ciclos en la Historia, la Economía y la Sociedad*, 18(35/36), 2009, 233-278.
5. Briceño Ruiz, J., & Simonoff, A., La Escuela de la Autonomía, América Latina y la teoría de las relaciones internacionales, *Estudios internacionales (Santiago)*, 2017, 49(186), 39-89.

²² Sobre el significado de Unasur para Brasil véase de forma más profundizada Da Silva Guevara (2016).

6. Briceño, J. y A. Simonoff, Editores, *Integración y cooperación regional en América Latina: Una relectura a partir de la teoría de la autonomía*, Editorial Biblos, 2014.
7. Chagas Bastos, F. H., *Modelos de inserción de América Latina de inicio del siglo XXI (1990-2014), Un análisis comparativo de Brasil y México*, Universidad de Sao Paulo, Tesis de Doctorado en el Programa de Integración en América Latina, 2015.
8. Colacrai, M., “Los aportes de la Teoría de la Autonomía, genuina contribución suramericana ¿La autonomía es hoy una categoría en desuso o se enfrenta al desafío de una renovación en un contexto interdependiente más complejo?”, en Ruiz, J. B., & Simonoff, A. *Integración y cooperación regional*, 2015.
9. Covarrubias, A., “La política exterior “activa”...una vez más”, en *Foro Internacional* 191-192, XLVM, 13-34, 2008.
10. Da Silva Guevara, G., “Nuevo multilateralismo latinoamericano: el liderazgo de Brasil en la Unión de Naciones Suramericanas”, en Ardila, M.(ed.), *¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna*, Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2016, 107-146.
11. Gi Villegas, F, El estudio de la política exterior en México: enfoques dominantes, temas principales y una propuesta teórico-metodológica, *Foro internacional*, 29 (4 (116), 1989, 662-692.
12. Gomes Saraiva, M., “Procesos de integración de América del Sur y el papel de Brasil: los casos de Mercosur y Unasur”, en *Revista CIDOB d’afers Internacionals*, nos. 97-98, 2012, 87-100.
13. González, G., “La política exterior de México (1983-1985), ¿Cambio de rumbo o repliegue temporal?”, en H. Garza (comp), “Desequilibrios y contradicciones de la política exterior de México”, en *Foro Internacional*, 1985, No 96, abril-junio 1984.
14. Green, R., México: la política exterior del nuevo régimen, *Foro Internacional*, 1977, 1-9.
15. Hirst, M., *Understanding Brazil-United States Relations*, Brasilia: FUNAG, 2013.
16. Jaguaribe, H., “Autonomía Periférica y Autonomía céntrica”, en *Estudios Internacionales*, No 12 (46.), 1979, 91-130.
17. Lechini, G., La cooperación Sur-Sur y la búsqueda de autonomía en América Latina: ¿ Mito o realidad? South-South Cooperation and the search for autonomy in Latin America: Myth or Reality?, *Relaciones Internacionales*, 2009, (12).
18. Loaeza, S., Estados Unidos y la contención del comunismo en América Latina y en México, *Foro Internacional*, 2013, 5-56.
19. Loaeza, S., La política de acomodo de México a la superpotencia. Dos episodios de cambio de régimen: 1944-1948 y 1989-1994, *Foro Internacional*, 2010, 627-660.
20. Meyer, L., México y la soberanía relativa. El vaivén de los alcances y los límites, *Foro Internacional*, 2008, 765-784.
21. Meyer, L., Relaciones México-Estados Unidos. Arquitectura y montaje de las pautas de la Guerra Fría, 1945-1964, *Foro Internacional*, 2010, 202-242.
22. Meyer, L., Estados Unidos y la evolución del nacionalismo defensivo mexicano, *Foro internacional*, 2006, 421-464.

23. Moniz Bandeira, L., “Brasil, Estados Unidos y los procesos de integración regional. La lógica de los pragmatismos”, en *Nueva Sociedad*, no. 186, 2010, 143-157.
24. Nel, P. y Stephen, M., “The foreign economic policies of regional powers in the developing world”, en Flandes, D. (ed), *Regional leadership in the global system. Ideas, interests and strategies of regional powers*, Farnham: Ashgate, 2010, 71-92.
25. Ojeda, M., La política exterior de México: objetivos, principios e instrumentos. en *Revista Mexicana de Política Exterior*, imred, 1984, (2), 6.
26. Ojeda, M., “Problemas básicos del estudio de las relaciones internacionales” en *Foro Internacional*, 1964, No 17, julio-septiembre.
27. Ovando Santana, C., & Aranda Bustamante, G. La autonomía en la política exterior latinoamericana: evolución y debates actuales, *Papel Político*, 2013, 18(2).
28. Pardo, R. Y Tokatlian, J., *De la subordinación a la autonomía?*, Ediciones Uniandes, 1988.
29. Puig, J.C., *Doctrinas internacionales y autonomía latinoamericana*, Caracas: Universidad Simón Bolívar, 1980.
30. Rapoport, M. y Miguez, M.C., “Desafíos y ejes para una inserción internacional autónoma de Argentina y América del Sur en el escenario mundial”, en Briceño y Simonoff, Editores, *Integración y cooperación regional en América Latina: Una relectura a partir de la teoría de la autonomía*, Buenos Aires, Editorial Biblos, 2015.
31. Romero, Carlos, “Venezuela y Estados Unidos: una relación esquizofrénica?”, en *Nueva Sociedad*, 2006, No 206, 77-92.
32. Romero, Carlos A., “La política exterior de la Venezuela Bolivariana”, *Working Paper* No 4, julio de 2010.
33. Rouquié, A., México y el TLCAN, veinte años después, *Foro internacional*, 2015, 55(2), 433-453.
34. Russell, R., & Tokatlian, J. G. América Latina y su gran estrategia: entre la aquiescencia y la autonomía/Latin America and its grand strategy: between acquiescence and autonomy. *Revista CIDOB d’afers internacionals*, 2013, 157-180.
35. Russell, R., & Tokatlian, J. G., Modelos de política exterior y opciones estratégicas: El caso de América Latina frente a Estados Unidos, *Revista CIDOB d’afers internacionals*, 2009, 211-249.
36. Serbin, Andres y Andres Serbin Pont, *La política exterior de Venezuela y el ALBA: auge y declive*. Presentado en LASA 2015.
37. Tickner, A.B., “Intervención por invitación. Claves de la política exterior colombiana y de sus debilidades principales”. *Colombia Internacional*, 2007, 65, ene — jun 2007, 90 — 111.
38. Tickner, A. B., “Autonomy and Latin American International Relations Thinking”, en Domínguez, J. I., & Covarrubias, A. *Routledge Handbook of Latin America in the World*. Routledge, 2014.
39. Velázquez Flores, R., “Pragmatismo principista”: la política exterior de México, *Revista de Relaciones Internacionales de la UNAM*, (120/121), 2015.

Внерегиональное направление внешней политики Уругвая

The extra-regional direction of the Uruguayan foreign policy

Резюме. В статье рассматривается внешняя политика третьего правительства Широкого фронта в Уругвае в контексте ее внерегионального вектора. На основе анализа средств массовой информации, экспертных оценок, документов внешнеполитических учреждений автор показывает, как современный Уругвай оценивает основные цели и задачи развития внерегиональных связей. Автор приходит к выводу, что внерегиональное направление внешней политики Уругвая формируется под влиянием как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических факторов, включая партийно-политическую борьбу и кризисные явления в развитии механизмов региональной интеграции. Особое место в докладе уделяется проблемам формирования российско-уругвайских отношений на современном этапе, которые выражаются как в развитии торгово-инвестиционного сотрудничества, так и в сфере культуры.

Ключевые слова: Уругвай, внешняя политика Уругвая, Широкий фронт в Уругвае, дипломатия Широкого фронта

Abstract. The article examines the foreign policy of the third government of Broad front t in Uruguay in the context of its extraregional vector. Based on the analysis of the media, expert assessments, official documents, the author shows how modern Uruguay assesses the goals and tasks of developing extraregional ties. The author concludes that the intraregional direction of Uruguay's foreign policy is formed under the influence of both domestic political and foreign policy factors, including party political struggle and crisis phenomenas in the development of regional integration mechanisms. A special place in the report is given to the problems of the formation of Russian-Uruguayan relations at the present stage, which are expressed both in the development of trade and investment cooperation and in the sphere of culture.

Keywords: Uruguay, Uruguay's foreign policy, Wide front in Uruguay, Wide front diplomacy

¹ Россия. Магистр социально-экономического образования, преподаватель-исследователь, Центр ибероамериканских исследований СПбГУ.

Доклад подготовлен при поддержке РГНФ (проект «От биполярного мира к многополярному: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке»).

«Правый поворот» в Латинской Америке, который стал политической реальностью региона², заставляет левые правительства стран региона формировать новую политическую повестку как во внутренней, так и во внешней политике. Примером этого процесса является Уругвай, где, безусловно, формируется основа новой политической реальности: появление новых политических партий и движений, активизация общественной дискуссии о путях развития страны³.

Правительство Широкого фронта в Уругвае находится, безусловно, в сложном политическом положении. По данным соцопросов правящая коалиция постепенно теряет доверие избирателей, а значит, и потенциальные голоса на будущих выборах. Так в апреле 2016 г. Широкий фронт на выборах были готовы поддержать лишь 35% опрошенных⁴, при том что в результате первого раунда выборов 2014 г. коалиция получила 49% голосов, а во втором – 56%. Беглый анализ уругвайских СМИ, а особенно читательских комментариев, показывает, что общество все более критично воспринимает политический курс, проводимый в жизнь Широким фронтом, и фактически уже готовится к выборам, которые пройдут осенью 2019 г.

Во внешней политике, которая уже рассматривалась нами в предыдущих публикациях⁵, перед правительством Широкого фронта стоит важная дилемма: сохранять верность концепции «регионального политического центра», заложенной в Программе третьего правительства Широкого фронта⁶, которая в условиях политических изменений в Аргентине, Бразилии и перманентного кризиса в Венесуэле теряет свою эффективность⁷, или искать выходы на новые рынки, в том числе активизируя работы на внере-

² Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. «Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота», *Вестник РУДН*, Серия: Международные отношения, Т. 15, № 4: 45-55.

³ Lopez Burian, Camilo. “Political parties, ideology and foreign policy in Uruguay (2010-2014) | [Partidos políticos, ideología y política exterior en Uruguay (2010-2014)]”, *Colombia Internacional*, 2015, no 83: 135-169.

⁴ Респондентам задавался вопрос: «За какую политическую партию вы бы проголосовали, если бы выборы проходили сегодня?» См. подробнее: Frente Amplio pierde 13 puntos para elecciones nacionales, según Factum: <http://www.elpais.com.uy/informacion/frente-amplio-pierde-puntos-elecciones-nacionales-factum.html> (accessed 01.12.2017)

⁵ См. Андреев А. С. «Уругвай в современных международных отношениях» // *Вестник Российского университета дружбы народов*, Серия: Международные отношения, Т. 15, № 4: 85-91; Андреев А. С. «Уругвай в межамериканских и региональных отношениях в контексте многополярного мира», *Латинская Америка*, 2016, № 12: 64-74.

⁶ Bases programaticas del Tercer Gobierno del FA 2015-2020. Comisión Nacional de Uruguay. [online] Available: http://www.corteelectoral.gub.uy/ProgGob_2015_2020/Programa_nacional_FA_2015_2020.pdf (Accessed: 14.11.2017).

⁷ Хейфец В., Хадорич Л. «Кризис в Венесуэле и региональная интеграция», *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. №5: 9-87.

гиональном направлении, в том числе развивая связи с Россией, Китаем и странами Тихоокеанского региона.

К сожалению, Уругвай до сегодняшнего дня редко становился объектом специальных научных исследований. В существующих публикациях рассматривается эволюция внутренней политики страны в годы президентства Табаре Васкеса (2005-2010)⁸ и Хосе Мухики (2010-2015)⁹, а также участие страны в процессах региональной интеграции¹⁰. Отечественные авторы анализируют ситуацию в Уругвае в парадигме «левого поворота» и «левого дрейфа», понимая политический курс страны как реализацию «левоцентристского проекта»¹¹. Однако, уругвайские исследователи иначе воспринимают политические процессы в стране и полагают, что в Уругвае «внешняя политика государства заменена внешней политикой партий». По мнению доктора политических наук, профессора Университета Республики (г. Монтевидео, Уругвай) Камило Лопеса Буриана, в современном Уругвае нет государственной внешней политики, потому что в обществе нет консенсуса об интересах страны, целях и задачах дипломатии, но существует внешняя политика Широкого фронта, которая, в случае поражения коалиции на выборах 2019 г., будет заменена на внешнюю политику правых сил, имеющих прямо противоположное понимание внешнеполитических интересов страны¹².

Внешнеполитические шаги президента страны Табаре Васкеса, безусловно, оцениваются обществом в контексте предстоящих выборов. Еще в 2015 г. эксперты оценивали предстоящие два года (2016 и 2017 гг.) как важнейшие годы для правительства Васкеса, которые должны либо прибавить «политических очков» Широкому фронту, либо, наоборот, стать поводом для роста оппозиционных настроений в обществе и увеличения рейтинга альтернативных политических сил и лидеров, в частности, «Национальной партии» и ее лидера Луиса Лакалье Поу¹³.

⁸ Кудярова Н.Ю. «Преемственность уругвайского левоцентризма: возвращение Табаре Васкеса», *Латинская Америка*, 2015. №3: 25-42.

⁹ Дьякова Л. В. ««Этика протеста» против «этики ответственности»: Чили и Уругвай 2011», *Латинская Америка*, 2012. № 5. С. 32-41.

¹⁰ Андреев А. С. «Механизм субрегиональной интеграции Уругвая, Парагвая и Боливии», *Латинская Америка*, 2017, № 7: 50-60.

¹¹ См. например: Дабагян Э. С. Уругвай: реализуя левоцентристский проект, *Свободная мысль*, 2010, № 9 (1616): 103-118.

¹² Vease: Gerardo Caetano, Camilo López y Carlos Luján, “La política exterior uruguaya entre Vázquez y Vázquez (2010 – 2015)”, en José Busquets y Nicolás Bentancur (coords.). *El decenio progresista. Las políticas públicas de Vázquez a Mujica*. Fin de siglo, Montevideo, 2016. Págs. 279 – 300.

¹³ Vease: Lopez Buian, Camilo. “La política exterior uruguaya: ¿política de partidos o política de Estado? Nota de prensa sobre Tesis Doctoral”, *Semanario Búsqueda*, № 1944, 22.11.2017.

Необходимо отметить, что внутри Широкого фронта отсутствует единое мнение относительно приоритетных направлений внешней политики страны. Подписание осенью 2016 г. Соглашения о свободной торговле с Чили стало значительным ударом по политическому авторитету Широкого фронта и раскололо правящую коалицию на сторонников движения страны по тихоокеанскому направлению и сторонников сохранения традиционного внешнеполитического вектора¹⁴. Подписанное Т. Васкесом соглашение¹⁵ до сих пор не ратифицировано парламентом Уругвая, что показывает, на наш взгляд, противоречия в оценке внешней политики страны внутри ведущих политических сил.

Несмотря на то, что правительство Уругвая продолжает проводить в жизнь концепцию «Уругвай – ворота в Южную Америку», провозглашенную Широким фронтом и заключающуюся в понимании страны как регионального политического и экономического игрока¹⁶, связи страны с внерегиональными партнерами все чаще оказываются в сфере общественного и исследовательского интереса¹⁷.

Безусловно, одним из главных внерегиональных партнеров Уругвая является КНР. Часть Широкого фронта настаивает на том, что именно развитие политических и экономических отношений с Китаем является наиболее перспективным направлением внерегионального партнерства. Подобные настроения проявляются и в оценках уругвайскими экспертами перспектив внерегионального сотрудничества с Меркосур. В частности, именно Широкий фронт Уругвая готовил проект соглашения о свободной торговле между КНР и Меркосур, однако, при участии Бразилии и Аргентины Меркосур был сделан шаг в сторону Тихоокеанского альянса.

Однако, роль КНР как торгового и инвестиционного партнера Монтевидео будет расти. Новый этап во взаимодействии двух стран начался с визита президента Уругвая в КНР осенью 2016 г. В ходе переговоров сторо-

¹⁴ *De cómo se discuten los TLC. Por ideología o por pragmatismo; este requiere evaluaciones claras*, 12.11.2017 - <https://www.observador.com.uy/de-como-se-discuten-los-tlc-n1141019>

¹⁵ *TLC URUGUAY - CHILE* (04/10/2016) - <http://www.mrree.gub.uy/frontend/page?1,inicio,TLC-URUGUAY-CHILE,O,es,0>.

¹⁶ Bases programáticas del Tercer Gobierno del FA 2015-2020. Comisión Nacional de Uruguay. [online] Available: http://www.corteelectoral.gub.uy/ProgGob_2015_2020/Programa_nacional_FA_2015_2020.pdf (Accessed: 14.11.2017).

¹⁷ См., например, публикацию: Киреева И. Г. «Внерегиональные направления внешней политики Уругвая», *Ибероамериканские тетради*, 2016, 4 (14): 94-106. Однако, факты, изложенные в ней, на наш взгляд, недостаточно вписаны в общий политический контекст страны и региона, а объектом исследования выступает внешняя политика в период правления Х. Мухики (2010-2015), когда поиск внерегиональных партнеров оставался во многом на периферии политического дискурса страны.

ны договорились о расширении торгового и инвестиционного сотрудничества, включая создание «дорожной карты» по созданию зоны свободной торговли между двумя государствами, что стало толчком для предложений Монтевидео о формировании аналогичной зоны между КНР и Меркосур. Одновременно Васкес призвал КНР наращивать инвестиции в уругвайскую экономику, обещая убрать барьеры для инвестиций и экономического диалога¹⁸.

Весной 2017 г. были предприняты важные шаги для выхода уругвайского животноводства на китайский рынок. 25 мая 2017 г. министр животноводства, сельского хозяйства и рыболовства Уругвая Табаре Агарре заявил, что КНР выбрал Монтевидео в качестве «образцового поставщика» говядины и предложил совместную систему сертификации и проверки продукции, которая бы позволила уругвайским товарам расширять свое присутствие на китайском рынке. Важно отметить, что по итогам первого квартала 2017 г. Уругвай занял первое место в мире по объемам поставок мяса в Китай¹⁹, во многом вытеснив с рынка бразильских поставщиков, что связано в том числе с политической ситуацией в Бразилии и коррупционными скандалами²⁰.

Одновременно с развитием экономического взаимодействия Монтевидео и Пекин стараются вести эффективный политический диалог, который активизировался при избрании Уругвая в непостоянные члены Совета безопасности ООН и в период председательства Монтевидео в Совете (январь 2016 г.)²¹. Анализ документов СБ ООН за 2016-2017 г. показывает, что Уругвай и КНР имели и продолжают иметь схожие позиции по наиболее острым вопросам повестки²².

В рамках азиатского вектора внешней политики отдельно формируется «тихоокеанский» вектор, который включает в себя как региональные (с

¹⁸ Китай призвал Уругвай к «единству и координации» в международных делах, 21.10.2016 г. - <https://regnum.ru/news/polit/2195862.html>

¹⁹ Китай выбирает Уругвай в качестве «эталонного» поставщика говядины, 25 мая 2017 г. - <https://regnum.ru/news/2279453.html>

²⁰ О влиянии политического кризиса в Бразилии на внешнюю политику Уругвая см. подробнее: Lopez Burian, Camilo. “Los impactos de la crisis de Brasil en la política exterior de Uruguay (2015-2016)”, *Conjuntura Austral*, v.7, n.37: 25-39.

²¹ Андреев А. С. «Уругвай в Совете безопасности ООН: вызовы и перспективы», *Латинская Америка*, 2016, № 8: 58-66.

²² См. серию публикаций: Informe mensual sobre el Uruguay en el CS ONU/ ed. Dr. Diego Hernandez Nilson // Universidad de la Republica, Montevideo № 1 – 24, enero 2016 – diciembre 2017. В данной серии анализируется повестка заседаний СБ ООН, голосование представителя Уругвая по повестке в сравнении с позицией других стран.

Чили, Перу, Мексикой), так и внерегиональные (с Китаем, США, странами Азиатско-тихоокеанского региона) связи.

Надо сказать, что тихоокеанское направление внешней политики является самым дискутируемым среди уругвайских политиков и экспертов. Безусловно, кризисные явления в Меркосур вынуждают страну искать новые рынки сбыта и новых экономических и политических партнеров²³. Представители Монтевидео неоднократно подчеркивали, что протекционистские меры со стороны Аргентины и других стран-членов Меркосур являются препятствием на пути экономического развития объединения. В этих условиях правительство страны признало необходимость поиска новых партнеров как в южноамериканском регионе, так и вне его.

Еще летом 2016 г. президент Аргентины Маурисио Макри и президент Уругвая Табаре Васкес заявляли о том, что перспективным и эффективным шагом могло бы быть создание зоны свободной торговли между Меркосур и Тихоокеанским альянсом, который является самым динамичным объединением региона. В феврале 2017 г. эти идеи были поддержаны президентом Чили М. Бачелет и президентом Бразилии М. Темером²⁴.

Уругвай последовательно проявляет интерес к объединению, видя в нем потенциал для своего экономического роста, инвестиций и развития торговли. Однако движение страны в сторону развития отношений с Чили и Альянсом фактически блокируется левыми силами страны, которые видят в чилийском векторе и, в целом, тихоокеанском регионе опасность усиления влияния США на экономические и политические процессы в стране. В частности, Коммунистическая партия Уругвая заявляет, что за Соглашением о свободной торговле с Чили и движением страны в Тихий океан стоят американские транснациональные корпорации, желающие усилить свое влияние на экономику Уругвая и вкладывать в страну свой капитал, ставя тем самым под угрозу экономический суверенитет Монтевидео²⁵.

Тем самым ультралевые и левые силы страны блокируют «западный» вектор внерегиональных связей страны, подчеркивая, что любые соглашения о свободной торговле с Чили или с США не только не несут в себе никакой экономической выгоды для страны, но и могут быть опасны для

²³ См. подробнее: Camilo López Burian, Diego Telias, “Uruguay y la Alianza del Pacífico: ¿repensando el modelo de inserción internacional?”, *Cuadernos sobre Relaciones Internacionales, Regionalismo y Desarrollo* / Vol. 10. No. 19. enero - junio 2015, 23-46

²⁴ Macri y Bachelet acuerdan encuentro entre el Mercosur y la Alianza del Pacífico, 14.02.2017 - <https://ladiaria.com.uy/articulo/2017/2/macri-y-bachelet-acuerdan-encuentro-entre-el-mercosur-y-la-alianza-del-pacifico/>

²⁵ Roberto Chiazzaro: El TLC entre Chile y Uruguay solo beneficia a las transnacionales, 20.10.2017 - <http://radio.uchile.cl/2017/10/20/roberto-chiazzaro-el-tlc-entre-chile-y-uruguay-solo-beneficia-a-las-transnacionales/>

инвестиционного и торгового климата страны. В связи с этим, можно предположить, что движение страны в сторону Северной Америки как внерегионального игрока и в сторону Тихого океана как «неродного» субрегиона вряд ли возможно в условиях нахождения у власти левой коалиции. Безусловно, сближение с названными акторами – странами Северной Америки и Тихоокеанским альянсом – будет одним из важных элементов предвыборной гонки 2019 г., т.к. правые силы страны уже заявили о поддержке Соглашения с Чили и о необходимости развития отношений с США²⁶.

Новым направлением внерегиональной политики Уругвая, безусловно, является Восточная Европа и, в частности, Россия. Табаре Васкес неоднократно подчеркивал, что Европа должна быть стратегическим партнером Монтевидео, а Восточная Европа – зоной перспективного экономического сотрудничества. Из всех стран Восточной Европы в контексте отношений с Уругваем выделяется Польша – единственное государство региона, имеющее действующие совместную торговую палату с Уругваем, через которую осуществляется экономическое сотрудничество между странами. Однако спектр уругвайских товаров в Европе достаточно ограничен: их подавляющую долю занимает продукция сельского хозяйства (скотоводства) и виноделия.

Говоря о России, необходимо отметить, что, на наш взгляд, перспективы развития российско-уругвайских отношений имеют определенные ограничения, которые вряд ли будут преодолены в ближайшее время. Структура импорта и экспорта России и Уругвая аналогична общеевропейской: покупая у Монтевидео вино и продукцию сельского хозяйства, Москва продает продукцию химической промышленности, отдельную продукцию военного назначения. Несмотря на то, что Россия декларирует заинтересованность в увеличении торгово-инвестиционных связей, расстояние между странами, влияющая на себестоимость поставок, является важнейшим сдерживающим фактором. Уругвайское мясо остается для российского потребителя элитарным товаром, недоступным для большинства средних потребителей. Вряд ли в ближайшей перспективе уругвайская сельскохозяйственная продукция будет иметь свою нишу в российском ретейле, т.к. ниша импортных сельхозтоваров уже занята продукцией из других стран, в том числе Латинской Америки²⁷.

²⁶ Un líder opositor uruguayo dice que su partido votará para aprobar el TLC con Chile, 15.10.2017 - <https://www.efe.com/efe/america/economia/un-lider-opositor-uruguayo-dice-que-su-partido-votara-para-aprobar-el-tlc-con-chile/20000011-3408971>

²⁷ См. например: ТОП-20 стран импорта сельскохозяйственной продукции в Россию в 2016 году - <http://tebiz.ru/news-mi/news-mi-import-selskohozjajstvennoj-produkcii.php>

При этом Уругвай не может быть для России перспективным рынком военной продукции, т.к. не имеет планов стратегического переоснащения вооруженных сил и глобального технического развития армии, а сам уругвайский рынок продукции военного назначения заполнен импортом из Европы и США. На сегодняшний день на вооружении Уругвая стоят произведенные в СССР самоходная гаубица 2С1 «Гвоздика», БМП-1, а также автоматы АК-101 российского производства. Все прочие десятки наименований имеют европейское и американское происхождение²⁸.

В ходе визита Т. Васкеса в Россию в феврале 2017 г. стороны обсудили озвученные выше сферы взаимодействия: возможности наращивания импорта сельскохозяйственной продукции из Уругвая, участие российских госкорпораций в модернизации энергетической и транспортной инфраструктуры, развитие политического диалога в рамках СБ ООН, а также в рамках развития сотрудничества между Меркосур и ЕврАзЭС²⁹.

В целом, на наш взгляд, на сегодняшний день российско-уругвайские отношения достигли определенного предела, который будет достаточно тяжело преодолеть, т.к. это потребует изменения status quo и передела рынков с вытеснением существующих торгово-экономических партнеров обеих стран.

Еще одним важным внерегиональным направлением внешней политики Уругвая является Европейский союз. Экономическая динамика двусторонних отношений в начале второго десятилетия XXI столетия была не очень оптимистичной: с 2010 по 2013 гг. торговый баланс отношений Уругвая с ЕС был отрицательным и увеличивался каждый год, составив в 2013 г. -96 млн долларов³⁰. Эта тенденция продолжается и сегодня: при снижении объема экспорта в Европу, Уругвай увеличивает объемы европейского импорта. Преодоление подобной ситуации стало, безусловно, одной из важных внешнеполитических задач третьего правительства Широкого фронта.

В период второго президентского срока Т. Васкеса Монтевидео и Брюссель сделали значительные шаги по активизации двустороннего взаимодействия. В июне 2017 г. в Монтевидео состоялся I форум европейских инвестиций (I Foro de Inversión Europea), на котором обсуждались основные перспективные направления сотрудничества Уругвая с ЕС. Данный форум

²⁸ Подробнее о вооружении уругвайской армии см.: Ejército Nacional del Uruguay - <http://deii.ejercito.mil.uy/>

²⁹ Путин и Васкес наметили приоритетные сферы сотрудничества, 16.02.2017 - <https://rg.ru/2017/02/16/putin-i-vaskes-obsudili-sfery-sotrudnichestva.html>

³⁰ Union Europea: relaciones comerciales. Informe del Instituto "Uruguay XXI", agosto 2013 - <http://www.uruguayxxi.gub.uy/informacion/wp-content/uploads/sites/9/2015/05/Informe-Union-Europea-Agosto-2013.pdf>

оценивался представительством ЕС в Уругвае как новая форма двустороннего взаимодействия, которая может позволить найти точки соприкосновения между уругвайским бизнесом и европейскими капиталами³¹. В форуме приняли участие более 600 латиноамериканских предприятий, которые ищут выход на европейский рынок и внешние инвестиции для развития. По мнению исполнительного директора Института экспорта и инвестиций «Уругвай XXI» Антонио Карамбула, главными сферами сотрудничества страны с Европейским союзом остаются инфраструктура, включая транспорт, энергетика и агробизнес³².

На форуме высказывалась идея превращения Уругвая в логистический центр европейско-южноамериканской торговли, а также обсуждались перспективы создания зоны свободной торговли между ЕС и Меркосур³³, проект которой поддерживается правительством Уругвая и уругвайским бизнес-сообществом³⁴.

Подводя некоторые итоги, нужно отметить, что в период работы третьего правительства Широкого фронта внерегиональная повестка, безусловно, начинает занимать все более важное место во внешнеполитической стратегии страны. Региональные проблемы вынуждают Монтевидео искать выход не только на новые рынки, но и на новые источники инвестиций. В политическом истеблишменте современного Уругвая отсутствует консенсус относительно внешнеполитических приоритетов страны: левые силы продолжают защищать региональные проекты и настаивают на развитии взаимоотношения страны с левыми правительствами региона (например, Венесуэлой, Боливией), в то время как оппозиционные партии (которые вполне могут сформировать правящее большинство после выборов 2019 г.) видят экономические и политические перспективы для страны в выходе Уругвая за пределы региона и развитии отношений с внеполушарными игроками.

³¹ La Unión Europea presentó en Uruguay un nuevo Instrumento de Colaboración, Agencia Uruguaya de Cooperación Internacional, 08.06.2017 - <http://www.auci.gub.uy/auci/noticias/1182-la-union-europea-presento-en-uruguay-el-instrumento-de-colaboracion.html>

³² “Uruguay ve un «futuro de oportunidades» junto a la Unión Europea”, *La Vanguardia*, 16.06.2017 - <http://www.lavanguardia.com/politica/20170616/423434540706/uruguay-ve-un-futuro-de-oportunidades-junto-a-la-union-europea.html>

³³ Вопрос об оценках Соглашения о свободной торговле между Меркосур и ЕС до сегодняшнего дня не стал постоянным объектом научного исследования, продолжая существовать в плоскости публицистики и экспертных обсуждений. В качестве примера научного подхода к проблеме см. : Valle, Valeria Marina. “Las negociaciones del Acuerdo de Asociación Interregional entre la Unión Europea y el MERCOSUR”, *Ciclos en la historia, la economía y la sociedad*, 2011, vol. 19, issue 37: 19-50.

³⁴ “Mercosur ofreció incentivos a la Unión Europea para firmar el TLC”, *El Observador*, 11.11.2017 - <https://www.elobservador.com.uy/mercosur-ofrecio-incentivos-la-union-europea-firmar-el-tlc-n1140782>

Кризисная ситуация в Меркосур, смена политического вектора в Аргентине и Бразилии, вынуждают Васкеса делать шаги в развитии внерегионального направления внешней политики, что вызывает противоречивые оценки внутри Широкого фронта, фактически раскалывая коалицию в преддверии выборов.

Можно предположить, что в случае победы на выборах 2019 г. правых и правоцентристских сил именно внерегиональная повестка станет основой внешней политики страны в течение нового политического цикла.

Библиография

1. “Mercosur ofreció incentivos a la Unión Europea para firmar el TLC”, *El Observador*, 11.11.2017 — <https://www.observador.com.uy/mercursos-ofrecio-incentivos-la-union-europea-firmar-el-tlc-n1140782>
2. “Uruguay ve un futuro de oportunidades” junto a la Unión Europea”, *La Vanguardia*, 16.06.2017 — <http://www.lavanguardia.com/politica/20170616/423434540706/uruguay-ve-un-futuro-de-oportunidades-junto-a-la-union-europea.html>
3. Bases programáticas del Tercer Gobierno del FA 2015-2020. Comisión Nacional de Uruguay. [online] Available: http://www.corteelectoral.gub.uy/ProgGob_2015_2020/Programa_nacional_FA_2015_2020.pdf (Accessed: 14.11.2017).
4. Bases programáticas del Tercer Gobierno del FA 2015-2020. Comisión Nacional de Uruguay. [online] Available: http://www.corteelectoral.gub.uy/ProgGob_2015_2020/Programa_nacional_FA_2015_2020.pdf (Accessed: 14.11.2017).
5. Camilo López Burian, Diego Telias, “Uruguay y la Alianza del Pacífico: ¿repensando el modelo de inserción internacional?”, *Cuadernos sobre Relaciones Internacionales, Regionalismo y Desarrollo* / Vol. 10. No. 19. enero - junio 2015, 23-46
6. *De cómo se discuten los TLC. Por ideología o por pragmatismo; este requiere evaluaciones claras*, 12.11.2017 — <https://www.observador.com.uy/de-como-se-discuten-los-tlc-n1141019>
7. Frente Amplio pierde 13 puntos para elecciones nacionales, según Factum: <http://www.elpais.com.uy/informacion/frente-amplio-pierde-puntos-elecciones-nacionales-factum.html> (accessed 01.12.2017)
8. Gerardo Caetano, Camilo López y Carlos Luján, “La política exterior uruguaya entre Vázquez y Vázquez (2010 – 2015)”, en José Busquets y Nicolás Bentancur (coords.). *El decenio progresista. Las políticas públicas de Vázquez a Mujica*. Fin de siglo, Montevideo, 2016. Págs. 279 – 300.
9. Informe mensual sobre el Uruguay en el CS ONU/ ed. Dr. Diego Hernandez Nilson // Universidad de la Republica, Montevideo № 1 – 24, enero 2016 – diciembre 2017.
10. La Unión Europea presentó en Uruguay un nuevo Instrumento de Colaboración, Agencia Uruguaya de Cooperación Internacional, 08.06.2017 - <http://www.auci.gub.uy>

uy/aucci/noticias/1182-la-union-europea-presento-en-uruguay-el-instrumento-de-colaboracion.html

11. Lopez Buian, Camilo. “La política exterior uruguaya: ¿política de partidos o política de Estado? Nota de prensa sobre Tesis Doctoral”, *Semanario Búsqueda*, № 1944, 22.11.2017.

12. Lopez Burian, Camilo. “Political parties, ideology and foreign policy in Uruguay (2010-2014) | [Partidos políticos, ideología y política exterior en Uruguay (2010-2014)]”, *Colombia Internacional*, 2015, no 83: 135-169.

13. Macri y Bachelet acuerdan encuentro entre el Mercosur y la Alianza del Pacífico, 14.02.2017 — <https://ladiaria.com.uy/articulo/2017/2/macri-y-bachelet-acuerdan-encuentro-entre-el-mercosur-y-la-alianza-del-pacifico/>

14. Roberto Chiazzaro: El TLC entre Chile y Uruguay solo beneficia a las transnacionales, 20.10.2017 — <http://radio.uchile.cl/2017/10/20/roberto-chiazzaro-el-tlc-entre-chile-y-uruguay-solo-beneficia-a-las-transnacionales/>

15. *TLC URUGUAY — CHILE* (04/10/2016) - <http://www.mrree.gub.uy/frontend/page?1,inicio,TLC-URUGUAY-CHILE,O,es,0>.

16. Un líder opositor uruguayo dice que su partido votará para aprobar el TLC con Chile, 15.10.2017 — <https://www.efe.com/efe/america/economia/un-lider-opositor-uruguayo-dice-que-su-partido-votara-para-aprobar-el-tlc-con-chile/20000011-3408971>

17. Unión Europea: relaciones comerciales. Informe del Instituto “Uruguay XXI”, agosto 2013 - <http://www.uruguayxxi.gub.uy/informacion/wp-content/uploads/sites/9/2015/05/Informe-Union-Europea-Agosto-2013.pdf>

18. Valle, Valeria Marina. “Las negociaciones del Acuerdo de Asociación Interregional entre la Unión Europea y el MERCOSUR”, *Ciclos en la historia, la economía y la sociedad*, 2011, vol. 19, issue 37: 19-50.

19. Андреев А. С. «Механизм субрегиональной интеграции Уругвая, Парагвая и Боливии», *Латинская Америка*, 2017, № 7: 50-60.

20. Андреев А. С. «Уругвай в межамериканских и региональных отношениях в контексте многополярного мира», *Латинская Америка*, 2016, № 12: 64-74.

21. Андреев А. С. «Уругвай в Совете безопасности ООН: вызовы и перспективы», *Латинская Америка*, 2016, № 8: 58-66.

22. Андреев А. С. «Уругвай в современных международных отношениях» // *Вестник Российского университета дружбы народов*, Серия: Международные отношения, Т. 15, № 4: 85-91;

23. Дабагян Э. С. Уругвай: реализуя левоцентристский проект, *Свободная мысль*, 2010, № 9 (1616): 103-118.

24. Дьякова Л. В. ««Этика протеста» против «этики ответственности»: Чили и Уругвай 2011», *Латинская Америка*, 2012. № 5. С. 32-41.

25. Киреева И. Г. «Внерегиональные направления внешней политики Уругвая», *Иberoамериканские тетради*, 2016, 4 (14): 94-106..

26. Китай выбирает Уругвай в качестве «эталонного» поставщика говядины, 25 мая 2017 г. — <https://regnum.ru/news/2279453.html>
27. Китай призвал Уругвай к «единству и координации» в международных делах, 21.10.2016 г. — <https://regnum.ru/news/polit/2195862.html>
28. Кудеярова Н.Ю. «Преемственность уругвайского левоцентризма: возвращение Табаре Васкеса», Латинская Америка. 2015. №3: 25-42.
29. О влиянии политического кризиса в Бразилии на внешнюю политику Уругвая см. подробнее: Lopez Burian, Camilo. “Los impactos de la crisis de Brasil en la política exterior de Uruguay (2015-2016)”, *Conjuntura Austral*, v.7, n.37: 25-39.
30. Путин и Васкес наметили приоритетные сферы сотрудничества, 16.02.2017 — <https://rg.ru/2017/02/16/putin-i-vaskes-obsudili-sfery-sotrudnichestva.html>
31. ТОП-20 стран импорта сельскохозяйственной продукции в Россию в 2016 году — <http://tebiz.ru/news-mi/news-mi-import-selskohozjajstvennoj-produkcii.php>
32. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. «Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота», *Вестник РУДН*, Серия: Международные отношения, Т. 15, № 4: 45-55.
33. Хейфец В., Хадорич Л. «Кризис в Венесуэле и региональная интеграция», *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. №5: 9-87.

Cuba and Canada in the XXI century: in search of a new paradigm of cooperation

Cuba y Canadá en el siglo XXI. En busca de un nuevo paradigma de cooperación

Abstract. This paper describes the relationship between Canada and Cuba in the new millennium, the development and nature of bilateral relations in the current realities of international processes in the region and the internal changes taking place in Cuba. The specifics of diplomatic and economic relations between Canada and the island state are described. The paper also discusses the importance of Cuba in Canada's broader goals in the Americas, highlighting Cuba's favoured position in the region. The health of the Canadian-Cuban economic relationship is a particular focus in the context of Cuba's current economic crisis, the evolving structure of the Cuban economy, and the US economic embargo.

Key words: Canada; Cuba; diplomacy; tourism.

Resumen. En el presente trabajo se describe la relación entre Canadá y Cuba en el nuevo milenio, el desarrollo y la naturaleza de las relaciones bilaterales en las realidades actuales de los procesos internacionales en la región y los cambios internos que tienen lugar en Cuba. Se describen los detalles de las relaciones diplomáticas y económicas entre Canadá y el estado insular. El trabajo también discute la importancia de Cuba en los objetivos más amplios de Canadá en las Américas, destacando la posición favorita de Cuba en la región. La salud de la relación económica entre Canadá y Cuba es un foco particular en el contexto de la crisis económica actual de Cuba, la estructura cambiante de la economía cubana y el embargo económico de los Estados Unidos.

Palabras clave: Canadá; Cuba; diplomacia; turismo.

Bilateral relations between Canada and Cuba have not received adequate coverage in the domestic historiography, but they occupy a special place in the system of international relations of the countries of the Western Hemisphere.

Despite these or other nuances, Canada and Cuba have common or close approaches to a number of pressing international problems, they stand for countering the negative phenomena of the globalization process, for the multi-polar model of

¹ Russia, Phd student, School of International Relations Saint-Petersburg State University
The report was prepared within the framework of the project «From the bipolar to the multipolar world: the Latin American vector», supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation (project No. 5-31-01016 / 15). Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, проект «От биполярного мира к многополярному: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке» (проект № 5-31-01016/15). E-mail: (borisovmikhail@hotmail.com).

the world order, strengthening the role and authority of the United Nations, against terrorism and illicit drug trafficking. During the Second World War, Canada and Cuba fought fascist Germany and militaristic Japan. Canada and Cuba established diplomatic relations among themselves in 1945. Since then, they have never been interrupted, despite the revolutionary changes in Cuba and the anti-Cuban policy of the United States. Canada also never imposed an embargo on trade with Cuba and did not join American policy in this direction. “Despite some differences between Ottawa and Havana, Canada has consistently pursued a policy of compromise over its Caribbean partner, which is nothing more than bilateral trade-based ties, an important indicator of Canadian autonomy in foreign policy before face of the United States”.²

In December 1960, Canadian Prime Minister J. Diefenbaker made a statement, referring to international law, that Canada would continue to recognize the revolutionary government of Cuba, and critically spoke about US policy towards this country. A sensation was the visit to Havana in 1976 by Prime Minister P. Trudeau, who became the first of the leaders of the Western world to visit the Island of Freedom. In 1998, a similar visit to Cuba was made by Prime Minister J. Chretien. Even Prime Minister B. Mulroney, a conservative known for his close ties with the Reagan administration, criticized the US Congress’s attempt to use one of the American laws against Cuba. In general, Canadian governments were characterized by resistance to the policy of diplomatic isolation of Cuba and the imposition of economic sanctions against it. The same Diefenbaker stated that such measures would only more actively push Cuba towards rapprochement with the socialist camp (which turned out to be absolutely correct). The Canadian ruling circles believed that “compromise and dialogue” are more effective than the American policy of “carrot”³.

At the same time, the same circles believed that the Canadian line with respect to Cuba should have a long-term perspective. The policy of compromise comes from Canada’s well-known privileged position in the Cuban market (about the trade side of this policy below) after the departure of the US from it, and its prospects. It was repeatedly formally supported by various governments of Canada. Thus, in the 1990s such a course was formalized by the government of J. Chrétien, who characterized the constructive compromise as a “policy of principled pragmatism”. When L.L. Eksworthy was Minister of Foreign Affairs of Canada (1996-2000), the policy of

² Legler Th., Baranyi S., El largo compromiso de Canada con Cuba: paradojas y posibilidades // *América Latina Hoy (Salamanca)*, 2009, № 52, 131 — 146 // <https://ru.scribd.com/document/98244566/Canada> (accessed 01.08.2017).

³ Wylie L., Reassessing Canada’s Relationship with Cuba in an Era of Change. Foreign Policy for Canada’s Tomorrow. 2010. №11 P.7 // https://www.cigionline.org/sites/default/files/reassessing_canadas_relationship_with_cuba_in_an_era_of_change.pdf (accessed 01.08.2017).

compromise was qualified as facilitating the democratization of Cuba. It would be, of course, not entirely correct to say that this policy has always been absolutely smooth and unchanging. It had its own nuances and shades. If the offices of J. Diefenbaker and B. Mulroney held a discreet course, then under P. Trudeau and J. Chrétien the Cuban policy of Canada was more active and proactive (visits to Cuba by Canadian leaders were a further confirmation of this). But the same Trudeau condemned Cuban intervention in the civil war in Angola.

In the final analysis, the policy of the ruling circles of Canada regarding Cuba still differs by a certain inconsistency. Thus, in April 2012, at the Sixth Inter-American Summit in Cartagena, Colombia, Canada joined the position of the United States that objected to Cuba's participation in subsequent such meetings due to Cuba's "non-compliance" with "democratic rights and freedoms"⁴. In this regard, we note that the other participants in the meeting condemned this position of the United States.

In 2008, the Minister for Foreign Affairs of Canada, M. Bernier, made a rather tough statement on the Day of Solidarity with the Cuban people to the Cuban leadership, which was regarded in Havana as the support of the American government in its anti-Cuban policy. Havana firmly reacted to such attacks. So, when in 2008 the Canadian Minister for the Affairs of America M. Kent in one of his statements admitted the attacks bordering on interference in the internal affairs of Cuba, Havana postponed his planned visit to a later date. But in general, Canada's policy towards Cuba is inherent in stability, which is also conditioned by the changes that have taken place in recent years. So, back in 2009, the Organization of American States (OAS) (which includes Canada) adopted a resolution abrogating the organization's decision of 1962 to expel Cuba from the OAS. Currently, 33 of the 34 countries in the region (all but the US) are maintaining normal diplomatic relations with Cuba⁵. There is an obvious process in this plan of rapprochement with Cuba from the side of Western Europe. In Latin America, Venezuela stands out. After coming to power of B. Obama, Cuba enters into a noticeable circle of interests and the United States. Now she obviously got out of the threat of the isolation that Washington was trying to surround her in recent times. It follows that any cooling or aggravation of relations with Cuba would not meet the policy of Canada, which has considerable economic interests here. First of all, they stem from the fact that Canada quickly and successfully used the liberated American niche. So, already in 1980, the volume of Canada-Cuban trade amounted to 1195.9 million dollars

⁴ Sizonenko A., *Canada-Cuban Relations, History and Modernity. USA — Canada. Economy, Politics, Culture*, №6, June 2012, 80 (accessed 01.08.2017).

⁵ Ayerbe L.F., *Cuba, Estados Unidos y América Latina frente a los desafíos hemisféricos. Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales*, 2011, 50 // <http://www20.iadb.org/intal/catalogo/PE/2011/09242.pdf> (accessed 01.08.2017).

(compared with 224.5 million dollars in 1960). However, the development of trade is by no means uniform: in 1990 this volume fell to \$ 383.8 million, so that in 2006 it would rise to \$ 1,187.8 million. This growth was not accidental, it was in no small degree associated with the curtailment in the early 1990s of Cuba's economic ties with the socialist world, the search for new partners and the expansion of the geographical framework for exchange. This, in turn, led to the intensification of trade and economic ties between Canada and Cuba.

In 2010, the volume of Canadian-Cuban trade amounted to \$ 1.6 billion. Canada exports industrial equipment, chemical products and food products to Cuba. Imports from Cuba include nickel, copper, tobacco, spirits (including the famous Cuban rum), certain types of seafood. An important area of cooperation between the two countries is investment cooperation. One of Cuba's key foreign partners is the large Canadian company Sheriff, which produces nickel, cobalt, mineral fertilizers, as well as oil and gas. The company works on the oil and gas fields leased from the Cuban government in Varadero, Canasi, Puerto Escondido. Canadian mining and industrial company Inmet Mining Corporation, which specializes mainly in the extraction of copper and zinc, is active in Cuba.

Both countries favor the application of new forms of trade and economic cooperation, the development of industrial cooperation. The most important part of cooperation between the two countries was tourism, manifested, first of all, in the growing flow of tourists from Canada. Its dynamics is evidenced by such figures: if in 2014, Cuba was visited by more than 700 thousand visitors from Canada (which brought Cuba income of 629 million dollars), then in 2015 their number exceeded 900 thousand people. Only in January 2015 more than 138 thousand Canadian citizens visited Cuba. If you take into account that in 2014, 2.5 million foreign tourists visited Cuba, the Canadians made up 36 % of their number (followed by representatives of England, Italy, France, Argentina). The flow of tourists to Cuba continues to grow. Judging by the efforts that both sides are making in this area, the tourism industry can be considered one of the most promising in the ties between the two countries.

Conclusion

Summarizing the results of the Cuban-Cuban relations at the present stage, it should first of all be stressed that their character over the years has confirmed the mutual acceptability of the Canadian policy of constructive compromise and the most important fact that it meets the interests of both sides. To a certain extent, the Canadian policy of compromise, realism and healthy practicality can serve as a definite example for those countries and governments that want to improve and expand relations with Cuba, despite ideological differences. On the other hand, Canada's development of ties (primarily economic) with Cuba, despite Washington's

opposition, its experience and concrete actions can also be the subject of appropriate attention and study for those participants in international relations who are striving for a more independent foreign policy, for liberation from dictate external forces.

However, sometimes in the same Canada and the United States the opinion is expressed that, the long experience of the Cuban policy of Ottawa can have a definite influence both on Cuba's policy and on the processes of democratization in it, in other words, to familiarize Cuba with the so-called Western " democratic values. " In our opinion, there is no reason to really influence this direction, no more than 50 years after the Cuban revolution did not give rise to such assumptions. The main meaning of the Cuban-Cuban relations has been confirmed by another and more important: the countries and peoples wishing, in spite of the opposition and pressure of certain forces, can fully develop mutually beneficial cooperation both in bilateral fields and in the international arena on the basis of their own national interests.

Bibliography:

1. Ayerbe L.F., Cuba, Estados Unidos y América Latina frente a los desafíos hemisféricos. *Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales*, 2011. P.50 // <http://www20.iadb.org/intal/catalogo/PE/2011/09242.pdf> (accessed 01.08.2017)
2. Beech C., Canada-Cuba Relations. Law and Business, *Review of the Americas*, № 21, 2015. P.479 // <http://scholar.smu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1075&context=lbra> (accessed 01.08.2017)
3. Legler Th., Baranyi S., El largo compromiso de Canada con Cuba: paradojas y posibilidades // *América Latina Hoy* (Salamanca). 2009.№ 52. P. 131 — 146 // <https://ru.scribd.com/document/98244566/Canada> (accessed 01.08.2017)
4. Sizonenko A., "Canada-Cuban Relations, History and Modernity", *USA — Canada. Economy, Politics, Culture*, №6, June 2012, 80.
5. Wylie L. Reassessing Canada's Relationship with Cuba in an Era of Change. Foreign Policy for Canada's Tomorrow. 2010. №11, 7 // https://www.cigionline.org/sites/default/files/reassessing_canadas_relationship_with_cuba_in_an_era_of_change.pdf (accessed 01.08.2017).

Д. Трамп и Латинская Америка: межамериканская система в новом политическом контексте

D. Trump and Latin America: Inter-American System in a New Political Context

Резюме: Еще на стадии предвыборной гонки Д. Трамп высказал ряд жестких заявлений в отношении Латинской Америки, декларировав отход от активной внешней политики и обозначив в качестве приоритета текущей повестки дня решение внутренних проблем США. Заняв пост президента, он в экстравагантной манере приступил к исполнению своих обязанностей.

Данная статья предлагает краткий анализ основных внешнеполитических акций администрации Д. Трампа в отношении Латинской Америки. Автором предпринимается попытка охарактеризовать новый политический и экономический контекст современного этапа развития межамериканской системы, выявить основные узлы противоречий и дать оценку ключевым факторам, формирующим межамериканские отношения. В заключение автор приходит к выводу о том, что конфигурация межамериканских отношений, вероятно, будет меняться.

Ключевые слова: Латинская Америка; Д. Трамп; США; Мексика; Куба; НАФТА; Венесуэла.

Abstract: During the pre-elections, D. Trump expressed several tough statements regarding Latin America, declaring a shift from an active foreign policy and designating the solution of US domestic problems as a priority of the current agenda. Since assuming the office, President Trump has begun to perform of his duties in an extravagant manner.

This article offers a brief analysis of the main foreign policy actions of the administration of D. Trump regarding Latin America. The author attempts to characterize the new political and economic context of the modern inter-American system, to identify the main contradictions and to assess the key factors that shape inter-American relations. At the end, the author concludes that the configuration of inter-American relations will probably change.

Keywords: Latin America; Trump; USA; Mexico; Cuba; NAFTA; Venezuela.

Учитывая лидирующие позиции США на мировой арене и степень вовлеченности Вашингтона в международные дела, революционная победа Дональда Трампа на президентских выборах в ноябре 2016 г. произвела

¹ Хадорич Л. В. — Россия, кандидат исторических наук, сотрудник Центра иberoамериканских исследований СПбГУ. Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01016 «От биполярного мира к многополярному: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке».

серьезный эффект на региональный и глобальный уровень взаимоотношений.

С приходом новой республиканской администрации внешнеполитическая линия Белого дома приобрела ряд отличительных черт. Так, латиноамериканский вектор внешней политики США можно уже исключить из числа основных приоритетов. Ряд официальных заявлений и подписанных президентских указов позволяют сделать вывод о том, что государствам Латинской Америки придется столкнуться с активизацией практики одностороннего действия и со снижением консультативного и институционального потенциала двусторонних и региональных отношений.

Предвыборная риторика Д. Трампа: латиноамериканский аспект

«Наша внешняя политика — полная и абсолютная катастрофа. Без видения. Без цели. Без направления. Без стратегии. <...> У Америки больше нет четкого понимания наших внешнеполитических целей», — заявил Д. Трамп в ходе своей предвыборной кампании², давая понять всему миру, что в случае его победы американские внешнеполитические подходы будут кардинально пересмотрены.

Несмотря на резкость оценок, по сути, с ними сложно не согласиться как в целом, так и в частности — в отношении наиболее географически близкого латиноамериканского региона, который зачастую оказывается вытеснен на периферию внешнеполитических приоритетов Вашингтона.

В ходе предвыборной гонки латиноамериканское направление внешней политики Д. Трампа не нашло структурированного и комплексного представления, ознаменовавшись лишь рядом жестких заявлений, серьезно встревоживших регион.

Во-первых, из уст кандидата в президенты США неоднократно звучали недвусмысленные выпады в адрес южных соседей — латиноамериканских мигрантов заклеили «насильниками» и «наркоторговцами», от которых защитит только возведение стены на американо-мексиканской границе, счет за которую должен быть выставлен Мехико.

Во-вторых, Трамп подверг критике политику нормализации американо-кубинских отношений. Назвав соглашение администрации Б. Обамы (2009–2017) с кубинским руководством «очень слабым», он констатировал, что ни США, ни кубинский народ ничего не получили от этого соглаше-

² Transcript: “Donald Trump’s Foreign Policy Speech” // *New York Times*, 27.IV.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2016/04/28/us/politics/transcript-trump-foreign-policy.html> (accessed 05.09.2017).

ния³. Очевидно, что такой бизнес-подход не имеет ничего общего с тонкостями дипломатии.

В-третьих, жесткий стиль, свойственный миллиардеру Трампу, нашел свое отражение в его позиции по Североамериканскому соглашению о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, НАФТА), названному не иначе как «абсолютной катастрофой», лишившей страну производства и рабочих мест⁴.

Стена, Куба и НАФТА стали «тремя китами» внешнеполитической программы Трампа на латиноамериканском направлении. Они явились символическим отражением основных факторов, определяющих внешнюю политику США в регионе с начала 80-х гг. XX в. — безопасность, демократическое правление и свободная торговля. А уже в XXI в. в них переплелись глубинные основания трамповского «Америка прежде всего».

«Америка для американцев»

Изоляционизм не является чем-то принципиально новым для американской истории. Еще с провозглашения Доктрины Монро в начале XIX в. под лозунгом «Америка для американцев» внешняя политика США взяла на вооружение этот принцип, используя его при необходимости⁵.

Но если Доктрина Монро распространяла свое действие на государства Западного полушария, то «трампизм» интегрировал также принцип протекционизма и спешит воздвигнуть как физические стены, так и торгово-экономические барьеры непосредственно на границах США.

Таким радикальным методом президент Трамп намеревается бороться с транснациональной организованной преступностью на американо-мексиканской границе, использующей, однако, именно американское оружие, полученное контрабандой⁶; планирует покончить с нелегальной миграцией мексиканцев, которая, по оценкам экспертов, и без того последовательно снижается вот уже 10 лет⁷; стремится вернуть рабочие места в США, хотя

³ The CBS4 Interview: *Trump on Cuba*. October 23, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://miami.cbslocal.com/2016/10/23/the-cbs4-interview-trump-on-cuba/> (accessed 05.09.2017).

⁴ Transcript: “Donald Trump’s Foreign Policy Speech” // *New York Times*. 27.IV.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2016/04/28/us/politics/transcript-trump-foreign-policy.html> (accessed 05.09.2017).

⁵ Zarzalejos J. A., “The Impossible Politics of Walls” // *USA and Latin America: Relations in the Trump Era*. P. 13.

⁶ “Shifting the Balance: Obama and the Americas” / eds. A. F. Lowenthal, T. J. Piccone, L. Withead. Brookings Institution Press, Washington, D.C., 2011, 33.

⁷ Passel J. S., Cohn D. V., “Overall Number of U.S. Unauthorized Immigrants Holds Steady Since 2009” // *Pew Research Center*. September 20, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewhispanic.com>

пример автоконцерна Ford показывает, что производство с высокой долей вероятности все равно будет выноситься в страны с более низкой стоимостью оплаты труда — если таковой станет не Мексика, то, например, Китай⁸.

Низкий интерес к международным делам администрации Трампа нашел свое отражение в важных административных вопросах. По состоянию на сентябрь 2017 г. большинство руководящих должностных постов в государственном департаменте США остаются вакантными. Не назначен ряд глав иностранных миссий в странах региона, включая Аргентину, не говоря уже о Кубе и Венесуэле. С 2016 г. вакантна должность главы дипломатической миссии США при ОАГ. При этом нехватка руководящего начала в Государственном департаменте способствует росту влияния радикально настроенных политиков, активно занимающихся латиноамериканской проблематикой, таких как сенатор-республиканец, член комитета по международным делам М. Рубио⁹. Тем не менее представляется важным отметить, что должность заместителя государственного секретаря по политическим вопросам, по крайней мере пока, осталась за карьерным дипломатом, работающим в Латинской Америке с середины 1980-х гг., — Т. Шенноном, в политическом активе которого участие в урегулировании политического кризиса в Венесуэле.

Отражением общего восприятия Трампом роли международной составляющей политического процесса является предложение практически на треть (или на 32%) сократить бюджет, выделяемый на международные дела, напрямую определяющий объемы иностранной помощи по линии USAID, включая сокращение объемов помощи Мексике на 45 %, Гватемале — на 38 %, Гондурасу — на 31 %¹⁰. Согласно намерениям новой администрации, сокращение должно также коснуться средств, выделяемых на международные организации, включая ООН и ОАГ.

В сентябре Комитет по ассигнованиям конгресса США, назвав просьбы о сокращении бюджета «необоснованными»¹¹, утвердил бюджет на ино-

org/2016/09/20/overall-number-of-u-s-unauthorized-immigrants-holds-steady-since-2009/ (accessed August 25, 2017).

⁸ *New York Times*, 20.VI.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/06/20/business/ford-focus-china-production.html> (accessed 08.09.2017).

⁹ *Miami Herald*, 26.VI.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.miamiherald.com/news/politics-government/article158342954.html> (accessed 14.08.2017).

¹⁰ Oppenheimer A., “Trump’s budget proposal shows disinterest and disdain for Latin America” // *Miami Herald*, 19.V.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.miamiherald.com/news/local/news-columns-blogs/andres-oppenheimer/article152709879.html> (accessed 17.07.2017).

¹¹ Committee Approves FY2018 State & Foreign Operations Appropriations Bill, 07.IX.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.appropriations.senate.gov/news/majority/committee-approves-fy2018-state-and-foreign-operations-appropriations-bill> (accessed 15.09.2017).

странные дела в размере 51,35 млрд долл., что на 11 млрд долл. больше, чем запрашивала администрация. Кроме того, предложенный законопроект включил ряд ограничений на полномочия исполнительной власти, в очередной раз подчеркнув, что законодатели не слишком доверяют администрации Трампа.

В любом случае бюджет по международным делам на 2018 г. оказался скромнее, чем годом прежде. Для Латинской Америки это грозит пересмотром ряда региональных инициатив, что в свою очередь способно спровоцировать институциональный и миграционный кризис в Центральной Америке, а также привести к ухудшению отношений с Колумбией — одним из ключевых партнеров США в Южной Америке.

За период с 1947 по 2016 г. Латинская Америка получила от Вашингтона более 170 млрд долл. на самые разнообразные цели¹². Только в 2016 г. США потратили почти 300 млн долл. на помощь Гаити и более 200 млн долл. на помощь Колумбии¹³. Однако внешнеполитические подходы новой администрации обнаруживают пренебрежение «мягкой силой» и даже ставят под вопрос роль дипломатии в целом. Налицо недостаток интереса со стороны госдепартамента к региональным делам: так, переговоры по реформе НАФТА проходят без должного внимания со стороны дипломатического ведомства страны, а сам государственный секретарь, Р. Тиллерсон, отказывается от участия в заседании Генеральной ассамблеи ОАГ по Венесуэле в июне 2017 г. Кроме того, американская сторона, не являющаяся в действительности частью межамериканской системы по защите прав человека, принимающая тем не менее к сведению решения соответствующих институтов на основе доброй воли, впервые за долгие годы отказалась от участия в слушаниях Межамериканской комиссии по правам человека¹⁴, что представляет собой определенный симптом.

На фоне стремления сократить финансовое участие США в деятельности многосторонних объединений представляется, что Белый дом откровенно пренебрегает дипломатическим инструментарием и не может предложить региону подлинного политического сотрудничества.

¹² Meyer P. J. U.S. “Foreign Assistance to Latin America and the Caribbean: Trends and FY2017 Appropriations”. *CRS Report*. February 8, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44647.pdf> (accessed 05.09.2017).

¹³ US Foreign Assistance [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignassistance.gov> (accessed 05.09.2017).

¹⁴ Camilleri M., Edmonds D. “The Inter-American Human Rights System in the Trump Era” / *Inter-American Dialogue*. 15.VI.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thedialogue.org/resources/the-inter-american-human-rights-system-in-the-trump-era/> (accessed 17.09.2017).

Трамп, торговля и Латинская Америка

Отказ от Транстихоокеанского партнерства (ТТП), включающего Чили, Перу и Мексику; выход из Парижского соглашения по климату, которое уже ратифицировали более 20 стран региона; намерение пересмотреть НАФТА — все это заставляет страны Латинской Америки по-новому оценить перспективы отношений с Вашингтоном. Принимая во внимание то, что для многих государств региона США — основной торговый партнер, новые экономические подходы Трампа поставили под сомнение и коммерческие связи с Латинской Америкой.

В частности, Буэнос-Айресу было отказано в возможности присоединиться к Генеральной системе преференций США, освобождающей некоторые товары от ввозной пошлины. А в августе 2017 г. было объявлено о повышении таможенных пошлин на биодизельное топливо, которое является основной статьей аргентинского экспорта в США, со ссылкой на результаты антидемпинговых и компенсационных проверок, инициированных новой администрацией, выявивших якобы, что производители биотоплива в Аргентине получают государственные субсидии¹⁵.

Дополнительные опасения региональных правительств о будущем межамериканской торговли проистекают из того обстоятельства, что НАФТА, активно критикуемое администрацией Трампа, послужило прообразом большинства торговых соглашений США со странами Латинской Америки, включая Чили, Перу и Колумбию.

В данном контексте регион все больше смотрит в сторону АТР: ранее в 2017 г. Аргентина, Венесуэла, Перу и Чили присоединились к Банку развития Китая, среди учредителей которого — Бразилия.

В том числе на фоне предвыборного популизма Трампа в американском обществе сформировалось искаженное представление о роли НАФТА, да и роли Латинской Америки в целом, для американской экономики. Только в одном штате Пенсильвания, расположенном на значительном удалении от американо-мексиканской границы, от торговли между Мексикой и США зависит 200 тыс. рабочих мест, а в целом по США число рабочих мест, так или иначе связанных с действием НАФТА, по некоторым оценкам, составляет около 14 млн¹⁶.

¹⁵ U.S. Department of Commerce, 22.VIII.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2017/08/us-department-commerce-issues-affirmative-preliminary-countervailing-1> (accessed 17.09.2017).

¹⁶ Parish Flannery N. “Is Trump Damaging the U.S.’s Relationship with Latina America?” *Forbes*, 30.VIII.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/northwesternmutual/2017/08/23/divorcing-on-the-doorstep-of-retirement-here-are-5-things-you-need-to-know/#925a7b42e98d> (accessed 07.09.2017).

Если же говорить о регионе, то достаточно обратиться к сухой статистике: доля стран Латинской Америки в совокупном объеме экспорта США за 2016 г. составила 25,2 %¹⁷, в том же году 24,2 % составил импорт нефти и нефтепродуктов США из стран Латинской Америки¹⁸, по данным за 2016 г. 18 % населения США — латиноамериканского происхождения, и именно эта категория людей является основной движущей силой демографического роста США на протяжении последнего десятилетия¹⁹.

Едва ли американское общество действительно заинтересовано в разрушении существующих связей. Но на фоне повышения глобальной роли латиноамериканского региона американский протекционизм открывает еще больше возможностей для внерегиональных игроков, а радикализм грозит опасными последствиями не только в экономической сфере, но и в области политики и национальной безопасности США.

«Америка прежде всего»

Недоверие американского истеблишмента к фигуре нового президента ни для кого не секрет, более того, непредсказуемость и «политическая некомпетентность» Трампа во многом это недоверие оправдывают и вынуждают «подкручивать винтики» в системе сдержек и противовесов США. Очевидно, что американский конгресс намерен особенно пристально следить за действиями Трампа во внешнеполитической сфере.

Несмотря на то что большинство в конгрессе США сегодня за республиканцами, отношения Белого дома и Капитолия нельзя назвать безоблачными. Даже соглашаясь с принципиальной необходимостью пересмотра НАФТА, некоторые конгрессмены отмечают отсутствие у Трампа четкого плана на этом направлении, высказывая опасения, что в результате резких шагов экономика США может столкнуться с дополнительными трудностями. В частности, указывается на то, что ревизия НАФТА при активном участии транснациональных компаний способна привести к ухудшению положения американских рабочих²⁰.

¹⁷ Trade Statistics. Department of Commerce, USA [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trade.gov/mas/ian/tradestatistics/index.asp> (accessed 26.09.2017).

¹⁸ U.S. Energy Information Administration. Petroleum and other liquids. U.S. Imports by Country of Origin [Электронный ресурс]. URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_move_impcus_a2_nus_ep00_im0_mbb1_a.htm (accessed 26.09.2017).

¹⁹ Flores A., How the U.S. “Hispanic population is changing” // *Pew Research Center*. September 18, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/18/how-the-u-s-hispanic-population-is-changing/> (accessed 26.09.2017).

²⁰ 115th Congress, 1st Session. Issue: Vol. 163, No. 58 — Daily Edition. Jobs and Trade (House of Representatives — April 04, 2017) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/>

Попытки действовать вне рамок, установленных современной политической системой США, уже привели к тому, что конгресс фактически ограничил свободу Трампа во внешнеполитическом маневрировании, приняв закон о санкциях против России, Ирана и КНДР²¹. На стадии рассмотрения находится законопроект, ограничивающий действия исполнительной власти по обеспечению безопасности на южной границе США в соответствии с распоряжением президента Трампа²², в том числе по вопросу выделения финансовых ресурсов для возведения стены на границе с Мексикой²³.

В свою очередь агрессивная позиция действующей администрации по наиболее острым вопросам латиноамериканской повестки дня — по Венесуэле и Кубе — привела к формированию противоположной тенденции: в соответствии с законопроектом, представленным на рассмотрение нижней палаты конгресса США, предлагается наделить президента полномочиями на свое усмотрение налагать санкции против действующих или бывших официальных лиц Венесуэлы²⁴.

Здесь проявляются две важные характеристики позиции Трампа. Во-первых, непоследовательность. Будучи кандидатом в президенты, он неоднократно критиковал силовые методы разрешения ближневосточных кризисов и заявлял о том, что правам человека и проблемам поддержания демократии по всему миру уделяется чрезмерное внимание во внешней политике США. Однако вступив в должность, Трамп стал рассматривать «военный вариант» разрешения кризиса в Венесуэле, настроив тем самым против своей фигуры даже самые проамериканские правительства региона. И примирительный тон вице-президента США М. Пенса в ходе его латиноамериканского турне не заставил регион усомниться в непредсказуемом и одностороннем характере новых американских внешнеполитических подходов. Политика Трампа относительно венесуэльского кризиса в действительности является продолжением линии предыдущей администрации по

congressional-record/2017/4/4/house-section/article/h2680-1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22latin+america%22%5D%7D&r=62 (accessed 04.08.2017).

²¹ CNN, 3.VIII.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://edition.cnn.com/2017/08/02/politics/donald-trump-russia-sanctions-bill/index.html> (accessed 07.09.2017).

²² Executive Order: Border Security and Immigration Enforcement Improvements. The White House, January 25, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/25/executive-order-border-security-and-immigration-enforcement-improvements> (accessed 16.08.2017).

²³ H.R.920 — 115th Congress (2017–2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/920/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22latin+america%22%5D%7D&r=91> (accessed 25.09.2017).

²⁴ H.R.2658 — Venezuela Humanitarian Assistance and Defense of Democratic Governance Act of 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/2658?q=%7B%22search%22%3A%5B%22latin+america%22%5D%7D&r=53> (accessed 16.08.2017).

усилению давления на правительство Н. Мадуро, изрядно приукрашенная театральными эффектами и устрашающими заявлениями, имеющими мало общего со стратегическими интересами США. Даже реакция Пентагона на слова американского президента свидетельствует о нереалистичности военного сценария²⁵.

Во-вторых, преемственность. Как ни парадоксально, но эта преемственность обнаруживается в «кубинском вопросе». После многократных заявлений о том, что он сможет добиться «лучшей сделки», Трамп фактически продолжил работу Обамы: несмотря на объявленное ужесточение политики, дипломатические отношения с Кубой не пострадали: авиасообщение между странами сохраняется, а американские круизные лайнеры продолжают швартоваться в портах Острова свободы; никак не ограничиваются послабления, введенные при Обаме на денежные переводы и родственные визиты американцев кубинского происхождения на Кубу; запрет на деловые отношения американских компаний и частных лиц с кубинскими компаниями и организациями, связанными с вооруженными силами Кубы, — ни что иное, как общая цель предыдущей и новой администрации; даже «дикий американский туризм» (при формальном запрете на любые визиты в рамках политики эмбарго, что под силу отменить только конгрессу США) будет ограничен лишь дополнительными проверками в адрес американцев, желающих посетить Кубу.

Таким образом, «смена курса» в отношении Кубы, выразившаяся, по сути, в более агрессивной риторике, так же как и угрозы и выпады в адрес венесуэльского правительства — ни что иное, как очередная сделка — сделка с конгрессом США, которая способна обеспечить политические дивиденды команде Трампа без реальных политических шагов и без подлинной дискуссии о положении дел на Кубе или в Венесуэле. Ведь, по сути, ни демократизация, ни проблемы защиты прав человека в регионе не интересуют американского президента — «Америка прежде всего».

* * *

В преддверии вступления Трампа в должность различные эксперты и экспертные центры опубликовали прогнозы²⁶ и рекомендации²⁷ для но-

²⁵ Reuters, 12.VIII.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-venezuela-military-pentagon/pentagon-says-has-not-received-any-orders-on-venezuela-from-trump-idUSKBN1AR2HE> (accessed 21.09.2017).

²⁶ Lowenthal A. F., “Latin America and Donald Trump” // *The American Interest*. 30.XII.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.the-american-interest.com/2016/12/30/latin-america-and-donald-trump/> (accessed 08.08.2017).

²⁷ “5” Big Ideas for U.S. Policy in the Americas” // Center for American Progress. 09.XII.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2016/12/09/294651/5-big-ideas-for-u-s-policy-in-the-americas/> (accessed 08.08.2017).

вой президентской администрации, в том числе в области внешней политики на латиноамериканском направлении. Большинство исследователей сошлось в одном: победа Трампа существенно повысила уровень неопределенности. Спустя несколько месяцев работы новой администрации можно говорить о том, что популизм в значительной мере уступает место прагматизму в политике Трампа, тем не менее невозможно не признать, что одной из основополагающих черт современной американской внешней политики является радикализм, поэтому межамериканская система, даже при недостатке внимания со стороны руководства США, будет заметно форматироваться под воздействием агрессивной американской риторики.

Пересмотр межамериканских торговых отношений открывает дополнительные возможности для внерегиональных сил, а также для потенциальных региональных лидеров. Так, американская ревизия торговых соглашений может стать шансом для Бразилии укрепить торговлю внутри региона и усилить свой региональный и глобальный статус.

Отсутствие четких инициатив для региона свидетельствует о том, что политика новой администрации в отношении Латинской Америки зависит от позиции правительств региона по ключевым вопросам американской повестки дня. Потенциал многосторонней дипломатии остается невостребованным в силу стремления Вашингтона придать больший вес двусторонним форматам взаимодействия, а регион в целом не имеет стратегического значения для США.

Рейтинг Трампа в Латинской Америке снижается²⁸. Осталось мало правительств, готовых работать с американской администрацией на американских условиях, и враждебность по отношению к латиноамериканским партнерам может привести к тому, что конфигурация межамериканских отношений перестанет зависеть от Вашингтона, а региональная инициатива окончательно перейдет к латиноамериканским странам и латиноамериканским интеграционным группам.

Библиография:

1. Transcript: Donald Trump's Foreign Policy Speech // New York Times. 27.IV.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2016/04/28/us/politics/transcript-trump-foreign-policy.html> (accessed 05.09.2017).
2. The CBS4 Interview: Trump on Cuba. October 23, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://miami.cbslocal.com/2016/10/23/the-cbs4-interview-trump-on-cuba/> (accessed 05.09.2017).

²⁸ Low confidence in Trump worldwide. 26.VI.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/06/26/worldwide-few-confident-in-trump-or-his-policies/> (accessed 17.09.2017).

3. Transcript: Donald Trump's Foreign Policy Speech // New York Times. 27.IV.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2016/04/28/us/politics/transcript-trump-foreign-policy.html> (accessed 05.09.2017).
4. *Zarzalejos J. A.* The Impossible Politics of Walls // USA and Latin America: Relations in the Trump Era. P. 13.
5. Shifting the Balanc: Obama and the Americas / eds. A. F. Lowenthal, T. J. Piccone, L. Witehead. Brookings Institution Press. Washington, D.C., 2011. P. 33.
6. *Passel J. S., Cohn D. V.* Overall Number of U.S. Unauthorized Immigrants Holds Steady Since 2009 // Pew Research Center. September 20, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2016/09/20/overall-number-of-u-s-unauthorized-immigrants-holds-steady-since-2009/> (accessed August 25, 2017).
7. New York Times, 20.VI.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/06/20/business/ford-focus-china-production.html> (accessed 08.09.2017).
8. Miami Herald. 26.VI.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.miamiherald.com/news/politics-government/article158342954.html> (accessed 14.08.2017).
9. *Oppenheimer A.* Trump's budget proposal shows disinterest and disdain for Latin America // Miami Herald, 19.V.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.miamiherald.com/news/local/news-columns-blogs/andres-oppenheimer/article152709879.html> (accessed 17.07.2017).
10. Committee Approves FY2018 State & Foreign Operations Appropriations Bill, 07.IX.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.appropriations.senate.gov/news/majority/committee-approves-fy2018-state-and-foreign-operations-appropriations-bill> (accessed 15.09.2017).
11. *Meyer P. J.* U.S. Foreign Assistance to Latin America and the Caribbean: Trends and FY2017 Appropriations. CRS Report, February 8, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44647.pdf> (accessed 05.09.2017).
12. US Foreign Assistance [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignassistance.gov> (accessed 05.09.2017).
13. *Camilleri M., Edmonds D.* The Inter-American Human Rights System in the Trump Era / Inter-American Dialogue, 15.VI.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thedialogue.org/resources/the-inter-american-human-rights-system-in-the-trump-era/> (accessed 17.09.2017).
14. U.S. Department of Commerce, 22.VIII.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2017/08/us-department-commerce-issues-affirmative-preliminary-countervailing-1> (accessed 17.09.2017).
15. *Parish Flannery N.* Is Trump Damaging the U.S.'s Relationship with Latina America? Forbes, 30.VIII.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/northwesternmutual/2017/08/23/divorcing-on-the-doorstep-of-retirement-here-are-5-things-you-need-to-know/#925a7b42e98d> (accessed 07.09.2017).

16. Trade Statistics. Department of Commerce, USA [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trade.gov/mas/ian/tradestatistics/index.asp> (accessed 26.09.2017).
17. U.S. Energy Information Administration. Petroleum and other liquids. U.S. Imports by Country of Origin [Электронный ресурс]. URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_move_impcus_a2_nus_ep00_im0_mbbl_a.htm (accessed 26.09.2017).
18. *Flores A.* How the U.S. Hispanic population is changing // Pew Research Center, September 18, 2017. <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/18/how-the-u-s-hispanic-population-is-changing/> (accessed 26.09.2017).
19. 115th Congress, 1st Session. Issue: Vol. 163, No. 58 — Daily Edition. Jobs and Trade (House of Representatives — April 04, 2017) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/congressional-record/2017/4/4/house-section/article/h2680-1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22latin+america%22%5D%7D&r=62> (accessed 04.08.2017).
20. Executive Order: Border Security and Immigration Enforcement Improvements. The White House. January 25, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/25/executive-order-border-security-and-immigration-enforcement-improvements> (accessed 16.08.2017).
21. H.R.920 — 115th Congress (2017–2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/920/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22latin+america%22%5D%7D&r=91> (accessed 25.09.2017).
22. H.R.2658 — Venezuela Humanitarian Assistance and Defense of Democratic Governance Act of 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/2658?q=%7B%22search%22%3A%5B%22latin+america%22%5D%7D&r=53> (accessed 16.08.2017).
23. Reuters, 12.VIII.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-venezuela-military-pentagon/pentagon-says-has-not-received-any-orders-on-venezuela-from-trump-idUSKBN1AR2HE> (accessed 21.09.2017).
24. *Lowenthal A. F.* Latin America and Donald Trump // The American Interest, 30.XII.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.the-american-interest.com/2016/12/30/latin-america-and-donald-trump/> (accessed 08.08.2017).
25. Big Ideas for U.S. Policy in the Americas // Center for American Progress, 09.XII.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2016/12/09/294651/5-big-ideas-for-u-s-policy-in-the-americas/> (accessed 08.08.2017).

Международный аспект урегулирования гражданской войны в Колумбии

The international aspect of the settlement of the civil war in Colombia

Аннотация: Партизанская война в Колумбии, длившаяся более 50 лет, находится на этапе подписания соглашения с конца 2016 года. Потребность в урегулировании и снижении трафика наркотических средств из Колумбии, обязывала США и страны Европы всячески оказывать как военную, так и экономическую поддержку Колумбийскому правительству. Автором проанализированы переломные моменты борьбы правительства Колумбии против «наркопартизанов». Основная задача доклада - определение роли и влияния США, а также стран европейского континента на урегулирование вооруженного конфликта.

Ключевые слова: Колумбия, США, ФАРК, повстанцы, дипломатия, конфликт, война, перемирие

Гражданская война в Колумбии представляет собой внутренний вооруженный конфликт, уходящий корнями в 1948 год. Политическая расправа над одним из самых ярких и популярных государственных деятелей страны - Хорхе Эльесером Гайтаном, послужила мощным толчком к вооруженным народным волнениям и образованию внесистемной оппозиции в лице партизанских отрядов. Война между землевладельцами и крестьянами, которая велась под прикрытием противостояния консервативной и либеральной партий, длилась десять лет и получила название «La Violencia». Именно тогда крестьяне со всех регионов Колумбии начали организовываться небольшими вооруженными группами с целью защиты от произвола земельных олигархов и жесточайшего правительственного террора.

Датой начала колумбийского конфликта принято считать год зарождения Революционных вооруженных сил Колумбии (исп. Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia – FARC) - Армии народа - 1964 год, однако в докладе Национального центра исторической памяти в качестве начала конфликта упоминается 1958 год, последний год периода «La Violencia» На протяжении десятилетий, почти без перерывов шла кровопролитная борьба FARC против войск правительственной армии.

¹ Аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

Последствия гражданской войны имеют поистине глобальные масштабы и оказывают влияние не только на социально-экономическое и демографическое развитие Колумбии, но и всего региона в целом. Наибольший урон был нанесен аграрному сектору экономики (нелегальная добыча нефти и вырубка лесов), экологии (ухудшение состояния атмосферы, попадание нефти в почву и воду) и производственно-энергетическому сектору (взрывы опор ЛЭП, газо- и нефтепроводов, нападения на сырьевые месторождения).

По информации колумбийского Национального центра исторической памяти, количество жертв за период войны с 1958 по 2012 год составило, по меньшей мере, 220 тысяч человек, 80% которых — мирное население. Множество людей лишились своего жилья и превратились в беженцев. За период с 1970 по 2010 год было похищено 25 тысяч человек, более 10 тысяч человек было убито или искалечено наземными минами.²

Кокаиновый наркотрафик в ходе гражданской войны достиг своего расцвета и способствовал расширению повстанческой экспансии. В начале 2000-х 90% производства кокаина в мире приходилось на Колумбию, а производство и незаконный оборот наркотиков обеспечивали значительный приток денежных средств в FARC. В 2009 году правительство США утверждало, что FARC несет ответственность за 60% колумбийского кокаина, вывозимого в Соединенные Штаты, а министерство финансов США заморозило активы нескольких членов повстанческой организации.³

США оказывали давление на власти данной южноамериканской страны, требуя скорейшего разрешения вопроса с оборотом наркотиков, одновременно используя сложившуюся ситуацию для вмешательства во внутреннюю политику Колумбии. Отказ Боготы сотрудничать с США в кампании по противодействию распространения наркотрафика и экстрадировать в Штаты крупных представителей наркобизнеса, приводили к серьезным трениям в отношениях между странами.

Дестабилизация внутривластной ситуации, погружение на десятилетия в кровавый водоворот гражданской войны, политизированный наркобизнес, притеснение крестьянского населения, противостояние вооруженных группировок леворадикального (*герилья*) и праворадикального (*парамилитарес*) толка происходило на фоне общей бедности и экономической отсталости страны.

² Centro Nacional de Memoria Histórica. «¡Basta ya! Colombia: memories of war and dignity», 2016, p. 15 <http://www.centrodememoriahistorica.gov.co/descargas/informes2016/basta-ya-ingles/BASTA-YA-ingles.pdf> (07.09.2017)

³ US Government Accountability Office, Report to the Ranking Member, Committee on Foreign Relation, U.S. Senate. Drug Control. <http://www.gao.gov/new.items/d09806.pdf> (09.09.2017)

Являясь одним из постоянных получателей американских субсидий в латиноамериканском регионе, Колумбия часто шла на уступки своему «спонсору» и учитывала интересы США в решении тех или иных внутригосударственных вопросов. Инвестиции североамериканского соседа позволяли колумбийскому правительству оплачивать войну, а США под видом оказания помощи устанавливали контроль над сырьевыми запасами страны.

Одним из ключевых моментов американо-колумбийского сотрудничества в период гражданской войны является реализация «Плана Колумбия». Главная цель Плана — миротворческая миссия (прекращение военного конфликта), а также борьба с наркобизнесом, что по положениям Плана подразумевает под собой военное присутствие США на территории Колумбии.

«План Колумбия» был утвержден Конгрессом США и объявлял о следующих приоритетных направлениях:

- помощь правительству Колумбии в пресечении выращивания коки в регионах, в которых доминировали повстанческие формирования;
- улучшение возможностей страны в ликвидации торговли кокаином.

Выделяемые США средства предполагалось использовать:

- для закупки радаров, самолетов и модернизации колумбийских аэродромов;
- поощрения выращивания альтернативных сельскохозяйственных культур и создания новых рабочих мест;

защиты прав человека, верховенства закона и содействия мирному процессу.⁴

Следует отметить, что США всегда пристально наблюдали за развитием дел в Латинской Америке и Колумбия не исключение. Американские транснациональные компании давно обеспечили себе прочное положение, позволяющее лоббировать свои интересы, идущие вразрез с понятиями прав человека и верховенства закона. Нарастание коммунистических настроений в регионе также способствовало активному распространению экстерналистского влияния и «План Колумбия» явил собой идеальную платформу для корректировки курса «потерянной» Колумбии.

«План Колумбия» не дал значительных результатов в разрешении вооруженного конфликта, однако смог ухудшить и без того плачевное состояние крестьянского населения, вынужденного незаконно выращивать

⁴ White House Fact Sheet on Colombia Assistance Package. (U.S. aid to Colombia has five major components) <http://www.fas.org> (01.08.2017)

листья коки, и подвергающегося постоянным «облавам» борцов с наркотиками. Тем временем, местные наркокартели, связанные с политической и военной верхушкой, только нарастили объемы поставок в Европу и Соединенные Штаты.

Преобладание именно американских компаний в стране объясняет тот факт, что США превратились в главного адресата колумбийского наркотрафика. Разрушение государственного аппарата изнутри, коррумпированность чиновников, уличный произвол и безнаказанность, неизменно дают благоприятную почву для роста радикальных оппозиционных настроений и заставляют население, изолированное от распределения ресурсов, адаптироваться к новым экономическим реалиям.⁵

В вопросе поддержки мирного урегулирования проблемы активную позицию занял Европейский союз. На протяжении долгого времени ЕС поддерживает проведение мирного процесса в Колумбии финансовыми вложениями. Более 1,5 миллиардов долларов было выделено как Европейским союзом, так и отдельными правительствами европейских государств за 17-ти летний период⁶.

Одно из последних гуманитарных вложений Европейского союза составило в финансовом эквиваленте более 600 миллионов евро, в этой связи еврокомиссар по вопросам международного сотрудничества и развития Невен Мимика заявляет: «Поддержка Европейским союзом процесса мирного урегулирования, которая в финансовом эквиваленте за последние 15 лет составила более 550 миллионов дополняется гуманитарным пакетом в размере 600 миллионов евро. Данный шаг, полностью, соответствует нашим общим амбициям по построению мирного, устойчивого общества, и способен улучшить жизнь всех колумбийцев, особенно в отдаленных сельских районах.»⁷

В своих множественных пресс-релизах на тему внутреннего конфликта в Колумбии Еврокомиссия всегда придерживается следующих постулатов:

- восстановление сельских районов, пострадавших от продолжительного вооруженного конфликта;

⁵ Шумаков А. «Кокаиновая республика», Научно-просветительский журнал СКЕПСИС, http://scepsis.net/library/id_2689.html (04.09.2017)

⁶ European Commission – Press release, European Union offers unprecedented support to peace implementation in Colombia with almost € 600 million http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-4292_en.htm (08.09.2017)

⁷ European Commission – Press release, European Union offers unprecedented support to peace implementation in Colombia with almost € 600 million http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-4292_en.htm (08.09.2017)

- повышение продуктивности и выведение в рентабельное состояние продукции сельскохозяйственного производства;
- стабилизация состояния самого конфликта в пострадавших районах.

ЕС, практически с самого начала осуществления поддержки правительства Колумбии, внес FARC во внутренний список террористических организаций.

Примечательно, что Швеция и Франция блокировали внесение FARC в данный список, но это не означает их тотальный отказ от поддержки процесса мирного урегулирования. За период с 2002 по 2012 год обе страны участвовали в 614 проектах⁸, проводимых под эгидой Европейского союза, направленных на поиск и решение породивших гражданский конфликт проблем. Впоследствии они присоединились к списку стран-учредителей так называемого Европейского фонда поддержки Колумбии⁹.

Европейский фонд поддержки Колумбии функционирует с декабря 2016 года, но за такой короткий срок уже реализуется множество проектов направленных на развитие сельскохозяйственного сектора в районах, пострадавших от конфликта. Бюджет данных проектов на текущий момент составляет 95 миллионов евро. В случае стабилизации внутренней ситуации в Колумбии, данный фонд может нарастить финансовые объемы реализуемых проектов, спровоцировав рост инвестиционной привлекательности для европейских частных компаний.

Являясь важным торгово-экономическим партнером для стран Еврозоны, Колумбия, в большей степени и при благоприятной обстановке, может рассчитывать на наращивание темпов роста финансовой поддержки частного характера. В перспективе, может произойти замена адресной помощи от Европейского союза на финансирование проектов по восстановлению пострадавших регионов от Фонда поддержки Колумбии и коммерческих структур Европы. Если США сосредоточили свою поддержку, в большей степени, на предотвращении повышения объемов наркобизнеса, то ЕС в большей степени сосредоточился на реализации проектов, которые направлены на снижение влияния гражданского конфликта на социально-экономическую и гуманитарную сферы жизни пострадавших регионов.

⁸ EU Trust Fund for Colombia https://ec.europa.eu/europeaid/eu-trust-fund-colombia_en (08.09.2017)

⁹ Agreement establishing the EU Trust Fund for Colombia, and its internal rules https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/eu-colombia-trust-fund-signed_en.pdf (08.09.2017)

* * *

Избрание президентом Колумбии в 2002 году Альваро Урибе Велеса, стало важным моментом в ходе мирного урегулирования гражданской войны. По оценке колумбийского посла в Великобритании Маурисио Родригеса Мунеры, правительство Урибе Велеса основывалось на трех принципах: «демократическая безопасность, инвестиционная безопасность и социальное сплочение. Политика демократической безопасности заключалась в беспрецедентном усилении Вооруженных сил Колумбии, увеличении бюджета и численности солдат и полицейских, а также в тщательном контроле над их работой со стороны президента. Результаты этих действий были успешными: количество убийств за период 2002—2010 гг. снизилось более чем на 45%, число похищений сократилось на 95%; 35 тыс. парамилитарес и 17 тыс. партизан сложили оружие и вернулись к нормальной жизни».¹⁰ Не вызывает, однако, сомнений, чрезмерная оптимистичность и политизированность данной оценки. Как раз в годы правления Урибе переговоры о мире зашли в тупик, при этом власти, хотя и сумели нанести серьезный урон левым партизанам, не были в состоянии разгромить их окончательно.

В 2012 году после избрания президентом преемника Урибе — Хуана Мануэля Сантоса (министра обороны в правительстве Урибе Велеса), противоборствующие стороны, наконец, сели за стол переговоров в Осло, Норвегия. Обе стороны обменялись заверениями в стремлении к прочному миру, однако серьезные разногласия сторон по ключевым вопросам (прекращение вооруженного конфликта, земельная реформа, наркотрафик, права жертв конфликта и пр.) не позволили далеко продвинуться на пути решения проблемы. Переговоры велись при активном содействии Норвегии и Кубы.

Несмотря на все подводные камни переговорного процесса, осенью 2016 г. мирный Договор был подписан президентом Колумбии Хуаном Мануэлем Сантосом с одной стороны и лидером FARC Родриго Лондоньо, более известным под псевдонимом «Тимошенко». Окончательный вариант договора представляет собой новую редакцию, составленную с учетом мнения оппозиции (поскольку первый вариант мирного соглашения был отклонен по результатам всенародного референдума, прошедшего 2 октября 2016 года).

Подписание мирного договора и его ратификация в Конгрессе не решает окончательно все проблемы, порожденные полувековой кровопролитной борьбой. Колумбии предстоит провести масштабную работу по

¹⁰ Материалы круглого стола «Колумбия: два века национального суверенитета», Латинская Америка, Москва, 2011, №3, 48-55

восстановлению аграрного и энергетического секторов экономики, побороть наркотрафик, решить земельный вопрос и проблему соблюдения прав жертв и пострадавших в ходе гражданской войны.

Библиография

1. Agreement establishing the EU Trust Fund for Colombia, and its internal rules https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/eu-colombia-trust-fund-signed_en.pdf (08.09.2017)
2. Centro Nacional de Memoria Histórica. «*Basta ya! Colombia: memories of war and dignity*», 2016, p. 15 <http://www.centrodememoriahistorica.gov.co/descargas/informes2016/basta-ya-ingles/BASTA-YA-ingles.pdf> (07.09.2017)
3. European Commission – Press release, European Union offers unprecedented support to peace implementation in Colombia with almost € 600 million http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-4292_en.htm (08.09.2017)
4. EU Trust Fund for Colombia https://ec.europa.eu/europeaid/eu-trust-fund-colombia_en (08.09.2017)
5. US Government Accountability Office, Report to the Ranking Member, Committee on Foreign Relation, U.S. Senate. Drug Control. <http://www.gao.gov/new.items/d09806.pdf> (09.09.2017)
6. White House Fact Sheet on Colombia Assistance Package. (U.S. aid to Colombia has five major components) <http://www.fas.org> (01.08.2017)
7. Материалы круглого стола «Колумбия: два века национального суверенитета», Латинская Америка, Москва, 2011, №3, 48-55
8. Шумаков А. «Кокаиновая республика», *Научно-просветительский журнал СКЕПСИС*, http://scepsis.net/library/id_2689.html (04.09.2017)

Мексика: вызов Соединенным Штатам?

Mexico: a challenge to the USA?

Бедная Мексика!

Как она далеко от Бога и как близко от
Соединенных Штатов!

П. Диас, президент Мексики, 1884–1911

Резюме: В течение многих десятилетий, практически с момента возникновения, Мексика испытывала постоянное давление со стороны США. В период Американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. США отторгли от Мексики 70 % ее территорий (ныне штаты Калифорния, Аризона, Техас). В 1916 г., в разгар гражданской войны в Мексике, Соединенные Штаты Америки совершили открытую военную интервенцию в соседнюю страну с целью, по официальной версии, защиты собственности и жизни американских граждан. Фактически же интервенция имела целью разгром наиболее радикальной, откровенно антиамериканской повстанческой армии. В 1930-е гг. Соединенные Штаты вели ожесточенную кампанию против президента Мексики Карденаса, который вознамерился национализировать нефтяные ресурсы страны, принадлежавшие американским монополиям. В конце XX столетия ситуация в отношениях между США и Мексикой стала кардинально меняться. Массовая иммиграция рабочей силы из Мексики коренным образом стала влиять на этнокультурный ландшафт приграничных регионов и даже нести потенциальную угрозу территориальной целостности США.

Ключевые слова: Мексика; иммиграция; Соединенные Штаты Америки; цивилизационный кризис.

Abstract: For many decades, starting from its establishment, Mexico has been continuously influenced by the United States of America. During the American-Mexican war of 1846–1848 the U.S. has deprived Mexico of 70 % of its territories (now states of California, Arizona, Texas). In 1916, during the Mexican Civil war, the USA has openly intervened in the neighboring country in order to, as it was put officially, protect the lives and possessions of the American citizens. In fact the goal of the intervention was to defeat the radical, openly anti-American insurgent army. During the 1930s the U.S. was strongly opposing the Mexican president Cárdenas whose intention was to nationalize the energetic resources of the country that belonged to American monopolies. Towards the end of the XX century the relationship of the U.S. and Mexico has started to change. The mass working force immigration from Mexico has begun to greatly influence the ethno-

¹ Ширяев Б. А. — Россия, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой американских исследований СПбГУ.

cultural landscape of the bordering regions and even to threaten the territorial integrity of the United States.

Key words: Mexico; immigration; the United States of America; civilization crisis.

Известный американский дипломат Г. Киссинджер как-то заметил, что Европа всегда жила в страхе по соседству с агрессивной Россией. Иное дело США, соседям которых не было необходимости опасаться сильного, но доброжелательного соседа. Г. Киссинджер — выпускник Гарвардского университета, но почему-то он имеет смутное представление об истории или лукавит. Впрочем, и то, и другое свойственно многим американским дипломатам и политикам.

Историческая же реальность такова. США дважды пытались аннексировать Канаду: первый раз во время Войны за независимость, второй — во время Англо-американской войны 1812 г., которую США начали с явным намерением присоединить канадские территории. Несмотря на провал этих двух силовых попыток, США сумели в последующем интегрировать Канаду в свое экономическое, культурное и политическое поле.

Еще до появления Мексики как государства в политических кругах Америки вынашивались обширные планы в отношении ее территории. В первые годы независимости в США активно обсуждались проекты создания обширной Американской атлантической империи, которая должна была простираться «от ледяных пустынь Ньюфаундленда до тропических лесов Гватемалы». По замыслу адептов этого проекта Америка должна была представлять собой гигантскую торговую империю, огромной дугой охватывающую Восточное побережье США и побережье Мексиканского залива.

Однако в США победила другая точка зрения, сторонники которой видели будущее страны в экспансии на Дикий Запад. Одной из жертв этой экспансии стала Мексика, от которой Соединенные Штаты Америки отторгли 70 % территории — нынешние юго-западные штаты. Затем имела место военная интервенция, прямое вмешательство США в Гражданскую войну в Мексике в 1916 г. В 1930-е гг. Соединенные Штаты Америки активно стремились сместить президента Мексики Ласаро Карденаса, который вознамерился проводить политику национализации нефтяных недр. И только начавшаяся Вторая мировая война и окончание президентского срока Карденаса несколько снизили остроту конфликта.

В конце XX — начале XXI в. мы наблюдаем иную картину: начинает активно подниматься своеобразная волна давления Мексики на Соединенные Штаты. Страны поменялись местами, и теперь уже Мексика представляет серьезный вызов для США. Речь идет, конечно, не о каком-то эконо-

мическом или политическом давлении; этот вызов носит культурно-цивилизационный характер, которому не способны противостоять ни военная мощь, ни экономический потенциал.

В наше время широкое распространение получили различные прогностические концепции, авторы которых пытаются заглянуть в ближайшее и отдаленное будущее. В этих концепциях анализируются темпы экономического роста, объемы ВВП, военная мощь, формы правления, природные ресурсы, уровень развития современных технологий и т. д. На периферии этих анализов остаются не то что не замечаемые, но как-то в тени и, вероятно, самые существенные явления, имеющие отношение к будущему, — это этнокультурные и цивилизационные процессы, набирающие силу в наиболее важных для мировой стабильности регионах.

В свое время грозный Рим, имея могучие многочисленные легионы, высокие по тем временам технологии, совершенную политическую и государственную организацию, не мог противостоять, казалось бы, слабо вооруженному и плохо организованному давлению со стороны варварских племен, которые были носителями иной цивилизации. Главная причина состояла в том, что Римская цивилизация на последних стадиях своего существования была поражена неизлечимыми внутренними недугами. Среди них самые разрушительные — падение общественной морали и нежелание когда-то гордых римлян быть воинами и сражаться во имя идеалов великой империи. Они все более перекладывали тяготы военной службы на плечи наемников из числа варваров, селившихся на границах империи и которые сыграли в конечном итоге в ее судьбе роковую роль.

Конечно, любые аналогии всегда хромают. Но нечто подобное мы можем наблюдать и в современном мире. Одним из таких регионов, в котором с большой вероятностью следует ожидать серьезных цивилизационных потрясений, может быть Северная Америка, и стержнем грядущих перемен является мексиканский фактор.

Увлечшись реализацией Большой стратегии (Grand strategy) в борьбе с вымышленными врагами и погоней за химерами мировой гегемонии, Америка «просмотрела» реальную опасность, которая находится рядом, под боком, и которая представляет серьезный вызов англосаксонской исключительности. Самая большая угроза со стороны Мексики — это культурно-цивилизационный фактор. На территории США формируется не просто пространство с другим этносом, но другая цивилизационная общность, которая не приемлет духовную атмосферу современной Америки. Речь идет о процессах и явлениях, которые стали не только привычной моральной нормой, но обретают силу закона в Соединенных Штатах. Эти явления противоречат христианским нормам и канонам христианской религии, и для

большинства мексиканцев, воспитанных в католических традициях, они являются враждебными и неприемлемыми.

Речь идет, прежде всего, о семейных ценностях. В англосаксонской Америке семья как институт находится в состоянии упадка, и семейные ценности стремительно деградируют. Дело не только в моральной деградации. Однополые браки, набирающие популярность, мораль «семья без детей» (*child-free family*) — это удар по воспроизводству англосаксонского социума. Нет сомнения, что Америка стоит перед лицом морально-нравственного и цивилизационного раскола, и в этой гипотетически грядущей, но вполне реальной ситуации Мексика сыграет очень важную, если не решающую роль.

Мексика будет «поглощать» Соединенные Штаты вследствие следующих факторов:

1. Демографический фактор. Хотя Соединенные Штаты сегодня являются единственной из высокоразвитых стран, где наблюдается рост населения, этот рост происходит за счет притока иммигрантов. Следует ожидать, что этот приток постепенно будет ослабевать, но потребность в рабочей силе будет стимулировать приток иммигрантов из Мексики. Мексика — одна из тех стран, где стремительно и стабильно растет население. В 1950 г. в этой стране насчитывалось 27 млн жителей, в начале XXI в. — уже 110 млн. Для избыточной рабочей силы и избыточного населения Мексики есть один выход — это эмиграция в США.
2. Неконтролируемый приток иммигрантов из Мексики порождает время от времени в США острые дебаты. Однако эти дебаты не сопровождаются реальными действиями, ибо потребность в дешевой, бесправной рабочей силе в Соединенных Штатах Америки постоянно растет. Неконтролируемая нелегальная иммиграция выгодна значительным секторам американского бизнеса, так как мексиканцы используются на тяжелой низкооплачиваемой работе, которую не хотят выполнять «коренные» американцы. Похожая ситуация имела место примерно триста лет тому назад, когда в погоне за высокой прибылью американцы стали ввозить массы рабов из Африки. Последствия этого процесса хорошо известны.
3. В силу различия культур, менталитета, религиозных традиций мексиканские общины не интегрируются в американское общество. Они становятся все более обособленной частью страны со своими правилами, нормами и законами.
4. Мексиканская община все более усиливает свое политическое влияние в стране. Регионы с преобладающим мексиканским населе-

нием будут выбирать своих представителей в Конгресс, законодательные собрания штатов, и эти представители будут отстаивать интересы не штатов или округов, а прежде всего мексиканского населения.

5. Увеличение влияния и рост мексиканской диаспоры, расширение территории ее обитания ставят под угрозу территориальную целостность Соединенных Штатов.

Мы являемся свидетелями жестокой иронии истории, которая время от времени любит беспощадно пошутить. Многие десятилетия Соединенные Штаты Америки стремились поглотить Мексику, и теперь мы наблюдаем обратный процесс: Мексика постепенно начинает поглощать обширные регионы Соединенных Штатов.

По всем имеющимся прогнозам мексиканская диаспора в США будет расти стремительно. В отличие от других групп иммигрантов, мексиканцы не отделены от своей родины расстояниями и океанами. Перебравшись в США, они сохраняют тесные экономические, социальные и семейные связи со своей родиной, что ведет к формированию специфического этнокультурного региона, способного оказать существенное влияние на будущее страны.

Уже сегодня государственная граница между Мексикой и США не соответствует этнической границе. Последняя стремительно смещается к северу, и американские пограничные территории фактически превращаются в северные окраины Мексики. Сформировалась обширная зона от Калифорнии до Мексиканского залива, внутри которой число мексиканцев колеблется от 15 до 100 %. И в культурном, и в социальном, и в эмоциональном отношении многие участки этого обширного региона рассматриваются населением как мексиканская территория. Тем более что все эти территории входили когда-то в состав Мексики, и живущие на них переселенцы с юга считают себя не иммигрантами, а мексиканцами, живущими на территории, находящейся сегодня в пределах Соединенных Штатов. К тому же северная граница рассматривается этими переселенцами как незаконная и насильственно навязанная более сильным соседом.

Если жители упомянутых регионов будут рассматривать эти территории как оккупированные чужой страной, то вполне вероятно зарождение движения за воссоединение отторгнутых некогда территорий, что может привести к возникновению сепаратистских настроений. Если мексиканцы будут рассматривать себя как другую нацию, живущую на территории США, то это может привести к возникновению сепаратистских настроений, что делает возможным создание Мексиканской партии (*Partido mexicano*).

Развитие ситуации в подобном направлении неизбежно приведет к росту антимериканских настроений в США и, соответственно, антиамериканским настроениям в Мексике, к радикализации политического климата по обе стороны границы.

Как предполагают многие аналитики, английский язык и англосаксонские протестантские традиции через несколько десятилетий не будут доминировать на значительной части территории страны. Вполне возможно, что в Соединенных Штатах утвердятся этнокультурный дуализм. Можно предположить несколько вариантов развития ситуации. В США сформируется обособленная этническая общность, и Америка получит или свой Квебек, или свою Каталонию. Движение мексиканцев за автономию может привести к повторению косовского варианта, то есть образованию государства Новая Мексика на юго-западе Соединенных Штатов. Или же, в случае крайнего обострения настроений по обе стороны границы, на юго-западе США возникнет движение за воссоединение этих территорий с Мексикой, то есть движение реванша за поражение в Американо-мексиканской войне.

Независимо от развития событий по тому или иному сценарию, можно со значительной долей уверенности утверждать, что Соединенные Штаты Америки столкнутся с угрозой цивилизационной идентичности и территориальной целостности. Более того, следует принимать во внимание и рост экономического потенциала Мексики. Уже сегодня Мексика занимает пятнадцатое место в мире по уровню ВВП, и есть основания считать, что в ближайшие десятилетия страна займет по этим показателям место в десятке самых развитых государств. Многие эксперты соглашаются в том, что к середине XXI в. Мексика будет самой сильной экономической державой в Латинской Америке. При поддержке других стран Латинской Америки она может бросить вызов американскому доминированию в Северной Америке, что, безусловно, приведет к серьезному перераспределению влияния между глобальными центрами силы.

Учитывая процессы взаимоотношений между Мексикой и Соединенными Штатами, мы должны уделять самое пристальное внимание цивилизационным процессам, набирающим силу в стратегически важных регионах земного шара. Северная Америка, безусловно, относится к числу таких регионов. Возможные цивилизационные повороты в судьбах Северной Америки окажут свое воздействие на ситуацию в других стратегически значимых для глобального равновесия в регионах, таких как Европа, Ближний Восток, Дальний Восток. Следует ожидать также, что в этих регионах могут произойти серьезные изменения этноцивилизационных ландшафтов.

Мексиканский фактор, вполне вероятно, может послужить толчком для начала мощных тектонических процессов на североамериканском кон-

тиненте. Вырисовываются следующие контуры возможных конфигураций: на юго-западе Соединенных Штатов Америки сформируется новое государственное образование (Новая Мексика); вполне возможно, что северо-восток Соединенных Штатов будет заселен выходцами из Восточной Азии и Океании, что создаст условия для автономизации этого региона; англосаксонская Америка обособится на Среднем Западе, который, скорее всего, будет стремиться отгородиться от чуждых цивилизационных влияний.

Безусловно, следует принимать во внимание то, что исторический процесс развивается под воздействием целого ряда непредвиденных случайностей. Намечившиеся сегодня тенденции не обязательно становятся реальностью, однако эти тенденции не следует игнорировать.

Если дать волю футурологическим фантазиям, то можно представить следующую картину, когда последний президент США с англосаксонскими корнями горестно восклицает: «Бедная Америка! Как она далеко от Бога и как она близко от Мексики!».

Sobre muros y proteccionismos. Rupturas y continuidades en las relaciones políticas y económicas de Estados Unidos con México y Argentina.

About walls and protectionism. Ruptures and continuities in the political and economic relations of the United States with Mexico and Argentina.

Resumen. En el presente trabajo nos proponemos analizar las relaciones económicas y políticas de los Estados Unidos con México y Argentina durante la administración de Donald Trump. Teniendo en cuenta que Estados Unidos es el principal socio comercial de México y un importante socio para la Argentina, analizaremos los impactos de las políticas implementadas por la actual administración estadounidense para ambos países latinoamericanos.

Palabras clave: México; Argentina; Estados Unidos; Trump.

Abstract. In the present work we propose to analyze the economic and political relations of the United States with Mexico and Argentina, during the administration of Donald Trump. Taking into account that the United States is Mexico's main trading partner and an important partner for Argentina, we will analyze the impacts of the policy implemented by the current US administration for both Latin American countries.

Keywords: Mexico; Argentina; United States; Trump.

Las elecciones presidenciales celebradas en los Estados Unidos el día 8 de noviembre de 2016, que tuvieron como ganador al candidato republicano Donald Trump, trajeron consigo una serie de desafíos políticos y económicos para el mundo y, en especial, para la región latinoamericana, en virtud de su dependencia comercial hacia el país del norte. Durante la campaña presidencial el candidato triunfante delineó un paquete de propuestas, las cuales ofrecían la transformación de la política económica, a nivel interno y externo. En este sentido, se lanzaron propuestas de políticas proteccionistas (caída de acuerdos de intercambio comercial con otras naciones y aplicación de aranceles a las importaciones), y, una vez en la presidencia, la decisión de retirar a los Estados Unidos del Acuerdo Transpacífico de Asociación

¹ Mariana Gómez, Argentina, Coautora. Argentina. Mtra., Universidad de Buenos Aires (marian.gomez1982@gmail.com).

² Oxana Katysheva. Rusia, Coautora, Mtra., Universidad Estatal de San Petersburgo (grinenko.o.v@gmail.com).

económica (TPP), implican un desafío al modelo neoliberal imperante, que domina las estrategias de relaciones internacionales hasta la actualidad.

Especialmente, a partir de las elecciones presidenciales de noviembre de 2016 en los Estados Unidos, el cambio de la política de los EE.UU. hacia América Latina atrajo más atención de los investigadores y políticos. El fenómeno del “giro a la derecha” de América Latina, que se manifiesta ya hace algunos años, tiene también su influencia en la cantidad creciente de trabajos académicos sobre el tema del futuro económico y político de esa región.³ Los Estados Unidos siguen guardando una posición fuerte en América Latina. El “fenómeno Trump” propone una nueva política exterior en los Estados Unidos que todavía se encuentra en formación, pero que tiene ya sus frutos, empujando opciones nacionalistas, conservadoras, de derecha. La crisis de los años 2007-2008 llevó a una enorme inestabilidad de los países de América Latina con una desigualdad creciente y una enorme brecha entre el 1 % enriquecido y el 99 % empobrecido. En la contemporaneidad, el ejemplo de Trump se suma al Estado-Nación como sostén del orden capitalista y la desigualdad y como promesa proteccionista.

En campaña electoral, Trump se despachó contra los tratados de libre comercio empujados por demócratas y republicanos desde tiempos de Bush padre. La crítica es al ALCA, al NAFTA, a la Alianza del Pacífico, a los acuerdos de libre comercio con Europa, lo que supone un discurso que apuntó a patear el tablero de la política de Bush padre, Bill Clinton, Bush hijo, Obama, y que expresaba Hillary en la contienda electoral.⁴

Después de la llegada al poder de Mauricio Macri, Argentina se convirtió en el primer país en la región latinoamericana que interrumpe la tendencia de alejamiento de EE.UU que dominó en los países “de izquierda” en los primeros años del siglo XXI. La victoria de Donald Trump cambió el panorama político de la región, exacerbando muchos problemas en las relaciones con la región latinoamericana. En particular, es evidente el crecimiento de sentimientos anti-mexicanos y anti-latinoamericanos en el territorio de los Estados Unidos, cuya población no es capaz de evaluar la contribución de los trabajadores mexicanos y latinoamericanos a su economía.

México puede ser uno de los más afectados, especialmente por la corriente de relocalización industrial y la maquila para ensamblar y exportar al mercado de

³ См.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С., «Правый поворот» в Латинской Америке: случайность или тенденция? // *Латинская Америка*, 2010, № 6, 8-20; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. «Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота» // *Вестник Российского университета дружбы народов*, Серия: *Международные отношения*, 2015, Том 15. №. 4, 45-55.

⁴ Julio C. Gambina, “Trump y su impacto en la región, reflexiones sobre la situación económica mundial y sus perspectivas”, *Anuario EDI*, 2017, 117.

EE.UU., que puede ver construido un muro a la circulación de capitales y mercancías tal y como se viene dando hasta ahora. Es mucho más que las restricciones a las migraciones desde México y las múltiples discriminaciones del discurso de Trump. Son cuestiones económicas que hacen a la división del trabajo y a la explotación de la fuerza de trabajo mexicana.⁵

Ciertamente, la cercanía geográfica de México con los Estados Unidos, y la interdependencia entre ambos países, no ayuda a México a encontrar un rápido camino hacia la diversificación de su política exterior. Si dos años antes de las elecciones presidenciales de México, la atención de los investigadores y la opinión pública se han centrado en la búsqueda del óptimo desarrollo del país, libre del modelo neoliberal y bajo los estereotipos de “nacionalismo revolucionario” que condujo a un interés en el modelo brasileño de desarrollo económico y social durante el gobierno de Luiz Inácio Lula da Silva y en el aumento de México en comparación con el de Brasil, el noviembre de 2016 dividió la política mexicana en ‘antes’ y ‘después’ de la elección de presidente D.Trump en los Estados Unidos.

México y nuevas condiciones de las relaciones con los Estados Unidos.

Con la firma del TLCAN México ha buscado proporcionar oportunidades para el crecimiento económico acelerado y el acceso al mercado norteamericano. México quería crear una estructura institucional que limite la capacidad de las acciones unilaterales de Washington, para aumentar el porcentaje de la inversión extranjera, para tener un acceso a las tecnologías más avanzadas, y para garantizar la estabilidad de su propio sistema financiero y de su moneda nacional. Sin embargo, y a pesar que algunos de estos problemas han sido resueltos, por otro lado, se aumentó la interdependencia de la economía de México hacia Estados Unidos, ampliando el ámbito de posibles conflictos en las relaciones bilaterales. Estos problemas aparecen como más evidentes, precisamente, después de la llegada al poder de Donald Trump.

En las condiciones del desarrollo de la economía mundial es necesario reconocer que el efecto positivo del TLCAN para México es limitado. Por un lado, una serie de indicadores sociales han mejorado significativamente en los últimos años. Según estimaciones del Banco Mundial, el nivel de pobreza en México se redujo de 11 % en 2000 al 3 % en 2016.⁶ El desempleo ha caído a niveles récord en los últimos 11 años, hasta 3,5 %, según el Instituto Nacional de Estadística y Geografía.⁷ Por otro lado,

⁵ *Ibid.*, 118.

⁶ World Bank Country Profile Mexico. Available at: http://databank.worldbank.org/data/Views/Reports/ReportWidgetCustom.aspx?Report_Name=CountryProfile&Id=b450fd57&tbar=y&dd=y&inf=n&zm=n&country=MEX (accessed 15.09.17)

⁷ Instituto Nacional de Estadística y Geografía. México. Available at: <http://www3.inegi.org.mx/sistemas/temas/default.aspx?s=est&c=25433&t=1> (accessed 13.09.17).

como resultado de la victoria de Trump en 2017, la inflación en México aumentó significativamente, excediendo en agosto de 2017 el umbral del 6 %.⁸ Una tendencia positiva de los indicadores absolutos de las relaciones comerciales y económicas bajo el TLCAN no tuvo efecto sobre la posición de México en el comercio internacional: en el ranking mundial de países en términos de PIB en el año 2001 México ocupó el lugar 12, y en 2016 se redujo al 15 lugar.⁹ En 2015, la participación de México en el volumen global de las inversiones directas fue solo del 1 %, y en la lista de los principales receptores de capital extranjero al país, México ocupó el lugar 15, y lugar 2 en América Latina.¹⁰ Además, la orientación de México principalmente al mercado de América del Norte tiene otras graves consecuencias negativas.

La llegada de la nueva administración presidencial en México liderada por E. Peña Nieto marcó la transición de la política exterior de México a la estrategia de regionalismo abierto, aunque conservando, sin embargo, en la primera etapa el eje norteamericano como prioridad.

La situación se vio notablemente complicada con la llegada de la nueva administración a la Casa Blanca. México no interfirió en la campaña electoral de los EE. UU., a pesar de la declaración de D. Trump sobre la necesidad de construir un muro en la frontera con México, lo cual genera dudas legítimas si observamos estadísticas: el número de inmigrantes ilegales de México a Estados Unidos disminuyó constantemente desde 2007, y los flujos migratorios de Asia, América Central y África se aumentaron.¹¹

Hoy, en el contexto del creciente distanciamiento en las relaciones entre la nueva administración de D. Trump y México, la situación se está calentando cada vez más y amenaza de convertirse en una confrontación abierta. En enero de 2017 E. Peña Nieto canceló una visita oficial a los Estados Unidos, debido a la posición agresiva de Washington hacia México y las repetidas afirmaciones de que México pagaría el muro en la frontera entre los dos Estados¹². El diálogo de los dos presidentes continuó solo en la Cumbre del G-20 en Hamburgo en la reunión de 30 minutos,

⁸ Banco de México. Available at: <http://www.banxico.org.mx/portal-inflacion/inflation.html> (accessed 13.09.17).

⁹ World Economic Outlook Database. International Monetary Fund, October 2016. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/02/weodata/index.aspx> (accessed 03.09.2017).

¹⁰ World Investment Report 2016. «Investor Nationality»: Policy Challenges. Geneva: United Nations, 2016. Available at: http://unohrrls.org/custom-content/uploads/2016/07/wir2016_en.pdf (accessed: 03.07.2017).

¹¹ Passel J.S., Cohn D.V., *Overall Number of U.S. Unauthorized Immigrants Holds Steady Since 2009*, Pew Research Center, September 20, 2016. Available at: <http://www.pewhispanic.org/2016/09/20/overall-number-of-u-s-unauthorized-immigrants-holds-steady-since-2009/> (accessed August 25, 2017).

¹² Peña Nieto se reunirá con Trump en cumbre del G20 en Alemania. 29 Junio 2017. URL: <https://www.publimetro.com.mx/mx/noticias/2017/06/29/pena-nieto-trump-cumbre-g20-alemania.html> (accessed: 03.07.2017).

incluyendo nuevamente la revisión del TLCAN y el pago del muro¹³. Sin embargo, la continuación del diálogo del gobierno de México con Washington¹⁴ es el camino correcto, por la profunda interdependencia de los dos países y la imposibilidad de México y de los Estados Unidos de romper en un minuto las relaciones con el socio económico tradicional.

Mientras la retórica del presidente Trump sobre la construcción de un muro en la frontera entre Estados Unidos y México provocó la cancelación de una cumbre programada con el presidente mexicano Enrique Peña Nieto, la petrolera nacional china CNOOC pagó una prima para adquirir los derechos de exploración de petróleo en aguas en la frontera de los Estados Unidos y México. Cuando el presidente Trump celebró las decisiones de Carrier y General Motors para cancelar planes de construir fábricas en México, el fabricante de automóviles chino JAC anunció planes para construir una en el estado mexicano Hidalgo.¹⁵

A pesar de los intentos de diversificar su política exterior, incluyendo el eje de Asia-Pacífico, con la Unión Europea, Rusia y otras regiones del mundo, México no podrá librarse de la asimetría en las relaciones con EE. UU. Mientras, mantener un diálogo bilateral productivo puede permitirle a México ganar tiempo para desarrollar un camino de desarrollo alternativo a largo plazo e intentar minimizar riesgos a corto plazo, a través de concesiones y retrasos deliberados en las negociaciones.

Asimismo, Rusia también demostró su interés en ampliar las relaciones económicas y comerciales con México, precisamente, en los tiempos de las renegociaciones del TLCAN y las amenazas de los Estados Unidos de salir del acuerdo.¹⁶

¹³ Trump reitera mensaje sobre muro con México en el G20. 7 Julio 2017 URL: <http://eleconomista.com.mx/internacional/2017/07/07/trump-reitera-mensaje-sobre-muro-g20> (accessed: 03.07.2017).

¹⁴ Alonso N. Videgaray: “México está preparado para mejorar el TLC”, El País, May 19, 2017. http://internacional.elpais.com/internacional/2017/05/18/estados_unidos/1495135741_064386.html (accessed May 25, 2017); Secretaría de Relaciones Exteriores, Se reúne el Canciller Luis Videgaray con el Vicecoordinador Parlamentario del Partido Republicano en el Senado de EUA, 10.07.2017, URL: <http://www.gob.mx/sre/articulos/se-reune-el-canciller-luis-videgaray-con-el-vicecoordinador-parlamentario-del-partido-republicano-en-el-senado-de-eua-116023?idiom=es> (accessed July 10, 2017)

¹⁵ Ellis R. E., The Strategic Context of China's Advance in Latin America: An Update, DGRIS, Asia Centre, Avril 2017, Available at: http://www.centreasia.eu/sites/default/files/publications_pdf/17-ellis-amerique_latine_180417.pdf (accessed: 03.09.2017).

¹⁶ Rusia busca acuerdo comercial con México, ante amenaza de EU de salir del TLC <http://www.animalpolitico.com/2017/10/rusia-acuerdo-comercial-mexico/>; Ivette Saldana, Rusia dispuesto a negociar TLC con Mexico si se requiere <http://www.eluniversal.com.mx/cartera/finanzas/rusia-dispuesto-negociar-un-tlc-con-mexico-si-se-requiere> (accessed 30.10.2017)

Mauricio Macri y la administración de Trump.

Mauricio Macri representa el cambio de la política exterior de Argentina en comparación con la administración previa, intentando encumbrarse como líder de la ofensiva conservadora de derecha en América Latina y, por de eso, no para de dar gestos de sumisión ante EEUU. En este sentido, el presidente argentino, durante su campaña presidencial, comenzó por proponer una política de puertas abiertas, encontrándose los resultados de sus propuestas a la vista de todos, y demostrando las ventajas y desventajas del cambio del rumbo. Las relaciones con los Estados Unidos no son la excepción de este paradigma. La posición común de los EE.UU. y Argentina hacia Venezuela es uno de los ejemplos que demuestra la intención de Macri de torcer el camino de América Latina iniciado a principios del siglo XXI.

En política exterior, Macri tomó medidas significativas para reorientar el compromiso internacional del país, reconstruyendo la relación de Argentina con los Estados Unidos, mientras continúa haciendo negocios con actores extra-regionales como China y Rusia, aunque a través de un filtro más conservador de las leyes e instituciones argentinas. También buscó diversificar esas relaciones para incluir un mayor compromiso con una gama más amplia de actores como Japón, Corea y otros, mientras tomaba una posición crítica hacia Venezuela y otros regímenes socialistas populistas en el hemisferio.¹⁷

Si bien no es por diseño, la reorientación de Macri en Argentina hace avanzar los intereses de los Estados Unidos en la región. Si bien, las políticas e iniciativas legislativas de su gobierno han sido controvertidas dentro de Argentina, ha lanzado a ese país en un nuevo camino constructivo que, si tiene éxito, no solo contribuirá al desarrollo y la prosperidad de Argentina, sino que también fortalecerá el marco de la región.¹⁸ El resultado de los esfuerzos de Macri casi seguramente influirá en los debates en la región con respecto a las políticas de desarrollo y la participación extranjera. Si tiene éxito, Argentina podría servir como ejemplo para otros sobre cómo una burocracia competente -aplicar políticas técnicamente sensatas y orientadas al mercado mientras trabaja para fortalecer las instituciones, la transparencia y el estado de derecho— puede promover la seguridad, la prosperidad y el desarrollo. Con la reinscripción a la política exterior, Argentina mostrará cómo los Estados Unidos trata a sus amigos, incluso mientras destaca un camino para que una nación pueda participar como un actor digno y soberano en el sistema internacional, beneficiándose de las interacciones con una amplia gama de jugadores internacionales y participando constructivamente en instituciones internacionales.

¹⁷ Ellis R. E., *Argentina at the Crossroads Again: Implications for the United States and for the Region* *Military Review*, 2017, T. 97, №. 2, 27.

¹⁸ Idem.

Conclusión

Es difícil no estar de acuerdo con la opinión del ex-Secretario de Relaciones Exteriores de México, Jorge Castañeda Gutman, en relación a que cualquier país busca equilibrar sus contactos internacionales. Muchos Estados logran este objetivo mediante el fortalecimiento de las relaciones bilaterales con otro país o región. México es un caso especial. Obviamente, hoy no existe un país o región que pueda ser un contrapeso efectivo a la influencia de los Estados Unidos.¹⁹ Sin embargo, el liderazgo político del país es muy consciente de la profundidad de la dependencia del gigante norteamericano y los crecientes riesgos asociados con esta situación. Las circunstancias reveladas en el curso del estudio permiten afirmar que México depende en gran medida de la dinámica de las relaciones México-Estados Unidos. México continúa dependiendo de los Estados Unidos, tanto políticamente como económicamente, socialmente y culturalmente, y la amenaza de dominación cultural por parte de los Estados Unidos es especialmente aguda en la actualidad.

Durante el estudio se hizo evidente que la tarea de diversificar la política exterior y el comercio exterior de México y de Argentina sigue siendo una prioridad. La administración de E. Peña Nieto continuó el curso de restauración del liderazgo en el ámbito internacional y en la región de América Latina, adoptando la estrategia de regionalismo abierto. El tema principal que ha adquirido una importancia clave es la consolidación de los recursos financieros necesarios para resolver problemas políticos internos apremiantes, logrados al ampliar las oportunidades de inversión y aumentar los lazos comerciales y económicos.

En el contexto del agravamiento de las relaciones bilaterales entre México y los Estados Unidos, México y Argentina siguen encontrando entendimiento sobre una serie de cuestiones de la región latinoamericana. En particular, se aplica a la crisis en Venezuela. En julio de 2017, México y Argentina se unieron a las sanciones de Estados Unidos contra algunos funcionarios venezolanos, mencionando las violaciones de los derechos humanos en Venezuela.²⁰ Y en agosto del mismo año apoyaron la posición de los EE.UU. otros 13 países región, reconociendo que las acciones de Maduro de la nueva Asamblea Constituyente son ilegales.²¹ Sin embargo, debe reconocerse que, tanto México como Argentina, no comparten los planes intervencionistas de D. Trump para restablecer el orden constitucional en el país por métodos armados.

¹⁹ Castañeda J.G., Aguilar Camín H., Un futuro para México, Nexos. 1 noviembre 2009. Available at: <http://www.nexos.com.mx/?p=13374> (accessed 05.06.2017).

²⁰ Comunicado conjunto SHCP-SRE sobre Venezuela. Secretaría de relaciones exteriores de México, 27 de julio de 2017. <https://www.gob.mx/sre/prensa/comunicado-conjunto-shcp-sre-sobre-venezuela-119136> (accessed 28.08.17).

²¹ El Nacional, 8.VIII.17. http://www.el-nacional.com/noticias/politica/cancilleres-condenan-ruptura-del-orden-democratico-venezuela_197782 (accessed 28.08.17).

En la crisis de las relaciones bilaterales entre México y EE.UU. Argentina puede transformarse en el interlocutor entre la región y los Estados Unidos.

En el cambiante paradigma político de América Latina, México puede actuar como un puente entre América del Norte y América del Sur. Ahora los países de la región, en particular Argentina, afirman que están interesados en crear nuevos puentes comerciales en el hemisferio occidental, México puede jugar un papel clave en la configuración financiera y económica de la región, como uno de los socios todavía más cercanos de los Estados Unidos y como miembro de la Alianza del Pacífico. La estabilidad en México y América Central ha sido tradicionalmente una prioridad para la seguridad nacional de los EE. UU. Parece que en el corto plazo esta característica seguirá desempeñando un papel importante en las relaciones bilaterales.

Como escenario más evidente se observa que Donald Trump no abandonará la estrategia estadounidense que incluye 1) mantenimiento de su influencia exclusiva en los países que se consideran como su “patio trasero”. 2) fomentar la fragmentación latinoamericana para evitar que proliferen organismos en los que no interviene Estados Unidos.²²

La creciente influencia de China y de la región Asia Pacífico en América Latina, puede volver a dar la posibilidad, tanto para México como para Argentina, de expandir su potencial económico, por ejemplo, mediante la renovación de los proyectos chinos en infraestructura y comunicación ferroviaria²³ a través de nuevas propuestas de inversión en el mercado de los dos países, lo que en cierta medida puede estabilizar el equilibrio económico y político en las relaciones de México y Argentina con la región de América del Norte.²⁴ China actualmente reconoce a 7 países de América Latina y el Caribe como “socios estratégicos”: Argentina, Brasil, Chile, Ecuador, México, Uruguay y Venezuela, un estado que generalmente incluye un comité bilateral de nivel ministerial para coordinar proyectos de desarrollo y otras actividades. En cualquier caso, ahora se ve claro que México y Argentina deberían reconsiderar el modelo de desarrollo económico a largo plazo, y continuar expandiendo la diversificación de los socios de comercio exterior.

²² Leandro Morgenfeld, *Los desafíos de América Latina tras el terremoto Trump* en *América Latina, la democracia en la encrucijada*, Editorial La Página S.A; 2016; 122.

²³ See also: Андрианова О.В., Катышева О.В., «Азиатско-тихоокеанский вектор внешней политики Мексики на современном этапе», *Латинская Америка*, 2015, No.11, 41–43. Andrianova O.V. and Katysheva O.V., “Aziatsko-tikhookeanskii vektor vneshnei politiki Meksiki na sovremennom etape” [Asia-Pacific vector of Mexico’s foreign policy at the present stage], 2015, *Latinskaya Amerika*, № 11, 41–43.

²⁴ Los materiales de la entrevista de O.Katysheva con Victor Manuel Barcelo, ex-embajador de Mexico en Columbia y Argentina (19.08.2016).

Bibliografía:

6. Андрианова О.В., Катышева О.В., «Азиатско-тихоокеанский вектор внешней политики Мексики на современном этапе», *Латинская Америка*, 2015, No.11, 41–43. Andrianova O.V. and Katysheva O.V., “Aziatsko-tikhookeanskii vektor vneshnei politiki Meksiki na sovremennom etape” [Asia-Pacific vector of
7. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота». // *Вестник Российского университета дружбы народов*, Серия: Международные отношения, 2015, №. 4, 45–55.
8. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С., «Правый поворот» в Латинской Америке: случайность или тенденция?» // *Латинская Америка*, 2010, No 6, 8–20.
9. Castañeda J.G., Aguilar Camín H. Un futuro para México, Nexos. 1 noviembre 2009. Available at: <http://www.nexos.com.mx/?p=13374> (accessed 05.06.2017).
10. Ellis R. E., Argentina at the Crossroads Again: Implications for the United States and for the Region *Military Review*, 2017, T. 97, №. 2, 17–30.
11. Ellis R. E., The Strategic Context of China’s Advance in Latin America: An Update, DGRIS, Asia Centre, Avril 2017, Available at: http://www.centreasia.eu/sites/default/files/publications_pdf/17-ellis-amerique_latine_180417.pdf (accessed: 03.09.2017).
12. Julio C. Gambina, “Trump y su impacto en la región, reflexiones sobre la situación económica mundial y sus perspectivas”, *Anuario EDI*, 2017.
13. Leandro Morgenfeld, *Los desafíos de América Latina tras el terremoto Trump” en América Latina, la democracia en la encrucijada*, Editorial La Página S.A; 2016; 122.
14. Los materiales de la intrevista de O.Katysheva con Victor Manuel Barcelo, ex-embajador de Mexico en Columbia y Argentina (19.08.2016)
15. Mexico’s foreign policy at the present stage], 2015, *Latinskaya Amerika*, № 11, 41–43.
16. Passel J.S., Cohn D.V., *Overall Number of U.S. Unauthorized Immigrants Holds Steady Since 2009*, Pew Research Center, September 20, 2016. Available at: <http://www.pewhispanic.org/2016/09/20/overall-number-of-u-s-unauthorized-immigrants-holds-steady-since-2009/> (accessed August 25, 2017).
17. World Investment Report 2016. «Investor Nationality»: Policy Challenges. Geneva: United Nations, 2016. Available at: http://unohrrls.org/custom-content/uploads/2016/07/wir2016_en.pdf (accessed: 03.07.2017).

La estrategia de Estados Unidos hacia Rusia en la presidencia de Trump

The US strategy towards Russia in the Trump presidency

Resumen. El presente trabajo tiene como objetivo analizar el cambio de estrategia que planeaba Trump hacia Rusia, basada en el pensamiento estratégico de Henry Kissinger, sustituyendo a la estrategia de Zigniew Brzezinski, que tenía como fin una confrontación con Rusia y lograr además su desmembramiento como Estado nacional. Con la victoria de Trump, este asunto se ha convertido en el foco de una feroz lucha dentro de la élite gobernante por una política exterior centrada en el objetivo de que Estados Unidos escale su ofensiva diplomática, económica y militar contra Rusia, como sucedió durante la administración Obama o contra China como pretendía Trump al inicio de su mandato.

Palabras clave: Rusia; BRICS; Mundo multipolar.

Abstract. The objective of this paper is to analyze the change of strategy that Trump was planning towards Russia, based on the strategic thinking of Henry Kissinger, replacing Zigniew Brzezinski's strategy, which was aimed at a confrontation with Russia and also achieving its dismemberment as a national state. . With the victory of Trump, this issue has become the focus of a fierce struggle within the ruling elite for a United States foreign policy focused on the goal of escalate its diplomatic, economic and military offensive against Russia, as happened during the Obama administration or against China as Trump intended at the beginning of his term.

Key words: Russia; BRICS; multipolar world.

Introducción

Actualmente el modelo de poder internacional es multipolar, compartido por Estados Unidos, Rusia y China y el ascenso de Donald Trump a la presidencia de Estados Unidos pretendió reconocer este hecho, pero también pretende en este nuevo orden mundial, erigir a Estados Unidos como el poder hegemónico, convirtiendo a China y a Rusia, pertenecientes al Grupo BRICS, en potencias subordinadas. Muchos sectores políticos en Rusia consideran que sus posturas hacia China e Irán son muy hostiles, lo que ha llevado al Kremlin a concluir que está tratando de separar a Moscú de estos países y neutralizar así el efecto multipolar que posee esta alianza sobre el orden internacional, para seguir la estrategia que propone Henry Kissinger,

¹ México. Historiadora, Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos, Universidad Autónoma Metropolitana-Xochimilco, (anateresagutierrezdelcid@gmail.com).

sustituyendo a la anterior de Zigniew Brzezinski que consistía en lograr la hegemonía mundial absoluta después de la Guerra Fría por medio del debilitamiento de Rusia.²

A pesar de la intensidad de las luchas internas, las divisiones en la élite política estadounidense son tácticas. El ultranacionalismo de Trump, bajo la consigna de “América primero”, deja claro que no tolerará ningún desafío al poder hegemónico de Estados Unidos de parte de ninguno de sus rivales, incluyendo a Rusia³.

Después de las elecciones presidenciales de Estados Unidos del 8 de noviembre de 2016, secciones del Partido Demócrata, los servicios de inteligencia y los medios de comunicación de este país han intensificado afirmaciones pre-electorales y post electorales no probadas, de que el gobierno ruso invadió servidores de correo electrónico del Partido Demócrata para socavar la campaña de Hillary Clinton⁴.

El propósito inmediato era distraer del contenido de los correos filtrados, que expusieron una conspiración de la campaña de Hillary Clinton y el Comité Nacional Demócrata para socavar a su competidor Bernie Sanders en las primarias⁵.

Con la victoria de Trump, este asunto se ha convertido en el foco de una feroz lucha dentro de la élite gobernante por una política exterior centrada en el objetivo de que Estados Unidos escale su ofensiva diplomática, económica y militar contra Rusia, como sucedió durante la administración Obama o contra China como pretendía Trump al inicio de su mandato⁶.

Pero más fundamentalmente, el objetivo de la oposición es etiquetar a cualquier persona y más al presidente Trump como el títere de una potencia extranjera y justificar un cambio de rumbo en la política exterior, volviendo al anterior paradigma.

El presente trabajo tiene como objetivo analizar el cambio de estrategia que planeaba Trump hacia Rusia, basada en el pensamiento estratégico de Henry Kissinger, sustituyendo a la estrategia de Zigniew Brzezinski, que tenía como objetivo una confrontación con Rusia y lograr además su desmembramiento como Estado nacional.

² A. Korybko, *Flynn's Out: Is 'The New Détente' Really Dead — Or Can Russia Still Benefit?*. (15 de febrero de 2017). Obtenido de Global Research: <http://www.globalresearch.ca/flynns-out-is-the-new-detente-really-dead-or-can-russia-still-benefit/5575159> (accessed: 03.07.2017).

³ K. H. Hiks, *Recalibrating US Strategy toward Russia*. Washington D.C., Estados Unidos, Center for Strategic and International Studies, 2017.

⁴ B.I., N. I. Background to “Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections”: The Analytic Process and Cyber Incident Attribution. Washington, D.C., FBI, 2017.

⁵ T. A. Guzman, “Russia Had No Reason to Hack the U.S. Elections”, “When Intelligence Dossiers Resemble a Hollywood Script”, 13 de 01 de 2017, Obtenido de Global Research: <https://www.globalresearch.ca/russia-had-no-reason-to-hack-the-u-s-elections-when-intelligence-dossiers-resemble-a-hollywood-script/5568448> (accessed: 03.07.2017).

⁶ C. J. McCain, *Opening Statement on Foreign Cyber Threats*, 05 de 01 de 2017, Obtenido de [https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/1-5-17%20Foreign%20Cyber%20Threats%20\(McCain\).pdf](https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/1-5-17%20Foreign%20Cyber%20Threats%20(McCain).pdf) (accessed: 03.07.2017).

En la primera parte se analiza el denominado *Russia Gate*, que consiste en la supuesta intervención de Rusia en las elecciones de Estados Unidos favoreciendo al entonces candidato Donald Trump.

En la segunda parte se analiza la estrategia propuesta por Henry Kissinger a la administración Trump y su objetivo.

En un tercer apartado se analiza la imposibilidad de llevar a cabo esta estrategia, debido a la oposición de los poderes fácticos estadounidenses: el Pentágono, el complejo militar industrial y la oposición del Partido Demócrata a un acercamiento con Rusia.

La conclusión pretende plantear el porqué del fracaso de la estrategia de Kissinger y el crecimiento del militarismo en la frontera de Rusia, en Europa del Este y sobre todo en las Repúblicas Bálticas, donde se concentran grandes cantidades de armamento de la Organización del Tratado del Atlántico Norte (OTAN).

El Russia Gate

La crisis política por las acusaciones de ciberataques rusos en la campaña electoral presidencial en Estados Unidos tuvo un nuevo auge el 5 de enero de 2017, en una audiencia ante el Comité de Servicios Armados del Senado, donde tres altos funcionarios de inteligencia testificaron por varias horas. Los tres funcionarios se negaron a proporcionar cualquier evidencia para apoyar las denuncias de que el gobierno ruso realizó la filtración de los correos electrónicos del Comité Nacional Demócrata y del director de la campaña de Clinton, John Podesta.

Tal evidencia tampoco se encuentra en el reporte de 50 páginas que le entregaron las agencias de inteligencia al presidente Obama ese mismo día, seguido por informes para los líderes del Congreso y para el presidente electo Donald Trump el 6 de enero de 2017. Los funcionarios estadounidenses dijeron que incluso en el informe clasificado no hay más revelaciones significativas, y mucho menos en la versión desclasificada que se publicó el 9 de enero de 2017 y está disponible en internet.

Esto no impidió que el presidente del Comité de Servicios Armados, el senador John McCain, describiera los presuntos ciberataques como “un acto de guerra” e incitara repetidamente a los funcionarios de inteligencia a adoptar esa terminología, afirmaciones con consecuencias ominosas, ya que los Estados Unidos y Rusia controlan más del 95 por ciento de las armas nucleares del mundo⁷.

Al final de su administración, Obama implementó una serie de movimientos anti-rusos. La más obvia fue la expulsión de 35 diplomáticos rusos por una acusación infundada de interferencia rusa en las elecciones estadounidenses. Otras medidas

⁷ McCain, *op.cit.*, 2.

incluyeron el lanzamiento de una ofensiva ucraniana contra la resistencia militar apoyada por Rusia en el este de Ucrania⁸.

Estos movimientos fueron diseñados para impedir a la entonces entrante administración Trump, los planes anunciados para lograr mejorar las relaciones con Rusia. El gobierno entrante de Trump contrarrestó el movimiento de sanciones de Obama. Su entonces asesor de seguridad nacional, Michael Flynn, telefoneó al embajador ruso en Washington. No prometió levantar inmediatamente las sanciones, pero indirectamente le pidió que se abstuviera de cualquier respuesta dura: Las transcripciones de las conversaciones no muestran que Flynn haya hecho ningún tipo de promesa de levantar las sanciones una vez que Trump asumiera el cargo, dijeron los funcionarios. Más bien, muestran a Flynn haciendo comentarios más generales sobre como mejorarían las relaciones entre los dos países al asumir Trump la presidencia⁹ (DAWSEY, 2017).

Al final, el gobierno ruso se abstuvo de cualquier reacción a las sanciones de Obama. Esto fue un golpe para los promotores de las hostilidades con Rusia. La imposición por parte de la administración Obama de una nueva ronda de sanciones en diciembre de 2016, tuvo como objetivo quitar aún más márgenes de maniobra a la administración Trump en la relación con Rusia.

Los ataques de los demócratas reflejaron la posición de las principales secciones del aparato militar y de inteligencia estadounidense, que han invertido recursos sustanciales en la acumulación de agresiones militares contra Moscú desde Oriente Medio hasta el golpe de estado en Ucrania en 2014, a la par de un aumento de tropas estadounidenses y de la OTAN en las fronteras occidentales de Rusia.

La estrategia de Kissinger

Para el presidente Trump, el objetivo de contrarrestar el avance geopolítico de Rusia también es fundamental, pero para lograrlo tenía como objetivo acercarse a Rusia, prometiendo buenas relaciones diplomáticas e inversiones y lograr así romper la alianza estratégica que Rusia y China han construido debido a la visión geopolítica de Estados Unidos desde el fin de la Guerra Fría, guiada básicamente por la estrategia de abrir dos frentes: debilitar a Rusia y a China, que logró que ambas potencias se acercaran desde el año 1996, para consolidar aún más este acercamiento después del golpe de Estado al presidente Yanukovich en Ucrania, momento en el cual Rusia

⁸ HuffPost, R. Obama ordena la expulsión de 35 diplomáticos rusos por los ciberataques durante la campaña, 29 de diciembre de 2016, Obtenido de Huffpost: http://www.huffingtonpost.es/2016/12/29/obama-medidas-contra-rusia_n_13884190.html (accessed: 03.07.2017)

⁹ J. Dawsey, J. *Trump's national security advisor Michael Flynn resigns*, 14 de 02 de 2017, Obtenido de POLITICO: <http://www.politico.com/story/2017/02/trump-flynn-replace-kushner-234977> (accessed: 03.07.2017)

como represalia a las sanciones, pacta con China la construcción del gasoducto Fuerza Siberia que recorre el territorio ruso y llega a China. El acuerdo es la venta de gas por treinta años.

Kissinger es un político con una visión realista. Lo más importante para él es el equilibrio internacional y explicó que la apertura a China y la distensión con la Unión Soviética,

“la diplomacia triangular, para ser eficaz”... “debía confiar en los incentivos naturales y propensiones de los jugadores. La denominada diplomacia triangular fue puesta en práctica como políticas paralelas diseñadas para permitir a los Estados Unidos “mantener relaciones más estrechas con cada parte que entre sí. Siempre fue mejor para los Estados Unidos, estar más cerca de Moscú o Pekín, a que estos tuvieran muy buena relación entre sí.”¹⁰

Nixon no creyó en las verdades wilsonianas acerca de la esencial bondad del hombre ni de la subyacente armonía entre las naciones, que debiera mantenerse gracias a la seguridad colectiva. La diplomacia triangular evitaba el moralismo indebido. Kissinger, citando a Bismarck, escribió que “una política sentimental no conoce reciprocidad.” “La predictibilidad”, dijo Kissinger, “es más crucial que... una retórica moralista”¹¹.

Por otra parte, preservar un equilibrio global de poder no se presta a soluciones simples o permanentes. En cambio, como Kissinger explicó en los años que fue consejero de seguridad nacional de Nixon, la gestión de un equilibrio de poder es una empresa permanente, no un esfuerzo que tiene un fin previsible.

La imposibilidad de adoptar la diplomacia triangular en la actualidad

En el Foro Económico de Davos de diciembre de 2016, Henry Kissinger respaldó el enfoque pragmático de Trump hacia Rusia: “El Presidente Trump ha indicado que favorecería un enfoque menos conflictivo y más político [hacia Rusia]. Estoy de acuerdo con la actitud general”, señaló. El político estadounidense expresó la esperanza de que se haría un esfuerzo para lograr un diálogo serio con el fin de evitar “ir hacia la confrontación”. Subrayó que Europa, Estados Unidos y Rusia necesitan llegar a un acuerdo “sobre los límites dentro de los cuales se lleva a cabo la presión militar”...”Eso es lo que creo, una de las tareas principales de la nueva administración”, subrayó Kissinger¹².

¹⁰ Henry Kissinger, *Years of Upheaval*, New York, Simon and Schuster, 2011 , 75.

¹¹ Henry Kissinger, *La Diplomacia*. México, Fondo de Cultura Económica, 1995, 118.

¹² Sputnik news, *Triangular Diplomacy: What's really behind Kissinger's turn toward Russia*, 22 de enero de 2017, Obtenido de Sputnik news: <https://sputniknews.com/politics/201701221049877160-kissinger-trump-russia/> (accessed: 03.07.2017).

Según el politólogo brasileño José Escobar: “la estrategia de Henry Kissinger, el gurú de la política exterior de Trump, para lidiar con el formidable trío de integración de Eurasia : Rusia, China e Irán, es la repetición de divide y vencerás, seducir a Rusia para llevarla lejos de su asociación estratégica con China y continuar hostigando a los más débiles, en este caso, a Irán ... De hecho así es como ya está jugando”¹³.

Sin embargo, la otra fracción de la élite estadounidense, los demócratas y los servicios de inteligencia de Estados Unidos, prosiguen con la estrategia que llevó a cabo el presidente Obama: “Pivote a Asia”, que significa que una fracción de la clase política de este país está inmersa en un ambicioso plan para extender su dominio militar y poder de mercado en la masa de tierra eurasiática, es decir, Rusia y Asia, asegurando así su posición como la única superpotencia del mundo en este siglo.

El Pivote a Asia con Obama fue la principal prioridad estratégica de Washington. Como afirmó Hillary Clinton en 2011: “Aprovechar el crecimiento y el dinamismo de Asia es fundamental para los intereses económicos y estratégicos de Estados Unidos ... Los mercados abiertos en Asia proporcionan a los Estados Unidos oportunidades sin precedentes para la inversión, el comercio y el acceso a la tecnología de vanguardia. Las empresas estadounidenses necesitan aprovechar la vasta y creciente población de consumidores de Asia. La región ya genera más de la mitad de la producción mundial y casi la mitad del comercio mundial. Estamos buscando oportunidades para hacer aún más negocios y nuestras oportunidades de inversión en los mercados dinámicos de Asia”¹⁴.

En otras palabras, la estrategia de Trump sobre la diplomacia triangular y el acuerdo con Rusia, representaba un giro o una ruptura al interior de la elite estadounidense. Esas eran las dos únicas opciones. La elite gobernante en Estados Unidos se fracturó, lo que significa que una fracción de ésta continúa con una estrategia que inevitablemente enfrentará a Estados Unidos contra Rusia, un adversario nuclear.

El ex asesor de seguridad nacional de Trump, Michael Flynn, que cómo se anotó arriba, quería normalizar las relaciones con Rusia, rechazó el acercamiento flagrantemente hostil del oficialismo de la política exterior de Clinton-Obama. Por eso fue despedido. Y, por eso ha sido tan atacado en los medios de comunicación y el sacar a la luz sus contactos con el embajador ruso fue utilizado para forzar su renuncia.

¹³ Pepe Escobar, *Trump fallará en su intento de romper alianza China-Rusia-Irán*, 22 de enero de 2017, Obtenido de Hispan TV: <http://www.hispantv.com/noticias/ee-uu-/331016/trump-fracasar-romper-alianza-iran-rusia-china> (accessed: 03.07.2017).

¹⁴ Hillary Clinton, *America's Pacific Century*, Washington, Archivo del Departamento de Estado. 2011, obtenido de : <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/11/176999.htm> (accessed: 03.07.2017).

Se trata de una geopolítica belicista y de la hegemonía global. Flynn se interpuso en el camino de la estrategia del Pivote a Asia, por lo que fue eliminado.

“La verdadera ofensa de Flynn a la clase política favorecedora de Hillary Clinton, era que quería propiciar la distensión con Rusia en lugar de la escalada de una nueva y peligrosa guerra fría. La idea de Trump de un acercamiento con Moscú y una búsqueda de áreas de cooperación y compromiso ha hecho que los poderes fácticos de la política exterior de Washington estén consternados y los neoconservadores, en particular, se han empeñado en bloquearlo”¹⁵.

Aunque Flynn trató de congraciarse con la fracción neoconservadora con sus propias denuncias sobre Irán y el Islam en general, se le consideró un arquitecto clave para los planes de Trump, para buscar una relación constructiva con el presidente ruso Vladimir Putin.

Numerosos centros de investigación de Washington han desarrollado escenarios para los conflictos militares con las fuerzas rusas en el Medio Oriente, en Ucrania, en los Estados bálticos y en el ciberespacio. La élite de seguridad nacional no está dispuesta a aceptar un cambio de orientación hacia Rusia siguiendo las líneas propuestas por Trump, que quisiera por el momento reducir las tensiones con ésta, para centrarse primero en China.

Las élites de la política exterior creen que los Estados Unidos y sus aliados de la OTAN pueden comprometer a Rusia en una guerra sin que se extienda a un conflicto con una escalada hacia una conflagración nuclear. Es un cálculo arriesgado, pero, sin embargo, es la razón de la persistente acumulación de tropas y armas en el perímetro occidental de Rusia.

Miles de soldados de la OTAN están situados cerca de la frontera con Rusia, y representan la mayor acumulación de tropas occidentales cercanas a la esfera de influencia de Moscú desde la Guerra Fría. Tanques y pesados vehículos blindados, además de vehículos de combate Bradley, obuses Paladin y aviones británicos Typhoon de la Real Fuerza Aérea Conningsby se desplegaron en Rumania en 2017 para contribuir a la misión de la Fuerza Aérea del Sur de la OTAN. Funcionarios del Kremlin afirman que la acumulación es la mayor desde la Segunda Guerra Mundial.

El proceso de declinación de Estados Unidos

El belicismo estadounidense puede explicarse por el factor económico ya que Estados Unidos ha perdido liderazgo en la economía mundial en la medida en que se ha convertido en un Estado rentista que ya no es un líder en la economía productiva y obtiene mucho más recursos de las ganancias de sus transnacionales, rentas de su

¹⁵ Bill Auken, “Trump’s national security advisor Michael Flynn resigns”, *World Socialist Web Site*, 2017, <http://www.wsws.org/en/articles/2017/02/14/flyn-f14.html>. (accessed: 03.07.2017).

sistema financiero y de las guerras de despojo que llevó a cabo en Afganistán en 2001, en Irak en 2003 y en Libia en 2011. Su economía ha sufrido un proceso de declive por la desindustrialización que ha producido el hecho de llevar sus empresas fuera del país, donde la mano de obra tiene un bajo costo y por el proceso de financiarización de su economía.

El principal efecto de la crisis económica que se desencadenó en 2008 en el orden internacional consiste en que Estados Unidos dejó de ser la única potencia líder del poder mundial: “vista desde una perspectiva espacial, la actual crisis internacional es sobre todo una gran crisis de la economía de Estados Unidos, difundida ampliamente en el ámbito mundial en un nivel aún muy incierto”¹⁶.

La financiarización aumentó cuando los grandes corporativos desde el inicio de la administración Reagan se dedicaron al comercio especulativo, porque a partir de la crisis bursátil de 1987, Wall Street actuó al margen de la ley Glass-Steagal, promulgada en 1933 para combatir la corrupción y manipulación financiera que provocó más de cinco mil quiebras bancarias en los años siguientes a la caída de Wall Street en 1929. Así, el Departamento del Tesoro dejó de interferir en los mercados financieros y las bolsas de Nueva York y Chicago establecieron las reglas violando abiertamente esta ley.

Además, para asegurar la desregulación y abrirle el camino a los grandes consorcios financieros en 1999, el Congreso de Estados Unidos aprobó la ley Gramm-Leach Bliley, denominada ley de modernización de los servicios financieros, que canceló todas las restricciones anteriores al desempeño de los grandes consorcios financieros.

Posteriormente, la crisis financiera de 2008 inició con la explosión de la burbuja inmobiliaria estadounidense en 2005 con los créditos *subprime*, que se otorgaban a personas que no tenían los suficientes recursos para obtener un crédito hipotecario para la adquisición de una vivienda. Los créditos *subprime* al inicio tenían un bajo interés y después se elevaban fuertemente. Pero, las constructoras y los consumidores estaban satisfechos y la industria de la construcción se hallaba al margen del gobierno debido a la desregulación financiera.

En 2005 y 2006, las tasas de las hipotecas *subprime* se dispararon y muchos propietarios no pudieron pagarlas o refinanciarlas. Los activos de la deuda se dividieron y se vendieron a inversionistas y a bancos de todo el mundo en complicados paquetes financieros difíciles de analizar.

Los bancos y las principales instituciones financieras mundiales anunciaron pérdidas por alrededor de 435,000 millones de dólares¹⁷. En 2010, ante la gran

¹⁶ Alejandro Dabat, “La crisis financiera en Estados Unidos y sus consecuencias internacionales”, *Problemas del Desarrollo*, vol.40 no.157, Instituto de Investigaciones Económicas, UNAM, México abr./jun. 2009.

¹⁷ A. O. Gutiérrez, “La crisis de EE.UU. y el futuro del dólar”. *Perspectivas*, Cochabamba, Bolivia, 2011.

especulación financiera, la administración Obama aprobó la Ley Dodd-Frank de Reforma de Wall Street y de Protección a los Consumidores. Con la aplicación de ese dispositivo legal y la puesta en ejecución de políticas de estímulo al crecimiento, la economía estadounidense logró un cierto nivel de recuperación en lo relativo a la estabilidad macroeconómica, al crecimiento y la recuperación del empleo.

La ley vetaba a los bancos respaldados por la Reserva Federal a llevar a cabo operaciones por cuenta propia con el dinero de sus clientes e impedir que éstos pudieran poseer una posición superior al 3 % en fondos especulativos (los llamados de cobertura o de capital privado). Y obligaba a los bancos a demostrar que no estaban haciendo pasar apuestas especulativas por transacciones legítimas.

En esencia, separaba la banca comercial (los depósitos y los créditos comerciales e hipotecarios de particulares y empresas) de las actividades más arriesgadas de la banca de inversiones.

El viernes 5 de agosto de 2011, la calificadora Standard&Poors rebajó la calificación de la deuda soberana de Estados Unidos de triple A, la máxima calificación de confiabilidad, a AA+, calificación que coloca a los bonos de la deuda gubernamental de Estados Unidos por debajo de los mismos títulos de potencias no tan poderosas como Francia, Reino Unido y Alemania. Este hecho es inédito después de la segunda posguerra y no había sucedido desde 1941. En suma, Estados Unidos es el país más endeudado del mundo con 14.2 billones de dólares, suma equivalente al 100 % de su PIB.

Sin embargo, el presidente Donald Trump, el viernes 3 de febrero de 2017, decidió dar marcha atrás a la política de regulación financiera del presidente Obama, cuyo objetivo fue el de evitar futuras crisis en el sistema financiero estadounidense, y por lo tanto, del mundo.

“Mediante una orden ejecutiva así lo ha decidido. A partir de ahí la mayoría republicana en el Senado y la Cámara de Representantes ha tocado a tambor batientes para iniciar la modificación de la Ley Dodd-Frank, y por consiguiente, volver a la época de desregulación financiera, que fue la causa fundamental de la Gran Recesión que continúa causando estragos en distintas partes del mundo, a pesar de haberse iniciado hace una década”¹⁸.

Por tanto, con la medida adoptada por el presidente Trump de volver a una etapa que se entendía superada de desregulación financiera, no solo se consolida el poder del sector financiero de los Estados Unidos, el más prominente de la economía del país, sino que ahora adquiere de lo que siempre había carecido: poder político.

La orden ejecutiva firmada por el presidente Donald Trump, en presencia de los más destacados líderes del sector bancario, de las bolsas de valores, de las

¹⁸ Leonel Fernández, “La oligarquía financiera en la era de Trump”, Listin Diario, República Dominicana, 06 de febrero de 2017.

compañías de seguros y de los mercados financieros, en general, ha sido la expresión simbólica de cómo la oligarquía financiera estadounidense ha pasado a tener el control de la Casa Blanca.

Conclusión

Así como no hubo diferencias entre la agresión neoconservadora intervencionista bajo Obama y el gobierno de Bush-Cheney, el presidente Trump también está avanzando rápidamente hacia ese mismo camino de confrontación en la escena mundial como lo hizo Obama. Independientemente de quién o qué partido ocupe la Casa Blanca, la única constante es una agresiva política exterior diseñada por los neoconservadores atrincherados en el poder de Washington durante muchas décadas. Y los neoconservadores toman sus órdenes de los poderes fácticos, básicamente económicos.

De esta manera, la estrategia “pivote o giro a Asia” significa que Estados Unidos se ha embarcado en un ambicioso plan para extender su dominio militar y poder de mercado sobre la masa de tierra eurasiática, asegurando así su posición como la única superpotencia del mundo en el siglo XXI.

Bibliografía

1. Auken, B., Trump’s national security advisor Michael Flynn resigns. *World Socialist Web Site*, 2017, <http://www.wsws.org/en/articles/2017/02/14/flyn-f14.html>.
2. Clinton, H., America’s Pacific Century, 2011, <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/11/176999.htm>. Washington : Archivo del Departamento de Estado. (accessed: 03.07.2017)
3. Dabat, A., La crisis financiera en Estados Unidos y sus consecuencias internacionales. *Problemas del Desarrollo*, 2009, vol.40 no.157, Instituto de Investigaciones Económicas, UNAM, México abr./jun.
4. Dawsey, J. (14 de 02 de 2017). *Trump’s national security advisor Michael Flynn resigns*. Obtenido de POLITICO: <http://www.politico.com/story/2017/02/trump-flynn-replace-kushner-234977> (accessed: 03.07.2017)
5. ElHuffPost, R. (29 de 12 de 2016). *Obama ordena la expulsión de 35 diplomáticos rusos por los ciberataques durante la campaña*. Obtenido de Huffpost: http://www.huffingtonpost.es/2016/12/29/obama-medidas-contrarusia_n_13884190.html (accessed: 03.07.2017)
6. Escobar, P. (22 de 01 de 2017). *Trump fallará en su intento de romper alianza China-Rusia-Irán*. Obtenido de Hispan TV: <http://www.hispantv.com/noticias/ee-uu-/331016/trump-fracasar-romper-alianza-iran-rusia-china> (accessed: 03.07.2017)

7. FBI, N. I., *Background to “Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections”*: *The Analytic Process and Cyber Incident Attribution*. Washington, D.C.: FBI, 2017.
8. Fernández, L., (06 de 02 de 2017). La oligarquía financiera en la era de Trump. *Listin Diario*.
9. Gutiérrez, A. O., La crisis de EE.UU. y el futuro del dólar. *Perspectivas, Cochabamba, Bolivia*, 2011.
10. Guzman, T. A. (13 de 01 de 2017). *Russia Had No Reason to Hack the U.S. Elections. “When Intelligence Dossiers Resemble a Hollywood Script”*. Obtenido de Global Research: <https://www.globalresearch.ca/russia-had-no-reason-to-hack-the-u-s-elections-when-intelligence-dossiers-resemble-a-hollywood-script/5568448> (accessed: 03.07.2017)
11. Hiks, K. H, *Recalibrating US Strategy toward Russia*. Washington D.C., Estados Unidos: Center for Strategic and International Studies, 2017.
12. Kissinger, H., *La Diplomacia*. México: Fondo de Cultura Económica, 1995.
13. Kissinger, H., *Years of Upheaval*, New York, Simon and Schuster, 2011.
14. Korybko, A., Flynn’s Out: Is ‘The New Détente’ Really Dead — Or Can Russia Still Benefit?. (15 de febrero de 2017). Obtenido de Global Research: <http://www.globalresearch.ca/flynns-out-is-the-new-detente-really-dead-or-can-russia-still-benefit/5575159> (accessed: 03.07.2017)
15. McCain, C. J. (05 de 01 de 2017). *Opening Statement on Foreign Cyber Threats*. Obtenido de [https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/1-5-17%20Foreign%20Cyber%20Threats%20\(McCain\).pdf](https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/1-5-17%20Foreign%20Cyber%20Threats%20(McCain).pdf) (accessed: 03.07.2017)
16. Sputnik news. (22 de 01 de 2017). *‘TRIANGULAR DIPLOMACY’: WHAT’S REALLY BEHIND KISSINGER’S TURN TOWARD RUSSIA*. Obtenido de Sputnik news: <https://sputniknews.com/politics/201701221049877160-kissinger-trump-russia/> (accessed: 03.07.2017).

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И ИСПАНИИ

О. А. Береговая¹

Латиноамериканская философия образования в глобализирующемся мире

The Latin American Philosophy of Education in a Globalizing World

Abstract: The article is devoted to the philosophy of education of Latin America, which is a specific set of theories and concepts formed under the influence of Western European and North American philosophical trends and regional basis. The problem of authenticity of Latin American philosophy of education is actualized in the context of the global changes. The new stage in relations between the Latin American and Western European philosophy is considered as an intercultural dialogue as a bilateral communication that recognizes the existence of “the Other”. Based on Latin American philosophers’ points of view intercultural philosophy is considered as the foundation of the balance of communication.

Key words: Latin America; philosophy of education; globalization; transformation; Dussel; Freire.

Resumen. El artículo está dedicado a la filosofía de américa latina, que representa un conjunto de teorías y conceptos, que se han formado bajo la influencia de estados de europa occidental y américa del norte de corrientes filosóficas, como en el privado regional. Se actualizan el problema de la autenticidad de filosofía de américa latina de la educación en un contexto mundial en transformación. La nueva etapa en las relaciones entre América latina y europa Occidental la filosofía es considerada como un diálogo intercultural como una comunicación bilateral que reconoce la existencia de “los Otros”. Basado en la América latina de los filósofos puntos de vista de la filosofía intercultural es considerado como la fundación de la balanza de comunicación.

¹ Береговая Оксана Александровна, Россия, кандидат философских наук, доцент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС (zaroza@mail.ru).

Palabras clave: América Latina; filosofía de la educación; globalización; transformación; Dussel; Freire.

Глобализация — это процесс сближения, усиления взаимосвязи, взаимозависимости, единого современного мира и, в то же время, раздробленности, локальности. Открытость социальных систем друг другу позволяет им взаимно влиять друг на друга, быть связанными и взаимно зависимыми на основе хозяйственных, торгово-экономических, политических, культурных связей и обменов. Под действие глобализации попадают социальные системы, институты и связи, что говорит о непосредственном влиянии данного процесса на образование. В свою очередь, открытость систем образования позволяет им воздействовать друг на друга, сближаться друг с другом, а происходящие в них изменения на местном (локальном, региональном, национальном) уровнях могут отражаться на глобальном. Таким образом, глобализация — это становление единого, целостного (интегрального) мира, с одной стороны, а с другой — результат, когда отдельные страны, регионы и сообщества все более приобретают черты частей единого целого.

Глобализирующийся мир трансформирует не только социум, культуру, отношения между людьми — происходит трансформация знания. Однако универсализация знания по глобальному типу и его трансляция осуществляются в рамках западной парадигмы: глобальное «обращение» всего мира в рыночный фундаментализм и идеологию потребления, не оставляя возможных альтернатив. Актуальным становится компаративный анализ философских (мировоззренческих и методологических) оснований глобализирующегося образования, его общих и специфических тенденций, закономерностей и стратегий в разных культурно-цивилизационных контекстах.

Современный этап развития Латинской Америки можно охарактеризовать как глубокую трансформацию в разных сферах общества, связанную с переходом к рыночным и демократическим принципам, принятие либерализма (неолиберализма), ориентация на ускоренную интеграцию в международное сообщество. Интенсивность и масштаб реформ с 1990-х гг. нарастают. За последние 20–30 лет Латинская Америка сделала большой рывок вперед. И этот факт сегодня становится все более очевидным для всего мира. Латинская Америка представляет собой цивилизацию «пограничного типа»², «многовекторную»³, «гибридную», осложненную своей

² Шемякин Я. Г., *Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*. М.: Наука, 2001. 324 с.

³ Давыдов В. М., *Цивилография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки*. М.: ИЛА РАН, 2006, 47–48.

собственной неоднородностью (взаимодействие разнородных цивилизационных пластов — автохтонных индейских культур и привнесенного европейского начала), в которой особенно остро стоит проблема сохранения культурной специфики и самобытности в условиях модернизации и глобализации. Как пограничной, гетерогенной и многообразной по своей природе цивилизации, Латинской Америке «легче „резонировать” на сигналы других и синхронизировать свои усилия с другими цивилизациями. Они лабильней гомогенных цивилизаций и уровень толерантности к „другому” у них во много крат выше», «...они широко распахивают свои двери, открываясь всему миру и жадно впитывая его опыт», «не столько в плоскости перевоплощения и способности к имитации и заимствованию, сколько в способности к инновационному поиску в целом, стремлении изобретать и воплощать изобретенное в действительность»⁴. Противоречивые процессы межцивилизационного взаимодействия поставили на повестку дня латиноамериканского общества и образования проблемы переоценки ценностей, экзистенциальной ориентации человека (латиноамериканца) в современном мире, определили основания латиноамериканской рефлексии — проблему сущности «американского человека». В числе исследовательских приоритетов — переориентация с изучения феномена «зависимости» в сторону постижения процессов глобальной «взаимозависимости», расширения международных связей.

Философская мысль Латинской Америки представляет собой сегодня определенный конгломерат теорий и концепций, сложившихся, с одной стороны, под влиянием западноевропейских и североамериканских философских течений, с другой — на собственной региональной основе, сформировавшейся, главным образом, в XIX веке в латиноамериканской культуре. По словам Н. И. Петякшевой, латиноамериканская философская мысль связана с мировоззренческими и методологическими особенностями развития классической и современной западноевропейской философии, в частности, с «перспективизмом» Х. Ортеги-и-Гассета, феноменологическими идеями Э. Гуссерля и герменевтикой Г. Гадамера, идеями экзистенциальной философии и марксизмом⁵.

А. С. Колесников считает, что «история латиноамериканской мысли во многом является последовательным воспроизведением основных тече-

⁴ *Человек и общество в современной латиноамериканской цивилизации* / Под общ. ред. Б. И. Ковалю. 2000, 92.

⁵ Петякшева Н. И., *Латиноамериканская «философия освобождения» в контексте компаративистики*. М., 2000.

ний и культуры западной философии»⁶. Можно отметить только некоторое запаздывание в этой преемственности. Как отмечается в сборнике «Латиноамериканская философия в XX веке: Человек, ценности и поиск философской идентичности», латиноамериканская мысль в некотором роде является как бы отзвуком, «эхом» философии европейской. Если, например, европейский позитивизм утвердился в 40-е годы XIX века, то в Латинской Америке это конец XIX – начало XX века. Экзистенциалистские умонастроения появляются в европейской философии после Первой мировой войны, в Латинской Америке они достигают апогея своего распространения в 1960–1970-е гг.⁷

Интерес к идеям латиноамериканской философии, «подлинность, „аутентичность” которой становится предметом широкой дискуссии в странах континента и за его пределами»⁸, проявляется в связи с развернувшейся глобализацией. Ее осмысление латиноамериканскими философами идет через понимание вопросов идентичности, критического осмысления западных концепций образования, освобождения, гуманизации, деколонизации знания, а также поиск путей гармонизации философско-образовательных идей через их продуктивный синтез.

При осмыслении проблем глобализирующегося мира латиноамериканская философия образования опирается в своих основаниях на идеи просветителей (С. Боливар, А. Бельо, Х. Васконселос, Х. Марти, Д. Ф. Сармьенто, С. Рамос и др.), некоторые из них занимали важные государственные посты в сфере образования, были педагогами; «философию латиноамериканской сущности» (Л. Сеа, А. Касо, С. Рамос, Х. Васконселос (Мексика) и др.), поставившую проблемы «нового гуманизма», «призванного сформировать человека в условиях капитализма, сохранив при этом целостность вопреки угрозе отчуждения»⁹; «философию освобождения» (Л. Сеа и А. Вильегас (Мексика), Э. Дуссель и А. Роиг (Аргентина), А. Ардао (Уругвай), Ф. Миро Кесада (Перу), П. Фрейре (Бразилия) и др.), ставшую заметным явлением в культурной жизни континента в 1970-е гг., представляющую собой еще один вариант противостояния философскому проекту модерна и оказавшую непосредственное влияние на западную философию образования.

⁶ Колесников А. С., «Философская компаративистика в истории идей». В кн. *Философский век*. Альманах. Вып. 25. История философии как философия. Часть 26 / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории и идей, 2003, 27.

⁷ *Latin American Philosophy in the Twentieth Century: Man, Values, and the Search for Philosophical Identity* / Ed. by Jorge J. E. Gracia, Amherst, NY: Prometheus Books, 1986.

⁸ Колесов М. Л., *Философия и культура Латинской Америки*. Симферополь, 1991, 4.

⁹ Колесов М. Л., Указ. соч., 82.

Современная мысль (П. Гираделли-мл., Х. Грасиа, М. Кунга, Г. Паппас, Д. Рибейра, Э. Соэрес, А. Тейшейра, Х. Фрейре Коста и др.), представленная философами XX–XXI вв., отличается стремлением к «живому» поиску наиболее оптимальных концепций образования для региона, к рецепции европейской и североамериканской философии образования на собственной культурной основе, активной концептуализации и переосмыслению философско-образовательной мысли в контексте неопрагматистского и постмодернистского дискурсов. Формирующаяся новая эпистемологическая модальность «на перекрестке западной традиции и множества традиций и моделей, что были подавлены посредством навязанной миру западной системы знаний, дисциплинарных делений, модусов мышления»¹⁰, способствует переосмыслению геополитики знания.

Обобщение латиноамериканской философии образования выходит далеко за региональные рамки, так как приобретает универсальное, всеобщее звучание. Чем лучше и чем полнее используется мировой опыт развития разных стран и народов, тем «свободнее и смелее действуют новые поколения в интересах преодоления омертвевшего традиционализма, с другой стороны — тем шире и богаче развивается каждая локальная цивилизация, тем больше перспектив для будущей мультикультурной глобальной цивилизационной системы»¹¹. Новый этап отношений между латиноамериканской и западноевропейской философией — это интеркультурный диалог, двусторонняя коммуникация, признающая факт существования «Другого». Эту идею выдвигал еще Л. Сеа, полагая, что латиноамериканская философия должна приступить к выполнению задачи по поиску значений, которые будут служить основой для будущего типа культуры¹². В работах Х. Васконселоса прозвучала мысль о духовном единении человечества, что имеет особенное значение для понимания общечеловеческой эволюции и гармонизации глобального социума¹³.

Интеркультурная философия, согласно Н. И. Петякшевой, фиксирует внимание философской рефлексии на интерконтексте, интеркоммуникации и пытается выйти на уровень, способствующий переосмыслению идеи универсальности как регулятивной программы, нацеленной на развитие последовательной *солидарности* между всеми «универсумами», которые

¹⁰ *Философский дискурс в контексте кросскультурного взаимодействия* / Под ред. Н. С. Кирабаева, А. В. Семушкина, С. А. Нижникова: монография. М.: РУДН, 2008, 27.

¹¹ *Человек и общество в современной латиноамериканской цивилизации* / Под общ. ред. Б. И. Ковалю. М., 2000. Вып. 10, 5.

¹² *Latin American Philosophy in the Twentieth Century: Man, Values, and the Search for Philosophical Identity* / Ed. by Jorge J. E. Gracia. Amherst, NY: Prometheus Books, 1986., 229.

¹³ Vasconcelos J., *Raza cosmica Obras completas*. V. II. Mexico, 1958.

составляют наш мир. Здесь следует обратить внимание на возможности интеркультурной философии с точки зрения понимания ее как стратегии для создания механизма взаимной адаптации, позволяющей сосуществовать культурному многообразию в образовательной реальности¹⁴.

Философия как знание о всеобщем несет ответственность за выработку нового мировоззрения, способного гармонизировать межкультурные отношения человечества. Как утверждал Р. Паниккар, «в любые времена философия должна исходить из кросс-культурных исследований»¹⁵. Идея интеркультурности была предложена и описана философом кубинского происхождения Р. Форнетом-Бетанкуром в работе «К латиноамериканской интеркультурной философии» (1994), далее развита им в статье «Альтернативы глобализации: тезисы к развитию интеркультурной философии»¹⁶. Ученый трактует интеркультурность как путь к универсализации мира, как процесс создания реальности, отличной от той, которая создается неолиберализмом.

Во-первых, интеркультурность — это ставка на постепенный процесс универсализации мира, требующий восстановления возраста мира и человека как восстановление памяти от неудобств навязывания определенной цивилизационной модели. Во-вторых, интеркультурность связывает возникновение реальности с повествованием культур, т. е. возможности реального определяются «мифами» и «легендами», в которых культуры повествуют о своих тайнах, предлагая сохранить то, что обосновывает смысл и распространяет равновесие. Основание равновесия коммуникации как разносторонний диалог памяти культур человечества. В-третьих, интеркультурность может заявить о себе той реальностью, которая отразит интеркультурную практику, и появлением новой культуры интеркоммуникации, тесно связанной с другими культурами. В-четвертых, постепенный процесс создания новой реальности, инициированной интеркультурностью, с необходимостью должен привести к реорганизации хозяйственно-политических и иных практик и пересмотру сегодняшних культурных соглашений между государствами и межправительственными организациями¹⁷.

¹⁴ Колесников А. С., «Интеркультурная философия в образовании». В кн. *Компаративное видение истории философии*. СПб, 2008, 5–8.

¹⁵ Panikkar R., «A nonary of priorities». In *Revisioning philosophy* / J. Ogilyvy (Ed.). New York: State University of New York Press, 1992, 235–236.

¹⁶ *Ciudadanía intercultural: conceptos y pedagogías desde América Latina* [Intercultural citizenship: concepts and pedagogies from Latin America] / Santiago Alfaro Rotondo, Juan Ansión Mallet & Fidel Tubino Arias-Schreiber (Eds). Lima: Pontificia Universidad Católica del Perú, 2008. 379 pp.

¹⁷ Форнет-Бетанкур Р., «Интеркультурность и неолиберальная глобализация». В кн. *Диалог цивилизаций как призвание*. М.: РУДН, 2007, 37–46.

В рамках одной статьи невозможно осветить все направления и концепции латиноамериканской мысли современности. Представленный исследовательский опыт претендует не столько на выстраивание некоей «окончательной парадигмы» понимания неоднозначных путей развития философии в современную эпоху, сколько на поиск новой модели в условиях философского плюрализма, т. е. равноправного существования разнообразных философских традиций и направлений, в некоторых случаях осознающих свою региональную локализацию, в иных — борющихся за признание универсальных и мировых. Обозначенные проблемы требуют осмысления новых ситуаций и поисков соответствующего методологического и категориального инструментария, динамичного отношения к масштабу исследований и построения прогнозов его дальнейшего развития как с использованием новых концепций, так и реинтерпретации классики.

Библиография:

1. *Шемякин Я. Г.* Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001. 324с.
2. *Давыдов В. М.* Цивилография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М.: ИЛА РАН, 2006. С. 47–48.
3. Человек и общество в современной латиноамериканской цивилизации / Под общ. ред. Б. И. Ковалева, 2000.
4. *Петякшева Н. И.* Латиноамериканская «философия освобождения» в контексте компаративистики. М., 2000.
5. *Колесников А. С.* «Философская компаративистика в истории идей». В кн. Философский век. Альманах. Вып. 25. История философии как философия. Часть 2 / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории и идей, 2003, 20–37..
6. *Колесов М. Л.* Философия и культура Латинской Америки. Симферополь, 1991.
7. Философский дискурс в контексте кросскультурного взаимодействия / Под ред. Н. С. Кирабаева, А. В. Семушкина, С. А. Нижникова: монография. М.: РУДН, 2008.
8. Latin American Philosophy in the Twentieth Century: Man, Values, and the Search for Philosophical Identity / Ed. by Jorge J. E. Gracia. Amherst, NY: Prometheus Books, 1986.
9. *Vasconcelos J.* Raza cosmica Obras completas. V. II. Mexico, 1958.
10. *Колесников А. С.* Интеркультурная философия в образовании. В кн. Компаративное видение истории философии. СПб, 2008. С. 5–8.
11. *Panikkar R.* “A nonary of priorities”. In Revisioning philosophy / J. Ogilyvy (Ed.). New York: State University of New York Press, 1992. P. 235–236.

12. Ciudadanía intercultural: conceptos y pedagogías desde América Latina [Intercultural citizenship: concepts and pedagogies from Latin America] / Santiago Alfaro Rotondo, Juan Ansión Mallet & Fidel Tubino Arias-Schreiber (Eds). Lima: Pontificia Universidad Católica del Perú, 2008.

13. *Форнет-Бетанкур Р.* Интеркультурность и неолиберальная глобализация. В кн. Диалог цивилизаций как призвание. М.: РУДН, 2007, 37–46.

Роль внешних акторов в формировании и развитии национальных систем высшего образования государств Латинской Америки

The role of external actors in the formation and development of national higher education systems of Latin America

Abstract: The educational system of Latin America was formed by external actors and developed with significant external impact, so a modern system are the result of an eclectic blending of different models of education. It seems necessary to create a balanced system of education taking into account the sovereign interests of States and global trends, including the internationalization of education.

Key words: educational system; Latin America; higher education; foreign influence; sustainable development; accessibility of education.

Resumen: Los sistemas educativos de los países de América Latina se formaron externos de la sociedad y se han desarrollado, con una importante influencia externa, por lo tanto, los sistemas modernos son el resultado de la mezcla de diferentes modelos de educación. Parece necesario el establecimiento de un sistema equilibrado de la educación en la que se conocieron como los intereses soberanos de los estados y de las tendencias mundiales, incluyendo la internacionalización de la educación.

Palabras clave: sistemas educativos de América Latina; la educación superior; la influencia externa; el desarrollo sostenible; la accesibilidad de la educación.

Главное конкурентное преимущество высокоразвитой страны связано с развитием ее человеческого потенциала, прежде всего определяемого системой образования. Именно в этой сфере на современном этапе находится ключ к обеспечению устойчивого экономического роста страны и социального прогресса. В связи с этим изменились ожидания общества от сферы высшего образования: оно должно успешно выполнять в регионе роль движущей силы. Жизнь требует от университетов стать более динамичными, гибкими и чувствительными к социальным, научно-техническим, технологическим потребностям, инновациям и международной конкуренции. Как формируются национальные образовательные системы, отвечают ли

¹ Немчинова Тамара Сергеевна, Россия, кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета (t.nemchinova@spbu.ru).

они современным требованиям и готовы ли противостоять внешним вызовам, мы рассмотрим на примере стран Латинской Америки.

Мировое образовательное пространство объединяет национальные образовательные системы разного типа и уровня, значительно различающиеся по философским и культурным традициям, уровню целей и задач, своему качественному состоянию. Латинская Америка, в состав которой входят несколько десятков национальных образовательных систем, занимает заметное место в мировом образовании. На ее долю приходится около 25 % студентов вузов развивающихся стран. Образовательные системы стран прошли длительный эволюционный путь развития и имеют общие особенности становления. Несмотря на то, что Латинская Америка — огромный регион, численность населения в котором превышает 626 миллионов человек, она отличается монокультурностью: страны связывают общность языка (за исключением Бразилии), религии, колониальное прошлое. С другой стороны, страны сильно различаются по уровню экономического развития и позициям на мировой арене. Регион долгое время специализировался на поставках сырья и трудоемких товарах. И хотя рубеж XX и XXI вв. характеризуется возросшей долей капиталоемкой и наукоемкой продукции в экспорте стран Латинской Америки, сырье до сих пор лидирует в экспортной номенклатуре региона. Таким образом, перед современными университетами стран Латинской Америки стоит сложная задача — стать авангардом знаний, где кроме традиционных функций добавляется новая — тесная связь с промышленностью, бизнесом и государственными структурами, осуществляется трансферт технологий, инновационных предприятий и целых отраслей. Вузы становятся учебно-исследовательскими центрами, интегрирующими новые знания и инновационные технологии, влияющими на экономический рост и повышение конкурентоспособности стран на глобальном уровне. Однако возрастающая конкуренция за ресурсы заставит университеты выйти за пределы национальных границ — продвигать свои образовательные услуги за рубежом в поисках дополнительного финансирования, выстраивать международную сеть партнеров, формировать репутацию не только внутри страны, но и за ее пределами. Исходя из постулата, что устойчивая национальная система образования является стратегическим ресурсом любого развитого государства, она может позволить эффективно отвечать на вызовы экономики, безопасности, идентичности. Представляется необходимым создание сбалансированной системы образования, учитывающей как национальные интересы стран, так и мировые тенденции, например, необходимость интернационализации образования в условиях глобальной экономики.

Исторически становление образовательных систем государств Латинской Америки основывалось на формировании его внешними акторами — доминиканцами, иезуитами, испанской короной и португальцами, затем США, Англией, Францией и другими государствами, в том числе и Советским Союзом. В годы самостоятельного развития страны Латинской Америки поддерживали наиболее тесные отношения с лидерами своего времени, прежде всего, с Великобританией и США. Но это не обеспечило им масштабного доступа к новым технологиям. Можно констатировать, что существующая региональная система образования во многом есть результат эклектичного смешения и сильного (а иногда определяющего) воздействия внешних акторов на становление системы образования в государствах региона.

Сложившаяся система образования в странах Латинской Америки во многом ограничивает фактический суверенитет данных стран, является угрозой для собственного развития, поскольку внешние акторы используют образование в качестве инструмента мягкой силы, принося не только знания, но и собственные ценности, культуру (в том числе политическую). В этих условиях страны Латинской Америки являются лишь «реципиентами» инновационных разработок, причем с весьма ограниченными возможностями. В целях устойчивого развития региона системы образования латиноамериканских государств должны совершить качественные и количественные переходы.

Основные этапы и факторы становления и развития образовательных систем в Латинской Америке

Латиноамериканские образовательные системы имеют огромное количество проблем, накопившихся за всю историю становления: устаревшие знания, не отвечающие эпохе информационных технологий, низкий образовательный ценз населения, высокий уровень отсева, отставание в показателях школьной успеваемости, выявляемое международным тестированием.

Первый этап. Система высшего образования в странах Латинской Америки начала складываться в колониальный период, в испанских и португальских колониях процесс становления происходил по-разному. Общим являлось то, что появление высших школ диктовалось, прежде всего, нуждами колониальных администраций. Вслед за конкистадорами, уже в 20-е годы XVI века в колонии потянулись миссионеры разных орденов. Первые начальные школы на континенте появились именно в это время и предназначались для детей привилегированных испанцев, креолов, ин-

дейской знати. Среднее образование практически не получило распространения. А первые университеты были открыты спустя два десятилетия и создавались по образцу университетов Италии, Испании, Португалии и Франции. Первый такой университет — Университет св. Томаса де Акино (Фомы Аквинского) был открыт в Санто-Доминго (современный Автономный университет Санто-Доминго) в 1538 году, позднее, в 1551 году были основаны университеты в Мехико и Лиме, в 1613 году — в Кордове (Аргентина). На протяжении XVI–XVII вв. всего было открыто 13 университетов, а к началу XIX века имелось уже 40 университетов — почти во всех странах континента, за исключением Бразилии и стран Карибского бассейна. До периода войн за независимость испанских колоний в Америке подавляющее большинство университетов находилось в ведении католической церкви — доминиканского и иезуитского монашеских орденов, что наложило значительный отпечаток на их структуру, содержание и профили подготовки. Первые университеты имели в структуре четыре факультета: теологический, юридический, медицинский и философский, при этом ведущими считались теологический и юридический, где основной упор делался на изучение грамматики языков, логики, философии, метафизики, права и религиозных дисциплин. Высшая математика и физика появились в учебных программах университетов только в конце XVIII века (в Университете Лимы — с конца XVII века).

В отличие от традиции начального и среднего образования, которая существовала в Америке до завоевателей, традиции университета там не было. Поэтому все университеты Нового Света были созданы на базе испанской традиции высшего образования. В целом, можно охарактеризовать ситуацию следующим образом: университет имел элитарный характер, зависел от католической церкви, давая профессиональное образование людям, стоящим на службе колониальных интересов.

Португалия активно осваивала азиатские и африканские колонии и, следовательно, меньше занималась своей крупной колонией в Южной Америке — Бразилией, здесь существовали теологические семинары и колледжи общего типа. Кроме того, власти Португалии не стремились насаждать в своей колонии просвещение и максимально ограничивали ее самостоятельность. Поэтому, в отличие от испанских владений в Америке, Бразилия не смогла создать системы высших учебных заведений.

Таким образом, экономическая и политическая колонизация содействовала подавлению национально-освободительного движения и созданию искусственных преград на пути национального и культурного развития народов зависимых и колониальных стран, в том числе и в образовательной сфере. В результате длительного иностранного господства большинство

населения колониальных и зависимых стран практически полностью было лишено возможности получить какое бы то ни было образование. Развивающиеся страны получили в наследие от эпохи колониализма неграмотность среди взрослого населения, слабый охват обучением детей и подростков, крайне малое число средних технических и высших учебных заведений. Многим странам были навязаны иностранные системы образования, без всякого учета национальных условий и потребностей. А географические различия в процессе становления систем образования в будущем привели к сегментации латиноамериканской системы образования в целом.

За процессом революционного разрушения старых систем не последовало их обновление или перестройка. Особенности исторического развития государств Латинской Америки, географический аспект определили специфичность стоящей перед ними задачи в сфере образования: ликвидации неграмотности, создания и совершенствования национальных систем просвещения, а не образования.

Второй этап. Освобождение от колониализма, завоевание политической независимости в начале XIX века ознаменовали собой новый период в становлении и развитии образования латиноамериканских стран. Изменение социально-политических условий стимулировало развитие систем образования, особенно высшего, и поставило в области образования принципиально новые задачи — введение всеобщего бесплатного начального образования, ликвидацию неграмотности, расширение сети общеобразовательных и профессионально-технических школ.

Главной особенностью данного периода является создание сети государственных университетов. Католическая церковь была отделена от государства и в ряде государств лишена права открытия вузов с университетским статусом (правда, в середине XX века запрет был отменен); теологические факультеты перестали играть столь значительную роль, а в некоторых государствах были и вовсе упразднены (Университет Буэнос-Айреса, Центральный университет Венесуэлы). Началось создание национальных университетов, контролируемых государством: в 1810—1847 гг. были открыты 17 университетов, а к 1900 году — еще 10. Общим для них было копирование европейских образцов, прежде всего, французской университетской модели. Во второй половине XIX века в национальных системах образования стали появляться первые инженерно-технические факультеты и школы, а также технические университеты: Инженерный факультет в Университете Буэнос-Айреса в 1856 г., Школа агрономии и ветеринарии в Мексике в 1853 г., Факультет инженеров и землемеров в Университете Сальвадора, Специальная школа гражданского строительства и горного дела в Лиме в 1876 г., Технический университет в Оруро, Боливия, в 1892 г.

Когда в Латинской Америке завершился процесс организации национальных государств, освободившихся от колониальной зависимости, они практически сразу приобретают экономическую зависимость от США, Англии, Франции, именно образовательные системы становятся ареной борьбы между национальными интересами этих стран и интересами внешних акторов.

Первой страной, которая пошла по пути реального приспособления содержания университетского образования к нуждам экономического развития, стала Чили. Процесс политехнизации университетов в этой стране диктовался сравнительно ранним развитием капиталистических отношений. Второй страной, ставшей на путь изменения содержания высшего образования, стала Аргентина. Развитие аргентинского образования пошло по пути прогрессивных реформ.

В марте 1918 года студенты Кордовского университета Аргентины потребовали введения демократического самоуправления и полной автономии университетов от государственной власти, изгнания консервативных профессоров, обновления программ и учебного процесса в соответствии с насущными потребностями общества, обеспечения доступа к высшему образованию представителей всех сословий. В октябре 1918 года правительство Аргентины декретировало университетскую реформу, удовлетворившую требования студентов об автономии, социальной ориентации и демократизации университетов. Из Аргентины движение за университетскую реформу перекинулось в другие страны Латинской Америки.

Третий этап. В 20–30-е годы XX века экономике латиноамериканских стран серьезный ущерб нанес мировой экономический кризис. Говорить о разработке национальных (самостоятельных) стратегий развития можно не раньше периода «великой депрессии» конца 1920-х – начала 1930-х годов, когда, по крайней мере, «большая тройка» региона (Аргентина, Бразилия, Мексика) отчетливо взяла курс на проведение импортозамещающей индустриализации.

Появилась латиноамериканская концепция периферийной экономики Рауля Пребиша, которая во второй половине XX столетия так и осталась, по мнению многих экспертов, единственной серьезной попыткой исследователей из стран так называемого «третьего мира» осмыслить особенности собственного развития. Теория зависимости или зависимого развития — концепция, в основании которой лежит утверждение о том, что экономическая отсталость и политическая нестабильность развивающихся стран являются результатом их интеграции в мировую экономику и систематического давления развитых держав, то есть речь снова идет о внешнем воздействии. Страны «периферии» беднеют в результате того, что

их ресурсы и капитал утекают в богатые страны «центра». Развитые страны воспроизводят структуры зависимости в остальном мире различными способами. Это влияние многогранно, оно включает в себя экономическое воздействие (финансы, патенты на технологии и др.), прямое политическое вмешательство (в СМИ, образование, культуру и др.), вопросы найма и подготовки рабочей силы. Определение периферийного капитализма дано в книге «Экономическое развитие Латинской Америки и его главные проблемы» (1950): «процесс заимствования и распространения техники, стандартов потребления, а также культурных ценностей... процесс их внедрения в совершенно иные общественные культуры»². Р. Пребиш пришел к выводу, что неразвитым/развивающимся государствам, если они хотят вырваться из состояния зависимости, стоит в большей степени использовать политику протекционизма, полагая, что импортозамещающая индустриализация, а не экспорто-ориентированная, является оптимальной стратегией для самостоятельного развития. Поэтому основной задачей являлся переход от экспорта сырья к производству готовой агропромышленной продукции с применением мер жесткой протекционистской политики. Теория «периферийного капитализма» осветила влияние стран-центров (внешних акторов) на развитие государств «третьего мира» и позволила сделать вывод, что оно не является однозначным. С одной стороны, страны центра несут технический прогресс, с другой — они эксплуатируют периферию, «высасывая» из нее ресурсы и навязывая собственную культуру.

Долгое время возможности закупки за рубежом техники и технологии покрывали спрос на них на внутренних рынках латиноамериканских стран и фактически «замещали» национальное производство. Это был не столько добровольный выбор стран региона, сколько дань давней традиции, сложившейся с колониальных времен, когда испанская и португальская метрополии всячески препятствовали возникновению местного производства в Америке. В результате с 30–50-х годов XX века, когда индустриальная цивилизация на Западе уже начала клониться к закату, латиноамериканские страны только приступили к полномасштабному развитию индустриального сектора и, естественно, в форме замещения прежнего импорта промышленных товаров. Но им уже приходилось разрываться между потребностями не только «запоздалой индустриализации», но и модернизации, необходимостью хоть как-то осваивать достижения развернувшейся научно-технической революции³.

После Второй мировой войны, особенно с начала 1960-х годов, стратегическое планирование обрело совершенно иное измерение. Правительства

² Пребиш Р., *Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива?* М.: ИЛА РАН, 1992, 201.

³ *Латинская Америка на пути экономической модернизации*. М.: ИЛА РАН, 2013, 20.

латиноамериканских государств стали осознавать приоритетное значение развития науки и современных технологий. Во всех ведущих латиноамериканских странах государство расширило финансирование НИР. Стали функционировать национальные советы по поддержке научно-исследовательских работ, а во многих из них появились институты по ядерным и космическим исследованиям. Начало развиваться среднее техническое образование в связи с проблемой дефицита квалифицированных кадров в условиях повышения спроса на более качественную рабочую силу. Все это происходило в условиях, когда в Латинской Америке, в 1960 году, неграмотными были около 40 % жителей в возрасте старше 15 лет⁴.

В 1950-е годы американский экономист Теодор Уильям Шульц руководил «Технической помощью Латинской Америке» — проектом, охватывающим все секторы экономики развивающихся стран, включая сельское хозяйство и другие отрасли экономики. Именно в это время он начал более плотно исследовать феномен человеческого капитала. До Шульца доказывалось, что технические нововведения и расширение масштабов использования труда и производственного оборудования могли обеспечить в лучшем случае лишь половину увеличения ВВП. Необходимо было определить другие факторы, ответственные за экономический рост. Т. Шульц выделил образование. Его первой публикацией на тему человеческого капитала была работа «Высшее образование и его роль в экономическом развитии», опубликованная в сборнике «Школа в новой эре» в 1958 году.

Изучение взаимосвязи между образованием и экономическим развитием привело к появлению в середине XX века научно обоснованной теории человеческого капитала и экономики образования как отрасли экономического знания. Ведущая заслуга принадлежит американским экономистам, нобелевским лауреатам Теодору Шульцу и Гарри Беккеру. Занимаясь проблемами аграрной экономики, Т. Шульц в 1960 году провел оценку стоимости рабочей силы, включая расходы на образование и «потерянное» человеческое время, затраченное на учебу. Т. Шульц считал человеческий капитал решающим экономическим фактором, особенно для стран с догоняющим типом экономического развития. В работах «Вложения в человеческий капитал: роль образования и научных исследований» (1971) и «Инвестиции в людей: экономика качества населения» (1981) Т. Шульц показал, что образовательный уровень населения предопределяет его способность использовать информацию и технологию для экономического развития. Одна из главных работ Теодора Шульца, «Теория человеческого капитала», инициировала в 1980-х гг. активную деятельность по мотивации инвестиций в

⁴ Беляев В. П., *Латинская Америка: народное просвещение и проблемы социально-экономического развития*. М., 1971, 50.

профессиональное и техническое образование со стороны международных финансовых институтов. Главными функциями высшего образования он считал обнаружение таланта, обучение и научную работу. Концепция постепенно завоевала признание. Стало ясно, что капиталовложения развивающегося мира в образование являются решающим фактором догоняющего развития.

Сеть специализированных вузов и университетов продолжала активно расширяться: в период с 1945 по 1975 гг. высших учебных заведений было открыто больше, чем за всю предыдущую историю Латинской Америки. В 1975 году в странах региона было порядка 250 университетов, из которых примерно половина были частными, в том числе около 50 были созданы католической церковью. Страновые особенности распределения университетов свидетельствуют о высокой степени неоднородности образовательных систем: в Бразилии и Мексике было свыше 60 университетов в каждой из стран, в Аргентине — 37, в Перу — 33, в Колумбии — 28, в Венесуэле и Эквадоре — по 10⁵.

По окончании Второй мировой войны начался стабильный рост числа преподавателей на рынке труда различных стран Латинской Америки. Так, в 1950–1990-х годах академический рынок труда увеличился с 25 000 до 600 000 человек.

Система высшего военного образования в странах Латинской Америки формировалась также под влиянием внешних акторов. Необходимо отметить, что каждый из видов вооруженных сил имеет собственные офицерские школы и военные академии, большинство из которых создано по образцу военных училищ США: Высшее военное училище в Мексике, Военно-морская академия в Перу, Национальная военная академия в Аргентине, Военно-инженерный университет в Бразилии. Некоторая часть офицерского состава латиноамериканских государств в 1950–1980-х гг. обучалась в военных колледжах США, стран Западной Европы, а также в «межамериканских военных училищах», расположенных в зоне Панамского канала и на территории США. За указанный период там прошли подготовку более 60 тысяч офицеров вооруженных сил латиноамериканских государств.

Четвертый этап: современная система высшего образования государств Латинской Америки. Актуальные парадигмы высшего образования следует рассматривать именно в контексте глобализации и интернационализации современной международной системы образования. Глобализация стирает границы между национальными рынками образовательных услуг, создавая

⁵ *Латинская Америка* (в 2-х томах) / Гл. ред. В. В. Вольский. М.: Советская энциклопедия, 1979, 175–177.

мировой рынок. На нем национальные системы образования в лице, прежде всего, университетов активно формируют спрос на свои услуги и реализуют его, в том числе за пределами своего государства. В такой ситуации либо государство, либо так называемый глобальный университет вынуждены предпринимать маркетинговые усилия, бороться за высокие позиции в международных рейтингах университетов, работать над построением сильного бренда учебного заведения на международном уровне. Таким образом, в условиях интернационализации внешнее воздействие на формирование национальной системы по-прежнему неизбежно. Однако в современных условиях имеется огромное количество плюсов для формирования образовательной системы, так как интернационализация ведет к расширению доступности высшего образования, универсализации знаний, появлению международных стандартов качества, усилению инновационного характера высшего образования, расширению и укреплению международного сотрудничества, активизации академической и студенческой мобильности.

Негативным последствием такого воздействия может стать «новое образовательное неравенство», которое выражено в увеличивающемся разрыве между развитыми и развивающимися странами в уровне образования населения и темпах роста образовательных услуг (качественно и количественно)⁶. Развивающиеся страны по разным причинам (переходный этап/низкий уровень экономического развития, отсутствие политической стабильности, информационная изоляция, низкие технологические возможности, низкий уровень образования населения), как правило, оказываются на периферии глобальных тенденций.

Особое значение приобретают международные рейтинги. Университеты на глобальном уровне зачастую решают разные задачи: если одни ведут борьбу за выживание (как большинство университетов стран Латинской Америки), то другие решают задачу вхождения в категорию «университетов мирового класса». Политика западных стран в области образования определяется результатами рейтингования. Рейтинг, как аналитический инструмент, постепенно превращается в один из значимых элементов конкурентной борьбы. Высшая школа в латиноамериканских странах представлена системой университетов и колледжей. Несмотря на то, что ни один из вузов региона не входит в сотню ведущих мировых университетов, среди них есть очень известные и популярные — Государственный университет Кампиноса, Университет Сан-Пауло, Папский Католический университет (Чили), Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Университет Анд

⁶ Вашурина Е. В., Дрантусова Н. В., Евдокимова Я. Ш., Ключев А. К., Майбуров И. А., *Анализ мировых тенденций развития научно-образовательной деятельности: Аналит. обзор*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004, 14.

(Колумбия), Университет Чили. Университет Сан-Пауло занял в списке ведущих университетов мира 139-е место, Папский Католический университет — 195-е. В список 700 лучших вузов мира входят 42 университета Латинской Америки, в том числе 12 бразильских, 7 чилийских, 6 аргентинских и 5 колумбийских. В 2011 году был впервые опубликован рейтинг QS University Rankings: Latin America («Лучшие университеты Латинской Америки»). При составлении рейтинга были обследованы 395 университетов, в итоговый список вошли 300 университетов из 13 стран Латинской Америки. Рейтинг показал, что прогресс в развитии системы образования характерен для наиболее развитых стран региона — Мексики, Аргентины, Бразилии, Чили, Колумбии. Причину невысокого положения латиноамериканских вузов в международных рейтингах многие эксперты видят в недостаточной научно-исследовательской работе вуза (что является одним из главных критериев современных рейтингов) и в языковом барьере, так как научные исследования и работы, опубликованные на испанском (или португальском) языке, остаются вне поля зрения иностранных экспертов. Кроме того, в Латинской Америке крайне важна социальная роль университетов, которая не учитывается в международных рейтингах, но играет исключительную роль в устойчивом развитии своих государств.

Выводы:

1. Политический и экономический потенциал любого государства, претендующего на заметное место в мире, зависит сегодня от развития высшего образования, а также науки. Более развитые государства Латинской Америки, такие как Бразилия, Аргентина, Чили, демонстрируют значительный прогресс в этой области. Менее чем за 200 лет эти страны прошли путь от первых иезуитских колледжей до университетов и научных центров, от массовой неграмотности к широкому распространению высшего образования. Однако, несмотря на значительные успехи, даже ведущие государства Латинской Америки испытывают серьезные трудности.
2. На всех этапах развития латиноамериканских государств значительную роль в формировании и функционировании национальных систем образования, в том числе и высшего, играли внешние акторы — метрополии, страны-лидеры в развитии образовательных систем, экономические и политические лидеры, международные консорциумы и рейтинговые агентства.
3. Существенным препятствием на пути выхода латиноамериканских вузов на более высокие позиции является то, что система высшего

образования региона в большей степени ориентирована на «внутреннее потребление».

4. Международный рынок образовательных услуг превращается в стремительно развивающийся сектор экономики. Однако международные студенты являются не только источником дополнительных доходов и пополнения дефицита квалифицированной рабочей силы. Студенты-иностранцы оказывают серьезное влияние на сохранение конкурентоспособности национальных вузов, подталкивая их к улучшению качества преподавания и бытовых условий, расширению научно-исследовательской базы, разработке принципиально новых курсов обучения при унификации измерения успеваемости студентов (кредитов) и обеспечению возможности перехода из одного высшего учебного заведения в другое без затрат на дополнительное обучение. Таким образом, наличие определенного процента студентов-иностранцев свидетельствует о том, что данное высшее учебное заведение стремится к активному развитию и заботится о поддержании своего статуса на международном уровне.
5. Внутрорегиональная раздробленность систем образования латиноамериканских государств мешает переходу науки и образования на качественно новый уровень. Необходимо создание общего пространства высшего образования для того, чтобы повысить конкурентоспособность всей системы, сохранив академическую автономию высших учебных заведений отдельных стран, при этом не унифицируя системы образования, а лишь обеспечивая на определенных условиях доступ к образованию всех граждан стран Латинской Америки в любом образовательном учреждении этих государств, а также создание условий для академической и профессиональной мобильности. Для этого необходимо преодолеть конкурентный разрыв в сфере высшего образования внутри континента. Активная работа по формированию единого образовательного пространства в Латинской Америке ведется в рамках ЮНЕСКО. Одним из направлений развития является создание программ совместных действий в других регионах мира.
6. В условиях преимущественно сырьевой экономики невостребованными остаются научные кадры, следствием чего становится значительный отток талантливых молодых исследователей из стран региона. Кроме того, национальные различия в доступе к образованию, количественные ограничения в наборе студентов на определенные специальности заставляют студентов из этих стран искать возможности получения образования за рубежом.

Библиография

1. Академический инбридинг и мобильность в высшем образовании: Глобальные перспективы [текст] / Под ред. М. М. Юдкевич, Ф. Дж. Альтбаха, Л. Рабли; пер. с англ. Г. С. Петренко под науч. ред. М. М. Юдкевич; отв. ред. Н. М. Халатянц; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
2. Анализ мировых тенденций развития научно-образовательной деятельности: Аналитический обзор / Е. В. Вашурина, Н. В. Дрантусова, Я. Ш. Евдокимова, А. К. Ключев, И. А. Майбуров. Библиотека журнала «Университетское управление: практика и анализ». Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006.
3. *Беляев В. П.* Латинская Америка: народное просвещение и проблемы социально-экономического развития. М., 1971.
4. Доклад о человеческом развитии 2016. С. 119 [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2016_report_russian_web.pdf (дата обращения: 01.07.2017).
5. *Ермольева Э. Г.* Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени. М.: ИЛА РАН, 2014.
6. Латинская Америка (в 2-х томах) / Гл. ред. В. В. Вольский. М.: Советская энциклопедия, 1979.
7. *Пребиш Р.* Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? [Сокр. пер. с исп. под ред. и с предисл. В. В. Вольского, И. К. Шереметьева]. М.: ИЛА РАН, 1992.
8. *Шенин С. Ю.* Реализация американской программы «Пункта-4»: региональная специфика (1950–1953 гг.) // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 4., 10–28.
9. Education at Glance 2015: OECD Indicators / OECD Publishing, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://download.ei-ie.org/Docs/WebDepot/EaG2015_EN.pdf (дата обращения: 01.07.2017)

Jesús Lechuga Montenegro¹

Laura Montiel Orozco²

Educación superior y género: el *Techo de Cristal* en México (2000–2016)

Higher education and gender: The *glass ceiling* in Mexico, 2000–2016

Resumen: Aun cuando se registra un aumento consistente de la inserción de las mujeres en diferentes espacios de la educación superior y en investigación en México, se constata la persistencia de la desigualdad de género; de lo cual el objetivo de la investigación es analizar el denominado *Techo de Cristal* en la educación superior de posgrado e investigación en el período 2000-2016.

Palabras clave: Techo de Cristal; educación superior; género.

Abstract: Even though there is a consistent increase in the insertion of women in different spheres of higher education and research in Mexico, there is a persistence of gender inequality; so the aim of the paper is to analyze the so-called *Glass Ceiling* in higher education and research in the period 2000-2016.

Key words: Glass Ceiling; higher education; gender.

1. Introducción

En los hechos la educación en sí es elitista, ello porque sólo una parte del total de la población en edad escolar ejerce a plenitud este derecho humano. En efecto, la pirámide educativa se estrecha de manera importante a partir de la educación superior aun en los países de mayor desarrollo³ y se tiene que, por ejemplo, para Estados Unidos relativamente sólo el 40 % de los inscritos en educación básica accede a la educación superior; para Japón la participación es de 61.7 %; Francia 56%; España 51.7 %; en México el dato es lamentable: 23 %, en tanto para Rusia la participación es notable con 82.4 % (Cuadro 1).

¹ Mexicano. Autor principal. Doctor en Economía. Departamento de Economía. Universidad Autónoma Metropolitana Azcapotzalco. [montenegro@azc.uam.mx]

² Mexicana. Autor secundario. Licenciatura en Economía. Departamento de Economía. Universidad Autónoma Metropolitana Azcapotzalco. [lauralissetmontiel@gmail.com]

³ El criterio de selección es el PIB per cápita con un valor superior a 40 mil dólares, seleccionando a 13 países en esta condición (Alemania, Austria, Australia, Bélgica, Dinamarca, Estados Unidos, Finlandia, Noruega, Países Bajos, Reino Unido, Suecia y Suiza).

Matrícula por nivel de educación, 2015 (Millones de alumnos)

País	Educación Básica ^a	Educación Superior
Estados Unidos	24.5	9.8 ^b
Francia	4.1	2.3 ^b
España	2.9	1.5 ^c
Japón	6.8	4.2 ^d
México	14.6	3.5 ^e
Rusia	5.7	4.7 ^f

Fuente. Elaboración propia con base en a Banco Mundial, b OCDE, c MECD, d UNESCO e ANUIES y f Ministerio de Educación y Ciencia de Rusia

A esta pirámide hay que agregar la segmentación por género, en la cual se presenta evidencia de que en la población en edad educacional hay una brecha desfavorable para las mujeres. Por ejemplo, el Índice Global de la Brecha de Género (IGBG, 2016) a partir de indicadores políticos, de salud, economía y educación ubica en las cuatro primeras posiciones a los países nórdicos⁴ y aún ahí se tiene que el valor más alto de participación en recursos y oportunidades de las mujeres es en promedio de 84 %, para Francia 75 %, España 73 %, Estados Unidos 72 %, México 70 %, Rusia 69 % y sorprendentemente Japón 66 %.

El último dato es sorprendente, lo cual nos lleva a resaltar que en el campo educativo la idiosincrasia y en particular un aspecto cultural como la religión fuese un factor de discriminación de género, pues de un total de 144 países considerados en el IGBG se observa que en 21 países con religión musulmana el porcentaje en promedio se ubica en torno al 60 % y ocupan los últimos lugares (123 a 144).

Es claro, después de las cifras anteriores, que la brecha de género es una barrera estructural para la superación de la condición de mujer en el plano más alto de realización cultural como es la educación. Esto nos lleva a la consideración del llamado *Techo de cristal*, el cual, desde diferentes enfoques, exhibe la persistencia de la desigualdad de oportunidades de realización para las mujeres en distintos ámbitos de la sociedad.

2. Marco Conceptual: el *Techo de Cristal*

La génesis del concepto adaptado a estudios de género se remonta a los años ochenta como una metáfora para describir el conjunto de impedimentos que las mujeres tenían que enfrentar para superar el escalafón profesional, es decir, la imposibilidad de las mujeres de sobrepasar la jerarquía organizacional para llegar a

⁴ Islandia (87%), Finlandia (84%); Noruega (84%) y Suecia (81%).

puestos directivos^{5,6}. El vocablo *crystal* enfatiza la invisibilidad del fenómeno, debido a que la sutilidad de las barreras y violencia simbólica le tornan intangible al estar sustentadas en una superestructura cultural y política socialmente aceptada. Respecto al vocablo *Techo*, éste es por demás sugerente dado que la invisibilidad metafórica contrasta con el supuesto de que el debido acceso femenino a posiciones de mando y dirección estaría determinado por las aptitudes, capacidades, logros personales y liderazgo en particular; lo cual en la realidad no se cumple. En UNESCO⁷ se reconoce la importancia de la educación para combatir esta brecha.

La igualdad de género refiere a que hombres y mujeres tengan las mismas oportunidades y posibilidades de acceso a recursos sociales valiosos, asumiendo un trato imparcial entre género según sus necesidades. Asimismo, el papel de las instituciones educativas en la construcción del concepto de género es fundamental pues es en ellas que se forma y se consolida la interacción entre alumnos y docentes.

La persistencia del diagnóstico de Morrison⁸, fue referido una generación después por UNESCO⁹ al señalar la importancia de construir un patrimonio cultural con enfoque de “igualdad de género”; el cual funge como un pilar para “dar voz y representación a la personas, grupos y naciones”. En cuanto al *Techo de cristal*, se reconoce la segregación de género en las profesiones ampliamente ligadas a la cultura tales como dirección de cine, música, etc. Frente a ello se expresa que el *Techo de cristal* impide a la mujer desarrollar sus talentos, potencial y la posibilidad de beneficiarse de la economía creativa en la cultura. Se reconoce la ausencia de mujeres en la alta jerarquía del sector cultural (desde cine hasta la música), lo cual es un reflejo de la persistencia de estigmas, estereotipos, exclusión y violencia simbólica por parte de los hombres. El problema central no es de capacidades sino de capilaridad social¹⁰.

De esta forma, treinta años después de lo publicado por Morrison, la problemática es persistente aun cuando existan recomendaciones *ad hoc*, específicas e incluyentes, derivadas de las mismas como “Desarrollar y aplicar políticas con perspectiva de género y estrategias en cultura que empoderen a todos los miembros de la sociedad”¹¹.

⁵ Morrison et al. *Breaking the Glass Ceiling: Can Women Reach the Top of America's Largest Corporations?* The New York Times, 1987.

⁶ El término *Techo de cristal* (*Glass Ceiling Barriers*) apareció por primera vez en el Wall Street Journal en 1986, posteriormente se desarrolló en un artículo académico publicado en 1987 titulado *Breaking the Glass Ceiling: Can Women Reach the Top of America's Largest Corporations?*

⁷ UNESCO. *Guía para la Igualdad de Género en las Políticas y Prácticas de la Formación Docente*, 2003.

⁸ Morrison et al. *Breaking the Glass Ceiling: Can Women Reach the Top of America's Largest Corporations?* The New York Times, 1987.

⁹ UNESCO. *Guía para la Igualdad de Género en las Políticas y Prácticas de la Formación Docente*, 2003, 94.

¹⁰ *Ibid.*, 74-75.

¹¹ *Ibid.*, 135.

En América Latina, a través de Cepal, ha habido una reflexión sobre el tema de equidad de género de larga data que ha fructificado, al menos en el papel, con la implementación de planes de igualdad, siendo el primero el de Nicaragua (2006-2010) a cargo del Instituto Nicaragüense de la Mujer al cual le han seguido 21 planes más; para México se implementó un ambicioso Programa Nacional para la Igualdad de Oportunidades y no Discriminación contra las Mujeres (2013-2018) a cargo también de una institución similar: Instituto Nacional de las Mujeres. La preocupación básica en todos los casos es realizar acciones “para eliminar la discriminación contra las mujeres en todas sus formas, incorporar el principio de igualdad entre las mujeres y los hombres y establecer las instituciones públicas para asegurar su implementación”¹².

En los hechos, cotidianamente se constata la tangibilidad del fenómeno en el ámbito laboral. Por ejemplo, en el año 2016, ante la renuncia de un director de área en una compañía internacional, las opciones para su reemplazo eran: ascender a la subdirectora, contratar un externo o nombrar un interno; a pesar de que el equipo del área involucrada simpatizaba con la subdirectora y ella contaba con las aptitudes necesarias, la elección fue un hombre interno ubicado fuera del área en cuestión¹³.

3. Enfoques del problema

La expresión concreta del *Techo de Cristal* en el ámbito superior de educación de posgrado podemos abordarlo en dos dimensiones: presencia de las mujeres en la ciencia y la segregación de profesiones por género.

En los últimos años la tendencia global ha reflejado un acrecentamiento de las inversiones en educación superior, ciencia y tecnología y con ello la participación de los investigadores a nivel global se ha incrementado;¹⁴ no obstante se tiene una pirámide por niveles de ingresos entre países y regiones: a nivel global, los países con altos ingresos concentran el 64.4 % de los investigadores en tanto los de ingresos bajos cuentan sólo con el 1.3 %. Específicamente Estados Unidos concentra el 16 % del total, sorprende China con 19.1 %, Japón 8.5 %, Rusia 5.7 % y la cifra para México es 0.6 %¹⁵.

En el Informe de la Unesco sobre la Ciencia (2015) se reconoce que el *Techo de Cristal* sigue intacto y a medida que se asciende en los niveles de investigación

¹² Cepal. *Planes de igualdad de género en América Latina y el Caribe*. Mapas de ruta para el desarrollo, 2017, 15.

¹³ Muciño, F., *Mujeres poderosas: 3 formas de derribar el “techo de cristal*. *Capital Humano*, Forbes, 2016. [https://www.forbes.com.mx/mujeres-poderosas-3-formas-de-derribar-el-techo-de-cristal/#gs.TH8BK_c]

¹⁴ Al respecto, el incremento del número de estudiantes internacionales en la educación superior creció del 2005 al 2013 de 2.8 millones a 4.1 millones, es decir, en 58%.

¹⁵ UNESCO. *Informe de la Unesco Sobre la Ciencia Hacia 2030*. Resumen, 2015, 18-20.

la participación femenina se reduce. Y aun cuando el Comisario de Investigación de la UE, Carlos Moedas (2015), se muestra complacido por el apoyo político para la igualdad de género en investigación e innovación y que las mujeres europeas están sobresaliendo en la educación superior, estas representan solo un tercio de los investigadores y una quinta parte de los investigadores de alto nivel.

Al respecto, UNESCO¹⁶ reporta que a nivel global la pirámide es aún más estrecha en la trayectoria ascendente de las mujeres pues representan el 53 % de estudiantes de licenciatura y maestría, doctorado 43 % e investigadoras 28.4 %. Aun así, a nivel regional la menor disparidad de género en investigadoras se encuentra en Europa Sudoriental (49 %), el Caribe, Asia Central y América Latina (44 %).

Puntualmente sorprende la brecha de género en la creación científica en sociedades reconocidas por su amplia cultura, como en Francia y Japón, en donde las investigadoras constituyen el 26 %, 15 % del total, respectivamente.

Cuadro 2

Investigadores por género, 2015

País	Mujeres	Hombres
Estados Unidos	40%	60%
Francia	26%	74%
España	39%	61%
Japón	15%	85%
México	32%	68%

Fuente. Elaboración propia con base en Instituto de Estadística de la UNESCO

Al respecto de la segmentación de las mujeres por campos de investigación en una muestra de cuatro sociedades reconocidas por su nivel cultural, se tiene una fuerte orientación hacia las Ciencias Sociales, Ciencias Médicas y Humanidades: (Cuadro 3).

Cuadro 3

Segmentación de las mujeres por área del conocimiento, 2015

País	Ciencias Nat.	Ingeniería y tecnología	Ciencias Médicas	Ciencias Agrícolas	Ciencias Sociales	Humanidades
Estados Unidos	22%	13%	24%	6%	7%	54.6%
^b Francia	39%	31%	47%	-	48%	58%
Japón	13%	5%	31%	22%	28%	35%
^a España	8.3%	13.4%	10.7%	-	56.8%	10.8%

Fuente. Elaboración propia con base en UNESCO, 2015. Año más cercano reportado 2013 a Consejo de Coordinación Universitaria (2003-2004), b EC. Europa

¹⁶ *Ibidem.*

4. El caso de México

En lo general, la brecha de género es parte de las temáticas de las políticas públicas y legislativas en México. Así, en el Plan Nacional de Desarrollo 2013-2018, una de las estrategias transversales es la de perspectiva de género, ratificando la Convención sobre la Eliminación de todas las Formas de Discriminación contra la Mujer; en tanto la Comisión de Equidad y Género (2017) de la Cámara de Diputados (LX Legislatura) tiene por objetivo general fortalecer políticas con perspectivas de género para erradicar desigualdad e inequidad en este ámbito.

En cuanto a la realidad inmediata los datos muestran que las intenciones gubernamentales y legislativas chocan contra una pared de concreto, para ejemplificarlo bastan tres muestras:

- i) Como prolegómeno de las dificultades para realizar estudios de posgrado y que acentúa la futura brecha de género en este aspecto, están las condiciones sociomateriales de la población, pues se tiene que en el año 2014 la asistencia escolar femenina de 20-24 años por quintiles de ingreso, en el nivel más bajo (primer quintil) era sólo de 7.4 % del total y en el quintil más alto (quintil cinco) del 45.3 % (CepalStat, 2014).
- ii) Al analizar la educación superior por área de investigación en México, diversos autores coinciden con que lo observado a nivel internacional se replica en México. Así, De Garay¹⁷ encontró que, no obstante una mayor participación de la mujer en la educación superior, en las áreas de ciencias exactas e ingenierías hay una baja presencia: 2 % y 8 % respectivamente; en tanto que es alta en áreas que se asocian a lo femenino (enfermería, humanidades, ciencias sociales). Y aun dentro de las ciencias exactas, como la física, se da una “sub-feminización” con mujeres representaban 29.1 % del total ANUIES¹⁸ (2008); en cambio en biología las mujeres eran el 55.9 % pero en matemáticas los hombres el 56.9 %. Realidad que poco ha cambiado a la fecha, pues aun cuando en el total de la matrícula se tiene una proporción prácticamente de 50-50 en Maestría y Doctorado¹⁹ (ANUIES, 2016), al segmentar por área de conocimiento hay una notoria concentración de las mujeres en salud 66 % y educación 74 %; y en áreas asociadas a las ingenierías, agronomía y servicios la concentración de la

¹⁷ De Garay, A. y del Valle, G. “Una mirada a la presencia de las mujeres en la educación superior en México”, *Revista Iberoamericana de la Educación Superior*, Vol. III, Núm. 6, enero-abril, 2012, 3-30 Instituto de Investigaciones sobre la Universidad y la Educación. <http://reles.universia.net> (accessed 01.08.2017).

¹⁸ ANUIES, Anuarios Estadísticos de Educación Superior [<http://www.anuies.mx/informacion-y-servicios/informacion-estadistica-de-educacion-superior/anuario-estadistico-de-educacion-superior>] (accessed 01.08.2017).

¹⁹ *Ibidem*.

matrícula es particularmente masculina en los tres segmentos de grado educativo (licenciatura, maestría y doctorado):

Cuadro 4

Segmentación de las mujeres por área del conocimiento

México	Licenciatura	Maestría	Doctorado
Salud	66%	54%	52%
Artes y Humanidades	56%	51%	50%
Ciencias Sociales, Administración y Derecho	59%	52%	52%
Ciencias Naturales, exactas y de la computación	42%	45%	46%
Educación	74%	67%	60%
Ingeniería, Manufactura y construcción	27%	33%	35%
Agronomía y veterinaria	35%	48%	44%
Servicios	32%	35%	21%
Total general	47%	51%	50%

Fuente: Elaboración propia con base en ANUIES, 2015-2016.

iii) En cuanto a la presencia de las mujeres en el Sistema Nacional de Investigadores (SNI), ésta se incrementó de 21 % en 1991 a 34 % en 2014, no obstante siguen representando la tercera parte. Asimismo, la presencia del *Techo de Cristal* se hace evidente en el escalafón ascendente del SNI, pues con datos del año 2014 se tiene que el 21 % eran candidatas, 58 % se ubicaron en nivel I, 15 % nivel II y 5 % en nivel III²⁰.

Al respecto Mendoza²¹ resalta que es necesario abordar aspectos inexplorados del *Techo de cristal* como la maternidad, pues por mucho que la mujer acelere los ritmos formales educativos para obtener el doctorado y una plaza de tiempo completo en el sistema universitario, este proceso se cumple en el umbral de los treinta años, edad en la cual la mujer debe decidir respecto a ejercer o no su maternidad; de darse lo primero, ello representa un obstáculo para su posible acceso al SNI. Y el que las mujeres dentro del SNI se encuentren en el rango de edad entre los 45 y 55 años, parecería validar lo anterior.

Estos hallazgos resultan por demás relevantes en una sociedad como la mexicana con un Estado que en la letra postula políticas de igualdad de género que aparecen más como posiciones políticas meramente declarativas que orientaciones

²⁰ García, M., “Reflexiones sobre los retos para ingreso, permanencia y promoción en el SNI de las investigadoras”, 20-36. En *¿Legitimidad o reconocimiento? Las investigadoras del SNI. Retos y propuestas*. Mendieta, A. Coord. Benemérita Universidad Autónoma de Puebla. México. [http://www.inb.unam.mx/historias_noticias/2015/sni_retospropuestas_15.pdf] (accessed 01.08.2017).

²¹ Mendoza, I., *Cómo ser mujer en el SNI y no morir en el intento*, 41-50. En *¿Legitimidad o reconocimiento? Las investigadoras del SNI. Retos y propuestas*. Mendieta, A. Coord. Benemérita Universidad Autónoma de Puebla. México. [http://www.inb.unam.mx/historias_noticias/2015/sni_retospropuestas_15.pdf] (accessed 01.08.2017).

firmes hacia la concreción de las mismas. Algunos datos lo ilustran meridianamente: el porcentaje de mujeres ocupando alcaldías aumentó de un misérrimo 3.7 % en el año 2000 a un pobre 6.8 % en 2014; en el año 2015 las mujeres representaron la cuarta parte de los 31 congresos estatales y la quinta parte de los cargos de jueces magistrados federales²² (Lechuga Montenegro et al., 2015). Hasta 2017 en la Suprema Corte de Justicia había dos mujeres de diez ministros y una gobernadora en el total de 32 gobiernos estatales; nunca ha habido una gobernadora en el Banco de México y ninguna mujer ha sido presidente de la República.

Conclusiones

A nivel global, se tiene que la brecha de género permanece como una barrera estructural y en el ámbito educacional superior la amplitud de la misma es aún más notable; asimismo puede asumirse que la idiosincrasia – religión musulmana - es un factor que influye negativamente en indicadores como el Índice Global de Brecha de Género.

En el enfoque educacional del *Techo de Cristal* a medida que se asciende en la escala educativa superior hasta investigación, la brecha de ingreso y de acceso se amplía (matrícula femenina: licenciatura y maestría 53 %, doctorado 43 %; investigación 28 %). De igual manera, a escala cada vez más elevada de educación superior, más excluyente es el porcentaje de egresadas respecto al total de egresados.

En México se replica lo observado a nivel global en cuanto a brecha de género y *Techo de Cristal* y de manera más acentuada en cuanto al acceso de las mujeres a los niveles de mayor calificación en la investigación.

Se refleja también que la pirámide educacional se hace más estrecha conforme se avanza en el escalafón profesional, esto es más manifiesto en el caso de la presencia de las mujeres en la ciencia; asimismo, se da una mayor concentraciones en ciertas áreas del conocimiento asociadas a la condición femenina y una magra presencia en ciencias exactas y naturales, así como la ancestral discriminación en las ingenierías.

El *Techo de cristal* en México se refleja en los rubros de investigación más elevados en el SNI, esto a pesar de que en educación superior se tiene una baja disparidad de género. Al mismo tiempo que no se han explorado condiciones específicamente femeninas como ejercer o no la maternidad. A ello se agrega la pertinencia de reflexionar respecto a la eficiencia de las políticas públicas implementadas en este ámbito para combatir la desigualdad de género.

²² Lechuga Montenegro, J., Ramírez, G., y Guerrero, M., *Educación y género. El largo proceso del rol de la mujer en la economía de México*. [<http://proceedings.ciaiq.org/index.php/ciaiq2015/article/view/230>] (accessed 01.08.2017).

Referencias

1. ANUIES, Anuarios Estadísticos de Educación Superior [<http://www.anui.es.mx/informacion-y-servicios/informacion-estadistica-de-educacion-superior/anuario-estadistico-de-educacion-superior>]
2. Banco Mundial, *Indicadores de Educación*. [<http://datos.bancomundial.org/>]
3. Cepal. *Planes de igualdad de género en América Latina y el Caribe*. Mapas de ruta para el desarrollo, 2017.
4. De Garay, A. y del Valle, G. “Una mirada a la presencia de las mujeres en la educación superior en México”, *Revista Iberoamericana de la Educación Superior*, Vol. III, Núm. 6, enero-abril, 2012, pp. 3-30 Instituto de Investigaciones sobre la Universidad y la Educación. <http://reles.universia.net>
5. De Garay, A. y del Valle, G. “La falta de inclusión de mujeres en ciencias exactas e ingenías”, *Revista Ciencia*, julio-septiembre 2012. UNAM. México.
6. European Commission, *She figures 2015*. [https://ec.europa.eu/research/swafs/pdf/pub_gender_equality/she_figures_2015-final.pdf]
7. Fuentes, M., México social, ¿rompiendo el techo de cristal? [Excélsior 08/03/2016]
8. García, M., *Reflexiones sobre los retos para ingreso, permanencia y promoción en el SNI de las investigadoras*. P. 20-36. En ¿Legitimidad o reconocimiento? Las investigadoras del SNI. Retos y propuestas. Mendieta, A. Coord. Benemérita Universidad Autónoma de Puebla. México. [http://www.inb.unam.mx/historias_noticias/2015/sni_retospropuestas_15.pdf]
9. González, A. *El techo de cristal*. Universidad de Oviedo, 2015.
10. Lechuga Montenegro, J., Ramírez, G., y Guerrero, M. (2015). *Educación y género. El largo proceso del rol de la mujer en la economía de México*. [<http://proceedings.ciaiq.org/index.php/ciaiq2015/article/view/230>]
11. Mendoza, I. “Cómo ser mujer en el SNI y no morir en el intento”, 41-50, ¿Legitimidad o reconocimiento? *Las investigadoras del SNI. Retos y propuestas*. Mendieta, A. Coord. Benemérita Universidad Autónoma de Puebla. México, 2015. [http://www.inb.unam.mx/historias_noticias/2015/sni_retospropuestas_15.pdf]
12. Morrison et al. *Breaking the Glass Ceiling: Can Women Reach the Top of America's Largest Corporations?* The New York Times, 1987.
13. Reuters, Thomson, *The world's most influential scientific minds 2015, 2015*. [HIGHLYCITED.COM]
14. Sieglin, Verónico. El “techo de cristal” acoso laboral. *Revista Ciencia*, UNAM, México, 2012.
15. UNESCO. *Guía para la Igualdad de Género en las Políticas y Prácticas de la Formación Docente*, 2003.
16. UNESCO. *Igualdad de Género Patrimonio y Creatividad*, 2013.
17. UNESCO. *Gender Equality, Heritage and Creativity, 2014*.
18. UNESCO. *Informe de la Unesco Sobre la Ciencia Hacia 2030. Resumen, 2015*.

19. Muciño, F. *Mujeres poderosas: 3 formas de derribar el “techo de cristal*. Capital Humano, Forbes, 2016. [https://www.forbes.com.mx/mujeres-poderosas-3-formas-de-derribar-el-techo-de-cristal/#gs.TH8BK_c]
20. Plan Nacional de Desarrollo 2013-2018. Diario Oficial de la Federación. [http://www.dof.gob.mx/nota_detalle_popup.php?codigo=5299465]

Тенденции развития образования в Чили на примере организации процедуры проведения экзаменов с высокими ставками

Trends development of education in Chile on the example of organizing the procedure for holding examinations with high rates

Резюме: В статье рассматриваются результаты анализа опыта существующей системы образования в Чили. Выявлена специфика национальной системы оценки достижений обучающихся на примере организации процедуры проведения экзаменов с высокими ставками.

Ключевые слова: национальная система образования; оценка образовательных результатов; процедура проведения экзаменов с высокими ставками.

Abstract: The article deals with the results of the analysis of the existing education system in Chile. Attention is drawn to the peculiarities of the national evaluation system in the process of holding high-level examinations.

Key words: national education system; evaluation of education results; process of holding high-level examinations.

Построение эффективной системы оценки качества образования во многих странах мира является одним из приоритетов национальной образовательной политики. Создание подобной системы — длительный и сложный процесс, ставящий перед ее организаторами множество трудных задач, среди которых определение самого понятия качества образования, критериев его оценки; разработка различных процедур оценки; развитие кадрового потенциала; создание специализированных центров оценки и многие другие. Наверное, качество не может существовать без контроля и регулирования его внешними и внутренними исследованиями. Развитая и скоординированная система оценивания качества образования позволяет не только обеспечить информационные потребности различных участников образовательных отношений, но и выстраивать государственную политику по повышению качества образования. Наличие такой системы необходимо

¹ Ильичева Светлана Алексеевна, соавтор, Россия, младший научный сотрудник института системных проектов МГПУ (fatinalitvin@mail.ru); Щербакова Татьяна Владимировна, соавтор, Россия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института системных проектов МГПУ (demidovval@mail.ru).

для обеспечения как открытости, так и подотчетности системы образования перед обществом.

В Чили национальная система образования формирует собственную систему оценки достижений обучающихся и имеет ряд особенностей². Согласно индексу человеческого развития ООН, Чили по показателям в сфере образования на континенте стоит на втором месте после Аргентины. В различных международных исследованиях качества образования среди школьников и студентов чилийцы показывают стабильные средние результаты. Так, по мировому рейтингу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по качеству системы образования Чили стоит на 87 месте, а по уровню математического образования — на 124 из 141. Страна оказалась в числе первопроходцев среди развивающихся государств в деле укрепления системы оценки достижений учащихся, включающей в себя три основных вида оценочных мероприятий:

- национальную программу крупномасштабных исследований Национальный мониторинг — SIMCE (Sistema de Medición de Calidad de la Educación — Система измерения качества образования)³;
- вступительные экзамены в высшие учебные заведения;
- оценочные мероприятия на уровне школы с участием обучающихся и педагогов.

Несомненно, отметим, что участие Чили в международных крупномасштабных исследованиях способствовало развитию оценочной деятельности в Чили. Участие в таких крупных исследованиях, как TIMSS и PISA, обеспечило высококачественное обучение практической работе по всем ключевым аспектам оценивания. Новые знания и технология были оперативно перенесены из сферы международных на почву национальных оценочных исследований — SIMCE.

Программа национального мониторинга нацелена на повышение качества образования и обеспечение равного доступа к образованию посредством получения информации об успеваемости обучающихся и среде, в которой проходит обучение. SIMCE ориентирована на достижение трех следующих целей: создание информационной основы для выработки образовательной политики; обеспечение подотчетности и ответственности

² «Особенности образовательной системы в Чили» [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/aaKBrM> (дата обращения 20.06.2017)

³ Ramírez M.-J., *Disseminating and Using Student Assessment Information in Chile*. SABER — Student Assessment Working Paper No. 3. World Bank, Washington, DC. 2012 (Рамирес М.-Х. *Распространение и использование информации по оценкам достижений учащихся в Чили*. Система оценки достижений учащихся SABER, рабочая публикация № 3, Всемирный банк, г. Вашингтон. 2012).

школ перед обществом за счет информирования родителей о результатах обучения; оказание педагогической поддержки школам и учителям.

Государственные экзамены обычно являются весьма важным элементом системы образования и шире — всей социальной сферы. Государственные экзамены являются важнейшим для индивида рубежным моментом, по завершении которого он получает государственный, т. е. признаваемый в данном государстве документ, удостоверяющий факт завершения некоторого этапа образования (и жизни) и/или допуск к следующему. Государственный экзамен, как правило, сертифицирует образовательные достижения выпускника, является документированным итогом предшествующей образовательной истории. Поэтому в ряде стран (в частности, в США) допуск в высшие учебные заведения осуществляется на основании иных экзаменов (в США — SAT)⁴. В России пока ЕГЭ выполняет обе функции — сертификации факта завершения образования и допуска в вузы, хотя многие вузы дополнительно проводят свои внутренние профильные экзамены.

Как же проходит в Чили процедура экзаменов с высокими ставками? Этот экзамен имеет название PSU (*Prueba de Selección Universitaria*) и является основным экзаменом с высокими ставками, который сдают в Чили обучающиеся после окончания средней школы. В зависимости от результатов экзамена учащиеся получают доступ к широкой группе программ университетского образования разного качества, что в свою очередь оказывает сильное влияние на возможность получения ими в будущем хорошей работы и хорошей зарплаты. Данная экзаменационная программа была создана Чилийским университетом — ведущим государственным университетом страны⁵. Этот университет передал разработанную экзаменационную программу всем другим университетам страны, сохранив за собой авторские права. Таким образом, то, что поначалу воспринималось как вступительный экзамен для одного конкретного университета, стало вступительным экзаменом для вузов всей страны.

С момента создания вступительный экзамен в вузы состоял из двух экзаменационных блоков. Первый блок (*Prueba de Aptitud Académica, PAA*) выполнялся при помощи бумаги и карандаша и представлял собой тест с многовариантными ответами, включающий в себя два обязательных теста на проверку способностей по математике и языку; пять предметных тестов на выбор по (высшей) математике, обществоведению, биологии, химии и

⁴ *Comité Técnico Asesor Consejo de Rectores de las Universidades Chilenas (2010). Validez diferencial y sesgo de predictividad de las Pruebas de Admisión a las Universidades Chilenas. Santiago, Chile: Consejo de Rectores.*

⁵ Дарлинг-Хаммонд Л., Вентоворт Л., *Установление контрольных показателей в системах обучения: оценка успеваемости учащихся в международном контексте.* Стэнфорд, 2010.

физике и один обязательный предметный тест по истории Чили⁶. В 2003 году вместо экзаменационного блока РАА в экзаменационную программу был введен новый блок, основанный на введенной в действие незадолго до этого новой программе средней школы (Prueba de Selección Universitaria, PSU).

PSU также выполняется при помощи бумаги и карандаша и основан на множественных вариантах ответов. Этот блок состоит из двух обязательных тестов по математике и языку и двух тестов по выбору (учащиеся должны выбрать как минимум один из них) — по обществоведению и естествознанию. Проведение экзамена является масштабным и сложным мероприятием. Большинство выпускников средних школ участвуют в экзамене, делая его проведение одним из самых значимых событий в стране. В 2011 г. 231 тыс. выпускников посетили около 200 центров тестирования для сдачи этого экзамена. Экзамены проводятся внешними экзаменаторами, с жестким соблюдением нормативных требований и в условиях повышенной безопасности. Жесткий временной норматив дает учащимся лишь два месяца на подачу заявления в университет после сдачи экзамена. PSU проводится один раз в год в конце школьного учебного года (обычно в середине декабря) одновременно по всей стране. Для участия в экзамене PSU учащимся необходимо уплатить регистрационный сбор, а тем, кто не имеет возможности оплатить сбор, предоставляются государственные субсидии. Результаты экзамена становятся известны в середине января, а процесс выбора университета завершается в конце января. Этот короткий промежуток времени обусловлен тем, что учебный год в вузах начинается в марте. Результаты экзамена конфиденциальны, но ознакомиться с ними может каждый экзаменовавшийся учащийся в режиме онлайн, используя свой государственный идентификационный номер. Результаты состоят из суммы баллов, набранных в результате выполнения каждого из экзаменационных заданий, и суммы баллов, выведенной из полученных учащимся оценок по программе средней школы. Оба показателя также используются для подачи заявления о приеме в университет. Учащиеся подают заявления на университетские программы по их выбору, используя взвешенный общий балл. Университеты учитывают баллы, набранные по разным тестам, и школьные оценки с учетом относительной актуальности для них каждой из оценок.

⁶ Рамирес М.-Х., «Распространение и использование информации по оценкам достижений учащихся в Чили». Система оценки достижений учащихся SABER, рабочая публикация № 3, Всемирный банк, г. Вашингтон. 2012.

Отметим положительные стороны проведения процедуры экзаменов с высокими ставками в Чили⁷. Это упрощение процедуры приема экзаменов у выпускников школ, которое стимулирует учеников к самостоятельной подготовке и изучению дополнительных материалов. Экзамен дает возможность определиться с выбором конкретных предметов по профильному обучению. Присутствует стремление к объективному оцениванию знаний в ходе проведения экзамена. Процедура проводится внешними экзаменаторами, с жестким соблюдением нормативных требований и в условиях повышенной безопасности. Улучшение формы проведения экзаменов, модификация содержательной части и переход к компьютеризированной проверке позволяет экономить время и средства государства.

Способность создать необходимую стимулирующую среду имеет ключевое значение для развития эффективной системы оценивания в образовании. Опираясь на опыт других, Чили встает на путь совершенствования систем оценивания и, что самое важное, — на путь повышения качества обучения учащихся. Странам необходимо развивать местный потенциал для проведения оценочных мероприятий. Обучение на рабочем месте и краткие курсы представляются наиболее эффективными с точки зрения затрат видами обучения, направленными на наращивание потенциала. В Чили сотрудники, занимающиеся оцениванием, извлекли большую пользу из практического обучения, организованного программами международных крупномасштабных исследований. Информация с результатами национального мониторинга в Чили используется для обеспечения педагогической поддержки школ. В частности, каждое образовательное учреждение получает отчет с результатами SIMCE⁸. Он включает все основные результаты по школе — средние баллы, результаты в динамике и их распределение по уровням достижений. Эта информация дает возможность образовательному учреждению провести внутренний разбор и анализ результатов оценки, спланировать необходимую методическую работу и подготовить школьный план повышения качества обучения. Программа крупномасштабных исследований характеризуется высоким уровнем качества всех ее технических аспектов и пользуется доверием. На всех этапах национальных и международных исследований неукоснительно соблюдаются все предписанные процедуры. Неизменно обеспечивается выполнение всех технических нормативов мероприятий, выполняемых в рамках меж-

⁷ *Comité Técnico Asesor Consejo de Rectores de las Universidades Chilenas (2010). Validez diferencial y sesgo de predictividad de las Pruebas de Admisión a las Universidades Chilenas. Santiago, Chile: Consejo de Rectores.*

⁸ Национальная программа крупномасштабных исследований Sistema de Medición de Calidad de la Educación проводится в Чили ежегодно с 1988 года.

дународных исследований. Результаты оценок систематически используются для создания информационной основы для принятия решений и широко распространяются через средства массовой информации. Результаты SIMCE рассматриваются как самый надежный показатель качества образования и равенства доступа к образованию в стране. Программа SIMCE дает информацию об успеваемости учащихся по основным предметам учебной программы: математике, языку (испанский) и естественным наукам (естествознание и обществоведение). Вопросы обычно представлены в формате «вопрос — несколько вариантов ответа», но постепенно в методику исследования вводятся вопросы с возможностью свободного формулирования ответа и творческие задания (сочинение). В оценке принимают участие все учащиеся целевых классов (4-х, 8-х и 10-х) всех школ. В 2015 году на вопросы тестов SIMCE ответило около 600 тыс. учащихся из почти 10 тыс. школ. Учащиеся, их родители и учителя также ответили на вопросы вспомогательных анкет. В проведении исследования на местах было задействовано около 22,5 тыс. тестирующих и внешних администраторов.

Такие примеры говорят о том, что Чили является одним из первоходцев среди развивающихся стран в деле укрепления системы оценки достижений учащихся, включающей в себя три основных вида оценочных мероприятий: национальную программу крупномасштабных исследований, проведение экзаменов с высокими ставками и оценочные мероприятия на уровне класса с участием учащихся и педагога. Это достижение потребовало создания благоприятной стимулирующей среды, т. е. разработки действенной политики, создания необходимых учреждений и предоставления адекватных человеческих и финансовых ресурсов для работы по оцениванию. Главными факторами, способствовавшими развитию системы оценки в Чили, стали сильное политическое и техническое руководство со стороны Министерства образования и университетов, политическая и экономическая стабильность, социальное давление и реформирование школьной программы.

Определим общие положительные тенденции от проведения экзаменов с высокими ставками в Чили: во-первых, это упрощение процедуры приема экзаменов у выпускников школ, которое стимулирует к самостоятельной подготовке и изучению дополнительных материалов. Во-вторых, экзамен дает возможность определиться с выбором конкретных предметов по профильному обучению. Несомненно, присутствует стремление к объективному оцениванию знаний в ходе проведения экзамена, процедура в Чили проводится внешними экзаменаторами с жестким соблюдением нормативных требований и в условиях повышенной безопасности, что соответствует международным стандартам организации процедуры данного

уровня. Прослеживается тенденция к совершенствованию формы проведения экзаменов: модификация содержательной части и переход к компьютеризированной проверке.

Эти факторы, в целом, способствуют формированию понятия качества образования и критериев его оценки, а также разработке оценочных процедур и развитию кадрового потенциала в Чили.

Библиография:

1. *Airasian P.* Classroom Assessment: Key Concepts and Applications (5th Ed.). Boston, Mc Graw Hill. 2005 (Айразян П. Оценивание на уровне класса: ключевые понятия и их применение на практике. 2005).
2. *Clarke M.* «What Matters Most for Student Assessment Systems: A Framework Paper». SABER — Student Assessment Working Paper No. 1, World Bank Washington, DC. 2012 (Кларк М. «Что является наиболее важным в системах оценки достижений учащихся: основные ориентиры». Система оценки достижений учащихся SABER, рабочая публикация № 1, Всемирный банк, Вашингтон. 2012).
3. Comité Técnico Asesor Consejo de Rectores de las Universidades Chilenas, (2010), Validez diferencial y sesgo de predictividad de las Pruebas de Admisión a las Universidades Chilenas. Santiago, Chile: Consejo de Rectores.
4. *Darling-Hammond L., Wentworth L.* Benchmarking Learning Systems: Student Performance Assessment in International Context Stanford, CA: Stanford University, Stanford Center for Opportunity Policy in Education. 2010 (Дарлинг-Хаммонд Л., Вентворт Л. Установление контрольных показателей в системах обучения: оценка успеваемости учащихся в международном контексте. 2010).
5. *Ficher R., Repetto A.* “Métodos de selección y resultados académicos: Escuela de Ingeniería de la Universidad de Chile”. 2003. Estudios Públicos (92 primavera 2003), Government of Chile, 1990, Constitutional Law of Education (Ley Orgánica Constitucional de Educación). Santiago (Правительство Чили, 1990. Конституционный закон об образовании).
6. *Himmel E.* “National Assessment in Chile” In P. Murphy, V. Greaney, M. Lockheed, and C. Rojas, National Assessments: Testing the System, Washington, DC: World Bank. 1996.
7. *Ramírez M.-J.* “Disseminating and Using Student Assessment Information in Chile” SABER — Student Assessment Working Paper No. 3, World Bank, Washington, DC. 2012 (Рамирес М.-Х. «Распространение и использование информации по оценкам достижений учащихся в Чили», Система оценки достижений учащихся SABER, рабочая публикация № 3, Всемирный банк, г. Вашингтон. 2012).
8. *Wolff L.* The Costs of Student Assessment in Latin America. Washington, DC: PREAL. 2007 (Вольф Л., 2007).

Латиноамериканские университеты как объекты Всемирного культурного наследия

Latin American Universities as Objects World Cultural Heritage

Abstract: The article discusses the characteristics of Latin American universities as a world cultural heritage. The author examines the relationship between Latin American countries and UNESCO, defines the specificity of the inclusion and functioning of University campus in Venezuela and Mexico, included in the List of world cultural heritage.

Keywords: University; Latin America; UNESCO; world cultural heritage; List of world cultural heritage; management of world cultural heritage.

Resumen: En el artículo se describe la característica de América Latina las universidades como de los objetos de El Patrimonio cultural mundial. El autor analiza las relaciones de los países de América Latina y de la UNESCO, define la especificidad de encendido y el funcionamiento de los campus universitarios de Venezuela y México, incluidos en El Patrimonio cultural mundial de la UNESCO.

Palabras clave: Universidad; América Latina; UNESCO; El Patrimonio cultural mundial; la Lista de Patrimonio cultural mundial de la UNESCO; gestión del Patrimonio cultural mundial.

Начало формирования международной системы защиты культурного наследия было положено подписанием Договора «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (пакт Рериха)» 15 апреля 1935 г. 21 американской страной (из них 20 — страны Латинской Америки и Карибского бассейна) в целях обеспечения уважения и защиты культурных ценностей в военное и мирное время.

Создание специальной Комиссии ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в 1945 г. и последующее принятие «Конвенции ЮНЕСКО об охране Всемирного культурного и природного наследия» в 1972 г. способствовали активному включению стран латиноамериканского региона в деятельность, направленную на сохранение и популяризацию культурного и природного наследия. В 1974 г. началось осуществление региональной программы шести стран андского региона (Боливия, Венесуэла, Колумбия, Перу, Чили и Эквадор), стимулировавшей реализацию ряда

¹ Масалова Ольга Алексеевна — Россия, кандидат исторических наук, КФУ (omasalova@mail.ru).

мероприятий в таких областях, как подготовка профессиональных кадров, инвентаризация культурного наследия, сохранение памятников и традиционной системы планирования городского пространства.

Сегодня вопросами образования, науки и культуры в регионе занимается региональная группа «Латинская Америка и страны Карибского бассейна». 32 страны региона ратифицировали «Конвенцию ЮНЕСКО об охране Всемирного культурного и природного наследия», а в Список Всемирного наследия включены 129 объектов: 90 объектов культурного наследия, 36 объектов природного наследия и 3 объекта смешанного наследия, признанных как выдающаяся универсальная ценность. Больше всего их в Мексике (33), Бразилии (19) и Перу (11). Из общего числа объектов подавляющее большинство относится к категории объектов культурного наследия. Хронологически они охватывают период времени от второго тысячелетия до нашей эры до настоящего времени. Соответственно их можно подразделить на объекты доколумбовой и колониальной эпох и объекты новейшего времени.

В последние несколько лет ЮНЕСКО активизировала свои усилия в отношении сохранения и восстановления памятников и других культурных ценностей Латинской Америки, страны которой все больше осознают значение своего культурного наследия как фактора культурной самобытности, а также место этого наследия в общем развитии латиноамериканских стран. Так, сектор «Сохранение культурного наследия Латинской Америки и Карибского региона» (LATAM) Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей (ICCRROM) ежегодно проводит профессиональную подготовку и переподготовку в сфере реставрации археологических объектов доколумбовой и колониальной эпохи.

27 мая 2014 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже прошло совещание, посвященное деятельности ЮНЕСКО в странах Латинской Америки. В числе приоритетных задач региональных бюро генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова назвала координацию работы между различными структурами ЮНЕСКО и развитие взаимоотношений с другими институтами и организациями, деятельность которых осуществляется в русле политики ЮНЕСКО, а также развитие «трансграничных проектов с целью борьбы с бедностью и неграмотностью, повышение качества образования и его доступности для всех, сохранение культурного и природного наследия, уменьшение рисков природных катастроф, решение других первоочередных вопросов на пути достижения устойчивого развития в 34 странах региона»². По вопросам культуры латиноамериканского региона выступил

² Information meeting for Permanent Delegates on UNESCO's work in Latin America and the Caribbean [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianunesco.ru/rus/article/1201> (дата обращения: 30.10.2017).

директор Бюро ЮНЕСКО в Гаване (Куба) Х. Ван Хуф. Он обозначил, что Бюро ЮНЕСКО смогло достичь тесного сотрудничества сети национальных комиссий по развитию культуры.

Проблема сохранения культурного наследия в Латинской Америке по-прежнему остается очень острой. Комиссия Национального Всемирного наследия ЮНЕСКО (CINPM, штаб-квартира в Боготе, Колумбия) запустила в 2012 г. пилотный образовательный проект «Введение молодого поколения в защиту культурного наследия и исторических центров». Определяя культурное наследие как «выражение творческого существования народа в прошлом, настоящем и будущем»³, проект предлагает показать молодому поколению Латинской Америки возможные варианты его сохранения (признание существования культурного разнообразия; наличие тесной взаимосвязи между культурой и природой; значимость статуса объектов культурного, природного и нематериального наследия ЮНЕСКО, представление уникальности и незаменимости культурного наследия и невозможности того, что уже утрачено) и ревитализации (культурное наследие региона является важнейшим фактором сохранения собственной идентичности и способом понимания культурной специфики других народов; нарушение культурного и природного баланса влечет за собой антропогенные и экологические катастрофы; культурное наследие выступает как источник экономического развития, прежде всего в сфере туризма, что влечет за собой решение многих внутривластных и социальных проблем). Данный проект реализуется как в системе школьного, так и университетского образования.

Все ранее озвученные мероприятия, осуществляемые ЮНЕСКО в Латинской Америке, легли в основу программного документа «Региональный план действий для Латинской Америки и Карибского бассейна на 2014–2024 годы», который был разработан государствами-участниками региональной группы Латинской Америки и Карибского бассейна в тесном сотрудничестве с консультативными органами стран региона и Центром Всемирного наследия по итогам регионального совещания «К Плану действий в области Всемирного наследия в Латинской Америке и Карибском бассейне», которое состоялось в г. Бразилиа (Бразилия) 23–25 апреля 2014 года. План действий был разработан с учетом конкретного контекста и потребностей, выявленных государствами-участниками на основе стратегических целей осуществления «Конвенции ЮНЕСКО об охране Всемирного культурного и природного наследия», обобщенных в Будапештской декларации о все-

³ UNESCO. Introduciendo a los jóvenes en la protección del patrimonio cultural y los centros históricos. Una guía práctica para maestros en Colombia. Bogotá, D. C., Editorial Planeta Colombiana, 2012, 19.

мирном наследии, подтвержденных в 2007 г., и сформулирован в приоритетные меры и мероприятия на следующее десятилетие. Среди них укрепление авторитета списка всемирного наследия в качестве репрезентативного и географически сбалансированного свидетельства культурных и природных ценностей, имеющих выдающуюся универсальную ценность; обеспечение эффективного сохранения объектов всемирного наследия; развитие образования в самом широком смысле, определенное как необходимость улучшения понимания, сохранения и управления культурным и природным наследием; необходимость создания и совершенствования механизмов и инструментов, способствующих эффективному и устойчивому управлению наследием на основе комплексного подхода; развитие устойчивого туризма на объектах Всемирного наследия.

Поэтому очень важным является анализ ситуации на примере конкретных объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в Латинской Америке.

Начало высшему образованию в латиноамериканском регионе было положено учреждением в 1538 году Университета св. Томаса де Акино (Фомы Аквинского) в г. Санто-Доминго (Доминиканская Республика). В 1551 году были основаны университеты в столицах вице-королевств Мехико и Лиме. Активное развитие системы высшего образования в Латинской Америке в конце XIX—XX вв. позволило латиноамериканским странам заявить о себе как о серьезных конкурентах как в сфере естественно-научного, так и гуманитарного знания.

Большинство латиноамериканских университетов располагались в памятниках истории и культуры колониального периода. В XX—XXI вв. они начинают строить учебные корпуса, отвечающие современным тенденциям развития системы высшего образования и науки. Два латиноамериканских университета, точнее, университетские кампусы Центрального университета Венесуэлы и Национального автономного университета Мексики были внесены в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Университетский городок в Каракасе (Ciudad Universitaria de Caracas) — главный кампус Центрального университета Венесуэлы, расположен в районе Сан-Педро муниципалитета Либертадор в Каракасе, Венесуэла. Краткая история университетского городка в Каракасе, изложенная в целом ряде номинационных документов ЮНЕСКО, гласит, что он был построен на территории старинной асьенды Ибарра, некогда принадлежавшей семье С. Боливара и выкупленной в 1942 г. администрацией президента Венесуэлы Исаяса Медины Ангариты для изменения градостроительного плана и расширения территории Центрального университета Венесуэлы. Университетский городок в Каракасе был построен по проекту архитектора

Карлоса Рауля Вильянуэвы в период 1940–1960 гг. с привлечением художников-модернистов Александра Кальдера, Хуана Оталоа, Армандо Барриоса, Алехандро Отера и Матео Манауре. Университетский городок в Каракасе включает в себя 40 построек, самые известные из которых Aula Magna, Олимпийский стадион, Крытая площадь и Ботанический сад. Выбор архитектора для создания университетского городка был не случаен. Карлос Рауль Вильянуэва был известен как самый успешный и перспективный автор, построивший до этого целый ряд важнейших общественных объектов в Каракасе. Сам девиз Карлоса Рауля Вильянуэвы — «У архитектора две задачи: оберегать ценности и создавать новые ценности» — кажется, предопределил судьбу и статус университетского городка.

Университетский городок в Каракасе был включен в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в 2000 г., идентификационный номер 986. Его уникальная ценность заключается в том, что комплекс представляет собой современную интерпретацию городских и архитектурных концепций и традиций. Университетский городок в Каракасе был признан на 24-й сессии Комитета всемирного наследия соответствующим следующим критериям:

Критерий (I): Университетский городок в Каракасе — шедевр современного городского планирования, архитектуры и искусства, созданный венесуэльским архитектором Карлосом Раулем Вильянуэвой и группой выдающихся художников-авангардистов.

Критерий (IV): Университетский городок в Каракасе является выдающимся примером последовательной реализации городских, архитектурных и художественных идеалов первой половины XX века. Он представляет собой гениальную интерпретацию концепций и пространств колониальных традиций и пример открытого и вентилируемого решения, подходящего для его тропической среды.

Центральный университетский городок Национального автономного университета Мексики (Campus central de la Ciudad Universitaria de la Universidad Nacional Autónoma de México, UNAM) представляет практически отдельный район Мехико, со своими собственными правилами, советами и полицией, расположен в пределах района Койоакан в южной части города Мехико, Мексика. Национальный автономный университет Мексики (УНАМ) был основан 22 сентября 1910 г. как либеральная альтернатива римско-католическому Королевскому и Папскому университету Мексики. А уже в 1943 г. было принято решение о строительстве университетского городка. Центральный университетский городок УНАМ был построен по проекту группы архитекторов Марио Пани, Энрике дель Мораль, Доминго-Гарсиа Рамоса, Армандо Франко Ровира за предельно короткий срок в

1952–1954 гг. В оформлении модернистской архитектуры университетского городка принимали участие всемирно известные мексиканские художники-монументалисты: Хосе Давид Альваро Сикейрос, Хуан О’Горман, Диего Ривера. Центральный университетский городок УНАМ представляет собой огромный градостроительный комплекс, расположившийся на территории 177 га, включающий здания для 40 факультетов и институтов, культурный центр, экологический заповедник, центральную библиотеку и несколько музеев. В 1968 г. в состав комплекса вошел Главный олимпийский стадион игр. Центральный университетский городок УНАМ представляет собой «восхитительный образец модернизма XX в., иллюстрирующий взаимодействие урбанизации, архитектуры, строительной технологии, пейзажной архитектуры и искусства, их сочетания с элементами мексиканских традиций»⁴, как говорится в лицензированном описании объекта ЮНЕСКО.

Центральный университетский городок UNAM был включен в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в 2007 г., идентификационный номер 1250. Его уникальная ценность заключается в том, что комплекс представляет собой свидетельство модернизации постреволюционной Мексики в рамках универсальных идеалов и ценностей, связанных с доступом к образованию, улучшением качества жизни, интегральным интеллектуальным и физическим воспитанием и интеграцией между урбанизмом, архитектурой и искусством. Центральный университетский городок UNAM был признан на 31-й сессии Комитета всемирного наследия соответствующим следующим критериям:

Критерий (I): Центральный университетский городок UNAM представляет собой уникальный пример совместного сотрудничества более шестидесяти специалистов XX века в рамках генерального плана создания городского архитектурного ансамбля, что свидетельствует о социальных и культурных ценностях универсального значения.

Критерий (II): Самые важные тенденции архитектурного мышления XX века концентрируются в Центральном университетском городке УНАМ: современная архитектура, исторический регионализм и пластическая интеграция; последние два мексиканского происхождения.

Критерий (IV): Центральный университетский городок УНАМ является одной из немногих моделей во всем мире, где принципы, предлагаемые современной архитектурой и урбанизмом, были полностью применены; ко-

⁴ «Central University City Campus of the Universidad Nacional Autónoma de México (UNAM)». *Description is available under license* [Электронный ресурс]. URL: CC-BY-SA IGO 3.0 (дата обращения: 30.10.2017).

нечной целью которого было предложить человеку заметное улучшение качества жизни.

Управление и мониторинг университетских городков Венесуэлы и Мексики как объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО осуществляется посредством разработки ими перспективных стратегий и планов, утверждаемых региональными Бюро и участием в «Региональном плане действий для Латинской Америки и Карибского бассейна на 2014–2024 годы» ЮНЕСКО. Каждый из рассматриваемых объектов Всемирного культурного наследия большое внимание уделяет поддержанию своего статуса и популяризации информации о себе. На сайтах университетов есть виртуальные экскурсии по университетским городкам, набор фотоматериалов, отражающий наиболее значимые объекты их структуры, периодические издания университетов публикуют о них информацию. Наличие статуса объекта Всемирного культурного наследия позволяет Центральному университету Венесуэлы и Национальному Автономному Университету Мексики претендовать на особое положение в регионе.

Обеспечение эффективного сохранения объектов всемирного наследия реализуется относительно университетских городков Центрального университета Венесуэлы и Национального Автономного Университета Мексики исходя из их настоящего физического состояния. Так, физическое состояние Университетского городка в Каракасе оценивается экспертами ИКОМОС как удовлетворительное. Общая структура и постройки университетского городка сохранились, хотя были незначительные изменения и изменения, связанные с функциональными потребностями учреждения. Техническая уязвимость связана с изменением состава и структуры строительных материалов и конструкций, особенно это касается железобетонных конструкций, основного материала, с которым работал Карлос Рауль Вильянуэва, экспериментируя с его составом и объемами. Другой проблемой является отрыв поверхностных материалов, таких как мозаика, на некоторых фасадах зданий. В связи с увеличением численности учащихся с 6000 до 50 000 инфраструктура и технологические сети были обновлены. Внесенные изменения в использовании зданий привели к расширению или разделению пространств, а также к внедрению технических средств и оборудования, осуществляемых без надлежащего контроля их качества и адекватности архитектурному контексту. В то время как в Центральном университетском городке УНАМ все основные физические компоненты исходного ансамбля остаются неизменными, а внесенные коррективы не являются существенными. Кампус сохраняет неизменные основные составляющие: городской дизайн, здания, открытые пространства, систему циркуляции и парковки, ландшафтный дизайн и произведения искусства.

И полностью соответствует требуемым условиям целостности и достоверности.

Управление культурным наследием, создание инструментария и механизмов сохранения и ревитализации объектов Всемирного культурного наследия осуществляется посредством реализации действий профильных организаций и целевых программ. В Центральном университетском городке УНАМ данная ситуация подробно проанализирована и изложена в соответствующей документации. На национальном уровне в июле 2005 года Центральный университетский городок УНАМ был признан Национальным художественным памятником в рамках Федерального закона «Об археологических, художественных и исторических памятниках и зонах». На местном уровне кампус UNAM и Олимпийский стадион определяются как зоны сохранения наследия в рамках Региональной программы развития городов Мексики (1997). Поскольку Университет является автономной организацией, он внедряет собственные программы по сохранению (PROMACU).

Сложная внутривластная, экономическая и социальная ситуация в Венесуэле не позволяет должным образом обеспечить контроль за сохранением стабильного физического состояния Университетского городка в Каракасе. В 2001 г. был создан Совет по сохранению и развитию Венесуэльского центрального университета (COPRED) — эта структура провела несколько исследований для обеспечения целостной защиты объекта, и в настоящее время учреждение разрабатывает комплексный план управления. Университетский городок является структурной частью городского ландшафта Каракаса, и соответствующие положения правовой защиты интегрируются в План местного городского развития муниципалитета Либертадор. Однако совместных мероприятий, программных документов между такими структурами, как Институт культурного наследия, городской совет, администрация столичного округа и муниципалитет Либертадор, нет. Это создает серьезные антропогенные угрозы в связи с расширением в сторону Университетского городка жилых/коммерческих районов, что нарушает буферную зону.

Дальнейшее развитие латиноамериканских университетов — объектов Всемирного культурного наследия зависит от целого ряда факторов. В первую очередь, это внутривластная и экономическая ситуация Венесуэлы и Мексики. Во-вторых, это дальнейшая деятельность по популяризации этих объектов и образования местного населения о их международной значимости. И в-третьих, последовательное выполнение решений ЮНЕСКО и региональных Бюро.

Библиография:

1. Action plan for world heritage in Latin America and the Caribbean (2014–2024) // Progress Report on Periodic Reporting in all other regions. WHC-14/38.COM/10B, 23-25 April 2014, P. 9–18 [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/events/1160> (дата обращения: 30.10.2017).
2. Central University City Campus of the Universidad Nacional Autónoma de México (UNAM) // WHC Nomination Documentation. Brief descriptions [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/1250> (дата обращения: 30.10.2017).
3. Central University City Campus of the Universidad Nacional Autónoma de México (UNAM) // Description is available under license [Электронный ресурс]. URL: CC-BY-SA IGO 3.0 (дата обращения: 30.10.2017).
4. Central University City Campus of the Universidad Nacional Autónoma de México (UNAM) // Advisory Body Evaluation (ICOMOS). P. 259–265. 1250-ICOMOS-1427-en.pdf [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/1250/documents> (дата обращения: 30.10.2017).
5. Ciudad Universitaria de Caracas // Advisory Body Evaluation (ICOMOS). P. 226–330. 986-ICOMOS-1150-en.pdf [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/986/documents> (дата обращения: 30.10.2017).
6. Ciudad Universitaria de Caracas // WHC Nomination Documentation. Brief descriptions [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/986> (дата обращения: 30.10.2017).
7. ЮНЕСКО и культурное наследие Латинской Америки // Курьер ЮНЕСКО, 1977. Сент.–окт. С. 67–70.
8. Information meeting for Permanent Delegates on UNESCO's work in Latin America and the Caribbean [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/new/en/unesco/events/all-events/?tx_browser_pi1%5BshowUid%5D=28680&cHash=1046cac5b7, <http://www.russianunesco.ru/rus/article/1201> (дата обращения: 30.10.2017).
9. UNESCO. Introduciendo a los jóvenes en la protección del patrimonio cultural y los centros históricos Una guía práctica practica para maestros en Colombia. Bogotá, D. C., Editorial Planeta Colombiana, 2012. 104 p.
10. Исторические особенности развития систем образования стран Латинской Америки [Электронный ресурс]. URL: <http://library.rsu.edu.ru/p6864> (дата обращения: 30.10.2017).
11. *Максаковский В. П.* Географическая картина мира. Книга 2. Общая характеристика мира. М.: Дрофа, 2009. 409 с.

Mexico's Higher Education: The case of the National Institute of Technology of Mexico.

La Educación Superior de México: el caso del Instituto Nacional de Tecnología de México

Resumen. El artículo analiza el desarrollo del Instituto Nacional de Tecnología de México en el contexto de situación contemporánea en el sistema de educación superior mexicana. Al autor nota los proyectos más importantes del instituto y muestra sus vínculos internacionales.

Palabras clave: educación superior en México; Instituto Nacional de Tecnología de México.

Abstract. The article analyzes the development of the National Institute of Technology of Mexico in the context of the contemporary situation in the Mexican higher education system. The author points out the most important projects of the Institute and shows its international links.

Keywords: higher education in Mexico; National Institute of Technology of Mexico.

The National Institute of Technology of Mexico (TecNM), is a public institution and subsidiary of the Mexican Ministry of Education. It is made up of 266 institutes distributed across the country creating one of the largest higher education programs in the world. The TecNM has 556,270 students enrolled and a staff of 28 thousand teachers offering 46 professional engineering programs and 22 doctoral programs. The five year educational model of the national system of technology institutes is of high, professional quality and is designed to cover the necessities for the technological and economic development of Mexico. This article describes the case of TecNM within the structure of higher education in the country.

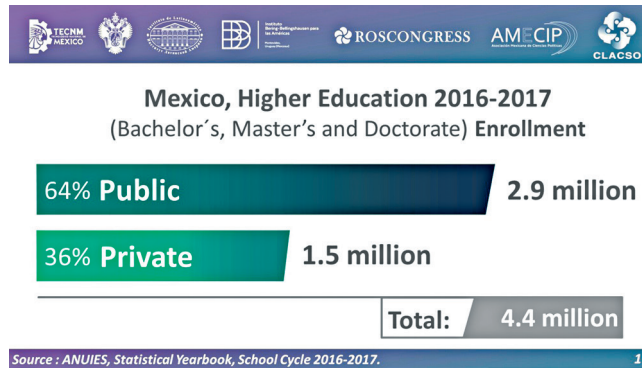
Introduction

It is worth mentioning that Mexico, with a population of 120 million inhabitants, is the eleventh largest economy in the world and is the global leader in the exportation of organic coffee, silver and avocado. In terms of energy, with a daily production of two million barrels of oil it is ranked twelfth in the world, number one being Russia, followed by Saudi Arabia and the United States of America, making these the three largest producers in the world; in the eighties, México was among the five countries with the highest oil production globally, unfortunately, its energy

¹ Mexico. Maestro. RISE Educational Consultancy, director (jorgeagaytan@hotmail.com).

production has declined in the last thirty years due to a lack of adequate technology to drill new oil fields.

According to the ministry of education in Mexico, approximately four and a half million students are enrolled in higher education, this includes public and private universities at bachelor’s, master’s and doctorate levels.

As can be seen in Image 1, there are approximately three million students studying at public universities and one and a half million at private universities. This equals to, 34 % of the national enrollment study at private institutions, while the rest, 66 %, study at public universities. In Mexico, unlike Russia, private universities have a higher academic prestige than public universities, although of course, there are exceptions, such as the case of the National Institute of Technology of Mexico.

Higher education in Mexico is divided into two main areas, as can be seen in **Image 2**. On the left, there are large public universities, such as the National Autonomous University of Mexico (UNAM), which, incidentally, has a Mexico-Russia study center.

UNAM is located in the country’s capital and has an enrollment of 237 thousand students. The Autonomous University of Nuevo Leon is located in the north of Mexico, with 114 thousand students, this university is located in the city

of Monterrey, the number one industrial city in Mexico. In the western part of the country, the University of Guadalajara operates, with 120 thousand students. These universities work with public funds granted directly by the federal government, they form professionals in the areas of social sciences, such as economics, accounting, administration, biology, medicine as well as offering other social science degrees.

On the right side of **Image 2**, there is the National Institute of Technology of Mexico (TecNM) with 581 thousand students and the National Polytechnic Institute (IPN), with 118 thousand students, these are the main educational institutions offering engineering degrees which are known in Mexico as “hard” careers. According to the Ministry of Education, engineering degrees must include at least seven subjects of physics, chemistry and mathematics in their study programs, a situation that does not occur in the social sciences degrees taught by the aforementioned universities.

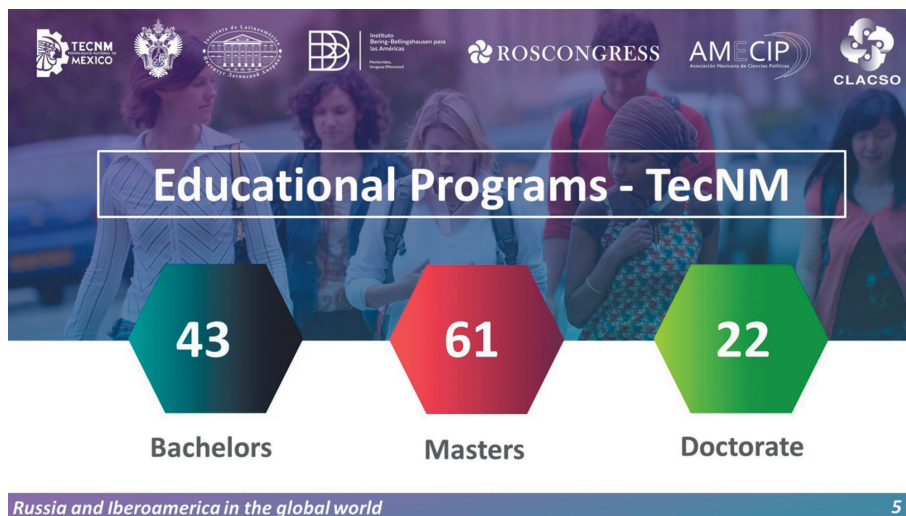
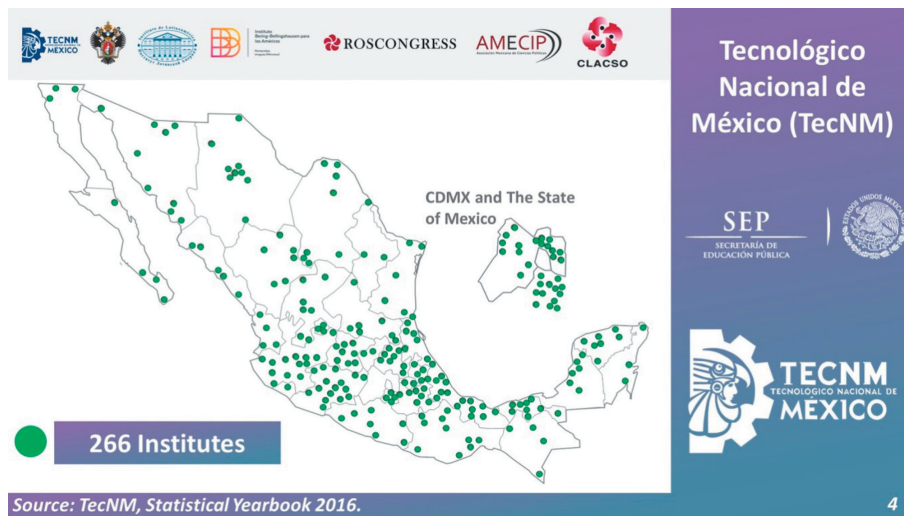
In this area of engineering, industrial, mechanical, electrical, space, robotic, and other types of engineers are formed. As a side note, the Mexican space agency and the Russian space agency are working together on an interesting satellite project for the Mexican telecommunications system. This public education system serves a large segment of the Mexican population who are of professional study age.

In effect, the National Institute of Technology of Mexico and the National Polytechnic are responsible for training the engineers required by the country’s industrial sector, both higher education systems are among the largest in the world, exceeding India, China, and the United States. The model of higher education technology institutes, is of socialist influence, inspired by the French model of technical colleges from the 1940s. Hence the concept or name of “technological,” since these schools are oriented to the training and teaching of technical careers.

The first Technology Institute was created in northern Mexico, in the state of Chihuahua, 70 years later, this same Institute is a formidable national center of professional labor training. There are currently 266 Technology Institutes operating

throughout the country. This professional system is extraordinarily economical, on average a professional five year degree at the TecNM costs \$ 1,500.00 dollars, an affordable price for most Mexicans studying for a professional career. On the other hand, the same career, at a private university such as the ‘Tecnológico de Monterrey’, costs \$ 75,000. The Monterrey Technology Institute is one of the most expensive private education systems in Mexico.

The creation of the National System of Technology Institutes in México is an extraordinary program of the Mexican government, with 266 institutes, 30 thousand professors, two thousand with a doctoral degree, 11 thousand with a master’s degree, 13 thousand are full-time professors and 800 are members of the National System of Researchers of Mexico.

The TecNM offers 43 engineering degrees, 11 specialty degrees, 61 master’s programs and 22 doctoral programs; These 43 engineering degrees are taught throughout the country, along with the doctoral programs and master’s degrees. This

formidable system of higher technological education produces to a high academic standard, fifty percent of the professional engineering workforce of Mexico.

Education Reform

A theme connected with the National Institute of Technology of Mexico (TecNM) is the reforms approved by the current President, Peña Nieto, these reforms imply profound changes and the modernization of the economic, political, educational, energy, financial, communications and labor systems of the country. In the case of education, up to this point the reform has reached the first two levels, basic and middle, higher education is pending.

Among other reforms approved for the basic and intermediate level, we should mention two important reforms or changes: the first one, incorporates the English language into plans and programs of studies, in such a way that when the children reach the baccalaureate level that is the level upper middle, they will speak English fluently. The other large change is related to the professionalization of the teaching staff; The problem of control and training of the national teaching staff is so serious that the Mexican government did not know with certainty how many professors actually taught in the thousands of schools in the country, this is due to vast size and complexity of the national territory and of course, to the lack of effective controls of labor union.

Once the national teacher censuses are verified, the teachers will receive proper training and be paid better salaries.

It is important to note that the largest teachers' union in Latin America, with half a million professors, is called the SNTE (National System of Education

Workers), the SNTE has a reactionary and violent arm or group that is called the National Coordinator of Education Workers (CENTE), composed of teachers from Oaxaca and Chiapas, the states where the earthquakes occurred last September, for political reasons this group is against advancing and reforming the educational system of Mexico, this situation along with other internal political positions mean that the education reform has only been implemented at the first two levels, the basic and the middle, leaving the higher level as we previously mentioned.

There is no doubt that once the educational reform and its changes are implemented, the quality of the education system will improve and make it easier for the country to advance towards technological modernization. For the moment, it is good progress to train our teachers, pay them well, have full-time schools and update the teachers' census to know where our professors are, how much they earn, at what levels they work, and what training they have.

In the educational system of Mexico it is common to use the expression "aviador" teacher (aviator teacher) which refers to a teacher who receives payment but does not work, the term "aviator" also applies to other employees of the government, since it was common for thousands of workers, above all from the educational area, to receive payment but not actually be working. Fortunately, all that has ended with the educational reform, now, the government has reliable data on the activities of thousands of teachers and workers in the education sector. Mexican society in general approves these changes; obviously, the effects of the reforms will be reflected in the medium and long term.

Within the framework of higher education reform, the TecNM is working on various engineering proposals for the new educational model of the 21st century. The first proposal is to reduce engineering degrees from five to four years. This proposal was achieved after reviewing the ten best engineering programs in the world, which are in universities in China, France, the United States, Germany and India. In these countries, engineering degrees last four years and contain 40 subjects. In Mexico they last five years and the study programs contain 55 subjects, so this adjustment of one year, will mean saving time, money and a significant improvement of academic quality.

The internationalization of engineering programs within the National System of Technology Institutes is another proposal of prime interest, since it requires a permanent mobility of students, professors and researchers with the best research centers and universities in the world, for example, it would be of great academic profitability to open a Mexico-Russia international cooperation agency. The National Council of Science and Technology of Mexico, the office in charge of allocating funds to large national and international research projects does not have a program of scientific cooperation with Russia. By all means, this international focus will be compulsorily incorporated into the plans and study programs of the new 21st century educational model of the National Institute of Technology of Mexico.

The best engineering programs in the world are designed so that students from the first to the last semester have the option of taking master's and doctoral courses within their area of study; in Mexico, it is the other way around, we wait for the student to finish their engineering studies before they are invited to study a masters or doctorate, which is complicated, since once the student finishes his studies, it is often very difficult for them to return to study a higher program. For this reason, at the TecNM, we designed a transition program that facilitates the ability for students to take master's courses starting from the seventh semester of their engineering programs in order to later migrate them to the master's degree programs. It is important to note that in Mexico, the engineering Master's programs contain twelve subjects, the programs last two years and a number of the subjects have the same names as engineering subjects at the Bachelor level, though be it at a level below the master's degree. This strategy greatly facilitates the transition from one program to another, in this way, from the seventh semester we advance our young people to the master's program and then, to the next step in their academic training, the doctorate.

International cooperation

Finally, I would like to mention that Mexico and Russia have more than 140 years of diplomatic relations, we are distant countries in geography but close in culture and history; In Mexico there is a huge admiration for the culture and people of Russia. That admiration can be transposed to greater scientific and academic cooperation. The opportunities for structural reforms that we are experiencing in Mexico, such as the energy reform, open an attractive window of cooperation in the

area of hydrocarbons, science and technology. The engineering programs require a Mexico-Russia program for visiting professors in mathematics, physics, and chemistry, the key subjects for the proper training of Mexican engineers.

Recomendations

- Greater scientific and commercial cooperation in the area of hydrocarbons.
- Greater mobility of higher education students and professors between Mexico and Russia.
- Creation of a Mexico-Russia scientific network.
- Commission of academic experts to review plans and study programs of engineering.

The creation of a permanent network of experts and technicians attending this congress, could be the first Mexico-Russia-Ibero-America cooperation network, in the areas of engineering of the National System of Technology Institutes of Mexico, the largest in Latin America and the fifth largest in the world.

Bibliography:

1. U.S. Energy Information Administration, Production of Crude Oil, 2016.
2. www.gob.mx , 2017.
3. ANUIES, Statistical Yearbook, School Cycle 2016-2017
4. World Economic Forum / Based on OECD. TecNM
5. Russia and Iberoamerica in the global world
6. Integral Information System 2016-2017. TecNM
7. TecNM, Statistical Yearbook 2016-2017.
8. https://es.rbth.com/internacional/2014/06/25/mexico_y_rusia...

СТРАНЫ БРИКС В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ: ДЕБАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Dr. Victor Jeifets,
Dr. Nikolai Dobronravin*

The Evolution of Russian-Brazilian Relations in 1991–2015: the BRICS and Beyond the BRICS

Abstract: The authors discuss the development of bilateral relations between Russia and Brazil in 1991-2015. It is argued that the relations between Brazil and the USSR did not develop into systematic partnership before 1991.

In the early 1990s, post-Soviet Russia was hardly interested in the strengthening of ties with Latin America which did not promise immediate return. In the contrast to the Soviet period, Russian machinery supplies to Brazil have declined. At the same time, the first decade of modern Russian-Brazilian relations did yield excellent results, mainly due to the growth of meat exports from Brazil to Russia.

The situation changed with the building-up of a new club, the BRIC and then BRICS (Brazil-Russia-India-China-South Africa). From the Brazilian perspective, this idea was intertwined with the concept of IBSA (India, Brazil, South Africa). In the context of the BRICS, Russian-Brazilian relations have developed as a rather patchy political and economic partnership, with a few points of growth.

Key words: Brazil; Russia; Russian-Brazilian Relations; BRICS.

Resumen: Los autores discuten el desarrollo de las relaciones bilaterales entre Rusia y Brasil en 1991-2015. Se argumenta que las relaciones entre Brasil y la URSS no se convirtieron en una asociación sistemática antes de 1991.

A principios de la década de 1990, la Rusia postsoviética no estaba interesada en el fortalecimiento de los lazos con América Latina que no prometían un retorno inmediato. En contraste con el período soviético, los suministros de maquinaria rusa a Brasil han disminuido. Al mismo tiempo, la primera década de las relaciones ruso-brasileñas modernas dio excelentes resultados, principalmente debido al crecimiento de las exportaciones de carne de Brasil a Rusia. La situación cambió con la creación de un nuevo club, el BRIC y luego el BRICS (Brasil-Rusia-India-China-Sudáfrica). Desde la perspectiva brasileña, esta idea se entrelazó con el concepto de IBSA (India, Brasil, Sudáfrica). En el contexto de los BRICS, las relaciones

ruso-brasileñas se han desarrollado como una asociación política y económica bastante irregular, con algunos puntos de crecimiento.

Palabras clave: Brasil; Rusia; Relaciones ruso-brasileñas; BRICS.

Russian-Brazilian relations have been underdeveloped and at the same time promising for both sides. They have also been understudied. The existing literature on the subject is at best meager. This is not surprising. In Russia, the list of works on the history of Brazil as a whole, including the development of bilateral relationship, does hardly surpass a few pages.¹ Moreover, the field is highly personalized. In the sense of authorship, the great majority of Brazil-related publications has been produced by very few scholars. Among them, Boris Komissarov stands alone with his more than 100 articles and several books. The bulk of Komissarov's work has been dedicated to Baron von Langsdorff and his famous expedition into the interior of Brazil.² Besides von Langsdorff, there were few other figures which attracted the attention of Russian scholars. The priority list included Jorge Amado, Luís Carlos Prestes and Oscar Niemeyer. The Brazilian side has fared no better. In the absence of prominent Brazilian figures who would be connected with research in the interior of Russia, the best known and commented Russian figures are mainly confined to writers such as Leo Tolstoy and Dostoevsky. The Soviet period also attracted interest of Brazilian scholars in the context of the international Communist movement. After the collapse of the Soviet Union, this interest all but vanished.

Only a few works on the relations between Brazil and Russia (mostly on the Soviet period) were published before 1991.³ As concerns Russian-Brazilian relations since the collapse of the Soviet Union, there have been quite a few publications which may be seen as raw data presentations or immediate reactions to the BRIC(S) summits, with little systematic analysis. More thorough research has been represented by the publications of Ludmila Okuneva, Boris Martynov, Aleksandra Koval, as well as the doctoral dissertations of Igor Baryshev, Aydar Shakirov, Alexandr Bryantsev and Andrey Budaev.⁴ In Brazil and elsewhere

¹ See e.g.: Okuneva, Lyudmila S., *Braziliya--osobennosti demokraticeskogo proyekta: stranitsy noveyshey politicheskoy istorii latinoamerikanskogo giganta, 1960-ye gg.-2006 g.* Moscow: MGIMO-Universitet, 2008.

² *Put' uchenogo. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Borisa Nikolayevicha Komissarova.* Saint-Petersburg, 2010.

³ Sizonenko, Aleksandr I., *Ocherki istorii sovetsko-latinoamerikanskikh otnosheniĭ. (1924-1970 gg.)*. Moscow: Nauka, 1971; Sizonenko, Aleksandr I. ed. *Rossiia, SSSR— Braziliya : 150 let otnosheniy.* Moscow, Institut Latinskoy Ameriki AN SSSR, 1980 ; Vol'skiy Viktor V., Kalashnikov N. V., eds. *SSSR i Braziliya: problemy perestroyki i modernizatsii.* Moscow: Institut Latinskoy Ameriki AN SSSR, 1990.

⁴ Baryshev Igor' S. *Rossiysko-brazil'skiye otnosheniya v postsovetskiy period.* PhD Dissertation. Moscow: Moskovskiy gorodskoy pedagogicheskiy universitet, 2012 ; Bryantsev, Aleksandr Y., *Formirovaniye imidzha Rossii kak sostavnaya chast' yeye vneshney politiki : na primere rossiysko-brazil'skikh otnosheniy .* Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy institut mezhdunarodnykh otnosheniy (universitet) MID Rossii, 2006; Budaev, Andrey V. *Rol' «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii : (na primere rossiysko-brazil'skikh*

in Latin America, as one can easily see consulting the SciELO — Scientific Electronic Library Online, the volume of research on the development of Russian-Brazilian relations in the last three decades was minimal. In a scholarly article dealing specifically with the subject, Graciela Zubelzú, an Argentinian researcher, saw bilateral contacts as developing from a “distant relationship” to a strategic partnership nowadays. She also stressed the importance of reciprocal perception as continental countries and the interest of both states in a so called multipolar international order.⁵ Another work on Russian-Brazilian relation has remained non-accessible when this chapter was written.⁶ The subject was also covered in a joint Russian-Brazilian publication edited by Alexander Zhebit.⁷ Outside Russia and Latin America, if one does not count the ongoing media coverage of bilateral visits and trade, the scholarly research on the relations between Russia and Brazil is almost non-existent. A rare exception is an article by Matthew Michaelides, who analyzed the military-technical relations between Russia and Brazil and saw them as an example of informal patronage politics from the Russian side. The specific cases he described are, however, apparently isolated and not yet sufficient to draw such conclusions, even though they are not unfounded.⁸

Between 1961 and 1991, Soviet-Brazilian political relations were relatively stable, but at the same time marginalized in comparison with the longstanding Russian-Cuban or Russian-Argentinian relationship. It is worth mention, however, that the military dictatorship in Brazil (1964-1985) was not as vehemently criticized in Moscow as were the ruling regimes in Chile or Paraguay. Compared to other Latin American countries, Brazilian authoritarian regimes of may indeed seem almost democratic. Political repression was relatively “mild”, at least for Latin American standards. Besides, the military rulers demonstrated their will to transform the country into a great power. In the context of the Cold War, this objective did sometimes coincide with the aims of the Soviet Union. Some national projects in Brazil were economically unfeasible or ill-advised, for example, the construction of roads “from nowhere to nowhere” in the Amazon, but this was not

otnosheniy). PhD Dissertation. Moscow: Diplomaticeskaya akademiya Ministerstva inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii, 2014; Shakirov, Aydar R. *Rossiia — Braziliya: vneshneekonomicheskiye svyazi na sovremennom etape*. Moscow: Avanglion, 2005.

⁵ Zubelzú de Bacigalupo, Graciela, «As relações russo-brasileiras no pós-Guerra Fria.» *Revista Brasileira de Política Internacional* 43, no. 2 (2000), 59-86.

⁶ Segrillo, Angelo, «As Relações Brasil-Rússia: Aspectos Históricos E Perspectivas Atuais.» In *A Política Externa Brasileira Na Era Lula: Um Balanço*, edited by Adriano De Freixo et al., 145-156. Rio De Janeiro: Apicuri, 2011.

⁷ Zhebit, Alexander, ed. *Brasil — Rússia: História, Política, cultura*. Rio de Janeiro: Gramma, 2009.

⁸ Michaelides Matthew. “The New Face of Russia’s Relations with Brazil.” *Journal of Political Risk* 2 (5), May 2014. Accessed October 1, 2015. <http://www.jpplrisk.com/the-new-face-of-russias-relations-with-brazil/>.

too different from the Soviet experience. In the economic sphere, the Brazilian military encouraged the public sector, supported the development of national oil industry and the exports of military equipment. In this context, Soviet machinery exports were tolerated and even welcomed where they were seen as competitive, as in the energy sector. Starting from 1963, several agreements and protocols on bilateral trade were signed. The “Brazilian economic miracle” was thus beneficial for Russian-Brazilian relations.

Since 1974, the “abertura política” (literally, “political opening”) contributed to the growth of bilateral trade. It may be worth attention that General Ernesto Geisel, who started this somehow planned liberalization with his “responsible pragmatism” policy, was closely associated with state corporations and led the Petrobras oil corporation before his presidency. The Petrobras was a company with a unique history. It was created in the 1950s as a direct result of the national campaign “O petróleo é nosso” (“The oil is ours”) supported by President Getúlio Vargas. The president then committed suicide, but the company survived and practically became the symbol of Brazilian independence and sovereignty. The monopoly of the Petrobras came to an end in 1997, but it remained an embodiment of national pride until the recent corruption scandal.

Besides bilateral economic relations, there also were a few cases of mutual political understanding between Brazil and the Soviet Union. One of them was connected with the development of so called Lusophone states in Sub-Saharan Africa. Historically, all these countries and Brazil belonged to the same colonial empire. The Brazilian military regimes had certain sympathies towards the struggle for national independence in Portuguese colonies, even though they did not directly support Marxist liberation movements. On the other hand, the USSR supported these movements in all possible forms and advocated for them on the international arena. The coincidence in Soviet and Brazilian interests was most visible in Angola. In 1975, when the Portuguese colonialists left and the Cuban “internationalists” arrived, two different republics were proclaimed by warring movements. Brazil was then the first to recognize People’s Republic of Angola which was supported by Cuba and the Soviet Union.⁹

In spite of all coincidences and mutual interest, the relations between Brazil and the USSR did not develop into systematic partnership. In the economic sphere, the volume of bilateral trade remained fairly small and mostly “colonial”. The Brazilian exports to the Russian Empire and later to the Soviet Union included sugar, coffee and tobacco. Meat was also added to this list by the 1970s, while the Soviet exports to Brazil included machinery and the “Lada” cars. In the late 1980s, even this modest relationship collapsed due to the economic and financial difficulties in the USSR.

⁹ Dávila, Jerry, *Hotel Trópico: Brazil and the Challenge of African Decolonization, 1950–1980*. Durham ; London: Duke University Press, 2010.

Meanwhile, Brazil returned to a democratic government and had to cope with her own problems of economic instability and foreign debt. As described by Jeffrey Sachs, “the economic disasters in Brazil and Russia happened in part because the state has been overwhelmed with a thousand other tasks that it simply can’t manage”.¹⁰ In the case of the Soviet Union, it was not only an economic disaster, but also a political collapse of the state. In the last years of the USSR, the liberalization of economy and foreign trade opened the way for more Brazilian presence. In 1988, the Brazilian television, Globo TV, reached the Soviet audience with its “Isaura the Slave Girl” (“A Escrava Isaura”), a telenovela which gained popularity and brought at least one loanword, fazenda, as a synonym for dacha (summer house in the country) into the Russian language. In the same year an agreement was signed on the building of the Progress joint venture with Swedish and Brazilian capital in the Lipetsk region of Russia. The Progress was opened in 1990 and has been one of the most successful firms in the juice and baby food industry. However, in the turbulent process of post-Soviet mergers and acquisitions, the firm lost its foreign shareholders.

In the early 1990s, the post-Soviet Russian Federation was very far from the first league of Brazil’s partners in the world. The foreign policy of Russia was weak and definitely pro-Western. Brazil was then too far from the preoccupations of the new government in Moscow. The remaining economic contacts were mostly confined to supplies of turbines for the Brazilian energy sector. The only field where certain progress was visible was that of Russian brain drain to some Brazilian universities. Again, it should be stressed than the migration of Russian scholars started practically from zero and was rather small in numbers. They also had a problem of language. Under the Vargas regime in the 1930s, the teaching in any language but Portuguese was prohibited in Brazil, so that the immigrants from Europe could faster become part of the Brazilian nation. The results of this approach are visible even nowadays. The national system of secondary education, with the exception of private schools, deteriorated after 1985, affording no attractive vacancies for foreign workforce. The absence of mandatory foreign language courses at the Brazilian universities, in contrast to post-Soviet Russia, also hindered the scholarly immigration, although this difficulty should not be exaggerated. In any case, this immigration did not result in a significant growth of bilateral relations, except a few projects of academic and inter-university partnership.¹¹

Rather unexpectedly, the first decade of post-Soviet Russian history yielded excellent results for bilateral relations. This happened outside the main spheres of

¹⁰ Sachs, Jeffrey, Gall, Norman, “Politics and Markets: Russia and Brazil Compared: Jeffrey Sachs In Conversation With Norman Gall.” *World Affairs*, 156, no. 3, 1994, 147-155.

¹¹ Baryshev, Igor’ S., “Nauchnyye svyazi Rossii i Brazili.” *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial’nogo universiteta*, no. 10 (2011): 97-101. Some of the author’s personal notes have been published in the Russian media, but these do not pretend to be scholarly works.

previous economic exchange and was mainly due to the growth of Brazilian meat exports to Russia. Such development was not totally unexpected. The Brazilian chicken had already entered the Soviet market before 1991, in the period of consumer goods deficit. Interestingly, they were initially marked in Arabic, indicating the original destination of the product. The direct exports were started by Sadia S.A. in 1989; this Brazilian corporation was then selling seventy types of products in forty countries. After the end of the USSR, Brazilian and other South American meat exporters saw Russia as a very promising market and were able to fight on it with European and North American competitors. Brazilian meat exports to Russia were not always a success story. The quota system used in Russia led to the limitation of exports from Brazil between 2005 and 2007. Then the situation changed again. The already mentioned Sadia SA and Russia's Miratorg created a joint venture, Concordia Russia, registered in Cyprus as an offshore corporation with sixty per cent of Brazilian participation. In the enclave of Kaliningrad, they opened a meat processing plant aimed primarily at the internal Russian market which attracted around twenty per cent of Sadia's supplies abroad. This move was seen as a step towards more internationalization of Sadia S.A., and a very promising one, because twenty five per cent of the production was to be consumed by the growing McDonalds in Russia.¹² However, only two years later the Brazilian participation in the project came to an end. The official explanation linked this decision with the losses of Sadia which had to merge with another Brazilian corporation, Perdigao SA. Thus, the above mentioned story of the Progress joint venture was repeated in the meat industry. Nevertheless, the owners of the Kaliningrad plant have retained their Brazilian suppliers, now known as BRF Foods. Meanwhile, as stressed by the Russian side, "inspections at the Brazilian enterprises revealed weak control over veterinary and sanitary norms as determined by Customs Union law and Russian legislation". As a result, Rosselkhoznadzor, the federal service for veterinary and phytosanitary surveillance, imposed restrictions on the import of livestock production from 89 Brazilian meat processing factories in 2011; in 2012 there were 22 Brazilian enterprises on this list.¹³ In 2014, the Russian embargo on European and North American meat imports led to renewed expectations for the Brazilian meat producers. These expectations have not, however, materialize because of the economic slowdown in Russia. Rosselkhoznadzor also continued its practice of temporary ban on meat imports from Brazil. The affected Brazilian partners now

¹² Dalla Costa, Armando J., Garcia, Junior R. A., "Trajetória da Sadia no Mercado Internacional: das Exportações à Implantação de Unidades no Exterior." *Espacios* 34, no. 11, 2013, 3.

¹³ «Trade and Economic Cooperation between Russia and Brazil.» February 20, 2013. Accessed September 1, 2015. <http://government.ru/en/info/419/>.

see this practice as normal.¹⁴ Apparently no special measures were taken to open the Russian meat market more widely for the Brazilian meat industries, although interest in more cooperation has been stressed from the Russian side.

In the energy sector, the strengthening of bilateral relations was linked with the reforms of Russian economy and the creation of new corporations such as Power Machines (“Silovye mashiny”) and Rosneft. The Power Machines concern continued turbine exports to Brazil which had started in the 1970s. In that decade, the Soviet equipment was exported for the hydropower plants of Capivara and Sobradinho. In the post-Soviet period, the Power machines corporation supplied equipment for the hydropower plants of Porto Goes and Passo Sao Joao. In 2010 the Russian corporation opened an office in Sao Paulo. In 2015, seeing the Latin American markets as promising, Power Machines acquired a fifty one per cent stake in Fezer, a Brazilian company based in the state of Santa Catarina and specialized in woodworking machinery as well as hydro turbine components.¹⁵ One more Russian corporation, Energomashexport, installed and launched two generators at Nova Aurora and two generators at Goyandira hydro power plants.¹⁶

Besides the hydropower plant equipment, the bilateral relations in the energy sector are still far from reaching the expectations of both countries. In 2007, Gazprom and Stroytransgaz signed memorandums of mutual understanding with Brazilian Petrobras on exploration, production, transportation and sales of hydrocarbons. In 2011, Gazprom opened its office in Rio de Janeiro.¹⁷ The construction of a transcontinental gas pipeline was discussed, but the project did not advance. After many years of contacts between Petrobras and Russian oil and gas corporations, Rosneft was finally able to start oil exploration in Brazil. This move was made possible because of growing cooperation between Rosneft and Petrobras. The promising Solimões project in the Amazon covers approximately 41 500 sq. km (16 license blocks). According to Rosneft, the project “establishes Rosneft in Brazil, a country with major upstream growth opportunities and synergies with Rosneft operations in Venezuela”.¹⁸ This achievement, combined with the presence of Petrobras in Russia, might herald a new stage in the development of partnership. However, the

¹⁴ Abdulla, Hannah, “Russia blocks imports from 10 Brazilian meat plants.” June 1, 2015. Accessed September 10, 2015. http://www.just-food.com/news/russia-blocks-imports-from-10-brazilian-meat-plants_id130188.aspx

¹⁵ “Power Machines continuing to strengthen positions in Latin America.” Silovye mashiny. April 2, 2015. Accessed September 20, 2015. <http://www.power-m.ru/en/press-center/news/power-machines-continuing-to-strengthen-positions-in-latin-america/>.

¹⁶ «Trade and Economic Cooperation between Russia and Brazil.» February 20, 2013. Accessed September 1, 2015. <http://government.ru/en/info/419/>.

¹⁷ Brazil <http://www.gazprom-international.com/en/operations/country/brazil>

¹⁸ “Rosneft Becomes the Holder of 100% of the Solimoes Project.” May 18, 2015. Accessed October 1, 2015. <http://www.rosneft.com/news/pressrelease/18052015.html> ; “Rosneft Closes the Deal with PetroRio

favorable business climate was soon overcast by the corruption crisis in Brazil as well as economic and financial difficulties in Russia.

The development of bilateral relations in the air and space sector has always look very promising. However, this was not the best example of success in Russian-Brazilian relations. It could seem that the basis for relationship in this field was guaranteed by the previous growth of Soviet industries. Unfortunately for Russia, national air industry all but collapsed in the 1990s. The space sector survived, even though it was plagued by several failures and unsuccessful reforms. The military air industries were also able to survive thanks to export contracts. In both spheres, the place of Brazil was apparently insignificant. There were a few events of great potential importance. Russia and Brazil concluded several agreements in the field of space cooperation. In 2006, the Brazilian astronaut Marcus Pontes flew to the International Space Station. Several Brazilian universities have participated in the joint research aimed at the expansion of the GLONASS navigation system in the country.¹⁹ However, the level of cooperation has remained fairly low, especially in comparison with the relations between Russia's Roscosmos and the NASA. In the military air sector, Russia secured several contracts for the delivery of helicopters. On the other hand, Brazil fared well in the civil aviation industry. Since 2003, Embraer, the leading Brazilian company in the sector, started exporting its jets to Russia.²⁰ The Brazilian air and space market attracted not only Russia, but also other European and post-Soviet states such as Ukraine. The Brazilian-Ukrainian cooperation in the field was also unsuccessful, while France has remained a major partner of Brazil. Moreover, the cooperation between Russia and the European Space Agency was also shaped by the role of France. The Russian-European cooperation is now centered on the space field of Courou in French Guyana, not too far from the Brazilian territory. This turn demonstrates that the cooperation with France has been more attractive for both Brazil and Russia than bilateral partnership.²¹ The reasons for such attractiveness may be both political and historical, shaped by the reputation of France in Latin America and post-Soviet Eurasia.

In the contrast to the Soviet period, Russian machinery supplies to Brazil have declined. According to Martynov, they now occupy the modest fourteenth place in Russia's exports to that country, after fertilizers (the first place in the list), chemical products, metal products, coal, nickel, oil, etc.²² Even in Russia's military exports,

and Becomes the Holder of 100% of the Solimoes Project." October 13, 2015. Accessed October 15, 2015. <http://www.rosneft.com/news/pressrelease/13102015.html>.

¹⁹ «Trade and Economic Cooperation between Russia and Brazil.» February 20, 2013. Accessed September 1, 2015. <http://government.ru/en/info/419/>.

²⁰ Embraer— Martynov Boris F., *Braziliya — gigant v globalizuyuschemya mire*. Moscow: Nauka, 2008.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

besides the already mentioned contracts for helicopter supplies, the place of Brazil has apparently remained small in comparison with most other partners. As in the air and space industries, the reasons for the relative insignificance of Russian-Brazilian relations in the military sphere may be likened with diverging international interests and previous partnership experience of both countries.

According to an official assessment from the Russian side, “Brazil is Russia’s major trading partner in Latin America and one of the leading suppliers of agricultural products, certain kinds of raw materials and consumption goods”.²³ The volume of trade between the two countries reached \$7.2 billion in 2011, then decreased because of a decline in Russian imports from Brazil. The objective adopted by both Russia and Brazil, that is, to reach \$10 billion in bilateral trade, has not been achieved, although it seems feasible.

The last tendencies in the development of bilateral economic relations between Russia and Brazil have been linked with the activities of Russian state companies interested in the growth of the GLONASS navigation system as well as the exports of equipment for nuclear power plants. Besides political and historical reasons, the main problem for Russia lies in the scarcity of possible supplies which would not compete with Brazil’s own production.

From the Brazilian side, the development of economic relations in the last decades was more significant, as the general trend changed from “colonial” to machinery exports. Russia has been importing Brazilian spare parts for cars, agricultural machinery, medical instruments and even toothpaste made in Sao Paulo. As a result, Brazil nowadays occupies the first place in the bilateral trade between Russia and Latin American countries. On the contrary, the role of Russia in the trade of Brazil is growing, but not as significantly as expected. The official Russian interpretation linked the failures with global economic problems: “Due to the world’s economic crisis, Brazilian businessmen became less active on the foreign markets, including in Russia. Currently, the only active investment project involving Brazilian capital is Marr Russia Ltd, which produces hamburgers for McDonald’s. It was launched in February 2010 in Odintsovo, together with Italian Cremonini and Brazilian JBS Friboi”.²⁴ This interpretation could be plausible, but the previous experience of joint ventures with Brazilian capital in Russia indicates that there might be more reasons to be sought. Here the already mentioned remark made by Jeffrey Sachs in the early 1990s may be still instructive.

As a convenient symbol of ups and downs in the economic relations between Russia and Brazil, one can also look at the tourism industry. There have been several

²³ «Trade and Economic Cooperation between Russia and Brazil.» February 20, 2013. Accessed September 1, 2015. <http://government.ru/en/info/419/>.

²⁴ «Trade and Economic Cooperation between Russia and Brazil.» February 20, 2013. Accessed September 1, 2015. <http://government.ru/en/info/419/>.

attempts to make Brazil more attractive for Russian tourists and vice versa. However, until now the reciprocal flows have remained insignificant. The direct flights between Moscow and Rio de Janeiro, which were regular in the Soviet period, were resumed in 2011, but this experiment did not last. Moreover, the Transaero company which made this attempt, recently went bankrupt.

The economic relations between Russia and Brazil since 1991 have been mostly driven by mutual interest of Russian and Brazilian companies. Little in this field has been directly related to the input of the Brazilian or Russian diasporas. The former is tiny and practically insignificant in terms of political and economic influence. The latter does not form a uniform community, mainly due to historical reasons. The first sizable migration from Russia to Brazil took place before 1917. It included such diverse groups as the Poles, Finns, Russian Jews and the Germans from the Volga area. All these groups have retained their individual character, but none of them had a special sense of affinity with the Soviet Union. The next wave of migration was the result of the civil war in Russia, then followed another wave which mostly consisted of the so called DPs (“displaced persons”) of various ethnic origins who came to Brazil via Western Europe. Parallel with the DPs, some Russians including several Old Believer communities, moved to Brazil from China. For all these groups, the center of attraction lied elsewhere, either in Argentina or in USA. All of them formed their own transnational networks with no reference to the Soviet Union. By the end of the USSR, the other migration, mainly, but not only, Jewish, was added to the previous waves for different reasons. Some of the new migrants reached Brazil after a stay in USA, e.g. in search for a better health care. Since the late 1980s, the last wave of migration came, this time not necessarily a permanent one. Only the last group of migrants has direct interest and contacts with Russia. Some of them have contributed to the growth of bilateral relations, but none could be seen as a leading figure or company in the field, in a striking contrast to the Chinese migrants and companies abroad.

Brazil is one of the countries where the programs aimed at the population of Russian descent (“sootchestvenniki”) were started in the 2000s. The success of such programs remains dubious, mainly due to the already mentioned complexity of Russian and Russian-speaking diaspora in Brazil.²⁵

In the general Russian view of Brazil, this is “a country of dancing mulatto women and soccer virtuosos”.²⁶ For some scholars and politicians, the Russian-Brazilian partnership “has a good moral and psychological, historical and civilizational as well as geopolitical foundation in the similarity of the Russian and

²⁵ Gonobobleva, Sofia L., Grigor'yev, Ivan V., Dobronravin, Nikolai A., Krylova, Olga N., *Russkiye staroobryadtsy Yuzhnoy Ameriki*. Vyp.1. Shtat Parana, Braziliya. Saint-Petersburg, 2008.

²⁶ Sakhno, Yelena G., *Braziliya — strana Karnavala i ne tol'ko...* Saint-Petersburg: BKHV, 2013 (from the annotation on the cover of the book).

Brazilian character, long-term separateness of their historical and geographical existence (combined with their genuine interest in each other, which was partly stimulated by this), the richness and compatibility of their cultures, etc.”²⁷ This view is probably as romanticized as that of dancing mulattoes and the like. Nevertheless, the view of Brazil as an “American Russia” is not rare.²⁸ The cultural links between Brazil and Russia have existed since the early twentieth century. Unlike the economic and political relations, these connections were cultivated by some members of various ethnic Russian, Russian Jewish and Volga German diasporas. These people did not only read Russian, but they also translated a lot from Russian literature. It is thus not surprising that the sociological survey conducted in 2006 by the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences revealed that almost all the interviewed recognized Russian classical culture as a great one, and with “universal significance”.²⁹ On a less “classical” note, one can mention the rapid spread of Brazilian music in modern Russia, sometimes with unexpected consequences. For example, a melody from the song “Tic, Tic Tac” performed by the Brazilian band “Carrapicho with the words “Bate forte o tambor” (“Beat hard, the drum”, so called toada from the bumba-meu-boi folk tradition), was borrowed by the Russian Uighur pop artist Murat Nasyrov in his song “Malchik khochet v Tambov” (“The boy wants to go to Tambov”), very popular in the late 1990s.³⁰ Other examples of Brazilian cultural expansion to Russia included the already mentioned success of telenovelas and the growing popularity of capoeira. In both aspects, Russia was not too different from other countries where the Brazilian television production and martial art have become more and more recognizable. On the contrary, it seems that no recent additions to Russia’s cultural presence in Brazil have been as prominent. The place of the classical literature, ballet and vodka has remained unchallenged until now, even though none of these products fully represents modern post-Soviet Russia.

Both economically and culturally, Russia and Brazil do share some common features, but they also differ a lot. As concerns national economy, Russia is much more decentralized than Brazil. The only exception, albeit a significant one, is the financial sector, which is still rather underdeveloped and more state-protected than in the other countries with similar transit economies. In Brazil, single states are politically stronger and economically much more diverse than Russia’s regions (except for some of the republics inside the Russian Federation). This diversity reflects itself in the results of Brazilian elections. The presidencies of Lula and Dilma were marked by the outright opposition of more affluent states and their voters. What is even more important, the state of Sao Paulo alone concentrates in itself about a half

²⁷ Martynov Boris F., *Braziliya — gigant v globalizuyuschemsya mire*. Moscow: Nauka, 2008, 296-297.

²⁸ Maia, João M. E., “A Rússia Americana.” *Sociedade e Estado* 20, no. 2, 2005, 427-450.

²⁹ Martynov Boris F., *Braziliya — gigant v globalizuyuschemsya mire*. Moscow: Nauka, 2008, 296-297.

³⁰ Sakhno, Yelena G., *Braziliya — strana Karnavala i ne tol’ko...* Saint-Petersburg: BKHV, 2013, 236.

of Brazilian economy, and in several industries this concentration has a tendency to reach one hundred per cent. Thus, Brazilian-Russian economic relations almost amount to the relationship between the whole of Russia and the single state of Sao Paulo. On the contrary, Brazilian cultural landscape is more varied. In some aspects, this landscape is even more diverse than that of Russia. This is why, for instance, it is not surprising that the only ballet school of Moscow's Bolshoi Theater abroad was open in Joinville, Santa Catarina (in 2000), rather than Sao Paulo or Brasilia, as the capital of the country.

The story of Bolshoi in Joinville is interesting in itself, as it presented a combination of private initiative and state support. In 1995, Alexander Bogatyrev, the interim artistic head of the Bolshoi Theater, tried to expand the presence of the Bolshoi abroad. In 1996, during a tour in Brazil, the Russian artists went to Joinville where they took part in the annual dance festival and were impressed by the hospitality of the audience, including the official level. Then Bogatyrev suggested that a Bolshoi school could be established in the city. Despite Bogatyrev's death in 1998, the contacts continued, indicating a real interest from the Brazilian side. Finally, in 1999, at the opening of the dance festival, Alla Mikhalchenko from the Bolshoi Theater and the authorities of Joinville signed a memorandum of understanding on the creation of a ballet school. The school was then supported by the governments of both countries. The case of the ballet school in Joinville has remained a unique case of a successful project in bilateral cultural relations. The school explained the success by a "profound connection of the city with dance because of its traditional annual festival", as well as the personal role of Luiz Henrique da Silveira who was then the mayor of Joinville.³¹ Very little was said of the official Russian participation in the process, although the Bolshoi is a state-run theater. This is especially interesting if one compares the school's own biography with the official stance of the Russian side. In 2015, at the Seventh meeting of the Russian-Brazilian High-Level Commission on Cooperation in Moscow, the Russian Prime-Minister Dmitry Medvedev highly praised the Joinville school as a "special landmark project". As put by Medvedev, "this year marks the 15th anniversary of the Bolshoi Theatre's only foreign ballet school, located in the Brazilian city of Joinville. This is a one-of-a-kind project and the crown jewel of Russian-Brazilian cooperation and friendship. We discussed ways to promote such projects. We may open a club for sambo, a Russian martial art, in Brazil under the same arrangements".³² It would be logical to mention capoeira in this context as an example which could be imitated. This was not done, maybe

³¹ "Como surgiu a Escola do Teatro Bolshoi no Brasil." Escola do Teatro Bolshoi no Brasil. 2006. Accessed October 10, 2015. <http://www.escolabolshoi.com.br/bolshoi/Portugues/detInstitucional.php?cod=1>.

³² "Seventh meeting of the Russian-Brazilian High-Level Commission on Cooperation." Moscow, September 16, 2015. Accessed September 15, 2015. <http://government.ru/en/news/19682/>.

because the spread of Brazilian martial art in Russia stemmed from private initiative and did not ask for state support.

Any up-to-date analysis of Russian-Brazilian relations would be incomplete without the mention of the BRICS (Brazil-Russia-India-China-South Africa). Since 2003, the idea of BRIC (then BRICS) became popular in Russia. From the Brazilian perspective, this idea was intertwined with the home-made concept of IBSA (India, Brazil, South Africa). As a matter of fact, if the idea of economic convergence between these countries was something new, there was a much deeper basis for both abbreviations. Among this kind of future "multi-letter unions" discussed in Brazil one could also find BRAC (Brazil, Russia, Australia and China), etc., but in the long run most of similar ideas looked like the return to the "globalization before globalization" of the Portuguese Descobrimentos. That era had a very important component, the famous road to India which started from Europe, then went to the future Brazil, then to South Africa and from the Cape towards India and finally to East Asia. This road disappeared in the nineteenth century, but the modern growth in the Pacific Ocean Rim practically produce a new version of the old connection, comparable to the Silk Road across Eurasia.

From this perspective, the BRIC and BRICS should not be treated as an opposition to the North. However, from the Russian point of view, the idea of BRICS had some more recent associations connected with the idea of a triangle (Soviet Russia, then USSR, plus China and India) which would challenge the global capitalism. This idea had nothing to do with the IBSA-BRICS model which is seemingly gaining ground now. how they will build this system, in which the main course, will be Brazil. At the same time, there have been certain tendencies which might be seen as leading to a kind of international polarization involving the whole BRICS group. An often overlooked element of this change was connected with the so called "Heiligendamm Process", the high-level dialogue of G8 (then together with Russia) with Brazil, India, China, Mexico and South Africa. This initiative was elaborated at the summit of Heiligendamm in June 2007. The idea was to reach joint responsibility of all mentioned countries, especially in the programs of assistance to Sub-Saharan Africa. Russia's presence in the Heiligendamm Process was problematic from the very start. By the time G8 was reconstituted without Russia in 2014, nobody even remembered that this move meant the symbolic end of the joint Africa-related initiative. Rather, Russia and the other BRICS states were much more similar in their approach to resource-rich African countries than Europe, North America and Japan.

According to Boris Martynov,

"the character of the global positioning of such countries as Russia, Brazil, China, India and some others in the coming century will depend not so much on the level of their

democratic development or even their marked success in the process of liquidation of social and economic inequalities, but on their capability or incapability to effectively control its own territory”.

This Russian expert in Latin American and Brazilian studies also stressed the importance of cooperation in *the energy and the ecological spheres and especially in the outer space*..³³ There are other views on the perspectives of the BRICS. If one does not take into account the politically-motivated response in the media, there are a few more thoughtful scholarly commentaries. One such example is the article written by Michael Kahn and dealing with the Brics declarations and realities in the sphere of science, technology and innovations.³⁴

Whether the BRICS will remain attractive to all the “abbreviated” countries, is still to be seen, especially since the President Dilma Rousseff was impeached in August, 2016, and the Workers’ Party was ousted from the office. The new Right-Center government headed by Michel Temer (ex-vice president who turned to be new head of state) seems to be more worried with improving its economy within the framework of liberal economies and broadening its ties with the USA. BRICS is still one of the official priorities for Brazilian foreign policy, but the scale of South-South cooperation is decreasing and up to the moment Brazil is not so interested in BRICS as it was during the Workers’ Party’s government.

However, it may turn out that it will be difficult to disband an association which has been than to create it. The declared strategic partnership did not convert into the strengthening of economic ties, but at least it did demonstrate its importance in the rime of need for Russia, especially since 2014.³⁵ China and Russia are two permanent members of the UN Security Council, consequently Brazil (which is seeking to obtain the same status) requires very good and partner relations with both of them.

Nowadays, Russian-Brazilian relations may be described as a rather patchy political and economic partnership, with a few points of growth. One of them, definitely unplanned, has recently appeared in the social networking industry. In Brazil, the death of the Orkut network in 2014 resulted in the migration of its customers to VK, formerly Vkontakte. This success has been largely overlooked in Russia, although it may be emblematic for the future of bilateral relations.

³³ The italics are given as in the original text: Martynov, Boris F. “BRICs”: cooperation perspectives in the international security sphere.” Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada (Ipea), 2009. Accessed September 1, 2015. http://www.ipea.gov.br/bric/textos/100409_BRICMartynov1.pdf.

³⁴ Kahn, Michael. “A cooperação dos BRICS na ciência, tecnologia e inovação: retórica e realidades.” *Contexto Internacional* 37, no 1 (2015): 185-213.

³⁵ Stunkel, Oliver. “Why Brazil has not criticized Russia over Crimea,” Norwegian Peacebuilding Resource Centre Policy Brief, May 2014.

Bibliography

1. Abdulla, Hannah. "Russia blocks imports from 10 Brazilian meat plants." June 1, 2015. Accessed September 10, 2015. http://www.just-food.com/news/russia-blocks-imports-from-10-brazilian-meat-plants_id130188.aspx
2. Baryshev, Igor' S. "BRICS: evolyutsiya razvitiya i dvustoronniye otnosheniya v yego sisteme." *Latinskaya Amerika*, no. 1 (2013): 51-57. [The BRICS: Evolution and Development of Bilateral Relations in Its System]
3. Baryshev, Igor' S. "Nauchnyye svyazi Rossii i Brazilii." *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, no. 10 (2011): 97-101. [Scientific Connections of Russia and Brazil]
4. Baryshev, Igor' S. "Razvitiye dogovornykh otnosheniy Rossii i Brazilii v period 1992-2011 gg." *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, no. 3 (2011): 88-103. [The development of International Agreements of Russia and Brazil in the Period of 1992–2011]
5. Baryshev, Igor' S. "Rossiysko-brazil'skiye otnosheniya v BRIKS glazami rossiyskikh i brazil'skikh issledovateley." *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*, no. 2 (2012): 75-80 [Relations between Russia and Brazil in BRICS from the Russian and Brazilian Researchers Point of View]
6. Baryshev Igor' S. "Rossiysko-brazil'skiye otnosheniya v osveshchenii rossiyskikh i zarubezhnykh SMI." *Latinskaya Amerika*, no. 4 (2011): 40-47. [R u s s i a n - Brazilian relations as Covered by Russian and Foreign Media]
7. Baryshev Igor' S. *Rossiysko-brazil'skiye otnosheniya v postsovetskiy period*. PhD Dissertation. Moscow: Moskovskiy gorodskoy pedagogicheskiy universitet, 2012. [Russian-Brazilian relations in the Post-Soviet Period]
8. Baryshev Igor' S. "Russkaya diaspora v Brazilii." *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki*, no. 1 (2011): 75-82. [Russian Diaspora in Brazil]
9. "Brazil." Gazprom International. Accessed October 1, 2015. <http://www.gazprom-international.com/en/operations/country/brazil>
10. Bryantsev, Aleksandr Y. *Formirovaniye imidzha Rossii kak sostavnaya chast' yeye vneshney politiki : na primere rossiysko-brazil'skikh otnosheniy*. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy institut mezhdunarodnykh otnosheniy (universitet) MID Rossii, 2006. [Formation of the Image of Russia as an Integral Part of Its Foreign Policy: The Case of Russian-Brazilian Relations]
11. Budayev, Andrey V. *Rol' "myagkoy sily" vo vneshney politike Rossii : (na primere rossiysko-brazil'skikh otnosheniy)*. PhD Dissertation. Moscow: Diplomaticeskaya akademiya Ministerstva inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii, 2014. [The Role of "Soft Power" in the Foreign Policy of Russia (on the Example of Russian-Brazilian Relations)]
12. "Como surgiu a Escola do Teatro Bolshoi no Brasil." Escola do Teatro Bolshoi no Brasil. 2006. Accessed October 10, 2015. <http://www.escolabolshoi.com.br/bolshoi/Portugues/detInstitucional.php?cod=1>

13. Dalla Costa, Armando J., Garcia, Junior R. A. “Trajetória da Sadia no Mercado Internacional: das Exportações à Implantação de Unidades no Exterior.” *Espacios* 34, no. 11 (2013): 3.
14. Dávila, Jerry. *Hotel Trópico: Brazil and the Challenge of African Decolonization, 1950–1980*. Durham ; London: Duke University Press, 2010.
15. Davydov, Vladimir M., ed. *Potentsial Brazílii i perspektivy rossiysko-brazil'skogo sotrudnichestva*. Moscow: Institut Latinskoy Ameriki RAN, 2004. [The Potential of Brazil and the Prospects for Russian-Brazilian cooperation]
16. Gonobobleva, Sofia L., Grigor'yev, Ivan V., Dobronravin, Nikolai A., Krylova, Olga N. *Russkiye starobryadtsy Yuzhnoy Ameriki*. Vyp.1. Shtat Parana, Braziliya. Saint-Petersburg, 2008.[Russian Old Believers in South America. Issue 1. State of Parana, Brazil]
17. Kahn, Michael. “A cooperação dos BRICS na ciência, tecnologia e inovação: retórica e realidades.” *Contexto Internacional* 37, no 1 (2015): 185-213.
18. Koval, Alexandra. “Contemporary Perspectives and Trends in Russian-Brazilian Relations,” *Russian Analytical Digest*, no. 91 (2011): 8-10.
19. Maia, João M. E. “A Rússia Americana.” *Sociedade e Estado* 20, no. 2 (2005): 427-450.
20. Martynov, Boris F. “BRICs”: cooperation perspectives in the international security sphere.” Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada (Ipea), 2009. Accessed September 1, 2015. http://www.ipea.gov.br/bric/textos/100409_BRICMartynov1.pdf
21. Martynov Boris F. “Brazíliia i Rossiia: osnovy i nekotorye perspektivy pravovogo vzaimodei'stviia v ramkakh BRICS.” *Latinskaia Amerika*, no. 2, 2 (2014): 16-31 [Brazil and Russia: The Bases and Some Perspectives of Legal Interaction within the BRICS]
22. Martynov Boris F. *Brazíliya — gigant v globalizuyuschemsya mire*. Moscow: Nauka, 2008. [Brazil: A Giant in the Globalizing World]
23. Martynov, Boris F. Brazil'tsy i rossiiane: chto nas ob'yedinyayet? *Latinskaya Amerika*, no. 10 (2006): 4–13. [Brazilians and Russians, what unites us?]
24. Michaelides Matthew. “The New Face of Russia's Relations with Brazil.” *Journal of Political Risk* 2 (5), May 2014. Accessed October 1, 2015. <http://www.jpolarisk.com/the-new-face-of-russias-relations-with-brazil/>
25. Okuneva, Lyudmila S. *Brazíliya--osobennosti demokraticeskogo proyekta: stranitsy noveyshey politicheskoy istorii latinoamerikanskogo giganta, 1960-ye gg.-2006 g.* Moscow: MGIMO-Universitet, 2008. [Brazil — Particular Features of the Democratic Project: Pages of Recent Political History of the Latin American Giant]
26. “Power Machines continuing to strengthen positions in Latin America.” *Silovye mashiny*. April 2, 2015. Accessed September 20, 2015. <http://www.power-m.ru/en/press-center/news/power-machines-continuing-to-strengthen-positions-in-latin-america/>.

27. *Put' uchenogo. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Borisa Nikolayevicha Komissarova*. Saint-Petersburg, 2010. [A Scholar's Path. For the 70th Anniversary of Dr. Habil. (History), Professor Boris Komissarov]
28. "Rosneft Becomes the Holder of 100 % of the Solimoes Project." May 18, 2015. Accessed October 1, 2015. <http://www.rosneft.com/news/pressrelease/18052015.html> October 13, 2015
29. "Rosneft Closes the Deal with PetroRio and Becomes the Holder of 100 % of the Solimoes Project." October 13, 2015. Accessed October 15, 2015. <http://www.rosneft.com/news/pressrelease/13102015.html>
30. Sachs, Jeffrey, Gall, Norman. "Politics and Markets: Russia and Brazil Compared: Jeffrey Sachs In Conversation With Norman Gall." *World Affairs*, 156, no. 3 (1994): 147-155.
31. Sakhno, Yelena G. *Braziliya — strana Karnavala i ne tol'ko...* Saint-Petersburg: BKHV, 2013. [Brazil: The Country of Carnival and More Than That ...]
32. Segrillo, Angelo. "As Relações Brasil-Rússia: Aspectos Históricos E Perspectivas Atuais." In *A Política Externa Brasileira Na Era Lula: Um Balanço*, edited by Adriano De Freixo et al., 145-156. Rio De Janeiro: Apicuri, 2011.
33. "Seventh meeting of the Russian-Brazilian High-Level Commission on Cooperation." Moscow, September 16, 2015. Accessed September 15, 2015. <http://government.ru/en/news/19682/>
34. Shakirov, Aydar R. *Rossiya — Braziliya: vneshneekonomicheskiye svyazi na sovremennom etape*. Moscow: Avanglion, 2005. [Russia — Brazil: Foreign Economic Relations at the Present Stage]
35. Sizonenko, Aleksandr I. "Rossiya — Latinskaya Amerika: 20 let spustya posle 1991 goda." *Mir i politika* no. 11 (2011): 89-95. [Russia — Latin America: 20 Years since 1991]
36. Sizonenko, Aleksandr I. ed. *Rossiya, SSSR— Braziliya : 150 let otnosheniy*. Moscow, Institut Latinskoy Ameriki AN SSSR, 1980. [Russia, USSR — Brazil: 150 Years of Relationship]
37. Sizonenko, Aleksandr I. *Ocherki istorii sovetsko-latinoamerikanskikh otnosheniĭ. (1924-1970 gg.)*. Moscow: Nauka, 1971. [Essays on the History of Soviet-Latin American Relations]
38. Stunkel, Oliver. "Why Brazil has not criticized Russia over Crimea," Norwegian Peacebuilding Resource Centre Policy Brief, May 2014.
39. "Torgovo-ekonomicheskoye sotrudnichestvo mezhdu Rossiyey i Braziliyey." Accessed September 15, 2015. <http://economy.gov.ru/minec/resources/> [Trade and economic cooperation between Russia and Brazil. 2014]
40. "Trade and Economic Cooperation between Russia and Brazil." February 20, 2013. Accessed September 1, 2015. <http://government.ru/en/info/419/>.
41. Vol'skiy Viktor V., Kalashnikov N. V., eds. *SSSR i Braziliya: problemy perestroyki i modernizatsii*. Moscow: Institut Latinskoy Ameriki AN SSSR, 1990. [USSR and Brazil: Problems of Reconstruction and Modernization].

42. Zhebit, Alexander, ed. *Brasil — Rússia: História, Política, cultura*. Rio de Janeiro: Gramma, 2009.
43. Zubelzú de Bacigalupo, Graciela. “As relações russo-brasileiras no pós-Guerra Fria.” *Revista Brasileira de Política Internacional* 43, no. 2 (2000): 59-86.

Alternative or complementary development finance? Comparing NDB's and Bank of ALBA's lending concepts

¿Financiamiento de desarrollo alternativo o complementario?

Comparando los conceptos de préstamo de NDB y Bank of ALBA

Abstract. For a long time, the Bretton Woods Institutions, more recently inspired and influenced by the Washington Consensus and its follow-ups, have been dominant in development finance. The recent regional and plurilateral initiatives are trying to offer new possibilities to this existing platform. New financial institutions, such as the BRICS' New Development Bank and the Bank of ALBA of the Bolivarian Alliance, assert to promote different lending concepts. But does this rhetoric comply with the actual lending policies of the new institutions? This paper aims to analyse the first loans of both banks, basing itself on official institutional data and on critical media coverage. The objective is to discuss whether NDB's and Bank of ALBA's development finance initiatives constitute a counter-hegemonic alternative to traditional funding options or whether there exists a complementary relationship between the traditional and novel instruments of development finance.

Keywords: Development, Pluralism, New Development Bank, Bank of ALBA,

Resumen. Durante mucho tiempo, las instituciones de Bretton Woods, más recientemente inspiradas e influenciadas por el Consenso de Washington y sus seguimientos, han sido dominantes en el financiamiento del desarrollo. Las recientes iniciativas regionales y plurilaterales están en movimiento de búsqueda aspirando a ofrecer nuevas posibilidades a esta plataforma existente. Nuevas instituciones financieras, como el Nuevo Banco de Desarrollo de BRICS (NDB) y el Banco del ALBA de la Alianza Bolivariana, se proponen promover diferentes conceptos para los préstamos. ¿Pero esta retórica cumple con las políticas reales de préstamo de estas nuevas instituciones? Este trabajo tiene como objetivo analizar los primeros préstamos de ambos bancos, basándose en los datos institucionales y también a través de una cobertura crítica de las informaciones difundidas por los medios de comunicación. El objetivo es analizar si las iniciativas de financiamiento para el

¹ Co-author, Mag. phil. Department of Politics and Development Research, Institute of Sociology, Johannes Kepler University Linz, Austria, (julia_theresa.eder@jku.at)

² Co-author, MsSc, Faculty of Management, University of Tampere, Finland, (marko.juutinen@staff.uta.fi)

³ Co-author, Dr., Faculdade de Direito, Universidade Federal Fluminense, Brasil, (gabrielrached2015@gmail.com)

desarrollo de NDB y el Banco de ALBA constituyen una alternativa contra-hegemónica a las posibilidades tradicionales de financiamiento o si existe una relación complementaria entre los instrumentos tradicionales y novedosos de la financiación del desarrollo.

Palabras clave: Desarrollo, pluralismo, Nuevo Banco de Desarrollo, Banco del ALBA

1. Background and Objectives

The concept of development means evolution in a state of being and the gradual rise from being underdeveloped to being developed. The concept is descriptive in the sense that it refers to this process of becoming something. It is also a normative concept in the sense that the state of being developed means a state of advance, or, according to the dictionary definition, having a relatively high level of industrialization and standard of living. From an epistemological standpoint, the idea of being developed is no different from all other normative concepts in being of fundamentally subjective nature: there is no god or development, seen and heard by the whole humanity, who could lay down, explain and teach the paradigm of development as a universal truth. Thus, from a philosophical standpoint, development is a pluralist concept, and while its actual form and substance varies from place to place, from people to people, no one can claim universality for their subjective ideas.

From the perspective of political science, too, development is a pluralist concept, because there is no global power, who could lay claim for legitimate political authority (however defined), and define the singular and universal form and substance of development. It was not so long time ago, however, that the Washington based international financial institutions (IFIs), World Bank Group and International Monetary Fund, were able to predominate the politics of development. The predominant paradigm was centered on the idea that private market forces are the best available mechanism for development and a liberal market economy the state of being developed.

There are two instrumental reasons for the rise of one singular paradigm of development above all others. First one is the former hegemonic position of the US, which contributed to the universalization of this singular paradigm. Second one is the construction of economics upon a notion that combines subjective preferences and normative values with universality. One of leading figures in configuring the epistemological foundations of modern economics and the corresponding development paradigm was Ludwig von Mises. Let us quote from Mises⁴ the following:

[I]t is in this subjectivism that the objectivity of our science lies. Because it is subjectivistic and takes the value judgements of acting man as ultimate data not open to any further critical examination, it is itself above all schools of dogmatism and

⁴ Ludwig von Mises, *Human Action, A Treatise on Economics*, New Haven, Yale University Press, 1949, 21.

ethical doctrines, it is free form valuations and preconceived ideas and judgments, it is universally valid and absolutely and plainly human.

Mises was referring to the choices that people make on free markets, and the price mechanism, which together (according to this perspective) form the backbone of social and economic development. Yet the fallacies of this paradigm are many. Even though the most ardent proponents of free market fundamentalism can argue that the rise in our material well-being through the availability of cars, mobile phones and McDonalds and most importantly, the decline in child mortality, are clear indications of a true global development, it is also true, that an ecological disaster has paralleled this ‘development’. From the only universally applicable perspective that there exists, that is, the preservation of our common earth, economic ‘development’ has rather been degeneration. Let us quote from de Rivero⁵ the following:

Our global urban civilization is incapable of recycling or replacing the fossil energy it uses and which is heating up the planet; so far, it has also been unable to change the patterns of consumption which are destroying its own habitat. Our civilization thus operates in the same way as a cancerous cell that goes on destroying the organism off which it lives. The crisis is far-reaching in the sense that it is ethical and based on the ideology of material progress at any price, a self-destructive ideology which believes that the planet can provide us with infinite resources and absorb unlimited pollution.

In addition, one should not forget about the millions of people born to a life at subsistence level, without individual or communitarian control over their living environments but rather subjected by the force of hunger and money to serve the global markets. It is questionable whether anyone should need to become, as Marx⁶ wrote, “*a living appendage of the machine*”, or destined for work in sweatshops of ‘developing countries’ where, to quote from Smith⁷, “[t]he uniformity of his stationary life [...] corrupts even the activity of his body, and renders him incapable of exerting his strength with vigour and perseverance in any other employment, than to which he has been bred. His dexterity at his own particular trade seems, in this manner, to be acquired at the expense of his intellectual, social, and martial virtues.” It is equally questionable, whether it is proper for a ‘developed society’ to consists of millions of people in poverty through both unemployment and, indeed, through minimum wage employment, and at the same time to entertain a wealthy minority getting the majority of income.

⁵ Oswaldo de Rivero, *Myth of Development: Non-Viable Economics and the Crisis of Civilization*, London, Zed-Books, 2010, 2, 3.

⁶ Karl Marx, *Capital. A Critique of Political Economy. Volume I*. Moscow, Progress Publishers, 2010 (1887), 313.

⁷ Adam Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, The Pennsylvania State University, Electronic Classics Series, 2005 (1776), book V, i.iii.ii, 637-8.

These problems, the ecological crisis, the social destitute in both the ‘developed and ‘developing’ world, heavily question the legitimacy and benefits of the politically universalized development paradigm of the past. The decline of US hegemony and the global ideational and economic power shifts, presented in the form of new regional and multilateral initiatives, has shattered the political predominance that laid the foundation for this singular ‘development’. Does the discourse of Asian century or a Post-Western Age reflect in actual institutions of plural globalizations? Namely, a precondition for a pluralist globalization is the existence of multilateral institution(s) that promote pluralism.

There are institutions that claim to be up for the task. The BRICS, an international organization among Brazil, Russia, India, China and South Africa, and the Bolivarian Alliance for the Peoples of our America (ALBA), formed initially by Cuba and Venezuela and later joined by Bolivia, Nicaragua, Ecuador, and six Caribbean islands, have been portraying themselves as forces for a more pluralist globalization — economic globalization and development included⁸. Out of these two, the BRICS is clearly the more powerful. As a multilateral organization, it could theoretically become a force of change, not just the change in the hierarchy of global superpowers, but a shift from singular to plural development.

Indeed, with regard to the other multilateral institutions of both economic and global governance, where the Western powers have or have had a dominant position, the BRICS seem to give to itself the role of reformer. But to what extent and how does it promote pluralism in development on multilateral and regional levels? As a multilateral organization, does BRICS stand for plural development? There is increasing literature arguing that, unlike ALBA, the BRICS development policies are of a rather conventional nature instead of providing for alternative paradigms⁹. The objective of this paper is to analyze the financial initiatives of the BRICS and ALBA in the context of pluralist development.

2. Research Questions

In order to function as a promoter of pluralist development, BRICS’ financial initiative would comply the following conditions: 1) promote and support cooperation with alternative financial institutions, 2) engage in alternative development financial

⁸ Marko Juutinen and Jyrki Käkönen, *Battle for Globalizations, BRICS and US Mega-Regional Trade Agreements in a Changing World Order*, Observer Research Foundation, New Delhi, 2016; Oliver Stuenkel, “Towards a ‘BRICS’ consensus?”, *International Affairs Forum*, 2013, vol. 4, No 1, 34–34; Maribel Aponte García, *El nuevo regionalismo estratégico. Los primeros diez años del ALBA-TCP*, Buenos Aires, CLACSO, 2014.

⁹ Eduardo Gudynas, “Beyond varieties of development: disputes and alternatives”, *Third World Quarterly*, 2016, 37, 4, 721–732; Patrick Bond, “BRICS banking and the debate over sub-imperialism”, 2016, 37, 4, 611–629.

policies. The research task is thus to compare BRICS' initiative with that of ALBA to analyze their commonalities, and secondly, to study how the 'BRICS Bank' to 'ALBA Bank' and other regional and multilateral institutions. Paper answer the following questions:

1. What are the development principles in the financial policies of the Bank of BRICS and ALBA?
2. To what extent does the BRICS Bank support and promote Bank of ALBA?
3. Can the BRICS Bank and the Bank of Alba be classified as mutually supportive initiatives for development pluralism for a plural world order?

The immediately subsequent empirical part consists of two sections, the first one on Bank of ALBA, and the second one the BRICS initiative, New Development Bank. The last section concludes with tentative results.

3. Empirical Part

3.1. Bank of ALBA

Initially, Cuba and Venezuela formed the Bolivarian Alliance for the Peoples of our America (ALBA), and were later joined by Bolivia, Nicaragua, Ecuador, and six Caribbean islands. They based regional cooperation on the values of cooperation, complementation and solidarity, saw the economy just as a tool to meet social ends, and sought to alter disadvantaging relations of trade and production¹⁰. As we will see, the distinction between the two axis is crucial for the analysis of development finance projects in Latin America, in general, and for the Bank of ALBA, in specific.

The Founding Act and the Constitutive Agreement were signed in 2008. After the ratification of the agreement in Venezuela, Cuba and Nicaragua, the bank became a legal personality in September of 2009, allowing for the initial release of financing allocations to high impact social projects in the areas of culture, health and education. The headquarters of the bank were established in Caracas, Venezuela¹¹. In 2010, Bolivia joined, in 2011 and 2012 Dominica and Saint Vincent and the Grenadines, respectively. According to Benzi et al.¹², the Ecuadorian government never showed interest to affiliate, which seems interesting considering the role Ecuadorian economists played in respect to the Bank of the South.

¹⁰ Julia Eder, "Trade and Productive Integration in ALBA-TCP — A Systematic Comparison with the Corresponding Agendas of COMECON and NAM", *Journal für Entwicklungspolitik* 32:3, 2016, 91-112.

¹¹ Maribel Aponte García, *El nuevo regionalismo estratégico. Los primeros diez años del ALBA-TCP*. Buenos Aires, CLACSO, 2014, 262-265; SELA, *ALBA-TCP as a mechanism for cooperation with a regional scope*, 2013, 18-20. <http://www.sela.org/bd-documental/documentos/alba-tcp-as-a-mechanism-for-cooperation-with-a-regional-scope/?docWords=&docInstitucional=&docAutores=&docTemasRelacionados=INTRAREGIONAL+RELATIONS&docStart=2005&docEnd=2015&docLang=all> (26.08.2017).

¹² Daniele Benzi, Tomás Guayasamín, Mónica Vergara, "¿Hacia una nueva arquitectura financiera regional?", *Revista Iberoamericana de Estudios de Desarrollo* 5:1, 2016, 41-42.

In Article 4 of the Constitutive Agreement, the Bank of ALBA has — corresponding to the counter-hegemonic orientation of ALBA — broader goals than traditional development banks. Besides conventional tasks, such as fostering economic development of key sectors (4.1.1), expanding and connecting the countries' infrastructure (4.1.3), promoting, creating and administering reimbursable and non-reimbursable financing (4.2), and providing resources for technical assistance, pre-investment & research and development surveys (4.3), the Bank of ALBA¹³ also enumerates other untypical objectives:

4.1.2 *Social development in health, education, housing, social security, community development, social economy*; as well as those oriented towards the promotion of *participatory democracy*, the reduction of social exclusion and the elimination of gender and ethnic discrimination; and others which contribute to the improvement of living conditions of the peoples.

4.1.4 Promotion, consolidation and development of micro-, small— and medium-size production, as well as *associative economies*, (...) with the purpose of (...) *food sovereignty* and security.

4.1.5 Creation of binational, *Grand National enterprises* or any other modality of associative organization that *promotes mutual interest investments* (...).

4.4 To *develop and promote fair trade practices* comprising goods and services.

The Bank of ALBA is self-sustainable and self-governed corresponding to the international practices of financial efficiency, which should lead to the creation of new resources to finance projects of the member countries. Every member state has the same number of representatives in the bank. The Bank of ALBA operates without loan conditions and based on member's consensus. Most of its money comes from Venezuela. In 2012, Venezuela proposed that every member country should allocate 1 % of its international reserves in the Bank of ALBA. For a start, Venezuela deposited its equivalent, 300 Million US dollars in the reserves of the bank¹⁴. The Bank of ALBA shall constitute “an effective instrument to finance Grand National economic and cooperation projects.”¹⁵.

It was founded as instrument of a broader Economic Cooperation between Developing Countries. In the financial sector, it additionally implied the creation of the SUCRE (Unitary System of Regional Payment Compensation). There are indications that between 2008 and 2010 the setup of a Regional Development Plan was considered, but not implemented¹⁶. Financial and monetary cooperation served

¹³ Bank of ALBA, *Convenio Constitutivo* [Spanish version, translation and accentuation, J.E], 2008, 6-7. <http://www.bancodelalba.org/wp-content/uploads/2014/05/CC-INGLES-BALBA-2014-WEB1.pdf> (02/12/2015).

¹⁴ Aponte García, *op. cit.*, 262-265.

¹⁵ SELA 2013, *op. cit.*, 17; 20.

¹⁶ Benzi et al., *op. cit.*, 41-54.

to promote other projects and mechanisms of integration, e.g. ‘Grand National Enterprises’, intra-ALBA trade in the framework of the Peoples’ Trade Treaty and ALBA’s social programs, the *misiones*. Moreover, the Bank of ALBA participated in the administration of the ALBA-Petrocaribe Fund, which is a development fund for Caribbean states sponsored by Venezuela oil revenues¹⁷.

The Article 5 of the Constitutive Agreement authorizes the Bank of ALBA to grant credits, credit lines, bonds, guarantees and other forms of securities (5.1); to issue, to allocate, to organize and to administer all types of securities (5.2); to provide services of the clearance and settlement of economic, commercial and financial transactions (5.3); to provide administrative services for portfolios, organizing, composing, and administering trusts, mandates and other trustworthy operations (5.4); to act as commission agent and custodian of securities (5.5); to provide treasury services to governmental, intergovernmental and international organisms, to state-owned, semi-state-owned enterprises and associative entities of the ALBA member countries (5.6); and any other type of financial operations or services which contribute to the objectives of BALBA (5.7) (Bank of ALBA 2008: 8; translation J.E.).

Initially, the Bank of ALBA was supposed to receive one billion US dollar and, additionally, a credit line of another billion US dollar¹⁸. For some unknown reason, the subscribed capital never exceeded 850 million US dollar. Benzi et al. underline that — until March 2011 — of this amount only 107 million US dollar had been distributed. In 2012, the Bank of ALBA’s member countries agreed on the initiative of Hugo Chávez on raising the bank’s funds to 1 % of each countries’ international reserves to relaunch the initiative. In any case, Benzi et al. point out that apparently none of the governments accomplished the payment. As a result, the financial resources of the Bank of ALBA have in practice always been extraordinarily low. This has limited the room of maneuver notably¹⁹.

Therefore, to draw a balance of the Bank of ALBA’s performance, we need to consider not only written documents, but also the implemented projects. Only this proceeding will allow us to answer the question whether we can talk about alternative or counter-hegemonic development finance or not. For instance, in May 2012, the Bank of ALBA announced that citizens of the member states could apply at the institution for funding of their own projects. Interestingly, this was also promised for Ecuadorians, although Ecuador had never joined the institution. However, even though in the notification a quick divulging of the qualifying criteria was promised,

¹⁷ Aponte García, *op. cit.*, 264; Benzi et al., *op. cit.*, 41, 44; SELA, *La Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América — Tratado de Comercio de los Pueblos (ALBA-TCP)*, 2015, 12. <http://www.sela.org/media/2087724/di-11-alba-tcp-esp.pdf> (29/04/2016).

¹⁸ Aponte García, *op. cit.*, 262.

¹⁹ Benzi et al., *op. cit.*, 42, 56.

no more references to the case appear neither in literature nor in the media. The text also mentions a “Commission for the New Regional Financial Architecture”, which generates only three hits if searched in Spanish on google and does not appear anywhere else²⁰. It seems that not all announcements have been implemented. Therefore, in the following, we will turn our attention to the projects, which have been launched.

In three traditional fields of development finance — infrastructure, energy cooperation and trade promotion —, the Bank of ALBA funded several projects. One was the construction of the Argyle International Airport in St. Vincent and the Grenadines to promote tourism on the island²¹. Also, the Bank of ALBA supported the Grand National Project “ALBA Energía” with 8 million US dollars. The goal was to improve the technical and financial capacities as well as the accession to natural resources for each member state of the Energy Treaty of ALBA and to create new value chains in the energy sector²². Another project to strengthen energy sovereignty was set up between Venezuela and Antigua and Barbuda. A “Pilot Plant of Wind Power” received 4 million US dollar²³.

In respect to trade, the Bank of ALBA intended to boost intra-ALBA trade. The “Pilot Program of Funding Binational Intra-ALBA” comprised the textile and wood sectors. In total, 12 Venezuelan and 21 Bolivian enterprises received financial support for exports in the ALBA area. For this purpose, 3 funds of a total sum of 25 million US dollars were created. One for the already mentioned program, one for a similar program between Venezuela and Nicaragua and one for Venezuela exports to other countries of ALBA and MERCOSUR²⁴. “The Intra-ALBA Plan is a rotatory fund of commercial exchange operations, through which businessmen get financed with the objective to promote imports and exports among the parts [of ALBA, J.E.]. For the moment, it operates binationally between Bolivia and Venezuela; whereas the Nicaragua-Venezuela Program, created in 2013 with a sum of 10 million US dollars, is in the launching process”²⁵.

²⁰ Poder Ciudadano, *Banco del ALBA financiará proyectos en Ecuador y la región: representantes de los países se reúnen en Quito para afinar los criterios de calificación*, 16/05/2012. <http://www.poderciudadano.ec/sala-de-prensa/boletines/81-proyecto-en-el-banco-del-alba.html> (10/07/2016)

²¹ Telesur, *Petrocaribe amplía inversiones en San Vicente y Las Granadinas*, 02/11/2015. <http://www.telesurtv.net/news/Maduro-anuncia-que-Petrocaribe-ampliara-inversiones-en-San-Vincente-y-Las-Granadinas-20151102-0037.html> (10/07/2016)

²² Cubadebate, *Banco del ALBA financia nuevos proyectos sociales y económicos*, 30/04/2009. <http://www.cubadebate.cu/noticias/2009/04/30/banco-del-alba-financia-nuevos-proyectos-sociales-y-economicos/> (10/07/2016).

²³ SSIS, *En reunión sostenida en Caracas. Países del ALBA firmaron acuerdos de cooperación*, 11/08/2015. <http://www.siss.gob.ve/paises-del-alba-firmaron-acuerdos-de-cooperacion/> (11/07/2016).

²⁴ Benzi et al., *op. cit.*, 43.

²⁵ SELA 2015, *op. cit.*, 12.

In the social sphere, several projects have been implemented. Petrocaribe and the Bank of ALBA signed an agreement with St. Lucia to construct and renovate homes of poor people for 9,538 million US dollars²⁶. The Bank of ALBA funded the Grand National Project “ALBA Salud” with 3,4 million US dollars. It aims at the construction of a regulatory center to distribute and trade 489 pharmaceutical products against the most common diseases in the ALBA area. The Grand National Projects “ALBA Cultura” funded by the Bank of ALBA supports with 6,520.000 US dollars artists, playwrights, authors and musicians with scholarships and other services and goods²⁷. And in the educational sphere, the presidents of the ALBA countries instructed the Bank of ALBA to allocate 5 million US dollars for a literacy campaign²⁸.

The promotion of food sovereignty plays a central role in Bank of ALBA’s activities. In 2009, the Bank of ALBA adopted an agricultural project of 9 million US dollars for rice production in the region Artibonito in Haiti. Ten projects of foodstuff production in Honduras, Suriname, Guyana, Jamaica, St. Vincent and the Grenadines, Nicaragua and Belize received another 4 million US dollars.²⁹ Furthermore, the Bank of ALBA funded the Grand National Enterprise VENCEDOM — owned by Venezuela and Dominica — with 11,2 million US dollars for the construction and administration of a coffee plant, the extension of the number of farms and to support the farmers³⁰. In Bolivia, the Bank of ALBA assigned 400.000 US dollars to the project “Strengthening of the System for Natural Sustainable Production of Trouts”³¹.

According to a high Cuban official met in May of this year, the Bank of ALBA is still in operation. However, in August 2015 for the last time new projects of Bank of ALBA were announced in public.: “On the IV Extraordinary Reunion of the Political Council of ALBA-TCP (...), it was reported that the bank would grant funds for (...) the construction of medical centers and the improvement of agricultural routes in Dominica; the construction of schools and roads, as well as the development of renewable energy in Grenada; programs of solar panels for public schools and housing projects in St. Kitts and Nevis; [and] the construction and rehabilitation of

²⁶ SSIS, *op. cit.*

²⁷ Cubadebate, *op. cit.*

²⁸ Cubadebate, *op.cit.*; SSIG, *op. cit.*

²⁹ Cubadebate, *op. cit.*; SSIG, *op. cit.*

³⁰ Andrea Califano, “Perspectives on the Grand-National Enterprises and their role in the ECOALBA-TCP: Trade, Productive Chains and Foreign Investment”, *Revista Cubana de Economía Internacional*, 2, 2015, 72-106.

³¹ Venezuela Embassy in Bolivia, *Banco del Alba inspeccionó proyecto de truchas en Bolivia*, press release, n.d. (before 2013). http://bolivia.embajada.gob.ve/index.php?option=com_content&view=article&id=1941%3Abanco-del-alba-inspecciono-proyecto-de-truchas-en-bolivia-&catid=2%3Anoticias-de-venezuela-en-bolivia&Itemid=18&lang=es (11/07/2016).

sports venues in St. Vincent and the Grenadines (...)"³². Benzi et al. point out that already before Venezuela first and ALBA the entered into crisis, the creation of a NRFA had advanced poorly. More than one and a half years ago many projects of ALBA, including those financed by the Bank of ALBA, seemed to be stagnating³³. This impression has grown to date.

Although it is known that Bank of ALBA has activated some projects and has issued some credit lines, basic information about the funding activities is lacking. On its website, the Bank of ALBA presents no overview over the realized projects, which also renders impossible to draw a balance. Furthermore, Benzi³⁴ et al. criticize the political voluntarism inherent in the very centralized decision-taking over adoption or rejection of projects. For example, it is unknown why the Bank of ALBA turned from primordially financing socially-oriented projects during its first years to providing gradually more credits to private businessmen to promote Intra-ALBA trade. We need to recall that the Bank of ALBA disposed only over a low capitalization, which automatically forced to prioritize some issues over others. Moreover, it is not clear if the ALBA countries in the later stage financially supported a strategy of Private Sector Development or if Micro-, Small and Medium Enterprises (MSME) benefitted most.

3.2. *New Development Bank (NDB)*

Since 2009, the BRICS countries have been seeking to develop coordinated strategies for a new platform for economic cooperation between these countries, with the aim of reaching a higher level of development accompanied by a repositioning in the international arena. Despite all the differences, these countries have some elements and aspirations that unite them, and the challenge is to design a common platform to gain space and greater insertion from the international perspective. At this moment, the questions are posed as follows: in a world in constant transformation, in which can be perceived the loss of economic and political power of the traditional powers (especially the United States and Europe), how it would be possible to think on the insertion of the so-called "emerging countries"? How could this process be dynamic with the set of international institutions in force? Would the New Development Bank (BRICS Bank) play a relevant role in this context?

As Long-Term Strategy, the BRICS countries organized their cooperation programme aiming to pursue advances around five broad pillars as follows:

- 1 — Promoting Cooperation for Economic Growth and Development
- 2 — Political and Economic Governance
- 3 — Social Justice, Sustainable Development and Quality of Life

³² SSIS, *op. cit.*

³³ Benzi et al., *op. cit.*, 42-44; 56.

³⁴ Benzi et al., *op. cit.*, 42; 55-56.

4 — Peace and Security

5 — Progress through sharing knowledge and innovation

This cooperation platform has been reinforced in the on the Xiamen Meeting³⁵ held recently on September 2017. Next Leaders meeting will take place in South Africa, on the occasion of the 10th BRICS Summit in Johannesburg in 2018.

As institutional framework, in 2012, the BRICS countries launched an enquiry into the benefits of a New Development Bank (NDB) “to mobilize resources for infrastructure and sustainable development projects in BRICS and other emerging and developing countries.” Finance ministers and central bank governors were also asked to explore the construction of a financial safety net for BRICS through the establishment of a currency reserve: the Contingent Reserve Arrangement (CRA). The NDB commenced business in July 2015, and a Treaty for the establishment of the BRICS CRA also entered into force in 2015.

The purpose of CRA is to protect BRICS in the event of any liquidity pressures that might arise in the wake of the persistent sovereign debt crisis and uncertainties in the financial sector of Western economies. Bond³⁶ writes: “To the surprise and disappointment of many BRICS supporters, however, the CRA actually empowers the IMF because, if a member country is in need of more than 30 % of its borrowing quota, it must first go to the IMF for a structural adjustment loan and conditionality before accessing more from the CRA.”

The rationale behind the NDB can be inferred from the sluggish pace of reform at the IMF. At the UFA Summit in 2015, BRICS leaders declared, “[W]e remain deeply disappointed with the prolonged failure by the United States to ratify the IMF 2010 reform package, which continues to undermine the credibility, legitimacy and effectiveness of the IMF.” Prior to the changes in 2016, developed nations still accounted for about 55 percent of IMF voting power. As the decision-making rule in IMF is that of the majority or qualified majority, this implied that the US and other developed countries were able to direct IMF policies.

The purpose of the NDB is to channel funding for sustainable development and infrastructure projects in emerging and developing countries. As far as rhetoric is involved, therefore, the goal is not any different form that of the IMF and World Bank. Almost 80 percent of World Bank’s loans have been directed towards development and infrastructure projects (called ‘investment loans’). Myanmar, for instance, launched a project for Ayeyawade river governance and 101 sustainable water usage in 2015 with a WB loan of US\$ 100 million. The remaining 20 percent consists of development loans known for their 102 103 conditions on policy reforms.

³⁵ More information about the “BRICS Leaders Xiamen Declaration”, can be found at: https://www.brics2017.org/English/Headlines/201709/t20170908_2020.html (Access on 31.10.17)

³⁶ Ibid., Bond 2016, 613.

Within the boundaries of neoliberal development paradigm, development and infrastructure refers to the kind of development and infrastructure that companies can use. Quite often this means mining companies and other extractive businesses. Quite seldom it means raising the standards and coverage of health care or education. In contrast, during the heyday of WC, social infrastructure got cut down rather than boosted through the injection of ‘development’ loans. In the past lending of the BRICS countries, there is little evidence of a rupture with the extractive model. The only thing is that cutting on social infra is not conditional upon extractive investments.³⁷

Will the NDB in fact be a source of a different brand of development lending? The founding agreement of the bank does not offer any answers to that question. Instead we have some background material from BRICS Institutes. In a Policy Brief, ‘New Development Bank: Identifying Strategies and Operational Priorities’, published by the BRICS Institute Observer Research Foundation (ORF) and National Institute of Public Finance and Policy (NIPFP). The paper begins by describing the need for development finance and the gap between discourse on development and the international financial institutions. Indeed, over 650 million people across the world lack access to safe drinking water, over 2.5 billion lack access to 105 decent sanitation, and over a billion live without electricity—all of them defined by the United Nations as nothing less than basic human rights. For human growth and the development of society and economy, equally fundamental are social infrastructure and basic social services, such as education and health care. This would indicate the need, at least at some level of attention, to other than extractive interests.

The NDB has also signed Memorandums of Understanding with major regional and multilateral IFIs. It has agreed to share information and collaborate in financial terms in complementary manner. It has also agreed to staff exchanges. This indicates that the NDB seeks indeed an active role. However, among the list of NDBs partner institutions and its MOUs the Bank of ALBA shines with its absence.

Recently NDB is passing by its first institutional crisis related to the demission of the Brazilian vice-president of the institution Paulo Nogueira Batista Jr, nominated by ex-Brazilian President Dilma Roussef, when he was supposed to keep his mandate until 2021. Because of pressure from the recent Brazilian government, he was invited to leave the chair on October 2017, based on supposed violation against the NDB code of conduct (talking about the internal issues of his country). These accusations against him led him to ask for an inquiry on potential violation of the Bank’s code

³⁷ Ray Kiely, *The Rise and Fall of Emerging Powers. Globalisation, US Power and the Global North-South Divide*, Palgrave, 2017.

by the President of NDB (K V Kamath) and the Vice President for Russia (Vladimir Kazbekov) — on similar level that he was accused of³⁸.

This incident raises two questions. First, what kind of implications does it have on the NDB functionality on the short term? Second, and even more important, what does it imply in terms of institutional independence. Will the internal issues among member states, like the change of government in Brazil, reflect on the stability of the institution, something that hadn't been seen since the Bank's foundation?

This incident raises challenging questions: what kind of implications does it have on the NDB functionality on the short term, and even more important, what does it imply in terms of institutional independence and what kind of consequences does it have on NDB — whether internal issues from members countries could reflect on the stability of the institution, something that hadn't been seen since the Bank's foundation.

4. Results

This paper sought to answer the following questions:

1. What are the development principles in the financial policies of the Bank of BRICS and ALBA?
2. To what extent does the BRICS Bank support and promote Bank of ALBA?
3. Can the BRICS Bank and the Bank of Alba be classified as mutually supportive initiatives for development pluralism for a plural world order?

Both initiatives are counter-hegemonic, but only the Bank of ALBA fully rejects the singular development paradigm of the dominant financial institutions. This would not be of decisive importance, were the BRICS Bank to support and promote ALBA and other alternative initiatives. However, there are so far only few signs of that. Unless proven otherwise, it seems that the BRICS Bank does not promote alternative development paradigms, only alternative lenders — who work within the (broad) boundaries of dominant singular paradigm. It is thus difficult to conceive of the BRICS and ALBA as mutually supportive processes of pluralist development.

5. Discussion

The creation of the Bank of ALBA followed two major purposes. One was the creation of financial independence through the setup of a New Regional Financial Architecture, independent of the International Financial Institutions (IFIs). This

³⁸ About this subject, more information available at: <http://www.valor.com.br//brasil/5147378/banco-do-brics-afasta-nogueira-batista-da-vice-presidencia> (Access on 31.10.17)

goal was not reached, because of the low capitalization of the bank and the relative isolation — even in Latin America. Although trying to be an alternative, the Bank of ALBA could not provide enough funding to release ALBA countries of the burden of seeking additional lending options elsewhere. For self-reliant development strategies, and even more for the creation of a new financial architecture, this would have been crucial. For the same reason, the Bank of ALBA could not build up a real counter-hegemony in the field of development finance, challenging World Bank and IMF.

On the other hand, the Bank of ALBA was founded to guarantee funding for ALBA's ambitious integration projects³⁹. Seen from this perspective, the Bank of ALBA flanked a broader development strategy with a counter-hegemonic orientation⁴⁰. The access to unconditional loans was meant to protect national sovereignty and open room for action, specifically for the economic weaker parties⁴¹. Up to a certain point, the funding from the Bank of ALBA facilitated the setup of several Grand National Projects and Grand National Enterprises as well as the implementation of other projects. Particularly in the social sphere, projects related to health care and education could be only implemented due to Bank of ALBA's assistance. Above all, especially the small Caribbean islands profited in a variety of fields of Bank of ALBA's initiatives⁴².

Apart of the already mentioned, several other elements made Bank of ALBA's orientation alternative (partly based on the suggestions made by Puello-Socarrás et al.⁴³ and by Ortiz and Ugarteche⁴⁴ in relation to the Bank of the South): First, this was the idea to create through development finance a progressive autonomy, focused on improving the living conditions of the people and preserving sovereignty (in food, energy etc.). This implied to issue non-conditional loans. Second, the new banking practices tried to reduce existing asymmetries through Grand National Projects and the one country, one vote principle. Third, while the construction of infrastructure was still one focus of the Bank of ALBA, mainly social infrastructure received funding. Fourth, beneficiaries of financing were mostly state-owned enterprises, cooperatives and MSMEs. However, it could be argued that complete transparency and the involvement of civil society would be required for a real alternative.

³⁹ ALBA-TCP 2008, *op.cit.*

⁴⁰ Eder, *op. cit.*, 92, 101, 105.

⁴¹ Bank of ALBA, *op. cit.*, 6.

⁴² Aponte Gracia, *op. cit.*, 264.

⁴³ José Francisco Puello-Socarrás, Lucas Castiglioni, Emiliano Fernández, *Integración regional en Nuestra América. El papel de las instituciones financieras en los procesos de integración regional*, Montevideo/Buenos Aires, FISyP [Fundación de Investigaciones Sociales y Políticas], 2014, 89-93.

⁴⁴ Isabel Ortiz, Oscar Ugarteche, *El Banco del Sur: Avances y Desafíos*, 2008. www.choike.org/documentos/banco_del_sur_ortiz_ugarteche.pdf (20/08/2016)

With regard to the New Development Bank, it is possible to say that it is the first time that a Bank aspiring to be an institution of global scope is being built exclusively by emerging countries (without the official participation of a developed country). And could play an important role as an alternative to the traditional way to access financing for development, offering a possibility not based on the Bretton Woods framework. Indeed, out of the about 20 financial projects that the NDB has launched, none include conditional policy reforms, those that characterize the singular development paradigm in the sense of Washington Consensus.

However, the Washington Consensus is there through the collaboration with IMF and World Bank Group — a major difference in the lending policies between NDB and the Bank of Alba. Policy reforms are also part of the CRA, again through the IMF and World Bank. And thirdly, this binding of NBD lending to IMF and World Bank, and the construction of a network with other IFI excluding ALBA may indicate, that indeed, the BRICS' pluralism merely is about the pluralism of institutions and states, not of ideas. This, however, might be too strong an interpretation. If there is a plurality of actors, then the momentum of plural action also arises. Herein, based on this analysis, can the emancipatory expectations find a safe haven, and here, too, could the hope for our planet earth still live on.

Bibliography:

1. Mises, L. von. *Human Action, A Treatise on Economics*, New Haven, Yale University Press, 1949, 21.
2. Rivero, O. de. *Myth of Development: Non-Viable Economics and the Crisis of Civilization*, London, Zed-Books, 2010, 2, 3.
3. Marx, K. *Capital. A Critique of Political Economy. Volume I*. Moscow, Progress Publishers, 2010 (1887), 313.
4. Adam Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, The Pennsylvania State University, Electronic Classics Series, 2005 (1776), book V, i.iii. ii, 637-8.
5. Juutinen, M., Kähkönen, J. *Battle for Globalizations, BRICS and US Mega-Regional Trade Agreements in a Changing World Order*, Observer Research Foundation, New Delhi, 2016.
6. Stuenkel, O. "Towards a 'BRICS' consensus?", *International Affairs Forum*, 2013, vol. 4, No 1, 34–34.
7. Aponte García, M. *El nuevo regionalismo estratégico. Los primeros diez años del ALBA-TCP*, Buenos Aires, CLACSO, 2014.
8. Gudynas, E. "Beyond varieties of development: disputes and alternatives", *Third World Quarterly*, 2016, 37, 4, 721–732.
9. Bond, P. "BRICS banking and the debate over sub-imperialism", 2016, 37, 4, 611–629.

10. Eder, J. "Trade and Productive Integration in ALBA-TCP — A Systematic Comparison with the Corresponding Agendas of COMECON and NAM", *Journal für Entwicklungspolitik* 32:3, 2016, 91-112.
11. Aponte García, M. *El nuevo regionalismo estratégico. Los primeros diez años del ALBA-TCP*. Buenos Aires, CLACSO, 2014, 262-265.
12. SELA, *ALBA-TCP as a mechanism for cooperation with a regional scope*, 2013, 18-20. <http://www.sela.org/bd-documental/documentos/alba-tcp-as-a-mechanism-for-cooperation-with-a-regional-scope/?docWords=&docInstitucional=&docAutores=&docTemasRelacionados=INTRARREGIONAL+RELATIONS&docStart=2005&docEnd=2015&docLang=all> (26.08.2017).
13. Benzi, D., Guayasamín, T., Vergara, M. "¿Hacia una nueva arquitectura financiera regional?", *Revista Iberoamericana de Estudios de Desarrollo* 5:1, 2016, 41-42.
14. Bank of ALBA, *Convenio Constitutivo* [Spanish version, translation and accentuation, J.E], 2008, 6-7. <http://www.bancodelalba.org/wp-content/uploads/2014/05/CC-INGLES-BALBA-2014-WEB1.pdf> (02/12/2015).
15. Califano, A. "Perspectives on the Grand-National Enterprises and their role in the ECOALBA-TCP: Trade, Productive Chains and Foreign Investment", *Revista Cubana de Economía Internacional*, 2, 2015, 72-106.
16. Kiely, R. *The Rise and Fall of Emerging Powers. Globalisation, US Power and the Global North-South Divide*, Palgrave, 2017.
17. Puello-Socarrás, J.F., Castiglioni, L., Fernández, E. *Integración regional en Nuestra América. El papel de las instituciones financieras en los procesos de integración regional*, Montevideo/Buenos Aires, FISyP [Fundación de Investigaciones Sociales y Políticas], 2014, 89-93.

**The BRICS through the lenses
of Brazilian media (2001–2015):
from Heaven to Hell**

**Los BRICS a través de los lentes
de los medios brasileños (2001–2015):
del cielo al infierno**

Abstract: In this paper, we discuss the evolution of BRICS according to major Brazilian media outlets since the creation of the group in 2001. One of the purposes of the work is to emphasize the role of media as an autonomous player vis-à-vis the government in formulating and shaping public opinion and, ultimately, influencing the outcomes of diplomacy. Three main trends are identified: the first one, from 2001 to 2009, was generically characterized by the novelty of the idea, and the push for further liberalism in Brazil; the second one, from 2009 to 2012, the group was perceived as stabilizer of a crumbled global economy; the third one, from 2012 to 2015, of growing difficulties within BRICS and consequent dismay with the group's prospects. We intend to show that these visions are quite exaggerated because they fail to grasp the essence of group, while also pushing for too specific and short-term objectives.

Key words: BRICS; foreign policy; media; Brazil.

Resumen: En este trabajo discutimos la evolución de los BRICS según los principales medios de comunicación brasileños desde la creación del grupo en 2001. Uno de los propósitos del trabajo es enfatizar el papel de los medios como un jugador autónomo en relación con el gobierno en la formulación y formación de la opinión pública y, en última instancia, influir en los resultados de la diplomacia. Se identifican tres tendencias principales: la primera, de 2001 a 2009, se caracterizó genéricamente por la novedad de la idea y el impulso para un mayor liberalismo en Brasil; el segundo, de 2009 a 2012, el grupo fue percibido como un estabilizador de una economía global derrumbada; el tercero, de 2012 a 2015, de crecientes dificultades dentro de BRICS y consecuente consternación con las perspectivas del grupo. Tenemos la intención de mostrar que estas visiones son bastante exageradas porque no captan la esencia del grupo, al tiempo que impulsan objetivos demasiado específicos y de corto plazo.

Palabras clave: BRICS; política exterior; medios de comunicación; Brasil.

¹ Brasil, International affairs researcher at Fundação de Economia e Estatística Siegfried Emanuel Heuser of Rio Grande do Sul state (FEE-RS), (mariotto.bruno@gmail.com).

Introduction

In late 2016, the BRICS nations celebrated their 10th anniversary of the first summit of government representatives, in the margins of the United Nations' General Assembly, in September 2006. We can identify at least three main phases since then: during its beginnings, very narrow and strictly political interests and specific objectives dominated the agenda; the second one, especially after global financial crisis of 2009, the attention towards the group increased rapidly and embraced also economic matters; lately, given the slowdown of the growth rates in almost every member country since 2012, BRICS has been described in general media as group in decadence. In this paper, we ought to demonstrate that misleading perceptions on the very essence and the objectives of the group may explain the exaggerated expectations in the second phase, as well the prevailing pessimism in recent years. We suggest that BRICS will continue to exist, as much as its guiding objectives continue to make sense for all nations, especially for China and Russia, despite the political reorientation in Brasilia after 2016.

For this task, it is useful to briefly introduce some concepts and major findings on the intersection between media, diplomacy and public opinion. First, although the importance of the media on society has been extensively discussed in some fields, especially Communication studies, it has not yet received enough attention within International Relations debates. Although the introduction of the idea of soft power yet in 1980s by liberal scholars such as Joseph Nye (2008)² relates to relevance of the channels of dissemination of information worldwide, it lacks a proper view to precisely address the issue especially when it comes to a non-central nation as Brazil.

In more recent years, different authors have introduced the imbrications between media and power, managing to advance the idea of soft power. While in traditional realist conception the media (either corporate or state-controlled) is generally portrayed as a mere instrument of the state, lacking proper autonomy or power, in a critical perspective it is assumed as a relevant or independent player, which may lead to descriptions as a 'fourth power' along with the Executive, Legislative and Judiciary.

In our case, we aim to discuss the relations between media and power. We propose to discuss a relevant topic in foreign policy debate, the group of BRICS, and more specifically how the major media companies (almost all of them private-owned) have managed to forge a distinct narrative on the issue, which was in general divergent (or even opposed) to official government opinions.

In the first session we discuss the relationship of media and power in international relations theory and stress its relatively recent and still strict studies,

² Nye Jr, Joseph S., «Public diplomacy and soft power.» *The annals of the American academy of political and social science*, 616.1, 2008, 94-109.

despite the enormous relevance of the media as an actor including in the formulation and the implementation of foreign policy. In the second part we advance a proposition on how to properly understand BRICS as a non-institutionalized mechanism of world order — which is not a novelty of current post-Cold War. Then, we suggest a periodization of BRICS according to Brazilian main media: in its earliest phase, from 2001 to 2009, when the then BRIC was the champion of a neoliberal order for Brazilian policymakers; from 2009 to 2012, the apex of optimism, when BRICS was perceived to be a stabilizer or a even the solution for a debilitated global economy; and from 2013 to 2016, when the group was become object of criticism due to alleged economic extenuation, notwithstanding some interesting institutional innovations in the period.

1. Media and diplomacy: a required debate

Despite the relevance of the media for politics and diplomacy has been quite explored in major military conflicts during the 20 Century, the scholar debate in International Relations only emerged in the 1970s with the Vietnam War and gained much more attention after the First Gulf War (1991). Yet the issue receives currently little attention from students if compared to other global issues. The greatest contributors to the debate are settled in-between the International Relations and other fields, such as Journalism, Linguistics, and Philosophy.

Traditional theories on linkages between media and diplomacy generally describe a statesman or a diplomat who uses media channels to promote national values towards foreign societies, improving the self-image of the actioning state among the recipient country, to take advantages in bargaining or to negatively inflict a local authority. This is a summarization of what Gilboa (2001) refers as public diplomacy. While this phenomenon can be identified in innumerable examples in world affairs, it surely does not describe all forms of relationship between media and diplomacy.

The traditional perspective does not fully provide a proper understanding of corporate mass media and their ability in shaping public opinion. First, the older paradigms fail to grasp the corporate media as potentially as an autonomous actor from the government. This assumption imply that government and media not always work together to promote the prevailing foreign policy among the public. These corporations may promote a contrasting agenda to reduce public support for government and eventually difficult or even bar the implementation of an undesirable for them policy.

This may be the case for analyzing the discussions on the pertinency of BRICS group for Brazilian foreign policy as portrayed by main media corporations since the first enouncement of the abbreviation, still in 2001. Our main question is

how main media companies portrayed the BRICS group and how much it differed from the narrative official opinions? Although it cannot be imputed a single opinion disseminated by the media regarding the group, we suggest two main hypotheses that help us to understand the problem.

The first one states that the published narrative reflects the political relation between the media company and the government: the more degraded the relations between the company and the government, the more critical toward BRICS. Secondly, as we believe that media can be an autonomous player, they may defend a specific stance of the government as regards of BRICS, or also push for the implementation of certain policies citing other BRICS nations as a pattern to be followed or avoided.

The concept of media-broker diplomacy can be applied to our study, although it must be reinstated that media corporations may have a specific and, not rarely, opposing agenda to the government's. In this case, as proposed by Gilboa (2001)³, journalists may act as traditional diplomats and change the progress of a given negotiation between two or more governments, in order to change definite outcomes, either by directly changing the behavior of officials, or indirectly influencing and reshaping public opinion in such a way that diplomats feel pressed to change their own position.

2. A brief background of BRICS: discussing global problems through informal mechanisms

The emergence of non-institutionalized groups of nations is not exactly a novelty

in global politics, although such cases have been much more common in present days and quite different in comparison with past experiences.

Still in late 19th century, European powers created a net of political-military agreements, either formal or informal, normally directed against specific countries or blocs, that eventually evolved into the belligerent sides of the First World War (1914-1918). However, since the end of the Second World War and the consequent foundation of the United Nations in 1945, and in particular with the emergence of new independent nations in Asia and in Africa, the phenomenon has intensified. Comprehensive discussion groups among developing countries such as the Movement of Non-Aligned (MNA) have been viable thanks to the common political and economic issues faced by the recently emancipated nations, such as the fear of having their political autonomy limited by economic dependence from former colonizers.

The surge of multilateral negotiations in the 1960s, in particular in trade and environment regimes, enabled the creation of innumerable sets of blocs, particularly

³ Gilboa, E., «Media diplomacy: Conceptual divergence and applications.» Harvard International Journal of Press/Politics, 1998, 3.3, 56-75.

among developing nations. A clear example is the Group of 77, which was created by 77 developing nations within United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) to enhance their bargain capabilities vis-à-vis the wealthier nations in Western Europe and North America. International informal groups are not a particularity of developing nations; some informal groups reunite only rich ones, such as the G7.

G7 was certainly one of the most robust groups already during its earliest phase in mid-1970s. The formation of the group can be understood as a consequence of the global financial imbalances in that decade, namely the unilateral cancellation of gold-dollar pattern by the U.S. government in 1971 and the *de facto* discontinuation of the Bretton Woods Agreements (BWA). Many scholars note that the BWA was the single regulating mechanism of the world monetary regime that was completely negotiated and successfully implemented⁴. In its outset in 1975 the group was created as G6 (France, Germany, Italy, Japan, the US, and the UK) and G7 after 1979, due to the incorporation of Canada. Between 1999 and 2014 the group was referred as G8 given the inclusion of Russia into its talks.

Despite maintaining an informal structure over its existence, G7 has been successful in keeping or even enhancing the scope of the discussions. While in its early summits G7 focused in debating economic instability and eventually promoting collective action to overcome some of the collateral effects of the end of BWA, over the years the group has broadened the range of topics, addressing as well international politics problems such as climate change, and even local military conflicts.

Two main paradigms help us to understand the evolution of G7/ G8. Part of scholars, which tend to perceive it in a more positive fashion, regard the group as a driving force for global governance, setting up rules to ensure economic stability and to mitigate political uncertainty⁵. The second and more critical approach argues that the bloc has been functioning as a lobby to induce a liberal order in favor of the wealthiest nations, and thus their legitimacy to act on behalf of the world community should be outright questioned⁶.

Given the rise of emerging nations in recent decades, in particular of China and India, the latter proposition has become much more accepted than ever. Furthermore, critics posit that G7 has been ineffective (or uneager) to avoid responding major crisis in peripheric nations, such the case of Mexico in 1994, the East Asian countries in 1997, Russia in 1998, and Argentina in 2001-2002. However, while the legitimacy of G7 as a guarantor of global sustainability is under heavy

⁴ Belluzzo, Luiz Gonzaga de Mello, «*O declínio de Bretton Woods e a emergência dos mercados “globalizados”*» *Economia e Sociedade* [Online], Volume 4 Número 1 (2 fevereiro 2016)

⁵ See: Smith, Gordon. *G7 to G8 to G20: Evolution in Global Governance*. 2011.

⁶ See: Bailin, A., *From traditional to group hegemony: the G7, the liberal economic order and the core-periphery gap*. Gower Publishing, Ltd., 2005.

questioning, the same cannot be said to the very continuity of the group, which is still well evaluated in US foreign policy.

The acronym “BRIC” was originally proposed by Jim O’Neill, chief-economist of Goldman Sachs, in 2001, still without “S” of South Africa. In his formulation, the group encompassed the largest emerging markets in the world: Brazil, Russia, India, and China. In his famous report “Building Better Global Economic with BRIC”, he predicted that these four nations altogether would match the product of the G7 nations until 2050, and their contribution to overall economic output would be much higher than in early 21st century.

However, the idea of gathering big peripheral nations to change the outcome of global politics is not exactly new. Still in 1923, Vladimir I. Lenin suggested that Russia, India, and China, which accounted for more than the half of global population at that time, could be the champions of a struggle against the imperialist West, and, furthermore, the promoters of a socialist global movement⁷. More recently, in mid-1990, other important Russian politician, Evgeniy Primakov also expected that these same nations could be the driving forces of a multipolar global order, in contrast to the sharp US overdominance after the demise of the Soviet Union. While he served as the chief of Russian diplomacy between 1996 and 1998, he actively promoted the concept of “strategic triangle” between the three Eurasian powers, which can be perceived as a clear forerunner of the BRICS.

While Lenin and Primakov emphasize the geopolitical potential of the interaction between great emerging nations to revolutionize or to change global order, other proponents tend to assert that such groupings can be useful not as challengers, but as stabilizers of prevailing global order. It is through these lenses that we must understand the proposition on BRICS by O’Neil.

3. From 2001 to 2008: introducing BRIC to a neoliberal world

One of the main proposals introduced by O’Neil in 2001 was that, since BRIC nations would be increasingly influential in economic affairs, especially in terms of their share in global GDP, they should also be included in G-7⁸. Thus, the economist initially backed not the creation of a new and separated club of emerging nations, but only the addition of other influential actors into the G7 talks to better address the management of global economy and to overcome possible threats to global stability.

⁷ Lenin, Vladimirovich Il. *Better Fewer, But Better*. Marxists Internet Archive. Retrieved from: <<https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1923/mar/02.htm>> on Aug 6, 2017.

⁸ O’Neil, Jim. *Building better economic global BRIC*. Goldman Sachs: Global Economics, paper No. 66. 30th November 2001. Retrieved from: <<http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf>> on Aug 6, 2017.

However, even the idea of a global forum encompassing both developed and developing nations to discuss the problems of world economy was not exactly a novelty at that time. G20 representatives first gathered in 1999, in Germany, as a prolongation of a G7+1 meeting in that year. Since then, finance ministers and central banks' chiefs have been gathering in a regular basis, but the scope and the goals of those meetings have been quite limited.

Accordingly, BRIC, in its earliest years, was merely part of economic jargon that still lacked a proper political or diplomatic organization at least until 2006, when the diplomat heads of the four nations first met in New York, during the UN General Assembly. From 2001 to 2006, when the issue of BRIC was still restricted to some specialized journals and quite unknown to major media outlets, almost all texts that introduced the concept of BRIC highlighted the reports and the opinions of O'Neil. Fairly all the articles kept an optimistic view on the group, while some of them questioned the inclusion of Brazil and Russia into the acronym.

One of the first central agencies to approach the concept to the Brazilian public was the *British Broadcast Company* (BBC) in its Portuguese version in 2003. The article solely advanced the argument of Goldman Sachs' economists, according to whom Brazil should undergo through major liberalizing reforms in order to achieve higher GDP growth, which would eventually strengthen its position within other BRIC nations⁹. In a similar fashion, *Radio France Internationale* (RFI), also brought the idea of BRIC as a potentiality, stressing also Brazil's allegedly economic "closeness" and lack of attractivity to foreign investors as major barriers to its economic progress¹⁰.

Many Brazilian conservative media, such as daily newspaper *O Estado* and weekly journal *Veja* questioned even more seriously the inclusion of Brazil into BRIC. They tended to regard the country in an inferior position in comparison to the remaining three participants, mainly due to the nation's relatively lower GDP growth rates¹¹. Others pointed out the economic and political evolution of other three nations, especially India, to contrast the supposedly "misleading" course taken by Brazilian government at that time. In those essays, the authors praised the supposedly pro-business stance prevailing in all other "RIC" countries in contrast to what they

⁹ Brasil poderá ser a 5ª maior economia, diz estudo. BBC Brasil. Retrieved from: <http://www.bbc.com/portuguese/economia/story/2003/11/printable/031106_bricass.shtml> on Aug 2, 2017.

¹⁰ Constant, Leticia. Na Economia Internacional: Retomada do crescimento econômico e sustentável. RFI Brasil, 14/09/2006. Retrieved from: <http://www1.rfi.fr/actubr/articles/081/article_654.asp> on Aug 2, 2017.

¹¹ See: Castro, Cláudio de M. Sociedade cordial. *Veja*, 11 de outubro de 2006. Retrieved from: <http://origin.veja.abril.com.br/111006/ponto_de_vista.html> on Aug 2, 2017.

perceived as the rampant “backwardness” in Brazil¹², and the lower growth rates in the South American nation in comparison to other BRIC¹³. Even after the first official meeting in September 2006, this issue did not alter in a significant way.

Only a very few authors inclined to emphasize the issue of “emerging multipolarity” at that time. However, this “geopolitical” view was practically absent from major Brazilian and foreign media publications. Yet some individual authors contemplated that these nations could play a more central role in establishing a decentralized and multipolar world order. They envisioned that these nations could have more influence in shaping global norms and institutions in order to mitigate the dominance of traditional centers of power in North America and Western Europe, especially regarding the Security Council of the United Nations (UNSC), the International Monetary Fund (IMF) and the World Bank (WB)¹⁴.

4. From 2009 to 2013: BRIC as stabilizers in a crisis scenario

Perhaps a turning point can be identified around 2009, when the influence of global economic crisis was in its acutest period. Although virtually all economies were damaged, the effect was far from homogeneous among countries and regions. While developed economies in North America, Western Europe were at the very core of the turbulence, registering more than two years of economic recession, emerging nations either underwent shorter periods of economic downturn (as Brazil and Russia), or merely deaccelerated their economic advance (China and India).

In that context, the BRIC countries first organized a summit of the heads-of-state in Yekaterinburg (Russia), to address economic strategic cooperation to overcome crisis and to increase their participation in decision making-process in global fora, especially in the International Monetary Fund (IMF).

In this ‘optimistic’ phase, the liberal papers in Brazil such as the weekly journal *Época* stressed not only that BRIC nations were performing much better than traditional centers in Western Europe and North America¹⁵, but also that they could revitalize and stabilize world economy thanks to their economic strength and

¹² Cavallari, Marcelo M. O que a Índia fez que o Brasil não fez? Revista Epoca, 16 fev. 2006. Retrieved from: <<http://revistaepoca.globo.com/Revista/Epoca/0,,EDR73185-6013,00.html>> on Aug 2, 2017; Abreu, Marcelo de Paiva. «Política externa de massas.» O Estado de São Paulo 13 (2006).

¹³ See: Catanhede, E., Que país é esse? Folha Online, Dec. 19, 2007. Retrieved from: <<http://www1.folha.uol.com.br/folha/pensata/elianecatanhede/ult681u356519.shtml>> on Aug 2, 2017.

¹⁴ Souto Maior, Luiz AP. «O Brasil e o regionalismo continental frente a uma ordem mundial em transição.» Revista Brasileira de Política Internacional 49.2 (2006).

¹⁵ See: Países do Brics avançam mais no combate à pobreza do que nações desenvolvidas, diz relatório. Revista Época Negócios, 26 mar. 2012. Retrieved from: <<http://epocanegocios.globo.com/Informacao/Resultados/noticia/2012/03/paises-do-brics-avancam-mais-no-combate-pobreza-do-que-nacoes-desenvolvidas-diz-relatorio.html>>, on Aug 2, 2017.

considerably size¹⁶. Some, including O’Neil himself, went farther, describing these nations not just as ‘emergent’, but as pertaining to a stage between emerging and developed markets¹⁷. At that time, however, the conservative media either started to question the comprehensiveness of the similarities within the group¹⁸, or continued to stress the perceived setbacks in their economies¹⁹. However, this ‘pessimistic’ tone could be qualified as minority, at least at that time.

In April of 2010, Brazil hosted the II BRICS Summit of Heads of State and Government, in Rio de Janeiro, an event that contributed somewhat to the group’s awareness among the Brazilian public. Interestingly the prevailing tone was quite neutral in national-wide television broadcasters such as Globo and Record. When introducing the issue to a wider public, they limited to describe the group and its participants, avoid expressing a definite opinion, in contrast to written media. Globo’s *Jornal Nacional* mentioned the cooperation agreement between the four national development banks, while also suggesting a lack of political convergence regarding the Iranian nuclear program, a polemic issue at that time²⁰. Similarly, *Record* described that the group aimed to deepen the intra economic interactions and also to reform global financial and economic architecture, which still reflected the preponderance of traditional centers of power²¹.

The inclusion of South Africa into the group in late 2011, which in fact altered the abbreviation from BRIC to BRICS, was well received in official Brasilia, not only due to the close diplomatic partnership with the African nation in other non-institutionalized mechanisms such as IBAS, but also thanks to similar or identical positions of both governments in many global questions, in particular regarding the reform in United Nations Security Council. However, the reception in Brazilian media

¹⁶ See: *Época Negócios*. O mundo do avesso, 20 jan. 2009. Retrieved from: < <http://epocanegocios.globo.com/Revista/Common/0,,EMI22967-16642,00-O+MUNDO+DO+AVESSO.html>> on Aug 2, 2017.

¹⁷ Países que formam a sigla ‘Bric’ não são mais considerados emergentes. *Revista Época*, 31 mar. 2011. Retrieved from: < <http://revistaepoca.globo.com/Revista/Epoca/0,,EMI222444-15223,00.html>> on Aug. 2, 2017.

¹⁸ See: Caldas, Suely. Os Brics e as suas diferenças, 20 jun. 2009. *Estadão*. Retrieved from: < <http://economia.estadao.com.br/noticias/geral,os-brics-e-suas-diferencas,390533>> on Aug. 2, 2017.

¹⁹ See: Brasil é lanterna no comércio exterior entre os Bric. R7 Notícias, 14 abr. 2010. Retrieved from: < <http://noticias.r7.com/economia/noticias/brasil-e-lanterna-no-comercio-exterior-entre-os-bric-20100414.html>> on Aug 2, 2017. Brasil tem maior carga tributária dos Brics, diz estudo. Portal G1, 18 nov. 2010. Retrieved from: < <http://g1.globo.com/economia-e-negocios/noticia/2010/11/brasil-tem-maior-carga-tributaria-dos-brics-diz-estudo.html>> on Aug 2, 2017.

²⁰ Brics fazem acordo de cooperação entre seus bancos. Portal G1, Apr. 16, 2010. Retrieved from: <<http://g1.globo.com/jornal-nacional/noticia/2010/04/brics-fazem-acordo-de-cooperacao-entre-seus-bancos.html>> on Oct. 3, 2017.

²¹ Emergentes se reúnem em Brasília em busca de integração. Portal R7, Apr. 14, 2010. Retrieved from: <<http://noticias.r7.com/internacional/noticias/emergentes-se-reunem-em-brasilia-em-busca-de-integracao-20100414.html>> on Oct 2, 2017.

was far from cheerful or optimistic. Conservative daily newspaper *Correio Brasiliense* implied that the inclusion of Pretoria reflected the disputes within the group, as both Brazilian and Chinese investors were looking for economic advantages in African continent²². However, other opinions voiced in mainstream media were much less critic on the topic. Globo News' economist commenter, Miriam Leitão, stated then that South Africa had been quite active in several mechanisms in companion with other BRIC nations, especially during the Conference of the Parties of the United Nations Climate Change Conference in Copenhagen, in 2009. The African nation participated in the informal group known as BASIC (Portuguese abbreviation for Brazil, South Africa, India, and China), which eventually advanced a proposition demanding additional funding from developed economies to support environment-friendly projects in developing and poor nations. In her opinion, the inclusion of South Africa was also predicable given its vibrant economy and its leading position in Africa²³.

It must be emphasized that the recurrence of political meetings between the heads of State of the BRICS was not supported by O'Neil, who claimed that excluding the US from any debate on global order was convenient for Russia. Moreover, he raised the question on the disparities between the members, which would eventually reduce the interest in the group among its own members²⁴. The adhesion of South Africa was also heavily criticized by that economist, who stressed the meager economic and demographic measures of the African nation in comparison with the original four members.

5. From 2012 to 2015: the rise of pessimism

After 2012, when recession in central countries alleviated and the economic pace in emerging countries — especially in Brazil and Russia — slowed down, negative forecasts started to proliferate and eventually dominated in Brazilian major press. Some commentators began to question more seriously not only the economic performance of Brazil as earlier, but also the potentiality of the group as a whole. Others started to speculate when BRIC growth pace would lower or even be negative,

²² Rivas, Silvio. Entrada da África do Sul nos Brics expõe diferenças internas. *Correio Brasiliense*, Apr. 11, 2011. Retrieved from: <http://www.correiobraziliense.com.br/app/noticia/economia/2011/04/11/internas_economia,247172/entrada-da-africa-do-sul-nos-brics-expoe-diferencas-internas.shtml> on Nov. 2, 2017.

²³ Miriam Leitão fala da entrada da África do Sul no Brics. Portal G1, Apr. 14, 2011. Retrieved from: <<http://g1.globo.com/bom-dia-brasil/videos/t/edicoes/v/miriam-leitao-fala-da-entrada-da-africa-do-sul-no-brics/1484499/>> on Oct. 30, 2017.

²⁴ Wassermann, Rogerio. Institucionalização política dos BRIC não faz sentido, diz criador do termo. *BBC Brasil*, Apr. 11, 2011. Retrieved from: <http://www.bbc.com/portuguese/noticias/2011/04/110411_jim_oneil_bg> on Nov. 2, 2017.

given the supposed lack of liberal reforms expected by these commentators in every nation²⁵.

Therefore, new abbreviations as MIST (Mexico, Indonesia, South Korea, and Turkey) were perceived to be as promising as the BRICS countries or even to surpass the economic activity of the latter, and were extensively propagated by major Brazilian media outlets²⁶. Even previously optimists assumed that the moment of BRICS and even other ‘emerging markets’ was vanishing.

If the debate on the preponderance of China over the other countries was apparent since the earliest phase of the group, during this period it became more much more recurrent in this period. Interestingly, this criticism was not a monopoly of major conservative media, as it could also be found in some liberal and even left publications, although the argumentation provided in those cases are completely divergent. In a 2013 article, weekly magazine *Exame* peremptorily assessed in the headline of an article that “BRICS is dominated by the Chinese giant”, although the analysis was not exactly structural, but situational, given the better Chinese economic figures compared to the other four in 2013²⁷. In a Portuguese version of a Deutsche Welle’s essay at that time, addressing the V BRICS Summit in Durban (south Africa), the main topic was the economic and geopolitical disputes between India and China for investments and opportunities all over Africa, while also reminding the historic ties between the ruling political parties in Pretoria (the African National Congress) and Beijing (Chinese Communist Party)²⁸. Part of the national left also voiced concerns on Chinese influence, either claiming an establishment of an allegedly rising “Chinese imperialism” in Africa and in Latin America as a new chapter of a broader idea of foreign imperialism²⁹.

²⁵ Costa, Ana Clara. Brics enfrentam a ressaca do crescimento. *Veja*, 11 jun. 2012. Retrieved from: < <http://epocanegocios.globo.com/Informacao/Resultados/noticia/2012/03/paises-do-brics-avancam-mais-no-combate-pobreza-do-que-nacoes-desenvolvidas-diz-relatorio.html>>, on Aug 2, 2017.

²⁶ Bertão, Naiara Infante; Costa, Ana Clara. Com Brics em baixa, Mist surge como novo oásis econômico. *Veja*, 26 ago 2012. Retrieved from: < <http://veja.abril.com.br/economia/com-brics-em-baixa-mist-surge-como-novo-oasis-economico/>> on Aug 2, 2017. Costa, Ana Clara. Para Jim O’Neill, África emerge enquanto BRICs perdem brilho. *Veja*, 30 ago. 2013. Retrieved from: < <http://veja.abril.com.br/economia/para-jim-oneill-africa-emerge-enquanto-brics-perdem-brilho/>>, on Aug 2, 2017.

²⁷ Brics é dominado pelo gigante chinês. *Exame*, Sep. 5, 2013. Retrieved from: < <https://exame.abril.com.br/economia/brics-uma-alianca-heterogenea-dominada-pelo-gigante-chines/>> on Oct. 28, 2017.

²⁸ Disputa entre China e Índia pela África expõe diferença nos Brics. *Deutsche Welle Notícias*, Mar. 26, 2017. Retrieved from: < <http://www.dw.com/pt-br/disputa-entre-china-e-%C3%ADndia-pela-%C3%A1frica-exp%C3%B5e-diferen%C3%A7a-nos-brics/a-16699377>> on Oct. 28, 2017.

²⁹ See, for instance: Longo, Victor. Para fugir do ‘imperialismo chinês’, africanos apostam no Brasil. *Correio 24 Horas*, Nov. 24, 2011. Retrieved from: < <http://www.correio24horas.com.br/noticia/nid/para-fugir-do-imperialismo-chines-africanos-apostam-no-brasil/>> on Oct. 28, 2017,

At the same time, other opinions started to doubt the efficacy of the group as a path to bolster Brazil's economic relations with the globe³⁰. Demetrio Magnoli, a famous conservative commentator, wrote an article denouncing the group as a fruit of a 'anti-imperialist' bias in Brazilian foreign policy during Workers Party's administrations (Lula da Silva's from 2003 to 2010, and Dilma Rousseff's from 2011 to 2016)³¹. In the debates on the Brazilian foreign policy, most of conservative authors incline towards the deepening of relations with traditional centers of power, especially the United States, while being also skeptical to the forging of friendships and dialogue with what they perceive to be the non-Western world.

It is interesting to point that among the left-leaning press regarding BRICS we cannot identify a clearer picture regarding the issue of BRICS. While some still continued to emphasize the group's better figures in contrast to the developed world, as well the strong perspectives on growth and development³², or even questioned the very idea of China-dependency at least as regarding Brazil³³, other publications pointed out to the persisting or even intensifying social inequalities in each member nations (with exception of Brazil)³⁴, or what they perceived as poor situation of the human rights protection in every single BRICS member³⁵.

It must be said that although pessimism over the future of BRICS was advancing in Brazilian press, the group witnessed during that period tangible breakthroughs. In 2014, during the 6th BRICS Summit in Fortaleza (Brazil), the members agreed to create financial institutions that could provide alternative services to traditional and long-standing international organizations, especially the WB and the IMF. Both organizations suffer heavy criticisms including among BRICS analysts due to the imposition of strict conditionalities for loans and bailouts. In that context, the New Development Bank (NDB) was established to provide funds for developing and least developed countries around the world as an alternative to the WB, with US\$ 100 billion as initial capital. In its turn, the Contingent Reserve Arrangement

³⁰ Rossi, Gabriel. Brasil precisa repensar relação comercial com os Brics. UOL, 13 jul. 2014. Retrieved from: <<https://noticias.uol.com.br/opiniao/coluna/2014/07/13/brasil-nao-vai-atrair-investidores-enquanto-ficar-em-cima-do-muro.htm?cmpid=copiaecola>>, on Aug 2, 2017.

³¹ Magnoli, Demetrio. O Brics na imaginação ideológica. O Globo, 20 nov. 2014. Retrieved from: <<https://oglobo.globo.com/opiniao/o-brics-na-imaginacao-ideologica-14608810>> on Aug 2, 2017.

³² Amaral, Roberto. Quem tem medo dos Brics? Carta Capital, 17 jul. 2014. Retrieved from: <<https://www.cartacapital.com.br/internacional/quem-tem-medo-do-brics-1522.html>> on Aug 2, 2017.

³³ See, for instance, Pautasso, Diego. O papel da África na nova rota da seda marítima. Portal Vermelho, Jan. 17, 2017. Retrieved from: <<http://www.vermelho.org.br/noticia/292195-9>> on Oct. 28, 2017.

³⁴ Beghin, Nathalie. BRICS para quem? Carta Capital, Jul. 14, 2014. Retrieved from: <<https://www.cartacapital.com.br/internacional/brics-para-quem-7533.html>> on Oct. 28, 2017.

³⁵ Santoro, Maurício. BRICS: o desafio dos direitos humanos. Portal Fórum, Aug. 8, 2014. Retrieved from: <<https://www.revistaforum.com.br/digital/159/brics-o-desafio-dos-direitos-humanos/>> on Oct. 28, 2017.

(CRA), which partially cover IMF attributions, provides liquidity for nations facing difficulties to honor their balance of payments³⁶.

Along 2015, amid evolving political instability in Brazil, the criticism over the very essence of group increased. The main argumentation posed by UOL (citing an article from the Deutsche Welle) was the lack of converging points between the participating countries³⁷.

Conclusion: media a significant stakeholder in foreign policy debate in Brazil

In this work we addressed the evolution of BRICS according to the prevailing view in Brazilian main media corporations. Over the years, they forged narratives which varied in conformity to their own situational and short-term purposes, resulting in contradictory and unclear visions.

However, we still could determine at least three major ‘waves’: the first one of curiosity, the second of contempt, and the last of dismay, although, in our opinion, it did not always reflect in a proper way the progress of the group. The excessive expectation during the second phase and the unnecessary discouragement in the third period contributed for disseminating biases (purposely or not) not only among Brazilian public opinion, but also among scholars and even public officials. The implementation and activation of major institutional innovations in mid-2010s may help to alleviate the dominating disappointment regarding the group.

Another discussion raised in this paper is the relevance of media in shaping and reorienting public opinion and also the outcomes of foreign policy. While the streamline of this process should be better understood in future research, it can be said that the media plays not only a significant role in foreign policy formulation, but also in agenda-setting process.

Bibliography:

1. Bailin, Alison. From traditional to group hegemony: the G7, the liberal economic order and the core-periphery gap. Gower Publishing, Ltd., 2005.
2. Belluzzo, Luiz Gonzaga de Mello. “*O declínio de Bretton Woods e a emergência dos mercados “globalizados”*” Economia e Sociedade [Online], Volume 4 Número 1 (2 fevereiro 2016)

³⁶ For further information on NDB, see: < <https://www.ndb.int/about-us/> > (last access on Nov. 16, 2017). For information on CRA, see: < <http://brics.itamaraty.gov.br/media2/press-releases/220-treaty-for-the-establishment-of-a-brics-contingent-reserve-arrangement-fortaleza-july-15> > (last access: Nov. 16, 2017).

³⁷ Trippe, Christian F. Opinião: Sem valores comuns, Brics continua sendo um bloco solto. UOL, 10 jul. 2015. Retrieved from: <<https://noticias.uol.com.br/ultimas-noticias/deutschewelle/2015/07/10/opiniao-sem-valores-comuns-brics-continua-sendo-um-bloco-solto.htm?cmpid=copiaecola>> on Aug. 2, 2017.

3. Gilboa, Eytan. "Media diplomacy: Conceptual divergence and applications." *Harvard International Journal of Press/Politics*, 1998, 3.3, 56-75.
4. Lenin, Vladimirovich Il. *Better Fewer, But Better*. Marxists Internet Archive. Retrieved from: <<https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1923/mar/02.htm>> on Aug 6, 2017.
5. Nye Jr, Joseph S. "Public diplomacy and soft power." *The annals of the American academy of political and social science*, 2008, 616.1, 94-109.
6. Smith, Gordon. *G7 to G8 to G20: Evolution in Global Governance*. (2011).

A nova inserção dos países do BRICS no contexto das transformações internacionais

The new integration of the BRICS countries into the of international transformations

Abstract. Since 2009, the BRICS countries have been seeking to develop coordinated strategies for a new platform for economic cooperation between these countries, with the aim of reaching a higher level of development accompanied by a repositioning in the international arena. Despite all the differences, these countries have some elements and aspirations that unite them and the challenge is to design a common platform to gain space and greater insertion from the international perspective. At this moment, the questions are posed as follows: in a world in constant transformation, in which can be perceived the loss of economic and political power of the traditional powers (especially the United States and Europe), how it would be possible to think on the insertion of the so-called “emerging countries”? How could this process be dynamic with the set of international institutions in force? Would the New Development Bank (BRICS Bank) play a relevant role in this context? From this perspective, this paper intends to discuss how to rethink the insertion of the BRICS countries in the international scenario — taking into consideration the current dynamics face to the aspirations of these countries from the point of view of the international institutions. In order to execute it, the idea is to reflect upon these points, using a broad and critical approach to the thematic.

Keywords: International insertion of the emerging countries; BRICS; International Institutions.

Resumen. Desde 2009, los países BRICS han buscado desarrollar estrategias coordinadas para una nueva plataforma de cooperación económica entre estos países, con el objetivo de alcanzar un mayor nivel de desarrollo acompañado de un reposicionamiento en el ámbito internacional. A pesar de todas las diferencias, estos países tienen algunos elementos y aspiraciones que los unen y el desafío es diseñar una plataforma común para ganar espacio y una mayor inserción desde la perspectiva internacional. En este momento, las preguntas se plantean de la siguiente manera: en un mundo en constante transformación, en el que se percibe la pérdida del poder económico y político de las potencias tradicionales (especialmente Estados Unidos y Europa), cómo sería posible pensar sobre la inserción de los llamados “países emergentes”? ¿Cómo podría este proceso ser dinamizado con el conjunto de instituciones internacionales en vigor? ¿Podría el Banco de Desarrollo (BRICS Bank) desempeñar un papel relevante en este contexto? Desde esta perspectiva, se pretende discutir cómo repensar la inserción de los países BRICS

¹ Brasil. Dr., Faculdade de Direito, Universidade Federal Fluminense, (gabrielrached2015@gmail.com).

en el escenario internacional, tomando en consideración la dinámica actual frente a las aspiraciones de estos países desde el punto de vista de las instituciones internacionales. Para ejecutarlo, la idea es reflexionar sobre estos puntos, utilizando un enfoque amplio y crítico de la temática.

Palabras clave: La inserción internacional de los países emergentes; BRICS; Instituciones Internacionales.

1 — Apresentação:

Nas últimas décadas vem se observando uma série de transformações — cada vez mais velozes e profundas — na conjuntura internacional que se reflete em aspectos econômicos, políticos, sociais e institucionais.

Ainda nos anos 80 e 90, com exceção dos países asiáticos, a quase totalidade dos países periféricos — dentre os quais os da América Latina e África — apresentou não apenas baixas taxas de crescimento, como também uma ampla restrição externa imposta por crises de dívida e pela abertura financeira nos anos 90, tornando essas economias amplamente dependentes das economias centrais.

Em contraste com este período, desde os anos 2000 tem se observado tanto o aumento das taxas de crescimento dos países periféricos, como uma maior contribuição destes para o crescimento do PIB global e do comércio mundial, quando comparados à participação dos países centrais, como os Estados Unidos e Europa.

Com singularidades evidentes e contrastantes os países do BRICS — Brasil, Rússia, Índia, China e África do Sul — vêm expandindo seu comércio externo e suas taxas de crescimento através da ampliação de seus mercados domésticos e da intensificação do comércio realizado entre estes próprios países. Ainda que com eventuais particularidades ao longo do período é possível observar, como tendência mais geral, que o cenário concernente aos países periféricos está em transformação — o que sugere um panorama com maior inserção internacional das economias até então consideradas não centrais. Dessa forma, dentro desta nova configuração da economia internacional, observa-se a presença de polos autônomos de crescimento que surgem em paralelo ao “centro cíclico principal”.

Essas transformações alcançam dimensões que extrapolam a esfera econômica passando por mudanças que envolvem também as correlações de força dentro do sistema interestatal.

Nessa perspectiva é possível afirmar que a nova conjuntura expressa uma fase de mudanças do sistema interestatal, ainda centrada na expansão do poder americano, porém apresentando agora elementos que apontariam para um possível cenário no qual as decisões internacionais seriam permeadas por plataformas de países que alcançaram uma posição intermediária, denominados países ou

economias emergentes. Em tal ambiente reforça-se a pressão competitiva entre os Estados e aponta-se até mesmo para um processo de expansão ou nova corrida imperialista.

Esse processo representa uma transformação estrutural de longo prazo do sistema interestatal iniciada na década de 70, quando os EUA acentuam seu processo de expansão de forma explícita. Ainda hoje os EUA seguem tendo papel decisivo, dadas: a posição do dólar como moeda de referência das relações comerciais e financeiras a despeito inclusive da atual crise financeira mundial; a liderança no *ranking* do maior arsenal bélico e atômico mundiais; além da centralização da informação e da corrida tecnológica. Apesar dessa posição de liderança a disputa entre as grandes potências não acabou, ao contrário, se intensificou. Nesse sentido, o processo de expansão americano acabou por reforçar os nacionalismos e a concorrência entre as principais nações mundiais.

Alguns dos sinais dessa pressão competitiva e de corrida entre os Estados já podem ser observados na presença cada vez mais ativa de países como China e Rússia, com interesses territoriais e energéticos que apontam o acirramento da competição interestatal.

Estas transformações de ordem econômica e política manifestam-se também em outras esferas, apontando para (novas) articulações institucionais, outras formas de organização social, além de propostas de políticas a nível internacional que vêm sendo formuladas para enfrentar os dilemas do sistema internacional contemporâneo.

Por esta perspectiva, torna-se pertinente através deste estudo discutir de forma ampla e profunda as mutações de ordem econômica, social e política em curso no sistema internacional, bem como refletir, a partir do trabalho de pesquisa, acerca da inserção dos países do BRICS e do Novo Banco de Desenvolvimento (NBD) nesse novo contexto. Isso permitirá uma reflexão sobre as condições do presente, os constrangimentos do passado e as possibilidades de futuro, buscando compreender os reflexos e impactos dessa gama de transformações no contexto latino-americano atual.

2 — Introdução e localização do tema:

Assim como outras regiões periféricas, os países emergentes vêm enfrentando uma série de desafios nesse início de século XXI. Novas estratégias de desenvolvimento econômico, inserção em uma nova dimensão da divisão internacional do trabalho, aderência a novos arranjos institucionais, além de decisões ligadas à alocação de recursos estratégicos tornam-se questões da ordem do dia cujo debate apresenta-se fundamental. É dentro desse contexto que se pretende analisar a inserção internacional dos países emergentes do BRICS, bem como investigar o papel sua principal instituição — o Novo Banco de Desenvolvimento.

Para tanto, torna-se relevante nesse momento voltar aos primórdios dos anos 2000, no intuito de situar os acontecimentos e processos decisórios, que levaram da criação do agrupamento do BRICS à constituição do NBD.

O termo BRIC foi criado em 2001 pelo economista inglês Jim O’Neill² para fazer referência a quatro países Brasil, Rússia, Índia e China. Em abril de 2001, foi adicionada a letra “S” em referência à entrada da África do Sul (em inglês South Africa). Desta forma, o termo passou a ser BRICS.

Estes países emergentes, naquele momento, apresentavam características comuns como, por exemplo, perspectivas positivas de crescimento econômico no médio e longo prazo. Ao contrário do que se pensa, estes países até então não compõem especificamente um bloco econômico, apenas compartilham de uma situação econômica com índices de desenvolvimento e situações econômicas parecidas — ainda que não similares. Esses países configuram uma espécie de aliança que busca ganhar força no cenário político e econômico internacional, diante da defesa de interesses comuns. A cada ano ocorre uma reunião (cúpula) entre os representantes destes países, com o intuito de formalizar acordos e medidas com claros objetivos de compor um bloco econômico. Um exemplo disso foi a criação recente do Novo Banco de Desenvolvimento, também conhecido como Banco do BRICS, visando representar uma fonte alternativa àquelas preexistentes em termos de financiamento do desenvolvimento.

Criado em 15 de Julho de 2014, na ocasião da 6ª Cúpula dos BRICS, o Novo Banco de Desenvolvimento foi fundado em decorrência do acordo entre os países membros do BRICS com um capital inicial de 100 bilhões de dólares e um fundo (Arranjo Contingente de Reservas) contemplando mais 100 bilhões de dólares.

O Arranjo Contingente de Reservas possui um sistema de governança em dois níveis: as decisões mais importantes serão tomadas pelo Conselho de Governadores (*Governing Council*) e os assuntos de nível executivo e operacional ficarão a cargo de um Comitê Permanente (*Standing Committee*), sendo que o consenso será a regra para quase todas as decisões.

Se por um lado o capital de fundação do Banco possui aporte igualitário entre os cinco países membros (20 bilhões de dólares cada) com igual poder de voto, o Arranjo Contingente de Reservas (*Contingent Reserve Arrangement — CRA*) que representa um fundo de estabilização entre os cinco países, é composto da seguinte forma: China participa com 41 bilhões, Brasil, Rússia e Índia com 18 bilhões cada e África do Sul com 5 bilhões. De acordo com Paulo Nogueira Batista Jr., vice-presidente da instituição como representante do Brasil:

² Nessa ocasião em 2001, Jim O’Neill (economista da Goldman Sachs) intuiu que o PIB dos países do BRIC até 2041 (horizonte posteriormente antecipado para 2039 e depois para 2032) seria superior àquele dos principais países industrializados do G7. Para mais sobre esse tema, ver O’Neill (2011) e Goldstein, (2011), 07-11.

Trata-se de um “pool” virtual de reservas, em que os cinco participantes se comprometem a proporcionar apoio mútuo em casos de pressões de balanço de pagamentos. O termo “contingente” reflete o fato de que, no modelo adotado, os recursos comprometidos pelos cinco países continuarão nas suas reservas internacionais, só sendo acionados se algum deles precisar de apoio de balanço de pagamentos. Os limites de acesso de cada país aos recursos do CRA são determinados por suas contribuições individuais vezes um multiplicador. A China tem um multiplicador de 0,5; o Brasil, a Índia e a Rússia, de 1; e a África do Sul, de 2. O apoio aos países pode ser concedido por meio de um instrumento de liquidez imediata ou de um instrumento precaucionário, este último para o caso de pressões potenciais de balanço de pagamentos³.

Uma das questões que se coloca nesse momento se refere à diferença entre os países em relação ao montante que compõe o Arranjo Contingente de Reservas. Essa diferença já remeteria a uma diferença de poder no interior da organização? Nessa direção, seria uma evidência do protagonismo da China desde a fundação do Banco?

A proposta do Novo Banco de Desenvolvimento consiste em financiar projetos de infra-estrutura e desenvolvimento sustentável não somente nos países membros do BRICS, mas também em outros países em desenvolvimento diante da carência de recursos para financiar o desenvolvimento de infra-estrutura no âmbito internacional. Ou seja, a própria iniciativa de fundação do Banco se formaliza para oferecer mais uma possibilidade de financiamento, com a diferença que desta vez não se trata de um organismo tradicional decorrente do formato instituído em Bretton Woods.

O Banco estará aberto à participação dos países-membros das Nações Unidas, sendo que os países desenvolvidos poderão ser sócios, porém não tomadores de empréstimos. Por outro lado, os países em desenvolvimento poderão ser sócios e captar recursos. Os países do BRICS preservarão sempre pelo menos 55 % do poder de voto total enquanto os países desenvolvidos terão no máximo 20 % do poder de voto. Exceto os países-membros, nenhum outro deterá mais do que 7 % dos votos.

Em relação às definições básicas e distribuição de cargos-chave do Novo Banco de Desenvolvimento: a China ficou com a sede em Xangai; a Índia com a primeira presidência do Conselho de Governadores; o Brasil com a primeira presidência do Conselho de Administração; a Rússia com a primeira presidência do Conselho de Governadores; e a África do Sul deve sediar o Centro Regional Africano da instituição. Nesse sentido, como sugere Paulo Nogueira Batista Jr., “corre-se o risco

³ Batista JR., P. N. “BRICS: um novo fundo monetário e um novo banco de desenvolvimento.” In: SOUZA, P. *Brasil, Sociedade em Movimento*. São Paulo: Ed. Paz e Terra, 2015, 265.

de que o NDB venha a ser um banco essencialmente asiático, dominado pela China e pela Índia, com os demais BRICS desempenhando papel caudatário”⁴.

De modo geral, até o momento, o Novo Banco de Desenvolvimento representa uma instituição bastante recente, tendo apenas iniciado suas atividades de financiamento de projetos e com previsão de início da abertura para novos membros ainda em 2017.

A novidade consiste em que, para além das diferenças econômicas, políticas e históricas, trata-se de um acordo, com perspectiva de longo prazo, entre um conjunto de países heterogêneos, porém com alguns traços em comum: são países de economia emergente, de grande porte econômico, territorial e populacional, que de certa forma possuem e seguem buscando condições para atuar com mais autonomia — sendo que esse não representa o cenário da maioria dos demais países em desenvolvimento.

Esse novo processo de cooperação entre países emergentes poderia sinalizar que o formato tradicional dos organismos multilaterais estaria em descompasso com as demandas do século XXI? Ou apenas representa uma forma a mais de financiamento de projetos de desenvolvimento que passa a estar disponível para a periferia do sistema?

3 — O financiamento do desenvolvimento

Nesse contexto, com a abertura para novos membros do Banco prevista em 2017 será interessante observar como os principais *players* internacionais irão se posicionar: seria interessante integrar e participar desse projeto do ponto de vista das economias centrais (sobretudo EUA e Europa)? Mais especificamente, o que a fundação desse novo acordo com tendência de longo prazo poderia estar sinalizando no cenário internacional?

A relevância do desenvolvimento do BRICS deriva possivelmente do *modus operandi* que se vem decidindo percorrer. Não se trata apenas de um Fórum que se propõe a revolucionar a governança global, mas sim, de um caminho que vem trilhando através de uma via legal sinalizando para a necessidade de reforma — que possa contemplar, gradualmente, um formato que se aproxime na direção de decisões multilaterais promovendo maior justiça social no âmbito interno e também internacional. Esse projeto aparentemente já foi lançado, ainda que as distâncias para as metas progressivas e no que concerne à forma de atuação a curto, médio e longo prazo, ainda sejam passíveis de acompanhamento e observação ao longo das próximas décadas.

De acordo com o artigo 3 do documento final oriundo do *Fourth BRICS Summit: Delhi Declaration* (2012), “Os BRICS são uma plataforma para o diálogo

⁴ Ibid., 267.

e a cooperação entre países que representam 43 % da população mundial, para a promoção da paz, da segurança e do desenvolvimento em um mundo globalizado multipolar, interdependente e cada vez mais complexo. Vindo da Ásia, da África, da Europa e da América latina, a dimensão transcontinental dessa interação ganha valor e significado”⁵.

O que parece permear as iniciativas do BRICS é uma proposta construtiva atípica, na qual o fluxo de medidas políticas e normas legais vão formando um novo e diverso modelo de institucionalização regional. O dinamismo desencadeado desse processo de cooperação interestatal acaba representando um processo diferente daquele verificado no caso europeu ou norte americano. Do ponto de vista jurídico institucional, por exemplo, destaca-se o forte papel que esses cinco países remetem ao Estado.

Segundo Lucia Scaffardi⁶, os BRICS quanto atividade interinstitucional, se inserem em perspectiva de comparação internacional (inclusive sob o ponto de vista do FMI e Banco Mundial) através de elementos centrais e imprescindíveis para a compreensão de *policymaking* interno e externo a outros Estados — comparação que requer esforço cognitivo e avaliativo complexo tanto do ponto de vista jurídico institucional como levando em conta as estruturas informais que levam em conta o “diálogo” e o “fluxo” que sustentam a dinâmica em curso.

A pergunta que fica em aberto se refere a qual posicionamento seria o mais apropriado na direção do crescimento e desenvolvimento econômico pensando na realidade e conjuntura dos diferentes Estados. Esse assunto não toca apenas aos países periféricos ou emergentes, mas a todos os países do globo, que possuem suas nuances e suas demandas nesse início de século XXI. Voltamos ao debate recorrente da proporção desejável entre intervencionismo e liberalismo na busca pela dinâmica de sociedades mais prósperas e abundantes.

O fato desses cinco países não centrais — que juntos possuem boa parte do território, população, mercado consumidor e PIB mundial — se reunirem e buscarem se organizar institucionalmente paralelamente ao formato tradicional proposto em Bretton Woods, é algo significativo em termos de governança global e política internacional.

Nesse contexto, o papel do Novo Banco de Desenvolvimento também torna-se pertinente como objeto de análise, de modo que analisar mudanças envolvendo questões econômicas, sociais, políticas e institucionais relacionados com os campos da geopolítica internacional, reposicionamento nas relações de forças e novas inserções dos países emergentes no sistema interestatal, assim como seus impactos

⁵ Art. 3 da Declaração final do *New Delhi Summit* (29.03.2012). Disponível em: <http://brics5.co.za/aboutbrics/summit-declaration/fourth-summi>. Acesso em Junho de 2017.

⁶ Scaffardi, L. (Org.) *The BRICS Group in the Spotlight: an Interdisciplinary Approach*. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 2015.

na realidade latino-americana recente, tornam-se assuntos de interesse para que se possa compreender o cenário contemporâneo.

Essas são questões que se colocam nesse início de século e, em mundo em que as transformações acontecem de forma cada vez mais acelerada, torna-se pertinente analisar e refletir sobre esses pontos para que se possa, a partir das lições do passado, compreender melhor quais as tendências de transformação do cenário internacional que estão em curso e que são desejáveis na construção de uma sociedade global que contemple desenvolvimento econômico e qualidade de vida com amplo alcance e difusão em nível internacional.

4 — Considerações Finais

O objetivo deste artigo consistiu em resgatar alguns elementos que antecedem a constituição do bloco dos países denominados BRICS, no intuito de contextualizar a análise dos acordos desse conjunto de países que se estabelece internacionalmente no século XXI — sobretudo levando em conta a fundação do Novo Banco de Desenvolvimento (NDB) — também conhecido como Banco dos BRICS.

Nesse sentido, recorrer ao passado torna o trabalho de observação mais pertinente uma vez que permite analisar o surgimento do Novo Banco de Desenvolvimento enquanto produto de uma série de eventos históricos, e não como ponto de partida da análise.

Por essa perspectiva, assume-se neste trabalho que as relações interestatais, sobretudo suas rivalidades e hierarquias, correspondem a um elemento fundamental para que se possa entender o nascimento, a dinâmica e a potencial evolução do NDB ao longo do tempo. Da mesma forma, as mudanças no cenário internacional podem ser entendidas como elementos fundamentais para a fundação do Novo Banco de Desenvolvimento.

Em um sistema constituído por Estados Nacionais o NDB representa, pela primeira vez, uma iniciativa com aspiração em tornar-se uma instituição de escopo global, formada exclusivamente por países emergentes — ou seja, sem a participação direta de nenhum país “desenvolvido”. Assume-se assim, de forma inovadora, uma nova conotação de cooperação e abrangência internacional.

Novos *players* em um cenário internacional em mutação configuram um panorama onde as demandas específicas dos países-membros possam abrir novos espaços criando, assim, a possibilidade de revisão de suas respectivas inserções individuais na estrutura global da organização. Nesse contexto, perceber quais mudanças estariam por trás e dinamizando a criação do Novo Banco de Desenvolvimento, torna-se algo pertinente dentro do cenário geopolítico internacional contemporâneo.

A reflexão em torno do NDB nesse princípio de século XXI requer uma análise histórica crítica, associada à elaboração de uma nova agenda de compromissos que, levando em conta o fato da adoção do receituário tradicional aplicado pelas instituições de Bretton Woods nem sempre ter favorecido o processo de desenvolvimento dos países periféricos, possua vínculos com o resgate da autonomia e desenvolvimento econômico dessas nações. Por esse prisma, países semiperiféricos e periféricos ainda possuem longo percurso a percorrer, sobretudo se forem levadas em conta as mudanças a serem perseguidas em termos da governança dos organismos multilaterais.

Vivemos um momento em que as transformações internacionais estão acontecendo em uma velocidade rápida. Alguns *players* progressivamente vêm ganhando destaque e isso apresenta reflexos em torno dos debates na arena internacional. Nessa direção, o Novo Banco de Desenvolvimento — Banco dos BRICS — criado em Julho de 2014, pode ser considerado uma evidência desse processo de transformação. Porém, o processo de mudanças em termos da governança dos organismos multilaterais, ainda que aparentemente esta temática esteja mais presente no debate, precisa ganhar mais fôlego para que se torne efetivo.

Nesse sentido, o que se pode observar, é o peso do ordenamento do sistema interestatal em bases multilaterais, e como o sistema ainda segue “amarrado” à ordem proposta em Bretton Woods. A velocidade das mudanças depende exclusivamente da mobilização política das partes interessadas em rediscutir o modelo, caso contrário, seguiremos reproduzindo “mais do mesmo”. O papel efetivo e os instrumentos de persuasão a serem adotados pelos países envolvidos nesse processo permanecem representando uma questão em aberto (e que merece debate) na conjuntura internacional atual.

Se o Novo Banco de Desenvolvimento ocupará um papel de destaque, sinalizando um processo de mudanças no contexto internacional, é algo ainda a ser verificado e que se torna um assunto interessante na conjuntura atual do ponto de vista de uma possível nova configuração no médio, mas sobretudo no longo prazo, dentro do sistema interestatal.

Pela perspectiva de promoção do desenvolvimento, os impactos do ponto de vista latino-americano, seriam representados pela possibilidade gradual de acesso a uma via paralela/complementar de financiamento que tem pretendido, até o momento, apresentar-se de forma menos excludente e limitadora que o formato de financiamento tradicional associado ao modelo de Bretton Woods.

Nesse sentido, refletir sobre novas plataformas, ancoradas em bases inovadoras, em um contexto marcado por um sistema internacional que demonstra sinais de exaustão e baixa capacidade de conciliar uma agenda mais inclusiva e participativa, representa algo de extrema relevância no momento atual — sobretudo para que se possa delinear uma agenda a ser perseguida e implementada, que traga

consigo capacidade de transformação, tão almejada e necessária às demandas que se apresentam nesse início de século XXI.

Bibliografia

1. Arrighi, G., Silver, B. J. *Caos e governabilidade no moderno sistema mundial*. Rio de Janeiro: Contraponto / Editora UFRJ, 2001.
2. Arrighi, G., *O longo século XX: dinheiro, poder e as origens de nosso tempo*. Rio de Janeiro: Contraponto ; São Paulo: Editora Unesp, 1996.
3. Batista JR., P. N., “BRICS: um novo fundo monetário e um novo banco de desenvolvimento.” In: SOUZA, P. *Brasil, Sociedade em Movimento*. São Paulo: Ed. Paz e Terra, 2015.
4. BRICS policy center. *Os Bancos de Desenvolvimento nos países dos BRICS*. Rio de Janeiro: Centro de Estudos e Pesquisas Brics / IBASE, 2015.
5. Brics. *Delhi Declaration*. Delhi: Fourth BRICS Summit, 2012. Disponível em: <http://brics5.co.za/about-brics/summit-declaration/fourth-summit/>. Acesso em Junho de 2016.
6. Casella, P. B., *BRICS — Brasil, Rússia, Índia, China e África do Sul: uma perspectiva de cooperação internacional*. São Paulo: Editora Atlas, 2011.
7. Chossudovsky, M., “*BRICS and the fiction of “De-dollarization”*”. Disponível em: <http://www.globalresearch.ca/brics-and-the-fiction-of-de-dollarization/5441301>. Acesso em 12 de Junho de 2016.
8. European Union *The European Union and the BRIC countries*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2012.
9. Foot, R.; Macfarlane, S. N.; Mastanduno, M., (Orgs.) *US Hegemony and International Organizations: the United States and Multilateral Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
10. Goldstein, A., *BRIC: Brasile, Russia, India, Cina alla guida dell’economia globale*. Bologna: Società editrice il Mulino, 2011.
11. Gonçalves, R., *Economia Política Internacional: fundamentos teóricos e as relações internacionais do Brasil*. Rio de Janeiro: Ed. Elsevier, 2005.
12. Griesgraber, J. M.; Gunter, B. G., (Orgs.) *Promoting Development: effective global institutions for the twenty-first century*. London: Pluto Press, 1995.
13. Hurrell, A., (Org.) *Os BRICS e a ordem global*. Rio de Janeiro: Editora FGV, 2009.
14. Kiely, R., *The BRICS, US ‘decline’ and global transformations*. London: Palgrave Macmillan, 2015.
15. Kingah, S.; Quiliconi, C.. *Global and Regional Leadership of BRICS Countries*. Switzerland: Springer International Publishing, 2016.
16. Lesage, D.; Van De Graaf, D.. (Orgs.) *Rising Powers and Multilateral Institutions*. London: Palgrave Macmillan, 2015.
17. Lo, V. I.; Hiscock, M.. (Orgs.) *The Rise of the BRICS in the Global Political Economy: Changing Paradigms?* Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2014.

18. O'Neill, J.. *The Growth Map: economic opportunity in the BRICs and beyond*. New York: Penguin Group, 2011.
19. Scaffardi, L., (Org.) *The BRICS Group in the Spotlight: an Interdisciplinary Approach*. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 2015.
20. Tilly, C., *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York: Russel Sage, 1984.

China e India en los BRICS: Nuevos escenarios y alternativas

China and India in the BRICS: New scenarios and alternatives

Resumen: China e India han implementado cambios estructurales en la última década y están jugando un papel protagónico en los escenarios internacionales en el aspecto comercial y tecnológico y en relación con Brasil y Rusia. Un elemento central de su nueva política económica es el diseño de las Zonas Económicas Especiales (ZEE) y su éxito comercial y tecnológico les ha permitido nuevos procesos de industrialización, desarrollo y crecimiento económico sin precedente. Su desarrollo tecnológico incorpora nuevos procesos y oferta de mercancías de gran demanda en el mercado internacional; éstas economías emergentes son ejes de nuevos escenarios económico políticos, sin embargo.

Palabras clave: China; India; ZEE; desarrollo comercial; desarrollo tecnológico; industrialización; contaminación.

Abstract. China and India have implemented structural changes in the last decade and have been playing a leading role in international scenarios in the commercial and technological aspect and in relation to Brazil and Russia. A central element of its new economic policy is the design of Special Economic Zones (SEZs) and its commercial and technological success has allowed new processes of industrialization, development and unprecedented economic growth. Its technological development incorporates new processes and supply of goods in great demand in the international market; these emerging economies are axes of new economic and political scenarios; however their industrialization has a high environmental cost that could become a global threat.

Keywords: China; India; EEZ; commercial development; technological development; industrialization; pollution.

Introducción

En el informe del Banco Asiático de Desarrollo (BAD)³, se analizaron las posibilidades de crecimiento y desarrollo para los siguientes cuarenta años. También

¹ Co-autora. México. Doctora en economía por la Universidad Nacional de Economía de Kiev, Ucrania. Profesora-Investigadora, Titular "C" en la facultad de Economía de la Benemérita Universidad Autónoma de Puebla (México). (zfulrauro@yahoo.com.mx)

² Co-autor. México. Doctor en economía por la Universidad Estatal T. Schevchenko, de Kiev, Ucrania. Profesor-Investigador, Titular en el programa de Relaciones Internacionales de la Benemérita Universidad Autónoma de Puebla (México). (raul.netza@gmail.com)

³ Banco Asiático de Desarrollo (Hanoi, 5-6/05/2011).

los problemas multi-dimensionales y multi-generacionales de Asia para la mitad de este siglo. Las conclusiones generales señalan que esta área en conjunto, podría ser responsable de la mitad de la producción mundial, el comercio y la inversión. El ascenso de Asia será dirigido principalmente por la República Popular China, India, Indonesia, Japón, República de Corea, Malasia, y Tailandia⁴

En el informe se señala que en 2010, estas siete economías tenían una población combinada total de 3 mil 100 millones de habitantes (78 por ciento de Asia) y un PIB de \$ 14.8 billones de dólares (87 por ciento de Asia); para el año 2050 será de 132.4 billones con un ritmo de crecimiento del 4.4 %. Estas economías transformarán su participación del 27 % de este año del PIB mundial a más del 50.6 %⁵, para mitad del siglo XXI.

Este ascenso de China e India— con altas tasas de crecimiento del PIB; se contuvo por la crisis financiera de 2008. Para el caso de China, el promedio —de 1995 a 2004— fue de un 9,1 por ciento en la última década, y la India cercano al 6.1 por ciento; Hay que resaltar que estos dos países se mantuvieron aislados de cualquier compromiso internacional, ya que no pertenecían a los organismos financieros como el Banco Mundial o el Fondo Monetario Internacional, es decir no siguieron un modelo tradicional y cada país se planteo una estrategia -no ortodoxa— para incorporarse a los flujos internacionales de mercancías y capital.

En el siglo XXI, China e India jugaran un papel relevante en la economía global. Si observamos desde la población combinada de estos países asiáticos -suman más de 2,300 millones— es decir 37.5 por ciento de la población mundial más de un tercio del total mundial. En las últimas décadas realizaron reformas estructurales, el caso de China desde 1978, abandonando su desarrollo socialista y de planificación, sin dejar el control de los sectores estratégicos, permitiendo -de sectores estatales y privados— la asociación con sectores transnacionales, para la apertura gradual del sector externo y la creación de las Zonas Económicas Especiales (ZEE).

El pronóstico es favorable pues está determinado en base a su buen desempeño económico, y al papel que han jugado en los últimos años, señala en el informe. Aunque esta región por historia, cultura, y orografía no es homogénea se clasificaron las 49 economías asiáticas en tres grupos:

1. Siete economías de rápido crecimiento (cuatro de estas economías se denominaban como: Newly Industrializing Countries, NICs) teniendo su origen en el modelo japonés de la década de los cincuenta⁶. En conjunto

⁴ *Idem.*

⁵ IMF World Economic Outlook, October 2010; Centennial Group projections, 2011.

⁶ Primera economía: Japón; los 4 Nics: Republica de Corea, Hong Kong (RAE-China), Singapur y Taiwán; también se incluye en este grupo a Macao (RAE-China); Brunei Darussalam; con un ingreso per cápita del grupo en promedio de 12, 196 dólares.

representan aproximadamente 7,2 billones, o 43 por ciento del total de la región en 2010.

2. Once economías⁷, donde están incluidas la República Popular de China e India, como las más representativas de este grupo, representando el 77 por ciento de la población actual de Asia y 51 por ciento del PIB.
3. 31 países del continente e insulares. Aunque el número de países de este grupo es grande, su cuota global de la población total de Asia y el PIB es modesta, un 18 por ciento y 6 por ciento, respectivamente.

En este conjunto de países dan prioridad al primer grupo y a las economías de China e India, particularmente del segundo grupo de investigación. Es obvio que existen claras desigualdades crecientes (altos niveles de ingreso para Japón o Corea), y en algunos casos, dentro de los países existe la posibilidad de riesgo en la cohesión social y por ende la estabilidad política de los últimos años.

Para la segunda década de este siglo XXI, China es la segunda economía del mundo, por su mayor inserción a la economía mundial, ya que cuenta con una creciente importancia en el comercio internacional y está extendiendo su crecimiento en mayor desarrollo.

En el terreno de la seguridad energética, China tendrá que diseñar una alternativa en conjunto con otras economías emergentes, particularmente India para su desempeño industrial y diseño de política energética. En pleno siglo XXI para el consumo interno sus fuentes energéticas de los dos países se basan principalmente en el carbón y fuentes hídricas como recursos estratégicos, sin embargo China busca esos recursos en otros territorios.

Otro actor internacional vinculado a la economía de China es Brasil. Este país es una de las economías latinoamericanas del BRIC, y cuenta con reservas de hidrocarburos que podrán ser utilizadas para la siguiente década. Su sector externo está diversificado y comienza a estar orientada ahora hacia China y el Mercosur (sólo el 11 % de su producto está dedicado a las exportaciones), aunque la recesión global no tuvo los mismos efectos para esta economía sudamericana, su crecimiento ha sido más moderado que China e India. Sin embargo para el año 2016 invirtió aproximadamente 900 mil millones de dólares— más de un tercio de su PIB— en energía e infraestructura, si su proyecto es mantener el ritmo de crecimiento y de liderazgo en la región.

Si observamos el Cuadro 1, estas dos economías, comparadas con Estados Unidos y Alemania, su contribución representarían hasta el año 2020 con un 15.8 por ciento para China y 4.12 por ciento de la India del producto interno bruto mundial

⁷ Armenia, Azerbaiyán, Camboya, Georgia, Indonesia, Kazajstán, Malasia, Tailandia y Vietnam.

Cuadro 1.1

PIB en Seis Grandes Economías

Economías	Porcentaje del PIB mundial (2004 \$ y tipos de cambio)		Promedio de las tasas de crecimiento real anual		Contribución media al crecimiento mundial	
	2004	2020	1995-2004	2005-20	1995-2004	2005-20
China	4.7	7.9	9.1	6.6	12.8	15.8
India	1.7	2.4	6.1	5.5	3.2	4.1
EE.UU	28.4	28.5	3.3	3.2	33.1	28.6
Japón	11.2	8.8	1.2	1.6	5.3	4.6
Alemania	6.6	5.4	1.5	1.9 ^a	3	3.3
Brasil	1.5	1.5	2.4	3.6	1.5	1.7
Mundo	100	100	3	3.2	100	100

Fuente: Banco Mundial 2005b, *Indicadores de Desarrollo Mundial*.

Nota: Las tasas de crecimiento promedio se calculan como el promedio de las tasas de crecimiento real anual (US \$ constantes 2000) para el período. Del mismo modo, las contribuciones medias se calculan como el promedio de las contribuciones anuales. El cálculo para el período 2005-20 se basa en el PIB en 2004 y las tasas de crecimiento proyectadas.

a. El Banco Mundial proyecta una tasa de crecimiento anual de 2.3 por ciento para los 25 países de la Unión Europea más la Asociación Europea de Libre Comercio, de la cual derivamos la cifra para Alemania.

Los BRICS

China e India, representan dos de las economías más dinámicas de Asia. Si partimos de los análisis del grupo de OCDE, antes de 2030, se convertirán en el mayor bloque de consumo de energía, generando nuevos retos y desafíos para la región (para el abastecimiento de gas y petróleo). Para O'Neill, señala que la India, podría convertirse en la tercera economía más grande a nivel mundial en treinta años. Por último analiza el papel de China en el grupo BRIC, con mas orientación a influir en la Geo-economía por su convergencia en el tema energético en la relación *Sur-Sur*, y representa un nuevo diseño para los países de nueva industrialización y de poder del nuevo orden mundial.

Estas dos economías, comparadas con Estados Unidos y Alemania, su contribución representarían hasta el año 2020 con el 15.8 por ciento para China y 4.12 por ciento de la India del producto interno bruto mundial

Como señalamos en la introducción los cuatro países tienen en común una gran población –Rusia y Brasil, más de 140 millones de habitantes, China e India, por encima de los 1,200 millones cada uno -un enorme territorio— que les proporciona dimensiones estratégicas continentales— junto a una gran cantidad de recursos estratégicos—por ejemplo Rusia es productor de gas y petróleo y abastece principalmente a Alemania y Europa Central y es parte integral e importante del grupo BRICS.

Escenarios Internacionales

En términos de política y producción energética en primer lugar, la zona del Golfo Pérsico en este siglo, seguirá siendo estratégica para el mercado mundial, ya que abarca el 65 % de las reservas probadas mundiales de petróleo, cuenta además con el 35 % de las reservas de gas y produce el 30 % de la producción mundial de petróleo, de ahí la presencia de Estados Unidos en la zona y de la seguridad energética de China.

Cuando consideramos la demanda energética para el consumo o su uso industrial, dos componentes, petróleo y gas son estratégicos. El petróleo es uno de los recursos de energía natural y no la única fuente, pues representa hoy el 40 % del total de la demanda de energía. La batalla por la energía no significa entonces, una batalla exclusiva por el petróleo⁸.

En concreto, conforman el 42 % de la población del mundo, el 15% del Producto Interno Bruto (PIB) global y el 12.8 % del volumen comercial planetario. Como hicieron en el año 2009— con excepción de Rusia—, sus economías crecieron ese año a tasas superiores a los países de la OCDE en Europa. Desde el año 2003, están generando una parte importante del crecimiento global y disponen de cuantiosas reservas en dólares que suponen el 40% de las reservas totales de las divisas mundiales.

Entre los aspectos a considerar para este futuro de Asia esta la demografía. Los dos gigantes de Asia: China e India son muy diferentes. La República Popular China se acerca más al patrón de los países del noreste de Asia, particularmente Japón. Su fuerza de trabajo sigue creciendo, aunque más lentamente que antes, y probablemente llegue a su punto máximo de crecimiento poblacional en los próximos ocho años, el 2020.

India, por el contrario, todavía tiene una población joven, y su mano de obra seguirá creciendo antes de llegar a casi mil millones de trabajadores en 2050. India tendrá entonces una fuerza laboral del 25 por ciento más que la República Popular China. Hoy en día, tiene 24 por ciento menos de trabajadores. Esta es una de las razones de la India proyecta un mayor crecimiento económico de China en el largo plazo.

Uno de los dilemas que enfrentará Asia para avanzar en su camino hacia la prosperidad es la eficiencia para el uso de la energía y tiene como tarea la reducción en la dependencia de los combustibles fósiles (carbón y petróleo), siendo el carbón un insumo del cual China e India tienen como base energética.

⁸ Wim Dierckxsens, *The End of Neo-liberalism, unsustainable capital and the Need for a New Utopia*, Conciliun, 2004, 5, 15-26.

Para el caso de India, desde la reforma económica ha duplicado la demanda energética y el consumo de electricidad⁹ y la oferta se sitúa principalmente en el carbón, el petróleo (más del 50 %) y con menor participación de fuentes hidroeléctricas, biomasa y energía nuclear.

Son varios elementos a considerar para la nueva demanda y oferta energética y son: el crecimiento urbano y las nuevas clases medias¹⁰ por un lado. En este aspecto se debe planear y adoptar un nuevo enfoque en la construcción de viviendas¹¹ que permitan este crecimiento más ordenado con una propuesta desde casas compactas y ecológicas.

Por otro lado, esto conlleva a contar con un transporte público eficiente para limitar la compra masiva de automóviles¹², para el uso de las futuras ciudades y generalizar los transportes basados en los ferrocarriles (trenes de alta velocidad en China) para el transporte de larga distancia, dando prioridad al desarrollo de tecnologías más eficientes.

Como antecedente de la relación Sur-Sur el grupo surgió para enfrentar el dilema ambiental dentro del G77, y fue conocido como “BASIC”-formado por Brasil, Sudáfrica, India y China. Juntos representan aproximadamente el 40 % de la población mundial y cerca del 10 % de la producción global, además de un porcentaje superior al 25 % de las emisiones de carbón, que no paran de aumentar¹³

A inicios del presente siglo, el PIB de cuatro países, señala el autor del acrónimo del BRIC: Brasil, Rusia, India y China, que representaban el 8 por ciento del PIB mundial por aquel entonces, verían cómo su peso en la economía mundial aumentaría significativamente en la próxima década. Observó que el PIB de China ya era mayor que el de Italia, un miembro bien afianzado del grupo de las superpotencias económicas del G-7 y que, durante la década siguiente, empezaría a superar a algunos de los otros miembros del G-7.

Predijo que si se daba una serie de condiciones altamente favorables, cuando por entonces parecían bastante improbables, Brasil podría aumentar en 2011 su PIB hasta <<alcanzar a Italia>> en 2010, lo que la convirtió en la séptima economía más importante del mundo, con un PIB cercano a los 2.1 billones de dólares. El PIB total

⁹ De 197 a 544 TWh. Para 2030 llegara este consumo a 1,966 y con China (7,513) representarían más del 50% de Asia (17, 267), en Asian Development Bank, (2011), ASIA 205: Realizing the Asian Century, Singapore, tabla 1, 88

¹⁰ El gasto de la clase media asiática podría aumentar un 9 por ciento al año hasta 2030, idem.

¹¹ La propiedad de la vivienda en las zonas urbanas será superior al 80 por ciento, una de las tasas más altas del mundo.

¹² En la RPC, unos 26 millones de automóviles se registraron en 2009, con unas ventas de 13,6 millones de unidades en ese año (2011)

¹³ Xiang Lanxin, *La relación triangular entre Europa, China y Estados Unidos*, España, Anuario Asia pacífico, 2009, 98.

de esos países casi se ha cuadruplicado desde 2001, pasando de estar cerca de tres billones de dólares a una cifra entre once y doce billones.

La economía mundial ha doblado su tamaño desde 2001, y un tercio de este crecimiento corresponde a los BRIC. El aumento de sus PIB combinados fue más del doble del PIB de Estados Unidos y el equivalente a la creación de otro nuevo Japón más una Alemania o cinco Reinos Unidos, en una sola década¹⁴

Hay que tomar en cuenta otras opiniones -no tan optimistas— sobre un balance de poder desde la relación Sur-Sur, como apunta Daniel W. Drezner quien: analiza los cambios en la distribución del poder económico y nos advierte sobre los peligros de exagerarlos. No podemos concluir que el mundo ya es otro porque el G20 ha desplazado al G8, ha surgido el grupo BRIC, China ha desbocado a Japón como la segunda mayor economía del mundo y amenaza con alcanzar a Estados Unidos en menos de tres lustros.

Hay que distinguir, asegura Drezner, entre el poder estructural (la capacidad de modificar el entorno económico y político, es decir, los mercados de capital, las estructuras de gobernanza, la sociedad civil, las ideologías) y el poder relacionado (la capacidad de ejercer influencia entre otros). Tampoco es igual el poder de disuasión (que permite eludir las presiones de otros), que el poder para obligar o compeler a otros. Si se consideran estas distintas formas de poder, los cambios en la distribución del poder económico no son lo que parecen¹⁵.

Algunos rasgos esenciales de la posible alianza económica y con mayor proyección que un listado de problemas comunes de los países BRIC se sustentan en que China e India, serán los grandes proveedores mundiales de tecnología y servicios. En el otro lado, Brasil ocupará una posición de liderazgo en biodiversidad, minerales de hierro, etanol y alimentos mientras que Rusia lo hará en la industria del armamento y como proveedor de petróleo y gas natural.¹⁶

Conclusiones

En términos de política y producción energética en primer lugar, la zona del Golfo Pérsico en este siglo, seguirá siendo estratégica para el mercado mundial, ya que abarca el 65 % de las reservas probadas mundiales de petróleo, cuenta además con el 35 % de las reservas de gas y produce el 30 % de la producción mundial de petróleo, de ahí la presencia de EEUU en la zona y de la seguridad energética de China.

¹⁴ Jim O'Neill, El mapa del crecimiento económico. Oportunidades de negocio en los BRIC y más allá, Deusto, España, El mapa del crecimiento, 2011, 12.

¹⁵ G. Isaac Morales y María Celia Toro, “Capacidades y opciones estratégicas de las potencias emergentes en el siglo XXI”, Revista mexicana de Política Exterior, No. 94 febrero, 2012,13.

¹⁶ Rafael Calduch Cervera, *Brasil, Rusia, India China: Realidad Geopolítica Singular*, Ministerio de Defensa, mayo 2011, Madrid, 8.

Del informe señalado se concluye que la prosperidad de Asia será dirigida por siete economías: la República Popular China, India, Indonesia, Japón, República de Corea, Tailandia y Malasia. La proporción de la población para el año 2050 sería del 73 por ciento y su PIB del 90 por ciento de Asia. Son los únicos que representarán el 45 por ciento del PIB mundial.

En 2050, la presencia de Asia en la producción mundial, podría ser un poco más de la mitad del total global. Pero la posición de India en el tema energético es más vulnerable, ya que es uno de los países de rápido crecimiento (o sostenido) pero importan el 70 % del petróleo que necesita, mientras que China importa el 40 %.

Coincidimos con la recapitulación del papel de la India para este siglo por el creador del acrónimo BRIC que señala:

En este orden de importancia la India podría convertirse en la tercera economía más grande a nivel mundial en treinta años¹⁷.

“En teoría, la India podría adelantar a Japón en los próximos veinte o treinta años para convertirse en la tercera mayor economía del mundo y dada su demografía, tiene el potencial para aumentar su PIB real más rápidamente, que cualquiera de los otros BRIC. Hacia 2050, India podría ser más de treinta veces mayor, de lo que es hoy en términos económicos. Sin embargo, de los cuatro BRIC, India tiene la puntuación del entorno para el crecimiento más baja¹⁸

En áreas vitales, se mantiene quince o veinte años por detrás de China. Debido a las reformas de Singh, (Manmohan) de 1991, y al auge del comercio mundial, India pasó de un ínfimo 15 a más del 35 % la proporción del comercio exterior del PIB.

El país ha construido nuevos sectores de exportación en servicios y manufacturas, desde energía, productos farmacéuticos y piedras preciosas hasta la bien conocida externalización de las tecnologías de la información¹⁹.

El papel de China y el grupo BRIC cobran importancia a partir de este siglo, por su construcción como bloque geoeconómico en las relaciones internacionales, sino por su convergencia en el tema energético en la relación *Sur-Sur*, representando un nuevo diseño para los países de nueva industrialización y de poder del nuevo orden mundial.

Bibliografía

1. Anguiano, Roch, Eugenio, China como potencia mundial: presente y futuro, en Cornejo Romer (Coord.): *China, radiografía de una potencia en ascenso*, EL Colegio de México, 2008, 19-121.

¹⁷ Jim, O'Neill, *El mapa del crecimiento económico. Oportunidades de negocio en los BRIC y mas allá*, Deusto, España, 2012, 39.

¹⁸ O'Neill, Jim, op. cit., 73.

¹⁹ *Ibid.*

2. Brzezinski, Zbigniew, *¿Dominación Global o Liderazgo Global?*, Paídos Estado y Sociedad 127, España, 2005. Banco Asiático de Desarrollo (BAD). 2011. Disponible en <http://www.globalasia.com/tag/banco-asiatico-de-desarrollo-bad> Celso, Amorin, “¿Existe realmente el BRIC?”, *Economía Exterior*, Núm.52 Primavera 2010, 22-28.
3. G. Isaac Morales y María Celia Toro, “Capacidades y opciones estratégicas de las potencias emergentes en el siglo XXI”, *Revista mexicana de Política Exterior*, No. 94 febrero, 2012.
4. Giovanni, Arrighi, Silver, Beverly, *Caos y orden en el sistema mundo*, Madrid, Akal, 2001
5. Goldman Sachs, 2007, *BRICs and beyond*, en <http://www2.goldmansachs.com/ideas/brics/book/BRIC-full.pdf>. (01.08.2017)
6. Hernán Lucena Molero, en *Humania del Sur*, año 5, N°8. Enero-junio, 2010, 177-182.
7. IMF World Economic Outlook, October 2010; Centennial Group projections, 2011. Disponible en <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/02/weodata/index.aspx> (01.08.2017).
8. Jim, O’Neill, *El mapa del crecimiento económico. Oportunidades de negocio en los BRIC y mas allá*, Deusto, España, 2012, 246.
9. Jim, O’Neill, Wilson, Dominick, Roopa Purushothaman, y Anna Stupnytska, *How solid are the BRICs?* 2005, en Goldman Sachs: <http://www2.goldmansachs.com/ideas/brics/how-solid--doc.pdf>. (01.08.2017).
10. Lowenthal, F., Abraham, *Más allá de la idea del Hemisferio Occidental*, en Foreign Affairs, Vol. 6, Núm. 1, 2006, 2-6.
11. Rafael Calduch Cervera, *Brasil, Rusia, India China: Realidad Geopolítica Singular*, Madrid, Ministerio de Defensa, mayo 2011.
12. Raúl, Netzahualcoyotzi y Aurora, Furlong, *China, de la región al escenario internacional*, Mexico, Fomento Editorial BUAP — Montiel & Soriano Editores, 2006.
13. Xiang, Lanxin, *La relación triangular entre Europa, China y Estados Unidos*, España Anuario Asia pacifico, 2006, 93-10.

Derecho, política y desarrollo en los BRICS: Comparaciones posibles entre Brasil y Rusia

Law, policy and development in the BRICS: Possible comparisons between Brazil and Russia

Resumen. El desarrollo es un tema común para la política exterior e interna de los países de BRICS. El presente artículo parte del supuesto de que variables de la política internacional tienden a hacer de Brasil un socio preferencial y privilegiado para Rusia en América Latina. De la aproximación entre los dos países, podrían surgir intercambios de experiencia en cuestiones de desarrollo interno y regional, en particular, como aquí se delimita, sobre el diseño constitucional de las políticas nacionales de desarrollo, de sus posición y sus respuestas relativas a cuestiones migratorias internacionales, y de sus estrategias de protección y gestión de espacios reservados y sus las poblaciones nativas.

Palabras clave: Rusia; Brasil; BRICS.

Abstract. Development is a common theme for the foreign and domestic policy of the BRIC countries. This article starts from the assumption that variables of international politics tend to make Brazil a privileged and privileged partner for Russia in Latin America. From the approximation between the two countries, exchanges of experience in internal and regional development issues could arise, in particular, as it is delimited here, on the constitutional design of national development policies, their position and their answers regarding migration issues. international, and their protection strategies and gestion of reserved spaces and their native populations..

Keywords: Russia; Brazil; BRICS.

Brasil y Rusia han enfrentados desafíos y dilemas comunes que los ponen bajo la misma condición de “países en desarrollo”. Y aunque eso — es decir, la similitud — sea implícito en la asociación que los une en los llamados “BRICS” (Brasil, Rusia, India y China), es curioso el hecho de que, incluso hoy en día, haya pocos estudios comparativos sobre los modelos de desarrollo adoptados (o simplemente probados) por los dos países, al menos en Latinoamérica.

El examen de tales modelos de desarrollo, por supuesto, requiere un conocimiento adecuado de los estándares normativos y de la cultura política de los dos países — sin lo cual se hace ininteligible cualquier política de desarrollo analizada

¹ Brasil, Doctorado en Relaciones Internacionales por la Universidade de Brasilia (UNB); Maestría en Derechos Fundamentales y Relaciones Sociales, y Grado en Derecho, por la Universidad Federal do Pará (UFPA). Profesor Asociado de la Universidade Federal de Roraima (UFRR). Vice-coordinador del Programa de Maestría Desarrollo Regional de la Amazonia en UFRR. (fxavier010@hotmail.com).

comparativamente. En este caso, surgen inmediatamente algunas preguntas. sin embargo, siendo cierto que son distintas las normas generales y los estándares nacionales culturales entre Brasil y Rusia, aún se podría pensar en modelos de desarrollo convergentes? ¿Cuanto hay de sinergia en los esfuerzos recientes de estos países, que podría ser aprovechada para la planificación y realización de políticas que miren retos y problemas en común?

En última instancia, preguntase sobre la viabilidad de la cooperación en el campo de las políticas de desarrollo entre dos Estados, los cuales tienen compartido el hecho de que son, en el estado actual de la economía internacional, “países en desarrollo”, pero, al mismo tiempo, que mantienen entre si asimetrías y idiosincrasias en diversas áreas de interés público. En verdad, es necesario de pronto cuestionar si el éxito de la asociación entre los BRIC depende de algun grado de convergencia entre las políticas de desarrollo internas y externas de los países miembros.

En lo bloque de BRICs, Brasil comienza con una desventaja comparativa: ello está ubicado (geográficamente) muy distante de sus otros socios (Rusia, India y China), los cuales están en Asia. Una vez que el regionalismo refuerza la cooperación entre vecinos parametrizados, esa desventaja puede ser relativamente significativa. Algunos analistas² dan énfasis al fortalecimiento de las relaciones de Rusia con sus socios en Asia/Pacífico como una estrategia actual de desarrollo económico de sus territorios en el Lejano Oriente y Siberia. Si el análisis es correcto, no es demasiado como para suponer que la variable geográfica puede haber sido tenido en cuenta para las inversiones rusas hacia el Este.

En su libro reciente, Jing Huang y Alexander Korolev³ se refieren a “giro integral” de Rusia hacia Asia, con el fin de acelerar el desarrollo de Siberia y las regiones del Este, la cual se lleva a cabo como estaba previsto por el presidente Vladimir Putin desde que regresó al poder en 2012. Eso giro, según los autores, si bien indica tanto la extensión de la crisis rusa con su vecindad al Oeste (más específicamente, Ucrania), cuanto permite vislumbrar la decepción del país con el modelo de desarrollo adoptado por la Unión Europea⁴. De acuerdo con esos autores,

A pesar de la falta de un consenso absoluto en el modelo preferencial de desarrollo socioeconómico de las regiones de Rusia cerca del Pacífico y el debate en curso sobre la atractividad general del cambio global hacia Asia, existe un creciente reconocimiento entre los intelectuales y las élites políticas en Rusia que la integración del país al sistema económico de la región de Asia y el Pacífico, a través del desarrollo

² Kanaev, E., “Developing Russia’s Far East and Siberia: The interplay of national, regional and global implications” // Huang, Jing; Korolev, Alexander (eds.). *International cooperation in the development of Russia’s Far East and Siberia*. Hampshire; New York: Palgrave McMillan, 2015.

³ Huang, Jing; Korolev, Alexander (eds.), *The Political Economy of Pacific Russia: Regional developments in East Asia*. Springer International Publishing AG Switzerland, 2017.

⁴ *Ibidem*.

del Lejano Oriente y Siberia, es esencial para reestructurar su economía y mejorar su posición geopolítica. En otras palabras, la integración de Rusia en la región de Asia y el Pacífico se ha convertido en más una cuestión de “cómo” en lugar de “si” o “por qué”. Es más acerca de cómo Rusia va a crear e implementar sus planes de desarrollo de Siberia y el Lejano Oriente y cómo estos planes pueden ser optimizados con el cambio global a Asia con el fin de evitar la trampa de la falta de recursos y diversificar sus mercados de exportación, en lugar de cuestionar fundamentalmente si Rusia debe implementar estas políticas⁵

Aunque haya duda si eso es una tendencia *de facto* o no, hay otras variables (más geo-políticas que geográficas) que podrían obligar a Rusia en la dirección opuesta, hacia el Oeste no-europeo: aunque la colaboración en cuestiones de *hard power* con Estados Unidos bajo la administración de Trump es cada vez más improbable, se siguen mantenidas las posibilidades de *soft power* con algunos actores de Latinoamérica. A principios de febrero de 2017, el Ministro ruso de Asuntos Exteriores Serguey Lavrov, al recibir su homólogo venezolano, dijo que las relaciones entre Rusia y Venezuela eran “altas”, incluso en áreas como la energía, la agricultura y la industria.

El retorno de la competición estratégica con los Estados Unidos, añadido con la política refractaria de los países europeos, podrían hacer com que Rusia, en una hipótesis realista, volva su atención a la cooperación dentro de los BRICs, posiblemente basándose en su capacidad de inversiones en Brasil para ampliar su influencia en Sudamérica. Algunos de los intereses económicos y políticos de Rusia en Brasil ya se han mostrado tangibles. En febrero de 2017, la compañía petrolera rusa Rosneft Oil Company, a través de su filial de Rosneft Brasil, comenzó a perforar pozos de petróleo en la cuenca de Solimões, en el corazón de la Amazonia brasileña. Como se informó en la prensa brasileña:

El [Rosneft] empresa señaló que está muy interesada en ampliar su actividad en Brasil, el cual considera un país con grandes oportunidades de crecimiento en el área de Upstream (Exploración y producción de petróleo) [...] “, destacando también que ‘continúa evaluar las opciones de monetización de petróleo y gas para el Proyecto Solimões⁶.

Es cierto que las posibilidades de inversión y la cooperación entre los BRICS, o más específicamente entre Brasil y Rusia, no se limitan únicamente a cuestiones energéticas o de *commodities*. Hay otras áreas donde las políticas de desarrollo de estos países, ao menos aparentemente, también enfrentan a problemas comunes,

⁵ Idid., 1-2.

⁶ Cf. Ordoñez, Ramona. petróleo ruso comienza la perforación de pozos en la Amazonía. El globo 20 de febrero de 2017. Disponible en: <http://oglobo.globo.com/economia/petroleira-russa-inicia-perfuracao-de-poco-no-amazonas-20955857#ixzz4ZSjX95lx>. Acceso: 22 Febrero 2017.

como en las áreas de gestión de la migración y deportación, de desarrollo sostenible con protección de la naturaleza y los pueblos nativos etc.

Así parece que, en los BRICS, la tendencia es que Rusia pueda tener, por así decir, una “cara de Jano”, que al mismo tiempo mire no solamente para la Asia, sino también para la América del Sur. Si el tiempo hará con que las faces se tornen asimétricas, eso dependerá de cuanto tales esferas de influencia se conviertan o se mantenga libres e interesadas en una cooperación ventajosa para la Rúsia.

Esta investigación tiene las limitaciones propias a la tarea pretenciosa de comparación de los aspectos relevantes de países y regiones tan peculiares como Brasil y Rusia, y Amazon y Siberia; y no sólo porque todos tengan enormes diferencias en muchos aspectos unos con los otros, pero también porque ellos cubren diferentes e incongruentes mundos en sí mismos.

Parte sustancial del esfuerzo de comparación tomará en cuenta pequeños puntos de referencia de tales regiones subcontinentales: el estado de Roraima, en Brasil, y el Óblast de Omsk, en Rusia. Si estos puntos son satisfactoriamente representante de las principales características de cada región es una pregunta que permanecerá abierta.

Cierto es que algunas cuestiones que necesitan ser involucradas son la siguientes: (a) aspectos constitucionales y su relación con las políticas de desarrollo; (b) la posición respecto a la crisis migratoria mundial y local; (c) la protección de espacios reservados y las poblaciones nativas.

(a) aspectos constitucionales y su relación con las políticas de desarrollo

Las relaciones de complementariedad y compatibilidad entre el constitucionalismo y el desarrollo son variados, en parte debido a que estos dos conceptos también se vierten en entornos los más variados.

El desarrollo hoy en día puede ser definido teniendo en cuenta las variables económicas, sociales, políticas, culturales, etc., que estean cercanos al ideal de desarrollo humano multiniveles. Autores africanos a menudo se refieren a este concepto de desarrollo para sostener que el fracaso del constitucionalismo ocurre pues, al tiempo que limita el poder del Estado a través del reconocimiento de los derechos individuales y colectivos, en muchos países africanos apunta para un proyecto utópico de desarrollo.

En este proyecto, sin embargo, el concepto de desarrollo será tomado como un sentido más económico, que es lo que está más cercano de ese término cuando se utiliza para los “países en desarrollo” (countries in development). Y en este sentido más restringido, la relación entre el desarrollismo y el constitucionalismo tiende a ser más compleja, una vez que los estados con diseños constitucionales similares no necesariamente tienen el mismo grado de desarrollo económico, y las naciones con moldes constitucionales distintos no necesariamente están en grados desarrollo

significativamente diferentes. Incluso puede preguntarse en qué medida una cierta forma de organización estatal, o un conjunto de libertades públicas, puede ser decisivo para el desarrollo económico. Las comparaciones entre los EEUU y China bien pueden ilustrar ese punto.

(b) la posición cuánto a la crisis migratoria mundial y local

Las fronteras internacionales pueden ser más o menos abiertas en función de las relaciones entre los países vecinos. Durante la era soviética, el desplazamiento humano entre las repúblicas de la URSS no sólo fue aceptada por el gobierno central, sino que también estimulada y, en algunos casos, forzada. Sin embargo, en los últimos años, como consecuencia tardía de la desintegración soviética, ha ganado fuerza a la opinión pública, sobre parte de el gobierno ruso, que los controles en las fronteras entre las antiguas repúblicas soviéticas deberían ser más estrictos.

Comienza a ocurrir un miedo ante la posibilidad de represión del estado de la inmigración ilegal, que, aunque no teniendo la característica espectral de control de la inmigración en los Estados Unidos y partes de Europa occidental, no se puede descuidar.

En Brasil, el control de inmigración se ha vuelto más resistente, debido a la dificultad de la gestión debido al aumento del flujo de inmigrantes en algunas zonas fronterizas de las regions, y sobre la dificultad de reforma de la ley de inmigrantes.

Como Rusia y Brasil tienen una extensa línea fronteriza internacional, con gran parte de ella transpuesta por tierra, hay muchos casos de ciudades gemelas que experimentan todos los días de trayecto de migración. J. A. y Yu Zaionchkovskaya. Florinskaya F.⁷ (2008), que trata de la frontera entre Rusia y Kazajstán, recuerdan que hay una ventaja de vivir en la frontera: “Debe tenerse en cuenta que en todo el mundo vivir cerca de la frontera trae más beneficios que desventajas a las personas que viven en la frontera para explotar las diferencias de precios entre los productos, hacer uso de las oportunidades de empleo adicionales, servicios de salud y la educación”.

La investigación se ocupa de comparar los modelos migratorios para el control migratoria e las fronteras internacionales.

(c) la protección de espacios reservados y las poblaciones nativas

Tanto Amazonia cuanto Siberia son regiones estratégicas a nivel internacional, debido a sus abundantes y únicos recursos naturales y su potencial biotecnológico. Por lo tanto, hay quienes se las quejan como zonas de dominio público internacional, afirmando la necesidad de cogestión para ellas, con el propósito de operación y

⁷ Zaionchkovskaya, J. A.; Florinskaya, Yu F., Legal and illegal migration across Russia–Kazakhstan border. European population conference 2008. Programme and abstracts. Migration and Migrants in Europe. Barcelona, 9-12 July 2008. European Association for Population Studies in association with Centre d’Estudis Demografics.

mantenimiento conjunto, para que sea todo un bien compartido con la comunidad internacional.

Para tal objetivo no se integra con la necesidad de reconocer que hay pueblos nativos en esas regiones y que las estrategias para a protección de ellas son mejores conocidas por los gobiernos nacionales y locales.

La forma como Brasil y Rusia gerencian sus regiones y fundamentan lo derecho exclusivo a ellas, se pone como un factor que debe ser comparado.

Bibliografía

1. Huang, Jing; Korolev, Alexander (eds.). *The Political Economy of Pacific Russia: Regional developments in East Asia*. Springer International Publishing AG Switzerland, 2017.
2. Kanaev, Evgeny. *Developing Russia's Far East and Siberia: The interplay of national, regional and global implications*. In: HUANG, Jing; KOROLEV, Alexander (eds.). *International cooperation in the development of Russia's Far East and Siberia*. Hampshire; New York: Palgrave McMillan, 2015.
3. Olasunkanmi, Aborisade. *Constitutionalism and the challenges of development in Africa*. *International Journal of Politics and Good Governance*, Vol. 5, N. 5. 4 Quarter IV, 2014.
4. Soskovets, I.V. *Realizatsiya Konstitutsionnogo Printsipa Samoopedeleniya Narodov*. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya "Pravo"*, 2010, N° 2 (23), 43-47.
5. Zaionchkovskaya, J. A.; Florinskaya, Yu F. *Legal and illegal migration across Russia-Kazakhstan border*. European population conference 2008. Programme and abstracts. *Migration and Migrants in Europe*. Barcelona, 9-12 July 2008. European Association for Population Studies in association with Centre d'Estudis Demografics.

ЭКОНОМИКИ ИБЕРОАМЕРИКАНСКОГО МИРА: ДО- И ПОСТКРИЗИСНЫЕ СТРАТЕГИИ

Sara Caria¹, Rafael Domínguez²

Extrae que algo queda.

**Extractivismos andinos en el auge y caída de los
commodities (2004–2016)**

Extract that something is left.

**Andean Extractivism in the rise and fall of commodities
(2004–2016)**

Resumen. El presente trabajo se propone comparar los resultados ambientales y sociales, así como los impactos en la transformación productiva de los dos estilos del extractivismo andino: el conservador (clásico o convencional) de Perú y Colombia y el neo-extractivismo progresista de Ecuador y Bolivia, durante el auge y caída del super ciclo de los *commodities*. El análisis no evidencia resultados disímiles entre los dos modelos de extractivismo por razón de distintas orientaciones sociales y redistributivas, ni por afectación del cambio estructural, pero las implicaciones de la caída de los precios sí afectarán a dichas políticas sociales y de diversificación productiva si los marcos generales de desarrollo (Consenso de Davos del extractivismo conservador, y socialdesarrollismo del extractivismo progresista) se mantienen diferenciados.

Palabras clave: extractivismo; pobreza; desigualdad; cambio estructural; desarrollo sostenible.

Abstract. This work aims at comparing environmental and social results, as well as the effects on structural transformation of two different types of Andean extractivism, during the raise and fall of commodities super-cycle: on the one hand Peru and Colombia's classical (or conservative) orientation and on the other hand Bolivia and Ecuador's progressist vision. Empirical evidence shows similar outputs between the two models of extractivism, as far as social and environmental results and structural change are concerned.

¹ España, Instituto de Altos Estudios Nacionales, (Sara.caria@iaen.edu.ec)

² España, Universidad de Cantabria, (domingur@unican.es)

Nevertheless, the implication of commodities prices fall will have an impact on social and productive policies, if the two development framework (conservative extractivism, based on Davos consensus on one side and social-developmentalism of progressist neoextractivism on the other) are maintained.

Key words: extractivism; poverty; inequality; structural change; sustainable development.

Introducción

El presente trabajo es una actualización de una anterior investigación en la cual se exploraba la hipótesis de la existencia de dos orientaciones distintas en los modelos extractivistas de Bolivia, Colombia, Ecuador y Perú, durante el reciente *boom* de los *commodities*, que ha caracterizado la “década idílica” posterior a 2004 en América Latina³ gracias a la demanda e inversión de China en la región⁴. Los resultados sociales (reducción pobreza y desigualdad y generación de empleo a través del cambio estructural) y de desarrollo sostenible (ahorro genuino) no evidenciaban diferencias claras entre los dos modelos de extractivismo: el neo-extractivismo progresista de Bolivia y Ecuador, no se diferencia del viejo extractivismo de Colombia y Perú en su capacidad de reducir la pobreza, la desigualdad y crear empleos de calidad, sino en el discurso de la naturaleza transitoria del propio extractivismo, cuya intensificación sería funcional a un cambio en el modelo primario exportador⁵. Ahora, se pretende ampliar el periodo de análisis, incluyendo los primeros años del fin del súper ciclo de las materias primas, para buscar las implicaciones del nuevo contexto, que impone restricciones externas y afecta la disponibilidad de recursos fiscales.

En la primera sección de la comunicación se caracterizarán los cuatro países andinos como “economías de recursos no renovables”⁶; en la segunda sección se analizarán algunos indicadores que pueden dar pautas sobre los resultados de las políticas sociales y de desarrollo sostenible y el proceso de reprimarización de las economías de los cuatro países. Finalmente, se formulan algunas consideraciones sobre la necesidad de un nuevo pacto fiscal, basado en sistemas impositivos más progresivos y equitativos, que permita sostener políticas orientadas a la reducción de las brechas estructurales sociales y productivas.

³ Ocampo J. A., “Tiempos de incertidumbre”, Finanzas & Desarrollo, 2015, septiembre, 6-11, 8.

⁴ Gallagher, K.P., (2016). “Latin America’s China Boom”, NACLA Reporto on the Americas, 48 (3), 265-270.

⁵ Domínguez, R. y Caria, S., “Extractivismos andinos y limitantes del cambio estructural”, en H.J. Burchardt, *et al.* (eds.), *Nada dura para siempre. Neo-extractivismo tras el boom de las materias primas*, Abya-Yala: Quito, 2016, 89-129.

⁶ Battaile, B. y Mishra, S., “Transforming Non-Renewable Resource Economies (NREs)”, IMF Working Paper, 2015, 15/171.

1. Los países andinos como economías de recursos naturales no renovables

Los cuatro países andinos estuvieron en el grupo de los “grandes ganadores en la lotería de los *commodities*”⁷, pues los cuatro se beneficiaron significativamente del *boom* iniciado en 2004.

Durante el reciente *boom* de los *commodities*, el debate alrededor de los efectos de la abundancia de recursos sobre el desempeño económico y social de los países, objeto de estudio desde hace casi un siglo⁸, ha recobrado fuerza, articulándose —simplificando al máximo por razones de síntesis— alrededor de dos posturas. La primera pone énfasis en las consecuencias ambientales, sociales y políticas, a menudo devastadoras, del “extractivismo”. Éste término, acuñado por Gudynas⁹, caracteriza “las actividades que remueven grandes volúmenes de recursos naturales, que no son procesados (o lo son limitadamente) y pasan a ser exportados”. Por otro lado, un coro de voces, entre destacados economistas¹⁰ y organizaciones internacionales de desarrollo¹¹, ha visto en los recursos naturales “un activo estratégico” para la inserción internacional, y la reprimarización del comercio exportador como un factor de “resiliencia y capacidad de crecimiento para la región”¹².

En todo caso y de forma unánime, la literatura considera fundamental la adopción de políticas para aprovechar las fases de expansión, a través de un manejo prudente de las rentas que los recursos naturales ocasionan¹³. Se recomienda una amplia distribución de las ganancias procedentes de la mejora de los términos de intercambio y políticas activas para alterar la estructura productiva¹⁴; en este punto

⁷ Ocampo, J.A., “The Development Implications of External Integration in Latin America”, UNU-WIDER Working Paper, 2012/48, 9.

⁸ Para una revisión exhaustiva de la literatura sobre este tema, véase, entre otros, Acar (2017).

⁹ Gudynas, E. “Diez tesis urgentes sobre el nuevo extractivismo”, en J. Schuldt et al., *Extractivismo, política y sociedad*. CAAP y CLAES: Quito, 2009, 187-225.

¹⁰ Smith, B., “The resource curse exorcised: Evidence from a panel of countries”, *Journal of Development Economics*, 2015, 16, 57-73; Stiglitz, J. “La explotación de los recursos naturales, ¿una maldición o una bendición?”, *Ecuador Económico*, 2012, 5, 20-21.

¹¹ UNCTAD. *World Investment Report 2007. Transnational Corporations, Extractive Industries and Development*. New York y Ginebra, 2007, United Nations; World Bank. “The Contribution of the Mining Sector to Socioeconomic and Human Development”, *Extractive Industries for Development Series*, 2014, 30.

¹² CEPAL, *Panorama de la inserción internacional de América Latina y el Caribe 2010-2011*.

¹³ Aguirre, R. “Recursos naturales y desarrollo: los dilemas de una relación crítica”, *Documento de Trabajo IUDC*, 2017, 39; Dauvin, M. y Guerreiro, D. “The Paradox of Plenty: A Meta-Analysis”, *World Development*, 2017, 94, 212-231; Acar, S. *The Curse of Natural Resources. A Developmental Analysis in a Comparative Context*. New York: Palgrave Macmillan, 2017.

¹⁴ Venables, A.J., “Using Natural Resources for Development: Why Has It Proven So Difficult”, *Journal of Economic Perspectives*, 2016, 30 (1), 161-184.

el papel del Estado es central, pues es el actor que más posibilidades tiene de incidir en la manera en que los recursos son utilizados.

Y es justamente en el papel del Estado que el “neo-extractivismo progresista” se diferencia del “extractivismo clásico”, “convencional” o de “inspiración conservadora”: en el primero “el Estado juega un papel más activo”¹⁵, incrementa su control y apropiación de las rentas de los recursos naturales e invierte dichas rentas en capital humano (educación), programas de lucha contra la pobreza e infraestructura productiva y social. En el extractivismo clásico, las empresas extractivas gozan de privilegios y condiciones que les permiten apropiarse las rentas generadas por la explotación de los recursos naturales¹⁶. El neo-extractivismo progresista apuesta por una estrategia de crecimiento impulsada también por la expansión de la demanda interna, gracias al incremento de la capacidad adquisitiva de los salarios y de la propensión media al consumo de la economía, por efecto de la redistribución del ingreso en un modelo de capitalismo regulado o de social-desarrollismo.

Por tanto, si bien durante la década idílica los países andinos presentaron como elemento común el papel que revistió la exportación de recursos naturales¹⁷ en una suerte de nueva convergencia económica conservadora, llamada también Consenso de los *Commodities*¹⁸, hubo diferencias de estilo; Colombia y Perú se podrían adscribir en general al extractivismo conservador, basado en el Consenso de Davos, continuador de las políticas neoliberales; mientras que Bolivia y Ecuador formaron el bloque neoextractivista, caracterizado por un “nuevo (o “nacional”) desarrollismo”^{19 20}.

Existe un consenso sobre la especificidad de las economías de recursos naturales no renovables (ERNNR) como una categoría propia con dinámicas peculiares²¹. En este trabajo, se adopta la definición de ERNNR como aquellas

¹⁵ Gudynas, E., “Diez tesis urgentes sobre el nuevo extractivismo”, en J. Schuldt et al., *Extractivismo, política y sociedad*. CAAP y CLAES: Quito, 2009, 187-225.

¹⁶ Azamar, A. y Ponce, J.I., “El neoextractivismo como modelo de crecimiento en América Latina”, *Economía y Desarrollo*, 2015, 154 (1), 185-198.

¹⁷ Veltmeyer, H., “Economía política de la extracción de recursos naturales: ¿nuevo modelo de desarrollo o imperialismo extractivo?”, *Estudios Críticos del Desarrollo*, 2013, 3 (4), 9-43.

¹⁸ Svampa, M.E. “«Consenso de los Commodities» y lenguajes de valoración en América Latina”, *Nueva Sociedad*, 2013, 244, 29-46.

¹⁹ Bresser-Pereira, L.C., “Estado y mercado en el nuevo desarrollismo”, *Nueva Sociedad*, 2010, 110-125.

²⁰ Para una descripción más detallada de los dos estilos de extractivismos, véase Domínguez y Caria (2016).

²¹ Battaile, B. y Mishra, S., “Transforming Non-Renewable Resource Economies (NREs)”, *IMF Working Paper*, 2015, 15/171; Warner, A. “Natural Resource Booms in the Modern Era: Is the curse still alive?”, *IMF Working Paper*, 2015, 15/237; Bleaney, M. y Halland, H. “Do Resource-Rich Countries Suffer from a Lack of Fiscal Discipline?”, *World Bank Policy Research Working Paper*, 2016, 7552.

conomías en desarrollo de ingreso bajo o medio-bajo (Bolivia), y de ingreso medio-alto (Ecuador, Perú y Colombia) en las que por lo menos al 20 % de las exportaciones totales y al menos el 20 % de los ingresos fiscales proceden de recursos naturales²².

Como se puede ver en el Cuadro 1, la condición que los recursos naturales equivalgan al menos al 20 % de las exportaciones totales, se cumple para los cuatro países, tanto durante el periodo 2006-2014 como en los dos últimos años, aunque el porcentaje de las exportaciones que suponen los recursos naturales disminuye en todos los países excepto Perú (en Ecuador de forma muy marcada y en Bolivia y Colombia de manera más tenue). En cuanto al peso de las rentas de recursos naturales sobre los ingresos fiscales, ya en los años del auge del *commodities boom* solo Bolivia y Ecuador cumplían con el parámetro del 20%, pero en los dos últimos años Ecuador ya no cumplió.

Cuadro 1

Caracterización de los países andinos como ERNNR

Países	Grupo ingreso per cápita en \$ Método Atlas 2016	X RRNR sobre valor total			Rentas RRNR				
		X (%)			% PIB		% Ingresos fiscales		
		2006–2014	2015	2016	2010–2013	2015	2010–2013	2015	2016
Bolivia	LMIC 3.070	72	65	57	12,9	7,9	37,6	37	29,7
Ecuador	UMIC 5.820	55	36	32	13,4	3,8	40,3	18,7	17,8
Perú	UMIC 5.950	59	65	67	3,4	6,2	17,1	-	-
Colombia	UMIC 6.320	60	49	41	4,0	3,5	13,9	-	-

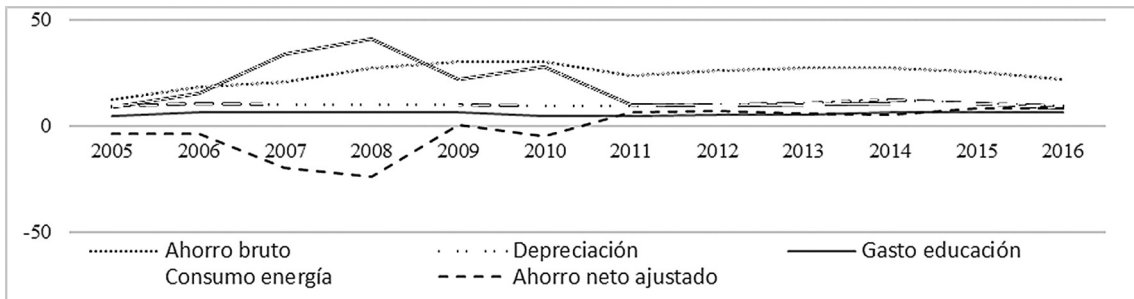
Fuentes: Grupo de ingreso en <http://databank.worldbank.org/data/download/GNIPC.pdf>;

Exportaciones de recursos naturales no renovables: Banco Centrales de Bolivia y Ecuador, Departamento Administrativo Nacional de Estadística de Colombia y Banco Central de Reservas de Perú; Renta de RRNN sobre PIB, Banco Mundial, sobre ingresos fiscales Banco Central de Bolivia y Ecuador.

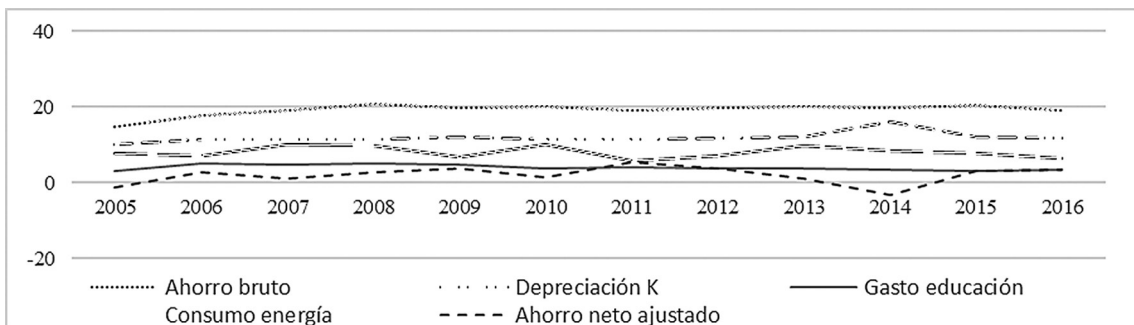
²² Los parámetros utilizados no son uniformes: por ejemplo, Bleaney y Halland (2016) establecen el mínimo del 25% de exportación de hidrocarburos y del 10% de exportación de minerales. En este trabajo se utilizan los parámetros establecidos por el IMF (2012). IMF. Macroeconomic policy frameworks for resource-rich developing countries. International Monetary Fund: Washington, 2012, 47.

Grafico 1. Ahorro neto ajustado (% PIB), 2005-2016

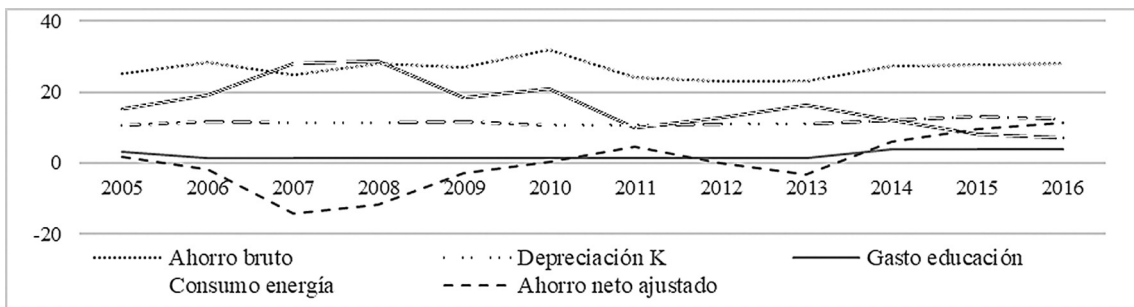
Bolivia

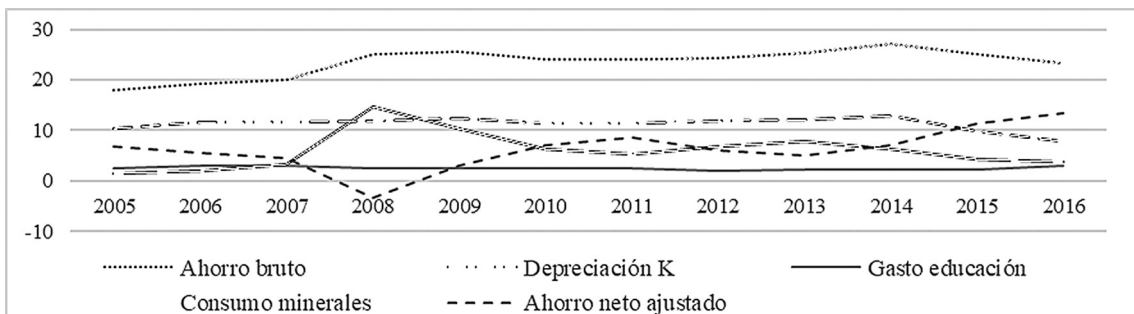
Colombia

Ecuador

Perú

Fuente: World Bank, The Little Green Data Book, ediciones del 2005 al 2016.

En Bolivia, Colombia y Ecuador, los recursos naturales han perdido importancia con el fin del *boom*. En Perú la tendencia es opuesta; el país sigue profundizando su orientación primario exportadora. En 2016 las exportaciones totales peruanas se incrementaron en 7,6 %, gracias al incremento del 16,6 % del volumen de las exportaciones tradicionales (cobre, oro, café, derivados del petróleo). ¿Cómo han afectado esas tendencias al desarrollo sostenible?

El Banco Mundial ha desarrollado una medida sintética de la diferencia real entre la producción y el consumo: el ahorro genuino o ahorro neto ajustado²³, que se puede considerar un indicador de desarrollo sostenible, si se adopta la definición de sostenibilidad blanda, comúnmente aceptada en la agenda internacional, la que implica mantener constante el stock de capital, suponiendo la perfecta sustitución entre el capital natural, el humano y el capital reproducible (Arrow *et al.* 2010, 1-2 Si el ahorro genuino es negativo significa que la tasa de ahorro bruta y la inversión en capital humano son insuficientes para compensar la depreciación del capital fijo, el consumo de recursos naturales y/o los daños causados por la polución. En el Gráfico 1 se visualiza la evolución del ahorro genuino de los cuatro países andinos, junto a sus componentes más relevantes, en la última década.

Como se puede observar, en todos los países, el elemento que determina la mejora tendencial del ahorro neto ajustado, entre 2005 y 2016, es el consumo de las fuentes de energía (minerales en el caso de Perú), que tuvo una trayectoria descendente desde 2008 y casi perfectamente asimétrica a la del ahorro genuino. En ese sentido, el incremento del gasto en educación en Bolivia y Ecuador no fue suficiente para incidir de forma significativa en el ahorro genuino de estos dos países, que, como en los otros andinos tiene que ver con la reducción del consumo de energía (y minerales en el caso de Perú).

2. Extractivismos, reprimarización y estancamiento del cambio estructural

Los cuatro países andinos se pueden considerar entre los “grandes ganadores en la lotería de los *commodities* desde 2004” al encontrarse entre los más favorecidos de América Latina por la mejora de los términos de intercambio (Ocampo 2012, 9). Durante el reciente *boom*, 2004-13, el país que más creció fue Ecuador con un crecimiento de 4,92 % de variación acumulativa anual de su PIB per capita, seguido de Perú (4,16 %), Bolivia (3,23 %) y en último lugar Colombia con un 2,47 % (Domínguez y Caria, 2016, 102). Luego, el fin del *boom* afectó todos los países, que

²³ Este indicador se calcula sumando el ahorro neto nacional (ahorro bruto menos depreciación del capital fijo) con el gasto en educación y restando el agotamiento de fuentes de energía, de minerales y de recursos naturales y el daño por contaminación de partículas y dióxido de carbono. Se expresa en porcentajes del PIB.

experimentaron una desaceleración del crecimiento del PIB aunque con distintos patrones: gradual en el caso de Bolivia (5,5 %, 4,8 % y 4,3 %) y Colombia (4,6 %, 3,1 %, 2,0 %) de 2014 al 2016, brusca en el caso de Ecuador, único país del grupo en registrar un valor negativo en 2016 (3,8 %, 0,3 % y -1,5 %), Perú experimentó una caída de su crecimiento en 2014 (2,4 % en 2014 frente a 5,8 % en 2013) para luego recuperarse progresivamente (3,3 % en 2015 y 3,9 % en 2016) gracias al incremento de la producción —y exportación— de cobre. En estos últimos años el papel de la demanda interna (consumo de hogares y gasto público) ha sido importante para sostener el PIB en Ecuador y Bolivia²⁴, manteniéndose la tendencia de los países neo-extractivistas en articular su estrategia de crecimiento con exportaciones e impulso a la demanda interna.

Por lo que se refiere al gasto social en relación al PIB, si se considera el agregado (educación, salud, seguridad social y previsión, vivienda y otros) los datos de 2015 sitúan a Bolivia en el primer lugar con el 26 % de gasto social, por parte del gobierno central, seguido por Colombia con el 9,3 %, Ecuador con el 8,6 % y, finalmente, Perú con 6,3 %. Sin embargo, al eliminar los rubros de seguridad social y previsión, vivienda y otros (que benefician en algunos países como Colombia desproporcionadamente al quintil superior) y centrarnos en la inversión en capital humano (gasto en educación y salud) los resultados identifican claramente un mayor esfuerzo de parte de Bolivia y Ecuador (7,7 % y 7,0 % del PIB respectivamente en 2015) frente a Colombia y Perú (5,2 % y 2,9 %, respectivamente)²⁵.

En relación a los resultados de reducción de pobreza y desigualdad la evidencia cuestiona la existencia de dos tipos de extractivismos por razón de distintas orientaciones sociales y redistributivas. Así, el país con mayor reducción relativa de la pobreza entre 2010 y 2014 fue Perú (9,8 %), seguido por los otros tres países con valores muy similares entre ellos (6,6 % Ecuador, 6,4 % Colombia y 6,3 % Bolivia).

Con respecto a la desigualdad, cuando se atiende a un índice (problemático en realidad) como el de Gini²⁶, hubo una reducción entre 2008 y 2012: Bolivia, Ecuador y Perú de forma más marcada que Colombia. Sin embargo, cuando se comparan los datos de 2012 y 2015, Colombia, Ecuador y Perú han seguido reduciendo su índice, aunque de forma más leve que durante el quinquenio anterior, mientras que en Bolivia el índice se incrementó.

²⁴ CEPAL, Estudio Económico para América Latina y el Caribe, Informe macroeconómico para cada uno de los cuatro países, años 2015, 2016, 2017.

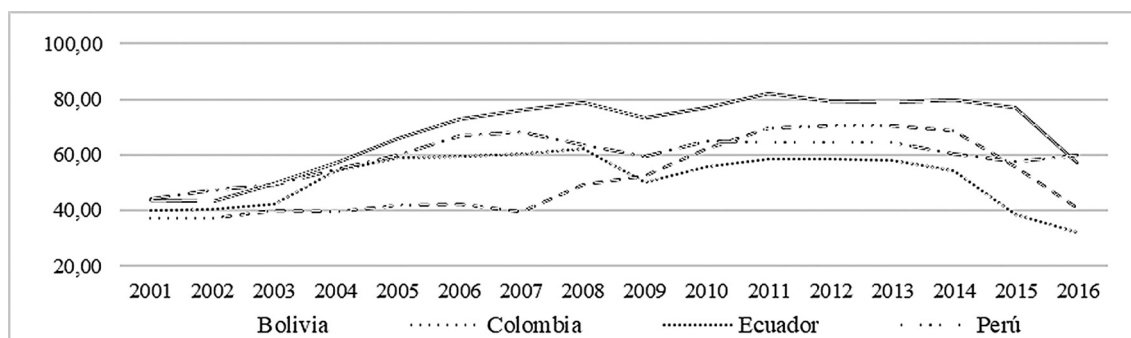
²⁵ Estos porcentajes cambian significativamente para Colombia (y algo para Perú) al considerar el total del gasto público y no sólo del gobierno central; sin embargo, se seleccionó dicho indicador en consideración de la disponibilidad de datos para los cuatro países.

²⁶ El índice de Gini es una medida de concentración y, por tanto, resulta muy sensible a los cambios en los quintiles centrales (Q2, Q3 y Q4) (Amarante y Jiménez 2015). Para medidas alternativas de desigualdad véase Cobham y Summner (2013) y Palma (2015).

Una mirada a la distribución funcional del ingreso puede complementar esta lectura: mientras que en la mayoría de los países de la región el coeficiente de Gini cayó entre 2003 y 2014, la participación salarial en el PIB se incrementó solo en unos pocos países (entre los que están Ecuador y Bolivia). Pero en realidad, estas leves y localizadas mejoras distributivas no fueron acompañadas por un reparto más equitativo a largo plazo del ingreso entre el trabajo y el capital. La distribución funcional del ingreso remite además a la estructura productiva (y su reflejo diferido en la estructura de las exportaciones), ya que el patrón clásico de cambio estructural (desagrarización, industrialización y tercerización) rema a favor de una reducción de las desigualdades que es paralela a la diversificación productiva y exportadora.

En todos los países se incrementó el porcentaje de exportaciones de recursos naturales durante los años del *boom* (Gráfico 2). Con la caída de los precios, solo Perú mantiene básicamente intacta su vocación extractivista; en los demás países el porcentaje de exportaciones de recursos naturales cayó (en el caso de Ecuador, incluso a un nivel inferior que antes del *boom*).

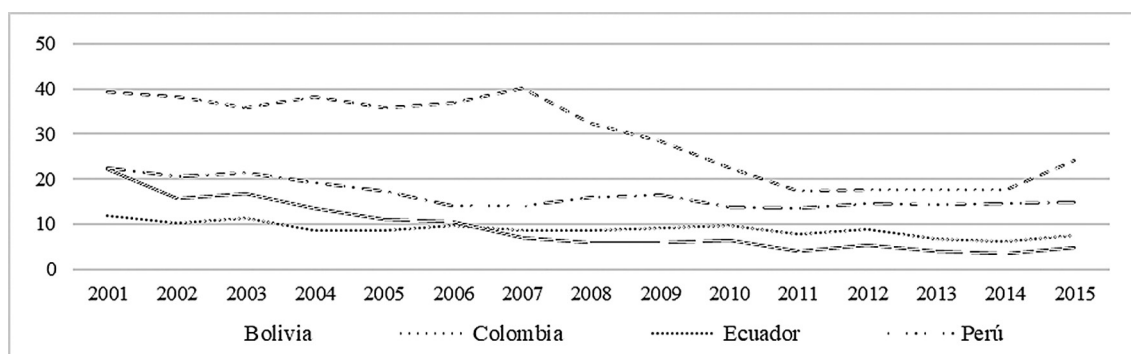
Gráfico 2. Exportaciones de hidrocarburos e minerales (en% del total), 2000-2016

Fuente: World Development Indicators, Banco Mundial. Disponibles en: <https://data.worldbank.org/country>

Paralelamente, todos los países experimentaron un proceso de “desindustrialización prematura”, común al resto de la región latinoamericana y de África Subsahariana, y se “están convirtiendo en economías de servicios sin haber atravesado propiamente una experiencia de industrialización”²⁷. Ello se refleja en el peso relativo de cada rama de actividad económica sobre el total. Complementando los datos de Domínguez y Caria (2016) sobre VAB, empleo y productividad de los distintos sectores productivo, con los datos de exportación de manufacturas, se evidencia un proceso de reprimarización más fuerte en Colombia, seguida por Bolivia; en Ecuador y Perú la caída de las exportaciones manufactureras ha sido más modesta.

²⁷ Rodrik, D., “Premature Deindustrialization”, *Journal of Economic Growth*, 2016, 21 (1), 1-33.

Grafico 3. Exportaciones de productos manufacturados (en % del total), 2000-2015

Fuente: World Development Indicators, Banco Mundial. Disponibles en: <https://data.worldbank.org/country>

Consideraciones finales: un nuevo consenso fiscal

La evidencia presentada en este trabajo no corrobora la hipótesis de que los dos estilos de extractivismo se diferencien claramente el uno del otro en cuanto a sus logros sociales y sus efectos en términos de cambio estructural. Para sostener las políticas sociales, mantener y ampliar las mejoras en desarrollo humano y sostenible y avanzar hacia la diversificación productiva con políticas industriales efectivas, se necesitará financiación que las exportaciones de recursos naturales en un contexto de precios más bajos no podrán proveer.

Para hacer frente al fin del período de precios altos de las materias primas, los cuatro países han tratado de sostener sus políticas aprovechando su espacio fiscal, incrementando su déficit fiscal y recurriendo a la deuda²⁸. Ahora, ya que una ulterior contracción del gasto público tendría efectos recesivos y regresivos, la vía para sanar los balances públicos y perseguir los objetivos de política social y económica es una profunda reforma tributaria que fortalezca “impuestos que no dependan de la volatilidad de los precios internacionales de un número reducido de productos básicos ... trasladando “la carga fiscal desde el trabajo y el consumo hacia el capital, la riqueza y los ingresos asociados”²⁹. Los sistemas tributarios de América Latina se han caracterizado tradicionalmente por el sesgo hacía los impuestos al consumo y por un efecto redistributivo débil. A pesar de las reformas recientes, el impuesto a la renta personal sigue teniendo tipos impositivos bajos y no suficientemente progresivos, así como el impuesto al patrimonio, que ha sido definido por Íñiguez³⁰

²⁸ En 2016 el déficit público fue el ha representado el 2,6% del PIB de Perú (el país con el crecimiento más estable y las tensiones fiscales más bajas), el 3,4% en el caso de Colombia, el 6,7% en Bolivia y alrededor del 7% en Ecuador. Véase CEPAL, Panorama Fiscal de América Latina y el Caribe 2017.

²⁹ CEPAL, Panorama Fiscal de América Latina y el Caribe 2017, 20.

³⁰ Íñiguez, A., “Estado y tributos en América Latina. Avances y agendas pendientes”, Nueva Sociedad, 2015, 46-64.

como “la mayor asignatura pendiente para disponer de un sistema tributario progresivo”. Gravar el capital patrimonial representa un incentivo para utilizarlo de manera productiva y facilitar su movilización. Y para lograrlo hay que desbloquear la conexión, confirmada empíricamente, y con una venerable apoyatura teórica³¹, entre distribución concentrada de recursos e ingresos, baja diversificación productiva y débil capacidad de innovación³².

Para construir una sociedad más justa, que no es solo instrumental para, sino constitutiva y constructiva del desarrollo, es necesario un paquete de reformas estructurales que contemple, entre otros elementos, un nuevo pacto fiscal, con políticas de profundización de la redistribución vía ingresos (por rentas, utilidades y patrimonio) y vía gasto público. En tiempos de crisis, se debe apostar a la innovación y a la transformación productiva, sosteniendo los avances sociales que han experimentado los países andinos en la última década, en lugar de buscar la “competitividad espuria” lográndola “a expensas de las remuneraciones laborales”³³.

Bibliografía

1. Acar, S., *The Curse of Natural Resources. A Developmental Analysis in a Comparative Context*. New York: Palgrave MacMillan, 2017.
2. Aguirre, R., “Recursos naturales y desarrollo: los dilemas de una relación crítica”, Documento de Trabajo IUDC, 2017, 39.
3. Amarante, y Jiménez, J.P., “Desigualdad, concentración y rentas altas en América Latina”, en J.P. Jiménez (ed.), *Desigualdad, concentración del ingreso y tributación sobre las altas rentas en América Latina*. Santiago de Chile: CEPAL y CEF, 2015, 13-48.
4. Arrow, K. et al. “Sustainability and the Measurement of Wealth”, NBER Working Paper, 16599, 2010.
5. Azamar, A. y Ponce, J.I. “El neoextractivismo como modelo de crecimiento en América Latina”, *Economía y Desarrollo*, 154 (1), 2015, 185-198.
6. Battaile, B. y Mishra, S. “Transforming Non-Renewable Resource Economies (NREs)”, IMF Working Paper, 2015, 15/171.
7. Bleaney, M. y Halland, H. “Do Resource-Rich Countries Suffer from a Lack of Fiscal Discipline?”, World Bank Policy Research Working Paper, 2016, 7552.
8. Bresser-Pereira, L.C., “Estado y mercado en el nuevo desarrollismo”, *Nueva Sociedad*, 2007, 110-125.

³¹ Sánchez-Ancochea, D., “¿Son los países desarrollados y en desarrollo estructuralmente diferentes? Un análisis del pensamiento de Kalecki”, *Revista Encrucijada Americana*, 2015, 7 (2), 37-61.

³² Cimoli, M. y Rovira, S., “Elites and Structural Inertia in Latin America: An Introductory Note on the Political Economy of Development”, *Journal of Economic Issues*, 2008, 52 (2), 327-347.

³³ Fajnzylber, F., *Industrialización en América Latina. De la “caja negra” al “casillero vacío”*. Comparación de patrones contemporáneos de industrialización. Naciones Unidas, Comisión Económica para América Latina y el Caribe: Santiago de Chile, 1990.

9. Cimoli, M. y Rovira, S., “Elites and Structural Inertia in Latin America: An Introductory Note on the Political Economy of Development”, *Journal of Economic Issues*, 2008, 52 (2), 327-347.
10. Cobham, A., Schlogl, y Sumner, A.. “Inequality and the Tails: The Palma Proposition and Ratio Revisited”, *DESA Working Paper*, 2013, 143.
11. Dauvin, M. y Guerreiro, D., “The Paradox of Plenty: A Meta-Analysis”, *World Development*, 94, 2017, 212-231.
12. Domínguez, R. y Caria, S. “Extractivismos andinos y limitantes del cambio estructural”, en H.J. Burchardt, *et al.* (eds.), *Nada dura para siempre. Neo-extractivismo tras el boom de las materias primas*, Abya-Yala: Quito, 2016, 89-129.
13. Fajnzylber, F. *Industrialización en América Latina. De la “caja negra” al “casillero vacío”. Comparación de patrones contemporáneos de industrialización*. Naciones Unidas, Comisión Económica para América Latina y el Caribe: Santiago de Chile, 1990.
14. Gallagher, K.P. “Latin America’s China Boom”, *NACLA Reporto on the Americas*, 2016, 48 (3), 265-270.
15. Gudynas, E.. “Diez tesis urgentes sobre el nuevo extractivismo”, en J. Schuldt et al., *Extractivismo, política y sociedad*. CAAP y CLAES: Quito, 2009, 187-225.
16. Humphreys, M. Sachs, J. y Stiglitz, J. “Concluding Chapter”, en M. Humphreys, J. Sachs, J. y J. Stiglitz (eds.), *Escaping the Resource Curse*. Columbia University Press: New York, 2007, 350-364.
17. IMF. *Macroeconomic policy frameworks for resource-rich developing countries*. International Monetary Fund: Washington, 2012.
18. Íñiguez, A. “Estado y tributos en América Latina. Avances y agendas pendientes”, *Nueva Sociedad*, 2015, 46-64.
19. Katz, C. “Dualities of Latin America”, *Latin American Perspectives*, 2015, 42 (4), 1-42.
20. Ocampo, J.A. “The Development Implications of External Integration in Latin America”, *UNU-WIDER Working Paper*, 2012, 2012/48.
21. Palma, J.G. “Has the Income Share of the Middle and Upper-middle Been Stable around the ‘50/50 Rule’, or Has it Converged towards that Level? The «Palma Ratio» Revisited”, *Development and Change*, 2014, 45 (6), 1416–1448.
22. Rodrik, D. “Premature Deindustrialization”, *Journal of Economic Growth*, 2016, 21 (1), 1-33.
23. Sánchez-Ancochea, D., “¿Son los países desarrollados y en desarrollo estructuralmente diferentes? Un análisis del pensamiento de Kalecki”, *Revista Encrucijada Americana*, 2015, 7 (2), 37-61.
24. Smith, B., “The resource curse exorcised: Evidence from a panel of countries”, *Journal of Development Economics*, 2015, 16, 57-73.
25. Stiglitz, J. “La explotación de los recursos naturales, ¿una maldición o una bendición?”, *Ecuador Económico*, 2012, 5, 20-21.
26. Svampa, M.E., “«Consenso de los Commodities» y lenguajes de valoración en América Latina”, *Nueva Sociedad*, 2013, 244, 29-46.

27. UNCTAD. World Investment Report 2007. Transnational Corporations, Extractive Industries and Development. New York y Ginebra: United Nations.
28. Venables, A.J. "Using Natural Resources for Development: Why Has It Proven So Difficult", Journal of Economic Perspectives, 2016, 30 (1), 161-184.
29. Veltmeyer, H. "Economía política de la extracción de recursos naturales: ¿nuevo modelo de desarrollo o imperialismo extractivo?", Estudios Críticos del Desarrollo, 2013, 3 (4), 9-43.
30. Warner, A. "Natural Resource Booms in the Modern Era: Is the curse still alive?", IMF Working Paper, 15/237, 2015.
31. World Bank. "The Contribution of the Mining Sector to Socioeconomic and Human Development", Extractive Industries for Development Series, 2014, 30.

**Модель «тройной спирали» —
эффективный механизм инновационного развития
наукоемких и высокотехнологичных отраслей
стран Латинской Америки**

**The model of the triple helix is an effective mechanism
for the innovative development of science-intensive and
high-tech industries in Latin America**

Resumen: En el trabajo la investigación de formas eficaces de desarrollo de la innovación en el modelo de la “triple hélice” sobre el ejemplo de América Latina. Los problemas se revelan y se muestran las perspectivas de la “triple hélice” en el contexto de la interacción de las universidades, las empresas y el Estado. Se han formado los mecanismos de estimulación de actores en el modelo de “triple hélice” para el desarrollo innovador de las industrias de alta tecnología y alta tecnología. En el artículo se analizan los aspectos metodológicos de la aplicación del modelo de “triple hélice” como modelo de red de desarrollo de la innovación en las relaciones entre los organismos estatales, los negocios y la ciencia en América Latina.

Palabras clave: triple espiral; innovaciones; desarrollo innovador; industrias intensivas en ciencia y alta tecnología.

Annotation: In the work the research of effective forms of innovation development in the model of the “triple helix” on the example of the countries of Latin America was conducted. The problems are revealed and the prospects of the “triple helix” are shown in the context of the interaction of universities, business and the state. The mechanisms of stimulation of actors in the model of the “triple helix” for the innovative development of science-intensive and high-tech industries. In the article the methodological aspects of the application of the “triple helix” model as a network model of innovation development in relations between state bodies, business and science in Latin America.

Keywords: triple spiral; innovations; innovative development; science-intensive and high-tech industries.

В настоящее время «тройная спираль» — новая эффективная модель инновационного развития наукоемких отраслей в экономически

¹ Борисоглебская Л. Н. — Россия, доктор экономических наук, профессор, проректор по научной и проектно-инновационной деятельности Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева (e-mail: boris-bleb@rambler.ru).

развитых странах, которая использует передовые знания науки, находит поддержку государства и бизнеса для коммерциализации исследований и разработок.

В рамках модели «тройной спирали» происходит трансформация функций основных ее акторов: университета, бизнеса, государства, что обеспечивает развитие наукоемких инновационных процессов:

- развитие областей, базирующихся на новых институтах, включая организационные формы проведения НИОКР, трансфер знаний в промышленность, подготовку кадров и др.;
- сотрудничество ученых, включенных в процесс производства научных знаний, с промышленными фирмами и другими организациями;
- раскрытие и обоснование механизмов отношений акторов в рамках концепции «тройной спирали» с целью оптимизации совместного вклада в инновационное развитие высокотехнологичных отраслей.

Основные подходы, реализуемые в модели «тройной спирали», включают: устойчивость развития отраслей экономики; совершенствование институтов управления; развитие организационных форм международного сотрудничества; трансфер знаний и технологий; возможность перераспределения ресурсов; механизмы государственного регулирования и сертификации.

Основной целью исследований, посвященных «тройной спирали» в Латинской Америке, является анализ и выработка механизмов взаимодействия между университетами, бизнес-структурами и государствами как способа интенсификации инновационного развития, генерации, передачи и применения знаний и технологий.

Такие подходы создают конкурентные преимущества регионов в обеспечении промышленного роста наукоемкой, высокотехнологичной продукции, что способствует поднятию позиции отдельных стран в рейтинге глобальной конкурентоспособности (табл. 1).

Полученные совместные результаты инновационного развития в модели «тройной спирали»: взаимодействие науки, государственной политики и бизнеса в области развития высокотехнологичных отраслей — эффективно используются для увеличения стоимости традиционного производства, широко распространенного в странах Латинской Америки.

Промышленность этих стран, основанная на природных ресурсах, может быть успешно конвертирована в высокотехнологичную индустрию, обеспечивающая экономический рост и конкурентоспособность в течение длительного периода времени.

**Рейтинг глобальной конкурентоспособности, топ-10,
Латинская Америка, 2014–2015 гг.²**

№ п/п	Страна	Позиция в мировом рейтинге
1	Чили	33
2	Панама	42
3	Мексика	51
4	Коста-Рика	54
5	Колумбия	61
6	Перу	67
7	Уругвай	73
8	Гватемала	78
9	Бразилия	81
10	Гондурас	88

Глобальный индекс инноваций — это исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю уровня развития инноваций, включающий 80 различных переменных и детально характеризующий инновационное развитие стран мира.

Исследование глобального индекса инноваций представляет наиболее полный комплекс показателей инновационного развития по различным странам мира (табл. 2).

В настоящее время лидерами в высокотехнологичных секторах экономики Латинской Америки являются такие страны, как Бразилия, Чили, Аргентина, что на сегодняшний день делает их инновационными центрами этого региона.

По данным Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна, основными потребителями инновационных технологий являются наиболее крупные высокотехнологичные отрасли региона: нефтегазовая, горнодобывающая, строительная, деревообрабатывающая, телекоммуникационная, металлургическая и некоторые другие. Как правило, эти отрасли представлены крупными компаниями — транснациональными латиноамериканскими корпорациями.

В Латинской Америке инвестиции в сферы, связанные с R&D, существенно отстают от аналогичных инвестиций в крупных экономиках. Среди стран Латинской Америки, по последним данным, лидерами по производимому ВВП являются Бразилия, Мексика и Аргентина (табл. 3).

² The Global Competitiveness Report 2016 — 2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index/competitiveness-rankings/>

Таблица 2

Глобальный индекс инноваций, Латинская Америка, 2014–2017 гг.³

Страна	2014		2015		2016		2017	
	Рейтинг (0–100)	По- зиция (1–143)	Рейтинг (0–100)	По- зиция (1–141)	Рейтинг (0–100)	По- зиция (1–128)	Рейтинг (0–100)	По- зиция (1–127)
Чили	40,64	46	41,2	42	38,41	44	38,7	46
Коста-Рика	37,3	57	38,59	51	38,4	45	37,09	53
Мексика	36,02	66	38,03	57	34,56	61	35,79	58
Панама	38,3	52	36,8	62	33,49	68	34,98	63
Колумбия	35,5	68	36,41	67	34,16	63	34,78	65
Уругвай	34,76	72	35,76	68	34,28	62	34,53	67
Бразилия	36,29	61	34,95	70	33,19	69	33,1	69
Перу	34,73	73	34,87	71	32,51	71	32,9	70
Аргентина	35,13	70	34,3	72	30,24	81	32	76
Домини- канская Республика	32,29	83	30,6	89	30,55	76	31,17	79
Парагвай	31,59	89	30,69	88	28,2	94	30,3	85
Эквадор	27,5	115	26,87	119	27,11	100	29,14	92
Гватемала	30,75	93	28,84	101	27,3	97	27,9	98
Сальвадор	29,08	103	29,31	99	26,56	104	26,68	103
Гондурас	26,73	118	27,48	113	26,94	101	26,36	104
Боливия	27,76	111	28,58	104	25,24	109	25,64	106
Никарагуа	25,47	125	23,47	130	23,06	116	—	—
Венесуэла	25,66	122	22,77	132	22,32	120	—	—

Таблица 3

Динамика ВВП стран Латинской Америки, 2012–2016 гг., млрд долл.⁴

Страна	2012	2013	2014	2015	2016
Бразилия	2464,05	2471,72	2456,05	1801,48	1798,62
Мексика	1186,60	1261,98	1298,40	1151,04	1046,00
Аргентина	579,67	611,47	563,61	631,62	545,12
Колумбия	369,43	380,17	378,32	291,53	282,36
Чили	267,03	278,34	260,95	242,54	247,03
Перу	189,02	197,87	203,02	192,39	195,14
Эквадор	87,93	95,13	102,29	100,18	98,01
Доминиканская Республика	60,70	62,06	65,32	68,20	72,19
Коста-Рика	46,98	50,33	51,26	55,48	58,11

³ The Global Innovation Index [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=past-reports>.

⁴ World Economic Outlook. April 2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.imf.org/en/Data>.

Окончание табл. 3

Страна	2012	2013	2014	2015	2016
Панама	39,96	44,86	49,17	52,13	55,12
Уругвай	51,27	57,53	57,24	53,11	54,57
Боливия	27,28	30,88	33,24	33,24	34,83
Парагвай	24,60	28,97	30,88	27,28	27,44
Сальвадор	23,81	24,35	25,05	25,85	26,71
Гондурас	18,46	18,44	19,69	20,73	21,36

Страны ОЭСР, и особенно США, являются привлекательными для ученых со всего мира прежде всего тем, что предоставляют передовую научно-исследовательскую инфраструктуру (лаборатории, технологии, оборудование), которая дает профессиональные возможности роста. Кроме того, в этих странах существует прозрачная структура карьеры, создающая высокую мотивацию и возможности для профессионального роста на основе личных заслуг и достижений.

Согласно методике Всемирного банка, в качестве ключевых показателей научно-технического развития стран определяются (табл. 4):

- уровень научно-исследовательской активности;
- уровень расходов на образование;
- индекс уровня образования;
- индекс экономики знаний.

Таблица 4

Глобальные рейтинги стран Латинской Америки на основе отчета Всемирного банка 2016 г.⁵

Страна	ИНДЕКСЫ							
	Индекс экономики знаний, 2012		Индекс уровня образования, 2016		Научно-исследовательская активность, 2014		Уровень расходов на образование, 2014	
	рейтинг	индекс	рейтинг	индекс	рейтинг	количество статей	рейтинг	% ВВП
Чили	40	7,21	45	0,784	41	1979	82	4,5
Уругвай	46	6,49	69	0,717	64	290	—	—
Коста-Рика	51	5,93	86	0,684	89	106	23	6,3
Бразилия	60	5,58	87	0,681	16	13148	43	5,7
Аргентина	63	5,43	37	0,808	33	3863	31	6,0
Панама	65	5,30	84	0,691	—	—	—	—

⁵ Информационно-аналитический портал «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. — URL: <http://gtmarket.ru/>.

Окончание табл. 4

Страна	ИНДЕКСЫ							
	Индекс экономики знаний, 2012		Индекс уровня образования, 2016		Научно-исследовательская активность, 2014		Уровень расходов на образование, 2014	
	рейтинг	индекс	рейтинг	индекс	рейтинг	количество статей	рейтинг	% ВВП
Мексика	72	5,07	101	0,655	31	4173	56	5,3
Перу	74	5,01	91	0,672	77	162	—	—
Колумбия	76	4,94	109	0,630	51	727	73	4,8
Венесуэла	86	4,20	73	0,710	62	302	—	—
Куба	87	4,19	48	0,779	70	224	3	12,9
Сальвадор	88	4,17	122	0,584	—	—	—	—
Доминиканская Республика	90	4,05	112	0,622	—	—	—	—
Парагвай	91	3,95	118	0,613	—	—	99	4,0
Эквадор	98	3,72	93	0,665	100	60	—	—
Боливия	100	3,68	99	0,656	—	—	22	6,3

В странах Латинской Америки идет активное формирование инновационных институтов, но эффективность практического использования инновационных технологий и продуктов находится на недостаточном уровне по сравнению с развитыми странами. Для повышения конкурентоспособности стран Латинской Америки возможны эффективные формы инновационного развития:

- реализация структурных реформ для улучшения функционирования рынков;
- осуществление инвестиций в инфраструктуру, инновации и человеческий капитал;
- превращение технологий в конечный рыночный продукт;
- создание жизнеспособной модели «тройной спирали» как эффективной формы инновационного развития.

Основными проблемами при взаимодействии университетов, бизнеса и государства в контексте «тройной спирали» являются следующие.

1. Низкий спрос инновационных идей, предлагаемых наукой университетов, со стороны частных бизнес-компаний.
2. Неадекватная система стимулов и вознаграждений преподавателей и исследователей.

3. Различие стратегий университетов, бизнеса и государства, которое заключается в принципиальной разнице миссий, ценностей и культуры участников, их отношения к различным финансово-временным ограничениям.
4. Поддержание баланса между фундаментальными и прикладными исследованиями, где, с одной стороны, выражаются интересы бизнеса, а с другой — университетов, которые выполняют долгосрочные научно-исследовательские проекты с высокой степенью риска.
5. Низкие уровни импакт-фактора и индекса научного цитирования как показателей качества исследований. В глобальном рейтинге научного цитирования в первой десятке стран представители Латинской Америки отсутствуют.
6. Недостаточная квалификация научно-исследовательского и профессорско-преподавательского состава (критичная проблема для большинства стран Латинской Америки).
7. Отъезд талантливых ученых из стран Латинской Америки в более развитые страны.

Известные модели в бразильских научных кругах, подобные модели «тройной спирали»:

- первая модель, известная как «треугольник Сабато» (аргентинский ученый Хорхе Сабато и Наталиа Р. Батана), в которой взаимодействие между научной инфраструктурой, производственной структурой и государственной политикой представлялось как единственный способ включения науки и техники (S&T) в основной процесс развития государства;
- вторая модель, предложенная британским профессором Крисом Фриманом и профессором Лундваллом из Дании, положена в интеллектуальную основу создания теории национальных инновационных систем. В ней показано, что, в отличие от традиционной линейной инновационной модели, технологический прогресс и инновации являются результатом сложного комплекса отношений между субъектами в системе, включающей предприятия, университеты и государство.

Такие модели создали институциональную основу для «тройной спирали» в Бразилии. Концепция «тройной спирали», а также ее центральный тезис о важности университета, государства и бизнеса для развития инноваций распространились во всех институциональных сферах благодаря поддержке государственной политики Бразилии и принятого закона об инновациях (который реализуется с 2000 г.).

Закон об инновациях определил стимулы для инноваций, научных и технологических исследований: в производственной среде, включая несколько механизмов поддержки и мотивации для учреждения национальных союзов; создание возможностей для государственных университетов и научно-исследовательских институтов предоставлять свои лаборатории, помещения, инфраструктуру и человеческие ресурсы компаниям для инкубации или научно-исследовательской деятельности.

Бразилия успешно эволюционировала от двустороннего сотрудничества («университеты — бизнес») к трехстороннему взаимодействию в модели «тройной спирали», прежде всего, за счет государственной поддержки. В результате создана латиноамериканская школа политики в области науки и технологий, воплощением деятельности которой стал приведенный ранее «треугольник Сабато».

В качестве инструментов стимулирования сотрудничества между исследователями и промышленностью в странах Латинской Америки используются прямые субсидии на университетские исследования. Система финансирования научных исследований выстроена в виде ежегодного выделения грантов на конкурсной основе. Конкуренция за исследовательские гранты стимулирует высокое качество исследований и способствует направлению ресурсов в наиболее продуктивные высокотехнологичные наукоемкие отрасли.

Кроме того, многие университеты учреждают внутренние исследовательские фонды на основе открытого конкурса и экспертной оценки процессов. Университет Республики Уругвай, например, создал фонд, который распределяет около 15 % средств на R&D на конкурсной основе.

В странах Латинской Америки — Бразилии, Чили и Мексике, внедряются крупные гранты, которые не только интегрируют различные аспекты успешного исследовательского проекта, но и позволяют команде проекта высокий уровень автономии в распределении проектных ресурсов. Такой подход показывает, что центры улучшили качество и актуальность исследований, сконцентрировав усилия научно-исследовательских центров и объединений.

В последнее время развивающаяся мобильность человеческого капитала создает преимущества как для университетов, так и для бизнес-структур, которые заключаются в положительных эффектах объединения представителей академических кругов и работников научно-исследовательских департаментов частных компаний для проведения совместных исследований.

Успех Силиконовой долины и других известных высокотехнологичных центров усилил интерес общественности Латинской Америки к фор-

мированию кластеров, технопарков. Латинская Америка имеет ряд кластеров, в частности, в Аргентине, Бразилии и Мексике.

Ряд стран в Латинской Америке активно создают технологические научные парки, которые рассматриваются в качестве инструментов содействия проведению исследований, стимулирования сотрудничества между университетами и промышленностью. Среди них Polo Tecnológico Constituyentes (ПТС) в Буэнос-Айресе (Аргентина), который состоит из нескольких государственных научно-исследовательских институтов, в том числе Национального университета имени Сан Мартина, и реализует основные мероприятия по развитию и стимулированию инноваций посредством разработки и внедрения новых технологий.

Другим механизмом является поддержка научно-исследовательского партнерства университетов и промышленности, которое открывает предприятиям и университетам широкий спектр возможностей.

В Чили и Мексике такая инициатива объединяет университеты и промышленность для совместной работы в консорциумы по актуальным научно-исследовательским проблемам, представляющим взаимный интерес.

Одним из актуальных направлений является коммерциализация инновационных идей исследователей и студентов путем создания спин-офф компаний, впоследствии выходящих за пределы университета. Также университеты, используя трансфер технологий, предоставляют результаты своей интеллектуальной деятельности частным компаниям в виде патентов, лицензий.

Таким образом, рассмотренные механизмы стимулирования акторов в модели «тройной спирали» имеют различные формы и выражения и находят широкое применение во взаимодействии науки, бизнеса и государства.

В заключение следует отметить, что в статье исследованы методологические аспекты и выявлены особенности применения модели «тройной спирали» как сетевой модели инновационного развития в отношениях между государственными органами, бизнесом и наукой в странах Латинской Америки с учетом состояния инновационной активности наукоемких и высокотехнологичных отраслей экономик.

Отмечено, что главная роль государства при выполнении наукоемких и крупных инновационных проектов с привлечением бизнеса на принципах государственно-частного партнерства в рамках модели «тройной спирали» заключается не только в финансовом обеспечении проектов, но и в установлении и обеспечении выполнения гарантий устойчивых механизмов и правил взаимодействия всех акторов.

Показано, что важная роль отводится сотрудничеству научных коллективов стран, созданию атмосферы партнерства и заинтересованности

ученых, а также специалистов и инженерно-технических работников промышленных предприятий, в достижении конечной цели при выполнении исследовательских и опытно-конструкторских работ в процессе выполнения наукоемкого инновационного проекта, его коммерциализации.

Библиография:

1. The Global Competitiveness Report 2016 — 2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index/competitiveness-rankings/> (accessed: 01.08.2017)
2. The Global Innovation Index [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=past-reports> (accessed: 01.08.2017)
3. World Economic Outlook. April 2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.imf.org/en/Data> (accessed: 01.08.2017)
4. Информационно-аналитический портал «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. — URL: <http://gtmarket.ru/>. (дата обращения: 01.08.2017)

Построение единой валютной корзины стран Латинской Америки и Карибского бассейна

Building a single currency basket in Latin America and the Caribbean

Resumen: Se considera la cuestión de la creación de una moneda única de los países de América Latina y el Caribe. Se propone un método para construir una estable “cesta de divisas latinoamericana” sobre la base de un modelo de intercambio simple y ampliado en el mercado donde un conjunto finito de 29 monedas nacionales del bloque regional La Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC, se intercambia. La canasta de monedas construida se puede utilizar en la región designada como un indicador del desarrollo económico, la herramienta de integración regional, se puede aplicar a una serie de transacciones entre países.

Palabras clave: canasta de divisas; moneda global estable; índices de valor de cambio; países de América Latina y el Caribe; moneda regional.

Abstract: The issue of the creation of a single currency of the countries of Latin America and the Caribbean is considered. A method for constructing a stable “Latin American currency basket” is proposed on the basis of a simple and expanded model of exchange in a market in which a finite set of 29 national currencies of the regional block The Community of Latin American and Caribbean States, CELAC, is exchanged. The constructed currency basket can be used in the designated region as an indicator of the economic development, regional integration tool, be applied to a number of transactions between countries.

Keywords: currency basket; stable aggregated currency; indices of exchange value; countries in Latin America and the Caribbean; regional currency.

Введение

Поиск единой валюты в странах Латинской Америки и Карибского бассейна ведется уже не первый год. Одни ученые предлагают различные способы введения общей латиноамериканской валюты, другие ученые настроены категорично против ее создания. Наиболее крупным и успешным проектом создания единой валюты в указанном регионе на данный момент

¹ Токмакова Е. В. — Россия, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (elenaptokmakova@gmail.com).

является сукре² (исп. *Sucre* от исп. *Sistema Único de Compensación Regional*), общая денежная единица организации АЛБА, социалистического альянса стран Латинской Америки и Карибского бассейна, в который входит 11 стран: Боливия, Венесуэла, Куба, Эквадор, Никарагуа, Доминика, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Гренада и Сент-Китс и Невис.

Целью работы является создание стабильной «латиноамериканской валютной корзины», содержащей валюты стран Латинской Америки и Карибского бассейна в оптимальных объемах, обеспечивающих минимальный уровень волатильности.

Объект исследования — латиноамериканская валютная единица.

Предмет исследования — метод создания общей латиноамериканской валюты с минимальной изменчивостью.

Методы исследования — 1) теоретический анализ и обобщение научно-методической литературы, 2) математические методы экономики.

Основные результаты

В статье исследуется проблема создания единой валюты стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Для экономического анализа выбран созданный в 2011 г. региональный блок 33 государств Латинской Америки и Карибского бассейна — Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (англ. *The Community of Latin American and Caribbean States, CELAC*). В данный блок входят следующие государства: Мексика, Белиз, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор, Панама, Антигуа и Барбуда, Багамские Острова, Барбадос, Гаити, Гренада, Доминика, Доминиканская Республика, Куба, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Тринидад и Тобаго, Ямайка, Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай, Чили, Эквадор³.

Номинальные объемы валют мы рассчитываем с помощью теории построения стабильных денежных единиц. В результате будет определен оптимальный состав валютной корзины, который обеспечит должный уровень снижения валютных рисков.

² Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., «Наступит ли эра сукре? Южная Америка на пути к единой валюте» // *Латинская Америка*. 2013. № 7, 21–35.

³ Nuclear Threat Initiative, *Community of Latin American and Caribbean States (CELAC)*, available at [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nti.org/learn/treaties-and-regimes/community-latin-american-and-caribbean-states-celac/> (accessed: 15 September 2017).

Используем простую модель обмена. Данная модель представляет собой рынок, на котором обменивается конечное множество национальных валют: $G = \{g_1, \dots, g_n\}$ ⁴. Конечное множество национальных валют в нашей простой модели обмена представляет собой $G = \{g_1, \dots, g_{29}\}$. Конечное множество состоит из следующих национальных валют: $g_1 = \text{MXN}$ — мексиканское песо, $g_2 = \text{BZD}$ — белизский доллар, $g_3 = \text{GTQ}$ — кетсаль, $g_4 = \text{HNL}$ — лемпира, $g_5 = \text{CRC}$ — костариканский колон, $g_6 = \text{NIO}$ — золотая кордоба, $g_7 = \text{SVC}$ — Сальвадорский колон, $g_8 = \text{PAB}$ — Бальбоа, $g_9 = \text{XCD}$ — восточно-карибский доллар, $g_{10} = \text{BSD}$ — багамский доллар, $g_{11} = \text{BBD}$ — барбадосский доллар, $g_{12} = \text{HTG}$ — гурд, $g_{13} = \text{DOP}$ — доминиканское песо, $g_{14} = \text{CUC}$ — конвертируемое песо, $g_{15} = \text{CUP}$ — кубинское песо, $g_{16} = \text{TTD}$ — доллар Тринидада и Тобаго, $g_{17} = \text{JMD}$ — ямайский доллар, $g_{18} = \text{ARS}$ — аргентинское песо, $g_{19} = \text{BOB}$ — боливиано, $g_{20} = \text{BRL}$ — бразильский реал, $g_{21} = \text{VEF}$ — боливар фуэрте, $g_{22} = \text{GYD}$ — гайанский доллар, $g_{23} = \text{COP}$ — колумбийское песо, $g_{24} = \text{PYG}$ — гуарани, $g_{25} = \text{PEN}$ — новый соль, $g_{26} = \text{SRD}$ — суринамский доллар, $g_{27} = \text{UYU}$ — уругвайское песо, $g_{28} = \text{CLP}$ — чилийское песо, $g_{29} = \text{USD}$ — доллар США. Указанные обозначения валют соответствуют международному стандарту ISO 4217⁵.

Ввиду того что определенное количество одной валюты однозначно обменивается на определенное количество другой валюты, мы вводим матрицу обмена $C = (c(i, j))$, $i, j = 1, \dots, 29$, определяющую, сколько единиц валюты g_j обменивается на единицу валюты g_i . Зададим множество $E = \{e_1, \dots, e_n\}$ единиц измерения каждой из валют, так, чтобы коэффициенты обмена имели примерно один порядок значений.

Введенную простую модель обмена расширяем введением агрегированной валюты \bar{v} , которая представляет собой корзину валют, взятых в определенных номинальных объемах (v_1, \dots, v_{29}) , таких, что $v_i > 0$, $v_1 + \dots + v_{29} = 1$. При этом коэффициент обмена $c(\bar{v}; k)$, показывающий, сколько единиц простой валюты g_k можно обменять на единицу агрегированного блага \bar{v} , рассчитывается как $c(\bar{v}; k) = v_1 c(1, k) + \dots + v_{29} c(n, k)$.

Соответствие каждой из простых валют g_1, \dots, g_{29} и агрегированной валюты \bar{v} обозначает скалярная величина, однозначно определяющая ее меновую ценность. Следуя примеру Хованов и другие (2009)⁶, в качестве

⁴ Хованов Н. В., «Простая модель обмена: аддитивные и мультипликативные монетарные индексы меновой ценности», *Вестник С.-Петербург. ун-та*. Сер. 5, № 3. 2007, 83–92.

⁵ Currency Code Services — ISO 4217 Maintenance Agency, *Current currency & funds code list*, available at [Электронный ресурс]. URL: <https://www.currency-iso.org/en/home/tables/table-a1.html> (accessed: 04 September 2017).

⁶ Хованов Н. В., Колесов Д. Н., Ненашев Д. А., «Простая модель обмена: номинальная и ценностная структура агрегированных экономических благ», *Вестник С.-Петербург. ун-та*. Сер. 5, № 1. 2009, 108–119.

данной величины используем сводный мультипликативный индекс Джевонса, определяемый как $I_x(i) = GM(\bar{c}(i)) = [c(i, 1) \cdot \dots \cdot c(i, 18)]^{1/29}$, т. е. как среднее геометрическое вектора коэффициентов обмена $\bar{c} = (c(i, 1), \dots, c(i, 29))$. Для агрегированной валюты индекс Джевонса представлен в виде $I_x = (\bar{v})[c(\bar{v}/1) \cdot \dots \cdot c(\bar{v}/29)]^{1/29}$.

Чтобы оценить показатель волатильности, мы построим индексы изменения сводных мультипликативных индексов для простых и агрегированных благ.

Чтобы учесть фактор времени, соотнесем показатель $I_x(i; t)$ с показателем $I_x(i; t_0)$ в некоторый момент t_0 , в результате получаем индекс изменения сводного мультипликативного индекса $I_x(i)$ на заданном промежутке времени $t = 1, \dots, T$: $I_x = (i; t/t_0) = I(i; t_0) = [c(i, 1; t) \cdot \dots \cdot (i, 29; t)]^{1/29} / [c(i, 1; t_0) \cdot \dots \cdot (i, 29; t_0)]^{1/29}$. Для агрегированной валюты этот показатель выглядит следующим образом: $I_x = (\bar{v}; t/t_0) = I(\bar{v}; t_0) = [c(\bar{v}, 1; t) \cdot \dots \cdot c(\bar{v}, 29; t)]^{1/n} / [c(\bar{v}, 1; t_0) \cdot \dots \cdot c(\bar{v}, 29; t_0)]^{1/29}$.

Оценивать меру волатильности простых и агрегированных валют мы будем с помощью среднего квадратического отклонения от единицы:

$$MSDU(\bar{v}; t_0) = \sqrt{\frac{\sum_{t_0}^t (I(\bar{v}; t/t_0) - 1)^2}{\tau}}$$

При минимизации среднего квадратического отклонения от единицы и решении задачи линейного программирования с ограничениями $v_1 + \dots + v_{29} = 1$, $v_i > 0$, $i=1 \dots 29$ можно найти вектор оптимальных весовых коэффициентов $\bar{v} = (v_1, \dots, v_{18})$, которые определяют вес номинальных объемов валют, входящих в корзину. Построенная валютная корзина минимальной волатильности может быть рассмотрена как стабильная агрегированная валюта — *Stable Aggregated Currency (SAC)*.

Заключение

В статье рассмотрена актуальная проблема создания единой валюты стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Основной функцией данной валюты будет обеспечение проведения согласованной валютной политики и снижения валютных рисков. На основе простой и расширенной модели обмена предложен метод построения стабильной «латиноамериканской валютной корзины», содержащей валюты стран Латинской Америки и Карибского бассейна в оптимальных объемах, обеспечивающих минимальный уровень волатильности. Построенная согласно данному методу валюта может быть использована как индикатор экономиче-

ского развития стран обозначенного региона или применяться при ряде сделок между странами.

Библиография

1. Nuclear Threat Initiative. Community of Latin American and Caribbean States (CELAC), available at [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nti.org/learn/treaties-and-regimes/community-latin-american-and-caribbean-states-celac/> (accessed: 15 September 2017).
2. *Хованов Н. В.* Простая модель обмена: аддитивные и мультипликативные монетарные индексы меновой ценности. Вестник С.-Петербур. ун-та. Сер. 5, № 3. 2007. С. 83-92.
3. Currency Code Services — ISO 4217 Maintenance Agency, Current currency & funds code list, available at [Электронный ресурс]. URL: <https://www.currency-iso.org/en/home/tables/table-a1.html> (accessed: 04 September 2017).
4. *Хованов Н. В., Колесов Д. Н., Ненашев Д. А.* Простая модель обмена: номинальная и ценностная структура агрегированных экономических благ. Вестник С.-Петербур. ун-та. Сер. 5, № 1. 2009. С. 108–119.

Анализ глобальной экономической ситуации и ее последствий в Латинской Америке и Карибском бассейне

Analysis of the global economic situation and its consequences in Latin America and the Caribbean

Резюме: В июне 2016 г. в Панаме в Парламенте Латинской Америки (Parlatino) был представлен доклад Программы развития ООН для Латинской Америки. Отталкиваясь от основных тезисов этого доклада, авторы статьи раскрывают доминирующие тенденции в формировании сегодняшнего положения Латинской Америки в контексте глобальных изменений и распределения влиятельных сил, определяющих направление и динамику современного этапа развития мировой экономики. Этот этап характеризуется ярко выраженной тенденцией формирования многополярного мира, который, во все большем масштабе, отражает перераспределение политического, экономического, военного и иного потенциала между центрами силы и влияния и где странам Латинской Америки предстоит найти свое место, если они претендуют на занятие достойного места в будущем мироустройстве.

Ключевые слова: глобализация; экономика Латинской Америки; глобальные тренды; латиноамериканская интеграция.

Abstract: In June 2016 in Panama in the Parliament of Latin America (Parlatino) was presented the Report of the United Nations Development Program for Latin America. Based on the main theses of this report, the authors of the article reveal the dominant trends in the formation of today's situation in Latin America in the context of global changes and the distribution of influential forces that determine the direction and dynamics of the current stage of the world economy. This stage is characterized by a pronounced tendency to form a multipolar world, which, on an increasing scale, reflects the redistribution of political, economic, military and other potential between the centers of power and influence, and where the countries of Latin America have to find their place if they pretend to occupy a worthy place in future world order.

Key words: globalization; Latin American economy; global trends; Latin American integration.

¹ Мосейкин Ю. Н. — Россия, доктор экономических наук, профессор, Российский университет дружбы народов. (moseykin_yun@rudn.university).

² Мосейкина М. Н. — Россия, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов. (moseykin_yun@rudn.university).

Мы не будем останавливаться на цифрах, показывающих значение, объемы, динамику национальных экономик латиноамериканских стран по отдельности и континента в целом. Они хорошо известны и являются предметом многочисленных исследований экономистов. Наш анализ основывается на тенденциях, которые трансформируют современный мир и определяют текущую позицию и, конечно же, будущее региона.

Полагаем, что такой анализ может оказаться весьма своевременным. Как отметила заместитель генсека ООН Джессика Файета на презентации доклада UNED для Латинской Америки в Латиноамериканском Парламенте, перед регионом стоит задача реализации целей устойчивого развития к 2030 г., при том что остаются проблемы «искоренения крайней нищеты, углубления демократии, сокращения всех пробелов в неравенстве и обеспечения всеобъемлющей и устойчивой экономики», несмотря на все усилия, которые предпринимаются в рамках проводимой социально-экономической политики.

Меняется пейзаж современной стадии регионального развития. В XXI в. у Латинской Америки появляется новое лицо, как результат усилий стран и граждан, претендующих на роль протагонистов, а не просто зрителей.

В настоящее время регион имеет больше возможностей для совместных политических действий и улучшения международной позиции. Однако необходимо точно определить, что представляют собой эти возможности, как максимально использовать их и как повысить региональную автономию.

Мир, в котором мы живем, переживает стремительные геополитические и геоэкономические изменения, демонстрирующие явный переход центра силы от атлантического фокуса к тихоокеанскому, распространяющееся влияние Китая и рост торгово-экономических отношений по линии Юг — Юг, все более вытесняющие товарообмен по линии Север — Север, на фоне структурных изменений в глобальном распределении власти. Однако, несмотря на то что страны на восходящем Юге становятся экономически и финансово все более важными и системно более влиятельными, чем раньше, эта ситуация еще не отражена в современной архитектуре глобального управления.

С чисто научной точки зрения на сегодняшний день до сих пор нет всеобъемлющей и полной теории многополярного мира и ее нельзя найти в классических теориях и парадигмах международных отношений.

Однако следует констатировать, что все больше и больше работы по внешним связям, мировой политике, геополитике, и в том числе международной политике, так или иначе касаются многополярности. Все большее

число авторов пытаются понять и описать многополярность как модель, явление, прецедент или возможность.

В этом контексте, на наш взгляд, можно выделить четыре совершенно четко дифференцированных полюса, которые в какой-то степени определенным образом сбалансированы, а именно Соединенные Штаты, Европейский союз, Россия и Китай, что, собственно, и дает основания утверждать, что мы живем в многополярном мире.

Наличие этих полюсов способствует тому, что в рамках каждого из них происходит консолидация отдельных «промежуточных держав», таких как Бразилия в Латинской Америке, Германия в Европе, Египет в Африке, Япония в Азии. Но, несмотря на это, Соединенные Штаты по-прежнему стремятся сохранить свою гегемонию в мире.

Нет сомнения, что этот мир меняется, и никто уже не может продолжать жить в парадигмах двадцатого века, в том числе и в латиноамериканском регионе.

Вот, например, некоторые из тех значительных изменений, которые происходят вокруг нас, в которые мы вовлечены и которые затрагивают каждого из нас:

- Мы живем в многополярном, сложном и динамичном мире. И этот мир переживает массу кризисных проявлений местного, регионального или даже религиозного характера. Мир, в котором США, Китай, Россия, ЕС, Япония, БРИКС и Латинская Америка стремятся к своему собственному утверждению в качестве региональных геополитических центров власти.
- Мы находимся в процессе ускоренного технологического изменения: Интернет, социальные сети, смартфоны, диджитализация и роботизация.
- Структурные экономические изменения: глобализация, изменения в локализации, финансовый кризис, появление новых инвестиционных игроков, отделение финансовой экономики от реальной экономики, интернационализация компаний. И последнее, но не менее важное — это экономика сотрудничества.
- Изменения в социальной коммуникации: социальные сети меняют способ общения, появляются новые виды досуга, новые способы организации времени. Возникло поколение «тысячелетия» (поколение родившихся на рубеже конца двадцатого и начала двадцать первого века), которое уже привыкло к установившимся связям в Сети и готовы искать референтное мнение по своим вопросам именно там. YouTube стал каналом визуализации контента, более

используемого такими молодыми людьми. Мы наблюдаем изменение и в поведении потребителей.

К этим изменениям нужно добавить две переменные: скорость — все это происходит очень быстро, и взаимосвязанность — все эти изменения очень тесно переплетены и взаимосвязаны между собой.

Многие глобальные эксперты и политические лидеры характеризуют эту новую реконфигурацию мировой экономики и политики как процесс формирования многополярного мира. В нынешнем диапазоне мощных сил, появившихся в последнее десятилетие на международном уровне, наиболее ярко проявляется сохраняющееся стремление Соединенных Штатов к глобальному доминированию, хотя сегодня список глобальных игроков пополнили и Европейский союз, Китай, Япония и Россия, а также видные региональные державы, как Индия, Бразилия, Мексика, Турция, Южная Корея, Израиль, Южная Африка и Аргентина.

В результате происходят изменения в плоскости взаимодействующих сил и в мировой «табели о рангах», начинается новая реструктуризация системы международных отношений.

БРИКС — это, пожалуй, самый красноречивый пример усилий по воплощению идеи о многополярном мире. За последнее десятилетие БРИКС смогли привнести в мировую палитру много новых важных элементов, которые призваны способствовать новому многополярному восприятию мира. Это еще раз ярко подтвердил завершившийся недавно очередной саммит БРИКС. Показательно, что среди приглашенных на этот раз фигурировала Мексика — страна, считающаяся находящейся в безусловной зоне влияния Соединенных Штатов.

На долю БРИКС приходится более 40 % населения мира, на долю которого приходится почти одна треть мирового ВВП. И сентябрьский саммит показал, что страны БРИКС, хотя и не представляют собой союз государств в традиционном смысле, начали претворять в практику новые возможности в рамках экономических отношений.

Начал действовать новый Банк развития БРИКС, он стремится стать независимой структурой финансирования крупных международных проектов и других международных финансовых организаций в том числе. Банк становится реальной частью новой международной финансовой сети, параллельно с существующей западной и американской сетью МВФ и Всемирного банка. Поэтому страны БРИКС уже могут реализовать крупные совместные проекты в условиях диверсификации источников финансирования.

Конечно, в настоящее время темпы мирового прогресса в отношении полицентричного мирового порядка не следует переоценивать. Но даже не-

которая потеря динамизма в строительстве БРИКС в предыдущий период отнюдь не свидетельствует об ослаблении общей тенденции к формированию мультиполярного мира, о которой сказано выше.

Что же представляет собой латиноамериканский взгляд на эти процессы?

Некоторые лидеры согласны с тем, что «международные отношения в XXI в. претерпевают глубокие социальные, политические и экономические изменения».

В январе 2015 г. на презентации книги «Латинская Америка, Китай и Соединенные Штаты. Латиноамериканские перспективы в международных отношениях XXI века», один из авторов, экс-президент Чили Рикардо Лагос заявил: «Мир переживает процесс трансформации гораздо более глубокий, чем чисто экономический, и международные отношения радикально изменились с окончанием холодной войны». Лагос утверждает, что «мы вошли в многополярный мир, где уже одна страна не может решать мировые проблемы, а мировой порядок будет устанавливаться на основе соглашений между Китаем и Соединенными Штатами»³.

Этого же критического взгляда на глобальные трансформационные процессы придерживается и бывший генеральный секретарь Иbero-американского сообщества Энрике Иглесиас. Уругвайский экономист утверждает, что «мы сталкиваемся с эпохальными изменениями в мире, с международной системой, находящейся в кризисе». Иглесиас подчеркивает, что «существует новое сегментированное общество, где средний класс способен к самовыражению и самоорганизации, чтобы стать частью гражданских политик». Однако он обращает внимание на неэффективность глобальных институтов «международной системы, лишь толкущих воду в ступе». Он утверждает, что в этом процессе «Латинская Америка не должна предлагать недостижимых целей, она должна искать способ сотрудничества разумным и гибким способом»⁴.

Важные соображения по этому поводу высказала исполнительный секретарь Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) Алисия Барсена, которая, углубляя дискуссию, заявила, что «сегодня речь не идет о правом или левом крене, а о том, куда вообще движется мир». Она утверждает, что «Латинская Америка и Карибский бассейн нуждаются в большей интеграции, чтобы влиять на глобальное управление финансовыми, коммерческими, технологическими и климати-

³ Ricardo Lagos Escobar, Enrique Iglesias García “América Latina, China y Estados Unidos : perspectivas latinoamericanas de las relaciones internacionales en el siglo XXI”, Santiago, Chile : Fondo de Cultura Económica : RIAL, Consejo de Relaciones Internacionales de América Latina y el Caribe, 2015.

⁴ Ibid. P. 189.

ческими процессами». Что же касается неравенства, то, по ее утверждению, «это общемировая тенденция, а не только присущая латиноамериканскому региону».

В самых общих чертах латиноамериканский взгляд на «мультиполярный мир» совпадает в признании важности роли Китая и России в современной мировой экономике и политике, но при этом не отрицает наличия очень сильных связей с традиционными центрами власти — Соединенными Штатами, Европейским союзом, Японией — динамизм развития которых, подорванный экономическими и политическими кризисами, свидетельствует об утере ими рычагов управления миром.

А это означает, что страны Латинской Америки и Карибского бассейна, как сказал более года назад на презентации заключительного доклада ПРООН в Латиноамериканском Парламенте Хесус Грасия, государственный секретарь по международному и иберамериканскому сотрудничеству, «они находятся на перепутье».

Появление «многополярного» мира неотделимо от растущего латиноамериканского присутствия на мировой арене.

И есть достаточные основания для такого присутствия, которые сформировались в предыдущие годы.

Опять обратимся к презентации доклада ПРООН (PNUD para ALC) в Латиноамериканском Парламенте (где один из нас имел возможность присутствовать и выступить), на которой г-жа Габриэла Риваденейра, председатель Парламента Эквадора, сказала, что «регион Латинской Америки очень молод», но давайте вспомним.

Уже в XIX веке ЛАК представляла собой самый большой регион с республиканскими формами правления, в то время как Европа в своем большинстве была монархической. В конце XIX — начале XX вв. с точки зрения обеспечения гражданских прав и социальных гарантий такие страны, как Чили, Аргентина и Уругвай, были в некоторых отношениях впереди многих европейских стран.

В XX в. регион ЛАК был самым мирным регионом в мире, он избежал катастрофических последствий двух мировых войн, ему удалось минимизировать потери в локальных военных конфликтах и найти модель их разрешения на основе международного права. Была создана Группа Рио, преобразованная затем в CELAC, как антитеза Организации американских государств, но без участия США и Канады.

Не забудем и про экономическую динамику региона, которая тоже была вполне позитивной, несмотря на последствия «неоколониализма». В двадцатом веке Бразилия стала лидером роста ВВП. Сегодня одним из определяющих факторов развития региона является деятельность «трансла-

тинов» — транснациональных корпораций латиноамериканского происхождения.

Однако пока ни одна страна региона не входит в круг акторов, принимающих решения в многополярном мире. Если не считать Бразилию, которая является частью БРИКС, и присутствия Мексики, Аргентины и той же Бразилии в G20, региональное представительство является более комплиментарным, нежели решающим.

Несмотря на это, структурирование полицентричной глобальной системы в последние годы благоприятствовало латиноамериканским странам, расширяя возможности их маневра в сфере экономики и внешней политики и укрепляя их переговорные позиции и способность выбора альтернативных решений. Однако в новых условиях разграничения между периферией и центром это региональное позиционирование в глобальном контексте стало более размытым.

Возможно, одно из самых сильных свидетельств присутствия новых мировых лидеров в экономической и политической сфере связано с укреплением Китая и России на латиноамериканском континенте, что на самом деле означает диверсификацию экономических и коммерческих отношений региона в отличие от монополизированной привязки в предыдущие десятилетия к США, Европе и Японии.

Нет сомнений в том, что одним из важнейших изменений последних десятилетий является укрепление Китая как экономической и геополитической державы с преобладающим положением в мире. Его способность использовать технический прогресс и менять свою производственную структуру привела к сокращению разрыва в производстве ВВП на душу населения по сравнению с более развитыми странами.

Новая роль Китая в международной экономике стала результатом его исключительного экономического динамизма: почти три десятилетия, начав экономические реформы в 1979 г., он поддерживал средний реальный темп роста около 10 % — уникальный случай в экономической истории.

На этих основаниях Китай стал играть большую роль в международной торговле, став одним из основных торговых партнеров развитых стран и развивающихся стран, особенно в Латинской Америке и Карибском бассейне.

Китай является вторым торговым партнером Европейского союза и Соединенных Штатов, третьим экспортным рынком этих стран и основным источником импорта. Будучи вторым по величине экспортером в мире и третьим по величине импортером товаров и услуг, он стал крупным потребителем и импортером сырья, что, наряду с сильными спекулятивными

процессами, привело к росту цен на его продукцию, зафиксировав исторические максимумы между 2000 и 2013 гг.

В последние годы в рамках процесса перехода от модели, основанной на внешнем секторе и инвестициях, в сторону увеличения веса потребления и услуг экономика Китая замедлилась.

Важнейшим следствием этой новой нормальности является то, что она снижает вклад Китая в мировой экономический рост и торговлю, а также в спрос на сырьевые товары, что становится дополнительным фактором неопределенности в мировой экономике и в Латинской Америке в частности.

На этом моменте уместно остановиться более подробно.

Многие аналитики согласны с тем, что растущее влияние Китая в региональной экономике за последнее десятилетие сформировало определенную «зависимость» основных макроэкономических переменных, которые определяют экономический рост стран Латинской Америки (особенно производителей сырья с юга континента), от поведения китайской экономики.

Это воздействие, которое привело главных региональных партнеров Китая к кризисным ситуациям, происходит не только потому, что Китай финансировал многочисленные проекты и стал альтернативным источником финансирования и технологий для ряда стран, испытывавших проблемы с состоянием текущего счета, но и потому, что товарный бум на сырьевые продукты расширил границы автономии экономик Южной Америки.

Эта большая автономия, как справедливо указывает одно из исследований ЭКЛАК, породила различные торговые стратегии. Так Мексика, Центральная Америка и страны Тихоокеанского побережья сблизилась с Соединенными Штатами, с которыми они заключили соглашения о свободной торговле, в то время как страны Атлантического побережья были более сдержанными в укреплении этих связей, предпочитая налаживать и укреплять свои торговые и экономические связи с ЕС и развивающимися странами с растущей экономикой, такими как Китай, Россия, Индия и другие страны Восточной Азии. Что в целом приводит к фрагментированию отношений как на региональном уровне, так и в этом полушарии вообще.

Напротив, растущее присутствие России в регионе Латинской Америки не привело к экономическому шоку, подобному китайскому, главным образом потому, что отношения России со странами региона развивались в конкретных экономических сферах, таких как энергетические проекты и торговля; и в политическом сотрудничестве в многосторонних и региональных организациях.

Даже такой краткий анализ отношений латиноамериканского региона с основными растущими державами нового многополярного мира по-

рождает закономерный вопрос: «Как страны Латинской Америки могут найти свое место в этом широком контексте новой конфигурации системы международных отношений?»

В настоящее время мы можем констатировать, что страны региона вновь сталкиваются с проблемами неопределенности. Вроде бы в первом десятилетии двадцать первого века большинство стран, казалось, нашли правильную формулу для своего развития, основанную на неodesарролизме и социально ориентированной политике.

Нет сомнений в том, что экономики Латинской Америки сталкиваются с трудными временами. Несмотря на то что в последние десятилетия были предприняты серьезные усилия, дабы ограничить влияние международного цикла, факт остается фактом: их рост по-прежнему очень зависит от того, что происходит за границей. Как, например, в тех странах Южного Конуса, которые, как мы указывали, сильно зависят от Китая.

Регион вступил в фазу, в которой три основные переменные, которые исторически либо подталкивали, либо замедляли рост (цены на сырьевые товары, международные условия ликвидности и динамизм международной торговли), становятся все более неблагоприятными.

Этот цикл экономического замедления, который обещает быть длительным, происходит после чрезвычайно длительного периода бума, нарушенного изменением модели экономического роста Китая и серьезно повлиявшим на комфортную ситуацию для латиноамериканских стран. Одновременно с этим поставивший под вопрос возможность дальнейшего укрепления латиноамериканского политического и экономического влияния в контексте международных отношений (беспрецедентного в своей недавней истории).

Несомненно, что в таком сценарии присутствие региона на форумах, определяющих глобальные тенденции, ослаблено и почти незаметно. Все, кажется, указывает на то, что Латинская Америка рискует восстановить свой статус как «периферийного региона», подтверждая справедливость старой теории зависимости второй половины двадцатого века.

Как можно видеть, потенциал, накопленный в регионе (экономический, политический и интеграционный), похоже, не был достаточно прочным и универсальным, способным создать необходимые условия для следования путем независимого политического и экономического развития в глобальном контексте.

Тревожные сигналы рецессии и нынешних кризисов угрожают отходом экономики Латинской Америки к маргинальному статусу в отношении глобальных центров; что сделало бы еще более трудной возможность для региона вписаться в процессы полицентричной реструктуризации мировой

экономики, оставаясь в лучшем случае за спиной появляющихся мегаблоков, способных определять глобальные процессы в обозримом будущем.

Недавние кризисы показали, что глобализация не создала необходимых механизмов для обеспечения международной экономической стабильности и предотвращения деградации условий жизни миллионов людей во всем мире. Эти кризисы подчеркивают тот факт, что глобальные проблемы требуют глобальных решений и подлинной системы глобального управления. По этой причине мы считаем, что одной из важнейших задач на данный момент является необходимость приложения максимальных усилий для углубления региональной интеграции как механизма укрепления регионального присутствия в центрах экономических и политических решений.

На наш взгляд, подход к достижению эффективной региональной интеграции в глобальной экономической и геополитической реконфигурации основан, с одной стороны, на более динамичном присутствии в трансрегиональных организациях, а с другой — на модернизации субрегиональных ассоциаций и региональных организаций в Латинской Америке и Карибском бассейне. Не упуская из виду, что приоритет должен быть сосредоточен на адаптации национальных экономических систем к новым вызовам и новым технологическим требованиям мировой экономики.

Понятно, что странам Латинской Америки нужна решительная поддержка со стороны правительств для перехода на инновационный путь развития и новый механизм организации инвестиционных процессов.

Несомненно, что во время смены политического цикла в регионе возникает вопрос о роли государства, его эффективности. Государство последнего десятилетия двадцатого века, с его «минимальной» ролью, накопило высокие социальные издержки, усугубляемые социальной поляризацией и преступностью. И государство последнего десятилетия, очень социально активное, но не предпринимающее шагов по сдерживанию коррупции, созданию качественных рабочих мест и модернизации основ экономического обеспечения.

Мы не думаем, конечно, что эта характеристика относится только к странам Латинской Америки. В той или иной форме она универсальна. В конце концов, государство, как ни странно, оказалось, пожалуй, самым важным и ответственным институтом в экономических и социальных преобразованиях Латинской Америки в последние десятилетия. Но также следует признать, что частный сектор претерпел огромные изменения на уровне крупных и средних компаний, идя в авангарде инновационной активности и укрепляя свои позиции в качестве двигателя наиболее важных стран региона.

Новая модель региональных структурных изменений, способная изменить положение региона в международной сценарии, должна обязательно рассчитывать на протагонизм обоих участников. Пример ряда стран Юго-Восточной Азии показывает нам, что можно преодолеть «порочный круг» зависимости и условий отсталости. Эта формула представляется все более универсальной (даже для стран, зависящих от экспорта сырья): образование, большая экономическая свобода и лучшие демократические государства. Ведь надо иметь в виду, что нам предстоит жить, как сказал в презентации доклада ПРООН (PNUD) Джордж Грэй, главный экономист ПРООН для Латинской Америки и Карибского бассейна, «в постсырьевое время» (постдобычное)⁵.

Сегодня в Латинской Америке, в условиях большей открытости, следует признать, что нет единых решений или моделей, которые одинаково применимы ко всем странам. Разнообразие укрепилось, но оно же может послужить и стимулом к объединению.

По мере того как мир так или иначе движется к соглашениям о мегаторговле и организован вокруг нескольких очень крупных участников (Соединенные Штаты, Европейский союз и Китай), интегрированных в свои регионы, Латинская Америка остается фрагментированной и без общей стратегии. Возможно, что в некоторых странах оптимизм последних лет бума ослабил интерес к интеграции. Но его окончание, усложнение и обострение международных отношений с расширением санкционных сценариев требуют усилий в целях сближения и укрепления региональных и трансрегиональных интеграционных механизмов.

Библиография

Ricardo Lagos Escobar, Enrique Iglesias García. América Latina, China y Estados Unidos: perspectivas latinoamericanas de las relaciones internacionales en el siglo XXI, Santiago, Chile: Fondo de Cultura Económica : RIAL, Consejo de Relaciones Internacionales de América Latina y el Caribe, 2015, 324 p.

⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parlatino.org/es/eventos/eventos-internos/icalrepeat.detail/2016/06/14/96/-/panama-reunion-economicos>.

Gasto Público y Crecimiento Económico en América Latina

Public Expenditure and Economic Growth in Latin America

Resumen. El crecimiento económico ha sido estudiado ampliamente de forma teórica y empírica en años recientes. Los modelos de crecimiento endógeno han enriquecido las explicaciones y posibilidades del crecimiento. En el plano empírico se han abordado diferentes aspectos macroeconómicos, con el fin de indagar las fuentes de crecimiento y su impacto, ya sea en un conjunto de países o un país en particular. Las economías de América Latina, como sujeto de estudio han presentado en los últimos años un marcado incremento en el gasto de gobierno, haciéndose necesario mostrar que la relación entre este gasto y el crecimiento económico, como resultado del análisis, se compruebe positiva.

Palabras clave: econometría; gasto de gobierno; economía de América Latina.

Abstract. Economic growth has been extensively studied theoretically and empirically in recent years. Endogenous growth models have enriched the explanations and possibilities for growth. At the empirical level, different macroeconomic aspects have been addressed, in order to investigate the sources of growth and their impact, either in a set of countries or in a particular country. The Latin American economies as a subject of study have presented in recent years a marked increase in government spending, making it necessary to show that the relationship between this expenditure and economic growth, as a result of the analysis, is positive.

Keywords: econometrics; government spending; Latin American economy.

Introducción

La moderna teoría del crecimiento económico se encuentra cimentada en el aporte de Solow², derivándose de su propuesta que la fuerza determinante del crecimiento es la tecnología, que viene dada de forma exógena. De las fuerzas endógenas del modelo planteado por Solow (op. cit.) se tiene que la acumulación del stock de capital físico contribuye al crecimiento. Considerando que el modelo planteado es de corte neoclásico, cumpliendo con ello ciertas propiedades restrictivas como las condiciones de Inada y rendimientos decrecientes a escala,

¹ Bolivia. Doctor en Economía. Profesor Invitado en el Departamento de Producción Económica, Universidad Autónoma Metropolitana-Xochimilco., Ciudad de México. (roger.economics@gmail.com)

² Solow, R, "A Contribution to the Theory of Economic Growth", *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 70, No. 1 (Feb., 1956), 65-94.

la fuerza de la acumulación de factores de producción tiene un límite dado por el estado estacionario, en el que la tasa de crecimiento per cápita no crece más, esto por el efecto de la depreciación del capital acumulado previamente y el aumento de la población. Es mediante el planteamiento de modelos de crecimiento endógeno, que las condiciones restrictivas del modelo de crecimiento neoclásico se levantan para endogenizar las fuerzas determinantes del crecimiento.

Del modelo de crecimiento neoclásico se entiende que la tecnología es la única fuente de crecimiento ilimitado, siendo tal determinada de forma exógena. De esta conclusión se desprendieron posteriores investigaciones que tenían la intención de dilucidar la naturaleza de esta fuente de crecimiento exógeno. Barro³ con base al modelo de crecimiento neoclásico procede a añadir variables explicativas a la forma reducida de tal modelo, con el propósito de identificar variables que puedan explicar el crecimiento adicionalmente a la acumulación de factores de producción. Las variables sujetas a prueba para explicar el crecimiento son varias, incluyendo variables monetarias, fiscales y comerciales entre otras.

En esta línea de investigación de fuentes del crecimiento, mediante la añadidura de determinadas variables al modelo estructural de crecimiento, se puede estudiar el sentido de su influencia. Una de las variables relevantes ha constituido la influencia del gasto del gobierno en el crecimiento económico, que puede ser abordada teóricamente mediante el enfoque endógeno y mediante métodos empíricos como es el caso de las series de tiempo y datos de panel.

Las economías de América Latina constituyen un sujeto de estudio pertinente para mostrar la influencia del gasto público en el crecimiento económico, con la finalidad de que la política económica a seguirse pueda tener argumentos a la hora de hacer más partícipe a la política fiscal. Entonces la hipótesis a seguir es que el gasto público tiene una influencia positiva sobre el crecimiento para el periodo de estudio que comprende los años de 1952 a 2014 en los 16 países de la muestra. En la primera sección se hace una breve revisión a la literatura teórica y empírica que estudia la relación planteada. En la segunda se muestra un modelo de crecimiento endógeno que incluye gasto público. En la tercera se realiza un contraste empírico para América Latina y el caso de Bolivia. Finalmente se presentan las conclusiones.

Evidencia

La investigación que trata el efecto del gasto público en el crecimiento económico ha sido abordada desde diferentes enfoques, incluyendo el crecimiento neoclásico, crecimiento endógeno y el equilibrio general. Enseguida se hace una revisión a algunas investigaciones concernientes a la relación planteada.

³ Barro, R., "Inflation and Economic Growth", *NBER Working Papers 5326*, National Bureau of Economic Research, Inc., 1995.

Baxter y King⁴ mediante un modelo de equilibrio general, plantean que el gasto de gobierno se puede incluir directamente en la función de utilidad de los consumidores, ya que mediante la provisión de bienes públicos se incrementa la utilidad de los consumidores. Así el gasto público no perturbaría a las decisiones de ahorro e inversión de los consumidores. El efecto se haría manifiesto por la forma de financiar el gasto público, que sería mediante el cobro de impuestos a los consumidores que se verían afectados en términos de su ingreso disponible. Consecuentemente el gobierno tiene un papel importante en la toma de decisiones de los agentes.

Cásares⁵ desarrolla un modelo de crecimiento endógeno de dos sectores, el de bienes comerciables (susceptibles de participar en el comercio internacional) y el de bienes no comerciables, señalando que el sector que genera progreso tecnológico es el de bienes comerciables. Se plantean tres escenarios de gasto público, el de gasto en el sector no comerciable, gasto igual en sector comerciable y no comerciable y gasto solo en el sector comerciable. En el último caso se manifiesta una clara disminución del precio relativo del bien no comerciable, pues al concentrarse el gasto público en el consumo del sector comerciable, se consolida a este como líder de la economía a través de los precios relativos. Al aumentar el gasto público, el ahorro total de la economía disminuye, pero como fuerza de contrapeso la disminución en el precio relativo compensa los efectos del descenso del ahorro, haciendo que el crecimiento económico se incremente. Así el tipo de gasto público que aumenta el crecimiento económico es denominado “gasto productivo”. Finalmente se sugiere que en los estudios empíricos sería conveniente diferenciar el tipo de gasto público en gasto social, infraestructura y consumo público.

Doménech⁶ al resumir la literatura respecto al gasto público, observa que uno de los comunes denominadores que encuentra en las recomendaciones es que un adecuado gasto público debe estar financiado por impuestos al consumo en vez de impuestos a rendimientos del trabajo y del capital, por los efectos negativos que se podría tener al disminuir la oferta de trabajo y las tasas de inversión. Con respecto a los resultados de estudios empíricos, se aprecia la falta de consenso, pues tales resultados son distintos de acuerdo con la muestra o naturaleza de los datos entre países. Un resultado a destacar es que la política fiscal tiene un efecto transitorio, pero no menor sobre el crecimiento. Se destaca además la importancia de la composición de ingresos y egresos públicos, así como el tamaño del sector público. Finalmente se

⁴ Baxter, M. y King, R., “Fiscal Policy in General Equilibrium”, *American Economic Review*, 1993, 83, 315–334.

⁵ Cásares, E., “Gasto público y crecimiento en una pequeña economía abierta con bienes no-comerciables”, *Análisis Económico*, vol. XX, núm. 45, tercer cuatrimestre, 2005, 29-47, Universidad Autónoma Metropolitana Unidad Azcapotzalco, Distrito Federal, México.

⁶ Doménech, R., “Política Fiscal y Crecimiento Económico”, *Ekonomi Gerizan en “Crecimiento y Competitividad, Bases del Progreso Económico y Social”*, Universidad de Valencia, España, 2004.

hace hincapié en la dificultad de encontrar información fiscal adecuada y uniforme, lo cual influye en la heterogeneidad de los resultados.

Un modelo de crecimiento endógeno con gasto público

Partiendo De la propuesta de Barro⁷ (1990) a continuación se muestra un modelo de crecimiento endógeno que clarifica la influencia del gasto de gobierno y los impuestos como restricción presupuestaria del gobierno. Este modelo teórico servirá como base del estudio empírico para América Latina y Bolivia como particular caso de estudio.⁸

Para el desarrollo del modelo, en la función de producción se supone la existencia de rendimientos constantes a escala y que la producción es función del capital y del gasto de gobierno. Barro (*op. cit.*) menciona que el supuesto de rendimientos constantes se hace más plausible en un contexto en que el capital es tomado de forma amplia.⁹

$$Y_t = AK_t^\alpha - G_t^{1-\alpha}. \quad (1)$$

Para financiar su gasto el gobierno cobra un impuesto proporcional y constante τ , resultado de tal impuesto el ingreso disponible es la porción del ingreso que queda después de impuestos.

$$Y_t^d = (1 - \tau)AK_t^\alpha G_t^{1-\alpha}. \quad (2)$$

A continuación, se procede a expresar la función de producción en términos per cápita.

$$y^d = (1 - \tau)Ak^\alpha g^{1-\alpha}. \quad (3)$$

Enseguida se incorpora el supuesto de que la variación del stock de capital de un periodo a otro depende positivamente de la acumulación de capital y negativamente de la depreciación. La porción del ingreso disponible que no se consume en un periodo se ahorra y se invierte en capital, el ahorro es igual a la inversión.

$$\dot{k} = s(1 - \tau)Ak^\alpha g^{1-\alpha} - (\delta + n)k. \quad (4)$$

⁷ Barro, R., "Government Spending in a Simple Model of Endogenous Growth", *Journal of Political Economy*, 1990, 98, 5 october, part II, 103-125.

⁸ Estudios basados en un marco similar, como el de Ortiz (2004) que desarrolla un modelo basado en Matsuyama (1992) y Barro (1990), que es endógeno, para el caso de Colombia estudia el impacto del gasto de gobierno, encontrando que este gasto de puede ser beneficioso para el crecimiento si promueve la industrialización junto con una adecuada estructura impositiva que refuerce a tal proceso de tal industrialización.

⁹ Siguiendo a Mankiw, Romer y Weil (1992) es claro ver que, al mencionar el capital en sentido amplio, se hace referencia al capital humano y al capital físico. Barro (*op. cit.*) complementa que el capital humano y el capital no humano no son sustitutos perfectos.

Para obtener una expresión que muestre la tasa de crecimiento del capital, se procede a dividir la ecuación (4) entre k .

$$\frac{\dot{k}}{k} = s(1 - \tau)Ak^{\alpha-1}g^{1-\alpha} - (\delta + n). \quad (5)$$

De la ecuación (5) se puede inferir que la tasa de crecimiento del capital depende positivamente del gasto de gobierno y negativamente de la tasa impositiva. Al especificarse la restricción presupuestaria del gobierno y reescribiendo la ecuación (5) como función de la tasa impositiva y tomando logaritmos se llega a la conclusión de que las tasas de crecimiento del capital y la producción son iguales.¹⁰

Con esta relación entre crecimiento y gasto de gobierno hecha explícita y derivada por el marco desarrollado por Barro (*op. cit.*) en la siguiente sección se procede a realizar el contraste empírico que determinará si el tipo de gasto efectuado puede considerarse productivo o no productivo de acuerdo al signo de asociación entre la tasa de crecimiento del PIB per cápita y el gasto de gobierno.

Evidencia empírica del gasto público y el crecimiento económico en América Latina

Dada la exploración hecha a la evidencia teórica como empírica, se procede a estimar un modelo que intentará capturar la relación entre la tasa de crecimiento del PIB per cápita de 16 países de América Latina con la tasa de acumulación de capital físico per cápita, el gasto de gobierno, los impuestos y la correspondiente tasa de depreciación que es aproximada por la tasa de crecimiento poblacional. La información viene de la base de datos Penn World Table versión 9.0.

De esta manera se han empleado las variables necesarias para poder examinar la relación propuesta mediante el uso de la metodología de estimación econométrica de panel de datos considerando al PIB per cápita como función del capital, del gasto de gobierno y la depreciación:

Cuadro 1

Tasa de crecimiento del PIB per cápita, 1952-2014

Variable dependiente: tasa de crecimiento del PIB per cápita

Rezago	Capital	Gasto de Gobierno	Población
-0.405997*	0.442266*	0.853596 ***	7.156983 *
(0.033694)	(0.094782)	(0.511841)	(8.348613)

Fuente: Elaboración propia con base en datos del Penn World Table versión 9.0 y el programa Eviews.

Notas: Errores estándar entre paréntesis. * Coeficientes significativos al 1 %. ** Coeficientes significativos al 5 %. *** Coeficientes significativos al 10 %.

¹⁰ Esta es una propiedad que comparten los modelos de crecimiento endógeno Ak , de hecho, las tasas de crecimiento del consumo per cápita, capital per cápita, producción per cápita y gasto de gobierno per cápita deben ser todas iguales.

El Cuadro 1 muestra que la tasa de crecimiento del PIB per cápita para la muestra seleccionada es función positiva tanto de la tasa de crecimiento de la acumulación del stock de capital per cápita, y del gasto de gobierno. Esta relación positiva es consistente con la relación teórica planteada, además de que los coeficientes estimados son estadísticamente significativos al explicar el crecimiento del PIB per cápita. El coeficiente de la variable población presenta el signo positivo, resultando no ser estadísticamente significativa.

El signo positivo de la variable que representa al gasto de gobierno muestra que durante el periodo 1952 a 2014, este ha contribuido positivamente a la tasa de crecimiento de la producción. A continuación se toma un país de la muestra para contrastar el efecto de los impuestos y considerando datos de mayor frecuencia que son trimestrales cubriendo el periodo de 1990 hasta 2014.¹¹ La metodología de regresión ahora consiste en el empleo de un modelo tipo ARIMAX o ARIMA estructural, al especificarse un proceso autoregresivo de primer orden y uno estacional con respecto a la variable dependiente. Las variables empleadas son análogas al caso previo,¹² añadiéndose al análisis los impuestos:

Cuadro 2

Tasa de crecimiento del PIB per cápita con impuestos, Bolivia 1990-2014

Variable dependiente: PIB per cápita

Constante	Capital Depr.	Gasto de Gob. Imp.	Proceso	Proceso	AR1	SAR4
3.74663***	0.00045*	-0.64644**	0.00148*	-0.50538**	0.64297*	1.00657*
(8.16269)	(0.00012)	(0.28580)	(0.00024)	(0.22097)	(0.09295)	(0.01986)

R cuadrada: 0.993112

R cuadrada ajustada: 0.992626

Fuente: Elaboración propia con base en datos de INE y UDAPE para Bolivia y el programa Eviews.

Notas: Errores estándar entre paréntesis. * Coeficientes significativos al 1 %. ** Coeficientes significativos al 5 %. *** Coeficientes significativos al 10 %.

Los coeficientes estimados muestran que los esfuerzos del gobierno en términos de gasto, han repercutido en la generación e impulso a la producción de Bolivia. Coincidiendo con la muestra más amplia, en el caso de Bolivia el gasto de gobierno estaría asociado positivamente al crecimiento económico.

¹¹ La fuente de información constituye la base de datos del INE Bolivia, de la Unidad de Análisis de Políticas Sociales y Económicas de Bolivia (UDAPE), del World Economic Outlook (WEO) del Fondo Monetario Internacional y de los Penn World Tables versión 9.0.

¹² Para la acumulación de capital físico se emplea la “formación bruta de capital fijo”, de la que se cuenta con información agregada trimestral a precios constantes dada por el INE. Con el PIB se procedió a dividir la cifra agregada entre la población para obtener una aproximación de la acumulación de capital físico per cápita. De esta forma se procedió a obtener el gasto de gobierno per cápita, los impuestos per cápita y la depreciación.

En el Cuadro 2 se corrobora un efecto negativo de los impuestos sobre el crecimiento de la producción. Este resultado se debería a que la estructura impositiva estaría orientada a gravar ingresos laborales o rendimientos del capital, es decir que los impuestos actuarían sobre actividades productivas, haciendo que las oportunidades de inversión sean menores.

Contrastando con estudios pesimistas respecto a un buen desempeño del gasto público¹³, ya que la evidencia de las crisis de los años 80 muestra que los gobiernos financiaron sus gastos mediante déficits y deuda, haciendo que la relación entre gasto público y crecimiento sea negativa. De esto se recomendaron políticas conservadoras de gasto público en aras de lograr el equilibrio fiscal.¹⁴

Las crisis de deuda en América Latina de los años 80, han estado asociadas a episodios hiperinflacionarios, consecuencia de financiar la deuda mediante emisión monetaria. En esos periodos de inestabilidad macroeconómica, y bajo crecimiento económico, se observó tal relación negativa entre crecimiento económico y gasto de gobierno.

Conclusiones

Los modelos de crecimiento endógeno tratan de internalizar las fuerzas determinantes del crecimiento, relajando algunos supuestos del modelo neoclásico, como el de los rendimientos decrecientes a escala y la existencia de un estado estacionario.

La investigación relativa al crecimiento ha incluido a variables como el capital tomado en un sentido amplio, separado en capital físico y humano tal como proponen Mankiw *et al.* (*op. cit.*); otras variables estudiadas han sido las fiscales como el gasto público y los impuestos, proponiendo que el gasto de gobierno puede contribuir al crecimiento y que los impuestos a actividades productivas actúan en contra.

Para el caso de América Latina a través de un panel de datos, se comprueba el efecto positivo del gasto de gobierno en el crecimiento económico. Mediante un análisis de series de tiempo se muestra que para la economía boliviana existe una relación positiva también. Los impuestos influyen negativamente a la producción, esto indicaría que la estructura tributaria afecta a las actividades productivas.

¹³ Dornbusch, R., «Debt Problems and the World Macroeconomy,» NBER Chapters, in: Developing Country Debt and Economic Performance, Volume 1: The International Financial System, pages 331-358 National Bureau of Economic Research, Inc., 1989; Dornbusch, R. (1990). «From Stabilization to Growth,» NBER Working Papers 3302, National Bureau of Economic Research, Inc., 1990; Dornbusch, R. y Edwards, S., «The macroeconomics of populism in Latin America,» Policy Research Working Paper Series 316, The World Bank, 1989.

¹⁴ Dornbusch (1990) señala que junto a la disciplina fiscal debería acompañarse de inversión pública y estímulos a la economía mediante créditos.

Bibliografía

1. Barro, R., “Inflation and Economic Growth”, NBER Working Papers 5326, *National Bureau of Economic Research, Inc.*, 1995.
2. Barro, R., “Government Spending in a Simple Model of Endogenous Growth”, *Journal of Political Economy*, 98, 5 october, part II, 1990, 103-125.
3. Baxter, M. y King, R., “Fiscal Policy in General Equilibrium”, *American Economic Review*, 1993, 83, 315–334.
4. Calvo, G., “On the Time Consistency of Optimal Policy in a Monetary Economy”, *Econometrica*, 1978, 46 (November), 1411-28.
5. Cásares, E. “Gasto público y crecimiento en una pequeña economía abierta con bienes no-comerciales”, *Análisis Económico*, 2005, vol. XX, núm. 45, tercer cuatrimestre, 2005, pp. 29-47, Universidad Autónoma Metropolitana Unidad Azcapotzalco, Distrito Federal, México.
6. Doménech, R., “Política Fiscal y Crecimiento Económico”, *Ekonomi Gerizan en “Crecimiento y Competitividad, Bases del Progreso Económico y Social”*, Universidad de Valencia, España, 2004.
7. Dornbusch, R., “Debt Problems and the World Macroeconomy,” *NBER Chapters, in: Developing Country Debt and Economic Performance*, 1989, Volume 1: The International Financial System, pages 331-358 National Bureau of Economic Research, Inc.
8. Dornbusch, R., “From Stabilization to Growth,” *NBER Working Papers 3302*, National Bureau of Economic Research, Inc., 1990.
9. Dornbusch, R. y Edwards, S. “The macroeconomics of populism in Latin America,” *Policy Research Working Paper Series*, 316, The World Bank, 1989.
10. Feenstra, Robert C., Robert Inklaar and Marcel P. Timmer, “The Next Generation of the Penn World Table”, *American Economic Review*, 105(10), 3150-3182.
11. Fischer, S., “The Role of Macroeconomic Factors in Growth”, *Journal of Monetary Economics*, Vol. 32, no. 3, 485-512.
12. Humérez, J., “Determinantes del Crecimiento Económico en Bolivia: Un Enfoque de Demanda”, *Revista de Análisis*, Banco Central de Bolivia, Volumen 20, ene — jun 2014, 9-40.
13. INE (2015). Base de datos del Instituto Nacional de Estadística, Bolivia. <http://www.ine.gob.bo/>
14. Mankiw, G., Romer, D, y Weil, D. (1992). “A Contribution to the Empirics of Economic Growth,” *The Quarterly Journal of Economics*, 1992, Oxford University Press, vol. 107(2), 407-437.
15. Matsuyama K. (1992). “Agricultural Productivity, Comparative Advantage, and Economic Growth”, *Journal of Economic Theory*, 58, 317-334.
16. Montero, C., “Inversión Pública en Bolivia y su Incidencia en el Crecimiento Económico: Un Análisis desde la Perspectiva Espacial”, *Revista de Análisis*, Banco Central de Bolivia, 2012, Volumen 16, ene — jun 2012, 31-57.

17. Ortiz R. “An Economic Growth Model Showing Government Spending with Reference to Colombia and Learning-by-doing”, *Colombian Economic Journal*, Academia Colombiana de Ciencias Económicas, Colegio Mayor de Nuestra Señora del Rosario, Pontificia Universidad Javeriana, Universidad de Antioquia, Universidad de los Andes, Universidad del Valle, Universidad Externado de Colombia, Universidad Nacional de Colombia, 2004, vol. 2(1), pp. 157-188, November.
18. Ramey, V., “Can Government Purchases Stimulate the Economy?” NBER, Prepared for the Journal of Economic Literature forum on “The Multiplier”, 2011.
19. Sala-i-Martin, X., *Apuntes de Crecimiento Económico*. Segunda Edición, Ed. Antoni Bosch.
20. Solow, R., “A Contribution to the Theory of Economic Growth”, *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 70, No. 1 (Feb., 1956), pp. 65-94.
21. Udape (2015), *Dossier de Estadísticas 2015*. Unidad de Análisis de Políticas Sociales y Económicas, Bolivia. <http://www.udape.gob.bo/>.

Есть ли место для Китая? Особенности двусторонних отношений Никарагуа — Тайвань

Is there room for China? Features of bilateral relations of Nicaragua — Taiwan

Abstract: The pre-election program of D. Ortega in 2006 informed voters about the need to normalize relations between the Nicaraguan government and the People's Republic of China (China). Diplomatic relations with the Republic of China (Taiwan) are developing, and with respect to mainland China, there have been no major government steps to bring Nicaragua and China closer. After a decade, Nicaragua is in no hurry to decide which way to choose. The necessary rapprochement with the commercial structures of the Celestial Empire, which occurred against the background of the development of the project of the Nicaraguan Canal, is due to the participation of Chinese businessmen in the Nicaraguan "construction of the century". The aim of the report is to analyze the current state and prospects of bilateral relations between Nicaragua and Taiwan, as well as to determine China's place in the current foreign policy doctrine of the Sandinista National Liberation Front.

Keywords: Nicaragua; Taiwan; Ortega; Tsai; China; diplomacy; cooperation.

Резюме: Предвыборная программа Д. Ортеги в 2006 г. включала вопрос о необходимости нормализации отношений между никарагуанским правительством и Китайской Народной Республикой (Китай). Между тем на данный момент дипломатические отношения Никарагуа с Китайской Республикой (Тайвань) сохраняются и продолжают развиваться, тогда как Манагуа не предприняло серьезных шагов в деле нормализации дипломатических связей с материковым Китаем. Необходимое сближение с коммерческими структурами Поднебесной, которое произошло на фоне начала разработки проекта строительства никарагуанского межокеанского канала, обуславливается участием китайских коммерсантов в никарагуанской «стройке века». Цель доклада заключается в исследовании текущего состояния и определении перспектив двусторонних отношений Никарагуа и Тайваня, выявлении места Китая во внешнеполитической доктрине правящего в стране Сандинистского фронта национального освобождения (СНФО).

Ключевые слова: Никарагуа; Тайвань; Ортега; Цай; Китай; дипломатия; сотрудничество.

На текущий момент Тайвань (Китайская Республика) является государством, не признанным большинством стран мирового сообщества. В

¹ Авдеев Алексей Евгеньевич, Россия, аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ (alekseivdeev@hotmail.com).

то же время одним из плацдармов поддержки независимости островного Китая традиционно является Центральная Америка. Частые визиты представителей правительств Китайской Республики в регион обусловлены поиском поддержки независимости Тайваня и желанием подтвердить двусторонний характер партнерства.

Начало дипломатических отношений между двумя странами принято отсчитывать с момента признания суверенитета Китайской Республики никарагуанским правительством в 1962 г., но контакты на высшем правительственном уровне начались еще в апреле 1961 г., во время визита на Тайвань представителя тогдашнего президента Никарагуа Анастасио Сомосы, его брата Луиса².

Первые двусторонние торгово-экономические соглашения были заключены в 1967 г. и в большей степени имели декларативную функцию, в то же время они регулярно подкреплялись стандартными заявлениями о перспективности развития взаимной торговли между Никарагуа и Китайской Республикой. Лишь к концу XX в. правительства двух стран смогли отбросить декларативный характер указанных соглашений в результате присоединения к ним других стран Центральной Америки: Сальвадора, Гватемалы, Гондураса и Коста-Рики³. Расширение и редакция соглашений 1967 г. произошли в 1997-м⁴, что было обусловлено увеличением числа межправительственных контактов между Китайской Республикой и Никарагуа.

Наращивание потенциала отношений между странами было актуально для обеих сторон. Как отмечает В. С. Кузнецов, Никарагуа оказалась привлекательной для тайваньских производителей в силу следующих обстоятельств — США включили Никарагуа в свою общую систему преференций (GSP) и свою Инициативу в Карибском бассейне (СБИ), ввиду чего «на экспорт текстиля из Никарагуа в США не распространяются какие-либо квоты. Кроме того, по тайваньско-никарагуанскому соглашению о защите инвестиций и преференциальных условиях, которые Манагуа создает для иностранных инвесторов, с ними обращаются так же, как и с местными инвесторами». Кузнецов также отмечает факт «опекунства» официальным

² Taiwan Today Chronology, A summary of important events from February 16 to April 15, 1961 [Электронный ресурс]. URL: <http://taiwantoday.tw/news.php?unit=4,4,29,31,31,45&post=7356> (дата обращения: 02.08.2017).

³ Сальвадор является единственной страной, которая признала суверенитет Китайской Республики и ратифицировала расширенную версию торгово-экономических соглашений с Тайванем (подписанных еще в 1997 г.).

⁴ Acuerdo de complementacion economica entre las republicas de costa rica, el salvador, guatemala, honduras y nicaragua con la republica de china [Электронный ресурс]. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/NIC_TWN/Negotiations/ACECATW_s.pdf (дата обращения: 12.08.2017).

Тайбэем над своими предпринимателями. Так, в 1992 г. министр экономики Су Вань возглавлял делегацию бизнесменов, посетивших Никарагуа⁵.

Межправительственные контакты в период с 1985 по 1990 г. были невозможны, поскольку сандинистское правительство во главе с Даниэлем Ортегой разорвало дипломатические отношения с Китайской Республикой и отказалось от поддержки в ООН независимости данного государства.

Пришедшие к власти после сандинистов представители Либерально-конституционной партии Никарагуа тяготели к нормализации отношений с Китайской Республикой. В августе 2004 г. тайваньский премьер-министр Юй Сикунь прибыл в Никарагуа с официальным государственным визитом, во время которого правительства двух стран провели переговоры о возможности расширения торгово-экономических связей. Следствием этого стали успешные переговоры⁶ по созданию зоны свободной торговли, которые закончились подписанием соответствующего соглашения в июне 2006 г.⁷ Примечательно, что окончательная ратификация соглашения никарагуанской стороной произошла 18 января 2007 г.⁸, уже после избрания Даниэля Ортеги президентом и его вступления в должность. В целом динамика, которая прослеживается после создания зоны свободной торговли, соответствует заявленным при подписании соглашения целям в области свободной торговли: поощрение расширения и диверсификация внешней торговли, устранение внешнеторговых барьеров и увеличение потока прямых иностранных инвестиций между Никарагуа и Китайской Республикой.

Спустя полгода после заключения соглашения о зоне свободной торговли, в августе 2007 г., во время официального визита в Манагуа президента Китайской Республики Чэнь Шуйбяня, Даниэль Ортега декларировал «политику двойного признания в отношении Китайской Республики и материкового Китая», указав на то, что требования официального Пекина разорвать дипломатические отношения с Тайбэем он не примет.

Можно отметить важную отличительную особенность никарагуанско-тайваньских отношений: частые встречи между главами государств, проходящие преимущественно на территории данной центрально-амери-

⁵ Кузнецов В. С., «Тайвань и Латинская Америка» // *Латинская Америка*. М., 2010. № 3. С. 70–79.

⁶ The E-Government entry point of Taiwan [Электронный ресурс]. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/NIC_TWN/negotiations/R1_e.pdf (дата обращения: 12.08.2017).

⁷ Taiwan Signs FTA with the Republic of Nicaragua [Электронный ресурс]. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/NIC_TWN/negotiations/sign_e.pdf (дата обращения: 12.08.2017).

⁸ De aprobación del tratado de libre comercio entre la República de Nicaragua y la República de China [Электронный ресурс]. URL: [Taiwán http://www.sice.oas.org/TPD/NIC_TWN/negotiations/NIC_Approval_s.pdf](http://www.sice.oas.org/TPD/NIC_TWN/negotiations/NIC_Approval_s.pdf) (дата обращения: 12.08.2017).

канской страны. Одна из первостепенных задач официальных визитов руководителей Тайваня в Никарагуа (как и в другие государства Центральной Америки и Карибского бассейна) заключается в получении подтверждений местных политических лидеров и глав государств о признании самостоятельного статуса Тайваня. Это оказывается особенно актуальным в тех случаях, когда в той или иной стране региона происходит смена президента. Визиты руководителей Тайваня диктуются и сугубо прагматическими целями, в первую очередь речь идет о том, чтобы «сверить на месте» представления о состоянии двусторонних отношений. Латиноамериканские поездки тайваньских лидеров, как отметил В. С. Кузнецов, обусловлены необходимостью оперативно реагировать на изменения ситуации⁹.

Риторика Даниэля Ортеги в отношении непризнанного государства могла измениться после анонсирования в Манагуа решения о предоставлении международной концессии на строительство Никарагуанского канала китайским инвесторам в середине 2012 г. Пекин не раз подчеркивал, что китайское правительство будет сотрудничать исключительно с теми государствами, которые не признают независимости Тайваня (в Центральной Америке это только Коста-Рика). Однако, как указывает Н. М. Яковлева, «по данным осведомленных источников, между Манагуа и Пекином уже начались переговоры об установлении дипломатических отношений при одновременном разрыве отношений Никарагуа с Тайванем, как того требует КНР»¹⁰. В свою очередь, анонсирование строительства Никарагуанского канала спровоцировало Тайвань на ответные меры по поддержанию отношений между двумя странами: масштабное начало реализации намеченных проектов на территории Никарагуа (которые финансируются непризнанным государством), безвозмездная финансовая помощь латиноамериканскому партнеру, увеличение контактов на межправительственном уровне¹¹. В качестве ответной меры можно также рассматривать заявление¹² посла Китайской Республики в Манагуа Ингрид Цинг о готовности частных инвесторов принять участие в строительстве инфраструктуры никара-

⁹ Кузнецов В. С., «Тайвань и Латинская Америка» // *Общество и государство в Китае*, 2010. С. 308–316.

¹⁰ Яковлева Н. М., Никарагуанский канал: большая игра // *Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы — ПЕРСПЕКТИВЫ* [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/nikaraguanskij_kanal_bolshaja_igra_2013-11-25.htm (дата обращения: 01.08.2017).

¹¹ Embajada de China Taiwan dona 600000 dolares al ejercito de Nicaragua [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dqqt12gu_5w (дата обращения: 11.08.2017).

¹² Ministerio de Fomento, Industria y Comercio [Электронный ресурс]. URL: http://www.mific.gob.ni/Portals/0/Documentos%20Politica%20Comercial/Oportunidades/Oportunidades%20comerciales%20Taiw%C3%A1n%202017_Rev2.pdf (дата обращения: 07.08.2017).

гуанского межокеанского канала, даже несмотря на полученную китайскими, а не тайваньскими инвесторами концессию.

Отказ от дипломатических отношений с Китайской Республикой, возможно, мог бы изменить текущий статус проекта Никарагуанского канала, но в условиях сокращения финансовых возможностей кампании, являющейся главным инвестором проекта, продолжающимися дискуссиями о возможном вреде окружающей среде и угрозе уничтожения индейских деревень в зоне строительства сформировался целый комплекс проблем, на который СФНО не мог не обратить внимание. На текущий момент правительство Никарагуа не анонсировало ни отказ от проекта, ни продолжение процесса планирования строительства.

Следующим позитивным трендом в отношениях между странами стал визит президента Цая Инвэня в январе 2017 г. на церемонию инаугурации президента Даниэля Ортеги. После проведенных переговоров глава Никарагуа выразил надежду на расширение торгово-экономических связей между странами в рамках заключенного соглашения о свободной торговле.

Целый комплекс мер, предпринятых двумя странами во внешней торговле, должен помочь нарастить объемы внешнеторгового оборота: увеличение квот на импорт из Никарагуа на различные торговые позиции; введение беспошлинного импорта из Никарагуа на товары животного происхождения; установление беспошлинного импорта из Китайской Республики на товары пластмассового, резинового и бумажного производства.

Существующие же перспективы по наращиванию объемов внешнеторгового оборота в ближайшие годы должны укрепить положительный тренд.

Внешнеторговые показатели за 2014–2015 гг. показывают, что saldo торгового баланса в сравнении с обеими странами у Никарагуа остается отрицательным. В структуре никарагуанского экспорта на Тайвань присутствуют как традиционные для Никарагуа товары, так и специфические. Темпы роста экспорта определяют положительный тренд дальнейшего развития отношений между странами. Угроза же утраты Тайванем очередного союзника в Центральной Америке¹³ может дать определенный прирост в 2017 г. как для экспорта, так и для импорта в товарообороте двух стран.

* * *

Оценивая перспективы отношений между Китаем и Никарагуа, следует заметить, что отсутствие дипломатических отношений кардинально не влияет на объемы внешней торговли и контакты между коммерческими

¹³ 13 июня 2017 г. Панама разорвала дипломатические отношения с Китайской Республикой.

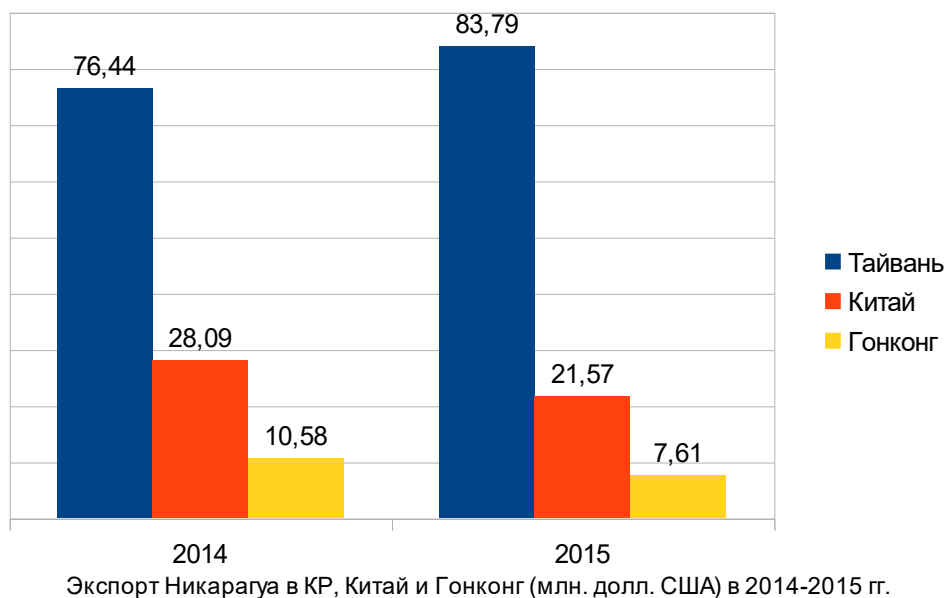
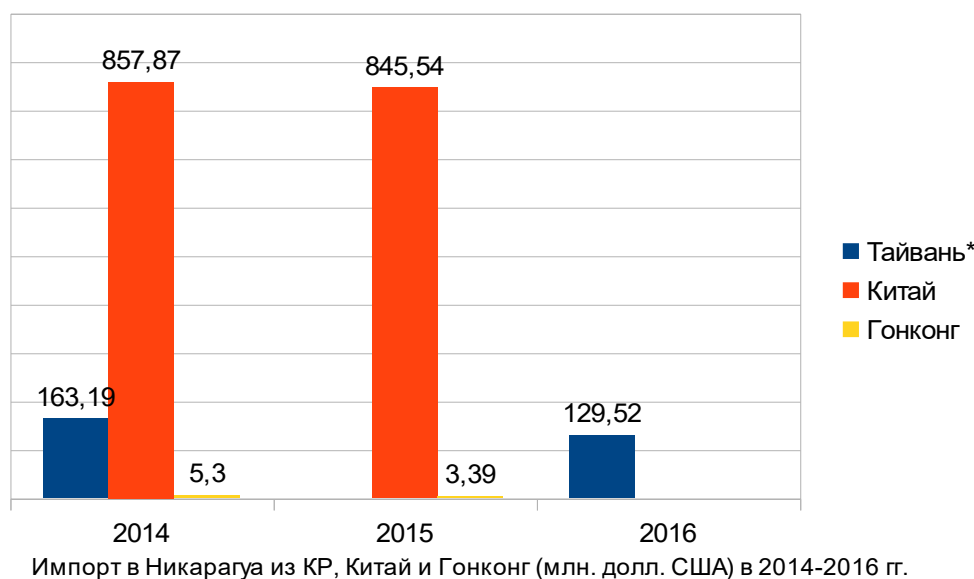

Рисунок 1

Источник: UN Comtrade DB 2015, Elaboración propia con datos de la Dirección General de Aduanas (DGA)¹⁴.

* Данные по импорту в Никарагуа из Тайваня за 2015 г. отсутствуют, для сравнения приведены данные за 2016 г.

Рисунок 2

Источник: UN Comtrade DB 2015, Elaboración propia con datos de la Dirección General de Aduanas (DGA)¹⁵.

¹⁴ Ministerio de Fomento, Industria y Comercio [Электронный ресурс]. URL: http://www.mific.gob.ni/Portals/0/Documentos%20Politica%20Comercial/Oportunidades/Oportunidades%20comerciales%20Taiw%C3%A1n%202017_Rev2.pdf (дата обращения: 07.08.2017).

¹⁵ Ministerio de Fomento, Industria y Comercio [Электронный ресурс]. URL: http://www.mific.gob.ni/Portals/0/Documentos%20Politica%20Comercial/Oportunidades/Oportunidades%20comerciales%20Taiw%C3%A1n%202017_Rev2.pdf (дата обращения: 07.08.2017).

структурами. На текущий момент доля китайского импорта во внешне-торговом обороте Никарагуа занимает второе (после США (20 %)) место (12,9 %) ¹⁶. С другой стороны, Никарагуа не является однозначным выбором для китайских частных инвестиций, поскольку сохраняется целый ряд негативных факторов: географическое положение, неблагоприятная социально-гуманитарная ситуация и другие проблемы, стоящие перед данной центрально-американской страной. Усугубляет инвестиционную привлекательность Никарагуа и объявление Госсовета КНР о смягчении условий вложения внешнего капитала во внутренние банковские и финансовые сектора, строительство инфраструктуры. Опыт же приобретения концессии на строительство межокеанского канала китайским миллиардером Ван Цзином необходимо признать сомнительным, поскольку в данный момент статус проекта неизвестен.

Библиография

1. Acuerdo de complementacion economica entre las Republicas de Costa Rica, el Salvador, Guatemala, Honduras y Nicaragua con la Republica de China [Электронный ресурс]. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/NIC_TWN/Negotiations/ACECATW_s.pdf (дата обращения: 12.08.2017).
2. De aprobación del tratado de libre comercio entre la República de Nicaragua y la República de China Taiwán [Электронный ресурс]. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/NIC_TWN/negotiations/NIC_Approval_s.pdf (дата обращения: 12.08.2017).
3. Embajada de China Taiwan dona 600000 dolares al ejercito de Nicaragua [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dqqt12gu_5w (дата обращения: 11.08.2017).
4. Ministerio de Fomento, Industria y Comercio [Электронный ресурс]. URL: http://www.mific.gob.ni/Portals/0/Documentos%20Politica%20Comercial/Oportunidades/Oportunidades%20comerciales%20Taiw%C3%A1n%202017_Rev2.pdf (дата обращения: 07.08.2017).
5. Taiwan Signs FTA with the Republic of Nicaragua [Электронный ресурс]. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/NIC_TWN/negotiations/sign_e.pdf (дата обращения: 12.08.2017).
6. Taiwan Today Chronology, A summary of important events from February 16 to April 15, 1961 [Электронный ресурс]. URL: <http://taiwantoday.tw/news.php?unit=4,4,29,31,31,45&post=7356> (дата обращения: 02.08.2017).
7. The E-Government entry point of Taiwan [Электронный ресурс]. URL: http://www.sice.oas.org/TPD/NIC_TWN/negotiations/R1_e.pdf (дата обращения: 12.08.2017).

¹⁶ UN Comtrade DB 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 07.08.2017).

8. UN Comtrade DB 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 07.08.2017).
9. Кузнецов В. С., «Тайвань и Латинская Америка» / *Латинская Америка*. М., 2010. № 3. С. 70–79.
10. Кузнецов В. С., «Тайвань и Латинская Америка» / *Общество и государство в Китае*. 2010. С. 308–316.
11. Яковлева Н. М., «Никарагуанский канал: большая игра» / *Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы — ПЕРСПЕКТИВЫ* [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/nikaraguanskij_kanal_bolshaja_igra_2013-11-25.htm (дата обращения: 01.08.2017).

La Unión Europea y América Latina en el contexto de interacción transatlántica

The European Union and Latin America in the context of transatlantic interaction

Abstrac.: In the article considers interregional cooperation between the EU and Latin America in the context of transatlantic economic interaction. The author defines institutional and structural factors which exert impact on the nature of transatlantic interaction.

Keywords: TTIP; USA; European Union; Latin American and Caribbean countries; transatlantic interaction.

Resumen: El artículo analiza la cooperación interregional entre la Unión Europea y la América Latina en el contexto de la interacción transatlántica económica. El autor determina los factores institucionales, estructurales que influyen en el carácter de la interacción transatlántica.

Palabras clave: TTIP; EEUU; Unión Europea; los países latinoamericanos y caribeños; interacción transatlántica.

“Reequilibrio” de las relaciones internacionales

La cooperación entre los países de América Latina y el Caribe (ALC) y la Unión Europea (UE) en el nuevo siglo ha adquirido *un nuevo carácter cualitativo* en el contexto de importantes cambios estructurales, ocurridos en ambas regiones. Por una parte, en ALC durante los últimos 15 años, bajo la influencia de la onda de regionalización, se ha edificado un mosaico de asociaciones de integración nuevamente creadas, invocadas a darle a la región una mayor autonomía en la solución de una amplia gama de cuestiones de la interacción política y económica, tanto a nivel regional, como en la construcción del diálogo con los principales socios extrarregionales. Por otra parte, la Europa unida, continuando la expansión de sus fronteras, se ha enfrentado con la recesión en la zona euro y con la necesidad de superar las consecuencias de la crisis económico-financiera y formar una nueva “agenda” en el diálogo con sus socios externos. Al mismo tiempo una serie de países latinoamericanos que anteriormente pertenecían a la región periférica, alcanzaron un nuevo nivel de cooperación económica, tanto con los países industrializados del Norte, como con los del Sur. Bajo la influencia de este proceso de “reequilibrio”

¹ Rusia. Doctora (PhD) en Economía, directora en funciones del Instituto de Latinoamérica de Academia de Ciencias de Rusia, vtayar@mail.ru

de las relaciones internacionales, el día de hoy se forman los nuevos contornos de interacción económica interregional entre los centros de la economía mundial y los crecientes “nuevos” mercados, particularmente, latinoamericanos. Sin embargo, la formación de nuevas alianzas políticas transcontinentales y megabloques, así como la transformación de los modelos económicos de los actores globales pueden causar nuevos riesgos, los cuales podrían originar la redistribución de los flujos de mercaderías e inversiones y la creación de nuevos “ejes” en las relaciones económicas mundiales.

Antes de entrar en el desarrollo del tema, señalemos que al referirnos a la cooperación transatlántica en el transcurso de los últimos tres años (esto es, a partir del año 2013) conviene considerarla en el contexto *de las transformaciones registradas en el marco de las relaciones económicas mundiales*. Los efectos de la crisis motivaron a ambos lados del Atlántico una reapreciación de los paradigmas de integración existentes y la elaboración de nuevos. Así, en julio del año 2013 en Washington se iniciaron las negociaciones oficiales encaminadas a la conclusión de acuerdo de Asociación Transatlántica para el Comercio y la Inversión (Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP en sus signos en ingles) entre EE.UU. y la UE. En total hasta el finales de 2016 se celebraron quince rondas de negociaciones entre funcionarios de la Comisión Europea y de Estados Unidos. En los círculos empresariales de la UE han sido objeto de intensa discusión diversos temas relacionados de la efectividad económica de tal acuerdo de libre comercio.

En el año de 2017 los especialistas discuten más ampliamente sobre las principales características del ya largo ciclo de la “*nueva normalidad*” de las economías industrializadas, esto es: bajo crecimiento, baja inversión, lenta productividad y salarios reales estancados. Agréguese a estos factores el inmpacto adicional es una notable e inédita desaceleración del comercio internacional². En este sentido en los círculos académicos se hablan sobre *la crisis del modelo de globalización*. Además en los países del Occidente se debilita el apoyo a iniciativas comerciales, como el TTIP. Sobre esta base, empiezan a ganar presencia actitudes anti-comercio, anti-globalización y anti-migración, temas estos que se perciben hoy como distintas facetas de un mismo y único fenómeno.

Las relaciones birregionales entre la UE y ALC

La cooperación **estratégica** entre la UE y ALC empezó en el año 1995, cuando la Comisión Europea diseñó nuevos lineamientos clave de la cooperación, que implicaban la profundización del diálogo político, la expansión de la interacción comercial con el simultáneo soporte de los procesos de integración en la región latinoamericana, así como la cooperación técnica y financiera. La característica

² Osvaldo Rosales. *Crisis y debates sobre la globalización en Europa y los Estados Unidos*. — CEPAL, 2017.

principal de la estrategia adoptada en aquel entonces en Europa Occidental fue el enfoque diferencial hacia los países de la región latinoamericana, es decir, la realización de negociaciones por separado con cada asociación de integración subregional.³

El proceso de quince años de negociaciones y *relaciones*, iniciado por las partes en el umbral del siglo XXI y dirigido al acercamiento entre la UE y ALC, se puede dividir en varias *etapas (o ciclos)*, en cada uno de los cuales se manifestaba la influencia simultánea de dos procesos, que abarcaban ambos lados del Atlántico — la globalización y la regionalización. *La nueva etapa (fase) de relaciones* interregionales fue marcada por la realización del séptimo encuentro y de **la primera** Cumbre entre la UE y la Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños (CELAC)⁴, formada en el año 2011, que es la mayor asociación de integración del Hemisferio Occidental. El resultado de la Cumbre fue la aprobación de la “Declaración de Santiago” y del “Plan de Acción para 2013-2015”, el cual incluía temas de la cooperación en el campo de innovaciones, tecnología y biotecnología, el apoyo a los programas de desarrollo sostenible, la energía renovable y protección del medio ambiente. Además, el “Plan de Acción” implica el diálogo sobre los problemas de migración, educación y empleo de los ciudadanos, así como la asistencia en el ámbito de las inversiones y actividades empresariales⁵.

Es importante destacar que en marzo y agosto del año 2013 entraron en vigor los acuerdos comerciales de la UE con Colombia y Perú. El ejemplo de estos dos países y las perspectivas del aumento de las exportaciones a Europa incitaron a Ecuador a iniciar en el año 2014 la discusión del texto del acuerdo comercial con la UE, el cual, según los europeos, creará las condiciones para la diversificación del comercio y las inversiones de ambas partes⁶.

Cabe señalar que desde el año 2013 la cooperación europeo-latinoamericana es conveniente considerarla en el contexto de las transformaciones (las mudanzas) de las relaciones económicas mundiales. Las consecuencias de la crisis obligaron a reflexionar sobre reapreciación de los existentes y la elaboración de nuevos paradigmas de integración en ambos lados del Atlántico. Así, en julio del año 2013 en Washington se dio inicio a las negociaciones oficiales sobre la conclusión de la

³ Véase más: В.М. Тайар. “ЕС-ЛКА: тенденции межрегионального сотрудничества”, *Латинская Америка*, 2005, №8, 24-33.

⁴ CELAC (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños), incluye 33 países de ALC, territorio total — aproximadamente 20,5 millones de Km², población — más de 600 millones de personas, parte del PIB mundial — más del 8%.

⁵ EU-CELAC Action Plan 2013-2015. Santiago 27 January 2013. 5748/13 Presse 32 URL: www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/135043.pdf

⁶ EU and Ecuador publish text of trade agreement. European Commission. Brussels 23 September 2014. URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=1156>

Asociación Transatlántica para el Comercio y la Inversión (Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP) entre EE.UU. y la UE.

En el fondo del proyecto sobre la firma de TTIP, ciertos países de la región latinoamericana podrían convertirse en nada más que “el tercer pilar del triángulo trasatlántico”, tanto más que los EE.UU. ya han firmado una serie de acuerdos de libre comercio con los mismos países latinoamericanos que la UE., o sea con México, Chile, Colombia, Perú y Centroamérica. Otro ambicioso megaproyecto con la participación de los EE.UU. fue el Acuerdo Estratégico Trans-Pacífico de Asociación Económica (Trans-Pacific Strategic Economic Partnership o Trans-Pacific Partnership, TPP) en la cual entre 13 países entraron tres países de la Alianza del Pacífico — Chile, México, Perú⁷. Este acuerdo fue firmado en el febrero de 2016 año. Según el estudio de CEPAL⁸, la concreción de un acuerdo Mercosur-UE sería una gran noticia para la integración regional por varias razones. Si el Mercosur concreta esta negociación, sólo se restarían de estos acuerdos Bolivia, Cuba y Venezuela. Cuba está negociando un Acuerdo de Asociación con la UE. De concretarse el acuerdo UE-Mercosur, 30 países de la región tendrían acuerdos comerciales con la UE que incluirían capítulos muy similares de servicios, inversiones, compras públicas, entre otros, temas que no están considerados en la mayoría de los acuerdos intra-regionales.

Parece que precisamente aquellos países latinoamericanos que ya han firmado los acuerdos de libre comercio con los EE.UU. y con la UE, expresando de esta manera su disposición a una estrecha cooperación con el Occidente, con mayor probabilidad serán atraídos a la órbita de la cooperación *transcontinental*, la que por su importancia tiene no solamente orientación económica sino también una pronunciada orientación geopolítica. Es probable que en un futuro próximo en las relaciones económicas mundiales cada vez más claros se observen los contornos de dos “ejes” — *el transatlántico y transpacífico*, aunque es claro que precisamente el vector atlántico puede tener una importancia determinante en la estrategia de la política exterior de la UE.

Luces y sombras del acuerdo transatlántico

Los círculos empresariales de la UE discutieron activamente los temas de la efectividad económica de tal acuerdo de libre comercio, que ambas partes esperaban sellar antes de las elecciones presidenciales en EE.UU. Como admiten ya los funcionarios de ambas partes, el objetivo principal del TTIP consiste no solo en estimular el comercio mediante la eliminación de aranceles entre la UE

⁷ Véase más: A.A. Лавут. “Мегаблоки — вызов для Латинской Америки”, *Латинская Америка*, №6, 2014, 37-52.

⁸ CEPAL-Serie Comercio Internacional №129 — Crisis y debates sobre globalización en Europa y los Estados Unidos, 45

y los EE.UU., sino también en derribar las “barreras” reguladoras que restringen el margen de beneficios potenciales de las corporaciones transnacionales a los dos lados del Atlántico. Hoy día los expertos coinciden que el proyecto de la asociación transatlántica entre la UE y los EE.UU. fue una respuesta a la creciente importancia y al avanzado desarrollo de las economías en crecimiento y a la aparición de nuevas alianzas entre estas (por ejemplo, el grupo BRICS). Sin embargo, hay quienes dudan de que la alianza económica transatlántica pueda contraponerse eficazmente a los nuevos mercados crecientes. Y es que entre las economías de los EE.UU. y la UE existe seria competencia en áreas como las altas tecnologías, a menudo se aplican medidas proteccionistas y se mantienen obstáculos técnicos en el comercio, al tiempo que se agudiza la competencia entre las grandes corporaciones por el acceso a los mercados solventes y en crecimiento, en particular, a los de Asia y Sudamérica. Señalemos que las posibles consecuencias de la realización del TTIP están siendo objeto de intensa *discusión* en los países de Europa. La agudeza del debate en el marco de la comunidad europea se vincula principalmente con la adopción del Tratado de Libre Comercio (TLC) y la anulación de las barreras aduaneras; además dicho acuerdo afecta tales esferas sensibles de la legislación europea como la armonización sanitaria, ecológica, social y otras regulaciones “no arancelarias” y de la seguridad. Dicho en otras palabras, se trata de la regulación relacionada con el control sanitario de determinados productos, con los estándares medioambientales, con los convenios laborales, con la propiedad intelectual e incluso con la privatización de servicios públicos. Al respecto, se argumenta que estas normas suponen costes adicionales para las empresas, todo lo cual sería una pérdida de potencial económico para las distintas economías.

Los escépticos señalan que la idea del Acuerdo Transatlántico de Comercio e Inversiones guarda relación con varios fenómenos importantes, cabe mencionar al respecto cuatro de ellos: la existencia de una cooperación transatlántica previa, el sustancial incremento experimentado por el comercio mundial, el auge de las llamadas “economías emergentes” (en primer lugar de China) y la crisis de la Organización Mundial del Comercio (OMC)⁹. Diversos investigadores europeos (y españoles) señalaron que en el marco del TTIP se sobreentiende la abolición de normas básicas en el ámbito social, en la legislación laboral, el cambio de las reglas de seguridad alimentaria y energética, la atenuación de las normas de protección del medio ambiente.

El Tratado de Libre Comercio entre Estados Unidos y la Unión Europea ha sido uno de *los grandes baluartes* de la política comercial de la UE. Sin embargo, la fuerte presión ciudadana contra el acuerdo, las reticencias de países como Alemania o Francia y la llegada de Trump en la Casa Blanca, mucho más proteccionista, *han*

⁹ Carlos Taibo. Para entender TTIP. Una visión crítica del acuerdo transatlántico de comercio e inversiones. –Madrid, 2016, 18-25.

dejado el TTIP en un punto muerto. La decisión británica de abandonar la UE añadió **más incertidumbre** a toda la negociación. No solo porque el Reino Unido es uno de los principales defensores de los acuerdos comerciales y disfruta de una relación preferente con EEUU, sino porque aún queda por definir cuál será en el futuro la relación que Gran Bretaña mantenga con la UE. Así— mientras en otoño de 2016 Angela Merkel reiteraba su apoyo al TTIP, poco después el secretario de Estado de Comercio Exterior francés anunciaba la intención de París de pedir la paralización “definitiva” del acuerdo y su posición fue respaldada de inmediato por el ministro austríaco. En este período se ha materializado la aparición de dos grupos europeos en torno al TTIP cuando los ministros y secretarios de Estado de 12 países europeos (Reino Unido, Dinamarca, España, Italia, Finlandia, Portugal, Suecia, Letonia, Lituania, Irlanda, Estonia y República Checa) han remitido una carta a la comisaria Malmström instando a Europa “a demostrar un liderazgo claro en las negociaciones de los acuerdos de libre comercio si queremos generar el crecimiento que necesitamos para superar nuestros desafíos futuros”¹⁰, mientras que sus homólogos de Alemania, Francia y Austria no figuraban entre los firmantes.

Subrayemos, que para algunos países de Europa (para los países del Sur del Europa) **la etapa actual** está relacionada con la revisión de la política económica nacional en la post-crisis y se caracteriza por el comienzo de una renovada fase de **europaización** o “**re-europaización**”. Este proceso adquiere un doble significado: en primer lugar, es la capacidad de adaptación o “descarga” en el nivel interno de las políticas elaboradas en Bruselas, y en segundo lugar, la aptitud para “conservar” o “elevar” las preferencias nacionales en el proceso de toma de decisiones en la UE¹¹.

Nos encontramos aquí con un elemento importante de “**re-europaización**”, el cual consiste en la redistribución de las cadenas productivas dentro de la zona euro y en la diversificación de las relaciones comerciales y de producción tomando en consideración la demanda y las necesidades **de terceros países** — en los mercados externos para la UE. En este proceso le corresponde un papel clave a la creación en la zona euro de condiciones apropiadas para atraer inversiones y para formar nuevos incentivos en el desarrollo de la demanda interna, pero la solución de este problema depende directamente del crecimiento del empleo y la reducción del desempleo en los países europeos.

Otro factor estructural que va a influir en el proceso de “re-europaización” y en la cooperación transatlántica es el **Brexit**. Precisamente el apoyo a la salida del Reino Unido de la UE ha sido otro de los grandes conflictos entre Trump y Europa. Y aunque el presidente norteamericano dice ahora que quiere una Europa fuerte y unida, un mensaje que repitió el vicepresidente Mike Pence en Bruselas en febrero

¹⁰ El pacto comercial entre la UE y Estados Unidos hace agua. — El País. 18.09.2016.

¹¹ V. Tayar España como parte de Europa ampliada: desequilibrios y transformaciones económicas // Crisis mundial: las experiencias de España y Rusia. — Moscú, ILA RAN, 2015, 162.

de 2017, el caso es que no solo celebró la decisión de los británicos de abandonar la Unión sino que auguró nuevas salidas en el futuro. Y claro, Theresa May buscó en el magnate estadounidense un aliado y no tardó en reunirse con él para conversar sobre las posibles relaciones comerciales entre Estados Unidos y Reino Unido una vez fuera de la UE¹².

A nuestro modo de ver, en caso de que se cree la proyectada área de libre comercio transatlántico, la Europa ampliada podría tropezar con determinadas dificultades. En primer lugar, se intensificaría la competencia productiva en el mercado interior europeo. En segundo lugar, vendrá la optimización de la producción a cuenta de Europa, la cual podría perder sus propias capacidades productivas en beneficio de las de EE.UU.

Después de la última, décimoquinta ronda de negociación celebrada en 2016 parece que el tratado comercial que la UE negocia con Estados Unidos *se tambalea*. La Comisión Europea admitió que subsisten grandes divergencias entre los dos bloques permanecen. Y a la cabeza de esas diferencias figuran las trabas con que tropiezan las empresas europeas para acceder a licitaciones públicas en EEUU.

El comercio transatlántico y América Latina.

En el año 2011 Enrique Iglesias, entonces Secretario General Iberoamericano, en una de las conferencias determinó el “Triángulo Atlántico” como una unión entre Europa, América Latina y los EE.UU. “con cara a desarrollar lazos, que permiten a todos esos actores cooperar en sus problemas endógenos y al mismo tiempo contribuir de forma eficiente al establecimiento de un nuevo orden mundial, más justo y equilibrado”. La idea de la ampliación de la cooperación transatlántica encontró los partidarios tanto en los EE.UU., como en otras partes del Atlántico. Según los expertos, las relaciones transatlánticas no deben ser cosa de dos, sino que han de ser cosa de tres: de la Unión Europea, de los Estados Unidos y también de América Latina. Es importante recalcar que América Latina no es ya un continente periférico sino central como consecuencia del desplazamiento del eje comercial del océano Atlántico al océano Pacífico y al océano Índico.

La estabilidad de la posición de la Unión Europea como socio comercial de la región contrasta con la irrupción de China en el período 2000-2014. En 2014-2016 la Unión Europea y China tuvieron prácticamente la misma participación en el comercio de bienes de América Latina y el Caribe. Unión Europea continúa siendo el segundo mercado de destino para las exportaciones regionales, tras los Estados Unidos. (grafico EEUU, UE, China).

Uno de los principales factores que frenan, según los expertos, la formación de alianza estratégica entre la UE y ALC, es la conservada por largo

¹² URL: <http://www.publico.es/internacional/trump-europa-frentes-abiertos-trump.html>

tiempo *asimetría* en el comercio mutuo e inversiones. En el área del comercio la asimetría se manifiesta principalmente en la estructura de las importaciones y exportaciones. En particular, los países de ALC continúan importando de la UE principalmente producción industrial, mientras que las importaciones europeas desde ALC se componen principalmente de materias primas y productos de primera transformación. Otro factor, que determina el mutuo comercio, es la *concentración* de los mutuos suministros en un pequeño grupo de países a ambos lados del Atlántico. Así es que solo seis países de la región — Argentina, Brasil, México, Chile, Colombia y Perú representan más del 75 % del comercio intrerregional con la UE. Al mismo tiempo cinco países europeos — Alemania, España, Francia, Gran Bretaña e Italia son los principales proveedores y compradores de mercancías de ALC, estos representan alrededor del 60 % de los suministros de importaciones y exportaciones mutuos.

Cabe señalar que en el transcurso de una década (del año 2002 al 2012) el intercambio comercial entre ambas regiones se ha incrementado por más del doble: desde €101,9 mil millones hasta €225,8 mil millones. Después de la entrada en vigor del acuerdo de asociación con México (año 2000) y Chile (año 2003) aumentó el volumen de las exportaciones y se amplió la gama de productos procedentes de estos dos países a la UE. El bloque de integración de MERCOSUR es para la UE un mercado de importancia *estratégica y continúa* ocupando un especial lugar en el contexto general de la cooperación europea-latinoamericana representando alrededor del 50 % del intercambio comercial de la UE con ALC.

El análisis del comercio entre AL y la UE no puede ser entendido sin considerar el papel de Brasil y México. México y Brasil, indudablemente, son potencias regionales y nuevos “países-gigantes”, lo que en gran medida determina el desarrollo de su cooperación comercial con Europa. Según datos de Eurostat, solo estos dos países representan alrededor del 60% de las exportaciones europeas hacia ALC y el 50 % de las importaciones europeas desde la región.

La UE desempeña un papel especial como *inversor* en ALC, desde el momento en que a finales de los años 90 las empresas con participación del capital europeo participaron activamente en los procesos de privatización, realizados en la mayoría de los países de la región. El resultado fue el aumento del volumen de la inversión española en la región, la cual ascendió en el periodo de los años 2005–2010 de un 30 % hasta un 57 % de todos los flujos de las inversiones europeas y sobrepasó el volumen de recursos financieros procedentes de Francia, Italia y Alemania. Cabe señalar que entre la UE y ALC junto con el nivel interregional de cooperación se observan claramente los contornos de las estrechas relaciones bilaterales, en las cuales se hace hincapié en destacar a ciertos, los más перспекivos y estratégicamente importantes países de la región, poseedores de un alto potencial de recursos, y la edificación con ellos de “relaciones especiales”.

Conclusión

Anotemos que en la segunda década del siglo XXI la UE ha entrado en una nueva etapa actualizada de *cooperación transatlántica*, tanto con algunos países latinoamericanos (a la dirección Norte-Sur) como con países industrializados — EEUU (en la dirección Norte-Norte). Tanto los lazos multilaterales, como los bilaterales de ciertos países europeos con sus socios latinoamericanos tienen carácter *pragmático y diferenciado*. Pero, por supuesto, más allá de todo esto, quedan interrogantes referentes al establecimiento de un acceso más liberal de las empresas latinoamericanas al mercado de la Unión Europea, en primer orden, al mercado alimenticio. Esta claro que, en la presente coyuntura poco favorable en el mercado mundial, hay que deshacerse de los dogmas proteccionistas, y ser más flexibles si se espera una reciprocidad y cierta apertura de la contraparte.

Hoy oímos con creciente frecuencia las voces de expertos que *abogan por una reforma de la globalización*. Fenómenos tales como la victoria electoral de Trump y el Brexit unidos a la expansión de estados de ánimo populistas y ultranacionalistas en Europa, han generado hondos debates en los ambientes académicos a ambos lados del Atlántico sobre la profundidad de estos fenómenos hasta hace poco impredecibles y las repercusiones que este proceso podría tener en los derroteros de la globalización post-crisis. El actual escenario internacional y transatlántico de desarrollo de la economía mundial con la “nueva normalidad” de bajo crecimiento, pone de relieve la necesidad de *reformar los acuerdos de libre comercio* en aquellos temas que han generado mayor controversia. Si se cumplen las previsiones referidas al aumento del proteccionismo en EEUU, es probable que aparezcan oportunidades para otros actores en América Latina, en particular para los países europeos (y para Rusia). España podría aprovechar las oportunidades que se le ofrezcan en el nuevo contexto internacional y convertirse en “embajadora” de la Unión Europea en América Latina. Según los expertos, para España y para la UE es posible reanudar las negociaciones sobre el acuerdo de libre comercio con Mercosur y también con México al objeto de aliviar su enorme dependencia económica con Estados Unidos.

Para los países del Sur, en particular para América Latina en el contexto transatlántico, es fundamental contar con una mejor *coordinación regional*. En este sentido, según los expertos, la convergencia gradual y sostenida entre la Alianza del Pacífico y el Mercosur podría jugar un papel central. En particular, porque la Alianza del Pacífico apoya a Mercosur en la negociación de un acuerdo comercial con la UE.

A corto plazo puedan desarrollarse diferentes escenarios de intercambio económico transatlántico. Es evidente la probabilidad de un “relanzamiento” del proceso de negociación del mega-acuerdo transatlántico pero tampoco cabe descartar que este proceso resulte notablemente *frenado o definitivamente paralizado*.

En cualquier caso, a ambos lados del Atlántico seguirán actuando los protagonistas tradicionales del régimen de libre comercio (tal mega-acuerdo): las compañías transnacionales y los bancos, cuyos representantes en Europa asumen una posición activa en favor del acercamiento transatlántico.

Bibliografía

1. Osvaldo Rosales. *Crisis y debates sobre la globalización en Europa y los Estados Unidos*. — CEPAL, 2017.
2. В.М. Тайар. “ЕС-ЛКА: тенденции межрегионального сотрудничества”, *Латинская Америка*, 2005, №8, стр.24-33.
3. CELAC (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños), incluye 33 países de ALC, territorio total — aproximadamente 20,5 millones de Km², población — más de 600 millones de personas, parte del PIB mundial — más del 8%.
4. EU-CELAC Action Plan 2013-2015. Santiago 27 January 2013. 5748/13 Presse 32 URL: www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/135043.pdf
5. EU and Ecuador publish text of trade agreement. European Commission. Brussels 23 September 2014. URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=1156>
6. А.А. Лавут. “Мегаблоки — вызов для Латинской Америки”, *Латинская Америка*, №6, 2014, с.37-52.
7. CEPAL-Serie Comercio Internacional №129 — Crisis y debates sobre globalización en Europa y los Estados Unidos, p.45
8. Carlos Taibo. Para entender TTIP. Una visión crítica del acuerdo transatlántico de comercio e inversiones. —Madrid, 2016, pp.18-25.
9. El pacto comercial entre la UE y Estados Unidos hace agua. — El País. 18.09.2016.
10. V.Tayar España como parte de Europa ampliada: desequilibrios y transformaciones económicas //Crisis mundial: las experiencias de España y Rusia. — Moscú, ILA RAN, 2015. — p.162.

Роль Великобритании в формировании границ в Карибском море после распада Вест-Индской федерации

The role of the UK in shaping Caribbean sea borders after the collapse of the West India Federation

Abstract: The historical role of Great Britain in the Caribbean region is high. The West Indies Federation was conceived as a transitional stage for the British colonies. It planned to withdraw from the Empire as a single entity. But the state has existed for four years and collapsed because of internal disagreement. Many maritime limits are not regulated until now. The author examines the role of UK in defining maritime limits.

Key words: Great Britain; West Indian Federation; maritime limits; maritime disputes.

Resumen: El papel histórico de Gran Bretaña en la región del Caribe es alto. La Federación de las Indias Occidentales fue concebida como una etapa de transición para las colonias británicas. Planeó retirarse del Imperio como una sola entidad. Pero el estado ha existido durante cuatro años y colapsó debido a un desacuerdo interno. Muchos límites marítimos no están regulados hasta ahora. El autor examina el papel del Reino Unido en la definición de límites marítimos.

Palabras claves: Reino Unid; Federación de las Indias Occidentales; límites marítimos; disputas marítimas.

Вест-Индская федерация — созданное в 1958 г. образование из британских колоний, мыслимое как переходный этап от колониальной зависимости к самостоятельному существованию. В состав федерации входили Антигуа и Барбуда, Барбадос, Каймановы острова, Доминика, Ямайка, Гренада, Монтсеррат, острова Теркс и Кайкос, Тринидад и Тобаго Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия и Сент-Кристоф-Невис-Ангилья². До этого времени подобные проекты возникали, но по различным причинам не находили воплощения в реальности. Главную скрипку во вновь созданном образовании играли Ямайка и Тринидад и Тобаго. Однако, внутренние

¹ РФ. Аспирант СПбГУ. Статья подготовлена при поддержке РФНФ, грант №15-31-01016. E-mail: sofia.dobronravina@gmail.com

² British Caribbean Federation Act 1956, mode of access: <http://laws.gov.tt/pdf/App1.pdf> (дата обращения: 01.10.2017)

противоречия (степень зависимости субъектов, представительство в органах власти, свобода передвижения, проблемы финансирования федерального бюджета и др.) не позволили Вест-Индской федерации просуществовать долго³. Первыми, в 1962 г., независимыми стали Ямайка и Тринидад и Тобаго. Попытки оставшихся малых стран объединиться успехом не увенчались, и Федерация была расформирована⁴. Барбадос получил независимость в 1966 г., Гренада — в 1974 г., Доминика — в 1978 г., Сент-Винсент и Гренадины и Сент-Люсия — в 1979 г., Антигуа и Барбуда — в 1981 г., а Сент-Китс и Невис — в 1983 г. Ангилья вышла из состава ассоциации в 1980 г. и осталась под британским управлением в качестве заморской территории.⁵ До сих пор к территории Соединенного королевства, помимо Ангильи, относятся Каймановы острова, Монтсеррат, Британские Виргинские острова, острова Теркс и Кайкос.

После распада Вест-Индской федерации между участниками остались неурегулированные морские границы. Острых споров между государствами нет, однако многие границы до сих пор не согласованы международными договорами и проводятся по так называемой средней линии. Там, где морские споры не урегулированы, остается невозможным провести точную границу, что затрагивает не только самих участников спора, но и третьи стороны. Например, спор США и Гаити из-за острова Навасса не позволяет Ямайке определить границы. А переговоры о делимитации Ямайки с Гондурасом начались после принятия Международным Судом ООН решения по морскому и территориальному спору этого государства с Никарагуа. Можно отметить, что в некоторых договорах содержится указание о необходимости заключения дополнительного соглашения в случае тройной границы. Например, 18 февраля 1994 г. был заключен договор между Ямайкой и Кубой (вступил в силу 18 июля 1995 г.). В соглашении часть границы указана в точных координатах, а далее отмечается, что на запад она продолжается до границы Ямайки с Великобританией (Каймановы острова)⁶.

³ S. Walter Washington, «Crisis in the British West Indies», *Foreign Affairs*, Council on Foreign Relations, vol. 38, No. 4 (Jul., 1960), pp. 646-655, mode of access: <http://www.jstor.org/stable/20029450> (дата обращения: 01.10.2017).

⁴ West Indies Act, 1962, mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/10-11/19> (дата обращения: 01.10.2017).

⁵ Peter Clegg, «The UK Caribbean Overseas Territories, New Labour, and the Strengthening of Metropolitan Control», *Caribbean Studies*, Institute of Caribbean Studies, UPR, Rio Piedras Campus, Vol. 34, No. 1 (Jan. — Jun., 2006), pp. 131-161, mode of access: <http://www.jstor.org/stable/25613513> (дата обращения: 01.10.2017).

⁶ Limits in the seas No. 125. Jamaica's maritime claims and boundaries, February 5, 2004, Office of Oceans Affairs Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs U.S. Department of State, Washington, D.C., mode of access: <https://www.state.gov/documents/organization/57677.pdf> (дата обращения: 01.10.2017).

Подобная ситуация затрудняет решение возникающих противоречий и отрицательно влияет на ситуацию с безопасностью в регионе, усложняет борьбу с наркотрафиком и незаконной миграцией, не позволяет эффективно использовать природные ресурсы. Сложность урегулирования границ также в том, что Карибское море является полузакрытым и из-за особенности расположения островов невозможно автоматически предоставить государствам все оговоренные в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. права: делимитация континентального шельфа и исключительной экономической зоны в большинстве случаев требуют соглашения сторон. Также регулярно возникают споры по следующему вопросу: соответствует ли определенный участок суши критериям Конвенции, по которым его можно считать островом, или нет, т.к. это непосредственно влияет на определение границы континентального шельфа и исключительной экономической зоны и, соответственно, на проведение морской границы между государствами (показателен пример венесуэльского острова Авес, чей статус оспаривают Антигуа и Барбуда, Доминика, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины).

Тем не менее, до недавнего времени большая часть бывших государств-членов Вест-Индской федерации устанавливала границы морских зон по средней линии, не заключая договоры с соседями. Особый подход применили при установлении границы Ямайка и Колумбия, договорившись о создании зоны совместного управления. Договор был заключен в 1993 г. Предшественник соглашения — Договор о рыбной ловле 1981 г. (ратифицирован в 1982 г.) Согласно этому документу, Колумбия разрешила ямайским рыбакам заниматься промыслом в отдельных колумбийских водах, в частности, в территориальном море Серранильи и Бахо-Нуэво. По договору 1993 г. создавалась зона совместного пользования. Пространство исключает зоны территориального моря Серранильи и Бахо-Нуэво. Для исполнения договора была создана совместная комиссия по управлению разведкой и эксплуатацией ресурсов (нефтяные и газовые поля, живые ресурсы) в зоне общего режима⁷. Однако, в последнее десятилетие тенденция изменилась — стороны стали приходить к заключению двусторонних соглашений.

Несмотря на снижение влияния Великобритании в Карибском регионе, королевство продолжает играть определенную роль в урегулировании различных вопросов между государствами бывшей Вест-Индской федерации, в т.ч., в решении проблемы определения границ между ними в соот-

⁷ Frontera con Jamaica//Fronteras de Colombia. Sociedad Geográfica de Colombia. Disponible en: http://www.sogeocol.edu.co/Ova/fronteras_colombia/fronteras/caribe/caribe_jamaica.html (дата обращения: 01.10.2017)

ветствии с нормами международного морского права. Кроме того, Соединенное королевство (как было сказано выше), имеет в Карибском море зависимые территории. Согласно британскому законодательству, заморские территории имеют достаточно широкую автономию в решении внутренних вопросов, однако, во внешней политике основные направления определяются Великобританией. И, безусловно, в определении морских границ Монтсеррата, Ангильи, Каймановых островов и островов Теркс и Кайкос Великобритания выступает как одна из сторон договора о морских границах. Подписаны договоры о морских границах только с Францией (Ангилья и Сен-Мартен, Сен-Бартелеми; Монтсеррат и Гваделупа), США (Ангилья и Американские Виргинские острова), Гондурасом (Каймановы острова). На данный момент нет соглашений о морских границах с Нидерландами (Ангилья и Саба, Синт-Эстатиус), Антигуа и Барбудой (Ангилья, Монтсеррат), Сент-Китсом и Невисом (Монтсеррат), Венесуэлой (Монтсеррат), Ямайкой (Каймановы острова), Кубой (Каймановы острова), Багамами (острова Теркс и Кайкос), Доминиканской республикой (острова Теркс и Кайкос), Гаити (острова Теркс и Кайкос)⁸.

Особое место в процессе установления границ занимает Содружество наций, под эгидой которого проводятся встречи представителей государств. Важно отметить, что урегулирование морских границ является одним из важнейших направлений работы со странами Карибского бассейна.

С 2009 г. Содружество наций в рамках встреч глав правительств предоставляет юридическую, техническую и научную помощь государствам-членам для определения морских границ и проведения переговоров по этой проблеме. Например, эксперты Содружества оказывали помощь в переговорах и определении границ между островом Синт-Эстатиус (Нидерланды), Антигуа и Барбудой, Монтсерратом (Великобритания) и государством Сент-Китс и Невис⁹. В 2015 г. границу благодаря такой программе опреде-

⁸ Maritime limits of Anguilla, mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/460968/Anguilla.pdf (дата обращения: 01.10.2017); Maritime limits of the Turks and Caicos islands, mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/460994/Turks_and_Caicos_Islands_2014_A4.pdf (дата обращения: 01.10.2017); Maritime limits of the Cayman islands, mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/460976/Cayman_Islands_2014_A4.pdf (дата обращения: 01.10.2017); Maritime limits of Montserrat, mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/460983/Montserrat.pdf (дата обращения: 01.10.2017); Maritime boundaries of the Caribbean part of the Kingdom, mode of access: <https://english.defensie.nl/topics/hydrography/maritime-zones-and-boundaries/maritime-boundaries-of-the-caribbean-part-of-the-kingdom> (дата обращения: 01.10.2017).

⁹ Commonwealth Secretary-General's departure statement following St Kitts and Nevis visit, 15 May 2013, mode of access: <http://thecommonwealth.org/media/news/commonwealth-secretary-generals-departure-statement-following-st-kitts-and-nevis-visit> (дата обращения: 01.10.2017).

лили Барбадос и Сент-Винсент и Гренадины¹⁰. В 2016 г. в рамках Содружества была организована встреча представителей восьми Карибских стран: Антигуа и Барбуды, Барбадоса, Доминики, Гайаны, Ямайки, Сент-Китс и Невиса, Сент-Люсии, Сент-Винсента и Гренадин, а также четырех британских заморских территорий — Ангильи, Британских Виргинских островов, Монтсеррата и островов Теркс и Кайкос¹¹. Целью была подготовка двусторонних переговоров о морской делимитации. В 2016 г. к соглашению о морских границах в рамках программы пришли Барбадос и Сент-Люсия¹². Также при помощи Содружества наций были проведены встречи представителей государств и, в конечном итоге, на саммите Карибского сообщества в Гренаде 6 июля 2017 г. подписаны договоры о морских границах между Сент-Люсией и Сент-Винсентом и Гренадинами, Сент-Люсией и Барбадосом¹³. Содействие экспертов по технической и юридической сторонам вопроса также облегчило процесс переговоров при заключении соглашения о морских границах между Антигуа и Барбудой и Францией (заморские сообщества Сен-Бартелеми и Гваделупа)¹⁴.

Следовательно, многие границы в Карибском море остаются неурегулированными. Сложность делимитации согласно современному морскому праву в том, что море является полузакрытым, что категорически не позволяет государствам региона определять границы в одностороннем порядке. Из-за этой географической особенности отсутствие согласия между странами может приводить к невозможности заключения договора одного из государств с третьей стороной. Также регулярно возникают споры из-за островного статуса, т.к. это непосредственно влияет на проведение морской границы между странами региона. При этом стоит отметить, что морские границы для малых государств региона имеют колоссальную значимость,

¹⁰ Barbados and St Vincent and the Grenadines settle maritime boundary, 4 September 2015, mode of access: <http://thecommonwealth.org/media/press-release/barbados-and-st-vincent-and-grenadines-settle-maritime-boundary> (дата обращения: 01.10.2017).

¹¹ Caribbean nations prepare for maritime boundary talks with Commonwealth support, 27 July 2016., mode of access: <http://thecommonwealth.org/media/news/caribbean-nations-prepare-maritime-boundary-talks-commonwealth-support> (дата обращения: 01.10.2017).

¹² Barbados and Saint Lucia reach agreement to settle maritime boundary, 10 March 2016., mode of access: <http://thecommonwealth.org/media/press-release/barbados-and-saint-lucia-reach-agreement-settle-maritime-boundary> (дата обращения: 01.10.2017).

¹³ Maritime treaty success for Barbados, St Lucia and St Vincent and the Grenadines, 14 July 2017, mode of access: <http://thecommonwealth.org/media/news/maritime-treaty-success-barbados-st-lucia-and-st-vincent-and-grenadines> (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁴ Antigua and Barbuda hails 'monumental' support on ocean boundaries, 21 June 2017, mode of access: <http://thecommonwealth.org/media/news/antigua-and-barbuda-hails-%E2%80%98monumental%E2%80%99-support-ocean-boundaries> (дата обращения: 01.10.2017).

т.к. в итоге площадь морских пространств государства оказывается больше непосредственно территории в несколько раз.

Неопределенность границ представляет непосредственную угрозу международной безопасности, т.к. через Карибское море проходят важнейшие морские пути мировой торговли, а также есть серьезные проблемы с наркотрафиком и нелегальной миграцией. Договор, в свою очередь, создает рамки для более устойчивого сотрудничества по вопросам охраны окружающей среды, обеспечения безопасности, регулирования добычи полезных ископаемых, использования ресурсов (в т.ч. тех, которые еще только могут быть обнаружены). Для малых стран доступ к ресурсам является важнейшим условием для экономического и социального развития, процветания, снижения зависимости от внешних акторов. Также заключение двусторонних соглашений о границе приводит к росту эффективности в управлении ресурсами и снижению частоты инцидентов и недопонимания в целом между соседними государствами.

Великобритания непосредственно заинтересована в обеспечении безопасности и стабильности в Карибском море, т.к. имеет там заморские владения (Ангилья, Каймановы острова, Монтсеррат, Британские Виргинские острова, острова Теркс и Кайкос). Британский флот на постоянной основе патрулирует морское пространство региона¹⁵. Тем не менее, большая часть границ этих территорий с независимыми государствами региона еще только должна быть определена. Важнейшую роль в формировании границ играет Содружество, предоставляя площадку для переговоров и оказывая юридическую и другую помощь. Таким образом, Великобритания продолжает играть значительную роль в регионе, в т.ч., в вопросе определения морских границ между бывшими участниками Вест-Индской федерации.

Библиография

11. *Antigua and Barbuda hails 'monumental' support on ocean boundaries, 21 June 2017*, mode of access: <http://thecommonwealth.org/media/news/antigua-and-barbuda-hails-%E2%80%98monumental%E2%80%99-support-ocean-boundaries> (дата обращения: 01.10.2017).

12. *Atlantic patrol tasking north*, mode of access: <https://www.royalnavy.mod.uk/news-and-latest-activity/operations/north-atlantic/atlantic-patrol-tasking-north> (дата обращения: 01.10.2017).

13. *Barbados and Saint Lucia reach agreement to settle maritime boundary, 10 March 2016*, mode of access: <http://thecommonwealth.org/media/press-release/barbados-and-saint-lucia-reach-agreement-settle-maritime-boundary> (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁵ *Atlantic patrol tasking north*, mode of access: <https://www.royalnavy.mod.uk/news-and-latest-activity/operations/north-atlantic/atlantic-patrol-tasking-north> (дата обращения: 01.10.2017).

14. *Barbados and St Vincent and the Grenadines settle maritime boundary*, 4 September 2015, mode of access: <http://thecommonwealth.org/media/press-release/barbados-and-st-vincent-and-grenadines-settle-maritime-boundary> (дата обращения: 01.10.2017).
15. *British Caribbean Federation Act 1956*, mode of access: <http://laws.gov.tt/pdf/App1.pdf> (дата обращения: 01.10.2017).
16. *Caribbean nations prepare for maritime boundary talks with Commonwealth support*, 27 July 2016,, mode of access: <http://thecommonwealth.org/media/news/caribbean-nations-prepare-maritime-boundary-talks-commonwealth-support> (дата обращения: 01.10.2017).
17. *Commonwealth Secretary-General's departure statement following St Kitts and Nevis visit*, 15 May 2013, mode of access: <http://thecommonwealth.org/media/news/commonwealth-secretary-generals-departure-statement-following-st-kitts-and-nevis-visit> (дата обращения: 01.10.2017).
18. *Frontera con Jamaica*//Fronteras de Colombia. Sociedad Geográfica de Colombia, disponible en: http://www.sogeocol.edu.co/Ova/fronteras_colombia/fronteras/caribe/caribe_jamaica.html (дата обращения: 01.10.2017).
19. *Limits in the seas No. 125. Jamaica's maritime claims and boundaries*, February 5, 2004, Office of Oceans Affairs Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs U.S. Department of State, Washington, D.C., mode of access: <https://www.state.gov/documents/organization/57677.pdf> (дата обращения: 01.10.2017).
20. *Maritime boundaries of the Caribbean part of the Kingdom*, mode of access: <https://english.defensie.nl/topics/hydrography/maritime-zones-and-boundaries/maritime-boundaries-of-the-caribbean-part-of-the-kingdom> (дата обращения: 01.10.2017).
21. *Maritime limits of Anguilla*, mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/460968/Anguilla.pdf (дата обращения: 01.10.2017).
22. *Maritime limits of Montserrat*, mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/460983/Montserrat.pdf (дата обращения: 01.10.2017).
23. *Maritime limits of the Cayman islands*, mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/460976/Cayman_Islands_2014_A4.pdf (дата обращения: 01.10.2017).
24. *Maritime limits of the Turks and Caicos islands*, mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/460994/Turks_and_Caicos_Islands_2014_A4.pdf (дата обращения: 01.10.2017).
25. *Maritime treaty success for Barbados, St Lucia and St Vincent and the Grenadines*, 14 July 2017, mode of access: <http://thecommonwealth.org/media/news/maritime-treaty-success-barbados-st-lucia-and-st-vincent-and-grenadines> (дата обращения: 01.10.2017).

26. Peter Clegg, «The UK Caribbean Overseas Territories, New Labour, and the Strengthening of Metropolitan Control», *Caribbean Studies*, Institute of Caribbean Studies, UPR, Rio Piedras Campus, Vol. 34, No. 1 (Jan. — Jun., 2006), pp. 131-161, mode of access: <http://www.jstor.org/stable/25613513> (дата обращения: 01.10.2017).
27. S. Walter Washington, «Crisis in the British West Indies», *Foreign Affairs*, Council on Foreign Relations, vol. 38, No. 4 (Jul., 1960), pp. 646-655, mode of access: <http://www.jstor.org/stable/20029450> (дата обращения: 01.10.2017).
28. West Indies Act, 1962, mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/10-11/19> (дата обращения: 01.10.2017).

Cooperaciones estratégicas Rusia-América Latina: un balance preliminar

Strategic cooperation Russia-Latin America: a preliminary assessment

Abstract: Today we can observe some new dynamics in international politics. These include not only the emergence of new regional and global powers, whose role in the international system is becoming increasingly important but also new interregional dynamics. Latter include the increasing intensification of relations between Latin American countries and Russia. While the tensions between Russia and the West were growing since 2004, relations with Latin America were undergoing new impetus, culminating in statements about strategic alliances between Russia and some countries in the region. Which of these alliances have obtained an official status and represent beneficial and long-lasting cooperation and are not more than a political rhetoric? This presentation sketches some central aspects of the cooperation of Russia with certain countries of the region.

Keywords: Russia; Latin America; strategic partnerships; foreign policy.

Resumen: Hoy en día podemos observar unas nuevas dinámicas en la política internacional que incluyen no sólo la aparición de nuevos poderes con alcance regional y global, cuya influencia en el sistema internacional está creciendo, sino también nuevas dinámicas interregionales. Las últimas incluyen una creciente intensificación de las relaciones entre los países de América Latina con Rusia. Mientras que las tensiones entre Rusia y Occidente han crecido desde 2004, las relaciones con América Latina han experimentado un nuevo ímpetu, que culminó en las declaraciones sobre alianzas estratégicas entre Rusia y algunos países de la región. ¿Cuáles de esas alianzas han obtenido un estatus estratégico oficial y así representan una cooperación beneficiosa y duradera y cuáles no pasaron más de una retórica política? El artículo pretende esbozar unos aspectos de la cooperación de Rusia con algunos países de la región.

Palabras clave: Rusia; América Latina; asociaciones estratégicas; política exterior.

Nuevas dinámicas de la política internacional

La política mundial actual está marcada por unos cambios en la distribución del poder, que dirige el interés científico y analítico a nuevos aspectos de la política global. Los New Global Players se hacen objeto de estudios, como el del Centro de La Haya de Estudios Estratégicos (HCSS) sobre la importancia de los BRICS + o

¹ Kasajstán. Doctoranda en Estudios Globales en la Universidad de Leipzig, Alemania, alexandra.sitenko@gmail.com.

el análisis del papel de las nuevas potencias regionales.² Aunque al mismo tiempo se advierte mucho optimismo entre los entusiastas del BRICS y entre los mismos países BRICS³, no se pueden negar las nuevas dinámicas internacionales generales.

Estas incluyen una creciente intensificación de las relaciones entre Rusia y los países de América Latina en el siglo XXI. Una nueva etapa en las relaciones ruso-latinoamericanas fue anunciada por el presidente Dmitri Medwedew en 2008 durante su visita a la región, cuando dijo que Rusia había vuelto a América Latina. Este hecho condicionó una intensificación de las relaciones ruso-latinoamericanas que a su vez condujo a la proclamación de asociaciones estratégicas de Rusia con varios países de la región como Brasil, Argentina, Cuba, Ecuador, Nicaragua, Venezuela y Perú.⁴

Esta ponencia pretende examinar algunos aspectos y las tendencias actuales en las asociaciones estratégicas bilaterales de Latinoamérica con Rusia. La pregunta es si el carácter estratégico declarado de estas relaciones, corresponde con los criterios establecidos para una asociación estratégica o es más bien una retórica política.

Definición de una asociación estratégica

Por una ‘asociación estratégica’ se entiende una relación intergubernamental versátil que tiene por objeto garantizar la aplicación óptima de los planes de acción de la política exterior nacional mediante una cooperación con perspectivas de largo plazo que es mutuamente beneficiosa y se basa en objetivos e intereses comunes.⁵ Por lo tanto, una ‘asociación estratégica’ en este trabajo tiene cuatro características: relación de largo plazo, versatilidad, beneficios mutuos, compatibilidad de los objetivos e intereses. Para que se pueda hablar de una perspectiva de largo plazo

² Cfr. The Hague Centre for Strategic Studies and TNO, *New Players, New Game?*, Report Nr. 2012/11, La Haya y Kappel, Robert, “Der Abstieg Europas und der Vereinigten Staaten” — *Verschiebungen in der Weltwirtschaft und Weltpolitik*, *GIGA Focus*, Nr. 1, 2011, Hamburgo.

³ Prys-Hansen, Myriam/Nolte, Detlef, “BRICS und IBSA: Die Clubs der aufsteigenden Mächte verlieren an Glanz”, *GIGA Focus*, Nr. 5, Octubre 2016, Hamburgo, 8.

⁴ Cfr. Al respecto Ministerio de Relaciones Exteriores de Rusia, *Discurso inaugural de Serguéi Lavrov en la apertura de la sesión del Consejo Empresarial ante el ministro de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia*. Moscú, 5 de junio de 2015, URL: http://www.mid.ru/de/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1387708?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=es_ES o Yakovlev, Petr, „Стратегическое партнерство России со странами Латинской Америки: тенденции и контртенденции“, *Perspektivy*, 28.12.2015, URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/strategicheskoje_partnerstvo_rossii_so_stranami_latinskoj_ameriki_tendencii_i_kontrtendencii_2015-12-28.htm (27.08.2017).

⁵ Como hasta ahora no existe una definición común de una ‘asociación estratégica’, esta definición y las características principales fueron desarrollada por la autora basándose en los trabajos sobre asociaciones estratégicas en el área de negocios y relaciones internacionales de Zentes 1992; Alexandrova 1997; Bendiek /Kramer 2009; Husar/Maihold/Mair 2009; Wilkins 2012.

una ‘asociación estratégica’ debe ser acordada y anunciada por un período de aproximadamente cinco años.⁶ Los indicadores de versatilidad son varias áreas de cooperaciones sustentadas en frecuentes contactos políticos y reuniones periódicas a un alto nivel.⁷ Además, es plausible que sea difícil implementar una asociación de carácter estratégico en una relación bilateral competitiva y sin compatibilidad ideal. El fracaso de la asociación estratégica entre Rusia y Estados Unidos, lanzada a principios de los años noventa, se atribuye en gran parte a la consideración desigual de los intereses de la política de seguridad y una comprensión divergente del concepto de ‘asociación estratégica’.⁸ La cuarta característica de los beneficios bidireccionales puede considerarse dada si a través de las iniciativas acordadas se ven beneficios para dos partes, o también si éstas carecen de discrepancias claras.

Desde una perspectiva geográfica, las cooperaciones estratégicas Rusia-América Latina reflejan la diversidad de la región latinoamericana, formando tres grupos distintos: países del Atlántico (Brasil, Argentina), países del Pacífico (Ecuador, Perú) y países del Caribe (Venezuela, Cuba, Nicaragua). Las tendencias actuales en estos tres grupos son analizadas a continuación viendo los ejemplos de Argentina, Ecuador y Venezuela.

Países del Atlántico: Argentina

Las relaciones entre Argentina y Rusia, establecidas 1885, han asumido un carácter estratégico en diciembre de 2008 bajo la presidencia de Cristina Fernández de Kirchner (2007-2015) y el presidente Vladimir Putin. Este hecho se evidencia a través de la lista de acuerdos bilaterales entre Argentina y Rusia.⁹ En el otoño de 2009, se acordó el correspondiente Plan de Acción. La visita de Kirchner en abril de

⁶ La consideración de documentos estratégicos de importancia nacional y regional proporcionó algunas indicaciones. El programa económico adoptado por el Consejo Europeo en 2010, denominado Estrategia 2020, tiene un período de diez años durante el cual se alcanzarán los objetivos estratégicos. Al mismo tiempo, los documentos oficiales de política exterior, ya sea el plan quinquenal chino o el concepto ruso de política exterior, suelen formularse por un período de cinco años. El programa político venezolano está formulado para siete años y se manifiesta en el Proyecto Nacional Simón Bolívar 2007-2013 o en el Plan de la Patria 2013-2019.

⁷ Si uno mira los pronunciamientos políticos sobre las asociaciones estratégicas, por ejemplo entre Rusia y Belarús (<http://tass.ru/politika/2621233>), se puede concluir que una cooperación estratégica tiene lugar en varias áreas de cooperación o abarca más de una área. La segunda premisa puede ser corroborada por trabajos de investigación en los que las reuniones de alto nivel y un intenso diálogo político son considerados indicaciones de exclusividad e indispensables para una asociación estratégica (Maihold 2009: 195-196, Bendiek/Kramer 2010: 29).

⁸ Alexandrova, Olga, “*Strategische Partnerschaft*” aus russischer Sicht, *Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und international Studien*, Colonia, 2011.

⁹ Embajada de Rusia en Argentina, *Acuerdos entre Rusia y Argentina*, URL: <http://argentina.mid.ru/web/arg/84> (02.08.2017).

2015 profundizó aún más las relaciones estratégicas, dando lugar a una Asociación Estratégica Integral. En la declaración correspondiente se reafirma “el principio de no intervención en los asuntos internos de los Estados soberanos, incluyendo el no reconocimiento del golpe de estado como forma de alternancia de gobierno.”¹⁰ La declaración también aboga por una solución pacífica a la situación en Ucrania. Además fue acordado actualizar el Plan de Acción correspondiente que establece consultas regulares entre los Ministerios de Relaciones Exteriores así como reuniones a nivel gubernamental en forma de comisiones intergubernamentales en las esferas de la ingeniería comercial, militar y científica como medida de profundización de la cooperación.¹¹ Aun cuando el memorándum que la establece representa sólo una declaración de intenciones, sin contener derechos y obligaciones específicas de las partes, por lo cual no es jurídicamente vinculante, la conclusión de tal documento evidencia una relación política de confianza y la voluntad de seguir desarrollándola de acuerdo con un plan de acción.

Aparte de lo político, los aspectos económicos desempeñan un papel no insignificante en esta asociación. Argentina se hizo uno de los socios comerciales más importantes de Rusia en América Latina durante los últimos diez años. Entre los gobiernos de Kirchner y Putin se han acordado importantes proyectos de energía, entre ellos la construcción de la central hidroeléctrica de Chihuido I en la Patagonia. La coordinación de las acciones dentro de G20, la OMC y el Banco Mundial también desempeñan un papel importante, así como la cooperación entre el mercado común sudamericano Mercosur y la Unión Euroasiática.¹² En el marco de las Naciones Unidas, los dos países habían acordado comprometerse con la elaboración de un nuevo documento que “reafirme el principio de no intervención en los asuntos internos de los Estados soberanos, incluyendo el no reconocimiento del golpe de estado como forma de alternancia en el gobierno.”¹³ Otro papel importante se otorga al intercambio en el ámbito de la educación y la ciencia para el período 2016-2018, que debe fortalecerse, entre otras cosas, mediante el reconocimiento los títulos académicos.¹⁴ La diversidad de las áreas de cooperación así como una comprensión similar de la naturaleza de las relaciones internacionales corresponden con los requisitos de versatilidad y compatibilidad ideal perteneciente a una asociación estratégica.

¹⁰ *Declaración Conjunta para el Establecimiento de la Asociación Estratégica Integral Argentino-Rusa*, 23.04.2015, Moscú, 2.

¹¹ *Plan de Acción de la Cooperación Estratégica Integral entre la Federación de Rusia y la República Argentina*, 23.04.2015, Moscú, punto 1.

¹² *Ibíd.*, puntos 19, 23.

¹³ *Ibíd.*, punto 6.

¹⁴ *Ibíd.*, puntos 44,48,49.

Cabe destacar que la culminación de la cooperación política y económica entre Rusia y Argentina se remonta a la presidencia de Cristina Kirchner. Mientras tanto, el futuro de algunos proyectos se ha hecho incierto después de los cambios políticos en Buenos Aires en el año 2015. Debido a la falta de coherencia en cuanto a las condiciones para el financiamiento de la central hidroeléctrica Chihuido I, la participación financiera de Rusia ha sido rechazada por el momento.¹⁵ Además, el Sistema Federal de Medios y Contenidos Públicos de Argentina ha anunciado que dejaría de emitir la cadena de televisión rusa Russia Today (RT) de la Televisión Digital Abierta.¹⁶ A pesar de que esta decisión fue anulada un mes más tarde y podría haber sido sujeta tanto a razones políticas, como meramente técnicas, los dos incidentes indican que la asociación estratégica entre Rusia y Argentina está sometida a fluctuaciones económicas y políticas. La falta de estabilidad se puede observar en el ámbito económico. Una disminución significativa de la cooperación bilateral se observa en 2015 cuando el volumen del comercio ha caído un 31 % en comparación con 2014. Las exportaciones rusas a Argentina han caído casi un 50 % y las importaciones de Argentina un 35 %. En general, las relaciones comerciales entre las dos países en los últimos seis años se han caracterizado por un aumento de los flujos comerciales con pequeñas fluctuaciones en los años 2010-2013 y luego por una recesión de 2015-2016.¹⁷

A pesar de ciertas discrepancias, no se puede hablar de una reconsideración de las relaciones estratégicas Rusia-Argentina, lo cual comprueba la confirmación de la primera canciller argentina bajo la nueva administración presidencial — Susana Malcorra — durante una reunión con su homólogo ruso, Sergej Lawrow que el gobierno del presidente Macri continuará la asociación estratégica con Rusia: “Vamos a fortalecer las relaciones bilaterales en particular con la Federación de Rusia. Es por eso que hemos llegado, para confirmar que la asociación estratégica se continúa y no depende del cambio en la administración presidencial, es un asunto nacional.”¹⁸

En la actualidad se puede constatar que las relaciones entre Rusia y Argentina tienen la naturaleza de una asociación estratégica, que no es meramente retórica, sino también oficialmente sustentada. Ella tiene una base formal y se funda en

¹⁵ Peschinskij, Ivan, *Аргентина отказалась от российского кредита на строительство ГЭС*, *Vedomosti*, 06.11.2016, URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/11/07/663716-argentina-otkazalas-rossiiskogo-kredita> (04.09.2017).

¹⁶ *Política Argentina*, *Luego de intentar quitarlo del aire*, Lombardi elogió a RT, 01.09.2016, URL: <http://www.politicargentina.com/notas/201609/16334-luego-de-intentar-quitarlo-del-aire-lombardi-elocio-a-rt.html> (07.08.2017).

¹⁷ Cfr. Al respecto los datos comerciales sobre las exportaciones rusas a Argentina y las importaciones argentinas en Rusia para el período del 2010 al 2016 en www.trademap.org.

¹⁸ *Москва и Буэнос-Айрес остаются стратегическими партнерами*, 13.04.2016, URL: <http://izvestia.ru/news/609861> (20.08.2017).

objetivos compatibles sin intereses competitivos visibles, pero es marcada por una inestabilidad y es sujeta a fluctuaciones políticas y económicas.. No obstante, dado que los acuerdos suscritos entre los gobiernos de Vladimir Putin y Cristina Kirchner no se han suprimido y siguen estando en vigor, es de asumir que la asociación estratégica establecida contractualmente será continuada.

Países del Pacífico: Ecuador

A diferencia de Argentina, Ecuador tiene una tradición mucho más corta de relaciones con Rusia. El acercamiento diplomático con Ecuador se remonta al período soviético después de la Segunda Guerra Mundial y fue iniciado en junio de 1945.¹⁹ Por tanto, las relaciones entre el país andino y Rusia no pueden presumir con una larga historia, y aún más notable es el hecho de que Ecuador pertenece oficialmente desde 2009 al grupo de socios estratégico de Rusia en América Latina estando así en un equipo junto con Brasil y Argentina.

Al principio de la Declaración sobre una Asociación Estratégica entre la Federación de Rusia y Ecuador está señalado que estas relaciones bilaterales se basan en materia de respeto de la igualdad soberana, la integridad territorial y la independencia política de las dos partes.²⁰ Otros principios de la relación estratégica incluyen el cumplimiento de las obligaciones internacionales, que se derivan de los principios de las Naciones Unidas y del derecho internacional. El derecho internacional debe ser la base para la resolución de los posibles conflictos que puedan surgir en esta asociación estratégica.²¹ Una cooperación productiva debería garantizarse además a través del diálogo entre las dos culturas, el respeto mutuo y la confianza.²²

Las primeras disposiciones de la declaración bilateral proporcionan información sobre la intención de establecer una colaboración libre y basada en la igualdad y que tenga en cuenta los intereses de todas las partes involucradas. La existencia de un documento formal sobre una asociación estratégica y los principios contenidos en la misma cumplen de jure ya algunos criterios de una asociación estratégica, a saber, la aspiración de una relación mutuamente favorable y con la compatibilidad de objetivos e intereses. Otro factor determinante de una asociación estratégica es la versatilidad de las relaciones bilaterales, para la cual la declaración

¹⁹ El intercambio de embajadores tuvo lugar sólo en 1970, según los datos del Ministerio de Relaciones Exteriores de la Federación de Rusia, URL: <http://ecuador.mid.ru/rossijsko-ekvadorskie-otnosenia> (09.09.2017).

²⁰ Declaración sobre la asociación estratégica entre la rusa Federación y Ecuador 2009, punto 1, 29.10.2009, Moscú, URL: http://www.mid.ru/ekvador/-/asset_publisher/p9ChGxFPHZ8l/content/id/1289377 (29.08.2017).

²¹ *Ibíd.*, puntos 2 y 3.

²² *Idem.*

entre Rusia y Ecuador también aporta algunos indicadores. Esto incluye, en particular, el punto sobre un intercambio regular y activo, no sólo entre los gobiernos a nivel parlamentario y ministerial, sino también a nivel local y en el marco de las Naciones Unidas.²³ Además de la dimensión político-institucional, la cooperación estratégica debe incluir, de acuerdo con el documento mencionado, otras esferas, como el medio ambiente, el comercio así como los campos de educación, cultura, deporte y turismo.

El documento demuestra la intención de construir una amplia asociación bilateral de carácter estratégico, pero traza nada más que algunas medidas generales y poco concretas. A diferencia de Argentina, todavía se no ha desarrollado un plan de acción para la asociación estratégica entre Rusia y Ecuador. No obstante, las disposiciones finales de la Declaración de 2009 incluyen un párrafo que dice que “ambas partes tomarán las medidas necesarias para actualizar y completar la base contractual de las relaciones de acuerdo con el objetivo de acercarla a los requisitos necesarios para una asociación estratégica”.²⁴ De este modo, entre Rusia y Ecuador, existen los primeros indicios de una relación estratégica que aún se encuentra en un proceso de formación, de manera que una hoja de ruta concreta para su aplicación no se hace aparente todavía. Al mismo tiempo, la naturaleza de largo plazo de este proyecto bilateral se puede derivar de la voluntad de ampliar aún más la asociación mencionada. El anuncio de una profundización de la relación estratégica en el año 2015 en todos los temas de cooperación bilateral con especial énfasis en el comercio, la cooperación energética, intercambio educativo y el análisis de la situación internacional fue una etapa adicional de esta colaboración.²⁵ Dos años después, se llegó a un acuerdo sobre algunas medidas bilaterales concretas.

En su reunión en Sochi, en noviembre de 2016, los Ministros de Relaciones Exteriores de Ecuador y Rusia — Guillaume Long y Sergei Lavrov — emitieron una declaración conjunta que hace referencia a iniciativas concretas para desarrollar la cooperación bilateral en forma de asociación estratégica. Entre otras cosas, los Ministros de Relaciones Exteriores acordaron apoyar mutuamente las candidaturas de sus países en las organizaciones internacionales y decidieron dedicar su atención principalmente al intercambio científico y técnico en la industria farmacéutica, las tecnologías de la información y el uso del espacio con fines pacíficos.²⁶ En el nivel

²³ *Ibíd.*, punto II.1.

²⁴ *Ibíd.* punto VI.1.

²⁵ Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana, Ecuador y la Federación Rusa profundizan relación estratégica, 09.12.2014, URL: [http://www.cancilleria.gob.ec/ecuador-y-la-federacion-rusa-profundizan-relacion-estrategica/\(15.06.2017\)](http://www.cancilleria.gob.ec/ecuador-y-la-federacion-rusa-profundizan-relacion-estrategica/(15.06.2017)).

²⁶ *Declaración Conjunta del Ministro de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia Serguey Lavrov y el Ministro de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana de la República del Ecuador Guillaume Long*, Sochi, 14 de noviembre de 2016, URL: http://www.mid.ru/es/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2521452 (09.09.2017).

interregional, fue señalada una intención de apoyar los procesos de integración en América Latina reforzando los mecanismos de cooperación de Rusia con la Comunidad de Estados de América Latina y el Caribe (CELAC) y la Unión de Naciones Suramericanas (UNASUR)²⁷. Las medidas acordadas concretas incluyen la firma de un memorándum sobre comunicación bilateral en el ámbito de la supervisión veterinaria y la cooperación en el campo de cuarentena vegetal entre el Servicio Federal de Control Veterinario y Fitosanitario de la Federación de Rusia (Rosselkhozadzor) y la Agencia Ecuatoriana de Aseguramiento de la Calidad en el sector agrícola (Agrocalidad)²⁸.

Este proyectos bilaterales específicamente formulados son, en primer lugar, un signo de la asociación bilateral con éxito en curso y, en segundo lugar, de que la cooperación es versátil y se desarrolla en varias áreas de cooperación, que son indicadores de una asociación estratégica'. Además, el objetivo primordial de la política exterior ecuatoriana de fortalecer el regionalismo latinoamericano²⁹ corresponde con el interés de Rusia en América Latina y el Caribe fuertes, económicamente estables y políticamente unidos³⁰, lo cual también cubre el criterio de intereses compatibles de política exterior.

En el caso ecuatoriano, en contraste con los otros socios latinoamericanos de Rusia, se ha producido un aumento en el volumen de negocios del comercio exterior con Rusia en los últimos cinco años.

Resumiendo se puede decir que la cooperación entre Ecuador y Rusia está adoptando la forma de una asociación estratégica que todavía no se ha desarrollado en su plenitud. Esta forma de cooperación bilateral preferente ha sido establecida con una declaración, pero aún no ha sido implementada con medidas específicas ni se vincula a un marco temporal que permita evaluar su carácter de largo plazo.

Países del Caribe: Venezuela

Venezuela nunca ha estado tan presente en la agenda de política exterior de Rusia como hoy. No era un socio importante de la Unión Soviética en América Latina. Para la URSS, México, Uruguay y Argentina eran países mucho más importantes en la región debido en gran parte a la independencia de su política exterior durante la Guerra Fría. Solamente estos tres países, a diferencia de sus vecinos, no

²⁷ *Ibíd.*, punto 9.

²⁸ *Ibíd.*, punto 8.

²⁹ *Plan Nacional para el Buen Vivir 2013-2017*, Quito, pp. 44-45, URL: <http://www.buenvivir.gob.ec/> (15.09.2017).

³⁰ Ministerio de Relaciones Exteriores de la Federación Rusia, О состоянии и перспективах развития сотрудничества России с государствами Латинской Америки, URL: <http://www.mid.ru/problemy-vzaimootnosenij-so-stranami-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna> (14.09.2017).

suspendieron las relaciones diplomáticas con la URSS en los años 40 y 50.³¹ Desde 1961 la Cuba socialista asumió el papel del aliado soviéticos más cercano en la región latinoamericana. Sólo a mediados de la década de 1990 comenzó un acercamiento visible entre Rusia y Venezuela en 1993, con el Memorando de Cooperación en el Área de Energía y Combustible, que estableció una cooperación para el “desarrollo de la industria petrolera en Rusia”³². Durante la presidencia de Hugo Chávez y Vladimir Putin el país caribeño se perfiló como uno de los socios más importantes de Rusia en América Latina y Rusia se ha convertido en uno de los principales socios internacionales de Venezuela. Con el aumento de la hostilidad entre Estados Unidos y Venezuela, Caracas se convirtió en el comprador más importante de armas rusas en América Latina. Entre 2005 y 2007 Caracas cerró 12 contratos militares por un total de 4.4 mil millones de dólares con Moscú.³³

Similar a Ecuador y Argentina, Venezuela es a menudo referida como un socio estratégico por Rusia. La retórica política del lado venezolano con respecto a Rusia lo confirma. Sin embargo, faltan índices de una asociación estratégica documentada, como es el caso de Ecuador y Argentina. Existe un plan de acción bilateral entre los dos países para los años 2010-2014, pero en este se habla meramente de unas “Relaciones de Cooperación”.³⁴ Al mismo tiempo, ambas partes manifiestan la eficacia de la labor de la Comisión Gubernamental ruso-venezolana de alto nivel y destacan un aumento de contactos en el mundo académico, como el otorgamiento a los estudiantes venezolanos de las becas rusas para recibir una educación superior en Rusia en la Universidad de Petróleo y Gas.³⁵ Ambas partes subrayan, en particular, la similitud de su visión de las relaciones internacionales afirmando lo siguiente: “Estamos de acuerdo en que las relaciones interestatales deben basarse en el multilateralismo, el derecho internacional y la autodeterminación. Estamos en contra de cualquier interferencia en los asuntos internos de los Estados soberanos, incluso a través de la intervención, la organización de golpes desde el exterior, así como la aplicación extraterritorial de la legislación nacional.”³⁶ Al igual que Rusia, Venezuela apoya

³¹ Хачатуров К. *Латиноамериканские уроки для России*, Москва, 1999, 284.

³² *Memorandum de Cooperación en el área de combustibles y energía*, Caracas, 1993.

³³ Romero, Carlos/Corrales, Javier, “Relations between the United States and Venezuela”, 2001 — 2009, en: Domínguez, Jorge/Fernández de Castro, Rafael (Ed.), *Contemporary US — Latin American Relations*, New York, Routledge, 2010, p. 218 — 242 y Tarasenko, Pawel/Safronow, Iwan, После Чавеса, *Vlast*, Nr. 16 (1071), 28.04.2014, p. 10-16.

³⁴ Plan de Acción para ampliar las relaciones de cooperación entre la Federación de Rusia y la República Bolivariana de Venezuela 2010-2014, Moscú, 15.10.2010, URL: http://www.mid.ru/venezuela/-/asset_publisher/McSpM5gqDQO8/content/id/1283468 (10.09.2017).

³⁵ Ministerio de Relaciones Exteriores de Rusia, 06.02.2017, URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2628191 (10.09.2017).

³⁶ *Ibíd.*

el desarrollo de un orden mundial multipolar. En Plan de la Patria 2013-2019, que es el segundo plan socialista, se perfila un nuevo discurso geopolítico cuyo objetivo principal es la creación de un “mundo multicéntrico y pluripolar, sin dominación imperial y con respeto irrestricto a la autodeterminación de los pueblos”³⁷. La visión común en el ámbito internacional se refleja en la coordinación de la interacción en el marco de la ONU, donde Rusia y Venezuela se apoyan mutuamente, lo que demuestra la resolución *Promotion of a democratic and equitable international order (A/C.3/70/L.30)* presentada por Venezuela, Cuba y otros países y apoyada por Rusia o la votación el 8 de noviembre de 2016 sobre la resolución *Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol (Ukraine) (A/C.3/71/L.26)*. Venezuela fue uno de los países que votaron en contra.

En vista de las similitudes objetivamente existentes, se plantea la pregunta de por qué hasta hoy hay sólo una asociación estratégica retórica entre Venezuela y Rusia. Especialmente teniendo en cuenta que la cooperación bilateral se extiende a una serie de áreas importantes y tiene lugar a un alto nivel. Venezuela apoyó a Rusia en el conflicto georgiano y el conflicto con Ucrania, mientras que Rusia se opone firmemente a la injerencia extranjera en el conflicto interno en Venezuela, señalando apoyo al gobierno de Nicolás Maduro.³⁸ Políticamente, las relaciones bilaterales corresponden a los intereses estratégicos de ambos gobiernos. Sin embargo, existen diferencias en cuanto a los intereses nacionales de Venezuela y Rusia que perturban la paridad en esta relación bilateral.

El continuo aislamiento internacional de Hugo Chávez desde su llegada al poder en Venezuela resultó en una búsqueda de legitimidad y reconocimiento internacional. El apoyo de un actor global como Rusia contribuye a esta legitimidad y al mismo tiempo satisface las exigencias rusas de ser un poder global. Sin embargo, la posición más débil de Venezuela también muestra que, en vista de su aislamiento, es más dependiente del favor de Rusia que viceversa. Mientras que una asociación estratégica se basa en gran medida en una relación balanceada y favorable para ambas partes. La desigualdad se hace evidente en los detalles que son menos importantes a primera vista, pero que son significativos, como las formalidades diplomáticas. El hecho de que el presidente venezolano haya tomado la iniciativa del acercamiento con su visita y haya viajado nueve veces a Rusia desde el año 2001 es prueba del interés muy fuerte de Venezuela en Rusia. En el lado ruso el entusiasmo no era tan grande. Sólo con el aumento de las tensiones con Occidente en 2004 Rusia intensificó su actividad en Venezuela, y sólo en 2008 un Jefe de Estado ruso hizo una visita a Venezuela. Hoy en día, la aguda crisis política y económica y social

³⁷ Plan de la Patria 2013-2019, 4 de diciembre 2013, página 4, URL: <http://gobiernoonlinea.gob.ve/home/archivos/PLAN-DE-LA-PATRIA-2013-2019.pdf> (12.08.2017).

³⁸ Лавров: Россия намерена развивать стратегическое партнерство с Венесуэлой, 27.05.2015, URL: <http://tass.ru/politika/1998376> (04.09.2017).

venezolana es un reto adicional para el futuro de la cooperación con Rusia. A pesar de las similitudes existentes en el campo político, las posiciones similares con respecto a la configuración de la política internacional y la estrecha cooperación en el ámbito energético, las relaciones entre Rusia y Venezuela todavía no tienen un estatus oficial de asociación estratégica y pueden más bien ser consideradas una cooperación pragmática basada principalmente en cooperación militar y el apoyo retórico recíproco en asuntos de política exterior.

Conclusión

El análisis del balance preliminar de las cooperaciones estratégicas de Rusia con tres países latinoamericanos ha mostrado que, a pesar de que en tres casos retóricamente se aplique la categorización ‘cooperación estratégica’, existen diferencias en cuanto al grado de formalización de la misma, la estabilidad y la paridad entre los participantes. El caso argentino mostró que una base formal sólida y sustentada en una cooperación versátil garantiza que aun el cambio del gobierno en uno de los países no ponga fin al carácter estratégico, aunque se pueden producir efectos ralentizantes. Al cambio en el caso ecuatoriano se puede observar una tendencia contraria, en la cual una cooperación formalizada, pero poco elaborada adquiere más dinámica porque se basa en una continuidad política interna, un balance económico-comercial positivo y una general compatibilidad de intereses en la política exterior. Finalmente el caso venezolano ha mostrado que, a pesar de que exista una compatibilidad significativa en cuanto a los principios de la política exterior y una cooperación que puede considerarse versátil, las disparidades existentes y la dependencia unilateral de una de las partes, hacen que el carácter estratégico y duradero sea declarado sólo retóricamente, aunque no se formaliza debido a la incertidumbre relacionada con el futuro de esa relación bilateral.

Bibliografía

1. Alexandrova, Olga, “Strategische Partnerschaft” aus russischer Sicht (Asociación estratégica desde una perspectiva rusa), Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und international Studien, Köln, 2011.
2. Bendiek, Annegret/Kramer, Heinz, Globale Außenpolitik der Europäischen Union (La política exterior global de la Unión Europea), Baden-Baden, 2009.
3. Embajada de Rusia en Argentina, Acuerdos entre Rusia y Argentina, URL: <http://argentina.mid.ru/web/arg/84> (02.08.2017).
4. Husar, Joerg/Maihold, Guenther/Mair, Stefan, Neue Führungsmächte als Partner deutscher Außenpolitik (Nuevos poderes globales como socios de la política exterior alemana), Baden-Baden, 2009.
5. Хачатуров К. Э. Латиноамериканские уроки для России, Москва, 1999.

6. Ministerio de Relaciones Exteriores de la Federación Rusia, О состоянии и перспективах развития сотрудничества России с государствами Латинской Америки (Sobre el estado actual y perspectivas futuras de la cooperación de Rusia con los países de Am, URL: <http://www.mid.ru/problemy-vzaimootnosenij-so-stranami-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna> (14.09.2017).
7. Peschinskij, Ivan, “Аргентина отказалась от российского кредита на строительство ГЭС“ (Argentina ha rechazado el crédito ruso para la construcción de una central hidroeléctrica), *Vedomosti*, 06.11.2016, URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/11/07/663716-argentina-otkazalas-rossiiskogo-kredita> (04.09.2017).
8. Plan de la Patria 2013-2019, 4 de diciembre 2013, URL: <http://gobiernoenlinea.gob.ve/home/archivos/PLAN-DE-LA-PATRIA-2013-2019.pdf> (12.08.2017).
9. Plan Nacional para el Buen Vivir 2013-2017, Quito, URL: <http://www.buenvivir.gob.ec/> (15.09.2017).
10. Política Argentina, “Luego de intentar quitarlo del aire, Lombardi elogió a RT”, 01.09.2016, URL: <http://www.politicargentina.com/notas/201609/16334-luego-de-intentar-quitarlo-del-aire-lombardi-elogia-a-rt.html> (07.08.2017).
11. Romero, Carlos/Corrales, Javier, Relations between the United States and Venezuela, 2001 — 2009, en: Domínguez, Jorge/Fernández de Castro, Rafael (Ed.), Contemporary US — Latin American Relations, Nueva York, Routledge, 2010.
12. Tarasenko, Pawel/Safronow, Iwan, После Чавеса (Después de Chávez), *Vlast*, Nr. 16 (1071), 28.04.2014.
13. Лавров: Россия намерена развивать стратегическое партнерство с Венесуэлой“ (Rusia tiene intenciones de desarrollar una cooperación estratégica con Venezuela), 27.05.2015, URL: <http://tass.ru/politika/1998376> (04.09.2017).
14. Wilkins, T.S., ‘Alignment’, not ‘alliance’ — the shifting paradigm of international security cooperation: toward a conceptual taxonomy of alignment, *Review of International Studies*, 38 (1), p. 53-76.
15. Yakovlev, Petr, “Стратегическое партнерство России со странами Латинской Америки: тенденции и контртенденции” (La cooperación estratégica de Rusia con los países de América Latina), *Perspektivy*, 28.12.2015, URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/strategicheskoe_partnerstvo_rossii_so_stranami_latinskoj_ameriki_tendencii_i_kontrtendencii_2015-12-28.htm (27.08.2017).
16. Zentes, Joachim et. al, Strategische Partnerschaften im Handel, 1992, Stuttgart.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

*Isidoro Cheresky*¹

Dilemas y desafíos de la democracia en América Latina. ¿Deterioro o renovación?

Dilemmas and challenges of democracy in Latin America. Deterioration or renewal?

Resumen: El artículo considera la idea y la esencia de la democracia en América Latina, así como las formas en que la democracia coexiste y correlaciona con los principios de igualdad y libertad. El enfoque principal se centra en el comportamiento de los gobiernos modernos y las percepciones que surgen en las sociedades en la respuesta a las actividades gubernamentales.

Palabras clave: democracia; América Latina; populismo; régimen político; sociedad, gobernanza.

Abstract: Since the beginning of the twentieth-first century, the world —and particularly Latin America— has acknowledged unexpected political events. Although elections continue being a fundamental pillar of political legitimacy, those who compete for the access to political power are outsiders —candidates which do not belong to political parties— who aspire to create a direct representative bond with the citizenship, in order to become what I call ‘popularity leaders’. This struggle between popularity leaders is currently the main characteristic of the pre-electoral scenes. In their condition of ‘electoral engines’ they attract organizational networks, which are necessary to compete and eventually rule, thus creating wide pragmatic coalitions. They must revalidate their leadership through primary elections or public opinion polls, in order for other leaders to understand and accept their primacy.

The so-called ‘populist’ or ‘re-foundational’ governments have emerged in this context, and they are one of many possible derivations of this democratic mutation. Latin American governments, which have a vertical way of understanding power and face weak and fragmented opposition parties, are faced by social mobilizations opposed to those de-

¹ Argentina. Dr., Universidad de Buenos Aires, CONICET, icheresky@gmail.com

cisions considered illegitimate. In the end of their time in office, the upsurge of alternative leaderships is also built upon the mistrust of the citizenship.

Keywords: democracy; Latin America; populism; political regime; society; governance.

Desde inicios del siglo XXI, el régimen político y la sociedad en algunos de los países de América del Sur han experimentado cambios y conflictos que ponen en cuestión lo que debe entenderse por democracia. En el pasado, la crítica revolucionaria o aún reformista alentaba un desdén por las libertades públicas y las elecciones de gobernantes como apariencias que encubrían la dominación social y la explotación de unos por otros. Ahora, el término democracia está en boca de todos y ampara incluso regímenes políticos con prácticas que parecen poner en riesgo la libertad y la igualdad, principios éstos que, si no pueden devenir realidades fácticas unívocas y plenas -pues nos hallaríamos al fin de la política y la vida cívica— son, sin embargo, en su pretensión, lo propio de la democracia desde su proclamación en las revoluciones que los enunciaron y les dieron vigencia como revulsivo de las relaciones fácticas².

Pero, ¿cómo deben entenderse esos principios en el mundo en que vivimos? Y -pregunta clásica de la teoría política— ¿son compatibles entre sí? En este ensayo no se pretende una profundización conceptual genérica, sino orientar la interrogación a los desafíos contemporáneos en América Latina.

Desde principios de siglo han cobrado fuerza movimientos o corrientes partidarias sensibles a la justicia social y los privilegios de ricos y gobernantes, sea con una perspectiva reformista o una “revolucionaria”. En algunos casos han accedido al gobierno, más o menos inesperadamente, dirigentes emergentes por fuera de los círculos políticos tradicionales, y han emprendido políticas públicas que aspiran a una amplia inclusión social, con distribución de la riqueza, disminución de la pobreza y una participación ciudadana y popular, motivo este último en particular de controversia en cuanto a su alcance y significación; asimismo, estos gobernantes han obtenido desde sus inicios amplio sustento electoral.

Este rumbo, aunque con muy marcadas diferencias en cada país, invocaba una pretensión “refundacional” que se vio alentada por un crecimiento económico sostenido favorecida por la coyuntura internacional, pero sustentado, junto a la providencial mejora de las exportaciones de materias primas agrícolas y de la industria extractiva, en una ampliación del mercado interno resultado del acceso incremen-

² Aunque en lo que se refiere a la pobreza se ha verificado un progreso, las desigualdades sociales son la fuente de un descontento por las fracturas sociales y los reductos de vida separada que alejan a individuos y grupos del ideal de comunidad política sustentada en la semejanza. No se trata tan sólo de la sobrevivencia biológica sino de la preservación de un mundo común que está en juego. Ver T. Piketty (2014), *El Capital en el Siglo XXI*, FCE; P. Rosanvallon (2011) *La sociedad de iguales*, Seuil; F. Dubet (2014) *La Préférence pour l'inégalité*, Seuil; G. Kessler (2014) *Controversias sobre la desigualdad: Argentina 2003-2013*, FCE.

tado a bienes de consumo para sectores populares y medios³; inclusión en el trabajo y en el consumo y, en consonancia con ello, se habilitaba una posible inserción en los asuntos públicos. De este modo, se registró una considerable ampliación de la ciudadanía en otros términos que los de la mera subsistencia y, en grados diversos según los casos, una inclusión amplia. En otras palabras, el logro que exhibía ante todo esta corriente multivariada era el de la inclusión social. El epicentro del movimiento bolivariano — que así denominó Hugo Chávez en reconocimiento a la raíz independentista en la trayectoria de Simón Bolívar — han sido Venezuela, Bolivia y Ecuador, que se dieron Constituciones y leyes en consonancia con el ideal de una nueva fundación. Los gobiernos de Argentina en el ciclo de Néstor y Cristina Kirchner y de Brasil en el de Lula da Silva y Dilma Rousseff, se asociaron o solidarizaron con ese movimiento con diferencias significativas.

Al momento de debilitamiento o abandono del poder de los gobiernos de ese signo, cabe detenerse en los cambios político-sociales que han acarreado.

La salida de la indigencia para algunos y de la pobreza para otros debe considerarse una liberación efectiva -del imperio de la necesidad en la vida cotidiana y eventualmente, del patronazgo de protectores y mecenas-. Es decir, una ampliación potencial de la autonomía personal.

Por cierto, no se ha tratado entonces tan sólo de la seguridad circunstancial en la reproducción de la vida ni aún del acceso efectivo al ejercicio de los derechos políticos, sino del eventual desprendimiento de subordinaciones adscriptas por condición social de nacimiento, por etnia, por creencias, para quienes ahora pueden actuar y elegir de un modo que les era anteriormente vedado. Pero la liberación de quienes se hallan en situación de sumisión estructural no es un acto puntual, repentino, sino que abre el desafío de integrarse a -o crear una— comunidad de iguales, o en otras palabras instituir la libertad y la igualdad para quienes no gozaban de ellas, generar vínculos e instituciones que hagan duradera la mejora en la igualdad básica⁴.

Aun cuando ese acceso a bienes básicos ni se institucionalizó plenamente — es decir legal y socialmente —, la transformación en la conciencia de derechos en quienes fueron incluidos, y en la sociedad en general, ha sido notoria. En la América Latina contemporánea, la agenda pública es entonces ahora, diferente a la que prevalecía en los años noventa: la expectativa de la superación de la pobreza y de una reducción de las desigualdades está instalada, así como la injusticia de los privilegios derivados de las situaciones de poder, atribuyéndosele al Estado un rol promotor y regulador en procura de esos valores.

³ Según los países hubo desarrollo limitado de la producción industrial.

⁴ Existe una amplia controversia -en algunos de los países mencionados— sobre el alcance de la inclusión social y si ella fue acompañada de una expansión de la libertad política. Pero es indudable que amplios sectores han adquirido visibilidad y acción.

Esos gobiernos explícitamente refundacionales han mejorado situaciones sociales de carencia y han postulado derechos, lo que permite reconocer una dimensión de “liberación” de ataduras y barreras. Sin embargo, el interrogante que ha surgido es si esa fase inicial se continuó con la consolidación de una democracia renovada, de “fundación de la libertad”⁵.

Aunque con matices en los diferentes casos, la concentración del poder en un liderazgo (semi)encarnado y una vida pública poco deliberativa con cooptación de los movimientos sociales en el dispositivo estatal o bien su marginación para los disidentes, erosionaron el alcance de los postulados originarios de esos gobiernos. De modo que el Estado regulador era bienvenido, pero cuestionado en decisiones arbitrarias, es decir, con poca o ninguna argumentación y deliberación pública; y con el paso del tiempo se instaló un malestar respecto a los privilegios de la nueva clase política por la influencia derivada de su situación de poder, que podía llegar como sucedió en varios de ellos, a una corrupción de magnitud. De modo que la democratización del Estado y su eficiencia se pusieron nuevamente a la orden del día. La justicia social y el desarrollo podían ser un emblema de dos fases: políticas públicas populares y, a la vez, aprovechamiento personal o político faccioso de una porción de los fondos públicos. Esta carencia de una “democracia de ejercicio del poder”⁶ se ha evidenciado cuando los movimientos gobernantes se han confrontado a la eventualidad de la alternancia en el poder, es decir, a la posibilidad de una derrota en las urnas, o aún a la continuidad, pero con sucesión en el liderazgo.

Es que el movimiento refundacional (o populista) aludido se ha expandido en el contexto de sociedades y en un mundo en el que alumbra una relación distinta de los ciudadanos entre ellos y con el poder. La democracia de partidos y el sistema representativo no tienen la centralidad de otrora, desplegándose en cambio una extendida informalidad institucional y lazos fluctuantes de identificación política ciudadana y de cuestionamientos recurrentes a la legitimidad de las decisiones adoptadas por los gobernantes. Esas decisiones cuestionadas por otras instancias de autoridad formales e informales y por la ciudadanía que se pronuncia implícitamente o explícitamente en cada circunstancia crítica son características de la comunicación

⁵ Hannah Arendt, al interpretar las revoluciones democráticas del siglo XVIII en el hemisferio norte distingue entre la fase de lucha por la “liberación” del *Ancien Régime* (en el caso francés), y el desafío subsiguiente de establecimiento de un nuevo régimen político que, en el contexto de la modernidad democrática, califica de “fundación de la libertad”. La “liberación” alude a la disolución de la sociedad de castas y la destitución de monarquías presumidas de un mandato trascendente y, ergo, fuera de la competencia de los seres humanos. Si ese tránsito no se logra, al momento de la “liberación” puede seguirle un ciclo de inestabilidad, es decir, de indefinición del nuevo “vivir juntos”. Esa distinción parece pertinente para los procesos refundacionales recientes, que, aunque no han sido revoluciones en el sentido de Arendt, han conllevado en algunos casos cambios significativos en las relaciones sociales y sobre todo en la actualización de la inclusividad.

⁶ Ver P. Rosanvallon (2016), *El buen gobierno*, Ed. Manantial.

política y la vida pública en las sociedades democráticas que se hallan en expansión. En los casos latinoamericanos mencionados, se desarticuló el sistema representativo y se instalaron gobiernos refundacionales hegemónicos —es decir con mayorías electorales y amplios recursos institucionales del Estado bajo su control— pero que coexistían con los resortes remanentes de la representación tradicional y sobre todo encontraban un límite decisivo en la recurrencia de elecciones a término, con pluralidad de postulantes.

Los presidentes decisionistas, por vocación y aun por imperio de las circunstancias⁷, procuran reequilibrios permanentes, habida cuenta de la carencia de los canales partidarios, sindicales y asociativos permanentes, y con un predicamento que les permita una contención del malestar ciudadano. Los gobernantes refundacionales, generadores de una polarización antagónica, adoptan también decisiones pragmáticas de gobierno, pero tienen límites más definidos para el reequilibrio y la recuperación de la legitimidad cuando advienen las crisis.

La paradoja propia de la democracia contemporánea — a la que llamo democracia continua, es decir, de puesta en juego permanente de la legitimidad en el ejercicio del poder, y no tan sólo en el acto electoral — es la existencia de dos núcleos de configuración de las escenas y en consecuencia del rumbo político. Los líderes de popularidad, que instituyen un rumbo político posible al ser tales, es decir, al adquirir predicamento e instalar una línea de demarcación política. Y la ciudadanía autonomizada, que se hace representar electoralmente, y aun reconociendo el resultado de las urnas se mantiene vigilante y se realinea en las coyunturas sucesivas, cuestionando decisiones en el ámbito público aunque su fuente sea legal.

La paradoja consiste en que los liderazgos de popularidad presumen una relación directa — o poco mediada — con los ciudadanos y en consecuencia deriva con frecuencia en poder concentrado, eventualmente decisionista y arbitrario. Pero la ciudadanía es autónoma pues la cesión de soberanía en el acto electoral es parcial y transitoria, y entonces emergen actores que ponen en cuestión la legitimidad de las decisiones de esos líderes/presidentes, que pueden decaer rápidamente en su capacidad de gobierno. La fluctuación del electorado y de la opinión pública es el rasgo emergente en un contexto cuya característica es la desconfianza ciudadana hacia gobernantes y representantes.

Un acto decisivo que referencia y ordena la vida política es el de las elecciones nacionales que consagran gobernantes legales. No es concebible una sociedad democrática contemporánea sin la capacidad gobernante que resulta de elecciones

⁷ El gobierno está confrontado a lo imprevisible en el contexto de globalización. Al mismo tiempo, estos gobiernos se caracterizan por un hiper activismo que les permite mantener la iniciativa política y a veces adelantarse o sofocar lo que puede provenir de la sociedad. El decisionismo suele contar con respaldo popular en situaciones de crisis, pero también en contextos de estabilidad; paradójicamente se hace insostenible cuando los líderes de popularidad en el poder pretenden eternizarse en esa posición.

competitivas. Pero, la vida política es continua y la representación surgida de las urnas no puede sustraerse al cuestionamiento eventual, cada vez más frecuente y efectivo proveniente de una ciudadanía presentificada como estado de la opinión en la comunicación política por sus pretendidos portavoces, sean periodistas o personalidades, por su figuración en los sondeos de opinión y por actores del espacio público con representación no electoral-otros representantes con credibilidad argumentativa en términos de saberes, de imparcialidad en relación a facciones e intereses y de crédito en términos de valores morales-. Esta ebullición del espacio público comunicacional condiciona el sistema representativo en su núcleo y de hecho lo ha reconfigurado. De este modo, la acción política sustentada en las oscilaciones de opinión y popularidad predomina sobre los aparatos políticos e instituciones.

La nueva sociabilidad democrática

Los gobiernos y movimientos refundacionales configuran una evolución posible de la decadencia de la democracia de partidos y del sistema representativo tradicional, que Bernard Manin, Nadia Urbinati y Pierre Rosanvallon han observado, con perspectivas propias a cada uno de ellos, como característico de la mutación de la democracia en las últimas décadas.

Explícitamente, los movimientos y gobiernos refundacionales han emergido como la contrapartida de la crisis de representación y de la desarticulación de las instituciones tradicionales con la promesa de una sociedad justa bajo variadas designaciones (socialismo del siglo XXI, Estado multinacional post-colonialista, democracia ciudadana). Los antecedentes en cada caso nacional son distintos y en general ha habido alguna forma de agrupación política o social promotora, pero el impulsor y aglutinador ha sido un líder de popularidad, enunciador y decisor con adeptos, pero finalmente sin entorno de pares, y cuyo sustento ha sido una relación directa con los ciudadanos, que son tales en su condición de electores pero que devienen masa —al menos una franja de ellos— en la medida en que son audiencia pasiva de alocuciones y movilizaciones, con escasos ámbitos realmente participativos o deliberativos. El decisionismo, precisamente, no consiste tan sólo en ignorar las instancias institucionales que requieren la formulación de leyes y el control del ejercicio del poder de Estado, sino sobre todo en la acción de un jefe/presidente que irrumpe con rumbos no tratados públicamente ante la opinión pública, los sectores involucrados o aún los expertos, y poco o nada explicitados al ponerse en vigencia. Ilustración de ese modo de decidir han sido entre otros la resolución 125 que en el año 2008 intentó incrementar las retenciones fiscales a las exportaciones agrícolas en Argentina, o el intento reiterado de ejecutar una gran ruta que atravesaba el parque nacional de Tipnis en Bolivia⁸.

⁸ Decisiones con consecuencias políticas duraderas, pues en estos casos se configuró una escena en que la decisión fue vetada por la movilización ciudadana o popular según el caso y aparejó una recomposición de

Pero, ¿en qué medida este formato político embrionario ha sido a inicios del siglo XXI completamente novedoso? El acaparamiento decisionista en el Ejecutivo — “el cheque en blanco” — ¿no había sido acaso ya adelantado por Guillermo O’Donnell en los años noventa al referirse a la “democracia delegativa”? En ella se vota y el gobernante surgido del acto democrático ejerce un poder ilimitado⁹.

La sociedad contemporánea, con significativas variantes nacionales, estaría experimentando una mutación que habilita movimientos y gobiernos refundacionales como los aquí tratados, lo que invita a replantear los conceptos políticos y sociopolíticos para interpretarla.

La informalidad política — término que tomo de la obra de Hugo Quiroga¹⁰-, se asocia a la debilidad institucional, y el alcance limitado del Estado de derecho se trasluce en el ejercicio irrestricto del poder por quienes gobiernan, con poca transparencia de las decisiones, lo que facilita la arbitrariedad, y en la corrupción en provecho privado o de las facciones políticas. Pero debe considerarse que ello es un eventual emergente de una nueva sociabilidad de pertenencias colectivas debilitadas y de la expansión, en cambio, de lazos espontáneos y horizontales de interacción y sociabilidad posibilitados por las nuevas tecnologías digitales. Individuos y colectivos están en transición de la sociabilidad tradicional a esta nueva; y ya esos términos -individuo, colectivo social— designan nuevas realidades. La autonomía ciudadana remite a ese nuevo modo de ser en sociedad a distancia real o potencial de las corporaciones y de los dispositivos estatales de asignación. Esta sociabilidad emergente es aún cuantitativamente minoritaria, aunque predomina entre los jóvenes, y está en buena medida sesgada social y territorialmente; pero sin embargo es la que en buena medida da la tónica de la comunicación política, por su propia dinámica y porque impregna el funcionamiento de instituciones así como las acciones colectivas¹¹.

Este contexto de libertad inédito es particularmente visible en las redes sociales virtuales y tiene su correlato en asociaciones y participaciones deliberativas de sede territorial y contacto cara a cara. Los grupos de intensidad política que se mencionan más adelante fueron fomentados e incluso se han originado en ese espacio público político-social transformado.

la escena política. La identificación de líder y pueblo fue formulada en múltiples ocasiones, y en particular por Hugo Chávez: “Yo ya no soy yo, yo soy el pueblo”, alocución presidencial en el Estadio Anzoátegui, 12 julio 2012.

⁹ Esa percepción novedosa de O’Donnell debe, sin embargo -según la evolución ulterior de los regímenes con liderazgos concentrados-, ser acompañada por la contraparte que se ha evidenciado con multiplicación de experiencias. La ciudadanía puede no estar muy atenta al respeto de las restricciones institucionales al ejercicio del poder, pero al final de cuentas no ha cedido plenamente soberanía en el acto electoral y puede des-investir a los liderazgos de popularidad y vetar o bloquear sus decisiones.

¹⁰ H. Quiroga (2005, 2010), EDHASA.

¹¹ Esta metamorfosis del espacio público tiene un alcance decisivo en la transformación del régimen político; Ver I. Cheresky (2015) *El nuevo rostro de la democracia*, FCE.

Pero también se expande en paralelo una sociabilidad que ofrece amparo y sobrevivencia, sobre todo para quienes la nueva informalidad —que a veces es retiro del Estado en la provisión de bienes básicos y de contención— genera cohesión identitaria en la obediencia a proveedores providenciales de bienes y servicios, o aún en el delito: desde facciones que controlan segmentos del espacio público en el fútbol o en la circulación y protección de vehículos, hasta la trata de personas y el crimen organizado en gran escala ejercido por los cárteles del narcotráfico o las redes de terrorismo bajo emblemas étnicos o religiosos irredentos.

La fluctuación identitaria de los individuos — respecto a la adscripción política, la pertenencia sindical o de creencias — con un horizonte en expansión de proyectos de singularidad, en paralelo a la debilidad del Estado para asegurar bienes básicos — ingreso mínimo, salud, educación — connota la autonomía y fluctuación ciudadana a la que se hace aquí referencia. La libertad contemporánea puede derivar hacia una mayor asociatividad, colectivos más electivos y aún trayectorias individuales cifradas en la creación en diferentes dominios¹², pero también habilita la constitución de redes y organización de sometimiento y explotación de las personas.

La comunicación política y la más general que se despliegan en el espacio público por vías formales e informales — las más tradicionales por los medios audiovisuales y las más informales por Internet — favorecen la constitución de nuevos sujetos en ese espacio público. Este es simultáneamente un ámbito de autonomía, de servidumbre voluntaria y de explotación extorsiva de las debilidades y las necesidades de los individuos¹³.

En términos más generales, en el siglo XXI no se trata tan sólo de cambios sociológicos propios de sociedades postindustriales, sino que deben consignarse las trazas de un pasado que los contemporáneos y, en menor medida quizás, las nuevas generaciones conservan en su memoria: la de los regímenes totalitarios que en nombre de la raza superior o de la sociedad igualitaria sin clases sociales instalaron la ideología del terror y el exterminio de los designados enemigos¹⁴. Este antecedente de eventual destructividad de la intensidad en la acción pública ha sustentado

¹² R. Reich. El analista simbólico. Los desafíos que supone la aspiración a la diferencia y las insuficiencias de los derechos humanos y su traducción en la protección de colectivos o riesgos específicos.

¹³ Sujetos y organizaciones que no se derivan del mundo del trabajo y de las actividades funcionales aunque no le son completamente ajenas. Piqueteros, ecologistas, pero también la variedad de sujetos que se constituyen en el espacio público en la “negatividad” o el reclamo puntual.

¹⁴ Quizás por el componente utópico, pero también porque las vanguardias, así como toda organización librada a su interioridad cohesiva, consagra cumbres privilegiadas, lógicas de autorreproducción que hacen que lo que en un momento fue revulsivo crítico devenga *statu quo* y arbitrariedad de los que mandan. Así, los reformistas y revolucionarios vehementes devienen acérrimos conservadores. Ver R. Michels (2008) *Los partidos políticos*, Amorrortu; M. Merleau-Ponty (1957) Conclusiones en *Las aventuras de la dialéctica*, Ed. Leviatán.

el escepticismo hacia la política y la urticaria ante la referencia a la revolución¹⁵. De modo que la identificación de los actores políticos y de los individuos participantes no puede simplemente considerarse la continuidad de una tradición, sino que debe anclarse — sin ignorar el legado democrático — en los desafíos del presente.

Un rasgo relevante en la configuración de las escenas políticas contemporáneas es la dilución de los trazos que ordenaban el espacio público y el ámbito político, en términos de izquierda y derecha. La desagregación del sistema soviético y la caída del muro de Berlín, celebrada de uno y otro lado del mismo como liberación, se sumaron al agotamiento de las políticas social demócratas, exitosas en haber impulsado “Estados providencia” que aseguraron en su momento la profunda experiencia de igualación de condiciones consistente en la provisión de bienes básicos para todos — los ciudadanos acreditados, por cierto —, pero que tropezaron con las expectativas diferentes de individuos y colectivos emergentes de las sociedades postindustriales y con el contexto de la globalización, que por cierto ofrece oportunidades inéditas, pero cuyos condicionamientos delimitan la efectividad y atribuciones de los Estados nacionales¹⁶.

En las condiciones sociopolíticas mencionadas, predominan el ejecutivismo y el personalismo, dejando en el pasado la “democracia de partidos” característica de algunas sociedades del hemisferio occidental y que pareció el rumbo emprendido en América Latina desde los años ochenta con la caída de las dictaduras y el retiro de los militares de la escena pública. En particular en los países con tradición de débil institucionalidad, la democratización luego de la caída de las dictaduras constituyó un verdadero advenimiento. Ello conllevó una rehabilitación institucional, pero por sobre todo, una rehabilitación de principios subestimados y la sedimentación al menos embrionaria de costumbres cívicas de convivencia¹⁷.

Por cierto, la tensión entre institucionalidad democrática y reclamos de justicia social que en muchos casos ya estaba presente retornó como desafío luego de la “primavera democrática”, y adquirió vigor alejando la idea que lo logrado era entonces un régimen evolutivo de rutinas.

¹⁵ H. Arendt (1995); *Qu'est-ce que la politique*, Seuil.

¹⁶ Las nuevas sociedades forman parte de un mundo globalizado que las nutre y las condiciona (cambio climático, criminalidad, desarrollo global). Ello no impide que haya un rumbo nacional, pero con desafíos y novedades que desbordan el límite territorial de Estado.

¹⁷ El advenimiento de la democracia comportó una reflexión y redefinición de buena parte de los críticos del capitalismo y de la dominación social, que revalorizaron la democracia y se resituaron como promotores de los derechos y principios que le son inherentes, sin por ello abandonar una perspectiva crítica y reformista.

Liderazgos de popularidad y regímenes refundacionales

Liderazgo de popularidad designa un reconocimiento positivo en un sector considerable de la ciudadanía por un vínculo directo sin mediaciones institucionales, en las figuras presidenciales, pero asimismo el resorte en que se sustentan los opositores emergentes. Este modo de dirigencia asociado frecuentemente con un ejercicio de poder concentrado ha sido atribuido a la tradición caudillista y a la inmadurez política de las democracias tardías en América Latina. Por cierto que las tradiciones pesan, pero no parecen ser suficientemente explicativas de los vínculos contemporáneos. La desarticulación del sistema de partidos en países europeos en provecho de fuerzas emergentes, algunas de pretensión asamblearia pero encarnadas en un líder o en líderes en pugna, y otras con jefatura análoga a las latinoamericanas, así como las candidaturas presidenciales inesperadas en Estados Unidos en 2016 -como lo fuera la de Obama hace ocho años-, ilustran el éxito de *outsiders* y renovadores que canalizan la desconfianza en los políticos y el rechazo a los aparatos partidarios.

Con modalidades variadas en todo el mundo emergen líderes de popularidad -que movilizan por fuera y en contra de los aparatos políticos o corporativos, convocando al “ciudadano común”-, y provocando de ese modo — si son exitosos — la convergencia de descontentos variados que convergen sin tener necesariamente afinidad entre ellos. Los “partidos ciudadanos” como Podemos en España han emergido esporádicamente, y otros han sido el sustento de líderes que llegaron al poder con una congregación de adeptos como es el caso de Ollanta Humala en Perú y de líderes refundacionales como el propio Hugo Chávez o Rafael Correa¹⁸. Cada uno de ellos devinieron líderes de “popularidad” como receptáculos de la negatividad ante el poder vigente en ese entonces o los partidos tradicionales e invocando la renovación política. Los movimientos que lideraron tenían como eje la interpelación directa al pueblo y a la vez aspiraban a la agregación de movimientos ciudadanos de “indignados”, junto a nuevos adeptos provenientes de redes organizacionales desprendidas de los partidos tradicionales en decadencia o de grupos marginales al juego institucional.

Las coaliciones así configuradas lo eran de facto. Por lo general no se conformaban con acuerdos formales entre partidos o facciones como había sido en el pasado sino por cooptación de individualidades y grupos fragmentarios; era el líder quien convocaba y atribuía posiciones en el gobierno, y, aunque en algunos casos tomaba en cuenta la notoriedad local de los candidatos a puestos representativos, en

¹⁸ Ilustración de “partidos ciudadanos” tributarios de un liderazgo que se instituye a través de los medios de comunicación, y en los tiempos más recientes recurriendo a Internet, han sido el Frepaso de Chacho Álvarez en los 90 en Argentina, Marcos Ominami una década atrás en Chile, Marina Da Silva desde hace unos años en Brasil.

gran medida primaba el arbitrio basado en la lealtad de los designados, para cubrir la oferta política electoral y por supuesto las designaciones administrativas.

Pero los gobiernos de ambiciones fundadoras se diferencian nítidamente de otros movimientos o partidos personalistas, y por ello están instalados en una paradoja. El líder y el movimiento aspiran a detentar el poder *sine die*, pues ello coincide con el bien común. Designan enemigos externos que son tales porque amenazan el “modo de ser” de la comunidad nacional que ellos encarnan. Y los opositores internos no son considerados adversarios, es decir aspirantes al poder en nombre de otra interpretación del bien común y entonces amparados en las leyes y los derechos, sino expresión local o circunstancial de los enemigos: no enemigos del gobierno sino del pueblo. El formato político consistente en ese principio que identifica líder y movimiento con nación y pueblo es el de una concentración de poder en el líder y su permanencia continua en la jefatura. Sin embargo, aunque esos proyectos y gobiernos refundacionales se instalan supliendo regímenes fallidos, fracasados en su institucionalidad tradicional, persisten instituciones y un modo de vínculos gobernantes-gobernados que no es afín a la instalación de una jefatura de por vida y una concepción del bien común hecha dogma. La realización de elecciones nacionales con regularidad, conlleva la renovación potencial de gobernantes y representantes; en otras palabras, los gobiernos tienen un límite temporal, variable según las Constituciones, pero la alternancia es un horizonte definido. Los Presidentes y otros representantes son el resultado de una mayoría que prevaleció en un momento, resultan de una voluntad popular que cambia con la experiencia del curso de una política y con la deliberación, y ello choca con la pretensión de una semi encarnación duradera.

La aspiración a ser la encarnación del pueblo, la corporeidad de líderes idealizados -y a veces sacralizados— y un relato de acción y logros constitutivos para quienes formaron parte de ese movimiento de una suerte de comunidad política en sí misma¹⁹, tropieza con una ciudadanía que puede respaldar un liderazgo de popularidad (o varios en pugna), pero que no delega en el acto electoral la soberanía, sino

¹⁹ Los movimientos refundacionales tienen una relación particular con la política. La identificación promovida por sus líderes con la Nación y el pueblo, se orienta a un fin de la política pues establece con los opositores una relación de amigo/enemigo. En otros términos, los enemigos están potencialmente fuera de una alternancia concebible y de la protección de los derechos constitucionales y el caso venezolano evolucionó con el liderazgo de Nicolás Maduro en esa dirección. Pero esos movimientos suelen promover la movilización de sus adeptos, en el contexto de la denuncia y combate contra los antagonistas designados. De ese modo, una militancia sobre todo juvenil y urbana cuyos miembros no son mayoritariamente los que se han beneficiado de las políticas de integración, hacen una experiencia de estar juntos como multitud y participar de rituales en torno al liderazgo de popularidad que les da un fuerte sentido de pertenencia, teniendo en cuenta que una franja de los movilizados también se integra en una cotidianeidad de participación en actividades de militancia en el sentido más tradicional, con el agregado por cierto de activismo en las redes sociales. En los países considerados, aun en los momentos en que el movimiento refundacional debía electoralmente minoritario, ha tenido el cuasi monopolio de la intensidad política.

es de un modo parcial, y con instituciones que pese a la fragilidad y con frecuencia la corrupción, si no han sido colonizadas por el movimiento refundacional hacen obstáculo ejerciendo su imparcialidad o incluso por parcialidad adversa.

El punto crítico de esa paradoja -instalación de un poder encarnado en una sociedad en que persiste la indeterminación democrática — han sido las elecciones y la alternancia.

La coexistencia de prácticas y principios adversos que se inscriben y coexisten en los regímenes políticos que aquí se tratan, son partícipes de la democracia en su condición básica; los gobernantes surgen de elecciones libres y con goce de libertades públicas²⁰.

Sucesión presidencial y alternancia en los gobiernos refundacionales

Las elecciones fueron decisivas en las inflexiones de estos gobiernos refundacionales. Mayorías amplias confortaban la asimilación del liderazgo nacional con el pueblo como parte de un mismo ser, y propiciaron una radicalización en el modo de gobernar.

En Bolivia, Evo Morales llegó al gobierno con una mayoría inédita y la acrecentó en las dos elecciones presidenciales sucesivas²¹. Su partido, el Movimiento al Socialismo (MAS) -definido como instrumento de los movimientos sociales-, alcanzó la mayoría de dos tercios en el Congreso en 2010.

En Venezuela, Hugo Chávez ganó las elecciones sucesivas desde 1998 con mayorías absolutas, así como el referéndum revocatorio de 2005 convocado por la oposición. El éxito en dar rango constitucional a la posibilidad de reelección indefinida luego de un primer fracaso, reforzó la tendencia a concebir un Estado sustentado en un poder popular por fuera del sistema representativo tradicional²². Sin embargo, a partir de las elecciones legislativas de 2010, ante una oposición unificada, los márgenes de triunfo electoral del oficialismo se fueron estrechando; y Nicolás Maduro alcanzó la presidencia luego del deceso de Chávez en una elección reñida. En diciembre de 2015, la coalición opositora Mesa de la Unidad Democrática (MUD) ganó por un amplio margen la compulsa por la legislatura²³ y alcanzó los dos tercios que le darían en la Asamblea Nacional amplios poderes, lo que aparejó una disputa de legitimidades en curso.

²⁰ La ingeniería electoral y el control de los comicios y el escrutinio son motivo de controversia. Asimismo el acceso a la comunicación política y su regulación ha sido litigiosa.

²¹ El 54 % en 2005, el 62 % en 2009 y el 61 % en 2014.

²² En el año 2006 alcanzó el 62,95 % de los votos superando en 25 puntos a su adversario. El Estado Comunal es una configuración que quedó en estado embrionario, pero con vocación de coexistir y eventualmente remplazar al sistema representativo. Tiene una expresión inicial en los centros comunitarios de localidad de carácter formalmente asambleario en la adopción de decisiones.

²³ Obtuvo el 56 % de los votos, 15 puntos porcentuales más que la lista chavista cuya etiqueta es PSUV.

La reelección de Cristina Kirchner en las elecciones argentinas de 2011 fue por un margen abrumador²⁴, lo que la llevó a impulsar un giro de radicalización política.

Luiz Ignacio Lula da Silva llegó a la presidencia de Brasil en el año 2002 luego de haber fracasado en intentos anteriores habiendo acreditado que el Partido de los Trabajadores (PT) impulsaría reformas sociales en sintonía con el marco de las instituciones democráticas. Logró su reelección en 2006, también con un amplio margen e impulsó al término de su mandato a Dilma Rousseff, quien alcanzó la presidencia en 2010 y fue reelecta en 2014 en una competencia reñida y en un contexto de protestas sociales continuas. La característica del gobierno del PT, pero también de los precedentes es que el Presidente/líder cuenta con la legitimidad de su caudal electoral, pero su partido es minoritario en el Congreso. Ese tipo de régimen ha sido denominado presidencialismo de coalición pues se sustenta en acuerdos pragmáticos en las Cámaras que se reflejan en compromisos que incluyen la participación de los aliados en el gobierno y con dominio sobre diferentes áreas de las políticas públicas, aun en puestos claves²⁵.

En Ecuador, Rafael Correa irrumpió en la escena política sin mayores recursos institucionales en las elecciones presidenciales de 2006; llegó segundo en la primera vuelta, pero logró incrementar su electorado y triunfar en el *ballotage*; en las elecciones que se sucedieron logró reelegirse en la primera vuelta, manteniendo a las oposiciones en la fragmentación. El curso político futuro en este país es incierto, pues Correa ha anunciado que no se postulara nuevamente para el cargo.

²⁴ Cristina Kirchner obtuvo en 2011 el 54,11 % de los votos superando a su contrincante más inmediato en 38 puntos. La mayoría electoral significativa se tradujo en una expresión exaltada que se hizo emblemática de su modo de gobernar: “vamos por todo”, cuya ilustración más destacada fue el proyecto de reforma judicial que modificaba el órgano colegiado a cargo de selección y exclusión de jueces federales pretendiendo que la mayoría de sus miembros surgieran del voto popular en listas partidarias. La modificación por ley del Consejo de la Magistratura fue descalificada por la Corte Suprema de Justicia por considerarlo inconstitucional.

Los resultados de elecciones presidenciales del kirchnerismo son ilustrativas, así como las legislativas de los altibajos del sustento ciudadano: Néstor Kirchner llegó al gobierno en 2003 habiendo obtenido el 22,4 % de los votos pues no hubo segunda vuelta dado que su contendiente que había alcanzado el 24,4 % desistió de presentarse al *ballotage*. Cristina Kirchner obtuvo en la primera vuelta del 2007 el 45,28 %, lo que fue suficiente según la legislación electoral para ser ganadora ante los dos contendientes principales; en la reelección de 2011 la entonces presidenta obtuvo el 54,4 % de los votos ante una oposición dispersa al punto de que el segundo solo alcanzó el 17 %.

²⁵ Esa articulación gobernante es vulnerable y desembocó en mayo de 2016 en un proceso de destitución de la Presidenta acusada de maquillar el presupuesto 2014 y 2015 a los fines de disimular el déficit fiscal y poder competir mejor en la renovación de su mandato. El PT denunció la debilidad de las imputaciones que no acreditarían para una destitución de la Presidenta y calificó los hechos de golpe institucional. Políticos y juristas de diferentes ámbitos coinciden en lo inusitado del proceso de destitución y de los riesgos que agrega a la estabilidad de la democracia en Brasil y en otros países de la región.

Con mayorías electorales, los gobiernos refundacionales y afines pretendieron en grados variables el control del Estado en todos sus órganos de poder y autoridad, pues según la concepción dominante, todos ellos deberían alinearse con la voluntad popular en su expresión electoral presente, es decir ignorando los límites constitucionales de las Cartas fundadoras, que en su momento algunos de esos movimientos refundacionales habían promovido y promulgado²⁶.

El otro actor del espacio público que procuró ser absorbido fue el de los medios de comunicación, en el marco de una actividad de intensa presencia gubernamental en la comunicación política. Las alocuciones presidenciales procuraron responder al principio según el cual la verdad debía ser revelada por los presidentes comunicadores, puesto que era distorsionada por la prensa tradicional²⁷.

Pero en todos los casos las oposiciones fragmentadas y las disidencias desprendidas se abrieron paso también a través de las elecciones, puesto que en la mayoría de ellos el voto fluctuaba a nivel distrital y local con mayores chances para las oposiciones.

De hecho, luego del auge inicial de estos gobiernos, en los inicios de la segunda década del siglo, sucesivas elecciones ilustraron la fluctuación del voto configurando escenas de pluralismo territorial. En Ecuador en 2014 y en Bolivia en 2015, candidatos opositores conquistaron la mayoría en buena parte de las grandes ciudades y en algunas regiones clave. En Argentina, las elecciones legislativas de 2013 desmintieron la imagen de bloque electoral oficialista abrumador al dar el triunfo a la oposición en las principales provincias y en particular en la de Buenos Aires y el conurbano bonaerense, desmintiendo también la cautividad mayoritaria del llamado “voto peronista”. La composición de las Cámaras surgida de esos comicios inhibió el proyecto de una reforma constitucional que habilitara a Cristina Kirchner a competir por un tercer mandato. En este caso, como en el de Evo Morales, no se abrió un lapso de “pato rengo”²⁸, pero sí una escena de recomposición política. En

²⁶ En Bolivia se procedió a la designación de magistrados surgidos de elecciones generales con listas confeccionadas en un Congreso en las que el oficialismo contaba con mayorías especiales. En Venezuela, luego que el gobierno perdiera las elecciones legislativas y en el parlamento se conformara una mayoría especial opositora, el Presidente Maduro logró la renovación del Tribunal Nacional de Justicia de modo tal que las leyes aprobadas en la Asamblea Legislativa fuesen anuladas en esa instancia aún yendo más allá de sus atribuciones constitucionales.

²⁷ La idea de una verdad fáctica que habla por sí misma alimenta la intolerancia respecto a la enunciación comunicacional en la que coexisten verdades fácticas e interpretaciones de los hechos. A ello se sumaba la dificultad de los gobiernos refundacionales en tener medios de comunicación propios y eficientes debido a la naturaleza ideológicamente heterogénea de esos movimientos, lo que no invitaba a que hubiese otro enunciador que el del/la líder.

²⁸ El referéndum convocado por el gobierno para que se impulsara una reforma Constitucional que, cambiando la cláusula restrictiva sobre los límites a la reelección continua, permitiera a Evo Morales buscar nuevamente su reelección concluyó en rechazo; un 51,3 % votó por el No y un 48,7 % por el Sí. Es notorio que la mayoría de los líderes de una oposición dispersa no hicieron campaña, pero sí se involucraron alcal-

Argentina, el oficialismo luego de la derrota electoral se encontró inmediatamente atravesado por la tensión entre las diferentes facciones y con la dificultad para la Presidenta de hallar un sucesor verosímil afín con su giro “revolucionario” acentuado luego de su reelección. Las oposiciones, por su parte, tropezaron con las dificultades de una dispersión que fue saldada en el proceso electoral por la convergencia hacia el candidato de alternancia que pareció más verosímil²⁹.

En la mayoría de los países con gobiernos refundacionales, en proximidad del fin de mandatos sin reelección presidencial, se plantea el escenario de la alternancia y/o sucesión. Para los oficialismos, ya sea para la reelección de los gobernantes refundacionales modificando las cláusulas constitucionales que les impedirían volver a postularse, o buscando sucesores afines a una continuidad refundacional. El reeleccionismo a través de referéndum para salvar las disposiciones constitucionales concita la convergencia de malestares y oposiciones variadas. Chávez, luego de un primer fracaso, logró incluir esa cláusula, ampliando el número de cargos beneficiados por la reelección indefinida, y antes de fallecer designó un sucesor/hijo que logró consagrarse en las elecciones por escaso margen. En 2016 en Bolivia, el referéndum muy adelantado respecto a la contienda presidencial por venir-programada para 2019— fue negativo para el reeleccionismo descartándose entonces la convocatoria de una constituyente que habilitara una nueva postulación y la posibilidad de un tercer mandato sucesivo³⁰, por lo que Evo Morales afronta tres años de gobierno quizás debilitado.

En términos más generales, el liderazgo de popularidad no es fácilmente transferible, pues la característica de ese modo de gobernar personalista tiene un alto componente de identificación con decisiones concretas y beneficios atribuidos al líder, y con sus rasgos de personalidad o, si se prefiere, con el componente carismático.

Venezuela y Brasil no pueden equipararse en términos de sus gobiernos. Pero, en ambos casos, la transición continuista tuvo en 2014 un éxito electoral muy amen- guado por los resultados ajustados³¹. Los sucesores se presentaron como una suerte

des y algún líder regional, y por sobre todo se desplegó una intensa acción comunicativa por Internet, redes sociales y cyber activistas que según Fernando Mayorga (2016) lograron predominar en la agenda pública preelectoral.

²⁹ Aunque los altibajos electorales repercutían en la consistencia de los movimientos refundacionales, el ejecutivismo de esos gobiernos también lidiaba en algunas circunstancias con parlamento adversos. De ese modo, el oficialismo kirchnerista sobrellevó su derrota electoral de 2009 y la ulterior minoría en el Parlamento a través del activismo presidencial en la promoción de leyes e iniciativas en sintonía con demandas progresistas, rasgo que es común a los otros gobiernos de la misma sintonía. Decisiones de eco popular aún con estado parlamentario o iniciativas que podrían haber surgido del trámite parlamentario fueron propiciadas por los gobiernos o adoptadas por decreto.

³⁰ En verdad un cuarto.

³¹ Nicolás Maduro se impuso en los comicios con el 50, 61 % de los votos contra el candidato de la MUD, Henrique Capriles Radonski, quien obtuvo el 49,12 % de los sufragios. Por su parte, en Brasil Dilma Rous-

de continuidad encarnada, pero tanto Nicolás Maduro a poco andar como Dilma Rousseff hacia fines de su primer mandato, sufrieron una mengua decisiva en su popularidad, poniendo en crisis -con anticipación a los tiempos habituales de sus mandatos-, en un caso el proyecto bolivariano y en el otro el presidencialismo de coalición basado en amplios compromisos sobre todo entre el PT y el PMDB.

El impulso refundacional sustentado en acciones de gobierno crea adeptos de dos tipos bien diferenciados, lo que se visibiliza en el caso venezolano. Los incluidos por políticas públicas redistributivas, para quienes acceder a un trabajo, a subsidios, a bienes básicos o alguna otra forma de reconocimiento social supone con frecuencia un cambio de vida, y los activistas que en parte provienen de un involucramiento de otra naturaleza, pues creen haber encontrado el ideal público deseado y largamente esperado.

Como ya se señaló y cabe recordar al momento de ponderar este ciclo de gobiernos refundacionales, el cambio en esas sociedades ha sido en algunos casos significativo y en todos ha dejado una huella, y si no han alcanzado la estabilidad de otra sociedad completamente diferente, si han aparejado alteraciones en el reconocimiento social y en la condición de los más carenciados y desprotegidos. Algunos de esos cambios han adquirido rango constitucional y muchos han sido circunstanciales y, aun siendo ambiguos, están activos en las relaciones sociales como preservación de logros o aspiraciones de reforma.

El modo decisionista de gobernar -que ha implicado con frecuencia actos inmaduros o arbitrarios por falta de deliberación y de consulta a los propios beneficiarios e incluso imprevisibilidad en cuanto a su sustentabilidad— ha sido sin embargo con frecuencia exitoso por sus efectos redistributivos y por el reconocimiento público alcanzado más allá de los beneficiarios directos; ha tenido períodos de amplio respaldo popular por los logros y ha reforzado aspiraciones de ampliación democrática. Ciertas políticas aparecen ante la opinión ciudadana como imbuidas de un sentido de justicia haciendo abstracción de cómo son adoptadas e implementadas por oposición a las rutinas institucionales que son percibidas como inerte preservación del status quo y que en razón de ello se hallan desacreditadas³².

El calificativo de “populista” se ha aplicado a estos regímenes al menos en un punto en que coincide con el uso del mismo en el pasado: promesas y decisiones de resultados inmediatos beneficiosos sin articulación con una política que les diese sustentabilidad futura. También la adopción de decisiones presidenciales que no adquieren el rango de ley y de ulterior reglamentación que inicie una ejecución factible hace que muchas innovaciones sean precarias. La ausencia de instituciones regu-

seff consiguió la reelección en una segunda vuelta reñida, con el 51,64 % de los votos contra el 48,36 % obtenido por el candidato opositor Aécio Neves, del Partido de la Social Democracia Brasileña (PSDB).

³² La baja estima ciudadana por los partidos políticos y el Congreso están consignadas en los estudios de opinión pública del Latinobarómetro.

latorias autónomas con participación de beneficiarios que monitoreen las políticas públicas, contribuyen a su provisoriedad y al arbitrio.

Lo relevante, ya sea que las iniciativas de políticas públicas provengan del gobierno o del Parlamento, es evaluar en qué medida unas tienen el largo plazo en perspectiva por haber sido debatidas y alcanzan un consenso posible, y otras —las que aluden a beneficiarios o afectados específicos— si las decisiones se instalan como derechos o como dádivas.

Por cierto, la deliberación implica una apropiación colectiva que reactiva los principios inherentes a la democracia, pero la búsqueda de un sustento amplio no implica que no haya “perdedores”, o en otras palabras, que se deshagan relaciones de dominación y se democraticen relaciones de autoridad, ni que se alcance un acuerdo total.

En consonancia con un rumbo que se pretende trascendente, de política extraordinaria, los gobiernos refundacionales han procurado instalar una bipolaridad de rasgo ideológico en términos de amigo/enemigo³³, que influyó mucho más allá de los involucrados en la política activa.

Oficialismos heterogéneos en sus ideas han mantenido su unidad movimientista por la enunciación y acción del líder/presidente³⁴.

La heterogeneidad ha sido variada y cambiante, pero el liderazgo de popularidad en tanto fue locomotora electoral, sumó a beneficiarios de sus políticas en todo el espectro social con foco en los excluidos, pero incluyendo también a funcionarios y a militantes convencidos, junto a los partícipes pragmáticos.

Un resorte de la configuración de los movimientos refundacionales ha sido instalarse como gobiernos de excepción, inscriptos en la reacción contra las políticas neoliberales de los años noventa propiciando una intervención reguladora y repara-

³³ La ideología polarizante suele ser un conjunto de enunciados de la cúspide del poder entrelazados con reformas en las políticas públicas y en las relaciones internacionales. Ella coexiste con una diversidad de sensibilidades ideológicas distintas enunciadas por grupos del conglomerado oficialista. Desde la perspectiva de C. Schmitt, la relación amigo/enemigo designa una “amenaza al modo de ser”, y la vaciedad genérica asignada a la distinción entre los unos y los otros hace que cualquier rivalidad pueda convertirse en rivalidad política, es decir antagónica, y ello es obra del soberano, que es tal porque designa eficientemente un enemigo y por ello da cohesión a la unidad del pueblo (el nosotros).

³⁴ El significante vacío al que se refiere Ernesto Laclau es aquel que, en la medida en que adquiere universalidad y pierde literalidad, es decir su adversatividad original parcial, se atenúa y deviene superficie de inscripción de antagonismos parciales convergentes. En una adaptación libre del concepto de Laclau se podría decir que el líder de popularidad devenido refundacional es depositario de una variedad de expectativas y demandas parciales sin un trámite coalicional específico. Pero debe tenerse en cuenta la acción instituyente del líder que se produce a distancia de los reclamos parciales, es decir que no se trata de una sumatoria de demandas —de un movimiento de abajo hacia arriba— sino de la producción de un sentido que absorbe y reformula las parcialidades.

dora del Estado³⁵; pero sosteniendo que alcanzar el gobierno no significaba contar con el poder económico y corporativo. De modo que procuraban capitalizar los variados descontentos y protestas “contrademocráticos” existentes en la sociedad. La designación de enemigos internacionales -el Imperio, ilustrado en la campaña de descolonización— y la identificación de los poderes nacionales fácticos incluyendo la clase política tradicional como sus agentes, los colocaba en la doble condición de gobernantes con los recursos de poder estatal, y a la vez aspiraban a ser líderes o depositarios de las demandas y descontentos sociales contra los “poderes verdaderos”. Así, la denuncia de complots y conspiraciones ha sido recurso cotidiano de la hiperactividad gubernamental³⁶.

Un rasgo de estos regímenes es que, habiendo asociado crecimiento económico e iniciativas políticas populares, han dominado por largos periodos las escenas políticas nacionales. Con mayorías electorales variables, pero manteniendo las oposiciones — de signos diversos — en dispersión, aunque con frecuencia la sumatoria de los votos de éstas hubiese prevalecido. Lo apuntado y la fluctuación del electorado se tradujo, a nivel de distritos regionales y ciudades, en la persistencia de Ejecutivos de diverso signo, a la vez que el liderazgo nacional podía dar una impronta decisiva que parecía investir a todo el país. Las oposiciones políticas subnacionales aparecían muy amenguadas a nivel nacional, pero fueron exitosas y dieron consistencia a la competencia cuando se ofreció la oportunidad también a nivel nacional de la movilización o el voto negativo.

Se hace visible que los ciudadanos contemporáneos, en contextos mínimamente democráticos, no son simplemente fluctuantes — que es un modo de apreciar la variación de identificaciones y voto — sino que adscriben y reformulan sus adscripciones según sensibilidades y lógicas que exceden la formalidad de identidades político-partidarias y de ofertas electorales. La particularidad de las preferencias e identificaciones se evidencia en el divorcio creciente entre un voto en la mayoría de los casos depositado teniendo en cuenta el candidato, y por otra parte la sigla partidaria que habilita legalmente la oferta electoral y que es aún depositaria de adhesiones “cautivas”.

Las organizaciones políticas son cada vez más tributarias de la visibilidad y popularidad de los líderes. Y la transferencia de popularidad es problemática. Pero el personalismo acarrea la dimensión idiosincrática; la sustitución de una persona

³⁵ Por cierto los más radicalizados anunciaban una sociedad postcapitalista. En el caso venezolano dieron algunos pasos en la institucionalidad política que iban en esa dirección. Pero en términos generales, como ya se afirmó, se trató de gobiernos de liberación, con políticas nacionalistas y distributivas.

³⁶ En algunos casos, la conspiración ha sido real y efectiva como el frustrado golpe de Estado en Venezuela, que luego otorgó un matiz de epopeya a toda la acción del gobierno de Hugo Chávez. En particular con el gobierno de Nicolás Maduro, en cambio, la invocación de los enemigos procuró desviar la atención del modo de gobernar y la terrible crisis económica con caída de la producción y desabastecimiento con hambruna.

por otra implica cambios significativos en el modo de actuar. El rumbo político está cada vez menos derivado de un programa explícito y cada individuo tienen un estilo y una figura pública más o menos cautivante y como candidato acarrea una red virtual o real de identificaciones.

Esto es tanto más relevante cuanto que los gobiernos refundacionales llevan adelante políticas con un alto componente de decisiones que se derivan de la apreciación de las conveniencias circunstanciales o de compromisos más que de la consistencia de un principio general o una doctrina.

La nueva puesta en escena promovida por los gobiernos refundacionales ha constituido o más bien acompañado una revolución comunicacional en la cual procuran inscribirse. Tres ámbitos se distinguen: el que gira en torno a la figura del presidente/líder, el de la movilización territorial ciudadana y popular, y el del espacio público digital (redes sociales, blogs, telefonía celular, etc.).

Los liderazgos de popularidad a los que nos referimos son disímiles y en cada uno de ellos el vínculo comunicacional promovido ha sido diferente. Sin embargo, el líder enunciador ha sido el epicentro de diferentes escenas comunicacionales muy diferentes a la de los líderes populistas del pasado. La concentración multitudinaria en la plaza principal ha sido en el pasado un recurso que escenificaba la relación líder/masa. Una unidad casi orgánica en que el cuerpo del pueblo apenas diferenciado en sus componentes laborales/funcionales era “hablado” por el jefe carismático. El murmullo o la aclamación de la audiencia/masa acompañaba. Esta escena territorial, sin embargo, ha pasado a un segundo plano, o más bien ha sido capturada e incluida, dándose preferencia a los medios audiovisuales -sobre todo la TV e Internet-, en vistas a una audiencia más diversa y, aunque vinculada emocionalmente, con frecuencia instalada en su diferencia³⁷.

La escena comunicacional contemporánea característica es la de un liderazgo que procura doblegar a un espacio multifacético y en principio incontrolable. Como ya se mencionó previamente, las alocuciones presidenciales semanales o aún de mayor frecuencia y en algunos casos de transmisión obligatoria para todos los medios de comunicación responden al propósito de enunciar una verdad fáctica que según los líderes refundacionales la comunicación corriente distorsionaba o ocultaba.

Pero la figura presidencial ha sido también el componente principal de una puesta en escena que incluye estrategias de proximidad variadas -reuniones de gabinete rotando el territorio, ceremonias tradicionales como los homenajes a la Pachamama, la transgresión de la seguridad a veces de un modo desafiante por parte de Néstor Kirchner y Rafael Correa, y el decisionismo exhibido en ocasión de anuncios

³⁷ Quizás las convocatorias de Hugo Chávez en sus tiempos de esplendor se asimilaban a las del populismo del pasado. El propio líder venezolano hacía gala de una identificación con Perón en una intensidad que no tenía equivalente en el kirchnerismo.

en público sin preaviso -expropiaciones, subsidios, etc.-, todo lo cual otorgaba una figuración de geometría distinta de los liderazgos populistas del pasado.

El Congreso, ámbito tradicional de la deliberación representativa ha sido marginalizado -aunque no puede ser completamente ignorado especialmente cuando no se cuenta con mayorías oficialistas— lo que a veces acarrea reacciones pues ya está desconsiderado ante los ciudadanos, específicamente porque es visto como el escenario de la negociación política, término que suele aludir a tratos espurios o a transacciones pragmáticas, y un modo de estar del lado del pueblo para los refundacionales es postularse como renovadores en el sentido de ajenos a las transacciones entre facciones de la clase política.

Con los gobiernos refundacionales se ha acentuado la actividad pública característica de la democracia continua en la que las elecciones son el acto que consagra gobernantes, pero la política no concluye ni se apacigua por fuera de las campañas electorales y el propio acto electoral³⁸.

Los actores principales del espacio público político son los medios de comunicación y las redes y otros sitios de la sociabilidad digital, pero también cuentan las instituciones que pesan en la convalidación de las leyes y en el impacto de sus decisiones en el espacio público, la Justicia Federal, y las Cortes Supremas en particular³⁹: éstos han sido en la región los representantes no electorales más significativos, aunque no los únicos.

La alta magistratura y la Constitución-y en particular aquella que fue elaborada en los inicios de la refundación-pueden ser obstáculos para el poder presidencial que implícita o explícitamente invoca la superioridad de la voluntad popular por sobre las leyes. En esas circunstancias, el líder refundacional puede impulsar una suerte de “democracia inmediata” que se prevale ya sea de una mayoría electoral o aún de un “pueblo en acto”.

Pero, pese a la vocación de capitalizar la propensión contrademocrática de los ciudadanos contemporáneos, es decir su desconfianza hacia el poder, esos gobiernos preservan una pretensión vanguardista que les hace reivindicar su condición de encarnación del pueblo aun contra los pronunciamientos mayoritarios o bien denunciar como conspirativas las protestas y movilizaciones políticas adversas o aun independientes.

³⁸ La multitud de la concentración territorial suele ser un componente de las alocuciones del líder/presidente en una escena transmitida en vivo y retransmitida por la televisión y por los circuitos digitales de Internet.

³⁹ En la mayoría de los casos, los gobiernos refundacionales han logrado cooptar la Magistratura, pero allí donde ello no sucedió los jueces se convirtieron junto con la “espontaneidad ciudadana” en protagonistas principales del freno cuando no de la oposición a los poderes expansivos. Por cierto, la Magistratura puede por su independencia funcional ser un obstáculo al poder político concentrado, pero puede también ser tributaria o influida por los poderes fácticos cuestionados tanto por los refundacionales como por la oposición democrática.

Necesitan de la legitimación electoral, pero también la resisten o procuran evacuarla con el uso arbitrario de los recursos del Estado.

Bibliografía

1. Arendt, Hannah, *Qu'est-ce que la politique? Texte établi et commenté par Ursula Ludz*, Paris, Éditions du Seuil, 1995.
2. Avritzer, Leonardo, *Impasses de democracia no Brasil*, Río de Janeiro, Ed. Civilização Brasileira, 2016.
3. Avritzer, Leonardo, *“Eleições, radicalização política e revolta social: uma análise do Brasil entre as eleições de 2014 e os panelaços de 2015*, 2016.
4. Cardon, Dominique y Granjon, Fabien, *Mediactivistes*, Paris, Les Presses Science Po, 2010.
5. Casal, Bértoa y Sherlis, Gerardo, *Partidos, sistemas de partidos y democracia: la obra esencial de Peter Mair*, Ciudad Autónoma de Buenos Aires, Ed. Eudeba, 2015.
6. Cheresky, Isidoro comp., *Elecciones presidenciales y giro político en América Latina*, Buenos Aires, Ed. Manantial, 2007.
7. Cuvi, Juan y Muñoz, Francisco, “Análisis político del proceso electoral del 23-F”, en *La línea de fuego*, 7 de abril de 2014.
8. Damill, Mario y Frenkel, Roberto (2011), “Macroeconomic policies and performances in Latin America 1990-2010”, Buenos Aires, Cedes.
9. De la Torre Espinosa, Carlos, *De Velasco a Correa*, Universidad Andina Simón Bolívar sede Ecuador, Corporación Editora Nacional, 2015.
10. Dubet, François, *La Préférence pour l'inégalité. Comprendre la crise des solidarités*, Paris, La république des idées, Seuil, 2014.
11. Fernando L. García Yapur, “Elecciones subnacionales: ‘hegemonía incompleta’ y nuevo pluralismo”, *documento de discusión para FES-Bolivia*, inédito.
12. Garretón, Manuel Antonio, *Las ciencias sociales en la trama de Chile y América Latina*, Universidad de Chile, Santiago de Chile, 2014.
13. Gervasoni, Carlos y Peruzzotti, Enrique; comps., *¿Década ganada?*, Buenos Aires, Ed. Debate, 2015
14. Gonçalves Couto, Claudio, “2014 e o futuro do PT: Novas Eleições Críticas?”, en *Interesse Nacional*, Año 7, N° 28, enero-marzo de 2015.
15. González, David, *El Estado descomunal. Conversaciones con Margarita López Maya*, Caracas, Editorial El Nacional, 2010.
16. Habermas, Jürgen, *Teoría de la acción comunicativa*, Madrid, Cátedra, 1994.
17. Kessler, Gabriel, *Controversias sobre la desigualdad: Argentina 2003-2013*, Ciudad Autónoma de Buenos Aires, Fondo de Cultura Económica, 2014.
18. Mair, Peter, *Party system change*, Oxford, Oxford University Press, 1997.
19. Mayorga, Fernando, *Democracia participativa en Bolivia: análisis del Referendo Constitucional 2016*, 2016.
20. Mayorga, Fernando, *Incertidumbres tácticas. Ensayos sobre democracia, populismo y ciudadanía*, La Paz, Plural Editores, 2014.

21. Mayorga, Fernando, “*Efectos políticos de las elecciones subnacionales*”, 12 de abril 2015, inédito, 2015.
22. Plot, Martín... (et.al); *Estética, política, dialéctica. El debate contemporáneo, compilado* por Martín Plot, Emiliano Gambarotta y Tomás Borovinsky, Ciudad Autónoma de Buenos Aires, Prometeo Libros.
23. Rosanvallon, Pierre, *Le peuple introuvable*, Paris, Gallimard, 1998.
24. Rosanvallon, Pierre, *La contredemocratie*, Paris, Seuil, 2006.
25. Rosanvallon, Pierre, *La legitimidad democrática. Imparcialidad, reflexividad, proximidad*, Buenos Aires, Manantial, 2009.
26. Rousseau, Dominique, *La démocratie continue*, Paris, Bruilant, 1995.

Crisis de representación y crisis de gobernabilidad en un régimen electoral-autoritario: el caso de México

Crisis of representation and crisis of governance in an electoral-authoritarian regime: the case of Mexico

Resumen: México vive una profunda crisis política. Por un lado, se experimenta un déficit de representación de los sectores populares y no sólo una crisis de representación. Por otra parte, hay una crisis de legitimidad del orden político debido a la incapacidad del Estado mexicano para resolver la grave crisis de inseguridad y las violaciones masivas a los derechos humanos. Además, la ciudadanía no tolera más la corrupción generalizada ni la impunidad que se han otorgado a sí mismos los políticos. En este contexto, las elecciones de 2018 pueden ser un parteaguas en la historia política mexicana.

Mexico is experiencing a profound political crisis. On the one hand, there is a deficit of representation of the popular sectors, not only a crisis of representation. On the other, there is a crisis of legitimation due to the incapacity of the Mexican State to attend the crisis of insecurity and the massive violations of human rights. Moreover, the citizenry do not tolerate anymore the generalized corruption nor the impunity politicians grant themselves. The coming presidential elections of 2018 could become, in this scenario, a watershed in the Mexican political history.

Palabras clave: México; régimen político; gobernabilidad; autoritarismo; desigualdad; ilegalidad; derechos humanos; violencia; democracia; conservadurismo; sociedad civil.

Abstract: Mexico is going through a deep political crisis. On the one hand, there is a deficit of representation of the popular sectors and not just a crisis of representation. On the other hand, there is a crisis of legitimacy of the political order due to the inability of the Mexican State to resolve the serious crisis of insecurity and the massive violations of human rights. In addition, citizens no longer tolerate the widespread corruption or impunity that politicians have accorded themselves. In this context, the elections of 2018 can be a watershed in Mexican political history.

Mexico is experiencing a profound political crisis. On the one hand, there is a deficit of representation of the popular sectors, not only a crisis of representation. On the other, there is a crisis of legitimation due to the incapacity of the Mexican State to attend the crisis of insecurity and the massive violations of human rights. Moreover, the citizenry does not tolerate anymore the generalized corruption nor the impunity politicians grant themselves. The coming presidential elections of 2018 could become, in this scenario, watershed in the Mexican political history.

¹ México. Investigador Titular, Instituto de Investigaciones Histórico-Sociales, Universidad Veracruzana Miembro de la Academia Mexicana de Ciencias

Key words: Mexico; political regime; governance; authoritarianism; inequality; illegality; human rights; violence; democracy; conservatism; civil society.

Introducción

En septiembre de 2017, México sufrió las consecuencias de dos terremotos y dos huracanes que azotaron las regiones más pobres del país y la capital nacional. Las reacciones del gobierno y de los ciudadanos ante los desastres mostraron al mundo las mejores y las peores caras de México. Por un lado, la solidaridad de los ciudadanos comunes, que ayudaron masivamente a las víctimas; por el otro, un gobierno ineficiente, en el que el pueblo no confía y cuya respuesta a la emergencia ha sido lenta y opaca. Lo que es menos visible, pero más importante, es que México enfrenta desastres permanentes que son mucho más costosos tanto en términos económicos como humanos. En primer lugar, una profunda desigualdad económica, política y cultural que, en la práctica, convierte los derechos de los ciudadanos en una mera ficción; la inexistencia del Estado de derecho, demostrado no solo por la violencia extrema y la corrupción generalizada que asuela al país, sino también por la impunidad casi total de todo tipo de delincuentes; y por último, pero no menos importante, una democracia capturada por partidos políticos que han cortado sus raíces en la sociedad.

Veamos en primer lugar la crisis de los derechos humanos. Desde 2006, la violencia criminal aumentó exponencialmente en México. En el gobierno del presidente Felipe Calderón (2006 a 2012), más de 100.000 personas fueron asesinadas y al menos 20.000 más fueron “desaparecidas” por la fuerza, es decir, desaparecieron sin dejar rastro debido a acciones criminales o de las fuerzas del orden. En 5 años de gobierno del actual presidente Enrique Peña Nieto, al menos 95,000 personas han sido asesinadas y 15,000 más han “desaparecido” (Open Society Justice Initiative, 2016).

Esas cifras solo se encuentran en situaciones de guerra civil. De hecho, Andreas Schedler², un politólogo mexicano, caracteriza la situación del país como una “guerra civil económica”. La guerra comenzó como una disputa sobre las rutas del contrabando de drogas y luego se convirtió en una guerra por el territorio y el control de los mercados criminales locales. La incapacidad del Estado para reprimir a las bandas criminales es la consecuencia inesperada del colapso progresivo del antiguo régimen y de la fragmentación del poder que conllevó el proceso de democratización.

Ciertamente, la “guerra civil” es en primer lugar una consecuencia de la plena integración de México en el mercado de drogas de América del Norte, en el cual

² Schedler, A., *En la Niebla de la Guerra*, México, CIDE, 2015.

México cumple la función de proveedor de drogas y en los Estados Unidos el del consumidor masivo.

La violencia generalizada no es el único problema importante. El régimen ya no puede ocultar la corrupción estructural que alimenta tanto la política electoral como el desarrollo del “capitalismo de compadres” a gran escala. Tanto la violencia criminal como la corrupción masiva son resistidas por los movimientos sociales y por una esfera pública cada vez más crítica. La movilización de una nueva sociedad civil ha obligado al régimen a castigar selectivamente a ciertos gobernadores que llevaron la corrupción a niveles escandalosos. Pero la clase política en su conjunto se resiste a la creación de instituciones para luchar contra la corrupción y ha ralentizado la reforma del sistema de justicia.

¿Cómo es que nos metimos en este lío? Una explicación, incluso breve, requiere algunos antecedentes históricos. Para empezar, recordemos que el régimen autoritario que gobernó México durante la mayor parte del siglo XX fue el más duradero de la historia de América Latina. Duró casi 80 años, desde la consolidación del régimen que surgió de la Revolución Mexicana (alrededor de 1928) hasta el año 2000, cuando un presidente de un partido de la oposición fue elegido por primera vez. Esto significa que México experimentó una transición muy tardía a la democracia, y una bastante conservadora, porque el partido autoritario retuvo el poder de veto y el control de la política territorial. Es por eso que, después de solo 12 años, el PRI volvió a ganar la presidencia y tiene la intención de restaurar el antiguo régimen.

En México, la transición a la democracia, entendida como el fin de un régimen autoritario y el comienzo de una democracia, se completó en el año 2000 con la derrota del PRI en las elecciones presidenciales. Dado que en los últimos diecisiete años las elecciones han sido “el único juego en la ciudad”, es correcto decir que la democracia, en términos minimalistas, se ha consolidado en México³.

Sin embargo, una imagen diferente emerge desde el punto de vista de la ciudadanía y la innovación democrática. La democracia no ha cambiado los patrones de relaciones entre el Estado y la sociedad, ni los marcos legales e institucionales de tales relaciones. Una asombrosa continuidad de las prácticas clientelistas, el particularismo, el corporativismo, la corrupción generalizada, la colonización política de instituciones formalmente autónomas y la desinstitucionalización y la cartelización de los partidos políticos caracterizan la democracia lograda recientemente. Debe explicarse el fracaso de la democracia para transformar las estructuras profundas y la cultura política del antiguo régimen.

³ Linz. J. y A. Stepan, *Problems of Democratic Transition and Consolidation*, Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1966.

Fundamentos y crisis del régimen autoritario mexicano

Para ello, es necesario abordar los fundamentos políticos del antiguo régimen. El secreto de la estabilidad política del régimen de un solo partido era el pacto interno de la élite política basado en el principio de la no reelección. Cada seis años un nuevo presidente de la República, nuevos gobernadores, alcaldes, diputados y senadores locales y federales fueron “elegidos”. Las elecciones fueron una simulación gigantesca, dado que no había partidos de oposición competitivos, por lo que el sistema dependía de la disciplina interna de arriba hacia abajo de la elite, es decir, la obediencia al presidente. La combinación de elecciones simuladas y un sistema de partido único implicó una ruptura estructural entre legitimidad y legalidad.

Este fuerte presidencialismo significó que todo el orden político establecido en la constitución fue completamente pasado por alto. No hubo un verdadero federalismo, ya que el presidente nombró a los gobernadores; no hubo división de poderes, ya que el presidente controlaba el congreso y el poder judicial no tenía autonomía política. No había ciudadanos, ya que los derechos políticos, sociales e incluso civiles eran inexistentes o políticamente otorgados a clientes y corporaciones específicos.

El régimen autoritario creó un estado débil, cuyas instituciones operaron de manera informal y no tenían burocracia profesional. Los principales puestos fueron ocupados por políticos cuyo principal mérito fue su obediencia al presidente. Este Estado fue fuerte en un solo sentido: su capacidad para controlar políticamente el país.

En el lado social, la estabilidad política estaba anclada en un sistema corporativista de representación de intereses populares, copiado del corporativismo fascista. El control centralizado de los sindicatos, las organizaciones campesinas y las asociaciones de colonos urbanos permitió la inclusión política de los sectores populares y, al mismo tiempo, su subordinación política dentro del partido único. Sin embargo, el sistema corporativista de representación dejó de lado tanto a las personas desorganizadas como a quienes se resistieron a la integración corporativa, especialmente los pueblos indígenas, los campesinos sin tierra, los pobres urbanos e incluso los sectores de las clases medias. Las personas excluidas fueron controladas mediante una combinación de clientelismo y violencia directa. De hecho, los excluidos siempre fueron más que los incluidos. La salud pública, la educación y los servicios urbanos se asignaron a la minoría organizada, que a cambio apoyó activamente al régimen. El modelo corporativista profundizó las desigualdades ya existentes.

Este régimen, caracterizado por el Premio Nobel Mario Vargas Llosa como una “dictadura perfecta”, funcionó con razonable eficacia hasta la década de 1980, cuando una terrible crisis económica provocó un endeudamiento público masivo y finalmente la imposición de planes de ajuste económico por parte del Fondo Monetario Internacional. El proyecto de desarrollo estatista y la promesa de soberanía

nacional en asuntos económicos llegaron a su fin. El giro al neoliberalismo había comenzado. Mientras tanto, el sistema corporativista ya no era capaz de procesar la inclusión política de los nuevos actores sociales que surgieron a lo largo del proceso de modernización y urbanización del país: las clases medias urbanas, los empresarios de la provincia, los nuevos pobladores urbanos que invadieron las ciudades. La crisis económica de los años ochenta rompió la legitimidad sustantiva del régimen, que dependía de su capacidad distributiva. Al mismo tiempo, la incapacidad del régimen para dar representación política a los nuevos actores creó un problema de legitimidad política.

A lo largo de los años setenta y ochenta, hubo movimientos de protesta en todo el país. La profundidad de esta rebelión se hizo evidente en las elecciones presidenciales de 1988, cuando un gran fraude electoral permitió al PRI mantener la presidencia de la república. Cuauhtémoc Cárdenas, hijo del fundador del régimen nacionalista, el ex presidente Lázaro Cárdenas, rompió con el PRI y lanzó su propia campaña, y todo indica que en realidad él ganó las elecciones.

Dos partidos nacionales de oposición comenzaron a competir en las elecciones posteriores: el Partido de la Revolución Democrática, en el que convergieron todos los sectores de la izquierda y los nacionalistas liderados por Cárdenas (1989); y el Partido Acción Nacional, creado en 1939 por los sectores conservadores del centro y norte del país, estrechamente vinculado a la Iglesia Católica. El PAN fue durante décadas una oposición testimonial, pero la llegada de empresarios y clases medias que buscaban una alternativa al PRI condujo a la relativa modernización del partido. Poco a poco, ambos partidos nuevos ganaron elecciones municipales y estatales a lo largo de la década de los noventa.

El giro hacia el neoliberalismo que los presidentes del PRI Carlos Salinas (1988-1994) y Ernesto Zedillo (1994-2000) impulsaron decididamente, y que tuvo como eje la firma de un Tratado de Libre Comercio con Canadá y Estados Unidos (1994), condujo a profundos cambios económicos, sociales y políticos. El giro neoliberal profundizó la crisis de legitimación de un régimen cuyo proyecto histórico era nacionalista, antiliberal y anclado en la promesa de una justicia social sustantiva. Para lidiar con la resistencia popular masiva, el régimen abrió un proceso de liberalización, que permitió, por primera vez desde la Revolución, el surgimiento de un sistema de partidos, por lo que la política electoral apareció como un medio potencial para el cambio de régimen.

Simultáneamente, la movilización popular condujo a la creación de una nueva sociedad civil, compuesta por movimientos regionales prodemocráticos, movimientos de campesinos radicalizados y de habitantes urbanos, movimientos estudiantiles, nuevas asociaciones empresariales y un movimiento indígena grande y mundialmente conocido (los zapatistas). Los nuevos medios ayudaron a crear una esfera pública crítica.

La transición mexicana a la democracia

La transición de México a la democracia fue un proceso prolongado de constantes reformas electorales, y caracterizado por conflictos postelectorales (a menudo violentos), la mayoría de ellos en el período 1986-1996. El punto de inflexión del proceso, la reforma electoral de 1996, fue el resultado del temor del régimen a la radicalización política de los sectores populares, desesperados a la luz de los terribles efectos de la crisis económica de 1995 y esperanzados por el recientemente surgido Ejército Zapatista de Liberación Nacional (EZLN). Tratando de canalizar el descontento popular hacia el campo electoral, el presidente Ernesto Zedillo (1994-2000) acordó levantar el control del gobierno sobre las instituciones electorales y otorgar financiamiento público a los partidos políticos para nivelar el terreno para la competencia política.

La transición a la democracia en el contexto de un sistema tripartito creó un escenario peculiar. El partido autoritario, el PRI, se situó en el centro del espectro político, mientras que la oposición se dividió en un partido de derecha y un partido de izquierda, ninguno de los cuales podría convertirse en una mayoría parlamentaria. Las dos partes no pudieron pactar una salida al viejo régimen. Así, la democracia electoral heredó la constitución, las instituciones y las prácticas del antiguo régimen. Peor aún, el PRI mantuvo el poder de veto sobre las enmiendas constitucionales y el control de la política territorial al mantener la mayoría de las gobernaciones de los estados de la república.

El PAN ganó dos elecciones presidenciales sucesivas entre 2000 y 2012 con solo un tercio de los votos. Paradójicamente, el PRI neoliberal se convirtió en el aliado necesario de la derecha neoliberal, mientras que el partido izquierdista se vio reducido a gobernar la ciudad de México y algunos estados pequeños, sin lograr la presencia nacional necesaria para ganar las elecciones presidenciales. La supervivencia del PRI como la pieza central de la arena electoral explica la naturaleza conservadora de la transición.

Las elecciones presidenciales de 2006 fueron de suma importancia en la historia política reciente del país. Andrés Manuel López Obrador, ex Jefe de Gobierno (gobernador) de la Ciudad de México, y candidato del PRD, tenía una enorme ventaja en las encuestas un mes antes de las elecciones. Pero cometió numerosos errores. Fue especialmente grave su incapacidad para hacer alianzas con los movimientos sociales, los zapatistas y la facción cardenista de su partido. Este exceso de confianza le costó cientos de miles de votos. Por otro lado, varios gobernadores del PRI decidieron no apoyar a su propio candidato, a quien le fue muy mal en las encuestas, y en su lugar orientaron el voto de sus clientelas al candidato del PAN, Felipe Calderón, todo para evitar el triunfo de López Obrador. Calderón ganó por medio punto, pero López Obrador consideró su derrota como un fraude electoral masivo. Él y el PRD

protagonizaron una prolongada protesta en la Ciudad de México, y López Obrador se autoproclamó “Presidente legítimo de la República”. Sin embargo, el Tribunal Federal Electoral ratificó la victoria de Calderón y la resistencia popular contra el “fraude” disminuyó poco a poco. El mismo año, al mismo tiempo, dos movimientos populares importantes, la “Comuna de Oaxaca” y la resistencia heroica de la gente de un pueblo llamado Atenco contra la construcción de un aeropuerto, fueron derrotados por el gobierno por medio de una represión relativamente suave. Entonces, tanto la izquierda social como la izquierda política sufrieron derrotas estratégicas en 2006⁴ (Olvera, 2007).

Durante este período, la columna vertebral del poder del PRI, su control sobre la clase trabajadora y las corporaciones campesinas, sobrevivió a la competencia electoral. El ámbito de la sociedad civil popular no se democratizó. El PRI recurrió a su control sobre los sindicatos como un medio para detener cualquier reforma que pudiera poner en peligro las políticas públicas, las estructuras burocráticas y las prácticas informales que mantenían vivo el clientelismo, el particularismo y la toma de decisiones discrecionales desde el Estado.

Ahora bien, el nuevo presidencialismo democrático, a diferencia del anterior, era muy débil como consecuencia de la nueva correlación de fuerzas. El presidente ya no controlaba a los gobernadores, ni al parlamento, ni siquiera a las enormes empresas estatales, PEMEX y CFE, cuyos poderosos sindicatos paralizaron las reformas que tanto necesitaban. El empoderamiento de la rama legislativa en ausencia de un partido mayoritario, significó que el PRI conservó la última capacidad para decidir todo, desde la asignación del presupuesto hasta la designación de funcionarios públicos. Los gobernadores aumentaron su cuota de poder y surgió el un verdadero sistema federal. Pero este fue un federalismo conservador y autoritario. De hecho, la mayoría de los gobernadores eran miembros del PRI y, a diferencia del presidente, no tenían controles legislativos.

Los gobernadores del PRI pudieron comprar a los diputados locales de la oposición y controlar las “instituciones autónomas”. Los poderes judiciales locales nunca alcanzaron la autonomía política. Además, los gobernadores presionaron por la descentralización del gasto público y al hacerlo aumentaron su participación en el poder. La combinación de regímenes autoritarios locales y un gobierno democrático federal creó nuevos límites para la profundización de la democracia⁵.

El instituto electoral, el instituto de transparencia y varios consejos sectoriales fueron las únicas innovaciones democráticas en la primera década de la democracia

⁴ Olvera, A. J., “Resistencia política y sociedad civil: El PRD, López Obrador y los límites programáticos y políticos de la izquierda mexicana.”, en: Vega, G. (editor) *México ante los retos del futuro*, México: COL-MEX, 2007.

⁵ Olvera, A. J., “Causas y consecuencias de la crisis en Veracruz”, en: *La Palabra y el Hombre, Revista de la Universidad Veracruzana*, Nueva Época, Num. 39, Enero-Marzo de 2017, pp. 35-42

electoral. Estas instituciones, apoyadas activamente por los actores de la sociedad civil, tuvieron unos años de autonomía, pero muy pronto la perdieron. Los partidos políticos usaron su poder para designar a sus funcionarios en el Congreso como medio de controlarlos. Los actores de la sociedad civil carecían de poder político para evitar la colonización política de todas las instituciones que se suponía debían facilitar una nueva relación democrática entre el Estado y la sociedad.

El nuevo régimen político se puede caracterizar como un sistema electoral competitivo autoritario (en la versión de Levitsky y Way⁶, o en la de Schedler⁷). Toda la lógica de la política está subordinada a las necesidades de la competencia electoral. Los actores políticos intentan minimizar la incertidumbre de los procesos electorales utilizando los recursos de las áreas de gobierno que controlan para obtener ilegalmente mejores oportunidades de ganar competencias electorales. Evidentemente, esta estrategia implica corrupción ilimitada, pactos entre los partidos políticos y todo tipo de poderes de facto, incluido el crimen organizado, y la violación de las leyes electorales. Otra consecuencia de este tipo de régimen es que los partidos políticos necesitan gestionar la política territorial no solo para preservar el control de los gobiernos locales, sino también para intervenir ventajosamente en la política nacional.

Los gobiernos subnacionales se pueden caracterizar en este escenario como democracias delegativas⁸. El autoritarismo subnacional, que coexiste con una democracia federal débil⁹ se ve facilitado por la falta de institucionalización de los partidos políticos a escala local. La debilidad estructural de los partidos políticos locales ha facilitado tanto un mercado de votos en los congresos locales como la ausencia de rendición de cuentas horizontal. Así, la corrupción se desarrolla libremente. Peor aún, las capacidades básicas del Estado, a saber, la represión, el control político y la implementación de políticas públicas, que ya eran históricamente débiles, se han debilitado aún más.

La democracia electoral creó un frágil régimen democrático, pero el Estado siguió siendo el mismo: un Estado fragmentado, débil, corporativista y particularista. La democracia condujo a la pluralización política del clientelismo y la corrupción, no a un cambio en las prácticas gubernamentales.

Como se mencionó anteriormente, en 2012 el PRI recuperó la presidencia, pero lo hizo por medios que violaron flagrantemente las leyes electorales tan difí-

⁶ Levitsky, S. y L. Way, "Elections without democracy: The Rise of Competitive Authoritarianism", en: *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, Num. 2 pp. 51-65.

⁷ Schedler, A., *La política de la incertidumbre en los regímenes electorales autoritarios*. México, FCE, 2016.

⁸ O'Donnell, G., *Democracia, agencia y estado. Teoría con intención comparativa*. Buenos Aires, Prometeo, 2010.

⁹ Gibson, E. L., *Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Federal Democracies* Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

cilmente negociadas en los quince años anteriores. Los gastos de campaña del PRI superaron los límites legales varias veces; los gobiernos estatales del PRI actuaron abiertamente como agentes electorales, y los mismos gobernadores organizaron la compra masiva de votos. El regreso de las viejas prácticas de fraude electoral constituyó una restauración autoritaria parcial.

El PRI ganó las elecciones debido a la manipulación electoral, pero también por el rechazo masivo al PAN y la baja credibilidad de López Obrador. Sin embargo, el PRI no pudo obtener la mayoría en el parlamento. Un movimiento estudiantil, llamado *#YoSoy132*, fue decisivo para evitar el control total del Congreso por parte del PRI.

El nuevo presidente, Enrique Peña Nieto, propuso un ambicioso programa de reformas legales para completar el ciclo neoliberal, ofreciendo a cambio garantías a la oposición de que el fraude parcial de 2012 no se repetiría. Así, los líderes del PRI, el PAN y el PRD, aprobaron el Pacto por México, un conjunto de 95 reformas, que incluyen la privatización de las industrias petrolera y eléctrica, más poder y recursos para las instituciones de transparencia, una reforma tributaria, la federalización de las elecciones locales para privar a los gobernadores de la capacidad de controlar los procesos electorales locales, la creación de una agencia anticorrupción y, finalmente, la plena implementación de la reforma del sistema de justicia.

López Obrador rechazó el pacto y creó un nuevo partido político, el Movimiento de Regeneración Nacional (MORENA), rompiendo el frente de izquierda. Morena se convirtió en el partido personal de López Obrador, que en solo tres años se ha convertido en un partido nacional con representación parlamentaria.

Las industrias del petróleo y la electricidad fueron de hecho privatizadas, pero las reformas democráticas fracasaron. La reforma del sistema de justicia ha sido una simulación gigantesca, ya que tanto el gobierno federal como los estatales decidieron no invertir en la profesionalización real de las fuerzas policiales, los fiscales y los jueces. La autonomía institucional y política fue denegada al sistema de justicia. De hecho, la clase política nunca quiso un sistema de justicia operacional, porque podría castigar los actos ilegales de los propios gobernantes.

Todo el proceso de democratización ha sido paradójico. Desde el comienzo de la transición a la democracia (1997-), las reformas en el campo electoral han coincidido con la transformación neoliberal y la crisis de seguridad y justicia. Tales condiciones fueron muy desfavorables para una democratización profunda.

La crisis de seguridad y justicia se caracteriza por la impunidad más completa tanto de los funcionarios estatales como de los criminales. La Comisión Interamericana de Derechos Humanos informa que en México, de los 100 crímenes cometidos, solo 22 son denunciados a las autoridades, de los cuales solo 3.3 son investigados. De estos, menos de la mitad son castigados por un juez. En resumen, solo el 1,6 % del número total de delitos se castiga.

En términos de ejecuciones extrajudiciales, también hay un 98 % de impunidad. Especialmente intolerables son los casos internacionalmente conocidos de Tlatlaya (asesinato de 9 delincuentes por parte de las fuerzas armadas), Ayotzinapa (43 estudiantes “desaparecidos” por la policía local), San Fernando (193 migrantes centroamericanos asesinados por el crimen organizado en dos episodios), Apatzingán (6 personas ejecutadas por la policía federal) y Tanhuato (42 presuntos delincuentes asesinados por la policía federal). Todos estos casos ocurrieron en 2014. Según datos oficiales, ninguna persona había sido condenada por el delito de “desaparición forzada” de personas. La Comisión Interamericana también destaca la práctica generalizada de la tortura: en abril de 2015, hubo 2415 informes de tortura, pero solo 15 condenas. El informe también recuerda que México es el país más peligroso para los periodistas y que los defensores de los derechos humanos son constantemente hostigados¹⁰.

El país no tiene instituciones para luchar contra la corrupción. Los mecanismos de responsabilidad horizontal no funcionan porque el parlamento está tan plagado de corrupción que no ejerce ningún control sobre el ejecutivo. La única institución parlamentaria profesional y relativamente autónoma que trabaja en esta área, la Auditoría Superior de la Federación, ha presentado durante los últimos seis años un total de 656 denuncias penales, de las cuales sólo 19 han finalizado en los tribunales. El resto está atrapado en la oficina del fiscal nacional (Procuraduría General de la República), que depende del presidente.

Desde la transición muchas leyes que protegen los derechos han sido aprobadas y las instituciones han sido creadas para hacer que las nuevas leyes funcionen. Pero el régimen ha logrado hacer que las instituciones sean disfuncionales o inútiles. Al hacerlo, el régimen ha profundizado las incapacidades históricas del Estado mexicano. Hay una crisis de estatalidad democrática¹¹, porque las leyes y las instituciones que exige un Estado moderno ya existen, pero son ficticias, una mera simulación y, en términos democráticos, un fracaso del Estado.

No es de extrañar que el PRI esté pagando un precio por el desastre. Las elecciones locales de 2016 y 2017 fueron duramente disputadas y condujeron a un enfrentamiento entre los antiguos aliados: PRI, PAN y PRD. El PRI perdió siete gobernaciones, cinco de las cuales habían estado en manos de PRI desde 1920. Además, ha habido un estallido de terribles escándalos de corrupción desde 2016. Como consecuencia, el pacto de tolerancia mutua entre los principales partidos políticos ha

¹⁰ Olvera, A.J. “Legitimidad en el movimiento de derechos humanos: Trayectoria histórica y retos del presente”, en: Guillén, D, y A. Monsiváis (coords.). *La Legitimidad como Desafío Democrático*. México, Instituto Mora, 2016.

¹¹ Netl, J.P. (1968), “The estate as a conceptual variable”, *World Politics*, 1968, 20 (4): 559-592; Skocpol, T. (1979): *States and Social Revolutions: A comparative analysis of France, Russia and China*, Cambridge, Cambridge University Press, 1979.

llegado a su fin , y una crisis de legitimidad ahora se está desarrollando en plenitud. Esta crisis no solo significa la pérdida de efectividad del sistema electoral-competitivo para producir resultados reconocidos como válidos por la mayoría de los ciudadanos, sino una pérdida casi total de confianza en el gobierno. La legitimidad de los funcionarios electos se cuestiona en cada tema contencioso y en cualquier momento crítico. Por ejemplo, los ciudadanos y los actores de la sociedad civil organizada no confían en los gobiernos federales o locales como administradores de los esfuerzos de ayuda para las víctimas de terremotos recientes. La solidaridad horizontal a nivel de la sociedad civil se canaliza directamente a las víctimas a través de nuevas redes sociales.

Existe otro tipo de crisis de legitimidad: la incapacidad de los sindicatos y la mayoría de las organizaciones corporativas sectoriales o de clase para representar los intereses de sus bases. Las viejas formas de distribución de beneficios de la corporación a la base han colapsado dada la necesidad de modernizar la educación, la salud y los servicios básicos, hasta ahora increíblemente ineficientes. En la mayoría de las instituciones de la administración pública, y en las empresas públicas, los trabajadores titulares podían heredar sus trabajos a sus hijos o venderlos, como si los puestos de trabajo fueran propiedad privada. Obviamente, la prohibición (aún relativa) de estas prácticas ha debilitado a los sindicatos y abierto las puertas a los movimientos de protesta, hasta ahora en su mayoría conservadores y defensivos. Las bases de las corporaciones no quieren perder beneficios pasados.

Pero hay un problema más que afecta la representación política y social en México, el problema de la *representatividad*. En el espacio político creado por la democracia electoral y por una cultura pluralista emergente, aquellos que pueden ser representados son precisamente aquellos sujetos que tienen más recursos organizacionales y más acceso al poder. Los no representados son mayoría en comparación con los representados, tanto en la sociedad civil como en la arena política. Hay un *déficit de representación*, que es diferente de lo que llamamos “crisis de representación.” Históricamente hablando, los marginados, los pobres, los miserables, carecen de representación social y política, un problema que es a la vez una expresión y un efecto de la debilidad de la ciudadanía.

En América Latina en general, y en México en particular, los derechos civiles han sido y siguen siendo extremadamente precarios; los derechos políticos han sido otorgados a lo largo de los procesos de democratización, aunque de manera defectuosa, mientras que los derechos sociales han sido entregados de una manera fragmentaria y condicionada políticamente. Recientemente se han reconocido los derechos culturales en forma de constitucionalización de los derechos de los pueblos indígenas, sin que tal logro simbólico se traduzca en una práctica efectiva.

Estos déficits de representación han sido históricamente atendidos mediante mecanismos populistas, clientelistas o corporativos. Las diferentes olas populistas

en América Latina ofrecieron una salida a los déficits de representación política al construir un sujeto universal, “el pueblo”, que, anulando las diferencias dentro del campo popular, se convirtió en un polo social opuesto al de la oligarquía. Pero la única forma de construir la unidad de los diferentes es por medio del líder, el “equivalente universal”¹². Entonces, la representación populista termina privando a la gente de su propia identidad, convirtiendo finalmente la representación política en una forma de control de la autonomía popular.

La falta de representación en una sociedad fragmentada, caracterizada por la desigualdad multidimensional, da como resultado una sociedad civil en la cual los sindicatos corporativos y las asociaciones de clases altas y medias tienen mayor poder.

En gran medida, esta situación histórica explica tanto la debilidad de la ciudadanía como la ausencia de Estados fuertes en la región. Los Estados y las sociedades no son entidades separadas, sino un continuo sociológico¹³. Pensar que es posible modernizar el Estado sin cambiar la sociedad es una característica central de la tecnocracia.

La debilidad del Estado, tanto en sus capacidades coercitivas como administrativas, ha abierto las puertas a la existencia de múltiples poderes *de facto* que controlan los territorios y controlan los procesos económicos y políticos en vastas regiones. El crecimiento del crimen organizado es el mejor ejemplo. La permanencia de enormes sectores informales en la economía habla de la incapacidad del Estado para regular el desarrollo del capitalismo local y para hacer cumplir los derechos laborales y sociales instituidos en la ley.

Al mismo tiempo, la politización de la burocracia estatal típica de los regímenes autoritarios ha persistido en la reciente fase de democratización, lo cual ha impedido el desarrollo de una burocracia profesional meritocrática. Por el contrario, la corrupción sistémica que corroe a la mayoría de los países latinoamericanos resulta en la captura de instituciones estatales por intereses privados y lleva a la imposibilidad de hacer cumplir las leyes y regulaciones emitidas por la legislatura.

La simultaneidad de la crisis de legitimidad, crisis de representación y crisis del Estado lleva a una crisis de régimen, en el caso de México, a la crisis del régimen electoral competitivo-autoritario. Esta crisis significa la ruptura de la legitimidad y la eficacia de los métodos y formas de relación entre los ciudadanos, los intermediarios políticos y las instituciones estatales.

El clientelismo, por ejemplo, ha perdido su contenido legitimador. El clientelismo, como lo demuestra Auyero¹⁴, es una relación prolongada, anclada en el territorio, que implica un acuerdo entre intermediarios y clientes. El clientelismo ya

¹² Laclau, E., *La Razón Populista*, México, FCE, 2005.

¹³ Migdal, J., *Estados débiles, Estados fuertes*. México, FCE, 2011.

¹⁴ Auyero, J., *Poor People's Politics*, Durham, Duke University Press, 2001.

no cumple las funciones anteriores porque los intermediarios históricos, a saber, los líderes de los colonos urbanos, sindicales y campesinos, han perdido el poder sobre sus bases. El rápido cambio social producido por el neoliberalismo ha debilitado los sindicatos, llevado a la desaparición de viejas organizaciones campesinas y cerrado los espacios de acción de la mayoría de los intermediarios populares urbanos. La compra directa de votos no es una relación clientelar, sino un uso inmoral de la pobreza, y un acto efímero.

La única forma de transformar la crisis actual en una oportunidad para profundizar la democracia es el empoderamiento de los nuevos movimientos sociales populares. La activación de la sociedad civil es un instrumento de transformación de la política. En los últimos años, los nuevos movimientos de derechos humanos, los movimientos estudiantiles, los movimientos de los pueblos indígenas y los movimientos de la clase media resisten la corrupción y la impunidad, y demandan una transformación fundamental en el orden social y político. Hasta el momento, han protestado de forma aislada, sin ayuda ni solidaridad de los partidos políticos. Estos movimientos exigen un nuevo pacto social: la construcción del Estado de derecho y de un Estado democrático¹⁵.

Los movimientos sociales son, y seguirán siendo, impulsores del cambio en el orden político. En el caso de Chile, por ejemplo, el movimiento estudiantil de 2011 representó la crítica más radical al “consenso neoliberal”, un pacto de élite implícito que fue la base de la estabilidad política durante dos décadas. La juventud chilena exigió que el estado asumiera la responsabilidad de la educación, hasta ahora privatizada. Ya no querían un estado gerencial, sino uno que garantice los derechos de los ciudadanos. Este es un claro ejemplo de ruptura programática e ideológica con el orden social constituido. Por supuesto, estos cambios toman tiempo y requieren la formación de nuevos actores políticos.

En México, la lucha por la democracia a fines de los años ochenta y en los noventa fue un proceso duradero que condujo finalmente a la democracia electoral. La democracia fue el resultado de la movilización y la resistencia en múltiples frentes. El movimiento prodemocrático fue instrumental, pero también el zapatismo, así como múltiples protestas populares que funcionaron como motores del cambio político. La democracia no condujo a un cambio de régimen radical porque el PRI encontró otras formas de supervivencia y los partidos de la oposición no pudieron desarrollar un proyecto político alternativo. Pero la democracia, limitada como lo es hoy, ha abierto nuevos espacios políticos y permitido la multiplicación de los actores de la sociedad civil. El problema ahora es que toda esta movilización no tiene consecuencias políticas. Ni siquiera Andrés Manuel López Obrador, el eterno desafiante del sistema y líder reconocido de la resistencia nacionalista, es capaz de canalizar

¹⁵ Olvera. A.J., La crisis política, los movimientos sociales y el futuro de la democracia en México, en: *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales*, Año LXI, Num. 226, enero-abril de 2016, pp. 279-298.

esta energía social de manera productiva. Pero, con suerte, los mexicanos encontraremos la manera de salir del desastre actual.

Bibliografía

1. Auyero, J., *Poor People's Politics*, Durham, Duke University Press, 2001.
2. Centro de Investigación para el Desarrollo A.C (CIDAC). *Reporte de hallazgos para el seguimiento y operación del nuevo sistema de Justicia penal en México*. México, CIDAC, 2016.
3. Gibson, E. L., *Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Federal Democracies* Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
4. Laclau, E., *La Razón Populista*, México, FCE, 2005.
5. Levitsky, S. y L. Way, "Elections without democracy: The Rise of Competitive Authoritarianism", en: *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, Num. 2 pp. 51-65
6. Linz. J. y A. Stepan, *Problems of Democratic Transition and Consolidation*, Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1966.
7. Migdal, J., *Estados débiles, Estados fuertes*. México, FCE, 2011.
8. Netl, J.P., "The estate as a conceptual variable", *World Politics*, 1968, 20 (4): 559-592
9. O'Donnell, G., *Democracia, agencia y estado. Teoría con intención comparativa*. Buenos Aires, Prometeo, 2010.
10. Olvera, A. J., "Resistencia política y sociedad civil: El PRD, López Obrador y los límites programáticos y políticos de la izquierda mexicana.", en: Vega, G. (editor) *México ante los retos del futuro*, México: COLMEX, 2007.
11. Olvera, A. J. coord. *La democratización frustrada. Limitaciones institucionales y colonización política de las instituciones garantes de derechos y de participación ciudadana en México*, México: CIESAS— Universidad Veracruzana, 2010.
12. Olvera, A.J., "La democracia delegativa en espacios subnacionales: el caso de México", en: O'Donnell, G., O. Iazzetta y H. Quiroga (eds). (2011) *Democracia delegativa*, Buenos Aires: Prometeo, 2011.
13. Olvera, Alberto J., "De cómo y por qué la (precaria) democracia mexicana ha ignorado los derechos humanos", en Cheresky, I. (compilador) *¿Qué democracia en América Latina?*, Buenos Aires: Prometeo-CLACSO, 2012.
14. Olvera, A.J., "Ciudadanía Precaria y crisis de la estatalidad democrática en América Latina: lecciones para México", en: Cossío, J.R. y E. Florescano (eds.) *La Perspectiva Mexicana en el Siglo XXI*, México, FCE, 2012.
15. Olvera, A. J., "Elecciones presidenciales en México en 2012: la restauración precaria", en: Gómez Tagle, S. *Alternativas para la democracia en América Latina*, México, El Colegio de México-INE, 2015.
16. Olvera, A.J., : "Legitimidad en el movimiento de derechos humanos: Trayectoria histórica y retos del presente", en: Guillén, D, y A. Monsiváis (coords.). *La Legitimidad como Desafío Democrático*. México, Instituto Mora, 2016.

17. Olvera. A.J., La crisis política, los movimientos sociales y el futuro de la democracia en México, en: *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales*, Año LXI, Num. 226, enero-abril de 2016, pp. 279-298, 2016.
18. Olvera, A. J., “Causas y consecuencias de la crisis en Veracruz”, en: *La Palabra y el Hombre, Revista de la Universidad Veracruzana*, Nueva Época, 2017, Num. 39, Enero-Marzo de 2017, pp. 35-42.
19. Open Society Justice Initiative, *Atrocidades Innegables. Confrontando Crímenes de Lesa Humanidad en México*, New York, Open Society Foundations, 2016.
20. Schedler, A., *En la Niebla de la Guerra*, México, CIDE, 2015.
21. Schedler, A., *La política de la incertidumbre en los regímenes electorales autoritarios*. México, FCE, 2016.
22. Skocpol, T., *States and Social Revolutions: A comparative analysis of France, Russia and China*, Cambridge, Cambridge University Press, 1979.

Los medios de comunicación en un régimen electoral autoritario. El caso de Veracruz, México

The media in authoritarian electoral regime. The case of Veracruz, Mexico

Resumen: Este trabajo pretende analizar las prácticas existentes entre periodistas y poderes constituidos y fácticos en el estado de Veracruz. Hemos llamado clientelares a dichas prácticas. El análisis tiene como fin la visibilización de este tipo de relaciones a nivel subnacional y, sobre todo, llamar la atención hacia la responsabilidad de los empresarios mediáticos en la violencia ejercida contra los periodistas en esta región, que aunque tiene características únicas entre otras la virulencia contra los comunicadores (20 periodistas perdieron la vida entre 2010 y 2016), es también representativa de lo que ocurre en otros lugares de México, de ahí su importancia para el análisis.

Palabras clave: México; violencia contra periodistas; medios de comunicación; regímenes autoritarios subnacionales; clientelismo político; democracia y libertad de expresión.

Abstract: This paper aims to analyze the existing practices between journalists and constituted or factic powers in the state of Veracruz. We define these practices as clientelistic. The purpose of the analysis is to make this type of relations visible at the subnational level and, above all, to call attention to the responsibility of media owners in the violence exercised against journalists in this region, that we can call representative of what is happening in other parts of Mexico, but unique in terms of violence against journalists (20 journalists have lost their lives between 2010 and 2016). Is precisely this uniqueness on one hand and the representative characteristics of many other places, on the other hand, what makes this region quite interesting to be analyzed.

Keywords: México; violence against journalists; media; subnational authoritarian regimes; political clientelism; democracy; freedom of expression.

Introducción

Los objetivos fundamentales que se pretende cumplir aquí son dos: 1) llamar la atención a la importancia de los análisis subnacionales y 2) Visibilización de la responsabilidad de los empresarios en la violencia ejercida contra los periodistas. Para ello, se analizarán las prácticas clientelares que se realizan entre dichos empresarios y las autoridades estatales constituidas.

¹ México. Doctora, Universidad Veracruzana, celiadelp@yahoo.com.mx

Por ello, el presente trabajo es un intento de entender algunas de las prácticas existentes entre los periodistas y los poderes constituidos en el estado de Veracruz durante la administración de Javier Duarte de Ochoa (2010-2016); prácticas de corrupción que pueden llamarse clientelares: aquéllas en donde “agentes dan apoyo político a un mediador/puntero o patrón, a cambio de bienes, favores o servicios particulares”².

Estos actos son muy sutiles, a veces se ejercen “sin palabras”, y se expresan como “gratitud” hacia un benefactor que otorga favores; estos favores suponen una devolución, se expresan como mandatos existentes en estado práctico³ e implican relaciones de “afecto”. Es importante señalar que estos acuerdos son informales “pero pueden consolidarse e involucran una gran desigualdad de poder entre patrones y clientes”⁴, esta desigualdad resulta fundamental para entender cómo operan estas prácticas, que más que un “sistema”, son un tipo de relación entre un poder político y los ciudadanos. Una relación que favorece la corrupción y propicia la violencia.⁵ Por otro lado, Hallin y Mancini hablan de la relación que tienen los medios con el poder en un sistema que ellos han llamado “pluralismo polarizado” y que se adapta a las características de nuestro país.⁶ Ellos sostienen que la relación entre medios y gobierno está basada en el clientelismo político, donde el acceso a los recursos está controlado por los “punteros”. Solo se puede acceder a ellos a cambio de ciertas formas de apoyo. Definen clientelismo como “...Una forma particularista de organización social en la cual las reglas formales tienen menos importancia que las relaciones personales [...] en un sistema clientelista el compromiso con intereses particulares es más fuerte y la noción del bien común más débil”⁷

La libertad de expresión, derecho fundamental de imprescindible ejercicio en una sociedad democrática, se ha visto crecientemente vulnerada, a pesar de que en

² Auyero, J., *La política de los pobres. Las prácticas clientelistas del peronismo*. Buenos Aires, Argentina: ed. Manantial, 2001, 166.

³ *Ibidem*.

⁴ Combes, H., “¿Dónde estamos con el estudio del clientelismo?” en *Revista Desacatos*, 2011, 36, 13-32.

⁵ Audelo (2004) pone en duda algunas prácticas llamadas clientelares que en realidad son corrupción. Siguiendo a Della Porta, limita el concepto a “votos a cambio de favores”, mientras que corrupción sería “dinero a cambio de favores”, esto último podría llamarse “soborno”, que incluye “pagar una cantidad de dinero a cambio de no cumplir con una obligación, y con la extorsión que garantiza la eficacia y rapidez en el cumplimiento de una obligación” (Audelo, 2004, p. 133). Entre las figuras jurídicas para determinar el tipo de corrupción se encuentra el cohecho. Así, las prácticas de corrupción entre periodistas y poderes constituidos y fácticos estarían más cercanas, según este autor, al cohecho. Sin embargo, estas prácticas de corrupción suponen una igualdad política entre las partes, lo cual de ningún modo ocurre entre periodistas y poderosos.

⁶ Fuertes relaciones entre medios y poder político, falta de profesionalización de los periodistas, intervención directa de los actores estatales en los medios, los medios presentan paralelismo político con los poderes, entre otros (Hallin y Mancini, 2004)

⁷ Hallin, D. y Papathanassopoulos, S. (2002) “Political clientelism and the Media: Southern Europe and Latin America in comparative perspective”. *Media, culture and society*, vol 24, 2, 2-22

las últimas décadas del siglo XX y primeras del siglo XXI parecía que una mayor libertad de expresión sería componente obligado de la llamada transición a la democracia en México. Esta transición “frustrada” e “incompleta” no puede dejarse de lado en los estudios sobre medios la persistencia de regímenes autoritarios subnacionales. Las diferencias en las prácticas pueden ser sutiles pero también dramáticas.

Las demarcaciones entre áreas democráticas y no democráticas pueden ser borrosas, como es frecuentemente el caso en estados unitarios, en donde el alcance de centros de poder autoritarios varía a lo largo del territorio. Esos centros pueden estar claramente definidos como en muchos países federales en donde un viajero que cruza la línea imaginaria que separa una provincia de otra puede ingresar a un universo enteramente diferente de gobernanza política.

El modelo de Gibson es muy pertinente para analizar el estado de Veracruz: una provincia autoritaria dentro de un país democrático, o bien en un régimen político electoral-autoritario, como lo ha llamado Schedler⁸. Resulta fundamental revisar los vínculos existentes entre el ejercicio particular de la democracia mexicana en relación con los autoritarismos subnacionales de las últimas décadas y el fenómeno de instrumentalización de los medios por parte de los regímenes políticos que prevalece aún hoy.

En Veracruz, sobre todo en los años de la administración de Javier Duarte de Ochoa (2010-2016), se vulneraron constantemente estos derechos al intentar silenciar (y lograrlo casi en todos los casos) a los periodistas críticos y a quienes cubren las secciones de “justicia”. Si atendemos a los informes de las asociaciones defensoras de la libertad de expresión y el periodismo, veremos que en Veracruz, en la mayoría de los casos, quienes agreden son agentes del gobierno, aunque no se descarta la participación de los grupos del crimen organizado⁹.

Veracruz sigue estando en los primeros lugares en cuanto a violencia contra periodistas se refiere, con 58 agresiones en 2016. Entre diciembre de 2010 y julio de 2017, 22 periodistas fueron asesinados por causas relacionadas con su trabajo, 5 desaparecieron y un número indeterminado de ellos se ha autoexiliado ante las amenazas de los grupos de poder, sin que ninguno de esos ataques haya sido esclarecido de manera satisfactoria hasta la fecha¹⁰. Prevalece, en esa área también, la impunidad.

Javier Duarte de Ochoa logró reducir de manera considerable la autonomía de los medios de comunicación a lo largo de su mandato (2011-2016), usándolos

⁸ Schedler, A (2013) *Politics of Uncertainty. Sustaining and subverting Electoral Authoritarianism*. Oxford, Oxford Scholarship.

⁹ Artículo 19. (2016) MIEDO. Medios, impunidad, estado, democracia opacidad. Ciudad de México, México: Artículo 19

¹⁰ Del Palacio, C. (2015). “En Veracruz se aprende a vivir con miedo. Violencia y medios de comunicación en Veracruz.” En C. Del Palacio (coord.). *Violencia y periodismo regional en México*. Ciudad de México, México: Editorial Juan Pablos. Pp. 405-452

como encubridores, como ensalzadores de su gobierno, cómplices incluso, a través de dádivas clientelares y/o el ejercicio de la violencia contra quienes no acataran el modelo. El resultado fue un creciente silencio en torno a los hechos de violencia (social y criminal) en el estado y la uniformidad en la información política.

“En un estricto sentido, la función social de los medios debería ser evidenciar la corrupción y la falta de transparencia de los gobiernos” sin embargo, las relaciones entre prensa y poder en este país, incluso desde el siglo XIX, han sido de cercanía excesiva con el poder y a partir de la mitad del siglo XX, seguido el modelo “liberal capturado”, en el que el clientelismo se ha usado como forma de negociación por ambas partes y se han establecido alianzas de conveniencia mutua.

Los gobiernos en la historia contemporánea de México han visto a los medios como aliados, incluso empleados, y la prensa ha estado muy lejos de cumplir el papel de “perro guardián” que tiene en los regímenes democráticos modernos, lo cual afecta de manera directa la calidad de la información recibida por los lectores y merma su capacidad de decisión sobre asuntos públicos.

En este contexto, es fundamental hacer un análisis de las relaciones (clientelares) de los medios de comunicación con los poderes constituidos y fácticos, ya que éstas obedecen a reglas no escritas, situadas en la frontera entre legalidad e ilegalidad, en los márgenes del estado; esto ha ocurrido así en Veracruz, donde operó en el periodo de estudio, uno de los regímenes subnacionales más autoritarios del país.

Las condiciones que presenta Veracruz no son privativas de ese estado. Puedo afirmar que lo que ocurre aquí, es un ejemplo de lo que ocurre en otros estados que enfrentan a gobiernos autoritarios o poderosos grupos delincuenciales que han impuesto silencio como el caso de Tamaulipas.

Haré especial énfasis en los mecanismos sutiles de construcción de las relaciones entre poder y medios, efectuando una serie de acciones que están en la frontera entre lo legal y lo ilegal. El resultado ha sido una colonización casi completa de la esfera pública por parte del estado.

Este trabajo tiene como base 30 entrevistas realizadas a periodistas de siete de las principales ocho ciudades de Veracruz. Se tomó información de muros de periodistas estatales en Facebook, así como del *Diagnóstico sobre las condiciones laborales de los periodistas en Xalapa* y de trabajos realizados sobre las condiciones en que se hace periodismo en Veracruz¹¹.

La carencia de públicos que puedan sostener a los medios con suscripciones o venta, los escasos contratos privados, los mercados fragmentados en un estado de población atomizada y actores sociales críticos débiles son factores determinantes

¹¹ Quevedo, M. (2012) “El funcionamiento de la radiotelevisión de Veracruz en el proceso electoral para gobernador de Veracruz 2010”. Tesis de la Maestría en Ciencias Sociales. Xalapa, Veracruz: Universidad Veracruzana.

para entender la dependencia casi absoluta de los medios ante los tres niveles de gobierno y otros actores.

Flores y Escobar¹² señalan que los factores centrales que determinan el mayor o menor control de los gobiernos sobre los medios estatales son: alternancia o falta de ella, índices de marginación y número de medios existentes, en particular radio y televisión permisionaria.¹³ Veracruz cumple con los indicadores: durante 88 años gobernó el PRI a nivel estatal y su índice de marginación es alto, además de contar con muy pocos medios permisionarios.

Las relaciones de los medios con el poder en los estados en las décadas más recientes requiere de una explicación detallada. A partir del sexenio de Ernesto Zedillo, los gobernadores de los estados comenzaron a manejar una mayor cantidad de recursos que sus predecesores y lo hicieron de manera poco transparente.

Con la llegada de Vicente Fox a la presidencia de la república, la hegemonía como “autoridad centralizadora y la capacidad para tomar decisiones de manera unilateral”¹⁴ se erosionó. El contrapeso presidencial se vio limitado, sin injerencia directa en las decisiones de los gobernadores.

Fue en ese contexto como en las entidades surgieron poderes locales sin límites, “nuevos virreyes”, “señores feudales” o “caciques del siglo XXI”, como dieron en llamarlo diversos analistas, porque controlaban y controlan sus territorios como “pequeños principados” [...] Es un poder que lo abarca todo, que lo controla todo y a todo le da su visto bueno. No se sustrae ante nada. Como dice Carlos Elizondo Mayer (2013), los gobernadores pasaron a manejarlo todo, desde el poder judicial local hasta el instituto electoral de la entidad. A esa misma conclusión llega Macario Schettino: los gobernadores controlan su congreso local, su instituto de transparencia, su comisión de derechos humanos, “controlan todo, como antes lo hacía el presidente a nivel nacional”¹⁵

¹² Flores, G. y Escobar, D. (2016) “Libertad de expresión y control de los medios de comunicación locales en México” en N. Loza e I. Méndez (Coords.) Poderes y Democracias. La política subnacional en México. Ciudad de México, México: FLACSO-Instituto Electoral del Distrito Federal. pp. 263-282.

¹³ Definen en control del gobierno a partir de tres variables: “denegar selectivamente electricidad u otros insumos necesarios para operar; denegar o cancelar licencias y amenazar con juicios o calumnias a medios críticos” (Flores y Escobar, 2016: 274). Para llegar a los factores determinantes, parten de la hipótesis de que a mayor número de medios, sobre todo permisionarios —que no permiten publicidad—, hay menor control gubernamental; así mismo, parten de la base de que las audiencias se informan políticamente a través de la televisión y la radio. Por otro lado, asumen que hay mayor número de ataques a periodistas donde hay un índice más grande de marginación y más estaciones de radio, ya que los periodistas críticos tienen mayor posibilidad de expresarse a través de este medio. Volveré sobre estos asertos más adelante.

¹⁴ Loaeza, S. (2012). La metamorfosis del estado: del jacobismo centralizador a la fragmentación democrática. En Los Grandes problemas de México, Vol. 4, (23-70). Ciudad de México, México: El Colegio de México, 182.

¹⁵ Martínez, S. y Fernández, L.L. (2016) Persecución y campañas de difamación contra periodistas en Chiapas. Nueva York, EE.UU: Ponencia presentada en el Congreso de la Latin American Studies Association, 2-3.

Así, a nivel subnacional, los gobiernos en las últimas décadas tienen las siguientes características: a) Manejan altos presupuestos en asignaciones federales y deuda; b) El manejo se realiza en total opacidad y c) Tiene importancia fundamental eliminar contrapesos locales¹⁶. La función de los medios es servir de contrapeso, por lo que su instrumentalización es un medio fundamental de “control de fronteras”.

Las prácticas clientelares entre estos poderes subnacionales y los medios locales en los años posteriores a la llamada transición a la democracia no han sido suficientemente analizadas. Y aún menos a nivel regional, a excepción de algunos trabajos a pesar de que este nivel de análisis resulta fundamental: en términos de Gibson, no se alcanzan a ver si se estudian a nivel nacional, las diferencias locales de ejercicio del poder de estos regímenes autoritarios subnacionales en un país democrático.

En el estado de Veracruz, los gobernadores Fidel Herrera (2004-2010) y Javier Duarte (2010-2016), al igual que el caso de Chiapas reportado por Martínez y Fernández, tuvieron a su disposición presupuestos mucho mayores que sus antecesores, además de haber endeudado al estado de manera nunca antes vista.¹⁷ De ese modo, pudieron dar cantidades exorbitantes a los medios de comunicación a través de contratos cuyos términos nadie conoce al estar protegida la confidencialidad de los mismos por las leyes estatales, sin embargo al terminar sus administraciones, ha sido posible allegarse algunos datos para conocer estos montos. Los mandatarios otorgaron también regalos y otras dádivas a los periodistas de manera personal. Me interesa en particular revisar estas prácticas específicas, estos comportamientos que son parte de una “red de relaciones cotidianas”¹⁸, en un contexto de violencia y precariedad.

Hallin y Mancini¹⁹ señalan la importancia de varios factores que podrían influenciar esta situación: uno de ellas es la abundancia o no de lectores. Este aspecto es fundamental, ya que no se señala la existencia de un gran número de medios, sino

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ En cuanto a los presupuestos, tomamos de manera aleatoria, solo para dar una idea de cómo crecieron, los siguientes años. Para el ejercicio fiscal 2006, con Fidel Herrera como gobernador, Veracruz tuvo un presupuesto de 48,950,000,000.— (Gobierno de Veracruz, 2005: 1), mientras que para el ejercicio fiscal 2015, ya en el gobierno de Duarte, el presupuesto aumentó en más del doble: 102,574,000,000.— (Gobierno de Veracruz, 2014: 18). En lo que concierne a la deuda contraída, se afirma que “Durante los últimos 6 años, el gobierno del estado incrementó de manera desproporcionada el monto de la deuda pública. Considerando los pasivos de todo tipo, la deuda pública a julio de 2016 es de 166,754 400 millones de pesos...” (Barcelata, 2017, s/p). Solo en lo que concierne a la “deuda bancaria y bursátil, (ésta) registraba un monto de 42,077 mdp en julio de 2016, es decir, en 6 años este tipo de deuda se duplicó comparada con la existente en 2010 cuando era de 20,475 mdp”. La deuda total que Duarte heredó de su predecesor fue de 51,324 mdp; así, Duarte la hizo aumentar en 115,420 mdp (Barcelata, 2017, s/f)

¹⁸ Auyero, J. (2001) *La política de los pobres. Las prácticas clientelistas del peronismo*. Buenos Aires, Argentina: ed. Manantial

¹⁹ Hallin, D. y Mancini, P. (2004) *Comparing media systems. Three models of media and politics*. New York, EE.UU: Cambridge University Press.

de lectores. La cultura política autoritaria subnacional promueve la existencia de periódicos “sin lectores”, impresos para ganar favores políticos a través de insultos o alabanzas al gobernante en turno. Existe una gran cantidad de periódicos impresos y digitales con esas características, que ya no solo aparecieron en tiempos electorales con jugosos financiamientos²⁰, sino que fue una constante del sexenio duartista. Prevalció el modelo de negocios que ya señalaban Hallin y Mancini²¹ para los países mediterráneos: un periódico

...puede contar con 1,500 lectores: los ministros y subsecretarios (todos), miembros del parlamento (algunos), líderes de partidos y sindicatos, el alto clero y aquellos industriales que quieren aparecer como informados. El resto no cuenta, incluso si el periódico vende 3 mil ejemplares. Primero que nada, no queda claro si los lectores comunes leen la portada del periódico y de cualquier modo su influencia es mínima. Todo el sistema está organizado alrededor de la relación entre el periodista con ese grupo de lectores privilegiados²².

Esta manera de relacionarse de los periodistas con los políticos, característica de un modelo “pluralista polarizado” como el que señalan Hallin y Mancini,²³ ha tenido su expresión clara en Veracruz en los años recientes, en las estrategias de negociación que se establecieron a partir de la información sobre seguridad en las secciones policiacas entre periodistas, miembros del crimen organizado y autoridades, pero no solo ahí, sino también en la uniformización de la información política.

Insisto en la importancia de las audiencias y de otros factores como la cultura política, por encima del número de medios existentes. Según cifras oficiales, en Veracruz existen al 2016, “...más de mil medios de información locales: tres televisoras con señal abierta, 65 sistemas de cable, 159 radiodifusoras, alrededor de 500 medios impresos y más de 500 portales electrónicos” (Plan Veracruzano de Desarrollo, 2016-2018: 23). Algunas de las afirmaciones de Flores y Escobar²⁴ (2016) prueban ser correctas en cuanto a que hay solo dos televisoras permisionarias: el canal 11 nacional (IPN) y Radio Televisión de Veracruz, ahora Radio Universidad Veracruzana,

²⁰ Del Palacio, C. (2015). “En Veracruz se aprende a vivir con miedo. Violencia y medios de comunicación en Veracruz.” En C. Del Palacio (coord.). *Violencia y periodismo regional en México*. Ciudad de México, México: Editorial Juan Pablos. Pp. 405-452.

²¹ Hallin, D. y Mancini, P. (2004) *Comparing media systems. Three models of media and politics*. New York, EE.UU: Cambridge University Press

²² *Ibid*, 95.

²³ Las características de este modelo son: constante acecho a la autonomía de los medios debida a la relación muy cercana entre medios y actores políticos. Las instituciones gubernamentales tienen una intervención directa en las decisiones de los medios y por tanto hay un “paralelismo” político entre medios y poder. La profesionalización de los periodistas es baja. (Hallin y Mancini, 2004)

²⁴ Flores, G. y Escobar, D. (2016) “Libertad de expresión y control de los medios de comunicación locales en México” en N. Loza e I. Méndez (Coords.) *Poderes y Democracias. La política subnacional en México*. Ciudad de México, México: FLACSO-Instituto Electoral del Distrito Federal. pp. 263-282.

en un estado que aparece en segundo lugar después de Chiapas, en cuanto a control de medios se refiere, sin embargo el trabajo de las investigadoras solo toma en cuenta la posible publicidad gubernamental que hubiera podido transmitirse en los canales concesionarios y no evidencia los contenidos de los canales permisionarios.

Radio Televisión de Veracruz, (tanto televisión como radio, con cobertura a todo el estado) más que un canal público fue, a lo largo de dos sexenios, un canal gubernamental; durante las elecciones de 2010, la publicidad tanto la declarada como la no declarada (es decir, como parte de los contenidos de los programas) fueron claramente mayores para el PRI²⁵.

Durante el periodo de estudio solo transmitieron como radiodifusoras permisionarias las siguientes: Radio Universidad Veracruzana, en AM con muy limitado alcance, además de las radios comunitarias e indígenas con permiso: Radio Teocelo (en AM), Radio Zongolica (AM) y Radio Huayacocotla (FM). Todas transmitían también en internet,²⁶ sin embargo, ninguna de estas opciones figura en las preferencias de las audiencias en las encuestas de medios realizadas por la Universidad Veracruzana en 2011 y 2015.

El control de la información a través del clientelismo

Ya he hablado en otros trabajos de las estrategias de control sobre la información que ejercieron los poderes constituidos (particularmente el gobierno del estado) y fácticos (crimen organizado, otros actores) en Veracruz, entre ellas el cohecho o “chayo”, esta práctica no es directamente ilegal, no está consignada en ninguna ley la prohibición de ofrecer a un periodista una gratificación que, además, no siempre está ligada de manera explícita e inmediata al cumplimiento de un servicio. El intercambio mismo de favores es sumamente sutil; esto último es central para entender de qué manera se establecen estas relaciones. En este trabajo solo me referiré a la

²⁵ Quevedo, M. (2012) “El funcionamiento de la radiotelevisión de Veracruz en el proceso electoral para gobernador de Veracruz 2010”. Tesis de la Maestría en Ciencias Sociales. Xalapa, Veracruz: Universidad Veracruzana.

²⁶ Un escándalo reciente muestra que tampoco las radios permisionarias están exentas de sospecha. En enero de 2012, la entonces vocera de Javier Duarte, Gina Domínguez, transfirió 21 millones de pesos a Roberto Altieri Fernández para tres radiodifusoras permisionarias que no tenían todavía el permiso de uso de frecuencias de la entonces Comisión Federal de Telecomunicaciones (ahora IFT). “Una vez logrados los permisos, las estaciones fueron instaladas y se registró como representante legal al abogado José Humberto Roa, en ese entonces director Jurídico de la Coordinación General de Comunicación Social y, por lo tanto, subordinado de Domínguez”. Actualmente se dice que Domínguez controla editorialmente a dichas radiodifusoras (Roldán, 2017). Ella misma reconoció que el proyecto le entusiasmaba sobremanera y que sería la manera de regresar a los medios con un proyecto “sustentable económicamente” (radiover) Otra fuente (Imagen del Golfo) habla de dos estaciones: una en Alamo, “la voz de las huastecas”, en 90.7 FM, y otra en Tlacotalpan, en el 93.7 FM. El asunto salió a la luz en febrero de 2015 porque Altieri no recibió la última parte de su pago, por cinco millones de pesos, una vez que Gina Domínguez había abandonado el cargo. <http://www.imagendelgolfo.com.mx/resumen.php?id=41049848>

corrupción institucional a nivel macro, es decir, entre los actores gubernamentales y las empresas periodísticas.

Esta se llevó a cabo principalmente a través de los convenios publicitarios que se realizaron con los gobiernos, debido a la manera discrecional y secreta en que se manejan estas negociaciones. Las negociaciones de la entonces todopoderosa Gina Domínguez, directora de comunicación social del gobierno del estado con los empresarios de medios (ya no con los periodistas de manera particular), obedecieron a negociaciones poco claras pertenecientes al llamado “capitalismo clientelista o amiguista”, de “compadres” (crony capitalism), que describe cómo, en un sistema nominalmente de libre mercado, el éxito en los negocios depende de la estrecha relación entre empresarios y funcionarios de gobierno.²⁷ (*The Business Dictionary*). Pero más adecuado sería calificar estas prácticas entre gobierno estatal y empresas periodísticas como de capitalismo rentista,²⁸ debido a que las empresas periodísticas muchas veces solo fueron fundadas para extraer capital y desaparecieron cuando no fue posible continuar. La “amistad” entre funcionarios y empresarios solo duró mientras se pudo extraer la renta y en la mayor parte de los casos, no precede al negocio, como ocurre con el “capitalismo de compadres” más común.

Aunque el presupuesto oficial asignado a la Coordinación de Comunicación Social en 2006 fue de 52,486,365.—²⁹ y en 2016 fue de 79,100,000.—, las cantidades ejercidas fueron mucho mayores, según se ha ido descubriendo en los primeros meses de la nueva administración gubernamental. Carvajal, basándose en la filtración de un documento oficial del órgano de fiscalización estatal, ORFIS, habla de un ejercicio real de 304 millones en el último año de gobierno de Duarte. Roldán afirma que en los cinco años de dicha administración se entregaron a los medios 8 mil 548 millones de pesos, es decir el equivalente a dos años de subsidio a la Universidad Veracruzana.

Además de estas sumas millonarias, Duarte quedó a deber “400 millones 146 mil pesos a medios, periodistas, agencias informativas, diarios locales y nacionales, publicistas y encuestadoras...”³⁰, muchas de ellas empresas fantasma, pero otras,

²⁷ México, con 75.86% ocupa el sexto lugar en el mundo (después de Rusia, Malasia, Filipinas, Singapur y Ucrania) en porcentajes del valor de su producto interno bruto en correlación con las fortunas de sus multimillonarios correspondientes al “capitalismo amiguista” (*The Economist*, 5 de mayo de 2016).

²⁸ Término que se ha atribuido a Marx, quien no lo usó nunca como tal, y que se refiere al tipo de prácticas que permiten al empresario extraer grandes ganancias —a través de subsidios— sin contribuir en nada a la sociedad ni reinvertir las ganancias como harían los empresarios en una economía de mercado, a fin de luchar contra la competencia. Muchos autores se han referido a esta forma de capitalismo. Una reflexión interesante puede encontrarse en el recuento de Guy Standing (Forrester, 26 de octubre de 2016).

²⁹ Gobierno de Veracruz (2005) Decreto N.-521 de Presupuesto de Egresos del Gobierno del Estado de Veracruz para el ejercicio fiscal 2006. Recuperado el 19 de abril de 2017 de <http://www.orfis.gob.mx/InformacionMunicipal/decreto%20de%20presupuesto%202006.pdf>

³⁰ Carvajal, I. “Duarte pagó 55 millones de pesos a Televisa” Muro de Facebook de Ignacio Carvajal, 2017.

efectivamente existentes, incluso algunas de medios con prestigio, evidenciaron las carencias de los medios veracruzanos al proclamar su cierre al final de periodo durartista.

¿Qué se consigue exactamente a través de estas negociaciones y cuál es la mecánica de su puesta en práctica? En Veracruz la información relacionada con el gobierno se manejó a lo largo del sexenio de manera prácticamente idéntica. Como resultado de un análisis de contenido de los titulares de los dos principales diarios de la ciudad de Xalapa entre 2011 y 2016, *Diario de Xalapa* y *AZ*, se descubrió que de los 576 titulares analizados, 464 mencionaron al gobernador Javier Duarte, todos en términos elogiosos o neutros, lo cual es un escandaloso 80.55%.³¹ La totalidad de las menciones negativas se dieron entre julio y octubre de 2016, cuando el PRI, partido de origen del gobernador, había perdido las elecciones.

Los periodistas entrevistados ennumeraron entre las estrategias utilizadas por la oficina de comunicación social del gobierno del estado y el acuerdo entre ésta y quienes tomaban las decisiones en los periódicos: envío de boletines y fotografías para informar sobre la gestión y acciones del mandatario de manera diaria y en particular en lo referente a temas de seguridad relacionados con el narcotráfico o los grupos criminales; retiro de entrevistas a intelectuales críticos y activistas sociales; retiro de fotografías que mostraran hechos de violencia social o, incluso, fotografías poco favorecedoras de Duarte; retiro de información referente al actual gobernador panista Miguel Ángel Yunes, así como otros actores políticos de la oposición.

Por otro lado, si algún periodista no se adaptaba a esas pautas, “alguien” llamaba al director o dueño del medio para pedir su despido o su retiro de la fuente a cambio de mantener los convenios.

La mayor parte de las veces no fue necesario decir claramente qué se esperaba del periodista: simplemente su nota “no entraba” o “se bajaba” del portal del medio que se atrevía a publicarla; en otras ocasiones, se llegó a impedir la entrada a periodistas críticos a las conferencias de prensa del gobernador y en casos más extremos, se recurrió a las amenazas o despidos³².

Un *Diagnóstico*³³ sobre las condiciones laborales de los periodistas de Xalapa muestra cómo incidieron los dueños o editores en la autocensura: de los 107 encuestados, el 32.89% reconoció haber sido “reconvenido amistosamente por directivos

³¹ El estudio se basó en el análisis de los titulares de dos diarios: *Diario de Xalapa* y *AZ*; a través del método de semanas compuestas a lo largo del sexenio en los meses de enero, abril, agosto y noviembre. Solo se tomó el titular principal de la primera página.

³² Del Palacio, C. (2015). “En Veracruz se aprende a vivir con miedo. Violencia y medios de comunicación en Veracruz.” En C. Del Palacio (coord.). *Violencia y periodismo regional en México*. Ciudad de México, México: Editorial Juan Pablos. Pp. 405-452

³³ Márquez, M. (2015). “El impacto de la violencia criminal en la cultura periodística postautoritaria: la vulnerabilidad del periodismo regional en México”. En C. Del Palacio (Coord.). *Violencia y periodismo regional en México*. (15-48). Ciudad de México, México: Editorial Juan Pablos

o dueños del medio” para autocensurarse tanto en su labor periodística como en redes sociales y a nivel personal; el 22.37% no contestó, lo cual es ya de por sí un indicador; el 19.74% reconoce haber “sido castigado, agredido verbal o físicamente o despedido [...] por no acatar reconvenciones amistosas de los dueños o directivos del medio” para autocensurarse; el 18.42% reconoció que había sido “reconvenido por directivos o dueños del medio mediante expresa coacción laboral” a autocensurarse; y el 6.58% reconoció haber sido “amenazado (con ser boletinado, sufrir represalias legales o ser difamado)” en el caso de reclamar o exigir cumplimiento de derechos por las anteriores causas³⁴.

El 94.9% de los encuestados reconocieron que las autoridades influyen en la línea editorial del medio o la condicionan y el 80% de ellos identificaron como principal mecanismo de control de la información por parte de las autoridades el condicionamiento de los recursos para publicidad gubernamental a las empresas³⁵.

Los contratos con medios nacionales no han sido revelados en su totalidad,³⁶ pero en el caso de Duarte, hay que decir que existe la sospecha que muchos recibieron fondos, no solo a cambio de coberturas favorables, sino de favores especiales en momentos decisivos, como ocurrió a principios de abril de 2013 cuando, ante los escándalos por los asesinatos a periodistas, Duarte recibió el premio de la Asociación Mexicana de Editores de Periódicos (AME), “por garantizar el ejercicio de la libertad de expresión” en Veracruz, el cual fue rápidamente bautizado en redes sociales como “el chayopremio”³⁷.

No solo los convenios publicitarios jugosos fueron la recompensa de una actuación satisfactoria para el mandatario y otras figuras de poder: algunos de los dueños de medios obtuvieron notarías, candidaturas y puestos políticos³⁸ o bien, reconocimientos y distinciones, como medallas, diplomas y premios.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Recientemente (octubre de 2017) Ignacio Carvalal dio a conocer las cantidades asentadas en la cuenta pública 2016 destinadas a medios nacionales: 18 millones a El Universal, 55 millones a Televisa Puebla, 45 millones a Excelsior (Carvajal, octubre de 2017). Hay que resaltar que otros comunicadores no recibieron necesariamente remuneraciones económicas, sino distinciones como el doctorado Honoris Causa de la Universidad Popular Autónoma de Veracruz (UPAV), otorgado a Adela Micha en el Congreso del Estado de manos de Duarte en septiembre de 2012 (Redacción, Proceso, 29 de septiembre de 2012), cuyo hijo, Carlos Gotlib, se dijo recientemente, recibió pagos del actual gobierno de Veracruz por 5 millones de pesos para su empresa UBUBBLE. (Libertad bajo palabra, 23 de octubre de 2017)

³⁷ Zavaleta, N. (8 de abril de 2013) Para el gobernador Duarte, el premio de la vergüenza. Revista proceso. Recuperado el 10 de abril de 2013 de <http://www.proceso.com.mx/338378/para-el-gobernador-duarte-el-premio-de-la-verguenza-2>

³⁸ Zavaleta, N. (8 de abril de 2013) Para el gobernador Duarte, el premio de la vergüenza. Revista proceso. Recuperado el 10 de abril de 2013 de <http://www.proceso.com.mx/338378/para-el-gobernador-duarte-el-premio-de-la-verguenza-2> Del Palacio, C. (2015). “En Veracruz se aprende a vivir con mie-

También los empresarios se han movido en la impunidad al mantener en la precariedad a los periodistas con bajos salarios, pocas o nulas medidas de protección, posibilidad de despido sin liquidaciones conforme a la ley, y lo más grave, el poder ha conseguido que los empresarios no defiendan a sus periodistas de las agresiones, que miren hacia otro lado, eviten exigir justicia y que incluso, en caso de ser necesario, impidan a sus empleados manifestarse en contra de la inseguridad como ha ocurrido en diversas ocasiones. De este modo, han colaborado a naturalizar la impunidad en lo que a crímenes contra periodistas se refiere.

A manera de conclusión

Estas son algunas notas apenas que pueden abonar a entender las prácticas clientelares existentes en las relaciones entre empresarios de medios y estado, lo cual tiene como resultados los siguientes: 1) Censura directa o indirecta; 2) Moverse en los límites entre lo legal y lo ilegal; 3) Naturalización de las prácticas de corrupción; 4) resultados poco previsibles ante la emergencia de otros actores (crimen organizado); 5) Uniformidad y falta de crítica en la información política; 6) ejercicio de violencia contra los periodistas en total impunidad; 7) captura de los medios sin contrapesos, es decir, instrumentalización de la prensa por el poder; 8) Responsabilidad de los empresarios de medios en la conservación del status quo; 9) Periodistas desunidos, sin preparación, precarios en todos los sentidos y por tanto manejables, desechables, atrapados entre la precariedad y la violencia.

Bibliografía

1. Alfaro, D. (2016) “No veo, no hablo, no escucho”: retrato del periodismo veracruzano.
2. Tesis de Maestría en periodismo, Buenos Aires, Argentina: Universidad de San Andrés y Grupo Clarín.
3. Artículo 19. (2016) MIEDO. Medios, impunidad, estado, democracia opacidad. Ciudad de México, México: Artículo 19.
4. Artículo 19. (2017) Libertades en resistencia. Informe 2017. Recuperado el 7 de abril de 2017 de <https://articulo19.org/libertades-en-resistencia-informe-2016-de-articulo-19/>
5. Auyero, J. (2001) La política de los pobres. Las prácticas clientelistas del peronismo. Buenos Aires, Argentina: ed. Manantial.
6. Barcelata, H. (2017) “La crisis fiscal de Veracruz” en A. J. Olvera (Coord.) Veracruz: crisis, alternancias y resistencias, Xalapa, Veracruz: Universidad Veracruzana, en prensa.

do. Violencia y medios de comunicación en Veracruz.” En C. Del Palacio (coord.). Violencia y periodismo regional en México. Ciudad de México, México: Editorial Juan Pablos. Pp. 405-452.

7. Cabezas A. (2014) La autocensura entre periodistas del nordeste de
8. México. Tesis de Maestría en Derechos Humanos y Democracia. Ciudad de México, México: FLACSO.
9. Carvajal, I (octubre de 2017) “Duarte pagó 55 millones de pesos a Televisa” Muro de Facebook de Ignacio Carvajal.
10. Clases de periodismo (12 de abril de 2017) “México: Captan a diputado (sic) entregando dinero a reporteros” en Clasesdeperiodismo.com Recuperado el 12 de abril de 2017 de: <http://www.clasesdeperiodismo.com/2017/04/12/mexico-captan-a-diputado-entregando-dinero-a-reporteros/>
11. Combes, H. (2011) “¿Dónde estamos con el estudio del clientelismo?” en Revista Desacatos, 36, 13-32.
12. Comparing Crony Capitalism around the world. (5 de mayo de 2016) en The Economist. Recuperado el 20 de abril de 2017 de <http://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2016/05/daily-chart-2>
13. Comisión Nacional de Población CONAPO (2016) Índice de marginación por entidad federativa, 2015. Recuperado el 23 de abril de 2017 de http://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/159047/05_Anexo_A.pdf
14. Contreras, A. (28 de abril de 2016). “Las manzanas podridas del gobernador”. Revista Etcétera. Recuperado el 28 de abril de 2016 de <http://www.etcetera.com.mx/articulo/Las+manzanas+podridas+del+gobernador/45243>
15. Del Palacio, C. (2015). “En Veracruz se aprende a vivir con miedo. Violencia y medios de comunicación en Veracruz.” En C. Del Palacio (coord.). Violencia y periodismo regional en México. Ciudad de México, México: Editorial Juan Pablos. Pp. 405-452.
16. Del Palacio, C. (2015^a). “Periodismo impreso, poderes y violencia en Veracruz 2010-2014. Estrategias de control de la información”. Comunicación y Sociedad, 24,19-46.
17. Elizondo Mayer, C. (23 de julio de 2013) “El trabajo más difícil”, Debate, recuperado el 8 de julio de 2013 de <http://www.debate.com.mx/eldebate/movil/Articulomovilopinion.asp?IdArt=13295263&IdCat=17548>
18. Flores, G. y Escobar, D. (2016) “Libertad de expresión y control de los medios de comunicación locales en México” en N. Loza e I. Méndez (Coords.) Poderes y Democracias. La política subnacional en México. Ciudad de México, México: FLACSO-Instituto Electoral del Distrito Federal. pp. 263-282.
19. Forrester, K. (26 de octubre de 2016) “The corruption of Capitalism. Guy Standing review why rentiers thrive and work does not pay” en The Guardian. Recuperado el 23 de abril de 2017 de <https://www.theguardian.com/books/2016/oct/26/the-corruption-of-capitalism-guy-standing-review-why-rentiers-thrive-and-work-does-not-pay>
20. Gobierno de Veracruz (2005) Decreto N.-521 de Presupuesto de Egresos del Gobierno del Estado de Veracruz para el ejercicio fiscal 2006. Recuperado el 19 de abril de 2017 de <http://www.orfis.gob.mx/InformacionMunicipal/decreto%20de%20presupuesto%202006.pdf>

21. Gobierno de Veracruz (2014) Decreto N.-319 de Presupuesto de Egresos del Gobierno del Estado de Veracruz para el ejercicio fiscal 2015. Recuperado el 19 de abril de 2017 de http://www.itsx.edu.mx/transparencia/I/Ptto_Egresos2015.pdf
22. Hallin, D. y Papathanassopoulos, S. (2002) "Political clientelism and the Media: Southern Europe and Latin America in comparative perspective". *Media, culture and society*, vol 24, 2, 2-22.
23. Hallin, D. y Mancini, P. (2004) *Comparing media systems. Three models of media and politics*. New York, EE.UU: Cambridge University Press.
24. Hernández, M.E. (2016). "La frágil circunstancia de los periodistas en Jalisco" CEPAD.
25. Informe sobre la situación de los derechos humanos en Jalisco 2015. Guadalajara, México: Centro de Justicia para la Paz y el Desarrollo. Pp. 69-81
26. Hughes, S. y Lawson, Ch. (2004), *Propaganda and crony capitalism*. *Latin American Research Review*, 39, 3, 81-105.
27. Loaeza, S. (2012). *La metamorfosis del estado: del jacobismo centralizador a la fragmentación democrática*. En *Los Grandes problemas de México*, Vol. 4, (23-70). Ciudad de México, México: El Colegio de México.
28. Mar, G. (2013) *Relaciones de poder entre periodistas y clase política: los columnistas de la zona conurbada Veracruz-Boca del Río*. Tesis de Doctorado en Historia y estudios regionales. Xalapa, México: Instituto de Investigaciones Histórico-Sociales. Universidad Veracruzana.
29. Mar, G. (2017) *Violencia y transformación del habitus periodístico en Veracruz. El Caso de Notiver*. Balajú, 5, En prensa.
30. Márquez, M. (2015). "El impacto de la violencia criminal en la cultura periodística postautoritaria: la vulnerabilidad del periodismo regional en México". En C. Del Palacio (Coord.). *Violencia y periodismo regional en México*. (15-48). Ciudad de México, México: Editorial Juan Pablos.
31. Martínez, S. y Fernández, L.L. (2016) *Persecución y campañas de difamación contra periodistas en Chiapas*. Nueva York, EE.UU: Ponencia presentada en el Congreso de la Latin American Studies Association.
32. Meza, S. (21 de noviembre de 2009) "Gobernadores, Nuevos Virreyes: Macario Schettino", en *Noroeste.com* Recuperado el 1 de mayo de 2013 de http://www.noroeste.com.mx/publicaciones.php?id=532106&id_seccion=26 .
33. Muchas gracias a nuestros lectores en esta etapa de Veracruzanos.info que hoy finaliza (16 de marzo de 2017). *Veracruzanos.info* Recuperado el 16 de marzo de 2017 <http://veracruzanos.info/muchas-gracias-a-nuestros-lectores-en-esta-etapa-de-veracruzanos-info-que-hoy-finaliza/>
34. Quevedo, M. (2012) "El funcionamiento de la radiotelevisión de Veracruz en el proceso electoral para gobernador de Veracruz 2010". Tesis de la Maestría en Ciencias Sociales. Xalapa, Veracruz: Universidad Veracruzana.
35. Redacción. (29 de septiembre de 2012). *Gobierno de Veracruz condecora a Adela Micha, #Yosoy132 le da de huevazos*. *Revista Proceso*. Recuperado el 29

de septiembre de 2012 de: <http://www.proceso.com.mx/321207/gobierno-de-veracruz-condecora-a-adela-micha-yosoyl32-le-da-de-huevazos>

36. Redacción (20 de noviembre de 2016). “Acerca de fajos de dinero , computadoras y pomos agasajan diputados de Veracruz a la prensa”. Revista Proceso. Recuperado el 20 de noviembre de 2016 en <http://www.proceso.com.mx/466967/acerca-fajos-dinero-computadoras-pomos-agasajan-diputados-veracruz-a-la-prensa>

37. Redacción (23 de octubre de 2017) “Clementina Guerrero pagó casi seis millones de pesos al hijo de Adela Micha”. Libertad bajo Palabra. <http://libertadbajo-palabra.com/2017/10/23/clementina-guerrero-pago-casi-seis-millones-pesos-empresa-del-hijo-adela-micha/>

38. Roudakova, N. (2008) Media-political clientelism: lessons from anthropology, Media, culture and society. Vol 30, 1, 41-59

39. Schedler, A (2013) Politics of Uncertainty. Sustaining and subverting Electoral Authoritarianism. Oxford, Oxford Scholarship.

40. The Business Dictionary (s/f) “Crony Capitalism”. Recuperado el 27 de marzo de 2017 de <http://www.businessdictionary.com/definition/crony-capitalism.html>

41. Wan-Infra, CIMA (2014) Comprando complacencia: publicidad oficial y censura indirecta en México. Ciudad de México, México: Ediciones Proceso.

42. Zavaleta, N. (8 de abril de 2013) Para el gobernador Duarte, el premio de la vergüenza. Revista proceso. Recuperado el 10 de abril de 2013 de <http://www.proceso.com.mx/338378/para-el-gobernador-duarte-el-premio-de-la-vergüenza-2>

43. Zavaleta, N. (15 de mayo de 2013) Ex conductores de TV, ex voceros y empresarios, candidatos del PRI en Veracruz. Revista Proceso. Recuperado el 15 de mayo de 2013 de <http://www.proceso.com.mx/?p=342114>

44. Zavaleta, N. (19 de noviembre de 2016). Con fajos de dinero, iPads y pomos agasajan diputados de Veracruz a la prensa. Revista Proceso. Recuperado el 19 de noviembre de 2016 en: <http://www.proceso.com.mx/466933/fajos-dinero-ipads-pomos-agasajan-diputados-veracruz-a-la-prensa>

45. Zepeda, Jorge (2013) Los corruptores. Ciudad de México, México: editorial Planeta.

De la ciudadanía censitaria a la ciudadanía neoliberal. Elementos centrales para la comprensión del caso chileno (1810–2017)

From census citizenship to neoliberal citizenship. Central elements for the understanding of the Chilean case (1810–2017)

Resumen: Esta ponencia se propone trazar brevemente los lineamientos centrales del desarrollo político de Chile, desde el inicio del proceso independentista hasta nuestros días (1810-2017) distinguiendo cinco fases principales según las características de ciudadanía, desde la censitaria excluyente de las primeras décadas republicanas hasta la neoliberal actual, pasando por la ciudadanía liberal, la democrático liberal incluyente y la plebiscitaria incluyente. Los cambios en la ampliación o restricción de la ciudadanía -tanto formal como efectiva— se explicarán en función de las correlaciones de fuerzas sociales y políticas y sus respectivos modelos de desarrollo imperantes en cada uno de estos momentos históricos.

Palabras clave: Chile; Ciudadanía; Sufragio censitario; Sufragio universal.

Abstract: This lecture aims to provide a brief outline of the principal lineaments of Chile's political development, from the onset of the independence movement up to the present day, differentiating the five main phases according to the characteristics of citizenship, which range from the exclusionary suffrage of the early republican decades to the present-day neoliberal suffrage, passing through liberal citizenship, inclusive liberal democratic citizenship and exclusionary plebiscitary democracy. The changes in the expansion or restriction of citizenship — both formal and effective — will be explained in terms of the correlations of social and political forces and the respective development models prevailing during each of these phases.

Key words: Chile; Citizenship; Census Suffrage; Universal Suffrage.

Nos proponemos trazar los lineamientos centrales del desarrollo político de Chile, desde el inicio del proceso independentista hasta nuestros días, distinguiendo cinco grandes fases, al interior de las cuales se pueden -y se deberían— diferenciar subfases o subperíodos que llevar a cabo un análisis más profundo: 1) ciudadanía censitaria excluyente (1810-1874); 2) ciudadanía liberal (1875-1925); 3) ciudadanía democrático liberal incluyente (1925-1973); 4) ciudadanía plebiscitaria excluyente

¹ Chileno, Dr. en Historia, académico de la Universidad de Chile. Correo electrónico: sergiogreztoso@gmail.com

(1973-1990); 5) ciudadanía neoliberal, formalmente ampliada, pero restringida por la creciente desafección popular (1990-2017).

Explicaremos los cambios en la ampliación o restricción de la ciudadanía -tanto formal como efectiva— en función de las correlaciones de fuerzas sociales y políticas y los modelos de desarrollo imperantes en cada una de estas fases. Postulamos como hipótesis que el predominio de las fuerzas sociales y políticas, ligadas a modelos de desarrollo orientados a una economía decididamente primario exportadora, han tendido a producir sistemas políticos excluyentes o con escasa base ciudadana, en contrapunto con el período de tentativa industrializadora, de máxima ampliación de la base ciudadana real.

Ciudadanía censitaria (1810-1874)

La Independencia de Chile de la corona española tuvo un marcado sello aristocrático, tan o más acentuado que en otros países iberoamericanos. A pesar de que el proceso independentista supuso la inclusión de sectores populares -más por la fuerza que de grado— en tanto contingente de los ejércitos patriotas en lucha contra los partidarios del Rey, en ningún momento estuvo en peligro la dirección aristocrática del proceso. Si bien la masa popular provocó cierta inquietud a la elite en algunas zonas del país (centro sur principalmente) por sus comportamientos levantiscos como la huida masiva para evitar levas forzosas, la proliferación del bandidaje tradicional, incluso, la alimentación desde el bandidismo de guerrillas realistas, la hegemonía de la fracción patriota de la clase dominante se mantuvo en todo momento, a pesar de las fuertes luchas entre sus facciones que caracterizaron el período 1810-1831².

Las bases del Estado nación que surgió de las guerras de la emancipación y de los conflictos sociales y políticos fueron el reflejo de la hegemonía aristocrática. Luego de asentada la Independencia, en buena parte del territorio nacional -década de 1820— transcurrió un período de variados ensayos políticos que abarcaron desde el cesarismo hasta el liberalismo doctrinario más radical. Durante esta década, los representantes de esta última tendencia (los llamados “pipiolos”), que no rechazaban teóricamente la posibilidad de hacer de los sectores populares actores políticos con derechos y deberes ciudadanos, intentaron sentar los cimientos de una comunidad nacional más inclusiva e integrada, especialmente a partir de la Constitución

² John Lynch, *Las revoluciones hispanoamericanas 1810-1826*, Barcelona, Editorial Ariel, 1976, 145-177; Sergio Grez Toso, *De la “regeneración del pueblo” a la huelga general. Génesis y evolución histórica del movimiento popular en Chile (1810-1890)*, Santiago, Dirección De Bibliotecas Archivos y Museos — RIL Editores, 1998, 1ª ed., 177-219; Ana María Contador, *Bandidaje y guerrilla. Los Pincheira: un caso de bandidaje social 1817-1832*, Santiago, Bravo y Allende, 1998; Leonardo León, *Ni patriotas ni realistas: el bajo pueblo durante la Independencia de Chile 1810-1822*, Santiago, Ediciones de la Dirección de Bibliotecas, Archivos y Museos, 2011.

liberal de 1828, en base a los principios de libertad individual, rechazo al despotismo y la “anarquía”, “preferencia por instancias colegiadas como los congresos, las representaciones regionales y provinciales, libertad de expresión y derechos civiles, valoración del sufragio, aunque censitario, aspirando a la construcción futura de un pueblo real capaz de asumir el destino nacional en sus manos”³.

Sin embargo, estas medidas, sumadas al relajamiento de los controles sociales que produjeron las guerras de Independencia y las disputas en el seno de la elite, terminaron exacerbando la paciencia de la clase dominante de la región central cuya cabecera estaba en la ciudad de Santiago. El desfase entre la elite gobernante -que representaba aspiraciones liberales, incluso, incipientemente democráticas— y las conservadoras clases dominantes, se hizo evidente. El conflicto se dirimió mediante una guerra civil. El triunfo conservador en la batalla de Lircay fue la base del poder constituyente que, en 1833, dio sustento legal a la dominación omnímoda y absolutista de esta misma facción de la elite a través de la Constitución de 1833, la más rancia, aristocrática, centralista y excluyente de la historia de Chile. La gran mayoría de la población fue descartada de la vida política activa mediante el sufragio censitario y la exigencia de alfabetización. El control del restringido sufragio por el Ejecutivo a través de diversos procedimientos legales e ilegales, el extenso poder de veto del Jefe de Estado, su ausencia de responsabilidad política, las facultades extraordinarias que recibía el titular de esta función ante cualquier situación que pareciera amenazar el orden social o político, la organización del Consejo de Estado, la preponderancia del Senado con su comisión conservadora, eran otros tantos reflejos del carácter ultra elitista y excluyente del régimen político establecido a través de esta Constitución y de las prácticas políticas asociadas a ella.

El sistema político que emergió del período independentista y se consolidó a partir de la década de 1830 constituyó, en el decir de Julio Pinto y Verónica Valdivia, una suerte de “ficción democrática” ya que:

“[...] en la idealidad el mundo político se ampliaba, aunque en realidad una gran mayoría de la población no cumpliera con las condiciones para ser ciudadanos activos. En esas condiciones, el poder real seguía radicado en los grupos dirigentes, los que asumían los intereses de la sociedad toda, levantándose como encarnación simbólica de dicha soberanía”⁴.

Este régimen político —marcadamente excluyente, incluso respecto de facciones de las propias clases dominantes que no integraban el bloque de poder he-

³ Julio Pinto y Verónica Valdivia Ortiz de Zárate, *¿Chilenos todos? La construcción social de la nación (1810-1840)*, Santiago, Lom Ediciones, 2009, 157.

⁴ *Ibid.*, 81.

gemonizado por la aristocracia terrateniente y comercial de la zona central— respondía a las necesidades del modo de producción colonial primario exportador que se perpetuó en Chile hasta mediados del siglo XIX. No obstante su funcionalidad con los intereses de los sectores dominantes, engendró numerosas tentativas de levantamientos por parte de los derrotados liberales de 1830, además de nuevas guerras civiles -1851 y 1859— que lo debilitaron considerablemente⁵. El bloque conservador que monopolizó el poder durante tres décadas, a pesar de su triunfo sobre los opositores en estas dos guerras civiles, se vio obligado a hacer concesiones, abriendo camino, a comienzos de la década de 1860, a un sistema político más consensual entre las distintas facciones de la oligarquía que comenzaba a formarse como resultado de la fusión de la antigua aristocracia de raigambre colonial y la burguesía en formación en el contexto de la modernización económica y el tránsito de la sociedad chilena desde el modo de producción colonial al modo de producción capitalista. La primera fórmula de gobierno de la nueva fase política fue la “fusión liberal-conservadora”, iniciándose una transición política que apuntaba a la constitución de lo que Tomás Moulian ha caracterizado como un “estado de compromiso oligárquico”⁶. Luego de proceder a trasladar ciertas facultades del Ejecutivo al Parlamento y de instaurar un marco de competencia política regulada entre las facciones de las clases dirigentes, la “clase política” se apretó a ampliar el cuerpo electoral, incorporando sectores hasta entonces excluidos de la vida política institucional. La ciudadanía censitaria tenía sus días contados. Es preciso subrayar que esta transición política coincidió plenamente con la primera fase industrializadora que dio inicio a la transición del modo de producción colonial al modo de producción capitalista (1860-1880)⁷.

Ciudadanía liberal (1875–1925)

En 1874, mediante una reforma constitucional, se dio por supuesto que los hombres mayores de edad que supieran leer y escribir, cumplieran con el requisito de riqueza exigido por el “censo”. De este modo se instauró una suerte de sufragio universal masculino, temperado por las altas tasas de analfabetismo y la práctica masiva del cohecho por parte de los partidos de la oligarquía. El conjunto de reformas liberales de las décadas de 1860 y 1870 dio origen a lo que Moulian ha denominado acertadamente como una “democracia elitaria de negociación”, que entre 1861 y

⁵ Grez, *op. cit.*, 283-376 y 389-426.

⁶ Tomás Moulian, *Contradicciones del desarrollo político chileno 1920-1990*, Santiago, Lom Ediciones, 2008, 13 y 14.

⁷ Gabriel Salazar, *Historia de la acumulación capitalista en Chile* (Apuntes de clase), Santiago, Lom Ediciones, 2003; Luis Ortega Martínez, *Chile en ruta al capitalismo. Cambio, euforia y depresión 1850-1880*, Santiago, Ediciones de la Dirección de Bibliotecas, Archivos y Museos, 2005.

1890, además de las reformas liberales ya mencionadas, efectuó la reforma de la ley de imprentas y el voto de las “leyes laicas” (de registro civil, matrimonio civil y cementerios laicos)⁸.

No obstante, la mutación hacia un régimen más abierto no pudo culminar pacíficamente. Una vez más, la salida a un gran conflicto político se dirimió por la fuerza de las armas. El proceso de traslado de poderes del Ejecutivo al Legislativo (expresión colectiva del poder político de la oligarquía), asociado al modo de reparto de la renta salitrera conquistada por Chile en la guerra contra Perú y Bolivia (1879-1883), se zanjó en 1891 mediante otra guerra civil. La República presidencialista oligárquica fue sustituida por una República Parlamentaria (1891-1925) sui generis que significó la instauración de un sistema regulado y competitivo de “democracia oligárquica” con evidente capacidad de integración y cooptación de ciertas expresiones políticas populares (como el Partido Democrático). El presidencialismo “portaleano” fue completamente anulado y sustituido por una forma de negociación entre las elites políticas —el parlamentarismo— que hasta 1924 aseguró a las distintas facciones oligárquicas un reparto pacífico de las cuotas de poder y de la riqueza salitrera a través del control colectivo y regulado del aparato estatal⁹.

La República Parlamentaria fue la belle époque de la oligarquía chilena, beneficiaria del boom salitrero y de las generosas exenciones tributarias y préstamos a bajísimo interés real, que, a través de su manejo del aparato estatal, se concedió sin miramientos a expensas de las clases medias y de los sectores populares. La “cuestión social” se desarrolló a extremos que pusieron en peligro al propio modelo de dominación. Las demandas populares fueron ahogadas en sangre en 1890, 1903, 1905, 1906, 1907, 1919, 1921 y 1925. A pesar de las masacres perpetradas por las Fuerzas Armadas y policiales, el movimiento obrero se fortaleció, las organizaciones sindicales se extendieron por todo el país y surgieron nuevas formas de representación política de los trabajadores¹⁰. Hacia el término del ciclo de matanzas obreras entre 1903 y 1907, las elites políticas e intelectuales comenzaron a intuir que era necesario una reingeniería política para contener, morigerar y canalizar adecuadamente el descontento proveniente de las clases populares. Esta reflexión de las elites gobernantes —acicateada por el ascenso del movimiento obrero— impulsó el voto de las primeras —tímidas— leyes sociales (entre 1906 y 1919), culminando en la aprobación de una frondosa legislación social en 1924 y en la adopción de una Constitución

⁸ *Ibid.*, 13-19.

⁹ *Ibid.*, 20-23.

¹⁰ Sergio Grez Toso, *Los anarquistas y el movimiento obrero. La alborada de “la Idea” en Chile (1893-1915)*, Santiago, Lom Ediciones, 2007; Sergio Grez Toso, *Historia del comunismo en Chile. La era de Recabarren (1912-1924)*, Santiago, Lom Ediciones, 2011; Sergio Grez Toso, *El Partido Democrático de Chile. Auge y ocaso de una organización política popular (1887-1927)*, Santiago, Lom Ediciones, 2016.

democrático-liberal de corte presidencialista en 1925, como bases del “Estado de compromiso” y de un “Estado asistencial”¹¹.

Ciudadanía democrático liberal incluyente (1925–1973)¹²

En grandes líneas, esta fase corresponde desde el punto de vista económico a la tentativa industrializadora inducida desde el Estado y, en el plano socio-político, de la emergencia de las clases medias y populares como actores de primer orden. Aunque la Constitución de 1925 contemplaba algunos aspectos nominalmente democráticos como la elección de los poderes Legislativo y Ejecutivo mediante sufragio universal alfabeto y masculino de mayores de veintiún años, en la práctica, más de la mitad de la población siguió estando excluida de los derechos políticos durante largos años. Por otro lado, la legislación electoral que aplicó estas disposiciones continuó haciendo posible el cohecho (compra de sufragios) porque hasta 1958 se perpetuó la cédula electoral de partidos, lo que facilitaba enormemente el control de estos sobre los ciudadanos que habían “vendido” sus votos¹³.

Con todo, mediante luchas sociales y políticas cruentas e incruentas, los sectores populares y progresistas lograron, entre mediados de la década de 1930 y comienzos de la década de 1970, una ampliación progresiva de la ciudadanía. Las mujeres ejercieron por primera vez el derecho a voto en las elecciones municipales de 1934, en la década siguiente comenzaron a ejercerlo también en las elecciones parlamentarias y en 1948 se estableció el sufragio femenino en las elecciones presidenciales, lo que se verificó a partir de 1952. El cuerpo electoral siguió creciendo hasta comienzos de la década de 1970 con la extensión del derecho a sufragio de nuevas categorías de personas: analfabetos y los mayores de 18 años. Estas medidas, más la abrogación en 1958 de la Ley de Defensa Permanente de la Democracia, que había mantenido en la ilegalidad al Partido Comunista desde 1948, más la instauración ese mismo año de la Cédula Única Electoral, que hizo prácticamente imposible el cohecho, junto a las reformas sociales y económicas de los gobiernos de Eduardo Frei Montalva y Salvador Allende (1964-1973), hicieron del breve período 1958-1973

¹¹ María Angélica Illanes, “En nombre del Pueblo, del Estado y de la Ciencia (...)”. *Historia social de la salud pública en Chile 1880/1973 (Hacia un historia social del Siglo XX)*, Santiago, Colectivo de Atención Primaria, 1993. 139-215; Sergio Grez Toso, “El escarpado camino hacia la legislación social: debates, contradicciones y encrucijadas en el movimiento obrero y popular (Chile: 1901-1924)”, en *Cuadernos de Historia*, N°21, Santiago, diciembre de 2001, 119-182; Juan Carlos Yáñez Andrade, *La intervención social en Chile y el nacimiento de la sociedad salarial (1907-1932)*, Santiago, RIL Editores, 2008; Felipe Portales, *Los mitos de la democracia chilena, vol. II. Desde 1925 a 1938*, Santiago, Catalonia, 2010, 34-39.

¹² La dictadura de Ibáñez (1927-1931) debe ser considerada como un paréntesis al interior de este período, hito central durante la etapa de asentamiento inicial del Estado de compromiso y del Estado Asistencial (1925-1932).

¹³ Un certero análisis de las numerosas disposiciones antidemocráticas de la Constitución de 1925 ha sido desarrollado por Felipe Portales, *op. cit.*, 39-50.

el único de la historia de Chile en el que el sistema político se aproximó a los estándares universales de la democracia liberal. Esta fue la culminación de un largo ciclo de democratización resultante de duras y costosas luchas sociales y políticas del movimiento popular y los sectores democráticos. No obstante, el modelo de desarrollo, basado en la sustitución de importaciones vía industrialización inducida por el Estado, colapsó tras un cuarto de siglo de crisis galopante (1948-1973), acarreado el derrumbe del sistema político democrático-liberal y la pérdida de derechos sociales de los trabajadores y vastos sectores de la población.

Ciudadanía plebiscitaria bajo régimen dictatorial (1973-1990)

El sistema democrático-representativo dio paso a una ruda dictadura civil y militar. Por su parte, el modelo sustitución de importaciones vía industrialización orientado “hacia adentro” (mercado interno) fue reemplazado violentamente por un modelo neoliberal extremo enfocado “hacia afuera” (mercado mundial de materias primas)¹⁴. La ciudadanía fue suspendida: el Parlamento y los partidos políticos fueron declarados “en receso”; los partidos políticos de izquierda fueron perseguidos, buscando la dictadura aniquilar a sus militantes más activos; todos los cargos representativos del Estado fueron llenados por designación directa de la Junta Militar de Gobierno quien acaparó las funciones ejecutivas y legislativas. Un proceso constituyente de características extremadamente autoritarias y excluyentes se desarrolló entre 1973 y 1980 bajo la conducción sin contrapeso de las autoridades militares y sus ideólogos y asesores civiles¹⁵.

La participación ciudadana quedó reducida a los plebiscitos organizados y controlados por la propia dictadura, en función de su exclusivo criterio, sin apego a norma jurídica ni constitucional alguna. Este fue el caso de los plebiscitos de 1978 (de “rechazo a la intromisión de las Naciones Unidas” en los asuntos nacionales), de 1980 (para aprobar o rechazar la Constitución prohijada por la dictadura) y de 1988 (para determinar si el dictador terminaría su “mandato” en 1990 o si este se prolongaría mucho más allá de esta fecha. Cabe precisar que existieron importantes diferencias entre los dos primeros plebiscitos y el de 1988. Los de 1978 y 1980 se efectuaron prácticamente sin contrapeso al poder de la dictadura: censura de prensa, la carencia de libertades públicas y el clima de terror imperante en el país hicieron de estas coyunturas casi meras parodias de legitimación del poder dictatorial. El

¹⁴ Manuel Gárate Château, *La revolución capitalista de Chile (1973-2003)*, Santiago, Ediciones Alberto Hurtado, 2012.

¹⁵ Una síntesis del proceso constituyente que culminó en la imposición de la Constitución de 1980 en Sergio Grez Toso, “La ausencia de un poder constituyente democrático en la historia de Chile”, en Sergio Grez y Foro por la Asamblea Constituyente, — *Asamblea Constituyente. La alternativa democrática para Chile*, Santiago, Editorial América en Movimiento, 2016, 2ª edición, 49-53.

plebiscito de 1988, en cambio, se desarrolló en un contexto muy diferente debido a la crisis económica de comienzos de aquella década, que había redundado en un prolongado y combativo ciclo de protestas nacionales contra la dictadura entre 1983 y 1987. Los opositores de todas las corrientes y tendencias se habían fortalecido; por lo tanto, el sector mayoritario fue capaz de oponer una sólida organización de vigilancia y control de los resultados electorales que impidió el fraude oficial. Además, la oposición se benefició de una serie de apoyos o de manifestaciones de neutralidad favorable a sus planes, proveniente tanto del extranjero (Departamento de Estado de los Estados Unidos, gobiernos europeos, socialdemocracia y democracia cristiana internacional, etc.) como del propio país (Iglesia Católica) que obligaron a la dictadura a reconocer el triunfo opositor. La derrota electoral del régimen en el plebiscito de 1988 y en las elecciones presidenciales de 1989 fue ampliamente compensada por negociaciones con la oposición moderada que permitió a quienes habían sido los principales soportes y beneficiarios de la dictadura conservar importantes posiciones de poder (incluyendo al propio Pinochet), establecer un sistema político en el cual nada podría hacerse sin su consentimiento y, meollo de la cuestión, mantener el modelo neoliberal de economía y sociedad prácticamente incólume durante décadas¹⁶.

Ciudadanía neoliberal, formalmente ampliada, pero restringida por la creciente desafección popular (1990–2017)

El sistema político resultante de las transacciones recién mencionadas asumió la forma de una democracia representativa sobre la base de la institucionalidad dejada por la tiranía (Constitución de 1980, leyes orgánicas constitucionales, leyes y disposiciones administrativas del período dictatorial). Este sistema ha garantizado durante tres décadas la mantención y consolidación del modelo neoliberal mediante políticas de contención social y pequeñas reformas destinadas a limar algunos aspectos particularmente irritantes para la mayoría de la población.

Si bien, desde el punto de vista formal, la base ciudadana actual es la más amplia de toda la historia de Chile (fue bajo la dictadura que el derecho a sufragio se extendió a las tropas y suboficialidad de las Fuerzas Armadas), un análisis más fino permite apreciar que la democracia se encuentra severamente limitada por una serie de disposiciones constitucionales y legales, además de prácticas políticas derivadas del nuevo contexto neoliberal.

Durante mucho tiempo el elemento antidemocrático más visible fue el sistema binominal de elecciones parlamentarias, vigente hasta 2016, que permitió que los partidarios de la dictadura obtuvieran la mitad de los escaños parlamentarios

¹⁶ Tomás Moulian, *Chile actual: anatomía de un mito*, Santiago, Lom Ediciones, 1997; Felipe Portales, *Chile: una democracia tutelada*, Santiago, Editorial Sudamericana, 2000.

con poco más de un tercio de los sufragios. De este modo, la derecha tradicional, a pesar de ser una minoría electoral, logró durante más de un cuarto de siglo una representación parlamentaria equivalente a la de sus adversarios, impidiendo prácticamente cualquier reforma que no contara con su beneplácito. Solo el cambio de este sistema por el proporcional D'Hondt permitirá, a partir de marzo de 2018, contar con un Parlamento algo más representativo del sentir ciudadano¹⁷, aunque sin llegar a garantizar el ejercicio de la soberanía popular porque esta se ve coartada por un entramado de disposiciones constitucionales como la existencia de un Tribunal Constitucional con atribuciones que lo convierten en una suerte de tercera cámara legislativa y los quórum supramayoritarios establecidos en la Constitución para la aprobación, modificación o derogación de ciertas leyes y disposiciones constitucionales claves en la preservación del modelo socio económico y el sistema político imperante. De esta manera se vulnera la regla de mayoría y la minoría sigue ejerciendo un derecho a veto impropio de un sistema democrático. A lo anterior se suman los requisitos para ser elector o ser elegido, que dejan a miles de personas sin derechos políticos o los restringen por el solo hecho de vivir en el extranjero (en las elecciones municipales y parlamentarias) o, incluso, por ser dirigentes sindicales, además del sistema de reemplazo de las vacancias parlamentarias (no hay elecciones complementarias como hubo hasta 1973, puesto que, a partir de 1990, la decisión la toman las cúpulas partidarias)¹⁸.

A estas restricciones a la democracia, estipuladas explícitamente en la Constitución y en las leyes, deben agregarse carencias como la inexistencia de normas constitucionales que establezcan mecanismos que permitan la participación popular directa en la discusión y decisión de los temas que afectan de manera inmediata a la población pues no existe la iniciativa popular de ley ni el plebiscito de origen ciudadano. Tampoco existen mecanismos ciudadanos de revocación de mandato de los representantes populares (parlamentarios, concejales municipales, presidente de la república, etc.). El procedimiento plebiscitario está extraordinariamente restringido en sus temas posibles, en su convocatoria y realización, de modo que, es prácticamente inexistente (el último se realizó bajo la dictadura en 1989)¹⁹.

Los factores enunciados, sumados a la coadministración del modelo por parte del duopolio hegemónico, han dado como resultado una creciente desafección ciudadana respecto del sistema político. Mientras existió el sufragio obligatorio y la inscripción voluntaria en los registros electorales (hasta 2012), la animadversión o indiferencia ciudadana se expresó en altas tasas de no inscripción (31 %), numerosas

¹⁷ Aunque este sistema es más representativo que el binominal, no beneficia ni a los independientes ni a los subpactos minoritarios, tal como quedó en evidencia en las elecciones parlamentarias de noviembre de 2017.

¹⁸ Grez y Foro por la Asamblea Constituyente, *op. cit.*, 67-73.

¹⁹ *Ibid.*, 70.

abstenciones (a pesar de las sanciones legales) y votos nulos o blancos, resultando de ello elecciones con menos del 50 % de participación del padrón electoral. A partir del momento -2012— en que el voto pasó a ser voluntario y la inscripción en el padrón electoral fue automática desde los 18 años, se produjo un aumento vertiginoso de la abstención, que oscila actualmente entre el 50 % y el 60 %. De este modo, por ejemplo, Michelle Bachelet fue elegida para su segundo mandato presidencial (2014-2018) con apenas un 5 % del cuerpo electoral, Sebastián Peñera, también para un segundo período presidencial (2018-2022) con alrededor del 27 % de los electores potenciales y la mayoría de los parlamentarios con porcentajes aún menores.

Conclusión

Durante dos siglos de vida independiente, Chile ha experimentado una ampliación progresiva de la base ciudadana formal de su sistema político. A partir del último cuarto del siglo XIX, la ciudadanía censitaria oligárquica, excluyente y ultraliberalista de las primeras décadas republicanas, dio paso a una progresiva incorporación de sectores medios y populares a la vida política mediante la instauración del sufragio universal masculino de los alfabetizados. Durante el siglo XX, la democratización de la sociedad, lograda mediante costosas luchas sociales y políticas, permitió la ampliación de los derechos políticos a las mujeres, analfabetos y mayores de 18 años. Es importante señalar que estos hitos en la ampliación de las bases ciudadanas del sistema político chileno coinciden con la implementación de un modelo de desarrollo que apuntó a la sustitución de importaciones mediante una industrialización estimulada desde el Estado, lo que suponía una mayor inclusión política, social y cultural de los sectores excluidos bajo la dominación oligárquica tradicional.

Aunque el largo interludio dictatorial de fines de siglo (1973-1990) no logró revertir este proceso, creó las condiciones para que el nuevo sistema político vigente a partir de marzo de 1990, a pesar de ser formalmente el más inclusivo de la historia de Chile, tuviera una base ciudadana efectiva más restringida que el sistema que colapsó en 1973. La persistente y creciente abstención electoral es tan solo uno de los elementos de este fenómeno. También lo son la baja adhesión de la ciudadanía al régimen democrático (una de las más débiles de América Latina) y el gran desprestigio de los políticos profesionales y de casi todas las instituciones del Estado (Gobierno, Parlamento, Poder Judicial, Tribunal Constitucional, Fuerzas Armadas y policiales, etc.). Por sus características esenciales, el sistema político vigente en el Chile actual puede ser definido como una democracia, tutelada, restringida y de baja intensidad en la que se mantiene el andamiaje institucional de la dictadura y en el cual la democracia se limita a una mera cuestión procedimental bajo hegemonía y vigilancia de los “poderes fácticos” (gran empresariado y Fuerzas Armadas), pues ha sido vaciada de su contenido esencial, la soberanía popular.

Cabe señalar, por último, que las últimas dos fases -la de ciudadanía plebiscitaria bajo régimen dictatorial (1973-1990) y la de ciudadanía neoliberal, formalmente ampliada, pero restringida por la creciente desafección de la población (1990-2017)— coinciden con el modelo de desarrollo neoliberal a ultranza. Sus diferencias se explican por las características de las subfases de este modelo, puesto que la primera de ellas correspondió a la de su implantación mediante terrorismo de Estado y virtual supresión de la ciudadanía. La segunda subfase (desde 1990 en adelante) ha sido la de consolidación del modelo neoliberal mediante políticas de desmovilización popular, clientelismo sectorial, correctivos “sociales” y represión de los movimientos sociales cuando estos desbordan los estrechos márgenes de tolerancia existentes en el Chile actual.

Bibliografía

46. John Lynch, *Las revoluciones hispanoamericanas 1810-1826*, Barcelona, Editorial Ariel, 1976.
47. Sergio Grez Toso, *De la “regeneración del pueblo” a la huelga general. Génesis y evolución histórica del movimiento popular en Chile (1810-1890)*, Santiago, Dirección De Bibliotecas Archivos y Museos — RIL Editores, 1998.
48. Leonardo León, *Ni patriotas ni realistas: el bajo pueblo durante la Independencia de Chile 1810-1822*, Santiago, Ediciones de la Dirección de Bibliotecas, Archivos y Museos, 2011.
49. Julio Pinto y Verónica Valdivia Ortiz de Zárate, *¿Chilenos todos? La construcción social de la nación (1810-1840)*, Santiago, Lom Ediciones, 2009.
50. Tomás Moulán, *Contradicciones del desarrollo político chileno 1920-1990*, Santiago, Lom Ediciones, 2008.
51. Gabriel Salazar, *Historia de la acumulación capitalista en Chile* (Apuntes de clase), Santiago, Lom Ediciones, 2003.
52. Luis Ortega Martínez, *Chile en ruta al capitalismo. Cambio, euforia y depresión 1850-1880*, Santiago, Ediciones de la Dirección de Bibliotecas, Archivos y Museos, 2005.
53. Sergio Grez Toso, *Los anarquistas y el movimiento obrero. La alborada de “la Idea” en Chile (1893-1915)*, Santiago, Lom Ediciones, 2007.
54. Sergio Grez Toso, *Historia del comunismo en Chile. La era de Recabarren (1912-1924)*, Santiago, Lom Ediciones, 2011.
55. Sergio Grez Toso, *El Partido Democrático de Chile. Auge y ocaso de una organización política popular (1887-1927)*, Santiago, Lom Ediciones, 2016.
56. María Angélica Illanes, “En nombre del Pueblo, del Estado y de la Ciencia (...)”. *Historia social de la salud pública en Chile 1880/1973 (Hacia un historia social del Siglo XX)*, Santiago, Colectivo de Atención Primaria, 1993. 139-215.
57. Sergio Grez Toso, “El escarpado camino hacia la legislación social: debates, contradicciones y encrucijadas en el movimiento obrero y popular (Chile: 1901-1924)”, en *Cuadernos de Historia*, N°21, Santiago, diciembre de 2001, 119-182.

58. Juan Carlos Yáñez Andrade, *La intervención social en Chile y el nacimiento de la sociedad salarial (1907-1932)*, Santiago, RIL Editores, 2008.
59. Felipe Portales, *Los mitos de la democracia chilena, vol. II. Desde 1925 a 1938*, Santiago, Catalonia, 2010.
60. Manuel Gárate Château, *La revolución capitalista de Chile (1973-2003)*, Santiago, Ediciones Alberto Hurtado, 2012.
61. Tomás Moulian, *Chile actual: anatomía de un mito*, Santiago, Lom Ediciones, 1997; Felipe Portales, *Chile: una democracia tutelada*, Santiago, Editorial Sudamericana, 2000.

ИБЕРОАМЕРИКАНСКАЯ МОЗАИКА: СУДЬБЫ ИБЕРОАМЕРИКАНСКИХ НАЦИЙ В XIX–XX ВВ.

О. Н. Докучаева¹

Социалистические идеи в понимании Х.Э. Гайтана

Socialist ideas in the understanding of J.E. Gaitana

Резюме: Статья посвящена Хорхе Эльесеру Гайтану — одному из наиболее известных политических деятелей в истории Колумбии и всей Латинской Америки XX в. Научная литература о нем довольно обширна. Однако споры о характере и значимости созданного им в Колумбии в середине 1940-х гг. массового идейно-политического движения до сих пор не утихают.

Ключевые слова: Колумбия; Хорхе Эльесер Гайтан; политический портрет.

Abstract: The paper explores the life and political activities of Jorge Eliecer Gaitan, one of the most prominent politicians in the history of Colombia. There are many debates about the nature and significance of “gaitanismo”, the ideological and political movement created by Jorge Eliecer Gaitan in the 1940s.

Key words: Colombia; Jorge Eliecer Gaitan; political portrait.

В 2018 г.² исполнится 100 лет со дня рождения и полвека со дня гибели одного из известнейших политических деятелей Колумбии — Хорхе Эльесера Гайтана. На родине его помнят как политического вождя самого массового в истории Колумбии народного движения, блестящего адвоката и непревзойденного оратора. За пределами Колумбии о нем знают в основном лишь потому, что убийство и смерть Гайтана вызвали стихийные народные волнения и обернулись трагической гибелью тысяч людей. Эти апрельские события 1948 г. известны как «Боготасо», т. е. «боготинское восстание».

¹ Докучаева Ольга Николаевна, Россия, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки, МГУ им. М. В. Ломоносова (egor@com2com.ru).

² Данные о дате рождения Х. Э. Гайтана расходятся: в документах фигурируют две даты — 1898 г. и 1903 г.

Хорхе Гайтан принадлежит к числу сложных и противоречивых фигур, чьи политические взгляды трудно определить однозначно. И это несмотря на то, что на протяжении всей своей жизни он неизменно был членом Либеральной партии и погиб, будучи ее главой.

Задача данной работы — рассмотреть основное содержание раннего труда Гайтана «Социалистические идеи в Колумбии» и выявить особенности его идейных взглядов на начальном этапе политической деятельности, т. е. вскоре после победы в России Октябрьской революции. В российской историографии изучение мировоззрения Гайтана затрагивалось лишь частично в общих трудах по истории Колумбии.

Гайтан родился и вырос в столице Колумбии Боготе, в семье мелкого торговца и школьной учительницы. Социальная среда, из которой вышел Гайтан, определила направленность его общественно-политических взглядов. Лейтмотивом всей его деятельности стала проблема достижения равенства и социальной справедливости в колумбийском обществе.

В 1918 г. Гайтан вступил в Либеральную партию, примкнув к ее левому крылу. Его политические взгляды того времени хорошо характеризует написанная и опубликованная им в 1919 г. статья «Либеральный социализм (Письмо Луису Техаде)». Она была адресована организатору зарождавшегося в Колумбии социалистического движения³ и носила полемический характер. В ней Гайтан критикует тех, кто считает либерализм несовместимым с социалистической идеологией. Он утверждает, что с начала XX в. происходит постепенная эволюция либерализма в сторону восприятия социальных идей, приспособления его к запросам трудящихся. «Именно в рядах либерализма, — утверждает Гайтан, — нынешнее молодое поколение будет вести борьбу с буржуазией за освобождение труда»⁴. В этой ранней работе Гайтан выступает преемником колумбийских левых либералов старшего поколения (таких, например, как Рафаэль Урибе Урибе), которые уже на рубеже XIX–XX вв. признавали необходимость и возможность так называемой социализации либерализма.

В 1920–1924 гг. Гайтан учился на факультете права и политических наук Национального университета в Боготе и в 1924 г. успешно защитил там выпускную квалификационную работу, которая называлась «Социалистические идеи в Колумбии». Она знаменовала важный этап развития его общественно-политических взглядов. Бесспорно, что сам выбор темы

³ О формировании левого движения в Колумбии см.: Jeifets L., Jeifets V., *El Partido Comunista Colombiano, desde su fundacion y orientacion hacia la "transformacion Bolchevique"*. Varios episodios de la historia de relaciones entre Moscu y el comunismo colombiano // Anuario Colombiano de historia social y de la cultura, Universidad Nacional (Departamento de Historia) (Bogota). 2001. No. 28, 7–38.

⁴ *Obras selectas*. Jorge Eliecer Gaitán. Bogotá, 1979, Vol. 5, 379–381.

исследования свидетельствовал об интересе Гайтана к социализму, что неудивительно. Достаточно сказать, что после окончания Первой мировой войны и в особенности под влиянием революций в России, Германии, Мексике и целом ряде других стран, в это время повсеместно стали возникать называвшие себя социалистическими и коммунистическими партии и группы. И молодой Гайтан стремился сформулировать и выразить свое отношение к ним.

В общем можно сказать, что его отношение к этим социалистическим и коммунистическим организациям в Колумбии⁵ было скорее отрицательным. Гайтан не без оснований полагал, что в Колумбии тех лет не было условий ни для «взятия власти пролетариатом», ни для «срочного построения социализма». Но он понимал, что почва для распространения «социалистических идей», которые он оценивал как общечеловеческие идеи гуманизма, равенства и справедливости, в латиноамериканском регионе может оказаться очень благодатной⁶.

Симпатии простых колумбийцев к социализму Гайтан объяснял прежде всего наличием в стране нерешенных острых социально-экономических проблем. Таких как безземелье крестьян; грубые формы эксплуатации труда; отсутствие современного государственного трудового и социального законодательства; безработица; крайне низкая заработная плата основной массы наемных работников; ужасающие жилищные и санитарно-гигиенические условия жизни большей части трудового населения и т. д.⁷

Одну из острейших проблем современной ему Колумбии Гайтан видел в отсутствии государственных правовых механизмов, гарантирующих «изначальное равенство», т. е. «равенство возможностей для развития всех индивидуумов», что декларировалось либеральными идеологами⁸.

Гайтан возмущался тем, что выходцы из богатых семей имеют привилегии и более высокий социальный статус, даже если «это не связано с личными заслугами, умом и волей», в то время как дети бедняков, «несмотря на блестящие способности и достоинства, не имеют равных с ними возможностей продвижения в жизни». Таким образом, как он считал, нарушается сам принцип свободы. Ведь здоровая конкуренция возможна лишь тогда, «когда люди равны от рождения и в своем развитии получают равную поддержку»⁹.

⁵ См.: Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., «Коминтерн и формирование компартии Колумбии» // *Латинская Америка*, 2008, № 5, 41–61.

⁶ *Obras selectas. Jorge Eliecer Gaitán. Op. cit.*, 119–120.

⁷ *Ibid.*, 75, 78–79, 87–89.

⁸ *Ibid.*, 123–124.

⁹ *Ibid.*, 126.

Молодой Гайтан в своей выпускной работе хорошо показал реальные проблемы тогдашней Колумбии, которая делала первые шаги по пути промышленной индустриализации. Колумбийское общество в тот период являлось еще во многом кастовым и патриархальным, а государство отражало в основном интересы традиционных элит — крупных землевладельцев и торгово-финансовых групп, связанных с экспортной торговлей. И борьбу за обновление, за демократическое реформирование колумбийского общества Гайтан связывал именно с политическим лидерством колумбийской Либеральной партии. Интуитивно, Гайтан правильно понимал насущные потребности страны в демократизации, учете интересов растущего городского и сельского пролетариата, «забытого среднего класса, мелких производителей»¹⁰.

Важнейшей частью работы Гайтана является раздел о происхождении капитала и капитализма.

«Есть ли в Колумбии капитал?» — задает Гайтан вопрос своим читателям. И тут же сам отвечает: «Ответ утвердительный. Однако иметь капитал и быть капиталистом не одно и то же»¹¹. Рабочий имеет орудия труда, они тоже составляют определенный капитал, так как работник, используя их, может создавать с их помощью другие ценности. Но этот «капитал» рабочего — не более чем инструмент, с помощью которого работник производит в небольшом объеме то, что в хозяйственном отношении нужно ему самому: стол или пару ботинок и т. д. С таким «капиталом» невозможно спекулировать!¹²

«Капитал становится капитализмом, когда он уже не является результатом только личного труда, — продолжает Гайтан. — Капитализм — это концентрация капиталов, созданных усилиями всего общества, но ради потребления тех немногих, кто контролирует ресурсы. Эта особая форма богатства, порождаемая эксплуатацией чужого труда. Капитализм создается доминирующими классами, которые навязывают обществу свои правила»¹³.

В итоге Гайтан приходит к очевидному выводу: колумбийцы в подавляющем большинстве уже не являются собственниками той продукции, которую они производят, а работают по найму за зарплату. Основные средства производства (прежде всего земля) монополизированы состоятельным

¹⁰ *Ibid.*, 46–49.

¹¹ *Ibid.*, 44.

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.*, 45–46.

меньшинством. Иными словами это означает, что страна уже развивается по капиталистическому пути¹⁴.

Много лет спустя, в 1947 г., Гайтан, который к тому времени официально возглавил Либеральную партию, получил реальную возможность, опираясь на парламентское большинство либералов, повлиять на правительственный курс консерваторов и действующего президента страны консерватора Мариано Ospina Переса.

Одной из таких эффектных попыток стало внесение летом 1947 г. в Палату представителей Национального конгресса от лица фракции либералов законопроекта «О реорганизации Банка Республики и создании корпорации по кредиту и развитию». Задачей реформы, получившей название «План Гайтана», было установление государственного контроля над финансово-кредитной системой страны с целью ее демократизации и содействия местной промышленности и сельскому хозяйству»¹⁵.

Согласно законопроекту, устанавливался государственный контроль над деятельностью центрального Банка Республики, большинство членов правления которого теперь назначались государством¹⁶. Для осуществления централизованной политики кредитования индустриального, сельскохозяйственного и социального развития предполагалось ликвидировать все старые частные и государственные органы, выполнявшие эти функции, и создать единую корпорацию под контролем государства¹⁷.

По замыслу Гайтана, усиление государственного контроля над центральным эмиссионным банком позволило бы влиять на деятельность частных банков, на формирование цен внутреннего рынка, а также на экспортно-импортную политику и внешнеторговый баланс страны¹⁸.

Однако вышеуказанный проект Национальным конгрессом был отклонен. Депутатов оттолкнул радикализм отдельных пунктов плана. А поскольку парламентское большинство составляли именно либералы, то провал законопроекта свидетельствовал, во-первых, о наличии в среде либералов глубоких разногласий, а во-вторых, о том, что значительная часть конгрессменов-либералов проголосовала против законопроекта. Большинство депутатов сочли его излишне радикальным.

Пожалуй, это действительно было так. Например, согласно проекту Банк Республики получал право обязывать коммерческие банки вкладывать 10 % своих депозитов в бонусы корпорации по кредиту и развитию; вво-

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Ibid.*, 236.

¹⁶ *Ibid.*, 216–217.

¹⁷ *Ibid.*, 227.

¹⁸ *Ibid.*, 236–238.

дились штрафные санкции по отношению к частным банкам, «отказавшим в кредите ненадежным заемщикам», но без достаточно убедительных на это оснований. Кредиты должны были предоставляться под низкий процент (не выше 4 % в год).

«Корпорация по кредиту и развитию» получала право выкупать необрабатываемые частновладельческие земли на основании решения комиссии экспертов, где ведущую роль играли государственные чиновники. Корпорация также имела право продавать выкупленные частновладельческие земли крестьянам в рассрочку для создания затем «аграрных объединений», подчиненных государственному плану. Предусматривалось право государства выкупать до 60 % акций частных предприятий в отраслях, имеющих приоритетное значение, и даже устанавливать предельную норму предпринимательской прибыли (не более 4 % в год от общих затрат на производство)¹⁹.

Резюмируя, отметим, что противники «Плана Гайтана», в том числе многие депутаты-либералы опасались, что его реализация на практике может ограничить право частной собственности граждан в пользу излишнего усиления прерогатив государства.

К сожалению, внезапная гибель Гайтана 9 апреля 1948 г. от выстрела психически неуравновешенного субъекта надолго ввергла Колумбию в состояние глубокого социально-политического кризиса, а затем и внутренней войны. Это в дальнейшем крайне затруднило стране пути экономической и политической демократизации, первые прочные результаты которой проявились только в 2000-е гг.

В заключение, чтобы «перекинуть мостик» к современности, хотелось бы остановиться на двух моментах.

Во-первых, идея Гайтана о дешевом кредитовании предприятий за счет государственных средств как источнике устойчивого роста национальной экономики оказалась весьма живучей. Например, сегодня в нашей стране новые левые политики навязчиво предлагают поручить Банку России обеспечить выдачу кредитов предприятиям под невысокие проценты на осуществление одобренных государством крупных инвестиционных проектов²⁰. Однако такой простой путь лечения экономики посредством денежной эмиссии вряд ли можно признать состоятельным. Дело в том, что наш сегодняшний кризис (как и колумбийский в 1940-е гг.) не циклический, т. е. вызванный кратковременным сокращением спроса, а структурный. Такой кризис вызван существенными недостатками, присущими

¹⁹ *Ibid.*, 225–229, 241, 255, 258–259.

²⁰ Подробно этот вопрос изложен в ежегодном обзоре: *Российская экономика в 2014 г. Тенденции и перспективы*. М.: Институт экономической политики, 2015, 28–31.

самой сложившейся экономической системе. Обычно такие кризисы сопровождаются инфляцией, что сейчас имеет место и в нашей стране. В таких условиях значительная денежная эмиссия может привести лишь к еще большей инфляции в сочетании с падением курса национальной валюты, а значит, не к росту ВВП, а к его дальнейшему снижению.

И второй момент. Современным левым, как и Гайтану, свойственна идеализация социализма как самого справедливого общества. В этой связи только излишне доверчивый человек может сегодня поверить призывам коммунистов национализировать важнейшие отрасли экономики в целях всеобщего блага. На самом деле, пожалуй, нигде и никогда в мире трудящиеся не подвергались такой эксплуатации, как при коммунистических режимах с их государственной собственностью на все средства производства.

И для доказательства не обязательно приводить сложные расчеты, достаточно просто вспомнить сколь удивительно бедно жили и живут люди при коммунистических режимах. Общеизвестны крайние людоедские степени эксплуатации, как то: голодомор в сталинском СССР, режим Пол Пота в Камбодже, современная КНДР. Но даже если вспомнить относительно вегетарианский брежневский СССР, то и здесь бедность бросалась в глаза. Уделом советских людей было убогое жилье, несъедобные продукты в магазинах (гнилая картошка, зеленые помидоры, негодное для питья молоко и т. п.), безвкусно сшитая одежда. Обычные американские джинсы были совершенно недоступны простым людям и служили верным признаком принадлежности их обладателя к элитарной золотой молодежи.

Причина такой бедности состояла в том, что партийно-правительственная номенклатура оставляла трудящимся очень небольшой процент ВВП на уровне необходимого минимума. Основная же доля произведенного продукта шла на изготовление самых современных вооружений и «экспорт революций» в другие страны, т. е., по сути, — на поддержание коммунистических режимов. Собственно, именно эта крайне ничтожная доля производства потребительских товаров в ВВП и являлась, на наш взгляд, показателем коммунистической эксплуатации трудящихся.

Библиография

1. Obras selectas. Jorge Eliecer Gaitán. Bogotá, 1979. Vol. 5, 379–381.
2. Российская экономика в 2014 г. Тенденции и перспективы. М.: Институт экономической политики, 2015.
3. Jeifets L., Jeifets V., «El Partido Comunista Colombiano, desde su fundacion y orientacion hacia la “transformacion Bolchevique”. Varios episodios de la historia

de relaciones entre Moscú y el comunismo colombiano» // *Anuario Colombiano de historia social y de la cultura, Universidad Nacional (Departamento de Historia) (Bogotá)*. 2001. No. 28, 7–38.

4. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Коминтерн и формирование компартии Колумбии // *Латинская Америка*, 2008, № 5, 41-61.

Кубинская революция как первая в мире революция постиндустриального капитализма

The Cuban Revolution as the world's first revolution of post-industrial capitalism

Resumen: La revolución cubana en los años cincuenta del siglo XX es interpretada como la primera revolución del capitalismo postindustrial. Contradicción global entre las estructuras económicas y sociales de tipo industrial y las relaciones postindustriales emergentes fueron localizados en el conflicto entre la élite cubana vieja y los intelectuales jóvenes de la clase media. El núcleo del movimiento revolucionario era formado por los jóvenes burgueses encabezados por Fidel Castro, cuyo programa incluyó el desarrollo económico, la justicia social y la libertad política, y no se basó en la ideología anticapitalista del marxismo. Adopción de la ideología comunista por los líderes de la revolución cubana en los años sesenta condujo a la reducción del desarrollo en la dirección de postindustrialismo y para la establecimiento de un régimen político autoritario.

Palabras clave: postindustrialismo; globalismo radical; Fidel Castro; revolución cubana; desarrollo económico.

Summary: The Cuban revolution of the 1950s is interpreted as the first revolution of postindustrial capitalism. Global contradictions between economic and social structures of industrial type and emerging postindustrial economic and social relations were localized in the conflict between the Cuban old elite and young intellectuals from the middle strata. The nucleus of the revolutionary movement was formed by the middle class young members led by Fidel Castro, whose program included economic development, social justice and political freedoms and did not rely on the anti-capitalist ideology of Marxism. The adoption of communist ideology by the leaders of the Cuban revolution in the 1960s stopped the development towards postindustrialism and led to establishment of an authoritarian political regime.

Key words: postindustrialism; radical globalism; Fidel Castro; Cuban revolution; economic development.

Над феноменом кубинской революции конца 1950-х гг. вот уже более полувека бьются аналитики и политики, пытающиеся объяснить ее причины и характер. Советские идеологи и их кубинские коллеги в Гаване феномен Кубы видели в том, что это — «первая социалистическая революция в Западном полушарии». Американские идеологи и их кубинские коллеги в

¹ Иванов Дмитрий Владиславович, Россия, доктор социологических наук, профессор факультета социологии СПбГУ (dvi1967@gmail.com).

Майами феноменальность событий конца 1950-х гг. видят в том, что причин для социальной революции не было, а установление прокоммунистической диктатуры Фиделя Кастро нарушило нормальное экономическое развитие Кубы. Обе стороны отчасти правы. Кубинская революция действительно являлась в своем роде первой. Но неправы те, кто считают ее социалистической. Превращение режима Кастро в просоветский действительно закрыло перспективу успешного экономического развития Кубы. Но неправы те, кто расценивают кубинскую революцию как «беспричинную» или «необязательную». Просто она была революцией другого рода, оказавшись первой в мире революцией постиндустриального капитализма².

Фундаментальным структурным фактором этой революции было то, что на Кубе новые постиндустриальные производительные силы и соответствующие им производственные отношения вошли в конфликт с институтами, закреплявшими старые, места доиндустриальные производственные отношения. Новые производительные силы — микроэлектроника, телекоммуникации, технологии индустрии развлечений, брендинга и рекламы, культивирование консюмеризма как главного ресурса экономического роста — интенсивно развивались в 1950-х гг. в нескольких анклавах на территории США: Кремниевой долине, Лас-Вегасе, Манхэттене, Голливуде. В них новые продукты и организационные структуры создавались в относительной свободе от господствовавших тогда производственных отношений индустриального типа. И Куба, где не действовали американские законы, также стала удобным местом для внедрения некоторых постиндустриальных технологий и ресурсов. Американские предприниматели, желавшие развивать перспективные проекты, далеко не всегда укладывавшиеся в институциональные рамки на родине, создавали в Гаване и ее окрестностях туристическую индустрию, индустрию развлечений, финансовые структуры. Этот постиндустриальный кластер рос очень быстро: за 1952—1958 гг. число отелей на Кубе удвоилось, расходы туристов утроились³.

Симптоматично, что многие из бизнес-проектов в кубинском постиндустриальном кластере были инициированы или поддерживались американскими мафиозными кланами. Мафия шла в такие постиндустриальные кластеры, как Гавана или Лас-Вегас, потому что они находились на институциональной периферии традиционной индустриальной экономики, и в этих маргинальных экономических зонах оказывалось легче «отмывать» деньги, добытые маргинальными методами. Начало постиндустриальной экономики в этом смысле отчасти напоминает описание Карлом Марксом в «Капитале» того, как в Англии в XVI в. первоначальное накопление капи-

² Иванов Д. В., *Время Че*:

³ Mesa-Lago C., (ed.) *Revolutionary Change in Cuba*. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 1971, 256.

тала и становление доиндустриального капитализма, а затем индустриализация в конце XVIII в. выходили за пределы норм общинной морали, цеховых уставов и королевских законов. Технологии и институты меняются, но логика капитализма остается неизменной.

Характерные для постиндустриального капитализма новые производственные отношения, возникающие в процессе создания виртуальной стоимости и закрепляемые в праве собственности на нематериальные активы, еще только начинали складываться в индустриально развитых странах. И то, что именно на Кубе произошло первое политическое выступление нового революционного класса — маргинальных буржуа в романтическом образе радикальных повстанцев, «конкистадоров будущего», — выглядит парадоксом, не укладывающимся в видение кубинской революции как первой постиндустриальной. Однако именно так проявилась характерная для постиндустриального капитализма логика виртуализации и глобализации производственных отношений.

Когда главный источник добавленной стоимости нематериальные активы (бренды, патенты, ноу-хау, базы данных и т. п.), собственнику выгодно функцию производства материального продукта передавать на контрактной основе в те компании и регионы, где производственные издержки минимальны. Так возникают сетевые структуры и транснациональные корпорации, в которых происходит «рассеяние» традиционной собственности индустриального типа. Распространение сетевых структур американского постиндустриализма и консюмеризма на кубинский кластер в начале 1950-х гг. выделило Гавану из череды примерно одинаковых латиноамериканских столиц и сделало ее главным городом контрастов между новыми и старыми производственными отношениями. Здесь старые производственные отношения (монокультура сахара, латифундии в сельском хозяйстве, американские концессии в промышленности, коррупционные методы заключения и реализации контрактов) оказались в более резком контрасте с постиндустриальными технологиями и консюмеризмом, чем в самих США. Именно этот контраст подпитывал возмущение нового поколения кубинских буржуа, начавших воспринимать свою страну как безнадежно «отсталую», «бедную», «колониальную» и «феодалную». Это хорошо видно в программной речи Фиделя Кастро «История меня оправдает», которая содержит недовольство человека, подходящего к проблемам латиноамериканской страны с мерками развития общества, достигнутого в США и Западной Европе.

Когда Кастро в своей речи, оправдывая попытку вооруженного восстания в 1953 г., говорил о «бедности» и «отсталости» страны, в нем самом говорили амбициозность и продвинутость кубинских революционных буржуа. В речи Кастро называл Кубу отсталой аграрной страной. Но по струк-

туре населения и занятости это была урбанизированная и индустриально развитая страна. К 1953 г. 57 % кубинского населения было сосредоточено в городах, к 1957-му в сельском хозяйстве были заняты только 40 % работников (в 1919-м эта доля составляла 50 %)⁴. Больше половины экономически активного населения были заняты в сфере услуг и промышленности. Конечно, промышленность эта производила в основном сырьевые товары. Но на фоне прочих латиноамериканских стран Куба выглядела лидером развития с относительно высокими показателями потребления и с социальными гарантиями.

Однако и в речи Кастро была своя правда. Обобщенная статистика по стране не показывает существовавший разрыв в уровне развития крупных городов и сельской глубинки, где сезонная безработица достигала 30 % и инфраструктура была развита слабо. Кастро оперировал другой статистикой: 500 тыс. сельскохозяйственных рабочих, имеющих заработок только в сезон рубки сахарного тростника, и 100 тыс. безземельных крестьян, арендующих участки за долю урожая; 200 тыс. лачуг в деревнях и пригородах и 2,8 млн жителей, нуждающихся в электричестве; половина сельского населения — без доступа к школьному образованию и медицинскому обслуживанию.

Не отсталость как таковая, а диспропорции развития порождали на Кубе протесты интеллектуалов, стремившихся мобилизовать массы обездоленных. И анклав постиндустриализма в латиноамериканском захолустье особенно революционизировал сознание маргинальных буржуа вроде Кастро и его последователей. Предлагая стратегию решения социальных проблем, Кастро далеко вышел за рамки традиционной для левых политиков проблематики борьбы с бедностью и отсталостью. Его глобальное видение простирается от выдержанных в духе индустриализма требований аграрной реформы, диверсификации экономики, развития перерабатывающей промышленности и замещения импорта потребительских товаров до очевидно постиндустриальных идей о высокотехнологичных производствах, развитии образования и социальной инфраструктуры, превращении туризма в гигантский источник доходов.

Главным препятствием на пути Кубы к процветанию Кастро считал правительство Батисты, которое квалифицировал как деспотичное, коррумпированное и устранившееся от активной социально-экономической политики. Вторым существенным препятствием представлена у него собственность иностранных компаний. Кастро заявил, что более половины лучших сельскохозяйственных угодий на Кубе принадлежат иностранным компаниям. Это было явным преувеличением. Но присутствие иностран-

⁴ Mesa-Lago C., *Op. cit.*, 279.

ных компаний в кубинской экономике действительно было значительным: 40 % производства сахара-сырца, 90 % горнорудного производства, 80 % услуг электрических и телефонных компаний, 25 % банковских депозитов напрямую контролировались американскими корпорациями⁵. Такая архаичная форма проникновения в национальную экономику воспринималась как колониализм и вызывала протест, поскольку противоречила уже набирающей силу тенденции глобализации, когда вместо прямого контроля собственности из-за границы практикуются инвестиции в местные компании и создание на месте филиалов, являющихся автономными единицами в сетевой структуре транснациональной компании.

Новые производительные силы и производственные отношения глобальны по своему характеру, а сдерживающая их развитие институциональность локальна. Новый революционный класс — альтер-капиталисты, чьи интересы реализуются в постиндустриальной, глобальной экономике, — также формируется глобально, но проявляет себя активно прежде всего там, где локализована сдерживающая развитие институциональность. Поэтому этот класс и проявил себя в середине XX в. в полуколониальной стране — экспортере сахара и импортере практически всего остального. Кубинские партизаны стали революционным авангардом тех новых производительных сил и производственных отношений, которые вызревали в то время в индустриально развитых странах, в первую очередь в США.

Однако этот порожденный новой глобальной конфигурацией производительных сил и производственных отношений авангард постиндустриализма, даже начав вооруженную борьбу, не мог одержать локальную победу, пока на Кубе не сложилась революционная ситуация. Фидель и его последователи отсчитывают начало революции от первого вооруженного выступления — неудавшегося штурма казарм Монкада в июле 1953 г. Но даже высадка на Кубе партизанской экспедиции в конце 1956-го не была началом революции. Настоящая революционная ситуация сложилась на Кубе осенью 1958 г. Не постоянная бедность, с которой давно свыклись сельские пролетарии, а экономический кризис, обрушивший спрос на сахар, уровень занятости и уровень потребления горожан, стал фактором мобилизации масс, включившихся в помощь повстанцам. Именно прямая поддержка масс позволила в ноябре-декабре 1958 г. партизанским колоннам Фиделя Кастро и Эрнесто Че Гевары спуститься с гор на равнину и начать занимать города.

Постоянное давление на режим — обличение коррупции и подавления гражданских свобод, террористические атаки повстанцев и организация забастовок — не могли опрокинуть диктатуру до тех пор, пока осенью

⁵ Mesa-Lago C., *Op. cit.*, 54.

1958 г. Батиста не попытался провести выборы нового президента и тем спровоцировал политический кризис. В ноябре-декабре 1958 г. правящая элита распалась на группы, в разной мере вступающие в контакт с революционерами, но в равной степени саботировавшие выполнение своих функций в институтах власти. Культурный кризис, который возник раньше и лишь достиг своего пика в 1958 г., выразился в бунте молодежи. Вопреки распространенному мифу, кубинская революция не была крестьянской, она была скорее студенческой. Базу движения не только за возвращение гражданских свобод, но за радикальные социальные перемены составили еще упомянутые Фиделем в речи «История меня оправдает» 10 тыс. специалистов, ежегодно покидавших учебные заведения с дипломами, но без надежд на самореализацию. В партизанских отрядах, командиры которых были в возрасте 25–30 лет, было большое количество не просто молодых людей, а тинейджеров, которым было всего по 15–18 лет. Так что кубинская революция лишь в малой степени произошла от бедности крестьян, в гораздо большей степени она произошла от амбициозности и продвинутой молодежи и неустроенных буржуа.

Постиндустриальная по своим структурным основам и молодежная по своей стилистике кубинская революция в 1959 г. вызвала волну энтузиазма у «братьев по классу» — молодых и неустроенных буржуа по всему миру. Когда в апреле 1959 г. Фидель Кастро приехал в Нью-Йорк по приглашению Американского общества газетных издателей, на митинге в Центральном парке его приветствовали более 30 тыс. человек. И эту массу никак не могли составлять крестьяне и рабочие, классовые интересы которых Фидель провозглашал своим приоритетом, но которых просто не нашлось бы в таком количестве на Манхэттене. И чуть позже, в 1960-х гг., успех кубинских революционеров служил вдохновляющим примером для молодежных бунтов и протестных движений в индустриально развитых странах. Так что кубинская революция не продолжала историческую ось Петроград-1917 — Пекин-1949, а скорее начала историческую ось Гавана-1959 — Беркли-1964 — Париж-1968, которая отмечает вспышки революционной активности студенческой молодежи и прочих маргинальных буржуа на пути к постиндустриальному капитализму.

Если рассматривать кубинскую революцию как постиндустриальную, становится понятным, почему она так непохожа на другие латиноамериканские революции и перевороты, на которые столь богат оказался XX в. На Кубе к власти пришли не военные и представители традиционного (аграрного и промышленного) капитала, а маргинальные интеллектуалы, стремившиеся не к собственности, а к управлению глобальными сетями и потоками. Новые революционеры готовы были пожертвовать любыми

структурами старого общества и принести любые человеческие жертвы ради включения страны в глобальные процессы развития. Сами революционные лидеры поначалу называли это стремление «левым национализмом»⁶, но это было данью идеологической традиции, восходящей к временам Симона Боливара и Хосе Марти — героев войн за независимость от Испании. Риторика традиционного национализма звучала нелогично и быстро уступила место той, которую можно обозначить как «левый глобализм». Развитие Кубы все больше походило не на традиционный национальный проект, каких было много в Латинской Америке XIX–XX вв., а на превращение страны в антиимпериалистический проект создания авангарда континентальной или даже глобальной революции.

Стремлением вывести Кубу в мир глобальной конкуренции современных стран из мира бедности и отсталости мотивировались начатые в 1959 г. строго по плану Фиделя Кастро, изложенному в речи «История меня оправдает», радикальные реформы: аграрная, жилищная, промышленная, образовательная. Еще более радикальными были проекты Че Гевары, ставшего в 1961 г. министром промышленности Кубы. В марте 1962-го в программной статье «Задачи революции в сфере промышленности на ближайшие годы» Че дополнил план Фиделя планом интеграции кубинской экономики в мировую систему разделения труда на базе продвинутых технологий — судостроения, сукрохимии (биохимических производств на основе сахарного тростника) и электроники.

И то же самое стремление к включению страны в глобальные процессы привело к Карибскому кризису 1962 г. Именно кубинские лидеры шли на обострение конфликта, даже когда американцы и русские уже пошли на компромисс, договорившись убрать свои ракеты (первые из Турции, вторые с Кубы). И победителями из Карибского кризиса вышли не Кеннеди с Хрущевым, а Фидель и Че: маленькая Куба стала глобальной державой, чей глобальный статус определялся не материальными факторами (ресурсами, промышленным производством, военной силой), но активным формированием по всему миру сетей поддержки для своего проекта создания нового общества. Тем самым кубинские революционеры уже полвека назад создали образец альтернативного глобализма. Но оказавшись в остром конфликте с индустриальным капитализмом и империализмом и не до конца осознавая свой стихийный постиндустриализм и глобализм, кубинские революционеры для выражения своего неприятия старых производственных отношений — крупной частной собственности и империализма — выбрали

⁶ Это определение Че Гевара дал себе и другим кубинским революционерам в интервью журналу «Боэмио» в январе 1960 г. (см.: Тайбо П., *Гевара по прозвищу Че*. М., 2000, 390).

также уже устаревшую идеологическую форму — советский вариант марксизма.

Радикальный глобализм революционеров — носителей нового, глобального сознания создавал альтернативу империализму как политике и идеологии тех, кто движим старым сознанием. Империализм — это стремление к контролю над территориями и запасами ресурсов, и потому он ведет к колонизации *чужих* экономик, культур, сообществ. Глобализм — это стремление к контролю над сетями и потоками (товаров, людей, идей), и потому он ведет к глобализации *своих* экономики, культуры, сообщества. Заданному кубинскими революционерами образцу вывода своей страны «третьего мира» на глобальную арену борьбы за лидерство следовали в 1960-х гг. Вьетнам при Хошимине, в 1980-х — Иран при аятолле Хомейни, а в 2000-х гг. — Венесуэла при Уго Чавесе. Анти— и альтерглобалистские движения в странах Северной Америки и Западной Европы следовали, по сути, тому же образцу в 2000-х.

Но гораздо больше, чем профессиональные революционеры, в следовании образцу радикального глобализма преуспели те топ-менеджеры, которые в 1980–1990-х гг. превратили управляемые ими компании в транснациональные корпоративные сети. И еще более впечатляющим выглядел успех экономических «тигров» и «драконов» — Сингапура, Тайваня, Южной Кореи, — которые при еще худших, чем у Кубы, стартовых позициях экономического развития совершили к 1990-м гг. рывок к постиндустриализму и глобализации. В отличие от Кубы, где движение к постиндустриализму началось раньше, но быстро было свернуто в пользу «строительства социализма», авторитарные режимы в азиатских «тиграх» и «драконах» были последовательны в осуществлении своих постиндустриальных и глобалистских революций сверху.

Таким образом, характер кубинской революции был весьма далек от традиционной марксистской концепции социализма. Но, оказавшись в конфликте с индустриальным капитализмом и империализмом и не вполне отчетливо осознавая свой постиндустриализм и глобализм, кубинские революционеры неприятие собственности и империализма облекли в единственную, казавшуюся тогда подходящей, идеологию — социализм. Социалистической кубинскую революцию Фидель провозгласил в апреле 1961 г., т. е. через два с лишним года после прихода к власти. И это был в большей степени дипломатический ход, нежели идеологический выбор. К тому моменту Куба оказалась в экономической блокаде со стороны США, а буквально на следующий день в районе Плайя-Хирон высадились подготовленные американцами боевики — кубинские эмигранты, рассчитывавшие свергнуть режим Кастро силой оружия. Отряды контрреволюционе-

ров были разгромлены за три дня, но угроза нового вторжения сохранялась. В такой критической ситуации провозглашение кубинского социализма позволило мобилизовать ресурсы СССР и его союзников для спасения и продолжения революции. Но кубинская революция сохраняла черты постиндустриалистской и глобалистской лишь до своего «мирного поражения» в 1963–1965 гг. С этого времени кубинские лидеры стали создавать политический режим и выстраивать экономику по образцу «второразрядного» индустриального общества, каковым был СССР. И революционные интенции уступили место консервативным.

Таким образом, кубинская революция открыла переход в постиндустриальную эру, но сами кубинцы с этого пути попятнулись. Несмотря на такой исход, эта революция молодежи и тинейджеров вдохновила целое поколение, которое теперь принято именовать бэби-бумерами (от английского выражения *baby boom* — «взрыв рождаемости») и которое возросло в 1960–70-х гг. одновременно с ростом консюмеризма, телекоммуникаций и контркультуры. Отсюда — феноменальная по сию пору привлекательность образа кубинской революции, остающегося самым светлым среди всех насильственных трансформаций XX в. Такая интерпретация кубинской революции может показаться экстравагантной. Однако, до того как на ее образ нахлобачили прокоммунистические и антикоммунистические трактовки, она воспринималась именно как феноменальная, из ряда вон выходящая революция.

Библиография

1. Иванов Д. В. Время Че: *Mesa-Lago C.* (ed.). *Revolutionary Change in Cuba.* Pittsburg: University of Pittsburg Press, 1971. P. 256.
2. Тайбо П. Гевара по прозвищу Че. М., 2000.
3. *Szulc T.* *The Cuban Invasion.* N. Y.: Ballantine Books, 1962.
4. Талия Ф. Р. Социалистическая революция на Кубе. М., 1987.
5. Кастро Фидель. Речи и выступления 1961–1963 гг. М., 1963.

Русская революция и ее влияние на левое движение Франции

The Russian Revolution and its Influence at the French Left-Wing Movement

Abstract: The report of R. Kostiuk is dedicated to the impact of the October Revolution 1917 and “soviet factor” on the position of the French Left in the end of 1910 and on the political split of the French section of Worker International. The author pays attention to the different French socialist movements’ attitude towards Bolsheviks domestic and foreign policy and shows the connection between the activity of Communist International and the formation of the French Communist Party in 1920. The writer analyzes the centrist and the right line criticism of the French Social Democracy towards the Bolshevism. This report is based on SFIO sources and French scientific historical literature.

Keywords: French Left; October Revolution; “soviet factor”; Communist Internatioanl; Communist Party; socialist movement.

Resumen: El informe está dedicado al impacto de la Revolución de Octubre de 1917 y al “factor soviético” en la posición de la izquierda francesa de 1910 y sobre la división política de la sección francesa de la Internacional Obrera. El autor presta atención a la actitud de los diferentes movimientos socialistas franceses hacia la política interna y externa de los bolcheviques y muestra la conexión entre la actividad de la Internacional Comunista y la formación del Partido Comunista Francés en 1920.

Palabras clave: Izquierda francesa; Revolución de octubre; “factor soviético”; Internacional comunista; Partido comunista; movimiento socialista.

Русская революция, в особенности ее октябрьская фаза, оказала громадное воздействие на рабочее движение разных государств мира, в том числе и Франции. Очевидно, что раскол социалистического движения, окончательно закрепленный в 1920 г., был предопределен прежде всего внутренними причинами. Однако именно события в России, связанные с Октябрьской революцией, стали мощным катализатором тех процессов в левом движении Франции, которые привели к Турскому расколу 1920 г. На фоне российских событий «сугубо французское движение, выразившееся в росте антивоенного и пацифистского движения, подъеме и радикализации профсоюзной деятельности, новых волнах забастовок со стороны шахте-

¹ Костюк Руслан Васильевич, Россия, профессор СПбГУ, доктор исторических наук (rouslan_k@mail.ru).

ров, металлистов, железнодорожников и работников почт реакции народных масс на кризис, получило совершенно новое измерение»².

Хорошо известно, что Февральская революция вызвала бурные положительные эмоции у активистов рабочего и левого движения во Франции, породив масштабные акции солидарности с русскими трудящимися. Но радикализация политических процессов в отдаленной России вызвала среди французских левых неоднозначную реакцию. Октябрьская революция стала тут важным, переломным событием, поскольку переход власти к Советам во главе с большевиками, первые советские декреты, «красногвардейская атака на капитал», решение Советской страны о выходе из Первой мировой войны — все эти события лишь усилили «разделительные линии» внутри французского левого движения и его главной партии — Французской секции рабочего Интернационала (СФИО).

Отметим, что с конца 1917 г. события, происходившие в России, очень сильно интересовали самые разные слои французского общества, включая и пролетариат. Как писал рабочий-корреспондент печатного органа СФИО газеты «Юманите» из небольшого промышленного северофранцузского городка в начале 1918 г., «в нашем городе все взбудоражены. Обсуждают события в России повсюду — на заводах, на улице, на рынках. Случаются перепалки и даже драки. Рабочие слои приветствуют, буржуа резко осуждают, образованные горожане рассуждают...»³.

Нет никаких сомнений в том, что именно под воздействием Октябрьской революции во Франции серьезным образом возросла социальная мобилизация и обострилась классовая борьба. Так, в частности, в 1918 г. во Франции было зарегистрировано около полутысячи стачек, участниками которых были 176 тыс. чел. Но уже в 1920 г. в забастовках приняли участие в общей сложности свыше 1,3 млн французских рабочих⁴.

Именно под воздействием столь мощной стачечной волны французский парламент был вынужден в 1919 г. удовлетворить старинное чаяние социалистического и рабочего движения — установить на законодательном уровне 8-часовой рабочий день. Безусловно, французские левые, прежде всего социалисты и анархисты, очень активно и целенаправленно работали в среде самых разных отрядов рабочего класса республики — железнодорожников, шахтеров, металлистов, почтовиков, моряков.

Массовый характер в 1918 г. приобрели и антивоенные акции. Под воздействием русского опыта советской власти и рабочего контроля на отдельных предприятиях Франции рабочие пытались установить свои фор-

² *Communistes. La naissance d'un Parti*. Paris, 1998, 21.

³ *L'Humanité*, 1918, 25 février.

⁴ Чернуха В. З. *Становление Французской коммунистической партии*, М.: 1976, 13.

мы трудового самоуправления. В 1917–1919 гг. имели место и выступления революционно настроенных солдат и военных моряков. Очевидно, эти брожения также происходили под влиянием русского опыта.

Заметно возросли организационные возможности и численность ведущего профсоюза страны — Всеобщей конфедерации труда. Также имел место количественный подъем численности самой СФИО. Если в конце 1918 г. численность соцпартии составляла всего 36 тыс. чел., то уже в 1920 г. она возросла качественным образом — до 178 тыс. членов. Значительное число социалистов-«новобранцев» вступило в эти первые годы в ряды СФИО именно под воздействием событий в Советской стране, укрепляя тем самым число сторонников революционного направления в партии. Таким образом, подтверждался тезис о неуклонном повороте влево на примере французского социалистического движения.

Борьба за СФИО

На первых порах «коалиционное», состоящее из разных течений СФИО руководство соцпартии занимало по отношению к Советской России и Октябрьской революции весьма обтекаемую позицию. Это было тем более логично и обоснованно в связи с тем, что внутри руководства СФИО не было полного единства по данной теме. С одной стороны, уже с 1918 г. на своих конгрессах социалисты определенно заявляли о том, что «партия решительно осуждает действия официальной Франции и ее союзников в России, представляющие посягательство на права русского народа»⁵. Такая точка зрения возобладала на национальном форуме французских социалистов в октябре 1918 г., когда в резолюции съезда было со всей определенностью сказано о преступном характере вооруженной интервенции против России. СФИО не только решительно и принципиально осудила действия французского правительства в России, но и сыграла весомую роль в движении солидарности с Советской Россией. В газетах и журналах публицисты-социалисты сравнивали политику французского буржуазного правительства по отношению к России с методами, которых в конце XVIII — начале XIX в. применяли европейские монархи по отношению к революционной Франции.

Следует иметь в виду, что и, помимо вызревания коммунистической тенденции внутри СФИО, во Франции вскоре после Октябрьской революции появились самостоятельные, «автономные» группы, отстаивающие «дело русской революции». В 1918–1919 гг. во Франции действовал ориентированный на «красную Москву» Комитет III Интернационала, издава-

⁵ Дюкло Ж., *Октябрь 17 года и Франция*. М., 1967, 178.

лись просоветские журналы «Большевик» и «Спартак». В конце 1919 г. активисты ряда крайне левых групп, организационно на связанные со СФИО, даже созвали в Париже съезд Коммунистической партии»⁶. Но данная организация следовала анархо-синдикалистским идеям, сумев объединить максимум несколько сотен активистов. В итоге к 1920 г. Коминтерн отказался от финансовой и политической поддержки данного формирования. Также с самого начала солидарность с РСФСР проявила созданная в 1917 г. А. Барбюсом и П. Вайяном-Кутюрье Республиканская ассоциация бывших фронтовиков (АРАС).

И все-таки основной целью Москвы было привлечение на позиции III Интернационала революционно ориентированного актива СФИО и радикальных кругов ВКТ. Очевидно, что военные и политические успехи большевизма в ходе Гражданской войны и интервенции лишь способствовали активизации процессов «коммунизации» французского социалистического движения. Это подтверждают решения очередного съезда СФИО в октябре 1918 г., когда радикальное крыло партии добилось укрепления позиций в партийном руководстве, а его представители получили важнейшие посты (например, М. Кашен был назначен директором газеты «Юманите»).

В апреле 1919 г., уже на внеочередном конгрессе социалистов, обсуждался вопрос о присоединении к только что созданному московскому Интернационалу. Но большинство делегатов этого партийного форума поддержало резолюцию социалистов-центристов, предлагавших бороться за «революционную реконструкцию» II Интернационала и одновременно выстраивать «братские отношения» с Коминтерном. В резолюции упомянутого съезда в таких фразах говорилось о значении Октябрьской революции в России: «Смелость и упорство, с которыми рабочие и крестьяне России борются в невыносимо трудных условиях за осуществление общего идеала социалистов, доказывают, насколько социалистическая партия была права, поверив в русскую революцию и ведя борьбу против преступной интервенции, с помощью которой буржуазия союзных стран хотела и все еще хочет сокрушить ее...»⁷

В течение всего 1919 г. при обсуждении в Национальном собрании вопроса об участии Франции в антисоветской интервенции основная масса депутатов от СФИО выступала за скорейшее прекращение пребывания французских военнослужащих на территории бывшей Российской империи. Классовые забастовки и акции солидарности с Советской Россией в это время шли во Франции параллельно, «рука в руку».

⁶ *SFIO. Dures années, 1917-1920*. Paris, 1995, 202.

⁷ *Ibid.*, 215.

Идея солидарности с русской революцией нашла отражение также в тексте электоральной программы соцпартии, с которой СФИО вышла на парламентские выборы в конце 1919 г. В предвыборной программе партии, в частности, содержался призыв к французскому рабочему классу: «Ваша победа окажет самую большую помощь и послужит лучшей защитой русской революции, против которой без колебания объединились союзные правительства и вчерашние враги, чтобы отнять у миллионов людей, освободившихся от векового гнета царизма, право самим строить свою жизнь в условиях полной независимости и завоеванной свободы...»⁸ На этих выборах победу одержали консервативные силы, но во многом это произошло благодаря массовой анткоммунистической и антисоветской кампании. Однако около четверти активных избирателей отдали голоса кандидатам-социалистам.

В дальнейшем революционная, просоветская тенденция в СФИО продолжала укрепляться. На фоне новой стачечной волны следующий съезд Французской секции Рабочего Интернационала в Страсбурге (февраль 1920 г.) огромным большинством голосов высказался за то, чтобы покинуть II Интернационал. Однако проект резолюции радикального крыла о вступлении в Коминтерн был отклонен.

Тем временем ориентированные на Советскую Россию силы в партии не думали отступать. В 1920 г. в «Юманите» последовательно увеличивался поток позитивных материалов о внутренней и внешней политике советской власти. За этими материалами стояли М. Кашен и Генеральный секретарь СФИО Л.-О. Фроссар. Оба они были приглашены в Советскую Россию, чтобы иметь возможность присутствовать на конгрессе III Интернационала.

Поездка в Советскую Россию заняла у лидеров СФИО несколько недель, в ходе нее они имели возможность побывать в разных местах великой страны, пообщаться с разными коллективами рабочих, крестьян и красноармейцев. В одной из телеграмм из Москвы, обращенных к членам своей партии, Л.-О. Фроссар и М. Кашен писали: «Мы находимся в стране, в которой нет буржуазии и капиталистической эксплуатации. Единственным обладателем власти во всех областях экономики, политики, администрации, самоуправления и правосудия являются трудящиеся. Новые формы общественной жизни возникают у нас на глазах»⁹. Лидеры СФИО были убеждены, что наблюдают в России непрекращающийся ни на сутки процесс построения социалистического общества, в котором центральное место принадлежит труду и трудящимся. Кашен и Фроссар провели несколько личных встреч с В. И. Лениным, что сказалось на развитии их позитивной

⁸ *Communistes...*, 114.

⁹ *L'Humanité*, 1920, 21 juillet.

точки зрения в отношении присоединения французской соцпартии к Коммунистическому Интернационалу.

Для тех радикальных активистов внутри СФИО, кто защищал «про-совесткую» позицию, было очевидно, что революционный процесс в Советской России носит исключительно позитивный характер, они полагали, что защита русской революции и диктатуры пролетариата в России является крайне важным делом, интернациональным долгом любого революционера. Уже по возвращении на родину, выступая на крупном митинге в Париже для социалистов и рабочих, 13 августа 1920 г. М. Кашен заявил: «Для старого социалиста, 30 лет мечтавшего увидеть общество, в котором труд, трудящиеся не подвергались бы эксплуатации, было большой радостью попасть в такую Россию, где власть, вся власть принадлежит трудовому народу»¹⁰.

Можно сказать, что эта поездка в Москву стала переломным моментом во внутрипартийной дискуссии внутри СФИО по вопросу присоединения партии к III Интернационалу. Разумеется, французские социалисты шли на это с открытыми глазами: уже известны были «21 условие», выдвигаемое Коминтерном к партиям-кандидатам в Интернационал, требования Москвы о полной и целостной солидарности с внутренней и внешней политикой Советской России. Это не было чем-то экстравагантным, поскольку революционное крыло в СФИО к 1920 г. безоговорочно поддерживало политику молодого советского государства. Эта тенденция проявилась, в частности, во время советско-польской войны 1920 г.

В конечном счете движение СФИО в сторону Коминтерна принимает практически необратимый характер. И эта тенденция усиливалась по мере массового роста рядов соцпартии в 1919–1920 гг. за счет революционно настроенных активистов.

Турский раскол

Состоявшийся в декабре 1920 г. в Туре съезд СФИО стал «съездом раскола». На нем более двух третей делегатов проголосовала за вхождение в «Московский Интернационал»; данная позиция нашла поддержку в подавляющем большинстве департаментских федераций СФИО. В предложенном прокоммунистическим большинством проекте генеральной резолюции говорилось о принятии «21 условия» III Интернационала и о твердой и принципиальной солидарности с российскими большевиками. На базе большинства сразу же было провозглашено основание Французской секции Коммунистического Интернационала или Французской коммунисти-

¹⁰ *Ibid.* 1920, 14 août.

ческой партии (ФКП), первым Генеральным секретарем которой был избран Л.-О. Фроссар. Новая партия с первого же дня своего существования заявила о полной солидарности с Советской Россией. Сторонники создания ФКП заявляли, в частности: «Мы будем защищать русскую революцию и неустанно выступаем против всех нападков, откуда бы они не исходили»¹¹.

Критика большевизма со стороны французской социал-демократии

Но около трети делегатов турецкого съезда отказались примыкать к III Интернационалу. Те, кто остался на социалистических позициях, сохранил старое название партии, СФИО, сделали выбор вначале в пользу II 1/2, а в 1923 г. — Социалистического рабочего Интернационала, воссоединившего международное социал-демократическое движение. И не последнюю роль в организационном расколе социалистического движения Франции, ведущей левой партии страны, сыграл вопрос об отношении к внутренней и внешней политике Советского государства, к сути и сущности Октябрьской революции.

Наиболее жестко и критично внутри СФИО отнеслись к «большевистскому эксперименту» представители правого направления во французской социал-демократии (А. Тома, М. Самба). Они так и не смогли простить русским большевикам «измены» и выхода России из войны. Представители правого крыла СФИО заявляли: «Можем ли мы поддерживать запрет других социалистических партий, закрытие независимых рабочих организаций, высылку несогласных? <...> Поддерживать все это, присоединиться к таким порядкам — значит сознательно отказаться от гуманистических принципов социализма»¹². Правые социалисты в СФИО жестко осудили разгон большевиками Учредительного собрания. С их точки зрения, результаты внутренней политики советской власти к 1920 г. были чудовищными и ужасными. Видный деятель международной социал-демократии межвоенного периода Л. Блюм писал: «Мы по-прежнему верны диктатуре пролетариата <...> Но то, что мы видим в большевистской России, не дает основания делать вывод о том, что там установлена диктатура пролетариата»¹³.

Таким образом, умеренные круги СФИО с самого начала обсуждения вопроса о присоединении партии к «Московскому» Интернационалу заня-

¹¹ *Ibid.* 1920, 31 décembre.

¹² *Ibid.* 1920, 22 février.

¹³ *Dures années...* 246–247.

ли определенно негативную позицию. Они считали Коминтерн негибким, централизованным и недемократичным учреждением, служащим внешнеполитическим интересам и задачам Советской России.

С точки зрения социалистов-центристов, и особенно тех, кто принадлежал к правому направлению в СФИО, специфический русский опыт не подходил для французского левого рабочего движения, поскольку большевистский эксперимент основывался на буквальном и ложном прочтении трудов Маркса и Энгельса.

Кроме того, правые в СФИО все время винули Коминтерн и его представителей в прямом вмешательстве в дела французского рабочего движения. Уже после организационного раскола социалисты констатировали: «Съезд в Туре при неоднократном вмешательстве Москвы, за которой шло слепое большинство, разорвал единство французского социализма»¹⁴.

Те, кто принадлежал к более влиятельному направлению центризма во французской социал-демократии, признавали, что в общем и целом революция в России носит прогрессивный характер и заявляли о солидарности с нею, осуждая политику официального Парижа, интервенцию, участвующую в акциях солидарности с русским пролетариатом. Видный идейный и политический лидер этого направления Ж. Лонге подчеркивал: «Русский опыт очень важен для нас. Его нельзя абсолютизировать и в то же время нельзя ниспровергать. На мой взгляд, главное, что является ценным, это то, что рабочий класс, рабочая партия достигли власти, и открывается путь к новому, свободному от оков эксплуатации обществу»¹⁵. Социалисты-центристы однозначно выступали за официальное признание Советской России и установление с ней полноценных государственных отношений.

В то же самое время лонгетисты считали, что в своем конкретном воплощении большевистская власть имеет явную тенденцию к дрейфу в сторону авторитаризма, что воплощается в «оттирании» из Советов представителей некоммунистической партии и к наступлению на свободу прессы. С определенной критикой социалисты-центристы воспринимали и национальную политику российских большевиков.

Сторонники Ж. Лонге не были довольны и сверхцентрализованностью Коммунистического Интернационала. Жесткая дисциплина, недопущение туда реформистов, демократический централизм в интересах Москвы не воспринимались социалистами-центристами. Сам Ж. Лонге в данной связи заявлял: «Московские условия соответствуют особой философии — русской философии. Таким образом, III Интернационал тоже будет русским... Для Франции и Англии эти условия неприемлемы... В отноше-

¹⁴ *SFIO*. XIX Congrès national. Rapports. Paris, 1921, 54.

¹⁵ *L'Humanité*. 1918, 19 juillet.

нии России мы проявили чувства самой большой привязанности. Но она в ответ показала нам палку»¹⁶.

В конечном счете, несмотря на личные и неоднократные просьбы Кашена и Фроссара, Лонге все-таки отказался от предложения поддержать трансформацию СФИО в коммунистическую партию. Одновременно именно лонгетисты сыграли решающую роль в том, чтобы повернуть соцпартию в сторону III/2 (!) Интернационала, продолжая и в рамках Франции, и на международном уровне убежденно выступать за единство всех левых и рабочих сил.

Еще раз признавая, что Турский раскол имел массу специфических внутрифранцузских причин, следует в заключение сделать вывод о том, что громадную и ключевую роль в размежевании внутри ведущей левой партии Франции сыграл фактор русской революции и ее последствий. Ведь и в дальнейшем, после 1920 г., вплоть до распада Советского Союза, отношение к внутренней и внешней политике Советского государства являлось той принципиальной проблемой, которая была важнейшим водоразделом между коммунистической и социалистической партиями во Франции.

Библиография

1. *Communistes. La naissance d'un Parti*. Paris: 1998.
2. *L'Humanité*, 1918, 25 février.
3. Чернуха В. З. Становление Французской коммунистической партии. М.: 1976.
4. Дюкло Ж. Октябрь 17 года и Франция. М.: 1967.
5. *SFIO. Dures années. 1917–1920*. Paris: 1995.
6. *L'humanité*, 1920, 21 juillet.
7. *SFIO. XIX Congrès national. Rapports*. Paris: 1921.
8. *L'Humanité*. 1918, 19 juillet.

¹⁶ Ibid. 1920, 25 octobre.

Constructing the new American world — a long and bitter road, 1820–1880

Construyendo el nuevo mundo americano: un camino largo y amargo, 1820–1880

Abstract: The impact of the breakup of the Spanish Portuguese Empires on their component territories has considerable relevance for later cases of post-imperial crisis. The difficulties involved in establishing constitutional government in formerly supranational or absolutist systems has been shared across continents. The issues of the distribution of power, the practical expression of sovereignty (unitary or federal), and the peaceful transfer of power have consistently been outstanding. Hispanic and Portuguese America differed widely in their post-imperial experience, the former adopting republican forms of government and the latter preferring a continuation of the Braganza monarchy. This study also focusses on the contrast within the post-imperial states between liberal institutions and inherited social and legal structures, and between the new state structures and private networks of power.

Key words: American world; imperial state; successor state; Spanish Portuguese Empires.

Resumen: El impacto de la ruptura de los imperios de España y de Portugal en los territorios que los componen tiene una relevancia considerable para los casos posteriores de crisis post-imperial. Las dificultades involucradas en el establecimiento de un gobierno constitucional en sistemas supranacionales o absolutistas han sido compartidas en todos los continentes. Los temas de la distribución del poder, la expresión práctica de la soberanía (unitaria o federal) y la transferencia pacífica de poder han sido consistentemente sobresalientes. La América hispánica y portuguesa difiere ampliamente en su experiencia postimperial, la primera adopta formas de gobierno republicanas y la segunda prefiere la continuación de la monarquía de Braganza. Este estudio también se centra en el contraste dentro de los estados post-imperiales entre las instituciones liberales y las estructuras sociales y legales heredadas, y entre las nuevas estructuras estatales y las redes privadas de poder.

Palabras clave: mundo americano; estado imperial; estado sucesor; imperios portugueses y español.

My aim in this discussion is to examine the consequences of the break-up of imperial states and to identify the difficulties in constructing durable successor states. This is a key historical problem, which has considerable bearing on contempo-

¹ UK. PhD, University of Essex, UK

rary issues. At the heart of this problem is the attempt to establish constitutional government, identifying the obstacles, ambiguities and incompatibilities arising from the struggle. My discussion here focusses on four central and related issues, which throw particular light on this question:

- Challenged Identities: Nation-States and Liberal Citizenship versus Corporation
- Ethnicity, and Community.
- Constitutional Systems or Clientalism and Private Networks of Power.
- The Problem of the Transfer of Power.
- The Problem of the Distribution of Power.

The collapse of the Iberian Monarchies on the American continent in the 1810s and 1820s disaggregated a huge political space formed from the end of the fifteenth century. More than twenty sovereign and independent states replaced the two empires. All of them began their new history divided and weak, with internal and external problems of considerable magnitude, many inherited from unresolved problems of the colonial era.² No certainty existed that the ‘successor states’ would even survive the collapse of empire or remain in their previous form.³ Post-imperial crises of long duration followed collapse. Operating at various levels, they frustrated the construction of viable political structures in the successor states. Disputed institutions, with little claim to legitimacy and weak foundations, raised vital issues of whether personal rule and surviving network linkages would have a greater capability of providing political stability and promoting economic development.

The Latin American example was not, of course, isolated or unique. There would be further parallels during the twentieth century, following, for instance, the collapse of the Ottoman, Russian, and Austro-Hungarian Empires after 1917-18, the disintegration of the British, French, Belgian and Dutch Empires after 1947 and the Portuguese African Empire after 1974-75, and the break-up of the Soviet bloc from 1989 and the Soviet Union itself in 1991. The issues raised in early nineteenth-century Latin America, then, have considerable relevance for the contemporary world. They transcend the differences in historical conditions, cultural context, and geo-

² Iván Jaksic, *Andrés Bello: Scholarship and Nation-Building in Nineteenth-Century Latin America*, (Cambridge, New York, 1997). Frank Safford, “The Construction of Nation States in Latin America, 1820-1890,” in Miguel A. Centeno and Agustín E. Ferraro (eds.), *State— and Nation-Making in Latin America and Spain: Republics of the Possible*, (Cambridge 2013), 25-55. Leandro Prados de la Escosura, “Lost Decades? Economic Performance in Post-Independence Latin America,” *Journal of Latin American Studies (JLAS)*, 41, Part 2 (April 2009), 279-307; see p. 282, “The monetary and fiscal disintegration brought about by independence produced the demise of the larger monetary and fiscal structure in existence, contributed to political fragmentation, and was reflected in weak national administrations and increasing transaction costs.”

³ Jeremy Adelman, “An Age of Imperial Revolutions,” *American Historical Review*, 113 (April 2008), pp.39-40, see 328.

graphical location. Nineteenth-century Latin America certainly provides an earlier test case, which we might well employ as a model against which we can interpret and assess the experience of these later instances between 1917 and 1991.

The new states had to work out their relationship to the European Powers and later the United States of America. At the same time, they had to define their relations with one another.⁴ In several cases, conflicts over disputed frontiers or claimed territory led to war. Brazil and the United Provinces of the Río de la Plata went to war in 1825-28 concerning the position of the Banda Oriental, which would become Uruguay in 1828, Colombia and Peru fought in 1828 over the status of the port of Guayaquil. Furthermore, when Peru and Bolivia, separated by the Spain imperial government in 1776, moved toward reunification as a Confederation in 1836-41, opposition by Chile and the Río de la Plata prevented it.

Challenged Identities: National-State and Liberal Citizenship versus Corporation, Ethnicity, and Community

Little evidence of growing national sentiment or consciousness could be discerned in the Ibero-American territories during the late colonial era. Few insurgent leaders envisaged the fragmentation of existing administrative entities. Simón Bolívar's prime objective had been the destruction of the imperial system and the establishment of a small number of American states, more or less corresponding to the existing territorial units. These new states were to be constitutional and republican. In his Jamaica Letter of 6 September 1815, Bolívar appeared to regard all Spanish America as the 'patria.' His Angostura Address of 1819 reiterated the view that only through unity could Spanish America hope to survive as an independent entity.⁵

In many respects, regional sentiment and corporate identities predominated over any proto-national inclinations. In Portuguese America, the conspiracies in Minas Gerais in 1789, Salvador in 1798 and Pernambuco in 1801 and 1817, all had deeply provincial origins and characteristics. This provincial mentality still characterized Brazilian political life on the eve of Independence in 1822. It was by no means inevitable that Portuguese America would cohere as one unit after the crisis of separation from Portugal.⁶ José Carlos Chiaramonte's essay on the United Provinces of the River after the Revolution of 1810 highlights a comparable problem there. In his perception of the question, three parallel sentiments existed, which

⁴ Javier Ocampo López, *El proceso ideológico de la Emancipación. Las ideas de génesis, la Independencia, futuro e integración en los orígenes de Colombia*, (Bogotá 1980), pp. 41, 220-35, 387-401.

⁵ John Lynch, *Simón Bolívar. A Life*, (New Haven and London 2009), pp. 92-95, 212-16, 245-46. Ocampo López, *Proceso ideológico*, pp. 401-2, 409. Simon Collier, "Nationality, Nationalism, and Supranationalism in the Writings of Simón Bolívar," *Hispanic American Historical Review*, 63, no. 1 (February 1983), 37-64.

⁶ Emilia Viotti da Costa, *The Brazilian Empire. Myths and Histories*, (Chicago 1985), 9.

operated on different levels. First, there was an Hispanic identity, deriving from the shared space of the Spanish Monarchy; second, was provincial identity which early constitutionalists sought to take on board; third, and the least insistent, was a newly forming 'Argentine' identity, absent before 1810.⁷ Let us for a moment pursue these distinctions. The first identity would have differentiated the Spanish Río de la Plata Viceroyalty from the dominions of the Lusitanian Monarchy, its perennial rival. The second explained the deeply-rooted provincial antagonisms, particularly, in the case in the interior provinces towards the littoral and the capitol city, which would carry into the post-Independence decades, and account for the split between federalists and unitarists, which continued at least into the 1860s. The third identity would germinate with the collapse of the Spanish metropolis at the beginning of the nineteenth century and the accompanying, but slow, recognition that the former viceroyalty was henceforth on its own. There were, however, two further important ingredients in this latter perception. In the first place was the inherited belief that the new Argentine state ought by rights to be composed of all the territories within the former viceroyalty, that is, including Paraguay and Upper Peru (Bolivia), not to mention the disputed Banda Oriental. The next was the overriding problem of how to transform a formerly absolutist dependency into a sovereign and constitutional state, which took into account, in a balanced and durable form, of provincial loyalties and identities. The political and legal institution of a Nation would depend on this.

The problem of constructing nations out of former colonies, with distinctive racial, ethnic, and regional characteristics, depended on the emergence of a national sentiment and identity. This proved to be a huge stumbling block for both Hispanic and Portuguese America for much of the nineteenth and early twentieth centuries. Nationalist histories have obfuscated this problem by their portrayal of the colonial era as one of stifling repression of a natural and liberating sense of incipient nationhood. Jonathan Eastwood's study of post-Imperial Venezuela views nationalism as 'a novel phenomenon in the Hispanic world.' It aimed both to transcend regional and ethnic identities, and subordinate individual identities to the broader organism of the nation. Eastwood sees nothing inevitable in the emergence of a Venezuelan nation. Given the regional disparities of allegiance during the conflicts of the Independence era, plurality rather than unity remained the order of the day. Venezuela's secession from Bolivarian Greater Colombia in 1830 was not justified at the time on national grounds but on the pragmatic issue that it would be easier to govern a smaller unit.⁸

⁷ José Carlos Chiaramonte, "Formas de identidad en el Río de la Plata luego de 1810," *Boletín del Instituto de Historia Argentina y Americana, 'Dr. Emilio Ravignani,'* no. 1, 3rd series (1st semester 1989), 71-92: see 71-75, 80-85.

⁸ Reuben Zahler, *Ambitious Rebels: Remaking Honor, Law, and Liberalism in Venezuela, 1780-1850*, (Tucson 2013), 26-27, 37, 40-41. Eastwood, *Rise of Nationalism*, 105-150.

As nineteenth-century political life developed, however, the implicitly revolutionary character of nationalism became evident. It envisaged the destruction of corporate identities, the subordination of religious identities, and the assertion of a primary loyalty to the national state. We can point at that stage to the tactical alliance of nationalism with liberalism in a common anti-corporative endeavour. The Mexican case, between 1855 and 1876, perfectly illustrated this. The Catholic Church, a supranational institution, and the colonial-derived ‘repúblicas de indios,’ had both been protected by the colonial legal system, which provided for juridical recognition of their special status. After Independence, they found their traditional positions challenged in the new republics and were determined to defend their privileges, customs, and practices.⁹

Bolívar’s three Cuzco decrees of 4 July 1825 sought to accelerate the process of the incorporation of the Indian communities into a liberal republic. In Bolivia, where the overwhelming majority belonged to such communities, the new government on 28 September 1831 and 7 February 1834 denied the right of communities to litigate as a collective proprietor. The general weakness of Bolivian governments and the lack of strenuous pressure on Indian lands by private estate-owners ensured that it was not until the 1860s that a more concerted attempt to privatise them was made. This, however, was contested and sporadic. Even so, governments of whatever complexion insisted that Indian-community landownership remained a colonial hangover, an anachronism that should be eliminated.¹⁰

As in the colonial era, Indian defence of community might lead, on occasions, to open confrontation. The Caste War in Yucatán from 1847 onwards was a prime example. Accordingly, élites could never take the disadvantaged majorities for granted. Where Liberal reformers conflicted with community interests and sentiment, popular alignment with opposition chieftains could prove to be long-lasting, especially when joined to the opposition of the Church as well. Rafael Carrera’s dominant position in Guatemala from 1840 until 1865 demonstrated this remarkably.¹¹

⁹ See, for example, Alberto Flores Galindo, “La Nación como utopía,” en *Obras completas*, 4 vols. (Lima 1996), IV, 371-82, where attention is drawn to the absence of a national market in Perú. Alfonso Múnera, *El fracaso de la nación: region, clase y raza en el Caribe colombiano, 1717-1810*, (Bogotá 1998), argues that stronger regional interests, identities and loyalties frustrated the emergence of national sentiment in the Viceroyalty of New Granada. Elías Palti, *La nación como problema. Los historiadores y la ‘cuestión nacional,’* (México 2002), 131-34. Jonathan Eastwood, *The Rise of Venezuelan Nationalism*, (Gainesville 2005), 1-22. Jesús A. Cosamalón, “Identidades políticas locales y cambios en los primeros años de la República en el Perú,” en Cristina Mazzeo de Vivó (ed.), *Las relaciones de poder en el Perú. Estado, región e identidades locales. Siglos XVII-XIX*, (Lima 2011), 215-35, 216, draws attention to greater hostility in Perú in 1821-26 towards other Americans — argentinos, chilenos, o colombianos, — than towards Spaniards.

¹⁰ Irurozqui, ‘*A Bala, Piedra y Palo*,’ 63-66.

¹¹ Ralph Lee Woodward, *Rafael Carrera and the Emergence of the Republic of Guatemala, 1821-1871*, (Athens, GA, 1993). Terry Rugeley, *Yucatán’s Maya Peasantry and the Origins of the Caste War*, (San Anto-

Popular participation in the struggles for Independence in Spanish America obliged the elite sectors of the leaderships of both the Royalist and separatist causes to co-operate with lower-class groups at several levels.¹² After the triumph of the separatist cause in the 1820s, the new republican governments often consisted of coalitions of elite groups and popular figures with their personal following. The long survival in power and influence of José Antonio Páez (1790-1873), President of Venezuela in 1831-35, 1839-43, and 1861-63, perfectly illustrated this. Páez, leader of the wartime *pardos llaneros*, governed with the support of factions of the territorial oligarchy, which benefited from the integration of the cacao and coffee trades into the international market.¹³ In Mexico, furthermore, several former insurgent chieftains, notably Guadalupe Victoria and Vicente Guerrero, became — or, like Nicolás Bravo, aspired to be — Presidents of the Republic, between 1824 and 1830.¹⁴ Finally, the propertied and professional-class elites had to take notice of popular protests against grievances and outright rebellions, usually at provincial and local, levels, if they were to establish some kind of harmony in social and political relations. Given most governments' financial exigencies, this largely resulted from negotiation rather than repression.¹⁵

nio, TX, 1996). Douglass Sullivan-González, *Piety, Power and Politics: Religion and Nation Formation in Guatemala 1821-1871*, (Pittsburgh 1998).

¹² The conflicts of the Independence period revealed the degree and impact of popular participation. Four specific examples illustrated this very well: the Mexican insurgency from 1810, followed by repeated, though localised rebellions from the 1830s into the 1850s; the popular insurrections in Venezuela, which brought down the First and the Second Republics in 1812 y 1814, followed by the adherence of the *pardos llaneros* after 1816 to the separatist cause under Bolívar; the socio-racial conflicts on the Caribbean coast, in the Cauca Valley and south-west of New Granada between 1810 and 1824; and finally, in the Cuzco Rebellion of 1814-15 and its aftermath. What is striking about this popular participation is the capacity for mobilization among rural communities, the persistence of conflicts which had colonial roots, the emergence of local chieftains, and the extent and long duration of popular support for the Royal cause in a distinct number of regions. Germán Carrera Damas, *Aspectos socioeconómicos de la Guerra de Independencia*, (Caracas, tercera edición, 1972). Brian R. Hamnett, *Raíces de la insurgencia en México. Historia regional, 1750-1824*, (México, second Spanish edition, 2010 [Cambridge 1986]). José Escoria, "Haciendas y estructura agraria del valle del Cauca, 1810 -1850," *Anuario Colombiano de Historia social y cultural*, X (1982), 19-38. Aline Helg, "The Limits of Equality: Free Peoples of Color and Slaves during the First Independence of Cartagena, Colombia (1810-1815)," *Slavery and Abolition*, 20, no. 2 (August 1999), 1-30. Marixa Lasso, "Race War and Nation in Caribbean Gran Colombia, Cartagena, 1810-1832," *American Historical Review*, vol. 111, no. 2 (April 2006), 336-61. See also, Gabriel Di Meglio, *¡Viva el bajo pueblo! La plebe urbana de Buenos Aires y la política entre la Revolución de Mayo y el Rosismo*, (Buenos Aires 2007) and by the same author, *Historia de las clases populares en la Argentina, desde 1516 hasta 1880*, (Buenos Aires 2012), 317-30, 355-430.

¹³ Alirio Gómez Picón, *Páez. Fundador del Estado venezolano*, (Bogotá 1978), 121-157. John V. Lombardi and James A. Hanson "The first Venezuelan coffee cycle, 1830-1855," *Agricultural History*, 44 (November 1970).

¹⁴ Lillian Briseño Senosiain, Laura Solares Robles, Laura Suárez de la Torre, *Guadalupe Victoria, primer presidente de México*, (México 1986), 66-122.

¹⁵ See the essays in Friedrich Katz, *Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflict in Mexico*, (Princeton 1988).

The question of the ethno-social composition of the new states centred largely on two overriding issues: who composed the national-state in the process of construction, and what should be the nature of representation? The ethnic inheritance of the Pre-Columbian era and the presence of an Afro-American population in many countries accounted for the complexity of this problem. An on-going struggle developed between the desire of the élites to control the destiny of the new states and shape their character and, on the other hand, the interests of subordinate groups, who saw themselves excluded from the ‘national project,’ even though in numerical terms they constituted the majorities.¹⁶

Although the Cortes of Cádiz abolished Indian tribute in 1811 and the Constitution of 1812 pointed to the future adoption of direct taxation for all the population, this considerable loss of revenue impoverished newly established states, such as the Republic of Peru. The decline of silver production at Cerro de Pasco made this situation even worse. The government responded by effectively restoring the tribute in 1826-27, though calling it a ‘*contribución de indígenas*.’ In future, this levy would raise 75 % of state revenue. The government restored at the same time the colonial-era State Tobacco Monopoly and the sales tax. Under the Constitution of 1834, Indians who owned their own property and were eligible for payment of the ‘*contribución de indígenas*’ were give the vote.¹⁷ The Bolivian government on 22 December 1855 adopted an identical policy, declaring that Indian contributors enjoyed full rights of citizenship. The corollary of this was that Prefects of the cantons should push forward primary education.¹⁸

Constitutional Systems or Clientalism and Private Networks of Power

A prevailing issue during the post-Independence decades continued to be the nature and extent of the franchise in newly established constitutional systems. It would be misleading to portray an across-the-board polarity between ‘élites’ and ‘masses,’ because the propertied and educated groups in society were themselves divided over many issues, and these divisions were experienced as much by clerics

¹⁶ See, for example, Marta Irurozqui Victoriano, ‘*A Bala, Piedra y Palo*,’ *La construcción de la ciudadanía política en Bolivia, 1826-1952*, (Seville 2000), 57-59.

¹⁷ See Heraclio Bonilla, “Peru and Bolivia from Independence to the War of the Pacific,” en *Cambridge History of Latin America*, ed. Leslie Bethell, vol. III, *From Independence to c. 1870*, (Cambridge 1985), 539-82. In Bolivia, Sucre restored tribute in 1826; it lasted until 1882. Weak integration into the world market explained, in part, the long survival of Indian-community landownership. Carlos Contreras, “El impuesto de contribución personal en el Perú del siglo XIX,” *Histórica*, vo. XXIX, no. 2 (2005), 67-106. Jean Piel, *Crise agraire et la conscience créole au Pérou*, (Paris 1982), p. 6: of the total of 1,569,084 pesos received by the Peruvian National Treasury, the sum of 1,326,931 pesos came from indigenous communities.

¹⁸ See Erick D. Langer, “Bringing the Economic Back in: Andean Indians and the Construction of the Nation-State in Nineteenth-Century Bolivia,” *JLAS*, 52, no. 3 (2009), 527-51. Irurozqui, ‘*A Bala, Piedra y Palo*,’ 62.

and soldiers as by civilians and the laity. We have to take into account as well polarities between provincial dominant groups and their counterparts and often rivals, attempting to govern primarily from the perspectives of the centre. Most groups competing for political supremacy quickly appreciated the need to recruit support beyond their number as a means of securing power.

The Cádiz Constitution of 1812 established a process of indirect elections. This was, in part, because it did not lay down any specific criteria of income or property-ownership for the exercise of the vote. An explanation for that may lie in the composition of the Constituent Cortes, one-third of the members of which consisted of members of the lower clergy, who possessed little of either. Equally prevailing in the constitutional thinking of these legislators was the intention to restrict popular influence in the political processes. The Hispanic Liberals of 1810-14, though constitutionalists who argued for equality before the law, were not democrats. Several of their leading members made a point of declaring so, in order to differentiate themselves from French Revolutionary Jacobins. The Cádiz constitutionalists were also not federalists; furthermore, they opposed both revival of the former peninsular kingdoms' distinct institutions, suppressed by Philip V, and any suggestion of autonomy or devolution of power within the American territories.¹⁹

The first Spanish-American constitutions began the process of restricting suffrage, thereby abandoning the broad base envisaged in the Cádiz Constitution of 1812. The Peruvian Constitutions of 1823 and 1828, both of short duration, excluded the illiterate. The latter imposed an income qualification of 800 pesos or an intellectual level equivalent to that of a school teacher as the requirement for the vote. The Venezuelan Constitution of 1830 excluded those who could neither read nor write, that is, the majority of the population. This exclusion lasted until 1858.²⁰ New Granada's first constitution in 1832 restricted the franchise to exclude the majority on grounds of property and income. Its literacy requirement was extended to 1850, due to scant progress in education. The Liberal régime in 1853 established universal male suffrage with direct elections, also providing for the election of judicial officials and provincial governors. This extension encouraged leaders of both parties to recruit popular support in a closely contested struggle. It appears that 40 % of adult males might have voted in the presidential election of 1856. Although electoral fraud probably explained inflated turnout figures, regional variations were wide.²¹ In Bo-

¹⁹ See, for instance: Brian R. Hamnett, *La política española en una época revolucionaria, 1790-1820*, (Mexico City, second edition, 2011 [1985]), 94-146, and, by the same author, *The End of Iberian Rule on the American Continent, 1770-1830*, (Cambridge, New York, 2017), 176-208.

²⁰ Zahler, *Ambitious Rebels*, 36, 53, 55.

²¹ David Bushnell, *Colombia. A Nation in Spite of Itself*, (California 1993), 84, 108, 115-16.

livia, by contrast, domestic servants and the illiterate remained excluded from the vote from 1825 until the Revolution of 1952.²²

Restriction of suffrage, however, did not inevitably signify automatic exclusion from the political processes. The overriding fact was that most of the new sovereign states were in the process of adopting some form of constitutional system as a means of ensuring the participation of the propertied and educated segments of the population in the exercise of power. This, in turn, opened the way for a competition for power between factions or political parties. The necessity of recruiting support at the basic levels of political life became a characteristic feature of the new systems. This meant that, despite restricted electorates and persistent electoral fraud, non-voters were brought into the competitive process, whether as recipients of information, self-identified supporters, spontaneous pressure groups, or mobs organized for electoral occasions. Such phenomena occurred across Latin America. Marta Irurozqui, for example, highlights this in her studies of nineteenth and early twentieth-century practice in Bolivia.²³ In New Granada, following the collapse of Bolivarian Greater Colombia in 1830, constitutions and elections, manipulated by competing factions, characterized the conduct of political life. In general, the transfer of power in New Granada was by means of elections. At the local level, nevertheless, elections provoked violent struggles for hegemony.²⁴

The Problem of the Transfer of Power

Rejection of monarchy and the collapse of the principal judicial institutions of the colonial era in Spanish America raised the outstanding issue of the legal transfer of political power within the new republics. Leaving aside for the moment the cases of Chile and New Granada, the usual practice soon became interventions by army commanders allied with one or other political faction. These were not military interventions, pure and simple, because the armed forces themselves remained divided into factions, and few, if any, interventions took place without civilian initiative and/or support. In general, elections represented a complementary process to the interventions, usually legitimising the change of personality in office. In only a few cases, notably Paraguay and the Río de la Plata, the *caudillaje* of Dr. José Gaspar Rodrí-

²² Irurozqui, 'A Bala, Piedra y Palo,' 16-17, 58.

²³ Irurozqui, 'A Bala, Piedra y Palo,' p.7, and see also "La alquimia democrática. Ciudadanos y procedimientos representativos en Bolivia (1825-1879), *Histórica* [Lima], vol.32 (2), (2008, 33-70.

²⁴ David Bushnell y Neil Macaulay, *The Emergence of Latin America in the Nineteenth Century*, (Oxford 1988), 95-102, 108-11. Malcolm Deas, "La presencia de la política nacional en la vida provinciana, pueblerina, y rural de Colombia, en el primer siglo de la república," en Marco Palacios (ed), *La unidad nacional en América latina. Del regionalismo a la nacionalidad*, (México 1983), 149-173.

guez de Francia (1813-1840) or Juan Manuel de Rosas (1829-1852) seemed more like dictatorship than informal leadership.²⁵

Let us briefly examine the case of the River Plate territories. The impact of the Cisplatine War of 1825-28 with the Empire of Brazil contributed to the downfall of the régime of Bernardino Rivadavia, which had been precariously based on the financial and commercial interests of the city of Buenos Aires. Rivadavia's fall brought an end to the Constitution of 1826. The centralist tendencies of this constitution had angered provincial chieftains, who thereafter supported the type of informal administration which Rosas appeared to promise. Although the growing livestock interests of the province of Buenos Aires provided the base of Rosas's power, his régime was always sustained by violence. He ruled less through institutions than informally through arrangements with the other provincial chieftains. The régime's long duration may be explained by the fact that it coincided with the opening and expansion of the pampas and the consequent flourishing of the export trade in livestock products, especially after 1837. The rural and provincial model replaced the capital-city based liberal constitutionalism attempted under Rivadavia. Rosas maintained an army of 20,000 men and a militia of 15,000 to reinforce his authority. Fear and extra-legality characterised the provinces of the Río de la Plata during these long years.²⁶ The fall of Rosas in 1852 ultimately contributed to the restoration of the earlier Rivadavia project after the 1860s. This inevitably resulted in renewed conflict between the capital and the provinces. The *rosista* experience implanted in the Argentine Republic a profound contradiction in the political processes between authoritarianism and constitutional legality.²⁷

Although strong personalities were not lacking in either Chile or New Granada, those two countries avoided the predominance of *caudillos* and the experience of dictatorship. Forms of constitutional government enabled the alternation in power of varying political factions or incipient parties as a result of elections with a limited suffrage. In Chile, Diego Portales and the Conservative Party succeeded, after 1829, in stabilising the country's agitated political life. The party, however, represented the interests of the landowners of the central valleys, beneficiaries of the expansion of the wheat trade, and the large-scale merchants of Valparaíso. Chile's relatively small size in the period from 1830 to 1880, combined with a socio-ethnic stratification less diversified than those of Peru, Bolivia or the River Plate, facilitated a less painful political integration than in those other countries. While it is correct to say that in

²⁵ See John Hoyt Williams, *The Rise and Fall of the Paraguayan Republic, 1800-1870*, (Austin 1979), 19-99.

²⁶ David Rock, *Argentina 1516-1987, From Spanish Colonization to the Falklands War and Alfonsín*, (London 1987), 101-107. In 1830, the territory was divided into 14 provinces.

²⁷ Tulio Halperín Donghi, *Politics, Economics, and Society in Argentina in the Revolutionary Period*, (Cambridge 1975), 308-402. John Lynch, *Juan Manuel de Rosas (1829-1852). Argentine Dictator*, (Oxford 1981), 23-91.

Chile a constitutional system functioned in the decades between Independence and the War of the Pacific, only 2 % of the population had the right to vote in the eleven congressional elections that were held between 1833 and 1864. Even though artisans possessed the vote, elections were manipulated by the government. The Constitution of 1833, which lasted until 1929, awarded broad powers to the President of the Republic and centralised political life under eight provincial Intendants appointed by him. Although qualitatively different from the *rosismo* prevailing in Argentina, these factors meant, nevertheless, that Chile was governed through an authoritarian form of constitutionalism.²⁸

Portales and the Chilean Conservatives expelled the military liberals from power and made the civil militia greater in number than the regular army.²⁹ In Mexico between 1832 and 1855, the principal military chieftains, Antonio López de Santa Anna, collaborated with liberals and centralists at different times before his final fall in 1855. Both his attempts at dictatorship, in 1842-44 and 1853-55, ended in failure, through insufficient political support, regional hostility, and financial straits. Benito Juárez, Liberal President from 1858 to 1872, sought to assert the supremacy of the civil power over Army and Church, but depended on the Liberal Army in the civil wars of 1858-67. Capital-city civilian Liberals ultimately failed to prevent General Porfirio Díaz from taking power in 1876-77, with the assistance of anti-centralist Liberal radicals. Díaz's personalist régime after 1884, built on divisions within the Liberal camp, survived until the Revolution of 1910-11. *Porfirismo* undermined the Federal Constitution of 1857, stunted institutional development, and thwarted any possibility for the Liberal Party to become a permanent governing party, in the way that the revolutionary party (PNR, PRM, PRI) was to be between 1929 and 1990.³⁰

The final defeat of the Royalist Army in Peru in 1824-25 left the country thereafter at the mercy of the Armies of Liberation. Several Royalist officers changed sides in 1821 — Luis José Orbegoso, José de la Mar, Agustín Gamarra (1785-1841), Andrés Santa Cruz, y Ramón Castilla (1797-1867), all of them future presidents.

²⁸ Simon Collier, "Gobierno y sociedad en Chile durante la 'República Conservadora' 1830-1865," *Boletín del instituto de Historia Argentina y Americana 'Dr. Emilio Ravignani,'* Tercera Serie, núm. 2, (1a semestre de 1989), 115-126. Sarah Radcliffe and Sallie Westwood, *Remaking the Nation. Place, Identity and Politics in Latin America*, (London 1996), 46, argue that only 5 % of Ecuador's population voted in elections before 1883.

²⁹ Collier, "Gobierno y sociedad," 121.

³⁰ There is considerable literature concerning these issues: see, for instance: Emilio Rabasa, *La Constitución y la Dictadura. Estudio sobre la organización política de México*, (Mexico City 1956 [1912]); Josefina Zoraida Vázquez (coordinator), *Interpretaciones del periodo de Reforma y Segundo Imperio*, (Mexico City 2007); Laurens Ballard Perry, *Juárez and Díaz: Machine Politics in Mexico*, (DeKalb 1978); Brian R. Hamnett, "Liberalism Divided: Regional Politics and the National Project During the Mexican Restored Republic, 1867-1876," *Hispanic American Historical Review*, 76:4 (November 1996), 659-689; Luis Javier Garrido, *El Partido de la Revolución institucionalizada: la formación del nuevo Estado en México (1928-1945)*, (Mexico City 1982).

Castilla dominated Peruvian politics from 1844 until his death in 1867. He oversaw the abolition of slavery in 1854 and the implementation of the Constitution of 1860, which remained in force until 1920. Allied from the beginning with political and intellectual figures such as José Faustino Sánchez Carrión or Francisco Luna Pizarro, army commanders held the presidency until 1872. This situation, however, could not be described as a triumph of militarism, since all of them acted within the context of a constitutional system.³¹

A comparison of the social origins and political roles of Tomás Cipriano de Mosquera (1798-1878) in New Granada and Páez in Venezuela, during a similar period of time reveal essential differences in the political processes of these contiguous northern South-American countries. Mosquera sprang from the landed élite of Popayán, which derived its wealth since the seventeenth century from the gold deposits of the Pacific hinterland, worked by slave labour. After a military career, he became Intendent of the Cauca in 1828 and President of the Republic in 1845-49, senator in 1855-57, and president again in 1861-64 and 1866-67. In alliance with liberal factions, Mosquera presided over a liberal reform era, which saw the first federal Constitution in 1853 a series of anti-clerical measures. This period reached its culmination with the promulgation of the radical federalist Río Negro Constitution of 1863. Removed from power in 1867, Mosquera returned as Gobernador of the Cauca Province in 1871 and its senator in 1876-77.³²

Páez, in contrast, had been a cattle-rancher on the Apure Plains in the Orinoco Basin, who rose to become chieftain of the Mixed-Blood Plainsmen (*pardos llaneros*) during the Venezuelan Wars of Independence. After 1817, he acted as Bolívar's principal lieutenant. Victor at the Battle of Carabobo in 1821, Páez extinguished Royalism in Venezuela. It was he who became the principal beneficiary of the breakup of Greater Colombia in 1830. President in 1831-35, 1839-43, y 1861-63, Páez continued to be the most influential political figure in the country during the intervals, when other major leaders, such as Carlos Soublette (1837-1839) and the Monagas brothers (1848-58), held the Presidency. Páez maintained his position in alliance one or other faction of the landed oligarchy, which, already weakened by wartime

³¹ Cristóbal Aljovín de Lozada, *Caudillos y constituciones. Perú, 1821-1845*, (Lima 2000). Paul Gootenberg, *Between Silver and Guano. Commercial Policy and the State*, (Princeton 1989), 11-12, 68-99. Gamarra, President 1829-33, 1839-41; Castilla, President 1844, 1845-51, 1855-62, 1863. The Army saw itself as the principal defender of national identity and unity.

³² David Bushnell, *The Making of Modern Colombia. A Nation in Spite of Itself*, (California 1993), pp. 50-73. Javier Ocampo López, *Colombia en sus ideas*, 2 vols., (Bogotá 1999), vol. 11, 751-52, 765-66. The States of Panamá and Antioquia were created in 1853 and 1856, respectively, making a total of eight States. In accordance with the Constitution of 1853, the provinces elected their own governors. The country would henceforth be known as the 'Confederación Granadina' from 1858. See also Safford, "The Construction of National States," pp. 50, Mosquera in 1847 invested government funds to promote two steamboats on the Magdalena River.

disaster, still predominated in post-colonial society. Although Venezuela survived as an independent state, the country never resolved the problem of the transfer power by legitimate means. Effectively, *caudillos* ran the country. From the 1830s, cacao and coffee merchants prospered. Venezuela appeared to be more deeply integrated into the world market than New Granada, until at least the 1850s, when the latter's coffee economy began to develop.³³

The Problem of the Distribution of Power

How should sovereignty be expressed in practice? Should it be indivisible or could it be plural? The French Revolutionary Constitution of 1791 asserted that sovereignty was indivisible, which meant that power would be exercised from the centre and the country divided into Departments under government-appointed Prefects.³⁴ The Spanish Liberal Constitution of 1812 concentrated power in the Cortes at the imperial centre and allowed no devolution of power whether to the peninsular regions or to the American territories in the form of home rule. Despite this unitarism, considerable differences existed between and within the regions, and between the provinces and the administrative centres within the American Empires. This was so, well before Independence. The resolution of these tensions became another of the overriding difficulties facing the new American states.

In Mexico, regional sentiment sought from the beginning an institutional expression through federalism, which, in turn, became closely aligned with Liberalism. Timothy Anna, for instance, argues that Mexican federalism was neither an importation nor an imagined preference, but a pragmatic compromise between conflicting interests.

“In Mexico, the ‘national project’ took the form of a federal republic. One cannot understand federalism without starting with the provinces...And I believe that nations are not so much imagined as they are forged; that is, they are the result of the political and social processes by which the institutions of government and administration are established that conform with the existing identities, institutions, and history of a territorial space...In the light of the long continuation of colonial control in Mexico, the creation of a federal republic of sovereign states can be seen... as the attempt to define a nation out of many long-standing regional identities.”³⁵

³³ Alirio Gómez Picón, *Páez. Fundador del Estado venezolano*, (Bogotá 1978), 121-157.

³⁴ See J. M. Roberts and R. C. Cobb (eds.), *French Revolutionary Documents*, vol. 1 (Oxford 1966), p. 350, for Title III, Art. 1: “La Souveraineté est une, indivisible, inaliénable et imprescriptible. Elle appartient à la Nation; aucune section du Peuple, ni aucun individu, ne peut s'en attribuer l'exercise.”

³⁵ Timothy E. Anna, *Forging Mexico, 1824-1835*, (Lincoln and London 1998), pp. x and xii. See also, Josefina Zoraida Vázquez (coordinator), *El establecimiento del federalismo en México (1821-1827)*, (Mexico City 2003).

Control of fiscal resources became the principal bone of contention during the first federal republic and contributed significantly to its collapse in 1835-36. The prosperous silver-mining state of Zacatecas in the Mexican centre-north, under the liberal-minded Governor Francisco García, sought through its civic militia to defend itself from the central government, until defeat by the Federal Army in 1835.³⁶ Centralist regimes between 1836 and 1846, attempted to eliminate hostile centres of regional power by removing altogether the federal structures, with their state legislatures, judiciaries and elected governors. The centralist solution lay in the construction of departments under officials appointed by the president. Department assemblies, elected on a narrow franchise replaced the broader state legislatures. Many municipalities were suppressed. This renewed attempt to assert the political supremacy of Mexico City aroused fierce opposition in the provinces and newly disenfranchised localities. Central government fiscal pressures in the form of direct taxation from 1842 (*capitación*) provoked a series of rebellions across the centre-south in defence of local autonomy.³⁷

In Colombia, the liberal hegemony of the period from 1849 to 1880 coincided with the opening of the economy and the first coffee boom after 1870. The federalism of this era culminated in the radical-Constitution of Río Negro in 1863, which established nine States, but it proved unworkable since it further disaggregated the already disparate provinces of the country.³⁸ The Liberal collapse in the electoral turnout of 1880 brought the Conservative Party to office. The Constitution of 1886, product of the alliance between Conservatives and Independent Liberals led by Rafael Núñez, demolished the federal system but also restored the predominant position of the Catholic Church. This Constitution though much amended, remained in force until 1991. The States of the Liberal era were replaced by Departments, the governors of which would be appointed by the President. The franchise was limited by literacy qualifications for national elections. In such a way, later nineteenth-century Colombia took a different course from the Mexico of the Post-Reform era. It can also be said, that Colombia's oligarchic constitutionalism avoided the personal rule of a repeatedly re-elected leader such as Porfirio Díaz from 1884 to 1911, and the type of *caudillismo*, which continued in Venezuela. Even so, a series of civil wars between those in power and those excluded from it characterised the long

³⁶ Josefina Zoraida Vázquez, "El federalismo moderado al fracaso radical: Zacatecas," in Josefina Zoraida Vázquez and José Antonio Serrano Ortega (coordinators), *Práctica y fracaso del federalismo mexicano (1824-1835)*, (Mexico City 2012), 259-90.

³⁷ Peter F. Guardino, *Peasants, Politics and the Formation of Mexico's National State: Guerrero 1800-1857*, (Stanford 1996), 147-77.

³⁸ Robert Gilmore, *El federalismo en Colombia, 1810-1858*, 2 vols., (Bogotá 1995).

period of Conservative predominance until 1930. In the provinces and localities, political parties transformed into rival armed bands.³⁹

In Venezuela, the Federal Wars from 1859 to 1863, involving questions of political economy, appeared to end in a federalist victory, as the 1864 Constitution suggested. However, fighting continued until, in 1870, General Antonio Guzmán Blanco finished with federalism and established a form of *caudillismo nacional*, which lasted until 1908, guaranteeing political stability and enabling the expansion of the economy.⁴⁰

Brazil, in contrast to the Spanish-American republics, retained monarchy at Independence from Portugal in 1822, under the same Braganza dynasty, though in a different form. Such a course appeared to provide the Brazilian Empire with the prospect of greater stability and unity. Reality, however, proved to be considerably different. Brazil did not escape the political divisions experienced in Spanish America, particularly the regional polarities and the constitutional conflicts which reflected them. A series of rebellions in the provinces, beginning in Minas Gerais in 1789 and continuing into the 1850s, responded to central-government pressures from Rio de Janeiro. Most of them reflected the different perceptions and interests and ethno-social composition of the north-east and north, increasingly marginalised since the transfer of the capital from Salvador (Bahia) in 1763. The most serious revolts there were in Pernambuco in 1817 and 1824, Bahia in 1835, the Salvador *Sabinada* of 1837-38, and the *Balaiada* Rebellion in Maranhão in 1839-41. The rebellion of longest duration, the *Farroupilha* Rebellion (1835-45), however, took place in the far south, in Rio Grande do Sul.⁴¹

The Brazilian Constitution of 1824 had been granted to the country by the Emperor Pedro I on the model of the *Charte Constitutionnelle* of 1814 granted to France by Louis XVIII. It lasted until the Republic, created in November 1889, adopted a federal system in 1891. Although departing from the more radical draft of 1822, Pedro I's constitution enfranchised free adult males, that is, it included those blacks who were not slaves. Indirect elections and a substantial income requirement, however, considerably modified this multi-ethnic provision. The Constitution sought to

³⁹ Marco Palacios, *Coffee in Colombia, 1850-1970. An economic, social, and political history*, (Cambridge 1980), pp. 1-24, James William Park, *Rafael Núñez and the Politics of Colombian Regionalism, 1863-1886*, (Baton Rouge 1985), 153-155, 182-264. Bushnell, Colombia, 140-43.

⁴⁰ R. P. Matthews, *Violencia rural en Venezuela, 1840-1858: antecedentes socio-económicos de la Guerra Federal*, (Caracas 1977). See also Robert L. Gilmore, *Caudillism and Militarism in Venezuela, 1810-1910*, (Athens, Ohio, 1964), 41-45, 59-65, 85-87.

⁴¹ Kenneth R. Maxwell, *Conflicts and Conspiracies: Brazil and Portugal, 1750-1808*, (Cambridge 1974); João José Reis, *Rebelião escrava no Brasil: a história do levante dos malês (1835)*, (São Paulo 1986); Roderick J. Barman, *Brazil. The Forging of a Nation, 1798-1852*, (Stanford 1988), 31-33, 35-37, 59-61, 121-23, 182-84, 195-98, 200. Matthias Röhrig Assunção, *De Caboclos a Bem-te-Vis. Formação do campesinato numa sociedade escravista: Maranhão, 1800-1850*, (São Paulo 2015), 352-66.

bind the disparate provinces together by concentrating executive power in the Emperor, who also appointed the provincial governors. He also acted as the Moderating Power, designed to enable him to mediate in conflicts between other organs of government. In the bicameral legislature, members of the Senate held office for life. The fall of Pedro I in April 1831, however, opened a new phase of virtual republican and parliamentary government, and the Additional Act of 1834 modified the centralist structure. Under the Emperor Pedro II (1841-89), the voting system fell under the control of judges and police chiefs, ensuring that the government would secure the outcome it wanted. Educational levels remained low, while slavery sustained the expansion of the coffee sector until final abolition in 1888.⁴²

Final Reflections

The struggle to work out viable forms of constitutional government during the nineteenth century distinguished Latin America from the experience of the Central and Eastern-European dynastic empires.⁴³ The overriding problem which many constitutional and liberal systems encountered, whether in Europe or Latin America, was how to prevent their reformed structures and reforming measures from being reversed by changes of régime. In Mexico, two bitter civil wars were fought over the Reform measures. Juárez's Liberal administration twice lost control of the capital city — in 1858-61 and 1863-67. The final victory of the Liberal Army kept conservatives out of power for the rest of the century. Partisans of the personal rule of Porfirio Díaz justified the regime on the grounds that it kept the clericals out of power. For an entire century, then, the fundamental problem was: how compatible were Liberal reforms and constitutional government?

The transformation of primary loyalties to *patria*, corporation, or community into national identity only took place sporadically and at different rhythms according to country, province and locality. Indigenous identities, traditions and languages complicated this process, as the experience of Mexico, Guatemala, Ecuador, Peru and Bolivia illustrated. Afro-American identities remained strong in Brazil, which retained negro slavery until 1888.⁴⁴ Nationalism had not played a significant

⁴² David Bushnell and Neil Macaulay, *The Emergence of Latin America in the Nineteenth Century*, (New York and Oxford 1988), 152-60, 174-75, 256-62.

⁴³ In 1809 and 1818, two proposals for constitutional government were made to Tsar Alexander I (1801-25). Neither was implemented. The Tsar granted a form of constitutional government to the Kingdom of Poland in 1815 but the Rebellion of 1830 led to its nullification in 1832. The attempted seizure of power by the 'Decembrists,'— intellectuals, Army officers and nobles — Influenced by the Spanish Constitution of 1812, in December 1825, was crushed by Nicholas I (1825-55). Hugh Seton-Watson, *The Russian Empire, 1801-1917*, (Oxford 1967), 72-76, 157-60, 183-98. Dominic Lieven (ed.), *Cambridge History of Russia*, II. *Imperial Russia, 1689-1917*, (Cambridge 2006), 124-26.

⁴⁴ Palti, *La nación como problema*, pp.134-36.

role in the Independence struggles. It became, in many respects, an artificial construction from the top levels of political life *after* Independence, usually excluding the ethnically diverse majorities from the ‘nation.’ National sentiment, in the main, developed later, often stimulated by external factors, such as the War of the French Intervention in Mexico (1862-6), the War of the Triple Alliance (1864-70) between Paraguay, Brazil and Argentina, and the War of the Pacific (1879-83) between Chile, Peru and Bolivia. The expansion and character of education would play a major role in developing national identities and historical consciousness.

Our investigation of the post-imperial world in the Latin America of 1820-1880 suggests a comparative relationship to twentieth-century issues deriving from similar situations but differing conditions. The transformation of formerly absolutist states into constitutional republics with regular elections, effective suffrage, changes of governing party, the separation of powers, and the supremacy of the civil law has, for example, has proved, in many cases, to be extraordinarily difficult, whether in Europe, Asia, Africa, or Latin America after the collapse of dictatorships, traditional monarchies, or one-party rule.

Bibliografía

1. “La alquimia democrática. Ciudadanos y procedimientos representativos en Bolivia (1825-1879), *Histórica* [Lima], vol.32 (2), (2008), pp. 33-70.
2. Alberto Flores Galindo, “La Nación como utopía,” en *Obras completas*, 4 vols. (Lima 1996), IV, pp. 371-82.
3. Alfonso Múnera, *El fracaso de la nación: region, clase y raza en el Caribe colombiano, 1717-1810*, (Bogotá 1998).
4. Aline Helg, “The Limits of Equality: Free Peoples of Color and Slaves during the First Independence of Cartagena, Colombia (1810-1815),” *Slavery and Abolition*, 20, no. 2 (August 1999), pp. 1-30.
5. Alirio Gómez Picón, *Páez. Fundador del Estado venezolano*, (Bogotá 1978), pp. 121-157.
6. Brian R. Hamnett, “Liberalism Divided: Regional Politics and the National Project During the Mexican Restored Republic, 1867-1876,” *Hispanic American Historical Review*, 76:4 (November 1996), pp. 659-689.
7. Brian R. Hamnett, *La política española en una época revolucionaria, 1790-1820*, (Mexico City, second edition, 2011 [1985]), pp. 94-146.
8. Brian R. Hamnett, *Raíces de la insurgencia en México. Historia regional, 1750-1824*, (México, second Spanish edition, 2010 [Cambridge 1986]).
9. Brian R. Hamnett, *The End of Iberian Rule on the American Continent, 1770-1830*, (Cambridge, New York, 2017), pp. 176-208.
10. Carlos Contreras, “El impuesto de contribución personal en el Perú del siglo XIX,” *Histórica*, vo. XXIX, no. 2 (2005), pp. 67-106. Jean Piel, *Crise agraire et la conscience créole au Pérou*, (Paris 1982), p. 6: of the total of 1,569,084 pesos received

by the Peruvian National Treasury, the sum of 1, 326,931 pesos came from indigenous communities.

11. Cristóbal Aljovín de Lozada, *Caudillos y constituciones. Perú, 1821-1845*, (Lima 2000).

12. David Bushnell and Neil Macaulay, *The Emergence of Latin America in the Nineteenth Century*, (New York and Oxford 1988), pp. 152-60, 174-75, 256-62.

13. David Bushnell, *Colombia. A Nation in Spite of Itself*, (California 1993), p. 84, 108, 115-16.

14. David Bushnell, *The Making of Modern Colombia. A Nation in Spite of Itself*, (California 1993), pp. 50-73.

15. David Rock, *Argentina 1516-1987, From Spanish Colonization to the Falklands War and Alfonsín*, (London 1987), pp. 101-107.

16. Dominic Lieven (ed.), *Cambridge History of Russia, II. Imperial Russia, 1689-1917*, (Cambridge 2006), pp. 124-26.

17. Douglass Sullivan-González, *Piety, Power and Politics: Religion and Nation Formation in Guatemala 1821-1871*, (Pittsburgh 1998).

18. Elías Palti, *La nación como problema. Los historiadores y la 'cuestión nacional'*, (México 2002), pp.131-34.

19. Emilia Viotti da Costa, *The Brazilian Empire. Myths and Histories*, (Chicago 1985), p. 9.

20. Emilio Rabasa, *La Constitución y la Dictadura. Estudio sobre la organización política de México*, (Mexico City 1956 [1912]; Josefina Zoraida Vázquez (coordinator), *Interpretaciones del periodo de Reforma y Segundo Imperio*, (Mexico City 2007).

21. Erick D. Langer, "Bringing the Economic Back in: Andean Indians and the Construction of the Nation-State in Nineteenth-Century Bolivia," *JLAS*, 52, no. 3 (2009), pp. 527-51.

22. Frank Safford, "The Construction of Nation States in Latin America, 1820-1890," in Miguel A. Centeno and Agustín E. Ferraro (eds.), *State— and Nation-Making in Latin America and Spain: Republics of the Possible*, (Cambridge 2013), pp. 25-55.

23. Friedrich Katz, *Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflict in Mexico*, (Princeton 1988).

24. Gabriel Di Meglio, *¡Viva el bajo pueblo! La plebe urbana de Buenos Aires y la política entre la Revolución de Mayo y el Rosismo*, (Buenos Aires 2007)

25. Gabriel Di Meglio, *Historia de las clases populares en la Argentina, desde 1516 hasta 1880*, (Buenos Aires 2012), pp. 317-30, 355-430.

26. Germán Carrera Damas, *Aspectos socioeconómicos de la Guerra de Independencia*, (Caracas, tercera edición, 1972).

27. Heraclio Bonilla, "Peru and Bolivia from Independence to the War of the Pacific," en *Cambridge History of Latin America*, ed. Leslie Bethell, vol. III, *From Independence to c. 1870*, (Cambridge 1985), pp. 539-82.

28. Hugh Seton-Watson, *The Russian Empire, 1801-1917*, (Oxford 1967), pp. 72-76, 157-60, 183-98.

29. Iván Jaksíć, *Andrés Bello: Scholarship and Nation-Building in Nineteenth-Century Latin America*, (Cambridge, New York, 1997).
30. J. M. Roberts and R. C. Cobb (eds.), *French Revolutionary Documents*, vol. 1 (Oxford 1966), p. 350, for Title III, Art. 1: “La Souveraineté est une, indivisible, inaliénable et imprescriptible. Elle appartient à la Nation; aucune section du Peuple, ni aucun individu, ne peut s’en attribuer l’exercice.”
31. James William Park, *Rafael Núñez and the Politics of Colombian Regionalism, 1863-1886*, (Baton Rouge 1985), pp. 153-155, 182-264.
32. Javier Ocampo López, *Colombia en sus ideas*, 2 vols., (Bogotá 1999), vol. 11, pp. 751-52, 765-66.
33. Javier Ocampo López, *El proceso ideológico de la Emancipación. Las ideas de génesis, la Independencia, futuro e integración en los orígenes de Colombia*, (Bogotá 1980), pp. 41, 220-35, 387-401.
34. Jeremy Adelman, “An Age of Imperial Revolutions,” *American Historical Review*, 113 (April 2008), pp.39-40, see p. 328.
35. Jesús A. Cosamalón, “Identidades políticas locales y cambios en los primeros años de la República en el Perú,” en Cristina Mazzeo de Vivó (ed.), *Las relaciones de poder en el Perú. Estado, región e identidades locales. Siglos XVII-XIX*, (Lima 2011), pp. 215-35.
36. João José Reis, *Rebelião escrava no Brasil: a história do levante dos malês (1835)*, (São Paulo 1986).
37. John Hoyt Williams, *The Rise and Fall of the Paraguayan Republic, 1800-1870*, (Austin 1979), pp. 19-99.
38. John Lynch, *Juan Manuel de Rosas (1829-1852). Argentine Dictator*, (Oxford 1981), pp. 23-91.
39. John Lynch, *Simón Bolívar. A Life*, (New Haven and London 2009), pp. 92-95, 212-16, 245-46.
40. John V. Lombardi and James A. Hanson “The first Venezuelan coffee cycle, 1830-1855,” *Agricultural History*, 44 (November 1970).
41. Jonathan Eastwood, *Rise of Nationalism*, pp.105-150.
42. Jonathan Eastwood, *The Rise of Venezuelan Nationalism*, (Gainesville 2005), pp. 1-22.
43. José Carlos Chiaramonte, “Formas de identidad en el Río de la Plata luego de 1810,” *Boletín del Instituto de Historia Argentina y Americana, ‘Dr. Emilio Ravignani,’* no. 1, 3rd series (1st semester 1989), pp. 71-92: see pp. 71-75, 80-85.
44. José Escoria, “Haciendas y estructura agrarian del valle del Cauca, 1810 -1850,” *Anuario Colombiano de Historia social y cultural*, X (1982), pp. 19-38.
45. Josefina Zoraida Vázquez, “El federalismo moderado al fracaso radical: Zacatecas,” in Josefina Zoraida Vázquez and José Antonio Serrano Ortega (coordinators), *Práctica y fracaso del federalismo mexicano (1824-1835)*, (Mexico City 2012), pp. 259-90.
46. Kenneth R. Maxwell, *Conflicts and Conspiracies: Brazil and Portugal, 1750-1808*, (Cambridge 1974).

47. Laurens Ballard Perry, *Juárez and Díaz: Machine Politics in Mexico*, (DeKalb 1978).
48. Leandro Prados de la Escosura, "Lost Decades? Economic Performance in Post-Independence Latin America," *Journal of Latin American Studies (JLAS)*, 41, Part 2 (April 2009), pp. 279-307.
49. Lillian Briseño Senosiain, Laura Solares Robles, Laura Suárez de la Torre, *Guadalupe Victoria, primer presidente de México*, (México 1986), pp. 66-122.
50. Luis Javier Garrido, *El Partido de la Revolución institucionalizada: la formación del nuevo Estado en México (1928-1945)*, (Mexico City 1982).
51. Malcolm Deas, "La presencia de la política nacional en la vida provinciana, pueblerina, y rural de Colombia, en el primer siglo de la república," en Marco Palacios (ed), *La unidad nacional en América latina. Del regionalismo a la nacionalidad*, (México 1983), pp. 149-173.
52. Marco Palacios, *Coffee in Colombia, 1850-1970. An economic, social, and political history*, (Cambridge 1980), pp. 1-24.
53. Marixa Lasso, "Race War and Nation in Caribbean Gran Colombia, Cartagena, 1810-1832," *American Historical Review*, vol. 111, no. 2 (April 2006), pp. 336-61.
54. Marta Irurozqui Victoriano, 'A Bala, Piedra y Palo,' *La construcción de la ciudadanía política en Bolivia, 1826-1952*, (Seville 2000), pp. 57-59.
55. Matthias Röhrig Assunção, *De Caboclos a Bem-te-Vis. Formação do campesinato numa sociedade escravista: Maranhão, 1800-1850*, (São Paulo 2015), pp. 352-66.
56. Ocampo López, *Proceso ideológico*, pp. 401-2,409.
57. Paul Gootenberg, *Between Silver and Guano. Commercial Policy and the State*, (Princeton 1989), pp. 11-12, 68-99.
58. Peter F. Guardino, *Peasants, Politics and the Formation of Mexico's National State: Guerrero 1800-1857*, (Stanford 1996), pp. 147-77.
59. R. P. Matthews, *Violencia rural en Venezuela, 1840-1858: antecedentes socio-económicos de la Guerra Federal*, (Caracas 1977).
60. Ralph Lee Woodward, *Rafael Carrera and the Emergence of the Republic of Guatemala, 1821-1871*, (Athens, GA,1993).
61. Reuben Zahler, *Ambitious Rebels: Remaking Honor, Law, and Liberalism in Venezuela, 1780-1850*, (Tucson 2013), pp. 26-27, 37, 40-41.
62. Robert Gilmore, *El federalismo en Colombia, 1810-1858*, 2 vols., (Bogotá 1995).
63. Robert L. Gilmore, *Caudillism and Militarism in Venezuela, 1810-1910*, (Athens, Ohio, 1964), pp. 41-45, 59-65, 85-87.
64. Roderick J. Barman, *Brazil. The Forging of a Nation, 1798-1852*, (Stanford 1988), pp. 31-33, 35-37, 59-61, 121-23, 182-84, 195-98, 200.
65. Sarah Radcliffe and Sallie Westwood, *Remaking the Nation. Place, Identity and Politics in Latin America*, (London 1996), pp. 46.
66. Simon Collier, "Gobierno y sociedad en Chile durante la 'República Conservadora' 1830-1865," *Boletín del instituto de Historia Argentina y Americana 'Dr. Emilio Ravignani'*, Tercera Serie, núm. 2, (1a semestre de 1989), pp. 115-126.

-
67. Simon Collier, "Nationality, Nationalism, and Supranationalism in the Writings of Simón Bolívar," *Hispanic American Historical Review*, 63, no. 1 (February 1983), pp. 37-64.
 68. Terry Rugeley, *Yucatán's Maya Peasantry and the Origins of the Caste War*, (San Antonio, TX, 1996).
 69. Timothy E. Anna, *Forging Mexico, 1824-1835*, (Lincoln and London 1998), pp. x and xii. Josefina Zoraida Vázquez (coordinator), *El establecimiento del federalismo en México (1821-1827)*, (Mexico City 2003).
 70. Tulio Halperín Donghi, *Politics, Economics, and Society in Argentina in the Revolutionary Period*, (Cambridge 1975), pp. 308-402.

**«Добрые услуги» Швейцарии
в англо-аргентинских отношениях
после Фолклендской (Мальвинской) войны,
1982–1990**

**“Good Services” of Switzerland in Anglo-Argentine
relations after the Falkland (Malvinas) War, 1982–1990**

Резюме: Особенностью внешней политики Швейцарской Конфедерации является оказание «добрых услуг». «Добрые услуги» Швейцарии были востребованы не только в период двух мировых войн, но и холодной войны. В статье речь идет о «добрых услугах» Швейцарии во время Фолклендской (Мальвинской) войны 1982 г. Ярким тому примером служит представление Швейцарией интересов Великобритании в Аргентине в 1982–1990 гг. Автор рассматривает роль швейцарской дипломатии в переговорном процессе между Великобританией и Аргентиной. Выявлены причины избрания Швейцарской Конфедерации посредником в англо-аргентинских переговорах в Берне в 1984 г. Пристальное внимание уделено причинам провала этих переговоров.

Ключевые слова: «Добрые услуги» Швейцарии; посредническая деятельность Швейцарии; Фолклендская (Мальвинская) война 1982 г.

Abstract: The Good Offices is a feature of Swiss foreign policy. Switzerland has a long tradition of providing Good Offices and mediation activities. Because of its neutral status, Switzerland also acted as a protecting power during WWI (1914–1918) and WWII (1939–1945). During the Cold War, Switzerland’s Good Offices were in mand too. The Swiss representation of British interests in Argentina in 1982–1990 is a clear example of this. The present article explores Switzerland’s Good Offices during the Falklands (Malvinas) War of 1982. The present author focuses on the role of Swiss diplomacy in the mediation process prior to and during the negotiations between the United Kingdom and Argentina. This article examines the causes behind choosing the Swiss Confederation as mediator, and analyses why the Bern negotiations failed between the United Kingdom and Argentina in 1984.

Key words: Good Offices of Switzerland; mediation activities of Switzerland; the Falklands (Malvinas) War of 1982.

¹ Хасанов Азат, Россия, аспирант факультета международных отношений СПбГУ (st027367@student.spbu.ru).

Защита интересов других стран является особенностью внешней политики Швейцарии. Действительно, швейцарская дипломатия имеет солидный опыт в этом деле. Первый раз в такой роли Швейцария опробовала себя во время Франко-германской войны 1870–1871 гг.² Нейтралитет Альпийской Конфедерации³ позволил ей представлять интересы других стран в период двух мировых войн. Во время Второй мировой войны Швейцария представляла интересы 35 государств, с более чем 200 индивидуальных мандатов. Посреднические услуги Берна были также особо востребованы в период холодной войны. Одним из ярких тому примеров служит посредничество Швейцарии между Аргентиной и Великобританией в 1982–1984 гг.

В русскоязычной историографии отсутствуют научные труды, связанные с посреднической деятельностью официального Берна и оказанию им «добрых услуг»⁴. Кроме того, в отечественной исторической науке остается не освещенным мирный переговорный процесс между Лондоном и Буэнос-Айресом.

Цели и задачи данного доклада:

- Выяснить причины, по которому Швейцария была избрана посредником в англо-аргентинских переговорах 1984 г.
- Выявить причину провала бернских переговоров 1984 г.
- Описать хронологию событий представления Швейцарией интересов Соединенного Королевства в Аргентине (1982–1990).
- Дать оценку действий швейцарской дипломатии в этом конфликте.

2 апреля 1982 г. Аргентина начала военную операцию на Фолклендских (Мальвинских) островах. В тот же день участники военного конфликта — Великобритания и Аргентина — разорвали дипломатические отношения. Защиту своих интересов Аргентина доверила своему давнему «другу» — Швейцарии⁵. Просьба британцев о защите своих интересов

² “Schutzmachtmandate”, Das Eidgenössische Departement für auswärtige Angelegenheiten der Schweizerische Eidgenossenschaft. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/de/home/aussenpolitik/menschenrechte-menschliche-sicherheit/frieden/schutzmachtmandate.html>; Штефенс Т., *Швейцария модернизирует свои «добрые услуги»*. swissinfo.ch. URL: <http://www.swissinfo.ch/rus/швейцария-модернизирует-свои-добрые-услуги-/34796134> (дата обращения: 01.09.2017).

³ Неофициальное название Швейцарской Конфедерации.

⁴ Под «добрыми услугами» (англ. — good offices; фр. — bons offices) понимается содействие какого-либо государства или международного органа установлению контакта и началу непосредственных переговоров между спорящими сторонами, направленных на мирное урегулирование конфликта. Отличительным моментом «добрых услуг» от посредничества является то, что сторона, оказывающая «добрые услуги», не принимает участия в переговорах между спорящими сторонами.

⁵ После Второй мировой войны Швейцарской Конфедерации уже приходилось защищать интересы Соединенного Королевства в Иране (1952–1953), в Египте (в 1958–1971 гг. в составе Объединенной Арабской Республики) с 1956 по 1959 г., Сирии (с 1958–1961 г. в составе Объ-

в этой латиноамериканской стране была произведена во второй половине дня через швейцарское посольство в Лондоне. Дело в том, 2 апреля 1982 г. пришелся на пятницу. К счастью, президент Швейцарии Фриц Хонеггер, глава Федерального департамента иностранных дел Пьер Обер и госсекретарь Федерального департамента иностранных дел Раймонд Пробст и его заместитель Эдуард Бруннер еще не ушли на выходные⁶.

Затем Берну предстояло соответствующим образом проинформировать сотрудников швейцарского посольства в Буэнос-Айресе, после чего они полностью были готовы к выполнению новых задач, возложенных на них⁷. Тем временем посол Швейцарский Конфедерации в Аргентине Жан-Пьер Койш в течение короткого времени сумел получить согласие аргентинского правительства на то, чтобы Швейцария представляла интересы Великобритании в Аргентине. Благодаря своей слаженной работе швейцарские дипломаты приступили к исполнению защитного мандата для Соединенного Королевства в Латиноамериканской Республике уже менее через два часа после получения официального запроса из Лондона⁸.

На плечи швейцарской дипломатической миссии в Аргентине легла ответственность не только за крупное британское посольство в Буэнос-Айресе и два генеральных консульства, но и за обеспечение защиты 30 тыс. граждан Великобритании, проживающих на территории этой латиноамериканской страны⁹. Аргентина же доверила защищать свои интересы на Альбионе своей географической соседке — Бразилии. С первых же дней альпийцы взялись за организацию репатриации сотрудников британских посольств и ряда журналистов. Здесь их задача облегчилась тем, что по взаимному согласию Аргентины и Великобритании каждая из них могла оставить по четыре дипломатических и консульских должностных лица на месте расположения защищаемой дипломатической миссии¹⁰. Помимо обязанностей протезирующей силы, Швейцарии также пришлось выполнить различные гуманитарные задачи в зоне боевых действий между аргентинскими и британскими войсками. Так, после окончания войны Швейцария

единенной Арабской Республики) с 1956 по 1959 г. и с 1967 по 1973 г., Гватемале (1964–1986), Алжире (1965–1968). Аргентина также воспользовалась «добрыми услугами» Швейцарии. Берн представлял интересы Буэнос-Айреса на Кубе (1962–1974).

⁶ Thomas Fischer, “Die Vertretung fremder Interessen als Ausgangspunkt für weitergehende Friedensinitiativen”, *Politorbis*, 40. Bern, 2006. 27–28.

⁷ Thomas F., “Switzerland’s Good Offices: A Changing Concept, 1945-2002”, *Forschungsstelle für Internationale Beziehungen Eidgenössische Technische Hochschule*, 37, Zürich, 2002, 7-8.

⁸ Fischer, “Die Vertretung fremder Interessen als Ausgangspunkt für weitergehende Friedensinitiativen”, 27 — 28.

⁹ *Idem.*

¹⁰ Fischer, “Switzerland’s Good Offices: A Changing Concept, 1945-2002”, 8.

содействовала возвращению в свои дома более 10 тыс. аргентинских военнопленных¹¹. Как нам думается, спасение аргентинских военнослужащих из британского плена было не только в интересах Буэнос-Айреса, но и Берна. Согласно швейцарской ежедневной газете 20 Minuten, сегодня 300 тыс. аргентинцев имеют швейцарское происхождение, тем самым являясь крупнейшей швейцарской диаспорой не только в Латинской Америке, но и в мире. По некоторым данным, к 1940 г. в эту латиноамериканскую страну из Швейцарии эмигрировало более 44 тыс. людей¹². Нам трудно представить, чтобы швейцарские власти упустили этот момент, ведь среди аргентинских военнопленных могли быть и те, в чьих жилах текла швейцарская кровь. Поэтому мы склонны полагать, что швейцарцы преследовали свои личные интересы. Вместе с тем нужно отметить, что преследование таких интересов не подразумевало ничего корыстного.

Поражение Аргентины в войне за Фолклендские (Мальвинские) острова ускорило падение военной хунты Галтиери. В конце 1983 г. демократическим путем президента Аргентины был избран Рауль Альфонсин. Новоизбранный президент не отказался от суверенитета над архипелагом, но, в отличие от своего предшественника, он выступал за мирное решение данного вопроса¹³.

Как и Буэнос-Айрес, Лондон был заинтересован в восстановлении дипломатических отношений. Первым шагом навстречу произвели аргентинцы, предложив 2 января 1984 г.¹⁴ сесть за стол переговоров и возобновить диалог. Но для этого латиноамериканцы поставили ряд условий Лондону¹⁵: официальное прекращение боевых действий; снятие британской защитной зоны вокруг островов; сокращение гарнизона британских войск на островах.

26 января правительство Маргарет Тэтчер через швейцарское посольство в Буэнос-Айресе сообщила аргентинской стороне о своей готовности обсуждать любую тему с ней, за исключением принадлежности Фолклендских (Мальвинских) островов¹⁶. Также официальный Лондон высказался за

¹¹ Fischer, "Die Vertretung fremder Interessen als Ausgangspunkt für weitergehende Friedensinitiativen", 27 — 28.

¹² "So verbunden sind die Schweiz und Argentinian", 20 Minuten, 30.06.2014. URL: <http://www.20min.ch/community/stories/story/So-verbunden-sind-die-Schweiz-und-Argentinien-26464763> (дата обращения: 01.09.2017).

¹³ Alejandro C., *Pre negotiation and Mediation: the Anglo-Argentine diplomacy after the Falklands/Malvinas War (1983–1989)*, Buenos Aires, Universidad del CEMA, 5–7.

¹⁴ Инициатива со стороны Буэнос-Айреса была проявлена в день, когда Аргентина поминала 151-ю годовщину высадки британцев на Фолклендских (Мальвинских) островах.

¹⁵ Corbacho, *Op. cit.*, 6.

¹⁶ *Ibid.*

установление двусторонних отношений. Кроме того, Великобритания подняла вопрос об организации передачи тел погибших аргентинских солдат¹⁷. Аргентинцы согласились с данными предложениями англичан, сообщив о своем решении 16 февраля через бразильское посольство в Лондоне.

До апреля 1984 г. конфликтующие стороны продолжали обмениваться дипломатическими нотами, пока англичане не предложили прямую встречу дипломатов. Но при этом официальный Лондон подчеркивал о неготовности обсуждать вопрос принадлежности островов.

Посол Великобритании в альпийской конфедерации Джон Пауэлл-Джонс попросил поддержки Швейцарии в организации прямой встречи с аргентинцами. С этим вопросом Эдуард Бруннер, второй человек в государственном секретариате Федерального департамента иностранных дел Швейцарии, обратился к швейцарскому послу в Аргентине Жан-Пьеру Койшу. Как пишет швейцарский историк Т. Фишер в статье *Die Vertretung fremder Interessen als Ausgangspunkt für weitergehende Friedensinitiativen* («Представление иностранных интересов в качестве отправной точки для дальнейших мирных инициатив»), у Жан-Пьера Койша якобы сложились хорошие контакты с главой аргентинского МИД Данте Капуто. Как ни удивительно, через несколько дней, 19 мая, в Берн поступила телеграмма, о том, что аргентинская сторона согласилась с британо-швейцарской инициативой о встрече между дипломатами¹⁸.

Организация предстоящих переговоров легла на плечи Эдуарда Бруннера. В подготовке переговоров Бруннер прибег к помощи бразильского посла в Швейцарии Геральдо Силоса. Целью предстоящей встречи было способствовать обмену мнениями между Лондоном и Буэнос-Айресом без заранее установленной повестки дня. Наконец, 25 июня министр иностранных дел Аргентины Данте Капуто и послы Швейцарии и Бразилии в Аргентине завершили работу по разработке предварительных договоренностей¹⁹.

Для проведения переговоров, которые состоялись с 18 по 19 июля, в швейцарскую столицу прибыли дипломаты из Аргентины и Великобритании. Обе делегации состояли из пяти человек. Аргентинскую делегацию возглавил заместитель министра по южным делам Марсело Деплеша, британская делегация прибыла под руководством заместителя Государственного секретаря по американским делам Дэвида Томаса²⁰.

Однако встреча провалилась. Причина заключалась в том, что на переговорах упоминался вопрос о суверенитете над Фолклендскими

¹⁷ *Ibid*, 7.

¹⁸ Fischer, “*Die Vertretung fremder Interessen als Ausgangspunkt für weitergehende Friedensinitiativen*”, 28.

¹⁹ Corbacho, *op. cit.*, 7.

²⁰ *Ibidem*.

(Мальвинскими) островами. Как уже упоминалось, британцы не хотели ее обсуждать²¹. Тогда аргентинская делегация потребовала приостановить переговоры. В неудаче переговоров британцы обвиняли в провале аргентинцев, а аргентинцы, в свою очередь, британцев.

Вместе с тем следует признать ошибки швейцарской дипломатии. В первую очередь проявил мягкость Э. Бруннер, не став принуждать англичан к продолжению переговоров. Во-вторых, швейцарские дипломаты представляли желаемое за действительное, и им следовало бы лучше продумать повестку переговоров. В-третьих, у Швейцарии не было рычагов давления на обе делегации²². Поэтому дальнейший диалог между Аргентиной и Великобританией прошел под посредничеством США²³, у которых также имелся опыт в посреднической деятельности. Переговоры между Соединенным Королевством и Аргентиной американцы решили провести по сценарию Кэмп-Дэвидских соглашений между Египтом и Израилем. В отличие отерна, Вашингтон имел гораздо большее влияние, в том числе и на Буэнос-Айрес, и особенно на Лондон²⁴.

В случае с англо-аргентинскими переговорами роль Швейцарии свелась к роли коммуникатора, а не посредника. Однако будет ошибочно считать, что усилия альпийцев были напрасными. Ведь именно благодаря альпийской конфедерации были возобновлены прямые контакты между Аргентиной и Великобританией. На наш взгляд, неудачи Бернских переговоров 1984 г. послужили примером для дальнейшего построения переговоров для американских дипломатов.

Вместе с тем Швейцария прекрасно проявила себя в качестве протезирующей стороны для Великобритании в Аргентине. Как уже было нами подмечено, благодаря швейцарцам после окончания боевых действий на родину смогли вернуться аргентинские военнопленные. Швейцария также помогла Аргентине получить тела погибших солдат. В октябре 1989 г. Буэнос-Айрес и Лондон восстановили дипломатические отношения²⁵. Мандат

²¹ Перед переговорами аргентинцы прекрасно понимали, что англичане заявят о своей неготовности обсуждать данную тему и будут всячески уклоняться от подобных разговоров.

²² Victor Umbricht, *Multilateral Mediation: Practical Experiences and Lessons*, Dordrecht/Boston/London, Martinus Nijhoff Publishers, 1989, 227-228.

²³ Контакты между Аргентиной и Великобританией возобновились в 1986 г.

²⁴ Wayne Smith, *Toward Resolution?: The Falklands/Malvinas Dispute*, Boulder/London, Lynne Rienner Publishers, 1991, 139-141.

²⁵ William Long, Peter Brecke, *War and Reconciliation: Reason and Emotion in Conflict Resolution*, Cambridge/London, The MIT Press, 2002, 101-102.

Швейцарии по защите интересов Соединенного Королевства в Аргентине завершился 28 февраля 1990 г.²⁶

Библиография

1. *Fischer T.* Die Vertretung fremder Interessen als Ausgangspunkt für weitergehende Friedensinitiativen / *Politorbis*. No. 40. Bern, 2006. P. 27–28.
2. *Fischer T.* Switzerland's Good Offices: A Changing Concept, 1945–2002 / Forschungsstelle für Internationale Beziehungen Eidgenössische Technische Hochschule, 37. Zürich, 2002. P. 7–8.
3. *Corbacho A.* Prenegotiation and Mediation: the Anglo-Argentine diplomacy after the Falklands/Malvinas War (1983–1989). Buenos Aires: Universidad del CEMA. P. 5–7.
4. *Umbricht V.* Multilateral Mediation: Practical Experiences and Lessons. Dordrecht; Boston; L.: Martinus Nijhoff Publishers, 1989. P. 227–228.
5. *Smith W.* Toward Resolution?: The Falklands/Malvinas Dispute. Boulder; L.: Lynne Rienner Publishers, 1991. P. 139–141; *Long W., Brecke P.* War and Reconciliation: Reason and Emotion in Conflict Resolution. Cambridge/L.: The MIT Press, 2002. P. 101–102.
6. Liste des intérêts étrangers représentés par la Suisse depuis la fin de la Seconde Guerre mondiale / *Politorbis*. No. 40, Bern, 2006. P. 54–56.

²⁶ “Liste des intérêts étrangers représentés par la Suisse depuis la fin de la Seconde Guerre mondiale“, *Politorbis*, 40, Bern, 2006, 54–56.

Protesta obrera y militancia de izquierda durante la presidencia de Isabel Perón (1974–1976)

Workers protest and militancy of left during the presidency of Isabel Perón (1974–1976)

Resumen: Los diferentes gobiernos peronistas de la década de 1970 se caracterizaron, por un lado, por el alto nivel de movilización social abierto tras el Cordobazo en 1969 y, por el otro, por la aplicación de distintos instrumentos para encauzar este proceso. En ese escenario, el fallecimiento de Juan Domingo Perón, en julio de 1974, abrió una nueva situación política en el país. A partir de esa fecha, se terminó de resquebrajar un relativo pacto de gobernabilidad.

La presente ponencia analiza tanto las prácticas de la dirigencia sindical como las políticas gubernamentales aplicadas contra el movimiento obrero con el fin de disciplinarlo durante la gestión presidencial de María E. Martínez de Perón (1974 — 1976).

En esta aproximación se hace énfasis en el estudio de las conflictivas relaciones que se establecieron entre los trabajadores de base, las distintas corrientes de izquierda que actuaron en el movimiento obrero y los jefes sindicales en una coyuntura signada por el incremento de la represión por parte de dicho gobierno justicialista.

Palabras claves: Peronismo; Organizaciones de Izquierda; Movimiento Obrero; Argentina.

Abstract: The different Peronist governments of the 1970s were characterized, on the one hand, by the high level of social mobilization opened after the Cordobazo in 1969 and, on the other, by the application of different instruments to channel this process. In that scenario, the death of Juan Domingo Perón, in July 1974, opened a new political situation in the country. As of that date, a relative governance pact was cracked.

This paper analyzes both the practices of the trade union leadership and the governmental policies applied against the labor movement in order to discipline it during the presidential management of Maria E. Martínez of Perón (1974–1976).

In this approximation emphasis is done in the study of the troubled relations that were established between the workers of base, the different currents of left side that acted in the labor movement and the union leaders in a conjuncture sealed by the increase of the repression on the part of the above mentioned government justicialista.

Keywords: Peronism; Organizations of the Left; Labor Movement; Argentina.

¹ Argentina. Doctor en Historia. Instituto de Investigaciones en Humanidades y Ciencias Sociales (IdIHCS). Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación. Universidad Nacional de La Plata. Email: aschneider98@yahoo.com.ar.

En el transcurso de 1969 a 1976 el país estuvo cruzado por una intensa actividad política, con un elevado nivel de protesta social y con un notable crecimiento de diferentes organismos sindicales que sostuvieron posturas ideológicas clasistas y de izquierda en los lugares de trabajo.

El período comenzó, a grandes rasgos, con una oleada de medidas de fuerza de obreros y estudiantes en contra de la política socioeconómica y autoritaria de la dictadura del general Juan Carlos Onganía. Las movilizaciones de 1969 abrieron un significativo momento de conflicto social que atravesó al país en su conjunto. El regreso del peronismo al poder en 1973, lejos de cerrar este convulsionado escenario, inauguró nuevos problemas que terminaron de intensificar de las protestas antes mencionadas.

En este sentido, las presidencias justicialistas del período se caracterizaron, por un lado, por el alto nivel de movilización social y, por el otro, por la aplicación de distintos instrumentos legales e ilegales para terminar con ese destacado nivel de confrontación. En ese escenario, el fallecimiento de Juan Domingo Perón, en julio de 1974, abrió una nueva situación política en el país. A partir de esa fecha, se terminó de resquebrajar un relativo pacto de gobernabilidad.

La presente ponencia analiza algunas características que presentó el accionar del movimiento obrero y de las organizaciones de izquierda durante la gestión de su sucesora la presidenta María E. Martínez de Perón (1974–1976), conocida popularmente con el nombre de Isabel.

En esta aproximación se hace especial énfasis en el estudio de las conflictivas relaciones que se establecieron entre los trabajadores de base, las distintas corrientes de izquierda –sobre todo, el Partido Comunista (PC)— que actuaron en el movimiento obrero y los jefes sindicales en una coyuntura signada por un alto nivel de inestabilidad política en el gobierno justicialista.

El fortalecimiento de la ortodoxia peronista bajo la presidencia de Isabel

Con el fallecimiento de Perón, se abrió un nuevo escenario. A partir de esa fecha se terminó de resquebrajar el Pacto Social; aunque se hallaba fuertemente cuestionado por las protestas obreras desarrolladas en vida del general, el mismo entró en crisis tras la muerte de su ideólogo.² Más aún, el deceso del anciano caudillo dejó al desnudo que los acuerdos establecidos estaban artificialmente unidos por la voluntad del extinto líder. Corresponde subrayar que la inestabilidad del período no sólo debe buscarse en la debilidad de la clase dominante o en los conflictos internos

² El Pacto Social fue un acuerdo firmado en junio de 1973 entre la Confederación General de los Trabajadores (CGT) con la principal central empresarial y el gobierno con el fin de establecer una serie de pautas políticas, económicas y sociales que permitan tanto generar gobernabilidad como encauzar las protestas sociales.

del peronismo sino que, sobre todo, debe indagarse en la potencialidad de la clase obrera y en el crecimiento de diversas corrientes de izquierda que disputaban la hegemonía del peronismo.

El primer anticipo del reacomodo del tablero político se evidenció en el congreso de la central obrera en julio de 1974. La elección de la cúpula directiva fue un tema de amplia repercusión en todo el ámbito nacional. Durante las presidencias peronistas los jerarcas gremiales venían cumpliendo una doble función. Por un lado, jugaban su tradicional papel corporativo como representantes del movimiento obrero; por el otro, desempeñaban un lugar central en el armado institucional del gobierno sosteniendo uno de los pilares básicos del Pacto Social. De ese modo, producto de la conflictividad social, se fue desplegando un permanente corto circuito en el accionar de estas dos lógicas de comportamiento. De esta manera la dirigencia se hallaba tironeada entre las protestas de los trabajadores, que pujaban por un aumento en la distribución del ingreso, frente al papel de ser garantes del disciplinamiento que le exigía su compromiso con el proyecto político de Perón.

En ese marco, tras una serie de disputas internas, emergió una nueva cúpula laboral que si bien tenía ciertas disidencias en su seno, en su conjunto terminó de alinearse con el gobierno de Isabel. En forma paralela, por su parte, la primera mandataria buscó acentuar su figura dentro del gabinete presidencial a partir de una serie de acuerdos con la citada dirigencia gremial y la derecha política del justicialismo encabezada por el ministro de Bienestar Social José López Rega. En ese sentido, el objetivo central fue desplazar a los hombres afines a la Tendencia en todas las áreas de gobierno. De ese modo, los jerarcas gremiales se convirtieron en los guardianes del orden impulsado por Perón y su viuda, ya sea contra los sectores combativos del peronismo como contra el sindicalismo clasista y la izquierda.

El proyecto de “purificación” impulsado por la presidente también se dirigió a las administraciones provinciales con el fin de consolidar su poder en el armado del peronismo. En ese sentido Isabel continuó el proyecto, iniciado por Perón, de expulsar a todos aquellos gobernadores que eran sospechosos de avalar a sectores de la izquierda del peronismo con el fin de reemplazarlos por los grupos más ortodoxos. En todos los escenarios, la principal fuente de inspiración para actuar contra el mandatario provincial fue la de hacer cumplir el memorando impartido como “orden reservada” por Perón a los delegados del Movimiento Nacional Justicialista en todo el país durante la presidencia de Raúl Lastiri. Por medio de esta orden, el general advirtió que se emplearían todas las herramientas que están a su alcance para restablecer la gobernabilidad; así, por medio de un comunicado secreto enviado a los mandatarios provinciales se explicitó que “los peronistas impedirán *por todos los medios* que las fracciones vinculadas al marxismo tomen participación”, para eso se utilizarán *todos* los que se consideren *eficientes*, en cada lugar y oportunidad”.³

³ Rodolfo Terragno, *Los 400 días de Perón*, Buenos Aires, De la Flor, 1974.

A partir de ese momento comenzó un sistemático y permanente ataque contra delegados y activistas, peronistas y de izquierda. De este modo, fueron baleados, secuestrados y torturados por atacantes identificados con la Juventud Sindical Peronista (JSP), la Juventud Peronista de la República Argentina (JPRA), el Comando de Organización (CdO), la Concentración Nacional Universitaria (CNU), la Alianza Anticomunista Argentina (Triple A), entre otras fuerzas parapoliciales.⁴

Características de los conflictos obreros

En un marco de agravamiento de la crisis económica y de un significativo aumento en el nivel de inflación, las principales demandas se dieron en torno al reclamo de mejoras en los salarios junto con la defensa de las fuentes de empleo, frente al incremento de las suspensiones y despidos. Cabe indicar que en numerosas ocasiones, las cesantías fueron autoritarias: en no pocas circunstancias se hicieron como castigo sobre delegados y activistas que habían impulsado previamente medidas de fuerza. Por otro lado, las quejas de los trabajadores se orientaron frente al incumplimiento en el pago de los sueldos y el no acatamiento empresarial a las disposiciones de la Ley de Contrato de Trabajo. Por último, varias protestas se originaron ante la intensa represión de empresarios, gobierno, dirigencia sindical y aparatos paraestatales contra el activismo obrero.

En cuanto a la solicitud de subas salariales corresponde observar que, en el marco de las limitaciones impuestas por el Pacto Social, las mismas se presentaron en forma indirecta con otras reivindicaciones que encubrían las demandas en torno al pedido de incremento en los haberes. De esta manera, se hicieron invocando la necesidad de mejorar las condiciones laborales, ya sea alrededor de cuestiones de salubridad o bien, requiriendo herramientas y ropas para el trabajo. En este sentido, los reclamos liderados, sobre todo por los organismos gremiales de base, buscaron quebrar el “chaleco legal” a través de estos enfrentamientos que, en última instancia, aspiraban a una mejor recomposición salarial. Sin embargo, esta situación de “encubrimiento” cambió bajo a fines de 1974 y comienzos de 1975 cuando empezaron a discutirse la posibilidad de abrir nuevas negociaciones paritarias; a partir de entonces, el pedido de incrementos en los haberes dejaron de plantearse en forma eufemística.

Durante el primer semestre del mandato presidencial de Isabel se produjeron numerosos enfrentamientos laborales por estas cuestiones; sin embargo, en términos absolutos, el número de conflictos fue disminuyendo comparado con lo sucedido en los anteriores gestiones peronistas iniciadas en 1973. Sin embargo, esta caída

⁴ Alejandro Schneider, “Cuando se hizo tronar el escarmiento. La política laboral de Juan D. Perón para disciplinar el movimiento obrero” en Alejandro Schneider y Pablo Ghigliani (Comp.), *Sobre trabajadores y el mundo del trabajo en Argentina*, Buenos Aires, Ediciones Imago Mundi, 2015.

no significa su total desaparición; en este sentido, de acuerdo con el relevamiento efectuado con la prensa de la época, se advierte que hubo un ritmo desigual en cuanto a los resultados obtenidos y en relación con la cantidad de medidas de fuerza desarrolladas en ese período.

A grandes rasgos se puede observar que el alza iniciada desde comienzos de los gobiernos peronistas tendió a atenuarse entre octubre y diciembre de 1974. La disminución se explica, en cierta forma, tanto por las derrotas que se expresaron en aquellos gremios que habían desempeñado un papel de vanguardia en las protestas (mecánicos de Córdoba, azucareros de Tucumán, gráficos, etc.) como por el notable aumento en el ámbito de la represión gubernamental y paramilitar. A eso se añade, la sanción de la Ley de Seguridad y el dictado del estado de sitio a fines de ese año. Pese a ello, en el marco brindado por la Ley de Contrato de Trabajo, por la cual se garantizaba una cierta estabilidad en el empleo, los obreros empezaron a canalizar parte del descontento a través del incremento del ausentismo laboral.

Cabe indicar que ese panorama comenzó a cambiar en los primeros meses de 1975. Los trabajadores reactivaron sus demandas con su tradicional repertorio de protesta. Así lo atestiguaron los enfrentamientos en Rigolleau, Molinos, etc. Este reanimamiento cobró un claro impulso cuando comenzaron a discutirse abiertamente los montos salariales para las futuras negociaciones paritarias. En esta última coyuntura, las protestas se potenciaron al elegirse a los delegados paritarios por medio de asambleas en las empresas, lo que implicó también una significativa renovación de los cuerpos de representantes gremiales.

Algunas de las protestas analizadas estuvieron motorizadas por organismos de base en los establecimientos reemplazando en la práctica a delegados y comisiones internas que adoptaron una actitud de no confrontación por su cercanía a los empresarios y/o a los dirigentes del gremio. En los hechos, estos comités de lucha emergieron sobre todo por medio de la ejecución de deliberaciones al calor del conflicto. La permanente convocatoria y realización de asambleas en los lugares de empleo, ya fuese por secciones o ya fuese por turno de trabajo, le imprimieron a las protestas una dinámica particular. Esto condujo, producto de la propia lucha de clases, a un grado de mayor radicalidad en las protestas. En este sentido, se desplegaron desde quites de colaboración hasta la ocupación de fábricas con puestas en funcionamiento por parte de sus obreros. De igual modo, los trabajadores (frente a los despidos y los *lock-out* de la patronal) trasladaron espacialmente las medidas de fuerza a la calle por medio de ollas populares, vendiendo bonos contribución para sostener el conflicto, movilizándose a las oficinas de la cartera laboral, a Plaza de Mayo o al Congreso. Por otra parte, dentro de las acciones que se pusieron en práctica, una de las que cobró especial relevancia fue el empleo del fondo de huelga; éste no sólo permitió que las luchas se sostuvieran en el tiempo ante la ofensiva del empresariado y la escasa (o nula ayuda) de los jerarcas gremiales sino también sirvieron para dar a

conocer los reclamos a otros trabajadores del barrio o del sector. En última instancia, numerosos cuerpos de delegados y activistas buscaron por este medio tanto la solidaridad como la coordinación de acciones con otras fábricas con el fin de que las demandas obtuvieran más fuerza y como forma de superar la inmovilidad impuesta por la burocracia del sindicato. Durante esa coyuntura, la lucha contra el Pacto Social estuvo en íntima relación con los enfrentamientos contra la cúpula laboral, cuestión que fue destacada por todos los protagonistas del período.

Algunos enfrentamientos que lograron vencer la intransigencia empresarial (Propulsora Metalúrgica, Bagley, Indiel, etc.) lo hicieron tras varias semanas de agudos choques contra los jefes sindicales, los empresarios y la cartera laboral que actuaron oponiéndose a dichos conflictos. En ocasiones estos triunfos incidieron en el surgimiento de otras luchas en sus adyacencias; por ejemplo, esto sucedió en el área del Gran La Plata tras la huelga de Propulsora, o bien, en la zona norte del Gran Buenos Aires luego del conflicto en el Astillero Astarsa. En forma simultánea, la presencia de activistas, cuerpos de delegados y comisiones internas, que venían con el antecedente de ganar en sus respectivos lugares de trabajo, fueron factores medulares en el proceso de surgimiento de agrupaciones opositoras a los dirigentes burocráticos de esas seccionales y regiones. En ese sentido, las prácticas de asambleas para decidir y ejecutar las medidas de fuerza incidieron en la conciencia de la clase trabajadora a la hora de elegir nuevos representantes laborales tanto en los organismos de base como en las seccionales; en última instancia, evidenciaron la posibilidad de que surjan compañeros honestos y transparentes. Sobre el particular, en metalúrgicos, algunos de los casos más representativos fueron la lista Gris (integrada por trabajadores de Corni, Del Carlo, Tensa, Astarsa, etc. en la zona norte del conurbano bonaerense) o, en La Matanza, la lista Azul-Naranja compuesta por operarios de Martín Amato, Cegelec, MAN, entre otros establecimientos. La única excepción fue el triunfo en el gremio metalúrgico de la lista marrón en Villa Constitución en 1974. Cabe indicar que, en no pocos casos, estos agrupamientos emergieron a raíz de la solidaridad recibida en los momentos de lucha por los diferentes organismos gremiales de base, donde no sólo se intercambiaron saberes y experiencias sobre cómo vencer en un conflicto sino también cómo se tenían que formar direcciones hegemónicas alternativas a las existentes.

Así, al calor de la demanda de mejoras salariales en el marco del pedido de apertura de las paritarias, hubo una reactivación de la conflictividad gremial. En esa coyuntura el sindicalismo y la militancia de izquierda intentaron canalizar el descontento: siendo el conflicto de los trabajadores metalúrgicos en Villa Constitución una de las instancias más importantes de la fusión entre estos sectores. Como se mencionó, en dicha zona, al sur de la provincia de Santa Fe, fue uno de los pocos ámbitos laborales donde un agrupamiento antiburocrático (la Lista Marrón), en donde convergían militantes provenientes de distintas organizaciones de izquierda,

logró un desplazamiento de los jefes sindicales en esos años. Ante ello, la reacción de la burocracia, la patronal y el Estado no se hizo esperar. A partir del 20 de marzo de 1975 se desató una oleada represiva sobre esa localidad con la detención de gran parte de la conducción seccional; no obstante, la clase obrera de la región se lanzó a una feroz huelga enfrentando la represión. A pesar de lo denodado de la lucha, los trabajadores fueron derrotados.

En forma simultánea, la derechización del gobierno también se manifestó con el arribo a la presidencia del ministro de economía Celestino Rodrigo, hombre de confianza de López Rega, quien al asumir en junio de 1975 anunció un “tratamiento de *shock*” con una devaluación del peso en un 100%; un aumento del combustible en 174%, una suba de las tarifas eléctricas de 40%, del gas doméstico en 50% y del transporte ferroviario en un 120%. En el marco de las negociaciones paritarias, donde se ofrecía alrededor del 40% de incremento en los haberes, se produjo una agudización de los conflictos laborales, en ocasiones con ocupaciones de fábrica, y con movilizaciones masivas durante esos meses. Así, en numerosas fábricas de Buenos Aires y su área metropolitana, La Plata, Rosario, Córdoba, entre otras ciudades, se experimentó un fuerte estado asambleario y de agitación con diferentes medidas de fuerza, abandonos de los lugares de trabajo y movilizaciones a los sindicatos de las seccionales locales en reclamo de mejoras salariales. Al calor de esas protestas, numerosas comisiones internas antiburocráticas empezaron a agruparse creando las Coordinadoras de Gremios en Lucha en esas localidades. Estos organismos zonales fueron los que encabezaron y lanzaron las manifestaciones callejeras más importantes contra la mandataria presidencial. Mientras la dirigencia gremial trataba de evitar los enfrentamientos, resguardando la figura de Isabel, miles de trabajadores hicieron abandono de sus puestos de sus fábricas y talleres, dirigiéndose a Plaza de Mayo, con el fin de pedir la renuncia del gabinete y un cambio en las medidas económicas. El 7 de julio, la CGT ante la presión de las bases declaró una huelga general de 48 horas; la primera realizada bajo un gobierno peronista. A treinta y siete horas de iniciada la medida de fuerza, la CGT levantó la misma al conocerse la resolución del Poder Ejecutivo que homologaba las paritarias. El triunfo continuó con las renuncias de Rodrigo y de López Rega.⁵

En pocas palabras, lo más importante de las protestas del período fue el surgimiento de las coordinadoras. Si bien tuvieron una mayor presencia las desarrolladas en Buenos Aires y sus alrededores, también fueron significativas las que emergieron en el Gran La Plata, Rosario y Córdoba. Estas instancias de organización y de enfrentamiento, que nucleaba a comisiones internas, delegados y activistas, fueron en gran medida encabezadas por sectores de izquierda opuestos a la dirigencia burocrática de esos gremios. En término de experiencia, sus principales características

⁵ Pablo Pozzi y Alejandro Schneider, *Los Setentistas. Izquierda y clase obrera (1969–1976)*, Buenos Aires, EUDEBA, 2000.

fueron tanto su democracia obrera como su alto nivel de combatividad y de organización.

Tras la caída de Rodrigo y de López Rega, la dirigencia tradicional accedió a un mayor control del gabinete presidencial, ubicando a Antonio Cafiero como ministro de economía. Si bien su gestión se encaminó en tratar de descomprimir la protesta a través de una indexación general (y gradual) de los salarios y de los precios, su táctica no alcanzó a satisfacer a los sectores más concentrados de la clase dominante. Estos, a partir de las jornadas de junio y julio, comenzaron a instrumentar la posibilidad de efectuar un golpe de estado como solución definitiva para aplastar todo tipo de oposición obrera. De ese modo, su gestión, con no pocos altibajos, continuó hasta enero de 1976 cuando renunció siendo reemplazado por Emilio Mondelli, financista partidario del regreso a una mirada ortodoxa en materia económica. En tanto, lentamente durante esos meses, la conflictividad laboral fue disminuyendo al calor de la intensa represión legal e ilegal (que acarreó numerosos trabajadores muertos) junto con el cansancio que se expresó en el activismo obrero y en la militancia partidaria de las organizaciones de izquierda y de los sectores radicalizados del peronismo.

Las corrientes de izquierda en esos años: las posturas del Partido Comunista

En ese sentido, una de las particularidades más significativas de estas protestas fue la importante presencia de trabajadores que militaban, o bien, simpatizaban con distintas organizaciones de izquierda. Su intervención en estos procesos no sólo era en razón de los propios conflictos sino que centralmente buscaron formar agrupamientos antiburocráticos sindicales tanto en el plano fabril como a nivel seccional. En forma clara, durante esos años hubo una notable recepción y aceptación de las ideas de esta corriente ideológica dentro de la clase obrera, tal como se expresó en diversas fuerzas políticas que abogaron abiertamente por el socialismo.

Ahora bien, en esos años hubo diferentes agrupamientos identificados con ese arco político e ideológico. La mayoría de las organizaciones de izquierda crecieron en términos numéricos a partir de 1969; asimismo, el alza en la conflictividad social hizo que se cruzaran diversas discusiones en cuanto a las tácticas y las estrategias a seguir frente a esos acontecimientos. Las polémicas en el seno de la izquierda se basaron, sobre todo, en una práctica militante intensa, donde por la propia dinámica de los hechos, numerosos debates tuvieron escasa correspondencia entre la teoría y la práctica. Asimismo, al compás de la coyuntura, algunos grupos fueron cambiando la lectura de la situación política junto con las formas de intervención en la lucha de clases.

En términos generales, el PC mantuvo durante esos años el planteo de la necesidad de luchar por una “revolución democrático-burguesa” impulsando para ello “la unidad de acción” de un “gran frente democrático nacional” que incluyese a “las fuerzas patrióticas, antioligárquicas y antiimperialistas”.⁶ De ese modo, tendió a aliarse con distintos sectores reformistas para apuntalar a una mayor radicalización del peronismo; así, para las elecciones de marzo de 1973 conformó con otras fuerzas de centroizquierda la Alianza Popular Revolucionaria (APR) postulando la fórmula de Oscar Alende y Horacio Sueldo. Si bien el resultado no fue lo esperado, los comunistas sólo incorporaron dos diputados nacionales en el Parlamento además de lograr una valiosa representación en los gabinetes presidenciales peronistas con la presencia de José Ber Gelbard como ministro de economía. En ese contexto, para las elecciones presidenciales de septiembre de ese año, la postura fue la de no presentar una candidatura para el Poder Ejecutivo Nacional sino que fue la de avalar directamente la fórmula encabezada por Perón y su señora.

En ese marco, a grandes rasgos, el partido mantuvo como principios políticos la postura de “apoyar lo positivo” y “criticar lo negativo” de esos gobiernos. En forma simultánea, mantuvo una fuerte crítica con aquellas organizaciones (tanto las peronistas como la de la izquierda marxista) que planteaban la lucha armada, acusándolos de ser grupos “ultraizquierdistas”. Durante los primeros meses de la presidencia de Isabel, se respaldó lo que consideraron el ala progresista del gobierno, la cual era vista como el sector que garantizaba el programa de liberación nacional por el cual se había apoyado en 1973; a la par, denunciaba que “la violencia” no era originaria de un “solo bando”. Sin embargo, como producto de los cambios en el gabinete y el incremento de la crisis económica y política, los comunistas comenzaron a propiciar como fórmula preventiva ante un posible golpe de estado, la propuesta de conformar un “gabinete cívico-militar”.⁷

De ese modo, esta posición también estuvo acompañada por una fuerte moderación de sus intervenciones en las luchas gremiales; en cierta forma, consideraban que había que amortiguar las críticas hacia Isabel en el desarrollo de las protestas (en particular, durante las jornadas de junio y julio de 1975) evitando plantear un programa demasiado radical que ahuyentara a los sectores “democráticos” de las Fuerzas Armadas.

En cuanto a otras corrientes de izquierda no armada, tanto las organizaciones que compartían una ideología maoísta como el Partido Comunista Revolucionario (PCR) y Vanguardia Comunista (VC) o como las que adherían al trotskismo como el Partido Socialista de los Trabajadores (PST) y Política Obrera (PO), sus posturas no sólo difirieron de las sostenidas por el PC sino que también de aquellas partida-

⁶ Vitorio Codovilla, *Una trayectoria consecuente*, Buenos Aires, Editorial Anteo, 1964.

⁷ Partido Comunista, *Resoluciones y Declaraciones del Partido Comunista de la Argentina 1975*, Anteo, Buenos Aires, 1976.

rias de la lucha armada como la del Partido Revolucionario de los Trabajadores — Ejército Revolucionario del Pueblo (PRT-ERP). Si bien todos estos agrupamientos privilegiaron la militancia y la inserción dentro de la clase obrera, sus posiciones frente a las elecciones de 1973, a las presidencias peronistas (y al propio movimiento justicialista), a las movilizaciones de junio y julio de 1975 y a la preparación frente al anunciado golpe militar, entre otros temas, discreparon en forma significativa. Ahora bien, esta última cuestión no fue un problema menor en esos días. En términos generales, la mayor parte de las organizaciones de izquierda no previeron y, por ende, no prepararon a sus militantes sobre la forma de cómo enfrentar la nueva interrupción institucional que se avecinaba desde fines de 1975.

A modo de una breve conclusión

Durante el período examinado la izquierda creció en número, avanzó en experiencia y, sobre todo, profundizó sus vínculos con la clase obrera como no se observaba desde la década de 1930. No se puede comprender el nacimiento del clasismo, el estado asambleario en las fábricas, el crecimiento y la dureza de los enfrentamientos laborales, las ocupaciones fabriles, la coordinación de las luchas, la politización de los trabajadores, la impugnación a los gobiernos peronistas, entre otras cuestiones, sino se entiende la presencia que adquirió esta corriente política en esos años.

Tanto la presidencia de Perón como la de Isabel comprendieron este proceso y como tal respondieron adoptando medidas con un claro sesgo autoritario, ya fuese contra los sectores rebeldes de su movimiento como frente al avance de las corrientes clasistas y de izquierda en la clase obrera. Sus gobiernos se encontraron cada vez más comprometidos en el uso de aparatos ilegales para su contención y represión. Estos meses se convirtieron en una prueba piloto que anticiparon ciertas características que se hallarán presentes bajo los siguientes años de la dictadura militar.

Bibliografía

1. Rodolfo Terragno, *Los 400 días de Perón*, Buenos Aires, De la Flor, 1974.
2. Alejandro Schneider, “Cuando se hizo tronar el escarmiento. La política laboral de Juan D. Perón para disciplinar el movimiento obrero” en Alejandro Schneider y Pablo Ghigliani (Comp.), *Sobre trabajadores y el mundo del trabajo en Argentina*, Buenos Aires, Ediciones Imago Mundi, 2015.
3. Pablo Pozzi y Alejandro Schneider, *Los Setentistas. Izquierda y clase obrera (1969–1976)*, Buenos Aires, EUDEBA, 2000.
4. Vitorio Codovilla, *Una trayectoria consecuyente*, Buenos Aires, Editorial Anteo, 1964.
5. Partido Comunista, *Resoluciones y Declaraciones del Partido Comunista de la Argentina 1975*, Anteo, Buenos Aires, 1976.

Influence of landlockedness factor on contemporary Bolivian economy

Influencia del factor litoral en la economía boliviana contemporánea

Abstract: Landlocked position of Bolivia is one of the most controversial issues in Latin American political landscape. In the present paper author makes an attempt to 1) summarize the most relevant data concerning economies of landlocked states in general, 2) evaluate the influence of landlockedness factor on contemporary Bolivian economy and 3) answer the main question — did Bolivia use all possible means of overcoming negative effects of its intercontinental position? The main thesis of the research was that, despite being an undoubtedly negative factor, landlocked position of Bolivia cannot be blamed for its comparatively poor economic performance, especially taking into account other serious structural flows in Bolivian governmental and economic systems.

Key words: Bolivia; economy; landlocked countries.

Resumen: La posición sin salida al mar de Bolivia es uno de los temas más controvertidos en el panorama político de América Latina. En el presente trabajo, el autor intenta 1) resumir los datos más relevantes sobre las economías de los estados sin litoral en general, 2) evaluar la influencia del factor de enclavamiento en la economía boliviana contemporánea y 3) responder la pregunta principal: ¿utilizó Bolivia todos los medios posibles de superar los efectos negativos de su posición intercontinental? La tesis principal de la investigación fue que, a pesar de ser un factor indudablemente negativo, la posición sin salida al mar de Bolivia no puede ser culpada por su desempeño económico comparativamente pobre, especialmente tomando en cuenta otros flujos estructurales serios en los sistemas gubernamentales y económicos bolivianos.

Palabras claves: Bolivia; economía; países intercontinental.

The maritime problem of Bolivia is a well-known example of an ingrained territorial dispute, dating back to the XIX century: after losing its coastal lands as a result of a defeat in the Pacific War 1879-1884 with Chile, Bolivia hasn't got over its landlocked status and for more than a century hasn't given up an idea of getting a sovereign access to the ocean back.

This old controversy has become a stumbling block in Chile-Bolivian relations, contributing to the rise of tension between the countries throughout XX century and up to the present time. In the XXI century newly-elected Bolivian president Evo Morales Ayma made the maritime claim a centerpiece of Bolivian foreign

¹ Russia. Master of International Relations, St. Petersburg State University; dariapravdiuk@gmail.com

policy towards its neighbour, widely declaring that Chile had avoided its obligation to negotiate access to the Pacific Ocean and even bringing this accusation to the International Court of Justice in 2013².

One of the most popular arguments for Bolivian historical demand is the statement that Chilean aggression, having resulted in Bolivia's transformation into a landlocked state, has irreparably damaged Bolivian economic condition: loss of territories, both rich in natural resources and crucial for foreign trade (there were at least 4 large ports in the Departamento Litoral — Tocopilla, Cobija, Mejillones and Antofagasta), is claimed to be the main reason for Bolivia's status of the poorest country of Latin America³ (although according to the Ministry of Public Finance it is said to have given this place to Paraguay in 2009⁴). I have made an attempt to 1) summarize the most relevant data concerning economies of landlocked states in general, 2) evaluate the influence of landlockedness factor on contemporary Bolivian economy and 3) answer the main question — did Bolivia use all possible means of overcoming negative effects of its intercontinental position?

To begin with, one should agree that the most precise conclusions about landlocked states can be reached only by separating developed countries from developing ones. Indeed, statistics of landlocked developed economies make the overall picture less accurate, as developed countries have much more resources and instruments to lessen or even overcome negative effects of landlockedness.

This approach is used by the United Nations that established an Office of the High Representative for the Least Developed Countries, Landlocked Developing Countries and Small Island Developing States (OHRLLS), focusing its attention only on the most vulnerable group of states.

According to the last report dedicated to landlocked countries' economy — “The Development Economics of Landlockedness: Understanding the development costs of being landlocked” (2013) — one can characterize the main distinctive features of such economies.

To sum up the overall macroeconomic picture, landlocked developing countries (LLDCs) lag significantly behind coastal developing countries and transit developing countries in terms of broad economic development. There is some evidence of an improvement in the macroeconomic framework of LLDCs after the launch of

² Viktor Kheifets, Daria Pravdiuk, “Contemporary Chile-Bolivian relations in the framework of searching for solution of Bolivian “maritime problem””. *Latinskaya Amerika*, 2015, №9, 60-72. (Хейфец В.Л., Правдюк Д.А. Современные чилийско-болливийские отношения в контексте поиска решения «морской проблемы» Боливии // Латинская Америка. 2015. № 9. С. 6-72)

³ “Macroeconomic Developments and Prospects in Low Income Developing Countries”, IMF, 2016.

⁴ “Bolivia is no longer the poorest country in South America”, Ministry of Public Finance of Bolivia, 07.12.2009. Available at: [//www.economiayfinanzas.gob.bo/index.php?id_idioma=2&opcion=com_prensa&ver=prensa&id_item=&id=1113&seccion=77&categoria=19](http://www.economiayfinanzas.gob.bo/index.php?id_idioma=2&opcion=com_prensa&ver=prensa&id_item=&id=1113&seccion=77&categoria=19)

the Almaty Plan of Action (2003), but this tendency usually depends on the country's persistence in economic policy.

Concerning trade and structural diversification, export structure of LLDCs is generally narrow and less diversified, they tend to rely on the primary commodities export more heavily than any other group. Obviously, international trade in general is much more difficult and expensive in LLDCs than in any other group. The costs to export and import from/to LLDCs are on average more than twice the costs to export and import from/to transit developing countries. Moreover, these costs are growing faster in LLDCs than in the other groups. Delays to export are also significantly longer in LLDC, combined with worse logistics performance⁵.

Another typical problem of landlocked states, relevant for Bolivia as well, is a lack of foreign direct investment (FDI). In Latin America only Guyana and Suriname receive less investments than Bolivia and Paraguay. Bolivia's situation tends to get worse because of the decline in country's hydrocarbons sector: amount of FDI has been dropping since 2013 (last figures are \$555 million in 2015 and \$410 million in 2016, according to UNCTAD⁶). Scarcity of FDI in landlocked developing countries is somehow compensated by Official Development Assistance (ODA), but its flow is distributed rather unequally.

Some experts have moved even further in their attempt to estimate a damage of landlockedness — a paper by the World Bank group “The Cost of Being Landlocked” (2010) explains a vicious circle of logistics that causes the most material losses. Omitting all calculations, one can learn that comparing to coastal countries landlocked states trade on average 30 % less, economy growth is at least 1.5 % weaker, transportation cost is approximately 50 % higher and the reexport model is extremely difficult to achieve⁷.

Let us move from the theoretical part to a brief overview of contemporary Bolivian economy.

As Evo Morales came into power in 2006, economy of Bolivia was subject to a dramatic transformation. A new governmental project was set out in the National Development Plan (2007) and combined features of neo-developmentalism and twenty-first-century socialism⁸. As we can see from its full title “National Development Plan: Dignified, Sovereign, Productive and Democratic Bolivia to Live Well,

⁵ “The Development Economics of Landlockedness: Understanding the development costs of being landlocked”, UN, OHRLLS, 2013.

⁶ “World Investment Report”, UNCTAD, 2016.

⁷ “The Cost of Being Landlocked”, The World Bank, 2010.

⁸ Cunha Filho C.M., Goncalves R.S. “The National Development Plan as a Political Economic Strategy in Evo Morales's Bolivia: Accomplishments and Limitations”, *Latin American Perspectives*, 2010, Vol. 37, No 4, 177-196.

Strategic Directions 2006-2011”, it focuses on a wide range of issues that will foster well-being of Bolivian nation, what is a main goal of the “vivir bien” concept.

Another distinctive feature of the new paradigm is that it aims on changing Bolivian structure of development, not only the economic model. The key difference is that structure of development means the way how factors of production are organized and function to achieve economic growth, while economic model refers mostly to the administration of these factors (state-led, market-based model, etc.). While Bolivian economic model has changed multiple times throughout its history, its structure of development has remained the same — Bolivian economist George Gray Molina describes it as a “mono-production structured around the exploitation of a small number of primary natural resources”⁹.

We have witnessed another change of economic model in 2006, when hydrocarbons were nationalized, the next step should have been a proper transformation of structure of development. The “Productivity” section of the National Development Plan provides a normative framework for this step, dividing Bolivian production into two main axes and two transversal ones¹⁰. Justifying the necessity of state control of the main axes of economy (ones that generate surplus and ones that create jobs and income), government of Morales has given impetus to the reshape of Bolivian economy.

Today, analyzing the results of a decade of Morales’ presidency, one can see that Morales managed to achieve unprecedented results in improving Bolivia’s social-economic condition: extreme poverty has been reduced by a half¹¹, GDP has tripled (from \$11.4 billion in 2006 to \$33.8 billion in 2016¹²), external debt reached its lowest in history 23,8 %¹³. What is more important, there is a persistent tendency to a bigger diversification of Bolivian export. Except for the main raw materials, produced for export (natural gas, zinc and silver), two other categories seem to be promising — soy products and lithium¹⁴.

Yet Bolivia is far from prosperity and sustainable development. Speaking about disadvantages, governmental protectionism that hinders market competition,

⁹ George Gray Molina, “La economía boliviana ‘mas alla del gas’”, *América Latina Hoy* 43, 2016, 63-85.

¹⁰ Plan Nacional de Desarrollo “Bolivia Digna, Soberana, Productiva y Democrática, para Vivir Bien”, 2007, Available at: [//www.planificacion.umsa.bo/documents/1778193302/0/boliviaplan_desarrollo_nac_ds_29272+12+sep+2007.pdf](http://www.planificacion.umsa.bo/documents/1778193302/0/boliviaplan_desarrollo_nac_ds_29272+12+sep+2007.pdf)

¹¹ Jose Mauricio Vargas, “Preserving Bolivia’s Impressive Reduction in Poverty and Inequality”, IMF, 2016. Available at <http://www.imf.org/external/np/blog/dialogo/011316.pdf>

¹² CEPALSTAT, Bases de Datos y Publicaciones Estadísticas. Comisión Económica para América Latina y el Caribe, Estado Plurinacional de Bolivia, Perfil nacional económico. Available at: http://estadisticas.cepal.org/cepalstat/PerfilNacional_Economico.html?pais=BOL&idioma=spanish

¹³ Idem

¹⁴ Victor Katona, “The main development drivers of Bolivia’s economy”, *Latinskaya America*, No.11, 2016, 43-57.

poor legal framework for business, especially for foreign entrepreneurship, and overall dependence on global prices of raw materials make Bolivian economy rather unstable and unpredictable.

One of the most comprehensive researches of landlocked economies is a report done by the World Bank — “Doing Business in landlocked economies”. It includes not only statistics and ranking of the landlocked states by 10 main criteria of business environment, but also general assumptions concerning average position of intercontinental countries in global economy. According to the latest version of the report (2016), Bolivia cannot be called business-friendly. For instance, it is ranked the worst among the LLDC in the number of procedures to start business (15, regional average number — 6.6) and time to export (216) and 189th in the world at paying taxes with spending more than 1025 hours per year for all tax procedures. All in all, it seems like it deserves its 157th place in global rating of doing business, what makes it sixth worst even among landlocked countries¹⁵.

Can these aspects be considered to be a result of Bolivia’s landlocked condition? Summing up official Bolivian discourse, we can see that today La Paz is eager to overlay responsibility for its economic problems on absence of access to the sea and, more specifically, on Chile. But if we look closely at existing agreements between Chile and Bolivia it becomes obvious that Chile does make efforts to enlighten Bolivian situation.

Generally, Bolivia is granted unprecedented preferences in trade and customs policy of Chile. Most of the conditions are regulated by the Agreement on Economic Complementation (1993), which covers issues of tax and customs liberalization, economic cooperation, investments, etc. It confirms Bolivian right of free transit and, among other preferences, grants Bolivia tariff concessions for imports without reciprocity¹⁶.

However, from Bolivian side there are more complaints than appreciation. Several statements of aggressive information campaign, launched by Bolivia to seek support of its claim, are based on systematic misinterpretation of facts related to Bolivian right of free transit through Chilean coastal territories. This right is ensured by the UN Convention on the Law of the Sea (1982) and several non-binding agreements, including Almaty declaration (2003) and following Vienna declaration (2014), concluding UN Conferences on Landlocked Developing Countries. According to the Article 125 of the Convention, “Land-locked States shall have the right of access to and from the sea for the purpose of exercising the rights provided for in this Convention including those relating to the freedom of the high seas and the

¹⁵ “Doing Business in landlocked economies — 2016”, The World Bank.

¹⁶ Acuerdo de Alcance Parcial de Complementación Económica No. 22, 1993. Available at: <http://www.aladi.org/nsfaladi/textacdos.nsf/4d5c18e55622e1040325749000756112/22e99c149349183d032567ee007cef4f?OpenDocument>

common heritage of mankind. To this end, land-locked States shall enjoy freedom of transit through the territory of transit States by all means of transport.”¹⁷ Article 128 also suggests providing free zones at the ports of entry and exit in the transit States, but this measure is up to the transit state¹⁸.

Thus, the Bolivian government is transforming its rights to freedom of transit into obligations for Chile. Bolivia insists that Chile must make unilateral investments in the infrastructure that Bolivia uses to transit its goods and cargo. Chile is indeed engaged in modernization of ports and transport networks on its own territory, taking into account Bolivian needs (it is enough to recall the costly project of construction of a new Chungara border post launched in 2015¹⁹), but the Bolivian side requires new investments and forwards complaints against Chile to various international institutions, in particular, to the Latin American Integration Association (Asociación Latinoamericana de Integración, ALADI).

Moreover, La Paz has repeatedly urged Chile not to apply security, customs control, counter-crime and counter-smuggling measures, environmental and health standards to Bolivian goods and cargo transported through Chilean territory. According to the Bolivian representatives, these measures violate Bolivia’s right of free transit²⁰, what is rather questionable. Chile does not inspect more than 1 % of Bolivian cargo²¹, but formally no one can prevent Santiago from fulfilling its standards of inspection and security on its own territory, what is guaranteed by paragraph 3 of Article 125 of the UN Convention on the Law of the Sea: “Transit States, in the exercise of their full sovereignty over their territory, shall have the right to take all measures necessary to ensure that the rights and facilities provided for in this Part for land-locked States shall in no way infringe their legitimate interests”²².

Another stumbling block was the increase in tariffs for services in the Chilean ports of Arica and Antofagasta. The Bolivian side described the growth of tariffs as a hindrance to Bolivia’s foreign trade and violation of its rights to free transit²³. Re-

¹⁷ UN Convention on the Law of the Sea, 1982. Available at: www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf

¹⁸ Idem

¹⁹ “Aladi: Chile fija fecha a nuevo paso fronterizo y busca desactivar ofensiva de Bolivia”, *La Tercera*, 26.03.2015. Available at: www.latercera.com/noticia/aladi-chile-fija-fecha-a-nuevo-paso-fronterizo-y-busca-desactivar-ofensiva-de-bolivia/

²⁰ “Canciller boliviano demuestra incumplimiento de Chile en Tratado de 1904”, Ministerio de Relaciones Exteriores de Bolivia, 18.07.2014. Available at: www.cancilleria.gob.bo/webmre/noticia/650

²¹ Declaración Pública sobre el Tratado de 1904 y el libre tránsito con Bolivia, 18.06.2016. Available at: www.minrel.gob.cl/declaracion-publica-sobre-el-tratado-de-1904-y-el-libre-transito-con/minrel/2016-06-18/175005.html

²² UN Convention on the Law of the Sea, 1982. Available at: www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf

²³ “El ‘libre tránsito’ no deja de ser una falacia”, *La Razon*, 09.11.2014. Available at: www.la-razon.com/suplementos/animal_politico/libre-transito-deja-falacia_0_2158584185.html

ferring to the provisions of the UN Convention on the Law of the Sea, the Bolivians argue that such measures must be negotiated with La Paz. This misinterpretation of the Convention is commented by Chile quite clearly: the right of free transit does not mean free use of port services or road infrastructure, nor does it imply the need to coordinate the tariff policy of the transit country with its inland neighbor. Meanwhile, tariffs for Bolivian cargoes are significantly lower than for the rest, their growth does not exceed the average values of inflation, and some indicators even decline²⁴.

Finally, the Bolivians accuse Santiago of discrimination: according to them, Bolivian goods are kept in worse conditions than Chilean ones. An example of such “discrimination” — part of the Bolivian containers containing substances of the “hazardous” category, were indeed moved to remote port warehouses, but this was due to the already mentioned environmental regulations of the Chilean legislation. On the contrary, Bolivian cargo enjoys exclusive privileges that are not available even to Chileans: it can be stored in warehouses for up to 60 days free of charge, and Bolivians constantly violate these terms without receiving any penalties²⁵.

The above-mentioned episodes are rather persuasive in showing that Chile can not be accused of staying blind to Bolivian needs. And what can be done by the Bolivian side to improve its economic situation?

There is a set of both general and specific recommendations for landlocked developing countries, elaborated by various institutions, from the UN to the World Bank.

Proposals of OHRLLS are as follows:

- Increasing trade integration with the rest of the world (not just a matter of increasing the quantity of goods/services traded, but increasing the value of what is being traded).
- Institutional reforms as a powerful means to reduce the development costs of being landlocked (ensuring the protection and enforcement of property rights and economic rights in general, including protection against the risk of expropriation; establishing a system of checks and balances in policy-making to avoid sudden policy reversals; strengthening the rule of law).
- Envisage new forms of resource mobilization to finance investments in infrastructures (international aid, support from donors, public-private partnership to mobilize domestic resources)²⁶.

²⁴ “Tecnología en los puertos de Chile: los avances, el camino recorrido y hacia donde vamos como país”, *Kawesqar*, 20.09.2016. Available at: www.revistakawesqar.cl/tecnologia-en-los-puertos-de-chile-los-avances-el-camino-recorrido-y-hacia-donde-vamos-como-pais/

²⁵ “¿De qué se quejan? El listado de beneficios de Bolivia en puertos chilenos”, *Cambio*, 21, 02.12.2015. Available at: www.cambio21.cl/cambio21/site/artic/20151202/pags/20151202084338.html

²⁶ “The Development Economics of Landlockedness: Understanding the development costs of being landlocked”, UN, OHRLLS, 2013.

There is another assumption worth mentioning: in terms of lessening negative effect on trade, developing logistics is more important than investment in infrastructure. High efficiency of logistics result not from good infrastructure, but from well-organized logistics supply chains, competitive trucking market and proper government regulations²⁷.

Bolivian government has taken some measures according to the above-mentioned recommendations, most of them in a framework of the National Development Plan 2007 that was followed by the Plan of Economic and Social Development 2016-2020, adopted in 2015.

Concerning encouraging investment, in 2015 Bolivia enacted a law for the promotion of investment in the exploration and exploitation of hydrocarbons²⁸ that stipulates that part of the revenues from the Direct Hydrocarbons Tax (IDH) will be deposited in a fund to finance production incentives meant to promote greater investment, and increase the country's reserves and output of hydrocarbons.

Moreover, among recent amendments to Bolivian legislation we should mention a new conciliation and arbitration law, incorporating mechanisms of alternative dispute resolution for both domestic and foreign investors. At the same time, the law stipulates that investment disputes involving the State will be subject to Bolivian jurisdiction²⁹.

Some actions of Bolivian government, on the contrary, worsen the situation. For example, in 2015 Bolivia made trading across borders more difficult by increasing customs clearance time. All in all, Bolivian policy cannot be called consistent.

Landlocked position of Bolivia is one of the key factors that shape Bolivian economy. Moreover, it should obviously be classified as a negative factor, meaning that it limits trade opportunities, but it is highly questionable if it can be blamed for the overall economic weakness of Bolivia. High level of bureaucracy and corruption, lack of export structure diversification, high-risk environment for foreign business and investment — all these are problems that influence Bolivian economy even more and, on the contrast to the landlockedness, that can be subject to change.

Nevertheless, current Bolivian government seems to focus on territorial dispute with Chile much more efforts and attention. Even though this issue is more “heated” and has more power to shape both public opinion and political image of Morales's government, it isn't a right path to “bring back Bolivia's prosperity”, as promises the President. Consistency in domestic policy with an emphasis on reducing bureaucracy and enhancing trade diversification is the most certain way to

²⁷ “The Cost of Being Landlocked”, The World Bank, 2010.

²⁸ Ley de Promoción para Inversión en Exploración y Explotación Hidrocarburífera, Available at [//www.cedib.org/wp-content/uploads/2016/03/07-Ley767-Promoción-de-inversiones-en-actividades-de-exploración-y-explotación-de-hidrocarburos.pdf](http://www.cedib.org/wp-content/uploads/2016/03/07-Ley767-Promoción-de-inversiones-en-actividades-de-exploración-y-explotación-de-hidrocarburos.pdf)

²⁹ “World Investment Report”, UNCTAD, 2016.

overcome the negative effect of landlockedness and the sooner Bolivian government understands it, the easier Bolivia will catch up with other Latin American economies.

Bibliography

1. Viktor Kheifets, Daria Pravdiuk, “Contemporary Chile-Bolivian relations in the framework of searching for solution of Bolivian “maritime problem””. *Latinskaya Amerika*, 2015, №9, 60-72. (Хейфец В.Л., Правдюк Д.А. Современные чилийско-боливийские отношения в контексте поиска решения «морской проблемы» Боливии // Латинская Америка. 2015. № 9. С. 6-72)
2. Cunha Filho C.M., Goncalves R.S. “The National Development Plan as a Political Economic Strategy in Evo Morales’s Bolivia: Accomplishments and Limitations”, *Latin American Perspectives*, 2010, Vol. 37, No 4, 177-196.
3. George Gray Molina, “La economia boliviana ‘mas alla del gas’”, *America Latina Hoy* 43, 2016, 63-85.
4. Victor Katona, “The main development drivers of Bolivia’s economy”, *Latinskaya Amerika*, No.11, 2016, 43-57. (Виктор Катона. Основные драйверы развития экономики Боливии. Латинская Америка. 2016. № 11. С. 43-57)
5. “The Cost of Being Landlocked”, The World Bank, 2010.
6. “¿De qué se quejan? El listado de beneficios de Bolivia en puertos chilenos”, *Cambio*, 21, 02.12.2015. Available at: www.cambio21.cl/cambio21/site/artic/20151202/pags/20151202084338.html
7. “The Development Economics of Landlockedness: Understanding the development costs of being landlocked”, UN, OHRLLS, 2013.

Ideas y tensiones: el lugar de algunas controversias sobre la dependencia y el desarrollo en América Latina — 1960–1970²

Ideas and tensions: the role of some controversy on dependence and development in Latin America — 1960–1970

Resumen: El artículo visa analizar algunas de las controversias entre las décadas de 1960 y 1970 en América Latina acerca de la Dependencia y el Desarrollo. Tal trayectoria será problematizada en dos perspectiva, a saber: a partir de los debates acerca de la temática entre Fernando Henrique Cardoso y José Luis Nun, Fernando Henrique Cardoso y Ruy Mauro Marini. Por otro lado, como esos autores incorporan, movilizaron y aplicaron a sus interpretaciones las perspectivas marxianas y/o weberianas, produciendo — a partir de las peculiaridades de contextos, miras y lecturas —, tensiones y conflictos interpretativos sobre el desarrollo y la dependencia latino americana en el periodo.

Palabras Claves: Dependencia y Desarrollo; Pensamiento Socio-Político Latino Americano.

Abstract: This article of the sociological Interpretation of Fernando Henrique Cardoso on the importance given by the Cardoso Policy, which is a central in the analysis instead of economic and as the author articulates based on the Marxist dialectic as the central theoretical and methodological construct, however, in dialogue and integration in the analysis of other approaches and sociological theories, among them the Weberian. The review from a methodological stance taken by the author and a centrality given to the policy for thinking about the development and the Brazilian associated dependency will be analyzed as explanatory / understanding fundamentals and mainly interpretative Brazil and Latin America to the author.

Key Words: Development; Dependence; Fernando Henrique Cardoso; Brazilian Social Thought.

¹ Brasil. Doctor en Ciencias Políticas y Post-Doctorado en Sociología del Desarrollo — UNICAMP/Brasil. Profesor e investigador del Departamento de Sociología y el Programa de Posgrado en Sociología de la Universidad Federal Fluminense — Niterói/Rio de Janeiro — (alessandro_leme@id.uff.br; lemeaa@gmail.com).

² Este trabajo es una versión modificada del artículo “La centralidad de la política para pensar lo económico en Fernando Henrique Cardoso”. Publicado en la Revista Mexicana de Sociología, México, v. 77, n. 3, p. 357-384, sept. 2015.

Introducción

Los debates en torno al desarrollo, subdesarrollo y dependencia en América Latina, que tuvieron lugar entre las décadas de 1950 y 1970, en particular aquellos que signaron la década de 1960, marcaron y acompañaron dos movimientos muy importantes para esta región geopolítica luego de la Segunda Guerra Mundial. El primero, de orden estructural y cultural, se refiere al conjunto de profundas transformaciones sociales, económicas y políticas atravesadas por América Latina, entre ellas, el proceso de industrialización tardía, la creciente urbanización y centralidad de lo urbano (en lo económico tanto como en lo político), los problemas de movilidad social, los regímenes militares y autoritarios presentes en muchos de los países latinoamericanos, etc.

El segundo, de orden intelectual, es decir, vinculado a la producción de conocimientos en las denominadas ciencias humanas y sociales -en la sociología en particular-, se refiere a la producción de una interpretación y diagnóstico de las condiciones socioeconómicas, políticas y culturales de América Latina a partir de una “mirada latinoamericana”. Aun cuando partieran de debates o autores europeos (franceses, alemanes, ingleses, italianos, etc.) o norteamericanos (en su mayoría estadounidenses, pero también extranjeros insertos en la academia norteamericana), buena parte de los sociólogos (y científicos sociales en general) empeñaron sus esfuerzos en la elucidación de los problemas latinoamericanos a partir de la propia América Latina. Estos esfuerzos conllevaron, en lo referido a la temática del desarrollo, del subdesarrollo y de la dependencia, un desplazamiento de la centralidad acordada a la esfera económica en favor de la esfera política.

Síntesis de los debates sobre el desarrollo: problematizando la cuestión

El desarrollo como concepto y/o abordaje teórico puede ser vinculado al conjunto de transformaciones atravesadas por las sociedades europeas durante el siglo XX en sus padrones y estilos de capitalismo, motivadas en buena medida por las reconstrucciones seguidas a las dos guerras mundiales. En este sentido, el desarrollo como idea central para reflexionar sobre el mundo (capitalista) está necesariamente atravesado por la cuestión de la industrialización. Existe un relativo consenso, si bien no exento de críticas, de que el artículo “Problems of industrialization of Eastern and South-Eastern Europe” de Paul Rosenstein-Rodan (1943) es uno de los textos fundadores de la moderna teoría del desarrollo.

Por supuesto, las cuestiones relativas al desarrollo y las ciencias sociales en Brasil y América Latina sólo tienen sentido cuando son analizadas a partir de las condiciones históricas propias de la periferia latinoamericana. Desde un punto de vista metodológico, aun cuando las ciencias sociales mantengan su autonomía fren-

te a las demás ciencias humanas, el debate e intercambio con la economía se hace necesario.

Para ilustrar esta problemática, podemos recordar el caso de la Comisión Económica para América Latina (CEPAL), célebre institución dedicada a la resolución de los problemas “latinoamericanos”, y que reunió pensadores y gestores de la economía, la sociología, la ciencia política y la historia.

Según Bielschowsky³, el problema del desarrollo latino-americano y brasileño, en la matriz cepaliana, se inserta dentro del enfoque histórico-estructural, definido por el binomio “centro-periferia”, pero también caracterizado por los análisis acerca de la inserción internacional, los condicionamientos estructurales internos y las necesidades y posibilidades de acción estatal.

Cuando se observa históricamente, es posible reconocer que la cuestión del desarrollo como problemática fundamental de las ciencias sociales se plantea a mediados de la década del 40, siguiendo luego en la década del 50, con el problema de la industrialización. En la década siguiente, el problema se reorienta pasando a ser aquel vinculado a las reformas necesarias para la continuidad de la industrialización y la superación de los estrangulamientos que presentaban las economías y sociedades de la región. En este sentido, en la década del setenta el problema de una industrialización pro-exportadora gana presencia, siendo desplazado, sin embargo, en los años siguientes cuando el endeudamiento externo y los ajustes necesarios para la recuperación del crecimiento llevaron a la difusión del ideario neoliberal.

Todo este proceso está marcado por la insistente investida sociológica contra la mirada reduccionista que planteaba el problema como una cuestión exclusivamente económica. Según esta visión, crecimiento económico y desarrollo estaban lejos de ser simples sinónimos. Por otro lado, los análisis estructurales de cuño cepalino son criticados por dar un peso insuficiente a las condiciones internas o, más precisamente, a las peculiaridades de las estructuras de clase propias de cada país. Es decir, lo que se buscaba señalar era que el problema central era básicamente político y que, en lo esencial, la relación estrecha e indisoluble entre la dimensión económica y la política era central para explicar y comprender el desarrollo y el subdesarrollo.

En este sentido, el debate sobre el desarrollo, o sobre cuáles deberían ser las estrategias adoptadas para alcanzar el tan ansiado desarrollo, pasó necesariamente por la definición de las estrategias económicas capaces de tener en cuenta los factores endógenos y exógenos (en términos de actores, clases e instituciones), pero también las posibilidades y los límites a la integración de un país en un mundo globalizado.

Desde diferentes miradas y apelando a distintas fundamentaciones, fueron muchos los autores que participaron de un debate en el cual el desarrollo era entendido como la transición de un modelo primario-exportador a un modelo urba-

³ Bielschowsky, R., *Pensamento econômico brasileiro: o ciclo ideológico do desenvolvimento*. Rio de Janeiro: Contraponto, 1995.

no-industrial. Esa transición o cambio de estrategia, todos reconocían, representaba una nueva configuración económica, social, política y cultural en la medida en que no sólo incidía de un modo directo en la forma de organización y reproducción del capital en el tiempo y el espacio, sino que también redefinía, de un modo profundo, las formas y los estilos de vida, es decir, la reproducción social de los individuos, los grupos y las clases sociales de un determinado país.

De los participantes de aquel debate, cabe citar, entre otros, a Fernandes (1981), Ianni (1986), Oliveira (1988), Tavares (1983), Cardoso (1971 e 1993). Todos ellos enfatizaron tanto las dimensiones políticas cuanto las económicas del desarrollo. O sea, el tipo de relación a ser establecida entre el Estado y la Sociedad en Brasil, así como el tipo de conducción política económica (hacia dentro o hacia fuera, según los términos cepalinos) son expresiones de las estrategias adoptadas para el desarrollo económico (y social) brasileño.

En esos años, fueron muchas las visiones sobre el crecimiento económico en el marco de una relación asimétrica de poder y de reproducción del capital, como la divulgada por la CEPAL en la clásica divisoria “Centro/Periferia”; la del crecimiento en condiciones de dependencia a partir de las demandas externas de los productos nacionales; o aún, la del crecimiento como condición de apertura al capital extranjero, o mismo del fortalecimiento del capital nacional.

En fin, son muchos los abordajes que al tratar las estrategias para el desarrollo de los países subdesarrollados (emergentes o en desarrollo) muestran que (aunque sea por diferentes vías teórico-metodológicas) pensar el desarrollo económico y social de un país implica comprender cuáles son las estrategias, actores, grupos y clases que hacen parte de ese proceso, así como los embates, conflictos y consensos en torno a las estrategias para el desarrollo que se configuran como hegemónicas en un determinado período histórico.

En este sentido, caben destacar los trabajos de Rodríguez (2009) quien rescata todo aquel debate en América Latina y la influencia de la “mirada” cepalina, o sea, de la mirada estructuralista (y su énfasis en los antecedentes históricos, en las coyunturas, en la estructura y acción en el análisis social) para pensar el desarrollo económico, social y político de la región. Aún más, la revisión y debate crítico acerca de los cambios de estrategias ocurridos dentro de aquella misma mirada se vuelven necesarios para comprender las decisiones realizadas principalmente a partir de finales de la década de 1970 (con fuerte influencia de las políticas neoliberales y de la globalización financiera).

Cuando Fernando Henrique Cardoso⁴ dirige su mirada al debate entre las diversas interpretaciones sobre Brasil, el autor no duda en afirmar que el desarrollo sería el más político de los temas económicos. En función de ello, el autor analiza

⁴ Cardoso, Fernando Henrique, *As ideias e seu lugar: ensaios sobre as teorias do desenvolvimento*. Petrópolis, RJ: Vozes, 1995.

el tema en su vinculación privilegiada que es aquella de la dependencia. En esa caracterización, el propio concepto de desarrollo estaría sujeto, según nota, a diversas redefiniciones o conceptualizaciones según los autores y los abordajes. El tiempo histórico también constituye un factor que da cuenta de la redefinición del concepto: en la medida en que se alteran las condiciones materiales y de existencia de los estados nacionales y sus respectivas relaciones comerciales y de clase (la estructura social como un todo), el desarrollo, en tanto concepto explicativo o comprensivo, también se modifica.

Durante la década de 1960, el desarrollo deviene un factor explicativo o interpretativo central en dos grandes vertientes teórico-metodológicas que, si son diversas, presentan no obstante una cierta unidad a la hora de caracterizar el progreso material. La primera identifica el desarrollo con el crecimiento económico como el centro del proceso social, siendo las mejorías de las condiciones de vida y de los estándares sociales el resultado natural de ese crecimiento.

La segunda, caracterizada en general como dependientista, si bien comprende innumerables autores y vertientes (a veces antagónicos entre sí), presenta en términos generales una mirada más compleja que reconoce la fuerte capacidad de intervención que el juego político tiene, tanto en la organización del crecimiento económico como así también en la (*re*)definición de la estructura y rumbos sociales (aun cuando, por supuesto, los efectos pudieran ser diferentes según la clase o segmentos sociales que participen en las estructuras de poder).

Un elemento central analizado —y criticado— por la teoría de la dependencia era la cuestión de la inserción internacional de los países en condición concreta de dependencia, o en los términos de Cardoso⁵ “dos países sobre as modalidades concretas de desenvolvimento”. En este debate, tres aspectos se destacan como relevantes para el análisis crítico así como para la inteligibilidad del concepto de desarrollo, principalmente en el contexto latinoamericano. Por un lado, la idea de un cierto progreso material (económico y social); por otro, la condición de dependencia (y la asimetría de poder en el sistema internacional); finalmente, y fuertemente vinculado a los dos anteriores, el papel del Estado como conductor o facilitador de los progresos materiales y sociales, mediados siempre por la relación de conflicto o consenso entablada en el plano interno y externo. Cabe señalar que el análisis del papel del Estado no planteaba aún la cuestión del régimen democrático, es decir, su condición de actor central para pensar el desarrollo (que, por ejemplo, se veía reflejado en el progreso material, en la sustitución de importaciones, en la industrialización o en la modernización) era concebida de modo independiente de la presencia o ausencia de instituciones democráticas o autoritarias.

⁵ Ibid.

Al estudiar y problematizar los tipos — y mitos — del pensamiento social brasileño, Octavio Ianni⁶ acaba reforzando la centralidad del tema económico del desarrollo no sólo en la práctica del Estado sino también en la forma en que se pensaba al país. Para el autor, pensar sobre Brasil implica articular el pasado, el presente y el futuro. O sea, lo que fue, lo que es y lo que podrá ser. Esas preguntas están siempre dialécticamente presentes en las interpretaciones del país, en especial, en las discusiones acerca del desarrollo, tema que recorre las posibilidades e imposibilidades de Brasil, especialmente a partir de la década de 1930. A su vez, la dimensión política y, en consecuencia, la cuestión del Estado en la relación desarrollo y sociedad en Brasil aparece como central, sea por la influencia del Estado en el capitalismo local, sea por la peculiar relación del Estado con la sociedad en Brasil.

Abordaje teórico-metodológico en perspectiva

Esta sección analiza los textos (artículos y libros) de FHC sobre la temática de la dependencia y el desarrollo. Más específicamente, nuestras reflexiones estarán dedicadas al *corpus* bibliográfico producido en su mayoría entre los años sesenta y setenta. Los textos u obras más recientes del autor sólo serán utilizados como aporte analítico.

En el prefacio a “Dependência e Desenvolvimento na América Latina: ensaios de interpretação sociológica”, Cardoso y Faletto señalan que el objetivo del libro es:

esclarecer alguns pontos controvertidos sobre as condições, possibilidades e formas do desenvolvimento econômico em países que mantêm relações de dependência com os polos hegemônicos do sistema capitalista, mas, ao mesmo tempo, constituíram-se como Nações e organizaram Estados Nacionais que, como todo Estado, aspiram à soberania... falar da América Latina sem especificar dentro dela as diferenças de estrutura e de história constitui um equívoco teórico de consequências práticas perigosas^{7 8}

En este sentido, Cardoso y Faletto buscan elaborar una interpretación sociológica centrada en un abordaje histórico-estructural. El concepto de proceso histórico-estructural nos parece particularmente interesante por permitir, en el ámbito metodológico, la necesaria fusión entre estructura e historia en el análisis social. Esto es así porque, en esta perspectiva, las estructuras son concebidas como el pro-

⁶ Ianni O., “Tipos e mitos do pensamento brasileiro”, *Sociologias*, Porto Alegre, 2002, ano 4, no 7, jan/jun, 176-187.

⁷ Cardoso, Fernando Henrique e Faletto, Enzo, *Dependência e Desenvolvimento na América Latina: ensaios de interpretação sociológica*. São Paulo: Editora Afiliada, 1970, 7.

⁸ En general se optó por referir los textos en español cuando estuviesen disponibles. Sólo en este caso, sin embargo, en la medida en que la versión en portugués nos pareció más completa, optamos por esta última.

ducto de las luchas e imposiciones sociales, siendo analizadas de este modo frente a los procesos.

“a ideia de que existe uma explicação histórico-estrutural tem a ver com o processo de formação das estruturas e, simultaneamente, com a descoberta das leis de transformação dessas estruturas. Trata-se de conceber as estruturas como relações entre os homens que, se bem são determinadas, são também (...) passíveis de mudança, à medida que, na luta social (política, econômica cultural), novas alternativas vão se abrindo à prática histórica. Neste sentido, o objeto da análise não se reifica em atores, mas se dinamiza em conjuntos de relações sociais.”⁹

Desde el punto de vista de los procedimientos teórico-metodológicos, el autor refiere que la fuente en la que se inspira es la dialéctica marxista. Esta fuente, que sustenta el análisis del fenómeno de la dependencia y del desarrollo, había sido movilizada también en sus estudios sobre el capitalismo y la esclavitud en Brasil. Según el autor, este procedimiento metodológico es el más adecuado para hacer un análisis sociológico que parta de las situaciones concretas.

Los análisis concretos son el producto simultáneo de la práctica y de la reflexión teórica. Por esto, cuando Cardoso enfatiza que los estudios sobre la dependencia deben partir de “situaciones concretas” y ser referenciados en “análisis concretos”, el procedimiento al que hace referencia es aquél que Karl Marx proponía en la *Contribución a la crítica de la economía política* donde señalaba que: “*lo concreto es concreto porque es la síntesis de múltiples determinaciones, por lo tanto, unidad de lo diverso. Aparece en el pensamiento como proceso de síntesis, como resultado, no como punto de partida...*”¹⁰.

Para Cardoso, ese esfuerzo metodológico expresa la búsqueda de una elevación de lo particular a lo general, donde las relaciones parciales acaban determinándose para generar síntesis que expresan el todo, la totalidad: “*em síntese as análises concretas supõe a elaboração dos conceitos que permitem organizar a unidade do diverso...está unidade não apaga as diferenças, não dissolve as particularidades na abstração representada por ideias gerais*”¹¹.

En la producción académica y bibliográfica del autor es posible percibir que la preocupación con los procedimientos metodológicos no es meramente formal. Lejos de eso, para Cardoso el método es la garantía de que el conocimiento producido sea científico. La forma en que el autor muestra ese carácter científico del método dialéctico (dialéctica marxista) en el análisis sociológico viene dada por el alcance

⁹ Cardoso, Fernando Henrique, *As ideias e seu lugar: ensaios sobre as teorias do desenvolvimento*. Petrópolis, RJ: Vozes, 1995, 97.

¹⁰ Marx, Karl, *Contribución a la crítica de la economía política*. México: siglo xxi, 2008, 301.

¹¹ Cardoso, Fernando Henrique, *As ideias e seu lugar: ensaios sobre as teorias do desenvolvimento*. Petrópolis, RJ: Vozes, 1995, 92.

analítico y crítico que esta técnica interpretativa de explicación científica presenta cuando se trata de dar inteligibilidad a la realidad social.

Sea que estuviera lidiando con la cuestión del negro, del desarrollo, de la dependencia o del autoritarismo, muchas fueron las oportunidades en que FHC buscó legitimar este método como una forma válida de interpretación científica (sociológica) de la realidad social.

Cabe mencionar aquí la célebre “Introducción” del libro *Capitalismo e escravidão no Brasil Meridional: o negro na sociedade escravocrata do Rio Grande do Sul* (1962), reelaborado posteriormente en el prefacio a la segunda edición (1977), quince años después del lanzamiento del libro. En los dos casos, Cardoso no duda en afirmar que “o método dialético sustenta-se como alternativa de conhecimento”¹². En el prefacio a la segunda edición, reflexionando sobre los debates que se habían dado en el grupo liderado por Florestan Fernandes en la Universidad de San Pablo (USP), Cardoso (2003) recuerda que había una constante necesidad de producir una sociología que no fuera una mera constatación positiva. En este sentido, justificaba la dialéctica como uno de los tres métodos científicos fundamentales en la sociología, siendo el funcionalista y el weberiano los dos restantes¹³. En la medida en que el método dialético tenía una aceptación más abarcativa, los otros métodos debían subordinársele. En este proceso, la ciencia y la historia, tanto como la investigación y la reflexión, eran ejercicios intelectuales complementarios y simultáneos.

“Na análise dialética, a explicação das relações estruturais e da dinâmica de sua transformação implica um esforço metodológico para estabelecer a hierarquia de vínculos entre cada situação particular e o conjunto do sistema social (a noção de totalidade)”¹⁴.

Si la “mirada” sobre la totalidad de los fenómenos sociales o, alternativamente, la totalidad vista a partir de algún fenómeno particular, fueron algunos de los aspectos centrales desarrollados en la introducción de *Capitalismo e escravidão no Brasil meridional: o negro na sociedade escravocrata do Rio Grande do Sul*, tales cuestiones fueron también problematizadas en el artículo “O método dialético na análise sociológica”, aparecido en la *Revista Brasileira de Ciências Sociais* en el número 1 del volumen II de marzo de 1962¹⁵.

¹² Cardoso H., *Capitalismo e escravidão no Brasil meridional: o negro na sociedade escravocrata do Rio Grande do Sul*. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2003, 20

¹³ Cardoso (2003 e 2012) resalta que cuando comenzó sus lecturas de Marx (y los debates marxistas que se daban en los años cincuenta y sesenta en Brasil), ya era un lector (riguroso) de muchos de los abordajes sociológicos y filosóficos del momento, a saber: Parsons, Merton, Weber, Bergson, Mannheim, Descartes, Kant. También estaba familiarizado con buena parte del ensayismo brasileño.

¹⁴ Cardoso H., *Capitalismo e escravidão no Brasil meridional: o negro na sociedade escravocrata do Rio Grande do Sul*. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2003, 20.

¹⁵ Esta revista era una publicación de la Facultad de Ciencias Económicas de la Universidad Federal de Minas Gerais.

En los textos de FHC es evidente la constante afirmación de que el conocimiento presentado es el producto de una interpretación sociológica fundada legítimamente como científica. La preocupación por producir una reflexión y análisis científicos es una marca en Cardoso, no en vano muchos de los títulos que encabezan sus trabajos buscan dar muestras de un tratamiento científico. Sólo para ilustrar, cabe recordar que el primer artículo de *Mudanças sociais na América latina*, compilación de 1969, tiene el siguiente título: “Desenvolvimento e Dependência: perspectivas teóricas na análise sociológica”.

La idea de totalidad es parte central de la perspectiva del autor. Al definir de modo sucinto el objetivo de *Capitalismo e escravidão no Brasil meridional: o negro na sociedade escravocrata do Rio Grande do Sul*, Cardoso escribe: “o livro visa analisar a totalidade social concreta que resultou da integração entre senhores e escravos na sociedade gaúcha”. Y más aún:

*“O conceito de totalidade não se refere, ou pelo menos não se resume, na dialética, à reprodução de todas as condições, fatores, mecanismos e efeitos sociais que interferem na produção de um fenômeno, processo ou situação social. Na explicação dialética o conceito de totalidade é utilizado como um recurso interpretativo pelo qual se visa compreender, como explicitamente escreveu Marx, no post-fácio da Contribuição à Crítica da Economia Política, não a identidade, o padrão de invariância, mas as diferenças em uma unidade, tal como são engendradas em uma totalidade determinada”*¹⁶.

Cardoso continua:

“Na interpretação dialética as relações que se procura determinar nas totalidades também estão referidas de maneira imediata aos processos sociais reais, e também existe o escopo de reproduzir o real como concreto. Mas, neste caso, o concreto aparece como o resultado de um processo de conhecimento marcado por um movimento da razão que implica numa elaboração muito mais complexa do que a abstração dos padrões gerais, ainda que essenciais, que regulam a interação nas condições empíricas de sua manifestação”.¹⁷

Finalmente, Cardoso refuerza la necesidad de la utilización del método dialéctico en la sociología a partir de la problematización propuesta por Sartre en sus “Cuestiones de método” en Crítica de la razón dialéctica, donde se plantea que las totalidades sociales deben ser tratadas como totalidades singulares. Se da así al método dialéctico una condición heurística justamente porque “o real não é dado a priori, mas constitui esforço analítico de investigação”¹⁸. En este movimiento, Cardoso

¹⁶ Cardoso H., *O método dialético na análise sociológica*. *Revista Brasileira de Ciências Sociais*, 1962, vol. II, num. 1, março, 86.

¹⁷ *Ibid.*, 90.

¹⁸ *Ibid.*, 105.

aproxima Marx a Weber al constatar que ambos rehúyen cualquier metodología empirista, no obstante la interpretación se vincula a un momento analítico que acaba condicionando las posibilidades de generalización.

La explicación de los procesos o de las situaciones concretas, en este marco, no se basaría en la historia pasada (aun cuando ella sea un componente necesario del análisis) sino en el punto de vista que plantea la “história como realização da atividade humana coletiva”¹⁹.

En el libro *As ideias e seu lugar: ensaios sobre as teorias do desenvolvimento*, en el capítulo “A dependência revisitada”, los esfuerzos analíticos sobre las cuestiones teórico-metodológicas son retomados. Una vez más, Cardoso refuerza la necesidad de la dialéctica marxista en cualquier iniciativa científica, al tiempo que recuerda que la comprensión de la totalidad y la necesidad de reflexionar a partir de “análisis concretos” -o sea, de la utilización del abordaje histórico estructural-, serían una forma científica y relevante para tratar el fenómeno de la dependencia y el desarrollo.

*“...se especificam as formas históricas de dependência a partir do modo pelo qual classes, estados e produção se inserem na ordem internacional... [Trata-se de] mostrar como a ‘internacionalização do mercado’ solidariza os interesses entre classes que no momento anterior apareciam como adversas (a burguesia nacional e a burguesia imperialista e mesmo setores das classes assalariadas e os monopólios internacionais, por exemplo). Neste movimento, a própria ideia de dependência, na medida em que é pensada e tem seu ponto de partida como ‘dependência nacional’, revela suas limitações”*²⁰ (CARDOSO, 1995:94).

Si Cardoso referencia sus análisis en la dialéctica marxista, principalmente por su utilización de las nociones de concreto y totalidad, no deja de articular su visión con otros abordajes teóricos y conceptuales, entre ellos, el weberiano. El autor en su ya mencionado artículo “O método dialético na análise sociológica”, admite que la noción de totalidad, central en la dialéctica marxista, también puede ser planteada a partir del funcionalismo, más precisamente, a partir de los autores que, partiendo de Merton, redefinieron y modernizaron los análisis funcionalistas, planteando una interpretación de la totalidad social en términos variables de integración social. En ese sentido, Cardoso cita la interpretación que Florestan Fernandes (1959) hace sobre esta cuestión en su libro *Fundamentos empíricos da explicação sociológica* en el que, en vez de plantear la totalidad como portadora de sistemas en equilibrio, el autor argumenta que el aspecto central de las totalidades sociales en

¹⁹ Ibid., 106.

²⁰ Cardoso, Fernando Henrique, *As ideias e seu lugar: ensaios sobre as teorias do desenvolvimento*. Petrópolis, RJ: Vozes, 1995, 94.

el análisis funcional consiste en la posibilidad, siempre variable, de la integración social, idea compartida por Cardoso²¹.

Más allá de la centralidad acordada a la dialéctica en términos metodológicos, Cardoso, sin necesariamente caer en el eclecticismo, admite su complementariedad con otros abordajes. En varios momentos, se afirma en contra de cualquier mirada esencializadora de los conceptos, que busque la producción de conceptos inmutables. Contra ello, señala que los conceptos están vinculados al propio movimiento de la historia. Se aplica a los conceptos, de este modo, un análisis similar al alcance que el método dialéctico genera como factor interpretativo de los “análisis concretos” de lo real.

Desarrollo y dependencia como factores de interpretación de Brasil

Una vez definidos los procedimientos teórico-metodológicos para el análisis sociológico, Cardoso aborda y contextualiza el tema del desarrollo, principalmente en las interpretaciones de influencia cepalina, funcionalista y marxista. Al diferenciarse de estas matrices, propone otra vía y posibilidad de análisis.

Puede afirmarse que Cardoso plantea una estrategia argumentativa que incluye, por un lado, la crítica a las teorías de la modernización y su idea de un desarrollo pautado por etapas, y, por el otro, la crítica a la teoría de la superexplotación imperialista. En ese movimiento, asume la influencia marxista, siempre en diálogo con otros abordajes analíticos, incorporando además la problematización de lo nacional y lo internacional en la reproducción social, política y económica de Brasil.

Entre los principales aspectos de su interpretación se destaca, por un lado, que la dependencia consiste en una situación donde se articulan determinantes externos (vinculadas a la influencia imperialista) con determinantes internos (vinculados a la estructura de clases), por otro lado, que hay una asociación entre la burguesía local, las empresas industriales multinacionales y la tecnoburocracia estatal (civil y militar), y, finalmente, que el desarrollo dependiente y asociado está vinculado a las asimetrías internacionales de poder y decapital.

Al afirmar que los países de América Latina, y Brasil en particular, presentan una situación concreta pasible de ser conceptualizada a partir de la idea de desarrollo y dependencia asociada, Cardoso enfatiza que la configuración del capitalismo en la esfera global y su respectiva división internacional del trabajo serían un fenó-

²¹ Valdría la pena profundizar la cuestión de la totalidad social en Cardoso teniendo en cuenta esta doble influencia, la que viene de la dialéctica marxista en su interpretación de la totalidad social y concreta, y aquella que viene de la noción de totalidad social propia del enfoque funcionalista, principalmente a partir de Merton, tal como fue reiterada por Fernandes. Dejaremos, no obstante, este problema para futuras discusiones y artículos.

meno propiamente político, en que la dimensión económica, no obstante, posee un peso relevante.

Aun cuando el problema de las relaciones entre Estados y naciones continuaba siendo relevante (como la división internacional del trabajo lo hacía evidente), lo fundamental para pensar el desarrollo de los países eran las relaciones de clase, en el plano interno y en la relación de lo endógeno con lo exógeno. De ahí que, a pesar de dependientes (y de la sujeción a una situación asimétrica de poder que limitaba sus capacidades para apropiarse de los incrementos de productividad), los países en situación de dependencia (Brasil en particular), a través de determinados pactos entre las elites políticas y económicas locales y extranjeras, podrían provocar un tipo determinado de desarrollo asociado que, si no corregía todas las asimetrías internas, posibilitaba ciertos avances o crecimiento.

En términos generales, Cardoso buscaba demostrar que las relaciones entre el centro y la periferia habían cambiado (y que se encontraban en constante cambio), aun cuando fueran analizadas como movimiento general del capitalismo. De ese modo, criticaba y tomaba distancia de las teorías y abordajes marxistas centrados en el imperialismo que negaban cualquier posibilidad de desarrollo capitalista en la periferia. Para Cardoso, en contraste, las nuevas relaciones de dependencia permitían o habilitaban la industrialización de las economías subdesarrolladas, dependiendo de los pactos que las clases y elites nacionales establecieran con sus contrapartes internacionales. Puede verse aquí el peso central que el autor reconocía a la política en detrimento de las estructuras puramente económicas.

Al preconizar que las relaciones económicas son también relaciones políticas —y, por lo tanto, sociales—, el autor, en una doble referencia a la dialéctica marxista, de un lado, y a la teoría de la acción weberiana (principalmente a la racionalidad con arreglo a fines), del otro, afirma que la política establece la dinámica en la que de modo necesario han de darse los procesos. Es decir, dependiendo de las opciones y arreglos entre las clases (y/o el surgimiento de nuevas clases y actores), las oportunidades concretas de desarrollo económico se vuelven disponibles (o no), incluso para los países subdesarrollados, en un contexto general de dependencia.

El contexto mundial (en su dimensión histórica, económica, política y social) es, por supuesto, fundamental en la reflexión de Cardoso. En rigor, es central para todas las discusiones (teorías y abordajes) de lo que Sachs (2005) refiere como “moderna teoría del desarrollo”.

Es en el marco de este contexto que la CEPAL se inserta y promueve el debate sobre la necesidad de promover una industrialización vigorosa de la periferia del sistema mundial. Según su visión, las leyes del libre comercio internacional, centradas en la idea de ventajas comparativas y la especialización de la producción, beneficiaban a los países industrializados en detrimento de los países exportadores

de productos primarios (minerales y alimentos). La solución, entonces, sería la industrialización de la periferia.

“aquela altura (década de 1950) os textos cepalinos propunham, com variáveis graus de empenho, o apelo ao capital estrangeiro — de preferência sob a forma de empréstimos intergovernamentais — para promover a rápida industrialização; propunham uma política fiscal adequada, alterações substanciais no regime de propriedade da terra e, sobretudo, propugnavam pela ação coordenadora do Estado para conduzir o desenvolvimento nacional...”²².

Según Cardoso, la CEPAL buscaba obtener resultados similares a los de los países centrales por medio de una transformación de la posición relativa de las economías periféricas en el comercio internacional. La urbanización, la industrialización y la modernización/tecnificación de la producción agrario-minera serían los factores necesarios para superar los estrangulamientos del presente.

En este sentido, focalizar los análisis en la dependencia económica, tal como lo hace FHC, no sería una novedad teórica o un abordaje sin precedentes, en la medida en que fue bien documentada por la CEPAL. Ahora bien, estos análisis, al centrar el debate en la dualidad estructural y analizar la dependencia como un fenómeno que se daba entre naciones (o estados nacionales), dejaba poco espacio analítico para el problema de las clases y los actores sociales. Cardoso muestra que hay relaciones estructurales y globales que vinculan las situaciones concretas del centro a las de la periferia.

“Os estudos sobre a dependência mostravam que os interesses das economias centrais (e das classes que as sustentavam) se articulam no interior dos países subdesenvolvidos com os interesses das classes dominantes locais. Existe uma articulação estrutural entre Centro e Periferia e está articulação é global: não se limita ao circuito do mercado internacional, mas penetra na sociedade, solidarizando interesses de grupos e classes externos e internos e gerando pactos políticos entre eles que desembocam no interior do Estado”²³.

Este enfoque rompe con los análisis centrados en las relaciones entre países y su lugar en la división internacional del trabajo, sean ellos cepalinos o dependencistas marxistas (imperialistas). Lo que esos análisis tienen en común es el fuerte énfasis en la relación, globalmente analizada, entre lo externo (el imperialismo) y lo interno (la nación). En el análisis de Cardoso existe una mediación entre lo externo y lo interno que viene dada por la relación entre las clases (en ambos niveles, de for-

²² Cardoso, Fernando Henrique, *As ideias e seu lugar: ensaios sobre as teorias do desenvolvimento*. Petrópolis, RJ: Vozes, 1995, 16.

²³ *Ibid.*, 19.

ma antagonica y complementaria). De ese modo según el autor, el “*desenvolvimento deixa de ser uma questão econômica e passa a ser uma questão política*”²⁴.

Este enfoque, por supuesto, era reforzado por las situaciones concretas, visibles en aquel momento, en las que el empresariado nacional y el Estado (principalmente a partir de la década de 1950) mantenían una solidaridad de intereses con las empresas multinacionales, proceso que se traducía en el crecimiento del mercado interno, en el dinamismo del empresariado nacional y del sector estatal así como de las empresas multinacionales.

En el artículo “Hegemonia burguesa e interdependência econômica: raízes estruturais da crise política brasileira”²⁵, Cardoso muestra la importancia del Estado y de la burguesía industrial para el desarrollo brasileño. En su visión, el desarrollismo estaría dado justamente por la posibilidad de una política económica de desarrollo nacional centrada en los sectores industriales más dinámicos de la burguesía nacional. Sin embargo, según el autor, este modelo centrado en el eje estatismo-populismo-desarrollismo no conseguiría mantener su hegemonía, siendo necesario repensar nuevas reconstituciones y nuevos sistemas de alianzas, ahora orientados de forma solidaria entre lo interno y lo externo.

En *Dependencia y desarrollo en América latina*²⁶, Cardoso y Faletto refuerzan la tesis de que el problema del desarrollo económico debía ser encarado con una mirada que insistiera de modo decidido en la naturaleza política de los procesos económicos. En su visión, las denominadas “situaciones históricas”, que toman en consideración de modo simultáneo el momento histórico y las condiciones estructurales del desarrollo, cuando son aplicadas a la interpretación de los países de América Latina, muestran que no “sólo es distinto el momento histórico, sino que las condiciones estructurales del desarrollo y de la sociedad son históricamente diversos”²⁷ (Cardoso y Faletto, 1969:161).

A partir de ahí, Cardoso y Faletto afirman la insuficiencia para el análisis sociológico de los conceptos de subdesarrollo y periferia económica. El concepto de dependencia muestra una mayor fuerza y vitalidad como instrumento teórico, principalmente por integrar en el análisis tanto los aspectos económicos del subdesarrollo, como los políticos, sean los de la dominación de un país por otro, o sean los de unas clases sobre otras, siempre en una situación concreta de dependencia nacional. La producción capitalista asumiría en estos países las dimensiones y par-

²⁴ Ibid.

²⁵ Aparecido en el número 257 de la revista *Les Temps Modernes*, editada por Sartre, posteriormente fue publicado como parte del libro *Brasil: Tempos modernos*, coordinado por Celso Furtado.

²⁶ Cardoso, Fernando Henrique e Faletto, Enzo (1970). *Dependência e Desenvolvimento na América Latina: ensaios de interpretação sociológica*. São Paulo: Editora Afiliad, 1970.

²⁷ Ibid., 61.

particularidades propias y específicas de las formaciones sociales cuyo rasgo central es la dependencia.

Sin embargo, y como ya adelantado, al recuperar y defender el concepto de dependencia no lo hacen en sintonía con el debate puramente marxista de la época. Para los autores, sería un error pensar la relación de dependencia como una situación metafísica entre naciones y/o Estados. En ese sentido, es fundamental comprender cómo esos polos adquieren, de modo concreto, mediaciones, dando cuenta de los intereses y coerciones que se hacen presentes en las relaciones —de conflicto o consenso— entre los diversos grupos y clases sociales. El análisis concreto de cada situación básica de dependencia, en la que se relacionan el Estado, las clases y la producción, es pues un factor fundamental para la interpretación sociológica de la dependencia²⁸.

Según los autores, en consonancia con lo anterior, las transformaciones históricas concretas en América Latina llevan a la crítica de dos falacias en la interpretación sociológica, a saber:

“...la creencia en el condicionamiento mecánico de la situación político-social interna (o nacional) por el dominio exterior, y la idea opuesta de que todo es contingencia histórica...”²⁹.

Si bien no existe una relación de determinismo mecánico y puro impuesto por la hegemonía externa, esa relación no deja de ser relevante para el análisis. Existen, es cierto, vínculos estructurales que limitan las posibilidades de acción en el plano interno, pero la intermediación de la acción de clases, grupos e incluso movimientos sociales, en ese plano, es esencial para el mantenimiento, transformación o quiebre de aquellos lazos estructurales.

Se podría decir que hay para los autores una autonomía relativa, si bien no exenta de contradicciones y convergencias, entre el sistema económico y el proceso político. La novedad, por supuesto, no es la referencia a la dominación externa sino la construcción (contenido y forma) que ella asume y los efectos que genera, en esa relación de dependencia, en las clases y el Estado. La reproducción de los intereses externos se desarrolla de modo cada vez más íntimamente conectado con el mercado interno. De esa forma, las alianzas políticas con las clases y grupos locales se vuelven cada vez más frecuentes.

²⁸ En este sentido, cabe recordar, Cardoso y Faletto (1969) muestran que hay en América Latina dos situaciones básicas en las relaciones entre las clases, el Estado y la producción. Por un lado, están las “economías de enclave” y por el otro aquellas donde existe un control nacional del sistema exportador.

²⁹ *Ibid.*, 162.

Algunas polémicas en torno al enfoque de Cardoso

La propuesta de Cardoso sobre el desarrollo y la dependencia, o como suele llamársela, sobre el desarrollo dependiente y asociado, que colocó la dimensión de la política en el centro del análisis sociológico, tuvo una gran influencia en Brasil y América Latina, siendo ampliamente recibida también en América del Norte y Europa. Lo anterior hizo de FHC, sin dudas, uno de los autores brasileños más traducidos y publicados en el exterior.

Lo anterior, como era de esperar, no estuvo exento de profundas controversias, con diversos autores y perspectivas, buena parte de los cuales se filiaban al marxismo. Aquí referiremos el debate que se dio en la *Revista Mexicana de Sociología* en 1978, que tuvo como uno de sus interlocutores centrales a Ruy Mauro Marini.

FHC, en coautoría con José Serra, inició la controversia con su artículo “Las desventuras de la dialéctica de la dependencia” en el que realizaba una revisión crítica de los análisis de Ruy Mauro Marini sobre la dialéctica de la dependencia. Escrito en 1978, cuando sus autores se desempeñaron como profesores visitantes en el *Institute for Advanced Study* de Princeton (Estados Unidos), el artículo había sido debatido en el CEBRAP con Luiz Gonzaga Belluzzo y Vilmar Faria.

La respuesta de Ruy Mauro Marini no demoró y en un artículo titulado “Las razones del neodesarrollismo (respuesta a F. H. Cardoso y J. Serra)” buscó rebatir las críticas recibidas, al tiempo que mostrar las insuficiencias fundamentales del enfoque propuesto por sus críticos.

Mientras Marini entiende que no es posible separar la dialéctica marxista, en tanto metodología, de la teoría marxista de las clases y la historia como forma de explicación del capitalismo (pues ambas deben estar unidas si se quiere dar inteligibilidad a las condiciones de producción y reproducción del capitalismo a nivel mundial), Cardoso y Serra, no solamente separan la metodología de la teoría, sino que justamente afirman que la principal ventaja de esa metodología es la poder ser integrada con otras teorías (entre ellas la weberiana) en el trabajo de interpretación sociológico.

Por otra parte, Marini concibe la dependencia como una condición estructural del capitalismo, cuyas expresiones, el imperialismo y la superexplotación, colocarían a los países dependientes en una situación de subordinación y subsunción formal y real al capital. Cardoso, en contraste, como ya vimos, afirma que, a pesar del imperialismo y de la lógica estructural del capitalismo, el pacto entre las elites políticas y económicas nacionales con las elites extranjeras puede generar, al menos como posibilidad, una situación de desarrollo y dependencia asociada. Es decir, según la capacidad estratégica de los actores nacionales en la resolución de los conflictos internos y de la articulación construida con los intereses externos, un país

podría beneficiarse y desarrollarse, aun en el marco de una situación concreta de dependencia.

Durante la década de 1960, el sociólogo argentino José Nun, buscando dar cuenta de las particularidades del desarrollo capitalista en la región, propuso un análisis novedoso de los conceptos marxistas de superpoblación relativa y ejército industrial de reserva, generando, en ese marco, una nueva noción: la masa marginal. Mientras que el ejército industrial de reserva sería siempre funcional a la producción y acumulación capitalista, la masa marginal sería disfuncional en su relación con el mercado de trabajo.

Frente a esta propuesta, centrada en el análisis de la superpoblación relativa, el ejército industrial de reserva y la masa marginal, Cardoso establece un contrapunto polémico. El texto central de Nun fue “Superpoblación relativa, ejército industrial de reserva y masa marginal” aparecido en la *Revista Latinoamericana de Sociología* en julio de 1969. Cardoso con su artículo “Comentario sobre los conceptos de sobrepoblación relativa y marginalidad”, publicado en 1970 en la *Revista Latinoamericana de Ciencias Sociales* rechaza la interpretación que Nun había realizado de los conceptos marxianos, y niega cualquier validez analítica al concepto de masa marginal. En 1971, Nun, con el artículo “Marginalidad y otras cuestiones” publicado en la *Revista Latinoamericana de Ciencias Sociales* responde finalmente las críticas del sociólogo brasileño.

Para entender el desarrollo del capitalismo periférico, Nun³⁰ se basa en los *Grundrisse* de Marx (escritos entre 1856-1857). Sin embargo, en la medida en que según el sociólogo argentino las proposiciones contenidas en el texto se referían a las condiciones económicas del modo de producción capitalista en su fase competitiva, era preciso ir más allá de Marx para explicar las condiciones actuales del capitalismo, en particular aquellas propias de los países periféricos. Para ello, Nun elabora el concepto de masa marginal.

Es a partir del contraste entre el ejército industrial de reserva y la masa marginal que Nun explica las condiciones materiales particulares del desarrollo del capitalismo en la periferia donde, según el autor, se genera una gran cantidad de superpoblación relativa no funcional.

Cardoso, por su parte, critica a Nun en términos teóricos ya que sostiene que *El Capital* daría más elementos para explicar el capitalismo (incluso el periférico) que los textos que forman los *Grundrisse*. En ese marco, cuestiona la distinción entre superpoblación relativa y ejército industrial de reserva como una ruptura epistemológica derivada de la perspectiva althusseriana pero no necesariamente de un análisis marxiano. Finalmente, critica el concepto de masa marginal ya que, en su visión, este concepto, al referirse a la funcionalidad de las poblaciones, no estaría en

³⁰ Nun, José Luis, “Marginalidad y otras cuestiones” in. *Revista Latinoamericana de Ciencias Sociales*, FLASCO, 1971, n.4, 97-128.

el mismo nivel de análisis que la noción de ejército industrial de reserva. Mientras éste último forma parte de la teoría de la acumulación, el primero expresaría apenas una situación históricamente particular de su dinámica de desarrollo (funcionalidad o disfuncionalidad del sistema).

Además de responder una a una las críticas recibidas, Nun procura reafirmar su argumento central y reitera que el concepto de masa marginal es un instrumento de análisis importante en la explicación del capitalismo, marcado por el desarrollo desigual y combinado en las sociedades capitalistas periféricas. Esas sociedades permanecen en un contexto de “estancamiento crónico”, signado por la contradicción entre una superpoblación relativa que, según su materialidad, actúa históricamente de dos formas y como partes diversas: como ejército industrial de reserva y como masa marginal, siendo esta última la parte disfuncional con baja integración en el sistema.

João Quartim de Moraes polemizó también con FHC (y Francisco Weffort) sobre la dependencia. Con el fin de participar en el seminario sobre “Dépendance et structure de classes em Amérique Latine”, organizado en Ginebra en 1972 por el centro suizo de estudios del “Tercer Mundo”, Moraes escribió el artículo “Les statut theorique de la notion de dépendance”, posteriormente traducido por el autor y publicado en la *Revista Crítica Marxista*, n.31 de 2010.

Si se quiere hacer una utilización correcta y adecuada de la dialéctica marxista, para Moraes no basta reconocer el papel de los factores internos y estudiar una situación concreta de dependencia. Es preciso también buscar la génesis de la dependencia en tanto formación histórica específica de dominación. La forma en que Cardoso relaciona los factores internos y externos en las situaciones concretas de dependencia enmascara e impide, según el autor, demostrar cómo, en la teoría y en la práctica, la dependencia es una forma específica de articulación de determinaciones internas y externas y cómo, en tanto totalidad compleja, reproduce estructuralmente los intereses dominantes. Es decir, en el plano interno se reproducen las contradicciones propias de la dependencia, sin resolverse o superarlas, manteniéndose una situación estructuralmente dependiente.

Otras controversias surgieron de los debates promovidos por el CEBRAP durante la década de 1970. Entre ellas, cabe mencionar aquella que tuvo a Francisco de Oliveira como uno de sus protagonistas. Para este autor³¹ (1998), la tesis central de Cardoso según la cual la dimensión política es central para las reflexiones sobre el desarrollo y la dependencia es correcta. Sin embargo, Oliveira toma distancia de la idea que plantea que la reproducción del capitalismo brasileño (que se da en el marco de un patrón particular de desarrollo y en condiciones de dependencia) se daría solamente en función de la articulación entre los intereses de actores nacionales e internacionales. Para este sociólogo, los intereses y conflictos de clase en el

³¹ Oliveira, Francisco, *A economia brasileira: critica a razão dualista*. Petrópolis, RJ: Vozes, 1988.

ámbito local también producían efectos en las relaciones entre los actores internos y externos. De ese modo, el autor le da un peso mayor a la dinámica nacional en los análisis de clase.

Las controversias sobre la temática del desarrollo a partir del debate y diálogo crítico con lo propuesto por Cardoso demuestran por sí solas la relevancia de sus análisis. Por otro lado, sirven para indicarnos que la vuelta a Cardoso (a partir del tipo de investigación que aquí proponemos) merece desdoblamiento y desarrollos que, cuando articulados y en conjunto, nos ponen en mejores condiciones para comprender las posibilidades y los límites de la propuesta e interpretación sociológica del autor.

Consideraciones finales

En este texto procuramos revisitarse la obra del sociólogo Fernando Henrique Cardoso, más precisamente, sus análisis e interpretaciones sobre el desarrollo y la dependencia en Brasil (y América Latina). A través del análisis bibliográfico y de los acervos documentales (disponibles en el Instituto Fernando Henrique Cardoso) buscamos analizar los fundamentos y condiciones a partir de los cuales Cardoso monta su interpretación.

Queda claro que la trayectoria, el lugar, las relaciones y pertenencias institucionales del autor son aspectos relevantes para sus análisis. Basta recordar que el planteo de hacer sociología a partir de una mirada que defendiera el rigor del conocimiento científico y que permaneciera relativamente ajena a las ideologías (sin caer, no obstante, en una producción positivista), no era un propósito exclusivo de Cardoso sino que había animado la producción de la denominada Escuela de Sociología de San Pablo, liderada por el sociólogo Florestan Fernandes.

De ahí la importancia de reconstruir y problematizar el abordaje histórico-estructural de la perspectiva construida por Cardoso. En este proceso, como vimos, dos mecanismos o elementos son fundamentales. El primero es la incorporación de la dialéctica marxista como armazón teórico-metodológico, siempre en complementariedad con otros procedimientos metodológicos, sin caer no obstante en el eclecticismo. El segundo es la centralidad que asume la política en el análisis de la problemática del desarrollo y la dependencia, fenómenos que aparentemente eran de índole eminentemente económica. La dinámica de clases en el plano interno y externo, su relación con el Estado, el énfasis en las situaciones concretas así como la forma de producción del capitalismo fuera de los países centrales (desarrollados) gana de este modo fuerza analítica y, consecuentemente, interpretación sociológica.

Según nuestro parecer, la estrecha conexión, que caracteriza la obra de Cardoso, entre la producción de un conocimiento sociológico riguroso, realizado desde de los países en situación de dependencia (subdesarrollados y periféricos), y un aná-

lisis que parte de las situaciones concretas de estos países —centrado en la política como dimensión fundamental de análisis—, genera una doble consecuencia. Por un lado, le permite al autor diferenciarse de los diversos enfoques elaborados entre los años 1950 y 1970 (sean económicos, sociológicos, históricos o politológicos) y afirmar la posibilidad de una interpretación sociológica (y científica) producida por un “nativo” desde la periferia.

Por el otro, al traer nuevos elementos al debate, esa conexión hace de Cardoso un autor polémico, que suscitó fuertes controversias en torno al alcance de sus análisis y su relación con las producciones filiadas de forma más ortodoxa al marxismo. Frente a quienes, ante la realidad de un país o de una región fuertemente atrasados en términos económicos y sociales, pero también en términos democráticos, planteaban como única alternativa la instauración de una sociedad socialista, Cardoso, según nos parece, optó por reafirmar la necesaria construcción de un conocimiento científico y no ideológico, manteniendo una acción que, en el campo de la sociología, estaría orientada por una racionalidad con arreglo a valores, aquellos de la ciencia, antes que por los fines instrumentales de la política. En estas condiciones, el socialismo, si bien no era descartado como posibilidad histórica, no sería una finalidad de sus análisis.

Bibliografía

1. Arrighi, Giovanni. *Ailusão do desenvolvimento*. Petrópolis: Rj, editoravozes, 1998.
2. Bielschowsky, R. *Pensamento econômico brasileiro: o ciclo ideológico do desenvolvimento*. Rio de Janeiro: Contraponto, 1995.
3. Bielschowsky, R. *Investimentos na indústria brasileira depois da abertura e do real: o mini-ciclo de modernizações, 1995-1997*. Série Reformas Econômicas nº. 44 (Cepal), novembro, (site: www.eclac.cl/), 1999.
4. Cardoso, Fernando Henrique e Faletto, Enzo. *Dependência e Desenvolvimento na América Latina: ensaios de interpretação sociológica*. São Paulo: Editora Afiliada, 1970.
5. Cardoso, Fernando Henrique e Serra, José. *Las desventuras de la dialéctica de la dependencia*. Acervo Instituto Fernando Henrique Cardoso, 1978.
6. Cardoso, Fernando Henrique. *As ideias e seu lugar: ensaios sobre as teorias do desenvolvimento*. Petrópolis, RJ: Vozes, 1995.
7. Cardoso, Fernando Henrique. *Capitalismo e escravidão no Brasil meridional: o negro na sociedade escravocrata do Rio Grande do Sul*. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2003.
8. Cardoso, Fernando Henrique. *Mudanças sociais na América Latina*. São Paulo: Difusão Europeia do Livro, 1969.
9. Cardoso, Fernando Henrique. *Hegemonia burguesa e independência econômica: raízes estruturais da crise política brasileira*. In. *Brasil: Tempos Modernos*, (org.) Celso Furtado. Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1977.

10. Cardoso, Fernando Henrique. O método dialético na análise sociológica. *Revista Brasileira de Ciências Sociais*, vol. II, num. 1, março, 1962.
11. Cardoso, Fernando Henrique. *A soma e o resto: um olhar sobre a vida aos 80 anos*. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2012.
12. Cardoso, Fernando Henrique. *Relembrando o que escrevi: da reconquista da democracia aos dias atuais*. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2010.
13. Cardoso, Fernando Henrique. *O presidente segundo o sociólogo*. São Paulo: Editora Companhia das Letras, 1998.
14. Cardoso, Fernando Henrique. “Comentario sobre los conceptos de sobrepoblacion relativa y marginalidade”. In. *Revista Latinoamericana de ciencias sociales*, n.1/2 pp. 57-76, 1970.
15. Dos Santos, Theotonio. *Globalização e Mundialização*. Rio de Janeiro: FGV — EBAPÉ, 2002.
16. Dos Santos, Theotonio. *Economía Mundial, Integración Regional y desarrollo sustentable: Las nuevas tendencias y la integración latinoamericana*. Lima: Infodem, 2010.
17. Dos Santos, Theotonio. *Imperialismo y Dependencia*. Caracas: Biblioteca Ayacucho de clásicos políticos da América Latina; Banco Central de Venezuela, 2012.
18. Fishlow, A. *Desenvolvimento no Brasil e na América Latina: uma perspectiva histórica*. São Paulo: Paz e Terra, 2004.
19. Furtado, C. *Brasil a construção interrompida*. Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1992.
20. Furtado, C. *Desenvolvimento e subdesenvolvimento*. Rio de Janeiro: Contraponto, 2009.
21. Garcia JR. Afrânio. *A dependência da política: Fernando Henrique Cardoso e a sociologia no Brasil*. *Revista Tempo Social*, junho, 2004.
22. Ianni, O. *Estado e Planejamento Econômico no Brasil*. RJ: Editora Civilização Brasileira, 1986.
23. Ianni, O. *Tipos e mitos do pensamento brasileiro*. *Sociologias*, Porto Alegre, ano 4, no 7, jan/jun, p. 176-187, 2002.
24. Jaguaribe, H. *Desenvolvimento econômico e desenvolvimento político*. Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1969.
25. Lahuerta, Milton. *Intelectuais e resistência democrática: vida acadêmica, marxismo e política no Brasil*. *Cadernos AEL*, v. 8, n. 14/15, 2001.
26. Leme, Alessandro Andre. *La centralidad de la política para pensar lo económico en Fernando Henrique Cardoso*. *Rev. Mex. Sociol*, México, v. 77, n. 3, p. 357-384, sept. 2015.
27. Marini, Ruy Mauro. *Las razones del neodesarrollismo* (respuesta a F. H. Cardoso y J. Serra). *Revista Mexicana de Sociología*, 1978.
28. Marini, Ruy Mauro. *Subdesarrollo y revolución*, México D.F., Siglo XXI, (5ª edición ampliada), 1974.
29. Marini, Ruy Mauro. *Dialéctica de la dependencia*, México D.F., Ediciones Era., 1973.

30. Marx, Karl. Contribución a la crítica de la economía política. México: sigloxxi, 2008.
31. Mézáros, István. Para além do capital. São Paulo: Boitempo, 2002.
32. Mézáros, István. A crise estrutural do capital. São Paulo: Boitempo, 2009.
33. Moraes, João Quartim, O estatuto teórico da noção de dependência. Revista Crítica Marxista, n. 31, 2010.
34. Nun, José Luis. “Marginalidad y otras cuestiones” in. Revista Latinoamericana de Ciencias Sociales, FLASCO, n.4, pp.97-128, 1971.
35. Nun, José Luis. “Superpoblación relativa, ejército industrial de reserva y masa marginal” in. Revista Latinoamericana de Sociología, v.5, n.2, junho, 1969.
36. Nun, José Luis. Marginalidad y Exclusión social. Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2001.
37. Oliveira, Francisco. A economia brasileira: critica a razão dualista. Petrópolis, RJ: Vozes, 1988.
38. Oliveira, Francisco. Os direitos do antivalor: a economia política da hegemonia imperfeita. Petrópolis, RJ: Vozes, 1998.
39. Sachs, Ignacy. Desenvolvimento e cultura. Desenvolvimento da cultura. Cultura do desenvolvimento. Revista O&S — v.12 — n.33 — Abril/Junho, 2005.
40. Santos, Boaventura de Sousa. Pela mão de Alice: o social e o político na pós-modernidade. São Paulo: Editora Cortez, 2003.
41. Santos, Boaventura de Sousa E MENESES, Maria Paula. (org.). Epistemologias do Sul. São Paulo: Editora Cortez, 2010.
42. Wallerstein, Immanuel. *The Modern World System*. New York: Academic Press, 1974.
43. Wallerstein, Immanuel. *World-System Analysis*. London: Duke University Press, 2004.

Cuba. 1959. El fantasma del comunismo

Cuba. 1959. The phantom of communism

Resumen: El artículo traza el camino de la revolución cubana en términos ideológicos y políticos y evalúa el proyecto revolucionario de Fidel Castro, su estrategia y visión del pasado y el futuro de la nación cubana.

Palabras clave: Cuba; Revolución cubana; Fidel Castro; José Martí; comunismo; Batista; BRAC; anticomunismo.

Abstract: The article traces the path of the Cuban revolution in terms of ideology and politics roots and evaluates the revolutionary project of Fidel Castro, his strategy and vision of the past and the future of the Cuban nation.

Key words: Cuba; Cuban Revolution; Fidel Castro; Jose Martí; communism; Batista; BRAC; anti-communism.

La Revolución Cubana triunfante el 1ro de enero de 1959, tuvo que enfrentar como uno de sus principales y más complejos desafíos, el nauseabundo y tenebroso ambiente anticomunista imperante en la sociedad.

Pareciera que a lo largo de la historia el comunismo, como ideología y como sistema socio político y económico, nacería condenado a la satanización. Cuando en febrero de 1848, Carlos Marx y Federico Engels publicaban *El Manifiesto Comunista*, advertían sobre el particular:

“Un fantasma recorre Europa: el fantasma del comunismo. Todas las potencias de la vieja Europa se han unido en una Santa Alianza para acorrallar a ese fantasma: el Papa y el Zar, Metternich y Guizot, los radicales de Francia y los polizontes de Alemania.

¿Qué oposición no ha sido acusada de comunismo por sus adversarios en el Poder?
¿Qué oposición, a su vez, no ha lanzado a sus adversarios de derecha o izquierda el epíteto zahiriente de comunista?²

Parafraseando a Marx y Engels, y con toda mala intención, se esparciría después la frase “...un fantasma recorre el mundo: el fantasma del comunismo...”³ Lo cierto es que los enemigos de la ideología marxista, no han descansado un instante en vilipendiar al comunismo y a quienes se identifican o militan en él.

¹ Cuba. Doctor, Presidente del Instituto de Historia de Cuba.

² Marx, Carlos y Engels, Federico. *El Manifiesto Comunista*. Ediciones elaleph.com. Página 23.

³ Expresión generalizada, con el auge de la Guerra Fría. en los medios de comunicación y la politología al referirse a lo que en su momento se dió a llamar la expansión soviética.

El asunto ha llegado a tal extremo que se ha acuñado la supuesta identidad entre comunismo — totalitarismo, comunismo — dictadura, o comunismo — fascismo. La vulgarización del tema ha alejado a muchos de sus críticos, del análisis objetivo de los aciertos y desaciertos de la construcción teórica y práctica del marxismo.

Cuba, tan cercana geográfica y políticamente durante muchos años a la filosofía de gobierno y a la política estadounidense, sufrió los avatares de la confrontación ideológica y clasista que significó la aparición de las ideas marxistas en Cuba y la fundación del primer Partido Comunista en agosto de 1925. Como organización política, nació ilegal, perseguido y reprimido por los gobiernos de turnos, subordinados a los designios de los procónsules yanquis.

En circunstancias internacionales favorables a la lucha contra el fascismo, fue legalizado en 1939, con el nombre de Partido Unión Revolucionaria Comunista, asumiendo el 22 de enero de 1944, el nombre de Partido Socialista Popular (PSP), que mantuvo hasta el 24 de junio de 1961. Fulgencio Batista, buscando apoyo popular para obtener la presidencia de la República entre 1940 y 1944, se alió a él en el 39, y astuto como político, se valió del prestigio de sus líderes para legitimar su imagen ya maculada de represor y corrupto.

El Partido, siguiendo los dictados de la Komintern de buscar espacios de poder para el enfrentamiento al fascismo internacional como mal mayor, cayó en la trampa de Batista. Aunque en el período se alcanzaron importantes logros sociales como la Constitución de 1940, la imagen de la organización quedaría ensombrecida y cuestionada por la singular alianza de poder con uno de los personajes políticos más repulsivos de la historia de Cuba.

El verdadero Batista, raigalmente anticomunista, inmediatamente después del golpe de estado del 10 de marzo de 1952, ilegalizó nuevamente el Partido y, para ser más consecuente en sus verdaderas convicciones políticas, creó el Buró para la Represión de las Actividades Comunistas (BRAC) por el Decreto 1307 de 4 de mayo de 1955. Era esta una institución represiva del estado, militar, diseñada para promover la más rancia ideología conservadora, el odio profundo e irracional al comunismo y su combate radical. Los aliados de ayer serían los enemigos del momento.

Desde el surgimiento de la República de Cuba el 20 de mayo de 1902, los principales órganos de la prensa cubana mostraban en sus titulares reservas o críticas al comunismo. La más despiadada campaña contra sus militantes comenzó con la llegada al poder del general Gerardo Machado Morales y solo tuvo un impase, en los años de la Segunda Guerra Mundial, en la lucha contra el fascismo. Concluida esta en 1945, regresaron a las primeras planas los titulares tendenciosos o abiertamente anticomunistas. La alianza estratégica para el combate al fascismo fue circunstancial. Con el surgimiento del campo socialista, el imperialismo identificó de inmediato a este, como su principal enemigo.

La nueva fiebre anticomunista la despertó el Primer Ministro británico Winston Churchill en su discurso del 5 de marzo de 1946 en Westminister College, Fulton, Missouri, donde bautizó al campo socialista como “El telón de acero.” El discurso en cuestión, conocido históricamente como “*Los Pilares de la Paz*” o “*El telón de acero*”, fue pronunciado en ocasión de su investidura con el título de Doctor Honoris Causa, y ante la presencia del presidente estadounidense Harry Truman, el único humano en la historia que ha autorizado, en dos ocasiones, el uso del arma nuclear. Sus acusaciones contra la URSS, marcaron el inicio de la llamada Guerra Fría:

“Una sombra se cierne sobre los escenarios que hasta hoy alumbraba la luz de la victoria de los aliados. Nadie sabe que pretende hacer la Rusia Soviética y su organización Comunista Internacional en el futuro inmediato, ni cuáles son los límites si existe alguno, a su tendencia expansiva y proselitista.”

Y agregaba

“Desde Stettin, en el Báltico, a Trieste, en el Adriático, ha caído sobre el continente un telón de hierro. Tras él se encuentran todas las capitales de los antiguos Estados de Europa central y Oriental. Varsovia, Berlín, Praga, Viena, Budapest, Belgrado, Bucarest y Sofía, todas estas famosas ciudades y sus poblaciones y los países en torno a ellas se encuentran en lo que debo llamar la esfera soviética, y todos están sometidos, de una manera u otra, no sólo a la influencia soviética, sino a una altísima y, en muchos casos, creciente medida de control por parte de Moscú, muy fuertes, y en algunos casos, cada vez más estrictas.”⁴

El discurso político de los gobiernos auténticos entre 1944 y 1952 llevaba implícito el anticomunismo. La prensa burguesa, desde el inicio de la Guerra Fría y bajo la influencia del macartismo, incentivaba la animadversión al comunismo, a quien ridiculizaba, satirizaba y satanizaba, con calificativos soeces e hirientes. Los errores de la construcción del socialismo en Europa y Asia eran magnificados y los líderes elogiados ayer por el combate al fascismo, incriminados hoy como dictadores feroces y sin escrúpulos.

La creación del BRAC por Fulgencio Batista, dio un carácter oficial al anticomunismo en Cuba. Estrechamente vinculada al Buró Federal de Investigaciones (FBI) de los Estados Unidos, la institución adoctrinaba a sus miembros y los preparaba para la divulgación y preparación ideológica de los militares y líderes obreros, en especial, los seguidores de la oficialista y semi gansteril Central de Trabajadores de Cuba, usurpada y liderada por Eusebio Mujal. El BRAC lo controlaba todo, en Cuba y en el exterior. El solo hecho de ser intelectual, artista o creador en cualquier esfera del arte, era motivo suficiente para estar fichado como comunista o simpatizante del comunismo.

⁴ www.historiasiglo20.org/TEXT/fulton-churchill.htm

Batista hizo del anticomunismo, su principal doctrina ideológica en aras de justificar su accionar represivo en la lucha contra las guerrillas comunistas lideradas por marxistas confesos como los comandantes Raúl Castro Ruz y Ernesto Guevara de la Serna. Durante la invasión a la provincia de Las Villas por las columnas de Camilo y Che, llegó el gobierno a acusar de comunista a ambos jefes rebeldes, y convocar al pueblo a que se sumara a combatirlos.

La imagen gráfica predominante de los comunistas era de asesinos, o de animales grotescos. La URSS era reflejada generalmente como un oso repulsivo, y Lenin caricaturizado como un lobo tenebroso. Las principales publicaciones cubanas, *Bohemia*, *Carteles*, *el Diario de la Marina*, *Prensa Libre*, se unían a las revistas *Life*, *Selecciones del Reader's Digest*, *Times*, *US News and World Report* y las agencias de prensa *UPI* y *AP*, en intensas campañas de descrédito al comunismo. Los titulares al referirse a la URSS, la República Popular China u otro estado socialista, eran punzantes y despectivos.

Ese sentimiento de una manera u otra caló en el pueblo, e incluso, entre muchos revolucionarios, que veían con reservas la historia del PSP en sus vínculos con Batista en los años de 1940 al 44, a lo que se sumaba el hecho de que el Partido, como institución, no se sumó a la Revolución sino hasta los meses finales de 1958. Incluso, algunos miembros que lo hicieron individualmente, recibieron críticas y sanciones de la organización. El pueblo, mayoritariamente no sabía lo que era el socialismo, y lo poco que conocían, era la bilis que las campañas mediáticas le hacían saber.

En ese ambiente marcadamente anticomunista triunfó la Revolución cubana el 1ro de enero de 1959. De inmediato, en el mismo mes de enero, la prensa burguesa lanzaba una mordaz e intensa campaña contra el comunismo.

Los líderes de la Revolución, de sólida formación marxista, sabían que la sociedad cubana, impregnada de un anticomunista furibundo no estaba preparada para asimilar de golpe una declaración política de ese tipo. Fidel, Raúl, Camilo y el Che, hubieron de negar, desde los primeros días del triunfo, sus convicciones ideológicas y hacer ver que la Revolución era cespedita, martiana, guiterista, nacionalista e incluyente: no era comunista, ni tampoco anticomunista. Lo que si dejaban claro era que ser anticomunista, era sinónimo de ser batistiano.

Era importante preparar entonces a las masas en el respeto y aceptación de la amplia masa de militantes comunistas, obreros y hombres de pueblo, que durante tantos años habían combatido la corrupción, la explotación de los capitalistas, y la dictadura. El martirologio comunista avalaba su vocación revolucionaria y popular.

Consciente del impacto psicológico del anticomunismo en Cuba, ya Fidel había alertado a los futuros expedicionarios del Granma en México de la necesidad de no exteriorizar sus ideas políticas hasta llegado el momento oportuno. Al respecto, explicaba al Comandante Tomás Borges, la situación creada en el momento en que fue detenido en aquel país por la Policía Federal de Seguridad:

“No faltaron de inmediato las consabidas acusaciones de comunismo, todas aquellas cosas que estaban tan en boga, con más razón cuanto que el Che, al caer preso, se considera en el deber de decir todo lo que pensaba: “¿usted es comunista?” “Sí, yo soy comunista.” Y con el Che, la seguridad y los jueces discutieron sobre el comunismo, hasta sobre la denuncia de Jruschov contra Stalin. El habernos descubierto nos trajo una gran cantidad de inconvenientes, entre otro, el de estar presos un grupo de nosotros.

Al final, los fueron soltando y nos fuimos quedando el Che, yo... Ya te digo que el Che, con espíritu de mártir en la época romana, se confiesa comunista; cree que es su deber de revolucionario expresar sus ideas y eso realmente complicó la situación, porque armaron un gran escándalo en torno a eso. Y el Che, como te dije, tuvo polémicas allí con jueces, con policías y con todo el mundo cuando lo estaban interrogando. El Che no sigue la táctica que hay que seguir en ese momento, y complica las cosas. Como consecuencia, nos dejaron al Che y a mí presos, fuimos los dos últimos que quedamos allí.”

En su libro autobiográfico *Guerrillero del tiempo*, Fidel explicaba:

“Yo veía en los comunistas una especie, digamos, de mártires, de víctimas, de cristianos primitivos, siendo perseguidos y asesinados. Tal circunstancia despertó en mí un sentimiento de solidaridad hacia ellos como militantes, por su postura de lucha tenaz y constante contra los abusos, contra los crímenes; además, existía ya una cercanía ideológica. La coincidencia ideológica era total cuando concluí mis estudios en la Universidad. Nadie me inculcó tales ideas, había llegado a una concepción revolucionaria radical por mi propia cuenta. Percibí con toda claridad aquella necesidad histórica.”⁵

A la propaganda anticomunista intensificada a partir del 1ro de enero de 1959, se sumaron las posiciones vacilantes y traidoras de algunos funcionarios del gobierno provisional y jefes guerrilleros. Los casos más connotados fueron los del presidente Manuel Urrutia Lleó, y los comandantes Pedro Luis Díaz Lanz y Hubert Matos Benítez, todos, anticomunistas convencidos.

Urrutia dejaría para la historia su interpretación de aquel momento histórico en su libro *Fidel Castro y compañía, SA*, en el que en su anticomunismo visceral, escondió sus ineptitudes y ambivalencias como Presidente. Luis M. Buch, quien fuese entonces ministro de la Presidencia explicaría:

“El presidente Urrutia, carente del sentido político de su responsabilidad, hizo coro a las acusaciones extranjeras contra la Revolución. En vez de ripostar, Urrutia comenzó una agresiva escalada pública de carácter anticomunista. Las motivaciones

⁵ Blanco, Katuska. Fidel Castro Ruz. *Guerrillero del Tiempo*. Ediciones Cartago. Argentina, 2012. Página 4.

del presidente eran ideológicas. Con su conducta, avivaba los ataques contra la Revolución y ponía en peligro la unidad de los revolucionarios.⁶

Díaz Lanz, quien como jefe de la Fuerza Aérea Rebelde demostró su incompetencia, cayendo en la práctica de nepotismo, utilizando el pretexto de sus sentimientos anticomunistas, huyó a los Estados Unidos. El 21 de octubre de ese año, piloteando un B-25, basificado en el aeropuerto de Miami, bombardeó La Habana.

Hubert Matos, quien curiosamente estuvo vigilado por el BRAC como sospechoso de actividades comunistas, lleno de ambiciones e ínfulas, asumió el anticomunismo como bandera y trató de fomentar una sublevación militar en Camagüey. El 21 de octubre, el comandante Camilo Cienfuegos, refiriéndose a la traición de este, expresaría a los periodistas:

“No hay que ver fantasmas en el comunismo. Se nos ataca por el hecho de que Carlos Rafael Rodríguez estuviera en la Sierra Maestra y porque habláramos con él. Carlos Rafel fue un hombre que subió a la Sierra, y a nadie le preguntamos si es comunista. Sólo nos interesa que sean cubanos y combatientes bien intencionados. ¿Cómo no dicen que el padre Sardiñas estaba también en la Sierra y que ahora es comandante del Ejército?”

Hubert Matos pretendía tener un ejército que respondiera, no a la Revolución, sino a Hubert Matos. De ahí que convenciera al coordinador de Camagüey, Agramonte, el que pretendía emplazar a Fidel para que definiera y explicara hasta donde iría la Revolución. Pero aquí habrá Revolución hasta que quede una injusticia por reparar.⁷

El año 1959 fue crucial para los destinos de la Revolución. La visión estratégica, concepción unitaria y paciencia política de Fidel Castro, guiaron el proceso revolucionario a la conformación de un movimiento de masas en el que, sin distinción de credos, con la Patria y la soberanía como bandera, se consolidara un nuevo proyecto de nación. El tiempo y las medidas de la Revolución, fueron consolidando su proyección ideológica, como la sumatoria de todas las ideas enarboladas por las diferentes generaciones de revolucionarios cubanos, en especial, por José Martí. El marxismo aportaría sus herramientas y experiencias. Fidel esperaría el momento oportuno para anunciar al mundo el camino de la Revolución.

El 16 de abril de 1961, en el entierro a las víctimas de los bombardeos mercenarios previo a la invasión de Playa Girón, el Comandante Fidel Castro Ruz, declaró el carácter socialista de la Revolución Cubana. En memorable discurso expresó:

⁶ Buch, Luis y Suárez Reinaldo. *Gobierno Revolucionario Cubano. Primeros pasos*. Editorial de Ciencias Sociales. La Habana, 2004, 204-205.

⁷ *Ibidem*, 293.

“Lo que no pueden perdonarnos los imperialistas es que estemos aquí, lo que no pueden perdonarnos los imperialistas es la dignidad, la entereza, el valor, la firmeza ideológica, el espíritu de sacrificio y el espíritu revolucionario del pueblo de Cuba”. “Eso es lo que no pueden perdonarnos, que estemos ahí en sus narices ¡y que hayamos hecho una Revolución socialista en las propias narices de Estados Unidos!” “¡Y que esa Revolución socialista la defendemos con esos fusiles!; ¡y que esa Revolución socialista la defendemos con el valor con que ayer nuestros artilleros antiaéreos acribillaron a balazos a los aviones agresores”.

Y concluía:

“Compañeros obreros y campesinos: esta es la revolución socialista y democrática de los humildes, con los humildes y para los humildes. Y por esta revolución de los humildes, por los humildes y para los humildes, estamos dispuestos a dar la vida”.⁸

Los hombres que en las arenas de Playa Girón cayeron combatiendo la agresión imperialista, lo hicieron en defensa de la patria socialista.

El liderazgo de la Revolución, trabajó con mucho cuidado, la proyección ideológica del proyecto nacional, haciendo prevalecer el más amplio espíritu unitario, siempre dentro de los valores que ella misma se había propuesto. En reuniones de trabajo sostenida por Fidel con los más importantes intelectuales cubanos en la biblioteca Nacional de Cuba, conocida como *Palabras a los Intelectuales*, el líder de la Revolución había declarado: “...dentro de la Revolución todo. Contra la Revolución nada...”⁹

Fue con un trabajo paciente y a la vez intenso, que se unieron primero las tres principales fuerzas que hicieron la Revolución; el Movimiento 26 de Julio, El Directorio Revolucionario 13 de marzo y el Partido Socialista Popular, para crear en 1961 las Organizaciones Revolucionarias Integradas, que el 26 de marzo de 1962, se convertiría en Partido Unido de la Revolución Socialista de Cuba (PURSC).

El 3 de octubre de 1965, quedó constituido el primer Comité Central del Partido Comunista de Cuba (PCC), ocasión en que Fidel leyera al pueblo cubano, la carta de despedida del comandante Ernesto Che Guevara. El nuevo partido, totalmente incluyente, se nutría fundamentalmente de obreros y de pueblo, entre ellos, muchos de los prejuiciados de ayer con el fantasma comunista, que el imperialismo trató de sembrar en la mente del pueblo cubano, como instrumento de dominación.

El 18 de mayo de 1895, un día antes de caer en combate, José Martí escribió a su amigo mexicano Manuel Mercado, refiriéndose a la estrategia antiimperialista de su proyecto revolucionario: “...en silencio ha tenido que ser y como indirectamente,

⁸ www.cuba.cu/gobierno/discursos/1961/esp/f160461e.html

⁹ www.cuba.cu/gobierno/discursos/1961/esp/f300661e.html

porque hay cosas que para lograrlas han de andar ocultas, y de proclamarse en lo que son, levantarían dificultades demasiado recias para alcanzar sobre ellas el fin...”¹⁰

Esa fue la estrategia de Fidel y de los líderes de la naciente revolución para enfrentar el fantasma anticomunista, desaparecido hace mucho tiempo de la mente del pueblo cubano.

Bibliografía

1. Marx, Carlos y Engels, Federico. El Manifiesto Comunista. Ediciones elaleph.com. Página 23.
2. Blanco, Katiuska. Fidel Castro Ruz. Guerrillero del Tiempo. Ediciones Cartago. Argentina, 2012. Página 4.
3. Buch, Luis y Suárez Reinaldo. Gobierno Revolucionario Cubano. Primeros pasos. Editorial de Ciencias Sociales. La Habana, 204. Página 204-205.
4. Martí, José. Obras Completas Editorial Lex. La Habana, 1946. Volumen Uno. Página 271.

¹⁰ Martí, José. Obras Completas Editorial Lex. La Habana, 1946. Volumen Uno. Página 271

Внешняя территориальная экспансия в Латинской Америке: международно-правовые последствия и дипломатические подтексты американского вмешательства.

Американо-мексиканская война 1846–1848 гг., Панамский «колониальный прецедент», Фолклендский/Мальвинский вооруженный конфликт

Abstract: External territorial expansions in Latin America can be defined in a way, that their consequences aren't confined by the problems of territorial integrity in terms of a principle of international law, but are connected to a variety of international legal questions, which stand today among the priority challenges in the world: migration problems, national sovereignty, use of force in circumvention of the UN Security Council decisions. Mexican-American war of 1846-1848 wasn't a military conflict, but an aggressive invasive war of the USA of the territory of their sovereign neighbour state. Two other known conflicts — the counteractions to the extraregional territorial expansion against Latin American states — Panama and Argentina, which caused political and international legal consequences. Panama gained sovereignty over the Panama channel zone, while Argentina failed to defend its right to the territorial sovereignty over their historically adherent Malvinas/Falkland islands.

Key words: territorial expansion; international law; Latin America, US intervention.

Резюме: Внешние территориальные экспансии в Латинской Америке характеризуются в настоящее время тем, что их последствия не ограничиваются лишь проблемами территориальной целостности в понимании нормы, принципа международного права, но завязаны на широкий круг международно-правовых вопросов, которые сегодня стоят в числе основных вызовов в мире: миграционные проблемы, уважение национального суверенитета и применение силы в обход решений Совета Безопасности ООН. Мексикано-американская война 1846-1848 гг., ставшая не просто вооруженным конфликтом, а агрессивной, захватнической войной со стороны США в отношении территории суверенного соседнего государства. Два других известных конфликта — противодействия внерегиональной территориальной экспансии против латиноамериканских государств — Панамы

¹ Воронин Евгений Ростиславович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности, профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД России, (tverv@rambler.ru), гр. РФ.

и Аргентины, имели разные политические и международно-правовые последствия. Панама добилась суверенитета над зоной Панамского канала, Аргентина не смогла отстоять свое право на территориальный суверенитет над исторически принадлежащими ей Мальвинскими/Фолклендскими островами.

Ключевые слова: территориальная экспансия; международное право; Латинская Америка; интервенция США.

Феномены внешних территориальных экспансий в Латинской Америке характеризуются тем, что их последствия не ограничиваются лишь проблемами территориальной целостности в понимании нормы, принципа международного права, но завязаны на широкий круг международно-правовых вопросов, которые сегодня стоят в числе основных вызовов в мире: имея в виду миграционные проблемы, уважение национального суверенитета и применение силы в обход решений Совета Безопасности ООН.

Уникальность последствий мексикано-американской войны 1846—1848 гг. заключается в том, что в международно-правовом плане этот вооруженный конфликт, а по сути дела агрессивная, захватническая война с целью захвата территории другого, соседнего суверенного государства, не получила заметного международно-правового рассмотрения ни в органах международной юстиции, которых тогда, в XIX в. еще не существовало, ни в последующем, как исторического казуса международного беззакония ни в Палате международного правосудия, ни в Международном суде, хотя бы в плане ретроспективы. Это необъяснимо, хотя бы в силу того, что речь идет не просто об агрессивных действиях одного государства против другого, а об аннексии половины (1,36 млн км², а вместе с Техасом — 2,3 млн) территории соседнего государства, никогда не принадлежавшей ранее США и не находившейся под его юрисдикцией. Очевидное нарушение территориальной целостности и суверенитета Мексиканского государства не получило широкого международно-правового и политического осуждения ни в ходе событий, ни в последующем.

Подобное малообъяснимое замалчивание на политических, научных уровнях, включая международно-правовой, сохраняется. Об этой войне и особенно о ее территориальных последствиях в форме небывалой аннексии мало что знают до сих пор, словно эта агрессия и противоправные территориальные приобретения имеют какие-то оправдания. Специфика ситуации имеет две примечательные стороны. Первая: мексикано-американский конфликт завершился победой внерегионального, т. е. не латиноамериканского игрока в тех условиях фактического отсутствия латиноамериканской солидарности. Вторая: США осуществили в отношении территории суверенного государства, по сути дела, ту же стратегию, которая применялась

против индейских территорий: непризнание права индейцев на их территории. Иными словами, они применили так называемый принцип *terra nullius*, территории, не находящейся под суверенитетом другого государства или ненаселенной. Незаконность применения этого принципа в отношении чужих территорий была подтверждена в 1975 г. в связи с вопросом о статусе Западной Сахары. Международный суд ООН подтвердил, что в качестве *terra nullius*, т. е. ничейной территории, не могут рассматриваться территории, на которых обитают народы и даже племена, «социально и политически неорганизованные».

В наше время известны два других достойных латиноамериканских примера защиты собственной национальной территории. Во-первых, это возвращение бывшей американской зоны Панамского канала под государственный суверенитет Панамы после вековой борьбы панамского народа, активно использовавшего международно-правовой инструментарий с целью заставить Вашингтон сесть за стол переговоров и добиться передачи канала и его зоны под панамскую юрисдикцию. Феномен панамского «колониального прецедента» США заключается в том, что зона Панамского канала (территория 1432 кв. км) находилась под суверенитетом США 90 с лишним лет (с 1903 по 1999 г.), имела статус *incorporated US territory* с американским военным губернатором и господством американской юрисдикции (панамское законодательство в зоне канала не применялось).

Второй пример — борьба Аргентины за Мальвинские острова как часть национальной территории против пребывания их под незаконной британской юрисдикцией. Напомним, что в атмосфере тотальной агрессии против Мексики американская дипломатия была ориентирована исключительно на обеспечение силового, военного решения территориального конфликта и не играла самостоятельной, т. е. собственно дипломатической роли в том, чтобы избежать масштабного вооруженного столкновения с мексиканцами и добиться политического, переговорного результата. Подобную «собственную» роль пыталась в ходе Фолклендской войны 1982 г. сыграть британская дипломатия, хотя и безуспешно. В расчете на поддержку общественности она намеревалась прибегнуть к созданию в стране «атмосферы информированной озабоченности» и добиться через компромиссные подходы необходимого диалога с аргентинским правительством.

В отличие от Панамы, добившейся серьезной международной и межамериканской поддержки в давлении на США в вопросе о статусе канала — национальной панамской территории, дипломатическая проработка Аргентиной вопросов поддержки от международного сообщества оказалась крайне недостаточной. Резолюция Совета Безопасности ООН № 502, принятая 3 апреля 1982 г., основным положением которой было требование

о выводе аргентинских войск с архипелага, носила двойственный характер. Она получила 10 голосов «за», и лишь один голос «против» (Панама). Гайана голосовала «за», четыре страны воздержались: СССР, Китай, Испания и Польша.

В фолклендском вопросе, т. е. о территориальной принадлежности островов, последняя точка не поставлена. Вряд ли характер англо-аргентинского конфликта может удовлетворить формулировка Хорхе Луиса Борхеса из стихотворения «Ссора двух лысых из-за расчески». Вероятно, борьба будет продолжена, но вряд ли в форме нового вооруженного конфликта. На данный момент перспективы урегулирования за счет уступок в области территориального верховенства, как кажется, не просматриваются. Очевидно, что принцип права наций на самоопределение, который был использован британской стороной как главный аргумент в отстаивании интересов жителей — британских подданных на Фолклендских островах, будет оставаться основным камнем преткновения.

Война, завершившаяся несправедливым международным договором Гуадалупе-Идальго 2 февраля 1848 г., отъявшим более половины национальной территории суверенного мексиканского государства, является, по сути дела, первым наиболее заметным уроком поражения международного права для тех стран, которые не учитывают для себя возможных последствий своей недальновидной миграционной политики, готовности ради различного рода выгод (экономических или финансовых) идти на уступки, влекущие серьезные последствия для собственного суверенитета и территориальной целостности.

Бывшая актуальной в XIX в. проблема бесконтрольности американского заселения чужих территорий и правового нигилизма англосаксонских переселенцев сегодня близка, хотя и совсем не идентична вышедшей из-под законного контроля проблеме ближневосточной и африканской миграции на территорию Евросоюза. Важнейший элемент мексиканского урока — это недооценка аннексии территории путем миграционного процесса, как это случилось с захватом американскими колонистами Техаса и переселенцами в Верхней Калифорнии и в Новой Испании. Ложно используя принцип национального самоопределения американских колонистов, составивших при попустительстве властей Мехико большинство населения на этих мексиканских территориях, Вашингтон обеспечил необходимую сепаратистскую акцию и, по сути, беспрепятственную аннексию чужих территорий, никогда и ни при каких обстоятельствах не входивших в США.

Поучительность мексиканского казуса в том, что он повторился в случае с Косово, когда вследствие массового переселения албанцев в историческую сербскую область Косово и Метохия и создания сепаратистского

«независимого» албанского государства (еще одного) были поставлены под вопрос территориальная целостность и суверенитет Сербии. Небезразличным мексиканский опыт потери национальных территорий вследствие неконтролируемых миграционных процессов может оказаться и для российских интересов на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири с учетом активности китайской миграционной политики в отношении зарубежных стран, в том числе и прежде всего приграничных.

Разумеется, время заключения несправедливых, насильственных договоров типа мексикано-американского или панамо-американского прошлых веков, которые с точки зрения международного права являлись и являются незаконными, вероятно, ушло. Но территориальные проблемы до сего дня остаются основными, вызывающими международную и региональную нестабильность. Территориальные проблемы — это всегда проблемы суверенитета. Если суверенитет государства обеспечивается всей полнотой национального ресурса, политического, дипломатического, военного и, разумеется, финансово-экономического, то вряд ли возможно повторение казусов типа мексиканского международно-правового случая. Впрочем, в современном мире, переживающем все последствия — как позитивные, так и негативные — тотальной глобализации, основным ударом, в том числе из-за интеграционных процессов, наносится по суверенитету каждого из государств-партнеров. Не зря в свое время нарком по иностранным делам СССР Г. В. Чичерин выделял государства как полноценного, так и «фиктивного» суверенитета, из которых в наше время складывается большинство в мире и интересы которых определяются в «карманных» измерениях великих держав.

Перспективы преодоления ретроспективного «ущемления» территориального суверенитета в обоих «казусах» — мексиканском и аргентинском — различны; аргентинцы не намерены изымать из внешнеполитической повестки вопрос возвращения своей исторической территории из-под британского 185-летнего колониального владычества, основывавшегося на принципах «кулачного права»: «сила есть право» и «владение есть девять десятых закона». В мексиканском случае ситуация иная: ее определяет 80 %-ная экономическая зависимость от США, интеграционная заинтересованность в рамках НАФТА. Фактор мексиканской миграции на «исторически мексиканские» территории южных штатов США в плане «реконкисты» пока непредсказуем.

Библиография

1. Строганов А. И. *Новейшая история стран Латинской Америки*. М.: Высшая школа, 1995.

-
2. «Letter dated 26 June 2009 from Charge d'affaires a.i. of the Permanent Mission of Argentina to the United Nations addressed to the Secretary-General» // *General Assembly of the United Nations*. P. 3.
 3. Letter dated 27 January 2012 from the Permanent Representative of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the United Nations addressed to the Secretary-General // *General Assembly of the United Nations*.
 4. «The Falkland Islands: everything you ever wanted to know in data and charts» // *The Guardian*. 3 January 2013.
 5. Лазарев М. И. *Как урегулировать спор об островах*. М.: ИЛА РАН, 1992. С. 10.
 6. Шатров В. П. *Проблемы Латинской Америки и международное право*. М.: ИЛА РАН, 1995. Кн. 2.

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК В МИРЕ

Carlos Inchaurrealde Besga¹

El español de España y su relación con otras lenguas

The Spanish of Spain and its relationship with other languages

Resumen: El español es una de las lenguas más importantes existentes en el mundo en la actualidad, no solo por la cantidad de personas que la hablan, sino también por su gran protagonismo en el mundo de la política, economía y cultura. Ese protagonismo está presente en el mundo desde hace bastantes siglos, y su gran difusión no nos permite ignorar el hecho de que la lengua española ha surgido y existe en contraposición a muchas otras lenguas de su entorno. Aquí se describe haciendo un recorrido por su complejidad desde dos perspectivas, la sincrónica, en la que se comenta la manera en que encaja dentro del estado actual del mapa lingüístico mundial, y la diacrónica, en la que se resalta la manera en que ha tenido o recibido influencias de otras lenguas en su configuración a lo largo del tiempo en la Península Ibérica y otros territorios.

Palabras clave: lengua española; contacto de lenguas; diacronía lingüística; sincronía lingüística.

Abstract: Spanish is nowadays one of the most important languages in the world, not only because of the number of people who speak it, but also because of its role in the world of politics, economy and culture. We discuss here the role it plays and has played in connection with other languages, a role which has been present in the world for many centuries. However, at the same time we also highlight the fact that the Spanish language has emerged and exists in contrast to these many other languages around it. To show this we describe a journey through its complexity from two perspectives, a synchronic one, in which we explain the way in which it fits within the current linguistic world map, and a diachronic one, in which we show the way in which it has had or received influences from other languages in the Iberian Peninsula and other territories over time.

Keywords: Spanish language; language contact; linguistic diachrony; linguistic synchrony.

Como es bien sabido, la lengua española o castellano es una de las lenguas más importantes en el mundo moderno, no solo por la cantidad de personas que la

¹ Rusia. Docente, Universidad Estatal de Instrumentación Aeroespacial de San Petersburgo, (e-mail: inchaurrealde@mail.ru).

hablan, sino también por su gran protagonismo en el mundo de la política, economía y cultura. Ese protagonismo está presente en el mundo desde hace bastantes siglos, y su gran difusión no nos permite ignorar el hecho de que la lengua española ha surgido y existe en contraposición a muchas otras lenguas de su entorno. Partiendo de estos presupuestos vamos a hacer un recorrido por su complejidad desde dos perspectivas, la sincrónica, en la que comentaremos la manera en que encaja dentro del estado actual del mapa lingüístico mundial, y la diacrónica, en la que resaltaremos la manera en que ha tenido o recibido influencias de otras lenguas en su configuración a lo largo del tiempo.

El primer acertijo para aquel que se acerca por primera vez a su estudio serio es cómo denominarla oficialmente, puesto que para unos esta lengua es “castellano” y para otros “español”. Dado que ambos términos denominan a la lengua como identificable con un territorio dado, Castilla o España, parece que en algunos ámbitos se ha preferido uno a otro. En teoría, dentro de España el término más adecuado parecería ser “castellano”, por contraposición a otras lenguas “españolas”, y fuera de España “español”, como término identificador internacional. De hecho, desde un punto de vista lingüístico, ambas denominaciones son aceptables, y tanto la Real Academia Española como la Asociación de Academias de la Lengua Española así lo han hecho saber. “Castellano” y “español” son por lo tanto términos sinónimos². Teniendo en cuenta esto, y dado que estamos hablando sobre todo de su uso como medio de comunicación internacional, utilizaremos el término “español”.

El español pertenece al grupo de las lenguas romances, es decir, procedentes del latín hablado. Su origen está en el antiguo Reino de Castilla. Actualmente es la segunda lengua del mundo en número de hablantes como lengua nativa (477 millones³), siendo la primera el chino mandarín. También es la tercera lengua del mundo por número de hablantes (unos 572 millones) teniendo en cuenta a los que la usan como segunda lengua, después del chino mandarín y el inglés. Es la tercera en la comunicación internacional después del inglés y el francés⁴ y es también la tercera lengua con más usuarios de Internet (312, 8 % del total), después del chino y el inglés⁵. Su relevancia internacional está por lo tanto fuera de toda duda. Básicamente, es hablada en España y en casi toda Hispanoamérica, aunque también hay algunos grupos pequeños de hablantes en otros continentes, como África (Guinea Ecuatorial y Sahara Occidental) y Asia (pocos hablantes en Filipinas). En

² Según el *Diccionario panhispánico de dudas* (2005), publicado por la RAE, “El término español resulta más recomendable por carecer de ambigüedad”

³ Según el informe *El español, una lengua viva* (Instituto Cervantes, 2016), hay 572 millones de hablantes de español. 477 millones lo hablan con dominio nativo como primera o segunda lengua, y el resto lo habla con competencia limitada, siendo 20 millones estudiantes.

⁴ Fuente: *El español, una lengua viva* (Instituto Cervantes, 2016).

⁵ “Internet world users by language”, en <http://www.internetworldstats.com/stats7.htm>. Junio de 2017.

Estados Unidos hay un número muy grande de hablantes de Español (más de 40 millones). En Israel hay una variedad especial del español, el sefardí. Y el español es lengua oficial en muchas organizaciones internacionales, como la Organización de las Naciones Unidas, la Unión Europea, la Unión Africana, la Organización de Estados Americanos, la Organización de Estados Iberoamericanos, el Tratado de Libre Comercio de América del Norte,⁶⁰ la Unión de Naciones Suramericanas, la Comunidad del Caribe, el Tratado Antártico, la FIBA, la FIFA, la Asociación Internacional de Federaciones de Atletismo, etc.

El idioma español se formó a partir del latín vulgar del Imperio Romano. Esta era una variedad hablada del latín que a partir del siglo III, y sobre todo a partir del siglo V, fue poco a poco distanciándose del latín culto. En los distintos territorios del antiguo Imperio Romano, con el paso de los siglos aparecerían diversas lenguas que hoy en día tienen el rango de lenguas nacionales, como el francés, el italiano, el portugués, el rumano, etc., además de muchas otras que con el tiempo no llegaron a alcanzar tal rango pero que sin embargo fueron importantes en determinados ámbitos temporales. En la península ibérica, la antigua Hispania romana, la invasión musulmana del siglo VIII originó dos zonas separadas: (a) Al-Ándalus, donde se hablaban dialectos romances denominados lengua mozárabe junto con las lenguas de los invasores, el árabe y el bereber, y (b) la zona cristiana, donde fueron apareciendo varios reinos que crecieron durante los siglos de la reconquista. En estos reinos aparecieron varias variedades romances que fueron evolucionando con el tiempo: el catalán, el navarro-aragonés, el castellano, el astur-leonés y el gallego-portugués.

Desde finales del siglo XI empieza a aparecer un proceso de nivelación lingüística en estas variedades romances, sobre todo en el interior de la península, entre los dialectos astur-leonés, castellano y navarro-aragonés, lo que fue conformando al español como una lengua común.⁶ Algunos filólogos consideran que en esta asimilación el papel del castellano fue central, por su importancia en la Reconquista. Primero se incorporaron a la Corona de Castilla los reinos de León y Galicia y más tarde este reino se uniría con la Corona de Aragón (1410), lo que dejaría en una posición privilegiada al castellano como lengua principal e importante nivelador lingüístico de los diferentes reinos. En 1492 se publicaría la primera gramática de la lengua castellana, la *Grammatica* de Nebrija. Esto impulsaría más el estudio del español y se calcula que a mediados del siglo XVI el 80 % de los españoles hablaba español. Con la colonización de América a partir de ese siglo, la extensión del español fuera de las fronteras peninsulares ya sería imparable.

⁶ Inés Fernández-Ordóñez, *Los orígenes de la dialectología hispánica y Ramón Menéndez Pidal*, Madrid, Universidad Autónoma de Madrid, 2017. — URL: http://www.uam.es/personal_pdi/filoyletras/ifo/publicaciones/15_cl.pdf (accessed 01.09.2017).

En la actualidad existen lenguas descendientes de los dialectos romances que coexistieron con el español en este periodo. Tenemos el portugués y el gallego, el catalán (y sus parientes cercanos el valenciano y el balear), y también se siguen hablando el asturleonés y el aragonés, aunque de manera muy restringida. Todas estas lenguas dejaron algún rastro en el español como consecuencia de su coexistencia durante la Reconquista. Pero existe otra lengua, que no es de origen latino, sino que es anterior a la dominación romana, cuya influencia en el primer castellano fue bastante importante. Esta lengua es el vasco, hablada en la actualidad en una variedad unificada (euskara batua) en todo el territorio del país vasco español y dialectalmente en zonas del país vasco francés. En español tenemos algunos rastros importantes de influencia vasca como, por ejemplo, la transformación de la /f/ latina en /h/ aspirada al principio y después, finalmente, la desaparición total del sonido.⁷ Por esta razón, en la ortografía española la letra “h” es muda. También tenemos importantes (aunque poco numerosas) aportaciones en el léxico, como el uso de la palabra “izquierda”, que es de origen vasco, mientras que en otras lenguas romances se prefieren las palabras descendientes del término latino *sinister*.

Cuando a partir del siglo XVI se extendió el español por la mayor parte del continente americano, empezó a enriquecerse tomando préstamos de las lenguas nativas americanas, como el náhuatl o el quechua. La influencia fue mutua, pues estas lenguas también recibieron préstamos. Es interesante tener en cuenta que, aunque en la actualidad en los países de Hispanoamérica la lengua oficial es el español, también hay lenguas indígenas que comparten esa oficialidad en varios de estos países. Tenemos el quechua en Perú, Ecuador y Bolivia, el aymará en Bolivia y Perú, el guaraní en Paraguay, y el maya en México. El contacto con las lenguas indígenas ha tenido una gran influencia en el español y, a las diferencias naturales de las distintas variantes del español en pronunciación y vocabulario se añadieron peculiaridades locales motivadas por su contacto con estas lenguas.

Sabemos que en España existen muchas zonas de contacto, debido al bilingüismo en áreas en las que se habla gallego, vasco, catalán, etc. En Hispanoamérica la situación es todavía más complicada. Se considera que existen, como mínimo, las siguientes áreas bilingües de contacto lingüístico con el español: Áreas bilingües de México, Guatemala y Centroamérica, área de la Guajira venezolana y colombiana, área amazónica, área del español andino, área del español en contacto con el guaraní, área del español en contacto con el mapuche. Entre las variaciones gramaticales que sufren las distintas variedades del español producto del contacto con las lenguas indígenas tenemos las siguientes: Variación en el empleo del sistema de pronombres átonos, diferentes valores de uso de los marcadores discursivos, variación en el orden de palabras y su relación con la estructura informativa, discordancias de género y/o número, valores evidenciales y modalizadores en los tiempos verbales de pasado,

⁷ Paul M. Lloyd, *From Latin to Spanish*, American Philosophical Society, Filadelfia, 1987, 212–223.

diferentes valores en el uso de las formas de cortesía, cambios en el uso de las preposiciones, construcciones de gerundio con valores diferentes, etc.

Las contribuciones al vocabulario del español en muchos casos han sido también importantes para el léxico global de la lengua. Algunos ejemplos son palabras como “aguacate”, “tomate”, “patata”, tan comunes hoy en día no solo en español sino también en otras lenguas.

En los territorios bilingües españoles ya en el siglo XVIII existían publicaciones periódicas en español. En América, el español empezó a convertirse en la lengua normal en la enseñanza, marginando las lenguas indígenas, con el resultado de que ya en 1810 un tercio de los hablantes de la América española conocían esta lengua y podían utilizarla.

En la actualidad, el español es lengua oficial en diecinueve países de América, en España y en Guinea Ecuatorial. En algunos estados de Estados Unidos tiene cierta co-oficialidad, así como en Filipinas y el Sahara Occidental (país no reconocido internacionalmente, con su territorio en disputa con Marruecos). Sin embargo, es una lengua que se habla prácticamente en todos los continentes. Además de estar en contacto con otras lenguas dentro de España, en Europa el español tiene que coexistir con las lenguas más importantes del continente como lengua oficial de la Unión Europea. España tiene fronteras con Francia y Portugal y por eso existe cierto contacto en sus áreas de la frontera con las lenguas oficiales de estos países (francés y portugués). Pero también tiene en Europa cierta coexistencia con otras grandes lenguas del continente como el inglés, el alemán, el italiano. España es destino turístico para muchos hablantes de estas lenguas, por lo cual no es raro oírlos en territorio español. Recordemos que el inglés y el alemán son lenguas germánicas y el francés, portugués e italiano lenguas romances como el español. Tanto las lenguas germánicas como las lenguas romances son subgrupos de la gran familia lingüística de las lenguas indoeuropeas. En Guinea Ecuatorial el español está en contacto con algunas lenguas indígenas africanas, en Estados Unidos con el inglés, en el Sáhara Occidental con el bereber, el árabe y el francés (que es oficial en Marruecos), y en Filipinas, con el inglés y la lengua indígena principal, el Tagalo.

Ya hemos mencionado las lenguas indígenas más importantes que coexisten con el español en América. Por número de hablantes, Hispanoamérica constituye la comunidad de hablantes de español más grande del mundo, alrededor de 375 millones de personas. El país con mayor número de hispanohablantes es México (128 mill.), seguido por España (42 mill.) y la comunidad hispanohablante de Estados Unidos (aprox. 40 mill.). Tienen el español como lengua oficial en Hispanoamérica los siguientes países: Bolivia, Colombia, Costa Rica, Cuba, Ecuador, El Salvador, Guatemala, Honduras, Nicaragua, Panamá, Paraguay, Perú, República Dominicana y Venezuela. En otros países no es reconocida como lengua oficial pero es la lengua

principal: Argentina, Chile, México y Uruguay. En Puerto Rico, la Constitución de 1952 pone al español en pie de igualdad con el inglés.

La coexistencia del español con el inglés en Estados Unidos es un caso especial. Este país es el segundo del mundo que más hablantes de español tiene, solo después de México⁸. El español se utiliza sobre todo en régimen de bilingüismo con el inglés, con un uso creciente, sobre todo en los estados de California, Nuevo México y Texas. Existen programas oficiales bilingües de español y muchos documentos y servicios oficiales están disponibles en esta lengua. La sección 1632 del Código Civil del estado de California confirma al español como la lengua de la comunidad hispana, y la ley Dymally-Alatorre establece un bilingüismo inglés-español. En Texas, la sección 2054.116 del Código Gubernamental establece que las agencias del estado deben incorporar información en español en sus páginas web. Además del reconocimiento de la importancia del español debido el número de hablantes, en los Estados Unidos de América es evidente la importancia que ha tenido en su historia si observamos la toponimia y los numerosos nombres de accidentes geográficos en español, que se encuentran por todo el país. Denominaciones como Los Ángeles, San Francisco, San Antonio, Florida, California se encuentran entre los ejemplos más evidentes. Muchos territorios de ese país formaron parte de la colonización española desde el siglo XVI, y quedan restos de esta colonización en el gran número de arcaísmos que pueden encontrarse, por ejemplo, en el español hablado por hispanohablantes nativos no inmigrantes de Nuevo México. El gran número de inmigrantes de otros lugares de América también ha influido en la extensión del uso del español, y no tenemos tampoco que olvidar la inmigración interna de habitantes del estado asociado Puerto Rico (antiguo territorio perteneciente a España donde se habla el español) a ciudades como Nueva York. Por todo esto, tampoco es extraño que la segunda lengua más estudiada en todo el país sea el castellano.

Otro país americano donde la segunda lengua más estudiada es el español es Brasil. La lengua oficial es el portugués, pero el español siempre ha sido importante por la proximidad con todos los países hispanoamericanos y por su necesidad de tener comercio y relaciones con ellos. Brasil es miembro de Mercosur, y es un país con gran inmigración a lo largo de su historia desde España e Hispanoamérica. En 2005 se aprobó la ley del español, por la cual se oferta esta lengua como primera lengua extranjera en todos los centros educativos de enseñanza primaria y secundaria. Asimismo, la constitución del estado de Río de Janeiro y una deliberación del gobierno de São Paulo incluyen el español de modo oficial en los centros de enseñanza secundaria. La UNILA, universidad pública de la región sur de Brasil, encargada del profesorado de castellano para las escuelas estatales de Río Grande del Sur, Santa Catarina y Paraná, le dio al español carácter de lengua cooficial.

⁸ Instituto Cervantes, 2008 (El País: “Más ‘speak Spanish’ que en España”, lavozdebarcelona.com: “45 millones de hispanohablantes en Estados Unidos, más que en España”).

Es importante tener en cuenta que el portugués también es una lengua romance, y por eso para los brasileños es fácil aprender el español. Hay también variedades en las que se mezcla el español con el portugués, como el “portuñol” que se habla en la frontera entre Uruguay y Brasil.

Otros núcleos de hablantes de español en América: Canadá (donde la población inmigrante de habla española constituye un 1,3 %, y existe un porcentaje similar de hablantes de español como segunda lengua, sobre todo en la ciudad de Toronto), Centroamérica y Caribe.

En Centroamérica, el español no es lengua mayoritaria en Belice, donde se habla el inglés, aunque la mayor parte de la población lo conoce, lo puede utilizar y su enseñanza es obligatoria en las escuelas. Desde el siglo XVII existían pobladores hispanos que lo hablaban. En las islas de Curazao y Bonaire pocas personas lo hablan, pero en la cercana isla de Aruba hay muchos hablantes. En estas tres islas las lenguas oficiales son el neerlandés y el papiamentu. En Haití la lengua oficial es el francés, aunque el criollo haitiano es ampliamente hablado y cerca de la frontera con la República Dominicana hay conocimiento del español. En las islas Vírgenes aproximadamente un 17 % de la población habla español, aunque la lengua oficial es el inglés. En Trinidad y Tobago, Bahamas, Antigua y Barbuda, San Cristobal y Nieves, Dominica, San Vicente y las Granadinas, Santa Lucia, Granada y Barbados, aunque el idioma utilizado es el inglés, se estudia español ampliamente en los centros de educación primaria y secundaria.

Por lo que respecta a Asia, el español fue oficial desde 1571 a 1987 en Filipinas. No obstante, desde 1973 se usaba muy poco. Filipinas pasó a ser colonia de los Estados Unidos a partir de 1899, tras la guerra entre España y Estados Unidos. En 1907, aproximadamente un 70 % de la población filipina podía hablar español, aunque solo era lengua materna para un porcentaje muy bajo. En la actualidad menos del 0,5 % la conocen, pues Estados Unidos intentó imponer el inglés como lengua de comunicación. Sobreviven lenguas criollas de base española, como el chabacano de Zamboanga, pero la lengua más hablada es el Tagalo, lengua originaria de las islas, aunque en la actualidad la lengua extranjera más estudiada vuelve a ser el español tras el inglés⁹ En Israel, país donde la lengua oficial es el hebreo, hay unos 100000 hablantes de judeoespañol sefardí, lengua hablada por los descendientes de los judíos que fueron expulsados de España en el siglo XVI.

Ya hemos mencionado cómo el español es oficial en un país africano (Guinea Ecuatorial). Junto al árabe, también es una lengua que se aprende en el Sahara Occidental, y es muy popular como segunda lengua en zonas de Marruecos que pertenecieron al antiguo protectorado español. En Sudán del Sur hay también una minoría que habla español, así como en Angola y Namibia por sus relaciones con

⁹ Véase <http://e-dyario.com/actualidad/2012/05/09/el-espanol-es-la-segunda-lengua-extranjera-mas-impartida-en-la-escuela-publica-de-filipinas-tras-el-ingles-que-es-obligatorio/> (accessed 01.09.2017).

Cuba. En Oceanía el español es lengua oficial en la isla de Pascua, por pertenecer a Chile, donde convive con el rapanui, idioma nativo. Las islas Marianas (Guam y las Marianas del Norte) tienen como lengua oficial el chamorro, idioma nativo con mucho léxico de origen español. Algunas de estas islas llegaron a tener hablantes nativos de español, pues también fueron colonias españolas. En Australia y Nueva Zelanda también se encuentran pequeños grupos de hablantes, debido a la inmigración.

El español ha llegado a tener contacto con muchísimas lenguas por todo el mundo, por lo que no es extraño encontrar lenguas derivadas del español o lenguas criollas con influencia del español: judeoespañol o sefardí (judíos sefardíes), haquetía (dialecto sefardí en Marruecos), chabacano (lengua criolla de Filipinas), papiamentu (lengua criolla del Caribe), palenquero (lengua criolla de Palenque de San Basilio en Colombia), etc. También hay lenguas mixtas que utilizan mucho léxico del español: espanglish (con el inglés, en Estados Unidos), criollo annobonense (con el portugués en Annobón, Guinea Ecuatorial), portuñol (con el portugués, entre Brasil y Uruguay), yopará (con el guaraní, en Uruguay y Argentina), chamorro (con el polinesio, en Guam y las Islas Marianas del Norte), etc.

El español como lengua de comunicación ha tenido un papel fundamental en el mundo, y para ello ha tenido que convivir con entornos lingüísticos de gran variedad. Muchos han dejado su huella en nuestra lengua. El léxico es un buen testigo de ello, pues junto al sustrato latino original también aparece mucho vocabulario de la época de la Reconquista en la Península Ibérica, de origen árabe (*ojalá, aceite, alcohol, jarra, almohada, alfombra, etc.*) y una cantidad apreciable de vocablos de origen americano, que entraron durante la colonización de América (*tomate, tabaco, maíz, cacahuete, chocolate, huracán, patata, etc.*). No podemos olvidar tampoco los préstamos de otras lenguas europeas, como por ejemplo, el inglés, el francés, el alemán, muy activos hoy en día. No podemos olvidar tampoco la influencia del español en otros idiomas y en otras partes del mundo. El español está vivo y todavía tiene mucho camino por recorrer.

Bibliografía

1. Antonio Alatorre, *Los 1001 años de la lengua española*, México, Fondo de Cultura Económica, ISBN 968166678.
2. Rafael Cano (coord.), *Historia de la lengua castellana*, Barcelona, Ariel Lingüística, 2005.
3. Paul M. Lloyd, *From Latin to Spanish*, American Philosophical Society, Filadelfia, 1987.
4. Ángel López García, *El rumor de los desarraigados: conflicto de lenguas en la Península Ibérica*, Barcelona, Anagrama, 1985.
5. Michael Metzeltin, *Gramática explicativa de la lengua castellana. De la sintaxis a la semántica*, Wien, Praesens Verlag, 2009.
6. Instituto Cervantes, *El español, una lengua viva*, Instituto Cervantes, 2016.

**Основные принципы построения
«седативной» стратегической коммуникации:
прагмалингвистический аспект
(на материале испанского политического дискурса)**

**The basic principles of constructing «sedative» strategic
communication: the pragmalinguistic aspect
(based on the Spanish political discourse)**

Аннотация: Целью данной статьи является рассмотрение основных приемов речевого манипулирования, способствующих снижению категоричности высказывания и деинтенсификации оценочных значений при формировании общественного мнения в СМИ. Актуальность темы обусловлена неугасающим интересом к проблеме выстраивания языковой картины политического мира и выработки идеологически выгодных взглядов в рамках оппозиции «свой-чужой».

В статье анализируются особенности построения и функционирования «уклончивых» высказываний, образованных посредством привлечения эвфемистических средств и политкорректных обозначений, обладающих различной степенью смягчающего / вуалирующего потенциала в зависимости от их структурной «протяженности» и семантической «наполненности» / «опустошенности». Данные выражения представляют собой маркеры «седативной» коммуникации, благоприятствующие развитию партнерских отношений между странами, созданию атмосферы сотрудничества и формированию позитивного политического имиджа. Исследование конкретных лингвистических компонентов речеповеденческой стратегии «противоконфликтной» направленности предполагает применение комплексного интегративного подхода, позволяющего учесть экстралингвистические условия порождения того или иного высказывания. Совокупность вышеуказанных факторов помогает осуществить выбор подходящего эвфемистического варианта, который в определенном контексте будет рассматриваться как более «комфортное» средство выражения, обладающее достаточным мелиоративным потенциалом.

Ключевые слова: политическая коммуникация; медиадискурс; прагматика; речевая манипуляция; эвфемия; политкорректность; испанский язык.

¹ Якушкина Ксения Валерьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии филологического факультета СПбГУ, (devona@inbox.ru). г.р. РФ.

Summary: The article reviews the main methods of linguistic manipulation softening strong language and contributing to deintensification of an attitudinal meaning of the word in the course of forming public opinion in mass media. The significance of the subject is determined by the continued interest to the problem of linguistic view of the political world and the search for ideologically advantageous outlook under the opposition “friend-or-foe”. The article highlights the special aspects of constructing and functioning of the “vague” statements which are formed by using euphemistic means and politically correct notations. Depending on their structural “length” and semantic “completeness”/“emptiness” they have a various degree of softening/veiling potential. Such expressions are a sort of markers of “sedative” communication facilitating the development of partnership relations between countries, producing the atmosphere of cooperation and forming a positive political image. It is suggested to use a complex integrated approach to the research of specific linguistic components in speech acts within “counter-conflict” strategies, which allows extralinguistic conditions of generating one or another statement to be taken into account. Combination of the facts mentioned above help make a choice of one or another euphemistic variant which, in a specific context, will be considered as a more “comfortable” means of expression, possessing a sufficient meliorating potential.

Keywords: political communication; media discourse; pragmatics; linguistic manipulation; euphemism; political correctness; Spanish language.

В связи с неугасающим интересом к проблеме языкового манипулирования более пристального внимания заслуживает рассмотрение общих и частных вопросов, связанных с выявлением особенностей построения различного рода «уклончивых» высказываний (за счет привлечения эвфемистических средств и политкорректных обозначений) и их функционирования в политическом дискурсе. Необходимость решения подобных вопросов продиктована устойчивой тенденцией к глобализации, характеризующей развитие современного общества и представляющей собой сложный и неоднозначный процесс политического, идеологического, экономического, социального и культурного сближения ведущих стран мира, который сопровождается стремлением достичь консенсуса по ключевым моментам. В условиях глобального общества принципиально нового подхода требуют вопросы, связанные с укреплением мультилатеральных отношений и формированием норм межнационального общения, ориентированных на обеспечение бесконфликтной и успешной коммуникации. Особую значимость приобретает изучение языковых средств выражения, от которых зависит эффективность международного диалога. В связи с этим нельзя игнорировать то воздействие, которое оказывают СМИ на общественное сознание, принимая непосредственное участие в конструировании картины мира, навязывая стереотипы поведения и насаждая новые нормы и ценности.

Эффекты воздействия СМИ на аудиторию традиционно исследуются в рамках таких известных моделей массовой коммуникации, как теория «подкожного впрыскивания», теория «волшебной пули», «теория повестки дня», теория «лидеров мнений», концепция «когнитивного диссонанса», концепция «стратегической коммуникации» и др. (Harold Lasswell, Paul Lazarsfeld, Leon Festinger, Jurgen Habermas). Основным направлением данных научных парадигм является акцентирование внимания не столько на передаче информации, сколько на осуществлении **влияния**. Посредством использования соответствующих вербальных и риторических стратегий формируется языковая (а значит, и политическая) картина мира и языковое (= политическое) сознание общества. Таким образом, не вызывает сомнений тот факт, что в зависимости от более агрессивной (конфликтной) или более толерантной (некатегорической, бесконфликтной или, как мы ее обозначаем в исследовании, «**седативной**») модели коммуникации, пропагандируемой массмедиа, вырабатываются те или иные взгляды, представления и нормы поведения членов современного глобализованного общества, благоприятствующие или, напротив, препятствующие развитию партнерских отношений между странами.

В связи с этим особую значимость приобретает использование **эвфемизмов**, главной прагматической целью которых является формирование у адресата «скорректированного» мировоззрения в рамках реализации стратегий мобилизации и демобилизации общественного мнения. Таким образом, наличие или, наоборот, отсутствие подобных структур в медиатекстах способствует созданию соответственно позитивного или негативного образа той или иной страны и его внедрению в массовое сознание.

Целесообразность более подробного исследования особенностей «седативной» коммуникации продиктована и неоднозначным отношением к феномену **политкорректности** — культурно-поведенческой тенденции, многообразные проявления которой допускают в современном обществе разноречивые, часто диаметрально противоположные толкования. Вместе с тем политкорректность является неотъемлемым компонентом языковой политики западных стран как речеповеденческая прагматическая стратегия, направленная на создание атмосферы сотрудничества в современном глобализованном мире². Вопрос о смежности явлений эвфемии и политкорректности, эвфемии и вежливости заслуживает отдельного внимания, поскольку соблюдение принципа кооперации или сотрудничества являет-

² Панин В., *Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория*. — Тюмень, 2004; Тер-Минасова С., *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово, 2008; Ballester M. “Lo políticamente correcto o el acoso a la libertad” // *Cuadernos de pensamiento político*. Vol. 34. Abril/Junio 2012, Ed.: FAES, 171–201.

ся необходимым условием успешного социального взаимодействия³. Следует также отметить, что большинство работ по эвфемии традиционно посвящено англоязычному ареалу и в них изучаются преимущественно лексические способы образования эвфемизмов, в то время как в зарубежной и отечественной испанистике данная проблематика освещена недостаточно полно.

Исходя из того факта, что языковое манипулирование является объектом изучения разных наук — политологии, социологии, психологии, лингвистики, прагматики, теории информации, теории коммуникации и пр., кажется очевидным, что анализ конкретных лингвистических компонентов «седативной» коммуникации предполагает применение комплексного интегративного подхода с опорой на данные смежных областей научного знания, позволяющие учесть экстралингвистические условия порождения того или иного высказывания. Междисциплинарность исследования направлена на то, чтобы получить необходимое представление о содержании политического текста, определить его прагматическую установку и выявить степень манипулятивного воздействия на читательскую аудиторию в зависимости от применяемых речевых стратегий и тактик. Все эти условия предопределяют выбор того или иного эвфемистического варианта, которое в определенном контексте будет рассматриваться как менее категорическое средство выражения, обладающее достаточным для данного контекста смягчающим/вуалирующим потенциалом.

Само явление эвфемии, являющееся основным вектором развития «седативной» коммуникации, определяется нами как **коммуникативная стратегия мелиоративной направленности**⁴, предполагающая использование разнообразных по структуре и содержанию лингвистических (а в некоторых случаях и паралингвистических) средств. Это понимание позволяет преодолеть узкое понимание эвфемизма только как небольшой части лексической системы языка и разработать детальную классификацию вуалирующих обозначений исходя из их содержательных особенностей (семантической «наполненности»/«опустошенности») и структурного оформления (синтаксической протяженности).

³ Пол Грайс Г., “Логика и речевое общение” // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. М., 1985, 217-237.

⁴ Якушкина К., “Лексико-грамматические средства эвфемии в языке газет Испании. Коммуникативно-прагматический подход”. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011, 18.

Ср. также понятие “atenuación — **estrategia conversacional** reguladora de la relación interpersonal y social entre los participantes” в: *María Márquez Guerrero*. “La paradoja de la atenuación en el discurso político. Su funcionalidad argumentativa en las interpelaciones de parlamentarias y parlamentarios andaluces” // *Discurso & Sociedad*. Vol. 6 (1). 2012, 190.

Среди различных тем, подвергающихся эвфемизации, следует особо выделить вуалирующие наименования со значением «убийство, истребление, уничтожение». Переименования, принадлежащие этому лексико-семантическому полю, отражают эволюцию табу: от древних запретов на наименование смерти, в основе которых лежали религиозные суеверия и страх перед сверхъестественным⁵, до современных языковых запретов на обозначение насильственной смерти и убийства как следствия антисоциальных действий (уголовное преступление) и как результата проведения военных операций (уничтожение населения). Несмотря на явное расширение функциональной палитры эвфемистической риторики (функция защиты → функция вежливости и смягчения, а также вуалирования, обмана и фальсификации), подобная лингвистическая трансформация, следствием которой является соответствующая трансформация реальности (ее кажущееся «улучшение» и подмена), и в первом и во втором случае представляет собой проявление **магической функции языка**, когда словом можно так или иначе воздействовать на действительность и вызвать необходимые изменения в сознании людей. Замена/подмена формы способствует замене/подмене содержания — в этом заключается своеобразное «седативное» волшебство эвфемизмов, действующих как некие психотропные препараты, транквилизаторы или антидепрессанты, обладающие антифобическим, анксиолитическим, гипнотическим, галлюцинаторным или одурманивающим эффектом — в зависимости от применяемой «дозы» в каждом конкретном случае.

Рассмотрим следующие примеры: (matar→) acabar con, borrar, silenciar, liquidar — regularizar la situación, neutralizar la amenaza — realizar la regulación de la situación, iniciar un proceso especial, tomar medidas necesarias — actuar, obrar, operar — pacificar, imponer la paz, defender la seguridad — realizar una operación de paz/de pacificación — perecer, fallecer, perder la vida, morir, resultar muerto — causar daños colaterales, destruir objetos etc. Первые «звенья» рассматриваемой цепочки обозначений обладают более конкретным, менее «диффузным», смыслом, а значит, более слабым «успокаивающим» эффектом. Вместе с тем такие факторы, как: широкозначность/многозначность наименований (семантическая «опустошенность»), их синтаксическая/перифрастическая протяженность (многокомпонентность и усложнение структуры), переключение оценочного знака с «-» на «+» (семантическое перекодирование: война→мир), а также грамматическая трансформация, способствующая деактивации каузатора, «ответственного лица» (актив→пассив), и изъятию сем одушевленности (человек→объект), демонстри-

⁵ Зеленин Д., «Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии» // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Академия наук, 1929.

руют различную градацию «седативного» эвфемистического потенциала⁶. Благодаря использованию специфических лингвистических средств лексического и грамматического спектра осуществляется воздействие, основанное на скрытом внушении (суггестия), что приводит к «виртуализации» трагедии реального убийства.

Помимо *warspeak* яркие примеры двусмысленной демагогической речи можно обнаружить и в сфере дипломатического этикета. Речь идет о «лингвистических иллюзиях» на основе политкорректных обозначений, призванных защищать от различных проявлений дискриминации. И в этом случае наиболее «гипнотическим» является «распыление» семантического значения на множество компонентов, поскольку необходимость восприятия двух и более слов создает препятствие для понимания, существенно замедляя и затрудняя процесс правильного декодирования: (*carcelero*→) *funcionario de instituciones penitenciarias*; (*camarero*→) *técnico en manipulación de alimentos*; (*tullido*→) *persona con diversidad funcional, persona menoscabada y necesitada en situación de vulnerabilidad etc*⁷.

Кроме того, в составе перифрастических конструкторов выявляются интересные закономерности функционирования различных элементов, маркирующих различную степень «седативности» высказывания, например кванторные слова: *la situación un poco / algo preocupante, la respuesta bastante dura, las condiciones poco ventajosas, la poca/baja tolerancia, no cumplir siempre etc*. Следует отметить, что дополнительный эффект деинтенсификации достигается при дальнейшем расширении структуры за счет увеличения дистанции между формальным показателем отрицания и словом, к которому он относится по смыслу, например при смещении отрицания из утвердительной части высказывания в модусную (в испанском языке сопровождаемого изменением наклона в придаточном): *No tiene (mucha) razón → No creo que tenga (mucha) razón etc*. Привлечение кванторных слов и аксиологических предикатов способствует снижению категоричности высказывания и свидетельствует о субъективности оценки, которая учитывает существование других мнений и возможность возражений⁸. Вместе с тем подобное высказывание труднее оспорить: собеседник, обладая этим правом опровержения, на самом деле не может им

⁶ Подробнее см.: «Как избежать наказания за убийство, или Что скрывается за глаголами «мирной» семантики (на материале испанского языка)» // *Древняя и Новая Романья*. Вып. 16. СПбГУ, 2015, 318–335.

⁷ См. также: Якушкина К. «Политкорректность или псевдовежливость? К вопросу об амбивалентности понятия (на материале испанского языка)» // *Древняя и Новая Романья*. Вып. 15. СПбГУ, 2015, 337–358.

⁸ Вольф Е. *Функциональная семантика оценки*. М.: Либроком, 2009, 109.

воспользоваться и оказывается «обезоруженным» (ситуация «прагматической безысходности»)⁹. Таким образом, данная стратегия способствует более эффективному воздействию на собеседника путем демонстрации своей толерантности. Соблюдая «принцип вежливости», говорящий легче реализует свою иллокутивную цель — добиться согласия адресата со своей позицией.

Наличие эвфемистических и политкорректных компонентов предполагает приблизительность, неопределенность и семантическую «опустошенность», обусловленную прагматикой оценочного высказывания в конкретной ситуации общения. В связи с этим довольно затруднительно определить четкие интервалы между степенями (де)интенсификации или выстроить градуированную шкалу «седативного» потенциала рассматриваемых эвфемистических единиц. По-прежнему не вызывает сомнения дискуссионность критериев, определяющих, какие именно выражения считаются более вежливыми (менее категорическими) в различных сферах человеческой деятельности. Бесспорным является лишь факт зависимости реализации эвфемистических возможностей тех или иных высказываний от совокупности множества лингвистических и экстралингвистических факторов.

Еще одной отличительной особенностью эвфемистических «транквилизаторов» является высокая степень клишированности. Они представляют собой речевые штампы, которые регулярно повторяются в политических текстах¹⁰. При этом они лишены информативности, конкретного логико-понятийного содержания и представляют собой «пустые формулы» демагогически-популистской коммуникации.

Вместе с тем неточно-ориентирующее, обобщающее значение, а также многоэлементность описательных структур — «размытость» структуры и содержания — делает их удобным средством манипуляции в рамках политического дискурса, где они, с одной стороны, призваны снять общественную напряженность, смягчить негативную репрезентацию осуждаемых явлений, а с другой — способствуют маскировке нежелательной информации, дезинформации и мифологизации общественного сознания в соответствии с определенными идеологическими установками. При их употреблении происходит явное нарушение постулата манеры изложения, позволяющее успешно реализовать принцип, который, на наш взгляд, можно обозначить

⁹ Подробнее см.: «Когда «белое» «не очень черное» или «слегка черное»: квантификация действительности как одно из средств «седативной»/некатегорической коммуникации // *Древняя и Новая Романья*. Вып. 17. СПбГУ, 2016, 172–187.

¹⁰ Подробнее см.: Якушкина К., «Эвфемистические перифразы в политической коммуникации: как не солгать и не сказать правду» // *Древняя и Новая Романья*. Вып. 13. СПбГУ, 2014, 498–511.

как «спекуляция достоверностью». Иными словами, в определенных контекстах эвфемизмы отвечают за «уклончивость», «недоправдивость» высказывания, функционируя как маркеры «седативной», более вежливой и бесконфликтной, коммуникации.

Библиография

1. Вольф Е. М. *Функциональная семантика оценки*. — М.: Либроком, 2009. 280 с.
2. Грайс Г. П. “Логика и речевое общение” // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1985. Вып. 16. С. 217-237.
3. Зеленин Д. К. “Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии” // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: АН СССР, 1929. 151 с.
4. Панин В. В. *Политическая корректность как культурно—поведенческая и языковая категория*: дис. канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 234 с.
5. Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. — М.: Слово, 2008. 264 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_24.php (дата обращения: 24.09.2017).
6. Якушкина К. В. *Лексико-грамматические средства эвфемии в языке газет Испании. Коммуникативно-прагматический подход*. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. ISBN: 978-3-8433-0811-3. Напечатано в России. Все права защищены © 2011. 209 с.
7. Якушкина К. В. “Эвфемистические перифразы в политической коммуникации: как не солгать и не сказать правду” // *Древняя и Новая Романия*. Вып. 13. СПбГУ, 2014. С. 498-511. URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1271007> (дата обращения: 24.09.2017).
8. Якушкина К. В. “Политкорректность или псевдовежливость? К вопросу об амбивалентности понятия (на материале испанского языка)” // *Древняя и Новая Романия*. Вып. 15. СПбГУ, 2015. С. 337–358. URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1404070> (дата обращения: 28.09.2017).
9. Якушкина К. В. “Как избежать наказания за убийство, или Что скрывается за глаголами «мирной» семантики (на материале испанского языка)” // *Древняя и Новая Романия*. Вып. 16. СПбГУ, 2015. С. 318–335. URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1559961> (дата обращения: 28.09.2017).
10. Якушкина К. В. “Когда «белое» «не очень черное» или «слегка черное»: квантификация действительности как одно из средств «седативной»/некатегорической коммуникации” // *Древняя и Новая Романия*. Вып. 17. СПбГУ, 2016. С. 172–187. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1588636> (дата обращения: 28.09.2017).
11. Ballester M. “Lo políticamente correcto o el acoso a la libertad” // *Cuadernos de pensamiento político*. Vol. 34. Abril/Junio 2012. Ed.: FAES. P. 171–201. URL: http://www.fundacionfaes.org/file_upload/publication/pdf/20130423223125lo-

politicamente-correcto-o-el-acoso-a-la-libertad.pdf (дата обращения: 28.09.2017).

12. Márquez Guerrero M. “La paradoja de la atenuación en el discurso político. Su funcionalidad argumentativa en las interpelaciones de parlamentarias y parlamentarios andaluces” // *Discurso & Sociedad*. Vol. 6 (1). 2012. P. 187–215. URL: [http://www.dissoc.org/ediciones/v06n01/DS6\(1\)Marquez.pdf](http://www.dissoc.org/ediciones/v06n01/DS6(1)Marquez.pdf) (дата обращения: 28.09.2017).

Роль европейской иммиграции в формировании национального варианта испанского языка Аргентины

The role of European immigration in the formation of the national version of the Spanish language of Argentina

Аннотация: Миграционные процессы середины XIX—XX вв. оказали большое влияние на формирование национального варианта испанского языка Аргентины. В статье рассматриваются лексические и фразеологические особенности аргентинского национального варианта испанского языка, связанные с языковой ассимиляцией иммигрантов. Особое внимание уделяется заимствованиям из итальянского и английского языков.

Ключевые слова: испанский язык; Аргентина; европейская иммиграция; лексика; фразеология; итальянский язык; английский язык.

Abstract: Migration processes of the middle of the XIX—XX centuries had a major impact upon the formation of the national variant of Argentine Spanish language. Lexical and phraseological peculiarities of Argentina national variant of Spanish language connected to the language assimilation of the immigrants are being observed in the article. The special attention is paid to the words borrowed from Italian and English languages.

Key words: Spanish language; Argentina; European immigration; vocabulary; phraseology; Italian language; English language.

Испанский язык Аргентины характеризуется языковым многообразием, поскольку на территории страны функционируют 12 индейских языков 4-х этноязыковых групп, нашедших свое отражение в лексике и фразеологии. Также в лексике и фразеологии испанского языка Аргентины наблюдаются иноязычные вкрапления из европейских языков (итальянского, французского, португальского, английского и др.), обусловленные миграционными процессами середины XIX — середины XX вв. В статье № 25 первой Конституции Аргентины, принятой в 1853 г., декларируется, что Правительство Аргентины обязуется всячески способствовать развитию европейской иммиграции и что оно не имеет права ни ограничивать, ни обременять налогами иностранцев, прибывших на территорию Аргентины

¹ Мед Наталья Григорьевна — Россия, Доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии СПбГУ. natalia_med@mail.ru Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00294/15

с целью возделывания земли, работы на благо развития промышленности, наук и искусств². Политика открытых дверей привела к тому, что, начиная с 50-е годы XIX века, из разных стран мира в Аргентину хлынул поток иммигрантов в поисках лучшей жизни. Согласно статистическим данным Национальной Дирекции по вопросам Миграции от 1970 г., за период с 1857 г. по 1940 г. в Аргентину прибыли 2.970 тыс. итальянцев (44,9%), 2.080 тыс. испанцев (31,5%), 239 тыс. французов (3,6%), 180 тыс. поляков (2,7%), 177 тыс. русских (2,7%), 174 тыс. турок (2,6%), 152 тыс. немцев (2,3%), 111 тыс. австрийцев и венгров (1,7%), 75 тыс. англичан (1,1%), 65 тыс. португальцев (1,0%), 48 тыс. югославов (0,7%), 44 тыс. швейцарцев (0,7%), 26 тыс. бельгийцев (0,4%), 18 тыс. датчан (0,3%), 12 тыс. американцев (0,2%), 10 тыс. голландцев (0,2%), 7 тыс. шведов (0,1%), других национальностей — 223 тыс. (3,1%). Причем отмечается, что данные цифры не отражают в полной мере реальное количество прибывших, поскольку статистика учитывала лишь официально зарегистрированных иммигрантов³. Согласно данным М. Фонтанеллы де Вайнберг⁴, практически половину населения Аргентины составили испанские, итальянские, французские, немецкие, русские, еврейские иммигранты и т.д., а, например, в 1887 г. количество иммигрантов в Буэнос-Айресе даже превышало на 2 % количество коренных жителей, причем 32,1% составляли итальянцы, 9,1% — испанцы, 4,6% — французы и 6,9% — представители других национальностей⁵. Подобная ситуация не могла не сказаться на формировании национального варианта испанского языка Аргентины, в словарном составе которого укоренились заимствования как из индейских, так и из европейских языков, что представляет несомненный научный интерес для контактной лингвистики, изучающей взаимодействие языков.

Причем, как отмечает М.Фонтанелла де Вайнберг, если в испанский язык Аргентины вошло относительно небольшое количество индихенизмов и африканизмов, то заимствования из европейских языков, в частности, из французского, итальянского и английского, весьма многочисленны⁶. Проблематика заимствованной лексики в испанском языке Аргентины изучена достаточно полно, поэтому в рамках нашего исследования мы остановимся лишь на семантических дериватах и фразеологизмах—заимствованиях из

² Analía Rosa Cuadrado Rey, Base de datos de UF del español de Argentina: propuesta de traducción al alemán. Tesis doctoral, Universidad de Alicante, 2005, 140.

³ Roberto Bein, La situación de las lenguas extranjeras en la Argentina, 9227ef50db3de732e1d3f897de85a a8Bein lenguas extranjeras.pdf (дата обращения 03.08.2017)

⁴ María Beatriz Fontanella de Weinberg, El español de América. Madrid, MAPFRE, 1992, 84.

⁵ Bein, op.cit.

⁶ María Beatriz Fontanella de Weinberg (coord.), El español de la Argentina y sus variedades regionales, Buenos Aires, Edicial, 2000, 55

итальянского и английского языков, частотных в современной аргентинской разговорной речи, и которым не уделялось особого внимания в научной литературе.

Как уже отмечалось, итальянские заимствования в языке Аргентины являются наиболее многочисленными: “El número de los italianismos adoptados por el español hablado en Argentina en un siglo de inmigración resulta superior al de los que penetraron en el español peninsular desde la formación del idioma hasta la Edad Moderna”⁷. Свидетельством большого влияния итальянской иммиграции на общественную и культурную жизнь Аргентины является празднование Дня Итальянского Иммигранта, проводимое ежегодно 3 июня, в день рождения выдающегося аргентинского политика, военного и дипломата итальянского происхождения, борца за независимость Аргентины и автора концепции государственного флага Аргентины Мануэля Бельграно (1770–1820).

Языковые контакты между испанским и итальянскими диалектами, на которых говорили малообразованные итальянские иммигранты из разных областей Италии, привели к образованию коколиче, итало-испанского пиджина, с помощью которого они общались с местным населением, смешивая преимущественно диалектные слова с испанским⁸. Также важную роль в разговорной речи аргентинцев сыграла лексика и фразеология люмфардо, жаргона, распространенного в Буэнос-Айресе и его окрестностях среди иммигрантов, преступников, разногорода маргиналов⁹. Люмфардо формировался на базе нескольких языков (испанского, итальянского, французского, английского и галисийского), однако 80% его лексики составляли итальянизмы¹⁰. Аргентизация иммигрантов и итальянизация коренного населения в виде контакта между литературным итальянским языком, коколиче, люмфардо и собственно аргентинским испанским языком привели к проникновению итальянской лексики в словарный фонд испанского языка Аргентины, в котором укоренилось большое количество лексических итальянских заимствований, которые подробно описаны в работах G. Meo-Zilio, М.И. Былинкиной, М.Л. Баральдо дель Серро¹¹. Мы остановимся на не-

⁷ Giovanni Meo-Zilio, «Italianismos generales en el español rioplatense. Thesaurus», Boletín del Instituto Caro y Cuervo, 1965, 68.

⁸ María Beatriz Fontanella de Weinberg, La asimilación lingüística de los inmigrantes, Bahía Blanca, Departamento de ciencias sociales, Universidad Nacional del Sur, 1979, 77

⁹ Pedro Barcía, María Gabriela Pauer, Diccionario fraseológico del habla argentina: frases, dichos y locuciones. Buenos Aires, Emecé Editores, 2008, 416.

¹⁰ Alejandro Fajardo Aguirre, «Aproximación al léxico argentino actual». Revista de filología de la Universidad de la Laguna, №16, 1998, 58.

¹¹ Meo-Zilio, op.cit.; Маргарита Былинкина, Смысловые особенности испанского языка Аргентины, Москва, Наука, 1969; Мария Лаура Баральдо дель Серро, Особенности испанского языка

которых итальянских заимствованиях-семантических дериватах, которые получили дополнительные приращения смысла в аргентинском варианте, а также на фразеологизмах, либо напрямую заимствованных из итальянского, либо включающих компонент— итальянизм и широко использующихся в разговорной речи аргентинцев.

Семантические дериваты— лексические итальянизмы— представляют собой преимущественно частично ассимилированные заимствования, подвергшиеся фонетической адаптации к принимающему языку. Например, лексема «*bagayo*» (ital.*bagaglio*— букв.багаж, тюк, пакет), помимо данного инвариантного значения, в аргентинском варианте испанского языка приобретает дополнительное оценочное значение «некрасивая женщина», ассоциируясь с бесформенным, обременительным грузом: *Estamina es un bagayo*, что подтверждают слова известного аргентинского танго «*Dametiempro*»: *Con mis ojos estoy viendo que has armado el bagayito, y sino es que llego a tiempo no te escucho ni el adiós*¹². Глагол «*manyar*»(ital.*mangiare*, букв. есть, кушать) помимо основного значения получает дополнительный метафорический смысл «понимать», по аналогии с приемом пищи: *¿Qué semana hoy, vieja?, ¿Manyás que ya casi es navidad y no hemos comprado regalos?*¹³

Итальянские хлебные палочки гриссини (*grissini*) становятся метафорическим обозначением пальцев:*los grisines hinchados* (распухшие пальцы). Интересно происхождение метонимического деривата «*ñoqui*», обозначающего человека, как правило, государственного служащего, который практически не работает, но в конце месяца исправно получает незаслуженную зарплату:

*Roberto Gutiérrez es personal de planta permanente desde hace cinco años y desde hace 15 es empleado estatal. Este lunes montó una protesta unipersonal para pedir que le dieran trabajo, que no quiere cobrar un sueldo y quedarse de brazos cruzados. “No quiero ser un ñoqui, no cumplo ninguna función, no marco, no ficho y sólo quiero que me respeten como trabajador”, aseguró*¹⁴

Согласно венецианской традиции 29-го числа каждого месяца полагалось есть клецки (*ital.gnocchi*) в честь св. Пантелеймона, покровителя

в Аргентине: лексический, грамматический и фонетический аспекты. Автореф. канд.дисс. Белгород, 2015.

¹² <http://www.asihablamos.com/word/palabra/Bagayo.php> (дата обращения 10.08.2017).

¹³ <http://www.jergasdehablahispana.org/?pais=Argentina&palabra=manyar&tipobusqueda=1> (дата обращения 10.08.2017).

¹⁴ <http://telefonoticias.com.ar/actualidad/empleado-publico-pide-a-los-gritos-que-le- asignen-tareas-no-quiero-ser-un-noqui> (дата обращения 10.08.2017).

Венеции. Для того, чтобы св. Пантелеймон помог обогатиться без особых усилий, под тарелку обычно клали монетку или бумажную банкноту¹⁵.

В отношении аргентинских фразеологизмов следует отметить, что большинство исследованных нами фразеологизмов представляют собой испанское выражение с компонентом-итальянизмом. Включение иностранного заимствования во фразеологизм свидетельствует об успешной адаптации иноязычной лексики, в данном случае, итальянизмов, в принимающем языке. Анализ языкового материала показал, что компонент-итальянизм чаще всего тематически связан с кулинарной лексикой, что представляется вполне оправданным, поскольку итальянская кухня пользуется заслуженной славой во всем мире. Причем наименования традиционных блюд итальянских иммигрантов получили новые приращения смысла в аргентинской фразеологии. Например, лексема «*brodo*» (итальянский бульон сразнообразными ингредиентами) стала компонентом следующих фразеологизмов: «*armarse un brodo*» (букв. устроить бульон, перен. устроить скандал, заварушку), «*bailar un tango con mucho brodo*» (букв. танцевать танго с большим количеством бульона, перен. танцевать танго с большим разнообразием фигур). Значение первого фразеологизма мотивировано бурным кипением бульона, во втором случае оно обусловлено наличием в бульоне самых разных ингредиентов¹⁶. Лексема *musarela/muzarella* (ital. mozzarella, мягкий молодой сыр) по семантическому компоненту значения «мягкий» используется в составе фразеологизма для обозначения мягкого, молчаливого человека: *quedarse musarela*, либо употребляется в качестве междометия-призыва соблюдать тишину: «*Vos, muzzarella!*»

Фразеологизм «*darle alescabio*» ‘много пить, быть пьяным’ включает жаргонизм «*scabbio, scabbi*» (вино), характерный для генуэзского и миланского диалектов.

Отметим также аргентинский фразеологизм «*la verdad de la milanese*» (букв. правда по-милански, перен. сокрытие правды), в котором сокрытие правды уподобляется процессу приготовления отбивных по-милански (it. *allamilanese*), которые обваливаются в панировочных сухарях и, следовательно, самого мяса не видно под слоем панировки. Данный фразеологизм является частью пословицы «*la verdad de la milanese...la sabe el pan rallado*»¹⁷.

¹⁵ María Gabriela Pauer, «En torno a cuestiones fraseológicas de la Argentina: locuciones y frases gastronómicas del español rioplatense», *Cum corde ei in nova grammatica*, Estudios ofrecidos a Guillermo Rojo, Departamento de Lingua Española, Servizo de Publicacións e Intercambio Científico da Universidade de Santiago de Compostela, 2012, 637.

¹⁶ Meo-Zilio, op.cit., 79.

¹⁷ Pauer, op.cit., 637.

В неассимилированном виде широко употребляются такие итальянские фразеологизмы, как «*facciatosta*» (букв. поджаренное лицо, перен. наглый человек), устойчивая формула отрицания «*menefrego*» (мне плевать) и фразеологизм «*delamadona*» (it. *dellamadonna*), использующийся как и в самой Италии, в качестве интенсификатора при ключевом слове — существительном: *un frío delamadona* (жуткий холод)¹⁸.

Вышеперечисленные примеры, естественно, не отражают то огромное влияние, которое оказали итальянская культура и язык на испанский язык Аргентины. Нашей целью было показать важность языковых контактов двух родственных языков, послуживших формированию национально-варианта испанского языка Аргентины.

Среди неродственных языков, оставивших заметный след в языковой картине мира аргентинцев, следует упомянуть английский язык. Первые британские колонисты прибыли в Аргентину в 1806 г., причем, в отличие от бедных и малообразованных итальянских иммигрантов, они были представителями весьма зажиточных слоев населения и занимались коммерцией, сельским хозяйством, создавали банки, работали инженерами на строительстве железных дорог, в гражданском строительстве и т.п.¹⁹ Таким образом, англицизмы вошли в испанский язык аргентинцев, прежде всего, высокого статуса, затем, уже в XX веке, принимая во внимание процесс глобализации и роль английского языка как основного «донора лексического материала», получили широкое распространение²⁰. На данный момент, согласно проведенным исследованиям, без учета Мексики и Пуэрто-Рико, находящихся в непосредственной близости от США, Испания и Аргентина являются двумя испаноязычными странами с наибольшим количеством англицизмов²¹.

Лексические заимствования-англицизмы в аргентинском испанском достаточно подробно исследованы во многих научных работах²². Приводя список англицизмов, широко употребляемых в Латинской Америке, Г.Хэнш отмечает значения, присущие преимущественно языку Аргентины: *coctel* (

¹⁸ Meo-Zilio, op.cit., 98.

¹⁹ https://es.wikipedia.org/wiki/Inmigraci%C3%B3n_inglesa_en_Argentina (дата обращения 10.08.2017)

²⁰ María Beatriz Fontanella de Weinberg, *El español bonaerense. Cuatro siglos de evolución lingüística (1580-1980)*, Buenos Aires, Hachette, 1987, 162.

²¹ Mónica Agostini de Sánchez, « Uso y conocimiento de anglicismos en San Juan», *La renovación de la palabra en el bicentenario de la Argentina. Los colores de la mirada lingüística*, Víctor M. Castel y Liliana Cubo de Severino Editores, Editorial de la Facultad de Filosofía y Letras de la Universidad Nacional de Cuyo, 2010, 26.

²² Günther Haensch, «Anglicismos en el español de America», *ELUA*, №19, 2005, 243-251.; Баральдо дель Серро, op.cit.

<ingl. cocktail, ‘bebida preparada por la mezcla de varios licores y otros ingredientes, *crack* (‘persona que destaca en una actividad’, ‘hacha’, ‘as’ <ingl. crack, *cuáqueres/cuáquers* (Arg. copos de avena, originariamente, nombre de una marca comercial de copos de avena.), *freezer/friser* (<ingl. freezer, Arg, ‘congelador’), *jogging* (‘ejercicio físico que consiste en correr a poca velocidad durante cierto tiempo para mantenerse en forma’. En Arg. significa además ‘conjunto deportivo de chaqueta o sudadera y pantalón largo a juego’, esp. chándal), *toddy* ‘chocolate en polvo’²³.

Анализ языкового материала позволил нам выявить еще ряд лексических заимствований из английского языка, характерных для разговорной речи аргентинцев.

Bluff (англ. обман, блеф) используется для обозначения неприятных людей, разочаровывающих событий или фактов: *bluff*, estuve toda la cena ilusionado mirando telas y cuando finalmente te sacaste el corpiño, casi me pongo a llorar²⁴.

Лексема «*borderline*» (англ. Пограничное личностное расстройство) получила дополнительное приращение смысла, став метонимическим дериватом, обозначающим больного в пограничном состоянии невроза или психоза: *Serunborderline/unborder*. Английское слово «*groupie*», используемое в английском языке для обозначения поклонницы, фанатки какой-либо поп-группы или какой-нибудь знаменитости (от англ. group-группа) также характерно для разговорной речи аргентинцев: Un músico siempre se casa con su *groupie*, con alguien que entiende su música y que no puede hacer cosas muy caratas, como estar todo el tiempo con ella, porque tenés que irte de gira²⁵.

Лексемы «*fashion*» (мода, стиль) и «*top*» (вершина, высшая степень) также вошли в обиходную речь аргентинцев: *ser algo, alguien fashion*— estar a la moda, *ser algo o alguien top*—ser algo muy bueno, ser alguien muy bueno en una actividad²⁶: Los ricos fueron *fashion*. A la inversa de lo que sucede en algunos países capitalistas, la tendencia argentina fue parecer incluso más ostentoso que millonario, si esto era posible²⁷; Hoy día el tema Concienciología es *top* de audiencia²⁸. В качестве фразеологической кальки с английского в аргентинском испанском широко используется фразеологизм «*estar alguien a full con algo*» (ingl. to be full

²³ Haensh, op.cit., 246-247.

²⁴ Puto el que lee. Diccionario argentino de insultos, injurias e improperios. Dirigido por J. Aguirre. Buenos Aires, Gente Grossa, 2013, 44.

²⁵ <https://books.google.com.ar/books?id=ANglAgAAQBAJ&pg=PT227&dq=vos,+groupie&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewjS1pf8odLVAhUEG5oKHVHrC1wQ6AEILTAB#v=onepage&q=vos%2C%20groupie&f=false> (дата обращения 10.08.2017).

²⁶ Cuadrado Rey, op.cit., 190.

²⁷ <http://www.lanacion.com.ar/1464282-la-era-de-la-desfachatez> (дата обращения 10.08.2017)

²⁸ <https://books.google.com.ar/books?isbn=8584770801>. (дата обращения 10.08.2017).

of it — быть в восторге от чего-либо/ кого-либо²⁹: *Estoy a full con este proyecto. Me voy a dedicar al tema laboral. Todas mis energías están puestas en el trabajo, no hay amor por acá*³⁰.

Отметим также фразеологизмы «*hacer alguien face*» (важничать, строить из себя)³¹ и «*hablar en sandwich /hablar en sánguche*» (repetir al final de la frase el mismo vocablo con el que se empieza: quiero morfar, quiero)³².

Наши наблюдения над заимствованной лексикой из английского языка показали, что, в отличие от итальянизмов, которым свойственны семантические трансформации, большая часть англицизмов используется в их прямом номинативном значении, что свидетельствует об их меньшей адаптации к принимающему языку. Также англицизмам в аргентинском испанском присуща, в основном, неассимилированная форма. Как отмечает Г.Хэнш, для латиноамериканских стран, подверженным более сильному влиянию английского языка, мало характерна фонетическая и морфологическая адаптация к испанскому языку³³.

В заключение следует отметить, что языковая ситуация в Аргентине, в силу наличия тесных контактов между испанским, другими европейскими и индейскими языками представляет обширное поле для исследований в области языковой вариантологии и контактной лингвистики.

Библиография

13. Analía Rosa Cuadrado Rey, *Base de datos de UF del español de Argentina: propuesta de traducción al alemán*. Tesis doctoral, Universidad de Alicante, 2005.
14. María Beatriz Fontanella de Weinberg, *El español de América*. Madrid, MAPFRE, 1992.
15. María Beatriz Fontanella de Weinberg (coord.), *El español de la Argentina y sus variedades regionales*, Buenos Aires, Edicial, 2000, 55.
16. Giovanni Meo-Zilio, «*Italianismos generales en el español rioplatense. Thesaurus*», Boletín del Instituto Caro y Cuervo, 1965.
17. María Beatriz Fontanella de Weinberg, *La asimilación lingüística de los inmigrantes*, Bahía Blanca, Departamento de ciencias sociales, Universidad Nacional del Sur, 1979.
18. Pedro Barcía, María Gabriela Pauer, *Diccionario fraseológico del habla argentina: frases, dichos y locuciones*. Buenos Aires, Emecé Editores, 2008.

²⁹ Cuadrado Rey, op.cit., 189.

³⁰ <http://www.lanacion.com.ar/1572065-zaira-nara-no-hay-nada-con-monaco-estoy-dedicada-a-mi-trabajo>

³¹ Cuadrado Rey, op.cit., 188.

³² Pauer, op.cit., 638.

³³ Haensch, op.cit., 251.

19. Маргарита Былинкина, *Смысловые особенности испанского языка Аргентины*, Москва, Наука, 1969;
20. Мария Лаура Баральдо дель Серро, *Особенности испанского языка в Аргентине: лексический, грамматический и фонетический аспекты*. Автореф. канд.дисс. Белгород, 2015.
21. *Puto el que lee. Diccionario argentino de insultos, injurias e improperios*. Dirigido por J.Aguirre. Buenos Aires, Gente Grossa, 2013.

Встреча двух миров: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНКИСТЫ

Meeting two worlds: the linguistic aspects of the conquest

Resumen: El estudio realizado a base de la comparación de tres importantísimos documentos historiográficos de la época de la Conquista – *Cartas de Relación* de Hernán Cortés, *Historia de la conquista de México (Hispania Victrix)* de Francisco López de Gómara y *Historia verdadera de la conquista de la Nueva España* de Bernal Díaz del Castillo, contrapunto crítico al triunfalismo que se desprende en las dos primeras obras – brinda la posibilidad de seguir el proceso complicado de la selección léxica y penetración de los indigenismos en el vocabulario español, así como las etapas de su asimilación fonética y diversos enfoques para denominar e interpretar las realidades desconocidas. Al mismo tiempo, la coincidencia en el tema y el argumento de las tres obras examinadas permite mostrar las discrepancias en la presentación lingüística del material, debidas a la distinta intención comunicativa de los autores, así como la posibilidad de ilustrar las peculiaridades de diferentes etapas del conocimiento que los españoles iban adquiriendo de la imagen del Nuevo Mundo.

Palabras clave: crónicas de la Conquista; conocimiento del nuevo mundo; préstamos indígenas.

Abstract: The study based on the comparison of three important historiographical documents from the time of the Conquest – *Cartas de Relación* (available as *Letters from Mexico*) by Hernán Cortés, *Historia de la conquista de México (History of the Conquest of Mexico, or Hispania Victrix)* by Francisco López de Gómara and *Historia verdadera de la conquista de la Nueva España (The True History of the Conquest of New Spain)* by Bernal Díaz del Castillo – offers the possibility of following the complicated process of lexical selection and penetration of indigenous words in the Spanish vocabulary, as well as the stages of their phonetic assimilation and various approaches to name and interpret unknown realities. At the same time, the coincidence in the theme and subject of three chronicles allows for showing the discrepancies in the linguistic presentation of the material, due to the different communicative intention of the authors, and to observe the essential variability in the linguistic world-image of the newly discovered continent.

Keywords: chronicles of the Conquest; cognition of a new world; indigenous loanwords.

Открытие Нового Света, как известно, началось с жесткого столкновения двух кардинально различных миров, двух противоположных культур.

¹ Россия. Кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии СПбГУ, elenazernova@mail.ru

тур. Вместе с тем, как справедливо отмечал В. Б. Земсков, это была ситуация не только столкновения, но и — через драму столкновения — *встречи*, пусть и не добровольного, но взаимного культурного узнавания и взаимопроникновения встретившихся миров. В итоге, если говорить о культурном аспекте взаимодействия, это была хотя и драматическая, но *диалогическая* ситуация².

Американский континент предстал взору европейца как нечто совершенно новое и неизведанное. Испанцы не переставали удивляться особенностям пейзажа, невиданным животным, необычным людям — всем тем реалиям, которые надо было каким-то образом обозначить «по-европейски». Ведь в Новом Свете европейский человек встретился с обществом, изолированным от мировых связей, и принять это общество в любом из его аспектов, в том числе и лингвистическом, было крайне непросто.

Постепенно стала складываться историография местной действительности. Сначала это были дневники мореплавателей, открывавших новые земли, затем великие хроники покорителей, захватывавших новые территории, и наконец — религиозная история (ведь завоевание осуществлялось с помощью католицизма и ради насаждения католицизма), пережитая и поведанная нам францисканцами, доминиканцами и иезуитами. Авторы хроник и трактатов о Новом Свете, начиная с писем Колумба, постепенно создавали картину нового мира, и лингвистический аспект открытия новой действительности состоял прежде всего в стремлении обозначить новые предметы и явления соответствующими именами. Впрочем, сначала имена подобрать не удавалось, ибо неизвестны были до того времени сами денотаты.

Именно Колумбу принадлежат слова, которые затем многократно повторяются в хрониках испанской Конкисты. Мореплаватель заявил, что для «вещей», которые он обнаружил в «Индиях», он не может подобрать названий, ибо ничего подобного в Европе нет.

Один за другим первооткрыватели новых земель признаются в своем бессилии адекватно обозначить и представить объекты диковинной реальности:

Y después ha árboles de mill maneras... que yo estoy el más penado del mundo de no los cognoscer. (Колумб)

En los dichos mercados se venden todas cuantas cosas se hallan en toda la tierra... y aun por no saber poner los nombres, no las expreso. (Кортес)

² Земсков В., *Образ России в современной мире и другие сюжеты*, М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015, 352.

... y otros pájaros que tienen la pluma de cinco colores, que es verde y colorado y blanco y amarillo y azul, éstos no sé cómo se llaman. (Диас дель Кастильо).

Конечная цель, которую ставят перед собой испанцы: наиболее точно обозначить новые явления и познакомить с ними европейцев. Когда она достигалась, знакомство с реалиями можно было считать завершённым. Как следствие, испанский язык «американизировался», а Америка с появлением на этом континенте новых существ, обычаев и верований «испанизировалась».

Однако изначально испанцы делают все возможное, чтобы не прибегать к помощи «варварских» языков. Поэтому в Хрониках мы встречаем большое количество пространных описаний новых явлений, где индейские лексемы не используются. Невиданные представители животного мира описываются чрезвычайно детально, с подробным указанием их размера, телосложения, физиологических особенностей, окраски шерсти, вкуса мяса и т. д., но при этом номинация как таковая отсутствует. Нередки случаи, когда описанное в мельчайших подробностях, но не названное животное в дальнейшем так и не идентифицировалось, навсегда превратившись в одну из загадок таинственных земель:

Críase asimismo un animalejo de hechura de un venado, que se sustenta o mantiene en tierra y habita en el agua; es patihendido y estercola como venado; tiene el hocico o cara de hechura como la cabra, aunque más chata; las orejas pequeñas, como de lebre; tiene dientes y muelas altas y bajas, las piernas y brazos cortos, ancho de pecho y lomos como un verraco grande; la cola que casi solamente se señala; el pelo muy corto y bermejo, cómese su carne; es duro de cocer; el gusto tiene de pescado; no se aparta mucho de la ribera de los ríos. (Педро де Агуадо)

Представляя читателю новый мир, хронисты упорно пытаются найти эквиваленты в лексической системе испанского языка даже тогда, когда это явно «притянута за уши». «Высадившиеся в Америке испанцы имели обыкновение давать европейское наименование новому для них животному; именно так пожаловали они страшное имя льва (который сразу вызывает представление о величии и силе, свойственной этому царю зверей) жалкой кошке, называемой также пумой, которая бросается в бегство, едва завидев собак, а ягуару наших лесов пожаловали имя тигра», — писал Сармьенто³. Добавим к этому наблюдению другие устойчивые замены индейских лексем испанскими, фиксируемые в хрониках конкисты: lagarto вместо caimán, culebra или sierpe вместо iguana, pimienta вместо ají, pera вместо aguacate, hojas secas вместо tabaco, redes de algodón вместо hamacas и т. д.

³ Domingo Faustino Sarmiento, *Facundo o Civilización y barbarie en las pampas argentinas*, Santiago: 1845, 57.

Однако в конечном итоге сопротивление «варварскому» воздействию было сломлено, и испанцам пришлось осознать, что обойтись внутренними ресурсами родного языка им не удастся. Началось проникновение в испанский язык индейской лексики.

Различные хроники конкисты демонстрируют разный подход к обозначению и толкованию неизвестных реалий, различные пути проникновения индихенизмов в испанский словарный фонд и ступени их фонетической адаптации. В этом смысле особый интерес для лингвиста представляет сравнение текстов, обладающих тематическим и сюжетным сходством, но при этом демонстрирующих несовпадение прагматической интенции повествований, что, в свою очередь, ведет к различиям в лингвистической подаче материала. Рассмотрим эти различия на примере сопоставительного анализа текстов трех важнейших памятников конкисты.

Первый текст, к которому мы обратимся — это хроника Франсиско Лопеса де Гомара «Hispania Victrix».

Франсиско Лонес де Гомара, родившийся предположительно в 1510 г., не был участником конкисты и не посещал Нового Света. Находясь с 1540 г. на службе в качестве капеллана у Эрнана Кортеса, вернувшегося к тому времени в Испанию и получившего титул маркиза дель Валье, он, дабы угодить своему покровителю и благодетелю, начинает записывать со слов Кортеса и других непосредственных участников событий историю завоевания Новой Испании. В 1552 г. публикуются две части его хроники с посвящением первая («Всеобщая история Индий») — королю и вторая («Хроника завоевания Новой Испании») — Мартину Кортесу, сыну и наследнику конкистадора. Читатели принимают книгу с огромным интересом. Она несколько раз переиздается, переводится на итальянский, французский и латинский языки. Но одновременно книга становится объектом жесточайшей критики со стороны других историографов, прежде всего участников походов Кортеса, за обилие фактических ошибок и неверных интерпретаций событий. Известно, что именно «Завоевание Новой Испании» побудило взяться за перо Берналя Диаса дель Кастильо, написавшего «Правдивую историю завоевания Новой Испании», само заглавие которой содержит элемент полемики с Гомарой. Слава и успех сопутствовали Гомаре недолго. Уже в ноябре 1553 г. по решению Совета Индий именем принца дона Фелипе издается указ, в соответствии с которым изымаются из употребления все существующие экземпляры книги, а также налагается штраф в 200 тыс. мараведи на все попытки ее продажи и переиздания⁴. С появлением летописей Бартоломе де лас Касаса и Берналя Диаса дель Кастильо о хронике Гомары забывают, хотя в XVIII и XIX вв. предпринимаются попытки ее возрождения, о чем

⁴ *Biblioteca de autores españoles*, Madrid: 1852, t. XXII, 14.

свидетельствуют публикации в ряде авторитетных изданий. В настоящее время текстом хроники пользуются историки, этнографы, культурологи, исследующие процесс колонизации Америки.

Оставляя в стороне литературные достоинства “Hispania Victrix”, попытаемся определить, чем это произведение может привлечь внимание лингвиста.

Как известно, до нас дошли Письма-реляции (*Cartas de Relación*) Эрнана Кортеса (1485–1547) королю Испании (и это второй из сравниваемых текстов), содержащие отчет руководителя экспедиции о ходе военных действий. Их пять, они датируются предположительно 1519–1526 гг. и описывают завоевание Новой Испании. Во второй части своей книги Гомара излагает те же события и в той же интерпретации, что и Кортес в Письмах (в отличие, например, от Бернала Диаса, который кардинально меняет акценты). Некоторые фрагменты хроники Гомары почти буквально совпадают с фрагментами Писем. Поэтому сравнение языка этих двух памятников и выявление на его основе сходств и различий по определенным параметрам позволяют наиболее адекватно дифференцировать этапы освоения испанцами новой американской действительности в ее лингвистическом аспекте. Прежде всего это касается, разумеется, индейской лексики. В ее использовании в том и другом тексте достаточно четко определились принципиально различные подходы к обозначению и толкованию новых реалий.

В своих Письмах к императору Кортес предстает перед нами, прежде всего, как верноподданный, превыше всего ставящий заботу о благе короля и отечества, открывающий и покоряющий во славу могущества своей родины новые, неизведанные и сказочно богатые земли. Его задача, как и цель других первопроходцев, — создание общей картины необыкновенного мира, поражающего воображение конкистадоров. Незнакомые, трудные для европейского восприятия индейские слова не должны отвлекать читателя от основной идеи повествования. Да и сам Кортес вовсе не стремится вникнуть в их значение и дать всему свое название, о чем свидетельствуют высказывания типа: ... rog por saber los nombres no los expreso⁵. Поэтому при рассказе о реалиях индейской действительности Кортес сводит до минимума использование местных обозначений, оформляя описание в подавляющем большинстве случаев с помощью испанской лексики. Небезынтересно отметить, что в комментариях к Письмам издатели «Библиотеки испанских авторов» считают своим долгом в ряде случаев уточнить наблюдения Кортеса, указывая на особенности американской флоры и фауны и заменяя при этом испанские лексемы индейскими эквивалентами⁶.

⁵ Hernán Cortés, *Cartas de relación*, — *Biblioteca de autores españoles*, t. XXII, 32b.

⁶ *Ibid*, 66a.

Неверно было бы утверждать, что Кортес полностью отказывается от использования индихенизмов. Они фигурируют в Письмах, но их количество сведено до минимума, кроме того, все это слова антильского происхождения, достаточно рано усвоенные в пиренейской среде и к моменту начала завоевания Мексики уже, очевидно, прочно внедрившиеся в испанский словарный фонд. Так, индейские лексемы сапоа, maíz, cacique, как известно, зафиксированы уже в словаре Антонио де Небрихи (1493). Приблизительно к тому же времени относится проникновение в общеиспанский язык таких слов, как ají, tomate, hamasa и некоторых других. Кстати, в Письмах они приводятся без каких-либо пояснений, что еще раз свидетельствует о том, что значение их известно и автору, и адресату. Несколько индихенизмов снабжены кратким толкованием с опорой на испанскую лексему: *iguanas que son unos grandes lagartos*. Такова в общем виде картина функционирования индихенизмов в Письмах Кортеса.

Хроника Гомары, созданная четверть века спустя после описываемых в ней событий, разумеется, отражает более детальное знакомство завоевателей с американской действительностью и с индейскими языками. Помимо этого, в ней явно ощущается стремление автора компенсировать отсутствие собственного опыта и, как следствие этого, недостаточную осведомленность углублением в детали, повышенным вниманием к частностям. Индихенизмы он вводит в текст своего повествования несравнимо шире и свободнее, чем Кортес. Можно говорить о том, что в ряде случаев использование индейской лексики носит у Гомары неоправданный, избыточный характер.

При этом, взяв на себя роль толкователя и популяризатора реалий Нового Света (ведь книга Гомары, в отличие от Писем Кортеса, обращена к широкому читателю), автор пытается объяснить значение подавляющего большинства индейских слов, в том числе уже хорошо известных испанцам к середине XVI в., как упомянутые сапоа, maíz, ají и др.

В отличие от Кортеса Гомара почти всегда разворачивает и конкретизирует описание флоры и фауны, фиксируя при этом внимание на индейском наименовании. В ряде случаев, как бы желая подчеркнуть свою осведомленность и знание индейской лексики, автор применяет два обозначения для одного понятия: первое — арауак-карибского происхождения, известное испанцам со времен завоевания Кубы, второе — «новое», из языка науатль: *Hay muchas sierpes, que llaman en las islas iguanas, y en esta tierra cuauhcuezpaltec* («Там много змей, которые на островах называют игуанами, а на этих землях куаукуэспальтепек»).

Изучение функционирования индихенизмов в испанском языке свидетельствует о том, что в случаях полного совпадения денотатов новые ин-

дейские термины чрезвычайно редко вытесняют уже применяемые в речи лексемы антильского происхождения⁷. Не случайно поэтому, что лексема *cuauhcuezpaltes*, к тому же весьма трудно произносимая, не зафиксирована в известных нам словарях американизмов, т. е., судя по всему, не превратилась в факт языка, хотя вполне могла быть фактом речи испанцев в начальный период колонизации Америки.

Впрочем, в книге Гомары индейских слов, которые больше не встретились ни в одной из исследованных хроник и документов XVI–XVII вв. и не отмечены в словарях американизмов, мы обнаруживаем достаточно много. Идет ли речь о случайной лексеме, запомнившейся в такой фонетической форме кому-либо из тех, чьи рассказы служили основой для создания хроники, или это одно из слов малого радиуса распространения, так или иначе ряд индихенизмов из текста “*Hispania Victrix*” являются единичными словоупотреблениями, не нашедшими подтверждения в других документах эпохи. Очевидно, часть их можно отнести к числу фактических ошибок, за которые критиковали Гомару его современники, но в целом употребление этих лексем, несомненно, представляет интерес, поскольку выявляет довольно значительное число индейских слов, которые испанский язык не принял, отверг, хотя, возможно, на начальном этапе освоения индейской лексики они в той или иной степени получили распространение: ведь не случайно очевидцы событий длительное время хранили в памяти эти слова, довели их до сведения Гомары, а тот в свою очередь счел необходимым включить их в свое повествование.

Благодаря тому что Франсиско Лопес де Гомара стремится максимально детально (пусть и не всегда достоверно) отразить все, что ему удалось почерпнуть из рассказов конкистадоров, его хроника может служить ценным источником для сбора дополнительного материала, позволяющего проследить сложный процесс отбора индейской лексики, пути ее проникновения в испанский словарный фонд, а также ступени ее фонетической адаптации.

Наконец, еще один величайший хронист эпохи завоевания Нового Света, Берналь Диас дель Кастильо (1496–1584), в качестве солдата попал в Мексику вместе с Эрнаном Кортесом, однако к написанию своей «Правдивой истории завоевания Новой Испании»⁸ приступил лишь после знакомства с хроникой Гомары, в 1560 г. Труд Берналя Диаса воспринимается

⁷ Еще Агустин де Сарате в своей хронике отмечал, что индейцы кечуа, общаясь с конкистадорами, начинали использовать в своей речи слова незнакомого им ранее арауак-карибского наречия вместо своих исконных (*casique* вместо равнозначного *sigasa*; *maíz* вместо *zaga* и т. п.): Agustín de Zarate, “*Historia del descubrimiento y conquista de la provincia del Perú y de las guerras y cosas señaladas en ella*”. *Biblioteca de autores españoles*, t. XXVI, 470B.

⁸ Bernal Díaz del Castillo, *Historia verdadera de la conquista de la Nueva España*, Madrid: Instituto Gonzalo Fernández de Oviedo, 1982.

как критический контрапункт триумфализму, которым пронизаны произведения Кортеса и Гомары. Возмущенный недостоверной интерпретацией и многочисленными ошибками Гомары, полемизируя с официальной историографией, он простым разговорным языком пишет о подробностях военного похода, при этом не переоценивая Кортеса и его соратников. Задача, которую он перед собой ставит, — максимально правдиво рассказать о событиях, свидетелем которых он был, и продемонстрировать, что каждый солдат, сражавшийся под руководством Кортеса, имеет право разделить с последним воинскую славу.

Последовательно и настойчиво Берналь Диас развенчивает мифы и устоявшиеся стереотипы. Так, в ответ на утверждение Кортеса (а вслед за ним и Гомары) о том, что в самых ожесточенных битвах с ацтеками на поле боя чудесным образом являлся святой Иаков на белом коне, который вел испанцев к победе, хронист замечает: я там был и ничего подобного не заметил.

Столь же правдив и педантично достоверен Берналь Диас и при введении в свое описание индихенизмов (всего в хронике их насчитывается 90). Он не только подробно описывает соответствующий денотат, но и предлагает варианты его лингвистического обозначения в различных диалектах языка науатль, нередко параллельно приводя испанский синоним или уже освоенную испанцами лексему из языка таино:

...pusieron en el suelo unas esteras, que en esta tierra llaman petates.
 ...iba a ver sus acales, que en lengua de indios ansí llaman a los navíos.
 ...que en aquellas partes a las canoas grandes llaman piraguas.

Исследователи хроники Берналя Диаса дель Кастильо отмечают практическое отсутствие ошибок при интерпретации индейских реалий и адекватное употребление индейских заимствований. Разумеется, немаловажную роль в таком знании языковой действительности сыграл тот факт, что к моменту написания Хроники автор уже более двух десятков лет проживал на территории Новой Испании. Отличаясь необыкновенной памятью, Диас дель Кастильо создал один из самых примечательных и правдивых не только исторических, но и лингвистических документов Конкисты, зафиксировав одновременно более глубокое и достоверное познание испанцами индейской языковой действительности.

Библиография

1. Земсков В., *Образ России в современной мире и другие сюжеты*, М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

2. Domingo Faustino Sarmiento, *Facundo o Civilización y barbarie en las pampas argentinas*, Santiago: 1845, 57.
3. *Biblioteca de autores españoles*, Madrid: 1852, t. XXII, 14.
4. Hernán Cortés, Cartas de relación, *Biblioteca de autores españoles*, t. XXII, 32b.
5. Agustín de Zarate, Historia del descubrimiento y conquista de la provincia del Perú y de las guerras y cosas señaladas en ella. — *Biblioteca de autores españoles*, t. XXVI, 470B.
6. Bernal Díaz del Castillo, *Historia verdadera de la conquista de la Nueva España*. Madrid: Instituto Gonzalo Fernández de Oviedo, 1982.

Логоэпистемы Испании и Латинской Америки в обучении испанскому языку

Logoepistemy of Spain and Latin America in the teaching of the Spanish language

Резюме: В систему иноязычного образования вводятся новые дидактические единицы — логоэпистемы, способствующие повышению как содержательного уровня обучения, так и мотивации к изучению иностранного языка. Культурно-историческая информация об Испании и Латинской Америке, отраженная в единицах языка, рассматривается как элемент учебного материала при обучении испанскому языку.

Ключевые слова: логоэпистема; дидактическая единица; содержание обучения; компетенции обучающихся.

Abstract: The system of foreign language teaching has brought in new didactic items such as idioms which boost both content level of learning and motivation for language learning. Historical and cultural information about Spain and Latin America showing up in language items is considered to be a pattern of the material applied in Spanish language teaching.

Key words: idioms; didactic item; learning content; motivation, students skills.

Нет ничего более скучного при изучении иностранного языка, даже такого привлекательного, как испанский, если преподаватель не использует методы и приемы обучения, мотивирующие к изучению данного предмета. На начальном этапе мы применяем игровые формы обучения, на более старшем к ним добавляются приемы, обращенные к содержательной стороне языка, т. е. такие, которые содержат страноведческие сведения об Испании и Латинской Америке, географии, истории, традициях этих стран, т. е., как говорит образовательный стандарт, формируем социокультурную, лингвокультурологическую и учебно-познавательную компетенции обучающихся.

В этой связи большую мотивирующую роль играют логоэпистемы. Этот термин взят в дидактику иноязычного образования из лингвокультурологии и предполагает знание, хранимое в единицах языка, «языковое выражение закрепленного общественно-культурной памятью следа от-

¹ Эман Мария Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, гр. РФ.

ражения действительности в сознании человека в результате постижения (или создания) им духовных ценностей отечественной и мировой культур»^{2*}. В лингвокультурологии используются также термины «культурема» и «языковая реалия», и связаны они с кумулятивной функцией языка, при которой язык выступает как средство хранения культурно-исторической информации. Логоэпистемы, которые мы рассматриваем как дидактические единицы, включают в себя элементы речевого поведения человека, способы взаимодействия культуры и языка, речевой этикет и рассматривают текст как единицу культуры. Становясь элементами содержания учебного материала, т. е. дидактическими единицами, логоэпистемы оптимизируют процесс обучения испанскому языку не только за счет активной мотивации. Они позволяют применять обобщение в текущей учебной работе на каждом занятии, устанавливая логические связи и выявлять межпредметные связи.

К логоэпистемам относятся пословицы, поговорки, скороговорки, загадки, фразеологизмы, эпонимы/антропонимы, топонимы, урбанонимы, эрратонимы, молодежный и профессиональный жаргоны, заимствования.

К предикативным логоэпистемам, т. е. имеющим форму законченного высказывания, относятся пословицы и поговорки. Например, изучение темы «Зачем я изучаю испанский язык?» можно начать с пословицы: «La lengua española es pura como el oro y sonora como la plata», которую можно использовать как средство совершенствования фонетической стороны речи (устранение редукции безударной [o]). Более интересным получится разговор о столице Испании, если мы начнем его с образного выражения «De Madrid — al cielo». Пословицы и поговорки с успехом могут использоваться при обучении грамматическим структурам: например при изучении повелительного наклонения,

No te alabes antes que acabes.

Júntate a los buenos y serás uno de ellos.

Dime con quien andas y te diré quien eres.

Мы рекомендуем использовать пословицы в качестве обобщения прочитанного/прослушанного текста, беседы, дискуссии (например, какая пословица выражает идею сказки «La bella y el monstruo»? — «Las apariencias engañan», «Haz el bien sin mirar a quien», «Educación y buenos modales abren las puertas principales»). При использовании поговорок и пословиц преподаватель дает задание найти соответствия в русском языке.

² Караулов Ю. Н., *Русский язык и языковая личность*. М., 1987, 9.

Непредикативные логоэпистемы (фразеологизмы, прецедентные имена — эпонимы, антропонимы) используются при обучении лексике и фразеологии. Например, un belén (от «Вифлеем» — инсталляция, изображающая Поклонение волхвов) или santiaguarse — «принять крещение» (от Santiago, апостола Якова), un senequito («умный ребенок», от имени философа Сенеки). Большой интерес вызывает у обучающихся происхождение слов, таких как, например, «hidalgo» — hijo de alguien; «campo», от лат. campus; «compañía», от лат. cum panis. При изучении тем «Nombre visto por dentro y por fuera», «Modas», «Vida sana», «Compras» используем такие интересные слова и выражения, как «piononos» (пирожные, напоминающие папский головной убор, от «Papá Pío X, Papa Nono»); leotardo (легинсы, плотные колготки, от «Leotard», acrobata francés); «rebeca» (героиня известного фильма Хичкока — Ребекка — носила длинные вязаные кофты); katiuskas (высокие женские сапожки у русской героини сарсуэлы «katiuska»); «cuero danone» (спортивная фигура), «michelines» (излишние «округлости», напоминающие автомобильные шины). При обсуждении возможно использование венесуэльской поговорки — «El mono aunque se vista de seda, mono se queda»³.

Литературный материал остается средством культурного развития и мотивации к изучению испанского языка. Так, «quijotada» (донкихотство, благородно-идеалистическое поведение), «picaresca» (не только как «плутовской роман», но и в значении «происшествие» — «La picaresca que ha pasado conmigo») быстро запоминаются и включаются в лексический запас обучающихся. Литературный фрагмент может служить средством обучения не только лексике, но и грамматике. Возьмем, к примеру, два небольших произведения Ф. Г. Лорки:

«Si muero, dejad el balcón abierto...».

«Cuando yo me muera, enerradme con mi guitarra...».

В первом случае тренируем условные придаточные (нет Subjuntivo), во втором — придаточное времени, которое предполагает использование modo Subjuntivo. Или:

*Si tú oyeras a la amarga adelfa sollozar,
¿qué harías, amor mío? — ¡Suspirar!*

³ Енина И. В., «Использование поговорок и поговорок на уроках испанского языка» // *Иностранные языки в школе*, 2017, № 8, 50.

Это стихотворение позволит усвоить также употребление времен в условных предложениях второго периода.

Песенный материал также может служить источником интересного страноведческого материала. Об истории открытия Америки можно узнать из песни Мекано «Cristóbal Colón», о предрассудках и суевериях испанцев — из песни Маноло Тена «Tocar la madera», о революции в Боливии — из песни «El Libertador», яркий образ Колумбии предстает в песне Шакиры «La bicicleta», испанские поговорки отражены в песне Калигари «Malditos refranes».

Среди старшеклассников всегда есть ребята, которые интересуются историей стран изучаемого языка и собираются связать с ней свою будущую профессию. Весьма привлекательным для них будет изучение фразеологических единиц, отражающих связь языка и истории. «Más se perdió en Cuba» (в значении — «Еще и не такое бывало»). Эта поговорка появилась, как известно, после испано-американской войны 1898 г., в результате которой Испания вынуждена была уступить последние колониальные владения. Куба была особенно ощутимой потерей. Фразеологическое словосочетание «vérselo a uno el plumero», т. е. «обнаружить свои истинные намерения», «выдать себя», относит нас к событиям революции 1820–1823 гг. Революционная национальная милиция носила султан из перьев на воинском шлеме («Se le ve el plumero» — «Он сам себя разоблачил»). Фразеологизм «tonto de capirote» или «tonto de remate» — «болван», «дурак набитый» некоторые связывают с традицией, которая существовала в школах Испании в XIX в.: провинившегося, напроказившего ученика заставляли надевать дурацкий колпак⁴.

Таким образом, использование логоэпистем как дидактических единиц способствует созданию высокого содержательного уровня обучения, требует от обучающихся не механического запоминания, а осмысленного усвоения языкового и речевого материала.

Библиография

1. Караулов Ю. Н., *Русский язык и языковая личность*. М., 1987.
2. Енина И. В., «Использование пословиц и поговорок на уроках испанского языка» // *Иностранные языки в школе*. 2017. № 8. С. 50.
3. Шашков Ю. А., *Человек и его имя в испанской фразеологии*. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2000.

⁴ Шашков Ю. А. «Человек и его имя в испанской фразеологии». — СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2000. С. 22–27.

НЕРАВЕНСТВО И БЕДНОСТЬ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Mikhail Krasnov¹

Algunas tendencias del desarrollo socio-demográfico de Colombia a principios del siglo XXI (en comparación con Rusia)

Some trends of the socio-demographic development of Colombia at the beginning of the 21st century (in comparison with Russia)

Resumen: Utilizando la información suministrada por los departamentos estadísticos de Colombia y Rusia se realizó un análisis comparativo de las tendencias de desarrollo sociodemográfico de ambos países.

La reducción basal en la pirámide de edad poblacional en Colombia de la última década es sistemática y refleja la tendencia de transición del país a una fase de reproducción simple de la población. Las consecuencias de la urbanización para la estructura de edad de la población rural de Colombia y Rusia consisten en la reducción del porcentaje de los grupos de edad media, que reflejan la migración acelerada de la población rural en la edad laboral más activa hacia las ciudades.

La transición al estilo de vida urbano moderno ha traído problemas demográficos y ha reforzado la desigualdad socioeconómica entre personas, entre regiones y entre ciudad y el campo. Se comparan los índices de desigualdad y estructura de los gastos en los dos países. Se revela la desigualdad “exorbitante” de la población colombiana respecto a ingresos promedios per capita, mostrando diferencias esenciales entre la ciudad y el campo en el suministro de servicios públicos y productos no comestibles a la población. Se determina que este nivel de desigualdad socioeconómico en Colombia refleja un problema significativo de los países en desarrollo activo, el cual consiste en la desproporción de la modernización entre regiones y en general entre campo y ciudad; reflejando el atraso en el ritmo de desarrollo social en comparación con el desarrollo económico del país.

Al mismo tiempo se revela que la estructura de los gastos para el consumo final en Colombia es suficientemente estable y más equilibrada que en Rusia, determinado en

¹ Rusia. Posgraduado de la Universidad Estatal de Sarátov, (superlosik@mail.ru).

particular por el bajo porcentaje de gastos en alimentación y elevado porcentaje en tiempo libre, educación y salud.

Palabras claves: Estructura de edad de la población; transición demográfica; calidad de la vida; desigualdad; modernización social.

Abstract: Using the information provided by the statistical departments of Colombia and Russia, a comparative analysis of the sociodemographic development trends of both countries was carried out.

The reduction of the base of the population pyramid in Colombia of the last decade is systematic and reflects the tendency of transition to a simple reproduction phase of the population in the country. The consequences of urbanization for the age structure of the rural population of Colombia and Russia consist in a reduction in the percentage of the middle age groups, which reflects the accelerated migration of the rural population in the most active working age to the cities.

The transition to the modern urban lifestyle has brought demographic problems and has reinforced the socioeconomic inequality between people, between regions and between the city and the countryside. The indices of inequality and structure of expenditures in the two countries are compared. It reveals the “exorbitant” inequality of the Colombian population with respect to average income per capita, showing essential differences between the city and the countryside in the provision of public services and inedible products to the population. It is determined that this level of socioeconomic inequality in Colombia reflects a significant problem of the active developing countries, which consists of the disproportion of modernization between regions and, in general, between the countryside and the city; reflecting the backwardness in the pace of social development compared to the economic development of the country.

At the same time it is revealed that the structure of expenditures for final consumption in Colombia is sufficiently stable and more balanced than in Russia, determined in particular by the low percentage of expenditure on food and high percentage of free time, education and health.

Keywords: Age structure of the population; demographic transition; living standards; inequality; social modernization.

A pesar de evidentes diferencias en las dinámicas socio-demográficas de Colombia y Rusia, ambos países atraviesan las mismas etapas de desarrollo simultáneamente o con cierto retraso de tiempo.

En Rusia, la transición demográfica al tipo moderno de reproducción de la población se llevó a cabo en los años 1960-1980. Se caracteriza por una baja fertilidad y baja mortalidad, envejecimiento de población, una reproducción reducida, en la que la población continúa creciendo por inercia debido al aumento de la esperanza de vida, etc. Estos procesos se reflejan en la forma de una pirámide de edad deformada.

En cuanto a Colombia, a juzgar por las apariencias: el crecimiento continuo de la población y el dominio de su juventud en su estructura de edad, no se puede

hablar todavía de la transición demográfica. Sin embargo, la pirámide de edad muestra que no todo es tan inequívoco.

Examinaremos las pirámides de edad de la población de Colombia y Rusia (Fig. 1).

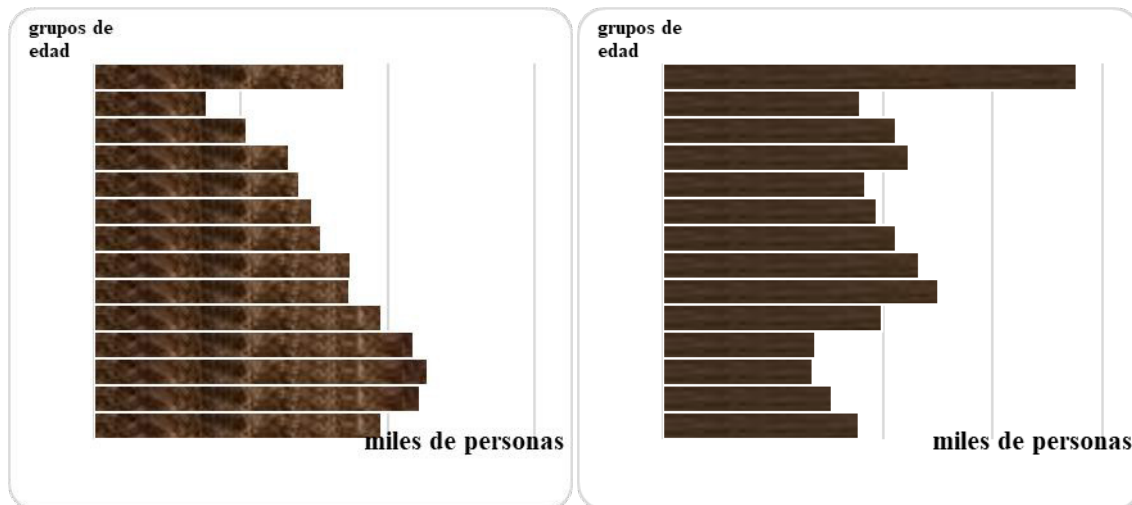

Fig. 1. Las pirámides de edad de Colombia (2013) y Rusia (01.01.2014)²

La pérdida de población durante la Segunda Guerra Mundial en Rusia se reproduce cada 25 años ya durante 3 generaciones posteriores a la guerra, formando saltos característicos en la pirámide de edad de la población rusa. Si allanamos mentalmente estos saltos obtendremos una pirámide típica para una sociedad urbana moderna que se estrecha de arriba hacia abajo. Cada nueva generación solo reproduce parcialmente la generación paterna.

La estructura de edad de la población de Colombia parece menos deformada. Comparando la diferencia entre los tamaños de grupos de edad correspondientes en ambas pirámides de edad (Tabla 1), podemos estimar numéricamente qué tan fuerte es el desplazamiento de la pirámide rusa hacia los grupos de edad de los mayores.

Sin embargo, a juzgar por la forma de la parte inferior de la pirámide colombiana, en Colombia a principios del siglo XXI se iniciaron los mismos procesos que comenzaron en Rusia en la década de 1960. Por primera vez dos grupos de edad seguidos (de 0-4 y de 5-9 años) van con la reducción del número y el último grupo en orden cronológica (de 0-4 años), con la reducción acelerada. La reducción (o más bien la suspensión del crecimiento) tenía lugar sólo una vez cuando el número actual de personas de 25 a 29 años era un poco menos que el número del grupo que

² DANE: Departamento Administrativo Nacional de Estadística, Encuesta de Calidad de Vida 2013, Anexos: cuadro 17, 2014, en <http://www.dane.gov.co/index.php/estadisticas-por-tema/salud/calidad-de-vida-ecv/encuesta-nacional-de-calidad-de-vida-2013>, (consultado el 12.05.2017); Российский статистический ежегодник. 2014 / Росстат. — М., 2014, 71.

Estructura de edad en Colombia en 2013 y en Rusia el 01.01.2014³

Grupos de edad	Colombia, en total	Rusia, en total	Diferencia, %
0-4	8,4	6,2	2,2
5-9	9,5	5,3	4,2
10-14	9,7	4,7	5,0
15-19	9,3	4,8	4,5
20-24	8,4	6,9	1,5
25-29	7,4	8,7	-1,3
30-34	7,5	8,1	-0,6
35-39	6,6	7,4	-0,8
40-44	6,4	6,8	-0,4
45-49	6,0	6,4	-0,4
50-54	5,7	7,8	-2,1
55-59	4,4	7,4	-3,0
60-64	3,3	6,3	-3,0
65 y más	7,4	13,1	-5,7
Total	100,0	100,0	0,0

precede, de 30 a 34 años, aunque la tendencia de reducción no se ha confirmado; en el período siguiente de cinco años (20 a 24 años) esta población se reprodujo de sobremanera. La reducción en la etapa moderna dura mucho más tiempo, 10 años, y tiene, aparentemente, un carácter sistemático.

El análisis más detallado de la estructura de la pirámide de edad también está a favor de esta conclusión. Dado que la «generaciones de padres» están separadas de «generaciones de niños» por unos 20-30 años, en el contexto de grupos quinquenales resulta que los padres actuales de niños de 0-4 años pertenecen a la generación de la gente de 20-29 años de edad, y los padres de niños de 5-9 años — a la generación de los de 25-34 años de edad. Un análisis visual simple muestra que la generación más pequeña de personas de 25-34 años de edad produjo más niños que la generación más numerosa de 20-30 años. Mientras antes de los años 2000 cada generación, entrando a la edad activa de la procreación, se reproducía con expansión, en los últimos 10-15 años, la siguiente «generación de padres» numéricamente se repitió en la «generación de niños» o incluso se reprodujo con un ligero estrechamiento.

En general, durante el período de 2002 al 2012 el tamaño medio de la familia en Colombia disminuyó en un 15%, de 4,1 a 3,5 personas. En el contexto de los departamentos las familias más pequeñas, como era de esperar, están en la ciudad más grande, en Bogotá: 3,2 personas (en 2002 fueron 3,8). Se puede ver que el índice del tamaño de la familia en Colombia es bastante alto. Sin embargo, existe una clara

³ *Ibidem.*

tendencia de reducción. En Rusia el índice de tamaño de familia es de 2,6 personas y casi no cambia en los últimos años, lo que evidencia el proceso de transición demográfica completado.

Son interesantes las diferencias en la estructura de edad de la población urbana y rural en Colombia y Rusia (Tabla 2).

Таблица 2

Estructura de edad de la población urbana y rural en Colombia (2013) y en Rusia (01.01.2014)⁴

Grupos de edad	Colombia		Diferencia, %	Rusia		Diferencia, %
	Ciudad	Campo		Ciudad	Campo	
0-4	8,0	9,9	1,9	5,9	6,9	1,0
5-9	8,9	11,5	2,6	5,1	6,1	1,0
10-14	9,2	11,6	2,4	4,5	5,5	1,0
15-19	9,3	9,5	0,2	4,7	5,3	0,6
20-24	8,6	7,8	-0,8	7,3	6,0	-1,3
25-29	7,8	6,3	-1,5	9,0	7,8	-1,2
30-34	7,9	6,2	-1,7	8,5	7,0	-1,5
35-39	6,8	6,0	-0,8	7,6	6,6	-1,0
40-44	6,4	6,2	-0,2	6,9	6,4	-0,5
45-49	6,1	5,6	-0,5	6,3	6,7	0,4
50-54	5,9	4,8	-1,1	7,6	8,3	0,7
55-59	4,6	3,8	-0,8	7,3	7,8	0,5
60-64	3,3	3,2	-0,1	6,3	6,1	-0,2
65 y más	7,3	7,6	0,3	13,0	13,5	0,5
Total	100,0	100,0	0,0	100,0	100,0	0,0

En la estructura de edad de la población rural en comparación con la población urbana tanto en Colombia como en Rusia se observa una deficiencia considerable en los grupos de 25-34 años. En parte, esto se explica por la mayor tasa de natalidad en las zonas rurales. Pero la razón principal es la migración activa de la población rural hacia las ciudades.

La transición al estilo de vida moderno urbano no solo conlleva problemas demográficos, sino también el fortalecimiento de desigualdades socioeconómicas entre las personas, entre las regiones y entre las zonas urbanas y rurales como tales.

La desigualdad socioeconómica en la forma más general se calcula mediante el indicador de ingreso per cápita promedio. Como la característica formal de la desigualdad en los departamentos de estadística en muchos países se utiliza el índice de Gini (índice de concentración del ingreso que varía entre 0 y 1: cuanto mayor es, mayor es la desigualdad: la estratificación de la población por el ingreso, la concentración de la riqueza en pocas manos). En Colombia el valor del índice

⁴ *Ibidem.*

de Gini fluctuó en 2002-2010 entre 0,554 y 0,572. A continuación, se observó una disminución: de 0,560 en 2010 a 0,522 en 2015. A pesar de la tendencia de disminución en los últimos años, el índice de Gini sigue siendo muy alto, que es típico para América Latina, y refleja una situación en la que el desarrollo social no llega a tiempo con el desarrollo económico. El rápido desarrollo de la economía y su modernización están acompañados por un aumento de problemas sociales causados por el aumento de desigualdad. En Rusia el valor del índice de Gini es también muy alto pero sigue siendo más bajo que en Colombia: 0,413 en 2015, el máximo fue 0,423 en 2007.⁵

La desigualdad en la calidad de vida entre la ciudad y el área rural puede ser determinada por las diferencias en la disponibilidad de bienes y servicios básicos para la población (tablas 3 y 4).

Tabla 3

La accesibilidad de servicios públicos a población rural y urbana en Colombia en 2016, % del número total de hogares ⁶

Servicio público	ciudad	Campo
Energía eléctrica	99,7	95,0
Gas natural	78,7	11,9
Acueducto	97,5	60,1
Alcantarillado	93,6	17,3
Recolección de basuras	98,3	27,3

Se puede observar que la accesibilidad de todos los servicios públicos, excepto el servicio de gas natural conectado a la red pública, supera el 90 % por la población urbana, en la población rural vacila entre el 17 y 95 %. El servicio público que tiene mayor accesibilidad es la energía eléctrica, el acceso a esta está presente en casi un 100% en el sector urbano y en más de un 95 % en la población rural. En este último sector el servicio de gas domiciliario con aproximadamente un 12% prácticamente no es accesible a la población rural y en la ciudad solo los 79% tienen acceso a este servicio. Otros tipos de servicios públicos tienen una accesibilidad extremadamente baja especialmente en el campo, tales como alcantarillado y el manejo de residuos sólidos a diferencias del servicio de acueductos, los cuales son accesibles a la mayoría de los habitantes rurales, sin embargo el porcentaje es mucho más bajo, que en la ciudad.

La calidad de vida está determinada también por el método de sustitución de los servicios faltantes. Como ejemplo «en vez» de alcantarillado la mayoría de los

⁵ *Российский статистический ежегодник: Стат. сборник*, Москва, 2010, с.171; 2016, 156.

⁶ DANE: Departamento Administrativo Nacional de Estadística, Encuesta de Calidad de Vida 2016, Anexos: cuadro 7, 2017, en <https://www.dane.gov.co/index.php/estadisticas-por-tema/salud/calidad-de-vida-ecv/encuesta-nacional-de-calidad-de-vida-ecv-2016> (consultado el 12.05.2017).

habitantes rurales (55 %) tienen inodoro conectado a pozo séptico y casi 1/3 (31 %) son hogares con inodoro sin conexión, con letrina o con bajamar. Entre los modos de eliminar basuras de los habitantes rurales la más difundida es la quema (53 %) y 20 % de los hogares simplemente la entierran o tiran a un patio, lote, zanja o baldío.⁷

En conclusión, para la mayoría de servicios públicos la diferencia entre la ciudad y el campo es muy considerable.

Tabla 4

La accesibilidad de productos no comestibles a población rural y urbana en Colombia en 2016, % del número total de hogares⁸

Tecnología	ciudad	campo
Estufa eléctrica o a gas	93,6	71,5
Nevera o refrigerador	89,0	67,0
TV a color convencional	62,6	68,4
TV LCD, plasma o LED	53,4	19,3
Servicio de televisión por suscripción, cable o antena parabólica	79,9	32,6
Máquina lavadora de ropa	70,1	30,7
Equipo de sonido	53,5	31,7
Reproductor de video: DVD, blue ray, otros	38,2	16,2
Cámara fotográfica digital o de video	14,8	2,2
Computador de escritorio	28,7	4,5
Computador portátil	32,7	6,8
Horno microondas	26,3	4,1
Tableta	18,5	3,8

Evidentemente, los dos productos que dispone casi al 100% la población rusa y la de países desarrollados es la estufa eléctrica o de gas para la preparación de comida y el refrigerador, en Colombia son disfrutados por la población urbana entre el 89%-94 % y por el 67-72 % en hogares rurales. Al mismo tiempo, la diferencia entre la accesibilidad de los ciudadanos y los aldeanos a estos dos tipos de bienes es la más pequeña entre todos los tipos de productos no alimenticios.

Los televisores modernos de plasma y LCD, a diferencia de los convencionales, se encuentran en solo el 53% de los hogares urbanos y el 19% de los hogares rurales, es decir, la diferencia es casi 3 veces. Otros bienes de tecnologías «intelectuales» digitales y de otras tecnologías modernas (computadoras, cámaras de video, tabletas), los poseen mucho menos hogares.

⁷ DANE: *Departamento Administrativo Nacional de Estadística*, Encuesta de Calidad de Vida 2013, Anexos: cuadro 7, 2014, en <http://www.dane.gov.co/index.php/estadisticas-por-tema/salud/calidad-de-vida-ecv/encuesta-nacional-de-calidad-de-vida-2013>(consultado el 19.05.2017).

⁸ DANE: *Departamento Administrativo Nacional de Estadística*, Encuesta de Calidad de Vida 2016, Anexos: cuadro 14, 2017, en <https://www.dane.gov.co/index.php/estadisticas-por-tema/salud/calidad-de-vida-ecv/encuesta-nacional-de-calidad-de-vida-ecv-2016>, (consultado el 12.05.2017).

En algunos casos es posible seguir la dinámica de la disponibilidad del mismo tipo de tecnologías, pero de diferentes generaciones: el video walkman y cámaras digitales, computadores de escritorio, computadores portátiles y tabletas, televisores tradicionales, con tecnología de plasma o LED, etc... Se puede ver que en todos los casos la diferencia entre una ciudad y un pueblo en cuanto a la disponibilidad de tecnología moderna es mucho mayor que la anticuada. Esto muestra que en las zonas rurales el proceso de sustitución de modelos anticuados por los de tecnología moderna es más lento que en la ciudad.

Podemos hablar de la diferencia bastante alta en la calidad de vida entre la ciudad y el campo en Colombia, típica para los países que se encuentran en la etapa de modernización.

Los investigadores rusos y colombianos dicen que Rusia y Colombia se caracterizan por una modernización incompleta y parcial.

Así, según García Canclini, durante mucho tiempo la modernización del estilo de vida en Colombia no estuvo acompañada por la industrialización de la economía. García Canclini habla de la hibridación de los estilos de vida tradicional, moderno y posmoderno en Colombia actual y pone en duda la necesidad de estimular la industrialización para continuar la modernización en la actual «época posmoderna».⁹

Los investigadores rusos hablan de un retraso sistémico en los indicadores de calidad de vida, lo que indica que los resultados de modernización y urbanización son significativamente más limitados de lo que comúnmente se cree.¹⁰

Comparemos los indicadores de la estructura del consumo de hogares en ambos países, que demuestran el mayor éxito de la modernización en Colombia y los defectos de la modernización en Rusia. La estructura de gastos en términos monetarios está determinada no solo por tradiciones, preferencias y gustos nacionales, sino también por las capacidades financieras de las personas. Su dinámica nos permite evaluar las tendencias en los cambios de calidad y estilo de vida.

Investigaciones del consumo permiten derivar una serie de regularidades asociadas con la calidad y el estilo de vida. En particular, la prevalencia en la estructura del consumo de gastos en bienes en vez de servicios, la alta participación de gastos en alimentación y poca, en ocio y recreación, reflejan una baja calidad de vida. Los datos en la Tabla 5 muestran un patrón de consumo más equilibrado y más moderno (en términos de modernización del estilo de vida) en Colombia en

⁹ Néstor García Canclini, *Culturas híbridas. Estrategias para entrar y salir de la modernidad*, México, Grijalbo, 1989, 13 — 22.

¹⁰ *Между домом... и домом: Возвратная пространственная мобильность населения России* / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой, Москва, Новый хронограф, 2016, 45-51; Павел Полян, *Территориальные структуры — урбанизация — расселение: Теоретические подходы и методы изучения*, Москва, Новый хронограф, 2014, 263-281.

Tabla 5

Estructura de gastos para el consumo final de los hogares por finalidad, en Rusia y Colombia, %¹¹

Gasto	Rusia			Colombia		
	2001	2012	2012-2001	2001	2012	2012-2001
Total	100	100		100	100	
Alimentos y bebidas no alcohólicas	45,8	30,3	-15,5	19,6	18,2	-1,4
Bebidas alcohólicas, tabaco y estupefacientes	3,6	2,5	-1,1	3,8	3,1	-0,7
Prendas de vestir y calzado	13,6	9,8	-3,8	7,4	6,5	-0,9
Arrendamiento de vivienda, agua, electricidad, gas y otros combustibles	7,1	10,5	3,4	17,6	16,0	-1,6
Muebles y artículos para la conservación ordinaria del hogar	6,1	6,1	0	5,0	4,2	-0,8
Transporte, Comunicaciones	9,1	20,1	11	12,2	16,7	4,5
Educación	1,2	1,2	0	5,7	4,6	-1,1
Salud	2,1	3,3	1,2	3,4	3,0	-0,4
Recreación y cultura, Restaurantes y hoteles	7,3	10,0	2,7	14,7	16,9	2,2
Otros	4,1	6,2	2,1	10,6	10,8	0,2

comparación con Rusia. La tendencia del mejoramiento manifestada en Rusia en 2001-2012, a pesar de su alta tasa, aún no ha conducido a cambios cualitativos en la estructura del consumo, que continúa cediendo a la de Colombia.

Así, el desarrollo socio-demográfico de Colombia y, en particular, de la zona rural se caracteriza por los siguientes factores:

- La estructura de edad de la población colombiana es característica para un período de tránsito demográfico;
- A pesar de los altos índices de la urbanización en Colombia, el flujo migratorio del campo hacia las ciudades continúa, deformando la estructura de edad de la población rural en el país;
- Los altos índices de la desigualdad en cuanto a ingresos, al acceso a servicios públicos, a posesión de productos no comestibles reflejan los problemas de la modernización en Colombia: el atraso de su modernización social de la modernización económica;

¹¹ Para Rusia. 2012: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств (по итогам выборочного обследования домашних хозяйств), Москва, Росстат, 2014, 18; 2001: Российский статистический ежегодник, Москва, Росстат, 2005, 227.

Para Colombia. 2012 y 2001: DANE: Departamento Administrativo Nacional de Estadística, Cuentas nacionales — Cuentas de bienes y servicios — base 2005, Cuadro 11 “Gasto del consumo final de los hogares por finalidad”, 2017, en <http://www.dane.gov.co/index.php/estadisticas-por-tema/cuentas-nacionales/cuentas-nacionales-anales/cuentas-nacionales-cuentas-de-bienes-y-servicios-base-2005#balances-oferta-utilización-base-2005-2000-2015p> consultado el 20.09.2017.

- Al mismo tiempo en Colombia el nivel del consumo en hogares se caracteriza como bastante equilibrado y estable.

Bibliografía

1. DANE: Departamento Administrativo Nacional de Estadística, Cuentas nacionales — Cuentas de bienes y servicios — base 2005, Cuadro 11 “Gasto del consumo final de los hogares por finalidad”, en <http://www.dane.gov.co/index.php/estadisticas-por-tema/cuentas-nacionales/cuentas-nacionales-anales/cuentas-nacionales-cuentas-de-bienes-y-servicios-base-2005#balances-oferta-utilización-base-2005-2000-2015p>, consultado el 20.09.2017.
2. DANE: Departamento Administrativo Nacional de Estadística, Encuesta de Calidad de Vida 2013, Anexos, en <http://www.dane.gov.co/index.php/estadisticas-por-tema/salud/calidad-de-vida-ecv/encuesta-nacional-de-calidad-de-vida-2013>, consultado el 12.05.2017.
3. DANE: Departamento Administrativo Nacional de Estadística, Encuesta de Calidad de Vida 2016, en <https://www.dane.gov.co/index.php/estadisticas-por-tema/salud/calidad-de-vida-ecv/encuesta-nacional-de-calidad-de-vida-ecv-2016>, consultado el 12.05.2017.
4. Néstor García Canclini, *Culturas híbridas. Estrategias para entrar y salir de la modernidad*, México, Grijalbo, 1989.
5. *Между домом... и домом: Возвратная пространственная мобильность населения России* / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой, Москва, Новый хронограф, 2016.
6. Павел Полян, *Территориальные структуры — урбанизация — расселение: Теоретические подходы и методы изучения*, Москва, Новый хронограф, 2014.
7. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств (по итогам выборочного обследования домашних хозяйств), Москва, Росстат, 2014.
8. Российский статистический ежегодник: Стат. сборник, Москва, Росстат, 2005-2016.

Samuel Amador Vázquez¹

Horacio López Muñoz²

Economía Informal en el espacio urbano en Puebla México como consecuencia de las decisiones gubernamentales de política económica de exclusión en el mundo globalizado

Informal Economy in the urban space in Puebla Mexico as a consequence of the governmental decisions of economic policy of exclusion in the globalized world

Resumen: La informalidad se ha convertido en uno de los principales mecanismos de subsistencia para millones de personas en el mundo y México no es la excepción. Generalmente el sector informal desde la década de los 70 ha estado asociado a todas aquellas actividades de baja productividad, cuya finalidad es generar bienes o servicios en pequeña escala y generar ingresos de sobrevivencia más que concentrar ganancias para sus participantes. Dichos bienes o servicios ofertados se caracterizan por requerir un bajo nivel tecnológico, donde los procesos de baja división social del trabajo generan mano de obra intensiva que posee habilidades o niveles de calificación adquiridos fuera de las instituciones educativas formales.

La informalidad económica está presente y toma características diversas tanto en la esfera de la producción como de circulación de Mercancías. Su existencia y desarrollo responde en mucha medida al actuar del Gobierno mediante sus instituciones y políticas. Sucede que en los tiempos modernos la existencia y evolución de este fenómeno se ha multiplicado y diversificado de manera muy notoria y particular en los espacios Urbanos, al grado de pensar que su reproducción es política de Estado. La política de Estado y su gobierno en México pareciera que es la informalización de la formalidad pues sus instituciones en su ejercicio o funcionamiento incurren recurrentemente en estas prácticas. La formalidad se esta informalizando.

Palabras Clave: Economía informal; mercado; comercio ambulante; espacio urbano municipal.

Abstract: Informality has become one of the main livelihood mechanisms for millions of people in the world and Mexico is no exception. Generally, the informal sector since the 70s has been associated with all those activities of low productivity, whose purpose

¹ Profesor Investigador en la Facultad de Derecho y Ciencias Sociales, Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, México. samuel.amador@gmail.com

² Profesor Investigador en la Universidad Politécnica de Tlaxcala, México. horacio.lopez@uptlax.edu.mx

is to generate goods or services on a small scale and generate income for survival rather than concentrating profits for its participants. These goods or services offered are characterized by requiring a low level of technology, where the processes of low social division of labor generate intensive labor that possess skills or qualification levels acquired outside of formal educational institutions.

Economic informality is present and takes on diverse characteristics both in the sphere of production and movement of goods. Its existence and development respond to a great extent to the actions of the Government through its institutions and policies. It happens that in modern times the existence and evolution of this phenomenon has multiplied and diversified in a very noticeable and particular way in urban spaces, to the degree of thinking that its reproduction is State policy. The policy of the State and its government in Mexico seems to be the informalisation of formality, since its institutions in their exercise or operation recurrently incur in these practices. The formality is informalizing.

Keywords: Informal economy; market; street trade; municipal urban space.

1. Modalidad neoliberal del Estado mexicano en el contexto de la Globalización

A lo largo del siglo XX el Estado capitalista manifiesta dos modalidades. No es claro hablar de un Estado keynesiano, desarrollista, de Bienestar o neoliberal, pues en el fondo el Estado sigue siendo capitalista. Cabe entonces hacer la precisión que, efectivamente, aunque hablemos de un Estado capitalista a lo largo del siglo XX y comienzos del XXI, han existido matices o modalidades estatales diferentes, por tanto, es pertinente hablar de una modalidad del Estado capitalista que adquiere forma en políticas: keynesianas, desarrollistas, estructuralistas, benefactoras o neoliberales.

En el caso mexicano, el Estado y gobierno capitalista en su modalidad desarrollista data desde 1940 hasta principios de la década de 1980. Su intervención se caracteriza como administrador y distribuidor de la riqueza mediante una serie de mecanismos entre los que destacan la estatización empresarial que traslada ganancias garantizadas a la clase empresarial en consolidación mediante la fijación de precios de materias primas por debajo de los precios del mercado. Situación que en la modalidad neoliberal se modifica ya que el Estado mexicano mediante su gobierno trasladó no sólo ganancias sino activos y riqueza pública a manos privadas con los procesos de privatización realizados y dirigidos por el mismo. Aunque cabe hacer la precisión que ello no es el único mecanismo con el que cuenta y contó para coadyuvar a los nuevos procesos de acumulación de capital por despojo.

Los cambios establecidos en la modalidad neoliberal, implicaron la construcción de un *nuevo* marco social, económico y político, sujeto a transformaciones formales (jurídico, institucional, entre otras) en las relaciones sociales entre sus actores anteriores y nuevos. La acumulación capitalista en la modalidad neoliberal, no sólo

es una condición objetiva promovida y administrada por el Estado y su gobierno, sino que a su vez involucra la participación de personajes empresariales organizados para lograr dicho objetivo.

La modalidad neoliberal la ubicamos desde 1982 con la llegada de Miguel de la Madrid a la presidencia de la República mexicana hasta la actualidad. Desde entonces la forma contemporánea de acumulación de capital dirigida desde el Estado y gobierno mexicano en su modalidad neoliberal implicó que los derechos laborales y demás beneficios sociales, conseguidos por las clases trabajadoras, se vieran suplantados (burocrática o violentamente) por subvenciones públicas al capital de grupos de empresarios locales ligados al gran capital transnacional. Lo cual en absoluto, no significó que el Estado capitalista haya dejado de intervenir política y económicamente en los procesos de acumulación de capital. En la modalidad neoliberal su intervención económica se caracteriza por la construcción y definición de un tipo específico de mercado supuestamente “libre”. Para hacer que funcione la acumulación capitalista, el Estado y gobierno capitalista penetró (ideológica e institucionalmente) con mayor profundidad, en segmentos de la vida política, social y económica, mediante mecanismo de mayor violencia múltiple (económica, física y simbólica entre otras).

En la actual modalidad neoliberal el gobierno pasa a ser conducido por un grupo de nuevos empresarios que forman la fracción hegemónica en el México contemporáneo, los cuales negocian en una posición política favorable de cara a los capitales internacionales (que en algún momento son competencia externa y en otro, comúnmente, grandes aliados). La bonanza de la acumulación capitalista en esta modalidad se basó en la capitalización de las relaciones/redes construidas con el poder político y la disposición o despojo de recursos y activos públicos que (en colusión con) el Estado y gobierno puso a su servicio. *Estas mundialmente contemporáneas formas de acumulación de capital* no pueden entenderse sin la participación activa de organismos internacionales, entre los que destaca el Fondo Monetario Internacional (FMI).

Cabe enfatizar que la doctrina neoliberal desde la década de 1940 comenzó a formularse, aunque históricamente hablando en ese momento no existía para su implementación viabilidad política, social y mucho menos económica. Pues los principios del liberalismo decimonónico se resquebrajaron con la gran depresión de la década de 1930.

Cuarenta años después, en 1970, la crisis de sobreacumulación de capital hace presencia, exigiendo para el sucesivo desarrollo del capitalismo a nivel mundial, medidas que busquen paliar dicha situación. Ante ello el proyecto neoliberal privatizador universal forma parte de la “solución”, y el cambio institucional se presenta como necesidad de actualización a las modernas formas de acumulación de capital. La empresarización y privatización de empresas e instituciones públicas, considera-

das previamente como una necesidad social, se puso a la orden del día. El desmantelamiento bajo intermediación de los gobiernos de los marcos regulatorios destinados a proteger a los trabajadores y al medio ambiente supone la pérdida de derechos duramente alcanzados a través de luchas sociales. La cesión al dominio privado de los derechos de propiedad nacional y comunal, obtenidos tras largos años de encarnizada lucha de clases (el derecho a una pensión pública, al bienestar, a la sanidad pública nacional), ha sido una de las avanzadas más sobresalientes de los planes de despojo emprendidos en nombre de la globalización u ortodoxia neoliberal³.

La viabilidad económica de este proceso comenzó desde 1970, como respuesta a la profunda crisis mundial. Pero su “aceptación” política y social no fue sencilla, necesitó de una intervención de violencia múltiple del Estado y su gobierno de cara a la resistencia de la voluntad popular. Ésta reconfiguración social y política la construyó material e ideológicamente el imperio o imperialismo mediante la actualización de marcos regulatorios que se reflejan en la construcción institucional en concordancia y participación con los Estados locales representados por la clase política y su burguesía nacional. Para América Latina, concretamente, su implante “conlleva la quiebra de los órdenes constitucionales y una involución política antidemocrática” con tintes guerra, militarización, sangre y fuego⁴. El asesinato, la cárcel, el destierro, el exilio o el despido son la respuesta para eliminar a los opositores; el terror neoliberal se siembra y cosecha con aromas del perfume social desgarrado por el dolor y la condena de los movimientos sociales.

En México, la imposición del neoliberalismo por la fuerza tomó diversas formas y matices⁵. Desde la guerra y militarización, pasando en lo político por los fraudes, compra, divisiones, persecuciones, desapariciones, etcétera, hasta en lo social con una fuerte campaña ideológica, donde los medios masivos de comunicación y las universidades hicieron lo propio al reproducir las variadas formas de legitimación de la modalidad neoliberal del Estado mexicano. Los medios masivos de comunicación, en el neoliberalismo, “se convirtieron en un poder en sí mismo. Podemos preguntarnos, incluso, si la comunicación no sobrepasó su estado óptimo, su cenit, para entrar en una fase en la que todas sus cualidades se convirtieron en defectos, todas sus virtudes en vicios. La “nueva” ideología de «comunicación, absoluta y homogénea», impuesta por el neoliberalismo comunicador construyó a un ciudadano alienado al capital⁶.

³ Harvey, D., *El nuevo imperialismo*, Akal, S.A., Madrid, 2004.

⁴ Roitman, M., *Democracia sin demócratas y otras invenciones*, Sequitur, España, 2007, 25.

⁵ Para el caso particular de la violencia en México, Carlos Montemayor nos ofrece una explicación fresca, comprometida y de largo aliento sobre las formas de cómo, el Estado y gobierno mexicano operó y sigue operando antes -y- en la modalidad neoliberal, en su libro; *Rehacer la historia: análisis de los nuevos documentos del 2 de octubre de 1968 en Tlatelolco*, Planeta, México D.F. 2000 y, *La violencia de Estado en México: Antes y después de 1968*, Debate, México D.F. 2010.

⁶ Ramonet, I., *Un mundo sin rumbo: Crisis de fin de siglo*, Temas de debate, España, 1998, 106.

La imposición del proyecto neoliberal implicó la confrontación y desaparición de movimientos sociales, situación que en la medida de conseguirlo la avanzada neoliberal no enfrentaría problemas, ya que de la mano del gobierno se establecieron los términos de colusión de la burguesía local (o del grupo hegemónico burgués) con el gran capital financiero internacional.

La modalidad neoliberal también en México está marcada por una abrumadora concentración y centralización del capital, donde predominan por un lado, los monopolios con énfasis en el capital financiero y por otro, la exportación de capitales y el reparto del mundo en distintas áreas de influencia local y mundial. Esta aceleración de la mundialización ocurrida en el último cuarto del siglo XX, contrariamente a los beneficios que el discurso neoliberal pregonó, agudizó y potencializó extraordinariamente las asimetrías regionales y estructurales que definen la inserción de los distintos países en los mercados mundiales. En esta modalidad neoliberal a niveles mundiales un grupo de naciones del capitalismo desarrollado o imperialista extendieron y reforzaron su capacidad para controlar los recursos de todo tipo, situación que recreó una nueva dependencia entre los países periféricos y las metrópolis⁷. La modalidad neoliberal del Estado y gobierno mexicano, no fue la excepción, al profundizar la relación-dependencia entre grupos económicos y políticos internos y externos. El Estado y gobierno mexicano organizó y operó en beneficio y colusión con las fracciones políticas-económicas hegemónicas locales, involucrando en su agenda a los intereses económicos externos, cerrando así el círculo necesario para la expansión y evolución de la acumulación de capital mundial y local. Es en este contexto donde se ubican las acciones y capacidades de los municipios en general y los urbanos. Pensar que el Estado capitalista por tener como objetivo garantizar las condiciones de producción y reproducción del capital lo hará de manera automática, es asumir una visión reduccionista y a su vez restar importancia a la actividad (pública y privada) que los empresarios han realizado para lograr dicho objetivo. La realidad histórica muestra que, los empresarios mexicanos ya sea como clase o fracción se organizan como actores colectivos, actúan constantemente para tener un peso significativo en la toma de decisiones de la función pública, de sus presupuestos y distribución de activos⁸.

⁷ Boron, A., Imperio e Imperialismo, César Ramos, La Habana, 2005, 28.

⁸ Para el caso particular de la acumulación de capital en México en su modalidad Neoliberal, Samuel Amador nos ofrece una explicación puntual, abundante y desde otra óptica de éste proceso en su libro; Modalidad neoliberal del Estado mexicano en sus procesos de acumulación de capital: 1982-2006. Dos casos representativos de acumulación: Emilio Azcárraga Jean y Carlos Slim Helú. Gernika, México D.F. 2013.

2. Gobierno local urbano en México

Aunque el Municipio en México tiene su base legal en la Constitución Política (Artículo 115), son las dos modalidades del Estado mexicano expresadas durante el siglo XX, las que influyen de manera directa, mediante diversos mecanismos incluyendo a su política económica, para delinear la relación y operación en los diferentes niveles de gobierno (Federal, Estatal y Municipal). Lo cual no quiere decir que las acciones del Municipio y de sus ayuntamientos dependan en absoluto del gobierno federal. Sin embargo, se mantiene una tendencia que desde hace décadas ha causado polémica, es decir, la disputa entre centralismo y federalismo⁹.

Ya desde hace más de 20 años se puntualizaba¹⁰ que los Municipios se enfrentaban a numerosos problemas para cumplir eficazmente sus funciones, lo cual implica la nulidad y/o pérdida de dinamismo económico, político y social. Estos problemas que hoy siguen imperando, entre otros son generados, básicamente por, el enorme desequilibrio económico regional y por el proceso de centralización en la toma de decisiones y de los ingresos públicos por los niveles superiores de gobierno.

El Municipio debe estudiarse de manera holística, integrando las diversas disciplinas de las ciencias sociales. Teóricamente desde el Derecho¹¹ el Municipio no es un poder soberano del Estado Mexicano, sino es una institución local para la atención de las necesidades de los vecinos, a la que se le ha dado autonomía. Tiene personalidad jurídica propia y esto entraña la facultad de ser titular de derechos y obligaciones, que le permite tener un patrimonio propio y contar con órganos de representación.

Para la Economía Política como lo mencionamos líneas arriba el Municipio es parte del gobierno, institución que forma parte del Estado capitalista. La praxis de dicho Estado a favor de la acumulación de capital se manifiesta en diversas medidas que involucran a la intervención en todos los niveles del gobierno y aspectos del conjunto social heterogéneos.

La realidad del desarrollo del Estado Mexicano durante el siglo XX y sus Municipios muestra una diversidad y/o rezagos muy amplios. Estas diferencias permiten catalogar a los Municipios de distintas maneras: Municipios Rurales; Indígenas; en Transición; Urbanos o Metropolitanos¹² (Fuentes, 1989: 153-160).

⁹ Celso Fuentes en su libro *Servicios Públicos, Responsabilidad Municipal*. 1989. Puebla México. Editado por el Gobierno del Estado de Puebla y la Secretaría de Cultura. Nos comenta de manera muy clara y práctica en el caso del municipio de Can Cun como opera este juego de intereses entre los tres niveles de gobierno.

¹⁰ Fuentes, C., *Servicios Públicos, Responsabilidad Municipal*, Gobierno del Estado de Puebla y la Secretaría de Cultura, México., 1989, 18.

¹¹ *Ibid*, 17.

¹² *Ibid*, 153-160.

Los servicios públicos Municipales involucran a todas aquellas acciones que emprende el Ayuntamiento, o debiera llevar a cabo en beneficio de la comunidad municipal que representa. Atribuibles a la prestación de servicios de: agua potable y alcantarillado; alumbrado público; limpia; mercados y centrales de abasto; panteones; rastros; calles, parques y jardines; seguridad pública y tránsito. Así como también en la fracción V del Artículo 115 constitucional, faculta la participación de los ayuntamientos en aspectos de desarrollo urbano; en la creación y administración de reservas territoriales; en la vigilancia del uso del suelo; en la regularización de la tenencia de la tierra urbana; en la creación y administración de reservas ecológicas, y en la expedición de la reglamentación necesaria para cumplir con los objetivos antes mencionado. Su clasificación se expresa en: Servicios Urbanos (Agua potable, Drenaje, etc.); Seguridad Pública (Policía de tránsito, Bomberos, Cárcel municipal, etc.); Servicios Administrativos (Registro civil, Catastro, etc.); Vialidad, Transporte y Comunicaciones (Transporte público, etc.); Comercialización y Abasto (Mercados y tianguis, etc.); Actos Cívicos; Recreación y Deporte (Jardines y plazas públicas, etc.); Cultura (Casas de cultura, Bibliotecas, etc.); Educación (Para adultos, Alfabetización, etc.); Nutrición; Salud (hospitales, clínicas, etc.); Asistencia Pública (Hospicios, Asilos, etc.); Vivienda (Reservas territoriales, etc.); Comunicación Urbana e Información Social; Equilibrio ecológico y protección del medio ambiente; Fomento a las actividades económicas Municipales y Otros servicios públicos Municipales¹³ (Fuentes, 1989: 57-68).

Aunque existe un *deber ser* en materia de servicios públicos Municipales, su factibilidad está sujeta a necesidades de los tres órdenes de gobierno y del desarrollo del Estado Mexicano. En un Municipio Indígena e incluso en uno Rural, la comunicación es un acto personal y sería difícil pedir que sus quejas o denuncias las hagan mediante una llamada telefónica o dirigiéndose a una oficina para realizar un trámite de protocolo de acción que por su tortuosidad des-ciudadanice el mecanismo de queja y/o denuncia desestimulando la participación ciudadana.

En el caso particular los Municipios urbanos y/o Metropolitanos han tenido un crecimiento urbano muy precipitado, se requiere de una demanda muy importante de servicios públicos Municipales. La evaluación de la acción Municipal o de su ayuntamiento es una necesidad indispensable tanto para el Municipio como para la sociedad. Dicha evaluación forma parte del rubro de Servicios públicos en materia de Comunicación Urbana e Información.

La comunicación urbana entre otras cosas consiste en presentar información al público sobre calles de la ciudad, oficinas administrativas, trámites municipales, vialidad, jardines y lugares de recreo, de deporte y culturales, así como instituciones y asociaciones diversas. Lo anterior facilita la vida de la ciudad; ayuda a que la gente gestione mejor y más rápidamente sus asuntos municipales; orienta a los turistas y

¹³ Ibid, 57-68.

contribuye a que se haga un mejor uso de los servicios municipales. La Información Social consiste en dar información a la población en casos de accidentes y desaparecidos, así como información sobre instituciones de salud, emergencia, beneficencia y asistencia. Este servicio ayuda a la población a localizar personas; así como saber dónde y en qué forma y condiciones pueden internarse enfermos, accidentados, ancianos, niños, indigentes, alcohólicos y drogadictos¹⁴. En este servicio también debe incluirse la evaluación del desempeño gubernamental como resultado de la comunicación entre Municipio y sociedad si es que el ánimo es involucrar a la ciudadanía.

Lo cual implica la creación de indicadores ciudadanos y no sólo contar con indicadores empresariales de eficiencia de funcionamiento de los gobiernos municipales. Los municipios urbanos y/o metropolitanos por el enorme crecimiento que presentan la gestión y comunicación entre administración y ciudadanía son cruciales.

La existencia de actividades informales no se limita a este espacio local, pues también existe actividad económica informal en los otros tipos de municipios. Sólo que la cuestión espacial es de suma importancia ya que como antes lo mencionábamos las relaciones impersonales son más presentes en los espacios urbanos locales, situación que potencializa el fenómeno.

El corazón sustantivo del fenómeno de la informalidad es de naturaleza económica aunque involucra otros aspectos de la sociedad. Frecuentemente es común pensar que el fenómeno cunde en economías periférica, pero en realidad las economías centro también están plagadas del mismo. Pues las estructuras institucionales están fallando y se encuentra en crisis sistémica.

Cabe recordar que en la aparición del Estado moderno y sus diferentes niveles de Gobierno el comercio empezó siendo informal, los buhoneros que pareciera que ya dejaron de existir, existen todavía en las comunidades y/o municipios en general. Ahora se les estigmatiza como sectores informales. Las estructuras institucionales del Estado moderno y particularmente el Gobierno se comportan de manera olvidadiza, pues olvidan ese origen y las autoridades en sus diferentes órdenes toman el fenómeno como anómalo.

Hoy día la extensión informal de una entidad formal ya sea en el proceso de producción o de circulación de la mercancía es muy común. Cabe hacer varias interrogantes al respecto ¿Hay incapacidad institucionalizadora del Estado moderno y sus gobiernos? ¿Hay ausencia de construcción de escenarios para reforzar la formalidad? ¿Falta de control? ¿Hay voluntad generadora del Estado y Gobierno para mantener el control social y económico a través del fenómeno? Pareciera que el proceso natural es la evolución histórica desde la informalidad hasta constituir la formalidad donde el Estado moderno y sus instituciones juegan un papel funda-

¹⁴ Ibid, 95.

mental y deben apoyar. En los hechos contemporáneamente hablando es al revés él mismo se está desestructurando.

Durante varias décadas se pensó que la formalidad nada tiene que ver con la informalidad, y hoy día se observa que en algunos casos están entreverados y que hay economías de aglomeración sobre todo en zonas urbanas. Existe un proceso de informalización de la vida económica y en general. Hoy día se observa que hay atracción de la informalidad a la formalización, dirigido incluso desde el gobierno, pues pasó de ser una práctica de pequeñas unidades económicas a una práctica de grandes empresas y gobiernos.

Institucionalmente, las estructuras formales tiene la capacidad de imbricarse, no hay rechazo, les cae muy bien y se les hace muy natural la informalización y a ese nivel la no acción de las estructuras Estado gubernamentales se les hace correcta. Y se puede observar que el problema ya va más allá del cómo están operando las estructuras institucionales del Estado y su gobierno.

3. El Comercio Ambulante en Puebla y Origen del movimiento UVAP 28 de Octubre

La UPVA 28 de Octubre surge en el año de 1972 encabezada por el profesor Lorenzo Hernández Becerra (Miguel Hernández 2011), sucedido como líder por un estudiante universitario de nombre Rubén Sarabia Sánchez alias “Simitrio”. Aproximadamente en diez años posteriores la organización contaba con cerca de 10 mil integrantes, principalmente ambulantes del Centro Histórico de la Ciudad de Puebla, con el paso de los años también fue incorporando a taxistas y familias de vecindades que no pagaban la renta a los dueños de los inmuebles. En los ochentas la organización llegó a contabilizar a por lo menos diez mil integrantes diversos (comerciantes fijos, semifijos, ambulantes, taxistas, etc.). Actualmente la agrupación estima cerca de cinco mil y aproximadamente el noventa por ciento es comerciante.

A mediados de los años 80 inició el reordenamiento comercial con la salida de la Central de Abasto de la zona de Analco, y consultada que fue la 28 de Octubre, por el entonces presidente municipal Jorge Murad para la construcción de mercados. El 1 de agosto de 1986 fueron desalojadas las calles y se firma un convenio, dando el control a Rubén Sarabia Sánchez, mientras la unión tiene nuevos miembros como los taxistas o inquilinos morosos. Con el cambio de gobierno estatal iniciaron los conflictos con el gobernador Mariano Piña Olaya, quien desconoció los acuerdos y comenzó la persecución en contra de los dirigentes. Y para junio de 1989 la Policía tomó por asalto las oficinas de la organización 28 de Octubre un viernes por la tarde.

Cuatro años después de su fundación en el años de 1986 se da por primera vez el desalojo de los comerciantes ambulantes de las calles del centro de la capital poblana y al llegar al gobierno Piña Olaya se recrudeció la política pública en relación

al comercio ambulante dio pie a la represión y persecución del líder de la UPVA, situación que con el paso de los años se mantuvo.

La Comisión Nacional de Derechos Humanos envió el 6 de febrero de 1991 un expediente de recomendación en donde señala el gobierno del Estado de Puebla representado por el entonces gobernador Mariano Piña Olaya cometió irregularidades en las condiciones y detención del líder de ambulantes confinado al Centro de Readaptación Social, tanto de Puebla como del Distrito Federal.

Fue detenido en la ciudad de México el día 4 de julio de 1989 y puesto en prisión desde entonces. En abril de 2002 fue beneficiado con el proceso de pre-liberación que se les dan a los presidiarios, aunque el acuerdo con el gobierno de Melquiades Morales Flores era que no regresara a Puebla, sino hasta 2013.

Después de 42 años de haberse fundado la Unión Popular de Vendedores Ambulantes 28 de Octubre, con aproximadamente un 50 por ciento de los agremiados que tenía en sus inicios no existe un verdadero reordenamiento comercial, que haga una política pública integradora de los supermercados de las comercializadoras transnacionales y los pequeños y medianos comercios, en competencia desleal dado que a los consumidores se les obliga a consumir en estas cadenas comerciales.

La política de la administración pública del Municipio de Puebla en las últimas décadas entregó permisos para la instalación de las grandes cadenas junto a los mercados tradicionales generando una competencia que puede dársele doble lectura: afecta o se dan economías de aglomeración. Donde los mercados tradicionales gestionados por la organización sirven de punto de ubicación e instalación de estas cadenas comerciales transnacionales.

La lucha por el espacio ha sido una constante ya que frente al mercado Héroes de Puebla instalaron un mini Wall Mart, junto al mercado Hidalgo pese a que el plan de 1986 es que los negocios estarían a por lo menos 500 metros del lugar, se instalaron las cadenas comerciales.

El pago a los trabajadores por medio de vales y tarjetas genera mercados cautivos que excluye al comercio popular y a los integrantes de este sector que se dedican al comercio semifijo o ambulante.

Esta organización ha podido sobrevivir porque constituyó una estructura política que garantiza la sobrevivencia de la misma. Se declaran como sin partido y ello les permite también la posibilidad de negociar con cualquier administración gubernamental independiente del partido político que esté detrás.

Conclusiones

El papel del Municipio en la lucha contra la pobreza esta delineado en los planes de desarrollo de la gestión administrativa de sus gobiernos: 1) el combate a la pobreza extrema ha quedado plasmado en los distintos programas, presentando in-

novaciones originales. Se ha procurado sensibilizar a la población para que participe en acciones que promuevan el bienestar de los que menos tienen. 2) Desarrollo Municipal, en el que se enfatiza de acuerdo a las reformas implementadas del artículo 115 constitucional lo que se ha traducido como un impulso para su fortalecimiento.

Sin embargo, las manifestaciones de violencia observadas en la cotidianidad del sector informal son el resultado de un problema estructural del capitalismo industrial. Esto se traduce en que cada vez se necesita menos mano de obra para producir y, por el contrario, se necesitan más actores para la circulación de lo producido (servicios). Dichas cuestiones han generado dos fenómenos importantes, por un lado, los ambulantes se han masificado y, por otro, a consecuencias de esa masificación, las instituciones encargadas de solucionar el problema han pretendido que la regularización de éstos se de en base a una política de violencia.

Esto prácticamente ha obligado al actor informal a organizarse para seguir colocando en la esfera de circulación los productos y, al mismo tiempo, le ha permitido repeler la agresión de dichas políticas. La UVAP fundó mercados en la zona metropolitana de la ciudad que han servido por una parte de puntos de referencia para la proliferación de más comercio ambulante, pero que también por otra parte al establecimiento de plazas o centros comerciales formales de cadenas transnacionales.

Bibliografía

9. Amador, S., *Modalidad neoliberal del Estado mexicano en sus procesos de acumulación de capital: 1982-2006. Dos casos representativos de acumulación: Emilio Azcárraga Jean y Carlos Slim Helú*, Gernika S.A., México, 2013.
10. Boron, A., *Imperio e Imperialismo*, César Ramos, La Habana, 2005.
11. De la Garza, Enrique, "Problemas conceptuales, relaciones de trabajo y derechos laborales de los trabajadores informales". Las reformas Laborales y sus implicaciones para los trabajadores, Academia de Ciencias Sociales y Humanidades de Morelos, 2013.
12. De la Peña, S., *La formación del capitalismo en México, Siglo XXI*, México. Dora, Kanoussi & Mena, Javier. *Filosofía y política en el pensamiento de Gramsci*, Cultura. Popular, México, 1987.
13. Duchrow & Hinkelamenr, *La vida o el capital*, Driada, México, 2004.
14. Fuentes, C., *Servicios Públicos, Responsabilidad Municipal*, Gobierno del Estado de Puebla y la Secretaría de Cultura, México., 1989.
15. Harvey, D., *El nuevo imperialismo*, Akal, S.A., Madrid, 2004.
16. Klein, N., *La doctrina del Shock: El auge del capitalismo del desastre*, Paidós, España, 2007.
17. Kohan, N., "El poder y la hegemonía: Apuntes sobre la teoría Marxista", en el periódico *Madres de Plaza de Mayo* N°6, 2003, Available at: <http://www.rebellion.org/argentina/031221kohan.htm>.(accessed 01.10.2017).

18. Montemayor, C., *La violencia de Estado en México: antes y después de 1968*, Debates, México, 2010.
19. Montemayor, C., *Rehacer la historia: análisis de los nuevos documentos del 2 de octubre de 1968 en Tlatelolco*, Planeta, México, 2000.
20. Osádchaia, I., *De Keynes a la síntesis neoclásica: análisis crítico*, Progreso, Moscú. Pollack, Molly & Jusidman, Clara (1997). “El sector informal urbano desde la perspectiva de género. El caso de México”, en *CEPAL, 1975, Serie Mujer y Desarrollo*, No. 20.
21. Postone, M., *Tiempo, trabajo y dominación social*, Jurídicas y Sociales, Madrid, 2006.
22. Ramonet, I., *Un mundo sin rumbo: Crisis de fin de siglo*, Temas de debate, España, 1998.
23. Roitman, M., *Democracia sin demócratas y otras invenciones*, Sequitur, España, 2007.
24. Tokman, V., “Informalidad en América Latina: balance y perspectiva de políticas”, en *INEGI: Revista internacional de estadística y geografía*, 2011, Vol. 2, núm. 3.

Samuel Amador Vázquez¹

Flora Domínguez Hernández²

Carla Yeseli Pacheco Prieto³

Vulnerabilidad y evolución del mercado de trabajo migrante mexicano en estados unidos en la construcción de una sociedad informal

Vulnerability and evolution of the Mexican migrant labor market in the United States in the construction of an informal society

Resumen: La segmentación del mercado laboral migrante en estados Unidos de Norteamérica está sujeta a una diversidad de aspectos entre los que destaca la condición social expresada en el estatus ciudadano (legalidad) y los niveles de calificación (niveles de escolaridad, capacitación, etc.) de la mano de obra. En el año 2010 (*Current population survey*), la percepción promedio de ingresos monetarios de los migrantes mexicanos está por debajo de los 49 000 dólares anuales situación que se asocia a que cerca del 60 % de los migrantes mexicanos cuentan con estudios de primaria y secundaria para el mismo año. La exclusión y vulnerabilidad del migrante mexicano de origen es muy alta, no sólo en el aspecto Escolar, sino también en otros. Dicha condición de origen es llevada a los mercados estadounidenses, y se expresa en los tipos de ocupaciones laborales que adquieren ahí, pues ellas tienen referentes de exclusión y de manera obligada construcción de mercados informales. La construcción informal de la sociedad mediante su institucionalización está vinculada a problemáticas que atraviesan fronteras y sus repuestas también requieren ser así. Abordamos el tema desde la propuesta metodológica de las trayectorias laborales, que identifica a las redes como un ingrediente importante en la construcción de los mercados y su segmentación en una sociedad contemporánea que tiende a la informalización.

Palabras Clave: Mercado migrante; Vulnerabilidad; Economía Informal y Sociedad Informal.

Abstract: The segmentation of the migrant labor market in the United States of North America is subject to a variety of aspects, among which the social condition expressed in the citizen status (legality) and the qualification levels (levels of education, training, etc.)

¹ Profesor Investigador en la Facultad de Derecho y Ciencias Sociales, Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, México. samuel.amador@gmail.com

² Estudiante egresada de la Maestría en Ciencias Políticas de la Facultad de Derecho y Ciencias Sociales, Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, México. socioenproceso@gmail.com

³ Estudiante egresada de la Licenciatura en Relaciones Internacionales de la Facultad de Derecho y Ciencias Sociales, Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, México. carlayeseli@hotmail.com

stand out. From handwork. In 2010 (Current population survey), the average perception of monetary income of Mexican migrants is below the 49,000 dollars per year, a situation that is associated with the fact that nearly 60% of Mexican migrants have primary and secondary education. for the same year. The exclusion and vulnerability of the Mexican migrant of origin is very high, not only in the School aspect, but also in others. This condition of origin is taken to the US markets, and is expressed in the types of labor occupations that are acquired there, as they have references of exclusion and forced construction of informal markets. The informal construction of society through its institutionalization is linked to problems that cross borders and their responses also need to be so. We approach the subject from the methodological proposal of the labor trajectories, which identifies networks as an important ingredient in the construction of markets and their segmentation in a contemporary society that tends to informalization.

Keywords: Migrant Market; Vulnerability; Informal Economy and Informal Society

I. Introducción

Las preguntas obligadas son ¿De qué depende entonces el cambio de mercancías incluida la mano de obra? ¿Cuáles son las condiciones en las que se da? ¿Cómo se modifican, crean o recrean en el mismo mercado? Los factores que median esas relaciones son múltiples: La evolución histórica del desarrollo del capitalismo a nivel mundial y local, la lucha de clases, la dominación, pugnas intra-burguesas, entre otros aspectos, dan forma a una u otra modalidad del Estado capitalista y en correspondencia a su mercado.

En el contexto de la globalización el mercado se convierte en una institución del Estado capitalista que coadyuva a la reproducción de los procesos de acumulación de capital, dicha institución al ser una relación social de compra y venta es configurada y/o reconfigurada por los establecimientos tangibles (otras instituciones, derechos, reglas comerciales y fiscales entre otros) e intangibles (ideología) que el mismo Estado contemporáneo en general y su gobierno en particular imponen (mediante medidas de política económica y públicas) para fincar una sociedad informal actual.

II. Gobierno contemporáneo y Mercado institucionalizado

Desde la perspectiva de la Economía Política la aparición del Estado capitalista es precedida por el incesante incremento del cambio de mercancías, el cual es resultado de la profundización y desarrollo de la división social del trabajo al interior de las formas de organización social. La misma división social del trabajo potencia en su devenir la expansión del comercio y la ampliación del mercado. Fortaleciendo la unificación de las relaciones sociales de producción dispersas para su cada vez mayor regulación bajo la acción de la ley del valor.

Simultáneamente al proceso desarrollado de mercantilización, la conversión de la fuerza de trabajo en una mercancía más, fundó el paso necesario para una transformación profunda de las relaciones sociales de producción pre-capitalistas en las propiamente capitalistas⁴. La evolución del modo de producción capitalista revolucionó el desarrollo y expansión del intercambio mercantil previo. Cabe destacar que el proceso de mercantilización de la fuerza de trabajo, se manifestó en la superficie a través de la universalización del intercambio de mercancías y del crecimiento y transformación del mercado. Su resultado fue, la modificación en las relaciones sociales de producción en su interior (relación medios de producción y fuerza de trabajo), conduciendo al desarrollo de un tipo de Estado capitalista que administrara, garantizara y potenciara el desarrollo de la producción capitalista. Dicho Estado es entendido como un órgano de coerción que, sistemáticamente, contribuye a disociar al productor directo de las condiciones de producción y medios de producción, desposeyéndolo de todo, excepto de su capacidad para trabajar o generar valor⁵.

El desarrollo de las relaciones de intercambio mercantil simple históricamente, dio origen a la aparición del Estado capitalista que administra y resguarda la existencia y reproducción del nuevo tipo de mercado finalmente (liberal, regulado o neoliberal) en el cual se realiza la producción capitalista⁶. De lo previo derivamos que el mercado no nace con el Estado capitalista, sino al revés.

Entendemos pues, que el Estado capitalista es un ente orgánico integrado por un conjunto de instituciones, con acciones y funciones específicas de producción y reproducción de un sistema (material e ideológicamente) económico, político y cultural.

Entre las instituciones del Estado en general y el capitalista (Familia, Escuela, Religión, etc.) enfatizamos que, para su ostentación y dirección, el Gobierno toma el papel protagónico. Autores como Milton y Rose Friedman⁷ en su análisis lo manejan como sinónimos *Estado y Gobierno*. Para nosotros, antes de ser conceptos distintos, el gobierno forma parte del Estado. Y en el capitalismo, dicha institución es el operador más visible de los intereses de clase de la burguesía. En él se concentra la *administración* burguesa de la sociedad; la dirección que toma la distribución de la riqueza pública para la acumulación de capital mediante mecanismos como la producción de insumos, la deuda, el fisco, etcétera, entre otros, y se presenta como la institución mediadora de las contradicciones de clase.

Por la gran gama de instituciones estatales, y a su naturaleza diversa, entendemos que las acciones gubernamentales sintetizan y promueven, en primera ins-

⁴ Marx, Carlos, *El Capital* (Tomo I), Fondo de Cultura Económica, México D.F., 1962, 278

⁵ *Ibidem.*, 655.

⁶ Hobsbawm, Eric, *Entorno a los orígenes de la revolución industrial*, Siglo XXI, México D.F., 1979, 19-21.

⁷ Friedman Milton & Rose Friedman, *La libertad de elegir*, Grijalbo, Barcelona, 1980, 49.

tancia (o en vanguardia), la adecuación del Estado capitalista para el despliegue del proceso de valorización de capital; en esa institución se manifiesta visiblemente la reorientación de las políticas de Estado hacia el resto de las instituciones (para la conformación de una modalidad) y su entreveramiento conduce a una articulación social, cuya fuerza motriz reside en la extracción del excedente económico en beneficio de la clase capitalista y, específicamente, de una fracción hegemónica de esa clase.

Subrayamos que la definición de las tareas específicas para el gobierno y la conformación de una determinada modalidad de Estado, como resultado de esta definición y acción (entre otras causas), corresponden a intereses (externos y locales) de grupo delineados a través de la política y política económica ejecutada en un país.

Históricamente, el carácter, la orientación social y el alcance de la influencia de la política económica del Estado y gobierno están determinados⁸ por el régimen social y político y por las leyes objetivas de su desarrollo. Sobre la política económica del Estado presionan también las condiciones históricas concretas del desarrollo de una sociedad dada, es decir, la correlación de fuerzas de clase, la lucha de clases en la arena nacional e internacional.

En relación a la combinación operativa e implementación de determinadas políticas de Estado (incluyendo las económicas) se gesta una pugna entre las clases dirigentes que se traslada, evidentemente, a distintos niveles institucionales. Su expresión teórica es esbozada en distintos ámbitos (académicos y políticos) por los representantes de esos grupos, cada uno tratando —como es lógico— de exponer sus puntos de vista como “naturales” o “deseables”, y no como encaminados a cumplir y defender los intereses de la fracción de clase a la que representan.

Ahora bien, el cambio institucional no significa necesariamente un desarrollo progresista, aunque bien puede serlo, ya que corresponde a luchas, resistencias y rebeldías sociales. Desde luego, el cambio institucional no debe confundirse con el cambio del modo de producción, pues este último implica la transformación no de una institución, sino del conjunto de instituciones establecidas para adaptarse al nuevo patrón de producción y acumulación, en contraposición con el que hasta esa situación histórica estuvo vigente.

La conformación, concretización y operación de las instituciones del Estado capitalista por lo tanto, derivan de la lucha de clases y, entre ellas, de las pugnas inter-burguesas. Todas ellas, no son fenómenos abstractos, sino al contrario, su aparición exhibe la reagrupación de las fracciones de clase y de la correlación de fuerzas concreta e históricamente determinadas. De esta forma, lo que en un momento histórico se determina como socialmente aceptable, deja de serlo al ser contrapuesto con los intereses de una de las fuerzas en pugna capaz de imponer sus intereses y necesidades. Así, una institución pasa de ser considerada como ideal a ser

⁸ Osádchaia, I, De Keynes a la síntesis neoclásica: análisis crítico, Progreso, Moscú, 1975, 209.

cuestionada por caduca o incluso a ser estigmatizada como *hecha a modo*, como si cualquier institución no fuera un producto *a modo* para responder a la reproducción de las condiciones de producción imperantes.

El cambio institucional pues, pasa a ser un reflejo superficial del efervescente y necesario enfrentamiento entre las clases o fracciones de clases sociales. Su aparición y la dirección que toma, muestra el grado de dominio de una fracción o de una clase sobre los demás grupos de poder en pugna y sobre la sociedad. La aceptación de esos cambios institucionales, como teleológicos del progreso y civilización en el sentido común y popular, indica el grado de consenso y arraigo de la fracción en el poder, aunado al hecho de las alianzas que operan y que permiten ampliar la capacidad de cohesión de la fracción dominante para imponer sus intereses a todos los grupos en pugna, incluso a los derrotados y al grueso de la sociedad. El bloque hegemónico opera, arrastrando detrás de sus intereses, a todo el conjunto de grupos y fracciones de clase que se suman, pactan, se someten o son sometidos, para generar un *status quo* que garantice las condiciones existentes. De esta manera el Estado no puede entenderse⁹ en su sentido estricto como dictadura de clase, sino que también hay que concebirlo como hegemonía. Ningún Estado puede dominar basado en la fuerza solamente; éste tiene que combinar la fuerza y el consenso para establecer un balance apropiado.

Por tanto, la hegemonía presupone tomar en cuenta los intereses y las tendencias de los grupos sobre los cuales se ejerce. En coincidencia con Kohan¹⁰, es un proceso que expresa la conciencia y los valores organizados prácticamente por significados específicos y dominantes en un proceso social vivido de manera contradictoria, incompleta y hasta muchas veces difusa. Dicho de otra manera, la hegemonía de un grupo social equivale a la administración de la cultura que ese grupo logró generalizar para otros segmentos sociales. La hegemonía es cultura, pero conforma o conforma algo más que la cultura en abstracto, porque además incluye necesariamente una distribución específica de poder, jerarquía y de influencia. Como dirección política y cultural sobre los segmentos sociales “aliados”, influidos por ella, la hegemonía también presupone violencia y coerción sobre los enemigos. No sólo implica consenso. En última instancia, la hegemonía nunca se acepta de forma pasiva, está sujeta a la lucha, a la confrontación, al antagonismo, a toda una serie de “jaloneos”. Derivado de esta condición es que, quien la ejerce debe todo el tiempo renovarla, recrearla, defenderla y modificarla, intentando neutralizar a su adversario, incorporando sus reclamos, pero desgajados de toda su peligrosidad.

⁹ Dora, Kanoussi & Javier Mena (comp.), *Filosofía y política en el pensamiento de Gramsci*, Cultura Popular, México D.F., 1988, 268.

¹⁰ Kohan, Nestor, *El poder y la hegemonía: Apuntes sobre la teoría Marxista*. Publicado en el periódico *Madres de Plaza de Mayo* N°6, diciembre 2003. Ver: <http://www.rebellion.org/argentina/031221kohan.htm> (accessed 01.10.2017).

En la interpretación que Harvey¹¹ hace sobre el uso del concepto de hegemonía, nos comenta que dicho concepto no permite múltiples interpretaciones, a decir verdad sólo manifiesta dos; la primera se refiere únicamente al poder político ejercido mediante el liderazgo y el consentimiento de los gobernados como algo opuesto al poder político ejercido como dominación mediante la coerción. La segunda parece referirse a la combinación particular de coerción y consentimiento necesaria para el ejercicio del poder político.

En cierto sentido, cuando se interpreta el concepto de hegemonía¹² se concluye que existe un equilibrio de compromiso entre las clases dirigentes (políticas y empresariales) y las desposeídas, de tal forma que se llega a algún tipo de consenso, ya sea activo o pasivo. El primer caso (consenso activo) se da cuando existe una participación de las clases desposeídas en el establecimiento de esos compromisos, y el segundo caso (consenso pasivo) cuando la transmisión de esos compromisos surge desde arriba con su respectiva aceptación pasiva por las clases que no participan en su establecimiento. Como es de esperar, en los dos casos, esos compromisos no afectan evidentemente en lo esencial al régimen de producción: la ley del valor. Ambas situaciones también son categorizadas como hegemonía expansiva (aquellos Estados en donde las masas populares han sido agentes activos en la transformación social) y, transformismo (aquellos Estados donde se ha excluido sistemáticamente a las clases subordinadas de la participación en el proceso político) respectivamente.

Cada institución del Estado y gobierno desempeña funciones ante la exigencia de la clase en el poder y, en particular, a los intereses de la fracción hegemónica. Las políticas de Estado en materia educativa, salud, alimentación y previsión social (entre otras) se enmarcan dentro de las acciones de instituciones que garantizarán mecanismos *ad hoc*, los cuales serán retroalimentados a través de las subjetividades institucionales: familia, religión, policía, ejército, las agrupaciones y partidos políticos, etcétera, a veces como conjunto, a veces como alguna institución en particular.

Las preguntas obligadas son ¿De qué depende entonces el cambio de mercancías? ¿Cuáles son las condiciones en las cuales se da? ¿Cómo se modifican, crean o recrean en el mismo mercado? Los factores que median esas relaciones son múltiples: La evolución histórica del desarrollo del capitalismo a nivel mundial y local, la lucha de clases, la dominación, pugnas intra-burguesas, entre otros aspectos, que dan forma a una u otra modalidad del Estado capitalista. Es decir, el Estado capitalista y su gobierno adquiere *formas diferentes*, bajo las cuales se configura y reconfigura el mercado, formas que podemos denominarlas como: modalidades del mismo

¹¹ Harvey, David, El nuevo imperialismo, Akal S.A., Madrid, 2004, 45.

¹² Dora, Kanoussi & Javier Mena (comp.), Filosofía y política en el pensamiento de Gramsci, Cultura Popular, México D.F., 1988, 270.

Estado¹³. La modalidad es el contexto y los medios que coadyuvan a que se dé la acumulación de capital. Por lo tanto, entonces, los factores que determinan la modalidad están permeados y van del terreno económico al político y social y viceversa.

Entre los instrumentos y acciones con las que cuenta el Estado capitalista y su gobierno para modificar al mercado institucionalizado podemos apuntar: el fisco, leyes para vender y comprar (lo legal y lo prohibido), la fronteras, cuotas-aranceles, “libertad” o fijación de precios, políticas laborales (flexible o no), subsidios o no, exenciones o no, fomento a la inversión (pública y/o privada) y gasto social, por citar algunos. Todo esto forma parte de un mercado institucionalizado producto del Estado capitalista. Es decir, una institución moldeada y prefigurada por el Estado capitalista mediante sus políticas económicas y políticas públicas.

Desde nuestra perspectiva, el intervencionismo Estatal (económico, político y cultural) se manifiesta hacia un sentido u otro (liberal o neo y/o regulador), pero siempre configurando o reconfigurando a las instituciones y, entre ellas, al mercado con el fin de actualizarlas para el proceso de la acumulación de capital. Baste aclarar como corolario entonces que la supuesta relación de conflicto y dicotómica entre Estado capitalista y Mercado representa realmente una falacia.

Aunque la existencia del mercado no se limita al capitalismo y mucho menos al del siglo XXI como previamente lo comentamos, su entendimiento teórico y real es de suma importancia, máxime en las condiciones en las que se muevan las economías actuales. El fenómeno de la economía informal ha proliferado y contagiado al conjunto económico, político y social de nuestros tiempos.

El capitalismo en sus orígenes requirió de la cosificación y conversión de las cualidades humanas manifiestas en la fuerza de trabajo para su nacimiento, pero ahora no sólo se cosifican las habilidades manifiestas en la fuerza de trabajo, sino también la vida misma, el cuerpo, los deseos, emociones, cariños, etc., todo con fines ya no sólo de obtención de la plusvalía o ganancia, sino por la “simple” obtención de dinero. Pues en una sociedad altamente mercantilizada donde “todo” se compra y se vende el dinero hace falta. Si a ello le sumamos que el pecado original fue y sigue siendo el establecer una sociedad que pone por encima de la relación humana y la vida, la propiedad privada, el capital (entendido como una relación social en particular ampliamente desarrollada por Marx) y el dinero. Donde la condición de su existencia es la clasificación, estratificación y segregación, el asunto o fenómeno de la economía informal atravesado por los mercados se torna mucho más preocupante y delicado.

¹³ Amador, Samuel, *Modalidad neoliberal del Estado mexicano en sus procesos de acumulación de capital: 1982-2006. Dos casos representativos de acumulación: Emilio Azcárraga Jean y Carlos Slim Helú*, Ediciones Gernika, México D.F., 2013, 47.

III. La calificación como elemento de exclusión y vulnerabilidad institucionalizada en la economía informal

Los mercados al ser una relación social de compra venta, también debe ser visto como una posibilidad de interacción social¹⁴ en torno al cual puede construirse sujetos sociales, con capacidad de intervenir en forma creativa en los procesos sociales y por tanto, en la creación de nuevas realidades sociales. La elección del momento de iniciar la migración, del lugar de destino (y aun del lugar específico de habitación) y del lugar y tipo de trabajo, no parecían explicarse en forma correcta si se tomaba en cuenta el contexto específico de relaciones cotidianas, cara a cara, de los individuos en el seno de las familias, las vecindades y las comunidades.

Un elemento importante para el enfoque transnacionalista de la migración¹⁵ está basada fuertemente en la existencia y consolidación de sólidas redes sociales, que tiene un carácter recurrente y oscilatorio y mantiene de manera constante o fuertes vínculos, materiales y simbólicos, entre los lugares de origen y las sociedades huéspedes y, más allá de eso, desarrolla infraestructuras, instituciones y formas culturales propias, en el marco de regulaciones y acciones administrativo-legales cambiantes en los Estados involucrados.

El mercado como institución¹⁶ que estructura la migración laboral está influenciado por fuerzas institucionales o instituciones sociales; tales como:

- a) La organización de la compra (Si la institución que estructura es la empresa)
- b) La organización de las profesiones y los oficios (Si la institución que estructura es la profesión, el oficio o el gremio)
- c) Las redes de relaciones sociales (Si la institución que estructura es la formada por las redes de relaciones sociales o los clanes)
- d) Esquemas de segregación social (Si la institución que estructura es la segregación: por género, etnia, nacionalidad, etcétera)

Como en líneas arriba lo comentamos, el mercado es pues una institución que se expresa en una relación social de compra venta donde median múltiples factores y condiciones para imponer el precio de la fuerza de trabajo. De acuerdo al Observatorio del Salario Justo, el salario más bajo debe corresponder al trabajo más simple, entendiéndose como tal aquel trabajo que en un momento histórico concreto cualquier persona en condiciones medias sociales de producción sea capaz de realizar sin que se requiera una preparación especial o particular. Este trabajo simple no es inamovible, pues va de acuerdo con el desarrollo social. Actualmente para cualquier tipo de trabajo simple, es necesario saber leer y escribir; sin embargo hace cien años,

¹⁴ Herrera, Fernando, *Vidas itinerantes en un espacio laboral transnacional*, Universidad Autónoma Metropolitana, México D.F., 2005, 37.

¹⁵ *Ibidem.*, 44.

¹⁶ *idem.*, 87-93.

por ejemplo, esa no era condición indispensable para que un trabajador pudiera vender su fuerza de trabajo. Siendo que el salario más bajo debe corresponder al trabajo más simple, la pregunta sería ¿qué tan bajo debe ser ese salario de trabajo simple?¹⁷

La OIT estableció desde su fundación la necesidad de que los salarios mínimos sean de un monto que aseguren a los trabajadores un nivel de vida decoroso¹⁸, y en 1944, reconoce como su obligación el de fomentar en todas las naciones programas que permitan garantizar a todos un salario mínimo vital para todos los trabajadores. La OIT adoptó el convenio sobre la fijación de salarios mínimos en 1970, en donde se obligaba a los países ratificantes el establecer un sistema de salarios mínimos. En él se establece que “los salarios mínimos tendrán fuerza de ley, y no podrán reducirse”. Entre los elementos que deben tenerse en cuenta para determinar el nivel de los salarios mínimos deberán incluirse “las necesidades de los trabajadores y de sus familias habida cuenta del nivel general de salarios en el país, del costo de vida, de las prestaciones de seguridad social y del nivel de vida relativo de otros grupos sociales”; así como “los factores económicos, los niveles de productividad y la conveniencia de alcanzar y mantener un alto nivel de empleo¹⁹”.

Para la OIT, el salario mínimo debe ser “la suma mínima que deberá pagarse al trabajador por el trabajo o servicios prestados, dentro de un lapso determinado, bajo cualquier forma que sea calculado, por hora o por rendimiento, que no puede ser disminuida ni por acuerdo individual ni colectivo, que está garantizada por ley y puede fijarse para cubrir las necesidades mínimas del trabajador y de su familia, teniendo en consideración las condiciones económicas y sociales de los países.”. El salario mínimo representa el nivel de remuneración por debajo del cual no se puede descender ni de hecho ni de derecho.

Por lo tanto, los niveles educativos, pueden ser parámetro de calificación, aunque en países en desarrollo, los mercados laborales, poco se rigen por la competitividad, hay otros factores que determinan la ocupación de puestos de trabajo. Es decir, los niveles de calificación son condición de necesidad pero no de suficiencia para un puesto o plaza laboral y mucho menos para establecer el tabulador salarial. Un elemento de gran importancia son las redes sociales, elemento que aplica no sólo para la migración sino también para otras dimensiones sociales.

En relación al trabajo migrante en la década de 1950²⁰, la inmigración mexicana a Estados Unidos se compone, fundamentalmente, de trabajadores descalifi-

¹⁷ Salario mínimo ideal en 2010, según la Constitución de los Estados Unidos Mexicanos. (2011), Observatorio de Salario Justo, Universidad Iberoamericana Puebla, Puebla México, Ver: http://www.fesmex.org/common/Documentos/Libros/Paper_AP_Los_Salarios_en_Mexico_MSantia go_Nov2011.pdf (accessed 01.10.2017).

¹⁸ OIT, Conferencia Internacional del Trabajo. 1992.

¹⁹ *Ibidem*.

²⁰ Baird Peter & McCaughan Ed, México-Estados Unidos: relaciones económicas y lucha de clases, Ediciones Era, México D.F., 1982, 214.

cados, una gran población que se vuelve hacia Estados Unidos en busca de salarios mejores de los que puede obtener en su propio país. Ciertamente que muchos de estos inmigrantes son, en México, trabajadores calificados, pero en los Estados Unidos se convierten por necesidad (contexto social) en no calificados, por su ignorancia del idioma y por su incapacidad para operar la moderna maquinaria agrícola e industrial.

A cincuenta años de distancia, después de que el Congreso de los Estados Unidos declarara concluido el programa bracero en 1964, la migración en general y la mexicana en particular se encapsuló en ocupaciones propias de su situación ilegal e incluso en la economía informal mediante la existencia de los *sweatshops* (talleres de confección de ropa y accesorios, sobre todo; o bien, en menor medida, de artículos de plástico o de partes metálicas) establecidos²¹ que operan, en muchos sentidos, al margen de las leyes y las reglamentaciones oficiales, pero son toleradas porque, entre otras cosas, ayudan a mantener la competitividad de la industria norteamericana por un lado y por otro a mantener la mano de obra migrante en condiciones de exclusión y vulnerabilidad. No solo son los *sweatshops* sino también los restaurantes neoyorquinos²² son la principal fuente de empleo de los mexicanos en Nueva York y están cobrando de manera creciente una importancia similar para las mexicanas migrantes. La mayor parte de los migrantes de México ingresaron al mercado de trabajo norteamericano a través de los restaurantes y, se mantuvieron después trabajando en ellos, más que en cualquier otro trabajo.

La saturación de los mercados y la poca capacidad de absorción de la oferta de mano de obra (calificada o no) que existe hoy día incluso en los países desarrollados genera una situación de vulnerabilidad y exclusión no sólo de los que no tienen niveles de preparación sino también de los que se preparan. Esto lleva a pensar un límite de la capacidad de absorción de los mercados y en una paradoja ya planteada mayor tiempo libre para hacer filas de desempleo o para disfrutarlo²³.

Puesto de otra manera, una crisis de la sociedad del trabajo (asalariado, remunerado o pagado)²⁴. Al haber un sector creciente de la sociedad que aunque se califiquen no encuentran cabida, el número de excluidos y vulnerados en la sociedad se acrecienta. La exclusión implica la poca o nula capacidad de incorporarse a la sociedad del consumo de productos-mercancías y la vulnerabilidad es la poca o nula certidumbre que tienen los que están incorporados.

²¹ Herrera, Fernando, *Vidas itinerantes en un espacio laboral transnacional*, Universidad Autónoma Metropolitana, México D.F., 2005, 121.

²² *Ibidem.*, 126.

²³ Rifkin, Jeremy, "Tiempo libre para disfrutarlo o hacer filas de desempleo", en Luis J. Alvarez (coord.), *Un Mundo Sin Trabajo*, Editorial Driada, México D.F., 34.

²⁴ *Ibidem.*, 25-29.

Vemos pues que en las sociedades capitalista contemporáneas el fenómeno de la economía informal es más recurrente que antes. Es decir su existencia no se limita al ahora sino ya existía, sólo que ahora la relación se ha invertido pues convive de manera más continua con la formalidad y en algunos momento dicha economía formal está altamente asociada a la informalidad (legal e ilegal).

IV. Ingresos, Escolaridad y Ocupaciones de la mano de obra migrante Mexicana y de América Centra y Caribe en Estados Unidos

En el siguiente cuadro podemos observar la cantidad de habitantes por nacionalidad que se encuentra radicando en los Estados Unidos de Norteamérica. Es interesante ver que la migración representa poco más del 13 % de la población total. Para los casos que nos ocupan en este trabajo, que son México y América Central y Caribe, representa el poco más del 6 %, que se traduce en casi la mitad de la población migrante en el país del Norte.

Cuadro 1

Población en Estados Unidos por Nacionalidad

		Población	Porcentaje	Porcentaje válido	Porcentaje acumulado
Válidos	Europa	3362277.81	1.10	1.105455837	1.105455837
	Europa Oriental	2147027.7	0.71	0.705903687	1.811359524
	Asia	10681459.2	3.51	3.511869658	5.323229182
	América Central y Caribe	6584496.06	2.16	2.164862636	7.488091818
	América del Sur	2483025.98	0.82	0.816373815	8.304465633
	África	1663174.26	0.55	0.54682147	8.851287103
	Oceanía	265642.56	0.09	0.087338446	8.938625549
	USA	264313015.1	86.87	86.90131569	95.83994123
	Canadá	780257.39	0.26	0.256534449	96.09647568
	México	11872688.85	3.90	3.903524317	100
	Total	304153064.9	99.96	100	
Perdidos	Sistema	126861.47	0.04		
Total		304279926.4	100		

Fuente: Elaboración propia con datos del *Current Population Survey* (CPS), suplemento de marzo de 2010.

Para el caso de los ingresos por nacionalidad, el comportamiento es muy similar para nuestros dos casos de estudio, ya que cerca del 70 u 80 por ciento de los migrantes que reportaron ingresos anuales, se encuentran alrededor de los 2500 y hasta los 29999 dólares anuales. En el caso de país anfitrión en el mismo rango aludido se encuentra cerca del 46 por ciento de su población.

Porcentaje de ingresos por Nacionalidad: USA, MÉXICO Y AC y CARIBE

	USA		México		AC y Caribe	
Población total	264313015.1		11872688.85		6584496.06	
Ingresos/anuales	Población		Población		Población por	
Dls. americanos	por rango	%	por rango	%	rango	%
Por abajo de 2,500						
hasta 14,999	78445084	29.68	5906428	49.75	2928966	44.48
15,000 a 29,999	42909316	16.23	3226328	27.17	1625706	24.69
30,000 a 44,999	30814020	11.66	1252830	10.55	838564	12.74
45,000 a 59,999	19080713	7.22	435534	3.67	393305	5.97
60,000 a 74,999	12030381	4.55	188256	1.59	193683	2.94
75,000 a 89,999	6829747	2.58	103938	0.88	91646	1.39
90,000 a más de 100,0	14295456	5.41	112098	0.94	201236	3.06
% del total según nacionalidad que reporta percibir algún ingreso	2.04E+08	77.33	11225412	94.55	6273106	95.27

Fuente: Elaboración propia con datos del CPS, suplemento de marzo de 2010

Es interesante observar que la distribución de escolaridad tiene tendencia diversa, pues confirma que un importante sector migrante tiene niveles de escolaridad más allá de los básicos. Sobre todo Europa, Oceanía y Canadá.

Niveles de escolaridad en Estados Unidos por Nacionalidad

Niveles	Europa	Europa Oriental	Asia	América Central y Caribe	América del Sur	África	Oceanía	Canadá	México	USA	Total
Children	171188	124353	659248	311394	77696	156792	14924	30234	647276	59908297	62101402
Less than 1st grade	20553	6825	125238	96955	17181	27863	1695		271028	296943	864281
1st,2nd,3rd,or 4th grade	57684	19534	154184	350324	25985	17849	176		798134	484949	1908819
5th or 6th grade	103090	22664	174033	491562	75547	31138	1432	4488	1804491	793209	3501654
7th and 8th grade	60566	59612	246646	328972	66624	49876	13823	20910	926680	5047671	6821380
9th grade	26339	31476	161735	338462	53761	18610	3211	14817	1090255	5903897	7642563
10th grade	54431	67492	223942	203046	83435	32680	4030	26099	534268	8025417	9254840
11th grade	54453	53262	140138	254299	61541	36637	15060	9032	539641	9048557	10212620
12th grade no diploma	31148	27400	155200	164671	55031	11326	4440	9298	504060	2827025	3789599
High school graduate — high	849230	496612	2073793	1802998	785528	348331	74460	129476	2857414	61907638	71325480
Some college but no degree	530607	243229	1052715	773910	368044	240806	35548	134107	859543	40211121	44449630
Associate degree in college	110620	81576	268345	194766	77021	67517	3799	41858	187287	8175570	9208359

Niveles	Europa	Europa Oriental	Asia	América Central y Caribe	América del Sur	África	Oceanía	Canadá	México	USA	Total
Associate degree in college	173387	71739	389794	277705	96930	77041	9850	59084	151222	9232909	10539661
Bachelor's degree	634897	536582	2965751	736267	409646	317691	39331	173155	550439	34923941	41287700
Master's degree	312263	213038	1314861	160620	151568	155959	34695	66108	105736	12840685	15355533
Professional school degree	63767	48680	250866	48338	33560	43047	1361	30073	23891	2556062	3099645
Doctorate degree	108055	42954	324972	50206	43929	30010	7807	31518	21323	2129125	2789899
Total	3362278	2147028	10681461	6584495	2483027	1663173	265642	780257	11872688	264313016	304153065

Fuente: Elaboración propia con datos del CPS, suplemento de Marzo 2010.

Los resultados escolaridad agregados por rangos en los migrantes de nuestro estudio son muy interesantes. Muestra que para el caso de México los niveles educativos de los migrantes no son muy elevados, pues cerca del 60 por ciento tiene educación primaria y sumados a los de secundaria, da un total de aproximadamente el 85 por ciento de la población, en el caso de los migrantes de América Central y el Caribe, muestran los datos que sí tienen niveles educativos mayores a México.

Cuadro 4

Niveles de Escolaridad en Estados Unidos de migrantes mexicanos y de AC y Caribe

	USA	MÉXICO	AC y CARIBE
Población	264313016	11872688	6584495
Educación Elmental y High School	34.93	59.93	38.57
Graduados High School	23.42	24.07	27.38
Escuelas Técnicas	21.80	10.09	18.93
Lincenciatura	13.21	4.64	11.18
Maestría	4.86	0.89	2.44
Doctorado	0.81	0.18	0.42

Fuente: Elaboración propia con datos del CPS, suplemento de Marzo 2010.

De acuerdo al *Current Population Survey*, el número de ocupaciones registradas en la economía Estadounidense asciende a 501. De los 304 279 926 habitantes para el año de 2010, el 49.31 por ciento que corresponde a 150 052 396 habitantes reportó encontrarse en alguna de las 501 ocupaciones. Cabe destacar que en las primeras 30 ocupaciones ordenadas de mayor a menor por el número de ocupantes se encuentra el 21.09 por ciento del total.

Estas 30 ocupaciones son: vendedores de servicios dentales, Cajeros, Supervisores de primera línea -gerentes de trabajadores de ventas minoristas, Trabajadores de conducir -venta y camioneros, Las secretarias y asistentes administrativos, Gerentes, Profesores de primaria y secundaria, Las enfermeras registradas, Conserjes

y construcción limpiadores, Cocineros, Camareros y camareras, Enfermería, Psiquiátricos y de salud a domicilio, Representantes de servicio al cliente, Obreros y carga, de valores, y de motores y materiales, Contadores y auditores, Trabajadores de la construcción, Camareras y encargados de limpieza, Supervisores de primera línea -gerentes de oficina y administrativo, Empleados de almacén, Carpinteros, Presidentes ejecutivos, Trabajadores de cuidado infantil, Recepcionistas y empleados de informaciones, Profesores de postsecundaria, Empleados de contabilidad, contabilidad y auditoría, Trabajadores de mantenimiento de terrenos, Encargados de la construcción, Representantes de ventas, al por mayor y fabricación, Maestros de escuelas secundarias y Directores financieros.

Cuadro 5

Total de Ocupaciones en Estados Unidos (de mayor a menor cantidad poblacional por ocupación)

		Frecuencia	Porcentaje	Porcentaje válido	Porcentaje acumulado
	Total	304279926	100	100	
# Ocupació	Válidos	150052396	49.31393213	49.3139321	49.31393213
1	Retail salespersons	3798390.32	1.248321033	1.24832103	80.56536471
	Cashiers	3792712.37	1.246455004	1.246455	79.20197552
	First-line supervisors-manag	3451571.75	1.134340931	1.13434093	77.58561205
	Driver-sales workers and tru	3409968	1.120668077	1.12066808	98.36860777
	Secretaries and administrati	3385406.53	1.112596079	1.11259608	87.78081376
	Managers, all other	3196042.16	1.050362473	1.05036247	54.56649032
	Elementary and middle scho	3056176.97	1.004396513	1.00439651	62.41617957
	Registered nurses	2876207.56	0.945250511	0.94525051	66.21720327
	Janitors and building cleaner	2508303.43	0.824340751	0.82434075	73.57125418
	Cooks	2337566.32	0.768228896	0.7682289	70.77294159
	Waiters and waitresses	2240533.02	0.736339412	0.73633941	72.13313366
	Nursing, psychiatric, and ho	2159572.67	0.709732218	0.70973222	68.09006782
	Customer service represent	2083590.65	0.684761126	0.68476113	84.4318789
	Laborers and freight, stock,	2063030.25	0.678004058	0.67800406	99.72996682

15	Accountants and auditors	1845734.67	0.606591007	0.60659101	56.15692687
235	Medical, dental, and ophthal	110597.46	0.036347274	0.03634727	96.31003422
	Aerospace engineers	110187.83	0.036212652	0.03621265	58.04296126
	Personal care and service w	110146.4	0.036199036	0.03619904	76.45127112
	Administrative services man	108569.25	0.035680714	0.03568071	50.57282034
	Library assistants, clerical	107051.62	0.035181953	0.03518195	84.7364439
	Barbers	106777.58	0.035091891	0.03509189	74.99248289
	Food batchmakers	106251.9	0.034919129	0.03491913	94.84277582
	Cement masons, concrete f	106244.07	0.034916556	0.03491656	90.03674443
	Sheet metal workers	105721.34	0.034744763	0.03474476	91.83727914
	Cutting workers	105346.39	0.034621538	0.03462154	96.00408371
	Biological scientists	105055.2	0.03452584	0.03452584	58.86231012
	Therapists, all other	104338.12	0.034290175	0.03429018	66.46987839
	Chemists and materials scie	103905.62	0.034148036	0.03414804	58.95648284
	Travel agents	103711.96	0.034084391	0.03408439	80.97309249
249	Service station attendants	103198.19	0.033915543	0.03391554	98.67531557
488	Drilling and boring machine t	3002.93	0.000986897	0.0009869	94.90828662
	Fabric and apparel patternm	2961.36	0.000973235	0.00097324	95.76869521
	Railroad brake, signal, and s	2878.18	0.000945899	0.0009459	98.56722559
	Signal and track switch repa	2836.02	0.000932043	0.00093204	93.81701131
	Atmospheric and space scie	2690.22	0.000884127	0.00088413	58.9223348
	Purchasing agents and buye	2644.71	0.00086917	0.00086917	54.58743343
	Tank car, truck, and ship loa	2159.96	0.00070986	0.00070986	99.96519872

	Hoist and winch operators	2119.82	0.000696668	0.00069667	98.74102409
	Agricultural engineers	2098.63	0.000689704	0.0006897	58.04365096
	Extruding and forming mach	2018.13	0.000663248	0.00066325	95.76772197
	Shoe machine operators an	1505.23	0.000494686	0.00049469	95.72708654
	Media and communication e	1222.73	0.000401844	0.00040184	64.74920213
	Nuclear technicians	1160.27	0.000381317	0.00038132	59.23932144
	Miscellaneous mathematica	865.14	0.000284324	0.00028432	57.92503097
501	Commercial divers	330.79	0.000108712	0.00010871	93.7972268

Fuente: Elaboración propia con datos del CPS, suplemento de Marzo 2010.

De las 501 ocupaciones en Estados Unidos, para el caso de los migrantes mexicanos, su participación se registra en un total de 334. De los 11 872688 habitantes migrantes mexicanos para el año de 2010, el 34.64 por ciento correspondiente a 4 113 350 habitantes migrante mexicano reportó encontrarse en alguna de las 334 ocupaciones. Cabe destacar que en las primeras 30 ocupaciones ordenadas de mayor a menor por el número de ocupantes se encuentra el 40.87163861 por ciento del total.

Estas 30 ocupaciones son: Cocineros, Trabajadores de mantenimiento de terrenos, Trabajadores de la construcción, Camareras y encargados de limpieza, Trabajadores agrícolas, Conserjes y construcción limpiadores, Trabajadores conductores -venta y los camioneros, Carpinteros, Cajeros, Obreros y carga, de valores, y de motores, Trabajadores de producción, Camareros y camareras, Empacadores y embaladores, Vendedores de servicios dentales, Pintores, Construcción y mantenimiento, Techadores, Ensambladores y fabricantes, Empleados de almacén, Instaladores del azulejo del techo, y cirios, Técnicos y mecánicos automotrices, Lavavajillas, Operadores y encargados de máquinas de envasado y llenado, Enfermería, Ayudantes Psiquiátricos y de salud a domicilio, Alfombra, suelo, e instaladores de baldosas, Operadores de camiones industriales y tractores, Carniceros y otras carnes, aves de corral, y los trabajadores de procesamiento de pescado, Salón-comedor y cafetería asistentes y ayudantes de camarero, Supervisores de primera línea -gerentes de trabajadores de ventas minoristas, Trabajadores de la preparación de alimentos, Pipelayers, fontaneros, instaladores de tuberías y steamfitters.

Cuadro 6

Ocupaciones de migrantes mexicanos en Estados Unidos (de mayor a menor cantidad poblacional por ocupación)

		Frecuencia	Porcentaje	Porcentaje válido	Porcentaje acumulado
	Total	11872688.85	100	100	
# Ocupación	Válidos	4113350.15	34.64548092	34.64548092	34.64548092
1	Cooks	459512.17	3.870329424	3.870329424	46.10923708
	Grounds maintenance workers	403782.46	3.400935248	3.400935248	59.07192506
	Construction laborers	370229.87	3.118332121	3.118332121	78.5544
	Maids and housekeeping	366793.18	3.08938594	3.08938594	55.65950833
	Miscellaneous agricultural	346656.33	2.919779457	2.919779457	72.09775551
	Janitors and building cleaners	314700.92	2.650628884	2.650628884	52.57012239
	Driver-sales workers and	228885.91	1.927835496	1.927835496	96.11806621
	Carpenters	203638.41	1.715183583	1.715183583	74.50540001
	Cashiers	159717.37	1.345250196	1.345250196	62.91649579
	Laborers and freight, stock	150813.88	1.270258843	1.270258843	98.78837766
	Production workers, all other	141249.03	1.189697058	1.189697058	93.9186283
	Waiters and waitresses	136625.7	1.150756174	1.150756174	48.14271167
	Packers and packagers, hand	129996.68	1.094921981	1.094921981	99.90137171
	Retail salespersons	118514.08	0.99820758	0.99820758	63.94181382
15	Painters, construction and	115922.8	0.976382027	0.976382027	80.99574057
159	Grinding, lapping, polishing	5377.56	0.045293531	0.045293531	88.52321098
	Animal trainers	5331.11	0.044902297	0.044902297	59.15243732
	Motor vehicle operators, all other	5321.06	0.044817649	0.044817649	96.19452724
	Food servers, nonrestaurant	5246.51	0.044189737	0.044189737	48.1869014
	Transportation inspectors	5177.96	0.043612362	0.043612362	96.30921786

		Frecuencia	Porcentaje	Porcentaje válido	Porcentaje acumulado
	Licensed practical and lic	5140.19	0.043294237	0.043294237	40.49330056
	Counselors	5032.07	0.042383575	0.042383575	38.13574218
	Wholesale and retail buye	4894.79	0.041227308	0.041227308	36.96760696
	Computer scientists and s	4879.74	0.041100546	0.041100546	37.60226522
	Computer and information	4870.98	0.041026764	0.041026764	34.87412432
	Medical records and healt	4853.56	0.04088004	0.04088004	40.5341806
	Bill and account collectors	4821.28	0.040608156	0.040608156	64.99036004
	Electronic home entertain	4733.05	0.039865022	0.039865022	83.3921754
	Announcers	4704.15	0.039621606	0.039621606	39.89421251
173	Crane and tower operator	4614.7	0.038868196	0.038868196	96.34808605
320	Control and valve installer	814.21	0.00685784	0.00685784	84.84046729
	Credit analysts	808.17	0.006806967	0.006806967	37.40223404
	Engineers, all other	759.39	0.006396108	0.006396108	37.96427698
	Ushers, lobby attendants,	725.95	0.006114453	0.006114453	59.27249496
	Dredge, excavating, and l	678.05	0.005711006	0.005711006	96.35379706
	Animal breeders	649.81	0.005473149	0.005473149	68.7566752
	First-line supervisors-man	607.76	0.005118975	0.005118975	41.51145223
	Miscellaneous plant and s	593.95	0.005002658	0.005002658	91.27957017
	Transportation attendants	551.72	0.004646968	0.004646968	59.69329652
	Riggers	317.79	0.002676647	0.002676647	85.49171084
	Miscellaneous social scie	243.2	0.002048399	0.002048399	38.02935718
	Photographers	239.13	0.002014118	0.002014118	39.97911846
	Roof bolters, mining	122.61	0.001032706	0.001032706	83.16475884
	Budget analysts	115.99	0.000976948	0.000976948	37.39542707
334	Subway, streetcar, and ot	112.98	0.000951596	0.000951596	96.19547884

Fuente: Elaboración propia con datos del CPS, suplemento de Marzo 2010.

De las 501 ocupaciones en Estados Unidos, para el caso de los migrantes mexicanos, su participación se registra en un total de 307. De los 6 584 505 habitantes migrantes de América Central y Caribe para el año de 2010, el 33.53 por ciento correspondiente a 2 208 080 habitantes migrantes reportó encontrarse en alguna de las 307 ocupaciones. Cabe destacar que en las primeras 30 ocupaciones ordenadas de mayor a menor por el número de ocupantes se encuentra el 36.34 por ciento del total.

Estas 30 ocupaciones son: Camareras y encargados de limpieza, Enfermería, Ayudantes psiquiátricos y de salud a domicilio, Trabajadores de la construcción, Conserjes y limpiadores, Cajeros, Trabajador conductor -venta y camioneros, Cocineros, Enfermeras registradas, Obreros y carga, de valores, y de motores, Trabajadores de mantenimiento de terrenos, Trabajadores de cuidado infantil, Ayudantes de vendedores de servicios dental, Pintores, Construcción y mantenimiento, Carpinteros, Empleados de almacén, Empacadores y embaladores, Supervisores de primera línea -gerentes de trabajadores de ventas minoristas, Trabajadores de producción, Gerentes, Camareros y camareras, Representantes de servicio al cliente, Taxistas y choferes, Técnicos y mecánicos automotrices, Guardias de seguridad y agentes de vigilancia de juego, Auxiliares médicos y otros de apoyo sanitario ocupaciones, Contadores y auditores, Trabajadores de la preparación de alimentos, Secretarias y asistentes administrativos, Ayudantes de cuidado personal y domiciliario y por último Conductores de autobús.

Cuadro 7

Ocupaciones de migrantes de AC y Caribe en Estados Unidos (de mayor a menor cantidad poblacional por ocupación)

		Frecuencia	Porcentaje	Porcentaje acumulado
# Ocupación	Total	6584505	100	
	Validos	2208080	33.53448741	33.53449
1	Maids and housekeeping cleaners	223792	3.398767257	36.93325
	Nursing, psychiatric, and home health aides	187360	2.845468262	39.77872
	Construction laborers	158035	2.400104488	42.17883
	Janitors and building cleaners-201X	156144	2.371385548	44.55021
	Cashiers	122085	1.854125709	46.40434
	Driver-sales workers and truck drivers	114684	1.74172546	48.14606
	Cooks	97310	1.47786356	49.62393
	Registered nurses	87427	1.327768754	50.95170
	Laborers and freight, stock, and material movers,	87221	1.324640197	52.27634

		Frecuencia	Porcentaje	Porcentaje acumulado
	Grounds maintenance workers	86559	1.31458629	53.59092
	Child care workers	76991	1.169275443	54.76020
	Retail salespersons	74926	1.137913936	55.89811
	Painters, construction and maintenance	71832	1.09092483	56.98904
	Carpenters	68710	1.043510484	58.03255
15	Stock clerks and order fillers	67813	1.029887592	59.06244
170	Network and computer systems administrators	3947	0.059943762	96.01025438
	Postal service clerks	3795	0.057635312	96.06788969
	Health diagnosing and treating practitioner support	3770	0.057255633	96.12514532
	Crushing, grinding, polishing, mixing, and blending	3763	0.057149323	96.18229464
	Producers and directors	3762	0.057134135	96.23942878
	Computer support specialists	3721	0.056511461	96.29594024
	Human resources managers	3711	0.05635959	96.35229983
	Dietitians and nutritionists	3605	0.05474975	96.40704958
	Bailiffs, correctional officers, and jailers	3595	0.054597878	96.46164746
	Bus and truck mechanics and diesel engine specialists	3553	0.053960017	96.51560748
	Purchasing agents, except wholesale, retail, and	3529	0.053595525	96.569203
	Grinding, lapping, polishing & buffing machine tool	3490	0.053003225	96.62220623
	Purchasing managers	3489	0.052988038	96.67519426
	Library assistants, clerical	3461	0.052562797	96.72775706
184	Machinists	3440	0.052243866	96.78000093
193	Sales and related workers, all other	670	0.010175404	99.93952469
	First-line supervisors-managers of gaming workers	524	0.007958077	99.94748276
	Public relations managers	524	0.007958077	99.95544084
	Musicians, singers, and related workers	506	0.007684708	99.96312555
	Mail clerks and mail machine operators, except postal	418	0.006348237	99.96947379
	Network systems and data communications analysts	361	0.005482569	99.97495636
	Fishers and related fishing workers	280	0.004252408	99.97920876

		Frecuencia	Porcentaje	Porcentaje acumulado
	Credit analysts	211	0.003204493	99.98241326
	Prepress technicians and workers	203	0.003082996	99.98549625
	Cement masons, concrete finishers, and terrazz	197	0.002991873	99.98848812
	Etchers and engravers	189	0.002870375	99.9913585
	Jewelers and precious stone and metal workers	178	0.002703316	99.99406182
	Artists and related workers	131	0.001989519	99.99605134
	Security and fire alarm systems installers	131	0.001989519	99.99804086
307	Logging workers	129	0.001959145	100

Fuente: Elaboración propia con datos del CPS, suplemento de Marzo 2010.

De las 501 ocupaciones en Estados Unidos, hay 113 en las que no participan los migrantes Mexicanos y de América Central y Caribe. De los 264 313 016 habitantes Estadounidenses para el año de 2010, el 51.29 por ciento correspondiente a 135 580 575 habitantes reportó encontrarse en alguna de las 501 ocupaciones.

Entre algunas de las ocupaciones ordenadas de mayor a menor por el número de ocupantes se encuentran: Bibliotecarios, Techadores, Arquitectos, Los administradores de sistemas de red y de la computadora, Contador y vendedores del alquiler, Chefs, Fisioterapeutas, Escritores y autores, Técnicos de emergencias médicas y paramédicos, Psicólogos, Dentistas, Mercado y peritaje de los investigadores, Tecnólogos varios de salud y técnicos, Editores, Músicos, cantantes y trabajadores relacionados, Fotógrafos.

Cuadro 8

Ocupaciones laborales en Estados Unidos en las cuales no participan los migrantes mexicanos y AC y Caribe

	USA	México	AC y Caribe	Total de ocupados
Totales	264313016	11872688	6584505	304153078
Ocupaciones	135580575	4113350	2208080	150006694
Librarians	199964			208447
Physical therapists	184711			209681
Writers and authors	184635			198816
Editors	151058			165119
Lifeguards and other protective service workers-909X	140199			146114
Detectives and criminal investigators	130199			140390
Insurance underwriters	117362			119188

	USA	México	AC y Caribe	Total de ocupados
Dental hygienists	112249			118625
Operations research analysts	107070			112139
Medical scientists	98644			149729
First-line supervisors-managers of police and detectives	92367			93745
Biological scientists	90266			105054
Chemists and materials scientists	87963			103906
Advertising and promotions managers	87901			91085
News analysts, reporters and correspondents	82706			100819
Surveying and mapping technicians	82603			82854
Engineering managers	79727			95849
Postal service mail sorters, processors, and processing m	74745			88343
Technical writers	74742			80030
Other healthcare practitioners and technical occupation	60917			62929
Millwrights	56384			56384
Railroad conductors and yardmasters	55583			60721
Chemical engineers	55298			72990
Human resources assistants, except payroll and timekee	50920			54826
Tool and die makers	49676			54031
Meter readers, utilities	47417			47417
Funeral directors	46738			46738
Paper goods machine setters, operators, and tenders	45498			47811
Archivists, curators, and museum technicians	44339			44339
Optometrists	43156			43156
Opticians, dispensing	42323			42766
Chiropractors	41835			51336
First-line supervisors-managers of fire fighting and prev	39830			39830
Environmental engineers	36409			41672
Air traffic controllers and airfield operations specialists	35905			39349
Surveyors, cartographers, and photogrammetrists	34046			36115
Coin, vending, and amusement machine servicers and re	34042			40517

	USA	México	AC y Caribe	Total de ocupados
Power plant operators, distributors, and dispatchers	32705			32705
Agricultural and food scientists	29331			30715
Tour and travel guides	28749			30395
Dancers and choreographers	25058			25739
Lathe and turning machine tool setters, operators, and t	24906			24906
Materials engineers	23320			31595
New accounts clerks	22897			22897
Actuaries	22269			23597
Sales engineers	21846			25082
Urban and regional planners	21040			21373
Fire inspectors	20680			23989
Actors	20380			29158
Furnace, kiln, oven, drier, and kettle operators and tend	20073			20073
Recreational therapists	19308			19308
Tool grinders, filers, and sharpeners	17798			17798
Podiatrists	17003			18506
Parking enforcement workers	16546			16546
Earth drillers, except oil and gas	16534			17817
Ambulance drivers and attendants, except emergency m	15978			15978

Fuente: Elaboración propia con datos del CPS, suplemento de Marzo 2010.

V. Conclusiones

Las características de la segmentación del mercado de trabajo migrante en estados Unidos de Norteamérica está sujeta (no únicamente) al igual que en otros mercados por los niveles de calificación asociados a los grados de escolaridad de la mano de obra. Sin embargo sucede un fenómeno de suma importancia, ya que el migrante al partir en su “aventura” hacia el sueño americano y sufrir un sinnúmero de situaciones de violaciones lamentables, tanto por los agentes formales como informales que el proceso de traslado conlleva, al llegar al mercado de trabajo migrante de Norteamérica, su precio de la mano de obra es determinado por el mercado al que llegan, mercado que evidentemente tiene tintes característicos de informalidad solapada por autoridades por convenir a intereses económicos y políticos o por existir problemas íntimamente ligados a las crisis institucionales actuales. Sin embargo los ingresos que el migrante tiene en esos mercados comparados con los de su origen son en situaciones de hasta 10 veces superior, dependiendo de la relación del tipo de

cambio que su país de origen guarde con el dólar. Evidentemente no podemos decir que el proceso de traslado a pesar de ser de aprendizaje para nada se debe interpretar como parte de su calificación preparatoria para los mercados laborales.

El tipo de trabajo a desempeñar a su arribo generalmente está asociado a trabajo simple. Ya que en ese mercado la división social del mismo es de gran envergadura, su diversidad es muy grande, de ahí que los niveles de calificación asociados a grados de escolaridad importan, pero hay un sinfín de actividades que requieren tal cual del desgaste físico a gran escala. Ello no implica que el migrante sólo sea materia dispuesta para la explotación de su cuerpo y alma. Pues visto está que la vida del migrante tiene no sólo dimensiones económicas. Hay un crisol de dimensiones que hacen de él o que él hace de ellas una posible esperanza de su entrono mejor.

Bibliografía

1. Amador, Vázquez Samuel, *Modalidad neoliberal del Estado mexicano en sus procesos de acumulación de capital: 1982-2006. Dos casos representativos de acumulación: Emilio Azcárraga Jean y Carlos Slim Helú*, México D.F. Ediciones Gernika, 2013.
2. Baird Peter & McCaughan Ed, *México-Estados Unidos: relaciones económicas y lucha de clases*, México D.F., Ediciones Era, 1982.
3. Dora, Kanoussi & Javier Mena (comp.), *Filosofía y política en el pensamiento de Gramsci*, México D.F. Cultura Popular, 1988.
4. Friedman Milton & Rose Friedman, *La libertad de elegir*, Barcelona. Grijalbo, 1980.
5. Harvey, David, (2004), *El nuevo imperialismo*, Madrid. Akal, S.A., 2004.
6. Herrera, F., *Vidas itinerantes en un espacio laboral transnacional*, México D.F. Universidad Autónoma Metropolitana, 2005.
7. Hobsbawn, E., *Entorno a los orígenes de la revolución industrial*, México D.F. Siglo XXI, 1979.
8. Kohan, *El poder y la hegemonía: Apuntes sobre la teoría Marxista*. Publicado en el periódico Madres de Plaza de Mayo N°6, diciembre 2003. Ver: <http://www.rebellion.org/argentina/031221kohan.htm> (accessed 01.10.2017).
9. Marx, C., *El Capital*, (3 tomos), México D.F., Fondo de Cultura Económica, 1962.
10. Observatorio de Salario Justo. Universidad Iberoamericana Puebla, *Salario mínimo ideal en 2010. Según la Constitución de los Estados Unidos Mexicanos*. Puebla, México, 2011.
11. Organización Internacional del Trabajo, Conferencia Internacional del Trabajo, 1992.
12. Osádchaia, I., *De Keynes a la síntesis neoclásica: análisis crítico*, Moscú. Progreso, 1975.
13. Rifkin, J., *Tiempo libre para disfrutarlo o hacer filas de desempleo*, en Un Mundo Sin Trabajo, Coordinado por Alvarez, Luis J. Lozano, México D.F., Editorial Dríada, 2008.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ИБЕРОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Alberto Hutschenreuter*¹

Particularidades que explican el mayor relacionamiento entre Rusia y América Latina

Particularities that explain the greater relationship between Russia and Latin America

Resumen. El autor ofrece una lista de realidades particulares que ayudan a comprender tanto las relaciones de la región con Rusia como las pautas generales de las relaciones entre América Latina y otros países

Palabras clave. Rusia, Latinoamérica, EEUU, China, geopolítica, multipolaridad.

Abstract. The author gives a list of particular realities that help to understand both the Russia's engagement in regional affairs and the general pattern of relationships between Latin America and othe countries.

Key words. Russia, Latin America, the USA, China, geopolitics, multipolarity.

Una de las “nuevas realidades” que podemos observar en América Latina en relación con el segmento comercio-económico es el incremento de la relación con la Federación Rusa. Solo a modo de contar con un dato en relación con dicho incremento, consideremos que entre 2004 y 2015 el intercambio comercial entre Rusia y América Latina pasó de casi 6000 millones de dólares a 18.000 millones.

Es cierto que dicho relacionamiento registra marcadas diferencias cuando comparamos el intercambio entre Rusia y los países latinoamericanos de mayor viabilidad y desarrollo relativo. En este sentido, Brasil, México, Venezuela y Argentina concentran la mayor parte del comercio con aquel país.

También es verdad que que si comparamos la relación con otras potencias emergentes, particularmente con China, el intercambio entre Rusia y América

¹ Argentina. Doctor en Relaciones Internacionales (cumma sum Laude, USAL). Profesor en la Magistratura de Relaciones Internacionales en la Universidad Abierta Interamericana.

Latina es significativamente inferior (el intercambio entre China y América Latina asciende actualmente a 250.000 millones de dólares). Pero sabemos que desde hace 35 años el país asiático no sólo crece a tasas inigualables, sino que hasta hoy ese crecimiento estuvo asociado a una neta visión geocomercial, a diferencia del enfoque geocomercial y geopolítico que guía el despliegue chino global actual.

Si bien varias de las siguientes realidades pueden incluir también a China, existen algunas especificidades que acaso “desmarcan” la relación entre Rusia y América Latina.

En primer lugar, el fin de la era de las esferas de influencia o bloques geoestratégicos no ha dado lugar a un ciclo de nuevos bloques, esta vez de naturaleza comercial, hipótesis que cuando finalizó la Guerra Fría (e incluso desde antes) prácticamente nadie cuestionaba. En otros términos, pueden existir bloques en estado de mayor o menor integración o complementación, pero resulta indudable que el mundo no marchó hacia una configuración en base a bloques geoeconómicos, y sí lo hizo hacia un mundo en clave de mercado, es decir, el mundo es el mercado y el mercado es el mundo.

Segundo, aunque no existe una nueva Guerra Fría, Rusia viene reparándose frente a la política de poder que Occidente mantiene ante ella desde el final del conflicto bipolar. En este cuadro, la ampliación de vínculos (comerciales y no sólo comerciales) con otros países, particularmente con aquellos tradicionalmente pertenecientes a la órbita de influencia de Washington, es una oportunidad que Moscú no ha dejado de aprovechar.

Tercero, las “leyes” de la geopolítica permanecen inmutables; más allá de la falsa moda que la denostó y hasta decretó su “fin”, la geopolítica no está de regreso porque, sencillamente, nunca se fue: la captación de espacios con fines asociados al incremento del poder nacional (otro término repudiado) es un hecho concluyente.

La frase de Friedrich Ratzel “Si un país no ocupa sus espacios otros lo harán por él”, no sólo implica lo que ello literalmente significa, sino también ganancia de espacios en clave comercio-económica a escala local, regional y global. En otras palabras, pudo haberse modificado el recipiente mas no el viejo contenido de la materia.

Cuarto, Estados Unidos carece de una concepción de seguridad netamente comercial como lo fue la “Doctrina Clinton”, cuyo fin consistió en derribar barreras comerciales o proteccionistas por doquier con el fin, entre otros, de disminuir la tasa de desempleo e índice de pobreza nacional. Por cuestiones de seguridad estratégica militar, Estados Unidos ha “des-economizado” su política exterior, lo que no quiere significar que haya dejado de liderar el segmento comercio económico global (en América Latina continúa siendo el principal actor en dicho segmento).

Quinto, Rusia aspira a convertirse en un actor multivectorial, es decir, seguir un modelo “no soviético” y cumplir un mayor papel en todos los segmentos de poder

nacional, no sólo en el estratégico militar como lo hacía la ex Unión Soviética. El ingreso de Rusia a la Organización Mundial de Comercio (OMC) hace pocos años fue un paso en dicha dirección.

Sexto, América Latina o parte de ella está liberando energía económica, es decir, avanza en la apertura de frentes económicos diversos y novedosos: recursos, iniciativas espaciales, energías diversas, agroindustria, etc., proceso que necesariamente implica asociaciones con otros actores.

Séptimo, a diferencia de los años noventa, no existe hoy una globalización ideológica. Existe globalización a secas, es decir, relacionamiento internacional y mundial sin restricciones en base a regímenes políticos y concepciones económicas diferentes.

En otros términos, la globalización de antes o “globalización.1”, como la denominan a la que predominó en los noventa, se basaba en lo que se distinguió como “TINA” (“There is not alternative”): para los países “no había opciones” si querían disfrutar de los beneficios de la globalización; debían abrir sus economías, privatizar, desnacionalizar recursos, realizar cambios políticos, etc. Había que hacer concesiones. En cambio, en este ciclo de “globalización.2” no parece haber demasiadas restricciones. Hasta antes de la crisis de Ucrania el intercambio comercial entre la “democrática Europa” y la “autocrática Rusia” era muy elevado; asimismo, el comercio entre Estados Unidos y China es cada vez mayor.

Por último, la volatilidad del precio de las materias primas empuja a los países a diversificar productos para el intercambio comercial, algo que puede corroborarse a través de los acuerdos firmados y comprometidos entre los países de América Latina y Rusia durante los últimos años, por caso, en materia de transporte, energía nuclear, sector aeroespacial, armas y equipos, recursos naturales, emprendimientos bio-tecnológicos, etc.

En suma, existe una pluralidad de realidades que nos ayudan a comprender no sólo el relacionamiento entre Rusia y América Latina, sino otros relacionamientos. Con Rusia podemos distinguir ciertas particularidades que acaso configuran un patrón que se diferencia de otros.

Perú, ¿una prioridad para Rusia en América Latina?

Peru, a priority for Russia in Latin America?

Resumen: La acefalía de poder político que existe en América Latina y los problemas que agobian a países como Brasil, México, Argentina y Venezuela generan una falta de liderazgo a nivel regional. Esto hace que una potencia media como Perú con estabilidad política y económica, además de lazos históricos que la vinculan con Rusia e inserta en la región del Asia-Pacífico, tenga una mayor importancia en la estrategia de política internacional rusa en América Latina.

No obstante, esta relación va a depender de que se puedan superar algunas limitantes que tanto Perú y Rusia deberán tener en cuenta: por un lado, consideraciones endógenas a la relación de carácter económicas que desincentivan un mayor acercamiento; y por otro, aspectos exógenos, como la influencia que EE.UU. y la Unión Europea pueden ejercer sobre Perú (más aun en un contexto determinado por serias diferencias que mantienen con Rusia) o la cada vez mayor aproximación que tiene el Perú con el mundo asiático.

Palabras clave. Perú; Rusia; comercio; relaciones políticas; mundo multipolar.

Abstract. The article evaluates the existant level of political and economic relations between Russia and Peru, as well as prospects and limits of such ties. The main focus is made on the trade dimension; however, the authors touch upon some political and social aspects in order to present more comprehensive vision of bilateral and regional panorama of relations between the two countries.

Keywords. Peru; Russia; trade; commerce; political relations; multipolar world.

I. Introducción

En una relación de tanta asimetría, en términos políticos y económicos, como la que existe entre Perú y Rusia, el desarrollo futuro de la misma casi siempre va a depender de los intereses del país con mayor poder. Resulta evidente que, si Rusia ve la relación con Perú de importancia para su política exterior, en un mundo que tiende hacia lo multipolar, difícilmente el país andino va a poder desconocer este

¹ Peruanos. Universidad del Pacífico, Pontificia Universidad Católica de Perú. Los autores agradecen la valiosa colaboración de las estudiantes de la carrera de Ciencia Política de la Pontificia Universidad Católica del Perú, Laura Yazmín Arias Fajardo y Karol Mabel Crisóstomo Aguilar; de las estudiantes de la carrera de Negocios Internacionales de la Universidad del Pacífico, Lorena Nicole Castagnino Castro y Julia Milagros Chávez Díaz; y de la carrera de Administración de la Universidad del Pacífico, María De Los Ángeles Arévalo Albornoz, en la elaboración del presente artículo.

acercamiento y dejar de aprovechar la oportunidad que genera poder vincularse con una potencia de primer orden a nivel global.

Por eso, antes que preguntarnos acerca del interés del Perú -el cual ha pasado en los últimos años por tratar de mantener relaciones, sobre todo económicas, con todo el mundo, manteniéndose alejado de cualquier diferencia política-, es más relevante preguntarnos si Rusia tiene interés por estrechar su relación con un país de América Latina como el Perú.

En los últimos años, el vínculo bilateral ha tenido una mejora sustancial, aunque insuficiente. Por ello, a pesar de la existencia de ciertos momentos en el pasado muy productivos para la relación, debería ser preocupante para Rusia que la percepción de los peruanos respecto a su país no sea la más positiva. Entre las grandes potencias que son miembros permanentes del Consejo de Seguridad de la Organización de las Naciones Unidas, Rusia es la que menos confianza genera para mantener la paz en el mundo y la que más desconfianza provoca, superando largamente a Estados Unidos y China. Es más, del análisis de encuestas realizadas desde el 2008 -año que coincide con los inicios de una última y positiva etapa de la relación entre ambos países— se puede concluir que la percepción respecto a Rusia no ha mejorado, sino más bien ha empeorado, al punto que mientras Estados Unidos era visto el 2008 con mayor desconfianza, el 2014 Rusia, sin la necesidad de que exista una peor valoración hacia dicho país en relación a años anteriores, en términos relativos era percibida peor que la potencia occidental².

La percepción de la población es solo un indicador de lo mucho que la relación tiene por desarrollar. Rusia tiene toda la capacidad para mejorar su vínculo con el Perú, pero ¿el Perú, resulta una prioridad para la política exterior rusa en América Latina? Y si así fuese, ¿existen las condiciones para que esto suceda? ¿Cuáles son los principales problemas que podría afrontar la relación entre Perú y Rusia?

II. Evolución de la relación entre Perú y Rusia

A. Avances y retrocesos: la relación política a nivel bilateral

Durante la Guerra Fría, el componente ideológico y la lucha de poder con Estados Unidos generó cierta relevancia de América Latina para los intereses soviéticos. En esta línea, el gobierno militar que tomó el poder en el Perú a finales de la década del sesenta, preocupado por las consecuencias de las reformas nacionalistas que estaba llevando a cabo (sobre todo por la reacción que países como Estados Unidos pudiesen tener), adoptó una política exterior que buscó el acercamiento con el bloque

² Vidarte, O., *El Perú, las Américas y el Mundo 2014-2015. Opinión Pública y Política Exterior*. Lima: Fondo Editorial PUCP, 2016, 78-79.

socialista, dando origen “a una etapa de estrecha colaboración conjunta”³. De esta forma, una vez establecidas las relaciones diplomáticas en 1969, el Perú se convirtió en uno de los aliados claves de la Unión Soviética en el continente americano, siendo su relación por varios años más importante que con ningún otro país de la región, con exclusión de Cuba y Nicaragua⁴. Considerado como el centro de las operaciones en el continente, Lima fue el punto de acceso soviético a Sudamérica.

Lamentablemente para la relación que se venía construyendo, con la llegada al poder del general Francisco Morales Bermúdez en 1975 la intensidad del vínculo bilateral va a cambiar. Es más, la Unión Soviética habría identificado con preocupación que en la nueva administración no existía espacio para los partidarios del gobierno anterior⁵. Así, se da inicio a “una tendencia regresiva y un enfriamiento de la diplomacia activa”⁶ que había caracterizado al régimen militar en su primera etapa. En un contexto de crisis económica, el acercamiento del Perú a Estados Unidos y al Fondo Monetario Internacional (FMI) se hizo cada vez más imperativo.

Esta historia común, que vinculó bastante a los dos países en el pasado y que se mantuvo con dificultades hasta la década del ochenta, se va a ver nuevamente afectada con el fin de la Guerra Fría, al punto de hablarse de una etapa de receso de las relaciones ruso-peruanas⁷. La pérdida de relevancia de Rusia en el mundo, en comparación con su antecesora la Unión Soviética, y la necesidad que tuvo para el Perú de aproximarse a las potencias mundiales a fin de poder hacer frente a los problemas políticos y económicos que afrontaba, no ayudaron en el fortalecimiento de la relación ruso-peruana. Esta fase habría durado hasta los últimos años de la primera década del siglo XXI.

La llegada al poder del presidente Ollanta Humala (2011-2016) reflejó una mejora sustancial de la relación. Si bien en el quinquenio anterior del presidente Alan García se habían dado importantes acercamientos, con Humala va a generarse una dinámica bilateral intensa a nivel de Relaciones Exteriores y Defensa, la misma que va a tener como hitos la primera visita oficial de un presidente peruano a Rusia el 2014 y la firma de una Asociación Estratégica entre ambos países a fines del 2015 (etapa superior a la relación de socios establecida el 2006). Cabe señalar que los flujos de acuerdos, concretados en los años recientes, han trascendido diferentes temas,

³ Berrios, R., Relaciones Perú-Países Socialistas: comercio, asistencia y flujos de tecnología. *Socialismo y Participación*, 1983, N° 22, 56.

⁴ Salas, C., La política de transferencias de armas de Rusia hacia el Tercer Mundo y América Latina. *Revista Política y Estratégica*, (107), 2007, 80.

⁵ Petrova, T., *Relaciones entre Perú y Rusia: pasado y presente*. Lima: Representaciones Rusas, 2012, 114.

⁶ Berrios, R., Relaciones Perú-Países Socialistas: comercio, asistencia y flujos de tecnología. *Socialismo y Participación*, 1983, N° 22, 65.

⁷ Petrova, T., *Relaciones entre Perú y Rusia: pasado y presente*. Lima: Representaciones Rusas, 2012, 15.

desde el tradicional ámbito militar hasta los de pesca, aduanas, telecomunicaciones, entre otros.

Desde sus tiempos como candidato, Humala había mostrado cierta cercanía con Rusia. Su programa de gobierno llamado “La Gran Transformación”, en la parte relativa a su propuesta en materia de política exterior, se refería a la necesidad de profundizar las relaciones con Rusia, así como reconocía el esfuerzo de dicho país en la construcción de un mundo multipolar. Este último punto es central para la política exterior rusa, y la sola mención refleja la semejanza entre el entonces candidato Humala y el gobierno ruso acerca de cómo debe configurarse el poder a nivel global. Asimismo, deben resaltarse los vínculos construidos por el hermano de Ollanta Humala y miembro fundador de su partido político, Alexis Humala, quien se habría reunido con empresarios y funcionarios rusos, de cara a lograr apoyo a la candidatura de su hermano.

Lamentablemente, al final del mandato de Humala la relación se habría vuelto a enfriar, siendo esto más evidente con la llegada al poder de Pedro Pablo Kuczynski. Algunas veces resulta complejo hablar de un enfriamiento de la relación en tanto los contactos a nivel bilateral y multilateral continúan -más aún cuando existe una dinámica y compromisos que no pueden desconocerse de improviso-, sin embargo, desde la perspectiva rusa, la nueva administración peruana parece alejarse un poco de su país, prefiriendo darles importancia a otros países.

Si bien podría decirse que América Latina, al encontrarse geográficamente alejada del radar político ruso, no debería representar “un vector prioritario para la política exterior rusa”⁸ (Lukasevich, 2013: 32), algunas cosas podrían estar cambiando. Con el objetivo de contrarrestar la presencia de occidente en su zona de influencia directa (dígase Ucrania y Siria), en los últimos años se ha reflejado un aumento de su interés por América Latina “de una manera relativamente considerable”⁹. La consolidación de Rusia como “global player” para Vladimir Putin resulta de primer orden, por lo que tiene que intensificar, en la medida de lo posible, “su presencia en otras regiones del globo a fin de coadyuvar a la consolidación de un mundo multipolar”, así como lograr “el respaldo de sus iniciativas en el plano multilateral por parte de los países latinoamericanos”¹⁰.

En este sentido, considerando que Rusia es un miembro permanente del Consejo de Seguridad de la Organización de las Naciones Unidas, el hecho que el Perú asuma un puesto como miembro no permanente en dicho foro en el periodo

⁸ Lukasevich, O., La política exterior de Rusia y sus intereses en América Latina”. *Política Internacional*, 2013, Abril-Junio (108), 32.

⁹ Ghotme, R., La presencia de Rusia en el Caribe: hacia un nuevo equilibrio del poder regional. *Reflexión Política*, 2015, 17(33), 71-80.

¹⁰ Lukasevich, O., La política exterior de Rusia y sus intereses en América Latina”. *Política Internacional*, 2013, Abril-Junio (108), 32-36.

2018-2019, implica que la dinámica diplomática va a crecer entre ambos países en forma considerable, a partir del trabajo a desarrollar en uno de los principales órganos del planeta (B. Boykova, comunicación personal, 30 de agosto de 2017). Este nuevo rol que va a asumir el Perú genera posibilidades de cooperación muy interesantes, pero también importantes retos, ya que muchas de las decisiones que deberá tomar frente a temas de impacto mundial pueden acercarlo o alejarlo de Rusia. A manera de ejemplo, a inicios de 2014, meses antes del viaje de Humala a Moscú, el Perú votó a favor de la Resolución 68/262 de la Asamblea General de las Naciones Unidas que reafirmó la unidad e integridad territorial de Ucrania y declaró como inválido el referéndum realizado en Crimea, obviamente en contra de los intereses rusos. Situaciones similares van a suceder en el Consejo de Seguridad. Por tal razón, si bien Putin ha señalado que el Perú constituye un socio tradicional en materia de cooperación multilateral, veremos si luego de dos años, el Perú sigue siendo considerado de la misma forma.

B. ¿Existe Un Progreso En Terminos Comerciales?

El desarrollo de una política comercial entre Perú y Rusia es una estrategia que se ha mantenido expectante en la última década. En esa línea de acción la relación entre ambas naciones ha tenido idas y venidas sujeta a varios factores.

Históricamente, la política comercial entre ambas naciones ha sido un proceso exógeno, donde los impactos de crisis internacionales han impulsado reacciones distintas. Asimismo, ha estado sujeta a intereses geopolíticos, un criterio que ha predominado en el espacio ruso.

El comercio internacional se ha transformado en una herramienta para salir del subdesarrollo y poder ofrecer un enfoque de bienestar económico. Esa relevancia se puede contrastar en la evolución de los acuerdos comerciales que el Perú ha desarrollado con Estados Unidos, China, Japón, la Unión Europea, entre otros. En esta línea, Rusia habría buscado profundizar su influencia a través de la Unión Euroasiática. Sin embargo, la estrategia comercial rusa con miras al Océano Pacífico, pareciera distante y poco desarrollada. A pesar de presentarse como un mercado atractivo (más de 400 millones de habitantes), con oportunidades de negocios, en especial mirando al Pacífico, no es algo que ha llegado a materializarse. Distinta es la mirada desde el Pacífico Sudamericano, la cual ha mostrado una política comercial más agresiva en los últimos quince años: concretando no sólo acuerdos regionales, sino también integrándose con China, Japón, y parte del Sudeste Asiático, mercados altamente competitivos, pero que se encuentran fuera del ámbito geopolítico sudamericano.

La importancia comercial de Perú en Rusia y viceversa pareciera verse limitada. Una relación comercial que se ha visto estructuralmente acotada a temas militares y en algunos sectores específicos referidos a la pesca (B. Boykova, comunicación

personal, 30 de agosto de 2017). El resultado de ello es una relación deficitaria (para el Perú), y estructuralmente no presenta cambios significativos. Así la pregunta que cabe hacerse es, ¿Qué tan viable e importante puede ser fortalecer y profundizar la relación comercial entre Perú y Rusia? La respuesta a dicha interrogante es la intención de la siguiente sección, buscando entender los efectos exógenos (históricos, políticos y económicos), así como las oportunidades endógenas que se pueden desarrollar desde el punto de vista comercial.

La apertura post Guerra Fría

La política comercial rusa atravesó por una serie de cambios importantes durante la década del noventa lo que generó una regresión de su presencia en el mundo. Fue una etapa de alejamiento para el compromiso de Rusia con América Latina. Después de la desintegración de la Unión de República Socialistas Soviéticas (URSS), los gobiernos rusos miraron hacia adentro y cortaron los lazos con los antiguos aliados en las Américas¹¹. Tuvieron que pasar más de diez años, para que recién desde el gobierno de Vladimir Putin se comiencen a producir cambios importantes con miras a una economía más abierta que buscara reforzar los lazos comerciales. Durante la primera etapa de Putin en el poder (2000-2008) se impulsó un crecimiento económico que le permitió a Rusia tener una política exterior y comercial más autónoma. Sin embargo, pasada la primera década del XXI esa estrategia de apertura comercial se retrajo. Se instaura la Doctrina Medvedev, la misma que en términos comerciales implicó priorizar la aproximación dentro de su zona de influencia. El criterio geopolítico primó ante la oportunidad de expandirse comercialmente a otras zonas geográficas¹².

Bajo el mando actual de Putin desde el 2012 los objetivos rusos se han reconfigurado, así Rusia busca consolidarse como gran potencia y actor global, en deseo de mantener una estructura multipolar. La discusión sobre el posicionamiento ruso sigue estando vigente en el mundo académico produciendo varios puntos de vista en cuanto a la forma cómo Rusia pretende acceder a ese posicionamiento, aun así, la discusión es válida:

“Las aspiraciones de Rusia bajo Putin parecen ser las de recuperar plenamente su estatus de gran potencia (cuya pérdida, según Putin, ha sido una tragedia) y al mismo tiempo alejar la posibilidad de un orden unipolar norteamericano, para lo cual busca

¹¹ Nolte, D., & Hoffman, B., *Latin America's New Geopolitical Position and Its Implications for Europe*. Recuperado el Agosto de 2017, de <https://eulacfoundation.org/en/system/files/Latin%20America%E2%80%99s%20New%20Geopolitical%20Position%20and%20Its%20Implications%20for%20Europe.pdf> (01.09.2017).

¹² Kanet, R., *Russia's New "Monroe Doctrine"*. En *Russian Foreign Policy in the 21st century*, Palgrave Macmillan, 2011, 139.

desarrollar un contrapeso plural, ya sea con los BRICS o en un entendimiento con China”¹³.

El resultado de esta política exterior (con miras a una integración comercial, entre otros objetivos) se podría resumir en los siguientes resultados:

- Miembro de la Comunidad de Estados Independientes: Tratado de la Organización de Seguridad Colectiva (OTSC), Unión Euroasiática (básicamente unión aduanera)
- Miembro de la Organización de Cooperación de Shanghai (OCS) (Rusia — China)
- Miembro permanente del Consejo de Seguridad de las Naciones Unidas y del esquema 5+1 (más Alemania)
- Miembro del Grupo G8 y del Grupo G20
- Miembro del Foro Asia Pacífico (APEC)
- Miembro del Grupo BRICS
- Miembro de la Organización Mundial del Comercio (OMC)

Pero, mientras que la política comercial rusa pondera criterios geopolíticos, la estrategia peruana se enfocó más en lo comercial. Rusia es un mercado con mucho potencial, por tamaño de mercado; así como por el poder adquisitivo que posee. Rusia hoy en día acumula un PBI per cápita de 26 mil dólares (en poder de paridad de compra). Es una economía que por la rapidez con la que ha estado creciendo y por la cercanía a Europa presenta mucho dinamismo en gustos y preferencias (S. Bayona, comunicación personal, 23 de agosto de 2017).

A pesar de este interesante escenario, esta situación sólo ha mostrado interés, mas no voluntad de actuar. En la siguiente tabla (tabla 1) se detalla la balanza comercial entre Rusia y Perú en el período 2005–2015.

A partir de la tabla, se puede contrastar dos aspectos: primero, el resultado es deficitario para el Perú; y segundo, la cartera de productos no ha cambiado en dicho periodo de análisis. Esto hace pensar que el Perú podría tener una mejor posición para poder desarrollar oportunidades en favor de un acercamiento comercial. Esto fue confirmado por la Embajada Rusa en el Perú: “me parece que [de darse una aproximación comercial a través de un tratado] Perú podría ganar más porque nosotros somos una economía grande” (B. Boykova, comunicación personal, 30 de agosto de 2017).

Esta afirmación de Boykova coincide, con la estrategia que plantea el Ministerio de Comercio Exterior y Turismo (MINCETUR) (S. Bayona, comunicación personal, 23 de agosto de 2017), la cual señala que el Perú debería especializarse en mercados nichos enfocados a productos con valor agregado, donde se presenta un potencial

¹³ Alcade Cardoza, J., De la Santa Alianza a Putin: dos siglos de tentativas hegemónicas de Rusia. *Agenda internacional*, (33), 2015, 51.

considerable. Esto último se puede ver en las tablas 2 y 3, donde se detalla la matriz de oportunidades para el sector pesca y textil, respectivamente¹⁴.

De acuerdo a la información brindada, se puede observar que el sector pesca estaba más concentrado en productos viejos y mercados viejos; mientras que en el sector textil había mayor concentración en los productos nuevos y mercados nuevos.

Sin embargo, es importante indicar que a pesar que el Perú puede tener una ventaja en desarrollar una mejor cartera de productos a exportar, Rusia por el contrario no pretende desarrollar una estrategia comercial en pos de la diversificación y dejar de depender de la exportación de recursos primarios como única fuente de ingresos. Ello en cierta medida complica la relación que busca fundamentarse en la profundización de mercados y que exista la posibilidad que el flujo comercial no se dinamice, de ser el caso Rusia puede salir perdiendo en un escenario probable.

¹⁴ Dicho análisis se ha desarrollado en base a la metodología de Ventajas Comparativas Reveladas en el mercado tradicional de la pesca y mercado de alto valor agregado (y expresado en las entrevista a B.Boykova) como es el caso del sector textil.

Participación comercial peruana en relación con Rusia
(expresado en miles de dólares)

Concepto	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Exportaciones peruanas en relación a Rusia	31,561	25,617	13,552	21,726	26,244	58,809	78,800	88,440	151,255	138,634	85,191
Importaciones peruanas en relación a Rusia	63,087	83,937	136,083	219,435	184,611	185,965	513,043	333,808	339,380	318,045	329,435
Exportaciones totales de Rusia	241,451,657	301,550,666	352,266,399	467,993,955	301,796,059	397,067,521	516,992,618	524,766,421	527,265,919	497,833,529	343,907,652
Importaciones totales de Rusia	98,707,256	137,811,060	199,725,955	267,051,244	170,826,590	228,911,658	306,091,490	316,192,918	314,945,095	286,648,777	182,781,965
Participación de Perú en las importaciones de Rusia	0.0131%	0.0085%	0.0038%	0.0046%	0.0087%	0.0148%	0.0152%	0.0169%	0.0287%	0.0278%	0.0248%
Participación de Perú en las exportaciones de Rusia	0.0639%	0.0609%	0.0681%	0.0822%	0.1081%	0.0812%	0.1676%	0.1056%	0.1078%	0.1110%	0.1802%
Variación anual del % de participación de Perú en las importaciones de Rusia		-4.70%	11.87%	20.60%	31.52%	-24.83%	106.32%	-37.01%	2.07%	2.96%	62.44%
Variación anual del % de participación de Perú en las exportaciones de Rusia		-35.01%	-54.71%	20.67%	87.32%	70.32%	2.91%	10.57%	70.21%	-2.93%	-11.05%

Fuente: Trademap, 2017

Tabla 2

Matriz de oportunidades comerciales en el sector pesca

	Producto nuevo		Producto viejo	
Mercado viejo	200621	lenguas de bovinos, congeladas	80122	nueces de brasil, frescas o secas sin cáscaras
	30351	Pescado congelado (excepto los filetes y demás carne de pescado de la partida 0304)	30499	Filetes y demás carne de pescado (incluso picada), frescos,
	60240	rosales, incluso injertados	80520	mandarinas, clementinas, wilkings e híbridos similares
	80222	Avellanas sin cáscara, frescas o secas, incluso mondadas	800610	Uvas frescas
	81050	kiwis frescos	81090	Otros frutos frescos
	120910	Semilla de remolacha azucarera, para siempre	130239	los demás mucilagos y espesativos derivados de los vegetales
	120924	Semilla forrajera de pasito azul de kentucky, para siembra		
	130212	jugos y extracto de regaliz		
Mercado nuevo			10511	pollitos del genero gallus domesticus de peso inferior o igual a 185 g
			10522	pavos (gallipavos) de peso inferior o igual a 185g
			20727	trozos y despojos de pavo congelados
			70310	cebollas y chalotes, frescos o refrigerados
			71022	alubias, incluso desvainadas, cocidas, congeladas
			71040	maiz dulce
			71080	las demas legumbres y hortalizas
			120991	semillas de legunmbres y hortalizas
			180100	cacao en grano, entero o partido crudo o tostado
			180400	manteca, grasa y aceite de cacao
			180500	cacao en polvo sin azucarar ni edulcorar de otro modo

Fuente: Trademap, 2017

Tabla 3

Matriz de oportunidades comerciales en el sector textil

		Producto nuevo	Producto viejo
Mercado viejo	520621	Hilados de algodón, con un alto contenido de algodón, pero < 85% en...	630120 Mantas de lana o pelo fino (exc. mantas eléctricas, manteles y colchas, así como artículos ...)
	540333	Hilados de filamentos de acetato de celulosa, incl. los monofilamentos de título < 67 decitex, sencillos (exc. hilos de coser, hilados acondicionados para la venta al por menor e hilados texturados)	
	540730	Tejidos de hilados de filamentos sintéticos, incl. los monofilamentos de título ≥ 67 decitex, y cuya mayor dimensión de la sección transversal sea ≤ 1 mm, constituidos por napas de hilados textiles paralelizados que se superponen en ángulo recto o agudo y fijadas entre sí en los puntos de cruce de los hilos mediante un adhesivo o por termosoldado	
	580230	Superficies textiles con mechón insertado (exc. alfombras y demás revestimientos para el suelo)	

Mercado nuevo	520615	Hilados de algodón, con un alto contenido de algodón, pero < 85% en peso, sencillos, de fibras sin peinar, de título < 125 decitex «> número métrico 80» (exc. acondicionados para la venta al por menor, así como el hilo de coser)	520612	Hilados de algodón, con un alto contenido de algodón, pero < 85% en peso,
	540333	Hilados de filamentos de acetato de celulosa, incl. los monofilamentos de título < 67 decitex, sencillos (exc. hilos de coser, hilados acondicionados para la venta al por menor e hilados texturados)	521051	Tejidos de algodón, con un alto contenido de algodón, pero < 85% en peso, mezclado exclusiva ...
	540730	Tejidos de hilados de filamentos sintéticos, incl. los monofilamentos de título >= 67 decitex, y cuya mayor dimensión de la sección transversal sea <= 1 mm, constituidos por napas de hilados textiles paralelizados que se superponen en ángulo recto o agudo y fijadas entre sí en los puntos de cruce de los hilos mediante un adhesivo o por termosoldado	550932	Hilados con un contenido de fibras discontinuas acrílicas o modacrílicas >= 85% en peso, retorcidos ...
	580230	Superficies textiles con mechón insertado (exc. alfombras y demás revestimientos para el suelo)	551120	Hilados con un alto contenido de fibras sintéticas discontinuas, pero < 85% en peso, acondicionados ...
			551341	Tejidos de fibras sintéticas discontinuas, con un alto contenido de fibras discontinuas de ...
			560410	Hilos y cuerdas de caucho, revestidos de textiles
			560819	Redes de mallas anudadas, en paño o pieza, fabricadas con cordeles, cuerdas o cordajes, así ...
			600621	Tejidos de punto, de anchura > 30 cm, de algodón, crudos o blanqueados (exc. tejidos de punto ...

Fuente: Trademap, 2017

Visiones macroeconómicas de contraste y la falta de un objetivo integrador

En el contexto regional las variables políticas y económicas sopesan como marcos de análisis para entender la política comercial. Curiosamente, la relación entre Perú y Rusia en los últimos años presenta una situación particular, una dinámica política favorable, pero bajas expectativas en lo económico.

Dentro del espectro económico se presentan escenarios contrarios que no permiten concretar las relaciones comerciales. Durante la primera década (y parte de la segunda) del siglo XXI, mientras que el Perú ha gozado cierta estabilidad macroeconómica, la economía rusa no ha podido consolidar su poderío¹⁵. A pesar que el gobierno ruso hizo un esfuerzo por no exponerse a la crisis financiera internacional, para el año 2009 el reflejo de malos manejos económicos hizo que la actividad productiva rusa se contrajera de manera significativa (a esto sumándole una caída en el precio de los hidrocarburos) y de la cual no ha sabido salir. Es por ello que la animosidad del acercamiento ruso responde a un factor de coyuntura, más que a un elemento de estrategia¹⁶. Además, el bloqueo comercial impuesto por Estados Unidos está impactando significativamente en la economía rusa; según el Banco Mundial, se augura una desaceleración en los próximos dos años¹⁷.

El estado de la economía rusa a nivel interno muestra que sigue siendo débil, tanto en los años 2015 y 2016 el Producto Interno Bruto (PIB) decreció en un punto y medio porcentual en promedio. Asimismo, el gasto del sector público sigue pesando dentro de su estructura económica, lo que le genera una salida de recursos que en el largo plazo debe financiarse. Esto se agrava más ante un escenario en el cual las exportaciones de petróleo y gas están decreciendo y ya presentan tasas negativas de crecimiento¹⁸. Sin embargo, los saldos en cuenta corriente aun presentan resultados positivos, lo que le permite a Rusia tener un margen de negociación con el mundo. Es en este escenario complicado que la integración no se ve positiva y su impacto económico puede no ser auspicioso para los intereses rusos.

En el Perú el panorama macroeconómico también ha mostrado debilidades ante la caída de los precios de los commodities referidos a metales. A pesar de ello, el crecimiento del PIB peruano sigue estando por encima de la media del resto de Sudamérica. Asimismo, según el Fondo Monetario Internacional, las exportaciones se mantienen dentro de una senda de crecimiento, mientras que las importaciones crecen, pero a una menor velocidad. Lo cual significa una mejor posición en términos de intercambio. Esto impulsa a que el Perú mantenga su perspectiva en la búsqueda de profundizar sus mercados a través del perfeccionamiento de mecanismos tipo

¹⁵ Banco Mundial, *Perú en el umbral de una nueva era*. Washington: Banco Mundial, 2011.

¹⁶ Mucci, A. L., El regreso de Rusia a América Latina. *Archipiélago*, 2014, 22, 55-56.

¹⁷ Trending Economics, *Trending Economics*, 2017, Obtenido de <https://tradingeconomics.com/russia/gdp/forecast> (accessed 01.09.2017).

¹⁸ Fondo Monetario Internacional. *IMF Country Report No. 17/197*. IMF, 2017.

tratados de libre comercio, entre otros instrumentos que fomenten la integración comercial.

Es así que un contexto económico asimétrico, no permite que la aproximación sea clara para ambos países, ya que sus agendas apuntan a distintos objetivos económicos. Así Rusia ha planteado un fuerte programa de industrialización y recuperación de la industria, como consecuencia de ello el sector agrícola ha visto un crecimiento interno significativo. Esta estrategia ha tenido dos elementos claves: la depreciación del rublo con el objetivo de hacer las importaciones menos competitivas (lo cual genera un barrera artificial), y segundo (y dado el bloque económico) la pequeña industria agrícola atraviesa por problemas financieros y productivos, favoreciendo a la agricultura expansiva comandada por firmas exportadoras, a tal punto que para el 2016 Rusia estuvo dentro de los principales exportadores mundiales¹⁹. Sin embargo, esta tendencia es muy relativa al efecto cambiario y cuánto tiempo puede Rusia impulsar dicha política monetaria.

Así, a pesar de ser un país con abundantes riquezas en el sector energético, no apuesta por una economía diversificada. La acumulación de divisas provenientes de la exportación de petróleo por parte de grupos económicos ha producido un estancamiento en su estrategia comercial. La explicación podría darse en que, al igual que en el Perú, se generó una expectativa sobre los precios de los hidrocarburos continuarían una curva ascendente, cosa que partir del 2010 no se dio. Es bajo este contexto que Rusia se aproximó comercialmente a socios como Venezuela y Brasil que comparten su misma estructura exportadora²⁰. Esta idea fue la herencia de la Doctrina Medvedev, la cual estableció como uno de sus objetivos profundizar la cooperación económica y política con países como Brasil, Argentina, México, Cuba y Venezuela y, a su vez, mejorar la relación para los próximos años²¹.

En esa línea de acción China pudo aprovechar mejor las condiciones de posicionarse como un socio comercial estratégico en Latinoamérica, comprando materias primas de Perú para luego transformarlos en bienes intermedios o finales. Rusia utiliza a China como plataforma de producción para importar productos manufacturados.

Desde una mirada estructural, lo comercial pareciera estancado. Este tipo de barreras depende de varios factores y uno principal que debe abordarse es el de la mirada empresarial. Los organismos del Estado de ambos países reconocen la necesidad de desarrollar una aproximación en varios sectores que se identifican como prioritarios. Sin embargo, un objetivo claro de la política comercial debe ser el

¹⁹ Erokhin, V., Factors Influencing Food Markets in Developing Countries: An Approach to Assess Sustainability of the Food Supply in Russia. *Sustainability*, 2017, 9, 1-13.

²⁰ Blank, S., Russia in Latin America: Geopolitical Games in the US Neighborhood. *Russie Nei Visions* (38), 2009, 23.

²¹ Mucci, A. L., El regreso de Rusia a América Latina. *Archipelago*, 2014, 22, 55-56.

de mostrar los beneficios de mercado, llámese ganancias, penetración del mercado, posicionamiento de productos, entre otros. Este debe ser la mirada clara de la integración haciendo participe a los agentes privados en la toma de decisiones de porque ir a un mercado tan lejano.

III. Condiciones favorables

Como ya se ha mencionado, el Perú, sexta economía de América Latina (según PIB), es uno de los países que mayor desarrollo económico ha tenido en la región. Además del crecimiento (con tasas que llegaron a ser de 9.1% el 2008, 8.5% el 2010, 6.5% el 2011 y el 5.8% el 2013), también debe considerarse al Perú como un país bastante estable, con políticas comerciales que se han mantenido en los últimos 20 años, aspecto fundamental para fines de negocios e inversiones.

Sin embargo, si bien podría señalarse en forma crítica que comercialmente el Perú no representa un socio importante para Rusia -país que a diferencia de China no importa, sino exporta materias primas-, también es cierto que el potencial en la relación bilateral en términos comerciales es muy grande. Para el Perú, por el tamaño de la economía rusa y todas las oportunidades que genera el débil desarrollo comercial existente a nivel bilateral; y para Rusia, no solo por la necesidad de abrir nuevos mercados, en un contexto determinado por la existencia de graves restricciones económicas por parte de la Unión Europea, sino también por el papel que el Perú puede tener como puerta de entrada a la Alianza del Pacífico, bloque conformado además por Chile, Colombia y México, y que constituye el 38% del PBI de América Latina (S. Bayona, comunicación personal, 23 de agosto de 2017). En este sentido, Rusia y la Alianza del Pacífico comparten el mismo interés en la región del Asia-Pacífico (el Kremlin tiene intenciones de intensificar sus relaciones comerciales con regiones rusas colindantes para incrementar la competitividad)²²; adicionalmente, este acercamiento puede generar plataformas empresariales con el objetivo de desarrollar mecanismos como joint ventures, los cuales aunque parecen lejanos, no deberían resultar imposibles para el Perú.

Por otro lado, pero desde el ámbito de la cooperación militar, el Perú se ha consolidado como un importante comprador de maquinaria bélica proveniente de Rusia. Recientemente, el gobierno peruano adquirió 24 helicópteros de Rusia, lo cual se complementa con el servicio técnico y la capacitación que Rusia brinda al Perú para el correcto funcionamiento de la maquinaria adquirida. En otras palabras, mantener los vínculos con Rusia no solo es importante para el Perú -sobre todo para hacer frente a cualquier escenario de bloqueo que no permita satisfacer nuestros intereses de seguridad, tal y como ya sucedió en el pasado-, sino también,

²² Proskurina, C., Relaciones Internacionales y la política Exterior de Rusia — Mezhdunarodnie otnoshenia y vneshnepoliticheskaya deyatelnost Rosii. *Instituto psicosocial de Moscú*, 2004, 514.

considerando la trascendencia comercial del complejo militar-industrial ruso, el Perú constituye uno de los principales socios de Rusia en América Latina.

Cabe señalar que, más allá de las oportunidades económicas que se pueden generar en beneficio de ambos países, existe un contexto regional que ha cambiado bastante estos últimos años. Justamente, este se encuentra caracterizado por una clara acefalía de poder, la misma que debería generar en Rusia una mayor atracción por países como el Perú.

En primer lugar, la pérdida de interés por parte de Estados Unidos en América Latina a lo largo del siglo XXI, su “patio trasero” por excelencia, y el ascenso de Donald Trump, con quien parece que la relación con la región se va a deteriorar aún más, generan posibilidades para que potencias extra regionales puedan considerar tener una mayor participación en el continente. De ahí que, el intento del nuevo gobierno estadounidense por construir un muro en México -que divide a América Latina de la América Anglosajona-, sus políticas migratorias que afectan a miles de latinoamericanos y su posición respecto a lo avanzando por el presidente Barack Obama respecto a Cuba, pueden hacer que los países de esta parte del mundo, sean por motivos políticos o económicos, giren su atención hacia potencias como China y Rusia.

Y, en segundo lugar, líderes regionales como Brasil y Venezuela, que habían tenido un papel preponderante a inicios del siglo XXI -incluso se hablaba del eje Brasilia y el eje Caracas-, hoy ya no cumplen ese rol. La crisis económica (que ha tenido como principal causa la reducción del precio de las materias primas de las cuales tanto dependemos) y los cambios políticos (que se han dado en Argentina, Brasil y Venezuela), reflejan una reconfiguración del poder en América Latina²³, escenario que puede ser aprovechado por el Perú. No resulta casualidad que el gobierno peruano haya podido asumir un papel muy activo a nivel interamericano, incluso de líder frente a la crisis de la democracia venezolana los años 2016 y 2017. Por esta razón, aunque Rusia puede sentirse preocupado por las inversiones que mantiene en Venezuela en el rubro energético, las cuales no cuenta en el Perú, el gigante euroasiático podría reconsiderar los vínculos que establece en una región tan cambiante (donde antiguos socios podrían dejar de serlo y en la cual el rol que el Perú tiene es cada vez más importante). Con toda seguridad, la firma de la Asociación Estratégica ruso-peruano es expresión de esta nueva realidad.

Lamentablemente, aunque la coyuntura latinoamericana muestra algunas condiciones que pueden resultar favorables para pensar en un fortalecimiento de la relación bilateral, política y económica, entre Perú y Rusia, también existen una serie de problemas que podrían evitarlo.

²³ Ayuso, A., & Villar, S., Turbulencias políticas, crisis y cambios de etapa en el horizonte latinoamericano. En *Anuario Internacional*. CIDOB, 2017, 140.

IV. Limitantes que Rusia debería considerar

A. La geopolítica de las grandes potencias

América Latina, y con especial relevancia el Perú, es una región del mundo que se encuentra históricamente dentro de la influencia occidental. Hasta inicios del siglo XX vinculada estrechamente a los intereses europeos (sobre todo de Europa Occidental) y luego, considerada dentro de la órbita de predominio de Estados Unidos. Y, en estos últimos tiempos, la creciente presencia de China en el continente, principalmente a nivel económico, es un aspecto a tener en cuenta para comprender las prioridades de nuestros países en materia de política exterior.

Por eso, ¿qué tanto la relación con países que resultan de gran relevancia para el Perú pueden afectar el vínculo que se puede construir con otros países, por ejemplo, con un gigante como Rusia?

Tratándose de la Unión Europea, según el embajador Maúrtua de Romaña, las relaciones que el Perú tiene con este bloque han vuelto a ser una prioridad para la agenda peruana. Las negociaciones y luego suscripción de un acuerdo comercial y el proceso de exoneración de la Visa Schengen, son expresiones de la estrecha relación que se ha venido dando entre Perú y la Unión Europea, sobre temas que para nuestro país resultan fundamentales.

En este sentido, ¿por qué, a pesar del interés mostrado por el gobierno peruano en mayo de 2014, durante la visita del ministro ruso de Relaciones Exteriores Serguei Lavrov, para iniciar un dialogo con el objetivo de suscribir un tratado de libre comercio, este acercamiento comercial se vio detenido? Ni la trascendencia de la visita oficial del presidente Ollanta Humala a Rusia a finales del 2014, pudo lograr avances en este tema. Definitivamente existen una serie de temas comerciales ya mencionados que probablemente no se presentan en nuestra apertura con otros grandes mercados con los cuales queremos profundizar nuestros vínculos económicos, como la India, Turquía o Indonesia. Incluso, la misma pertenencia de Rusia a la Unión Euroasiática puede haber sido una limitante, en tanto al tratarse de una unión aduanera, no se puede negociar solo con Rusia sino con todo el bloque, que incluye a países de realidades distintas como Bielorrusia que no es miembro de la Organización Mundial del Comercio. Por tal razón, si existían problemas técnicos para negociar a nivel comercial, ¿qué motivó al Perú dar ese paso?

La relación entre la Unión Europea y Rusia después del fin de la Guerra Fría “no ha sido un camino de rosas, sino un sendero sembrado de desconfianza, temores y reproches”, pero existía cierto interés común por mantener la relación privilegiando ámbitos como el vínculo comercial²⁴; sin embargo, la reciente crisis

²⁴ Serra Massansalvador, F., “El triángulo septentrional: las relaciones entre Estados Unidos, la UE y Rusia” // *Revista CIDOB d’Afers Internacionals*, Mayo (69), 2005, 27-28.

ucraniana iniciada el 2013 ha despertado nuevamente la rivalidad y la confrontación diplomática y comercial entre ambos²⁵. Por ello, no resulta ilógico pensar que en un contexto determinado por las sanciones que la Unión Europea le impuso a Rusia a causa de la anexión de Crimea y su apoyo a las provincias separatistas de Lugansk y Donetsk, el Perú pueda ver afectado su acercamiento a Rusia debido al interés que en ese momento se tenía por lograr que la Unión Europea exonere a los peruanos del requisito de la Visa Schengen (aspecto que demostró ser de gran relevancia para la política exterior peruana durante el gobierno de Humala y resaltado de dicha forma en su último discurso a la nación). En otras palabras, la relación entre Perú y la Unión Europea puede demostrar como intereses ajenos al vínculo entre Perú y Rusia, pueden condicionar el desarrollo futuro de la relación bilateral (B. Boykova, comunicación personal, 30 de agosto de 2017).

En el caso de Estados Unidos, sucede algo similar. Las diferencias entre Estados Unidos y Rusia han sido evidentes los últimos diez años, al punto que el actual presidente de los Estados Unidos, Donald Trump, se encuentra siendo cuestionado por vínculos con autoridades rusas que pudiesen haber interferido en la reciente campaña electoral. No por algo, Rusia es una de las principales amenazas a la seguridad de la potencia mundial. Así, desde la perspectiva del Almirante Kurt Tidd, Comandante del Comando Sur de Estados Unidos, la presencia de Rusia en América Latina busca principalmente competir (suponemos con Estados Unidos) directamente por influencia²⁶.

Y es que justamente el Perú se ha consolidado desde la década del noventa como uno de los principales aliados de Estados Unidos en la región, siendo para los intereses peruanos de carácter central esta relación. Resulta interesante señalar que, ya a finales del gobierno de Alberto Fujimori, David Scott Palmer señalaba que era “lógico esperar que el gobierno peruano haga todo lo que pueda en sus relaciones exteriores bilaterales con su contraparte norteamericana para lograr sus objetivos básicos”. Pensar que esta relación puede haber afectado el acercamiento que Perú buscaba tener con Rusia no resulta descabellado, por lo menos así es como Rusia lo parece comprender.

Si bien podría decirse que la política exterior que adoptan países pequeños como el Perú no debería tener impacto en temas de primer orden a nivel internacional, el reciente pedido de Estados Unidos al Perú (y otros países latinoamericanos) de romper relaciones diplomáticas con Corea del Norte, y luego la respuesta del país

²⁵ Sánchez Ramírez, P., El conflicto en Ucrania: El primer enfrentamiento serio de Rusia con Occidente durante la etapa de la Post-Guerra Fría. *Foro Internacional*(56), 427.

²⁶ Diario El Comercio_ *elcomercio.pe.*, URL: <http://elcomercio.pe/mundo/actualidad/putin-peru-nuestro-socio-tradicional-america-latina-406939> (accessed 17.09.2017).

asiático en la dirección contraria, denota que incluso países que no constituyen “global players” son tenidos en cuenta por parte de las potencias mundiales.

B. La distancia comercial, las oportunidades limitadas

Geopolíticamente Rusia presenta una agenda limitada (energética, financiera y militar) en la región de Sudamérica, por lo que lo comercial no se torna una prioridad en su agenda²⁷. Como ya se mencionaron, dos factores priman: primero, la percepción de lejanía es fuerte (por ende, se asume una fuerte inversión en costos logísticos), y segundo, los intereses son muy débiles en cuanto a oportunidades del mercado. Se mantiene un sesgo a la exportación concentrada en pocos sectores y un mercado de productos intermedios que generan poco valor agregado.

Tomando la última línea como una estrategia de “gran potencia” industrial, confirma que Rusia está buscando desarrollar una estrategia de relación centro-periferia, en la cual busca desarrollar alianzas con países que puedan proveer insumos a la construcción de su liderazgo global. Sin embargo, debe mirar a la política comercial como un fin, no como un medio para lograr dicho objetivo.

Por otro lado, el elemento de distancia desde el punto de vista comercial tiene varias aristas: cultural, comercial, visión largo plazo, elementos de sociodemografía, interrelaciones sociales, relaciones de poder, entre otras. Rusia se ha enfocado en desarrollar estos elementos de distancia con sus pares donde el criterio de proximidad geográfica ha ponderado de manera significativa²⁸. Sin embargo, al momento de desarrollar oportunidades comerciales dentro del espacio de Pacífico Sur, esto se sintetiza en evaluar los costos de oportunidad monetarios y transaccionales, lo cual limita los emprendimientos con orientación al comercio exterior. Así la profundización económica entre Rusia y Perú se evidencia de manera débil, en tratados bilaterales de carácter específico desarrollados entre ambas naciones. La relación de acuerdos bilaterales entre Rusia y Perú muestran el poco interés desde el punto de vista comercial a mejorar dicha relación a futuro²⁹.

Es así que las estrategias comerciales se han dirigido en posiciones opuestas, mientras el Perú está a la búsqueda de profundizar, ampliar mercados, y geográficamente posicionarse como un hub comercial; en Rusia el camino ha sido todo lo contrario. Como consecuencia se ha producido un retraso industrial, y la disminución de sus capacidades en dinamizar medios de producción. Para Rusia más fácil es vender petróleo y gas, y comprar todo lo necesario.

²⁷ Romeiko, V. P., “Rusia: un escenario estratégico de desarrollo y América Latina”,. En D. A., & J. S.-F., *El reposicionamiento de la Federación Rusa: retos y alternativas geoestratégicas*. Mexico: UNAM, 2011.

²⁸ Hofstede, G., Cultural dimensions in management and planning.” // *Asia Pacific journal of management*, 1(2), 81-99.

²⁹ Ministerio de Relaciones Exteriores. *Dirección General de Tratados*. Recuperado el Septiembre de 2017, de https://apps.rree.gob.pe/portal/webtratados.nsf/Vistas_Tratados.xsp (accessed 01.09.2017).

Existen razones geopolíticas y geoeconómicas, para que las relaciones económicas entre Rusia y América Latina no hayan figurado entre las prioridades básicas; no obstante, fortalecer estas relaciones debería considerarse una estrategia válida si el objetivo de Rusia es afianzar su presencia en la región.

Una oportunidad que se mantendrá constante y predecible será, como ya se ha mencionado a lo largo del texto, en el sector militar. Lamentablemente, esto ha desarrollado una estructura limitada y distante, ya que no contribuye a acercar a otros mercados conexos. Es posible que pueda desarrollarse como un sector “plataforma” con el objetivo que incentivar entornos de emprendimientos que coadyuven a vincular sectores emergentes de la economía rusa con pares peruanos.

Finalmente, Rusia como importador podría enfocarse en la compra de alimentos: azúcar, cítricos, carne, entre otros productos alimenticios. Algo que ya hace con Brasil, Colombia y Ecuador (café, flores, entre otros productos). Es así que la industria rusa podría constituir un mercado con perspectivas y oportunidades para la colocación de maquinarias, equipos y diseños tecnológicos. La estrategia rusa es la de convertirse en un proveedor privilegiado de tecnología para la exploración y explotación de hidrocarburos y fuentes de energía³⁰.

V. Conclusión

Considerando las actuales perspectivas políticas y económicas que América Latina y el Perú plantean a Rusia para el fortalecimiento de la relación bilateral, en estos últimos años el Perú ha sido cada vez más relevante para la política exterior de la potencia mundial. No obstante, Rusia aún tiene mucho por trabajar para hacer frente a una serie de dificultades a nivel político y económico, tanto de carácter exógeno como endógeno, con el objetivo de consolidar este acercamiento, el cual, como ya se ha visto en el pasado, puede terminar siendo solo esporádico.

Bibliografía

1. Alcade Cardoza, J. (2015). De la Santa Alianza a Putin: dos siglos de tentativas hegemónicas de Rusia. *Agenda internacional*(33), 19-54.
2. Ayuso, A., & Villar, S. (2017). Turbulencias políticas, crisis y cambios de etapa en el horizonte latinoamericano. En *Anuario Internacional*. CIDOB.
3. Bai, E. (20 de Abril de 2016). *Peru: Another Latin American litmus test for Russia*. Recuperado el Agosto de 2017, de Russia Direct: <http://www.russia-direct.org/analysis/peru-another-latin-american-litmus-test-russia>
4. Banco Mundial. (2011). *Crecimiento a largo plazo de América Latina y el Caribe ¿Hecho en China?* Banco Mundial. Banco Mundial. Obtenido de Crecimiento a largo plazo de América Latina y el Caribe ¿Hecho en China?: <http://siteresources>.

³⁰ Boykova, B., Discurso en la Universidad Ricardo Palma. Relaciones Peru — Rusia, 2017.

- worldbank.org/LACINSPANISHEXT/Resources/Annual_Meetings_Report_LCRCE_Spanish_Sep17F.pdf
5. Banco Mundial. (2011). *Perú en el umbral de una nueva era*. Washington: Banco Mundial.
 6. Bayona, S. (23 de Agosto de 2017). Entrevista a Funcionario de MINCETUR. (O. Vidarte, Entrevistador)
 7. Berrios, R. (1983). Relaciones Perú-Países Socialistas: comercio, asistencia y flujos de tecnología. *Socialismo y Participación*. N° 22.
 8. Berrios, R., & Blasier, C. (1991). Peru and the Soviet Union (1969-1989): Distant Partners. *Journal of Latin American Studies*, 23(2).
 9. Blank, S. (2009). Russia in Latin America: Geopolitical Games in the US Neighborhood. *Russie Nei Visions*(38), 23.
 10. Boykova, B. (2017). Discurso en la Universidad Ricardo Palma. *Relaciones Peru — Rusia*.
 11. Boykova, B. (30 de Agosto de 2017). Entrevista a Barbara Voykova Funcionaria de la Embajada Rusa. (O. V., & J. L., Entrevistadores)
 12. Castillo, J. (31 de Agosto de 2017). Entrevista a Julio Castillo. (J. C. Ladines, Entrevistador)
 13. Diario El Comercio. (2017A). *elcomercio.pe*. Recuperado el 16 de Septiembre de 2017, de <http://elcomercio.pe/mundo/actualidad/putin-peru-nuestro-socio-tradicional-america-latina-406939>
 14. Diario El Comercio. (2017B). a diplomacia es lo mejor para Venezuela. Entrevista al Almirante Kurt Tidd, Comandante del Comando Sur de EE.UU. *Diario El Comercio*, pág. 18.
 15. Diario Gestión. (2016). *Gestión*. Recuperado el 16 de Septiembre de 2017, de Perú y la Unión Económica Euroasiática acuerda intensificar el intercambio comercial: <http://gestion.pe/economia/peru-y-union-economica-euroasiatica-acuerdan-intensificar-intercambio-comercial-2159242>
 16. Erokhin, V. (2017). Factors Influencing Food Markets in Developing Countries: An Approach to Assess Sustainability of the Food Supply in Russia. *Sustainability*, 9, 1-13.
 17. Fondo Monetario Internacional. (2017A). *IMF Country Report No. 17/197*. IMF.
 18. Fondo Monetario Internacional. (2017B). *IMF Country Report No. 17/166*. IMF.
 19. Ghotme, R. (2015). La presencia de Rusia en el Caribe: hacia un nuevo equilibrio del poder regional. *Reflexión Política*, 17(33).
 20. Hofstede, G. (1984). Cultural dimensions in management and planning.”. *Asia Pacific journal of management*, 1(2), 81-99.
 21. Kanet, R. (2011). Russia’s New “Monroe Doctrine”. En *Russian Foreign Policy in the 21st century* (pág. 139). Palgrave Macmillan.
 22. Lavrov, S. (24 de Agosto de 2011). *The New Stage of Development of Russian-Latin American Relations*. Recuperado el Agosto de 2017, de The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/197266

23. Lukasevich, O. (2013). La política exterior de Rusia y sus intereses en América Latina”. *Política Internacional, Abril-Junio*(108).
24. Maurtua de Romaña, O. (2017). Las relaciones entre el Perú y la Unión Europea. *Revista de Relaciones Internacionales de la UNAM, Enero-Abril*(127).
25. Ministerio de Relaciones Exteriores. (2014). *Dirección General de Tratados*. Recuperado el Septiembre de 2017, de https://apps.rree.gob.pe/portal/webtratados.nsf/Vistas_Tratados.xsp
26. Montt Strabucchi, M., & Rehner, J. (2015). Distancia cultural entre América Latina y Asia — reflexiones sobre el uso y utilidad de dimensiones culturales. *Documentos de Trabajo en Estudios Asiáticos, 8*, 35.
27. Morales, J. (2012). *Rusia en la sociedad Internacional Perspectivas tras el retorno de Putin*. Madrid: Unidad de investigación sobre la Seguridad y Cooperación Internacional (UNISCI).
28. Mucci, A. L. (2014). El regreso de Rusia a América Latina . *Archipiélago, 22*, 55-56.
29. Nolte, D., & Hoffman, B. (Junio de 2007). *Latin America's New Geopolitical Position and Its Implications for Europe*. Recuperado el Agosto de 2017, de <https://eulacfoundation.org/en/system/files/Latin%20America%E2%80%99s%20New%20Geopolitical%20Position%20and%20Its%20Implications%20for%20Europe.pdf>
30. Petrova, T. (2012). *Relaciones entre Perú y Rusia: pasado y presente*. Lima: Representaciones Rusas.
31. Proskurina, C. (2004). Relaciones Internacionales y la política Exterior de Rusia — Mezhdunarodnie otnoshenia y vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' Rosii. *Instituto psicosocial de Moscú*, 514.
32. Romeiko, V. P. (2011). “Rusia: un escenario estratégico de desarrollo y América Latina”,. En D. A., & J. S.-F., *El reposicionamiento de la Federación Rusa: retos y alternativas geoestratégicas*. Mexico: UNAM.
33. Russian Times. (2014). *Visita histórica: Rusia y Perú dan un paso hacia la asociación estratégica*. Recuperado el 16 de Septiembre de 2017, de rt.com: <https://actualidad.rt.com/economia/view/146189-rusia-peru-visita-humala-cooperacion>
34. Salas, C. (2007). La política de transferencias de armas de Rusia hacia el Tercer Mundo y América Latina. *Revista Política y Estratégica*(107).
35. Sánchez Ramírez, P. (2016). El conflicto en Ucrania: El primer enfrentamiento serio de Rusia con Occidente durante la etapa de la Post-Guerra Fría. *Foro Internacional*(56).
36. Scott Palmer, D. (1998). Relaciones entre los Estados Unidos y el Perú en la década de los noventa: dinámicas, antecedentes y proyecciones”. *América Latina Hoy*(19).
37. Serra Massansalvador, F. (2005). El triángulo septentrional: las relaciones entre Estados Unidos, la UE y Rusia. *Revista CIDOB d'Àfers Internacionals, Mayo*(69).
38. Trademap. (2017). Análisis de la relación comercial Perú — Rusia.

39. Trending Economics. (2017). *Trending Economics*. Obtenido de <https://tradingeconomics.com/russia/gdp/forecast>
40. Vidarte, O. (2016). *El Perú, las Américas y el Mundo 2014-2015. Opinión Pública y Política Exterior*. Lima: Fondo Editorial PUCP.

Россия — Латинская Америка: некоторые особенности выстраивания отношений на современном этапе

Russia — Latin America: characteristics of the formation of relations in the contemporary stage

Resumen: El artículo está dedicado a las características de la formación de las relaciones entre Rusia y países de América Latina en la etapa contemporánea y está escrito a base del trabajo voluntario de su autora en 2016–2017 en el Centro de Negocios “Rusia — América Latina” (San Petersburgo). El objetivo principal del artículo es la atracción de la atención a los factores que molestan al desarrollo de las relaciones ruso-latinoamericanas y en algunos casos representan amenaza a la política exterior de Rusia.

Palabras clave: Rusia; América Latina; Chile; Guatemala; Departamento de los países de América Latina y el Caribe (ONUDI); El Seminario Interregional “El intercambio de las soluciones tecnológicas e innovadoras entre los países de América Latina y el Caribe (ALC) y el Distrito federal del Noroeste de Rusia”; CN CEPLA; Centro de Negocios “Rusia — América Latina”; Robotics Lab scl; ACHIRO; Agencias Comerciales de Rusia en América Latina

Abstract: The article reviews some characteristics of forming-up of relations between Russia and Latin American countries at the present stage. It has been written at the base of experience of voluntary work of its author at the Business Centre “Russia — Latin America” (St. Petersburg) in 2016–2017. The main objective of this article is to attract attention to the factors interrupting development of Russian-Latin American relations and in some cases representing hazard to the foreign policy of Russia.

Keywords: Russia; Latin America; Chile; Guatemala; Department of Latin America and the Caribbean (UNIDO); Interregional Seminar “Exchange of Technological and Innovative Solutions between Latin America and the Caribbean Countries and the North-West Federal District of Russia”; National Committee for the Promotion of Economic Trade with Countries of Latin America; Business Centre “Russia — Latin America”, Robotics Lab scl; ACHIRO; Russian Trade Representative Offices in Latin America.

Сегодня отношения между Россией и Латинской Америкой позиционируются как одни из ключевых в российской внешней политике. Однако за последнее время нельзя привести сколь бы то ни было новых существенных результатов, которые бы могли соответствовать столь важному месту

¹ Лукичева Александра Олеговна — Россия. К. э. н., доцент, независимый консультант (e-mail: floralart@live.ru).

данных отношений. В данном докладе хотелось бы сконцентрировать основное внимание на ошибках российской стороны, не затрагивая серьезно барьеров, возникающих в странах Латинской Америки.

В первую очередь следует отметить, что интерес к развитию отношений со странами Латинской Америки существует у многих малых и средних российских предприятий, считающих, что у них есть продукция для выхода на зарубежные рынки. Но сразу же после выражения интереса, как правило, возникают сложности с представлением продукции, определением ее конкурентных преимуществ и с переводом презентаций на испанский и португальский языки. Несмотря на достаточно большое количество переводческих бюро в Санкт-Петербурге и крайне низкие цены на перевод, для многих фирм перевод до сих пор является камнем преткновения. Кроме этого, предприятия Санкт-Петербурга в большинстве случаев не знают о возможности бесплатного перевода, предоставляемой Санкт-Петербургским государственным бюджетным учреждением «Центр развития и поддержки предпринимательства» при правительстве города². Если говорить о маркетинге российских предприятий глазами латиноамериканцев, то ситуацию можно коротко охарактеризовать следующим образом: в отношении продукции, вызывающей серьезный интерес, латиноамериканские партнеры согласны создавать рекламные ролики и продвигать продукцию на рынки стран Латинской Америки. Следующий недочет, на который указывают латиноамериканские партнеры в отношении представляемой на экспорт продукции, это частое отсутствие цен и сформулированных условий поставки.

Далее хотелось бы акцентировать внимание на недооценке современной политической ситуации при выстраивании отношений между Россией и странами Латинской Америки. Так, сегодня существует проект создания центра российско-латиноамериканской дружбы «Дель Рио Парк» с производственными и социально-культурными объектами в Севастополе (Крым). Создатель проекта — ООО «Группа компаний “Дель Рио”». Цель ее декларирована как укрепление дружеских и взаимовыгодных отношений со странами Центральной и Латинской Америки, включая создание и возведение фабрики по обжарке натурального кофе, развитие местного туризма, отдыха граждан и обеспечения занятости населения города Севастополя. Также в указанном центре планируется реализация молодежных научно-образовательных программ совместно с рядом ведущих вузов России в рамках организации планируемого молодежного инновационного центра «Крымский изобретатель».

² http://www.crpp.ru/about/info/news/index.php?ELEMENT_ID=2778&clear_cache=Y (дата обращения: 01.12.2017).

В проект включены возведение 1) открытой фабрики натурального кофе; 2) открытой фабрики натуральных соков; 3) открытой фабрики натуральных сладостей; 4) открытой фабрики авторского шоколада; 5) фабрики по обжарке и фасовке натурального кофе; 6) дома приема официальных делегаций; 7) спортивного парка для жителей и гостей города (фитнес-зал, закрытый бассейн, теннисный корт, волейбольная площадка, детские площадки); 8) молодежного инновационного центра «Крымский изобретатель»; 9) концертного зала; 10) выставочного зала; 11) конгресс-холла; 12) зала для проведения международных танцевальных турниров; 13) ресторанного комплекса латиноамериканской кухни; 14) зоны отдыха с открытым бассейном для жителей и гостей города; 15) дома российско-латиноамериканской дружбы с музеями Кубы и Никарагуа, а также экспозициями латиноамериканской продукции; 16) торговых точек.

Согласно заявлениям ООО «Группа компаний “Дель Рио”», стоимость проекта 2 350 000 000 руб. Проект должен реализовываться за счет собственных средств компании «Дель Рио». Казалось бы, можно только радоваться, когда за счет собственных средств частной компании будет реализован столь значимый проект для развития отношений со странами Латинской Америки. Однако, учитывая экономические отношения стран континента с США и нагнетаемую ситуацию вокруг Крыма, возникает ощущение, что странам Латинской Америки фактически предлагается сделать выбор, с какой из стран развивать отношения — с Россией или США?

С точки зрения автора статьи, видится неразумным подталкивать к такому выбору. Еще больше вопросов возникает, когда узнаешь, что среди партнеров проекта Национальный комитет содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки (НК СЭСЛА) (именно от его сотрудников и была получена информация о проекте «Дель Рио Парк»), Министерство иностранных дел и Минсельхоз России.

В качестве следующей особенности приходится выделить, как это ни прискорбно звучит, некоторую небрежность в отношении потенциальных партнеров из стран Латинской Америки. Здесь уместно привести три примера, связанных с проведением в Санкт-Петербурге 29–30 мая 2017 г. Международного бизнес-форума «Обмен технологическими решениями и инновациями между странами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) и Северо-Западным федеральным округом РФ», который предшествовал II Межрегиональному форуму «Укрепление международных альянсов МСП между Российской Федерацией и странами Латинской Америки и Карибского бассейна» из стран ЛАКБ и России (31.05.17)³.

³ Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга № 19 (1019) от 29 мая 2017 г.

Первый пример связан с подготовкой к проведению 29 мая 2017 г. мероприятия в рамках Международного бизнес-форума и посвящен небрежности в отношении достигнутых ранее договоренностей, выразившейся в отказе от проведения крупного международного мероприятия буквально за неделю до назначенного срока.

В апреле 2017 г. руководство университета Санкт-Петербурга, занимавшего в 2015 и 2016 гг. 11-е место в рейтинге «100 лучших вузов России»⁴, дало согласие на проведение на своей территории мероприятия первого дня Международного бизнес-форума «Обмен технологическими решениями и инновациями между странами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) и Северо-Западным федеральным округом РФ». В программу были включены знакомство с вузом, в том числе его передовые разработки, а также презентация продукции предприятий Санкт-Петербурга, которая может представлять интерес для стран Латинской Америки. Согласие было дано в ходе визита в Санкт-Петербург, включавшего посещение данного университета, представителей ЮНИДО, одним из которых был директор Департамента стран Латинской Америки и Карибского бассейна Карлос Чандуви Суарес. В 20-х числах мая университет отказался от проведения мероприятия. Поиск площадки для приема крупной делегации представителей из стран Латинской Америки осуществлялся в срочном порядке в оставшиеся до начала форума дни. В состав делегации входили послы стран Латинской Америки, члены правительств, главы экспортных агентств, представители власти, видные ученые и бизнесмены. В дополнение надо отметить, что господин Карлос Чандуви Суарес является выпускником университета, по вине которого чуть было не сорвано мероприятие первого дня Международного бизнес-форума.

Второй пример небрежности относится к ведению переговоров и бездумно даваемым обещаниям.

Многие эксперты определяют обращение с мусором как главную проблему человечества на современном этапе. Проблемы с мусором являются крайне острыми во многих странах, включая Гватемалу. Неперерабатываемые пластиковые отходы, разлагаясь, проникают сначала в почву, а затем попадают в грунтовые воды. Далее идет загрязнение рек и озер со всеми вытекающими последствиями.

В ходе российско-латиноамериканского бизнес-форума 29–30 мая 2017 года гватемальская сторона выразила прямую заинтересованность к сотрудничеству с двумя российскими компаниями. Одна из них занимается на линиях собственного производства сортировкой мусора и продажей отходов, которые могут быть утилизированы — бумага, металл, пластик (не-

⁴ http://raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_2016/(дата обращения: 01.12.2017).

реализуемые отходы свозятся под Гатчину, где осуществляется их размещение по специальной технологии на выделенной территории). Другая компания выпускает оборудование, в котором можно сжигать мусор, в частности полиэтиленовые пакеты, и получать энергию. На оба предприятия 5 июня были организованы визиты, состоялись переговоры. В ходе переговоров предприятие по сортировке мусора предложило подготовить два проекта для Гватемалы. В первом проекте предполагалось 50 % мусора утилизировать, 50 — размещать на полигоне, во втором — 70 % должна была составить утилизация, 30 — размещение на полигоне. Директор предприятия заверил, что оба проекта будут подготовлены через 2 дня. Однако проекты так и не были представлены, а в начале августа предприятие заявило, что акционеры не проявили интереса к сотрудничеству с Гватемалой.

Третий пример иллюстрирует небрежность к предложениям о сотрудничестве.

После майского российско-латиноамериканского бизнес-форума от чилийской стороны поступило предложение о проведении в Чили в октябре 2017 г. первой российской выставки, целью которой было представление российских технологий и инновационных товаров и разработок с целью их последующей коммерциализации. Участие в выставке предлагалось на крайне выгодных условиях.

В качестве приглашающей стороны выступила компания Robotics Lab scl⁵, являющаяся первым специализированным хабом в прикладной робототехнике Чили, занимающимся исследованиями, развитием, интеграцией и прототипированием технологических решений. Целями Robotics Lab scl являются решение проблем, с которыми сталкиваются предприятия, автоматизация производственных процессов, исследования, развитие и интеграция в различных сферах, где могут быть применены робототехника и соответствующие технологии. Компания ищет способы ускорения внедрения информационных технологий и систем управления знаниями в целях уменьшения технологического разрыва, существующего между странами, способы создания и укрепления альянсов между связанными сторонами, а также способы технической поддержки передовых применяемых технологий. Одной из важнейших разработок Robotics Lab scl является Over Mind — система, которая посредством сигналов, поступающих из головного мозга, и различных сенсоров позволяет людям с ограниченными возможностями передвигаться в инвалидном кресле, зажигать свет, контролировать управление процессами системы «умный дом».

⁵ <http://www.roboticslab.cl/>(дата обращения: 01.12.2017).

Robotics Lab scl является членом Чилийской Ассоциации Робототехники — ACHIRO⁶, миссия которой — развитие робототехнической индустрии в Чили. Основные цели ACHIRO сформулированы следующим образом: а) содействие и продвижение применения и развития технологий и инноваций в сфере робототехники и в смежных областях в целях внесения вклада в дело устойчивого и планомерного развития Чили; б) продвижение развития инновационных технологий, под которыми понимается внедрение новых знаний или существенных усовершенствований в продукты, услуги, процессы, методы коммерциализации и организации, в применяемые предприятиями практики, организацию труда, а также развитие соответствующих связанных индустрий; в) осуществление и содействие в деле распространения технологий, реализации проектов, подписания соглашений, предоставления стипендий, развития альянсов с предприятиями, а также осуществление и содействие сотрудничеству с образовательными и научно-исследовательскими центрами, университетами, общественными организациями и прочими юридическими и физическими лицами как внутри, так и за пределами Чили; г) включение высокотехнологичных предприятий Чили в процессы интернационализации; д) продвижение Чили как центра регионального развития в области инноваций и технологий.

Таким образом, к участию в выставке на выгодных условиях в Чили, стране с устойчивыми показателями развития, стране, на рынки которой сложно попасть зарубежным предприятиям, приглашались компании, продемонстрировавшие свое желание вести экспортную деятельность, при этом приглашение исходило от крупных специалистов в области передовых технологий. Казалось бы, приготовления к выставке должны были начаться без промедления, но длительное время руководство делового центра «Россия — Латинская Америка» (о нем речь пойдет, когда будет рассмотрена четвертая негативная особенность выстраивания отношений между Россией и странами Латинской Америки), через который должна была осуществляться связь с российскими предприятиями, вообще не отвечало чилийской стороне. Когда же все-таки последовала ответная реакция, интерес чилийской стороны переместился в Москву. К сожалению, согласно последним данным, московские предприятия также не проявляют расторопности. В результате этого сроки проведения первой российской выставки в Чили перенесены с осени 2017 г. на март 2018 г.

Последняя особенность, которая будет рассмотрена в данном докладе, — отсутствие должной эффективности и контроля в политике выстраивания экономических отношений со странами Латинской Америки, сви-

⁶ <http://achiro.cl/>(дата обращения: 01.12.2017).

детельством чему является деятельность организаций, участвующих в ее проведении.

Здесь в качестве первого примера можно привести тот факт, что в странах Латинской Америки торговые представительства РФ открыты только в 4 странах — в Аргентине, на Кубе, в Никарагуа и Бразилии (2 отделения). И это при том, что каждая из стран латиноамериканского континента обладает своей спецификой⁷.

Второй пример — это наличие неправительственных организаций, в частности деловых советов и центров, цель которых заявляется как содействие развитию отношений между Россией и странами Латинской Америки, но при этом четко не определена регламентация их деятельности. Здесь можно назвать следующие организации: 1) деловой совет (ДС) «Россия — Куба»; 2) ДС «Россия — Бразилия»; 3) ДС «Россия — Чили» и 4) деловой центр (ДЦ) «Россия — Латинская Америка».

Даже посвятив целый год развитию российско-латиноамериканских отношений в качестве советника ДЦ «Россия — Латинская Америка», автору данного доклада сложно сделать вывод о результативности деятельности названных деловых советов. Судя по информации в Интернете, особой активности в деятельности данных советов не наблюдается. Так, последняя информация о деловом совете «Россия — Куба» от декабря 2014 г.⁸, о деловом совете «Россия — Чили» от июня 2015 г. (правда, следует отметить, что ДС «Россия — Чили» участвует в подготовке первой российской выставки в Чили)⁹, о деловом совете «Россия — Бразилия» — от июня 2017 г. (она посвящена IV деловому форуму «Россия — Бразилия»)¹⁰.

Если кратко охарактеризовать деятельность ДЦ «Россия — Латинская Америка»¹¹, то это, в первую очередь, — упущенные возможности.

Центр был создан в марте 2016 г. в результате подписания меморандума тремя организациями — НК СЭСЛА, компаниями «ЭкспоФорумИнтернэшнл» и «Международный финансовый альянс». Учреждение центра подразумевалось как создание эффективной площадки для сотрудничества представителей бизнеса и власти России и стран Латинской Америки. В качестве направлений деятельности выделялись а) проведение выставочных и конгрессных мероприятий; б) поиск контрагентов; в) информационная поддержка проектов; г) организация деловых поездок в Россию и Латин-

⁷ <http://economy.gov.ru/mines/about/TorgPredstav/>(дата обращения: 01.12.2017).

⁸ http://www.roscuba.ru/community/business_council/(дата обращения: 01.12.2017).

⁹ <http://rus-chl.tpprf.ru/ru/>(дата обращения: 01.12.2017).

¹⁰ <http://niejournal.ru/%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D1%82%D0%B8%D0%B5/iv-delovoj-forum-braziliya-rossiya/>(дата обращения: 01.12.2017).

¹¹ <http://www.expoforum.ru/projects/latinamerica>(дата обращения: 01.12.2017).

скую Америку; бизнес-консалтинг; д) сдача в аренду выставочных площадей, конференц-залов, офисов.

Да, ДЦ «Россия — Латинская Америка» принял участие в международных форумах «Российский промышленник», «Экология большого города», а также в российском Международном энергетическом форуме. На всех трех форумах работа осуществлялась на собственном стенде ДЦ «Россия — Латинская Америка». Однако руководство ДЦ не то что не смогло организовать работу коллективного стенда со странами Латинской Америки, но даже было не в состоянии довести данную директиву «ЭкспоФорумИнтернэшнл» до сведения своих сотрудников. Да, сотрудники ДЦ вели постоянный поиск контрагентов и в России, и в странах Латинской Америки, но ни одно соглашение так и не было подписано. В отношении всех остальных направлений речь не может идти даже о серьезных попытках организации деятельности.

Кульминационным моментом в деятельности ДЦ «Россия — Латинская Америка» стало участие в организации и проведении 29–30 мая 2017 г. Международного бизнес-форума (совместно с Департаментом стран Латинской Америки и Карибского бассейна ЮНИДО и при поддержке Правительства Санкт-Петербурга), а также участие в подготовке II Межрегионального форума в рамках так называемого нулевого дня ПМЭФ 31 мая 2017 г.

Однако после российско-латиноамериканского бизнес-форума не стала проводиться должным образом работа с предприятиями, принявшими в нем участие. Более того, из 5 сотрудников свою деятельность в ДЦ «Россия — Латинская Америка» продолжили только 2 человека — руководитель и исполнительный директор. Причинами такого положения дел стали приверженность командно-административным методам управления и неумение выстраивать стратегию и тактику деятельности. Особый же акцент следует сделать на неподконтрольности деятельности ДЦ «Россия — Латинская Америка». Конечно же, определенные действия согласовываются с НК СЭСЛА, Правительством Санкт-Петербурга, с руководством компании «ЭкспоФорумИнтернэшнл», но с точки зрения управления между понятиями «подконтрольность», «подотчетность» и понятием «согласование» существует большая разница: волюнтаризм решений, принимаемых в рамках ДЦ «Россия — Латинская Америка», а также бездействие могут нанести непоправимый ущерб выстраиванию отношений между Россией и странами Латинской Америки.

В завершение статьи хотелось бы отметить, что крайне желательным для успешного развития отношений между нашей страной и странами латиноамериканского континента является учет всех приведенных фактов с целью внесения соответствующих корректив.

Библиография

1. Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга № 19 (1019) от 29 мая 2017 г. Официальное издание Правительства Санкт-Петербурга. Зарегистрирован Северо-Западным региональным управлением Госкомпечати (свидетельство П 3280 от 11.09.1998).
2. <http://achiro.cl/>(дата обращения: 01.12.2017).
3. http://www.crpp.ru/about/info/news/index.php?ELEMENT_ID=2778&clear_cache=Y(дата обращения: 01.12.2017).
4. <http://economy.gov.ru/minec/about/TorgPredstav/>(дата обращения: 01.12.2017).
5. <http://www.expoforum.ru/projects/latinamerica>(дата обращения: 01.12.2017).
6. <http://niejournal.ru/%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D1%82%D0%B8%D0%B5/iv-delovoj-forum-braziliya-rossiya/>(дата обращения: 01.12.2017).
7. http://raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_2016/(дата обращения: 01.12.2017).
8. <http://www.roboticslab.cl/>(дата обращения: 01.12.2017).
9. http://www.roscuba.ru/community/business_council/(дата обращения: 01.12.2017).
10. <http://rus-chl.tpprf.ru/ru/>(дата обращения: 01.12.2017).

Российско-бразильская торговля и потребности внутреннего рынка Российской империи в XVIII–XIX вв.

Russian-Brazilian trade and the needs of the domestic market of the Russian Empire in XVIII–XIX centuries

Resumen: En el artículo se analiza la evolución de las relaciones comerciales entre Rusia y Brasil a lo largo de dos siglos: en el siglo XVIII-XIX siglos. Analizada la gama de exportación y de importación, especialmente de la organización de las operaciones comerciales. Especial atención se centró en la definición de roles de los rusos viajeros y diplomáticos en el desarrollo de la cooperación ruso-brasileña de comercio. Las misiones diplomáticas, consulares han jugado un papel importante en el desarrollo de relaciones comerciales con el exterior del imperio de Rusia con los países de América Latina. A través de ejemplos concretos, se muestra el interés de Rusia en numerosos productos de Brasil. En el artículo se muestran las estadísticas de exportación e importación de algunos productos, se han identificado los patrones en el comercio exterior de las operaciones. Se establecen las conclusiones sobre mutuamente beneficiosa la naturaleza de comercio de Rusia y Brasil.

Palabras clave: Imperio Ruso; Brasil; el comercio exterior; la exportación; la importación; producto.

Abstract: The article analyzes the evolution of trade relations between Russia and Brazil for over two centuries: in the XVIII-XIX centuries. Analyzed the assortment of export and import, especially the organization of trading operations. Special attention is paid to defining the role of Russian travelers and diplomats in the development of Russian-Brazilian trade. Diplomatic missions, consular institutions played an important role in the development of foreign trade relations of the Russian Empire with the States of Latin America. Specific examples show the interest of Russia in numerous goods from Brazil. The article presents statistics on the export and import of certain goods identified patterns in foreign trade operations. Justify the conclusions about the mutually beneficial nature of trade between Russia and Brazil.

Keywords: Russian Empire; Brazil; foreign trade; export; import; goods.

Расширение торгово-экономических отношений России с ведущими европейскими державами в петровскую эпоху способствовало увеличению реэкспорта из них колониальных товаров. На российский рынок все чаще

¹ Шкунов Владимир Николаевич — Россия. Доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН; E-mail: orientru@mail.ru.

стали поступать товары и сырье из Латинской Америки. Не стала исключением и Бразилия. Португальские и некоторые другие европейские торговцы стали поставлять в пределы Российской империи бразильские товары.

Об ассортименте товаров, привозимых в Россию в первые два десятилетия XVIII в. с Пиренейского полуострова, можно судить из «Росписи всем и всякого звания товарам Российской коммерции» за 1717 г., опубликованной в последнем томе труда М. Д. Чулкова². Среди них мы встречаем: вино аликанте (Испания и Португалия), различные вина (Кадикс, Лиссабон, Малага, Барселона), живые деревья (саженцы — из Кадикса), изюм (Малага, Барселона), камбала (Барселона), кошениль (краска из Барселоны), конфеты (Малага), корица (Португалия), корка (для изготовления втулок — Португалия, Малага, Барселона), корковые втулки (Малага), кофе (Португалия), различные краски (Португалия), ликеры (Малага), лимонный сок (Лиссабон), лимоны, померанцы и апельсины свежие и соленые (Португалия, Кадикс и др.), различные масла: оливковое, жасминовое, миндальное, ореховое, благовонное, купоросное и пр. (Кадикс, Лиссабон, Порто), мясо птичье (Кадикс, Португалия), оливки (Барселона), орехи разные (Малага), рогожи (Португалия), семга (Лиссабон), ситец и платки ситцевые (Барселона), табак испанский и португальский («брезиль», «рульной», «виргинский»), уксус (Малага), фиги (инжир — Лиссабон), шоколад (Малага, Кадикс, Лиссабон)³.

Из приведенного списка видно, что ассортимент привозимых из Португалии и Испании товаров в первые два десятилетия XVIII в. был достаточно широким и разнообразным. Вместе с тем колониальных товаров, доставленных из латиноамериканских колоний Португалии и Испании, в это время было немного.

В августе 1724 г. португальский министр Альварес Пандура направил императору Петру I два письма об установлении прямых торговых связей между Португалией и Россией. Подобного рода намерение неоднократно подтверждалось Лиссабоном и при преемниках первого российского императора⁴. Лиссабонский двор и португальские торговцы были заинтересованы в приобретении российских товаров, необходимых в том числе и для строительства морских судов. В то же время российский рынок был привлекателен португальским купцам своей обширностью и неограничен-

² Чулков М.Д., *Историческое описание Российской коммерции...* Т.7, Кн.2, М.: Университетская типография, 1788, 3— 266.

³ Там же.

⁴ Н.Н. Бантыш-Каменский, *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*, Ч.3: Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия, М.: Типография Э. Лиснера и Ю.Романа, 1897, 291-294.

ными возможностями для сбыта колониальных товаров. Однако на пути становления двусторонней торговли было немало препятствий. И речь идет не только об удаленности стран друг от друга, а чаще всего о внешних препятствиях (войны в Европе, противоборство и острая конкурентная борьба европейских держав за рынки сбыта; нежелание торговых домов других европейских стран потерять выгоду от посредничества в сбыте португальских и колониальных товаров в России и др.).

В 1787 г. Российская империя заключила торговый договор с Португальским королевством сроком на 12 лет. Как отмечал известный исследователь внешней торговли России Н. Н. Фирсов, «торговлей с Португалией русское правительство так же давно интересовалось, как и торговлей в Италию»⁵. До этого времени торговые связи России и Португалии носили эпизодический характер. Причем Санкт-Петербург был крайне заинтересован в расширении и упрочении этих связей. Еще в сентябре 1772 г. Г. Н. Теплов инициировал уменьшение пошлины на ввозимый бразильский рульный табак (предложил взимать пошлину не с фунта, как было раньше, а с пуда). Эту инициативу государственный чиновник предложил не случайно: именно ему еще в феврале 1763 г. Екатерина II поручила заведовать «табачным промыслом» по всей империи, поэтому он был прекрасно осведомлен обо всех деталях российско-португальских торговых связей, а также об ассортименте латиноамериканских товаров. Именно Г. Н. Теплов ратовал за «поощрение непосредственной с Россией португальской коммерции»⁶.

В соответствии с договором 1787 г., российское правительство уменьшило ввозные пошлины на следующие товары, доставлявшиеся в Россию из Португалии и ее колоний: все сорта вина непосредственно из королевства, а также Азорских островов и острова Мадейра, с 600 ластов португальской соли (свыше этого веса — по полной пошлине. — *В. III.*), оливковое масло, бразильское индиго, бразильский молотый табак (а также в рулях и листовой) и пр. Португальские власти, в свою очередь, уменьшили ввозные пошлины на следующие российские товары: доски и всякий лес, необходимый для строительства кораблей, пенька, семена и масло конопляное и льняное, полосное железо (включая обручи, якоря, пушки, ядра, бомбы), парусное полотно, другие ткани и т. д.⁷

Стремление к развитию двусторонних отношений между Российской империей и Бразилией привело к установлению дипломатических отно-

⁵ Фирсов Н.Н., *Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II: Очерки из истории торговой политики*, Казань: Типо-литография Императорского университета, 1902, 329.

⁶ Там же.

⁷ Там же, 331.

шений между странами. Уже на исходе 1812 г. в Рио-де-Жанейро в качестве российского генерального консула был назначен Г. И. Лангсдорф. Такое решение было принято во исполнение манифеста об установлении российско-бразильской торговли, принятого в мае 1810 г.

Посетив остров Святой Екатерины (Санта-Катарина. — *В.Ш.*) в декабре 1803 г., Г. И. Лангсдорф отметил, что здесь была сосредоточена большая торговля: «Здесь находятся купцы или, лучше сказать, торгаши и ремесленники всякого рода; ежедневно привозят на здешний рынок съестные припасы; в лавках можно найти все европейские товары, железные, стеклянные, фарфоровые изделия, шелковые и бумажные ткани, платки, зеркала, подсвечники, бумагу, но за самую дорогую цену»⁸.

Другой российский путешественник, лейтенант фрегата «Надежда» Федор Ромберг в своем письме из Бразилии, датированном 29 января 1804 г., отметил: «Вам известно, что Бразилией владеют португальцы. Ежели бы они были так трудолюбивы, как русские; ежели бы Правительство их дозволило иметь здесь торговлю и другим народам: тогда бы число жителей умножилось в Бразилии, и скоро превзошла бы она своим богатством обе Индии; но Португальцы ленивы и заставляют работать одних Негров»⁹.

Ценные сведения о торговле Бразилии в начале XIX в. привел В. М. Головнин, совершивший путешествие из Кронштадта на Дальний Восток (Камчатка) в 1807–1809 гг. Он отметил, что законы Португалии запрещали бразильцам вступать в торговые отношения с иностранцами, и даже португальским купцам разрешалось торговать с зарубежными торговцами исключительно в портах Сан-Сальвадора и Рио-де-Жанейро. Все местные товары доставлялись в эти порты на мелких судах, а после их приобретения иностранцами загружались на торговые суда, которые целыми конвоями отправлялись в страны Европы. Это, естественно, сдерживало развитие торговли в других городах Бразилии, в которых она ограничивалась мелким розничным торгом и удовлетворяла потребности только местных жителей.

В. М. Головнин отметил низкие цены на качественные, традиционные бразильские товары: рис, кофе, фрукты, овощи, зеленные культуры. В большом количестве на местные рынки жители пригоняли скот. Он поступал в основном из области Рио-Гранде. Рыбаки поставляли рыбу и некоторые морепродукты. Команда шлюпа «Диана» смогла приобрести некоторые товары непосредственно в порту острова Святой Екатерины. Местные продавцы просили за свой товар цены выше, чем продавали аналогичные товары соотечественникам. По этому поводу Василий Михайлович заметил:

⁸ Лангсдорф Г. И., Путешествие в Бразилию // *Сын Отечества*, 1815, Ч.21, №15, 80.

⁹ Письма русских путешественников из Бразилии к госп. N.N. // *Вестник Европы*, 1804, Ч.16, №16, 271.

«Если за некоторые ими продаваемые нам вещи они иногда и просили более настоящей цены, то есть дороже того, за что бы они уступили их своим соотечественникам, то разность была очень невелика. Впрочем, это весьма натурально: где же и в какой земле жители, при продаже не употребляют в свою пользу неведения и неопытности чужеземцев? Притом, к чести их надобно сказать, что, получа от нас плату за доставленную ими на шлюп свежую провизию, зелень и фрукты, в первые дни нашего прибытия, почти без всякого торга с нашей стороны, они ни мало цены вещам не увеличили, что им легко можно было бы сделать под разными предложениями. Надобно знать, что я не приписываю такой простоты поселившимся здесь немцам и англичанам»¹⁰.

В своих воспоминаниях о путешествии на Камчатку В. М. Головнин выделил особый раздел «Примечания о покупке съестных припасов, о деньгах, мерах и проч.», в котором привел ценные сведения об организации торговли на острове Святой Екатерины, ассортименте товаров, о ценах и т. д. Автор обратил внимание на особенность местной торговли: продавцы предпочитали расчет в серебряной, а не в золотой монете (португальские серебряные и медные монеты и испанские пиастры): «Узнавши показанный счет португальских денег и сравнение их в цене с испанским пиастром, или английским шиллингом, можно торговаться и расплачиваться с жителями без всякого затруднения, а притом и легко будет сравнить здешние цены вещей с европейскими»¹¹.

Кроме описания торговли на острове Сан-Катарина В. М. Головнин оставил воспоминания об организации торговли в Рио-де-Жанейро. Несомненно, это был важнейший центр внешней торговли на всем атлантическом побережье Южной Америки. Сюда стекались товары не только со всей Бразилии и сопредельных стран, но и с других концов света: из Европы, Африки, Австралии и т. д. К примеру, картофель, масло и сыр доставляли из Великобритании и Ирландии.

Доминирующее положение в торговле Рио-де-Жанейро в начале XIX в. занимали английские купцы. По этому поводу В. М. Головнин заметил: «Что же касается до европейских изделий, то англичане оными, можно сказать, завалили сей город. Надобно знать, что сей народ пользуется здесь большими торговыми преимуществами»¹². Английские торговцы имели право привозить в Рио-де-Жанейро любые товары, произведенные

¹⁰ [В.М. Головнин], Путешествие шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина, в 1807, 1808 и 1809 гг. // *Сочинения и переводы Василия Михайловича Головнина*, Т.1, СПб.: Типография Морского министерства, 1864, 93.

¹¹ Там же, 95.

¹² Там же, 46.

на фабриках и заводах Великобритании, с пошлиной в 15 %. В то же время португальцы оплачивали пошлину в 16 %, а торговцы из других стран мира (включая Российскую империю) — по 24 %¹³. Некоторые из английских торговцев, постоянно находившиеся в Рио-де-Жанейро, получали самую большую прибыль не от торговых операций, а от кредитования начинающих купцов, которые планировали свои торговые операции в Индии и Китае. Под поручительство им предоставлялись кредиты под 30–35 % в год с обязательным страхованием рисков.

Некоторые краткие (но оттого не менее ценные) сведения о внешней торговле Бразилии привел в своих воспоминаниях о кругосветном путешествии на шлюпе «Камчатка» известный российский путешественник Ф. П. Литке. Здесь, у берегов Южной Америки, команда «Камчатки» встретила соотечественников. Федор Петрович так описал чувства членов экипажа: «Кто бы мог думать, чтобы первое судно, которое мы встретили по выходе из Рио-де-Жанейро, было русское; чтобы в южных пределах света увидели соотечественников своих, услышали отечественный свой язык! Не знаю: более ли радовался Колумб, нашедши Новый Свет, как мы радовались встрече сей»¹⁴.

Во время плаванья команда встретила торговое судно «Двина», принадлежавшее архангелогородскому купцу Вильгельму Брандту. Его корабль проделал долгий путь из порта Архангельска в Буэнос-Айрес и возвращался с товаром на Родину. В порту Рио-де-Жанейро Ф. П. Литке также встретил торговое судно «Ганзея», принадлежавшее купцу 1-й гильдии В. Брандту¹⁵. Этот купец вместе с архангельскими торговцами Афанасием Амосовым и Василием Поповым открыл 6 сахарных заводов в Архангельске. Общий объем производства этих заводов составил 120 тыс. пуд. сахара в год¹⁶. О размахе торговых оборотов этого купца можно судить по следующим показателям: только в навигацию 1817 г. в адрес компании «В. Брандт и Ко» прибыло 88 торговых судов из Европы, и 88 кораблей с отечественными товарами компания отправила за границу¹⁷. Собственных торговых судов у В. Брандта насчитывалось 23¹⁸. Сырье для своих сахарных заводов Вильгельм Брандт завозил из Латинской Америки.

¹³ Там же.

¹⁴ *К берегам Нового Света: из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века* / Л.А. Шур, М.: Наука, 1971, 114.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Овсянкин Е. И., *Архангельск купеческий*, Архангельск: Архконсалт, 2000, 85.

¹⁷ Там же, 32.

¹⁸ Там же, 99.

В период континентальной блокады в порт Архангельска стали прибывать американские корабли, которые в большом количестве доставляли сахар-сырец. В 1809 г. сюда прибыли первые корабли из Нового Света, доставившие до 120 тыс. пуд. сахара¹⁹.

Ценные сведения об экономическом развитии Бразилии Г. И. Лангсдорф собрал во время своей экспедиции по стране в 1821–1828 гг. Во время пребывания в разных населенных пунктах внутренних районов Бразилии Григорий Иванович интересовался ценами на продукты питания и ремесленные и промышленные товары. Позже они были опубликованы в его дневнике. От наблюдательного взгляда российского путешественника, ученого, дипломата ничто не ускользало. Он оставил подробное описание многих населенных пунктов, хозяйств, путей сообщений и т. д., подмечая колоссальный потенциал бразильской природы, автор сделал вывод: «Внутреннее сообщение, судоходство и дороги — вот душа торговли и земледелия»²⁰.

Соратник Г. И. Лангсдорфа Н. Г. Рубцов также оставил воспоминания о пребывании в Бразилии. Среди его записей есть интересные сведения о торговле. В своем дневнике он отметил: «Из провинции Сан-Паулу привозят на мулах сахар и кофей, из провинции Гояс — хлопчатую бумагу, а из провинции Мату-Гросу — золото и бриллиантов камни, продав, отвозят туда товары. Ежедневно бывает здесь 100 мулов, а иногда до 500. К городу Сантус и к оному селению перевозят товары на ботах и с товаров здесь собирают пошлину»²¹.

К концу второго десятилетия XIX в. суда, принадлежавшие Российско-Американской компании, бороздили моря как Тихого, так и Атлантического океанов. В ноябре 1818 г. из главного правления компании поступил доклад на имя императора Александра I об удачной торговой экспедиции кораблей «Кутузов» и «Суворов», которые были отправлены из порта Кронштадт в Ново-Архангельск. Оба корабля находились под командованием капитан-лейтенанта Л. А. Гагемейстера и лейтенанта З. И. Панафидина.

По пути в Кронштадт «Суворов» заходил в порт Рио-де-Жанейро, где находился в течение 32 дней для отдыха экипажа, пополнения запасов воды и пр. Спустя несколько месяцев «Суворов» благополучно достиг порта Кронштадт, доставив в Россию в том числе и товары из Южной Америки.

¹⁹ Там же, 85.

²⁰ *Дневник русской комплексной академической экспедиции в Бразилию в 1824–1826 гг. под началом академика Г. И. Лангсдорфа* [Текст] / ред. С. Р. Микулинский; сост. Н. М. Осипова, М.: Наука, 1995, 114.

²¹ Бразилия в описаниях участников русской экспедиции 1821 — 1829 годов. // *Новая и новейшая история*, 1966, № 3, 122–123.

Находясь в Рио-де-Жанейро, российские офицеры имели возможность собрать сведения о местной торговле. В частности, Л. А. Гагемейстер отмечал: «Торговля наша с Бразилией никогда не будет важна, доколе иностранным купцам не воспрещено будет иметь там на кораблях своих самовольно употребляемый российский флаг и доколе россияне не воспользуются тем же правом, какое имеют там англичане, которые платят там пошлины только по 15 %, между тем как все другие обязаны платить по 25 %»²². Такая разница в размере пошлин, вполне естественно, была не выгодной российским торговцам. Именно по этой причине руководство Российско-Американской компании ставило вопрос перед Санкт-Петербургом о необходимости добиться льготных условий для отечественных предпринимателей, торговавших в Бразилии.

Л. А. Гагемейстер считал, что условия для торговой деятельности компании в странах Южной Америки были в то время не совсем благоприятными. Это было связано как с нестабильной обстановкой в некоторых странах, так и в политике европейских держав в Латинской Америке, не желавших появления здесь новых конкурентов. Отметил он и другие причины, которые могли отрицательно повлиять на продвижение российской торговли в страны континента: «В Америке прибыли ожидать большой нельзя; много пойдет в долг, иногда невозвратный, или залежится, и Компания даже своих денег не выручит, вместо того, что, находясь теперь здесь, разменять можно продукты свои на деньги, иные с изрядным, другие с меньшим барышом, какового, по всеобщему миру, в ближайших местах ожидать нельзя»²³.

Компания просуществовала недолго и в 1813 г. была ликвидирована.

Способствовали расширению знаний о странах и народах Ибероамерики и кругосветные путешествия российских ученых, посещение важнейших портов Латинской Америки отечественными военными и торговыми судами.

Ф. П. Литке, знаменитый отечественный мореплаватель, географ, оставил любопытные сведения об организации торговли в странах Латинской Америки во время своего кругосветного путешествия в 1817–1819 гг. Посетив Рио-де-Жанейро, Федор Петрович отметил, что город существенно изменился после вынужденного переселения сюда португальской королевской семьи. Прибытие в город португальских аристократов, торговцев, мастеров как будто вдохнуло новую жизнь. Российский мореплаватель подчеркнул, что с появлением королевской семьи в столице Бразилии первен-

²² Донесение Главного правления Российско-Американской компании Александру I. — *Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел*, Т.1 (9), Серия 2-я: 1815-1830 гг., М.: Издательство политической литературы, 1974, 517.

²³ Там же, 522.

ство во внешней торговле, принадлежавшее острову Сан-Катарина, постепенно перешло к Рио-де-Жанейро. В своем дневнике он записал: «...ныне сии преимущества острова Св. Екатерины пред Рио-Жанейро исчезают; со времени переселения сюда португальского двора все задержки, кои до того приходившим судам делаемы были, пресекутся; запастись можно всем, чем угодно, и весьма скоро, и хотя жизненные потребности в Св. Екатерине еще и теперь дешевле здешнего, зато в Рио-Жанейро можно найти все, что себе представить можно, в великом изобилии: колониальные товары, мануфактурные изделия и пр.— удобность, которой остров Св. Екатерины не имеет, и я полагаю, что отныне впредь ни одно судно, которое может выбирать, не предпочтет остров Св. Екатерины городу Рио-Жанейро»²⁴. Посетив столичные рынки, Ф. П. Литке записал в своем дневнике цены на основные продукты питания (яйца, макароны, арбузы, тыква, курица, кофе, маис, рис, сахар, бразильский ром, портвейн и т. д.).

В рассматриваемый период Санкт-Петербург стремился упрочить и торговые связи Российской империи с Бразилией. С инициативой о заключении первого торгового договора с этой южноамериканской страной выступил в 1828 г. первый российский посланник Франц Францевич Борель. Однако непризнание Россией независимой Бразилии и противоречия с португальским королевским двором сдерживали заключение договора. 15 июля 1829 г. вице-канцлер К. В. Нессельроде направил Ф. Ф. Борелю депешу с подробным изложением основных подходов российских властей к регулированию торговых связей с Бразилией²⁵. В своей записке вице-канцлер подчеркнул, что «мы поддерживаем с императором Бразилии мирные и дружественные отношения, и что он действует также в интересах России, открывая новую сферу для развития ее торговли»²⁶. Под новой сферой торговли К. В. Нессельроде полагал активное освоение южноамериканского канала отечественной внешней торговли. В письме российскому послу в Лондоне вице-канцлер писал о том, что Санкт-Петербург не намерен вмешиваться во внутренние дела Португалии. По всей видимости, посол Христофор Андреевич Ливен в Лондоне вел переговоры с бразильским дипломатом маркизом Филисберту Барбасеной. Вместе с тем 1830 и 1831 гг. выдались для бразильской торговли не совсем удачными. Это объяснялось несколькими причинами: прогрессирующим ростом выпуска фальшивых монет на внутреннем рынке, погромами магазинов, принадлежавших португальцам, неурожаем некоторых культур, вызванным проливными дождями, смывшими посевы. В эти годы объемы внешней торговли Бразилии

²⁴ Там же, 108.

²⁵ АВПРИ, ф. «Канцелярия», оп.468, д.9871, 13-25.

²⁶ Там же, 13.

упали, чем объяснялось и снижение поставок бразильских товаров в Российскую империю.

В 1835 г. в «Журнале мануфактур и торговли» была опубликована статья, непосредственно посвященная проблемам российско-бразильской торговли, под названием «Несколько слов о выгодах, которые могли бы быть доставлены нам многими статьями торга с Бразилией»²⁷. В ней отмечалось, что вернувшийся из Рио-де-Жанейро вице-консул России П. П. Кильхен с сожалением говорил о том, что «в торговле с Бразилией Россия, богатая множеством произведений и товаров, которые могли бы там быть с значительной выгодой проданы или выменены, почти вовсе не участвует»²⁸. Сам П. П. Кильхен на протяжении многих лет осуществлял торговую деятельность непосредственно в Бразилии, прекрасно знал местный рынок и особенности внешнеторговых связей этой южноамериканской страны. По приезду в Россию он доставил образцы бразильских товаров, а также составил специальную опись, в которой привел необходимые сведения и уточнения. После первой публикации в 1833 г. статьи о проблемах российско-бразильской торговли редакция журнала констатировала факт устойчивого невнимания российских предпринимателей к бразильскому рынку. В публикации 1835 г., в частности, говорилось: «Мы робеем пускаться в Новый Свет, где коммерческие нации с давних пор открыли себе выгодные пути сбыта; мы робеем и хладнокровно смотрим, как они собирают золото не только за свои произведения, но и за собственные наши»²⁹. Автор статьи отмечает, что Южная Америка крайне нуждалась в европейских мануфактурных товарах, как, впрочем, и российский Дальний Восток. Именно по этой причине рынки Латинской Америки могли бы стать очень выгодными российским предпринимателям. Однако чаще всего этими выгодами пользовались иностранные торговцы, которые с большой выгодой для себя перепродавали в ту же Бразилию традиционные российские товары. В Бразилии можно было встретить шляпы фабрики Циммермана, парусину, ярославские салфетки, архангельские холсты и мн. др.³⁰

По мнению П. П. Кильхена, в Бразилии могли бы найти хороший сбыт следующие отечественные товары: медь красная и желтая, медная проволока, железо полосное и листовое, гвозди, обручи, якоря, железная проволока, различные железные и чугунные изделия (лопатки, топоры, косы, замки, котлы, чайники, кастрюли, иная кухонная посуда, утюги, кури-

²⁷ Несколько слов о выгодах, которые могли бы быть доставлены нам многими статьями торга с Бразилией // *Журнал мануфактур и торговли*, 1835, №5, 14-36.

²⁸ Там же, 19.

²⁹ Там же, 20.

³⁰ Там же, 23.

тельницы, чугунные решетки, перила для балконов, подковы и пр.), стекло, стеклянная посуда, зеркала, смола, строевой и корабельный лес, мебель из красного дерева, рамы позолоченные охтинской работы, галантерейные товары (детские игрушки, бумажные табакерки и пр.), перья писчие, канаты, снасти и веревки, нитки, воск, сальные и восковые свечи, масло льняное, рыбий жир, мука, пшеница и пшеничные отруби, конская грива, щетина, ревень, льняное семя, анис и анисовое масло, чернильные орешки, шляпы, сапоги и туфли, выделанные кожи, самые разнообразные полотна и холсты (парусина, равендук, фламское, тик и т. д.), шелковые ткани, солено-сушеная треска и пр.³¹

Приводя ассортимент отечественных товаров, которые пользовались спросом в Бразилии, вице-консул сообщил и об объемах потенциального сбыта. В завершение статьи дана краткая характеристика порта Рио-де-Жанейро: «Рио-Жанейрский порт почитается средоточным пунктом сообщения между Европой и Южной Америкой; там производится значительная транзитная торговля и делается складка как привозных, так и отвозных товаров, которые в таком случае платят только 2 процента пошлины; на товары российские бывает часто спрос, в особенности на парусные полотна, белый воск, канаты и веревки для независимых Испанских Штатов»³².

Приложением к статье, опубликованной в «Журнале мануфактур и торговли», стала «Роспись образцов разных товаров, привезенных из Бразилии и доставленных в Департамент мануфактур и внутренней торговли от вице-консула Кильхена; с означением ассортиментов и чистой выручки, за исключением всех расходов»³³. Кратко остановимся на этом любопытном документе. Среди товаров, доставленных П. П. Кильхеном в Россию из Бразилии, значились: котлы и курительницы чугунные английские, португальские кирки, топоры, косы, замки, английские гвозди и лопаты, немецкие медные тазы, английские щетки, сита, кисти, мыло, бутылки, шляпы, нитки, сафьян, полукожа овечья, полотна и холсты и т. д. Также среди образцов было немало американских, португальских, ирландских, французских, китайских товаров. Собственно бразильских товаров в этой ведомости) значилось немного (подожвы для обуви, полукожи и др.).

В середине века объемы внешнеторговых операций Бразилии значительно выросли. Наибольшее количество торговых судов прибывало в местные порты в период сбора кофе и какао. Польский путешественник и ботаник К. Ф. Аппун так описывал порт Рио-де-Жанейро во время своего пребывания в Бразилии: «Целые горы мешков с кофе и какао, тюков хлоп-

³¹ Там же, 25-31.

³² Там же, 32.

³³ Там же, 33-36.

ка, ящиков индиго, кож, коровьих рогов, разного дерева, как-то: бакаутового, желтого, красного, кедрового и т. д., лежат здесь приготовленные к погрузке...»³⁴

В 1847 г. между Российской империей и Бразилией был заключен договор о торговле, заложивший правовые основы двусторонних торгово-экономических отношений. Им были установлены правовые гарантии торговцам, принимавшим участие в двусторонней торговле, льготы и иные преференции.

Особое внимание вопросам двусторонней торговли уделяли российские дипломаты в Бразилии. Они посещали разные регионы страны, собирали статистические сведения, анализировали материалы местной деловой прессы, готовили записки в Санкт-Петербург по проблемам торговли, вели переговоры с представителями деловых кругов Бразилии, оказывали необходимую помощь и поддержку соотечественникам, находившимся в стране по коммерческим делам, и т. д. Некоторые из российских дипломатов оставили воспоминания о времени пребывания в Бразилии. Среди них следует отметить двухтомный труд российского дипломата, писателя Александра Семеновича Ионина «По Южной Америке». Исключительно эрудированный, любознательный, без преувеличения талантливый человек, А. С. Ионин представил целый очерк торговых связей стран Латинской Америки с европейскими государствами, США и Россией. В его сочинении содержатся сведения об ассортименте экспорта и импорта, объемах внешней торговли Аргентины, Бразилии. Свое мнение автор высказал и по поводу российско-бразильской торговли. В частности, Александр Семенович полагал, что Россия не использует все свои преимущества и упускает потенциальные выгоды от слабого торгового продвижения в Южной Америке. Он полагал, что в Бразилии мог бы найти хороший сбыт керосин: «Для нашего керосина Южная Америка могла бы представлять обширный рынок. От Буэнос-Айреса или Рио-Жанейро до Нью-Йорка почти не ближе, чем до Одессы, да и торгового флота для этого почти не нужно, так как и Северная Америка такового не имеет»³⁵.

Характеризуя торговую жизнь Бразилии, российский дипломат отметил особую значимость Сан-Паулу, на который приходилась треть экспортируемого кофе. Автор двухтомника обратил внимание на усиление конкурентной борьбы европейских держав на бразильском рынке. Эта борьба развернулась преимущественно между немцами, англичанами и францу-

³⁴ К.Ф. Аппун, *Под тропиками. Странствование по Венесуэле, на Ориноко, в Британской Гвиане и на Амазонке с 1845 по 1868 год*, СПб: Типография Товарищества «Общественная польза», 1873, 20-21.

³⁵ А.С. Ионин, *По Южной Америке*, Т.2, СПб: Типография «Общественная польза», 1896, 263.

зами. По этому поводу А. С. Ионин писал: «Недавно еще Германия, также как теперь Россия, получала свой кофе большей частью из вторых рук через Англию и Бельгию; теперь весь кофе, назначенный не только для Германии, но и для России, и частью для Австрии, перевозится на германских пароходах»³⁶.

В 40-е гг. XIX в. в Российскую империю шли прямые поставки товаров из Бразилии. Так, в 1841–1842 финансовом году, по официальным бразильским данным, из Рио-де-Жанейро было отгружено 1 торговое российское судно тоннажем в 526 т³⁷.

Важнейшим товаром, экспортировавшимся в Россию из стран Латинской Америки, являлся кофе. Однако его ввоз непосредственно из стран макрорегиона, несмотря на рост потребления, в период с 1827 по 1846 г. уменьшился вчетверо (с 34 897 пуд. до 6 849 пуд.). Это произошло вследствие увеличения реэкспорта кофе из европейских стран (Ганзейские города, Голландия, Англия). К середине века на российском рынке увеличилась доля яванского кофе. Латиноамериканский кофе доставлялся в основном через порты Российской империи, включая черноморские.

В целом, оценивая состояние торговых связей Российской империи с государствами Латинской Америки, Г. П. Неболсин отмечал: «Наша отпуская торговля с за-Атлантическими странами, можно сказать, ничтожна, в сравнении с огромным привозом тамошних продуктов в Россию чрез европейские порты»³⁸. В выигрыше оставались европейские посредники, поскольку Россия не находила прямого сбыта своим традиционным экспортным товарам в странах Латинской Америки. А привозимые европейскими торговцами из-за океана в Россию латиноамериканские товары характеризовались высокой стоимостью по сравнению с Европой. Главная причина такой ситуации заключалась в слабости отечественного торгового флота, а также в слабом знании латиноамериканского рынка. Эти препятствия будут устранены лишь к концу века, когда российские торговые дома установят прочные деловые связи с партнерами за океаном.

Бразилия в 60–70-е гг. была крупным поставщиком на мировой рынок сахара, хлопка-сырца, кофе, розового дерева, табака и пр. В 1870 г. в порт Рио-де-Жанейро прибыло лишь 1 российское торговое судно, которое доставило товар общим объемом в 270 т, в 1871 г. было зарегистрировано 3

³⁶ Там же, Т.1, 40.

³⁷ W. Hadfield, *Brazil and the River Plate in 1868*, London: Bates, Hendy and Co, 1869, 22.

³⁸ Г.П. Неболсин, *Статистическое обозрение внешней торговли России*, Ч. 2, СПб: Типография департамента внешней торговли, 1850, 461.

российских корабля с грузом в 980 т³⁹. Эти суда следовали в Бразилию с заходом в английский порт Кардиф.

Определенную нишу в торгово-экономической жизни Бразилии с начала 70-х гг. XIX в. занимали переселенцы из Российской империи. Это были, прежде всего, немецкие колонисты из Поволжья и Екатеринославской губернии. Первая волна мигрантов насчитывала до 6 тыс. чел.⁴⁰

Российский дипломат А. И. Ионов привел пример популярности российских товаров в странах Южной Америки. В Бразилии, в Рио-де-Жанейро, в магазине некоего господина Резенда, он видел много галантерейных товаров из России. Владелец магазина во время пребывания в Париже смог познакомиться с изделиями российских предпринимателей Хлебникова и Овчинникова, закупил товар и с огромной выгодой продал его потом в Бразилии. А. С. Ионов отметил: «Наконец, он завел прямые сношения с Хлебниковым и Овчинниковым; это стоило ему больших хлопот, но все-таки устроилось, и эти корзинки (изделия. — *В.Ш.*) посылают прямо из России (через парижских агентов), он их продает уже прямо за русские, и покупают их нарасхват. Вот что он мне говорил сам: “Я удивился дешевизне и вместе искусству этих произведений”»⁴¹.

К началу XX в. Российская империя поддерживала дипломатические отношения с несколькими государствами Латинской Америки. Российские посольства, миссии и консульства по состоянию на 1900 г. находились в следующих странах и владениях: Аргентина (Буэнос-Айрес), Бразилия (Рио-де-Жанейро, Баия, Белем, Маранхао, Пернамбуко, Порто-Аллегре, Сантос, Сеара), Барбадос, Мексика, Уругвай (Монтевидео), Чили (Вальпараисо)⁴². Дипломатические миссии, консульские учреждения играли важную роль в развитии внешнеторговых связей Российской империи с государствами Латинской Америки.

Таким образом, на протяжении двух столетий торгово-экономические отношения между Россией и Бразилией прошли сложный путь. Если в начале XVIII в. бразильские товары и сырье поступали в Российскую империю исключительно при посредничестве европейских торговцев, то спустя столетие были установлены прямые торговые контакты с Бразилией. Россия нуждалась в бразильском сырье и некоторых готовых изделиях, равно как и в Бразилии пользовались спросом многие российские товары. Это

³⁹ Ibid, 71.

⁴⁰ Ibid, 78.

⁴¹ Ibid, 136.

⁴² М. Ротшильд, *Коммерческая энциклопедия*, Т.4, СПб.: Типография СПб об-ва Печатного дела в России, 1901; 30-33.

была взаимовыгодная торговля, отвечавшая экономическим интересам обеих стран.

Библиография

1. АВПРИ, ф. «Канцелярия», оп. 468, д.9871.
2. Аппун К.Ф., *Под тропиками. Странствование по Венесуэле, на Ориноко, в Британской Гвиане и на Амазонке с 1845 по 1868 год*, СПб: Типография Товарищества «Общественная польза», 1873.
3. Бантыш-Каменский Н.Н., *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*, Ч.3: Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия, М.: Типография Э. Лиснера и Ю.Романа, 1897.
4. «Бразилия в описаниях участников русской экспедиции 1821–1829 годов. // *Новая и новейшая история*, 1966, № 3.
5. [Головнин В.М.], «Путешествие шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина, в 1807, 1808 и 1809 гг.» // *Сочинения и переводы Василия Михайловича Головнина*, Т. 1, СПб.: Типография Морского министерства, 1864.
6. *Дневник русской комплексной академической экспедиции в Бразилию в 1824–1826 гг. под началом академика Г. И. Лангсдорфа* [Текст] / ред. С. Р. Микulinский; сост. Н. М. Осипова, М.: Наука, 1995.
7. Донесение Главного правления Российско-Американской компании Александру I — *Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел*, Т. 1 (9), Серия 2-я: 1815-1830 гг., М.: Издательство политической литературы, 1974.
8. Ионин А.С., *По Южной Америке*, Т. 2, СПб: Типография «Общественная польза», 1896.
9. *К берегам Нового Света: из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века* / Л.А. Шур, М.: Наука, 1971.
10. Лангсдорф Г.И., Путешествие в Бразилию // *Сын Отечества*, 1815, Ч. 21, № 15.
11. Неболсин Г.П., *Статистическое обозрение внешней торговли России*, Ч. 2, СПб: Типография департамента внешней торговли, 1850.
12. Несколько слов о выгодах, которые могли бы быть доставлены нам многими статьями торга с Бразилией // *Журнал мануфактур и торговли*, 1835, №5.
13. Овсянкин Е.И., *Архангельск купеческий*, Архангельск: Архконсалт, 2000.
14. Письма русских путешественников из Бразилии к госп. N.N.// *Вестник Европы*, 1804, Ч. 16, № 16.
15. Ротшильд М., *Коммерческая энциклопедия*, Т. 4, СПб.: Типография СПб об-ва Печатного дела в России, 1901.
16. Фирсов Н.Н., *Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II: Очерки из истории*

торговой политики, Казань: Типо-литография Императорского университета, 1902.

17. Чулков М.Д., *Историческое описание Российской коммерции...*, Т. 7, Кн. 2, М.: Университетская типография, 1788.

18. Hadfield W, *Brazil and the River Plate in 1868*, London, Bates, Hendy and Co, 1869/

Las relaciones culturales cubano soviéticas a partir de 1959

The Cuban-Soviet cultural relations from 1959

Resumen: El artículo presenta un análisis detallado de los lazos culturales cubano-soviéticos después de la revolución cubana hasta el colapso de la URSS en su dinámica. Se articula sobre la base de dos ejes generales que son: la configuración de las relaciones culturales bilaterales y sus principales mecanismos y modalidades de cooperación.

Palabras clave: Cuba; URSS; lazos culturales; cultura; teatro; educación; ballet.

Abstract: The article presents a detailed analysis of Cuban-Soviet cultural ties after the Cuban revolution up to the collapse of the USSR in its dynamics. It is articulated on the basis of two general axes — the configuration of bilateral cultural relations and their main mechanisms and modalities of cooperation.

Keywords: Cuba; USSR; cultural ties; culture; theater; education; ballet.

Las relaciones culturales, como componente importante de las nexos internacionales, tiene entre sus objetivos estratégicos esenciales la difusión del patrimonio cultural tangible e intangible de las naciones y el establecimiento de puentes de cooperación intergubernamentales.

En ese entorno el concepto de cooperación cultural desempeña un rol trascendente dentro de los habituales canales diplomáticos. Este contiene un variado número de facetas, tales como, la movilidad y circulación de bienes y servicios, el fortalecimiento de los proyectos artísticos y culturales y del espacio cultural de profesionales, el apoyo a las Artes, la promoción del diálogo intercultural, la educación y la integración.

Entre Cuba y Rusia se tendieron los primeros vínculos culturales desde el siglo XVIII, cuando visitaron la Isla los primeros viajeros de ese país, quienes dejaron constancia escrita de sus impresiones personales. La difusión de ambas culturas fue incrementándose en el transcurso de los años, a pesar de las políticas oficiales cubanas de tendencia anticomunistas.

Después del triunfo de la Revolución cubana las relaciones -que hasta entonces se habían desarrollado a través de los contactos entre artistas, intelectuales o instituciones aisladas— se multiplicaron, pues la cultura se situó, por primera vez, en el escenario de las estrategias de diálogo entre las dos naciones.

¹ Cuba. Doctor, Instituto de Historia de Cuba.

La ponencia se propone examinar la dinámica de esas conexiones desde que fuera suscrito el Comunicado conjunto cubano soviético, del 13 de febrero de 1960, y hasta la desaparición de la Unión Soviética.

Se articula sobre la base de dos ejes generales que considero indispensables para la comprensión de un proceso tan extenso como complejo: la configuración de las relaciones culturales bilaterales y sus principales mecanismos y modalidades de cooperación.

Perspectivas de un proceso en ciernes

La Revolución cubana heredó en 1959 un oscuro panorama socioeconómico que comenzaría a ser revertido mediante la estrategia de desarrollo plasmada en el Programa del Movimiento Revolucionario 26 de julio, conocido históricamente como *La historia me Absolverá*. En su consecución, inevitablemente encontraría la hostilidad del Gobierno norteamericano, que no renunciaba a sus propósitos hegemónicos.

Bajo aquellas circunstancias, en que peligraba la existencia de la joven Revolución, parecía que los esfuerzos principales debían concentrarse en la economía y la defensa del país. Sin embargo, la temprana colaboración de la URSS contribuiría a atender otras necesidades sociales básicas como la cultura².

Un hecho cultural vinculante sería el impulsor de ese proceso: la exposición Soviética de Ciencia, Técnica y Cultura, inaugurada el 5 de febrero de 1960 en el Palacio de Bellas Artes de La Habana. Anastas Mikoyan, vicepresidente del Consejo de Ministros de la URSS, quien se encontraba de visita en México, fue invitado a la misma y, el 13 de febrero, firmó junto a Fidel Castro Ruz, Primer Ministro de Cuba, un Comunicado Conjunto en el que se comprometían a restablecer las relaciones diplomáticas³ y fortalecer los nexos económicos, técnicos y culturales. El documento constituyó un paso importante para el futuro de las articulaciones entre ambos países y el cumplimiento de la estrategia trazada en el ámbito de la cultura.

De manera meteórica fluyeron las negociaciones. Ese mismo mes fue firmado el Primer Convenio Comercial, a través del cual la URSS ofreció comprar todo el azúcar que Cuba le vendía a Estados Unidos y suministrarle el petróleo que necesitara. Tres meses después se restablecían las relaciones diplomáticas y, en el mes diciembre

² Con el propósito de organizar y desarrollar la actividad cultural y encarar el aislamiento que pretendía imponerse desde Estados Unidos, en 1959 fueron fundados la Casa de las Américas, el Instituto Cubano de Arte e Industria Cinematográfico (ICAIC) y el Conjunto de Danza Nacional, a los que siguieron el Coro Nacional (1960), la Unión Nacional de Escritores y Artistas de Cuba y el Consejo Nacional de Cultura (1961), el Conjunto Folklórico Nacional y el Instituto Cubano de Radiodifusión (1962) y el Instituto Cubano del Libro (1967).

³ Después del golpe Estado del 10 de marzo de 1952 protagonizado por Fulgencio Batista, que estableció un régimen de dictadura militar en el país, se produjo la ruptura de las relaciones diplomáticas.

del propio año, entró en vigor el Primer Convenio de Colaboración Cultural, suscrito por el comandante Ernesto Guevara en representación del gobierno cubano.

La cooperación cultural se proyectaría a través de mecanismos de cooperación vertical y horizontal que involucrarían tanto a las autoridades de ambos gobiernos como a instituciones de variada composición y funciones. En ambos la diplomacia desempeñó un rol como factor negociador.

La cooperación bilateral durante el primer quinquenio (1960-1965)

Los principios de igualdad, respeto y no intervención en los asuntos internos sustentaron el primer acuerdo, que comprendió las esferas de las ciencias, las artes, la literatura y la educación, aunque dedicando especial atención a los sectores de la prensa, el cine, la radio, la televisión y el deporte. En líneas generales se establecía la cooperación mediante el intercambio de experiencias, información, el otorgamiento de becas y la traducción de libros y textos. Se trataba de un compromiso recíproco que permitiría el conocimiento y la amplia divulgación de los patrimonios culturales, así como su enriquecimiento mutuo.

La ejecución inicial del convenio ocurriría en el marco de dos acontecimientos de profunda repercusión en Cuba: la Campaña de Alfabetización y la declaración de carácter socialista de la Revolución.

En el transcurso de 1961 la Campaña de Alfabetización redujo a niveles mínimos el grado de analfabetismo en la Isla y situó a la población en mejores condiciones de recibir todo el flujo del intercambio cultural con la URSS, al tiempo que con la declaración de carácter socialista de la Revolución, la naturaleza común de los dos sistemas socioeconómicos fortalecería la voluntad de colaboración.

Ese mismo año, una misión cultural cubana encabezada por el entonces Ministro de Educación, Armando Hart Dávalos viajó a Moscú con la tarea de estudiar las experiencias soviéticas. Los primeros resultados prácticos de esa cooperación en ciernes pronto comenzarían a visualizarse.

Uno de los primeros conjuntos artísticos recibidos en Cuba fue el Circo soviético, de cuyas actuaciones cada año disfrutarían niños, jóvenes y pueblo en general. Mientras la primerísima bailarina cubana Alicia Alonso, quien ya conocía la URSS desde su visita en 1957, regresaría con el Ballet Nacional.

Las obras de José Martí, Nicolás Guillén y Alejo Carpentier, entre otros de los escritores más representativos cubanos, comenzaron a ser editadas en ese país. A su vez, en Cuba se difundió masivamente lo mejor del realismo socialista: *Un hombre de verdad*, de Boris Polevoi, *Así se templó el acero*, de Nicolai Ostrovski y *Los hombres de Panfilov*, de Alexandr Bek, despertaron el interés de los lectores cubanos por las hazañas y el sacrificio de ese pueblo durante la Gran Guerra Patria.

Aunque no se desconocieron los estudios de autores marxistas de otros países (George Luckacs, Jean Paul Sastre y Andres Gunder Frank) y de teóricos de izquierda (Antonio Gramsci, Louis Althusser y C. Wright Mill), las librerías y bibliotecas se saturaron con las obras de Marx, Engels y Lenin. También los manuales de Afanasiev y Konstantinov empezaron a ser empleados en las universidades. De acuerdo con datos oficiales, unas 36 publicaciones soviéticas llegaron a distribuirse con una circulación de 15 millones 854 mil 458 ejemplares anuales.⁴

Por otra parte, el arribo de las primeras películas soviéticas impidió el cierre de las salas de cine. Los espectadores cubanos pudieron disfrutar de clásicos como *El acorazado Potemkin* e *Iván el Terrible* junto a otras realizaciones propiamente del realismo socialista. Al mismo tiempo, las creaciones del naciente cine cubano — *Historias de la Revolución*, *Realengo 18*, *El joven rebelde* y *Las Doce Sillas*⁵, entre otras— se estrenaron en la URSS.

Antes de que finalizara 1961 un nuevo Comunicado Conjunto firmado por el presidente del Presídium del Soviet Supremo de la URSS, Nikita Jruschov y el presidente de Cuba, Osvaldo Dórticos Torrado, reiteraba la voluntad de esa nación de continuar ofreciendo su colaboración en todos los órdenes, incluyendo la rama de la cultura.

Pese al relativo enfriamiento de las relaciones originado por el diferendo cubano soviético durante la llamada *Crisis de Octubre* o *Crisis de los Misiles*,⁶ en 1963 el Comandante en Jefe Fidel Castro Ruz, realizó su primera visita oficial a la URSS, que concluyó en una declaración conjunta:

Las partes consideraron las cuestiones que están ligadas a la realización de los acuerdos soviético-cubanos sobre el comercio, la colaboración económica, técnica, científica y cultural, y señalan con satisfacción que estos acuerdos se cumplen con éxito.

Se desarrolla con éxito la colaboración entre las organizaciones e instituciones soviéticas y cubanos en la esfera de la cultura, la ciencia, la instrucción, la enseñanza, la salubridad y los deportes.

En el curso de las conversaciones se llegó a un acuerdo sobre las medidas respecto al desarrollo ulterior de las relaciones económicas, comerciales y científico culturales.⁷

Como resultado de las nuevas negociaciones bilaterales, ese año, fue firmado por el Dr. Antonio Núñez Jiménez, Presidente de la Academia de Ciencias de

⁴ “Una decisión inaplazable, consecuente con nuestros principios”, en *Granma*, 4 agosto 1989, 2.

⁵ Basada en la novela homónima de los escritores soviéticos Ilya Ilf y Eugene Petrov.

⁶ Véase de Tomas Diez Acosta. *Octubre de 1962. A un paso del holocausto*, Editora Política, La Habana, 2002 y *Los últimos 12 meses de J.F. Kennedy y la Revolución Cubana*, Editora Política, La Habana, 2011.

⁷ *Hoy*, 23 de marzo de 1963, 5.

Cuba y el Vicesecretario Científico del Presídium de la Academia de Ciencias de la URSS, N. M. Enmanuel, el primer Tratado de Colaboración Científica entre esas instituciones que permitiría la realización de investigaciones oceanográficas, geofísicas y geológicas conjuntas, así como en el campo de las Ciencias Sociales. Además se acordó la ayuda para la elaboración de un Atlas Geográfico de Cuba.⁸

Mil novecientos sesenta y cuatro selló un momento crucial en el proceso de fortalecimiento de las relaciones culturales, al quedar constituida en Moscú la Sociedad de Amistad Soviético-Cubana, presidida por el primer cosmonauta soviético Yuri Gagarin. A fines de ese mismo año las universidades de la Habana y de Moscú iniciaban los intercambios interinstitucionales para la preparación de cuadros científicos cubanos, el intercambio de especialistas, textos y manuales.

Al concluir el primer quinquenio de intercambio intercultural, los éxitos alcanzados aseguraban emprender nuevos planes y proyectos. El liderazgo cubano concedía a la cultura y, en especial a la educación, un peso fundamental en la construcción de la nueva sociedad.

Hacia el fortalecimiento de las relaciones.

En 1969 se dieron nuevos pasos hacia el fortalecimiento de las relaciones con la constitución, en La Habana, de la Asociación de Amistad Cubano-Soviética, presidida por el Antonio Núñez Jiménez, la firma del Convenio para la reconstrucción de la base técnica de la televisión cubana y las negociaciones encabezadas por la doctora Olga Miranda Bravo, Directora Jurídica del MINREX y S. Dunin, Encargado de Negocios de la Embajada de la URSS en La Habana, que concluyeron en el plan de colaboración científico cultural para el bienio 1969-1970. El plan estableció los vínculos entre un conjunto de más de 30 instituciones entre universidades, centros de enseñanza superiores y técnicos, entidades artísticas y culturales de ambos países,⁹ que, a su vez, fijaron sus respectivos convenios o planes de colaboración.

⁸ El Atlas Geográfico de Cuba fue publicado en 1970.

⁹ Incluyendo a las universidades de la Habana y la de Moscú, iniciadoras de esos intercambios, se estableció la cooperación ente las siguientes instituciones:

- Los institutos Tecnológico, Politécnico y de Minas de Leningrado con la Universidad de Oriente.
- La Universidad Estatal y los institutos Tecnológico de la Alimentación y Politécnico de Kiev con la Universidad de Las Villas.
- El Politécnico de Comunicaciones de Moscú con el Instituto Tecnológico de Comunicaciones *Oswaldo Herrera*, de La Habana.
- El Instituto Energético de Moscú con el Instituto Electromecánico *Hermanos Gómez* de La Habana.
- El Instituto Técnico Ferroviario de Moscú con el Instituto Tecnológico Ferroviario *Cándido González*.
- El Instituto Técnico del Transporte de Moscú con el Instituto de Transporte Automotor *José R. Rodríguez*.
- El Instituto Técnico Químico de Moscú con el Instituto de Química *Mártires de Girón*.
- El Instituto Técnico del Azúcar de Krasnodar con el Instituto de Alimentos *Ejército Rebelde*.
- El Instituto Energético de Leningrado con el Instituto Tecnológico *Hermanos Gómez*.

La siguiente tabla ofrece una idea de algunos de los resultados que se alcanzaron en esos años en el sector de la educación:

Tabla I

Cumplimiento del Plan de Colaboración Científico y Cultural entre la URSS y Cuba 1969-1970 en materia de formación graduada y postgraduada.

CURSOS	#GRADUADOS	#POSTGRADUADOS
1969-1970	103	40
1970-1971	217	39

Fuente: Ministerio de Educación. Fondo Asuntos Multilaterales, Cuba-URSS, Archivo del MINREX.

De acuerdo con el informe elaborado por el Ministerio de Educación de Cuba el plan de 1969-1970 fue cumplido y se sobre cumplió el comprendido para los años 1970-1971. Otro logro importante fue el reconocimiento mutuo de los diplomas expedidos a los estudiantes graduados en los diferentes centros docentes de los dos países.

Coincidentemente con esos esfuerzos, hacia fines de la década de los 60 el proyecto revolucionario, en el empeño por tratar de consolidar un socialismo autóctono, enfrentó una situación económica muy desfavorable, cuyo signo más evidente fue el fracaso de la Zafra de los 10 Millones.

Cuba tuvo, como única salida posible, que ajustarse a la nueva coyuntura y fortalecer su alianza con la URSS y el resto de los países socialistas, ingresando al Consejo de Ayuda Mutua Económica (CAME) lo que propiciaría un incremento de la influencia cultural de esa nación.

Tras la inserción en el CAME, en el mes de diciembre de 1972, Fidel visitó nuevamente a la URSS. Durante su estancia se firmaron varios convenios de colaboración económica y científico-técnica y, a partir de 1975, comenzaron a concretarse acuerdos de coordinación de planes quinquenales que también se proyectaron en el área de la cultura.

Aunque otros idiomas no fueron discriminados de los centros docentes del país, el ruso pasó a ocupar un lugar priorizado. La enseñanza de ese idioma que

-Escuela Coreográfica de Bakú y la Escuela Nacional Artística de La Habana.

-La Biblioteca Nacional *Lenin* de la URSS y la Biblioteca Nacional *José Martí de Cuba*.

-El Museo de la Historia y de la Reconstrucción de Moscú y el Museo de Historia de La Habana.

-Las uniones de Escritores, de Compositores y de Pintores de la URSS y la Unión de Escritores y Artistas de Cuba.

-La Unión de Periodistas de la URSS y la Unión de Periodistas de Cuba.

-La Unión de Cinematográficos de la URSS y el ICAIC.

-El Archivo del Film de la URSS y la Cinemateca de Cuba.

-El Comité de Radiodifusión y Televisión ante el Consejo de Ministros de la URSS y el Instituto Cubano de Radiodifusión.

-El Comité de Cultura Física y Deportes ante el Consejo de Ministros de la URSS y el INDER de Cuba.

había comenzado desde el arribo, en 1962, de los primeros profesores soviéticos, se impartió también en las escuelas preparatorias para los becarios que partían hacia la URSS, ampliándose, a su vez, hacia todo el territorio nacional a través de la organización de programas radiales y televisivos.

Durante esos años se efectuaron por primera vez jornadas de la cultura en cada país que contribuyeron a la difusión de la creación artística y literaria¹⁰ y se estrenaron varias producciones teatrales cubano soviéticas, entre ellas *Los amaneceres son aquí apacibles* (1975) y *El Carrillón del Kremlin* (1977), antecedentes inmediatos de otras colaboraciones.¹¹

En 1976, la fundación del Ministerio de Cultura situó a Cuba en mejores condiciones para la comercialización de bienes y servicios culturales, la promoción internacional del arte y la cultura cubanos y la presencia y difusión de las manifestaciones artísticas foráneas. Una contribución importante al estrechamiento de los vínculos con el Ministerio de Cultura de la URSS lo desempeñaría por largos años el Dr. Armando Hart Dávalos, máximo representante de esa cartera en el gobierno de la Mayor de las Antillas.¹²

Cuatro años después se instituyó la Comisión Intergubernamental de colaboración cultural y fue firmado un nuevo convenio que reemplazó al de 1960 dando continuidad a ese proceso. Para esa fecha miles de artistas, profesores y científicos cubanos y soviéticos habían brindado sus servicios, conocimientos y experiencias. Particularmente las instituciones docentes cubanas creadas con la asistencia soviética, desde 1960 y hasta 1987, lograron graduar hasta 240 000 especialistas.¹³

En 1984 fue firmado el Programa a largo plazo de desarrollo de la colaboración económica y científico técnica hasta el año 2000. Pero a pesar de esa voluntad de cooperación, comenzaron a manifestarse algunas diferencias ideológicas en relación a las vías y métodos de la construcción socialista que conducirían a suspender, en 1989, la circulación de *Sputnik* y *Novedades de Moscú*. Los motivos de esa decisión fueron expuestos en el periódico Granma, Órgano Oficial del Partido Comunista de Cuba:

Ambas publicaciones son portadoras de puntos de vista y posiciones respecto a la construcción del socialismo, a partir de una determinada interpretación de

¹⁰ En 1972 se celebró la Primera Semana de la Cultura Cubana en la URSS y, en reciprocidad, al año siguiente fue organizada la Jornada de la Cultura soviética en Cuba.

¹¹ En 1986 se estrenó el filme *Capablanca*, coproducción cubano soviética de corte biográfico sobre la vida del notable ajedrecista cubano.

¹² Un valor simbólico de esa colaboración lo tuvieron sin dudas, la fundación en esa década de los 70 del gran Parque Lenin y la emblemática Escuela Vocacional homónima.

¹³ Véase Jose Luis Rodríguez. “Cuba, su economía y la Unión Soviética”, en Revista *Temas*, No.68, octubre-diciembre 2011, 118.

la experiencia soviética, casi siempre controvertidas, cuando no sustancialmente divergentes de los criterios y la orientación esencial de nuestro Partido.¹⁴

Y más adelante precisaba:

En estas (...) se niega la historia anterior y se caótiza el presente. Escudándose en la imprescindible diversidad de opiniones, se divulgan fórmulas que propician la anarquía (...) En sus páginas se descubre la apología de la democracia burguesa como forma suprema de participación popular, así como la fascinación con el modo de vida norteamericano.¹⁵

Aun después de la desaparición de la URSS, se trató de reanimar las relaciones económicas y culturales, suscribiéndose varios acuerdos en 1992, 1993 y 1996.

La desarticulación de esos lazos constituyó un gigantesco golpe para Cuba, que enfrentaría los retos más fuertes de toda su historia. Nuevamente los arraigados valores culturales y, sobre todo, un profundo patriotismo, así como el carisma del liderazgo cubano y su vinculación con el pueblo lograrían la sobrevivencia de la Revolución. Acerca de aquellos decisivos momentos el prestigioso intelectual cubano, Cintio Vitier nos recordó:

El desplome del socialismo del Este europeo, incluyendo la URSS, no ha provocado en Cuba, no obstante el enorme trauma económico que estamos sufriendo, el vacío ideológico esperado por Estados Unidos (...) La razón es sencilla: por importante que fuera nuestra alianza con aquel socialismo, no dejaba de ser una alianza. Donde esperaban encontrar un vacío ideológico los estaba esperando el pueblo de Céspedes, de Maceo y de Martí, algo más que una ideología, una vocación concreta de justicia y libertad. La interpretación popular del socialismo marxista leninista fue ponerlo al servicio de aquella vocación declarada por nuestros fundadores. Desde la primera generación de marxistas cubanos (...) estuvo claro que la tradición nacional (...) no podía ser subsidiaria de la nueva ideología, sino al revés. Curiosamente es esta jerarquización la que explica, en el ámbito de nuestra cultura popular que los valores ideológicos del socialismo no hayan sido arrastrados por el desplome de la mencionada alianza.¹⁶

Un balance imprescindible

Al realizar un balance de la influencia del modelo socialista soviético la primera interrogante que se presenta es: ¿Qué impacto tuvieron para la sociedad cubana aquellos vínculos culturales?

¹⁴ “Una decisión inaplazable, consecuente con nuestro principios”, Ob. cit., 2.

¹⁵ *Ibidem*.

¹⁶ Cintio Vitier. *Resistencia y Libertad*, Ediciones Unión, Ciudad de La Habana, 1999, 104.

Como han precisado otros autores, una de las áreas que sufrieron ciertas señales desfavorables fue la de las ciencias sociales que, después de una primera década donde predominó la diversidad y pluralidad de corrientes, sufrió el dogmatismo marxista importado de los manuales soviéticos.¹⁷

Pero el recuento de aquel período no puede ignorar las ventajas que se derivaron para Cuba, el país de América que sostuvo el mas largo e intenso trato directo con la URSS.

Para la joven generación de creadores cubanos, la URSS constituyó un espacio y una alternativa ante el bloqueo económico norteamericano. Esos intercambios culturales con especialistas, artistas y científicos soviéticos permitieron la formación de un potencial que se integraría a la progresiva red de centros vinculados a la cultura creados.

El teatro cubano se enriqueció con las técnicas escenograficas de los dramaturgos soviéticos y el acercamiento a instituciones de reconocido prestigio internacional como el Teatro *Bolshoi* y el Instituto de Arte Central *Lunacharsky*. En la música fue un privilegio contar con el apoyo del Conservatorio *Tchaikovski* de Moscú, del cual egresaron talentosos solistas, compositores e intérpretes cubanos.¹⁸ El Ballet Nacional de Cuba recibió el influjo impactante de la forma y el estilo de los bailarines soviéticos.¹⁹ Mientras el deporte y, particularmente disciplinas como el boxeo, la esgrima y la gimnástica acumularon lauros con el apoyo de los técnicos y entrenadores de ese país.

Desde otra perspectiva de análisis es importante considerar también la conformación en la Isla de una comunidad cubano-rusa, integrada por los que estudiaron y laboraron en la URSS, sus matrimonios y descendientes, herederos de costumbres y tradiciones soviéticas que aún hoy mantienen la vitalidad de la huella cultura de la gran nación europea.

La Unión Soviética y Cuba, tan distantes y asimétricos en sus niveles de desarrollo, lograron el beneficio mutuo de sus culturas, casi desconocidas por sus respectivos pueblos antes de 1959, y establecieron un verdadero modelo de colaboración que generó desde el conocimiento de sus patrimonios, tradiciones, costumbres e

¹⁷ Sus consecuencias más visibles fueron la desaparición de la Escuela de Sociología de la Universidad de la Habana, la eliminación de la Historia de Cuba como asignatura en la enseñanza media y una circunspección ante la literatura y el pensamiento, incluso marxista, que no fuera el de los países de Europa del Este. Véase Jorge Ibarra Cuesta, *Historiografía y Revolución*. // Revista *Temas*, no.1, 1995 y Oscar Zanetti. *Isla en la Historia. La historiografía de Cuba en el siglo XX*, Ediciones Unión, 2005.

¹⁸ Entre ellos los hermanos Cecilio y Evelio Tiele, pianista y violinista respectivamente, y los talentosos pianistas Silvio Rodríguez Cárdenas y Frank Fernández.

¹⁹ La primerísima bailarina cubana Alicia Alonso señaló en una ocasión: “En la Union Sovietica vimos la forma de baile tan fabulosa que tenían, en que los compañeros manejaban a las mujeres como si fueran casi una pluma. Esa parte del ballet se habia perdido y nosotros la recogimos”. Véase Pedro Simón. Alicia Alonso. *Diálogos con la Danza*, Editorial Letras Cubanas, 1986.

idiomas, hasta un acelerado intercambio de experiencias y la construcción simbólica de valores culturales que aportaron a la vida espiritual y material de sus pueblos.

Tras la brusca ruptura de los lazos, la visita oficial a Cuba del presidente Vladimir Putin, en el año 2000, y el viaje a Rusia, nueve años después, del presidente cubano Raúl Castro -al término del cual se suscribió un amplio memorándum para la colaboración en diferentes esferas— parecen indicar el inicio de una nueva época de cooperación y de reencuentro entre ambas culturas.

Bibliografía:

1. Una decisión inaplazable, consecuente con nuestro principios // *Granma*, 4 agosto 1989.
2. Tomas Diez Acosta. *Octubre de 1962. A un paso del holocausto*, La Habana: Editora Política, 2002 y *Los últimos 12 meses de J.F. Kennedy y la Revolución Cubana*. La Habana: Editora Política, 2011.
3. *Hoy*, 23 de marzo de 1963.
4. El Atlas Geográfico de Cuba fue publicado en 1970.
5. Jose Luis Rodríguez. Cuba, su economía y la Unión Soviética // *Revista Temas*, No.68, octubre-diciembre 2011.
6. Cintio Vitier. *Resistencia y Libertad*, La Habana: Ediciones Unión, 1999.
7. Jorge Ibarra Cuesta. Historiografía y Revolución // *Revista Temas*, no.1, 1995.
8. Oscar Zanetti. *Isla en la Historia. La historiografía de Cuba en el siglo XX*. La Habana: Ediciones Unión, 2005.

ПОЛИТИКА И СУБЪЕКТИВНОСТЬ

Omar Alejandro Bravo¹

Mecanismos subjetivos operantes en los proceso de manipulación política

Subjective mechanisms operating in the process of political manipulation

Resumen: Este trabajo pretende analizar la relación entre algunos discursos políticos y sus formas de interpelar a ciertos sujetos y grupos, produciendo efectos de verdad y convencimiento.

Para este propósito, se toman como referencia las propagandas utilizadas en la campaña del Sí en Chile (que intentaba favorecer la continuidad en el poder del dictador Pinochet) y la del No en Colombia, contraria al proceso de paz con la guerrilla de las Farc.

La referencia teórico metodológica utilizada es el análisis de discurso, que pretende develar los mecanismos ideológicos presentes en un discurso o texto y su relación con determinantes sociales y culturales.

Se encontró que ambas campañas se basaron en la exaltación del miedo frente a un enemigo imaginario y todopoderoso que amenazaría a la familia y al desarrollo económico del país. Este tipo de análisis resulta de interés para dimensionar la relación entre política y subjetividad.

Palabras clave: Manipulación política; discursos; diálogo; sociedad; autoritarismo; democracia.

Abstract. This work aims to examine the relationship between some political speeches and their ways of questioning certain subjects and groups, producing truth and convincing effects. For this purpose, the political advertisements used in the campaign of the “Yes” in Chile (which sought to encourage the continuity of the dictator Pinochet) and that of the “No” in Colombia, contrary to the peace process with the guerrilla of the Farc, are taken as reference.

The theoretical and methodological reference used is the discourse analysis, which aims to reveal the ideological mechanisms present in a discourse or text and its relationship with social and cultural determinants.

¹ Colombia. Doctor en Psicología. Profesor Departamento estudios Psicológicos, Universidad Icesi, Cali.

This analyzes found that both campaigns were based on the exaltation of fear towards an imaginary and almighty enemy that would threaten the country's family and economic development. This type of analysis is of interest to dimension the relationship between politics and subjectivity.

Keywords: Political manipulation; discurs; dialogue; society; authoritarianism; democracy.

Introducción

Esta investigación tiene como propósito analizar los mecanismos discursivos que permiten que ciertos procesos de manipulación política resulten efectivos, impactando en la subjetividad de parte de la población a la que se dirigen y otorgando legitimidad a propuestas autoritarias y conservadoras.

Esta línea de trabajo se referencia en el campo de la psicología política, intentando rescatar elementos que permitan analizar los aspectos subjetivos y psicológicos presentes en determinandos fenómenos políticos.

Para este trabajo en particular se tomaron como referencia de análisis las propagandas utilizadas en las campañas del Sí, en el plebiscito chileno del año 1988 y las de los partidarios del NO en el plebiscito por la paz en Colombia, de año 2016.

Algunas precisiones en torno al objeto de este trabajo

El 5 de octubre de 1988 se realizó en Chile el plebiscito destinado a determinar la continuidad de la dictadura militar o la realización de elecciones libres y democráticas en ese país, después de 15 años de dictadura. La constitución de 1980, impuesta por el gobierno militar de Pinochet, permitía este acto electoral que, en caso de ganar el Sí, determinaría la continuidad del dictador en el gobierno hasta el año 1997. Su derrota obligaría a llamar a elecciones en el año siguiente. Dado que las actividades de los partidos políticos estaban prohibidas, hubo que organizar las campañas de difusión de los mensajes de ambos sectores con especiales precauciones. Finalmente se dispuso que, entre los días 5 y 30 de setiembre, a partir de las 23.00 horas y por el lapso de 15 minutos cada uno, los comités electorales del Sí y el No podrían difundir sus propagandas. Esta campaña estuvo atravesada por episodios de censura e intimidaciones a la oposición y el uso de recursos propagandísticos en la campaña del No, considerados innovadores y apelativos. Finalmente, el Si se impuso con el 54,7 % de los votos, contra el 43 % obtenido por el Sí. En Colombia, el proceso de paz con la guerrilla de las Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia (FARC) inició el 26 de agosto del año 2012, extendiéndose hasta el 24 de agosto del 2016. El mismo se organizó a partir de varios temas: reforma rural, participación política, cese al fuego con verificación, drogas ilícitas y reparación a víctimas.

La Corte Constitucional aprobó la realización de un referéndum aprobatorio de este acuerdo de paz, a realizarse el día 2 de octubre del 2016. Se debía responder aquí a una sola pregunta: ¿Apoya el acuerdo final para la terminación del conflicto y construcción de una paz estable y duradera? Para su validez, la votación debía alcanzar el 13 % del censo electoral (casi 4.400.000 votos).

Después de una tensa campaña de difusión de las propuestas de ambos sectores, caracterizada por un uso intensivo de las redes sociales y la utilización de argumentos falsos e intimidatorios acerca de las consecuencias de la victoria del Sí, los partidarios del No se impusieron por estrecho margen: 50,2 % contra 49,8 de los defensores de la aprobación de los acuerdos.

Sobre estos dos fenómenos considerados, se propone, como objetivo de este trabajo, analizar qué tipos de mecanismos interrelativos se utilizaron y sus efectos subjetivos en parte de la población a la que se dirigió.

Referencias teóricas para el análisis

Según Eco² (1998) existen ciertos mecanismos político — comunicacionales que permitirían legitimar discursos y prácticas fascistas, otorgándoles poder de convencimiento.

Se destacan, en este sentido:

La creación de un enemigo omnipotente y de difícil identificación, responsable de todos los males de la sociedad (por ejemplo, los judíos en la Alemania nazi o los guerrilleros en Colombia)

El rechazo al pensamiento crítico y las diferencias, entendiendo que una sociedad sana debe ser homogénea y armónica

La exaltación del uso de la violencia, antes que el diálogo

El nacionalismo y la xenofobia, que contribuirían a esta identidad nacional única,

El principio de guerra permanente, contra la amenaza de ese enemigo antes definido,

La creación de figuras de liderazgo, en las que se delegan todas las decisiones, caracterizadas por el machismo y el populismo anti-institucional.

Esta descripción hecha por Eco puede tomar más proyección analítica desde el análisis de discurso. Esta teoría nace en los años 70, siendo Pecheux³ (1975) sus primer y principal exponente. Esta teoría se propone analizar las dimensiones ideológicas y sociales presentes en un discurso o texto que, por su vez, se integran en formaciones discursivas de carácter más amplio.

² Eco, H., *Cinco escritos morales*. Barcelona: Lumen, 1998.

³ Pêcheux, M. y Fuchs, C., *Hacia el análisis automático del discurso*. Madrid: Gredos, 1975.

Para este fin, se basa en tres conceptos principales: el discurso, principalmente en la lectura que Foucault realiza del mismo; la ideología, inicialmente en la perspectiva althusseriana y la noción del uso social del lenguaje enunciada por Saussure.

De esta forma, el discurso es entendido como “una práctica social, una forma de acción entre las personas que se articula a partir del uso lingüístico contextualizado, ya sea oral o escrito.”⁴ (Casalmiglia Blancáfort y Tusón Valls, 1999, p. 15)

La impronta estructuralista que esta teoría mantuvo inicialmente se transforma más tarde, principalmente a partir del último trabajo de Pecheux (1990) “El discurso: ¿estructura o acontecimiento?”, donde se critica la noción anterior de discurso entendida como una máquina estructural cerrada.

De esta manera, la noción de ideología de Ricouer (2003) se incorpora a este marco teórico, incluyendo la función de cohesión de grupo que la misma posibilitaría, más allá de su caracterización anterior como falsa conciencia.

De esta forma, el discurso puede transformarse en la interacción social, considerando no solo el tipo de mensaje emitido sino también la posición social de quien lo enuncia y su lugar de poder.

En su aspecto metodológico, el análisis de discurso considera tres momentos analíticos: el que trabaja sobre la estructura sintáctica del discurso o texto, apuntando a analizar las formas discursivas y sus efectos; un segundo momento, que considera la relación de un discurso con otros discursos o textos y un tercer momento, donde estas formaciones discursivas se relacionan con las condiciones sociales, culturales y políticas de cada época.

A los fines de esta investigación, se privilegiarán las dos últimas etapas de análisis, considerando el volumen del material a analizar y los propósitos generales de este trabajo

Análisis de la información:

Fueron considerados, para este trabajo, videos y cuñas radiales disponibles en youtube de las campañas del Si en Chile y de los partidarios del No en el referéndum por la paz en Colombia.

En particular, se consideraron tres propagandas, en el caso chileno, y dos propagandas, dos cuñas radiales y el discurso de un pastor evangélico vinculado al uribismo y utilizado como material de campaña.

Cabe destacar que en la campaña por el NO las redes sociales tuvieron una importancia decisiva, siendo que en el plebiscito chileno este recurso aún no existía.

Categorías de análisis

⁴ Casalmiglia Blancáfort, H y Tusón Valls, A., *Las cosas del decir*. Ariel: Madrid, 1999, 15.

De acuerdo a este material analizado, se pueden considerar tres categorías de análisis. La primera tendría que ver con la temporalidad política entendida como amenazante e incierta y que, en el caso chileno, refiere al pasado como una amenaza (el retorno a los días del gobierno de la Unidad Popular (UP) de Allende, presentada como un caos) y en el caso colombiano, a un futuro en donde el denominado castrochavismo (reiteradamente mencionado, pero nunca definido) se apropiaría del país. En ambos casos, esta amenaza es externa, en tanto el marxismo de la UP y el castrochavismo serían ideologías foráneas que vienen a amenazar a las sociedades chilenas y colombiana y contra las cuales es preciso defenderse.

En la propaganda chilena, se menciona la carencia alimentaria generada en ese período, mencionando que esta es una característica del marxismo y el “extremismo marxista”, que avasalla los derechos humanos y la libertad. Por esto, se menciona que la victoria del SI sería volver al socialismo, donde “el miedo anda por las calles”. Imágenes de jóvenes encapuchados refuerzan este argumento.

En el mismo sentido, se exhiben entrevistas a integrantes del grupo Frente Patriótico Manuel Rodríguez, expresión armada de oposición al régimen. Allí se intenta mostrar a estos entrevistados como la cara oculta de la campaña del SI, disimulados de manera perversa para no mostrar sus verdaderos propósitos.

En las propagandas colombianas, se destaca en este sentido la que Zuluaga, el candidato presidencial del uribismo, amenaza con la llegada del narcoterroristas al congreso, amparados por la impunidad que surgiría de los acuerdos de paz, que les permitiría evadir las consecuencias de los crímenes cometidos, entre ellos, masacres, violaciones, secuestros. Esta impunidad se garantizaría en las modificaciones constitucionales supuestamente impuestas por estos narcoterroristas y un tribunal especial que los protegería, a cambio de perseguir a empresarios y a la sociedad civil.

Dos cuñas radiales refuerzan este imaginario. En una se pregunta a la audiencia si sabe que los líderes de las FARC tienen condenas que suman 448 años de cárcel y cierra con una apelación donde afirma “soy colombiano, creo en la paz pero no en esos acuerdos. Votemos no en el plebiscito”.

En otro video, Uribe destaca la necesidad de defender a Colombia de la agenda socialista; el pastor Arrazola, en otra cuña, considera que las FARC sin el Anticristo.

La segunda categoría engloba los recursos discursivos que apuntan a definir una pertenencia e identidad genérica de los partidarios del SI chileno y el NO colombiano y sus votantes, entendidos como representativos de un supuesto ser nacional (ser chileno, ser colombiano) o de una institución social, la familia, amenazada por otro difuso, impreciso y amenazante.

En el caso chileno, las propagandas insisten con votar SI para proteger a las familias chilenas; en otra cuña se advierte que en un régimen socialista “la primera víctima puede ser su familia.” Las imágenes que acompañan estas afirmaciones son de personas blancas, con apariencia de clase media. En ellas, la figura de Pinochet,

sonriente y en actitud de abuelo bondadoso, cierra estas propagandas apareciendo como el defensor de estos principios e instituciones (con insistencia, numerosas voces corean su nombre).

En el caso colombiano, estas personas del común aparecen en dos propagandas televisivas: dos niños conversando en la primera, y un trabajador llamado Javier en la segunda, se preguntan. En la primera un niño pregunta quién es el presidente de Colombia y el gobernador del departamento de Antioquia; las respuestas son Timochenko y el Paisa (jefe de la columna Teófilo Forero de las FARC). La voz en off amenaza con que esto podría ser vedad, caso el SI gane las elecciones.

En la segunda, se mencionan los ingresos mensuales y gasto de Javier, un trabajador cuentapropista, y se las compara con los subsidios que recibirían los ex guerrilleros de las FARC, indicando una supuesta distorsión abusiva a favor de los segundos.

En el caso colombiano, y considerando el peso de las creencias religiosas de la población, y la influencia de las iglesias evangélicas en particular, el discurso del ex procurador de la república señala que se utilizarán los acuerdos “para imponer la ideología de género”, lo que amenazaría a los modelos familiares entendidos como naturales y normales (madre, padre, hijos).

La tercera categoría reúne aquellos discursos que aparecen de forma más velada, casi como un subtexto, y que refieren a la libertad económica como un principio fundamental para el progreso y el desarrollo colectivos. Estos discursos se mezclan con los que defienden las libertades individuales, intentando asemejar un tipo de libertades con otras.

En las propagandas chilenas, se insiste con el refrán de un país ganador, donde los macronúmeros económicos mostrarían un desarrollo económico sostenido, basado en el derecho a la propiedad y el estado pequeño. Cualquier forma de regulación de la economía es calificada de socialista. La expresión de una de las cuñas “no es el Estado o las burocracias las que crean el desarrollo, lo crea usted”, sintetiza estos discursos.

Un extenso reportaje al ministro de economía pinochetista intenta contrastar ese presente de prosperidad con el pasado de miseria y padecimientos, que amenaza con volver.

En el caso colombiano, se advierte que la reforma tributaria en curso significa un abuso del estado contra los ciudadanos comunes y que tiene como propósito financiar a las FARC. Por otra parte, el punto del acuerdo de paz que promueve la devolución de tierras despojadas a los campesinos durante el conflicto se definido como una reforma agraria que quitará sus propiedades a sus legítimos dueños. Las propagandas antes mencionadas, donde aparecen trabajadores que sufrirían las consecuencias abusivas de subsidios a los guerrilleros operan en el mismo sentido.

Cabe recordar las declaraciones del jefe de campaña del uribismo sobre las tácticas propagandísticas utilizadas, donde destacó la forma en que se interpelaba a cada público: a los pensionados, se les decía que se les iba a quitar el 7 % del salario para financiar a los ex guerrilleros; a los asalariados, que también sufrirían descuentos salariales con el mismo propósito; a los pobres, que se les iban a retirar los subsidios; a los ricos, que les iban a quitar su propiedades; a los grupos religiosos, que iban a tornar homosexuales a sus hijos.

Discusión

En la época de la denominada posverdad, resulta de interés avanzar en este tipo de análisis, para intentar entender la forma en que estos discursos producen efectos de verdad y los mecanismos que lo permiten.

Esto habilita a ampliar el foco tradicional de análisis de estos fenómenos, con frecuencia limitados a su dimensión comunicativa superficial, entendida como estrategia de mercadeo político exitosa.

Se propone, de esta manera, devolver a la política su dimensión ideológica, lo que supone también entenderla en su potencial histórico transformador, no como una mera forma de seducción electoral.

Bibliografía:

1. Casalmiglia Blancáfort, H y Tusón Valls, A., *Las cosas del decir. Ariel*: Madrid, 1999.
2. Eco, H., *Cinco escritos morales*. Barcelona: Lumen, 1998.
3. Pêcheux, M. y Fuchs, C., *Hacia el análisis automático del discurso*. Madrid: Gredos, 1975.
4. Pêcheux, M., *Discurso: estrutura ou acontecimento*. Campinas: Pontes, 1990.
5. Ricouer, P., *La memoria, la historia, el olvido*. Madrid: Trotta, 2003.

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ИБЕРОАМЕРИКАНСКИХ СТРАНАХ

Е. Э. Эльц¹

Роль российской диаспоры и Русской православной церкви в развитии российско-бразильских отношений

The role of the Russian Diaspora and the Russian Orthodox Church in the development of Russian- Brazilian relations

Abstract: The article is devoted to the study of the current state of cooperation of Russia with the Russian diaspora in Brazil within the framework of bilateral cooperation agreements, the partnership between Russia and Brazil in BRICS and taking into account the soft power, which is distinctive feature of Russian-Brazilian relations at the present stage. The author considers prerequisites for the unification of the Russian emigre community and forms of diaspora building policies of Russian Federation oriented to the compatriots consolidation. The increasing role played by the compatriots and Russian Orthodox Church as the potential of the soft power is analyzed.

Key words: Russian Diaspora; Russian emigration; Russians in Brazil.

Резюме: Настоящий доклад посвящен исследованию современного состояния взаимодействия России с российской диаспорой в Бразилии, включая двустороннее взаимодействие, партнерство России и Бразилии в рамках БРИКС и использование «мягкой силы», которое является одним из ключевых элементов российско-бразильских отношений на современном этапе. Важную роль в развитии этого взаимодействия играет Русская православная церковь, которая также является инструментом «мягкой силы».

Ключевые слова: русская диаспора; российская эмиграция; русские в Бразилии.

¹ Эльц Елена Эдуардовна — Россия. Кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей СПбГУ, e-mail: elenaelts@mail.ru

Становление на протяжении уже более двух десятилетий государственной политики России в отношении ее зарубежных соотечественников, совместный поиск общих интересов отражают формирующееся осознание взаимной ответственности России и ее диаспоры после окончания холодной войны. С момента прерванного путчем ГКЧП I Конгресса соотечественников в Москве в 1991 г. (в котором приняла участие представительная делегация из Бразилии, сформированная при поддержке Славяно-бразильского культурного общества и посольства СССР в Бразилии) наработан большой опыт взаимодействия, определены объединяющие ценности: русский язык, культура, история, бережное отношение к отечественным истокам и традициям, православие. Институционально оформилось диаспоральное направление сетевой дипломатии, ориентированное на использование в гуманитарном взаимодействии сети неправительственных организаций. Укрепились представления о едином этнокультурном пространстве России и русского зарубежья, симпатия к русской эмиграции в Латинскую Америку, вызванной революцией 1917 г., Гражданской и Второй мировой войнами. Русская диаспора — Русский мир — предстал в качестве партнера в формировании позитивного имиджа России, расширении ее влияния, отстаивании национальных интересов, укреплении позиций русского языка и культуры.

Поддержка соотечественников и сотрудничество с ними признаны одним из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности, в их осуществление вовлечены разнообразные структуры. В Министерстве иностранных дел России и других правительственных органах сформирован и накоплен огромный документальный материал, включая межгосударственные соглашения.

Основным документом нормативно-правовой базы российско-бразильского культурного сотрудничества является соглашение между Правительством РФ и Правительством Федеративной республики Бразилии о сотрудничестве в сфере культуры и образования 1997 г.

Развитие культурного обмена между странами поддерживается и в многостороннем формате. В 2017 г. Страны — участницы БРИКС утвердили совместный план действий, направленный на развитие сотрудничества в сфере культуры, рассчитанный на пять лет².

В соглашении о сотрудничестве в сфере культуры и образования 1997 г. стороны обязуются поддерживать сотрудничество в области культуры, образования и спорта между правительственными и неправительственными организациями, поощрять государственные и негосударственные иници-

² Страны БРИКС подписали план реализации договора о культурном сотрудничестве — Эл. ресурс, URL: <https://ria.ru/culture/20170706/1497924634.html> (дата обращения: 01.12.2017)

циативы для популяризации культурных ценностей другой стороны, информировать друг друга о проводимых международных культурных мероприятиях. Особое внимание уделено таким направлениям и формам культурного обмена, как гастроли, сотрудничество между музеями, архивами, библиотеками, сотрудничество в области кинематографии, в сфере охраны авторских прав, обмена и охраны культурных ценностей, в области радио и телевидения, а также спорта. Важная роль отводится развитию образовательных связей, поощрению изучения русского и португальского языков, деятельности создаваемых на территориях сторон культурных учреждений. Соглашение предусматривало формирование координационной комиссии с целью выработки конкретной программы сотрудничества³. Программа обменов между Правительством РФ и Правительством Бразилии в области культуры, образования и спорта на 2005–2007 гг. была принята в 2004 г. Она предполагала активное взаимодействие и предписывала конкретные действия в сфере музыки, сценического искусства, музейного дела и охраны культурного наследия, изобразительного искусства, традиционного народного творчества, архивного и библиотечного, выставочно-ярмарочного дел, кинематографии, образования, СМИ, авторских прав, спорта. Программа подчеркивала необходимость развивать молодежные обмены, осуществлять совместные проекты с неправительственными организациями, обмены по линии субъектов РФ — штатов Бразилии, между городами, в том числе породненными Санкт-Петербургом и Рио-де-Жанейро, а также Российским обществом дружбы, научного, культурного и делового сотрудничества с Бразилией и бразильско-российским институтом культуры им. М. Ю. Лермонтова. Акцентировалась необходимость установления прямых контактов между культурными учреждениями, общественными организациями и фондами. В 2010 и 2012 гг. были приняты «План действий стратегического партнерства между РФ и Федеративной республикой Бразилией» и «План действий стратегического партнерства: дальнейшие шаги», в которых было объявлено намерение правительств разрабатывать программы сотрудничества в соответствии с соглашением 1997 г.⁴

Важнейшим фактором в развитии двусторонних связей становится политика консолидации соотечественников.

В 1994 г. была учреждена Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом, в функции которой входило содействие само-

³ Соглашение между правительством РФ и правительством Федеративной республики Бразилии о сотрудничестве в сфере культуры и образования — Эл. ресурс, URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract(дата обращения: 01.12.2017).

⁴ Посольство Российской Федерации в Федеративной Республике Бразилии — Эл. ресурс, URL: <https://brazil.mid.ru/politiceskij-dialog>(дата обращения: 01.12.2017).

организации российской диаспоры за рубежом, существенное улучшение информационной работы с соотечественниками⁵. С этого же времени разрабатываются программы мер по поддержке соотечественников за рубежом с перечнем мероприятий, охватывающих и страны дальнего зарубежья. Особую роль приобретают мероприятия, посвященные Второй мировой войне. Ведущая роль в реализации программ принадлежит Россотрудничеству и Министерству иностранных дел. Программы учитывают специфику отдельной страны, направлены на каждого человека, который хочет, стремится сохранить связи со своей Родиной, сохранить свою русскость, ассоциировать себя и своих детей тем или иным образом с Россией⁶.

В Бразилии проживает свыше тридцати тысяч соотечественников (по разным подсчетам, в зависимости от интерпретации понятия «соотечественник» и способов идентификации, численность их колеблется от 30 до 50 тыс.), среди них выделяют консолидированную общину старообрядцев.

Как во многих странах дальнего зарубежья, русскоговорящие общины оказались разъединены в силу исторических обстоятельств: принадлежность к разным миграционным волнам определяла характер русской эмиграции. Ее потоки в Бразилию, как и в другие страны Латинской Америки, были вызваны различными причинами, как «выталкивающим» фактором, так и политикой латиноамериканских государств по привлечению иностранцев.

Исследователи выделяют несколько волн: первая, дореволюционная миграция, сформировавшая ядро русскоговорящих общин (1870–1917), имела экономический характер, состояла преимущественно из крестьян, также включала покидавших Россию из-за религиозных убеждений староверов. Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро стали центром их проживания.

Послереволюционная миграция (1917–1940) состояла, прежде всего, из беженцев из России, принадлежащих к разным социальным и профессиональным группам. В нее вошло большое количество интеллигенции, военных, представителей «белого движения», в том числе «белых» русских из Крыма.

Послевоенная миграция (1945–1950), сосредоточившаяся в г. Рио-де-Жанейро и в г. Сан-Паулу, организационно поддержанная Русской православной церковью за границей (РПЦЗ), состояла преимущественно

⁵ О Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом — Эл. ресурс, URL: http://www.mid.ru/obsie-svedenia/-/asset_publisher/Bmqp3BnvTYus/content/id/269882 (дата обращения: 01.12.2017).

⁶ Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом — Эл. ресурс, URL: <http://pravfond.ru/?module=articles&action=view&id=2109> (дата обращения: 01.12.2017).

из бывших военнопленных, коллаборационистов и представителей ранней эмиграции из Европы, Китая⁷.

Период 1950—1980 гг. ознаменовал сокращение количества русских переселенцев и своего рода «закат русской эмиграции» на фоне успешной интеграции в бразильское общество, а также постепенное забвение русского языка, обучение которому наряду с русской историей и литературой оказалось возложено на маленькие частные школы при православных церквях. С 1985 г. курсы русского языка открылись при учрежденном бразильско-советском обществе дружбы «Убразус».

Наконец, с начала 1990-х гг. начинается отсчет современной миграционной волна.

Среди современных многочисленных культурных обществ и объединений русских в Бразилии наиболее ранние — группа «Калинка» (созданная в 1970-х гг.), группа русских народных танцев «Волга» (создана в 1980-х гг. сыновьями и внуками русских иммигрантов), культурный кружок «Надежда» (1982), хор «Мелодия» (кон. 1990-х гг.)⁸ — отличает интерес к фольклору и желание представить русскую народную культуру бразильской публике.

Патриотическим подъемом, ростом национального самосознания в русских общинах был отмечен рубеж 1980—1990-х гг., когда возникает ряд организаций, деятельность которых направлена на сохранение русской культуры, языка, традиций. Ассоциация друзей русской культуры возникла в 1989 г. в одной из самых крупных колоний в Бразилии (штат Риу-Гранди-ду-Сул). С начала 1990-х гг. их стремление к расширению контактов с российскими государственными и частно-предпринимательскими структурами нашло отклик со стороны общественных организаций в РФ: в 1991 г. создается Славяно-бразильское культурное общество, одной из задач которого становится объединение организаций российских соотечественников в Бразилии⁹.

Одну из важнейших задач, направленных на единение российской диаспоры с Россией, развитие деловых связей между Латинской Америкой и Россией на начальном этапе, взяли на себя староверы, успешные в экономическом отношении, более сплоченные, сохранившие в штатах Парана, Мату-Гроссу и Гойас язык, вероисповедание, традиции и обычаи. В 1992 г. староверы Сан-Паулу выступили с инициативой переговоров с посольством РФ о возможном налаживании с российскими фирмами и предприятиями

⁷ *Миграционные процессы в России*, М.: Экон-информ, 2014, 148 — 155.

⁸ Селин В., *Русские в Бразилии*. — Эл. ресурс, URL: http://ricolor.org/rz/latin_amerika/br/br/rus_br/ (дата обращения: 01.12.2017).

⁹ *Международный опыт защиты соотечественников за рубежом*. М.: Дрофа, 2002, 56-58.

торгово-экономических связей, которые сегодня составляют основное содержание российско-бразильских отношений¹⁰.

Развитие диаспоральной дипломатии, ориентированное на использование ресурсов зарубежных соотечественников, — сравнительно новое направление внешней политики РФ. Взаимодействие с русской диаспорой, новым партнером в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры, осуществляет Россотрудничество. Приоритетными направлениями работы агентства названы образовательное сотрудничество, поддержка образования на русском языке, деятельность по сохранению российского духовного и мемориального наследия за рубежом, координация зарубежной пропагандистской деятельности, тесное взаимодействие российских центров науки и культуры (РЦНК) с обществами дружбы и объединениями соотечественников. Открытие РЦНК в Бразилии, в Сан-Паулу, состоявшееся в 2017 г., до этого времени представительство Россотрудничества в Бразилии осуществляется, главным образом, входящим в состав посольства в г. Бразилиа представителем и его заместителем в составе генконсульства в г. Сан-Паулу. Зампредставителя Россотрудничества К. Л. Бирюков стал в Бразилии координатором движения «Бессмертный полк». Среди многочисленных организаций русских в Бразилии, возникающих чаще всего в местах их компактного проживания в Рио-де-Жанейро (ассоциация «Русский дом», бразильско-российский институт культуры им. М. Ю. Лермонтова, Центр славянской культуры), в Сан-Паулу (культурный центр «Надежда», культурная ассоциация «Надежда», Славянско-бразильское общество, культурное общество русского фольклора «Группа Волга», хор «Мелодия»), в Пернамбуку (Бразильско-российский культурный центр), в г. Рио-Гранди-ду-Сул (культурное общество «Волга»), в г. Бразилиа (культурный центр «Старинная Россия»), представительство Россотрудничества особо выделяет Славянско-бразильское общество, объединение «Надежда», институт культуры имени М. Ю. Лермонтова, через которые ведется работа с соотечественниками. Приоритетными направлениями деятельности института имени М. Ю. Лермонтова, созданного в августе 1994 г. по инициативе представителей местной российской диаспоры и при поддержке российских диппредставительств в Бразилии, стали литературно-музыкальное и культурное просвещение, организация лекций, концертов, выставок и вечеров, посвященных памяти творчеству А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, С. С. Прокофьева, Д. Д. Шостаковича. В 2014 г. генеральный

¹⁰ Подрез С.В., Трудные годы испытаний: единение российских соотечественников в Латинской Америке с Родиной // *Русское зарубежье*, № 1-2, М., Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2005, 25-37.

консул Российской Федерации в Рио-де-Жанейро А. В. Будаев назвал институт проводником отечественной публичной дипломатии¹¹.

Закон о поддержке соотечественников (1999) определил структуру, задачи и формы взаимодействия соотечественников со страновыми координационными советами, позволяющими различным организациям и ассоциациям соотечественников полнее и эффективнее реализовать свой потенциал. После учреждения в 2006 г. Всемирного координационного совета российских соотечественников, куда вошли представители российских зарубежных общин от стран и регионов (в том числе и от Латинской Америки), начали создаваться страновые советы. Сформированный на конференции российских соотечественников в 2007 г. координационный совет Бразилии (КСОРС) объединил разные волны русской эмиграции и осуществляет постоянный диалог с Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом. В КСОРС вошли 10 общин из шести штатов, в 2014 г. у него появился собственный интернет-ресурс (на португальском языке)¹². В 2010 г. был создан молодежный координационный совет российских соотечественников.

Важную роль в консолидации соотечественников призваны играть фонд «Русский мир» (2007) и Фонд поддержки и защиты прав соотечественников (2012). Среди основных задач «Русского мира» — содействие распространению объективной информации о российских соотечественниках, сотрудничество с российскими, иностранными и международными государственными, общественными, научными, коммерческими, некоммерческими и благотворительными организациями, учреждениями образования и культуры, иными учреждениями, организациями и объединениями, частными лицами в деле популяризации русского языка и культуры; поддержка деятельности российских диаспор за рубежом по сохранению их культурной идентичности и русского языка. И хотя в Бразилии до сих пор нет русского центра, на сайте «Русского мира» широко представлена информация о двусторонних отношениях, освещается жизнь русской диаспоры.

С недавнего времени взаимодействие с соотечественниками стало рассматриваться в контексте развертывания «мягкой силы». Консолидация соотечественников, призванная решить такие вопросы, как сохранение своей идентичности и защита интересов, одновременно направлена на реализацию внешней политики РФ, создание ее благоприятного имиджа.

¹¹ Будаев А.В., Особенности формирования модели российско-бразильских отношений на современном этапе // *Государственное управление. Электронный вестник*, № 45, 2014. — Эл. ресурс, URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_656(дата обращения: 01.12.2017).

¹² Соотечественники в Бразилии создали сайт Координационного совета — Эл. ресурс, URL: <http://vksrs.com/news/sootchestvenniki-v-brazilii-sozdali-saj/>(дата обращения: 01.12.2017).

Среди признанных институтов «мягкой силы» — соотечественники, СМИ, студенты зарубежных стран, Русская православная церковь, Россотрудничество. Последнему отводится ключевая роль в продвижении всего комплекса мер «мягкой силы».

В 2012 г. в г. Кампина-дас-Мисоес — колыбели русской эмиграции — был совершен молебен, по завершении которого при содействии местных властей был открыт памятник в честь 100-летия русского православия в Бразилии, в церемонии участвовал чрезвычайный и полномочный посол России в Бразилии С. П. Акопов. Двумя годами ранее, в 2010 г., состоялась его встреча с председателем отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского патриархата митрополитом Волоколамским Иларионом. Владыко Иларион рассказал о современном положении русского православия в Бразилии, обратив внимание на то, что бразильские приходы Зарубежной церкви пока не приняли восстановления канонического общения внутри поместной русской церкви. Причина, по мнению Илариона, заключалась в устаревших представлениях об исторической родине и Московском патриархате в среде значительной части русской эмиграции. Митрополит выразил надежду на укрепление взаимодействия ОВЦС с посольством России в Бразилии и призвал Акопова уделять повышенное внимание знакомству местной аудитории с русской духовной традицией, историей и современной жизнью Русской православной церкви. Дипломат подтвердил готовность всячески способствовать развитию присутствия русского православия в Бразилии.

Термин «мягкая сила» впервые был использован в российском официальном документе в 2010 г. в приложении к Концепции внешней политики РФ, к 2012 г. прочно утвердился в политическом дискурсе, в 2013 г. термин появился в новой версии уже в самой Концепции. В документе целями применения «мягкой силы» были названы создание позитивного имиджа страны и улучшение информационной поддержки российской внешней политики¹³.

На ежегодной страновой конференции соотечественников в г. Сан-Паулу в 2015 г. генеральный консул К. С. Каменев констатировал полезную работу соотечественников по сохранению родного языка, продвижению русской культуры и традиций в Бразилии, призвал соотечественников к единению и сплочению в «нынешнее непростое для России время», отметил их вклад в сохранение русской культуры. О готовности внести вклад в консолидацию российской диаспоры высказался настоятель Благовещен-

¹³ Бычкова О.И., Горлова И.И., Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // *Теория и практика общественного развития*, Краснодар, 2015, № 18, 269.

ского храма — молодого прихода Московского патриархата в Сан-Паулу — Д. Казанцев¹⁴.

Новый уровень взаимодействия России с диаспорой был продемонстрирован на встрече члена Всемирного конгресса соотечественников, директора Русского дома в штате Парана Федеративной Республики Бразилии Дмитрия Лобкова с членом Комитета Совета Федерации по международным делам Сергеем Цековым, по словам которого, соотечественники должны стать той самой «мягкой силой», которая может донести до мирового сообщества правду о развитии Крыма в составе России. «Мы надеемся, что наши соотечественники смогут донести объективную информацию о своей исторической Родине. Считаю, что это одно из основных направлений нашего сотрудничества, не только на официальном уровне, но и в формате народной дипломатии, в отношениях между общественными объединениями соотечественников двух стран»¹⁵.

Взаимная заинтересованность России и ее зарубежной диаспоры в Бразилии, друг в друге, инициативы сотрудничества, выдвигаемые в последние десятилетия XX в. на фоне угасания русской эмиграции, не только оживили деятельность русскоязычных общин и положили начало процессам ее консолидации и единения с Россией, но и стали важным фактором для укрепления российско-бразильских отношений. В договорно-правовой базе двустороннего межгосударственного сотрудничества Русская православная церковь — как и российская диаспора — не выделены в качестве отдельных участников культурно-гуманитарных связей, однако в условиях утверждения концепции «мягкой силы» во внешнеполитическом дискурсе они становятся важнейшими акторами взаимодействия. Внутренние потребности формирующейся диаспоры создают объективные условия для налаживания через нее делового, политического и культурного сотрудничества, при этом решающая роль в развитии потенциала диаспоры остается за Россией.

Библиография

1. *Миграционные процессы в России*, М.: Экон-информ, 2014, 148 — 155.
2. *Международный опыт защиты соотечественников за рубежом*, М.: Дрофа, 2002, 56-58.
3. Подрез С.В., «Трудные годы испытаний: единение российских соотечественников в Латинской Америке с Родиной», *Русское зарубежье*, № 1-2,

¹⁴ Страновая конференция организаций российских соотечественников, проживающих в Бразилии — Эл. ресурс, URL: <http://vksrs.com/events/stranovaya-konferentsiya-organizatsiy-rossiyskikh-sootchestvennikov-prozhivayushchikh-v-brazilii/>(дата обращения: 01.12.2017).

¹⁵ Сергей Цеков поддержал инициативы соотечественников Русского дома в Бразилии — Эл. ресурс, URL: <http://www.ruscrimea.ru/news.php?point=5846>(дата обращения: 01.12.2017).

М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2005, 25-37.

4. Будаев А.В., Особенности формирования модели российско-бразильских отношений на современном этапе // *Государственное управление. Электронный вестник*, № 45, 2014. URL:< http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_656>

5. Бычкова О.И., Горлова И.И., Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // *Теория и практика общественного развития*, № 18, Краснодар, 2015, 269.

РОССИЯ И ИБЕРОАМЕРИКА: МЕЖКУЛЬТУРНОЕ И ГУМАНИТАРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ

Н. М. Боголюбова¹

Актуальные тенденции российско-испанского культурного сотрудничества

Actual tendencies of Russian-Spanish cultural cooperation

Аннотация: В целом, культурный диалог России и Испании в начале XXI века демонстрирует устойчивые тенденции развития, взаимный интерес партнеров к сотрудничеству. Можно отметить, что культурные связи России и Испании развиваются весьма динамично и соответствуют современным подходам к организации культурного взаимодействия. Важно, что связи двух стран в сфере культуры обладают очевидным запасом прочности и развиваются даже в весьма сложной политической ситуации, нацелены на перспективу.

Культурные связи России и Испании в начале XXI века получили успешное институциональное оформление, вышли на качественно новый уровень, и сегодня успешно развиваются в онлайн-формате. Многие оригинальные подходы, сложившиеся в культурном сотрудничестве Российской Федерации и Королевства Испании, наша страна может использовать и при развитии культурного сотрудничества с другими странами.

Очевидно, что культурные связи сегодня могут стать эффективным фундаментом для решения политических, экономических задач, основой для построения долгосрочных двусторонних отношений. Это в полной мере доказывают современные российско-испанские связи, которые протекают в разных направлениях и оригинальных формах.

¹ Боголюбова Наталья Михайловна, Россия, кандидат исторических наук, доцент каф. международных гуманитарных связей факультета международных отношений СПбГУ (bogoliubovanm@gmail.com).

Ключевые слова: Российско-испанское культурное сотрудничество; актуальные тенденции; институализация; культурные центры; Перекрестные Годы культур.

Annotation: In general, the cultural dialogue between Russia and Spain at the beginning of the 21st century demonstrates sustainable development trends, mutual interest of the partners in cooperation. It can be noted that the cultural ties between Russia and Spain are developing very dynamically and correspond to modern approaches to the organization of cultural interaction. It is important that the ties between the two countries in the sphere of culture have an obvious safety margin and develop even in a very difficult political situation, aimed at the future.

The cultural ties between Russia and Spain in the early 21st century were successfully institutionalized, reached a qualitatively new level, and are now successfully developed in an online format. Many of the original approaches developed in the cultural cooperation between the Russian Federation and the Kingdom of Spain can be used by our country in the development of cultural cooperation with other countries.

It is obvious that cultural ties today can become an effective foundation for solving political and economic problems, the basis for building long-term bilateral relations. This is fully proved by modern Russian-Spanish relations, which take place in different directions and original forms

Keywords: Russian-Spanish cultural cooperation; current trends; institutionalization; cultural centers; Cross-Cultural Years.

Культурные связи в современном мире являются самостоятельным направлением межгосударственного взаимодействия и часто используются как фундамент, основа для сотрудничества в политической, экономической, гуманитарной сферах. Сегодня нет ни одного государства, с которым Российская Федерация не стремилась бы выстраивать взаимовыгодные отношения в сфере культуры, используя как традиционные, так и инновационные подходы, развивая оригинальные формы культурного взаимодействия. Технический прогресс и новые средства коммуникации способствуют расширению географии культурных контактов, которые развиваются сегодня весьма активно на двустороннем и многостороннем уровнях. Но по-прежнему традиционными партнерами Российской Федерации являются страны Европы, сотрудничество с которыми насчитывает не одно столетие, а диалог продолжается несмотря возникающие политические противоречия. С каждой из европейских стран у России сложились особенные отношения в сфере культуры, которые обогащают современный международный обмен. Оригинальными подходами отличается сегодня динамичный диалог Российской Федерации и Королевства Испании, отражающий общие принципы современного двустороннего культурного взаимодействия, а также содержащий весьма оригинальные приемы, которые

используют участники при организации различных культурных проектов и программ.

Россия и Испания — страны, которые внесли значительный вклад в развитие мировой культуры. Духовное и материальное наследие двух стран находится под охраной всего человечества. Отметим, что Испания занимает 3-е, а Россия — 9-е место в списке Всемирного Наследия ЮНЕСКО². Музейные собрания Российской Федерации и Королевства Испании являются одними из самых уникальных не только в Европе, но и во всем мире. Особое значение имеют музыкальное, литературное, художественное наследие двух стран. Одним словом, и Россия, и Испания обладают значительными достижениями в разных сферах культуры, изобразительного искусства, которые могут стать основой для проведения ярких культурных проектов, интересных не только участникам диалога, но и более широкой аудитории. Сегодня культурные мероприятия организуются на разных уровнях, но в последнее время все более заметную роль в двустороннем обмене играют так называемые культурные центры, чья деятельность отражает тенденцию институализации в двустороннем культурном сотрудничестве, которая оформилась еще в конце XIX века.

Первые организации, нацеленные на продвижение национальной культуры за рубежом, появились в конце XIX века (Альянс Франсез (1883), Институт Данте (1889)). В XX веке их число значительно увеличилось. Можно вспомнить, что в 1919 г. был создан институт им. Гёте, в 1925 г. появилось и стало активно участвовать в международном культурном сотрудничестве СССР Всероссийское общество культурных связей с заграницей (ВОКС), с 1934 г. большую роль в распространении английского языка и культуры в мире играет Британский Совет. В конце XX века интерес к созданию подобной организации высказали политики и деятели культуры Испании, и, изучив деятельность культурных центров и институтов в других странах, открыли в 1991 году Институт Сервантеса, деятельность которого сегодня широко известна, во многих странах мира, а с начала XXI века (с 2001 года) и в России³.

В РФ деятельность Института Сервантеса осуществляется в соответствии с Соглашением Российской Федерации и Королевства Испания о культурных центрах. Основным направлением деятельности Института является обучение испанскому языку по апробированным методикам орга-

² *World Heritage List Statistics* [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/stat#dl> (дата обращения: 30.09.2017).

³ Боголюбова Н., Николаева Ю. «Роль зарубежных культурных центров в развитии современного международного сотрудничества» // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2012, № 6-2, 40–42.

низации. Преподавание осуществляется по различным программам, адресованным своей аудитории. Здесь есть курсы для совершенствования испанского языка, для овладения навыками разговорного языка с использованием фразеологизмов, курсы делового испанского и курсы по обучению письменному переводу с русского на испанский язык. Стоит отметить, что Институт Сервантеса в Москве — это основная площадка для проведения экзамена DELE, поэтому в практике языковой подготовки в институте существуют специализированные курсы для подготовки к данному экзамену, прежде всего, для написания экзамена соответствующих уровней B1, B2, C1, C2.

Вторым направлением деятельности Института Сервантеса является распространение информации о культуре Испании и Испаноамерики. Данное направление реализуется в различных традиционных и инновационных формах, как в самом Институте, так и в различных учреждениях культуры Москвы, других регионах РФ. Популярной формой знакомства с культурой Испании и Испаноамерики являются показы художественных, научных, научно-популярных фильмов, которые проводятся каждую неделю в центре. В Институте можно посмотреть фильмы известных испанских режиссеров, номинантов престижных премий и наград известных кинофестивалей. Фильмы, как правило, идут без перевода. Например, в «октябре 2010 года был показан испанский фильм «Тайна в его глазах», который получил премию «Оскар» в номинации «Лучший фильм на иностранном языке»⁴, а 3 августа 2016 года зрители смогли увидеть фильм известного испанского режиссера Педро Альмодовара «Джульетта»⁵, который вызвал оживленную дискуссию среди зрителей и кинематографистов.

Самостоятельным направлением деятельности Института является организация конференций, семинаров, выставок, круглых столов, посвященных актуальным вопросам культуры, науки, общественной жизни в Испании и Испаноамерике, а также культурным связям наших стран. Порой культурные контакты в выставочных проектах получают очень интересную интерпретацию, открывают новые подходы в развитии современного диалога. 20 октября 2015 г. в Институте Сервантеса была открыта выставка, посвященная Сергею Есенину и Федерико Гарсиа Лорке. Организаторы проекта стремились через творчество великих поэтов XX века сделать акцент

⁴ *El secreto de sus ojos. Proyección del cine* // El sitio oficial del Instituto Cervantes de Moscú [Электронный ресурс]. URL: http://moscu.cervantes.es/FichasCultura/Ficha67608_54_1.html (дата обращения: 05.03.2015).

⁵ *Премьера фильма Педро Альмодовара «Джульетта»*. [Электронный ресурс]. URL: http://moscu.cervantes.es/FichasCultura/Ficha109978_54_8.html (дата обращения: 10.09.2017).

на темы, близкие для России и Испании, которые приобрели самобытное поэтическое звучание в творчестве двух великих поэтов XX века⁶.

Некоторые мероприятия Института в Москве проходят сегодня уже на периодической основе и традиционно собирают свою аудиторию. С начала 2000-х годов при участии и поддержке Института Сервантеса проходит международный фестиваль фламенко, объединивший многих известных исполнителей из Испании. За рубежом и в России искусство фламенко всегда воспринимается как своеобразный бренд страны, отразивший ее традиции, национальный характер, музыкальное и поэтическое наследие. И поэтому не случайно, что фестиваль фламенко всегда проходит на эмоциональном подъеме, объединяя многих поклонников данного уникального синтетического вида творчества.

Московский филиал Института Сервантеса располагает собственной библиотекой, которая носит имя писателя Мигеля Делибеса, лауреата Премии Сервантеса-1993. Московскую библиотеку торжественно открыл Принц Астурийский 6 февраля 2002 года, и теперь она является одним из основных хранилищ информации об Испании в РФ. Здесь представлены пособия для изучения испанского языка, книги, журналы, аудио— и видеоматериалы, доступные всем читателям⁷.

Большого внимания заслуживают проекты Института Сервантеса, которые он проводит в дистанционном формате, что позволяет существенно расширить аудиторию участников различных мероприятий. «Виртуальный центр Сервантес, созданный Институтом Сервантеса в 1997 году, является сегодня одним из главных источников информации обо всем, что связано с испанским языком и испаноязычной культурой. Посетители сайта [свс.cervantes.es](http://www.cervantes.es) найдут на нем более 100 000 страниц, связанных с испанским языком и культурой испаноязычных стран. Ежемесячный трафик сайта составляет около двух миллионов посещений из сотни стран»⁸.

Пространство для знакомства с испанским языком и культурой на испанском языке сегодня существенно расширилось благодаря первому в истории испанского телевидения каналу, созданному Институтом Сервантеса. Сегодня канал вещает по всему миру.

В программе — ежедневный обзор культурных событий, различные ток-шоу, интервью, репортажи и документальные фильмы собственного

⁶ *Сергей Есенин и Федерико Гарсиа Лорка: два поэта, две судьбы* [Электронный ресурс]. URL: http://moscu.cervantes.es/FichasCultura/Ficha103730_54_8.html (дата обращения: 15.09.2017).

⁷ *Библиотека им. Мигеля Делибеса* [Электронный ресурс]. URL: http://moscu.cervantes.es/ru/biblioteca_ispanskiy/biblioteca_ispanskiy.html (дата обращения: 30.09.2017).

⁸ *Виртуальный центр Сервантес* [Электронный ресурс]. URL: http://www.cervantes.es/imagenes/File/guias/guia_ic_2012-ruso.pdf (дата обращения: 30.09.2017).

производства или предоставленные другими организациями. Содержание программ отражает как культурную реальность Испании и испаноязычных стран, так и деятельность самого Института Сервантеса. «Сервантес ТВ» информирует о мероприятиях в центрах по всему миру. Целевая аудитория канала — молодежь, изучающая испанский, и профессионалы в разных областях, использующие этот язык в работе. Создав «Сервантес ТВ» и полностью обновив порталы в интернете, Институт Сервантеса запустил мультимедийную платформу с многочисленными телекоммуникационными и информационными видами услуг, а также сделал доступными новые материалы для учащихся и всех тех, кто интересуется испаноязычной культурой⁹.

Безусловно, подобный проект заслуживает внимания, как пример эффективной работы организации, нацеленной на развитие культурного диалога в глобальном масштабе.

Институт Сервантеса принимает участие и в подготовке различных масштабных международных мероприятий, направленных на развитие сотрудничества России и Испании. К таким проектам следует отнести, прежде всего, Перекрестные Годы культур, своеобразные многожанровые фестивали, объединяющие сегодня многие страны. Перекрестные Годы культур отражают важную тенденцию современного международного культурного обмена — регионализацию, так как мероприятия программы Годов охватывают значительную территорию стран-участников и проводятся не только в столицах, но и в регионах. Перекрестные Годы культур — это новый формат двусторонних культурных связей, который сложился в начале XXI века. Цель Перекрестных Годов — оживить диалог стран-участников, причем не только в культурной, но и в политической, экономической, гуманитарной сферах. В практике проведения Перекрестных Годов культура выступает не только как самостоятельное направление сотрудничества, но и как основа политического и экономического диалога, своеобразный фундамент многовекторного двустороннего взаимодействия. Участники подобных проектов различны, к ним относятся министерства и ведомства, общественные организации, культурные центры, научные и образовательные учреждения, театры и музеи, библиотеки и архивы, спортивные организации. В Перекрестных Годах принимают участие артисты, творческие коллективы, ученые, художники, спортсмены, студенты, школьники, самая широкая общественность.

Перекрестные Годы организаторы используют и как возможность скорректировать негативный образ страны, обновить имидж, провести ре-

⁹ Телевизионный канал Сервантес [Электронный ресурс]. URL: http://www.cervantes.es/imagenes/File/guias/guia_ic_2012-ruso.pdf (дата обращения: 30.09.2017).

брендинговые кампании. Перекрестные Годы позволяют изучить рынок своих потенциальных партнеров, чтобы в дальнейшем выстраивать контакты с учетом интересов адресной аудитории.

Формат праздника, протяженность во времени способствуют заключению договоров, обсуждению перспективных событий, установлению более прочных контактов в различных сферах в рамках программы проведения Перекрестных Годов. Неслучайно после завершения масштабных мероприятий партнеры в качестве итогов отмечают двусторонние договоры, заключенные в экономической, политической сферах, инвестиционные инициативы.

Сегодня Перекрестные Годы являются весьма популярными, знаковыми и уже традиционными событиями. В 2008–2009 году прошли Годы России в Индии, затем Перекрестные Годы Китая и России (2009–2010). Яркими праздничными событиями были наполнены Годы России и Франции — успешными культурными партнерами. Надолго в памяти народов Испании и России останутся интересные проекты, которые были проведены в рамках Перекрестных Годов культур (2011).

Успех подобных мероприятий очевиден. И сегодня мы можем отметить практику специализации в проведении Перекрестных Годов. Неслучайно год 2016–2017 был объявлен Перекрестным Годом туризма России и Испании, что весьма актуально для диалога двух стран на современном этапе.

Одним словом, за Перекрестными Годом большое будущее. Особенности подобной формы сотрудничества, актуальные тенденции, уникальные возможности были использованы и при проведении Перекрестного Года культур России и Испании (2011).

Программа данного Года была достаточно разнообразной и надолго осталась в памяти участников мероприятий. Российские и испанские зрители ознакомились с самыми различными аспектами культурной жизни двух стран, от классических образцов до ультрасовременных форм и авангардных произведений. Открытие Перекрестного Года прошло на самом высоком уровне, при участии первых лиц государств. Кроме того, с проведением Перекрестных Годов Россия связывала углубление развития экономического сотрудничества с Испанией.

В рамках программы Года Испании и России была предусмотрена «Деловая часть», включающая переговоры, установление экономических контактов.

Открытие Перекрестного Года культур, а также дальнейшие мероприятия получили широкую информационную поддержку как в России, так и в Испании. Крупнейшее информационное агентство России «РИА Но-

вости» создало специальный раздел на испанском сайте «РИА Новости», посвященный Перекрестному Году¹⁰. Также мероприятия Перекрестного Года активно освещались в правительственном российском издании «Российская газета», журнале «Международная жизнь». Кроме того, на испаноязычном сайте канала Russia Today был создан специальный раздел, посвященный исключительно событиям Перекрестного Года¹¹.

Сегодня, подводя итоги данного важного события в жизни Испании и России, можно со всей ответственностью отметить, что наиболее яркие, знаковые события произошли в культурной сфере, что соответствует основной концепции и задачам Перекрестного Года культур. Стартовал Перекрестный Год оригинальным художественным проектом — уникальной выставкой шедевров музея Прадо в Эрмитаже, которую открыли Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев и король Испании Хуан Карлос I. В свою очередь, крупнейший художественный музей мира — Государственный Эрмитаж — представил в Мадриде выставку шедевров, которая открылась в музее Прадо в ноябре 2014 года¹². В течение года в России и Испании прошли и другие многочисленные художественные выставки, которые продемонстрировали богатство культурного наследия обеих стран и многообразие художественных коллекций. Состоялись и выставки, которые познакомили граждан России и Испании с современной культурой наших народов. Важным событием в программе мероприятий Перекрестного Года стал фестиваль детского творчества в древнем испанском городе Сеговия, на котором присутствовала королева София. Праздник прошел с большим размахом, весь город был преобразован в огромную концертную площадку, на которой выступали детские коллективы из регионов России¹³.

Стороны составили впечатляющую программу в сфере музыкального, театрального и изобразительного искусства. Перекрестный Год стал импульсом и для развития кинематографических связей. Россия и Испания включили в программу мероприятий кинофестивали, а испанские фильмы вошли в специальную программу Московского международного кинофестиваля. Конечно, подобные мероприятия способствовали более близкому знакомству жителей Испании с российской культурой, а россиян — с культурой Испании. Примечательно, что в программе внимание уделялось не

¹⁰ РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: http://sp.rian.ru/dual_rusia_espana_2011 (дата обращения: 15.03.2012).

¹¹ Russia Today [Электронный ресурс]. URL: <http://actualidad.rt.com/tag/A%C3%B1o+cruzado+Rusia-Espa%C3%B1a?page=1> (01.09.2017).

¹² «Открытие Прадо» // *Российская газета. Спецвыпуск*, № 284 (5660), 2012, 16 декабря.

¹³ Там же.

только классическим направлениям сотрудничества, но и тем, которые получают все большее распространение сейчас — мода, дизайн, графика, инновационные технологии.

Значимым итогом Перекрестного Года России и Испании стал выход взаимодействия двух стран за традиционные рамки и стремление к расширению сотрудничества в сфере инновационных технологий и торговли. Так, российские компании стали участниками международной ярмарки, посвященной нанотехнологиям, в Бильбао «Imagine Nano» и «Научно-технические и инновационные достижения России» в Мадриде. В свою очередь, испанцы продемонстрировали свои достижения в различных отраслях промышленности на выставке в Москве «Испания сегодня: жизнь и инновации». Стоит отметить, что рост взаимодействия в области технологий будет косвенно способствовать распространению испанского языка в России и русского языка в Испании.

Особо следует отметить все более активное подключение к экономическим связям с Испанией субъектов Российской Федерации, которое стало возможным после проведения мероприятий в рамках Перекрестного Года культур. На ярмарке «Барселона: место встречи» был представлен экономический и туристический потенциал семи российских регионов, включая Ленинградскую, Нижегородскую, Калужскую области¹⁴.

Особый уровень и высокий статус мероприятий, которые были проведены в рамках Перекрестного Года, был обеспечен организаторами и участниками данного масштабного события. Среди организаторов можно отметить: российское и испанское министерства культуры, Посольство Королевства Испания в России и Генеральное консульство Испании в Санкт-Петербурге, московский филиал Института Сервантеса и центр «Аделанте», Посольство Российской Федерации в Королевстве Испания и Генеральное консульство Российской Федерации в Барселоне, представительство Россотрудничества в Мадриде. Кроме того, в тесной взаимосвязи во время Года Испании в России работали российские и испанские учреждения культуры, такие как Государственный музей Прадо и Государственный Эрмитаж, Мариинский театр, Государственный Большой театр и Королевский театр Испании, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Национальный музей Романтизма в России.

Отметим, что отдельные мероприятия Перекрестного Года были нацелены на долгосрочную перспективу и поэтому имеют важное стратегическое значение для диалога России и Испании. Одним из завершающих ме-

¹⁴ Там же.

роприятий Перекрестного Года стало освящение закладного камня первого православного храма в Мадриде¹⁵.

Долгосрочные соглашения о сотрудничестве были подписаны между МГУ им. Ломоносова и университетами стран Ибероамерики во время II Форума ректоров университетов России, Испании и Латинской Америки¹⁶. Соглашения касались программ обмена для студентов, программ с получением двойных дипломов, возможности трудоустройства в зарубежных странах выпускников, недавно получивших высшее образование.

Одним из важнейших итогов Перекрестного Года стало открытие Российского центра науки и культуры в Мадриде в декабре 2011 года¹⁷. Из важных итогов Перекрестного Года можно отметить то, что он положил начало другим масштабным акциям России и Испании. Так, в конце марта 2013 года во время Недели России в Барселоне был открыт Русский дом. Данный проект был задуман еще в ходе Перекрестного Года¹⁸. Одним из первых мероприятий данной организации стала выставка, посвященная Калининградской области.

Подводя итоги Перекрестного Года культуры России и Испании, стоит отметить, что в рамках данного проекта было реализовано более 300 деловых, научных, общественных и культурных мероприятий, что свидетельствует об эффективности данного формата культурного диалога.

Кроме того, Перекрестный Год культур способствовал организации и других масштабных двусторонних мероприятий. 5 апреля 2016 года в Мадриде стартовал Перекрестный Год туризма России и Испании, поддержанный политиками, общественными деятелями, населением двух стран. Отметим, что у россиян Испания занимает четвертое место по популярности среди зарубежных направлений. На вечере в честь открытия Перекрестных Годов туризма выступили звезды балета из Большого, Мариинского и Михайловского театров. Двухтысячный зал королевского театра «Реал» встретил Ивана Васильева, премьера Михайловского театра Санкт-Петербурга, продолжительными аплодисментами. Украшением вечера стала сцена из

¹⁵ *Храм святой равноапостольной Марии Магдалины*. Русская Православная Церковь, Московский Патриархат, Корсунская Епархия [Электронный ресурс]. URL: <http://orthodoxmadrid.com/nash-xram> (дата обращения: 12.05.2014).

¹⁶ *II Форум ректоров России и ибероамериканского пространства* [Электронный ресурс]. URL: http://www.fa.ru/News_Archive2012/Pages/II%20Forum%20rektorov%20Rossii%20i%20iberoamerikanskogo%20prostranstva (дата обращения 31.03.2015).

¹⁷ *В Мадриде открылся Российский центр науки и культуры* [Электронный ресурс]. URL: http://www.itv.ru/news/2011-12-06/108771-v_madrade_otkrylsya_rossiyskiy_tsentr_nauki_i_kultury (дата обращения: 31.03.2015).

¹⁸ *Дом России в Барселоне // Русский журнал* [Электронный ресурс]. URL: <http://revistarusa.net/dom-rossii-v-barselone> (дата обращения: 30.09.2017).

балета «Дон-Кихот», в котором артист исполнил одну из своих коронных партий. На такой высокой эмоциональной ноте состоялось открытие Года туризма России и Испании, который был украшен и другими яркими событиями.

«Не только театр и балет — испанцы активно интересуются русской культурой. Вскоре в Барселоне начнет работу еще один Центр русского языка, который будет располагать онлайн-доступом к архивам Президентской библиотеки имени Ельцина, а также к материалам филологического факультета МГУ»¹⁹. В программе Перекрестного Года туризма России и Испании большое внимание было уделено обмену экспертами и журналистами, продвижению туристических продуктов в СМИ и интернете. Российские и испанские компании приняли участие в крупных туристических выставках. Отдельное внимание участники уделили проблемам урегулирования визовых формальностей, в краткосрочном и долгосрочном форматах²⁰. Сегодня еще рано подводить итоги Перекрестного Года туризма России и Испании, но с уверенностью можно отметить, что эта специфическая форма культурного обмена успешно отражает актуальные тенденции двустороннего сотрудничества и на практике способствует активному, двустороннему и самому демократичному взаимодействию народов двух стран и решению важных задач в разных сферах.

В целом, культурный диалог России и Испании в начале XXI века демонстрирует устойчивые тенденции развития, взаимный интерес партнеров к сотрудничеству. Очевидно, что культурные связи могут стать эффективным фундаментом для решения политических, экономических задач, основой для построения долгосрочных двусторонних отношений. Это в полной мере доказывают современные российско-испанские связи, которые сегодня протекают в разных направлениях и оригинальных формах.

Библиография

1. World Heritage List Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/stat#d1> (дата обращения: 30.09.2017).
2. Боголюбова Н., Николаева Ю. Роль зарубежных культурных центров в развитии современного международного сотрудничества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6-2. С. 40–42.

¹⁹ *Стартовал перекрестный Год туризма Испании и России* [Электронный ресурс]. URL: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/150390 (дата обращения: 30.09.2017).

²⁰ Там же.

3. El secreto de sus ojos. Proyección del cine // El sitio oficial del Instituto Cervantes de Moscú [Электронный ресурс]. URL: http://moscu.cervantes.es/FichasCultura/Ficha67608_54_1.html (дата обращения: 05.03.2015).
4. Премьера фильма Педро Альмодовара «Джульетта» [Электронный ресурс]. URL: http://moscu.cervantes.es/FichasCultura/Ficha109978_54_8.html (дата обращения: 10.09.2017).
5. Сергей Есенин и Федерико Гарсиа Лорка: два поэта, две судьбы [Электронный ресурс]. URL: http://moscu.cervantes.es/FichasCultura/Ficha103730_54_8.html (дата обращения: 15.09.2017).
6. Виртуальный центр Сервантес [Электронный ресурс]. URL: http://www.cervantes.es/imagenes/File/guias/guia_ic_2012-ruso.pdf (дата обращения: 30.09.2017).
7. Телевизионный канал Сервантес [Электронный ресурс]. URL: http://www.cervantes.es/imagenes/File/guias/guia_ic_2012-ruso.pdf (дата обращения: 30.09.2017).
8. Открытие Прадо // Российская газета. Спецвыпуск. № 284 (5660). 2012. 16 декабря.
9. Храм святой равноапостольной Марии Магдалины. Русская Православная Церковь, Московский Патриархат, Корсунская Епархия [Электронный ресурс]. URL: <http://orthodoxmadrid.com/nash-храм> (дата обращения: 12.05.2014).
10. II Форум ректоров России и ибероамериканского пространства [Электронный ресурс]. URL: http://www.fa.ru/News_Archive2012/Pages/II%20Forum%20rektorov%20Rossii%20i%20iberoamerikanskogo%20prostranstva (дата обращения: 31.03.2015).
11. В Мадриде открылся Российский центр науки и культуры [Электронный ресурс]. URL: http://www.ltv.ru/news/2011-12-06/108771-v_madride_otkrylsya_rossiyskiy_tsentr_nauki_i_kultury (дата обращения: 31.03.2015).
12. Дом России в Барселоне // Русский журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://revistarusa.net/dom-rossii-v-barselone>. (дата обращения: 30.09.2017).
13. Стартовал перекрестный Год туризма Испании и России [Электронный ресурс]. URL: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/150390 (дата обращения: 30.09.2017).

Россия и Ибероамерика: проблема ментальной совместимости

Russia and Ibero-America: the problem of mental compatibility

Abstract: The report examines the main parameters of the mentality of Russia and Ibero-America, such as geography, religion. In addition, the article touches upon the multipolarity of the modern world. The author believes that, in fact, neither China, nor Russia, nor South America does not represent a real global alternative to the West, on the contrary, they are all included in the process of globalization. They should not “be friends against” the United States, and to establish a dialogue with this country, is gradually finding its place in the new world. Common features of mentality should help us in this matter.

Keywords: mentality; superpower; dialogue; compatibility.

Resumen: El informe examina los principales parámetros de la mentalidad de Rusia e Iberoamérica, tales como la geografía, la religión. Además, el artículo incide en la multipolaridad del mundo moderno. El autor cree que, de hecho, ni China, ni Rusia, ni América del Sur no representan una verdadera alternativa global al Oeste, por el contrario, todos están incluidos en el proceso de la globalización. Ellos no deben “ser amigos en contra” de los Estados Unidos, y a establecer un diálogo con este país, poco a poco está encontrando su lugar en el nuevo mundo. Características comunes de mentalidad debe ayudarnos en este asunto.

Palabras clave: la mentalidad; superpotencia; el diálogo; compatibilidad.

Проблематика ментальной совместимости России с одной стороны и Ибероамерики с другой актуальна по причине все большего сближения России и стран этого региона. (Сразу оговорим, что в этом докладе под ибероамериканскими мы имеем в виду только соответствующие страны Америки.)

Всем понятен исторический контекст этого сближения. Современный глобальный мир начался с так называемого вызова западной цивилизации, развитие которой во всех сферах заставило незападные страны «догонять» Европу и США. И даже «социалистические страны» по своему типу были одной из сложных форм такой «догоняющей модернизации»².

¹ Клевцов Павел Борисович, Россия, кандидат философских наук, доцент кафедры Международных гуманитарных связей СПбГУ (pavel-klevcov@yandex.ru).

² См.: Федотова В., *Модернизация «другой» Европы*. М.: ИФ РАН, 1997.

Однако на рубеже XX–XXI вв. ученые все чаще говорят о том, что мир наступающего завтра будет многополярным. Это во многом верно, хотя и преувеличивать факт многополярности не стоит. Да, экономика таких стран, как Китай, Индия, Бразилия, Россия, растет. Но нельзя забывать, что даже сама современная рыночная экономика сформирована Западом, не говоря уже обо всех остальных элементах цивилизации — таких, как право, политическая культура, массовая культура и пр. Запад стал лидером далеко не только по причине экономических достижений, а потому, что в нем сформировался новый тип культуры.

Представляется, что на смену лидерству Запада придет не чье-то еще, а постепенное исключение самого феномена глобального лидерства в жизни людей на планете. Возможно, Запад является «последним лидером», потому что он борется за свободу человека, а она, в идеале, несовместима ни с каким внешним авторитетом и лидерством, в том числе и геополитического плана, в том числе и самого Запада. Когда ценность свободы, за которую борется Запад, перестанет быть, говоря гегелевским языком, чем-то внешним для людей, тем, что они могут принимать подражательно или вообще отвергать (что тоже является опосредованной формой приятия), и станет внутренней, углубленной в сознании и в жизни — тогда «меч свободы» перестанет быть нужным.

Многие считают, что Запад всего лишь декларирует свои ценности, им не соответствуя и используя их в качестве оправдания агрессии. Эта мысль стала крайне распространенной и в науке, и тем более в СМИ. Однако те, кто ее высказывают, не хотят задаться простыми вопросами. Например — если Запад настолько лжив, то почему он вообще декларирует ценность свободы? Ведь мы знаем, что если человеком нечто декларируется, то, как минимум, в его прошлом это нечто не было пустой декларацией — а, может, и сегодня таковым еще не является. Наличие пропаганды и идеологических оправданий по поводу свободы не исключает того, что Запад реально в нее не верит.

Можно предложить и другой вопрос критикам Запада — во имя чего крестоносцы убивали «сарацин», а те — крестоносцев? Есть ли отличие между ситуацией, когда США свержают тот или иной авторитарный режим во имя демократии и свободы, даже если это только прикрытие для геополитических целей, и ситуацией, когда тебя просто убивают, если ты другой веры?

И еще один вопрос — почему сама критика Запада сегодня во многом основывается именно на его ценностях? Видимо, потому, что они универсальны. Распространяя ценность свободы, Запад, конечно, закладывает и основу для будущего бунта против себя самого. Однако и этот бунт проис-

ходит в контексте создаваемой им цивилизации. И он не должен выходить за эти рамки, иначе вся система будет разрушена.

По изложенным выше соображениям автор доклада рассматривает усиление незападных стран (БРИКС и ШОС) как потенциальный новый шаг к все более единому человечеству, хотя вовлеченные в этот процесс акторы могут рассматривать его как борьбу и возможность победы над Западом. Однако они говорят о политической плоскости, забывая, что речь идет о ценностях. В этом отношении их культуры либо вестернизированы, либо вестернизируются (что, конечно, не исключает национальной специфики, а, наоборот, предполагает и даже стимулирует ее). Цивилизационной альтернативой Западу является, например, исламский терроризм, но не Китай, верящий в западную идеологию марксизма, и не Бразилия, конституция которой является вполне «либеральной».

Цель доклада — проанализировать, какие есть подводные камни в сфере ментальной совместимости России и Иberoамерики, имея в виду и политическую актуальность нашего сближения, и глобальный процесс международной культурной интеграции.

Надо признать, что наращивание контактов России и стран Иberoамерики часто происходило в связи с конфликтом нашей страны и США. Хорошо известна история Карибского кризиса 1962 года, в целом СССР достаточно активно пытался оказывать влияние на политические процессы в Южной Америке — здесь можно вспомнить не только Кубу, но и Никарагуа.

После краткого периода спада активности России в 1990-х гг. наше партнерство со странами иberoамериканского региона восстановилось в рамках прежней схемы поисков точек давления на США и вообще поисков альтернативы их слишком монологичному влиянию. Только градус противостояния с США теперь все-таки меньше, чем ранее, потому что холодная война была во многом связана с идеологическими и системными противоречиями, о чем сегодня многие забывают, прогнозируя новый виток холодной войны.

Наиболее ярким событием такого «альтернативно-геополитического» сотрудничества являются отношения России и Венесуэлы при Уго Чавесе, до его смерти в 2013 г. Чавес, с его противостоянием США (хотя оно и не было, что называется, чистым, потому что США оставались важным экономическим партнером страны), с его идеями построения социализма, во-первых, вызывал искреннее восхищение всех российских левых, во-вторых, коррелировал с теорией национального суверенитета, которую все более активно отстаивало руководство России. Нынешний кризис в Венесуэле говорит о существенной нестабильности ее политической системы, о том, чем она отличается от российской.

Сегодня в отношениях России и стран Иberoамерики особую роль начинает играть Бразилия. Еще с 1997 г. работает Российско-бразильская комиссия высокого уровня по сотрудничеству, а в 2005 г. между нашими странами было заключено соглашение о стратегическом союзе. Важнейший формат нашего взаимодействия — объединение БРИКС.

Тема перспектив сотрудничества наших регионов в контексте глобальных изменений и противоречий и заставляет ученых обращаться к проблематике ментальной совместимости россиян и ибероамериканцев.

Как известно, на менталитет народа влияют многие факторы³. Некоторые из них приводят к различиям в наших менталитетах, а другие — к сходству. При этом сближать может не только общее, но и разное в менталитетах сравниваемых народов, по принципу дополнения. Рассмотрим факторы, влияющие на наши менталитеты.

Если говорить о таком важном из них, как географическое положение, и климат в том числе, то этот фактор скорее приводит нас к различию. Россияне, живя на большой и холодной территории, по своему характеру более закрытые и мрачные, чем ибероамериканцы, у которых и климат теплый, и территория государств которых, как правило, небольшая (к этому нужно добавить влияние теплого океанского побережья).

В данном случае разница менталитетов дает позитивный эффект притягивания — достаточно вспомнить о литературном герое Остапе Бендере. Бразилия видится ему светлой, солнечной, карнавальской, пусть и идеализированной, тогда как Советская Россия противоположна всем этим чертам (здесь тоже было преувеличение, уже в темную сторону).

Другой важный фактор, влияющий на ментальную совместимость народов, — религия. Здесь возникает довольно интересная ситуация, потому что все страны Иberoамерики на протяжении долгого времени являлись традиционно католическими, хотя в последнее время католицизм и начал сдавать позиции. Между католицизмом и православием — сложная история отношений, в которой было даже взятие крестоносцами Константинополя, однако объективно, в условиях современной глобальной расстановки сил, католицизм и православие выступают как носители традиционных христианских ценностей (остается только удивляться игре смыслов исторического процесса). Это и продемонстрировала встреча папы римского Франциска и патриарха РПЦ Кирилла в 2016 г. То, что она произошла на Кубе, в государстве, строящем «социализм» и сыгравшем в 1962 году известную роль, очень показательно.

³ См.: Лурье С., *Историческая этнология*. М.: Аспект Пресс, 1997.

Помня о том, что писал М. Вебер про специфику протестантских культур⁴, можно сказать, что католический менталитет ибероамериканцев в своем естественном коллективистском противостоянии «индивидуализму» протестантских США вполне коррелирует с аналогичным православным менталитетом россиян. Да, но не нужно ссылаться на это как на некий очевидный фактор, который всем понятен и ясен в его культурном бытии. Действительно, именно Южная Америка оживляет мир европейского католицизма своей верой. С другой стороны, например, в Бразилии в 2013 году были легализованы однополые браки. А что касается России, то реальный процент регулярно посещающих церковь людей очень мал.

Так что ученые должны просто учитывать религиозный аспект менталитетов наших народов, без поспешных выводов.

Еще один фактор, влияющий на менталитет, — историческая судьба народа (в чем-то он включает в себя предыдущие, но шире их). Понятно, что является общим в судьбах Ибероамерики и России — мы долгие века оказывались вовлеченными в «вихрь» развития Запада и его цивилизации, находясь «рядом с ним», но на периферии; а в последние десятилетия стали «братъ реванш». Запад долгое время относился к нам свысока, но нужно ли сейчас ему мстить? К этой теме автор еще вернется ближе к концу доклада.

С другой стороны, исторические судьбы Ибероамерики и России во многом разные, и это тоже надо учитывать. Историческая судьба порождает в менталитете народа чувство тождественности с ней (а также и с территорией, языком, религией). В этом отношении, если оставить в стороне совпадение политических интересов по продвижению многополярного мира, Россия и Ибероамерика различаются. Наша страна — европейская и евразийская, для нее органичны отношения с Евросоюзом и со странами ШОС по культурно-территориальному принципу. Для стран Ибероамерики органичны отношения с ОАГ, а среди них — особенно с США. Вообще, структура БРИКС кажется слишком географически разбросанной, и это порождает опасность ее дезинтеграции.

Немаловажно и то, что Россия является сверхдержавой, и она геополитически крупнее ибероамериканских государств.

Развивая тему отождествления ибероамериканцами себя со своей судьбой и континентом, можно еще сказать, что оно «залегает» глубже, чем поверхностные политические и даже экономические противоречия на этом континенте. То есть, например, даже для таких стран, как Куба и Венесуэла, США и отношения с ними все равно будут первичнее, чем с РФ, как и для нее отношения с Европой.

⁴ Вебер М., *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. М.: Центр гуманитарных инициатив.

Здесь можно привести множество примеров из современной и актуальной, «горячей», политической жизни. Скажем, Россия сегодня оправданно указывает на то, что политика Украины, направленная на чрезмерную «европеизацию», искусственна и отрывает украинский народ от его истоков, связанных с Россией. Однако и сама Россия вскоре оказалась в аналогичной ситуации, возникла опасность проведения такой же искусственной политики, когда в ответ на западные санкции она стала говорить о развороте на Восток. Политически это понятно, но в глобальном смысле — вряд ли. Невозможно отменить факт, что Россия — этнически, лингвистически, религиозно — является Европой, а не Азией. Усиление взаимодействия России с Востоком — просто сигнал для Запада.

Поэтому в анализе непростых отношений США — Иberoамерика — Россия и их ментального закрепления нельзя забывать об опасности превращения РФ, с одной стороны, и какой-либо ибероамериканской страны — с другой, именно в такого «третьего», который призывается ради давления на Запад. Подобные процессы отчасти неизбежны, но в целом они не работают на глубину отношений между государствами и народами.

Далее нам хотелось бы обратить внимание на образ США и то, как он закрепляется и бытует в менталитетах народов Иberoамерики и России. Не все осознают простой факт — быть антиамериканистом, живя, например, в Твери, и быть антиамериканистом, живя в Гаване, — это очень разные состояния. Текущая политическая конъюнктура не должна приводить к идеологическому смешению этих состояний, потому что это, в свою очередь, приведет к ошибкам и разочарованию. Подавляющая часть россиян в США не были и не побывают, что делает наше отношение к этой стране абстрактным, мы можем как идеализировать ее (1990-е годы), так и демонизировать (сегодня). Если бы россияне массово получили финансовую возможность поездки туда, это было бы лучшим ударом по обеим крайностям.

Для большинства ибероамериканцев США совсем не абстрактны. Это государство, которому выпала миссия продвинуть мировую цивилизацию на несколько шагов вперед и которое сияет своим примером буквально через пролив, как магнит, так что Куба почти уже обвалилась от его притяжения. Оно же — капиталист и империалист, с влиянием которого нужно бороться, как делали это военными методами Ф. Кастро и Э. Че Гевара, а более мягкими, современными, методами — У. Чавес.

США дали миру великую экономику, но они же подчинили ей всех как рабов, дали небывалую в истории массовую культуру, но так же, как с экономикой — навязали ее как образец. Иberoамериканцы чувствуют эти противоречия острее, чем весь остальной мир.

Соседство с таким мощным цивилизационным игроком, как США, всегда является «историческим проклятием» для менее крупных, а особенно совсем некрупных игроков. Мудрость отношений со сверхразвитым соседом набирается с опытом, и мы видим, что многие ибероамериканские страны, через противоречия, приходят к ней — например, Бразилия, которая не поддержала нынешние санкции Запада в отношении России, но при этом у нее традиционно тесные отношения с США.

Выражение «любовь-ненависть», наверно, подходит к образу США в сознании ибероамериканцев. Однако ненависти стало меньше с того времени, как закончилась холодная война, потому что идеи социализма, а также непосредственное влияние СССР создавали, если можно так сказать, цивилизационное препятствие против США. Сейчас оно ушло в небытие, и попытка Чавеса возродить его не опровергает общего тезиса. Социализм в Южной Америке оказался формой сопротивления США, с одновременной модернизацией (как в России он оказался формой сопротивления Западу, с одновременной модернизацией). Форма эта была неудачной, плохо отражала всю сложность отношения к США, видимо, в будущем найдутся новые, менее затратные формы.

В целом, чувствительность ибероамериканцев к социальной несправедливости имела место всегда, направляясь и на США, и на местную «буржуазию». Безусловно, ибероамериканцы имеют право на справедливость, но, как писал Ф. Фукуяма⁵, человечество в финале своей истории пришло к либеральной демократии и рынку — это «каналы», без которых воспроизводство и развитие невозможны. Тем не менее, добавим от себя, уже в рамках этих каналов можно существенно сдвигаться и влево, и вправо. (Более того, чем быстрее будут усвоены рынок и демократия, тем сильнее они будут варьироваться, потому что энергия сопротивления им перестанет быть внешней и разрушительной, так как она войдет внутрь легальной системы.) Социально-политическое устройство, например, Швеции, Японии и США, вполне «западные», но различия между ними большие. Представляется, что ибероамериканцы с их верой в справедливость могли бы пойти за «шведским социализмом» или вообще построить что-то свое. Заметим, что и оппонировать США тоже будет возможно, но, опять-таки, находясь внутри, а не вне системы, как это делает сегодня, например, Россия.

Понятно, что «акулы западного капитализма» просто заинтересованы в дальнейшей интеграции Ибероамерики, особенно таких стран, как Куба и Венесуэла, в мировой рынок, но сводить к этому весь смысл происходящего — значит впасть в политизацию.

⁵ Фукуяма Ф. «Конец истории?» // *Вопросы философии*, 1990, № 3, 134–155.

Итак, еще раз: *система либеральной демократии и рынка, при своих реальных пороках, не нивелирует национальные особенности, она дает им такие рамки, воспроизводясь и развиваясь в которых они не разрушают государства и людей.*

Кто-то возразит, что это не закономерность, а результат сознательной стратегии давления со стороны западных стран (и тогда книги Ф. Фукуямы и Ф. Хайека — самоисполняющиеся пророчества). И все же, никакая элита не была способна спланировать и осуществить исторический феномен расширяющейся западной цивилизации — элита предпринимала попытки, усилия, но сама история ответила на них⁶.

Либерально-рыночная система, возможно, является лучшей из всех, но она все равно остается системой с элементами подавления. Это вызвано тем, что не все ее приняли. Элемент враждебности возникает на границе с *чужим*. Поскольку враждебность есть, то она переносится и на внутреннюю часть системы — то есть, проще говоря, наличие таких стран, как КНДР или социалистическая Куба, «обосновывает» факт агрессии, которую западное государство может направлять не только на внешних врагов, но и на своих граждан. Но сегодня *чужих* в мире все меньше.

Когда же либерально-рыночная система победит окончательно, то и сама она изменится, потому что, как любая идентификация, она существует в отличии от других — фашизма, коммунизма и пр. Тогда подавленные сегодня этой системой силы национального творчества, в том числе и ибероамериканцев, и россиян, обретут свое абсолютное самовыражение. Сейчас, в условиях мировой борьбы, надо немного понудить себя, выбрав «лучшее из худшего», чтобы потом освободиться в «лучшем из лучшего», вернее — стать им. По сути, и Россия, и Ибероамерика уже сделали выбор в пользу либерально-рыночной системы. Но они должны глубже осознать свою ответственность, понимая, что конфликты со странами-лидерами западного мира не должны сопровождаться риторикой о его разрушении. И не потому, что этот западный мир самоценен, а потому, что непонятно, что придет после его конца.

США — и Запад в целом — предстают перед незападным миром одновременно и как вершина прогресса, и как цивилизационное насилие, что порождает в менталитете незападного человека, с одной стороны — восхищение, с другой — чувство мести. Это чувство обосновано, но наш культурный инстинкт сопротивляется ему. Как поет Б. Гребенщиков, «он понял, что некому мстить, и радостно дышит».

Поэтому можно сказать следующее: Ибероамерике и России, пусть им и есть что «припомнить» США, все же не стоит «дружить против», а следует

⁶ Фергюсон Н., *Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира*. М.: Corpus, 2017. 544 с.

просто углублять культурный диалог, не делать из своего отличия от Запада повод для конфликта с ним, но и не отказываться от этого отличия, вносить свой вклад, свои «лица» в глобальную систему, в мир будущего. Мир, в котором единство не будет мешать многообразию — а ведь именно к этому мы движемся сейчас.

Библиография:

1. Брюкнер П., Тирания покаяния. М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009. 256 с.
2. Вебер М., Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 656 с.
3. Гегель Г., В. Ф. Лекции по философии истории. СПб: Наука СПб, 2000. 480 с.
4. Гумилев Л. Н., Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-Пресс, 2004. 560 с.
5. Данилевский Н. Я., Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 816 с.
6. Iberica Americans., Культуры Нового и Старого Света XVI–XVIII вв. в их взаимодействии: 500 лет открытия Америки / Под ред. В. Б. Земскова. СПб: Наука, 1991. 287 с.
7. Федотова В. Г., Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997. 192 с.
8. Фергюсон Н., Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. М.: Corpus, 2017. 544 с.
9. Фукуяма Ф., Конец истории? // Вопросы философии, 1990, № 3, 134–155.
10. Хайек Ф., Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.

Проблема формирования положительного имиджа Испании: проект Marca España

The problem of forming a positive image of Spain: the project “Marca España”

Resumen: En el artículo se analiza la evolución de branding campañas realizadas por España en el 1991–2017 años. Estas campañas han permitido a España mejorar el instrumento de política exterior de la imagen, que ha llevado al aumento de los flujos turísticos en el país, la promoción de la lengua y de la cultura en el mundo, el fortalecimiento de las posiciones en litigios internacionales. Se observa que en diferentes años brand-campaña se llevaron a cabo de diferentes maneras, pero siempre en el centro de estas campañas se encontraba la cultura española. Por separado analizará un nuevo proyecto de imagen de la “Marca España”, que se lleva a cabo a partir de 2012, con el objetivo de mejorar la reputación de España. El proyecto se implementa en varios frentes: el arte contemporáneo, el deporte, la cocina española, los famosos españoles. El proyecto “Marca España”, contribuye a la grave modernización de la política de la imagen de España.

Palabras clave: España; la imagen de los estados; el desarrollo de la marca; la reputación de un país; la cultura; el turismo; “Marca España”.

Abstract: The article discusses the evolution of branding campaigns conducted by Spain in 1991–2017. These campaigns allowed Spain to dramatically improve the foreign image, which led to the growth of tourist flows in the country, the promotion of language and culture in the world, strengthening of positions in the international rankings. It is noted that in different years branding campaigns were conducted in various ways, but always in the center of these campaigns was the Spanish culture. Separately considered new image project “Brand Spain”, which is carried out since 2012 with the aim of improving the reputation of Spain. The project is being implemented in several areas: contemporary art, sports, Spanish cuisine, famous Spaniards. Project “Brand Spain” contributes to a serious modernization of the foreign image of Spain.

Keywords: Spain; the image of a nation state branding; country reputation; culture; tourism and “Brand Spain”.

В настоящее время стало очевидным, что для обретения международного признания государству необходимо иметь не только развитую экономику, передовую науку, боеспособную армию, но и положительный внешнеполитический имидж, а также узнаваемый бренд. В связи с этим многие

¹ Николаева Юлия Вадимовна, Россия, доцент, кандидат исторических наук, СПбГУ (mollycat@mail.ru).

государства выделяют значительные суммы на разработку и осуществление эффективных имиджевых кампаний и создание собственных запоминающихся брендов. Имидж государства, как и государственный бренд, стали ценным нематериальным активом как на внутреннем уровне, так и на внешнем. На внутригосударственном уровне они помогают преодолеть многие социальные, этнические, межконфессиональные и иные проблемы, формируя определенный уровень доверия к власти, а на уровне международном способствуют повышению государственного авторитета, подчеркивают конкурентные преимущества страны.

Испания имеет сравнительно небольшой (чуть более тридцати лет), но вполне успешный опыт государственного брендинга, который, к слову, многие страны уже берут на вооружение. Именно поэтому важно рассмотреть особенности брендинга Испании, чтобы понять секреты его успеха и, возможно, использовать в интересах других стран. Подобный успех во многом был обеспечен грамотной брендинговой стратегией, разработанной государством совместно с представителями бизнеса и культуры, и пониманием важности решения имиджевых задач на самом высоком государственном уровне.

Первые шаги, которые смело можно назвать прообразом современных брендинговых кампаний, Испания начала совершать еще в 60-е гг. прошлого века, когда для привлечения новых туристов был придуман лозунг «Другая Испания» (*España es diferente*). Смысл кампании заключался в том, чтобы изменить традиционное представление об Испании как о месте элитарного отдыха и показать ее с другой стороны, сделав акцент на более демократичных «туристических» ресурсах страны: солнце, пляжи, клубы. Брендинговая кампания «Все под солнцем» (*Todo bajo el sol*), осуществлявшаяся с 1984 по 1990 гг., запомнилась тем, что именно для нее Жоан Миро в 1983 году разработал знаменитый логотип, ставший символом Испании. Логотип, напоминавший детский рисунок и выполненный преимущественно в цветах национального флага страны, имел глубокое символическое значение: желтый цвет олицетворял солнце, красный — страсть, черный — кольцо быка, зеленый — луга Испании². Кампания была направлена на продвижение пляжного и клубного отдыха, но, в отличие от кампании 1960-х гг., еще включала гастрономию и культуру. Дополнительным импульсом для брендинговых кампаний Испании конца 1980-х — начала 1990-х гг. послужило крупное спортивное мегасобытие — Олимпийские игры в Барселоне в 1992 году.

² «El Sol de Miró celebra 30 años al servicio de Turespaña» // *Hosteltur*. 20 Junio. 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.hosteltur.com/159130_sol-miro-celebra-30-anos-al-servicio-turespana.html (дата обращения: 02.02.2017).

В начале 1990-х гг. брендинг Испании переходит на качественно новый уровень: начинается постепенный процесс его институализации. В 1991 году для продвижения Испании как туристического центра за рубежом создается Испанский институт по туризму *TurEspaña*, имеющий статус государственной организации, обладающий широкой сетью офисов в самой стране, а также 33 представительствами за рубежом³. Был разработан и новый лозунг кампании — «Страсть к жизни» (*La pasión por la vida*). Испания позиционировалась как страна с собственным колоритом, удобная для любого вида туристического отдыха, от массового до элитарного. В 1995–1997 гг. в рамках кампании «Страсть к жизни» был осуществлен интересный фотопроект «Испания глазами...» (*España los ojos*), представляющий собой серию фотографий зарубежных фотохудожников об Испании и испанцах.

Отличительной чертой брендинговой кампании 1998–2001 гг. «Браво, Испания» (*Bravo España!*) стало активное использование телевидения, прессы и наружной рекламы. Кампания 2002–2003 гг., проходившая под девизом «Испания оставляет след» (*Spain Marks*), была направлена на увеличение повторных посещений Испании туристами. Идея кампании состояла в том, что Испания может оставить неизгладимый след в каждом, кто хотя бы раз посетил ее. И действительно, Испания занимает первое место по числу повторных въездов (из 53 млн посетителей 85 % приезжают в страну во второй раз)⁴. На решение подобных задач была нацелена и брендинговая кампания 2004–2009 гг. «Улыбнись! Ты в Испании» (*Smile! You are in Spain*), которая должна была привлечь в страну как можно больше туристов, чтобы поправить сложную экономическую ситуацию в стране. По замыслу инициаторов, побудительным мотивом для массового интереса туристов к стране должны стать приятные эмоции, которые получают люди, приезжающие в Испанию на отдых. Одновременно с ней в 2008 году была реализована еще одна кампания — «Испания. 25 лет под солнцем» (*Spain. 25 years beyond the sun*), приуроченная к 25-летию известного логотипа X. Мир. Кампания должна была продвигать новый имидж Испании, сочетающий в себе традиционные представления о стране (пляжи, солнце, море, культура) и новые (гастрономия, современная архитектура, шопинг).

Постепенно менялись и методы проведения брендинговых кампаний в Испании. В 2010 году одна брендинговая кампания «Мне нужна Испания» (*Necesito España*) была построена на продвижении страны через образы

³ *Oficinas en el exterior, TurEspaña* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tourspain.es/es-es/Conozcanos/Oficinas/Paginas/default.aspx> (дата обращения: 04.02.2017).

⁴ *Spain Addicts — IneedSpain.com, TurEspaña* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tourspain.es/es-es/marketing/Publicidad/Campanas/Paginas/Spain-Addicts-%E2%80%93-IneedSpain-com.aspx> (дата обращения: 04.02.2017).

известных людей. «Лицами» нового бренда стали деятели культуры, спорта: звезда испанского кино Х. Медем, шеф-повар Ф. Адрия, футболист Х. Пулидо⁵. Следующая кампания 2011 года была построена на активном использовании интернет-технологий и социальных сетей. «Послами» бренда «Испания» стали пользователи социальных сетей, которые делились своими впечатлениями от посещения страны с помощью специально созданной платформы — официального туристического портала Spain.info.

Таким образом, в течение более чем двадцати лет, с 1991 по 2011 годы, Испания практически ежегодно проводила брендинговые кампании, постепенно уходя от классического имиджа страны как места пляжного отдыха в сторону более сложного, обновленного представления о стране, где традиционная культура сочетается с новой, где на любой туристический запрос будет найдено достойное предложение.

Новым этапом национального брендинга стал 2012 год, когда был запущен амбициозный проект *Marca España*. Проект был разработан еще в 2002 году, но в силу внутренних причин его практическая реализация началась лишь спустя 10 лет. Проект *Marca España* — это долгосрочный интеграционный проект, основанный на совместной инициативе гражданского общества и государства. Задача проекта состоит в том, чтобы к 2020 году создать новый имидж Испании как страны, обладающей экономической и политической силой среди первых стран мира. Другая задача — обновление имиджа страны, который должен сочетать такие качества, как традиционное и новое, твердость и гибкость, открытость к переменам⁶. Кампания была нацелена на отход от устаревших стереотипов об Испании как о стране корриды и фламенко. Для этого был разработан «План действий», включающий следующие направления:

— Филателистическая серия. С Почтой Испании было заключено соглашение и выпущена серия из 7 специальных марок. Одна из них воспроизводит логотип *Marca España*, а шесть остальных символизируют основные идеи и ценности страны, причем каждая из них начинается с одной из букв, входящих в слово *España*. Например, S символизирует солнце (el sol), что представляет страну как один из мировых центров пляжного отдыха.

— Спортивная модель. Она предполагает использование инструментов спортивной дипломатии и продвижение имиджа Испании как спортивной страны. Это и футбол, и другие массовые виды спорта (пляжный волей-

⁵ *Spain Addicts* — *IneedSpain.com*, TurEspana [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tourspain.es/es-es/marketing/Publicidad/Campanas/Paginas/Spain-Addicts-%E2%80%93-IneedSpain-com.aspx> (дата обращения: 04.02.2017).

⁶ *El sitio oficial de la Marca España* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/MarcaEsp/Paginas/Inicio.aspx> (дата обращения: 28.04.2017).

бол, плавание и другие). Большую роль в этом вопросе играют два футбольных клуба, «Реал» и «Барселона», которые имеют миллионы поклонников далеко за пределами страны.

— Испанская гастрономия. «Гастрономический компонент» стал одним из самых важных атрибутов имиджа Испании и активно используется в последние годы. Было подписано соглашение с Королевской академией гастрономии о создании туристического «Гида лучших испанских продуктов питания и напитков». Этот специальный путеводитель призван рассказать на нескольких иностранных языках о лучших испанских продуктах и предприятиях-изготовителях.

— Проект «100 испанцев *Marca España*». Каждый год награду получают сто лучших испанцев, внесших наибольший вклад в дело формирования положительного имиджа страны в мире. Среди них актер Антонио Бандерас, дизайнер Маноло Бланик, тенор Пласидо Доминго и др.

Для осуществления эффективных коммуникаций в проекте *Marca España* активно используются возможности СМИ. Для открытого диалога были созданы два портала: «Твои идеи *Marca España*» и «Люди *Marca España*». Проект активно присутствует в социальных сетях, Twitter и Youtube, продвигается через приложения iPhone, iPad и официальный аккаунт Flickr. Коммуникации с зарубежной аудиторией осуществляются при посредничестве корпорации RTVE (Corporación de Radio y Televisión Española) и медиа-конгломерата PRISA. В распространении испанских новостей активную роль играет испанское независимое информационное агентство EFE, которое работает на английском, португальском и арабском языках.

Были реализованы и другие проекты. Для продвижения современного образа Испании проводится фестиваль «Spain NOW!», который нацелен исключительно на продвижение современного художественного творчества страны и включает широкий спектр мероприятий, отражавших все богатство и многообразие современной культуры Испании. Это современный танец, живопись, фотография, аудиовизуальные искусства, скульптура, дизайн. Особой частью этого фестиваля стал проект «Кулинарная культура». Не меньшим интересом пользовался показ коллекции одежды, разработанной молодыми испанскими дизайнерами. В 2016 году, например, этот фестиваль включал показы документальных фильмов молодых испанских режиссеров, посвященных стрит-арту, выставку-перформанс *Thames Plastic* («Пластиковая Темза») испанской художницы Марии-Хосе Арсео, посвященную проблеме загрязнения рек пластиковыми отходами, выставку работ молодых испанских скульпторов Мигеля Барсело и Жауме Пленса в одном из городских парков Лондона, выставку работ известного испанского дизайнера мебели Хайме Айона. Были и гастрономические мероприятия,

например, посвященные баскской кухне⁷. Фестиваль имеет свою страницу в Twitter.

Для «омоложения» своего образа в 2012 году Испания впервые приняла участие в международном фестивале аудиовизуальной продукции TIFFCOM (Tokyo International Film Festival, TIFF) и была представлена тремя производителями видео— и кинопродукции под девизом *Cinema from Spain*. Отметим, что сейчас испанский кинематограф на подъеме: только в 2011 году прокат испанских фильмов за границей принес доход порядка 185 млн евро, что более чем в 1,5 раза превысило доходы от показа испанских фильмов на национальном уровне (99 млн евро)⁸.

В 2015 году для определения эффективности проводимой работы по созданию сильного бренда Испании в мире и улучшения ее внешнеполитического имиджа были разработаны «Барометр имиджа Испании», который является периодическим докладом об имидже страны на основе опроса 400 иностранцев, и «Система индикаторов расстояния между формируемым имиджем и восприятием страны за рубежом»⁹.

Отличительной чертой проекта *Marca España* стало то, что в нем был предпринят действительно многосторонний подход к позиционированию страны, сделан акцент одновременно на нескольких сильных сторонах Испании — культурном наследии, языке, науке и технологиях, туризме, моде, кулинарии. В итоге проект *Marca España* и все реализованные брендинговые кампании на текущий момент имеют неплохие результаты. Успех бренда страны хорошо демонстрируют данные авторитетных международных рейтингов: рейтинг репутации стран мира Country RepTrak (его составляет консалтинговая компания Reputation Institute) и рейтинг брендов стран мира Country Brand Index (составляется агентством Future Brand). Так, в рейтинге Country RepTrak за 2016 год Испания оценена как страна, имеющая репутацию средней силы. В рейтинге она занимает 17-е место, опередив признанного европейского лидера Германию¹⁰. Другой авторитетный рейтинг брендов государств, Country Brand Index, в 2014–2015 гг. расположил

⁷ *Spain NOW!* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spain-now.org.uk> (дата обращения: 29.05.2017).

⁸ *Festival TIFFCOM 2012* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tiffcom.jp/2012/en/project-market.html> (дата обращения: 25.05.2017).

⁹ *El observatorio de la Imagen de España (OIE)* [Электронный ресурс]. URL: <http://marcaespana.es/proyectos/observatorio-de-la-imagen-de-espana---ri-elcano> (дата обращения: 29.04.2017).

¹⁰ *2016 Country RepTrak. The Most Reputable Countries in the World*. Reputation Institute, June 23, 2016. P. 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reputationinstitute.com/research/Country-RepTrak> (дата обращения: 27.01.2017).

Испанию на 23-й строчке из 200 государств¹¹. Испания отнесена к «странам опыта» (*Experience countries*), сила восприятия которых связана с определенными особенностями, например, туризмом, промышленными брендами и др. В случае с Испанией это культурное наследие¹².

Испанская консалтинговая компания Bloom Consulting проводит собственные исследования. Согласно ее докладу, в 2017 году туристическая марка Испании является лидером в Европе и занимает третье место в мире по своей эффективности после США и Таиланда с оценкой ВВВ («очень хорошая» национальная стратегия в сфере продвижения туристического бренда), опередив Германию, Францию, Великобританию¹³. В предыдущем рейтинге за 2014–2015 гг. Испания уступала лишь США и входила в число сильных туристических брендов (АА). Наиболее высокие оценки бренда страны связаны с применением цифровых технологий: туристический бренд Испании широко присутствует в Интернете, в социальных сетях.

Проведенный в мае-июне 2016 года Королевским институтом Элькано международный опрос (*Barómetro Imagen de España*) показал, что в имидже Испании «туризм, спорт и национальные особенности жителей остаются самыми ценными особенностями Испании, в то время как экономика и политика находятся на самом низком уровне. В Испании по-прежнему присутствует дефицит технологий»¹⁴.

В 2016 году Испания заняла 21 позицию в наиболее авторитетном рейтинге Саймона Анхольта *Simon Anholt's Good Country Index* («рейтинг хороших стран»)¹⁵. Наиболее высокие баллы были отмечены по показателям «здоровье», «планета и климат», «мироустройство», «культура». Сильные стороны национального бренда Испании составляют ее культура, испанский язык и туризм. В целом, Испания за рубежом имеет скорее положительный имидж, но, тем не менее, она практически не рассматривается мировым сообществом в качестве страны для работы и бизнеса.

¹¹ *Country Brand Index 2014-15*. FutureBrand, 2015, 53, [Электронный ресурс]. URL: http://www.futurebrand.com/uploads/CBI-14_15-LR.pdf (дата обращения: 27.01.2017).

¹² *Ibid.*, 38.

¹³ *Country Brand Ranking. Bloom Consulting, 2017–2018*, 13 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bloom-consulting.com/pdf/rankings/Bloom_Consulting_Country_Brand_Ranking_Tourism.pdf (дата обращения: 22.05.2017).

¹⁴ *6ª Oleada Barómetro Imagen de España, mayo-junio 2016. Real Instituto Elcano* [Электронный ресурс]. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/encuesta?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/observatoriomarcaespana/estudios/resultados/barometro-imagen-espana-6#toc3 (дата обращения: 02.02.2017).

¹⁵ *The Good Country Index, 2017* [Электронный ресурс]. URL: <https://goodcountry.org/> (дата обращения: 02.06.2017).

В связи с этим в последнее время эффективность проекта *Marca España* нередко подвергается критике. Например, в 2013 году в газете «El País» была опубликована статья Хуана Хосе Мильяса «Компания и страна», в которой он жестко раскритиковал кампанию *Marca España* за то, что она уподобляет Испанию автомобилям и стиральным машинам, которые могут продаваться, а страна не может¹⁶.

Брендинговые кампании конца 1990-х — начала 2000-х гг. заложили основы новой брендинговой стратегии Испании, которая была впоследствии реализована в рамках проекта *Marca España*. Проект позиционирует Испанию как страну с современной культурой и широкими возможностями для отдыха. Реализация проекта позволила существенно изменить и обновить имидж Испании, а также удерживать довольно высокие позиции в различных рейтингах брендов стран, несмотря на ту критику, которая раздается в адрес проекта. В целом, испанские брендинговые кампании, проделав длительный путь, претерпели качественные содержательные изменения. Сегодня брендинг Испании носит комплексный характер, отличается масштабностью и эффективностью, диверсифицированным подходом к позиционированию страны. Он основан на продвижении многоликого образа Испании, сочетающего ее богатую культуру, язык, безграничный туристический потенциал, силу коммерческих брендов при активном использовании цифровых технологий и интереса к современной культуре.

Библиография

1. Country Brand Index 2014-15. FutureBrand, 2015, 53 [Электронный ресурс]. URL: http://www.futurebrand.com/uploads/CBI-14_15-LR.pdf (дата обращения: 27.01.2017).
2. Country Brand Ranking. Bloom Consulting, 2017–2018. P. 13 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bloom-consulting.com/pdf/rankings/Bloom_Consulting_Country_Brand_Ranking_Tourism.pdf (дата обращения: 22.05.2017).
3. El sitio oficial de la Marca España [Электронный ресурс]. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/MarcaEsp/Paginas/Inicio.aspx> (дата обращения: 28.04.2017).
4. El observatorio de la Imagen de España (OIE) [Электронный ресурс]. URL: <http://marcaespana.es/proyectos/observatorio-de-la-imagen-de-espana---ri-elcano> (дата обращения: 29.04.2017).

¹⁶ Millás Juan José, «Empresa y país La marca España cerró hace tiempo el servicio de atención al cliente» // *El País*, 11 abril, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://elpais.com/elpais/2013/04/11/opinion/1365704546_656223.html (дата обращения: 02.06.2017).

5. El Sol de Miró celebra 30 años al servicio de Turespaña // *Hosteltur*. 20 Junio, 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.hosteltur.com/159130_sol-miro-celebra-30-anos-al-servicio-turespana.html (дата обращения: 02.02.2017).
6. Festival TIFFCOM Oficinas en el exterior, TurEspaña [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tourspain.es/es-es/Conozcanos/Oficinas/Paginas/default.aspx> (дата обращения: 04.02.2017).
7. *Millás Juan José*. Empresa y país La marca España cerró hace tiempo el servicio de atención al cliente // *El País*. 11 abril, 2013. URL: http://elpais.com/elpais/2013/04/11/opinion/1365704546_656223.html (дата обращения: 02.06.2017).
8. Spain Addicts — IneedSpain.com, TurEspaña [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tourspain.es/es-es/marketing/Publicidad/Campanas/Paginas/Spain-Addicts-%E2%80%93-IneedSpain-com.aspx> (дата обращения: 04.02.2017).
9. Spain NOW! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spain-now.org.uk> (дата обращения: 29.05.2017).
10. The Good Country Index, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://goodcountry.org/> (дата обращения: 02.06.2017).
11. 2016 Country RepTrak. The Most Reputable Countries in the World. Reputation Institute. June 23, 2016. P. 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reputationinstitute.com/research/Country-RepTrak> (дата обращения: 27.01.2017).
12. 6ª Oleada Barómetro Imagen de España, mayo-junio 2016. Real Instituto Elcano. [Электронный ресурс]. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/encuesta?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/observatoriomarcaespana.

Немцы в Латинской Америке: проблемы ассимиляции и влияние на развитие культуры стран региона

The Germans in Latin America: the problems of assimilation and the impact on the development of culture in the countries of the region

Abstract: This article covers the main characteristics of the German minority in Brazil and Argentina: reasons and time of immigration, assimilation problem, main aspects of influence of the German group on culture of hosts. The author will give a comparative assessment of the “Brazilian” and “Argentina” Germans. Migrants from Germany exert considerable impact on the culture of Brazil and Argentina, social, economic, political aspects of life of indigenous people. The author proves that modern position of the German minority in Brazil and Argentina has been predetermined by policy of the authorities in post-war years. The hostile attitude towards Germans and German, policy of assimilation in Brazil have led to decrease in immigration and loss of language. Close ties of Argentina and Germany during World War II promoted immigration inflow, German can be heard today on streets of the cities. Both the Brazilian, and Argentina Germans try to keep the traditions, to remain a part of the German community.

Keywords: German minority; Brazil; Argentina; immigration; assimilation problem.

Resumen: En el artículo serán examinadas las características básicas de la minoría alemana: las causas y el tiempo de la inmigración, el problema de la asimilación, los aspectos básicos de la influencia del grupo alemán por la cultura de las partes receptoras. Por el autor será dada la apreciación comparativa de los alemanes “brasileños” y “argentinos”. Los migrantes de Alemania ejercen la influencia considerable en la cultura de Brasil y Argentina, los aspectos sociales, económicos, políticos de la vida de la población radical. El autor demuestra que la posición moderna de la minoría alemana en Brasil y Argentina era predestinada por la política de los poderes en los años de posguerra. La relación hostil a los alemanes y el alemán, al político de la asimilación en Brasil han llevado al descenso de la inmigración y la pérdida de la lengua. Los vínculos estrechos de Argentina y Alemania durante la Segunda Guerra Mundial contribuían al aflujo de la inmigración, se puede oír el alemán y hoy en las calles de las ciudades. Brasileño, y los alemanes argentinos tratan de conservar las tradiciones, quedarse la parte de la comunidad alemana..

Palabras claves: la minoría alemana; Brasil; Argentina; la inmigración; el problema de la asimilación.

¹ Портнягина Мария Дмитриевна, Россия, кандидат исторических наук, СПбГУ. (m.portnyagina@spbu.ru).

На сегодняшний момент наибольшая часть мигрантов из Германии, отправляющихся в Латинскую Америку, проживает в Бразилии (1,5 млн) и Аргентине (300–500 тыс.). Мигранты оказывают определенное влияние на культуру этих стран, включая социальные, экономические, политические аспекты жизни коренного населения. В статье будут рассмотрены основные характеристики немецкого меньшинства: причины и время иммиграции, проблемы ассимиляции, основные аспекты влияния немецкой группы на культуру принимающих сторон; будет дана сравнительная оценка «бразильских» и «аргентинских» немцев. В российской историографии проблема ассимиляции немецкой диаспоры в странах Латинской Америки недостаточно изучена и представляет собой справочную информацию об истории развития немецких анклавов. Представляется интересным сравнение эволюции положения немецкого меньшинства в двух ключевых странах Латинской Америки.

Немцы начали осваивать Бразилию еще в XIX в. Непривычные для европейца климатические условия, необжитые, труднодоступные территории, предоставленные новым иммигрантам, «холодность» со стороны государства — все это приводило к сокращению диаспоры, однако она постоянно пополнялась вновь прибывшими мигрантами из Германии, Швейцарии, Австрии. С 1824 по 1964 гг. туда иммигрировало 250 тыс. немцев².

В начале XIX в. немецкие переселенцы, осваивавшие Южную Бразилию, территорию с очень низкой плотностью коренного населения, представляли собой неассимилированную группу иммигрантов. «Немецкий дух» (*Deutschtum*), который объединял всех переселенцев, имел отношение не к государственной принадлежности, а к этнической и культурной общности. Не последнюю роль здесь сыграла церковь. Большинство бразильских германцев — католики и лютеране. Немцы были первыми, кто построил на территории Бразилии протестантскую кирху. Также активно шла организация школ, это были небольшие приходские школы, средние школы в небольших городах и высшие школы в крупных городах. Поначалу бразильские власти были заинтересованы в привлечении добросовестных, трудолюбивых немцев к обустройству городов. Так, например, город Петрополис, основанный в 1843 г., был спроектирован немецким архитектором Келлером. Архитектор, не желая использовать рабский труд, активно привлекал новых немецких переселенцев к строительству своего города,

² Щерблыкина Е. А., «Бразильские немцы: проблемы идентичности и функционирования общества» // *Политические изменения в Латинской Америке*, 2008. № 3–4 [Электронный ресурс]. URL: https://sites.google.com/site/latinoamerikanistika/arhiv-nomerov/2008-3---4/e-a-seblykina-brazilskie-nemcy-problemy-identichnosti-i-funkcionirovania-soobsestva#_edn1 (дата обращения: 07.06.2017).

таким образом сформировав средний класс. Один из жителей современного Петрополиса сравнил немцев с горами. «Основополагающие элементы Рейнской культуры — уверенность в своих силах и этика тяжелой работы — были бальзамом для страны, которая иначе была бы разделена между ленивым европейским правящим классом и ожесточенной рабской кастой»³.

Однако контакты с местным населением были редкостью, а смешанные браки не приветствовались. Такая замкнутость немецкой общины представляла некоторую опасность для бразильского правительства, опасавшегося возможного немецкого влияния на политику страны. Уже после революции 1848 г. немецкие националисты заговорили о возможности использования «немецкого духа» для осуществления пронемецкой политики, проводниками которой могут стать как австрийцы, так и швейцарцы, и русские немцы, которые посещали немецкие школы и церкви⁴. Немецкие переселенцы организовывали свою жизнь в соответствии со сложившимся укладом, строили новые дома в соответствии с немецкой архитектурой. Примечателен в этом отношении город Блуменау, заложенный в 1850 г. Херманном Бруно Отто Блюменау и отстроенный с ориентиром на немецкие континентальные архитектурные нормы и традиции.

В период кризиса в Европе в 20–30-е гг. XX в. иммиграция немцев в Бразилию достигла своего пика, иммигранты селились уже в развитых индустриальных городах. Ими создавались новые школы, которые становились очагом немецкой культуры, в детях культивировалась любовь к своему отечеству, под которым подразумевалась уже Германия. С началом распространения идей национал-социализма на Европейском континенте немецкие школы в Бразилии были преобразованы в Лигу школ, находящуюся под покровительством Национал-социалистической Организации Учителей, и к преподаванию допускались только прошедшие специальную подготовку учителя. Началось распространение радикальных идей и реакционных действий против правительства.

Со вступлением в войну с Германией в 1942 г., опасаясь роста недовольства со стороны немецкого населения, президент Бразилии Жетулиу Варгас начал проводить программу культурной ассимиляции иммигрантов, которая работала довольно эффективно: было запрещено любое проявление немецкой культуры, например, издание немецких газет, германские школы были закрыты, использовать немецкий язык стало строго запре-

³ Thornburgh N., «Ich bin ein brasileiro: Finding a little piece of Germany in Brazil» [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20160226114236/http://america.aljazeera.com/articles/2014/7/3/a-little-piece-ofgermanyintheheartofbrazil.html> (дата обращения: 08.06.2017).

⁴ Schulze F., *Auswanderung als nationalistisches Projekt. «Deutschum» und Kolonialdiskurse im sudlichen Brasilien (1824–1941)*. Köln; Bohlau, 2016, 16.

щено. Исключительность и замкнутость немецкой общины здесь сыграли не последнюю роль, коренное население относилось к ним настороженно. Немцам пришлось скрывать свое происхождение, имена и фамилии переводились на португальский язык.

После Второй мировой войны ограничения на использование немецкого языка в Бразилии сохранялись, эти меры были направлены на дальнейшее сокращение крайне правых идей. Да и сами немцы старались не использовать его в общественных местах, опасаясь проявления агрессии со стороны местных жителей. В связи с этим уровень иммиграции существенно снизился в данный период⁵. В течение 1950-х гг. немецкие школы вновь открываются. Однако возродить язык уже не удалось.

Немецкие переселенцы занимались не только сельским хозяйством, но и оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на индустриализацию страны. По словам Клауса Леге, руководителя немецко-бразильской торговой палаты в Сан-Паулу, этот город на сегодняшний момент является «вторым по величине немецким индустриальным городом в мире», производит более половины промышленной продукции Бразилии. Здесь работает около 850 немецких фирм, 1200 немецких предпринимателей, 250 тыс. работников⁶.

По данным переписи 2000 г., 12 млн бразильцев заявляют о своих немецких корнях⁷. Сегодня потомки немецких переселенцев говорят на португальском языке. Продолжая сохранять свои традиции и язык и по сей день, немецкая диаспора в южной части Бразилии старается избегать разговоров на нем в публичных местах с теми, кто не принадлежит к их сообществу. Некоторые потомки немецких переселенцев уже не знают немецкий язык, не придерживаются лютеранской или католической веры, и даже следуют местным религиозным обычаям, таким, например, как умбанда⁸, но продолжают идентифицировать себя с немецким этносом, участвуют в танцевальных, хоровых кружках. Отсылки к немецкому наследию сегодня более ориентированы на туристов, например, Oktoberfest в Блюменау, который отмечается только с 1980 года.

Центром немецкой колонизации в Аргентине стал регион Патагония. В XVIII в. на северо-востоке Аргентины большое значение играли католи-

⁵ Щерблыкина Е. А., *Указ. соч.*

⁶ Moses C., «In Rio arbeitet man, um zu leben, in São Paulo lebt man, um zu arbeiten» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/leben-und-arbeiten-in-rio-arbeitet-man-um-zu-leben-in-s-o-paulo-lebt-man-um-zu-arbeiten-1228563.html> (дата обращения: 07.06.2017).

⁷ Thornburgh N., *Op. cit.*

⁸ Умбанда — религия африканского происхождения, практикуемая в Бразилии [Электронный ресурс]. URL: <http://brasil-russia.ru/culture/religion/candomble-umbanda> (дата обращения: 08.06.2017).

ческие миссии, ставшие проводниками «немецкого духа» в регионе. Церковь Сан-Игнасио в Буэнос-Айресе, монастырь Санта-Каталина в Кордове были построены под руководством немецких архитекторов.

С принятием Декларации о независимости в 1816 г. иммиграция немцев в Аргентину приняла массовый характер. Строятся церкви с приходскими школами. Наибольшего успеха среди землевладельческих предприятий Аргентины достигла компания «Лахузен и Ко», созданная братьями Дитрихом и Кристелем Лахузенами, уроженцами Бремена. Она имела множество овцеводческих ферм, продукция которых экспортировалась в Европу. Компания владела магазинами, ресторанами, лавками, кафе. Во владениях Лахузенов проходила единственная в то время в Патагонии железная дорога и была взлетно-посадочная полоса.

Хотя основная масса иммигрантов селилась в труднодоступных районах, в Буэнос-Айресе иммиграция также шла с большим успехом. Здесь была сформирована богатая колония немецких коммерсантов, большинство из которых являлись и крупными землевладельцами. В течение многих лет немецкая культурная жизнь в столице была очень разнообразна. Здесь действовали немецкие театры, насыщенная музыкальная жизнь всегда была отличительной особенностью немецкой общины, издавались две газеты, работали многочисленные немецкие школы⁹.

Архитектура некоторых аргентинских городов напоминает о немецком прошлом. Это и неудивительно, например, один из красивейших городов Аргентины Сан-Карлос-де-Барилоче был основан немецкими поселенцами в конце XIX в. Труднодоступность — город окружен горами и озерами — привлекала сюда немецких переселенцев, избегавших контактов с местным населением. Сегодня Барилоче называют южноамериканской Швейцарией, город стал престижным курортом. По данным на 2015 год, численность населения составила 120 000 человек¹⁰.

Экономические, военные связи Германии и Аргентины в первой половине XX в. еще больше упрочились. Около половины преподавателей в военных школах Аргентины были немцами, к 1939 г. 17 из 34 генералов имели опыт службы в немецкой армии¹¹. С 1933 г. Национал-социалистическая партия Германии оказывала значительное воздействие на политическую жизнь Аргентины через колонии немецких иммигрантов. Однако

⁹ Langbehn R., «Deutsche in Argentinien» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.freunde-deutschlands.de/index.php/deu/deutsche-im-ausland/argentinien.html> (дата обращения: 14.06.2017).

¹⁰ Богословская М., «Немецкий след в Аргентине: место рождения четвертого рейха?» [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/1912015.html> (дата обращения: 14.06.2017).

¹¹ Сумбатьян Ю., «Аргентинский вариант профессиональной армии» [Электронный ресурс]. URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=5961 (дата обращения: 14.06.2017).

это не имело таких последствий со стороны правительства, как в Бразилии. Немецкие переселенцы не испытывали притеснений со стороны властей.

Несмотря на то, что Германия оставалась одним из главных европейских партнеров Аргентины, а некоторые политики явно симпатизировали режимам Гитлера и Муссолини, в период с 1933 по 1939 гг. начинается новая волна немецкой иммиграции (но на этот раз речь шла главным образом о немецких евреях). Около 45 тысяч евреев из немецкого Рейха бежала в Рио-де-ла-Плата. С точки зрения численности, Аргентина приняла еврейских иммигрантов больше, чем любая другая страна в мире¹².

Одним из поклонников немецкой военной машины был Хуан Доминго Перон, военный и политический деятель, президент Аргентины в 1946—1955 гг. и 1973—1974 гг. Под его покровительством немецкие инженеры построили первый в стране реактивный истребитель и способствовали росту автомобильной промышленности. Благодаря тесным связям с Германией во время Второй мировой войны и сохранявшемуся вплоть до последних месяцев нейтралитету Аргентина стала местом убежища для нацистских военных преступников. Власти, зная об их местоположении, не выдавали их международному трибуналу. Сам Перон дружил с некоторыми из них, например, с летчиком Гансом-Ульрихом Руделем, жившим в Аргентине с 1948 г.¹³ Во время пребывания Перона у власти около 30—40 тысяч лиц немецкого происхождения приехали в Аргентину на постоянное место жительства. При этом вместе с нацистами сюда нередко ехали и немецкие евреи, часто они переправлялись на одном корабле. По воспоминаниям бывшего заключенного Аушвица Хосе Якабовича, в поисках новой жизни он отбыл на корабле в Аргентину вместе со своими бывшими надзирателями: «Корабль был полон нацистов. У них были швейцарские паспорта, но они говорили на прекрасном *Hochdeutsch* о своих преступлениях»¹⁴.

Будучи очарованным атрибутикой диктаторских режимов, Перон не придерживался антисемитских взглядов, с приходом к власти он сумел подавить вспышки антисемитизма в стране и наладить отношения с еврейской общиной. Еврейская община в Аргентине составляла около 250 тысяч человек, десятилетиями они жили бок о бок с немцами, не интересуясь жизнью друг друга, конфликты были редкостью¹⁵.

В послевоенное время продолжают работать немецкие школы, издаются немецкие газеты, работают театры и музыкальные объединения. Се-

¹² «Argentinien: Dunkle Seite des Mondes» // *Der Spiegel*. 12/1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-13682067.html> (дата обращения: 14.06.2017).

¹³ *Idem.*

¹⁴ *Idem.*

¹⁵ *Idem.*

годня в рамках инициативы «Школы: партнеры будущего» (PASCH) Германия поддерживает 30 школ с углубленным изучением немецкого языка, также в Буэнос-Айресе действует 4 немецких школы. Кроме того, 16 аргентинских школ по всей стране предлагают «немецкий языковой диплом», еще 11 школ сотрудничают с Институтом Гёте¹⁶. Немецкий язык можно услышать на улицах городов, в киосках продают журналы из Германии, на радио есть программы на немецком, работают немецкие туристические агентства. В провинции Мисьонес на немецком говорят около 100 тысяч жителей (население провинции составляет более 1 миллиона человек)¹⁷. В городе Креспо, где 70 % жителей города¹⁸ имеют немецкие корни (сюда с XIX в. иммигрировали поволжские немцы), ежегодно проходит пивной фестиваль, аналог Oktoberfest. В сентябре каждого года в Буэнос-Айресе с успехом организуется фестиваль немецкого кино, регулярно выступают немецкие музыканты и оркестры. Во время футбольных чемпионатов любители спорта болеют как за Аргентину, так и за Германию: «Я так счастлив, независимо от того, кто победит. У меня сын и внук живут в Эльдorado, а другой сын живет в Мюнхене», — говорит один из болельщиков, аргентинец немецкого происхождения¹⁹.

На первом этапе политика Бразилии и Аргентины в отношении немецких иммигрантов схожа, оба государства практически не вмешивались в организацию и жизнь общин. Выбирая для себя труднодоступные районы, немцы из Германии, Австрии, Швейцарии, России жили обособленно, стараясь не контактировать с местным населением. И в Бразилии, и в Аргентине немцы в значительной степени оказали влияние на облик городов, многие из которых строились с ориентиром на немецкие архитектурные традиции и нормы. Немцы в основном были заняты в сельскохозяйственной отрасли, но в значительной степени оказали влияние и на становление промышленности Бразилии и Аргентины.

Однако Вторая мировая война привнесла изменения в отношении к немецкой диаспоре в двух государствах. Власти Бразилии проводили политику ассимиляции, местные жители настороженно и даже враждебно относились к немцам и немецкому языку, все это привело к снижению иммиграции и вырождению языка. И хотя после войны политика в отноше-

¹⁶ Beziehungen zu Deutschland [Электронный ресурс]. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/Argentinien/Bilateral_node.htm (дата обращения: 16.06.2017).

¹⁷ Reichert S. A. «Von blonden Gringos und der Dogge Ballack» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.news.de/sport/855063600/von-blonden-gringos-und-der-dogge-ballack/1> (дата обращения: 16.06.2017).

¹⁸ Idem.

¹⁹ Idem.

нии немецкого меньшинства была смягчена, язык до конца восстановить не удалось, многие потомки немецких переселенцев сегодня не говорят на своем родном языке. Власти Аргентины сохранили тесные связи с Германией во время Второй мировой войны, что привлекло сюда еще больше иммигрантов, среди которых оказались и нацистские преступники. В отношении языка, школ никаких ограничений не было предпринято, благодаря чему и сегодня в некоторых аргентинских городах можно слышать живую немецкую речь. И бразильские, и аргентинские немцы пытаются сохранить свои традиции, например, и в Аргентине, и в Бразилии празднуются аналоги Oktoberfest, действуют музыкальные и танцевальные кружки. И хотя многие потомки немецких переселенцев уже не говорят на немецком языке, не исповедуют католичество или протестантизм, все они помнят о своих корнях и пытаются стать частью большой, яркой немецкой общины.

Библиография

1. *Богословская М.*, Немецкий след в Аргентине: место рождения четвертого рейха? [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/1912015.html> (дата обращения: 01.09.2017).
2. *Сумбатян Ю.*, Аргентинский вариант профессиональной армии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=5961. (дата обращения: 01.09.2017).
3. *Щеблыкина Е. А.*, Бразильские немцы: проблемы идентичности и функционирования общества // *Политические изменения в Латинской Америке*. 2008. № 3–4 [Электронный ресурс]. URL: https://sites.google.com/site/latinoamerikanistika/arhiv-nomerov/2008-3---4/e-a-seblykina-brazilskie-nemcy-problemy-identichnosti-i-funkcionirovania-soobsestva#_edn1. (дата обращения: 01.09.2017).
4. *Argentinien: Dunkle Seite des Mondes // Der Spiegel*. 12/1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-13682067.html>. (дата обращения: 01.09.2017).
5. *Beziehungen zu Deutschland* [Электронный ресурс]. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/Argentinien/Bilateral_node.html. (дата обращения: 01.09.2017).
6. *Langbehn R.*, Deutsche in Argentinien [Электронный ресурс]. URL: <http://www.freunde-deutschlands.de/index.php/deu/deutsche-im-ausland/argentinien.html>. (дата обращения: 01.09.2017).
7. *Moses C.*, In Rio arbeitet man, um zu leben, in São Paulo lebt man, um zu arbeiten [Электронный ресурс]. URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/leben-und-arbeiten-in-rio-arbeitet-man-um-zu-leben-in-s-o-paulo-lebt-man-um-zu-arbeiten-1228563.html>. (дата обращения: 01.09.2017).

-
8. *Reichert S. A.*, Von blonden Gringos und der Dogge Ballack [Электронный ресурс]. URL: <http://www.news.de/sport/855063600/von-blonden-gringos-und-der-dogge-ballack/1>. (дата обращения: 01.09.2017).
 9. *Schulze F.*, Auswanderung als nationalistisches Projekt. «Deutschtum» und Kolonialdiskurse im sudlichen Brasilien (1824–1941). Köln: Bohlau, 2016, 16. (дата обращения: 01.09.2017).
 10. *Thornburgh N.*, Ich bin ein brasileiro: Finding a little piece of Germany in Brazil [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20160226114236/http://america.aljazeera.com/articles/2014/7/3/a-little-piece-of-germany-in-the-heart-of-brazil.html>. (дата обращения: 01.09.2017).

Международные образовательные программы в странах Южной Америки: возможности для российских студентов

International educational programs in South America: opportunities for Russian students

Resumen: El autor examina las actividades educativas internacionales en América del Sur y analiza las opciones para la participación de los estudiantes rusos en dichas actividades. Se utilizan estadísticas de la UNESCO Education, que indican que los estudiantes rusos no se consideran como grupo destinatario de la política educativa extranjera en ningún país de América del Sur. Se examinan tres tipos de actividades educativas internacionales: intercambio académico, estipendios y cursos de corta duración para estudiantes extranjeros. El autor afirma que ninguno de estos tipos involucra a un número significativo de estudiantes rusos, ni les brinda suficientes oportunidades para estudiar en América del Sur. Se llega a la conclusión de que la opción óptima (más fácil y más barata) es una forma de llegar a acuerdos interuniversitarios.

Palabras clave: clasificación universitaria; cooperación interuniversitaria; actividades educativas internacionales; educación superior.

Abstract: The author examines international educational activities in South America and analyses options for Russian students' participation in such activities. Statistics from UNESCO Education is used which indicates that Russian students are not considered as target group for foreign educational policy in any South American countries. Three types of international education activities are examined: academic exchange, stipendia, and short-term courses for foreign students. The author states that neither of these types involve significant number of Russian students, nor provides enough opportunities for them to study in South America. The conclusion is made that the optimal (easiest and cheapest) option is a way through inter-university agreements.

Keywords: university ranking; interuniversity cooperation; international educational activities; higher education.

Актуальность заявленной темы связана не столько с научными, сколько с практическими вопросами. Несмотря на географическую удаленность, Южная Америка является регионом, на который устремлены взоры многих российских студентов, в особенности изучающих соответствующие языки.

¹ Ширин Сергей Сергеевич, Россия, кандидат исторических наук, доцент СПбГУ.

Уровень высшего образования, которое предлагается в стране — это один из показателей развитости государства. Южная Америка относительно недавно вступила в фазу активного развития и преимущественно представлена развивающимися странами с соответствующим качеством образования. Поэтому данный регион не пользуется популярностью среди иностранцев. Несмотря на это, происходящие на материке процессы регионализации (подобные европейским) и проводимые реформы показывают возможность региона вывести систему образования на новый уровень, создав крупные региональные образовательные центры, на роль которых должны претендовать страны с более развитыми образовательными системами и большим количеством вузов и иностранных студентов: Чили, Бразилия и Аргентина².

Тема международного образования и связанных с ним аспектов довольно популярна для научных исследований. С начала XXI века о вопросах глобализации рынков высшего образования писали Дж. Найт³, Г. А. Лукичев⁴, С. Ю. Седунова⁵ и другие. Однако непосредственно вопросы интернационализации высшего образования в Южной Америке еще слабо освещены и поднимаются, в основном, исследователями из латиноамериканских стран⁶.

В настоящий момент в списке присутствуют 700 лучших высших образовательных учреждений мира (по версии британского консалтингового агентства Quacquarelli Symonds), на Южную Америку приходится 42 вуза⁷.

² QS University Rankings: Latin America [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/latin-american-university-rankings/2016> (дата обращения: 01.09.2017); UNESCO Education. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/new/en/education/resources/unesco-portal-to-recognized-higher-education-institutions/latin-america-and-the-caribbean> (дата обращения: 01.09.2017).

³ Knight J., «GATS, Trade and Higher education» // *The Observatory on Borderless Higher Education: Perspective 2003 — Where are we?* London: Observatory of borderless higher education, 2003, 10–20.

⁴ Лукичев Г. А., «Транснациональное образование» // *Вестник РУДН. Серия «Юридические науки»*. 2002. № 1, 71–75.

⁵ Седунова С. Ю., «Трансграничное образование: теория и практика, возможность и реальность» // *Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. 2011. № 13, 204–209.

⁶ López D., et al. «Functional Patterns in International Organizations for University Cooperation in Latin America and the Caribbean» // *Journal of Studies in International Education*. 2011. Vol. 15. No. 2. P. 203–215; Avila J. G. «The Process of Internationalization of Latin American Higher Education» // *Journal of Studies in International Education*. 2007. Vol. 11. No. 3/4, 400–409; Brunner J. J. «The Bologna Process From a Latin American Perspective» // *Journal of Studies in International Education*. 2009. Vol. 13. No. 4, 417–438.

⁷ QS World University Rankings® 2016/17 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2016> (дата обращения: 01.09.2017).

Наибольшее количество находится в Бразилии — 15, в Аргентине — 10, в Чили — 7, в Колумбии — 4, в Венесуэле — 3, в Перу — 2 и Уругвае — 1.

Южноамериканские вузы пока не способны на равных конкурировать с лидерами рейтинга (Великобритания, США, Канада и т. д.) по популярности и уровню академической активности, а из всех регионов по количеству образовательных учреждений Латинская Америка в целом (Южная плюс Центральная) опережает лишь Океанию и Африку. Несмотря на это, если взять во внимание рейтинг за предыдущие годы, можно отметить активный рост уровня образования в данном регионе и популярности его среди студентов, что открывает новые перспективы развития.

Для стран данного материка (как и для многих других) типична тенденция приема преимущественно иностранных граждан, которые являются выходцами из своего же региона. Согласно статистике, 80 % иностранных студентов, учащихся в Южной Америке, являются выходцами из данного региона. Предпочтительный выбор мобильными студентами стран в рамках своего региона связан с финансовой экономией и близкой культурной средой⁸. Проанализировать реальную ситуацию приема мобильных студентов в Южной Америке трудно, так как многие страны не предоставляют информацию о родной стране учащихся. В связи с этим остается недоступной информация о гражданстве студентов в Аргентине, Боливии, Колумбии, Панаме, Перу, Уругвае, Парагвае, что искажает общую статистику⁹. Благодаря получаемым данным из Венесуэлы, Эквадора и Чили, тем не менее, можно сделать выводы, которые подтверждают общую тенденцию обмена мобильными студентами внутри региона¹⁰.

В статистическом центре ЮНЕСКО отсутствует информация об общем количестве студентов из России, которые обучаются в Южной Америке, однако если проанализировать статистику по каждому государству, то можно сделать вывод, что количество российских студентов ни в одной из этих стран не превышает 50 человек в год¹¹.

С чем же связана такая непопулярность или недоступность образования в Южной Америке для российских студентов? Одним из факторов является то, что договоры о сотрудничестве в сфере высшего образования из стран Южной Америки Россия заключила лишь с Парагваем (в 1998 году) и

⁸ *Global Education digest 2009: Comparing Education Statistics across the World*. Paris: UNESCO, 2009.

⁹ Inbound mobile students by country destination and inbound mobility rate. UNESCO Institute for Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uis.unesco.org/Education/Pages/tertiary-education.aspx> (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁰ Idem.

¹¹ Idem.

Перу (1995)¹². Договоры о взаимном признании документов о высшем образовании заключены с Перу, Колумбией и Венесуэлой, а это значительный фактор для студентов, которые учатся за рубежом¹³.

Международные образовательные программы условно разделяются на обменные, программы грантов и стипендий, различные курсы, летние школы и иные платные программы. Также их можно подразделить на коммерческие и некоммерческие.

Обменные программы предполагают договоренность между вузами о взаимном обмене учащимися на фиксированный срок. Любой учащийся может провести часть учебного года в другой стране в качестве студента либо стажера, при этом не прерывая своего основного обучения в родной стране. Такие программы по обмену носят двусторонний или многосторонний характер, то есть вузы не только отправляют своих студентов на обучение в другие страны, но и принимают к себе учащихся из университетов-партнеров¹⁴.

Главной целью программ студенческого обмена является интернационализация высшего образования и культурная интеграция молодых людей из разных государств. Благодаря участию в таких программах учащиеся получают возможность познакомиться с культурными особенностями других стран, улучшить свое владение иностранными языками, завести новые знакомства и приобрести бесценный опыт без отрыва от образования в своем вузе¹⁵.

Некоторые программы по обмену управляются через неправительственные организации, такие как DAAD, АКСЕЛС и IREX. Финансовая поддержка таких программ может идти как от государственных структур, так и от различных частных фондов и организаций. Например, наиболее популярные программы по обмену США — Global UGRAD, FLEX, Программа Фулбрайта — финансируются за счет средств госдепартамента США. Крупнейшая программа по обмену в Европе — Erasmus — финансируется

¹² Международные договоры о сотрудничестве в области образования. ФГБНУ «Главэкспертцентр»: Национальный информационный центр по вопросам признания образования и (или) квалификаций, ученых степеней и званий, полученных в иностранном государстве. [Электронный ресурс]. URL: <http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/collaboration> (дата обращения: 01.09.2017).

¹³ Международные договоры о взаимном признании документов об образовании. ФГБНУ «Главэкспертцентр»: Национальный информационный центр по вопросам признания образования и (или) квалификаций, ученых степеней и званий, полученных в иностранном государстве. [Электронный ресурс]. URL: <http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation> (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁴ Студенческий обмен. СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://ifea.spbu.ru/студенческий-обмен> (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁵ *Idem*.

за счет Евросоюза и принимающих вузов. Крупная программа Santander Universities полностью спонсируется испанским банком Santander¹⁶.

Программы по обмену в Южной Америке не пользуются большой популярностью и направлены преимущественно на интеграцию внутри материка либо в масштабах Ибероамерики (условная часть мира, которая состоит из испано— и португалоязычных стран Латинской Америки и Европы). Из этих программ наиболее примечательны PIMA (Программа академического обмена и мобильности), PAME (Программа академического развития студенческой мобильности), MARCA (Региональная программа академической мобильности), программа мобильности межвузовского центра развития CINDA и программы проекта Mercosur Mobility.

Одной из крупнейших программ по обмену в латиноамериканском регионе, в которой могут принять участие учащиеся из России, является Santander Universities, финансируемая крупнейшим испанским банком — Banco Santander. Она направлена на развитие и закрепление долгосрочного сотрудничества между образовательными учреждениями таких стран, как Испания, Аргентина, Бразилия, Марокко, Чили, Колумбия, Мексика, Россия, Китай, Португалия, Великобритания, Пуэрто-Рико, Венесуэла и США. Программа существует уже 18 лет и за это время в ней поучаствовало 1175 вузов со всего мира. Наибольшее количество университетов-участников приходится на Бразилию — 455, на Мексику — 186, Аргентину — 78, Чили — 56, Колумбию — 24, Пуэрто-Рико и Уругвай — 8. От России в программе участвуют также 8 вузов, один из них — СПбГУ, который заключил соответствующее соглашение в 2007 году¹⁷.

Каждый год банк Santander выделяет 10 стипендий по 2500 евро для обменов длительностью до 1 семестра. Распределяются стипендии на конкурсной основе — проводится отбор кандидатов среди участников международного обмена¹⁸. В 2016 году банк выделил 146 миллионов евро, которые были материализованы в 36 684 гранта на учебные пособия, стипендии и профессиональные стажировки. Это крупнейшее инвестиционное вложение частной организации в гранты и программы мобильности в мире¹⁹.

¹⁶ Santander Universities. Santander Corporate Website [Электронный ресурс]. URL: http://www.santander.com/csgs/Satellite/CFWCSancomQP01/en_GB/Corporate/Sustainability/Santander-Universities-/Santander-committed-to-Higher-Education.html. (дата обращения: 01.09.2017)

¹⁷ Idem.

¹⁸ Santander Universities. СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://ifea.spbu.ru/index.php/студенческий-обмен/мпсо/details/11/48> (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁹ Santander Universities Grants. Santander Corporate Website [Электронный ресурс]. URL: http://www.santander.com/csgs/Satellite/CFWCSancomQP01/en_GB/Corporate/Sustainability/Santander-Universities-/Santander-Grants.html (дата обращения: 01.09.2017).

Программы по обмену могут проходить и по системе двустороннего сотрудничества между университетами на основе партнерского соглашения. Это наиболее популярный вид обмена. Лидеры рейтинга QS (при его составлении учитываются индикаторы международной активности) среди отечественных вузов имеют широкую сеть межуниверситетских соглашений. Так, МГУ имеет 24 соглашения об обмене с вузами других стран и более 200 соглашений о сотрудничестве, среди которых 7 приходится на вузы из Южной Америки²⁰. НГУ осуществляет сотрудничество с 76 вузами из других стран, но предоставляет образовательные возможности своим студентам только в Корею, Японию, Китае, Германии и Франции²¹. МГИМО сотрудничает с более 100 зарубежных вузов. Университеты-партнеры представлены такими южноамериканскими странами, как Чили, Колумбия и Бразилия²².

СПбГУ на 2017–2018 учебный год предлагает своим студентам 86 программ по обмену в 30 странах мира. Среди них университеты Монтевидео (Уругвай) и Аустраль (Аргентина). По данным программам преподавание ведется на английском и испанском языках. Предусмотрены стипендии (распределяются на основе конкурсного отбора). Участие в этих программах доступно всем студентам, кроме выпускного курса, которые прошли конкурсный отбор в рамках квот, установленных университетом-партнером. Монтевидео и Аустраль на каждый семестр выделяют по 2 и 3 квоты соответственно²³.

Кроме двусторонних университетских соглашений возможны двусторонние соглашения по направлениям подготовки или межфакультетские соглашения.

Одной из сторон соглашения студенческого обмена может выступать министерство образования. Так, конкурс, объявленный Министерством образования и науки России на 2017–2018 год на прохождение включенного обучения и стажировок в зарубежных вузах в рамках реализации международных договоров РФ, ни по одному из направлений не предлагает программы в Южной Америке, что может говорить о низком уровне заинтересованности министерства в получении образования россий-

²⁰ *Зарубежные партнеры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова*. МГУ им. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msu.ru/int/partn/partn.html> (дата обращения: 01.09.2017).

²¹ *Вузы-партнеры НГУ*. Новосибирский государственный университет. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/exp/university/oms/vuzupartnery> (дата обращения: 01.09.2017).

²² *Университеты-партнеры*. МГИМО. Университет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/partner-universities> (дата обращения: 01.09.2017).

²³ *Студенческий обмен*. СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://ifea.spbu.ru/студенческий-обмен/обмен-по-линии-межуниверситетского-сотрудничества> (дата обращения: 01.09.2017).

скими гражданами в данном регионе. Программа PEC-G (The Programme of Undergraduate Students Exchange), которая реализуется Министерством образования и МИД Бразилии, предлагает обучение по обмену студентами из развивающихся стран, с которыми Бразилия заключила соответствующее соглашение. Один нюанс: участниками данной программы могут стать исключительно студенты из стран Латинской Америки, Азии и Африки²⁴.

Кроме обмена государственные программы могут представлять собой стипендию или грант. Гранты, в отличие от программ по обмену, которые действуют с фиксированной периодичностью, могут предоставляться на разовой основе, что в значительной мере осложняет поиск для потенциальных соискателей. Для облегчения процесса поиска предусмотрены специализированные агентства, занимающиеся данным вопросом по всему миру. Одно из наиболее крупных и известных в России — это GSA (Grad Study Abroad). Данное агентство представляет собой команду специалистов в сфере международного образования. Оно специализируется на высшем образовании за рубежом и на получении финансовой поддержки для учащихся за границей. Позиционируя себя как информационный портал, агентство собирает и анализирует базы данных и предоставляет в публичный доступ информацию о зарубежных грантах и стипендиях, доступных для учащихся в России. К сожалению, даже столь крупная и солидная компания не предоставляет широкого спектра доступных возможностей для обучения в странах Южной Америки, имея в базе из более 1000 предложенных программ всего лишь одну программу для бакалавров, которая действует на этом материке (и в требованиях к ней значится нетипичный для львиной доли российских студентов пункт «преданный мусульманин»).

Данные агентства работают исключительно на коммерческой основе. Имея соглашения с различными вузами, они предоставляют свои услуги за отдельную плату (в стоимость программы автоматически включаются дополнительные регистрационные взносы). Кроме GSA, в России действуют и другие агентства, которые специализируются на образовании за рубежом. К ним относятся Students International, Academ Consult, ITEC, Allterra Education и многие другие, однако среди стран, с вузами из которых они сотрудничают, государства из Южной Америки не представлены либо представлены 1–2 вузами на весь материк.

Можно констатировать, что программы студенческой мобильности, контролируемые организациями или государствами Южной Америки, направлены преимущественно на региональную интеграцию либо инте-

²⁴ *Programme of Undergraduate Students Exchange*. Division Of Educational Themes [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dce.mre.gov.br/en/PEC/PECG.html> (дата обращения: 01.09.2017).

грацию с государствами из Африки и Иberoамерики. Наиболее крупной программой, которая включает государства из других регионов, можно назвать программу банка Santander. Самым бюджетным и простым способом получить высшее образование в странах Южной Америки можно считать программы, которые реализуются через межуниверситетские соглашения, так как конкурс в них значительно меньше, чем в стипендиальных государственных программах.

Библиография

1. Вузы-партнеры НГУ. Новосибирский государственный университет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/exp/university/oms/vuzupartnery>. (дата обращения: 01.09.2017)
2. Лукичев Г. А., Транснациональное образование // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2002. № 1, 71–75.
3. Зарубежные партнеры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. МГУ им. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msu.ru/int/partn/partn.html>. (дата обращения: 01.09.2017)
4. Международные договоры о взаимном признании документов об образовании. ФГБНУ «Главэкспертцентр»: Национальный информационный центр по вопросам признания образования и (или) квалификаций, ученых степеней и званий, полученных в иностранном государстве [Электронный ресурс]. URL: <http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation>. (дата обращения: 01.09.2017)
5. Международные договоры о сотрудничестве в области образования. ФГБНУ «Главэкспертцентр»: Национальный информационный центр по вопросам признания образования и (или) квалификаций, ученых степеней и званий, полученных в иностранном государстве [Электронный ресурс]. URL: <http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/collaboration>. (дата обращения: 01.09.2017)
6. Седунова С. Ю. Трансграничное образование: теория и практика, возможность и реальность // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2011. № 13, 204–209.
7. Студенческий обмен. СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://ifea.spbu.ru/студенческий-обмен>. (дата обращения: 01.09.2017).
8. Студенческий обмен. СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://ifea.spbu.ru/студенческий-обмен/обмен-по-линии-межуниверситетского-сотрудничества>. (дата обращения: 01.09.2017).
9. Университеты-партнеры. МГИМО. Университет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/partner-universities>. (дата обращения: 01.09.2017).
10. López D., et al. Functional Patterns in International Organizations for University Cooperation in Latin America and the Caribbean // Journal of Studies in International Education. 2011, Vol. 15, No. 2, 203–215.

11. Global Education digest 2009: Comparing Education Statistics across the World. Paris: UNESCO, 2009.
12. Inbound mobile students by country destination and inbound mobility rate. UNESCO Institute for Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uis.unesco.org/Education/Pages/tertiary-education.aspx>. (дата обращения: 01.09.2017).
13. *Knight J.*, GATS, Trade and Higher education // The Observatory on Borderless Higher Education: Perspective 2003 — Where are we? London: Observatory of borderless higher education, 2003, 10–20.
14. *Avila J. G.*, The Process of Internationalization of Latin American Higher Education // Journal of Studies in International Education. 2007. Vol. 11. No. 3/4. P. 400–409.
15. *Brunner J. J.*, The Bologna Process From a Latin American Perspective // Journal of Studies in International Education. 2009. Vol. 13. No. 4, 417–438.
16. Programme of Undergraduate Students Exchange. Division Of Educational Themes [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dce.mre.gov.br/en/PEC/PECG.html>. (дата обращения: 01.09.2017).
17. QS University Rankings: Latin America [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/latin-american-university-rankings/2016>. (дата обращения: 01.09.2017).
18. QS World University Rankings® 2016/17 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2016>. (дата обращения: 01.09.2017).
19. Santander Universities. СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://ifea.spbu.ru/index.php/студенческий-обмен/мпсо/details/11/48>. (дата обращения: 01.09.2017).
20. Santander Universities. Santander Corporate Website [Электронный ресурс]. URL: http://www.santander.com/csgs/Satellite/CFWCSancomQP01/en_GB/Corporate/Sustainability/Santander-Universities-/Santander-committed-to-Higher-Education.html. (дата обращения: 01.09.2017).
21. Santander Universities Grants. Santander Corporate Website [Электронный ресурс]. URL: http://www.santander.com/csgs/Satellite/CFWCSancomQP01/en_GB/Corporate/Sustainability/Santander-Universities-/Santander-Grants.html. (дата обращения: 01.09.2017).
22. UNESCO Education [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/new/en/education/resources/unesco-portal-to-recognized-higher-education-institutions/latin-america-and-the-caribbean>. (дата обращения: 01.09.2017).

СССР И РОССИЯ: ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРБИСКОГО БАССЕЙНА

Carlos Raúl Etulain¹

América Latina e políticas públicas. Observações acerca das políticas sociais de um grupo de países selecionados (1990 a 2010)

Latin America and public policies. Comments on the social policies of a selected group of countries (1990 to 2010)

Resumen. Este trabajo analiza la trayectoria de las políticas públicas de un grupo de países de América Latina utilizando datos de CEPALSTAT para el período 1990-2010, este período delimita dos tipos de políticas mas amplias que son opuestas. La finalidad es mostrar la evolución de los gastos sociales en cada uno de los países observados e indicar que para que las políticas sociales de realización de los derechos de la población se tornen efectivas debe contarse con una base de luchas y con la participación de movimientos sociales que se organizan en torno de gobiernos favorables a las políticas de corte universal.

Palabras clave: América Latina; desigualdad; políticas públicas; políticas sociales

Abstract. This paper aims to analyze the trajectory of the public policies of a group of Latin American countries using data from CEPALSTAT for the period 1990-2010, which concludes two types of broader policies nor a general perspective that are confronted. The purpose is to show how social spending has evolved in each of the observed countries and in each type of public policy implemented and to point out that for social policies to realize the rights of the population to be effective, a base of struggles and the participation of social movements that are organized around governments favorable to universal policies.

Key words: Latin America; inequality; public policies; social policies.

¹ Professor da Faculdade de Ciências Aplicadas (FCA) e coordenador do Núcleo de Estudos de Políticas Públicas (NEPP) — da Universidade Estadual de Campinas (UNICAMP); carlos.etulain@fca.unicamp.br.

Introdução

A história dos países de América Latina, marcada pelo domínio colonial e os lentos processos de formação de repúblicas e Estados Nacionais, está na base da sujeição de contingentes de população à escravidão e mais tarde à inserção precária no mundo do trabalho. Os processos de democratização na América Latina foram fragmentários e isolados durante o século XX e na atualidade estão condicionados a movimentos dos capitais financeiros e à autonomia dos grandes conglomerados, das corporações e oligopólios econômico-financeiros com poder muitas vezes maior do que algumas nações. Nesse contexto contemporâneo se reproduzem as assimetrias em termos de direitos e condições de vida, persistem quando não se exacerbam os privilégios em forma desigual entre setores da sociedade, impactando raças e etnias, gêneros e classes sociais.

O objetivo deste trabalho é analisar políticas sociais que marcaram uma exceção nessa trajetória concentradora de renda dos países de América Latina. Trata-se de um movimento em sentido oposto à dinâmica histórica produzido durante a primeira década do século XXI e liderado por governos de corte progressista ou — segundo os seus opositores — “populistas”.

A metodologia do presente trabalho consiste em uma abordagem histórica com base em dados quantitativo da CepalStat. Se analisam aqui os seguintes países de América Latina: Argentina, Bolívia, Brasil, Chile, Cuba, Equador, Nicarágua, Panamá, Paraguai e Venezuela, no período 1990 a 2010. Observe-se que no caso de Cuba o processo histórico de formação da sua nação e do seu Estado está atrelado a uma situação especialmente diferenciada, uma vez que a revolução cubana deu curso diferenciado à trajetória de formação do país e às suas políticas, no entanto, o país é boa referência na hora de comparar gastos sociais nas últimas décadas.

A hipótese que se coloca é que houve na primeira década do século XXI um movimento das políticas sociais em direção do enfrentamento da realidade do atraso e da desigualdade estrutural em países latino-americanos, este movimento buscou ampliar conquistas sociais mediante a afirmação de direitos da população historicamente excluída. Não que as políticas sociais tenham superado em sua totalidade as situações do atraso, nem que não sejam válidas por isso, porém deve ser pensado que processos históricos de longo impacto criam estruturas nas quais a desigualdade e a pobreza se reproduzem cotidianamente e que a maneira de enfrentá-los está relacionada à posição estratégica do Estado e à combinação de políticas públicas universais. Mas a força da política pública depende da capacidade de luta dos setores populares uma vez que é isto que sustenta situações em que a política avança todo o tempo sobre a economia, com ativa autonomia sobre a dinâmica excludente dos mercados.

As lutas sociais são as que sustentaram essa autonomia da política sobre a economia e funcionam como fonte de realização dos direitos da população dando

conta dos avanços sociais, daí que a diminuição das assimetrias seja resultado de políticas públicas integradas eficazes no acesso da população aos serviços públicos e na diminuição das condições precárias do trabalho e da distribuição de renda.

A análise das políticas públicas em duas décadas diferenciadas

No período que corresponde à primeira década do século XXI em que houve um movimento favorável à melhoria na distribuição de renda na região de América Latina se registrou a expansão do emprego com aumentos salariais reais, o aumento de postos de trabalho de boa qualidade e de período integral, assim como a remuneração média por jornada trabalhada, isto provocou a diminuição da disparidade entre as rendas médias dos trabalhadores da região. Contribuíram neste movimento as políticas mais ativas de melhoria do salário-mínimo e de transferência de renda implementadas em vários países da região.

Nesse sentido, observe-se a diferença para países de América Latina entre o ocorrido na primeira década do século XXI e a situação da década de 90, na qual predominaram as políticas de ajuste e para o caso do enfrentamento dos problemas sociais mais urgentes, as políticas públicas focalizadas.

Entre 1990 e 2002, a distribuição de renda na região foi marcada por grande rigidez, seguindo os aumentos de desigualdade de distribuição acumulados na década de oitenta. Por sua vez, o período 2003 a 2008 foi caracterizado não apenas por um gradativo crescimento econômico, mas também por uma ligeira, porém nítida, tendência de diminuição da concentração de renda.

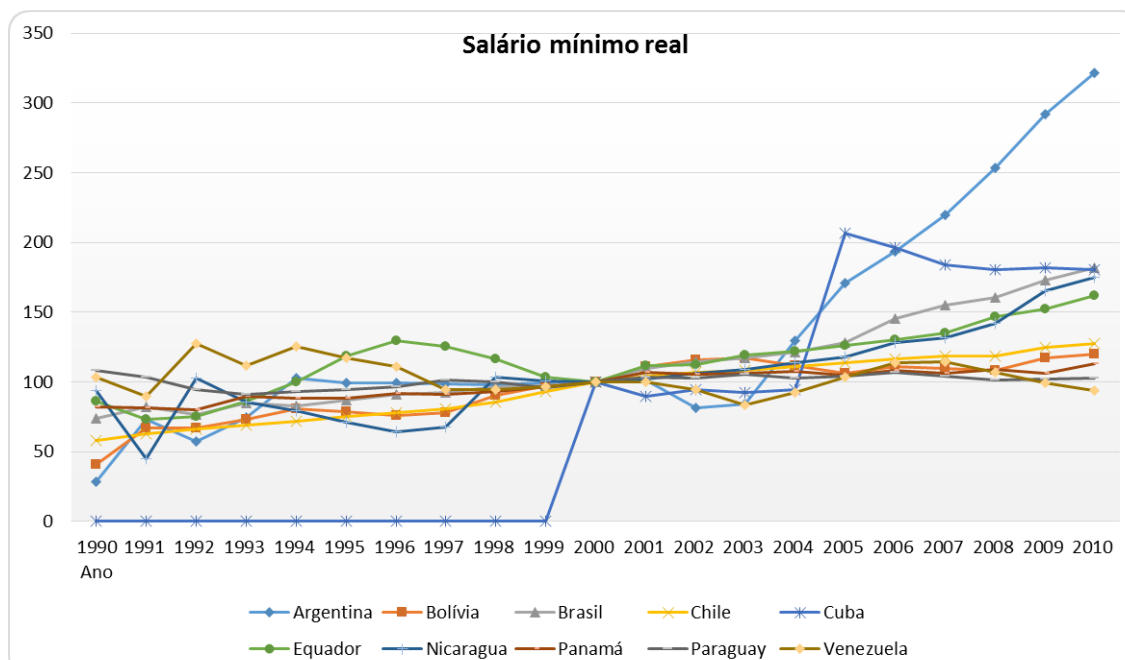

Gráfico I: Salário mínimo real (1990-2010)

Fonte: Elaboração própria a partir de dados da CEPALSTAT.

A nível da região como um todo, o índice de Gini caiu cerca de 5 % em relação ao valor registrado em 2002 impulsionado, sobretudo, por quedas registradas na Argentina (área metropolitana); no Estado Plurinacional da Bolívia (área urbana); no Panamá (área urbana) e na República Bolivariana da Venezuela, todas superiores a 10 %. Brasil, Chile, Equador (áreas urbanas), Nicarágua e Paraguai (áreas metropolitanas) também registraram reduções importantes, da ordem de 7 % ou mais, deste indicador². (1).

Durante a década de 90, em consequência da crise da dívida, foram impostas severas restrições ao gasto público na região para dessa forma cobrir o déficit fiscal. Os gastos públicos sociais foram então os que mais sofreram cortes. O Estado recuou do seu papel nas áreas social, justamente áreas de grande impacto no desenvolvimento nacional e regional. Diversos sistemas de educação e saúde foram transformados na época em sistemas descentralizados de capitalização, com estímulo à previdência privada e aos planos de saúde particulares. As políticas sociais se reduziram a interferências focalizadas apenas em certos grupos de riscos. No campo do trabalho, se buscou e promoveu a flexibilização contratual e nas áreas de saúde e previdência, a mercantilização das coberturas.

Somente no século XXI, alguns países passam da chamada “focalização das políticas sociais” para políticas públicas mais integradas nas que se assume o compromisso dos Estados com a área social. A disponibilidade de recursos públicos para financiamento da proteção social e a promoção de oportunidades na última década demonstra o maior compromisso público na distribuição da renda das famílias e nos problemas de exclusão social. O ponto de vista que prevaleceu nesta orientação política é o da igualdade de direitos e não apenas de oportunidades da população. Em virtude da realização dos direitos, a sociedade avança para uma abordagem universalista de mecanismos solidários capazes de modificar a situação geradora de pobreza e desigualdade. Do ponto de vista econômico, estas políticas sociais dos últimos anos têm buscado a sustentabilidade mediante a associação entre crescimento e equidade social, o aprimoramento dos mecanismos de transferência de renda são um exemplo disto pois integram a participação cidadã, o emprego produtivo na superação das condições da pobreza e os impactos redistributivos eficazes nos processos multiplicadores da renda nacional.

Considerando-se o Gasto Público Social como a soma dos gastos públicos em educação, saúde, previdência social, moradia e outros, se apresenta a seguir o comportamento dessa variável de 1990 a 2010 para os países selecionados.

É evidente a tendência crescente deste tipo de gastos em países de América Latina, porém se destaca o salto no crescimento para Nicarágua, Chile, Paraguai, Equador, Venezuela e Brasil a partir dos anos 2000. Os países beneficiados por estas políticas de aumento dos gastos sociais acompanham a tradicional trajetória de Cuba.

² CEPAL, *A hora da igualdade*, Chile, Cepal, 2010, 174.

A abordagem em favor das políticas públicas sociais ganha espaço em relação a abordagens de corte individualista e centradas no mercado das políticas de ajuste da década de 1990, junto com a mudança em relação à focalização como princípio balizador da assistência social para a política pública universalista.

Tabela I

Gasto público social por habitante em dólar (1990-2010)

Gasto público social* por habitante em dólares (valor de 2010)																					
País	Ano																				
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Argentina	\$ 797,00	\$ 831,00	\$ 742,00	\$ 744,00	\$ 860,00	\$ 907,00	\$ 848,00	\$ 796,00	\$ 744,00	\$ 693,00	\$ 731,00	\$ 793,00	\$ 802,00	\$ 656,00	\$ 676,00	\$ 701,00	\$ 783,00	\$ 870,00	\$ 917,00	\$ 1.102,00	\$ 1.211,00
Bolivia	\$ 72,00	\$ 80,00	\$ 94,00	\$ 110,00	\$ 114,00	\$ 105,00	\$ 116,00	\$ 156,00	\$ 166,00	\$ 170,00	\$ 183,00	\$ 195,00	\$ 212,00	\$ 212,00	\$ 211,00	\$ 208,00	\$ 205,00	\$ 207,00	\$ 214,00	\$ 245,00	...
Brasil	\$ 1.817,00	\$ 1.393,00	\$ 1.222,00	\$ 1.391,00	\$ 1.538,00	\$ 1.633,00	\$ 1.663,00	\$ 1.666,00	\$ 1.835,00	\$ 1.804,00	\$ 1.824,00	\$ 1.846,00	\$ 1.926,00	\$ 1.967,00	\$ 2.044,00	\$ 2.094,00	\$ 2.259,00	\$ 2.429,00	\$ 2.565,00	\$ 2.711,00	\$ 2.786,00
Chile	\$ 686,00	\$ 742,00	\$ 821,00	\$ 893,00	\$ 922,00	\$ 956,00	\$ 1.090,00	\$ 1.140,00	\$ 1.241,00	\$ 1.335,00	\$ 1.372,00	\$ 1.421,00	\$ 1.433,00	\$ 1.404,00	\$ 1.379,00	\$ 1.375,00	\$ 1.333,00	\$ 1.418,00	\$ 1.669,00	\$ 1.904,00	\$ 1.871,00
Cuba	\$ 1.061,14	\$ 1.023,03	\$ 982,12	\$ 850,72	\$ 717,64	\$ 667,11	\$ 764,21	\$ 660,64	\$ 685,66	\$ 751,37	\$ 802,25	\$ 869,53	\$ 935,43	\$ 1.015,70	\$ 1.089,16	\$ 1.634,87	\$ 1.701,37	\$ 2.105,85	\$ 2.382,22	\$ 2.396,39	\$ 2.401,62
Equador	\$ 146,00	\$ 155,00	\$ 138,00	\$ 159,00	\$ 171,00	\$ 175,00	\$ 135,00	\$ 153,00	\$ 135,00	\$ 107,00	\$ 99,00	\$ 147,00	\$ 148,00	\$ 138,00	\$ 158,00	\$ 178,00	\$ 185,00	\$ 233,00	\$ 293,00	\$ 361,00	\$ 367,00
Nicaragua	...	\$ 54,00	\$ 53,00	\$ 55,00	\$ 61,00	\$ 59,00	\$ 59,00	\$ 59,00	\$ 56,00	\$ 90,00	\$ 86,00	\$ 78,00	\$ 86,00	\$ 104,00	\$ 110,00	\$ 122,00	\$ 126,00	\$ 135,00	\$ 142,00	\$ 155,00	\$ 137,00
Panamá	\$ 256,00	\$ 307,00	\$ 375,00	\$ 358,00	\$ 343,00	\$ 349,00	\$ 348,00	\$ 359,00	\$ 481,00	\$ 392,00	\$ 489,00	\$ 526,00	\$ 477,00	\$ 419,00	\$ 484,00	\$ 456,00	\$ 585,00	\$ 568,00	\$ 674,00	\$ 709,00	\$ 747,00
Paraguay	\$ 232,00	\$ 241,00	\$ 272,00	\$ 330,00	\$ 348,00	\$ 348,00	\$ 422,00	\$ 411,00
Venezuela	...	\$ 941,00	\$ 963,00	\$ 795,00	\$ 753,00	\$ 761,00	\$ 736,00	\$ 976,00	\$ 872,00	\$ 907,00	\$ 1.078,00	\$ 1.221,00	\$ 1.068,00	\$ 995,00	\$ 1.253,00	\$ 1.321,00	\$ 1.781,00	\$ 1.846,00	\$ 1.705,00	\$ 1.571,00	\$ 1.430,00

*Gasto público social = educação + saúde + previdência social + moradia e outros

Fonte: Elaboração própria a partir de dados da CEPALSTAT.

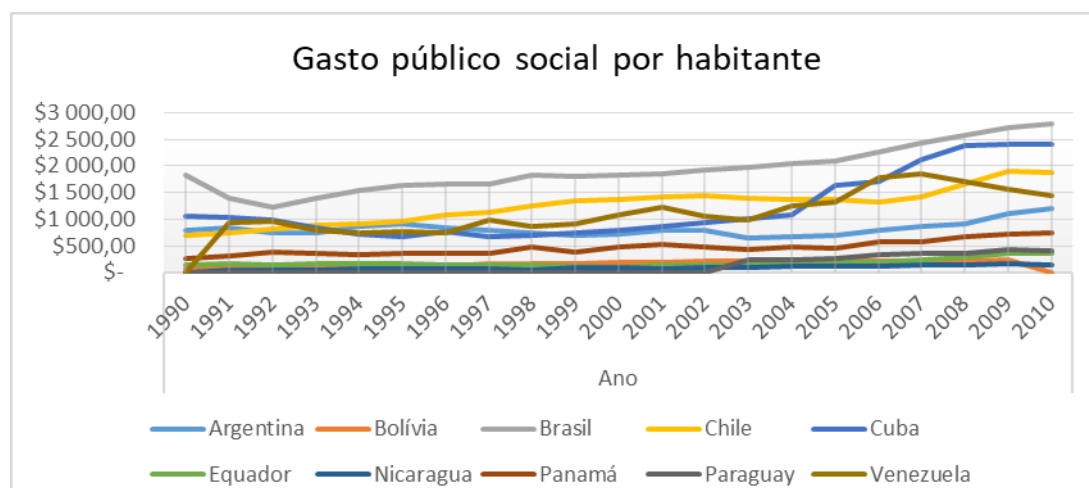

Gráfico II: Trajetória do Gasto público social por habitante (1990-2010)

Fonte: Elaboração própria a partir da CEPALSTAT.

Isto ocorre juntamente com inovações práticas e teóricas, nas quais as ideias de capital social, coesão e garantias diante do risco voltam a fazer parte do debate e do desenho das políticas públicas. Demonstrem, também, renovada preocupação acerca da desigualdade e reconhecem que as lógicas familiares e de mercado são de escopo limitado para o enfrentamento deste problema. Deste modo, o Estado adquire maior peso estratégico na busca de soluções para problemas de desigualdade e bem-estar” e “constata-se uma tendência geral de aumento do gasto social como proporção do PIB na região, durante as últimas duas décadas³.

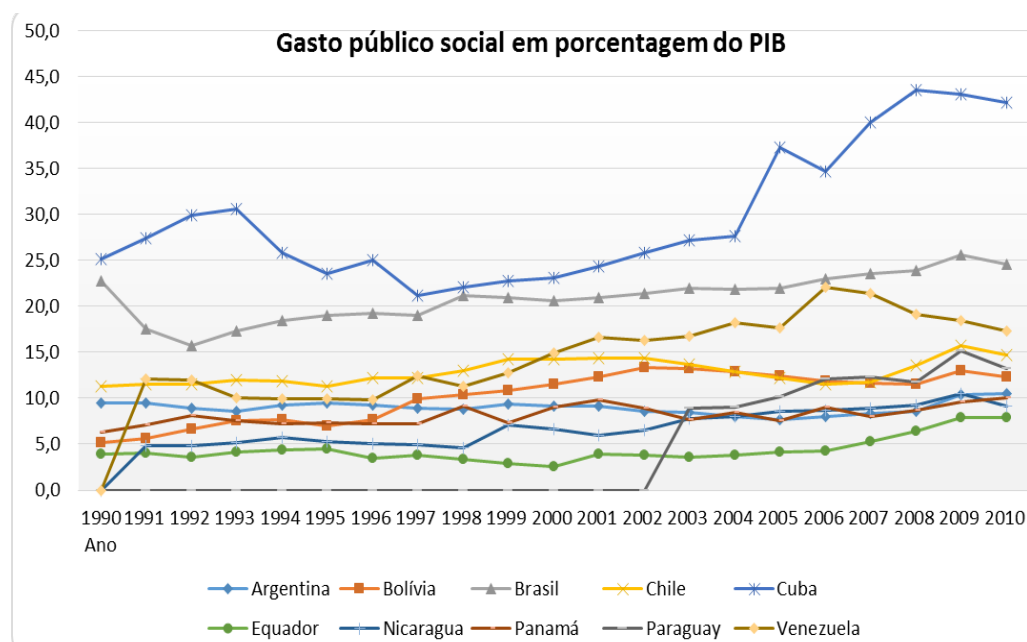

Gráfico III: Trajetória do Gasto público social em porcentagem do PIB (1990-2010)

Fonte: Elaboração própria a partir da CEPALSTAT.

Porem, depois desses anos de vigor das políticas sociais, novas configurações da política partidária nos países da região e a crise econômica global contribuíram para a retomada da posição em favor da liberdade de mercado e da minimização do papel do Estado como agente da política pública. O déficit fiscal e a dívida pública são apontados como responsáveis das crises econômicas pelos críticos da intervenção do Estado, ganha prioridade na discussão política a estabilidade macroeconômica sobre a importância das políticas públicas. O que explica o impacto excessivo das crises e a desacelerações da economia sobre a pobreza e a vulnerabilidade, visto que, em conjunturas de recrudescimento dos problemas sociais, paradoxalmente a disponibilidade de recursos públicos para enfrentá-los diminui.

Durante os anos das políticas sociais viu-se no panorama político a formação de partidos políticos e governos populares e de esquerda que para lutar contra os

³ CEPAL, *Op. Cit.*, 2010, 180.

ajustes assumiram estratégias nas quais o Estado tem papel estratégico na formulação e implementação das políticas sociais, revalorização a função da política pública em sentido geral diante da narrativa contrária dos setores da linha liberal-conservadora e neoliberal. Este discurso e sua ação prática através das políticas sociais de corte universal significaram a revalorização das políticas keynesianas de emprego, estímulo ao consumo e transferência de renda⁴. A sustentabilidade das mesmas se baseia no crescimento com distribuição de renda e com reforço das variáveis macroeconômicas domésticas de consumo e investimento.

Vários setores assumem no mundo todo um papel crítico do neoliberalismo e exigem que as políticas se tornem menos regressivas em termos humanos através da regulação e da intervenção em processos decisórios que são geradores de assimetrias sociais e fonte de desigualdades. No mesmo universo encontra-se também a ideia de que tornando o processo econômico, mediante regulação e intervenção, mais inclusivo, a perspectiva de ampliação e multiplicação dos benefícios para a sociedade também se potencializam e multiplicam.

O problema é o embate político das forças em confronto, dado que os setores que atualmente comandam as decisões que movimentam os capitais mais concentrados e tendem a ter implicações poderosas na vida social se encontram cada vez mais isolados no processo de globalização e na hierarquia de poder financeiro estabelecida nas últimas décadas, todos cada vez mais sujeitos a interesses rentistas. Conglomerados financeiros ditam posições que podem provocar crise e empobrecimento de regiões inteiras no mundo. Dai que o desafio hoje seja conjugar o global com o nacional sem perder de vista a possibilidade de criar mecanismos de políticas públicas que enfrentem os impactos negativos dos mercados e que reforcem a autonomia de cada país no cenário mais amplo das relações internacionais⁵

Entretanto, sabe-se que as políticas públicas para resultarem realmente efetivas dependem da sua duração no longo prazo e que se somam a estes aspectos as condições da população em termos de acesso aos serviços de saúde, proteção social e seguridade social. As discussões atuais sobre a política pública têm aprofundado a ideia da atuação do Estado e do papel da política na realização dos direitos, é importante para os formuladores entender como ela se defronta com desafios cada vez maiores representados pelas incertezas quanto à dinâmica de crescimento regional, o fim do benefício demográfico e a baixa capacidade fiscal de controlar a contribuição dos grandes grupos econômico-financeiros. Por tudo isto, é evidente o fortalecimento da política social diante do mercado e a consolidação

⁴ Osvaldo Sunkel, “El papel de la familia en la protección social en América Latina”, *serie Políticas Sociales*, N° 120 (LC/L.2530-P/E), Santiago de Chile, Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), Publicación de las Naciones Unidas, N° de venta: S.06.II.G.57, 2006.

⁵ Joseph Stiglitz, *El malestar en la globalización*, Madrid, Taurus, 2002.

dos mecanismos que impulsionam a melhoria na distribuição da renda e da diminuição da pobreza — do qual foram testemunhas vários países nos últimos anos em América Latina⁶ (5).

O movimento enfrenta fortes restrições, os bancos internacionalizados conseguem administrar em escala global a rede de débitos e créditos do setor financeiro e comandar a circulação de capitais entre as diferentes praças financeiras do mundo angariando o poder de fixar as taxas de juro e de cambio. Dessa forma, a globalização financeira possibilita que as condições monetárias sejam decididas nos centros internacionais de poder determinando o volume de capitais para os mercados emergentes. Cabe, portanto, no âmbito nacional, uma política econômica e um regime macroeconômico que permita atrair o fluxo financeiro e ao mesmo tempo evitar os efeitos negativos da euforia e desilusão financeira. Nos mercados financeiros internacionais são negociados e avaliados os títulos de dívidas privadas e públicas e as ações das empresas, isto é, são avaliados os direitos de apropriação da riqueza e da renda de cada país e de cada setor⁷ (6).

Ocorre também que nos últimos anos houve uma dissolução do consenso keynesiano que fortalecia as políticas sociais dos governos progressistas conjuntamente com a força das lutas sociais e suas organizações e partidos. Perde-se com isto, capacidade de governança das economias nacionais porque as políticas monetárias relativas ao desempenho das economias nacionais tinham estratégias monetárias de certa autonomia que permitiam promover o desempenho da economia e proteger da transmissão dos choques internacionais, isto mediante o poder da autoridade monetária nacional, as normas de operação, a segmentação e especialização das instituições financeiras com severos requisitos prudenciais e regulamentação estrita das operações financeiras e linhas especiais de fomento⁸

Atualmente, a financeirização da economia global permite comandar largas cadeias de negócios que mobilizam dívidas envolvendo bancos nacionais e internacionais, públicos e privados, fundos de investimento, empresas e especuladores, enquanto os cidadãos não têm parte ativa nestas decisões⁹ (8). Os regimes de liberalização e descentralização que se aprovam nos governos corriqueiramente em diferentes países sob o discurso de modernização e da integração crescente no mundo globalizado são, na verdade, mecanismos portadores

⁶ Jürgen Weller. *El nuevo escenario latinoamericano. Regulación, protección y políticas activas en los mercados de trabajo*, Buenos Aires, Siglo XXI/Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), 2009.

⁷ Luiz Gonzaga Belluzo, «Os mercados emergentes e a globalização financeira», In: Lastres *et al.*, O futuro do desenvolvimento, Unicamp, 2016.

⁸ Joseph Stiglitz, “Capital market liberalization, economic growth, and instability”, *World Development*, vol. 28, N° 6, junho, 2000.

⁹ Vito Tanzi. “The role of the State and public finance in the next generation”, *OECD Journal on Budgeting*, vol. 8, N° 2, 2008. UNCTAD, <http://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx>. (accessed 01.09.2017).

de liberdades para as decisões especulativas que causam a precarização das famílias e do mundo do trabalho.

Comentários Finais

A comparação das políticas em dois períodos tão marcantes como os da década de 1990 e da década de 2000 coloca em questão qual seria uma saída efetiva dos setores populares, dos trabalhadores, dos movimentos sociais diante do cenário desolador que impõe o discurso conservador e as práticas do neoliberalismo.

Primeiramente, devem ser reconhecidas as novas categorias sociais do mundo contemporâneo, a financeirização do mundo, as forças econômicas concentradas em nível planetário, a fixação da taxa de lucro por setores rentistas, a concentração de poder nos meios de comunicação e no processo de distribuição dos frutos do progresso técnico. Todos estes elementos exigem hoje uma avaliação cuidadosa uma vez que são forças estruturais que possibilitaram a recomposição dos setores mais conservadores e do discurso político que hoje retoma posições desqualificando as políticas públicas e seus resultados restringindo o orçamento que elas precisam para promover o desenvolvimento. Em geral, os mecanismos de progressão social perdem valor entre os cidadãos dominados pelo discurso mediático de promoção de novas estratégias de ajustes que apostam recorrentemente na mão-invisível e no mecanismo autorregulador dos mercados. Porém, todo modelo de política pública é também um modelo de coesão social e neste tipo de construção política se determinam quais direitos são aplicáveis a toda a população, exige-se, por tanto, consenso político que deve ser manifesto em instituições, normas, programas e recursos. Confluência de base política que se produz entre a vida das pessoas e o desenvolvimento da sociedade.

Bibliografia

1. Luiz Gonzaga Belluzo. Os mercados emergentes e a globalização financeira, In: Lastres *et al.*, O futuro do desenvolvimento, Unicamp, 2016.
2. CEPAL, *A hora da igualdade*, Chile: Cepal, 2010.
3. CEPALSTAT http://estadisticas.cepal.org/cepalstat/WEB_CEPALSTAT/estadisticasIndicadores.asp?idioma=e (accessed 01.09.2017).
4. Joseph Stiglitz, *El malestar en la globalización*, Madrid, Taurus, 2002.
5. Joseph Stiglitz “Capital market liberalization, economic growth, and instability”, *World Development*, vol. 28, N° 6, junio, 2000.
6. Osvaldo Stunkel, “El papel de la familia en la protección social en América Latina”, *serie Políticas Sociales*, N° 120 (LC/L.2530-P/E), Santiago de Chile, Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), Publicación de las Naciones Unidas, N° de venta: S.06.II.G.57, 2006.

7. Vito Tanzi. "The role of the State and public finance in the next generation", *OECD Journal on Budgeting*, vol. 8, N° 2, 2008. UNCTAD, <http://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx>.
8. Jürgen Weller. *El nuevo escenario latinoamericano. Regulación, protección y políticas activas en los mercados de trabajo*, Buenos Aires, Siglo XXI/Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), 2009.

Jorge Alberto López Arévalo¹

Las relaciones comerciales de Rusia con América Latina y el Caribe, 2000–2016: los casos de Brasil y Cuba

Russian trade relations with Latin America and the Caribbean, 2000–2016: the cases of Brazil and Cuba

Resumen: El presente trabajo analiza las particularidades del comercio de Rusia con algunos países de América Latina y el Caribe del año 2000 al 2016. El colapso y desaparición de la Unión de Repúblicas Socialistas y Soviéticas (URSS) y la desaparición del Consejo de Ayuda Mutua Económica (CAME), supuso para Rusia la necesidad de cambios estructurales en su economía, transformado significativamente su comercio exterior, tanto de proveedores como de mercados.

El comercio entre Rusia y sus socios comerciales de América Latina y el Caribe tienen la característica de ser una especie de comercio de no muy alta significación en términos de valor, pero que ha ido cobrando importancia, sobre todo con Brasil. En consecuencia, pretendemos capturar el sentido y la profundidad de estas tendencias y sus implicaciones para el caso de Rusia, así como de las nuevas reconfiguraciones comerciales con los socios comerciales de Rusia con Brasil y Cuba, que es relativamente importante por la magnitud de los intercambios y por la supuesta afinidad política.

Palabras clave: Comercio; especialización intraindustrial.

Abstract: This work analyzes the particularities in Russian commerce with certain Latin American and Caribbean countries from 2000 to 2015. The collapse and disappearance of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) and the disappearance of the Council of Mutual Economic Assistance (CMEA) required Russia's need for structural changes in its economy, significantly transforming foreign commerce, both in suppliers and markets.

Commerce between Russia and its commercial partners in Latin America and the Caribbean has the characteristic of being a type of commerce fairly insignificant in terms of value, but has started to gain importance, especially with Brazil. Consequently, we aim to capture the meaning and profoundness of these tendencies and their implications in the case of Russia, and also identify new commercial reconfiguration between Russia and Brazil and Cuba, which is relatively important due to the magnitude in trade and also because of supposed political relationships.

Key Words: Trade; Intra-industry specialization

¹ Mexico, doctor. UNACH.

1. Una aproximación teórica y conceptual al comercio intra-industrial

El comercio intra-industrial ha venido constituyendo uno de los ejes centrales de la Nueva Teoría del Comercio², su existencia como evidencia empírica se remonta ya a los años sesenta del siglo XX, tal como ponen de manifiesto los trabajos de Verdoorn³, Balassa⁴ y Grubel⁵, entre otros. En particular, estos autores habían advertido acerca de la constatación empírica de que una parte creciente del comercio entre países (fundamentalmente con referencia al proceso europeo de integración) respondía a un patrón de especialización diferente del tradicional. La principal novedad era que una parte creciente de los intercambios comerciales internacionales tenía lugar dentro de las mismas industrias y sectores. Ello suponía una clara diferencia con respecto a lo que había sido una constante en el comercio mundial; el comercio inter-industrial, basado en las ventajas comparativas tradicionales y formalizado a través del Modelo de Heckscher-Ohlin (H-O). A esa novedosa forma del comercio internacional se le pasó a llamar comercio intra-industrial⁶.

A partir de estas primeras evidencias, el estudio del comercio intra-industrial ha experimentado notables desarrollos sobre todo a partir de la Nueva Teoría del Comercio, que desde los años noventa ha ido incorporando nuevos elementos explicativos⁷. Este enfoque ha derivado en la distinción de dos pautas de comercio confrontadas, relativas a las pautas de inserción comercial de los países. En primer lugar, la basada en la especialización inter-industrial (intercambio de productos distintos) y, en segundo lugar, la que se basa en la especialización intra-industrial (intercambio de variedades diferentes de un mismo producto)⁸.

² Grossman GM & Helpman, E. 'Trade, Innovation and Growth', *American Economic Review (Papers and Proceedings)*, vol. 80, 1990, 86-91; Greenaway, D & Hine, R.C., 'Intra-Industry Specialization, Trade Expansion and Adjustment in the European Economic Space,' *Journal of Common Market Studies*, vol. 29, no. 6, 1991, 603-622; Krugman, P 1995, 'Growing World Trade: Causes and Consequences', *Brookings Papers on Economic Activity*, vol. 1, 327-377.

³ Verdoorn, P. J. "The intra-bloc trade of Benelux", in E. A. G. Robinson (ed.), *The economic consequences of the size of nations*, New York: Macmillan, 1960, 291-329.

⁴ Balassa, B 1963, 'European integration: Problems and Issues', *American Economic Review*, vol. 30.

⁵ Grubel, Herbert G., "Intra-industry specialization and the pattern of trade", *Canadian Journal of Economics and Political Science* XXXIII, 1967, 347-388.

⁶ López, J.; Rodil, O. y Valdez, S. The impact of China's incursion into the North American Free Trade Agreement (NAFTA) on intra-industry trade, *CEPAL Review*, 2014, 114, 83-100.

⁷ Grossman GM & Helpman, E. 'Trade, Innovation and Growth', *American Economic Review (Papers and Proceedings)*, 1990, vol. 80, 86-91; Greenaway, D & Hine, RC., 'Intra-Industry Specialization, Trade Expansion and Adjustment in the European Economic Space,' *Journal of Common Market Studies*, 1991, vol. 29, no. 6, 603-622; Krugman, P., 'Growing World Trade: Causes and Consequences', *Brookings Papers on Economic Activity*, 1995, vol. 1, 327-377.

⁸ López, J.; Rodil, O. y Valdez, S. The impact of China's incursion into the North American Free Trade Agreement (NAFTA) on intra-industry trade. En: *CEPAL Review*, 2014, 114, 83-100.

Desde un punto de vista teórico, la especialización inter-industrial responde a lo que ha venido constituyendo el núcleo central de la teoría clásica y neoclásica del comercio, ejemplificada tradicionalmente por la explicación aportada por David Ricardo, que demostró que para que dos países comerciasen entre sí y que fuese beneficioso para ambos bastaría con que existiese una diferencia relativa (y no absoluta, como había señalado anteriormente Adam Smith) en los costes de producción de los bienes. De este modo, la explicación de la ventaja comparativa ricardiana predecía que cada país tendería a exportar aquellos bienes que obtuviesen con menores costes relativos (aunque sin llegar a explicar el porqué de estas diferencias). Un siglo más tarde, los economistas suecos, Heckscher⁹ y Ohlin¹⁰ ofrecieron una explicación de estas diferencias de costes relativos aludiendo a las desiguales dotaciones factoriales de los países, aunque hay que reconocer que a partir de una serie de supuestos bastante restrictivos (dos países, dos bienes, no movilidad internacional de los factores...). En definitiva, este tipo de interpretaciones pueden ayudar a entender, por ejemplo, por qué algunos países exportan determinado tipo de bienes e importan otros totalmente diferentes¹¹.

Sin embargo, ni la aportación de Ricardo ni la del modelo H-O sirven para explicar una parte cada vez más importante del comercio internacional: el comercio intra-industrial. De hecho, sus planteamientos resultan incluso contradictorios con la existencia de este tipo de comercio, ya que, de acuerdo con H-O, los sectores exportadores e importadores deben diferir en función de las ventajas (exportaciones) y desventajas (importaciones) que tenga cada país. Esta previsión no se cumple en el país que exporta e importa variedades de un mismo producto. Dentro de este marco explicativo no encaja la idea de que una economía pueda al mismo tiempo exportar e importar el mismo tipo de bienes. No obstante, debe reconocerse que los planteamientos de Ricardo y de H-O fueron desarrollados en un contexto histórico diferente al actual.

A la luz del marco explicativo actual, el comercio intra-industrial aparece como el resultado de la existencia de rendimientos crecientes, diferenciación de productos y diversidad de preferencias en el consumo. En lo que se refiere a las economías de escala, éstas promueven la concentración productiva, originando intercambios comerciales intensos al tratar de abastecer amplias demandas desde un mismo punto de producción. Al mismo tiempo, cada empresa puede diferenciar productos respecto a empresas rivales para segmentar la demanda y mantener así un cierto

⁹ Heckscher, E., 'The Effects of Foreign Trade on the Distribution of Income,' *Ekonomisk Tidskrift*, 1919, vol. 21, 497-512.

¹⁰ Ohlin, B. *Interregional and International Trade*, Harvard University Press, Cambridge, 1933.

¹¹ Rodil Marzábal Óscar, María del Carmen Sánchez Carreira, Jorge Alberto López Arévalo y Emmanuel Arrazola Ovando, *Avances en el Patrón de Comercio Intra-industrial entre la Unión Europea y América Latina: Los casos de Brasil y México*, Scharlau GmbH, Hamburgo, Alemania, 2016.

grado de monopolio sobre su variedad. Adicionalmente, un requisito imprescindible para que surja el comercio intra-industrial es la existencia de una masa de consumidores finales con diferentes preferencias respecto a las múltiples variedades de producto ofertadas. Estas tres condiciones que se acaban de señalar adquieren una mayor notoriedad en los procesos de integración económica en los que participan economías de cierto nivel de desarrollo; lo que explica por qué es en determinadas áreas de integración, como la europea, donde este tipo de intercambios adquieren un papel protagonista.

Por otro lado, existen diversos procesos que se han ido desarrollando de forma paralela al auge de los intercambios intra-industriales y que, en cierto modo, han resultado impulsados por estos. Destacan, en particular, los avances relativos a la liberalización comercial, especialmente en los productos industriales, que se han venido produciendo tanto a nivel mundial (GATT, OMC) como regional (UE, NAFTA, ASEAN, Mercosur, Mercado Común Centroamericano, Comunidad de Estados Independientes...). Estos cambios han venido acompañados en gran medida por la expansión del comercio intra-firma, por medio de la búsqueda de la libre movilidad de los bienes tanto intermedios como finales que favorece sobre todo a las empresas multinacionales. Diversos trabajos¹² introducen este último elemento en el análisis del comercio intra-industrial, centrándose en el papel desempeñado por las empresas multinacionales que se han convertido en las auténticas protagonistas del actual proceso de globalización¹³.

En síntesis, se pueden identificar tres modelos explicativos del comercio intra-industrial: en primer lugar, el comercio intra-industrial basado en la diferenciación de productos y en las economías de escala (la explicación más general y extendida); en segundo lugar, el comercio intra-industrial de bienes funcionalmente homogéneos (íntimamente ligado al comercio fronterizo y al comercio periódico o estacional); y, por último, el comercio intra-industrial basado en la brecha tecnológica así como en el ciclo de vida del producto y en la internacionalización del proceso productivo (comercio intra-firma)¹⁴.

¹² Navaretti, G.B.; Haaland, J.I. and Venables, A., *Multinational corporations and global production networks: the implications for trade policy*, CEPR report for the European Commission, 2002; OCDE, "Intra-industry and intrafirm trade and the internalization of production", *Economic Outlook*, 71, París, 2002; Helpman, E., "Trade, FDI, and the Organization of Firms", *Journal of Economic Literature*, 2006, XLIV, 589-630.

¹³ López, J.; Rodil, O. y Valdez, S., "The impact of China's incursion into the North American Free Trade Agreement (NAFTA) on intra-industry trade", *CEPAL Review*, 2014, 114, 83-100.

¹⁴ Otra forma de diferenciación es la que existe entre comercio intra-industrial vertical y horizontal. En este sentido, se habla de comercio intra-industrial horizontal cuando dos cadenas de producción independientes llevan al intercambio internacional de bienes de la misma industria con un mismo nivel de elaboración. Por su parte, hablamos de comercio intra-industrial vertical cuando una misma cadena de producción se localiza en diferentes países, dando lugar a la reexportación de bienes (Dussel y León González 2001).

Desde el punto de vista metodológico, existen diversos indicadores para cuantificar la mayor o menor presencia de comercio intra-industrial en los intercambios de las diferentes economías. Uno de los más utilizados es el índice de Grubel y Lloyd (IGL), que se construye sobre la base de que los flujos comerciales bilaterales entre países se pueden dividir en dos grupos: uno correspondiente al comercio de tipo inter-industrial, y que se refiere al flujo comercial neto (exportaciones netas de un país con el resto del mundo), y otro al comercio de tipo intra-industrial, que coincide con el resto de los flujos comerciales (el flujo total menos el flujo neto). El IGL presenta valores entre 0 y 1 en función de la ausencia total (valor 0) o existencia plena (valor 1) de comercio intra-industrial. La fórmula del índice agregado de Grubel y Lloyd es la siguiente:

$IGL = 1 - [\sum |x_i - m_i| / \sum (x_i + m_i)]$, donde x_i y m_i es el valor de las exportaciones e importaciones del sector i respectivamente.

Para el cálculo del índice a nivel agregado frecuentemente se utiliza una variante corregida del IGL (IGLc) con el fin de evitar el efecto desequilibrador de la balanza comercial¹⁵. La versión corregida del índice agregado de Grubel y Lloyd viene dada por la expresión:

$IGLc = [\sum (x_i + m_i) - \sum |x_i - m_i|] / [\sum (x_i + m_i) - |\sum x_i - \sum m_i|]$, siendo x_i y m_i el valor de las exportaciones e importaciones del sector i respectivamente¹⁶ (López y Rodil, 2014).

Un aspecto adicional a tener en cuenta en la medición del comercio intra-industrial es que éste resulta sensiblemente afectado por el nivel de desagregación utilizado. En este sentido, lo más conveniente es emplear la mayor desagregación sectorial disponible con la finalidad de no catalogar como comercio intra-industrial flujos comerciales que en realidad son de naturaleza inter-industrial¹⁷. En el presente trabajo, en general se hace uso de una desagregación a nivel de dos dígitos (capítulos) del Sistema Armonizado de Designación y Codificación de Mercancías, con información procedente del United Nations Commodity Trade Statistics database (UN Comtrade), en virtud que no hay evidencias de este tipo de comercio. En cualquier caso, el principal objetivo de este trabajo es capturar las tendencias más generales, como forma de aproximación preliminar a este emergente contexto analítico.

¹⁵ Otros trabajos, como el de Cárdenas y Dussel (2011), utilizan también el índice propuesto por Hamilton y Kniest el cual mide el comercio intra-industrial marginal, es decir solamente sobre el comercio total añadido.

¹⁶ López, J.; Rodil, O. y Valdez, S. "The impact of China's incursion into the North American Free Trade Agreement (NAFTA) on intra-industry trade", *CEPAL Review*, 2014, 114, 83-100.

¹⁷ En ocasiones puede ocurrir que se tengan índice Grubel y Lloyd (GL) altos por un error de agregación y no necesariamente se trate de un indicador de Comercio Intra-industrial (el comercio de Haití en artículos manufacturados con Estados Unidos es una buena ilustración; el índice GL alto resulta del funcionamiento de operaciones de ensamblaje que reflejan dotaciones y precios de factores diferentes) (Bulmer-Thomas, 2000).

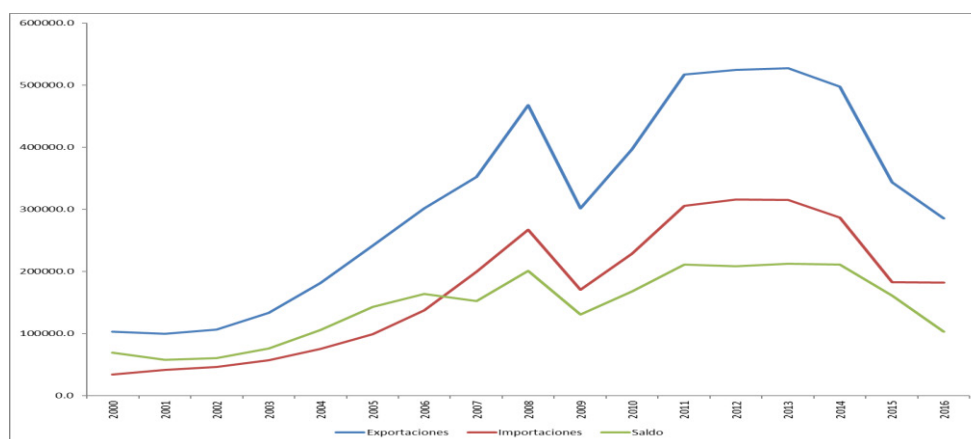
Por último, es necesario señalar que una de las singularidades más destacables de este trabajo es el que se aborda el estudio del comercio intra-industrial desde una perspectiva Sur-Sur, al contemplar el comercio entre países emergentes y/o en desarrollo. De este modo, adopta un enfoque diferente al convencional, que se ha venido orientando fundamentalmente al comercio Norte-Norte, desde sus inicios.

2. El comercio de Rusia con el mundo y América Latina y el Caribe

Rusia es un país que pertenece a los BRICS (Brasil, Rusia, India, China y Sudáfrica), que es una asociación económico-comercial que agrupa, primero a 4 países desde 2001, que se denominaban BRIC, hasta que en 2011 se le unió Sudáfrica. Fue Jim O'Neill, entonces el jefe de Investigaciones Económicas Globales de Goldman Sachs, quien lanzó la denominación BRIC en el año 2001¹⁸. Los BRICS, en 2016 representaban el 41.8 por ciento de la población mundial, el 21 por ciento del PIB mundial y el 18.2 por ciento de las exportaciones y el 14.6 por ciento de las importaciones mundiales.

Rusia a lo largo del periodo 2000 a 2016 ha tenido un saldo comercial favorable y una tendencia creciente de las exportaciones con dos caídas, la crisis 2007-2009 y la que viene del 2013 al 2016 y que está asociada a la disminución del precio de los combustibles, que es el principal producto de exportación de Rusia.

Gráfica 1. Exportaciones, Importaciones y Saldo comercial de Rusia con el mundo (2000–2016)

Fuente: Elaboración propia con base en COMTRADE

Rusia tiene una estructura comercial de un país subdesarrollado, pese a su potencial científico y tecnológico, pues básicamente sus exportaciones se componen en buena medida de productos industriales asociados a recursos naturales, en donde

¹⁸ O'Neill, Jim. "Building Better Global Economic BRICs", *Global Economics Paper No. 66*, Goldman Sachs Research, 2001. Available at: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf> (accessed 01.10.2017).

los combustibles fósiles son el principal rubro de exportación y por mucho, mientras que sus importaciones son básicamente productos manufacturados.

Cuadro 1

Exportaciones e importaciones de Rusia en el mundo, principales capítulos

Exportaciones de Rusia al mundo		2015	TVAA 2000-2015
27	Combustibles y derivados	62.8	9.9
72	Hierro y Acero	4.4	6.1
99	Productos no especificados	3.1	-0.7
31	Fertilizantes	2.6	12.2
84	Aparatos mecánicos, calderas y sus partes	2.5	7.6
Total capítulos seleccionados		75.4	8.6
Importaciones de Rusia al mundo		2015	TVAA 2000-2015
84	Aparatos mecánicos, calderas y sus partes	18.7	14.8
85	Máquinas, aparatos y material eléctrico	11.5	17.3
87	Vehículos automóviles y sus partes	8.4	19.2
30	Productos farmacéuticos	4.8	13.8
39	Productos químicos diversos	4.2	16.4
Total capítulos seleccionados		47.6	16.0

Fuente: Elaboración propia con base en datos de COMTRADE

Se puede observar que en el rubro de las importaciones existe menor concentración que por el lado de las exportaciones rusas y que la tasa de crecimiento de los principales productos importados es mucho mayor.

Ahora bien, entre los rasgos que caracterizan el comercio entre Rusia y los países latinoamericanos debe resaltarse la desigual importancia de los diferentes intercambios bilaterales, en los que adquiere un peso destacado el comercio entre Rusia y Brasil, que representa el 34.3 % del comercio las exportaciones de Rusia a América Latina y el 36.4 por ciento de las importaciones en 2016, seguido a bastante distancia del comercio de Rusia con México por el lado de las exportaciones (20.4 %), Trinidad y Tobago (14.0 %), Venezuela (6.4 %), Cuba (4.1 %) y Perú (4.0 %), mientras que por el lado de las importaciones le seguirían, Ecuador (17.5 %), Paraguay (10.1 %), Argentina (9.9 %), México (9.3 %) y Chile (8.6 %). Los otros treinta y cuatro países (Colombia, Ecuador, Argentina, Chile, Guatemala, Uruguay, Costa Rica, República Dominicana, Islas Vírgenes Británicas, Nicaragua, Aruba, Honduras, Panamá, Paraguay, Islas Caimanes, El Salvador, Haití, Bolivia, Suriname, Belice, Jamaica, Guyana, San Vicente y las Granadinas, Dominica, Bahamas, Islas (Malvinas) Falkland, Santa Lucía, Antigua y Barbuda, Anguila, Barbados, Granada, Saint Kitts y Nevis, Islas Turks y Caicos y Montserrat) se reparten el 16.8 % de las exportaciones de Rusia y el 8.2 % de las importaciones (Uruguay, Colombia, Perú, Jamaica, Costa Rica, Cuba, Guatemala, República Dominicana, Honduras, Nicaragua, Bolivia, Guyana, Panamá, Venezuela, El Salvador, Bahamas, Trinidad

y Tobago, Haití, Barbados, Suriname, Santa Lucía, Islas (Malvinas) Falkland, Dominica, Saint Kitts y Nevis, Islas Vírgenes Británicas, Granada, Montserrat, Islas Turks y Caicos, Islas Caimanes, Belice, Anguila, Antigua y Barbuda, Aruba, San Vicente y las Granadinas) (datos calculados a partir de COMTRADE).

El peso de los países que aparentemente son aliados de Rusia (Venezuela, Cuba, Bolivia y Nicaragua), son más importantes para Rusia como mercado que como proveedores, pues representan el 11.1 % de las exportaciones rusas a los países de América Latina y el Caribe, pero apenas el 0.7 % de las importaciones. Si excluimos Venezuela por el lado de las exportaciones y consideramos Cuba, Bolivia y Nicaragua, apenas representarían el 4.6% de las exportaciones rusas a los países de América Latina y el Caribe. Es decir, Brasil, es por mucho el principal socio comercial de Rusia en América Latina (datos calculados a partir de COMTRADE).

Cuadro 2

Comercio de Rusia con América Latina y el Caribe (millones de dólares de USA a precios corrientes)

Año	Exportación (a)	Importación (b)	Intercambio (a+b)
1992	1382.0	540.8	1922.8
2000	4289.0	1210.7	5499.7
2005	5252.0	4237.1	9489.1
2006	5167.3	5632.7	10800.0
2007	5402.4	7423.4	12825.8
2008	6932.4	9030.8	15963.2
2009	3357.0	7024.0	10381.0
2010	4164.0	7999.5	12163.5
2011	6266.6	9332.8	15599.4
2012	6987.0	9369.8	16356.8
2013	8215.8	10616.6	18832.4
2014	6321.2	10062.1	16383.3
2015	4867.7	7687.2	12554.8
2016	5206.1	6928.7	12134.8

Fuente: Tomado de Davydov, Vladimir M (2016) de 1992 a 2011. 2012 a 2016 de <http://www.trademap.org>.

El comercio de Rusia con América Latina y el Caribe ha venido incrementándose desde el año 2000, con dos caídas, una por la crisis de 2007-2009 y otra a partir de 2013 que tiene que ver con la disminución de los precios de los *commodities*. El comercio de Rusia con América Latina y el Caribe tiene un incremento considerable que alcanza su punto más alto en 2013, sobre todo si tenemos en cuenta que en 1992 no llegaba siquiera a los 2 mil millones de dólares (ver cuadro 2).

Si analizamos los principales capítulos de exportaciones e importaciones de Rusia con América Latina, podemos observar que, en 2015, los principales produc-

tos son fertilizantes, hierro y acero, combustibles, maquinaria y equipo eléctrico, y caucho y sus manufacturas. Es decir, el grueso de las exportaciones rusas son materias primas y de industrias básicas, en donde los fertilizantes, hierro y acero son los principales rubros de exportación y por mucho, mientras que sus importaciones son básicamente productos primarios, casi se puede decir que América Latina y el Caribe es la despensa de Rusia.

Cuadro 3

Exportaciones e importaciones de Rusia de América Latina y el Caribe, principales capítulos

Exportaciones de Rusia a América Latina		2015	TVAA 2000-2015
31	Fertilizantes	49.7	12.7
72	Hierro y Acero	19.7	10.9
27	Combustibles	8.2	6.2
85	Maquinaria y equipo eléctrico	3.0	15.5
40	Caucho y sus manufacturas	2.8	18.5
Total capítulos seleccionados		83.4	11.5
Importaciones de Rusia al mundo		2015	TVAA 2000-2015
2	Carne y despojos comestibles	29.5	32.4
8	Frutas y frutos comestibles	17.9	13.5
12	Semillas y frutos oleaginosos; granos diversos	11.3	61.5
3	Pescados, crustáceos y moluscos	5.1	53.1
24	Tabaco y sucedáneos	3.9	11.2
Total capítulos seleccionados		67.6	20.9

Fuente: Elaboración propia con base a COMTRADE

Un aspecto interesante, es que si se analiza todo el periodo 2000-2015, aparece el capítulo 93 de armas, municiones, sus partes y accesorios como entre los 5 capítulos más importantes de las exportaciones de Rusia a América Latina. Aquí sólo se considera el año 2015 y la tasa de crecimiento media anual 2000-2015.

3. El comercio intra-industrial de Rusia con América Latina y el Caribe

En términos generales, se observa que el comercio entre Rusia y América Latina evidencia una escasa integración intra-industrial, predominando el comercio de carácter complementario (inter-industrial), básicamente productos primarios versus productos primarios. Sin embargo, ello no obsta para que también se observe un incipiente comercio intra-industrial.

Desde un punto de vista empírico, trataremos de mostrar a continuación en qué medida se observan avances en los flujos de comercio de carácter intra-indus-

trial o inter-industrial de Rusia con algunos países claves para sus relaciones comerciales con América Latina y el Caribe en el periodo 2000-2015.

Es importante analizar el comportamiento de su economía producido por un choque externo de esa magnitud, dada la dependencia que Rusia tenía del mercado CAME y los países que se independizaron con los cuáles tenía su propia división socialista del trabajo.

“En los años 90, Rusia disminuyó considerablemente su peso en la economía mundial e incluso en el comercio internacional en comparación con los tiempos de la Unión Soviética”¹⁹.

Con la desintegración de la URSS el intercambio comercial de Rusia con los países de América Latina y el Caribe decae bruscamente. En 1992 el intercambio llega a presentar solamente 1,4 mil millones de dólares, quiere decir, varias veces menor al nivel promedio anual alcanzado por la URSS en la década anterior, como consecuencia lógica de la destrucción del aparato económico de la URSS y la casi desaparición del soporte estatal que tenían las relaciones económicas internacionales y a la incapacidad de la joven empresa privada rusa de operar eficientemente en el mercado mundial²⁰

La mayoría de los estudios que se han realizado sobre Rusia no han abordado qué pasó con el comercio intra-industrial e inter-industrial y que adecuaciones se dieron sobre la marcha. Sin embargo, la peculiaridad de este análisis es que involucra el comercio de un país que fue la segunda potencia mundial, pero que se vio obligado a hacer cambios con recomposición de los socios comerciales y favoreciendo la inversión extranjera. En los años 90, Rusia disminuyó considerablemente su peso en la economía mundial e incluso en el comercio internacional en comparación con los tiempos de la Unión Soviética

La peculiaridad del comercio de Rusia es que se trata de un gran país con una economía de mercado que exhibe profundos desequilibrios y en la cual el comercio exterior es muy importante, ya que es superavitaria, pero con un comercio exterior muy concentrado en productos primarios, básicamente combustibles y que importa buena parte de los bienes manufacturados que consume. En 1988, hasta antes de la caída de la Unión Soviética el comercio de Rusia dependía de los países del Este y tenía escasa relación comercial con los países fuera del bloque. Cuba era su principal socio comercial en América Latina y el Caribe. En Cuba ese espacio fue ocupado por China.

¹⁹ Davydov, V. M. “Rusia en América Latina (y viceversa)”, *Nueva Sociedad*, No 226, marzo-abril de 2010, Buenos Aires, Argentina, 2010, 5.

²⁰ Davydov, V. M. *Latinoamérica: rutas del desarrollo y lazos con Rusia. Percepción desde Moscú*. Instituto de Latinoamérica, Academia de Ciencias de Rusia, Moscú, Federación Rusa, 2016.

El comercio entre Rusia y sus socios comerciales de América Latina y el Caribe tienen la característica de ser una especie de comercio periferia-periferia, productos primarios versus productos primarios.

3.1. El comercio intra-industrial de Rusia con algunos socios comerciales

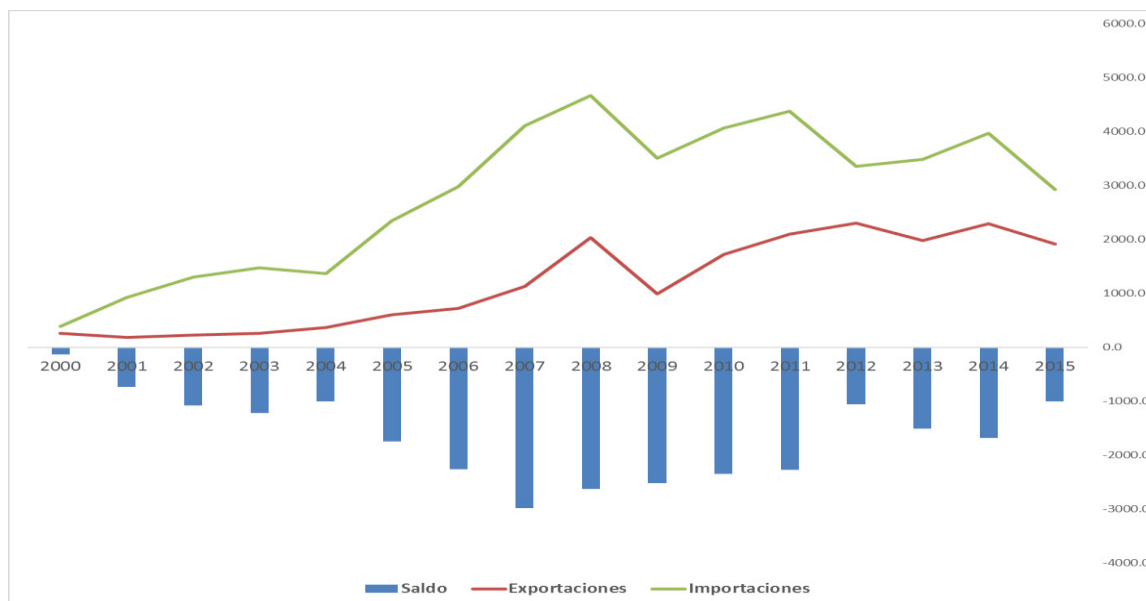
En este apartado nos interesa comprender que ha pasado en el comercio de Rusia con algunos países de América Latina, Brasil su principal aliado geopolítico en los BRICS y principal socio comercial, Cuba su principal aliado desde tiempos de la exURSS.

3.1.1 El comercio de Rusia con Brasil

Es necesario realizar la descripción de la tendencia del comercio internacional de Rusia en relación a Brasil, quien se suscribe como un aliado geopolítico de Rusia y principal socio comercial en América Latina y el Caribe.

Brasil se ha convertido en el principal socio comercial de Rusia en pocos años. El saldo de la balanza comercial es desfavorable para Rusia y para Brasil las importaciones de Rusia son cruciales para su sector agropecuario.

Gráfica 2. El comercio de Rusia con Brasil 2000-2015 (millones de dólares)

Fuente: Elaboración propia con base en UNCOMTRADE

Rusia tiene un déficit estructural en el comercio con Brasil, de 2000 a 2015, todos los años tuvo déficit.

Se puede ver que el grueso de las exportaciones de Rusia a Brasil es de fertilizantes y combustibles, ya que ambas representan el 87.2 por ciento de las exportaciones totales en 2015. Brasil exporta básicamente carne, semillas y tabaco a Rusia.

Principales exportaciones e importaciones de Rusia y Brasil (% en torno a valores)

Capítulos	Exportaciones		Importaciones	
	2000	2015	2000	2015
Fertilizantes	80.6	81.1	-	-
Combustibles	4.3	6.1	-	-
Caucho y su manufacturas	0.0	4.9	-	-
Hierro y acero	10.5	3.3	-	-
Sal, azufre, cemento	0.6	2.1	-	-
Carne y desechos comestibles	-	-	5.8	52.3
Semillas y frutos oleaginosos	-	-	0.0	9.6
Tabaco y sucedáneos	-	-	13.7	9.1
Azúcares	-	-	72.3	4.9
Hierro y acero	-	-	0.5	3.7

Fuente: elaboración propia con base en UNCOMTRADE

Las importaciones rusas de Brasil se encuentran menos concentradas y más diversificadas, ya que las principales 5 en 2000 eran equivalentes al 92.3 por ciento y en 2015 del 79.6 por ciento (Cuadro 3); hay un cambio sustantivo, los rusos pasaron de importar principalmente azúcar en 2000 a carne en 2015. Sin embargo, las 5 principales exportaciones rusas y sus 5 principales importaciones de Brasil son productos primarios o de industrias básicas. Es decir, el comercio de Rusia con Brasil aparece como un comercio periferia-periferia, de acuerdo a la visión del estructuralismo cepalino.

3.1.2. El comercio intra-industrial de Rusia con Brasil

En relación al comercio de Rusia con Brasil se trata de un comercio inter-industrial casi puro, que responde a la lógica de la vieja división internacional de trabajo. Es un comercio inter-industrial de tipo periferia-periferia. Esa la razón de que el Índice de Comercio Intra-industrial (ICI) y el Índice de Comercio Intra-industrial corregido (ICIC) sean de centésimas.

La gráfica 3, nos revela que el comercio intra-industrial es casi nulo, luego entonces se trata de comercio inter-industrial, que responde al modelo de ventajas comparativas clásicas.

3.2.1. El comercio de Rusia con Cuba

Rusia fue el aliado y sostén de la revolución cubana a partir de 1960 hasta 1989, cerca de tres décadas. Es necesario realizar la descripción de la tendencia del comercio internacional de Rusia en relación a Cuba, quien desde el punto de vista retórico se sigue suscribiendo como un aliado geopolítico de Rusia. Sin embargo, el comercio con la Isla pasó de varios miles de millones de dólares a apenas cientos. En 1992 el comercio de Rusia con Cuba ascendía a 832.1 millones de dólares y ya

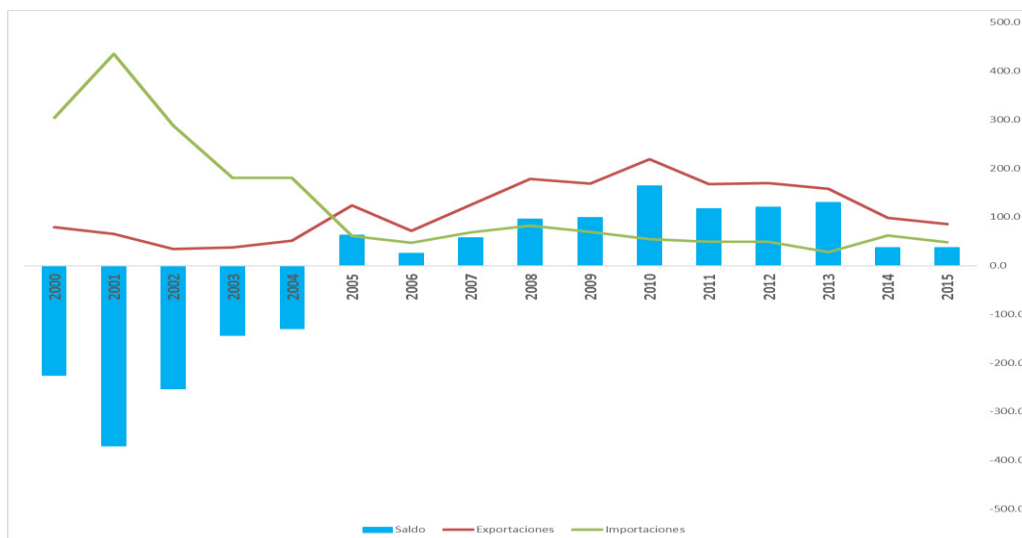
Gráfica 3. Índice de Comercio Intra-industrial y el corregido de Rusia con Brasil.

Fuente: Elaboración propia con base en UNCOMTRADE

venía en descenso por la caída de la URSS²¹. Eso se debió a que, en los años 90, Rusia disminuyó considerablemente su peso en la economía mundial e incluso en el comercio internacional en comparación con los tiempos de la Unión Soviética. Uno de los vínculos más perjudicados fue el latinoamericano, en especial con aquellos países con los que se había construido una relación político-estratégica, como Cuba (Davydov, 2010), que era su principal socio comercial en América Latina y el Caribe.

Gráfica 4. El comercio de Rusia con Cuba 2000-2015 (millones de dólares)

Fuente: Elaboración propia con base en UNCOMTRADE

²¹ "Según las estadísticas soviéticas, la porción cubana en el intercambio total con la región desde los años 60 nunca se disminuyó por debajo de 70% superando a mediados de 80 el 80% del volumen agregado de Latinoamérica" (pp 89)

Las importaciones de Rusia provenientes de Cuba han experimentado un descenso por lo menos durante el periodo de 2001 a 2005 y se han estabilizado por debajo de los 85 millones de dólares de 2005 a 2015, lo que indica que Cuba ha dejado de ser proveedor importante de Rusia. Sin embargo, las exportaciones de Rusia han venido creciendo de forma errática, pero de tal suerte que a partir de 2005 Rusia comienza a tener un superávit comercial con la Isla. Las importaciones cubanas de Rusia son cruciales en muchos de sus sectores y ramas económicas, ya que su débil planta industrial dependía de la tecnología soviética y Cuba proveía de productos tropicales a la exUnión Soviética. En términos generales, aunque disminuida en los flujos, se conserva el patrón de comercio.

Cuadro 5

Principales exportaciones e importaciones de Rusia y Cuba (% en torno a valores)

Capítulos	Exportaciones		Importaciones	
	2000	2015	2000	2015
Máquinas y aparatos mecánicos	99.4	82.2	-	-
Vehículos y tractores	0.1	8.6	-	-
Manufacturas de hierro y acero	0.0	6.3	-	-
Aparatos y material eléctrico	0.4	1.1	-	-
Papel y cartón	0	0.7	-	-
Azúcar y confitería	-	-	99.4	90.6
Tabaco	-	-	0.0	5.0
Bebidas y líquidos alcohólicos	-	-	0.1	3.9
Café	-	-	0.0	0.4
Preparaciones de hortalizas	-	-	0.0	0.1

Fuente: Elaboración propia con base en UNCOMTRADE

Se puede observar que lo grueso de las importaciones de Rusia procedentes de Cuba son casi totalmente de azúcar, en 2000 y en 2015. Sin embargo, en este último año, los 5 primeros capítulos, representan el 100.0 % de las importaciones de Rusia provenientes de Cuba. Se trata de productos primarios, destacando el azúcar.

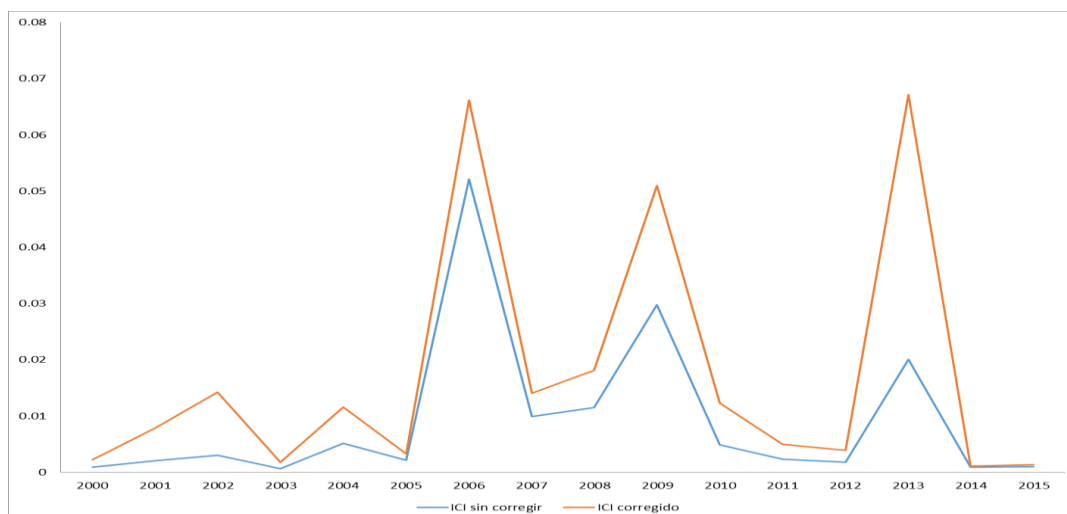
En relación a las exportaciones a Cuba procedentes de Rusia se puede observar que se trata de productos manufacturados, pero que hay mayor diversificación y menor concentración, pero responden a la lógica de la dependencia tecnológica que tenían de la ex-Unión Soviética y ahora con Rusia. Se trata de un comercio de tipo centro-periferia.

3.2.2. El comercio intra-industrial de Rusia con Cuba

En relación al comercio de Rusia con Cuba, se repite la historia, se trata de un comercio inter-industrial casi puro, que responde a la lógica de la vieja división internacional de trabajo. Es un comercio inter-industrial, pero de tipo centro-periferia entre países del Sur, ya que Rusia exporta bienes manufactureros e importa produc-

tos primarios. Esa la razón de que el Índice de Comercio Intra-industrial (ICI) y en Índice de Comercio Intra-industrial corregido (ICIC) sean de centésimas.

Gráfica 5. Índice de Comercio Intra-industrial y el corregido de Rusia con Cuba.

Fuente: Elaboración propia con base en UNCOMTRADE

La gráfica 4, nos indica que el comercio intra-industrial es casi nulo, luego entonces se trata de comercio inter-industrial. Es decir, se repite la misma historia que con Brasil, pero agravada ya que las exportaciones de Cuba son básicamente azúcar y las importaciones productos manufacturados.

Conclusiones

Desde 2000 la composición del comercio exterior de Rusia con América Latina y el Caribe y con dos países analizados: Brasil y Cuba ha evolucionado hacia la especialización “natural” de Rusia: exportación de productos primarios e importaciones de carne, semillas y frutos oleaginosos, azúcar, tabaco y bebidas alcohólicas.

El comercio de Rusia con América Latina no es significativo, excepto con Brasil, pero aun así no está dentro de sus 15 principales socios comerciales. En 2016, Brasil ocupa el lugar 37 de los destinos de las exportaciones rusas y el 15 en las importaciones. Cuba, por su parte, que es una economía pequeña, que era el principal socio comercial de la URSS. Sin embargo, con Rusia, después no aparece en estadísticas del comercio exterior cubano hasta principios del 2000. Se observa que Rusia, ha venido disminuyendo la importancia de este mercado, ya que en el 2001 el comercio bilateral llegó a rebasar los 500 millones de dólares, mientras que en 2016 es de apenas 248.1 millones de dólares. Cuba en 2016 ocupaba el lugar 90 como destino de las exportaciones rusas y el 93 en las importaciones de Rusia. Y eso que en 2016 Rusia aumentó su participación como resultado del proceso de distensión de

Cuba con los Estados Unidos de América y con el afán de no abandonar a su antiguo socio, pero el comercio es escaso, apenas el 0.02 de las importaciones de Rusia y el 0.07 % de las exportaciones (Datos calculados a partir de COMTRADE).

La ausencia de comercio intra-industrial relevante entre Rusia y sus socios comerciales analizados, demuestra que la industria manufacturera rusa no es relevante en el comercio exterior y que probablemente, la crisis de inversión productiva después de la caída de la Unión Soviética, la industria rusa se reorientó a las materias primas y productos industriales de la industria extractiva, básicamente combustibles, en los que tiene ventajas comparativas reveladas. Sin embargo, la pérdida de capacidad productiva desde inicios de los años 90 fue tan significativa que impactó la acumulación y modernización de capacidades productivas acordes con el cambio tecnológico acelerado que vive el mundo desde fines de siglo pasado y principios de este, así que Rusia se ha insertado en el mundo como proveedor de productos primarios y se mantiene anclado a la vieja división del trabajo basada en las ventajas comparativas y su comercio intra-industrial es incipiente. Se trata de comercio complementario y de bienes homogéneos.

Bibliografía

9. Balassa, B., 'European integration: Problems and Issues', *American Economic Review*, 1963, vol. 30.
10. Davydov, V. M. "Rusia en América Latina (y viceversa)", *Nueva Sociedad* No 226, marzo-abril de 2010, Buenos Aires, Argentina.
11. Davydov, V. M. *Latinoamérica: Rutas Del Desarrollo Y Lazos Con Rusia. Percepción desde Moscú*. Instituto de Latinoamérica, Academia de Ciencias de Rusia, Moscú, Federación Rusa, 2016.
12. Vladímir M. Dussel, E & León-González, A., 'El comercio intra-industrial en México, 1990-1999', *Comercio Exterior*, 2001, vol. 51, no. 7, México.
13. Greenaway, D & Hine, RC., 'Intra-Industry Specialization, Trade Expansion and Adjustment in the European Economic Space,' *Journal of Common Market Studies*, 1991, vol. 29, no. 6, pp. 603-622.
14. Grossman GM & Helpman, E., 'Trade, Innovation and Growth', *American Economic Review* (Papers and Proceedings), 1990, vol. 80, pp. 86-91.
15. Grubel, Herbert G. Intra-industry specialization and the pattern of trade, *Canadian Journal of Economics and Political Science* XXXIII, 1967, 347-388.
16. Heckscher, E., 'The Effects of Foreign Trade on the Distribution of Income,' *Ekonomisk Tidskrift*, 1919, vol. 21, pp. 497-512.
17. Helpman, E., "Trade, FDI, and the Organization of Firms", *Journal of Economic Literature*, XLIV, 2006, 589-630.
18. Krugman, P., 'Growing World Trade: Causes and Consequences', *Brookings Papers on Economic Activity*, 1995, vol. 1, pp. 327-377.

19. López, J.; Rodil, O. y Valdez, S, The impact of China's incursion into the North American Free Trade Agreement (NAFTA) on intra-industry trade. En: CEPAL Review, 2014, 114, pp. 83-100.
20. Navaretti, G.B.; Haaland, J.I. and Venables, A. *Multinational corporations and global production networks: the implications for trade policy*, CEPR report for the European Commission, 2002.
21. OCDE, "Intra-industry and intrafirm trade and the internalization of production", *Economic Outlook* 71, París, 2002.
22. Ohlin, B. *Interregional and International Trade*, Harvard University Press, Cambridge, 1933.
23. O'Neill, Jim (2001). "Building Better Global Economic BRICs", *Global Economics Paper* No. 66, Goldman Sachs Research, 2001. Available at: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf> (accessed 01.10.2017).
24. Rodil Marzábal Óscar, María del Carmen Sánchez Carreira, Jorge Alberto López Arévalo y Emmanuel Arrazola Ovando, *Avances en el Patrón de Comercio Intra-industrial entre la Unión Europea y América Latina: Los casos de Brasil y México*, Scharlau GmbH, Hamburgo, Alemania, 2016.
25. Verdoorn, P. J., "The intra-bloc trade of Benelux", in E. A. G. Robinson (ed.), *The economic consequences of the size of nations*, New York: Macmillan, 1960, 291-329.
26. Base de datos de UNCTAD World Investment Report 2017: Annex Tables. Available at: <http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (accessed 10.09.2017).

Nexos en la participación de Rusia e Iberoamérica en las cadenas globales de valor desde la óptica del comercio en valor añadido

Nexus in the participation of Russia and Latin America in global value chains from the point of view of trade in value added

Resumen: El contenido de los flujos comerciales internacionales viene determinado en la actualidad por la creciente fragmentación productiva que deriva en el concepto de cadenas globales de valor. La medición del comercio en valor añadido permite descomponer los flujos de valor agregado generados en cada país en el marco de estas cadenas de producción a escala global, eliminando el sesgo de la doble contabilización del comercio en bruto. En este trabajo se analizan las pautas de participación de Rusia y de siete países iberoamericanos (Argentina, Brasil, Chile, Colombia, Costa Rica, México y Perú) en las cadenas globales de valor a partir de su comercio en valor añadido. Los resultados muestran en general crecientes encadenamientos productivos entre Rusia e Iberoamérica, aunque con matices diferenciados entre países.

Palabras clave: Cadenas globales de valor; Comercio en valor añadido; Rusia; Iberoamérica.

Abstract: The content of international trade flows is increasingly determined by international fragmentation of production that results in the concept of global value chains. The measurement of trade in value-added allows to decompose the value-added flows generated in each country within these production chains on a global scale, eliminating the bias of double counting of gross trade. This paper analyzes the participation patterns of Russia and seven Ibero-American countries (Argentina, Brazil, Chile, Colombia, Costa Rica, Mexico and Peru) in global value chains throughout their trade in value added. In general, results show increasing productive linkages between Russia and Ibero-America, although with differences among countries.

Key words: Global value chains; Trade in value added; Russia; Ibero-America.

¹ España. Autor principal; Profesor Doctor de Economía Aplicada; Universidade de Santiago de Compostela; oscar.rodil@usc.es

² España. Autor secundario; Doctorando en Economía y Empresa; Universidade de Santiago de Compostela; josemanuel.martin@usc.es

1. Introducción: fragmentación productiva y comercio en valor añadido.

En la configuración actual del comercio adquiere cada vez mayor relevancia el concepto de Cadena Global de Valor (CGV), entendido como el conjunto de fases de generación de valor a lo largo de un proceso productivo, que se ubican en diferentes países y culminan con la elaboración de un producto final. De este modo, las relaciones comerciales entre países resultan condicionadas por la existencia de procesos productivos conectados entre sí, a modo de cadena de producción internacional, que conllevan la aportación sucesiva de valor por parte de los países participantes.

En el estudio de las CGV, se encuentran antecedentes en Gereffi³, con referencia a las cadenas globales de materias primas; en Hummels et al.⁴, con referencia a la especialización vertical; en Baldwin⁵, aludiendo a las cadenas globales de suministro; o en Gandoy et al⁶, en alusión a las redes de producción internacional.

Entre los rasgos definitorios de las CGV destaca la fragmentación de los procesos productivos a escala internacional, de tal modo que los productos finales dejan de ser producidos en un único país y pasan a ser fabricados en un amplio número de países (*made in World*). De ello se deriva un comercio de mayor complejidad que el tradicional, con múltiples flujos, especialmente de insumos intermedios, que incorporan el valor añadido en las sucesivas etapas del proceso productivo. El comercio asociado a las CGV está liderado por las empresas multinacionales, que son las que disponen de la estructura, tamaño y capacidad necesaria para organizar el funcionamiento de procesos productivos con eslabonamientos a lo largo de diferentes fronteras nacionales.

Este trabajo aborda una aproximación al fenómeno de la fragmentación productiva internacional con atención a los casos de Rusia y de siete países de Iberoamérica (Argentina, Brasil, Chile, Colombia, Costa Rica, México y Perú) y que se basa en la descomposición del comercio en flujos internacionales de valor añadido (comercio en valor añadido). Para ello se parte de la información estadística disponible en la base de datos TiVA (*Trade in Value Added*) de la OCDE y la OMC. De este modo, además de sortear el sesgo de la doble contabilización asociado a las mediciones convencionales, la medición del comercio en valor añadido permite

³ Gary Gereffi, «International trade and industrial upgrading in the apparel commodity chain», *Journal of International Economics* 48:1, Mayo 1999, 37-70.

⁴ David Hummels, Jun Ishii, Kei-Mu Yi, «The nature and growth of vertical specialization in world trade», *Journal of International Economics* 54:1, Junio 2001, 75-96.

⁵ Richard Baldwin, *Global supply chains: Why they emerged, why they matter, and where they are going*, CEPR Discussion paper No. DP9103, Center for Economic Policy Research, Agosto 2012

⁶ Rosario Gandoy, Carmen Díaz, David Córcoles, «La inserción en redes de producción como vía de internacionalización para las PYMES más capaces», *Información Comercial Española* 877, Marzo-Abril 2014, 131-148.

capturar de qué forma y con qué intensidad la fragmentación productiva internacional afecta al comercio de los países participantes.

Consecuentemente, se puede analizar la participación en las CGV a partir de diversos indicadores⁷, que permiten comparar los diferentes patrones de inserción, tanto a nivel cuantitativo como cualitativo. Un primer índice es el índice de participación “hacia atrás” (IPR), que se calcula como el cociente entre el valor añadido foráneo (previamente importado) y las exportaciones brutas del país de referencia ($IPR = VAF/EXP$) y expresa qué proporción del valor exportado corresponde a valor generado en otros países. El IPR mide la importancia de los encadenamientos productivos “hacia atrás” en la CGV. Un segundo índice es el índice de participación “hacia adelante” (IPP), que se calcula como el cociente entre el valor añadido doméstico incluido en las exportaciones de otros países y las exportaciones brutas del país de referencia ($IPP = VADI/EXP$). El IPP mide la importancia de los encadenamientos productivos “hacia adelante”.

A modo de síntesis, se calcula el índice de participación total (IPT), que mide la importancia conjunta de los encadenamientos productivos de un país en el marco de las CGV y que se calcula como la suma de los dos índices de participación señalados ($IPT = IPR + IPP$). Se trata de un índice que permite una medición “global” de la inserción de un país en las CGV. Por último, también existe la posibilidad de calcular el índice de posición (IPO), a partir de la diferencia entre los índices de participación ($IPO = IPP - IPR$), el cual permite apreciar el perfil predominante de inserción en las CGV, observando si predominan los encadenamientos hacia adelante ($IPO > 0$) o si bien la inserción en las CGV del país de referencia incorporar predominantemente encadenamientos hacia atrás.

Todo lo anterior permite un mejor conocimiento del perfil de inserción comercial y productiva de las economías analizadas, tanto a nivel global (Sección 3) como en cuanto a los encadenamientos compartidos (Sección 4) en el marco de la fragmentación productiva internacional. Con carácter previo (Sección 2) resulta pertinente una breve aproximación a los principales rasgos y evolución del comercio desde una perspectiva más general.

2. Aproximación panorámica al comercio entre Rusia e Iberoamérica

Entre los rasgos que caracterizan el comercio entre Rusia y los siete países iberoamericanos analizados debe resaltarse la desigual importancia de los diferentes intercambios bilaterales, en los que adquiere un peso destacado el comercio entre Rusia y Brasil, que representa el 58,7 % del comercio bilateral entre ambas áreas

⁷ Robert Koopman, William Powers, Zhi Wang, Shang-Jin Wei, *Give credit where credit is due: Tracing value added in global production chains*, Working Paper 16426, National Bureau of Economic Research, Septiembre 2010.

en 2011, seguido a bastante distancia del comercio de Rusia con Argentina (14 %) y México (12,8 %). Los otros cuatro países (Chile, Colombia, Costa Rica y Perú) se reparten el 15 % de comercio bilateral restante.

A estas asimetrías ha contribuido la espectacular evolución del comercio entre Rusia y Brasil a lo largo del período analizado tanto en el ámbito de las exportaciones (Gráfico 1) como de las importaciones (Gráfico 2), que ha visto aumentada en casi diez puntos porcentuales su peso en el conjunto del comercio bilateral de Rusia con Iberoamérica.

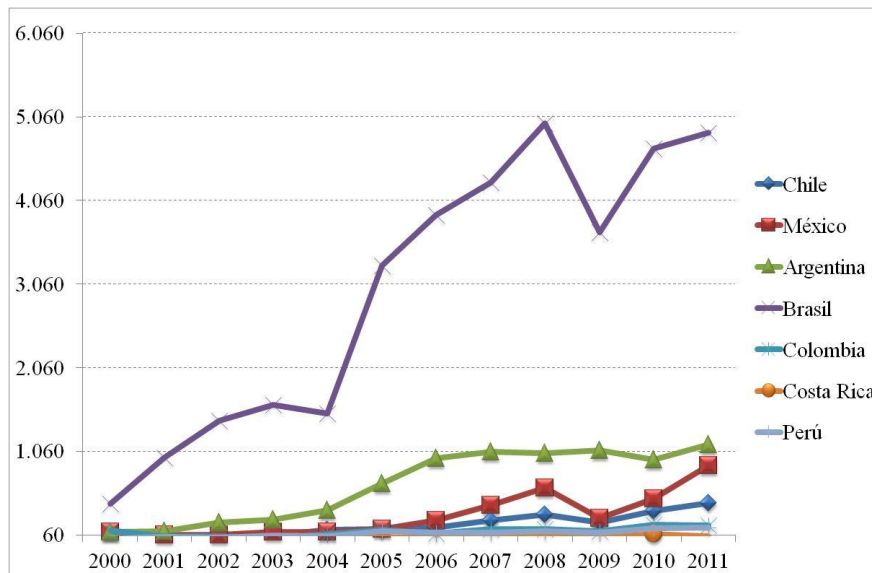

Gráfico 1. Exportaciones de países de Iberoamérica a Rusia (millones de dólares)

Fuente: Base de datos TiVA (OCDE, OMC)

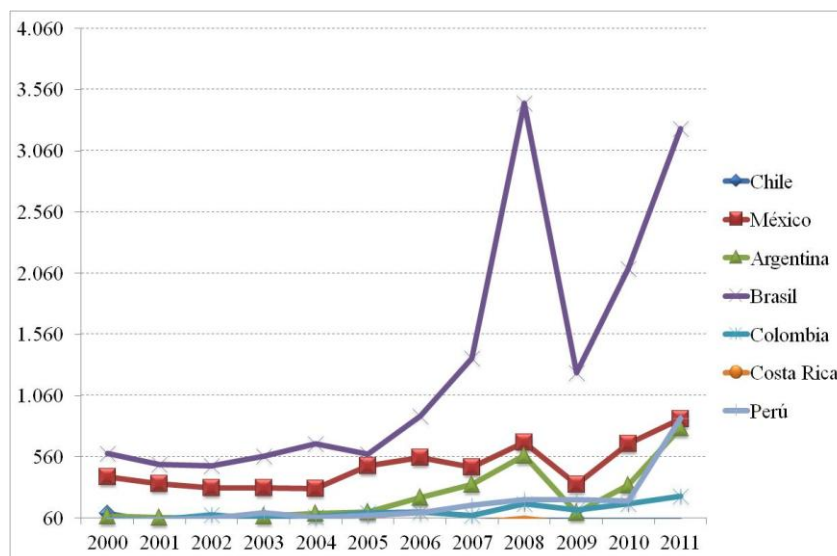

Gráfico 2. Importaciones de países de Iberoamérica con origen en Rusia (millones de dólares)

Fuente: Base de datos TiVA (OCDE, OMC)

Otro rasgo significativo del comercio de Rusia con estos 7 países de Iberoamérica es el saldo superavitario que se observa con carácter general, aunque de manera destacada en el caso de Brasil. La excepción la constituye México, con un déficit persistente con Rusia, aunque con tendencia al equilibrio al final del período, siendo Perú la nueva excepción.

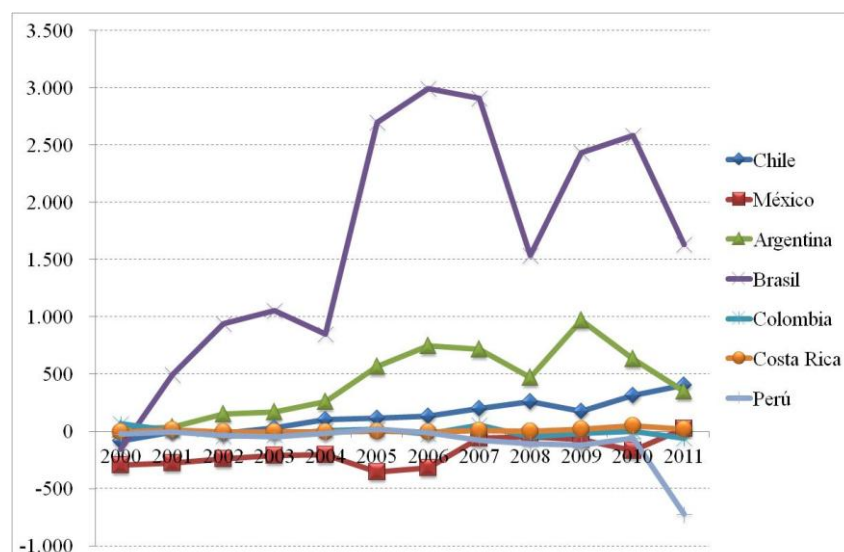

Gráfico 3. Saldo comercial de países de Iberoamérica con Rusia (millones de dólares)

Fuente: Base de datos TiVA (OCDE, OMC)

3. Pautas de la inserción de Rusia e Iberoamérica en las cadenas globales de valor

El comercio de productos intermedios, reflejo de la fragmentación productiva internacional, representa en la actualidad una porción preponderante del comercio total, destacando su elevada importancia en el caso de Rusia (más del 70 % del comercio total en 2011) y con un peso entre el 50 y el 70 % en el caso de los siete países iberoamericanos. No obstante, en el caso de Rusia, contrariamente a lo que ocurre en el caso de Iberoamérica, se observa un descenso en el peso de este tipo de comercio a lo largo del período considerado (Gráfico 4).

Cuando se considera el comercio en valor añadido, se observa una tendencia generalizada a la creciente participación del comercio asociado a CGV, con índices de participación total en ascenso a lo largo del conjunto del período (Gráfico 5). Rusia y Chile destacan por presentar en la actualidad los mayores índices de participación total en CGV del conjunto de países analizados, con índices superiores al 50 %, aunque Rusia es el único país que muestra un cierto retroceso en su participación en CGV entre los años 2000 y 2011. Otros países con una notable participación en CGV

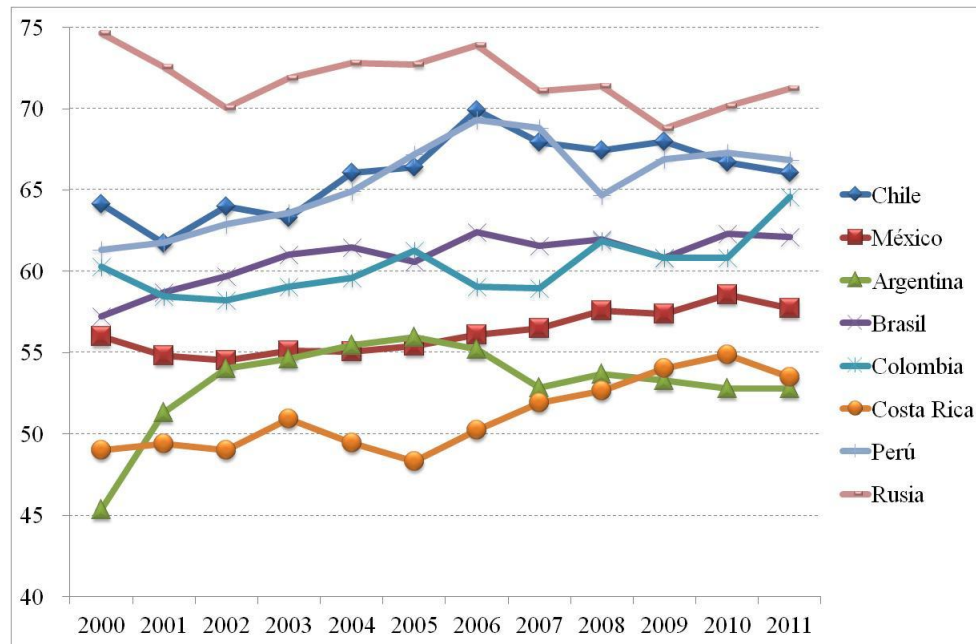

Gráfico 4. Comercio de productos intermedios (porcentaje sobre comercio total)

Fuente: Elaboración propia a partir de base de datos TiVA (OCDE, OMC)

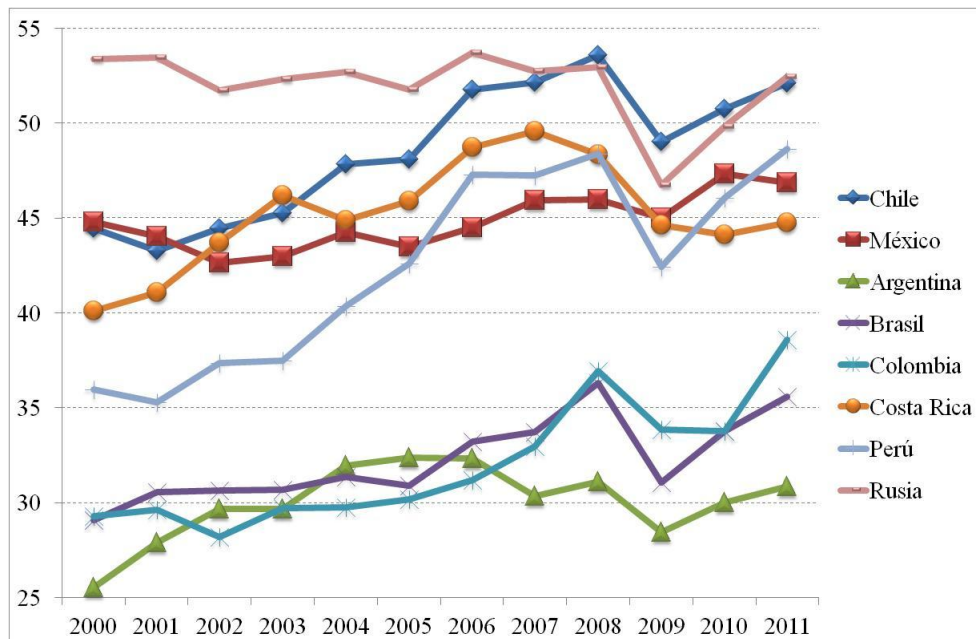

Gráfico 5. Índice de participación total en cadenas globales de valor (% sobre exportaciones brutas)

Fuente: Elaboración propia a partir de base de datos TiVA (OCDE, OMC)

(entre el 45-50 %) son Perú, México y Costa Rica. Por su parte, Colombia, Brasil y sobre todo Argentina, aunque con una evolución creciente, exhiben los niveles más reducidos de participación, con índices entre el 30-40 %.

Atendiendo al tipo de encadenamientos predominantes, el índice de posición revela claros contrastes en el perfil de inserción de estos países (Gráfico 6). En este sentido, el perfil más extendido es el que presentan Rusia y 5 de los 7 países analizados (Perú, Colombia, Brasil, Chile y Argentina), con predominio de los encadenamientos productivos hacia adelante (índice de posición > 0), aunque con tendencia a anularse en el caso de Argentina. La excepción a este perfil de inserción progresivo la protagonizan México y Costa Rica, que destacan por el predominio de los encadenamientos productivos hacia atrás; lo que se traduce en una fuerte componente foránea en el contenido de sus exportaciones.

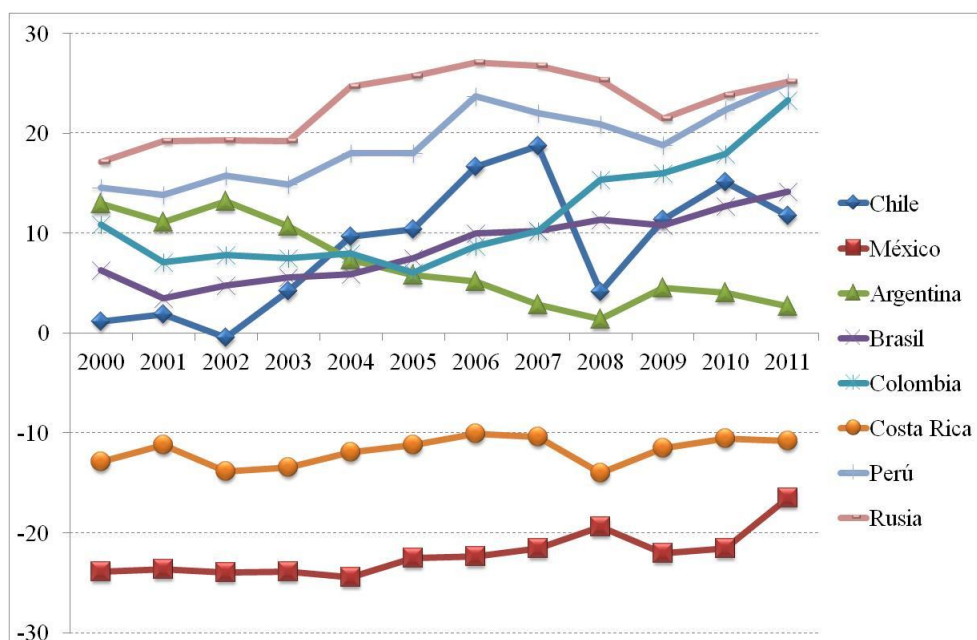

Gráfico 6. Índice de posición en cadenas globales de valor

Fuente: Elaboración propia a partir de base de datos TiVA (OCDE, OMC)

4. Inserción compartida de Rusia e Iberoamérica en las cadenas globales de valor

El análisis de la participación compartida de Rusia e Iberoamérica en las CGV adquiere un especial interés en tanto que revela la contribución conjunta en el proceso de fragmentación productiva internacional, así como su traducción en forma de vínculos comerciales. Con este objetivo, en este epígrafe se analiza el porcentaje de participación de Rusia en los encadenamientos productivos de los 7 países iberoamericanos considerados y viceversa.

Un primer rasgo a destacar es que Rusia presenta, en general, un mayor grado de participación en los encadenamientos productivos de estos países iberoamericanos que a la inversa. En lo que se refiere a los encadenamientos hacia atrás, salvando

alguna excepción puntual, la participación de Rusia oscila entre el 1-2 % del total de los encadenamientos hacia atrás de los 7 países iberoamericanos (Gráfico 7); mientras que a la inversa la mayoría de estos países no supera el 0,4 % del total de los encadenamientos hacia atrás de Rusia y sólo Brasil se aproxima al 0,8 % (Gráfico 9). Algo similar sucede en el caso de los encadenamientos hacia adelante (Gráficos 8 y 10), donde Rusia también exhibe una mayor importancia relativa para la inserción de Iberoamérica en las CGV que a la inversa.

En cuanto a las tendencias, se observa un predominio del aumento de la participación de Rusia como origen del valor añadido foráneo incorporado en las exportaciones de los países iberoamericanos, a excepción de Chile (Gráfico 7) así como portadora hacia terceros países de valor añadido con origen en Iberoamérica, excepto Colombia y en menor medida México (Gráfico 8).

Sin embargo, dicha tendencia no se manifiesta con la misma generalidad en el caso de la participación de los países de Iberoamérica en los encadenamientos productivos de Rusia (Gráficos 9 y 10), con notables excepciones como la de México que, aún siendo un importante copartícipe de Rusia en las CGV, ha perdido peso relativo. Finalmente, como caso particular a destacar, cabe mencionar la creciente importancia de Brasil como eslabón de la participación de Rusia en las CGV, especialmente en lo que se refiere a los encadenamientos hacia atrás de Rusia.

5. Conclusiones

Tanto Rusia como Iberoamérica no han permanecido ajenas al proceso de fragmentación productiva internacional y a la consecuente emergencia de las CGV. Así queda reflejado en los resultados de este trabajo, que ha ido más allá del análisis de su inserción en el contexto mundial. En este sentido, el estudio de la participación compartida permite conocer el grado de inserción conjunta en estos procesos globales, poniendo de manifiesto la creciente colaboración de ambas áreas territoriales, salvo algunas excepciones puntuales.

Así mismo, los datos revelan la existencia de notables asimetrías en el grado de inserción comercial y productiva por países, destacando el crecimiento exponencial de la importancia de Brasil en el contexto de las relaciones económicas entre Rusia e Iberoamérica, en contraste con la pérdida de importancia de otras economías, como el caso de México.

En última instancia los resultados apuntan a la necesidad de seguir avanzando en el estudio de los determinantes que explican la creciente inserción conjunta de Rusia e Iberoamérica en el marco emergente de las cadenas globales de valor, para lo que se hace pertinente profundizar en los niveles meso y micro de dichos procesos.

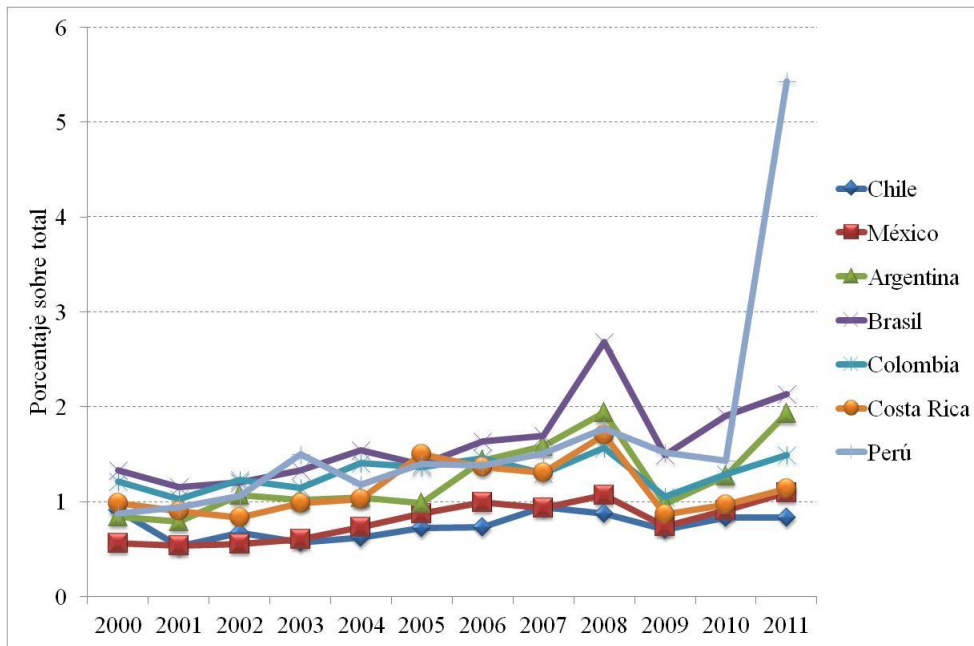

Gráfico 7. Participación de Rusia en los encadenamientos hacia atrás de países de Iberoamérica

Fuente: Elaboración propia a partir de base de datos TiVA (OCDE, OMC)

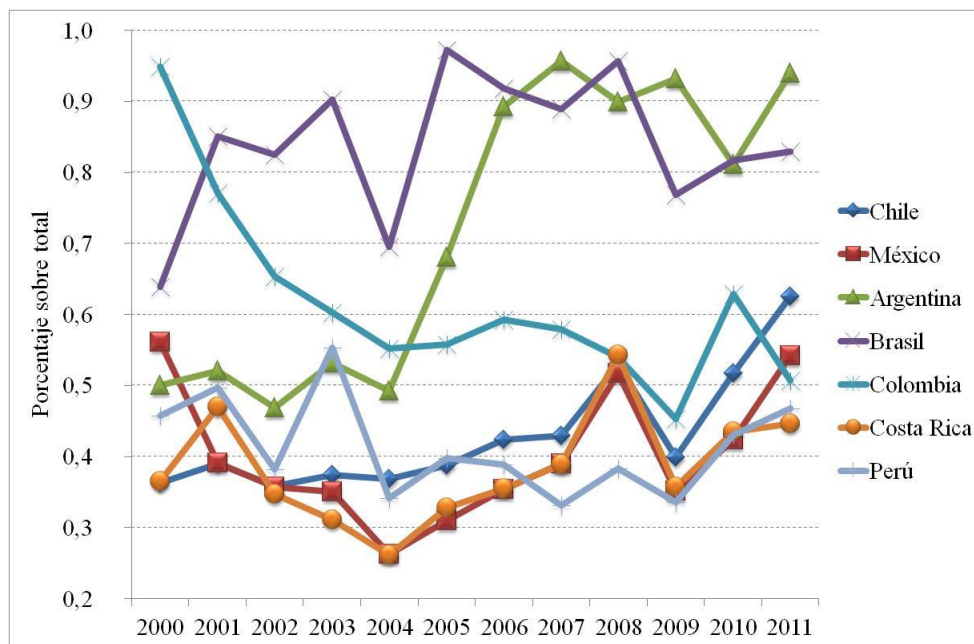

Gráfico 8. Participación de Rusia en los encadenamientos hacia delante de países de Iberoamérica

Fuente: Elaboración propia a partir de base de datos TiVA (OCDE, OMC)

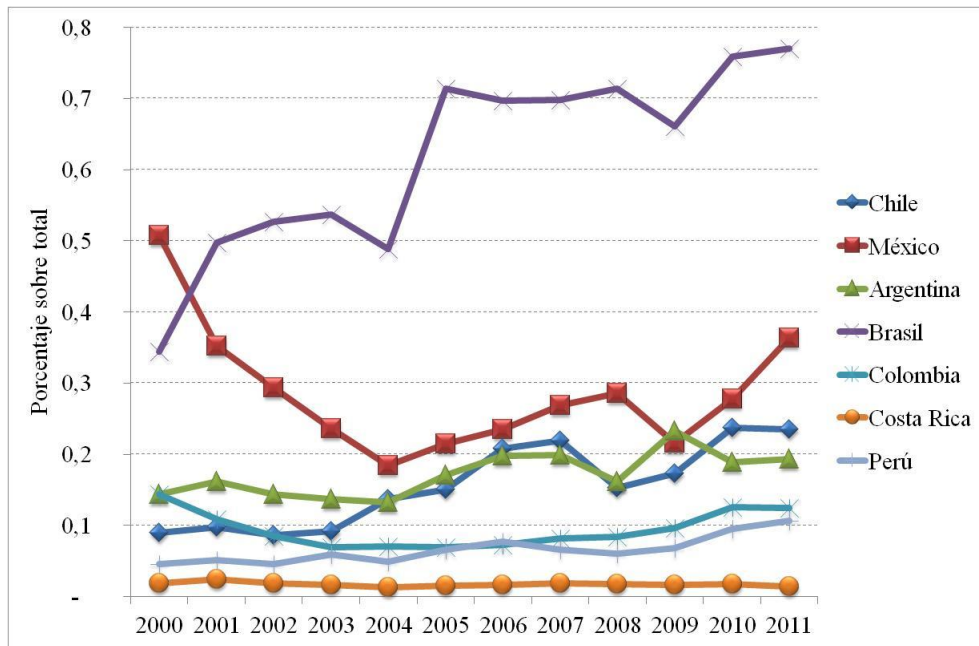

Gráfico 9. Participación de países de Iberoamérica en los encadenamientos hacia atrás de Rusia

Fuente: Elaboración propia a partir de base de datos TiVA (OCDE, OMC)

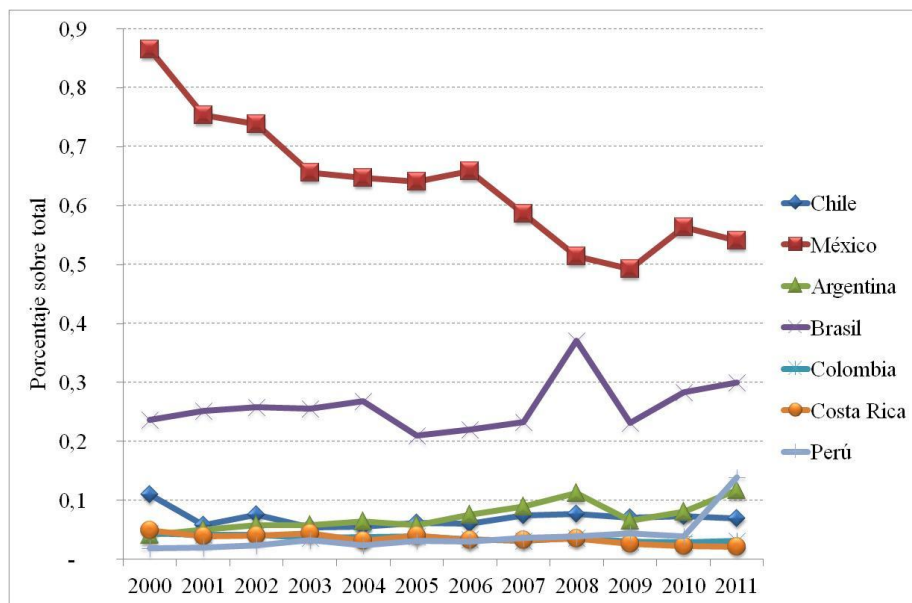

Gráfico 10. Participación de países de Iberoamérica en los encadenamientos hacia adelante de Rusia

Fuente: Elaboración propia a partir de base de datos TiVA (OCDE, OMC)

Bibliografía

1. Gary Gereffi, “International trade and industrial upgrading in the apparel commodity chain”, *Journal of International Economics* 48:1, Mayo 1999, 37-70.
2. David Hummels, Jun Ishii, Kei-Mu Yi, “The nature and growth of vertical specialization in world trade”, *Journal of International Economics* 54:1, Junio 2001, 75-96.
3. Richard Baldwin, *Global supply chains: Why they emerged, why they matter, and where they are going*, CEPR Discussion paper No. DP9103, Center for Economic Policy Research, Agosto 2012.
4. Rosario Gandoy, Carmen Díaz, David Córcoles, “La inserción en redes de producción como vía de internacionalización para las PYMES más capaces”, *Información Comercial Española* 877, Marzo-Abril 2014, 131-148.
5. Robert Koopman, William Powers, Zhi Wang, Shang-Jin Wei, *Give credit where credit is due: Tracing value added in global production chains*, Working Paper 16426, National Bureau of Economic Research, Septiembre 2010.

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ СО СТРАНАМИ МИРА

А. Г. Коваль, С. Ф. Сутырин, О. Ю. Трофименко¹

Страны Латинской Америки и ЕС в ВТО: особенности взаимодействия

Latin American countries and the EU in the WTO: characteristics of relationship

Резюме: Европейский союз является значимым торговым партнером для стран Латинской Америки в настоящее время. Структура торговли между ЕС и государствами региона, с одной стороны, объясняет возможности для укрепления сотрудничества в виду ее комплементарного характера. С другой стороны, наблюдаются некоторые ограничения для диверсификации торговых связей. Несмотря на то, что существует определенный ряд разногласий, которые отражаются в применяемых протекционистских мерах и инициируемых торговых спорах, ЕС и латиноамериканский регион продолжают наращивать торговые взаимосвязи. Замедление переговоров в ВТО привело к усилению интеграционных процессов между Европой и Латинской Америкой, в том числе и на межрегиональном уровне, что обозначает как новые возможности, так и трудности на пути укрепления сотрудничества.

Ключевые слова: внешняя торговля; протекционистские меры; интеграция; межрегионализм; торговые споры; ВТО; ЕС; Латинская Америка.

Abstract: The European Union nowadays is a significant trade partner for the Latin America countries. The structure of trade between the EU and Latin America, on the one hand, explains the opportunities for strengthening the cooperation from the perspective of its complementary nature. On the other hand, there are some limitations

¹ Коваль Александра Геннадьевна — соавтор, к.э.н., доцент кафедры мировой экономики экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, a.koval@spbu.ru; Сутырин Сергей Феликсович — соавтор, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой мировой экономики экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, s.sutyurin@hotmail.com; Трофименко Ольга Юрьевна — соавтор, к.э.н., доцент кафедры мировой экономики экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, o.trofimenko@spbu.ru; исследование подготовлено в рамках проекта «Жан Моне — Европейский модуль», реализуемого кафедрой мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета.

on the diversification of their trade relations. Despite the fact that there is a number of disagreements that are reflected in the applied protectionist measures and initiated trade disputes, the EU and the Latin American region continue to develop trade relations. The slowdown in the WTO negotiations has led to an intensification of the integration processes between Europe and Latin America, including at the interregional level, which means both new opportunities and difficulties in strengthening the cooperation.

Key words: foreign trade; protectionist measures; integration; interregionalism; trade disputes; WTO; EU; Latin America.

Современная система регулирования международной торговли претерпевает определенные изменения, что оказывает влияние на формирование торговой политики государств. Это отражается на стратегии ведения переговоров, как в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), так и на региональном уровне, и в двухстороннем формате сотрудничества. Трансформацию торговых взаимосвязей можно наблюдать в развитии торговых отношений между Европейским союзом (ЕС) и Латинской Америкой.

Европейский союз является традиционным партнером для многих стран Латинской Америки. С начала XXI в. торговля между ними возросла примерно в 3 раза². В 2016 г. доля ЕС в общем экспорте и импорте латиноамериканского региона составила около 12,9 % и 13,4 % соответственно. Удельный вес Латинской Америки в торговле европейского интеграционного блока намного менее значителен — около 2 %³. Однако стратегически присутствие Евросоюза в регионе представляется весьма значимым⁴. Интерес ЕС к Латинской Америке подтверждают проводимые саммиты ЕС — СЕЛАК (Сообщество латиноамериканских и карибских государств)⁵.

В 2016 г. товарооборот Европейского союза со странами Латинской Америки и Карибского бассейна составил около 237,7 млрд долл., при этом экспорт — 123,7 млрд долл., импорт — 114 млрд долл. Основными партнерами ЕС в регионе являются Мексика, Бразилия, Чили, Аргентина, Колумбия и Перу (рис. 1). Однако львиная доля торговли блока приходится именно на первые две страны — более 55 % от всего товарооборота, что неудивительно, ведь это самые крупные рынки в Латинской Америке. Торговые

² *La Unión Europea y América Latina y el Caribe ante la nueva coyuntura económica y social*. CEPAL. Santiago, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/38217/4/S1500331_es.pdf. (дата обращения: 01.09.2017)

³ INTRACEN Trade Map [Электронный ресурс]. URL: www.trademap.org.

⁴ Van Dijk P., “The EU’s new strategies towards merging Asia and Latin America”, in: *Competing for Integration: Japan, Europe, Latin America and Their Strategic Partners* / eds. Radtke K. W., Wiesbron M. Routledge, 2016.

⁵ Кусова А. Х., “Внешнеторговые связи Латинской Америки и Европейского союза”, *Латинская Америка*, 2015. № 4.

отношения в целом представляются более или менее сбалансированными: сальдо торгового баланса невелико, за исключением торговли с Мексикой, где экспорт из ЕС превышает импорт более чем в 1,5 раза.

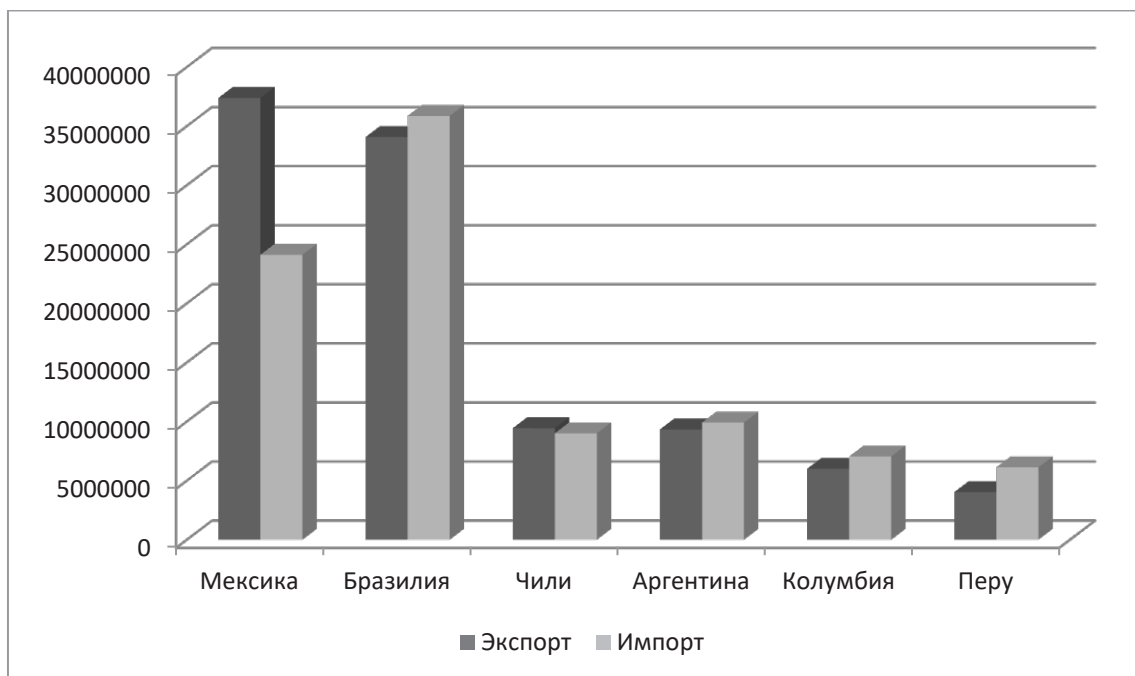

Рисунок 1. Географическая структура торговли ЕС со странами Латинской Америки, 2016 г., тыс. долл.

Источник: INTRACEN Trade Map, www.trademap.org.

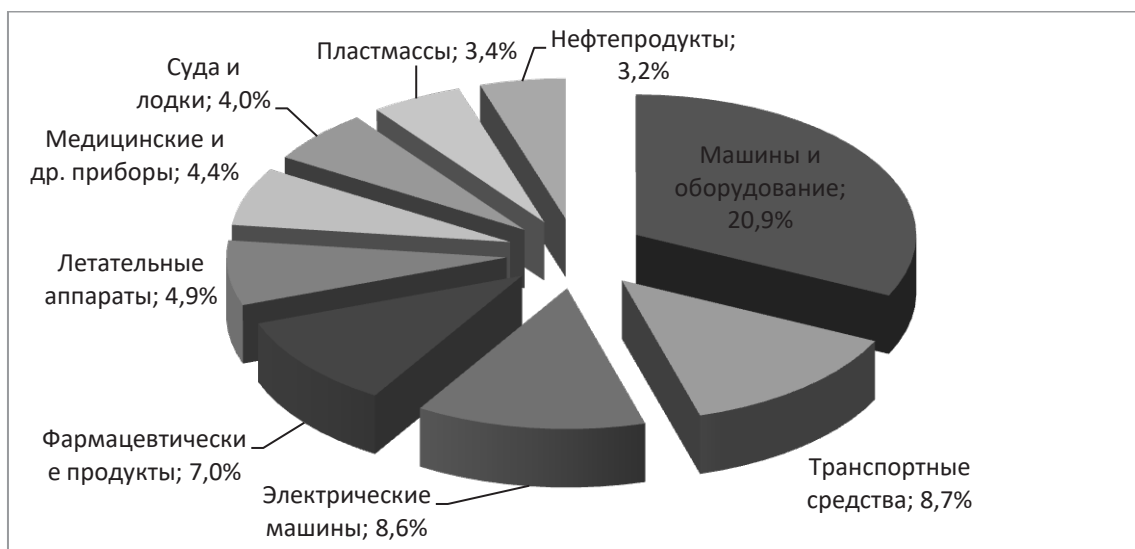

Рисунок 2. Товарная структура экспорта ЕС в Латинскую Америку, 2016 г.

Источник: INTRACEN Trade Map, www.trademap.org.

Рассматривая товарную структуру европейско-латиноамериканской торговли, стоит отметить, что экспортные поставки в основном состоят из высокотехнологической продукции. На машины и оборудование приходится 20,9 % экспорта, транспортные средства — 8,7 %, электрические машины — 8,6 % (рис. 2). Кроме того, из ЕС в Латинскую Америку поставляются фармацевтические товары, летательные аппараты, судоходные средства, медицинские приборы и т. д.

В свою очередь, из региона импортируются в основном минеральное топливо (8,75 %), руды (8,6 %), продукция сельскохозяйственной и пищевой промышленности (рис. 3). Так, более половины импорта фруктов и орехов в ЕС приходится на страны Латинской Америки⁶. Европейский союз является очень значимым импортером многих сельскохозяйственных товаров из региона (овощей, мяса, соевых бобов и т. д.). Наблюдаются поставки и электрических машин, транспортных средств и механических устройств — около 12,64 %, но они в основном приходятся на импорт из сборочных предприятий в Мексике, а также на ряд компаний Бразилии, Аргентины, Чили и производителей из стран Центральной Америки и Карибского бассейна. Таким образом, в целом европейский рынок представляет интерес для Латинской Америки в большей степени для сбыта продукции низкой степени обработки.

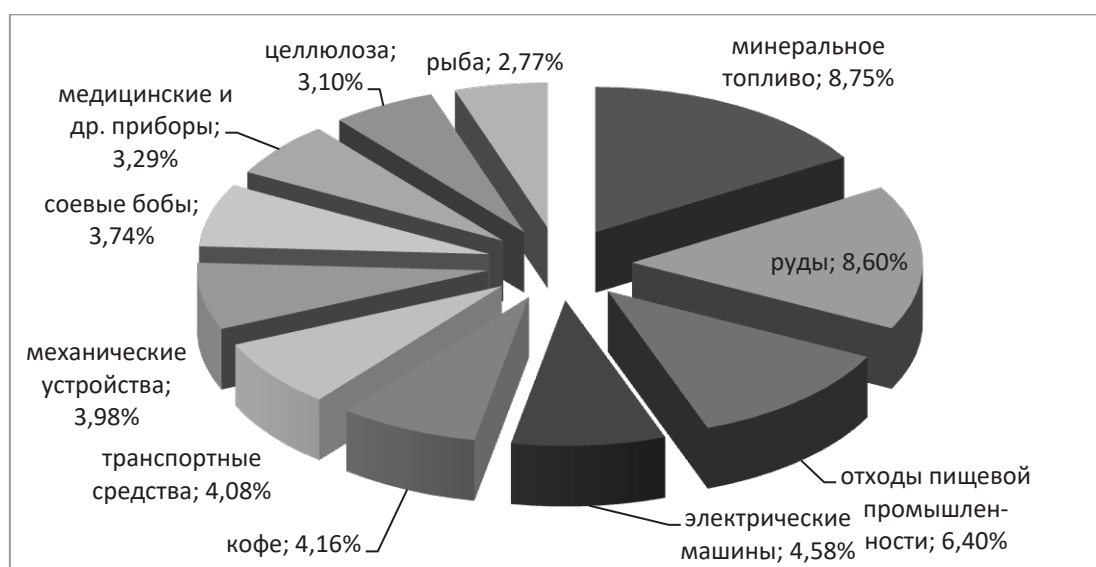

Рисунок 3. Товарная структура импорта ЕС из Латинской Америки, 2016 г.

Источник: INTRACEN Trade Map, www.trademap.org.

⁶ [Электронный ресурс]. URL: INTRACEN Trade Map, www.trademap.org. (дата обращения: 01.09.2017)

Такая структура торговли, с одной стороны, объясняет возможности для укрепления сотрудничества ввиду ее комплементарного характера. С другой стороны, существует определенная конкуренция между странами в торговле высокотехнологической продукцией. Важно отметить и то, что уровень защиты сельскохозяйственного рынка в ЕС остается весьма высоким.

Более того, после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. как развитые, так и развивающиеся страны стали все больше вводить мер протекционистского характера. Европейский союз с января 2009 г. на сегодняшний день ввел около 261 меры, которые затронули торговлю с Бразилией, 162 — с Мексикой, 140 — с Аргентиной и 128 — с Чили (рис. 4). Следует учесть, что именно данные страны являются основными партнерами ЕС в латиноамериканском регионе. Более того, эти государства не являются лидерами по количеству протекционистских мер, введенных в Европе. 493 меры, инициированные ЕС за этот период, затронули торговлю с США, 456 — с Китаем и 322 — с Россией. Вместе с тем с учетом удельного веса региона в торговле ЕС количество мер против экспорта из Латинской Америки представляется весьма значимым. Вдвойне существенно, что данные меры затронули наиболее чувствительные сектора для латиноамериканских стран — торговлю сельскохозяйственной продукцией (в основном фруктами и овощами), а также сферу услуг (транспортные и финансовые услуги).

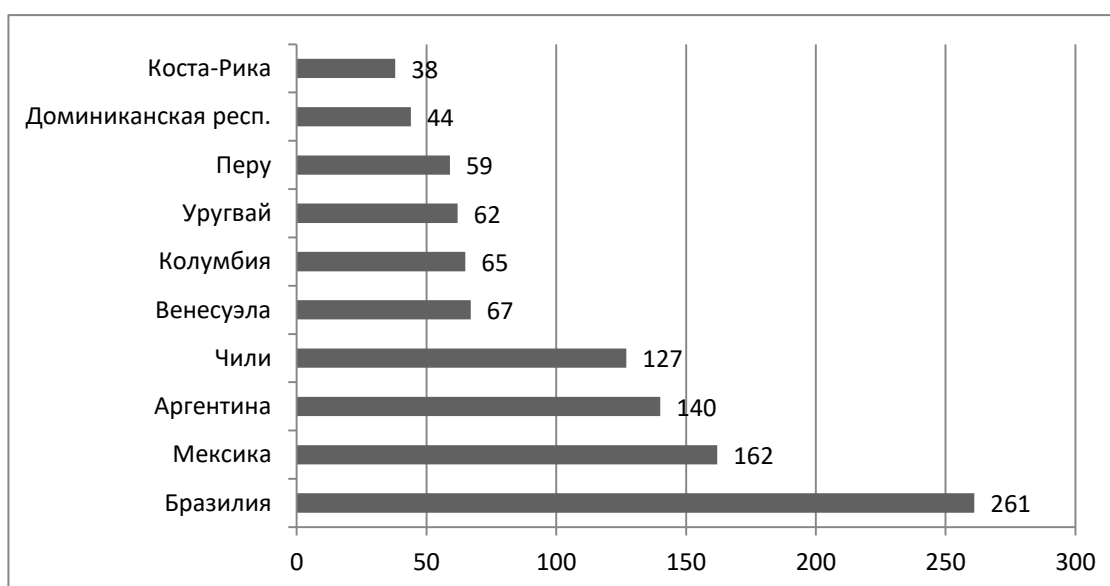

Рисунок 4. Количество протекционистских мер, введенных ЕС против стран Латинской Америки, январь 2009 — сентябрь 2017 гг.

Источник: Global Trade Alert Database, <http://www.globaltradealert.org>.

Тем не менее речь идет не о мерах, направленных на экспортные поставки только из той или иной конкретной страны рассматриваемого региона. К таким инструментам можно отнести, например, антидемпинговые и компенсационные пошлины. По данным ВТО, антидемпинговые меры очень редко применяются в торговле между ЕС и государствами Латинской Америки. Так, с 1995 г. по сегодняшний день ЕС и Бразилия ввели по пять антидемпинговых пошлин друг против друга, ЕС инициировал против экспорта из Мексики три такие меры, Мексика против ЕС одну⁷.

Это очень небольшие показатели, принимая во внимание активное применение антидемпинговых пошлин как в ЕС, так и в странах латиноамериканского региона⁸. Фактически в случае вышеобозначенных протекционистских мер имели место изменения в лицензировании, программах субсидирования и т. д. Это свидетельствует об усложнении торговых отношений на современном этапе развития мировой экономики, и в частности об увеличении популярности мер нетарифного регулирования.

Все это (наряду с другими факторами) обуславливает сложность переговоров, идущих сегодня в рамках Всемирной торговой организации. Действительно, этот институт глобального управления находится в процессе противоречивой трансформации. Усиление роли стран с динамично развивающимися рынками, которое привело к определенному дисбалансу сил с западными государствами, вызвало замедление торговых переговоров⁹. Более того, существенные различия в позиции развитых и развивающихся стран по основным вопросам повестки дня препятствуют дальнейшему развитию многосторонней системы регулирования международной торговли. Отсутствие серьезных результатов Дохийского раунда, особенно в части либерализации рынка сельскохозяйственной продукции ЕС, США и ряда других стран, представляет собой важную проблему для Латинской Америки.

Некоторые государства региона, в особенности Аргентина, Бразилия, Мексика и Чили, активно участвуют в деятельности ВТО. Так, Бразилия вместе с Индией и Китаем инициировала создание коалиции «Группа 20» в рамках Дохийского раунда для защиты интересов развивающихся стран

⁷ WTO Statistics on Antidumping [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/adp_e/adp_e.htm/(дата обращения: 01.09.2017).

⁸ Коваль А. Г., Сутырин С. Ф., Трофименко О. Ю., «Применение антидемпинговых мер в странах Латинской Америки: современные особенности и перспективы», *Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы Второго международного форума*, том I — отв. ред. В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец. — СПб.: изд-во «Гамма», 2015, 886–894.

⁹ Коваль А. Г., Пиох М. «Страны БРИКС в глобальном экономическом управлении на примере их участия в ВТО», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 Экономика. Экология*, 2017. № 3.

на переговорах в противовес ЕС и другим западным державам. Здесь, правда, стоит отметить, что латиноамериканские страны не выступают единым фронтом и не представляют регион, а также не ведут переговоры от лица существующих интеграционных блоков.

Отдельно остановимся на том, что Латинская Америка, как и ЕС, весьма успешно использует механизм разрешения торговых споров в ВТО¹⁰. С момента образования организации Евросоюз инициировал против латиноамериканских государств 20 споров (табл. 1). Это более 20 % всех разбирательств, инициированных ЕС в ВТО. С учетом небольшого удельного веса Латинской Америки в европейском товарообороте это достаточно значимый показатель. ЕС выступил в качестве ответчика в спорах со странами региона в 32 разбирательствах. Однако все споры Мексики, Гватемалы, Гондураса, Панама, Колумбии и Эквадора — это фактически один так называемый банановый спор, который был инициирован в момент образования ВТО и получил окончательное разрешение лишь в 2012 г.

Таблица 1

**Количество торговых споров ЕС со странами Латинской Америки
с января 1995 по сентябрь 2017 гг.**

Страна	ЕС в качестве истца	ЕС в качестве ответчика
Аргентина	8	6
Бразилия	5	7
Мексика	3	3
Чили	3	2
Гватемала	—	3
Гондурас	—	3
Панама	—	3
Перу	—	2
Колумбия	1	1
Эквадор	—	1
Уругвай	—	1
Латинская Америка	20	32
Всего	97	84

Источник: WTO Dispute Settlement, https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_by_country_e.htm.

Как известно, кризис Дохийского раунда стимулировал увеличение количества региональных торговых соглашений, в первую очередь зон свободной торговли (ЗСТ). По отношению к ЕС можно говорить о его разоча-

¹⁰ О положении дел в этой области по состоянию на начало нынешнего десятилетия двое из авторов настоящей статьи уже писали. См.: Коваль А. Г., Трофименко О. Ю. «Латинская Америка в торговых спорах ВТО: тенденции и перспективы», *Латинская Америка*, 2012, № 8.

ровании в достижении результатов на многостороннем уровне переговоров¹¹ и ощутимой трансформации его стратегии в рамках международной торговой системы. Если ранее Евросоюз пытался адаптироваться к происходящим изменениям в балансе сил в ВТО, то особенно после 2008–2009 гг. занял «оборонительную» позицию, т. е. минимально участвует в переговорах и не готов идти на сильные уступки¹². При этом ЕС заключил договоры о создании ЗСТ с целым рядом латиноамериканских стран: Чили, Колумбией, Перу, Эквадором, Мексикой, Центральной Америкой и странами Карибского бассейна (КАРИФОРУМ)¹³.

С одной стороны, такая стратегия ЕС может показаться выгодной Латинской Америке, поскольку она способствует интенсификации переговоров на двухстороннем и межрегиональном уровнях. При этом ряд экспертов подчеркивает именно межрегиональный вектор торговой политики Евросоюза¹⁴. Речь идет об ориентации торговых переговоров не на одну страну, а на группу государств (например, обсуждение соглашения ЕС-МЕРКОСУР). Тем самым продвигается идея укрепления региональной и межрегиональной интеграции, более комплексной и всеобъемлющей, нежели ЗСТ. Вместе с тем стоит отметить, что углубление интеграционных процессов в Латинской Америке имеет определенные трудности, и ее нельзя назвать успешной¹⁵. Одновременно Брексит ставит дополнительные вопросы об эффективности интеграции внутри ЕС.

С другой стороны, при переговорах с ЕС наблюдается определенная асимметрия. В ходе обсуждения соглашений о ЗСТ развитые государства (и ЕС далеко не в последнюю очередь) пытаются навязывать развивающимся странам условия, далеко не всегда соответствующие их интересам¹⁶. Кроме того, в литературе отмечается, что для Евросоюза характерно подписание со странами Латинской Америки и Азии соглашений, заметно отличаю-

¹¹ Zank W., “La Unión Europea y América Latina: mucho más que comercio”, *Regionalismo y orden mundial: Suramérica, Europa, China* / Bernal-Meza R. y Quintanar S. V. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Grupo Editor Latinoamericfno, 2012.

¹² Garcia-Duran P., Millet M., Orbie J., “EU Trade Policy Reaction to the BIC: From Accommodation to Entrenchment”, in: *The EU in a ‘No One’s World’: Policy responses to an unsettled multilateral system* / eds. Barbé E. et al., Basingstoke: Palgrave, 2016.

¹³ WTO Regional Trade Agreements Information System [Электронный ресурс]. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>.

¹⁴ García M., “The European Union and Latin America: ‘Transformative power Europe’ versus the realities of economic interests”, *Cambridge Review of International Affairs*, May 2012.

¹⁵ Neumann R. A., “Mundo global, comercio y post guerra fria: tenencias en Chile y América Latina”, *América Latina y Chile en el mundo global. Algunas tendencias en el siglo XXI* / Neumann R. A. y von Wolff M. W. Ediciones Universitarias del Valparaiso, 2017.

¹⁶ *Asymmetric Trade Negotiations* / Edited by Bilal S., De Lombaerde Ph., Tussie D., Routledge, 2011.

щихся друг от друга конкретными условиями торговой либерализации¹⁷. Таким образом система регулирования торговли еще больше усложняется и запутывается в «клубках спагетти».

Странам Латинской Америки важно определиться, какова их стратегия в процессе регионализации, в особенности, насколько возможно с помощью данного инструмента достичь своих торговых интересов, в частности, большей либерализации сельскохозяйственного рынка и т. п.¹⁸ Это достаточно дискуссионный вопрос. Представляется, что по ряду переговорных позиций развивающимся странам не удастся достичь приемлемого решения с западными державами в двухстороннем и региональном форматах. В этой ситуации ВТО остается значимой площадкой для торговых переговоров между ЕС и Латинской Америкой и гарантом выполнения общих правил и норм в системе регулирования торговли. Очевидно, что необходимы определенные преобразования в глобальном управлении, чего невозможно добиться без активного участия и взаимодействия стран-членов. Чем выше будет степень данного участия, тем скорее получится углубить сотрудничество ЕС и странам Латинской Америки на взаимовыгодных условиях.

Библиография

1. La Unión Europea y América Latina y el Caribe ante la nueva coyuntura económica y social. CEPAL. Santiago, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/38217/4/S1500331_es.pdf. (дата обращения: 01.09.2017).
2. *Van Dijck P.*, The EU's new strategies towards merging Asia and Latin America. *Competing for Integration: Japan, Europe, Latin America and Their Strategic Partners* / eds. K. W. Radtke, M. Wiesbron. Routledge, 2016.
3. *Кусова А. Х.*, Внешнеторговые связи Латинской Америки и Европейского союза // *Латинская Америка*. 2015. № 4.
4. *Коваль А. Г., Сутырин С. Ф., Трофименко О. Ю.*, Применение антидемпинговых мер в странах Латинской Америки: современные особенности и перспективы. Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы Второго международного форума. Том I / отв. ред. В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец. — СПб.: изд-во «Гамма», 2015. С. 886–894.
5. *Коваль А. Г., Пиох М.*, Страны БРИКС в глобальном экономическом управлении на примере их участия в ВТО // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Экономика. Экология*. 2017. № 3.

¹⁷ Sahakyan D. “EU Trade Policy Responses to the Proliferation of Preferential Trade Agreements in Latin America and East and Southeast Asia”, *Politics & Policy*, 2016, Vol. 44, Issue 1.

¹⁸ Josling T., Paggi M., Wainio J., Yamazaki F., “Latin American Agriculture in a world of trade agreements”, *American Journal of Agricultural Economics*, January 2015.

6. Коваль А. Г., Трофименко О. Ю., Латинская Америка в торговых спорах ВТО: тенденции и перспективы // Латинская Америка. 2012. № 8.
7. Zank W., La Unión Europea y América Latina: mucho más que comercio. Regionalismo y orden mundial: Suramérica, Europa, China / R. Bernal-Meza y S.V. Quintanar. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Grupo Editor Latinoamericfno, 2012.
8. Garcia-Duran P., Millet M., Orbie J., EU Trade Policy Reaction to the BIC: From Accommodation to Entrenchment. The EU in a 'No One's World': Policy responses to an unsettled multilateral system / eds. E. Barbé et al. Basingstoke: Palgrave, 2016.
9. García M., The European Union and Latin America: 'Transformative power Europe' versus the realities of economic interests // Cambridge Review of International Affairs. May 2012.
10. Neumann R. A., Mundo global, comercio y post guerra fria: tenencias en Chile y América Latina // América Latina y Chile en el mundo global. Algunas tendencias en el siglo XXI / R. A. Neumann y von M. W. Wolff. Ediciones Universitarias del Valparaiso, 2017.
11. Asymmetric Trade Negotiations / Edited by S. Bilal, Ph. De Lombaerde, D. Tussie, Routledge, 2011.
12. Sahakyan D., EU Trade Policy Responses to the Proliferation of Preferential Trade Agreements in Latin America and East and Southeast Asia // Politics & Policy. 2016. Vol. 44, Issue 1.
13. Josling T., Paggi M., Wainio J., Yamazaki F., Latin American Agriculture in a world of trade agreements // American Journal of Agricultural Economics. January 2015.

Инвестиционное сотрудничество России и стран Латинской Америки: современное состояние, проблемы и перспективы

Investment cooperation between Russia and Latin America: current state, problems and prospects

Abstract: This article is devoted to the investment cooperation of Russia with the countries of Latin America. Special attention is paid to the modern state, problems and prospects of investment Russian-Latin American investment cooperation.

Keywords: foreign investments; investment cooperation; Latin America; Russia; economy.

Resumen: Artículo dedicado a la inversión de la cooperación de Rusia con los países de América Latina. Atención especial al estado moderno de los problemas y las perspectivas de inversión de la cooperación ruso-hispana de la interacción.

Palabras clave: de la inversión extranjera; de la inversión de la cooperación; Latinoamérica; Rusia; la economía.

В условиях сложной геополитической ситуации, в частности, в связи с введенными со стороны США и Европейского союза санкциями по отношению к российской экономике наша страна пытается поменять ориентиры своего внешнеэкономического сотрудничества. В свете вышеупомянутых событий российско-латиноамериканское сотрудничество приобретает особое значение.

Развитие сотрудничества между Россией и странами Латинской Америки имеет длительную историю. Однако в силу доминирования в этом регионе США и значительного расстояния между нашей страной и южноамериканскими странами торгово-экономические отношения развивались невысокими темпами. Однако события 2014 г. резко поменяли ситуацию на мировой арене. В июле 2014 г. состоялось масштабное турне российского президента В. Путина по Латинской Америке, в ходе которого были посещены Куба, Никарагуа, Аргентина и Бразилия — крупнейшие экономики региона. Во время визита было достигнуто много договоренностей относительно перспектив сотрудничества России и стран Латинской Америки. В тот же период времени в Бразилии в рамках VI саммита БРИКС в формате

¹ Давыденко Елизавета Васильевна — Россия, доцент, кандидат экономических наук, Государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП) (davvas@mail.ru).

outreach состоялись многосторонние и двусторонние переговоры с участием президентов РФ и почти всех стран Южной Америки. Переговоры оцениваются весьма успешно. Согласно подписанным и планируемым контрактам объем инвестиций РФ в совместные проекты в регионе превысит 10 млрд долл.²

Рассмотрим более подробно сотрудничество России с отдельными странами латиноамериканского региона.

Куба — давний стратегический партнер России. В результате переговоров 2014 г. было достигнуто соглашение о списании 90 % задолженности Кубы по кредитам в размере 35,2 млрд долл., предоставленным еще в советское время. Касательно остальных 10 % (примерно 3,5 млрд долл.), то они по взаимному согласию сторон будут потрачены на социально-экономические инвестиционные проекты в Кубе. Среди уже реализуемых и планируемых инвестиционных проектов можно отметить проект российской компании «Зарубежнефть» по разработке месторождения Воса де Јагусо и освоение в ближайшее время новых нефтяных блоков на кубинском морском шельфе³.

Крупнейшая российская нефтегазовая корпорация «Роснефть» в ближайшее время намерена приступить к участию в освоении углеводородных месторождений на Кубе. Положительным знаком для активизации инвестиционного сотрудничества служит меморандум о взаимопонимании, подписанный ООО «ИНТЕР РАО — Экспорт» и компанией Unión Eléctrica, предполагающий заключение контракта на строительство на Кубе четырех энергоблоков для ТЭС единичной установленной мощностью 200 МВт.

В ходе переговоров между российской и кубинской сторонами в 2014 г. рассматривалась возможность участия предприятий РФ в создании крупного транспортного хаба на базе модернизации морского порта Мариэль и строительстве здесь современного международного аэропорта с грузовым терминалом. Первая в стране особая экономическая зона «Мариэль», открытая 1 января 2014 г., может стать перспективной площадкой для размещения совместных производств в металлургии, фармацевтике и биотехнологиях⁴.

В целом инвестиционное сотрудничество России и Кубы развивается весьма динамично. Хорошие политические отношения, помноженные на взаимовыгодные экономические интересы, сближают обе страны. Ключе-

² Яковлев П.П., *Россия и Латинская Америка на фоне западных санкций* [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/history/rossija_i_latinskaja_amerika_na_fone_zapadnyh_sankcij_2015-03-10.htm. (дата обращения: 01.09.2017).

³ Путин списал 90 % долгов Кубы перед СССР на 32 млрд долл. // *Forbes*. 11.07.2014.

⁴ *Заявление для прессы по итогам российско-кубинских переговоров*. 11 июля 2014 г. Гавана [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/46201/print>. (дата обращения: 01.09.2017).

вые направления инвестиционного двустороннего сотрудничества включают в себя освоение углеводородных ресурсов Кубы и ее шельфа, энергетику, металлургию и транспортную инфраструктуру. Совокупная стоимость совместных проектов на Кубе оценивается минимум в 3,5 млрд долл.⁵

В Никарагуа Россия проявляет интерес к местным программам в агропромышленном комплексе, энергетике, машиностроении и к проекту создания нового межокеанского канала. В этой стране предполагается создавать совместные предприятия (СП) по обслуживанию экспортируемых из РФ сельскохозяйственной техники и транспортных средств. Общая сумма согласованных и планируемых совместных проектов оценивается (без проекта межокеанского канала) приблизительно в 2 млрд долл.⁶

Чили также выступает перспективным инвестиционным партнером России. Наши страны имеют схожие программы развития промышленности, энергетики и инфраструктуры, что может стать толчком для роста спроса на взаимные технологии и капиталовложения. Чили особенно заинтересована в совместных инвестиционных проектах в металлургии, транспортной инфраструктуре, освоении запасов нефтегазового сырья.

Плодотворно развивается инвестиционное сотрудничество и с еще одной крупной экономикой латиноамериканского региона, страны, входящей в БРИКС, — Бразилией. В ходе переговоров с этой страной был подписан План совместных действий по торгово-экономическому сотрудничеству, документ, направленный на увеличение взаимных капиталовложений. Приоритетные направления сотрудничества включают в себя энергетику, в том числе и атомную, инфраструктурные проекты, сельское хозяйство, сферу высоких технологий, военно-техническую область, массовые коммуникации. В частности, в Аргентине Росатом хочет бороться с иностранными конкурентами за контракт на сооружение третьего энергоблока АЭС Atucha. Также весьма перспективным может стать участие российских компаний в разработке крупнейшего аргентинского месторождения сланцевых нефти и газа Vaca Muerta.

Основные отрасли, в которые российские инвесторы предпочитают инвестировать в Бразилии, это сельское хозяйство, добыча нефти и железной руды. 1 ноября 2011 г. в г. Рио-де-Жанейро компания ТНК-ВР с бразильской HRT O&G Exploração e Produção (HRT) подписали соглашение о приобретении ТНК-ВР 45 % доли в 21 нефтегазовом блоке в бассейне Солимойнс (Solimões) к западу от г. Манаус (штат Амазонас). ОАО «Северсталь»

⁵ Балиев А., От недр до космоса: Россия укрепляет позиции в Латинской Америке, *Российская бизнес-газета*, № 956 (27), 15.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/07/15/latinskaya-amerika.html>. (дата обращения: 01.09.2017).

⁶ Там же.

стало обладателем 25 % акций бразильской «СПГ Минерасао» (обладает лицензиями на разработку месторождений железной руды) в 2011 г. за 49 млн долл. В 2010 г. группа компании «Содружество», совместно с бразильской Carol (крупный агропромышленный кооператив), создало предприятие под названием Carol-Sodru S.A. Доля «Содружества» в совместном предприятии составляет 55 %. В начале 2014 г. компания «Уралкалий» приобрела 25 % акций Equiplan Participacoes S.A., являющейся основным акционером портового терминала Terminais Portuários da Ponta do Felix S.A.⁷

Аргентина выступает одним из ведущих торгово-экономических партнеров РФ в Латинской Америке. В 2014 г. между странами было подписано соглашение о сотрудничестве в сфере использования атомной энергии в мирных целях. Дело в том, что в Аргентине свыше 20 % электроэнергии вырабатывается на российском (советском) оборудовании, и планируется увеличить данные цифры. Так, «ИНТЕР РАО — Экспорт» вместе с консорциумом аргентинских строительных фирм во главе с Helport S.A. будет возводить под ключ ГЭС Chihuido I в провинции Неукен. Стоимость этой станции мощностью 637 Мвт составляет 2,2 млрд долл. В рамках проекта предполагается поставка четырех турбин, регуляторов частоты вращения, синхронных трехфазных генераторов, систем возбуждения, двух трансформаторов, гидромеханического оборудования и подъемных механизмов. Более того, будет построена распределительная подстанция и протянута сверхвысоковольтная ЛЭП напряжением 500 кВ и протяженностью 160 км. Срок реализации проекта составляет примерно пять лет⁸.

Таким образом, участие российской стороны в реализации подобных проектов свидетельствует о высоком потенциале нашего инвестиционного сотрудничества.

Россия усиливает инвестиционное сотрудничество с наиболее развитыми государствами Южной Америки — Аргентиной и Бразилией. Особый акцент сделан на налаживании производственной кооперации, в том числе в таких высокотехнологичных отраслях, как авиа— и автомобилестроение. Для иллюстрации: российские компании на 100 % удовлетворяют потребности авиаконцерна Embraer в критически необходимых титановых материалах, российская компания «КамАЗ» и бразильская Marcopolo в 2012 г. создали в России в г. Нефтекамске совместное производство по сборке ав-

⁷ Пильщиков Ю. С., Инвестиционные отношения стран БРИКС: состояние и перспективы // *Региональная экономика и управление*, 2017, № 2 (50) [Электронный ресурс]. URL: <http://eee-region.ru/article/5021/> (дата обращения: 01.09.2017); Данные ЦБ Бразилии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bcb.gov.br/en/#!/home>. (дата обращения: 01.09.2017).

⁸ Новая ГЭС в Аргентине будет построена на российские деньги // *Россия в Аргентине*. 22.12.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.argerusa.com/news/novaja_gehs_v_argentine_budet_postroena_na_rossijskie_dengi/2014-12-22-794. (дата обращения: 01.09.2017).

тобусов, бразильская Metalfrio работает в сфере производства холодильного и морозильного оборудования в Калининградской области. Вызывает оптимизм взаимодействие ведущих российских государственных и частных компаний с латиноамериканскими транснациональными корпорациями (ТНК) — по-другому называемых «мультилатинас». Примером такого взаимодействия служит сотрудничество двух энергетических гигантов: НК «Роснефть» и концерна Petrobras. «Роснефть» уже создала дочернюю компанию в Бразилии. Деловые контакты российский бизнес также установил с такими «мультилатинас», как YPF, Tectropetrol, JBS-Friboi, Odebrecht, Brasil Foods, Concha y Toro, Comargo Correa, Laboratorios Bagó и др.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что уровень инвестиционного сотрудничества России и стран Латинской Америки в настоящее время находится пока на начальном этапе развития. В этой связи необходима дальнейшая активизация инвестиционного сотрудничества. С каждым днем инвестиционное присутствие России в странах Латинской Америки возрастает. Так, если в начале 2000-х гг. объем инвестиций в промышленные инфраструктурные отрасли составлял 17–18 млрд долл., то сейчас оценивается свыше 25 млрд долл.⁹ Отраслевые приоритеты и направления сотрудничества Латинской Америки с Россией зависят от конкретных экономических задач, стоящих перед каждой отдельной страной. В целом данный регион весьма привлекателен для российских инвесторов и предпринимателей, особенно высокотехнологичной продукции, в которой так заинтересованы латиноамериканские страны.

К сожалению, в инвестиционном плане страны Латинской Америки пока слабо представлены на российском рынке, хотя с каждым годом цифровые показатели инвестиционных вложений растут. Современные латиноамериканские технологии в энергетике, цветной металлургии, биотехнологиях, глубокой переработке сельскохозяйственного сырья в Бразилии, Аргентине, Уругвае, Мексике, Чили могут быть востребованы в экономике РФ. Таким образом, существуют пересекающиеся взаимные интересы России и Латинской Америки, которые при соответствующих институциональных усилиях с обеих сторон могут перерасти в динамичное сотрудничество. Тем не менее нельзя не отметить и проблемы, тормозящие инвестиционное партнерство наших стран. Прежде всего, это существенное расстояние между Россией и Латинской Америкой, давление со стороны США на латиноамериканский регион, высокие инвестиционные риски и др.

⁹ Чичкин А., «К далеким берегам: Россия становится стратегическим партнером Латинской Америки» // *Российская бизнес-газета*, № 899 (21), 04.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/06/04/partner.html>. (дата обращения: 01.09.2017).

Библиография

1. Балиев А., От недр до космоса: Россия укрепляет позиции в Латинской Америке. *Российская бизнес-газета*. № 956 (27), 15.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: // <https://rg.ru/2014/07/15/latinskaya-amerika.html> (дата обращения: 01.09.2017).
2. *Данные ЦБ Бразилии* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bcb.gov.br/en/#!/home>. (дата обращения: 01.09.2017).
3. *Заявление для прессы по итогам российско-кубинских переговоров*. 11 июля 2014 г. Гавана [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/46201/print> (дата обращения: 01.09.2017).
4. *Новая ГЭС в Аргентине будет построена на российские деньги* // Россия в Аргентине 22.12.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.argerusa.com/news/novaja_gehs_v_argentine_budet_postroena_na_rossijskie_dengi/2014-12-22-794. (дата обращения: 01.09.2017).
5. Пильщиков Ю. С., «Инвестиционные отношения стран БРИКС: состояние и перспективы» // *Региональная экономика и управление*, 2017, № 2 (50) [Электронный ресурс]. URL: <http://eee-region.ru/article/5021/>(дата обращения: 01.09.2017).
6. Путин списал 90 % долгов Кубы перед СССР на 32 млрд долл. // *Forbes*. 11.07.2014.
7. *Яковлев П.П.*, Россия и Латинская Америка на фоне западных санкций [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/history/rossija_i_latinskaja_amerika_na_fone_zapadnyh_sankcij_2015-03-10.htm. (дата обращения: 01.09.2017).

Роль преференциальных соглашений в торговле Китая со странами Латинской Америки

The role of preferential agreements in China's trade with Latin American countries

Резюме: Заключение преференциальных соглашений на двусторонней основе (ССТ) является важнейшей составляющей китайской внешнеэкономической стратегии. Три из 15 действующих китайских ССТ заключены со странами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) — Чили, Перу и Коста-Рикой. В статье рассматривается роль стран ЛАКБ во внешнеэкономической стратегии Китая, обосновывается выбор партнеров по ССТ и условия соглашений, производится предварительная оценка результатов реализации подписанных ССТ. Расширение импорта из Китая в рамках двусторонних соглашений не имело разрушительного эффекта для промышленного производства стран ЛАКБ — партнеров по ССТ (за исключением текстильной и частично электронной промышленности), в то время как экспортная корзина Чили и Перу приобрела более диверсифицированный характер.

Ключевые слова: Китай; Латинская Америка; соглашения о свободной торговле; международная торговля; доступ к рынку.

Summary: The signing of free trade agreements (FTAs) is an important component of China's foreign economic strategy. Three of the 15 active China's FTAs are concluded with the countries of Latin America and the Caribbean (LACB) — Chile, Peru and Costa Rica. The article examines the role of LACB countries in China's foreign economic strategy, justifies the choice of FTA partners and the terms of agreements, and conducts a preliminary assessment of the results of the implementation of the FTAs. In general, the expansion of imports from China under FTAs did not have a devastating effect on the industrial production of LACB partner countries, with some exceptions, while the Chilean and Peruvian export basket became more diverse.

Keywords: China; Latin America; free trade agreements; international trade; market access.

Введение

С начала 2000-х гг. экономические отношения Китая со странами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) развиваются высоки-

¹ Попова Людмила Валерьевна — Россия, доцент СПбГУ (l.v.porova@spbu.ru). Статья подготовлена в рамках Лаборатории азиатских исследований СПбГУ.

ми темпами. Всего за одно десятилетие Китай превратился в важнейшего торгового партнера, инвестора и кредитора для стран региона. Экономические связи со странами ЛАКБ детерминируются потребностями экономики Китая в минеральных и топливных ресурсах, которыми богат регион, аграрной продукции, а также обусловлены необходимостью продвижения китайского бизнеса на новые рынки в условиях замедления китайской экономики. С недавнего времени модель взаимодействия Китая со странами региона приобретает комплексный характер за счет быстрого наращивания прямых инвестиций в экономику ЛАКБ, а также увеличения объемов кредитования.

Заключение преференциальных соглашений на двусторонней основе является важнейшей составляющей китайской внешнеэкономической стратегии. При подписании ССТ Китай преследует широкий спектр целей как экономического, так и геополитического характера. Со странами Латинской Америки заключены три из пятнадцати китайских ССТ (с Чили, Перу и Коста-Рикой).

Тенденции в развитии китайско-латиноамериканской торговли

В период 2000–2014 гг. общий объем китайско-латиноамериканской торговли вырос более чем в 24 раза. В настоящее время Китай является вторым по величине источником импорта в регионе и третьим по значимости экспортным рынком после США и ЕС, а для ряда стран — Аргентины, Бразилии, Чили, Кубы, Парагвая, Перу и Уругвая — объемы торговли с Китаем с 2014 г. превышают их товарооборот с США. Торговля со странами Латинской Америки носит ярко выраженный межотраслевой характер: Китай импортирует преимущественно сырьевые и продовольственные товары, а поставляет в основном промышленную продукцию. Экспорт стран ЛАКБ на китайский рынок носит более «примитивный» характер в сравнении с общей структурой поставок стран Латинской Америки. Так, в 2011–2015 гг. на продукцию добывающих отраслей пришлось 55 % экспорта региона в Китай (31 % в общем экспорте ЛАКБ). В то же время промышленные товары составили только 12 % экспорта стран Латинской Америки в Китай (в общем экспорте их доля достигает почти 50 %).² Значительный удельный вес промышленных товаров в экспорте в КНР наблюдается только у Мексики и Коста-Рики.

² Ray R., Gallagher K.P., “China-Latin America Economic Bulletin”, *Discussion paper*, 2017-1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bu.edu/pardeeschool/files/2014/11/Economic-Bulletin.16-17-Bulletin.Draft_.pdf, 4–5. (дата обращения: 01.09.2017).

Основными экспортными товарами региона в Китай выступают нефть, железная руда, медь и ее производные, соя-бобы, металлолом, рыба, древесина и тростниковый сахар. В свою очередь, Китай поставляет продукцию электроники, машиностроения, включая компоненты и комплектующие, одежду, текстильные товары и транспортные средства. Для большинства стран ЛАКБ торговля с Китаем складывается с дефицитом. Исключения составляют Бразилия, Венесуэла, Чили и Перу³. Наибольший дефицит в торговле с Китаем наблюдается у Мексики — на эту страну приходится 85 % торгового дефицита всего региона.

Период бурного расширения двусторонних торговых связей в 2000-е гг. (в 2003–2005 гг. рост торговли составлял 20–30 % ежегодно), сменился этапом их стагнации (0,1 % в 2013 г., 1,05 % в 2014 г.) и сокращением взаимного товарооборота в 2015–2016 гг. Замедление торговли объясняется снижением мировых цен на сырьевые ресурсы, низким уровнем диверсификации двусторонних связей, а также общим экономическим торможением Китая. Сокращение торговли связано также с усилением в посткризисный период в странах ЛАКБ протекционистских настроений⁴.

Бурное развитие торговли с Китаем привело к большей представленности китайских товаров на рынках стран ЛАКБ. Особенно заметным рост китайского импорта является по текстилю, одежде, электронике, машинам и оборудованию. В большинстве стран региона рост импорта из Китая произошел за счет вытеснения других иностранных поставщиков, не оказав негативного влияния на местных производителей. Однако в некоторых странах региона, прежде всего в Чили и Перу, конкуренция с китайским импортом привела к сокращению доли местных производителей.

В последние годы Китай также превратился в важнейшего инвестора в экономику стран ЛАКБ. По данным на 2016 г. в регионе накоплено 110 млрд долл. китайских прямых инвестиций. Значительные объемы прямых инвестиций в страны региона стали поступать в регион только с 2010 г. Почти половина всех китайских ПИИ в регионе приходится на Бразилию (61 млрд долл. США). В пятерку крупнейших реципиентов в ЛАКБ входит Перу (18 млрд долл.), Мексика (6 млрд долл.), Аргентина (5 млрд долл.) и Боливия (4 млрд долл.)⁵. С недавних пор большая часть китайских ПИИ осуществляется в форме слияний и поглощений (СиП).

³ По данным китайского Министерства коммерции.

⁴ Swaine Michael D. “Xi Jinping’s Trip to Latin America”, *China Leadership Monitor*, no. 45 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/clm45ms-xi_jinping_trip_to_latin_america.pdf. (дата обращения: 01.09.2017).

⁵ Avendano R., Melguizo A., Miner S., “Chinese FDI in Latin America: New Trends with Global Implications”, OECD Development Centre, June 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.oecd.org/>

Традиционно китайские инвестиции в Латинской Америке ориентированы на добывающий сектор — в 2003–2012 гг. в отрасли, связанные с добычей природных ресурсов, китайскими компаниями было вложено более 60 % капитала. Китай является одним из ключевых инвесторов в добычу нефти и газа в Перу, Аргентине, Венесуэле, Бразилии, Колумбии и Эквадоре. На современном этапе в силу происходящих в китайской экономике структурных изменений приоритет в осуществлении китайских ПИИ в регионе сдвигается в сторону сектора услуг (транспорт, финансы, альтернативная энергетика, сфера ИКТ) и промышленного производства (автопром, электроника). Замедление экономики Китая будет способствовать дальнейшему наращиванию китайских инвестиций в странах Латинской Америки.

Китайские ПИИ в регион сопровождаются предоставлением кредитов китайскими политическими банками. В период с 2005 по 2016 г. странам ЛАКБ было выделено кредитов на общую сумму 140 млрд долл. По данным организации «Межамериканский диалог», Китай с 2005 г. предоставил странам ЛАКБ больший объем кредитов, чем Всемирный Банк и Межамериканский Банк развития за тот же период, вместе взятые⁶. Большая часть финансирования (свыше 90 %) выделена четырем странам: Венесуэле (62 млрд долл. США), Бразилии (36,8), Эквадору (17,4) и Аргентине (15,3). По состоянию на 2016 г., китайские кредиты странам ЛАКБ направляются преимущественно на реализацию проектов в сфере инфраструктуры, энергетики и добычи минеральных ресурсов.⁷

Китайская стратегия заключения РТС

Двусторонние преференциальные соглашения рассматриваются Китаем в качестве дополнения к многосторонней торговой системе. Их значимость для Китая стала возрастать по мере выполнения им обязательств перед ВТО⁸, пробуксовывания переговорного процесса в рамках Доха-раунда и роста числа торговых споров Китая с основными торговыми партне-

atlanticcouncil.org/china-fdi-latin-america/ (дата обращения: 01.09.2017).

⁶ Gallagher K., Irwin A., Koleski K., “The New Banks in Town: Chinese Finance in Latin America” (report), *Inter-American dialogue*, February 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://ase.tufts.edu/gdae/Pubs/rp/GallagherChineseFinanceLatinAmericaBrief.pdf>. (дата обращения: 01.09.2017);

“Why has China snubbed Cuba and Venezuela?”, Jun 6th 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2013/06/economist-explains-3>.

⁷ Myers M., Gallagher K., “Chinese finance to LAC in 2016”, China-Latin America report, February 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2017/02/Chinese-Finance-to-LAC-in-2016-Web-and-email-res.pdf>. (дата обращения: 01.09.2017).

⁸ Китай присоединился к ВТО в конце 2001 г. Переходный период продолжался до конца 2006 г.

рами. Для китайских преференциальных соглашений характерна широкая региональная представленность: Китай заключил или вступил в переговоры о ССТ почти со всеми регионами мира. На сегодняшний день число соглашений и стран-партнеров, с которыми у Китая имеются ССТ (15 и 24), превышает соответствующий показатель для США (14 и 20). В дополнение к Региональному всеобъемлющему экономическому партнерству (РВЭП) Пекин ведет переговоры или намерен в скором времени начать их еще по 11 соглашениям (22 страны).

При подписании ССТ Китай преследует широкий спектр целей как экономического, так и геополитического характера. В числе таковых — расширение доступа для своих товаров на зарубежных рынках, улучшение позиции в рамках международной торговой системы (при подписании РТС он настаивает на его признании партнером как страны с рыночной экономикой), снижение числа торговых конфликтов, соображения энергетической и региональной безопасности.

Центральное место в торговой политике Китая занимают неэкономические мотивы и соображения ресурсной безопасности. Принципиальным вопросом китайской дипломатии является политика «одного Китая». Преференциальные соглашения подписываются Китаем только при условии установления дипломатических отношений с КНР и отказе от официальных отношений с Тайванем. Этот подход используется Китаем с целью ослабления позиций Тайваня на международной арене.

Крайне важной задачей для Китая является гарантированное обеспечение экономики различными ресурсами. В числе партнеров по ССТ, с которыми у Китая уже имеются соглашения или по которым ведутся переговоры, — крупнейшие поставщики сырья, такие как Австралия, Новая Зеландия, Чили, Перу, Исландия, Норвегия, арабские государства Персидского залива. Соглашения с этими партнерами часто содержат оговорку о недискриминации китайских компаний при инвестировании в сферу разработки минеральных и топливных ресурсов, а также сельскохозяйственных угодий.

Китай приступает к переговорам о подписании ССТ только при условии предоставления ему партнером статуса страны с рыночной экономикой (ССРЭ). Важным фактором при выборе партнера по ССТ для Китая является наличие у него собственной сети преференциальных соглашений. В этом случае Китай получает доступ к более широкому региональному рынку.

Объем торговли не является ключевым критерием при выборе партнера по ССТ: большинство соглашений заключено со странами, которые не являются значимыми торговыми партнерами Китая и не играют заметной роли в мировой экономике. Фактор экономической и торговой взаимодей-

полняемости также не является определяющим при выборе партнеров, так как многие соглашения подписаны со странами, выступающими, скорее, конкурентами Китая в производстве агропродукции и в секторе услуг⁹.

Характер китайских соглашений о ССТ и объем обязательств по ним отличаются для разных групп стран. В более ранних соглашениях, в частности с АСЕАН и Пакистаном, Китай использовал «пошаговую» модель, предусматривавшую обязательства только по торговле товарами с поэтапной либерализацией тарифов. Впоследствии в дополнение к обязательствам в области торговли товарами были подписаны соглашения по торговле услугами и инвестициям. Более поздние соглашения носят комплексный характер, охватывают различные формы и аспекты внешнеэкономических связей, в ряде случаев содержат обязательства по защите интеллектуальной собственности, экологическим и трудовым стандартам (например, ССТ с Новой Зеландией и Швейцарией).

Тарифная либерализация по китайским ССТ, как правило, превышает 90 %, что является нормой для большинства преференциальных соглашений в мире¹⁰. В переговорах с развивающимися странами, а также с партнерами в рамках Большого Китая, Пекин идет на большие уступки, чем предоставляет ему противоположная сторона. В то же время на переговорах с развитыми странами китайские переговорщики занимают более жесткую позицию и склонны решительно защищать уязвимые сектора экономики.

Преференциальные соглашения стран ЛАКБ с Китаем: влияние на торговлю и экономику

Со странами ЛАКБ заключены три из пятнадцати китайских ССТ (Чили (вступило в силу в октябре 2006 г.), Перу (2010), Коста-Рика (2011)). Соглашение с Чили — первое ССТ, заключенное Китаем с суверенным государством. Выбор Чили в качестве первого партнера по ССТ в регионе ЛАКБ связан с тем, что она была первой южноамериканской страной, установившей дипломатические отношения с Китаем в 1970 г. Одной из причин, побудивших Китай к заключению ССТ с Чили, было стремление снизить уровень торговой дискриминации со стороны стран ЛАКБ по отношению к

⁹ Gao H., China's strategy for free trade agreements: political battle in the name of trade, in: R. Buckley / R. Hu / D. Arner (eds.), *East Asian economic integration: law, trade and finance*, Cheltenham u. a.: Edward Elgar Publishing Ltd., 2011.

¹⁰ Salidjanova N., Koch-Weser I. *China's Trade Ambitions: Strategy and Objectives behind China's Pursuit of Free Trade Agreements*, U.S.-China Economic and Security Review Commission, Staff research report, May 28, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/China%27s%20Trade%20Ambitions%20-%202005.28%2015.pdf>. (дата обращения: 01.09.2017).

себе за счет расширения доступа на рынки в рамках преференциальных соглашений Чили с другими странами региона. ССТ Китая и Чили включает только договоренности о снижении тарифов и поощрении инвестиций. В 2008 г. страны подписали соглашение о торговле услугами, затем — соглашение по инвестициям. В настоящее время Китай и Чили ведут переговоры о подписании комплексного соглашения, включающего обязательства в сфере торговли услугами, электронной коммерции, экологические вопросы и госзакупки.

С середины 2000-х гг. региональная структура торговли Чили заметно изменилась. В 2014 г. объем двусторонней торговли почти в пять раз превышал соответствующий показатель на момент подписания соглашения. Китай, являвшийся 25-м по значимости торговым партнером Чили до подписания ССТ, теперь выступает его крупнейшим торговым партнером. По соглашению, либерализация доступа на рынки осуществлялась поэтапно, и с 2015 г. 97 % чилийских товаров поступает на китайский рынок беспошлинно. В свою очередь, Чили устранило 98 % тарифов на импорт китайской продукции. Общий уровень тарифов в 2006–2015 гг. был снижен с 6 до 0,1 %¹¹.

Ведущие статьи импорта Чили из Китая — машины, оборудование, текстиль (одежда), транспортные средства. Около 80 % китайского импорта из Чили приходится на медь и руды. Помимо этого, Чили является одним из крупнейших поставщиков овощей и фруктов на рынок Китая, а также рыбной продукции и вина. Положительным моментом реализации ССТ для Чили стала диверсификация экспортной корзины — соотношение количества товаров, экспортируемых в Китай, в сравнении с общим числом экспортируемых страной товаров (индекс диверсификации экспорта) увеличилось с 8,8 % в 2006-м до 24,6 % в 2014 г.¹² В качестве негативного последствия можно отметить сокращение доли местных производителей в некоторых отраслях за счет роста импорта из КНР. Так, в текстильной и швейной промышленности Чили доля китайского импорта в потреблении увеличилась с 23 % в 2000 г. до 65 % в 2011 г., компьютеров, машиностроения и электронике — с 23 до 41 %¹³.

Стратегическая значимость Перу для Китая связана с его ролью одного из крупнейших мировых поставщиков базовых металлов, в частности меди. Соглашение Китая с Перу, вступившее в силу в марте 2010 г., — первое

¹¹ Ibid., 11.

¹² OECD/ECLAC/CAF (2015), “Latin American Economic Outlook 2016: Towards a New Partnership with China”, OECD Publishing, Paris, <http://dx.doi.org/10.1787/9789264246218-en>. (дата обращения: 01.09.2017).

¹³ Ibid., 99.

комплексное соглашение с латиноамериканским государством, охватывающее вопросы торговли товарами, услугами, поощрения инвестиций, защиты прав интеллектуальной собственности, содействия торговле и разрешения споров. Соглашение предусматривает либерализацию 90 % тарифов во взаимной торговле в течение 10 лет. Китай обязался предоставить РНБ для компаний из Перу в 16 секторах сферы услуг в обмен на такой же режим для китайских компаний в 90 секторах. Главной частью соглашения является раздел, касающийся инвестиций, гарантирующий китайским компаниям доступ в стратегические сектора перуанской экономики. В 2016 г. страны приняли решение об обновлении соглашения с целью содействия развитию современного сектора услуг и усиления финансового сотрудничества стран.

Взаимная торговля Китая и Перу в 2009–2016 гг. возросла более чем в два раза. За этот период Китай стал ведущим торговым партнером и инвестором для Перу. Всего на две группы товаров — медь, руды и шлаки — приходится более 80 % всех поставок Перу на китайский рынок. При подписании соглашения Перу рассчитывала на диверсификацию структуры экспорта, ведущую роль в котором принадлежит меди и другим базовым металлам. Экспортная корзина действительно приобрела более диверсифицированный характер (индекс диверсификации увеличился с 15,4 до 18,3 % в 2010–2014 гг.), прежде всего за счет роста поставок фруктов и орехов. Доля китайского импорта в потреблении компьютеров, машиностроении и электроники в 2000–2011 гг. увеличилась с 1 до 36 %.

Перу входит в пятерку торговых партнеров Китая в ЛАКБ и является вторым по значимости реципиентом китайских прямых инвестиций в регионе. Большая часть китайских ПИИ вложена в добычу минеральных ресурсов — китайским инвесторам принадлежит около 30 % активов в горнодобывающей отрасли этой страны. Присутствие китайского капитала заметно также в сфере углеводородов и коммерческого рыболовства.

Коста-Рика является вторым по величине торговым партнером Китая в Центральной Америке, а Китай — вторым по величине торговым партнером Коста-Рики. Однако объемы взаимной торговли существенно уступают товарообороту Китая с другими странами ЛАКБ. Важнейшим моментом, создавшим предпосылки для подписания Китаем ССТ с Коста-Рикой, стало переключение в 2007 г. ее дипломатических отношений с Тайваня на КНР.

Преференциальное соглашение между Коста-Рикой и Китаем (2011 г.) охватывает торговлю товарами и услугами. Предусматривается постепенная отмена тарифов на 90 % товаров (95 % для Китая) взаимной торговли до 2025 г., при этом сразу после вступления ССТ в силу около 60 % товаров (Китай устранил 65 % тарифов) получили беспошлинный доступ на рын-

ки партнеров. Устранение тарифов способствует китайскому экспорту текстиля, товаров легкой промышленности, машин, электроники, автомобилей, химических продуктов, овощей, фруктов. Ответные шаги со стороны Китая ведут к росту экспорта из Коста-Рики кофе, говядины, свинины, ананасового сока, замороженного апельсинового сока, джемов, обработанных рыбных продуктов, минеральных продуктов и сыромятной кожи. В сфере торговли услугами Коста-Рика открывает для китайских инвесторов 45 секторов, включая телекоммуникационные, коммерческие и компьютерные услуги, секторы строительства, недвижимости, дистрибуции, образования и туризма. Китай согласился либерализовать для компаний Коста-Рики только семь секторов услуг, включая компьютерные и сектор недвижимости.

После вступления соглашения в силу экспорт Коста-Рики в Китай стал резко сокращаться (среднегодовой темп падения составил -42% в 2012–2016 гг. в сравнении с -4% для общего экспорта Коста-Рики), в то время как китайский импорт стал быстро увеличиваться (9% в 2012–2016 гг. в сравнении с -5% в целом). Согласно данным Министерства внешней торговли Коста-Рики, экспорт этой страны в Китай достиг своего пика в 2007 г. (848,2 млн долл. США), в последующем стал сокращаться и в 2016 г. составил только 45 млн долл. Импорт из Китая в течение последнего десятилетия неуклонно увеличивался, превысив 2 млрд долл. в 2016 г. Одной из причин сокращения экспорта является закрытие в Коста-Рике в 2014 г. компанией Intel производства по сбору и тестированию микропроцессоров, на которое приходилось 20% экспорта страны. Возможно, ситуация будет исправлена после создания на территории Коста-Рики китайской СЭЗ. Переговоры по этому вопросу ведутся уже несколько лет.

В целом в период 2012–2016 гг. наиболее динамично растущими статьями экспорта Коста-Рики в Китай выступали мясо крупного рогатого скота (353% в среднем ежегодно), резина (229%), керамическая продукция (91%), изделия из стали (77%). Наиболее резко за тот же период сократились поставки электроники (компьютеры) (-66%), машин, оборудования (-65%), овощей и фруктов (-62%). Импорт из Китая быстро возростал по удобрениям (147%), текстильным волокнам (116%), и авиационной продукции (101%).

Заключение

Результаты реализации преференциальных соглашений в целом оцениваются положительно как Китаем, так и его латиноамериканскими партнерами. Для стран ЛАКБ рост торговли с Китаем компенсировал сниже-

ние спроса со стороны других стран и гарантировал большую устойчивость экономик в период после глобального кризиса. Расширение импорта из Китая не имело разрушительного эффекта для промышленного производства стран-партнеров по ССТ (исключение — текстильная и частично электронная промышленность). Экспортная корзина Чили и Перу приобрела более диверсифицированный характер.

Выход США из Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТПП) и предстоящий пересмотр условий соглашения НАФТА повышают авторитет Китая в регионе как сторонника торговой либерализации. Многие страны ЛАКБ, прежде всего Чили, Перу и Мексика, подписавшие соглашение о ТПП, рассматривают возможность подключения к соглашению РВЭП, которое поддерживает Китай. Китай предлагает подписать соглашение о ССТ с Мексикой и Аргентиной. В настоящее время рассматривает возможность заключения ССТ с Колумбией.

Библиография

1. *Ray R., Gallagher K. P.* China-Latin America Economic Bulletin. Discussion paper. 2017-1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bu.edu/pardeeschool/files/2014/11/Economic-Bulletin.16-17-Bulletin.Draft_.pdf. (дата обращения: 01.09.2017).
2. *Swaine Michael D.* Xi Jinping's Trip to Latin America. China Leadership Monitor. No. 45 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/clm45ms-xi_jinpings_trip_to_latin_america.pdf. (дата обращения: 01.09.2017).
3. *Avendano R., Melguizo A., Miner S.*, Chinese FDI in Latin America: New Trends with Global Implications”, OECD Development Centre, June 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.atlanticcouncil.org/china-fdi-latin-america/> (дата обращения: 01.09.2017).
4. *Gallagher K., Irwin A., Koleski K.*, The New Banks in Town: Chinese Finance in Latin America” (report). Inter-American dialogue, February 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://ase.tufts.edu/gdae/Pubs/rp/GallagherChineseFinanceLatinAmericaBrief.pdf>. (дата обращения: 01.09.2017).
5. *Myer M., Gallagher K.*, Chinese finance to LAC in 2016. China-Latin America report, February 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2017/02/Chinese-Finance-to-LAC-in-2016-Web-and-email-res.pdf>. (дата обращения: 01.09.2017).
6. *Gao H.*, China's strategy for free trade agreements: political battle in the name of trade, in: R. Buckley / R. Hu / D. Arner (eds.). East Asian economic integration: law, trade and finance, Cheltenham u. a.: Edward Elgar Publishing Ltd, 2011.
7. *Salidjanova N., Koch-Weser I.*, China's Trade Ambitions: Strategy and Objectives behind China's Pursuit of Free Trade Agreements. U.S.-China Economic and Security Review Commission. Staff research report. May 28, 2015.

Торгово-инвестиционное сотрудничество России и Испании в период санкций

Trade and investment cooperation between Russia and Spain in the period of sanctions

Аннотация: Экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и королевства Испании претерпело значительные изменения в последние годы. На смену мировому финансовому кризису пришла глобальная экономическая турбулентность, которая усугубилась идеологически ориентированными западными санкциями, заложниками которых стали как Россия, так ЕС и Испания в частности. Хотя товарооборот между странами значительно уменьшился, отдельные сегменты в последний год даже демонстрируют рост. Санкции стали катализатором укрепления российской промышленности (особенно авиастроение и судостроение) и реализации масштабной государственной программы импортозамещения. Тем временем, испанские производители только начавшие оправляться после затяжного экономического кризиса вынуждены были искать новые рынки и переориентировать поток товаров в другие страны и регионы мира. Однако представители бизнес-сообществ России и Испании сохраняют заинтересованность в восстановлении торгово-инвестиционных отношений, так как это открывает горизонты для роста экономик двух стран.

Ключевые слова: Россия; Испания; ЕС; торговое и инвестиционное сотрудничество.

Abstract: Economic cooperation between the Russian Federation and the Kingdom of Spain has undergone significant changes in recent years. The global financial crisis was replaced by global economic turbulence, which was exacerbated by ideologically oriented Western sanctions, hostage to both Russia and the EU and Spain in particular. Although the trade turnover between the countries has significantly decreased, individual segments in the last year even show growth. Sanctions have become a catalyst for the strengthening of Russian industry (especially aircraft construction and shipbuilding) and the implementation of a large-scale state program of import substitution. Meanwhile, Spanish manufacturers who just started recovering after a protracted economic crisis had to look for new markets and reorient the flow of goods to other countries and regions of the world. However, representatives of the business communities of Russia and Spain remain interested in restoring trade and investment relations, as this opens up the horizons for the growth of the economies of the two countries.

Keywords: Russia; Spain; EU; trade and investment cooperation.

¹ Россия. Аспирант, Институт Латинской Америки РАН, (e-mail: malashenko.t@gmail.com).

Introduction

The Western sanctions against Russia were introduced on March 17, 2014. They were caused by the annexation of the Crimea to Russia and the conflict in the East of Ukraine (due to the alleged Moscow's participation in it). The main initiator of sanctions (with a purpose to reach international isolation of Russia) was the US leadership.

However, sanctions have both negative and positive aspects. The strength of Western incentives lies inside. Sanctions boomerang affected the Western producers, forcing them to reduce production volumes and re-orient some trade flows. The Russian government, in turn, has signed documents that support national producers.

Import substitution is the replacement of imports with goods produced domestically. To replace imports, national goods can be used protectionist methods of regulation: tariff and non-tariff. The import substitution also characterizes the tendency of the urban free market economy to replace the goods imported into the city with goods produced in the city. This idea was put forward by Jane Jacobs.²

Import substitution in modern Russia began after the 1998 crisis. Earlier, in the 1990s, as a result of liberal reforms and the collapse of the system of production ties that existed in the USSR, there was a twofold drop in industrial production in the Russian Federation. However, in 1998 there was a sharp weakening of the ruble, which was profitable for domestic producers, and as a result of the growth of domestic demand, and thanks to the general normalization of economic policy, it was possible to significantly increase own production.

In the 2000s. import substitution was stimulated by large-scale state support of key industries. To this end, in addition to the largest state corporations Gazprom and Rosneft, new large state companies have been established, which combined a significant share of enterprises in the relevant areas: Rostek (defense industry and machine building), Rosatom (nuclear technology and energy), UAC (United Aircraft Corporation), also from almost zero was created state corporation Rosnano (nanotechnology). The state provided these corporations with a basic order book and credit support, profits from more successful enterprises were redirected to the modernization of the laggards and the creation of new ones.

Starting from 2014, the process of import substitution sharply intensified against the backdrop of the Ukrainian crisis and anti-Russian sanctions imposed after the reunification of the Crimea with Russia.

Russia imposed retaliatory measures against those Western countries that supported sanctions against Russia, often against their interests. The main measure

² Джекобс Дж., Экономика городов, М.: Культурное наследие, 2008, 7. [Jacobs Jane. Economy of cities. — М.: Cultural heritage, 2008, 7], http://expert-nii-kpu.ru/files/Журнал%20НИИ%20КПУ%20№4_рус.pdf (дата обращения: 01.09.2017).

in these counter-sentiments was the Russian food embargo: products from the countries that imposed sanctions were banned from importing, which became a significant stimulus and favorable condition for Russian agriculture, which has been developing successfully enough in the last decade.³

In the second quarter of 2017, the share of imports in Russian stores declined to a record 33 %, while the share of food products fell to 21 %.⁴ There are three reasons for this. First, large volumes of imports are blocked by sanctions. Secondly, the ruble rate makes many imported products uncompetitive in the Russian market. Thirdly, Russia's agriculture continues to actively develop, firmly pressing on the market share of foreign competitors. Over 2.5 years of the food embargo, by February 2017, Russia has replaced its own production of imported food by \$ 4 billion.⁵

Import substitution in Russia from 2017 to 2020

What industries are need more import substitution

The next stage was the development in 2015 of 20 programs for the most needy sectors of the civilian industry. To feel the scale of the activity, as well as the entire responsibility of the problem, it is enough to indicate:

- leading employees of 4 government departments — Ministry of Transport, Ministry of Energy, Ministry of Industry and Trade, Ministry of Communications of the Russian Federation were involved in the work, not including other instances, analytical, research companies, settlement centers, etc .;
- The documents cover approximately 2.5 projects to be implemented in the period until 2020.

During one of his speeches, D. Medvedev announced the list of industries that particularly need the arrival of a Russian manufacturer. The following were named:

Sphere of economy

Import share (%):

³ Российские контрсанкции: запрещенные к ввозу продукты, 26.06.2015. «РИА Новости» [Russian counter-measures: products banned for import, 06/26/2015. «RIA News»], <https://ria.ru/infografika/20150626/1089950453.html> (дата обращения: 01.09.2017).

⁴ СМИ: Доля импорта в российских магазинах рекордно сократилась. 20.092017. «Прайм» — агентство экономической информации [Media: The share of imports in Russian stores has declined record-breaking. 20.092017. «Prime» is an agency of economic information.], https://lprime.ru/consumer_markets/20170920/827921748.html (дата обращения: 01.09.2017).

⁵ Россия заместила своей продукцией импорт на \$4 млрд. 06.02.2017 [Russia replaced its products with imports for \$ 4 billion. 06.02.20 <http://agro.ru/novosti/s-kh-proizvodstvo-fermerstvo/rossiya-zamestila-svoey-produktsiey-import-na-4-mlrd/> (дата обращения: 01.09.2017).

- Machine-tool construction — 90
- Aircraft construction (civil aviation) — 80
- Heavy engineering — 70
- Supplies of equipment for the oil and gas industry — 60
- Production of power equipment — 50
- Agricultural engineering — 50-90 (depending on machine categories)

The resolution and the conclusions of the cluster commission refer to 7 industries that require a serious “reset”. It is:

- Tourism
- Gas industry
- Agriculture
- Building
- Radio electronics
- Heavy industry

In these areas, special solutions have been worked out. Economists, businessmen, industrialists, the leadership of the country had to do a tremendous job. All participants and many residents of Russia at the same time state that sanctions were the long-awaited motivation that stimulated the domestic producer.

Import substitution for certain product categories

Almost immediately after the introduction of sanctions bans and response measures from the Russian side, the experts named a group of products that can be easily replaced with domestic products on a countrywide scale without much effort. It includes:

- meat: in a very short time you can completely switch to the consumption of local pork and beef. The poultry meat is a little slow and takes the second position in terms of supplies;
- oils: several vegetable and animal varieties. At the beginning of import substitution, the share of imports was about 20 %;
- milk, moths, including cheeses: by 2020 it is planned to completely abandon foreign delicacies.

Experts say that we have a huge potential for the development of the agricultural sector. A country of 90 percent is able to feed itself without outside help and provide food support to neighbors. In this sector, the changes began before the adoption of measures for import substitution, ie, sanctions may have speeded up the process, but did not become its starting point.

Ways and ways of realization of import substitution

Financial support of projects is carried out in several ways:

- state subsidies, co-financing of research;
- granting grants, preferences to holdings involved in public procurement.

In the first autumn, officials decided to increase lending to companies on preferential terms and in the long term. The proposals apply only to competitive projects that have been approved by competent persons and are being prepared for implementation until 2018. The selection is conducted among enterprises and holdings that are active in the sectors:

- Agriculture;
- machine building;
- Housing;
- manufacturing industry;
- chemical industry;
- Energy;
- Telecommunications;
- Transport.

The main requirement for obtaining financial support on favorable terms is the need to locate production in one of the regions of the Russian Federation.

The government has taken other measures to support projects in the framework of import substitution. The state proposes:

- large targeted loans from the federal budget;
- financing of enterprises at the pre-production stage;
- special measures to encourage import substitution through public / municipal procurement.

With the help of these steps, the state restricts the purchase of raw materials and finished products from foreign producers. The embargoes also apply to the procurement of certain groups of essential goods. These include medicines, clothing, equipment manufactured by machine-building companies, technical equipment and components for defense enterprises.

Trade relations between Russia and Spain

Considering the period before sanctions, Russia's foreign trade turnover with Spain in 2010, according to customs statistics, amounted to 7.1 billion US dollars and increased compared to 2009 by 37 %, including exports amounted to just over 4 billion dollars. USA (an increase of 39.9 %), imports — more than 3 billion US dollars (an increase of 33.3 %). Positive balance in trade with Spain in favor of Russia in 2010. amounted to over \$ 1.0 billion.

A serious problem of Russian exports is a narrow nomenclature. Oil and oil products account for 88 % of Russian exports to Spain. Imports from Spain fall on three product groups: food products and agricultural raw materials — 27 %, machinery, equipment and vehicles — 33 %, chemical goods — 20 %.

«Second wind»

April 21, 2016 in Moscow, an updated working body was established to establish cooperation with Spain — RIDS. Its leader, the participants of the meeting unanimously elected a well-known Russian businessman, Chairman of the Board of OJSC NOVATEK Leonid Viktorovich Mikhelson.

But before voting for his candidacy, Vladimir Padalko, vice-president of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, spoke in broad terms about the goals and tasks of the re-establishment of such a council. Then Alexey Paramonov, Director of the First European Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, briefly described the current development of Spain and noted the importance of restoring and building up Russian-Spanish relations in all areas of life, and most of all in the trade and economic sphere.

Deputy Director of the Department for Europe, North America and International Organizations of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation Dmitry Sazhin spoke about the main trade and economic trends and indicators of bilateral cooperation. According to him, Spain is a country of the European Union, which adheres to Russia in a pragmatic, constructive course. The Ministry highly appreciates the fact that the Spanish leadership has included the development of trade with Russia as a priority for foreign economic activity. Participants in the meeting agreed that Madrid actually fulfills the “sanction requirements” of the EU against Moscow, and that this confrontation is counterproductive for the economy of the Iberian kingdom itself.

If we talk about the current state of trade and economic cooperation between Russia and Spain, it can hardly please us today. According to data provided by the Chamber of Commerce and Industry of Russia, the volume of Russian-Spanish trade turnover in 2015 compared to the previous year decreased by 38.1 % and amounted to 5 billion 511.1 million dollars. Russian exports decreased by 41.3 percent to \$ 2,686.8 million, while imports from Spain showed a decrease of 34.9 % or \$ 2 billion 824.3 million. Negative balance in the trade between Russia and Spain in 2015 — 137.5 million dollars. What is especially sad is that our mutual trade turnover continues to fall in 2016.

As experts in this field note, the state of the Kingdom's economy in 2016 is characterized by a gradual recovery and, although a small, but a recovery of the economy. If, of course, compare with the crisis years after 2008.

The reforms of the government of Prime Minister Mariano Rajoy in the financial, labor and tax spheres (plus austere budgetary savings) aimed at overcoming the consequences of the economic crisis in which the country has been in existence since 2008 contributed to the improvement of macroeconomic indicators by mid-2013.

In 2014 — 2015, the trend towards economic recovery with a squeak continued — in 2015, Spain's GDP grew by 3.2 %. The Spanish labor market for 2015 showed good results. The number of unemployed fell by 678 thousand people, which represents the largest annual decline in unemployment in the history of Spain. The government managed to achieve a significant reduction in the budget deficit — up to 4 % of GDP (9 % in 2011).

In 2015, the agency S & P confirmed the rating of Spain BBB, the forecast is “stable.” Fitch's rating is BBB +.

According to the results of the Doing Business-2015 rating prepared by the World Bank on the basis of the assessment of normative acts regulating the activities of small and medium-sized enterprises in 185 countries, Spain ranks 33rd in the world in terms of the degree of business climate favorable.

An important driver of economic growth was the tourism sector (11 % of GDP and 12 % of jobs) — in 2015 the country was visited by 68.1 million foreign tourists, 5 % more than in 2014 (in terms of inbound tourism Spain — on 3rd place in the world). The most affected housing market is recovering. Although the most acute problems remain high unemployment and public debt.

The exports of Spain are dominated by the supply of industrial products — 68 %, food and agricultural — 16 %, mineral raw materials and fuel and energy products — 12 %. In the structure of Spain's imports, industrial products also predominate — 61 %, mineral products and fuel and energy products account for 26 %, for food and agricultural raw materials — 12 %.

However, Russian-Spanish trade and economic cooperation continues to be adversely affected by the EU sanctions regime and Russia's retaliatory measures, as well as the fall in oil prices and the devaluation of the ruble.

According to experts, despite the decline in the purchasing power of the population, Russia continues to be considered by Spain as a promising market for products of the textile and pharmaceutical industry, footwear, ceramic tiles, furniture, cosmetics, perfumes, wines, electric lighting devices, sanitary equipment, food products.

There is a significant potential for development of cooperation in science-intensive and innovative fields. In 2014, Spain took the 10th place in the world (Russia — 13) in the number of scientific publications (857 thousand), being on the 6th place in the number of registered patents (6 thousand). On innovative potential,

today Spain is on the 37th place (there is a problem of introducing developments in production).

The main imported goods: the main volumes of Russian imports fall on machinery, equipment and vehicles, on the products of the chemical and related industries, as well as on agricultural and food products.

The main **commodities of raw** exports: crude oil, iron ores and concentrates, waste and pomorh metals, coal.

The main **products of non-primary** exports: cereals, oilcakes, sunflower oil, safflower, fertilizers, petroleum products, cast iron and mirror, flat iron, aircraft.

The main **innovative** export goods: aircraft (drones); heterocyclic compounds containing only nitrogen heteroatoms, tires, tires (pneumatic), plates, sheets, film, foil, strips, complex filaments (synthetic), bars of alloy steels, aluminum wire.

The main **high-tech** export goods: turbojet engines, aircrafts and others.⁶

Russian-Spanish trade turnover in 2015

In 2015, the volume of Russian-Spanish trade turnover decreased by 38.1 % compared to 2014 and amounted to \$ 5,511.1 million. At the same time, Russian exports decreased by 41.3 % to \$ 2,686.8 million, while imports from Spain showed a decrease of 34.9 % to \$ 2,824.1 million. The negative balance in trade with Spain for 2015 was \$ 137.5 million.

Russian-Spanish trade turnover in 2016

In January 2016, the volume of Russian-Spanish trade turnover decreased by 53.1 % as compared to the same period of 2015 and amounted to 254.7 million US dollars. At the same time, Russian exports decreased by 59.7 % to \$ 142.3 million, while imports from Spain showed a decrease of 40.7% to \$ 112.4 million. The positive trade balance with Spain for January 2016 was \$ 29.9 million.

The honorable representative of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation in Spain, the deputy chairman of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation on business security Arthur Trapitsyn noted that the negotiations with the regional chambers of commerce and industry revealed the most relevant areas for cooperation between the Russian Federation and Spain. In particular, Spain is actively attracting domestic companies in the field of modern technologies of construction and design of facilities, production of building materials. Russia would be interested in the experience of Spain in the development of innovative technologies, food industry and agriculture, creating

⁶ Торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество России и Испании, журнал Международная жизнь [Trade and economic and investment cooperation between Russia and Spain, International Affairs], <https://interaffairs.ru/news/printable/15139> (дата обращения: 01.09.2017).

state-frequent partnerships for projects in socially important sectors of the economy.

Conclusion

A global alternative to localization

Limit imports to Russia is no longer needed, according to the Economy Ministry, as of October 2017. To increase the share of Russian goods in the world value chains, it is necessary not to substitute for imports, but to liberalize it, the participants of the conference of the New Economic School (NES), devoted to the priorities of Russia's foreign trade strategy, came to this conclusion. The Minister of Economy Maxim Oreshkin called for facilitating the supply of components, as well as removing the requirements for currency control, while experts pointed to the need for harmonization of standards within the framework of new free trade agreements and equalization of the volumes of sectoral state support, at least within the framework of the Eurasian Economic Union.⁷

Библиография

1. Henry J., *Bruton Import Substitution, Handbook of Development Economics*. — 1989. — Т. II. — p. 1603.
2. Джекобс Дж., Экономика городов, М.: Культурное наследие, 2008. http://expert-nii-kpu.ru/files/Журнал%20НИИ%20КПУ%20№4_рус.pdf (дата обращения: 01.09.2017).
3. Едовина Татьяна, Глобальная альтернатива локализации. *Газета Коммерсантъ*, [Edovina Tatyana, Global alternative to localization. The newspaper Kommersant], 23.10.2017, <https://www.kommersant.ru/doc/3447185>
4. Российские контрсанкции: запрещенные к ввозу продукты, 26.06.2015. «РИА Новости» [Russian counter-measures: products banned for import, 06/26/2015. "RIA News"], <https://ria.ru/infografika/20150626/1089950453.html>
5. Россия заместила своей продукцией импорт на \$4 млрд. 06.02.2017 [Russia replaced its products with imports for \$ 4 billion. 06.02.2017], <http://agro.ru/novosti/s-kh-proizvodstvo-fermerstvo/rossiya-zamestila-svoey-produktsiey-import-na-4-mlrd-/>
6. СМИ: Доля импорта в российских магазинах рекордно сократилась. 20.09.2017. «Прайм» — агентство экономической информации [Media: The share of imports in Russian stores has declined record-breaking. 20.09.2017.

⁷ Едовина Татьяна, *Глобальная альтернатива локализации*. Газета Коммерсантъ, [Edovina Tatyana, Global alternative to localization. The newspaper Kommersant], 23.10.2017, <https://www.kommersant.ru/doc/3447185> (дата обращения: 01.11.2017).

“Prime” is an agency of economic information.], https://lprime.ru/consumer_markets/20170920/827921748.html

7. Торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество России и Испании, журнал Международная жизнь [Trade and economic and investment cooperation between Russia and Spain, International Affairs], <https://interaffairs.ru/news/printable/15139>

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА И КАРИБСКИЙ БАССЕЙН: СТОЛИЦА СИМОНА БОЛИВАРА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

*Óscar Barboza Lizano*¹

**El pueblo Chorotega en Costa Rica:
Matambu, identidad en construcción**

**The Chorotega people in Costa Rica:
Matambu, identity under construction**

Resumen. El pueblo Chorotega en Costa Rica, representa lo más lejos, al sur, de la mexicanidad. La periferia de su desarrollo en la época precolombina, conquista, colonia y construcción del Estado nacional han contribuido a una distorsión de su identidad. Sin embargo, los procesos de globalización, como en todo el mundo, han permitido el despertar de una consciencia ancestral de aquellas identidades subalternas que durante siglos fueron sometidas. La comunidad de Matambu en Costa Rica, la cual alberga la población Chorotega, es una de tantas comunidades indígenas que han decidido reconstruir su identidad en el nuevo despertar de nuestra América. El presente trabajo tiene como objetivo presentar el acompañamiento que desde el curso Identidad, Pensamiento, Arte y Cultura de Latinoamérica, realizamos en esa reconstrucción de la identidad Chorotega. El propósito de enmarcarlo desde el curso ha sido el poder experimentar el integrar en cursos universitarios los otros dos aspectos que involucran el quehacer de la universidad, nos referimos a la en la investigación y extensión universitaria.

Palabras clave: Mesoamérica; Identidad; Globalización; Identidades subalternas; Chorotega; Mexicanidad.

¹ Polonia. Costarricense. Presidente de la Fundación Profesor Andrzej Dembiczy. Magíster en Estudios Latinoamericanos de la Universidad Nacional de Costa Rica. Profesor de los Cursos de Pensamiento Centroamericano en la Universidad de Varsovia, Universidad Wzsechnica Polska en Varsovia, Universidad Nacional de Costa Rica.

Abstract. The Chorotega indigenous people in Costa Rica represent the farthest south of the Mexican. The periphery of its development in the pre-Columbian era, conquest, colonisation and the construction of the national state has contributed to distortion an identity. However, the processes of globalization, as throughout the world, have allowed the awakening of an ancestral consciousness of those subaltern identities that were submitted. The community of Matambu in Costa Rica, which is home to the Chorotega indigenous population, is one of many indigenous communities that have decided to rebuild their identity in the new awakening of our America. The present work has as objective to present the accompaniment that from the course Identity, Thought, Art and Culture of Latin America. We carry out in that reconstruction of the Chorotega identity. The purpose of framing it from the course has been to be able to experience the integration in university courses on the other two aspects that involve the work of the university; we refer to the research and university extension.

Keywords: Mesoamérica; Identity; globalization; subaltern identities; Chorotega; Mexican.

Introducción

Los pueblos originarios de lo que hoy llamamos Mesoamérica, utilizaron las fuentes orales para la construcción de su identidad. Es decir, se realizaba mediante la elaboración de mitos y leyendas.

Esta ponencia se basa en el trabajo que realizamos con una parte de la nación chorotega en la Región Chorotega de Costa Rica. El trabajo se hizo entre los meses de febrero a julio del 2017. Este consistió en lograr desde el curso *Identidad, Pensamiento, Arte y Cultura de Latinoamérica*, un acercamiento con la comunidad de Matambu, la cual alberga parte de la población de la Nación Indígena o Indiana Chorotega, que se encuentra inmersa dentro del Estado Nación de Costa Rica. El objetivo general del trabajo fue: experimentar cómo poner en marcha desde la práctica didáctica los ejes de la investigación y la extensión universitaria. Además, tratar de acompañar en la búsqueda de una respuesta a la pregunta que me hicieran algunos de los estudiantes de origen chorotega del curso: “¿cómo podemos rescatar la identidad de nuestro pueblo Chorotega?”.

En primera instancia, nos ubicaremos en el espacio geográfico e histórico, tratando de respondernos ¿quiénes son los Chorotegas?, ¿de dónde vienen?, ¿hacia dónde se dirigen? Preguntas que, siempre, buscan responderse en cualquier proceso de construcción de identidad.

Metodológicamente nuestro trabajo se basó en analizar el paisaje de la comunidad, realizar entrevistas, acompañar los procesos de búsqueda de la identidad mediante un taller en la comunidad y una conferencia en el campus universitario. Esta se programó dentro del marco de las actividades que el curso realizó para la semana académica. El tema que se trató fue el “Humanismos Nahuatl”, y fue impartida por

el Abuelo *Cipaktonalzin*, danzante del Sol, experto en la reconstrucción de la mexicanidad y fundador del *Kalpulli Tehochantli en Puriscal* (ubicado en el antiguo reino indígena Huetar Pacaca) en Costa Rica. Sin embargo, considero que en este aspecto nos equivocamos, como lo hiciera la conferencia de la Tierra en el 2016 celebrada en Nicoya, la cual contó con la presencia del jefe de la Gran Nación Cherokee, Grey Wolf. La universidad y la conferencia de la Tierra impulsaron el trabajo conjunto entre los Chorotegas de Costa Rica y el Hermano Grey Wolf.

¿Por qué pienso que nos equivocamos en ambos eventos? Bueno, en primer lugar, aunque, la cultura Náhuatl, llegaba y llega hasta el golfo de Nicoya en Costa Rica, surge la duda si considerar a los Chorotegas o no como parte de esa cultura, o más bien como afirman algunos estudiosos, es una cultura inmersa en la gran influencia del Imperio Náhuatl. Sin embargo, algunos estudios lingüísticos han señalado la cantidad de nahualismos presentes en la lengua Chorotega, conocida como Otomangue.

El hermano Gray Wolf, ligaba a los chorotegas con una de las naciones Cherokee, llamada *Attoyac*; él decía que los encadenaba a partir de la cultura náhuatl en común. Es decir, el error no está en unir esfuerzos y compartir aprendizajes entre las naciones indígenas de América, sino en hacer afirmaciones, las cuales al carecer de un rigor histórico y sin profundizar en datos duros, podrían hacer incurrir en errores graves a las instituciones y a las mismas comunidades. Por ejemplo, el rector de la Universidad Nacional, el cual en la entrevista realizada al hermano Grey Wolf,² consideró al náhuatl como la lengua que hablaban los chorotegas de Costa Rica.

En nuestro caso la conferencia sobre el *Humanismo náhuatl*, se realizaba en el marco del curso Identidad Pensamiento, Arte y Cultura de Latinoamérica, apoyando la semana académica organizada por la universidad, el objetivo de la conferencia era ampliar el contenido del capítulo dedicado en programa del curso al estudio de la cultura náhuatl. Además, aportar una visión desde las humanidades, existente, como lo es el *pensamiento humanista indígena* de la región mesoamericana. Sin embargo, al observar la confusión y la distorsión en la información que desde las altas autoridades universitarias, comunidad y los anteriores eventos académicos, el aporte hecho sobre el humanismo náhuatl podría continuar alimentando ese laberinto en que, desde los tiempos de los cronistas como Oviedo Valdés, nos encontramos. De allí que decidimos profundizar el estudio para dar un acompañamiento en la necesaria reconstrucción de la Identidad de los Chorotegas de Matambu en Costa Rica, esperando que este trabajo aporte para orientar tanto a los académicos de la Sede Regional, como a futuros investigadores y a la vez dé insumos de trabajo a la comunidad chorotega.

² EncuentrosTVUNA. Entrevista a Grey Wolf, jefe de la Nación Cherokee. 04 de abril del 2017. Recuperado de <https://www.youtube.com/watch?v=hfG7RGrgw2A&list=LLqeme6W99RjZKOatnXD5Wkg&index=4&t=473s>. Última consulta 23/09/2017

La metodología de nuestro trabajo se basó en realizar entrevistas cualitativas mediante conversaciones con miembros de la población chorotega. La realización de un taller ceremonial, el cual titulamos: *Despertar la memoria ancestral para encontrar la identidad*. Observación participante. Además, hicimos una evaluación rápida del paisaje en el territorio indígena de Matambu y una profunda investigación en varias fuentes bibliográficas.

¿De dónde vienen, los Chorotegas?

Los pueblos originarios tratan de asegurarse la propiedad de la tierra, donde se define un territorio y donde se construirá la noción de la nación; en este caso de una nación indígena, el territorio, entonces, se transforma en un referente simbólico que une a los nacidos en él. Allí se transmiten los elementos cosmogónicos que definirían la identidad de la nación, además, se reconstruyen otros referentes simbólicos que se deben validar socialmente, para que logre la nación una cohesión en su pensamiento individual y colectivo. Este se enseña en el seno familiar, en la comunidad y en los mecanismos educativos, que deben funcionar como una máquina cultural que legitima y reafirman los patrones culturales de la nación, en este caso la Nación Indígena Chorotega.

La ubicación histórico—geográfica de al Gran Nación Chorotega, se da en torno al margen este del golfo de Fonseca en Honduras, la costa del pacífica de Nicaragua y Nicoya (Costa Rica). Se poseen datos que esta se remonta al año 900 d.c.. Se ubicaron, al norte de la sierra de los Maribios, desde Telica, pasando por *Quezalguaque*, hasta el río Telica. Por el este, hacia el lado del volcán Asososca hasta el río Tamarindo y por el sur, hasta el mar.

La lengua de los chorotegas pertenece a la estirpe Otomangue³. Su migración por el pacífico responde:

... a la desintegración y reorganización del sistema macroregional que distinguió a los periodos anteriores, tanto el Clásico Tardío como el Postclásico Temprano. Dentro de esta crisis se incluye la caída de Teotihuacán, así como el surgimiento y la caída de los toltecas

Su agricultura se basaba en maíz, frijoles, algodón, ají, tabaco, henequén y legumbres. La carne de consumo era de venado, chanchos de monte, felinos, dantas, zorros, conejos y diversas especies de aves. Los árboles frutales; el zapote, nance, mamey, guacales, nísperos y la fruta del cacao, entre otros. Además, practicaban la pesca, Juan de Pineda (1590), nos describe que en los mercados de León había

³ Ibarra R., Eugenia. “Los matagalpas a principios del siglo XVI: aproximación a las relaciones interétnicas en Nicaragua (1522-1581).” *Vínculos. Revista de Antropología del Museo Nacional de Costa Rica*. Vol. 18, N° 1 y 2, 1992–1993, 1994.

mucho pescado, además, recogían de los campos las hierbas medicinales, la cera y la miel. Utilizaban la sal, los ocotes, pigmentos de colores, el polvo de “Tile” y otros recursos obtenidos de los diversos pisos ecológicos del territorio y del intercambio con otros pueblos en el *tianguiz* o mercado. Los objetos se obtenían por medio de la compra con semillas de cacao, que fungían como un tipo de moneda o se daban por medio del trueque.

En los *tianguiz* de Nicoya, se describen canastos de palma, cestas con tapa, jícaras pintadas, mantas blancas, hamacas, ovillos de algodón y granos, como frijoles y maíz. De la isla de Chira llegaba la cerámica negra, sal de la costa, perlas, oro, conchas, cacao, cera y miel.

Las fuentes documentales aclaran que los chorotegas “se desplazaban largas distancias, para lo que se ayudaban con una hierba, *yaat*, que ha sido identificada por algunos como coca”⁴. Además, comerciaban con perlas, oro, piedras, cerámica y otras fuentes que captaban gracias a que sus asentamientos se ubicaban en el margen de los ríos y las rutas de intercambio comercial. Sin duda, a la llegada de los españoles, los Chorotegas controlaban bastante el intercambio comercial, ya que se ubicaron desde el golfo de Nicoya, en el margen del Tempisque y siguiendo por el pacífico hasta los grandes asentamientos de intercambio comercial en lo que hoy se conoce con el nombre de Granada y León en Nicaragua.

La organización política era de Cacicazgos. Aunque, muy atípicos de los presentes en el resto de Mesoamérica, según algunos investigadores como Frederick W. Lange (1996). Los chorotegas tenían un cacique principal al que todos obedecían, sin embargo existía un consejo de ancianos que asesoraban al cacique mayor. Las fuentes documentales de la época de la conquista de Nicaragua y Nicoya, nos dice que, la organización sociopolítica que debería reconstruirse en las naciones Chorotegas sería la de un cacicazgo.

Para Jiménez Moreno (1974), Chorotega proviene de la palabra náhuatl *Xolotegal*, originario de *Xolotan* en *Xoconochco*. La salida de acá, se debió de dar entre el 800 y 900 d.c. , lo cual se comprueba con los estudios arqueológicos que ubican a los Chorotegas, sobre todo a los Nicoyas, como un grupo de alto desarrollo de la cerámica. La cerámica chorotega se conoce como “cerámica del papagayo”, la cual corresponde al periodo *Policromo medio y tardío* (800 d.c.— 1500 d.c.). Convirtiéndose en la cerámica predominante de la región; por lo tanto, fueron considerados por sus contemporáneos como las naciones que tenía un desarrollo cultural mayor. De allí que los informantes de origen náhuatl que trabajaban para Torquemada, le dijese a este que hay un parentesco entre ellos y los Chorotegas, por medio de un ligamen común entre sus ancestros mangués.

⁴ Chapman, Anne. M. *Los nicarao y los chorotega según las fuentes históricas*. San José, Departamento e Publicaciones de la Universidad de Costa Rica, 1960, 29.

De acuerdo con la arqueología, los Chorotegas salieron de Cholula (México), pasaron por Choluteca (Honduras) y se asentaron en Rivas, de allí se movilizaron a otras partes, dado que desde tiempos tempranos, el intercambio comercial comenzó a desempeñar un papel importante en su desarrollo. Así en Costarrica,⁵ se establecieron caminos indígenas que posteriormente fueron aprovechados por los españoles donde se intercambiaban bienes de este a oeste y desde el sur al norte.

Una de las rutas más importancia durante la época precolonial, fue la que atravesaba la península de Nicoya y llegaba hasta Nicaragua, bordeando la costa del Pacífico. Conocido hoy como el camino del *arreo de ganado*, donde transitaban las cabezas que se comercializaban y contrabandeaban desde Nicaragua hasta Costa Rica durante el siglo XIX. Ese mismo camino lo siguieron Gil González Dávila, Pedrarias Dávila, Francisco Hernández de Córdoba y los cronistas Gonzalo Fernández de Oviedo, actualmente, continúa siendo camino usado por las haciendas ganaderas y el coyotaje de migrantes que pasan por el corredor migratorio centroamericano. La arqueología y la etnohistoria sugieren que esas mismas rutas se han usado desde hace miles de años con el paso de seres humanos, animales, pensamientos y noticias que unieron el sur y el norte del continente, sobre todo el intercambio entre lo que hoy es Colombia y Centroamérica.

¿Quiénes son los Chorotegas? Apuntes históricos— lingüísticos.

Se cree que la lengua de los Chorotegas esta extinta. El que pudo recolectar los últimos registros de la misma fue don Juan Eligio de la Rocha, abogado de profesión y profesor de la Universidad de León en Nicaragua. Sus notas se dieron a conocer gracias al Dr. Berendt, el cual las copio en 1874, y las presentó ante la *American Geographical Society* en 1876. Es su presentación pudo describir el espacio que ocupaban los mangué hablantes en el momento de la llegada de los españoles. Berendt, tenían el interés de comparar la lengua chapaneca, con el chorotega o mangué, con ese objetivo realizó ese viaje en 1874 a Nicaragua. En sus notas, no publicadas y rescatadas por Daniel G Brinton en el *no 1 de Cuadernos del magisterio. Revista de temas nicaragüenses* con el tema *Nicaragua Precolombina*, es vehemente en creer que mediante, “el conocimiento Chorotega de Nicaragua y Chiapas, será posible trazar su historia y descendencia hacia atrás, a una de las naciones que vivía en el Anáhuac” (Berendt, 1874 en Brinton, 1891), (Agregamos a la cita)... y que hoy siguen resistiendo e intentan reconstruir su identidad.

⁵ Mantenemos la ortografía que usaron los cronistas. Con la intención de demostrar el nombre original, según las tesis del historiador Dionisio Cabal, este es el nombre Huetar del país Costa Rica. Aunque, *Costarrica* se consigna por primera vez en una cédula real de 1543, que relaciona a Diego de Gutiérrez con la posesión de “Veragua y Costarrica” (Cabal Antillón Dionisio. 11 de mayo 2008. *Costarrica nombre indígena*. La Nación. Costa Rica. Recuperado de <http://www.nacion.com/ancora/2008/mayo/11/ancora1528920.html> Ultima consulta 02/09/2017)

La Gran Nación Chorotega, se ubicarían de acuerdo con el mapa lingüístico elaborado por Jiménez Moreno en 1936, desde el sur de Honduras, continuando por la costa pacífica de Nicaragua hasta llegar a la península de Nicoya. Siguiendo a Oviedo y Valdez (1853), se agregan algunas islas del Golfo de Nicoya.

Los Chorotegas se les ubicaría dentro del grupo lingüístico del Macro-Otomangue, en el subgrupo del Otomangue, cuya familia lingüística sería Chorotega o Mangue, dividida en dos subfamilias, a— Chiapaneca y b— Mangue; dividiéndose este último en distintas variantes. Por su parte, Alden Mason, nos afirma que las leguas Macro-Otomangues en Mesoamérica son tres, 1-Choluteca o Chorotega, 2— Mangue, compuesto de las variantes Dirian,⁶ Nagradan y Orotiña, esta última con sus variantes Orosí y Nicoya. Por lo cual Martínez, ratifica lo que Frederick Johnson en 1948, planteó: “grupo Chorotega se divide en tres tribus. Choluteca, Mangue y Orotiña”. Es decir, la Gran Nación Chorotega, estaría integrada por tres naciones, la nación Choluteca, la nación Mangue que incluiría los pueblos Dirian y Nagradan y la Nación Orotiña la cual se conforma de los pueblos Nicoya y Orosí.

Martínez, considera a la Gran Nación Chorotega como parte de la familia chapaneca –mangue, que está emparentada con la lengua mazateca del Estado de Oaxaca. Por lo tanto, a pesar de las tesis enfrentadas sobre la migración Chorotega, la más fuerte sería la del norte hacia el sur, es decir, de México hasta Centroamérica. Siguiendo a Torquemada, este nos afirma en sus escritos que los Mangues, tuvieron su asentamiento en el:

Xoconochco que es de la gobernación de México. Los de Nicoya descienden de los Cholutecas y los moraron acia la Sierra la tierra adentro y los de Nicaragua son del Anáhuac, mexicanos y habitan acia la costa sur...

Lo anterior es reafirmado por Brinton, en *The Giiegiience, a Comedy-Ballet in the Nahuatl-Spanish Dialect of Nicaragua,* publicada como el Numero III, en el *Brinton's Library of Aboriginal American Literatura* (Philadelphia, 1883) Parafraseando a Brinton, los Chorotegas se llamaban *Mánkeme*, que quiere decir gobernantes, maestros, y cuya palabra los españoles corrompieron y les llamaron Mangues. Los aztecas con su invasión dividieron la Gran Nación Mánkeme (Chorotega), en dos fracciones, la del lago de Nicaragua, empujada hacia el norte abarcando el hoy llamado Golfo de Fonseca y la otra más al sur la de Nicoya, hasta el golfo que lleva el mismo nombre. Según el autor, los ganadores le aplicaron a los Mánkeme, el nombre despectivo de Cholutecas que significaría los que fueron expulsados cuyo origen etimológico es del verbo náhuatl “*choloa*” en su forma compulsiva “*chololtia*” significado expulsada, y el sufijo “*tecatl*”, que significaría gente. Es decir, *Choloaltecatl* es gente expulsada. Por su parte los españoles lo corrompen y formulan la palabra Cho-

⁶ Dirian se hablaba en al Sur del Lago de Nicaragua, el Mangue al Oeste y Norte del Lago de Managua. El Orotiñan sería el que se hablaba en Nicoya..

rotega. Como mencionamos en este trabajo, la nación Chorotega se compondría de tres naciones, entre ellas la nación Mangué, con el pueblo Dirian, etimológicamente proviene de la palabra mangué *Diri*, cuyo significado es colina o montaña.

En el año de 1523, el capitán Gil González, visitó al cacique Nicoya. El cronista Oviedo Valdés, registró las palabras mamea (infierno), nambi (perro) y nambue (jaguar) (Parte III Libro III). Según el diccionario Chorotega— Español editado por la Universidad de Costa Rica en el año 2002, *Nambue* significa jaguar hembra, *ñum-bi* significa perro, e igualmente mamea significa infierno. Así que, como bien nos dice Brinton y Quirós, el primer registro del mangué data de la segunda década del siglo XVI. Por su parte en el siglo XVII, el conquistador Juan Vázquez de Coronado, reportó una población de mangues al este de la provincia de Pacaca, hoy llamado Costa Rica.

Las afiliaciones lingüísticas del mangué, las cuales habría que tomar en consideración para la recuperación de la lengua la Gran Nación Chorotega, serían el chiapaneco de Chiapas, como lo propone Brinton. Por otra parte, la fonética que nos describe el lingüista, hace referencia a que la H, se pronuncia aspirada y equivale a una J, las sílabas son abiertas terminando todas con un sonido vocal, por lo cual *nimbu* (agua), se debe dividir en: ni/mbu (1883).⁷ Además, se presenta una frecuencia en el mangué de las resonantes N y M, presentes en el chiapaneco. Parafraseando a Albornoz, deberá usarse la N antepuesta cuando una palabra comienza con B, G, Y ó D. Siguiendo a Brinton, las construcciones gramaticales del mangué son idénticas a las chiapanecas, el cual posee muchas fuentes ya publicadas, por lo tanto, esto aumentaría la posibilidad de lograr la reconstrucción del Chorotega o Mangué, en la Gran Nación Chorotega, incluyendo sus tres naciones:

1. Nación Choluteca, en la parte sur de honduras hasta llegar al golfo de Fonseca.
2. Nación Mangué, integrada por los pueblos Dirian y Nagradan en la costa Pacífica de Nicaragua y algunas islas del Lago.
3. Nación Orotiña, la cual se conforma por los pueblos de Nicoya y Orosí. Ubicadas en la Provincia de Guanacaste en Costa Rica.

Como bien es sabido las tres naciones y sus pueblos que integran la Gran Nación Chorotega, ha sido reducida en el espacio físico y habría que profundizar en ubicar hoy con una mayor precisión territorial desde el punto vista geográfico donde se encuentran. Por ejemplo en el caso de Costa Rica, tenemos bien definido que lo que correspondería a la nación Orotiña que forma parte de la Gran Nación Chorotega, se concentra en el territorio indígena de Matambu, el cual es el distrito número cinco del cantón de Hojancha en la Provincia de Guanacaste. Siendo uno de los 24 territorios indígenas del país.

⁷ Aspectos comunes entre el Cheroqui y Japonés

La cosmogonía Chorotega

Estas naciones adoraban a *Huitzilopochtli*, según el cronista Oviedo y Valdés. Sin embargo, hay que recordar que este suele confundir a Chorotegas (Mangues) y Nicaraos (Náhuatl). Sin embargo, nos dice que el panteón Chorotega se compone de tres Dioses *Tipotani*, la dualidad *Nenguitamali* (mujer) y *Nenbithia* (hombre), de donde descienden todos los mortales. El centro más importante ceremonial era el volcán Masaya (Monte que arde en la lengua Chorotega). Siguiendo a Torquemada, relata que en las partes altas del Masaya estaban las *Tocales* (altares) para llamar a los dioses y realizar los sacrificios. Por otra parte, Oviedo y Valdés, nos habló de que el cacique de Lendiri, le informó de sus encuentros con una especie de Pitonisa dentro del Volcán, la cual era una anciana que les daba consejos sobre las guerras u otras decisiones importantes; además, que a esta le ofrecían sacrificios como recompensa. Claro es que la ofrenda de los jóvenes al volcán simboliza el culto al dios del fuego, *Huehueteotl*, una de las deidades más antiguas de Mesoamérica. Sin embargo, hay que profundizar en estas investigaciones y conocer más al respecto ya que estos pueblos reelaboraron “un panteón particular de dioses”⁸.

Las ceremonias presentes en los pueblos de la nación chorotega, se realizaban tres veces al año, donde el cacique reunía a todo el pueblo y bailaban hombres y mujeres pintados y tomando chicha,⁹ posteriormente, sacrificaban a varios y las mujeres se iban a la montaña donde los hombres debía ir a buscarlas y traerlas de nuevo a sus hogares.

Otra ceremonia, descrita por Oviedo y Valdés, es la ofrenda de sangre al maíz donde desde el cacique y otros hombres con navajas se cortan diferentes partes del cuerpo, de acuerdo con sus ofrendas de devoción o rezo, después ungen el maíz con esta sangre y posteriormente lo reparten para que cada uno del pueblo lo coma, como algo sagrado.¹⁰ Dentro de estos rituales de voto de auto sacrificio; la ofrenda se ofrecía al dios *Mixcoa*. Por otra parte, existía un dios de la lluvia que envía el agua y hace los rayos, a este se le ofrendaban sacrificios, lo llamaban *Quiateot* en Chorotega y que para los náhuatl corresponde la designación de *Tláloc*. Los chorotegas poseían una fiesta importante a este dios llamada *Quiaüi*, y la cual corresponde a los 19 días del calendario náhuatl, cuyo patronazgo lo ejerce *Tonatiuh*. El cual posee al cabeza de *Tláloc*.

⁸ Lange , Frederick W. y Doris Z. Stone. *The Archaeology of Lower Central America*. University of New Mexico Press. Albuquerque, 1984.

⁹ Bebida fermentada de maíz morado.

¹⁰ Probablemente por esta ceremonia fue fácil para la iglesia Católica el evangelizar a muchos ya que en la eucaristía el momento más sagrado que presenta la ceremonia católica es la recreación de la última cena de Jesús, donde supuestamente Jesús haciendo la metáfora del vino y el pan dice “ este es mi cuerpo y esta es mi sangre, comed todos de él...” Siendo algo muy común entre sus fiestas religiosas, el sacrificio, auto sacrificio y la antropofagia.

Como vemos probablemente la influencia del dominio náhuatl, hizo que la Gran Nación Chorotega adecuara sus dioses, sus fiestas en un sincretismo religioso.

En la creencia chorotega los *Tapaliguís* eran estatuillas de unos cuarenta y cinco cm de altura de madera o piedra y representaban a los guerreros muertos, héroes que se inmortalizaban y poseían la capacidad de comunicar los favores solicitados por lo mortales directamente a los *Toeotes*. Realizaban danzas en sus ceremonias diferenciadas, en algunas solo participaban guerreros, los de la medicina u otros grupos. Inclusive, la mayoría de Danzas era realizada por los hombres o estaban diferenciadas por el sexo. En muchas de las fiestas los participantes andaban pintados con el Achiote (*Bixa orellana*) y casi o desnudos, usaban penachos de plumas en sus cabellos, diferenciando a los altos guerreros y a las élites, dependiendo del tipo de pluma que usasen. Una de las danzas más emblemáticas es la de voladores que se comparte con los mexicas, la cual se desarrolló en Nicaragua como “la danza del Viejo” en ofrenda al *teote* del cacao. Algunas hipótesis nos dicen que esta danza en Nicaragua, se reduce a la dialéctica entre *Tezcatlipoca* y *Quetzalcóatl*, al poseer solo dos niños que bajan como danzante voladores. El tercer elemento el hombre que danza y toca el tambor y la flauta desde lo alto del palo representa acá a *Quiateot*, dios de la lluvia.

Otra danza que se le atribuye a los Chorotegas es la del Lagarto. Documentada por los cronistas en una de las isletas del lago de Nicaragua, además, esta se respalda con las estatutarias encontradas en las islas de Marota y Pensacola, llamadas “Cocodrilo” *Cipactli*, como un teote de adoración, el cual es un danzante que va cargando sobre su cabeza y espaldas el tocado de un cocodrilo, Llamado también como *Zipalonal*, *Zipaltoval*, *Ochomogo*, *Tamagastad*, *Famagostad*. (Ibíd.). Esta fiesta se conserva aún en algunas de las isletas del lago y en la península de Nicoya, donde se le conoce como “la Lagarteadada” y se realiza el primer día de la Pascua, posee algunas alteraciones con el tiempo pero el patrón cultural albergado en el núcleo cultural de estas comunidades permanece inalterado.

Una de las fiestas, según Oviedo y Valdés, más importantes es la que se ofrece al Sol, donde se acostumbraban sacrificios de un hombre y mujer y la primera sangre se dedicaba al Sol. Este astro representaría a *Quetzalcóatl*. Así, ellos mismo en su “performance” serían un *Quetzalcóatl* viviente en un proceso de metamorfosis.

La serpiente emplumada, una deidad en piedra fue encontrada en una de las isletas del lago, esta estatuaría conocida como B6, según coinciden todos los expertos, se refiere a *Quetzalcóatl*. Otra estatuaría encontrada la C6, hace referencia al auto sacrificio y mutilaciones que mencionamos anteriormente. Además, se le atribuyen la representación del desollarse que está muy frecuentemente presente entre las culturas mesoamericanas. Por otra parte, se le atribuye a la C6 la representación de *Tezcatlipoca*, señor de la vida y muerte. Los niños representan a los dioses creadores de la tierra y la vía láctea. Además, separaron la tierra del cielo por medio de

la creación de los árboles. Por lo tanto, la cosmogonía chorotega es la base de la identidad cultural, donde dioses, hombre y naturaleza se relacionan en el fantástico fenómeno de la creación que va asignando un espacio geográfico y recursos que permitan la vida colectiva.

Otra ceremonia, descrita por Oviedo y Valdés, importante, es la que realizaban los hombres con chicha, cacao y Yapoquete (tabaco). Consumían las cantidades de chicha y *Yapoteque* necesarias para entrar en trance y tomaban entre tres o un poco más de tragos del cacao.

De todo lo anterior se desprende que la construcción discursiva que sostiene la tesis de la migración desde México por parte de los chorotegas es la fuerte y cuya oralidad sirvió para transferir a las nuevas generaciones el origen de sus ancestros, por medio de la construcción de su visión cosmogónica y sus fiestas; lo que respondería a la primer pregunta: ¿de dónde vienen los chorotegas? Combinándose el mito, la ideología y los elementos históricos.

Varios investigadores nos hablan de la presencia de códices Chorotegas, de acuerdo con los exploradores y cronistas, los cuales nos dicen que: “tenían pintadas sus leyes y ritos con gran semejanza a los mexicanos”. Esto contradice lo expuesto por Ligia Madrigal Mendieta (2009), la cual afirmaba que los Chorotegas por su condición periférica, solo pudieron transmitir su conocimiento por medio de la tradición oral. Sin embargo, la investigadora sólo se basa en alguna referencia que hace Torquemada sobre los ancianos y como estos platican mucho con los jóvenes, aunque trata de confirmar su afirmación con las entrevistas que Oviedo Valdés hizo. Sin embargo, la pregunta que este hacía sobre si tenían libros la realizaba mostrándoles a los indígenas como ejemplo el libro la Biblia, por lo cual, lógicamente, el entrevistado diría un rotundo no. Probablemente, en ese momento sería la primera vez que el Chorotega veía el famoso escrito que justificó muchos genocidios.

Organización social y política

Había tres provincias principales, Choluteca, Managua y Nicoya. Esta última con el mayor desarrollo, por lo cual era la más importante. Nicoya, se componía de cuatro pueblos principales, Nicoya, Cantren, Orotiña y Chorote. Cada provincia tenía su cacique principal, además, de poseer un *Monechicoa* (reunirse), o consejo de ancianos. (Torquemada, 1723). Había una casta Sacerdotal con su sacerdote principal. El cacique era el jefe militar estaba supeditado a los sacerdotes en cuestiones religiosas. Posteriormente, estaban los artistas, artesanos y agricultores. Existían los esclavos, los cuales solo podían ser obtenidos por medio de la guerra. La familia se basaba en una estructura Matriarcal¹¹.

¹¹ Oviedo y Valdés, Gonzalo Fernández de. 1853. *Historia General y Natural de las Indias, Islas y Tierra firme del Mar Oceano*. 4 V, Real academia de Historia Madrid. P. 1853.

Vestidos

Hombres con túnicas de algodón, y las mujeres desnudas de la cintura para arriba. El pelo largo y trenzado o suelto hacia los lados¹², usaban sandalias de piel de venado, el traje para la guerra era un jubón basteado de algodón, *Ichahuipilli*, además, acostumbraban a usar mutilaciones estéticas, un agujero entre la barba y el labio con un hueso redondo o un aro de oro¹³. Diez años después del encuentro con españoles ya vestían como ladinos, según lo relatan otros cronistas. Por lo tanto, el proceso de aculturación fue rápido y avasallador.

Algo importante acotar es lo que Madrigal Mendieta nos dice sobre los estudios de las sociedades al sur de Mesoamérica. Este nos menciona que la obra de León Portilla es un gran referente para el estudio de la mexicanidad; no lo sería para el estudio de los Chorotegas, aunque, considera que: “estas sociedades eran parte de la cultura náhuatl”. Sin embargo, lo que se debe entender es que compartían un espacio multicultural con los náhuatl y no que pertenecían a la cultura náhuatl, por lo tanto, su lengua original no es ni variante ni tiene una raíz náhuatl como lo hemos demostrado letras arriba.

Como la mayoría de las tradiciones se pasaban de forma oral, fue necesario para la corona de Castilla y León y para los intereses cristianos la evangelización de forma oral, por lo tanto, las cédulas reales emitidas daban como prioridad que los misioneros evangelizadores lo hiciesen en la lengua de los pueblos que encontrarán o que los indígenas aprendieran el español, razón que se impuso en el nuevo mundo y así se iniciaron una serie de prohibiciones y castigos para los indígenas que se atrevían hablar en sus lenguas propias.

En el caso de Nicoya, las medidas fueron tan drásticas que incluso si se descubría algún indígena hablando el mangué, se le empalaba o ahorcaba en la plaza principal. Consecuencias de ello, que hoy en la región, se ha perdido por completo el uso de la lengua Chorotega o mangué en los espacios territoriales autónomos de estos pueblos. En 1550, se dictó la cédula real para que se enseñara a los indios la doctrina cristiana en lengua castellana. Sin embargo, ya en estas fechas la poca población indígena que quedaba, por el exterminio sistemático y las migraciones a las partes altas de las montañas, obligaron a crear medidas que pudiesen traer a los indígenas que huyeron, por lo tanto, se creó por parte de la corona dos instrumentos básicos la Cofradía y la reducción indígena. La primera se les entregó a la población indígena como una forma de administración de los asuntos religiosos y así ellos mismos estableciesen los tributos y ofrendas de sus propios recursos.

De lo anterior reconocemos la Cofradía de la Virgen de Guadalupe, que permanece como una fiesta tradicional en Nicoya Costa Rica y la cual se lleva todo el año con diferentes actividades. Los pobladores y los altos dignatarios de la Cofradía

¹² *Ibidem*.

¹³ *Ibid*, 1535.

reconocen que la misma se “inició en el Caserío de Matambu”, hoy territorio autónomo indígena. Como podemos ver, la cofradía funcionó durante mucho tiempo en manos de los indígenas Chorotegas de Nicoya en Costa Rica, y esta con el tiempo pasó a ser parte de las tradiciones de toda la comunidad del Cantón de Nicoya. Entonces, la cofradía consistía en: “Capacitar al indio para administrar por él mismo el ritual religioso y representar en el teatro religioso la simbología necesaria para su españolización”. Así, se profundizó un sincretismo religioso dentro del aparato de cristianización usado por los españoles. Consolidándose en realidad nuevas cosmogonías a partir de las anteriores en el aparato cultural indígena.

Numerario de intercambio

Los chorotegas usaban el cacao como moneda, pero su fruta principal fue el Níspero; en su lengua llamado *Nunocapot*. Recordemos siguiendo a Oviedo y Valdés que, el cacao era la moneda que se utilizaba en Mesoamérica y en los mercados para las transacciones, desde dotes de matrimonio, pago de prostitutas, bebidas y aceites medicinales.

¿Hacia a dónde van los Chorotegas? Matambu como reducto Chorotega en búsqueda de su identidad ancestral

El territorio indígena de Matambu, fue declarado en el año de 1980, como un territorio colectivo y el cual le pertenece al pueblo indígena chorotega de Costa Rica. Su extensión es de 1600 hectáreas y se compone de dos comunidades Matambu en la parte alta y Matambuguito en la baja. Este territorio a partir del 17 de julio del 2017, se convirtió en el quinto distrito del Cantón de Hojanca, Provincia de Guanacaste. Su población actual es de 1685 habitantes, de los cuales 1085 se consideran indígenas y 600 no indígenas. (Mideplan, Abril, 2015).

De lo anterior podemos deducir que, la organización físico-política del Estado nacional costarricense continúa absorbiendo al pueblo Chorotega. Según el periódico el país, después de dos años de resistencia el territorio de Matambu aceptó que se le incorporará como distrito del Estado nacional.

Como consta en varios estudios, la población Chorotega se debate entre la reafirmación de su identidad indígena de origen chorotega o su integración total y asumir la identidad del Estado Nacional como propia y única.

El Estado nacional de Costa Rica, mediante una reforma parcial al artículo 1º de la Constitución de la República; se declaró una “República democrática, libre, independiente, multiétnica y pluricultural” (24 de agosto del 2015). Por lo cual, podríamos interpretar que a partir del 2015, por constitución se reconocería las diferentes identidades culturales y étnicas que conviven en país. Por lo tanto, la autodeterminación y la reafirmación de las diferentes identidades deberían respetarse.

Por lo tanto, el Estado deberá facilitar que esas identidades puedan desarrollarse dentro de las comunidades; proporcionándoles los recursos educativos acorde con la identidad asumida. Es decir, en el caso Chorotega, Escuelas, Colegios, guías didácticas, que reconstruyan la identidad. Claro, una vez superada la aparente dicotomía existente en la población.

Los posibles orígenes de esta dicotomía, según los estudios que desde el Estado se han realizado, los podríamos encontrar en los resultados de nuestras entrevistas. En primer lugar, los participantes afirmaban que durante toda su vida han sido objeto de discriminación por su condición indígena y su pertenencia al caserío o territorio de Matambu. Por ejemplo, los jóvenes entrevistados fueron vehementes al relatarnos sus experiencias en la secundaria o universidad y como han sido y son discriminados por pertenecer al pueblo Chorotega y a Matambu. Afirmaciones como: “Los indios de Matambu son ladrones” “Los Indios de Matambu son violentos y pelean” “Ah...cuidado con ese que es un indio de Matambu”. Esto según el relato de los jóvenes ha hecho que, incluso, muchos de ellos nieguen su condición indígena u otros más bien la reafirmen gracias al trabajo que sus padres y abuelos han hecho con ellos desde niños por lo que se sienten orgullosos de ser indígenas.

Como bien podemos observar, en pleno siglo XXI, lastimosamente, la estigmatización por su condición continúa siendo la misma que en la colonia y la desarrollada por la construcción del Estado nacional durante el siglo XIX y parte del XX. “El “indio” como el otro que perjudica a la sociedad”.

Por su parte los adultos reafirmaron que ellos también pasaron por esos procesos de discriminación racial y que no desean que sus hijos lo vivan, incluso, muchos migraron a otras partes del país por trabajo y donde, como lo afirmaban, no eran más indígenas, sino trabajadores de las bananeras, puertos o haciendas. Su identidad y condición pasó de indígena a trabajador dentro del Estado nacional donde, incluso, pudieron liderar movimientos sindicales para luchar por mejores condiciones laborales en las plantaciones.

Muchos han regresado a la comunidad y saben desde su experiencia la necesidad de reafirmar su identidad Chorotega. Los más ancianos trabajan por recuperar las tradiciones. Así mismo lo hacen familias enteras como es el caso de la Familia Aguirre. Estos iniciaron un proyecto de recuperación de tradiciones Chorotegas con una escuela dedicada al rescate del arte chorotega, donde enseñan a elaborar cerámica, esculturas y pinturas, aprovechando los elementos que proporciona la naturaleza como lo hicieron sus antepasados.

Los adultos jóvenes reconocen que aún queda un poco de la identidad chorotega. Consideran la construcción del rancho tradicional chorotega como uno de los elementos que hacen que se inculque la identidad chorotega. Esta actividad va acompañada de una fiesta en la que participa toda la comunidad, estos colaboran en la construcción con aquel que construye el rancho, se bebe chichéeme (chicha),

la bebida tradicional de las ceremonias chorotegas y se preparan varios platos tradicionales. Las medidas del rancho son las mismas durante siglos y la forma de tejer la palma. Hay que recordar que el Rancho ya no cumple la función habitacional del pasado, ahora forma parte de un espacio público que se comparte en las casas que lo tienen para actividades de las familias o si se necesitase de la comunidad.

Otra actividad que reconstruye la identidad chorotega es la limpia de las casas nuevas, donde se usa mozote, las personas lo beben y realizan varios rituales con esta planta para que exista la paz y la abundancia en esa casa y familia esta ceremonia sirve para “espantar los malos espíritus”. Sin embargo, con respecto a esta ceremonia los participantes decidieron no compartir en extenso los materiales y rituales con que se realizan. Notamos que, algunos entrevistados, afirmaron que ya no se hace, aunque, otros familiares de los mismos afirmaron se conserva la tradición.

Todos los entrevistados afirman su tristeza por la pérdida de la lengua, y que esto es un elemento que los golpeó y los ha hecho perder su identidad. Afirman que desearía poder reconstruirla y que las nuevas generaciones aprendiesen la lengua para revivir su identidad total. Por lo cual están muy de acuerdo con la apertura del colegio bilingüe en la comunidad y que desde la escuela y el colegio se impulse el rescate de su lengua.

Por lo tanto, la mayoría de los entrevistados coinciden que es necesario y urgente rescatar las tradiciones y reconstruir la identidad chorotega.

La Gran Nación Chorotega en la globalización

Para entender cómo se ven desde el ser chorotega en estos tiempos de la globalización y su relación con el Estado nacional costarricense; se les mencionó en las conversaciones 4 criterios: Tribu, comunidad, etnia, nación.

Los adultos jóvenes y los jóvenes en su mayoría, se consideran como una comunidad indígena. Esta para ellos está modernizada y para mucho más globalizada que otros territorios, ya que “tiene todos los servicios (agua, luz, teléfono, internet, televisión satelital), en sus casas, las cuales son más modernas, que las casas o ranchitos de los otros indígenas” (Información de las entrevistas). Consideran que, la relación con el Estado nacional es muy mala, que el Estado nacional “los tiene marginados y abandonados y nunca se ha interesado por mejorarles sus condiciones” (Información de las entrevistas), como comunidad indígena.

Los adultos y adultos mayores, en su mayoría se consideran etnia y consideran que por la pérdida de muchos aspectos de su identidad chorotega, ellos mismos perdieron en los espacios y las leyes que el Estado nacional ha construido para el beneficio de las etnias indígenas.

A la alusión de la autonomía, la autodeterminación de los pueblos indígenas, la mayoría coincide en que “existe en parte” (Información de las entrevistas), sin embargo, la organización de la comunidad es llevada por la Asociación de Desa-

rrollo Integral, la cual es parte de la estructura del Estado Nacional. Además, que a pesar de que la tierra es colectiva y es un territorio indígena, existen compañías madereras en sus tierras con plantaciones forestales las cuales se extraen y la comunidad no recibe nada de las ganancias y no entienden como están dentro del territorio. Así mismo, los no indígenas que poseen tierra dentro del territorio dado.

Reflexiones finales

La búsqueda de la identidad chorotega, pasa por una redefinición, reescritura y replanteamiento de muchos referentes simbólicos a construir, rescatar y discutir su validez social. Se debe entender que la cultura es la responsable de la construcción de la personalidad y la identidad en los individuos. Esta construcción de la identidad es una consecuencia de la estructura y el universo que engloba a los miembros de la comunidad. Es decir, son los caracteres y los patrones culturales presentes en un pueblo. En este caso el pueblo Chorotega de Matambu. El carácter, se aplica al individuo y a la organización social a la que se pertenece; es lo que llamaríamos un carácter étnico (una cultura que se comparte), el cual se va construyendo a partir de tres nociones básicas:

Integración

Territorialidad

Centralidad

Las anteriores tres nociones de la cultura que se comparte y posee diferentes dimensiones, se manifiestan en la vida social y cotidiana. Es decir, éstas forman a los individuos según las exigencias de la sociedad. Por lo tanto, la personalidad y la cultura se unen en un territorio físico determinado. Por lo cual se crean fronteras culturales y físicas bien definidas, las cuales se disputan la pertenencia de algunos patrones culturales como auténticamente suyos, aunque no lo sean o sean y estén solapados.

De acuerdo con nuestro primer acercamiento vemos que esta población cumple con las tres nociones básicas para crear o reconstruir una cultura, nación e identidad propia.

Hay que recordar que, el Núcleo cultural, el cual fue definido por Ralph Linton, siempre es un espacio que posee una serie de valores, asociaciones interpersonales y emociones que hacen a los individuos adherirse, inconscientemente, a una serie de patrones culturales. Estos tratan o son en sí, el carácter de un pueblo, es la esencia misma que crea varios imaginarios los cuales cohesionan a una sociedad, pueblo o comunidad. Estos existen y pueden replantearse desde su pasado histórico-cultural en la comunidad de Matambú.

Leví Strauss, nos explicaba en su seminario de Identidad que: “La Identidad es un lugar virtual, el cual es indispensable para explicarse cosas, pero no es real”. Entonces, si la identidad no es real; nos proponen varios intelectuales que

se lograría (re)construir fácilmente mediante referentes simbólicos que deben ser convincentes y tener una validez social. Una vez que se valida el referente, se pone en marcha “la máquina cultural”, para tratar de lograr una relativa unidad de la nación, en lo mental, moral y cultural. Todos sin excepción, se deben someter voluntariamente, bajo un poder central de esa unidad. Por lo tanto, se tendría que continuar el trabajo redefiniendo los referentes simbólicos en toda la comunidad hasta alcanzar consensos que los validen y legitimen para ponerlos en marcha en la escuela y en el futuro colegio de Matambu. Así se logrará una conformación organizativa que evoluciona, en:

- 1 — Sociedad tribal
- 2 — Sociedades integradas
- 3 — Polis
- 4 — Nación—Estado

De allí que la meta a alcanzar sería el lograr un común auto reconocimiento de la población de ese territorio indígena como una de las Naciones Indígenas Chorotegas que está en Costa Rica, aunada, sin duda, a la reconstrucción de su propia lengua a partir la lengua Chiapaneca. Ambas metas serían el cierre de un proceso inicial de la reconstrucción de la identidad Chorotega, entendiendo que la identidad será una búsqueda y reconstrucción constante.

Una vez que se alcanza el sentido espiritual de la noción de nación indígena, se inician procesos individuales de autodefinición e identificación con la misma. Como lo han demostrado otros procesos similares en la América Latina durante los tiempos de la globalización.

La globalización neoliberal ha permitido que las fronteras culturales del Estado nacional de construida desde el siglo XIX, sean vulneradas, lo que hizo posible la visibilización de las identidades sometidas desde la colonia. Por lo tanto, los tiempos de la globalización permiten a los grupos subalternos reconstruirse, redefinirse y sobre todo reafirmar su identidad.

Bibliografía

1. Cabal Antillón Dionisio. 11 de mayo 2008. *Costarrica nombre indígena*. La Nación. Costa Rica. Recuperado de <http://www.nacion.com/ancora/2008/mayo/11/ancora1528920.html> Ultima consulta 02/09/2017
2. Chapman, Anne M. “Puertos de intercambio en Mesoamérica prehispánica.” En Miguel Acosta Saignes, Miguel León Portilla, Anne M. Chapman y Amalia Cardos de Méndez. *El comercio en el México prehispánico*. Instituto Mexicano de Comercio Exterior: México, 1975.
3. Chapman, Anne. M. *Los nicarao y los chorotega según las fuentes históricas*. San José, Departamento e Publicaciones de la Universidad de Costa Rica, 1960.
4. Encuentros TVUNA. Entrevista a Grey Wolf, jefe de la Nación Cherokee. 04 de abril del 2017. Recuperado de <https://www.youtube.com/watch?v=hfG7RGr->

gw2A&list=LLqeme6W99RjZKOatnXD5Wkg&index=4&t=473s . Última consulta 23/09/2017.

5. Ibarra R. Eugenia. “Historia de Nicaragua y Nicoya durante la conquista española. Una perspectiva desde la dinámica interétnica” (800 DC a 1544). Tesis para optar al posgrado de Magister Scientae en Historia. SEP. Universidad de Costa Rica. 1995.

6. Ibarra R., Eugenia. “Los matagalpas a principios del siglo XVI: aproximación a las relaciones interétnicas en Nicaragua (1522-1581).” Vínculos. Revista de Antropología del Museo Nacional de Costa Rica. Vol. 18, Ns 1 y 2, 1992–1993, 1994.

7. Ibarra R., Eugenia. Fronteras étnicas en la conquista de Nicaragua y Nicoya. Entre la solidaridad y el conflicto (800 dC — 1544). (En prensa (a))

8. Lange , Frederick W. y Doris Z. Stone. The Archaeology of Lower Central America. University of New Mexico Press. Albuquerque. 1984.

9. Lange, Frederick W. editor. Wealth and Hierarchy in the Intermediate Area: a Symposium at Dumbarton Oaks, 10th and 11th October 1987. Washington D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1992.

10. Lange, Frederick W., “The Intermediate Area: An Introductory Overview of Wealth and Hierarchy Issues.” En Frederick W. Lange. Editor. Wealth and Hierarchy in the Intermediate Area, Dumbarton Oaks, Washington D.C., 1992.

11. Lange, Frederick W., editor. Paths to Central American Prehistory. Boulder, The University Press of Colorado, 1996..

12. Ministerio de Planificación Nacional y Política Económica. (MIDEPLAN). Población Indígena en cifras (Abril 2015). Costa Rica. Recuperado de https://documentos.mideplan.go.cr/alfresco/d/d/workspace/SpacesStore/aa51c81c-85bd-443a-9b40-7538a6677b32/Serie_Costa_Rica_Poblacion_indigena_en_cifras_2015.pdf?guest=true. Última consulta 23/09/2017.

13. Oviedo y Valdés, Gonzalo Fernández de. 1853. Historia General y Natural de las Indias, Islas y Tierra firme del Mar Oceano. 4 V, Real academia de Historia Madrid.

14. Quirós Rodríguez, Juan Santiago. (2002) Diccionario Chorotega-Español, Español Chorotega. Editorial Universidad de Costa Rica. San José. Costa Rica. 163 p.

15. Salgado G., Silvia. Social Change in a Region of Granada. Pacific Nicaragua. (1000 B:C:–1522A.D.). Tesis doctoral, State University of New York, 1996.

Aproximação Brasil-Cuba: oportunidades

Brazil-Cuba Approach: Opportunities

Resumo: O objetivo deste artigo é analisar a evolução comercial recente no Brasil, buscando identificar as principais características que distinguem Cuba nas transações econômicas brasileiras — parte de uma ampla estratégia da política externa brasileira no contexto do MERCOSUL. Os principais resultados são: (a) desde o início do primeiro mandato do Presidente Lula, a orientação política leva a um aumento da importância da participação da América Latina e do Caribe (e particularmente Cuba) no fluxo comercial brasileiro como um todo; e (b) Cuba tem fortalecido seu papel na estratégia de internacionalização das empresas brasileiras.

Key words: Brasil; Cuba; Comércio; Investimento Estrangeiro Direto

Abstract: The Aim of this paper is to analyze the recent commercial developments in Brazil in order to identify the main features that distinguish the Cuba within the Brazilian economic transactions — part of a broad strategy of the Brazilian foreign policy in the context of MERCOSUR. The main results are: (a) since the beginning of the first term of President Lula, the policy guidance leads to an enlargement of the share of Latin America and the Caribbean (and particularly Cuba) in the Brazilian trade flow as whole; and (b) one can see that Cuba has strengthened its role in the strategy of internationalization of Brazilian companies.

Key words: Brazil; Cuba; Trade; Foreign Direct Investment

Introdução

A América Latina e o Caribe são, explicitamente, alvos da política externa brasileira, sobretudo como uma extensão dos laços criados e solidificados a partir do Mercosul e, neste contexto, a inserção de Cuba ocupa também uma posição a se destacar. Desta forma, não só declarações oficiais da chancelaria brasileira, mas a própria verificação dos números que marcam a evolução comercial brasileira recente reforçam a avaliação da região como uma das metas prioritárias nas relações externas do Brasil.

O objetivo deste artigo é, então, analisar a evolução comercial recente do Brasil de modo a identificar os principais traços que distinguem a região e, particularmente, Cuba no âmbito das transações comerciais brasileiras. Assim, a próxima seção se ocupa de examinar os pontos de destaque e distinção da relação comercial do Brasil com a América Latina e Caribe no conjunto global das exportações e im-

¹ Brasil, Universidade do Estado do Rio de Janeiro (UERJ) e-mail: alexis.dantas@gmail.com

portações do país. A seguir, a terceira seção desenvolve a mesma questão no que se refere ao relacionamento Brasil-Cuba, buscando também avaliar as possíveis fontes de crescimento para as relações dos dois países. Na quarta seção, finalmente, são tecidos comentários finais acerca dos principais pontos tratados ao longo do texto.

1. Evolução comercial brasileira recente: a importância de América Latina e Caribe

A economia brasileira apresenta superávit comercial recorrente desde o fim do regime de âncora cambial que marcou a implementação do Plano Real em julho de 1994. Desta forma, após a inversão do balanço comercial entre 1995 e 2000, fruto das medidas assumidas para a implantação da política de bandas cambiais com forte valorização inicial da nova moeda, o real, a crise externa de janeiro de 1999 e o consequente fim do sistema de âncora permitiram a melhora da situação do câmbio no Brasil, com o início de uma retomada na geração de superávits.

Como mostram a tabela 1 e o gráfico 1, essa trajetória é, em grande parte, decorrente da rápida elevação das vendas externas, o que garantia um superávit crescente mesmo com o importante aumento simultâneo do volume de importações. Vale dizer, então, que o superávit comercial foi possível ainda que o ambiente fosse caracterizado pela retomada do crescimento econômico em níveis mais elevados que nos anos anteriores até o terceiro quartil da primeira década do século XXI.

Tabela 1

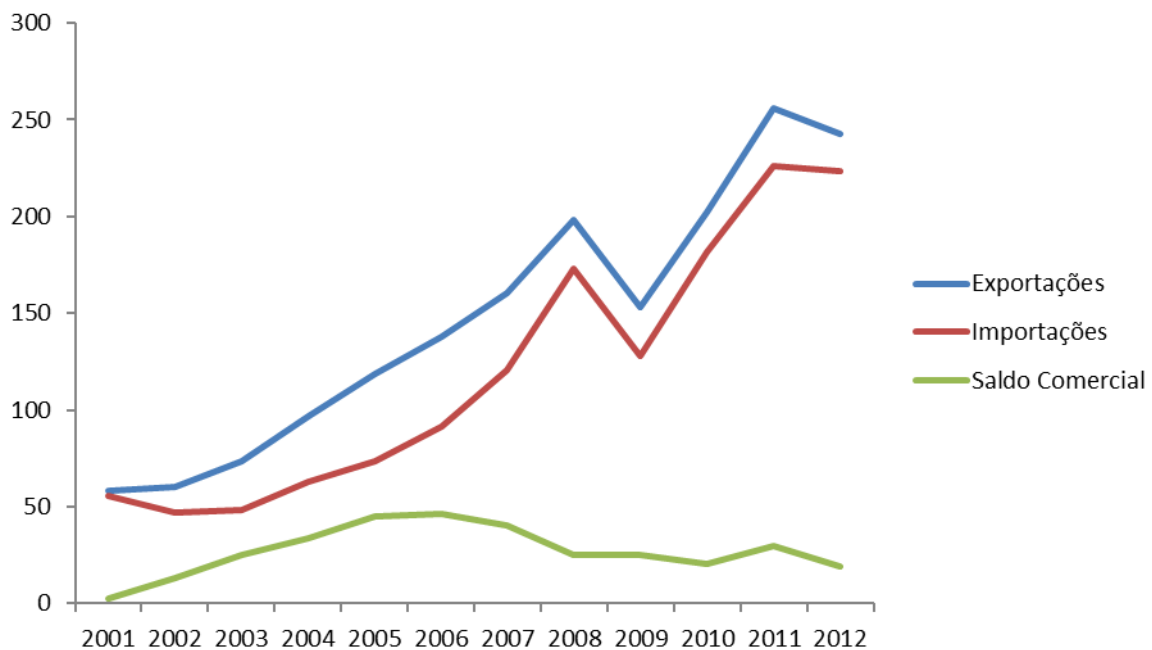
Exportações, importações e saldo comercial — Brasil — 2011/2012 (USD bilhões correntes)

Anos	Exportações	2001=100	Importações	2001=100	Saldo Comercial
2001	58,29	100,00	55,60	100,00	2,68
2002	60,44	103,69	47,24	84,97	13,20
2003	73,20	125,59	48,33	86,91	24,88
2004	96,68	165,87	62,84	113,01	33,84
2005	118,53	203,36	73,60	132,37	44,93
2006	137,81	236,43	91,35	164,29	46,46
2007	160,65	275,62	120,62	216,93	40,03
2008	197,94	339,60	172,98	311,11	24,96
2009	152,99	262,49	127,72	229,71	25,27
2010	201,92	346,42	181,77	326,91	20,15
2011	256,04	439,28	226,25	406,90	29,79
2012	242,58	416,18	223,15	401,33	19,43

Fonte: MDIC/Brasil

Em 2011, tanto as exportações quanto as importações já estavam mais de quatro vezes superiores aos volumes registrados em 2001, com pequena vantagem para o desempenho das exportações (4,39 vezes maior contra um volume 4,01 vezes maior das importações no mesmo período) — ver tabela 1. Deve-se observar, todavia, que o panorama começa a apresentar uma alteração relativa a partir de 2007. Neste ano, a taxa de crescimento das exportações foi significativamente inferior ao registrado pelas importações (praticamente a metade — 16,6 % de crescimento das vendas externas contra 32,0 % de incremento das compras internacionais). Essa situação já evidenciava o efeito do início da crise financeira internacional, sobretudo dos países desenvolvidos, detonada inicialmente nos Estados Unidos, sobre o nível de atividade econômica mundial — em um momento em que a economia brasileira mantinha seu ritmo de crescimento em marcha, pelo menos até 2009, o que sustentava a demanda por importações.

Gráfico 1 — Exportações, importações e saldo comercial — Brasil — 2011/2012 (USD bilhões correntes)

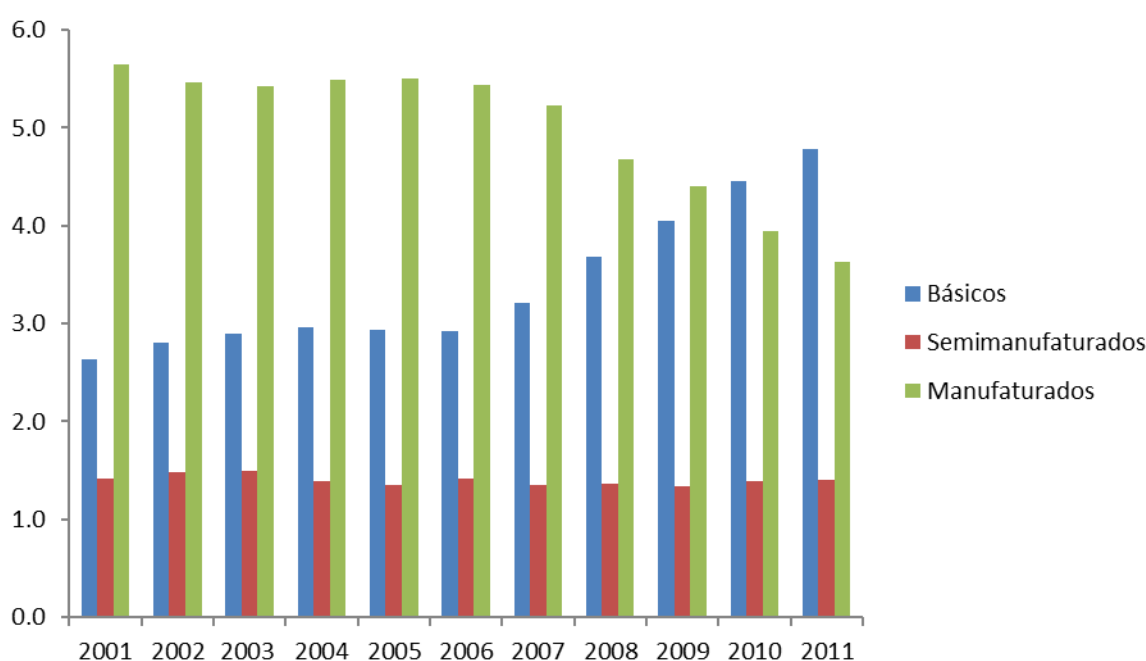

Fonte: MDIC/Brasil

Além disso, o início do último quartil da década marcou uma mudança fundamental na composição das exportações brasileiras: a queda absoluta e relativa das vendas externas de produtos manufaturados. Parte dessa alteração foi devida à fase cíclica favorável dos preços internacionais de *commodities* importantes na pauta de exportações do Brasil, o que ocorreu ao longo de toda a década. Ao mesmo tempo, a exportação de produtos industrializados sofreu dupla turbulência, sobretudo a partir de 2006/7 — ver gráfico 2.

Primeiro, como já apontado anteriormente, a queda do nível de atividade que sucedeu a grave crise financeira nos Estados Unidos e, posteriormente, nas grandes potências econômicas da União Europeia, o que ocasionou relevante retração na demanda por importações (a manutenção da demanda chinesa explica, em boa medida, o comportamento inverso das exportações de produtos básicos). Ademais, por outro lado, a conjugação de taxas juros elevadas no Brasil (também pelo cenário de crise externa, mas não só por isso) com uma contínua valorização da moeda nacional, da mesma forma que estimulou o aumento das importações, determinou a queda substancial de competitividade da produção industrial brasileira².

Gráfico 2 — Brasil — Exportações por fator agregado (1) — 2001/2011

Fonte: MDIC/Brasil
Exclusive Operações Especiais

Essa mudança no comportamento e na estrutura das exportações brasileiras determinou, da mesma forma, uma alteração importante na composição relativa dos destinos das vendas externas brasileiras — tabela 2.

Como é possível perceber, destinos tradicionais das vendas brasileiras, como os Estados Unidos e a União Europeia, viram suas parcelas relativas declinarem

² Neste contexto, reinicia-se no país o debate acerca do possível processo de desindustrialização que poderia resultar da combinação em longo período de juros altos e câmbio valorizado, especialmente por conta do aumento do coeficiente de penetração das importações e a lenta capacidade de resposta da indústria doméstica. Apesar de ainda longe de ser definida como uma tendência efetiva, o potencial efeito de desindustrialização está presente em boa parte das discussões atuais sobre o comportamento da economia brasileira.

substancialmente ao longo da primeira década deste século, sobretudo no que se refere à participação estadunidense, que cai de quase um quarto do total do destino final dos produtos brasileiros comercializados no exterior para aproximadamente 10 % em 2011. No caso da União Europeia, a queda é de 26,6 % para 20,1 % na mesma comparação. As importações também seguem a mesma tendência, observando contínuo declínio da participação relativa de Estados Unidos e União Europeia no montante das compras do Brasil no exterior — ver tabela 2.

Por outro lado, a China apresenta um desempenho exatamente oposto neste aspecto. Entre 2001 e 2012, este país vê sua parcela nas exportações brasileiras aumentar de 3,3 % para 17 %, ultrapassando já em 2010 os Estados Unidos no *ranking* de parceiros comerciais brasileiros e se aproximando firmemente da União Europeia. Outro grupo de países que mantém importante parcela das transações externas do Brasil é a América Latina e Caribe — a participação relativa das exportações situa-se entre aproximadamente 20 % e 25 % ao longo da década, enquanto as importações mantêm-se no entorno de 17 % no período — ver tabela 2.

É importante ressaltar, entretanto, que o comportamento das relações comerciais entre Brasil com a China e com América Latina e Caribe é resultado de situações fundamentalmente distintas.

No caso da China, apesar do avanço incontestado das operações de exportação e importação do Brasil com o país, o saldo comercial, apesar de positivo, é relativamente baixo se comparado com o desempenho global das transações externas brasileiras, apresentando uma pequena inflexão positiva no final da década passada, exatamente quando o nível de atividade econômica no Brasil entra em período de declínio nas taxas de crescimento, principalmente no que diz respeito à indústria — ver gráfico 3.

Além disso, o que puxa claramente os números de exportação do Brasil em direção à China são as vendas de produtos básicos, caracterizados pelo baixo conteúdo tecnológico, cada vez com maior participação relativa, o que tem se mantido como uma tendência — ver gráfico 4. Apesar da pequena queda em 2012, a participação relativa dos produtos básicos no total das exportações do Brasil para a China salta de 60,7 % para 85 % entre 2001 e 2011 (82,8 % em 2012). Enquanto isso, a venda de produtos manufaturados do Brasil para a China declina de 24,4 % para 4,6 % entre 2001 e 2011 (5,8 % em 2012).

A relação brasileira com América Latina e Caribe tem uma outra composição econômica e política. É fruto de uma diretriz de política externa brasileira e com características de relações comerciais absolutamente diferenciadas. As declarações oficiais abaixo corroboram estas questões³:

³ Ministério das Relações Exteriores. Secretaria de Planejamento Diplomático. *Brazilian Foreign Policy Handbook/Brazilian Ministry of External Relations, Bureau of Diplomatic Planning*. — Brasília: Alexandre de Gusmão Foundation, 2008. P. 19,20,24,83,84.

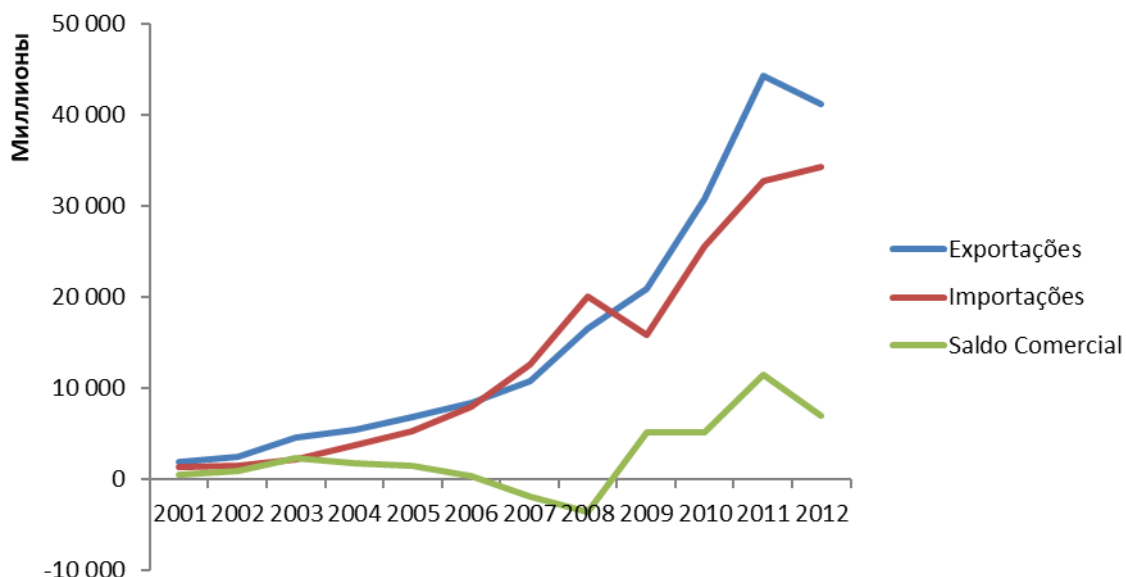
Tabela 2

Participação relativa — Exportações, importações, saldo comercial e corrente de comércio do Brasil — países e blocos de países selecionados — 2001/2012

Anos	China				Estados Unidos				União Europeia				América Latina e Caribe			
	X	M	Saldo	Corrente	X	M	Saldo	Corrente	X	M	Saldo	Corrente	X	M	Saldo	Corrente
2001	3,3%	2,4%	21,4%	2,8%	24,4%	23,2%	48,5%	23,8%	26,6%	27,8%	1,6%	27,2%	23,2%	18,3%	126,1%	20,8%
2002	4,2%	3,3%	7,3%	3,8%	25,4%	21,8%	38,6%	23,8%	25,8%	28,6%	16,0%	27,0%	19,1%	17,7%	23,8%	18,5%
2003	6,2%	4,4%	9,6%	5,5%	22,9%	19,8%	28,8%	21,6%	25,7%	27,0%	23,2%	26,2%	20,3%	17,4%	26,0%	19,2%
2004	5,6%	5,9%	5,1%	5,7%	20,8%	18,1%	25,8%	19,7%	25,5%	25,4%	25,7%	25,5%	23,6%	16,5%	36,8%	20,8%
2005	5,8%	7,3%	3,3%	6,3%	19,0%	17,2%	22,0%	18,3%	22,8%	24,8%	19,6%	23,6%	25,5%	16,3%	40,6%	22,0%
2006	6,1%	8,7%	0,9%	7,2%	17,8%	16,0%	21,2%	17,1%	22,5%	22,1%	23,3%	22,4%	26,5%	18,4%	42,3%	23,3%
2007	6,7%	10,5%	-4,7%	8,3%	15,6%	15,5%	15,8%	15,6%	25,2%	22,2%	34,2%	23,9%	26,0%	17,7%	51,0%	22,5%
2008	8,3%	11,6%	-14,1%	9,9%	13,9%	14,8%	7,2%	14,3%	23,4%	20,9%	40,9%	22,3%	25,9%	16,4%	91,1%	21,5%
2009	13,7%	12,5%	20,2%	13,2%	10,2%	15,7%	-17,5%	12,7%	22,2%	22,9%	19,0%	22,5%	23,3%	17,8%	51,1%	20,8%
2010	15,2%	14,1%	25,8%	14,7%	9,6%	14,9%	-38,4%	12,1%	21,4%	21,5%	19,9%	21,4%	23,8%	17,0%	84,8%	20,6%
2011	17,3%	14,5%	38,7%	16,0%	10,1%	15,0%	-27,4%	12,4%	20,7%	20,5%	21,9%	20,6%	22,3%	16,7%	65,0%	19,7%
2012	17,0%	15,3%	35,9%	16,2%	11,0%	14,5%	-29,1%	12,7%	20,1%	21,4%	6,2%	20,7%	20,8%	17,3%	60,4%	19,1%

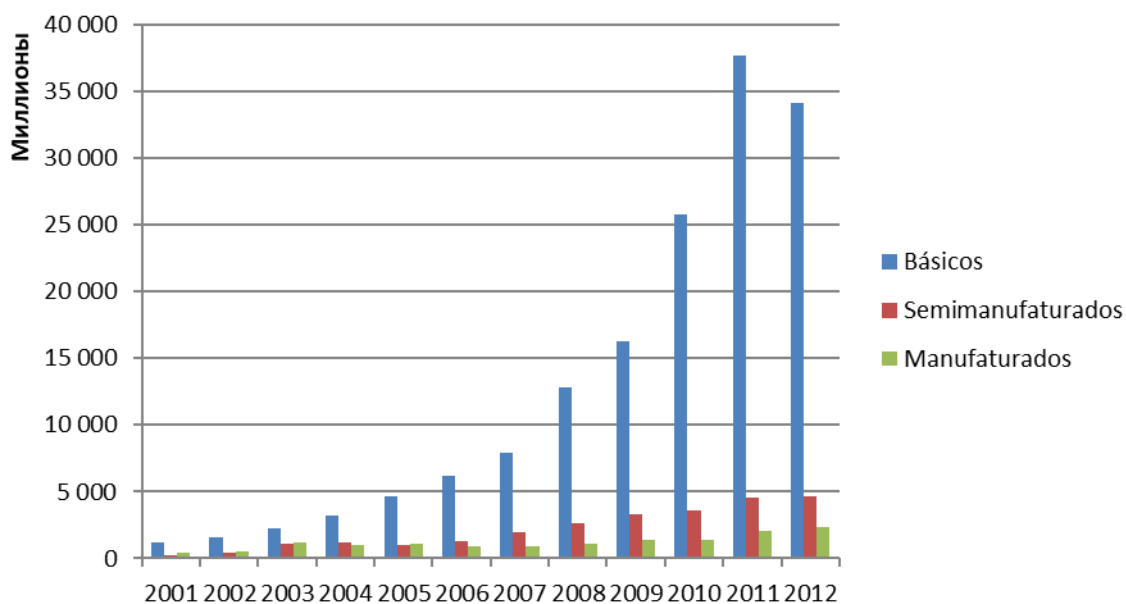
Fonte: MDIC/Brasil

Gráfico 3 — Exportações, importações e saldo comercial — Brasil/China — 2011/2012 (USD milhões correntes)

Fonte: MDIC/Brasil

Gráfico 4 — Exportações por Fator Agregado (1) — Brasil/China — 2011/2012 (USD milhões correntes)

Fonte: MDIC/Brasil

(1) Exclusive Operações Especiais

“When President Luiz Inácio Lula da Silva took office, Brazil changed the tone of its foreign policy; a policy that is concerned with the country’s sovereign insertion, at once universal and humanistic, firmly anchored in the interests of the Brazilian Nation and in the integration of South America⁴ [...] The South-South relationship is not only possible; it is also necessary. The South is not an amorphous complex of underdeveloped and dependent countries that have nothing to offer other than raw materials to wealthy countries. (...) Together we can become stronger, not only through the growth of our trade, but also by participating more actively in economic and political forums, such as the World Trade Organization and the United Nations, where questions of great interest to humanity are discussed. (...) Now, a more intense, more creative and a stronger relationship between countries of the South, does not mean that we will abandon our relations with developed countries, which are also important to all of us. Let’s do what developed countries do; take advantage of all opportunities and make our union our strength⁵. Brazil is very similar to the Caribbean: a land of many cultures. We have the second largest population of African descendents in the world, only second to Nigeria. Like the Caribbean, we are proud to have provided a refuge for a great many European and Asian immigrants. Miscegenation and the harmonious co-existence (of our peoples) are a hallmark of our identities. (...) Brazil is prepared to move boldly forward, with flexibility and generosity to further this association. We will stimulate business and cooperation projects that go beyond our trade relations. We will encourage the circulation of goods and services and we will seek greater inter-regional agreements on all levels⁶ [...] In Davos, at the beginning of this year, I said that Brazil had made an option for South America. An option that also extends to the whole of Latin America and the Caribbean. I am convinced that our region is more and more prepared to deal with the challenges of globalization. We are conscious of the fact that the destiny of our countries is becoming more and more intertwined⁷.”

⁴ “Speech by Minister Celso Amorim at “The Actuality of San Tiago Dantas” Seminar — Rio de Janeiro, September 27, 2004. In: Brasil. Ministério das Relações Exteriores. Secretaria de Planejamento Diplomático. Brazilian Foreign Policy Handbook/Brazilian Ministry of External Relations, Bureau of Diplomatic Planning. — Brasília : Alexandre de Gusmão Foundation, 2008”.

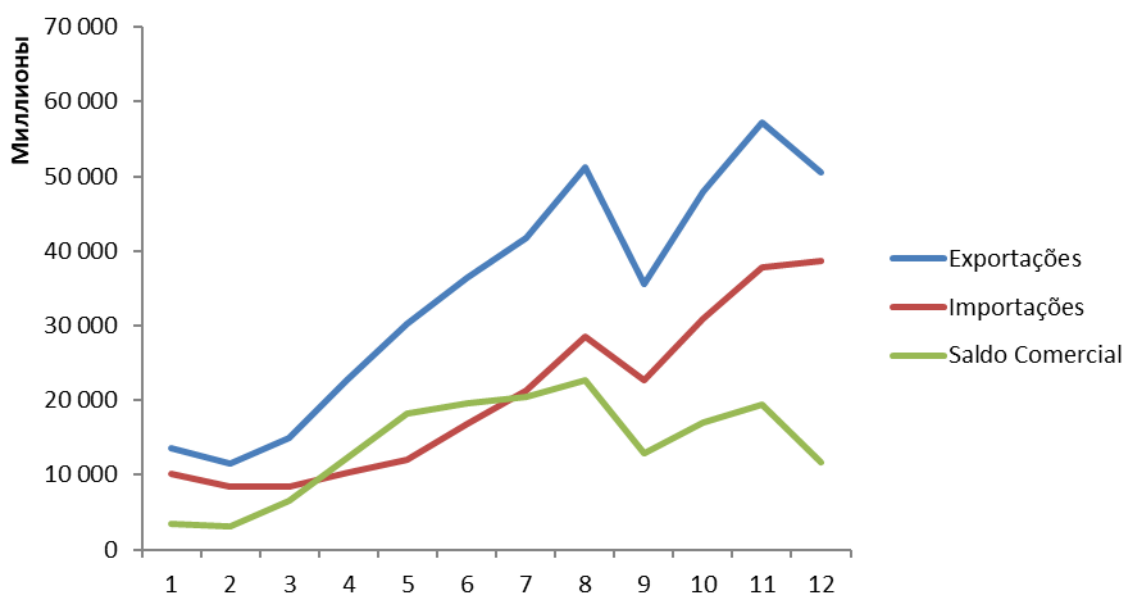
⁵ “Speech by President Luiz Inácio Lula da Silva at the 58th United Nations General Assembly — New York, September 23, 2003. In: Brasil. Ministério das Relações Exteriores. Secretaria de Planejamento Diplomático (2008). Brazilian Foreign Policy Handbook/Brazilian Ministry of External Relations, Bureau of Diplomatic Planning. — Brasília: Alexandre de Gusmão Foundation.”

⁶ “Press conference given by President Luiz Inácio Lula da Silva to media organizations in Algeria — Algiers, February 7, 2006. In: Brasil. Ministério das Relações Exteriores. Secretaria de Planejamento Diplomático (2008). Brazilian Foreign Policy Handbook/Brazilian Ministry of External Relations, Bureau of Diplomatic Planning. — Brasília: Alexandre de Gusmão Foundation.”

⁷ “Speech by President Luiz Inácio Lula da Silva during the closing session of the World Economic Forum on Latin America — Santiago, April 26, 2007. In: Brasil. Ministério das Relações Exteriores. Secretaria de Planejamento Diplomático (2008). Brazilian Foreign Policy Handbook/Brazilian Ministry of External Relations, Bureau of Diplomatic Planning. — Brasília: Alexandre de Gusmão Foundation.”

Essa postura da política externa reflete, obviamente, a definição de uma zona preferencial de relações e uma opção clara de modelo de desenvolvimento. Do ponto de vista comercial, a escolha é bem caracterizada e fundada na evolução das relações comerciais e econômicas dos últimos anos. Primeiro, verifica-se uma crescente expansão tanto das exportações e das importações com os países da região (ver gráfico 5), seguindo a trajetória das relações comerciais do Brasil de uma forma geral.

Gráfico 5 — Exportações, importações e saldo comercial — Brasil/América Latina e Caribe — 2011/2012 (USD milhões correntes)

Fonte: MDIC/Brasil

Segundo, e mais relevante, ao contrário da tendência global das transações comerciais brasileiras, em que os produtos básicos crescem sobremaneira na composição relativa das exportações totais, as vendas brasileiras para a América Latina e Caribe são cada vez mais concentradas em produtos manufaturados, característica praticamente mantida estável ao longo da primeira década do século XXI — ver gráfico 6. Desta forma, a região mantém-se como destino fundamental da produção industrial brasileira, sobretudo após 2006/7.

2. As relações Brasil/Cuba

Seguindo a política externa adotada especialmente a partir do início do primeiro governo Luís Inácio Lula da Silva em 2002, o Brasil vem estreitando, no período recente, os laços cooperativos com o Cuba, tanto no que se refere aos investimentos estrangeiros diretos quanto na busca por elevar a corrente de comércio com aquele país. Este comportamento converge com as linhas gerais da política externa

Gráfico 6 — Exportações por Fator Agregado (1) — Brasil/América Latina e Caribe — 2011/2012
(USD milhões correntes)

Fonte: MDIC/Brasil

(1) Exclusive Operações Especiais

brasileira, em que se destaca claramente a ênfase nas relações com a América Latina e o Caribe, com lugar importante para Cuba, como ressaltado nas declarações oficiais da diplomacia brasileira⁸:

“The end of the United States embargo on Cuba would greatly help to open discussions concerning the re-democratization of that country. A policy of constructive cooperation is always better than one of isolation. The more you isolate a country, the more rigid their internal structures become. For this reason, we maintain a policy of solidarity with a Latin American country which, for forty years has suffered an embargo with which we do not agree. We have discussed certain gestures. For example, we are against the death penalty, against summary judgments. But there are certain limits that have to be respected. We cannot substitute the Cuban people and their leaders, but we can contribute towards (creating) a more positive atmosphere⁹ [...] I believe that what we are doing in this Seminar is taking an exceptional step (forward) so that Cuba and Brazil can interact with all their (respective) scientific and technological knowledge, their industrial development potential, and their potential in the area of services and tourism, so that we

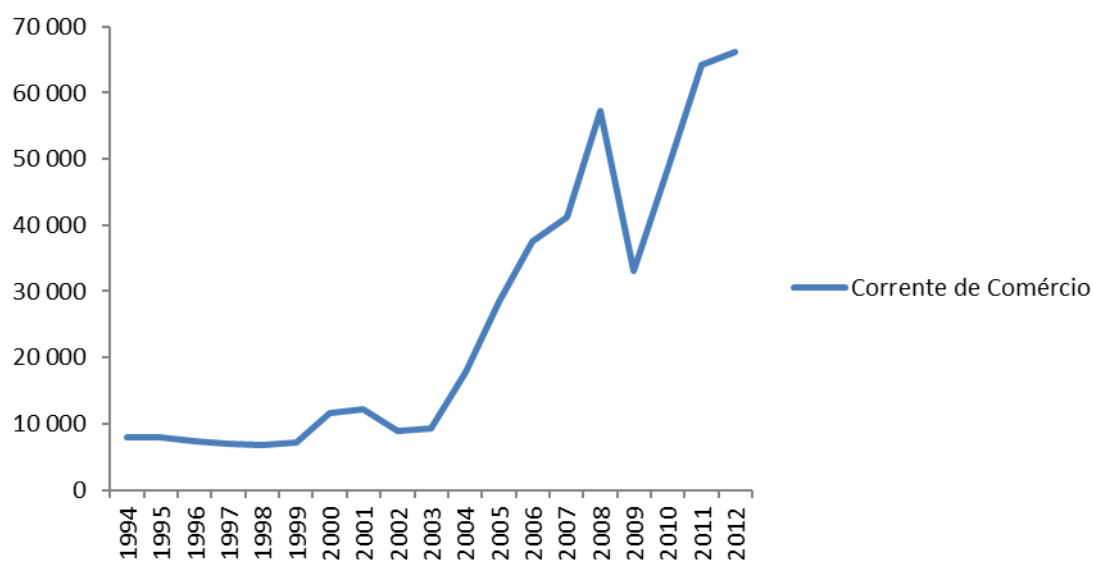
⁸ Ministério das Relações Exteriores. Secretaria de Planejamento Diplomático. Brazilian Foreign Policy Handbook/Brazilian Ministry of External Relations, Bureau of Diplomatic Planning. — Brasília: Alexandre de Gusmão Foundation, 2008. P. 84,85.

⁹ “Interview given by Minister Celso Amorim to the *Jornal do Brasil* newspaper — Rio de Janeiro, July 24, 2003. In: Brasil. Ministério das Relações Exteriores. Secretaria de Planejamento Diplomático (2008). Brazilian Foreign Policy Handbook/Brazilian Ministry of External Relations, Bureau of Diplomatic Planning. — Brasília: Alexandre de Gusmão Foundation.”

can increase, and build closer ties so as to mutually contribute towards the growth and development of both Cuba and Brazil. During recent months, I have invited Brazilian entrepreneurs to visit Cuba. (...) The globalized world, as it stands now, needs not only bolder trade policies but, above all, it requires the ability to bring together all that we have by way of our complementarities, so that we can have the means to compete on a more equal footing with countries that are technologically, economically and industrially more developed¹⁰.

Como mostram os gráficos 7 e 8, a corrente de comércio de Brasil e Cuba segue uma trajetória de rápida expansão desde 2002, sobretudo no que diz respeito às exportações brasileiras — as importações, embora também cresçam, apresentam um ritmo bem mais moderado. Desta forma, o saldo comercial brasileiro é crescente e segue, em linhas gerais, um movimento muito próximo àquele apresentado pelas exportações destinadas a Cuba.

Gráfico 7 — Corrente de comércio Brasil/Cuba — 1994/2012 (1000USD correntes)

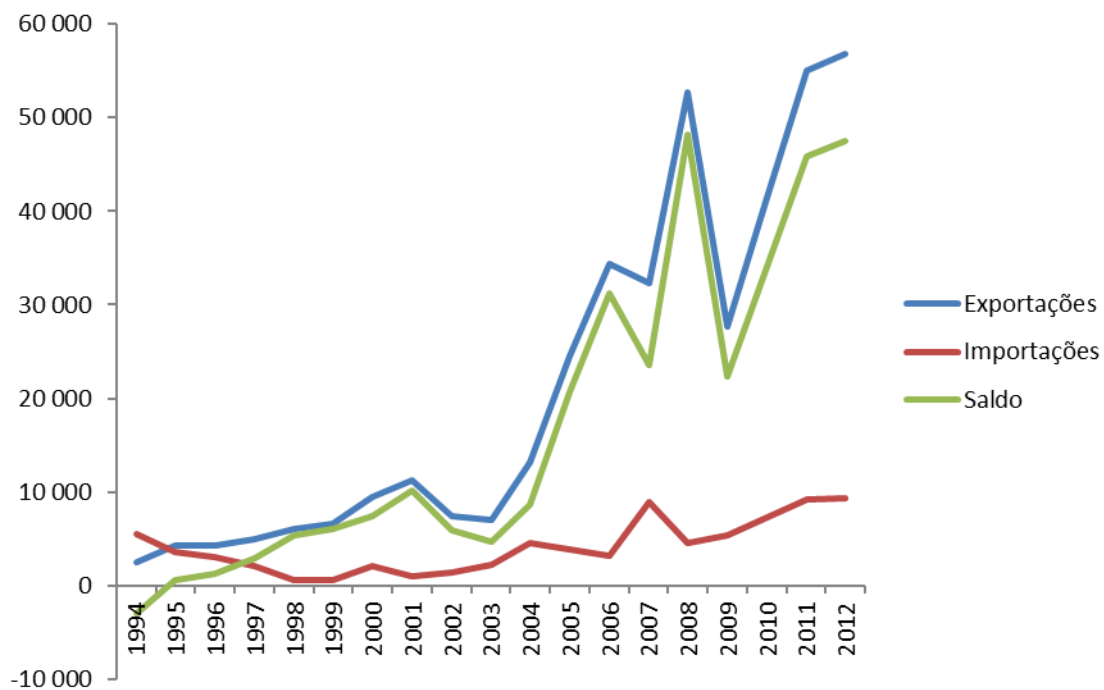
Fonte: MDIC

Um resultado claro desta situação é grande elevação da participação relativa de Cuba no volume total das exportações do Brasil, quatro vezes maior em 2012 que em 1994. As importações brasileiras a partir de Cuba, todavia, reduzem sua participação relativa ao longo do período — apesar do crescimento em valor absoluto, as importações globais do Brasil registram um maior incremento. De todo modo,

¹⁰ “Speech by President Luiz Inácio Lula da Silva during the Cuba-Brazil Meeting of Entrepreneurs — Havana, September 27, 2003. In: Brasil. Ministério das Relações Exteriores. Secretaria de Planejamento Diplomático (2008). Brazilian Foreign Policy Handbook/Brazilian Ministry of External Relations, Bureau of Diplomatic Planning. — Brasília: Alexandre de Gusmão Foundation.”

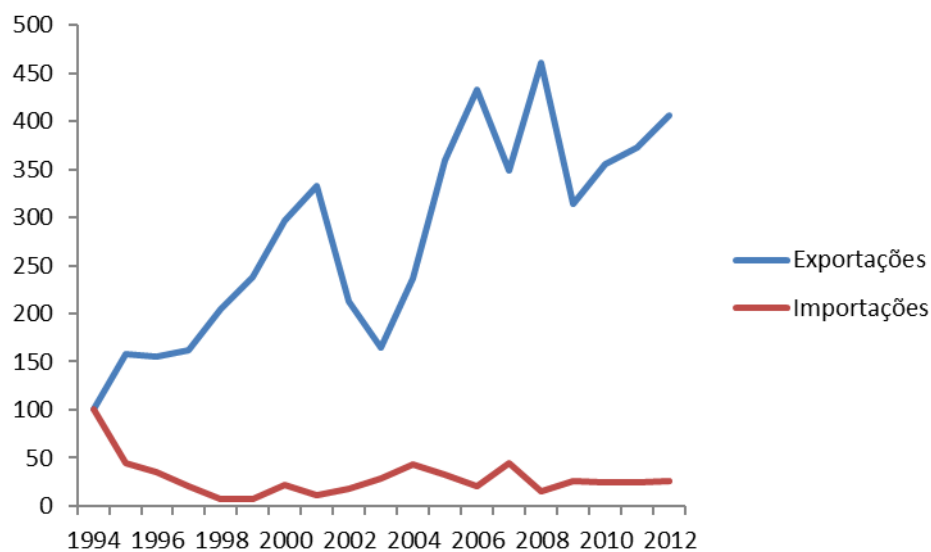
é fundamental anotar que as relações comerciais de Brasil e Cuba ainda são muito pequenas no que se refere ao volume global das transações brasileiras.

Gráfico 8 — Relações comerciais Brasil/Cuba — 1994/2012 (USD 1000 correntes)

Fonte: MDIC

Gráfico 9 — Participação de Cuba no comércio exterior brasileiro — 1994/2012 (1994=100)

Fonte: MDIC

Outro ponto importante a destacar é que a relação é também desigual no que diz respeito à lista dos principais produtos de importação e exportação, sobretudo quanto à diversificação dos produtos que compõem as pautas. Enquanto o Brasil apresenta um conjunto maior de produtos exportados, as compras desde Cuba são fortemente concentradas, fundamentalmente nos extratos de glândulas e cimento.

Tabela 3

Principais produtos importados – 2012

PRODUTOS	%
EXTRATOS DE GLÂNDULAS, OUTS. ORGAOS, ETC. P/USO OPOTERAPICO	72,30
CIMENTOS “PORTLAND”, COMUNS	19,52
OUTS. FRACOES DO SANGUE, PROD. IMUNOL. MODIF. (MEDICAMENTOS)	4,69
CHARUTOS E CIGARRILHAS DE FUMO	1,33

Fonte: MDIC

Tabela 4

Principais Produtos Exportados – 2012

PRODUTOS	%
OLEO DE SOJA, REFINADO, EM RECIPIENTES COM CAPACIDADE > 5L	11,92
BAGACOS E OUTS. RESIDUOS SOLIDOS, DA EXTR. DO OLEO DE SOJA	11,59
MILHO EM GRAO, EXCETO PARA SEMEADURA	11,53
ARROZ SEMIBRANQUEADO, ETC. N/ PARBOILIZADO, POLIDO, - BRUNIDO	11,48
CAFE NAO TORRADO, NAO DESCAFEINADO, EM GRAO	4,57
PEDACOS E MIUDEZAS, COMEST. DE GALOS/GALINHAS, CONGELADOS	4,32
OLEO DE SOJA, EM BRUTO, MESMO DEGOMADO	2,71
ENCHIDOS DE CARNE, MIUDEZAS, SANGUE, SUAS PREPARS. ALI-MENTS	2,02
SOJA, MESMO TRITURADA, EXCETO PARA SEMEADURA	1,77
OUTRAS PREPARAÇÕES / CONSERVAS DE GALO E GALINHAS	1,70
OUTRAS MAQUINAS E APARELHOS P/COLHEITA	1,69
CHAPAS, BARRAS, ETC. P/CONSTRUÇÕES, DE FERRO FUND/ FERRO/ACO	1,15

Fonte: MDIC

O movimento de política externa do Brasil nos últimos anos parece contribuir para uma melhora gradual e crescente das relações dos dois países, não apenas do ponto de vista comercial. Em visita recente a Cuba, a Presidente Dilma Russel avançou significativamente na composição de acordos econômicos que podem se tornar fundamentais para as reformas pretendidas na ilha. Neste processo, os principais destaques observados são:

- a) estimular o desenvolvimento de uma “zona de livre exportação” em Cuba, com financiamento das obras de (re)construção e modernização do Porto de Mariel através da construtora brasileira Odebrecht;
- b) expansão da refinaria de petróleo Cienfuegos;
- c) abertura de linhas especiais de financiamento e aproximação com dirigentes de entidades classistas empresariais brasileiras (como a FIESP) e de instituições de fomento ao comércio;
- d) investimentos no setor açucareiro também pela empresa Odebrecht em associação com a estatal cubana do setor.

No que se refere ao Porto de Mariel, Brasil e China serão responsáveis pela maior parte do financiamento e a ideia é torná-lo um dos maiores terminais da América Latina. Importante destacar a participação do Banco Nacional de Desenvolvimento Econômico e Social (BNDES) do Brasil com a Odebrecht, reforçando o papel do Banco de estímulo à internacionalização das empresas brasileiras na direção de integração e cooperação sul-sul da política externa brasileira nos últimos anos. Além da reforma de mais de 30 km de estradas e a construção de mais de 60 km de estrutura para ferrovias, estão previstos cerca de 20 km de acesso rodoviário entre outras melhorias. As obras de dragagem, fundamentais para o acesso de navios de grande calado, permitirão a movimentação de aproximadamente um milhão de contêineres por ano.

Junto às obras do Porto, pretende-se também criar uma zona de livre exportação. Neste contexto, foi estabelecido, concomitantemente, um convênio visando à criação de uma fábrica de medicamentos com recursos brasileiros e tecnologia desenvolvida em Cuba, com atenção especial para a produção de medicamentos anticancerígenos¹¹. Vale citar ainda a expansão da refinaria de petróleo Cienfuegos buscando ampliar a produção atual de 65.000 barris para 150.000 barris diários.

No intuito de estimular as relações comerciais entre Brasil e Cuba, o governo brasileiro comprometeu-se a abrir uma linha de crédito de US\$ 350 milhões para financiar a compra de alimentos por Cuba, utilizando para isso o Programa de Financiamento à Exportação (ProEx). Ademais disso, acordou-se a abertura de outra

¹¹ A construção de uma fábrica produtora de vidro também está em pauta, mas nesse caso em uma área fora do Porto de Mariel, pois estas obras só estarão finalizadas, de acordo com a previsão atual, em 2014. A fábrica brasileira de vidro Fanavid será a responsável pelo empreendimento, em associação com o governo cubano, e o objetivo é destinar cerca de 80 % da produção para o mercado internacional.

linha de crédito de US\$ 200 milhões, nesse caso a partir da Câmara de Comércio Exterior (Camex), para o programa Mais Alimentos. O objetivo é facilitar a aquisição de equipamentos e insumos para a agricultura. Pelo lado cubano, o ministro de Comércio Exterior e Investimentos Estrangeiros, Rodrigo Malmierca, enfatizou a mudança na legislação permitindo a cessão em comodato de áreas para a construção de empresas e hotéis por 99 anos, renováveis indefinidamente. Considerando estas oportunidades, o presidente da Federação das Indústrias do Estado de São Paulo (FIESP), Paulo Skaf, garantiu a participação da entidade na próxima Feira Internacional de Havana, em novembro próximo, onde 42 empresas brasileiras vão expor seus produtos.

Uma mudança marcante, todavia, refere-se à entrada do conglomerado brasileiro Odebrecht para a produção de açúcar em Cuba, tornando-se o primeiro investimento de capital estrangeiro no setor açucareiro na ilha desde 1959. Através da COI (Companhia de Obras em Infraestrutura), subsidiária da Odebrecht em Cuba, a empresa firmará acordo com a estatal Azcuba para a administração produtiva da usina 5 de Septiembre em Cienfuegos, centro de Cuba, prevendo uma associação de 10 anos para incrementar a capacidade produtiva de moagem e revitalização da usina¹². Com forte atuação no setor de bicompostíveis no Brasil, a Odebrecht é uma das maiores produtoras de etanol no país, e sua entrada na economia cubana certamente tomará esta direção, além da produção de energia a partir de biomassa. Empreendimento semelhante é realizado pelo conglomerado brasileiro em Angola, através de uma *joint venture*, indicando, portanto, uma estratégia global da Odebrecht. Desta forma, a produção enquadra-se, do ponto de vista estratégico, na elevação da capacidade de exportação de etanol pela empresa, embora haja um longo processo de investimento necessário para recuperar a capacidade produtiva em Cuba (grande parte das terras está, há longo tempo, abandonada).

3. Comentário finais

A América Latina e Caribe vêm registrando importante e crescente participação relativa nas relações comerciais brasileiras, resultado de uma explícita orientação política com visíveis reflexos na esfera econômica. Mais que isso, a região é um destino chave das exportações de bens manufaturados do Brasil, cujo crescimento contrasta com a tendência geral do comércio brasileiro de elevar a participação relativa dos produtos básicos no volume global das exportações — caso das relações de comércio com a China.

Vale ressaltar, no entanto, que boa parte deste desempenho decorre das relações no âmbito do Mercosul, um bloco que avançou fortemente desde sua criação

¹² Cabe salientar que a produção cubana caiu de cerca de 10 milhões de toneladas em 1970 para pouco mais de um milhão de toneladas na última safra.

em 1991 (mesmo com a recorrência de entraves comerciais e lutas internas de segmentos produtores nos países signatários, sobretudo Brasil e Argentina). Todavia, o direcionamento pró América Latina e Caribe como uma extensão natural do próprio Mercosul é bastante evidente neste contexto.

No que se refere a Cuba, os laços cooperativos são cada vez mais estreitos, com reflexos nos investimentos estrangeiros diretos efetivos e potenciais (além dos esforços para aumentar a corrente de comércio dos países). Um resultado apresentado neste trabalho é que, apesar de ainda muito pequena em comparação com o total brasileiro, a corrente de comércio Brasil-Cuba cresceu significativamente, puxada principalmente pelas exportações brasileiras.

Bibliografia

1. Amorim, Celso. (2005). A política externa do governo Lula: os dois primeiros anos. Rio de Janeiro: Observatório de Política Sul-Americana/IUPERJ. (Análise de conjuntura n.4). [<http://observatorio.iuperj.br/analises.php>] Accessed: 01/09/2013.
2. Brasil (2008). Ministério das Relações Exteriores. Secretaria de Planejamento Diplomático. Brazilian Foreign Policy Handbook/Brazilian Ministry of External Relations, Bureau of Diplomatic Planning. — Brasília: Alexandre de Gusmão Foundation, 2008.
3. Dantas, A. T., Koval, A. (2010). Evolução econômica do Mercosul: relações com a Organização Mundial do Comércio (OMC). in: Lemos, Maria Teresa T.B.; Dantas, Alexis Toríbio. (Org.). *América: visões e versões — identidades em confronto*. 1 ed. Rio de Janeiro: 7Letras.
4. Lima, Maria (2005). A política externa brasileira e os desafios da cooperação Sul-Sul. In: RBPI. Brasília, n° 48, 2005, pp. 24-59.
5. Menezes, Roberto G. (2012). Integração, imaginação e política externa: as bases do paradigma sul-americano? *Brazilian Journal of International Relations: Marília*, v.1, n.3, p.482-497, Set/Dez. 2012.
6. Wallerstein, Immanuel (2004). O declínio do poder americano. Rio de Janeiro: Contraponto.

Raúl Netzahualcoyotzi¹

Aurora Furlong²

Plan Mesoamérica y Movimientos Sociales

Mesoamerica Plan and Social Movements

Resumen: El proyecto Mesoamérica surgió en el marco del Mecanismo de Diálogo y Concertación de Tuxtla en el año 2001, como Plan Puebla Panamá. El principal impulsor gubernamental fue México—que incluye los estados del sur sureste— y los países centro-americanos, el último país fue Colombia que ingreso oficialmente en el año 2006. En la X Cumbre “Diálogo y Concertación Tuxtla” en 2008, acordó su cambio hacia el “Proyecto Integración y Desarrollo de Mesoamérica”. El estudio se enfoca a explicar el modelo extractivista en la región como parte de los espacios del capital transnacional por una mayor consolidación del Estado global, donde los movimientos civiles del sureste mexicano se están organizado ante los procesos de privatización y en defensa de sus territorios y recursos y por la construcción de un modelo de economía alternativa.

Palabras clave: Plan Mesoamérica; espacios globales; Modelo extractivista; Movimientos Sociales.

Abstract: The Mesoamerica project emerged within the framework of the Tuxtla Dialogue and Coordination Mechanism in 2001, as Plan Puebla Panama. The main governmental driver was Mexico—which includes the South-Southeastern states— and the Central American Countries, the last country was Colombia that officially entered in 2006. At X Summit “Dialogue and Concertation Tuxtla” in 2008, agreed to change to the “Mesoamerica Integration and Development Project”. The study focuses on explaining the extractivist model in the region as part of the transnational capital spaces by a greater consolidation of the global state, where the civil movements of the southeast of Mexico are organized before the processes of privatization and in defense of their territories and resources and for the construction of an alternative economy model.

Keywords: Mesoamerica Plan; global spaces; extractivist model; Social Movements.

¹ 1 Co-autor. México, , Profesor de Relaciones Internacionales e Investigador del Centro de Investigación y Estudios de Posgrado de Economía (CIEPE) de la Benemérita Universidad Autónoma de Puebla. Integrante del grupo de trabajo-CLACSO: *Fronteras, Regionalización y Globalización en América*. Em: raul.netza@gmail.com

² 2Co-autora, México Profesora de Economía e Investigadora del Centro de Investigación y Estudios de Posgrado (CIEPE) de la Benemérita Universidad Autónoma de Puebla. Integrante del grupo de trabajo-CLACSO: *Fronteras, Regionalización y Globalización en América*. Em: zfurauro@yahoo.com.mx

Plan Mesoamérica

El modelo extractivista en la región mesoamericana es parte de un Plan geoestratégico del capital transnacional hacia una mayor consolidación del Estado global. La relación capital-trabajo es expresada en la región mesoamericana a través de procesos de integración desigual, acompañándose con un proceso de despojo a través de la apertura indiscriminada y privatizaciones de sectores estratégicos, para el caso de México desde hace dos décadas, de integración asimétrica con los mercados del norte a través del Tratado de Libre Comercio (TLCAN), que está redefiniéndose por el gobierno de D. Trump.

Es decir se está presentando un nuevo proceso de acumulación (antes originaria) exacerbada que crea las condiciones para un proceso de producción global de mercancías; de esta forma la expansión capitalista a través de crear nuevos mercados, introduce en esa lógica vastas regiones estratégicas (Mesoamérica, que comprende el sur-sureste mexicano y centroamérica) para ser explotadas, sin tomar en cuenta la erradicación de formas tradicionales de producción, culturas, e identidades, a la dinámica del capital.

La región mesoamericana se vincula a esta nueva modalidad del sistema internacional: no solo es de carácter global sino como corolario de la producción mundial de mercancías, cuyo origen es la fragmentación de las economías y que a la vez integra funcionalmente lo que eran circuitos nacionales y regionales en circuitos globales de acumulación.

La característica determinante es que se abordan procesos globales e interdependencia económica en la región Mesoamericana como resultado del fenómeno de transnacionalización que implica: por un lado la extensión geográfica de la actividad económica a través de las fronteras nacionales, pero también la extensión funcional de las actividades productivas internacionalmente opuestas.

Así el capitalismo global opera como una sola unidad y hace posible la simultaneidad y por tanto una integración orgánica.

Esta área estratégica fue objeto de estudio desde el proyecto de investigación: *Planes geoestratégicos, desplazamientos y migraciones forzadas en el área del proyecto de desarrollo e integración de Mesoamérica*³, (Sandoval, et al: 2011), que en su primera fase se dio a la tarea de: analizar cómo el sistema capitalista, encabezado actualmente por el proyecto hegemónico estadounidense, para su expansión busca asentarse mediante diversos mecanismos en nuevos espacios regionales y subregionales dentro de una de las áreas más estratégicas del Hemisferio Occidental, por su ubicación geográfica y por las enormes riquezas energéticas y en biodiversidad que en ella se lo-

³ Juan Manuel Sandoval, Raquel Álvarez, Sara Yaneth Fernández (Coordinadores), *Planes geoestratégicos, desplazamientos y migraciones forzadas en el área del proyecto de desarrollo e integración de Mesoamérica*. Universidad de Los Andes y Universidad de Antioquia; Medellín, Colombia, 2011.

calizan. Esta área comprende desde la región sur-sureste de México, todos los países de América Central, hasta Colombia, que es la puerta de entrada a la zona de mayor biodiversidad del mundo: la Cuenca Amazónica⁴. (Sandoval, *et al*, 2011: 8)

Con su relanzamiento, se anota, durante la Décima Cumbre del Mecanismo de Diálogo y Concertación de Tuxtla en la ciudad de Villahermosa, Tabasco, como *Plan Mesoamérica* (PM) su reestructura no dejó sus principios de diálogo para la cooperación, desarrollo e integración y en los proyectos de desarrollo social, infraestructura y conectividad, con un claro enfoque reduccionista y olvidando que la región se transformaría en la década siguiente en un proyecto de disputa por el territorio donde convergen diversas culturas de larga tradición comunitaria y de resistencia.

Diseñado en la reunión intergubernamental como un proyecto de infraestructura para interconectar desde Puebla hasta Panamá—posteriormente se incluiría a Colombia—, con ocho objetivos básicos para el mejor uso de los recursos naturales de la región, no contemplo que el territorio de estos proyectos no estaba despoblado y en él están asentados desde hace quinientos años pueblos indígenas, que en respuesta a su exclusión de los proyectos— punto dos—, iniciaron contactos entre comunidades, organizaciones civiles y redes para enfrentar al verdadero representante de estos planes geoestratégicos: las empresas transnacionales, que por diversos mecanismos de presión, están obteniendo hasta por más de cincuenta años concesiones para abrir minas a cielo abierto, represas, hidroeléctricas, gasoductos, y sobre todo aprovechar la apertura del sector energético en México, Centroamérica y Colombia.

Por lo tanto⁵, se plantea que, desde su comienzo el así llamado **PPP** fue enfrentado por parte de organizaciones sociales, laborales, campesinas, indígenas y populares de todos los países involucrados, con diversas acciones y movilizaciones; estas organizaciones comprendían que los megaproyectos traerían grandes impactos negativos para los pobladores y el ambiente, lo que provocó que los gobiernos buscaran disminuir el perfil del proyecto a partir de 2002.

En 2003, el **PPP** fue “relanzado” con este bajo perfil, y muchos proyectos ya no fueron considerados como parte del *Plan*, sino que se manejaron, en términos de presupuesto, como parte de obras de diferentes secretarías y ministerios de Estado, o de instituciones financieras internacionales. Así, el **PPP** siguió delante de diferentes formas, unas abiertas, otras encubiertas.

Aún con el cambio de nombre, Proyecto Mesoamérica, dentro de los objetivos se encontraba: “Elevar el nivel de desarrollo humano y social de la población”, continuaba sin enunciar bajo que mecanismo la política estatal incidiría directamente

⁴ *Ibid.*, 8.

⁵ Juan Manuel Sandoval, Raquel Álvarez, Sara Yaneth Fernández (Coordinadores), *Planes geoestratégicos, desplazamientos y migraciones forzadas en el área del proyecto de desarrollo e integración de Mesoamérica*. Universidad de Los Andes y Universidad de Antioquia; Medellín, Colombia, 2011, 9.

en la región. Los resultados en la práctica en esta década, a la par de las catástrofes naturales, se acentuaron el desempleo, la pobreza y la migración de zonas rurales o sub-urbanas se incremento a pesar de contar con regiones ricas en recursos naturales estratégicos para los países que los contienen y no se permitió que se ampliaran sus relaciones económicas inter-regionales; hay que anotar que por las características de la región mesoamericana la pobreza es de carácter estructural y no existe voluntad política de sus gobiernos para generar políticas públicas orientadas a elevar el nivel de vida, la salud y la educación de los pueblos originales.

En esta última década la zona México-Centroamericana se convirtió fundamentalmente expulsora de mano de obra; la migración es cada mas forzada y la violencia se acentuó—por grupos delictivos y transnacionales apoyados por los estados corruptos— y como parte de las estrategias transnacionales se militarizo no solo la Frontera norte sino la parte sur de México, a la par que se fueron diseñando como “proyectos de muerte” la diversificación de los instrumentos políticos y de seguridad, tales como: Plan Colombia, Plan Mérida o Plan México y el Acuerdo de Seguridad para América del Norte (ASPAN).

Sin contar en la primera etapa de su instrumentalización con las posibilidades de construir un proyecto de vida diferente, bajo estas condiciones, la zona México-Centroamericana se convirtió en exportadora de mano de obra barata ante un mayor desempleo, falta de oportunidades, y pérdida de competitividad del sector agrícola con el exterior, lo que provoco que la población busque alternativas de empleo en el vecino país del norte.

Estos desplazamientos mesoamericanos responden a un proceso no superado de economía tradicional en los años noventa. La migración, de México, ahora tiene un carácter masivo en el sur— sureste de México— tradicionalmente fue el centro/occidente-. El caso de la migración en la región Mesoamericana se fue agudizando no solo por los acuerdos de integración asimétricos con el país del norte (CAFTA), sino como consecuencia de ello (apertura indiscriminada); si se aplicara el principio de la economía clásica, debería de existir una libre circulación de las personas, sin restricción, una vez que han abierto las fronteras comerciales, sin embargo la doctrina oficial de las migraciones laborales sujeta a los trabajadores a las medidas restrictivas de seguridad nacional— con el argumento del terrorismo internacional-, en las fronteras norte y sur de México y los compromisos gubernamentales solo van a permitir migraciones reguladas y por periodos cortos.

Actualmente se vienen impulsando “proyectos de muerte” por parte de las Empresas Transnacionales, principales actores del nuevo capitalismo global, y donde la mayoría de la población—de la sociedad global— sólo es receptiva para el consumo global; el despojo de los recursos es mayor al del capitalismo originario, donde la razón principal es la posesión de los recursos naturales como fuentes de materias

primas para el desarrollo industrial de los principales países hegemónicos y los países industrializados.

Al analizar las causas de la crisis desde una perspectiva estructural, observamos que existen contradicciones desde el patrón de acumulación capitalista, con los acuerdos comerciales en el corredor Norte-Mesoamérica-El Caribe (NAFTA-CAFTA-FTA/Colombia), se busca una relación de integración con la economía norteamericana, sin embargo esta relación siempre ha sido asimétrica por naturaleza.

La región y los países del PM se basan principalmente en ser proveedores de materias primas e impulsores de empresas maquiladoras en el área electrónica (en Costa Rica), automotriz (que es el caso de Puebla) e industria textil (en las zonas francas, o frontera de México y Guatemala), a través de productos elaborados por empresas subsidiarias o proveedoras de ET principalmente norteamericanas, europeas, japonesas y ahora de las plataformas de exportación de las Zonas Económicas Especiales de China.

Con el neoliberalismo, existe un proceso de despersonalización en el que los seres humanos se transforman en cosas, en mercancías, el dinero y el capital orienta y deciden sobre la vida o la muerte de la mayoría de seres humanos, llegando incluso al ecocidio sin que los gobiernos den muestras de respetar a la naturaleza. Cierto es que el trabajo como producto humano incide en la transformación de la naturaleza, la humanidad crea, recrea y transforma incesantemente a la naturaleza, por tanto el espacio físico, no es solamente un espacio como tal, sino también es un espacio histórico, es parte del ser social, del ser humano, y el capital ha impulsado un proceso de deshumanización a través de la defensa del mercado.

Movimientos sociales

Tomando como base la experiencia del sureste mexicano, como eje de las demandas del Ejército Zapatista de Liberación Nacional a partir de 1994, que no sólo representa una lucha indígena, y una vez roto el cerco estatal con apoyo de la sociedad civil-aunque se mantiene la militarización en Chiapas, ahora en Guerrero y Oaxaca-, con un compromiso de cambiar el mundo en una lucha global, las diversas resistencias de los movimientos sociales en México no solo condenaron las diversas formas del capital, desde el Tratado de Libre Comercio sino todos los instrumentos políticos o de seguridad y los planes geoestratégicos que se fueron creando.

Se visualizó una lucha más amplia con consensos desde los mismos pueblos, centros de trabajo y participación de otros movimientos que nunca se habían coordinado y lograron encuentros desde el mismo año de la implementación del PPP en 2001. Esta política neocolonial resultó una estrategia contra la sociedad civil que quería solidarizarse y elaborar puntos comunes de resistencia con los rebeldes de Chiapas.

Diversas acciones de identidad y para visibilizar la existencia de las resistencias se dieron varios pasos y dando un ejemplo para construcción de un movimiento social en julio de 2003 el EZLN anunció el Plan La Realidad — Tijuana, que tenía como objetivo conectar todas las resistencias del país y así reconstruir la nación mexicana desde abajo.

A través de varias marchas, los zapatistas exigieron la implementación de la Ley COCOPA, que era una serie de enmiendas a la Constitución Política de los Estados Mexicanos, para garantizar el control de los indígenas sobre los recursos naturales dentro de sus territorios, lo que iba en contra de las intenciones del PPP.

En 2005 el EZLN emitió la Sexta Declaración de la Selva Lacandona, donde los principios del plan fueron desarrollados en un programa de acción política a nivel nacional, abandonando toda negociación con el Estado y proponiendo la construcción de un proyecto nacional independiente de todos los partidos políticos, incluyendo a todos los grupos excluidos o subordinados.

La convocatoria de los zapatistas nos plantea: ¿Cuáles son las enseñanzas de los mayas en los tiempos del neoliberalismo y lograr permanecer en resistencia? Para Stahler-Sholk⁶, los movimientos sociales de la época de resistencia al neoliberalismo, entre ellos el zapatismo, se distinguen de las viejas modalidades de la izquierda latinoamericana en varios sentidos, que se han resumido como tres ejes: solidaridad, proceso, autonomía, puntos de convergencia que ofrece alternativas no sólo coyunturales, sino anticapitalistas. Para otros autores, este movimiento, señala, es un desafío al neoliberalismo, a la lógica de la operación sin restricciones del mercado capitalista global⁷.

Negando la existencia de la sociedad civil y que no habría rechazo al PPP, los gobiernos estatales del sureste y de Centroamérica—representando los intereses globales— y contando con la simulación con grupos oficialistas, no esperaban la respuesta de los grupos sociales que no pertenecían a partidos ni grupos tradicionales de la política nacional, los cuales sin importar siglas o luchas pequeñas o grandes, tuvieron que reconocerse entre ellos sus experiencias, formales o sin dirección tradicional, espacios que les fue permitiendo una comunicación horizontal o en red y fueron sumando, aunque fueran familias, u organizaciones y que ya habían sido parte de los movimiento de solidaridad por el agua, la tierra, el rescate del maíz, contra la minas, etc., en la región mesoamericana. Este ascenso con actos de solidaridad en diversas regiones, contra los planes gubernamentales permitió el primer encuentro:

⁶ Stahler-Sholk, Richard, “La autonomía y economía política de resistencia en Las Cañadas de Ocosingo”. En Baronnet, Bruno, et al, (Coords.) *Luchas “muy otras”, zapatismo y autonomía en las comunidades indígenas de Chiapas*, México, UAM-X-CIESAS, 2012, 411.

⁷ Ibidem.

“Desde los meses de mayo a noviembre de 2001, más de 300 organizaciones sociales de Centroamérica y México se reunieron en Tapachula, Chiapas para formular una estrategia y plan de acción para enfrentar el Plan Puebla Panamá, y hemos constituido la Alianza Mexicana por la Autodeterminación de los Pueblos (AMAP), señalaban los grupos convocantes, teniendo como Objetivos Generales:

- Fortalecer y construir una fuerza articulada frente al PPP
- Visualizar el proceso de resistencia y fortalecer las luchas locales y la AMAP
- Formular una estrategia de acción a nivel nacional.
- Acordar una propuesta hacia el III Encuentro Mesoamericano de Managua.”

Entre otras luchas de acción concreta en contra del PPP fue la formación del Frente de Pueblos en Defensa de la Tierra (FPDT) en el ejido de San Salvador Atenco, cercano a la hoy Ciudad de México, como reacción ante el deseo del gobierno mexicano de construir un aeropuerto en esas tierras; después de algunos incidentes, el proyecto se canceló.

En los siguientes dos años el PPP casi no fue mencionado por el Estado Mexicano, y en octubre de 2004 se anunció una segunda fase del plan, dando prioridad a la salud, educación, y programas culturales.

Para los editores de *Bajo Tierra*⁸ (Zibechi, 2008), desde la perspectiva de la resistencia, los movimientos sociales: se caracterizan por la indignación de sectores que mantienen su esperanza no en la solución de sus demandas sectoriales sino en la construcción de nuevos mundos, en la superación de esquemas tradicionales y por la defensa del territorio, de sus familias, colectivos, pueblos, espacios, en una gran diversidad sociocultural de sus pueblos. Para Zibechi, esa gran determinación tiene sus límites, principalmente por la fragmentación de las resistencias, que en gran parte de los procesos se encuentran aislados y donde han logrado un poder autogestivo se enfrentan a nuevas estructuras unilaterales de participación y tienen que enfrentar no solo gobiernos estatales, sino estados autoritarios y permeabilización de los movimientos sociales por actores tradicionales vinculados particularmente a partidos.

Cuando hay un auge de la política gubernamental a veces coincide con los periodos de mayor represión a los movimientos...con el incremento de la violencia estatal empuja a los actores a una respuesta más organizada y más radical. Tiene que existir una larga tradición de lucha contra la dominación, un fuerte espíritu de colectividad para limitar las diversas formas de formación de capital en las comunidades, señalan en *Bajo tierra ediciones*⁹.

⁸ Raúl Zibechi, *Autonomías y emancipaciones, América Latina en movimiento*, México, Bajo Tierra Ediciones, 2008.

⁹ *Ibid.*, 13.

Pero ¿por qué están más visibles en esta década? Zibechi¹⁰ plantea que: Los movimientos sociales... son la respuesta al terremoto social que provocó la oleada neoliberal de los ochenta, que trastocó las formas de vida de los sectores populares al disolver y descomponer las formas de producción y reproducción, territoriales y simbólicas, que configuraron su entorno y su vida cotidiana.

Y añade: Los nuevos caminos que recorren los movimientos sociales latinoamericanos suponen un viraje de largo aliento. Hasta la década de los 1970 la acción social giraba en torno a las demandas de derechos a los estados, al establecimiento de alianzas con otros sectores sociales y partidos políticos y al desarrollo de planes de lucha para modificar la relación de fuerzas a escala nacional. Los objetivos finales se plasmaban en programas que orientaban la actividad estratégica de movimientos que se habían construido en relación a los roles estructurales de sus seguidores. En consecuencia, la acción social perseguía el acceso al Estado para modificar las relaciones de propiedad y ese objetivo justificaba las formas estadocéntricas de organización, asentadas en el centralismo, la división de dirigentes y dirigidos, y la disposición piramidal de la estructura de movimientos¹¹.

Proyectos de muerte en Puebla-Tlaxcala

Para Villamar, las mineras transnacionales conocen como dividir a las comunidades en diversos países latinoamericanos y las organizaciones deben entender que: Esa conducta neocolonial intervencionista de las mineras transnacionales y de sus gobiernos de origen se repite a lo largo y ancho del mundo. Desafían o pisotean soberanías, como apoyar golpes de estado; como fue denunciada la minera Goldcorp Inc. en Honduras, financian campañas electorales de candidatos afines a sus intereses (...). Presionan por reformas legislativas a sus intereses, desacatando resoluciones de instituciones internacionales como la Corte Interamericana de Derechos Humanos y violando Convenios y Tratados Internacionales de Derechos Humanos, sobre todo el Convenio 169 de la OIT, o el Protocolo Facultativo de los Derechos Económicos, Sociales y Culturales (DESCA) de la ONU, o la Declaración Universal de los Derechos de los Pueblos Indígenas de la ONU.

Pero esto no es aislado, plantea A. Villamar, ya que: La política de fomento a los proyectos mineros en la región, y en el hemisferio, se inserta en la estrategia hemisférica de aprovechar las debilidades históricas y estructurales de nuestras economías y de nuestros escasos o “flexibles” marcos jurídicos y administrativos-políticos, de atracción de inversión extranjera directa (como en su tiempo fue el esquema de fomento a las maquiladoras), bajo el espejismo de incrementar exportaciones de

¹⁰ *Ibid.*, 14.

¹¹ *Ibid.*, 26-29.

alto valor que paliara los desequilibrios comerciales y de cuenta de capital, y crearan empleo, bajo apuros del corto plazo.

Si realizáramos un recuento en esta segunda fase de los *Planes Geoestratégicos* para el Plan Mesoamérica en el caso de Puebla, particularmente en la Sierra nororiental, estas políticas estatales y estrategias de las Empresas mineras se comenzaron a impulsar a partir de diversos proyectos hidroeléctricos y mineros: Tienen como objetivo central aprovecharse de los manantiales y los recursos que hay en el área de mayor diversidad de esta región de selva mediana y bosque mesófilo.

El papel de las organizaciones de base -asambleas por comunidad o región— ha ido incorporando cada vez ciudadanos, grupos, familias y pueblos enteros para rechazar los proyectos de muerte, como es el caso de: ocho municipios que rechazan proyectos de cuatro hidroeléctricas en los márgenes del río Apulco, se señala que habitantes de ocho municipios de 70 comunidades en Atotocoyan, pertenecientes a Yaonáhuac exigen a la SEMARNAT que niegue los 4 permisos solicitados por la empresa Controladora de Operaciones de Infraestructura: la Sexta Asamblea Informativa por la Defensa del Territorio contra Minas, Hidroeléctricas y Privatización del Agua a la que acudieron vecinos...de Cuetzalan del Progreso, Tlatlauquitepec, Jonotla, Olintla, Chignautla, Tuzamapan de Galeana y Xochitlán de Vicente Suárez...justo donde inicia el territorio concesionado a Minera Autlán para la explotación de yacimientos de oro a cielo abierto...se trata de un solo conjunto que tiene el fin de alimentar de electricidad a la extractora de metales preciosos, advirtió Leonardo Durán, del Consejo Tiyat Tlali, señalo que en las sierras Norte y nororiental hay 160 mil hectáreas concesionadas a mineras canadienses, chinas y mexicanas principalmente, de las cuales Autlán logró 7 mil 800 para los proyectos Atexcaco 1 y 2¹².

El otro caso fue la resistencia al Proyecto Integral Morelos (PIM) donde la Comisión Federal de Electricidad (CFE) está construyendo dos termoeléctricas en la comunidad de Huexca, un gasoducto de 160 km de longitud que atraviesa más de 60 comunidades campesinas e indígenas de los estados de Morelos, Puebla y Tlaxcala, así como un acueducto de 12 km de longitud para transportar 50 millones de litros de agua diarios del Río Cuautla: e infraestructura complementaria (líneas de tendido eléctrico), concesionado a transnacionales españolas e italianas, para una “industrialización” de regiones de los tres estados y para la extracción de oro y otros minerales (plata, cobre, plomo, zinc, manganeso, fierro, etc.), señalan las organizaciones opositoras en los tres estados afectados.

¹² 2 mil habitantes de ocho municipios rechazan proyectos de 4 hidroeléctricas: La Jornada de Oriente, 19/I/2015, 5

Conclusiones

El nuevo capitalismo global, para W. Robinson, genera nuevos patrones globales de poder y desigualdad, así como modalidades globales de control y dominación. La resistencia, desde el mismo año de la implementación del PPP en 2001, en su primera etapa construyó y permitió visualizar una lucha más amplia, con consensos desde los mismos pueblos, centros de trabajo y participación de otros movimientos que nunca se habían coordinado y que fueron logrando encuentros cada año, como los Foros mesoamericanos, la AMAP, Atenco y las resistencias locales en Puebla y Tlaxcala.

Esta política neocolonial resulto una estrategia para el futuro empobrecimiento del sur de México y ante ello la resistencia es necesaria por los planes y proyectos del gran capital y también era correcto iniciar la comunicación, los enlaces y la organización de todos los movimientos. Es claro que el modelo extractivista en la región mesoamericana es parte de un Plan geoestratégico del capital transnacional, hacia una mayor consolidación del Estado global.

El impacto en las comunidades en estos años ha sido con un proceso de despojo a través de la apertura indiscriminada y privatización de la tierra y son parte de las nuevas *Guerras no convencionales*, ya que no sólo fueron proyectos estratégicos por recursos directos de los pueblos, sino paralelo a este proceso, se generaron proyectos de seguridad regional, y de frontera como el Plan Mérida para México, ante la posibilidad de movimientos sociales con mayor coordinación y no sólo en el ámbito rural.

Entre las luchas de acción concreta en contra del PPP y que permanecen accionando, primero fue la formación del Frente de Pueblos en Defensa de la Tierra (FPDT) en el ejido de San Salvador Atenco, cercano a la hoy Ciudad de México, como reacción ante el deseo del gobierno mexicano de construir un aeropuerto en esas tierras...y la lucha continua.

Bibliografía

1. Aurora Furlong, Raúl Netzahualcoyotzi, *Plan Mesoamérica ¿Integración o Despojo?*, México, Editorial, BUAP, 2014.
2. Raúl Netzahualcoyotzi, *Tendencia al patrón de desarrollo capitalista en Centroamérica*, México Tesis de Licenciatura, Escuela de Economía, Universidad Autónoma de Puebla, 1983.
3. William I. Robinson, *Una teoría sobre capitalismo global. Producción, clase y Estado en un mundo transnacional*, México Siglo XXI Editores, 2013.
4. Juan Manuel Sandoval, Raquel Álvarez, Sara Yaneth Fernández (Coordinadores), *Planes geoestratégicos, desplazamientos y migraciones forzadas en el área del proyecto de desarrollo e integración de Mesoamérica*. Universidad de Los Andes y Universidad de Antioquia; Medellín, Colombia, 2011.

5. Stahler-Sholk, Richard, “La autonomía y economía política de resistencia en Las Cañadas de Ocosingo”. En Baronnet, Bruno, et al, (Coords.) *Luchas “muy otras”, zapatismo y autonomía en las comunidades indígenas de Chiapas*, México, UAM-X-CIESAS, 2012.
6. Alejandro, Villamar, *Megaproyectos mineros en el área mesoamericana, elementos de una geoestrategia transnacional hemisférica*. En Sandoval, Juan Manuel, Álvarez, Raquel y Fernández, Sara Yaneth (Coordinadores), *Planes geoestratégicos, desplazamientos y migraciones forzadas en el área del proyecto de desarrollo e integración de Mesoamérica.*, Universidad de Los Andes, Mérida, Venezuela y Universidad de Antioquia; Medellín, Colombia. 2011, 182-189.
7. Wilson, Japhy, “Contesting the Plan Puebla Panama: Henri Lefebvre and the Politics of Space in Southern Mexico.” En, Sandoval, Juan Manuel, Álvarez, Raquel y Fernández, Sara Yaneth (Coordinadores), *Planes geoestratégicos, desplazamientos y migraciones forzadas en el área del proyecto de desarrollo e integración de Mesoamérica*. Universidad de Los Andes, Mérida, Venezuela, Universidad de Antioquia; Medellín, Colombia, 74-92.
8. Raúl Zibechi, *Autonomías y emancipaciones, América Latina en movimiento*, México, Bajo Tierra Ediciones, 2008.

Aurora Furlong¹

Raúl Netzahualcoyotzi²

Plan Mesoamérica y proyectos geoestratégicos

Mesoamerica Plan and geostrategic projects

Resumen: En la región centroamericana, a expansión e intensificación del capital se lleva a efecto a través de acuerdos de integración asimétricos como el Plan Mesoamérica. Los países industrializados requieren de recursos geoestratégicos ubicados en zonas abundantes de riqueza natural, el capital privado y las empresas transnacionales (ET) impactan directamente en la producción de mercancías y el consumo, a través de megaproyectos acentuando el despojo de los recursos naturales estratégicos (agua, gas, petróleo entre otros) como una forma más de re-funcionamiento de necesidades del capital global, orientadas a la acumulación vía el extractivismo, empresas eoloeléctricas, hidroeléctricas, agro-combustibles, megaproyectos turísticos, enclaves y complejos industriales, maquiladoras contaminantes, hidrovías, puertos marítimos entre otros.

Palabras clave: Plan Mesoamérica; Empresas Transnacionales; procesos de integración; proyectos geoestratégicos; migración forzada.

Abstract: In the Central American region, expansion and intensification of capital is carried out through asymmetric integration agreements such as the Mesoamerica Plan. Industrialized countries require geostrategic resources located in areas rich in natural wealth, private capital and transnational corporations (TNCs) have a direct impact on the production of goods and consumption, through megaprojects accentuating the depletion of strategic natural resources (water, gas, oil and others) as a way of re-operating global capital needs, oriented towards the accumulation via extractivism, wind power companies, hydroelectric, agro-fuels, tourist megaprojects, enclaves and industrial complexes, polluting maquiladoras, waterways, seaports, among others.

Keywords: Mesoamerica Plan; Transnational Corporations; integration processes; geostrategic projects; forced migration.

El capitalismo neoliberal, ha entrado en una nueva fase de acumulación global, con una tendencia creciente orientada a suprimir las fronteras al capital, la integración creciente de las economías nacionales a las regionales se han impulsado

¹ Co-autora, México Profesora de Economía e Investigadora del Centro de Investigación y Estudios de Posgrado (CIEPE) de la Benemérita Universidad Autónoma de Puebla. Integrante del grupo de trabajo-CLACSO: *Fronteras, Regionalización y Globalización en América*. Em: zfurauero@yahoo.com.mx

² Co-autor. México, , Profesor de Relaciones Internacionales e Investigador del Centro de Investigación y Estudios de Posgrado de Economía (CIEPE) de la Benemérita Universidad Autónoma de Puebla. Integrante del grupo de trabajo-CLACSO: *Fronteras, Regionalización y Globalización en América*. Em: raul.netza@gmail.com

mediante la firma de proyectos geoestratégicos como el Plan Mesoamérica (PM), sometiendo a economías débiles a las decisiones de organismos multilaterales (FMI, BM, OCDE, OMC) que tienen su centro en los países desarrollados, favoreciendo a los sectores especulativos en detrimento de los productivos, la crisis económica-financiera ha dado respuestas desfavorables para el conjunto de países del orbe en especial a los países de la región mesoamericana.

El enfoque teórico que alienta, la hipótesis que define este trabajo, es que la región Mesoamericana, está incorporada como parte de un espacio global, que responde a la acumulación del capital transnacional³. Esta integración, también replicada desde la firma del TLCAN (México, Estados Unidos y Canadá), se esgrime ahora sobre los recursos naturales de esta región. Existen grandes desequilibrios al interior de éstos países, que van desde problemas étnicos, religiosos, ecológicos, racismo, entre otros.

En la década de los 90s, y con los procesos de liberalización y desregulación del capital internacional, el resultado han sido las crisis de orden sistémico recurrente, cada vez con impactos más agudos y resultados devastadores para las economías. Tenemos ejemplos de los efectos catastróficos en la generación de crisis económicas como la de México en 1994-1995, la asiática en 1997-98, la rusa en 1998, la brasileña en 1999, la argentina en 2001, y la recesión norteamericana en 2001, así como la financiera en 2008, que han tenido impactos en diferentes ramas de la economía y que impacta a regiones y países. Por otro lado la presencia de procesos de integración continúa como resultado del insaciable crecimiento del capital transnacional, en el que los más afectados, son sectores vulnerables sobre los cuales pesan las mayores limitaciones economías, enfermedades, desempleo y sin las posibilidades de construir un proyecto de vida diferente, en el nuevo contexto económico.

Antecedentes del PM

En México el *Plan Alpha Omega* propuesto por José López Portillo fue firmado en 1979, con la intención de desarrollar un corredor maquilero y petrolero en la zona del Istmo de Tehuantepec, su avance más importante fue el de la Laguna Ostión, impulsado por intereses de gran capital norteamericano.

A Ernesto Zedillo también se le encomendó rescatar este proyecto nombrándolo *Mega proyecto Transísmico*, éste se firmo en 1998, se conoce como un “Programa Integral de Desarrollo Económico para el istmo de Tehuantepec (Oaxaca-Veracruz)” por el cual esta región accedería al desarrollo. Vicente Fox lo retoma asignándole el nombre de *Proyecto Plan Puebla Panamá (PPP)*, oficialmente era parte de la *curiosidad de explorar la línea del Istmo de Tehuantepec, según declaraciones oficiales*,

³ Robinson, William I., 2013. *Una teoría sobre capitalismo global. Producción, clase y Estado en un mundo transnacional*, Siglo XXI Editores, México, 2013.

el eje del mismo era la modernización, por licitación, del ferrocarril y las dos terminales portuarias que une, la construcción carretera rápida de cuota y equipamiento urbano. Sobre este eje se identifican un total de más de 125 proyectos: 20 % urbanos; 18.4 % petróleo y petroquímicos; 6.4 % portuarios; 6.4 % forestales; 5.6 % carreteras; 4.8 % minería; 4.8 % agroindustriales; y 3.2 % de turismo⁴.

Reemplazado el PPP por el Plan Mesoamericano (PM), Felipe Calderón toma la decisión de renombrarlo en la X Cumbre de Tuxtla, una reunión en la que participaron los representantes de Belice, El Salvador, Guatemala, Honduras, Nicaragua, Panamá, Colombia, y Costa Rica. También estuvieron presentes los gobernadores mexicanos de Puebla, Oaxaca, Veracruz, Tabasco, Guerrero, Yucatán, Quintana Roo, Campeche, y Chiapas.

Oficialmente el objetivo del PM es conformar bloques económicos capaces de mantener un mercado común, con la reducción de aranceles en los productos establecidos en el tratado, e intercambio de tecnología principalmente; entre los acuerdos se consideran también apoyos mutuos en caso de desastres ocasionados por fenómenos naturales, hacer frente común a problemas como inseguridad, narcotráfico, desnutrición, hambrunas, epidemias, analfabetismo, pornografía infantil, escasez de agua, inmigración; ahora también se añaden terrorismo y guerrillas, entre otros. Al examinar el PM y sus antecedentes, lo único que se tiene es la acentuación del desempleo, pobreza, migración, drogas y descomposición social en general.

La región México— Centroamérica, es rica en recursos naturales estratégicos (hidrocarburos, agua dulce, flora y fauna) que pertenece a los países participantes. Esta región, representa un espacio global de explotación para el gran capital, impulsado por la política económica de Estados Unidos, región cuyos recursos son amplios pero sin posibilidad de ser explotados por la pobreza generada principalmente por el país del norte (guerras de la década de los 80 y los 90).

Las empresas transnacionales y gobiernos de la región sustentan en un discurso y serie de decisiones de política económica poco creíbles y de gran contenido asimétrico, además las formas de control (político, económico, militar), mantiene sujetos a la mayoría de éstos países, de tal forma que Estados Unidos, se asegura recursos naturales y humanos para la sobreexplotación y aseguramiento de la reproducción del capital, al colocar los intereses de la élite trasnacional y capital privado en la región en relieve y por encima de la población principalmente indígena.

Muchos son los pasos que han ido imponiendo para la articulación de éstos países, como también a la supuesta integración a la economía norteamericana. Bajo el discurso de *apoyo y generación de empleo*, se ha firmado el Tratado de Libre Comercio con los países centroamericanos más República Dominicana (CAFTA-DR) con Estados Unidos, suprimiendo las fronteras al capital igual al TLCAN, equili-

⁴ Furlong Aurora, (2015) *Plan Mesoamérica: ¿integración o despojo?*, disponible en <http://www.eco.buap.mx/aportes/libros/Plan%20mesoamericano%20Integracion%20o%20ruptura.pdf>

brando los desafíos que tiene como resultado de la recesión en la que se encuentra actualmente y que ya lo venía previendo según sus indicadores económicos años atrás, demostrando su voracidad sin límites ahora expresados en el PM.

Al respecto el BID, intenta sobre estudios llamados Terminales Regionales para la Importación y Almacenamiento de Combustibles y Suministro de Gas Natural al Istmo Centroamericano (30 de abril de 2001), hacer más eficiente la adquisición externa de hidrocarburos con la construcción de dos gasoductos, uno desde México y otro en Colombia con una longitud de 1 117 y 1 310 km con inversiones aproximadas de 593 y 830 millones de dólares, generando 20 mil millones de metros cúbicos de gas, contando además con la generación de fuentes de energía a partir de granos para la alimentación por parte de agro empresas como Monsanto, Hérdez, Valle Verde entre otras. Por ello ha iniciado una serie de privatizaciones en toda la región pasando por encima de los pueblos originarios, su cultura y el cuidado del medio ambiente, demostrando únicamente su intervencionismo económico, político y militar.

Para ello el reforzamiento militar a través de la Iniciativa Mérida, Plan Colombia, ASPAN lleva a cabo la *capacitación en México* (sic), con prácticas militares como las ejercidas en Irak y Afganistán, para resguardar el apoyo al capital privado y empresas transnacionales.

Al dejar el estado de ser proveedor en empresas estratégicas para la población, las políticas de cambio estructural permitieron la privatización de paraestatales como petroquímica básica, minería, electricidad, telecomunicaciones, comunicaciones y transportes, ferrocarriles, transportación aérea, química, acero, bienes de consumo duradero y banca, además con la apertura comercial y privatización de paraestatales a precios de ganga, y se originaron facilidades a la inversión extranjera.

Por lo que respecta al sector agropecuario, con la crisis económica y la participación del TLCAN en 1994, los precios de garantía fueron eliminados, sobre todo en once cultivos básicos, con la eliminación de aranceles, de créditos y seguros, así como la eliminación de la Compañía nacional de Subsistencias Populares (CONASUPO) dejando el campo devastado y sin posibilidad de recuperación.

Proyectos geoestratégicos

Son miles de proyectos impulsados por las empresas transnacionales en la región, (minería a cielo abierto, privatización del agua, empresas productoras de energía eólica, eoloeléctrica, privatización de la tierra y sobre explotación de la mano de obra) es la representación de la utilización de los espacios por el capital (Harvey) y la urbanización de la lucha de clases, a pesar de las diferencias culturales, además es parte de las expresiones de la acumulación del capital, como resultado de la integra-

ción asimétrica, sobre economías de subsistencia que únicamente tienen la migración para subsistir.

El capitalismo avanza a partir de escalas geográficas y la utilización de los espacios que poseen recursos naturales, esto contribuye a crear diferencias sociales a partir de la imposición de empresas transnacionales en determinadas regiones (por ejemplo empresas automotrices), en donde existe la división del trabajo espacial, ya que al posicionarse una empresa en una región indígena crea diferencias entre la población, así como nuevos espacios laborales, problemas regionales, y nuevas formas de territorialidad y relaciones sociales capitalistas.

Además la existencia de empresas transnacionales, va despojando de sus recursos a la población principalmente indígena, creando un nuevo funcionamiento de trabajo y de consumo, pero también representan espacios para reproducir diferencias y movilizar el capital, va de zonas de bajas tasas de ganancia hacia zonas de altas tasas de ganancia a partir de la libre movilidad del capital pero no del trabajo lo que representa una de las contradicciones más graves del funcionamiento del capitalismo.

Resultado de ello es la descomposición social, narcotráfico, trata de personas con fines laborales o sexuales, migración, violación a los derechos humanos, militarización y represión es decir violencia en sus diversas formas en contra de la población, de esta forma se aseguran los recursos naturales y su acceso.

Migración y Remesas

La migración es un concepto que denota dinamismo y que además tiene que ver con la movilidad territorial de las personas, teniendo como intención la adopción de una nueva residencia y en el proceso desmiembra a las familias y rompe con su dinámica interna afectando la subjetividad, y la estabilidad afectiva de los integrantes de las familias, prácticamente es una desintegración de las familias lentamente.

Esta movilidad debe entenderse de tipo voluntario o involuntario, colectivo o individual, interno o internacional, conjuntamente la movilidad migratoria puede ser en algunos casos de carácter definitivo, pero en otros pueden ser un proceso que ocurre por un determinado lapso de tiempo. La movilidad geográfica no se puede plantear con un solo fin, objetivo o meta a través de la historia de la humanidad. Los motivos que han llevado a la población a desplazarse, ya sea dentro de su misma comunidad o incluso fuera de ella son diversos. En la migración intervienen dos áreas geográficas, aquella donde se inicia el desplazamiento —región de origen— y aquella en donde finaliza— región de destino-.

La migración es un proceso multifacético de desplazamiento poblacional, cuya causa es la necesidad o la aspiración de superar una insatisfacción emanada de diferentes factores físico naturales, socioeconómicos, culturales y psicológicos

históricamente determinados que crean cambios en cada una de las áreas en las que se producen.⁵

Bajo las condiciones anteriores, Mesoamérica se convirtió en una región expulsora de mano de obra barata: El desempleo, la falta de oportunidades, pérdida de competitividad del sector agrícola con el exterior, provocaron que la población buscara alternativas de sobrevivencia y que una gran cantidad de familias optaran por la migración hacia Estados Unidos. Las políticas de ajuste estructural empeoraron la situación económica de los países pertenecientes al PM trabajadores migrantes representan un éxodo, incluso jóvenes con postgrado, niños y mujeres.

Retomando lo anterior podemos decir que a partir de las políticas de ajuste estructural se eliminaron los programas de ayuda social, donde el saldo que arrojaron fue la generación de más del cincuenta por ciento de la población en situación de pobreza y 20 millones a la pobreza extrema en México. La firma del TLCAN, trajo cambios en todos los sectores económicos, principalmente el de la agricultura, debido a que más del 90 % de los 3 millones de productores de maíz en México son pequeños productores, con parcelas pequeñas, muchas familias poseen tan solo surcos destinados a la siembra de maíz que no alcanza para la alimentación de la familia así como latifundios que en la actualidad subsisten y que son adquiridos por transnacionales a precios de regalo.

La migración laboral, ha sido benéfica para EU, ya que puede sobre explotar la mano de obra, incluso femenina e infantil, sin otorgar prestaciones o derechos, en la que actividades básicas generan una alta demanda de trabajo no calificado, situación que abre oportunidades de empleo a los migrantes bajo condiciones laborales insalubres o contaminantes.

Los trabajadores migrantes transfieren remesas a la región, sin apoyo para impulsar proyectos productivos de largo plazo en beneficio de ellos o para generar un patrimonio para sus hijos. Aunque los montos recibidos por unidad familiar son significativos es casi nula en las regiones de alta expulsión, ya que la mayor parte de estos ingresos se gastan en autoconsumo, o consumo en gasto corriente.

En muchas ocasiones las remesas más que remediar las diferencias locales y regionales, tienden a acentuarlas, por tener también un efecto diferenciado, entre otras razones porque los que emigran aspiran a mayores niveles de bienestar, y los que se quedan tienden a sentirse inconformes y aspiran a la migración como un proyecto viable para el mejoramiento de su nivel de vida, lo que algunos autores llaman Síndrome Migratorio. En este síndrome en el cual los migrantes se ven envueltos, se presenta como una serie de relaciones de estresores psicosociales, que afectan la salud mental, como señala el doctor Achotegui al padecer múltiples adversidades y peligros en el cruce de la frontera y ya estando en el país receptor, por la falta de

⁵ Ramos P., "Migración y cambios socioeconómicos en la comunidad de Zoogocho, Oaxaca". *Estudios demográficos y urbanos*. México 1991. V6:313-345, 316.

papeles que amparen sus estancia de trabajadores legales, así como la dificultad para encontrar trabajo, pero además cargan con el peso de enviar dinero a su familia en un lapso relativamente corto, factores que se conjugan para desarrollar estrés múltiple o Síndrome de Ulises, el autor desarrolla una teoría muy interesante pues no se había tocado el factor psicológico de los migrantes en otros estudios.

El Síndrome de Ulises se refiere al héroe griego que padeció enormes e innumerables calamidades, parecidas a los padecimientos psicológicos de los migrantes por la separación de sus seres queridos (soledad, miedo, depresión, nostalgia, ansiedad, desequilibrio entre otros)⁶.

Por otro lado la migración ha estado generando mayor dependencia y procesos de despoblamiento de muchas ciudades en la región.

El incremento de esta migración se debe a la entrada en vigor de los acuerdos económicos de libre comercio en la región con el cual se pretendió una modernización de la planta productiva a pesar del acceso tecnología, ésta generalmente no es accesible para toda la población.

Como consecuencia del TLCAN, se suscitan cambios en los sistemas de producción y del mercado de trabajo, estas nuevas modalidades migratorias tienen su origen en las estrategias de reestructuración productiva y flexibilidad que estos países han seguido.

Este proceso se manifiesta, una creciente polarización y segmentación de los mercados, así como por la precarización y empobrecimiento de las condiciones de empleo y reproducción de la fuerza de trabajo, en el lado mexicano⁷.

Los acuerdos de libre comercio, representaron una oportunidad de dinamizar éstas economías, vía las exportaciones, para muchos sectores productivos sin la capacidad suficiente para competir con el exterior, representaron un enorme reto que provocó que muchas actividades económicas se extinguieran.

Las políticas de libre comercio, como la eliminación de aranceles y cuotas a las importaciones en productos como maíz, fríjol y azúcar, permitieron que los productos altamente subsidiados como los productos agrícolas estadounidenses, inundaran el mercado mexicano, provocando así la crisis en las unidades campesinas caracterizándose por salarios relativamente bajos y presentando una tasa de productividad laboral decreciente, aunado a esto el incesante crecimiento de la población.

Aunque fueron creados muchos empleos manufactureros, tras la aprobación de acuerdos comerciales con Estados Unidos, las maquiladoras empezaron a desplazarse hacia China y a otros países de Asia, cuando ésta entró a la OMC (2002), en Mesoamérica pagaban salarios aún más bajos que en los países de origen, sin

⁶ www.sindromedeulises.com

⁷ Canales I., Alejandro. "La Población Mexicana en Estados Unidos". *Revista Carta Económica Regional*, Año 15, Número 81-82, México, Julio-Diciembre 2002, 31– 37.

embargo una gran cantidad de empresas del ramo se fueron a países de Asia principalmente.

Lo anterior provocó que las pequeñas y medianas empresas se enfrentaran a una competencia directa de las empresas transnacionales y muchas fueron arruinadas.

Conclusiones

Para W. Robinson en cada época, hay una ola de expansión; posteriormente se da una crisis de agotamiento y actualmente estamos en un proceso de transición a una nueva época, donde las nuevas instituciones y las condiciones de reproducción del nuevo capital adquieren la forma transnacional.

El sistema capitalista entro en crisis en los años ochenta. En los noventa es cuando se dan las nuevas formas de transnacionalización del capital con la integración de cada país en el sistema globalizado. Una nueva característica de este periodo turbulento del sistema es la naciente clase capitalista transnacional, donde los circuitos globales de acumulación son ya un nuevo rasgo en lugar de circuitos y mercados nacionales. Finalmente, Robinson señala, que se puede hablar de un estado transnacional con redes informales de instituciones tras-y supranacionales, junto con los aparatos de estados nacionales transformados por fuerzas transnacionales.

El modelo extractivista en la región mesoamericana es parte de un Plan geoestratégico del capital transnacional hacia una mayor consolidación del Estado global. La relación capital— trabajo es expresada en la región mesoamericana a través de procesos de integración desigual: el objetivo es separar a los trabajadores de sus medios de producción tradicionales, tal como sucedió en la historia colonial, acompañándose con un proceso de despojo a través de la apertura indiscriminada y privatización de la tierra, para el caso de México como un proceso de integración asimétrica con los mercados del norte a través del Tratado de Libre Comercio. Posteriormente con la implementación Plan Mesoamérica.

Es decir se está presentando un nuevo proceso de acumulación (antes originaria) exacerbada que crea las condiciones para un proceso de producción global de mercancías, de esta forma la expansión capitalista a través de crear nuevos mercados, introduce en esa lógica vastas regiones estratégicas (Mesoamérica) capaces de ser explotadas, destruyendo formas tradicionales de producción, culturas, e identidades, incorporando las actividades humanas que estaban antes fuera de la dinámica del capital a los intereses del capitalismo global.

Esta nueva modalidad del sistema internacional no solo es de carácter global sino como corolario de la producción mundial de mercancías, cuyo origen es la fragmentación de las economías y que a la vez integra funcionalmente lo que eran cir-

cuitos nacionales y regionales en circuitos globales de acumulación⁸. La característica determinante es que se abordan procesos globales e interdependencia económica en la región Mesoamericana como resultado del fenómeno de transnacionalización que implica por un lado la extensión geográfica de la actividad económica a través de las fronteras nacionales pero también la extensión funcional de las actividades productivas internacionalmente opuestas. Así el capitalismo global opera como una sola unidad y hace posible la simultaneidad y por tanto una integración orgánica.

En esta última década la zona México-Centroamericana se convirtió fundamentalmente expulsora de mano de obra; la migración es cada vez más forzada y la violencia se acentuó—por grupos delictivos y transnacionales apoyados por los estados corruptos— y como parte de las estrategias transnacionales se militarizó no solo la Frontera norte sino la parte sur de México, a la par que se fueron diseñando como “proyectos de muerte” la diversificación de los instrumentos políticos y de seguridad, tales como el : Plan Colombia, Plan Mérida o Plan México y ASPAN.

Sin contar en la primera etapa de su instrumentalización con las posibilidades de construir un proyecto de vida diferente, bajo estas condiciones, la zona México-Centroamericana se convirtió en exportadora de mano de obra barata ante un mayor desempleo, falta de oportunidades, y pérdida de competitividad del sector agrícola con el exterior, lo que provocó que la población busque alternativas en el vecino país, y ante la criminalización de las personas por el solo hecho de cruzar las fronteras permanente violación de sus derechos humanos y sobre explotación, de los pocos espacios de trabajo, de hombres, mujeres, jóvenes y niños.

Actualmente se vienen impulsando “proyectos de muerte” por parte de las Empresas Transnacionales, principales actores del nuevo capitalismo global, y donde la mayoría de la población—socio global— sólo es receptiva para el consumo global; el despojo de los recursos es mayor al del capitalismo originario, donde la razón principal es la posesión de los recursos naturales como fuentes de materias primas para el desarrollo industrial de los principales países hegemónicos los países emergentes y su proceso de industrialización creciente como India y China.

Al analizar las causas de la crisis desde una perspectiva estructural, observamos que existen contradicciones desde el patrón de acumulación capitalista, con los acuerdos comerciales en el corredor Norte-Mesoamérica— El Caribe (NAFTA-CAFTA-FTA/Colombia), se busca una relación de integración con la economía norteamericana, sin embargo esta relación, siempre ha sido asimétrica por naturaleza. Con el neoliberalismo, existe un proceso de despersonalización en el que los seres humanos se transforman en cosas, en mercancías, el dinero y el ca-

⁸ Robinson, William I., 2013. *Una teoría sobre capitalismo global. Producción, clase y Estado en un mundo transnacional*, Siglo XXI Editores, México, 2013, 57.

pital orienta y deciden sobre la vida o la muerte de la mayoría de seres humanos, llegando incluso al ecocidio sin que los gobiernos den muestras de respetar a la naturaleza.

Bibliografía

1. Canales I., Alejandro. “La Población Mexicana en Estados Unidos”. Revista Carta Económica Regional, Año 15, Número 81-82, México, Julio-Diciembre 2002. Pág. 31–37.
2. Achótegui Joseba., www.sindromedeulises.com
3. Armando Bartra en Integración Latinoamericana Fronteras y Migración, Coord. Juan Manuel Sandoval, Raquel Álvarez de Flores, Plaza y Valdez, México
4. Arreola Muñoz Arturo, Meso América, el saldo actual de sus recursos naturales estratégicos, en Geoeconomía y geopolítica en el área del Plan Puebla, Panamá, Coords. Daniel Villafuerte Solís, Xóchitl Leyva Solano, México, Ed Porrúa.
5. Ávila Jorge Luís, Castro Jorge, Fuentes Carlos y Tuirán Rodolfo.”Remesas: monto y distribución regional en México” en Tuirán. Migración México Estados Unidos. Tendencia y futuro. Pp.155-156.
6. Díaz Bautista, Alejandro. (2003), *El TLCAN y el Crecimiento Económico de la Frontera Norte de México*, Comercio Exterior, Vol. 53 No.12, México, p. 1090-1097.
7. Donald Ferry, BID, *Financial Times* 22 sep.,2005
8. Durand, Jorge, “Circuitos migratorios en el occidente de México” en *Revue Européenne des Migrations Internationales*, Francia, 1986, Vol.2 No.2 p. 49
9. Fazio Carlos, El juego del poder y el contenido geopolítico del Plan Puebla Panamá, Construyendo documento de análisis del Centro Regional de Informaciones Ecuménicas, A.C., México, 2002.
10. Las interconexiones del PPP en “La Jornada Nacional” Pág. 23, 23 de abril 2007.
11. Furlong, Aurora y Netzahualcoyotzi, L. Raúl, 2014. *Plan Mesoamérica ¿Integración o Despojo?*, BUAP, México.
12. Netzahualcoyotzi Raúl, De la región a la integración continental: El Plan Puebla Panamá., en Integración en América Latina y Perspectivas del ALCA. BUAP, Congreso AFEIEAL, México, 200
13. Herrera, Roberto, 2006, La perspectiva teórica en los estudios de las migraciones, Siglo XXI editores, México.
14. Iglesias Nydia (2004), “Empleo temporal para trabajadores migrantes en Estados Unidos”, Examen de la situación económica de México. Estudios económicos y sociales, Banamex, No.937, Vol. 80, enero, México, 30-36.
15. Jason Wallach, Red de Solidaridad con México y Susan Williams, Centro de Investigación y Educación Highlander. ¿Por qué está llegando tanta gente a los Estados Unidos desde México? Editorial de la Red de Solidaridad con México, 18 de mayo de 2003.
16. José Urciaga García en Las Remesas, una opción estratégica para el financiamiento del desarrollo, Coord. Jerjes Aguirre Ochoa, Oscar Hugo.

17. Pellegrino, Adela, Calvo, Juan. (2001) ¿Drenaje o éxodo? Reflexiones sobre la migración calificada, Documento del rectorado, 12 de marzo 2001. Montevideo, p.27.
18. Portes Alejandro y Rumbert., Rubén G. Inmigration América: A Portrait. (Los Angeles: University of California Press, 1994) p 78.
19. Robinson, William I., 2013. *Una teoría sobre capitalismo global. Producción, clase y Estado en un mundo trasnacional*, Siglo XXI Editores, México.
20. Ramos P."Migración y cambios socioeconómicos en la comunidad de Zoogocho, Oaxaca". Estudios demográficos y urbanos. México 1991. V6:313-345, pp. 316.
21. Sandoval Palacios, J.M., Álvarez de Flores, R., (2005), Integración Latinoamericana, Frontera y Migración, Plaza y Valdés editores, México.
22. Villamar, Alejandro, (2011), *Megaproyectos mineros en el área mesoamericana, elementos de una geoestrategia transnacional hemisférica*. En, Sandoval, Juan Manuel, Álvarez, Raquel y Fernández, Sara Yaneth (Coordinadores), 2011. *Planes geoestratégicos, desplazamientos y migraciones forzadas en el área del proyecto de desarrollo e integración de Mesoamérica*. Centro de Estudios de Fronteras e Integración, Universidad de Los Andes, Mérida, Venezuela y Escuela de Trabajo Social, Facultad de Ciencias Sociales y Humanas, Universidad de Antioquia; Medellín, Colombia. Pp. 182-189.

**Great infrastructure development projects
in Central America and the Caribbean:
global appropriation of local spaces.
Presentation of the project to develop**

**Grandes proyectos de desarrollo de infraestructura
en América Central y el Caribe:
apropiación global de espacios locales.
Presentación del proyecto a desarrollar**

Abstract: With this contribution I would like to present a project that since 2015 we have created together with Óscar Barboza Lizano (National University of Costa Rica / University of Warsaw), and we invited to collaborate colleagues from different countries, such France, Russia, Costa Rica, Brazil, Austria, Mexico. In 2016 was hosted by the network group GT CLACSO “Fronteras, regionalización y globalización”. Up-to-date several works were edited within the framework of two publications: Barboza Lizano, O., Toribio Dantas, A., & Dembicz, K. (Eds.). (2017). *Nuevas formas de cooperación en infraestructuras, ambiente y sociedad. Centroamerica y la Cuenca del caribe*. Rio de Janeiro: Universidade do Estado do Rio de Janeiro; Barboza Lizano, O., & Maerk, J. (Eds.). (2016). *Pensamiento e Identidad de la Gran Nación Centroamericana. “Ni eco ni sombra”*. Colección Pensamiento Latinoamericano. Warszawa: Fundacja im. Profesora Andrzej Dembicz.

Key words: Central America, megaprojects, globality versus locality.

Resumen: Con esta contribución quisiéramos dar a conocer un proyecto colectivo que fue puesto en marcha en el año 2015, y creado conjuntamente con Óscar Barboza Lizano (Universidad Nacional de Costa Rica / Universidad de Varsovia), al cual fueron invitados colegas de diferentes países e instituciones (Francia, Rusia, Costa Rica, Brasil, Austria y México). Desde el 2016 el proyecto forma parte del Grupo de Trabajo de CLACSO “Fronteras, regionalización y globalización”. Hasta ahora en el marco de los trabajos realizados y como efecto de ellos fueron publicados diferentes trabajos reunidos en dos obras conjuntas: Barboza Lizano, O., Toribio Dantas, A., & Dembicz, K. (Eds.). (2017). *Nuevas formas de cooperación en infraestructuras, ambiente y sociedad. Centroamerica y la Cuenca del caribe*. Rio de Janeiro: Universidade do Estado do Rio de Janeiro; Barboza Lizano, O., & Maerk, J. (Eds.). (2016). *Pensamiento e Identidad de la Gran Nación Centroamericana. “Ni eco ni sombra”*. Colección Pensamiento Latinoamericano. Warszawa: Fundacja im. Profesora Andrzej Dembicz.

Palabras clave: América Central. Mega proyectos, globalidad versus localidad.

¹ Polonia. PhD, University of Warsaw, Institute of the Americas and Europe, k.dembicz@gmail.com

1. Premises

Central America and the Caribbean, despite the small geographic space they occupy, are located in an area of great geostrategic importance. It is an area that was the gateway to the colonization of the American continent and became the transit area between the North and South of the Americas, and East and West of the World. It is also considered to be the space of cultural, as well as commercial and political encounters. Today this region, from the European perspective and in comparison with the emerging economies in the World, seems unattractive and somewhat forgotten. The Central American countries during the past 20th Century were dominated politically and economically by the United States and many times in the last decades tried to revive their economies and achieve their development often by implementing neoliberal policies. Taking control of the Panama Canal by the State of Panama, the creation of an own eco-policy by Costa Rica, Sandinista victory in Nicaragua and Castro's victory in Cuba, increased sovereignty of the countries of the region and showed them the importance of diversification of economic relations and of searching for their own development paths. This gave rise to a diverse, economic and political, cooperation in the Central American and Caribbean region.

In parallel, we observe the increase complexity of a phenomenon of the appropriation of local spaces by global forces. This is not a new action, it has been known since 16th Century when the Old World under the slogans of Christianization and civilization included control over the territories of the New World. The area that experienced this was, among others, Central America, where several US strategic investments were located, for example: the Transoceanic Railway passing through Panama (constructed in 1855), the Pan-American Highway (idea emerged in 1923), and the Panama Canal (inaugurated in 1914). Today the process of appropriation of local territories by global economic forces mainly, is very similar. The international capital politically and economically subordinates local spaces and its inhabitants. Large infrastructure projects, so called megaprojects, became part of these actions. *There is a selection of definitions of this phenomenon. The most frequently listed features that distinguish these projects from others is: time, technical, financial and technological investment, as well as high risk and uncertainty of the final results and consequences. Global implications are also mentioned. Usually, the lower financial limit which suggest that we are talking about the mega project, is billion dollars.* The beginning of the 21st Century brings an intensification of great works of infrastructure development. Especially among countries with emerging economies, that in these undertakings see the possibility of achieving an integral development, modernization, building the basis for an economic, political and social progress. This is the case of the countries of Central America and the Caribbean, which are returning to the World stage of

international relations as territories where construction of large infrastructure projects is located. They are supposed to increase and facilitate global trade flows and strengthen the cooperation between different international actors, but also create conditions for the development of national economies and their societies. The location of new global infrastructures in this region highlights its importance. This is due to the modernization of the Panama Canal, the construction of the hub port and economic zone in Mariel (Cuba), the transoceanic railways and highways in Honduras, the canal construction project in Nicaragua and the charter cities project in Honduras. They are accompanied by mining, energy, tourism, urban and commercial projects.

For the past seven years we were developing projects on the changing social, economic and political reality of Cuba. These took into account the importance of this Island in the international and regional cooperation. Foreign investments located in Cuba are focused on the development of the extractive and petrochemical industries as well as the port, transport and tourist infrastructure. Among them the flagship project — the extension of Mariel port as a hub port and free economic zone. The above mentioned elements and the rapprochement between the USA and Cuba contribute to the intensification of the cooperation of the Island with the Central American and Caribbean region.

These observations as well as the experience gained from my Ph.D. thesis on “Region and regional development in the ECLAC economic and social concepts”² led us to undertake a new research challenge: trace and analyze existing links between selected megaprojects in Central America and the Caribbean, local and international implications of these ventures and the relationship between locality and globality.

2. Research Project Objectives and Hypotheses

Investments in the transport, energy, mining or tourism bring a new quality to the areas in which they are located, forcing local socio-economic and political transformations that lead to modification of the international relations and make irreversible changes in human-environmental relationships. They are accompanied by smaller projects of infrastructure development. Each of them has local, regional and global implications and is multi-faceted, in the economic, political, social and ecological spheres. The common denominator for them is a foreign investment capital and the desire of the countries of the region to achieve faster economic growth and modernization.

The environmental impact of megaprojects in the local, as well as global scale has already been a subject of extensive international studies. What has been missing,

² Edited under the title: *CEPALi latynoamerykańska myśl regionalna*. CESLA UW. Warszawa, 2008.

and is a principal research problem of this project, is an integral approach towards the complexity of reasons as well as consequences of the megaprojects developed in Central America and the Caribbean region. Social, political and economic impact will be the focus of the project. Global background will be also included. Until now these reasons and consequences were analyzed individually and not collectively. Our study aims to explore the links between localization of these investments and their implications in local-global relations, as well as the debate they generate.

Among the general key research objectives we find:

1. The analysis of the history of the biggest economic infrastructure projects in the Central American and Caribbean region.
2. The analysis of the currently existing and currently emerging projects:
 - Impact on the current reality in horizontal and vertical respect, in the social, economic and political area.
 - The local, regional and global implications.
3. Identify and analysis of existing linkages between selected mega projects.
4. Showing and discussing the development dilemmas of so called emerging economies, with the example of Central America and the Caribbean.

Detailed objectives are outlined below:

1. Examine the past and the present of selected development projects on transport, port and mining infrastructure and energy, urban and tourism investments that accompany them. Analyze them in terms of their size, value, character, origin of investment capital and companies that are implementing the investment. Show that the appropriation of local spaces by global economic and political forces is a well known process with deep implication; The following projects were selected for the analysis:
 - “Dry” transoceanic canal in Honduras, consisting of rail and road connections,
 - Project of transoceanic canal in Nicaragua,
 - RICAM — *Red Internacional de Carrteras Mesoamericanas*,
 - Mega ports and special economic zones in Mariel (Cuba) and Moin (Costa Rica),
 - Modernization of the Panama Canal with accompanying installations,
 - Opencast mines, among others: “Libertad” and “La India” in Nicaragua and Cobre Panamá in Panama,
 - Hydroelectric plants Reventazón in Costa Rica, Barro Blanco in Panama, Momotombo geothermal plant,
 - Charter cities in Honduras, modernization of the city and free zone in Colón (Panama),

-
- Mega tourist parks in Costa Rica (Guanacaste), Cuba (Pinar del Rio), Honduras (Bahia de Tela).
2. Indicate the existing spatial and economic-political links between these infrastructural investments and their interaction with the Mesoamerica Plan.
 3. Analyze relations between local territories and global spaces, in the context of the development of megaprojects, taking into account the origin and of the investments structure, the institutional and organizational involvement, the role of local communities and actors;
 4. Analyze local, regional and international effects resulting from the launch of a given investment, at a political, economic and social level;
 5. Identify and analyze the social perceptions of these investments at the local level, and the opinions of the actors involved in the investment location process;
 6. Study of discourses and social conflicts generated around the implementation of selected projects, together with an indication of the main barriers to reaching an agreement;
 7. Analysis of the social impact of building large infrastructures, in the context of social vulnerability of the inhabitants of the areas:
 - Changes in the ownership structure of land in investment areas and in the country,
 - Transformations in local business,
 - Changes in the demographic structure and mobility of the population in the investment area,
 - Cultural changes in the areas affected by the investment.
 8. Presentation of the development dilemma which faces the rapidly developing economies of the region;
 9. Explore the phenomena of mega-project, with the objective to present proposals of its new definition and classification.

Taking into account the above and considering that Central America and the Caribbean are areas of geostrategic importance the research hypothesis is that: between the current megaprojects developed in Central America and the Caribbean, there are strong relations, highly coordinated on economic — political level. These investments are an expression of the appropriation of local territories by global economic and political structures. The effects of these projects are irreversible, not only for the natural environment, but mainly for local societies. They will have also national and international impacts, enforcing new economic-political order, including new Inter-American, Trans-Atlantic, and Trans-Pacific relations.

3. Significance of the project

In-depth studies on megaprojects are in the phase of dynamic development. This applies, above all, to the Anglo-Saxon and Scandinavian world of science. In the second half of the twentieth century it brought an important contribution to the development of the theoretical basis of this phenomenon, related to three issues — the problem of development, management and protection of the environment. In the first issue, Albert Hirschman, in his work entitled “Development Projects Observed”³, has made a huge contribution to the development of the innovative research on the investment impact in the economies and territories of developing countries. On the other hand, in topics related to the management of megaprojects and their environmental consequences we should mention contemporary scholars — Bent Flyvbjerg and Michael Douglass. Researchers working in Great Britain and United States have established the theoretical basis of the risks and the advantages of such constructions, as well as the management of large-scale projects. Here we should include the vast list of works of Edward Merrow, President of Independent Project Analysis, who is recognized as a subject matter expert in the execution of large and complex megaprojects and capital projects in general. For example:

- (2011) *Industrial Megaprojects: Concepts, Strategies, and Practices for Success*.
- (2011) *Why Large Projects Fail More Often*
- (2009) *Estimating Problems in Large and Complex Projects*
- (1988) *Understanding the Outcomes of Megaprojects: A Quantitative Analysis of Very Large Civilian Projects*.

The inspiration for our proposal was the experience of the Danish geographer Bent Flyvbjerg — author of a book *Megaprojects and Risk*⁴ who analyzes the megaprojects as an effect of the increasing importance of global economic forces and the risks that the megaprojects bring.

However, a vast majority of investigated case studies concentrate on examples from North America, Western Europe, the Middle East and the Far East (especially China). In Europe the analyses focus on cases related to the development of mega infrastructure projects within the framework of the European Union. In fact, an important scientific network NETLIPSE (<http://netlipse.eu>) has been created for the purposes of exchange experience and promotion of the abovementioned topic.

³ Albert Hirschman, *Development Projects Observed*, Brookings Institution, Washington D.C., 1967.

⁴ B. Flyvbjerg, N. Bruzelius y W. Rothengatter, *Mega-Projects and Risk: An Anatomy of Ambition*. Cambridge University Press, Cambridge UK, 2003.

Polish studies did not take up much space in complex analysis of the megaproject phenomenon. Focusing mainly in the analysis on the theoretical approach of one discipline as architecture, management, transport or environmental protection and analysis of the impact of this kind of infrastructures on the development of the national or local economy.⁵

As far as Latin America is concerned, research in the field of sustainable development and the risk carried by the implementation of the megaprojects also occupies an important place, especially in the case of the ventures located in South America, as the example of IRSA. There are few comprehensive studies on the subject terms, and they concern mainly one investment or a group of undertakings located in a small area or within one country. That is why I propose a comprehensive and interdisciplinary study of megaprojects, in a politically sensitive region.

The project also includes a study of the relationship between locality and globality. In this matter both international and Polish studies have a very long tradition. It is enough to list the achievements of Antoni Kukliński, Bohdan Jałowiecki, Grzegorz Gorzelak, Ryszard Domański or Paweł Starosta.⁶ Among foreign researchers, one should mention Milton Santos⁷, who in the 1990s analyzed the fragmentation of territories under the influence of globalization and transnational companies. The work of Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC), including Sergio Boisier⁸, or Inter-American Development Bank also made a tremendous contribution to the understanding the organization of local spaces in Latin American reality.

The novelty of the proposal lies in the comprehensive study and analysis of megaprojects as closely related investments, which are the result of the action of globalization process in the local space.

Having taken the aforementioned into consideration, we noticed a gap in the studies related to the investigation of the megaprojects in a complex and interdisciplinary way, which would cover the wide, yet at the same time delimited area of Central America and the Caribbean. This topic is especially relevant now, when Central

⁵ Agnieszka Łukasiewicz, „Realizacja wielkich projektów infrastrukturalnych w wybranych krajach Unii Europejskiej”, *Studia BAS* Nr 4 (32) 2012, 145–161.

Marek Ratajczak, „Infrastruktura a wzrost i rozwój gospodarczy”. *Ruch Prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny*, 2000, Rok LXII, z. 4, 83-102.

⁶ Bohdan Jałowiecki, Marek Szczepański, Grzegorz Gorzelak, *Rozwój lokalny i regionalny w perspektywie socjologicznej*. Śląskie Wydawnictwo Naukowe. Tychy, 2003.

Ryszard Domański, „Nowe kierunki badawcze w regionalistyce. Nowe doświadczenia polityki regionalnej”, *Biuletyn KPZK*, z. 204, 2000.

Paweł Starosta, „Społeczne skutki globalizacji”, Jerzy Klich (ed.), *Globalizacja*, ISS, Kraków, 2001.

⁷ Milton Santos et al. (ed.) *Territorio, Globalizacao e Fragmentacao*, ANPUR, Sao Paulo, 1993.

⁸ Sergio Boisier, “América Latina en un medio siglo (1950-2000): El desarrollo, ¿donde estuvo?” *Investigaciones Regionales* 9, 2006, 145-167.

America and the Caribbean are witnessing intensive works on the large-scale communication and transport infrastructure projects, influencing the entire world order. These are accompanied by other projects, such as constructions of hydroelectric or geothermal power stations, which are seen as modernizing elements reflecting the new environmental and energy diversification policy of the individual States.

We are convinced that in order to attain a better understanding of the impact of large-scale infrastructure projects an establishing of a comprehensive panorama is crucial. The study is valuable especially now, when in the face of important local social movements, the need to review the environmental policies has returned to the state agendas. Therefore, we believe that the topic suggested for investigation encompasses innovative and pioneering characteristics, because:

- it offers a complex analysis and an overview of the development of the megaprojects in Central America and the Caribbean, both on the level of local, national and global changes they produce, as well as by adapting a multidimensional approach;
- the existing interconnections between the megaprojects and the investigated area will be examined and their multiple effects explained;
- a classification and a definition of the phenomenon of developing large-scale infrastructure projects will be conceived, taking Central America and the Caribbean as an example;
- it will be based on a cooperation of researchers from Europe and Latin America, which will constitute an added value;
- the study will be of multi— and interdisciplinary character;
- it covers a subject which is not frequently investigated in Poland.

The geostrategic importance of the Central American and Caribbean region as well as its natural and human resources make it directly relevant to international actors of the global economy, who often do not have strong identity connections to the geographic area. This feature introduces and points to possible differences in how local spaces are treated by them and by local communities (which have local identity). Up to now, no comparative study has been undertaken on large infrastructure investments, which simultaneously cover different sectors (energy, tourism, communications and mining) and the relationship between local and global spaces. The pioneering nature of the project is due to the fact that it looks at megaprojects in a collective manner as an expression of the relation between globalization and the locality, where political, social and economic phenomena take place in this field of interaction.

The results of the research are directly related to the objectives and formulated hypothesis. They contribute to a wider multidimensional view of the mega project, paying attention to their local and global significance, and the problems and profits

they generate. Such approach complements the development of ontological and epistemological foundations for megaprojects studies.

The obtained results will contribute to:

- Broadening the perception of relations between local territories and global spaces and the role of international political-economic forces in its formation;
- Ampliation of the knowledge about the local effects of megaprojects;
- Discourse and debate generated around them;
- Draw attention to the economic, social and environmental potential of Central America and the Caribbean.

We are convinced that the study will have indirect impact in the development of contemporary regional and global studies.

Based on the results of preliminary research⁹, it can be said that there are no doubts that closely interrelated megaprojects will leave a permanent and irreversible mark on local economic and social relations. They will also deepen social disparities, but above all, affect regional geopolitical systems. Today's warming of US-Cuban relations can also be interpreted in this context. The growing role of Cuba in the region and growing Brazilian, Chinese and Russian investments, including the expansion and modernization of Mariel's hub port, force the US to change its policy to strengthen its position in the region.

4. Research Methodology

Increasing knowledge of the megaprojects phenomenon, their broad implications and the lack of any direct practical application of it, translates into the fact that our proposal meets the requirements of basic research.

The proposed research project refers to the paradigm of interdisciplinarity, drawing on the theoretical and conceptual achievements of various scientific disciplines representing social studies and humanities. For this reason, during the investigations a variety of theories and research methods will be applied.

1. Our proposal refers to the experience of global and local studies, using the geographical and sociological approach. The starting point is the observation that

⁹ Óscar Barboza Lizano, "Los canales de Centroamérica en: La Carta de Jamaica de Simón Bolívar y Nuestra América de José Martí". O. Barboza Lizano, A. Toribio Dantas, & K. Dembicz (Eds.), *Nuevas formas de cooperación en infraestructuras, ambiente y sociedad. Centroamerica y la Cuenca del Caribe* UERJ. Rio de Janeiro, 2017, 49–66.

Óscar Barboza Lizano y Katarzyna Dembicz, "La retórica del lenguaje del diálogo y el conflicto entorno a la construcción de un megaproyecto. Casos Gran Canal de Nicaragua y Represa Barro Branco de Panamá" O. Barboza Lizano, A. Toribio Dantas, & K. Dembicz (Eds.), *Nuevas formas de cooperación en infraestructuras, ambiente y sociedad. Centroamerica y la Cuenca del caribe*, UERJ, Rio de Janeiro, 2017, 109–132.

an inherent feature of globalization is to contribute towards the local systems. At the same time globalization casts a shadow and strongly affects the local systems.

2. Also we take into account the perspective of postcolonial studies, as the issues of controlling the territory and its economic exploitation lie within the scope of the proposed research. As Harald Fischer-Tiné said “Postcolonial studies denotes a loosely defined inter-disciplinary field of perspectives, theories and methods that deal with the non-material dimensions of colonial rule and, at the same time, postulates the deconstruction of colonial discourses and thought patterns that continue to exert an influence up into the present”¹⁰.

3. In the course of the construction of the project’s proposal and its development, the sociological thought associated with the ideas of the postmodern society of Zygmunt Bauman¹¹ and the risk society of Ulrich Beck¹² was and will be used. The megaprojects may consider as a synonymous of modernity and progress. Modernity expresses the desire to impose order and meaning on nature and society, to conquer all potential sources of uncertainty, to suppress the unexpected, and to transform all things into accessible and manageable. It can be said that the problem of order is somehow present in all societies. Order appears as a task, as a matter of design and action. In Bauman’s words: “We can think of modernity as of a time when order — of the world, of the human habitat, of the human self, and of the connection between all three — is reflected upon; a matter of thought, of concern, of a practice that is aware of itself...”¹³. Becks thought will helps us to analyze the possibility of a risk society in the region of Central America and the Caribbean in the context of development of megaproject in this area, from the perspective of three risk logics: environmental, economic and terrorist.

In the context of unequal relationships locality versus globality this two approaches will be very useful.

4. The complexity of the project requires not only multi-stage work, but also the use of various forms of methodological actions, such as: Library query, Field observation, In-depth interview and questionnaire, Team workshops.

5. We will also use a variety of analysis types: Statistical analysis, Content analysis and Comparative analysis.

In general, the basis of the workshop is the synthesis and analysis of materials and information obtained through the conduct of a library query (compact works, journals, statistical and cartographic materials), fieldworks with the in-depth inter-

¹⁰ Harald Fischer-Tiné, “Postcolonial Studies” *European History Online* (EGO), Institute of European History (IEG), Mainz 2010. URL: <http://ieg-ego.eu/en/threads/theories-and-methods/postcolonial-studies> [2017-04-20].

¹¹ Zygmunt Bauman, *Etyka ponowoczesna*. Wydawnictwo Aletheia, 2012.

¹² Ulrich Beck, *Spółeczeństwo światowego ryzyka*. Scholar. Warszawa, 2012

¹³ Zygmunt Bauman, *Modernity and Ambivalence*. Cornell University Press, Ithaca, N.Y., 1991, 5.

views and surveys. The analysis process for field observations and collected bibliographical material will utilize systematic and logical analysis to allow the integration of various scientific disciplines.

Press materials will be subjected to content analysis in order to know and interpret discourses generated around the implementation of selected projects. Content analysis is currently one of the fastest growing research techniques. In broad sense it consists in spreading the message to simpler elements or isolating its features and properties and then classifying them according to the adopted category system. We decided to use this research technique because it is a practical method that gives the researcher many opportunities. The two levels of transmission are usually examined, both in terms of form and content, which implies the use of both quantitative and qualitative methods. Quantitative and qualitative approaches will also be required in the case of surveys and interviews. In order process the quantitative survey data software like SPSS (optionally: Statistica) and Excel will be used.

In the case of statistical data, which will be also used in the course of research, tabular description method with graphic presentation of quantitative results will be applied. Cartographic methods of presentation and interpretation will be used and particularly important.

In the project a comparative analysis approach will be applied, especially the technique of factor analysis. It is due to reduce a large number of variables that we will obtain during our investigation into fewer numbers of factors. This technique extracts maximum common variance from all variables and puts them into a common score.

5. Expected impact of the research project on the development of science

Expected results cover three areas: regional and global studies and large infrastructures

Research. Achieving the goals will contribute to:

- The development of ontological and epistemological foundations of research on mega projects;
- Pointing at economic, social and environmental potential of Central America and the Caribbean;
- Contribution to multidimensional approach towards large infrastructure projects carried in Central America and the Caribbean, showing the existing connections between megaprojects; the discourse that they induce which rejects the existing models of development and demands the growing participation of local communities;

Enlargement of the perception on contemporary relationships between local and global spaces.

Bibliography

1. *CEPALi latynoamerykańska myśl regionalna*. CESLA UW. Warszawa, 2008.
2. Albert Hirschman, *Development Projects Observed*, Brookings Institution, Washington D.C., 1967.
3. B. Flyvbjerg, N. Bruzelius y W. Rothengatter, *Mega-Projects and Risk: An Anatomy of Ambition*. Cambridge University Press, Cambridge UK, 2003.
4. Agnieszka Łukasiewicz, „Realizacja wielkich projektów infrastrukturalnych w wybranych krajach Unii Europejskiej”, *Studia BAS* Nr 4 (32) 2012, 145–161.
5. Marek Ratajczak, „Infrastruktura a wzrost i rozwój gospodarczy”. *Ruch Prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny*, 2000, Rok LXII, z. 4, 83-102.
6. Bohdan Jałowiecki, Marek Szczepański, Grzegorz Gorzelak, *Rozwój lokalny i regionalny w perspektywie socjologicznej*. Śląskie Wydawnictwo Naukowe. Tychy, 2003.
7. Ryszard Domański, „Nowe kierunki badawcze w regionalistyce. Nowe doświadczenia polityki regionalnej”, *Biuletyn KPZK*, z. 204, 2000.
8. Paweł Starosta, „Społeczne skutki globalizacji”, Jerzy Klich (ed.), *Globalizacja*, ISS, Kraków, 2001.
9. Milton Santos et al. (ed.) *Territorio, Globalizacao e Fragmentacao*, ANPUR, Sao Paulo, 1993.
10. Sergio Boisier, “América Latina en un medio siglo (1950-2000): El desarrollo, ¿donde estuvo?” *Investigaciones Regionales* 9, 2006, 145-167.
11. Óscar Barboza Lizano, “Los canales de Centroamérica en: La Carta de Jamaica de Simón Bolívar y Nuestra América de José Martí”.
12. O. Barboza Lizano, A. Toribio Dantas, & K. Dembicz (Eds.), *Nuevas formas de cooperación en infraestructuras, ambiente y sociedad. Centroamerica y la Cuenca del Caribe* UERJ. Rio de Janeiro, 2017, 49–66.
13. Óscar Barboza Lizano y Katarzyna Dembicz, “La retórica del lenguaje del diálogo y el conflicto entorno a la construcción de un megaproyecto. Casos Gran Canal de Nicaragua y Represa Barro Branco de Panamá”
14. Harald Fischer-Tiné, “Postcolonial Studies” *European History Online* (EGO), Institute of European History (IEG), Mainz 2010. URL: <http://ieg-ego.eu/en/threads/theories-and-methods/postcolonial-studies> [2017-04-20].
15. Zygmunt Bauman, *Etyka ponowoczesna*. Wydawnictwo Aletheia, 2012.
16. Ulrich Beck, *Społeczeństwo światowego ryzyka*. Scholar. Warszawa, 2012
17. Zygmunt Bauman, *Modernity and Ambivalence*. Cornell University Press, Ithaca, N.Y., 1991, 5.

ЕВРАЗИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ПАРТНЕРСТВО ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА ИЛИ ПОСТГЕГЕМОНИЧЕСКОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ?

*Ariel Gonzalez Levaggi*¹

Looking for a Strategic Concept Eurasia and Latin America in the XXIth Century

Buscando un concepto estratégico Eurasia y América Latina en el siglo XXI

Abstract: In the last two decades the relation between the Eurasian regional powers, and the Latin American countries has reached a peak in terms of political, economic and cultural interactions. Russia re-established the ties with the region, Turkey developed a diplomatic opening, while Iran explored a more ideological approach based on anti-hegemonic forces. In parallel with the emergence of the non-western world, and the displacement of the power axis from the West to the East, both regions seems to have more space to develop their relation without the ideological or strategic concerns of previous stages. However, this increasing engagement came without a common conceptual background, reflecting the particularities of the bilateral or regional policies both and between Eurasian or Latin American actors. In this paper, I present a conceptual framework to understand the relations between Latin America and Eurasia as a case of a ‘soft version’ of interregional cooperation.

Keywords: Eurasia, Latin America, multipolarity, interregionalism, interregional engagement.

Resumen: En las últimas dos décadas, las relaciones entre las potencias regionales de Eurasia y los países de América Latina ha alcanzado un pico en términos de interacciones políticas, económicas y culturales. Rusia restableció los lazos con la región, Turquía desarrolló una apertura diplomática, mientras que Irán exploró un enfoque más ideológico basado en fuerzas antihegemónicas. En paralelo con el surgimiento del mundo no occiden-

¹ Ph.D. Candidate, Koç University. Secretary of the Turkish Studies Chair at the Eurasia Department—Institute of International Relations of the National University of La Plata (Argentina).

tal y el desplazamiento del eje de poder de Occidente a Oriente, ambas regiones parecen tener más espacio para desarrollar sus relaciones sin las preocupaciones ideológicas o estratégicas de las etapas previas. Sin embargo, este creciente compromiso se produjo sin un trasfondo conceptual común, que refleja las particularidades de las políticas bilaterales o regionales tanto entre los actores de Eurasia como de América Latina. En este documento, presento un marco conceptual para entender las relaciones entre América Latina y Eurasia como un caso de una ‘versión suave’ de la cooperación interregional.

Palabras clave: Eurasia, América Latina, multipolaridad, interregionalismo, compromiso interregional.

The incremental path of Eurasian-Latin American relations is gaining increasingly attention, especially in those concerned with the expansion of non-western, extra-hemispheric powers into the Latin American and Caribbean realm. The increasing multipolarization of the international order, and the global activism of the emerging powers are reaching the Latin American coasts. As samples, China has expanded widely into the region, Russian has renewed its regional policy during the Putin era, Turkey has conducted an assertive opening in the diplomatic and commercial spheres, Iran has tried to extent an anti-hegemonic arc in line with the Bolivarian axis, while Caucasian and Central Asia countries provide several examples about the new trends in the relation.

However, the main difficulty to analyze these interactions laid in the lack of conceptual specification and the autonomy of each of these states, especially the Eurasian ones. In that sense, these interactions are still under conceptualized due to vary reasons such as the blurriness of the concept of Eurasia, the different agendas that the Eurasian countries has advanced regional, and globally, and the different interpretations in Latin America on the place of the Eurasian powers. At the same time, this shortcoming has been also reinforced by biased interpretations about the anti-hegemonic nature of the relations grounded on ideological, more than exhaustive analysis on the political, economic and cultural interactions. In that regard, anti-American interests are insufficient to present the Eurasian — particularly Russian — policies despite the interest in the Bolivarian axis to balance the U.S. regional strategy².

This paper would try to present an alternative perspective about the nature of the interregional relations, presenting a general attempt to conceptualize the relations based on the notion of ‘interregional engagement’. The main argument is that the relations between Latin America and Eurasia are grounded mostly on a state-centric, pragmatic stance more than a shared approach trying to undermine the US role in Latin America.

² Mark Katz, “The Putin-Chavez Partnership”, *Problems of Post-Communism*, 53:4, 2006, 3.

1. The Great Eurasia in a multipolarizing world

The international order is experiencing an incremental process of multipolarization, the single most significant transition of power since the early 20th century. The United States, China and Russia are the protagonists of a turbulent and uncertain race for global and regional leadership globally, but with serious repercussions in the Greater Eurasia and Latin America.

In the 2016 Munich Security Conference, Russian Prime Minister Dimitri Medvedev addresses that “we are rapidly rolling into a period of a new cold war. Russia has been presented as well-nigh the biggest threat to NATO, or to Europe, America and other countries. They show frightening films about Russians starting a nuclear war. I am sometimes confused: is this 2016 or 1962?”³. This tensions escalates even higher after the Crimea’s annexation, where discussions start around the existence of a new global ‘Cold War’ between the United States and the Russia Federation⁴. The conflicts in the Black Sea, the Middle East and North Korea only warm up these trends.

In the contemporary context, although the United States (US) hard power still outpaces that of rivals by a wide margin, it has lost space both on the economic front and geopolitically. On the one hand, there is a sense of US decline in western and non-wester audiences, although the extent to which this has taken place is the subject of intense debate⁵. US hegemony is cast into doubt, in part, by overreach—namely, the US engagement in several wars on different fronts simultaneously has proven costly and difficult to manage.

At the same time, and political turmoil, policy uncertainty and reorientation, especially since the election of Donald Trump to the presidency, has shifted perceptions about US capacity to lead, not only as a “global police” but also as a norms-setter. In addition, the emergence of new nodes of economic growth, particularly in East Asia, and of political influence in Central Eurasia has further eroded the ability of the US and its major allies to shape international affairs.

Of particular relevance to this story is the emergence of states, rising powers, that have considerable regional influence and global ambitions. Rising powers are coming from different regions such as Eastern and Southern Asia, Central Eurasia, Sub-Saharan Africa and South America. Some of these states are arguably re-emer-

³ Dimitri Medvedev, “NATO Threatens Russia, “We are Rolling into A New Cold War”, 2016 *Munich Security Conference*, 2016, available at <http://www.globalresearch.ca/nato-threatens-russia-we-are-rolling-into-a-new-cold-war-speech-by-russias-prime-minister-dimitri-medvedev-at-2016-munich-security-conference/5507919>.

⁴ Sanders, Deborah. 2014. *Maritime power in the Black Sea*, Corbett Centre for Maritime Policy Studies series. Farnham, Surrey: Ashgate Publishing Limited.

⁵ Christopher Layne, “Is the United States in Decline?”, *The American Conservative*, 2017, available at <http://www.theamericanconservative.com/articles/is-the-united-states-in-decline/>

ging, insofar as they aspire to recapture a perceived loss in global status—as in the cases of China and Russia. Others, like Turkey, have become more influential regional players and global actors. Most of these states have worked to expand their ties and links abroad developing international cooperation, engaging politically or pushing soft-power initiatives.

One of the key elements of the post-western, multipolar world has been the rapprochement between Russia and China. When Boris Yeltsin and Jiang Zemin, Russian and Chinese Premiers respectively, signed the Sino-Russian Strategic Partnership in 1996, it seemed that a new era of collaboration was opened for these Eurasian great powers. While economic interdependence and diplomatic coordination improved during the 1990s, the establishment of an axis can be traced to the early 2000s when the bilateral ties, and the regional order itself become more institutionalized with the new high-level profile for the SCO and the signature the Treaty of Friendship and Cooperation in July 2001. Lately, in May 2014, after the US-led sanctions due to the Ukrainian Crisis, the Russian President Vladimir Putin visited his Chinese counterpart Xi Jinping starting a new ‘pivot to Asia’ policy, by the strengthening of the energy cooperation agenda and calling China a “Russia’s reliable friend”⁶.

At the same time, China is becoming a key driver of trans-regional cooperation in the Eurasian space regarding the Belt and Road Initiative (BRI), a development strategy which is trying to boost trade and investment around two axes: the Silk Road Economic Belt, a series of overland corridors linking China with Europe *via* Central Asia and the Middle East, and the 21st Century Maritime Silk Road, a cluster of sea routes connecting coastal China to the Mediterranean *via* the Pacific and Indian Oceans, and part of the African coastline. In this sense, Latin America is a secondary landscape for the Great Eurasian initiatives, but an important space regarding the expansion of trade, investment and global presence of the Eurasian regional great and middle powers.

2. Interregionalism and IR: towards a soft approach

Throughout the last decades, the development of economic and political regional blocs provided an ample empirical ground for the theoretical reflections not only on regional comparisons, but on interactions among regions. Interregionalism is a fuzzy concept⁷. It refers to the interaction between two specified

⁶ BBC “Russia’s Putin seeks gas deal on state visit to China”, May 20, 2014, <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-27481454>

⁷ Gian Gardini & Andres Malamud, *Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique* — With a Transatlantic Focus, Atlantic Future, Working Paper 38, 2014, 4.

regions, which involves from loose to highly institutionalized region-to-region relations⁸.

As a field of study, the interregionalism, is still embryonic and suffers from considerable disagreement about its conceptualization. Baert, Scaramagli, and Söderbaum distinguished actor-centred ‘old interregionalism’ and the bloc-centered ‘new interregionalism’ of the post-bipolar period, while also present a distinction between pure and impure forms of interregionalism⁹. The first involves a relation between two clearly identifiable regional organisations within an institutional framework such as the European Union (EU) relations with the Southern Common Market (MERCOSUR), the EU relations with the Southern Common Market (MERCOSUR), the Eurasian Economic Union (EEU) with MERCOSUR, or the EU relations with the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN).

However, the original of version of interregionalism captures only a fraction of contemporary region-to-region relations. Two elements distinguish pure from non-pure forms of interregionalism are the actorhood and the institutionalization of the regional actor.

Under an EU-centered perspective, the analysis of interregionalism has emphasized regional institutionalization as the optimal variable for interregional interactions. The late research on interregional interactions has flexibilized this approach by presenting the cases of bilateral interregionalism (relation between regional organisation and a regional group, or between two regional groups), hybrid interregionalism (one institutionalized region interacts with a group of countries from another unorganized or dispersed region), transregionalism (relations in which two or more regions are dispersed with weak actorhood) and quasi-interregionalism (region-to-state relations)¹⁰. In the same tone, Hänggi also distinguished three types of interregional arrangements (pure interregionalism, transregionalism, and hybrid interregionalism), while Malamud and Gardini add two additional categories, overlapping interregionalism in which regional organizations share members as the case of Mercosur and UNASUR and stealth interregionalism wherein some decisions sovereign decisions of one region are in the hands of states in other region, such as the currency integration between African states and the Euro zone¹¹.

⁸ Fredrik Söderbaum en “Interregionalism”, George Ritzer (ed.) *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization*, Blackwell Publishing, 2012, 1200.

⁹ Francis Baert , Tiziana Scaramagli , & Fredrik Söderbaum, “Introduction: Intersecting Interregionalism”, Francis Baert, Tiziana Scaramagli & Fredrik Söderbaum (eds.), *Intersecting Interregionalism Regions: Global Governance and the EU*, Springer, New York, 2014. 4-7

¹⁰ Fredrik Söderbaum in “Interregionalism”, George Ritzer (ed.) *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization*, Blackwell Publishing, 2012, 1200-1201.

¹¹ Gian Gardini & Andres Malamud, *Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique* — With a Transatlantic Focus, Atlantic Future, Working Paper 38, 2014, 6.

Besides the functional and institutional ties, the interregionalism takes regional coherence of all the regions involved seriously. However, in the Global South, regions show less degrees of regional consistency towards other regions and globally, despite shared common regional institutions. To tackle the nature of the interregional interactions among global south regions, characterized by looseness or lack of institutionalization, I adopt a ‘soft’ and ‘flexible’ approach towards interregionalism in which involves both institutionalized (MERCOSUR-Eurasian Economic Union) and non-institutionalized relations, including a wide range of state-to-region and region-to-state relations (quasi-interregionalism, hybrid interregionalism, etc) in the context of a world order characterized by a multipolar structure of regions.

One of the key concerns of the regions is about how to define its actorhood and the rationality — or not — of its behavior. How is possible to present a region as an actor? Are the regional institutionalization or functional ties the key elements to define a regional actor?

There are not simple answers to these questions, but for the purposes of this paper, it is interesting to look at the two faces of the region as a unit of compartment, the internal and the external. The internal dimension — related with consistency —, is intrinsically connected with the geographic proximity, the patterns of interaction among the key regional powers and the degree of regional institutionalization. The external face is related to the centralization or dispersion of the region *vis-à-vis* the world, which normally is a function of the regional institutionalization. In general, the loosely consistent regions have a disperse behavior regarding other regions, while those who are robustly coherent, have more chances to have a centralized voice in world politics.

3. Eurasia-Latin America: an agenda for interregional engagement

Eurasia and Latin America differs in a great deal from one to each other, both in their internal and the external dimensions. The concept of Eurasia has been defined in many ways, but the experts agree that its main characteristics is the heterogeneity which is projected into the different regional geopolitical projects.

The modern concept of Eurasia emerges after the demise of the Soviet Union. A new non-bipolar scenario created a different environment unleashing new regional forces and dynamics in the post-Soviet space and creating an unprecedented geopolitical pluralism. In discussions about the consequences of the systemic change on this macro-region, Atlantism and Eurasianism have monopolized the late geopolitical narratives. Regarding the first approach, Brzezinski highlights the importance of the continent in which the U.S. supremacy is at the game. Eurasia is “geopolitical axial,” the “chessboard on which the struggle for global primacy continues to be played”. The central quest for U.S. is to avoid the ascendance of a dominant power —

China, Russia and India — in this mega-region that could threaten its primacy. On the other hand, the Eurasianists presents the geopolitics of land as opposite to the “seaman’s point of view” based on a land civilization led by Russia. These geopolitical representations reflect a broader debate about great power interaction in the so-called ‘Greater Eurasia’ that embraces from Spain to Japan.

Even if there are some voices against the Eurocentric construction of the Latin America, the region shares a common cultural, and religious imposed by the Iberian empires, Spain and Portugal. In addition to the colonial past, the nation-state building process have several points in common from the caudillism and militarism in the construction of centralized states throughout the XIXth century to developmentalist and then neoliberal policies in the late decades.

At the same time, Latin America shares generally more peaceful and friendly patterns of interaction in relation to the Great Eurasia who has been a military and strategic contested space. On the other hand, there were several regional initiatives that brings — or, at least try to — all the Latin American countries together from the failed Panama Congress in 1826, organized by the independentist leader Simon Bolivar, to the recently created Community of Latin American and Caribbean States (CELAC) which reunites 33 member states, including Cuba. Despite these share developments, the region lack of a intensive coherence among their members, in addition to have multiple regional institutions which overlaps frequently, for example the MERCOSUR and the Pacific Alliance. The deficiency in the regional institutionalization and the difficulties of the nation-states to delegate sovereignty in key issues of their economic and political agenda present a crucial limit to the regional actorhood.

When we talk about Latin America, there are several shortcomings difficult to overcome. Even worst when we try to explain the overall relations with another region, with more serious problems regarding the internal coherence and the external behavior. There are some exceptions like the southern axis between Argentina and Brazil that pave the way from some unification of voices within the region — MERCOSUR — and, at some point, in world affairs. Another could be the late development of the Eurasian Economic Union, but it only reflects a limited number of the Eurasian states, and without any expectation from the non-former soviet countries to join the institution. Taking these structural context in which the regional actorhood is absent, especially in the case of Eurasia, we need to focus in the foreign policies of the most relevant regional powers which, at the end, shapes an important percentage of the loosely interregional dynamics. In that sense, to look at the Eurasian approaches towards Latin America is key to highlight the national perspectives in China, Russia, Turkey, Iran, India and Pakistan whereas in Latin America, the global and regional foreign policy approaches of Brazil, Argentina, Mexico, Colombia and Venezuela are critical to understand the interactions.

In a broader sense, there has been three main types of global foreign policy of the key regional powers which affects directly or indirectly the interregional cooperation: atlantism, pragmatism and anti-westernism. Regarding the first type, the countries emphasize the relations with the traditional western powers, taking non-traditional regions as secondary. The second approach tries to diversify the relation beyond the traditional partners (western or not), by expanding their diplomatic and commercial networks. Finally, the anti-westernizers would try to build a common bloc to resist the western policies in their respective regions, inspired by ideologic principles.

These last two types have been the most common ways on how regional powers from both regions interactants with each other. From these types we can offer two broad kinds of interregional interaction, the ‘anti-hegemonic coalition’ and the ‘interregional engagement’. The first one would try to gather support — like the Eurasianist or the Bolivarian ideological frameworks — to support anti-western or anti-U.S. policies in their regions by using political or non-political tools. The second would focus on an agenda of common opportunities grounded on economic issues more than geopolitical concerns. This is the most common interregional approach which has been the foundation of the increasing cooperation and interaction among these two regions. Even more, this approach has been enforced lately by the still limited relations between regional flagship institutions led by regional powers, the Eurasian Economic Union in Eurasia, and the MERCOSUR in South America.

The ‘interregional engagement’ seems to be the agenda for most of the Eurasian and Latin American regional powers. Even if Iran and Venezuela has presented a revisionist agenda — at least until the death of Chavez and the end of the Ahmadi-nejad’s rule —, most of the countries has followed a pragmatic stance in their regional policies. As a final example, the Russian Federation suffered a clear transformation from the Soviet times, in which despite the existence of tensions with the United States after the Georgian and Ukrainian crisis which triggered mirror-like actions.

Bibliography

1. Allison, L., *The EU, ASEAN and interregionalism: regionalism support and norm diffusion between the EU and ASEAN*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire ; New York, NY: Palgrave Macmillan, 2015.
2. Baert, F., Scaramagli, T., & Söderbaum, F., *Intersecting interregionalism : regions, global governance and the EU*. Dordrecht ; New York: Springer, 2014.
3. BBC, 2014 “Russia’s Putin seeks gas deal on state visit to China”, May 20, 2014, accessed May 15, 2016, <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-27481454>.
4. Brzezinski, Zbigniew. *The Grand Chessboard : American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. 1st ed. New York, NY: BasicBooks, 1997.
5. Davydov, Vladimir, “Rusia en América Latina (y viceversa)”, *Nueva Sociedad*, 226, 2010.

6. Doidge, M., *The European Union and interregionalism: patterns of engagement*. Farnham, Surrey, England ; Burlington, VT: Ashgate Pub. Co., 2011.
7. Dugin, Alexander. *Eurasian Mission: An Introduction to Neo-Eurasianism*. London: Arktos, 2014.
8. Gardini, Gian and Andres Malamud, *Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique — With a Transatlantic Focus, Atlantic Future*, Working Paper 38, 2014, 4.
9. Gonzalez Levaggi, A., “Turkey and Latin America: A New Horizon for a Strategic Relationship”, *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2013, 18(4), 99-116.
10. Gonzalez Levaggi, A., “Potencias (re)emergentes hacia un mundo policéntrico: Rusia y Turquía frente a América Latina”, *Relaciones Internacionales*, 2016, 25-50.
11. Hänggi, H., Roloff, R., & Rüländ, J. r., *Interregionalism and international relations*. London New York: Routledge, 2006.
12. Kourliandsky, Jean-Jacques, “Irán y América Latina: más cerca por una conjuntura de futuro incierto”, *Nueva Sociedad*, 2010, 246.
13. Katz, Mark, “The Putin-Chavez Partnership”, *Problems of Post-Communism*, 53:4, 2006, 3.
14. Layne, Christopher “Is the United States in Decline?”, *The American Conservative*, 2017, available at <http://www.theamericanconservative.com/articles/is-the-united-states-in-decline/>
15. Medvedev, Dimitri, “NATO Threatens Russia, “We are Rolling into A New Cold War”, 2016 Munich Security Conference, 2016, available at <http://www.globalresearch.ca/nato-threatens-russia-we-are-rolling-into-a-new-cold-war-speech-by-russias-prime-minister-dmitri-medvedev-at-2016-munich-security-conference/5507919>.
16. Moya Mena, Sergio, «Iran and Latin America: Vital Interests and Soft-Power Strategy», *Reportes del Cemoan*, 2012, 4.
17. Mignolo, Walter, *The Idea of Latin America*, Oxford, Blackwell, 2005.
18. Robles, A. C., *The Asia-Europe meeting (ASEM): the theory and practice of interregionalism*. New York, NY: Routledge, 2008.
19. Sanders, Deborah. 2014. Maritime power in the Black Sea, Corbett Centre for Maritime Policy Studies series. Farnham, Surrey: Ashgate Publishing Limited.

Costa Rica y Rusia: encuentros y desencuentros de una relación inacabada (1970–2016)

Costa Rica and Russia: encounters and disagreements of an unfinished relationship (1970–2016)

Abstract. The article expones the basic structural components of the relationship between Costa Rica and Russia, in the context of Russian approaches to Latin America over the last decades. It is concluded that, beyond the political distance in certain areas and the Russian interest to exploit previously consolidated relations in the region, the main problem lies in the Costa Rican inability to develop a concrete policy and endowed with resources to face the challenges of the relations with a main world power.

Keywords: Costa Rica, Russia; USSR; diplomacy; foreign policy; cooperation; conflict.

Resumen. El artículo plantea los componentes estructurales básicos de la relación entre Costa Rica y Rusia, en el contexto de los acercamientos rusos a América Latina a lo largo de las últimas décadas. Se concluye que, más allá de la distancia política en determinadas áreas y el interés ruso por explotar relaciones previamente consolidadas en la región, el principal problema radica en la incapacidad costarricense para desarrollar una política concreta y dotada de recursos para enfrentar los retos de las relaciones con una potencia mundial.

Palabras clave: Costa Rica; Rusia; URSS; diplomacia; política exterior; cooperación; conflicto.

Consideraciones preliminares

El estudio de las relaciones internacionales de Costa Rica se encuentra en ciernes, hasta hace pocos años, el análisis de la política exterior del país desde la disciplina de las relaciones internacionales y la historia de las relaciones internacionales fue limitado, aunque pueden rescatarse valiosas excepciones.² En esta línea, el estudio de las relaciones de Costa Rica con grandes actores internacionales se ha circunscrito, fundamentalmente, al estudio de las relaciones con los Estados Unidos

¹ Costarricense, profesor de la Universidad Nacional de Costa Rica y de la Universidad de Costa Rica. Abogado, M.Sc. en Historia y Máster en Diplomacia por la Universidad de Costa Rica. Estudiante del Doctorado en Historia de la Universidad de Costa Rica.

² Un estado de la cuestión de los estudios históricos en esta materia en Carlos Humberto Cascante Segura, “Enfoques de una historia olvidada. Estado de la cuestión de la historia de las relaciones internacionales de Costa Rica”. *Diálogos. Revista Electrónica de Historia*, Vol. 14, N.º 1, febrero-agosto del 2013, 3-28.

durante XX, dejando de lado, con notables excepciones, las relaciones con otros actores relevantes, entre ellos la Unión Soviética y su sucesora la Rusia.

Esta ponencia tiene como objeto realizar un recuento de los trabajos realizados en torno a la relación entre Costa Rica y la Unión Soviética; para concentrarse posteriormente en las características de la relación con la Federación Rusa, tras la disolución del primero. En términos generales, se pretende en este avance esbozar algunos de los cambios y continuidades establecidos durante las últimas cuatro décadas. Las conclusiones obtenidas al momento son preliminares y fragmentarias, no obstante, constituyen un avance necesario en el proceso de conocer las particularidades de esta relación.

De la madurez de la política exterior de Costa Rica hasta la caída del Muro de Berlín (1970–1989)

Las relaciones diplomáticas entre Costa Rica y Rusia se mantuvieron suspendidas desde 1948, tras la guerra civil en Costa Rica hasta 1971.³ Esta medida formaba parte de un conjunto acciones ejecutados por el nuevo gobierno, dirigido por José Figueres Ferrer, para evitar el etiquetamiento de movimiento socialista y alcanzar el apoyo de los Estados Unidos para mantenerse en el poder dado el incremento de la tensión propio de los inicios de la Guerra Fría.⁴ Para principios de la década de 1970, el proceso de distensión que experimentaban las relaciones entre las superpotencias, permitió que Costa Rica desarrollara un proceso de apertura hacia los países socialistas, entre ellos la Unión Soviética, que fue denominado la “madurez” de la política exterior de Costa Rica.⁵

Lo anterior se combinó con la imposibilidad de vender parte del café costarricense a Japón, lo que obligó a buscar nuevos mercados en los países socialistas para vender la cosecha cafetalera, que se había iniciado desde finales de la década de 1960 y que se concretaron en un convenio comercial en 1970.⁶ Estos elementos permitieron una alianza entre el gobierno de ese entonces, presidido nuevamente por Figueres Ferrer y el líder histórico de la izquierda en Costa Rica Manuel Mora, para establecer una alianza que permitió el restablecimiento de relaciones diplomá-

³ Jorge Sáenz Carbonell, *Historia Diplomática de Costa Rica (1948-1970)*, Costa Rica, Escuela de Relaciones Internacionales-UNA, 2013, 24.

⁴ Kyle Longley, *The Sparrow and the Hawk: Costa Rica and the United States during the Rise of José Figueres* Estados Unidos: University of Alabama Press, 1997; Kyle Longley, “Peaceful Costa Rica, the First Battleground: The United States and the Costa Rican Revolution of 1948”, *The Americas*, Vol. 50: No. 2 1993, 149-175.

⁵ Carlos Humberto Cascante Segura, *La política exterior de Costa Rica (1850-2010)*, Costa Rica, Editorial Universidad de Costa Rica, 2015, 49-51.

⁶ Jorge Sáenz Carbonell, *Historia Diplomática de Costa Rica (1970-1978)*, Inédito.

ticas, iniciativa que no estuvo exenta de polémicas internas e incluso acusaciones de intentos de golpe de estado contra ciertos sectores conservadores en Costa Rica.⁷

Así, en 1971, el entonces canciller, Gonzalo Facio, invitado por las autoridades soviéticas realizó un viaje a Moscú,⁸ donde ambos países suscribieron dos protocolos al convenio de 1970. Los protocolos Facio-Patolichev establecieron el intercambio de café costarricense por maquinaria y equipo soviéticos durante. Asimismo, se acordó la apertura de embajadas, que se realizó en 1972 con la llegada del primer embajador soviético a Costa Rica (Vladimir Kasimirov) y el nombramiento de un embajador costarricense en ese país (Víctor Hugo Román Jará).⁹

Durante la década de 1970, los pasos de la relación se fortalecieron con la firma del Convenio de Cooperación Cultural y Científica en 1974, que habría el espacio para la dotación de becas de estudio a costarricenses en la URSS,¹⁰ así como con la apertura de una embajada permanente de Costa Rica en Moscú a partir de 1975.¹¹ Aunque no existen cifras exactas, la apertura de las becas soviéticas, tanto tramitadas a través del gobierno costarricense, como por iniciativa del Partido Vanguardia Popular (nombre que asumió el partido comunista costarricense), permitió que entre 1970 y 1989, entre 800 y 600 jóvenes costarricenses realizarán estudios en la URSS o en alguno de los países del bloque socialista;¹² un tema que no se ha estudiado con profundidad por la historiografía costarricense.

Asimismo, las cosechas del café de Costa Rica se siguieron vendiendo regularmente a la URSS y a los países socialistas durante esa década y la primera mitad de la década de 1980. No obstante, la URSS no pudo establecer un comercio de sus maquinarias en Costa Rica, dado que el mercado estaba dominado por empresas estadounidenses. Según datos propuestos por Rojas Aravena, Costa Rica únicamente vendía café a los países socialistas (alcanzó el 16 por ciento de las ventas de ese

⁷ Silvia Elena Molina Vargas, “Figueres Ferrer y Mora Valverde: Diplomacia del café y acercamiento de antagonicos (1971-1972)”, *Diálogos Revista Electrónica de Historia*, Número especial, 2008, 1901-1923. En <https://revistas.ucr.ac.cr/index.php/dialogos/article/view/27775/27982>. Revisado 11 de setiembre de 2017.

⁸ Lo cual era propio de la búsqueda de alianzas comerciales desarrolladas por la URSS con América Latina durante ese periodo, que también fueron toleradas por los Estados Unidos.

⁹ Jorge Sáenz Carbonell, *Historia Diplomática de Costa Rica (1970-1978)*, Inédito.

¹⁰ Una copia del convenio en SINALEVI, dirección electrónica: http://www.pgrweb.go.cr/scij/Busqueda/Normativa/Normas/nrm_texto_completo.aspx?param1=NRTC&nValor1=1&nValor2=37654&nValor3=39702¶m2=1&strTipM=TC&IResultado=8&strSim=simp. Revisado 10 de agosto de 2017.

¹¹ Jorge Francisco Sáenz Carbonell, “La Política Exterior”, en Eugenio Rodríguez Vega (editor), *Costa Rica en el siglo XX (Tomo III)*, Costa Rica, Uned, 2004, 221-260.

¹² Jorge Rhenán Segura Carmona, “Costa Rica y su contexto internacional”, en Juan Rafael Quesada Camacho (Editor), *Costa Rica contemporánea: raíces del estado de la nación*, Costa Rica, Editorial Universidad de Costa Rica, 1999, 311-354, 334; algunos estudios de la época establecían una mayor cantidad de personas estudiante en la URSS, ver por ejemplo, Francisco Rojas Aravena, “Las vinculaciones diplomáticas, económicas y culturales entre Costa Rica y la Unión Soviética: un bajo perfil”, *Anuario de Estudios Centroamericanos*, 12 (1), 1986, 53-68.

producto en 1983), mientras que los soviéticos tenían muchas limitaciones para vender a Costa Rica maquinaria. Esta situación terminó por tornar en insignificante el comercio entre ambos actores.¹³

El final de la década de 1970 y la década de 1980 marcaría un retroceso en las relaciones entre ambos países. Las causas fundamentales fueron el recrudecimiento de la Guerra Fría, tras la llegada de Ronald Reagan al poder en los Estados Unidos y la invasión soviética a Afganistán. En este sentido, sin que se rompieran relaciones con la Unión Soviética, Costa Rica se transformó durante la primera mitad de década de 1980 en un aliado de los Estados Unidos en la región y, por ende, entró en un enfrentamiento directo con Nicaragua, que tras la revolución se encontraba gobernada por el Frente Sandinista de Liberación Nacional, que se decantó por recibir apoyo de Cuba y de la Unión Soviética y enfrentar a los Estados Unidos.¹⁴

Así, los gobiernos de la década tendieron a establecer relaciones cada vez más distantes con Moscú. En esta línea, en 1979, el gobierno costarricense declaró non gratos a dos diplomáticos rusos, para lo cual alegó la intervención de estos en un movimiento huelguístico en el Caribe; asimismo, criticó duramente la intervención soviética en Afganistán.¹⁵ Por otra parte, el cambio de gobierno en Costa Rica en 1982 no ayudó a mejorar la relación, dado que el gobierno entrante se acercó aún más a los intereses de Washington. Pese a que la URSS apoyó la Proclama de Neutralidad emitida meses después y la diplomacia costarricense pareció aceptar la idea de que Moscú podría atemperar las acciones nicaragüenses contra Costa Rica, lo cierto es que las relaciones se mantuvieron en un tono muy bajo.¹⁶

Con el cambio de gobierno en 1986, la tensión entre ambos países se hizo más evidente, pese a que el nuevo gobierno tendió a separarse luego de un año de la política de Washington hacia el conflicto centroamericano, también adoptó una postura crítica hacia Moscú. De tal forma, en una nota pública el gobierno emitió duras críticas a la posición soviética hacia Centroamérica y su apoyo al gobierno nicaragüense (aunque en la época se sostuvo que el apoyo soviético, a diferencia del cubano, hacia los sandinistas era cauteloso y pretendía no complicar la relación con los Estados Unidos). A tal punto llegó la tensión que Costa Rica se mantuvo sin embajador en Moscú durante los siguientes dos años.¹⁷ Incluso, en el discurso ante la Asamblea General de las Naciones Unidas en 1989, el entonces presidente costa-

¹³ Rojas Aravena, "Las vinculaciones...", *Op. Cit.* 60.

¹⁴ Cascante, *Op. Cit.*, 55-56.

¹⁵ Rojas Aravena, *Las vinculaciones...*, *Op. Cit.* 57-58.

¹⁶ Francisco Rojas Aravena, "Costa Rica y la Unión Soviética ¿Hacia una redefinición del tipo de vinculación?", en Francisco Rojas Aravena (editor), *Costa Rica y el sistema internacional*, Costa Rica, Editorial Nueva Sociedad, 1990, 49-70, 66.

¹⁷ Rojas Aravena, "Costa Rica y la Unión Soviética...", *Op. Cit.*, 68. Sobre el apoyo de la URSS hacia Centroamérica ver

rricense, Óscar Arias Sánchez, hizo una referencia directa a la URSS al indicar que: “Al líder de la Unión Soviética escribí: Una vez más lo insto, señor Gorbachov, a deponer las armas en Centroamérica. Los jóvenes rusos que hoy mueren en Afganistán fueron castigo suficiente para una política equivocada...”¹⁸

Sería la debilidad del gobierno de Reagan en los Estados Unidos y las reformas internas ejecutadas por el presidente soviético Mijaíl Gorbachov, las que aliviaron la tensión del conflicto centroamericano, lo que permitió una salida pacífica de este. A su vez, permitió un acercamiento diplomático entre Costa Rica y la URSS,¹⁹ que se quedó en elementos de orden simbólico dada la caída del régimen soviético en 1991.

La insipidez de una relación lejana y las ventajas de ser miembro del Consejo de Seguridad (1990-2004)

Para 1990, Rojas Aravena en un texto con participación de diplomáticos costarricenses señalaba que se requería de revitalizar las relaciones de Costa Rica con la URSS. Establecía como ventajas la distensión en la Guerra Fría y como desventajas la falta de experiencia y de canales claros de comunicación entre ambos países.²⁰ No obstante, esa esperanza de cambio se vio truncada con las transformaciones políticas en la URSS, que poco tiempo después se desmembró y dio origen a la Federación de Rusia. Los reacomodos internos en Rusia provocaron un repliegue general de su diplomacia en América Latina, que se hizo más sensible en aquellos países donde esa relación había tenido un perfil alto.²¹

En esta línea, no se registran en las fuentes disponibles acciones concretas por parte de Costa Rica para acercarse a Rusia y viceversa durante los primeros años de esa década, no será hasta 1997, cuando en un intento ruso por retomar sus relaciones con América Latina²² y en el marco de la membresía de Costa Rica en el Consejo de Seguridad de Naciones Unidas que se producirán intentos por darle más contenido a la relación por parte las autoridades rusas.²³ De tal forma, a principios de 1997, se celebró una reunión-taller para repasar relaciones bilaterales entre Costa Rica y la Federación de Rusia, con una agenda de mutuo consenso sobre aspectos políticos,

¹⁸ MREC, *Memoria Institucional (1989-1990)*, Costa Rica, 1990, 68.

¹⁹ Rojas Aravena, “Costa Rica y la Unión Soviética...”, *Op. Cit.*, 69.

²⁰ Idem.

²¹ Vladimir Davydov, “Rusia en América Latina (y viceversa)”, *Nueva Sociedad*, 226, marzo-abril de 2010, 5-12, 5.

²² *Ibíd.*, 6.

²³ Costa Rica ocupó un puesto de miembro no permanente en el Consejo de Seguridad entre 1997 y 1998. Página electrónica del Consejo de Seguridad de las Naciones Unidas. Miembros electos al Consejo de Seguridad, en dirección electrónica: <http://www.un.org/en/sc/members/elected.asp>. Revisada 11 de agosto de 2017.

culturales, comerciales y de cooperación.²⁴ Esta encerrona dio paso a la visita del entonces embajador ruso en las Naciones Unidas, Serguei Lavrov, para conversar con el canciller costarricense, Fernando Naranjo, de temas propios del Consejo de Seguridad.²⁵

El ministro de Relaciones Exteriores de Costa Rica efectuó una visita oficial a Rusia, durante los días 15, 16 y 17 de octubre de 1997, con el fin de renovar y ampliar la base jurídica de la cooperación entre Rusia y Costa Rica. Naranjo y ministro ruso, Evgueny M. Primakov, firmaron el Convenio de Supresión de las Visas para los Pasaportes Diplomáticos y de Servicio y el Programa de Cooperación Cultural y Científica para los años 1998-2000. La visita de Naranjo fue replicada el 27, 28 y 29 de noviembre de 1997, por Primakov, y en esa ocasión se firmaron el Convenio Comercial, el Convenio sobre la Cooperación Cultural y Científica, el Acuerdo de Cooperación entre academias diplomáticas, el Convenio de Cooperación en el Campo de Turismo, el Convenio para la Cooperación en el Área de Cultura Física y Deporte entre el Comité Estatal de Cultura Física y Turismo de Federación de Rusia y el Ministerio de Cultura, Juventud y Deportes de la República de Costa Rica.²⁶ Asimismo, en 1999 se planteó un acercamiento en materia de seguridad, que culminó con la firma de un protocolo de cooperación intergubernamental entre la Federación de Rusia y Costa Rica sobre el control de drogas y sustancias psicotrópicas.²⁷

El acercamiento a Costa Rica se enmarcaba en un intento ruso por tener una agenda más clara hacia Centroamérica y la República Dominicana, por ello en noviembre de ese año se produjo la primera cita de ministros de Relaciones Exteriores de Centroamérica y Rusia, cuyo acuerdo inmediato fue la constitución de un Mecanismo de Diálogo y Consulta Política. Este mecanismo estuvo funcionado entre 1997 y 2004, cuando se produjeron cuatro encuentros.²⁸ Sin embargo, este proceso se dejó de lado, posiblemente, al preferirse que el contacto se realizará a través de las reuniones Rusia-América Latina en el marco del Grupo de Río, lo que marcó un nuevo distanciamiento de las relaciones cercanas con Costa Rica.

Rusia vuelve a América Latina, pero Costa Rica sigue lejana (2004-2016)

Los acercamientos de finales de la década de 1990 fueron retomados con fuerza tras el ascenso al poder de Vladimir Putin. En esta línea, la intención de que Rusia volviese a formar parte las grandes discusiones globales requería de un fortale-

²⁴ MREC, *Memoria Institucional (1997-1998)*, Costa Rica, 1998, 16.

²⁵ MREC, *Memoria Institucional (1997-1998)*, Costa Rica, 1998, 47.

²⁶ *Ibíd.*, 17, 18 y 19.

²⁷ MREC, *Memoria Institucional (1999-2000)*, Costa Rica, 2000, 128.

²⁸ MREC, *Memoria Institucional (1998-1999)*, Costa Rica, 1999, 150; MREC, *Memoria Institucional (2002-2003)*, Costa Rica, 2003, 90; MREC, *Memoria Institucional (2003-2004)*, Costa Rica, 2004, 98.

cimiento de sus vínculos con actores claves de América Latina; así como a aquellas las alianzas que se gestaron durante la Guerra Fría y que fueron puestas de manifiesto en la gira realiza en 2008 por el entonces presidente ruso, Dimitri Medvedev.²⁹

En este sentido, Rusia ha tenido un mayor acercamiento con Brasil y México como potencias regionales y en Centroamérica con las autoridades nicaragüenses, país como que comparte las alianzas personales forjadas en la Guerra Fría y que ha tenido posiciones internacionales más cercanas que las costarricense respecto a conflictos específicos como los casos de Osetia y Abjasia; así como en el conflicto de Crimea.³⁰ Desde esta perspectiva, en el campo diplomático la venta de armamento por parte de la Rusia a Nicaragua ha sido vista con animadversión por parte de las autoridades costarricenses, dados los conflictos territoriales que han caracterizado a las relaciones de ambos vecinos durante la última década.³¹ En esta línea, el embajador de Costa Rica en Rusia de 2011 a 2014, Mario Fernández Silva, establecía en su informe de cierre de funciones que:

*Se ha mantenido un flujo constante de armamento ligero y pesado a Nicaragua, como vehículos blindados, lanchas misileras, helicópteros artillados y últimamente ha mostrado la intención de adquirir aviones de caza de la penúltima generación, como los SUKHOY, MIG 29 lo que ha venido a desestabilizar el balance geoestratégico de nuestra región.*³²

Esa preocupación fue establecida por el canciller Manuel González, en la reunión de ministros de Relaciones Exteriores de Sica y Rusia, que reactivó dicho mecanismo de diálogo, en 2015 al señalar que:

Reconocemos los aspectos positivos de la profundización de las relaciones de colaboración entre los gobiernos centroamericanos y la Federación de Rusia. Lo que nos preocupa es que pueda alentarse otras esferas de cooperación, a promover la donación y compra de armamento militar en el ámbito bilateral y hasta el beneplácito a la construcción de instalaciones militares.

²⁹ Yuri Paniev, “Cooperación Económico-Comercial Rusolatinoamericana: adelantos y deficiencias”, *Iberoamérica*, 3, 2013, 111-127; Evan Ellis, *The New Russian Engagement with Latin America: Strategic Position, Commerce and Dreams of the Past*, Estados Unidos, Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press, 2015.

³⁰ Octavio Enríquez, El día en que Daniel Ortega avaló a los separatistas, *Diario La Prensa*, Nicaragua, 11 de junio de 2017. En dirección electrónica: <http://www.laprensa.com.ni/2017/05/11/politica/2227484-dia-daniel-ortega-avalo-los-separatistas>. Revisado 13 de agosto de 2017.

³¹ De acuerdo con SIPRI, entre 2013 y 2016 se han realizado una serie de ventas de equipo militar de segunda mano entre ellos dos helicópteros de transporte Mi-8MT/Mi-17, 43 vehículos anfibios de infantería BMP-1, 43 vehículos de transporte blindado BTR-70 y 50 tanques T72-B. SIPRI Arms Transfers Database, 2017.

³² Mario Fernández Silva, *Informe final de labores como embajador en la Federación de Rusia*, 2 de julio de 2014, 4.

A pesar de que el narcotráfico es el actual argumento para comprar y vender armamento pesado y realizar programas militares conjuntos, los acuerdos de Nicaragua y Rusia en materia militar generan gran incertidumbre e inquietudes entre los países de la región hacia el futuro de la estabilidad regional y abren las puertas del debate público sobre cómo sus intereses estratégicos en Centroamérica afectarían las relaciones regionales.³³

Lo anterior no ha impedido que entre 2004 y 2016 se dieran intercambios de visitas políticas entre autoridades de ambos países, en las cuales se establecieron protocolariamente la intensión de estrechar los lazos de amistad entre ambos países. Asimismo, Costa Rica al alcanzar la presidencia pro-tempore de la Comunidad de Estados de Latinoamérica y el Caribe (CELAC), pudo establecer algún acercamiento con las autoridades rusas.

Tabla 1

Concordancia de votación entre Costa Rica y Rusia en resoluciones sujetas a votación en la Asamblea General de Naciones Unidas (2010-2015)

Tema	Resoluciones totales del tema	Votos concordantes
Conflictos específicos	114	76
Cooperación internacional	7	5
Derecho Internacional	65	55
Derechos económicos de los Estados	23	19
Derechos Humanos	51	38
Desarme	133	66

Fuente: Elaboración propia a partir de ERI, Base de datos de resoluciones de la AGNU (2010-2015).

Por otra parte, en el ámbito multilateral Costa Rica y Rusia mantienen patrones de votación diversos en la Asamblea General de las Naciones sobre conflictos territorialmente definidos (como los casos de Siria y Crimea), así como en las discusiones relativas a desarme (eliminación de armas nucleares, producción y venta de armas convencionales). Por otra parte, han compartido posicionamientos similares en resoluciones atinentes a derechos humanos y derechos económicos de los pueblos (ver tabla 1). Estas diferencias, si bien, se quedan en el ámbito bilateral constituyen elementos que podrían afectar a la agenda bilateral.

Sin embargo, más allá de estas divergencias políticas, el principal problema para aumentar la intensidad de las relaciones entre ambos países se encuentra en la carencia de los recursos requeridos para ello. Según puede determinarse del informe de gestión del embajador Fernández Silva y del ministro consejo entre 2010 y 2014, Max Camacho Chavarría, Costa Rica carece de los recursos humanos y financieros

³³ Discurso del ministro de Relaciones Exteriores de Costa Rica, Manuel González Sanz, Reunión del Consejo de Ministros de Relaciones Exteriores de SICA con el Ministro de Relaciones Exteriores de la Federación de Rusia, 26 de marzo de 2015. En dirección electrónica: <https://www.rree.go.cr/?sec=servicios&cat=prensa&cont=593&id=2195>. Revisado 5 de julio de 2017.

para mantener una actividad constante frente al gobierno de Moscú, lo que impide desarrollar una verdadera política hacia ese país.³⁴ Lo anterior demuestra que las autoridades costarricenses no han logrado establecer la importancia de Rusia dentro de su política exterior, lo cual constituye una constante histórica en la relación de ambos actores. Lo anterior puede vincularse con lo poco significativo del comercio, la inversión y los flujos migratorios.

Tabla 2

Exportaciones de países centroamericanos hacia Rusia (miles de dólares) (años seleccionados 1996-2015)

País	1996	2000	2005	2010	2015
Belice	39,14	56,10	665,93	6,75	3,36
Costa Rica	22281,64	5713,49	30285,91	100846,70	78581,66
El Salvador	123,98	11722,22	16725,51	864,28	1608,49
Guatemala	21414,57	4571,05	6108,60	41870,17	12224,06
Honduras	2870,44	485,40	13809,35	7401,53	10958,78
Nicaragua	405,77	270,46	15967,11	12085,61	7779,61
Panamá	17785,12	46326,45	3629,11	2554,09	946,37

Fuente: World Integrated Trade Solutions, en dirección electrónico: <http://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/RUS>

En materia comercial las relaciones son igualmente poco significativas para Costa Rica y mucho menos para Rusia, pese que como puede observarse en la tabla 2, Costa Rica se ha posicionado como el principal exportador centroamericano a ese país. Esa lejanía comercial y dado que los focos de interés de los diferentes sectores de exportación se encuentran en los mercados de Estados Unidos y Europa, provoca que el gobierno no destine recursos para ingresar con mayor fuerza al mercado ruso. Tampoco el movimiento de rusos a Costa Rica constituye una fuerza motriz de la relación, datos de DGME establece que para el 2013 y 2014, habían entrado al país 4743 y 4979 personas con pasaporte ruso.³⁵

Por otra, parte sin llegar a las cifras existente durante el periodo 1970-1990, la faceta cultural de las relaciones entre ambos actores sigue siendo la más alentadora. En esta línea, anualmente, el gobierno ruso destina becas de posgrado para estudiantes costarricenses, hay una oferta de estadias cortas para profesores y estudiantes en universidades rusas.³⁶ Igualmente, la diplomacia costarricense ha pretendido

³⁴ Fernandez Silva, *Op. Cit.*, 11; Max Camacho Chavarría, *Informe final de funciones*, 8 de julio de 2014.

³⁵ Dirección General de Migración y Extranjería de Costa Rica, *Movimiento migratorio según puesto y país de origen (del pasaporte) y tipo de movimiento (2013-2014)*, 2014.

³⁶ Carlos Humberto Cascante Segura, et. al., *La política exterior de Costa Rica (2013)*, Heredia, Escuela de Relaciones Internacionales-Programa Estado de la Nación, 2014, 22.

umentar estas oportunidades.³⁷ Asimismo, Rusia fue el país invitado al Festival Internacional de las Artes del 2014, el más importante evento anual de la cultural costarricense.³⁸

Consideraciones finales

Pese a su relevancia de Rusia en el entramado geopolítico mundial, Costa Rica no ha logrado desarrollar a lo largo de casi 50 años una política exterior consistente que aumente el volumen de sus relaciones con esta potencia. De tal forma, a coyunturas de acercamiento que se han producido en diversos momentos de las cinco décadas estudiadas han seguido largos periodos de alejamiento. Estos distanciamientos, más que el producto de la escasez de los recursos dedicados por las diversas instancias costarricenses, la carencia de un conocimiento profundo sobre la sociedad rusa y sus condiciones son componentes estructurales que interfieren en la creación de dichas líneas estratégicas.

Por otra parte, aunque se mantienen posiciones distintas frente a ciertos problemas de la agenda global y que las alianzas regionales de Rusia podrían percibirse como inconvenientes para Costa Rica, lo cierto es que la escasez de recursos humanos y la falta de una agenda clara desde San José a Moscú constituyen los principales obstáculos para ampliar los alcances de esta relación.

Bibliografía

1. Camacho Chavarría, Max, *Informe final de funciones*, 8 de julio de 2014.
2. Cascante Segura, Carlos Humberto, “Enfoques de una historia olvidada. Estado de la cuestión de la historia de las relaciones internacionales de Costa Rica”. *Diálogos. Revista Electrónica de Historia*, Vol. 14, N.º 1, febrero-agosto del 2013, 3-28.
3. Cascante Segura, Carlos Humberto, et. al., *La política exterior de Costa Rica (2013)*, Heredia, Escuela de Relaciones Internacionales-Programa Estado de la Nación, 2014.
4. Davydov, Vladimir, “Rusia en América Latina (y viceversa)”, Nueva Sociedad, 226, marzo-abril de 2010, 5-12.
5. Dirección General de Migración y Extranjería de Costa Rica, *Movimiento migratorio según puesto y país de origen (del pasaporte) y tipo de movimiento (2013-2014)*, 2014.
6. Discurso del ministro de Relaciones Exteriores de Costa Rica, Manuel González Sanz, Reunión del Consejo de Ministros de Relaciones Exteriores de SICA con el Ministro de Relaciones Exteriores de la Federación de Rusia, 26 de marzo de 2015. En dirección electrónica: <https://www.rree.go.cr/?sec=servicios&cat=prensa&cont=593&id=2195>. Revisado 5 de julio de 2017.

³⁷ Fernandez Silva, *Op. Cit.*, 11

³⁸ Cascante Segura, et. al., *Op. Cit.*, 22.

7. Ellis, Evan, *The New Russian Engagement with Latin America: Strategic Position, Commerce and Dreams of the Past*, Estados Unidos, Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press, 2015.
8. Enríquez, Octavio, El día en que Daniel Ortega avaló a los separatistas, *Diario La Prensa*, Nicaragua, 11 de junio de 2017. En dirección electrónica: <http://www.laprensa.com.ni/2017/05/11/politica/2227484-dia-daniel-ortega-avalo-los-separatistas>. Revisado 13 de agosto de 2017.
9. Fernández Silva, Mario, Informe final de labores como embajador en la Federación de Rusia, 2 de julio de 2014.
10. Longley, Kyle, "Peaceful Costa Rica, the First Battleground: The United States and the Costa Rican Revolution of 1948", *The Americas*, Vol. 50: No. 2 1993, 149-175.
11. Molina Vargas, Silvia Elena, "Figueres Ferrer y Mora Valverde: Diplomacia del café y acercamiento de antagonicos (1971-1972)", *Diálogos Revista Electrónica de Historia*, Número especial, 2008, 1901-1923. En <https://revistas.ucr.ac.cr/index.php/dialogos/article/view/27775/27982>. Revisado 11 de setiembre de 2017.
12. MREC, Memorias Institucionales 1990-2016.
13. Paniev, Yuri, "Cooperación Económico-Comercial Rusolatinoamericana: adelantos y deficiencias", *Iberoamérica*, 3, 2013, 111-127.
14. Rojas Aravena, Francisco, "Costa Rica y la Unión Soviética ¿Hacia una redefinición del tipo de vinculación?", en Francisco Rojas Aravena (editor), *Costa Rica y el sistema internacional*, Costa Rica, Editorial Nueva Sociedad, 1990, 49-70.
15. Sáenz Carbonell, Jorge "La Política Exterior", en Eugenio Rodríguez Vega (editor), *Costa Rica en el siglo XX (Tomo III)*, Costa Rica, Uned, 2004.
16. Sáenz Carbonell, Jorge, *Historia Diplomática de Costa Rica (1948-1970)*, Costa Rica, Escuela de Relaciones Internacionales-UNA, 2013.
17. Segura Carmona, Jorge Rhenán, "Costa Rica y su contexto internacional", en Juan Rafael Quesada Camacho (Editor), *Costa Rica contemporánea: raíces del estado de la nación*, Costa Rica, Editorial Universidad de Costa Rica, 1999, 311-354.

La política exterior de Irán hacia América Latina durante la presidencia del presidente Hassan Rouhani (2013–2016)

Iran's foreign policy towards Latin America during the presidency of President Hassan Rouhani (2013–2016)

Resumen: Esta ponencia analiza el devenir de la política exterior iraní durante durante la presidencia del presidente Hassan Rouhani (2013–2016) y señala cómo Irán ha dejado atrás la retórica anti-imperialista y anti-estadounidense para dar paso a una política exterior pragmática, menos beligerante y centrada en la expansión de las relaciones económicas y comerciales.

Palabras clave: Relaciones comerciales; relaciones políticas; ideología; pragmatismo; política exterior; Irán; América Latina; Hassan Rouhani.

Abstract: This paper analyzes the evolution of Iranian foreign policy during the presidency of President Hassan Rouhani (2013–2016) and points out how Iran has left behind the anti-imperialist and anti-American rhetoric to make way for a pragmatic, less belligerent foreign policy centered on the expansion of economic, commercial and social relations.

Keywords: Commercial relations; political relations; ideology; pragmatism; foreign policy; Iran; Latin America; Hassan Rouhani.

Introducción

Las relaciones de Irán con América Latina y en especial con los países de la Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América (ALBA), adquirieron un notable dinamismo durante la presidencia de Mahmoud Ahmadinejad (2005-2013). Uno de los elementos más importantes de dichas relaciones fue el discurso anti-imperialista que Ahmadinejad suscribió junto a líderes como Hugo Chávez, Daniel Ortega y Evo Morales, y que vino a generar tensiones hemisféricas con Estados Unidos, precisamente cuando Irán impulsaba un programa de energía nuclear que era cuestionado por algunos países occidentales. Las relaciones entre Irán y la región experimentaron avances notables, pero no alcanzaron las expectativas de Teherán. La llegada a la presidencia de Hassan Rouhani, que proponía un nuevo tipo de relación con el mundo, planteó sobre la posibilidad del cambio o la continuidad de dichas relaciones. Efectivamente, una serie de cambios y continuidades pueden identificarse

¹ Universidad Nacional (UNA), Costa Rica.

en la primera administración de Rouhani (2013-2017). Esta ponencia analiza el devenir de la política exterior iraní durante este periodo y señala cómo Irán ha dejado atrás la retórica anti-imperialista y anti-estadounidense para dar paso a una política exterior pragmática, menos beligerante y centrada en la expansión de las relaciones económicas y comerciales.

El legado de la Administración de Ahmadinejad

Las relaciones de Irán con América Latina alcanzaron su máxima intensidad durante los gobiernos de Mahmoud Ahmadinejad en Irán (2005-2013) y Hugo Chávez (2002-2013) en Venezuela. Chávez abrió las puertas de América Latina para Irán, e impulsó diversas iniciativas de cooperación con la República Islámica, país que encontró en la región un espacio para diversificar alianzas políticas fundamentadas en el “anti-imperialismo”, y para aminorar el impacto de las sanciones económicas. Es decir, nexos “circunstanciales” nacidos del sentimiento de inseguridad de los iraníes frente a EE. UU.

El inicio de la era Rouhani

Durante la campaña electoral Hassan Rouhani argumentó que muchos de los problemas del país tenían su raíz en la política exterior, y afirmó que “era hora de una política exterior que sirviera a la economía iraní”². Sobre el tema nuclear Rouhani llegó a decir que el hecho de que “giraran las centrifugadoras de enriquecimiento de uranio sería valioso cuando las ruedas de la economía también giraran”³. Una vez investido como presidente en agosto de 2013, Rouhani apostó por una nueva estrategia de re-encuentro con el mundo que sustituyó la política beligerante de Ahmadinejad. En ese sentido, su política exterior se centró en dos prioridades: resolver el problema nuclear y aliviar las tensiones con los vecinos. Todas las demás consideraciones, tanto temáticas como regionales, fueron subordinadas a estos dos grandes objetivos.

Si el interés por América Latina de parte de Ahmadinejad ya había sido objeto de sendas críticas dentro de Irán debido a la falta de resultados concretos, básicamente no parecía factible que Rouhani mantuviera el mismo interés en la región que su antecesor. A pesar de esto, poco después de asumir el cargo, el nuevo presidente dijo considerar a Latinoamérica como “una de las prioridades de la política exterior

² *Diario Omid*. روحانی: سیاست خارجی به اقتصاد یارانه بدهد. Recuperado de: <http://omidiraniannewspaper.ir/detail/974>, 2013.

³ چرخش سانتریفیوژها زمانی ارزشمند است که چرخ اقتصاد هم بچرخد/ امروز. Isfahan Metropolis News Agency (IMNA). دست دوستی به سوی همه کشورهای جهان دراز می کنیم چرخش-/. Recuperado de: <http://www.imna.ir/news/185551/>. سانتریفیوژها-زمانی-ارزشمند-است-که-چرخ-اقتصاد-هم-بچرخد-امروز, 2013.

de su Gobierno”, aunque insistió que su misión fundamental era “mejorar los lazos con los vecinos, los países islámicos y los No Alineados”⁴.

El escenario de relaciones con América Latina era complejo para Rouhani. En los años previos Irán había expandido notablemente sus relaciones con la región, aunque con pocos beneficios concretos y algunos retrocesos en lo que concernía a los tres actores más importantes para Teherán en el área. Con Venezuela, el país había encontrado un socio que suscribía la misma retórica vociferantemente anti-imperialista de Ahmadinejad, pero más allá de esto, la relación —*pese a los cientos de convenios firmados*— parecía aportar poco. Con Argentina la falta de interés por parte de Teherán en avanzar con el tema del memorándum de entendimiento para “resolver” el asunto de la voladura de la Asociación Mutual Israelita Argentina (AMIA), había llevado a las relaciones diplomáticas a un nivel de prácticamente ninguna comunicación y a un descenso notable de los intercambios comerciales. El enfriamiento era también notable en el caso de Brasil, cuya presidenta Dilma Rousseff, había cuestionado la situación de los derechos humanos en la República Islámica y se había inclinado por un acercamiento con EE. UU.

En este contexto, la Administración Rouhani se planteará la relación con América Latina a través de procesos que implicarán continuidades y rupturas. Irán proseguirá con muchos de los acercamientos bilaterales llevados a cabo durante la época de Ahmadinejad. Sin embargo, el énfasis se pondrá de manera clara en el plano económico y comercial y la diplomacia presidencial tendrá un perfil más bajo. Adicionalmente, Teherán sacará provecho de las posibilidades de su re-inserción en la economía internacional facilitadas por el acuerdo nuclear para ampliar la relación con países con los que no había tenido nexos significativos en el pasado, y procurará recuperar la relación estratégica como Brasil, que en el mejor momento de las relaciones entre el expresidente Lula da Silva y Ahmadinejad, fue considerado como el “trofeo” de la política exterior iraní en América Latina.

En cuanto a las rupturas, la diplomacia iraní hará a un lado la retórica anti-imperialista y anti-estadounidense que le caracterizó durante la era Ahmadinejad. La negociación del acuerdo nuclear llegó a sentar en la misma mesa —*por primera vez en décadas*— a diplomáticos iraníes y estadounidenses y Teherán no desea generar distorsiones o provocaciones retóricas que interfieran en la negociación. Atrás quedan entonces los llamados a constituir ejes anti-imperialistas y anti-estadounidenses entre la República Islámica y los gobiernos de izquierda latinoamericanos.

⁴ Frank López. Irán replantea su agenda de relaciones internacionales. Caracas, *El Universal*. Recuperado de: <http://www.eluniversal.com/internacional/131209/iran-replantea-su-agenda-de-relaciones-internacionales>, 2013.

Venezuela

Lo anterior se verifica particularmente en el caso de Venezuela, el país latinoamericano con el que Irán ha suscrito más acuerdos y convenios, aunque con un balance bastante limitado. Fuera de la colaboración en la construcción de viviendas populares denominada “Gran Misión Vivienda Venezuela” y que a agosto de 2017 había construido 1.725.000 viviendas⁵, la planta de cemento construida en el Estado Monagas conjuntamente con la compañía iraní Ehdasse Sanat, la empresa automotriz binacional VENIRAN (que produce tractores y dos tipos de automóviles, Centauro y Turpial), o la línea de crédito iraní por US\$500 millones de dólares anunciada en 2015, son pocas las expresiones concretas de la cooperación entre los dos países. El Banco Binacional establecido en 2009 ha visto sus operaciones muy limitadas por la severa situación económica de Venezuela, que afecta también las inversiones y expansión de iniciativas conjuntas como VENIRAN. Por otro lado, el intercambio comercial es insignificante. Después de tantos años de relación entre los dos países, Venezuela no vende nada a Irán⁶. Como una expectativa permanecen las inversiones iraníes en el campo de la industria farmacéutica y la venta de buques tanqueros iraníes.

Pese al carácter limitado de las relaciones económicas y comerciales, la diplomacia presidencial ha mantenido cierto dinamismo. Rouhani y su homólogo venezolano Nicolás Maduro se reunieron en cuatro ocasiones: septiembre de 2014 (Nueva York), enero de 2015 (Teherán), septiembre de 2015 (Nueva York) y octubre de 2016 (Teherán). En estos encuentros los mandatarios llamaron a profundizar las relaciones bilaterales y acordaron políticas comunes para procura estabilidad en los precios del petróleo.

Las cancillerías de ambos países han sabido responder ante los hechos y acontecimientos más sensibles para ambas naciones. Así, Venezuela reiteró en múltiples ocasiones su apoyo a Irán en su derecho a usar energía nuclear con fines pacíficos y Teherán ha expresado su apoyo al gobierno de Maduro frente a las distintas jornadas de protesta que este ha enfrentado desde 2014.

Brasil

Si Irán logró mantener la relación con Venezuela despojándola del componente retórico anti-estadounidense, el caso de Brasil presenta una “recuperación de terreno” importante para la diplomacia iraní en la región. Después del enfriamiento

⁵ Radio nacional de Venezuela (RNV). *Misión Vivienda Venezuela llega al hogar 1.725.210 en manos del pueblo*, Caracas. Recuperado de: <http://rnv.gob.ve/mision-vivienda-venezuela-llega-al-hogar-1-725-210-en-manos-del-pueblo/>. 2017.

⁶ *Entrevista con Amir Ejtehadí, Consejero de la Embajada de Irán en Caracas Venezuela*, 19 de julio de 2017.

de las relaciones diplomáticas entre los gobiernos de Rouseff y Ahmadinejad y de una disminución del comercio bilateral, que pasó de los US\$2367 millones en 2012 a US\$1444 millones de dólares en 2014, el gobierno de Rouhani logró hacer avanzar la agenda comercial y la cooperación bilateral.

La política exterior moderada y pragmática de Rouhani fue bien recibida en el Palacio de Itamaratí, que manifestó su satisfacción por el acuerdo preliminar alcanzado en abril de 2015 entre Irán y las seis potencias del Grupo 5+1. La aplicación del Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) dinamizó y facilitó los encuentros entre ambas naciones. Apenas un mes después el vicedirector general de la Empresa Nacional de Refinación y Distribución de Petróleo de Irán (NIORDC, por sus siglas en inglés), Abás Kazemi, informó que Irán estaba negociando con Brasil la construcción de una refinería de petróleo que podría procesar 300 mil barriles por día (bpd)⁷.

Rouhani se reunió con Rouseff en Nueva York en septiembre de 2015 y declaró que “Irán apostaba por aumentar el nivel de su cooperación con los países del grupo BRICS (Brasil, Rusia, India, China y Sudáfrica), entre ellos Brasil”, país que —según dijo— “posee un lugar especial entre los países latinoamericanos”.

Un mes después el canciller brasileño visitó Irán acompañado por un nutrido grupo de empresarios de su país. En dicha ocasión el canciller Mohammad Javad Zarif subrayó las “amplias posibilidades para abrir caminos y permitir el acceso de Brasil a los nuevos mercados de Asia Central que tienen una población de 350 millones de personas”. Estos encuentros generaron una rápida dinamización de las relaciones económicas y comerciales. Al respecto el ministro de Comercio, Armando Monteiro, dijo en febrero de 2016: “Todo el mundo está corriendo detrás de Irán ahora... El potencial comercial es muy grande”⁸. Ese mismo mes Brasil anunció que aceptaría pagos de Irán en euros y otras monedas como pago en la compra de aviones, automóviles y maquinaria como mecanismo para eludir las sanciones mantenidas por EE. UU. Paralelamente Irán anunció su interés en adquirir 50 aviones del grupo brasileño EMBRAER, el tercer constructor de aviones comerciales del mundo, detrás de Boeing y Airbus⁹ y en julio de ese año se informó también que Irán había comprado 60.000 toneladas de azúcar en bruto de Brasil.

⁷ Hispan TV. *Irán y Brasil construirán una nueva refinería en América Latina. Teherán*. Recuperado de: <http://www.hispantv.com/noticias/economia/31009/iran-y-brasil-construiran-una-nueva-refineria-en-america-latin>. 2015.

⁸ *Caras y caretas*. Nuevos planes comerciales de Brasil en Argentina e Irán. Buenos Aires. Recuperado de: <http://www.carasycaretas.com.uy/nuevos-planos-comerciales-de-brasil-en-argentina-e-iran/>, 2016.

⁹ *El Economista*. Irán ordena 50 aviones a brasileña Embraer. Ciudad de México. Recuperado de: <http://eleconomista.com.mx/industria-global/2016/02/23/iran-ordena-50-aviones-brasilena-embraer>, 2016.

Argentina

El notable desarrollo de las relaciones con Brasil contrasta —*el menos en el campo diplomático*— con las relaciones entre Irán y Argentina. La Administración Rouhani no ha tenido ningún interés por mejorar las relaciones con el país luego de que en mayo de 2014 la justicia argentina declarara que el memorándum de entendimiento suscrito entre Irán y gobierno de la presidenta *Cristina Fernández* de Kirchner para “aclarar” el atentado de la AMIA, era “anti-constitucional”. La Cancillería iraní se limitó a decir que “lamentaba la decisión de la justicia argentina e insistió en la “falta de fundamento de las acusaciones planteadas en contra de sus ciudadanos”¹⁰.

Irán y los países del ALBA

Otros países de la región con los que el gobierno de Ahmadinejad había mantenido cierta cercanía ideológica no presentaron avances sustanciales durante la primera administración de Rouhani. Con Ecuador hubo intercambios de visitas a nivel de viceministros de relaciones exteriores y Quito abrió una oficina comercial en la capital iraní en octubre de 2016. Con Bolivia se discutió el interés del país andino en desarrollar energía nuclear con fines pacíficos. Por otro lado, el gobierno de Nicaragua invitó a Irán a invertir en el campo energético.

Cuba fue el único país latinoamericano y caribeño al que Rouhani visitó en misión bilateral durante su primer mandato. El gobernante iraní, visitó la isla en septiembre de 2016, un momento peculiar, pues ambos países empezaban a experimentar los beneficios del levantamiento de sanciones económicas impuestas por EE. UU. Además de reunirse con el presidente cubano Raúl Castro, con el que discutió el estado de la cooperación económica bilateral y las oportunidades de ampliarla en áreas como las tecnologías de última generación, Rouhani se reunió con Fidel Castro Ruz, con el que discutió temas como el cambio climático, el crecimiento incesante de la población mundial, y los peligros que acechan a la preservación de la paz en el mundo¹¹.

¹⁰ *Clarín*. Irán lamenta la decisión de la Justicia argentina. Buenos Aires. https://www.clarin.com/politica/Iran-lamenta-decision-Justicia-argentina_0_Byhrf6cvXx.html. 2014.

¹¹ *El Mundo*. Fidel Castro recibe al presidente iraní Hassan Rouhani, en Cuba. Madrid. Recuperado de: <http://www.elmundo.es/internacional/2016/09/20/57e0ecb5ca474114328b4576.html&ie=UTF-8&oe=UTF-8>. 2016

Relaciones con otros países

El tono moderado de la política exterior iraní y las negociaciones del JCPOA crearon un ambiente que favoreció la expansión de relaciones con países con los que Irán no había tenido una relación estrecha durante la era de Ahmadinejad.

Luego de que el gobierno de México celebrara el acuerdo alcanzado entre Irán y el Grupo 5+1, Majid Takht Ravanchi, Vice Ministro de Relaciones Exteriores para Asuntos Europeos y Americanos, realizó una visita de trabajo a ese país, en noviembre de 2015, acompañado de una delegación empresarial. Con Chile el gobierno iraní inició un acercamiento en septiembre de 2014 y en mayo de 2015 Takht Ravanchi recibió a invitados del sector privado de Chile para asistir al mercado comercial del país y en septiembre de se anunció que Chile abriría una embajada en Irán.

En el caso de Colombia, Takht Ravanchi visitó el país en diciembre de 2015 y sostuvo encuentros con sus pares colombianos en los que se exploraron las posibilidades de que el país andino reciba cooperación en asuntos relacionados con desarrollo agrícola e innovación y se mencionó el interés colombiano en abrir nuevos mercados para la carne bovina y sus derivados aprovechando el interés expresado por Irán en importar ese producto colombiano.

Finalmente Uruguay se convirtió a finales de 2016 en uno de los principales proveedores de arroz para Irán, colocando una venta de 60.000 toneladas. Las negociaciones que posibilitaron esta importante venta fueron el resultado de la visita oficial del vicepresidente Raúl Sendic a Irán en abril de 2016 y que incluyó un encuentro con el presidente iraní Rouhani.

Diplomacia presidencial de baja intensidad

De una activa diplomacia presidencial en la era Ahmadinejad, Irán ha transitado en la primera administración Rouhani a una presidencia muchos menos activa en las relaciones con América Latina. En efecto, si tomamos como indicador la cantidad de visitas presidenciales o los viajes del Ministro de Relaciones exteriores, la diferencia con la administración anterior es notable. Ahmadinejad visitó seis veces Venezuela, tres veces Bolivia y dos veces Brasil, Nicaragua, Cuba y Ecuador. El presidente Rouhani visitó América únicamente en el marco de una evento multilateral, la XVII Cumbre del Movimiento de Países No alineados, llevada a cabo en Isla Margarita (Venezuela) en septiembre de 2016. Con la excepción de la visita a La Habana después de la dicha cumbre o de las visitas de Nicolás Maduro a Teherán, la totalidad de los encuentros con jefes de Estado latinoamericanos se llevaron a cabo durante dicha cumbre o en el marco de las reuniones de la Asamblea General de las Naciones Unidas en Nueva York. Incluso las visitas del Canciller Javad Zarif o las del Takht Ravanchi, fueron pocas. La más significativa fue la realizada por Javad

Zarif en agosto de 2016, que implicó la visita a Cuba, Chile, Bolivia, Nicaragua, Ecuador y Venezuela y en la que fue acompañado de 90 empresarios iraníes. Una visita que, según los diplomáticos iraníes en la región “demuestra que Irán sigue teniendo un enorme interés en América Latina”¹².

Conclusiones

La suscripción del acuerdo nuclear constituyó la culminación del principal objetivo de la política exterior del presidente Rouhani durante su primera administración. América Latina estuvo lejos de ser considerada como un objetivo prioritario durante dicho periodo y fue concebida únicamente como espacio para el fortalecimiento de relaciones económicas y comerciales. Atrás han quedado los discursos anti-imperialistas o lo llamados a construir “ejes transcontinentales contra EE. UU.” Un nuevo pragmatismo —*aupado por la posibilidad de normalizar las relaciones con de la comunidad internacional a partir del levantamiento de las sanciones*— permite ahora minimizar las similitudes ideológicas como lo evidencia la “recuperación de la relación con Brasil (aun y después de la destitución de la presidenta izquierdista Dilma Rousseff) o el incipiente acercamiento a los gobiernos de Chile y México. Con esta nueva política Teherán procura sin duda que sus intereses en la zona no sean vulnerados por los vaivenes de la política latinoamericana.

Bibliografía

1. Caras y caretas. Nuevos planes comerciales de Brasil en Argentina e Irán. Buenos Aires. Recuperado de: <http://www.carasycaretas.com.uy/nuevos-planes-comerciales-de-brasil-en-argentina-e-iran/>, 2016.
2. Clarín. Irán lamenta la decisión de la Justicia argentina. Buenos Aires. https://www.clarin.com/politica/Iran-lamenta-decision-Justicia-argentina_0_Byhrf6c-vXx.html. 2014.
3. El Economista. Irán ordena 50 aviones a brasileña Embraer. Ciudad de México. Recuperado de: <http://eleconomista.com.mx/industria-global/2016/02/23/iran-ordena-50-aviones-brasilena-embraer>, 2016.
4. Frank López. Irán replantea su agenda de relaciones internacionales. Caracas, *El Universal*. Recuperado de: <http://www.eluniversal.com/internacional/131209/iran-replantea-su-agenda-de-relaciones-internacionales>, 2013.
5. El Mundo. Fidel Castro recibe al presidente iraní Hasan Rohani, en Cuba. Madrid. Recuperado de: <http://www.elmundo.es/internacional/2016/09/20/57e0ecb-5ca474114328b4576.html&ie=UTF-8&oe=UTF-8>. 2016

¹² Entrevista con Amir Ejtehadí, Consejero de la Embajada de Irán en Caracas Venezuela, 19 de julio de 2017.

6. Hispan TV. Irán y Brasil construirán una nueva refinería en América Latina. Teherán. Recuperado de: <http://www.hispantv.com/noticias/economia/31009/iran-y-brasil-construiran-una-nueva-refineria-en-america-latin>. 2015.
7. Isfahan Metropolis News Agency (IMNA). چرخش سانتریفیوژها زمانی ارزشمند است که چرخ اقتصاد هم بچرخد/ امروز دست دوستی به سوی همه کشورهای جهان دراز می کنیم. Recuperado de: <http://www.imna.ir/news/185551/-چرخ-که-ارزشمند-است-که-چرخ-سانتریفیوژها-زمانی-ارزشمند-است-که-چرخ-اقتصاد-هم-بچرخد-امروز>, 2013.
8. Diario Omid. روحانی: سیاست خارجی به اقتصاد یارانه بدهد. Recuperado de: <http://omidiraniannewspaper.ir/detail/974>, 2013.
9. Radio nacional de Venezuela (RNV). Misión Vivienda Venezuela llega al hogar 1.725.210 en manos del pueblo, Caracas. Recuperado de: <http://rnv.gob.ve/mision-vivienda-venezuela-llega-al-hogar-1-725-210-en-manos-del-pueblo/>. 2017.
10. Entrevistas
11. Amir Ejtehad, Consejero de la Embajada de Irán en Caracas Venezuela, 19 de julio de 2017.

Relaciones militares de China, India y Rusia con América Latina: ¿peligros u oportunidades para la región?²

Military relations of China, India and Russia with Latin America: dangers or opportunities for the region?

Abstract: This article analyzes the military relations between Russia, China and India with Latin America and it asks if the concerns expressed by the political elites of the region, by the presence of these powers, are justified.

For this, these links are analyzed from several dimensions: the political definitions of these powers in relation to Latin America; purchase and sale of armaments; military cooperation; and combined exercises. Likewise, and in order not to lose perspective, the United States is included in the comparison.

Finally, three conclusions are presented. The first is that the diversification of military relations with these countries can be an opportunity rather than a risk for the region. In the second place, it is considered that the western ethnocentrism of the discipline of international relations analyze the behavior of the western countries on China, Russia and India, without taking into account the history, the thought and the philosophy of these countries, being able to draw erroneous inferences. The third is that the volume of military interactions of the region with the US it is incomparably superior to those with Russia, China and India, so all hints about the military danger of these nations are inconsistent and ridiculous.

Keywords: Russia; India; China; America Latina; foreign policy; extra-hemispheric powers; military cooperation.

Resumen: El presente artículo analiza las relaciones militares entre Rusia, China e India con América Latina y se pregunta si las preocupaciones manifestadas por parte de las elites políticas de la región, por la presencia de dichas potencias, son justificadas.

Para ello se analizan dichos vínculos a partir de varias dimensiones: las definiciones políticas de estas potencias en relación a América Latina; compra y venta de armamentos; cooperación militar; y ejercicios combinados. Asimismo, y a los efectos de no perder la perspectiva, se incluye en la comparación a los Estados Unidos.

Finalmente se presentan tres conclusiones. La primera es que la diversificación de las relaciones militares con estos países puede resultar una oportunidad más que un riesgo para la región. En segundo lugar, se considera que el etnocentrismo occidental de la disciplina de las relaciones internacionales proyecta el comportamiento de los países oc-

¹ Doctor, (UBA/UNDEF/IUGNA) seissa@yahoo.com y sergio.eissa@undef.edu.ar

² Universidad de la Defensa Nacional y Universidad de Buenos Aires — Proyecto UBACyT N° 20020150100231: “China, Rusia e India en América Latina: interacciones políticas, económicas y militares a principios del Siglo XXI”

cidentales sobre China, Rusia e India, sin tener en cuenta la historia, el pensamiento y la filosofía de estos países, pudiendo sacar inferencias erróneas. La tercera es que el volumen de las interacciones militares de la región con los EE.UU. es incomparablemente superior a las con Rusia, China e India, por lo que todas las insinuaciones sobre el peligro militar de estas naciones son inconsistentes y ridículas.

Palabras clave: Rusia; India; China; América Latina; política exterior; potencias extra hemisféricas; cooperación militar.

“Otros entienden que antes de la invasión
oiremos desde el fondo de los espejos
el rumor de las armas”

Jorge Luis Borges (1980)

Introducción

La Base Espacial que instaló la República Popular China en el territorio argentino es una buena síntesis del debate sobre la “injerencia militar” de estos países en América Latina. En efecto, el Memorándum firmado por los gobiernos de ambos países generó un amplio debate sobre el potencial uso militar que podría tener dicha Estación Espacial. Esta controversia no se limitó a los medios nacionales sino que fue replicada en medios internacionales, tales como la BBC y la CNN. Pese a ello, y luego que el gobierno del presidente Mauricio Macri (2015 a la fecha) solicitara que se aclarara expresamente en el acuerdo que la Base solo sería destinada para usos pacíficos, el proyecto continuó avanzando, previéndose su puesta en servicio para el año 2017.

Este debate puede ser replicado en toda la región. Así, la construcción del canal interoceánico en Nicaragua con financiamiento chino; las ventas de armas de Rusia a Venezuela y otros países, han generado la impresión entre los analistas internacionales que ambos países estaban avanzando en América Latina en desmedro de los Estados Unidos.

Por ejemplo, Mariano Turzi³ sostiene que tanto Rusia y China se convencieron en el 2009 que los Estados Unidos no quería continuar ejerciendo el liderazgo global y, como resultado de esa apreciación, se habían atrevido a desafiar a dicho país, incluso —agregamos— a incursionar en el “patio trasero” de la primera potencia. Esta situación de retirada estratégica se estaría revirtiendo con la llegada al poder del presidente Donald Trump en enero de 2017.

Esta ponencia se pregunta si el avance de Rusia y China en materia de relaciones militares con América Latina es efectivamente así y si la respuesta fuera positiva,

³ Turzi, Mariano (2017, 2 de mayo). “Leyes antiguas para un nuevo mundo”. En *Clarín*, Buenos Aires. Ver también Chávez (2015).

si ello supondría algún grado de preocupación para los gobiernos y sociedades civiles latinoamericanas o, por el contrario, un nuevo abanico de oportunidades.

A fin de ofrecer algunas respuestas a estos interrogantes, la ponencia se estructura en dos partes. En la primera, analizamos la visión que tanto Rusia, India y China tienen con respecto a América Latina en sus lineamientos de política exterior y defensa. En la segunda parte estudiamos las relaciones militares de los países citados con la región. Finalmente esbozamos algunas reflexiones respecto al objeto de estudio.

América Latina en la política exterior y defensa china, india y rusa

a) China

“La mayor habilidad es rendir al enemigo sin presentar batalla”

(Sun Tzu, [circa 300 AC] 2007: 35)

La identidad internacional de China “no se construye ni se define frente al enemigo ni en relación al enemigo, caracterizada precisamente por la ausencia de éste en su construcción simbólica, realizada más frente a sí misma que frente al otro”⁴. Sin embargo, algunos analistas consideran que, dada la posición que ha alcanzado, le resultará difícil poder mantener el enunciado planteado por Deng Xiaoping a mediados de los años ochenta de: «Adoptar un perfil bajo y no buscar nunca el liderazgo en los asuntos internacionales.»⁵.

En este contexto, las principales preocupaciones chinas en materia internacional son⁶:

- a) La estabilidad del régimen político;
- b) La paz en el sistema internacional; y
- c) La unidad territorial que involucra no solo la cuestión de Taiwan, sino también al Tibet y Xinjiang.

La Estrategia Militar China del año 2015 sostiene que la meta es “construir una sociedad moderadamente próspera en todos los aspectos hacia el 2021; y construir un país socialista moderno, es decir, próspero, fuerte, democrático, culturalmente avanzado y armonioso” hacia el centenario de la creación de la República

⁴ Montobbio, Manuel, *Ideas Chinas. El ascenso global de China y la Teoría de las Relaciones Internacionales*. Madrid: Real Instituto Elcano — Icaria, 2017, 61.

⁵ Delage Carretero, Fernando, “China y los países del BRIC”. En *Centro Superior de Estudios de la Defensa Nacional* (Ed.). Brasil, Rusia, India y China (BRIC): una realidad, 2011.

⁶ Malena, Jorge, China. *La construcción de un país grande*. Buenos Aires: Céforo, 2010.

Popular China. Esto no es posible sin fortaleza militar porque sin ello un país “no puede estar seguro ni fuerte”. En mundo cada vez más complejo se necesita “una visión holística de la seguridad nacional”, que equilibre “la seguridad externa e interna, la seguridad ciudadana e interior, la seguridad tradicional y no-tradicional, la seguridad del desarrollo y la subsistencia, la propia seguridad China y la seguridad común del mundo”. Para ello, las Fuerzas Armadas chinas deberán “crear una postura estratégica favorable con mayor énfasis en el empleo de las Fuerzas Armadas y sus medios, y proveer una sólida seguridad” como garantía para su desarrollo pacífico. Las Fuerzas Armadas chinas deben garantizar “la soberanía, la seguridad, los intereses de desarrollo, salvaguardar el período de oportunidades estratégicas para el desarrollo de China, manteniendo la paz regional y mundial” para alcanzar los objetivos del centenario⁷.

En el marco de estos lineamientos, China sostenía que realizaría intercambios militares con los países de África, América Latina y el Sudeste Asiático y que buscaría incrementar

visitas de alto nivel e intercambios entre oficiales seniors y juniors, y busca ampliar los campos de cooperación con estos países (...) Además, China continúa organizando talleres para oficiales seniors de países de América Latina, el Caribe y el Pacífico Sur⁸.

La Estrategia Militar de China del año 2015 sostiene, en el capítulo denominado “Military and Security Cooperation” que buscará “incrementar el nivel de las relaciones militares con las contrapartes europeas y, también, continuarán los tradicionales lazos militares con las contrapartes de África, América Latina y el Sudeste Asiático”. Al respecto, Cordesman & Colley⁹ sostienen que

todos los países latinoamericanos y caribeños, que reconocen diplomáticamente a China, envían oficiales al Instituto de Estudios de Defensa de nivel estratégico en China, mientras que algunos también envían oficiales a las escuelas de comando del ejército y la Marina del Ejército Popular de Liberación en Nanjing. Además de promover la modernización del Ejército Popular de Liberación, el foco de estos compromisos seguirá siendo probablemente mantener los lazos políticos de China,

⁷ Cordesman, Anthony & Colley, Steven (2015), “Chinese Strategy and Military Modernization in 2015: A Comparative Analysis”. *Washington DC: Centre for Strategic and International Studies (CSIS)* [Recuperado el 12 de abril de 2017 de <https://www.csis.org/analysis/chinese-strategy-and-military-modernization-2015>].

⁸ Traducción propia.

⁹ *Op. cit.*, 42.

aliviar los temores sobre el ascenso de China, y la construcción de la influencia internacional de China, en particular en Asia y América Latina¹⁰.

Más allá de estos documentos del ámbito de la defensa nacional y de la estrategia militar, este país ya ha publicado dos (2) directivas en los años 2008 y 2015, donde establecen las orientaciones de política para con América Latina. En el más reciente se sostiene que el objetivo es “forjar una comunidad de común destino”. Más adelante se ratifican “una serie de valores y principios compartidos” y propone profundizar las relaciones en éstas áreas¹¹:

- Política. Se promueve incrementar los intercambios al más alto nivel político, en lo relativo a relaciones bilaterales (...).
- Económico-comercial. (...) El documento destaca trece fases de cooperación económico-comercial (...) Entre ellas se destacan: Inversión industrial, finanzas, energía, tecnología, infraestructura, agro, manufacturas, capacidad productiva y desarrollo espacial.
- Social. (...) incrementar la cooperación e intercambio de experiencias en materia de desarrollo social, salud, reducción de pobreza, protección del medio ambiente, lucha contra el cambio climático y reducción de desastres naturales.
- Cultural y humanística. (...) la promoción cultural se ha vuelto una herramienta estratégica en términos de la expansión de su *soft power*. Se plantea la posibilidad de incrementar los intercambios y cooperación culturales y deportivos; como así también profundizar los vínculos en materia de educación, formación de recursos humanos, *think tanks*, prensa, difusión audiovisual (radio, cine y televisión) y turismo.
- Coordinación internacional (...) los países de ALC [América Latina y el Caribe] se presentan como aliados naturales (...) [para la] implementación de la Agenda 2030 para el Desarrollo Sostenible, lucha contra el cambio climático y seguridad informática.
- Paz, seguridad y justicia: (...) buscará ampliar en los próximos años sus acuerdos con los países de ALC en lo referente a *cooperación militar*¹², judicial y policial. Los países de ALC podrían verse sumamente beneficiados, potenciando así sus recursos para la lucha contra el narcotráfico, el crimen organizado y otros fuertes flagelos de seguridad que afectan a la región.

¹⁰ Traducción propia.

¹¹ Giusto, Patricio (2016), “La relación entre China y América Latina tras el nuevo Libro Blanco”. En *Diagnóstico Político* [Recuperado el 23 de junio de 2017 de <http://diagnosticopolitico.com.ar/wp-content/uploads/2016/12/dp-china-libro-blanco.pdf>]

¹² La cursiva es propia.

- Cooperación colectiva y trilateral: Finalmente, China aspira a ampliar su participación en el marco de los entendimientos logrados con la Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños (CELAC), como así también alienta a que sus empresas y otras organizaciones hagan lo propio de manera trilateral.

En la medida que China continúa creciendo, sus capacidades militares continuarán fortaleciéndose. Esto representa un desafío y oportunidades para el mundo y para los Estados Unidos. En primer lugar, los analistas coinciden que China se apoyara más en la cooperación internacional y la diplomacia que en la fuerza militar para alcanzar sus objetivos. Por otro lado, China deberá superar la trampa de Tucídides y materializar su ascenso pacífico¹³ (Allison, 2017).

b) India

“y conquistará la tierra entera,
si conoce bien la política”

Arthashastra VI. 1° Final
(Dambuyant, 2004: 5)

Durante la Guerra Fría, India se identificó con el llamado Tercer Mundo y adhirió grupo de países No Alineados. Esta postura le permitió concentrarse en su tradicional rivalidad con Pakistán y fortalecer la cohesión nacional. A partir de los años '90, y por impulso del Primer Ministro Manmohan Singh, se inició una profunda transformación económica que tuvo su impacto en su orientación de política exterior en su doctrina militar. Se convirtió en potencia nuclear a fines de los '90, se aproximó a los Estados Unidos y aumentó su presencia en el océano Índico y reforzó “sus lazos con Asia Oriental, lo que se traduce en un auge espectacular de los intercambios con China” y el Sudeste Asiático, sin descuidar las relaciones con potencias como Rusia, Sudáfrica, entre otras. En este contexto, ha iniciado una fuerte ofensiva diplomática para convertirse en miembro permanente del Consejo de Seguridad de las Naciones Unidas. No obstante, un rasgo de su política exterior, que permanece inmutable, es “su escaso interés por ejercer el liderazgo a nivel regional, lo que se traduce, recíprocamente, en la negativa de los Estados vecinos a adecuar sus políticas de seguridad con las preferencias estratégicas de la India”¹⁴.

Es en este contexto donde “India *descubre* a América Latina, poniendo a esta región, por vez primera desde su independencia, en el radar de sus intereses.” Aunque

¹³ Allison, Graham . *Destined for war. Can America and China escape Thucydides's trap?* Nwe York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

¹⁴ Fuente Cobo, Ignacio, “La India como gran potencia”. En Centro Superior de Estudios de la Defensa Nacional (Ed.). *Brasil, Rusia, India y China (BRIC): una realidad*, 2011.

todavía hacía fines de la primera década de este siglo, pocos diplomáticos hablaban español y no existía ningún *Think Tank* dedicado al análisis de América Latina¹⁵.

Pese a estos cambios, la India se muestra claramente “unilateralista en su orientación exterior, lo que responde a dos objetivos fundamentales: asegurar lo que la India considera como su hegemonía natural en la región y salvaguardar la integridad de la Unión India”. Al considerarse una civilización y representar dos tercios del total del territorio del sur de Asia, este país se percibe como una potencia regional, pero que ha buscado también un reconocimiento como potencia global. Esto se traduce en Fuente Cobo¹⁶:

- 1) Mayor relevancia a las relaciones con países extra regionales;
- 2) Mayor relevancia a las relaciones bilaterales que las multilaterales. Este país considera que el multilateralismo en la región buscan minar su supremacía. Esto no supone que no desempeñe un papel proactivo para mantener el orden regional, como si fuera una copia de la doctrina Monroe, tratando de mantener alejados a Estados Unidos y China, aunque con poco éxito.

La relación con ambos países ha seguido dos cursos diferentes. Por un lado, ha buscado incrementar los lazos de seguridad con los Estados Unidos; en materia nuclear por ejemplo. Por el otro, la relación entre la India no se circunscribe únicamente a la vieja disputa regional, sino que tiene como telón de fondo la “competición, soterrada pero evidente, en Asia”. Según Fuente Cobo¹⁷, “la India percibe así como inamistosas, las intenciones e iniciativas chinas en Pakistán y en Birmania (...) La obsesión india respecto al «collar de perlas» es central en la insistencia de mantener a Pekín alejado de una zona marina claramente reivindicado por Nueva Delhi que ya no es —si alguna vez lo fue— «el océano de los indios»”. En este entorno de seguridad, Pakistán continúa ocupando un lugar central en la agenda debido a la disputa por Jammu y Cachemira; su capacidad nuclear, y el apoyo o tolerancia de ese país a movimientos terroristas islamistas.

Su Doctrina Militar (2004) considera que los desafíos que enfrenta la India son variados y complejos y que ya enfrentado cuatro (4) guerras convencionales y una (1) no declarada en Kargil en 1999. La India se encuentra involucrada, como decíamos, en una larga disputa fronteriza en Cachemira y Jammu, y ha sufrido ataques terroristas financiados, según ellos, por Pakistán. Asimismo, se han producido en su territorio otros ataques terroristas con motivaciones étnicas, religiosas e ideológicas. Finalmente, la India se encuentra rodeada por Estados que poseen armas nucleares y que grupos fundamentalistas, radicales y hostiles, podrían tener acceso

¹⁵ Wezeman, Siemon; Fleurant, Aude; Perlo-Freeman, Sam & Wezeman, Pieter (2016). En Witker, Iván (2013), “El hard power de la India en América Latina. Avances y perspectivas”. En *Boletín Electrónico* N° 113. Madrid: Instituto Español de Estudios Estratégicos.

¹⁶ Fuente Cobo, *Op. cit.*, 43.

¹⁷ *Ibidem*, 73.

a armas de destrucción masiva. Todo esto requiere que las Fuerzas Armadas estén preparadas para operar en todo el espectro del conflicto.

En síntesis, Fuente Cobo¹⁸ considera que

aunque se vea a sí misma como una potencia regional hegemónica con ambiciones globales, ello no le convierte en tal desde el momento en que no es capaz de imponer su voluntad a todos los Estados de la región para que, bien subordinen sus políticas nacionales a las preferencias estratégicas indias, o bien reconozcan la legitimidad de su posición hegemónica.

Puntualmente, con respecto a las relaciones entre la India y América Latina, éstas no se han limitado al *soft power*, sino también al *hard power*. En este sentido cabe destacar:

- Las facetas duras del poder en América Latina han sedimentado principalmente en un vínculo privilegiado y creciente con Brasil, país con el que ha desarrollado acciones que bien pueden fundamentar el aserto de que ambos países avanzan hacia una alianza de tipo estratégico.
- En su relación con Argentina, India ha ido tejiendo una red de acuerdos e iniciativas que podrían sentar bases para una futura relación dotada de elementos de poder duro; con Chile, igualmente, está empeñada en estrechar vínculos con un componente militar muy visible.
- Finalmente, las características de la presencia india en Haití permiten concluir que se trata de una iniciativa destinada a enviar señales -urbi et orbi— del compromiso de la India; tanto con la gobernabilidad internacional, como con el reforzamiento del papel de la ONU en la seguridad internacional.

La presencia india en América Latina no representa un desafío para los Estados Unidos. Tal como sostiene Witker, por un lado, no tiene la magnitud china ni la rivalidad rusa; y tampoco busca rivalizar con estos países en el mercado de armas hacia la región. Sin embargo si resulta significativa para la seguridad internacional por su capacidad nuclear, por su vocación hacia el multilateralismo y, considero, por la historia que une a la región con este país que se remonta al Movimiento de los Países No Alineados.

¹⁸ *Ibid.*, 74.

c) Rusia

“Lo que necesita Rusia es más Rusia, no más Occidente”.

Fiodor Dostoievsky

Una de las ideas fuerza que subyacía tanto la política internacional de la Unión Soviética como de Rusia, es la supeditación de la economía a los orientaciones políticas. Sin embargo, luego del descalabro político, económico y social que significó el fin de la Unión Soviética, la nueva elite política subrayó, en el documento denominado “Concepto de Seguridad Nacional de 1999” que “la implementación de los intereses nacionales de Rusia serán únicamente posibles con una economía desarrollada y estable”. En consecuencia, en la transición Rusia apostó a la diplomacia y la negociación con los países occidentales. Una vez en el poder, Vladimir Putin, potenció la diplomacia multilateral, al mismo tiempo que modernizaba las Fuerzas Armadas. El creciente unilateralismo estadounidense y la expansión de la OTAN hacia Europa del Este, convenció a Rusia que debía abandonar “su política de pasividad para iniciar una «política de contención» que impidiese la pérdida de su influencia sobre el espacio de seguridad geoestratégica en sus fronteras”¹⁹.

Por lo expuesto, las dos prioridades de la política exterior rusa son garantizar su seguridad manteniendo la influencia sobre los países de su entorno estratégico, de una parte, y fomentando la estabilidad de un sistema internacional multipolar, de otra. Para ello considera esencial su participación en el concierto de las potencias mundiales con objeto de intervenir en la adopción de las decisiones y la elaboración de las normas jurídicas que determinan el funcionamiento del sistema internacional.

El vertiginoso ascenso de Vladimir Putin al poder, primero como Primer Ministro, y luego como Presidente desde el año 2000, significó también la búsqueda de una recomposición del posicionamiento en el escenario internacional de Rusia. Como señala Alberto Hutschenreuter²⁰, éste país buscó influir en la “creación de una estructura de relaciones internacionales basada en la predominancia de los países occidentales”. Asimismo, tenía por objetivos²¹:

- Fortalecer el rol de Rusia en un esquema multipolar;
- Frenar iniciativas tendientes a afectar sus intereses nacionales; y
- Impedir acciones que buscaran debilitar su rol en Europa, Medio Oriente, Transcaucasia, Asia Central y en Asia-Pacífico.

¹⁹ Calduch Cervera, Rafael, “Rusia ¿vieja potencia o potencia emergente?”. En Centro Superior de Estudios de la Defensa Nacional (Ed.). Brasil, Rusia, India y China (BRIC): una realidad geopolítica singular. Madrid: Ministerio de Defensa, 2011, 33.

²⁰ Hutschenreuter, Alberto, La política exterior rusa después de la Guerra Fría. Buenos Aires: Areté Grupo Editor, 2011, 333.

²¹ Ibid.

Estas apreciaciones fueron plasmadas en el documento “Concepto de Seguridad Nacional de la Federación Rusa”, aprobado por Decreto el 10 de enero de 2000. En correspondencia, ese mismo año se aprobaron la “Nueva Doctrina Militar de la Federación Rusa” y el “Concepto de Política de la Federación Rusa”. Esta nueva doctrina implicaba impulsar una política exterior activa que llevara no tanto un reconocimiento simbólico de Rusia, sino, más bien, que fuera reconocida y “tratada como actor preeminente”²². Para ello había que superar el doble efecto, interconectados, que la globalización tuvo en Rusia: la debilidad del Estado y el desorden interno que fortaleció a la oligarquía rusa y a las autoridades regionales. En este sentido, Vladimir Putin defendió:

Una estrategia de largo plazo para fortalecer el Estado como garante del orden, sujeto regulador, iniciador de reformas y basado en tradiciones distintas al liberalismo norteamericano o británico²³.

El fortalecimiento del Estado en materia de política exterior implicó terminar con las diplomacias paralelas del Ministerio de Defensa y del Estado Mayor del Ejército, incluso la de los “nuevos magnates”, entre otras, y empoderar al Ministerio de Relaciones Exteriores²⁴.

En lo que respecta a la política de defensa, Vladimir Putin incrementó la inversión en defensa, que promediaron un 25% durante su gestión. Ello se tradujo, y en función de la Doctrina Militar (2000) y las enseñanzas de la Guerra de Kosovo (1998), en una mejora en los degradados sueldos militares y fundamentalmente, en la modernización de los sistemas de armas rusos. En este sentido, Rusia recordó que “se reservaba el primer golpe nuclear”, lo cual se había debido a “la inversión estratégica que se había producido en el terreno de las armas nucleares”, donde la Unión Soviética había tenido la preeminencia durante la Guerra Fría (1947-1991) y a cierta nostalgia estratégica por el papel que dicha arma le había dado a Rusia²⁵.

La Doctrina Militar del año 2010 señala, entre otros, como los principales peligros para la Federación Rusa:

- a) la expansión y de despliegue de fuerzas militares de la OTAN en los ex países de Europa del Este;
- b) los reclamos territoriales hacia la Federación Rusa y sus aliados y la interferencia en sus asuntos internos;
- c) la proliferación de armas de destrucción masiva;
- d) la violación de los acuerdos internacionales;
- e) proteger a ciudadanos de la Federación Rusa en el exterior; y

²² Ibidem, 334.

²³ Ibidem, 336.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid., 344.

f) la expansión del terrorismo;

En materia de relaciones militares bilaterales y multilaterales, el documento señala que éstas están dirigidas a:

- Fortalecer la seguridad internacional y la de Rusia;
- Desarrollar relaciones con los integrantes de la Comunidad de Estados Independientes y con los miembros de la Organización del Tratado de Seguridad Colectiva;
- Fomentar la creación de sistemas de seguridad regional;
- Participar de las Operaciones de Paz de las Naciones Unidas; y
- Mantener relaciones igualitarias con Estados y Organismos Internacionales en materia de no proliferación de armas de destrucción masiva.

En este marco, ¿cómo se inserta América latina? De acuerdo a Violetta Sheykina existen tres niveles de relacionamiento. El primero estaría dirigido a restablecer las relaciones con aquellos países con los que la Unión Soviética tenía relaciones y que se habían cortado por el colapso de la misma, como por ejemplo, Cuba y Nicaragua. El segundo nivel agrupa a países que ven a Rusia como un contrapeso a los Estados Unidos. En este grupo la autora agrupa a Venezuela y Bolivia. Finalmente, el tercer nivel estaría dirigido a aquellos países con los que no había tenido ninguna relación, pero que durante la primera década del Siglo XXI adquirieron un significado especial en términos económicos y estratégicos. En esta categoría se incluye a Argentina y Brasil.

La prioridad de las relaciones de Rusia con América Latina pasa por los vínculos estratégicos y políticos, en tanto que los lazos económicos continúan siendo irrelevantes. Violetta Sheykina²⁶ argumenta que

De esta manera, es evidente que Rusia no solamente está dispuesta a convertirse en el contrapeso de los Estados Unidos en América Latina, sino también a tomar bajo su tutela política y económica a ciertos regímenes. Además, la actividad militar-política de Rusia en esta región se puede evaluar como una respuesta geopolítica del país a los EE.UU. por el fortalecimiento de su influencia en esfera de los intereses geoestratégicos rusos, precisamente en los países de la antigua URSS. Gracias a eso, Rusia intenta equilibrar su posición geopolítica y compensa las pérdidas territoriales tanto en el presente como en el futuro.

Las relaciones con los países de la región son crecientes en términos políticos y estratégicos, como dijimos, más que en lo económico, aunque cabe destacar que la región es visualizada como un importante mercado para la industria militar rusa.

²⁶ Sheykina, Violetta (2010), “Historia de las relaciones Rusia-América Latina: evolución y prospectiva”. En Revista Electrónica Iberoamericana Vol 4 N° 1. Madrid: Centro de Estudios de Iberoamérica — Universidad Rey Juan Carlos [Recuperado el 27 de julio de 2017 de https://www.urjc.es/images/ceib/revista_electronica/vol_4_2010_1/REIB_04_10_Sheykina.pdf]

Claramente a su tradicional socio, Perú, se le ha sumado fuertemente Venezuela. Más allá de las intenciones rusas y de algunos países de América Latina de contrabalancear a los Estados Unidos, existen limitaciones debido a las capacidades de los propios países de la región, a sus ciclos de alineamiento político con los Estados Unidos (los casos de Argentina y Brasil desde el 2015) y, ciertamente, a que la recuperación de Rusia en el escenario internacional todavía es incipiente y que resulta prioritario para ella mantener su influencia en los países de la ex Unión Soviética que se ven asediados por la creciente presencia de la Organización del Tratado del Atlántico Norte (OTAN).

Las relaciones militares entre Rusia, India y China con América Latina

En el presente apartado se propone analizar las relaciones militares entre China, India y Rusia con América Latina a partir de tres ejes: gasto en defensa y la compra-venta de armas; la cooperación militar; y los ejercicios militares. Creemos que estudiar la mayor o menor injerencia de estas potencias emergentes en América Latina únicamente a partir de la compra de armamentos puede llevarnos a una conclusión errónea de la profundidad o no de las relaciones militares. Asimismo, consideramos conveniente analizar una serie de datos larga porque las contingencias macroeconómicas pueden producir distorsiones en el análisis, falseando una realidad que, en términos relativos con la presencia de las potencias occidentales, no sería como la pregonada con temor por algunos medios y analistas.

a) Gasto en defensa y compra de armas

La venta de armas de China, India y Rusia a la región requiere de dos condiciones: el aumento del gasto en defensa y la calidad de ese gasto y la voluntad de esas potencias de vender las armas. Puede haber voluntad, pero sin plata no se puede comprar el armamento que se ofrece. En efecto, y parafraseando a Zubezko (2010), mientras América Latina deseaba y podía comprar armas Rusia y China, principalmente, incrementaron sus exportaciones en este rubro y diversificando a sus clientes.

En este sentido, mientras que el gasto militar aumentó un 19% en términos reales entre 2006 y 2015 a nivel mundial; entre 2014 y 2015 el incremento fue solo del 1%. Sin embargo, China, Rusia e India aumentaron sus presupuestos en un 132%, un 91% y un 43%, respectivamente, en esos nueve años. Por su parte, en América Latina y el Caribe los gastos militares retrocedieron en un 2.9%, siguiendo la pauta de la mayoría de los países de Occidente, donde esta cifra cayó en un 1,3% (Perlo-Freeman *et al*, 2016). Esto constituye un quiebre con la tendencia que se observó durante la primera década del Siglo XXI: el gasto en defensa se había incrementado en un 42% entre el 2000 y el 2009.

Si observa con mayor detalle, y estudiando el gasto en defensa como porcentaje del PBI, pueden realizarse algunas observaciones. En primer lugar, que el gasto en defensa en Suramérica sigue siendo bajo, en tanto que, en promedio, no supera el 1,6% del PBI; mientras que en América Central el gasto se ubica en promedio en el 0,8%. Cabe destacar que en ambos casos el gasto se mantuvo prácticamente constante a lo largo de diez años, presentando una caída en el caso suramericano y un alza en el caso de América Central (Department of State, 2016).

Cuadro N° 1

Gasto en Defensa en relación al PBI por regiones

2004-2014					
Ranking	Regiones	Valor Medio	Valor Mínimo	Valor Máximo	Porcentaje de Cambio de Promedio Anual
1	América	3,2%	2,8%	3,8%	0,1%
2	Asia	2,4%	2,3%	2,5%	0,1%
3	África	2,0%	1,9%	2,2%	-0,1%
4	Europa	1,9%	1,8%	2,0%	-0,3%
5	Oceanía	1,8%	1,6%	2,0%	-1,9%
1	Medio Oriente	4,9%	4,1%	5,9%	2,3%
2	Norteamérica	4,1%	3,5%	4,9%	0,6%
3	Europa, no-UE (2014)	3,1%	2,8%	3,6%	2,1%
4	Norte de África	2,8%	2,5%	3,3%	1,5%
5	Sur de Asia	2,6%	2,4%	2,9%	-1,2%
6	África del Este	2,2%	1,9%	2,7%	-2,8%
7	Asia Central	2,0%	1,7%	2,2%	3,0%
8	Oceanía	1,8%	1,6%	2,0%	-1,9%
9	Asia del Este	1,8%	1,7%	1,9%	-0,2%
10	África Central	1,8%	1,5%	2,4%	-0,2%
11	Sudeste de África	1,7%	1,6%	1,8%	0,0%
12	Suramérica	1,6%	1,5%	1,7%	-0,6%
13	Unión Europea (2014)	1,6%	1,4%	1,7%	-2,1%
14	América Central & Caribe	0,8%	0,7%	0,9%	3,3%
15	África Occidental	0,8%	0,7%	1,0%	-2,6%

Fuente: Department of State (2016).

En segundo lugar, la compra-venta de armas puede obedecer a variados motivos. Zubelzo²⁷ reseña que éstas pueden deberse a: a) intereses económicos; b) la búsqueda de influencia política c) una combinación más o menos óptima de ambas; y d) un proceso en el que originalmente primo a) pero que devino en b). Por tal motivo, hemos reseñado en los apartados previos los lineamientos de la política exterior y defensa de estas potencias.

En el caso de América Latina, el gasto aumentó entre el año 2000 y 2009 como consecuencia del aumento en los precios internacionales de las materias primas, principales productos de exportación de la región, que permitió realizar “una ola de compras que había sido demorada”. En efecto, mientras que durante las dictaduras que dominaron el continente desde la década de los '60 hasta fines de los '80, en algunos casos, y en el marco de la Guerra Fría, la Doctrina de Seguridad Nacional y la vigencia de las tradicionales hipótesis de conflicto, el gasto en defensa se incrementó; a partir del retorno de los regímenes democráticos, la minimización de los conflictos regionales y la implosión de la Unión de Repúblicas Socialistas Soviéticas (URSS), se produjo un proceso de restricción del gasto militar debido a la necesidad de fortalecer el control civil sobre las Fuerzas Armadas, la depresión económica de los años '80 y el ajuste neoliberal de los '90. Al respecto, Jorge Battaglino (2008: 34), debatiendo con Fabián Calle²⁸, sostiene

en un contexto de paz fría, en el que la posibilidad de conflicto es remota sin que la paz se haya consolidado por completo. En estas situaciones, las compras de armas no son consideradas como un simple reemplazo de material o como el resultado de una modernización, pero tampoco como un rearme o como el inicio de una carrera armamentista, como ocurre en contextos de paz inestable o frágil. Son, de hecho, el resultado de un cálculo racional en el que intervienen dos factores: la voluntad de modernización del arsenal militar y la necesidad de disuadir (...)

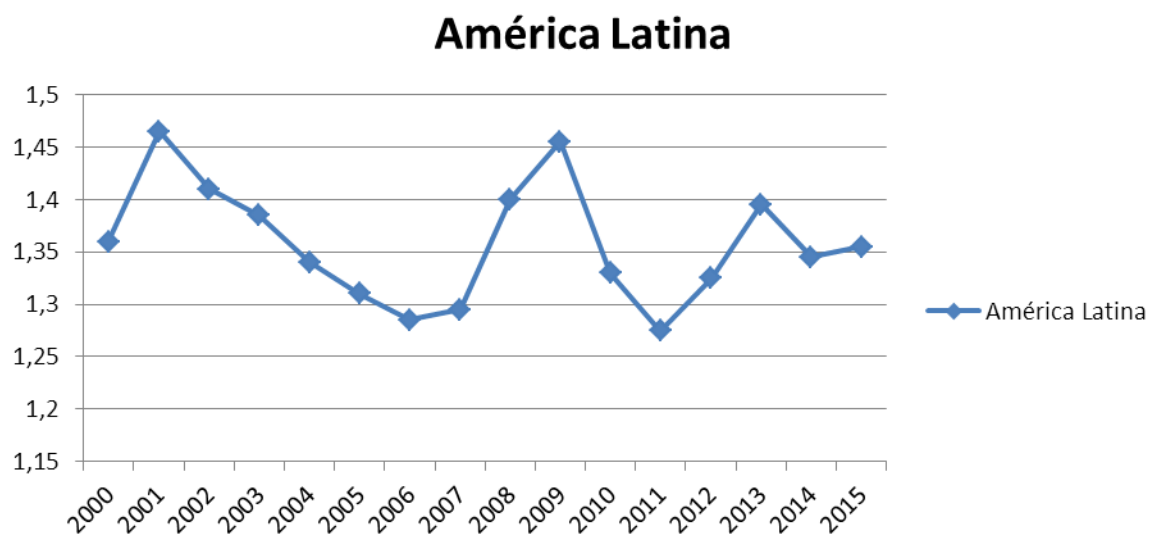
Más adelante Battaglino agrega que la compra de armamentos “no debería ser visto como un indicador de aceptación de inferioridad militar, sino más bien como una lectura racional de un contexto en el que la paz parece no estar puesta en duda”. La perspectiva del largo plazo le ha dado la razón a este autor porque, efectivamente, una vez que los ingresos extraordinarios producidos por los precios de las materias primas disminuyeron, los gastos en defensa se estabilizaron. En este mismo sentido se pronuncian Rafael Villa y Juliana Viggiano cuando concluyen que la re-

²⁷ Zubelzu, Graciela Beatriz (2010), “La presencia rusa en América Latina: alcance, focos de interés y límites”. Ponencia presentada en el V Congreso Latinoamericano de Ciencia Política. Asociación Latinoamericana de Ciencia Política. Buenos Aires: Congreso Latinoamericano de Ciencia Política. Asociación Latinoamericana de Ciencia Política

²⁸ Mientras Fabián Calle argumenta sobre la existencia de una carrera armamentística; Juan Battaleme (2009) también sostiene el argumento que la compra de armas traerá mayor inestabilidad en la región.

capitalización efectuada por las Fuerzas Armadas de Suramérica “estuvo solamente dirigida a actualizar y reemplazar equipamiento militar obsoleto”

Gráfico N° 1: Gasto en defensa en América Latina como porcentaje del PBI

Fuente: Elaboración propia en base a datos de Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI).

Esto no supone, por el contrario, adoptar una explicación unicausal al aumento del gasto en defensa entre el 2006 y el 2009: el aumento del precio de las materias primas. Sino que las compras se produjeron en dicho contexto y a una necesidad de modernización del Instrumento Militar en una región que se caracteriza por ser una zona de paz. Si bien, esta es la explicación “principal”, y tal como señala Isacson, un análisis más detallado muestra también que en algunos países han pesado la persistencia de los conflictos limítrofes y el empleo de las Fuerzas Armadas en situaciones de seguridad interior (crimen organizado, narcotráfico, entre otros) y de conflictos internos.

Tanto los datos de SIPRI como de la Red de Estudios de Seguridad y Defensa en América latina (RESDAL) muestran que el gasto en defensa en la región, comparado de punta a punta, se han mantenido invariable en torno al 1,3% del PBI. Si desagregamos los datos entre América del Sur y América Central, podemos observar que los promedios de gastos son aproximadamente del 1,5% y del 1,2% del PBI respectivamente.

Al respecto, la evaluación realizada por el CEED muestra algunos matices en la evolución del gasto con respecto a la información provista por el SIPRI.

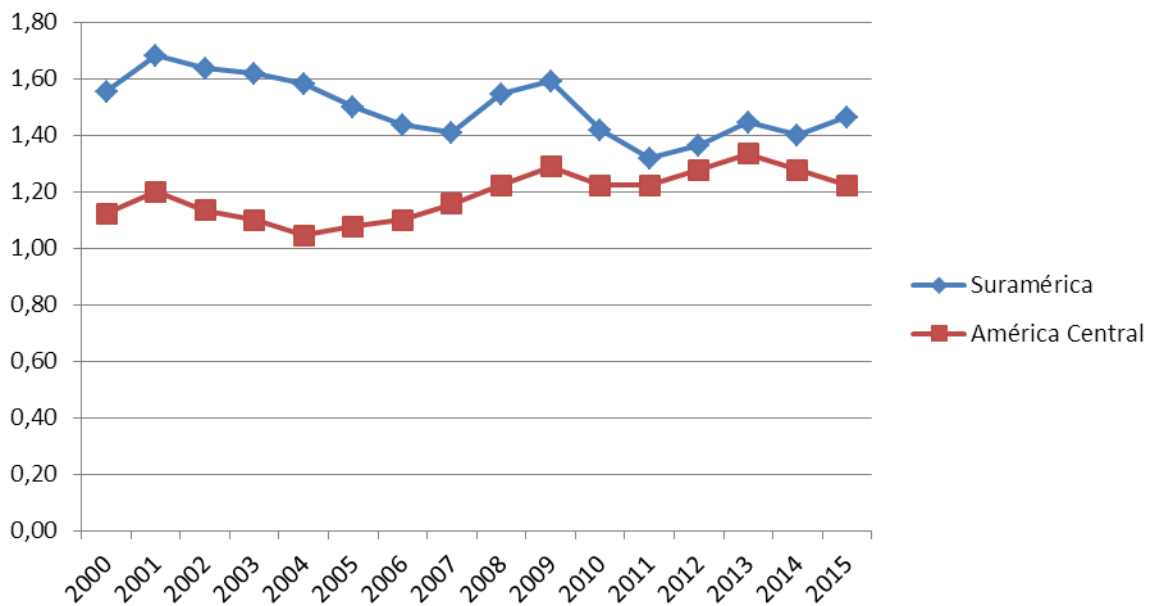
Tanto como % del PBI regional muestra una tendencia ascendente. Sin embargo, en lo que respecta a la participación del gasto fiscal se observó una caída importante en el año 2015.

Gráfico N° 2: Gasto Regional Anual en Defensa como Porcentaje del PBI y del Presupuesto del Estado (2006-2016)

Fuente: Resdal (2016)

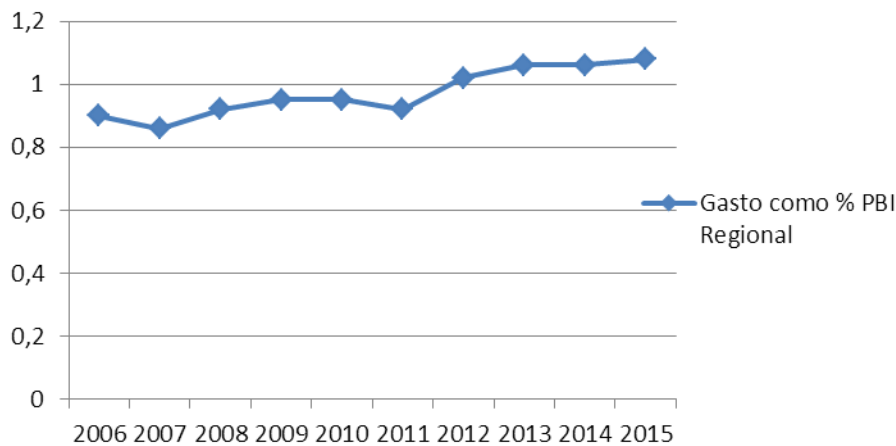
Gráfico N° 3: Gasto en defensa en Suramérica y América Central como porcentaje del PBI

Fuente: Elaboración propia en base a datos de Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI).

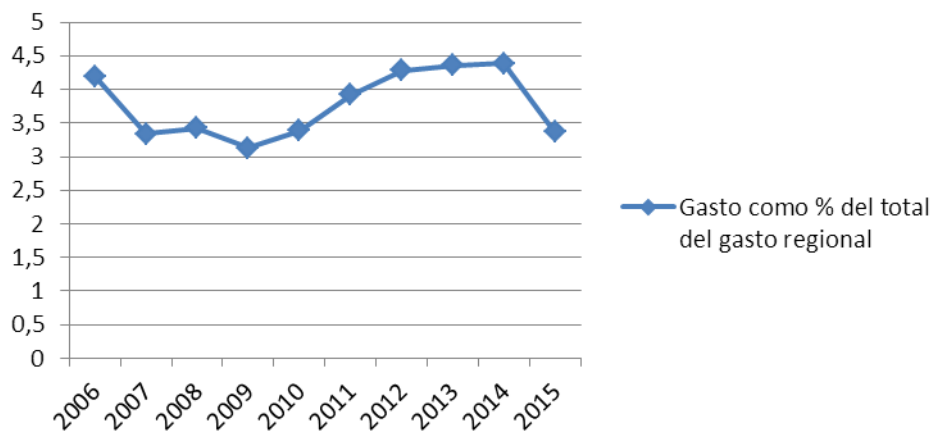
Estas diferencias pueden deberse a cuestiones metodológicas porque a diferencia de otras organizaciones, el CEED evalúa el gasto efectivamente ejecutado, es decir, no el presupuestado.

Gráfico N° 4: Gasto como % PBI Regional

Fuente: CEED (2017)

Gráfico N° 5: Gasto como % del total del gasto regional

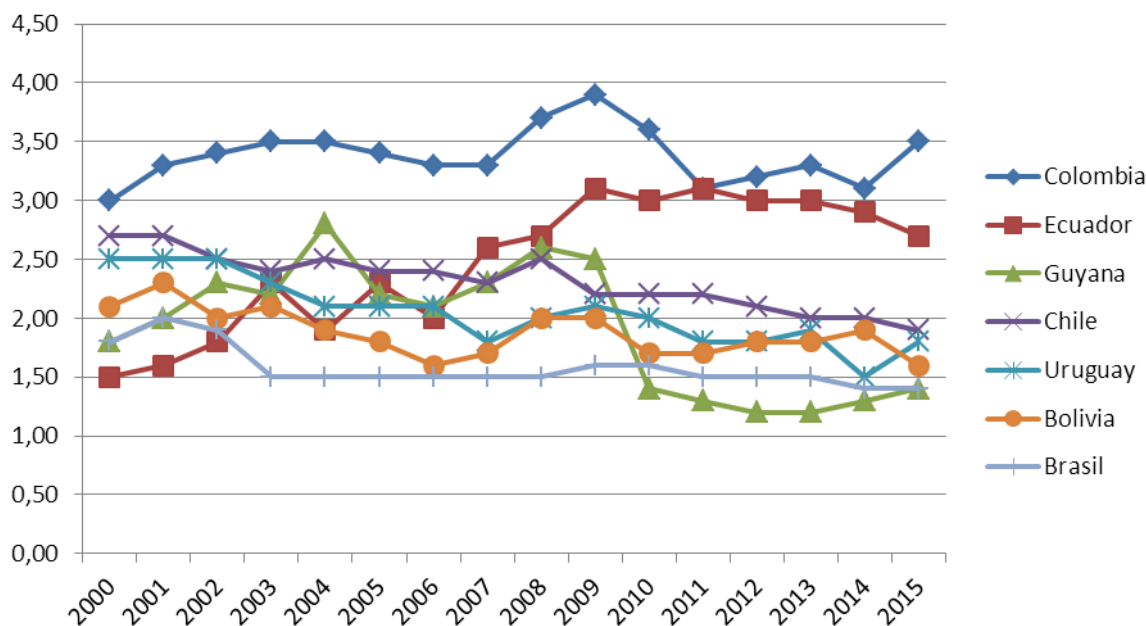

Fuente: CEED (2017)

Asimismo, y como puede observarse en el Gráfico N° 6, no existe una correlación positiva en la tendencia de los gastos en defensa de los cinco países que más han invertido en este rubro en la última década (tomando como referencia el año 2009 porque fue en el que más se ha gastado en defensa en la región). En consecuencia, no puede afirmarse que haya existido una carrera armamentística regional.

A los efectos de reforzar estos argumentos podemos recurrir también a los datos del Centro de Estudios Estratégicos de la Defensa (CEED) de la Unión Suramericana de Naciones (UNASUR) y de la Red de Estudios de Seguridad y Defensa de América Latina (RESDAL). Por un lado, el CEED ha estandarizado, por mandato

Gráfico N° 6: Gasto en defensa en como porcentaje del PBI en los cinco países que más gastan en la región (Base 2009)

Fuente: Elaboración propia en base a datos de Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI).

del Consejo de Defensa Suramericano (CDS), una metodología para comparar los gastos de defensa de Suramérica²⁹.

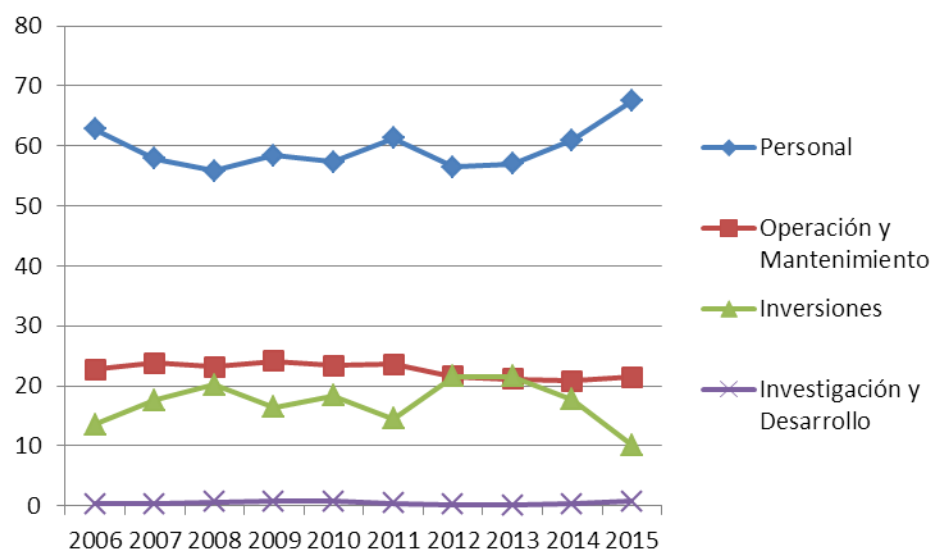
En tercer lugar, no hay que caer en la tentación de efectuar un análisis “realista de ferretería”, esto es, detenernos en la evolución del gasto y en las compras de armas que han efectuado. Un estudio más acertado debe desagregar el gasto e incluir también como indicadores la doctrina de empleo, el despliegue y el eje de gravedad del Instrumento Militar. Éstos, junto con el gasto y la compra de armas, deben ser evaluados en un contexto no solo de baja probabilidad de ocurrencia de conflictos armados interestatales entre los países de la región, sino que también América Latina y, particularmente, América del Sur han mostrado un fuerte apego a la resolución pacífica de los conflictos.

Como podemos observar, el gasto en personal representa aproximadamente el 60% del total del gasto en Suramérica. Asimismo, resulta insignificante el gasto destinado a investigación y desarrollo, mientras que las inversiones están asociadas a las fluctuaciones del ciclo económico, como ya hemos visto con Jorge Battaglini.

Entremos ahora en el detalle de la compra y venta de armas en América Latina. Debemos volver a subrayar que este rubro representa menos del 20% del total del gasto en el caso de Suramérica.

²⁹ El CEED entiende por gasto en defensa a “todos los recursos asignados por el Estado para el financiamiento de las actividades que comprenden la seguridad exterior de la Nación. Incluye también la asistencia externa recibida para ese fin (monetaria y no monetaria).

Gráfico N° 7: Gasto Regional Anual en Defensa en Porcentajes por objeto de Gasto (2006-2015)

Fuente: CEED (2017)

Cuadro N° 2

Gasto en defensa por objeto del Gasto (2006-2016)

PAIS	2006		2008		2010		2012		2014		2016	
	P	I	P	I	P	I	P	I	P	I	P	I
Argentina	77,1	2,4	78,7	3,1	75,4	3,1	76,4	3,9	78,4	2,3	80,8	2,4
Bolivia	69,9	3,8	62,1	5,2	62,2	5,8	63,6	3,7	63,0	5,0	66,1	3,0
Brasil	74,8	6,3	70,3	10,9	71,6	14,0	70,0	14,0	67,6	12,6	74,7	9,4
Chile	55,3	25,8	50,5	31,6	58,4	24,0	59,6	21,9	60,4	19,7	67,1	11,7
Colombia	48,9	12,7	43,9	25,5	48,8	14,0	49,3	11,3	49,8	11,9	56,2	5,5
Ecuador	73,0	5,3	78,6	1,8	74,4	15,3	81,4	7,2	75,9	8,7	83,7	6,7
El Salvador	75,0	7,7	72,6	7,4	72,6	3,0	75,0	2,4	77,2	1,5	79,4	1,5
Guatemala	51,9	11,6	55,8	2,3	61,6	1,4	62,7	4,8	56,3	13,2	67,1	7,9
Honduras	72,1	0,7	71,5	4,9	77,0	0,6	84,1	1,6	69,6	3,1	67,0	2,6
México	79,5	0,8	78,7	3,0	75,2	5,3	74,3	4,8	70,9	9,8	65,7	14,2
Nicaragua	58,7	3,4	57,7	2,6	62,6	2,4	44,6	25,3	42,2	22,6	65,4	4,6
Paraguay	84,8	3,7	84,0	5,7	81,8	7,1	69,7	18,3	82,3	7,4	83,9	5,6
Perú	51,5	3,3	47,6	7,9	48,5	14,9	48,4	24,9	51,8	23,3	56,3	24,5
República Dominicana	76,0	3,8	73,7	8,7	80,7	4,6	78,7	1,6	80,0	1,2	79,5	1,5
Uruguay	73,6	5,1	73,8	5,4	79,7	5,8	80,0	3,3	81,0	3,1	85,9	1,7
Venezuela	75,2	13,3	76,7	2,3	82,5	1,6	48,6	40,9	49,4	34,3	69,1	4,3

Fuente: Elaboración propia en base a las leyes de presupuesto de cada país.

El valor del dólar tomado corresponde al tipo de cambio según el World Economic Outlook Database, FMI, para cada año considerado. Se ha tomado esta fuente con fines comparativos.

Se considera como presupuesto de defensa, todos aquellos recursos destinados a satisfacer las necesidades del sistema de defensa, independientemente de la clasificación institucional específica expresada en los presupuestos.

Se considera como "inversión" lo expuesto en los siguientes ítems: Inversión real directa (Argentina), Activos reales (Bolivia), Inversiones del presupuesto fiscal y de seguridad social, y Presupuesto de inversión (Brasil), Adquisición de activos no financieros e Iniciativas de inversión, e ingresos al Fondo de la Ley Reservada del Cobre (Chile), Inversión (Colombia), Programa anual de inversiones (Ecuador), Inversión institucional (El Salvador), Propiedad, planta, equipos e intangibles (Guatemala), Adquisiciones de bienes de capital (Honduras), Inversión (México), Gastos de capital/Bienes de uso (Nicaragua), Inversión física (Paraguay), Adquisición de activos no financieros e ingresos al Fondo de las Fuerzas Armadas (Perú), Activos no financieros (República Dominicana), Inversión (Uruguay), Activos reales (Venezuela). Diferente grado de detalle sobre las inversiones se presentan en las leyes de presupuesto de cada país. Para mayor detalle, consultar la sección "Los países" de la presente publicación. En los casos de Chile y Perú se ha incorporado provisiones extrapresupuestarias previstas por ley.

Fuente: Resdal (2016)

Paralelamente, la venta de servicios militares y armas por parte de las 100 mayores empresas en el mundo, sin contar China, alcanzó un pico en el año 2010, produciéndose un descenso desde entonces hasta el año 2015, aunque las cifras se mantienen un 43% más altas que en el año 2002. Esta disminución en el quinquenio obedeció a la crisis económica de los países centrales y al retiro de tropas, tanto de Afganistán en el 2014 como de Irak en el 2011. Sin embargo, esta caída se ha visto atemperada por el incremento en las ventas de empresas rusas, que se convirtió en el segundo mayor exportador, junto a otros países como Brasil, Turquía y Corea del Sur. Estos países, junto con otros, representan el 29,7% del total de las ventas realizadas en el año 2014. Cabe destacar que SIPRI (2016) no incluye a las empresas chinas porque no existen suficientes datos como para efectuar la comparación. En cuanto a India, el informe de SIPRI sostiene que ha desarrollado sus capacidades industriales militares durante décadas, pero aún es un importante importador de armas.

Luego del final de la Guerra Fría, el volumen de ventas de armas disminuyó a nivel global hasta el año 2002, cuando la tendencia se revirtió, aunque sin alcanzar las cifras de los años '80. En lo que respecta a los mayores proveedores, los Estados Unidos y Rusia (antes la Unión Soviética) han sido los mayores vendedores de armas desde 1950. Si agregamos a Europa occidental, la participación global de estos países en la venta de armas se ha incrementado entre 2006-2010 y 2011-2015. A estos países se ha sumado China que en los últimos años se ha convertido en uno de los mayores exportadores.

En el período 2011-2015, los mayores exportadores de armas fueron los Estados Unidos, Rusia, China, Alemania y Francia que representaban el 74% de las ventas totales. No obstante, los dos primeros aún representan más del 50% del mercado. En el Cuadro N° 2, podemos observar quienes han sido los principales compradores a nivel mundial.

No hay duda que los Estados Unidos continuará siendo el principal exportador de armas en los próximos años. El volumen de sus ventas se incrementó un 33% entre 2006-2010 y 2011-2015. Sus principales clientes se ubican geográficamente en el Noreste de Asia, Sur de Asia, Oceanía y Medio Oriente, en donde se destacan Arabia Saudita y los Emiratos Árabes Unidos. Debe tenerse presente que la venta de armas forma parte de su política de seguridad, apoyando con las mismas a sus aliados en aquellas regiones donde existen potenciales amenazas.

Las exportaciones de Rusia han crecido un 28% entre 2006-2010 y 2011-2015. Las regiones de sus exportaciones se encuentran en Asia y Oceanía, seguidos por África y Medio Oriente; siendo sus principales clientes India, China y Vietnam que representan el 61% del total.

El volumen de las exportaciones de China se incrementó en un 88% entre 2006-2010 y 2011-2015. Los principales compradores de sus armas son Pakistán, Myanmar y Bangladesh, lo cual genera preocupaciones de seguridad en la India. En términos regionales, Asia y Oceanía representaron el 75% de las exportaciones de este país.

**Principales destinos de las ventas de armas de Estados Unidos, Rusia y China,
2011-2015**
(Las cifras representan el porcentaje del total de exportaciones de cada vendedor
a cada región)

Compradores/Vendedores	EEUU	Rusia	China
África del norte	2,3	7,4	5
África subsahariana	0,5	3,4	12
Suramérica	2,3	6,2	5
Asia Central	0,1	2,3	0
Noreste de Asia	16	11	0
Sureste de Asia	7,2	14	20
Oceanía	6,6	0	0
Sur de Asia	11	41	55
Unión Europea	9,2	0,1	0
Medio Oriente	41	8,2	3

Fuente: Wezeman et al, 2016: 570.

Las importaciones de armas en el continente americano cayeron en un 6% entre 2006-2010 y 2011-2015. Mientras que en el primer período representaban el 12 % del total del volumen vendido; en segundo, el continente americano participó solamente en el 9,6% de las compras totales en el mundo³⁰.

Mayores compradores de armas en América Latina

País	Ranking 2001-2005	Ranking 2006-2010	Ranking 2011-2015
Venezuela	63	20	18
Brasil	24	31	28
México	44	63	33
Colombia	38	34	39
Chile	29	13	45

Fuente: Wezeman et al, 2016: 580-581 y Holtom et al, 2011: 5.

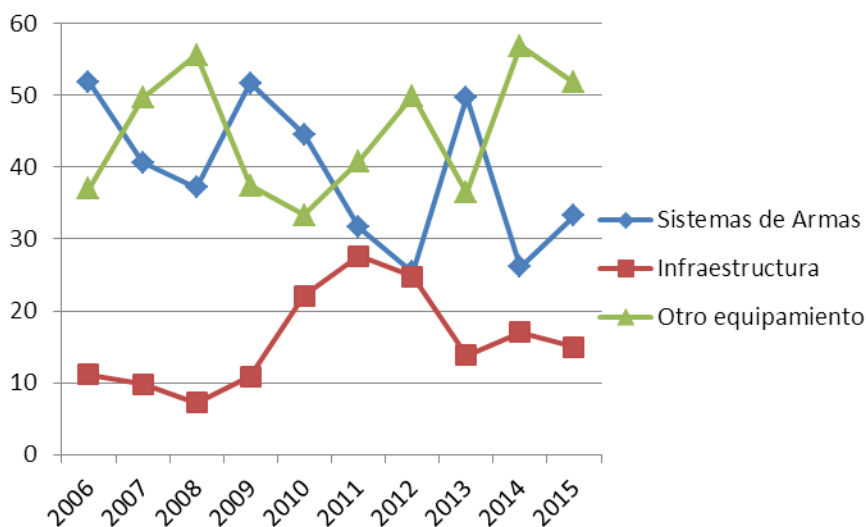
En cuanto a América Latina, los Estados Unidos fueron desplazados como el principal vendedor de armas a la región entre 2006 y 2009, principalmente por Rusia y Francia, que ha sido acompañado por una disminución del rol de este país en la región, en especial a partir del año 2005 cuando los países de América Latina rechazaron la creación del Área de Libre Comercio de las Américas (ALCA), y con estallido de la crisis financiera del 2008.

³⁰ Entre 2001 y 2005, el continente americano representó el 9% del total de las ventas mundiales (Holtom et al, 2011: 5).

Con respecto a Suramérica, si comparamos los mismos períodos, la caída de compras de armas fue del 19%. Entre 2006 y 2010, el subcontinente representó el 4% del total de armas compradas en el mundo, comparado con el 1,5% del período 2001-2005. Los principales proveedores de armas hacia esta subregión en el período fueron Rusia, Estados Unidos y Alemania con el 33%, 16% y el 10% respectivamente; mientras que los principales compradores fueron Venezuela, Brasil y México, aunque en el primer caso los contratos se efectuaron antes del 2010.

Ahora bien, ¿qué tipo de equipamiento se ha comprado en la región? De Acuerdo a los datos del CEED (2017), la incidencia de las inversiones en el gasto total de la defensa asciende al 17,18% en promedio en Suramérica. Si se desagregan los bienes incluidos en esta categoría se observa que el correspondiente a sistemas de armas sólo representa en promedio un 37.82% del total³¹.

Gráfico N° 8 Gasto regional anual desagregado por tipo de equipamiento (2006-2015)

Fuente: CEED (2017)

Como podemos observar, la mayoría del gasto en equipamiento se destinó a sistemas de apoyo, es decir, lo que el CEED denomina como infraestructura y otro equipamiento.

América Latina continúa siendo insignificante en el mercado global de armamentos. Como podemos ver en el cuadro precedente y el siguiente, apenas superó el 10% durante el boom de las materias primas en la región.

³¹ Sistemas de armas: comprende la adquisición y modernización de equipamiento destinado a la defensa, tales como aviones de combate, lanzamisiles. Infraestructura: abarca los gastos de construcción de instalaciones, así como la adquisición de bienes inmuebles. Otro equipamiento: incluye la adquisición y modernización de vehículos, aeronaves, buques de apoyo logístico, maquinaria y equipos de transporte, entre otros. También se incluyen los activos intangibles.

Cuadro N° 8 y 9

Principales destinos de las ventas de armas de los principales vendedores por región, 2001-2015 (Las cifras representan el porcentaje del valor de los acuerdos de cada proveedor por región en los periodos correspondientes)

	Asia		Cercano Oriente		América Latina		África		Total
	2001-2004	2005-2008	2001-2004	2005-2008	2001-2004	2005-2008	2001-2004	2005-2008	100%
EE.UU.	25.96%	21.80%	69.18%	73.94%	4.29%	3.98%	0.57%	0.29%	100%
Rusia	79.37%	47.60%	15.25%	38.39%	1.35%	12.80%	4.04%	1.19%	100%
Francia	57.41%	56.15%	38.89%	36.15%	1.85%	1.54%	1.85%	6.15%	100%
RUGB	38.36%	2.98%	61.64%	92.86%	0%	4.17%	0%	0%	100%
China	53.33%	52.46%	26.67%	24.59%	0%	8.20%	20%	14.75%	100%
Alemania	50%	57.89%	50%	36.84%	0%	5.26%	0%	0%	100%
Italia	18.18%	40%	45.45%	48.57%	18.18%	2.86%	18.18%	8.57%	100%
Total	49.61%	35.09%	42.36%	54.65%	3.97%	7.80%	4.06%	2.46%	100%

Fuente: Gobierno de los Estados Unidos extraído de Grimmett, 2009.

	Asia		Cercano Oriente		América Latina		África		Total
	2008-2011	2012-2015	2008-2011	2012-2015	2008-2011	2012-2015	2008-2011	2012-2015	100%
EE.UU.	15,46%	30,78%	79,59%	63,82%	2,21%	3,05%	2,74%	2,35%	100%
Rusia	48,78%	75,97%	19,21%	57,23%	27,74%	4,72%	4,27%	7,73%	100%
Francia	27,91%	22,10%	28,84%	75%	41,40%	1,81%	1,86%	1,09%	100%
RUGB	50%	12,62%	39,29%	85,44%	10,71%	1,94%	0%	0%	100%
China	48,04%	41,52%	27,45%	19,88%	7,84%	15,79%	16,67%	22,81%	100%
Alemania	33,33%	29,46%	59,26%	67,44%	5,56%	3,10%	1,85%	0%	100%
Italia	24,49%	22,73%	55,10%	63,64%	18,37%	6,82%	2,04%	6,82%	100%
Total	28,85%	31,33%	54,47%	61,11%	12,39%	7,17%	4,29%	4,19%	100%

Fuente: Gobierno de los Estados Unidos extraído de Theohary, 2016: 32.

Cuadro N° 10

Evolución de las ventas de armas de los principales vendedores a América Latina, 2001-2015 (Las cifras representan el porcentaje del valor de los acuerdos de cada proveedor por región en los periodos correspondientes)

	América Latina			
	2001-2004	2005-2008	2008-2011	2012-2015
EE.UU.	4.29%	3.98%	2,21%	3,05%
Rusia	1.35%	12.80%	27,74%	4,72%
Francia	1.85%	1.54%	41,40%	1,81%
RUGB	0%	4.17%	10,71%	1,94%
China	0%	8.20%	7,84%	15,79%
Alemania	0%	5.26%	5,56%	3,10%
Italia	18.18%	2.86%	18,37%	6,82%
Total	3.97%	7.80%	12,39%	7,17%

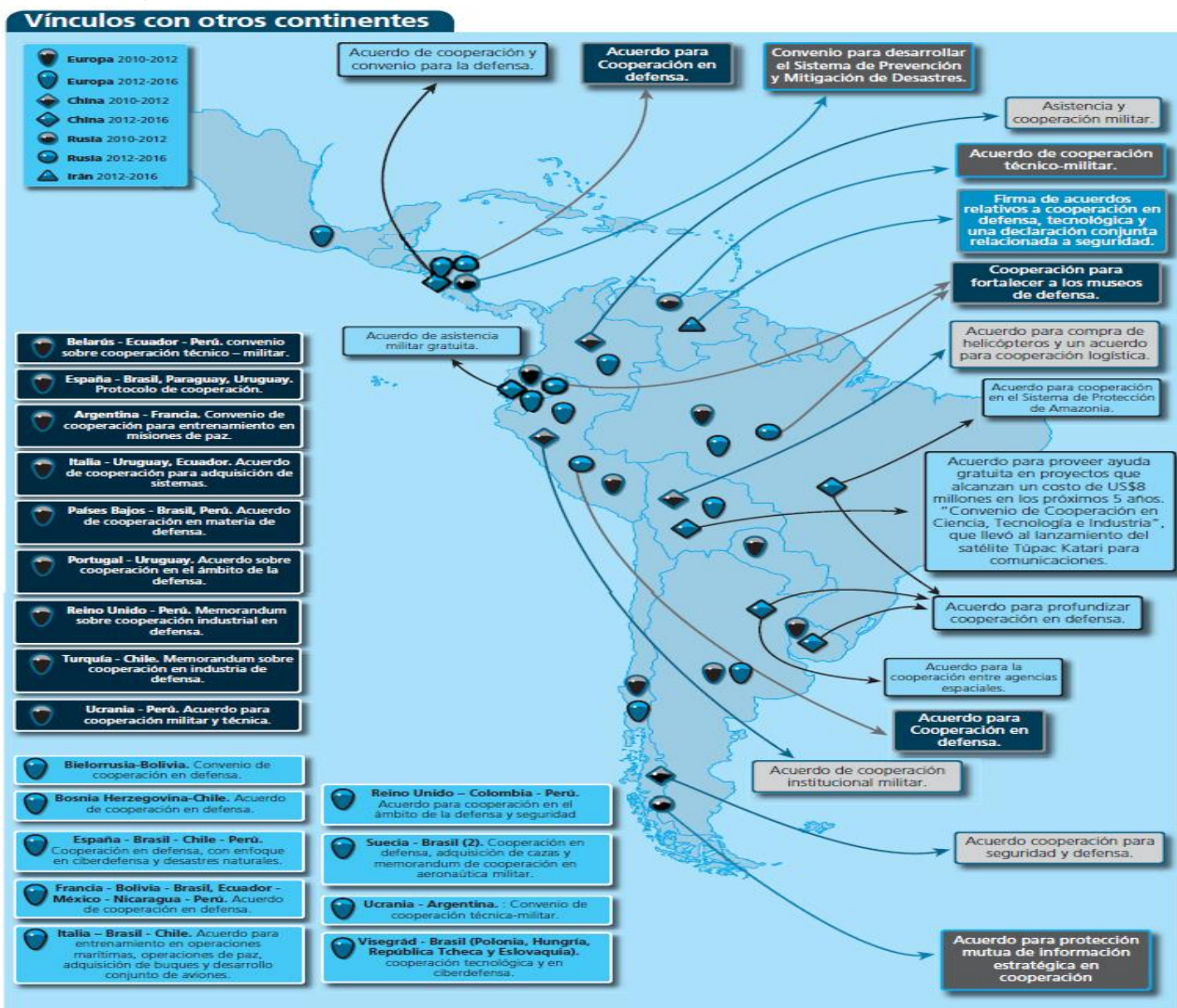
Fuente: Gobierno de los Estados Unidos extraído de Theohary, 2016: 32 y Grimmett, 2009.

Mientras que la presencia vendedora de algunos países ha oscilado, en consonancia con el boom de los precios de las materias primas; la República Popular China ha aumentado su presencia en la región, principalmente en relación a sus intereses económicos. No obstante, este país tuvo, como muestran los cuadros durante el boom económico de las materias primas, una presencia destacada como proveedor de armas.

b) Acuerdos bilaterales de Cooperación Militar

Los acuerdos bilaterales de cooperación en materia de defensa y/o militar son una medida de confianza mutua, pero también una muestra del relacionamientos que tienen los Estados entre sí. Esto pone de manifiesto el interés en determinados países y regiones.

Gráfico N° 9 Acuerdos bilaterales de América Latina con países extra regionales

Fuente: Memoria Institucional del Ministerio de Defensa de Bolivia (2013), Memoria Anual del Ejército de Nicaragua (2012), Informe y Memoria Anual de la Gestión del Gobierno Nacional de Uruguay (2012), páginas web del Ministerio de las Relaciones Exteriores de Bolivia, y de los Ministerios de Defensa de Brasil, Chile, Ecuador, Perú, Venezuela, del Ministerio del Poder Popular para la Ciencia y Tecnología de Venezuela, de la Presidencia de la República de Brasil (Portal Brasil), de la Armada Argentina.

Fuente: Resdal (2016)

Un repaso por los acuerdos que tiene firmado la región con países extra regionales sigue mostrando un importante desequilibrio a favor de los Estados Unidos, pero también de Europa Occidental. Esto se debe no solo a la inserción de América latina en occidente y en el área de influencia de los Estados Unidos, sino también a que la doctrina y la logística militar es herencia tanto de la superpotencia como de países como Francia y el Reino Unido de Gran Bretaña e Irlanda del Norte.

De la misma manera, la presencia de bases militares, tanto con despliegue de tropas o únicamente infraestructura que permita la realización de operaciones militares, así como aquellas cuya utilización no resulta tan clara, muestra una clara preeminencia de los Estados Unidos.

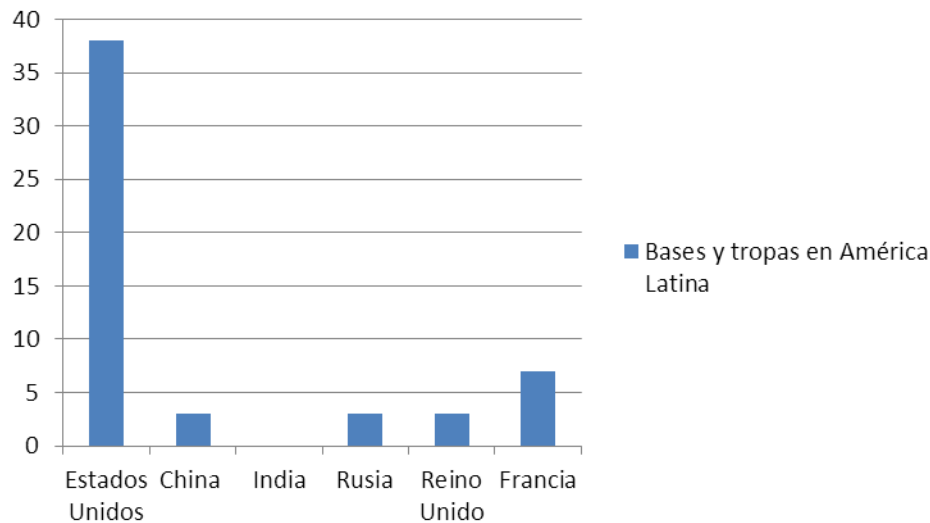
Cuadro N° 11

Bases y tropas militares en América Latina

	Estados Unidos	China	India	Rusia	Reino Unido	Francia
Argentina		*			*	
Aruba	*					
Belice					*	
Bolivia						
Brasil						
Chile	*					
Colombia	* (8)					
Costa Rica	*					
Cuba	*			?		
Curazao	*					
Dominicana	*					
Ecuador						
El Salvador	*					
Guadalupe						* (2)
Guatemala	*					
Guayana						* (3)
Guyana						
Haití	*	*			*	*
Honduras	* (3)					
Jamaica						
Martinica						* (2)
México	* (2)					
Nicaragua				?		
Panamá	* (12)					
Paraguay	* (2)					
Perú	* (2)	*				
Surinam						
Trinidad y Tobago						
Uruguay						
Venezuela				?		

Fuente: SERPAJ Chile (2015), y UN (2017, Simha (2017), Sputnik (2016) y Oppenheimer (2014).

Gráfico N° 10 Bases y tropas en América Latina

Fuente: SERPAJ Chile (2015) y UN (2017)

c) Ejercicios Militares Combinados

Los ejercicios militares son también una medida de confianza mutua, pero también un reflejo de la influencia doctrinaria y logística de una potencia en países en vías de desarrollo. Independientemente de los objetivos de estos ejercicios (adiestramiento para operaciones de paz, para el apoyo en situaciones de desastres naturales), permiten a las Fuerzas Armadas de los países de la región entrar en contacto con países con tecnología avanzada y realizar adiestramiento de medios y efectivos que serían costosos si solo fueran realizados en un solo país o, incluso, entre los países de la región.

El Cuadro N° 9 también refleja la preeminencia de los Estados Unidos frente a China, India y Rusia. Pese a la nueva presencia de estas potencias, la asimetría con la superpotencia es tan relevante como la historia de las relaciones militares de la región con estos países.

En síntesis, y como hemos podido ver a lo largo de este apartado, analizar las relaciones militares únicamente desde el aspecto de las ventas de armas puede llevar a conclusiones engañosas como las que se produjeron a fines de la primera década del Siglo XXI. La presencia de China, India y Rusia en la región, en lo que refiere al menos en materia de defensa, sigue siendo incipiente y que responde a diversos motivos y no solo debido a la búsqueda del desafío de la presencia de los Estados Unidos.

Reflexiones Finales

Las relaciones militares entre América Latina y China, India y Rusia son incipientes y nulas en comparación con los Estados Unidos.

Ejercicios Militares Combinados

	Estados Unidos	China	India	Rusia
Croix Du Sud	*			
Cruzex	*			
Dawn Blitz	*			
UNITAS	*			
Cambrian patrol	*			
Emeral Warrior	*			
Cooperación	*			
Fuerza Comandos	*			
BRACOLPER				
PANAMAX	*			
FAHUM	*			
Angel Thunder	*			
RIMPAC	*			
Tradewinds	*			
IBSAMAR			*	
KHAAN QUEST	*			
??? 2017 (i)				*
??? 2008 (iv)				*
Amazonlog (2017)	*			
Harmonious Mission (2011) (iii)		*		
PASSEX 2013 (ii)		*		
(i) Nicaragua, Cuba y Venezuela				
(ii) Argentina				
(iii) Cuba, Costa Rica, Jamaica y Trinidad y Tobago				
(iv) Venezuela				

Fuente: Donadio (2016), Herald (2008, Sputnik (2017)) y Toledo (2017).

En primer lugar, queda claro que el eje de la relación de la India con la región no pasa por la defensa. Es un equívoco que la presencia de Brasil y estas tres potencias en los BRICS se haya traducido en una mayor presencia militar india. Claramente la política de defensa de la India se focaliza en su región de pertenencia y no busca proyectar poder a nivel global.

Rusia y China son dos casos diferentes por la historia. El primero busca recuperar el lugar que tuvo durante la Guerra Fría, pero aún está muy lejos de poder plasmarlo, más aún en un mundo que ha cambiado significativamente. Países de la región, como Cuba y Nicaragua, que supieron tener una relación relevante, no están

interesados en generar fricciones con los Estados Unidos. Las prioridades de ellos en este nuevo siglo pasan por la economía y no por la disputa ideológica en la cual también estuvo envuelta América Latina durante la Guerra Fría. La venta de armas, más allá del tradicional mercado peruano, no resulta consistente. Ciertamente se ganó el mercado venezolano, pero no ha provocado un efecto domino en el resto de la región. Más allá de compras aisladas, en el marco del boom de los precios del petróleo, la venta de armas y la presencia rusa continúa siendo escasa. Este país tiene mayores preocupaciones con los Estados Unidos en Europa Oriental y los argumentos que sostienen que Rusia intentar balancear dicha presencia, aumentando su injerencia en América Latina resulta fabuloso y ridículo.

La presencia China ha sido más consistente y de más largo aliento, como la política exterior y de defensa de ese país. Los objetivos chinos están fijados para el año 2049, y estas políticas son consistentes con los mismos. China no desafiará militarmente la hegemonía de los Estados Unidos en América Latina si eso pone en riesgo dichas metas. Considero que el incremento de la venta de armas se encuentra asociada a la mayor presencia económica: esos objetivos de desarrollo requieren el acceso a recursos estratégicos que la región posee en abundancia. La relación militar, comercial y científico-tecnológica son diferentes caras de una estrategia de un país donde el Estado no solo es el partido, sino también sus Fuerzas Armadas.

Jorge Luis Borges relata que en la antigüedad el mundo de los hombres y de los espejos no estaban separados como ahora. Además eran muy diferentes. Había seres y formas diferentes y se podía circular entre ambos mundos. Sin embargo, cuando los seres de los espejos invadieron la tierra y fueron combatidos y expulsados por el Emperador Amarillo. Éste los encarceló en los espejos y los condenó a repetir todos los actos de los seres humanos. No obstante, un día la magia desaparecerá y los seres volverán a invadir el mundo. Borges agrega que “antes de la invasión oiremos desde el fondo de los espejos el rumor de las armas.”

La pregunta clave es, ¿si cuándo esos seres se despierten serán completamente distintos a nosotros; tendrán algo de nosotros por haber repetido todos nuestros actos por siglos; o serán idénticos a lo que somos como seres humanos?

Las principales teorías de las relaciones internacionales resultan limitantes para poder responder a esta pregunta.

Como sostiene Celestino del Arenal (2015) la disciplina de las relaciones internacionales está marcada por un profundo etnocentrismo en sus principales teorías debido a que nace y se desarrolla exclusivamente en Occidente, ignorando otros antecedentes históricos relevantes y la mayor parte de la producción que no esté escrita en inglés y responda al *mainstream* anglosajón. Obviamente, la disciplina va a estar marcada por la necesidad de dar respuesta a los intereses internacionales de los Estados Unidos y el Reino Unido. Asimismo, se desarrollará como disciplina siguiendo los estándares científicos desarrollados en Occidente. De esta manera,

concluye este pensador español, este desarrollo limita la capacidad de las principales teorías de las relaciones internacionales para analizar la realidad internacional contemporánea y ofrecer soluciones a sus problemas.

En consecuencia, es difícil entender y analizar la conducta de China, India y Rusia si lo hacemos desde el etnocentrismo occidental. A mi criterio para comprender la conducta de estos gigantes es necesario sumergirse en su cultura, en sus tradiciones filosóficas y políticas. Hasta entonces no sabremos cómo serán los seres de los espejos que están desembarcando en el escenario occidental.

Bibliografía

7. Allison, Graham (2017). *Destined for war. Can America and China escape Thucydides's trap?* New York: Houghton Mifflin Harcourt.
8. Anzelini, Luciano y Soledad Castro (2011), "América del Sur como 'sociedad internacional': sus aportes a la arquitectura de seguridad regional". En *Revista Argentina de Ciencia Política*, N° 13/14. Buenos Aires: Eudeba.
9. Bartesaghi, Ignacio (2015), "India y América Latina: relaciones estratégicas en un nuevo contexto económico". En *Anuario de Integración Regional de América Latina y el Caribe* N° 11. Buenos Aires: Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales [Recuperado el 27 de julio de 2017 de <http://www.cries.org/?p=3076>]
10. Battaglino, Jorge (2008), "Palabras mortales. ¿Rearme y carrera armamentista en América del Sur?". En *Nueva Sociedad*, N° 215. Santiago de Chile: Fundación Friedrich Ebert [Recuperado el 12 de mayo de 2017 de http://nuso.org/media/articles/downloads/3520_1.pdf].
11. Battaleme, Juan (2009), "Releyendo la compra de armas en la región y la reintroducción del dilema de seguridad". En *Miríada* Vol. 2, N° 4. Buenos Aires: Universidad del Salvador.
12. Bernal-Meza, Raúl (2013), "Las relaciones de China-MERCOSUR y Chile". En *Ciclos en la Economía, la Política y la Sociedad* Vol. 21 N° 42. Buenos Aires: Fundación de Investigaciones Históricas, Económicas y Sociales
13. Bitar, Sebastián (2016). *US military bases, quasi-bases and domestic politics in Latin America*. New York: Palgrave MacMillan.
14. Borges, Jorge Luis (1980). *El libro de los seres imaginarios*. Buenos Aires: Brujuna.
15. Calduch Cervera, Rafael (2011), "Rusia ¿vieja potencia o potencia emergente?". En *Centro Superior de Estudios de la Defensa Nacional* (Ed.). *Brasil, Rusia, India y China (BRIC): una realidad geopolítica singular*. Madrid: Ministerio de Defensa.
16. Calle, Fabián (2007), "Rambo, versión sudamericana. El impacto regional del rearme de Venezuela y Chile". En *Nueva Sociedad*, N° 211. Santiago de Chile: Fundación Friedrich Ebert [Recuperado el 12 de mayo de 2017 de http://nuso.org/media/articles/downloads/3453_1.pdf].

17. Centro de Estudios Estratégicos de la Defensa (2017), “Registro Suramericano de Gasto de Defensa”. Buenos Aires: Ministerio de Defensa de la República Argentina y Unión Suramericana de Naciones (UNASUR) — Consejo de Defensa Suramericano (CDS) — Centro de Estudios Estratégicos de la Defensa (CEED) [Recuperado el 22 de mayo de 2017 de <http://www.ceedcds.org.ar/Espanol/09-Downloads/RSGAD-2006-2015-WEB.pdf>].
18. Centro Superior de Estudios de la Defensa Nacional (2011). Brasil, Rusia, India y China (BRIC): una realidad geopolítica singular. Madrid: Ministerio de Defensa.
19. Chávez, Nashira (2015), “América Latina, República Popular China y Estados Unidos: relaciones continentales estratégicas”. En Bonilla Soria, Adrián & Milet García, Paz (Ed.). China en América Latina y el Caribe: escenarios estratégicos subregionales. San José: FLACSO y Banco de Desarrollo de América Latina.
20. Cordesman, Anthony & Colley, Steven (2015), “Chinese Strategy and Military Modernization in 2015: A Comparative Analysis”. Washington DC: Centre for Strategic and International Studies (CSIS) [Recuperado el 12 de abril de 2017 de <https://www.csis.org/analysis/chinese-strategy-and-military-modernization-2015>].
21. Dambuyant, Marinette (2004), “El Arthashastra de Kautilya, tratado político de la India antigua”. En Revista de Derecho de Estado, N° 17. Bogota: Universidad Externado de Colombia.
22. Del Arenal, Celestino (2015), “Americanocentrismo y relaciones internacionales: la seguridad internacional como referente”. En Del Arenal, Celestino & Sana-huja, José Antonio (Ed.). Teoría de las Relaciones Internacionales. Madrid: Tecnos.
23. Delage Carretero, Fernando (2011), “China y los países del BRIC”. En Centro Superior de Estudios de la Defensa Nacional (Ed.). Brasil, Rusia, India y China (BRIC): una realidad
24. Department of State (2016). World Military Expenditures and Arms Transfers 2016. Washington DC: Department of State [Recuperado 11 de mayo de 2017 de <https://www.state.gov/t/avc/rls/rpt/wmeat/2016/index.htm>].
25. Donadio, Marcela (2016). Atlas Comparativo de la Defensa en América Latina y el Caribe. Buenos Aires: Red de Estudios de Seguridad y Defensa en América Latina (RESDAL) [Recuperado el 12 de mayo de 2017 de <http://www.resdal.org/atlas-2016.html>].
26. Duarte Villa, Rafael & Viggiano, Juliana (2012), “Trends in South American weapons purchases at the beginning of the new millennium”. En Revista Brasileira de Política Internacional, Vol 55, N° 2. Brasilia: Instituto Brasileiro de Relações Internacionais.
27. El Nuevo Herald (2008, 7 de septiembre), “Venezuela y Rusia realizarán ejercicios militares en el Caribe”. En El Nuevo Herald. Miami: El Nuevo Herald [Recuperado el 3 de julio de 2017 de <http://www.elnuevoherald.com/servicios/quienes-somos/>]
28. Flavin, Christopher & Gardner, Gary (2006), “China, India y el nuevo orden mundial”. En Nierenberg, Danielle (Dir.). La situación del mundo 2006: China y la

- India. Informe del Worldwatch Institute sobre el progreso hacia una sociedad sostenible. Barcelona: Icaria & CIP_FUHEM, pp. 41-72.
29. Fleurant, Aude (2016), "Key developments in the arms industry, 2015". En SIPRI (Ed.). SIPRI Yearbook 2016 Armaments, disarmament and international security. Oxford: Oxford University Press.
30. Fleurant, Aude (2016), "The 2014 SIPRI Top 100 arms industry and military services, excluding China". En SIPRI (Ed.). SIPRI Yearbook 2016 Armaments, disarmament and international security. Oxford: Oxford University Press.
31. Fleurent, Aude; Wezemant, Pieter; Wezeman, Siemon & Tian, Nan (2017), "Trends in international arms transfers, 2010". En SIPRI (Ed.). SIPRI Fact Sheet. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute.
32. Fuente Cobo, Ignacio (2011), "La India como gran potencia". En Centro Superior de Estudios de la Defensa Nacional (Ed.). Brasil, Rusia, India y China (BRIC): una realidad geopolítica singular. Madrid: Ministerio de Defensa.
33. Giusto, Patricio (2016), "La relación entre China y América Latina tras el nuevo Libro Blanco". En Diagnóstico Político [Recuperado el 23 de junio de 2017 de <http://diagnosticopolitico.com.ar/wp-content/uploads/2016/12/dp-china-libro-blanco.pdf>].
34. González Castañeda, Mario (2011), "La política exterior india: entre la continuidad normativa y la irrupción institucionalizada". En Instituto de Investigaciones Jurídicas de la UNAM y Cámara de Diputados. México [Recuperado el 23 de junio de 2017 de www.biblio.juridicas.unam.mx]
35. Grimmett, Richard (2006), "Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 1998-2005". Washington DC: Congressional Research Service.
36. Grimmett, Richard (2009), "Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 2001-2008". Washington DC: Congressional Research Service.
37. Headquarters Army Training Command (2004). Indian Army Doctrine. New Delhi: Headquarters Army Training Command.
38. Holtom, Paul; Béraud-Sudreau, Lucie; Bromley, Mark; Wezeman, Pieter & Wezeman, Siemon (2011), "Trends in international arms transfers, 2010". En SIPRI (Ed.). SIPRI Fact Sheet. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI).
39. Hutschenreuter, Alberto (2011). La política exterior rusa después de la Guerra Fría. Buenos Aires: Areté Grupo Editor.
40. Isacson, Adam (2011), "Why Latin America is rearming?". Washington DC: WOLA [Recuperado el 11 de abril de 2017 de <https://www.wola.org/analysis/why-latin-america-is-rearming/>].
41. Malena, Jorge (2010). China. La construcción de un país grande. Buenos Aires: Céfiro.
42. Montobbio, Manuel (2017). Ideas Chinas. El ascenso global de China y la Teoría de las Relaciones Internacionales. Madrid: Real Instituto Elcano — Icaria.

43. Oppenheimer, Andrés (2014, 25 de marzo), “El interés de Rusia en América Latina”. En *La Nación*. Buenos Aires: La Nación [Recuperado el 3 de julio de 2017 de <http://www.lanacion.com.ar/1675022-el-interes-de-rusia-en-america-latina>]
44. Toledo, Elena (2017, 10 de abril), “Rusia estaría planeando ejercicios militares en Nicaragua”. En *PanamPost* [Recuperado el 3 de julio de 2017 de <https://es.panampost.com/elena-toledo/2017/04/10/rusia-militares-nicaragua/>].
45. People’s Republic of China (2010), “China’s National Defense in 2010”. Beijing: The State Council Information Office of the People’s Republic of China.
46. People’s Republic of China (2015), “China’s Military Strategy 2015”. Beijing: The State Council Information Office of the People’s Republic of China [Recuperado el 23 de junio de 2017 de <https://news.usni.org/2015/05/26/document-chinas-military-strategy>].
47. Perlo-Freeman, Sam; Fleurant, Aude; Wezeman, Pieter & Wezeman, Siemon (2016), “Global developments in military expenditure”. En SIPRI (Ed.). *SIPRI Yearbook 2016 Armaments, disarmament and international security*. Oxford: Oxford University Press.
48. Pyatakov, Andrey (2016), “Cooperación entre Rusia y Argentina en el ámbito técnico-militar”. En *Iberoamérica N° 1*. Moscú: Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia (ILA ACR).
49. Ramón-Berjano, Carola; Malena, Jorge & Velloso, Miguel (2015), “El relacionamiento de China con América Latina y Argentina. Significado de la alianza estratégica integral y los recientes acuerdos bilaterales”. Documento de Trabajo N° 96. Buenos Aires: Consejo Argentino de Relaciones Internacionales (CARI).
50. Rathore, Aakash Singh (2017). *Indian Political Thoery. Laying the groundwork for svaraj*. New York: Routledge Taylor & Francis Group.
51. Rimoldi de Ladmann, Eve (2006), “República de la India”. En *Cuadernos de Estudio de las Relaciones Internacionales Asia-Pacífico — Argentina N° 3*. Buenos Aires: Consejo Argentino de Relaciones Internacionales (CARI).
52. Russian Federation Presidential (2010). *The Military Doctrine of the Russian Federation*. Moscú: Russian Federation presidential
53. Sánchez Ramírez, Pablo Telman (2009), “La actual política exterior de la Federación Rusa. Una mirada desde el realismo político”. En *Revista Enfoques. Ciencia Política y Administración Pública Vol. VII, N° 10*. Santiago de Chile: Universidad Central de Chile [Recuperado el 23 de junio de 2017 de <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=96012388013>]
54. SERPAJ CHILE (2015), “Conoce las bases militares presentes en América Latina”. [Recuperado el 28 de junio de 2017 de <http://www.serpajchile.cl/web/2015/07/03/conoce-las-bases-militares-presentes-en-america-latina/>]
55. Sheykina, Violetta (2010), “Historia de las relaciones Rusia-América Latina: evolución y prospectiva”. En *Revista Electrónica Iberoamericana Vol 4 N° 1*. Madrid: Centro de Estudios de Iberoamérica — Universidad Rey Juan Carlos [Recuperado el 27 de julio de 2017 de https://www.urjc.es/images/ceib/revista_electronica/vol_4_2010_1/REIB_04_10_Sheykina.pdf]

56. Simha, Rakesh Krishnan (2017, 14 de marzo), “Las opciones de Rusia para abrir bases en América Latina y el Pacífico”. En *Russia Beyond The Deadlines*. Moscú: Organización Autónoma No Comercial TV-Novosti [Recuperado el 3 de julio de 2017 de https://es.rbth.com/blogs/mirada_global/2017/03/14/las-opciones-de-rusia-para-abrir-bases-en-america-latina-y-el-pacifico_719518].
57. SIPRI (2016). *The SIPRI Military Expenditure Database*. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). [Recuperado el 23 de marzo de 2017 de <https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Milex-data-1988-2015.xlsx>].
58. Sputnik (2017, 3 de abril), “Una delegación militar rusa viaja a Nicaragua para pactar ejercicios conjuntos”. En *Sputnik Mundo*. Moscú: Sputnik [Recuperado el 3 de julio de 2017 de <https://mundo.sputniknews.com/defensa/201704031068054133-rusia-america-latina-maniobras-cooperacion/>].
59. Sputnik (2016, 8 de octubre), “Las bases militares soviéticas y rusas en el extranjero”. En *Sputnik Mundo*. Moscú: Sputnik [Recuperado el 3 de julio de 2017 de <https://mundo.sputniknews.com/fuerzasarmadas/201610081063974477-Rusia-URSS-bases-Cuba-Vietnam/>].
60. Theohary, Catherine (2016), “Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 2008-2015”. Washington DC: Congressional Research Service.
61. Turzi, Mariano (2017, 2 de mayo), “Leyes antiguas para un nuevo mundo”. En *Clarín*, Buenos Aires.
62. Tzu, Sun ([circa 300 AC] 2007). *El arte de la guerra*. Buenos Aires: Prometeo.
63. UN (2017), “Naciones Unidas. Mantenimiento de la Paz”. [Recuperado el 28 de junio de 2017 de <http://www.un.org/es/peacekeeping/resources/statistics/contributors.shtml>].
64. Wezeman, Siemon; Fleurant, Aude; Perlo-Freeman, Sam & Wezeman, Pieter (2016). En Witker, Iván (2013), “El hard power de la India en América Latina. Avances y perspectivas”. En *Boletín Electrónico N° 113*. Madrid: Instituto Español de Estudios Estratégicos.
65. Zubelzu, Graciela Beatriz (2010), “La presencia rusa en América Latina: alcance, focos de interés y límites”. Ponencia presentada en el V Congreso Latinoamericano de Ciencia Política. Asociación Latinoamericana de Ciencia Política. Buenos Aires: Congreso Latinoamericano de Ciencia Política. Asociación Latinoamericana de Ciencia Política.

La ausencia en el siglo XXI del aspecto político de la identidad hispanoparlante en Iberoamérica

The absence in the 21st century of the political aspect of the Spanish-speaking identity in Ibero-America

Resumen: La importancia del idioma como eje central de la identidad iberoamericana es un hecho innegable. Lo que resulta sorprendente es que el aspecto político del castellano no tenga una utilización política en el siglo XXI o que las iniciativas que en ese sentido se plasmaron a lo largo del siglo XX no hayan logrado una trascendencia social significativa. El objetivo final es analizar el alcance y las limitaciones del castellano como factor político en Iberoamérica.

Palabras clave: Lengua española; hispanismo; Iberoamérica.

Abstract: The importance of the Spanish language as a core element of the Iberoamerican identity is imposible to deny. Which is hard to explain is the lack of the political impact of the Spanish language in the 21st century or that the initiatives implemented during the 20th century did not gain any social significance. The objective of this work is to analyze the scope and limitations of the Spanish language as a political factor in Iberoamerica.

Key words: Spanish language; hispanism; Iberoamerica.

Introducción

Si seguimos el punto de vista de Christopher Dawson podemos afirmar que el idioma es uno de los ejes centrales de la vida social en toda comunidad, no solo es un instrumento de expresión y creación, un medio de comunicación sino que constituye la base de la identidad misma de esa sociedad, el límite más tangible entre el “nosotros” y el “ellos”.

El idioma junto con la expresión religiosa de ese grupo humano, entendiendo religión por el trípode: dogma, liturgia y moral, constituyen las bases sobre las cuales se asienta la vivencia geográfica de la comunidad ya que la vida humana no puede darse fuera del espacio.

Así, religión (en sentido arriba mencionado), expresión lingüística y encarnación geográfica se plasman en el tiempo para conformar el hecho histórico que denominamos “pueblo”. Estos elementos se perfeccionan histórica y sociológicamente, al desarrollar instituciones (las cuales se plasman luego en forma jurídica),

¹ Argentina, La Plata National University, (eurasia@iri.edu.ar).

tradiciones, mitos y toda un amplio abanico de creaciones culturales en función del desarrollo de la misma sociedad, desde lo más básico a lo más complejo.

El caso iberoamericano

Por lo tanto, resulta claro que el idioma castellano se extendió, utilizó y desarrolló a lo largo de Iberoamérica por más de cinco siglos como resultado del proceso de incorporación de los territorios americanos a la Corona de Castilla. La unidad cultural, con sus matices y diferencias, incluyendo variaciones jurídicas (fueros) generó un mosaico de grupos sociales interrelacionados, extendidos geográficamente en base a una unidad lingüística y religiosa.

Tal desarrollo no desconoció las realidades culturales preexistentes sino que incluso las favoreció y con ello las “salvó” del olvido. Aquí me permito recordar los trabajos del Dr. Antonio Bueno García ² al respecto, entre otros.

Los violentos procesos de independencia sufridos a lo largo del siglo XIX (recordemos que en el caso argentino generaron 80 años de conflictos bélicos, internos y externos) terminaron por hacer suyos los frutos ideológicos de la modernidad, es decir el liberalismo político y encarnando nacionalismos que tuvieron un arduo trabajo a la hora de generar mitos fundacionales nacionales donde que sean creídos resultó más importante que sean creíbles: El establecimiento de “historias nacionales” en base a divisiones administrativas convertidas en límites interestatales y luego en fronteras culturales, muchas de ellas artificiales.

Los nacionalismos en Iberoamérica fueron mucho más artificiales que en otras latitudes ya que se desarrollaron aparatos estatales proto-nacionales en base a las instituciones del período hispánico (ciudades y cabildos y luego gobernaciones) a los cuales les faltaba nada más que nada menos que la nación misma. Primero tuvimos el estado y luego la nación.

La educación monopolizada por el estado en este período jugó un papel central a la hora de propagar esta visión “nacional” donde el otro pasó a ser el estado conformado allende las fronteras recientemente establecidas. Un caso paradigmático, y triste, es el del área rioplatense donde los habitantes de ambas márgenes del río tuvieron que echar mano de lo que pudieron para intentar diferenciarse.

El castellano como elemento de unión

No fue un sentido de culpa (siendo argentino no podía evitar una referencia psicológica en mi discurso) sino la constatación misma del fracaso de los modelos económicos implementados durante el primer siglo de vida independiente, que

² Bueno García, Antonio, *Traducción y mestizaje. La presencia de la cultura española e indígena en el Nuevo Mundo*, Universidad de Valladolid, Valladolid, 2015.

llevo a los dirigentes de nuestros países a considerar la necesidad de esquemas que trascendieran el simple (y terrible) esquema económico de factorías coloniales exportando materias primas, importando manufacturas, exportando metales y adquiriendo compromisos financieros en divisas extranjeras. Todo hecho a espaldas de los que debieran ser (porque lo habían sido) los socios “naturales”, es decir los otros países de la región.

Es así que el fracaso de las promesas de desarrollo llevó a considerar la necesidad de una mayor interacción, al menos económica, que ha sido pródiga en los denominados procesos de integración regional, tan solo me permito recordar algunos ejemplos: ALALC, ALADI, Pacto Andino, MERCOSUR, UNASUR, Alianza del Pacífico, etc.

Algunas de ellas han planteado, incluso, la necesidad de avanzar hacia estadios que vayan más allá de los económicos para incluir otros ámbitos de la vida social: educación, leyes e incluso instituciones con voluntad de supranacionalidad.

Sin embargo, lamentablemente casi nada de ello se ha plasmado en la realidad.

El castellano como factor político subutilizado

El informe publicado recientemente por el Instituto Cervantes³ señala que:

“En 2017, más de 477 millones de personas tienen el español como lengua materna. A su vez, el grupo de usuarios potenciales de español en el mundo (cifra que aglutina al grupo de dominio nativo, el grupo de competencia limitada y el grupo de aprendices de lengua extranjera) supera los 572 millones”. “Más de 21 millones de alumnos estudian español como lengua extranjera.”

“El español es la segunda lengua materna del mundo por número de hablantes, tras el chino mandarín, y también la segunda lengua en un cómputo global de hablantes (dominio nativo + competencia limitada + estudiantes de español).”

“Por razones demográficas, el porcentaje de población mundial que habla español como lengua nativa está aumentando, mientras que la proporción de hablantes de chino e inglés descende.”

Me permitiría agregar otros elementos a considerar: Las variables dialectales no obstan la mutua inteligibilidad de los hablantes a pesar de la lejanía geográfica (como sí ocurre en el caso del chino) y que el castellano es luego del inglés convirtiéndose así en segundo idioma de comunicación internacional.

³ Instituto Cervantes, El español: una lengua viva. Informe 2017, Madrid, 2017, available at: https://cvc.cervantes.es/lengua/espanol_lengua_viva/pdf/espanol_lengua_viva_2017.pdf (accessed 01.10.2017).

El castellano como elemento identitario con impacto político

Este hecho concreto, es decir, la comunidad hispanoparlante en Iberoamérica no ha tenido un impacto político en nuestra región, ni hacia dentro de nuestras sociedades ni hacia afuera.

En la primera mitad del siglo XX, autores como Zacarías de Vizcarra, Ramiro de Maeztu y Marcelo García Morente, desarrollaron el concepto de “Hispanidad”, entendiéndolo por tal, en primer lugar, el conjunto de todos los pueblos de cultura y origen hispánico, diseminados por Europa, América, África y Oceanía; y, en segundo lugar, el conjunto de cualidades que distinguen del resto de las naciones del mundo, a los pueblos de estirpe y cultura hispánica.

Este concepto, histórico y cultural, fue hecho suyo por la España de Franco, con la intención de religar España con los países hispánicos (particularmente los iberoamericanos). Los Institutos de Cultura Hispánica, tenían en ese sentido, la misión de investigar el pasado y dar a conocer a través de conferencias y publicaciones el patrimonio común. Ello, sin que se nos escape, con la intención de presentar al gobierno español de entonces, como la cabeza de un conjunto de estados, con el consiguiente impacto político global. Demás está decir, que esta idea, más allá de la voluntad política no tuvo resultados concretos no sólo por la falta de recursos sino también por el escaso interés generado en los países iberoamericanos.

Podríamos comparar lo realizado con dos desarrollos frutos de los procesos de descolonización, dos intentos por mantener vínculos culturales como base de vinculaciones económicas y políticas: el caso de los Anglo parlantes y su Commonwealth of Nations y los Franco parlantes y su Organización Internacional de la Francofonía.

En estos dos casos, a diferencia de lo ocurrido con los pueblos hispánicos, los resultados fueron más concretos y sirvieron de “colchón” político a Gran Bretaña y Francia para disminuir el impacto de su caída como grandes potencias.

Volviendo al caso de Iberoamérica habrá que esperar hasta finales del siglo XX para asistir a una nueva manifestación política de la comunidad lingüística, el establecimiento de las reuniones de jefes de estados y de gobierno y la posterior institucionalización de las mismas en la Organización de Estados Iberoamericanos. A diferencia de lo hecho en décadas anteriores, en este caso la voluntad política (compartida) fue acompañada por recursos económicos aunque en estos últimos 25 años los procesos de integración económica generaron mucho más interés que este proceso.

A riesgo de simplificar, podemos afirmar que las formas políticas que ha tomado la identidad hispanoparlante a lo largo de los siglos XX y XXI han sido escasas y no han tenido ningún impacto social tangible. Han fracasado.

El presente

Por todo ello es que no preguntamos: ¿Cómo es posible que con una realidad tan clara (importancia del castellano) no se haya podido generar ningún proyecto político que sirva para manifestar esa especificidad cultural?

Creemos que la respuesta está en el éxito de las construcciones nacionales iberoamericanas, que han abandonado, más allá de la retórica, todo intento de generar políticas arquitectónicas más allá de la faz agonizante de la política. El fracaso también reside en la política española, sumida en los últimos 30 años en el proyecto europeo como prioridad.

Sin ánimo de cargar las tintas en nuestros países, podemos señalar que el mismo fracaso se ha constatado en otra comunidad lingüística, la de los países árabes quienes a pesar de poner al elemento lingüístico como eje de su identidad, no han podido conformar un polo de poder debido a las grandes diferencias existentes, diferencias que se han convertido en luchas que han ido más allá de simples declaraciones.

Tomando en cuenta estos hechos, ¿podemos entonces afirmar que las comunidades lingüísticas son incapaces de generar proyectos políticos que usen ese elemento como argamasa social regional?

Si fuera así deberíamos reconocer que las lógicas de vinculación estatales han superado ampliamente a las culturales-identitarias. Podríamos decir, siguiendo este razonamiento, que somos muchos estados porque no hemos logrado ser una nación.

Conclusiones

Sin embargo, y en lugar de aceptar esta una respuesta categórica me permitiría sugerir que esta subutilización del castellano como aspecto político no es algo definitivo.

Entonces, *Chto dielat?*

Los hispanoparlantes (nativos y adoptados, si se me permite esta expresión) debemos en primer lugar y antes que nada, ser conscientes de nuestra riqueza, de nuestro patrimonio cultural común. Conocerlo y transmitirlo. Perder nuestra cultura sería la peor catástrofe geopolítica.

En segundo lugar, entender que en un mundo multipolar, más que posible es necesario construir un polo geográfico y lingüístico que pueda expresar nuestros puntos de vista y nuestras necesidades. El mundo marcha hacia un sistema multipolar organizado en base a criterios identitarios donde el idioma tiene un papel significativo, la crisis de los proyectos de integración económica, la conformación de bloques únicamente económicos es una realidad.

En tercer lugar, comprender que para que este proyecto pueda desarrollarse no es sólo cuestión de voluntad política (desde arriba) o de recursos económicos sino que es un lento proceso social donde todos tenemos un papel que cumplir. Hemos intentado todo, nacionalismo agresivo y excluyente, inserción económica dentro de esquemas coloniales en base a la denominada “división internacional del trabajo” donde nos llevamos la peor parte, intentos de integración comercial a regañadientes y de manera espasmódica.

Tal vez ha llegado el momento de apostar por algo nuevo y viejo a la vez. No como una nueva moda ideológica sino como el intento de utilizar algo concreto que nos une, algo que es más íntimo y real que cualquier ideología, nuestra lengua que, como decía Unamuno, es la sangre del alma.

Bibliografía

66. Bueno García, Antonio, *Traducción y mestizaje. La presencia de la cultura española e indígena en el Nuevo Mundo*, Universidad de Valladolid, Valladolid, 2015.
67. Instituto Cervantes, *El español: una lengua viva*. Informe 2017, Madrid, 2017, available at: https://cvc.cervantes.es/lengua/espanol_lengua_viva/pdf/espanol_lengua_viva_2017.pdf (accessed 01.10.2017).

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА. ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ГЛОБАЛЬНОМ РАКУРСЕ

А. В. Борейко¹

Теория и практика кубинского концепта прав человека на примере Боливарианского альянса

Theory and practice of the Cuban concept of human rights based on the example of the Bolivarian Alliance

Abstract: The paper examines the problem of interpretation of basic human rights and their implementation in society with the help of the state in modern left-wing states. A comparison is made between a liberal legal concept based on the ideas of “natural rights” and a socialist concept reflecting a different understanding of human rights.

The example of Cuba, which is one of the countries with the most developed system of social security of the population, explores the theoretical foundations and practical implementation of social programs in the countries of the Bolivarian Alliance (Venezuela, Ecuador). The report also analyzes the problems and prospects for the development of the Cuban human rights concept in the ALBA countries. The contradictions that arise in the process of the practical embodiment of the socialist concept bear serious risks for the continued existence and development of social programs and their very existence.

Keywords: human rights; liberalism; Cuba; Venezuela; Ecuador; ALBA; socialism.

Resumen: El documento examina el problema de la interpretación de los derechos humanos básicos y su implementación en la sociedad con la ayuda del estado en los estados de izquierda modernos. Se hace una comparación entre un concepto legal liberal basado en las ideas de “derechos naturales” y un concepto socialista que refleja una comprensión diferente de los derechos humanos.

El ejemplo de Cuba, que es uno de los países con el sistema más desarrollado de seguridad social de la población, explora los fundamentos teóricos y la implementación práctica de los programas sociales en los países de la Alianza Bolivariana (Venezuela, Ecuador). El informe también analiza los problemas y perspectivas para el desarrollo del concepto cubano de derechos humanos en los países del ALBA. Las contradicciones que

¹ Борейко Антон Владимирович — Россия, научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН, гр. РФ (polidekt@gmail.com).

surgen en el proceso de la realización práctica del concepto socialista conllevan serios riesgos para la existencia y el desarrollo continuados de los programas sociales y su propia existencia.

Palabras clave: derechos humanos; liberalismo; Cuba; Venezuela; Ecuador; ALBA; socialismo.

Особенности кубинской концепции прав человека

В настоящее время в связи с обострением противоречий в мире, в том числе по вопросам о путях развития общества и моделях взаимоотношения общества и государства, сомнениям подвергаются незыблемые, казалось бы, основы существующего миропорядка. Речь идет о либеральной концепции прав человека, нашедшей свое выражение в «Декларации независимости» Томаса Джефферсона. В этом документе естественными правами человека провозглашаются жизнь, свобода и стремление к счастью². Свобода выбора является наивысшей ценностью либерального общества, ее обеспечение происходит путем введения права частной собственности на средства производства, что позволяет индивидам гарантировать независимость от общества и государства при принятии решений во всех сферах общественной жизни. По словам классика неолиберализма Милтона Фридмана, «сущность капитализма — частная собственность, и она является источником человеческой свободы»³. Равенство людей при этом состоит именно в равенстве возможностей, т. е. все люди имеют право выбора и в этом отношении они равны. Однако каждый из них владеет различной частью собственности и в этом отношении равенство отсутствует. Противоречие между свободой, как возможностью совершать независимый от общества выбор, и равенством, как накладываемыми обществом на индивида ограничениями, решается в пользу свободы. Стремление к счастью канадский политолог Арнольд Август (Arnold August), наряду с такими исследователями, как Самир Амин (Samir Amin) и Дэвид Харви (David Harvey), трактует как стремление к благополучию, т. е. увеличению количества потребляемых благ⁴.

В либеральной трактовке идеальное общество должно основываться на свободных (от опеки общества и государства) индивидах-собственниках.

² United States Declaration of Independence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration> (accessed: 01.09.2017).

³ Фридман М., Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 12.

⁴ См. *Arnold August*, *Cuba and Its Neighbours: Democracy in Motion*. Zed Books, New York, 2013; *Amin Samir*, *The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World*, *Monthly Review*, New York, 2004; *David Harvey*, *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford University Press, New York, 2007.

Противоречие между удовлетворением коллективных и индивидуальных потребностей решается через систему рыночного обмена. Свободные собственники, вступая в экономические отношения друг с другом, действуют из рациональных соображений о личной выгоде. Стремление к личной выгоде приводит к конкуренции и повышению эффективности производства. Эффективное производство гарантирует постоянное увеличение количества и качества благ и удовлетворение коллективных потребностей.

Право собственности на средства производства лежит в основе не только рыночной экономической системы, но и либерально-демократического государства. Главная цель либеральной системы власти — гарантировать соблюдение права частной собственности. Государственное регулирование при этом должно быть сведено к минимуму. Таким образом, либеральная концепция прав человека, воплощенная в либерально-демократическом обществе, способствует повышению экономической эффективности, однако наносит ущерб социальному равенству, так как не может гарантировать индивидам равную возможность удовлетворения базовых потребностей. Закрепляя принцип имущественного неравенства, либерализм прежде всего выражает интересы собственников.

По мнению американского исследователя неолиберализма, географа Дэвида Харви, «мы живем в обществе, где неотъемлемые права граждан... на частную собственность и норму прибыли превалируют над любой другой системой неотъемлемых прав». Харви считает, что принятие подобной правовой системы означает согласие с тем, что целью существования отдельных индивидов и общества в целом является постоянное накопление капитала, вне зависимости от социальных или экологических последствий. По его словам, выходом из положения стало бы изменение в иерархии ценностей и, соответственно, в иерархии прав.

Существуют и совершенно иные концепции прав — например, касающиеся доступа к мировым ресурсам или гарантий реализации базовых потребностей в продовольствии. Если сделать эти производные права основными, а права в отношении частной собственности и нормы прибыли — производными, это приведет к радикальному изменению политико-экономических инструментов⁵.

Подобная трактовка прав человека характерна для кубинской правовой системы. Теоретические основания кубинской концепции базируются на социалистической, марксистско-ленинской, идеологии и идейном наследии Ф. Кастро. В отличие от либеральной концепции кубинская ставит на первое место право людей на удовлетворение базовых потребностей, т. е. того, что необходимо для поддержания организма индивида и развития его

⁵ Harvey. Op. cit., 181.

личности. В статьях 50 и 51 Конституции Кубы провозглашается неотъемлемое право каждого гражданина на доступ к бесплатной системе здравоохранения и образования. В отличие от либеральных конституций кубинская не гарантирует право частной собственности на средства производства, так как коллективный характер собственности позволяет государству обеспечить удовлетворение общественных потребностей. Статьи 14 и 15 Конституции закрепляют право граждан на коллективное владение средствами производства⁶. При этом труд, как общественно полезная деятельность, является не только правом, но и обязанностью гражданина. Идеальное с точки зрения кубинской правовой системы общество — это коллектив взаимосвязанных индивидов, который обеспечивает своим членам возможность всестороннего развития личности и требует активного участия в трудовой деятельности. В отличие от либерального понимания свободы, свободы как возможности выбора, свобода в кубинском понимании есть свобода от экономического принуждения, свобода реализации творческого потенциала личности посредством общественной деятельности.

Таким образом, ключевым отличием правовой системы Кубы является ярко выраженный приоритет в удовлетворении базовых потребностей большинства, с целью гармоничного физического и духовного развития, в то время как права частной собственности и свобода предпринимательской деятельности занимают подчиненное положение.

Социальные миссии ALBA как основа практического воплощения правовых норм в жизнь

Достоинства кубинской социальной системы общеизвестны. Это первая страна в регионе, которой удалось решить проблему неграмотности, достичь высоких показателей в сферах здравоохранения и образования. Высокая эффективность медицинской системы была неоднократно подтверждена авторитетными международными организациями, такими как ВОЗ. Приведем лишь несколько показателей: уровень младенческой смертности составляет 6 человек на 1 000 родившихся, что ставит Кубу в один ряд с такими странами, как Великобритания, Канада и Новая Зеландия. Средняя продолжительность жизни составляет 79 лет, что соответствует уровню таких стран, как США, Чехия и Катар⁷. По количеству врачей на 10 000 населения страна занимает третье место в мире. Уровень расходов на здра-

⁶ Constitución de la República de Cuba [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/cuba.htm> (accessed: 01.09.2017).

⁷ World Health Organization [Электронный ресурс]. URL: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.SDG2016LEXv?lang=en> (accessed: 01.09.2017).

воохранение в 2015 г. составил 10,57 % от ВВП, что сравнимо со средним уровнем развитых европейских стран⁸. Таким образом, на момент создания Боливарианского альянса⁹ на Кубе уже существовала ценностная, правовая и практическая база, способная стать основой для решения проблемы ограниченного доступа к базовым общественным благам. Рассмотрим конкретные социальные программы на примере Венесуэлы и Эквадора.

«Боливарианский процесс» и социальные миссии

Венесуэла стала первой страной, чья политико-правовая система подверглась серьезным изменениям под влиянием кубинского опыта, которые продолжают до сих пор. Процесс глубокой трансформации, под названием «боливарианская революция», основывается на социалистическом подходе к построению общества и государства. Принятая в 2001 г. конституция гарантировала населению реализацию базовых социальных прав. Для обеспечения всей полноты обязательств государство установило контроль над стратегическими средствами производства, в частности над нефтяной отраслью. В настоящее время в стране проводятся широкомасштабные социальные миссии, направленные на снижение уровня социального неравенства.

Основной программой в сфере здравоохранения стала реализуемая в настоящее время программа «*Barrio Adentro*», или «внутри квартала». Проблема с доступом к медицине является частью проблемы «социальной исключенности». Суть этого феномена заключается в существовании широких маргинальных слоев населения, лишенных доступа к базовым общественным благам. Например, в 1998 г. медицинские услуги могли позволить себе только 3 млн венесуэльцев, т. е. около 10 % населения¹⁰. Программа представляет собой комплекс мер, направленных на создание общественной системы здравоохранения по кубинскому образцу. При этом основной упор сделан на профилактике заболеваний, создании пунктов первичной медицинской помощи. Уже на первом этапе действия программы, в 2003 г., такие пункты обеспечили медицинским обслуживанием 70 % венесуэльцев, ранее исключенных из системы здравоохранения, что составило около

⁸ World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.TOTL.ZS> (accessed: 01.09.2017).

⁹ Боливарианский альянс, АЛБА (Alianza Bolivariana, ALBA), левоориентированное интеграционное объединение, созданное в 2004 г. по инициативе Ф. Кастро и У. Чавеса как альтернатива продвигаемому в то время неолиберальному проекту «Зона свободной торговли для Америки», АЛКА (Área de Libre Comercio de las Américas, ALCA).

¹⁰ *Alvarado H. C.*, Cambio social y política de salud en Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medicinasocial.info/index.php/medicinasocial/article/view/202/421>.

18 млн человек¹¹. В апреле 2017 г. президент Николас Мадуро заявил о достижении 100%-го уровня доступа населения к медицинским услугам. По словам Мадуро, Венесуэла стала вторым государством в мире после Кубы, которое смогло гарантированно обеспечить все население доступом к бесплатной медицине¹².

Существует еще несколько программ в сфере здравоохранения, реализуемых при участии кубинских специалистов в настоящее время. Одна из них — это программа в сфере офтальмологии под названием «Milagro», или «Чудо». Примечательно, что миссия Milagro возникла случайно, как побочный продукт образовательной миссии Si, yo puedo направленной на ликвидацию неграмотности в Венесуэле. В ходе реализации последней оказалось, что часть населения не в состоянии учиться по причине слепоты, вызванной легкоустраняемыми заболеваниями, такими как катаракта, глаукома и помутнение роговицы. Тогдашним президентом Кубы, Ф. Кастро, было принято решение о разработке специальной программы, способной решить эту проблему, так появилась миссия «Чудо».

На начальном этапе кубинские медики выявляли пациентов с подобными заболеваниями и осуществляли операции в кубинских больницах, а финансированием миссии занималось правительство Венесуэлы. В дальнейшем удалось организовать работу на местах, путем подготовки местного медицинского персонала. Результатом многолетнего сотрудничества Кубы и Венесуэлы стало проведение более чем 3,5 млн бесплатных офтальмологических операций, проверку зрения получили около 6 млн человек. В настоящее время в рамках миссии «Чудо» на территории Венесуэлы функционируют 85 офтальмологических центров, 65 из них укомплектованы местными специалистами¹³.

Высокая эффективность миссий подтверждается статистикой ВОЗ. В период с 1999 по 2015 г. коэффициент младенческой смертности детей до года (КМС) снизился с 19,15 до 13,95, или на 27 %¹⁴. Продолжительность жизни выросла на 2 года, с 72 до 74 лет. Количество бесплатных медицинских консультаций, проведенных за период с 2003 по 2014 г., составило 617 млн, при этом было спасено 1 750 тыс. жизней. По состоянию на 2014 г., бесплатным медицинским обслуживанием было охвачено 82,4 % венесу-

¹¹ Idem.

¹² Venezuela Celebrates 100% Health Coverage Under Barrio Adentro [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telesurtv.net/english/news/Venezuela-Celebrates-100-Health-Coverage-Under-Barrio-Adentro-20170420-0038.html> (accessed 04.10.2017).

¹³ Prensa Misión Milagro [Электронный ресурс]. URL: <http://www.misionmilagro.gob.ve/noticia.php?id=57#> (accessed 24.09.2017).

¹⁴ United Nations, World Population Prospects 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/> (accessed 04.10.2017).

эльцев, или 24,720 тыс. человек. Услугами частной медицины пользовались 17,6 %, что составляет 5,280 тыс. человек¹⁵.

Еще одним примером реализации прав человека являются социальные миссии в сфере образования. Созданные и осуществляемые при поддержке кубинских специалистов, миссии Robinson, Ribas, Sucre решили проблему неграмотности, создали возможности для получения общего среднего образования без отрыва от производства, которыми уже воспользовались около полутора миллионов человек¹⁶. Согласно данным ЮНЕСКО, по состоянию на 2015 г. Венесуэла занимала пятое место в мире по проценту населения, охваченному высшим образованием. На региональном уровне по этому показателю ее превосходит только Куба¹⁷. Важно отметить, что государство не только создало учебные заведения, но и обеспечивает учащихся всем необходимым, в том числе бесплатным проездом, учебными пособиями и питанием¹⁸.

«Buen vivir», гражданская революция в Эквадоре

Эквадорская гражданская революция, также как и боливарианская в Венесуэле, способствовала изменению политико-правовой системы общества в русле кубинского подхода. После принятия новой конституции 21 октября 2008 г.¹⁹, на институциональном уровне закрепившей изменения в трактовке прав человека, произошла активизация политики государства, направленной на развитие социальных программ. Реализацией этих программ с момента запуска и до настоящего времени эквадорское правительство занимается в тесном сотрудничестве с кубинскими коллегами. Главная цель — обеспечение социальной включенности и социального равенства.

Одной из задач правительства Кореа стала поддержка лиц с ограниченными возможностями. О важности решения этой проблемы говорит наличие особого раздела Конституции, посвященного правам данной категории граждан. При активном участии нынешнего президента Эквадора,

¹⁵ Segunda Vicepresidencia para el Área Sociat [Электронный ресурс]. URL: <http://vicesocial.gob.ve/> (accessed 04.10.2017).

¹⁶ UNESCO praises Venezuela's successful educational policy [Электронный ресурс]. URL: <http://m.avn.info.ve/contenido/unesco-praises-venezuela039s-successful-educational-policy> (accessed 04.10.2017).

¹⁷ UNESCO Institute of Statistics, Gross enrolment ratio by level of education [Электронный ресурс]. URL: <http://uis.unesco.org/indicator/edu-part-er-ger> (accessed 04.10.2017).

¹⁸ Ken Jones. Bolivarian Education in Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <https://venezuelanalysis.com/analysis/9882> (accessed 04.10.2017).

¹⁹ Ядро конституции, идеологическая концепция Buen Vivir, опирается на коллективистские ценности, развитие социальной экономики и сохранение окружающей среды.

Ленина Морено, была достигнута договоренность об адаптации кубинской социальной программы. Учитывая особенности обществ развивающихся стран, для которых характерна маргинализация лиц с ограниченными возможностями, а также отсутствие целенаправленной социальной политики по работе с проблемой социальной исключенности инвалидов, Эквадор стал одной из первых стран, предпринявших реальные шаги к ее решению.

Государственная программа под названием «Миссия солидарности имени Мануэлы Эспехо» (*Misión Solidaria Manuela Espejo*) стартовала в 2009 г., после заключения соответствующего соглашения между правительством Эквадора и Кубы. На первом этапе программы кубинские специалисты осуществили всестороннее исследование населения с целью выявления причин, приводящих к отклонениям в развитии. После проведения диагностики и разработки индивидуальных программ лечения оказывалась необходимая помощь. В сложных случаях привлекались узкие специалисты.

На втором этапе был разработан план оказания необходимой помощи. Более 197 тыс. эквадорцев была оказана медицинская помощь, специальное оборудование получило более 430 тыс. человек. Кроме того, 705 тыс. детей прошли проверку слуха, 18 тыс. человек получили слуховые аппараты, 4,2 тыс. человек — протезы конечностей²⁰.

Еще одним результатом исследования стал запуск в 2011 г. министерством здравоохранения Эквадора программы неонатального скрининга под названием «С правой ноги» (*Con pie derecho*). Для развитых стран подобная процедура является нормой и выполняется для всех новорожденных, для развивающихся стран скрининг — это дорогостоящая процедура, доступная ограниченным слоям населения. Для проведения программы, Эквадор закупает необходимое оборудование и реагенты на Кубе, а кроме того, пользуется услугами кубинцев при создании клинических лабораторий и подготовке местного медицинского персонала²¹.

8 января 2009 г. в Гаване было подписано соглашение о сотрудничестве в сфере образования. В соответствии с первой статьей «Рамочной конвенции о сотрудничестве по вопросам образования» кубинский метод обучения письму «Да, я могу!» (*Si, yo puedo*), с 2003 г. ограниченно применявшийся в некоторых провинциях Эквадора, получил распространение

²⁰ Kirk M. John, *Healthcare without borders: Understanding Cuban Medical Internationalism*. University Press of Florida, Gainesville, 2015. P. 81.

²¹ El Ministerio de Salud Pública del Ecuador, *Proyecto de Tamizaje Metabólico Neonatal* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.salud.gob.ec/proyecto-de-tamizaje-metabolico-neonatal/> (accessed 04.10.2017).

на всей территории страны²². В настоящее время, согласно рейтингу грамотности ЮНЕСКО, Эквадор занимает второе место в регионе. Количество грамотного населения составляет 95 %, в то время как до начала действия программы — 84 %²³.

Проблемы и перспективы

Куба вносит существенный вклад в формирование альтернативного взгляда на правовую систему и роль государства в обществе. С одной стороны, это обусловлено объективными потребностями и интересами стран ЛКА, с другой — умением кубинского руководства грамотно применять «мягкую силу» для достижения национальных интересов.

На сегодняшний момент кубинская концепция прав человека не теряет своей популярности. Последние события электорального цикла в Латинской Америке показали, что левые режимы по-прежнему пользуются поддержкой населения. В результате выборов в Эквадоре победу одержал премьер Рафаэль Корреа, член правящей социалистической партии «Альянс ПАИС», Ленин Морено. По-прежнему остается на своем посту президент Венесуэлы Николас Мадуро, которому удается сохранять власть во многом благодаря успехам социальных миссий. На прошедших 15 октября 2017 г. в Венесуэле региональных выборах в 17 из 23 регионов победу одержали кандидаты правящей партии²⁴.

Существенным вызовом дальнейшему успешному развитию и распространению кубинской правовой концепции по-видимому станет противоречие между потребностью в повышении экономической эффективности посредством внедрения рыночных элементов, с одной стороны, и стремлением сохранить низкий уровень социального неравенства с другой. Затяжной кризис в Венесуэле также несет серьезные риски потери доступа к необходимым для обеспечения социальных миссий ресурсам.

²² Впервые данный метод был применен в провинции Котакачи, по преимуществу населенной коренным народом Кечуа. Эффективность метода позволила снизить уровень неграмотности с 22,3 % до 3,8 % за два года. В общей сложности 1,7 тыс. человек в возрасте от 15 лет и старше овладели навыками чтения и письма. В 2005 г. муниципалитет объявил Котакачи первой провинцией Эквадора, свободной от неграмотности.

²³ UNESCO Institute of Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://uis.unesco.org/en/country/EC> (accessed 04.10.2017).

²⁴ El Nacional WEB, CNE: MUD obtuvo 5 gobernaciones frente a 17 del PSUV [Электронный ресурс]. URL: http://www.el-nacional.com/noticias/politica/cne-mud-obtuvo-gobernaciones-frente-del-psuv_207984 (accessed 04.10.2017).

Библиография

1. *Samir Amin*. The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World, Monthly Review, New York, 2004.
2. *Arnold August*. Cuba and Its Neighbours: Democracy in Motion, Zed Books, New York, 2013.
3. *Alvarado H. Carlos*. Cambio social y política de salud en Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medicinasocial.info/index.php/medicinasocial/article/view/202/421> (accessed 04.10.2017).
4. *Briggs Charles*. Confronting Health Disparities: Latin American Social Medicine in Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2661459/> (accessed 04.10.2017).
5. *Harvey David*. A Brief History of Neoliberalism, Oxford University Press, New York, 2007.
6. *Пятаков Андрей Николаевич*. Социальные миссии Венесуэлы: национальный и международный аспекты. Латинская Америка. № 4. М., 2015.
7. *Фридман Милтон*. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006.

Экологические права человека: латиноамериканские подходы

Ecological human rights: Latin American approaches

Резюме: В докладе рассматриваются современные экологические проблемы континента и поиски их решения латиноамериканским обществом. Законодательное признание многими латиноамериканскими правительствами права населения на здоровую окружающую среду и достойные условия жизни не обеспечивает достаточных гарантий их реализации. Экологическое движение в Латинской Америке, находясь в тесной связи с международным правозащитным движением, имеет в то же время свои характерные черты, обусловленные особенностями латиноамериканского экологического сознания. Упорная борьба активистов-экологов в массовых акциях и на юридическом поле соседствует с успешными проектами агроэкологического характера, опирающимися на традиционные индейские аграрные технологии. Одновременно идет поиск новой модели развития, одним из источников которой может стать основанная на индейском духовном наследии парадигма «хорошей жизни» (*buen vivir*).

Ключевые слова: экология; экологическое движение; права человека; экстрактивизм; альтернативная модель развития.

Abstract: In the report it considers the environmental problems of Latin American continent and the search for their solutions by Latin American society. Legislative recognition of many Latin American governments the public's right to a healthy environment and decent living conditions does not provide sufficient guarantees of their implementation. The environmental movement in Latin America is closely linked with the international human rights movement, but has its own characteristics, due to the peculiarities of Latin American environmental consciousness. Hard fight of environmental activists in mass protests and in the legal field is adjacent to the successful projects of the agri-environmental character, which are based on traditional indigenous agricultural technologies. Simultaneously, Latin American society is searching for a new model of development, one of the sources which can be based on Indian spiritual heritage paradigm of *sumak kawsay* — or *buen vivir*, to give it its Spanish name.

Key words: ecology; environmental movement; human rights; extractivism; alternative model of development.

Под экологическими правами человека понимаются признанные и закрепленные в законодательстве права индивида, обеспечивающие удов-

¹ Медведева Татьяна Алексеевна — Россия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (evesnavolok@mail.ru), гр. РФ.

летворение разнообразных потребностей человека при взаимодействии с природой. Безопасная среда является основополагающим условием для полноценного пользования широкой гаммой прав человека, среди которых право на жизнь, здоровье, пищу, воду и медицинскую помощь. В различной степени вопросы экологии и экологических прав нашли отражение в основных законах практически всех латиноамериканских государств; наряду с антропоцентрическим правовым подходом в последние годы набирает силу экоцентрический². Признание права на здоровую окружающую среду дает возможность защищать его в судебном порядке, и в этом вопросе большую роль играет деятельность Межамериканской комиссии по правам человека (CIDH)³.

Экологические проблемы и причины возникновения конфликтов

Об остроте экологических проблем континента свидетельствуют данные ООН. Степень деградации окружающей среды в среднем оценивается в 15,7 % территории, и этот показатель выше всего в Центральной Америке (26 %)⁴. В результате наращивания темпов хозяйственной деятельности в 1990–2005-х гг. площадь лесов сократилась на 7 %. По существующим оценкам, на 2017 г. в Латинской Америке около 100 млн человек будут проживать в регионах с сильным загрязнением воздуха, а каждая четвертая река будет заражена ядовитыми стоками. Карибский бассейн по количеству мусора занимает второе место в мире после Средиземного моря⁵. Опасность представляют и твердые отходы, причем значительная часть свалок не обеспечивают их надежной утилизации и практически бесконтрольны.

Причиной обострения экологических проблем является усугубление экстрактивного характера экономики. За последние 40 лет добыча ресурсов в Латинской Америке выросла в четыре раза, намного больше, чем население континента. Процесс трансформации среды развивается стремительно, изменяя экономический и экологический контекст целых регионов и

² Dominguez Judith, *Medio ambiente y derechos humanos en Latinoamérica*. Antonio Embid Irujo (coord.). Agua, energía, cambio climático y otros estudios de derecho ambiental: en recuerdo a Ramón Martín Mateo. Pamplona, Aranzadi, 2015, 283–288; María del Carmen Carmona Lara. *Derechos humanos y medio ambiente*. Jorge Ulises Carmona Tinoco, Jorge M. Hori Fojaco (Eds.). Derechos Humanos y Medio Ambiente. UNAM, México, 2010, 8–16.

³ Dominguez. *Op. cit.*, 293–301.

⁴ GEO-5. Perspectivas del medio ambiente mundial. Medio ambiente para el mundo que queremos. Opciones para América Latina y el Caribe, PNUMA, 2012.

⁵ *América Latina debe luchar contra la contaminación para alcanzar desarrollo sostenible*. Fundación Corresponsables. 17-V.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://mexico.corresponsables.com/actualidad/america-latina-debe-luchar-contra-la-contaminacion-para-alcanzar-desarrollo-sostenible>.

жизнь значительных групп населения. Среди наиболее острых проблем: сокращение лесных площадей как в ходе незаконной вырубке ценных пород древесины, так и в результате расширения сельскохозяйственных угодий, которое зачастую осложняется конфликтами, связанными с захватом земель крестьянских и индейских общин; монокультуривирование экспортных и генномодифицированных культур, а также распыление токсичных гербицидов; деградация мангровых лесов при создании ферм для разведения моллюсков; разрушительное воздействие на экосистемы в ходе реализации масштабных проектов, связанных с горнодобывающей отраслью или строительством объектов инфраструктуры; загрязнение воздуха, почвы и воды, угрожающее здоровью и жизни людей, как в сельской местности, так и в городах; неэффективная утилизация твердых отходов и рост числа неконтролируемых свалок.

Снижение качества добываемого сырья и истощение разведанных запасов приводит к переносу добычи на экологически и социально уязвимые территории: например, развитие нефтяных промыслов на территории амазонской сельвы или добыча золота открытым способом в перуанских Андах, которая влечет за собой уничтожение водоносных систем целых долин. Нарушение привычного уклада жизни местного населения, вытеснение его с занимаемых территорий, лишение возможности добывать себе пропитание вызывают серьезные социальные конфликты. Особенно остро стоит вопрос, когда речь идет о землях индейских народов, для которых уничтожение привычной среды обитания означает разрушение культурных традиций, сохранившихся веками, несмотря на неблагоприятные факторы, или же угрожает самому их физическому существованию.

Согласно типологии экологических конфликтов, разработанной группой исследователей Латиноамериканского совета по общественным наукам (CLACSO), в основе классификации лежит вид добываемого ресурса⁶: биомасса, минеральное сырье (рудных ископаемых, топлива, промышленных и строительных ископаемых) или различные стадии связанного с ними производственного цикла (добыча, транспортировка, переработка, утилизация отходов). На долю первых двух групп (биомассы и минерального сырья) приходится две трети (65 %) экологических конфликтов в регионе: 16 % — производство биомассы, 49 % — добыча минерального сырья (причем в последнем случае, по данным НПО, примерно в половине конфликтов пострадавшими являются индейцы⁷). Оставшиеся 35 % включают конфликты из-за воды (14 %), реализации инфраструктурных проектов

⁶ De Castro Fabio, Hogenboom Barbara, Baud Michiel. *Gobernanza ambiental en America Latina*. Buenos Aires, CLACSO: ENGOV, 2015, 73–104.

⁷ Ibid., 90.

(4 %), утилизации отходов (3,8 %), обусловленные работой промышленных предприятий (3,5 %), борьбой за сохранение биоразнообразия (2,5 %), развитием туристического бизнеса (1,6 %) и проектов атомной энергетики (0,8 %)⁸.

Особенности экологического сознания

Латиноамериканское экологическое сознание формировалось на протяжении двух веков независимости континента. Понимание необходимости защиты его уникального природного разнообразия привело уже в конце XIX в. к созданию первых природных парков (особо охраняемых территорий) и систематическим шагам по изучению сложных природных комплексов, нашло отражение в литературе, постепенно проникло в различные сферы общественного сознания. Латиноамериканскому экологическому сознанию свойственен ряд особенностей⁹, которые существенно отличают его от экологических концепций Западного мира: сознание демографической катастрофы, постигшей континент в результате конкисты (когда по некоторым данным погибло около 80 % коренного населения) и непопулярность идей об опасности перенаселения; острое осознание политического и экономического неравенства в мире и расхищения природных ресурсов региона; экономически и экологически неравного обмена по линии Север — Юг; вековой внешней эксплуатации континента; превалирование идей о неправильном распределении ресурсов над представлениями об их исчерпаемости; гордость собственными традиционными аграрными технологиями (в особенности это касается Андского региона и Центральной Америки) и выработка предложений об экологически рациональном агропроизводстве; сохранение влияния индейского космовидения, культа природы — Пачамамы, который нашел отражение в конституциях ряда стран; отрицание национальными правительствами идеи об ограничении роста и наличие у них собственной повестки дня, в которой предлагаются иные «стили развития», хотя и не отрицающие полностью принцип «устойчивого развития»; сочетание в современной экологической мысли региона идеи о социальной и экологической политике с идеями марксизма, культурной антропологии и экологической политики.

⁸ Собственные расчеты на основании данных портала Environmental Justice Atlas (ejatlas.org) на 19.09.2017.

⁹ De Castro, Hogenboom, Baud. *Op. cit.*, 39–69.

Экологическое движение

В Латинской Америке существует развитая система экологического законодательства и государственного регулирования, созданная на протяжении последних десятилетий. Однако эксперты отмечают, что государственная политика в этой сфере значительно уступает по эффективности действиям низовых общин¹⁰, которые примерно в 20 % случаев добиваются остановки угрожающих их интересам проектов¹¹.

Народное экологическое движение, известное также как «экологизм бедных» или «экологизм индейцев», зародилось в 1980-х гг. и первоначально включало группы, боровшиеся с локальной проблемой и не стремившиеся к политическому влиянию. Мощный импульс его развитию дала состоявшаяся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро альтернативная встреча НПО (приуроченная к Конференции ООН по вопросам окружающей среды и развитию), которая собрала около 1500 объединений активистов со всего мира. В настоящее время экологическое движение включает и локальные группы¹², и такие крупные региональные союзы, как агроэкологическое объединение *Vía Campesina*, Латиноамериканский координационный совет сельских организаций (CLOC), альянс *Justicia Hídrica*. Среди методов борьбы, наряду с уличными протестами, блокированием работ, активно используются обращения в судебные инстанции (национальные и международные) с исками о компенсации причиненного среде ущерба, защите земельных прав и др. Созданная в 1998 г. «Межамериканская ассоциация по защите окружающей среды» (AIDA) объединяет юристов — специалистов в области национального и международного экологического права. Главное направление их работы — придание статуса защищаемых природных зон уязвимым территориям, но не только: так, в 2015 г. в Колумбии удалось добиться запрета на распыление ядохимикатов, которое проводилось в рамках соглашения с США по борьбе с посевами коки¹³. Начиная с 2000-х гг. силами НПО, независимых и университетских исследовательских центров созданы онлайн-базы данных, регистрирующие информацию об экологических конфликтах в Латинской Америке и других регионах¹⁴. Рупором латиноамери-

¹⁰ Domínguez. *Op. cit.*, 288–289.

¹¹ De Castro, Hogenboom, Baud. *Op. cit.*, 60.

¹² Группы активистов действуют и в городах, где выступают в защиту зеленых насаждений, требуют сохранения пространства для пешеходов и велосипедистов, занимаются городским огородничеством и борются с нехваткой питьевой воды.

¹³ Этот метод был признан неэффективным для борьбы с наркотиками и наносил вред уязвимым природным комплексам, источникам воды и дикой природе.

¹⁴ Региональные: Observatorio Latinoamericano de Conflictos Ambientales (OLCA) — www.olca.cl, Oilwatch — www.oilwatch.org, мировые: Environment Justice Organizations, Liabilities and Trade

канского экологического движения являются информационно-агитационные сети¹⁵, которые через межрегиональные ресурсы и объединения имеют выход на региональные и общемировые экологические движения.

Важную роль в развитии движения сыграли представители духовенства и интеллектуальных кругов. Сильное влияние оказали идеи бразильского писателя и теолога Леонардо Боффа, перуанского священника и правозащитника Марко Араны, бразильского философа и педагога Паулу Фрейре, уругвайского писателя Эдуардо Галеано¹⁶. В Аргентине представители католических кругов поддерживают борьбу аграрных лиг против выращивания сои за счет сведения лесов. Аргентинские врачи, входящие в неправительственную сеть Red de Médicos de Pueblos Fumigados, оказывают поддержку широкому народному движению, членам которого удалось добиться в 2009 г. запрета на распыление химических веществ (глифосата) вблизи городских поселений. Серьезное участие принимает церковь в земельных конфликтах в Бразилии. Ощущается, хотя и более умеренно, ее влияние в экологических конфликтах и в других странах региона¹⁷.

Народный экологизм — это не просто движение в защиту природы. Он выдвигает собственные предложения по рациональному экологическому производству, которое опирается на местные исконные методы земледелия, сохраненные индейскими общинами. Индейский агроэкологизм получил поддержку представителей латиноамериканского научного сообщества. Так, школа мексиканских этноэкологов в начале 2000-х гг. способствовала зарождению крестьянского движения под лозунгом «Без маиса нет страны».

Противодействие мощным политическим и экологическим интересам таит в себе смертельную опасность. По данным НПО Global Witness, в 2015 г. в Латинской Америке произошло 65 % всех убийств активистов — защитников природы в мире (122 из 185, причем по сравнению с 2014 г. был отмечен рост на 59 %), из них в Бразилии — 50, Колумбии — 26, Перу — 12, Никарагуа — 12, Гватемале — 10, в Гондурасе — 8 (в 2014 г. — 12), Мекси-

(EJOLT) — www.ejolt.org; отраслевые: World Rainfores Movement (WRM) — wrm.org.uy, Observatorio de Conflictos Mineros de América Latina (OCMAL) — www.ocmal.org, GRAIN — www.grain.org, Global Witness — www.globalwitness.org.

¹⁵ Via Campesina, Coordinadora Latinoamericana de Organizaciones del Campo (CLOC) — cloc-viacampesina.net, MAPDER — www.mapder.lunasexta.org и др.

¹⁶ Автор знаменитой книги «Открытые вены Латинской Америки», где резко критикуется экстрактивный характер экономических и политических проектов в истории Латинской Америки, усугублявших ее зависимость от Запада и растущее общественное и экономическое неравенство.

¹⁷ De Castro, Hogenboom, Baud. Op. cit., 61.

ке — 4¹⁸. В наибольшей степени испытывают на себе насилие индейские общины: к их числу принадлежат почти 40 % погибших. Среди недавних громких жертв — лауреат престижной международной Премии Голдмана¹⁹ в области защиты окружающей среды, лидер «Гражданского комитета народных и индейских организаций Гондураса» Берта Касерес, погибшая в марте 2016 г.²⁰

В поисках нового пути развития

Правящие круги латиноамериканских стран часто относятся с подозрением к экологическому движению, которое трактуется как политически мотивированное, как результат иностранного влияния или низкой информированности населения. Приоритет отдается преодолению экономического отставания и бедности, одним из способов которого в настоящий момент становится увеличение экспорта природных ресурсов. Значительная часть ресурсов (биомассы, ископаемого топлива и рудных ископаемых) идет на экспорт. Но растущий физический объем вывоза сырья не покрывает импорта. Для многих латиноамериканских стран характерен дефицит внешнеторгового баланса. Складывается замкнутый круг, когда извлечение ресурсов сопровождается ростом задолженности²¹.

Латиноамериканские мыслители, как и активисты народного экологического движения, стремятся найти альтернативу экстрактивистскому характеру развития Латинской Америки. Резкой критике подвергается капитализм как иррациональная модель и основная причина экологического кризиса и нерационального использования ресурсов²².

В качестве альтернативной латиноамериканской концепции развития в последние десятилетия широкое распространение получила концепция «хорошей жизни» (*buen vivir*, *Sumak Kawsay*). Ее идейной базой является духовное наследие индейских народов, которые основывают свое суще-

¹⁸ *En terreno peligroso*. *Global Witness*. 20-VI.2016, 9, 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalwitness.org/en/reports/terreno-peligroso>. (accessed 01.09.2017).

¹⁹ Премия Голдман (известная также как «Зеленая нобелевская премия») учреждена в 1990 г. американскими филантропами Ричардом и Родой Голдман. Вручается ежегодно в Сан-Франциско шести активистам — защитникам природы (по одному из различных регионов: Африки, Азии, Европы, островных государств, Северной, Центральной или Южной Америки).

²⁰ Mediavilla Manu. *"Acoso y derribo" al activismo ambiental en Honduras y Guatemala*, *Amnistia Internacional*, 09-IX.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.es.amnesty.org/en-que-estamos/blog/historia/articulo/acoso-y-derribo-al-activismo-ambiental-en-honduras-y-guatemala>. (accessed 01.09.2017).

²¹ De Castro, Hogenboom, Baud. *Op.cit.*, 96–98.

²² *Ibid.*, 47–49, 63–66.

ствование на ином опыте, проникнутом основами их собственных культур и систем ценностей, на жизни в тесной связи с природой. Парадигма «хорошей жизни» контрастирует с иными путями развития, воспринимаемыми как исторический проект Запада: с эгоистическим индивидуализмом (либерализмом) или крайним коллективизмом (коммунизмом). Она состоит в том, чтобы «жить в гармонии и равновесии, в гармонии с циклами Матери Земли, космоса, жизни и истории, в равновесии с любой формой существования»²³. Она вступает, таким образом, в противоречие с христианской концепцией развития как отхода человека от природы, ассоциирующейся с варварством. Иначе трактуется идея прогресса, вносятся изменения в саму концепцию бедности и отсталости, которые не связываются с отсутствием материальных благ, а богатство не увязывается с их наличием²⁴. Таким образом, целью является построение «экономики, основанной на принципах солидарности и безопасности окружающей среды, уже существовавшей ранее, и которую нужно восстановить»²⁵.

Эти принципы утвердились на политической арене, нашли отражение в конституциях Эквадора (2008) и Боливии (2009). Однако в политике современных правительств они сочетаются с дальнейшим развитием по экстрактивистскому пути и реализацией крупных инфраструктурных проектов. Это вызывает неприятие со стороны индейских организаций²⁶.

Воплощением принципов индейской парадигмы развития можно назвать два феномена, развивающиеся параллельно. С одной стороны — это опыт экономической деятельности индейцев в различных латиноамериканских странах. Они на практике реализуют принцип экономики, основанной на началах солидарности и отвечающей экологическим требованиям. Проекты, осуществляемые общинами, разнообразны: от сельскохозяйственных производств, организованных в соответствии с принципами агроэкологии и пищевого суверенитета²⁷, до широких разноплановых объединений. Примером такого объединения является созданная в Мексике Индейская туристическая сеть (RITA), объединившая 98 общинных организаций в 16 штатах страны, члены которой принадлежат к 17 различным народам. В эту сеть входят организации, связанные не только с туризмом,

²³ Mamani Fernando Huanacuni. *Buen Vivir/Vivir Bien. Filosofía, políticas, estrategias y experiencias regionales Andinas*. Lima, CAOI, 2010. P 33–34.

²⁴ *Los pueblos indígenas en América Latina*. Avancez en el último decenio y retos pendientes para la garantía de sus derechos. Santiago de Chile, CEPAL, 2014, 84.

²⁵ De Castro, Hogenboom, Baud. *Op.cit.*, 49.

²⁶ *Los pueblos indígenas en América Latina...*, 82.

²⁷ Борьба против генномодифицированных культур и использования гербицидов, за сохранение традиционных культур и собственное производство семян.

но занятые и другими видами деятельности: защитой флоры и фауны, восстановлением лесов. Они решают задачи сохранения традиционных знаний, культуры, ремесел, производят и перерабатывают сельхозпродукты²⁸.

В политической сфере концепция «хорошей жизни» оказала несомненное влияние²⁹ на развитие нового политического латиноамериканского экологизма, так называемого экосоциализма³⁰, для которого характерны концепции рационального экологического производства, экологического долга, климатической справедливости, справедливого распределения воды, прав на природу. Он одинаково оппозиционен как в отношении правительств неолиберальной ориентации, так и принадлежащих к «левому» политическому спектру. Опираясь на серьезную теоретическую базу, но делая на практике лишь первые шаги, тем не менее он находит своих сторонников и в правительственных кругах. К его проявлениям можно отнести проекты законов о континентальном и международном экологическом регулировании (такие как моратории на добычу нефти, на добычу золота открытым способом, компании против строительства дамб и «зеленых пустынь» в виде эвкалиптовых или сосновых плантаций, защиту традиционных культур и собственного производства семян). Перспективными являются проекты введения экологических налогов на экспорт природных ресурсов и предложения, подобные инициативе «Ясуни-ИТТ»³¹, суть которой состояла в том, что ряд развитых стран в ответ на предложение правительства Эквадора отказаться от добычи нефти на территории национального парка Ясуни в течение ряда лет выплачивали ему половину стоимости топлива, которое могло быть там добыто.

* * *

В условиях обострения экологических проблем в Латинской Америке возникло и получило широкое распространение мощное экологическое движение. Оно действует в интересах сохранения уникального природного разнообразия региона и в защиту прав населения континента на здоровую окружающую среду и достойные условия жизни. Одной из наиболее уязвимых групп являются индейские народы. В различных частях латиноамериканского общества существует понимание глубины современных экологических проблем и идут поиски их решения. Политические и экономические теории латиноамериканских интеллектуалов, наряду с народным экологиз-

²⁸ Los pueblos indigenas en America Latina..., 86.

²⁹ Ibid. P. 84.

³⁰ De Castro, Hogenboom, Baud. *Op.cit.*, 63–66.

³¹ Ibid., 68–69.

мом, стремятся найти альтернативу экстрактивизму, который на протяжении веков оставался постоянной характеристикой исторического развития Латинской Америки. Идейной основой одного из мощных направлений этого движения стало духовное наследие индейских народов. Оно находит воплощение в практической деятельности и получает все большее распространение в политических сферах.

Библиография

1. *Dominguez Judith Dominguez*. Medio ambiente y derechos humanos en Latinoamérica. Antonio Embid Irujo (coord.). Agua, energía, cambio climático y otros estudios de derecho ambiental: en recuerdo a Ramón Martín Mateo. Pamplona, Aranzadi, 2015. P. 283–288.
2. *Del Carmen Carmona Lara Maria*. Derechos humanos y medio ambiente. Jorge Ulises Carmona Tinoco, Jorge M. Hori Fojaco (Eds.). Derechos Humanos y Medio Ambiente. UNAM, México, 2010. P. 8–16.
3. *GEO-5*. Perspectivas del medio ambiente mundial. Medio ambiente para el mundo que queremos. Opciones para América Latina y el Caribe. PNUMA, 2012.
4. América Latina debe luchar contra la contaminación para alcanzar desarrollo sostenible. Fundación Corresponsables. 17-V.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://mexico.corresponsables.com/actualidad/america-latina-debe-luchar-contra-la-contaminacion-para-alcanzar-desarrollo-sostenible>.
5. *De Castro Fabio, Hogenboom Barbara, Baud Michiel*. Gobernanza ambiental en América Latina. Buenos Aires, CLACSO: ENGOV, 2015. P. 73–104.
6. En terreno peligroso. Global Witness, 20-VI.2016, 9, 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalwitness.org/en/reports/terreno-peligroso>.
7. *Mediavilla Manu*. “Acoso y derribo” al activismo ambiental en Honduras y Guatemala. Amnistía Internacional, 09-IX.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.es.amnesty.org/en-que-estamos/blog/historia/articulo/acoso-y-derribo-al-activismo-ambiental-en-honduras-y-guatemala>.
8. *Mamani Fernando Huanacuni*. Buen Vivir/Vivir Bien. Filosofía, políticas, estrategias y experiencias regionales Andinas. Lima, CAOÍ, 2010. P. 33–34.
9. Los pueblos indígenas en América Latina. Avancez en el último decenio y retos pendientes para la garantía de sus derechos. Santiago de Chile, CEPAL, 2014. P. 84.

Современная латиноамериканская общественная мысль о проблеме прав человека: основные тенденции

Modern Latin American public opinion on the problem of human rights: the main trends

Resumen: El artículo analiza principales tendencias del desarrollo del pensamiento latinoamericano en materia de derechos humanos. El autor destaca dos tendencias de tal índole: el deseo de utilizar de modo más completo la experiencia acumulada por el pensamiento jurídico y político mundial (principalmente occidental) y al mismo tiempo tener en cuenta los rasgos específicos de la comprensión de derecho y la política de derecho en los países latinoamericanos tanto como sea posible. Estas tendencias se complementan y se contradicen mutuamente. El principal vector del pensamiento latinoamericano tiene como objetivo el estudio de los problemas de los derechos humanos, basado en el conocimiento de la persona misma, no un individuo abstracto, sino un concreto (en todas sus variedades) latinoamericano. Para la mayoría de los autores latinoamericanos, es característico esforzarse por superar la comprensión ilustrada de la naturaleza humana como un conjunto de rasgos característicos de todos los representantes de la especie homo sapiens en cualquier época del mundo.

Palabras claves: identidad; derecho; cultura; civilización.

Abstract: The article analyzes the main trends in the development of Latin American social thought in the human rights issue. The author outlines two such tendencies: the desire to make full use of the experience accumulated by the world (primarily Western) legal and political thought, while at the same time taking into account the specifics of legal understanding and legal policy in Latin American countries as much as possible. These tendencies mutually complement and simultaneously contradict each other. The main vector of Latin American thought is aimed at studying the problems of human rights, based on the knowledge of the specifics of the person himself, not an abstract individual, but a concrete (in all his many varieties) Latin American. For most Latin American authors, it is characteristic to strive to overcome the enlightened understanding of human nature as a set of traits characteristic of all representatives of the species homo sapiens in any era throughout the world.

Key words: identity; right; culture; civilization.

¹ Шемякин Яков Георгиевич, Россия, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЛА РАН (shemyakinx3@gmail.com), гр. РФ.

Тема прав человека, безусловно, одна из центральных в современной латиноамериканской мысли. И в данном случае Латинская Америка отражает общемировую тенденцию резкого повышения интереса к данной проблематике, обусловленного целым комплексом причин — от конъюнктурно-политических (обострение идеологической борьбы по вопросу о правах человека) до чисто духовных. Предпосылкой адекватного раскрытия поставленной в заглавии темы является определение общих контуров смыслового поля, в рамках которых она будет в данном случае рассматриваться.

Начну, следуя Декартову научному методу, с «простого и очевидного»: понятие «права человека» — сложносоставное, оно состоит, в свою очередь, из двух понятий: «право» и «человек». Каждое из них является центром целой системы тяготеющих к этому центру смыслов. Хотя смысловые поля понятий «право» и «человек» тесно взаимосвязаны, они в то же время достаточно существенно отличаются друг от друга. Поэтому проблема прав человека может быть рассмотрена по-разному в зависимости от того, какой из этих двух смысловых центров будет находиться в фокусе внимания исследователя. Акцент на понятии «право» необходимым образом предполагает выдвижение на первый план юридической проблематики. Акцент на втором смысловом центре, в свою очередь, предполагает, что теоретическое (как, впрочем, и практическое) решение проблемы прав человека невозможно без выработки собственной позиции по вопросу о том, как должно раскрываться понятие «человек» в той или иной конкретно-исторической ситуации, в рамках той или иной культуры. Абсолютизация как той, так и другой исследовательской позиции неправомерна. Тем не менее при попытке раскрытия данной темы неизбежен выбор главного объекта внимания. Абсолютизация юридической проблематики в целом свойственна западным трактовкам прав человека. Последние основаны на представлении о некоем абстрактном индивиде, при этом предполагается, что конкретно-исторические особенности человека и той культурной и природной среды, в которых он живет, никак не влияют на содержание правовых принципов и норм, которые также абстрактны и универсальны. Подобная трактовка восходит к традиции Просвещения XVIII в. и была положена в основу такого ключевого документа, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. Документ, содержание которого, несмотря на все его бесспорное всемирно-историческое значение, ограничено (как признавали и многие западные исследователи²) рамками одной западной политической и правовой традиции. Ясное осознание этого обстоятельства характерно и для многих пред-

² См., например: Всеобщая декларация прав человека: 45-я годовщина: 1948–1993. М.: Интерпракс, 1994. С. 48.

ставителей латиноамериканской мысли³. В подобной ситуации настоятельной потребностью развития мировой научной и политической мысли стала реальная универсализация концепции прав человека, преодоление цивилизационной ограниченности до сих пор преобладающих на Западе трактовок данной концепции. А это неизбежно означает необходимость учета особенностей трактовки антропологической проблематики в различных цивилизациях, смещение фокуса внимания с чисто юридической на культурно-цивилизационную составляющую понятия «права человека». Тенденция движения исследовательской мысли именно в этом направлении прослеживается и на Западе⁴, и среди отечественных ученых-правоведов, создавших очень содержательные фундаментальные работы, утверждающие необходимость учета цивилизационных различий при рассмотрении проблемы прав человека⁵.

Для латиноамериканской мысли характерны две основные тенденции: стремление в полной мере использовать опыт, накопленный мировой, прежде всего западной, правовой и политической мыслью и в то же время максимально учесть специфику архетипических и социокультурных основ правопонимания и правовой политики в странах Латинской Америки. Эти тенденции взаимно дополняют и одновременно противоречат друг другу, поскольку попытки непосредственного, без учета местной цивилизационной специфики переноса правовых институтов и идей западного происхождения на латиноамериканскую «почву» неизбежно вновь и вновь приводят, как показал опыт, к институциональному и духовно-ценностному кризису. Хотя латиноамериканским авторам отнюдь не чуждо стремление подробно рассмотреть и, опираясь на западный опыт, по-своему переосмыслить юридическую проблематику⁶, все же главный вектор латиноамериканской мысли направлен, насколько я могу судить по результатам моих исследо-

³ См., например: Mata Alfonso Chacón, “El relativismo cultural y su tutela jurídica en el sistema internacional de protección de los derechos humanos” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2011. Vol. 22 (2), 39–79; *Alpizar Flor Abarca*, “Nuevas visiones para tiempos nuevos: Hacia aprendizajes holistas como derecho de la humanidad” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2012. Vol. 23(2), 61–85.

⁴ См., например: Гидденс Э., *Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?* М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015, 160–166, Keane J., *The Life and Death of Democracy*, New York: Norton, 2009; Youngs R. *Europe's Decline and Fall: The Struggle against Global Irrelevance*. London: Profile, 2010.

⁵ См.: *Права человека: итоги века, тенденции, перспективы*. М.: НОРМА, 2002; Лукашева Е. А. *Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение*. М.: Норма, 2009; *Права человека и процессы глобализации современного мира*. М.: Норма, 2007; *Права человека. Учебник*. М.: Норма, ИНФРА-М, 2015.

⁶ В том числе преодолеть традиционное противопоставление различных школ права, в первую очередь — юридического позитивизма и естественно-правовой теории. См., например: Freitas

ваний⁷, на второй из выделенных смысловых центров — на изучение проблематики прав человека, основываясь на познании специфики самого человека — не абстрактного индивида, а конкретного (во всем множестве его разновидностей) латиноамериканца — живое пульсирующее ядро латиноамериканской цивилизации. Для большинства латиноамериканских авторов, пишущих по этой тематике, характерно стремление преодолеть просвещенческое понимание природы человека как некоей совокупности черт, свойственных всем представителям вида *homo sapiens* в любую эпоху повсюду на планете. Стремление, основанное на понимании того, что нет «человека вообще». Человек всегда конкретен, обусловлен теми или иными конкретными обстоятельствами своего пребывания в истории и в определенной природной среде. Любой из живущих на планете людей принадлежит к той или иной традиции, входит в ту или иную общность (как правило, одновременно в несколько различных общностей), живет в определенном месте, может менять место жительства и даже свою принадлежность к какой-либо традиции (феномен смены идентичности главным образом в современную «электронную эру»), но всегда так или иначе проходит свой собственный, неповторимый жизненный путь. С особой ясностью и силой данную тенденцию латиноамериканской мысли выразил один из самых интересных современных мыслителей Латинской Америки, мексиканец Боливар Эчеверрия⁸.

Действительность, в рамках которой жили и живут люди Латинской Америки, представляет собой туго затянутый узел различных типов крайне противоречивого взаимодействия разнородных традиций. В их социокультурном облике проступают основные черты цивилизационной специфики Латинской Америки, которая принадлежит к особому «пограничному» цивилизационному типу. Определяющая его особенность — качественно иное по сравнению с великими «классическими» цивилизациями Востока и Запада («субэкуменами» по терминологии Г. С. Померанца) соотношение начал (принципов) единства и многообразия. Если облик последних определяет начало единства, здесь есть некий духовно-ценностный стержень, который пронизывает собой, скрепляет разнообразие, то реальность цивилизационного «пограничья», напротив, определяется доминантой многообразия, что отнюдь не означает отсутствия единства: оно тоже вполне

Gustavo Jaccottet, “El fenómeno de la adquisición de los derechos humanos: un proceso histórico, jurídico y dialéctico” // *Revista Latinoamericana de derechos humanos*, 2012, Vol. 23(1), Enero-junio, 15–45.

⁷ См.: Shemyakin Y. “Volviendo al tema de los derechos humanos. Criterio de un latinoamericanista” // *Iberoamérica*, 2015, 33–55.

⁸ Echeverría Bolívar. “La múltiple modernidad de América Latina” // *Contrahistorias. La otra mirada de Clió*. 2005, No. 4, 60.

реально, хотя речь в данном случае идет о единстве *sui generis*, особого рода, качественно отличном от реальности «субэкумен»⁹.

* * *

Исторический (в том числе и цивилизационный) процесс разворачивается на двух уровнях — личностном (индивидуальном) и надличностном (то есть на уровне человеческих общностей и социальных институтов различного рода). Как было установлено в ходе и в результате цивилизационных исследований¹⁰, различия эти относительно: надличностный пласт — нормативно-ценностная база той или иной цивилизации — есть в любом человеке. Однако личность несводима к этой основе. Во всяком представителе вида *homo sapiens* наличествует определенное «пространство свободы» по отношению к господствующим общепринятым нормам и ценностям, свободы в интерпретации этих норм и ценностей. Этот «несводимый остаток», «собственно индивидуальный» пласт и обуславливает неповторимое своеобразие каждой человеческой индивидуальности. Это «пространство свободы» может быть больше или меньше в зависимости от того, в какой социокультурной среде действует индивид.

В цивилизациях «классического» типа, в которых доминирует начало единства, эта доминанта проявляется как в преобладании надличностного уровня цивилизационного процесса (т.е., напомним, уровня социальных институтов и официально утвержденных общепринятых систем ценностей), так и в том, что индивидуальный уровень данного процесса определяется тем надличностным пластом — нормативно-ценностной основой цивилизации, который есть в любой личности и является в условиях «классической» цивилизационной реальности базой ее целостности.

⁹ О сопоставлении и сравнительном анализе «классического» и «пограничного» цивилизационных типов см.: Шемякин Я. Г. *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*. М.: Наука, 2001; Он же. *Латиноамериканская цивилизация: основные ценности и институты* // *Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире*. М.: ИМЭМО РАН, 2007, 9–28; Он же, “Пограничные цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции” // *Латинская Америка*, 2007, № 7, 75–84; Он же, “Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В. Б. Земскова” // *Мир России*, 2016, № 1, 154–180; Он же, “Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе (О характере соотношения Языка, Текста и Шрифта)” // *Общественные науки и современность*, 2014, № 2, 113–123; № 3, 119–129; Гирин Ю. Н., *Поэтика сверхпределности. К интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры*. СПб.: Алетейя, 2008.

¹⁰ Шемякин Я. Г. *Европа и Латинская Америка*, 168–173; Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д. “Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки” // *Латинская Америка*, 2009, № 9–10.

Для цивилизационного «пограничья» характерна принципиально иная, гораздо более значительная по сравнению с «классическим» цивилизационным типом роль личностного уровня развертывания цивилизационного процесса, а в рамках самого этого уровня — качественно иное, опять же по сравнению с «классическими» цивилизациями, соотношение между надличностным и «собственно индивидуальным» пластами в структуре самой личности. Крайне противоречивое сосуществование различных, в том числе и прямо противоположных ценностно-смысловых ориентаций, отличающее реальность «пограничных» цивилизаций, обуславливает то обстоятельство, что воплощающий общепринятые, официально утвержденные установки нормативно-ценностный пласт в личности «пограничного» типа, по общему правилу, ослаблен, и поэтому его интегративные потенции явно недостаточны для того, чтобы обеспечить ее духовную целостность. В подобной ситуации решающее значение приобретает тот самый «несводимый остаток» в человеческой индивидуальности, который становится главным фактором достижения ее целостности, и в качестве такового он представляет собой одну из основных деталей механизма обеспечения целостности всей «пограничной» цивилизационной системы в условиях свойственной этому типу доминанты многообразия. Другими, столь же необходимыми деталями данного механизма являются: повышенная по сравнению с субэкуменами роль внешних факторов, высокая степень проницаемости для внешних воздействий и одновременно способность к быстрому превращению «внешнего» во «внутреннее», к ускоренному усвоению иноцивилизационных новаций; повышенные (как и во всех иных случаях по сравнению с «классическими» цивилизациями) проницаемость внутренних границ в культуре и способность к оперированию знаковыми структурами различного происхождения и характера, прежде всего — сакральными символами. Все эти факторы взаимно обусловлены. Так, «взаимоупор», казалось бы, противоположных по своему характеру ориентаций сознания и поведения (стремления к максимальной открытости миру и к ревностной защите собственной самобытности), основанный на одновременном наличии отмеченных выше взаимоисключающих, на первый взгляд, характеристик (повышенной проницаемости для внешних влияний и повышенной способности к переработке таких влияний в соответствии с логикой местной социокультурной почвы) оказался возможен именно в силу повышенной в условиях цивилизационного «пограничья» проницаемости внутренних границ в культуре, пролегающих не только между отдельными индивидами и человеческими общностями, носителями тех или иных традиций, но и в душах людей. Наличие же качества повышенной проницаемости внутренних границ в культуре, в свою очередь, обусловлено наличи-

ем такой характеристики «пограничной» реальности, как более высокий, чем в субэкуменах, уровень оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера. Оперировать же знаковыми структурами не могут общность или социальный институт. Это может сделать только конкретный живой человек. В силу этого обеспечить повышенный уровень оперирования подобными структурами оказалось возможным лишь в случае кардинального изменения соотношения различных уровней развертывания цивилизационного процесса — личностного и надличностного в пользу первого, а в его рамках — в результате выдвижения на первый план собственно индивидуального пласта: достичь подобного уровня оперирования знаковыми структурами можно было лишь в «пространстве свободы» личности.

Именно в этом пространстве разворачивается процесс самоидентификации человека. Учитывая то, что было сказано о ключевом значении «собственно индивидуального» пласта как фактора достижения целостности цивилизационной системы в уровнях социокультурного «пограничья», проблема идентификации неизбежно должна была занять (и действительно заняла) центральное место в латиноамериканской мысли. Собственно, и проблематика прав человека стала (иногда неосознанно, но чаще всего вполне сознательно) рассматриваться именно через эту призму. Соответственно, происходило постепенное осознание права на собственную идентичность, на ее сохранение как *conditio sine qua non* реализации всех остальных прав человека. Поиски ответа на вопрос «Кто мы?» заняли центральное место в духовных исканиях латиноамериканцев.

Разные варианты ответа на этот вопрос повлекли за собой возникновение различных образов латиноамериканской идентичности, которые сталкиваются и соперничают в цивилизационном сознании жителей региона. Вся их совокупность тяготеет, в конечном счете, к двум полюсам. Вокруг одного концентрируются те, для кого Латинская Америка — это не новый человеческий мир, имеющий собственное культурно-историческое лицо, а арена продолжающейся уже более пяти столетий борьбы миров, абсолютно несовместимых друг с другом: европейской цивилизации и автохтонного индейского мира. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что к этому направлению относятся как ультраиндеанисты, считающие, что только индейское начало выражает глубинную сущность действительности континента, а все европейское обречено на гибель как нечто, абсолютно этой действительности чуждое¹¹, так и западники, для которых Латинская

¹¹ См., например: Rincón Soto L. “Fausto Reinaga y su pensamiento amáutico: su crítica a la filosofía occidental” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2014, No. 25(2), 15–31.

Америка — не более чем тавтология мировой истории, простое повторение Европы, только в ухудшенном варианте.

Вокруг другого полюса концентрируются те, кто убежден, что Латинская Америка — это именно особый человеческий мир, бесконечно многообразный, но единый в самых глубинных своих основах, обладающий собственной идентичностью, несводимой к совокупности идентичностей его многочисленных составляющих. Простое перечисление имен представителей как того, так и другого направлений могло бы занять, наверное, не одну страницу¹². Многие годы изучения латиноамериканской проблематики привели меня к убеждению, что правы приверженцы второй из обозначенных традиций.

Здесь можно проследить прямую линию преемственности от С. Боливара к Х. Марти, а от него — к современным мыслителям, прежде всего — Л. Сеа и его школе. В последние годы одним из наиболее ярких представителей данной тенденции является упомянутый выше Боливар Эчеверрия. Всех представителей этого направления объединяет убежденность в том, что неповторимые черты исторического облика Латинской Америки сформировал процесс метисации. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не только о процессе расового и этнического смешения, о «бурной симфонии крови» (Э. Агости)¹³, но и о не менее бурной «симфонии духа», рождающейся из первоначального хаоса разноголосицы изначально далеких друг от друга цивилизационных начал. Перу Л. Сеа принадлежит формула, в лапидарной форме выражающая самую суть проблемы латиноамериканской идентичности. По его словам, «проблема нашей расовой и культурной метисации столь сложна, что утверждая одну культуру с тем, чтобы отвергнуть другую, мы тем самым отрицаем самих себя»¹⁴. Данное обстоятельство обуславливает совершенно особый культурно-исторический контекст возможного рассмотрения проблематики прав человека в Латинской Америке, как, впрочем, и во всем цивилизационном «пограничье». Так, в этом случае обнаруживаются прямые параллели с Россией¹⁵.

Самоидентификация предполагает самоопределение по отношению к тем традициям, взаимодействие которых составило содержание процесса

¹² См. подробнее: Шемякин Я. Г. *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*. М.: Наука, 41–46; Он же. *Латинская Америка: традиции и современность*. М.: Наука, 1987. С. 174–178.

¹³ Агости Э. П., *Нация и культура*. М., 1963, 229.

¹⁴ Сеа Л., *Философия американской истории*. М.: Прогресс, 1984, 37.

¹⁵ См.: Шемякин Я. Г. «Идентичность и тип цивилизации: особенности соотношения (Россия — Латинская Америка — Запад)» // *«Миры миров»: в поисках идентичности. Россия и Латинская Америка в сравнительно-исторической перспективе*. М.: Фонд исторической перспективы, 2016, 15–16 и др.

становления той или иной цивилизации. В процессе подобного самоопределения неизбежно происходит не только конвергенция, но и дивергенция смыслов¹⁶, в результате чего необходимой составляющей данного процесса становится формирование образа «Другого» («Иного»), на базе сопоставления с которым и из противопоставления ему рождается собственная идентичность. Но роль «Другого» в различных типах цивилизаций существенно отличается. Для великих «классических» цивилизаций весьма типичны «исключающие» дискурсы¹⁷. Их характерная особенность заключается в следующем.

«Другой» включен в картину мира осуществляющей самоидентификацию цивилизации, но лишь в качестве реальности, абсолютно ей чуждой и в любом случае занимающей неизмеримо более низкое место, чем она, в иерархии бытия («варвары» в противоположность «эллинам» и продолжавшие эту линию дискурсы в истории Запада, «варвары», противопоставляемые «Срединной империи» как образцу организации человеческой жизни в истории Китая, «дар-аль-харб» — еще не подвластная нормам истинной веры «территория войны», то есть все немусульмане, в истории исламского мира)¹⁸.

В «пограничье» ситуация принципиально иная: «Другой» воспринимается здесь (причем независимо от характера отношения к нему) как неотъемлемая часть собственного жизненного и культурного пространства, он включен в собственный мир каждого из участников взаимодействия. Без этого не были бы возможны ни метисация, ни сколько-нибудь прочное соединение, тем более творческий синтез различных традиций. Подобное понимание роли «Другого», причем утверждаемое прежде всего на уровне повседневной жизненной практики (которая, в свою очередь, в конечном счете приводит и к коррекции официальных идентификационных стратегий)¹⁹ — *conditio sine qua non* самого существования «пограничных» цивилизационных систем.

¹⁶ Следзевский И. В. «Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики» // *Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы*. М.: ИАФ РАН, 2010, 138–139, 171.

¹⁷ Во всяком случае, для западной, китайской и исламской. В том, что касается индо-буддийской цивилизационной макрообшности Южной Азии, ситуация гораздо более сложная, она заслуживает отдельного рассмотрения. Будучи жестко ограничен рамками допустимого объема текста статьи, я не могу останавливаться на этом сюжете сколько-нибудь подробно, а ограничиться несколькими фразами в данном случае невозможно.

¹⁸ Об основных связанных с этой темой сюжетах см. подробнее: Шемякина О. Д., «Эмоциональные преграды во взаимопонимании культурных общностей» // *Общественные науки и современность*, 1994, № 4, 104–114.

¹⁹ См. подробнее: Шемякин Я. Г. *Идентичность и тип цивилизации...*, 24–43.

Подобное решение проблемы «Другого» в процессе самоидентификации самым непосредственным образом влияет и на сферу права: «Другой» со своими, «другими» представлениями о праве так или иначе, прямо или косвенно, включается в реально существующую структуру права, которая приобретает качество социокультурной неоднородности. Конкретным выражением этого является так называемый «юридический плюрализм»: хотя Латинская Америка на уровне официальных, включенных в политическую систему западного происхождения и характера правовых институтов принадлежит, как известно, к романо-германской правовой «семье», реальностью ее жизни является, как показали многие, как зарубежные, так и отечественные исследователи²⁰, сосуществование различных по своему социокультурному содержанию правовых систем, принадлежащих к различным цивилизационным традициям, что является, в свою очередь, прямым проявлением определяющей реальности цивилизационного «пограничья» — доминанты многообразия. В то же время здесь отражается и то, что единство «пограничной» цивилизационной системы вполне реально, хотя это и единство *suí generis* в рамках системности особого рода, качественно отличной от той, которая существует в великих «классических» цивилизациях: европейские по происхождению и характеру институты права сосуществуют с «общинной юстицией» индейских общин, истоки которой восходят к доколумбову периоду в рамках объединяющей их структуры взаимосвязей, единой, несмотря на всю противоречивость ее составляющих.

* * *

Выше был сформулирован вывод о том, что в латиноамериканской мысли происходило постепенное осознание того, что утверждение права на собственную идентичность, на ее сохранение и укрепление является обязательным условием реализации всех остальных прав человека. Но столь же верно и то, что мыслители и ученые континента отлично сознавали: утвердить собственную идентичность невозможно, не отстаивая остальные основные права человека. Одно неотделимо от другого. Поэтому для сохранения собственного неповторимого исторического лица необходимы

²⁰ Костокрызов П. И. «Юридический плюрализм в латиноамериканских странах: откат к средневековью или путь к правопорядку постмодерна?» // *Латинская Америка*, 2016, № 11, 19–24; Он же. «Общинное правосудие в Колумбии» // *Латинская Америка*, 2016, № 4, 45–57; Он же. «Правовой плюрализм в Боливии: проблемы и перспективы» // *Российский юридический журнал*, 2013, № 4, 122–131; Servín Natalia Mendoza. «La costumbre indígena vista desde un enfoque propersona en las decisiones judiciales mexicanas» // *Revista latinoamericana de derechos humanos*, 2014, Vol. 25(2), Julio-Diciembre, 33–43; *El derecho indígena en América Latina: dificultades, logros y perspectivas*. Guatemala: FLASCO, 2003, 17–43.

соответствующие социальные, экономические и политические условия, достижение определенного баланса в отношении с природной средой, позволяющее приспосабливаться к ней и одновременно приспосабливать ее к человеческим потребностям, не допуская в то же время ее разрушения. Необходимо, разумеется, и достижение достаточно высокого уровня развития духовной культуры как особой сферы деятельности, в рамках которой, собственно, и происходит осознание собственной идентичности.

Если попытаться предельно обобщить основные тенденции, свойственные латиноамериканской мысли в том, что касается проблематики прав человека, то можно констатировать следующее.

Для большинства латиноамериканских авторов, посвятивших свои работы данной теме, характерны:

1. Повышенное внимание к социальной, экологической и культурной составляющим проблематики прав человека. В рамках этой проблематики особенно остро ставятся вопросы о защите и расширении социальных прав и гарантий трудящихся, о женском равноправии, о правах индейских народов (в том числе в связи с темами необходимости сохранения автохтонного культурного наследия и природной сферы обитания)²¹. В данном контексте происходит и переосмысление концепта демократии, ставится задача расширения возможностей реального участия основной массы народа в принятии политических решений, преодоления формального характера модели представительной демократии западного образца. Особенно отчетливо это проявляется в последнее десятилетие.
2. Стремление преодолеть политическое и правовое наследие эпохи правоавторитарных диктатур, выработать адекватное условиям

²¹ См., например: Heidy Vega García, “Identidad cultural y patrimonio ambiental: resistencia, reivindicación, apropiación e innovación de las mujeres en la Reserva de la Biosfera Maya” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2014, Vol. 25(2), 45–78; Albano Sergio y otr. “Los Derechos Economicos, Sociales y Culturales (DESC) como derechos humanos” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2013, Vol. 24(1–2), 17–23; Fuentes Ana María Olivera. “Derechos humanos de los pueblos indígenas: Chile tras la ratificación del Convenio 169 de la OIT” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2010, Vol. 20., 13–26; Castillo R. Martínez. “Biopiratería y pueblos indígenas: crítica es realidad” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. Ibid., 13–26; Chiriloga Ruiz O.R., “El derecho y la identidad cultural de los pueblos indígenas y las minorías nacionales: una mirada desde sistema interamericano” // *Sur. Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2006, No. 5, 43–69; Castellanos C. V. *Patrimonio Cultural: integración y desarrollo en América Latina*. México: Fondo de Cultura Económica, 2010; Franco R., Artigas C. “Derechos Económicos, Sociales y Culturales en América Latina: su situación actual” // *Anales de la Cátedra Francisco Suárez*, 2001, Vol. 35, 59–82; Mata Alfonso Chacón, “El relativismo cultural y su tutela jurídica en el sistema internacional de protección de los derechos humanos” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2011, Vol. 22(2), 48–49, 58–60, 62–64, 65, 69–73; González Deborah Singer. “El testimonio de Rigoberta Menchú: estrategias discursivas de una subjetividad fronteriza” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2012, Vol. 23(1), 73–88.

государств региона политическое и правовое решение проблемы «юстиции переходного периода» (*la justicia transitoria*)²².

3. Попытки переосмыслить спорные вопросы правовой теории, явное стремление преодолеть противопоставление различных школ права, о чем вскользь уже говорилось выше²³.
4. Стремление учесть новые реалии «электронной эры», проявившееся в двух направлениях: во-первых, в выдвигании концепции «4-го поколения» прав человека; во-вторых, в акцентировке тех опасностей, которые несут с собой новые технологии в связи с достижением технических возможностей практически неограниченного контроля над всеми сферами жизни человека²⁴.

Для сколько-нибудь полноценного рассмотрения каждого из перечисленных пунктов потребовалась бы, наверное, отдельная статья. Но сделать это в рамках данной работы, учитывая ограничение объема, не представляется возможным.

Библиография

5. Агости Э. П. *Нация и культура*. М., 1963.
6. Всеобщая декларация прав человека: 45-я годовщина: 1948–1993. М.: Интерпракс, 1994.
7. Гидденс Э. *Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?* М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
8. Гурин Ю. Н. *Поэтика сверхпределности. К интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры*. СПб.: Алетейя, 2008.

²² Maitane Arnoso y otr. “Argentina: diferencias intergeneracionales ante las medidas de justicia transicional” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2014, Vol. 25(2), 151–167; Villalobos Marco F. Feoli. “Estado Constitucional de Derecho y Democracia: Conceptos antagónicos?” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2009, Vol. 20, 39–54; Águila Javier Agüero. “Derechos humanos y democracia: entre la emancipación y la ideología” // *Los derechos humanos en América Latina: Teoría y práctica*. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2014, 43–56; Yepes Álvaro Patiño, “Las reparaciones simbólicas en escenarios de justicia transicional” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2010, Vol. 21(2), 51–61.

²³ Mata Alfonso Chacón, “El relativismo cultural y su tutela jurídica en el sistema internacional de protección de los derechos humanos” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2011, Vol. 22(2), 39–79; Santana M. C. Villeda, “Derechos humanos y desarrollo humano en México” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2011, Vol. 22(2), 185–208; Freitas Gustavo Jaccottet, “El fenómeno de la adquisición de los derechos humanos: un proceso histórico, jurídico y dialéctico” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2012, Vol. 23(1), 15–45.

²⁴ Martínez-Villalba Juan Carlos Riofrío. “La cuarta ola de derechos humanos: los derechos digitales” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2014, Vol. 25(1), 15–47; Freitas Gustavo Jaccottet. “Privacidad, intimidad: un debate sobre los alcances de las limitaciones a los derechos fundamentales y la visión de la libertad de expresión ante la novela 1984 de George Orwell” // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. Ibid, 79–94.

9. *Костогрызов П. И.* Юридический плюрализм в латиноамериканских странах: откат к средневековью или путь к правопорядку постмодерна? // Латинская Америка. 2016. № 11. С. 19–24.
10. *Лукашева Е. А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма, 2009.
11. Права человека и процессы глобализации современного мира. М.: Норма, 2007.
12. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. М.: НОРМА, 2002.
13. Права человека. Учебник. М.: Норма, ИНФРА-М, 2015.
14. *Сей Л.* Философия американской истории. М.: Прогресс, 1984.
15. *Следзевский И. В.* Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М.: ИАФ РАН, 2010. С. 138–139, 171.
16. *Шемякин Я. Г.* Латинская Америка: традиции и современность. М.: Наука, 1987.
17. *Шемякин Я. Г.* Идентичность и тип цивилизации: особенности соотношения (Россия — Латинская Америка — Запад) // «Миры миров»: в поисках идентичности. Россия и Латинская Америка в сравнительно-исторической перспективе. М.: Фонд исторической перспективы, 2016. С. 15–16 и др.
18. *Шемякин Я. Г.* Латиноамериканская цивилизация: основные ценности и институты // Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 9–28.
19. *Шемякин Я. Г.* Общинное правосудие в Колумбии // Латинская Америка. 2016. № 4. С. 45–57.
20. *Шемякин Я. Г.* Пограничные цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции // Латинская Америка. 2007. № 7. С. 75–84.
21. *Шемякин Я. Г.* Правовой плюрализм в Боливии: проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 122–131.
22. *Шемякин Я. Г.* Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В. Б. Земскова // Мир России. 2016. № 1. С. 154–180.
23. *Шемякин Я. Г.* Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе (О характере соотношения Языка, Текста и Шрифта) // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 113–123; № 3. С. 119–129.
24. *Шемякин Я. Г.* Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001.
25. *Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д.* Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки // Латинская Америка. 2009. № 9–10.

26. *Шемякина О. Д.* Эмоциональные преграды во взаимопонимании культурных общностей // *Общественные науки и современность*. 1994. № 4. С. 104–114.
27. *Mata Alfonso Chacón*. El relativismo cultural y su tutela jurídica en el sistema internacional de protección de los derechos humanos // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2011. Vol. 22(2). P. 48–49, 58–60, 62–64, 65, 69–73.
28. *Fuentes Ana María Olivera*. Derechos humanos de los pueblos indígenas: Chile tras la ratificación del Convenio 169 de la OIT // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2010. Vol. 20. P. 13–26.
29. *Echeverría Bolívar*. La múltiple modernidad de América Latina // *Contrahistorias. La otra mirada de Clió*. 2005. No. 4. P. 50–60.
30. *Castellanos C. V.* Patrimonio Cultural: integración y desarrollo en América Latina. México: Fondo de Cultura Económica, 2010.
31. *Chiriloga Ruiz O. R.* El derecho y la identidad cultural de los pueblos indígenas y las minorías nacionales: una mirada desde sistema interamericano // *Sur. Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2006. No. 5. P. 43–69.
32. *González Deborah Singer*. El testimonio de Rigoberta Menchú: estrategias discursivas de una subjetividad fronteriza // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2012. Vol. 23(1). P. 73–88.
33. El derecho indígena en América Latina: dificultades, logros y perspectivas. Guatemala: FLASCO, 2003. P. 17–43.
34. *Alpízar Flor Abarca*. Nuevas visiones para tiempos nuevos: Hacia aprendizajes holistas como derecho de la humanidad // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2012. Vol. 23(2). P. 61–85.
35. *Franco R., Artigas C.* Derechos Económicos, Sociales y Culturales en América Latina: su situación actual // *Anales de la Cátedra Francisco Suárez*. 2001. Vol. 35. P. 59–82.
36. *Freitas Gustavo Jaccottet*. El fenómeno de la adquisición de los derechos humanos: un proceso histórico, jurídico y dialéctico // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2012. Vol. 23(1). P. 15–45.
37. *Freitas Gustavo Jaccottet*. Privacidad, intimidad: un debate sobre los alcances de las limitaciones a los derechos fundamentales y la visión de la libertad de expresión ante la novela 1984 de George Orwell // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*.
38. *Freitas Gustavo Jaccottet*. El fenómeno de la adquisición de los derechos humanos: un proceso histórico, jurídico y dialéctico // *Revista Latinoamericana de derechos humanos*. 2012. Vol. 23(1). Enero-junio. P. 15–45.
39. *García Heidy Vega*. Identidad cultural y patrimonio ambiental: resistencia, reivindicación, apropiación e innovación de las mujeres en la Reserva de la Biosfera Maya // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2014. Vol. 25(2). P. 45–78.

40. *Águila Javier Agüero*. Derechos humanos y democracia: entre la emancipación y la ideología // *Los derechos humanos en América Latina: Teoría y práctica*. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2014. P. 43–56.
41. *Yepes Álvaro Patiño*. Las reparaciones simbólicas en escenarios de justicia transicional // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2010. Vol. 21(2). P. 51–61.
42. *Martínez-Villalba Juan Carlos Riofrío*. La cuarta ola de derechos humanos: los derechos digitales // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2014. Vol. 25(1). P. 15–47.
43. *Keane J.* *The Life and Death of Democracy*. New York: Norton, 2009.
44. *Youngs R.* *Europe's Decline and Fall: The Struggle against Global Irrelevance*. London: Profile, 2010.
45. *Santana M. C. Villeda*. Derechos humanos y desarrollo humano en México // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2011. Vol. 22(2). P. 185–208.
46. *Maitane Arnosó* y otr. Argentina: diferencias intergeneracionales ante las medidas de justicia transicional // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2014. Vol. 25(2). P. 151–167.
47. *Villalobos Marco F. Feoli*. Estado Constitucional de Derecho y Democracia: Conceptos antagónicos? // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2009. Vol. 20. P. 39–54.
48. *Servín Natalia Mendoza*. La costumbre indígena vista desde un enfoque propersona en las decisiones judiciales mexicanas // *Revista latinoamericana de derechos humanos*. 2014. Vol. 25(2). Julio-Diciembre. P. 33–43.
49. *Castillo R. Martínez*. Biopiratería y pueblos indígenas: crítica es realidad // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*.
50. *Rincón Soto L.* Fausto Reinaga y su pensamiento amáutico: su crítica a la filosofía occidental // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2014. No. 25(2). P. 15–31.
51. *Albano Sergio* y otr. Los Derechos Economicos, Sociales y Culturales (DESC) como derechos humanos // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2013. Vol. 24(1–2). P. 17–23.
52. *Shemyakin Yákov*. Volviendo al tema de los derechos humanos. Criterio de un latinoamericanista // *Iberoamérica*. 2015. P. 33–55.

ИСПАНИЯ И РОССИЯ/СССР: ДИАЛОГ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ВЗАИМОВЛИЯНИЕ

Е. О. Гранцева¹

СССР и Испания: двусторонние связи и внешняя культурная политика

The USSR and Spain: Bilateral Relations and Foreign Cultural Policy

Resumen: El artículo examina la interacción cultural entre España y la URSS como parte del curso de política exterior de los dos países. El autor analiza la promoción de la política cultural para fortalecer los lazos de política exterior en diferentes etapas de interacción y explora la transformación de las formas de cooperación cultural, así como los aspectos específicos de la construcción de un diálogo cultural bilateral. El estudio de la interacción intercultural entre la Unión Soviética y España nos permite distinguir dos etapas de su máxima implementación: los años de la Guerra Civil española (1936-1939) y el período de restauración de las relaciones bilaterales en los años 1970-1980. Comprender los cambios políticos y socioculturales que tuvieron lugar en la URSS y en España nos permite identificar los detalles del desarrollo de las relaciones bilaterales y las peculiaridades de la influencia mutua en el marco de las estrategias para la política cultural extranjera..

Palabras clave: URSS; España; relaciones internacionales; política exterior; política cultural; revolución; guerra civil; franquismo; transición; dialogo cultural; diplomacia pública.

Abstract: The article examines the cultural interaction between Spain and the USSR as part of the foreign policy course of the two countries. The author analyzes the promotion of cultural policy to strengthen the ties of foreign policy in different stages of interaction and explores the transformation of forms of cultural cooperation, as well as the specific aspects of the construction of a bilateral cultural dialogue.

¹ Гранцева Екатерина Олеговна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской Академии наук (kgrantseva@yandex.ru), гр. РФ.

The study of intercultural interaction between the Soviet Union and Spain allows to distinguish two stages of its maximum implementation: the years of the Spanish Civil War (1936-1939) and the period of restoration of bilateral relations in the years 1970-1980. Understanding the political and socio-cultural changes that took place in the USSR and in Spain allows to identify the details of the development of bilateral relations and the peculiarities of mutual influence within the framework of strategies for foreign cultural policy.

Key Words: USSR, Spain, international relations, foreign policy, cultural policy, revolution, civil war, Franco's regime, transition, cultural dialogue, public diplomacy.

История XX века доказала значимость культурной составляющей внешнеполитических стратегий. Взаимодействие Советского Союза и Испании, развивавшееся на протяжении нескольких десятилетий, было обусловлено сопутствующими историческими событиями, традициями, внутренней политикой двух стран, а также уровнем интенсивности контактов и направлениями внешней культурной политики.

Характерной особенностью советско-испанских связей стал их дуализм, выразившийся на официальном и неофициальном уровне. В XX веке страны пережили два разрыва дипломатических отношений, к тому же для наших государств были свойственны малочисленные двусторонние политические интересы при взаимном культурном притяжении. Надо отметить, что взаимодействие СССР и Испании в сфере культуры на определенных этапах доминировало в двусторонних отношениях.

Октябрьская революция поставила точку в истории традиционно дружественного, но не отличавшегося интенсивностью взаимодействия Испании с Российской империей. В ноябре 1918 г. испанское правительство отозвало дипломатическое представительство из Советской России и вплоть до 1933 г. советско-испанские связи носили исключительно неофициальный характер. По причине отсутствия дипломатических отношений между странами развитие культурных контактов было крайне сложным. Однако образы Революции и Советской России оказывали сильное, но неоднозначное влияние на сознание испанцев и влияли на социально-политическую и культурную сферы жизни страны².

СССР стал одной из первых стран, оценивших возможности внешней культурной политики. Здесь уже в 1920-х гг. велась работа по выделению основных векторов культурного воздействия. Особую роль в этом процессе играло созданное в 1925 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Как отмечает Н. М. Боголюбова, «общество стало первой организа-

² Cuadros Enrique Piquero, *La guerra civil española a través de las crónicas de los corresponsales soviéticos*. Madrid: Miraguano Ediciones, 2017.

цией, чья деятельность отражала основные принципы и подходы к участию советской страны в международном культурном обмене»³.

Осознанное формирование внешней культурной политики Испании в первой четверти XX в. строилось на идейном фундаменте Поколения 1898 г. В этот момент «на одну чашу весов легли модернизация и европейские ценности (позиция „прогрессистов“), а на другую — идеи об особом пути Испании, приверженность национальным духовным основам (позиция „традиционалистов“»⁴. Если первое направление было связано с европейским вектором взаимодействия, то влияние второго скажется в доктрине «испанидад» и ориентации на страны Латинской Америки.

Задача распространения испанского языка и расширения присутствия испанской культуры за рубежом легла на основанное в 1921 г. Бюро по культурным связям Испании⁵. В это же время, в 1923 г., в Испании было создано Общество друзей новой России⁶, впоследствии запрещенное в связи с приходом к власти М. Примо де Риверы.

В период диктатуры был утвержден «План культурной экспансии и политической пропаганды». Сфера внешней культурной политики была взята под жесткий государственный контроль, а доминантой культурного воздействия выбрано латиноамериканское направление. Его реализация входила в сферу деятельности Совета по культурным связям Испании, основанного в 1926 г.

После утверждения Второй Республики в апреле 1931 г. шло планомерное развитие культурного направления внешней политики. В этот период появилась должность культурного атташе, расширилась сеть испанских центров культуры, ориентированных на Европу. Совет по культурным связям разрабатывает комплекс действий на латиноамериканском направлении.

В это же время советско-испанские связи вышли на новый уровень развития. Значительно увеличилось количество визитов представителей испанской интеллигенции в Советский Союз. В Испании начали появляться Общества друзей Советского Союза, «в 1933 г. была создана общеис-

³ Боголюбова Н. «Внешняя культурная политика России: исторический опыт и проблемы современного периода» // *Вестник СПбГУ*. Серия 6, 2013, Выпуск 3, 142.

⁴ Гранцева Е., «Испанская культура XX — начала XXI века» // *История Испании*, Т. 2. Москва: Индрик, 2014, 696.

⁵ Gómez-Escalonilla Lorenzo Delgado. *Un siglo de diplomacia cultural española: de la Junta para Ampliación de Estudios al Instituto Cervantes*. Madrid: Real Instituto Elcano, 2014. Documento de Trabajo 12/2014. 9 de octubre 2014, URL: (дата обращения: 25.09.2017).

⁶ Кулешова В., *Испания и СССР. Культурные связи, 1917–1939*. Москва: Наука, 1975.

панская Ассоциация друзей Советского Союза, которая сыграла большую роль в развитии испано-советских связей»⁷.

28 июля 1933 г. министры иностранных дел обеих стран обменялись телеграммами, где говорилось о необходимости восстановления нормальных отношений между странами. Представители интеллигенции Испании и Советского Союза считали, что наличие дипломатических отношений между их государствами сделает культурные и научные отношения более интенсивными. Советские и испанские деятели искусства продолжали гастролировать, в Испании большой популярностью пользовалось советское кино⁸.

Особый этап в двустороннем взаимодействии — годы Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Советская сторона принимала активное участие в борьбе республиканцев против франкистов. В Испанию отправлялись добровольцы, была организована регулярная материальная помощь, отправлялись советские фильмы, книги и др. Именно в этот момент начинается активное межличностное общение, судьбы русских и испанцев переплетаются, начинается активное взаимодействие культур. У республиканцев формируется образ России-друга, надежного товарища, подавшего руку в трудный момент.

II Международный конгресс писателей в защиту культуры, проходивший в Валенсии, Мадриде, Барселоне и завершившийся в Париже в 1937 г., стал одной из знаменательных вех в истории взаимодействия СССР и Испании. Сложная политическая обстановка 1930-х гг. заставляла европейских интеллектуалов стремиться к консолидации. Первый международный антифашистский конгресс писателей состоялся в Париже в 1935 г. На нем была создана Международная ассоциация писателей в защиту культуры. В 1937 г. бюро ассоциации приняло решение о необходимости созыва Второго конгресса в связи с событиями в Испании. Советская сторона, активно участвовавшая (организационно и финансово) в подготовке данного конгресса, видела в нем возможность реализации собственных стратегий в сфере внешней культурной политики. 21 марта 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) (оно утверждало финансирование работы конгресса) приняло постановление «О международном антифашистском конгрессе писателей»⁹. Данный конгресс стал местом пересечения художественных позиций и политических интересов, трансформировавшихся в осознание необходимости совместных решительных действий. В условиях политики «невме-

⁷ Материалы Торжественного собрания, посвященного 60-летию Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Москва: ССОД, 1985, 158.

⁸ Гранцева. *Op. cit.*, 725.

⁹ Фрезинский Б., *Писатели и советские вожди*. Москва: Эллис Лак, 2008.

шательства» в испанский конфликт европейских государств представители интеллигенции выступили в защиту испанской Республики в ее борьбе с франкистами. Для Советского Союза организация конгресса имела важное политическое значение, представляя собой одну из форм поддержки испанской Республики. Кроме того, члены советской делегации в своих репортажах и воспоминаниях сформировали коллективный образ страны, оказавший влияние на восприятие Испании в СССР¹⁰.

Победа Франко в Гражданской войне принесла разрыв дипломатических отношений с СССР и почти на сорок лет прервала официальное двустороннее сотрудничество. В годы франкизма советская сторона продолжала поддерживать отношения с Коммунистической партией Испании, в СССР находились испанские военнопленные, участвовавшие во Второй мировой войне в составе «голубой дивизии»¹¹, а также проживали некоторые покинувшие Испанию республиканцы и испанские дети¹², отправленные в СССР в годы Гражданской войны. «Испанские дети» — очень важный феномен в истории культурного взаимодействия. Они сформировали и транслировали свой образ СССР и, вместе с тем, открывали мир испанской культуры советским гражданам.

Окончание Второй мировой войны принесло значительное расширение советского культурного влияния. Победа над фашистской Германией усилила позиции СССР на международной арене. В эти годы шел процесс институционализации акторов внешней культурной политики СССР. В стране проводились масштабные культурные мероприятия, имевшие широкий резонанс. Эффективность продуманных действий в сфере внешнего культурного воздействия становилась очевидной и приносила свои плоды. Трудно переоценить значимость в этом процессе деятельности Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами, основанного в 1958 г.

В Испании с приходом к власти Ф. Франко шла трансформация направлений культурной политики в зависимости от внешнеполитической ситуации. В попытках выйти из международной изоляции после Второй мировой войны каудильо ориентировался на европейское направление и контакты с США, традиционно развивались контакты со странами Латинской Америки¹³. Важно было сформировать позитивный образ Испании,

¹⁰ Фрадкин В., *Дело Кольцова*. Москва: Вагриус, 2002.

¹¹ Пожарская С., *Франсиско Франко и его время*. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007, 107–157.

¹² Висенс Е., «Неизвестная правда об испанских детях в СССР» // *Русская мысль*, 1997, № 4177, 4178, 4182. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/V/visens-elena/neizvestnaya-pravda-ob-ispanskih-detyah-v-sssr> (дата обращения: 25.09.2017).

¹³ Аникеева Н., Ведюшкин В., Волосюк О., Медников И., Пожарская С. *История внешней политики Испании*. Москва: Международные отношения, 2014. С. 299–311.

избавившись от ассоциаций со странами Оси. При министерстве иностранных дел в 1945 г. создается Главное управление по культурным связям. Наиболее значимой организацией в сфере осуществления внешней культурной политики стал Институт испанской культуры, основанный в 1946 г.

Стратегии внешней культурной политики оказались удачными. В 1952 г. страна стала членом ЮНЕСКО, в 1957 г. подписала Европейскую культурную конвенцию. Таким образом, Испании удалось вписаться в систему международного культурного сотрудничества, а в дальнейшем — продвинуться в сторону включения в процессы европейской интеграции. Новый образ Испании помог и развитию экономики, сделав сферу туризма одной из самых доходных.

В отношениях между СССР и Испанией процесс сближения затруднялся идеологическим противостоянием и отсутствием дипломатических отношений. Навязанный официальной франкистской идеологией образ «коммунистической угрозы», исходящей из СССР, несколько пошатнул принятый в 1966 г. Закон о прессе и печати, частично смягчивший цензуру¹⁴. В Испании второй половины 1960-х гг. можно было найти ранее запрещенные книги, увидеть фильмы, не могли остаться незамеченными и успехи СССР в науке (физике, космонавтике и др.) и культуре (в области музыки, искусства, балета и др.).

В 1960-х гг. испанской стороной были предприняты первые попытки установить экономические связи с СССР. Одновременно начали активизироваться и культурные взаимоотношения. В 1960-е г. Испанию посетили советские ученые, художники, танцевальные коллективы. В свою очередь, в те же годы состоялись визиты испанских деятелей искусства в Советский Союз¹⁵.

С конца 1960-х гг. советские фильмы начали регулярно участвовать в конкурсе фестиваля в Сан-Себастьяне. Во второй половине 1970-х гг. присутствие отечественных кинематографистов на фестивале в Сан-Себастьяне можно назвать триумфальным — за четыре года им удалось получить три высшие награды фестиваля — «Золотые раковины»¹⁶. Эти успехи демонстрировали не только высочайшее качество советского кинематографа тех лет, но и сдвиги во внешней культурной политике.

¹⁴ Гранцева Е., «Закон о прессе и печати 1966 года Мануэля Фраги Ирибарне» // *Европейский альманах: История. Традиции. Культура*. Москва: Наука, 2004, 105–115.

¹⁵ Filatov Georgy, «La visita del grupo especial de “turistas soviéticos” a España en el año 1969, en el contexto de las relaciones URSS–España durante el tardofranquismo» // *Cuadernos de Historia Contemporánea*, 38, 2016, 161–183. URL: <https://revistas.ucm.es/index.php/CHCO/article/view/54295> (дата обращения: 26.09.2017).

¹⁶ Гусев А., «Отечественные фильмы на зарубежных кинофестивалях» // *Новейшая история отечественного кино. 1986–2000. Кино и контекст*. Т. VII. СПб: Сеанс, 2004.

Смерть Ф. Франко в 1975 г. и начало эпохи перехода к демократии поставили перед Испанией задачу реформирования стратегий внешней культурной политики. Необходимо было повышать престиж страны и формировать образ новой Испании, свободной от франкистских установок.

На этапе демократизации поменялось многое: согласно Конституции 1978 г., осуществление культурной политики разделялось между центром и регионами. Было создано Министерство культуры Испании, в чье ведение входил Кабинет дипломатической службы и связей с международными организациями. Ведущая роль в реализации внешней культурной политики продолжала принадлежать Министерству иностранных дел, но в 1985 г. было создано Главное управление по культурному сотрудничеству, затем реорганизованное в Главное управление по культурным связям Испании. Сфера внешней культурной политики была выбрана одной из приоритетных в общей стратегии развития страны, что очень быстро дало позитивные результаты.

Советская внешняя политика в этот период также играла значимую роль в укреплении авторитета страны и осуществлялась при значительной государственной поддержке.

Демонтаж франкистской диктатуры в Испании повлиял и на расширение приоритетных направлений внешнеполитической активности. Одной из важнейших задач стало восстановление дипломатических отношений с СССР. В начале 1977 г. начались переговоры по этому вопросу и в результате 9 февраля 1977 г. Советский Союз и Испания обменялись дипломатическими представительствами на уровне посольств. В совместном коммюнике было сказано: «Обе стороны выражают уверенность, что установление дипломатических отношений между СССР и Испанией будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества в политической, торгово-экономической, культурной и других сферах?»¹⁷.

10 февраля в газете «El País» были опубликованы две статьи, посвященные советско-испанским отношениям. В одной из них давалась краткая история взаимоотношений между странами с 1933 г., в другой — информация о только что восстановленных дипломатических отношениях между ними. В официальной комментарии отмечалось, что «учреждение дипломатических связей между Испанией и СССР будет способствовать развитию сотрудничества в политических, экономических и коммерческих, культурных и других сферах»¹⁸.

¹⁷ *Внешняя политика Советского Союза и международные отношения*. 1977. Москва: Международные отношения, 1978, 11.

¹⁸ El País. 10.02. 1977.

19 января 1979 г. в ходе встречи министров иностранных дел состоялось подписание советско-испанского Соглашения о культурном сотрудничестве и Соглашения о научно-техническом сотрудничестве и было подчеркнуто «обоюдное желание развивать связи во всех областях культуры»¹⁹. Оговаривалось проведение совместных конференций, симпозиумов, лекций, расширение обмена опытом и специалистами между странами. Важным решением в развитии советско-испанского сотрудничества стало признание дипломов и ученых степеней друг друга. В марте 1979 г. состоялось подписание советско-испанского Соглашения о сотрудничестве в области телевидения и радиовещания, что также расширяло возможности взаимного культурного влияния.

Созданные в конце 1970-х гг. общества «СССР–Испания» и «Испания–СССР» активно расширяли знания советского и испанского народов друг о друге²⁰.

В ходе визита в СССР министра научных исследований и университетов Испании Луиса Гонсалеса Сеары было подписано соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Высшим советом научных исследований. А в сентябре 1980 г. в рамках этого соглашения о взаимодействии договорились Институт всеобщей истории АН СССР и Институт истории «Херонимо Сурита» ВСНИ. Так было положено начало проведению коллоквиумов историков Испании и СССР. Начиная с 1981 г. коллоквиумы проводились раз в два года, поочередно в СССР и в Испании. Эти научные встречи породили интерес к изучению российско-испанских отношений, а также непосредственно влияли на развитие межкультурного взаимодействия и формирование взаимных образов и представлений²¹.

После выборов 1982 г. испанское правительство возглавили социалисты, что послужило интенсификации советско-испанских отношений. Одним из наиболее важных событий этого периода стал визит Хуана Карлоса I в Советский Союз в мае 1984 г. Освещая визит короля, газета «El País» отмечала: «Дистанция и противоречия во многих вопросах в наших политических системах не должны мешать усилиям по экономическому, культурному и политическому сближению»²².

Первую половину 1980-х гг. можно обозначить как период взаимной адаптации двух стран после сорока лет отсутствия полноформатных отно-

¹⁹ Правда. 1979. 20 января.

²⁰ Garrido Magdalena, *Compañeros de viaje. Historia y memoria de las Asociaciones de Amistad*. Murcia, Editum, 2009.

²¹ СССР–Испания. *Двусторонние коллоквиумы историков*. Материалы архива Национального комитета российских историков.

²² El País. 10.05.1983.

шений. Научные и культурные связи оказали позитивное влияние на развитие политических контактов между двумя странами. В испанском обществе в значительной мере были распространены франкистские установки восприятия Советского Союза как «империи зла». Советско-испанское культурное взаимодействие явилось важным инструментом в преодолении стереотипов, препятствовавших развитию двусторонних отношений.

Период с 1986 по 1991 гг. является наиболее плодотворным в истории советско-испанского сотрудничества в области культуры. В Москве открылся Университет испанской культуры, где проходили занятия, посвященные испанскому искусству, слушателей знакомили с историей российско-испанских и советско-испанских связей. Продолжал активно развиваться обмен выставками, книгами и периодическими изданиями. Представители обеих стран принимали участия в кинофестивалях, проходивших в Советском Союзе и Испании, каждый год проводились недели советской культуры в Испании и испанской — в СССР.

Особое место в развитии двусторонних отношений занял визит М. С. Горбачева в Испанию в 1990 г.²³, в ходе которого был подписан ряд важных договоров в культурной сфере, включающих соглашение в области кинематографии, меморандум о развитии изучения языков и литературы обеих стран, соглашение, предусматривающее эквивалентное и взаимное признание документов об образовании и научных степеней, обмена учеными и преподавателями.

Однако ввиду нарастания общесистемного кризиса в Советском Союзе на рубеже 1980–1990-х гг. реализация достигнутых договоренностей была затруднена. Сложная ситуация внутри страны, неопределенность приоритетов и государственной идеологии стали факторами, ослабившими внимание государственной власти к сфере внешней культурной политики и осознанному выстраиванию образа страны.

* * *

Анализируя межкультурное взаимодействие СССР и Испании, мы можем выделить два этапа, связанных с его максимальной реализацией: годы Гражданской войны в Испании (1936–1939) и период восстановления двусторонних отношений в 1970–80-е гг. Осмысление политических и социокультурных изменений, происходивших в СССР и Испании, позволит

²³ *Визит М. С. Горбачева в Испанию 26–28 октября 1990 г.* Документы и материалы. Москва: Политиздат, 1990.

выявить специфику развития двусторонних связей и особенности взаимного воздействия в рамках стратегий внешней культурной политики.

Библиография

1. *Cuadros Enrique Piquero*. La guerra civil española a través de las crónicas de los corresponsales soviéticos. Madrid: Miraguano Ediciones, 2017.
2. *Боголюбова Н.* Внешняя культурная политика России: исторический опыт и проблемы современного периода // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2013. Выпуск 3. С. 142.
3. *Гранцева Е.* Испанская культура XX — начала XXI века. История Испании. Т. 2, Москва: Индрик, 2014. С. 696.
4. *Gómez-Escalonilla Lorenzo Delgado*. Un siglo de diplomacia cultural española: de la Junta para Ampliación de Estudios al Instituto Cervantes, Madrid, Real Instituto Elcano, 2014. Documento de Trabajo 12/2014. 9 de octubre 2014, URL: URL: (дата обращения: 25.09.2017).
5. *Кулешова В.* Испания и СССР. Культурные связи. 1917–1939. Москва: Наука, 1975.
6. Материалы Торжественного собрания, посвященного 60-летию Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Москва: ССОД, 1985. С. 158.
7. *Фрезинский Б.* Писатели и советские вожди. Москва: Эллис Лак, 2008.
8. *Фрадкин В.* Дело Кольцова. Москва: Вагриус, 2002.
9. *Пожарская С.* Франсиско Франко и его время. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 107–157.
10. *Висенс Е.* Неизвестная правда об испанских детях в СССР // Русская мысль. 1997. № 4177, 4178, 4182. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/V/visens-elena/neizvestnaya-pravda-ob-ispanskih-detyah-v-sssr> (дата обращения: 25.09.2017).
11. *Аникеева Н., Ведюшкин В., Волосюк О., Медников И., Пожарская С.* История внешней политики Испании. Москва: Международные отношения, 2014. С. 299–311.
12. *Гранцева Е.* Закон о прессе и печати 1966 года Мануэля Фраги Ирибарне // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. Москва: Наука, 2004. С. 105–115.
13. *Filatov Georgy*. La visita del grupo especial de “turistas soviéticos” a España en el año 1969, en el contexto de las relaciones URSS-España durante el tardofranquismo // Cuadernos de Historia Contemporánea, 38. 2016. P. 161–183. URL: <https://revistas.ucm.es/index.php/CHCO/article/view/54295> (дата обращения: 26.09.2017).
14. *Гусев А.* Отечественные фильмы на зарубежных кинофестивалях // Новейшая история отечественного кино. 1986–2000. Кино и контекст. Т. VII. СПб: Сеанс, 2004.

15. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1977. Москва: Международные отношения, 1978. С. 11.
16. El País. 10.02.1977.
17. Правда. 20.01.1979.
18. *Garrido Magdalena*. Compañeros de viaje. Historia y memoria de las Asociaciones de Amistad. Murcia: Editum, 2009.
19. СССР–Испания. Двусторонние colloквиумы историков. Материалы архива Национального комитета российских историков.
20. El País. 10.05.1983.

Октябрьская революция как образец для подражания в контексте Гражданской войны в Испании

October Revolution as a role model in the context of the civil war in Spain

Resumen: Este artículo analiza cómo la Revolución de Octubre de 1917 se convirtió en un elemento determinante del imaginario de muchos republicanos españoles durante la Guerra Civil de 1936–1939. La Revolución de Octubre fue interpretada como un referente de solidaridad internacional para la República Española, así como un referente de lucha contra el enemigo exterior, alcanzando su punto culminante entre octubre y noviembre de 1936.

Palabras clave: Revolución de Octubre; Guerra Civil Española; referente; República Española.

Abstract: This article analyzes how the October Revolution of 1917 became a determining element of the imaginary of Spanish republicans during the Civil War of 1936–1939. The October Revolution was interpreted as a benchmark of international solidarity for the Spanish Republic, as well as a benchmark against the foreign enemy, reaching its peak between October and November 1936.

Key Words: October Revolution; Spanish Civil War; referring; Spanish Republic.

Для республиканской Испании во время Гражданской войны 1936–1939 гг. Октябрьская революция 1917 г. стала ярким образцом для подражания. Борьба республиканцев с франкистами мыслилась как героическая битва народа против агрессии противника. Она напоминала испанцам сражение советского народа против контрреволюционеров, получавших помощь со стороны Международной коалиции. Образ Революции воспринимался также в контексте солидарности народов, воплощенной в советской помощи, ставшей единственной надеждой Республики в ситуации политической, экономической и военной изоляции. Состоявшаяся русская революция, преодолевшая процесс институционализации и воплотившаяся в новом государственном образовании — Союзе Советских Социалистических Республик (СССР), стала неотъемлемой частью сознания и образцом

¹ Фаррас Жозеп Пучсек, Испания, профессор кафедры новой и новейшей истории, Автономный университет Барселоны. Исследование осуществлено в рамках проекта HAR2014-53498-P «Политические культуры, мобилизация и насилие в Испании 1930–1950» (Culturas políticas, movilizaci3n y violencia en Espa1a, 1930–1950) при финансовой поддержке Министерства экономики и конкурентоспособности Испании. (josep.puigsech@uab.cat).

для подражания в идеологии Испанской республики времен Гражданской войны 1936—1939 гг.

Этот процесс особенно ярко проявился в таких важных республиканских центрах как Мадрид, Валенсия и Бильбао. Первые два в разное время выступали в качестве Республики. Особенно Мадрид, являвшийся центром институциональной власти республиканской зоны. В свою очередь, Бильбао выступал в качестве основного индустриального и политического центра на севере Испании².

Однако среди всех республиканских центров необходимо выделить Барселону в связи с ее особым и исключительным восприятием Октябрьской революции. Столица Каталонии представляла собой второй по количеству населения город республиканской зоны и один из наиболее значимых политических центров, отличавшийся активной общественной жизнью, особую роль в которой играли анархо-синдикалисты и автономное правительство (Женералитат). В этих условиях именно в Барселоне Октябрьская революция становится образцом для подражания и идеологической доминантой в сознании республиканцев³.

В этом контексте особенно важным становится период с 1 октября по 14 октября 1936 г. и 8 ноября 1936 г. В этот период в столицу Каталонии приезжает старый большевик Владимир Антонов-Овсеенко, а в порт Барселоны прибывает советское грузовое судно «Зырянин», что становится кульминацией празднования годовщины Октябрьской революции.

Празднование годовщины Октябрьской революции в Каталонии стало самым масштабным мероприятием на территории Испанской республики за все три года, которые продолжалась гражданская война. В шествиях по городу принимали участие от 300 000 до 500 000 человек. К барселонцам присоединялись тысячи людей, которые за несколько недель до этого прибыли в порт каталонской столицы, чтобы торжественно встретить прибытие первого грузового корабля с советской продовольственной помощью для Республики. Эта помощь усилила эмоциональное воздействие, которое произвело на каталонцев прибытие советского консульского представителя во главе со знаковой персоной, какой был Антонов-Овсеенко⁴.

Для каталонцев и в целом для республиканцев произошла материализация Октябрьской революции, по сути, революция прибыла в Барселону в лице Антонова-Овсеенко и советской помощи, которую доставил «Зырянин». Их цель понималась как избавление Барселоны, а в дальнейшем

² Puigsech J., «El imaginario de la Revolución rusa en la Guerra Civil Española, Juan Andrade y Fernando Hernández Sánchez (eds)» // 1917. *La Revolución rusa cien años después*. Madrid: Akal, 2017, 391—409.

³ Puigsech J., *La Revolució Russa i Catalunya*. Vic. Eumo, 2017, 171.

⁴ Ibid., 200—226.

всей Каталонии и остальной территории Испанской республики, от политической, экономической и военной изоляции, в которой они находились с начала Гражданской войны 19 июля 1936 г. И это был знаковый момент, символизирующий начало объединения в борьбе с мятежниками-франкистами и, шире, в борьбе с международным фашизмом.

Таким образом, Октябрьская революция толковалась здесь не в ключе революционной модели коммунистического характера, каким видели ее представители Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ), коммунистической антисталинской организации, возглавляемой Андреу Нином. В их трактовке Барселона, Каталония и вся Испанская республика нуждались во второй Октябрьской революции, которая свершилась бы без советских лидеров, искаживших смысл революционной борьбы⁵.

Но Республика прежде всего видела в российской революции синоним борьбы, освобождающей от гнета захватчиков. В лице этих захватчиков представляли западные державы, которые пытались подавить Октябрьскую революцию, способствуя началу Гражданской войны в России, и контрреволюционные силы внутри России. Теперь этот расклад сил можно было наблюдать в Испанской республике, что проявлялось в агрессии фашистских держав и в поддержке, которую они получали от консервативных слоев испанского общества.

Антонов-Овсеенко был воспринят как глава активистов-революционеров, атаковавших в ночь с 7 на 8 ноября 1917 г. Зимний дворец. Он и его соратники, также представлявшие поколение, непосредственно участвовавшее в событиях Октябрьской революции, сообщали открытию советского консульства символическое значение. Но, конечно, особое значение имела сама личность Антонова-Овсеенко, лично возглавлявшего Военно-революционный комитет. Его синяки под глазами, седые волосы и весь образ импульсивного человека, такого значимого для международного рабочего движения, позволяли утверждать, что Октябрьская революция получила воплощение в Барселоне⁶.

Все это способствовало мифологическому восприятию Революции среди жителей Барселоны, остальных каталонцев и даже в остальной части Испанской республики.

Очевидно, что кремлевским властям вряд ли понравилось отождествление фигуры Антонова-Овсеенко с Октябрьской революцией, получившей продолжение в Испании, как частью мировой революции. Доказательством этого служат события 15 октября 1936 г. В ходе официальной

⁵ Tosstorff R., *El POUM en la revolució española*. Barcelona: Base, 2009, 19–26.

⁶ Puigsech J. *Falsa leyenda del Kremlin. El consulado y la URSS en la Guerra Civil española*. Madrid: Biblioteca Nueva, 2014, 33–37, 54–59.

церемонии приветствия экипажа «Зырянина», состоявшейся во временной резиденции советского консульства в Барселоне, в которой приняли участие многочисленные члены Женералитета, Антонов-Овсеенко заявил, что материальная помощь СССР была направлена в Барселону потому, что СССР и Испанская республика следовали общему пути, а также потому, что Испания стала прямой наследницей начатой в октябре 1917 г. борьбы. Таким образом, Октябрьская революция теперь получила продолжение в Испанской республике, которая борется против капиталистической модели, замаскированной под военное восстание, поддерживаемое международным фашизмом.

Этими словами Антонов-Овсеенко намеревался добиться содействия значительной части присутствующих анархистов, входивших в делегацию Женералитета, которые явно были расположены развивать пролетарскую революцию в арьергарде и имели существенный вес в правительстве Каталонии и ее отдельных городах.

Но такие действия создавали образ, противоречащий интересам советской политики коллективной безопасности и, в свою очередь, нарушали логику советского участия в испанской гражданской войне, которая ни при каких обстоятельствах не предполагалась продолжением процесса, начатого Октябрьской революцией 1917 г., на территории Испании⁷.

Как уже говорилось, первым воплощением российской революции в Барселоне был сам Антонов-Овсеенко. Вторым зримым присутствием Революции являлось само судно «Зырянин». Оно покинуло СССР 3 октября 1936 г., имея на борту 2 260 094 кг пшеницы, 683 091 кг сахара, 230 090 кг мясных консервов и 51 437 кг сгущенного молока. Его прибытие было связано с укреплением сотрудничества между двумя странами и предполагало доставку части партии продовольствия, которую СССР подготовил для Испанской республики. «Зырянин» было третьим направленным в Республику судном, но первым прибывшим в порт Барселоны. Его присутствие способствовало созданию единой системы между всеми политическими и профсоюзными силами в городе, и они дали положительную оценку его присутствию как первой полученной городом международной помощи.

Также большое значение имел образ солидарности СССР с Испанской республикой, который сообщал своим присутствием «Зырянин». СССР, страна российской революции, стала первой и единственной страной, которая протянула руку помощи и сделала это материальными средствами, не ограничиваясь заявлениями о добрых намерениях. Это объясняет то, что жители Барселоны массово приходили встречать судно, и то, что частные и общественные акции, связанные с его экипажем и грузом, росли и множи-

⁷ Recepción en el consulado de la U.R.S.S. // La Vanguardia. 22649, Barcelona, octubre 1936, 3–4.

лись с удивительной скоростью. Манифестации и торжества не прекращались в городе шесть дней подряд. Первый заместитель Народного комиссариата иностранных дел Николай Крестинский отчетливо констатировал это влияние⁸.

Определенно, «Зырянин» и консульство прекратили международную изоляцию, в которой пребывали Барселона и вся Каталония, и вызвали волну энтузиазма по отношению к СССР и российской революции. Кульминацией стали события 8 ноября 1936 г., когда сотни тысяч людей вышли на улицы Барселоны, чтобы в течение пяти часов участвовать в торжествах по поводу российской революции и выразить благодарность за помощь Советскому Союзу. Эти манифестации остались в памяти потомков и среди самых ярких запечатленных образов Гражданской войны в Испании. Речь идет об эпизоде, когда президент правительства Женералитат Луис Компаньс вместе с консулом Антоновым-Овсеенко машет с балкона Дворца правительства Каталонии толпе, шествующей по центру города. Оба приветствовали поднятыми вверх сжатыми кулаками различные политические и профсоюзные делегации, проходящие мимо них. Все это было запечатлено в подробном репортаже под названием «Празднование XIX годовщины российской революции. Народные демонстрации в Барселоне»⁹.

Антонов-Овсеенко выступил с небольшой речью, в которой он торжественно приветствовал Компаньса и Каталонию на каталонском языке. В силу занимаемой должности он использовал этот язык, чтобы продемонстрировать свою признательность Каталонии и каталонцам за полученный прием, а также за активное отождествление Каталонии и остальной части Республики с СССР в их общей борьбе против фашизма. Это стало также пропагандистской акцией Женералитата, цель которой заключалась в привлечении симпатий большего числа каталонцев. Антонов-Овсеенко обратился к жителям Барселоны от имени правительства СССР и всей его страны, которая была охарактеризована как социалистическая и в будущем — коммунистическая. С этого момента, он без колебаний подтвердил, что каталонцы и остальные испанские республиканцы были атакованы международным фашизмом, который будет побежден благодаря твердым убеждениям в окончательной победе республиканского народа Испании и благодаря братской помощи, полученной им от СССР. Он также продемонстрировал свое уважение к каталонской нации, понимаемой им как неотъемлемая часть Испанской республики. Со своей стороны, Компаньс высоко оценил усилия консула, выступившего на каталонском языке, и выразил свою благодарность за помощь, которую СССР направил каталонцам, а через них и

⁸ Puigsech, *Op. cit.*, 85–96.

⁹ Breu Ramon. *La Catalunya soviética. El somni que venia de Moscou*. Badalona: Ara Llibres, 2011, 85.

оставшейся части Испанской республики. Более того, Компаньс установил параллель между социальной демократией, представленной СССР, и политической демократией, представленной республиканской Каталонией. По его словам, СССР стал тем, чем он есть, благодаря Октябрьской революции 1917 г., то есть социальной революции. Он также констатировал, что Каталония начала еще одну революцию, цель которой — освобождение народа, по примеру российской революции 1917 г. Но в случае Каталонии речь идет не о социальной революции, а о политической. Ситуация в Каталонии отличается от российской ситуации тем, что она основывается на универсальных ценностях свободы, демократии, достоинства, мира, справедливости и закона. Таким образом, риторика Компаньса отчетливо продемонстрировала пример того, как в Барселоне российская революция стала неизменной частью мировоззрения республиканцев. В то же время Октябрьская революция интерпретировалась в ключе освобождения (но с учетом различий между моделью российского освобождения и той, которую в тот момент осуществляли в Барселоне, остальной части Каталонии и Испанской республике), а также в духе международной солидарности против общего врага¹⁰.

Однако это идиллическое изображение связи российской революции и Барселоны имело и обратную сторону. Безусловно, все политические и профсоюзные силы Каталонии объединились и присутствовали в этом действии.

Но всего через год такое единство больше не будет возможным. Консул Антонов-Овсеенко при поддержке Объединенной социалистической партии Каталонии (ОСПК), каталонской партии, которая не была коммунистической в строгом смысле, но считавшая себя частью Коммунистического интернационала и Коммунистической партии Испании (КПИ), использовал это торжественное празднование, чтобы попытаться изолировать ПОУМ.

Изначально консул старался предотвратить участие ПОУМ в описанных событиях. Но поскольку избежать этого не удалось, в связи с открытыми жалобами со стороны ПОУМ против изоляции и поддержкой, которую ПОУМ получила от анархо-синдикалистов Каталонии, он попытался устранить ее настолько, насколько это было возможно, и с этого момента ослабить ее. Этот план был осуществлен. ПОУМ оказалась практически в конце шествия, физически отделена от основных партий и профсоюзов Каталонии, возглавлявших манифестацию¹¹.

¹⁰ Recepción en el consulado de la U.R.S.S. // *La Vanguardia*. 22670, Barcelona, octubre 1936, 3–4.

¹¹ Puigsech, *Op. cit.*, 127–135.

ОСПК интерпретировала российскую революцию как революцию пролетариата, как и ПОУМ, но считала, что эта революция направлена прежде всего против империалистического агрессора. Этот империализм отождествлялся с царизмом, который был побежден во время Гражданской войны в России, когда была достигнута капитуляция Белой армии, а также с иностранными державами, оказавшими поддержку Белой армии во время Гражданской войны. В отличие от ПОУМ, ОСПК не видела ни параллелизма, ни сходства между российской революционной ситуацией в 1917 г. и ситуацией в Каталонии на июль 1936 г.

Их аргумент состоял в том, что Каталония не вступала ни в какой этап пролетарской революции, в отличие от того, что произошло в России в октябре 1917 г. Поэтому если и можно было бы установить какое-то сходство между российской революцией и актуальной ситуацией в Каталонии, то оно проявлялось бы в обоих случаях в иностранном вмешательстве во внутренние гражданские конфликты. Однако, по их мнению, в модели революции, которая развивалась на этих двух территориях, не было совпадений. Именно поэтому такой ценной была поддержка, которую международный пролетариат через СССР оказывал республиканцам. В этом ключе российская революция рассматривалась как начало международной солидарности против борьбы с международной агрессией со стороны сил старого режима. К тому же, чтобы придать этому образу больше героизма, отставивалась оборона Мадрида против восставших войск Испании, как в свое время произошло с защитой Петрограда российскими революционерами в годы Гражданской войны в России¹².

Оставляя в стороне интерпретационные разногласия о значении российской революции с точки зрения основных политических сил, находящихся в Барселоне, нет сомнений в том, что российская революция пронизывает мировоззрение многих барселонцев в эти годы. Определенно, создание моста между Барселоной и Москвой на основе культурного обмена имело ключевое значение для поддержания такого эффекта. В этом смысле обращают на себя внимание контакты и обмен между правительством Жераралитат и Генеральным правительством и Всесоюзным обществом культурной связи с границей (ВОКС)¹³.

Наиболее существенный для этих событий культурный обмен происходил в период между ноябрем 1936 г. и концом 1938 г., но особенно в 1937 г. и в начале 1938 г. И как раз здесь решающую роль сыграло появление в Барселоне советского кино. Эти материалы были запрошены из каталонской столицы как на институциональном уровне, через таких связанных с

¹² Puigsech, *Op. cit.* 2017, 223–224.

¹³ *Ibid.*, 226–240.

Женералитатом лиц, как Жозеп Карнер Рибалта, куратор спектаклей каталонского правительства и директор киноотдела Женералитата (он посетил Москву в период с 17 по 20 января 1937 г.), так и через политические группы Каталонии, среди которых главным просителем была ОСПК, а также через общественные ассоциации, как, например, Ассоциация друзей Советского Союза (АУС).

Эти инициативы поддержала и советская сторона. Для их осуществления была использована связь ВОКС с Советским консульством в Барселоне, а распространение осуществлялось через советскую торговую делегацию, расположенную в городе.

Фильмы, направленные в Барселону, преследовали тройную цель. Во-первых, модификацию динамики российской революции либо через революцию 1917 г., как пролетарскую революцию, возглавляемую большевиками, где центральной фигурой был Ленин, при массовом участии населения; либо через российский революционный процесс, который привел к Октябрьской революции 1917 г., с революцией 1905 г. или формированием рабочего движения в дореволюционной России. Очевидными примерами этой линии являются такие фильмы, как «Октябрь», «Ленин в Октябре», «Мать» и «Броненосец «Потемкин». Во-вторых, Гражданская война в России была представлена как героическое сопротивление международной агрессии. Эта тема позволяла установить параллели с положением Каталонии и всей республики в рамках Гражданской войны. Таким примером был фильм «Чапаев», воскрешавший одну из символических фигур Красной Армии. В-третьих, был отражен и образ солидарности, доброты, материального и морального прогресса, предложенного СССР, и его связь с распространением знаковой коммунистической символики. Это относилось к таким фильмам, как «Цирк».

Тем не менее, это воздействие не ограничивалось только кинематографом. ВОКС воспользовалось предрасположенностью Женералитата, чтобы начать распространение советских материалов в Каталонии, где активно присутствовал образ российской революции. В конце января 1937 г. были сделаны новые поставки книг и статей. Содержание их было литературным или политическим. Однако скрытый смысл всегда был одинаковым: СССР как синоним прогресса. ВОКС направило в Барселону около 2000 экземпляров политической литературы на различных языках в период с марта по конец апреля 1937 г., все они были выпущены издательством «Инорабочий». ВОКС, как было отмечено выше, также направляло материалы, связанные с празднованием XX годовщины российской революции и будущими мероприятиями, которые должны были быть подготовлены в Каталонии в связи с этим торжеством в ноябре 1937 г. В частности, были от-

правлены две коллекции материалов о советской торговле, национальной советской культуре, культурной атмосфере, защите материнства и детства, строительстве домов и городов, образовании и транспорте. Часть этой коллекции предназначалась консульству. Другая была направлена Ассоциации друзей Советского Союза в Барселоне. Использование фотографии как элемента пропаганды продолжилось и после отправки 88 фотографий о жизни и учебе пионеров, конечным пунктом назначения которых был детский дом «Ленин» в Барселоне. В конечном счете, серия этих материалов способствовала поддержке постоянного присутствия образа российской революции в повседневной жизни граждан Барселоны.

Библиография

1. *Puigsech Josep*. El imaginario de la Revolución rusa en la Guerra Civil Española. Juan Andrade y Fernando Hernández Sánchez (eds) // 1917. La Revolución rusa cien años después. Madrid: Akal, 2017, 391–409.
2. *Puigsech Josep*. La Revolució Russa i Catalunya. Vic: Eumo, 2017.
3. *Tosstorff Reiner*. El POUM en la revolució española. Barcelona: Base, 2009.
4. *Puigsech Josep*. Falsa leyenda del Kremlin. El consulado y la URSS en la Guerra Civil española. Madrid: Biblioteca Nueva, 2014.
5. Recepción en el consulado de la U.R.S.S. // *La Vanguardia*. 22649, Barcelona, octubre 1936, 3–4.
6. *Breu Ramon*. La Catalunya soviética. El somni que venia de Moscou. Badalona: Ara Llibres, 2011.

Соотношение мифологического и рационального начал в протестной культуре на примере России и Испании

Ratio of mythological and rational principles in protest culture on the example of Russia and Spain

Resumen: En el siglo XX. el éxito de la ideología de protesta proporciona una forma simple, clara y frases incendiarias imágenes. Pero en el siglo XXI. la palabra está dominada por imágenes — brillantes imágenes visuales y musicales, símbolos, así como las historias de los medios de comunicación construidas a su alrededor. Forman la actitud hacia la realidad y estimulan ciertas acciones. Esto se debe a las transformaciones tecnológicas y sociales que durante siglos XX y XXI. haciendo que el proceso de comunicación más accesible y más rápido. La propaganda usa selectivamente mensajes para producir una respuesta más emocional que racional a la información presentada. Los principales conceptos de ideología están representados en carteles políticos: sentido de la justicia y conspiración geopolítica.

Palabras clave: cultura de protesta; ideología; mito; imagen; texto; media.

Abstract: In the 20th century the success of a protest ideology was ensured by simple, conceivable and inspiring phrases-images. But in the 21th century the images such as bright visual and musical conceptions, symbols and media stories created around them took over the word power. It is the images that form our attitude towards the reality and provoke certain actions. That is connected with social and technological transformations, which during the 20th and 21th centuries were making the process of communication more accessible and faster. Propaganda selectively uses messages to produce a more emotional than rational response to the information presented. Principal concepts of ideology are represented in political posters. Concept of sense of justice is and geopolitical conspiracy.

Keywords: protest culture; ideology; myth; image; text; media.

Протестная политическая культура XX в. основывалась на идеологиях, способствующих мобилизации восставших. Но в современную цифровую эпоху место идеологий заняли имиджи — «яркие визуальные и музыкальные образы, символы и выстроенные вокруг них медийные истории,

¹ Королева Алина Алексеевна — Российская Федерация, кафедра культурологии, старший преподаватель кафедры «Реклама и связи с общественностью» МГИМО МИД России. Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение НИР научными группами под руководством молодых ученых «Революции 1917 года в России — 100 лет» (a.koroleva@sgm.ru).

формирующие отношение к реальности и стимулирующие определенные действия»².

Великая французская революция и последующие за ней европейские конфликты конца XVIII — начала XIX вв. шли по сценарию «в воинствующей манере революционеры отвергли фундаментальные основания старого мира, провозглашая окончательный и бесповоротный разрыв с ним, и заявили о радикально новом этапе человеческой истории». Этот опыт наглядно продемонстрировал, что агрессия народных масс мотивирована скорее поведенческими стереотипами и политическими мифами, чем представлениями о рациональном поведении в духе просветительской философии. Если традиционные идеологии рациональны и представляли собой иерархические системы ценностей и идей, то политические мифы лежат в области иррационального, а не логического мышления.

«Справедливость» — ключевая мифологема протестной культуры

Идея справедливости составляет мифологическое и моральное ядро идеологии. Понимание справедливости контекстуально и варьируется в зависимости от эпохи, страны и социальной группы. Стремление к справедливости способно мобилизовать людей с целью изменения статус-кво. Исторический опыт демонстрирует, что достижение справедливости — утопия. Постреволюционный порядок чаще всего не становится справедливее дореволюционного.

Массовое требование справедливости тесно связано с ключевым элементом любой идеологии — утопией идеального строя, а также наличием общего врага. Общим врагом для революционеров в большинстве случаев становится правящий режим. К нему общество предъявляет два требования: справедливость и эффективность. Причем соблюдение в глазах общества только одного из требований вполне достаточно для стабильности.

Баланс между эффективностью и справедливостью власти был нарушен в России в 1917 г. Серьезные военные неудачи и тяжелое экономическое положение России предшествовали Февральской революции, а освобождение народа от гнета старого режима провозглашала уже Великая Октябрьская революция.

В 1936 г. на парламентских выборах в Испании в условиях внутреннего политического кризиса одержал победу Народный фронт. Предвыборная агитация Народного фронта обладала очень сильным мобилизационным действием, массы были перегреты обещаниями справедливости. Очень

² Соловей В. Д., *Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху*. Москва: Эксмо, 2016, 85–86.

скоро Народный фронт оказался не в состоянии контролировать свой электорат. Обещанные Народным фронтом радикальные реформы нельзя было сразу же провести. Революционные методы привели к классическим результатам: развал экономики и рост социальной нестабильности, а далее — гражданская война.

Коммунистическая власть в Советском Союзе до конца 1980-х гг. выглядела справедливой в глазах общества, хотя и экономически менее эффективной, чем Запад. Но обвинения в коррумпированности власти нарушали баланс и вызывали гнев населения, в результате система потерпела фиаско.

Особенность перехода к демократии в Испании заключается в том, что трансформация режима началась «сверху». Был достигнут консенсус основных социально-политических сил. Условия для него «были подготовлены как значительным улучшением условий существования миллионов людей в годы экономического подъема, так и широким осознанием преимуществ спокойной, стабильной жизни и необходимости защиты завоеванных демократических прав и свобод от посягательств всякого рода экстремистов»³. Политическая индифферентность большинства населения Испании того времени стала одним из результатов испанского «экономического чуда» 1960-х — начала 1970-х гг. С другой стороны, в 1976 г. после смерти Франко и работы первого постфранкистского кабинета министров К. Ариаса Наварро наблюдался всплеск забастовочного движения. «Трудящиеся требовали амнистии, политических свобод, улучшения экономического положения»⁴. Но в целом условия для мобилизации массового протеста, основанного на мифологеме «справедливость», не сложились.

Импульс цветным революциям на постсоветском пространстве чаще всего давали обвинения в фальсификации на выборах. Так началась «революция роз» в Грузии в 2003 г., «оранжевая» революция на Украине в 2004 г., «тюльпановая революция» в Киргизии в 2005 г., «сиреневая революция» в Молдавии в 2009 г. Митинги «белоленточного» движения в России начались в декабре 2011 г. после обвинения в фальсификации выборов в Государственную думу.

Последствия мирового финансово-экономического кризиса и существовавшая до 2015 г. в международном медиапространстве прямая ассоциация Испании с кризисом создали запрос на справедливость в испанском обществе. Одним из результатов протестной мобилизации стало появление в политической системе Испании новых акторов. Одним из них стала пар-

³ Хенкин С. М., *Современная Испания: реферативный сборник*. Москва: ИНИОН РАН, 2003, 27–28.

⁴ Хенкин, *Op. cit.*, 20.

тия «Подemos». Успехи партии на выборах отразили недовольство существующей политической системой. Они выразили «протест против политики жесткой экономии и недостатков политической системы, массовый запрос на социальную справедливость»⁵.

Мифологемы «Геополитический заговор» и «Запад-как-утопия»

История свидетельствует, что иностранное участие в революциях как со стороны оппозиции, так и действующей власти является нормой, а не исключением.

Русская революция 1917 г. в конспирологической перспективе представляется как «фантазмагорический заговор немецких спецслужб, американских финансистов-евреев и английской аристократии против консервативной Российской монархии»⁶.

Гражданская война в Испании воспринималась мировым общественным мнением как столкновение революционеров с консерваторами. Несмотря на то, что по идеологическим соображениям республиканцам было близко троцкистское крыло коммунистического движения, а не следовавший указаниям Москвы Коминтерн, в Европе у них сложился имидж революционеров, близких по духу русскому коммунизму. При сложившемся мировом общественном мнении все попытки республиканского правительства изменить свой имидж на относительно консервативный выглядели патетическими.

Традиционные для XX в. формы иностранного участия сводились к финансированию, поставкам оружия и боеприпасов, военного контингента. На современном этапе к ним добавились новые формы — мягкая сила. Иностранное влияние через культуру, ценности, образ жизни.

Почву как для перехода к демократии в Испании, так и падения коммунистических режимов 1980–90-х гг. подготовили социокультурные трансформации в обществе. Традиционные моральные ценности и нормы дополняются свободой выбора и усилением социальной активности. В повседневную жизнь входят новые, ориентированные на Запад ценности, утверждаются новые модели поведения. На постсоветском пространстве существовала мифологема «Запад-как-утопия», речь шла об идеализированном образе, который воспринимался некритично. В Испании «экономическое чудо» 1960-х — начала 1970-х гг. стимулировало распространение ценностей демократической политической культуры. Вопрос о вступлении Испании в ЕС поддерживали все партии, представленные в кортесах. Они

⁵ Хенкин С. М., «Феномен Подemos» // *Иberoамериканские тетради*, 2016, № 1, 16.

⁶ Соловей. *Op. cit.*, 32.

исходили из того, что европеизация и демократизация дополняют друг друга, а консолидации новой политической системы не будет до тех пор, пока политические структуры Испании не будут идентичными европейским.

На современном этапе на постсоветском пространстве Запад оценивается более реалистично, так как уже накопился опыт контактов. Но в символическом плане речь идет о выборе между Россией и Западом. С официальной российской точки зрения цветные революции выглядят примерно одинаково: «В стране имярек дела обстояли, быть может, не благостно, но стабильно. Однако коварные внешние силы „разогрели“ общество и основали (интеллектуально, технологически, финансово, а иногда и оружием) внутренние подрывные элементы. Для чего? Чтобы свергнуть законное правительство и ввергнуть страну в хаос. С какой целью? Чтобы поставить под свой контроль ресурсы охваченной революцией страны»⁷. Восприятие Запада как утопии составляет важную часть мифа «геополитический заговор» на постсоветском пространстве. Рациональное звено в восприятии этого мифа заключается в том, что Запад является привлекательной политической и социально-экономической моделью и активно и достаточно успешно продвигает свои территориальные бренды.

Тема международных отношений и места Испании в мире не является сейчас ключевой для испанского общества. «Характерно, что тема внешней политики Испании и в целом анализ современных международных отношений „блестяще“ отсутствовали в ходе последней предвыборной кампании в кортесы. Раньше такого пренебрежения к мировой политике никогда не наблюдалось. Это особенно странно и необычно для традиционно небезразличной Испании, тем более на фоне тех сложных и противоречивых процессов, которые сегодня переживает не только Европа, но, по сути, весь мир»⁸. В этой неестественной отстраненности потенциально закладываются основания для актуализации протестной культуры, но скорее в основе будет заложена мифологема «справедливость», так как невыразительная роль, которую играет Испания в Евросоюзе, может восприниматься как самоунижение.

Мифологема «Геополитический заговор» присутствовала в медиаполе вокруг референдума в Каталонии, который состоялся 1 октября 2017 г. В испанской газете «El país» с 22 сентября по 4 октября 2017 г. регулярно выходили материалы, обвиняющие Кремль в эскалации европейского кризиса с помощью армии ботов и фейковых новостей на RT и Sputnik. Ссылаясь на данные, предоставленные Альянсом по защите демократии, существую-

⁷ Соловей, *Op.cit.*, 31.

⁸ Орлов А. А., «Ключевые проблемы современной Испании» // *Иberoамериканские тетради*, 2016, № 1, 13.

шим при поддержке частично финансируемого правительством США фонда German Marshall Fund (GMF) и занимающимся мониторингом «русской пропаганды», авторы писали о том, что «русские боты» в «Твиттере», которые повлияли на исход кампаний Брексит и предвыборную кампанию Дональда Трампа, активно включились в кампанию в поддержку референдума. В частности, речь шла о частоте использования ключевых слов и хэштегов, связанных с референдумом, аффилированными с Москвой аккаунтами в период с 20 по 21 сентября 2017 г., после ареста каталонских чиновников. Материалы «El país» о роли русских хакеров в референдуме практически тонули в информационном поле, но на них все же ссылались другие испанские СМИ, они вызывали полемику в социальных сетях и их неоднократно опровергали в официальных российских кругах и российских СМИ как на русском, так и на испанском языках.

Для понимания политических кризисов начала XX в. и начала XXI в. необходимо учитывать ту социально-экономическую пропасть, которая разделяет эти эпохи: если кризисы современного западного мира связаны с концом эры промышленного капитализма в том виде, в каком мы его знали, и наступлением постиндустриальной экономики, то кризисные процессы начала XX века во многом являлись следствием прихода капитализма в страны с аграрной экономикой. Таким образом, связующим звеном между двумя эпохами является промышленный капитализм середины XX в., ставший для большинства западных стран периодом относительной социальной стабильности, в то время как этапы входа в него (начало XX в.) и выхода из него (начало XXI в.) характеризуются ростом протестных настроений, зачастую перерастающих в политическое насилие.

Библиография

1. *Соловей В. Д.* Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху. Москва: Эксмо, 2016. С. 85–86.
2. *Хенкин С. М.* Современная Испания: реферативный сборник. Москва: ИНИОН РАН, 2003.
3. *Хенкин С. М.* Феномен Подемос // Ибероамериканские тетради. 2016. № 1. С. 16-21.
4. *Орлов А. А.* Ключевые проблемы современной Испании // Ибероамериканские тетради. 2016. № 1. С. 10-15.

Международная ассоциация писателей в защиту культуры и гражданская война в Испании

International Writers Association for the Protection of Culture and the Civil War in Spain

Резюме: Гражданская война в Испании превратилась в первую пробу сил международного фашизма и широких демократических общественных сил. В ходе этой борьбы формировалась идеология антифашизма, ставшая основой, объединившей народы антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны. Международная ассоциация писателей в защиту культуры и мира внесла значительный вклад в формирование единства антифашистских сил.

Ключевые слова: антифашизм; гражданская война в Испании; Международная ассоциация писателей в защиту культуры и мира; Лига американских писателей; Ассоциация революционных художников Франции.

Abstract: The Civil war in Spain has become the first clash of democratic anti-fascist and terroristic fascist powers on the eve of World War II. In the course of this struggle, the anti-fascist ideology was formed and appeared as the ground for uniting of anti-Hitler coalition. Substantial contribution to establishment of this unity was made by the International Writers Association for Protection of Culture and Peace, which united world's prominent persons.

Keywords: anti-fascism; civil war in Spain; World War II; International Association of Writers for Protection of Culture and Peace; League of American Writers; Revolutionary Artists Association of France.

В 1934 г., ощутив первые последствия прихода фашистов к власти в Германии и угрозу новой мировой войны, «левые» интеллектуалы поняли необходимость объединения всех антифашистских сил, независимо от их политической направленности. С инициативой создания Международной ассоциация писателей в защиту мира и культуры выступили А. Барбюс, Ж.-Р. Блок, М. Горький, Р. Роллан и А. Мальро. Они были поддержаны Г. Манном и Л. Фейхтвангером, О. Хаксли, К. Чапек и др. Первый конгресс писателей в защиту культуры состоялся летом 1935 г. в Париже, где было представлено 38 стран мира. Наиболее многочисленной была немецкая делегация. Участники конгресса обсудили широкий спектр вопросов:

¹ Фокин Владимир Иванович, Российская Федерация, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой международных гуманитарных связей, Санкт-Петербургский государственный университет (v.fokin@spbu.ru).

от проблем гуманизма и культурного наследия в творчестве писателей до роли писателя в обществе и развитии национальных культур. С разоблачением террористической практики и антисемитизма германского фашизма, исходящей от него угрозы человеческой цивилизации выступили немецкие писатели Г. Манн, Э. Вейнерт, Б. Брехт, Э. Киш, А. Зегерс. В ходе дискуссии утверждалось, что современная западная цивилизация переживает глубокий кризис культуры, что неспособность западных демократий разрешить социальные конфликты и обеспечить культурное развитие основной массы населения чревато опасностью фашизма и войны. В этих условиях важным средством предотвращения грядущей катастрофы виделась активная общественная позиция творческой интеллигенции, ее борьба за социальный прогресс, за достоинство и свободу личности. Попытки некоторых ораторов убедить собравшихся в том, что писательская ассоциация должна носить не политический, а творческий характер, что творчество и политика несовместимы, были подвергнуты критике в речах Л. Арагона, К. Михаэлис, М. Андерсена-Нексе, П. Низана, А. Шамсона, П. Вайяна-Кутюрье и др. известных деятелей культуры. В борьбе против фашизма и войны они видели свой гражданский долг. В выступлениях делегатов из СССР И. Луппола, М. Кольцова, И. Эренбурга, А. Толстого, И. Микитенко, Я. Коласа, Г. Табидзе, В. Алазана, Ф. Панферова, Б. Пастернака, Вс. Иванова, Н. Тихонова, В. Киршона говорилось об ответственной роли писателя в обществе, о необходимости защиты культурного наследия и всех духовных ценностей от посягательств духовного варварства, о задачах развития гуманистических принципов в литературе в условиях наступления фашизма, о необходимости единым фронтом бороться против врагов мира и поджигателей войны.

Среди выступивших не было ни одного, кто бы не затронул вопрос о роли СССР в антивоенной борьбе. Высоко оценивая экономический и культурный прогресс в СССР, некоторые считали, что сталинское руководство предало идеалы революции, что сформировался новый эксплуататорский слой государственных чиновников, в стране отсутствует свобода слова и творчества. Выступавшие задавались вопросом: смогут ли деятели культуры в своей борьбе против фашизма и войны опереться на растущую мощь СССР? На конгрессе не удалось выработать единой точки зрения на характер советского общества, но СССР был признан одной из ведущих сил антифашистской борьбы². Важное значение вклада СССР в эту борьбу придавал Р. Роллан. Он считал нашу страну важнейшим фактором мира, выражал уверенность в том, что в случае нападения на СССР народ дружно поднимется на защиту Родины и будет яростно сражаться. В советском на-

² *Международный конгресс писателей в защиту культуры*. Париж, июнь 1935 г. М.: Гослитиздат, 1936, 3–490.

роде Роллан видел залог конечной победы над фашизмом, низко оценивая способность западного общества к сопротивлению фашизму³.

Конгресс принял решение об объединении писательских сил в борьбе против фашизма и угрозы войны в международную ассоциацию⁴. В президиуме и бюро ассоциации были представлены первые лица мировой литературы⁵.

В активную антифашистскую и антивоенную борьбу включились национальные секции Международной ассоциации. Организованная еще в 1932 г. Ассоциация революционных писателей и художников Франции направляла эту деятельность. Журнал «Коммюн» (орган ассоциации) считал своей задачей объединение вокруг себя всех демократических, антифашистских кругов интеллигенции страны. Журнал возглавили Л. Арагон, П. Вайян-Кутюрье и Р. Роллан. В нем сотрудничали Ж.-Р. Блок, П. Низан, Л. Муссиак, Ж. Садуль, А. Вюрмсер, В. Познер и др. «Коммюн» знакомил читателей с документами Международной ассоциации писателей в защиту культуры, антифашистскими и антивоенными материалами, публицистическими статьями членов ассоциации, немецких писателей и ученых, подвергшихся преследованию в Германии, сообщалось об акциях в поддержку жертв гитлеровского режима. Во Франции секция Международной ассоциации сыграла выдающуюся роль в ослаблении влияния коллаборационизма на общественное мнение, в формировании единого антифашистского фронта при отсутствии положительной объединяющей идеи.

В иных условиях приходилось действовать объединению немецких антифашистских писателей. Оно было создано в январе 1935 г. в Париже под названием «Союз немецких писателей». Это объединение участвовало в проведении первого конгресса Международной ассоциации писателей. Значительная группа эмигрантов из Германии оказалась в СССР. 14 немецких литераторов были приняты в Союз писателей, среди них В. Бредель и И. Бехер. Немецкая секция СП СССР выпускала массовую серию антифашистских произведений, поддерживала связи и оказывала материальную помощь гонимым фашистским террором немецким писателям. Секция издавала на немецком языке литературно-художественный журнал «Das Wort» («Слово»), в редактировании которого приняли участие В. Бредель, Б. Брехт и Л. Фейхтвангер. Два последних в 1936–1938 гг. неоднократно приезжали в

³ «Московский дневник Романа Роллана» // *Вопросы литературы*, 1989, № 3, 204.

⁴ *Международный конгресс писателей в защиту культуры*. Париж, июнь 1935 г., 487.

⁵ *Там же*, 485–486.

Москву, редактировали свои произведения для издания на русском языке, консультировали постановки пьес и фильмов по ним⁶.

Значительная секция ассоциации действовала в США — Лига американских писателей. Она была создана по решению конгресса американских писателей в апреле 1935 г., на открытии которого присутствовало более 400 писателей, в том числе С. Льюис и У. Франк. О поддержке конгресса заявили Т. Драйзер и Д. Дос-Пассос. Лига американских писателей считала себя продолжательницей лучших традиций американской литературы, заложенных У. Уитменом и М. Твенном. Были провозглашены задачи усиления борьбы против фашизма и угрозы войны. Делегаты Лиги принимали участие в работе Международного конгресса писателей в защиту культуры в Париже⁷.

Процесс консолидации сил творческой интеллигенции в США на демократической антифашистской основе закрепил II Национальный конгресс американских писателей, который прошел в июне 1937 г. в Нью-Йорке, сопредседателями конгресса стали Э. Синклер, Э. Колдуэлл и Э. Хемингуэй. Лейтмотивом резолюций конгресса стала мысль о необходимости создания широкого фронта писателей против фашизма и войны, в поддержку СССР и Испанской республики. Конгресс решил развивать международные связи и увеличить издание переводов антифашистских произведений в США. Лига явилась соучредителем издательства «Бук Унион», в отличие от других крупных издательств оно стремилось издавать дешевые книги большим тиражом для массового читателя. Писателям это позволяло избавиться от давления книжного бизнеса, способствовать подъему демократических тенденций в американской литературе. Даже литературные критики вынуждены были тогда признать крупные успехи «левых» писателей и драматургов, их положительное влияние на американскую литературу, находившуюся в кризисном состоянии⁸. Неслучайно в истории американской литературы 20–30-е гг. названы «красными десятилетиями». Лига американских писателей, обладая значительным влиянием на мировую писательскую ассоциацию, на американское общество и преодолев разногласия относительно роли СССР в борьбе за мир и против фашизма, могла в этот период сыграть существенную роль в создании антифашистского фронта, повлияв на свое правительство. Но ей не удалось преодолеть традиционный «изоляционизм» в американском общественном мнении.

⁶ Российский государственный архив литературы и искусства (далее: РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 12. Д. 103. Л. 23; Оп. 13. Д. 70. Л. 21, 34; Д. 83. Оп. 14. Л. 28, 52, 54.

⁷ Там же. Ф. 631. Оп. 11. Д. 1. Л. 4–16.

⁸ Там же. Ф. 631. Оп. 11. Д. 140. Л. 19–67.

В других странах секции оказались менее значимыми в общественном плане либо не были созданы вовсе. Писатели этих стран вынуждены были в индивидуальном порядке искать сотрудничества с Международной ассоциацией. Например, английская секция, после многих раздумий, взвешивая международную ситуацию, все же присоединилась к Международной ассоциации. Она включала в свой состав активных членов: Р. Фокса, Д. Стречи, Б. Дэвидсона, Д. Соммерфильда, А. Вильямс-Эллис, О. Хаксли и др. В 1936 г. создается антифашистский клуб «левой» книги, установивший широкие связи с международным рабочим движением⁹.

Для реализации целей ассоциации важна была не только деятельность по мобилизации общественного мнения на борьбу против фашизма внутри страны, но и координация усилий в международном плане для оказания помощи жертвам фашистской агрессии, которой к этому времени стала Испанская республика.

В июне 1936 г. в Лондоне состоялся пленум Международной ассоциации писателей в защиту культуры. Серьезное беспокойство его участников вызвало то, что в западных странах переводилась в основном литература реакционного содержания. Так, в США среди переводов преобладала французская литература профашистского толка. В этих условиях перед ассоциацией встала задача расширить международное сотрудничество деятелей демократической культуры¹⁰. С целью ознакомления международной писательской общественности с произведениями прогрессивной литературы с мая 1938 г. Ассоциация издавала бюллетень, к созданию которого были привлечены писатели Франции и Чехословакии, в котором печатались обзоры работ писателей из 30 стран. Секретариат рассылал бюллетени национальным секциям ассоциации для опубликования в журналах национальных писательских объединений. Благодаря этому достижения национальной культуры быстро попадали в поле зрения мировой общественности, приобретали авторитет, с которым нельзя было не считаться в демократических странах. Это имело особенно важное значение для формирования духа доверия между народами и организации моральной поддержки деятелям культуры, оказавшимся жертвами фашистов, активизации действий общественных движений в пользу стран, подвергшихся агрессии.

С 1938 г. начинается издание ежегодной серии из 10 книг на французском языке писателей — членов Международной ассоциации под редакци-

⁹ См.: Саруханян А. П., «Рождение английской секции МОРПа» // *Литературное наследство*, Т. 81, 370, 371.

¹⁰ *РГАЛИ*. Ф. 631. Оп. 11. Д. 198. Л. 2; Д. 308. Л. 68, 70.

ей Л. Арагона¹¹. Материальную и творческую поддержку изданию оказывал Союз писателей СССР¹².

Во второй половине 1936 г. секретариатом Международной ассоциации писателей было принято решение о созыве в 1937 г. в Испании II Международного конгресса под лозунгом «Культура в опасности»¹³. Проведение конгресса в Испании явилось актом солидарности прогрессивной писательской общественности с борьбой испанских республиканцев против мятежников Франко, поддерживаемых германскими и итальянскими фашистами. В некоторых странах участников конгресса отговаривали от поездки в Испанию, запугивали, отказывали в выдаче паспортов. В результате ряд делегатов конгресса приехали в Испанию нелегально. 4 июля 1937 г. Конгресс начал свою работу. Он проходил одновременно в Валенсии, Мадриде и Барселоне. Вблизи ожесточенных сражений, в условиях бомбардировок фашистской авиацией собралось 60 делегатов ассоциации писателей. Среди них: М. Андерсен-Нексе, Л. Арагон, Б. Бредель, А. Мальро, П. Неруда, А. Зегерс, Л. Фейхтвангер, А. Шамсон, А. Толстой, Вс. Вишневский, И. Эренбург, А. Барто, М. Кольцов, В. Финк, В. Ставский и И. Микитенко. С большим интересом и энтузиазмом делегаты конгресса встретили выступления советских писателей. «Мы, советские писатели, говорил тогда М. Кольцов, повторяем слова Сталина: „Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества“»¹⁴. Такая позиция не могла не встретить поддержку участников конгресса, как бы они ни относились к автору этих слов. Тем более что многие знали о помощи СССР Испанской республике и о ее исключительной значимости в условиях, когда другие страны заняли двусмысленную позицию.

На конгрессе обсуждались как общие вопросы, волновавшие в то время интеллектуалов, так и вопросы поддержки испанского народа в его борьбе против фашистской диктатуры. Участники конгресса посещали боевые позиции, выступали перед бойцами, крестьянами. Конгресс превратился в манифестацию солидарности с борьбой Испанской республики. По мнению участников конгресса, в западных странах пресса, ссылаясь на условия гражданской войны, пыталась замалчивать работу конгресса, что по существу явилось причиной проведения заключительного заседания в Париже. Здесь с большой речью выступил Вс. Вишневский, призвавший к мобилизации всех миролюбивых сил на борьбу против фашизма. Писатели,

¹¹ Там же. Д. 298. Л. 45–47, 53–54.

¹² Там же. Л. 122–123.

¹³ Там же. Д. 308. Л. 60.

¹⁴ Кольцов М., *Испанский дневник*. М., 1957, 440–512.

участвовавшие в работе конгресса, возвысили свой голос в пользу демократии и справедливости, против попустительства фашистским агрессорам со стороны Англии и Франции¹⁵.

Существенную поддержку Испанской республике оказала Лига американских писателей. В воззвании Лиги от 8 сентября 1936 г. американская пресса была обвинена в искажении испанских событий, содержался призыв оказать помощь республиканцам. Э. Хемингуэй возглавил отряд из 15 санитарных машин для Испании, лично им было приобретено три машины. В марте 1937 г. писатели США выступили с протестом против зверств фашистов в Испании¹⁶. В письмах Хемингуэя редактору журнала «Интернациональная литература» сообщалось, что за 4 дня в 1937 г. американским писателям удалось собрать средства на организацию 20 госпиталей для республиканцев¹⁷. Антифашистская позиция Лиги американских писателей на конгрессе Международной ассоциации в 1937 г. была провозглашена М. Коули¹⁸.

II Международный конгресс писателей в защиту культуры обратился с призывом к международной общественности, писателям и деятелям культуры, в котором объявил фашизм главным врагом культуры. Конгресс заявил о своей готовности «бороться всеми имеющимися средствами против фашизма», подчеркнув, что «в нынешней войне, ведущейся фашизмом против культуры, демократии, мира и вообще против счастья и благополучия человечества, немыслим и невозможен никакой нейтралитет». Участники конгресса призывали всех писателей «осознать свой исторический долг и объединиться с ними в борьбе за благо большинства человечества и за охрану человеческого наследия»¹⁹. Тем самым конгресс внес существенный вклад в консолидацию сил творческой интеллигенции на антифашистской основе.

После II конгресса в июле 1938 г. состоялась чрезвычайная конференция Международной ассоциации писателей, которая одобрила деятельность секретариата и приняла решение усилить роль международного культурного обмена в борьбе за укрепление связей между народами. С докладом по этому вопросу выступил Л. Арагон. Конференция призвала оказать поддержку народам Китая, Испании и Чехословакии, подвергшимся агрессии или ее угрозе. Была поставлена задача активно популяризировать

¹⁵ *Известия*, 1937. 16 июня; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 4. Л. 18.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 142. Л. 1, 8, 12, 20.

¹⁷ *Литературное наследство*, Т. 81, 486.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 142. Л. 20.

¹⁹ *Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом против развязывания Второй мировой войны (1933–1937 гг.)*. М., 1961. С. 505.

национальную культуру стран-жертв агрессии и организовать материальную помощь писателям, ученым, художникам и детям республиканской Испании и Китая. Делегаты конференции осудили политику фашизма, направленную на уничтожение культуры других народов, на подавление свободы творчества в собственной стране, решительно призвали к противодействию ей. Решения конференции предусматривали пропаганду великих культурных ценностей искусства, литературы и науки всех времен и народов, отвергаемых фашизмом. Конференция предложила членам ассоциации обеспечить прибежище писателям, ученым и художникам, которых фашизм и иностранная агрессия изгоняли с родины²⁰. Откликаясь на этот призыв, советские издательства публиковали произведения прогрессивных писателей Чехословакии, Испании, Венгрии и Румынии, преследовавшихся фашизмом. Так, в стране были опубликованы произведения И. Аларкона, Р. Альберти и других испанских писателей.

Международной ассоциацией в эти годы были собраны средства для помощи испанским республиканцам: Лига американских писателей — 93 тыс. долларов, Союз писателей СССР — 56 тыс. рублей, прогрессивные писатели Южной Америки — 40 тыс. долларов, писатели Великобритании — 9 тыс. фунтов стерлингов²¹. Так на практике деятельность Международной ассоциации писателей в защиту культуры способствовала усилению сопротивления фашистской агрессии, борьбе против экспансии фашизма на мировую цивилизацию.

Международная ассоциация писателей объединила демократических и революционных писателей всех стран на платформе борьбы против фашизма и готовившейся им мировой войны. В рамках объединения развились и окрепли международные связи писателей многих стран, была продемонстрирована воля к сотрудничеству на миролюбивой и антифашистской основе. Цели и задачи Международной ассоциации позволили привлечь к активной общественной деятельности многих популярных литераторов, к мнению которых прислушивались широкие слои населения и политические деятели. Пользуясь большим авторитетом, члены ассоциации многое сделали для консолидации антивоенных и антифашистских сил в своих странах. На международной арене писательская ассоциация стремилась найти политическую опору, созвучную своим целям, формируя общественное мнение, она влияла на политику государств с тем, чтобы они активнее боролись против фашистской агрессии, вырабатывая альтернативные фашизму решения острых социальных и национальных проблем. Подавляющая часть членов ассоциации была убеждена в неспособности

²⁰ РГАЛИ. Д. 298. Л. 79.

²¹ Там же. Л. 68.

западных демократий преодолеть угрозу мировой войны и уничтожить фашизм. Поэтому пристальное внимание писателей привлекали события, происходившие в советском обществе. Рост его экономического, духовного, да и военного потенциала рассматривался как важная опора в будущей схватке с фашизмом. СССР представлялся решающим компонентом возможного антивоенного сотрудничества государств. Однако противоречивые тенденции в СССР рождали и противоречивое отношение к сотрудничеству с ним. Отсутствие демократических процессов в политической системе и гуманизации духовной жизни нашего общества лишало международное антифашистское движение прочной основы для сотрудничества с СССР, а, следовательно, и политически весомой перспективы в достижении поставленных целей. Моральный авторитет писательской ассоциации, ее огромный потенциал в формировании мирового общественного мнения не был реализован в полной мере. Сопrotивление росту военной угрозы оказалось неэффективным, ибо не повлекло за собой сотрудничества на межгосударственном уровне. Огромный интеллектуальный потенциал и моральный авторитет организации оказался без мобилизующей политической опоры на международной арене.

Библиография

1. Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, июнь 1935 г. М.: Гослитиздат. 1936. С. 3–490.
2. Московский дневник Ромена Роллана // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 204.
3. Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, июнь 1935 г. С. 487.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (далее: РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 12. Д. 103. Л. 23; Оп. 13. Д. 70. Л. 21, 34; Д. 83. Оп. 14. Л. 28, 52, 54.
5. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 140. Л. 19–67.
6. Саруханян А. П. Рождение английской секции МОРПа // Литературное наследство. Т. 81. С. 370, 371.
7. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 198. Л. 2; Д. 308. Л. 68, 70.
8. Кольцов М. Испанский дневник. М., 1957. С. 440–512.
9. Известия. 1937. 16 июня; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 4. Л. 18.
10. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 142. Л. 1, 8, 12, 20.
11. Литературное наследство. Т. 81. С. 486.
12. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 142. Л. 20.
13. Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом против развязывания Второй мировой войны (1933–1937 гг.). М., 1961. С. 505.
14. РГАЛИ. Д. 298. Л. 79.

Роль Коммунистической партии Испании (КПИ) в отношениях между Москвой и Мадридом

The role of the Communist Party of Spain (CPI) in relations between Moscow and Madrid

Аннотация: Статья рассматривает проблему влияния Коммунистической партии Испании на развитие отношений между Советским Союзом и франкистской Испанией в период так называемого второго франкизма. Москве в отношениях с Мадридом приходилось действовать с оглядкой на своего старого и верного союзника. Поначалу КПИ считала, что некоторое улучшение в двусторонних контактах позволит иметь дополнительный рычаг для давления на Франко. Однако она выступала против установления официальных контактов между двумя странами. Именно поэтому ряд испанских инициатив по возобновлению отношений между Москвой и Мадридом в первой половине 1960-х гг., так ни к чему и не привели. Затем руководство испанских коммунистов сочло, что экономическое сотрудничество лишь укрепляет франкистский режим. Тем не менее конфликт с КПИ, осудившей ввод войск ОВД в Чехословакию, позволил советской стороне выстраивать отношения с Испанией, меньше учитывая мнение старых союзников.

Ключевые слова: Испания; Франко; СССР; КПИ; международные отношения; Сантьяго Каррильо.

Abstract: The article examines the problem of the influence of the Spanish Communist Party on the development of relations between the Soviet Union and Francoist Spain during the so-called second Francoism. The USSR in relations with Spain had to consider the position of its old and loyal ally — the Communist Party of Spain. At first, the PCE believed that some improvements in bilateral ties would provide a leverage to exert pressure on Franco. However, the party opposed the establishment of official contacts between the two countries. That is the reason why a number of Spanish initiatives on the resumption of relations between Moscow and Madrid in the first half of the 1960s, so to no avail. Then the leadership of the Spanish Communists felt that economic cooperation has only strengthened the Franco regime. However, the conflict with the PCE, that condemned the Warsaw Pact invasion of Czechoslovakia, allowed the Soviet side to build relations with Francoist Spain paying less attention to the position of the old ally.

Key words: Spain; Franco; USSR; PCE; international relations; Santiago Carrillo.

¹ Филатов Георгий Андреевич, Россия, к.и.н., научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, (georgefilatov@gmail.com).

Отношения между СССР и франкистской Испанией — одна из самых малоизученных страниц в истории взаимных контактов двух стран. Несмотря на, казалось бы, непреодолимые противоречия, государствам удавалось находить общий язык по некоторым вопросам и постепенно налаживать связи. На протяжении 1960-х гг. страны начали заново открывать друг друга — сначала в области торговли, затем спорта и культуры. Однако СССР в отношениях с официальным Мадридом приходилось действовать с оглядкой на своего старого и верного союзника — Коммунистическую партию Испании.

С момента возникновения в 1921 г. партия была тесно связана с Москвой и была одним из важнейших проводников интересов СССР на Иберийском полуострове². Пик ее влияния в Испании пришелся на период Гражданской войны. В это время организационные способности коммунистов, их дисциплинированность как никогда были необходимы II Республике, противостоящей мятежным военным. Большую роль в усилении КПИ в Испании сыграла и советская военная помощь³. После победы франкистов большинство членов партии оказались в эмиграции. Во время Второй мировой войны ее руководители находились либо в СССР, либо в Мексике. После окончания боевых действий большинство из них переехали в Европу — Францию и Чехословакию.

Советский Союз, как показывает испанский историк Фернандо Эрнадес Санчес в своей статье, финансировал КПИ на протяжении длительного времени, в том числе в 1950-х и 1960-х гг.⁴ Для советского руководства КПИ долго играла роль главного, если не единственного, канала связи с Испанией. Об этом свидетельствует большое количество отчетов о беседах с главой испанской компартии — Сантьяго Каррильо, которые находятся в архиве ЦК КПСС. Он жил в Париже, поэтому информацию от него обычно получал либо посол, либо его заместитель, а затем ее передавали в Москву.

Как справедливо отмечает американский исследователь Ли Шнейдман, СССР проводил свою политику в отношении с Испанией с оглядкой на КПИ⁵. При этом следует понимать, что руководство КПИ находилось в эмиграции, а партийные ячейки в Испании с завидной регулярностью рас-

² Sánchez Fernando Hernández, *Guerra o revolución: El Partido Comunista de España en la guerra civil*. Madrid: Editorial Crítica, 2010.

³ Шубин А. В., *Великая испанская революция*. Москва: Книжный дом «Либроком», 2013.

⁴ Sánchez Fernando Hernández. «Comerciendo con el diablo: las relaciones comerciales con el Telón de Acero y la financiación del PCE a comienzos de los años 60» // *La apertura internacional de España. Entre el franquismo y la democracia*, 2014. URL: <http://historiadelpresente.es/sites/default/files/congresos/pdf/43/fernandohernandezsanchez.pdf>.

⁵ Shneidman Lee Jerome, «Eastern Europe and Soviet Union, James Cortada (ed)» // *Spain in the Twentieth-Century World: Essays on Spanish Diplomacy, 1898–1978*, Westport, Praeger, 1980, 155–183.

крывались франкистскими властями. Подпольная работа накладывала отпечаток на взгляды партии.

Поначалу испанские коммунисты одобрительно смотрели на усиление связей с франкистским режимом⁶. Они исходили из того, что в результате у СССР появится возможность влиять на Испанию, и Франко придется либерализовать режим, как это происходило при нормализации отношений с США. Однако к перспективе установления официальных связей между СССР и франкистской Испанией руководство КПИ относилось отрицательно.

Первые попытки установить отношения были предприняты в 1947 г. По данным, которые приводит испанский историк Луис Суарес Фернадес, ссылаясь на личный архив Франсиско Франко, в начале 1947 г. в Швейцарии прошло несколько встреч между испанским дипломатом Террасой (секретарем испанского посольства) и неким офицером Шерером. Его называют швейцарским подданным и при этом доверенным человеком Москвы. Переговоры шли до апреля 1947 г., но не принесли результатов⁷. Стороны не выдвинули никаких неприемлемых условий, что дало возможность отечественному историку А. А. Сагомояну предположить, что переговоры прекратились из-за нараставшего противостояния в рамках холодной войны и стремления Испании ориентироваться на США. Хорошие отношения с Вашингтоном сулили Мадриду скорый выход из международной изоляции, в которой режим оказался после окончания Второй мировой войны⁸.

Следующая попытка восстановить отношения была предпринята в 1957 г. Новый министр иностранных дел Испании Фернандо Мария Кастиэлья, по замечанию историка Хуана Карлоса Перейро Кастаньяреса, хотел начать новый этап в международной политике режима, в том числе в отношениях с СССР и странами Восточной Европы⁹. Тем не менее, эти попытки не увенчались успехом. Испания выдвинула условие для начала переговоров: возвращение из СССР золота, вывезенного во время гражданской войны. Советский Союз в свою очередь представил расчеты, согласно которым это золото пошло на оплату работы советских специалистов и поставок во-

⁶ Shneidman, *op. cit.*, 169.

⁷ Fernandez Luis Suarez, *Franco y la URSS: la diplomacia secreta (1946–1970)*. Madrid: Rialp, 1986, 91.

⁸ Сагомоян А. А. *Испанский узел «холодной войны»: Великие державы и режим Франко в 1945–1948 гг.* М.: РОССПЭН, 2004, 123–124.

⁹ Castañares Juan Carlos Pereira. «España y la URSS en una Europa en transformación» // *Cuadernos de Historia Contemporánea* 18, Madrid, 1993, 194.

оружий, причем последние несколько месяцев войны вся помощь осуществлялась в кредит¹⁰.

Таким образом, попытки установить отношения в 1947 и 1957 г. провалились по причинам иным, нежели вмешательство КПИ. Иная ситуация сложилась на рубеже 1963–1964 гг., когда две страны оказались близки к восстановлению отношений. На приеме в советском посольстве по случаю годовщины Великой Октябрьской революции испанский посол Хосе Мария Арейлса завел разговор с первым секретарем советского посольства Ю. В. Дубининым о перспективах установления дипломатических отношений. В самом конце 1963 г. состоялся первый контакт между советским и испанским лидерами. Хрущев через представительство в ООН обратился к Франко с предложением о программе разоружения. Официальный Мадрид ответил через посольство во Франции. В беседе с советским послом в Париже С. А. Виноградовым испанский представитель заявил, что «Франко готов начать переговоры» и установить дипломатические отношения; Мадрид ожидает ответа Москвы¹¹. Советским дипломатам в Париже казалось, что никаких проблем возникнуть не должно. На приеме, устроенном французским президентом по случаю Нового года, советский и испанский послы подняли тост за установление отношений между СССР и Испанией в 1964 гг.¹²

Когда об этом проинформировали главу КПИ Сантьяго Каррильо, он высказался на этот счет очень осторожно, не поддержав и не осудив этого шага. По воспоминаниям Ю. В. Дубинина, в его уклончивых фразах чувствовалось скорее одобрение¹³. Тем не менее генеральный секретарь КПИ предложил в качестве условия выдвинуть обещание со стороны Франко принять меры по демократизации режима. Также он просил информировать его о планах СССР, чтобы можно было проводить «необходимую разъяснительную работу» среди испанских трудящихся¹⁴.

После того как Москва была проинформирована о беседе с главой испанских коммунистов, ответа долго не поступало. Когда же он пришел, в нем значилось четкое нежелание руководства СССР восстанавливать отношения с франкистской Испанией в той обстановке¹⁵. Изменился и тон Каррильо — теперь он заявлял о несвоевременности этого шага: по его сло-

¹⁰ Sulzberger, *Foreign Affairs*. The New York Times, 1964. November, 7. URL: <http://www.nytimes.com/1964/11/07/foreign-affairs.html>.

¹¹ Дубинин Ю. В., *Амбаддор! Амбаддор! Записки посла в Испании*. М.: РОССПЭН, 1999. С. 8–10.

¹² Shneidman. *Op. cit.*, 166.

¹³ Дубинин. *Там же*, 12.

¹⁴ *Там же*, 13.

¹⁵ *Там же*, 14.

вам, не все товарищи, многие из которых страдали от франкистских репрессий, поймут такое развитие ситуации. В результате СССР решил отложить установление дипломатических отношений, чтобы не раздражать КПИ. Официально Мадриду было предложено начать с установления отношений в неполитической сфере, против чего КПИ не возражала.

В результате начали развиваться экономические связи: со второй половины 1960-х гг. товарооборот начал расти¹⁶, достигнув максимума в этом десятилетии в 1968 г.¹⁷ В 1964 г. был заключен первый официальный договор между Испанией и СССР о нормах захода кораблей в порты обеих стран. Эти переговоры вели заведующий отделом международных связей Министерства морского флота СССР И. Аверин и адмирал Леопольдо Боадо. В 1967 г. была заключена морская конвенция по обслуживанию кораблей. Она представляла собой развитие договоренностей 1964 г. и была оформлена в виде обмена письмами. Новое соглашение интересовало руководителя КПИ Сантьяго Каррильо, который расспрашивал советского посла во Франции в конце февраля 1967 г. Его волновали сообщения прессы о том, что между Одессой и Валенсией будет организована регулярная морская линия¹⁸. Советский представитель заверил, что речь идет лишь об отмене ограничений на заход кораблей в порты двух стран, которые действовали со времен окончания гражданской войны, договоренности о регулярной линии на тот момент, по словам Виноградова, не было¹⁹. Он уверял испанского коммуниста, что Мадрид пытался перевести переговоры на дипломатический уровень, тем не менее Москва оставила эти попытки без ответа. Каррильо, судя по отчету, был удовлетворен этим ответом и сообщил, что такие договоренности не расходятся с интересами испанской компартии, так как появление советских судов в испанских портах будет, по его мнению, полезным «с точки зрения воздействия на испанское общественное мнение». В то же время к появлению регулярной линии он относится негативно²⁰.

Постепенно к концу 1960-х гг. руководство КПИ склонилось к мысли, что улучшение отношений между СССР и другими странами Восточного блока с Мадридом будет способствовать укреплению франкистского режима, который, как ожидали испанские коммунисты, должен вот-вот пасть. Так, например, Каррильо в беседе с послом в июне 1967 г. жестко

¹⁶ Внешняя торговля Союза ССР за 1965 год. Москва: Международные отношения, 1966; Внешняя торговля Союза ССР за 1966 год. Москва: Международные отношения, 1967; Внешняя торговля Союза ССР за 1967 год. Москва: Международные отношения, 1968.

¹⁷ Внешняя торговля Союза ССР за 1968 год. Москва: Международные отношения, 1969.

¹⁸ *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 59. Д. 359. Л. 40.

¹⁹ Там же. Л. 41.

²⁰ Там же.

критиковал президента Румынии, который в том году пошел на установление консульских отношений с Мадридом. Причем, по словам Каррильо, во время его личной встречи с Чаушеску тот в конечном счете признал этот шаг ошибкой и обещал приостановить дальнейшее развитие отношений с Испанией²¹. Такая позиция КПИ стала еще одним препятствием в налаживании отношений между франкистским режимом и странами Восточной Европы. Так, в 1967 г. Испания пыталась наладить связи с Чехословакией, однако Прага отказалась. Причем важным аргументом была позиция «испанских друзей», в частности С. Каррильо, который до этого критиковал за подобные шаги Румынию²². Таким образом, действия стран Восточной Европы, в том числе СССР, во многом согласовывались с позицией КПИ. Хотя испанские коммунисты одобряли коммерческие связи социалистических государств с франкистским режимом, они однозначно выступали против каких-либо дальнейших шагов по развитию связей с официальным Мадридом.

В конце 1960-х гг. отношения между КПИ и СССР осложнились. Испанские коммунисты стали склоняться к более независимой позиции. Пиком противостояния стала Пражская весна 1968 г. КПИ открыто выступила против решения Москвы ввести войска в Чехословакию. Руководство испанских коммунистов 7 марта 1969 г. направило в ЦК КПСС письмо, озаглавленное: «Отрицательное отношение к военному вмешательству». В нем сообщалось, что КПИ выступает за «безотлагательное прекращение всякого вмешательства во внутреннюю жизнь коммунистической партии Чехословакии и органов чехословацкого государства»²³. На встрече коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г. КПИ отказалась подписывать финальный протокол, не желая оправдывать действия СССР в Чехословакии. В августе того же года на заседании компартии в Бухаресте Долорес Ибаррури, поблагодарив Советский Союз за помощь испанскому народу, выступила за установление хороших отношений со всеми коммунистическими партиями. По мнению американского исследователя Шнейдмана, руководство КПСС восприняло это как критику СССР за конфликт с Чехословакией, Китаем и Албанией²⁴. В августе 1969 г. на партийной встрече руководство КПИ приняло решение осудить советское вторжение в Чехословакию. Даже Энрике Листер, который считался наиболее просоветски настроенным членом партии, тогда проголосовал вместе с большинством.

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 359. Л. 107.

²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 359. Л. 131.

²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 590. Л. 29, 31.

²⁴ Shneidman, *Op. cit.*, 170.

Впрочем, потом он осудил Каррильо и возглавил раскольническую просоветскую группу внутри КПИ²⁵.

В этих условиях СССР, как и другие страны Восточного блока, уже считал себя в меньшей степени обязанным оглядываться на испанских коммунистов в своих отношениях с франкистской Испанией. Связи между советским блоком и Мадридом укреплялись. В 1969 г. была подписана морская конвенция. В результате советские корабли получили возможность не просто заходить в порты Испании: для рыболовного флота появился целый пункт базирования на Канарских островах²⁶. Это намного серьезнее, чем регулярные морские линии, против которых выступали испанские коммунисты в 1967 г. Не менее важным было и то, что в этом соглашении было оговорено создание постоянных представительств соответствующих ведомств в Москве и Мадриде. И хотя эти представительства не имели дипломатического статуса, по воспоминаниям Ю. В. Дубинина, из четырех советских представителей, направленных в Испанию для работы в 1970 году, один был дипломатом²⁷.

Социалистические государства воспользовались ухудшением отношений между СССР и КПИ. Уже 16 апреля 1969 г. Венгрия направила запрос в Москву по поводу перспектив развития отношений с Испанией. Будапешт интересовался возможностью заключения торгового договора, необходимость которого обосновывалась рядом экономических факторов. Важным доводом, судя по тексту документа, были и «некоторые изменения в общей политической линии» КПИ, в частности, «ее отношение к событиям в ЧССР». Ранее, как отмечается в тексте, Венгрия всегда учитывала позицию испанских коммунистов по вопросу выстраивания связей с франкистской Испанией. Теперь же Будапешт предполагал «выйти на испанских товарищей только после того, как венгерская позиция будет определена с учетом советских рекомендаций»²⁸. Таким образом, если раньше венгерское руководство вырабатывало позицию в отношении Испании с учетом мнения КПИ, то теперь предполагалось поставить партию перед фактом.

По всей видимости, так поступали и другие страны Восточного блока, что не могло радовать испанских коммунистов. КПИ осуждала установление каких-либо официальных отношений с франкистским режимом²⁹. Руководство партии надеялось, что экономический кризис подорвет устойчи-

²⁵ Treglia Emanuele. «El PCE y el movimiento comunista internacional (1969–1977)» // *Cuadernos de Historia Contemporánea*, 2015, 37. Madrid, 233.

²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 590. Л. 40–46.

²⁷ Дубинин, *Там же*, 21.

²⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 590. Л. 67–68.

²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 902. Л. 42.

вость режима³⁰, а торговые контакты со странами Восточной Европы могли этому помешать. Так, например, в январе 1970 г. КПИ в письме Польской объединенной рабочей партии обвинила ее в предательстве: Польша продолжала поставку угля в Испанию во время забастовок на угольных шахтах Астурии, позволяя таким образом правительству выдерживать забастовки³¹. Когда в 1973 г. ГДР первой из стран социалистического лагеря установила дипломатические отношения с франкистским режимом, испанские коммунисты бурно протестовали. Они направили несколько заявлений в СЕПГ, отмечая, что Берлин пошел на этот шаг в то время, когда франкистский режим переживает «последнюю фазу»³².

Вместе с тем вторая половина 1960-х гг. была ознаменована снижением репрессий против коммунистов в Испании. Сам Сантьяго Каррильо в одной из бесед с советским послом в 1969 г. признал, что «отход (франкистского режима — Г.Ф.) от метода суровых репрессий позволил компартии активизировать свою деятельность в стране, придав ей, по сути, полулегальный характер»³³. Коммунисты отмечали, что репрессии в гораздо большей степени обрушились на левых католиков.

В результате можно было наблюдать две противоположные тенденции. С одной стороны, отношения СССР и КПИ ухудшались, а отношения между Москвой и Мадридом становились все лучше. И это были отчасти взаимосвязанные явления. После ссоры с КПИ Москва не считала себя обязанной оглядываться на испанских товарищей в контактах с официальным Мадридом. Таким образом, если до Пражской весны 1968 г. позиция КПИ была определяющей для СССР и для стран Восточного блока при выстраивании отношений с франкистской Испанией, то после конфликта с испанскими коммунистами Москва и ее союзники взаимодействовали с официальным Мадридом самостоятельно.

Источники

1. Внешняя торговля Союза ССР за 1965 год. Москва: Международные отношения, 1966.
2. Внешняя торговля Союза ССР за 1966 год. Москва: Международные отношения, 1967.
3. Внешняя торговля Союза ССР за 1967 год. Москва: Международные отношения, 1968.

³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 359. Л. 42.

³¹ Shneidman. *Op. cit.*, 170.

³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 902. Л. 19.

³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 359. Л. 8.

4. Внешняя торговля Союза ССР за 1968 год. Москва: Международные отношения, 1969.
5. РГАНИ.

Библиография

1. *Дубинин Ю. В.* Амбахадор! Амбахадор! Записки посла в Испании. М.: РОССПЭН, 1999.
2. *Шубин А. В.* Великая испанская революция. Москва: Книжный дом «Либроком», 2013.
3. *Hernández Sánchez F.* Guerra o revolución: El Partido Comunista de España en la guerra civil. Madrid, Editorial Crítica, 2010.
4. *Hernández Sánchez F.* Comerciendo con el diablo: las relaciones comerciales con el Telón de Acero y la financiación del PCE a comienzos de los años 60 // La apertura internacional de España. Entre el franquismo y la democracia, 2014. URL: <http://historiadelpresente.es/sites/default/files/congresos/pdf/43/fernandohernandezsanchez.pdf>
5. *Pereira Castañares J. C.* España y la URSS en una Europa en transformación // Cuadernos de Historia Contemporánea 18. Madrid, 1993. P. 189–206.
6. *Shneidman L. J.* Eastern Europe and Soviet Union, James Cortada (ed) // Spain in the Twentieth-Century World: Essays on Spanish Diplomacy, 1898–1978. Westport: Praeger, 1980. P. 155–183.
7. *Suarez Fernandez L.* Franco y la URSS: la diplomacia secreta (1946–1970). Madrid: Rialp, 1986.
8. *Sulzberger.* Foreign Affairs // The New York Times, 1964. November, 7. URL: <http://www.nytimes.com/1964/11/07/foreign-affairs.html>
9. *Treglia E.* El PCE y el movimiento comunista internacional (1969–1977) // Cuadernos de Historia Contemporánea, 2015, 37. Madrid. P. 225–255.

Las relaciones hispano-soviéticas contemporáneas: la acción diplomática y el papel de los agentes sociales

Contemporary Hispano-Soviet relations: diplomatic action and the role of social agents

Resumen: El objetivo de este estudio es el análisis de las relaciones entre España y Rusia a través de la actividad diplomática y la labor realizada por los agentes sociales, individuos y organizaciones como las Asociaciones de amistad hispano-soviéticas. Para este trabajo se han utilizado fuentes del Ministerio español de Asuntos Exteriores y de Cooperación, fondos de asociaciones, prensa e historiografía especializada con las que se realiza un recorrido por el siglo XX, incidiendo en el restablecimiento de las relaciones diplomáticas, de las que se ha cumplido su cuadragésimo aniversario, los contactos establecidos por sectores como el de la edición de libros y la distribución de cine, así como las actividades socioculturales fomentadas desde la Asociación España-URSS que favorecieron vínculos entre ambos países.

Palabras clave: Unión Soviética; España; Relaciones internacionales; Asociaciones de Amistad hispano-soviéticas.

Abstract: The aim of this paper is the analysis of the official diplomatic relations between Spain and Russia and the work carried out by the social agents, individuals and organizations such as the Spain-USSR Association. This study uses sources from the Spanish Ministry of Foreign Affairs and Cooperation, funds from societies, press and specialized historiography in order to show the main facts, focusing on the restoration of diplomatic relations in 1977, whose 40th anniversary has been completed, contacts established by sectors such as the edition of books and the distribution of films, as well as the socio-cultural activities promoted by the Spain-USSR Association, favored the ties between both countries.

Key Words: Soviet Union; Spain; International Relations; Spanish-Soviet Friendship societies.

¹ Española, Doctora en Historia Contemporánea.

Profesora del área de Historia Contemporánea y Secretaria académica del Departamento de Historia Moderna, Contemporánea, de América y del Pensamiento y los Movimientos Sociales y Políticos. Facultad de Letras, Universidad de Murcia, 30001 Murcia.

Proyecto del Ministerio de Economía, Industria y Competitividad de España: Hispanofilia III: La influencia ibérica en su contexto político, siglos XVI-XX, Ref. HAR2014-52414-C2-1-P (2015— 2018).

mgarridocaballero@um.es

Las relaciones hispano-soviéticas en el siglo XX: Del reconocimiento a la ruptura de las relaciones diplomáticas

Las relaciones entre España y Rusia tienen una aquilatada historia previa², pero en lo que respecta a las relaciones bilaterales mantenidas durante siglo XX, los cambios políticos influyeron en el reconocimiento oficial español de la Unión Soviética, así como en la ruptura de sus relaciones diplomáticas. Tanto el *hard power*, basado en las intervenciones políticas, militares o económicas, como el *soft power* relacionado con la capacidad para influir en otros países de manera pacífica³, mediante una atracción cultural, influyeron en los contactos establecidos entre ambos países. Y es precisamente esta doble actuación la que ha sido objeto de atención en este texto, puesto que junto a la política exterior y la acción diplomática, los ciudadanos y asociaciones se movilizaron en la construcción de redes de conexión que aproximaron a ambos países.

El reconocimiento de la URSS por parte de España acaece en 1933 pero, tal y como el historiador Puigsech detalla, resultó una difícil andadura la apertura del consulado soviético de Barcelona⁴. Por del gobierno soviético realizó una campaña a favor de la Segunda República durante la guerra civil a través del Comité de No intervención (constituido en Londres en 1937 para garantizar la neutralidad internacional). Los noticiarios soviéticos dieron cuenta de las penalidades sufridas por la población civil y desempeñaron una labor de sensibilización en la población soviética sobre los horrores de la guerra civil española, justificando así la ayuda soviética a través de la conocida como Operación X⁵. Con la acogida en la URSS de exiliados españoles, entre los que se incluían casi tres mil niños, los ciudadanos soviéticos mostraron su solidaridad, por ejemplo, en las colectas en fábricas, como dieron cuenta en las noticias de prensa recogidas por las asociaciones de Amistad con la

² Desde el siglo XV hay documentos que prueban la presencia de viajeros rusos en España y noticias sobre la Inquisición. En el siglo XVI se constatan relaciones comerciales. Véase: Mijail, Alekséev, *Rusia y España: una respuesta cultural*, Madrid, Seminarios y Ediciones, 1975; Manuel Espadas, *Corpus diplomático hispano ruso (1667-1799)*, Madrid, MAE, 1991; y Ana Mª Schop, *Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia 1733-1833*, Madrid, MAE, 1984; Elena Vidal, *La imagen de España en Rusia a mediados del siglo XIX (1840-1860)*, Barcelona, 1978; José Fernández, *Viajeros rusos por la España del siglo XIX*, Madrid, El Mundo Universal, 1985; J. R. Urquijo, *Corpus diplomático hispano-ruso (1800-1903)*, Madrid, MAEC, 2005 y Olga Volosyuk (Dir.) *Diplomáticos rusos en España. 350 años de relaciones diplomáticas*, 2017.

³ Joseph Nye acuñó y popularizó su interpretación en *Soft power. The Means to Success in World Politics*, 2004. Véase para más información J. F. Rodríguez, “Relaciones internacionales y difusión cultural en el exterior”, en F. Rodríguez y E. Gavari (coord.), *Estrategias de diplomacia cultural en un mundo interpolár*, Madrid, Ed. Universitaria Ramón Areces, 2015, 10, 12-13.

⁴ Josep Puigsech, “Los pasos de la diplomacia soviética para establecer el consulado de la URSS en Barcelona”, *Ayer*, 86, 2012, 169-195

⁵ Yuri Ribalkyn, *Stalin y España*, Madrid, Marcial Pons, 2007.

URSS⁶, y como voluntarios participando en la guerra civil española⁷. Ese interés en la conocida como “guerra de liberación” española también tuvo un eco en la historiografía soviética⁸.

Tras la derrota de la Segunda República se impuso la dictadura franquista, una etapa marcada por la ruptura en las relaciones diplomáticas entre ambos países. Además, el escenario de guerra fría y el posicionamiento del régimen franquista con el bloque occidental, que se materializó en los pactos suscritos con Estados Unidos en 1953, consolidó ese alejamiento respecto a la Unión Soviética.

No obstante, hubo contactos entre España y la URSS desde terceros países y también con otros países de Europa Centro-Oriental a raíz del fallecimiento de Stalin y la formulación de la coexistencia pacífica en las relaciones internacionales, fue factible el retorno de divisionarios y “niños de la guerra”⁹. Sin el veto soviético, España entró en Naciones Unidas. Como argumenta Filatov, no hay consenso historiográfico respecto a si este impulso en las relaciones bilaterales procedía de España o la URSS¹⁰. En las fuentes del Ministerio de Asuntos Exteriores español se evidencia la renuncia de la representación española en el extranjero a la participación en actos oficiales por invitación soviética y su preocupación por la filtración de propaganda a favor del modelo soviético¹¹. Sin embargo, también había sectores más próximos a una apertura hacia el Este, caso del ministro de Exteriores Gregorio López Bravo que favoreció la futura apertura de delegaciones comerciales entre España y la URSS. Estos cambios adaptativos podrían encontrar su explicación por la distensión entre los bloques, la nueva *Ostpolitik* entre Brandt-Scheel, aunque también tuvo que sortear a los sectores más críticos¹². En las relaciones hispano-sovié-

⁶ *Rusia de Hoy, Russia Today*, entre otras.

⁷ Ekaterina Grantseva, “Los pilotos voluntarios en la memoria histórica de Rusia y España”, I Jornadas Internacionales sobre la participación soviética en España, Universitat de Barcelona, mayo de 2017.

⁸ Igor Mednikov, “Los límites de una renovación: la historiografía actual rusa sobre la Guerra Civil española”, *Studia Historica. Historia contemporánea*, 32, 2014, 411-426.

⁹ Magdalena Garrido, “Españoles repatriados de la URSS en la propaganda del régimen franquista”, en Juan J. Carreras y Ángela Cenaarro (ed). IV Encuentro de Investigadores sobre el franquismo, Zaragoza, Contexto Gráfico, 2006, 117-130; Carmen González y Encarna Nicolás, “Rojos y azules españoles en la Unión Soviética”, *Historia Actual Online*, 40, 2016, 7-28; Javier Moreno, *Los niños de Rusia. La verdadera historia de una operación de retorno*, Barcelona, Crítica, 2017.

¹⁰ Ekaterina Groznaya, *La política de la Unión Soviética respecto a España en 1963-1991* (tesis doctoral). Ekaterimburgo, 2004; Luis Suárez, *Franco y la URSS*, Madrid, Rialp, 1984; Lee J. Shneidman, “Eastern Europe and the Soviet Union”, en J. W. Cortada, *Spain in the Twentieth Century Word*, Westport, Conn, 1980, 155-183.

¹¹ Archivo del Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación (AMAEC). Leg r. 3500, exp. 18. Dirección de Europa. Informaciones del Exterior. Actitud de la URSS respecto a España 1952/1954. Asuntos políticos de Europa. Reservado. 1953.

¹² Carlos Sanz, “España y la cuestión alemana bajo el franquismo, 1945-1973. Entre la doctrina Hallstein y el comienzo de la *Ostpolitik*”, *Iberoamericana* VII: 26, 2007, 137-152.

ticas hay que destacar en el ámbito económico el tratado comercial de 1972, pero lo cierto es que esta relajación entre los bloques permitió previamente contactos que fueron materializándose de manera gradual en distintos sectores. A modo de ejemplo, señalar que la Agencia TASS abrió una oficina en 1970 en Madrid, haciendo lo propio la Agencia EFE en Moscú. De este periodo de tiempo, el corresponsal Celso Collazo recordaba: “Me dijeron únicamente que no tolerarían insultos, que no podía tener amigos en el Ministerio de Defensa y que no podía sobrepasar el radio de 25 km de Moscú”¹³. También se produjeron canjes de revistas científicas¹⁴, y aunque limitados, los viajes turísticos.

La acción diplomática en el restablecimiento y continuidad de las relaciones hispano-soviéticas

Las relaciones diplomáticas se reanudaron el 9 de febrero de 1977¹⁵, en el contexto de una España en Transición política. La prensa recogió esta noticia en tales términos:

El acto se celebró en un clima de cordialidad, y tras la entrega de la nota firmada de Gromyko al embajador Ferrer, que completa la parte soviética del intercambio de notas entre los dos ministros, de España, don Marcelino Oreja, y la URSS, Andrei Gromyko, se brindó con champán soviético, subrayando en ambos brindis el carácter histórico del acto y de la normalización de relaciones entre España y la URSS¹⁶.

Bogomolov y Samaranch tuvieron una tarea ardua como primeros embajadores¹⁷. Un año después, Samaranch, en declaraciones a la prensa española, instaba a mejorar las relaciones con la URSS y señalaba:

Creo que se deben intensificar los contactos y elevarlos a nivel ministerial. [...] los intercambios son aún escasos y sólo rondan la cifra de los 250 millones de dólares. En el marco de la cultura las posibilidades son inmensas. La llegada a Madrid de los coros y danzas del Ejército soviético, constituyen un primer paso importante. [...] El tema de la ampliación del personal también está en estudio. Ambas partes contamos con medios escasos para desarrollar el trabajo, humanos y materiales. La URSS tiene en Madrid diecinueve funcionarios que serán aumentados, nosotros sólo tenemos cuatro diplomáticos que pronto también contarán con la ayuda

¹³ Ángela Rodicio, “75 años de EFE, Informe Semanal”, Rtve, 2014.

¹⁴ AMAEC. Leg r. 10700, exp. 26. Intercambio publicaciones, 1968.

¹⁵ Canje de Notas. Restablecimiento de relaciones diplomáticas, 9 de febrero de 1977. BOE, 9 de febrero de 1977.

¹⁶ Archivo Juan March en línea. *Ya*, 10 de febrero de 1977.

¹⁷ Para la representación diplomática entre ambos países véase las webs oficiales de los respectivos Ministerios de Asuntos Exteriores.

de nuevos colegas que nos permitirán cubrir las necesidades existentes que afectan esencialmente a los sectores cultural, económico e informativo¹⁸.

Las relaciones entre ambos países se incrementaron por medio de —visitas políticas, relaciones culturales, cooperación técnica— que se tradujo en acuerdos bilaterales en distintas materias¹⁹. Se acometió la mejora de las infraestructuras pre-existentes en los países de Europa del Este para el desempeño de funciones más amplias a la labor comercial, en la que España tenía un saldo deficitario respecto a la URSS²⁰. Con el ingreso de España en la OTAN, hecho contrario a los intereses soviéticos, no se debilitaron las relaciones diplomáticas. El embajador soviético Dubinin expresó: “Aspiramos a tener a España como amigo, no como adversario, pero hay que tener presente que la amistad es cosa de dos”²¹. La visita de los Reyes a la Unión Soviética tuvo lugar en mayo de 1984, un viaje histórico que contribuía a potenciar a nivel internacional un mejor “clima en el proceso de distensión y coexistencia”²².

Una vez se iniciaron los cambios derivados de la Perestroika y la glasnost, España los apoyó oficialmente tanto en las declaraciones oficiales como económicamente con 150.000 millones de pesetas en créditos²³. Con la presidencia española de la Comunidad Europea en 1989, España actuó decididamente para iniciar la negociación de un Tratado de Cooperación y Amistad entre la CE y la URSS, incrementado e intensificando las relaciones en muchos niveles; pero sobre todo fomentando el diálogo. Un momento de relieve fue la visita oficial de Gorbachov a España en 1990. El líder soviético, ya premio Nobel de la Paz, despertó, al igual que en otros países, simpatías. Así se recogió en los diarios españoles, destacando el clima de entendimiento durante el gobierno socialista, en una Europa sin muro con una cooperación más extendida, en la que confluían las ideas de “Europa casa común” con la posición española favorable a una proyección hacia el Este²⁴. Un año después, el presidente del gobierno Felipe González en visita oficial a la URSS firmó

¹⁸ Juan Antonio Samaranch, «Hay que mejorar las relaciones con la Unión Soviética», *El País*, 7 de julio de 1978.

¹⁹ Para más información véase Magdalena Garrido, *Compañeros de viaje. Historia y memoria de las Asociaciones de Amistad*, Murcia, Editum, 2009.

²⁰ “Mayor dotación para las embajadas españolas en el Este de Europa”, *El País*, 14 de diciembre de 1977.

²¹ EFE. “La URSS ama a España”, *El País*, 21 de agosto de 1984. Dubinin había tenido un papel destacado en las conversaciones previas al restablecimiento de relaciones diplomáticas entre ambos países. Fue embajador en España entre 1978 y 1986.

²² <http://www.casareal.es>. El periódico *ABC* cubrió el viaje oficial de seis días. Alberto Míguez “Los Reyes, en la URSS. Primera visita de un Jefe de Estado español a la Unión Soviética”, *ABC*, 10 de mayo de 1984, p. 21.

²³ Juan Carlos Pereira, “España y la URSS en una Europa en transformación”, *Cuadernos de Historia Contemporánea*, 15, 1993, 189-206.

²⁴ Editorial: “Gorbachov, en España”, *El País*, 20 de octubre de 2016; *ABC*, 27 de octubre de 1990, p. 1

con Gorbachov un Tratado de Amistad y Cooperación hispano-soviético prueba de una buena sintonía. González elogió a Gorbachov por el lanzamiento de un proceso de cambio que “marcará un hito” en la historia²⁵. Ese proceso de cambio sufrió una tentativa de ruptura en agosto de 1991, siendo condenado por el gobierno español y los sindicatos. Algunos testimonios transmiten esa situación de máxima tensión y sus consecuencias, como los del diplomático Ivanov quien recordaba que “*Ni siquiera había bandera (tricolor) rusa en la embajada. Le pedimos a nuestras mujeres que la cosieran durante la madrugada*”²⁶. Dubinin relató sobre ese periodo: “*Perdimos muchos diplomáticos, pero los que quedaron eran verdaderos profesionales*”²⁷. A finales de diciembre de 1991, España reconoció a la nueva Rusia surgida de la desintegración de la URSS. Posteriormente, se produjo la suscripción de diversos tratados como el de Amistad y Cooperación hispano-ruso durante la estancia oficial de Boris Yeltsin en Madrid, en abril de 1994. Ese mismo año, fue especialmente significativo el convenio de Seguridad Social suscrito entre ambos países por sus efectos favorables en el colectivo de exiliados españoles en Rusia.

A modo de síntesis, las relaciones hispano-rusas se han ido consolidando por medio de acuerdos internacionales, visitas oficiales y organismos de cooperación. Destacan la celebración del año dual en 2011 en el ámbito económico y cultural o el de turismo de 2016 y 2017. Como prueba de la consolidación de las relaciones entre ambos países, cuarenta años después del restablecimiento de relaciones diplomáticas entre ambos países, ha tenido lugar un intercambio de notas y una exposición fotográfica de la agencia EFE en el Instituto Cervantes de Moscú que ilustra con imágenes esos encuentros.

Una vez abordada sucintamente la perspectiva de las relaciones oficiales entre ambos países, el enfoque se traslada a la acción de los agentes sociales y las asociaciones de Amistad en el intercambio cultural y la aproximación de ambos países.

El papel de los agentes sociales en las relaciones hispano-soviéticas

Durante el tiempo en el que no hubo relaciones diplomáticas, como señaló el niño de la guerra Alberto del Bosque, ellos hicieron de “embajadores” como exilia-

²⁵ Pilar Bonet e I. Cembrero., “Viaje del Presidente del Gobierno a la URSS. Felipe González expresa su apoyo a las reformas políticas y económicas de Mijaíl Gorbachov”, *El País*, 9 de julio de 1991; L. Ayllon, “España se suma a los países de la CE que respaldan con un tratado a Mijaíl Gorbachov”, *ABC*, 7 de julio de 1991, p. 23.

²⁶ EFE. Rusia y España presumen de relaciones pese a la tensión entre el Kremlin y la UE. Ambos países han celebrado el 40 aniversario del restablecimiento de las relaciones bilaterales, *El Heraldo*, 13 de enero de 2017 (edición digital).

²⁷ Pilar, Bonet, “Memorias de un embajador de la URSS”, *El País*, 3 de octubre de 2004. Más extensamente relata su experiencia en Yuri Dubinin, ¡*Embajador!*, ¡*Embajador!*, Unión Fenosa, 2004. Su biblioteca personal fue donada al Instituto Cervantes de Moscú en 2015.

dos y realizaron notables aportaciones a la vida soviética y rusa²⁸, especialmente en el ámbito de la traducción. Hubo no solamente políticos aperturistas de las relaciones Este y Oeste, sino también “turistas” y empresarios que llevaron a cabo acciones para intensificar las relaciones entre ambos países. En este apartado se aportan algunos ejemplos de esos agentes sociales y de las asociaciones de amistad.

En la visita de turistas soviéticos llevada a cabo en febrero de 1969, como detalla Filatov, formada por integrantes de la cultura y el hispanismo pertenecientes a un grupo especial de la Asociación de Sociedades Soviéticas de Amistad y Relaciones Culturales con Países Extranjeros, no solo estuvieron visitando el país, sino que también entablaron contactos con altos cargos franquistas, así como con miembros clandestinos del PCE, realizando informes de los encuentros²⁹. En España, la preparación del viaje corrió a cargo de la Compañía General de Tabacos de Filipinas. Esta empresa tuvo un rol importante al fomentar las relaciones hispano-soviéticas, ya que con su ayuda se realizaron contactos no oficiales entre ambos países. Es más, formó parte de una de las empresas mixtas Sovhispán, creada en 1971, con capital soviético-español, para dar servicio a barcos pesqueros desde Canarias y desarrollar el intercambio comercial³⁰.

En el ámbito empresarial de la cultura, cabe destacar al editor Antonio Rubiños y su librería de la calle Alcalá en Madrid que resultó clave para adquirir textos rusos³¹. Rubiños realizó viajes a la Unión Soviética para exportar revistas y libros españoles a la URSS. Partidario de una apertura hacia el Este contactó con *Mezhdunarodnaya kniga* [Libro Internacional — sociedad dedicada a la distribución y exportación mundial de libros], y consiguió un pasaporte especial, con invitación de la Embajada chilena en Moscú, para viajar a la Unión Soviética, sorteando las dificultades durante el franquismo. Rubiños comentaba que no tuvo excesivos problemas y que lo más complicado fueron las acciones de vandalismo antisoviético que sufrió su establecimiento, pero lo peor sobrevino con la desaparición de la URSS, porque las cuotas de suscriptores españoles a revistas soviéticas quedaron invalidadas³². Desde la Transición se diversificaron los canales de contacto con la URSS. La emigración

²⁸ A. Alted, E. Nicolás, R. González, *Los niños de la guerra de España en la Unión Soviética: de la evacuación al retorno (1937-1999)*, Madrid, Fundación Largo Caballero, 1999.

²⁹ Georgy Filatov, “La visita del grupo especial de “turistas soviéticos” a España en el año 1969, en el contexto de las relaciones URSS-España durante el tardofranquismo”, *Cuadernos de Historia Contemporánea*, 38, 2016: 161-183.

³⁰ Yolanda Delgado, “Canarias y Rusia, unidas por el mar”, *Rusia de Hoy*, 13 de mayo de 2013.

³¹ Antonio Rubiños (1929-2003) terminó el Liceo Francés en Madrid y estudió Económicas. En 1947, al morir su padre, se encargó de los negocios familiares, la librería y la editorial que existían en Madrid desde el año 1752.

³² Conversación con Antonio Rubiños, librero y editor, publicado en http://estacionmir.com/Historia/primeramano/Rubinos_E.html [Acceso abril de 2013].

procedente del Este encontró un punto de anclaje con su cultura en la librería Rubiños, posteriormente con su cierre en 2004 se marcó el fin de una época³³.

Otras acciones que incrementaron los lazos culturales fueron las relaciones cinematográficas. En la etapa franquista se habían exhibido películas soviéticas como *Don Quijote* (G. Kozintsev, 1957), en la XII edición del Festival de Cine de San Sebastián, celebrada en 1966. En esa década se dieron condiciones más propicias para el acceso al cine producido en países socialistas, con J. Mª García Escudero como director de cinematografía y teatro. Y también gracias a la labor de la distribuidora Alta-Films al permitir a generaciones de españoles conocer cine soviético. El “niño de la guerra” retornado de la URSS, J. M. López creó Alta Films (Unión de las primeras palabras de los nombres de sus hijos Alejandro y Tatiana) el 16 de enero de 1969 con dos socios, Ramón López, también “niño de la guerra”, y Visitación Peralta. La actriz Yelena Samarina ayudaba en la traducción y subtulado de películas soviéticas. También funcionó como editorial, pero la censura no permitió publicar todas las obras³⁴. En una segunda etapa, estuvo al frente de Alta Films, Enrique González Macho, quién obtuvo los derechos de *distribución en España, volvía a traducir títulos y exhibía películas a través de ciclos de cine. También desde la Filmoteca española como el Ministerio de Cultura dedicaron semanas de muestra de cine soviético*. En 1982, Alta Films estrenó en el Palacio de la Música de Madrid *Dersu Uzala (una producción soviético-japonesa del realizador Kurosawa, 1975)*; distribuyó el cine de Tarkovski; y en la sala de cine *Judovesteny* de Moscú, entre 1990 y 1993, se estrenaron películas españolas³⁵. En las visitas de González Macho a la URSS, Tatiana Pigariova realizó una valiosa labor de traducción. *Con la abolición de la censura en la URSS se produjo un aumento de producción de películas, aunque fue disminuyendo por la desestabilización y privatización del sector*.

Esta aproximación a la cultura soviética se intensificó con la constitución de las asociaciones de amistad con la URSS: la Asociación URSS-España en 1978 y la España-URSS en 1979. Esta última pasó a formar parte de la red de asociaciones culturales coordinadas desde Moscú por la Unión de Sociedades Soviéticas de Amistad y Relaciones Culturales con los Países Extranjeros (SSOD), reconstituida en 1958. Las secciones nacionales de las asociaciones de amistad con la URSS funcionaron

³³ La librería Rubiños suministró libros a bibliotecas soviéticas (la Academia de Ciencias, la Biblioteca de Lenin, la Biblioteca de Literatura Extranjera, etc.) e importó libros y revistas de la URSS, llegando a alcanzar en España un total de treinta mil suscriptores, en su mayoría niños de la guerra y personas de un perfil ideológico de izquierdas. “‘Rubiños 1860’ deja la calle Alcalá”, *ABC*, 29 de enero de 2004.

³⁴ En la Unión Soviética se habían exhibido una veintena de películas españolas, y el intercambio de películas era equilibrado. *La Vanguardia*, 11 de julio de 1975.

³⁵ Borja Hermoso entrevista a Enrique González Macho, “Alta Films: fin de una bella película. La primera distribuidora española de cine de autor cesará su actividad por falta de público y de apoyo de RTVE”, *El País*, 18 de abril de 2013; “Último día de AltaFilm”, *El Mundo*, 16 de mayo de 2013.

como entidades asociativas independientes del Estado, mientras en la Unión Soviética eran organizaciones de “posición activa” e incluían funcionarios.

Uno de los primeros objetivos de la Asociación España-URSS fue cambiar la mala prensa que de la Unión Soviética tenía la sociedad española, en la que pesaban clichés fruto de la propaganda franquista. Para ello organizaron y desarrollaron actividades muy diversas: ciclos de cine, charlas, muestras de publicaciones soviéticas (en ruso y castellano), folklore. Estas actividades estuvieron facilitadas por convenios con la SSOD y, en otras ocasiones, por medio de subvenciones de instituciones públicas o privadas, pero, sobre todo, por el activismo de sus integrantes. Por un lado, se organizaban delegaciones oficiales de representantes de la Asociación que trataban con sus homólogos soviéticos planes de actuación, al tiempo que podían asistir a actos culturales en la propia URSS, y expediciones más amplias para representar la semana de España en la Unión Soviética, y viceversa, la de la URSS en España. Otro tipo de viajes que reportaban beneficios fueron los turísticos. La Asociación ofrecía precios más competitivos para visitar la URSS, pero, sin lugar a dudas, las becas de estudio favorecieron la formación especializada y un contacto más profundo de la sociedad soviética. Estas becas estaban destinadas a alumnos de cursos superiores, tenían una duración de seis años y los candidatos debían explicar en la solicitud el motivo que les impulsaba a estudiar en la URSS. Posteriormente un tribunal, integrado por distintos miembros de las organizaciones territoriales que formaban parte de la comisión, se reunía en Madrid, para resolver quienes eran los becados³⁶. Una vez en la URSS, tenía lugar un proceso de adaptación e inmersión lingüística. En las entrevistas destacan que conocieron a personas de distintos países, lo que les enriqueció a nivel personal, y facilitó su futura actividad profesional³⁷. La quiebra y desaparición de la URSS supuso el ocaso de estas asociaciones, pero otras han tomado el relevo.

A modo de conclusión

En 2017 se han cumplido cuarenta años de las relaciones diplomáticas entre España y la entonces URSS, que se han mantenido con la Federación de Rusia. Desde entonces, se han dado muchos pasos en las relaciones oficiales por medio de acuerdos en distintos ámbitos, apoyo a sus respectivos procesos democráticos, y especialmente en el ámbito diplomático es destacable la labor desarrollada en los primeros años, en los que había que implementar los esfuerzos para llegar a unas relaciones amplias y plenas, no exentas de dificultades. La política exterior cultural se ha reforzado con la apertura de centros de idiomas y cultura en ambos países. Tam-

³⁶ Entrevista a Manuel Cortijo, integrante de la Asociación Estatal España-URSS, realizada por M. Garrido, en Madrid, 2004.

³⁷ Garrido, *op. cit.*, 263-273.

bién a través del año dual entre España y Rusia de 2011, con un amplio programa de intercambios y el más reciente centrado en el Turismo. También son destacables las iniciativas individuales, empresariales o asociativas que han abierto camino y complementado las acciones oficiales, permitiendo estrechar lazos entre sus ciudadanos, unidos por una historia común, que se constata en la presencia española en Rusia y de rusos en España, y en los denominados “lugares de la memoria”, surcados de monumentos de homenaje como el dedicado a los voluntarios soviéticos combatientes en la guerra civil española situado en Fuencarral y a los españoles caídos durante la Segunda Guerra Mundial en el Parque de la Victoria de Moscú. Y la promoción sobre la base del conocimiento de encuentros académicos entre especialistas de ambos países, como los organizados por la asociación de hispanistas rusa, y con iniciativas como la creación del “Círculo Hernandiano Ruso” o el presente Foro Internacional en su tercera edición.

Bibliografía

1. “Mayor dotación para las embajadas españolas en el Este de Europa”, *El País*, 14 de diciembre de 1977.
2. Alted, E. Nicolás, R. González, *Los niños de la guerra de España en la Unión Soviética: de la evacuación al retorno (1937-1999)*, Madrid, Fundación Largo Caballero, 1999.
3. AMAEC. Leg r. 10700, exp. 26. Intercambio publicaciones, 1968.
4. Ángela Rodicio, “75 años de EFE, Informe Semanal”, Rtve, 2014.
5. Antonio Rubiños (1929-2003) terminó el Liceo Francés en Madrid y estudió Económicas. En 1947, al morir su padre, se encargó de los negocios familiares, la librería y la editorial que existían en Madrid desde el año 1752.
6. Archivo del Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación (AMAEC). Leg r. 3500, exp. 18. Dirección de Europa. Informaciones del Exterior. Actitud de la URSS respecto a España 1952/1954. Asuntos políticos de Europa. Reservado. 1953.
7. Archivo Juan March en línea. *Ya*, 10 de febrero de 1977.
8. Borja Hermoso entrevista a Enrique González Macho, “Alta Films: fin de una bella película. La primera distribuidora española de cine de autor cesará su actividad por falta de público y de apoyo de RTVE”, *El País*, 18 de abril de 2013; “Último día de AltaFilm”, *El Mundo*, 16 de mayo de 2013.
9. Canje de Notas. Restablecimiento de relaciones diplomáticas, 9 de febrero de 1977. BOE, 9 de febrero de 1977.
10. Carlos Sanz, “España y la cuestión alemana bajo el franquismo, 1945-1973. Entre la doctrina Hallstein y el comienzo de la *Ostpolitik*”, *Iberoamericana* VII: 26, 2007, 137-152.
11. Conversación con Antonio Rubiños, librero y editor, publicado en http://estacionmir.com/Historia/primera_mano/Rubinos_E.html [Acceso abril de 2013].
12. Desde el siglo XV hay documentos que prueban la presencia de viajeros rusos en España y noticias sobre la Inquisición. En el siglo XVI se constatan relaciones co-

merciales. Véase: Mijail, Alekséev, *Rusia y España: una respuesta cultural*, Madrid, Seminarios y Ediciones, 1975; Manuel Espadas, *Corpus diplomático hispano ruso (1667-1799)*, Madrid, MAE, 1991; y Ana Mª Schop, *Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia 1733-1833*, Madrid, MAE, 1984; Elena Vidal, *La imagen de España en Rusia a mediados del siglo XIX (1840-1860)*, Barcelona, 1978; José Fernández, *Viajeros rusos por la España del siglo XIX*, Madrid, El Mundo Universal, 1985; J. R. Urquijo, *Corpus diplomático hispano-ruso (1800-1903)*, Madrid, MAEC, 2005 y Olga Volosyuk (Dir.) *Diplomáticos rusos en España. 350 años de relaciones diplomáticas*, 2017.

13. Editorial: “Gorbachov, en España”, *El País*, 20 de octubre de 2016; *ABC*, 27 de octubre de 1990, p. 1

14. EFE. “La URSS ama a España”, *El País*, 21 de agosto de 1984. Dubinin había tenido un papel destacado en las conversaciones previas al restablecimiento de relaciones diplomáticas entre ambos países. Fue embajador en España entre 1978 y 1986.

15. EFE. Rusia y España presumen de relaciones pese a la tensión entre el Kremlin y la UE. Ambos países han celebrado el 40 aniversario del restablecimiento de las relaciones bilaterales, *El Heraldo*, 13 de enero de 2017 (edición digital).

16. Ekaterina Grantseva, “Los pilotos voluntarios en la memoria histórica de Rusia y España”, I Jornadas Internacionales sobre la participación soviética en España, Universitat de Barcelona, mayo de 2017.

17. Ekaterina Groznaya, *La política de la Unión Soviética respecto a España en 1963-1991* (tesis doctoral). Ekaterimburgo, 2004; Luis Suárez, *Franco y la URSS*, Madrid, Rialp, 1984; Lee J. Shneidman, “Eastern Europe and the Soviet Union”, en J. W. Cortada, *Spain in the Twentieth Century Word*, Westport, Conn, 1980, 155-183.

18. En la Unión Soviética se habían exhibido una veintena de películas españolas, y el intercambio de películas era equilibrado. *La Vanguardia*, 11 de julio de 1975.

19. Georgy Filatov, “La visita del grupo especial de “turistas soviéticos” a España en el año 1969, en el contexto de las relaciones URSS-España durante el tardofranquismo”, *Cuadernos de Historia Contemporánea*, 38, 2016: 161-183.

20. Igor Mednikov, “Los límites de una renovación: la historiografía actual rusa sobre la Guerra Civil española”, *Studia Storica. Historia contemporánea*, 32, 2014, 411-426.

21. Josep Puigsech, “Los pasos de la diplomacia soviética para establecer el consulado de la URSS en Barcelona”, *Ayer*, 86, 2012, 169-195

22. Joseph Nye acuñó y popularizó su interpretación en *Soft power. The Means to Success in World Politics*, 2004. Véase para más información J. F. Rodríguez, “Relaciones internacionales y difusión cultural en el exterior”, en F. Rodríguez y E. Gavari (coord.), *Estrategias de diplomacia cultural en un mundo interpolar*, Madrid, Ed. Universitaria Ramón Areces, 2015, 10, 12-13.

23. Juan Antonio Samaranch, “Hay que mejorar las relaciones con la Unión Soviética”, *El País*, 7 de julio de 1978.

24. Juan Carlos Pereira, “España y la URSS en una Europa en transformación”, *Cuadernos de Historia Contemporánea*, 15, 1993, 189-206.
25. La librería Rubiños suministró libros a bibliotecas soviéticas (la Academia de Ciencias, la Biblioteca de Lenin, la Biblioteca de Literatura Extranjera, etc.) e importó libros y revistas de la URSS, llegando a alcanzar en España un total de treinta mil suscriptores, en su mayoría niños de la guerra y personas de un perfil ideológico de izquierdas. “‘Rubiños 1860’ deja la calle Alcalá”, *ABC*, 29 de enero de 2004.
26. Magdalena Garrido, “Españoles repatriados de la URSS en la propaganda del régimen franquista”, en Juan J. Carreras y Ángela Cenarro (ed). IV Encuentro de Investigadores sobre el franquismo, Zaragoza, Contexto Gráfico, 2006, 117-130; Carmen González y Encarna Nicolás, “Rojos y azules españoles en la Unión Soviética”, *Historia Actual Online*, 40, 2016, 7-28; Javier Moreno, *Los niños de Rusia. La verdadera historia de una operación de retorno*, Barcelona, Crítica, 2017.
27. Para más información véase Magdalena Garrido, *Compañeros de viaje. Historia y memoria de las Asociaciones de Amistad*, Murcia, Editum, 2009.
28. Pilar Bonet e I. Cembrero., “Viaje del Presidente del Gobierno a la URSS. Felipe González expresa su apoyo a las reformas políticas y económicas de Mijaíl Gorbachov”, *El País*, 9 de julio de 1991; L. Ayllon, “España se suma a los países de la CE que respaldan con un tratado a Mijaíl Gorbachov”, *ABC*, 7 de julio de 1991, p. 23.
29. Pilar, Bonet, “Memorias de un embajador de la URSS”, *El País*, 3 de octubre de 2004. Más extensamente relata su experiencia en Yuri Dubinin, *¡Embajador!, ¡Embajador!*, Unión Fenosa, 2004. Su biblioteca personal fue donada al Instituto Cervantes de Moscú en 2015.
30. *Rusia de Hoy, Russia Today*, entre otras.
31. Yolanda Delgado, “Canarias y Rusia, unidas por el mar”, *Rusia de Hoy*, 13 de mayo de 2013.
32. Yuri Ribalkyn, *Stalin y España*, Madrid, Marcial Pons, 2007.

El modelo de la URSS en los intelectuales antifranquistas españoles

The model of the USSR in Spanish anti-Franco intellectuals

Resumen: No cabe duda que la ayuda soviética a la República durante la Guerra Civil española condicionó durante muchos años la mirada de la intelectualidad antifranquista, y de forma muy especial de la comunista, hacia la política oficial de Moscú. Una relación que se retroalimentaba por la obsesión anticomunista de la dictadura franquista. Esta situación particular explica que la evolución de los intelectuales españoles izquierdistas fuese diferente de los de otros países de la Europa occidental, y que sus opiniones críticas respecto al modelo soviético se formularan con años de retraso. De hecho, fueron los intelectuales más jóvenes los que en 1968, a raíz de los sucesos de Praga, tomaron distancia respecto de la ortodoxia soviética, aunque sus posiciones no fueran compartidas siempre por la dirección de los comunistas españoles ni por parte de muchos de los militantes obreros.

Palabras clave: Franco; comunismo; URSS, intelectuales.

Abstract: There is no doubt that the Soviet aid to the Republic during the Spanish Civil War had conditioned for many years the views of the anti-Francoist intelligentsia, and even more distinctively that of the communists, towards the official policy of Moscow. A relationship that was as well, fed and fueled by the anti-Communist obsession of the Franco dictatorship. This particular situation explains that the evolution of the leftist Spanish intellectuals was different from those of other countries in Western Europe, and that their critical opinions regarding the Soviet model were formulated years later. In fact, it was the youngest intellectuals who, in 1968, following the events in Prague, distanced themselves from Soviet orthodoxy, even though their positions were not always shared by the leadership of the Spanish communists or by many of the militant workers.

Keywords: Franco; communism; USSR; intellectuals.

En 1980 la joven periodista y escritora Montserrat Roig realizó una estancia de dos meses en la entonces Leningrado. Fue invitada por la editorial Progreso de Moscú para escribir un libro sobre el asedio de la ciudad durante la ocupación nazi en la Segunda Guerra Mundial. Abrimos este texto con una referencia tan específica y situada tras la muerte de Franco porque creo que es significativa de la relación entre una parte de la intelectualidad española y la Rusia de la etapa soviética. Mont-

¹ Profesor titular de Historia Contemporánea. Universidad de Barcelona

serrat Roig² era una periodista y escritora que a pesar de su juventud se había ganado un gran respeto por parte de los medios izquierdistas, y más en concreto del comunismo en Cataluña y en España; al mismo tiempo, formaba parte de una generación de jóvenes que habían vivido un distanciamiento político con la ortodoxia soviética a raíz de la primavera de Praga de 1968; que vivían una relación ambivalente y compleja respecto de la Unión Soviética. Y si la relación era ambivalente es porque ese mundo lejano geográfica y culturalmente seguía manteniendo un fuerte atractivo. Montserrat Roig acabó enamorándose de la ciudad y de sus habitantes, como dejó constancia en su exitoso libro *L'agulla daurada*³, publicado en 1985. Las personas y la ciudad devinieron más importantes que cualquier referencia estrictamente política, pero era consciente que buena parte de los lectores buscarían en aquel libro un posicionamiento político que a ella le incomodaba. Por eso advertía en las primeras páginas: “Si esperáis leer un libro sobre el paraíso soviético, dejadlo, no continuéis. Si buscáis las reflexiones de una intelectual desencantada sobre las traiciones de la URSS, también. Aquí no os hablaré ni de economía ni de avances sociales. Tampoco de gulags y hospitales psiquiátricos. De esto, ya se encargan cada día los periódicos”⁴. La necesidad, en 1985, de incluir esa advertencia inicial es una buena muestra de lo viva que todavía era entre la intelectualidad izquierdista las controversias en relación al modelo soviético.

Naturalmente, no toda la intelectualidad española tuvo la misma relación con la Rusia de la etapa soviética; y sobre todo, no mantuvo la misma percepción a lo largo del tiempo. No es necesario recordar que la derecha aprovechaba constantemente en identificarla siempre negativamente, pero también es cierto que hubo sectores de intelectuales de izquierda que fueron víctimas de la dicotomía de la guerra fría y se dejaron llevar por la política cultural norteamericana⁵. En este texto vamos a fijar la atención en unos cuantos referentes relevantes dentro de la izquierda comunista española, para observar hasta qué punto se sentían próximos o alejados de la Unión Soviética, teniendo en cuenta los condicionantes que intervenían en esos posicionamientos. En primer lugar, no podemos obviar el peso de la historia inmediata para los protagonistas. El papel de la Unión Soviética durante la guerra civil española era un elemento muy importante, no sólo por la ayuda a la República, sino porque contrastaba con el abandono que sufrió el campo republicano por parte de las potencias democráticas. De esta forma, la Unión Soviética sobresalía como el

² Sobre Montserrat Roig se han publicado recientemente la biografía de Betsabé Garcia, *Con otros ojos. La biografía de Montserrat Roig*, Barcelona, Roca editorial, 2016.

³ Montserrat Roig, *L'agulla daurada*, Barcelona, Edicions 62, 1985.

⁴ Montserrat Roig, *ob. Cit.*, p. 9 (traducción del original en catalán)

⁵ Una de las actividades que atrajo a intelectuales de izquierda del interior y del exilio fue el Congreso por la Libertad de la Cultura, que financiaba la CIA, y que estableció puentes entre la América Latina y España. Véase especialmente Olga Glondys, *La guerra fría cultural y el exilio republicano español*, Madrid, CSIC, 2012.

apoyo más firme de la República. Además, también tenía en su haber la acogida de refugiados españoles, y muy especialmente de dirigentes del Partido Comunista de España (PCE) y del Partit Socialista Unificat de Catalunya (PSUC). Por otra parte, la dictadura del general Franco retroalimentaba esta percepción al convertir al comunismo como ideología en su peor enemigo, con su discurso permanente contra la “confabulación internacional comunista y judeo-masónica”, que en Cataluña se veía reforzada por la aversión a todo lo que se consideraba “rojo separatista”. El discurso franquista convirtió al comunismo español en un enemigo mucho más potente de lo que era en realidad, obsesionado por la fuerza que podía tener gracias al apoyo externo de la Unión Soviética. De hecho, España no estableció relaciones diplomáticas con Moscú hasta 1977, pero lo más significativo fue el empeño franquista por mantener viva entre la población una memoria colectiva radicalmente contraria a la Rusia soviética, apelando al famoso oro de Moscú u organizando un gran despliegue propagandístico con asuntos como la repatriación desde Rusia a España de cerca de 300 personas en el barco Semíramis en 1954, que de esa forma quedaban “liberados del terror rojo”. Es muy significativo de hasta qué punto trasladaban esa obsesión a la población que España se sumó al tímido boicot a los Juegos olímpicos de Melbourne de 1956 aduciendo que era una muestra de rechazo a la invasión de Hungría, pero todavía tuvo mayor repercusión que el consejo de ministros acordase en mayo de 1960 que la selección española de fútbol se retirase de la Eurocopa para no tener que enfrentarse a la URSS en los cuartos de final. Una decisión inédita, que no repitió en 1964 cuando estaba en juego la final de la misma competición, que se disputaba en Madrid. En aquella ocasión el gobierno accedió a disputarla convencido de poder ganarla y demostrar su superioridad frente a lo que consideraban la representación del comunismo. Esa victoria se convirtió en un activo importantísimo para la propaganda gubernamental anticomunista, justamente el mismo año que las autoridades celebraban los 25 años de la victoria militar con su célebre campaña de los 25 años de paz.

Intelectualidad, compromiso político y militancia

No podemos analizar la mirada de los intelectuales izquierdistas (y más los significadamente comunistas) españoles hacia la Unión Soviética sin tener en cuenta los condicionantes apuntados, ya que vivían sometidos a una dictadura que hacía bandera de su antisovietismo. Incluso más allá de su militancia, la ecuación era muy simple: si el franquismo identificaba al comunismo y a la URSS como su principal enemigo; éstos debían ser fundamentales para el antifranquismo. Por esta razón las posiciones de los intelectuales comunistas españoles no evolucionaron de la misma manera y con el mismo ritmo como lo hicieron en otros países occidentales que vivían en sistemas democráticos. De hecho, aunque al final del período sobre el que

pretendemos reflexionar, en los años setenta se produjera una confluencia entre el PCE, el PCI y el PCF entorno a lo que se llamó eurocomunismo, ello no significa que todos llegaran a las mismas conclusiones en el mismo momento, sino que en el caso español las tensiones entre los grupos que pretendían mantener una justificación a ultranza de las posiciones del PCUS o los que fueron estableciendo distancias fueron mucho mayores. En realidad, en el caso español las controversias entre los intelectuales comunistas no se produjeron en el campo estrictamente intelectual, sino que siempre estuvieron vinculados a la militancia política y a las posiciones oficiales del PSUC y del PCE. De esta manera, es muy difícil deslindar las reflexiones que llevaron a sostener posiciones diversas de los pronunciamientos oficiales de los partidos comunistas. Hablamos en plural de partidos comunistas porque el PCE y el PSUC eran organizaciones formalmente independientes, aunque por lo que aquí tratamos mantuvieron las mismas posiciones oficiales⁶.

Por otro lado, los posicionamientos de los intelectuales comunistas españoles estaban muy influidos por otro aspecto, a saber, la cuestión generacional. Y también por otro elemento de fondo, la desconfianza que despertaban los intelectuales entre los dirigentes del partido. Es bien sabido que el comunismo español se había construido sin apenas presencia de intelectuales que adquiriesen la condición de militantes. Por eso fue muy importante que a mediados de la década de 1950 surgieran desde el mundo universitario algunos estudiantes inquietos que se sentían atraídos a priori por el comunismo, prácticamente en paralelo a que el PCE envió a Madrid a un militante que debía crear una organización de intelectuales comunistas. Ese militante no era cualquiera, se trataba de Jorge Semprún⁷, que en la clandestinidad era conocido como Federico Sánchez. Semprún había salido al exilio al final de la guerra civil, y era un superviviente del campo de concentración de Buchenwald; militante del PCE, fue introducido en el interior de España de forma clandestina en 1952 para aglutinar a militantes del mundo de la cultura. Ciertamente, Semprún cumplió su misión y consiguió engarzar un núcleo en Madrid, con el productor de cine Ricardo Muñoz Suay⁸, Javier Pradera⁹, un joven estudiante que tendría un re-

⁶ En el libro de Pere Ysàs y Carme Molinero, *Els anys del PSUC. El partit de l'antifranquisme (1956-1981)*, Barcelona, L'Avenç, 2010, se observa como todas las decisiones importantes que tomaba el comité central del PCE se trasladaban de manera automática pocos días más tarde en el mismo organismo del PSUC.

⁷ Sobre Jorge Semprún ver, especialmente su *Autobiografía de Federico Sánchez*, Barcelona, Planeta, 1977. Por otra parte, la biografía más reciente es la de Soledad Fox Maura, *Ida y vuelta. La vida de Jorge Semprún*, Barcelona, Debate, 2016. Una interpretación interesante, aunque quizás demasiado presentista en Samuel Amaral, *El largo viaje de un rojo español: del marxismo a la libertad en Jorge Semprún*, Documento de trabajo 2011/3, Seminario de Historia Universidad Complutense de Madrid/Fundación Ortega y Gasset.

⁸ Joven dirigente desde antes de la guerra civil, formó parte del PCE hasta 1962, e influyó notablemente en los ambientes intelectuales de la izquierda. Véase Esteve Riambau, *Ricardo Muñoz Suay. Una vida en sombras*, Barcelona, Tusquets, 2007.

⁹ Pradera fue una referencia muy importante de la izquierda española, no sólo durante el franquismo, sino también a partir de la transición, como editorialista de referencia del diario *El País*. Véase el intere-

corrido intelectual muy influyente, o el economista Ramón Tamames, que fue durante muchos años la máxima referencia comunista sobre su materia. Un poco más tarde de los primeros contactos establecidos por Semprún en 1953 en Madrid se activó en Barcelona un núcleo de estudiantes universitarios que devinieron rápidamente en el núcleo intelectual del PSUC en Barcelona. Este grupo cristalizó en 1956, y un año más tarde, después del congreso del PSUC, se creó el comité de intelectuales, del que formaron parte Salvador Giner, Jordi Solé Tura, Francesc Vicens o Manuel Sacristán, entre otros¹⁰. En el caso catalán es evidente que desde el primer momento se observó una desconfianza de la dirección del PSUC, que estaba en el exilio, en relación a los jóvenes que habían constituido el comité. Éstos poseían una formación académica que la mayor parte de los dirigentes en el exilio no tenían; había también una gran distancia generacional, y desde el exilio la distancia con la realidad social del país se iba acrecentando. No obstante, la desconfianza de la dirección política no tenía muchos argumentos en que fundamentarse, porque la reacción de los jóvenes intelectuales ante los hechos de 1956 en Hungría fue de total seguidismo de las consignas oficiales, a diferencia de sus correligionarios de Francia o Italia, donde el impacto de esos sucesos supuso el alejamiento de muchos intelectuales de los partidos comunistas.

Sin embargo, esa desconfianza de la dirección sí tendría razón de ser más tarde, puesto que algunos de los intelectuales comunistas más destacados irían definiendo posiciones críticas con el partido, de forma muy sustancial entorno a su análisis sobre la realidad soviética. El episodio más relevante es el que acabaría con la expulsión de algunos de ellos en 1965. La voluntad de análisis independiente de Jorge Semprún y su compañero Fernando Claudín¹¹ les fue llevando progresivamente a un diagnóstico sobre la sociedad española y su capacidad de acabar con la dictadura franquista que contrarió a la dirección del PCE. No ahondamos en esta cuestión puesto que no es la central en la temática del artículo, pero no se puede negar que influyó de manera muy relevante en el enfrentamiento entre el núcleo intelectual y el partido. A esa altura, Semprún era un intelectual que tenía un notable ascendente sobre el resto de sus compañeros, y que tenía al mismo tiempo una relación ambivalente con Santiago Carrillo, el líder del partido. Ambos pasaron de una colaboración muy estrecha a un distanciamiento total. Carrillo apreciaba el valor de los análisis de Semprún, e incluso incorporó más tarde algunas de sus reflexiones, pero en ese momento no las admitía de ninguna manera. Semprún hacía mucho tiempo que tenía interrogantes sobre una realidad soviética que el partido consideraba modé-

sante libro de Santos Juliá, *Camarada Javier Pradera*, Barcelona, Galaxia Gutenberg, 2012.

¹⁰ Una referencia amplia a éstos y otros aspectos de los intelectuales comunistas catalanes en Giaime Pala, *Cultura clandestina. Los intelectuales del PSUC bajo el franquismo*, Granada, Comares, 2016.

¹¹ Sobre su actividad en esos años véase Fernando Claudín, *Documentos de una divergencia comunista*, Madrid, Iniciativas Editoriales, 1978.

lica. Explicó en su famosa autobiografía que las vacaciones que pasó en 1958 en la Unión Soviética le permitieron constatar la rigidez y el encorsetamiento de la vida soviética, y le llenaron de dudas. Desde entonces fue configurando su reflexión sobre la burocratización del sistema, poniendo en cuestión además que el PCUS debiese tener el papel de partido guía del comunismo internacional. De hecho, la crítica de Semprún era muy profunda. No sólo cuestionaba el estalinismo, que después del XX Congreso del PCUS ya era una crítica menor. Iba mucho más a la raíz, y consideraba que en realidad el sistema socialista había sido reemplazado por una superestructura del partido. En este sentido, la URSS dejaría de ser el modelo a imitar, y los comunistas españoles deberían tejer su propia vía al socialismo. Cabe decir que, aunque en ese momento no lo explicitara de manera automática, Semprún estaba pensando en otros referentes, especialmente en el comunismo italiano. En el momento en que Semprún y Claudín plantearon esos retos, en 1964, el PCE no podía asumirlos, y por eso los expulsó¹². Dos detalles llaman la atención a la resolución del partido: entre las acusaciones formuladas a los dos disidentes no sólo estaban las diferencias de concepciones políticas, sino también la acusación de intelectualismo, lanzada como elemento de cargo contra los disidentes. Carrillo fue especialmente duro en esta apreciación, aunque más tarde haría una exposición más matizada cuando informó al comité ejecutivo del PSUC. No estaba contra los intelectuales comunistas, sino contra los que no sabían combatir. Según los apuntes que tomó en aquella reunión Francesc Vicens, Carrillo dijo:

Los intelectuales comunistas deben ser los primeros en batirse con las posiciones erróneas, y no dejar que aparezca la cosa como una lucha entre intelectuales y obreros. Para ello hay que arriesgarse y arrastrar esa impopularidad. No hay que tener miedo de que parezca que se adoptan posiciones obreristas y no “inteligentes, sabias y científicas” (...) Hay que afrontar con impopularidad momentánea, porque la confianza del Partido en los intelectuales comunistas que sepan combatir va a crecer. Además, esto es importante para que la situación no nos lleve a recaídas sectarias contra los intelectuales. Hay que reírse, como se reía Lenin, de las acusaciones de burocratismo que nos hagan¹³.

Carrillo se manifestó, con mayor o menor virulencia, en diversas ocasiones. En la revista *Realidad* del otoño de 1964 reprodujo un fragmento de un discurso que había pronunciado en abril, en que decía:

Es verdad, camaradas, la disciplina proletaria es a veces un poco pesada; a veces es un poco incómoda. Hay que ayudar a nuestros camaradas intelectuales a que la

¹² Además de las memorias de los protagonistas, y de los documentos ya citados en los libros de Claudín y Juliá, es útil el artículo de María José Valverde, “Intelectuales y estudiantes comunistas ante la política del PCE (1956-1964)”, *Revista de Historia Actual*, 3 (2005), 83-94.

¹³ Apuntes de Francesc Vicens, 25 de junio de 1964, citado por Giaime Pala (2016), *ob. Cit.*, 76.

comprendan, a que la asimilen. Y si a alguien le resulta en este momento insoporable, hay que decirle: camarada, permanece un tiempo al margen de la actividad, espera, reflexiona, piensa y vuelve a actuar cuando te sientas seguro de que puedes trabajar con los demás militantes del Partido, dentro de las normas del Partido¹⁴.

Y añadía: “Para ciertos jóvenes de procedencia burguesa, el paso a las posiciones revolucionarias no es fácil; no se produce simplemente, por una decisión radical, tomada en un instante para siempre; es todo un proceso, con altos y bajos, con entusiasmo y crisis”¹⁵, motivo por el cuál era razonable que algunos fueran apartados, de forma provisional o definitiva del partido. De hecho, tras esas ideas subyacía una incomodidad manifiesta, y una dirección política que segregaba claramente a los militantes obreros y los intelectuales. De hecho, sólo hacía falta un paso más para distinguir entre obreros y burgueses. Lo dijo con claridad manifiesta una dirigente del PSUC en ese tenso 1964: “Respecto a nuestros intelectuales y estudiantes. Ya hace tiempo que tienen una cantidad de ideas que los confunden. Con gentes sencillas, con campesinos y obreros no tenemos problemas, con ellos sí. Origen de clase: burgués”¹⁶. En efecto, la expulsión de Semprún y Claudín dio paso a una fiebre anti-intelectual, que se trasladó también al PSUC, y comportó la expulsión de dos de los más reputados intelectuales del partido catalán, Jordi Solé Tura y Francesc Vicens, que seguían las tesis claudinistas. El crítico de arte Francesc Vicens¹⁷ había tenido un papel central en la creación del comité de intelectuales y había dirigido *Nous Horitzons*, la revista teórica del PSUC, de manera que su expulsión tuvo gran repercusión. Obviamente también fue importante la de Jordi Solé Tura, que vivió con enorme tristeza todo aquel proceso¹⁸, y que escribió al comité ejecutivo del PSUC en los siguientes términos:

Os escribo con una amargura sin límites. Jamás pensé vivir lo que estoy —lo que estamos— viviendo. (...) En estos momentos estamos ya en plena histeria anti-intelectual. Con el resultado de que quedan ya muy pocos en la familia. Y al ritmo que vamos, dentro de poco no quedará ni uno. Parece como si ser intelectual fuese un terrible pecado original que hay que lavar diciendo constantemente “sí Padre” al todopoderoso intérprete de la conciencia proletaria¹⁹.

¹⁴ Santiago Carrillo, “Respuesta a las preocupaciones de algunos intelectuales”, *Realidad*, año II, n. 4 (noviembre-diciembre 1964, pp. 4-6

¹⁵ Idem.

¹⁶ Margarita Abril, según los apuntes de Francesc Vicens, citado por Giaime Pala (2016), *ob. Cit.*, 78.

¹⁷ Véase una biografía en J. M. García Ferrer, *Francesc Vicens*, Barcelona, Associació d’Enginyers Industrials de Catalunya, 2003.

¹⁸ En sus memorias, Jordi Solé Tura explica esa etapa bajo el significativo epígrafe de “la ruptura”. Véase Jordi Solé Tura, *Una historia optimista. Memòries*, Barcelona, Edicions 62, 1999, 203-216.

¹⁹ Carta de Jordi Solé Tura, 14 septiembre de 1964, citada por Giaime Pla (2016), *ob. Cit.*, 78-79.

Decididamente, seguir dentro del partido se presentaba muy difícil si se quería mantener una cierta libertad intelectual. No obstante, en el caso del PSUC el comité de intelectuales, entre los que sobresalía Manuel Sacristán, acabó aceptando las consignas de la dirección, en aras a un valor superior, que era la unidad del partido.

1968, un año decisivo

No cabe duda que la intervención soviética en Checoslovaquia en 1968 representó un hecho ante el cual nadie podía mostrarse indiferente, pero es cierto que para entender muchas de las reacciones que se dieron no podemos obviar que en ese mismo 1968 se produjo el estallido del mayo francés y ya eran vigentes en el mundo occidental señales más difusas de antiautoritarismo, sobre todo entre la juventud. El clima cultural y político estaba cambiando más allá de Praga, pero también incidía en quienes reaccionaban ante lo que sucedía en la capital checa. Por ese motivo el mundo cultural comunista que no estaba anclado en el pasado reaccionó contra la injerencia rusa. En el caso del PSUC, el comité de estudiantes y el comité de profesionales tomaron posición en favor de Dubcek; interpretaban su apuesta de forma muy positiva, pues consideraban que el nuevo socialismo de rostro humano tenía como condición fundamental que se construiría desde abajo. Al mismo tiempo, se cuestionaba el papel director del PCUS respecto del comunismo internacional. El máximo referente intelectual en aquel momento, Manuel Sacristán, compartía absolutamente esa interpretación, y ayudó en buena medida a que el partido tomara una posición crítica. No obstante, tanto en el caso del PCE como en el del PSUC la crítica no surgió como la maduración de un proceso previo, como sí sucedía por ejemplo en el partido comunista italiano, sino que fue una decisión menos contundente y muy improvisada. El contraste con sus correligionarios europeos era muy acusado²⁰.

No obstante, conviene subrayar que si bien la crítica a la intervención soviética en Praga fue muy extendida entre los intelectuales comunistas españoles, la posición del partido sobre el que debían asentarse, el PCE, fue mucho más mesurada y ambivalente. Como ha señalado Emanuele Treglia,

Cabe subrayar que, a principios de los setenta, el partido liderado por Carrillo adoptó una postura ambivalente con respecto a la “patria del socialismo”. Efectivamente, en las reuniones de sus órganos de dirección se hacía autocrítica por haber contribuido históricamente a crear una imagen idealizada de la URSS (..) Sin embargo, para no ser acusado de antisovietismo incluso por sus propias bases, el PCE no difundió estos juicios negativos a través de su prensa: se daban instrucciones para que, al hablar de la URSS en Nuestra Bandera o Mundo Obrero, se evitara tomar en exa-

²⁰ Véase una buena comparación en Giaime Pala y Tommaso Nencioni (eds.), *El inicio del fin del mito soviético. Los comunistas occidentales ante la Primavera de Praga*, Barcelona, El Viejo Topo, 2008.

men su sistema burocrático u otros aspectos delicados y se resaltarán, en cambio, su papel en la lucha contra el imperialismo o sus avances en el terreno económico²¹.

De nuevo se reproducía la diferenciación entre los viejos y los nuevos comunistas, el contraste entre sus mentalidades; para unos todavía pesaban los referentes de la guerra civil, mientras que para los más jóvenes se trataba de pensar en el futuro. Y al mismo tiempo, otro factor de división. Como muestran muchos de los informes que fueron recopilando tanto las direcciones del PCE como la del PSUC, numerosos núcleos de militantes obreros eran contrarios a la condena de la intervención soviética, mientras que entre estudiantes y profesionales la repulsa era prácticamente unánime. Además, la dirección comunista española debía tener en cuenta otra cuestión, de carácter estratégico. Si no condenaba la intervención soviética perdía toda credibilidad su apuesta por una política unitaria con el resto de la oposición antifranquista.

Como decíamos antes, los comunistas catalanes también vivieron su dicotomía ante Praga, aunque la dirección acordó una posición crítica. Entre los intelectuales esa crítica fue mucho más acusada y decidida, y en realidad abrió nuevas perspectivas que iban más allá de aquellos hechos concretos. Además, coincidían con un momento en que desde distintas instancias unitarias del antifranquismo se ponía el énfasis en la reivindicación de la democracia, mínimo común denominador del conjunto de la oposición. La conjunción de las dos situaciones favoreció que se introdujeran reflexiones sobre ese concepto. La revista teórica del PSUC, *Nous Horitzons*²², fue uno de los espacios para esas reflexiones. La revista había idealizado hasta entonces todo lo que hacía referencia a la URSS, presentada como la garantía de la paz mundial, de la libertad de los pueblos y apoyo fundamental en la construcción del socialismo en el mundo. Visto desde Cataluña, para los intelectuales comunistas la URSS era también un ejemplo a seguir en el asunto de las nacionalidades, ya que habría resuelto los conflictos en esta materia. Y con motivo del cincuentenario de la revolución, en 1967, la revista señalaba la plena vigencia de ese hito histórico, que así legitimaba el liderazgo de la URSS en la lucha internacionalista mundial. Pero ciertamente, los hechos de 1968 tuvieron un gran impacto en esta publicación, que empezó a cuestionar el relato idílico de la URSS. Es muy significativo que la revista publicase una entrevista con Alexander Dubcek, aunque al mismo tiempo indicaba a sus lectores que cada uno sacase sus conclusiones, una liberalidad muy poco común. La posición era todavía ambigua, pues si es cierto que indicaba un distanciamiento de la ortodoxia soviética, esa distancia se circunscribía exclusivamente a esa

²¹ Emanuele Treglia, “El PCE y el movimiento comunista internacional (1969-1977)”, *Cuadernos de Historia Contemporánea*, 2015, vol. 37, 230.

²² Véase Carme Cebrián/Marià Hispano (coords.), *Nous Horitzons. L'optimisme de la voluntat. Revista teòrica i cultural del PSUC*, Barcelona, El Viejo Topo, 2011.

cuestión, y no afectaba a la valoración de la línea general de actuación del PCUS, que se seguía reivindicando. Como expone el historiador Josep Puigsech²³, no fue hasta 1970 cuando la publicación empezó a publicar algún artículo que escapa al tono puramente propagandístico. Era algún texto en el que se exponían algunas limitaciones de las consecuencias soviéticas, que no eran cuestionadas de raíz, pero a las que se hacían observaciones para contribuir a su mejora. El primer caso fue en relación a la realidad lingüística. Uno de los líderes intelectuales de aquel momento, Joaquim Sempere, reflexionó posteriormente sobre la incomodidad que desde fines de los 60 vivían en relación al bloque soviético, teniendo en cuenta que la experiencia de vivir bajo una dictadura como la franquista hacía más apetecible que en otros lugares las nociones de libertad y democracia. En ese caso, ¿cómo conjugar esos deseos surgidos de la praxis política con el ideario defendido tradicionalmente?. Los términos de esa contradicción en palabras de Sempere:

La relación entre socialismo y democracia llevaba directamente a plantearse la contradicción más flagrante: la que oponía los objetivos programáticos que el PCE-PSUC ofrecía a la sociedad española y catalana, y la realidad de los países denominados socialistas. Afirmar la consubstancialidad de socialismo y democracia obligaba a plantearse el interrogante de qué sucedía en aquellos países²⁴.

Y recuerda que coexistieron diversas sensibilidades, desde las críticas más superficiales y diplomáticas a otras más contundentes. Otro de los intelectuales referentes del comunismo catalán de aquellos años, Jordi Borja, reconocía décadas más tarde la ambivalencia en cuanto al uso del concepto de democracia en su cultura política de aquellos años, y que acababa contrastándose con el modelo soviético:

No es solo la herencia del estalinismo lo que pesa, es también la ambivalencia histórica que los comunistas han mostrado respecto de la democracia. Nadie puede cuestionar la lucha heroica de los comunistas en defensa de la democracia “formal” en Cataluña, en España y en los países de la Europa occidental, pero se ha de reconocer que esta democracia se consideraba más como un medio que como una finalidad. Paradójicamente, en la práctica política se defendía la democracia como un fin, pero en la ideología de los dirigentes y de los militantes se mantenía como un medio²⁵.

En medio de estas reflexiones se movían los intelectuales comunistas españoles al inicio de la década de 1970, justamente los años decisivos en que la oposición

²³ Josep Puigsech, “La URSS, un referent permanent, idealitzat i criticat constructivament”, en Carme Cebrián/Marià Hispano (coords), *ob. Cit.*, 221-230.

²⁴ Joaquim Sempere, “Ideari comunista i marxisme a les pàgines de *Nous Horitzons*” (1960-1980), en Carme Cebrián/Marià Hispano (coords.), *ob. Cit.*, p. 138 (texto traducido del original en catalán)

²⁵ Jordi Borja, “Els comunistas i la democracia”, en Carme Cebrián/Marià Hispano (coords), *ob. Cit.*, p. 149 (texto traducido del original en catalán).

debía intentar el colapso de la dictadura franquista. En aquella tesitura los discursos teóricos se veían comprometidos por la acuciante necesidad de ser operativos políticamente frente a la dictadura, y el mundo de la cultura podía ser una buena vía para resituarse al PCE y el PSUC en el conjunto de la oposición. Esta circunstancia forzó en gran medida a dejar en un segundo lugar el debate ideológico, en aras a ser más operativos en la lucha antifranquista.

Bibliografía

1. *La biografía de Montserrat Roig*, Barcelona, Roca editorial, 2016.
2. Montserrat Roig, *L'agulla daurada*, Barcelona, Edicions 62, 1985.
3. Olga Glondys, *La guerra fría cultural y el exilio republicano español*, Madrid, CSIC, 2012.
4. Pere Ysàs y Carme Molinero, *Els anys del PSUC. El partit de l'antifranquisme (1956-1981)*, Barcelona, L'Avenç, 2010
5. *Autobiografía de Federico Sánchez*, Barcelona, Planeta, 1977.
6. Soledad Fox Maura, *Ida y vuelta. La vida de Jorge Semprún*, Barcelona, Debate, 2016.
7. Esteve Riambau, Ricardo Muños Suay. *Una vida en sombras*, Barcelona, Tusquets, 2007.
8. Santos Juliá, *Camarada Javier Pradera*, Barcelona, Galaxia Gutenberg, 2012.
9. Giaime Pala, *Cultura clandestina. Los intelectuales del PSUC bajo el franquismo*, Granada, Comares, 2016.
10. Fernando Claudín, *Documentos de una divergencia comunista*, Madrid, Iniciativas Editoriales, 1978.
11. María José Valverde, “Intelectuales y estudiantes comunistas ante la política del PCE (1956-1964)”, *Revista de Historia Actual*, 3 (2005), pp. 83-94.
12. Santiago Carrillo, “Respuesta a las preocupaciones de algunos intelectuales”, *Realidad*, año II, n. 4 (noviembre-diciembre 1964), pp. 4-6
13. J. M. García Ferrer, *Francesc Vicens*, Barcelona, Associació d'Enginyers Industrials de Catalunya, 2003.
14. Jordi Solé Tura, *Una historia optimista. Memòries*, Barcelona, Edicions 62, 1999, pp. 203-216.
15. Giaime Pala y Tommaso Nencioni (eds.), *El inicio del fin del mito soviético. Los comunistas occidentales ante la Primavera de Praga*, Barcelona, El Viejo Topo, 2008.
16. Emanuele Treglia, “El PCE y el movimiento comunista internacional (1969-1977)”, *Cuadernos de Historia Contemporánea*, 2015, vol. 37, p. 230.
17. Carme Cebrián/Marià Hispano (coords.), *Nous Horitzons. L'optimisme de la voluntat*. Revista teòrica i cultural del PSUC, Barcelona, El Viejo Topo, 2011.
18. Josep Puigsech, “La URSS, un referent permanent, idealitzat i criticat constructivament”, en Carme Cebrián/Marià Hispano (coords), ob. Cit., pp. 221-230.
19. Joaquim Sempere, “Ideari comunista i marxisme a les pàgines de Nous Horitzons” (1960-1980), en Carme Cebrián/Marià Hispano (coords.), ob. Cit., p. 138 (texto traducido del original en catalán).

La Revolución Rusa en el sindicalismo español: miradas y reacciones

The Russian Revolution in Spanish trade unionism: looks and reactions

Abstract: El marco cronológico de la Revolución Rusa es crucial en el desarrollo interno del sindicalismo en España. En este contexto el estallido de la Revolución y la consolidación del nuevo modelo político-social fueron observados con admiración, cautela o alarma por los distintos agentes sociales. El objetivo que nos planteamos es analizar como las grandes centrales sindicales españolas, fundamentalmente la Confederación Nacional del Trabajo, de inspiración anarcosindicalista, observaron e interaccionan con este hecho histórico. La reflexión se centra en definir como afectó la Revolución Rusa a la praxis de la actividad sindical y en establecer las relaciones transnacionales que se establecieron en aquellos momentos, tanto en el ámbito de las relaciones humanas —siguiendo la trayectoria de figuras destacadas— como de las influencias ideológicas. La argumentación se sustenta en la valoración de la actividad sindical, los debates internos de la organización, el análisis de la prensa y los testimonios personales y memorias de los principales protagonistas.

Keywords: Revolución Rusa; anarquismo; sindicalismo; bolchevismo.

Abstract: The chronological framework of the Russian Revolution is crucial in the internal development of trade unionism in Spain. In this context, the outbreak of the Revolution and the consolidation of the new political-social model were observed with admiration, caution or alarm by the different social agents. The objective that we set ourselves is to analyse how the great Spanish trade union centres, fundamentally the *Confederación Nacional del Trabajo* (National Confederation of Labour), the CNT, of anarchy union inspirations, observed and interacted with this historical fact. The reflection focuses on defining how the Russian Revolution affected the practice of union activity and establishing the transnational relations that were established at that time, both in the field of human relations — following the trajectory of leading figures— and the ideological influences. The argument is based on the evaluation of union activity, the internal debates of the organization, the analysis of the press and the personal testimonies and memories of the main protagonists..

Keywords: Russian Revolution; Anarchism; Syndicalism; Bolshevism.

¹ Española, Doctora en Historia Contemporánea, Profesora Titular del Departamento de Historia y Arqueología, Facultad de Geografía e Historia, UNIVERSIDAD DE BARCELONA

Proyecto: Los fundamentos del cambio cultural en España (1960-1975), Ministerio de Economía y Competitividad, HAR2014-52882-P, 2015-2018.

Fecha de inicio: 2015 Duración del proyecto: 3 años

Correo electrónico: teresaabello@ub.edu

El peso de la Revolución rusa en España es incuestionable. En su momento fue seguida con pasiones encontradas por todos los grupos sociales, con artículos en la prensa y publicación de testimonios y memorias i que, con los años, ha generado una interesante historiografía². En el momento de producirse la Revolución, gran parte de la sociedad vivió los acontecimientos con expectación y los medios obreros y sindicales en particular, se sintieron impactados por los hechos. La “revolución” era el objetivo por el cual venían luchando desde hacía décadas, con matizaciones y tácticas diversas, en consecuencia, fue acogida con admiración pero con el tiempo, pronto, se visualizaron posicionamientos distintos; unos siguieron las directrices marcadas por los revolucionarios rusos, otros detectaron inmediatamente sus déficits y aseveraron que no era el modelo por el que, des de hacía años, venían luchando³.

Sea como fuere, la realidad es que en su primeros años la Revolución rusa arrastró las organizaciones obreras españolas, de tal manera que el año 1919 tanto el Partido Socialista Obrero Español (PSOE), que arrastraba consigo la central sindical Unión General de Trabajadores (UGT) y la Confederación Nacional del Trabajo (CNT), el sindicato anarquista, se pronunciaron por la incorporación a la III Internacional. En todos los casos, sin embargo, fue mayoritariamente una atracción efímera y el movimiento obrero español pronto se desencantó del proyecto bolchevique⁴. En este texto no centraremos en plantear como afrontó este proceso el anarcosindicalismo español, para un sector del cual, a pesar de las diferencias objetivables, la comparación Rusia-España había sido habitual a finales del siglo XIX cuando hacía referencia a hechos como la situación del campesinado, la represión gubernamental o la actitud autoritaria de los monarcas.

La CNT ante la Revolución Rusa

La Revolución se produjo en unos momentos trascendentales para los sindicatos obreros en España. Los cuatro años de la guerra europea habían sido determinantes para la consolidación de éstos, tanto para la UGT que se fortaleció frente al partido socialista del cual dependía orgánicamente (PSOE), como para la CNT que culminó un proceso de reorganización que transformaba las antiguas sociedades de resistencia en sindicatos de lucha obrera. La reestructuración llevada a cabo por

² Para un análisis exhaustivo de la historiografía española sobre la Revolución rusa véase: Josep Puigsech Farrás, “La Revolución Rusa y España: una doble vertiente historiográfica”, *Índice Histórico Español*, Barcelona, 130, 2017 (en prensa).

³ Análisis amplios de la repercusión de la revolución rusa en la sociedad española en: Juan Avilés, *La fe que vino de Rusia*, Madrid, Biblioteca Nueva, 1999. Para un estudio más pormenorizado sus repercusiones en Cataluña véase: Ramon Breu, *La Catalunya Soviètica*, Barcelona, Ara Llibres, 2011; Josep Puigsech, *La Revolució Russa i Catalunya. El somni que venia de Moscou*, Vic, Eumo, 2017.

⁴ Una visión general en Juan Avilés, “El impacto de la revolución rusa en las organizaciones obreras españolas (1917-1923)”, *Espacio, Tiempo, Forma, Serie V, Hª Contemporánea* 12, Madrid, 2000, 17-31.

la CNT conllevó un crecimiento espectacular del sindicato seguido de un clima de agitación que se extendió por todo el país, pero el centro neurálgico del anarquismo seguía siendo Cataluña. En un primer momento la dirección de la CNT en Cataluña estaba en manos de sindicalistas relativamente moderados, como Salvador Seguí, cuyas tesis pasaban por defender el papel primordial de los sindicatos en un hipotético proceso revolucionario; sin embargo, al poco tiempo se incorporaron a la dirección del comité nacional militantes de orientación más “anarquista” y también más rendidos al entusiasmo por la Revolución rusa, lo cual había de condicionar la conducta de la CNT respecto a ella.

La posición de la CNT quedaba reflejada en las páginas *Solidaridad Obrera*, el periódico portavoz del sindicato, que se editaba en Barcelona⁵. El periódico había sido crítico con la primera fase de la revolución, pero rápidamente apreció la importancia que tenía para el sindicalismo la formación del Soviet de obreros y soldados en el que veía analogías con su propio programa revolucionario⁶. Cuando se celebró el primer aniversario de la Revolución, *Solidaridad Obrera* ya la calificaba como la más trascendental de todos los tiempos, pero paralelamente se empezaban a manifestar recelos respecto a cómo se desarrollaba, que no eran sino la visualización de las distintas sensibilidades que convivían en el sindicato.

La CNT era formalmente anarcosindicalista, pero en su interior coexistían una línea más sindicalista, que inicialmente, como ya se ha dicho, tenía en sus manos la dirección del sindicato en Cataluña, y los llamados “anarquistas puros”, más radicales y que en aquel momento se posicionaban como claros defensores de las actuaciones de los bolcheviques rusos; estos tenían como medio de expresión el periódico *Tierra y Libertad*, también editado en Barcelona. Ambas corrientes, y ambas publicaciones, con mayor o menor cautela, elogiaron la Revolución que se estaba produciendo; en el campo Andaluz las noticias relativas al reparto de tierras que llegaban de Rusia llenaron de euforia a las organizaciones sindicales, y hechos como el enfrentamiento entre anarquistas y bolcheviques, iniciado en 1918, pasó desapercibido durante años.

En estas circunstancias, la CNT celebró su congreso en Madrid a finales de 1919; allí se planteó la adhesión a la Internacional Comunista (III Internacional). Resucitar la Internacional no dejaba de ser una estrategia por parte de los bolcheviques, incuestionables triunfadores, para poner bajo control a partidos y sindicatos. Pero, en aquel momento, la CNT no era inmune al influjo soviético y una parte, pequeña pero significativa, de sus líderes, a la postre se acabarían incorporando a ella. El debate que acerca de este punto sostuvieron los delegados en el congreso fue intenso, y trajo a colación la incompatibilidad entre los principios marxistas y bakuninistas y la diferencia entre una revolución guiada por el estado o por los sindicatos.

⁵ Los continuos secuestros e ilegalizaciones hicieron que se apareciesen ediciones en otras ciudades.

⁶ *Solidaridad obrera*, Barcelona, 22-3-1917/20-4-1917.

Finalmente, la diplomática intervención de Salvador Seguí, uno de los dirigentes más respetados del momento, hizo viable una ambigua aceptación de adhesión provisional a la III Internacional⁷.

Seguí era un sindicalista pragmático, más preocupado por la post-revolución que por la gesta revolucionaria; estaba convencido que el eje de la sociedad revolucionaria debían ser los sindicatos, así como de la necesaria colaboración de estos con otros sectores sociales (clases medias, intelectuales,...) para poder enfrentarse al estado y a sus antagonistas en el poder económico. Eso significa que el líder del anarcosindicalismo catalán apostaba más por una evolución progresiva que por una revolución radical. A partir de estas premisas, Seguí, a pesar de haber intervenido decisivamente en favor de la adhesión, incluyendo el condicionante de temporal, a la Internacional, no dejó de expresar sus críticas al modelo concreto de sociedad que la Revolución estaba implantando en Rusia.

En los textos que nos han llegado, la mayor parte de los cuales son apuntes de sus intervenciones en reuniones sindicales, Seguí pone de manifiesto un elevado grado de escepticismo respecto a la Revolución. No confía en aquella Revolución; intuye que es un intento del bolchevismo por absorber y manipular a los sindicatos, para él, la auténtica fuerza revolucionaria. Pero, como muchos otros anarquistas, piensa que es el gran fenómeno de ruptura al cual el anarcosindicalismo no puede dar la espalda; a la postre, forman parte de un mismo colectivo, el obrero. Como había sucedido en épocas anteriores, valoraba que mantenerse radicalmente fuera de la Internacional conllevaba el peligro de la marginación⁸, al tiempo que participar en ella, aunque sea críticamente, facilitaría que se oyese la voz del anarcosindicalismo y le reportaría los contactos internacionales que necesitaba para atraer otros sindicatos a sus postulados, que no eran otros que organizar “la verdadera Internacional de los Trabajadores”; así lo expresaba en su parlamento en el Congreso de la CNT del año 1919⁹. Además, era importante conocer de primera mano lo que estaba pasando en Rusia.

Después del citado congreso, Seguí se manifestó reiteradamente contra el comunismo y la integración del obrerismo en partidos políticos en diversas entrevistas,

⁷ El debate queda recogido en: Confederación Nacional del Trabajo, *Memoria del Congreso celebrado en el Teatro de la Comedia de Madrid, los días 10 al 18 de diciembre de 1919*, Barcelona, Tipografía Cosmos, 1932, 340-374.

Simó Piera, uno de los militantes más allegados a Seguí, en sus memorias interpreta la actitud de Seguí como una táctica para internacionalizar la CNT; Véase: Joaquim Ferrer, *Simó Piera: perfil d'un sindicalista*, Barcelona, Pòrtic, 1975.

⁸ Para los esfuerzos del anarquismo obrerista español por participar en organizaciones internacionales, véase: Teresa Abelló, *Les relacions internacionals de l'anarquisme català (1881-1914)*, Barcelona, Edicions 62, 1987.

⁹ Discurso de Salvador Seguí en el Congreso de la CNT (Madrid, 1919), en: Confederación Nacional del Trabajo, op. cit., 367-372.

discursos, declaraciones y colaboraciones en periódicos de Madrid, pero de manera cautelosa y diplomática hasta el congreso de la CNT del año 1922¹⁰. Como veremos más tarde, Ángel Pestaña asistió al II congreso de la Internacional, como representante de la CNT. El regreso a España fue accidentado y tardó meses en poder dar a conocer sus impresiones; sin embargo, en su ausencia, se empezó a hablar de la decepción que había sufrido respecto al modelo soviético. Seguí, en una entrevista en el periódico *Hoy* de Madrid (en noviembre de 1920) fue interpelado acerca de estos rumores; éste, sin comunicación con Pestaña que permanecía preso, siguió defendiendo el principio de unidad de la clase obrera y negó cualquier crítica negativa de Pestaña respecto a Rusia: “ (...) debe usted desmentirlo de un modo absoluto. (...) está entusiasmado del Congreso Internacional de Moscú, al que han acudido más de treinta naciones, representando una cifra fabulosa de obreros. (...) todo lo contrario a estas informaciones tendenciosas e infundadas”¹¹; pero paralelamente expresaba sus recelos en medios más afines.

Cuando finalmente Pestaña pudo transmitir sus impresiones a los compañeros de militancia, el desencanto se impuso. Pestaña transmitió que la Revolución era un fraude; contó como un grupo de revolucionarios profesionales ocupaban las estructuras de poder y mantenían una actitud autoritaria y represiva contra los disidentes de todo tipo. El informe fue es demoledor, y en la Conferencia del año 1922, el pleno de la CNT obligó a revocar la adhesión. Allí, Seguí defendió la urgencia de abandonar la Internacional, pero se reafirmó en lo adecuado de la decisión adoptada dos años antes porque en aquel momento, la adhesión provisional “(...) representaba un alto espíritu de solidaridad proletaria, ya que entonces Rusia era víctima de una ofensiva mundial. (...) Ha llegado el momento de rescindir la adhesión a Moscú. Sería una burda hipocresía continuar como hasta ahora. Nos separa de Rusia un abismo”¹².

El paréntesis de la adhesión provisional.

La CNT no podía dejar de admirar el hecho mismo de la revolución obrera; a partir de aquí, y sin olvidar el desconocimiento real que en el fondo se tenía del proceso ruso, se entró en una argumentación confusa cuyo objetivo era intentar armonizar el discurso sindicalista con el bolchevismo, minimizando las contradicciones y justificando la dictadura por el hecho de ser del proletariado. Las protestas fueron ignoradas por la CNT, en parte porque la guerra social y la represión sufrida aquellos años debilitaron al sector más sindicalista y moderado, y también porque

¹⁰ Recopiladas en Antonio Elorza, *Artículos madrileños de Salvador Seguí*, Madrid, Cuadernos para el diálogo, 1976.

¹¹ Entrevista recogida en Elorza, 82-87.

¹² *Vida Nueva*, Madrid(14-6-1922), Discurso recogido en *Ibid.*, 137

los más pro-bolcheviques fueron sustituyendo a los sindicalistas en los cargos de dirección¹³.

Como ya se ha dicho, las reticencias sobre el proceso ruso se expresaron en paralelo al apoyo, y solo los más puristas lo condenaron con contundencia¹⁴. La mayoría, sin un conocimiento preciso, hacían equilibrios ideológicos y se mostraban tolerantes con los excesos autoritarios en aras al fin revolucionario, actitud ante la cual no se puede obviar la dura situación por la que atravesaba el movimiento obrero, sobretudo en Barcelona. Entre 1920 y 1923 la CNT vio como sus líderes más carismáticos eran encarcelados o caían víctimas de los pistoleros del Sindicato Libre (anti cenetistas) o de la propia policía al aplicar la Ley de Fugas, sus sindicatos cerrados y la prensa suspendida. En consecuencia la CNT quedó muy debilitada en Cataluña, al tiempo que la situación favoreció, con la celebración de plenos en la clandestinidad que se desautorizaban unos a otros, la llegada a la dirección de jóvenes militantes muy identificados con el proceso ruso y dispuestos a actuaciones más radicales contra el gobierno español¹⁵, lo cual colaboraría a que algunos de ellos se refugiasen temporalmente en Rusia, incorporándose al esquema surgido de la revolución (Andreu Nín, Ramón Casanellas, etc.).

El punto más delicado del debate anarquista sobre la Revolución rusa era la dictadura del proletariado; esto suponía plantearse si era posible la revolución sin recurrir a procedimientos autoritarios, que en principio eran opuestos al ideal anarquista. Des de las páginas de *Solidaridad Obrera* algunos la justificaban como medio imprescindible para hacer la revolución, mientras otros rechazaban la dictadura de cualquier partido y defendían que tenían que ser los propios obreros, des de los sindicatos, los que organizarasen el modelo social revolucionario¹⁶.

La CNT en Rusia

En el verano de 1920, Ángel Pestaña llegó a Moscú para representar a la CNT en el II Congreso de la III Internacional¹⁷. Pestaña era el director de *Solidaridad Obrera* y gozaba de prestigio entre la militancia. Anarquista y sindicalista, era partidario del entendimiento con otros grupos obreristas; en consecuencia, acudió a Moscú

¹³ Sobre el anarquismo en aquellos años, véase Gerald H. Meaker, *La izquierda revolucionaria en España (1914-1923)*, Barcelona, Ariel, 1978.

¹⁴ Francisco Jordán, *La dictadura del proletariado*, Madrid, Pérez Torres, 1920.

¹⁵ Víctor Alba, *Dos revolucionarios: Joaquín Maurín y Andreu Nín*, Madrid, Seminarios y Ediciones, 1975.

¹⁶ *Solidaridad Obrera*, Bilbao, 17-9-1920 / 7-1-1921.

¹⁷ A diferencia de otros testimonios, Simó Piera sitúa la presencia de Pestaña en Moscú, en un marco más amplio de voluntad de internacionalización de la CNT; así, siguiendo el criterio de Salvador Seguí un número significativo de dirigentes se desplazarían a diversos países para entrevistarse con las distintas representaciones sindicales: "(...) Evelí Boal a Portugal; Salvador Quemades a França; Eusebi Carbó, a Itàlia; Angel Pestaña a Alemania i a Rússia, i jo a Holanda", Ferrer, op. cit., 58.

con una actitud favorable. Su objetivo era presentar la adhesión “provisional” de la CNT a la Internacional y conocer de primera mano la organización política, social y económica del nuevo estado. Como confesaría a uno de sus biógrafos, sintió una profunda emoción al encontrarse en medio de la primera auténtica revolución obrera, si bien comprendió enseguida que estaba muy lejos de las ambiciones de la CNT¹⁸.

Pestaña fue bien recibido por los comunistas rusos; estos eran conocedores de la fuerza sindical de la CNT por las informaciones que habían facilitado personas como Víctor Serge, el antiguo anarquista, y a la sazón militante bolchevique, que estuvo viviendo en Barcelona durante 1916-1917, donde frecuentó ambientes confederales y fue amigo personal de Salvador Seguí¹⁹. En el trayecto de su viaje a Moscú fue interpelado por Zinoviev sobre la situación en España; una vez allí, más allá de asistir al Congreso, se entrevistó con Lenin y fue invitado a participar en una reunión del comité de la III Internacional en la que se propuso la creación de la Internacional Sindical Roja (ISR), la cual apoyó de acuerdo con los postulados de la CNT. Mientras estuvo en Moscú, Pestaña escribió tres artículos en *Pravda*; uno sobre la CNT, otro sobre la participación de la mujer en la lucha revolucionaria, y un tercero sobre las fuerzas sociales y sus métodos de lucha en España²⁰.

Sin embargo, según dijo posteriormente, pronto quedó decepcionado. Observó perplejo como los bolcheviques rechazaban y perseguían a socialistas y anarquistas cuando éstos habían sido parte de la revolución. Pestaña, pero, no se dejó llevar por sus emociones y no hizo de este asunto el tema central de sus críticas. En el informe que entregó al Comité Nacional de la CNT insistía en cuestiones doctrinales y tácticas, pero apenas hizo referencia al trato que recibían los anarquistas en Rusia, a pesar que trató a militantes destacados, entre ellos a Emma Goldman, y supo de sus penurias y el ostracismo en el que se les tenía. También conoció a Kropotkin, quien ya le confesó su desencanto ante el rumbo que tomaba la revolución. Había comprobado que en Rusia se estaba construyendo una sociedad nueva, pero concluyó que la supuesta dictadura del proletariado era en realidad la dictadura de un partido y que la CNT nada tenía que hacer en una organización política como la III Internacional. Y, aunque suscribió el manifiesto fundacional de la Internacional Sindical Roja, lo hizo advirtiendo que las referencias que en dicho manifiesto se hacían a la conquista del poder político resultarían inaceptables para la CNT²¹.

El 7 de septiembre, Pestaña abandonó Rusia, pero de regreso a España fue detenido en Milán por la policía italiana y sus papeles confiscados, entre ellos la

¹⁸ Ángel Lera, *Ángel Pestaña. Retrato de un anarquista*, Barcelona, Ed. Argos, 1978.

¹⁹ Víctor Serge sentía admiración por Seguí hasta el punto que le inspiró el personaje protagonista de la novela: Víctor Serge, *Naissance de notre Force*, Paris, Rieder, 1931 [Reeditado: Paris: Flammarion, 2011].

²⁰ Lera, op. cit., 153.

²¹ *Memoria que al Comité de la CNT presenta de su gestión en el II Congreso de la III Internacional su delegado Ángel Pestaña*, Madrid, Biblioteca Nueva Senda, (s.a.).

prueba de los reparos que había puesto al manifiesto de la ISR. Permaneció tres meses arrestado y el 17 de enero de 1921 fue expulsado a España. La policía española le detuvo inmediatamente y permaneció en la cárcel hasta abril de 1922, teóricamente por denuncias relacionadas con su cargo de director de *Solidaridad Obrera*. En la cárcel redactó crónicas sobre su viaje: *¿Dictadura proletaria?*, un folleto de 30 páginas publicado en junio de 1921²², e *Informe de mi estancia en la URSS*²³, y *Consideraciones y juicios acerca de la Tercera Internacional*²⁴, que forman parte del informe que presentó al Comité Nacional de la CNT. Posteriormente escribió reflexiones mucho más amplias sobre su experiencia en Rusia²⁵. Cuando finalmente fue puesto en libertad y pudo dar a conocer de primera mano lo acontecido, la propia CNT no existía sino en la clandestinidad.

El año 1921, la situación se complicó para la CNT. Declarada ilegal y perseguidos y/o asesinados sus dirigentes, fue el momento del ascenso del sector bolchevique. En este contexto Andreu Nín, Joaquín Marín e Hilario Arlandis asistieron como delegados de la CNT al I Congreso de la ISR²⁶. Su finalidad era aceptar como objetivo la dictadura del proletariado, siempre y cuando fuera ejercida por los sindicatos, y que se estableciera una coordinación entre la ISR y la Internacional Comunista, pero esto era incompatible con las tesis comunistas, contrarias a la primacía de los sindicatos sobre los partidos, y la ISR aceptó el papel dirigente el Partido Comunista. Nín justificó las críticas que se suscitaron en la CNT en aras a la concordia entre tendencias²⁷.

El congreso coincidió con la huelga de hambre sostenida por anarquistas rusos encarcelados en Moscú; varios delegados intervinieron a favor de aquellos ante las autoridades soviéticas, entre ellos Hilario Arlandis y Gastón Leval, un francés arraigado en Cataluña que se había sumado a la delegación de la CNT en representación de grupos anarquistas de Barcelona. Leval regresó a Barcelona con una visión muy negativa del régimen soviético²⁸, mientras que Maurín, sin ocultar las dificultades, ofreció una valoración positiva del mismo, destacando su admiración por el colectivismo y otros elementos modernizadores (emancipación femenina, libertad

²² Ángel Pestaña, *¿Dictadura proletaria?*, Barcelona, Cultura Ibérica, 1930.

²³ Ibid., *Informe de mi estancia en la URSS: documento para la historia obrera*, Barcelona, ZYX, 1968.

²⁴ Ibid., *Consideraciones y juicios acerca de la III Internacional*, Barcelona, ZYX, 1968.

²⁵ Ibid., *Setenta días en Rusia. Lo que yo vi*, Barcelona, Tipografía Cosmos, 1924, y Ibid., *Setenta días en Rusia. Lo que yo pienso*, Barcelona, Editorial Antonio López, 1924. Años más tarde escribió *El sindicalismo, que quiere y adónde va*, Barcelona, Biblioteca Selección, 1933, reafirmando en las críticas al sistema soviético y a la deriva de la Revolución.

²⁶ Según Manuel Buenacasa se “auto eligieron”. Manuel Buenacasa, *El movimiento obrero español, 1886-1926*, Madrid, Historia y Crítica, 1977, 81.

²⁷ Andreu Nin, *Lucha Social*, Lleida, 27-8-1921.

²⁸ Gastón Leval relata su viaje a Rusia en sus memorias inéditas (IISG). Véase Javier Paniagua, “La visión de Gastón Leval de la Rúsia soviética el 1921”, *Recerques*, 3, Barcelona, 1974, 199-224.

sexual, etc.)²⁹. Nín, imputado en el asesinato del jefe del gobierno español, Eduardo Dato, perpetrado unos meses antes, permaneció en Rusia como funcionario de la ISR.

Distanciamiento y rechazo de la Revolución bolchevique

El entusiasmo inicial pronto dio paso a la decepción y al rechazo. Formalmente la CNT acordó en la Conferencia nacional celebrada en 1922 (Zaragoza, junio) retirar su adhesión a la III Internacional. Des de 1919 habían llegado muchas más noticias y muchos viajeros habían vuelto narrando sus experiencias. De hecho el propio Pestaña el año 1922 se mostraba mucho más radical de como se había manifestado en su folleto “Consideraciones y juicios acerca de la Tercera Internacional”.

En Zaragoza se presentaron tres informes: uno de Hilario Arlandis, favorable a la permanencia en la III Internacional i la ISR; una carta de Leval partidario de abandonarla, y el informe de Pestaña sobre su viaje en 1920 que, en lo sustancial, coincidía con este último. El informe de Pestaña fue fundamental; venía a redundar en una opinión ya extendida y que había cambiado profundamente respecto a la defendida dos años antes. A la postre se impusieron las tesis contrarias a la integración en organizaciones de orientación comunista, frente a los que sostenían la necesidad de mantenerse dentro de la ISR. La CNT se distanciaba claramente del proyecto revolucionario soviético. Los testimonios críticos de militantes sobre la realidad rusa y las denuncias a la “tiranía comunista” hacia mella entre los anarquistas. Los artículos de Emma Goldman en *The New York World*, fueron publicadas en *Solidaridad Obrera* en 1924³⁰ y en la prensa anarquista se hablaba de la represión y dictadura bolcheviques en Rusia³¹.

La CNT corrigió lo que se llamó un “error involuntario”³², Pero un grupo derivó invariablemente hacia posiciones comunistas; este sector sindicalista revolucionario tenía como dirigente más conocido a Joaquín Maurín, quien sostenía que la violencia social había de ser la base de la moral proletaria³³. Los sindicalistas afines a Maurín confluyeron con el PCE en los Comités Sindicalistas Revolucionarios, que en respuesta a un llamamiento de la ISR se fundaron en una asamblea celebrada en Bilbao en diciembre de 1922, con el objetivo de actuar en el seno de la CNT. Sin embargo, esta última pasaba por una de sus etapas más críticas y los CSR no tuvieron eco significativo en el movimiento obrero español.

²⁹ Comentarios en *Lucha social*, Lérida, diciembre 1921/enero 1922.

³⁰ *Solidaridad Obrera*, Barcelona, 23-3-1924 y siguientes.

³¹ *La Revista Blanca*, Barcelona, 15-12-1923/1-8-1924, *Cultura y Acción*, Alcañiz, 3-3-1923.

³² Ricardo Sanz, *El sindicalismo y la política*, Toulouse, Imp. Daulaurier, 1966, 41.

³³ Joaquín Maurín, *La Batalla*, Barcelona, 23-1-1923 /1-2-1923.

Posteriormente, Pestaña reflexionando sobre la Revolución rusa, y con la mirada puesta en España, se reafirmaba en sus críticas al comunismo, pero también cuestionaba la falta de previsión de los anarquistas sobre la forma de organizar la sociedad:

Poco les costó (a los bolcheviques) poner fuera de combate a los anarquistas. Torpezas, errores y, sobre todo, quisquillosidades y minucias doctrinales elevadas a la categoría de principios, sobre los que toda transgresión, aun en momentos como aquellos en que la acción era más precisa que la discusión, se consideraron transgresiones gravísimas (...) Y mientras los anarquistas discutían si debían aceptar o no cargos en los Soviets, para los que en muchos casos eran elegidos, como no se decidían a aceptarlos, los bolcheviques los ocuparon, adquiriendo de este modo una preponderancia que estaban muy lejos de tener, hasta entonces³⁴.

Bibliografía

1. Andreu Nin, *Lucha Social*, Lleida, 27-8-1921.
2. Ángel Lera, *Ángel Pestaña. Retrato de un anarquista*, Barcelona, Ed. Argos, 1978.
3. Ángel Pestaña, *¿Dictadura proletaria*, Barcelona, Cultura Ibérica, 1930.
4. Antonio Elorza, *Artículos madrileños de Salvador Seguí*, Madrid, Cuadernos para el dialogo, 1976.
5. Comentarios en *Lucha social*, Lérida, diciembre 1921/enero 1922.
6. Confederación Nacional del Trabajo, *Memoria del Congreso celebrado en el Teatro de la Comedia de Madrid, los días 10 al 18 de diciembre de 1919*, Barcelona, Tipografía Cosmos, 1932, 340-374.
7. Francisco Jordán, *La dictadura del proletariado*, Madrid, Pérez Torres, 1920.
8. Gerald H. Meaker, *La izquierda revolucionaria en España (1914-1923)*, Barcelona, Ariel, 1978.
9. Javier Paniagua, “La visió de Gastón Leval de la Rússia soviètica el 1921”, *Recerques*, 3, Barcelona, 1974, 199-224.
10. Joaquín Maurín, *La Batalla*, Barcelona, 23-1-1923 /1-2-1923.
11. Josep Puigsech Farrás, “La Revolución Rusa y España: una doble vertiente historiográfica”, *Índice Histórico Español*, Barcelona, 130, 2017 (en prensa).
12. Josep Puigsech, *La Revolució Russa i Catalunya. El somni que venia de Moscou*, Vic, Eumo, 2017.
13. Juan Avilés, “El impacto de la revolución rusa en las organizaciones obreras españolas (1917-1923)”, *Espacio, Tiempo, Forma, Serie V, Hª Contemporánea* 12, Madrid, 2000, 17-31.
14. Juan Avilés, *La fe que vino de Rusia*, Madrid, Biblioteca Nueva, 1999.
15. *La Revista Blanca*, Barcelona, 15-12-1923/1-8-1924, *Cultura y Acción*, Alcañiz, 3-3-1923.

³⁴ Pestaña, *Setenta días en Rusia. Lo que yo pienso*, 61-62.

16. Manuel Buenacasa, *El movimiento obrero español, 1886-1926*, Madrid, Historia y Crítica, 1977, 81.
17. *Memoria que al Comité de la CNT presenta de su gestión en el II Congreso de la III Internacional su delegado Ángel Pestaña*, Madrid, Biblioteca Nueva Senda, (s.a.).
18. Ramon Breu, *La Catalunya Soviètica*, Barcelona, Ara Llibres, 2011
19. Ricardo Sanz, *El sindicalismo y la política*, Toulouse, Imp. Daulaurier, 1966, 41.
20. Simó Piera, uno de los militantes más allegados a Seguí, en sus memorias interpreta la actitud de Seguí como una Joaquim Ferrer, *Simó Piera: perfil d'un sindicalista*, Barcelona, Pòrtic, 1975.
21. *Solidaridad obrera*, Barcelona, 22-3-1917/20-4-1917.
22. *Solidaridad Obrera*, Barcelona, 23-3-1924 y siguientes.
23. *Solidaridad Obrera*, Bilbao, 17-9-1920 / 7-1-1921.
24. Teresa Abelló, *Les relacions internacionals de l'anarquisme català (1881-1914)*, Barcelona, Edicions 62, 1987.
25. Víctor Alba, *Dos revolucionarios: Joaquín Maurín y Andreu Nín*, Madrid, Seminarios y Ediciones, 1975.
26. Victor Serge, *Naissance de notre Force*, Paris, Rieder, 1931 [Reeditado: Paris: Flammarion, 2011].

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА. ПРОЕКТЫ И ВЫЗОВЫ

*Celina Peña Guzman*¹

De la identidad lingüística a la protección de los pueblos indígenas el caso de la defensa de la Madre Tierra por parte de los pueblos de la Sierra Norte contra los denominados “Proyectos de Muerte”

From linguistic identity to the protection of indigenous peoples, the case of the defense of Mother Earth by the peoples of the Sierra Norte against the so-called “Projects of Death”

Resumen: Durante los últimos 20 años la Sierra Norte de Puebla, México ha sido devastada debido a su riqueza geográfica y sus recursos naturales. Sin embargo, el saqueo se intensificó cuando el gobierno autorizó a empresas transnacionales y mexicanas proyectos de minas a cielo abierto, hidroeléctricas, gasoductos y proyectos de fracking, afectando a poblaciones indígena. En respuesta, los pueblos nahuas de la Sierra han iniciado una defensa de la tierra a partir de su identidad basada en su lengua y en su cosmovisión.

Palabras clave: identidad lingüística; pueblos indígenas; México; proyectos energéticos.

Abstract: During the last 20 years the Sierra Norte de Puebla, Mexico has been devastated due to its geographic richness and its natural resources. However, the looting intensified when the government authorized transnational and Mexican companies to open-pit mining projects, hydroelectric projects, gas pipelines and fracking projects, affecting indigenous populations. In response, the Nahua peoples of the Sierra have initiated a defense of the land based on their identity based on their language and worldview.

Keywords: linguistic identity; indigenous peoples; Mexico; energy projects.

¹ Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, México

En la comunidad de Cuacuila, Huauchinango ubicada en la Sierra Norte del estado de Puebla, en México, la organización social comunitaria ha sido la manera en que los pobladores han recuperado espacios de participación política y han logrado ejercer presión a los tres niveles de gobierno, desde el municipal como el estatal y federal. La organización de los pobladores los ha colocado en el centro de la discusión nacional, porque es allí donde los pobladores han impedido que se desarrollen proyectos turísticos que no están en armonía con el entorno y los usos y costumbres del pueblo. Además han evitado hasta el momento que se desarrollen proyectos energéticos y de infraestructura como minas, gasoductos, hidroeléctricas y oleoductos, que dañen la riqueza ecológica de su territorio. Estos proyectos son denominados por la población como “Proyectos de Muerte” y en diversas regiones indígenas del país y en el estado de Puebla sus habitantes se han organizado para rechazar estos proyectos ajenos a sus comunidades que buscan explotar las riquezas naturales y geológicas de sus territorios.

Cuacuila no es la única población que se ha organizado en contra de estos proyectos, tan sólo en la Sierra Norte de Puebla hay al menos ocho municipios organizados. Pero la población posee un componente identitario. La población es eminentemente nahua, y su lengua náhuatl, que el Catálogo de las Lenguas Indígenas Nacionales califica de náhuatl de la sierra noreste de Puebla, vive un proceso de revaloración para otorgar una identidad en común del reconocimiento de sus formas de vida, su cultura, su lengua y su relación ancestral y sagrada con el entorno.

En Cuacuila desde 2013, la población indígena ha organizado foros de discusión, ha realizado marchas y manifestaciones, entre otras actividades que les han permitido ser un centro de atención y de ejemplo para otras poblaciones que también serían afectadas si estos proyectos se llevaran a cabo. En el estado de Puebla se ha desarrollado la oposición de algunas comunidades en contra de proyectos hidroeléctricos, de minería a cielo abierto y de gasoductos.² El ejemplo de Cuacuila muestra que las fallas del Estado mexicano en la protección de los derechos de los pueblos indígenas originarios han sido subsanadas a través de la participación de los pueblos para proteger sus territorios y hacer valer el derecho a la consulta sobre el destino de sus comunidades, derechos que parcialmente reconocidos por el Estado mexicano. Además, ante el avance de los procesos de privatización, las reformas estructurales de la política neoliberal, y la ambición de las empresas transnacionales por los recursos de las comunidades indígenas, el gobierno mexicano favorece a las compañías extranjeras.

Este proceso de desmantelamiento de los derechos indígenas sobre su territorio ha sido paulatino. En 1993, se modificó el artículo 27 constitucional, el cual protegía la propiedad comunal de la tierra o ejido. Una de las razones del levanta-

² Para una revisión más amplia de la oposición a los proyectos de muerte puede consultarse el anexo al Informe sobre la situación de los pueblos indígenas de México del 2017.

miento indígena de 1994 fue el rechazo a esta reforma que dejó en la indefensión a los indígenas poseedores de tierras comunales cuya propiedad era transferida colectivamente de generación a generación entre poblaciones indígenas y campesinas conservando un delicado equilibrio social. Sin embargo, las medidas neoliberales de privatización de las tierras ejidales contribuyeron a empobrecer a los campesinos y lanzar al mercado laboral pauperizado a miles de indígenas y campesinos que emigraron a las ciudades³. La reforma energética de 2015 echó abajo la propiedad del Estado sobre los recursos energéticos del subsuelo, una de las tesis centrales del Estado mexicano desde la expropiación petrolera de 1938 en el gobierno del general Lázaro Cárdenas; con la reforma se modificaron leyes secundarias que permiten a las transnacionales operar todo lo relativo a la distribución, transportación y explotación de hidrocarburos, actividades reservadas para el Estado mexicano a través de su empresa estatal Pemex.

Además, el gobierno mexicano argumentó desde el 2013 que Pemex no podía explotar los yacimientos profundos de hidrocarburos por lo que se autorizó el uso de nuevas técnicas de extracción como la fractura hidráulica o *fracking* practicadas por empresas privadas especializadas en esta tecnología. La Secretaría de Energía detectó que estos yacimientos de gas natural se encuentran en la sierra norte de Puebla. Pero la experiencia del *fracking* en Estados Unidos ha demostrado que el uso de esta técnica de extracción para fracturar el gas en piedras a gran profundidad ocasiona daños al medio ambiente y especialmente a los recursos hidrológicos (Fuente).

El gobierno mexicano ha fallado en la protección de los derechos de las poblaciones y comunidades indígenas, a pesar de las políticas proteccionistas implementadas. Luego de las movilizaciones indígenas iniciadas el 1 de enero de 1994 con el levantamiento zapatista en el estado de Chiapas al sureste del país se abrió un diálogo entre las comunidades indígenas y el gobierno mexicano. El levantamiento indígena inició el mismo día en que se puso en marcha el Tratado de Libre Comercio de América del Norte (TLCAN) exhibiendo las contradicciones entre la aspiración del gobierno mexicano y su sector empresarial para ingresar a una economía abierta y globalizada, y el olvido que sufren las poblaciones indígenas excluidas de los procesos de modernización y desarrollo económico. Las demandas de los pueblos indígenas exigían el reconocimiento de la autodeterminación de los pueblos y comunidades que establece el Convenio 169 de la Organización Internacional del Trabajo (OIT) Sobre Pueblos Indios y Tribales en Países Independientes, el cual reconoce el derecho de los pueblos indígenas para controlar sus formas de vida, sus instituciones, así como sus identidades, sus lenguas y los recursos de sus territorios.

Luego de un diálogo intenso, finalmente en el año 2000, el Congreso mexicano aprobó una ley indígena. Sin embargo, la ley resultó insatisfactoria debido a que no reconocía la autonomía de los pueblos indígenas, ni tampoco reflejaba el espíritu

³ Harvey, D., *A brief history of neoliberalism*. Oxford [u.a.: Oxford Univ. Press, 2011, 164.

de los Acuerdos de San Andrés Larráinzar. El Consejo Nacional Indígena (CNI), organización que dialogó con el gobierno, desconoció la ley porque a) distorsionaba el sentido del convenio 169 de la OIT; b) ignoraba los resultados de la mesa de diálogo entre los indígenas y el Estado mexicano, organizado por la COCOPA; c) le daba a las entidades federativas la facultad para el reconocimiento de los derechos indígenas; d) además ignoraba el reconocimiento a los territorios indígenas⁴. (Congreso Nacional Indígena, 2001) Posteriormente, el Consejo Nacional Indígena y el Ejército Zapatista de Liberación Nacional (EZLN) decidieron impulsar de manera pacífica regiones autónomas para ejercer el reconocimiento de sus derechos a pesar de las limitaciones del marco jurídico del Estado mexicano.

Actualmente, aunque las leyes mexicanas reconocen la obligación de consultar a los pueblos indígenas para determinar el destino de los recursos de sus territorios, en la práctica estas consultas solamente buscan legitimar las decisiones políticas tomadas desde el gobierno. La aplicación de las leyes limitaría la explotación externa de los territorios indígenas, sin embargo, el saqueo de los recursos naturales de los territorios indígenas es una práctica cotidiana. Las decisiones tomadas desde el gobierno han favorecido a los grupos empresariales y la política neoliberal de entregar los recursos de los pueblos a compañías transnacionales profundizando el modelo extractivo y la implementación de megaproyectos⁵. Además, la consulta ha sido un “instrumento de simulación gubernamental y de mayor violencia para imponer las decisiones a las comunidades”⁶.

Las comunidades indígenas se han organizado para evitar la implementación de megaproyectos, especialmente, los relacionados con el transporte de hidrocarburos. La construcción del gasoducto Tuxpan-Atotonilco, el trabajo de construcción lo realizaba la empresa Gasomex, pasaba a menos de 200 metros de la comunidad de Cuaucuila poniendo en riesgo a la población. El gasoducto posee una longitud de 300 kilómetros. Los habitantes de Cuaucuila advirtieron que la construcción del mismo coloca en riesgo a ciudadanos de poblaciones próximas como Huauchinango, Xaltepec, Papatlatla, Papatlazolco, Tezcapa, Cuaxicala, Ocpaco, Xilocuatla, Xopanapa y Teopancingo, entre otras. Por lo que los pobladores ejercieron su derecho constitucional a la consulta sobre su territorio y decidieron el 27 de octubre del 2013 que no permitirían el paso por su comunidad del gasoducto. El día 28 de octubre

⁴ Congreso Nacional Indígena. *Manifiesto Indígena del Primero de Mayo*, México, 1º de mayo de 2001. Recuperado de: <https://www.congresonacionalindigena.org/2017/01/23/congreso-nacional-indigena-manifiesto-indigena-del-primero-de-mayo-mexico-lo-de-mayo-de-2001>

⁵ Tauli— Corpuz, V., *Informe sobre la situación de los derechos de los pueblos indígenas en México. Visita oficial a México del 8 al 17 de noviembre de la Relatora Especial de Naciones Unidas sobre los derechos de los pueblos indígenas*, Sra. Victoria Tauli— Corpuz, 2017 Recuperado de: <https://agua.org.mx/wp-content/uploads/2017/11/Informe-sobre-la-situaci%C3%B3n-de-los-derechos-de-los-pueblos-ind%C3%ADgenas-en-M%C3%A9xico.pdf>

⁶ Ibidem.

por la mañana los pobladores de Cuacuila, algunos de ellos armados con machetes y palos, otros con pancartas de protesta, se dirigieron a la estación de bombeo de gas para frenar los trabajos de construcción del gasoducto⁷.

Luego de esta acción de protesta, los pobladores presentaron un amparo en contra del paso del gasoducto por su comunidad. La justicia mexicana falló a favor de la petición de los pobladores el 25 de abril del 2014, logrando una suspensión definitiva del gasoducto Tuxpan-Atotonilco⁸, sin embargo, ninguna autoridad ejecutó la suspensión y posteriormente, el 27 de mayo del 2014, el juez primero de distrito del estado de Puebla, exigió la publicación de un edicto en diarios del país lo que obligaba a los pobladores a pagar 40 mil pesos para la publicación del edicto, cantidad inalcanzable para los indígenas porque la mayoría de ellos son campesinos.

Los pobladores de la comunidad indígena de Cuacuila refrendaron su rechazo a la construcción del gasoducto en febrero del 2017 cuando los realizaron un foro en defensa de la madre tierra en Cuacuila a la que asistieron figuras de la defensa de los derechos humanos como el sacerdote defensor de migrantes, Alejandro Solalinde. Los pobladores también se opusieron a la construcción del “Proyecto turístico integral Necaxa” que desde el 2015 anunció el gobierno estatal de Puebla. Sin embargo, los indígenas de Cuacuila rechazaron la construcción del desarrollo turístico debido a que generaría especulación y despojo de tierras, e impulsaría el desarrollo inmobiliario privatizador que excluye a las comunidades indígenas y no considera a las culturas originarias. Además, de los indígenas de Cuacuila los habitantes de Papatlazolco, Xaltepec, Papatlatla, Tlalmaya, Tenango, Colonias de Hidalgo, Xaltepuxtla también se opusieron al proyecto turístico gubernamental.

De acuerdo al *Informe sobre la situación de los derechos de los pueblos indígenas en México*, en el estado de Puebla existen en desarrollo otros proyectos de infraestructura en comunidades indígenas, y de industria extractiva.. y también estas comunidades se han enfrentado a la imposición de proyectos de “desarrollo” de las empresas transnacionales, las cuales en complicidad con el gobierno mexicano, eluden los mecanismos de consulta o los simulan engañando a las poblaciones sobre los beneficios de estos proyectos, y las comunidades indígenas se han visto amenazadas por una política de despojo que impulsa el Estado⁹.

Las comunidades indígenas enfrentan una reconfiguración del territorio a partir del avance de los proyectos hidroeléctricos, mineros y energéticos que irrumpen en las comunidades sin consulta degradando el medio ambiente, destruyendo

⁷ Ánimas, Vargas L., *Detiene construcción de gasoducto en la sierra norte de Puebla*, 2013 Recuperado de: <http://ladobe.com.mx/2013/10/detiene-construccion-de-gasoducto-en-la-sierra-norte-de-puebla/>

⁸ Declaración de Cuacuila: Sierra Norte libre de megaproyectos de muerte. (15 diciembre 2015) Recuperado de: <http://tierrabaldia.com.mx/noticia/792/declaracion-de-cuacuila-sierra-norte-libre-de-mega-proyectos-de-muerte/>

⁹ Tauli— Corpuz, V., *op. cit.*

las economías regionales y la diversidad cultural. Desde el año 2011 hasta este momento se han detectado megaproyectos que incluyen minería a cielo abierto, extracción de hidrocarburos a través de la técnica de *fracking*, construcción de ductos para hidrocarburos y la construcción de hidroeléctricas. Algunos de estos proyectos se encuentran en fase de planeación y otros ya se han iniciado. La región de la Sierra Norte de Puebla que abarca 65 municipios de población predominantemente indígena, casi un millón de habitantes, incluye a los pueblos totonaco, nahua, otomí, tepehua. Además por estas regiones pasan cuatro ríos de importancia el Necaxa, Ajajalpan, Zempoala y Apulco. La experiencia de resistencia frente a estos proyectos a obligado a la organización de pueblos y comunidades indígenas:

“Así, tristemente podemos constatar que la instalación de megaproyectos extractivos implica la completa reconfiguración del territorio, subsumiendo las relaciones sociales, productivas, ecológicas y políticas a una lógica puramente instrumental que conlleva la ruptura de lazos comunitarios, la destrucción de las economías regionales, la pérdida de la diversidad cultural y la degradación de las condiciones ambientales.”¹⁰

La participación

El problema de la participación ha sido abordado desde la experiencia de la democracia liberal frente a la crisis de representación de parlamentos y partidos políticos que colocan en jaque a las democracias occidentales. Principalmente desde la teoría política se ha enfatizado que el problema de la participación produce una falta de legitimidad política de los actores estatales por lo que la preocupación por la participación, desde una lectura liberal, significa cómo frenar la polarización social a través de mecanismos democráticos, resguardando la relación ciudadano-Estado.

Sin embargo, la experiencia de las democracias occidentales originadas en los procesos de modernización limita las experiencias de las regiones o zonas periféricas. Especialmente de los países emergentes que han obtenido sus independencias todavía en el siglo pasado y que resienten no solamente sus conflictos internos sino también las imposiciones derivadas de los procesos de acumulación de capital en todo el mundo, a los que los teóricos liberales han denominado como globalización y que generan desigualdades económicas y sociales en las regiones periféricas.

Esto le genera un viraje al problema de la participación el cual no se presenta solamente en las democracias occidentales sino también en las regiones periféricas de América Latina con particularidades y conflictos nuevos resultado de las luchas de resistencia en contra del capital desde regiones excluidas de los modelos de desa-

¹⁰ Pérez, Diana, Consulta y criminalización: el caso de san Felipe Tepatlán y Ahuacatlán en Primera Jornada por el derecho a la vida y el territorio en la Sierra Norte de Puebla BUAP-Facultad Economía 12 noviembre 2015 Diana Pérez. Consejo Tiyat Tlali, 2015.

rrillos de los países capitalistas. Además, América Latina es una zona culturalmente heterogénea que se revela en la diversidad lingüística. Esta pluralidad de lenguas se ha querido invisibilizar bajo las políticas nacionalistas, muchas veces con resultados exitosos, desde los proyectos unificadores de la nación. Especialmente, en los países del continente con poblaciones indígenas las cuáles han sido sometidas culturalmente al perder sus lenguajes, el cual ha sido reemplazada por lenguas nacionales, productoras de una identidad hegemónica, como el español o el portugués.

Es así que enfrentar el problema de la participación en la sociedad contemporánea debe ser contextualizado desde una visión que respete las diferencias y la complejidad de las luchas de resistencia en América Latina. Especialmente, porque la sola importación de enfoques teóricos y modelos de análisis de las democracias occidentales no genera tampoco condiciones para una participación más significativa en la toma de decisiones gubernamentales.

De este modo, desde la especificidad temporal y cultural de la periferia latinoamericana se puede abordar el problema de la participación desde los procesos de resistencia frente a la globalización capitalista. Al mismo tiempo las luchas de resistencia se producen cuando al interior de las naciones las poblaciones indígenas se enfrentan a las políticas culturales y de dominación impuestas para la conformación de proyectos nacionales. Es decir, que la experiencia de participación ciudadana se transforma en América Latina en una experiencia de resistencia popular desde sectores sociales excluidos por los procesos de modernización y la globalización capitalista.

Experiencias recientes en América Latina cuando el Partido de los Trabajadores (PT) obtiene en 1988 el gobierno en Sao Paulo reinterpretan las políticas de izquierda desde una perspectiva anti-autoritaria y democrática ampliando los cauces de participación y de resistencia frente al neoliberalismo. En Sao Paulo se implementaron los presupuestos participativos buscando crear nuevos mecanismos redistributivos en la ciudad de más de un millón de habitantes y que se han considerado paradigmáticos. Procesos de ampliación de la democracia formal se han presentado también en las luchas de resistencia desde los territorios de los barrios de los piqueteros en el Gran Buenos Aires alternando la protesta callejera con el trabajo barrial sistemático.

Una experiencia reciente de participación y de resistencia es el movimiento del 15M, en España que concentró el descontento social frente a las políticas neoliberales y privatizadores bajo las cuales viven los españoles, además de experimentar gobiernos marcados por la corrupción. Tanto el desmantelamiento del Estado de Bienestar como el aumento de la corrupción de la clase gobernante y las políticas inmobiliarias y de desahucios que dejaban a los españoles sin viviendas dieron pie al estallido social del 15 de mayo del 2011, 15M, desbordando los límites de la democracia representativa y mostrando el poder de la participación directa de los

ciudadanos excluidos por las políticas neoliberales. Otra tendencia de democracia directa, que imitó el espíritu del 15M es el movimiento francés *Nuit Debout*.

En este sentido, las luchas de resistencia de los pueblos de campesinos e indígenas de la sierra norte del estado de Puebla en contra de los proyectos de infraestructura energética y especialmente de los pobladores de Cuaucuila por la defensa de su territorio se inscriben en la dinámica global de las luchas de la resistencia desde el ámbito de lo local en contra de las políticas neoliberales energéticas y de despojo del territorio. Sin embargo, estas luchas locales en contra de los llamados “Proyectos de Muerte” demuestran que desde la participación de las comunidades es posible responder de manera organizada siempre que se considera a la cultura y a la lengua, elementos de cohesión.

Bibliografía

1. Alberich, N. T., García, M. A., Amezcua, T., & Villasante, T. R. (2016). *Desde las Asociaciones de Vecinos al 15M y las mareas ciudadanas: Breve historia de los movimientos sociales*.
2. Anima, Vargas L. (2013, junio 17) *Ignorando a juez concluye Gasomex instalación de gasoducto en Cuacuila*. Recuperado de <http://www.municipiospuebla.com.mx/nota/2014-06-17/huachinango/ignorando-juez-concluye-gasomex-instalaci%C3%B3n-de-gasoducto-en-cuacuila>
3. Ánimas, Vargas L. (2013, Octubre 28) *Detiene construcción de gasoducto en la sierra norte de Puebla*. Recuperado de: <http://ladobe.com.mx/2013/10/detiene-construccion-de-gasoducto-en-la-sierra-norte-de-puebla/>
4. Blas, M. A., & Ibarra, G. P. (2006). *La participación: Estado de la cuestión*. Bilbao: HEGOA.
5. Font, J., Blanco, I., Bacqué, M.-H., & Canto, C. M. (2010). *Participación ciudadana en las políticas públicas*. México: Escuela de Administración Pública del DF y Secretaría de Educación del DF.
6. In Forni, P. F., & In Castronuovo, L. (2015). *Ni piqueteros ni punteros: Organizaciones populares durante el kirchnerismo*.
7. Fuente de la, A. y Llano, M. (2016). *La fractura hidráulica en la sierra norte de Puebla: una amenaza para las comunidades. Alianza mexicana contra el fracking-Fundar*.
8. Harvey, D. (2011). *A brief history of neoliberalism*. Oxford [u.a.: Oxford Univ. Press.
9. Pérez, Diana (2015). *Consulta y criminalización: el caso de san Felipe Tepatlán y Ahuacatlán en Primera Jornada por el derecho a la vida y el territorio en la Sierra Norte de Puebla BUAP-Facultad Economía* 12 noviembre 2015 Diana Pérez. Consejo Tiyat Tlali
10. Piero de, S. *Las organizaciones de la sociedad civil en un nuevo contexto político latinoamericano*. Trabajo presentado en el marco del 1º Encuentro Virtual Latinoamericano de Emprendedores Sociales.
11. Tauli-Corpuz, V. (2017). *Informe sobre la situación de los derechos de los pueblos indígenas en México. Visita oficial a México del 8 al 17 de noviembre de la Relatora*

Especial de Naciones Unidas sobre los derechos de los pueblos indígenas, Sra. Victoria Tauli— Corpuz. Recuperado de: <https://agua.org.mx/wp-content/uploads/2017/11/Informe-sobre-la-situaci%C3%B3n-de-los-derechos-de-los-pueblos-ind%C3%A9genas-en-M%C3%A9xico.pdf>

12. *Declaración de Cuacuila: Sierra Norte libre de megaproyectos de muerte*. (15 diciembre 2015) Recuperado de: <http://tierrabaldia.com.mx/noticia/792/declaracion-de-cuacuila-sierra-norte-libre-de-megaproyectos-de-muerte/>

13. *Congreso Nacional Indígena. Manifiesto Indígena del Primero de Mayo, México, 1º de mayo de 2001*. Recuperado de: <https://www.congresonacionalindigena.org/2017/01/23/congreso-nacional-indigena-manifiesto-indigena-del-prime-ro-de-mayo-mexico-lo-de-mayo-de-2001/>

El Buen Vivir: Búsqueda de alternativas indígena y sus críticas

El Buen Vivir: Search for indigenous alternatives and their criticisms

“No basta con criticar la teoría... hay que crear otras.”²

Resumen: El presente artículo pretende abarcar los pilares teóricos del concepto del Buen Vivir que aquí se presenta como una búsqueda de alternativas al desarrollo en términos occidentales y neoliberales. Basándose en ideas e ideales indígenas se exploran nuevas perspectivas tanto en el plano de las ideas como en las prácticas, además, se comentan las críticas al concepto y sus prácticas de implementación. Se postula la existencia de varias facetas del concepto del Buen Vivir, y se ofrece una mirada panorámica, que deje en claro que el Buen Vivir actualmente está germinando en diversas posturas en distintos países, que es un concepto en construcción. Se defiende que el Buen Vivir puede llegar a ser una plataforma compartida de distintas tradiciones de pensamiento.

Palabras clave: desarrollo; neoliberalismo; alternativas; indígena; el Buen Vivir.

Abstract: This article aims to cover the theoretical pillars of the concept of Good Living, which is presented here as a search for alternatives to development in Western and neoliberal terms. Based on indigenous ideas and ideals, new perspectives are explored both in terms of ideas and practices, in addition, the article discusses critiques of the concept and its practices. The existence of several facets of the concept of Good Living is postulated, and a panoramic view is offered, which makes it clear that Good Living is currently germinating in different positions in different countries, and is a concept under construction. It is defended that Good Living can become a shared platform of different traditions of thought.

Keywords: development; neoliberalism; alternatives; indigenous; Good Living.

Para amplios movimientos sociales en todo el planeta está cada vez más claro que confrontamos una profunda crisis civilizatoria. Tras la caída de la Unión Soviética, el mundo veía como perspectiva sólo desarrollo bajo los principios de neoliberalismo y con el apoyo doctrinal de la globalización. El mundo globalizado transformó el sistema universal, influyendo en todos los niveles: desde los países-estados

¹ Federación de Rusia. Profesora docente de la Universidad Estatal de Omsk F.M. Dostoyevski, candidata al doctorado en ciencias históricas. (rogova_irina@rambler.ru, RogovaIV@omsu.ru).

² Boaventura de Souza Santos, Hablamos del Socialismo del Buen Vivir, *América Latina en movimiento*, Nº 452, Febrero 2010, 5.

hasta la gente, dejando muy pocos satisfechos. Con el estallido de la crisis de 2008 el mundo ha cambiado aún más, pero si ha habido un replanteamiento del modelo civilizatorio. La respuesta sería, no.

Es evidente que llegamos al inicio del siglo 21 con una aguda sensación de desilusión en el actual modelo civilizatorio. Es más, se constata que “la velocidad con la cual se están destruyendo las condiciones que hacen posible la vida en el planeta no sólo no se ha frenado, sino que se ha acelerado en las últimas décadas a pesar del reconocimiento global de que este modelo de producción/distribución y consumo es absolutamente incompatible con la preservación de la vida en el planeta.”³ Y aunque se buscan soluciones desde arriba, ellas implican apostar a la misma lógica de mercado, y los mismos patrones de conocimiento que nos han conducido a la actual crisis y no pueden sino profundizar los problemas que confrontamos.

Ha habido desde la base movimientos que se han planteado que era necesario un cambio: Occupy Wal Street, los indignados en España, las protestas afroamericanas en Estados Unidos, los movimientos campesinos en América Latina, nuevas propuestas intelectuales por la transición en diferentes partes del mundo, están aumentando, a nivel mundial, los activismos en muchos sectores. Se afirma que el modelo neoliberal y globalista ya llegó a su fin y que las transiciones ya están ocurriendo: surgen de forma cada vez mas ineludible los discursos sobre la transición a otro modelo civilizatorio.

El filósofo belga y secretario ejecutivo del Foro Mundial de Alternativas François Houtart invoca “acoger la idea de una multiculturalidad, de no identificar desarrollo con occidentalización, sino de ver todo lo que otras culturas, religiones, filosofías, saberes pueden justamente aportar para un bien común general de la humanidad.”⁴

En esta situación de la crisis civilizatoria se debe poner énfasis en el debate que tiene lugar en el continente americano, que pudo surgir gracias al contexto único de la región donde “el movimiento indígena... ha logrado realmente rescatar esta diversidad cultural y eso para nosotros ha permitido ampliar un debate que no existe en otro continente. Es un debate de diferentes cosmovisiones, de diferentes concepciones de desarrollo, de diferentes concepciones del Estado pero que están intentando dialogar.”⁵

Se trata del concepto del Buen Vivir, un conjunto de ideas que se están forjando como reacción y alternativa a los conceptos convencionales sobre el desarrollo, que cuestiona el mundo moderno globalizado del capitalismo y argumenta que este

³ Edgardo Lander, Estamos viviendo una profunda crisis civilizatoria, *América Latina en movimiento*, N° 452, Febrero 2010, 2.

⁴ Sally Burch, Entrevista con François Houtart “Por un bien común general de la humanidad”, *América Latina en movimiento*, N° 452, Febrero 2010, 28.

⁵ Boaventura de Souza Santos, op.cit., 5.

tipo de mundo es la causa de la crisis social, climática y de significado que estamos viviendo hoy en día. El Buen Vivir es una concepción holística, heredada en muchos de sus conceptos básicos de los pueblos indígenas, que plantea otra forma de relacionarse con las personas, con las comunidades y con el universo, y que no tiene nada que ver con las teorías del crecimiento capitalista. Bajo esos términos se están acumulando diversas reflexiones que, con mucha intensidad, exploran nuevas perspectivas creativas tanto en el plano de las ideas como en las prácticas.

El concepto del Buen Vivir se articula alrededor de unos ejes que son los componentes comunes a cada expresión particular del Buen Vivir. Entre los más importantes se destacan los siguientes:

En primer lugar, se abandona la pretensión del desarrollo como un proceso lineal, de secuencias históricas que deben repetirse. El Buen Vivir, en cambio, no tiene una postura ni lineal ni única de la historicidad. Ejemplos clásicos residen en considerar a los países latinoamericanos como “subdesarrollados” que deben avanzar por sucesivas etapas imitando la trayectoria de las economías industrializadas. Mientras que el concepto del Buen Vivir parte de que no se debe buscar tanto un gran crecimiento, sino de garantizar el acceso de las poblaciones a aquellos bienes que ellas mismas consideran esenciales.

Como segundo punto, se defiende otra relación con la Naturaleza, donde se la reconoce como sujeto de derechos, y se postulan diversas formas de continuidad relacional con el ambiente. Estos cuestionamientos abordan la base antropocéntrica del desarrollo actual, que hace que todo sea valorado y apreciado en función de la utilidad para los humanos.

En tercer lugar, no se economizan las relaciones sociales, ni se reducen todas las cosas a bienes o servicios mercantilizables. David Choquehuanca, político boliviano, lo explica: “Vivir Bien significa complementarnos y no competir, compartir y no aprovecharnos del vecino, vivir en armonía entre las personas y con la naturaleza. El Vivir Bien no es lo mismo que el *vivir mejor*, el vivir mejor que el otro. Porque para el *vivir mejor*, frente al prójimo, se hace necesario explotar, se produce una profunda competencia, se concentra la riqueza en pocas manos. *Vivir mejor* es egoísmo, desinterés por los demás, individualismo. El Vivir Bien está reñido con el lujo, la opulencia y el derroche, está reñido con el consumismo.”⁶

Esto permite señalar un cuarto elemento, donde el Buen Vivir reconceptualiza la calidad de vida o bienestar en formas que no dependen solamente de la posesión de bienes materiales o los niveles de ingreso. Esto explica la importancia otorgada a explorar la felicidad y el buen vivir espiritual.

⁶ David Choquehuanca Céspedes, Hacia la reconstrucción del Vivir Bien, *América Latina en movimiento*, Nº 452, Febrero 2010, 8.

Seguidamente, un quinto elemento hace que el Buen Vivir no pueda ser reducido a una postura materialista, ya que en su seno conviven otras espiritualidades y sensibilidades.⁷

En estos terrenos son muy evidentes los aportes de los saberes tradicionales, especialmente andinos, los que se han convertido en un ingrediente clave y esencial en alimentar las reflexiones sobre el Buen Vivir. Expresiones como *sumak kawsay* del kichwa de Ecuador o *suma qamaña* del aymara de Bolivia, revisten enorme importancia por las ideas que explicitan, por ser formuladas en sus propias lenguas, y por su potencial descolonizador.⁸

Eduardo Gudynas, investigador en el Centro Latino Americano de Ecología Social, resume que estos y otros aportes permiten señalar que existen al menos tres planos para abordar la construcción del concepto de Buen Vivir: las ideas, los discursos y las prácticas. En el primero se encuentran los cuestionamientos radicales a las bases conceptuales del desarrollo, especialmente su apego a la ideología del progreso. De alguna manera, esas críticas van más allá del desarrollo, y alcanzan otras cuestiones esenciales, tales como las formas de entendernos a nosotros mismos como personas y las formas bajo las cuales concebimos el mundo. Un segundo plano se refiere a los discursos y las legitimaciones de esas ideas. El Buen Vivir se aparta de los discursos que celebran el crecimiento económico o el consumo material como indicadores de bienestar, ni alaba la obsesión con la rentabilidad o el consumo. Sus apelaciones a la calidad de vida discurren por otros caminos, y además incluyen tanto a las personas como a la Naturaleza. Se abren las puertas a otras formas de hablar, escribir o pensar nuestro mundo. En el tercer campo se encuentran las acciones concretas, tales como pueden ser proyectos políticos de cambio, los planes gubernamentales, los marcos normativos y las formas de elaboración de alternativas al desarrollo convencional. Aquí reside uno de los grandes desafíos de las ideas del Buen Vivir, en el sentido de convertirse en estrategias y acciones concretas, que no repitan las posturas convencionales que se critican, y que además sean viables.⁹

Resulta evidente que si bien algunas de las aproximaciones teóricas al buen vivir de mayor interés se han planteado como alternativas al desarrollo, la planificación llevada a cabo por algunos gobiernos en nombre del buen vivir se ha movido en la práctica dentro de esquemas y referencias relativamente convencionales.

También es importante ser bien claro que no existe un Buen Vivir “indígena”, ya que la categoría “indígena” es un artificio y solo sirve para homogeneizar dentro de ella a muy diferentes pueblos y nacionalidades, cada una de las cuales tiene su propia concepción del Buen Vivir.

⁷ Eduardo Gudynas, *Buen vivir: Germinando alternativas al desarrollo*, *América Latina en movimiento*, Nº 462, Febrero 2011, 18-19.

⁸ Eduardo Gudynas, *op.cit.* 3.

⁹ *Ibid.* 2.

Esto nos permite abordar otra cuestión clave del Buen Vivir. El suma qamaña de los aymaras bolivianos es Buen Vivir, y también lo es el ñande reko¹⁰ de los guaraníes, pero eso no hace iguales al suma qamaña con el ñande reko. De la misma manera, el sumak kawsay de los quechuas es el Buen Vivir, y lo mismo puede decirse de algunas manifestaciones de la ecología profunda¹¹, pero no pueden convertirse en sinónimos uno y otro. Todos ellos, el suma qamaña, el ñanade reko, el sumal kawsay, la ecología profunday otros tantos, se complementan entre sí, muestran algunas equivalencias, sensibilidades convergentes, y es justamente esta complementación lo que permite delimitar el espacio de construcción del Buen Vivir.¹²

Algunos pueden empujar hacia el extremo que sostiene que el Buen Vivir solo puede ser una conceptualización indígena. Como vimos arriba, existen diversas posturas sobre la buena vida, e incluso dentro de cada cultura hay distintas opiniones en cuanto a su definición. Es necesario advertir que el Buen Vivir no puede ser transplantado, por ejemplo, a los shuar de la selva amazónica. De la misma manera, es muy difícil sostener que el Buen Vivir pueda expresarse en un saber indígena “puro”, ya que esa misma pureza será motivo de cuestionamientos. Esta breve discusión fundamenta la importancia de establecer encuentros y diálogos, aprendizajes mutuos entre todas estas posturas, tanto entre las diferentes expresiones indígenas, como en aquellas que han desarrollado los criollos en todo el continente, sin olvidar las expresiones alternativas y subalternas marginadas dentro del propio pensamiento occidental. Varios analistas muestran esta sensibilidad por el encuentro entre mundos alternativos, como por ejemplo Alberto Acosta en Ecuador o Javier Medina en Bolivia. Finalmente, también es necesario resguardarse frente a otro peligro: “modernizar” al Buen Vivir, convirtiéndolo en una forma aceptable dentro del repertorio moderno occidental (por ejemplo, como una variedad sudamericana del “desarrollo humano”).¹³

Es obvio que todas estas manifestaciones de buen vivir están claramente relacionadas con aspectos específicos de la cultura, la lengua, la historia, y el contexto social, político y ambiental. Eso significa que, por ejemplo, no se puede tomar la

¹⁰ Apelación de los guaraníes Ñande Reko (que se puede traducir el modo de vida) es ahora una parte del concepto del Buen Vivir. Refleja una serie de valores como la libertad, la felicidad, la celebración en la comunidad, la ayuda mutua y trabajo para el bien común, etc. Todos estos valores se introducen en la búsqueda de la «tierra sin mal».

¹¹ La ecología profunda es una filosofía ecológica moderna que reconoce el valor intrínseco de todos los seres, además de su utilidad. Esta filosofía hace hincapié en la interdependencia de los organismos dentro de los ecosistemas y de ecosistemas dentro de la biosfera. Ha dado lugar a la aparición de una nueva ética del medio ambiente, que se refiere no sólo a los síntomas de la crisis ecológica, sino también a sus principales razones culturales, criticando la metafísica, actuales sistemas políticos, estilos de vida y valores de la sociedad industrial.

¹² Eduardo Gudynas, *op.cit.*, 12.

¹³ Eduardo Gudynas, *Ibid.*, 10-11.

percepción quechua del *sumak kawsay* como una receta aplicable en toda América Latina. Por lo tanto el Buen Vivir es un concepto plural en construcción, se aprovecha de muchos aportes, es un concepto que sirve para agrupar diversas posturas, cada una con su especificidad, pero que coinciden en cuestionar el desarrollo actual y en buscar cambios sustanciales apelando a otras relaciones entre las personas y el ambiente. De esta manera, el Buen Vivir debe ser reconocido como un concepto plural, donde se encuentran tanto en la crítica del desarrollo actual como en la defensa de otra ética, en el compromiso con ciertos actores sociales y en la prosecución de una transformación.¹⁴ El Buen Vivir puede ser entendido como una plataforma donde se encuentran múltiples ontologías.

Varios analistas que siguen ese recorrido, llegan a considerar que el Buen Vivir podría ser parte de la tradición socialista. Esta analogía tiene varios justificativos, y en especial se fundamentan en preocupaciones compartidas por la justicia social y la igualdad social. Pero también hay unas cuantas dificultades. Algunos de los postulados del Buen Vivir sin duda implican una ruptura con las ideas clásicas del progreso o de la Naturaleza como objeto (sea abordada desde los valores de cambio o incluso desde los valores de uso), y por lo tanto se alejan del socialismo de cuño marxista clásico. Por si fuera poco, el socialismo es una de las grandes tradiciones propias de la modernidad europea, y el Buen Vivir justamente desea romper la subordinación a esa perspectiva.¹⁵

Pero tampoco se puede olvidar que como el Buen Vivir defiende la justicia social y la igualdad, sus contrapartes más cercanas están en muchas expresiones de la izquierda clásica que se originó en Europa. Esto explica que para algunos el Buen Vivir se mantendría todavía dentro del ideario socialista, y por ello se sienten cómodos con rótulos como “socialismo del *sumak kawsay*”; pero para otros, lo que hoy se observa es algo nuevo y su denominación es simplemente Buen Vivir, sin otros adjetivos o condicionalidades.¹⁶

Se debe constatar que el Buen Vivir ha sido objeto de severas críticas, no obstante su reciente historia. Lo cuestionan por aspectos tales como sus supuestas ambigüedades, el regreso al pasado o sus incapacidades en generar medidas prácticas. Se afirma que el Buen Vivir no alcanza a ser una alternativa postcapitalista ya que se basa en lo que llama simples propuestas holistas (como armonía, reciprocidad o vida) que carecen de un “sustento económico o sociológico”. Lo consideran un “esquema del pasado”, una “evasión mental” y por lo tanto “reaccionario”.¹⁷

¹⁴ *Ibid.*, 11.

¹⁵ Eduardo Gudynas, *Buen vivir: Germinando alternativas al desarrollo...*, 9.

¹⁶ *Idem.*

¹⁷ Eduardo Gudynas, *El malestar moderno con el Buen Vivir: Reacciones y resistencias frente a una alternativa al desarrollo*, *Ecuador Debate, Identidades y diferencias*, Quito: CAAP, no. 88, abril 2013, 185, 187.

Eduardo Gudynas, uno de los más fervientes defensores del Buen Vivir, responde a ello indicando que se le critica al Buen Vivir desde las premisas de la superioridad de saberes occidentales. La aplicación de estas barreras y filtros es muy evidente en aquellos espacios que ni siquiera consideran al Buen Vivir como algo serio, y en cambio lo relegan a unas posiciones de tipo espiritual, religioso o una simple moda. “La construcción de ideas alternativas a la del desarrollo no es sencilla. Se enfrentan coyunturas económicas, sociales y políticas, existen ataduras culturales, pero a pesar de todo esto, afloran críticas al desarrollo y hay ejemplos de una aspiración de cambio radical.”¹⁸

Muchos de los críticos al Buen Vivir denuncian que estas medidas implicarían una imposición oscurantista de sociedades de cazadores-recolectores viviendo en la selva. Esto es totalmente infundado, y el Buen Vivir ni siquiera es una postura anti-tecnológica. Por el contrario, se seguirán aprovechando desarrollos científico-técnicos, pero sin duda de otra manera, y sin excluir a otras fuentes de conocimiento, y todos ellos sujetos al principio precautorio: como un ejemplo claro, bajo el Buen Vivir se deberán construir puentes o carreteras, aunque éstos podrán tener otro diseño, estar ubicados en otros sitios y servirán a otros propósitos distintos a los actuales.¹⁹

Bajo el concepto del Buen Vivir ciertamente es esperable que el Estado desempeñe roles importantes. En el caso de los países bajo gobiernos progresistas es entendible esta postura como reacción a la larga y profunda reforma neoliberal de décadas pasadas, donde prevaleció el mercado. En estos contextos, advierte Eduardo Gudynas, es necesario una cuota de precaución frente a las tentaciones de decretar el Buen Vivir desde las oficinas gubernamentales, asumiendo que el Estado todo lo sabe y que por sí solo representa a las demandas ciudadanas. Esto es particularmente complicado cuando el mismo Estado regresa a un estilo de desarrollo convencional, de alto impacto social y ambiental, y por lo tanto se aleja de las concepciones del Buen Vivir.²⁰

Algunos podrían plantear que las nuevas estrategias de desarrollo que ensayan algunos gobiernos progresistas constituyen ejemplos del Buen Vivir. Las bases conceptuales de esa idea merecen ser analizadas. Esa postura usualmente se basa en el fortalecimiento del Estado, la reorientación del desarrollo hacia ciertas demandas populares, y en particular los planes de lucha contra la pobreza (que en especial se encaminan como transferencias en dinero). Está fuera de toda discusión que estos programas de asistencia social han sido muy importantes en reducir la indigencia y la pobreza. Pero el problema actual, es que el financiamiento de todos estos programas sigue basado en un desarrollo convencional, de apropiación de la Naturaleza, manteniendo el patrón subordinado de exportaciones de recursos naturales. Es más,

¹⁸ Eduardo Gudynas, *op.cit.*, 202.

¹⁹ Eduardo Gudynas, *Buen vivir: Germinando alternativas al desarrollo...*, 16.

²⁰ *Idem.*

en algunos países el aumento del gasto social y la obra pública, hace que los gobiernos sean todavía más dependientes de exportar minerales, hidrocarburos y promover los monocultivos.²¹

Los impactos y desarreglos que genera ese neoextractivismo explican muchas críticas al mismo concepto del Buen Vivir, al igual que protestas sociales que se viven en varios países. Rebecca Hollender, del Grupo de Trabajo sobre Cambio Climático y Justicia (Bolivia), constata la desilusión que ha sufrido la sociedad civil de varios países con los gobiernos “progresistas” con las contradicciones que estaban ocurriendo entre el discurso y la práctica de la implementación del Buen Vivir. Ella añade que lamentablemente, los gobiernos de Bolivia y Ecuador se alejan cada vez más de su retórica y dependen económicamente de la extracción y exportación de sus recursos naturales, lo cuál significa la continuación del saqueo y devastación que empezó con la llegada de la colonia española hace más de 500 años.²²

Edgardo Lander constata que “con los gobiernos de izquierda y progresistas que han gobernado a la mayoría de los países de Sudamérica en la última década, no sólo no se ha frenado, sino que se ha acentuado un modelo de inserción en el mercado mundial basado en la extracción de bienes primarios, en el asalto a los bienes comunes de la vida. El monocultivo de soya transgénica que hoy ocupa aproximadamente la mitad de las tierras cultivadas en Brasil, Argentina, Paraguay y Bolivia, los millones de hectáreas de caña de azúcar destinados a la producción de biocombustible y al monocultivo de eucaliptos (extractivismo agrícola), la profundización de la dependencia de la economía venezolana en el petróleo, la apertura de grandes extensiones territoriales a la explotación minera, ilustran los modelos productivos dominantes en todo el continente.”²³

Por otro lado, estos gobiernos están cediendo más aún a nuevas influencias que deterioran el marco normativo de los países, alejándolo del Buen Vivir. Tomando el ejemplo de Bolivia, han creado un marco normativo favorable para la expansión de la frontera agrícola en la Amazonía, la explotación de recursos naturales en áreas protegidas y la apertura del país a organismos genéticamente modificados. Todas estas actividades representan una amenaza al logro de los principios fundamentales del Buen Vivir en Bolivia, como los Derechos de la Madre Tierra, la soberanía y seguridad alimentaria y el derecho al agua. Dos casos concretos de nuevas normativas aprobadas por el Gobierno boliviano que contradicen los principios constitucionales del Buen Vivir son: la Ley de la Revolución Productiva Comunitaria Agraria 2011 y

²¹ Ibid., 17.

²² Rebecca Hollender, Política ambiental de los países “progresistas” en Latinoamérica: Buen vivir vs. Neo-extractivismo. 06/11/2012. [Consulta: 8 agosto 16]. Disponible en: <http://omal.info/spip.php?article4661>.

²³ Edgardo Lander, Estamos viviendo una profunda crisis civilizatoria, *América Latina en movimiento*, No 452, Febrero 2010, 3.

la entrega, exploración y, en algunos casos, explotación de concesiones petroleras en áreas protegidas (Parque Nacional Madidi, Territorio Indígena y Parque Nacional Isiboro-Sécure, Parque Nacional Aguarague).²⁴

El descontento de la sociedad civil frente a estas violaciones de sus derechos humanos, constituciones y esfuerzos de construir y vivir formas alternativas se refleja en el creciente rechazo del modelo neoextractivista y las discrepancias entre el discurso y las acciones de los gobiernos. La sociedad civil se está manifestando cuestionando el poder de los líderes con los cuales lucharon en sus procesos políticos. La respuesta de los gobiernos frente al aumento de la oposición social confirma su apuesta por el neoextractivismo y el abandono del camino hacia el Buen Vivir: criminalizan y deslegitiman todo tipo de oposición de grupos indígenas, movimientos sociales y ONG, incrementan el control, monitoreo y censura de estos actores y hasta ejercen la violencia física. Es más, los criticados bonos sociales, que representan una medida de corto plazo para redistribuir las ganancias de actividades extractivistas hacia programas sociales, sin enfrentar las causas estructurales que hacen necesario esas programas, llegan a ser la mayor herramienta de los gobiernos para defender y justificar el incremento del extractivismo. Mientras, el Estado se hunde más aún en la dependencia de estas actividades a pesar de sus impactos catastróficos sociales y ambientales.²⁵

A pesar de los problemas mencionados hace falta notar que en Bolivia, Ecuador y varios otros países de Latinoamérica y el mundo, movimientos sociales, pueblos indígenas y comunidades conscientes están llevando a la práctica alternativas que entran dentro del marco del Buen Vivir. Entre estas alternativas existen modelos de gestión de recursos naturales locales, modelos locales/regionales de producción y consumo de alimentos ecológicos, la revalorización y uso de saberes tradicionales y ancestrales, el trueque, redes de apoyo mutuo comunitario basado en necesidades locales y la provisión de servicios básicos (educación, salud, etc.), la formación de cooperativas comunitarios industriales y para servicios financieros, etc.²⁶

Lo bueno es que los círculos de debate y construcción ya existen y la comunidad internacional está debatiendo la propuesta del Buen Vivir, lo cual facilita un idioma y unos conceptos en común para construir propuestas y alternativas entre sociedades y tiempos, empoderando la construcción de modelos desde lo local. Muchas propuestas nacen como resistencia, o como forma de sobrevivir frente al modelo actual, pero todos van creciendo y adquiriendo apoyo e iniciativa propia.

Se ha sostenido repetidamente que uno de los ejes centrales en el Buen Vivir es el rechazo a varias de los conceptos propios de la Modernidad de origen europeo, donde se encuentran una gran cantidad de conceptos. El desarrollo actual se ha

²⁴ Rebecca Hollender, *Idem*.

²⁵ *Idem*.

²⁶ *Idem*.

nutrido de esas ideas de lo moderno, su pretensión de racionalización y la exclusión de lo que considera primitivo o salvaje. Esta claro por todo lo que se ha indicado en las secciones interiores, que el Buen Vivir impone una crítica sustancial al desarrollo, lo que conlleva un cuestionamiento a esas ideas centrales de la Modernidad. Su reclamo va más allá de un “ajuste” o una “reforma”, ya que implica generar nuevas ideas, discursos y prácticas. En ese esfuerzo varias expresiones del saber indígena son claves, ya que ellas mismas están fuera de la Modernidad, y entonces son un componente clave para que otros comiencen sus propios recorridos de salida. Pero también es cierto que existen tradiciones críticas y alternativas dentro del pensamiento occidental, las que están brindando aportes críticos fundamentales, y que por lo tanto se suman en este esfuerzo.

En el amplio campo de los saberes occidentales también existen posturas críticas sobre el desarrollo, que en muchos casos han sido marginalizadas o excluidas, pero que un examen atento muestra que también son búsquedas del Buen Vivir. En esta crítica que se originó desde dentro mismo de las posturas occidentales se encuentran, por ejemplo, los estudios críticos sobre el desarrollo, el ambientalismo biocéntrico, el feminismo radical, o la decolonialidad del saber, tan solo por nombrar algunos de los más recientes.²⁷

El Buen Vivir se delimita como una plataforma donde se comparten diversos elementos que observan alternativas para el futuro. Esta plataforma es un lugar de expresión de varias culturas y ontologías que la sustentan. Por lo tanto el Buen Vivir es un concepto plural, podría decirse que en sentido riguroso nos estamos refiriendo a “buenos vivires” que adoptan distintas formulaciones en cada circunstancia social y ambiental.

Es necesario subrayar el uso de otra ética, otro sistema de valores involucrado en el concepto del Buen Vivir que lo diferencia de la Modernidad occidental. A partir de esta nueva mirada inmediatamente se redefinen las comunidades y se generan concepciones alternas de la Naturaleza, a los que se suman otros componentes, como la descolonización de saberes o el abandono de las racionalidades que buscan la manipulación y la dominación. Gudynas resume: “Por todas estas razones el Buen Vivir es actualmente un concepto vivo donde, como es común escuchar en muchos valles andinos, están germinando nuevas alternativas de vida.”²⁸

Según el filósofo belga y secretario ejecutivo del Foro Mundial de Alternativas, François Houtart no “debemos caer en un fundamentalismo indígena, en este sentido que las culturas indígenas son también situadas en el tiempo y en el espacio. Es decir que valores fundamentales como los del Buen Vivir o de la Pachamama, se expresan en una cultura situada en el tiempo. Además, evidentemente no podemos simplemente rechazar el aporte de la cultura occidental... No debemos ni idealizar,

²⁷ Eduardo Gudynas, *Buen vivir: Germinando alternativas al desarrollo...*, 8.

²⁸ *Ibid.*, 19.

ni absolutizar las formas de expresión, debemos respetarlas... No podemos acusarlas de no ser racionales; son racionales, pero de otro tipo de racionalidad. “²⁹

De modo de conclusión: Wallerstein en su teoría del Sistema-mundo establece que todos los países están atrapados en un sistema capitalista, y que los oprimidos no tienen que aprender maneras de manejarse dentro del sistema; tienen que derrocarlo. Pero el mismo Wallerstein sostiene que actualmente nos encontramos en una crisis del capitalismo de la cual hay que buscar salida a través de alternativas políticas. Según el análisis del Sistema-mundo, no es posible salir del sistema. Frente a esa situación, los países latinoamericanos eligen no continuar esforzándose para integrarse al sistema, sino enfocarse en mejorar su situación interior. Sus acciones están orientadas hacia el cambio de dependencia del sistema con más autosostenibilidad.

De esta manera, es posible concluir: el Buen Vivir implica cambios profundos en las ideas sobre el desarrollo que están más allá de correcciones o ajustes. No es suficiente intentar “desarrollos alternativos”, ya que estos se mantienen dentro de la misma racionalidad de entender el progreso, el uso de la Naturaleza y las relaciones entre los humanos. Lo alternativo sin duda tiene su importancia, pero son necesarios cambios más profundos. En lugar de insistir con los “desarrollos alternativos” se deberían construir “alternativas al desarrollo”.

La revolución zapatista dio lugar a un principio interesante: “Queremos un mundo donde quepan muchos mundos”. A partir de aquí se ha acuñado el concepto de pluriverso, una alternativa al concepto tan extendido de universo. Hay un solo planeta, pero hay muchos mundos que pueden tener alternativas válidas y que deben poder convivir. En el mundo, hoy, hay conceptos de sociedad distintas; la cooperación para las transiciones se orienta hacia crear condiciones para que estos mundos subalternos puedan sobrevivir en el planeta.³⁰

El Buen Vivir es a la vez una manifestación y un complemento de la teoría del posdesarrollo que tiene su fundamento en concepciones indígenas. En mi opinión, los conceptos de posdesarrollo y Buen Vivir se presentan como respuestas alternativas, estratégicamente sólidas, a la situación planteada por Wallerstein. El Buen Vivir aparece como la más importante corriente de reflexión que ha brindado América Latina en los últimos años.

Bibliografía

1. Sally Burch, Entrevista con François Houtart “Por un bien común general de la humanidad”, *América Latina en movimiento*, N° 452, Febrero 2010. Pp. 27-29.

²⁹ Sally Burch, Entrevista con François Houtart “Por un bien común general de la humanidad”, *América Latina en movimiento*, N° 452, Febrero 2010, 27-28.

³⁰ Arturo Escobar, *Se deben crear alternativas al desarrollo*, Entrevista para El Nacional, Cataluña, Barcelona. Domingo, 18 de septiembre de 2016, [Consulta: 30 septiembre 17]. Disponible en: http://www.elnacional.cat/es/cultura-ideas-artes/arturo-escobar-desarrollo_110083_102.html

2. David C. Choquehuanca, Hacia la reconstrucción del Vivir Bien, *América Latina en Movimiento*, ALAI, No 452, 2010. Pp. 6-13.
3. Arturo Escobar, Se deben crear alternativas al desarrollo, Entrevista para El Nacional, Cataluña, Barcelona. Domingo, 18 de septiembre de 2016, [Consulta: 30 septiembre 17]. Disponible en: http://www.elnacional.cat/es/cultura-ideas-artes/arturo-escobar-desarrollo_110083_102.html
4. Eduardo Gudynas, Buen vivir: Germinando alternativas al desarrollo, *América Latina en movimiento*, Nº 462, Febrero 2011. Pp. 2-19.
5. Eduardo Gudynas, El malestar moderno con el Buen Vivir: Reacciones y resistencias frente a una alternativa al desarrollo, *Ecuador Debate, Identidades y diferencias*, Quito: CAAP, no. 88, abril 2013. Pp. 183-205.
6. Rebecca Hollender. Política ambiental de los países “progresistas” en Latinoamérica: Buen vivir vs. Neo-extractivismo. 06/11/2012. [Consulta: 8 agosto 16]. Disponible en: <http://omal.info/spip.php?article4661>.
7. Edgardo Lander, Estamos viviendo una profunda crisis civilizatoria, *América Latina en movimiento*, Nº 452, Febrero 2010. Pp. 1-3.
8. Boaventura de Souza Santos, Hablamos del Socialismo del Buen Vivir, *América Latina en movimiento*, Nº 452, Febrero 2010. Pp. 4-7.

Движение сапатистов в Мексике: генезис и эволюция

The Zapatista Movement in Mexico: Genesis and Evolution

Resumen: Ejército Zapatista de Liberación Nacional ha atraído la atención de la opinión pública en 1994, cuando organizó la insurrección en el estado de Chiapas. Tras haber pasado el camino de ser la organización rebelde a convertirse en portavoz de las indígenas, en 2017 los zapatistas volvieron a sorprender a sus partidarios apoyando al candidato a presidente-representante de los pueblos indios. En este artículo veremos las causas y consecuencias de esta metamorfosis en la estrategia de los Zapatistas.

Palabras claves: El Movimiento Zapatista; la Autonomía indígena; los Pueblos indígenas; México; las Elecciones federales.

Abstract: In 1994 the world was shocked by the uprising of the Zapatista National Liberation Army (Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN) in Chiapas. Participants in the uprising made demands to improve the living conditions of the indigenous population of Mexico and to prevent the privatization of the communal lands of the Indians. In 2014 — 2017 events occurred that significantly changed the image of the Zapatista movement: the movement leader and spokesman, Subcomandante Marcos, announced his leaving the post, and the Zapatistas developed close cooperation with the National Indigenous Congress (Congreso Nacional Indígena (CNI)). On the way from the classical insurgent organization to the representative of the Indian communities in southern Mexico in 2017 the Zapatists once again surprised their supporters and society by deciding to support the candidate for the post of president-representative of the Indian peoples. This article examines the causes of such metamorphosis in Zapatistas strategy and its possible consequences.

Keywords: Zapatista Movement; indigenous autonomy; indigenous peoples; Mexico; Federal Elections.

Сапатистская армия национального освобождения (Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN) была основана в 1983 г. Первоначально эта партизанская группа, выступающая с леворадикальных позиций, не претендовала на то, чтобы быть «рупором» автохтонного населения Мексики. Сапатистская армия на первом этапе своего развития (1983–1994) состояла преимущественно из мигрировавших в сельские районы метисов. Классической марксистской организацией сапатисты оставались недолго. Разоча-

¹ Попова Людмила Леонидовна, Россия, аспирантка кафедры международных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (ludmila.popova2011@yandex.ru).

ровавшись в коммунистических догмах, они первые из социальных движений осознали, что социальной базой новых протестных выступлений должны стать «социально исключенные» слои общества. Для юга Мексики таковыми были коренные народы, составляющие «молчаливое большинство» населения. Тяжелые условия жизни аграрных штатов Мексики усугублялись концентрацией земельной собственности в руках крупных землевладельцев. По этой причине, когда в эпоху глобализации реальностью стала угроза захвата земель, возделываемых крестьянами, транснациональными компаниями, олицетворяемая соглашением о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA), — крестьяне-индейцы штата Чиापас при поддержке Сапатистской армии решились на вооруженное выступление. Не желая больших человеческих жертв, они, захватив четыре муниципальных центра штата, сложили оружие и ушли в горы. Проблемы, которые возмутили сапатистов, были не новы — это неравенство доходов, низкий уровень жизни, игнорирование интересов коренных народов на федеральном уровне, отсутствие доступа к образованию². Отдельные призывы к исправлению сложившегося положения звучали и ранее. Тем не менее именно сапатистам в лице их харизматического лидера и гения коммуникации Субкоманданте Маркоса удалось обратить на эти проблемы внимание мирового сообщества. Из мексиканской периферии прозвучал призыв объединяться на низовом уровне с различными антикапиталистическими инициативами, организовывать сопротивление, используя различные ненасильственные методы. Сапатистам не удалось осуществить революцию в Мексике, но они осуществили революцию в самом левом движении на глобальном уровне. Вскоре после восстания 1994 г. по всему миру формируются ячейки движения альтерглобалистов, растет актуальность левой критики неолиберальной глобализации, мировых финансовых институтов, традиционных политических партий.

Военная фаза конфликта продлилась всего 12 дней³. По итогам восстания в 1996 г. были заключены Соглашения Сан-Андреас между правительством и сапатистами, провозгласившие право коренных народов на самоопределение и автономию⁴. В том же году был создан Национальный

² *Segunda Declaración de la Selva Lacandona* [Электронный ресурс]. http://palabra.ezln.org.mx/comunicados/1994/1994_06_10_d.htm (дата обращения: 13.09.2017).

³ *Stahler-Sholk R. Mexico. Autonomy, collective identity, and the Zapatista social movement / R. Stahler-Sholk (ed.) / Rethinking Latin American Social Movements: Radical Action from Below. Lanham, Maryland, Rowman & Littlefield Publishers, 2014. P. 188.*

⁴ *¿Qué son los Acuerdos de San Andrés?* [Электронный ресурс]. <http://www.cedoz.org/site/content.php?doc=400> (дата обращения: 13.09.2017).

индейский конгресс (Congreso Nacional Indígena, CNI), с самого начала своей деятельности тесно сотрудничавший с сапатистами.

Власти штата не спешили реализовывать достигнутые соглашения на практике. Ими были предприняты меры по улучшению уровня жизни населения в формате адресной социальной помощи, но требование автономии коренных народов не было удовлетворено. Сапатисты не пользовались предоставленной государством помощью. Когда стало очевидно, что правительство саботирует выполнение соглашений, сапатисты организовали марш на Мехико, требуя автономии. Был принят Закон о правах коренного населения Мексики, но он был основан на принципах признания прав на культурное разнообразие, а не на землю, что не соответствовало соглашениям Сан-Андреас⁵. Не только сапатисты, но и представители других индейских организаций: Национальный индеанистский институт (Instituto Nacional Indigenista, INI), Бюро по развитию индейских народов (Comisión Nacional para el Desarrollo de los Pueblos Indígenas, CDI), выказали недовольство полумерами, предусмотренными новым законом.

Потому в 2003 г. сапатисты создали собственные автономные правительства («Хунты хорошего правительства») на территориях, населенных их сторонниками. Эти правительства — коллективные органы управления, основная задача которых — контроль над исполнением решений, принятых на ассамблеях методом консенсуса. Выполнение управленческих функций осуществляется на волонтерской основе, происходит регулярная ротация кадров, чтобы препятствовать возникновению коррупции, бюрократизации, отрыва от жизни общины. Все события, все решения и инициативы обсуждаются, поскольку сапатисты уверены — народ должен править, а правительство — подчиняться⁶. Поскольку если народ принимает неправильное решение, он сам же и будет расплачиваться за свою ошибку. Но если неправильное решение принимает правительство или президент — платить за его ошибки все равно придется народу. Сапатисты стремятся показать, что каждый может выполнять управленческие функции, вне зависимости от уровня образования и возраста, каждый может принимать на себя ответственность за жизнь общины. Правосудие у сапатистов также свое — в каждом поселении существуют специальные комиссии по вопросам правосудия, которые рассматривают дела в соответствии с традиционными практиками и обычаями. В эти суды обращаются при возникновении спорных вопросов и жители несапатистских общин.

⁵ *Ley de derechos u cultura indigena del estado de Mexico* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cddiputados.gob.mx/POLEMEX/leyes/Ley15.html> (дата обращения: 14.09.2017).

⁶ *Al pueblo de México* [Электронный ресурс]. URL: http://palabra.ezln.org.mx/comunicados/1994/1994_03_01_a.htm (дата обращения: 14.09.2017).

Сапатисты провозгласили, что правительственные школы и больницы игнорируют традиции и особенности индейского населения, и создали свои, в которых основными языками обучения являются языки коренных народов, а испанский язык преподается как дополнительный. Работа учителей и врачей осуществляется на основе бартерного сотрудничества.

Все созданные органы управления сапатистов не признаны мексиканским правительством. Сапатисты подчеркивают, что, согласно ст. 39 Конституции Мексики, граждане имеют право изменять формы организации власти⁷, кроме того, согласно Конвенции МОТ № 169 О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, признается право коренных народов на традиционное право и управление⁸.

На своих подконтрольных территориях сапатисты организуют международные встречи, посвященные развитию образования, искусства, науки. Такие встречи укрепляют международную солидарность и призваны показать возможность конструктивного взаимодействия для обмена знаниями и решения социальных проблем⁹. Предполагается, что обсуждения будут способствовать выработке новой модели общественного устройства, основанной на гуманизме, вместо существующего общества эксплуатации, в котором и материальные, и духовные объекты стали товарами.

Таким образом, сапатисты создали свою систему управления территориями, основанную на развитии горизонтальных связей. Будучи неиерархизированным и неинституционализированным движением, они менее подвержены кооптации («обезглавливанию»)¹⁰, с другой стороны, при децентрализации трудно обеспечить единство (скоординированность). По этой причине все решения в сапатистских общинах принимаются и реализуются очень медленно, потому их региональные центры и называются «Улитками» (*Caracoles*). Сапатисты подчеркивают, что практики прямой демократии укоренены в общинах индейских народов, в религиозных общинах теологии освобождения, и они лишь адаптируют прошлый опыт к новым условиям.

Помимо устройства собственных правительств, сапатисты организуют массовые акции, самая крупная акция последних лет — марш 2012 г. по

⁷ La *Constitución* Política de los Estados Unidos Mexicanos [Электронный ресурс]. URL: <http://mexico.justia.com/federales/constitucion-politica-de-los-estados-unidos-mexicanos/gdoc/> (дата обращения 14.09.2017)

⁸ Конвенция МОТ № 169 О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ioll169.shtml (дата обращения: 14.09.2017).

⁹ Olesen T., *International Zapatismo: the construction of solidarity in the age of globalization*. L.: Zed books, 2005, 180.

¹⁰ Stahler-Sholk. *Op. cit.*, 187.

городам Чиапаса, приуроченный к ожидаемому «концу света», в котором приняли участие около 40 тыс. чел.¹¹ Несмотря на это, в период 2012–2017 гг. информация о сапатистах стала все реже попадать в СМИ. Отчасти это связано с тем, что в 2014 г. было объявлено о символической «смерти» Субкоманданте Маркоса — его уходе из публичной политики. Маркос — автор книг «Четвертая мировая война» и «Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка». Именно загадочный образ Маркоса был привлекателен для прессы. Военным командиром и официальным представителем сапатистов стал Субкоманданте Мойсес, который не стремится создать принципиально новый медийный образ. Кроме того, сапатисты перестали использовать оружие, чтобы привлечь внимание, что и обусловило их «уход» из федеральных СМИ, которым повседневная жизнь в индейских муниципалитетах не столь интересна, как вооруженные восстания.

В 2017 г. образ вооруженной партизанской группы не представляется столь привлекательным. К настоящему моменту близится к завершению самая длительная герилья Латинской Америки — колумбийская. 24 ноября 2016 г. было заключено мирное соглашение между правительством Колумбии и ФАРК (Революционные вооруженные силы Колумбии (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia-Ejercito del Pueblo, FARK-EP)). В других странах (Сальвадор, Никарагуа) бывшие партизанские группы уже давно сменили оружие на места в парламенте. Эту общую тенденцию регионального развития следует учесть при анализе тех изменений, которые затронули и движение сапатистов.

К настоящему времени сапатисты во многом исчерпали выбранный ими путь развития, потому перед ними встал вопрос о возможном выходе на политические процессы национального уровня. Момент для этого сапатисты выбрали удачный.

В настоящее время шансы левой альтернативы в Мексике как никогда велики, поскольку правоцентристы дискредитировали себя проамериканской политикой, выгоды от которой нивелированы победой Д. Трампа на президентских выборах в США. Новый президент США показал решимость пересмотреть политику по таким вопросам, как миграция и свободная торговля. Подобные заявления вызвали волну антиамериканских настроений в Мексике, на которой левые могут подняться, и если не победить в электоральной гонке, то как минимум заявить о себе. Для этого сапатистами и Конгрессом коренных народов было принято решение выдвинуть кандидата на пост президента на выборах 2018 г. Им стала Мария де Хесус Патрисио Мартинес, жительница штата Халиско.

¹¹ La Jornada: Se movilizan mas de 40 mil Zapatistas en 5 municipios de Chiapas [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jornada.unam.mx/2012/12/22/politica/002n1pol> (дата обращения: 02.10.2015).

В настоящее время сапатисты и Индейский конгресс наметили только контуры будущего нацпроекта, но уже понятно, что он является вызовом для мексиканской политики, поскольку женщин-президентов в этой стране еще не было (тем более, индейского происхождения). Кандидатура М. Мартинес — олицетворение социальной группы, дискриминируемой вдвойне. Кроме того, после ухода из публичной политики Субкоманданте Маркоса, символа восстания 1994 г. и всего движения сапатистов, сапатисты вынуждены искать новую фигуру, вокруг которой можно объединить своих сторонников.

Сапатисты и Индейский конгресс долго шли к этому шагу — в течение трех месяцев велись совещания и консультации на всех уровнях правительства, и в 23-ю годовщину восстания в Чиапасе было объявлено решение о выдвижении независимого кандидата на выборах 2018 г. В то же время сапатисты по-прежнему отказываются от сотрудничества с традиционным политическим классом и политическими партиями (которые пока не определились с вопросом, кто будет представлять их на грядущих выборах). Традиционным партиям сапатисты противопоставляют Совет коренных народов, который должен стать выразителем интересов многочисленных групп автохтонного населения, говорящих на разных языках, проживающих в разных частях страны. Таким образом, сапатисты обозначили амбициозную задачу — создать повестку, способную сплотить не только жителей юга Мексики, но и другие этнические группы на принципах антикапитализма и прямой демократии. У сапатистов получилось прийти к политическому консенсусу в штате Чиапас, но получится ли у них консенсус в масштабах страны — пока этот вопрос открыт.

Сами индейцы говорят о М. Мартинес не как о кандидате, а как о представителе коренных народов. Совет коренных народов — не только объединение, выдвигающее своего представителя на пост президента, но и своего рода параллельное правительство. Конкретный человек — представитель этого совета — всего лишь спикер данного коллективного органа. Вместо нее мог бы выступить любой другой член совета. Коренные народы, даже участвуя в политике, не принимают полностью существующих норм, а лишь адаптируют их, поскольку институты представительной демократии им чужды. Совершенно неприемлем для них и институт президентства, неразрывно связанный с единоличным принятием решений. И сапатисты, и Индейский конгресс стремятся полностью отказаться от авторитарного лидерства, даже в военных структурах.

Каковы возможные последствия такого радикального шага сапатистов, как участие в электоральных процессах? Прежде всего, надо иметь в виду, что среди сторонников сапатистов, проживающих вне штата Чиапас,

можно выделить две группы — радикальную и умеренную. К первой группе относятся различные анархистские сообщества, занимающие непримиримую позицию по отношению ко всем существующим политическим институтам. Такие сообщества склонны расценивать участие в выборах как своего рода коллаборационизм, предательство интересов и базовых принципов движения, потому они, очевидно, не поддержат смену вектора движения сапатистов. Другая группа сторонников сапатистов — более умеренных взглядов, состоящая из представителей интеллигенции, университетских кругов, городских социальных движений, журналистов, — с энтузиазмом откликнулась на решение сапатистов предложить национальный проект развития страны. Именно эти слои, помимо коренного населения, составят электоральную базу кандидата от Индейского конгресса и сапатистов на выборах.

Одной из возможных проблем, связанных с выдвижением нового независимого кандидата, выступающего с левой и индеанистской повесткой, может стать дезориентация потенциальных избирателей. Совсем недавно, в 2006 г., в ходе «Другой кампании», сапатисты призывали их не поддерживать ни одного кандидата на выборах, поскольку выборы — это нечестная игра, не имеющая смысла. А в 2018 г. их уже зовут на избирательные участки. Политическая ситуация 2018 г. будет сильно отличаться от таковой в 2006 г., но смогут ли сапатисты объяснить это своим последователям?

Другая проблема связана с ожидаемым противостоянием левых кандидатов на предстоящих выборах. Если в 2006 и 2012 гг. был один левый кандидат — Андреас Мануэль Лопес Обрадор, то теперь симпатизирующим левому движению, возможно, придется делать выбор между ним и М. Мартинес. Лопес Обрадор склонен обвинять сапатистов в своем поражении в 2006 г., когда радикальные левые не поддержали его. Аналогичная ситуация может быть и в 2018-м, поскольку кандидатура М. Мартинес привлечет часть голосов потенциального электората Л. Обрадора, тем самым нанеся ему ущерб. Но для сапатистов и их сторонников это не столь важно, они не стремятся к быстрой победе или быстрым результатам. Если поддерживаемый ими кандидат не победит, что при существующих институциональных барьерах более чем вероятно, сапатисты вернуться в свои общины, продолжат развивать сотрудничество с другими левыми и антиавторитарными движениями страны, расширять свою социальную базу. Кроме того, с точки зрения сапатистов, Лопес Обрадор — это не кандидатура левых, а кандидатура леволиберального центра. Независимого кандидата М. Мартинес они видят единственной антикапиталистической альтернативой в стране. В настоящее время Лопес Обрадор — лидер национального масштаба, ветеран электоральных баталий, в то время как о сапатистах знает не весь их

потенциальный электорат. Потому первоочередная их задача на настоящих выборах — быть услышанными, привлечь голоса коренных народов, которые во многих странах региона уже выступили успешно в поддержку своих кандидатов на выборах¹².

Таким образом, движение сапатистов в настоящее время выходит на новый этап своего развития, связанный с отказом от прежних идеологических принципов, пересмотром стратегии и тактики. Смена вектора развития движения связана с рядом внутренних (смена руководства) и внешних (внутриполитическая ситуация в стране и в латиноамериканском регионе в целом) факторов.

Библиография

1. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни № 169 Международной организации труда http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения 14.09.2017)
2. Stahler-Sholk R. Mexico. Autonomy, collective identity, and the Zapatista social movement / R. Stahler-Sholk (ed.) / Rethinking Latin American Social Movements: Radical Action from Below. Lanham, Maryland, Rowman & Littlefield Publishers, 2014. 412 p.
3. Olesen T. International Zapatismo: the construction of solidarity in the age of globalization. L.: Zed books, 2005. 243 p.
4. Al pueblo de México [Электронный ресурс]. URL: http://palabra.ezln.org.mx/comunicados/1994/1994_03_01_a.htm (дата обращения: 14.09.2017).
5. La Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos [Электронный ресурс]. URL: <http://mexico.justia.com/federales/constitucion-politica-de-los-estados-unidos-mexicanos/gdoc/> (дата обращения: 14.09.2017).
6. La Jornada: Se movilizan mas de 40 mil Zapatistas en 5 municipios de Chiapas [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jornada.unam.mx/2012/12/22/politica/002n1pol> (дата обращения: 02.10.2015).
7. Ley de derechos u cultura indigena del estado de Mexico [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cddiputados.gob.mx/POLEMEX/leyes/Ley15.html> (дата обращения: 14.09.2017).
8. Segunda Declaración de la Selva Lacandona [Электронный ресурс]. URL: http://palabra.ezln.org.mx/comunicados/1994/1994_06_10_d.htm (дата обращения: 13.09.2017).
9. ¿Qué son los Acuerdos de San Andrés? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cedoz.org/site/content.php?doc=400> (дата обращения: 13.09.2017).

¹² Партия «Движение к социализму» (Movimiento al Socialismo) в Боливии, Альянс ПАИС (Movimiento Alianza PAIS) в Эквадоре.

Antonio Cruz Coutiño¹
Sophia Pincemin Deliberos²

Mitología maya contemporánea. Avances de una compilación en proceso

Contemporary Mayan mythology. Advances of a compilation in process

Resumen: Esta disertación refiere las labores investigacionales en proceso, asociadas a la compilación general de las leyendas contemporáneas de los pueblos de Chiapas (tierra mexicana en la frontera con Centroamérica), concebidas como relatos míticos que forman parte de la identidad cultural de esa entidad. Refiere la colección, el método y los procedimientos que se adoptan durante el procesamiento y clasificación de la información, al igual que el estado actual del Proyecto y sus expectativas.

Palabras claves: Mitología; leyendas; mayas; Chiapas; compilación.

Abstract: This dissertation refers to the investigative work in process, associated to the general compilation of the contemporary legends of the peoples of Chiapas (Mexican land on the border with Central America), conceived as mythical stories that form part of the cultural identity of this state. It refers to the collection, method and procedures adopted during processing and classification of the data, as well as the Project's status and its expectations.

Keywords: Mythology; legend; mayas; Chiapas; compilation.

Desde hace 17 años emprendimos la compilación de las leyendas vigentes, contemporáneas del estado de Chiapas. Inspirados en la basta labor de compilación, identificación, registro, clasificación, análisis y estudio de los mitos, leyendas e historias, de los antropólogos y folkloristas rusos, escandinavos, franceses y alemanes. Y como parte de ella el trabajo substancial de Alexander Afanásiev y Vladímir Propp, respecto de la tradición oral rusa.

Emprendimos este trabajo, si bien de manera tangencial y con tiempos más bien extendidos, debido a la certeza que hoy confirmamos: que toda la información que pudiera compilarse, por vía de la oralidad testimonial de los pueblos contemporáneos de Chiapas, sería muy útil al conocimiento de al menos tres de las civilizacio-

¹ Mexicano. Autor principal. Profesor miembro del Sistema Nacional de Investigadores, doctor en Humanidades por la Universidad de Salamanca, UNACH-Facultad de Humanidades. cruzcoutino@gmail.com

² Francesa. Autora secundaria. Profesora-investigadora, doctora en Antropología por la UNAM, UNACH-Facultad de Ciencias Sociales. sophiamayas@gmail.com

nes que marcan a lo largo del tiempo a Centroamérica, parte substancial de nuestra Mesoamérica ancestral. Las culturas maya, zoque y chiapaneca.

La colección de los relatos, narraciones, cuentos, historias y leyendas actuales de los pueblos sucesores de estas culturas —desde la perspectiva de la oralidad testimonial— permitiría coadyuvar con los estudios de la antropología y la historia local, respecto de estas civilizaciones. Facilitaría el discernimiento, precisión y examen de sus creencias y mitos, y por esa vía acceder a la ratificación de los conocimientos de esas antiguas civilizaciones; sus saberes religiosos y profanos, entre ellos lingüísticos, ecológicos, agrícolas, etcétera.

Hoy, tras la culminación reciente de la novena y última cumbre de las naciones del BRICS en Xiamen —en donde se avizora la concreción de un vasto mercado global, paralelo al que se forma entre Norteamérica y Europa—, México entre los países emergentes, procura su incorporación a esta región económica mundial en proceso, y desde ya, desarrolla los puentes y contactos culturales para su facilitación. Proyectos que podrían fructificar en colaboración, no sólo en el campo de la investigación y el desarrollo, sino en el de la educación, las artes y el patrimonio cultural. Contexto en donde se ubica la presente compilación, que llevaría a disponer al nivel mundial, los textos contemporáneos reunidos, de la mitología maya contemporánea.

1. Antecedentes. Primera meta

Arrancamos en el año 2000 con la convicción de que debía iniciarse esta colección, ante la inexistencia de iniciativas o proyectos formales al respecto. Descubrimos que en México era más fácil consultar electrónicamente y mediante repositorios, las mitologías asiáticas e indoeuropeas, esto es: asirio-babilónicas, hindúes y báltico-eslavas; clásicas, orientales, nórdicas, escandinavas y anglosajonas, antes que los mitos y leyendas del país.

En otras palabras: fácilmente se accede a “Las mil y una noches”, mitos de Oriente Medio, o a la colección de los mitos franceses transformados en cuentos, de Charles Perrault, o a la compilación alemana de los Hermanos Grimm, o al repertorio de las leyendas finlandesas de Antti Aarne y Stith Thompson³, pero es imposible encontrar en un solo sitio, los mitos y leyendas de las civilizaciones mesoamericanas, los cuentos e historias tradicionales de las regiones y pueblos de México y Centroamérica. Y lo mismo ocurre con las colecciones y análisis efectuados por Alexander N. Afanásiev y Vladímir Propp, respectivamente⁴, sobre las leyendas y “cuentos maravillosos” de la tradición oral rusa.

³ Antti Aarne y Stith Thompson, *Los tipos del cuento folklórico. Una clasificación* (F. Peñalosa, trad.). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia (FF Communications No. 258), 1995.

⁴ Alexandr Afanásiev, *Cuentos populares rusos* (I. Vicente, trad.), Madrid, Anaya (Infantil y juvenil), 2008, 4 vols., *Cuentos prohibidos rusos* (M. García y J. Garrote, trads.), Madrid, Alborada, 1991 y Vladímir Propp

Iniciamos tan sólo con buena voluntad y algunas ideas en la cabeza. Consultamos bibliotecas, hemerotecas, archivos; adquirimos un ordenador, un escáner y una grabadora; amigos de una asociación civil facilitaron su biblioteca, algo de papelería y espacio para trabajar, y... comenzamos a ver resultados. Aunque muy pronto perdimos algunos materiales, pasajes de alguna historia, textos completos y referencias; substanciales desde la perspectiva de la academia.

Y así avanzamos, más como un pasatiempo que como proyecto serio de investigación. Sin una planificación ni una metodología formal; dando palos de ciego, es cierto, pero con una doble intención: iniciar la compilación aún con dificultades — para aprender de nuestros errores—, y avanzar en el conocimiento de los recursos, fuentes y acervos disponibles, lo mismo que conocer las dificultades, implicaciones y complicaciones de este tipo particular de investigación documental.

Decidimos, ante la profusión inicial de textos disponibles, emprender formalmente una primera etapa. Parar en el momento en que tuviésemos 200 textos reunidos, y comenzar ahí, con base en la experiencia, la redacción de una especie de anteproyecto; iniciar al mismo tiempo la formación de conjuntos en razón a la temática de las narraciones, para concluir en algún momento, en un esquema de clasificación. Luego ampliamos el horizonte y decidimos que esta etapa inaugural concluiría con la disposición de 500 textos. Nuestra fuente sería la más o menos extensa bibliohemerografía chiapaneca, desperdigada aquí y allá en pequeñas bibliotecas y hemerotecas institucionales, públicas, privadas, municipales y escolares.

2. Planificación y primeros soportes

Vino entonces el primer estímulo institucional —una beca de PACMyC que cubriría algunos gastos— y la necesidad de formalizar un Proyecto de Investigación cuyo objetivo central se mantiene hasta la fecha: “Compilar las leyendas vigentes de los pueblos de [Chiapas], con base en los diversos materiales registrados por primera vez, escriturados en su mayoría a partir de la segunda mitad del siglo XX, previa indagación bibliohemerográfica, procesamiento, análisis y sistematización de los materiales. Ello de acuerdo con una tipología propia”⁵.

Por su parte, el supuesto metodológico a partir del cual se desarrolla la indagación, recopilación y análisis de los textos, al igual que la composición de la tipología o esquema de clasificación de las leyendas, fue varias veces adecuado a los avances y a la precisión con que se orientaba el Proyecto, estabilizado sin embargo, en el siguiente texto:

Las raíces históricas del cuento, Caracas, Fundamentos, 1974.

⁵ Antonio Cruz Coutiño, “Leyendas y narrativa popular en Chiapas”, *Revista Iberoamericana* IV: 21, Madrid, marzo 2006, 176-182.

Las leyendas contemporáneas de los pueblos de Chiapas expresan el bagaje cultural de las civilizaciones predecesoras (maya, zoque y chiapaneca) y las influencias a las que se vieron expuestas: las de la cultura náhuatl, las de la tradición judeo-cristiana, e incluso algunas de origen afroamericano. Registradas ahora por primera vez, o previamente escrituradas, todas se han transmitido oral e ininterrumpidamente desde la antigüedad, y se corresponden con las religiones, creencias y mitos ancestrales mesoamericanos. Ello de acuerdo con los añosos textos mayas-coloniales y la investigación, arqueológica, epigráfica, geográfica e histórica desarrollada sobre la región⁶.

De donde se deriva que muy pronto hubo rumbo, estrategia y método. Consultamos a quienes en México habían intentado antes, varias compilaciones, entre ellos a Carlos Montemayor⁷; descubrimos algunos esfuerzos limitados y parciales para Yucatán, Oaxaca y Guatemala. Algo sobre mitología náhuatl, y ciertas colecciones para el Bajío, Centro y zona del Pacífico.

Para el caso particular de Chiapas, se encontraron pocas colecciones: las de etnólogos, antropólogos y viajeros sobre algunos grupos étnicos de Chiapas, y las asistemáticas del CELALI, CIHMECH y CONACULTA. A contrasentido sin embargo, sí se encuentran diversas obras tangenciales, que incluyen narraciones míticas, si bien su atención se centra disciplinariamente: geografía, botánica, historia, arqueología, estudios monográficos y culturales, crónicas, e incluso cuentos y novelas; obras literarias éstas últimas, en donde las leyendas de los pueblos son, desafortunadamente, agenciadas como propias.

Al finalizar esta etapa, fue posible visualizar una serie de grandes e iniciales conjuntos: textos cosmogónicos, relatos creacionales, leyendas ambientales o bien situacionales; narraciones fundacionales, mitos ancestrales y/o religiosos; relatos escatológicos, vinculados con el inframundo; textos sobre héroes y fantasías diversas, mitos y rituales mágico-religiosos, narraciones socio-históricas, y mitos de la tradición judeo-cristiana.

3. Nuevos soportes. Procesamiento de la información

Entramos después, a la segunda etapa, ahora con mayor brío y expectativas más altas, pues pretendíamos identificar, reunir y procesar la información de 1500 textos adicionales. De preferencia previamente escriturados, sin soslayar la posibilidad de acceder a narraciones de primera mano, a modo de hacer contacto con la oralidad testimonial. Ya durante la etapa anterior se habían recogido algunas leyen-

⁶ Antonio Cruz Coutiño, *Mitología maya contemporánea*, Tuxtla Gutiérrez, UNACH, CAEME, El Agua y Demos, 2011, 52.

⁷ Carlos Montemayor (comp.), *Situación actual y perspectivas de la literatura en lenguas indígenas*, México, Consejo Nacional para la Cultura y las Artes, 1993, entre otras varias obras compilatorias.

das mediante entrevistas. Ahora se trataba explícitamente de llegar a ellas, sobre todo en el caso de municipios o regiones con muy baja densidad escritural, o con escasos materiales bibliohemerográficos.

Esta etapa fue especialmente fructífera, al disponer de una beca doctoral por parte de la UNACH Universidad de Chiapas, durante cuatro años, lo mismo que el financiamiento a un proyecto de investigación durante dos temporadas anuales por parte del PROMEP, un programa de mejora del profesorado del ministerio de educación.

Tres productos substanciales derivaron de esos estímulos económicos: una colección de diez carteles alusivos, el libro “Mitología Maya Contemporánea” de 381 páginas y la obra inédita “Mitología y continuidad maya. La creación del hombre y su entorno”, de 600 páginas. Esto, además de diversos artículos en revistas especializadas, textos de divulgación, disertaciones, charlas e informes.

Igual, durante esa etapa se define con precisión la metodología del procesamiento de la información, desde la identificación de los acervos dispersos, hasta la incorporación de los relatos a las distintas secciones de la Compilación. El procedimiento se fraccionó en cuatro fases: identificación de materiales, procesamiento de materiales, análisis de textos e incorporación de textos a la Compilación.

La fase A, identificación de los materiales, conlleva acciones que van desde la identificación de bibliotecas y bancos de información, identificación de secciones de interés, localización de bibliografía o documentos, esto es: libros, revistas, folletos; identificación de textos valiosos, localización del título del texto (o redacción de uno) y, señalización de su ubicación.

La fase B, procesamiento de los materiales, ha implicado varias actividades, entre ellas: formación de un archivo para cada documento localizado, escaneo o transcripción de textos al formato PDF, conversión de PDFs a textos Word, depuración y eliminación de marcas indeseables y, cotejo con el texto original.

La fase C, análisis de textos, es por mucho el momento fundamental del procedimiento, pues ella conlleva las acciones: registro de la referencia bibliohemerográfica, formulación inicial de la ficha identitaria, primera lectura, en donde se eliminan repeticiones, redundancias y relleno; segunda lectura, misma que lleva a la profunda comprensión del texto; detección de los personajes del relato y, elaboración de la síntesis descriptiva.

Finalmente la fase D, incorporación de textos a la Compilación, implica la formulación definitiva de la ficha identitaria, la adscripción del texto a un tema principal, la adjudicación del tema o temas colaterales, la identificación de la serie a la que corresponde, y la integración definitiva del texto a la Compilación. De ello deriva que sólo al final del proceso tenemos la ficha descriptiva-identitaria completa, de cada uno de los textos incorporados, formada con los siguientes elementos:

1. Título del texto, 2. Síntesis descriptiva, 3. Personajes intervinientes, 4. Serie de la Tipología a la que corresponde el texto, 5. Subserie de la Tipología a la que corresponde, 6. Tema principal de adscripción, 7. Tema o temas colaterales a los que podría corresponder. 8. Procedencia geográfica del texto, 9. Registro o año probable de su colecta, 10. Número secuencial dentro del tema principal del texto, 11. Etnia a la que corresponde el lugar de procedencia, 12 y 13. Intención y carácter narrativo, de acuerdo con un catálogo, y 14. Fuente bibliohemerográfica, con apellidos y año de publicación.

4. Etapa terminal y expectativas

Tras el procesamiento de los 2000 textos, correspondientes a los dos primeros períodos, recién hemos dado inicio a la tercera etapa, fase terminal del Proyecto en la que ahora nos encontramos. Compromiso que ha de llevarnos a la colección de mil textos adicionales, para finalmente disponer de 3000 leyendas, sin animarnos hoy a poner una fecha límite de entrega, dada la enorme cantidad de trabajo por venir. 2000 narraciones están totalmente procesadas, ubicadas cada una de ellas en la sección que le corresponde. 500 se encuentran al 50 por ciento de su procesamiento, esto es: realizadas las labores de lectura, síntesis y análisis que concluyen en la comprensión de los textos; mientras el procesamiento de los últimos 500 relatos se encuentra en su fase inicial.

Cuando se haya terminado todo ese trabajo, se procedería a una revisión general, para evitar verbosidad, redundancia, repetición, contradicciones, dislates y flagrantes errores de comprensión. Luego vendría la redacción de un ensayo general introductorio y en seguida, todo el documento o informe general de la investigación sería pasado a manos de profesionales de la escritura.

Primero a las del corrector de la ortografía del documento, luego a las del corrector de estilo. Después a las del editor y finalmente vendría la tarea de encontrar fuentes adecuadas de financiamiento, lo que permitiría la publicación de todo el material, mediante la impresión de ocho a diez volúmenes, y su posterior distribución. En primer lugar hacia las bibliotecas públicas: escolares, universitarias y especializadas de Chiapas, México y Centroamérica.

5. A modo de conclusión

Finalmente y a guisa de conclusión, se dispone el esquema de clasificación que progresivamente ha sido desarrollado, con el que se trabaja a lo largo de estos 17 años; tipología ahora mismo concluyente y definitiva, que bien podría servir de modelo, sugerencia o rumbo, a futuras compilaciones de textos míticos, en o sobre las diversas regiones de México, Centroamérica y América del Sur, dada la pertenencia o cercanía de estas áreas a Mesoamérica.

Esta tipología de las narraciones míticas contemporáneas de los pueblos de Chiapas, está formada por diez series generales, cuatro de ellas subdivididas en nueve subseries, todas a su vez distribuidas en 76 temas o secciones de adscripción. La serie “Mitos cosmogónicos” contiene los temas: creación y recreación del cosmos, estructura del cosmos, creación y recreación del sol, creación y recreación de la luna, origen y creación de la tierra, origen de fenómenos catastróficos, origen de fenómenos climatológicos y, fenómenos naturales.

La serie “Mitos creacionales” incluye las secciones siguientes: creación y recreación de la humanidad, eliminación de la humanidad, hombres antiguos sobrevivientes, regresiones y deformaciones, formación del hombre de maíz, los ladinos, los otros; y origen y descubrimiento del sexo.

Dos subseries derivan del grupo “Mitos ambientales, situacionales”: el subgrupo “Entorno vegetal” que abarca los temas: origen y creación de plantas y alimentos, cuidados a árboles y plantas, donación o procedencia del maíz, cuidados especiales al maíz, y deidades asociadas al maíz y otros cultivos, y la subserie “Entorno fáunico” que comprende las secciones: origen y creación de animales, animalia parlante, rasgos identitarios de animales, historias de animales en general, fábulas y aventuras, animalia fabulosa, extraordinaria; y animalia asociada a deidades.

El grupo “Mitos fundacionales” engloba cinco temas: emigraciones guiadas por deidades ancestrales, emigraciones guiadas por personajes católicos, fundación y refundación de pueblos, fundación y construcción de templos, y santos fundadores y viajes.

En tres subseries se divide el grupo “Mitos ancestrales religiosos”. “Divinidades cósmicas” deriva en las secciones: deidades asociadas al sol, andanzas del pequeño sol, deidades asociadas a la luna, Venus y estrellas; y deidades asociadas al viento. El subgrupo “Divinidades asociadas a la montaña” contiene los temas: señor o señora de las montañas, señor o señora de las cuevas, señor de los animales; montañas, volcanes y grutas sagradas y, huertas y paraísos subterráneos. La subserie “Divinidades asociadas al agua” se subdivide en tres secciones: deidades asociadas al rayo, nubes y lluvia; agua, fuentes y creación de ríos; y personajes asociados al agua.

Está asimismo la serie “Mitos escatológicos vinculados al inframundo”, integrada por las secciones: señor del inframundo, personajes asociados a la enfermedad y a la muerte, viajes y descripción de la “vida” en el inframundo, monstruos de tez negra y, personajes infantiles negros, enanos y duendes. Y continúa el grupo “Mitos sobre héroes y otras fantasías”, constituido por sólo cuatro temas: andanzas de los hermanos frecuentemente abandonados, heroicidad y desagravio, descubrimientos e invenciones y, mujeres fantásticas o sensuales.

El grupo “Mitos y rituales mágico-religiosos” contiene los siguientes temas: iniciación a la *chamanería* y otras cargas, chamanismo y curanderismo, nagualismo,

ideas generales; nagualismo, indeterminados; naguales asociados al jaguar, naguales asociados al Cadejo, naguales diversos, masculinos; y naguales diversos, femeninos.

De su parte, la serie “Mitos socio-históricos” se fracciona en dos subseries: “Situaciones históricas” que a su vez incluye: sucesos de la época colonial, sublevaciones indígenas, mozos y trabajadores de haciendas, sequía, escasez y plagas y, terremotos y erupción de volcanes; y el subgrupo “Conductas disfuncionales” que contiene: prejuicios sociales, rapto y deshonor de mujeres, mujeres y hombres adúlteros y, artificios para engañar.

Finalmente, la sucesión “Mitos de la tradición judeo-cristiana” se distribuye en dos subgrupos: “Santos, vírgenes y objetos sagrados” integrado por las secciones: aparición de santos y vírgenes, historias asociadas a santos, santos parlantes y otros milagros, reinención de personajes católicos y, objetos sagrados diversos; y por otra parte, “Almas, muertes y demonios”, formado con los temas: apariciones de almas en pena, procesiones y actos sepulcrales, sobre la muerte y otros anuncios, fiestas y celebraciones festivas, e historias asociadas al demonio.

6. Sugerencias

Finalmente un par de respetuosas sugerencias para los presentes, aunque en especial para los organizadores de este 3er foro internacional Rusia e Iberoamérica:

1. Que se proponga a los países del BRICS y asociados, formen un fondo de recursos para fomentar el conocimiento y los estudios sobre el vasto patrimonio cultural, de las naciones miembros, y en especial sobre su patrimonio intelectual o intangible, en línea con las directrices de la UNESCO.
2. Que la Universidad Estatal de San Petersburgo o, en general el sistema ruso de universidades públicas o, el propio estado nacional de la Federación Rusa, establezca un fondo de recursos para honrar la memoria de Afanásiev y Vladímir Propp, a fin de promover en los países del BRICS y asociados, la investigación, la divulgación y el conocimiento de los mitos y leyendas identitarias de nuestras naciones.

Bibliografía

1. Antti Aarne y Stith Thompson, *Los tipos del cuento folklórico. Una clasificación* (F. Peñalosa, trad.). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia (FF Communications No. 258), 1995.
2. Alexandr Afanásiev, *Cuentos populares rusos* (I. Vicente, trad.), Madrid, Anaya (Infantil y juvenil), 2008, 4 vols., *Cuentos prohibidos rusos* (M. García y J. Garrote, trads.), Madrid, Alborada, 1991 y Vladímir Propp *Las raíces históricas del cuento*, Caracas, Fundamentos, 1974.
3. Antonio Cruz Coutiño, “Leyendas y narrativa popular en Chiapas”, *Revista Iberoamericana* IV: 21, Madrid, marzo 2006, 176-182.

4. Antonio Cruz Coutiño, *Mitología maya contemporánea*, Tuxtla Gutiérrez, UNACH, CAEME, El Aguaje y Demos, 2011, 52.
5. Carlos Montemayor (comp.), *Situación actual y perspectivas de la literatura en lenguas indígenas*, México, Consejo Nacional para la Cultura y las Artes, 1993, entre otras varias obras compilatorias.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ

Mauricio Archila¹

Las izquierdas colombianas y la Revolución Rusa en el (corto) siglo XX

The Colombian lefts and the Russian Revolution in the (short) twentieth century

Resumen: La ponencia busca reflexionar sobre el impacto de la revolución rusa en las izquierdas colombianas durante el “corto siglo XX”. Este legado no pesó lo mismo en todos los grupos que lo heredaron y no tuvo siempre la misma intensidad, pero fue un referente permanente a la hora de construir identidades, especialmente en la izquierda autodefinida como marxista leninista. Con tal fin se hace un recorrido histórico a través de cuatro grandes periodos entre 1919 y 1990, extrayendo al final algunas conclusiones que sopesan los logros y limitaciones de tal herencia para Colombia proyectada a los tiempos recientes de los acuerdos de paz.

Palabras clave: la Revolución rusa; las izquierdas; maxismo-leninismo; Colombia.

Abstract: The paper seeks to explain what was the impact of the Russian revolution on the Colombian left and how that legacy had been working in its general trajectories during the short twentieth century. For this we will make a historical tour through four major periods between 1919 and 1990, giving at the end some conclusions that access the achievements and limits of such heritage for Colombia.

Keywords: the Russian Revolution; the Left; Maxism-Leninism; Colombia.

¹ Ph. D. en Historia, Profesor Titular de la Universidad Nacional de Colombia, sede Bogotá, e investigador asociado del Cinep (Centro de Investigación y Educación Popular).

— “El impacto de la Revolución de Octubre, es de orden mundial”

(Jaime Caicedo, Partido Comunista de Colombia).

— “Nosotros nos declaramos parte de la herencia de la Revolución Rusa; para nosotros ésta era y sigue siendo nuestro ejemplo de revolución. La reivindicamos en su periodo fundamental de 1917 a 1924”

(Oscar Ángel, Partido Socialista de los Trabajadores).

— “No obstante sus errores y limitaciones, tanto la Revolución Soviética hasta la muerte de Stalin como la Revolución China hasta 1976 (muerte de Mao Tse Tung), legaron a los pueblos del mundo una preciosa herencia revolucionaria” (Marcelo Torres, Partido del Trabajo de Colombia).

(Testimonios en Holguín 2007, 58, 120 y 184)

No deja de llamar la atención que sectores tan diversos de las izquierdas colombianas como el comunismo tradicional, el trotskismo y el maoísmo coincidan en reclamarse herederos de la Revolución de Octubre, aunque difieran en torno a cuándo se acabó el ímpetu revolucionario en la patria de Lenin. Y son testimonios publicados en 2007, bien entrado el siglo XXI, 15 años después de la disolución de la URSS (Unión de Repúblicas Socialistas Soviéticas). Sin embargo no hay razón de fondo para sorprenderse, pues todas estas tendencias de izquierda se consideran discípulas de Marx —el fundador del llamado socialismo científico junto con Engels— y de Lenin —quien llevó a la práctica su pensamiento—. En el lenguaje de izquierda esto se denomina “marxismo leninismo”, para referir al sector de revolucionarios que rompió con la socialdemocracia en la Primera Guerra Mundial, reivindicó el triunfo bolchevique de 1917 y temporalmente se agrupó en la Tercera Internacional “Comunista”. Para ellos la Revolución de Octubre² fue la gran ruptura de la historia moderna y el inicio de una nueva época de la humanidad que Marx había anticipado desde la experiencia frustrada de la Comuna de París en 1871: la construcción del socialismo. Y aunque hoy sabemos que los experimentos socialistas inspirados por el marxismo leninismo no tuvieron el éxito esperado, la Revolución Rusa sigue ejerciendo un gran atractivo no solo entre los viejos nostálgicos nacidos en el siglo pasado sino aun en las mentes juveniles del siglo XXI. Por supuesto que este legado no pesó lo mismo en todos los grupos que lo heredaron y no tuvo siempre la misma

² En realidad fue en noviembre, por el diferente calendario que tenía la Rusia zarista en ese momento.

intensidad, pero fue un referente permanente a la hora de construir identidades, especialmente en la izquierda autodefinida como marxista leninista.³

Esta presentación busca explicar cuál fue el impacto de la revolución rusa en las izquierdas colombianas y cómo obró ese legado en sus trayectorias generales durante el corto siglo XX.⁴ Para ello haremos un recorrido histórico a través de cuatro grandes periodos entre 1919 y 1990, extrayendo al final algunas conclusiones que sopesan los logros y limitaciones de tal herencia para nuestro país.

1) Socialismo ecléctico (1919–1930)

Cuando se celebraban los 50 años de la revolución de Octubre el escritor comunista, José Arizala, contaba una anécdota diciendo sobre la confusión con que fue percibida en el medio colombiano. Dice él que un órgano de prensa colombiano (no precisa cuál) dio la noticia el 25 de octubre de 1917 de esta forma: “el general bolchevique toma el poder en Rusia”. No pudimos comprobar si la noticia fue cierta, pero no parece descabellado que se hubiera producido.⁵ En efecto, de tanto oír de la revolución mexicana iniciada unos años antes y por la propia experiencia de nuestras guerras civiles, parecía que los periodistas criollos no tenían otros códigos para leer los eventos internacionales, sino hablar de generales o caudillos que daban golpes de estado.

A esa confusión inicial siguió rápidamente una reacción negativa de parte de las élites criollas que veían con temor que el pueblo raso se tomara el poder. Otro dirigente comunista, el veterano Rafael Baquero, en la misma efemérides recordaba que de pequeño la gran prensa difundía “un conocido dibujo que representa a un hombre primitivo con unas uñas muy largas y un puñal entre los dientes”. Tampoco es de extrañar este imaginario conservador, puesto estábamos en plena Regeneración. Además, como señalaba el maestro Gerardo Molina, en Colombia primero hubo antisocialismo que pensamiento socialista. Pero por fortuna, no fue el rechazo la única actitud con la que se recibió la Revolución de Octubre en nuestro medio,

³ En ocasión anterior señalábamos que la distinción entre izquierda y derecha no era ontológica sino relacional; también decíamos que la definida como marxista-leninista o comunista, se caracterizó por privilegiar la igualdad en detrimento de la libertad. Pero esta tendencia no agotó la rica tradición de izquierda, pues hubo otras vertientes que le apostaron a ambos valores en una especie de “equilibertad”, y que hoy en el siglo XXI se recrean atendiendo también a la diferencia (Archila y otros, 2009, Introducción).

⁴ Retomamos la periodización propuesta por Eric Hobsbawm (1994), para quien el siglo XX se inicia en la Primera Guerra Mundial y culmina con la caída del socialismo real a principios de los años noventa. Por supuesto, esta cronología, como ocurre con todas, implica una interpretación de la historia, en este caso muy influida precisamente por la experiencia comunista, en la que el autor participó como un intelectual, historiador en concreto, más que como dirigente político.

⁵ De hecho en la información de prensa colombiana de la época que encontró el investigador Vladimir Rouvinski aparece un titular similar: “Golpe de estado en Rusia”...

hubo también simpatías en sectores progresistas liberales y en incipientes núcleos de izquierda.⁶ Veamos esa recepción, no sin antes contextualizarla.

Lo que ocurría en el planeta por esos años es bien conocido: Europa encabezaba la expansión imperialista para atenuar la crisis del capitalismo en sus propias naciones, lo que produjo roces entre ellas que derivaron en la Primera Guerra Mundial. La mayoría de los partidos socialistas adhirieron a los esfuerzos guerrilleros nacionales sacrificando el internacionalismo proletario. La Rusia zarista fue de las primeras que se alistó a defender sus propósitos expansionistas, pero tuvo poco éxito en el campo de batalla, lo que fue aprovechado por el núcleo revolucionario bolchevique que llamó a terminar la guerra y al traslado del poder a los consejos (soviets) de obreros, campesinos y soldados. La naciente república soviética debió iniciar la construcción del socialismo en forma aislada, enfrentando a enemigos internos y externos, lo que la hizo muy vulnerable y exigió un férreo control revolucionario. A la muerte de Lenin en 1924 se desató una disputa de poder en la que ganó José Stalin ante el otro líder revolucionario, León Trotsky.

Mientras tanto en la Colombia de finales de los años diez y comienzos de los veinte, en medio de un inusitado auge económico conocido como la “danza de los millones”, estos eventos se seguían con interés pero con cierto rezago y sobre todo con poca claridad sobre lo que realmente ocurría en la lejana Rusia. Ya veíamos las distorsiones que los medios conservadores y aun liberales, hacían de dichos sucesos. Pero aún dentro de las incipientes izquierdas había cierta confusión y mucho eclecticismo. Con todo rápidamente el ejemplo ruso se volvió cercano estimulando una gran agitación social que fue decantando posiciones políticas más definidas dentro de las izquierdas criollas hasta conformar organizaciones sociales y políticas afines al ideario bolchevique^{7 8 9} La táctica insurreccional adoptada por el socialismo revolucionario sería derrotada tanto como la cruda represión desde la derecha intran-

⁶ Tomemos el ejemplo de Jorge E. Gaitán: si bien en su tesis de grado de 1924 no se muestra como seguidor de la revolución rusa, reconoce que en ese remoto país se han dado pasos hacia el colectivismo (1984, 154), y que de alguna forma esa revolución contribuyó a la difusión de las ideas socialistas y a pensar en un cambio revolucionario: “que lo viejo muera para que lo nuevo nazca y se fortifique. La tumba del pasado ha de ser la cuna del futuro” (Ibíd., 165).

⁷ Torres Giraldo, Ignacio, 1973, *Los Inconformes: historia de la rebeldía de las masas en Colombia*, 4 Vols., Bogotá, Editorial Margen Izquierdo

⁸ Vega, Renán, *Gente muy rebelde*, 2002, 4 Vols., Bogotá, Ediciones Pensamiento Crítico.

⁹ Los investigadores cubanos Sergio Guerra y Alberto Prieto destacan los siguientes impactos de la Revolución de Octubre en las izquierdas de América Latina: diferenciación con los partidos socialistas y radicalización de los núcleos leninistas para crear Partidos Comunistas que también se alimentan de desprendimientos de anarquistas y sindicalistas; gran atracción en clases progresistas como obreros, intelectuales y estudiantes; y creciente agitación social de carácter antimperialista, tanto que a juicio de ellos “no hubo movimiento popular de importancia durante la posguerra en el que, de una manera u otra, no se vislumbrara el legado de Octubre” (Guerra y Prieto, 1980, 2). Colombia no fue excepción a esto.

sigiente, en cambio el país optó por una salida civilista impulsada por los notables liberales que propiciaban la institucionalización del conflicto social.

El Partido Socialista creado en 1919 vaciló en su valoración sobre los acontecimientos en Rusia. En efecto, anclado en la tradición reformista liberal el naciente socialismo colombiano rechazó el anarquismo, el colectivismo exagerado y el comunismo¹⁰ y se declaró “democrático”¹¹. Edgar Caro dice que en el congreso socialista de 1921 se plantearon dos posiciones ante la Revolución Rusa: el sector moderado denunció que la aparición de literatura anarquista y “bolchevista” así como las noticias de Rusia habían indigestado a algunos militantes, mientras que otro sector pedía claramente la adhesión a la Internacional Comunista¹². Todavía en 1923 un periódico tan combativo como *El Luchador* de Medellín decía: “el socialismo colombiano no tiene ninguna relación filosófica con el socialismo de Europa, el socialismo criollo solo aspira a mejorar el estado social y económico del obrero dentro de la razón y la justicia sin chocar con las leyes legales ni los derechos ajenos”¹³. Ahora bien, no solo el socialismo reformista rechazaba el modelo bolchevique, algunos núcleos anarquistas también lo hicieron al denunciar que en la Rusia revolucionaria se sacrificaba la libertad¹⁴.

Pero estas críticas fueron cediendo paso a una creciente simpatía en nuestras izquierdas por la Rusia soviética, que se hizo más explícita en el grupo comunista de Savinsky, cuya máxima figura fue Luis Tejada. Este murió tempranamente, no sin antes mostrar gran admiración por la Revolución de Octubre y sus máximas figuras Lenin y Trotsky. El núcleo de Savinsky pidió en 1924 aceptación a la Internacional Comunista (IC) pero fue rechazada bajo los argumentos de confusión ideológica y por buscar alianzas con los liberales¹⁵. La simpatía bolchevique sería más clara y coherente en los sectores agrupados en 1926 en el PSR (Partido Socialista Revolucionario), grupo que no fue homogéneo ni monolítico¹⁶. Incluso muchos de sus militantes pasaron de la admiración revolucionaria a establecer contacto directo con Moscú, disputándose el reconocimiento de la IC. El asunto no fue solo viajar a Rusia, con estadías a veces prolongadas, sino también pedir oficialmente la admisión primero a la federación sindical y luego a la IC, admisión que fue formalmente

¹⁰ Molina, Gerardo, 1987, *Las ideas socialistas en Colombia*. Bogotá, Tercer Mundo.

¹¹ *El Socialista* 14 de febrero, 1920, 1

¹² Caro, Edgar Andrés, 2017, “Recepciones de la Revolución Rusa en *La Humanidad* (1925-1927)”, *Manuscrito inédito*.

¹³ *El Luchador*, 22 de junio, 1923, 1

¹⁴ Vega, Renán, *Gente muy rebelde*, 2002, 4 Vols., Bogotá, Ediciones Pensamiento Crítico.

¹⁵ Jeifets, Lazar y Jeifets, Víctor, 2001, “El Partido Comunista Colombiano, desde su fundación y orientación hacia la ‘Transformación ‘Bolchevique’”, *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*, No. 28, 7-37.

¹⁶ Meschkat, Klaus y Rojas, José María, 2009, “Liquidando el pasado”, la izquierda colombiana en los archivos de la Unión Soviética, Bogotá, FESCOL/Taurus.

aceptada en 1928 para el PSR, pero con muchas dudas de que fuera un verdadero partido bolchevique, por razones similares a las que se adujo años antes para el núcleo comunista de Savinsky¹⁷.

Esta rápida recepción de la Revolución Rusa, es ilustrada por Edgar Caro al estudiar en detalle el periódico *La Humanidad*, editado por Torres Giraldo en Cali entre 1925 y 1928, y en general la prensa socialista de la época. Caro muestra como esos periódicos percibieron la Revolución de Octubre como una ruptura epocal con ribetes religiosos o mesiánicos, como un evento que aportó nuevos lenguajes e iconos, pero sobre todo que ofreció un ejemplo de las tareas revolucionarias que se debían emprender en Colombia.¹⁸

Pero el PSR tuvo la osadía de querer ser admitido a la IC sin perder sus rasgos nacionales. Como lo percibí hace años en la lectura de la prensa socialista colombiana de la época, había un gran eclecticismo en nuestros nacientes núcleos de izquierda¹⁹. Y esto se traducía no solo en que en las mismas páginas se invocara el ejemplo revolucionario de Lenin o de Trotsky al lado de la exaltación del avance electoral de los laboristas ingleses o de los socialdemócratas alemanes, pasando por oraciones de culto a Bakunin o Kropotkin junto con referencias a pasajes bíblicos. Esto era parte de la inicial confusión ideológica que se fue decantando con el paso de los años, cuyo trasfondo yacía en las tradiciones culturales y ideológicas que convergieron en el naciente movimiento obrero y en las izquierdas que pretendían dirigirlo. Hablábamos de tres tradiciones: la apelación al cristianismo social de los profetas o de las primeras comunidades evangélicas; al liberalismo radical anticlerical;²⁰ y a un vago socialismo que he designado ecléctico y que por lo mismo era menos dogmático que el que ya se cocinaba en Moscú. Recordaba lo escrito por Ignacio Torres Giraldo de 1927 a propósito del nombre del PSR: “Nosotros hemos aconsejado un sistema de organización libre. Creemos que Colombia tiene una fisonomía de cierto modo propia y que no es buena táctica imponer predeterminado método usado en otras latitudes (...) somos internacionalistas en doctrina, pero creemos que lo primero es crear y basamentar (sic) firmemente la nacionalidad”²¹. Esto obviamente chocaba con la directriz de la IC de “bolchevizar” los partidos revolucionarios, de exigir que

¹⁷ Jeifets, Lazar y Jeifets, Víctor, 2001, “El Partido Comunista Colombiano, desde su fundación y orientación hacia la ‘Transformación ‘Bolchevique’”, *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*, No. 28, 7-37.

¹⁸ Como se plasmaría en la frustrada “insurrección bolchevique” de finales de julio de 1929, un descoordinado levantamiento de artesanos y campesinos en dispersas comarcas del país que fue rápidamente controlado por las autoridades (Sánchez, 1981).

¹⁹ Archila, Mauricio, 1985-1986, “La otra opinión: la prensa obrera en Colombia, 1920-1934”, *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*, Número 13-14, 209-237.

²⁰ Esto se traducía en rituales en los que se mezclaban elementos religiosos con invocaciones seculares como los bautismos socialistas (Vega, 2002, 173-179).

²¹ *La Humanidad*, 15 de marzo de 1927, 4

si querían ser admitidos a ella debían aceptar el modelo soviético triunfante. Por eso a finales de los años 20, el Buró Internacional mandó una delegación a Colombia para ayudar al PSR a convertirse en un partido “verdaderamente” comunista como supuestamente ocurrió en julio de 1930²²

2) Un solo partido (1930–1957)

Estando en Moscú en 1931, en una escuela de cuadros, el mismo Ignacio Torres Giraldo escribió una carta autocrítica en la que llamaba a “liquidar todo el pasado de nuestros errores” para poder construir un verdadero partido proletario bolchevique. En concreto consideraba que el PSR “de bloque (sic) con la burguesía vendida al imperialismo, fue naturalmente el mayor obstáculo para la organización de clase del proletariado”.²³ Quien años antes defendía una organización política con rasgos nacionales, concluía ahora su autocrítica así: “¡El Partido Comunista de Colombia está unido a todos los partidos comunistas del mundo (...) que componen la III Internacional, es hermano del Partido Bolchevique que guía la construcción victoriosa del socialismo en la Unión Soviética!”²⁴.

Como bien señalan Meschkat y Rojas –compiladores de una rica documentación sobre el cambio político del PSR al PCC encontrada en los archivos de la IC en Moscú— lo que esta autocrítica significaba era la aceptación consciente por parte de un dirigente connotado de la izquierda colombiana del modelo bolchevique y con ello la adhesión no solo a la III Internacional sino a quien tenía el poder en la URSS: José Stalin²⁵.²⁶ El leninismo, formalizado por el líder soviético hasta convertirse en doctrina estatal, sería la guía no solo del giro político del PSR sino del partido que surgió de sus cenizas, y que durante casi 30 años fue la única expresión de la izquierda marxista en el país.

Todo esto ocurrió en el contexto internacional de la gran crisis capitalismo de la que salió adelante por la mayor intervención estatal en la economía y la adopción de instrumentos redistributivos que permitieron el aumento del consumo masivo.

²² Jeifets, Lazar y Jeifets, Víctor, 2001, “El Partido Comunista Colombiano, desde su fundación y orientación hacia la ‘Transformación ‘Bolchevique’”, *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*, No. 28, pp. 7-37.

²³ Una interpretación similar del PSR se lee años después en el periódico oficial del PCC: “El PSR era un partido pequeño-burgués con influencia liberal, aunque con elementos que lo relacionaban con la Internacional Comunista” (*El Bolchevique*, 17 de julio de 1934, 3).

²⁴ Meschkat, Klaus y Rojas, José María, 2009, “Liquidando el pasado”, la izquierda colombiana en los archivos de la Unión Soviética, Bogotá, FESCOL/Taurus

²⁵ *Ibidem*.

²⁶ El naciente socialismo, según uno de los fundadores del PCC, el obrero Manuel Abella, adhirió prontamente a Stalin en contra de las supuestas tesis de Trotsky, tergiversadas por Moscú (Entrevista en *Alternativa* No. 112, 1977, 22-24).

Mientras tanto ascendían las fuerzas fascistas que pronto desatarían una nueva conflagración mundial de peores proporciones que la anterior. Pero antes esas fuerzas se habían medido en España con los defensores de la frágil republica, a quienes derrotaron en una cruenta guerra civil en el segundo lustro de los años 30. Finalmente los países democráticos occidentales, con el concurso de la URSS, derrotaron a las potencias fascistas con lo que se inició una nueva era signada por la guerra fría entre socialismo y capitalismo. Desde la segunda posguerra no volvió a darse una confrontación abierta entre los dos extremos, pero sí hubo choques de baja intensidad en muchas partes del mundo, especialmente en las antiguas colonias que buscaban constituirse como naciones libres y soberanas.

En el plano nacional, los años 30 se iniciaron con la ilusión del ascenso del Partido Liberal al poder, pero los cambios consagrados fueron tan tibios que generaron más bien una frustración hábilmente manipulada por la derecha conservadora para arrinconar a las fuerzas progresistas, incluido el PCC. En medio de esa polarización surgió un caudillo populista, Jorge Eliécer Gaitán, a quien solo la muerte pudo detenerlo en su imparable ascenso al poder. Su asesinato el 9 de abril de 1948 desató una espontánea insurrección en todo el país, especialmente en Bogotá, que fue acallada a sangre y fuego con lo que se profundizó la espiral de violencia que consumió al país hasta inicios de los años 60. Las fuerzas populares movilizadas por reivindicaciones contenidas durante los años de guerra²⁷, fueron reprimidas por gobiernos cada vez más autoritarios e incluso por una dictadura militar que se ufanaba de haber prohibido el comunismo²⁸. Así se desató una violencia primero urbana y luego más cruda en los campos que terminó por silenciar la protesta²⁹.

Decíamos que con la creación del Partido Comunista triunfó el modelo ruso de “bolchevización” de la principal organización colombiana de izquierda del momento. Baste revisar, por ejemplo, el “Programa de Poder Soviético” lanzado por el PCC en 1935, que no era sino un calco del programa expedido en Moscú años antes, con pequeñas modificaciones para situarlo en Colombia³⁰. Ahora bien esta “bolchevización”, comenzando por el nombre del periódico oficial del partido, no se hizo sin resistencias. Por ejemplo, en Antioquia, los militantes del flamante PCC durante años se siguieron reuniendo con María Cano, a pesar de que ella había sido expulsada de la organización con su primo Tomas Uribe Márquez, acusados de “putchistas”³¹. Y en plena campaña de adopción del leninismo que proclamaba una política de Frente Único proletario, el PCC volvió a hacer acuerdos electorales, por debajo

²⁷ Pécaut, Daniel, 1987, *Orden y Violencia: Colombia 1930-1954*, 2 volúmenes, Bogotá, Cerec-Siglo XXI.

²⁸ Urán, Carlos Horacio, 1983, *Rojas y la manipulación del poder*, Bogotá, Carlos Valencia Editores.

²⁹ Medina, Medófilo, 1989, *Cuadernos de historia del PPC*, No. 1, Bogotá, CEIS/INEDO.

³⁰ *El Bolchevique*, 1 de junio 1935, 3-4

³¹ Mejía, Gilberto, 1986, *El Comunismo en Antioquia (Memorias)*, Medellín, Ediciones Pepe.

de la mesa, con los liberales, como ocurrió con el famoso Pacto de Tunja en mayo de 1933, que le costó una dura sanción al futuro secretario del PCC, Gilberto Vieira³².

Es cierto que en estos años existieron otros partidos de izquierda, pero por lo común fueron asociaciones intelectuales de corta vida. Así ocurrió con el Grupo Marxista en 1933, un año después con el Partido de Acción Nacional y con Vanguardia Socialista en 1935³³. Parea los años cuarenta destacamos la Liga de Acción Política y el más duradero Partido Socialista, creados ambos por el intelectual Antonio García. Este partido tuvo alguna figuración —para bien y para mal— en la dictadura militar de Rojas Pinilla, especialmente al final cuando inspiró un plan de choque que exigía la nacionalización de la banca, entre otras medidas radicales³⁴. Pero fue un partido que si bien se proclamaba socialista, revolucionario y hasta “marxista” en sus orígenes³⁵, no compartió el modelo bolchevique y por momentos se mostró anticomunista. Con el tiempo suprimió su apelación al marxismo. Así, por ejemplo, en los Estatutos del Movimiento Socialista Colombiano de 1955, en el artículo 2o se decía: “Nuestro movimiento es socialista, democrático, revolucionario, autónomo y nacional. Entiende que el problema de la revolución colombiana no podrá ser resuelto desde fuera, ni al lado capitalista ni al lado comunista”.

Desde el liberalismo hubo también tendencias de izquierda como el gaitanismo, agrupado a principios de los años 30 en la efímera UNIR (Unión Nacional de Izquierda Revolucionaria) que recogió además fuerzas regionales como el PAN (Partido Agrario Nacional) de la región de Sumapaz cercana a Bogotá³⁶. Y en general podemos hablar de una izquierda liberal, heredera, a juicio de John Green (2004), de una tradición radical popular iniciada en el siglo XIX. Pero esa izquierda liberal no reivindicaba el ideario de la revolución rusa y menos del leninismo. Por lo demás el PCC hasta el cambio de táctica hacia los Frente Populares a mediados de los 30, combatió con encono a la UNIR y a la izquierda liberal, considerándolos como “el enemigo principal”³⁷. Luego los buscaría como aliados para frenar al “fascismo”, que supuestamente en Colombia lo encarnaba la reacción conservadora, pero la herida abierta por la confrontación con Gaitán nunca se curaría.

Esto nos deja nuevamente ante el escenario de una sola agrupación de izquierda marxista y leninista en esos años, el PCC. Pero, como hemos visto, este partido no fue homogéneo por más leninista que quiso ser. A mediados de los 30,

³² Meschkat, Klaus y Rojas, José María, 2009, “Liquidando el pasado”, la izquierda colombiana en los archivos de la Unión Soviética, Bogotá, FESCOL/Taurus

³³ Medina, Medófilo, 1980, *Historia del Partido Comunista de Colombia*, Bogotá, CEIS.

³⁴ Urán, Carlos Horacio, 1983, *Rojas y la manipulación del poder*, Bogotá, Carlos Valencia Editores.

³⁵ García, Martha Cecilia, 2009, “El presente es de lucha el futuro socialista” en Archila, Mauricio y otros, *Una historia inconclusa: izquierdas políticas y sociales en Colombia*, Bogotá, Cinep.

³⁶ Braun, Herbert, 1987, *Mataron a Gaitán*, Bogotá, Ediciones Universidad Nacional.

³⁷ *El Bolchevique*, 17 Julio de 1934, 3

la IC exigió un cambio de táctica hacia los Frentes Populares, lo que significó un giro político, pues de la intransigencia y sectarismo del anterior táctica de Frente Único, se pasó a la alianza con partidos y sectores progresistas de la burguesía. En Colombia esto significó un acercamiento al liberalismo, del que nunca el PCC se había apartado del todo, y en especial al ala cercana al presidente López Pumarejo³⁸. “¡Con López contra la reacción!” fue la consigna de estos años, hasta terminada la Segunda Guerra Mundial.

Mientras tanto, la comunicación con Moscú se interrumpió por el conflicto mundial, lo que permitió el florecimiento de lecturas menos ortodoxas de la transición al socialismo. Tal fue el caso del “revisiónismo browderista”,³⁹ atribuido al secretario del Partido Comunista en Estados Unidos, que proclamaba no solo la coexistencia pacífica con el capitalismo, aun en sus expresiones imperialistas, sino la disolución de la organización leninista de cuadros en una de masas conformada por sus electores. En Colombia eso significó no solo el abandono temporal de la lucha por el socialismo para centrarse en las “tareas antifeudales”, sino cambios en la estructura organizativa del PCC que se llamó Partido Socialista Democrático (PSD) por unos años y recibió militancia proveniente del liberalismo de izquierda⁴⁰. A nuestro juicio lo que se vivió el corto experimento del PSD de mediados de los años 40, fue una especie de Perestroika a la criolla, en la que los comunistas se acercaron menos doctrinariamente al país nacional. Pero así el partido cambiara de nombre y hasta de símbolos, como el machete por la hoz y el martillo, seguía defendiendo a URSS, algo difícil de hacer ante las fuerzas progresistas, sobre todo a raíz del pacto soviético con la Alemania Nazi en 1939. Pero la invasión ordenada por Hitler a la URSS en 1941 volvió a poner las cosas en cierta lógica política pues los comunistas retornaron a las alianzas con las otras izquierdas⁴¹.⁴²

Estas coaliciones locales y nacionales eran una réplica de lo que internacionalmente fraguaban la URSS, Estados Unidos y Gran Bretaña. Como gesto de conciliación Stalin ordenó la disolución formal de la Comintern en 1943, pero desde Moscú siguió dirigiendo a las fuerzas comunistas a lo largo y ancho del planeta por un buen tiempo. Y es que en ese momento el movimiento comunista parecía estar unificado, salvo por la disidencia trotskista. Esto comenzó a cambiar al final de la Segunda Guerra cuando viejos nacionalismos afloraron en los países del Este, y asomaron posiciones de cierta autonomía ante Moscú como la agenciada por el

³⁸ Medina, Medófilo, 1980, *Historia del Partido Comunista de Colombia*, Bogotá, CEIS.

³⁹ Sobre el “revisiónismo” haremos alguna consideración al final, pues siempre fue el “pecado” de los marxistas leninistas...

⁴⁰ Medina, Medófilo, 1980, *Historia del Partido Comunista de Colombia*, Bogotá, CEIS.

⁴¹ *Ibidem*..

⁴² Así por ejemplo, para 1942 el periódico comunista pedía beligerancia ante las potencias del Eje y apoyaba a Eduardo Santos en la política exterior antinazi (*Diario Popular* 6, de enero y 1 de octubre, 1942).

Mariscal Tito en Yugoslavia. La muerte de Stalin y las denuncias de sus “crímenes” a mediados de los 50 parecían resquebrajar el sólido bloque comunista, pero los tanques soviéticos estaban listos para acallar los intentos autónomos de sus satélites como ocurrió en Hungría en 1956. Sin embargo, en la lejana China se fraguaba una ruptura más de fondo que marcará el futuro de las izquierdas a nivel mundial.

En nuestras tierras el triunfo de la URSS en la Segunda Guerra Mundial y la consolidación de Stalin, significó el retorno del PCC al leninismo en 1947, comenzando por restaurar su nombre original, lo que fue seguido por la expulsión de los “revisionistas” en su seno, incluido su presidente, el obrero portuario Augusto Durán⁴³. Hacia fines de los años 40, con la violencia política cada vez más extendida, el renovado PCC tuvo que pasar a la clandestinidad y adelantar una política de autodefensa en los campos, lo que constituirá el origen remoto de las guerrillas revolucionarias dos décadas después. Paradójicamente, como lo ha mostrado el novel historiador, Rodolfo Hernández (2016), el modelo chino de guerra popular prolongada será acogido en las zonas de resistencia comunista y seguirá ejerciendo influencia en las guerrillas que de allí se derivan, aun cuando el partido se hubiera alienado cerradamente con Moscú. Pero también nuevos vientos soplarán en las toldas de la política nacional, tanto en los de arriba como en los de abajo.

3) Las nuevas izquierdas (1958–1974)

En 7 de enero de 1959, a raíz del alza de transporte público que solía hacerse a comienzos de año, surgió el primer grupo de nueva izquierda en el país bajo el rótulo de Movimiento Obrero Estudiantil, al pronto se le agregará Campesino (MOEC). Cuando aún estaban frescas las noticias de la entrada de los guerrilleros a La Habana, Cuba, en nuestra tierra reverdecía el ímpetu revolucionario entre jóvenes universitarios y líderes obreros y campesinos. Una de las cosas que los identificaba inicialmente era distanciarse del comportamiento reformista del PCC,⁴⁴ pero con el tiempo esa distancia se profundizaría hasta marcar radicales diferencias en la concepción del proceso revolucionario y, sobre todo, en el alineamiento internacional con alguna expresión de izquierda mundial.⁴⁵

⁴³ Medina, Medófilo, 1980, Historia del Partido Comunista de Colombia, Bogotá, CEIS.

⁴⁴ Así se observa en una de las primeras declaraciones de ese movimiento “en vista de la participación que tuvo el partido comunista en la manifestación de ayer sábado: (...) rechazamos cualquier maniobra tendiente a monopolizar este movimiento popular que ha surgido como protesta por el alto costo de la vida y el alza injusta de las tarifas del transporte urbano” (*La República*, 18 de enero de 1959, p. 10, citado en Díaz, 2010).

⁴⁵ Esto fue más explícito en Antonio Pinzón, uno de los dirigentes del Moec proveniente del Partido Comunista junto con su esposa Yolanda Almeida y su cuñado Raul Almeida: “...la Dirección del Partido, su Comité Central, estaba integrado por un pequeño grupo de líderes infalibles, cuya palabra era ley para toda la militancia. Ello explica porque esos errores fueron posibles: por la mentalidad stalinista (sic) que

El contexto era más que favorable a esa radicalización. En el plano mundial se daba un crecimiento capitalista de la posguerra acompañado de una creciente capacidad de consumo masivo, lo que derivó en el auge económico de los años 60⁴⁶. Por su parte los países socialistas, especialmente la URSS, también vivían un desarrollo económico aunque no acompañado de tanto bienestar como en occidente porque muchos de sus recursos se orientan a la emulación militar con el capitalismo. La definitiva ruptura chino-soviética terminó por resquebrajar la unidad del “campo socialista”, pues desde Pekín se lanzó la consigna de extraer de los partidos comunistas los núcleos maoístas a los que llamó marxistas leninistas. El panorama de la izquierda se volvió más complejo al incorporarse al escenario mundial muchos países descolonizados y la triunfante Revolución Cubana. Es también un momento de ascenso de nuevos movimientos sociales que se condensan en el llamado mayo del 68 en París, pero que fue un fenómeno casi global abarcando incluso a los países socialistas como ocurrió con la breve “primavera de Praga”⁴⁷. Todo esto derivó en un culto a la lucha armada que marcó a las nuevas izquierdas latinoamericanas, lo que se realimentó con el fracaso de la “vía pacífica al socialismo” intentada por Salvador Allende en Chile entre 1970 y 1973⁴⁸. Entre tanto, el marxismo logró difundirse en los medios académicos y universitarios, coadyuvando a la gestación de las ciencias sociales en América Latina. Su influencia tocó incluso sectores del clero que se radicalizaron en su opción por los pobres y en la Teología de la Liberación⁴⁹.

Mientras tanto en Colombia se vivía un cerrado pacto político conocido como el Frente Nacional, que excluyó a fuerzas distintas de los tradicionales partidos liberal y conservador⁵⁰. Así las cosas, muchos jóvenes vieron en la opción armada la salida ante el cierre democrático, pero algunos iban más allá, pues la consideraban la única vía para acceder al socialismo. Como nos dijo hace años un dirigente maoísta: “aquí hay una clara división entre el sector prosoviético (...) y el resto de la izquierda (...) hay una característica común en el resto de la izquierda que es el presupuesto de que la lucha armada es lo que hay que hacer”^{51, 52}. Defi-

allí imperaba. Mentalidad aprendida del curso que había seguido la Revolución Soviética” (Pinzón, 2011, 157).

⁴⁶ Eley, Geoff, 2003, *Un mundo que ganar. Historia de la izquierda en Europa, 1850-2000*, Barcelona, Crítica.

⁴⁷ Hobsbawm, Eric J., 1994, *The Age of Extremes*. Nueva York: Pantheon.

⁴⁸ Castañeda, Jorge, 1994, *La utopía desarmada. Intrigas, dilemas y promesas de la izquierda en América Latina*, Bogotá, Tercer Mundo.

⁴⁹ Tirado, Álvaro, 2014, *Los años sesenta una revolución en la cultura*, Bogotá, Debate.

⁵⁰ Hartlyn, Jonathan, 1993, *La política del régimen de coalición*, Bogotá, Tercer Mundo-Uniandes.

⁵¹ Archila, Mauricio y otros, 2009, *Una historia inconclusa: izquierdas políticas y sociales en Colombia*, Bogotá, Cinep.

⁵² Pero incluso para el PCC el proceso cubano fue visto como continuidad de revolución rusa *Documentos Políticos*, No. 22, 1961).

nitivamente la ruptura chino-soviética,⁵³ profundizaría la división en la izquierda colombiana dejando atrás la era de un solo partido que se reclamaba heredero del Marxismo Leninismo.

En efecto las nuevas izquierdas que surgen en nuestro medio se definen por la opción armada, así algunas no la lleven a la práctica. Esta opción fue algo generalizado en los años 60, con la salvedad de algunos intelectuales salidos del PCC en Antioquia que conformarían el PRS (Partido Revolucionario Socialista). Pero aún en su seno, un sector de activistas presionaba por una definición armada, lo que produjo la división y mutua expulsión de ambos sectores⁵⁴. Algo similar se vivió en el MOEC⁵⁵, pero allí el debate interno giró en torno a si la lucha armada se iniciaba en forma de foco guerrillero o por medio de una insurrección concientemente preparada. También en esta agrupación se dieron mutuas expulsiones. De los sobrevivientes a las aventuras foquistas —en las que perecen algunos de sus máximos dirigentes como Antonio Larrota— saldrán militantes para las distintas guerrillas; mientras el grupo más moderado sufrió muchas escisiones y transformaciones hasta surgir, al final de la década, el MOIR (Movimiento Obrero Independiente y Revolucionario), que al principio no se sabía si era una organización sindical, un grupo abstencionista o un partido político, pero definitivamente profesaba la ideología maoísta. El MOIR, si bien suscribía la inevitabilidad de la revolución armada —su brazo juvenil la Juventud Patriótica venía de un grupo llamado “Sol Rojo y Fusil”⁵⁶—, creía que la tarea inmediata era organizar a las masas para ella. Con el tiempo fue tomando distancia de la lucha armada, participó en elecciones y se enfrentó cada vez más abiertamente a las guerrillas. Por su parte el PCC también termina simpatizando con la lucha armada, sin descartar la acción institucional y parlamentaria. Eso fue lo que en su congreso de 1966 designó como la “combinación de formas de lucha”.⁵⁷

⁵³ Uno de los elementos centrales de esa ruptura, además de roces nacionalistas y de reclamos ante el tratamiento de la figura de Stalin, fue la definición de la vía revolucionaria: mientras los PCC alienados con Moscú refrendaban la transición pacífica al socialismo, desde Pekín, con anuencia de los albaneses, se proclamaba la vigencia de la lucha armada como la había practicado el líder chino Mao Tse Tung. Al respecto ver la interpretación de esa ruptura por el secretario del PCC Gilberto Vieira en *Documentos Políticos*, No. 33, 1963, 1-24. Ver también Delgado, 2009, 123 y Hernández, 2016.

⁵⁴ Proletarización, 1975, ¿De dónde venimos, hacia dónde vamos, hacia dónde debemos ir?, Medellín, Editorial 8 de Junio.

⁵⁵ Díaz, José Abelardo, 2010, “El Movimiento Obrero Estudiantil Campesino 7 de enero y los orígenes de la nueva izquierda en Colombia, 1959-1969”, *Tesis de Maestría en Historia*, Universidad Nacional.

⁵⁶ Molano, Frank, 2004, “El imaginario maoísta, 1965-1980, como mentalidad revolucionaria en la izquierda colombiana”, *Tesis de Maestría en Historia*, Universidad Nacional, Bogotá.

⁵⁷ Táctica que justificaba como una herencia de Lenin (*Documentos Políticos*, Nos. 83-84, 1969). Curiosamente para Regis Debray (1975), el foquismo era una clara herencia del vanguardismo leninista y de su teoría del partido.

Según el cuadro sinóptico de las izquierdas vemos entonces que en la primera mitad de los años 60 se dio una proliferación de grupos y tendencias de nueva izquierda que jalaban al resto, incluido el PCC, hacia la lucha armada. Pocas fueron las excepciones ante ese poderoso imán que tenía como referencia inmediata la Revolución Cubana y más mediata la guerra popular prolongada china. Pero todas ellas, incluidas las luchas anticoloniales, especialmente la del heroico pueblo de Viet Nam, tenían como telón de fondo la remota revolución soviética y reivindicaban, cada una a su manera, la herencia marxista leninista.

Ahora bien, sería simplista encasillar a todas las organizaciones de izquierda de la época en ese ideario. En realidad hubo muchas expresiones que no reivindicaban esas herencias y más bien trataban de conformar una línea propia.⁵⁹ Tal fue el caso del FUAR (Frente Unido de Acción Revolucionaria), una coalición de grupos de oposición al Frente Nacional que no proclamó abiertamente la lucha armada, aunque hablaba de una “revolución que lleve al pueblo al poder” y criticaba la vía electoral. Tampoco se alineó con ninguno de las grandes centros comunistas internacionales, sino que reivindicó a un amplio “campo socialista” como superior a “la órbita imperialista, tanto en el desarrollo económico, como en el progreso técnico, científico y en la elevación del nivel de vida popular”. El abstencionismo, más que propiamente el marxismo leninismo, también pareció guiar a muchos de los primeros grupos de nueva izquierda.

Así ocurrió con el padre Camilo Torres, quien fue abandonando la visión católica de la cuestión social para rápidamente radicalizarse y terminar militando en una de las nacientes guerrillas, para morir en el primer combate⁶⁰. El discurso de Camilo, como lo ha demostrado César Ayala⁶¹, fue más de carácter nacionalista que propiamente marxista y menos leninista. Y es que el momento también fue propicio para la irrupción de sectores nacionalistas desprendidos de los partidos tradicionales, algunos de ellos, como el del general Rojas Pinilla, bordeando el populismo. Esos sectores, dentro de los que incluimos la disidencia liberal liderada por Alfonso López Michelsen, el MRL (Movimiento Revolucionario Liberal), proclamaban una retórica tercermundista y no alineada con ninguna de las dos potencias de la guerra fría, pero no eran organizaciones que lucharan por el socialismo, ni se proclamaban marxistas leninistas, así algunos sectores de sus juventudes adhirieron a ese ideario.

Pero incluso la aparición de las guerrillas revolucionarias a mediados de ese decenio participaba de tal discurso nacionalista y popular. Así, por ejemplo, la proclama lanzada por los guerrilleros que conformarían las FARC (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia) en julio de 1964 señalaba que buscaron las vías pacífi-

⁵⁹ Hasta el PCC decía algo de ese estilo: “Nuestra línea no puede ser artículo de importación de Pekín, de Moscú o de La Habana” (*Documentos Políticos*, No. 33, 1963, 24).

⁶⁰ Broderick, Walter J., 1987, *Camilo, el cura guerrillero*, Bogotá, El Labrador.

⁶¹ Ayala, César Augusto, 1995, *Nacionalismo y populismo*, Bogotá, Universidad Nacional, 1995, 139.

cas de la revolución, pero el régimen los obligó a la lucha armada. Y luego esbozaban un programa agrario que básicamente pugnaba por modernizar las estructuras del campo, darles tierra a los campesinos y “defender la política agraria revolucionaria de las amenazas de la oligarquía y el imperialismo”⁶². En mayo de 1966 definitivamente las antiguas autodefensas comunistas se transformaron en las FARC. Al principio seguirían un modelo militar de autodefensa y de apoyo a la actividad del PCC hasta entrados los años ochenta, cuando variarían hacia una táctica más ofensiva de búsqueda del poder.

Por su parte los Principios Programáticos del ELN (Ejército de Liberación Nacional) eran: la toma del poder por las clases populares, una auténtica revolución agraria, el desarrollo económico nacional y planes de vivienda, salud pública, vial y educacional, con “incorporación a la economía y a la cultura de la población indígena” y política exterior independiente. Para garantizar todo ello se hacía un llamado a formar un ejército popular permanente que “defenderá los más auténticos intereses patrióticos y populares, y no será jamás instrumento de represión contra ningún pueblo del mundo”⁶³. Será también una guerrilla que sufrirá cercos militares que casi la derrotan, pero se reconstituirá en los 80 a partir de extorsiones a multinacionales petroleras.

Por lo que se percibe, los programas iniciales de estas guerrillas no eran maximalistas ni explícitamente socialistas. Tampoco había huellas explícitas de marxismo leninismo en las proclamas públicas, claro que para dentro, sus cuadros dirigentes sí mostraban una clara influencia de procesos revolucionarios, unos más proclives a la experiencia cubana y otros más a la china o albanesa, o aun a la más abstracta de los trotskistas.⁶⁴

En esta pluralización de las izquierdas políticas, especialmente entre sus intelectuales, mucho se debatió sobre las fases de transición al socialismo, si éste se proclamaba inmediatamente o había etapas democráticas burguesas en el camino; y sobre las formas de lucha, no tanto sobre si la vía era armada, sino sobre si la modalidad era por la implantación de un foco revolucionario, o por medio de la acumulación de fuerzas hacia una gran insurrección, o si más bien se debía pasar por una guerra prolongada. Pero lo que más terminó polarizándolas fue el alineamiento internacional.⁶⁵ En ese sentido, todas —o casi todas, si exceptuamos las disidencias

⁶² Medina, Carlos, 2006, “FARC— EP, notas para una historia política, 1958-2006”, *Manuscrito inédito*.

⁶³ Maldonado, Oscar, Olivieri, Guitemíe y Zabala, Germán, 1970, *Camilo Torres: Cristianismo y Revolución*, México, Ediciones Era.

⁶⁴ La influencia cubana en el ELN fue muy marcada aun desde su origen en la Brigada Galán, que se conformó en la isla. En cambio, paradójicamente el EPL (Ejército Popular de Liberación), ideológicamente maoísta, en sus orígenes practicó el foquismo, mientras las prosoviéticas FARC, tuvieron influencia del modelo chino de guerra popular prolongada (Molano, 2004 y Hernández, 2016).

⁶⁵ Lo que, para Jaime Arenas poco antes de su muerte, era una copia de experiencias externas sin mayor adaptación al contexto nacional ni estudio de las condiciones propias (*Revista Flash*, 18 de abril, 1971, 30).

nacionalistas y populistas de los partidos tradicionales—, se reconocían herederas de la revolución rusa y afiliadas doctrinariamente al marxismo leninismo, así cada una lo entendiera distinto.

Ya veíamos que desde su (re)fundación, si no antes, el PCC adhirió a la URSS adoptando casi sin replicar las orientaciones del PCUS (Partido Comunista de la Unión Soviética). Como dice autocríticamente un antiguo militante: “la agrupación siempre otorgó prioridad a las concepciones políticas generales dictadas por la instancia comunista internacional, bajo control del PCUS. Los estudios de la realidad social del país fueron marginales a esa percepción internacional”⁶⁶. Con sus vaivenes políticos, en torno a las formas de lucha, y a pesar de sufrir escisiones, el PCC seguía siendo la principal fuerza de izquierda marxista y leninista del país.⁶⁷

Con la ruptura sino-soviética, hubo un sector minoritario dentro del PCC y más numeroso dentro de la Juventud Comunista que, al ser expulsado, convocó a todos los revolucionarios a formar un nuevo partido, el Partido Comunista Marxista Leninista (PC-ML). En el proceso de crear y consolidar el brazo armado, el EPL, no solo murió la mayoría de sus fundadores sino que la organización se aisló del conjunto social, al trasladar su dirección al campo. El PC-ML, caracterizado por su defensa ortodoxa del maoísmo hasta 1980, fue expulsando a diversos núcleos que diferían en cuestiones de táctica revolucionaria o de organización, lo que dio origen a varias organizaciones del llamado Campo M-L^{68, 69}.

Los maoístas eran también internacionalistas aunque se inclinaban hacia el eje de China y Albania, luego tendrán que escoger entre uno y otro. Se distanciaban de “revisionismo” de la URSS posterior a la muerte de Stalin. A su sucesor Nikita Krushev, no lo bajaron de payaso⁷⁰ y con el tiempo asumieron la caracterización de ese país como socialimperialista, y por momentos la consideran más peligroso que los Estados Unidos⁷¹. Pero siempre mantuvieron una devoción por la Revolución

⁶⁶ Delgado, Álvaro, 2009, “El experimento del Partido Comunista Colombiano”, en Archila, Mauricio y otros, *Una historia inconclusa: izquierdas políticas y sociales en Colombia*, Bogotá, Cinep.

⁶⁷ No deja de ser curioso que a fines de los años 50 el partido logró integrar antiguos grupos disidentes, incluido el que en 1947 había arrastrado con buena parte de la militancia obrera (Medina, 1980, 599).

⁶⁸ Villarraga, Alvaro y Plazas, Nelson, 1995, *Para reconstruir los sueños (una historia del EPL)*, Bogotá, Progresar.

⁶⁹ Alguna de ellas se transformaría años después en la organización político-militar Partido Revolucionario de los Trabajadores (PRT), que tuvo asiento en la costa norte y se desmovilizó en 1991, luego de intentar fusionarse con el ELN. De hecho hubo otra fracción maoísta surgida de movimientos campesinos que si se integró por unos años a esta guerrilla, el Movimiento de Izquierda Revolucionaria (MIR), pero muchos de sus integrantes se desmovilizaron a mediados de los años 90 en la Corriente de Renovación Socialista (CRS).

⁷⁰ de la Torre, Cristina, 1976, *Colombia camino al socialismo*, Bogotá, Cuadernos Alternativa.

⁷¹ *Ibid.* 83.

Rusa y una adhesión casi dogmática al marxismo leninismo leído desde el “pensamiento” de Mao Tse Tung^{72, 73}

A su vez, los primeros grupos trotskistas que aparecen en el país al calor de las luchas estudiantiles de comienzos de los años setenta, aunque algunos núcleos vienen de antes, adhirieron a alguna de las tendencias que existían en la IV Internacional casi desde su creación por León Trotsky⁷⁴. Eran acérrimos críticos de la URSS posterior a la muerte de Lenin, cuando bajo la tutela de Stalin se inició la supuesta restauración del capitalismo, aunque seguía siendo un estado obrero. En cualquier caso consideran a Trotsky como el gran continuador de Lenin, especialmente con el Programa de Transición.⁷⁵ En ese sentido van derivando en un dogmatismo distinto del maoísta, si se quiere menos religioso y mesiánico, pero igualmente adherido a una rígida lectura de Marx y Lenin, esta vez desde los lentes de Trotsky.⁷⁶

4) Pluralización y alianzas sociopolíticas (1975–1990)

Con esos antecedentes no es de extrañar que a mediados de los años 70 nuestras izquierdas dieran el triste espectáculo de una gran división que en nada favorecía sus pretensiones de acceder al poder. Para la coyuntura electoral de 1978 había al menos tres frentes electorales de izquierda —uno prosoviético, otro prochino y otro proclive al trotskismo— e innumerables grupos abstencionistas. De hecho así lo reproducía gráficamente la revista *Alternativa*, fundada por Gabriel García Márquez y otros intelectuales de izquierda pocos años antes⁷⁷. En una edición anterior,

⁷² Molano, Frank, 2004, “El imaginario maoísta, 1965-1980, como mentalidad revolucionaria en la izquierda colombiana”, *Tesis de Maestría en Historia*, Universidad Nacional, Bogotá.

⁷³ Así el MOIR en los 50 años de la revolución de Octubre dirá que ésta “inicia la transición del capitalismo al socialismo (...) el ejemplo de la emancipación rusa, agigantado con los años, constituye la meta suprema de las masas trabajadoras del mundo (... Pero) el revisionismo convirtió la patria de Lenin y de Stalin en un país socialimperialista” (*Tribuna Roja*, No 30, 1977, 8). En otro número del periódico se irá más lejos: “con Nikita Kruschev, el Kremlin abjura del Marxismo Leninismo e inicia un tenebroso trasegar en pos de la restauración del capitalismo (convirtiendo a la URSS) en el peor foco de la reacción” (*Tribuna Roja*, No. 45, 1983, 5).

⁷⁴ García, Martha Cecilia, 2009, “El presente es de lucha el futuro socialista” en Archila, Mauricio y otros, *Una historia inconclusa: izquierdas políticas y sociales en Colombia*, Bogotá, Cinep.

⁷⁵ El historiador comunista Álvaro Oviedo debate la herencia leninista en Trotsky (*Estudios Marxistas*, No. 14, 1977) y con desdén trata el “izquierdismo” —para referirse a trotskistas y maoístas— como radicalismo pequeño burgués (*Estudios Marxistas*, No. 13, 1977, 72).

⁷⁶ Un ejemplo, entre tantos, es el texto de tres dirigentes de la entonces Tendencia Socialista —Edgar Vásquez, Jaime Galarza y Ricardo Sánchez—, sobre el “Programas Políticos del Proletariado” (*Ideología y Sociedad*, No. 10, 1974). Allí no solo se hace un detallado recuento de los programas de partidos obreros desde el Manifiesto de Marx y Engels hasta los de Trotsky y Mao. Le critican a Lenin “una concepción un tanto mecánica del desarrollo de la historia” (Ibíd., p. 22) por pensar en una revolución por etapas. En ese sentido adhieren, esta vez sin ninguna crítica, al Programa de Transición de Trotsky.

⁷⁷ *Alternativa*, No. 152, 1978, contra-carátula

la revista totalizó “35 movimientos de izquierda, para todos los gustos y exigencias revolucionarias”⁷⁸.

Para este periodo tendremos que decir que el contexto internacional no era propicio para tal grado de división en las izquierdas colombianas, fragmentación comienza a corregirse en los años 80. En efecto la crisis del capitalismo de la segunda posguerra, marcado por la intervención estatal y cierta economía de bienestar, y la estruendosa caída del socialismo realmente construido, al menos en el este europeo, permitieron el ascenso del neoliberalismo al final de los años 80, aunque ya se practicaba en Chile bajo Pinochet. En América Latina este cambio coincidía el fin de las dictaduras y los consiguientes procesos de democratización en el Cono Sur y Centroamérica. Entonces la aparición del neoliberalismo en el subcontinente se dio luego de la llamada década perdida en la que se desmontó el modelo de industrialización por sustitución de importaciones. Las izquierdas continentales debieron propiciar procesos de unidad, bien para apoyar las ofensivas guerrilleras de fines de los años 70 como en Centroamérica, o bien para la transición a la democracia en esa misma región y sobre todo en el Cono Sur en los 80⁷⁹.

En Colombia el desmonte del Frente Nacional en 1974 representó un auge de luchas sociales hasta derivar en un gran paro cívico nacional el 14 de septiembre de 1977. Los intentos de frenar la movilización social con tímidas reformas dio paso a una creciente represión que consagró la doctrina de Seguridad Nacional como política oficial al final de ese decenio. Unos años antes había surgido el Movimiento 19 de Abril (M-19). Se trataba de un grupo con rasgos similares a exhibidos por los Montoneros y los Tupamaros en el Cono Sur. Ligado al principio al populismo de Rojas Pinilla, tuvo notable presencia urbana y manifestó una ideología nacionalista que concentró la atención pública, entre otras razones por la novedad propagandística que presentó, y por lo impactante de algunas de sus acciones armadas. Su presencia revivió la guerrilla pero en moldes más urbanos, aunque reclamaba también un diálogo nacional con las elites y el gobierno.

Estos llamados y la presión popular por una salida al conflicto armado llevaron al establecimiento a conversar con la insurgencia, de donde salieron efímeros acuerdos de paz y una lenta apertura democrática que culminó con la nueva Constitución a inicios de los 90. Todo ello se daba en medio de la irrupción de nuevos movimientos sociales, especialmente cívicos, y de tardíos procesos unitarios tanto en el plano social como en el político. Pero ni aún esas alianzas lograron frenar la nueva oleada de violencia contra organizaciones sociales y políticas, algunas de las

⁷⁸ *Alternativa*, No. 146, 1977, 23

⁷⁹ Martí, Salvador y Figueroa, Carlos, 2006, *La izquierda revolucionaria en Centro América*, Madrid, Cátedra.

cuales fueron prácticamente aniquiladas, especialmente por parte de fuerzas paramilitares^{80, 81}

Decimos que fueron intentos tardíos de unidad, pues en lo fino de las luchas populares de los años 70 aun reinaba mucha división en nuestras izquierdas. En cambio, en los 80 hay un indudable acercamiento de éstas al país nacional y tal vez un inicio de distanciarse de los alineamientos internacionales para pensar en nuestra propias condiciones (Archila, 2004, cap.5). Así se propició la convergencia de importantes sectores sindicales en la CUT (Central Unitaria de Trabajadores), igualmente de indígenas en la ONIC (Organización Nacional Indígena de Colombia), de campesinos en la ANUC-UR (Asociación Nacional de Usuarios Campesinos, Unidad y Reconstrucción) y hasta los movimientos cívicos crearon una coordinadora nacional⁸².

En el plano político se fomentaron frentes de masas como la Unión Patriótica (UP), surgida de los acuerdos de las FARC en 1984; A Luchar, fruto del encuentro entre sindicatos radicales y grupos de izquierda opuestos a los diálogos de paz, entre ellos algunos sectores trotskistas; el Frente Popular, una creación del PC-ML para salir de su aislamiento político;⁸³ y la Alianza Democrática M-19, surgida de los acuerdos de paz con esa guerrilla urbana, a la que se unirán diversas fuerzas cívicas y ciudadanas. Aún en el seno del movimiento armado se vivieron procesos de convergencia en torno a la Coordinadora Guerrillera Simon Bolívar, que se debilitó con la desmovilización de algunas de sus fuerzas, especialmente el M 19 y el EPL, a comienzos de los años 90.

Pero los nuevos vientos, incluso que soplaban desde la URSS con la Perestroika y el Glasnost, llegaron con desigual fuerza a las agrupaciones de izquierda colombianas. Las más ortodoxas poco se dejaron cuestionar y se aferraron a sus dogmas y alineamientos internacionales sin darse cuenta que el mundo creado por la Revolución de Octubre se derrumbaba. Así el PCC siguió siendo el fiel escudero nacional de la URSS. A los 60 años de la revolución de octubre un editorial de la revista del Comité Central del PCC —

Documentos Políticos— exaltaba los logros del socialismo en ese país, entre los cuales destacaba la nueva Constitución aprobada en ese momento por el Soviet Supremo. Lo que más admiración causaba al editorialista y era evidencia “irrefutable de la superioridad del socialismo y del verdadero humanismo, es el capítulo que trata

⁸⁰ Romero, Mauricio, 2003, *Paramilitares y Autodefensas, 1982–2003*, Bogotá, IEPRI/Planeta.

⁸¹ Para una visión general de esta violencia ver el informe *Basta Ya* del Grupo de Memoria Histórica (2013) y sobre el sindicalismo consultar nuestro trabajo (Archila y otros, 2012).

⁸² Múnera, Leopoldo, 1998, *Rupturas y continuidades: Poder y movimiento popular en Colombia, 1968–1988*, Bogotá, Universidad Nacional/IEPRI/CEREC

⁸³ Es impresionante el giro que da este grupo al romper con China y el maoísmo a finales de los 70 para acercarse temporalmente a Albania y luego tomar un sendero autónomo que lo lleva apresuradamente a acuerdos de paz, lo que se presta para una división con fuertes dosis de violencia (Archila, 2009).

de los derechos, libertades y deberes fundamentales de los ciudadanos soviéticos”⁸⁴. Y no era una ironía. Para que no quedaran dudas de lo que pensaban los comunistas criollos por esa época José Arizala escribió en las mismas efemérides una apología de dicha revolución: “es el acontecimiento de mayores consecuencias en la historia de la humanidad (...) se erigía en Rusia el poder obrero y campesino que estaba destinado a suprimir por primera vez en la historia, y para siempre toda explotación y opresión del hombre por el hombre”⁸⁵. Como autocríticamente lo reconoció tiempo después Álvaro Delgado: “... el apegamiento casi místico del partido (comunista) colombiano a las posiciones del PCUS era total, incluso a las puertas de la disolución de la misma URSS”⁸⁶.

Éste no fue el caso de algunos militantes tanto del PCC como especialmente de los nuevos frentes de masas a los que hacíamos referencia. En concreto hablamos de Bernardo Jaramillo, joven comunista que asumió la presidencia de la UP al asesinato de Jaime Pardo Leal en 1987. Dos años después inició una actitud crítica que lo alejó de las posiciones ortodoxas del PCC y de la misma UP. En febrero de 1989 en un famoso discurso en Ibagué cuestionó el dogma de la combinación de las formas de lucha y criticó abiertamente a la guerrilla; fue la primera vez que un dirigente del PCC lo hacía públicamente:

“Nosotros estamos convencidos de (sic) que la continuación de los atentados terroristas a los oleoductos, a las torres de energía y a los diversos centros de producción del país, no contribuyen para nada al anhelo de paz de los colombianos. Estamos convencidos también de (sic) que el secuestro y la extorsión, no son un mecanismo de lucha política ni aquí ni en ninguno de los países de América Latina donde se esté librando un conflicto armado. Y estamos también convencidos de (sic) que, tanto el movimiento guerrillero en su conjunto (...) así como las fuerzas oficiales, tienen que cesar en su acción contra la población civil a lo largo y ancho del país, para que se les pueda creer que quieren la paz”⁸⁷.

Como si fuera poco a su regreso de un viaje por Europa en el que conoció diversas expresiones de izquierda, incluido el eurocomunismo y la apertura que vivía la URSS en aquel momento, llegó convencido de la necesidad de renovar a la UP, y desde ella a la izquierda colombiana, lanzando una propuesta de socialismo realmente democrático. Cuatro días antes de su asesinato hablaba de que “no podemos

⁸⁴ *Documentos Políticos*, No. 127, 1977, 3

⁸⁵ *Documentos Políticos*, No. 128, 1977, 90

⁸⁶ El mismo autor cuenta que pocos años de que esto ocurriera un alto miembro del Comité central, Manuel Cepeda, decía: “En Colombia críticos vitalicios de la URSS aseguran que al denunciar el dogmatismo, el burocratismo, el conservadurismo y el freno a la revolución se irá a pique el poder soviético. ¿Por qué se preocupan tanto? Este tipo de fábulas infantiles han estado contándolas desde 1917 y lo cierto es que el poder soviético está cada vez más joven y revolucionario” (en Delgado, 2009, 138).

⁸⁷ Vanegas, Napoleón, 1991, *Bernardo Jaramillo Ossa “Es un soplo la vida”*, Bogotá, Ediciones Foro.

dejarle la UP a los ortodoxos, aun cuando algunos hablan de sacar al PCC de allí, porque dicen que la UP es otro partido”⁸⁸. Uno de sus colaboradores y amigo, antiguo militante de movimientos cívicos del Magdalena Medio, Jaime (Yimy) Corena le escribía desde Europa con una propuesta aún más crítica de nuestras izquierdas:

“Tenemos prisa pero en otra cosa, en rectificar el rumbo y avanzar hacia un proyecto *social, ecológico, pacífico y humano*. Solo con esa convicción podemos constituir la Nueva Izquierda Latinoamericana como alternativa al ortodoxismo, el romance y el neoliberalismo (...) El discurso social nos pone de cara a la realidad nacional y nos ayuda a romper el esquema semirural de la UP, la que entrando en transición, lidera un proyecto socialista democrático grande, diferenciado del estalinismo incorregible que prevalece en sectores de las Farc, ELN y EPL”⁸⁹.

La carta remataba así:

“... un partido no puede tener pie en el reformismo de la UP y por el otro formar proyectos que tienen modelos marxistas leninistas. Creo que debemos ser serios con la sociedad y no estar jugando al eclecticismo y a la combinación de las formas de lucha. Si el Bloque PC (ML), Farc y ELN, como exponentes genuinos del modelo ML en Colombia, quieren mantener su oferta ante la sociedad colombiana, lo deben hacer de cara a la realidad utilizando sus propios nombres”⁹⁰.

Algo similar opinaba el antiguo dirigente de A Luchar, Nelson Berrio, años después. A la pregunta que le hacía el compilador del libro sobre las izquierdas citado en el Epígrafe, “¿A qué herencia del marxismo ortodoxo renuncian y con cuál se quedan?”, Berrio respondió que era difícil decirlo, pero “el mundo que vivimos, la Colombia actual necesita y requiere de unas ideas marxistas más acordes con la realidad. No meter al marxismo en la realidad, sino la realidad en el marxismo (...) hay que abandonar, dejar de lado esquemas ortodoxos y actuar con principios en las nuevas circunstancias”⁹¹.

Nelson Berrio parecía hacerle eco a Orlando Fals Borda, quien en 1992 defendía la vigencia de las utopías en América Latina de esta forma:

“Aparece así otro temple de política en el que juega la moral práctica, la sociedad civil, la cultura popular, los movimientos sociales, el respeto por los derechos humanos, y la defensa de la paz y del medio ambiente como elementos de una nueva razón utópica para nuestro tiempo (...) Transparencia y ética; equidad, autarquía y responsabilidad; solidaridad, tolerancia y paz; todo aquello que prometió y no logró

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Vanegas, Napoleón, 1991, *Bernardo Jaramillo Ossa “Es un soplo la vida”*, Bogotá, Ediciones Foro.

⁹⁰ *Ibid.*, 246

⁹¹ Holguín, Alfredo, 2007, *Ellos son grises, nosotros el Arco Iris*, Bogotá, Contacto Editores

cumplir el capitalismo realmente existente: he aquí algunos de los valores centrales constitutivos de esa utopía posible de un socialismo redivivo”⁹²

La experiencia del Polo Democrático, aun por evaluar académica y políticamente, en sus inicios sugería esos nuevos rumbos, pero una vez más parece que fue un sueño efímero, no solo por los apetitos caudillistas de algunos de sus dirigentes, sino por el peso de las ortodoxias en su seno, muchas de ellas ancladas en el llamado marxismo leninismo. Y es que esta doctrina seguía y sigue pesando. Así, por ejemplo, Francisco Mosquera del MOIR, poco antes de morir en 1994 expresó: “Las verdades de Marx y Lenin, lejos de marchitarse, cual pregona la burguesía que carece de respuesta para los interrogantes de la actualidad, volverán a ponerse de moda”^{93, 94}. Ya bien entrado el presente siglo, Oscar Ángel, dirigente del PST afirmó: “Lo que planteó el leninismo y el trotskismo, como continuidad del leninismo, sigue siendo absolutamente válido”⁹⁵. Unos años después el director del semanario *Voz*, Carlos Lozano, dijo: “a pesar del derrumbe del soviético (...) el Marxismo Leninismo continúa vigente, así como el proyecto socialista”^{96, 97}.

Conclusiones

Los ecos de la Revolución Rusa siguen retumbando por el mundo; tal vez ya no provoquen tantas ilusiones o temores como ocurrió en sus primeros años, pero quíerese o no ese evento marcó una época que, siguiendo a Hobsbawm (1994), se ha llamado el corto siglo XX. Su impacto fue perdiendo fuerza con el paso del tiempo; de ser algo vivido en la inmediata cotidianidad, se volvió un hito remoto que se recordaba en las grandes efemérides o se invocaba para dar identidad a las

⁹² Jaramillo, Diego, 2012, “El socialismo raizal de Fals Borda”, *Cuadernos de Filosofía Latinoamericana*, Vol. 31, No. 102.

⁹³ *Tribuna Roja*, No. 56, febrero de 1994, 7

⁹⁴ Es cierto que en ese momento Mosquera y el MOIR le han bajado el tono a su anticomunismo mientras mantienen la fe en el marxismo leninismo y en una inevitabilidad del socialismo, algo esperanzador pero teleológico. Su discurso seguía así: “Parece que el socialismo, al igual de lo acontecido en el sistema capitalista, adolecerá de tropiezos y altibajos durante un interregno prolongado, antes del triunfo definitivo. Y los obreros, con sus batallas revolucionarias, proseguirán tejiendo el hilo ininterrumpido de la evolución histórica” (Ibíd.).

⁹⁵ Holguín, Alfredo, 2007, *Ellos son grises, nosotros el Arco Iris*, Bogotá, Contacto Editores

⁹⁶ Varios Autores, *La izquierda del siglo XXI*, 2013, Bogotá, Aurora

⁹⁷ La vigencia del marxismo leninismo sigue siendo proclamada aun hoy en día por algunas izquierdas, incluso como reclamo hacia quienes supuestamente se alejan de él. Así lo hace el dirigente comunista Sergio de Zubiría en reciente carta abierta a la militancia en la que denuncia a la dirección del PCC “por su abandono notorio de la tradición marxista y leninista” (de Zubiría, 2017, 2). Noticias de prensa hablan de que en el seno de las FARC hay un debate en torno al futuro partido que van a construir, unos defienden que sea marxista leninista y otros que no se aferre a esa doctrina sino que busque caminos propios para llegar al socialismo (*El Espectador*, 26 de julio, 2017).

izquierdas revolucionarias. Y en eso coincidieron distintas corrientes desde las más ortodoxas prosoviéticas hasta las disidencias maoístas o trotskistas pasando por las fuerzas guevaristas o castristas. En cambio su recepción no fue entusiasta en sectores nacionalistas o populistas, si es que algunos de ellos, como la Anapo, se pueden considerar de izquierda.

El legado de la Revolución de Octubre ha sido materia de disputa política y académica. Muchos militantes de izquierda, como también ajenos a ella, creían y aun creen que su aporte fue construir un modelo de revolución “bolchevique” dirigida por un verdadero partido del proletariado, es decir la doctrina marxista leninista; otros creemos que fue una experiencia emancipadora que dejó lecciones tanto en sus logros como en sus derrotas. Incluso para los historiadores no es fácil hacer un balance de los ecos de dicha revolución. El mismo Hobsbawm advertía a comienzos de los 90 que la caída de la URSS cambiaba la percepción que teníamos de los eventos revolucionarios en Rusia (1997, cap. 19). Tanto así que por esos años llegó a decir que “con sus aciertos y su significado, resultó que la sociedad alumbrada en 1917 ‘no era el futuro’”⁹⁸. Son demasiadas las razones y emociones que provocó este hito revolucionario, por eso el balance no solo es difícil sino que nunca será neutral. No en vano, como dice Enzo Traverso, “el comunismo no solo fue una pesadilla orwelliana, también fue un movimiento que logró dotar con un sentimiento de dignidad a las clases subalternas y encender las esperanzas de varias generaciones”⁹⁹. Y complementa Joseph Fontana: “necesitamos otro tipo de conmemoración, que nos permita (...) recuperar la historia de aquella gran esperanza frustrada en su dimensión más global, que encierra también la historia de nuestra luchas sociales”¹⁰⁰.

Una palabra final para aclarar que no estoy en contra del marxismo como pensamiento crítico y como una teoría, entre otras tantas, explicativa de la historia; estoy en contra de considerarlo como pensamiento único o doctrina casi sagrada basada en textos y autores canónicos.¹⁰¹ De lo que se trata es de leer a los clásicos pensando en nuestra realidad, como lo hicieron los primeros militantes socialistas de los años 20, incluso con cierto eclecticismo, o como decía Orlando Fals Borda, con su propuesta de un socialismo raizal que “tome en cuenta las raíces histórico-culturales y de ambiente natural de nuestros pueblos de base”¹⁰². Y esto implica cuestionar, criticar y “revisar”, en el sentido sano del termino, el pensamiento que nos llega de

⁹⁸ Piqueras, José Antonio, 2016, *La era Hobsbawm en Historia Social*, México, El Colegio de México.

⁹⁹ Traverso, Enzo, 2012, *La historia como campo de batalla*, México, FCE.

¹⁰⁰ Fontana, Jopsep, 2017, *La revolución rusa y el futuro del progreso*, Valparaíso, Ediciones Escaparate.

¹⁰¹ Posición dogmática que curiosamente es compartida a veces por el pensamiento totalitario de derecha, especialmente el de los “renegados”, es decir los excomunistas convertidos en anticomunistas según Traverso (2012, 72).

¹⁰² Jaramillo, Jaime Eduardo, 2010(?), *Antología de Orlando Fals Borda*, Madrid, Agencia Española de Cooperación Internacional para el Desarrollo.

fuera, incluido el marxismo en sus distintas vertientes, o el que producimos internamente. Por eso hoy no hay que asustarse del “revisionismo” —que era considerado el gran pecado comunista, por alejarse de la doctrina tomada como dogma.

Los retos para las izquierdas de hoy son diferentes a los de los siglos XIX y XX: se requiere una radical opción por la libertad sin sacrificar la igualdad, pero al mismo tiempo un respeto a toda diferencia —de género, etnia, raza, generación, sexualidad—; y apostarle decididamente a los procesos de democratización de la democracia, comenzando por sus propias estructuras internas. Carlos Gaviria Díaz, candidato presidencial colombiano de la izquierda en 2006, lo dijo claramente: “Entre la vieja izquierda y la actual hay una diferencia clara, y es el cambio de utopía: mientras la izquierda clásica buscaba la sociedad sin clases (...) la moderna lo que busca es una sociedad democrática posible”¹⁰³. Tal es el panorama que parece abrirse ahora con los acuerdos de Paz con las Farc y los diálogos que están en curso con el ELN. Esperemos que la sombra de la violencia no se vuelva a cernir sobre estas esperanzas de lograr una Colombia distinta.

Prensa Consultada

1. *Alternativa*, 1974-1980
2. Diario Popular, 1942-1945
3. Documentos Políticos, 1958-1984
4. El Bolchevique, 1934-1935
5. *El Luchador*, 1922-1924
6. El Socialista, 1920-1934
7. Estudios Marxistas, 1969-1984
8. Ideología y Sociedad, 1974-1978
9. La Humanidad, 1925-1928
10. Revista Flash, 1968-1972
11. Tribuna Roja, 1971-1994

Documentación Revisada

1. Frente Unido de Acción Revolucionaria (FUAR), 1962-A, *Programa y Estatutos*, Bogotá, sin editorial.
2. García, Antonio, 1946, *Qué es y por qué lucha el Partido Socialista Colombiano*, Bogotá, Editorial “Izquierdas”.
3. Liga de Acción Política, 1943(?), *Manifiesto al país*, Bogotá, Ediciones Políticas “El Común”.
4. Movimiento Socialista Colombiano, 1955(?), *Estatutos y Doctrina Política*, Bogotá, sin editorial.
5. Partido Socialista Colombiano, 1947, *Bases para una nueva Colombia*, Bogotá, Editorial “Izquierdas”.

¹⁰³ *El Espectador*, 23-29 de abril de 2006, 14-A

Bibliografía

1. Archila, Mauricio, 1985-1986, “La otra opinión: la prensa obrera en Colombia, 1920-1934”, *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*, Número 13-14, pp. 209-237.
2. Archila, Mauricio, 1992, *Cultura e identidad obrera: Colombia 1910-1945*, Bogotá, Cinep.
3. Archila, Mauricio, 2003, *Idas y venidas, vueltas y revueltas, protestas sociales en Colombia 1958-1990*, Bogotá, Cinep/Icanh.
4. Archila, Mauricio y otros, 2009, *Una historia inconclusa: izquierdas políticas y sociales en Colombia*, Bogotá, Cinep.
5. Archila, Mauricio y otros, 2012, *Violencia contra el sindicalismo, 1984-2010*, Bogotá, Cinep.
6. Ayala, César Augusto, 1995, *Nacionalismo y populismo*, Bogotá, Universidad Nacional.
7. Braun, Herbert, 1987, *Mataron a Gaitán*, Bogotá, Ediciones Universidad Nacional.
8. Broderick, Walter J., 1987, *Camilo, el cura guerrillero*, Bogotá, El Labrador.
9. Caro, Edgar Andrés, 2017, “Recepciones de la Revolución Rusa en *La Humanidad* (1925-1927)”, *Manuscrito inédito*.
10. Grupo de Memoria Histórica (GMH), 2013, *¡Basta Ya! Colombia: memorias de guerra y dignidad*, Bogotá, CNMH.
11. Castañeda, Jorge, 1994, *La utopía desarmada. Intrigas, dilemas y promesas de la izquierda en América Latina*, Bogotá, Tercer Mundo.
12. Debray, Régis, 1975, *La crítica de las armas*, México, Siglo XXI.
13. de la Torre, Cristina, 1976, *Colombia camino al socialismo*, Bogotá, Cuadernos Alternativa.
14. Delgado, Álvaro, 2009, “El experimento del Partido Comunista Colombiano”, en Archila, Mauricio y otros, *Una historia inconclusa: izquierdas políticas y sociales en Colombia*, Bogotá, Cinep.
15. Díaz, José Abelardo, 2010, “El Movimiento Obrero Estudiantil Campesino 7 de enero y los orígenes de la nueva izquierda en Colombia, 1959-1969”, *Tesis de Maestría en Historia*, Universidad Nacional.
16. Eley, Geoff, 2003, *Un mundo que ganar. Historia de la izquierda en Europa, 1850-2000*, Barcelona, Crítica.
17. Fontana, Jopsep, 2017, *La revolución rusa y el futuro del progreso*, Valparaíso, Ediciones Escapate.
18. García, Martha Cecilia, 2009, “El presente es de lucha el futuro socialista” en Archila, Mauricio y otros, *Una historia inconclusa: izquierdas políticas y sociales en Colombia*, Bogotá, Cinep.
19. Green, John, 2004, *Gaitanismo, Left Liberalism, and Popular Mobilization in Colombia*, Gainesville, University of Florida Press.
20. Guerra, Sergio y Prieto, Alberto, 1980, *Cronología del movimiento obrero y de las luchas por la revolución socialista en América Latina y el Caribe (1917-1939)*, La Habana, Casa de las Américas.

21. Hartlyn, Jonathan, 1993, *La política del régimen de coalición*, Bogotá, Tercer Mundo-Uniandes.
22. Hernández, Rodolfo, 2016, “Los orígenes del maoísmo en Colombia: la recepción de la Revolución de Nueva Democracia, 1949-1963”, *Trabajo de Grado en la Carrera de Historia*, Universidad Nacional.
23. Hobsbawm, Eric J., 1994, *The Age of Extremes*. Nueva York: Pantheon.
24. Holguín, Alfredo, 2007, *Ellos son grises, nosotros el Arco Iris*, Bogotá, Contacto Editores.
25. Jaramillo, Diego, 2012, “El socialismo raizal de Fals Borda”, *Cuadernos de Filosofía Latinoamericana*, Vol. 31, No. 102.
26. Jaramillo, Jaime Eduardo, 2010(?), *Antología de Orlando Fals Borda*, Madrid, Agencia Española de Cooperación Internacional para el Desarrollo.
27. Jeifets, Lazar y Jeifets, Víctor, 2001, “El Partido Comunista Colombiano, desde su fundación y orientación hacia la ‘Transformación ‘Bolchevique’””, *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*, No. 28, pp. 7-37.
28. Maldonado, Oscar, Olivieri, Guitemie y Zabala, Germán, 1970, *Camilo Torres: Cristianismo y Revolución*, México, Ediciones Era.
29. Martí, Salvador y Figueroa, Carlos, 2006, *La izquierda revolucionaria en Centro América*, Madrid, Cátedra.
30. Mejía, Gilberto, 1986, *El Comunismo en Antioquia (Memorias)*, Medellín, Ediciones Pepe.
31. Medina, Carlos, 2006, “FARC— EP, notas para una historia política, 1958-2006”, *Manuscrito inédito*.
32. Medina, Medófilo, 1980, *Historia del Partido Comunista de Colombia*, Bogotá, CEIS.
33. Meschkat, Klaus y Rojas, José María, 2009, “Liquidando el pasado”, la izquierda colombiana en los archivos de la Unión Soviética, Bogotá, FESCOL/Taurus.
34. Molano, Frank, 2004, “El imaginario maoísta, 1965-1980, como mentalidad revolucionaria en la izquierda colombiana”, *Tesis de Maestría en Historia*, Universidad Nacional, Bogotá.
35. Molina, Gerardo, 1987, *Las ideas socialistas en Colombia*. Bogotá, Tercer Mundo.
36. Múnera, Leopoldo, 1998, *Rupturas y continuidades: Poder y movimiento popular en Colombia, 1968-1988*, Bogotá, Universidad Nacional/IEPRI/CEREC.
37. Oviedo Álvaro, 1977, “Maoísmo y trotskismo en Colombia” II, *Estudios Marxistas*, No. 14.
38. Pécaut, Daniel, 1987, *Orden y Violencia: Colombia 1930-1954*, 2 volúmenes, Bogotá, Cerec-Siglo XXI.
39. Pinzón, Antonio, 2011, *A través de la tormenta*, Bogotá, FICA.
40. Piqueras, José Antonio, 2016, *La era Hobsbawm en Historia Social*, México, El Colegio de México.
41. Proletarización, 1975, ¿De dónde venimos, hacia dónde vamos, hacia dónde debemos ir?, Medellín, Editorial 8 de Junio.

42. Romero, Mauricio, 2003, *Paramilitares y Autodefensas, 1982–2003*, Bogotá, IE-PRI/Planeta.
43. Sánchez, Gonzalo, 1981, *Los bolcheviques del Líbano (Tolima)*, Bogotá, ECOE.
44. Tirado, Álvaro, 2014, *Los años sesenta una revolución en la cultura*, Bogotá, Debate.
45. Torres Giraldo, Ignacio, 1973, *Los Inconformes: historia de la rebeldía de las masas en Colombia*, 4 Vols., Bogotá, Editorial Margen Izquierdo.
46. Traverso, Enzo, 2012, *La historia como campo de batalla*, México, FCE.
47. Urán, Carlos Horacio, 1983, *Rojas y la manipulación del poder*, Bogotá, Carlos Valencia Editores.
48. Vanegas, Napoleón, 1991, *Bernardo Jaramillo Ossa “Es un soplo la vida”*, Bogotá, Ediciones Foro.
49. Varios Autores, *La izquierda del siglo XXI*, 2013, Bogotá, Aurora.
50. Vásquez, Edgar, Galarza, Jaime y Sánchez, Ricardo, 1974, “Programas políticos del proletariado”, *Ideología y Sociedad*, No. 10.
51. Vega, Renán, *Gente muy rebelde*, 2002, 4 Vols., Bogotá, Ediciones Pensamiento Crítico.
52. Villanueva, Orlando, 1995, *Camilo, acción y utopía*, Bogotá, Universidad Nacional.
53. Villarraga, Alvaro y Plazas, Nelson, 1995, *Para reconstruir los sueños (una historia del EPL)*, Bogotá, Progresar.
54. de Zubiría, Sergio, 2017, “Una renuncia inevitable a la dirección nacional”, *Carta abierta del 30 de julio*.

El impacto de la Revolución rusa en la cultura argentina. El caso de la música de tradición escrita

The impact of the Russian Revolution on Argentine culture. The case of the music of written tradition

Resumen: Esta ponencia se propone presentar una primera aproximación a las formas en las cuales la Revolución rusa impactó en la cultura y las artes argentinas a través del seguimiento del caso de la música. El campo artístico y cultural argentino no fue indiferente a la Revolución y una parte importante de él fue moldeado por las vicisitudes de aquella, especialmente durante la primera mitad del siglo XX. Particularmente, el artículo se refiere al modo en el cual la Revolución sirvió como correa de transmisión de experiencias musicales rusas previas a la revolución que fueron recibidas, interpretadas y articuladas dentro de un contexto que exhibía problemas similares a los que encontraron los músicos rusos del siglo XIX, a saber, la construcción de una tradición musical local. En ese sentido, la Revolución actuó como una puerta de entrada a una experiencia que revelaba similitudes con Argentina.

Palabras clave: Cultura; música; la Revolución rusa; Argentina; Kuchka; arte.

Abstract: This paper aims to present a first approach to the ways in which the Russian Revolution impacted on Argentine culture and arts in terms of music. The Argentine artistic and cultural field was not indifferent to the Revolution and an important part of it was shaped by the vicissitudes of the Revolution, especially during the first half of the 20th century. Particularly, the article refers to the way in which the Revolution helped to transmit Russian musical experiences, interpreted and articulated within a context that exhibited problems similar to those encountered by the Russian musicians of the 19th century, namely, the construction of a local musical tradition. In that sense, the Revolution acted as a gateway to an experience that revealed similarities with Argentina.

Keywords: Culture; music; the Russian Revolution; Argentina; Kuchka; art.

Introducción

La Revolución rusa fue un acontecimiento fundamental en la historia del siglo XX. Su impacto se hizo sentir no sólo en la propia Rusia sino también en diferentes partes del mundo. En el caso argentino, las investigaciones se han centrado

¹ Profesor Adjunto a Cargo de la Cátedra de Historia de Rusia en la Universidad de Buenos Aires. Coordinador Académico del Centro de Estudios de los Mundos Eslavos y Chinos de la Universidad Nacional de San Martín. Investigador de la Comisión Nacional de Investigaciones Científicas y Tecnológicas. Doctor en Historia por la Universidad de Buenos Aires.

en la influencia que la Revolución tuvo, sobre todo, al nivel político, explorando las vinculaciones entre partidos, movimientos y estrategias.² Poco se ha dicho, sin embargo, sobre el modo en el cual el evento revolucionario y sus consecuencias fueron recibidos por la cultura y las diferentes artes en el país. A cien años de su estallido, esta ponencia se propone presentar una primera aproximación a las formas en las cuales la Revolución rusa impactó en la cultura y las artes argentinas a través del seguimiento del caso de la música. El campo artístico y cultural argentino no fue indiferente a la Revolución y una parte importante de él fue moldeado por las vicisitudes de aquélla, especialmente durante la primera mitad del siglo XX.

Particularmente, nos estamos refiriendo aquí al modo en el cual la Revolución sirvió como correa de transmisión de experiencias musicales rusas previas a la revolución que fueron recibidas, interpretadas y articuladas dentro de un contexto que exhibía problemas similares a los que encontraron los músicos rusos del siglo XIX, a saber, la construcción de una tradición musical local. En ese sentido, la Revolución actuó como una puerta de entrada a una experiencia que revelaba similitudes con Argentina. Aquí me detendré en el caso de Carlos Guastavino, quien intentó, a partir de una particular interpretación de la experiencia de *Kuchka* y de sus simpatías por la Revolución, emular ciertos aspectos de la tradición musical rusa, particularmente el que se vincula con la utilización de la música folklórica para estructurar obras de mayor porte.

Una revolución cultural

La Revolución Rusa no solo supuso un cambio a nivel social, político o económico sino también tuvo un impacto muy significativo en la cultura y las artes. En ese sentido, una figura que resume las tendencias del nuevo gobierno bolchevique fue A. Lunacharsky, quien intentó articular las tendencias más radicalizadas de los grupos de vanguardia con las posiciones más conservadoras del gobierno bolchevique.³

Pero podemos observar que ya antes de la Revolución la cultura y el arte eran un problema teórico tanto para las producciones artísticas como para los militantes revolucionarios. Ambos fueron preparando el terreno de modo tal que cuando finalmente la Revolución estalló, la cultura y el arte tuvieron un lugar fundamental para el moldeamiento de la nueva sociedad. Su tradición crítica y forjadora de un nuevo mundo, presente en la vanguardia y las reflexiones de los revolucionarios, encontraba ahora el marco propicio para desplegarse.

² Por ejemplo, Roberto Pittaluga, *Soviets en Buenos Aires. La izquierda en Argentina ante la Revolución en Rusia*. Buenos Aires, Prometeo, 2015; Hernán Camarero, *Tiempos Rojos. El impacto de la Revolución Rusa en la Argentina*. Buenos Aires, Sudamericana, 2017.

³ Véase Sheila Fitzpatrick, *Lunacharski y la organización soviética de la educación y las artes*. Madrid, Siglo XXI, 1977.

La Revolución supuso una multiplicidad de experiencias y de sujetos que la protagonizaron. El arte y la cultura no fueron ajenos a todo esto. Hay algo que los cruza: la búsqueda de crear un orden nuevo. En ese sentido, cuando los bolcheviques llegaron al poder, recibieron una rica herencia en lo cultural y lo artístico. La primera década revolucionaria puede ser vista, así, como una fase de movilización y comunicación recíproca entre todas las esferas de la actividad intelectual. Hay allí un destacado rol de la *intelligentsia*, que veía que por fin se había concretado aquello por lo que había luchado durante toda su existencia. Se trataba de una cultura rica, creativa, rupturista, de debate y oposición: en la década de 1920 todavía se puede discutir, incluso contra Lenin. Se puede decir que se trató de una auténtica revolución cultural.

Precisamente, el especialista en historia cultural rusa Michael David-Fox⁴ discutió recientemente con la interpretación propuesta por Fitzpatrick respecto de lo que significaba una revolución cultural.⁵ Para el historiador, es evidente que ya desde 1905 hay un interés dentro del movimiento revolucionario por pensar en una dimensión cultural de la revolución, a pesar de que la primera preocupación era la lucha política. Esto puede rastrearse en el caso de *Vpered* y los escritos de A. Bogdánov. Sin embargo, dice David-Fox, la idea de una revolución cultural aparece recién con fuerza luego de 1917. Ante el avance de la *Proletkult* y sus misiones proletarias, Lenin y los dirigentes bolcheviques desarrollan un proyecto que entendía a la revolución cultural como una expansión de los elementos civilizatorios: llevar los mejores logros de la cultura previa a las masas de modo de inculcar los hábitos de las sociedades civilizadas, superar la barbarie y desarrollar la ciencia y la tecnología. Lenin no pretendía el desarrollo de una cultura proletaria (y en ese sentido se opone a la *Proletkult*) sino el desarrollo de los mejores modelos de la cultura existente desde un punto de vista marxista. Esto es lo que el David-Fox llama como programa “positivo”.

El concepto se redefine a mediados de la década de 1920 cuando aparecen elementos de lo que podríamos considerar como programa “negativo” (en parte también basado en Lenin): la revolución cultural se define ahora en términos de “guerra de clases”. Finalmente podemos observar cómo el concepto de revolución cultural fue reformulado y “liberado” en 1928 al comienzo del “gran giro” de Stalin. Se comienza a pensar a la revolución cultural como una lucha contra los avances burgueses en el frente cultural, desde el arte a la vida cotidiana. Lo cual se transformó en un ataque a la burguesía cultural soviética, es decir, la *intelligentsia* que estaba fuera del partido. Este es finalmente el sentido que se impone y que derrota a cualquier intento que vaya por fuera de los postulados del partido.

¿Qué fue entonces la revolución cultural? El aporte de Michael David-Fox nos ayuda a pensar en un proceso extenso y variado, en donde convivieron simultánea-

⁴ Michael David-Fox, “What is a Cultural Revolution?”, en *Russian Review* 58, 2, 1999, 181-201.

⁵ Sheila Fitzpatrick (ed.), *Cultural Revolution in Russia, 1928-1931*. Bloomington, Indiana University Press, 1978.

mente los intentos comunistas de rehacer a los otros como también sus intentos para transformarse ellos mismos en el marco de la revolución social. Por eso la revolución cultural se dirige hacia dos direcciones: hacia afuera, transformando a las masas, y hacia adentro, transformando a la vanguardia revolucionaria. Pero al mismo tiempo, es un proceso en el que convivieron dos tendencias, una positiva, vinculada a la diseminación de la cultura, y otra negativa, asociada al ataque a la cultura heredada.

De este modo, podemos sostener que la revolución cultural se llevó a cabo en Rusia provocando una transformación cultural holística desde diversos ámbitos, sujetos e instituciones. Su extensión se puede datar desde 1905 y hasta bien entrada la década de 1920 y sus alcances se pueden ver en los intentos de una transformación radical total de la realidad. Más allá de los resultados obtenidos, es imposible negar el rol que han jugado el arte y la cultura en Rusia para la destrucción de un régimen autoritario y opresivo y la construcción de uno nuevo y diferente.

El impacto en Argentina

El impacto y la recepción de la Revolución Rusa en Argentina han sido bien estudiados. Gracias a estos estudios podemos saber que la influencia que el acontecimiento ejerció fue notable, sobre todo en agrupaciones políticas de izquierda de las primeras décadas del siglo XX. Los estudios remarcan en cómo los partidos recibieron el acontecimiento y cómo diagramaron sus estrategias políticas en función de las acciones de 1917 y la consolidación del régimen soviético. También, en cómo la política de los partidos de izquierda fue lentamente virando hacia las directivas de Moscú.⁶

La influencia de la Revolución Rusa como hecho conmocionante de la realidad local es notable. Su gravitación se expresó en la proliferación de múltiples ediciones sobre “temas soviéticos” para un público variado, desde ediciones baratas que difundían *El Código Bolchevique del matrimonio* a un público amplio, pasando por la traducción del libro de Goldschmidt *Moscú, diario de un viaje a la Rusia Soviética*, difundida entre círculos de la bohemia intelectual. Y es que, sobre todo, la Revolución Rusa despertó una gran simpatía de clase entre las organizaciones del movimiento obrero. Múltiples actos, conferencias, campañas de solidaridad, colectas, fueron organizadas por organizaciones obreras, muchas de ellas en el contexto de la hambruna de 1921, producto de la guerra civil. Para Pittaluga estas acciones de solidaridad implicaban una disputa del espacio público. Artículos, opiniones, interpretaciones de los sucesos rusos se reagrupaban en temáticas y momentos, por caso “dictadura del proletariado”, “qué y cómo leer”, habida cuenta de que las informaciones provenían de las grandes agencias de noticias, cada una con su sesgo interpretativo. Con los meses se irán sumando viajeros a Moscú.⁷

⁶ Véase nota 1.

⁷ Pittaluga, 267-274.

La revolución abre un campo de inteligibilidad en los distintos universos socioculturales que antes no era visible. La revolución permite eso porque descompone en un acto los regímenes de significación hegemónicos. Así, surgen una cantidad profusa de textos debidos a las plumas principales de estirpe socialista, anarquista, comunista, sindicalista, y luego una multitud de textos de autores poco conocidos o directamente desconocidos. En muchos casos, esas voces son apoyos ciegos pero también hay varios casos de voces esporádicas pero que sumadas hacen multitud, son voces disidentes. Son hombres y mujeres que vienen a decir algo diferente.

Un efecto importante de este impacto es la tematización del tiempo como uno de los terrenos donde se juegan las interpretaciones de la Revolución Rusa, pero más extensivamente como forma de asir el hecho revolucionario en tanto productor de una nueva experiencia del tiempo y de la praxis revolucionaria como intervención en la temporalidad histórica. Los textos exploran muy bien esta cuestión en los debates políticos y sociales de la primera mitad del siglo XX, donde las novedades provenientes desde Rusia apuntan a mostrar un nuevo camino no solo para la izquierda sino también para la ciudadanía en general. En plena crisis de la economía capitalista, el país de los soviets se mostraba como una alternativa exitosa de desarrollo social, económico y político.

Hay una dimensión, sin embargo, que queda por ser explorada y que tiene que ver con la dimensión cultural y artística. Pittaluga documenta muy bien la completa recepción de lo que sucedía a nivel cultural en la Revolución rusa. Pero solo se queda con los documentos oficiales o con las intervenciones del Comisario para la Educación y las Artes, A. Lunacharsky. Solo un capítulo de su libro de dedicada al mundo del arte y la cultura, y casi nada se dice de la música.

El impacto musical: el caso de Carlos Guastavino

Carlos Guastavino nació en Santa Fe en 1912. Comenzó sus estudios en la carrera de Ingeniería Química en la Universidad Nacional del Litoral a la par de que mantuvo su actividad como concertista de piano. Hacia 1937 se puso contacto con Héctor Ruiz Díaz, y esa experiencia sería fundamental para su decisión de dedicarse exclusivamente a la música. Gracias a una beca, logra continuar sus estudios en Buenos Aires, donde va a combinar estudios entre el Conservatorio y clases privadas con el compositor Athos Palma. Con él sistematizó, en un lapso de tiempo intensamente breve, su bagaje de conocimientos empíricos previos, en especial en las disciplinas de armonía, morfología y contrapunto. Durante las décadas de 1940 y 1950 viaja por el mundo, incluyendo dos estancias en Londres y además, algunos meses de gira por la Unión Soviética y China en 1956, lo cual reforzó su condición de compositor y pianista, orientado a la producción de cámara

y pianística.⁸ Su producción es extensa en el campo del repertorio de cámara: piezas vocales con piano, obras corales a cappella, para grupos instrumentales, piano y guitarra.

La Revolución Rusa es un canal de acceso de la cultura de ese país, un llamado de atención a lo que ocurría en Rusia. Así, es posible acceder a distintos aspectos de la cultura y las artes que van a generar un notable impacto en Argentina. Aquí resulta de gran importancia una publicación como la *Revista de Oriente* y el artículo de Boris de Loescher publicado en 1925 en donde se presenta a *Kuchka* y a sus discípulos como las corrientes de la música moderna en Rusia y en donde se ensaya la asociación entre la música folklórica y la nación. También las biografías de Musorgsky y Rimsky-Korsakov publicadas por Roberto García Morillo actúan como mediadores, incluso allí se puede ver la sombra de V. Stasov en ese sentido.

La recepción viene a través de la asociación de folklore y *Kuchka* como expresión de los oprimidos, como lo testimonia el socialista Alejandro Castiñeras.

De este modo, la revolución rusa como canal de acceso a una tradición musical periférica. Funciona como correa de transmisión de una tradición musical de acuerdo a lo que sostenía V. Stasov y su mitificación. Lo interesante es que se transmite una idea “errada”, pero que funciona desde lo simbólico: Guastavino quiere componer música del pueblo.

Guastavino no es un intuitivo sino que tiene un conocimiento empírico del folklore para usarlos en las grandes formas, como puede verse, por citar solo algunos ejemplos, en el ballet *Fue una vez*, en la *Suite Argentina* y en varias de las canciones para piano y voz. Esto es que lo extrae de *Kuchka* a través de la correa de transmisión que es la Revolución Rusa. La Revolución Rusa tiene un impacto doble: sirve para pensar una sociedad emancipada pero también sirve para pensar una conformación de un campo musical moderno.

Bibliografía

1. Roberto Pittaluga, *Soviets en Buenos Aires. La izquierda en Argentina ante la Revolución en Rusia*. Buenos Aires, Prometeo, 2015; Hernán Camarero, *Tiempos Rojos. El impacto de la Revolución Rusa en la Argentina*. Buenos Aires, Sudamericana, 2017.
2. Sheila Fitzpatrick, *Lunacharski y la organización soviética de la educación y las artes*. Madrid, Siglo XXI, 1977.
3. Michael David-Fox, “What is a Cultural Revolution?”, en *Russian Review* 58, 2, 1999, pp. 181-201.
4. Sheila Fitzpatrick (ed.), *Cultural Revolution in Russia, 1928-1931*. Bloomington, Indiana University Press, 1978.
5. Silvina Luz Mansilla (comp.), *Cinco estudios sobre Carlos Guastavino*. Santa Fe, Universidad Nacional del Litroal, 2015.

⁸ Véase Silvina Luz Mansilla (comp.), *Cinco estudios sobre Carlos Guastavino*. Santa Fe, Universidad Nacional del Litroal, 2015.

Ecoss de la Revolución Rusa en la prensa brasileña (1917–1922)

Echoes of the Russian Revolution in the Brazilian press (1917–1922)

Resumen: La prensa es fuente y objeto para comprender qué interpretaciones de la Revolución Rusa se han elaborado a través de los periódicos, por lo que es importante un análisis cuidadoso de las noticias transmitidas en la gran prensa y prensa obrera como expresión escrita de las inquietudes, debates y elaboraciones sobre este “horizonte rojo” que se abría ante el mundo. La prensa dio forma a los acontecimientos que registraba de acuerdo con las coyunturas específicas de relaciones con el poder y las luchas por hegemonía sobre los modos de vida.

El objetivo de este artículo es presentar y analizar algunas noticias de los periódicos brasileños sobre la Revolución Rusa durante el año 1917 y apuntar posibilidades empíricas para una posterior aproximación de conceptos y enfoques del periodismo en el ámbito de la Comunicación.

Palabras clave: Periodismo; prensa; la Revolución rusa; 1917; Brasil; comunicación.

Abstract: The press is the source and object of understanding what interpretations of the Russian Revolution have been made through newspapers, so it is important to carefully analyze the news transmitted in the mainstream press and workers’ press as a written expression of the concerns, debates and elaborations on this “red horizon” that opened before the world. The press shaped the events that it recorded according to the specific conjunctures of relations with power and struggles for hegemony over the ways of life.

The objective of this article is to present and analyze some news from the Brazilian newspapers about the Russian Revolution during the year 1917 and to point out empirical possibilities for a later approximation of journalism concepts and approaches in the field of Communication.

Keywords: Journalism; press; the Russian Revolution; 1917; Brazil; communication.

Introducción

Durante el siglo XX el noticiero internacional se destacó en prestigio e importancia en el periodismo brasileño cuyas empresas reorganizaban sus estructuras de forma más compleja a partir de inversiones en la modernización de la prensa, de las

¹ Magister en Historia Social — Doctoranda — Programa de Pos-graduación en Historia — UFRGS — Universidad Federal de Rio Grande do Sul. Porto Alegre, RS — Brasil. Beca CAPES. E-mail: iamara-andrade53@gmail.com

técnicas de impresión y del incremento de la publicidad y de la red de distribución que exigieron cambios de patrones editoriales de los periódicos hacia un modelo más político que literario.

En el año 1917, la dinámica urbano-industrial que se formaba en la sociedad brasileña con la ampliación del mercado lector era favorable al crecimiento y diversificación del mercado editorial, en el que los periódicos diarios y vespertinos divulgaban las noticias en un formato de un cuadro instantáneo del momento con las disputas políticas y los acontecimientos que se destacaban en el cotidiano².

Los periódicos brasileños en 1917 ya adquirieron máquinas linotipos que superaban las composiciones manuales, cámaras fotográficas, métodos fotoquímicos y luego presentaron modernizaciones en los moldes empresariales que se profundizan en la década de los 20 con el avance de las innovaciones técnicas visibles en el uso de ilustraciones y fotos, innovación en la publicidad, aumento del tiraje, calidad y rapidez de impresión³.

De acuerdo con Tania de Luca, la expresión gran prensa es una forma genérica e imprecisa para designar títulos que en un contexto histórico se caracterizan por ser los más significativos en los aspectos de circulación, perennidad, equipamiento técnico, organizacional y financiero⁴.

Los periódicos era el más eficiente medio de comunicación entre los trabajadores cuya experiencia de militancia anarquista marcó la fase inicial de la organización del movimiento obrero cuando grupos y asociaciones fueron fundadas no sólo para la representación de los intereses de las categorías sino también para la oferta de actividades que agregarían sus asociados, como grupos de teatro, bibliotecas y centros de estudio. Los diarios de los obreros eran un espacio privilegiado de debate político y un medio de fortalecimiento de la solidaridad que se expresaba en los esfuerzos para el mantenimiento de los periódicos⁵.

La prensa es fuente y objeto para comprender qué interpretaciones de la Revolución Rusa se han elaborado a través de los periódicos, por lo que es importante un análisis cuidadoso de las noticias transmitidas en la gran prensa y prensa obrera como expresión escrita de las inquietudes, debates y elaboraciones sobre este “horizonte rojo” que se abría ante el mundo. La prensa dio forma a los acontecimientos que registraba de acuerdo con las coyunturas específicas de relaciones con el poder y las luchas por hegemonía sobre los modos de vida.

² Cohen, Ilka Stern. “Diversificação e segmentação dos impressos”. IN: Luca, Tania Regina de y Martins, Ana Luiza (org.). *História da imprensa no Brasil*. Sao Paulo: Editora Contexto, 2008, 104-105.

³ Barbosa, Marialva. *História Cultural da Imprensa*. Rio de Janeiro: Mauad X, 2007, 22.

⁴ Luca, Tania Regina de. “A grande imprensa na primeira metade do século XX”. IN: LUCA, Tania Regina de e MARTINS, Ana Luiza (org.). *História da imprensa no Brasil*. Sao Paulo: Editora Contexto, 2008, 149.

⁵ Cohen, Ilke. *Op, Cit*, 130-131.

El objetivo de este artículo es presentar y analizar algunas noticias de los periódicos brasileños sobre la Revolución Rusa durante el año 1917 y apuntar posibilidades empíricas para una posterior aproximación de conceptos y enfoques del periodismo en el ámbito de la Comunicación.

La trayectoria de las noticias rusas en 1917 en la gran prensa brasileña

Las primeras noticias de la Revolución Rusa en los periódicos de la gran prensa brasileña surgen caracterizadas con aspectos positivos de emancipación, liberación, patriotismo, unión, derechos, elementos que sostenían la continuidad “solidaria” de participación en la guerra, punto que va a ser abordado por todas las materias para calificar o descalificar los diversos momentos de los cambios políticos de Rusia en 1917.

El diario gaucho, “*A Federação*”, en el 5 de mayo de 1917, publicó en la primera página el artículo con el título “La revolución rusa y la gran guerra” con firma de nombre Reyes de Carvalho, caracterizaba el acontecimiento ruso como “anti-germánico” cuya victoria puso fin a la “obra de los traidores” y concluye diciendo que la Revolución Rusa es el “presagio de la rápida victoria final de los aliados”⁶.

Los periódicos saludan la revolución de febrero atribuyéndole la posición de ser adversaria de los alemanes, característica de prestigio en un momento en que Brasil estaba al lado de los aliados y la prensa transformada por la Primera Guerra Mundial acompañaba diariamente los acontecimientos bélicos.

Pero el tono de las noticias de comienzan a cambiar a partir de junio, cuando en el día 24 el periódico paulista, “*Correio Paulistano*” (CP), en la primera página titula como “La anarquía rusa” una columna que comienza relatando la organización de un nuevo gabinete por comités rusos de obreros y soldados con varias fracciones políticas en la misión de paz sin indemnizaciones y anexiones⁷.

Al final del primer semestre de 1917, con el agravamiento de los conflictos entre el Gobierno Provisional y el poder de los Soviets, especialmente el de Petrogrado, y el crecimiento de las huelgas, comienzan a surgir noticias sobre las propuestas soviéticas y entre ellas, la cuestión de la paz fue el tema más valorado por la prensa que acompañaba, con atención, cuáles son los rumbos que Rusia seguiría en la Primera Guerra Mundial, ya que su permanencia en el bloque de los aliados era un elemento geopolítico importante para la derrota de Alemania.

En el último mes del primer semestre de 1917 comienza la asociación entre la idea de anarquía y las acciones de los comités de obreros y soldados, en esa conexión se construye un hilo conductor formado por palabras como “desorden”, “indisciplina”, “despóticamente”, “enemigo”, sentidos que comienzan a dar significados a las

⁶ *A Federação*, Porto Alegre, 05 de mayo de 1917, 1. Hemeroteca Digital — Biblioteca Nacional.

⁷ *Correio Paulistano*, Sao Paulo, 24 de junio de 1917, 1. Hemeroteca Digital — Biblioteca Nacional.

interpretaciones que los periódicos hacen de los rumbos de las opciones políticas de Rusia de ese período y que se observa haber permanecido y expandido para caracterizar experiencias que bajo algún aspecto recuerde a los rusos de 1917.

Entre los periódicos encuestados, el primero a citar el nombre de Lenin fue el “*Correio Paulistano*” en la edición del primer día de octubre, en los títulos de noticias sobre la Primera Guerra Mundial imprimía la siguiente frase: “Los maximalistas protegen al agitador Lenin”. Fue un telegrama de Nueva York, probablemente de la “*Associated Press*” (AP), comunicando que el Gobierno Provisional de Rusia, “respondiendo a los maximalistas, respecto a la inviolabilidad del agitador Lenin, declaró que no mandaría arrestarlo dentro del recinto del Congreso”, pero lo haría en cualquier lugar fuera de allí, por eso, según la materia, los “maximalistas resolvieron entonces no dejar salir, a Lenin, del lugar que estaba oculto”⁸.

De esa forma Lenin surge en la prensa brasileña como un “agitador” protegido por los “maximalistas” y luego como un espía alemán que estaba prófugo de la orden de detención del Gobierno Provisional.

El diario “*A Cidade*” en el 15 de octubre de 1917, tituló como “La anarquía de Rusia” un telegrama de Londres que informaba el auge de la carestía de vida en Petrogrado que resultó en saqueos en almacenes y tiroteos con la fuerza pública con muertos y heridos. En esta materia se busca la comprensión de la “anarquía” como reacción al alto costo de vida de los rusos, pero un problema resuelto por la llamada “fuerza pública”⁹.

“*A Cidade*” en el 13 de noviembre resume la situación rusa con los siguientes informes: “Rusia convulsionada — Guerra civil en Petrogrado — Moscú a favor de Kerensky” y dice que recibió informaciones de que “los soldados rusos proclamaron la guerra santa contra los enemigos internos y externos de Rusia: 500 mil hombres se adhirieron al movimiento de los maximalistas y destruyeron la parte del ferrocarril entre Petrogrado y Gatchina para impedir el avance de Kerensky”, que tenía el apoyo de la ciudad de Moscú¹⁰.

El anuncio de una guerra civil en Rusia y el crecimiento de la acción del consejo de los obreros y soldados estaban acompañado por noticias que garantizaban la victoria de Kerensky, y para desacreditar la propuesta de paz la evaluaba como ventajas para Alemania.

La segunda quincena de noviembre de 1917 comienza el día 15 con el siguiente titular en la primera página del “*Correio da Manhã*”: “Kerensky una vez más victorioso”, luego la noticia decía que “los maximalistas de Petrogrado desistieron de la Revolución e hicieron causa común con el Sr. Kerensky tras la entrada de éste en la capital”. En esa misma columna, en otra nota sobre Petrogrado afirma que “el

⁸ *Correio Paulistano*, Sao Paulo, 01 de octubre de 1917, 1. Hemeroteca Digital — Biblioteca Nacional.

⁹ *A Cidade*, Salvador, 15 de octubre de 1917, 1. Biblioteca Pública del Estado de Bahia (BPEB).

¹⁰ *A Cidade*, Salvador, 13 de noviembre de 1917, p.3. BPEB.

número de muertos y heridos en los combates allí bloqueados entre maximalistas y legalistas sube a setecientos”, pero subraya que las cifras podrían aumentar debido a la continuidad de los combates, ya que la “anarquía crecía, siendo innumerables asesinatos y robos” con el “populacho y los soldados cometiendo toda la casta de vandalismos”¹¹.

En esta materia las informaciones buscan demostrar una idea de fuerza para Kerensky, un perfil que también aparece en otras ediciones al abordar este liderazgo como una representación positiva de los “buenos” cambios, mientras que comunica desventajas militares para los bolcheviques, es decir, los más “débiles”, Identificando a sus aliados como “vándalos” promotores de “anarquía”, esa caracterización empieza a delinearse con más claridad en las ediciones de los meses de noviembre y diciembre de 1917.

“*O Estado de São Paulo*” próximo a finales de noviembre de 1917, en el resumen de las noticias referentes o relacionadas a la Primera Guerra Mundial en la primera página del día 22, destacó los siguientes subtítulos para la situación en Rusia: “La próxima organización de un nuevo gobierno— El Señor Trotsky asume la cartera del interior — Reina la anarquía en Petrogrado”. Un telegrama de Petrogrado explica mejor el escenario y registra que Lenin y Trotsky en unos días anunciarían un gobierno de obreros y campesinos; al lado, una noticia de Washington que el gobierno norteamericano suspendió, “provisionalmente, a las expediciones destinadas a Rusia, hasta que la situación política se vuelva más clara”¹².

A finales de noviembre las noticias empiezan a informar con más definiciones los rumbos de los acontecimientos políticos, ya registra un nuevo gobierno de carácter obrero y campesino bajo el liderazgo de Lenin y Trotsky, y la asociación con “anarquía” permanece, apareciendo la importancia de las reacciones Norteamericanas para la comprensión de la opción política de los rusos a finales de 1917.

El gaucho “*A Federação*” el 4 de diciembre de 1917 publica una materia de un corresponsal de Roma que analizaba las actitudes de Lenin y Trotsky como “aprovechadores de las debilidades y vacilaciones” del gobierno provisional, por lo que ese “supuesto gobierno escaló la jefatura de la nación vociferando preceptos revolucionarios” y estableció en Rusia un “régimen de terrorismo peor que el czarismo”. El periodista, de nombre no identificado, apuntó que “Lenin y su grupo trataban de conquistar la simpatía de las clases populares, incultas, proclamando el advenimiento inmediato del régimen utópico, apenas soñado por el más extremado o loco de los socialistas”¹³.

¹¹ *Correio da Manhã*, Rio de Janeiro, 15 de noviembre de 1917, 1. Hemeroteca Digital — Biblioteca Nacional.

¹² *O Estado de São Paulo*, São Paulo, 22 de noviembre de 1917, 1. Acervo Digital — O Estado de São Paulo.

¹³ *A Federação*, Porto Alegre, 04 de diciembre de 1917, 4. Hemeroteca Digital — Biblioteca Nacional.

En los primeros días de diciembre de 1917 verificamos el foco de las noticias en Lenin y Trotsky, identificados como “aprovechadores”, “terroristas”, “locos” y entre líneas, “deshonradores de la patria”. Se nota como en el segundo semestre de 1917 los periódicos comienzan a construir el arquetipo de los bolcheviques a través del destaque de sus personajes principales.

En diciembre, los periódicos acompañan las tensiones en torno a las negociaciones de paz entre Rusia y Alemania con destaque para la presión bajo el posicionamiento de los aliados y las decisiones del nuevo gobierno soviético calificado como “extremista”, pero aún con informaciones que creaban la expectativa de la vuelta de Kerensky.

En la primera quincena de diciembre se detectan hechos relacionados con la Guerra Civil con destaque para la región del Don, Montes Urales y Ucrania, pero la posibilidad de derrota de los bolcheviques en la Asamblea Constituyente era explotada con informaciones sobre las divergencias entre los grupos socialistas, donde se destaca los rumbos del armisticio.

Es posible verificar registros de los decretos del gobierno soviético en lo que se refiere a la nueva organización del poder judicial interconectado con la caracterización de “violencia” para los actos de los “maximalistas”, nombre aún utilizado para identificar a los bolcheviques, pero ahora también describiendo a Kerensky y añadiendo el aspecto de la falta de respeto a las leyes en la permanencia de la situación de “anarquía”.

El diario bahiano “*A Cidade*” también utiliza el once de diciembre la palabra “anarquía” para decir que “Toda Rusia está anarquizada”, al día siguiente informa que las elecciones para la constituyente resultaron en mayoría para los “maximalistas”. Para la columna del trece de diciembre informa que había “combates furiosos” en las calles de Moscú y un despacho del Cónsul de Suecia orientando a los suecos a salir de la ciudad¹⁴.

En un ritmo diario de noticias, el 14 de diciembre hay una línea en la tercera página que dice “los socialistas rusos están divididos en dos grupos”, en la columna al lado informa que en el sur los “maximalistas” habían sido derrotados por los cosacos bajo el liderazgo de Korniloff. Se nota que en el mes de diciembre, “*A Cidade*” tiene un formato más constante de informaciones rusas del encubrimiento de los conflictos¹⁵.

“*A Federação*” el 13 de diciembre de 1917 informa que “en la reunión del Congreso del partido socialista revolucionario se dio el rompimiento decisivo entre los socialistas revolucionarios de la izquierda y los de la derecha”. A continuación, divulga una materia del parisino “*Le Journau*”, que comentaba haber “gran inquietud en los círculos maximalistas, pues éstos no tienen ilusión sobre la pésima impresión

¹⁴ *A Cidade*, Salvador, 11 de diciembre de 1917, 3. BPEB.

¹⁵ *A Cidade*, Salvador, 14 de diciembre de 1917, 3. BPEB.

que causaron en toda Rusia las negociaciones del armisticio para la paz con Alemania”, y el poder de los “Maximalistas” declinaba de forma “rápida y visible”, con la población, tropas y organizaciones obreras empezando a “despreciar su autoridad”, colocándose “al lado del congreso de los campesinos que siempre se negaron a reconocer el nuevo régimen”¹⁶.

Aquí hay una explotación de las rupturas de los grupos socialistas estimulando un análisis de debilitamiento político de los bolcheviques. Pero, cuando surge una información de posición del gobierno soviético que indique algún agrietamiento en las negociaciones con Alemania, se destaca en el noticiario.

El diario gaucho sigue con noticias sobre Rusia, publicando un artículo del “*Pravda*” que garantizaban saber el significado de los “imperialistas alemanes”, “todavía nos parece que están dispuestos a reconocer el programa de paz de la Revolución rusa, y si así no fuera, si los dirigentes alemanes pretenden hacer la paz con sacrificio y humillación “, todos los” revolucionarios rusos tomaran armas para defender el honor de la revolución”.

En la víspera de la Navidad de 1917, “*A Cidade*” da el título, “Revolución en Petrogrado”, para el párrafo que sigue informando: “Comenzó la Revolución en Petrogrado. Los maximalistas no cumplieron las promesas y esclavizaron al pueblo hambriento en manos de los enemigos”. En la misma tercera página utiliza la llamada “La anarquía en Rusia” para decir que los “maximalistas” cometían violencia para “amedrentar a la población”, así prendían socialistas revolucionarios y cadetes¹⁷.

“*A Cidade*” cierra la edición del último día de 1917 informando sobre el desarrollo de las negociaciones de paz entre Rusia y Alemania y en el último post internacional de 1917 trae la desmoralización de los cosacos que “se niegan a combatir a los maximalistas”¹⁸.

El Año Nuevo comenzaría con expectativas de cómo caminaría 1918 a Rusia, si los “maximalistas” serían derrotados y qué forma de armisticio sería negociada y sus impactos para la situación de los Aliados apoyados por Brasil.

Un panorama inicial de la cobertura de la prensa obrera bajo la Revolución Rusa

En un análisis inicial de las noticias rusas transmitidas entre 1917 y 1922, es posible verificar que tras un período de pocas noticias hay un esfuerzo, en la gran prensa, en transmitir informaciones con una idea de aceptación de la Revolución

¹⁶ *A Federação*, Porto Alegre, 13 de diciembre de 1917, 6. Hemeroteca Digital — Biblioteca Nacional.

¹⁷ *A Cidade*, Salvador, 24 de diciembre de 1917, 3. BPEB.

¹⁸ *A Cidade*, Salvador, 31 de diciembre de 1917, 3. BPEB.

de febrero de 1917 por su característica “anti-alemana” a partir de la toma del poder por los soviets y la radicalización de las acciones obreras en Brasil, las noticias comenzaron a ser transmitidas en una ofensiva crítica, cuando se presentan ideas anti-comunistas. En la prensa obrera la Revolución Rusa se convierte en inspiración y horizonte de liberación social, así como, objeto de debates políticos sobre su interpretación entre los periódicos obreros.

En uno de los primeros registros de escritos sobre la Revolución rusa en la prensa obrera se nota un análisis coyuntural que identificaba la importancia de las consecuencias de la Primera Guerra Mundial para los acontecimientos en Rusia, los intereses de la burguesía y de los aliados en el gobierno provisional así como la disputa por los rumbos de las elecciones políticas, en la que aparece un papel destacado para los anarquistas ya que aún es un momento inicial de contacto del periódico con las informaciones rusas.

A finales del mes de junio se verifica en el “*A Plebe*” una columna llamada “El arrebol de la libertad -la gran epopeya rusa” apuntando que la “prensa burguesa” asociaba de forma equivocada a la Revolución rusa con la Duma monárquica y los generales pan-eslavistas ocultando la acción proletaria y el papel de los socialistas que habían asumido la dirección del movimiento obrero luego de los conflictos de junio. El artículo sigue registrando que el Partido Social Demócrata había lanzado un manifiesto invitando obreros y soldados para nombrar delegados a un Consejo para actuar “contra las fuerzas de la reacción” y fiscalizar “los actos del gobierno provisional”¹⁹.

En el umbral del segundo semestre de 1917 la prensa obrera comienza a realizar debates sobre las informaciones transmitidas por los diarios de la gran prensa destacando el funcionamiento del Consejo de Obreros y Soldados y la participación de los socialistas que construyen otra posición sobre la cuestión de la guerra.

En la edición del 21 de julio del “*A Plebe*” hay una columna, firmada por las iniciales FG, titulada “Imitemos a Rusia” explicando ser la Primera Guerra Mundial y la corrupción de la administración pública responsables del aumento del costo de vida y de los impuestos, situación que era “desesperante e intolerable” cuya salida era la revolución, aconsejando que se debería sacar de la guerra la defensa de una causa para “agitar y exhortar” la masa al ejemplo de Rusia²⁰.

El artículo demuestra que la Revolución rusa ya era referencia para el movimiento obrero en el periodo de la huelga general paulista de 1917, al menos como fuerza del ejemplo para dar continuidad al ánimo para el avance de las luchas sociales.

En otra edición de la columna “Arrebol de Libertad” a principios de la segunda quincena de agosto, el tema era la defensa de la revolución contra los enemigos

¹⁹ *A Plebe*, Sao Paulo, 30 de junio de 1917, año I, n.2, 2. CEDEM — UNESP.

²⁰ *A Plebe*, Sao Paulo, 21 de julio de 1917, año I, n.2, 3. CEDEM — UNESP

internos y externos y la fuente de la información provenía del diario francés “*Le Temps*” que publicó una comunicación del Consejo de Obreros y Soldados, fechada el 1 de junio, que reafirma la opción por resolver la cuestión de la paz sin anexiones o indemnizaciones y convoca al ejército para ese objetivo y “mantenerse fuerte y vigilante contra el enemigo externo de la Revolución”²¹.

En esa columna del 18 de agosto también hay referencia a una publicación del “*Pravda*” que denuncia el intento del imperialismo en “sofocar la revolución”. “*La Plebe*” hace una nota explicando que el “*Pravda*” era un órgano de Lenin, “el tan calumniado militante del partido socialista que lucha y sufre desde hace 25 años por su causa y que en Rusia todos conocen y respetan, incluso a sus adversarios”. Al final se presenta como de autoría de Lenin, el siguiente programa para la Revolución: confiscación y reparto de la tierra, fin de la guerra, entrega del poder a los consejos de obreros, soldados y campesinos, y publicación de las convenciones secretas de los gobiernos aliados.

El perfil de Lenin aparece en uno de sus primeros momentos en las páginas de los periódicos obreros como un militante de larga trayectoria política y de poco conocimiento en Brasil, así la presentación de sus ideas programáticas ya componen un cuadro de mejor entendimiento de las tendencias socialistas rusas.

El perfil de Lenin es estampando en un artículo de página entera en “*O Debate*” del 29 de septiembre con la pregunta “¿Quién es Lenin?” Para aclarar los “comentarios y calificativos más disparatados”, principalmente la versión sobre él ser un agente alemán disfrazado en socialista. La referencia es un artículo de un socialista franco-ruso, Rapport, publicado en el diario francés “*Le Journal du Peuple*”, que dice ser Lenin conocido por los militantes socialistas rusos “hace más de veinte años” como un “hombre de incorruptible carácter, inmaculada vida, voluntad de hierro, claridad y sencillez”, “propagandista, agitador y organizador de gran talento” que rompió con Plekanov en 1903 para formar otro partido, “los bolcheviques”. Rapport afirma que el error fundamental de Lenin sería “el desconocimiento de la complejidad de la vida social” y la “ignorancia de la ley fundamental de la historia, a saber: si a veces las minorías “hacen” por sorpresa la historia, las mayorías las deshacen”²².

El diario carioca utiliza las lentes del contacto francés en el intento de desnudar quién es, y lo que piensa ese importante personaje ruso, entonces es con la mirada de un socio francés que comienza a llegar en las páginas obreras brasileñas un molde de Lenin, liderazgo que llamaba para sí la atención y el interés de todo el mundo periodístico.

El diario carioca “*El Cosmopolita*”, órgano de los empleados en Hoteles, Restaurantes, Cafés, Bares y Clases Congéneres, el primer día de diciembre estampa

²¹ *A Plebe*, Sao Paulo, 18 de agosto de 1917, año I, n.10, 2. CEDEM — UNESP

²² *O Debate*, Rio de Janeiro, 29 de setiembre de 1917, año I, n.11, p. 4. CEDEM — UNESP.

la litografía de una joven en gesto de grito con el nombre “¿Qué grito nos viene de Rusia? Y en dos columnas reproducen reportajes enviados del periódico “*Aurora*”, originario de Oporto²³.

En una de esas columnas está el nombre de Lenin como título, el contenido es de autoría de Rapport que una vez más aclara las persecuciones al liderazgo ruso afirmando que “nosotros te conocemos”, un activo de 25 años de luchas, de sufrimientos y de angustias “No podemos creer en las infamias y las calumnias”, y en el momento de dudas sobre quién saldría vencedor, escribe al final, cualquier sea el destino el nombre de Lenin iría a “brillar de viva luz”, y su ideal de vida se perpetuaría “Incesantemente, a través del espacio y del tiempo”.

Para completar el recurso de la imagen colocada en el centro de la primera página y rápidos párrafos dedicados a uno de los personajes principales, hay un largo artículo originario del periódico de Turín, “*Do Grido del Popolo*” con las iniciales AG en su autoría, tal vez por el período que era incluso Director del periódico italiano es posible que se refiera a Antonio Gramsci, que en el artículo se preocupa en destacar el papel de los “maximalistas” rusos como esenciales para la realización y continuidad de la Revolución.

El material italiano es precedido por algunos párrafos iniciales que están bajo la llamada “La revolución rusa — los maximalistas”, en ellos la Revolución rusa es presentada como una “formidable tarea de reconstrucción social y económica” que fue responsable del fin de los privilegios de casta y el “edificio de la tiranía”. La preocupación de la transcripción de artículos portugueses del “*Aurora*” es justificada como una forma de mejor conocimiento de la “significación real de los acontecimientos”, las “figuras de mayor relieve” y los “grupos revolucionarios de vanguardia” y así “desfigurar” la “grandeza de la lección” de aquel “inmenso escenario revolucionario”.

En el mes de diciembre aumenta el número de reportajes sobre la Revolución Rusa en una misma edición de “*El Cosmopolita*” indicio de que importante puente periodista con los portugueses indica cierta regularidad en la relación entre ellos, que permite la conexión con franceses e italianos para acceder al panel del contenido revolucionario ruso.

Una de las últimas ediciones de 1917 de “*El Cosmopolita*” que consta de artículos sobre la Revolución Rusa es fechada el 15 de diciembre y trae una larga columna de dos páginas sobre la biografía de Trotsky que cita un contenido del diario neoyorquino “*The Day*” en su descripción como “simpático, estatura regular, espalda ancha, ojos azules, grandes y muy atractivos”. Al final de la columna en la segunda página, “*El Cosmopolita*” demarca que hay discordancias doctrinales con el “actual ministro de las relaciones exteriores de Rusia”, pero hace justicia la “integridad de su carácter impoluto” como “miembro del gobierno maximalista” que “busca Ar-

²³ *O Cosmopolita*, Rio de Janeiro, 01 de diciembre, año II, n.22, p.01. CEDEM — UNESP.

monizar todos sus actos con las convicciones teóricas arraigadas en su mentalidad y nunca desmentidas por su pasado de lucha”²⁴.

En diciembre surge Trotsky en los titulares de los periódicos obreros que se muestran preocupados no sólo en divulgar a los “maximalistas” rusos, sino también en garantizar la defensa de la integridad de las respectivas intenciones políticas.

Las páginas de los periódicos obreros en el mes de Navidad de 1917 están en busca de dialogar sobre la importancia del ejemplo de la Revolución Rusa y presentar el perfil biográfico de Lenin y Trotsky, el nuevo año vendrá con más debates temáticos sobre los próximos pasos rusos.

Consideraciones finales

En la mitología griega, el hilo de Ariadna, princesa de la isla de Creta, proporcionó a Teseo encontrar el camino de salida del laberinto del Minotauro. La importancia histórica de la prensa para el contacto de los brasileños con la Revolución Rusa puede ser investigada como un hilo que conecta experiencias e influencia en la construcción de visiones de mundo y proyectos sociales.

Así, en un breve panorama de las noticias de la Revolución Rusa es posible observar cómo la investigación de ese contenido periodístico puede indicar vestigios de las formas como la prensa brasileña construyó su abordaje, consolidando valores, opiniones, ideas políticas, que atraviesan por la historia social de Brasil hasta el tiempo presente influenciando las elecciones y el pensamiento de la sociedad brasileña.

En el marco de las formulaciones de las teorías del periodismo hay recientes enfoques sobre el papel de los medios de comunicación en procesos políticos que pueden contribuir con el enriquecimiento de la historiografía de la prensa. Mauro Porto, por ejemplo, presenta el concepto de “encuadramiento” como un paradigma innovador que está dinamizando el campo de la comunicación política al proporcionar una nueva perspectiva para entender el papel de los medios²⁵.

Porto presenta los aspectos centrales del concepto de encuadramiento formulados por Robert Entman para aplicaciones en el análisis de contenidos de los medios, tales como saliente en un texto comunicativo para aspectos seleccionados de la realidad de forma que promueve una “definición particular del problema, una interpretación causal, evaluación moral y/o una recomendación de tratamiento para el ítem descrito”²⁶.

²⁴ *O Cosmopolita*, Rio de Janeiro, 15 de diciembre, año II, n.23, p.01. CEDEM — UNESP.

²⁵ PORTO, Mauro. “Enquadramento da mídia e política”. IN: RUBIM, Antonio Albino Canelas (org.). *Comunicação e Política: conceitos e abordagens*. Salvador: Edufba, 2004, p.74.

²⁶ *Ibid*, Op, Cit, p.82.

Las noticias sobre la Revolución Rusa en la prensa brasileña presentan formas de encuadramiento de los acontecimientos y saber cuáles eran esas, la investigación proporciona identificar posibles formas de recepción y efecto en el medio social de esos periódicos y comprender cuáles son las bases comunicativas de la construcción histórica de los matices de imágenes que los brasileños tienen de la Revolución Rusa.

El estudio de las miradas diversas de la prensa bajo la Revolución Rusa tiene el desafío de iluminar la construcción de llaves de lecturas para investigaciones que se proponen buscar cómo los periódicos presentaban informaciones, emitieron sus mensajes y escogían sus procedimientos para realizar la cobertura periodística de esa experiencia que revolucionó visiones de mundo, impulsó cambios políticos y fundamentó reacciones conservadoras.

Es importante resaltar que cada periódico posee su lugar social de un determinado tiempo, cabe al investigador, en el enfoque crítico de las fuentes, estar atento a los procedimientos metodológicos para problematizar las relaciones de poder que cada periódico que está inserto y cómo ellos actúan en el escenario político para desvelar como la prensa en su práctica social modela pensamientos y acciones, definen roles sociales y universalizan posiciones e interpretaciones.

En este trabajo procure abordar fuentes de una investigación inicial de las noticias de la Revolución Rusa en la prensa brasileña basada en periódicos de la gran prensa y de la prensa obrera. El desarrollo de esta investigación apunta a una ampliación de los estudios que dialogue con los enfoques del campo de la comunicación política, por lo que presenté sugerencias preliminares como el concepto de encuadramiento para enriquecer el estudio del abordaje que los periódicos elaboraron de la Revolución Rusa y el impacto bajo la elaboración de los sentidos de esa experiencia por la sociedad brasileña.

Bibliografía

1. Cohen, Ilka Stern. “Diversificação e segmentação dos impressos”. IN: Luca, Tania Regina de y Martins, Ana Luiza (org.). *História da imprensa no Brasil*. Sao Paulo: Editora Contexto, 2008, 104-105.
2. Barbosa, Marialva. *História Cultural da Imprensa*. Rio de Janeiro: Mauad X, 2007, 22.
3. Luca, Tania Regina de. “A grande imprensa na primeira metade do século XX”. IN: LUCA, Tania Regina de e MARTINS, Ana Luiza (org.). *História da imprensa no Brasil*. Sao Paulo: Editora Contexto, 2008, 149.
4. *A Federação*, Porto Alegre, 05 de mayo de 1917, 1. Hemeroteca Digital — Biblioteca Nacional.
5. *Correio Paulistano*, Sao Paulo, 24 de junio de 1917, 1. Hemeroteca Digital — Biblioteca Nacional.
6. *Correio Paulistano*, Sao Paulo, 01 de octubre de 1917, 1. Hemeroteca Digital — Biblioteca Nacional.

7. *A Cidade*, Salvador, 15 de octubre de 1917, 1. Biblioteca Pública del Estado de Bahia (BPEB).
8. *A Cidade*, Salvador, 13 de noviembre de 1917, 3. BPEB.
9. *Correio da Manhã*, Rio de Janeiro, 15 de noviembre de 1917, 1. Hemeroteca Digital — Biblioteca Nacional.
10. *O Estado de São Paulo*, São Paulo, 22 de noviembre de 1917, 1. Acervo Digital — O Estado de São Paulo.
11. *A Federação*, Porto Alegre, 04 de diciembre de 1917, 4. Hemeroteca Digital — Biblioteca Nacional.
12. *A Cidade*, Salvador, 11 de diciembre de 1917, 3. BPEB.
13. *A Cidade*, Salvador, 14 de diciembre de 1917, 3. BPEB.
14. *A Federação*, Porto Alegre, 13 de diciembre de 1917, 6. Hemeroteca Digital — Biblioteca Nacional.
15. *A Cidade*, Salvador, 24 de diciembre de 1917, 3. BPEB.
16. *A Cidade*, Salvador, 31 de diciembre de 1917, 3. BPEB.
17. *A Plebe*, Sao Paulo, 30 de junio de 1917, año I, n.2, 2. CEDEM — UNESP.
18. *A Plebe*, Sao Paulo, 21 de julio de 1917, año I, n.2, 3. CEDEM — UNESP
19. *A Plebe*, Sao Paulo, 18 de agosto de 1917, año I, n.10, 2. CEDEM — UNESP
20. *O Debate*, Rio de Janeiro, 29 de setiembre de 1917, año I, n.11, . 4. CEDEM — UNESP.
21. *O Cosmopolita*, Rio de Janeiro, 01 de diciembre, año II, n.22, .1. CEDEM — UNESP.
22. *O Cosmopolita*, Rio de Janeiro, 15 de diciembre, año II, n.23, 01. CEDEM — UNESP.
23. PORTO, Mauro. “Enquadramento da mídia e política”. IN: RUBIM, Antonio Albino Canelas (org.). *Comunicação e Política: conceitos e abordagens*. Salvador: Edufba, 2004, 74.

¿Revolución social o golpe maximalista? Las izquierdas argentinas y el Octubre ruso de 1917

Social revolution or maximalist coup? The Argentine left and the Russian October of 1917

Resumen: El objetivo de esta ponencia es analizar el modo en el que las izquierdas de la Argentina caracterizaron y se posicionaron ante el proceso de la Revolución rusa entre marzo y diciembre de 1917. En especial, se examinará la manera en la cual cada tendencia político-ideológica definió los acontecimientos de la caída del zarismo, la etapa del doble poder entre el gobierno provisional y los Sóviets, y la conquista del poder por parte de éstos y el Partido Bolchevique. En particular, se examina al Partido Socialista y a la fracción de izquierda internacionalista que actuaba en dicho partido, que culminó con la creación del Partido Socialista Internacional, antecedente del Partido Comunista.

Palabras clave: Las izquierdas; Argentina; la Revolución de Octubre; partido comunista; maximalistas; ideología revolucionaria.

Abstract: The paper analyzes the ways in which the Argentinian left movements of Argentina understood the process of the Russian Revolution between March and December 1917, in particular, the fall of tsarism, the period of dual power between the provisional government and the Soviets, and the conquest of power by them and the Bolshevik Party. In addition the article examines the Socialist Party and the internationalist leftist fraction that acted in that party, which culminated in the creation of the International Socialist Party, the predecessor of the Communist Party.

Keywords: The left; Argentina; the October Revolution; communist party; maximalists; revolutionary ideology.

“La revolución rusa será para nuestros tiempos lo que la revolución francesa para los tiempos modernos”. La frase podía leerse el 18 de marzo de 1917 en la tapa del diario *La Vanguardia* editado por el Partido Socialista (PS) argentino, tres días después del derrocamiento del zar Nicolás II. El acontecimiento era saludado como emblema de la lucha popular por la libertad. Nueve meses después, en cambio, ese mismo órgano de prensa caracterizaba a la Revolución de Octubre como un “golpe de estado” bolchevique que coronaba un desvío del curso natural del movimiento democrático hacia un atajo autoritario. No todos los socialistas opinaban igual. Una fracción izquierdista, cuyos miembros eran expulsados de las filas partidarias y acabaron constituyendo la organización que prefiguró el comunismo local (el Partido

¹ CONICET — UBA, hercamarero@gmail.com

Socialista Internacional, PSI), se embanderaba en la causa soviética y glorificaba a los “maximalistas rusos, heroica vanguardia del socialismo internacional”.

Este devenir conflictivo de la organización fundada por Juan B. Justo fue una de las expresiones del fenómeno de reconfiguración social, política e ideológica operado en la Argentina bajo el impacto de la Revolución rusa de 1917, el proceso histórico mundial más significativo del siglo XX. No sólo el movimiento obrero y las izquierdas (incluidos el anarquismo y el *sindicalismo*) quedaron conmovidos ante los nuevos desafíos enunciados desde las insurrectas ciudades de Petrogrado y Moscú. Los eventos revolucionarios de 1917, y los que sucedieron a ellos en los siguientes años, fueron registrados y obligaron a constantes definiciones por parte de las clases dominantes, las derechas y la Iglesia, del nuevo régimen político inaugurado por los gobiernos de la UCR, del periodismo y la opinión pública, de las redes del mundo de la cultura, el arte y las ideas, y de las múltiples colectividades de inmigrantes, entre tantas otras esferas.²

El objetivo de esta ponencia es examinar el impacto producido por la Revolución rusa dentro de las izquierdas locales: en particular, las caracterizaciones y orientaciones teóricas, políticas y estratégicas adoptadas por el socialismo y el emergente protoc comunismo en la coyuntura inicial de aquel proceso histórico. Este análisis brinda elementos para comprender los modos en que estas corrientes entendían el sentido de la revolución y las potencialidades y límites del programa reformista, democrático y revolucionario, así como sus definiciones acerca del sujeto del cambio social y el lugar de las masas en los acontecimientos.

En la década de 1910, sobre todo luego de la Ley Sáenz Peña, el PS quedó definitivamente ordenado bajo un horizonte reformista, cuyas metas eran el perfeccionamiento de las instituciones democráticas, el mejoramiento de las condiciones de vida de las clases subalternas y la modernización del país.³ El PS se integraba al sistema político, apto para la lucha electoral y las lides parlamentarias. Si bien los trabajadores eran mayoría en sus redes de apoyo, el PS no lograba articularse cabalmente en y con el movimiento obrero, al postular una radical separación entre lucha sindical y acción política, y al alejarse de las prácticas de acción directa. Este perfil había sido cuestionado internamente, con algunas escisiones. Durante estos años se incubó una de ellas, con una corriente de izquierda que cuestionó las columnas vertebrales del proyecto reformista. Todo se aceleró en 1917. Los ecos de la Guerra Mundial llegaron a las costas argentinas, mientras de la lejana Petrogrado provenían noticias increíbles. El PS no salió indemne de esta doble conmoción: la Guerra y la Revolución. De esa crisis emergieron el PSI, primero, y el comunismo,

² Para un abordaje de las influencias de la Revolución rusa en la Argentina: Doeswijk, 2013; Pittaluga, 2015; Camarero, 2017.

³ Sobre el socialismo en el período: Walter, 1977; Aricó, 1999; Adelman, 2000; Camarero y Herrera, 2005; Martínez Mazzola, 2015.

luego (Corbière, 1984; Campione, 2005; Camarero, 2007). Todo ello se produjo bajo el nuevo marco político del país. El presidente Hipólito Yrigoyen inauguraba un régimen político inmediatamente desafiado por un ascenso de las luchas obreras, que no cesaron en su intensidad por lo menos hasta 1921. Este auge de la conflictividad laboral fue acompañado por un proceso de radicalización ideológica y política, en el cual la Revolución rusa operó como un acicate y un catalizador.

Un nuevo período histórico mundial en la agenda del socialismo argentino

El proceso revolucionario en la tierra de los zares se inició hacia el 8 de marzo y fue ganando intensidad con el transcurrir de esa semana.⁴ La primera vez que *La Vanguardia* refirió a los acontecimientos fue el 16 de marzo, un día después de la abdicación de Nicolás II y mientras se avanzaba en la formación de un Gobierno provisional. Aquel título en tapa, de dimensiones modestas, con el paso de los meses se convirtió en una sección casi fija, frecuentemente en la segunda página del periódico: “La revolución rusa”. Ese día se apeló a una declaración del Labour Party inglés, que aclaraba: “Rodzianko, presidente de la Duma, es el jefe de la revolución estallada, a quien todo el pueblo acompaña”.⁵ En verdad, el personaje en cuestión, del partido octubrista, era un político reaccionario, que ya había sido presidente de la Duma bajo el Imperio. Dos días después el diario ofrecía en su tapa una caracterización integral: “El zarismo ha dejado de existir, iniciándose una nueva era en la historia de Rusia, y acaso en la historia del mundo. Ha caído una dinastía secular, que gobernó siempre autocráticamente, imponiéndose por el crimen y el terror”.⁶ Continuaba reivindicando el papel progresivo de las “grandes revoluciones de la historia”. Rusia y la Francia de 1789 podían asemejarse. Pero ahora no se trataba de la instauración del dominio de la burguesía, pues era la clase obrera la que se ubicaba al frente:

Nada de extraño sería entonces que la revolución rusa iniciase un nuevo período histórico, el cual habría de caracterizarse por la emancipación social del trabajo. En Rusia podría originarse la revolución socialista, destinada a crear una nueva organización social fundada en los principios de la justicia económica, sin la cual es imposible la existencia real de la libertad individual, ya sea ésta civil o política.

El PS advertía que en Rusia el proceso seguiría un curso ascendente: “Los obreros no podrían conformarse, en verdad, con la sola conquista del régimen re-

⁴ Nos regimos por las fechas del calendario gregoriano usado en los materiales que trabajamos, las cuales son trece días posteriores a las fijadas según el calendario juliano empleado en Rusia hasta febrero de 1918.

⁵ *La Vanguardia*, 16/03/17.

⁶ *La Vanguardia*, 18/03/17.

presentativo”. El artículo concluía: “El socialismo democrático de América ve en la victoria del pueblo ruso el triunfo del proletariado internacional; hace votos por que la revolución renueve la vida de la Rusia libertada de la tiranía zarista a la sombra de la bandera roja, triunfadora en los recientes combates”. Pero el PS estaba lejos de una concepción revolucionaria internacionalista, por ejemplo, en relación a la conflagración bélica que sacudía el Viejo Continente: hacía hincapié en que el nuevo gobierno provisional había hecho votos por la continuidad de Rusia en el conflicto y celebraba que hubiera triunfado el partido favorable a la continuación de la guerra. La dirección del PS fijó posición pública en torno al tema el 20 de marzo, cuando convocó a una reunión extraordinaria. El Comité Ejecutivo (CE) decidió enviar un telegrama de adhesión a la Duma, invitando al grupo parlamentario a suscribirlo y encargando su redacción al secretario general del partido, Antonio de Tomaso. Dicha misiva, dirigida a Rodzianko, expresaba:

... su profunda simpatía por el advenimiento de la revolución rusa, en la cual ve el más grande acontecimiento histórico contemporáneo, y al saludar a la Duma, que la ha realizado a nombre del pueblo y ha proclamado su voluntad de fundar el nuevo régimen político sobre la base inmovible de las libertades públicas para todos y el sufragio universal directo y secreto, hace votos por que cumpla amplia y valientemente su misión.⁷

El 23 de marzo varios dirigentes del partido hablaron en un acto organizado por el Ateneo Popular. El diputado Antonio Zaccagnini exclamó: “Cuando la noticia de la revolución rusa llegó, hemos temblado, nos hemos quedado perplejos, y nos hemos preguntado si no sería una de esas mentiras que el telégrafo echa a rodar”. El senador del Valle Iberlucea (quien venía ejerciendo la dirección de *La Vanguardia*) también arengaba: “...y ya flamea la bandera roja, esa bandera que une a todos los hombres y a todos los trabajadores, esa bandera prohibida en nuestro país por la ley social. Todo lo cual significa que el socialismo va a vencer primero en Rusia, después en Europa y luego en América”.⁸

El PS había cerrado una primera caracterización sobre el carácter democrático-popular del proceso en Rusia. Las referencias a Rodzianko fueron desapareciendo, pero cobraron peso las dirigidas al jefe del primer gobierno, el Príncipe Lvov, y al Ministro de Relaciones Exteriores, Miliukov, ambos del partido kadete. Cuando sobrevino la “crisis de abril” en Rusia, el PS no pudo interpretarla con claridad, sobre todo, el carácter de las movilizaciones de obreros y soldados que condujeron a serios enfrentamientos con el gobierno y a la renuncia de Miliukov, tras lo cual se produjo el ingreso de los socialistas moderados a importantes puestos ministeriales. El PS saludó esa incorporación a la administración, procurando no hacer referen-

⁷ *La Vanguardia*, 22/03/17.

⁸ *La Vanguardia*, 25/03/17.

cia al rechazo de las masas a la guerra. Aunque la convocatoria a elecciones para la asamblea constituyente era incompatible con la movilización de los soldados en el frente, así como la instauración de la jornada laboral de ocho horas lo era con el aseguramiento de la producción industrial para el conflicto bélico, *La Vanguardia* reivindicaba aquellas causas y a la vez la imperiosa necesidad de que Rusia mantuviera el combate contra Alemania. Las referencias a la revolución siguieron, a partir de la reproducción (con breves comentarios) de los cables telegráficos.⁹ Se siguieron anunciando las siempre buenas novedades sobre la “Rusia democrática”, sus promesas de conceder la independencia a Polonia o su decisión de abolir la pena de muerte.¹⁰

Por el momento, los acontecimientos de Rusia no promovían un eje de diferenciación interno serio en el seno del PS. Ello sí ocurrió a propósito de la posición que el país debía adoptar frente a la Guerra Mundial, correlato de las discusiones que sacudieron a la II Internacional. Lo que se debatió en el PS argentino era si había que promover el fin de los vínculos diplomáticos con el Imperio Alemán o mantener la neutralidad en el conflicto desde una posición “internacionalista”. Justo se posicionaba por un “incomodo” neutralismo, mientras abogaba por el libre comercio. La dirección del partido quedó comprometida con una “defensa de los intereses nacionales”, ligados a los de las potencias aliadas (fundamentalmente Inglaterra), con las cuales Argentina aseguraba su exportación de carnes y cereales. El PS mantuvo un delicado equilibrio entre la defensa del comercio exterior y la propaganda del principio de la no intervención y denuncia de la contienda. Este equilibrio se alteró en abril de 1917, con el hundimiento del barco argentino “Monte Protegido”, producto de un ataque alemán. Los parlamentarios del partido (el senador del Valle Iberlucea y los diputados Justo, Bravo, de Tomaso, Repetto, Giménez, Zaccagnini, E. Dickmann, Augusto Bunge y Francisco Cúneo), convocaron al gobierno a adoptar todas las medidas necesarias “para hacer efectivo tan ampliamente como sea posible el comercio argentino en buques de cualquier bandera”.¹¹

Debió convocarse a un III Congreso Extraordinario para decidir sobre el asunto. En ese tumultuoso encuentro, desarrollado en el Teatro Verdi del barrio de La Boca el 28 y 29 de abril, surgió la izquierda socialista como tendencia pública del socialismo y opuesta a la dirección justista. El partido se dividió: de un lado, la mayoría del CE sostenía la posición de los parlamentarios, contando con el apoyo

⁹ Como con las demás noticias internacionales, el PS informó sobre la Revolución rusa con materiales de otros órganos de prensa y reproducción de cables telegráficos (de Reuters, Associated Press y otras agencias), fechados en Londres, New York, Paris, Petrogrado y Moscú, que el diario no corroboraba necesariamente. Existía una decisión respecto a qué se seleccionaba o se hacía hincapié, y en los títulos se detecta una subjetividad; algunos de estos informes eran comentados, trasluciendo cierto sistema de preferencias.

¹⁰ *La Vanguardia*, 01/04/17.

¹¹ *La Vanguardia*, 18/04/17.

de Justo; del otro lado, la izquierda “internacionalista”, que representaba la minoría en el comité (formada por José Fernando Penelón, Juan Ferlini y el concejal metropolitano Agustín Muzzio). Hubo dos proyectos de resolución antagónicos: uno presentado por la mayoría del CE y el otro por la minoría del mismo. La mayoría de la dirección adujo la defensa del comercio exterior como argumento para promover la ruptura con Alemania, aunque otros oradores del sector propiciaron la intervención directa en la Gran Guerra como forma de combatir al peligro mayor, la autocracia germana. Por la minoría, Penelón, Ferlini, Carlos Pascali, Alberto Palcos y Rodolfo Ghioldi reafirmaron que la responsabilidad de las hostilidades era de todas las potencias imperialistas y no del militarismo de uno de los bandos. Justo terció con otro proyecto de resolución, de carácter más conciliador, en el que se afirmaba que el PS no quería una declaración de ruptura de relaciones ni una declaración de guerra, y que no debía tomar ninguna iniciativa parlamentaria sobre el enfrentamiento armado. Penelón defendió la línea de la neutralidad y planteó: “más que un partido de gobierno debemos ser un partido revolucionario”.¹² Realizada la elección, de manera impactante fue la izquierda quien obtuvo la victoria, por unos cuatro mil doscientos votos contra tres mil quinientos. En el PS se anidaba el embrión de una fuerte crisis interna, que luego estalló plenamente.

El PS frente al Gobierno Provisional, los soviets y el poder dual

El acto de conmemoración del día internacional de los trabajadores que organizó el PS en Buenos Aires, el 1 de mayo de 1917, le permitió exhibir su posicionamiento en torno a la Revolución rusa. Varios miles de militantes y trabajadores simpatizantes se agolparon bajo las tribunas levantadas en la avenida Diagonal Sur. La intención era mostrar una imagen de unidad, tras el turbulento congreso culminado dos días antes. La Revolución no aparecía señalada en las pancartas más importantes de los manifestantes, las cuales privilegiaban las demandas pacifistas. Sin embargo, reapareció el motivo ruso. Cobró cuerpo en la arenga de de Tomaso, para quien lo iniciado en Petrogrado había sido el hecho clave para la “causa del trabajo y de la democracia” en el mundo:

Un régimen político nuevo ha surgido, proclamando la libertad para cientos de millones de hombres, la autonomía política y administrativa para varios pueblos sojuzgados, y afirmando el sufragio universal directo y secreto como la base inmovible de la Rusia nueva. La Internacional contará, de ahora en adelante, con un formidable pilar más.¹³

¹² Corbière, 1984: 35-36.

¹³ *La Vanguardia*, 02-03/05/17.

Recién a partir de mayo *La Vanguardia* comenzó a registrar el poderío del Soviet, el “Consejo de delegados obreros y soldados”. El socialismo no veía a los soviets en contraposición al nuevo poder, sino en una complementación compatible. Celebraba la consolidación del Gobierno provisional y que los bandos de la Duma y del Consejo de delegados obreros y soldados ahora se hallasen “bastante menos distanciados”.¹⁴ De la lectura del diario se atisbaba que en Rusia existía una corriente de oposición al curso oficial de la revolución, aunque aún no se alcanzaba a nominarla. El que sí comenzó a ocupar el centro de la atención fue el ministro de Guerra y Marina, Kérenski, un socialista laborista, “garante de la convocatoria de la asamblea constituyente”.¹⁵ Resultaban frecuentes los elogios a otras figuras del menchevismo, como el ministro Tsereteli o el presidente del Soviet de Petrogrado, Chjeidze, y también a los socialrevolucionarios. La línea del PS era la de la unidad de todos los socialistas, de la que luego excluirían a los “maximalistas” de Lenin. Para el PS el proceso ruso debía ordenarse conforme a un horizonte democrático-liberal, republicano y progresista, abierto a las demandas de los trabajadores. Toda idea de doble poder entre el gobierno y el soviet era descartada e invisibilizada. Más aún, se identificaba en aquel primer organismo el reaseguro de la existencia del segundo y el mantenimiento de la guerra contra la autocracia alemana, así como la garantía contra las indebidas tendencias al desborde de la revolución expresados por ciertos grupos. A principios de junio, el diario socialista reproducía una enorme foto de las deliberaciones del Soviet de Petrogrado, y afirmaba: “Al lado del gobierno revolucionario él es, con igual derecho y con no menor fuerza, el parlamento de la revolución, y será, a nuestro juicio, la más fuerte valla contra toda desviación anárquica capaz de poner en peligro a aquella”.¹⁶

Por el momento, la tarea era ganar la guerra contra el Imperio alemán. El diario socialista hacía hincapié en la creencia que el ejército se estaba reconstituyendo de la mano de Kérenski. Por ello, las “Jornadas de julio” tomaron de sorpresa, una vez más, a *La Vanguardia*. El partido había pronosticado los progresos de la revolución de la mano del gobierno en colaboración con los soviets para proseguir conflicto bélico, y en cambio ahora debía dar cuenta del fracaso de la gran ofensiva en el frente, el salto en la descomposición del ejército, las masivas revueltas que pressionaban al Soviet a tomar el poder, la renuncia de Lvov y la asunción de Kérenski como nuevo primer ministro. Para el PS, la clave era asegurar la “suprema autoridad del gobierno provisional”.

¿A partir de qué momento el PS advirtió la existencia del bolchevismo como corriente autónoma y revolucionaria del socialismo ruso? Fue desde junio, cuando esa corriente fue ganando la mayoría de delegados en el Soviet de Petrogrado. *La*

¹⁴ *La Vanguardia*, 07/05/17.

¹⁵ *La Vanguardia*, 19/05/17.

¹⁶ *La Vanguardia*, 06/06/17.

Vanguardia empezó a identificarla con las posiciones más radicales, junto a la de los anarquistas. Huido a Finlandia, Lenin fue haciéndose fantasmal en el diario, quien pareció dar crédito a la acusación de que estaba al servicio de la potencia extranjera rival: “El consejo de obreros y soldados ha resuelto que los maximalistas acusados de incitar a la rebelión o de haber recibido dinero alemán sean juzgados públicamente. Se declaró inadmisibles que el extremista Lenine (sic) y sus colegas escapen a la acción de la justicia”.¹⁷ En septiembre destacaba la caracterización del ex activista revolucionario Vladimir Burtsev acerca del bolchevismo como sirviente de Berlín: “el partido maximalista es un instrumento de Alemania, de la cual recibe dinero. Sus jefes (...) son los principales culpables de la descomposición de Rusia y de la debacle del ejército ruso”.¹⁸ Se multiplicaron las noticias desopilantes, las mismas que podían hallarse en el resto de la prensa mundial. Por ejemplo, la que señalaba que, en una reunión privada de la Duma, Vladímir Purishkévich (un referente de la tendencia nacionalista y antisemita) había declarado: “Lenine falleció en Zurich en el año 1916 y que el pseudo Lenine es el señor Zaderblum, ex amigo de Lenine”.¹⁹ Se trataba de un dislate: se lo confundía con Márto (apodo del judío Yuli Zederbaum), gran amigo de Lenin pero que luego pasó a rivalizar con él, convirtiéndose en uno de los líderes del menchevismo. *La Vanguardia* transcribió ese tipo de cables en esos meses. La primera vez que hizo conocer el nombre de los “bolshevikistas” (colocado así, entre comillas, dando cuenta del exotismo del término) fue a comienzos de septiembre. Se los identificaba como la “extrema izquierda” y como “partidarios del programa máximo”. Al grupo nucleado en torno al periódico *Pravda*, que dirigía Lenin y Grigori Zinóviev, se lo caracterizaba como inspirado en planteos anarquistas: “Es de tendencias extremadamente violentas. Al volver a Rusia, Lenine ha pronunciado un discurso sensacional, para afirmar la superioridad de las teorías de Bakounine sobre las de Marx”.²⁰

Ya en el período previo al desenlace de la Revolución bolchevique, *La Vanguardia* informó del levantamiento de Kornílov, hacia fines de agosto/principios de septiembre, de manera condenatoria. Antes le había dispensado cierta aprobación, sobre todo a sus proclamas en favor del reordenamiento militar para alcanzar la victoria en la guerra con Alemania. Ahora se reprobaba la insubordinación del “generalísimo”, sus intentos por asumir todos los poderes civiles y militares del país y su proyecto de conformar un nuevo gobierno dictatorial. El diario fijó posición en defensa de la administración de Kérenski, editorializando con una teoría de las dos

¹⁷ *La Vanguardia*, 30/07/17.

¹⁸ *La Vanguardia*, 05/09/17.

¹⁹ *La Vanguardia*, 06/09/17.

²⁰ *La Vanguardia*, 09/09/17.

acechanzas: la del bolchevismo, de un lado; la de los contrarrevolucionarios, del otro.²¹

A comienzos de octubre, una larga nota de tapa, perteneciente al dirigente partidario y periodista Ricardo Sáenz Hayes, cubría de elogios la figura de Kérenski, definido como “el más bello símbolo del héroe civil”, “suave con los humildes y aterciopelado con las damas”, “el honor de su patria, el salvador de sus pueblos, el orgullo de los hombres libres y bien nacidos”, al que contraponía con el “agitador Lenine”, quien ya desde Suiza conformaba “un grupo minúsculo” que “realizaba laboriosas propagandas para que la clase trabajadora se declarara adversa a la guerra”.²² La dirección mayoritaria del PS se colocaba en el campo del ministro. Pero el ala izquierda ya tomaba distancia también de esa posición y comenzaba a pronunciarse a favor de Lenin.

Había ocurrido algo importante: la corriente de izquierda socialista se corporizaba cada vez más como línea opositora interna. Desde comienzos de agosto había lanzado un órgano de prensa propio, bajo la dirección de Penelón, *La Internacional*, el que acabó siendo, durante las siguientes casi dos décadas, el periódico oficial del PSI y el comunismo local. El grupo también comenzó a editar la *Revista Socialista*. La crítica a las concepciones reformistas del PS se había profundizado. Se volvía a centrar el ataque en una influencia que se entendía como clave, la del alemán Bernstein, “un retrógrado que labora contra el socialismo”, al apostar “todo al movimiento y nada al fin último” de éste, como sostenía Penelón en la editorial del primer número de *La Internacional*.²³ También cuestionaba la posición partidaria en relación a la Revolución rusa, sobre todo el apoyo al gobierno provisional, mientras observaba con creciente simpatía la posición de los bolcheviques: “estamos con Lenin y no con Kerenski”.²⁴

Desenlaces y crisis en torno a la guerra y la revolución

El PS no sólo tenía el desafío de interpretar y posicionarse ante la Revolución rusa. El otro gran fenómeno de la arena internacional, la guerra, continuaba conmoviendo al país y al propio partido. Tras el ataque alemán al velero argentino “Toro” y el incidente con el conde Luxburg, que llevaron al conservador Joaquín V. González a solicitar al gobierno de Yrigoyen la suspensión de relaciones diplomáticas con Alemania, volvió a estallar el conflicto dentro del PS. Sus legisladores apoyaron esa propuesta, esgrimiendo sus posiciones aliadófilas y contraviniendo las

²¹ *La Vanguardia*, 12/09/17.

²² *La Vanguardia*, 05/10/17.

²³ *La Internacional*, 05/08/17. Las críticas al bernstenianismo en el PS ya se habían manifestado en *Palabra Socialista*, el periódico impulsado por el ala izquierda entre 1912-1914 (Díaz, 2015).

²⁴ *La Internacional*, septiembre 1917.

disposiciones del III Congreso Extraordinario. Lo hicieron los diputados y el único senador de que disponía el partido, del Valle Iberlucea.²⁵ Quedó en debate el desempeño del senador y los diputados socialistas, y el control que debía ejercerse sobre los mismos, pues con aquel voto, argumentaba la izquierda, los parlamentarios, avallados por la mayoría del CE, violaban la democracia al desconocer el mandato que habían recibido de un congreso soberano. La discusión se expresó en *La Vanguardia* de septiembre a diciembre de 1917, participando las grandes figuras de ambas fracciones contendientes y también cientos de militantes de base del partido que a veces matizaron las posiciones de los bandos en pugna.²⁶

Pero, además, ya la tendencia de izquierda podía expresarse desde *La Internacional*, que se lanzaba a una impugnación global a la dirección del PS. Frente a las declaraciones de ésta, a propósito de la posición ante el pedido de suspensión de relaciones diplomáticas con Alemania, cuando afirmó que no se quería ser sólo un partido de oposición sino también de gobierno, la izquierda señaló el peligro de desviar al movimiento socialista “hacia la negación de su política de clase, de su misión histórica que consiste en orientar la clase trabajadora hacia su emancipación integral y no en procurar su tutela solidarizándola con la clase capitalista, haciéndola copartícipe de un gobierno burgués”.²⁷ Repudiaba el camino del acceso al poder por la vía electoral: “El único sentido posible de las palabras de Marx al referirse a la conquista del poder, es la conquista revolucionaria para establecer la dictadura proletaria a fin de realizar la transformación histórica que el socialismo persigue”. Advertía acerca de la pérdida del carácter obrero y revolucionario del PS, devenido en un partido al estilo radical europeo, ajeno a la lucha de clases e identificado con la defensa del Estado nacional desde un chauvinismo que negaba el carácter interimperialista de la guerra. Finalmente, denunciaba la falta de democracia interna y el fenómeno de oligarquización, que dejó los resortes de la vida partidaria en manos de un puñado de “doctores”, los cuales dominaban el CE y monopolizaban la representación parlamentaria y *La Vanguardia*.

Con el objetivo de tensar aún más la confrontación interna, la corriente internacionalista reclamó un nuevo congreso extraordinario que tomara medidas contra

²⁵ La trayectoria de del Valle Iberlucea presentó fuertes virajes. Sus posiciones en la cuestión bélica estaban a la derecha en el partido: quedaron expuestas en sus obras *La guerra europea y la política internacional* de 1914 y *La cuestión internacional y el Partido Socialista* de 1917. Pero anteriormente, este profesor de derecho internacional en la Universidad Nacional de La Plata y militante del partido desde comienzos del siglo, levantaba posiciones a la izquierda del justismo. Se advierte en las publicaciones por él fundadas, *Revista Socialista Internacional* y *Humanidad Nueva*, atentas a cuestiones de filosofía y derecho, con críticas a las posturas bernstenianas en el socialismo. Había mirado con simpatías la dinámica de los jóvenes de la izquierda socialista. Y tiempo después brindó su apoyo a la Revolución rusa, y por ello fue desaforado del Senado en 1921. Ver: del Valle Iberlucea, 1934; Marianetti, 1971; Corbière, 1987; Becerra, 2009.

²⁶ Campione, 2005: 25-51.

²⁷ *La Internacional*, 27/10/17.

los parlamentarios. Pero los legisladores socialistas, procurando evitar aquella convocatoria, a principios de octubre realizaron un giro de la discusión: presentaron como opción la renuncia a sus bancas y pidieron al CE que el voto general de los afiliados juzgara su actitud. El carácter mismo de la consulta incrementaba las posibilidades para un triunfo de los parlamentarios, pues de ganar la moción contraria, el PS habría perdido sus bancas, dejando amenazada su principal base de sustentación política. El concejal Antonio Mantecón cuestionó el chantaje: “¿Por qué el Comité Ejecutivo en vez de llamar a un voto general no llamó a un congreso extraordinario?”.²⁸ De manera obvia, el resultado fue favorable al grupo parlamentario (5.345 votos contra 909, y 72 abstenciones y más de 2.000 ausentes). Los internacionalistas no supieron calibrar la capacidad de reacción y maniobra de la vieja conducción justista, que otra vez sobrevivió a un desafío interno, preparándose para ajustar cuentas con la tendencia de izquierda a la que acababa de propinarle un certero golpe. Debió hacerlo en medio del nuevo torbellino en el que cayó Rusia.

El PS argentino quedó completamente sorprendido por la insurrección de octubre. Las primeras informaciones en su prensa aparecieron en la edición del 8 de noviembre, con un desordenado conjunto de cables fechados el día anterior, con los acontecimientos aún en desarrollo. El diario señalaba que “un destacamento naval armado, bajo las órdenes del comité revolucionario maximalista, ocupó la oficina de la agencia telegráfica oficial de Petrograd”.²⁹ Desde el inicio la insurrección fue caracterizada como una asonada armada de unos pocos miles, bajo responsabilidad del bolchevismo. Los datos eran contradictorios, mostrando una situación abierta. Al día siguiente, *La Vanguardia* confirmaba la sucesión de eventos: el derrocamiento de la administración de Kérenski, el ataque al Palacio de Invierno por parte de “las tropas del Soviet”, la realización del “congreso general de los obreros y soldados” (aludía al II Congreso Panruso de los Soviets), el arresto de los ministros y el control de Petrogrado en manos de los maximalistas, quienes habían iniciado las tratativas para una “paz inmediata”, la resolución del problema campesino y la convocatoria a la asamblea constituyente. Transcribía una proclama: “Depusimos al gobierno, quien se irguió contra la revolución. La única autoridad es, actualmente, el comité revolucionario”.³⁰ Ya desde ese momento se definía a los hechos como un “golpe de estado sin verter sangre”.

El PS debía lidiar con un panorama confuso, en base a noticias en su mayoría falsas o distorsionadas. Durante varios días señaló en su diario que las noticias eran “satisfactorias” y hacían esperar que “el efímero reinado de los maximalistas toca a su fin”. El nivel de distorsión de la realidad se acentuaba, afirmándose que

²⁸ A. Mantecón, *El Partido Socialista y la cuestión internacional*, Buenos Aires, Imprenta Sarandí 374, 1917, 14.

²⁹ *La Vanguardia*, 08/11/17.

³⁰ *La Vanguardia*, 09/11/17.

las fuerzas de Kérenski ya estaban en Petrogrado y eran “virtualmente dueñas de toda la ciudad”, para culminar: “Se prevé el fin próximo del movimiento maximalista”.³¹ Varias de las noticias transcritas en *La Vanguardia* eran equivocadas: Kérenski nunca pudo tener el control de Petrogrado ya que jamás llegó a reingresar a la ciudad pues sus tropas alcanzaron a combatir en Tsárskoye Seló (la Villa de los Zares), a 24 kilómetros de la urbe, donde no fueron victoriosas, sino derrotadas por la Guardia Roja. Con el paso de los días el diario seguía insistiendo: “La población parece retirar su confianza a Lenine y a Trotsky”, “la demostración de autoridad de los ‘bolshéviki’ disminuyó en forma considerable”, mientras se informaba en forma fantasiosa sobre un total control de Moscú por parte de las tropas de Kérenski y la inminente formación de un nuevo gobierno de coalición sin la presencia de los seguidores de los “agitadores Lenin y Trotsky”.³² Recién diez días después, desde el 19 de noviembre, se aceptaba que los bolcheviques eran “dueños de la situación” y controlaban las dos grandes ciudades del país.³³ Desde ese entonces *La Vanguardia* se dispuso a establecer una opinión de fondo sobre los hechos. Lo hizo a través de la pluma de Arturo Havaux, integrante del equipo de redactores del diario:

Las noticias de Rusia, contradictorias durante los primeros días del golpe de estado de los maximalistas, son ahora bastante claras desde las distintas fuentes de que proceden. Kerensky derrotado y desaparecido, sin que se conozca su paradero; los maximalistas en el poder, dueños de Petrograd y de Moscú, a pesar del descontento que sus procedimientos provocan; la anarquía en Finlandia; el ejército, disuelto o desorganizado; la lucha de los partidos con la perspectiva de la inevitable guerra civil y el espectro del hambre que amenaza, constituyen el espectáculo que ofrece hoy la nación moscovita.³⁴

Si la incapacidad política había conducido al fracaso al gobierno de los Lvov y los kadetes, con la llegada de Kérenski y los socialistas moderados se había inaugurado la etapa de los “estadistas prácticos”, quienes habían hecho todo lo posible para encauzar el proceso. Con la derrota del levantamiento de Kornílov parecía que se consolidaba el camino de la república y las reformas. Sin embargo, había fracasado. ¿Por qué?:

...la agitación ultrarrevolucionaria contagió los espíritus de los descontentos de nacimiento contra todo lo establecido y normal, y logró hacer desviar la revolución de la pauta lógica y sensata que, a mi parecer, le estaba dando el gobierno provisional derrotado. Vemos el resultado de ello: Rusia sin gobierno reconocido por las demás

³¹ *La Vanguardia*, 15/11/17.

³² *La Vanguardia*, 17/11/17.

³³ *La Vanguardia*, 19/11/17.

³⁴ *La Vanguardia*, 23/11/17.

potencias, ni por el mismo pueblo ruso; el desquicio más completo en la administración del país.

Según el periodista del PS, Rusia no podía saltar etapas intermedias, y se preguntaba: “¿Cómo iríamos a creer los que eso sabemos que el pueblo ruso, que hasta ayer vivió bajo la amenaza del knout, y cuya ignorancia es supina, puede dar un salto que lo coloque en un plano superior de vida democrática al de Inglaterra y Francia?”. La conclusión era elocuente: “Pueden Lenine y Trotsky concebir ese salto: el pueblo ruso no puede darlo”. El cierre de la reflexión daba cuenta lo que más desvelaba al PS, es decir, la impugnación a la decisión del flamante gobierno soviético de retirarse de la guerra.

Surgimiento de un partido socialista de izquierda adherente a la Revolución de Octubre

Mientras ocurría el triunfo de la insurrección impulsada por el bolchevismo el PS debía administrar la ruptura de su corriente de izquierda. En la consulta interna el oficialismo había logrado una victoria para la posición de sus parlamentarios, pero los disidentes movieron sus piezas. En octubre constituyeron un Comité pro defensa de la resolución del III Congreso Extraordinario. Pero, aprovechando el respaldo obtenido en aquella votación, la dirección mayoritaria lo disolvió por “ilegal, disolvente y anarquizante”. Penelón y Ferlini renunciaron al CE, el cual procedió en noviembre y diciembre a efectivizar la separación de los opositores. Se conformó un Comité de Relaciones de los Centros Socialistas Disueltos y Minorías Expulsadas, que convocó a un Congreso de Expulsados del PS, el cual acabó sesionando el 5 y 6 de enero de 1918 en el salón porteño “20 de septiembre”.³⁵ La mayoría de los asistentes provenían de la Capital Federal, de la Agrupación Gráfica y algunos pocos de las provincias de Buenos Aires, Santa Fe y Córdoba. Los delegados representaban a unos setecientos cincuenta militantes, pertenecientes a veintidós centros. Es decir, sólo un pequeño sector de quienes habían respaldado a la izquierda en el debate sobre la guerra acompañó a los internacionalistas: nueve meses antes, en el congreso del teatro Verdi, dicha corriente había obtenido cuatro mil votos a su favor. En el nuevo partido predominaba la impronta juvenil. Uno de los pocos diarios nacionales que cubrió el evento, informó: “llama la atención en este congreso el hecho de que predomina casi en absoluto el elemento joven”.³⁶ Muchos venían de una inserción reciente en el PS y carecían de la trascendencia pública del oficialismo. La excepción era la presencia del grupo de veteranos cuadros obreros alemanes: Augusto Kühn, Guillermo Schulze, Gotoldo Hummel y los hermanos Germán y Enrique Müller.

³⁵ La convocatoria apareció en *La Internacional*, 06/12/17.

³⁶ *La Razón*, 05/01/18.

La nueva organización fue denominada Partido Socialista Internacional (PSI), después de un debate entre otras opciones (por ejemplo, nominarlo Partido Socialista Revolucionario). Entre sus integrantes había una mayoritaria presencia de obreros, empleados, docentes y estudiantes, junto a algunos pocos profesionales y otros afiliados provenientes de la clase media. De conjunto, el perfil social del colectivo era de un carácter más plebeyo que el de la fuerza liderada por Justo. El PSI inicialmente intentó disputar de lleno la legitimidad histórica al PS, sobre todo, su nombre y la enunciación de la causa socialista. En aquel congreso de enero de 1918 se aprobaron la declaración de principios (que retomaba la adoptada en 1896), el programa mínimo y el estatuto del partido. Se estableció la obligatoriedad para todos sus afiliados de activar en sus sindicatos. Y se lanzó un manifiesto de constitución de la nueva fuerza, donde se sostenía: “El Partido Socialista ha expulsado de su seno, deliberada y conscientemente, al socialismo. No pertenecemos más al Partido Socialista. Pero el Partido Socialista no pertenece más al socialismo”.³⁷ *La Vanguardia*, respondió con desdén al grupo escindido: “Nadie como nosotros sabe que no basta decirse socialista, ni parecerlo, para serlo en realidad. ¿No estamos asistiendo aquí a la triste farsa de un puñado de individuos que pretenden hacer maximalismo difamando al Partido Socialista y tratando de restarle fuerzas, para mayor gloria y provecho de la reacción burguesa, clerical y militarista que representa la facción titulada radical?”³⁸

En el manifiesto fundacional, el PSI colocaba la cuestión del posicionamiento ante el conflicto bélico como asunto decisivo para explicar la ruptura, y hacía explícita su adhesión a la tendencia internacionalista impulsada desde 1915-1916 por Lenin, Trotsky y Rosa Luxemburgo: “El Partido Socialista, al aprobar la guerra capitalista, rompe por completo su solidaridad con los socialistas que, en medio de los horrores de la conflagración, trabajan infatigablemente en toda Europa y Estados Unidos por la instauración de la paz y del socialismo, conforme a las resoluciones de los congresos socialistas de Stuttgart, Copenhague y Basilea, confirmadas por los recientes congresos de Zimmerwald y Kienthal”.³⁹

¿Qué lugar ocupó la Revolución rusa en el proceso de constitución del PSI? Es evidente que el largo ciclo de desarrollo de la corriente de izquierda que acabó formando el PSI preexistió a la toma del Palacio de Invierno, y comenzó a estructurarse como espacio alternativo global con la aparición de *La Internacional*, apenas tres meses antes de dicho evento. Pero en el proceso de diferenciación total entre el oficialismo y la disidencia, las formas de abordar el proceso ruso ya eran distintas desde antes: no hubo un extenso período de transición para clarificar esta desigual

³⁷ PSI, *Historia del socialismo marxista en la República Argentina. Origen del Partido Socialista Internacional*, Buenos Aires, 1919, 56.

³⁸ *La Vanguardia*, 14/02/18.

³⁹ *Historia del socialismo marxista...*, cit., 57.

postura. Por ello, en su manifiesto constitutivo, de enero de 1918, el PSI consideraba a la posición del PS frente a los hechos de Petrogrado el ingrediente decisivo para la erección de una valla entre ambos partidos: “para hacer más patente esa absoluta desvinculación del Partido Socialista con el socialismo, el órgano oficial del partido, en un comentario sobre los maximalistas, llamó a éstos ‘los peores enemigos de la Revolución Rusa’, como si el advenimiento al poder del primer gobierno genuinamente socialista que registra la historia fuera una gran desgracia”. La disonancia de los planteos eran claros pues, mientras el PS aludía a un desafortunado golpe de estado, el PSI retrataba la faena de “un pueblo que se propone firmemente concertar la paz mundial, derrocar a la burguesía e implantar el tan anhelado reino del proletariado socialista...”. En fin, cuando el PSI buscó concluir su manifiesto y completar su identidad pública, eligió la Revolución rusa como su desiderátum:

Un ardiente e impetuoso soplo revolucionario parece cruzar triunfante por el planeta. Ha comenzado en Rusia y se extiende hacia todos los rincones del mundo. Su móvil: la instauración del socialismo. Con la mirada elevada en tal alto ideal queremos ser en esta sección de América, los agentes eficientes, activos, de esta hondísima transformación revolucionaria.⁴⁰

Estas formulaciones ocurrían cuando el régimen soviético estaba apenas en ciernes. En la progresiva construcción del perfil del PSI la adhesión a la Revolución rusa fue alcanzando una notable preeminencia. El partido ganó el espacio público con las acciones de solidaridad con el proceso soviético. El 7 de noviembre de 1918, junto a otras organizaciones obreras y de izquierda, el PSI impulsó en Buenos Aires una marcha en conmemoración de la insurrección de octubre, en la que participaron unas diez mil personas, y que luego se convirtió en una suerte de efemérides anual impostergable. Todo el análisis que el partido hacía de la situación internacional fue tamizado por la dinámica del movimiento iniciado por los bolcheviques. Con la firma del armisticio que puso fin a la Guerra Mundial, pocos días después, el CE del PSI expresó: “Ratificar su solidaridad con el gobierno de los ‘soviets’ de Rusia y congratularse por el movimiento maximalista que en Bulgaria, Austria-Hungría y Alemania se propone establecer un estado de cosas idéntico al de la nueva Rusia, augurando se extienda por todo el universo”.⁴¹ En el posterior manifiesto que celebraba la culminación de la conflagración bélica, saludaba: “¡Gloria a los maximalistas rusos! Gracias a su acción la horrenda carnicería mundial se ha acortado en algunos años, ahorrando a la humanidad varios millones de muertos”, aludiendo al hecho que la Revolución de octubre había diseminado “las semillas de la revolución social” y provocado el derrumbe de los imperios centrales. Y culminaba su proclama:

⁴⁰ *Historia del socialismo marxista...*, cit., 58.

⁴¹ *Historia del socialismo marxista...*, cit., 64.

Los maximalistas rusos, heroica vanguardia del socialismo internacional, han echado los cimientos de una Humanidad nueva, la Humanidad redimida del porvenir, sin castas ni privilegios sociales, sin guerras y sin déspotas. Firmes en nuestros principios pacifistas e internacionalistas, trabajemos en nuestro medio por el advenimiento de hora tan venturosa. (...) y preparemos la transformación revolucionaria de la sociedad americana.⁴²

A fines de 1918 el PSI publicó la constitución de la República Socialista Federativa Soviética de Rusia.⁴³ Y comenzó a realizar campañas por su reconocimiento por parte de la Argentina, agitando esa consigna en el periódico y en sus proclamas electorales: Ferlini, quien había sido electo como el primer concejal del partido, en julio de 1920 pidió pronunciamiento en ese sentido al Concejo Deliberante de la Capital Federal para que lo solicitase al Congreso Nacional. En el campo de la propaganda, la labor fue muy vasta. En 1919 se publicaron escritos de Lenin y Zinoviev sobre el socialismo, la guerra y la revolución: *De la Revolución Rusa*.⁴⁴ El PSI también consideró auspiciosa la edición en Buenos Aires de *Documentos del Progreso*, revista que cubría la realidad del régimen soviético, y reproducía escritos de sus autoridades. Bajo la dirección de Simón Scheimberg y Aldo Pechini, se publicaron 45 números entre agosto de 1919 y junio de 1921. Desde esa publicación salieron varios folletos y libros de Lenin, Trotsky, Zinóviev y Radek.

La Revolución rusa como rechazo y como principio identitario en la izquierda: del socialismo al comunismo

Recapitulemos y profundicemos la reflexión sobre algunos de los ejes tratados. Tras la caída del zarismo, el PS argentino apeló a una comprensión de los acontecimientos bajo un diagnóstico general: se estaba ante los inicios de una “revolución socialista” (una era de transformación a favor de los trabajadores) a escala mundial. ¿Cuál era la concepción del partido acerca del carácter de la revolución, tanto en Rusia como en Argentina? En tanto se derrocara un régimen despótico, su legitimidad histórica estaba presente. Por ello se aludía a una revolución democrática, que abría curso a la conquista de las libertades individuales, civiles y políticas. Pero a la vez implicaba la lucha por la justicia social y las reformas a favor de los trabajadores, y era allí donde asumía un sentido vagamente socialista, pero de orientación indeterminada, sin temporalidad, tareas, sujetos o procesos claramente establecidos. Esa revolución no estaba limitada a un tiempo corto y rupturista, era identificada como un proceso largo, de gradual expansión de los valores y los logros materiales de la

⁴² *Historia del socialismo marxista...*, cit., 65-66.

⁴³ *Constitución de la República Rusa Socialista Federal de los Soviets*, Buenos Aires, Ed. Marxista, 1918.

⁴⁴ G. Zinoviev y N. Lenine, *De la Revolución Rusa*, Buenos Aires, PSI, 1919.

libertad y la igualdad, conquistados en un camino de reformas. Entendido de este modo, reforma y revolución quedaban concatenadas, no excluyentes.

El partido de Justo reconocía la participación de las masas en el proceso de la Revolución rusa (si bien alertando sobre los caóticos “desbordes”), pero dirigía su mirada preponderantemente en las representaciones políticas, sin calibrar cabalmente el peso del protagonismo popular. Era expresión de la orientación institucionalista del PS, que tendía a no encontrar carácter positivo en las formas de acción directa y violenta de las masas. Aunque entendía al sujeto social participante como clase trabajadora en lucha por sus derechos, antes que como una suerte de pueblo cívico activo. Sólo ocasionalmente diluía a la clase obrera en un sujeto más indeterminado, al sumarle los campesinos y otros sectores oprimidos. Es decir, se trataba de una explicación reformista e institucionalista, pero en términos de clase.

En el balance del PS lo acaecido en octubre era un golpe de estado, protagonizado por agitadores sin respaldo popular, que habían extraviado el curso sensato de la construcción de una república abierta a las reformas democráticas y atenta a sus responsabilidades en la guerra, para reconducirlo a la aventura de un gobierno extremista, que dejaría como consecuencia el marasmo del hambre, el desquicio en la administración, la guerra civil y un armisticio indigno con la autocracia alemana. En esta visión, la saga abierta en Petrogrado se había desnaturalizado y había perdido su destino histórico, descarriándose hacia la confrontación social y la política violenta. Reconocían una suerte de período ascendente hasta el levantamiento de Kornílov: hasta ese período todas las informaciones sobre el tema en *La Vanguardia* estuvieron bajo el título “La revolución rusa”. Luego de ello, quedaron bajo el rótulo “La situación en Rusia”. La revolución verdadera era la de febrero y su estela, mientras que lo siguiente era la anarquía, la inconcebible lucha por el poder entre soviets, gobierno y partidos, y finalmente el golpe de estado. Detrás de esta idea de desvío, ¿no queda exhibida la ausencia de una genuina teoría de la revolución en el socialismo argentino y, en cierto sentido, algunos de los límites de su instrumental teórico y programático? El partido no alcanzó a definir plenamente la dinámica del proceso revolucionario, las estrategias puestas en juego, las fases, las fuerzas motrices, los aliados y adversarios de cada orientación. Como ocurrió con la mayor parte de la II Internacional, al socialismo local se le dificultó la comprensión de las contradicciones y dilemas que esmerilaron al gobierno provisional, fortalecieron la autonomía de los soviets y encumbraron a los bolcheviques. Era sintomática la acusación hacia estos últimos como bakuninistas, fuera de la tradición socialista. Para el PS no podía existir un socialismo revolucionario: lo consideraba una contradicción de términos. Y por eso el proceso de expulsión-escisión del ala de izquierda internacionalista aparece como inevitable.

Poco después, más definido el curso del proceso soviético, el PS profundizó una impugnación global a la revolución impulsada por los bolcheviques, oponiendo

la dictadura del proletariado a un verdadero camino socialista democrático. En 1919 de Tomaso asistió al Congreso de Berna de la Internacional Socialista, teniendo la oportunidad de entrevistarse con Pável Axelrod, Eduard Bernstein y Alexander Kérenski. Su periplo europeo fue reconstruido con las crónicas publicadas en *La Vanguardia* y finalmente editadas en el libro *La Internacional y la revolución*. “La práctica de la democracia, en el orden político y en el orden económico, no se improvisa, y a ella no puede sustituirse la dictadura de ninguna minoría por más iluminada que se considere”, sostenía de Tomaso.⁴⁵ También resultaba clave el método: “La violencia de arriba no puede reemplazar la conciencia de las masas. Y su culto durante las revoluciones rusa y alemana por una parte de los revolucionarios, que han sustituido o quieren sustituir las bayonetas, las ametralladoras y los automóviles blindados a las asambleas constituyentes, es otra de las consecuencias de la guerra”. Para el dirigente del PS la “llamada dictadura del proletariado” era una experiencia fallida, que “de simple pasaje perdido en el libro de un teórico del socialismo, de postulado más o menos vago”, se había convertido en la excusa para el golpe de estado y la sustitución de la democracia y la voluntad de la mayoría.

Por otra parte, al PSI, aún en su consustanciación con la emergente dictadura del proletariado en Rusia, le costó definir una identidad política homogénea. Se halló en tensión y reformulación interna durante sus tres años de existencia. Inicialmente, pretendió disputar su razón de ser al propio PS, presentándose como el genuino representante de un proyecto socialista que aquella organización habría mancillado. Pero ese partido de rasgos revolucionarios, hostil al parlamentarismo y orientado hacia la lucha de clases que se pretendía conformar no era fácil de plasmarlo en los marcos tradicionales heredados de la Segunda Internacional.

Finalmente, se conocieron las resoluciones del II Congreso de la Internacional Comunista (IC), concluido el 7 de agosto de 1920 en la capital soviética. Entre ellas, estaban las 21 condiciones de la “Circular Zinóviev”, estipulando los requisitos que las organizaciones miembros debían cumplimentar, incluso, adaptar su propia denominación. Por esta razón el PSI convocó a su I Congreso extraordinario, celebrado el 25 y 26 de diciembre en el salón del Circolo Mandolinístico de Buenos Aires, con un escenario adornado por dos inmensas banderas rojas y un escudo de la Rusia soviética. Se presentó el proyecto que proponía acatar la citada Circular. Ello implicaba un estatuto que suponía una transformación definitiva de la fuerza, intentando convertirla en una organización disciplinada, orientada a la conspiración revolucionaria y la acción clandestina, un proceso que experimentó fuertes desventuras, como se observó en los siguientes años.⁴⁶ Desde ese momento pasó a

⁴⁵ Antonio de Tomaso, *La Internacional y la revolución*, Buenos Aires, La Vanguardia, 1919, p. 122. Agradezco a D. Ceruso el acceso a esta fuente.

⁴⁶ Las nuevas disposiciones fueron rápidamente editadas: PC, Sección Argentina de la III Internacional, *Estatutos. 21 condiciones de la Internacional Comunista. Tesis sobre la Sindical Roja y Declaración de Princi-*

llamarse Partido Comunista, Sección Argentina de la Internacional Comunista. En su manifiesto la referencia a 1917 fue inevitable: "... la Revolución Rusa es nuestra antorcha. Ella encierra un caudal inmenso de experiencias revolucionarias. La Revolución Rusa tiene un valor universal. Sus principios son los únicos que pueden servir de base a las próximas revoluciones proletarias en todos los países".⁴⁷ La constitución del PC y la adhesión a las pautas políticas, programáticas y organizativas provenientes de la IC supuso un salto en su homogeneización, que exige un análisis detenido. El modelo de Octubre fue el hilo rojo que terminó galvanizando a la nueva corriente, dotándola de un principio de identidad y diferenciándola del resto de las culturas políticas de izquierda.

Bibliografía

1. Adelman, Jeremy (2000), "El Partido Socialista Argentino", en Mirta Z. Lobato (dir.), *El progreso, la modernización y sus límites (1880-1916)*, t. V de la *Nueva Historia Argentina*, Buenos Aires, Sudamericana.
2. Aricó, José (1999), *La hipótesis de Justo. Escritos sobre el socialismo en América Latina*, Buenos Aires, Sudamericana.
3. Becerra, Marina (2009), *Marxismo y feminismo en el primer socialismo argentino. Enrique Del Valle Iberlucea*, Rosario, Prohistoria Ediciones.
4. Camarero, Hernán (2007), *A la conquista de la clase obrera. Los comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina, 1920-1935*, Buenos Aires, Siglo XXI Editora Iberoamericana.
5. Camarero, Hernán (2017), *Tiempos rojos. El impacto de la Revolución rusa en la Argentina*, Buenos Aires, Sudamericana.
6. Camarero, Hernán y Carlos M. Herrera, eds. (2005), *El Partido Socialista en Argentina. Sociedad, política e ideas a través de un siglo*, Buenos Aires, Prometeo.
7. Campione, Daniel (2005), *El comunismo en Argentina. Sus primeros pasos*, Buenos Aires, Instituto Movilizador de Fondos Cooperativos/Centro Cultural de Cooperación.
8. Corbière, Emilio J. (1984), *Orígenes del comunismo argentino (El Partido Socialista Internacional)*. Buenos Aires: CEAL.
9. Corbière, Emilio J. (1987), *El marxismo de Enrique del Valle Iberlucea*, Buenos Aires, CEAL.
10. del Valle Iberlucea, Enrique (1934), *La Revolución Rusa*. Buenos Aires, Claridad.
11. Díaz, Hernán (2015), "El periódico Palabra Socialista (1912-1914) y los comienzos de la disidencia marxista en el PS", en *Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda*, III, núm. 6, pp. 95-114.

prios, La Internacional, 1921.

⁴⁷ Partido Comunista, Comisión del Comité Central, *Esbozo de Historia del Partido Comunista de la Argentina*. Buenos Aires: Anteo, 1947, p. 44.

12. Doeswijk, Andreas (2013), *Los anarco-bolcheviques rioplatenses (1917-1930)*, Buenos Aires, CeDInCI Editores.
13. Marianetti, Benito (1971), *Enrique del Valle Iberlucea. Una honesta conducta frente a la Revolución Rusa*, Buenos Aires, Sílabas.
14. Martínez Mazzola, Ricardo (2015), “¿Males pasajeros? El Partido Socialista frente a las consecuencias de la Ley Sáenz Peña”, en *Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda*, año III, n° 6, marzo, Buenos Aires, pp. 53-72.
15. Pittaluga, Roberto (2015), *Soviets en Buenos Aires. La izquierda de la Argentina ante la revolución en Rusia*, Buenos Aires, Prometeo.
16. Poy, Lucas (2014), “Juan B. Justo y el socialismo argentino ante la Primera Guerra Mundial (1909-1915)”, en *Política y Cultura*, n° 42, México D.F., pp. 155-181.
17. Walter, Richard J. (1977), *The Socialist Party of Argentina 1890-1930*, Texas, The University of Texas at Austin.

Diario El Siglo: autoimagen y rol entre 1940–1973

El Siglo newspaper: self-image and role between 1940–1973

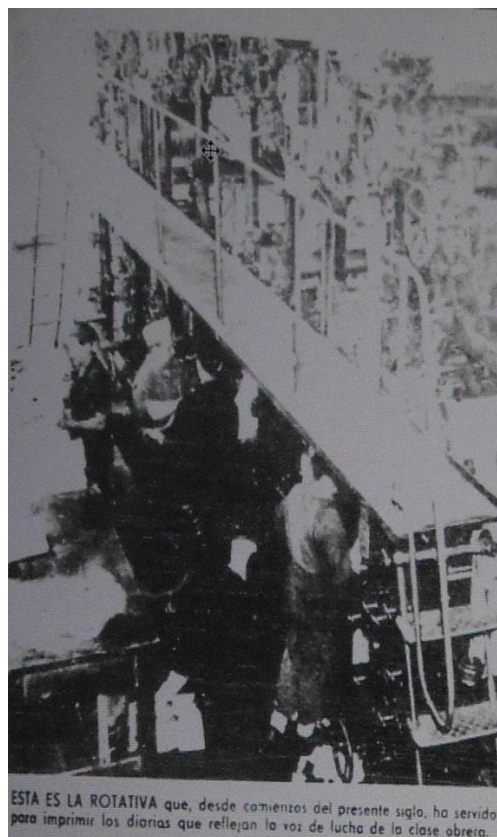
Resumen: El artículo refiere al estudio de un medio de comunicación — el Diario El Siglo, así como intenta responder la siguiente pregunta: ¿Cuál fue la imagen que sobre sí mismo construyó el diario El Siglo entre 1940 y 1973? La respuesta a ello aportará a dos cuestiones estrechamente ligadas: de un lado, a la definición del rol de la prensa comunista al interior de una organización política —el PCCh— que se propuso cambios de fondo en la vida del país; y, de otro, al carácter que debía tener la función y la profesión periodísticas de cuño comunista en una época de creciente articulación del espacio público mediático en Chile.

Palabras claves: Chile; Partido comunista; periodismo; Diario El Siglo; prensa; política.

Abstract: The article refers to the study of a means of communication — the El Siglo newspaper, as well as to answer the following question: What was the image that the El Siglo newspaper built about itself between 1940 and 1973? The answer to this will contribute to two closely linked issues: on the one hand, the definition of the role of the communist press within a political organization —the Communist party of Chile— that proposed fundamental changes in the life of the country; and, on the other, to the character that the journalistic function and profession should have of communist stamp in a time of increasing articulation of the media public space in Chile.

Key words: Chile; Communist Party; journalism; El Siglo newspaper; press; politics.

Existen importantes asuntos teórico-metodológicos referidos a la actual construcción de la historia de las comunicaciones que, en general, aún no logran un avance ostensible ni adecuado a las demandas epistemológicas necesarias a la constitución de este campo historiográfico. No entraré aquí a la mención y recuento de estas debilidades, no obstante, estimo un deber intelectual hacer la alusión en la medida que el objeto de mis investigaciones, a saber, los soportes de la comunicación comunista chilena en el siglo XX, pretende no sólo describir y aportar informaciones empíricas sobre el punto, sino, también, dar con un enfoque que otorgue a estos soportes —particularmente impresos— una significación que trascienda el habitual concepto y uso que de ellos se hace por la práctica disciplinaria, esto es, en calidad de fuentes ilustrativas y demostrativas de las narraciones históricas. Suponemos que los medios y su materialidad encierran, en sí mismos, numerosos elementos de explicación científica sin que ello niegue los condicionamientos dialécticos del conjunto de la temporalidad en movimiento.

De los muchos aspectos que deben ser observados en el estudio de un medio de comunicación, en un primer momento buscamos responder la siguiente pregunta: ¿Cuál fue la imagen que sobre sí mismo construyó el diario El Siglo entre 1940 y 1973? La respuesta a ello aportará a dos cuestiones estrechamente ligadas: de un lado, a la definición del rol de la prensa comunista al interior de una organización política —el PCCh— que se propuso cambios de fondo en la vida del país; y, de otro, al carácter que debía tener la función y la profesión periodísticas de cuño comunista en una época de creciente articulación del espacio público mediático en Chile. Sobre estos puntos encaminaremos esta exposición.

El Siglo que se mantuvo vigente —salvo algunos episodios de clausura y represión— por casi tres décadas hasta el golpe del año 73, surgió en un contexto histórico y político que favoreció el propósito del PCCh de contar con medios de comunicación a lo largo del país. Luego de una trayectoria cuya herencia el comunismo chileno asumió siempre orgullosamente como suya —nos referimos a la de la prensa obrera desde finales del siglo XIX, tan expresamente representada por la actuación del líder fundador del Partido, Luis Emilio Recabarren— y en medio de los claros signos de ascenso reformistas nucleados en torno a la alianza centro-izquierdista del Frente Popular, la dirección partidaria resuelve “ponerse los pantalones largos” en cuestiones de prensa de masas, creando El Siglo, cuya primera edición vio la luz el 31 de agosto de 1940.

Con la cobertura legal de la empresa Barra y Cía., la que luego será reemplazada por la Distribuidora Iberoamericana de Publicaciones, DIAP, El Siglo comenzó sus operaciones periodísticas y comerciales en las dependencias de una inmensa y vetusta casona del centro de Santiago (Moneda y Mac-Iver) que, a la vez, fue la nueva sede del PC chileno. Como el propósito desde sus inicios fue disponer de un medio diario, se compró al diario La Nación una rotativa de origen alemán (de marca Ausburg), lo que le permitió organizar un proceso productivo más ampliamente mecanizado con la posibilidad de sacar hasta 50.000 ejemplares todos los días en 14 páginas de tamaño sábana. Una década más tarde, debido renovaciones urbanas y, por sobre todo, a la represión y clandestinidad que hubo de experimentar el PCCh hacia finales de los años 40, la ubicación final de los talleres del diario quedará en la calle Lira 363, en un predio comprado al destacado intelectual y publicista nacional Tancredo Pinochet Le-Brun. En esta nueva etapa, la razón social del medio correspondió a la conocida Empresa Horizonte, complemento de otra creada en 1946 para dedicarse al rubro de libros y folletos: Austral.

La autoimagen: su rol

El último editorial dedicado a un aniversario de El Siglo —aniversario 33, de 1973— bien puede hoy ser tenido como una síntesis discursiva del rol que siempre se

auto-asignó el diario, esto es, la misión de haber acompañado desde un inicio y sin vacilaciones, la lucha por la liberación nacional, las luchas del pueblo y de los trabajadores por darse una sociedad mejor, más justa y democrática. Y no sólo eso, sino también -por el internacionalismo implícito en la lucha nacional— de haber estado acompañando al conjunto de causas libertarias, anticoloniales y antimperialistas emprendidas por otros pueblos de la tierra. Todo ello importaba un orgullo legítimo (“Nuestros 33 años de vida”, 31 agosto 1973)

Desde sus inicios, al momento de significar su actuación en toda ocasión que así lo pidiera: aniversarios del medio, aniversarios del nacimiento o muerte de Recabarren, conmemoraciones sindicales y partidarias, entre otras, El Siglo no dejará de exponer que su actuación no podía sino responder a los intereses de la justicia, del socialismo, de la democracia, de la revolución, etc., es decir, a los objetivos o metas trascendentales que insuflaban a su labor un norte constante: el de ser el primer portavoz de la revolución chilena y principal baluarte del periodismo proletario.

En este mismo sentido, hay constantes apelaciones a algunas referencias que sirven de fundamento. Primero, la presencia de un pasado glorioso: el de la prensa obrera, la misma que, a pesar de cárceles y persecuciones, supo mantenerse y mantener en alto las banderas del periodismo popular; pero no sólo ello, esta prensa heroica clavaba también sus raíces en otros tantos ejemplos de dignidad y patriotismo comunicacional vinculados, por ejemplo, a las causas de la Independencia de Chile —donde la figura de fray Camilo Henríquez había sobresalido con su periódico La Aurora de Chile—; al de la lucha de los reformistas liberales de mediados del siglo anterior (Bilbao, Arcos, Matta, Gallo) y, por cierto, las primeras manifestaciones del doctrinarismo socialista de finales del siglo XIX. Reconociendo este pasado, El Siglo se nutre así de una interpretación de la tradición cuyo corolario en el siglo XX era el mismo, continuidad y culminación de un trayecto en condiciones que ahora hacían muchísimo más potente la actuación de este periodismo liberador y democrático, en tanto que en el presente (a diferencia de antes) existían un partido fuerte y organizado, un sindicalismo no menos preparado, una contribución de vanguardia de la Unión Soviética en el terreno mundial, una claridad conceptual relevante aportada por la teoría del marxismo-leninismo (estalinismo).

En segundo lugar, otra alusión que siempre estuvo a la base de la imagen propia elaborada por El Siglo, fue aquella que exponía que su presencia pública obedecía a un nuevo tipo de periodismo: el periodismo obrero, proletario o revolucionario. En este, era el pueblo llano el que, en primera instancia, ocupaba un lugar sobresaliente, y no así los redactores, las plumas destacadas ni menos aún los millones en que descansaba la prensa burguesa. El pueblo, esto es, los trabajadores, dueñas de casa, estudiantes, campesinos, artistas, intelectuales honestos, etc., eran quienes hacían el diario y a quienes el diario servía, siendo los profesionales y funcionarios de la actividad meras correas transmisoras y de divulgación de lo que el pueblo co-

municaba y realzaba. En ello radicaba el secreto no entendido por la prensa amarilla y oligárquica que no lograba comprender cómo El Siglo podía dar cuenta de tantos hechos, de variadas informaciones difíciles de conseguir, realizándolo de un modo oportuno. Pues el “misterio” no era sino el apego al pueblo, a sus sindicatos, escuelas, poblaciones, lugares de trabajo.

Es notable observar en El Siglo cómo estas constantes discursivas buscaron materializarse, actualizarse o hacerse de algún modo expresión de aporte real en la vida del medio. Esto se hace evidente si nos percatamos de los continuos esfuerzos que el diario hizo por construir una red extendida de periodistas y redactores obreros, de corresponsales proletarios, de agentes y distribuidores populares, de clubes de amigos del matutino. Implícitamente, se pretendía hacer confluir pasado y presente en una especie de comunidad comunicacional que le diera sustento material, reconocimiento social, ampliándose los contactos, los lectores, las afluencias, etc., a fin de hacer de El Siglo “el diario más leído en Chile”. Para ello había que preparar, hacer cursos y charlas de periodismo obrero, diferenciarlo del burgués; construir bases sociales de apoyo y difusión por medio de la organización de campeonatos deportivos El Siglo, la creación de clubes deportivos, agrupaciones de amigos y corresponsales, realizar concursos y rifas, ser parte de fiestas populares y sindicales, etc.

Por cierto, fue la categoría de periodismo proletario la que de algún modo sintetizó este afán de hacer de El Siglo un diario distinto, un vocero de la revolución. En esta perspectiva de periodismo obrero confluó no sólo la herencia histórica ya comentada, o el propósito de desarrollar una base social y comunicacional de amplio espectro; también, implicó dar con la figura de otro profesional de la prensa, de un comunicador serio, responsable, cuidadoso y estudioso. Respecto de ellos, las células partidarias debían aportar nombres, promover candidatos/as, pues sería el diario el encargado de enseñarles, capacitarlos, prepararlos técnica y doctrinariamente a fin de formarse en la lides de un periodismo de verdad, ajeno al efectismo y vulgaridad del periodismo burgués, debiendo, de paso, soportar los sacrificios que la misión implicaba, pues, también a diferencia de la prensa “seria” de la oligarquía y sus pasquines de entretenimiento, el corresponsal o redactor de El Siglo tenía también que hacer su aporte mediante sueldos menores al de sus colegas y con cargas de trabajo superiores. Las páginas de El Siglo exponen en varias ocasiones llamados a esta formación, a cursos, charlas y aun a seminarios organizados con sindicatos y la Universidad de Chile sobre este tipo de periodismo. De igual manera, en particular en épocas de aniversario del diario, se dieron los nombres y lugares donde ya estaban en acción estos nuevos representantes de la comunicación auténticamente proletaria, la misma que hacía de El Siglo un órgano sino similar, al menos muy parecido a los que nuestro diario tenía como referentes internacionales de este tipo de periodismo: L’Unita (Italia), L’Humanité (Francia) y, por cierto, Pravda, de la URSS.

Ahora bien, es muy probable que además de responder a necesidades mediáticas propias, el impulso de esta variante obrera del ejercicio periodístico y de las comunicaciones, también haya estado influido por los avances que desde finales de los años 40 comienzan a plantearse en el medio comunicacional chileno respecto de la profesionalización del oficio periodístico, su reconocimiento gremial y su actualización delante de las nuevas tendencias políticas e informativas que se impusieron en el mundo con la Guerra Fría. En efecto, hacia mediados de los años 50 no únicamente tuvo lugar la reorganización asociativa y gremial de los periodistas chilenos (Colegio de periodistas, Reorganización Círculo de periodistas de Santiago), también la formación de nuevas generaciones de profesionales de la prensa pasó a manos de las universidades del país, generándose inéditos programas académicos a este respecto. Se consolida así un espacio medial cuyos actores ya no eran únicamente las empresas y los columnistas contratados, sino, a la vez, un ámbito social profesional que podía incidir en la propia actuación y destino de los medios. En fin, se asiste a lo que podríamos considerar como el cierre de una fase histórica en el periodismo local y la apertura a otra de mayor protagonismo público. Delante de ella, el periodismo comunista tenía que posicionar una forma de distinción que si bien no se opondría (al contrario, favorecía) a las tendencias modernizantes en curso, debía tener cuidado de que ellas no desdibujaran el bagaje y capital histórico que este periodismo de izquierda tenía en vistas a su aporte a la lucha por los cambios.

La aprehensión y defensa de un periodismo verdadero se verá también reflejado en cómo El Siglo comienza reaccionar ante los nuevos marcos de la política mundial de postguerra. Con los rápidos cambios en el terreno político como de las técnicas y tecnologías de la comunicación que surgen tras el término de la Segunda Guerra, el escenario de las comunicaciones, sus soportes y recursos humanos entraron de lleno a tener que tomar postura y función en un orden crecientemente bipolar, cuestión que se expresaría en nuevas organizaciones, lealtades y compromisos de los medios y sus trabajadores a nivel planetario. En nuestro ámbito Interamericano, las presiones y re-encuadres no demoraron en aparecer, cuestión que de manera ascendente irá moldeando la tarea comunicacional específica de los países de nuestra región. Está pendiente aún la realización de estudios sobre esta evolución en nuestro continente (es muy posible que un punto de inflexión a tener en cuenta sea la aparición de Prensa Latina, en 1966); de manera que por ahora sólo podemos constatar que el hecho fue de suyo gravitante en los marcos del desarrollo del espacio comunicacional y profesional chileno de los años 50 en adelante.

El Siglo ¿qué tipo de prensa debía forjar un partido revolucionario?

En marzo de 1957 tiene lugar en las páginas del diario un muy interesante debate sobre cómo debía ser El Siglo. Las diversas notas de propuestas, réplicas y con-

trarrélicas —cerca de una decena, en total— dan cuenta de una mar de fondo más amplio. Lo relevante del caso es que la mayor parte de los escritos fueron hechos por varios redactores del mismo medio, además de darse cabida a algunas opiniones de quienes aparecían como lectores o suscriptores de la publicación. El conjunto de voces arrancaba de un diagnóstico compartido: El Siglo no estaba respondiendo a las expectativas de convertirse en un diario ampliamente leído. Por sobre las dificultades financieras, administrativas y logísticas que contribuían a afectar su distribución y consulta, se estimó que el meollo del problema radicaba en el tipo y calidad de la información contenida, así como no estar recogiendo el sentir y gustos de los sectores populares ¿Qué implicaba todo esto?, pues cambios y nuevas formas de comunicar. Pero ¿cómo hacerlo, sin que ello afectara la definición de medio obrero, popular y revolucionario? ¿Qué significaba para El Siglo reorganizar la grilla organizativa de la información? ¿la necesidad de titulares atrayentes y seductores? ¿Hasta dónde colmar el diario con información propiamente sindical y de otros ámbitos sociales? ¿Se debía disponer de páginas o secciones deportivas, de la hípica, de los juegos de azar? ¿Hasta dónde se debía acoger avisaje de empresas abiertamente explotadoras de la clase obrera? Las posiciones, debates y rebates terminaron abruptamente debido a los sucesos de abril de 1957 y la destrucción de la empresa editora del medio. En los meses posteriores, sin existir una exposición discursiva en torno a los resultados de la dicha polémica, se puede detectar que las dos posturas básicas: las liberales y las doctrinarias, enfatizan su ubicación y presencia en las páginas de El Siglo; es decir, no se opta por una de ellas de modo exclusivo, sino por ambas. Al revisar los ejemplares de entonces, la tendencia es que en la primera mitad del matutino prevalecen las formas doctrinas, políticas y sindicales más fuertes; en tanto que, en la segunda, las de la entretención, la cultura, el fútbol y hasta cierta frivolidad con frecuentes anuncios y notas de la vida bohemia, la actividad revisteril de boites y clubes nocturnos.

De otra parte, la consolidación, en especial en las ediciones de día domingo, de suplementos político-culturales, en particular a partir de los años 60; el creciente espacio que comenzarán a tener las expresiones iniciales de la nueva canción chilena, además de frecuentes ofertas e invitaciones para lectores y simpatizantes en torno a campeonatos de fútbol, concursos a base de cupones, festivales de música, emulaciones premiadas por ventas, concursos de reinas de belleza proletarias, etc., fueron también otras diversas acciones que propendieron a responder no sólo al llamado constante por hacer de El Siglo un medio popular y de masas, sino también, un medio diverso, de equilibrio entre lo doctrinario, el sentir popular y lo emergente.

Junto a estos temas de contenido, de organización y relevancia en las páginas del diario, otros asuntos determinantes fueron ocupando la agenda editorial de El Siglo en tanto medio político: el de la objetividad periodística y el del impacto

de la estructura de propiedad de los medios en las comunicaciones, temas que, a partir de la segunda mitad de los años 50 en adelante, se tornarán cada vez más acuciantes en la misma medida que más compleja y tensionada se volvía la política del país.

Respecto del primer punto, la objetividad informativa, es interesante observar cómo el diario fue haciendo suya una definición más bien propia del discurso liberal del fenómeno periodístico, a saber, que la objetividad era posible a condición de que la prensa y sus profesionales, sin tener que renegar de sus propias ideas e intereses, se atuvieran al mandato Quintiliano que, a la vez, jugaba en favor de la dignidad y profesionalismo del periodista. Este mandato implicaba una respuesta a la grilla de claves por las que debían ser procesados los hechos y su adecuada exposición: qué, quién, cómo, dónde, cuándo, cuánto, y por qué. No cabe duda que esta forma bastante académica y hasta ingenua del problema de la objetividad no lograba satisfacer el sentido o rol de una prensa comunista, más cuando, en la práctica, fue haciéndose evidente el desplazamiento hacia el compromiso ideológico de buena parte de los medios del país con el transcurso de los años 60. Como veremos luego, el conflicto desatado con el arribo del gobierno de la Unidad Popular en 1970, demolerá completamente las esperanzas de un manejo objetivo de la información. Con todo, un dato sí es importante relevar al momento de referirnos a las cuestiones de objetividad profesional al interior del medio que estudiamos, y este es que junto con el propósito de un tratamiento más o menos imparcial de contenidos, El Siglo acentuó su discurso en favor de la libertad de prensa en el país, la pluralidad informativa, y el respeto por las diferencias, cuestiones cuya valoración, en no poca proporción, provenían de la misma represión, clausuras y asaltos que el órgano comunista había padecido con frecuencia.

Pero no fue sino la apreciación sobre los acelerados cambios que se estaban produciendo en la estructura de propiedad de los medios de prensa del país y su creciente concentración monopólica, lo que fue produciendo en El Siglo una sensación de estar en un ambiente cada vez más adverso para una información responsable y democrática. Durante el segundo lustro de los años 60 el diario comenzó a dar espacio a varias notas y reportajes acerca del rol de la prensa en el capitalismo, su actuación en Chile, sus vínculos internacionales, la presencia de la SIP, la rearticulación de grupos empresariales en la industria de los recursos de la información y la entretenimiento, cuestiones todas que, en definitiva, llevaban a concluir que se estaba en una guerra y casi ya no había espacio para ilusiones profesionales. Este nuevo panorama adquiere dinamismo en especial bajo el gobierno de Frei Montalva, donde nuevos grupos y negocios se hacen presente en la esfera mediática, en consonancia con la mayor preponderancia del medio radial y los intentos de control de contenidos vía contratos de avisaje y publicidad. Esta situación tenía por lo demás consonancia con

hechos similares que acontecían en México, Brasil o Argentina, redefiniéndose las estructuras de representación de sociedades de la prensa a niveles local y regional. Se va dibujando así un panorama donde la digitación mediático-empresarial a nivel continental actuó en favor de proteger los intereses del capital y la ideología burguesa en nuestra región. (Los trabajos de los Mattelart son citados como fuente relevante de información).

Con el arribo del gobierno de Allende y la total liquidación del espacio público mediático según los anhelos liberales, El Siglo se vio enfrentado a una situación de difícil respuesta, y si bien nunca renunció a forjar y practicar un periodismo comunista responsable y alejado de todo sensacionalismo y odiosidad, lo concreto fue que no dejó de reconocer que la batalla se estaba perdiendo.

En un extenso artículo de febrero de 1972, el dirigente comunista Volodia Teitelboim expone lo que a su juicio era el problema comunicacional de la UP y su gobierno. La Izquierda chilena tenía, según él, un atraso de 50 años en asuntos de técnicas y destrezas comunicativas; no había sabido actualizar sus métodos y, más aún, contaba con una total falta de unidad, lo que facilitaba la actuación de la prensa derechista. Esta última, orientada y formada por las agencias políticas y de inteligencia norteamericanas, sacaban repetido provecho de su labor, actuando consistentemente. La izquierda no había tomado en cuenta las posibilidades de las comunicaciones y la publicidad de las últimas décadas suponiendo que bastaba con hacer las cosas bien para la gente las apreciara como tal. Para Teitelboim, eso era demostración de una confianza excesiva en la racionalidad y la buena voluntad de las personas cuando, en verdad, en la sociedad actual, por más que se esté en tránsito de cambios decisivos, hay muchísimo lastre y tendencias a la complacencia, a la ingenuidad, y lo que es peor, al autoengaño o a dejarse llevar por mensajes y personas que les prometen una seguridad mayor, una forma de evitar la crisis y los miedos. La población chilena, en buena medida, era funcional a las mentiras y las tergiversaciones de la prensa oligárquica, siendo muy proclive a hallar malo todo cuanto se le decía que era malo, por más que los datos reales señalaran que vivía en una situación mejor. De esta suerte, la izquierda no había entrado en los problemas de la sicología de masas, en los miedos que hacían eficaz las campañas del terror. La prensa de derecha todos los días le daba a la gente dosis de odio y malestar, no importando si ello era cierto o no. ¿Qué se debía hacer en estas circunstancias? Además de encontrar formas unitarias de actuación, se hacía urgente que la prensa UP allegara nuevos recursos de especialistas, de sicólogos, de sociólogos y de otros estudiosos del comportamiento de las masas y las comunicaciones. La lucha se estaba perdiendo y había que apurar el tranco. Que habría distintas posturas y debates sobre cómo proceder, eso era cierto e inevitable, pero nada sería más perjudicial que las cosas quedaran tal cual.

Conclusiones

A) abordar el estudio de El Siglo durante las tres décadas de vigencia, implica atender no sólo a un medio de prensa declaradamente izquierdista desde sus inicios, sino, por sobre todo, al único que, en calidad de tal, lo hizo como un órgano de prensa diaria y no así periódica. B) Por su carácter de recurso informativo de masas inscrito en un determinado domicilio político e ideológico (nacional e internacional), es pertinente reconocer sus esfuerzos por proponer un periodismo cotidiano de amplias audiencias, más allá de las normales del mundo del trabajo y popular que decía representar. Del mismo modo, también es importante constatar cómo se dispuso a dar con fórmulas de comunicación propias del espacio profesional en curso, a asumir los retos y demandas que la modernización mediática le imponía, aspectos que le hizo abrazar principios y valores de una prensa sin mordazas y siempre adherida a objetivos de emancipación y democracia. C.) Su tenacidad por hacer confluir intereses de clase, político-ideológicos y del ámbito profesional periodístico, lo llevaron a intentar proponer conceptos de periodismo obrero o revolucionario que es necesario hoy tomar en cuenta D) Finalmente, profundizar en el estudio de este u otros medios, debería aportar a dar nuevas luces sobre el potencial epistemológico de la historia de la prensa, pues si bien apostamos por la construcción de un campo historiográfico de enormes alcances —el de la historia de la comunicación social— no creemos en exclusivismos ni autosuficiencias.

Addis Ababa y Rio de Janeiro en 1935: El Anticolonialismo y el Antifascismo del Movimiento Comunista en la Encrucijada

Addis Ababa and Rio de Janeiro in 1935: The Anticolonialism and the Antifascism of the Communist Movement at the Crossroads

Resumen: Esta contribución es parte de un proyecto de investigación que se plantea el objetivo de integrar la historia del comunismo internacional y de la Internacional Comunista en la historia global renaciente del período de entre-guerras. Dentro del tema se destacan nuevos entrelazamientos y rupturas como también reordenamientos neo-imperialistas sorprendente de la línea de la Comintern y de la política Soviética. El interés por el tema ha sido creado en primer lugar por una secuencia de eventos contradictorios a primera vista que tenían lugar en África, Latinoamérica y que estaban ligados a un proceso de transformación tocando la política internacional rusa.

Palabras clave: Comintern; Comunismo; anticolonialismo.

Abstract: This contribution is part of a research project that aims to integrate the history of international communism and the Communist International into the reborn global history of the inter-war period. Within the theme, new intertwines and ruptures stand out as well as surprising neo-imperialist rearrangements of the line of the Comintern and of Soviet politics. The interest in the subject has been created in the first place by a sequence of contradictory events at first sight that took place in Africa, Latin America and that were linked to a process of transformation touching the Russian international policy

Keywords: Comintern; Communism; anticolonialism.

Uno de los hechos fundamentales era que la guerra neo-imperialista de Mussolini contra Etiopia desencadenada en octubre del 1935 nunca era contrariado de una manera clara por la Unión Soviética. Y al nivel de la Comintern, la reacción era muy lenta y la movilización para defender a Abisinia no llegó ganar fuerza llevando al desgaste inútil de muchos esfuerzos desde abajo por partidos, organizaciones y actores que querían combatir la provocación del Fascismo Italiano.

Un mes después, la Comintern suportó (y incluso organizó) el levantamiento militar “tenentista” en Brasil para derribar al proceso autoritario del régimen de Getúlio Vargas. Este cruzamiento contradictorio de apariencia que abre la crisis del an-

¹ Aleman, doctor, Instituto de Movimientos Sociales, Universidad del Ruhr, Bochum, Alemania. (dr. bayerlein@uni-koeln.de)

ticolonialismo y del antifascismo por parte del comunismo oficial en los años treinta será brevemente analizado aquí como un caso de prueba. La conclusión indica que se trata de una cesura mayor, una rotura importante que reveste una importancia no solamente para los estudios sobre el comunismo pero para la historia global.

El acceso metodológico que he escogido esta basado en la experiencia de investigación después de la “revolución de los archivos” que significa que el el comunismo de partido solamente puede ser analizado de manera sincrónica (además del modo diacrónico en las diversas fases) por medio de un cuadro de análisis triangular. La meta de este *agenda setting* comprende en primer lugar los partidos comunistas (con sus respectivos redes locales y regionales, su modo particular de comunicación, su vínculo con Moscú y su importancia para la política soviética), en segundo lugar la Internacional Comunista como cosmos propio y organización intermedia y como tercero elemento la Unión Soviética con su partido comunista dominante y el Politburó como su más alto órgano político. La aplicación de ese método de historia cruzada es posible desde la abertura de los archivos.

Para situar los dos eventos en el proceso de transformación de la Internacional, Brasil y Abisinia 1935 pertenecen ya al período incipiente del los llamados “Frentes Populares”. Si miramos a través del prisma diacrónico, las transformaciones estratégicas producidas desde el final de los años 30, el “Tercer período” y la “defensa de la Unión Soviética por todos los medios” estaban ligadas con la política del “Social-Fascismo” válida a partir del 1929. Este período incluía el auge de la “stalinización” de la Internacional Comunista con una nítida pinta de izquierda basada en la agudización de la crisis capitalista. Sin embargo, esa fase estaba también ligada de una manera intrínseca al concepto del “Socialismo en un solo país” y también el mismo de la bolchevización de los partidos comunistas.

Esta fase traía un determinado número de derrotas graves de movimientos y tentativas revolucionarias en consecuencia del “Octubre alemán” fallado en el otoño de 1923. No solamente en la metrópoli, pero también en la periferia colonial y semicolonial era patente una “restricción en los asuntos de eventuales revoluciones” a pesar de lo que algunos llamaron el “viraje asiático” de la Internacional Comunista después de los fallos en el occidente. El lenguaje radical junto con el hábito militante de los miembros comunistas escondía el hecho de que incluso bajo el “tercer período” aproximaciones policentrista de tipo revolucionario en la larga periferia eran bastante raras en la segunda mitad de los años veinte. Una indicación clara en este sentido era a “*Tragedia de la Revolución Chinesa*” en los años 1926/1927 precedido por el fallo de los levantamientos en Indonesia (Java y Bali).² Otro índice de la reticencia revolucionaria en curso fue — al otro lado del pacífico — la cancelación del

² Ragna Boden: Jakarta, 1965: Zur Rolle kommunistischer Parteien in der Dritten Welt. In: Andreas Hilger (ed.): Die Sowjetunion und die Dritte Welt. UdSSR, Staatssozialismus und Antikolonialismus im Kalten Krieg 1945-1991, Munich, Oldenbourg, 2009, 121-141, aquí p. 128.

suporte dado inicialmente por la Internacional Comunista a Sandino en el Caribe a partir de 1929 y la actitud hostil del Partido comunista cubano frente a la huelga general del 1934. Sin duda, la catástrofe alemana en el año 1933 hacia reventar el sistema de la Comintern en su integralidad. Como se sabe, la derrota del movimiento obrero más fuerte del mundo, liderado por los partidos social-demócrata y comunista frente al nazismo — sin ninguna lucha — resultó de su rechazo del antifascismo por los hechos.

Addis Abeba 1935

Para pasar a la cuestión del entrelazamiento de las dos campañas de apariencia contradictoria, abordamos primero el caso de Etiopía. La guerra de Abisinia empezó con el ataque neo-imperial italiano en el día 2 de Octubre del 1935 y llevó a la ocupación y anexión del país (con Liberia el último estado independiente de África). El estallido de la guerra fue largamente posibilitado por el *appeasement* practicado por las fuerzas occidentales y la Sociedad de Naciones y especialmente por parte de la Unión Soviética.

Observado con más cercanía, las decisiones secretas del Buró político ruso hablaban un lenguaje bastante claro: Un día después del comienzo de la guerra el órgano soviético más alto emitió instrucciones para el representante del país en Ginebra, Vladimir Potemkin, que exprimían una voluntad de protección del agresor. Al ejemplo de la Sociedad de Naciones en su conjunto el Consejo de los comisarios del pueblo otorgó algunas sanciones sobre importaciones y exportaciones para Italia pero esas no demoraban mucho tiempo.³ Al mismo tiempo, una directiva del 15 de octubre para el comisario del pueblo de asuntos exteriores, Maksim Litvinov — que había suportado un boicot comercial en Ginebra — estipuló que “*en relación a las sanciones contra Italia no se debería desarrollar un celo más grande que el mismo de otros Estados*”.⁴ En los meses siguientes de la guerra, y después de la conquista fascista, Stalin repetidamente insultó a Litvinov, su ministro de relaciones exteriores, por haber defendido en la Sociedad de Naciones “los mandatos (...) del estado des Abisinia factualmente no existente”.⁵ Mas tarde, el mismo órgano rechazaba una solicitud de armas y instructores por parte de Abisinia al gobierno soviético.⁶ Ese último pretendía de no disponer de un número suficiente de armas para si propio.

³ Ibid., 121

⁴ RGASPI, Moscú, 17/162/18, 172–173. Publicado in: Adibekov/Di Bjadžo/Gori e.a.: Politbjuro CK RKP(b) — VKP(b) i Evropa, S. 328–330; RGASPI, Moskau, 17/162/20, 8. Ibid., S. 338, nota 1; RGASPI, Moskau, 17/162/18, 178. Ibid., p. 331.

⁵ RGASPI, Moscú, 17/162/19, 14. Publ. In: Adibekov/Di Bjadžo/Gori e.a.: Politbjuro CK RKP(b) — VKP(b) i Evropa, p. 333.

⁶ RGASPI, Moscú, 17/162/19, 13.

Mussolini en persona dijo más tarde que las tropas italianas — si hubiera caído una decisión de boicot contra Italia que estaba pendiente en la Sociedad de Naciones solamente hubieron podido mantenerse activos ocho días más después del ataque.⁷ En consecuencia, eso hubiera significado la retirada desde Abisinia. Ya en 1936, el Consejo de los comisarios del pueblo de la Unión Soviética decidió que la integralidad de las sanciones contra Italia y sus importaciones debían ser levantadas. En esa altura, la Unión Soviética forneció alrededor de 40% del petróleo para Italia.

Obviamente, esas eran condiciones no muy propicias para la campaña “Manos fuera de Abisinia” declarada por la Comintern y una serie de partidos comunistas. A pesar de la fundación, el 25 de setiembre, del “Rassemblement Universel Pour la Paix” (RUP) con el soporte del gran organizador Willi Münzenberg, esas acciones nunca ganaron una dinámica transnacional. La iniciativa del “rassemblement” fue oficialmente constituida en respuesta a la guerra en África por la Federación de los sindicatos soviéticos pero visaba más bien el soporte incondicional a la llamada “política de paz” del Estado Soviético. Un indicador para ese tipo de diplomacia con poco entusiasmo era la crítica por parte de la Internacional social-demócrata. La Internacional Socialista de los Trabajadores (SAI) criticaba no solamente la “perforación del boicot mundial contra el régimen hitleriano” pero también la flaca política miope de los gobiernos determinado por “intereses particulares” antes de la incursión fascista en África.⁸ Una oferta por parte del secretario general de la Internacional Comunista, Gueorgi Dimitrov a finales de setiembre del 1935, de organizar una campaña conjunta con la SAI venía bastante tarde y fue considerada de puro interés propagandístico.⁹

Al mismo tiempo, al nivel de los partidos comunistas, organizaciones periféricas, miembros y iniciativas continuaban a exigir actividades de solidaridad con Abisinia, huelgas, bloqueadas y boicots en defensa de la liberación nacional pero en muchos casos chocaron con el sistema burocrático de la Comintern y de la Internacional Sindical Roja. En la misma época, organizaciones simpatizantes como la Liga contra el Imperialismo y independencia nacional y la Internacional de los marinos y trabajadores del puerto (ISH) exigían el boicot activo de navíos italianos pero o se encontraban en un proceso de agonía como la primera o fueron disuel-

⁷ Hans Woller: *Mussolini. Der erste Faschist*, Munich, C. H. Beck Verlag, 2016. Ver también: Aleksandr V. Šubin: *Mir na kraju bezdny: Ot global'noj katastrofy k mirovoj vojnje, 1929–1941 gody*, Moskva, Veče, 2004, p. 188 e.a.

⁸ Franz Osterroth, Dieter Schuster: *Chronik der deutschen Sozialdemokratie*, Electronic edition http://library.fes.de/fulltext/bibliothek/chronik/spdc_band2.html. Ultimamente consultado el 2 de noviembre de 2017.

⁹ *Die Einheit wird siegen! Dimitroffs Ruf zur internationalen Aktionseinheit und die Antwort der Sozialistischen Arbeiterinternationale*, Strasburgo, Prometheus Verlag, 1935.

tas como la segunda.¹⁰ El anti-imperialismo vivió un retroceso más con la disolución, en Francia, de la organización de “l’Etoile nord-africaine” por el gobierno del “Frente popular”.¹¹

Se olvidó muchas veces que el nuevo curso del “Frente popular” suponía una nueva alianza de los partido comunistas con la burguesía “democrática” y considerada como progresista lo que llevó a “la ruptura con las alianzas anticoloniales contruidas durante los años 20”.¹²

Especialmente, el Partido Comunista de Gran Bretaña fue objeto de críticas por su pasividad en reaccionar en un sentido anti-imperialista lo que resultó en un auténtico éxodo de sus miembros africanos o caribeños.¹³ Desde los Estados Unidos, la Asociación Nacional para el avance del pueblo de color (NAACP) mandó un telegrama a Litvinov denunciando directamente su “fallo”.¹⁴ Al mismo tiempo un “grupo de consumidoras amas de casa” sustentaba una campaña para organizar un boicot contra Italia por parte de las amas de casa en los EEUU.¹⁵

La ruptura con el anti-imperialismo tradicional del movimiento comunista contribuyó a un a perdida considerable de la autoridad carismática de la Comintern. Por sus conferencias y publicaciones, particularmente, el militante y anti-imperialista George Padmore, nacido en Trinidad, que era el antiguo secretario del Comité Sindical Internacional de Trabajadores Negros y que fue expulsado de la Comintern en febrero de 1934, logró a atraer la atención de la opinión mundial a esas contradicciones de la política comunista en una cierta medida veladas por su ruidosa campa-

¹⁰ Ver: Fredrik Petersson: Willi Münzenberg, the League Against Imperialism, and the Comintern, 1925-1933, Queenston, Edwin Mellen Press, 2013.

¹¹ Dissolution de l’Etoile nord-africaine, <https://bataillesocialiste.wordpress.com/documents-historiques/1937-03-la-dissolution-de-lettoile-nord-africaine-hadj>.

¹² “broke the anticolonial alliances buit during the 1920s”. Ver: Neil Redfern: British Communists, the British Empire and the Second World War. In: International Labour and Working Class History, 65 (2004), 117-135, cit. in: Evan Smith: National Liberation for Whom? The Postcolonial Question, the Communist Party of Great Britain, and the Party’s African and Caribbean Membership. In: International Review of Social History 61 (2016), no. 2, 283-315, aquí p. 288.

¹³ Contra esa visión se posicionó Callaghan, y recientemente también Evan Smith que sostiene la tesis de Callaghan. Ver sobre el debate de esta cuestión: Redfern: British Communists, the British Empire and the Second World War; Marika Sherwood: The Comintern, the CPGB, Colonies and Black Britons, 1920-1938, In: *Science & Society* 60 (1996), no. 2, 137-163; John Callaghan: Colonies, Racism, the CPGB and the Comintern in the Inter-War Years. In: *Science and Society* 61 (1997), no. 4, 1997, 513-525. <https://philpapers.org/rec/CALCRT>; Evan Smith: National Liberation for Whom? The Postcolonial Question, the Communist Party of Great Britain, and the Party’s African and Caribbean Membership. In: International Review of Social History 61 (2016), no. 2, p. 283-315.

¹⁴ Denise Lynn: Fascism and the Family. American Communist Women’s Anti-fascism During the Ethiopian Invasion and Spanish Civil War In: *American Communist History* 15 (2016), no. 2, 177-190, aquí p. 178.

¹⁵ *Ibid.*, 182.

ña en vuelta del viraje del Séptimo Congreso para la línea del los “Frentes populares antifascistas”.

Rio de Janeiro 1935

Como las diferencias no podrían ser mayores, en el caso de Brasil en 1935, dos meses después del ataque contra Abisinia, se trata de uno de los pocos casos en que la Comintern por medios de una rebelión militar intentaba derribar un gobierno nacional. Históricamente se trataba de la última tentativa de la Internacional Comunista de organizar un levantamiento en un país semi-colonial del Sur global. En el días 23 de noviembre del 1935 estalló una insurrección militar, primero en el Nordeste del país y seguido por Rio de Janeiro en nombre de la Aliança Nacional Libertadora (ANL) contra el gobierno de Getúlio Vargas en el poder desde su golpe de Estado, la llamada *Revolução de 1930*. La ANL era una organización brasileña de tipo “frente popularista”, su leader espiritual y militar era el carismático *Cavalheiro da esperança*, Luis Carlos Prestes.¹⁶

A pesar de una situación muy tensa, con movilizaciones, movimientos populares y una crisis institucional, la rebelión de cuatro días fue suportada con soporte importante únicamente en el norte del país. Pero falló también en Recife y particularmente en Rio de Janeiro.¹⁷ La participación militar y popular no era como se esperaba y el movimiento fue duramente represado. Así, en Brasil, ya en la época de su auge al nivel transnacional, el antifascismo sufría una derrota importante. Era la condición para el golpe de Estado de Vargas del 10 de noviembre del próximo año que a su vuelta abría el periodo del “Estado Novo”, retomando la designación de su antecedente en la “pequeña patria” lusitana por Salazar en 1933.

La ayuda estratégica, táctica y logística a la intentona por parte de los instructores de la Comintern bajo su leader, el comunista alemán Arthur Ewert era considerable, incluyendo la de los servicios soviéticos de inteligencia militar representados por Olga Benario, la futura esposa de Prestes. Las insuficiencias y restricciones ideológicas en el libro del periodista William Waack no deberían ayudar a perder de vista esa historia cominterniana tan traumatizante. Además de Ewert, el personal de la Internacional comprendía el Argentino Rodolfo Ghioldi, el Americano the Victor Allan Barron, el Italiano Amleto Locatelli, el marinero comunista alemán

¹⁶ Sobre la ANL y la “intentona” ver: Sergio Pinheiro: *Estratégias da ilusão. A revolução mundial e o Brasil, 1922-1935*, São Paulo, Companhia das Letras, 2. ed., rev., 1992; Marly de Almeida Gomes Viana: *Revolucionários de 1935*, São Paulo, Companhia das Letras, 1992; Boris Goldenberg: *Kommunismus in Lateinamerika*, Stuttgart, 1971, 211s.; William Waack: *Die vergessene Revolution. Olga Benario und die deutsche Revolte in Rio*, Berlin, Aufbau Taschenbuch Verlag, 1994, p. 145. Para el debate sobre hegemonía o heterogeneidad en relación al Comintern ver: Michel Zaidan Filho: *O PCB e a Internacional Comunista (1922-1929)*. São Paulo, Vértice, 1988.

¹⁷ Waack: *Die vergessene Revolution*, 145.

“Jonny” de Graaf y otros. La “troika” responsable en Moscú era formado por Osip Piatnitski, Georgi Skalov (“Sinani”) y Boris Vasiliev. Debido al peso de la evidencia empírica que resalta de los propios documentos de Moscú sobre la importancia de la delegación de la Comintern en Brasil, parece extraño que ese papel, contestado por el mismo Prestes durante toda su larga vida, está por lo menos minimizado en una biografía reciente de Arthur Ewert publicada en Alemania.¹⁸ Un tal despliegue personal y logístico nunca hubiera sido puesto en práctica por razones de organización, como se pretende, refiriendo al traslado del Secretariado Sud-Americano de la Internacional Comunista para Brasil.

En primer lugar, para clasificar esos eventos en Brasil, el historiador francés Pierre Broué colocó la tesis que el levantamiento aún que era preparado ya desde los años anteriores, no se podría interpretar como una especie de *late comer* del período (más radical) del “Tercer período”.¹⁹ En cambio, por esencia, se trataba de una insurrección militar de liberación nacional (“insurreição nacional libertadora”) que debería desembocar en la constitución de un gobierno provisorio nacional-revolucionario como lo estipuló la 3a Conferencia de los Partidos comunistas latinoamericanas en 1935 que a su vez era perfectamente compatible con “la forma del Frente popular en un país semicolonial” y el “Frente Unido Anti-imperialista”.²⁰ Así, la tradición “tenentista” brasileña entre los bajos grados de oficiales era perfectamente compatible con el “Frente popular” porque se excluía categóricamente una salida revolucionaria en el sentido socialista y por otro lado, intereses mayores por parte de Rusia no estaban en juego.

Al respecto del análisis de los errores cometidos se pueden destacar dos puntos que equivalían a dos tipos de sobreestimaciones: La primera por parte del líder militar Prestes y su optimismo en relación a la actitud de los oficiales y la segunda por parte de la Internacional en relación a las capacidades de Prestes de un lado y las opciones de una insurrección de carácter espontánea en un país semicolonial del otro. Además, el levantamiento fue desencadenado prematuramente y la propia estrategia “Todo el poder a la Alianza Libertadora Nacional” fue desvelada antes del tiempo previsto. A ese respecto, se tiene que mencionar la intervención burocrática del Comité ejecutivo de la Internacional en Moscú: Parece sintomático que el llamamiento telegráfico para desencadenar el golpe por parte del Comité ejecutivo de la Comintern desde Moscú fue transmitido solamente después del fracaso, en el día 27 de noviembre.²¹

¹⁸ Ronald Friedmann: Arthur Ewert. Revolutionär auf drei Kontinenten, Berlin, Karl Dietz Verlag, 2015 (Geschichte des Kommunismus und Linksozialismus. 19).

¹⁹ Waack: Die Vergessene Revolution, 45.

²⁰ Ibid., 56, 100.

²¹ Ibid, 102, 153

Otro capítulo del balance pertenece a la memoria histórica. Son las consecuencias traumáticas de la derrota, traumatismo reforzado por el tratamiento manipulativo de la memoria histórica. Además, la Comintern y la Unión Soviética ni siquiera lograron liberar a sus propios actores principales en Brasil de las manos de la policía. Una paralela con el caso de Etiopía fue la campaña de solidaridad con las víctimas del levante brasileño bajo el título *Libertad para Prestes y Olga Benario*, su mujer, organizada también por Willi Münzenberg que por lo menos inicialmente logró transformar la derrota en una victoria moral así como lo logró en muchos otros casos. A pesar de una multitud de apoyos activados, sobretodo entre los intelectuales, la campaña falló por “*dificultades financieras*” y “*la torpeza*” del Comité de acción y fue finalmente suplantado por el evento mediático por excelencia que era guerra civil española.²² Un caso bastante extraño era la delegación de mujeres enviada a Berlín por Madame Willard, la presidenta belga del Comité, donde estaba aprisionada Olga Benario. Después de volver a Bruselas, se expresaba de una manera positiva sobre las condiciones de prisionera en Alemania.²³

Al igual que Olga Benario, la esposa de Ewert, Elisabeth Saborowsky (“Sabo”) fue entregada por el régimen de Vargas al Imperio Nazista. Ambas mujeres murieron en seguida mientras que Ewert ya en Río de Janeiro, fue torturado hasta perder la consciencia para siempre. Prestes — a contrario — fue liberado en 1945, convirtiéndose en el líder del partido comunista de tipo estalinista. Una otra parte de los organizadores del levantamiento fueron asesinados en la propia Unión Soviética. Hasta su muerte en 1990, Prestes permanecía fiel a su lema de que nunca existía una instrucción de la Comintern ...²⁴

Revoluciones Comparadas: Rupturas y Realineamientos Imperialistas.

La conclusión que resale de esa experiencia conexión africana y latinoamericana no resulta muy positivo para el balance del comunismo de partido. Si entramos en el análisis comparado de las revoluciones, se levanta la cuestión de que como es posible explicar tales contradicciones como las entre el rechazo de la solidaridad anti-imperialista en el caso de Abisinia y el levantamiento precipitado en Brasil? Resumiendo la experiencia de Río de Janeiro y Addis Abeba con la visión desde la Internacional a Moscú, se puede confirmar la hipótesis de entrada: En los dos casos, se trataba de una derrota de la Comintern, el levantamiento revolucionario en Brasil y los acontecimientos en Etiopía forman una historia entrelazada de doble fracaso del antifascismo y del antiimperialismo, ver del anticolonialismo. Es significativo que doce años después del último intento de tomar el poder en el centro, el último

²² Ibid., 288.

²³ Ibid., 289.

²⁴ Ibid., 102, 153, 288, 289.

intento fracasó en la gran periferia. El Octubre Alemán de 1923 fue planeado no como levantamiento militar, sino como una revolución obrera con fuerte apoyo del Partido comunista alemán. El problema era que ese partido fue unilateralmente militarizado, en detrimento de las movilizaciones del movimiento obrero. Doce años más tarde en Brasil, la responsabilidad fue entregada a manos de los militares, excluyendo en larga medida al propio Partido Comunista de Brasil lo que se consideraba un peligro para el secreto de los preparativos. Es conocido que ambas empresas fracasaron.

Escrutado bajo el ángulo de la triple agenda Rusia, Comintern y partidos comunistas, el caso de Etiopía aparece como la afirmación definitiva de la primacía de la política exterior soviética. Stalin no quería tocar las buenas relaciones con Mussolini, sino que también quería mantener en esta fase del entendimiento con las “democracias occidentales”, los lazos con los imperios coloniales occidentales en general. En conclusión, Abisinia representa el abandono de la tradición anticolonial y antiimperialista de la Unión Soviética mantenida hasta ahora desde la Revolución de Octubre lo que llevó hasta que los partidos comunistas “rompieron las alianzas anticoloniales establecidas durante los años veinte”.

Mientras que la ruptura del anticolonialismo se produjo más rápidamente, la ruptura definitiva con el antifascismo se produjo de forma más lenta y escalofriante. Debe destacarse que el Frente Popular fue una reacción de recuperación por parte de los partidos comunistas y la Internacional (después de rechazar la unidad antifascista hasta 1934) de un fuerte impulso antifascista transnacional y la radicalización de los movimientos obreros y sociales (especialmente por parte de la socialdemocracia de izquierda y los sindicalistas revolucionarios). La intervención en la guerra civil española volvió a estimular el antifascismo, una intervención incomparablemente más masiva que las campañas de solidaridad escrutadas aquí. Sin embargo, se puede dudar que la victoria del campo republicano fue perseguida con una política anti-fascista consistente, en vez la Internacional abrió otro frente para combatir la propia izquierda. Así, Brasil y Abisinia 1935 no sólo tienen una dimensión infra-comunista, sino también una dimensión histórico-global a lo largo de los tres temas “Rupturas”, “Imperios” y “Revoluciones”.

En cuanto a la ruptura, asistimos a una transformación en el sentido de des-internacionalización acompañado por el rechazo de la perspectiva revolucionaria socialista. Esa ruptura desconectó lo que había estado conectado desde los años 20, impactando a los partidos comunistas en todo el mundo.²⁵ Un fenómeno nuevo era la dualidad creciente entre la línea soviética y la de la Comintern. La política exterior soviética no seguía adelante con la línea del Frente Popular. El antifascismo no era una doctrina de la Unión Soviética en esta etapa. Este proceso combinado se

²⁵ Ver: Michael David-Fox: Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941, Oxford [u.a.]. Oxford University Press 2011.

entrelazó con fenómenos como los comienzos del terrorismo de Estado en la Unión Soviética, el exterminio de la tradición revolucionaria bolchevique, la liquidación de las redes de comunicación de la Comintern y la misma de una buena parte de las organizaciones “de masas” y de las iniciativas periféricas culturales y de solidaridad internacional. A partir de ahora, para citar a Immanuel Wallerstein, las nuevas tareas de los partidos comunistas en un proceso de “nacionalización” consistirían principalmente en actuar como canales para reforzar la influencia en los gobiernos nacionales de todo el mundo.²⁶

Sobre el estudio comparado de las revoluciones en seguida a la Revolución de Octubre deben sacarse dos conclusiones importantes. En primer lugar es la sorprendente restricción de los objetivos revolucionarios de la Internacional Comunista que ya se mostró a partir de la segunda mitad de los años 20’ y que empieza con la proclamación del socialismo en un solo país (casos del PC de China, del PC de Indonesia pero también del PC de Italia.²⁷ La segunda: Como resultado, la Comintern no logró una sola revolución exitosa hasta el final de 1943, mucho menos la toma del poder en un solo país. Rusia ya no era el centro revolucionario mundial en una escena global (aún que lo continuó a representar sobretodo para una buena parte de los miembros de los partidos comunistas mundiales y también por el frente de los adversarios anticomunistas también al nivel mundial), sino que la revolución mundial como “motor de la historia” (Marx) fue ridiculizada por Stalin en su entrevista conocido al periodista británico Roy Howard en 1936 como “*un malentendido trágico*” y un “*malentendido trágico-cómico*” de la historia. Así, poco más de diez años de la proclamación del “Socialismo en un solo país”, la revolución permaneció atrapada *expressis verbis* en Europa y en la gran periferia mientras Rusia volvía al principio históricamente derrotado del orden nacional y del nacionalismo.

Y finalmente, en cuanto a la cuestión del Imperio, el desprendimiento del contexto revolucionario mundial implicó un período de eclecticismo y de transición en la política internacional soviética. En este sentido, la tesis de que la Unión Soviética habría encontrado un nuevo papel en la política mundial llamada de “seguridad colectiva” no aguanta a una revisión. A más tardar desde el acuerdo de Múnich de 1938, del cual la Unión Soviética estaba excluida, surgió una nueva orientación hacia un arreglo neo-imperial global con Moscú como actor, en este caso no sólo con Italia, sino con Alemania y el eje fascista en su conjunto.

El modelo estratégico bolchevique de la Revolución de Octubre, orientado de una manera policentrista en la revolución europea y mundial, quedó definitivamente cerrado. En este sentido, la alianza informal con Mussolini fue un preludio del pacto de Stalin con Hitler, que como lo estipuló el propio Dmitri Manuilski,

²⁶ Immanuel Wallerstein: Social Science and the Communist Interlude, or Interpretations of Contemporary History”, <http://fbc.binghamton.edu/iwpoland.htm>

²⁷ Sobre las actividades diversas de los partidos comunistas en el “tercer mundo” ver Boden: Jakarta, 1965.

secretario poderoso de la Comintern (también para las cuestiones de América Latina), finalmente significó en efecto la terminación expresa del antifascismo. Sólo dos meses después de la creación del pilar oriental del imaginario *Mare nostrum* por el fascismo italiano con Eritrea y Somalilandia, Franco lanzó su golpe contra la República Española y recibiendo un fuerte apoyo militar de Italia y Alemania. Con la derrota de la República Española, el péndulo en Europa definitivamente resultó en la dirección del fascismo. El desentrañamiento sorprendente entre la Comintern y el Partido Comunista soviético resumido aquí nunca más fue totalmente revertido. A su vez, eso puede ser considerado como una razón principal para la disolución de la Comintern.²⁸

Bibliografía

1. Ragna Boden: Jakarta, 1965: Zur Rolle kommunistischer Parteien in der Dritten Welt. In: Andreas Hilger (ed.): *Die Sowjetunion und die Dritte Welt. UdSSR, Staatssozialismus und Antikolonialismus im Kalten Krieg 1945-1991*, Munich, Oldenbourg, 2009, 121-141, aquí p. 128.
2. Hans Woller: *Mussolini. Der erste Faschist*, Munich, C. H. Beck Verlag, 2016.
3. Franz Osterroth, Dieter Schuster: *Chronik der deutschen Sozialdemokratie*, Electronic edition http://library.fes.de/fulltext/bibliothek/chronik/spdc_band2.html. Últimamente consultado el 2 de noviembre de 2017.
4. *Die Einheit wird siegen! Dimitroffs Ruf zur internationalen Aktionseinheit und die Antwort der Sozialistischen Arbeiterinternationale*, Strasburgo, Prometheus Verlag, 1935.
5. Fredrik Petersson: *Willi Münzenberg, the League Against Imperialism, and the Comintern, 1925-1933*, Queenston, Edwin Mellen Press, 2013.
6. *Dissolution de l'Etoile nord-africaine*, <https://bataillesocialiste.wordpress.com/documents-historiques/1937-03-la-dissolution-de-lettoile-nord-africaine-hadj>.
7. Neil Redfern: British Communists, the British Empire and the Second World War. In: *International Labour and Working Class History*, 65 (2004), 117-135, cit. in: Evan Smith: National Liberation for Whom? The Postcolonial Question, the Communist Party of Great Britain, and the Party's African and Caribbean Membership. In: *International Review of Social History* 61 (2016), no. 2, 283-315, aquí p. 288.
8. Redfern: *British Communists, the British Empire and the Second World War*; Mari-ka Sherwood: The Comintern, the CPGB, Colonies and Black Britons, 1920-1938, In: *Science & Society* 60 (1996), no. 2, 137-163;

²⁸ Ver también: Bernhard H. Bayerlein: Deutscher Kommunismus und transnationaler Stalinismus. Komintern, KPD und Sowjetunion 1929–1943. In: Hermann Weber, Jakov Drabkin, Bernhard H. Bayerlein: Deutschland, Russland, Komintern. I. Überblicke, Analysen, Diskussionen, Berlin-Boston, De Gruyter, 2014, p. 225-400, p. 325-331, https://ruhr-uni-bochum.academia.edu/BernhardHBayerlein/Boston_De_Gruyter_2014_pp._225-400.

9. John Callaghan: Colonies, Racism, the CPGB and the Comintern in the Inter-War Years. In: *Science and Society* 61 (1997), no. 4, 1997, 513-525. <https://phil-papers.org/rec/CALCART>;
10. Evan Smith: National Liberation for Whom? The Postcolonial Question, the Communist Party of Great Britain, and the Party's African and Caribbean Membership. In: *International Review of Social History* 61 (2016), no. 2, p. 283-315.
11. Denise Lynn: Fascism and the Family. American Communist Women's Anti-fascism During the Ethiopian Invasion and Spanish Civil War In: *American Communist History* 15 (2016), no. 2, 177-190, aquí p. 178.
12. *Sobre la ANL y la "intentona" ver: Sergio Pinheiro: Estratégias da ilusão. A revolução mundial e o Brasil, 1922-1935*, São Paulo, Companhia das Letras, 2. ed., rev., 1992;
13. Marly de Almeida Gomes Viana: *Revolucionários de 1935*, São Paulo, Companhia das Letras, 1992;
14. Boris Goldenberg: *Kommunismus in Lateinamerika*, Stuttgart, 1971, 211sgs.;
15. William Waack: *Die vergessene Revolution. Olga Benario und die deutsche Revolte in Rio*, Berlin, Aufbau Taschenbuch Verlag, 1994, p. 145.
16. Ronald Friedmann: *Arthur Ewert. Revolutionär auf drei Kontinenten*, Berlin, Karl Dietz Verlag, 2015 (Geschichte des Kommunismus und Linkssozialismus. 19).
17. Michael David-Fox: *Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*, Oxford [u.a.]. Oxford University Press 2011.
18. Imanuel Wallerstein: "Social Science and the Communist Interlude, or Interpretations of Contemporary History", <http://fbc.binghamton.edu/iwpoland.htm>
19. Bernhard H. Bayerlein: *Deutscher Kommunismus und transnationaler Stalinismus. Komintern, KPD und Sowjetunion 1929–1943*. In: Hermann Weber, Jakov Drabkin, Bernhard H. Bayerlein: *Deutschland, Russland, Komintern. I. Überblicke, Analysen, Diskussionen*, Berlin-Boston, De Gruyter, 2014, p. 225-400, p. 325-331, https://ruhr-uni-bochum.academia.edu/BernhardHBayerlein/Boston_De_Gruyter_2014_pp._225-400.

El Buró Sudamericano de la Internacional Sindical Roja en Montevideo

The South American Bureau of the Red Trade Union International in Montevideo

Resumen: The article highlights the little-known pages of the history of the Communist Party of Uruguay, the peculiarities of the Uruguayan communist movement in the first half of the 20th century, and the role of personalities in its formation and development. The author also determines the relationship between the URSS and the Uruguayan Communist Party.

Palabras clave: Uruguay; Trade Union International; communism; Communist party; USSR, Comintern.

Abstract: El artículo destaca las páginas poco conocidas de la historia del Partido Comunista de Uruguay, las peculiaridades del movimiento comunista uruguayo en la primera mitad del siglo XX y el papel de las personalidades en su formación y desarrollo. El autor también determina la relación entre la URSS y el Partido Comunista Uruguayo.

Keywords: Uruguay; Trade Union International; communism; Communist party; URSS, Comintern.

En mi calidad de biógrafa y de novelista, pero no de historiadora, mi interés por el Buró Sudamericano de la Internacional Sindical roja en Montevideo se originó en razones familiares o, para ser más precisa, filiales. Curiosamente, investigar esa etapa de la trayectoria de mi padre, Carlos Dujovne, nacido en 1903 en la Argentina en las colonias judías del Barón Hirsch, de padres rusos, miembro fundador del PC argentino en 1918 a la edad de catorce años, re-emigrado en 1923 a la URSS, donde estudió y trabajó durante cinco años, y re-enviado a Sudamérica en 1928 por la Internacional Sindical Roja (el Profintern), me resultó bastante más difícil. Si en relación con otros temas, los archivos del Komintern en la calle Bolchaia Dmi-trovka donde me sumergí apasionadamente en 2005, vale decir, ochenta y dos años después del viaje a Rusia de ese padre cuyas huellas intentaba rastrear, fueron una mina de informaciones y descubrimientos, el Buró permanecía oculto. Un juego de las escondidas que prosiguió cuando, un año más tarde, viajé a Montevideo para emprender la búsqueda.

Poco me llevó descubrir que esa ocultación no había sido casual: al Partido Comunista uruguayo no le convenía demasiado poner de relieve a un organismo semi-clandestino, acusado de responder directamente a Moscú. Los uruguayos de la

actualidad ignoran que a la Montevideo de aquel entonces se la apodaba la “Capital Roja”, cosa que a un PC deseoso de aparecer como independiente de Moscú no podía causarle ninguna gracia. Eso sin contar con la rivalidad entre los dos dirigentes sucesivos de la época, Eugenio Gómez y Rodney Arizmendi, que narraron la historia del Partido cada uno a su modo. Le debo a la biblioteca del Cedinci de Buenos Aires, dirigida por Horacio Tarcus, el haber hallado por fin, en los microfilms de la revista del Buró, o de la CSLA, Conferencia Sindical latinoamericana, rastros de esta historia fantasma.

Una historia que comienza en 1927, para el décimo aniversario de la Revolución. Por iniciativa de la Internacional Sindical Roja, una conferencia preparatoria de la CSLA que tendrá lugar en Montevideo un año más tarde se organiza en Moscú. Gracias a la gentileza de Svetlana Rosenthal, del RGASPI, he podido leer en esos archivos las actas del encuentro, verdadera obra de teatro donde las estenógrafas han conseguido inmortalizar cada palabra y cada actitud. Empezando por las del dirigente del Profintern, Lozovsky, que adoctrinaba a colombianos o ecuatorianos como un sindicalista fogueado frente a un nutrido contingente de obreros llegados de las antípodas que, según sus palabras, tenían la “pasión revolucionaria” pero no la experiencia.

Nunca hasta el momento habían viajado hasta Rusia delegados sindicales de todos los países de América Latina, nunca habían discutido con tal profundidad sobre el sentido de un sindicato, de una huelga. Ahora comprendían la ciencia y la técnica de la Revolución y se sentían en condiciones de aplicar esos conocimientos recién adquiridos en sus propios países. Entre los participantes se destacaba la tormentosa figura del pintor Siqueiros, que durante la conferencia no pudo evitar un intercambio de palabras algo airadas con el maestro, Lozovsky, y con el alumno, mi padre, traductor de dicha conferencia y enviado a Montevideo como organizador de la CSLA pocos meses después.

La elección de Montevideo como sede del nuevo encuentro no fue inocente: ningún otro país del Cono Sur era tan apacible (los tiempos cambian), en ningún otro la policía tomaba mate con tanta placidez sin vigilar a nadie. (Más de diez años después, en 1949— para ese momento el Profintern había desaparecido y Lozovsky había sido fusilado a causa de una idea imprudente: firmar la célebre Carta de Crimea junto al actor de teatro idish Shlomo Mijoels-, más de diez años después, cuando la KGB buscó una sede para enviar a la española Africa de Las Heras a montar una red de espionaje intercontinental, nada pareció más atinado que establecerse nuevamente en esa capital uruguaya cuyas autoridades seguían ajenas a toda sospecha, hasta el punto de que la enviada soviética pudo emitir tranquilamente sus mensajes sin ser molestada durante veinte años).

Desde 1928 existía en Buenos Aires un Buró Sudamericano a cuyo frente estaba el dirigente del PC argentino Victorio Codovilla. Ese Buró debió mudarse a

Montevideo en 1930 a causa de la revolución de Uriburu, militar de extrema derecha cuya policía, por cierto, no se limitaba a tomar mate. A partir de entonces las denominaciones Buró Sudamericano y Conferencia Sindical Latinoamericana se utilizaron en forma indistinta, o casi, sin que eso implicara, como enseguida veremos, una relación entre ambos particularmente cordial.

El objetivo de la Conferencia que terminó por tener lugar en Montevideo con gran éxito era nada menos que organizar a las masas proletarias de toda América, de Norte a Sur, con una finalidad concreta e inmediata: la Revolución. Qué entendía el Profintern por Revolución comenzó a quedar claro para los asistentes durante la conferencia moscovita, cuando Lozovsky les explicó la “línea correcta”. Para lograrlo le bajó los humos a algún delegado mexicano que se quejaba porque la Revolución de su país había dejado de ser una Revolución social — respuesta de Lozovsky: “Nunca fue otra cosa que una Revolución burguesa”-; o a algún delegado peruano que, siguiendo a Juan Carlos Mariátegui, encontraba en la comunidad indígena quechua o aymara elementos de comunismo. Esa vez fue mi padre el encargado de aplicar la línea, siguiendo a su maestro y arrojando por tierra el sueño indigenista: “Aunque las comunidades indígenas parezcan socialistas porque comparten el producto de su trabajo, serán devoradas inevitablemente por el capitalismo. No, camaradas, sólo el proletariado puede estar a la cabeza de la Revolución”. Si bien se mira, los delegados latinoamericanos aportaban la riqueza de la diversidad, y la idea de Mariátegui merecía una lectura más atenta, ¿pero quién organiza en una primera etapa a un conjunto dispar, respetando los variados matices? Más adelante, todo el accionar de mi padre dentro de la CSLA consistió precisamente en tener en cuenta esas diferencias, lo que por supuesto le generó fuertes dolores de cabeza frente a la dirigencia del Buró.

Si ser enviado a Montevideo era para ese muchacho sudamericano de veinticinco años, ya miembro del PC ruso y con un diploma universitario soviético en el bolsillo, una fantástica oportunidad, los dirigentes más maduros, rusos o no, que fueron llegando a aquellas playas tomaban su misión como lo que era dentro de sus carreras: un retroceso. Esa amargura no contribuía a aligerar la atmósfera. Lo que me impide sonreír ante aquel desfile de personajes coloridos es su trágico fin: todos ellos, digo bien todos, terminaron volviendo a Rusia, y unánimemente fusilados, salvo Ernő Gerö, húngaro de melenas doradas que después de haber participado en el asesinato de Andrés Nin en Barcelona, acabó en el Gulag. Y salvo mi padre que, en su calidad de argentino, se quedó en Buenos Aires. ¿De lo contrario habría conocido la misma suerte de su primo, Ben Sión Dujovne, presidente del Banco Central de Moscú fusilado en 1937? Cuando Lazar y Víctor Jifets— cuyo diccionario sobre el Komintern en América Latina me orientó y me guió en este laberinto, hasta el punto de que lo convertí durante años en mi libro de cabecera-, me revelaron por primera vez, aquí en San Petersburgo, la condición de agente secreto de Carlos Du-

jovne (“agente de agitación sindical, no de espionaje”, puntualizaron al verme la cara), dudaron acerca de lo que le hubiera esperado en caso de volver a Moscú: era argentino pero de padres rusos, doble identidad que quizás le habría evitado el destino de sus demás compañeros, y quizás no. ¿Pero éstos quiénes eran? Confieso que me estremece el pensar que conozco sus nombres solo porque necesité desenterrarlos para escribir la biografía de ese otro enterrado que fue Carlos Dujovne. ¿Acaso, fuera de un reducido grupo de especialistas, alguien más los recuerda?

La interna se configuraba del siguiente modo: por un lado Lozovsky, por supuesto, y Sinani, que presidía el Lender Secretariado Latinoamericano de Moscú, a quienes respondía mi padre, cuyo nombre de guerra era Carlos Fuentes, de nacionalidad supuestamente venezolana. Dejando de lado la larga lista de enviados kominterianos escondidos tras sus respectivos seudónimos, o que actuaron bajo su propio nombre como Jean Jolles o Arthur Ewert, cabe destacar la presencia en Montevideo del suizo Jules Humbert— Droz, que en 1929 ya estaba en desgracia; el ya mencionado Ernö Gerö; y por encima de todo, el estafalario Abraham Guralski, apodado Rústico, junto a su mujer, la caucasiana Inés Tulchnískaya, no menos intrigante que él, ambos enemistados ante todo con Victorio Codovilla por razones menos políticas que de competencia personal.

Pero la CSLA no se limitó a Montevideo. En 1930 Carlos es enviado a Bolivia para formar parte de un congreso de la Federación Obrera de La Paz contra la dictadura militar de Blanco Galindo, congreso que termina en una “vergonzosa adhesión a la Junta Militar”, para citar el artículo de *El Trabajador Latinoamericano* donde he hallado estos datos. Ese mismo año parte hacia Lima con instrucciones para la constitución de la Internacional Juvenil Comunista. En mayo de 1931 asesora a movimientos obreros, luego salvajemente reprimidos en varias ciudades peruanas, un trabajo realizado junto al dirigente argentino Paulino González Alberdi, que se ocupa de lo político mientras que Carlos se ocupa de lo sindical, monitoreando la Central de Trabajadores del Perú. En 1932 lo vemos en Santa Ana do Libramento, en la frontera con el Brasil, llevando a cabo ciertas misteriosas negociaciones relacionadas con Luis Carlos Prestes, el de “la Columna Invencible”, y amenazado por un extraño caudillejo llamado Nepomuceno Saravia cuyas relaciones con los comunistas y con el supuesto golpe de Estado contra el presidente uruguayo Gabriel Terra aun no han sido del todo dilucidadas. Y por último, ese mismo año interviene, siempre como delegado de la CSLA, en la República Socialista de Chile dirigida por ese otro personaje pintoresco que fue Marmaduke Grove, experiencia que dura exactamente doce días y cuyas características, que no corresponden a ninguna línea correcta, pero en las que el incorrecto Carlos encuentra elementos interesantes, a Guralski en Montevideo le provoca un feroz ataque de furia. Los datos precisos y documentados sobre estos acontecimientos se los debo en particular a investigadores como el peruano Juan Zenón Gutiérrez,

el mexicano Ricardo Melgar Bao y la gran especialista del Komintern en Chile, Olga Uliánova.

No puedo concluir este tramo de mi ponencia sin una breve evocación del final de mi padre, que luego de haber fundado en la Argentina de los años cuarenta la editorial marxista Problemas (sobre la que en la actualidad trabajan Adriana Petra y Ximena Espeche, dos investigadoras argentinas del Conicet), y de haber estado preso de 1943 a 1945 en la cárcel de Neuquén, en plena Patagonia, años durante los cuales reflexionó sobre el estalinismo, se alejó del Partido y se quedó solo hasta el final de su vida— excepción hecha de los años 1953 al 55 en que colaboró con el MNR, Movimiento nacionalista revolucionario de Bolivia—, sin pasarse a la otra orilla ni pronunciar jamás, acerca del comunismo, una sola palabra de crítica.

Pero dejando de lado los dramas del Buró, ha llegado el momento de formularse una pregunta importante: ¿cuándo existió en América Latina un organismo como el de Montevideo que lograra nuclear a *todos* los sindicatos de *todos* nuestros países, y cuándo se publicó una revista pionera como *El Trabajador Latinoamericano*, editada en forma quincenal y con formato de libro, que mantuvo informados y conectados a esos obreros sindicalizados, con artículos teóricos basados en esquemas gráficos sobre la organización de las huelgas, pero también con indicaciones prácticas, hasta para imprimir volantes a bajo precio empleando cola de pescado en lugar de tinta? Pienso que la CSLA representó una proeza única, borrada por decisión de La Instancia que, como bien sabemos, por desconfianza del internacionalismo clausuró el Komintern.

Cuando mucho después llegaron gobiernos de izquierda o de centro izquierda a América Latina, Cuba se convirtió en un faro indiscutible donde se formaron militantes de varios otros países latinoamericanos. Sin embargo, los trabajadores lucharon cada uno en su propio país, clases obreras nacionales como la peronista, a las que también, aunque por otras razones, el internacionalismo les resultó ajeno. Hoy comprendemos el sentido de las viejas y excitantes palabras *Revolución Mundial* al contemplar de lejos a aquellos obreros de toda América Latina en los años treinta, visceralmente unidos y convencidos de que esa Revolución no podría tardar.

Aún algo más tarde, cuando entre nosotros el trabajo asalariado comenzó a ralearse, lo que surgió fue un movimiento cooperativista espontáneo nacido de la crisis (hablo más bien de lo que conozco, la Argentina), asociaciones de cartoneros dedicados al reciclado de la basura o fábricas recuperadas. Una autogestión no ideológica sino originada, como ellos mismos lo dicen, en la necesidad, que encontró en los Polos Sociales, pienso en el de Puerto Alegre, su centro de reunión, de mutuo aprendizaje, y cuya proclama, dicho sea con una nostalgia racional y no paralizante, podría resumirse en estas otras palabras, sin duda menos radiantes pero más adaptadas a cierto mundo de hoy: “Desocupados de todos los países, uníos”. (Menos radiantes, aunque en su provincia del Norte argentino, la dirigente indígena Milagro Sala haya

llevado a cabo en los últimos años una revolución de desocupados, tan profunda y original que hoy lo está pagando con la cárcel y que acaso lo pague con su vida). Ignoro si los participantes a esos Polos Sociales conocieron la existencia precursora de la CSLA, en todo caso estoy segura de que el diálogo frente a las nuevas situaciones que hoy se encaran les resultó igualmente fructuoso.

Dos palabras para terminar. La relativa ausencia de nostalgia a la que acabo de referirme no implica desmemoria, ni mucho menos ingratitud: se trata más bien de una cruda percepción de cierta realidad actual de la que me he ocupado en alguno de mis libros, la de una marginalidad a la que el maestro Lozovsky habría podido aportar su sensatez, su lucidez. Percepción unida al *reconocimiento* (en su doble sentido de reconocer y agradecer), de que sin la Revolución Rusa, sin el formidable impulso de esperanza que significó la Revolución Rusa, nada de lo que hoy se está experimentando en el laboratorio social de nuestros países tendría sentido. La CSLA no tuvo final feliz, ni pudo haberlo tenido dadas las circunstancias, pero considero necesario recordarla no solo como un acto de justicia sino, despojada de sus fallas humanas y elevada al plano que le corresponde, de gran maestra, de gran incitadora de los pueblos, como un extraordinario ejemplo a tener en cuenta. Nunca es bueno el olvido, sobre todo cuando se trata de experiencias aleccionadoras que pueden resultar fuente de inspiración.

Эхо русской революции в Латинской Америке (по документальным материалам архива Коминтерна)

Echo of the Russian Revolution in Latin America (according to the documentary materials of the Comintern archive)

Резюме: На основе документальных материалов архива Коминтерна в статье рассматриваются проблемы освещения революционных событий среди трудящихся масс Латинской Америки, роль революционной пропаганды и деятельность Коминтерна в Латинской Америке на первых этапах своего существования. Также автором делается сравнительный анализ печатных материалов русской и мексиканской революций.

Ключевые слова: Революция; революционная пропаганда; Коминтерн; Латинская Америка; коммунистическая партия; СССР; рабочее движение.

Abstract: On the basis of the documentary materials of the Comintern archive, the article examines the problem of covering revolutionary events among the working masses of Latin America, the role of revolutionary propaganda and the work of the Comintern in Latin America in the first stages of its existence. The author also makes a comparative analysis of printed materials of the Russian and Mexican revolutions.

Key words: Revolution; revolutionary propaganda; the Comintern; Latin America; the Communist Party; the USSR; the labor movement.

Известие о произошедшей в России революции быстро распространилось по всему миру, долетело оно и до латиноамериканского континента, несмотря на его значительную территориальную удаленность от России. Излишне говорить, что известие это всколыхнуло и воодушевило общественность стран, где царила нищета большинства населения, где антагонистические классовые противоречия были обострены господствующими в экономике и сельском хозяйстве феодальными пережитками, где трудящиеся массы подвергались двойной эксплуатации — национальной буржуазией и латифундистами и империалистами США и др. стран. Идеи российской революции обуславливали дальнейший подъем латиноамериканского рабочего движения, наметившийся там еще до Октября, побуждали трудящиеся массы к действию, стимулировали процесс становления коммунистического движения в регионе. Первая компартия, созданная на континенте

¹ Розенталь Светлана Марковна — Россия, РГАСПИ.

те, — компартия Аргентины — отмечала в своей программе, что рождение партии связано с началом социалистической цивилизации, которая несет печать Великой Октябрьской социалистической революции. В манифесте ЦК Компартии Колумбии говорилось: «Победа пролетариата, казавшаяся до 1917 г. лишь утопией, превратилась в яркую действительность, вынуждая эксплуататоров признать этот факт великого исторического значения... Победа русской революции пробила гигантскую брешь, которая будет способствовать скорому и полному распаду капитализма»². Лидер чилийских коммунистов Луис Эмилио Рекабаррен писал: «Большевистская Россия — это сегодня маяк для всего мира... самый могучий оплот подлинной демократии честного трудового народа»³. Перуанский мыслитель Хосе Карлос Мариатеги назвал Октябрьскую революцию «первым шагом человечества к установлению строя братства и справедливости»⁴. Другие видные представители рабочего движения, выступающие за социальный прогресс, проводили идеи Октября в массы, и союзником коммунистов в деле распространения этих идей была партийная печать и, конечно, самый массовый ее жанр — листовки.

Известно, какое значение придавал листовкам (листкам, прокламациям) В. И. Ленин, считая их изготовление и распространение важнейшим средством информационной борьбы. В десятках ленинских работ подчеркивалась роль листовок в рабочем движении. Отмечая их демократичность и доступность широким слоям трудящихся, он призывал коммунистов использовать этот вид массовой агитации повсюду, где представляется малейшая для этого возможность. В работе «Что делать?» (1902) Ленин обращал внимание на эффективность листовочной пропаганды и агитации: «Случалось не раз, что одного появления листка оказывалось достаточно для удовлетворения всех или части требований»⁵.

Коминтерн широко пропагандировал эту ленинскую мысль и настоятельно рекомендовал компартиям активно использовать этот «малый жанр» массовой агитационной работы наряду с другими партийными изданиями. И коммунисты латиноамериканских стран, следуя указаниям сменяющих друг друга, как в калейдоскопе, военных диктатур и переворотов, чаще всего в условиях строгой конспирации, несли посредством этих печатных материалов в массы информацию о стране победившего пролетариата. Сравнительно невысокая себестоимость изготовления позволяла партийным комитетам выпускать листовки большими тиражами, чем га-

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 104. Д. 75. Л. 1.

³ Рекабаррен Л. Э., *Избранные статьи и речи*. М., 1977, 20.

⁴ Цит. по кн.: *Первый конгресс Коминтерна*. М., 1986, 495.

⁵ Ленин В. И. *ПСС*. Т. 6. С. 55.

зеты, журналы и др. печатные материалы. В фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) находится на хранении значительное количество единиц нелегальной печати — газет, бюллетеней, листовок. Эти материалы периодически присылались в Исполком Коминтерна (ИККИ) вместе с отчетами и другими документами компартий. Многие из них посвящены российской революции, именно о них и пойдет речь в данном сообщении.

Особую группу представляют листовки-обращения, подготовленные непосредственно к годовщинам Октября или в связи с проведением различных кампаний как руководством, так и провинциальными и местными комитетами компартий, производственно-отраслевыми и фабрично-заводскими коммунистическими ячейками. Набирались они типографским способом или с помощью других множительных аппаратов. Сейчас невозможно определить их тиражи, однако можно предположить, что средствами для больших тиражей молодые латиноамериканские компартии не располагали: может быть, поэтому на некоторых листовках имеются пометки о желаемом дальнейшем их воспроизведении, а также содержится просьба не уничтожать их по прочтении, а передать товарищам. Основная масса хранящихся в фондах РГАСПИ листовок латиноамериканских компартий датируется второй половиной 1920-х — серединой 1930-х гг. Многие относятся к 1929 г. Думается, не случайно: начался мировой кризис капитализма со всеми вытекающими последствиями. Листовок, относящихся к первому послереволюционному периоду, гораздо меньше, они представляют особую ценность. Можно предположить, что многие из них, как, впрочем, и другие документы компартий, уничтожались во время налетов полиции на помещения компартий, типографий, во время обысков; не исключены потери и в процессе транспортировки документов в ИККИ: большие расстояния и сложные пути доставки.

Большое преимущество листовок состояло в том, что их малая форма позволяла компартиям наиболее оперативно реагировать на события, в том числе на заявления, публикуемые правой буржуазной прессой, которые характеризовали происходившие в России перемены со своих классовых позиций. Они утверждали, в частности, что после взятия большевиками власти в России воцарились анархия, хаос, голод, что правительство Советской страны не пользуется поддержкой народа, а потому советская власть долго не продержится. При этом ни одна из этих газет не опубликовала текстов декретов советской власти (О мире, О земле и др.). В обращении Мексиканской компартии от 8 ноября 1921 г. говорилось: «Капиталистические магнаты и политические пираты могут сколько угодно болтать о плохих условиях в Советской России, но тот факт, что голодные и оборванные рабочие и

крестьяне в течение четырех лет героически сражались и победили армии империалистов, жаждущих свергнуть советскую власть, убедительно свидетельствуют, что они признают и поддерживают советское правительство как свое правительство»⁶. В обращении ЦК Перуанской компартии звучала мысль о крахе надежд врагов социализма, предсказывавших падение советского правительства: «Прошло 14 лет, а российский пролетариат не только поддерживает власть, но и совершает во имя ее небывалые подвиги повсеместно». В обращении говорилось о том, что в рабоче-крестьянской России, где у власти стоит демократическое правительство нового типа, нет расового и национального угнетения, безработицы, кризисов и нищеты. «Все это — хороший урок, замечательный опыт, творение рук людей, еще недавно томившихся под игом преступного абсолютизма. Ведь до революции положение русских трудящихся напоминало сегодняшнюю жизнь рабочих, крестьян и индейцев в Перу. Совершив революцию, трудящиеся России показали всему миру, на какие плодотворные и созидательные дела способен рабочий класс...»⁷.

В опубликованном в 1923 г. манифесте Компартии Гватемалы звучит призыв к трудящимся страны следовать примеру российского пролетариата: «Пусть благодатные семена Октября, попав на нашу землю, дадут чудесные всходы! <...> Трудящиеся должны показать тем, кто утопает в роскоши, истинное лицо слабых и обездоленных: ведь нас большинство, и именно мы производим общественные блага, а пользуются ими капиталисты и другие власть имущие...». Манифест призывает «выйти из состояния равнодушной дремоты», отмечает, что русский пролетариат сумел, «несмотря ни на какие ветры и ураганы, на бессильную ярость мирового капитализма, разбить свои цепи...»⁸.

Следует заметить, что как в российской, так и в зарубежной историографии бытует мнение, что Коминтерн до начала 1930-х гг. не проявлял должного внимания к проблемам латиноамериканского рабочего движения, не руководил ее молодыми компартиями. Однако сама структура исполкома Коминтерна, а также хранящиеся в фондах РГАСПИ документы свидетельствуют о другом. Например, в описях Бюро Секретариата ИККИ имеются подборки постановлений, резолюций и директивных писем руководящих органов исполкома как по Латинской Америке в целом, так и по Аргентине, Бразилии, Мексике, Чили и др. странам континента уже за ранние годы. В середине 1920-х гг. в ИККИ был создан Латиноамериканский лендерсекретариат; к компартиям отдельных стран были прикомандированы так

⁶ *Газета Obrero Comunista*. Ноябрь 1921.

⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 21. Л. 6.

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 112. Д. 8. Л. 1.

называемые представители (или уполномоченные) Коминтерна; по решению ИККИ, в целях установления связи исполкома с компартиями Латинской Америки и координации их деятельности, были созданы региональные органы: в 1925 г. — Южноамериканское бюро ИККИ в Буэнос-Айресе и несколько позже — Карибское бюро ИККИ в Нью-Йорке. Эти структуры отслеживали ситуацию в странах, вели переписку с руководством компартий, готовили отчеты, направляли им директивные письма. В их материалах, в частности, пропагандировались идеи и значение Октябрьской революции, давались рекомендации о том, какую информацию о жизни в послереволюционной России следует освещать в печати, «не скрывая трудностей социалистического строительства», хотя, безусловно, мифологизация и приукрашивание действительности в этой информации имели место. Особый упор делался на издание листовок, посвященных этим вопросам, предлагались лозунги, созвучные времени. Не секрет, что отдельные листовки, изданные как бы самими компартиями, готовились в исполкоме или его региональных органах. Многие действительно издавались самими компартиями, но на основе директивных указаний из центра. Так, Карибское бюро ИККИ направило к 17-й годовщине Октября большой материал в центральноамериканские компартии под названием «Большевицкая партия и Октябрьская революция», в котором СССР назван «бастионом международного пролетариата и угнетенных наций, указывающим дорогу к свободе пролетариата и угнетенных народов, революционный выход из голода, безработицы и империалистической войны». В документе пропагандировался «богатейший опыт для всех стран», сравнивались условия жизни в странах Карибского региона и в Советской стране, превозносились успехи социалистического строительства, давались подробности по вопросам зарплаты, жилья и других сторон социальной жизни⁹. В директивах ИККИ, направленных в 1934 г. в Южноамериканское и Карибское бюро для ЦК компартий, говорилось о необходимости проведения антивоенной кампании в связи с подготовкой новой войны против СССР, в рамках которой следует популяризировать ленинское учение об империалистических войнах. Эта кампания «должна достигнуть кульминационной точки в форме крупных массовых выступлений под лозунгом единого фронта масс к 1 августа (митинги, забастовки протеста, демонстрации) в зависимости от возможностей партий»¹⁰. Все эти положения затем отражались в партийной печати.

В ряде листовок говорилось о трудностях первых лет советской власти, о Гражданской войне, новой экономической политике, подчеркива-

⁹ РГАСПИ. Ф. 500. Оп. 1. Д. 16. Л. 112

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 204. Л. 5

лась решающая роль в революционных событиях большевиков как самых последовательных марксистов, отмечалась сила воздействия революции на международное рабочее движение. Из обращения Компартии Чили: «Русская революция — это не только грандиозное историческое событие, это еще и огромный опыт для международной армии революционных трудящихся, а также путь, по которому надо идти... это стратегия и тактика, направляющие на верную революционную дорогу, это путь к социализму»¹¹. В обращении Центральной исполнительной комиссии Компартии Бразилии (1925) говорилось о том, что «миллионы трудящихся колоний и метрополий поднимаются на борьбу, вдохновленные бессмертным учением Ленина, руководителя Коминтерна, вождя угнетенных масс всей земли»¹². В этом же документе сравнивались условия жизни и работы в России и Бразилии и звучал призыв к трудящимся страны усилить борьбу за свои права, против англо-американского империализма, за профсоюзное единство, за сплочение и укрепление рядов коммунистов, выдвигались лозунги борьбы за 8-часовой рабочий день и 6-дневную рабочую неделю во всех отраслях промышленности.

Много внимания в листовках уделялось социалистическому строительству в СССР. «Уже 12 лет русские рабочие и крестьяне сами управляют своей страной, сами решают свои проблемы, укрепляют диктатуру пролетариата — залог улучшения условий жизни, успешного развития социалистической промышленности», — говорилось в обращении, опубликованном к 12-й годовщине Октября в нелегальной газете коммунистической ячейки рабочих газовых предприятий Уругвая¹³. Из обращения ЦК компартии Аргентины, опубликованного к этой же годовщине: «СССР строит социализм, успехи, уже достигнутые им, огромны. Выполнение пятилетнего плана — гигантский шаг на пути социалистического строительства... Рабочие и крестьяне вкладывают всю свою энергию в строительство социалистической экономики, и результаты, достигнутые ими к 12-й годовщине революции, служат лучшей гарантией того, что Советский Союз построит социализм. Вместе с тем, по мере роста прогресса, в СССР увеличиваются потенциальные революционные возможности мирового пролетариата, и все быстрее происходит распад капиталистической системы»¹⁴. Интересна листовка компартии Аргентины большого плакатного формата с программой мероприятия, намеченного на 6 ноября в честь 12-й годовщины Октября в столичном театре «Идеал». Программа такова: в первом отделении ор-

¹¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 106. Д. 71. Л. 27

¹² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 29. Д. 21а. Л. 8.

¹³ Газета «Obrero del Gas». Ноябрь 1929 г.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 175а. Л. 35.

кестр исполняет «Интернационал». Затем представители разных диаспор, населяющих страну (итальянцы, венгры, литовцы, украинцы и др.), исполняют свои национальные песни и танцы; во втором отделении — лекция Родольфо Гиольди «Россия через 12 лет». «Знаете ли вы, что такое пятилетний план, который осуществляется в России? Вы узнаете об этом 6 ноября в театре „Идеал“. Никто из сочувствующих Русской революции не должен пропустить это мероприятие»¹⁵. В продолжение темы газета аргентинского комсомола *Juventud Comunista* на 12 полосах, целиком посвященных достижениям СССР, рассказывает о театре Мейерхольда, о писателе Федоре Гладкове и его книгах, о кинематографии новой России, здесь же рассказ Евгения Замятина «Иваны», помещены фотографии: А. Луначарский среди студентов, демонстрация молодых коммунистов в Москве, дом отдыха для рабочих в СССР. Венчает публикацию кадр из советского фильма «Ленин в Октябре»¹⁶.

Красной нитью в листовках 1930-х гг. звучат призывы к защите Страны Советов от посягательств империалистов. В вышеупомянутом обращении ЦК Компартии Аргентины так говорится об этом: «Мировой капитализм ждет подходящего момента, чтобы напасть на СССР и раздавить его. Антисоветская война — это крестовый поход против мировой революции... Аргентинское правительство, зависимое от империализма, принимает участие в его преступных замыслах. Подчиняясь диктату империализма и буржуазии, правительство Иригойена, годами одурачивая рабочих демагогией, не соглашается признать СССР. Совершенно естественно, что правительство, посылающее войска на подавление рабочих забастовок, не остановится перед участием в вооруженной интервенции против родины мирового пролетариата»¹⁷.

Обращаясь к портовым рабочим Уругвая с призывом к защите СССР, комячейка этой отрасли указывала, что «это будет борьба не на жизнь, а на смерть, и в этой борьбе рабочий класс всего мира должен встать на защиту России и ее революции»¹⁸. В обращении подчеркивалась особая роль портовых рабочих разных стран в деле защиты Советского Союза. Антивоенная направленность находила свое выражение и в протестах против локальных войн, ведущихся на континенте, в частности против территориального спора между Колумбией и Перу за право владения «трапецией Летисии», против войны между Боливией и Парагваем, в которой «яблоком раздора» была нефтеносная область Чако. В листовках раскрывалась истинная подоплека

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 175а. Л. 34.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 175а. Л. 36–41.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 175а. Л. 35.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 534. Л. 37.

этой кровавой бойни: за спиной правительств Боливии и Парагвая стояли нефтяные монополии США и Англии.

Многие листовки этого периода заканчивались лозунгами: «Руки прочь от России!», «Встанем на защиту пролетарского государства!», «Установить дипломатические отношения с СССР!» и т. д. Листовки призывали трудящихся выйти на улицу 7 ноября, с тем чтобы продемонстрировать свои симпатии и поддержку СССР и выразить протест против политики национальной буржуазии, идущей на поводу у империалистов.

По понятным причинам особый смысл для населения аграрных стран Латинской Америки приобретала проводимая в листовках мысль о месте крестьянства в революции, о тесном союзе рабочих и крестьян в СССР, о равноправии крестьян с другими слоями населения в СССР, поскольку подавляющим большинством населения континента были крестьяне и батраки.

Карибское бюро ИККИ к 17-й годовщине Октября специально для стран Центральной Америки, где крестьяне подвергались особенно жестокой эксплуатации со стороны иностранных фруктовых компаний, подготовило пропагандистский материал под названием «Только большевики могут освободить крестьянство»¹⁹. В документе указывалось, что рабочие в борьбе за власть непременно должны добиться поддержки крестьянства, что только большевики рассматривают крестьян как резерв и союзника пролетариата в революции.

В листовках, изданных компартиями в 1930-х гг., достаточно внимания уделялось и вопросам создания единого фронта. Так, в обращении ЦК Компартии Кубы к партийным комитетам страны в связи с 15-й годовщиной русской революции звучит призыв провести кампанию на базе подлинной мобилизации масс: организовать самый широкий единый фронт рабочих и крестьян, сконцентрировать работу коммунистов на фабриках и плантациях, создавать там комитеты единого фронта.

Представляются естественными попытки сравнивать Октябрьскую революцию в России с революциями, имевшими место в других странах. Например, в листовке Мексиканской компартии от 8 ноября 1921 г. дан сравнительный анализ русской и мексиканской революций. Отмечая некоторое сходство между обеими революциями (остро стоявший аграрный вопрос, пролетариат составлял сравнительно небольшой процент угнетенных масс, большинство населения — крестьяне), делался вывод о главном различии в конечных результатах. «Мексиканская революция увенчалась установлением власти капиталистов и помещиков... трудящиеся остались ни с чем. <...> Революция в России завершилась приходом к власти правительства

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 500. Оп. 1. Д. 16. Л. 130.

рабочих и крестьян, экспроприировавших помещиков и капиталистов... в России установлена диктатура пролетариата, в то время как в Мексике — диктатура частной собственности, класса буржуазии». Одним из основных факторов победы русской революции, представляющих коренное различие двух революций, в документе названа «деятельность партии большевиков, организовавшей и возглавившей революционную борьбу трудящихся масс. В Мексике не было революционной пролетарской партии; и хотя трудящиеся Мексики были преисполнены отважным духом революционного действия, они не были организованы сознательно, не было той силы, которая возглавила бы их борьбу за завоевание политической власти, за рабоче-крестьянское правительство»²⁰.

Параллели между русской и Великой французской революцией проведены в статье американского коммуниста Луиса Фрайны, опубликованной в бюллетене Мексиканской компартии *Vida Nueva*. Автор статьи назвал Марата и якобинцев «действительно великими деятелями революции», но в то же время «представителями незрелого пролетариата»²¹. Французская революция ликвидировала одну форму частной собственности — феодальную, введя другую форму частной собственности — буржуазную.

В обращении ЦК компартии Аргентины (1934) отмечалось, что события, произошедшие в стране 6 сентября 1930 г., «не являлись революцией, а были всего лишь государственным военным переворотом, совершенным определенной группой курсантов (юнкеров), детей феодалов и буржуазии, под руководством генералов и американских империалистов. <...> Истинная победоносная пролетарская революция взращивается на фабриках и заводах, в среде пролетариата города и деревни, в советах, представленных самими рабочими, крестьянами и солдатами. <...> Именно таким образом русский пролетариат смог победить и освободить себя от царизма и феодально-буржуазного и клерикального гнета»²².

Свидетельством внимания исполкома Коминтерна к партийной печати компартий латиноамериканских стран может служить письмо в ЦК Компартии Кубы, подготовленное Латиноамериканским лендерсекретариатом ИККИ. В документе анализировались манифесты и листовки, изданные компартией в 1934 г. Как положительный факт отмечалось, что листовки быстро и в основном правильно реагируют на события в стране, что они дают ответы на злободневные вопросы, что их язык стал более понятен широким массам. Указывалось вместе с тем на отдельные недостатки, даже ошибки в трактовке революционного движения. Например, в од-

²⁰ *Газета Obrero Comunista*. Ноябрь 1921.

²¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 218. Л. 35. 35 об.

²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 255. Л. 11.

ном из манифестов ЦК говорится об идентичности развития революций в Китае и на Кубе. «На деле, — отмечается в документе, — нет и не может быть никакого сравнения между путями развития революции в этих двух странах. Тот путь, который оказался возможным на огромной территории Китая, невозможен на крохотном острове, где чуть ли не каждый район может быть обстрелян с моря и с воздуха, где географические условия не позволят революции развиваться путем постепенного установления советской власти в отдельных районах, путем закрепления и советизации этих районов, длительной борьбы с правительственными войсками. <...> Встречающиеся в листовках ошибочные формулировки, неверные лозунги, — говорится далее, — могут политически исказить текст документа и вместо пользы принести вред рабочему движению. Прежде чем опубликовать столь ответственный документ, как листовка или манифест, за подписью ЦК, надо его тщательно проверить. Ссылками на случайную опечатку нельзя оправдаться перед массами»²³.

В заключение хотелось бы привести выдержки из одного документа, хранящегося в архиве Коминтерна. Это письмо никарагуанского коммуниста Леонидаса Герры, направленное в апреле 1931 г. «главному безбожнику» Советского Союза Емельяну Ярославскому²⁴. Письмо столь же искренне, сколь наивно выражает отношение трудящихся континента к Октябрьской революции в России. «Дорогой товарищ и брат по атеизму! <...> Единственным побудительным мотивом моим были идеи, которые жгут мне мозг и заставляют бешено биться мое сердце, и горячее желание посвятить им всю свою жизнь, чтобы завтра стать Лениным Америки и освободить народы, которые живут хуже, чем жил ваш народ, пока не явился его великий освободитель. <...> А у тебя, товарищ Ярославский, прошу совета. Укажи мне путь, как нам выйти из того хаоса, в котором мы находимся. Научи нас думать, и завтра, когда солнце победы поднимется над горизонтом нашего отечества, мы тебе воздвигнем конную статую, и твое имя в наших благодарных сердцах навсегда останется живым воспоминанием, как величественный факел нашей свободы»²⁵.

1920–30-е гг. ознаменовались многочисленными выступлениями трудящихся масс латиноамериканского континента. В ряде стран ведущей силой выступил пролетариат, руководимый компартией, что явилось свидетельством его возросшего самосознания, дальнейшего углубления рево-

²³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 196.

²⁴ Емельян Ярославский (наст. М. И. Губельман) (1878–1943) — деятель ВКП(б), идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР. Председатель «Союза воинствующих безбожников»

²⁵ РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 378. Л. 13–14.

люционного процесса, во многом связанного с победой российского пролетариата. В этом процессе роль партийной печати, пропагандирующей Октябрьскую революцию в России, неоспорима.

К слову, печатные документы, и не только компартий стран Латинской Америки, это, пожалуй, то немногое, что в советское время было доступно исследователям, работавшим в читальном зале Центрального партийного архива (ныне РГАСПИ). Однако историография по вопросам партийной печати практически отсутствует. Интересные документы еще ждут своего ввода в научный оборот.

Библиография

1. *Рекабаррен Л. Э.* Избранные статьи и речи. М., 1977. С. 20.
2. Первый конгресс Коминтерна. М., 1986. С. 495.
3. Газета *Obrero Comunista*. Ноябрь 1921.
4. Газета *Obrero del Gas*. Ноябрь 1929.
5. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 218.
6. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 255.
7. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 196.

Диссиденты и нонконформисты в коммунистическом движении в Латинской Америке в 20–30-е годы XX века

Dissidents and nonconformists in the communist movement in Latin America in the 20–30s of the XX-th century

Resumen: Prácticamente desde el surgimiento de los partidos comunistas en el continente americano, en ellos surgían los grupos y movimientos de disidencia en relación a las direcciones oficialmente reconocidos por la Internacional Comunista. Desde el inicio de los 30, con la formación de un movimiento comunista internacional alternativo, varios grupos de los disidentes comunistas eligen al trotskismo como forma de su legitimación internacional, a veces sin compartir con este sus dogmas ideológicas.

Palabras claves: Internacional Comunista; Trotskismo; América Latina; oposición de izquierda internacional.

Abstract: Practically since the emergence of the communist parties in the Latin America, groups and movements of dissidence emerged in relation to the directions officially recognized by the Communist International. Since the beginning of the 30s, with the formation of the international communist movement alternative, several groups of communist dissidents choose Trotskyism as a form of international legitimacy, sometimes without sharing their ideological dogmas with it.

Keyword: Communist International; Trotskyism; Latin America; international left opposition.

В первые годы существования организованного под эгидой московского Интернационала движения в Латинской Америке расколы, распри и диссидентские группы возникали с редкой регулярностью. До ужесточения контроля со стороны руководящих органов Коминтерна за местными партиями в конце 1920-х годов многоликие группы, входившие в только что образованные компартии, в числе которых были и бывшие анархисты, и анархо-синдикалисты, и левые социалисты, и даже левые либералы-реформисты, были основой возникновения внутренних кризисных ситуаций. Все эти группы в случае возникновения таких кризисных ситуаций неизменно обращались к Москве как «третьей стороне» в их, как правило, организа-

¹ Щелчков Андрей Аркадиевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Россия, sch2000@mail.ru

ционным, и редко идеологическим спорам, хотя все эти конфликты «рядились» в одежды идеологической конфронтации. Чаще всего эти конфликты стихали, не так часты были исключения из партии и другие санкции. Многие лидеры диссидентов вместе со своими сторонниками со временем возвращались в лоно материнской партии.

Ситуация изменилась в конце 1920-х годов, когда в Коминтерне более непримиримо стали относиться к проявлениям свободомыслия и отклонения от генеральной линии, также как и в СССР, где было решительно искоренена всякая внутривнутрипартийная оппозиция. Тогда же берет начало раскол в мировом коммунистическом движении, связанный с именем Л.Д.Троцкого, высланного из СССР в 1929 г. Появление на мировой арене такой гигантской и привлекательной фигуры оппозиционера привлекло под знамёна Троцкизма практически всех диссидентов в компартиях. Это, в свою очередь, сделало непримиримой к ним отношение коминтерновского центра и руководства официальных компартий. Ожесточенная борьба с оппозиционерами в коммунистическом движении стала одной из главных отличительных черт политики Коминтерна в 1930-е годы. Вне этой борьбы история коммунизма будет неполной.

Как отмечал Исайя Берлин, «непримиримое отношение Коминтерна к зарубежным коммунистам и ещё большей степени к социалистам, безжалостная охота на еретиков — всё это объяснялось, по-видимому, искренней верой, что и те и другие могут пойти на компромиссы, поставив под удар истину, то есть учение, на котором зиждился фундамент нового общества, или могут избрать (если уже не избрали) путь, уводящий — пусть сначала незаметный — от сакральных целей, не подлежащих обсуждению»². Речь шла не только о борьбе за чистоту идеалов в рядах самих партий, но и о постоянном самоубеждении в собственной правоте и историческом призвании самих большевиков.

Диссидентские движения в компартиях региона в 1930-е годы не могли не принять сторону троцкизма, порой не разделяя в полной мере его идейных установок, что в свою очередь приводило к многочисленным расколам внутри оппозиции. В большинстве случаев принципиальные расхождения Троцкого со сталинским руководством, в частности его несогласие с установкой на построение социализма в одной стране и защита тезисов о перманентной революции, разногласия по поводу «альянса» между красными профсоюзами и английскими трейдьюнионистами, осуждение тактики союза с Гоминданом в Китае и трактовка Единого фронта, часто были вторичными для латиноамериканских диссидентских движений, которые, переходя под знамёна троцкизма *post factum* принимали тезисы Троцкого,

² Берлин И., *История свободы, Россия*, М, Новое литературное обозрение, 2001, 345.

поддерживая его в споре с Коминтерном и Сталиным. Для большинства из оппозиционеров первостепенное значение имели местные, локальные расхождения часто конъюнктурного характера, но что было единодушно сразу же поддержано латиноамериканскими диссидентами, так это критика растущей бюрократизации не только советского партаппарата и партии, но и коммунистического движения в целом.

В международном коммунистическом движении у Троцкого были свои сторонники. Среди первых, кто объединился вокруг опального лидера, были Макс Истман (КП США), Андрес Нин (основатель испанской Рабочей партии марксистского единства), Борис Суварин (КП Франции), Альфред Росмер (основатель французского троцкизма), бывший генеральный секретарь компартии Китая Чэнь Дусю, итальянцы Трессо и Леонетти³. После изгнания из СССР Троцкий пытался объединить вокруг себя всех оппозиционеров сталинской линии в Коминтерне, во имя воссоздания «ленинского интернационала».

Первое совещание сторонников Троцкого состоялось в Париже 6 апреля 1930 г., на котором впервые собралась Международная левая оппозиция (МЛО). В её состав на тот момент вошли французская Коммунистическая лига (оппозиция), американская Коммунистическая лига, Объединённая оппозиция Германской компартии, оппозиция бельгийской компартии, испанская оппозиция, чехословацкая Левая оппозиция, венгерская Левая оппозиция и Левая оппозиционная еврейская группа из Парижа. Для координации действий в международном масштабе оппозиционеры в компартиях создали Международный секретариат, ставший первой троцкистской организацией, предшественницей IV Интернационала, и договорились издавать по-французски и по-английски «Международный бюллетеньевой оппозиции»⁴. Тогда же избрали руководящий орган — Международное бюро МЛО. Вскоре с МЛО солидаризировались диссидентские группы в компартиях Аргентины, Бразилии и Мексики.

Резкое изменение политической конъюнктуры в Европе после прихода к власти Гитлера и ужесточение репрессивного режима в СССР после коллективизации и начала политических чисток привело Троцкого к выводу о необходимости создания нового коммунистического интернационала, как новой всемирной партии мировой революции. Расчёт Коминтерна «третьего периода» о скором начале пролетарской революции не оправдался. Для Троцкого приход Гитлера к власти был свидетельством полного банкротства стратегии и тактики Коминтерна.

³ Oswaldo Coggiola, *Historia del trotskismo en Argentina y América Latina*, Buenos Aires, Ryr, 2006, 400.

⁴ Robert Alexander, *International Trotskyism, 1929-1985: a documented analysis of the movement*, Durham, Duke University Press, 2006, 253.

Летом 1933 г. Троцкий приходит к выводу о необходимости разрыва с Коминтерном и созданием новых большевистских партий: «Все мировое рабочее движение подошло к поворотному пункту. Разрушаются старые могущественные организации пролетариата. Совершенно очевидно, что этот объективный исторический поворот не может остаться без глубокого влияния на политику левой оппозиции. Дело идет, конечно, не о наших программных и стратегических принципах, которые остаются незыблемыми, а о наших тактических и организационных методах, и, в первую очередь, о нашем отношении к Коминтерну... Дальнейшее перерождение Коминтерна должно было поставить нас перед задачей создания новых партий и нового Интернационала»⁵.

26 августа 1933 г. после парижской конференции Международного секретариата (троцкистов) была обнародована написанная Троцким⁶ «Декларация четырех», подписанная Э. Бауэром от Международной левой оппозиции — МЛО, Я. Вальхером (Шваб) от отколовшей от немецкой социал-демократической партии Рабочей социалистической партии Германии (SAP), П.И. Шмидтом от Независимой социалистической партии Голландии (OSP) и Х. Снивлитом от Революционной социалистической партии Голландии.

Однако силы сторонников Троцкого были слишком малы (за исключением голландской партии), чтобы немедленно приступить к созданию нового интернационала и даже массовых партий. По инициативе Троцкого его французские сторонники в 1934 г. применили новую тактику, известную как «французский поворот» или «энтризм», то есть вхождение троцкистов в социалистические и социал-демократические партии для влияния на них изнутри. Французские троцкисты вступили в Социалистическую партию поддержал. В других странах сторонники Троцкого стали вступать в социалистические партии в надежде завоевать на свою сторону пролетарские элементы этих партий. После Франции эта тактика распространилась на другие страны, где спровоцировала большие споры, ибо многие называли энтризм ликвидаторством и капитуляцией перед реформистами. К тому же после первых успехов в той же Франции из-за многочисленных конфликтов, которые неизбежно возникали, троцкисты больше теряли влияния, нежели они имели до своего вступления.

В августе 1935 г. было опубликовано открытое письмо с призывом ко всем группам и фракциям Международной левой оппозиции создавать свои

⁵ *Троцкий против Сталина. Эмигрантский архив Л.Д. Троцкий. 1933-1936*, М, Центрполиграф, 2015, 119.

⁶ *Там же*, 131-134.

партии, окончательно порвав со сталинскими компартиями и Коминтерном, и присоединяться к новому, IV Интернационалу.

В Латинской Америке формирование нового интернационала нашла живой отклик у диссидентов в партиях, которые, не имея точного представления об идейно-политических разногласиях троцкизма и сталинизма, с энтузиазмом бросились в объятья троцкизма, Международной левой оппозиции, порой не разделяя всех её теоретических и политических установок. Им важно было ощущать себя частью мирового движения коммунистической оппозиции. После первых лет идейного разнообразия и путаницы эти группы, пережив несколько кризисных моментов в своей внутренней жизни, либо прекратили свое существование, либо слились с другими левыми партиями, а настоящая троцкистская оппозиция только в конце 1930-х — начале 1940-х годов сформировали Рабочие партии, секции IV Интернационала, начав новый этап развития латиноамериканского троцкизма, жёстко противостоящего сталинским компартиям.

Наибольшего размаха троцкистское движение имело в Аргентине, Бразилии, Мексике, Боливии и на Кубе, хотя почти во всех странах региона были созданы троцкистские группы или партии, имевшие различную, но как правило незавидную судьбу, подвергавшиеся репрессиям со стороны правительств и находясь под политическим прессингом, а порой и подвергаясь террористическим атакам со стороны так называемых официальных промосковских партий.

В июле 1936 г. в Париже на международной конференции партий из Франции, Испании, Голландии, Германии, Великобритании и Италии были приняты организационные и программные решения по созданию IV Интернационала. Через два года 3 сентября 1938 г. также во Франции в Периньи прошла конференция, на которой, наконец, формально было объявлено о создании IV Интернационала как Всемирной партии социалистической революции. На этом собрании были представлены 11 национальных секций (всего 24 делегата), выступавших от имени 6 тысяч своих членов. К этому моменту в Латинской Америке существовали национальные секции в Аргентине, Боливии, Бразилии, Чили, Венесуэле, Мексике, Пуэрто-Рико, Санто-Доминго, Уругвае и на Кубе. Единственным латиноамериканцем, присутствовавшим на этой конференции, был бразилец Мариу Педрозу (Лебрун). Конференция избрала Педрозу представителем Латинской Америки, членом Международного исполкома (МИК) IV Интернационала⁷. В виду приближавшейся мировой войны было решено место пребывания Интернационала перенести из Парижа в Нью-Йорк.

⁷ Dainis Karepovs, *Pas de politique Mario! Mario Pedrosa e a Política*, São Paulo, Fundação Perseu Abramo, 2017, 29.

На этом конгрессе была принята программа IV Интернационала «Смертельная агония капитализма и задачи IV Интернационала», в которой повторялись ранее разработанные Троцким в начале 20-х годов положения «Переходной программы». В ней подчёркивалось отличие непосредственных требований социал-демократии и переходных требований, ибо последние были направлены против самого буржуазного строя. Старая концепция программы минимум должна была быть заменена на «переходную программу», которая уже была направлена на разрушение буржуазного общества⁸. «Переходная программа» стала «священным текстом» международного троцкизма⁹. Следует признать, что в большинстве латиноамериканских стран идеологические документы троцкизма в период создания партий, в 1930-е годы не стали основой партийного строительства.

Троцкисты решительно осуждали политику народного фронта союза с буржуазными (то есть с классовым врагом) и рабочими реформистскими партиями, которому противопоставлялся единый фронт рабочих, пролетарских организаций.

В Аргентине диссидентские фракции в партии, известные как «чисписты», по названию издаваемой ими газеты «Чиспа» (Искра), составили основу троцкистского движения. Среди троцкистских групп в Аргентине выделялась группа Эктора Раурича, который совместно с Антонио Гальо после поездки в Испанию, где они вступили в тесный контакт с Левыми коммунистами во главе с Андресом Нином. Раурич и Гальо по возвращении в Аргентину создали группу Левых Коммунистов, а позднее Социалистическую рабочую лигу. В эту группу входила влиятельная профсоюзная активистка, в прошлом член «чиспистской» фракции Анхелика Мендоса. Крупной фигурой в троцкистском движении 1930-х годов в Аргентине был Либорио Хусто (сын президента страны Агустина Хусто), создавший небольшую партию Рабочую революционную группу, далее переименованную в Революционную рабочую лигу, издававшую газету «La Internacional».

Сложной была ситуация в Чили. Там, в результате репрессий со стороны диктатуры К. Ибаньеса в конце 1920-х годов, многочисленная до того компартия фактически сократилась до небольшой группы руководителей. Внутри руководства возник конфликт вокруг проблема сочетания легальных и нелегальных методов борьбы, а также союза с непролетарскими антидиктаторскими партиями. Группа Мануэля Идальго, выступавшая с позиций традиционной для чилийского партии политики альянсов в другими политическими партиями, не была поддержана Южноамерикан-

⁸ Daniel Gaido, Los orígenes del Programa de Transición en la Internacional Comunista // *Revista Izquierdas*, N° 23, abril 2015, IDEA— USACH, 201-204.

⁹ Alexander, *op.cit.*, 26.

ским секретариатом КИ. Первоначально эта часть партии объявлялась социал-демократическим уклоном¹⁰. Обе группы претендовали на право назваться компартией Чили, секцией Третьего Интернационала. Однако жесткое противостояние с ЮАСКИ привело группу Идальго в ряды Международной левой оппозиции, в ряды троцкизма, что отвечало стремлению чилийских оппозиционеров получить международное признание одного из направлений коммунистического движения. Впрочем, их приверженность троцкизму продлилась недолго. В 1936 г. большинство «левых коммунистов» вступили в Социалистическую партию Чили.

Меньшинство партии Идальго отказалось от слияния с соцпартией. Их лидером стал Энрике Сепульведа (Диего Энрикес). Их позиции были особо сильны в столичной организации партии. В 1935 г. они с опорой на столичную организацию партии создали Ленинско-большевистскую группу, не согласную с политикой союза с социалистами и верной установкам троцкизма. В сентябре 1936 г. они создали Революционную рабочую партию (POR — ПОР), оставшуюся преданной идеям троцкизма (идеям перманентной революции и Переходной программы Троцкого) и IV Интернационалу. Они осудили участие в Народном фронте, а соцпартию считали националистической. В 1938 г. «твердые» троцкисты провели свой первый съезд, а в сентябре того же года участвовали в создании IV Интернационала на его учредительном конгрессе. Тогда число членов чилийской ПОР оценивали в сотню человек¹¹. Эта партия просуществовала до 1964 г.

В Бразилии троцкистская, диссидентская группа возникла очень рано: Мариу Педроза в мае 1928 г. создал группу, в которую вошли ряд коммунистов из Сан-Паулу и рабочих печатников, такие как Аристидес Лобу и Плиниу Гомес ди Мелу, принявшая название «Коммунистической группы Ленин» (GCL), во главе которой помимо Педрозы стояли Ливиу Шавьер, Родолфу Коутинью, Жуау Далла Деа и Венсеслау Эскобар Азамбужа. На место этой группы пришла Коммунистическая лига, преобразованная в 1933 г. в Международную коммунистическую лигу, которая установила тесные отношения с международным троцкистом.

Во время кубинской революции 1930-х годов в коммунистическом движении на острове, повторяя тенденции и образцы международного коммунистического движения, сформировалось влиятельное диссидентское течение, тесно связанное с троцкизмом¹². Кубинцы повторили тот же

¹⁰ РГАСПИ, Ф. 503, оп. 1, д. 11, л. 14.

¹¹ Nicolas Miranda, *Contribución para una historia del trotskyismo chileno. 1924-1964*, Santiago de Chile, Ediciones Clase contra clase, 2000, 44.

¹² Rafael Soler Martínez, *El Partido Bolchevique Leninista cubano // Estudios de Historia Social y Económica de América*, Madrid, No. 15, Julio-diciembre, 1997.

сценарий развития первого поколения троцкистского движения подобный другим странам Латинской Америки, когда с рамках Лево́й оппозиции объединились различные нонконформистские течения в коммунизме и социализме. Так, в Чили идалгисты перешли в ряды Социалистической партии Чили, а троцкистские доктринёры создали свою микропартию. В Боливии, где менее твердые марксисты-ленинцы создали «поликлассовую» и по сути реформистскую Социалистическую рабочую партию во главе с Тристаном Марофом, а обреристы создали новую троцкистскую Рабочую революционную партию во главе с Гильермо Лорой.

Не во всех латиноамериканских странах троцкисты смогли создать партии или даже группы. Так, в такой большой стране как Колумбия в 30-40-е годы действовала лишь небольшая группа в Кали, именованная Интернационалистской социалистической партией. О ней сообщалось в мае 1940 г. на конференции IV Интернационала¹³. Так ничего более о ней не известно, то, скорее всего это была микропартия, не смогла никак заявить о себе в политической жизни Колумбии. Между тем в компартии Колумбии выполнили свою квоту в борьбе с троцкистами в руководстве партии, разоблачая скрытых троцкистов-синанистов (после исключения из партии и удаления из аппарата Коминтерна ответственного за латиноамериканское направление Синани-Скалова, обвинённого в троцкизме)¹⁴. Так из партии был исключён и разоблачён как троцкист секретарь партии некий иностранец, известный там как Торо¹⁵, прибывший из Москвы, где он работал в Коминтерне 4 года и якобы был правой рукой Синани. Также пострадал от осуждения Синани секретарь партии И. Торрес Хиральдо, признанный «невинной жертвой коварных планов троцкиста Синани»¹⁶. Как и во многих других странах континента «троцкистские элементы» оказались сильны в Молодежной организации, и как и во многих других странах партия пошла на роспуск комсомола, отказавшегося осудить троцкизм¹⁷. Возможно, группа в Кали и была осколком старого комсомола.

В соседней Панаме троцкистское движение возникло сразу же после образования МЛЮ в 1930 г. Его возглавил молодой профсоюзный лидер Диогенес да Ла Роса. Немногочисленные панамские троцкисты создали в 1934 г. недолговечную Марксистско-ленинскую рабочую партию, которая некоторое время конкурировала с панамскими коммунистами в профсоюзах, где, как уже упоминалось, одним из лидеров был де Ла Роса. В 1935 г.

¹³ Alexander, op.cit, 224.

¹⁴ РГАСПИ, Ф. 495, оп.17, д. 331, Л. 32.

¹⁵ Возможно Торро (Б. Абрамсон), исключенный из компартии Аргентины в 1926 г.

¹⁶ РГАСПИ, Ф. 495, оп.17, д. 331, Л. 33.

¹⁷ РГАСПИ, Ф. 495, оп.17, д. 331, Л. 33.

эта партия слилась с Социалистической партией, а де Ла Роса стал видной фигурой в этой партии¹⁸. Судя по всему троцкизм был для него идейно-политическим прикрытием его «диссидентства» в отношении официальной компартии. Бывшие троцкисты в рамках соцпартии утратили всякие связи с IV Интернационалом.

В Перу троцкисты в 30-е годы не создали самостоятельной группы или партии. Основатель социалистической партии Х.К. Мариатеги, преобразованной после его смерти в коммунистическую, в конце 20-х годов поддерживал постоянные связи с видным французским троцкистом Пьером Невилем. Ещё до того, Мариатеги писал статьи о Троцком, однако не разделял взглядов последнего. В конце 1927 г. Мариатеги получил приглашение для участия в 6 конгрессе Профинтерна, представляя перуанский рабочий класс. Мариатеги выбрал для этого двух представителей: рабочего-синдикалиста Хулио Портокарреру, с которым он только что познакомился в тюрьме Сан-Лоренсо, и молодого интеллигента Армандо Базана, сотрудничавшего с журнале «*Amauta*». Эти делегаты в Москве не стали слепо следовать указаниям советским товарищей: отказались подписать декларацию осуждения троцкизма и испанца Андреса Нина, не соглашались к безусловным осуждением апризма¹⁹.

В июне 1937 г. Коминтерн отмечал: «Руководитель АПРА Айя де ла Торре призвал к единству действий, ссылаясь на теории Троцкого, которого он назвал «великим московским революционером, высланным из страны сталинской бюрократией», и поддержал его идею банкротстве Коминтерна, которое заставляет коммунистов идти на союз с либералами, радикалами и другими левыми»²⁰. Троцкий с симпатией относился к лидеру АРПА Айя де ла Торре, встречался с ним в Мехико. Троцкисты руководствуясь тактикой энтризма вступали в АПРА, что оказало некоторое влияние на позиции её лидеров, но воспрепятствовало созданию самостоятельной троцкистской партии.

Особенности первого поколения троцкистов в Латинской Америке состояла в непрочности их теоретических и политических убеждений. Крупнейший боливийский историк и политический деятель троцкист Г. Лора признавал, что в Латинской Америке к троцкистам чаще всего шли не те, кто хотели бороться со Сталиным за «чистоту» марксистско-ленинских

¹⁸ Alexander, *op.cit.*, 224.

¹⁹ Alberto Flores Galindo, *La agonía de Mariátegui. La polémica con la Komintern*, Lima, Desco, 1980, 24.

²⁰ РГАСПИ, Ф. 495, оп.17, д. 6, л. 9.

идей против их бюрократического извращения, а те, кто по сути выступали против марксизма, и со временем покидали ряды троцкизма.²¹

Библиография

8. Берлин И., *История свободы, Россия*, М, Новое литературное обозрение, 2001, 345.
9. Coggiola O., *Historia del trotskismo en Argentina y América Latina*, Buenos Aires, Ryr, 2006.
10. Alexander R., *International Trotskyism, 1929-1985: a documented analysis of the movement*, Durham, Duke University Press, 2006.
11. *Троцкий против Сталина. Эмигрантский архив Л.Д. Троцкий. 1933-1936*, М, Центрполиграф, 2015.
12. Karepovs D., *Pas de politique Mario! Mario Pedrosa e a Política*, São Paulo, Fundação Perseu Abramo, 2017.
13. Gaido D., Los orígenes del Programa de Transición en la Internacional Comunista // *Revista Izquierdas*, N° 23, abril 2015, IDEA— USACH, 201-204.
14. Miranda M., *Contribución para una historia del trotskyismo chileno. 1924-1964*, Santiago de Chile, Ediciones Clase contra clase, 2000.
15. Martínez R. M., El Partido Bolchevique Leninista cubano // *Estudios de Historia Social y Económica de América*, Madrid, No. 15, Julio-diciembre, 1997.
16. Galindo A., *La agonía de Mariátegui. La polémica con la Komintern*, Lima, Desco, 1980.
17. Lora G., *Historia del movimiento obrero boliviano. 1933-1952*, La Paz, Los Amigos de los Libros, 1980.

²¹ Guillermo Lora, *Historia del movimiento obrero boliviano. 1933-1952*, La Paz, Los Amigos de los Libros, 1980, 310.

La Revolución de Octubre en el imaginario de los cubanos (1917–1930)

The October Revolution in the imagination of Cubans (1917–1930)

Resumen: Las evaluaciones que sobre la Revolución de Octubre y los sucesos de Rusia entre 1917 y 1930 hicieron los cubanos fueron múltiples y diversas. Contribuyeron a la construcción de esos variados imaginarios los medios informativos, especialmente periodísticos, convertidos en vehículos mediadores, que ayudaron a crear una cultura de masas en la cual coexistieron productos heterogéneos en contrapunteo: unos correspondientes a la lógica del poder y otros con los intereses de los sectores explotados.

Palabras clave: Revolución de Octubre; Cuba; socialismo; periodismo; intelectuales; Comintern.

Abstract: The evaluations made by the Cubans on the October Revolution and the events in Russia between 1917 and 1930 were multiple and diverse. Contributed to the construction of these imaginary varied media, especially journalistic, converted into mediating vehicles, which helped to create a mass culture in which heterogeneous products coexisted in counterpoint: those corresponding to the logic of power and others with the interests of the exploited sectors.

Key words: October Revolution; Cuba; socialism; journalism; intellectuals; Comintern.

Las imágenes construidas por los ciudadanos cubanos acerca el triunfo de la Revolución de Octubre en 1917 y los primeros años de su desarrollo posterior fueron muy variadas y, a veces paradójicas, en concordancia con las proyecciones políticas de las clases y grupos sociales a que pertenecían y el nivel de información con que contaban. Ese imaginario podemos intentar reconstruirlo a partir de los discursos de distintos agentes sociales, y aunque después de transcurridos cien años de aquellos acontecimientos es virtualmente imposible contar con testimonios orales útiles, sin embargo existen fuentes valiosas que nos permite acercarnos a esa información. Entre esas fuentes debemos destacar el libro elaborado a cuatro manos en 1977 por los investigadores Ángel García y Piotr Mironchuk (cubano y ruso, respectivamente), *La Revolución de Octubre y su influencia en Cuba*, bajo el sello editorial de la Academia de Ciencias de Cuba y las numerosas y variadas publicaciones periódicas de la época.

La clase capitalista cubana que gobernaba el país en 1917 era económicamente débil y supeditada a los monopolios extranjeros y había logrado crear sus propios

intelectuales orgánicos que hacían un trabajo ideológico muy fuerte a través de la prensa escrita (*Diario de la Marina, La Discusión y El Día* pertenecientes al Partido Conservador, *La Lucha y La Noche* del Partido Liberal, *Heraldo de Cuba, El Mundo*; y las revistas *La Reforma Social* de Orestes Ferrara, *Bohemia, Carteles, Cuba Contemporánea (pequeña burguesía liberal), Social, Revista Bimestre Cubana* de la Sociedad Económica de Amigos del País, etc. En sentido general, para esta clase social, la Revolución Rusa significaba una ruptura del orden establecido y el ascenso de otros grupos a nuevas formas de poder, en síntesis, un peligro potencial.

Por su parte los trabajadores estaban fragmentados a partir de las tendencias políticas que refrendaban. Los reformistas, a través de sus órganos de propaganda *El Socialista y Acción Socialista*, más que declararse contra la Revolución, utilizaban sus argumentos para desautorizar a los comunistas locales en sus intentos por avivar las luchas en los centrales azucareros y crear una confederación obrera nacional. Los anarquistas y anarcosindicalistas -con una amplia historia combativa en la Isla— recibieron con simpatías el triunfo de los bolsheviks, y lo reflejaron en publicaciones como *Vía Libre y Nueva Aurora*; pero más tarde fueron redefiniendo sus posiciones y algunos se desencantaron del proceso revolucionario ruso, mientras que otros se acercaron más a él y se unieron a los comunistas que denunciaron la actitud de los elementos relacionados con la II Internacional que había actuado a espaldas de sus pueblos en Europa, aliándose a las burguesías implicadas con la primera guerra mundial, y reconocieron la necesidad de afiliarse a la Internacional Comunista fundada en marzo de 1919 en Moscú. Los mecanismos de divulgación comunistas fueron *Lucha de Clases, Justicia y El Boletín del Torcedor*, entre otros.

Por último, los estudiantes e intelectuales de izquierda apoyaron mayoritariamente al País de los Soviets y expresaron sus opiniones a fundamentalmente a través de las publicaciones burguesas menos reaccionarias, a la par que creaban sus propios órganos de opinión como *Juventud, Venezuela Libre*, convertida posteriormente en *América Libre* y la revista de *Avance*.

La victoria de Octubre se conoció en Noviembre

En medio de las numerosas manifestaciones de rebeldía y paros proletarios, los cubanos conocieron a principios de noviembre de 1917 que en Rusia estaban ocurriendo hechos de mucha importancia. Llenos de curiosidad, buscaron en la prensa local los detalles. Una de las primeras noticias que se publicaron al respecto podemos encontrarla en el periódico liberal demócrata *El Mundo* del 10 de noviembre, la cual señalaba que en Rusia había triunfado una revolución que aplicaba un profundo programa de reivindicaciones sociales.¹ Por su parte, el *Diario de la Marina* en pri-

¹ *El Mundo*, 10 de noviembre de 1917, en Ángel García y Piotr Mironchuk, *La Revolución de Octubre y su influencia en Cuba*, La Habana, Academia de Ciencias de Cuba, 1977, 63.

mera plana daba la noticia dos días después: “Dícese que la sublevación Bolsheviki en Petrogrado está a punto de fracasar. Regimientos leales al Primer ministro Kerensky marchan sobre la capital, donde se están librando los combates”.² La prensa burguesa se hizo eco de numerosas mentiras y tergiversaciones de lo que estaba ocurriendo, mientras que los periódicos proletarios valoran los hechos con entusiasmo, ejemplo de ello fue *El Dependiente*, órgano de los cocineros, dependientes de café, restaurantes, hoteles y obreros en general que publicó el 31 de diciembre un artículo cuyo contenido resaltaba que aquella sublevación “no sólo ha destruido el régimen absolutista y capitalista que imperaba en Rusia, sino que ha hecho tambalear los sistemas capitalistas en los demás países”, motivo por el cual ese país tenía que enfrentarse a grandes y poderosos enemigos internos y externos, al tiempo que despertaba grandes simpatías en las personas aspirantes a “una sociedad futura basada en la igualdad de condiciones, en la libertad y en la solidaridad.”³

Los agentes de la oligarquía comenzaron a pensar la forma de evitar el entusiasmo de las masas explotadas. El potentado presidente de la Cámara de Representantes Orestes Ferrara, quien había fundado en Estados Unidos la revista *La Reforma Social* la cual circulaba por varios países del continente, permitió que desde sus páginas se desplegara una amplia campaña contrarrevolucionaria. En fecha tan temprana como febrero de 1918, una de sus redactores, Jacinto López, exhortó a los países imperialistas a liquidar el poder soviético mediante la intervención armada.

No obstante esos intentos, el acontecimiento ruso se fue hizo presente en noticias, exhortaciones y actos de desobediencia que impulsaron el movimiento huelguístico. En el mitin celebrado el 1ro de mayo de 1918 un trabajador del sindicato de los elaboradores de maderas Ángel Arias, envió un saludo al pueblo ruso y los sombreros volaron por el aire en apoyo a sus palabras.⁴ Al año siguientes, en esa misma fecha con banderas rojas y saludos al pueblo ruso se reunieron los trabajadores en un acto en que hizo uso de la palabra Alejandro Barreiro para expresar la importancia de la creación de los soviets y Arias recordó a la luchadora alemana Rosa Luxemburgo y protestó contra la intervención extranjera en Rusia. El dirigente linotipista Alfredo López envió un cablegrama de felicitación por el segundo aniversario de la Revolución al Comisionado del Soviet en Nueva York; y uno de sus colegas Antonio Penichet, creó la Asociación General de Escritores Obreros. En *Nueva Aurora*, el periódico anarquista del 30 de agosto de 1919, Alfonso González escribió en el artículo “La Revolución”: “Efectivamente, el bolcheviquismo es la consagración de la vieja táctica revolucionaria y la negación de todas las utopías de los evolucionistas, así llamados por distinguirse de los que aspiraban a la necesidad de la revolución.

² Diario de la Marina, 12 de noviembre de 1917, en Ángel García y Piotr Mironchuk, *La Revolución de Octubre y su influencia en Cuba*, La Habana, Academia de Ciencias de Cuba, 1977, 54.

³ *El Dependiente*, 31 de diciembre de 1917, en Ángel García y Piotr Mironchuk, obra citada.

⁴ *Vía Libre*, 28 de febrero de 1919, en Ángel García y Piotr Mironchuk, obra citada, 65.

La realidad del pasado tanto como la realidad del presente, la historia y el mismo juicio recto de las cosas, confirman plenamente que la revolución es la antesala de la libertad.”⁵ Mientras que Marcelo Salinas en “Réplica a una réplica” el 7 de octubre de 1919 afirmaba: “En Rusia se hace política, si por tal ha de entenderse el conjunto de principios o normas que sirven para gobernar a los pueblos, pero ni se hace política de la clase que aquí forzosamente ha de hacerse, ni se hace desde los comicios sino principalmente desde los talleres, desde la plaza y cuando es preciso desde la barricada.”⁶

Así mismo, entre los intelectuales seguidores de las propuestas de Henry Barbusse surgió el grupo Clarté cuyos integrantes manifestaron sus simpatías con la Revolución de Octubre. Allí encontramos al periodista Luis Gómez Wangüemert, el médico Enrique Lluria y el profesor Luis A Baralt, entre otros.

Muchas páginas se dedicaron a desprestigiar el proceso revolucionario ruso, su ideología, sus líderes, así como a alentar el miedo a los cambios revolucionarios que estaban ocurriendo. Los medios burgueses de comunicación hicieron visibles las opiniones de juristas de renombre, veamos el ejemplo de Juan Clemente Zamora, quien se arriesgó a dar sus criterios a partir de dos documentos: la Constitución adoptada el 10 de julio de 1918 y la Ley fundamental de Socialización de las tierras de septiembre de ese mismo año. A su modo de ver, el movimiento bolshevique tenía como objetivo inmediato el dominio político de las clases obreras, exceptuando a las restantes. Había creado una autocracia donde el poder lo ejercía solo esa clase. El sufragio estaba restringido a los trabajadores productivos, obreros, jornaleros, las fuerzas armadas de los soviets, a los que perdieron sus trabajos por motivos no voluntarios. Los demás estaban excluidos. La revolución tenía un carácter dictatorial y un programa extremista. Suprimía el concepto de nacionalidad, abolía la propiedad privada y la familia, nacionalizaba las tierras para ganar las simpatías de los campesinos, sustituía el derecho a la propiedad por el usufructo, protegía la pequeña propiedad, establecía la libertad absoluta en las relaciones entre los ciudadanos de ambos sexos, nacionalizaba a la mujer obligándolas a inscribirse en registros de amor libre donde los hombres podían pasar a recogerlas para hacerlas sus compañeras de manera obligatoria y en plazo de un mes devolverlas y hacer una nueva selección. En conclusión era “un régimen autocrático, brutal en muchos aspectos, imperialista y retrógrado en gran parte, es manifiestamente insostenible”. Y por eso recomienda que en Cuba se constituya un partido socialista sobre las bases planteadas por Franklin D. Roosevelt: jornada de ocho horas, inspección sanitaria en los talleres, fábricas y minas, supresión de la explotación de la mujer, seguro social, prohibición del trabajo de menores, un socialismo de estado, “con el que podríamos darnos temporalmente por muy satisfechos en Cuba, donde no hemos completado

⁵ *Nueva Aurora*, 30 de agosto de 1919, Ángel García y Piotr Mironchuk, obra citada, 67.

⁶ *Nueva Aurora*, 7 de octubre de 1919, Ángel García y Piotr Mironchuk, obra citada, 68.

aun el desarrollo de esa etapa de la evolución social”. Una legislación socialista bien encausada, sería la mejor opción para el futuro cubano; mientras que el bolshevikismo ruso con sus Comisarios del Pueblo, señores de la horca y el cuchillo y su plebe hambrienta en los rincones provincianos se encargaría de reafirmar una vez más el principio enunciado por Aristóteles: *los hombres son por naturales desiguales...unos nacen para gobernantes y otros para ser gobernados.*⁷

Primeras influencias de la Internacional Comunista

Mientras opiniones tan disímiles como las explicadas antes salían a la luz pública en Cuba, a América Latina llegaba en octubre de 1919 el primer emisario de la Revolución Rusa y de la Internacional Comunista, Mijail Borodin. El también diplomático estuvo varios meses en México y de regreso a su país en diciembre, realizó una escala en el puerto habanero. Ante la prohibición que le hicieran las autoridades para bajar a tierra, envió a su acompañante Richard Francis Phillips a recoger información sobre el movimiento obrero cubano. De vuelta, el estadounidense traía la noticia de que había creado, en pocas horas, una sección comunista con un grupo de anarcosindicalistas. Ellos le habían entregado una carta pidiendo su admisión al “partido del proletariado mundial”. El texto declaraba que estaban listos “para pelear con todas sus fuerzas para propagar las ideas de esa organización y vencer a los burgueses del mundo”. Según el testimonio de Phillips, los miembros de dicha sección no quisieron convertirse en partido, palabra que consideraban “prohibida”.⁸

De modo simultáneo, la Confederación Obrera Panamericana (COPA) emplazó a los sindicalistas cubanos a concurrir a su III congreso en territorio azteca. Ante este llamado varias asociaciones reformistas dieron calor a la iniciativa y exhortaron a todos los gremios para reunirse en el Centro Obrero habanero entre el 14 y el 16 de abril para discutir dicha convocación. Dirigentes anarcosindicalistas y socialistas radicales pertenecientes a la Agrupación Socialista aprovecharon la oportunidad para exigirle al gobierno que se tomaran medidas favorables a la clase obrera, dar pasos a favor de la unidad de los trabajadores, manifestaron su repulsa a la actitud conciliadora de la COPA e impidieron que se respondiera positivamente a esa invitación. En el cónclave participaron varios enviados del Buró Latinoamericano, los dirigentes sindicalistas españoles radicados en México Pedro Beltrán, Sebastián San Vicente y José Rubio. Bajo el impulso de los cubanos Alfredo López, Manuel Salinas, Antonio Penichet, Alejandro Barreiro, Carlos Baliño, entre otros, se aprobó la publicación de un saludo a la República Socialista del Soviet, el cual señalaba que la Rusia Roja constituía “ejemplo, guía y estímulo para las maltratadas

⁷ *Ibíd.*, 51.

⁸ Víctor L. y Lazar F. Jeifets, “Comunismo en Cuba y México”, *Memoria*, No 239, diciembre de 2009-febrero de 2010.

muchedumbres obreras ansiosas de redención y justicia.”⁹ Después de acaloradas discusiones se acordó no participar en el Congreso de COPA, sin embargo se eligió a dos representantes cubanos para asistir al del Buró Latinoamericano de la IC, no existe constancia de que lo hicieran.¹⁰

Pasados unos días, algunos de ellos cayeron prisioneros cuando distribuían el manifiesto titulado “La Tercera Internacional”. Dicho texto, que salió publicado en el periódico *Nueva Aurora* del 1ro de mayo de 1920 planteaba que:

La propiedad privada, originada en el bárbaro derecho de la fuerza y por la fuerza bruta sostenida, ha sido y es la causa principal de todas las discordias, de todos los crímenes individuales y colectivos, la fuente corrompida de todas las guerras, la creadora de todas las injusticias y sufrimientos humanos [...]

Probado por la historia que la liberación política, tanto para las colectividades como para los individuos no existe ni puede existir sin la independencia económica, y que ni la una ni la otra pueden existir en la sociedad capitalista, la Tercera Internacional proclama la necesidad de abolir por completo el sistema burgués, apoderándose el proletariado por medio de la acción directa del estado y el estableciendo el comunismo económico en forma tal, que garantice la independencia y la libertad a todos los pueblos de la tierra, y concentrando transitoriamente el poder en los soviets o consejos proletarios.¹¹

El manifiesto estaba firmado por el Comité de Propaganda de la Sección Comunista de Cuba integrado por Penichet, Salinas, Beltrán, Rafael Serra, entre otros. En resumen, ellos pensaban que el soviets era una forma de organizar la vida nacional, la producción, la distribución, la defensa de la revolución y la política exterior, capaz de constituir los Estados Unidos Libres del Mundo. En noviembre, ese mismo grupo participó en la fundación de la Federación Obrera de La Habana y se desarrollaron varias huelgas, que incentivaron el nivel de persecución del régimen y la suspensión de las garantías constitucionales.

Pero nuevos problemas vendrían a complicar el panorama. La crisis que vivía Rusia había provocado numerosas protestas, revueltas y huelgas por todo el país. En marzo de 1921 se produjo un levantamiento en la isla báltica de Kronstadt, en apoyo a los anarquistas y socialistas de izquierda que pedían que cesara el dominio de los bolcheviques en el gobierno y fue fuertemente reprimido. Con ello el gobierno se consolidó en el poder y, al mismo tiempo, apresuró transformaciones que se materializaron con el paso del Comunismo de Guerra a la Nueva Política Económica. De esa manera se produjo cierta reanimación de los mecanismos capitalistas de producción, distribución y consumo en medio de la guerra civil y la intervención

⁹ Evelio Tellería Toca, *Los Congresos Obreros en Cuba*. La Habana, Editorial ORBE, 1976, 96-97.

¹⁰ IHMCRS, *El Movimiento Obrero Cubano*. Documentos y Artículos, T 1, E Ciencias Sociales, La Habana, 1975, 338-339.

¹¹ Olga Cabrera, *El Movimiento Obrero Cubano en 1920*, La Habana, Instituto del Libro, 1970, 127.

extranjera y una parte de los anarquistas a nivel mundial se mostraron decepcionados por estos sucesos. Eso nos explica las controversias surgidas en la prensa obrera cubana. Por ejemplo el 22 de julio de 1921 en la publicación anarquista *Los Tiempos Nuevos* se exhortó a luchar contra los bolcheviques, por considerarse los únicos revolucionarios y haber detenido la revolución. Sin embargo, otro de sus camaradas José M. Delgado, en el artículo “Lo que debe ser nuestra propaganda sobre la revolución rusa y el punto de mira que nos ofrece”, del 28 de julio de 1921 asevera:

La Revolución rusa o la dictadura del proletariado en esta hermana Nación ha traído múltiples sorpresas, e indudablemente está destinada a brindarnos muchas otras; pero probablemente son muy pocas las que alcancen la importancia de aquella que ha revelado una fuerte solidaridad entre los diferentes estados soberanos de la América y la vieja Europa... Acaso no sea aventurero esperar que lo ocurrido en Rusia haga despertar ese sentimiento de buena voluntad entre las clases oprimidas, que habrá que forjar para lo futuro el fuerte e inquebrantable vínculo de unión y fraternidad, que ha faltado hasta ahora.

(...)

Yo les pido a los compañeros anarquistas, en nombre de este mismo ideal, que nuestro deber como tales, es pensar razonablemente en cuanto a esto respecta, y en lugar de combatir a nuestros compañeros de Rusia, empleemos nuestras baterías contra los enemigos que constantemente nos asedian con sus asquerosas hazañas; a esos enemigos que han traicionado vilmente algunas de las obras que pudieron haberse llevado a cabo con éxito. Por múltiples motivos y especialmente por el bien de nuestra causa, todos los compañeros de ideas libertarias, deben estrechar más y más sus propagandas a la revolución hecha en Rusia.¹²

Poco después de celebrado el III Congreso de la Internacional Comunista, la Agrupación Socialista de La Habana aprovechó ocasión para hacer un llamamiento en que señalaba:

Motivos de satisfacción son los presentes momentos en que damos la digna prueba a quien probar debemos que no eran platónicos ni inciertos aquellos anhelos, aquellos ardientes deseos de los obreros de Cuba, de tener la oportunidad algún día de contribuir directamente con sus esfuerzos a consolidar la República soviética, la obra revolucionaria más trascendental que pueblo alguno haya realizado, siendo nuestros camaradas rusos, los cíclopes de esa colosal empresa de transformación social.

Nadie desconoce los ingentes sacrificios del pueblo ruso por conservar su libertad, constantemente amenazada por la burguesía internacional, quien ha ensayado todos los medios de intrigas y todos los procedimientos de hostilidad para hacer fracasar la república obrera, ese potente faro que alumbra con su ciencia y heroísmo la conciencia de los pueblos, quieren que la luz de esa antorcha de la nue-

¹² *El Progreso*, 28 de julio de 1921, Ángel García y Piotr Mironchuk, obra citada, 77.

va civilización niegue los destellos de su grandeza espiritual a la humanidad que lucha por redimirse, para que el hombre, en el caos de su ignorancia, se resigne a la esclavitud [...] ¹³

Con el objetivo de desarrollar una campaña para acopiar fondos para ayudar al pueblo ruso ante la escasez de alimentos coincidieron la Agrupación Socialista de la Habana dirigida por Carlos Baliño y Francisco R. Pintó, el Comité ProRusia creado por Gustavo Aldereguía y Eusebio Hernández y varias organizaciones gremiales. Y aunque las sumas enviadas fueron modestas, expresaron el significado simbólico de solidaridad entre los ciudadanos de distintas nacionalidades.

En el verano de 1922, la Agrupación Socialista presidida por Baliño, elaboró una Declaración de Principios que señalaba:

Como marxistas, no podía ser otra la resolución adoptada que declararnos identificados con los principios que caracterizan la revolución rusa, quien dio al mundo la gran sensación de transformar un Imperio secular en una República comunista; que ha tenido la vigorosa idealidad y la potencia intelectual suficiente para interesar y conmover al proletariado universal, obligándolo a fijar la atención al curso evolutivo que sigue la obra revolucionaria más grande que registra la historia, haciendo converger la mirada del mundo entero hacia aquel centro de grandes actividades e iniciativas, discutiéndose en todas partes los más nimios detalles de aquel baluarte comunista, escuela y campo de experiencia para aquellos que observen el desenvolvimiento social de la Rusia Soviet. ¹⁴

El anciano luchador no podía dar fe que todo lo que ocurría allí estuviera basado en los principios marxistas, pero si creía que el acto revolucionario verdadero comenzaría a desarrollarse gradualmente, cuando se destruyeran los resortes de la opresión, se socializara la propiedad privada o corporativa y el proletariado se apoderaran de los medios de producción “recibiendo íntegramente el producto de su trabajo”¹⁵. Para ello era necesario implantar una férrea dictadura que impidiera la reorganización de las fuerzas contrarrevolucionarias. “La revolución comienza desde el momento que tiene virtud comunicativa y vitalidad ideal para interesar a los cerebros, herir el alma, asimilándose su bondad y grandeza, transformando espiritualmente al hombre, convirtiéndolo en un héroe de su liberación”. Para llevar adelante esa obra era inevitable reorganizar el estado, el ejército, los órganos de poder. Atendiendo pues a sus razones reivindicativas, la Agrupación decidió acatar los postulados de la Comintern contenidos en sus 21 condiciones de ingreso.

¹³ “¡Obreros! ¡Solidaridad para la Rusia Comunista!”, *Justicia*, 15 de octubre de 1921, Idem.

¹⁴ Instituto de Historia del Movimiento Comunista y la Revolución Socialista de Cuba, *El Movimiento Obrero Cubano. Documentos y artículos*, T. I, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1975, 363.

¹⁵ Baliño era partidario de que la distribución de la riqueza debía realizarse a partir de la Ley de Bronce de los Salarios preconizada por Lassalle.

Simultáneamente nuevos hechos de rebeldía se gestaban en la Isla, particularmente en Universidad de La Habana, influenciada por el movimiento de reforma comenzado en la Argentina. A dicho movimiento también llegaron los ecos del *Octubre Rojo*. En una conferencia del General independentista Eusebio Hernández en los predios docentes en enero de 1923, para dar su respaldo a la reforma universitaria, el prestigioso político señaló que los cambios en ese baluarte docente eran importantes, pero que lo fundamental sería el cambio social que debía surgir, tal como había ocurrido en la Patria de los Soviets, donde la enseñanza era gratuita y obligatoria y en muy poco tiempo se había inaugurados cientos de centros docentes. Algunos alumnos liderados por Julio Antonio Mella compartían concepciones similares y fundaron la Federación Estudiantil Universitaria, que no se circunscribió a las demandas docentes y preparó un congreso nacional para impulsar la participación de los educandos en la resolución de los problemas esenciales del país.

Por esos días además el doctor Emilio Roig, ante el calificativo de “bolchevique” que le había adjudicado el jurista Antonio Sánchez de Bustamante, le daba una contundente respuesta de sentido antimperialista, nacionalista y socialista en las páginas de la revista *Social*:

Mi bolcheviquismo consiste en la creencia arraigada y firme que desde hace mucho tiempo tengo, de que la organización actual de la humanidad, familia, hogar, matrimonio, sociedad, distribución del trabajo y las riquezas, estados -es necesario transformarla por completo; y organizarla de nuevo, no sobre las falsas bases que hasta ahora ha tenido: religión, prejuicios, convencionalismo, mentiras, errores, sofismas, injusticias; sino sobre otras más sencillas y más de acuerdo con las leyes de la razón y la naturaleza: la igualdad, que suprime los privilegios del nacimiento, del dinero, del sexo, de las razas y da a todos los hombres y mujeres, en idéntico grado,(...)¹⁶

Meses después se producía otra ruptura, esta vez dentro de la Agrupación Socialista. Ante la actitud inconsecuente de un grupo y la radicalización de otro, este último decidió separarse y fundar, en marzo de 1923, la Agrupación Comunista de La Habana. Siguiendo su ejemplo fueron apareciendo asociaciones similares en varias localidades del interior del país.

El oscuro panorama económico que se vislumbraba, la creciente degradación de los partidos burgueses, la falta de alternativas y esperanzas constituyeron algunas fuentes promotoras del proceso de radicalización ideológica profunda, que en el año 1923 tuvo un momento crucial. El desarrollo de una nueva conciencia patriótica y nacionalista que incluía a corrientes de izquierda con un amplio y diverso espectro organizativo, posibilitó el impulso de acciones contra los gobernantes corruptos y venales. En marzo un grupo de intelectuales protagonizó la Protesta de los Trece dirigida por el poeta Rubén Martínez Villena, cuando en un acto público denuncia-

¹⁶ Emilio Roig de Leuchsenring, «Con el Soviet Ruso, en Berlín», *Revista Social*, agosto de 1922.

ron la inmoralidad gubernamental y el robo de los fondos públicos. Días después se fundaron entidades de espíritu cívico como la Falange de Acción Cubana y la Junta de Renovación Nacional. En agosto el Movimiento de Veteranos y Patriotas de las guerras de independencia también hizo efectivas sus demandas de una administración honrada y ante la represión comenzó a preparar un levantamiento armado. No faltaron las iniciativas para elevar la cultura de los hombres encargados de la producción material y así surgió la Universidad Popular José Martí. En octubre en el primer Congreso Nacional de Estudiantes pidió al gobierno que reconociera la beligerancia de los pueblos que luchaban por su autodeterminación, protestó por el aislamiento de que era víctima Rusia y exigió que se “considerara el reconocimiento de la República Socialista de los Estados Unidos de Rusia.”¹⁷

La muerte de Lenine

En medio de ese amplio ajeteo político se conoció de la muerte de Vladimir Ilich Ulianov en enero de 1924. Para Carlos Baliño había “dejado de latir uno de los corazones más grandes y nobles que se ha encerrado en pecho humano,” había “dejado de destellar ideas uno de los cerebros más luminosos que ha guiado a los hombres hacia una vida más amplia, más libre, más intensa, más venturosa.”¹⁸

Ante ese luctuoso acontecimiento, el dirigente estudiantil Julio Antonia Mella escribió palabras esenciales en su artículo “Lenine coronado”: “No pretendemos implantar en nuestro medio, copias serviles de revoluciones hechas por otros hombres, en otros climas, en algunos puntos no comprendemos ciertas transformaciones, en otros nuestro pensamiento es más avanzado, pero seríamos ciegos si negásemos el paso de avance dado por el hombre en el camino de su liberación.” Para Mella el gran ruso que había sido un avanzado y un superhombre “que supo con el poder de su genio dar un impulso poderoso a la transformación de una civilización.”¹⁹

En apenas siete años, ese hombre casi desconocido había pasado a ser uno de los grandes protagonistas del mundo contemporáneo. Un periodista liberal como Ramón Vasconcelos se preguntaba si Lenin era un apóstol o un impostor y analiza que el líder ruso sufrió persecuciones, destierros, pero “logró barrer, con una turba de hambrientos y analfabetos, la autocracia secular de los zares”. Lo consideró un fanático del comunismo, a la manera cerrada y categórica de sus predecesores Engels y Marx, sin embargo, recapacita: “un fanático puede estar errado, pero no es traidor”. Los revolucionarios rusos habían dejado estupefactos a economistas y

¹⁷ Ángel García y Piotr Mironchuk, *Obra citada*.

¹⁸ Instituto de Historia del Movimiento Comunista y la Revolución Socialista de Cuba, *Carlos Baliño. Documentos y artículos*, La Habana, DOR, 1976.

¹⁹ Instituto de Historia del Movimiento Comunista y la Revolución Socialista de Cuba, *Julio Antonio Mella. Documentos y artículos*, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1975, 87.

políticos y Lenin se tuvo que enfrentar a una enormidad de problemas, mientras sostenía una solidaridad que engendraba una ética superior que destruía el egoísmo. Su obra quedará en el más alto y sólido pedestal de la gloria, un paso gigantesco hacia la liberación de las clases trabajadoras y la organización de una sociedad más justa, equitativa, sincera y racional, justificando así su admiración y respeto por él.²⁰

En Cuba ocurrió un hecho sorprendente. Un funcionario gubernamental, miembro del Partido Liberal organizó un homenaje público al importante revolucionario. El doctor Antonio Bosch Martínez, alcalde de Regla, emitió un decreto en que expresaba que el ciudadano Lenine había conquistado “merecida simpatía entre los elementos proletarios e intelectuales de este término municipal, y es de considerarse la significación de su personalidad y de reconocerse su intensa labor social en pro de los más sanos y equitativos principios de justicia humana”²¹ Por lo cual decretó día de asueto en las oficinas municipales el 26 de enero, la práctica de dos minutos de meditación por parte de los habitantes del término sobre el doloroso acontecimiento y la convocatoria a un cerro cercano para sembrar un olivo que perdurara su memoria. Así Regla se convirtió en el único lugar del mundo capitalista donde se le hizo un homenaje oficial a Lenin con motivo de su deceso y aquel lugar sería conocido desde entonces por los trabajadores como la Colina Lenin, convirtiéndose en escenario de múltiples manifestaciones de protesta durante toda la república neocolonial.

No extraño pues que un hombre decoroso como Enrique José Varona expresara que Lenin le había parecido una persona extraordinaria, con el mérito indiscutible de haber tenido en sus manos un poder estupendo, tan grande como el de Napoleón, y no lo aprovechara para su ambición particular, sino que lo puso todo al servicio de sus ideales.”²² Mientras que un reaccionario como Jacinto López se regocijara al conocer el hecho y escribiera: “El jefe y caudillo del bolchevismo ha muerto. Ante su tumba nuestra emoción es de horror por el mal que hizo y de dolor porque su muerte haya sido posterior a la oportunidad que el ciego destino le brindara para hacer tanto daño y hacerse tan odiado. Lenin debió morir antes de 1917.”²³

En noviembre de 1924, después del fracaso del Movimiento de Veteranos y Patriotas, del estancamiento de la Reforma Universitaria, de las dificultades para llevar adelante el proyecto cultural de la Universidad Popular, Julio Antonio Mella pasó a militar en las filas de Agrupación Comunista de La Habana y escribió su definición sobre quienes sería los “nuevos libertadores” de estas tierras siguiendo las concepciones del marxismo-leninismo acomodado al contexto cubano:

²⁰ Ramón Vasconcelos, “El Gran Ruso”, *Heraldo de Cuba*, 28 de enero de 1924, 3.

²¹ Lionel Soto, *La Revolución del 33*, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1977, 186-187.

²² Ángel García y Piotr Mironchuk, *Obra citada*, 199.

²³ *La Reforma Social*, marzo de 1924, Ángel García y Piotr Mironchuk, *Obra citada*, 198.

Muchos dirán que hemos cambiado de amo, más muy pocos se fijan bien en donde está el poder del amo. El eje de la historia es el factor económico. Fijémonos como se desenvuelve en Cuba, y en otros pueblos de nuestra América, e inmediatamente nos daremos cuenta de nuestro deber y de nuestro interés.

La causa del proletariado es la causa nacional. Él es la única fuerza capaz de luchar con probabilidades de triunfo por los ideales de libertad en la época actual. Cuando él se levanta airado como nuevo Espartaco en los campos y en las ciudades, él se levanta a luchar por los ideales todos del pueblo. Él quiere destruir al capital extranjero que es el enemigo de la nación. Él anhela establecer un régimen de hombres del pueblo, servido por un ejército del pueblo, porque comprende que es la única garantía de la justicia social. Conociendo que el oro corrompe, enloquece y hace tiranos a los hombres, no quiere cambiar al rico extranjero por el rico nacional. Sabe que la riqueza en manos de unos cuantos es causa de abusos y miserias, por eso la pretende socializar según principios que solo los profesores fósiles, los estudiantes tontos y los burgueses sin cerebro combaten, según los principios científicos que Karl Marx hizo axiomas teóricos y que Lenine hizo monumentos magníficos de belleza y justicia. La causa del socialismo, en general, lo repetimos, es la causa del momento, en Cuba, en Rusia, en la India, en los Estados Unidos y en la China. En todas partes. El solo obstáculo es saberla adaptar a la realidad del medio.

(...) El proletariado representa el porvenir, y la lucha revolucionaria es el único camino a seguir, por esto hemos sentado plaza en sus filas, en ese gran ejército que no cesa de batallar, en ese ejército que ve caer sus hombres en todos los pueblos de la tierra, a todas horas del día, en el taller antihigiénico y mortal, en el campo inmenso y duro, en la cárcel húmeda y sepulcral, en la emboscada de la fuerza pública, o del hermano traicionero o ignorante.²⁴

En ese período se produjo el proceso de unificación del movimiento proletario cubano a partir de la realización del II y III Congresos Obreros celebrados en febrero y agosto de 1925 respectivamente y la creación de la Confederación Nacional Obrera.

El comunismo se hace partido en Cuba

El 3 de agosto llegó a La Habana el buque soviético Vatslav Vorovsky a recoger 50 mil sacos de azúcar. El gobierno para evitar la solidaridad del proletariado ciudadano impidió que su tripulación bajara a tierra y lo mandó a anclar en Cárdenas. Pero un pequeño grupito de comunistas liderados por Mella decidió evadir la medida y en una lancha llegaron hasta el barco. Tan pronto enseñaron el carnet de la Agrupación a que pertenecían, quedó establecida la comunicación y pudieron conversar sobre

²⁴ Instituto de Historia del Movimiento Comunista y la Revolución Socialista de Cuba, *Julio Antonio Mella. Documentos y artículos*, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1975, 124-125.

diversos tópicos de alta política internacional, de materias económicas, de literatura, entre otros. Los tripulantes entregaron la bandera y un saludo a los trabajadores de Cuba, que fue leído el 6 de agosto en la última sesión del III Congreso Obrero.²⁵ Mientras que en la Sociedad de Torcedores Mella contó al público reunido al efecto fueron aquellas “Cuatro horas bajo la Bandera Roja”.

En esos días precisamente se preparó y realizó el congreso fundacional del Partido Comunista de Cuba, asamblea en la cual se unieron todas las agrupaciones comunistas de la Isla. Los más radicales marxistas agrupados dentro de esa organización trataron de poner en práctica esas ideas vinculando coherentemente la lucha por la liberación nacional con la lucha por la justicia social y acordaron declarar a la III Internacional como su “instancia suprema”.²⁶ En su sesión inaugural, los delegados rindieron tributo a Lenin y fueron leídos los mensajes de las células del PC y la Juventud Comunista de la Unión Soviética enviados por la tripulación del buque soviético. Luego acordaron invitarlos a participar en el cónclave y enviarles una bandera. Ante la presión popular, el gobierno permitió que los marinos bajaran a tierra y Mella y otros camaradas les entregaron el obsequio.

El Partido Comunista coincidió en su nacimiento, con la llegada a la presidencia de la República de uno de los dictadores más feroces que tuvo el país, el general Gerardo Machado. Sus directivos dieron a conocer públicamente el acontecimiento. Inmediatamente se desató la represión gubernamental contra sus integrantes y por extensión contra todas aquellas personas que manifestaran ideas opuestas al régimen. Paralelamente los diarios y revistas conservadores siguieron con relativa asiduidad los sucesos en Rusia para darle su conveniente interpretación.

Cuando se produjo el arresto de León Trostki a principios de 1924, su acusación de traidor a la URSS y al movimiento comunista internacional y se desató la tormenta de ambiciones que le sucedió a la muerte de Lenin, la propia literatura derechista escribió narraciones que publicaban en diferentes medios de prensa. Una muestra de lo que estamos afirmando es el cuento “Trostzkylandia” aparecido en la revista *Bohemia* del 20 de diciembre de 1925 firmado por E. Gil Izquierdo, nótese que en esos momentos las cárceles cubanas estaban repletas de opositores al régimen machadista y el prisionero Julio Antonio Mella desarrollaba una peligrosa huelga de hambre que estuvo a punto de costarle la vida.

Según el relato, un joven ruso fue a buscar una licencia de matrimonio a una oficina del Estado. Estaba contento porque había conseguido permiso para contraer nupcias. Pero el muchacho se detiene a reflexionar. Allí cada casa está habitada por dos familias, que se alternan para ejercer como amos o criados cada cierto tiempo. El Estado los provee de lo necesario para resolver sus necesidades y se encarga de la educación de los hijos en escuelas politécnicas hasta la mayoría de edad, cuando deben

²⁵ Lionel Soto, obra citada, 309.

²⁶ El 1ro de septiembre de 1928 el PCC fue aceptado como sección de la IC por su Comité Ejecutivo.

elegir pareja e instalarse con otro matrimonio. Esto no le gusta mucho al joven. Su novia tendrá que atender a otro hombre y otra familia. Se rebela ante eso. Por su parte, la muchacha se preguntaba si podría ser dichosa con la vida que le esperaba. Como él era aviador, deciden huir a un país donde el Estado fuera menos libre, para que sus ciudadanos lo fueran más. Se van a Bretania y en una iglesia, rodeados de pescadores que los agasajan con un hogar y una barca que se llama “Trostzkylandia”, contraen matrimonio. Se abrazan y él da gracias a Dios, porque le dio una compañera, no una sierva.²⁷ Como vemos el cuento manipula ciertas verdades, para hacer creer a la gente que en Rusia no existían derechos individuales y las personas tenían que doblegarse ante todos los deberes colectivos, incluso en los aspectos más íntimos de la vida.**

La política exterior soviética también fue muy cuestionada por dichos libelos. Por ejemplo el *Diario de la Marina* el 23 de enero de 1926 informó que la URSS había declarado la aceptación de los principios que servían de base a las relaciones internacionales entre los países cultos, que quería renegociar sus deudas y atenuó su oposición a la Liga de Naciones, pero se cuestionaba ¿hasta qué punto eran sinceras dichas afirmaciones? y concluía:

Esta inclinación a la derecha de los corifeos de Moscou, que sin duda seguirá acentuándose, habrá de ser muy provechosa para curar las exageraciones del radicalismo más destructivo y feroz. La revolución rusa en el poder, se rectifica a sí misma y va acatando poco a poco las leyes fundamentales del orden social e internacional. Cuando esta evolución se complete, no serán los gobiernos burgueses los que habrán triunfado, sino la sensatez y el sentido común. Entonces, la aventura bolchevique será una de las tantas que han corrido ciertos pueblos, pero quizás arroje una enseñanza más fructífera que las anteriores y sea un antídoto para los descabellados planes de las imaginaciones frenéticas y calenturientas.²⁸

En octubre de 1926, varios intelectuales pertenecientes al Grupo Minorista invitaron a un almuerzo a Stanislav S. Pestkovski, embajador de la URSS en México cuando regresaba a su país. También algunas luchadoras por los derechos de las mujeres trataron de homenajear a la primera embajadora de la historia, Alexandra Kollontai, quien hizo escala en La Habana, pero las autoridades lo impidieron y tuvieron que tomar un remolcador, llegaron al buque francés en el cual viajaba, pero la policía les impidió entregar personalmente las flores que llevaban a la representante soviética y solo pudieron saludarla desde lejos.^{29**}

La ola de crímenes que la dictadura de Machado había difundido desde sus comienzos, impulsó el proceso de concientización política del pueblo cubano y un mayor acercamiento a las ideas del marxismo-leninismo. Julio Antonio Mella que se encontraba en México cuando fueron asesinados los dirigentes obreros Díaz Blan-

²⁷ E. Gil Izquierdo, “Trostzkylandia”, *Bohemia*, Vol. XVI, No 50, 20 de diciembre de 1925, 5 y 28.

²⁸ “Importantes declaraciones rusas”, *Diario de la Marina*, 23 de enero de 1926, 16.

²⁹ Ángel García y Piotr Mironchuk, obra citada.

co, Enrique Varona, Cuxart, Grant y Alfredo López, escribió un pequeño folleto que se trajo y divulgó en Cuba bajo el título *El Grito de los mártires*, en el cual denunciaba la ofensiva del tirano y el imperialismo yanqui. Allí señalaba, el que a su juicio era camino a seguir, la lucha de clases: “El pasado heroico de nuestra CLASE nos guía y nos alienta. El grito de las víctimas inmoladas en los fosos de la Comuna del 71, los alaridos de los mártires de 1905 inmolados en las nieves de la Rusia zarista, el clamor mundial de rebelión de 1917, tal es la música triunfal de nuestra guerra (...)”

Recordaba a Machado que solo era un pigmeo en la historia y que la sangre que arrancaba a sus víctimas “era abono para la libertad”. El pueblo cubano triunfaría “POR QUE SABE CON EL MAESTRO MARX QUE SÓLO LAS CADENAS PUEDE PERDER, Y EN CAMBIO TIENE UN MUNDO QUE GANAR: ¡PREPARAR LA NUEVA SOCIEDAD DE PRODUCTORES!”³⁰

Durante la primera mitad de la década de 1920 las reflexiones periodísticas sobre el proceso revolucionario ruso se basaban fundamentalmente en las informaciones extraídas de la gran prensa internacional. Es por eso que la visita de Sergio Carbó al país euroasiático provocó vivo interés. Como resultado de la misma el periodista escribió el libro *Un viaje a la Rusia Roja* que salió a la luz en 1928 y que, en su criterio, no era bien comprendido por los comunistas cubanos.

Ellos no sabrán agradecer nunca que un viajero —explicaba—, ciudadano de una patria burguesa, afirme sin atenuaciones que la concepción de Marx y Engels, llevada al terreno de la realidad por el pobrecito Ilitch (...) es la más refinada especulación que haya dado a luz la mente de un pensador, la más armoniosa réplica que haya podido darse al concepto del Estado, el más científico de los proyectos encaminados a aproximar al hombre a la justicia colectiva desconocida por el Derecho Romano y a las fuentes de felicidad excesivamente monopolizadas por la fuerza de las armas y de las leyes de los poderosos, que establecen la jerarquía por encima de ese derecho casi divino que debiera amparar al hombre y que es tácito en él solo por el hecho de nacer, de pensar y de sufrir.”

Para Carbó, los bolsheviques eran demócratas y antiliberales, que ejercitaban el poder público absolutamente entregado a la colectividad, pero adolecían de la triste ausencia de libertad individual. En general considera a Lenin un genio, una mezcla de generosidad y desprecio a la vida ajena, de idealismo y materialismo, de heroísmo y crimen.”³¹

Paradójicamente, la dictadura machadista se burlaba tanto de los intereses y libertades colectivos como de los individuales, había aprobado la prórroga de poderes del tirano a partir de sancionar unas elecciones en que sería “reelecto” por espacio de seis años, mientras arreciaba la persecución de sus opositores. Estaba a

³⁰ Hortensia Pichardo, *Documentos para la Historia de Cuba*, T III, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1973, 350-351.

³¹ Sergio Carbó. *Un viaje a la Rusia Roja*, La Habana, Ediciones de la Revista de Avance, 1928, 8.

punto de comenzar otra etapa revolucionaria en la Historia del Pueblo Cubano: la Revolución del 30.

Conclusiones

Como hemos podido valorar, las evaluaciones sobre la Revolución de Octubre y los sucesos de Rusia fueron múltiples y diversas en el imaginario de los cubanos entre 1917-1929. Las que reflejan el pensamiento burgués iban encaminadas a desprestigiar el proceso que allí ocurría, atizar el miedo ante el fenómeno revolucionario y evitar nuevas convulsiones sociales. Para lograr sus objetivos se valía de algunos elementos objetivos (problemas, errores e insuficiencias), a los que añadía grandes dosis de subjetividad (tesis imaginativas) y mucha intensidad descalificadora. De sus conclusiones extraían supuestas lecciones tanto para las clases gobernantes como para los gobernados. Era preciso evitar que revoluciones similares se produjeran en el país, porque los resultados serían funestos para todos los sectores sociales, bajo el precepto invariable y eterno de que siempre existirían explotados y explotadores.

Para los intelectuales defensores de ideas pequeño-burguesas progresistas, el ejemplo ruso tenía muchos aspectos de relevancia para los reclamos de justicia social, que eran aspiraciones largamente demandadas a lograr en el país, pero, al mismo tiempo adolecían de grandes carencias como la falta de democracia y libertades individuales, las dificultades económicas existentes y por ello recomendaban la promoción y ejecución de los principios social-reformistas que mejoraran la situación de las clases trabajadoras y evitaran las grandes explosiones sociales.

Para las clases trabajadoras en general, la Revolución constituyó una esperanza y un ejemplo a seguir si se pretendía alcanzar la liberación nacional y la justicia social. Sin embargo, los propios problemas generados por las luchas internas en el País de los Soviets y la propaganda antisoviética contribuyeron disminuir el número de sus simpatizantes, a la par que se radicalizaban los de tendencia comunista que apoyaron las medidas tomadas por el gobierno soviético y promovieron la afiliación de sus organizaciones a la Comintern. Sin embargo, la influencia más vital y productiva del Octubre Rojo en Cuba fue la interpretación que de las obras del marxismo-leninismo hicieron intelectuales comunistas como Julio Antonio Mella, que trataron de aplicar creadoramente sus principales ideas a la realidades concretas de un país neocolonial como Cuba, asociándolas a las tradiciones de lucha y las propuestas ideológicas de los más radicales próceres de la independencia.

Bibliografía

1. *El Mundo*, 10 de noviembre de 1917, en Ángel García y Piotr Mironchuk, *La Revolución de Octubre y su influencia en Cuba*, La Habana, Academia de Ciencias de Cuba, 1977, p. 63.

2. Diario de la Marina, 12 de noviembre de 1917, en Ángel García y Piotr Mironchuk, *La Revolución de Octubre y su influencia en Cuba*, La Habana, Academia de Ciencias de Cuba, 1977, p. 54.
3. *El Dependiente*, 31 de diciembre de 1917, en Ángel García y Piotr Mironchuk, obra citada.
4. *Vía Libre*, 28 de febrero de 1919, en Ángel García y Piotr Mironchuk, obra citada, p. 65.
5. *Nueva Aurora*, 30 de agosto de 1919, Ángel García y Piotr Mironchuk, obra citada, p. 67.
6. *Nueva Aurora*, 7 de octubre de 1919, Ángel García y Piotr Mironchuk, obra citada, p. 68.
7. Víctor L. y Lazar F. Jeifets, “Comunismo en Cuba y México”, *Memoria*, No 239, diciembre de 2009-febrero de 2010.
8. Evelio Tellería Toca, *Los Congresos Obreros en Cuba*. La Habana, Editorial ORBE, 1976, pp. 96-97.
9. IHMCRS, El Movimiento Obrero Cubano. Documentos y Artículos, T 1, E Ciencias Sociales, La Habana, 1975, pp. 338-339.
10. Olga Cabrera, *El Movimiento Obrero Cubano en 1920*, La Habana, Instituto del Libro, 1970, p. 127.
11. *El Progreso*, 28 de julio de 1921, Ángel García y Piotr Mironchuk, obra citada, p. 77.
12. “¡Obreros! ¡Solidaridad para la Rusia Comunista!”, *Justicia*, 15 de octubre de 1921, Idem.
13. Instituto de Historia del Movimiento Comunista y la Revolución Socialista de Cuba, *El Movimiento Obrero Cubano. Documentos y artículos*, T. I, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1975, p. 363.
14. Baliño era partidario de que la distribución de la riqueza debía realizarse a partir de la Ley de Bronce de los Salarios preconizada por Lassalle.
15. Emilio Roig de Leuchsenring, “Con el Soviet Ruso, en Berlín”, *Revista Social*, agosto de 1922.
16. Ángel García y Piotr Mironchuk, Obra citada.
17. Instituto de Historia del Movimiento Comunista y la Revolución Socialista de Cuba, *Carlos Baliño. Documentos y artículos*, La Habana, DOR, 1976..
18. Instituto de Historia del Movimiento Comunista y la Revolución Socialista de Cuba, *Julio Antonio Mella. Documentos y artículos*, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1975, p. 87.
19. Ramón Vasconcelos, “El Gran Ruso”, *Heraldo de Cuba*, 28 de enero de 1924, p. 3.
20. Lionel Soto, *La Revolución del 33*, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1977, pp. 186-187.
21. Ángel García y Piotr Mironchuk, Obra citada, p. 199.
22. *La Reforma Social*, marzo de 1924, Ángel García y Piotr Mironchuk, Obra citada, p. 198

23. Instituto de Historia del Movimiento Comunista y la Revolución Socialista de Cuba, *Julio Antonio Mella. Documentos y artículos*, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1975, pp. 124-125.
24. Lionel Soto, obra citada, p.309.
25. El 1ro de septiembre de 1928 el PCC fue aceptado como sección de la IC por su Comité Ejecutivo.
26. E. Gil Izquierdo, “Trotskylandia”, *Bohemia*, Vol. XVI, No 50, 20 de diciembre de 1925, p. 5 y 28.
27. “Importantes declaraciones rusas”, *Diario de la Marina*, 23 de enero de 1926, p. 16.
28. Ángel García y Piotr Mironchuk, obra citada.
29. Hortensia Pichardo, *Documentos para la Historia de Cuba*, T III, La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1973, pp. 350-351.
30. Sergio Carbó . *Un viaje a la Rusia Roja*, La Habana, Ediciones de la Revista de Avance, 1928, p. 8.

Repensando el “giro a la izquierda” de la Comintern en el movimiento comunista mexicano, 1928–1929

Rethinking the “turn to the left” of the Comintern in the Mexican communist movement, 1928–1929

Resumen: El texto aborda el análisis del sexto congreso de la Internacional Comunista, celebrado en Moscú en el verano de 1928, y su impacto en el movimiento comunista de México. En particular, se analiza la relevancia de la cuestión latinoamericana y del debate sobre la caracterización de la Revolución Mexicana, y cómo el cambio de línea del sexto congreso, es decir, el abandono del frente único y la adopción de la política de “clase contra clase, impactó no sólo en la radicalización del movimiento comunista mexicano, sino en la política general del país, poniendo en entredicho las alianzas que se habían construido en la última década.

Palabras clave: México; movimiento comunista; Comintern; sexto congreso de la Comintern; “giro a la izquierda”.

Abstract: The text addresses the analysis of the sixth congress of the Communist International, held in Moscow in the summer of 1928, and its impact on the communist movement in Mexico. In particular, it is analyzed the relevance of the Latin American question and the debate on the characterization of the Mexican Revolution, and how the change of policy of the sixth congress, that is, the abandonment of the united front and the adoption of the “class struggle”, impacted not only on the radicalization of the Mexican communist movement, but on the general politics of the country, calling into question the alliances that had been built in the last decade.

Key words: Mexico; communist movement; Comintern; the sixth congress of the Comintern; “turn to the left”.

El sexto congreso de la Comintern, celebrado en julio de 1928, es conocido por el “giro a la izquierda” con el que da inicio el llamado “tercer periodo”.² Este cambio de dirección de la política cominternista comenzó a gestarse desde 1927, debido a varios factores, aunque uno de los principales fue, sin duda, la percepción de que la política de frente único con los partidos y organizaciones de la socialde-

¹ Universidad Autónoma del Estado de Morelos. México.

² La guerra civil que estalló en Rusia después de la revolución bolchevique, obligo al nuevo régimen a aplicar una política económica de “comunismo de guerra”, al menos hasta 1921. Posteriormente, la Internacional proclamó la estabilización relativa del capitalismo, lo que permitió la creación de frentes únicos para enfrentar a la burguesía. El “tercer periodo” asumía que el capitalismo entraba en su fase de descomposición, por lo que la Internacional dictó la intensificación de los conflictos de clase, depurando a los partidos comunistas de los elementos oportunistas.

mocracia no había dado los frutos esperados. En este sentido, la resolución adoptada por la Internacional en el sexto congreso, declaraba que la táctica del frente único debía entenderse como una medida temporal, y sólo justificada en una situación revolucionaria, prefiriéndose la alianza *desde abajo*, es decir, con las masas, y no *desde arriba*, con los líderes reformistas: “Ahora debemos realizar la táctica del frente único en la mayoría de los casos solamente en la base, llamando a las masas socialdemócratas, a los simples obreros socialdemócratas”. Como resultado de las discusiones del sexto congreso, la orientación de izquierda de la Internacional quedó definida como la táctica de “clase contra clase”, cuyos elementos esenciales fueron las tesis sobre el socialfascismo, la definición del ala izquierda de la socialdemocracia como más peligrosa que el ala derecha, el frente único limitado a la colaboración con los obreros socialistas, y el rechazo a toda propuesta de los partidos socialistas, con la única excepción de los acuerdos con sus organizaciones de base.³

Hay que tomar en cuenta que la aplicación del cambio de línea no fue inmediata, ni siquiera en la Unión Soviética. Esto se debió a las luchas de poder en torno al control del Partido Comunista ruso y la propia Internacional Comunista. La nueva política de “clase contra clase” no pudo aplicarse hasta los primeros meses de 1929, cuando la contienda política se decidió a favor del grupo estalinista. Sin embargo, en el verano de 1928 el “giro a la izquierda” de la Internacional ya podía considerarse como un hecho irreversible.

En este contexto de cambio de línea y giro a la izquierda, el sexto congreso fue escenario de un debate sin precedentes sobre los asuntos de los países latinoamericanos. Hasta entonces los partidos comunistas de América Latina habían enviado a dos o tres delegados por congreso, la mayoría extranjeros. Fue durante el sexto congreso, como declaró Bujarin, cuando América Latina entró con mayor fuerza en la órbita de influencia de la Internacional Comunista. Estuvieron representados Argentina, Brasil, Uruguay, Paraguay, Colombia, Ecuador, Venezuela y México (los delegados de Cuba y Perú no pudieron asistir). Dos delegados brasileños y un mexicano hablaron en la sesión de apertura, junto a delegados de Alemania, China, India y Japón. En su intervención, el delegado de Brasil, Lacerda, aseveró: “Se lee en las tesis del camarada Bujarin que el movimiento comunista ha llegado por primera vez a los países de América Latina. Camaradas, esto no es muy exacto. No es el movimiento comunista el que ha llegado por primera vez a América Latina, es la Internacional Comunista la que por primera vez se ha interesado en el movimiento comunista de América Latina”.⁴

³ Internacional Comunista, “VI Congreso de la Internacional Comunista (Primera parte)”, en *Cuadernos de Pasado y Presente*, núm. 66, Córdoba, 1977, 19-20.

⁴ Internacional Comunista, VI Congreso de la Internacional Comunista. Informes y discusiones (Segunda parte)”, en *Cuadernos de Pasado y Presente*, núm. 67, Córdoba, 1978, p. 82. Sobre las delegaciones

Obviamente, la presencia de una importante delegación latinoamericana reavivó el debate sobre la caracterización de los países del continente como colonias y semicolonias. Jules Humbert-Droz, el jefe de Secretariado Latino de la Comintern, en su informe sobre los países de América Latina, afirmó que el continente era considerado como uno de los nudos estratégicos de la situación internacional, pues era el escenario de la rivalidad entre el imperialismo inglés y el norteamericano. Retomando los planteamientos de las “Tesis sobre los problemas nacional y colonial”, entró en polémica con los delegados latinoamericanos:

cuando decimos: la situación de vuestro país es la de una semicolonia, y en consecuencia debemos considerar los problemas que les conciernen desde el punto de vista de nuestra táctica colonial o semicolonial, nuestros compañeros de América Latina se indignan y afirman que su país es independiente, está representado en la Sociedad de las Naciones, tiene sus diplomáticos, sus consulados, etc., [pero]... las inversiones de capitales ingleses y norteamericanos... demuestran que su progreso económico no es independiente, no es el progreso de una economía capitalista independiente del imperialismo, de la cual ella en un cierto momento podrá librarse, demuestran que estos países son semicolonias de los imperialismos inglés y norteamericano.⁵

Humbert-Droz también sostuvo que el movimiento revolucionario que se desarrollaba contra la colonización y el imperialismo norteamericano, era uno de los factores más importantes de la revolución socialista internacional. En este punto radicaba la importancia de la Revolución Mexicana, en el sentido estratégico de un modelo de revolución para el resto de América Latina. Paradójicamente, los delegados mexicanos no fueron quienes tomaron la batuta en el debate sobre la caracterización de la Revolución Mexicana, sino el ya mencionado Humbert-Droz, quien entró en una fuerte polémica con el destacado bolchevique ruso Sergei Ivanovich Gusev (“Travin”), miembro del Presídium del Comité Ejecutivo de la IC. Los delegados mexicanos tuvieron una participación secundaria y supeditada al debate principal. El primero de ellos fue Manuel Díaz Ramírez, quien conservaba una gran influencia en el partido gracias al capital político de la Liga de Comunidades Agrarias de Veracruz.⁶ El otro delegado del PCdEM fue el italiano Vittorio Vidal, quien había

latinoamericanas véase Manuel Caballero, *La Internacional Comunista y la revolución latinoamericana, 1919-1943*, 3ª edición, Editorial Alfa, Caracas, 2006, 73.

⁵ Internacional, “VI Congreso”, 1978, 301-302.

⁶ Manuel Díaz Ramírez utilizó el pseudónimo “Ramírez” durante el sexto congreso, por lo que no hay que confundirlo con el norteamericano Richard Phillips, que ya había utilizado el mismo pseudónimo para representar al PCdEM en anteriores congresos, véase L. Jeifets, V. Jeifets y P. Huber, *La Internacional Comunista y América Latina, 1919-1943. Diccionario biográfico*, Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias, Moscú / Institut pour l’histoire du communisme, Ginebra, 2004, 95-96, 261-262.

sido enviado por la Comintern como Secretario de la Liga Antifascista de México, y militó en el partido comunista entre 1927 y 1930.⁷

Humbert-Droz describió a la Revolución Mexicana como una revuelta de campesinos sin tierra contra el régimen de los grandes terratenientes, apoyada en la masa obrera y la pequeña burguesía, la cual había desembocado en un gobierno de la pequeña burguesía, sostenido y defendido por las masas obreras y campesinas. En opinión del suizo, se había tratado de una revolución esencialmente agraria, teniendo como punto culminante la constitución de 1917, que sancionaba la nacionalización del subsuelo, la eliminación de los latifundios y la creación de una amplia legislación social. No obstante, el gobierno de la Revolución Mexicana había fracasado en la aplicación de las reformas sociales y económicas, desatando la guerra civil permanente y una nueva oleada revolucionaria. A partir de estos elementos, Humbert-Droz caracterizó a la Revolución Mexicana como “un movimiento revolucionario de tipo democrático burgués en un país semicolonial, donde la lucha contra el imperialismo asume una gran importancia y donde ya no domina la lucha de una burguesía nacional por su desarrollo autónomo, sobre la base del capitalismo, sino más bien la lucha de los campesinos por la revolución agraria contra el régimen de los grandes terratenientes”.⁸

En este punto radicaba la principal divergencia de Humbert-Droz con las posiciones de Travin, el delegado soviético, quien había defendido la idea de que el movimiento revolucionario de México y América Latina eran de tipo socialista o proletario elemental. Según Travin, “a medida que se desarrolla la revolución los rasgos socialistas relegan a segundo plano a los rasgos democrático-burgueses”. Para Humbert-Droz esta postura encerraba varias contradicciones, ya que la transición de la revolución democrático-burguesa a la revolución proletaria no se lograba con la lenta y progresiva eliminación del carácter democrático-burgués y su sustitución por elementos socialistas, sino a partir de una crisis profunda de la propia revolución democrático-burguesa, como efectivamente estaba ocurriendo en México, donde el gobierno de Calles, abanderado de la pequeña burguesía, había hecho grandes concesiones al imperialismo norteamericano, frenando, por ejemplo, la reforma agraria y la aplicación de las leyes sobre el petróleo. Así, desde la perspectiva del suizo, la Revolución Mexicana, lejos de encaminarse hacia el socialismo, estaba retrocediendo, por lo que se anunciaba una nueva crisis de la revolución democrático-burguesa que abriría las puertas a las masas obreras y campesinas para llevar a la revolución a su objetivo final. Esta coyuntura tenía que ser aprovechada por el Partido Comunista de México, que estaba llamado a jugar un papel fundamental en el proceso.⁹

⁷ L. Jeifets, V. Jeifets y P. Huber, *Internacional*, 2004, 329-331.

⁸ *Internacional*, “VI Congreso”, 1978, 312.

⁹ *Ibidem*, 313-315.

Sin embargo, la sección mexicana de la Internacional Comunista fue blanco de las críticas de Humbert-Droz. El suizo reconoció que los comunistas mexicanos habían actuado correctamente al apoyar al gobierno en su lucha contra las rebeliones reaccionarias, pero fue duro en señalar a sus dirigentes que nunca se habían planteado la cuestión de la hegemonía del proletariado, es decir, el objetivo de reconquistar a las masas que defendían al gobierno pequeño burgués, para conducirlos bajo la influencia del Partido Comunista. Considerada desde dicho punto de vista, la Revolución Mexicana no podía verse como una revolución que se encaminara al socialismo, como afirmaba Travin, pues los propios comunistas habían apoyado al gobierno pequeño burgués sin aprovechar la acción común para liderar a las masas hacia sus propias conquistas, tal como la Internacional lo había planteado con su política de frente único.¹⁰

Por su parte, Travin respondió a los cuestionamientos de Humbert-Droz, señalando que en México el gobierno era ejercido por los terratenientes liberales, es decir, a medias capitalistas y a medias feudales, a su vez dominados por los capitalistas norteamericanos. Esta situación, en opinión del delegado soviético, hacía necesaria la creación de un bloque antiimperialista entre obreros y campesinos, para sentar las bases de la revolución en América Latina, algo que en México ya había comenzado a formarse con buenos resultados. Según Travin, los campesinos mexicanos tenían cada vez mayor conciencia de que no podrían obtener la tierra a menos de que expulsaran a los capitalistas norteamericanos del país. De esta forma, en América Latina la lucha de los campesinos por la tierra estaba dirigida directamente contra el imperialismo, a diferencia de la India o China, donde existía una burguesía nacional. En los países latinoamericanos no existía una burguesía o era muy débil, por lo que la lucha de obreros y campesinos contra el imperialismo adquiriría un carácter no sólo de liberación nacional, sino socialista, de lucha de clases. Travin concluía que los movimientos revolucionarios de América Latina, entre los cuales la Revolución Mexicana representaba la forma más avanzada, tenían elementos socialistas, y no podía caracterizárselos exclusivamente como democrático-burgueses.¹¹

De hecho, Travin sostuvo que México seguía siendo un país feudal, en el que no existía una burguesía o una pequeña burguesía consolidada. El gobierno de Calles había fracasado en su intento por transformar a México en un país burgués, de lo que se concluía que no existían las bases para el desarrollo de un capitalismo nacional independiente. De esta forma, Travin describió las características de la revolución socialista en América Latina, tomando como base a la Revolución Mexicana. Así, los movimientos revolucionarios comenzaban como movimientos campesinos, con una agenda democrático-burguesa, como el reparto agrario. Por efecto del carácter colonial de estos países, el proletariado entraba en la revolución gracias al

¹⁰ *Ibidem*, 316.

¹¹ *Ibidem*, pp. 329-331.

movimiento de las masas campesinas, logrando una proyección más amplia. Debido a la inexistencia de una burguesía nacional, el proletariado se veía empujado a la vanguardia de la revolución, otorgándole su carácter socialista. Para Travin la Revolución Mexicana estaba en camino de lograr esa fase, sobre todo con el proyecto de creación de un bloque obrero y campesino.¹²

Los delegados del Partido Comunista de México no tuvieron demasiado protagonismo en este debate, aunque sí fijaron una posición al respecto. Vidali, por ejemplo, después de afirmar que América Latina era el escenario de la lucha entre los imperialismos norteamericano e inglés, hizo un llamado al Partido Comunista de México para organizar de inmediato la lucha por el poder a través de los soviets, propuesta que lo acercaba a las posturas de Travin.¹³ Por su parte, Manuel Díaz Ramírez se extendió en una reseña sobre la situación política de México durante la última década, en el sentido del desarrollo histórico de la Revolución Mexicana. A propósito de las intervenciones de Travin y Humbert-Droz, Díaz Ramírez afirmó que el movimiento revolucionario en México había adquirido una forma muy diferente en comparación con el resto de los países de América Latina. Se trataba de un proceso inacabado, por lo que no podía tomarse como modelo. El veracruzano reprochó a Humbert-Droz su crítica hacia el Partido Comunista de México, en el sentido de haber apoyado al gobierno en las rebeliones militares sin plantearse seriamente la hegemonía del movimiento obrero: “de ninguna manera podemos admitir entonces la acusación lanzada aquí de que nuestro partido no ha probado suficientemente su audacia y no habló en ningún momento de hegemonía del proletariado”.¹⁴

Sin embargo, como hemos analizado en capítulos anteriores, la crítica de Humbert-Droz estaba fundamentada, pues el Partido Comunista no había logrado convertirse en una organización de masas, ni alejar al movimiento obrero y campesino del liderazgo de los caudillos. Es cierto que los comunistas mexicanos habían logrado importantes avances en la unificación del movimiento campesino, pero su relación con la Liga Nacional Campesina era ambigua, y el izquierdismo mostrado en ciertos aspectos, como la consigna de la explotación colectiva de la tierra, les impedía concretar una alianza con sectores más amplios a partir de sus reivindicaciones inmediatas. El asesinato de Obregón había ocasionado un terremoto político que amenazaba con liquidar el proyecto revolucionario, pues una nueva guerra civil tocaba a las puertas, y no estaba claro si el régimen tendría la capacidad para resolver la crisis. La nueva coyuntura pondría a prueba las posiciones de Travin y Humbert-Droz en torno al desarrollo de la Revolución Mexicana: ¿había que concretar la revolución democrática-burguesa, o transitar hacia la revolución socialista?

¹² *Ibidem*, pp. 331-334.

¹³ L. Jeifets, V. Jeifets y P. Huber, *Internacional*, 2004, 330.

¹⁴ *Internacional*, “VI Congreso”, 1978, 383.

Mientras tanto, en México, la rebelión del general Escobar colocó al Partido Comunista en una de las mayores encrucijadas de su historia. Tal como ocurriera en 1923, durante la rebelión delahuertista, y en 1927, con la sublevación de Gómez y Serrano, los comunistas debían optar por defender al gobierno o unirse a los rebeldes. La caracterización de ambos movimientos como reaccionarios fue decisiva para que el partido luchara al lado del gobierno en contra de un enemigo común. El escenario se repetía en 1929, pero con novedades importantes. La consigna de “independencia del proletariado frente a la pequeña burguesía”, más la exitosa construcción del Bloque Obrero y Campesino, habían modificado las perspectivas políticas del Partido Comunista. En ese sentido, la rebelión escobarista no sólo planteaba el dilema de apoyar o no al gobierno. Para varios dirigentes, la inestabilidad del régimen ocasionada por la nueva revuelta podía aprovecharse para movilizar a las masas hacia la conquista de sus reivindicaciones inmediatas, e incluso para tomar el poder —aunque esta opinión era minoritaria. La actitud que debía tomarse frente a la rebelión escobarista fue el epicentro de los debates en el seno del PCdEM, y de la propia Internacional Comunista.

El partido calificó la revuelta como “francamente reaccionaria”, organizada por generales al servicio de los intereses latifundistas y cristeros. En el mismo sentido se pronunció el Bloque Obrero y Campesino, lo que resulta obvio dado que su dirección estaba controlada por los comunistas.¹⁵ El partido declaró que sus militantes estaban dispuestos a combatir la revuelta, pero luchando a nombre de su propio programa, y no para defender los intereses del gobierno de la pequeña burguesía. En un manifiesto se recordaban los puntos de dicho programa: armamento de los campesinos, depuración de los elementos reaccionarios del ejército, disolución de los latifundios, reparto agrario efectivo, control de las fábricas y centros industriales por comités obreros. Las demandas comunistas no serían cumplidas ni por el régimen pequeño burgués de Calles y Portes Gil, ni por el proyecto político de los generales sublevados, pues había demasiadas similitudes entre ambos. De hecho, era el Partido Comunista quien invitaba al gobierno a sumarse a su lucha: “Si la pequeña burguesía no quiere defender los intereses de la reacción, debe marchar con los obreros y campesinos”.¹⁶ Este es un matiz importante que es necesario enfatizar: el Partido Comunista no se declaró enemigo del gobierno ni llamó a tomar el poder, pero marcó claramente la independencia de su lucha. El hecho de que la lucha comunista contra la reacción beneficiara al gobierno no era más que una consecuencia inevitable. Se había terminado la colaboración formal con la pequeña burguesía.

¹⁵ “El Bloque Obrero y Campesino frente a la revuelta”, *El Machete*, año IV, núm. 155, 9 de marzo de 1929, 1.

¹⁶ “Manifiesto del Partido Comunista a todos los obreros y campesinos de México”, *El Machete*, año IV, núm. 155, 9 de marzo de 1929, 1.

El diputado comunista, Hernán Laborde, afirmó que no se ponía considerar la rebelión escobarista como un hecho aislado. Desde su perspectiva, en la última década se había vivido el proceso de consolidación de una nueva clase social: la joven burguesía formada en el seno de la revolución pequeño burguesa, la cual había transitado hacia posiciones contrarrevolucionarias para proteger sus intereses. La rebelión escobarista era la demostración de que las fuerzas reaccionarias al interior de la “familia revolucionaria” se habían extendido como nunca. Todas las asonadas militares se derrotaron con el apoyo de las masas de obreros y campesinos, y sin embargo, sus demandas habían sido como una voz en el desierto. ¿Cómo explicar esta contradicción? En palabras de Laborde:

Aquí está el nudo de la cuestión. El Gobierno teme que la clase obrera y campesina armada vaya demasiado lejos, que la revolución pequeño-burguesa, con su vacua palabrería y su falso radicalismo, se convierta al fin en una verdadera revolución socialista que dé toda la tierra a los campesinos y las fábricas a los obreros. Y en este dilema: o tolerar las maquinaciones de los generales reaccionarios, amenaza constante, o abrazar abiertamente las causas de los obreros y campesinos revolucionarios, el Gobierno vacila, titubea, camina en zigzag, hoy a la izquierda mañana a la derecha. Y estas vacilaciones dan tiempo y facilidades a la reacción, la alientan, la fortalecen y la unifican.¹⁷

Para Laborde, el gobierno debía dejar a un lado las vacilaciones, y entregar las armas a los obreros y campesinos para combatir la rebelión. El diputado apelaba al mismo argumento que ya había presentado la dirección del Partido Comunista: el régimen debía sumarse a la lucha de las masas, de lo contrario “habrá derecho a arrojar sobre el Gobierno toda la culpa del desastre y toda la sangre obrera y campesina derramada por la reacción”.¹⁸

En cuanto a la Liga Nacional Campesina, su dirigencia asumió una posición más institucional y menos crítica hacia el gobierno. En un manifiesto publicado a pocos días del levantamiento, la Liga lo calificó como un movimiento reaccionario, vinculado a los intereses clericales y latifundistas, y enemigo de las conquistas, “aunque pequeñas”, del campesinado revolucionario. Sin embargo, no existe en el manifiesto ningún distanciamiento o crítica hacia el régimen, al contrario, se incluye una declaración en la que se informa al presidente sobre las “fundadas razones” de la Liga para combatir la rebelión, agregando que los campesinos ya están cumpliendo con su “misión revolucionaria” en varias entidades, como Veracruz, Tamaulipas, San Luis Potosí, Durango, Zacatecas y el Estado de México.¹⁹ De hecho, Úrsulo

¹⁷ “Ante la situación. Por el diputado comunista Hernán Laborde”, *El Machete*, año IV, núm. 155, 9 de marzo de 1929, 2.

¹⁸ *Ibidem*.

¹⁹ “Manifiesto de la Liga Nacional Campesina”, *El Machete*, año IV, núm. 155, 9 de marzo de 1929, 1.

Galván, ofreció suspender la campaña electoral del Bloque Obrero y Campesino en Veracruz, para que todos sus integrantes, incluyendo la Liga Nacional Campesina, se concentraran en derrotar a los rebeldes. Esta propuesta estaba ligada a la alianza de Galván con el gobernador Tejeda, y fue duramente criticada y rechazada por la dirección del Partido Comunista.²⁰

Hasta el momento, las diferencias entre la Liga Nacional Campesina y el Partido Comunista se habían mantenido en términos cordiales, sin embargo, la rebelión escobarista puso en evidencia que éstas eran mucho más sustanciales, al grado de poner en peligro la alianza entre ambas organizaciones. En *El Machete* se trataron de presentar las acciones de Galván como parte de la línea aprobada por el Partido Comunista. Así, se reconocía que el “compañero Galván, próximo al Gobernador Tejeda”, estaba organizando guerrillas campesinas para combatir la revuelta, con el apoyo de la Local Comunista de Veracruz, la Liga de Comunidades Agrarias del Estado y la Liga Nacional Campesina. La redacción de *El Machete* celebró que las guerrillas campesinas hubieran derrotado a un sector de las fuerzas rebeldes en Veracruz, pero aclaró que dichas acciones eran apenas “un ensayo” para “la lucha próxima”, cuando los obreros y campesinos “llevando en frente la bandera roja del proletariado, luchan por sus propios intereses”.²¹ En el mismo sentido se pronunció el comité regional del Bloque Obrero y Campesino en Veracruz, dominado por los comunistas, cuando advirtió a las guerrillas campesinas que nada tenían que hacer con los partidos de la pequeña burguesía —en clara referencia a Tejeda—, y que la lucha actual debía “continuar hasta el fin”, inspirada “en reivindicaciones de clase y no en miras personalistas”.²²

A mediados de marzo, el Partido Comunista comenzó a radicalizar sus postura con respecto a la rebelión escobarista, haciendo un llamando a la guerrillas campesinas para tomar las tierras por la fuerza.²³ Esta consigna se mezclaba con alusiones a la nueva lucha que se aproximaba, el momento en que el Partido Comunista asumiera plenamente su carácter de masas, a la “fase de preparación política de la revolución proletaria en México” y, finalmente, a “la conquista del poder”.²⁴ Había

²⁰ RGASPI, f. 495, inv. 108, exp. 105, 3, citado en Víctor Jelfets e Irving Reynoso, “Del frente único a la clase contra clase: comunistas y agraristas en el México posrevolucionario, 1919-1930”, en *Izquierdas*, núm. 19, agosto de 2014, 33.

²¹ “Los agraristas armados, factor decisivo en la actual contienda electoral. Bajo la bandera roja defienden sus conquistas en Veracruz, Durango y otros estados”, *El Machete*, año V, núm. 156, 16 de marzo de 1929, 1, 4.

²² “El B. O. y C. de Veracruz ante la revuelta armada”, *El Machete*, año V, núm. 156, 16 de marzo de 1929, 2.

²³ “Si el gobierno no quiere entregar la tierra a los campesinos, los campesinos deben tomarla con sus propias fuerzas. La clase campesina ya no puede esperar nada del art. 27 ni de la Comisión Nacional Agraria”, *El Machete*, año V, núm. 157, 23 de marzo de 1929, p. 1.

²⁴ “El Bloque Obrero y Campesino”, *El Machete*, año V, núm. 157, 23 de marzo de 1929, 2.

llegado el momento de dar un paso adelante, romper definitivamente con la pequeña burguesía y conquistar los objetivos del proletariado, construyendo su propio gobierno obrero y campesino, en una lucha que no tendría nada de pacífica.²⁵

El peligro más grande es la pasividad, la falta de firmeza, el deseo de prolongar un estado de compromisos con el pasado y con el futuro, con el antiguo periodo de acción revolucionaria.

[...] Si los agraristas, los peones y campesinos pobres ayudan al Gobierno a aplastar la revuelta militar y *no aprovechan la situación para aplastar también el poder de los hacendados y latifundistas, es indudable que cometerán un grave error.*

El precio de la sangre campesina no puede ser otro que la conquista de la tierra.²⁶

Ante la debilidad del gobierno pequeño burgués y la crisis ocasionada por la revuelta reaccionaria, el Partido Comunista llamaba a las masas a la conquista inmediata de la tierra, y a la conquista futura del poder. Semejante postura dejaba muy mal situado a Úrsulo Galván en su alianza con el gobernador Tejeda en Veracruz. Esta fue la razón para que, el 23 de marzo de 1929, la Liga Nacional Campesina anunciara en un manifiesto la decisión de retirarse del Bloque Obrero y Campesino. Galván, como secretario de la Liga, justificó la medida como una estrategia para obtener las armas del gobierno, pero dicha explicación no fue satisfactoria para la dirección del Partido Comunista ni para Alfred Stirner, el representante de la Comintern en México. Los comunistas consideraron que el manifiesto había sido producto de las presiones de Adalberto Tejeda, quien habría exigido un distanciamiento del partido, luego de que en *El Machete* se radicalizara las críticas al gobierno y la postura ante la rebelión.²⁷ Sin embargo, esta confrontación no llevó a la inmediata ruptura entre los agraristas de Galván con el Partido Comunista. Por el momento, la Liga se había retirado del Bloque, y habría que esperar a que la rebelión fuera derrotada para saber si la relación podría restablecerse.

De hecho, el distanciamiento con la Liga Nacional Campesina no disminuyó el optimismo de los comunistas por alcanzar sus objetivos. La campaña del Bloque Obrero y Campesino se mantuvo con fuerza, formándose nuevos comités en localidades de Michoacán, Hidalgo, Puebla, Veracruz, Durango, Nuevo León, Jalisco y Tamaulipas.²⁸ El pasado zapatista de Rodríguez Triana fue aprovechado por la

²⁵ “Contra el gobierno de la pequeña burguesía, el gobierno obrero y campesino”, *El Machete*, año V, núm. 157, 23 de marzo de 1929, 2.

²⁶ Énfasis añadido, “Dos caminos”, *El Machete*, año V, núm. 158, 30 de marzo de 1929, 2.

²⁷ RGASPI, f. 495, inv. 108, exp. 105, 3, citado en Jéfets y Reynoso, “Frente”, 2014, 33.

²⁸ “Construyendo el Bloque Obrero y Campesino. Boletines y comunicados del Comité Ejecutivo del Bloque Obrero y Campesino Nacional”, *El Machete*, año V, núm. 156, 16 de marzo de 1929, p. 3; “Construyendo el Bloque Obrero y Campesino”, *El Machete*, año V, núm. 158, 30 de marzo de 1929, p. 3; “Construyendo el Bloque Obrero y Campesino. Los efectivos del Bloque”, *El Machete*, año V, núm. 159, 6 de abril de 1929, p. 3; “Construyendo el Bloque Obrero y Campesino”, *El Machete*, año V, núm. 160, 13 de abril

propaganda del Bloque, presentando su programa como un símbolo de unión entre los campesinos, y como el verdadero continuador de los ideales del caudillo sureño:²⁹ “Zapata [...] llama otra vez a la lucha. La hora de la paz no ha sonado aún para el campesino. La tierra no le pertenece. El latifundismo apenas ha sido tocado. El hambre de tierra [...] persiste y no admite demoras”.³⁰

Así, para abril de 1929, el partido se mostraba convencido de su capacidad para ganarse a las masas, con lo cual se podría organizar un “ataque abierto sobre el gobierno, sin temor a estar aislados”.³¹ Si el partido lograba unificar a las masas de obreros y campesinos, podría tratarse de una perspectiva para un futuro no tan lejano —o al menos ese era el escenario más optimista—, como se muestra en la carta que Alfred Stirner envió a Manuel Díaz Ramírez:

aunque el gob.[ierno] logre aplastar la rebelión [escobarista] rápidamente, [...] la situación económica es de día en día más desastrosa, el problema presidencial sigue y se hará más aguda la lucha de las masas obreras y campesinas [...] por lo tanto debemos de hacer todo el trabajo de organización y agitación pero con la perspectiva que durante un futuro próximo, que puede ser *a finales de este año o principios del próximo*, nosotros tendremos que guiar a las masas hacia *un movimiento armado* en favor nuestro.³²

El análisis del agente de la Internacional podía ser acertado en lo que respecta a la crisis económica y a la inestabilidad política del país, pero dicha situación no aseguraba el respaldo de las masas ante una hipotética revolución abanderada por el Partido Comunista. No se tomaba en cuenta, por ejemplo, que Emilio Portes Gil había acelerado el reparto agrario para apaciguar el descontento campesino, entregando 1 millón 173 mil hectáreas a 156 mil ejidatarios, tan sólo entre diciembre de 1928 y enero de 1929.³³ Tampoco se reparaba en la influencia que podría alcanzar el Partido Nacional Revolucionario sobre las masas, pues la dirección comunista se limitaba a descalificarlo como agente de los intereses pequeño burgueses. Ni siquiera se contaba con el factor sorpresa, pues el gobierno siempre estuvo al tanto de los planes del Partido Comunista, como se constata con la carta de un “simpatizante

de 1929, p. 3; “Construyendo el Bloque Obrero y Campesino. Se fundó con gran éxito el Bloque Obrero y Campesino en el Estado de Jalisco”, *El Machete*, año V, núm. 161, 20 de abril de 1929, 3.

²⁹ “Los que trabajan la tierra están con el Bloque Obrero y Campesino. El mitin del 7 en Tizayuca, Hgo. Discurso de Rodríguez Triana”, *El Machete*, año V, núm. 160, 13 de abril de 1929, 1-4.

³⁰ “Zapata”, *El Machete*, año V, núm. 159, 6 de abril de 1929, p. 3; “Del momento. Zapata”, *El Machete*, año V, núm. 159, 6 de abril de 1929, 1; “¡Toda la tierra, no pedazos de tierra! Dijo Zapata. Las enseñanzas de la Revolución del Sur. Entrevista con uno de sus generales, el compañero Rodríguez Triana, candidato del Bloque Obrero y Campesino”, *El Machete*, año V, núm. 159, 6 de abril de 1929, pp. 1, 4.

³¹ RGASPI, f. 495, inv. 108, exp. 105, p. 3, citado en Jeifets y Reynoso, “Frente”, 2014, 35.

³² Énfasis añadido. RGASPI, f. 495, inv. 108, exp. 105, p. 5, en *ibídem*, 35.

³³ Jeifets y Reynoso, “Frente”, 2014, 35.

del comunismo” dentro del gobierno federal, quien advirtió a la dirección del partido sobre “la guerra” que el gobierno preparaba contra los comunistas, en base a los documentos que la Secretaría de Gobernación había reunido para comprobar la existencia de una conspiración contra el régimen, ante lo cual el gobierno estaba dispuesto incluso a romper las relaciones diplomáticas con la Unión Soviética. La carta agregaba: “no se hagan ilusiones ni anden engañando a los incautos. El gobierno conoce bien la fuerza de que Uds. disponen, que no es tan grande, ni mucho menos, como Uds. la pintan...”.³⁴

No obstante, el Partido Comunista calculaba que el desarrollo de los acontecimientos políticos jugaría a su favor. Calles le había “heredado” la presidencia a Portes Gil, pero seguía siendo el hombre fuerte de la política mexicana y, sobre todo, el líder que se había ganado la confianza absoluta del gobierno norteamericano, pagando el precio de la diplomacia del embajador Morrow, al reformar la ley del petróleo y darle la espalda a las demandas de obreros y campesinos. En otras palabras Calles era “el hombre del imperialismo yanqui en México”.³⁵ Sin embargo, Portes Gil no era un hombre sometido completamente al Jefe Máximo, y había dado muestras de intentar construir su propia base de poder, con un discurso “ultra-revolucionario” y algunas concesiones, como la creación de centros de población agrícola, y resoluciones favorables a los campesinos por parte de la Suprema Corte en los juicios de amparo. Por lo tanto, no era imposible plantear una lucha entre Calles y Portes Gil inmediatamente después de la derrota de la rebelión escobarista, pero más allá de quién lograra imponer su liderazgo, el resultado no sería otro que la total sumisión del gobierno mexicano al imperialismo. Por esta razón, el Partido Comunista convocaba a las masas a continuar la lucha, no sólo contra la reacción escobarista, sino contra el gobierno pequeño burgués y la amenaza del imperialismo norteamericano. En los cálculos del partido, la confrontación entre Calles y Portes Gil sería la fractura final de la familia revolucionaria, abriendo las puertas para la insurrección del proletariado.³⁶

A finales de abril, cuando el escobarismo comenzaba a sufrir derrotas en varias regiones, el partido alertó a los campesinos sobre las intenciones del gobierno para desarmarlos. El aniquilamiento de la rebelión no significaba la derrota de los cristeros y latifundistas, contra quienes los agraristas quedarían desprotegidos si entregaban sus armas. Además, como señalaban los comunistas: “tarde o temprano, la burguesía volverá las armas que hoy dirige contra los generales del Norte, contra la masa obrera y campesina para aplastar el empuje revolucionario de la clase

³⁴ RGASPI, f. 495, inv. 108, exp. 105, 6, en Jeifets y Reynoso, “Frente”, 2014, 33.

³⁵ “El papel de Calles. Hernán Laborde”, *El Machete*, año V, núm. 157, 23 de marzo de 1929, 2.

³⁶ “¿Portes Gil contra Calles? Hernán Laborde”, *El Machete*, año V, núm. 159, 6 de abril de 1929, 2.

trabajadora”.³⁷ Mantener las armas era fundamental para continuar la lucha por la disolución de los latifundios, la entrega de la tierra a los campesinos, y la conquista del poder. Así lo manifestó el diputado Hernán Laborde, quien se había convertido en uno de los principales portavoces del Partido Comunista, al señalar que ya nadie creía “en el socialismo de la revolución mexicana”,³⁸ y que la revolución de los obreros y campesinos estaba incubándose “en el seno de la vieja revolución burguesa”:

El Partido Comunista tiene ya un auditorio capaz de asimilar su doctrina y de hacerla fructificar en hechos. Es ahora cuando la joven burguesía nacional debe ponerse en guardia —y se pone ya, naturalmente— porque ha empezado una nueva etapa de la lucha, la etapa en que los obreros y campesinos van a mandar al diablo a sus redentores de ayer [...].³⁹

Es indudable que para abril de 1929, el “giro a la izquierda” de la Comintern estaba repercutiendo en las posturas radicales del Partido Comunista. Esta política llegaba a México a través de Alfred Stirner, quien como hemos visto, calculaba que la revolución proletaria podía triunfar en menos de un año, y se afianzó con la llegada del polaco Mijail G. Grollman, en marzo de 1929, como enviado de la Comintern. Otro signo más de este cambio fue la nota que el Partido Comunista publicó, en abril de 1929, respaldando la reciente expulsión de Trotsky de la Unión Soviética, calificándolo como un elemento que nunca había entendido el papel de los campesinos en la lucha revolucionaria, y ratificando su confianza “en el partido de Lenin”.⁴⁰ De esta forma, los comunistas mexicanos avalaban las primeras acciones producto del cambio de línea.

Sin embargo, no se puede afirmar que las posturas radicales del Partido Comunista se debieran a una aplicación mecánica, o a una obediencia ciega, de las directrices de Moscú. Para empezar, recordemos que la política de los comunistas mexicanos no siempre estuvo en coincidencia con la de la Internacional, como en la cuestión del antiparlamentarismo o en las tesis sobre el problema agrario. Además, la documentación sobre el Partido Comunista de la década de 1920, muestra que cada coyuntura política mereció un análisis serio y detallado, basado en la experiencia propia de sus militantes y dirigentes, más allá de lo acertadas o equivocadas que pudieran considerarse sus acciones. Por supuesto que estos análisis también seguían las resoluciones de los congresos de la Internacional, pero, como ocurría con los

³⁷ “¡Ni un solo fusil ni un solo cartucho deben entregar los campesinos armados!”, *El Machete*, año V, núm. 161, 20 de abril de 1929, 1.

³⁸ “La reacción vive y medra. Sólo la clase trabajadora, bajo la dirección del Partido Comunista, podrá aplastarla definitivamente”, *El Machete*, año V, núm. 162, 1 de mayo de 1929, 2.

³⁹ “Los últimos cartuchos. Por Hernán Laborde”, *El Machete*, año V, núm. 161, 20 de abril de 1929, 2-3.

⁴⁰ “Más confianza que nunca en el Partido de Lenin. A propósito de la expulsión de Trotzki”, *El Machete*, año V, núm. 159, 6 de abril de 1929, 2.

partidos comunistas de todo el mundo, la táctica de frente único daba lugar a muchas interpretaciones, a desviaciones de izquierda y de derecha.

En el caso de la situación política de 1929, el Partido Comunista tenía sobradas razones para distanciarse de los gobiernos revolucionarios, pues nada o muy poco habían obtenido tras el apoyo otorgado a las campañas electorales de Calles y Obregón, o a la derrota de las rebeliones de Adolfo de la Huerta (1923), Arnulfo Gómez y Francisco Serrano (1927). Podría argumentarse que el fracaso de la alianza con la pequeña burguesía no era motivo suficiente para convocar a las masas a la rebelión. Juzgando *a posteriori*, es obvio que los comunistas no contaban con la fuerza suficiente para tomar el poder en 1929, pero hay que considerar que ninguna revolución se intenta con garantía de victoria, como lo demuestra la abundancia de ejemplos de revoluciones fallidas —o incluso aquellas cuyo triunfo era impensado. Resulta más pertinente intentar comprender las razones que emitir juicios.

Los comunistas mexicanos dejaron constancia del hostigamiento y represión del que fueron objeto por parte de los gobiernos a nivel federal y estatal, del ejército y de las guardias blancas de los latifundistas. Primo Tapia e Isaac Arriaga habían sido asesinados en Michoacán, Francisco J. Moreno en Veracruz, Manuel Montes en Puebla, Julio Antonio Mella en la Ciudad de México, por mencionar a algunos de sus dirigentes más destacados, sin contar a los cientos de agraristas caídos durante las sublevaciones militares, ni a los campesinos asesinados en sus comunidades por solicitar dotaciones de tierras o negarse a devolver las armas. La gran cantidad de asesinatos a campesinos y obreros registrados en *El Machete*, nos muestra que el proceso de “institucionalización” del sistema político mexicano fue más violento de lo que suele pensarse. Por lo tanto, las intenciones futuras de sublevación pueden entenderse no solamente como la aplicación del “giro a la izquierda” de la Internacional, sino como una medida defensiva, tal vez desesperada, o como la toma de consciencia de que era preferible arriesgar la vida por un programa a sufrir la ineficacia de las vías legales y ser asesinado en el intento. Acertada o no, la decisión de morir luchando por banderas propias estaba fundada en la experiencia, no en imposiciones externas.

Bibliografía

1. Internacional Comunista, “VI Congreso de la Internacional Comunista (Primera parte)”, en *Cuadernos de Pasado y Presente*, núm. 66, Córdoba, 1977
2. Internacional Comunista, VI Congreso de la Internacional Comunista. Informes y discusiones (Segunda parte)”, en *Cuadernos de Pasado y Presente*, núm. 67, Córdoba, 1978, p. 82. Sobre las delegaciones latinoamericanas véase Manuel Caballero, *La Internacional Comunista y la revolución latinoamericana, 1919-1943*, 3ª edición, Editorial Alfa, Caracas, 2006, p. 73.
3. Internacional, “VI Congreso”, 1978, pp. 301-302.

4. L. Jeifets, V. Jeifets y P. Huber, *La Internacional Comunista y América Latina, 1919-1943. Diccionario biográfico*, Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias, Moscú / Institut pour l'histoire du communisme, Ginebra, 2004, pp. 95-96, 261-262.
5. Internacional, "VI Congreso", 1978, pp. 312.
6. "El Bloque Obrero y Campesino frente a la revuelta", *El Machete*, año IV, núm. 155, 9 de marzo de 1929, "Manifiesto del Partido Comunista a todos los obreros y campesinos de México", *El Machete*, año IV, núm. 155, 9 de marzo de 1929,
7. "Ante la situación. Por el diputado comunista Hernán Laborde", *El Machete*, año IV, núm. 155, 9 de marzo de 1929,
8. "Manifiesto de la Liga Nacional Campesina", *El Machete*, año IV, núm. 155, 9 de marzo de 1929,
9. Víctor Jeifets e Irving Reynoso, "Del frente único a la clase contra clase: comunistas y agraristas en el México posrevolucionario, 1919-1930", en *Izquierdas*, núm. 19, agosto de 2014, p. 33.
10. "Los agraristas armados, factor decisivo en la actual contienda electoral. Bajo la bandera roja defienden sus conquistas en Veracruz, Durango y otros estados", *El Machete*, año V, núm. 156, 16 de marzo de 1929, pp. 1, 4.
11. "El B. O. y C. de Veracruz ante la revuelta armada", *El Machete*, año V, núm. 156, 16 de marzo de 1929, p. 2.
12. "Si el gobierno no quiere entregar la tierra a los campesinos, los campesinos deben tomarla con sus propias fuerzas. La clase campesina ya no puede esperar nada del art. 27 ni de la Comisión Nacional Agraria", *El Machete*, año V, núm. 157, 23 de marzo de 1929, p. 1.
13. "El Bloque Obrero y Campesino", *El Machete*, año V, núm. 157, 23 de marzo de 1929, p. 2.
14. "Contra el gobierno de la pequeña burguesía, el gobierno obrero y campesino", *El Machete*, año V, núm. 157, 23 de marzo de 1929, p. 2.
15. Énfasis añadido, "Dos caminos", *El Machete*, año V, núm. 158, 30 de marzo de 1929, p. 2.
16. "Construyendo el Bloque Obrero y Campesino. Boletines y comunicados del Comité Ejecutivo del Bloque Obrero y Campesino Nacional", *El Machete*, año V, núm. 156, 16 de marzo de 1929, p. 3;
17. "Construyendo el Bloque Obrero y Campesino", *El Machete*, año V, núm. 158, 30 de marzo de 1929, p. 3;
18. "Construyendo el Bloque Obrero y Campesino. Los efectivos del Bloque", *El Machete*, año V, núm. 159, 6 de abril de 1929, p. 3;
19. "Construyendo el Bloque Obrero y Campesino", *El Machete*, año V, núm. 160, 13 de abril de 1929, p. 3;
20. "Construyendo el Bloque Obrero y Campesino. Se fundó con gran éxito el Bloque Obrero y Campesino en el Estado de Jalisco", *El Machete*, año V, núm. 161, 20 de abril de 1929, p. 3.

21. “Los que trabajan la tierra están con el Bloque Obrero y Campesino. El mitin del 7 en Tizayuca, Hgo. Discurso de Rodríguez Triana”, *El Machete*, año V, núm. 160, 13 de abril de 1929, pp. 1-4.
22. “Zapata”, *El Machete*, año V, núm. 159, 6 de abril de 1929, p. 3;
23. “Del momento. Zapata”, *El Machete*, año V, núm. 159, 6 de abril de 1929, p. 1;
24. “¡Toda la tierra, no pedazos de tierra! Dijo Zapata. Las enseñanzas de la Revolución del Sur. Entrevista con uno de sus generales, el compañero Rodríguez Triana, candidato del Bloque Obrero y Campesino”, *El Machete*, año V, núm. 159, 6 de abril de 1929, pp. 1, 4.

La Asociación de Amigos de Rusia como política de acercamiento de la Unión Soviética a América Latina

The Association of Friends of Russia as a policy of rapprochement of the Soviet Union to Latin America

Resumen: El artículo analiza las características asumidas por una de las primeras organizaciones soviéticas creadas en América Latina, la Asociación de Amigos de Rusia. La hipótesis que guiará este trabajo es que esta organización se ocupó de establecer un puente directo con el sector de los intelectuales, los artistas, los referentes de la cultura, etc. como un primer paso para la posterior generación de relaciones diplomáticas, políticas y económicas entre Moscú y algunos de los países latinoamericanos que, para el Estado soviético, tenían un determinado valor estratégico.

Palabras clave: la Unión Soviética; América Latina; la Asociación de Amigos de Rusia; política exterior; contactos directos.

Abstract: An article analyzes the characteristics assumed by one of the first Soviet organizations created in Latin America, the Association of Friends of Russia. The hypothesis that will guide this work is that this organization took care of establishing a direct bridge with the sector of the intellectuals, the artists, the referents of the culture, etc. as a first step for the subsequent generation of diplomatic, political and economic relations between Moscow and some of the Latin American countries that, for the Soviet State, had a certain strategic value.

Keywords: the Soviet Union; Latin America; the Association of Friends of Russia; foreign policy; direct contacts.

Presentación

En el presente ensayo analizaremos las características asumidas por una de las primeras organizaciones soviéticas creadas en América Latina, la Asociación de Amigos de Rusia. La hipótesis que guiará este trabajo es que esta organización se ocupó de establecer un puente directo con el sector de los intelectuales, los artistas, los referentes de la cultura, etc. como un primer paso para la posterior generación de relaciones diplomáticas, políticas y económicas entre Moscú y algunos de los países

¹ Ecuador, Academia Nacional de Historia de Ecuador

latinoamericanos que, para el Estado soviético, tenían un determinado valor estratégico.

Para ello, tendremos en cuenta el contexto en el que se produjo el origen de esta organización en 1925; su filiación en torno a la estructura del VOKS, en Rusia; su actuación principalmente en Argentina; la *Revista de Oriente* como su publicación de más amplio alcance; otras filiales creadas en la región y también en Argentina; quiénes fueron sus principales referentes y dirigentes; la relación con el Partido Comunista y con distintas organizaciones de Frente Único; algunas de sus principales iniciativas y actividades; las causas de su desaparición, a fines de los años '20; y su posterior vinculación con la entidad que en buena medida logró reemplazarla, la Asociación de Amigos de la Unión Soviética, creada luego de los festejos por los diez años de la Revolución Rusa.

De este modo, obtendremos un cuadro de una de las primeras estrategias planteadas desde Moscú para su acercamiento a los Estados latinoamericanos, en un momento de su historia en donde todavía prevalecían el desconocimiento, la desconfianza y, finalmente, también el rechazo hacia la Unión Soviética.

La estructura del VOKS

Uno de los principales desafíos a los que se vio enfrentada la flamante Unión Soviética una vez concretada exitosamente la revolución de 1917 fue la construcción de una nueva política exterior debido al aislamiento internacional en la que se encontraba. La violenta descomposición del régimen zarista, unida a los efectos de la Primera Guerra Mundial y fundamentalmente a la creación de una estructura política absolutamente novedosa y opuesta por igual al capitalismo y al imperialismo, habían sumido al flamante Estado obrero en una situación inédita, caracterizada por la ruptura total de relaciones políticas a nivel internacional y por el ataque constante por parte de aquellos países y potencias que veían en los lineamientos comunista impulsados por Moscú un severo cuestionamiento a su situación de predominio por sobre pueblos y naciones del mundo periférico.

Ante la ausencia de relaciones formales a nivel internacional, desde Moscú se operaron diversas estrategias para la generación de vínculos políticos y comerciales. Una de las apuestas más interesantes consistió en la promoción internacional de la vida artística, cultural y científica del joven Estado soviético. La Asociación Internacional para las Relaciones Culturales con los Países Extranjeros, conocido en ruso por la sigla VOKS (*Vsesoiuznoe Obshchestvo Kul'turnoi Sviazi s zagranitsei*) se convirtió desde su inicio en un órgano auxiliar dedicado fundamentalmente a la propaganda de los principales logros de la Unión Soviética en aquellos campos y ámbitos que podían generar un mayor atractivo en ciertas franjas de la población que no necesariamente eran receptivos hacia los valores socialmente transformadores

propios de la ideología comunista del régimen. Así, el VOKS tuvo como principal objetivo la difusión y el contacto cultural internacional entre escritores, compositores, músicos, cineastas, artistas, científicos, educadores y atletas de la URSS con los de otros países, receptivos e interesados en conocer al nuevo régimen revolucionario y de los trabajadores, fundamentalmente, gracias a una innovadora metodología propagandística y cultural.

Por tanto, y en términos operativos, la organización había sido creada con el objetivo de incentivar la cooperación científica y cultural con los principales países occidentales, luego de la exitosa firma del Tratado de Rapallo, concretado con Alemania en 1922, que no sólo le había valido el reconocimiento de este país, sino que al mismo tiempo había favorecido el quiebre del bloque de naciones contrarias a la supervivencia de la Unión Soviética. Para los principales estrategas de la política exterior de Moscú, el siguiente paso era apuntar al reconocimiento por parte de Gran Bretaña, Francia y los Estados Unidos, bajo la premisa de la “coexistencia pacífica” y, posteriormente, del “socialismo en un solo país”. Las proezas científicas y los logros culturales y artísticos podían convertirse en un mecanismo suficientemente seductor para revertir la imagen negativa de un gobierno identificado por su sentido impugnador del orden capitalista.

En mayo de 1925 la Asociación habría sido planificada para su futura creación, es decir, menos de un año después del V° Congreso de la Comintern en el que se adoptaría como premisa central para el fortalecimiento de la Unión Soviética y del movimiento comunista internacional la estrategia de “Frente Único”. No resulta casual, por tanto, que una entidad de estas características surgiera en una etapa fundamental para la supervivencia del régimen bolchevique, en la que luego del retroceso marcado por el final de la etapa revolucionaria en Europa se encaró, en cambio, una nueva directriz marcada por las conjunciones “por abajo” con sindicatos y partidos obreros, al mismo tiempo en que se ensayaban renovadas alianzas tácticas con sectores burgueses, intelectuales y de las clases medias con los que podían existir coincidencias en cuanto a un cuestionamiento al sistema capitalista y una incipiente solidaridad frente al destino del primer Estado obrero de la historia.

En momentos en que también se creaban otras entidades auxiliares, con un perfil similar, como la Liga Antiimperialista de las Américas, el Consejo de Comisarios del Pueblo finalmente aprobó por decreto la creación de esta Asociación el 8 de agosto de 1925, en momentos en que dicho Consejo era presidido por el moderado Alekséi Rýkov y como canciller oficiaba Gueorgui Chicherin. Quedaba así constituido el VOKS como una iniciativa gubernamental del más alto nivel y como una de las principales herramientas para la reconstrucción de la política exterior soviética, si bien en dicha ocasión se decidió que por su labor propagandística esta entidad debía funcionar bajo la órbita del Comisariado de Cultura y Propaganda, por aquel tiempo, en manos de Anatoli Vasilievich Lunacharsky.

Más allá de aquellos términos formales que explican su surgimiento y su relativo éxito en la promoción y difusión de las principales aportaciones de la nueva cultura soviética, la Asociación descansó en tres cabezas que le otorgaron desde su vitalidad para encargar proyectos de relacionamiento internacional en situaciones realmente adversas así como también una fina visión táctica y estratégica para asegurar su propia supervivencia y su capacidad de reconversión frente a los sucesivos cambios políticos que nutrieron a la Unión Soviética desde mediados de los años veinte.

El principal sostén institucional de la Asociación fue su presidenta, Olga Davidovna Bronstein, mejor conocida como Olga Kameneva (y también como “Madame Kameneva”). Se trató de una figura bolchevique con peso propio, más allá de ser la hermana de Lev Trotsky y la primera esposa del dirigente Lev Kámenev. Sus importantes antecedentes revolucionarios y su amistad personal con Lenin le permitieron a Kameneva sus primeros cargos públicos al frente de la División Teatral y en la dirección del Partido Comunista. Pero sería a partir de 1921 cuando iniciaría su recorrido por las organizaciones de apoyo a la Unión Soviética, siempre como uno de sus cuadros directivos. Así, se destacó como una de las principales figuras de la Sociedad Internacional de Ayuda Obrera, creada en Berlín para combatir la trágica hambruna que se abatió sobre Rusia entre 1921 y 1922, y que se constituyó en el antecedente directo del Socorro Obrero Internacional, conducida por el dirigente alemán Willi Münzenberg. Luego estuvo al frente de la Comisión para la Ayuda Extranjera, encargada de regular y de eliminar a la Asociación de Socorro Americana (ARA) creada por el presidente Herbert Hoover con la intención de contribuir a combatir el hambre en Rusia. Entre 1925 y 1929, finalmente, asumió la dirección del VOKS, capitalizando de ese modo la gran experiencia internacional acumulada en los últimos años en la promoción y difusión de los principales logros culturales y científicos de la revolución del '17. La labor de Olga en la dinámica cotidiana del VOKS fue fundamental, a punto tal que no pocos visitantes como Walter Benjamin, denominaban a esta entidad como el “Instituto Kameneva”.

En segundo lugar, a nivel de las estructuras de poder soviéticas, debemos destacar la labor desarrollada por Maxim Litvinov, un dirigente de la vieja guardia bolchevique con suficientes contactos en los Estados Unidos y en Gran Bretaña como para desarrollar una destacada carrera como embajador itinerante y plenipotenciario. En 1921 fue designado por Lenin como vicecomisario de Asuntos Exteriores, cuando al frente de la cancillería soviética se encontraba Gueorgui Chicherin, con quien las diferencias y los choques fueron cada vez mayores ante la mirada dispar frente a los grandes problemas de la política exterior de aquellos años. Siendo el segundo hombre de la cancillería, Litvinov asumió la dirección política del VOKS como uno de los principales instrumentos para el establecimiento de relaciones con el mundo occidental y fue posiblemente quien más bregó para la supervivencia de la

entidad una vez que se convirtió en Comisario en 1930, en momentos en que en el mundo de la Comintern era hegemónica la visión de “clase contra clase” y al mismo tiempo en que Stalin conquistaba todo el poder en la Unión Soviética.

Finalmente, un tercer apoyo que tuvo el VOKS fue a través de Boris Skvirsky, una pieza clave en el progresivo relacionamiento de Moscú con Washington. Cuando todavía no existían las relaciones institucionales entre la Unión Soviética y los Estados Unidos, Skvirsky ofició como “embajador informal” entre 1923 y 1933, por lo que en el inicio de su gestión diplomática encabezó la Oficina de Información sobre Rusia, completamente alineada al gobierno de Moscú, y que promovió el intercambio cultural de libros entre los dos países como una de sus iniciativas más exitosas. A partir de 1925, Skvirsky fue uno de los principales apoyos del VOKS en los Estados Unidos, principalmente en las ciudades de Washington y de Nueva York, y en lo fundamental hasta fines de la década del veinte, cuando resultó evidente la pérdida de influencia de la organización

Aunque pertenecía al universo soviético, a partir de su creación el aparato del VOKS mantuvo siempre su propia autonomía, ya que desde un principio fue visto como una pieza clave del acercamiento de Moscú con los países occidentales, y por lo tanto, como un puente institucional que fue preciso preservar más allá de los cambios de rumbo y de estrategia de construcción. En este sentido, y aunque en su origen fue una entidad creada bajo el concepto leninista de las organizaciones auxiliares, es decir como “correas de transmisión” entre la masa y la dirección partidaria, y que por lo tanto actuaban como soporte del partido comunista, lo cierto es que el VOKS vivió desde sus inicios una situación privilegiada, como una verdadera organización internacional, al poder ejercer una suerte de “*soft power*” en la capacidad de influencia internacional por parte de la Unión Soviética en cuanto a su política exterior.

Más allá de su finalidad meramente propagandística y de una campaña política que buscaba el reconocimiento internacional de la Unión Soviética a partir de elementos aparentemente no conflictivos, como la vida cultural e intelectual del nuevo Estado obrero, lo cierto es que en aquellos países donde el VOKS finalmente se establecía, éste era mirado con recelo por parte de los gobiernos, y era frecuentemente criticado por los funcionarios y autoridades policiales. Sobre esta entidad pesaba la sombra de una política comunista encubierta, y de ligazones ocultas con las estructuras de la Comintern o, mejor aún, de los partidos comunistas.

El contexto de creación de la Asociación de Amigos de Rusia en Argentina

La fundación de la Asociación de Amigos de Rusia en Argentina en 1925, prácticamente al mismo tiempo en que era creado el VOKS en la Unión Soviética,

revela en principio la estrecha relación existente entre las organizaciones comunistas y culturales de estos dos países. Según había declarado Olga Kameneva en un artículo reproducido en el segundo número de la *Revista de Oriente*, la filial argentina había sido la primera en ser fundada en el “continente americano” (aunque es posible que en realidad se trata de la región latinoamericana). Sólo la antecedían una primera experiencia en Alemana fundada en 1923, y asociaciones directamente ligadas al VOKS en Inglaterra, en Francia y en Italia (aun pese al clima de terror impuesto por el fascismo). En el caso particular de los Estados Unidos, si bien existían relaciones entre algunas instituciones culturales y educativas (universidades, bibliotecas, centros de investigación, etc.) con sus pares soviéticas, hubo grandes dificultades para crear una sección de dicha Asociación, la que finalmente fue establecida en 1924 por el dirigente comunista Alfred Wagenknecht sobre la base de la asociación “Amigos de la Rusia Soviética” creada en 1921. Argentina se convertía así en el primer país latinoamericano en desarrollar este tipo de organizaciones afiliadas al comunismo ruso, con un perfil cultural y político abierto y plural.

La Asociación argentina fue desde un inicio una típica expresión de la estrategia del “frente único”, prevaleciente por aquella época en el movimiento comunista, en la que se intentaba conjuntar las acciones de aquellos militantes o intelectuales directamente referenciados en el Partido, con aquellos otros que, si bien eran refractarios a insertarse en su estructura, hacían notar en cambio su firme intención solidaria con el proceso revolucionario que por entonces se desenvolvía en la Unión Soviética. Para conformar la Asociación, el VOKS estableció contactos con el Partido Comunista, con diversas ligas y grupos solidarios con el proceso revolucionario como el “Comité de Apoyo a los Estudiantes Rusos”, con la “Asociación de Amanes del Arte”, así como con diferentes editoriales, museos y universidades, sin descartar, claro está, aquellos emigrados rusos que vivían en Argentina incluso desde fines del siglo XIX y que ahora se encontraban próximos o definitivamente insertos dentro del Partido Comunista.

Más allá de este primer puente cultural y científico, lo cierto es que hasta ese año, las relaciones entre la Unión Soviética y Argentina eran muy débiles, prácticamente inexistentes. En este sentido, y a diferencia de lo sucedido con el Estado mexicano, que se convirtió en el primer país latinoamericano en brindar su reconocimiento formal a la Unión Soviética, las relaciones con la Argentina fueron altamente complejas y, en un punto, hasta contradictorias.

Así, mientras que en un principio el presidente Hipólito Yrigoyen se opuso a mantener relaciones diplomáticas con Moscú debido al trato sufrido por su representante político en Petrogrado, J. Naveillan, en tiempos de la insurrección popular, por el contrario, el gobierno de Lenin intentó llevar a cabo una política de acercamiento fundamentada en la neutralidad argentina durante la Primera Guerra Mundial y en el rechazo a querer sumarse a la ofensiva capitalista abierta contra la Unión

Soviética inmediatamente después de producida la revolución. Sin embargo, en 1921 y ante la grave crisis alimentaria que por entonces se vivía en Rusia, el gobierno de Yrigoyen autorizó a un representante comercial soviético la compra de cereales y de otros productos de primera necesidad. Mientras tanto, y ya con Marcelo T. de Alvear en el poder, en 1924 hubo una respuesta negativa a la propuesta soviética por crear en Buenos Aires una filial de la Compañía Oficial Soviética para el Comercio Exterior (ARCOS), destinada a realizar operaciones de compra y venta, aun cuando casi al mismo tiempo el Senado aprobaba una extensión de la legación argentina en la URSS para que también pudiera abarcar a otros países de la región en cuestiones comerciales. Por último, y durante 1925, año de la fundación de la Asociación de Amigos de Rusia, hubo insistentes pedidos por parte de Chicherin para que el gobierno de Alvear reconociera plenamente a la Unión Soviética sin ningún resultado concreto ya que, como mencionó un funcionario argentino en Berlín, “en este asunto, Argentina seguirá los pasos de los Estados Unidos de Norteamérica, sin adoptar una actitud independiente”. Esta situación recién comenzaría a ser revertida hacia fines de 1927, una vez fundada en Argentina la Yushamtorg (sigla de “Organización para el Comercio con América Latina”), de fundamental importancia en la política petrolera del segundo gobierno de Yrigoyen².

Frente a las débiles relaciones entre ambos países, la intención de la nueva organización era la de solicitar “el apoyo y la cooperación de los estudiantes, intelectuales y obreros del país, que vean con simpatía la obra de la Revolución Rusa y quieran contribuir a su mejor conocimiento entre nosotros”, según se declaraba en el primer número de la publicación de la Asociación, la *Revista de Oriente*, de junio de 1925. Igualmente, la participación en su interior de intelectuales cercanos al comunismo, como Arturo Orzábal Quintana, uno de los fundadores y secretario de la organización, junto con dirigentes partidarios como Victorio Codovilla, Oscar Montenegro Paz y Marcelino Punyet Alberti, y de militantes provenientes de las filas del socialismo y el sindicalismo, como Alejandro Castiñeiras y Bartolomé Bossio, también nos refiere a la política de “frente único”, es decir, a la puesta en marcha de diverso tipo de emprendimientos políticos por parte del comunismo con distintas expresiones del campo de la izquierda y del progresismo en general.

Respecto al movimiento comunista argentino y latinoamericano, el año 1925 implicó una serie de cambios fundamentales para su fortalecimiento político e ideológica, pero particularmente, para su alineamiento respecto a las directivas emanadas desde Moscú. A mediados de 1925 prácticamente al mismo tiempo en que se ponía en marcha la Asociación de Amigos de Rusia, el Partido Comunista de Argentina viviría un vuelco fundamental para el futuro de esta organización cuando el trío encabezado por José Fernando Penelón, Vittorio Codovilla y Rodolfo Ghioldi

² Siepe, Raimundo y María Monserrat Llairó 1994 “Peripecias de la diplomacia argentina en la Revolución Bolchevique”, en Revista Todo es Historia (Buenos Aires) Mayo, N° 322.

logró hacerse con el control de la dirección partidaria, iniciando así un proceso de depuración de aquellos militantes “chispistas” que ahora, fuera de esta estructura, conformarían el “Partido Comunista Obrero” que por lo menos hasta 1927 rivalizó con el PCA por la obtención del reconocimiento oficial por parte de la Comintern. También en Argentina en ese mismo año se fundó la Unión Latinoamericana, punto de encuentro de intelectuales de izquierda en el que las posturas moderadas convivieron cada vez con mayor dificultad con aquellas otras más radicales, directamente vinculadas con la defensa de la Unión Soviética, y en el que desarrollaría su incipiente actividad política Arturo Orzábal Quintana, el futuro líder de la Asociación de Amigos de Rusia. Por último, también en 1925 fueron fundadas dos entidades de amplio peso político dentro del comunismo latinoamericano, y con profunda inserción en la estructura de la Internacional Comunista: fueron los casos de la Liga Antimperialista de las Américas, con sede en la ciudad de México, y del Secretariado Sudamericano, ubicado en Buenos Aires.

Principales acciones de una nueva entidad

La Asociación de Amigos de Rusia nació en Argentina como una iniciativa del Partido Comunista: para dirigir a esta organización se buscó un perfil que en términos amplios coincidiera con la política desarrollada desde el partido y que conservara una referencialidad favorable hacia la Unión Soviética, si bien se calculó cuidadosamente la necesidad de preservar un sentido de “independencia” y de “autonomía” frente a la estructura comunista, justamente, para no restringir apoyos y adhesiones. Arturo Orzábal Quintana era aparentemente quien mejor podía cumplir el papel requerido, si bien su personalidad y experiencia política no representaban tampoco el mejor antecedente para encabezar la flamante entidad.

En este sentido, se era sabido en los círculos de la izquierda que Arturo Orzábal Quintana resultaba un dirigente sumamente habilidoso para desplazarse por las aguas del yrigoyenismo y del reformismo sin por ello dejar de lado sus ocultas relaciones con la Unión Soviética. La participación de Arturo Orzábal Quintana como “amigo” del comunismo se extendería por bastante tiempo, más allá de los alineamientos políticos asumidos en la Argentina que lo terminarían acercando al gobierno de Yrigoyen en los últimos años de la década del '20. Así, en una nota proveniente de la Oficina del Secretariado de América Latina y firmada a poco de ser creada la Asociación de Amigos de Rusia se aseguraba que “en la medida en que ‘Orizabal’ (sic) trabaje a favor de la Unión Soviética y no ataque al PC de Argentina con su propaganda, el Secretariado Latinoamericano no tiene objeciones a que la Sociedad de Relaciones Culturales de la Unión Soviética (“VOKS”, por su denominación en ruso) lo utilice dentro de los límites de su propia actividad que no está bajo el control directo de la Internacional Comunista”.

Los propósitos de la Asociación de Amigos de Rusia, revelados desde el primer número de su revista, también nos refieren a las claras la intencionalidad que motivó su constitución, así como también el marco de referencialidades simbólicas con la que intentó estructurar su propia identidad política. Así, se afirmaba en la *Revista de Oriente* que “la última guerra europea ha acelerado el despertar de una nueva conciencia humana. Una tragedia tan inmensa no podía resultar estéril. Por encima de los escombros de la guerra, Rusia encarna hoy el anhelo universal de realizar una humanidad nueva y, por eso, frente a la política imperialista de Occidente representada por los Estados Unidos, es para nosotros el símbolo de una nueva generación. Queremos recoger en nuestras hojas el esfuerzo que a la par de Rusia se realiza en México, Marruecos, China, la India y desde el fondo de las masas obreras y campesinas de todo el mundo para divulgarlo entre los obreros e intelectuales de nuestro país y de toda América del Sur” (N° 1: 1).

Pese al inmenso desastre que supuso la Gran Guerra en su momento, ella al menos resultó útil para aclarar los verdaderos términos del conflicto, situados ahora entre una potencia decadente, el “Occidente”, representado por los Estados Unidos, y un conjunto de pueblos y naciones de todo el mundo que lucha por eliminar el yugo imperialista que los constriñe bajo la inspiradora guía de Rusia, el “Oriente”, convertida desde su revolución en “patria de los trabajadores” y en símbolo de renovación de la humanidad. En este sentido, el “nuevo” Oriente ya no era tan sólo Rusia, apoyada por las luchas independentistas y nacionalistas al mismo tiempo desarrolladas en China y la India: América Latina, por su situación de sujeción, pero también por sus ansias de libertad e igualdad social, merecía formar parte de este nuevo conglomerado más cultural que geográfico³.

Aunque sus fines eran eminentemente políticos, la Asociación pro Rusia decidió constituirse como un ente fundamentalmente cultural, interesado en difundir los avances de las ciencias y las artes soviéticas dentro del medio intelectual de la Argentina. Más allá de este objetivo prioritario, subyacía en cambio una intencionalidad que trascendía lo cultural y que utilizaba este aspecto como un puente legítimo para posibilitar el acercamiento político y comercial con la Argentina. La Asociación asumía de este modo los mismos lineamientos estratégicos perseguidos por el VOKS, la entidad que en Rusia actuaba como un gran paraguas conceptual y político de otras organizaciones similares establecidas en distintos países del mundo.

Detallando sus objetivos, la Asociación se propuso “1) propagar en el ambiente intelectual y obrero del país la obra constructiva que se opera en la Rusia soviética en el terreno político, económico y cultural; 2) luchar por el reconocimiento del go-

³ Para el concepto marxista de “Oriente” en los años ’20 del pasado siglo, su impacto en la intelectualidad y la juventud política latinoamericana, y su significado como “mundo no europeo”, inspirado en los movimientos revolucionarios y nacionalistas de Asia frente a las desgastadas fórmulas positivistas, ver Devés y Melgar (2005).

bierno ruso y la iniciación de las relaciones comerciales con Rusia; 3) propender a un acercamiento entre los círculos obreros e intelectuales del país con los de Rusia; 4) analizar el espíritu de posguerra y el estado político y social de los países triunfantes y vencidos en la última contienda; 5) solidarizarse y ayudar económicamente al estudiante de cualquier parte del mundo que en sus luchas necesite de nuestra ayuda” (*Revista de Oriente*, N° 1: 1925). Así, la vanguardia intelectual argentina, a través de una amplia política de clases, se convertía en un instrumento idóneo de irradiación de la cultura soviética rusa en la búsqueda de su legitimación y como primer paso para el reconocimiento político y el intercambio comercial entre ambos países, dificultados ambos en gran medida por presiones británicas, según se sospechaba desde Moscú⁴ (Carr, 1974: 333, vol. III).

Los medios propuestos para cumplir con estos objetivos eran muy variados e incluían desde la publicación de la mencionada revista y la realización de conferencias públicas en instituciones culturales y sindicales, a la creación de una biblioteca especializada en el material ruso y la celebración de reuniones periódicas de discusión sobre “asuntos rusos”. Por último, también se resolvió impulsar la publicación de aquellos folletos y obras de propaganda que se consideraran necesarios para el sostenimiento de la causa.

Hasta su desaparición, ocurrida en los últimos años de la década del ‘20, la Asociación encaró diversos actos públicos por el establecimiento de relaciones entre Argentina y la Unión Soviética. Dadas las características de la Asociación, por lo general, estos actos contaron con la participación de representantes de partidos y fuerzas políticas y sociales de izquierda, sin que necesariamente manifestasen una militancia activa dentro del comunismo. Así, por ejemplo, el 12 de septiembre de 1926 se realizó un encuentro en el que participaron, como oradores, Marcelino Punyet Alberti (por parte de la Asociación), Alejandro Castiñeiras y Enrique Dickmann (por el Partido Socialista), Alfredo Palacios (por la Unión Latinoamericana y la Federación Universitaria de La Plata, entre otras organizaciones) y Rodolfo Ghioldi (por el Partido Comunista).

También se llevaron a cabo eventos de solidaridad latinoamericana con aquellos países afectados por la política imperialista estadounidense, como fue el caso del acto “Pro México”, celebrado el 21 de agosto de 1926 como respuesta frente a la presión bélica estadounidense contra el gobierno de Calles, y en que intervinieron Antonio de Tomasso (socialista), Rodolfo Ghioldi (comunista) y Francisco Márquez Miranda (por la Unión Latinoamérica), además del ministro mexicano Lerdo de Tejada, presente durante la conferencia. Por último, esta serie de actos se caracterizaron por contar con la presencia de dirigentes e intelectuales de la izquierda argentina, como Arturo Orzábal Quintana (quien a principios de noviembre de 1926

⁴ Carr, E. H, *Historia de la Rusia Soviética 1. La revolución bolchevique (1917-1923)*, 1974.

dio una charla auspiciada por la Asociación sobre la situación política de la Unión Soviética), Victorio Codovilla y Carlos Sánchez Viamonte, así como también de militantes exiliados, como fue el caso del peruano Eudocio Ravines.

A nivel de las relaciones internacionales, y más allá de sus contactos con organizaciones similares existentes en Europa y con la Unión Soviética, la Asociación también se vinculó, casi desde su misma constitución, con el grupo de intelectuales franceses filocomunistas nucleados en torno a la revista *Clarté (Claridad)*, editada por Henri Barbusse, y a la llamada “Internacional del Pensamiento”⁵.

En el contexto regional, la Asociación argentina también brindó una importante ayuda para la constitución de distintas secciones en otros países, como fue el caso de la constitución de la filial uruguaya, en noviembre de 1925, y de la chilena, creada a principios de 1927 y presidida por Galvarino Arauco, aunque de corta vida debido al inicio de la dictadura de Ibáñez. Y en un sentido similar, la Asociación se ocupó de crear secciones en diversas ciudades del interior del país, habiendo sido las más importantes las de Rosario y La Plata. Por otra parte, y con respecto a las relaciones de la Asociación con otras organizaciones políticas y culturales de similar corte antiimperialista, fue importante la vinculación establecida con el APRA de Haya de la Torre, ya que varios de sus militantes, exiliados en la Argentina, tenían una destacada participación en ella: en este sentido, para la asamblea nacional del 1° de noviembre de 1926, organizada por la Asociación en Buenos Aires, concurrió como delegado por la sección de La Plata el dirigente estudiantil de origen peruano Luis Heysen (el mismo que para principios del siguiente año fungiría como secretario de esa filial).

⁵ El grupo “Claridad” pertenecía a la “Internacional del Pensamiento” (o “Liga de Solidaridad Intelectual por el triunfo de la Causa Internacional”, tal su nombre completo) que, bajo el liderazgo del comisario de cultura de la Unión Soviética Anatoli Lunacharski, integró en su comité directivo al escritor armenio Akop Akopian, y a los intelectuales franceses Henri Barbusse y Paul Vaillant Couturier, entre otros. En París congregó bajo la influencia de Barbusse a un destacado núcleo de pensadores y humanistas que defendían a la Revolución Rusa y al pacifismo, como Georges Brandes, Anatole France, Charles Gide, Charles Richet, Jules Romains, Upton Sinclair, H. G. Wells y Stephan Zweig que, ciertamente, fungían como la izquierda comunista de esta agrupación cultural, en tensión con su ala surrealista y “ultrarrevolucionaria”. *Relación de documentos sobre México en el Centro Ruso* (Biblioteca Manuel Orozco y Berra-Instituto Nacional de Antropología, México) Rollo N° 13 N° 541-1-128. En Argentina se formó un primer grupo “Claridad” en el ala izquierda del Partido Socialista, que publicó la revista del mismo nombre bajo la dirección de Rodolfo Troncoso y con los aportes monetarios de José Ingenieros. Hubo luego otras dos publicaciones que adoptaron la misma denominación: una dirigida por José P. Barreiro y la otra por Antonio Zamora que, a partir de 1926, se constituiría en Ateneo, editorial y “Tribuna libre del pensamiento izquierdista”, verdadero punto de encuentro político y, sobre todo cultural, entre las distintas corrientes de izquierda y progresista. Por último, también es de destacar el fuerte impacto generado por el grupo *Clarté* en intelectuales y marxistas latinoamericanos como fue el caso de José Carlos Mariátegui, quien por medio de su célebre revista *Amauta* reconocía la inspiración ideológica de Barbusse y su círculo (Corbiere, 1976: 19 *infra*).

La *Revista de Oriente* contó con un total de 12 números que salieron entre junio de 1925 y septiembre de 1926. Dirigida por Orzábal Quintana, la publicación se dedicó tanto al análisis de las luchas antiimperialistas en distintas regiones del mundo (China, Medio Oriente, América Latina, etc.) como a la divulgación del arte, las ciencias y la cultura soviética. Con una gran cantidad de fotografías (característica bastante novedosa para una publicación de la época), la *Revista de Oriente* contó con un importante cuerpo de colaboradores, tanto argentinos como extranjeros. En sus páginas se publicaron artículos de José Carlos Mariátegui, Esteban Pavletich, Julio Antonio Mella, V. R. Haya de la Torre, Rafael Ramos Pedrueza, Alfons Goldschmidt, etc. Y su filiación latinoamericanista fue reafirmada constantemente cuando un aviso aparecido en todos sus números, recomendaba también la compra de la revista *El Libertador*, el órgano de la Liga Antiimperialista de las Américas editado en México.

Debido a la participación de Arturo Orzábal Quintana en la Unión Latinoamericana, en donde llegaría a desempeñarse como su secretario general, para agosto de 1926 la Asociación debió tener un nuevo titular. El Partido Comunista optó, en este caso, por seleccionar a un cuadro político salido de sus propias filas, pero con la suficiente visibilidad por fuera del campo estrictamente partidario. De este modo, se procedió a designar para el cargo de secretario general a Honorio Barbieri, dirigente comunista vinculado al ámbito cultural y artístico argentino a partir de su rol como editor, traductor y como impulsor de aquellos escritores vinculados al espacio soviético o solidarios con el movimiento de las izquierdas⁶.

En una entrevista concedida a *La Internacional*, en el número aparecido el 1° de agosto de 1926, Barbieri se refería a la Asociación como una “organización no bolchevique”, aunque solidaria con la experiencia revolucionaria rusa. Sin embargo, y a tono con las campañas antiimperialistas desarrolladas en gran parte del mundo, la Asociación también se declaró vivamente interesada por la suerte de las restantes naciones latinoamericanas, igualmente sometidas por el colonialismo inglés y norteamericano: así fue como la Asociación dio su apoyo a México en su enfrentamiento con los Estados Unidos y con la Iglesia. A fines de enero de 1927, y debido a que Honorio Barbieri asumió la dirección de la filial argentina del Socorro Rojo Internacional, fue el periodista y cuadro comunista Oscar Montenegro Paz quien finalmente se hizo cargo de esta organización: su desafío más urgente fue recuperar

⁶ En 1928 Honorio Barbieri dirigió la revista *La Literatura Argentina*, publicación mensual que tenía la finalidad de reseñar libros, revistas y diarios nacionales. Los críticos literarios que trabajaban en ella eran, entre otros, José María Monners Sans, Pablo Rojas Paz, Carlos Mastronardi, Arturo Cambours Ocampo y Horacio Rega Molina. Por esta misma época también fue colaborador de la revista *Claridad* y de la *Revista de Ciencias Económicas*, publicada por la Facultad de Ciencias Económicas de la UBA, con participación de docentes y estudiantes. Posteriormente, participaría como enlace desde Argentina de la *Revista Diógenes. Revista Internacional de Ciencias Humanas*.

la economía de la Asociación y particularmente de la *Revista de Oriente* para continuar con su publicación⁷.

Los últimos tiempos de la Asociación

Algunas de las últimas acciones emprendidas por la Asociación tuvieron lugar cuando, a principios de 1927, su sección platense dio a conocer una declaración contraria a la invasión norteamericana a Nicaragua y cuando, unas semanas más tarde, y, junto con otras organizaciones como el Socorro Rojo Internacional y el Socorro Obrero Internacional, la central de Buenos Aires formó parte del Comité de Recepción del barco soviético Tovarich que, como parte de una gira propagandística, intentó llegar a Buenos Aires en enero de 1927, luego de haber hecho escala en Montevideo. Por otra parte, el 26 de febrero de 1927 tuvo lugar un acto de solidaridad con los nacionalistas chinos en el que participaron Rodolfo Ghioldi (por la Asociación), Euclides Jayme (Unión Latinoamericana) y un parlamentario socialista del que *La Internacional* no especificó su nombre.

Aunque aletargada y convertida en un mero apéndice partidario, sin mayor inserción social y política, en julio de 1927, la Asociación fue finalmente reorganizada con el objetivo de reconstituir su fracción comunista en momentos en que a nivel internacional la organización parecía reverdecer con motivos de los festejos por los primeros diez años de la Revolución Rusa⁸. Sin embargo, y luego del cónclave en Moscú, la Asociación de Amigos de Rusia finalmente comenzó a disolverse. Para los miembros del Partido Comunista Obrero, rival desde el año anterior del PCA y con una orientación más radical, que los comunistas “ortodoxos” no tardarían en calificar como “trotskista”, la “Asociación de Amigos de Rusia no produjo efecto alguno al ser ésta una organización devaluada y sin credibilidad por parte de intelectuales y clase media”.

Con todo, la Asociación pareció resurgir a fines de 1927 cuando en el mes de noviembre se realizó en Moscú el Congreso Mundial de Amigos de la Unión Soviética con la doble intención de llevar a cabo un amplio festejo por los primeros diez años de la revolución y del régimen comunista y, al mismo tiempo, de llevar a cabo un pronunciamiento público por parte un amplio y plural conjunto de intelectuales y trabajadores comunistas y socialdemócratas durante los graves momentos del aislamiento internacional de la URSS y del miedo a la guerra. Aparentemente, el organizador del encuentro, al que asistieron casi mil representantes de 47 países, fue el dirigente alemán Willi Münzenberg. A su vuelta, los delegados más destacados se

⁷ Ver carta de Oscar Montenegro Paz a José C. Mariátegui del 21 de abril de 1927 existente en el archivo José Carlos Mariátegui (Lima, Perú). PE PEAJCM SEA-F-01-03-3.2-1927-04-21.

⁸ Ver Acta N° 27 del 24 de julio de 1927 del Comité Regional de la Capital Federal del PCA en la sección “Amigos de Rusia” (CCC 329.15/82 PCa 8).

ocuparon de fundar sociedades o comités de Amigos de la Unión Soviética en sus países de origen, como de hecho ocurrió en Gran Bretaña, Francia, Alemania, etc. La labor proselitista de la nueva Asociación fue muy importante en Europa entre 1927 y 1928, a punto tal que llegó a opacar el trabajo político realizado por otras organizaciones de apoyo y de similares características como la Liga contra el Imperialismo.

El VI° Congreso de la Comintern, realizado en Moscú a mediados de 1928, ratificaría a nivel global aquellos cambios estratégicos que se habían empezado a concretar desde el año anterior y que apuntaban a la disolución de los anteriores acuerdos con organizaciones partidarias y sindicales no comunistas y, en cambio, a la radicalización política de los obreros y campesinos. El movimiento comunista preveía una próxima y profunda crisis del capitalismo (que algunos analistas incluso veían como terminal para el sistema) y por tanto asumieron la tarea estratégica de planificar una revolución socialista que, según la perspectiva de aquel momento, fue incluso considerada como inevitable. Sucedió así una pérdida de sentido político del anterior lineamiento del “frente único”, con un debilitamiento (cuando no la decretada desaparición) de los organismos auxiliares y de aquellas entidades del universo comunista que debían servir como puente articulador con distintos sectores, y con un ámbito de reclutamiento de nuevos militantes y cuadros políticos. Como corolario del VI° Congreso, en septiembre de 1928 tuvo lugar una reestructuración del secretariado de la Comintern por el que se apuntó a un mayor control de las organizaciones auxiliares en su transición hacia el nuevo esquema de “clase contra clase”.

Bajo este nuevo esquema, un nuevo grupo de dirigentes comunistas, cada vez más ligados con la figura cada vez más omnipresente de Stalin, pasaron a hacerse cargo del funcionamiento y las actividades de los frentes auxiliares, los que a partir del VI° Congreso de la Internacional Comunista y de la radicalización del movimiento obrero, en realidad tenían un margen de acción cada vez menor. El finlandés Otto Kuusinen se hizo cargo de la Liga contra el Imperialismo, de la sección de Agitación y Propaganda de la Comintern y de la Internacional del Pensamiento; Bohumír Šmeral tomó a su cargo el Socorro Rojo Internacional; Osip Pianitsky asumió la coordinación general del Socorro Obrero Internacional; finalmente, David Petrovsky se responsabilizó por el funcionamiento de la Asociación de Amigos de Rusia.

A primera vista, David Petrovsky pareció ser la persona indicada para asumir los destinos de esta organización frente a los cambios que hacían temer por su supervivencia en el futuro cercano. Nacido como David Lipetz, pero también conocido bajo una gran diversidad de seudónimos (entre los que estaban Max Goldfarb, Bennett, Humboldt, Brown, etc.) este verdadero cuadro de la Comintern había ganado su reputación por una extensa militancia desarrollada en países tan diversos como Rusia, Francia, Bélgica y Estados Unidos. Una vez concretada la Revolución en 1917, a Petrovsky se le encomendó la difícil tarea de recrear las escuelas técnicas y

militares que habían sido destruidas por la guerra civil en la Unión Soviética, labor que cumplió exitosamente. Pero seguramente fueron sus nuevas responsabilidades en el marco de la Internacional Comunista los antecedentes que posibilitaron su nombramiento al frente de la Asociación de Amigos de Rusia. A partir de 1924 fue responsable políticos de los partidos comunistas de Gran Bretaña, Francia y Estados Unidos, y algunos años después, y luego de varios viajes bajo identidad secreta a distintos países europeos, se le delegó la representación en la Comintern de las organizaciones revolucionarias de Gran Bretaña, Irlanda, Estados Unidos, India, Sudáfrica, Canadá, Japón, Corea e Indonesia. A cargo del Secretariado Angloamericano, en 1928 Petrovsky fue elegido como miembro del presidium del Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista.

Más allá de la nueva dirección política que se le quiso imponer a la Asociación, lo cierto es que ya para fines de la década del veinte, cuando la estrategia de “clase contra clase” era ya hegemónica en el mundo del comunismo, difícilmente una entidad de estas características podía sobrevivir al cambio de época. Esta situación se reforzaba todavía más cuando arreciaban las críticas desde Moscú hacia liberales, burgueses e intelectuales, sectores en los que la Asociación había basado su crecimiento y posterior expansión internacional. En este sentido, y como se refería desde la propia Comintern, producto de todas estas alteraciones la Asociación funcionaba más como un comité de propaganda que como una verdadera organización con elevados niveles de autonomía, como había gozado en el pasado (Relación de documentos sobre México en el Centro Ruso (Biblioteca Manuel Orozco y Berra-Instituto Nacional de Antropología, México-Rollo N° 9 495-20-956). De este modo, y luego de que se realizara un nuevo congreso, esta vez en Berlín, en noviembre de 1928, la Asociación comenzó a extinguirse y se terminó fusionando con las Liga contra el Imperialismo o con campañas específicas antibelicistas⁹.

Pese a todo, y más allá de la progresiva desaparición de las Asociaciones de Amigos, o de su fusión y reconversión con otras entidades de similar naturaleza del universo cominterniano o soviético, lo cierto, el VOKS nunca desapareció completamente. Aun con cambios estratégicos y tácticos, resultaba evidente la necesidad por mantener viva una estructura mínima encargada de la promoción cultural de un país que requería un fuerte contrapeso frente a la imagen negativa que arrastraba en la mayor parte de los países de Occidente. Así, en 1958 el VOKS fue reestructurado y renombrado como consecuencia de la nueva etapa instalada en la Unión Soviética una vez concluido el régimen estalinista. Surgió así una nueva entidad promotora de la “concordia” y la “confianza” conocida como “Unión de Sociedades Soviéticas para la Amistad y las Relaciones Culturales con los Países Extranjeros” que, de

⁹ Carr, E. H., “El socialismo en un solo país (1924-1926)”, en *Historia de la Rusia Soviética* (Madrid: Alianza) Segunda Parte, Tomo III, 1976, 322-324.

hecho, mantuvo su existencia durante más de tres décadas, prácticamente hasta la disolución de la Unión Soviética en 1991.

Bibliografía

1. Ávila, Natalia 2017 *Universitarios y cultura de izquierda en la Argentina de los años '20. La trayectoria intelectual de Arturo Orzábal Quintana* (Bernal: Universidad de Quilmes).
2. Benjamin, Walter 2013 *Diario de Moscú* (Buenos Aires: Ediciones Godot).
3. Bergel, Martín 2006 *Un caso de orientalismo invertido. La Revista de Oriente (1925-1926) y los modelos de relevo de la civilización occidental*, en *Revista Prismas* (Bernal: Universidad de Quilmes) Vol. 10, N° 1, Junio.
4. Carr, E. H. 1974 *Historia de la Rusia Soviética 1. La revolución bolchevique (1917-1923)*
5. (Madrid: Alianza Editorial).
6. Carr, E. H. 1976a “El socialismo en un solo país (1924-1926)”, en *Historia de la Rusia Soviética* (Madrid: Alianza) Segunda Parte, Tomo III.
7. Carr, E. H 1976b “Bases de una economía planificada (1926-1929)”, en *Historia de la Rusia Soviética* (Madrid: Alianza). Primera Parte.
8. Carr, E. H 1976c “Bases de una economía planificada (1926-1929)”, en *Historia de la Rusia Soviética* (Madrid: Alianza). Tercera Parte.
9. Corbiere, Emilio 1976 “La fundación del Partido Comunista”, en *Revista Todo es Historia* (Buenos Aires) Marzo, N° 106.
10. Croft, Lee B et al. 2010 *The Ambassadors. US to Russia/Russia to US* (Phoenix, Arizona: Capstone Publicatios).
11. David-Fox, Michael 2012 “From Illusory ‘Society’ to Intellectual ‘Public’: VOKS, International Travel and Party-Intelligentsia Relations in the Interwar Period”, en *Contemporary European History*, Vol. 11, N° 1, Feb.
12. Kersffeld, Daniel 2012 *Contra el Imperio. Historia de la Liga Antiimperialista de las Américas* (México: Siglo Veintiuno).
13. Loyola, Manuel 2016 *La asociación de amigos de la Unión Soviética en Chile, 1927-1943* *Estudios Ibero-Americanos* (Porto Alegre) Vol. 42, N° 1, Enero-Abril.
14. Madeira, Victor 2014 *Britannia and the Bear: The Anglo-Russian Intelligence Wars, 1917-1929* (New York: The Boydell Press).
15. Melgar Bao, Ricardo y Eduardo Devés Valdés 2005 “El pensamiento del Asia en América Latina. Hacia una cartografía”, en *Revista de Hispanismo Filosófico* (Madrid) Octubre, N° 10.
16. *Revista de Oriente* (órgano de la Asociación de Amigos de Rusia, Buenos Aires) 1925-1926
17. Society for Cultural Relations, en *Marxist.org* (disponible en <https://www.marxists.org/history/ussr/government/1928/sufds/ch24.htm>).
18. Stern, Ludmila 2007 *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920-40. From Red Square to the Left Bank* (EE.UU y Canadá: Routledge)

19. Studer, Brigitte 2015 *The Transnational World of the Cominternians* (Palgrave Macmillan).
20. The Society of Friends of the Soviet Union in France, en ROSSOTRUDNICHESTVO (disponible en <http://prev.rs.gov.ru/en/press/news/9867>).
21. Thorpe, Andrew 2000 *The British Communist Party and Moscow, 1920-43* (England: Manchester United Press).
22. Siepe, Raimundo y María Monserrat Llairó 1994 “Peripecias de la diplomacia argentina en la Revolución Bolchevique”, en *Revista Todo es Historia* (Buenos Aires) Mayo, N° 322.
23. VOKS en Documents Talk.com A non-definive history (disponible en <http://documentstalk.com/wp/voks/>).
24. Archivo José Carlos Mariátegui (Lima, Perú).
25. *Relación de documentos sobre México en el Centro Ruso* (Biblioteca Manuel Orozco y Berra-Instituto Nacional de Antropología, México).

Representaciones de la *Revolución de octubre* en la intelectualidad Colombia 1917–1924

Representations of the October Revolution in the Colombian intelligentsia 1917–1924

Resumen: Presentamos en este artículo cuatro momentos que nos llevan a repensar los efectos de la revolución socialista rusa de 1917 en Colombia: 1. La presencia remota de Rusia en el país, y las primeras noticias que se conocen en el país sobre los acontecimientos revolucionarios en Rusia; 2. Un planteamiento de problemas; 3. El contexto colombiano en la década de 1910; y 4. El caso de un intelectual formándose por influjo directo de la revolución de octubre.

Palabras clave: Revolución socialista; prensa; Ignacio Torres Giraldo; liberalismo; fascismo; intelectuales; republicanism; partidos políticos; Rusia; Colombia; Iglesia católica; religión.

Abstract: We present in this article four moments that lead us to rethink the effects of the Russian socialist revolution of 1917 in Colombia: 1. The remote presence of Russia in the country, and the first news that is known in the country about the revolutionary events in Russia; 2. A problem statement; 3. The Colombian context in the 1910s; and 4. The case of an intellectual formed by direct influence of the October revolution.

Keywords: Socialist revolution; press; Ignacio Torres Giraldo; liberalism; fascism; intellectuals; republicanism; political parties; Russia; Colombia; Catholic Church; religion.

La Presencia de Rusia en Colombia

“...Como lo he dicho y seguiré sosteniéndolo, el comunismo o bolcheviquismo es el mayor peligro que se le ha presentado a la república durante su existencia...”².

Por supuesto que los colombianos de todos los tiempos han sabido de Rusia. Una historia reciente nos recuerda las relaciones de Francisco Miranda con Catalina La Grande en los años ochenta del siglo XVIII. El movimiento de los decem-

¹ Departamento de Historia, Universidad Nacional de Colombia

² Palabras del General Ignacio Rengifo, Ministro de Defensa del gobierno de Miguel Abadía Méndez. En: Rojas Guerra José María. La estrategia insurreccional socialista y la estrategia de contención del conservatismo doctrinario. La década de 1920. Cali, Universidad del Valle, noviembre de 1989, 65.

bristas de comienzos del XIX y el de los revolucionarios de la Independencia tiene no sólo nexos sino extraordinaria coincidencia en formas y contenidos³. Aun así, el significativo Rusia ha estado cubierto por un aura de misterio y por una avidez de descubrirlo. Rusia no estaba ausente de la vida de los intelectuales criollos. Y, antes de las revoluciones rusas de inicios del siglo XX la ciudad más comentada, referida y ansiada era Petrogrado. De ella traían noticias, sobre todo, los diplomáticos, que eran personajes perseguidos por los intelectuales en busca de conocimientos y de amistad. Había quienes viajaban por cuenta propia o por cuenta del Estado en misiones diplomáticas a Europa y no dejaban de darse su vuelta por el imperio de los zares.

En 1894, el intelectual Baldomero Sanín Cano trabó amistad con un representante diplomático de Inglaterra de nombre Jenner quien además de haber estado en Rusia, conocía la lengua rusa. Por las revistas europeas que el diplomático puso en manos de Sanín, este intelectual supo del prestigio en el viejo continente de las ideas socialistas. Ante su asombro el diplomático le señaló: “No se sorprenda, casi todas las personas decentes son hoy socialistas”⁴.

El 4 de octubre de 1917 la prensa colombiana hablaba de *La Legión de la Muerte*, integrada por jóvenes rusas vestidas de hombres. Se informaba que en escuelas de ingeniería de Moscú, Petrogrado y Odessa se ejercitaban diariamente más de mil muchachas para partir al frente. Kerenski, el presidente del gobierno provisional, había autorizado la formación de compañías de mujeres marinos para ser enviadas a los buques de guerra. El 15 de octubre *El Tiempo* informó que Kerenski había conformado un gobierno de coalición compuesto de tres socialistas revolucionarios, cuatro socialistas demócratas, tres socialistas independientes, un radical y dos que no pertenecían a ningún partido⁵.

Tenía buena suerte la gente que podía entrar en comunicación directa con quienes venían al país procedentes de Europa, o la que podía viajar, pues la información de la prensa de entonces era imprecisa, confusa y sospechosa. En diciembre de 1917 llegó a Colombia como Encargado de negocios de la Argentina Eduardo de Igarzábal, curtido diplomático que lo había sido en Rusia por más de tres años, y que había salido de allí un mes antes de que estallara la revolución, a lo mejor la de febrero. Su papel de diplomático le impidió referirse al fenómeno político e ideológico de la revolución, y sus declaraciones publicadas en la edición de *El Tiempo* al final del año, lo que hizo fue ampliar el espectro mítico, misterioso, fantástico y legendario que de Rusia se tenía. Aún así, nos interesa la introducción que este periódico hizo de Rusia al abordar al personaje: “El país en donde se opera actualmente una de las

³ Shulgovski A. Cátedra Bolivariana. El Proyecto Político de El Libertador. Bogotá, Ediciones CEIS, 1983.

⁴ Sanín Cano Baldomero. De mi vida y otras vidas. Bogotá, Ediciones Revista de América, 1949, 53.

⁵ Véanse las ediciones de *El Tiempo* de octubre 4 y 15 de 1917, 3.

más grandes transformaciones humanas: el derrumbe de todo un régimen y la entronización de un socialismo sin precedentes”⁶. A su vez, el encargado de negocios de la Argentina en Colombia, le transmitió a los colombianos de entonces:

“Llama la atención el pueblo ruso por el espíritu de superstición que le domina, todo para ellos, hasta la caída de una hoja, es cosa que le intriga. Esta superstición no solo es del pueblo, sino que se extiende también hasta la nobleza. Tuve ocasión de tratar y de recibir honrosas atenciones de parte de grandes aristócratas rusos y observé que todos ellos son abiertos, francos, grandes amigos, y sobre todo generosos. En sus palacios, llenos de lujo, y de lujo como creo no exista en alguna otra parte del mundo reinaba un espíritu de cordialidad para con todos los forasteros que los visitaban... Los vínculos que unían al Zar con su pueblo no podían ser más cordiales; el pueblo odiaba a su gobierno, pero puedo asegurar a usted que amaba a su Soberano. Sabía muy bien el pueblo que el responsable de sus desgracias no era el Zar, sino el círculo que le rodeaba; hasta los odios de los siervos había llegado la noticia de cuántas veces tuvo que oponerse enérgicamente, para que un aristócrata no llevara a cabo una ejecución o no se cometiera un exceso más contra el pueblo. La guerra, como es lógico, produjo trastornos inevitables; pero con todo, el ascendiente del soberano sobre su nación era grande hasta mi venida. Prueba de ello, el hecho de que no hubo una sola voz cuando estalló la revolución, que pidiera la cabeza del zar y acabara de confirmarle esto la noticia que nos ha transmitido el cable de que los maximalistas acaban de notificarle que es libre para dirigirse con su familia al lugar que elija... Se notaba en el pueblo un descontento, por el hambre, por la carencia de alimentos, pero nada hacía presentir los acontecimientos que después se desarrollaron, porque la revolución rusa fue una de tantas sorpresas como no ha dado el momento político de Europa. Los socialistas continuaban haciendo su propaganda, pero el gobierno creía que esa propaganda era estéril, los nihilistas soñaban con sus utópicos planes de destrucción y los altos funcionarios se limitaban a apresarlos y deportarlos. La revolución fue, pues, algo inesperado e increíble, dado el formidable poder con que contaba el Zar. Dos cosas eran prohibidas y castigadas severamente: hablar contra la religión y contra el Zar. El que tal hacía más se tardaba en hablar que en ir a ocupar las mazmorras de una prisión, en donde no salía sino camino de la Siberia. El Zar era sagrado; nadie podía decir de él, sino elogios, y aún el extranjero que se permitía censurarlo demasiado corría el peligro de ser deportado⁷.

Y viene aquí la fantasía, al ser abordado sobre Raspútín:

Yo le conocí un día en que por casualidad salió a la calle, porque él no salía casi nunca de día; según oí decir, sus excursiones las hacía de noche. Y ya que hablamos de Raspútín, yo creo que alrededor de su nombre se ha formado una verdadera leyenda, cosa nada rara, puesto que, como le dije, en Rusia todo entra a formar parte de leyenda. Raspútín, era un pobre pope de aldea. Poseía una larga barba y tenía unos ojos de un brillo extraño, pero no creo que llegara a ejercer esa influencia en

⁶ El Tiempo 31 de diciembre de 1917, 2 y 3.

⁷ Ibid.

la Corte. Durante mi estadía en Petrogrado, nadie me dijo que le hubiera visto en el Palacio Imperial. Era un sátiro, el mayor acaso que haya existido. Poseía un poder hipnótico extraordinario; las mujeres le temían, y sin embargo se entregaban a él con gran facilidad, llegando a ejercer sobre ellas una influencia verdaderamente terrible. El pueblo le veía como algo raro, no se explicaba ese poder hipnótico que tenía y muchos le creían un ser extrahumano. Su pasión era bruta y salvaje, se contaban de él excesos verdaderamente horribles, capaces para acabar con la naturaleza de cualquier hombre menos fuerte que él. Era una especie de sombra; nadie sabía el punto fijo donde vivía, de ahí el que muchos creyeran que era el Zar quien ocultaba su residencia. Indudablemente sobres algunas aristócratas a quienes galanteó, pudo ejercer influencia, pero sobre la familia imperial, es cosa que no creo, porque ni lo vi, ni se lo oí decir a gente de responsabilidad. Sus visitas más frecuentes eran a ciertos restaurantes, generalmente a aquellos a los cuales concurrían las bailarinas más célebres, y era tal el poder de sus ojos, que bastaba mirar con insistencia a una mujer, para que ésta le correspondiera... Después que salí de Petrogrado fue cuando leí todas esas historias sobre el dominio por parte de él, de la Zarina, de los nobles, del Zar, en fin de todas las altas autoridades, porque cuando vivía en Rusia, no oí decir nada más que lo que dejo referido”⁸.

Desde luego lo que ha impresionado mucho de Rusia no ha sido su historia sino su literatura. Justamente fue la revolución rusa, su impacto y su cada vez más significativo papel en la historia contemporánea mundial, lo que hizo de Rusia un país sobre el cual se van a poner todos los focos de la atención mundial. A mediados de 1919, en Colombia ya se decía *Lenine, Maximalistas, bolcheviquismo*. Hay que decir que el fin de la IGM y el advenimiento de los tiempos soviéticos produjeron una preocupación intelectual por el fenómeno del socialismo.

Quizás la primera vez que se ve la imagen de Lenin en Colombia fue a través de una nota de El Tiempo del 11 de octubre de 1917: ¿Quién es Lénine, el jefe de los anarquistas rusos?, rezaba el gran titular y a seguir el siguiente resumen: “Sus ideas. Los maximalistas. Entrada a Rusia de Lénine. Su influencia sobre las masas. Argumentos contra la propiedad. Un incidente sintomático. Dificultades para Kerensky”⁹.

Una segunda aproximación al líder del proceso revolucionario ruso apareció el primero de febrero de 1918 en el periódico liberal Gil Blas¹⁰:

“Es un verdadero ruso que se llama Vladimir Oulianof y que ha nacido en Iaroslav, en la gran Rusia. Es un hombre de cincuenta años, de talla mediana, casi calvo. No tiene nada de dandy. Sus ojos azules ejercen sobre la multitud un poder

⁸ Ibid. Leyendo después sobre el personaje nos damos cuenta que no se estaba lejos de la rasputinografía: Grillandi Massimo. Rasputin. Bogotá, Ediciones Círculo de lectores, 1982.

⁹ El Tiempo, octubre 11 de 1917, 3.

¹⁰ Vallejo M. Maryluz. El Grito de Irreverencia de Gil Blas. En: Revista de Estudios Sociales No. 38. Bogotá, Jan/Apr, 2011.

singular: tienen un brillo metálico y una dureza que da a las palabras del orador una fuerza que no poseerían en sí mismas por el único poder del razonamiento./ Abogado, licenciado en Derecho, Lenine ha publicado numerosas obras sobre las cuestiones agrarias y económicas con los dos pseudónimos de lenine o de Iline. Adversario del Marsismo, contribuyó mucho a la escisión del partido social democrático ruso en dos fracciones enemigas: los minimalistas, que permanecieron fieles al dogma de Karl Marx y representados sobre todo por Plekjanof, y los maximalistas, adeptos de un socialismo cuyas tendencias son tales, que es bastante difícil distinguirlo del verdadero anarquismo./ Se sabe que Lenine vivía en Suiza y que la revolución lo sorprendió allí. Alemania le facilitó de buena gana un tren especial para ayudarlo a llevar la palabra de paz al pueblo ruso. Es probable que le haya ayudado más directamente todavía por medio de poderosos subsidios. Desde su llegada a Petrogrado, Lenine fundó Pravda (La verdad), un gran diario que tiraba cuatrocientos mil ejemplares y tiene ediciones especiales destinadas a ser distribuidas a los soldados ciudadanos en las trincheras. En realidad, los acontecimientos que han hecho salir de la sombra a Lenine sobrepasan las concepciones de este hombre: es un simple que ha vivido en un sueño y que hace el papel de apóstol. En otros tiempos se hubiese perdonado su candidez; hoy el cañón truena y la sangre corre. Una palabra puede arruinar o salvar a un pueblo. En esta aventura terrible se juega la vida de Lenine”¹¹.

Como se ve hay elementos ciertos, pero lo que se sabía era muy poco. Al parecer la situación en la Colombia de 1918 era tan caótica, que Gil Blas abrió el primero de abril con un artículo titulado el Espejo Ruso cuyo contenido advertía a los gobernantes colombianos que a la clase dirigente y dominante en el país le podía pasar lo mismo que a los zares:

“Si nuestros flamantes conductores, que todo lo confían a la solución de problemáticos poderes ultraterrestres, meditaran por solo un momento en la gravedad de la situación confrontada por el predominio de ellos, harían por mirarse en el espejo ruso...Rusia era a modo de una pirámide en cuyo ápice estaban, no el zar, sino el Santo Sínodo —investido de la suprema autoridad política y religiosa— y la burocracia, ímproba, ávida, insaciable e ignorante de contera. La base de la pirámide la formaba el proletariado obrero y campesino, fanatizado y embrutecido para ser mejor explotado por los dominadores de arriba. Y entre tales dos pesadumbres, laminado por ambas, el elemento culto, de ánimo emancipada, los hombres de ciencia, los artistas, que, o surgidos de la nobleza o surgidos del pueblo, bajo el influjo de las ideas occidentales perdían su prístino centro de atracción, quedaban desorbitados, en desequilibrio perenne con el medio... Aquí las derrotas se nos han inflingido en silencio, arteramente, bajo los artesonados mismos de la Cancillería; se nos ha mutilado sin dolor, aplicándonos el anestésico de la resignación mística...Es que el desequilibrio es absoluto; los hombres de ideas y de ideales quedan laminados en-

¹¹ Gil Blas, febrero 1 de 1918, 1.

tre la avidez y la codicia ignorante de los de arriba y la imbecilidad feroz de los de abajo...Nuestro santo sínodo y nuestra burocracia indígena debieran mirarse por un momento en el espejo ruso...mírense los explotadores en el espejo ruso, pues aun cuando repitan el *après nous le déluge* del déspota francés moribundo, ellos siempre serán los vencidos, y no nosotros hombres libres”¹².

Empero, al inicio de todo, el análisis del transcurrir histórico en ese país, no se hacía por plumas nacionales sino prestadas. Por allá por marzo de 1918 se reproducían artículos de Paul Bourget, un escritor francés, católico ferviente que respondía a lo que veía acontecer en Rusia mermando pánico. Anotaba que incluso de llegar a implementarse la dictadura del proletariado al día siguiente explotaría de nuevo la lucha de las clases. Negaba la desaparición de las clases y en esa dirección de la familia¹³. Noticias y análisis sobre el inmediato transcurrir en esa desconocida Rusia iban de la mano de transferencias europeas, por lo regular. De autores extranjeros vinieron los nombres con los cuales se empezó a distinguir ese proceso: *Nicolás Lenine, Maximalistas, dictador bolchevique, epilepsia revolucionaria, bolchevistas, bolcheviquismo, soviéticos*. Para la edición del 31 de marzo de 1918, *El Tiempo* insertó el texto *La Agonía de Rusia* de Harold Williams que transmitía para los colombianos la situación en ese país. Advertía el autor el estado de caos que se vivía en un país gobernado por los maximalistas, como se decía. El mayor desorden estaba en el ejército que estaba francamente en desbandada.

Las noticias de la revolución no se transmitían a secas sino que traían su veneno. Son noticias comentadas, estaba presente el morbo, como cuando se supo del atentado que había sufrido Lenin de manos de dos mujeres. “De primera impresión nos parece que Dora Kaplan, lo mismo que su amiga quisieron salvar con el plomo de sus pistolas a la pobre Rusia. Hazaña gigantesca para débiles mujeres! Tratándose de mujeres, sin embargo, y con mayor motivo estando Rusia como está, y siendo Lenine quien es, no puede evitarse cierto movimiento sentimental a favor de las agresoras; Dora Kaplan tiene el aire novelesco de una heroína. No evoca, aunque de lejos, la figura de Carlota Corday?...El pueblo ruso se representa ahora en ese fante trágico que se llama Lenine, en cuya persona el brazo airado de Dora Kaplan parece haber querido vengar, más que a la patria hundida en el infierno de la anarquía, la muerte de una grande y pura ilusión”¹⁴.

Y así sucesivamente se iba conociendo en la década de 1910 lo que en Rusia acontecía. Anotemos que será en las décadas siguientes que Colombia entrará de lleno en el conocimiento de la nueva Rusia.

¹² *Gil Blas* abril 8 de 1918, 1.

¹³ *El Colombiano*, julio 28 de 1919, 3.

¹⁴ *El Tiempo*, diciembre 2 de 1918, 2.

Planteamiento de problemas

Fenómeno curioso es el de las revoluciones. Sobre todo el de las grandes revoluciones, aquellas que embrujan a millones de seres humanos y los llevan a intentar una réplica en sus propios países. Es decir, las revoluciones influyen positiva y negativamente. Empujan la utopía social, aceleran el desarrollo de la conciencia en toda parte, pero también ejercen una influencia negativa porque le permiten a las clases dominantes elaborar estrategias de contención social, de prevención y represión. Las grandes revoluciones: la Francesa, la Rusa, la China o la Cubana, entre tantas, produjeron también grandes contrarrevoluciones; y lo peor: sin que se dieran las revoluciones. Colombia es un caso espléndido y patético del fenómeno: vivimos y hemos vivido en *la contrarrevolución permanente*. El liberalismo incidirá en el surgimiento y consolidación del socialismo y el conservatismo en el del fascismo.

Las revoluciones no solo impactan a las clases sociales interesadas en llevar a cabo en sus respectivos países el mismo tipo de procesos revolucionarios; impactan también a los Estados, a sus ideólogos. A veces la reacción negativa a una revolución es más fuerte en las esferas del Estado que la reacción positiva entre los revolucionarios. Sucede que aprende más el Estado para defenderse y oprimir, que los revolucionarios en lograr su objetivo. Es posible que el mayor acontecimiento a través del cual podemos constatar la influencia de la revolución rusa de 1917 haya sido la huelga bananera de 1928. El sociólogo colombiano José María Rojas Guerra sostiene en una interesante investigación que el Estado colombiano respondió a la estrategia insurreccional socialista con una estrategia paralela y simultánea de contención. Se trataba de los conservadores que estaban en el poder en la década del veinte bajo la denominada hegemonía conservadora. La interesante investigación fue elaborada a partir de documentos y no de historiografía propiamente dicha. Y esto le permite afirmar.

“Con la lectura y relectura de toda esta documentación uno se va haciendo a la idea que existió una especie de dialéctica entre insurgencia y contrainsurgencia. A medida que avanzaba el movimiento de masas al impulso de la prédica socialista y eclosionaba en grandes huelgas, la capacidad represiva del Estado se incrementó, con el crecimiento y perfeccionamiento del aparato armado del ejército y con la expedición de leyes y decretos restrictivos a la expresión política de la sociedad civil. No cabe duda que un punto culminante de este proceso fue la gran huelga de las bananeras...”¹⁵.

El autor pone en diálogo a los documentos de parte y parte: los que producían los revolucionarios y los que eran elaborados por los agentes del Estado a cargo de los

¹⁵ *Ibid.*, 35.

organismos represivos, en particular del ministerio de guerra en cabeza del general Ignacio Rengifo entre agosto de 1926 y junio de 1929.

Rojas proyecta algunas hipótesis clave para la comprensión de los acontecimientos de los años veinte relacionados con la influencia de la revolución rusa de 1917. He aquí algunas de ellas:

“El movimiento social obrero y campesino de la década de los años 20, con todas las originalidades de su expresión, parece haber quedado entre el fuego cruzado de dos estrategias: una insurreccional y otra contra insurreccional. La destrucción del movimiento significó la derrota de la insurgencia. Y el éxito militar de la contra insurgencia significó la derrota política del partido que la avaló, preparó y justificó...“En la restringida democracia de entonces solo era posible implementar un tratamiento militar de los conflictos sociales puesto que la dialéctica de la insurgencia y la contrainsurgencia constituyó el único marco de interpretación de los conflictos sociales por parte de quienes estaban implicados en la conservación y en la transformación del orden social. Desde entonces esta parece ser la ley sociológica que informa toda la tragedia de la violencia política en Colombia y que ha llegado en esta década, talvez, a sus puntos más dramáticos”¹⁶.

Con todo, celebramos los cien años de la revolución de 1917 porque de alguna manera animó en Colombia un proceso civilizatorio. Cientos de personas desde este fenómeno, involucrándose en él, aprendieron a hablar, a discutir, a escribir, etc. La militancia en las izquierdas les significó su formación intelectual. Cientos de hombres y mujeres marginados lograron forjarse no solo una conciencia sino también una cultura. La revolución le dio sentido a sus vidas, les concedió lo que el Estado les negó. Un retrato político en esa dirección presentamos en este artículo.

De otro lado, la historiografía del socialismo de principios de siglo no dialoga ni pone a dialogar a la serie de órganos socialistas entre sí, ni tampoco a estos con la prensa bipartidista. No reconstruye el diálogo mismo entre los hombres de la izquierda con los de la derecha. No establece correspondencias ni reconstruye las reales transferencias de ideas y pensamientos. Este rasgo, el de lidiar en un país culturalmente bipartidista y prácticamente eclesiástico a veces no se tiene en cuenta cuando abordamos el socialismo que recibió la primera influencia de la revolución de octubre.

El asunto del socialismo de principios de siglo en Colombia es una temática con bastante ilustración historiográfica, es lo que llamamos un tema ya maduro para el desarrollo de una tesis doctoral¹⁷. Por ello no abordaremos tantos avances en esta

¹⁶ *Ibid.*, 22 y 38.

¹⁷ Véase, por ejemplo: Vega Cantor Renán. Gente muy rebelde. 4. Socialismo, cultura y protesta popular. Bogotá, Ediciones Pensamiento Crítico, 2002; Jaramillo Salgado Diego. Las huellas del Socialismo: Los discursos socialistas en Colombia, 1919-1929, México, UNAM, Popayán Universidad del Cauca, 1997.

dirección sino que nos referiremos a unos aspectos no muy ilustrados, nos interesa una reflexión en medio de tanta literatura. Nos llama la atención el aspecto relacionado con el comportamiento de la élite establecida de entonces frente a la revolución rusa; la emergencia de liderazgos que se forman por el contacto con la revolución de octubre; y el don de la ubicuidad de la Iglesia Católica en la Colombia de entonces. Insalvable ha sido para los intelectuales colombianos la temática religiosa. O mejor: las polémicas en torno a los asuntos de la Iglesia. Creo que en Colombia nadie ha escapado, que nadie escapó. Es esa una de las condiciones de la nacionalidad colombiana y del intelectual colombiano. Ya en 1912, el intelectual liberal Rafael Uribe Uribe se vio en la obligación de explicar por escrito las razones por las cuales no se podía considerar pecado el liberalismo colombiano¹⁸.

Pero no solo irradiaba influjo la revolución rusa. También lo hacía la mexicana que se había iniciado siete años atrás. Los gobernantes colombianos antes que temerle a la revolución rusa le temieron a la mexicana, pues esta aparecía ante los ojos de América como una cruenta guerra civil, como una sucesión macabra de caudillos militares, como un acaecimiento en el que ya había estado Colombia implicada no hacía mucho tiempo, y cuyos mandatarios e ideólogos republicanos no querían repetir. Sin embargo, anotaba Carlos Pellicer, un enviado juvenil del gobierno mexicano para la defensa de la imagen de la revolución mexicana en Colombia: “Carranza es cada día más grande, aquí se le venera”¹⁹. El 16 de septiembre de 1919 se llevó a cabo en Bogotá una manifestación en honor a México, y se organizaron conferencias de Carlos Pellicer sobre el proceso mexicano, en las que se pedía la solidaridad de Colombia con ese país por las anexiones gringas²⁰. Rusia, en cambio, estaba lejos, las noticias sobre lo que allá acontecía venía encapsulado en las noticias de la gran guerra.

La década de 1910 en la que está enmarcada la revolución socialista instala en el proceso histórico colombiano cuestiones que tomarán forma y caracterizarán a Colombia en las décadas siguientes: la cuestión de la higienización del país, la estudiantil, la imperialista, la de la tierra; la obrera, que empieza como tal y terminará como cuestión socialista a raíz de la revolución rusa. Se presencia un auge del obrerismo, antes que emerja el nuevo socialismo inspirado en Rusia, y se asiste a la conversión del obrerismo en socialismo, una de las cuestiones centrales de la década.

¹⁸ Uribe Uribe Rafael. De Cómo el liberalismo político colombiano no es pecado. Bogotá, Casa editorial de El Liberal, 1912.

¹⁹ Carta de Carlos Pellicer, septiembre 14 de 1919. Fondo Reservado de la Biblioteca Nacional de México.

²⁰ Véase ampliamente: Pulido G. David A. Formar una nación de todas las hermanas. La joven intelectualidad colombiana ante el proyecto de Integración latinoamericana del gobierno de Venustiano Carranza 1916-1920. Tesis para optar por el grado de Maestro en estudios latinoamericanos. Programa de posgrado en estudios latinoamericanos, UNAM, 2017.

Pero además en la década de 1910 se consolidan la cuestión política: Republicanismo vs bipartidismo; y la cuestión religiosa. La cuestión agraria no irrumpe todavía.

Como se sabe, el socialismo no es temática propiamente del siglo XX, e incluso el colombiano tiene fuertes raíces ya en el siglo XIX²¹. Hay que anotar que al despuntar el nuevo siglo ya circulaban órganos socialistas, y que fue justamente en 1904 que el ideólogo liberal Rafael Uribe Uribe invitó a la gente de su partido a beber en las canteras del socialismo²². Habría que anotar también, que la cuestión social no era monopolio del discurso socialista. Simplemente era una de las variantes de su planteamiento. Los años de la revolución de octubre de alguna manera coinciden con la influencia póstuma del pensamiento de Rafael Uribe en el liberalismo. Son varios los periódicos que salen por doquier para darle continuidad a ese pensamiento: *Los Tiempos*, por ejemplo un periódico uribista que salía en Manizales.

Se inicia también en el siglo XIX el diálogo con el antisocialismo: “Colombia ofrece la particularidad de que antes de que hubiera socialismo ya había antisocialismo”²³, dejó dicho Gerardo Molina. Y tenía razón. La principal vertiente antisocialista no venía de los partidos tradicionales sino de la Iglesia que tenía en cada parte del país un periódico que se ocupaba de desprestigiar esa corriente. Es el caso concreto de *Veritas*, órgano de la Coronación de Nuestra Señora del Rosario de Chiquinquirá. Leemos aquí:

“El socialismo es, en primer lugar, el sepulturero del liberalismo...la tentativa de aquel para alcanzar una situación más tolerable de las clases obreras oprimidas, no constituye su verdadero punto de partida...Su pensamiento es solo una guerra de exterminio, es esencialmente igual al anarquismo e incapaz para realizar el establecimiento de una nueva sociedad”²⁴.

La iglesia tenía sus propios cuadros, sus intelectuales orgánicos, bien formados para evitar que los feligreses cayeran seducidos por la doctrina del socialismo. Eran sacerdotes con vastos conocimientos en filosofía y teología. Estos teóricos trataron de evitar que tomara fuerza esa corriente. Le asustaba el socialismo en su tesis de la separación de la Iglesia y el estado y para evitarlo llamaba a los católicos a no apoyar movimientos cuyos resultados prácticos serían el debilitamiento, sino la completa destrucción de las instituciones cristianas en Colombia. Hasta la década de 1910 el oponente principal al socialismo y al liberalismo fue la iglesia. En la década siguiente se sumará un regimiento laico sólido encabezado por el movimien-

²¹ Véase Molina Gerardo. *Las ideas socialistas en Colombia*. Bogotá, ediciones Tercer Mundo, 1987. P. 111 en adelante.

²² Uribe Uribe Rafael. *Socialismo de Estado*. Conferencia en el Teatro Municipal de Bogotá el 23 de octubre de 1914. Bogotá, ediciones Boza, s.a.

²³ Molina Gerardo. *Las ideas socialistas...*139.

²⁴ *Veritas*, abril 30 de 1919, 1.

to político-intelectual de jóvenes conservadores de *Los Leopardos*, influidos por los emergentes fascismos genéricos en Europa²⁵.

Uno de los problemas para entender los obstáculos que tuvo el socialismo en Colombia para que prendiera entre las masas es el de todavía la vigencia de la política bipartidista que no estaba como se cree en crisis. De ahí que el periódico manizalita *Los Tiempos* afirmara en pleno 1919: “El apostolado del liberalismo ha sido de redención y civilización; el del ultramontanismo, de vejámenes y retrogradación. El liberalismo labora en bien de la humanidad a plena luz, enseñando la verdad; el ultramontanismo fragua planes en la oscuridad y hace propaganda del engaño...”²⁶.

La olvidada década de 1910

En la década de 1910, Colombia ya había escogido la política como la principal de las preocupaciones. Los periódicos se ocupan de ella. Desde sus páginas se estimula su desarrollo y hacia ella y hacia sus protagonistas se encaraman las responsabilidades de las tareas que deben de hacer de Colombia un país próspero. Los órganos periodísticos al saludar al año de 1919 advierten su importancia por tratarse prácticamente del primer año sin las tragedias que ocasionaba la primera guerra mundial. La suerte de Colombia se ata a la de todo el mundo. Tapaba, sin embargo, esa visión el hecho de que cabalgaba todavía la revolución mexicana y de a poquito se iba sabiendo más del carácter de la revolución que había acontecido en Rusia. Buenos deseos para Colombia pero en el marco de lo que debía seguir siendo una sociedad conservadora. Justamente un joven antioqueño que había escrito sobre la evolución materialista y el determinismo fue fustigado él y sus evaluadores por *El Colombiano* que se decía defensor de las enseñanzas católicas y de las ideas conservadoras²⁷.

Transcurrió 1917 en Colombia, el año de las revoluciones rusas, con agitación electoral y con la Iglesia católica como actor político de primer plano. Para el tiempo preciso de la Revolución rusa, la de octubre, o sea la de noviembre, de acuerdo con el nuevo calendario, existían en Colombia un buen número de periódicos: *El Eco*, *El Tiempo*, *El Espectador*, *La Época*, de Cartagena; *El Nuevo Tiempo*, *Gil Blas*, *Gaceta Republicana*, *El Diario Nacional*, *La Patria*, *La Sociedad*, *Sur América*, *Heraldo Conservador*, *El Día*, de Barranquilla; *Los Tiempos* de Manizales (de orientación uribista), *Relator*, de Cali, *Zapador*, de Bogotá, *El Eco* en Manizales, *El Eco*, semanario liberal de Plato Magdalena, *La Reintegración* en Santana, Magdalena (de orientación uribista), *Eco Liberal*, en Magangué, Bolívar. Evidente la presencia de

²⁵ Véase ampliamente: Ayala D. César A. El porvenir del pasado: Gilberto Alzate Avendaño, sensibilidad leoparda y democracia. La derecha colombiana de los años treinta. Bogotá, Imprenta Distrital, 2007.

²⁶ *Los Tiempos*, mayo 11 de 1918, 1.

²⁷ *El Colombiano*, junio 6 de 1919, 3.

la prensa uribista ya sin el caudillo. Los periódicos de provincia eran por lo regular semanarios, algunos salían dos veces por semana. El centenario de la Batalla de Boyacá animó la aparición de nuevos órganos o estimuló la consolidación de los que ya existían.

El Cali, encontramos que el periódico socialista *El Demócrata* estaba el 26 de julio de 1919 en su tercer año y en su número nueve, y celebró con entusiasmo el centenario de la Batalla de Boyacá. Fue capaz de relacionar la magna fecha con las banderas del socialismo:

“Hace cien años que el ángel de la victoria acarició la frente de los valientes que luchaban contra la opresora realeza española; cien años hace que en el campo de Boyacá nuestros libertadores envainaron sus invictas espadas al ver concluida su grandiosa obra; llevamos una centuria de vida republicana y, por un raro contraste del destino, hasta hoy empieza a clarear la aurora de la Libertad para las clases pobres. En el horizonte destacase como único símbolo de redención la bandera roja del socialismo./Al celebrar el primer centenario de tan inmortal hecho de armas, juremos ser libres y despedazar toda clase de cadenas que nos aten a la esclavitud, al despotismo y a la tiranía de los gobernantes y de las llamadas castas privilegiadas./ La Democracia se descubre reverente para saludar regocijada a los mártires y padres de la patria en el día de su glorificación”²⁸.

Prensa en general diversa, variopinta, crítica, divertida y trascendental. Aunque de menor calidad que la que acompañaba en México el proceso de la revolución mexicana: *El Universal*, *El Pueblo*, *Excelsior*, etc. De todas formas había en Colombia buena crónica y buenos cronistas. *El Espectador* se enorgullecía de ellos y los promovía. A mediados de la década de 1910 reinaba Joaquín Quijano Mantilla, y a comienzos de la siguiente Luis Tejada que había arribado de Pereira y se destacaba en su profesión de cronista de la vida cotidiana. Para entonces el lápiz de Ricardo Rendón daba los trazos característicos de los hombres de los cuales hablaba Quijano Mantilla en sus crónicas de vidas de hombres ilustres. Época fue de columnistas, más en *El Espectador* que en los demás periódicos. El intelectual boyacense Armando Solano pontificaba desde su diaria Columna *Glosario Sencillo*²⁹ en este diario. No hay sin embargo en *El Espectador* un fluido diálogo con los socialistas.

Interesante la organización de la cultura letrada en Colombia en los años de la revolución de octubre. La presencia de un numeroso grupo de órganos socialistas revela la dinámica del pensamiento político en Colombia: *La Libertad*, *El Artesano*, *Álbum Rojo* (Santander de Quilichao), *El Símbolo* (Cartagena), *El Renacimiento* (Barranquilla), *El Socialismo* (Bogotá), *El Ravachol* (Bogotá).

²⁸ *La Democracia*, agosto 2 de 1919, 1.

²⁹ Véase Solano Armando. *Glosario Sencillo*. Bogotá, Ediciones Minerva, MCMXXV.

La aparición de los periódicos socialistas no es solo la emergencia de esa sensibilidad sino también la reemergencia de la sensibilidad liberal. Es más: la prensa colombiana del siglo XX: la liberal y la conservadora casi que surgió a la par con la socialista. Al respecto puede verse un excelente trabajo de Enrique Santos Molano³⁰. Por ejemplo, *El Nuevo Tiempo*, órgano conservador salió a la luz en mayo de 1902, *El Liberal y El Tiempo* en 1911, *El Espectador* venía del siglo anterior. *El Colombiano* apareció en 1912 y así sucesivamente. Pero no solo es simultánea la historia del periodismo colombiano de izquierda y de derecha sino también la de procesos ideológicos como el fascismo de cuya prensa poco dicen los émulos de la historiografía socialista.

Comandaba por doquier la hemerografía y los socialistas eran parte de eso:

“La prensa fue también para el socialismo revolucionario uno de los medios fundamentales de difusión de las ideas socialistas. Pero la prensa socialista no fue solamente un medio de aglutinación ideológica sino fundamentalmente, un instrumento de nucleación orgánica de los trabajadores en las distintas regiones del país. Los pequeños periódicos de cobertura local fueron los instrumentos a través de los cuales se estructuraron las organizaciones sindicales: comités y centros obreros, sindicatos y federaciones obreras, donde quiera que había una relativamente importante concentración de trabajadores y donde quiera que llegaba uno de los organizadores del partido socialista revolucionario, siendo la experiencia más espectacular la de Raúl Eduardo Mahecha desde la zona petrolera de Barrancabermeja hasta la zona bananera del Magdalena”³¹.

Al parecer, para abril de 1928 existían nueve periódicos pertenecientes al Partido Socialista Revolucionario (PSR) más 19 periódicos simpatizantes con ese partido y cuatro socialistas incongruentes con el socialismo revolucionario: *El Socialista*, *Claridad*, *El Domingo* y *El Anunciador*. Se destacaban entre los órganos del PSR los periódicos *La Humanidad* y *Vox Populi*, de Cali y Bucaramanga respectivamente³².

Cuando emergió el socialismo colombiano del siglo XX era notable la presencia de sólidos intelectuales liberales, republicanos, conservadores y eclesiásticos con los cuales los intelectuales socialistas tuvieron que vérselas en la prensa, en la cátedra universitaria, en las disputas ideológicas y políticas, y en la vida cotidiana. Aunque hay que subrayar la asimetría entre los intelectuales del establecimiento de entonces y los emergentes intelectuales proletarios.

Entre los problemas sobre los cuales se pronunciaban los intelectuales estaba el de la raza y en general la temática de la higienización del país. El periódico *El*

³⁰ Santos Molano Enrique. Treinta y seis mil quinientos días de prensa escrita. En: Revista Credencial Historia. (Bogotá — Colombia). Edición 178. Octubre de 2004.

³¹ Rojas Guerra José María. *La estrategia...Op.cit.*, 39.

³² Ibid.

Tiempo celebró con mucho entusiasmo, el 2 de noviembre de 1920, la publicación del libro *Los problemas de la raza en Colombia*, una recopilación de los textos de una serie de conferencias pronunciadas en el *Teatro Municipal* de los intelectuales Luis López de Mesa, Miguel Jiménez López, Calixto Torres, Simón Araujo, Lucas Cballero y Jorge Bejarano. Los periódicos dedicaban, por lo regular, su primera página a los anuncios comerciales. Se destacaban en particular los medicamentos y con los textos de esta propaganda advertimos los males que aquejaban a los colombianos. La enorme cantidad de divulgación de medicamentos estaba en relación directa con los temas sobre la raza colombiana y su degeneración, y demás enfermedades del colombiano de entonces. En 1920 el tema de la raza estaba en su punto máximo. La prensa cubría toda la actividad de los médicos que se dedicaban a esta temática convirtiéndolos prácticamente en intelectuales de primer orden. Particularmente *El Espectador* era el órgano que mayor atención le prestaba a tan urgente problema como era el de la higienización de los colombianos³³.

La gente padecía enfermedades reumáticas, gota, asma, y las lombrices hacían de las suyas, y para lo cual era muy recomendado el *Vermífugo Román*, que no fallaba nunca y acababa rápidamente con las lombrices, evitaba los ataques y las convulsiones y además no era tóxico. Estaba de venta en todas las farmacias y droguerías del país. También se padecía de úlceras varicosas para lo cual se promovía el Depurativo Richelet, un remedio poderoso, infalible para curar segura y rápidamente todas las enfermedades de la piel y de la sangre: Exemas, empeines, granos, várices, flebitis y hasta manifestaciones sifilíticas. Se promovía ya el Kefir, el alimento digestivo por excelencia.

Enferma o no, la gente bogotana tenía donde pasar buenos momentos: *El Salón Olympia*, *el Teatro Municipal*, *Cinerama*, *Teatro Caldas*. *El Parque de la Independencia*, el más famoso de la ciudad. Se llevaban a cabo allí Retretas de la Banda Nacional del Conservatorio. Los toros estaban en su apogeo en el circo de San Diego. La música clásica, las operetas y la zarzuela eran muy comunes.

Ignacio Torres Giraldo o los primeros pasos de un intelectual forjándose desde el influjo de la revolución socialista

En este ambiente de la década de 1910 nos encontramos con un intelectual que a diferencia de los de la elite establecida se forma a pulso y por influencia de la revolución rusa. Se trata de Ignacio Torres Giraldo (ITG). Era un hombre del occidente del país. Su ascendencia venía de “los Torres de Antioquia”. Había nacido en Filandia, hoy Quindío, antes Caldas y más antes Cauca, el 5 de mayo de 1893. Él

³³ Noguera Carlos Ernesto. Medicina y política. Discurso médico y prácticas higiénicas durante la primera mitad del siglo XX en Colombia. Medellín, Fondo Editorial Universidad Eafit, Cielos de arena, 2003.

mismo anotó en sus notas autobiográficas que había empezado una vida *medio civilizada* sólo en 1909, a la edad de 16 años. Es decir a la caída del *Quinquenio* de Rafael Reyes. Muy temprano se desplazó en dirección sur de la colonización antioqueña. Su abuelo paterno y su papá eran agrimensores, topógrafos y prácticamente ingenieros hidráulicos. Don Martín Torres, el abuelo, trazó el centro de Pereira, elaboró el primer plano de la ciudad y la proyectó. Don Ignacio, su padre, fue el constructor del primer acueducto de Montenegro, y fue prácticamente el fundador de Sevilla: trazó sus principales calles y levantó el primer plano. Tuvo más que ver su papá con los orígenes de Sevilla que con Don Heraclio Uribe Uribe que tiene los pergaminos de fundador³⁴.

La guerra de 1899 destrozó el hogar de Torres Giraldo. Su madre murió en 1902. Dos características interesantes: venía de fundadores de pueblos y era víctima de las guerras civiles colombianas. Vive un tiempo en Pereira y sus alrededores. Es una vida en constante movimiento. Antes de partir para el extranjero, Torres se mueve entre las cordilleras central y occidental. Gracias a su relato disfrutamos del estado en que se encontraban las ciudades que para entonces ya se perfilaban como las principales de Colombia, y curiosamente nos parecen mucho más interesantes de lo que son y significan hoy día. Su vocación intelectual le permite ponerse en comunicación con la gente letrada de cada uno de esos lugares poco poblados para entonces pero en la ebullición de ideas que había permitido el cese de las guerras civiles en Colombia y el arranque capitalista que toma el país después de finalizada la Primera Guerra Mundial.

Cesa la guerra en Colombia, pero no cesa la vocación letrada del país. Los pueblos tienen en los periódicos y periodiquillos, diarios, semanarios, bisemanarios, quincenarios, el deseo de presentarse incluso ante el mundo. La aspiración de comunicarse se siente en las páginas de estos órganos que por lo regular duran poco pero que se suceden como los mismos acontecimientos que no paran y que transcurren con la sonoridad que hace que todo el mundo se entere. Sucesos, no sabe uno si históricos o literarios por la ficción no solo en que se transmiten sino como en realidad ocurren: la huida del presidente Rafael Reyes o los pormenores del asesinato de Rafael Uribe Uribe. No era tan necesario que los colombianos se enteraran de las innovaciones tecnológicas que se iban implementando en el curso de la Primera Guerra Mundial, como los submarinos, o la escisión de ella de Rusia porque los colombianos vivían con intensidad su propia historia no obstante la ignorancia de la población y la pobre infraestructura material del país.

Torres Giraldo andaba en mula, pero también lo hacía en tren o navegaba por el río Magdalena. Y anduvo en barco. En ese medio llegó a Panamá y en el mismo hizo su primer viaje a Europa. No alcanzó a los indios cargueros y se privó de esa

³⁴ Torres Giraldo Ignacio. Anecdótico. Que refleja, en lo esencial, una vida y otros detalles. Cali, Programa Editorial Universidad del Valle, 2004, 22.

experiencia. Estaba ideológicamente identificado con la vida y obra de Rafael Uribe Uribe, conocía su propuesta política, la promovía y se acercaba a quienes como él seguían este uribismo sin Uribe. Pero lo que más le llamaba la atención eran los coqueteos que el sacrificado general le había hecho al socialismo que a la larga tenía que ver con un cierto socialismo para gremios de artesanos.

Es también Torres Giraldo representante de ese mundo de artesanos de principios de siglo que además caracterizaba el paisaje humano y económico de la sociedad de entonces. Ese era el rostro de la dignidad del hombre medio que se agarraba de una profesión liberal que le permitiera el disfrute de la libertad y con ella la libre elección política e ideológica, la independencia de la que no podía hablar el peón, el campesino, el siervo. Se emulaba en el universitario ya profesional que había logrado coronar una carrera y estaba en pleno desempeño, o en el destacado hombre público que provenía de las últimas guerras civiles o que había sobrevivido a ellas con cualquier pretexto pero se le reconocía su intelecto o su dignidad o su honor o su riqueza.

Torres Giraldo era hijo de un albañil casi ingeniero, lleno de experiencia, constructor y diseñador de pueblos en el sur-occidente colombiano hacia donde avanzaba con extraordinario ímpetu la colonización antioqueña. Torres había pasado por cierta ebanistería artística, pero de las profesiones liberales que mejor y más practicó fue la sastrería. No era un intelectual por instrucción, lo era más por absorción. En medio del fragor y del buen combate se fue haciendo escritor, aunque sus mayores fortalezas estaban en la organización de la gente. En realidad, fue un organizador de masas, y sobre todo un orador, él mismo lo reconocía con la conciencia de que era esa su fuerza, la misma que le había permitido avanzar en el mundo de la política. Pero también le ayudaba el don del carisma que poseía y utilizaba en la resolución de conflictos obreros, aunque lo metía también en los embrollos de resolver los entuertos de malos matrimonios o de parejas en trance de separación, inclusive de novios comunistas que deseaban ser casados por el mismísimo Torres Giraldo.

Él mismo nos cuenta que fue a partir del primero de mayo de 1911 cuando se hizo revolucionario de ideología proletaria, a los 18 años de edad, mientras aprendía el arte de la sastrería de la mano de un tío político suyo, veterano de guerra, y ferviente uribista.

Fue en Pereira entonces donde Torres Giraldo se implicó en las temáticas y problemáticas socialistas, que significaban para los jóvenes salir espiritualmente del parroquialismo. Aspirar al socialismo era desvivirse por ser contemporáneo del mundo. Ello explica el interés que le puso el joven Giraldo a su primer periódico: *El Martillo* que llevaba el subtítulo de *Periódico del Pueblo* y tenía como slogan unos versos de Schiller: *Soy ciudadano del mundo/ y compatriota del hombre,/mi patria no tiene nombre*. Hacia el número 18 del 3 de marzo de 1917, el subtítulo era *Periódico Liberal Doctrinario* con un epígrafe de Rafael Uribe Uribe: “Unidos al pie de nuestra gloriosa bandera marchemos a la conquista del derecho, porque a pesar de todos

nuestro es el porvenir”³⁵. Se trataba de un periódico contestatario, con leves rasgos panfletarios, pero justiciero y solidario con las capas bajas de la población, las menos favorecidas, a las cuales llamaba *pueblo*, y con tremenda identificación y solidaridad con los seres humanos caídos en desgracia que además se dirigían al director del periódico en busca de ayuda:

“Señor Don Ignacio Torres Giraldo — Presente

Excuse la molestia pero he caído atacado por la viruela y estoy sumido en la desgracia sin con qué comprar ni un remedio, así es que aguardo de su buen corazón una limosna, con sus amigos haber si me dan una ropita vieja, pues estoy desnudo y esta enfermedad requiere mucho aseo....Perdone a un desdichado”³⁶.

Era *El Martillo* contertulio en la ciudad de *El Aguijón*. Y en ellos se expresaba el capitalismo comercial que identificaba a la ciudad. Pereira como todas las ciudades colombianas de su estilo ofrecía un amplio surtido de medicamentos para la cura de las enfermedades que padecía la gente de entonces: blenorragia, catarros crónicos, broncorrea, tisis, asma, bronquitis, eficema pulmonar y toses rebeldes, diarreas, jaquecas, estreñimiento, predisposición a la cólera y hasta temores.

De Pereira, el joven Torres se trasladó a Cali, y aquí lo sorprendió la revolución de octubre, la socialista de 1917. Había entablado amistad con los jóvenes abogados vallecaucanos Manuel Saavedra Galindo, Tulio Enrique Tascón, Salvador Iglesias, que tenía, este último, su periódico *Helios* en Buga. Amistades de la red de simpatizantes del pensamiento de Rafael Uribe Uribe. Jóvenes todos que pensaban en que Torres les ayudaría a consolidar una corriente liberal de izquierda en el Valle, y que sin embargo sucumbieron en la coalición con Guillermo Valencia para las elecciones de 1918. Intelectuales que habían estudiado con mucho esfuerzo y sacrificio en Bogotá. Saavedra Galindo el más amigo de Giraldo tenía vasta experiencia en las lides periodísticas, había tenido un periódico en Bogotá llamado *Osiris* y gozaba de gran prestigio como intelectual y sobre todo como gran orador. Sin embargo la evolución política de ambos amigos corrió por aguas distintas y la amistad no prosperó por la alianza electoral de los liberales con Guillermo Valencia. Salió a flote, en cambio, la amistad con el radical liberal Daniel Gil Lemos que tenía su periódico *Zapador* en el cual colaboró Torres Giraldo.

Gil Lemos fue un intelectual muy importante e interesante en la vida cotidiana del Valle y del Cauca para esa época. Se le recuerda como hombre con humor, irónico, irreverente, cáustico. Había terminado su carrera de abogado en la Universidad Republicana en Bogotá. Y además de abogado un contumaz periodista. Fue el fundador del diario caleño *El Relator*. Es que Torres Giraldo tenía muy claro la importancia de seleccionar como amigos a aquellos que le emularan su pasión en el

³⁵ *El Martillo*, marzo 3 de 1917, 1.

³⁶ *Ibid.*

arte no solo de la política sino también de la armadura de la prensa escrita. Buscaba a los amigos en relación con sus propios intereses y no al azar.

En la antesala de las elecciones presidenciales de 1918 Giraldo sacó su propio periódico *La Democracia* que optó por la candidatura del médico liberal José María Lombana Barreneche, que tenía el respaldo de buena parte del viejo liberalismo radical. En general, no le fue bien a Torres en Cali, no consiguió, como se dice, establecerse, y terminó partiendo para Popayán, donde no reprimió el deseo de entablar amistad con el poeta y ex candidato presidencial Guillermo Valencia, relación que fluyó con provecho para Torres Giraldo. Alguna vez, en esta coyuntura de su vida, el maestro Valencia le facilitó un libro:

“Era el resumen de El Capital de Marx hecho por Deville, en edición con dos prólogos antimarxistas. No, no lo había leído. De Marx sólo conocía citas y muy limitados comentarios... Leí naturalmente con interés, el resumen de El Capital sin que afectaran en nada mi posición revolucionaria los dos prólogos de controversia. Años más tarde, en 1935, escribía el maestro Valencia en su periódico Claridad que él les había prestado la obra completa de El Capital de Marx a artesanos que no la conocían. Si tal referencia fuese para mí, debo repetir que no conocía en tal año la obra cumbre de Marx, ni siquiera un resumen como el de Deville; pero debo decir también que si Valencia adquirió la obra completa ello debió de ser después de 1926, cuando siendo muy amigos dejé de verle”³⁷.

Y sería en el seno de esta familia que conocerá a Francisco José Valencia, hermano del poeta, y será él quien lo sacará definitivamente del maltrecho uribismo, y lo conducirá definitivamente por la senda del socialismo. Francisco José le puso en contacto con el coronel Enrique Quijano admirador de la revolución socialista rusa y los tres en una asamblea de cincuenta personas entre obreros, artesanos, estudiantes, en general gente de izquierda convinieron en crear un Directorio Departamental Socialista, abrir un libro de empadronamiento de afiliados, crear comités seccionales y propender por la creación de un periódico.

Un año después de la revolución rusa, en noviembre de 1918, los payaneses celebraron el fin de la guerra con una concentración en el Parque Caldas. Un grupo de artesanos y universitarios desfilaron repartiendo banderines rojos y vivando a la revolución rusa.

Muy agitado en Colombia fue el año de 1919. Convulsionado se veía el panorama mundial. Se cumplía el primer centenario de la Independencia colombiana, o mejor, del acontecimiento que había cerrado ese ciclo: La Batalla de Boyacá; y era la hora de los balances. La conmemoración se hacía en una especie de mixtura con la agitación mundial que había producido la revolución rusa. En este ambiente los socialistas caucanos sacaron el prometido periódico al cual bautizaron con el nombre

³⁷ Torres Giraldo I. Anecdótico... *op. cit.*, 64.

de *La Ola Roja*, justamente en honor a “la extensión de la revolución soviética en el mundo”. El periódico salió bajo la dirección de Francisco José Valencia, el hermano del venerado poeta, y se imprimía en la casa del coronel Enrique Quijano, que era una especie de *Casa de la Cultura*.

Ola Roja era un periódico contertulio del liberalismo. Con él se produce un proceso dialógico mucho más animado que con el conservatismo. De hecho el semanario estaba en la frontera de un liberalismo radical y un socialismo justiciero impulsado por los vientos que soplaban con fuerza ahora no tanto de la cercana Europa latina sino desde el oriente lejano. Por ello los editores designaron como Presidente Honorario del Directorio Socialista a Don Marcelino Valencia, un radical liberal que decía que el socialismo había aparecido con la primera lágrima que la miseria y el hambre arrancaron a la humanidad desventurada. Que llamaba a esa doctrina *Religión política* que llevaba en sí la ascensión gloriosa al progreso inmortal de la humanidad y al imperio de la justicia equitativa y de la bendecida humanidad³⁸.

Los periódicos socialistas se comunicaban entre sí, se constituían en redes y se reproducían entre ellos sus materiales. Como sucedió en la edición del número 12 de *Ola Roja* en el cual abre edición con una entrevista que *El Luchador* de Medellín le había hecho al general Benjamín Herrera, que se encontraba en Barranquilla, sobre asuntos del socialismo. Los contenidos de la entrevista fueron paradigmáticos pues no solo los recogió la prensa de la época sino la historiografía liberal y socialista de todos los tiempos.

“Mi interés por la suerte de las clases obreras es profundo y absolutamente sincero, pero tengo la convicción de que el partido liberal al cual han pertenecido los elementos con que se insiste, acaso irreflexivamente, en formar el partido socialista, es el que debe continuar con seguridad de triunfo, más o menos pronto, laborando para alcanzar las soluciones cultas y equitativas, que a esas clases interesan más directamente. La democracia constituye el alma del liberalismo, es sangre de su sangre y hueso de sus huesos...”³⁹.

En síntesis afirmaba el general Herrera, que todo el programa de la causa obrera estaba vinculado a la suerte del partido liberal en Colombia; que de dicha colectividad dependía el triunfo de las reformas proletarias; que ella era el mejor patrocinio y el más auténtico amparo para los obreros, cuyos derechos siempre habían sido defendidos por los liberales en la prensa, en el parlamento y en los campos de batalla.

Y fue suficiente semejante declaración del jefe liberal para encontrar en los socialistas respuesta inmediata y contundente. El diálogo entablado nos permite conocer la profundidad de la crisis liberal, pero también cuan cara era para los socialis-

³⁸ *Ola Roja* No. 12, julio 23 de 1920, p.1

³⁹ *Ibidem*.

tas la dinámica liberal. *Ola Roja* le contestó al veterano liberal más como pleito entre corrientes liberales que como socialismo propiamente dicho. ¿Era el socialismo de entonces la expresión de un liberalismo radical, a la izquierda del liberalismo de Benjamín Herrera, o era realmente un movimiento con aliento propio? Lo cierto es que el diálogo que se entabla ayuda a la reorganización y recomposición material y espiritual del liberalismo. En medio de todo, en la disputa ideológica entre Herrera y los socialistas, el General no solo tenía la ventaja del prestigio sino también su formación de estratega. Los socialistas caucanos le dan la pelea, a unas simples pero contundentes declaraciones responden con severo análisis en el cual prácticamente el liberalismo es llevado a juicio. *Ola Roja* se publicaba en un momento de radicalización liberal. Los editores del periódico no ignoraban esta circunstancia.

Estudiar la vida y obra de Ignacio Torres Giraldo (ITG) significa trabajar a un temprano intelectual moderno en Colombia. Atraído por la ciencia y por la política, dos campos que supo combinar. Tenía la costumbre paisa del arriero: recorría, andaba, viajaba. Iba conociendo el país y el mundo. Descubrió a Colombia y la transmitió a sus semejantes. Opinaba de cualquier ciudad o localidad con conocimiento, proponía incluso la creación de nuevos municipios en tierras lejanas.

ITG se forjó en el diálogo permanente con su época, con quienes coincidía, amigos y adversarios. Gran valor le daba a la amistad y en general a las relaciones interpersonales. Es a través del texto que alimenta y mantiene el diálogo. Le interesaba comunicar sus ideas sobre todo por escrito aunque se reconoce buen orador y expositor. Se advierte su interés por el dominio de ambos caminos: el verbal y el escrito. El primero para él era un talento nato mientras que le vemos construyendo el segundo. Era excelente improvisador pero evita hacerlo, y cada vez que puede fija el plan de sus exposiciones. Bosqueja sus escritos futuros, los planea de acuerdo con sus propias naturalezas.

Y lo más importante quizás es el diálogo que lleva él mismo con sus propios temas de interés y con lo que ha sido su propia experiencia. No quiere dejarlos al azar, a la memoria. Al contrario: planea fijarlos en libros que tiene en mente y bosqueja sus capítulos. Así, en la década de 1940 elabora una lista de los libros que quiere escribir “tan pronto como tenga el tiempo y la relativa tranquilidad que tal empeño exige y sobre cuyos temas poseo, además de los conocimientos y la propia experiencia, algunos materiales”⁴⁰. Así, bosqueja y diseña los libros con sus respectivos capítulos: *Experiencias de algunas huelgas en Colombia; Mi actuación como miembro de la IC; Jorge Eliécer Gaitán y su época; Primer ensayo de un partido de masas en Colombia (El Partido Socialista Revolucionario)*. Va pensando sus libros, los va desarrollando en su mente y luego pasa sus tesis a pedacitos de papel, hace reseñas sobre libros acerca de Gaitán, por ejemplo, en borrador cuando le llega la inspiración.

⁴⁰ Fondo Documental Ignacio Torres Giraldo.

Fue muy consciente de la importancia de Gaitán y de las ideas gaitanistas. Hablaba de *la cuestión Gaitán* y su deseo fue siempre ofrecer una interpretación marxista al fenómeno. Preocupación que tuvo no solo después de muerto el tribuno sino en vida. Quería superar el mito Gaitán y mostrarlo de cuerpo entero.

He aquí apartes de uno de sus apuntes al respecto:

“Gaitán es un liberal con ideas de izquierda, pero de izquierda radical del siglo XIX. Idealista de la doctrina del positivismo comteano, habla sin embargo, en su tesis de grado, de las ideas socialistas: pero jamás las vive. No se le ve en el movimiento social-reformista de 1920, ni en los grupos comunistas de 1924 frecuentados por algunas “personas cultas” de su generación, naturalmente a título de curiosidad. No participa en el socialismo revolucionario de las masas en 1926 ni el “grupo selecto” de vanguardia socialista de 1936. Gaitán aparece como disidente liberal en 1925, cuando el círculo electoral de Ubaté lo elige diputado de Cundinamarca. Y como disidente de tipo electoral sigue operando. En los debates sobre la matanza de trabajadores en la zona bananera Gaitán obtiene cierto prestigio idealizado en las masas y se hace gaitanista, es decir, se apropia para sí, para su carrera ese prestigio que, según él, no podía ser del partido o fracción que le deposita confianza en sus votos. Y con ese criterio de jefe único organiza el unirismo, que liquida a su tiempo para regresar, como parlamentario, al liberalismo y seguir allí su juego hasta que, como candidato presidencial de aliento conservador, contribuye a la caída del partido liberal”⁴¹.

Podríamos decir que Torres Giraldo es uno de los pioneros de la historiografía social en Colombia. No era casual su método. En él percibimos la influencia de Jean Jaurés de quien él mismo decía admirar: “Mis ideas socialistas de 1914, derivadas del uribismo, me retenían todavía en el campo radical. No obstante, lo que había leído me inclinaba a un socialismo teórico, pacifista, que tuvo en Francia su primer exponente en Jean Jaurés. Y como en aquellos días y precisamente a causa de que encabezaba un vasto movimiento europeo contra la guerra Jaurés fue asesinado, yo era devoto yoreísta. Falto, obviamente, de maduración política y de la menor noción de la dialéctica marxista, no entendí la posición proletaria en la guerra sino en su final, cuando estalló la gran revolución rusa”⁴². Influjo no solo en su pensamiento sino en el estilo, en las temáticas y en su planteamiento desde una estructura marxista. Le atrae la revolución francesa historiada por Jaurés, allí aprende teoría y método. *La Historia Socialista de la Revolución Francesa* lo emula⁴³.

La influencia de los autores franceses es palpable. La gente de entonces leía a Víctor Hugo, y en general la novela francesa lo mismo que toda una literatura re-

⁴¹ Fondo Documental Ignacio Torres Giraldo. Cali, Hemeroteca de la Universidad del Valle.

⁴² *Ibidem*.

⁴³ Jaurés Jean. *Historia Socialista de la Revolución Francesa*. Buenos Aires, Editorial Poseidon, 1946.

lacionada con la revolución francesa, sobre todo la de 1789 tenía influencia entre letrados y entre la gente más o menos alfabetizada. La obra de Lamartine era un referente. Torres tenía cultura literaria, había leído a Schiller y a Heine. Conocía el *anticristo* de Nietzsche y el *Fausto* de Goethe.

Es ITG un temprano intelectual orgánico de una clase social, de un partido. Todas sus actividades giran alrededor de un hombre intelectual preocupado no solo por el destino de su país sino por el de toda la humanidad. Le preocupa no solo su propia preparación sino también la de los demás, en particular la de los cuadros intermedios.

Se forjó de manera casi que autodidacta. Estudiaba por su propia cuenta a través de proyectos que él mismo iba estableciendo. Le interesaba la historia universal, le preocupaba la historia de toda la humanidad, podía interesarse de los *Arameos* tanto como de los colombianos. Había adiestrado sus manos para la escritura que la hacía a máquina o a mano, sobre todo a mano, con lápiz o con lapicero o estilógrafo con distintas tintas sobre cualquier papel: en el envés de las hojas de un almanaque, o en el del sobre de una carta, o en el reverso de hojas volantes, o detrás, o al margen de un suelto cualquiera.

Sabiéndose colombiano le interesó siempre la religión. Aunque dejó dicho que no tenía creencias religiosas, entabló polémicas con la Iglesia católica. Le seguía los pasos a su evolución tanto en el país como en el mundo todo. Era atento a sus planteamientos. Desde muy temprano estuvo atento a las cosas de la Doctrina Social de la Iglesia consciente de su peso en el poder establecido y en la conciencia de los colombianos. Curiosa una nota suya: “Eclesiastés— libro del antiguo testamento que se atribuye a Salomón, en el cual se habla contra la vanidad del mundo. En este libro se reconoce y plantea como necesidades primordiales del hombre: comer, beber, abrigarse, tener vivienda. Véase formulación del marxismo hecha por Engels. “Hasta para el ejercicio de la virtud se necesita un mínimo de bienestar económico”⁴⁴, dice San Agustín.

Reposa en su archivo considerable porcentaje de material eclesiástico sobre el cual Torres trabajaba. Aparecen allí los textos subrayados y comentados al margen. Las encíclicas de Juan XXIII y Pablo VI lo impactaron y lo prepararon para comprender la prédica del sacerdote colombiano Camilo Torres a quien acompañó en su *Frente Unido*; la insalvable religión de la que no se escapó el más connotado de los socialistas colombianos de principios de siglo.

Bibliografía

1. Palabras del General Ignacio Rengifo, Ministro de Defensa del gobierno de Miguel Abadía Méndez. En: Rojas Guerra José María. La estrategia insurreccional

⁴⁴ Fondo Documental Ignacio Torres Giraldo. Cali, Hemeroteca de la Universidad del Valle.

- socialista y la estrategia de contención del conservatismo doctrinario. La década de 1920. Cali, Universidad del Valle, noviembre de 1989, p.65.
2. Shulgovski A. Cátedra Bolivariana. El Proyecto Político de El Libertador. Bogotá, Ediciones CEIS, 1983.
 3. Sanín Cano Baldomero. De mi vida y otras vidas. Bogotá, Ediciones Revista de América, 1949, p.53.
 4. Grillandi Massimo. Rasputin. Bogotá, Ediciones Círculo de lectores, 1982.
 5. Vallejo M. Maryluz. El Grito de Irreverencia de Gil Blas. En: Revista de Estudios Sociales No. 38. Bogotá, Jan/Apr, 2011.
 6. Vega Cantor Renán. Gente muy rebelde. 4. Socialismo, cultura y protesta popular. Bogotá, Ediciones Pensamiento Crítico, 2002;
 7. Jaramillo Salgado Diego. Las huellas del Socialismo: Los discursos socialistas en Colombia, 1919-1929, México, UNAM, Popayán Universidad del Cauca, 1997.
 8. Uribe Uribe Rafael. De Cómo el liberalismo político colombiano no es pecado. Bogotá, Casa editorial de El Liberal, 1912.
 9. Pulido G. David A. Formar una nación de todas las hermanas. La joven intelectualidad colombiana ante el proyecto de Integración latinoamericana del gobierno de Venustiano Carranza 1916-1920. Tesis para optar por el grado de Maestro en estudios latinoamericanos. Programa de posgrado en estudios latinoamericanos, UNAM, 2017.
 10. Molina Gerardo. Las ideas socialistas en Colombia. Bogotá, ediciones Tercer Mundo, 1987. P. 111 en adelante.
 11. Los Tiempos, mayo 11 de 1918
 12. El Colombiano, junio 6 de 1919
 13. La Democracia, agosto 2 de 1919
 14. Véase Solano Armando. Glosario Sencillo. Bogotá, Ediciones Minerva, MC-MXXV.
 15. Santos Molano Enrique. Treinta y seis mil quinientos días de prensa escrita. En: Revista Credencial Historia. (Bogotá — Colombia). Edición 178. Octubre de 2004..
 16. Noguera Carlos Ernesto. Medicina y política. Discurso médico y prácticas higiénicas durante la primera mitad del siglo XX en Colombia. Medellín, Fondo Editorial Universidad Eafit, Cielos de arena, 2003.
 17. Torres Giraldo Ignacio. Anecdótico. Que refleja, en lo esencial, una vida y otros detalles. Cali, Programa Editorial Universidad del Valle, 2004.
 18. El Martillo, marzo 3 de 1917, p.1.
 19. Ola Roja No. 12, julio 23 de 1920, p. 1

Argentinos, judíos y camaradas: una historia icufista

Argentines, Jews and comrades: an icufista history

Resumen: Este trabajo presenta a los judíos militantes o simpatizantes del Partido Comunista Argentino adheridos al *Idisher Cultur Farband* (ICUF) y autodenominados “icufistas” o “progresistas”. El ICUF surgió en el marco de un congreso de intelectuales judíos antifascistas, reunidos en París en 1937. Convocados por el Partido Comunista Francés y bajo el clima de la Guerra Civil Española, participaron delegados provenientes de veintidós países, entre los que figuraron Argentina, Uruguay y Brasil. Entre las máximas fundacionales del ICUF se destacaron la defensa de la cultura judía laica y la lengua *ídish*; la lucha contra el antisemitismo, el fascismo y cualquier tipo de discriminación; y la lucha por la paz, la igualdad y el progreso de los pueblos. Los delegados se comprometieron a difundir los valores del ICUF a través de publicaciones, escuelas, conferencias y otras expresiones culturales y educativas en sus países de proveniencia. Las circunstancias de la Segunda Guerra Mundial limitaron el liderazgo francés del movimiento y en 1941, en Buenos Aires, se replicó aquel Congreso con la presidencia y el impulso del intelectual idishista Pinie Katz. En aquella ocasión participaron 57 entidades del país, uruguayas, brasileñas y chilenas representando cerca de 8900 activistas². La Federación ICUF se declaró “judeo-progresista” y si bien su público inmigrante pertenecía a una izquierda idishista y secular heterogénea, su dirigencia participaba activamente del Partido Comunista en cada país, y en el caso argentino, heredaba el trabajo realizado durante la década del veinte por la Sección Idiomatica de habla ídish de la Internacional: la *Idishe Sektzie* (o Ievsektzia)

Palabras clave: *Idisher Cultur Farband* (ICUF); “icufistas”; “progresistas”; Pinie Katz.

Abstract: This work presents Jewish militants or sympathizers of the Argentine Communist Party affiliated to the *Idisher Cultur Farband* (ICUF) and self-styled “icufistas” or “progressists”. The ICUF emerged in the framework of an anti-fascist Jewish intellectuals congress, in Paris in 1937, convened by the French Communist Party under the Spanish Civil War, where delegates from twenty-two countries participated, including Argentina, Uruguay and Brazil. Among the fundamental maxims of the ICUF stood out the defense of secular Jewish culture and the Yiddish language; the fight against anti-Semitism, fascism and any kind of discrimination; and the struggle for peace, equality and the progress of peoples. The delegates committed themselves to spread the ICUF’s values through publications, schools, conferences and other cultural and educational expressions in their countries of origin. The Second World War limited the French leadership of the

¹ UNSAM/CONICET

nerivisa@hotmail.com/ nerivisa@gmail.com/ nvisacovsky@unsam.edu.ar
Dirección: Méndez de Andes 1781 (1406). Tel 54-11-4093-0993.

² Documentos y actas del Primer Congreso del ICUF, Buenos Aires, 11 de abril de 1941.

movement and in 1941, in Buenos Aires, that Congress was replicated under the presidency and the impulse of the idishist intellectual Pinie Katz. On that occasion, 57 Uruguayan, Brazilian and Chilean entities participated, representing about 8,900 activists. The ICUF Federation declared itself “Judeo-progressive” and although its immigrant public belonged to a heterogeneous secular and Yiddish left, its leadership actively participated in the Communist Party in each country, and in the Argentine case, it inherited the work carried out during the decade of the twenty by the Idiomatic Section of Yiddish speech of the International: the *Idische Sektzie* (or *Ievsektzia*).

Keywords: Idisher Cultur Farband (ICUF), “icufistas”, “progressists”, Pinie Katz.

1. Surgimiento y desarrollo del Idisher Cultur Farband: ICUF (1937–1941)

Como la mayoría de las colectividades inmigrantes que llegaron masivamente a la Argentina y América Latina, entre fines del siglo XIX y hasta la década del treinta del siglo XX, la judía de habla *ídish*, estableció y desarrolló una serie de escuelas, bibliotecas, teatros y organizaciones cooperativas y solidarias entre coterráneos. Entre aquellas que estaban identificadas con las tendencias seculares y las propuestas políticas de izquierda en los años veinte se destacaban tres redes: a) los socialistas del Partido Obrero Judío BUND, b) los sionistas marxistas del Partido Obrero *Linke Poale Tzión* y c) los comunistas de la Sección Idiomatica Judía de la Tercera Internacional: *Idische Sektzie* o *Ievsektzia*.

Los inmigrantes del BUND encontraron afinidad con el Partido Socialista Argentino, pero éste promovía una actitud “asimilacionista” que ellos no aceptaban. Su ideal autonomista y su adhesión al reformismo socialista se expresaba a través de un fuerte apego a su cultura e idioma *ídish*, al cual no estaban dispuestos a renunciar. Por eso, en 1908 comenzaron a editar el primer número de *Avangard*, que expresaba en *ídish* las mismas ideas que *La Vanguardia socialista* y a trabajar activamente en la difusión de sus propias actividades culturales. Una década más tarde, en 1918, siguiendo la escisión entre el Partido Socialista y su sector Internacional-Socialista (que luego se llamaría comunista), el BUND se separó en dos facciones. Por un lado, quedaron aquellos que se pronunciaron fieles al reformismo autonomista, y por otro los que adhirieron a la vía internacionalista y formaron la Sección Idiomatica IDISH del Partido Comunista *Idsektzie* o *Yevsektzia*. Varios judíos anarquistas, quienes ya tenían activa presencia en Argentina a principio de siglo y editaban una página en *ídish* en la publicación anarquista libertaria, *La Protesta*, también se sumaron a esta sección. El historiador Hernán Camarero afirmaba que en 1922 la colectividad más numerosa en el Partido Comunista Argentino era la judía. En 1927, por ejemplo, el periódico *idish* Estrella Roja publicaba 3500 ejemplares, constituyendo el de mayor tirada después de *La Internacional* en castellano. Una tercer corriente, la sionista marxista, adhirió a la Tercera Internacional en sus primeros años, pero proclamaban-

do la primacía de reunir al pueblo judío en un mismo territorio como paso previo al proceso revolucionario, era el sector de izquierda (linke) del Partido Poale Sión (Los trabajadores de Sión).

Entonces, mientras las dirigencias y las publicaciones de esos tres grupos se diferenciaban ideológicamente con claridad, el público más amplio fluctuaba aún entre una y otra, porque las tres ofrecían una similar atmósfera socio-cultural. En síntesis:

- a) Los judíos socialistas eran del Partido Obrero *Bund*: «Unión General de los Trabajadores Judíos de Polonia, Lituania y Rusia»³, fundado en 1897, en la ciudad de Vilna, Lituania. Ese partido contaba con gran popularidad entre las masas *idishistas* europeas de principio de siglo XX y fue una fuerza política de peso en la conformación del Partido Obrero Socialdemócrata Ruso (POS DR) de 1898. En Argentina esos inmigrantes se filiaron con el Partido Socialista Argentino, pero no acordaban con la política “asimilacionista” de las minorías étnicas que promovía ese Partido. De hecho, cuando el socialismo se dividió en 1918, una buena parte se pasó a militar en el internacionalismo comunista que inauguró su sección idishista.
- b) El segundo grupo estaba constituido por el Linke Poale Sión, o los Trabajadores de Sión. Mientras los socialistas del Bund y Comunistas de la Internacional formaban dos redes institucionales separadas y no acordaban con las ideas sionistas, este tercer grupo, también marxista, tenía en sus filas tendencias socialistas y comunistas, pero perseguían ideales nacionalistas para el pueblo judío y por eso abogaban al proyecto sionista. Con los años constituyeron la propuesta política de izquierda dentro de la organización partidaria del Estado de Israel desde 1948 y fueron grandes protagonistas del movimiento kibbutziano.
- c) El tercer grupo era el de los comunistas, cuya propuesta está vinculada al impacto de la Revolución Rusa de 1917. Mientras los socialistas apoyaban el reformismo de la Segunda Internacional, los que apoyaron la lucha de los bolcheviques y las propuestas de Lenin, se sumaron a la *Komintern* o Tercera Internacional y fueron numerosos en los años veinte. Muchos eran militantes, y aunque es difícil de cuantificar, las fuentes indican la presencia de una gran cantidad de simpatizantes comunistas de origen judío. En 1927, por ejemplo, el Partido calculaba que el 14% de sus integrantes de la Capital Federal eran judíos, mientras el órgano de prensa en *idish*, *Estrella Roja*, tenía dos mil suscriptores y publicaba tres mil quinientos ejemplares,

³ Con respecto a la historia del Bund en Europa y en Argentina, se pueden consultar algunas fuentes como el trabajo de LAUBSTEIN Israel, *Bund, Historia del Movimiento Obrero Judío*, Buenos Aires, Acervo Cultural Editores, 1997 y el libro testimonial *De mi vida* de MEDEM, Vladimir, líder del bundismo europeo.

constituyendo el de mayor tirada después de *La Internacional* en castellano⁴.

Entonces, la izquierda judía en todas sus tendencias promovió la creación de escuelas complementarias en ídish. Durante la mañana los niños iban a la escuela estatal obligatoria, y por la tarde a la escuela ídish (el shule). También se organizaron en diferentes barrios actividades recreativas y deportivas para jóvenes y adolescentes. En la década del veinte, esas organizaciones judeo-comunistas se definían abiertamente “marxistas-leninistas”. Entre sus contenidos de enseñanza y transmisión se priorizaban las luchas obreras de todo el mundo y los sucesos revolucionarios de Octubre de 1917. Sin embargo, en los años treinta, las dictaduras latinoamericanas proscibieron el comunismo y estas escuelas tuvieron que moderar su prédica partidaria. Aunque muy pronto, a mitad de la década del treinta, “la línea antifascista” abriría para sus militantes y activistas un nuevo campo de acción y estrategias de difusión.

En su VII Congreso de 1935, la Tercera Internacional había evaluado la urgencia de constituir frentes populares para enfrentar al “enemigo nazi-fascista” y llamaba a los Partidos Comunistas a cambiar la estrategia de “clase contra clase” y buscar alianzas con el socialismo y la “burguesía progresista”. El clima político europeo, signado por la polarización que produjo la Guerra Civil Española desatada en 1936, se proyectaba también en América Latina. Esa fue la atmósfera en la cual se replicaron las organizaciones antifascistas, que posteriormente colaboraron también, y enfáticamente, con los Países Aliados. El ICUF fue una organización antifascista, hija de estos tiempos; eso explica cierta heterogeneidad (dentro de una izquierda laica-liberal) entre las familias judías que participaron en sus instituciones.

En la coyuntura frentepopulista, en septiembre de 1937, bajo el liderazgo de escritores judíos comunistas como Haïm Slovès, Moishe Olguín o Yoysef Opatoshu, se reunieron en París intelectuales judíos de habla ídish, provenientes de 22 países y fundaron el *Yídisher Kultur Farband* (YKUF). El escritor y periodista Pinie Katz participó por Argentina y Uruguay y el escritor Menajem Kopelman, por Brasil. Bajo un enorme retrato del poeta Federico García Lorca (asesinado por los franquistas en agosto de 1936) y mientras decenas de brigadistas judíos luchaban junto a los republicanos españoles, los congresistas del YKUF se comprometían a trabajar por la unión de los pueblos contra el fascismo, el antisemitismo y la defensa de la cultura judía. En su estructura y organización, el YKUF seguía el mismo formato jerárquico y centralizado que tenía la Internacional Comunista, y su centro habría de ser Francia. Sin embargo, la Segunda Guerra y la masiva deportación de judíos terminaron trágicamente con el YKUF en Europa. Frente a este escenario, y especialmente el numeroso grupo de judíos argentinos, adquirió protagonismo y replicó

⁴ CAMARERO, Hernán, *A la conquista de la clase obrera. Los comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina 1920-1935*, Siglo XXI, Buenos Aires, 2007, 301.

para los países latinoamericanos aquél Congreso celebrado en París de 1937. Fue así que el 11 de abril de 1941, en un Congreso realizado en Buenos Aires y presidido por Pinie Katz, 57 instituciones representando a 8900 activistas y socios de Argentina, Uruguay, Brasil y Chile fundaron el *Idisher Cultur Farband* (ICUF) con los mismos objetivos antifascistas y la reivindicación del idioma *ídish*, inauguraron una nueva etapa en el movimiento.

La ideología “icufista” orientó la posición política de numerosas familias que participaron en escuelas y otras actividades socio-culturales y recreativas en las instituciones adheridas. A lo largo del siglo XX, esa identidad se fue modelando por un discurso que recogió las causas de la Revolución Rusa y el marxismo-leninismo, pero también, enfrentó polémicas y crisis en los años de Guerra Fría frente a los conflictos en Medio Oriente y la política israelí. Lo que se quiere demostrar aquí, es que el icufismo no fue sólo un movimiento de comunistas argentinos de origen judío, sino una construcción particular donde convergieron distintas esferas de pertenencia. Una combinación étnica-política que tomó la forma ideológica del comunismo argentino. Se trató de una amalgama que combinó el ideario pro-soviético con un acervo cultural *idishista* laico, la valoración de otras causas universales y pacifistas, y no menos importante, un fuerte anhelo de integración a la sociedad argentina. Analizar la manera en la cual se construyó “el icufismo” permite rescatar la historia de una inmigración judía de izquierda ligada al Partido Comunista, como también apreciar la devoción por el mundo soviético que manifestaron sus referentes políticos y los conflictos que esa pasión ocasionó en la vida y el devenir de las instituciones judías afiliadas⁵.

5

Instituciones adheridas al ICUF

Sociedad de Residentes de Varsovia (Once); Asociación Cultural Deportiva y Escuela Jaim Zhitlovsky (Villa del Parque); Asociación Cultural y Deportiva Scholem Aleijem (La Paternal); Asociación Israelita Pro-Arte IFT (Once); Centro Cultural “David Berguelson” (Villa Urquiza); Centro Cultural Israelita Ringuelblum (Flores); Centro Cultural Israelita I.L.Peretz (Lanús); Centro Cultural Israelita Manuel Belgrano (Ramos Mejía); Centro Cultural Peretz Hirschbein (Villa Luro); Centro Cultural y Deportivo I.L.Peretz (Villa Lynch-San Martín); Club Israelita Escuela Zalman Raizen (Avellaneda); Centro I.L.Peretz (San Fernando); Centro Literario Israelita Biblioteca Max Nordeau y Escuela Popular Israelita D.F. Sarmiento (La Plata) Escuela Israelita Januz Korchak (Caballito); Hogar Cultural Méndele (San Martín); Centro Educativo Recreativo Sarmiento (Villa Crespo). Colonia vacacional Zumerland—(Mercedes-con experiencias en Córdoba y Tucumán).
Asociación Cultural Israelita de Córdoba

Asociación Cultural Israelita de Tucumán

Distrito

Capital Federal y Provincia de Buenos Aires, Argentina.

Provincia de Córdoba, Argentina.

Provincia de Tucumán, Argentina

Cabe notar que la fundación del ICUF en América Latina se realizó en abril de 1941, aún antes de finalizado el Pacto Ribbentrop-Molotov en septiembre de 1941, y tuvo importante adhesión en la calle judía. Esta participación, también induce a sostener que, aunque en 1939 el Pacto Alemania-URSS había despertado serias polémicas entre los judíos de izquierda, más bien primó la tendencia a respaldar a la URSS, que con su pacto de “no agresión” estaba frenando a las potencias occidentales que alentaban su destrucción; “ganando tiempo” para rearmarse y combatir al nazi-fascismo; salvando a los judíos de media Polonia; y otros argumentos similares. Sin embargo, a finales de 1941, quebrado el pacto, varias entidades judías adhirieron a la Federación ICUF y otras se constituyeron posteriormente adoptando su línea ideológica: el “judeo-progresismo”.

El “judeo-progresismo”, en *ídish*: *di progressive*, se constituyó como una corriente judía laica, no religiosa y no sionista, vinculada a los sectores anarquistas, socialistas y comunistas de la Argentina. En esta época, ya quedaron bien diferenciados los “progresistas” o “icufistas” de los otros dos grupos, bundistas y linkepoalesionistas que se sumaron a la hegemonía de las organizaciones centrales como AMIA y DAIA en Argentina.

El ICUF de los judíos progresistas fue el resultado de aquella sección comunista idishista y se estableció como la propuesta contra-hegemónica frente a las tendencias sionistas. A principios de la década del cincuenta, Argentina y Uruguay registraban cerca de 30 entidades culturales, 15 escuelas complementarias con 2500 alumnos, editaban cuatro revistas propias, tenían una editorial propia en ídish y castellano que llevaba más de 60 publicaciones, la colonia de veraneo infantil *Zumerland* y varios grupos femeninos y juveniles que actuaban en su esfera. En Brasil, con una colectividad tres veces menor, la izquierda judía nucleaba una decena de en-

Sociedad Cultural Israelita I.L.Peretz (Santa Fe); Centro Cultural Israelita de Rosario (Rosario).	Provincia de Santa Fe, Argentina
Centro Cultural Israelita de Mendoza, Escuela I.L.Peretz y Centro Cultural Ana Frank.	Provincia de Mendoza, Argentina
Asociación Cultural Israelita Dr. Jaim Zhitlovsky (fusión de la “Asociación Cultural Israelita del Centro” y la “Casa de la Cultura Jaim Zhitlovsky”)	Montevideo, Uruguay
Instituto Cultural Israelita Brasileiro (ICIB)-Casa do Povo, Teatro, Escuela Scholem Aleijem y kinder-club I.L.Peretz; Club de Cana de Santos.	Estado de Sao Paulo, Brasil.
Biblioteca Israelita Scholem Aleijem (BIBSA), luego Escuela y “Asociación Scholem Aleijem” de Cultura y Recreación de Río de Janeiro; Colonia de férias Kinderland (Río de Janeiro); Club de Cabiras (Río de Janeiro).	Estado de Río de Janeiro, Brasil
Unión Israelita de Belo Horizonte.	Estado de Minas Gerais, Brasil.
Club de Cultura de Porto Alegre.	Estado de Río Grande do Sul, Brasil.
Sociedad Cultural Israelita de Paraná.	Estado de Paraná, Brasil.
Sociedad Israelita de Bahía.	Estado de Bahía, Brasil.

tidades socio-culturales, dos escuelas ídich, grupos teatrales y corales, la colonia de ferias *Kinderland* y tres publicaciones. Un capítulo aparte merece la actividad teatral ídich. Tanto en Buenos Aires como en San Pablo, los grupos filo-dramáticos fueron semilleros del teatro independiente y artistas reconocidos iniciaron sus carreras en escenarios del *Idisher Folks Teater* (IFT) en el porteño barrio de Once, y en el Teatro de la Casa do Povo (TAIB) en el barrio paulista del Bom Retiro. En la década del sesenta, a través de la actividad deportiva sobre todo, algunas instituciones abrieron sus puertas al vecindario y en los años noventa terminaron sus días con la misma dificultad humana y financiera que otros clubes sociales de barrio, destruidos por la globalización, el neoliberalismo y otras formas de sociabilidad. La pérdida de público que tuvieron el Centro Cultural Israelita Isaac León Peretz de Villa Lynch (1940-1996) en Argentina o la Asociación Cultural Israelita Dr. Jaim Zhitlovsky en Uruguay, para poner un ejemplo, muestran muy bien ese proceso⁶. En el caso de las instituciones brasileñas, que recién habían tomado fuerza en la inmediata posguerra, su expansión se vio interrumpida con la dictadura de 1964 y desde entonces fue perdiendo participación⁷.

No obstante, el movimiento icufista sigue vigente en el siglo XXI. Pequeños colectivos y actividades recreativas para niños y adolescentes se realizan en las ciudades de Río de Janeiro, San Pablo y Montevideo; y en las provincias argentinas de Córdoba, Mendoza, Santa Fe y Buenos Aires. En este último distrito, todavía funciona una escuela formal en castellano, con varias familias y activistas en el tradicional barrio porteño de Villa Crespo. Alrededor suyo funcionan una serie de actividades culturales y deportivas y se administra la colonia *Zumerland* (Mercedes, Provincia de Buenos Aires) y el legendario Teatro IFT. Todo ese complejo, resultado de varias fusiones institucionales lleva el nombre de “Sholem Buenos Aires” desde el año 2007. En Uruguay sigue funcionando la única entidad que siempre existió en Montevideo con un Kinder Club y actividades culturales y deportivas, y en Brasil, siguen abiertas con actividades culturales la Asociación Sholem Aleijem (ASA) en Río de Janeiro y Casa do Povo en Sau Paulo.

2. La polarización de la izquierda judía y el comienzo de la Guerra Fría (1948–1959)

En la temprana posguerra, rusos y americanos habían empezado a tejer alianzas estratégicas con los nuevos estados nacionales y los que se reconstruían después

⁶ Visacovsky, Nerina, *Argentinos, judíos y camaradas. Tras la utopía socialista*, Buenos Aires, Biblos, 2015, 243.

⁷ El Centro Cultural I. L. Peretz de Villa Lynch recién mencionado tenía 3000 socios activos en 1977 y hoy ya no funciona (Visacovsky, 2014: 240). La *Casa do Povo* (ICIB) en San Pablo tuvo 6000 adherentes en la década del cincuenta y en 1982 sólo contaba con 150 socios (Kinoshita, 2000: 392).

de 1945. Cuando en 1947 se votaba la partición de Palestina en Naciones Unidas, los judíos del mundo se manifestaron de manera unánime a favor de la creación del Estado de Israel. En 1948, jóvenes idealistas y militantes sionistas se enrolaron como voluntarios en el ejército y la construcción de la vida *kibbutziana*; muchos de ellos participaban del partido Hashomer Hatzair, heredero del anteriormente mencionado, *Linke Polae Sión*. La Guerra de la Independencia que comenzó en 1948 contra la resistencia árabe fue apoyada por la mayoría de las naciones y los soviéticos fueron los primeros en colaborar con el Estado judío. No obstante, cuatro años después, el vínculo entre la URSS e Israel había cambiado radicalmente. La alianza rusa con los países árabes, la alineación israelí con los EEUU y las campañas estalinistas contra las minorías nacionales, especialmente el sionismo, determinaron una polarización de carácter internacional. De esta manera, la Guerra Fría comenzó a proyectarse también en las colectividades judías de Occidente, entre ellas las latinoamericanas. Las organizaciones sionistas trasnacionales eran cada vez más poderosas y denunciaban el antisemitismo que padecía la población judía soviética, impedida además, de migrar a Israel. Mientras por el contrario, los sectores judíos progresistas denunciaban el antisemitismo y anticomunismo en Estados Unidos y su aliado en Medio Oriente, el Estado de Israel.

Sin embargo, sucesivas crisis hicieron que muchos judíos comunistas se alejaran del Partido y del ICUF. La idealización con el universo soviético había comenzado a resquebrajarse cuando se hizo pública la noticia sobre el extraño accidente automovilístico del presidente del Comité Antifascista y director teatral ídich de la URSS, Salomón Mijoels, en 1948. El hecho levantó todo tipo de suspicacias en la “calle judía”. A pesar de haber sido enterrado con todos los honores en Moscú, pronto circuló la versión de un asesinato a las órdenes de Stalin. Posteriormente llegaron las noticias de los procesos de Praga; primero se supo que el secretario general del partido Rudolf Slánsky y otros dirigentes judeo-checoslovacos fueron acusados de traición y fusilados; y luego, que en agosto de 1952 habían sido ejecutados Peretz Markish, David Berguelson, Itzik Feffer y una decena de escritores del Comité Antifascista. Aquellas noticias resultaban imposibles de creer, tanto para icufistas de Argentina como de Brasil y Uruguay. A eso le siguieron declaraciones de Stalin en 1953, un par de meses antes de morir, sobre un supuesto “complot de médicos judíos” para asesinarlo. En portugués, español e *ídich*, el PC afirmaba que las agencias norteamericanas y occidentales estaban al servicio de la campaña anti-comunista y anti-soviética y convocaba a sus lectores a no dar crédito a esas falsas noticias, cuyo fin era desestabilizar a la URSS⁸. Finalmente, el más profundo shock para los icufistas fue el de 1956, con las declaraciones de Nikita Jruschov pronunciadas en febrero

⁸ Discursos y notas varias compiladas por la autora en las publicaciones *Aporte* (Buenos Aires, 1953-1956), *Di ídiche froi* (Buenos Aires, 1950-1956), *Tribuna*, Buenos Aires, 1952-1956, *O reflexo*, Sau Paulo, 1947-1956 (Visacovsky, 2009)

en el XX Congreso del PCUS, denunciando los crímenes del estalinismo. A eso se sumó el levantamiento de Hungría, violentamente reprimido por las tropas soviéticas en octubre y la vinculación con los países árabes que cambió la geo-política en Medio Oriente. Es decir, 1956 fue un año crítico para el comunismo y así también para el icufismo. Varios activistas, en ambos países, enfrentados con posiciones partidarias ortodoxas, comenzaron a alejarse de las instituciones adheridas. Sin embargo, al mismo tiempo, esas instituciones se abrían con una serie de actividades educativas en castellano y deportes que pudieron integrar a una importante comunidad barrial no judía. Por eso, aunque decreció su público judío, creció numéricamente su público en general. Ese perfil de “club de barrio”, asemejó a estas instituciones con otras del mismo estilo fundadas por la inmigración italiana o española en Argentina.

A partir de la alianza que Israel forjó con Estados Unidos, las instituciones judías se polarizaron en dos alas: sionistas (de izquierda a derecha) y progresistas (los icufistas)⁹. En Argentina, el reflejo de ese proceso fue muy claro cuando 5 escuelas icufistas que habían logrado en 1945 integrarse a la red de subsidios de AMIA a través de su Comité Educativo (*Vaad Hajinuj*), fueron expulsadas en diciembre de 1952 por negarse a firmar una condena a la URSS, a raíz de los juicios de Praga. Claro que, desplazando a los icufistas, que en 1949 tenían el 35% de los votos de AMIA, el sionismo lograba dominar completamente la dirección ideológica de la mutual. Aquel proceso que sus protagonistas denominaron *jerem* (expulsión o excomunión), fijó posiciones irreconciliables. En Brasil, con una estructura menor, las instituciones sufrieron crisis similares. Cabe destacar que hasta 1956, mientras la prensa sionista acusaba al icufismo de “ceguera” por no aceptar las mencionadas noticias, los engaños que sufrían los icufistas venían de la mano de figuras que ellos suponían absolutamente confiables. En 1954, por ejemplo, en su paso por Argentina, el escritor Ilyá Ehrenburg, miembro del Comité Antifascista, declaró que aquello era una falacia y que él mismo había estado conversando con los escritores antes de viajar. En Brasil, la entidad carioca invitó a Jorge Amado, recién llegado de un viaje a Moscú y más de ciento cincuenta personas le escucharon decir que todo era una calumnia y que los escritores estaban perfectamente bien. De acuerdo a esos testimonios, la prensa icufista argentina, uruguaya y brasileña reflexionaba de manera similar: era imposible creer que la URSS, que había movilizó al mundo entero contra el nazismo, cometiera ahora crímenes antisemitas. La mayoría no podía asimilarlo. Ciertos militantes nunca lo hicieron, otros se volvieron profundamente anticomunistas, y hubo contados casos extremos de depresión y hasta suicidio. No obstante, una buena parte se amoldó rápidamente al “deshielo” y acogió los llamados de Jruschov a recuperar las banderas bolcheviques y la tan mentada “vuelta a Lenin”. Entre 1957 y 1958, con profundo pesar, la dirigencia del ICUF sacó un comunicado aceptando

⁹ Para esa época el sector ortodoxo judío, que podría mencionarse como una tercer ala, no resultaba significativo entre las organizaciones comunitarias latinoamericanas.

los crímenes de los escritores y lamentando la existencia de “traidores a los intereses soviéticos” como el jefe de policía, Lavrentiy Pavlovich Beria. Paralelamente, el Partido insistía en que no había antisemitismo en la URSS y comenzaba a organizar viajes para que los dirigentes judíos lo vieran con sus propios ojos¹⁰. Así, desde los años sesenta, las crónicas de viajeros se volvieron fundamental fuente de información sobre esta problemática que no cesaba de preocupar a los icufistas. Entretanto, una nueva generación de jóvenes comenzaba a ocupar cargos en las escuelas y centros culturales-deportivos del ICUF mientras las publicaciones se pasaban del *ídish* al castellano. Durante los años sesenta, el Partido Comunista en América Latina dirigió su mirada al proceso revolucionario cubano y criticó las posiciones “sectarias” del sionismo, reafirmando las identidades judeo-argentinas, judeo-uruguayas y judeo-brasileñas de sus seguidores.

El movimiento sionista, por su parte, en la década del sesenta se consolidó y diversificó en partidos de izquierda, centro o derecha, pero siempre considerando a Israel como centro de la vida judía en la diáspora. Sus escuelas implementaron la doble jornada, brindando el curriculum obligatorio y a contra-turno, la enseñanza del hebreo y otros temas vinculados a la nacionalidad israelí. Cabe aclarar que en Argentina, de acuerdo a la Ley 1420 de 1884, la enseñanza primaria era laica, gratuita y obligatoria para toda la población y por eso, tanto el icufismo como el sionismo, la priorizaron como vía de integración social. Sin embargo, entre 1967 y 1970 y a fin de fomentar la migración de los jóvenes al Estado judío (más conocida como *aliá*¹¹), las escuelas sionistas adoptaron la jornada completa. Las icufistas, al contrario, permanecieron a contra-turno de la educación estatal. En Brasil, en cambio, la organización educativa fue más descentralizada y entonces, las escuelas judías de las diversas tendencias fueron integrales desde su fundación. En definitiva, con respecto a ICUF, lo que tuvieron en común ambos países fue que sus *shules* continuaron enseñando *ídish* (mientras los sionistas pasaron sus horas al idioma hebreo) y que se destacaron por sus innovaciones en materia pedagógica. Exceptuando una escuela primaria en Buenos Aires, ya mencionada, el resto desapareció entre las décadas del sesenta y setenta por falta de público y dificultades de financiamiento. La educación

¹⁰ La prensa progresista se dedicó a mostrar que no existía antisemitismo en la URSS. Relatos de cronistas y viajeros afirmaban que de ninguna manera el *ídish* estaba prohibido, sino que las nuevas generaciones optaban “voluntariamente” por utilizar la lengua rusa. De hecho se publicaban en ruso libros de los escritores y poetas asesinados en 1952. En 1960 se publicaba en ruso *El Diario de Ana Frank* con prólogo de Ilyá Ehrenburg y se traducían las obras completas de Scholem Aleijem. Como corolario de toda una reivindicación del judaísmo cultural, en 1961 aparecía el primer ejemplar de *Sovietishkaia Rodnia* (Prensa Soviética, Moscú, 1961-1991) bajo la dirección de Aarón Verguelis. Con una tirada de 25.000 ejemplares y completamente en *ídish*, se difundía en todo el mundo.

¹¹ Del hebreo: “ascenso”. Es el término utilizado para referir a la migración de los judíos hacia el Estado de Israel.

no formal ocupó su lugar bajo la forma de kinder-clubes, talleres artísticos, deportes y colonias vacacionales.

3. Los efectos de la Revolución Cubana y la Guerra de los Seis Días (1959–1967)

En la Argentina de 1958, con el peronismo proscripto, la dictadura militar convocó a elecciones presidenciales que se efectuaron en 1958. Los icufistas, en línea con el PCA, se entusiasmaron con la llegada del presidente Arturo Frondizi al poder pero, como buena parte de la izquierda, pronto se decepcionaron de sus medidas, contrarias a las prometidas durante la campaña. Por otra parte, el impacto que produjo la Revolución Cubana en 1959 y el temor de que inspirase procesos similares en el país, profundizó las medidas represivas contra el comunismo en todo el continente. Las Fuerzas Armadas adoptaron las doctrinas de seguridad nacional de los norteamericanos y condicionaron a los gobiernos democráticos. En Argentina, además, el secuestro de Adolf Eichmann en 1960 por parte del Mossad israelí generó numerosas polémicas y manifestaciones antisemitas por parte de grupos nacionalistas como Tacuara. Una vez más, los sectores extremistas reeditaban el mito del “judeo-bolchevismo” como amenaza nacional. Las pintadas callejeras expresando: “Haga Patria, mate un judío” o “Frondizi vendido a los judíos” se reiteraban en los meses que duro el conflicto diplomático. En 1962, el informe de antisemitismo para América Latina de la *American Jewish Committee* llamaba a las organizaciones comunitarias a convencer al público de que “el judaísmo era una fe y una filosofía opuesta al comunismo”. En sus páginas se expresaba de manera contundente: “jews could never be communists”. Así, mientras los sionistas argumentaban que el antisemitismo reinante era responsabilidad del comunismo, los icufistas sostenían que eran los sionistas y el gobierno israelí los principales promotores del antisemitismo argentino.

Durante la década del sesenta, las instituciones del ICUF siguieron creciendo un corto tiempo más, volcándose plenamente a las actividades educativas y deportivas. Sin embargo, buena parte de los jóvenes politizados, probablemente la mayoría, comenzaba a buscar otros ámbitos de socialización, especialmente en las universidades. En Argentina, y en línea con las rupturas internacionalistas, algunos seguidores de la Federación Juvenil Comunista, más conocida como “la Fede”, se rebelaron contra la ortodoxia partidaria. Un sector, influenciado por las ideas del líder chino Mao Tse Tung formó el Partido Comunista Revolucionario (PCR) y otros se volcaron a la lucha armada actuando en las Fuerzas Armadas Revolucionarias (FAR) y Montoneros. Por su parte, los icufistas evaluaban que la ausencia de líderes juveniles se debía a los cambios culturales y las responsabilidades estudiantiles de las nuevas camadas. Sin embargo, en Argentina, el público de las entidades era todavía numeroso porque existía una genuina necesidad de contar con espacios educativos

y culturales judíos laicos; como también debido al pasaje del *ídish* al castellano y el fomento de los deportes que habían atraído a vecinos no judíos del barrio de cada institución. En el caso brasileño, las entidades icufistas se deterioraron más rápidamente a partir del golpe de 1964, pero sobre todo a raíz de la Guerra de los Seis días en 1967. El conflicto desatado en Medio Oriente y el “socialismo con rostro humano” aplastado en Praga en 1968 fueron situaciones que afectaron negativamente al icufismo en la izquierda latinoamericana. Para mitigar las decepciones, la prensa comunista centraba su discurso en las luchas revolucionarias que Estados Unidos había intentado y seguía tratando de impedir: Cuba, Argelia y Vietnam. Así, en línea con la URSS y su política antisionista, los comunistas desplegaban posiciones muy duras contra el gobierno israelí calificándolo de “país agresor”, instaban a la devolución de los territorios árabes ocupados y defendían unilateralmente al pueblo palestino¹². La dirigencia icufista acató el discurso anti-sionista soviético, enfatizando su preocupación por las “luchas universales anti-imperialistas” y fustigando a los “sectarismos étnicos” como el sionismo. Explicaban además que, si hasta 1945 la Unión Soviética había sido la principal abanderada del antifascismo, para entonces y en el marco de la Guerra Fría, había que darle apoyo porque era la única nación que podía garantizar la paz mundial. En las décadas del setenta y ochenta, delegados del ICUF; hombres, mujeres y jóvenes participarían de los Congresos Internacionales por la Paz y el desarme nuclear, organizados en los países socialistas. Sin embargo, pocos activistas estuvieron de acuerdo con la severa condena al Estado de Israel y como consecuencia, las entidades perdieron gran cantidad de asociados y activistas. En síntesis, a raíz del conflicto de 1967 se dividieron instituciones, redes sociales y hasta familias enteras.

Durante ese período, argentinos, uruguayos y brasileños judeo-comunistas sufrieron las mismas dificultades; ser judíos y aceptar la alianza del Estado de Israel con los Estados Unidos; y ser o simpatizar con el comunismo y aceptar el apoyo soviético a quienes se declaraban “enemigos” del Estado judío; especialmente la Organización de Liberación Palestina, fundada por la Liga Árabe en 1964. Empero, para los militantes más comprometidos, la disciplina partidaria era lo primero y jamás cuestionaron a la URSS. Sobre todo, porque en la lógica de la Guerra Fría, criticar el liderazgo soviético implicaba dar argumentos al enemigo “imperialista”.

4, Consideraciones finales

Los inmigrantes judíos de izquierda arribados a la Argentina y América Latina encontraron en la atmósfera partidaria y cultural comunista la posibilidad de expresarse en su propio idioma: el *ídish* y así proteger su acervo cultural europeo. Du-

¹² La cobertura principal se reflejaba en el diario *Tribuna* (1952-1961) y posteriormente en la Revista *Tiempo* (1968-1989).

rante los años treinta, con el auge de la lucha antifascista y la búsqueda de alianzas frentepopulistas, las redes de socialización partidaria y la cultura judía laica lograron un sincretismo que dio por resultado el surgimiento del Idisher Cultur Farband: el ICUF. Pronto esa tendencia judeo-comunista se distanció de las otras tendencias de izquierda judía: los bundistas, y los sionistas marxistas del Linke Poale Sión. La lucha contra el nazismo durante la Segunda Guerra Mundial selló la incondicional veneración del icufismo hacia la URSS. Sin embargo, a partir de 1956, y debido a las noticias que se confirmaron acerca de los crímenes a los escritores judíos soviéticos, y luego en 1967, con la crisis producida por la Guerra de los Seis Días, muchos activistas se alejaron del ICUF. Ese escenario se agravó en 1968 para todo el mundo comunista (judíos y no judíos), con la represión al levantamiento de Praga. En el período tratado, las dirigencias de los Partidos Comunistas se manifestaron refractarias a revisar sus posicionamientos o ceder espacios a otras ideas que escaparan a la rígida disciplina partidaria proveniente de Moscú. Aquello causaba algunos conflictos en la atmósfera de las instituciones y grupos adherido al ICUF. Es decir, ya fuera que enfatizaran su condición “judía” o su condición “comunista”, una serie de contradicciones ponía en tensión las definiciones de su identidad y sus principales banderas: las utopías socialistas del hombre nuevo, la lucha contra el antisemitismo, la unión de los pueblos y la paz mundial. La historia de la red icufista constituye una muestra de las diferentes formas que tuvo el comunismo durante el corto siglo XX.

Desde otro ángulo, la adscripción ideológica a los partidos comunistas era para los inmigrantes judíos, y fue también para la generación de sus hijos, una opción que podían compartir con una sociedad más amplia, una sociedad mayoritariamente no judía. Finalmente, podría argumentarse que si la integración a la sociedad más amplia fue un objetivo primordial del icufismo, éste se cumplió con éxito, aunque el costo fuera la desaparición de las propias instituciones. Valga recordar las palabras del escritor judío Moishe Olgún, cuando en ocasión de sentar las bases de la Federación YKUF en París en 1937, habría manifestado: “necesitamos una cultura que no separe al pueblo judío del no judío, sino que la integre”. Fue aquella, entonces, la idea-fuerza sobre la cual se construyó la identidad “judeo-progresista” latinoamericana plasmada en la historia del icufismo durante el siglo XX.

Publicaciones periódicas

1. *Anuario* del Centro I.L.Peretz de Villa Lynch, Buenos Aires.
2. *Revista ICUF*, Buenos Aires
3. *Boletim ASA*, Río de Janeiro.
4. *Diario TRIBUNA*, Buenos Aires.
5. *Revistas Aporte*, Buenos Aires.
6. *Revista Di ídishe froi* (La mujer judía), Buenos Aires.
7. *Revista O reflexo*, Sau Paulo.

8. *Revista Tiempo*, Buenos Aires.
9. *Undzer Fraint* (Nuestro amigo), Montevideo.
10. *Undzer Shtime* (Nuestra voz), Río de Janeiro.

Fuentes Documentales:

1. Autores anónimos, *La cuestión judía en Israel y en la URSS*, Buenos Aires, Tiempo, 1971.
2. Autores anónimos, *La misión liberadora del ejército soviético y la salvación de los prisioneros del nazismo*, Moscú, Comité Anti-sionista de organizaciones sociales de la URSS, 1985.
3. IcuF, *50 años de la prensa judía progresista en la Argentina 1923-1973*, Buenos Aires, Comité Editor, 1953.
4. Jruschov, Nikita, *Queremos tener amistad con todos los estados*, Buenos Aires, Heimland, 1956.
5. Katz, Pinie, *Páginas Selectas*, Buenos Aires, ICUF, 1980.
6. Laubstein, Israel, *Bund. Historia del Movimiento Obrero Judío*. Buenos Aires, Acervo Cultural, 1997.
7. Linkovsky, Ioel, *Escritos*, Buenos Aires, Verbo, 1980.
8. Roedel, Hiran e outros, *PCB, Oitenta anos de luta*, Rio de Janeiro, Fundação Dinarco Reis, 2002.
9. Sánchez Sorondo, Matías, *Proyecto de Ley de Represión de Actividades Comunistas. Proyectos, Informes y Antecedentes*, Buenos Aires, Honorable Cámara del Senado, 1940.
10. Sinay, Rubén, *La invención del Antisemitismo Soviético*, Buenos Aires, Tribuna, 1963.
11. Sinay, Rubén, *La verdad sobre el conflicto en el cercano oriente*, Buenos Aires, Documentos, 1963.
12. Tesis de Congresos del ICUF (1941-1968), Buenos Aires, Archivo ICUF.
13. Wald, Pinie, *Pesadilla. Una novela de la Semana Trágica (Koshmar, 1929)* Buenos Aires, Ameghino, 1998.

Bibliografía

1. Altamirano, Carlos, *Peronismo y cultura de izquierda*, Buenos Aires, Temas, 2001
2. Arévalo, Oscar, *El Partido Comunista*, Buenos Aires, CEAL, 1983
3. Avni, Haim, *Argentina y la Historia de la Inmigración Judía 1810-1950*, , Universitaria Magnes-Universidad Hebrea de Jerusalem, Jerusalem-Buenos Aires, 1983
4. Bilsky, Edgardo, “Etnicidad y clase obrera: la presencia judía en el movimiento obrero argentino” en *Estudios Migratorios Latinoamericanos*, vol. IV, Nº11, Buenos Aires, CEMLA, 1989
5. Buchrucker, Cristian, *Nacionalismo y Peronismo. La Argentina en la crisis ideológica mundial (1927-1955)*, Buenos Aires, Sudamericana, 1987
6. Camarero, Hernán (:), *A la conquista de la clase obrera. Los comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina 1920-1935*, Siglo XXI, Buenos Aires, 2007

7. Campione, Daniel, “El partido comunista de la Argentina. Apuntes sobre su trayectoria” en Concheiro, Elvira; Modonesi, Massimo, Crespo, Horacio: *El comunismo: otras miradas desde América Latina*, México, UNAM, 2007
8. Devoto, Fernando, *Historia de la inmigración en la Argentina*, Buenos Aires, Sudamericana, 2004
9. Devoto, Fernando y Fausto, Boris, *Argentina-Brasil 1850-2000. Un ensayo de historia comparada*, Buenos Aires, Sudamericana. ELÍAS, Norbert, (2006): *Sociología fundamental*, Barcelona, Gedisa, 2008
10. Feierstein, Ricardo, *Vida cotidiana de los judíos argentinos*, Buenos Aires, Sudamericana, 2007
11. Gilbert, Martin, *Los judíos de la URSS. Su historia en mapas y fotografías*, Jerusalem, La semana publicaciones, 1978
12. Halperín Donghi, Tulio, *La Argentina y la tormenta del mundo*, Buenos Aires, Siglo XXI, 2003
13. Hobsbawm, Eric, *Historia del Siglo XX*, Buenos Aires, Crítica, 2007
14. Jmelnizky, Adrián y Erdei Ezequiel, *La Población judía de Buenos Aires*, Buenos Aires, Joint –Amia, 2005.
15. Kapszuk, Elio, *Shalom Argentina: Huellas de la colonización judía*, Buenos Aires, Ministerio de Turismo, Cultura y Deporte, Presidencia de la Nación, 2001
16. Kersffeld, Daniel, *Rusos y Rojos. Judíos comunistas en los tiempos de la Comintern*, Capital Intelectual, 2012.
17. Kinoshita, Dina Lida, “O ICUF como uma rede de intelectuais” en *Revista Universum*, Talca, Chile, Universidad de Talca, 2000, nº15, pp. 377-398.
18. Kuperman, Esther, “ASA — Gênese e trajetória da esquerda judaica não sionista carioca” en *Espacio Académico*, Río de Janeiro, 28 setembro de 2003. Consultado el 10 de enero de 2014 en <http://www.espacoacademico.com.br/028/028faixa.gif>.
19. Pasolini, Ricardo, *Los marxistas liberales. Antifascismo y cultura comunista en la Argentina del siglo XX*, Buenos Aires, Sudamericana, 2013
20. Pons, Silvio, *A revolução global. História do comunismo internacional 1917-1991*. Contraponto-Fundação Astrojildo Pereira, Río de Janeiro-Brasília, 2014
21. Rein Raanán, *Argentina, Israel y los judíos. Encuentros y desencuentros, mitos y realidades*, Buenos Aires, Lumiere, 2001
22. Sarlo, Beatriz, *Una modernidad periférica: Buenos Aires 1920 y 1930*, Buenos Aires, Nueva Visión, 2003
23. Visacovsky, Nerina, *Argentinos, judíos y camaradas. Tras la utopía socialista*, Buenos Aires, Biblos, 2015
24. Wiazovski, Taciana, *Cultura em Comentário. Uma revista de Cultura e Resistência (1960-1973)*, 2011. Tesis doctoral de la Facultad de Filosofía, Letras y Ciencias Humanas. Departamento de Historia, Universidad de Sao Paulo. Consultado 15 enero 2014 y disponible en <http://www.teses.usp.br/teses/disponiveis/8/8138/tde-23102012-110151/fr.php>.
25. Zadoff, Efraim, *Historia de la educación judía en Buenos Aires, 1935-1957*, Buenos Aires, Milá, 1994.

Los comunistas mexicanos y su relación con la organización del movimiento campesino, 1929–1964

The Mexican Communists and their relationship with the organization of the peasant movement, 1929–1964

Resumen: Los comunistas mexicanos tienen como referencia dos revoluciones, la mexicana de 1910 y la soviética de 1917; ambas contienen el problema agrario en primer plano, la destrucción del latifundio y el reparto de la tierra. Bajo estas influencias, ellos trazaron como objetivos (con aciertos y errores): la organización del movimiento campesino y la formulación de un programa agrario (periodo 1929 -1964). Los gobiernos emanados de la Revolución Mexicana inicialmente impulsaron el reparto con el apoyo de los comunistas, sobre todo Lázaro Cárdenas, y posteriormente lo minimizaron

Palabras claves: comunistas mexicanos; cuestión agraria; organización; movimiento campesino.

Abstract: The Mexican communists have as a reference two revolutions, the Mexican one of 1910 and the Soviet one of 1917; both contain the agrarian problem in the foreground, the destruction of the latifundio and the distribution of the land. Under these influences, they traced as goals (with successes and errors): the organization of the peasant movement and the formulation of an agrarian program (period 1929 -1964). The governments emanating from the Mexican Revolution initially promoted the distribution of land with the support of the Communists, especially with Lázaro Cárdenas, and subsequently minimized it.

Keywords: Mexican Communists; agrarian question; organization of peasant movement.

Las dos revoluciones y el campesinado

Sin entrar al debate de lo qué son las revoluciones, en general, y en particular las que tienen que ver con las sociedades, se trata no sólo de cambios sino de transformaciones radicales de un cierto orden establecido, que no puede sostenerse más por diversos motivos. En ellas participan masas con el uso de su fuerza; que implica la confrontación de tales fuerzas sociales en diferentes aspectos —políticos, económicos, culturales y hasta militares, porque se hace uso de la violencia.

Sin embargo, las revoluciones tienen un horizonte de futuro esperanzador liberador ante la opresión, de dignidad de los oprimidos, de los pobres frente a los ri-

¹ Nacionalidad mexicana de ambos autores; profesores investigadores de la Universidad Autónoma Chapingo.

cos. En ese sentido, dos revoluciones tienen una proyección mundial, la francesa que marca al siglo XIX, y la rusa (soviética) al siglo XX. Y esta última con la mexicana inauguran al siglo pasado.

Los campesinos, las masas rurales, los que cultivan la tierra y producen alimentos, sostén de naciones, de Estados. Muchos veces olvidados, retoman fuerza y aparecen en múltiples insurrecciones y rebeliones. Ahí están los Emilianos, Puga-chov y Zapata, (Stenka) Stepan Razín y Francisco Villa, entre otros líderes y caudillos, en diferentes épocas y momentos. Fin a la servidumbre y a la esclavitud, pero el problema de la tierra persiste. Las hambrunas acompañan a nuestros pueblos. Elemento clave en Rusia ya desde 1905. Se está en el contexto de una guerra mundial y en México de la invasión norteamericana al Puerto de Veracruz en 1914. ¡Paz, pan y tierra! ¡Tierra y libertad! Este último lema zapatista, retomado de los populistas, usado también por los anarquistas, por los Flores Magón en México, ¡La tierra es de quien la trabaja!

Los bolcheviques lanzan la consigna de ocupación y distribución de la tierra por los campesinos mismos; la toma de posesión de los latifundios. No la propiedad terrateniente sino campesina, que no es la propiedad social, colectiva, sino una forma de propiedad privada. Con la distribución de la tierra persisten diferencias sociales y económicas; aunque se constituyen los soviets ¡Todo el poder a los Sóviets!

La República de los Sóviets. La revolución proletaria es internacional.

¿Qué planteaban Emiliano Zapata y Francisco Villa (las fuerzas derrotadas en la Revolución Mexicana), en su Manifiesto a la Nación el 1° de septiembre de 1917, Destrucción del latifundismo, reforma agraria profunda, supresión de la esclavitud de las haciendas, emancipación de las tierras y liberación del campesino. A pesar de haberse aprobado la Constitución de 1917, en un artículo específico dedicado a lo rural, el 27, ellos demandaban la restauración de la Constitución de 1857.

Cabe señalar que los villistas opinaban que Emiliano Zapata “tenía la chifladura socialista”, mientras Villa nunca tuvo una concepción clara del socialismo.

En el periodo 1919-1929, se comprende la visión de lo campesino, de lo agrario, de dos partidos: el comunista, con referentes anarquistas, populistas, socialistas, leninistas, marxistas en menor medida, pero fundamentalmente sustentado en la revolución rusa; y el antecedente del Partido Revolucionario Institucional (PRI), en el Partido Nacional Revolucionario (PNR) una visión revolucionaria (de la Revolución Mexicana), nacionalista y populista), con algunos destellos socialistas.

En dicho periodo destacan en la construcción de organizaciones campesinas, cuatro personajes, dirigentes agraristas, todos ellos comunistas: Primo Tapia (michoacano), los veracruzanos Manuel Almanza y Úrsulo Galván, así como J. Gua-

dalupe Rodríguez, de Durango, todos ellos comunistas. Al primero y al último los fusilaron.

Se considera relevante el impacto de las dos revoluciones, la rusa y la mexicana, las más importantes de principios del siglo XX, en la concepción de lo agrario, en las organizaciones campesinas de la década 1919-1929, precursoras en el surgimiento de la Central Nacional Campesina, la más importante del siglo pasado.

Antecedentes

En 1917 surgió el Partido Socialista Mexicano (PSM), que tuvo como precedente al Partido Socialista Obrero, fundado en 1911. El PSM es considerado como el primer partido marxista en México, aunque la mayoría de sus integrantes eran anarquistas. Este partido en realidad era débil. En 1919 existían en México varios partidos regionales con influencia en el movimiento obrero y campesino. Un antecedente es el Partido Socialista de Yucatán, el más importante de los partidos estatales regionales, cuyo antecedente se encuentra en la política del gobernador Salvador Alvarado, quien expidió el decreto de liberación de los jornaleros del campo y dictó leyes para la emancipación de los sirvientes domésticos; reglamentó la Ley Agraria de 1915; promovió la creación del Partido Socialista Obrero; y propició la celebración del primer Congreso Feminista, realizado en el país.

Había otros en Michoacán, Hidalgo, Puebla, por ejemplo. El PSM en Michoacán, existía desde abril de 1919, cuyas actividades fundamentales eran en el terreno electoral y entre los campesinos. Como se dijo antes, estaban ubicados en diferentes estados por ejemplo en Hidalgo, pero ligado a la dirección, de Luis N. Morones de la Confederación Regional Obrera Mexicana (CROM) creada en 1918, posteriormente en 1919 participa en la creación del Partido Nacional Socialista y más tarde en ese año, en la del Partido Comunista Mexicano.

En 1918 en Motul se reunió el primer Congreso Obrero Socialista de Yucatán, convocado por Felipe Carrillo Puerto (1872-1924), quien fue delahuertista y militó brevemente en el Partido Comunista Mexicano así como formó parte del Buró Latinoamericano de la Internacional Comunista. Así como fue miembro de la comisión agraria del zapatismo, en 1915. Tras el Congreso del PSOY, en Motul en 1919, el partido intensificó la participación en el campo, con varias confrontaciones con el gobierno central.

Aunque todos estos partidos se auto llamaban socialistas, en realidad desconocían en mucho los planteamientos socialistas y marxistas. Provenían principalmente del anarquismo, de las simpatías con la revolución rusa y del populismo.

En noviembre de 1919 surge el Partido Comunista, del Partido Socialista Mexicano. Este último partido resolvía el problema agrario con la colectiviza-

ción y no el reparto agrario. Cabe mencionar que en septiembre de ese año otro grupo había formado un Partido Comunista de México, el que duró sólo un par de años.

La presencia de Mijail Markovich Grusenberg (Borodin) (1884-1951), quien llegó a México como cónsul general de la Rusia soviética, para gestionar el establecimiento de relaciones diplomáticas con su país, contribuyó de manera importante en la creación del Partido Comunista, adherido a la Internacional. Lo que le dió rasgos similares al partido bolchevique.

En diciembre de 1919 se constituye el Partido Laborista, planteaba dentro de su programa el crédito a los campesinos. . En junio de 1920 nace el Partido Nacional Agrarista, ligado al poder. Primero apoyado por Alvaro Obregón, y finiquitado por Plutarco Elías Calles. El único objetivo propuesto fue la Reforma Agraria. Este partido tenía afinidad con Obregón y Calles.

En mayo de 1921 se crea el Partido Comunista Revolucionario de México, y en julio de 1921, el Partido Nacionalista del Sureste, lo que ya se comentó.

En 1921, en Morelia se formó un grupo integrado por obreros, estudiantes y campesinos, entre los que figuraba Primo Tapia de la Cruz (1885-1926). En 1922 participa en la fundación de la Liga de Comunidades Agrarias de Michoacán, sustrayéndolas de la influencia de la CROM, y es electo su secretario general. Primo Tapia forma en Michoacán el Sindicato de Comunidades Agrarias, y posteriormente encabeza la Liga de Comunidades Agrarias en dicho estado.

El organismo creado para distribuir la tierra, la Comisión Nacional Agraria, controlado por PNA, contaba con oficinas regionales que se usan para crear las Ligas de Comunidades Agrarias.

Ellos estaban por una vía agrario legalista, por la organización de comités agrarios, y por la dotación de tierras y parcelas repartiendo los latifundios.

En 1923, Manuel Almanza propone iniciar una organización agraria en el centro de Veracruz. Cuando se propone la Liga de Comunidades en este estado, es encabezada por Úrsulo Galván Reyes.

Destaca que en el I Congreso del PC (dic. 1921) en cuanto a lo agrario la posición era más cercana al anarcosindicalismo que a las propuestas de U. Galván. El partido estaba en contra del reparto agrario, por la educación de los campesinos y por la formación de sindicatos de resistencia para arribar a los soviets.

Hay que señalar que las Ligas se extendieron y existían ya, en Puebla y Edo. de México, además de Michoacán. en varios de estos estados, el papel de los gobernadores fue determinante.

El II Congreso Nacional de PC, tiene como primer punto de análisis: “El problema del campesino”. Sin embargo, no hubo un análisis profundo. Sus resoluciones se referían a: protestar por el desarme de los campesinos, buscar la unidad de las Ligas Agrarias en una organización nacional, y la vinculación con la Internacional

Sindical Roja (aún no existía el Consejo Internacional Campesino). No obstante, en la vida partidaria el trabajo agrarista pasó a primer plano.

Es importante señalar que uno de los ideólogos, comunistas respecto a la cuestión agraria, fue Bertrán David Wolfe (1816-1977). El participó en el V Congreso de la I.C. sobre el problema agrario y la política del PCM.

En mayo de 1923 tiene lugar el Primer Congreso Nacional Agrarista. En este primer Congreso Nacional Agrarista, Primo Tapia presentó una propuesta de ley agraria que sustituyera a la que se encontraba en vigor.

En 1924, la propuesta comunista y de las Ligas bajo su dirección es la colectivización y tecnificación en contra del reparto parcelario, y adopta la política de infiltrar al Partido Nacional Agrarista.

El III Congreso del PCM, en 1924, incluye en el No. 9 de su agenda, los Problemas Agrarios, y en ello informes de los delegados a los consejos campesinos, y una actitud ante el programa agrario del gobierno. Un objetivo es constituir la Liga Nacional Campesina, inicialmente solos, de manera independiente.

En 1926 se funda la Liga Nacional Campesina, y entre los integrantes del Comité Ejecutivo Nacional están J. Guadalupe Rodríguez y Úrsulo Galván, y como miembro del Comité Asesor, Marte R. Gómez. El lema adoptado fue “Campesinos de América, ¡Uníos!”.

Acerca de J. Gpe. Rodríguez no se sabe la fecha de su nacimiento y muere en 1929. Fue un destacado dirigente campesino en Durango; uno de los fundadores de las Ligas de Comunidades participante en la Conferencia Internacional Campesina, realizada en Moscú en 1927. También, uno de los dirigentes del Bloque Obrero-Campesino, creado a principios de 1929, por iniciativa de la Liga en torno a la candidatura del Gral. (villista-zapatista) Pedro Rodríguez Triana, a la Presidencia de la República.

La Liga Nacional Campesina proponía el establecimiento de ejidos cooperativos y la socialización de los medios de producción, así como el formar un movimiento obrero-campesino, para transformar el campo mexicano.

Por influencias de la IC, el PCM radicaliza su política agraria, en contra de toda reforma agraria, tomando tierras, por la expropiación sin indemnización. Su consigna: “Toda la tierra para el que la trabaja, sin pago ni indemnización a los terratenientes. Por la revolución agraria y antiimperialista a la toma del poder”. Lo que lleva al PCM a fundar su propia organización nacional obrera y campesina, la Confederación Sindical Unificada de México, rompiendo con las organizaciones por las que sus militantes habían luchado durante varios años.

Parte de esa política fue la renuncia y expulsión de varios destacados dirigentes de la Liga Nacional Campesina. Entre ellos estaban Manuel Almanza y Úrsulo Galván. En esa purga, también fueron afectados Diego Rivera y Luis G. Monzón, entre otros. Hay una ruptura también con el sector izquierdista emanado de la Re-

volución Mexicana, incluso con Sandino. Al mismo tiempo existe una política represiva por parte del estado, y son asesinados algunos dirigentes.

Estas condiciones propiciaron que una mayoría de los organismos campesinos que habían encabezado por comunistas se adhirieran al nuevo partido, el Nacional Revolucionario (PNR).

Los comunistas juegan un papel protagónico en la conformación de las organizaciones campesinas en este periodo 1919-1929. Pero la visión de lo campesino y lo agrario, en ellos, está influenciada más por la revolución rusa y la Internacional Comunista, que por la realidad mexicana, lo que frenó su capacidad de liderazgo, y los condujo al aislamiento y ser fácil presa de la política represiva del Estado mexicano, sumiéndolos en la semiclandestinidad, por un período que va de 1930 a 1934.

En 1929 ha una gran crisis a la que no escapa México, y concluye la Cristiada (1926-1929) guerra religiosa católica con un amplio componente campesino, al grito de ¡Viva Cristo Rey!, que se ubica en algunos lugares del país: Jalisco, Colima, Nayarit y Zacatecas.

En el período de 1934 a 1940, se enfrenta más al latifundismo y se distribuye más la tierra. De 1940 a 1958 la reforma agraria disminuye.

Bibliografía

1. Arendt, Hamah, *Sobre la revolución*, España, Alianza Editorial, 2016, 476 p.
2. Carr, Barry, *La izquierda mexicana a través del siglo XX*, México, Ediciones Era, 1996, 423 p
3. Colmenares, Ismael, Gallo, Miguel Ángel, González, Francisco, Hernández, Luis, (recopiladores), *Cien años de lucha de clases en México (1876-1976)*, tomo II, Ediciones Quinto Sol, México, 383 p.
4. Concheiro, Elvira y Payán Carlos (compiladores), *Los Congresos Comunistas*, tomo I, México, 2014, 523 p.
5. De la Fuente, Juan, *Acción colectiva campesina en el México de la posguerra. Ciclo de disenso 1958 y 1964*, editorial UACH, Mexico, 2012, 130p.
6. De la Fuente, Juan, *Contra viento y marea. La pertinaz historia del movimiento campesino y las izquierdas*, editorial UACH, Mexico, 2016, 335p.
7. Díaz Soto, Antonio, *Historia del agrarismo en México*, Ediciones, Era-CONACULTA-UAM Iztapalapa, México, 688 p.
8. Fitzpatrick, Sheila, *La revolución rusa*, Siglo Veintiuno Editores, Argentina, 2005, 237 p
9. Galeana, Patricia (Coordinación), *Las revoluciones del Siglo XX*, Siglo XXI Editores =Senado de la República, 2011, 202 p
10. Gómez, Marte R., *Historia de la Comisión Nacional Agraria*, Centro de Investigaciones Agrarias, 1975, 359 p.
11. Jéfets, Lazar, Jéfets, Víctor, Huber, Peter, *La Internacional Comunista y América Latina, 1941-1943*, Diccionario biográfico, Edit. Inst. de Latinoamérica de la

Academia de Ciencias, Instituto para la Historia del Comunismo, Moscu-Ginebra, 2004, 445p

12. Katz, Friedrich (compilador), *Revuelta, rebelión y revolución, La lucha rural en México del siglo XVI al siglo XX*, Editorial Era, 2012, 589 p.

13. Luxemburgo, Rosa y Luckacs, Georg, *Sobre la Revolución Rusa*, Editorial Grijalbo, México, 1980, 73 p.

14. Mayer, Jean, *El campesino en la historia rusa y soviética*, Fondo de Cultura Económica, México, 1991, 130 p.

15. Reina, Leticia y Pérez Ricardo (Coordinadores), *Fin de siglos ¿fin de ciclos? 1810, 1910, 2010*, Siglo XXI editores — INAH-CIESAS, México, 2013, 418 p.

16. Ruíz, Armando (compiladores), *Nosotros los hombres ignorantes que hacemos la guerra,. Correspondencia entre Francisco Villa y Emiliano Zapata*, Consejo Nacional para la Cultura y las Artes., 2010, 329 p.

17. Serge, Víctor, *El año I de la revolución rusa*, Siglo XXI editores, México, 1983, 447p.

18. Silva, Jesús, *El agrarismo mexicano y la Reforma Agraria. Exposición y crítica*, Fondo de Cultura Económica, México, 1959, 627p.

19. Spenser, Daniela, “Unidad a toda costa”: *La Tercera Internacional en México durante la presidencia de Lázaro Cárdenas*, Edit. CIESAS, 2007, 556 p.

20. Spenser, Daniela, *Los primeros tropiezos de la Internacional Comunista*, Edit. CIESAS, 2009, 302 p.

21. Taibo II, Paco, Bolcheviques. *Una historia narrativa del origen del comunismo en México*, Ediciones B, México, 564 p.

22. Traverso, Enzo, *La historia como campo de batalla. Interpretar las violencias del siglo XX*. Fondo de Cultura Económica, Argentina, 2012, 332 p.

23. Tvardovskaia, Valentina, *El populismo ruso*, Siglo XX ediciones, México, 1979, 229 p

Agrarismo Rojo en México, la Revolución de octubre y la Internacional Campesina

Agrarismo Rojo in Mexico, the October Revolution and the Peasant International

Resumen: En el artículo se refiere de la relación del movimiento campesino en México con el comunismo y el nacionalismo, con ejemplos de algunos sucesos de los años 20 y 30 del siglo pasado, para ilustrar la convergencia y tensión entre dos de las grandes revoluciones del siglo XX y su referente internacional.

Palabras clave: Agrarismo; México; la Revolución de Octubre; Internacional Campesina, communism; socialism; movimiento comunista internacional.

Abstract: The article refers to the interconnections of the peasant movement in Mexico with communism and nationalism, on the basis of some events of the 20s and 30s of the XXth century, to illustrate the convergence and tension between the two great revolutions of the 20th century, as well as its international aftereffects.

Keywords: Agrarianism; Mexico; the October Revolution; Peasant International; communism; socialism; international communist movement.

La Revolución Soviética y la Internacional Comunista influyeron directamente en el rumbo que tomó la Revolución Mexicana particularmente en relación a la cuestión agraria. En el periodo de 1917 a 1940 la visión del campesinado, se construye en torno a dos partidos en un sentido histórico: el comunista, con referentes anarquistas, populistas, socialistas, leninistas, marxistas, pero fuertemente sustentado en la revolución rusa de 1917 y que se orientara por el reparto agrario en armas y la construcción de las Ligas Campesinas, integrantes de la Internacional Campesina (Krestintern por sus siglas en ruso); y el nacionalismo revolucionario, con una perspectiva populista y antimperialista que derivará en la construcción de una organización corporativista, la Confederación Nacional Campesina (CNC).

En esa revisión de la relación del movimiento campesino en México con el comunismo y el nacionalismo, recorreremos algunos sucesos de los años 20 y 30 del siglo pasado, para ilustrar la convergencia y tensión entre dos de las grandes revoluciones del siglo XX y su referente internacional. En este sentido, puede hablarse de revoluciones en el ámbito mundial marcadas por sus fuertes condiciones nacionales y por la construcción de un ideario propio y a la vez sobre la base de un universal posible, el movimiento comunista internacional.

¹ Área Economía agraria, desarrollo rural y campesinado, DPE, UAM-X.

Para empezar, no hay que olvidar que, en 1905, 8 mil 431 hacendados y compañías extranjeras, poseían 114 millones de hectáreas en México, esto es, 87% propiedad rústica del país, mostrando una historia de despojo, no sólo de la tierra y los recursos naturales, sino de las condiciones de vida de los pueblos y comunidades, así como de la adjudicación de las tierras “propiedad de la Nación”, esto es, de los bienes del “común”. El rostro del México rural, era a principios del siglo XX el de las haciendas y los peones acasillados, el de la concentración de la tierra y el ingreso. Un reducido grupo de personas vinculados a intereses transnacionales disponían de la riqueza, por no decir del país.

Si bien la dictadura de Porfirio Díaz intentó, en términos pragmáticos, integrar un régimen liberal-conservador, produjo un crecimiento económico concentrado, excluyente y una falsa estabilidad política. Su crisis fue múltiple e insoluble. Afectó, con intensidad variada, los espacios político, económico, social, diplomático e incluso cultural. Pero no fue hasta que la cuestión agraria se puso en el centro de la crítica² y la acción social que la acompañaron, que se abrieron las grandes compuertas, por las que discurrió el andar armado de los campesinos pobres y sin tierras. Es clásica la definición de que “un pueblo sin tierra, sin libertad y sin justicia hizo la Revolución Mexicana”³.

El siglo XX fue, a nivel mundial, el siglo de las revoluciones sociales y en buena medida campesinas, de base comunitaria⁴. Pero puede decirse que ninguna tuvo su origen y su divisa en la demanda por la tierra y a favor de las comunidades como la mexicana.

En los programas revolucionarios la cuestión agraria había tenido gran importancia, básicamente en el Plan de Ayala del zapatismo, pero también con cierta relevancia en el Plan de Guadalupe que anunciaba “Tierras para los Pueblos” así como en la Ley del 6 de enero de 1915 del Ejército Constitucionalista de la cual fueron parte, los “Jacobinos Radicales”, y que planteaba favorecer la pequeña propiedad disolviendo los latifundios y restituyendo a los pueblos. También la radicalidad de la Constitución de 1917 tiene como contexto el peligro manifiesto de la soberanía nacional, baste decir, que en el momento de aprobación de la Constitución seguían tropas de Estados Unidos en México, y que la expedición punitiva salió hasta febrero de 1917⁵. En este sentido, podría decirse que la Nación y su ideología, el nacionalis-

² Kourí, Emilio, “Los pueblos y sus tierras en el México porfiriano: un legado inexplorado de Andrés Molina Enríquez” en E. Kourí (coord.), En busca de Molina Enríquez. Cien años de Los grandes problemas nacionales. El Colegio de México/Centro Katz University of Chicago; México, D.F.; 2009, 253-333.

³ Hernández y Hernández, Francisco, El movimiento campesino en México, 50 años de revolución. Tomo II. La vida social. FCE, México, 1961, 186.

⁴ Bartra, Armando, Los herederos de Zapata. Movimientos campesinos posrevolucionarios en México. ERA, México, 1985, 129.

⁵ Katz, Friedrich, La guerra secreta en México. Tomo 1. Europa, Estados Unidos y la Revolución Mexicana. ERA; México, D.F., 1982, 370.

mo, “entró” por una puerta central, el Artículo 27 que refiere el derecho a la tierra para los pueblos y comunidades, pero a la vez define a la Nación ligada a ese reparto de tierras. Podemos adelantar, que la Reforma Agraria Mexicana modificó radicalmente las relaciones de clase, y en este sentido del poder, así como de la propia conformación del Estado mexicano.

Como decía Moisés T. de la Peña en su obra *Mito y realidad de la reforma agraria*, de “los 30 millones de tierras recuperadas por la Nación en 1917 (10 más quedaban en pleito), debido a violaciones de los contratos por parte de las compañías deslindadoras” y una parte muy importante estaba en manos de extranjeros, tanto para la producción agropecuaria como para la explotación petrolera y minera⁶ (De la Peña, 1964: 273 y ss), en este sentido, el nacionalismo no sólo fue un referente general y abstracto sino que tomó forma en la lucha por la tierra y por extensión, la lucha por los territorios, dándole un sentido específico a la soberanía nacional.

En el espíritu del artículo 27 Constitucional se reconocía el carácter social de las formas de propiedad derivadas de la contienda revolucionaria, vistas, como un instrumento de distribución de la riqueza y posibilidad de conservar el equilibrio ambiental y la soberanía nacional, forma en la que se expresaba claramente el Estado social de derecho y el reconocimiento de los derechos de los pueblos originarios al tomar como referencia directa la figura de la *reversión* como mecanismo para nacionalizar, y ejercer el derecho de expropiación y en este sentido, oponerse al principio jurídico de no retroactividad de las leyes, como lo hizo en el debate del Artículo 27 el Constituyente y General Francisco J. Múgica⁷ que presidía la Comisión de Constitución y denunciaba la forma en que fueron formadas las haciendas, que “por concesiones del Centro a los capitalistas protegidos por las dictaduras de los Gobiernos pasados” que no sólo le habían arrebatado sus tierras a las comunidades sino que “se habían posesionado de la propiedad territorial de la nación” y remataba en su discurso en defensa de la fracción IV que fue votada en lo particular por la mayoría de los jacobinos radicales:

“¿Y vamos a dejar eso de esa manera, nada más porque la ley lo permite? ¿Vamos a consentirlo? Entonces ¡maldita la revolución, mil veces maldita, si fuésemos a consentir en esa injusticia! (Aplausos). Algunas veces, hombres revolucionarios que en aquel tiempo habían sido consecuentes con sus principios, escribían en la prensa: ‘Si para que se haga justicia estorba la ley, abajo la ley’. Esto explica lo que venimos a

⁶ De La Peña, Moisés. 1964. *Mito y realidad de la reforma agraria en México*. Cuadernos Americanos; México, D.F, 273.

⁷ En el *Diccionario Biográfico: América Latina en la Internacional Comunista, 1919-1943* de Lazar y Víctor Jéfets, el dirigente del ala radical de la Constituyente de 1917, el general revolucionario Francisco J. Múgica: “Junto con J. Allen y F. Carrillo Puerto, participó en la reorganización del Buró Latinoamericano de la III Internacional (1920). Propagó las ideas de la Comintern en Michoacán...” (Jéfets y Jéfets, 2017: 443).

hacer esta noche al reivindicar todas esas propiedades despojadas al amparo de una ley creada para favorecer a los poderosos, y bajo cuyo amparo se cometieron grandes injusticias.

“Deshagamos nosotros ahora esas injusticias y devolvamos a cada quien lo suyo, votando esta fracción como la hemos presentado”⁸.

Será este mismo General Múgica el que tres años después de votada la Constitución, en 1920, participa con el dirigente del Partido Comunista Mexicano (PCM), fundado en 1919, José Allen⁹ y con Felipe Carrillo Puerto¹⁰, en la reorganización del Buró Latinoamericano de la III Internacional

“Toda la tierra, no pedazos de tierra”

Una vez fundado el PCM en 1919, el primer partido comunista de América Latina, el tema de la lucha por la tierra se convirtió en el contexto de la Revolución Mexicana. La relación del *comunismo* con la *comunidad* indígena tiene importantes antecedentes en México que van de la mano del anarquismo fuertemente ligado a las demandas campesinas e indígenas. Desde el siglo XIX y emblemáticamente en el discurso del dirigente anarquista Ricardo Flores Magón:

La vida de la población rural era (...) casi comunista. El apoyo mutuo era la regla (las casas eran construidas por los vecinos (...) las cosechas eran levantadas por todos (...); de uso común eran las tierras, las fuentes, el lago (...) el bosque (...)) La moneda no era necesaria (...) Se ve pues que el pueblo mexicano es apto para el comunismo porque lo ha practicado.

⁸ MÚGICA, Francisco J. 2001. “Documento 30. Tierra y justicia para las colectividades campesinas. (Artículo 27)” en Francisco J. Múgica. Un romántico rebelde. Presentación, estudio introductorio y selección de Javier Moctezuma Barragán. FCE; México, D.F., 165, 162-165

⁹ José (James) Allen. “Nieto de un ingeniero militar estadounidense que había ido a México con «la columna de Scott». Fue mecánico-electricista en las empresas militares estatales y contra maestro de la fábrica de tabaco «El buen tono». Se casó con Amelia Cruz (la hija del general de división Roberto Cruz). Miembro del Gran Cuerpo Central de Trabajadores (1918), fue uno de los fundadores del Grupo de Jóvenes Socialistas Rojos (01.1919) que publicó el periódico El Soviet. Fue de los convocantes del Primer Congreso Nacional Socialista de México; delegado del Grupo de Jóvenes Socialistas Rojos al Congreso y formó parte del grupo de M. Roy — Ch. Phillips. Se le eligió secretario general, miembro del CE y del CN del Partido Socialista Mexicano (PSM). Se entrevistó con M. Borodin y recibió de éste «las primeras lecciones de la táctica del partido comunista».

Asistió a la «reunión extraordinaria» del CN del PSM el 24.11.1919, donde fue proclamado el Partido Comunista Mexicano. Los delegados lo eligieron secretario general del PCM y del Buró Latinoamericano de la III Internacional (BLA) (Jeifets y Jeifets, 2017: 47-48).

¹⁰ Gobernador del estado de Yucatán (1921), “su gobierno fue considerado como «la primera república soviética en el continente americano». Fue fusilado durante la rebelión de De La Huerta” (Jeifets y Jeifets, 2017: 136).

La lucha por la tierra se convirtió en consigna y práctica comunista — libertaria, les herencias son claras, los anarquistas (gente que militaba en la IWW, los magonistas) que se integraron al PCM; los zapatistas, algunos de los cuales devienen comunistas e internacionalistas (como Felipe Carrillo Puerto); y una corriente que se torna radical y ve en el comunismo el camino a la realización de sus anhelos de obtener “Toda la tierra, no pedazos de tierra” (*El Machete* —ilegal-) y eso sólo es posible con el mantenimiento del pueblo en armas. Los procesos que adquieren este vínculo y definición comunista se integraran a la IC y a la Krestintern (Internacional campesina, en ruso: Krestianskii Internatsional).

Estel reparto de tierras en armas llegó a aproximadamente la décima parte del reparto agrario total, estamos hablando de alrededor de 10 millones de hectáreas, repartidas y reapropiadas en común en los estados de Morelos; Michoacán; Veracruz; y Yucatán. Pero también en San Luis Potosí y Durango.

El costo será la represión del movimiento campesino y asesinato de varios de sus dirigentes, su fragmentación en corrientes pro-gubernamentales, en especial en los estados y otras que se mantienen en una perspectiva comunista a pesar de su declive ea fines de los años 20 pero que se reanimarán fuertemente con el cardenismo en la segunda mitad de los años 30.

Retomemos el primer ciclo de movimientos campesinos ligados al PCM y en ello a la IC y la Krestintern, junto con la Liga Antimperialista de las Américas y sus estructuras en las entidades federativas y a nivel de cada país.

La Krestintern y la Liga Antimperialista

De 1926 a 1929 se conforman diversas Ligas Campesinas, en especial en los estados de Veracruz y Michoacán, que desembocan en la Liga Nacional Campesina. Los comunistas habían desarrollado buenas relaciones con el ala jacobina y socializante de la Revolución mexicana, en especial con Adalberto Tejeda, en Veracruz; Francisco J. Múgica, en Michoacán, y José Guadalupe Zuno, en Jalisco. De esta manera, la confluencia de los nacional-revolucionarios y comunistas permitió la constitución de algunas ligas de comunidades agrarias estatales y la Liga Nacional Campesina (LNC).

El contexto del desarrollo de las Ligas Campesinas es importante, su accionar coincide con el desarrollo la rebelión cristera.

Una vez terminada la etapa armada de la Revolución mexicana, el movimiento campesino se propuso obtener la solución al problema agrario, y para ello se agrupó y emprendió formas de lucha y organización de los pobres del campo: solicitud de reparto de latifundios y entrega de la tierra para crear ejidos y comunidades, para ello se tomaron haciendas, hubo enfrentamientos con el Ejército, la policía y las guardias blancas, y, algo fundamental, se fueron creando los Comités Agrarios.

Para el 15 al 20 de noviembre de 1926 desarrolló sus trabajos el Congreso de Unificación de las Organizaciones Campesinas o Congreso Constituyente de la Liga Nacional Campesina. Asistieron 158 delegados efectivos y fraternales, que representaban a 310 mil campesinos de 16 entidades federativas. Los comunistas desempeñaron un papel destacado. Quedaron en el Comité Nacional Ejecutivo Úrsulo Galván, presidente; Manuel P. Montes, secretario, y J. Guadalupe Rodríguez, tesorero. Fueron elegidos suplentes Ángel G. Castellanos, Ismael Velasco y Cosme R. Sedano.

A esta histórica reunión asistieron Antonio Díaz Soto y Gama y Aurelio Manrique, del Partido Nacional Agrarista; Marte R. Gómez, Xavier Guerrero, Isauro G. Caloca y Rafael Ramos Pedrueza. Luis L. León, secretario de Agricultura y futuro derechista rabioso, y Adalberto Tejeda, secretario de Gobernación.

Como delegados fraternales e internacionalista hicieron acto de presencia Augusto César Sandino, general de hombres libres de Nicaragua; Julio Antonio Mella, líder comunista cubano-mexicano; Gustavo Machado, comunista venezolano, y Salvador de la Plaza, asilado venezolano.

Al hablar en el Congreso, Mella plantea la “necesidad de una fuerte unión entre los obreros y los campesinos en la lucha contra el imperialismo”. Los delegados tomaron el acuerdo de elegirlo como representante de la Liga Nacional Campesina al Congreso Antimperialista de Bruselas.

En julio-septiembre de 1928, llevó a cabo sus actividades el VI Congreso Mundial de la Comintern, en Moscú. Por el PCM asistieron Rafael Carrillo, Vittorio Vidali y Manuel Díaz Ramírez.

El 7 de enero de 1929, la LNC lanzó la convocatoria para formar el Bloque Obrero y Campesino Nacional, en asamblea a realizarse del 22 al 24 de enero. Ve-

mos así la conformación de organismos de clase conjuntamente con formas para la participación política, elemento, este último que dislocará en fracciones la luchas campesinas, integrantes la mayoría de una lógica corporativa.

Agrarismo ROJO: Veracruz y Yucatán que se detuvo por más de una década ante el levantamiento del derechista General De la Huerta cuyas fuerzas asesinaron en Veracruz, a fines de 1923 y principios de 1924, a los dirigentes campesinos revolucionarios José Cardel, José María Caracas y José Fernández Oca. En Yucatán fusilaron a Felipe Carrillo Puerto y sus hermanos. En otras partes, la emprendieron contra los agraristas, sindicalistas y comunistas.

En Michoacán, Primo TAPIA (bajo los gobernador Lázaro Cárdenas; Francisco J. Múgica), dirigente purépecha que dio inicio al agrupamiento de los campesinos para obtener la tierra, quien fue elegido delegado de los pueblos de Zacapu, Naranja, Tiríndaro y Tarejero. En 1921 se adhirió al Partido Comunista de México (antes fue miembro de la IWW); con Isaac Arriaga, Apolinar Martínez Múgica y otros cuadros de izquierda impulsó el movimiento agrario y sindical. En diciembre de 1922, al fundarse la Liga de Comunidades y Sindicatos Agraristas de la Región Michoacana, fue promovido como su primer secretario general. Primo intervino, junto con Úrsulo Galván y José Guadalupe Rodríguez Favela en Durango participa fuertemente en el proceso de organización y lucha del campesinado del país.

Desde nuestro punto de vista es el agrarismo Rojo el que impulsa y determina un reparto agrario que hasta la fecha representa casi 105 millones de hectáreas de los 196 del territorio nacional.

Reforma Agraria en MÉXICO

Producto del debate ideológico la concepción inicial de la Reforma Agraria fue el de un reparto **Restitutoria**, esto es reponer a los dueños originales la tierra que les pertenecía antes de la conquista española. Frente a las dificultades para demostrar la propiedad de la tierra los actos de dotación predominaron sobre los de restitución predominando el ejido.

No obstante, la RA **modificó** los regímenes de propiedad, acabó con los latifundios.

Ano	Ejidal (millones ha)	Propiedad Privada
1930	15.0	123.0
1950		86.7
1990	103.0	71.7

Pero como mencionamos al principio, la propiedad de la tierra es el fundamento del Estado-Nación mexicano desde lo nacional-popular, y desde una fuerte composición del mercado nacional convirtiéndose los campesinos en **pilar del Desarrollo Nacional**, al generar mayor producción de alimentos baratos, al establecer una

demanda de mayores productos industriales y servicios y proporcionar capitales para la industrialización producto de la transferencia de renta.

La RA se dio con mayor fuerza, al igual que el movimiento campesino comunista en los territorios indígenas:

22.9% de los ejidos y comunidades del país propiedad indígenas (restitución)

28% de los bosques y la mitad de las selvas en manos pueblos indígenas

Poseedores de más del 70% de los bosques de selva alta perennifolia y de la casi totalidad de los bosques de niebla

Se calcula que poseen el 80% de los espacios para las “COSECHAS DE AGUA”

Cuadro 1

Tierra repartida por período presidencial (1914-1992)*

Presidente	Período	Sup. has	Total acumulado has	Beneficiados
Venustiano Carranza**	1915-1920	167,936	167,936	46,398
Adolfo de la Huerta	1920	33,696	201,632	6,330
Álvaro Obregón	1920-1924	1'100,117	1'301,749	128,468
Plutarco Elías Calles	1924-1928	2'972,876	4'274,625	297,428
Emilio Portes Gil	1928-1930	1'707,750	5'982,375	171,577
Pascual Ortiz Rubio	1930-1932	944,538	6'926,913	64,573
Abelardo L. Rodríguez	1932-1934	790,000	7'717,607	68,556
Lázaro Cárdenas del Río	1934-1940	18'352,000	26'503,738	728,847
Manuel Ávila Camacho	1940-1946	5'550,000	33'791,435	157,816
Miguel Alemán Valdés	1946-1952	1'400,000	38'424,756	80,161
Adolfo Ruíz Cortines	1952-1958	3'500,000	44'481,529	68,317
Adolfo López Mateos	1958-1964	16'004,000	53'351,959	148,238
Gustavo Díaz Ordaz	1964-1970	23'055,000	78'090,158	278,214
Luis Echeverría Álvarez	1970-1976	12'038,000	90'864,046	205,999
José López Portillo	1976-1982	15'720,000	97'261,641	243,350
Miguel de la Madrid H.	1982-1988	8'000,000	102'887,868	248,486
Carlos Salinas de Gortari***	1988-1994	5'514,000	103'439,737	80,682
TOTALES	79 años	103'439,737		3'023,450

*INEGI (1991: 329). Cuadro reconstruido y modificado por María de Lourdes Álvarez Icaza Longoria (2010: 48).

**Se considera a Carranza desde 1914, con los primeros repartos

*** De 1992 a 1994 las resoluciones correspondieron a los Tribunales Agrarios

A manera de conclusión

LA CONSTANTE: LA COMUNIDAD Y SU CONTENIDO TRANSFORMADOR

DESDE QUÉ HISTORIA: TIEMPOS Y ESPACIOS ABIGARRADOS MOVIMIENTOS MILENARISTAS

CAMPESINADO EN MÉXICO: no es un resabio precapitalista es un sujeto del capital y en ello puede ser, como lo ha sido un sujeto revolucionario.

EN MÉXICO *TODO* ES RESULTADO DE UNA REVUELTA AGRARIA GENERALIZADA, LAS COMUNIDADES, LOS CAMPESINOS TOMAN LA INICIATIVA DE LA SOCIEDAD CIVIL Y ARRASAN CON EL ESTADO POLÍTICO, EL MODELO DE ACUMULACIÓN y LA ESTRUCTURA DE CLASES DE ESE ENTONCES.

SON, *NO OLVIDARLO*, “CAMPESINOS DEL CAPITAL”, SE AUTO-CREAN BAJO SU LÓGICA, son la base de los “HOMBRES LIBRES” (como CAMPESINOS LIBRES) MUESTRAN SU CAPACIDAD DE AUTOEMANCIPACIÓN Y PROPONEN Y LUCHAN POR PROYECTOS ALTERNATIVOS AL CAPITAL (COMUNITARIOS, SOCIALISTAS, COMUNISTAS Y LIBERTARIOS).

AGRARISMO ROJO Y SU CONSTRUCCIÓN IDEOLÓGICA. NO FUERON LIBERADOS POR OTRAS CLASES SINO POR SI MISMOS, LA AUTODETERMINACIÓN CAMPESINA ADQUIRIÓ FORMAS ORGANIZATIVAS AVANZADAS; FUNDAMENTO SOCIAL — CONCRETO (HISTÓRICO) DE LA CLASE OBRERA

LA REVOLUCIÓN MEXICANA, REVOLUCIÓN CAMPESINA, representa un gran cambio en la estructura de la propiedad de la tierra de principios del siglo pasado (del reparto en armas al reparto desde arriba de las tierras); y un Estado corporativo-autoritario

Bibliografía

1. Alvarado Mendoza, Arturo. 1992. *El portesgilismo en Tamaulipas. Estudio sobre la constitución de la autoridad pública en el México posrevolucionario*. El Colegio de México; México, D.F.; pp. 390.
2. Alvarado, Salvador. 1976. *Antología ideológica*. SepSetentas; México, D.F.; pp. 154.
3. Álvarez Icaza Longoria, María de Lourdes. 2010. *Del presidencialismo social al neoliberal. Un recorrido político por México a través de la tierra en el siglo XX. Tesis de Maestría en Estudios Políticos y Sociales*, UNAM; México, D.F.
4. Bartra, Armando, 1985. *Los herederos de Zapata. Movimientos campesinos posrevolucionarios en México*. ERA, México.
5. Betanzos Piñón, Oscar. 1988. “La edad dorada de los caciques” en *Historia de la Cuestión Agraria Mexicana. Tomo 3. Campesinos, terratenientes y revolucionarios. 1910-1920*. S.XXI-CEHAM; México, D.F.; 207-228.

6. Betanzos Piñón, Oscar y Montalvo Ortega, Enrique. 1988. "Campesinado, control político y crisis económica durante el maximato (1928-1934)" en *Historia de la Cuestión Agraria Mexicana. Tomo 4. Modernización, lucha agraria y poder político. 1920-1934*. Ed. S.XXI-CEHAM; México, D.F.; 207-242.
7. Bórquez, Djed. 2014. *Crónica del Constituyente*. SEP/INEHRM/IIJ, UNAM. México.
8. Concheiro Bórquez, Luciano y Robles Berlanga, Héctor. 2014. "Tierra, territorio y poder a cien años de la reforma agraria en México: lucha y resistencia campesina frente al capital" en Guillermo Almeyra; Luciano Concheiro Bórquez; João Marcio Mendes Pereira y Carlos Walter Porto-Gonçalves (coords.), *Capitalismo: tierra y poder en América Latina (1982-2012)*, Vol. III. UAM/CLACSO/Ediciones Continente; México, D.F.; pp. 181-224.
9. De La Mora V., Rogelio. 2002. *Sociedad en crisis: Veracruz 1922*. Universidad Veracruzana; Xalapa, México; pp. 205.
10. De La Peña, Moisés. 1964. *Mito y realidad de la reforma agraria en México*. Cuadernos Americanos; México, D.F.
11. Duque-Saberi, Isabel A. 1993. "La India en México" en G. Bonfil (comp.), *Simbiosis de culturas. Los inmigrantes y su cultura en México*. FCE/Conaculta; México, D.F.; pp. 217-244.
12. Encinas, Alejandro y Gordillo, Gustavo. 1986. *Ejido y la comunidad y Estado. Movimiento Campesino*. Ed. UACH; Chapingo, Estado de México.
13. Falcón, Romana y García, Soledad. 1986. *La semilla en el surco. Adalberto Tejeda y el radicalismo en Veracruz. 1883-1960*. El Colegio de México/Gobierno del estado de Veracruz; México, D.F.; pp. 411.
14. Friedrich, Paul. 1981. *Revuelta agraria en una aldea mexicana*. FCE/CEHAM; México, D.F.: pp. 191.
15. García Cuevas, Rodolfo. 2014. "Tres movimientos sociales libertarios del siglo XX para mirar el siglo XXI" en R. García Cuevas (coord.), *Cultura y proyectos nacionales en el Siglo XX. FFyL Colegio de Antropología*, BUAP; Puebla, México; pp. 183-227.
16. Hamon, James L. y NIBLO, Stephen R. 1975. *Precursores de la revolución agraria en México*. Las obras de Wistano Luis Orozco y Andrés Molina Enríquez. Setentas; México.
17. Hernández y Hernández, Francisco. 1961. *El movimiento campesino en México, 50 años de revolución. Tomo II. La vida social*. FCE, México.
18. Hu-Dehart, Evelyn. 1990. "Rebelión campesina en el noroeste: los indios yaquis de Sonora, 1740-1976" en F. Katz (comp.), *Revuelta, rebelión y revolución. La lucha rural en México del siglo XVI al XX. Tomo I. ERA*; México, D.F.; pp. 135-163.
19. Katz, Friedrich. 1982. *La guerra secreta en México. Tomo 1. Europa, Estados Unidos y la Revolución Mexicana*. ERA; México, D.F.
20. Kourí, Emilio. 2009. "Los pueblos y sus tierras en el México porfiriano: un legado inexplorado de Andrés Molina Enríquez" en E. Kourí (coord.), *En busca de*

- Molina Enríquez. *Cien años de Los grandes problemas nacionales*. El Colegio de México/Centro Katz University of Chicago; México, D.F.; pp. 253-333.
21. Meza Cabrera, René. 1999. *Pastor Rouaix Méndez. Visionario agrarista y Constituyente vertical*. Ediciones y Recursos tecnológicos; México.
22. Molina Enríquez, Andrés. 1981. *Los grandes problemas nacionales*, ERA, México.
23. Molina Enríquez, Andrés. 1986. *La Revolución agraria en México, 1910-1920*, UNAM / Porrúa, México.
24. Montalvo, Enrique. 1980. "Reflexiones sobre el poder estatal en México" en *Estudios Contemporáneos*, Año 1, Núm. 3-4, julio-diciembre. UAP; Puebla; pp. 23-36.
25. Montalvo Ortega, Enrique. 1988a. "Introducción" en *Historia de la Cuestión Agraria Mexicana*. Tomo 4. Modernización, lucha agraria y poder político. 1920-1934. Ed. S.XXI-CEHAM; México, D.F.; 1-20.
26. Montalvo Ortega, Enrique. 1988b. "Política agraria y movilización campesina después de la revolución" en *Historia de la Cuestión Agraria Mexicana*. Tomo 3. Campesinos, terratenientes y revolucionarios. 1910-1920. Ed. S.XXI-CEHAM; México, D.F.; 107-135.
27. Múgica, Francisco J. 2001. "Documento 30. Tierra y justicia para las colectividades campesinas. (Artículo 27)" en Francisco J. Múgica. *Un romántico rebelde. Presentación, estudio introductorio y selección de Javier Moctezuma Barragán*. FCE; México, D.F.; pp. 162-165.
28. Rashkin, Elissa Joy. 2015. "Allá en el horizonte. El estridentismo en perspectiva regional" en *Liminar. Estudios sociales y humanísticos*. CESMECA; San Cristóbal, México; pp. 90-101.
29. Reynoso Jaime, Irving. 2009. *El agrarismo radical en México en la década de 1920*. Ursulo Galván, Primo Tapia y José Guadalupe Rodríguez (una biografía política). INEHRM; México, D.F.; pp. 101.
30. Rouaix, Pastor. 1976. "Ley de 6 de enero de 1915" en *Luis Cabrera (Semblanzas y opiniones)*. INEHRM; México, D.F.; pp. 59-60.
31. Roux Ramírez, Rhina. 2005. *El príncipe mexicano. Subalternidad, historia y Estado*. ERA; México.
32. San Pedro López, Patricia. 2015. "Derechos de propiedad, movilización campesina y reparto agrario en Huejutla, Hidalgo (1920-1940)" en *Estudios Agrarios*, Año 14, Núm. 58. Procuraduría Agraria; México, D.F.; pp. 59-88.
33. Silva Herzog, Jesús. 1985. *El agrarismo mexicano y la reforma agraria. Exposición y crítica*. FCE; México.
34. Tobler, Hans W. 1990. "Los campesinos y la formación del Estado revolucionario, 1910-1940" en F. Katz (comp.), *Reuelta, rebelión y revolución. La lucha rural en México del siglo XVI al XX*. Tomo II. ERA; México; pp. 149-176.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА НА МИРОВОМ РЫНКЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

LATIN AMERICA ON THE WORLD FOOD MARKET

А. В. Щербакова¹

**Торговля продовольствием между Россией
и Латинской Америкой после украинского кризиса**

**Trade in food between Russia and Latin America
after the Ukrainian crisis**

Resumen: El artículo se dedica a las consecuencias del “crisis Ukraniano” para los Rusia, América Latina y España. Este conjunto de objetos de investigación nos deja analizar el impacto del embargo alimentario Ruso en su mercado interno y en las exportaciones de los países afectados y no afectados por este embargo. Esto sugiere que los agrarios rusos están ansiosos por aprovechar las oportunidades de aumentar la producción de sus productos para saturar la demanda interna, y los importadores rusos han cambiado su atención a los países que ofrecen productos más baratos que los representantes de la región latinoamericana..

Palabras claves: embargo alimentario; mercado internacional de los alimentos; política agrícola rusa.

Abstract: This article is dedicated to the consequences of the “Ukrainian crisis” for Russia, Latin America and Spain. Such set of research objects lets us investigate the effect of Russian trade embargo on its internal market and on the countries under and beyond this ban. Despite the forecasts, the long-term growth of Russian food imports from Latin America did not happen. This fact shows that Russian farmers are eager to take advantage of increasing the production of their products to saturate domestic demand, and Russian importers have switched their attention to those countries that supply cheaper products than Latin American ones.

¹ Щербакова Алина Вячеславовна, кандидат экономических наук, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, доцент кафедры Иberoамериканских исследований РУДН (ashcherbakova@hse.ru).

Key words: food embargo; global food market; Russian agricultural policy.

Трансформация мирового рынка продовольствия в последние годы заметно усилилась, а последствия украинского кризиса внесли серьезную лепту в искажение устоявшихся мирохозяйственных связей. Политические противостояния взяли верх над складывавшимися десятилетиями экономическими связями, что доказало невозможность существования экономики без политики, и наоборот.

Невозможно не упомянуть то, что практически все страны Латинской Америки в начале XXI в. включились в «продовольственную гонку», поскольку в современных условиях страны, которые являются крупными игроками на продовольственном рынке (как экспортеры, так и импортеры), обладают не меньшими возможностями влияния на мировую экономику и политику, чем производители и потребители топлива или полезных ископаемых. В «продовольственной гонке» принимают активное участие как традиционные латиноамериканские поставщики продуктов питания, в числе которых Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай и Эквадор, так и относительно недавно открывшие для себя эту статью экспорта страны: Боливия, Парагвай, Перу и Чили².

В пользу данного утверждения свидетельствует тот факт, что доля аграрной продукции в экспорте указанных стран заметно увеличилась. Так, в экспорте Аргентины за 2015 г. сельскохозяйственные товары составляют 61 %, в экспорте Бразилии — 42, в экспорте Чили — 31, в экспорте Парагвая — 63, в экспорте Уругвая — 74 %³. При этом только для Чили аграрная продукция не является основной в торговом балансе, уступая место топливу и полезным ископаемым.

Если говорить о товарной специализации, то в экспорте Аргентины преобладают соевые бобы, соевое масло и кукуруза, в экспорте Бразилии — соевые бобы, тростниковый сахар и мясо, в экспорте Чили — вино, виноград и косточковые фрукты, в экспорте Парагвая — соя, соевые бобы и мясо, в экспорте Уругвая — мясо, соевые бобы и рис.

На сегодняшний день 27 стран ЛКА экспортируют свою продукцию в Россию. Удельный вес ряда продовольственных товаров, привезенных в Россию из региона, очень велик. Так, доля в российском импорте латиноамериканских бананов — 98 %, тростникового сахара — 78, говядины — 77, соевых бобов — 74, свинины — 23, мяса птицы — 19 %⁴.

² Давыдов В. М., Яковлев П., Щербакова А. В., Семенов В., Разумовский Д., Длоугая Е., *Латинская Америка на мировом рынке продовольствия*. М.: ИЛА РАН, 2015.

³ По данным ВТО.

⁴ По данным таможенной статистики Российской Федерации.

Перспективы, которые открылись для латиноамериканских производителей вследствие наложения Россией эмбарго на продовольственные товары из подсанкционных стран, называли «окном возможностей» и сравнивали по масштабности и значимости с открытием китайского рынка для латиноамериканского экспорта чуть больше 10 лет назад.

Но, несмотря на прогнозы, долгосрочного роста российского импорта продуктов питания из указанного региона не произошло. Это говорит о том, что российские аграрии стремятся воспользоваться возможностями для увеличения производства своей продукции для насыщения внутреннего спроса, а российские импортеры переключили свое внимание на заключение контрактов со странами, поставляющими более дешевую продукцию, нежели представители латиноамериканского региона.

Давайте рассмотрим ситуацию более наглядно.

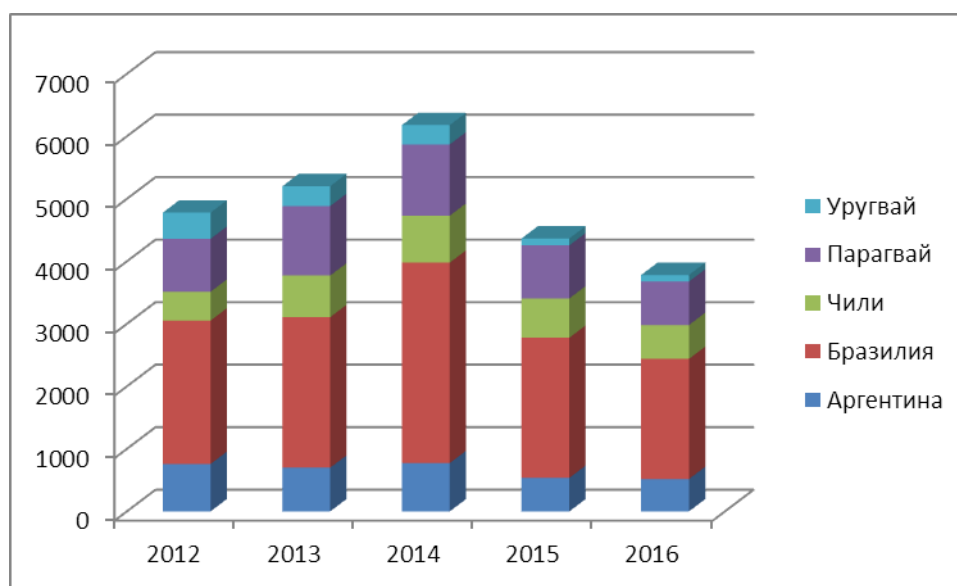

Рисунок 1

Таблица

Темп прироста экспорта продовольствия в Россию, %

	Аргентина	Бразилия	Чили	Парагвай	Уругвай
2013	-7,9	5,0	44,4	31,4	-24,3
2014	10,6	33,2	12,9	2,4	-2,4
2015	-30,6	-30,1	-16,2	-25,7	-64,3
2016	-3,5	-14,3	-13,9	-18,0	-4,7

На рис. 1 представлены данные об объемах российского импорта продуктов питания из пяти стран Латинской Америки с 2012 по 2016 г. Мы мо-

жем наблюдать, что в 2014 г. произошел резкий рост российского импорта из Латинской Америки, однако уже в 2015-м суммарный импорт опустился ниже предсанкционных значений.

Если же сравнивать темпы прироста экспорта каждой отдельно взятой страны в Россию, то ситуация выглядит следующим образом: в 2014 г. все страны, кроме Уругвая, резко увеличили поставки своей продукции на российский рынок. Особенно это касается Бразилии, чей экспорт вырос на 33 %. Дело в том, что в контексте введения Россией эмбарго на импорт продовольственных товаров из США, ЕС, Канады и Австралии бразильские экспортеры заявили о готовности увеличить поставки на российский рынок и тем самым перекрыть дефицит импортных товаров, в первую очередь мясных. Так, было заявлено об увеличении объемов поставок куриного мяса на 150 тыс. т (с 60 до 210 тыс. т)⁵, что заместит импорт из США. Более того, впервые был разрешен ввоз на территорию России бразильских молочных продуктов.

Аргентина тоже заметно увеличила объемы своих поставок продовольствия в Россию. По итогам первого санкционного года экспорт аргентинских продуктов питания на российский рынок вырос на 11 % по сравнению с 2013 г., что вывело Россию на четвертое место среди импортеров аргентинского продовольствия. При этом наша страна заняла лидирующие позиции по импорту из Аргентины говядины, сыров, конины и мандаринов. По импорту аргентинского арахиса, яблок и груш Россия оказалась на втором месте в мире, по импорту лимонов и винограда — на третьем, по импорту мяса птицы — на четвертом, а также вошла в десятку ведущих импортеров рыбы, апельсинов и молочных продуктов⁶.

Парагвай практически не воспользовался введенными санкциями, а Уругвай даже снизил объемы своих поставок в 2014 г.

Чили в 2014 г. резко увеличила экспорт ряда таких продовольственных товаров, как мясо (на 70 %), рыба и морепродукты (на 38 %), мукомольная продукция (137 %), растительные и животные масла (34 %), сахар и кондитерские изделия (88 %), готовая продукция на основе фруктов (29 %). Однако уже в 2015 г. последовал отрицательный прирост объемов продовольственного экспорта в Россию.

Итак, мы видим, что в 2015 г. ситуация изменилась: объем российского импорта латиноамериканских продуктов питания упал ниже предсанкционного уровня. Это можно объяснить результатами активно проводимой политики импортозамещения, а также ослаблением (девальвацией) рубля

⁵ *Rusia habilita a 100 nuevos exportadores de alimentos de Brasil* // Brazil 247. 12 de Agosto de 2014.

⁶ *Por las sanciones comerciales a Rusia, Argentina aumentó los envíos de alimentos a ese destino* // iProfesional, 29.01.2015.

вследствие падения цен на нефть, что снизило покупательную способность российского населения и болезненно ударило по конкурентоспособности латиноамериканских товаров на российском рынке.

В пользу утверждения об эффективной политике импортозамещения говорит тот факт, что в 2015 г. объем российского импорта продуктов питания упал на 35 %, а в 2016-м — на 6 %.

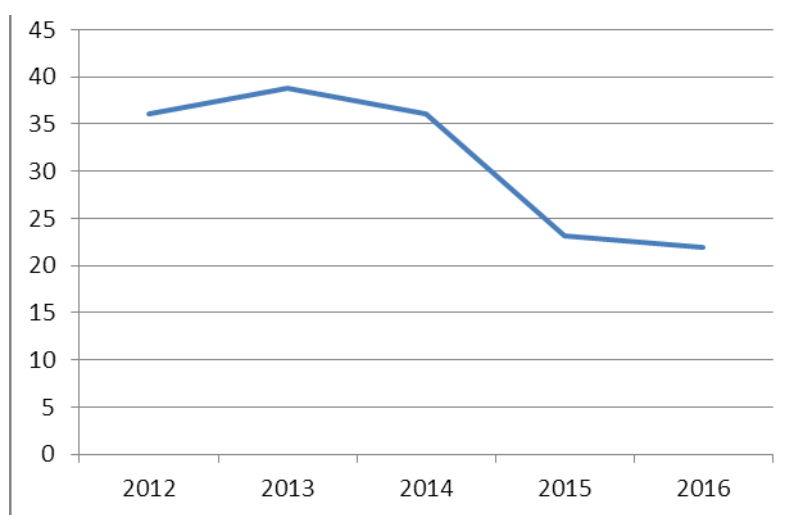

Рисунок 2. Российский импорт продовольствия, млрд долл.

Если же посмотреть на структуру российского импорта продовольствия в 2016 г., то лидирующие позиции по объемам закупок занимают цитрусовые (5 % импорта), бананы (4 % импорта), соевые бобы (4 % импорта) и замороженная говядина (3,5 % импорта). Иными словами, Россия в наибольшей степени зависит от импорта продуктов, не характерных для ее территории по географическим соображениям, а также от дорогостоящей продукции животноводства. Последнее связано с менее конкурентоспособными позициями России на рынке красного мяса вследствие сложных климатических условий для разведения крупного рогатого скота. В тех же странах Латинской Америки коровы питаются подножным кормом круглый год, что в российских условиях невозможно. С этой точки зрения производство говяжьего мяса России не выгодно как для внутреннего рынка, так и для экспорта. Однако производство свинины и мяса птицы, базирующееся на фуражном зерне, может претендовать на звание отрасли с высокой степенью рентабельности. Общая статистика российского импорта мяса говорит о том, что в первой половине 2017 г. Россия импортировала 429 тыс. тонн продукции, основными поставщиками выступили Бразилия, Аргентина и Парагвай⁷.

⁷ По данным Федеральной таможенной службы РФ.

Если же говорить об иностранных поставщиках фруктов и овощей, то конкуренцию Латинской Америке на российском рынке составляет в первую очередь Китай, который выигрывает битву за потребителя вследствие более низких логистических издержек за счет территориальной близости. В 2014 г. Китай увеличил поставки продовольствия на российский рынок на 9 %. Интересно отметить, что по объемам поставок продовольствия на российский рынок Бразилия обгоняет Китай в 1,4 раза. Остальные же страны Латинской Америки по этому показателю Поднебесной уступают.

Важно подчеркнуть, что возникшая ситуация не изменила решимости Москвы и стран Латинской Америки углублять взаимодействие в рамках всеобъемлющего стратегического партнерства. Так, на двусторонней встрече президентов России и Аргентины во время саммита «Большой двадцатки» в Китае в сентябре 2016 г. В. В. Путин отметил, что «мы надеемся на увеличение поставок продовольствия из Аргентины»⁸. М. Макри, в свою очередь, заверил российского лидера в том, что его страна обладает огромным сельскохозяйственным потенциалом (по имеющимся экспертным данным, Аргентина, с населением немногим более 40 млн, способна «прокормить» до 400 млн чел.)⁹ и хочет воспользоваться российским рынком для расширения своего экспортного потенциала в этой отрасли¹⁰. Главной помехой на пути осуществления данной цели является тот факт, что российские фитосанитарные нормы очень жесткие, и это отрезает путь на российский рынок части латиноамериканских производителей продуктов питания¹¹.

Если же рассмотреть страну, находящуюся с другой стороны санкционных баррикад, то интересно привести в пример Испанию, ведь сельское хозяйство традиционно играет в экономике страны значительную роль, несмотря на то что доля отрасли в создании добавленной стоимости ВВП составляет на текущий момент 2–3 %¹². При этом доля Испании, которая по объему производимой сельскохозяйственной продукции находится на

⁸ Dinatale M. *Macri y Putin y otros líderes mundiales*. La Nación, Buenos Aires, Lunes, 05 de Septiembre de 2016.

⁹ Яковлев П. П., «Экономика Латинской Америки в эпицентре «идеального шторма» // *Перспективы*, 01.08.2016.

¹⁰ *Sitio Oficial de Casa Rosada* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.casarosada.gob.ar/slider-principal/37220-el-presidente-mauricio-macri-se-reunio-con-su-par-de-rusia-vladimir-putin> (дата обращения: 17.09.2016).

¹¹ Dinatale M., *Los detalles de la reunión entre el viaje de Macri a China: mucho más que una cumbre del G20*. La Nación, Miércoles, 7 de Septiembre de 2016.

¹² *По данным Всемирного банка* [Электронный ресурс]. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> (дата обращения: 17.09.2017).

третьем месте после Франции и Италии, в добавленной стоимости аграрного ВВП Европейского союза составляет 12 %¹³.

В абсолютных величинах объемы экспорта продовольствия из Испании в Россию стабильно росли, достигнув в 2012 г. 888 млн долл. (рис. 3). В тот год Испания заняла третье место среди поставщиков в Россию фруктов (на 335 млн. евро) и шестое место по поставкам мяса и овощей (268,7 и 133,7 млн евро соответственно)¹⁴. Доля продовольственных товаров в общем объеме российского импорта из Испании в разные годы варьировалась от 17 до 37 %, но лишь дважды за рассматриваемый период опускалась ниже 14 % (в 2008 и в 2014 гг.). Но если в 2008 г. данное падение можно объяснить увеличением доли в импорте дорогостоящих товаров (моторных транспортных средств, электронного оборудования и оборудования для авиакосмической отрасли), то статистика торговли в 2014 г. показывает, что доля продовольствия упала относительно других потребительских товаров (например, одежды, лекарств, парфюмерии и косметики). Таким образом, введение продовольственного эмбарго значительно сократило объемы испанского экспорта в Россию именно за счет снижения доли продовольствия в его номенклатуре.

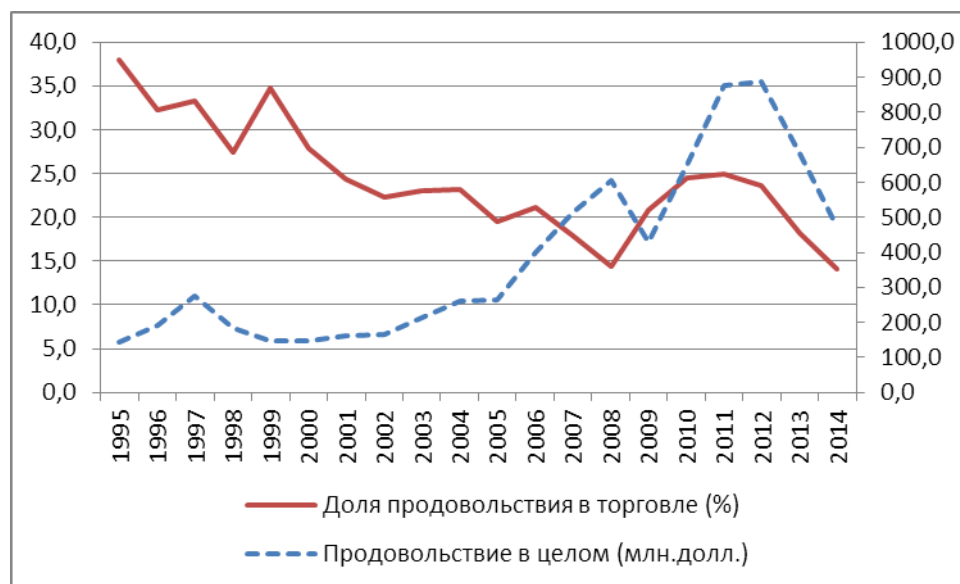

Рисунок 3

¹³ José Antonio Martínez Álvarez, Dolores García Martos, Ana Belén Miquel, Sara Callejo Arranz // Instituto de Estudios Fiscales P.T. No. 13/2013. P. 17.

¹⁴ “España dejó de exportar a Rusia productos agrarios por valor de 785,3 M€ por el veto comercial” // *Agronegocios*, Septiembre 12, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agronegocios.es/espana-dejo-exportar-rusia-alimentos-valor-7853-me-veto-comercial/>. (дата обращения: 17.09.2017).

Рассмотрим теперь объемы ежемесячной торговли между двумя странами за 2014 и 2015 гг. Мы видим картину, которую и ожидали увидеть после введения контрсанкций: объемы продовольственного экспорта из Испании в Россию упали вдвое. Та небольшая доля товаропотоков, которая осталась, приходится на алкогольную продукцию и растительное масло, не подпавшие под эмбарго. При этом Испания является ведущим поставщиком оливкового масла на российский рынок, занимая на нем 90 %, и уступая на рынке вина лишь Франции и Италии¹⁵.

Безусловно, испанские сельхозпроизводители несут огромные убытки в связи с потерей такого серьезного рынка сбыта, как Россия. Когда в июне 2015 г. было сообщено о продлении эмбарго еще на шесть месяцев, Организация фермеров и скотоводов Испании направила немедленное прошение в Министерство сельского хозяйства о том, чтобы продлить компенсационные меры для аграриев.

Резюмируя, хочется подчеркнуть, что санкционный период отрицательно сказался на сельском хозяйстве стран, подпавших под эмбарго. Государства, не вошедшие в число санкционных, сумели в краткосрочном периоде воспользоваться дефицитом российского рынка продовольствия, но затем объемы их экспорта в Россию пошли на спад вследствие серьезной политики импортозамещения продуктов питания. Российские же аграрии стали чувствовать себя с 2014 г. заметно лучше, однако бума сельского хозяйства ожидать не стоит. Ничто не вечно, а экономические санкции тем более. И выдержат ли российские товары конкурентную борьбу с импортными аналогами после отмены санкций — мы сможем увидеть уже в среднесрочной перспективе.

Библиография

1. *Давыдов В. М., Яковлев П., Щербакова А. В., Семенов В., Разумовский Д., Длоугая Е.* Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. М.: ИЛА РАН, 2015.
2. Por las sanciones comerciales a Rusia, Argentina aumentó los envíos de alimentos a ese destino // *iProfesional*, 29.01.2015.
3. *Dinatale M.* Macri y Putin y otros líderes mundiales. *La Nación*, Buenos Aires, Lunes, 5 de Septiembre de 2016.
4. *Яковлев П. П.* Экономика Латинской Америки в эпицентре «идеального шторма» // *Перспективы*, 01.08.2016.

¹⁵ *Hebrero V.* Los productos españoles pugnan por mantenerse en Rusia pese a la crisis // *EFEAgro*, 11 Febrero 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efegro.com/noticia/productos-espanoles-rusia-prodexpro/>(дата обращения: 17.09.2017).

-
5. Sitio Oficial de Casa Rosada [Электронный ресурс]. URL: <http://www.casarosada.gob.ar/slider-principal/37220-el-presidente-mauricio-macri-se-reunio-con-su-par-de-rusia-vladimir-putin> (дата обращения: 17.09.2016).
 6. *Dinatale M.* Los detalles de la reunión entre el viaje de Macri a China: mucho más que una cumbre del G20. *La Nación*, Miércoles, 7 de Septiembre de 2016.
 7. José Antonio Martínez Álvarez, Dolores García Martos, Ana Belén Miquel, Sara Callejo Arranz // Instituto de Estudios Fiscales P.T. No. 13/2013. P. 17.
 8. España dejó de exportar a Rusia productos agrarios por valor de 785,3 M€ por el veto comercial // *Agronegocios*, Septiembre 12, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agronegocios.es/espana-dejo-exportar-rusia-alimentos-valor-7853-me-veto-comercial/>.
 9. *Hebrero V.* Los productos españoles pugnan por mantenerse en Rusia pese a la crisis // *EFEAgro*, 11 Febrero 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efeagro.com/noticia/productos-espanoles-rusia-prodexpo/>.

Особенности экономической экспансии Китая в Латинскую Америку

Features of China's economic expansion into Latin America

Abstract: An analysis of particularities of China's economic expansion in Latin America shows that its investment policy in the region is different from other investors, so as from its own approach in developed countries. In 2003-2015, such investments were destined mainly to the raw material industries, were concentrated mainly in countries with poor level of economic governance, and often took into consideration special relations with their leaders.

Low quality of the laws enforcement and the lack of adequate parliamentary control over the budgetary process ultimately led to a significant deterioration of the economic situation in the host countries, had a negative impact on their cooperation with China. At the same time, Latin American partners were concerned about their unattractive role of supplying raw materials and importing manufactured goods.

In order to eliminate the above-mentioned contradictions, China has been pursuing since the end of the 2015 a more pragmatic course in order to achieve a significant diversification of its investments, to increase the export of advanced technologies, selecting more carefully the partners in ongoing projects, and looking for a higher level of their governance.

Keywords: expansion; deindustrialization; public administration; model pragmatism; investments; infrastructure; indicator.

Resumen: En el informe se analiza la política comercial y de inversiones de China en la región en un nuevo siglo. Son examinados los factores principales de su cambio en los últimos años, son estimadas sus consecuencias. La atención especial se presta a la etapa moderna de la expansión económica de China a la América Latina, al análisis de sus perspectivas. Se hace la conclusión sobre la posibilidad del aumento esencial del nivel de su cooperación como resultado de la realización de su nuevo modelo.

Palabras clave: la expansión; la desindustrialización; la administración estatal; el modelo; el pragmatismo; la inversión; la infraestructura; el índice.

Председатель КНР Си Цзиньпин совершил в ноябре 2016 г. поездку в Эквадор, Перу и Чили, выступив в Лиме на Азиатско-Тихоокеанском саммите. Результаты визита подтвердили решимость Китая вывести сотру-

¹ Семенов Виктор Леонидович, Российская Федерация, заведующий лабораторией, кандидат экономических наук, ИЛА РАН (v.semenov@ilaran.ru).

ничество с регионом на новый, существенно более высокий уровень, качественно изменив при этом модель двухстороннего взаимодействия. Это касается всех трех основных компонентов экономического партнерства: торговли, прямых инвестиций и кредитов. Новая китайская модель, сохранив в качестве одного из базовых компонентов сотрудничество в сфере разработки природных ресурсов и в сельском хозяйстве, предполагает значительно расширить взаимодействие по линии инфраструктурных проектов, в сфере высоких технологий и в военно-технической области. Возможность достижения поставленных целей подтверждается намерением обеих сторон создать благоприятствующие этому условия.

Сырьевая модель

В период, прошедший с 2003 г., который можно условно принять за начальную точку китайской экспансии в регион, основным компонентом латиноамериканских поставок в Китай было промышленное и сельскохозяйственное сырье. В свою очередь, китайские инвестиции в Латинскую Америку направлялись главным образом в сырьевые отрасли. На четыре продукта — медь, железо, нефть и соевые бобы — приходилось три четверти регионального экспорта в Китай. В частности, крупнейшие государственные нефтяные компании CNPC и Sinopet обеспечивали долгосрочные стабильные поставки в Китай латиноамериканской нефти, одновременно играя важную роль в финансировании деятельности правительств ряда латиноамериканских стран. В то же время почти весь импорт региона из Китая состоял из дешевых промышленных товаров. 90 % китайских прямых капиталовложений в Латинскую Америку в 2010–2013 гг. были направлены на разработку ее природных ресурсов^{2, 3}.

Прямые инвестиции Китая в регион в 2003–2014 гг. продемонстрировали устойчивую повышательную тенденцию, увеличившись с 1,8 до 23,3 млрд долл. в год (рис. 1). Латиноамериканский экспорт в Китай вырос

² *China's president ventures into Donald Trump's backyard*. The Economist. L., November 19 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/news/americas/21710307-chinas-president-ventures-donald-trumps-backyard-golden-opportunity>.

³ Но были и исключения в виде вложений Китая в регионе в передовые сферы. Например, в ходе визита в Венесуэлу в 2009 г. заместителя председателя КНР Си Цзиньпина был введен в строй построенный при китайской поддержке завод по производству 1 млн в год мобильных телефонов, а в 2008 г. Китай запустил с Венесуэльской территории созданный им для этой страны спутник Venesat-1, технологию управления которым он также передал венесуэльской стороне. См. Дабагян Э. С., Пятаков А. Н., Семенов В. Л., Сударев В. П., *Венесуэла: практика «Боливарианского проекта» (результаты и риски)*. М.: ПЛ ИЛА РАН, 2011, 40.

с, примерно, 11,3 в 2003 г. до 95,7 млрд долл. в 2014-м.^{4,5} Уровень китайских займов вырос с 4,8 в 2007 г. до 29,1 млрд долл. в 2015-м.⁶ Они направлялись главным образом правительствам стран региона с целью финансирования, прежде всего, проектов по развитию инфраструктуры, а также в нефтяной, газовой и горнорудной промышленности.

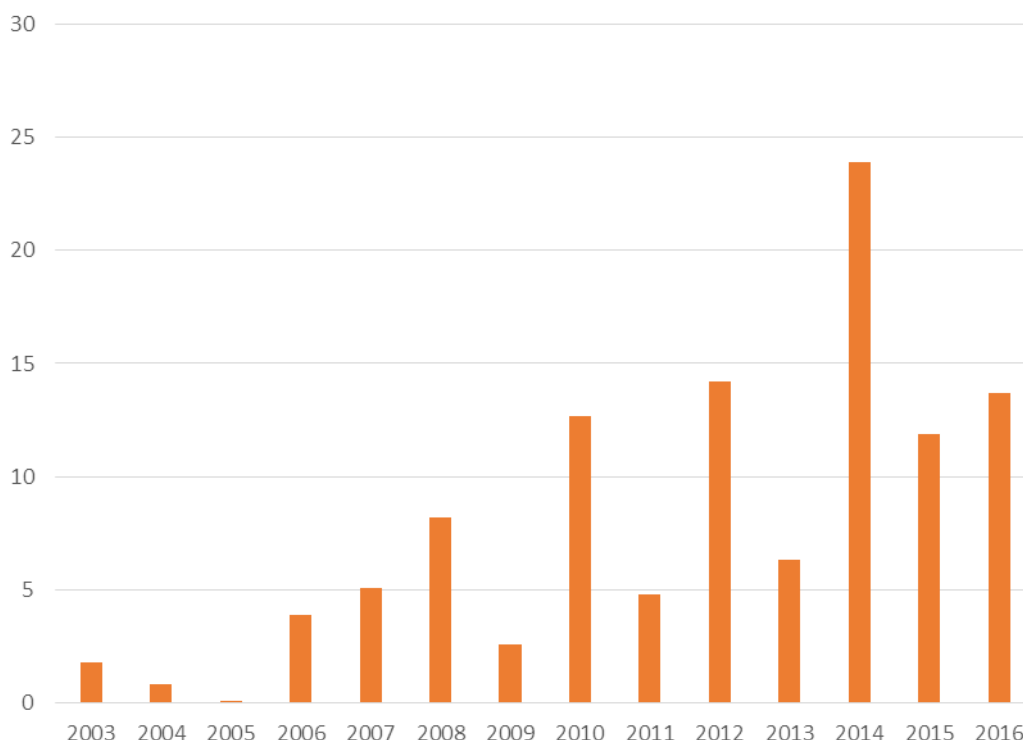

Рисунок 1. Приток китайских прямых инвестиций в страны Латинской Америки (млрд долл.)

Источник: Atlantic council, OECD development center, Chinese FDI in Latin America: new trends with global implications. Washington, 2017. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.atlanticcouncil.org/china-fdi-latin-america/>.

Американский исследователь Дэвид Доллар сформулировал, в частности, две особенности, отличающие китайские прямые инвестиции в развивающихся странах, в том числе и в Латинской Америке, от глобальных

⁴ International Trade Centre. Geneva [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/>. Подсчеты автора.

⁵ Данные соответствуют суммарному экспорту девяти государств — крупнейших поставщиков товаров в Китай: Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Колумбии, Мексики, Перу, Уругвая, Чили и Эквадора.

⁶ Pavoni S., *Latin America enters a new age of pragmatism*. The Banker. L., 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thebanker.com/Markets/Capital-Mkts/Latin-America-enters-a-new-age-of-pragmatism?ct=true>.

прямых иностранных капиталовложений и инвестиций Китая в экономически развитые страны: они в значительной степени сконцентрированы в странах с низким уровнем государственного управления, и Китай не берет на себя обязательств по выполнению норм экологической и социальной безопасности⁷.

Эти выводы применительно к странам региона подтверждаются данными табл. 1, демонстрирующими, что китайские инвестиции в отличие от глобальных не коррелируют с индексом законности (Rule of Law index), рассчитываемый Всемирным банком. Венесуэла с самым низким из шести стран значением этого индекса уступает по доли китайских инвестиций в ВВП только Бразилии. По доле же глобальных инвестиций в ВВП она опережает лишь Эквадор. Чили, имеющая наивысший показатель индекса законности, по доле китайских инвестиций в ВВП, оказалась на последнем месте.

Таблица 1

Доли крупнейших латиноамериканских стран в глобальных прямых инвестициях и в прямых инвестициях Китая в Латинской Америке

Страна	Индекс законности (2014)	Глобальные инвестиции* (в % ВВП) (2011)	Китайские инвестиции* (в % ВВП) (2014)
Чили	1,43	10,3	1,6
Бразилия	-0,08	41,7	23,3
Мексика	-0,45	21,1	4,4
Аргентина	-0,91	5,7	14,7
Эквадор	-1,05	1,0	7,8
Венесуэла	-1,89	2,7	20,5

* Накопленный объем инвестиций.

Источник: *Dollar D. China's investment in Latin America / Brookings Institution, Geoeconomics and global issues. Paper 4. Washington. January 5 2017.*

Очевидно, что такой подход Китая к экономическому партнерству не мог не найти позитивную реакцию со стороны ряда правительств стран региона (в основном — левой ориентации), которые были не в состоянии адекватно оценить долгосрочные перспективы совместных инвестиционных проектов с Китаем и своевременного обслуживания сопутствовавших им китайских кредитов, но стремились достичь краткосрочные цели, в том числе по росту импорта китайских товаров, повышению заработной платы, росту занятости населения и поддержки своей деятельности.

⁷ Dollar D., *China's investment in Latin America / Brookings Institution, Geoeconomics and global issues. Paper 4. Washington, January 2017, 3.*

Говоря обобщенно, китайские займы и инвестиции обладали для стран региона особой привлекательностью в связи с возможностью получения ресурсов, редко сопряженной с политическими и экономическими условиями, такими, например, как качество государственного управления или реализация жестких программ стабилизации. Дополнительная привлекательность таких проектов для Китая состояла в отсутствии обязательств по соблюдению норм экологической и социальной безопасности. Кроме того, активность Китая в регионе в значительной степени зависела от двухсторонних отношений между правительствами. В Аргентине в 2015 г. было заключено соглашение об экономическом и инвестиционном сотрудничестве с Китаем, согласно которому китайским компаниям не было необходимости участвовать в публичных торгах на получение инфраструктурных проектов, если китайские банки предлагают проектное финансирование. Более того, правительства двух стран могут без одобрения парламента подписывать дополнительные соглашения, чтобы начать реализацию общественных работ⁸. Очевидно, что рассмотренные особенности взаимодействия Китая с латиноамериканскими правительствами способствовали его экспансии в регионе и усилению его влияния в нем.

Ярким примером проекта, являвшегося символом социалистической солидарности и предусматривающего существенный прогресс в развитии отдаленных отсталых районов, было строительство первой в Южной Америке скоростной железнодорожной магистрали Тинако — Анако в Венесуэле, предпринятое в 2009 г. Ее протяженность должна была составить 468 км, грузопоток 9,8 млн тонн, а пассажиропоток — 5 млн пассажиров в год, скорость перевозок — 220 км/час. Из общей суммы инвестиций в 7,5 млрд долл. 40 % должен был вложить китайский консорциум China Railway. Срок реализации проекта, первоначально определенный в два года, неоднократно переносился, а в 2015-м строительство магистрали было прекращено ввиду нехватки ликвидных ресурсов у венесуэльской стороны. К этому моменту ее задолженность Китаю составила 400 млн долл.⁹ Неудача проекта была лишь одним из примеров проблем, возникших в ходе сотрудничества Китая с регионом.

В 2015–2016 гг. произошел спад в инвестиционной и торговой составляющих сотрудничества. Китайские инвестиции в регион снизились (в

⁸ Pavoni S., *Op. cit.*

⁹ Goodman J., *Chinees bullet train in Venezuela stalls as alliance derails*. May 14 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/3367297bb5cc4fc497579164f679ec75/chinese-bullet-train-venezuela-stalls-alliance-derails> (дата обращения 01.09.2017).

млрд долл.) с 23,3 до 11,9 и 13,7 соответственно (см. рис. 1); а региональный экспорт в Китай сократился с 95,7 до 80,5 и 78,7 млрд долл. соответственно¹⁰.

Одной из причин спада было снижение темпов роста экономики Китая, что обусловило снижение спроса на латиноамериканское сырье и сырьевых цен. Сократились региональные поставки в Пекин. Китайский экспорт сократился в меньшей степени, в связи с чем вырос дефицит стран региона во взаимной торговле и возросла внешняя задолженность стран региона. Другой причиной ослабления торговых и инвестиционных связей было резкое снижение цен на нефть вследствие сланцевой революции в США. В целом по региону отрицательные темпы прироста ВВП достигли, 0,5 и 1,1 % соответственно¹¹. В Венесуэле в результате многолетнего экономического кризиса правительство оказалось не в состоянии выполнить обязательства по обслуживанию китайских займов, и Пекин заявил о решении прекратить предоставление новых кредитов этой стране. Это, в свою очередь, привело к снижению инвестиционной активности Китая.

Необходимо отметить, что Китай начал проявлять в этот период более прагматичный подход к сотрудничеству с Каракасом. Прежде чем предоставить Венесуэле в 2016 г. льготный период, в течение которого она должна была выплачивать только проценты по долгу, его представители провели переговоры с членами оппозиционного правительству парламента на предмет одобрения им соглашения об изменении условий погашения венесуэльских обязательств. Таким образом, Китай подстраховался на случай смены правительства в Венесуэле.

Руководство азиатской страны начало осознавать, что концентрация усилий на сотрудничестве со странами с низким качеством государственного управления сопряжена с высоким риском потерять вложенные в их экономику ресурсы.

В то же время в Латинской Америке накопилась озабоченность, связанная с рядом негативных аспектов присутствия Китая в регионе. В частности, относительно того, что:

- деятельность его компаний и экспорт из этой страны (в том числе за счет его субсидирования) влечет за собой угрозу деиндустриализации;

¹⁰ *International Trade Centre*. Geneva [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/> (дата обращения 01.09.2017). Подсчеты автора.

¹¹ *Balance preliminar de las economías de América Latina y el Caribe 2016*. Santiago, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/40825/91/S1601333_es.pdf (дата обращения 01.09.2017).

- имели место случаи ограничений импорта из региона переработанной продукции (в частности соевого масла вместо ранее поставлявшихся соевых бобов из Аргентины);
- в реализуемых Китаем проектах используется сравнительно мало местной рабочей силы.

Эти проявления озабоченности свидетельствуют о недостаточном учете Китаем в рассмотренный период латиноамериканских интересов и необходимости внесения корректив в модель двухстороннего сотрудничества. Кроме того, у Китая появились причины скорректировать свою политику по отношению к региону.

Есть основание полагать, что в обнародованной в конце 2015 г. программе, определяющей новый стратегический курс Китая в отношении региона, в большей степени учитываются и его собственные, и латиноамериканские интересы.

Новый подход

В 2015 г. Си Цзиньпин, основываясь на заключенных Китаем со странами региона соглашениях, материализованных в пакете совместных проектов, поставил задачу в течение 10 удвоить объем двусторонней торговли с регионом, доведя его до 500 млрд долл., и увеличить совокупную величину инвестиций в его экономику до 250 млрд долл.¹² Достижению этих целей может способствовать снижение интереса к региону со стороны США, президент которых Д. Трамп призвал в 2017 г. к роспуску Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА). У Китая в данном случае появится возможность занять те позиции, которые США могут освободить. В этом случае возрастет и его влияние в мире.

Возможно, главное для стран региона в новой программе состоит не столько в объемах торговли с регионом и инвестиций, которые он предполагает вложить, сколько в изменении их отраслевого распределения и в изменении подхода Китая к выбору региональных партнеров, что может позволить латиноамериканским странам встроиться в новые, более привлекательные ниши в мировом разделении труда.

То, о чем Си Цзиньпин говорил в 2015 г., уже начинает материализовываться на практике. Сейчас Китай больше половины своих инвестиций направляет в сектор услуг, в особенности в транспорт, электроэнергети-

¹² Cloutier G., *Building Influence: Chinese Infrastructure Investment in Latin America* / The World Mind. Vol. II. No. 4. Washington, Feb 27 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://edspace.american.edu/theworldmind/2017/02/27/building-influence-chinese-infrastructure-investment-in-latin-america/> (дата обращения 01.09.2017).

ку, информационно-коммуникационные технологии и альтернативную энергетику¹³. В частности, бразильская строительная фирма WTorre подписала с китайской компанией Communications and Construction Company International контракт на строительство порта в штате Мараньян на северо-востоке Бразилии¹⁴. Опережающими темпами растут его капиталовложения в производство и передачу электроэнергии. Электроэнергия будет в растущей степени производиться построенными китайцами установками на основе возобновляемых источников энергии — гидро, ветряной и солнечной. В городе Кампинас на юго-востоке Бразилии китайская фирма BYD открыла фабрику по производству солнечных панелей на базе новейших технологий. Новая технология, получившая название «двойное стекло», позволяет передавать солнечную энергию более эффективно и увеличивает срок жизни панелей до 50 лет¹⁵. Азиатский гигант будет играть большую роль в подключении населения региона к Интернету, что будет связано с многочисленными соглашениями, заключенными в последние несколько лет в сфере поставок телекоммуникационного и сетевого оборудования.

Усилился интерес Китая к финансовой сфере региона. Инвестиционная фирма Fosun купила в 2016 г. контрольный пакет в бразильской фирме Rio Bravo, занимающейся управлением активами в г. Сан-Паулу.

Возможен и рост взаимодействия Китая со странами региона в военно-технической сфере, интересный опыт сотрудничества с ним в которой имеется у Аргентины. В 2015 г. правительство Кристины Фернандес де Киршнер, имевшее ярко выраженную левую ориентацию, заключило соглашение на покупку у него истребителей и океанских патрульных судов. Ранее из стран региона только Венесуэла осуществляла в Китае такого рода закупки. Президент также одобрила сделку, предоставляющую Китаю право построить в Аргентине станцию слежения за спутниками. Новый президент Аргентины М. Макри, отличающийся либеральными взглядами, до выборов в ноябре 2015 г. критиковал упомянутую договоренность, но после прихода к власти одобрил ее. Объект является подразделением Народно-освободительной армии Китая и должен вступить в строй в 2027 г.¹⁶

По оценке экспертов журнала *The Economist*, «Китаю в реализации нового курса будет способствовать поворот Латинской Америки к политическому центру, который предполагает больше прагматизма и меньше

¹³ *Atlantic council, OECD development center / Chinese FDI in Latin America: new trends with global implications. Washington, 2017. 1–2. [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.atlanticcouncil.org/china-fdi-latin-america/> (дата обращения 01.09.2017).*

¹⁴ *China's president ventures into Donald Trump's backyard. Op. cit.*

¹⁵ *Atlantic council. Op. cit.*

¹⁶ *China's president ventures into Donald Trump's backyard. Op. cit.*

враждебности по отношению к Народной Республике». Согласно заявлению главы Экономической комиссии ООН, для ЛАКБ (ЭКЛАК) Алисии Барсены «это означает большую открытость Бразилии и Аргентины к торговле и инвестициям». Поэтому, считает она, «китайцы готовы инвестировать, условия для этого будут более привлекательными»¹⁷.

Заключение

Анализ различных аспектов экономической экспансии Китая в страны Латинской Америки свидетельствует о существенных особенностях, отличающих его инвестиционную политику в регионе от политики других инвесторов и от его собственного подхода к капиталовложениям в экономически развитых странах. В 2003–2015 гг., когда инвестиции направлялись главным образом в сырьевые отрасли государств региона, они концентрировались прежде всего в странах с низким уровнем государственного управления (как правило, это были идеологически близкие Китаю страны левой ориентации) и часто сильно зависели от особых отношений с их руководителями. При этом решения по китайским инвестиционным проектам нередко принимались без проведения торгов, а в некоторых случаях и без одобрения парламента принимающей страны. В свою очередь, Китай не принимал на себя обязательств по выполнению норм экологической и социальной безопасности. Это способствовало китайской экспансии. Но низкое качество исполнения законов и отсутствие адекватного парламентского контроля над бюджетным процессом привели в конечном итоге к существенному ухудшению экономической ситуации в принимающих странах (Венесуэла, Аргентина, Бразилия), что негативно сказалось на их взаимодействии с Китаем, а иногда приводило и к невыполнению их обязательств перед ним. В то же время в странах региона росла озабоченность сохранением их непривлекательной роли поставщиков сырья и импортеров готовых изделий.

В рамках провозглашенного в конце 2015 г. нового курса Китая во взаимоотношениях с регионом Китай готов осуществлять инвестиции в электроэнергетику, инфраструктуру, в финансовые институты региона; налаживать сотрудничество с ним в военно-технической сфере и в области высоких технологий, стремится увеличить число соглашений со странами, проводящими либеральную политику. Возможность достижения поставленных целей подтверждается готовностью обеих сторон создать благоприятствующие этому условия. В будущем Китай при выборе партнеров в ре-

¹⁷ *Ibid.*

гионе будет, скорее всего, придавать больше значения качеству их государственного управления.

Библиография

1. *China's president ventures into Donald Trump's backyard* / The Economist. London. November 19 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/news/americas/21710307-chinas-president-ventures-donald-trumps-backyard-golden-opportunity> (дата обращения 01.09.2017).
2. Дабагян Э. С., Пятаков А. Н., Семенов В. Л., Сударев В. П., *Венесуэла: практика «Боливарианского проекта» (результаты и риски)*. М., 2011, ПЛ ИЛА РАН. С. 40.
3. *International Trade Centre*. Geneva [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/> (дата обращения 01.09.2017).
4. Pavoni S., *Latin America enters a new age of pragmatism* / The Banker. L., 2015. Available at: <http://www.thebanker.com/Markets/Capital-Mkts/Latin-America-enters-a-new-age-of-pragmatism?ct=true> (дата обращения 01.09.2017).
5. Dollar D., *China's investment in Latin America* / Brookings Institution, Geoeconomics and global issues. Paper 4. Washington, January 3 2017.
6. Goodman J., *Chinees bullet train in Venezuela stalls as alliance derails*. May 14, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/3367297bb5cc4fc497579164f679ec75/chinese-bullet-train-venezuela-stalls-alliance-derails> (дата обращения 01.09.2017).
7. *International Trade Centre*. Geneva [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/> (дата обращения 01.09.2017).
8. *Balance preliminar de las economías de América Latina y el Caribe 2016*. Santiago, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/40825/91/S1601333_es.pdf (дата обращения 01.09.2017).
9. Cloutier G., *Building Influence: Chinese Infrastructure Investment in Latin America* / The World Mind. Vol. II. No. 4. Washington, 27 Feb 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://edspace.american.edu/theworldmind/2017/02/27/building-influence-chinese-infrastructure-investment-in-latin-america/> (дата обращения 01.09.2017).
10. *Atlantic council*, OECD development center, *Chinese FDI in Latin America: new trends with global implications*. Washington, 2017. No. 1–2 [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.atlanticcouncil.org/china-fdi-latin-america/> (дата обращения 01.09.2017).

МЕНЯЮЩАЯСЯ КУБА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Д. Р. Султанов¹

**Эволюция общеевропейской политики
по отношению к Кубе от «общей позиции» 1996 года к
реакции ЕС на нормализацию отношений
Куба — США (2014–2016 гг.)**

**Evolution of the all-European policy towards Cuba from
the “common position” of 1996 to the EU’s response to
the normalization of relations between Cuba and the
United States (2014–2016)**

Abstract: Taking into account the US-Cuban rapprochement of 2014–2016, the EU also bolstered its policies towards Cuba, which eventually resulted in the Council’s decision to sign a political dialogue and cooperation agreement repealing the EU 1996 Common Position on Cuba. However, it seems misleading to consider these events only as a function of what is happening in the US-Cuban relations. On the contrary, it is often Madrid as well as economic interests and entrepreneurial lobby within the EU that determine its position on Cuba.

Key words: US-Cuba relations; normalization; EU common position; Spanish-Cuban relations.

Resumen: Dado el proceso de la normalización entre Cuba y EEUU (2014–2016), la UE también reforzó sus políticas hacia Cuba, lo que finalmente dio lugar al tratado del diálogo político y cooperación derogando la posición común hacia Cuba de 1996. Sin

¹ ¹Султанов Данис Рефхатович, Россия, студент 2-го курса магистратуры факультета международных отношений (программа: Внешняя политика России) МГИМО (У) МИД России, (danisrsultanov@gmail.com), гр. РФ.

embargo, parece superficial considerarlo solo como función de las relaciones entre la Habana y Washington, ya que, por el contrario, es Madrid así como los intereses económicos y el cabeldeo empresarial dentro de la UE que determina más la posición del bloque hacia la mayor de las Antillas.

Palabras clave: relaciones Cuba-EEUU; normalización; posición común; relaciones hispano-cubanas.

По отношению к Европейскому Союзу справедлив тезис о том, что общая позиция блока по отношению к бывшим колониям одного из его членов, определяется при существенном влиянии позиции последнего (т. е. бывшей метрополии). Относительно кубино-европейских отношений логично выдвинуть гипотезу, что именно позиция Мадрида и то, насколько Испания готова лоббировать свои интересы касательно Кубы, определяли общеевропейскую позицию. При этом важно отметить, что даже до появления самой концепции «общей позиции» (common position) и «совместных действий» (joint actions) с принятием Договора о Европейском Союзе (Маастрихтский договор), именно Испания задавала тон в кубинском направлении европейской политики через такие инструменты своей внешней политики, как Ибероамериканское сообщество (с 1991 г. также саммиты на высшем уровне), и через двустороннее взаимодействие.

Особенность принятия «общей позиции» ЕС по отношению к Кубе

В том, что касается непосредственно внешней политики ЕС, долгое время отношения Европейского Союза с Кубой основывались на «общей позиции», принятой в 1996 г. по инициативе занимавшего в то время пост Председателя Правительства Испании, консерватора Х. М. Аснара. «Общая позиция» была принята Советом 2 декабря 1996 г. посредством Резолюции 96/697/CFSP² на основании статьи J.2 Договора о Европейском Союзе.

В 1996 г. Испания при Аснаре заняла проамериканскую позицию во многих вопросах, включая позже активную поддержку вторжения в Ирак в 2003 г., и кубино-испанские отношения также претерпели существенные изменения в связи со значительным ужесточением позиции Испании. Отсюда и ужесточение позиции ЕС: несмотря на сопротивление стран-членов, имевших коммерческие интересы на Кубе, включая Бельгию и Францию, инициатива Испании была принята в Совете.

² 96/697/CFSP: Common Position of 2 December 1996 defined by the Council on the basis of Article J.2 of the Treaty on European Union, on Cuba/ EUR-Lex // EU law and publications. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:31996E0697> (Accessed: 25.04.2017).

Общая позиция ЕС заключалась в том, что политический диалог и экономические связи с Республикой Куба обуславливались необходимостью проведения демократических реформ и соблюдением прав человека на острове; ЕС критиковал Кубу по вопросу соблюдения прав человека, что отражалось на характере связей, а Куба оставалась единственной страной ибероамериканского мира, не имевшей с ЕС договора о сотрудничестве.

Данная позиция критиковалась как принятая при очевидном влиянии Вашингтона, учитывая, что немногим ранее, в том же году, конгресс США принял Закон Хелмса-Бёртона (Закон за свободу и демократическую солидарность с Кубой), согласно которому эмбарго получило экстерриториальный характер: закон навязывает третьим государствам ограничения в торговых и кредитных отношениях с Кубой, накладывая санкции на тех, кто будет содействовать Кубе; призывает к принятию резолюции Совета Безопасности ООН по наложению обязательного международного эмбарго против Кубы и включает в себя упоминание о том, что любая помощь Кубе со стороны независимых государств бывшего СССР, в особенности в области строительства объектов атомной промышленности, приведет к окончанию всякой финансовой помощи таким странам со стороны США³.

Реакция ЕС на экстерриториальный характер эмбарго против Кубы

Однако было бы ошибочно предположить, что страны ЕС согласились с экстерриториальными законодательными актами США. Очевидно, что страны ЕС, при существенном давлении предпринимательских кругов, заинтересованы в снятии эмбарго и нормализации. Как уже было упомянуто, эмбарго фактически запрещает осуществление торговли и финансовых операций с Кубой: не раз даже европейские фирмы и банки были подвергнуты санкциям и штрафам со стороны США. Также страдает морская торговля вследствие действия закона Торричелли (*Ley para la Democracia Cubana* o *Ley Torricelli* 1992⁴), который, помимо прочего, ввел ограничение на морскую торговлю, запретив судам, заходившим в порты Кубы, в течение 180 дней заходить в американские порты.

³ *Cuban Liberty and Democratic Solidarity*, H. R. 927, 104th Congress (1995–1996) / The Library of the Congress / Official website <http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/z?c104:H.R.927.ENR>: Official summary: <http://thomas.loc.gov/cgi-bin/bdquery/z?d104:HR00927:@@L&summ2=m&>. (Accessed: 08.11.2015.).

⁴ *Cuban Democracy Act of 1992*, H.R.5323, 102nd Congress (1991–1992)/ The Library of the Congress / Official website. Full text. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/5323/text>. Official summary. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/5323>. (Accessed: 24.04.2017).

Столкнувшись с данным обстоятельством, Европейский Союз должен был реагировать в защиту своих экономических интересов. Как само объединение, так и отдельно страны-члены (Великобритания) выказали свое недовольство, а позже ЕС обратился в ВТО для рассмотрения данного вопроса в органе разрешения споров организации. Позже Советом ЕС будет издан Регламент Совета № 2271/96⁵, принятый на основании статей Маастрихтского договора и предложенный Европейской комиссией. Согласно данному акту все положения законодательного акта конгресса США, известного как Закон Хелма-Бёртона, считались недействительными в отношении стран-членов Европейского Союза, а любой ущерб (в том числе в виде уплаты штрафов), понесенный европейскими компаниями по данному закону, должен быть им компенсирован.

Позиция Испании как ключевой фактор эволюции общеевропейской политики по отношению к Кубе

Первые существенные изменения в политике блока смогли быть реализованы тем не менее только тогда, когда сменился политический курс Испании. Пока в стране у власти оставался Хосе Мария Аснар, все инициативы по возобновлению сотрудничества, в том числе исходящие от кубинской стороны (как, например, попытка присоединения Кубы к договору Котону, регулирующему отношения ЕС со странами АКТ), были заблокированы Испанией. Однако с возвращением в 2004 г. к власти ИСРП (Испанская социалистическая рабочая партия), наметился медленный процесс улучшения отношений как на двустороннем уровне, так и на уровне Куба — ЕС. 10 января 2005 г. в Гаване открывается представительство Комиссии ЕС, а к 19 июня 2008 г. ЕС снимает все санкции против Кубы. Однако «общая позиция» продолжала оставаться в силе.

Ситуация изменилась в 2014 г., когда (сначала в ходе тайных переговоров и при посредничестве папы римского) началась подготовка к процессу нормализации отношений Куба — США. ЕС должен был реагировать, так как испытывал давление со стороны собственного бизнеса и инвесторов, которые ожидали «открытия» кубинского рынка и не хотели отдать инициативу американским конкурентам. Ключевую роль вновь сыграла Испания, чьи экономические интересы на Кубе напрямую зависели от того, сможет ли ЕС воспользоваться начавшимся процессом нормализации и возмож-

⁵ *Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom/ Official Journal L 309, 29/11/1996 P. 0001–0006 UR: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31996R2271:EN:HTML>. (Accessed: 26.04.2017).*

ностью открытия кубинского рынка. Испания является третьим торговым партнером Кубы после Венесуэлы и Китая — в 2015 г. испанский экспорт достиг рекордной отметки в 964 млн евро.⁶

С апреля 2014 г. Европейский Союз взял курс на подписание соглашения о политическом диалоге и сотрудничестве с Кубой, которая оставалась единственной страной Латинской Америки, не имевшей такого договора с ЕС. А уже в июле того же года Кубу посетил министр экономики Испании для обсуждения реструктуризации кубинского долга.

Общий подход. Процедура согласования и подписания Соглашения ЕС — Куба и отмены «общей позиции»

Руководящие принципы переговоров были одобрены на заседании Совета ЕС по иностранным делам 10 февраля 2014 г. Всего с апреля 2014 г. было проведено семь раундов переговоров. Шестой тур переговоров был проведен в Брюсселе 1 декабря 2015 г.⁷, а уже 11 марта 2016 г. на седьмом раунде переговоров стороны пришли к принципиальному решению. Текст соглашения был парафирован 11 марта при участии верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини, и министром иностранных дел Кубы Бруно Родригесом. 6 декабря Совет принял решение о подписании Соглашения, что и произошло уже 12 декабря 2016 г.

Параллельным решением Совет отменил действие «общей позиции» 1996 г.

Отдельно стоит отметить процедуру ратификации и имплементации Соглашения. Важно, что оно имеет так называемый «смешанный» характер⁸, т. е. включает в себя как положения, подпадающие под исключительную компетенцию Союза, так и такие, которые относятся к сфере межправительственного сотрудничества. Вследствие этого с выполнением всех юридических норм Соглашение временно вступает в силу на частичной основе: только в сфере исключительной компетенции Союза (например, торгово-экономические аспекты Соглашения). Полностью оно вступит в

⁶ Resumen de las relaciones bilaterales con España/ ICEX España Exportación e Inversiones URL: <http://www.icex.es/icex/es/navegacion-principal/todos-nuestros-servicios/informacion-de-mercados/paises/navegacion-principal/el-pais/relaciones-bilaterales/index.html?idPais=CU#>. (Accessed: 27.04.2017)

⁷ UE confía sexta ronda negociadora con Cuba ayude a cerrar pronto el acuerdo / Infolatam/Efe. Buenos Aires 01.12.15. Disponible en: <http://www.infolatam.com/2015/12/01/ue-confia-sexta-ronda-negociadora-con-cuba-ayude-a-cerrar-pronto-el-acuerdo/>. Consultado: 24.03.16.

⁸ *EU-Cuba: Council opens new chapter in relations/ Press releases and statement* // Council of the European Union URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/12/06-eu-cuba-relations/>. (Accessed: 26.04.2017).

силу лишь после процесса ратификации национальными парламентами стран — членов ЕС (так, к межправительственной компетенции относятся положения касательно борьбы с терроризмом и разоружения).

Соглашение о политическом диалоге и сотрудничестве (a Political Dialogue and Cooperation Agreement)⁹ включает в себя три основные главы: о политическом диалоге, сотрудничестве и торговле. Целью соглашения является вклад ЕС в актуализацию кубинской социально-экономической модели, а также продвижение демократии и прав человека в кубинском обществе. Разительно отличает данное Соглашение тот факт, что оно принципиально не обуславливает экономическое сотрудничество продвижением демократии и прав человека, а разделяет эти две цели. Кроме того, Соглашением подчеркивается установка на сотрудничество в рамках ООН, а также между ЕС и СЕЛАК.

Экономический аспект и отдельные интересы стран-членов

ЕС остается вторым основным торговым партнером Кубы после Венесуэлы и главным направлением кубинского экспорта. В 2015 г. экспорт Кубы в ЕС составил 540 млн евро, превзойдя тем самым показатель 2014 г (465 млн). Куба не является существенным направлением экспорта для ЕС, занимая только 0,1 % всего экспорта Сообщества (в основном продукты машиностроения), однако ЕС является крупным инвестором в кубинскую экономику (туризм, строительство, легкая промышленность и сельское хозяйство)¹⁰.

Подчеркивается, что данное соглашение имеет своей целью создание рамок для более прозрачного сотрудничества и снятия барьеров, в том числе оно призвано заменить «общую позицию» ЕС по отношению к Кубе. При этом оно не является соглашением о создании ЗСТ и не затрагивает меры гарантирования инвестиций.

Таким образом, стороны ведут переговоры, как правило, по вопросам соблюдения прав человека, политического плюрализма, борьбы с терроризмом, организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков. Однако если общая позиция блока развивалась в политической сфере, то политики отдельных стран уже пошли на сближение с Кубой и в области экономики.

⁹ *EU-Cuba negotiations towards a Political Dialogue and Cooperation Agreement/* EU Relations with Cuba/ European Union External Action Official website URL: http://eeas.europa.eu/cuba/index_en.htm. (Accessed: 25.03.16)

¹⁰ *Ibid.*

В первую очередь активна Испания, имеющая широкие интересы на Кубе. С целью продвижения своих финансово-экономических интересов министр экономики Испании провел в июле 2015 г. в Мадриде переговоры с заместителем председателя Совета министров Кубы Кабрисасом, результатом чего стало подписание в ноябре 2015 г. соглашения о реструктуризации 200 млн евро кубинского долга¹¹. По оценкам агентства по страхованию кредитов Solunion, испанский экспорт на Кубу в случае отмены эмбарго будет расти на 200 млн евро ежегодно; в сравнение то же агентство предсказывает рост другим кубинским партнерам: 1 млрд для США, 300 млн — КНР, 120 млн — Бразилии, 100 — Франции¹².

Другие страны — члены ЕС также имеют собственные интересы на Кубе. И хотя это не имело решающего значения в отмене «общей позиции», постепенному формированию необходимых объективных условий способствовали экономические связи и желание европейских предпринимателей успеть воспользоваться моментом «вакуума», когда, с одной стороны, на рынке Кубы уже давно нет социалистических стран и уходят из-за внутренних кризисов Венесуэла и Бразилия, а с другой — все еще нет США, чьи предприниматели пока осторожно договариваются с кубинскими властями (через поездки представителей отдельных штатов, например в 2015 г. — Нью-Йорк и Арканзас) и активно лоббируют смягчение эмбарго в конгрессе и Администрации.

Одним из таких примеров является Франция. Символическое значение имел визит Ф. Олланда в Гавану уже в мае 2015 г. Так, именно французская компания Pernod-Ricard смогла заручиться лицензионным правом на международные продажи кубинского рома под маркой Havana Club.

Заключение

В кубинских работах тема отношений Кубы и ЕС, как правило, рассматривается через призму двух факторов: влияния-давления США на своих партнеров в ЕС и интернационализации конфликта. Общая позиция ЕС по отношению к Кубе была принята в 1996 г., и кубинские специалисты справедливо связывают это с введением в том же году закона Хелмса-Бёртона в США. Именно поэтому для кубинской научной литературы на данную

¹¹ *España y Cuba firman acuerdo para refinanciar deuda a corto plazo de la isla* / Infolatam/Efe La Habana 03.11.15. Disponible en: <http://www.infolatam.com/2015/11/03/espana-y-cuba-firman-acuerdo-para-refinanciar-deuda-a-corto-plazo-de-la-isla/>. (Consultado: 15.12.2016).

¹² *Exportaciones españolas a Cuba podrían aumentar US\$200 millones por año* / Reuters. Madrid 10.08.15. Disponible en: <http://www.infolatam.com/2015/08/10/exportaciones-espanolas-a-cuba-podrian-aumentar-us200-millones-por-ano/>. (Consultado: 15.12.2016).

тему¹³ характерна модель восприятия эволюции отношений с ЕС как функцию происходящего в кубино-американских отношениях.

Однако такая позиция представляется весьма поверхностной, так как страны ЕС, как было отмечено, критически восприняли экстерриториальный характер американских законов и даже обратились в орган разрешения споров ВТО. Если проследить развитие внешней политики блока, то становится очевидным, что в отношении государств — бывших европейских колоний именно позиции отдельных стран — членов ЕС имеют решающее значение. Так, относительно Кубы инициатором «общей позиции» 1996 г. было проамериканское консервативное правительство Аснара в Испании, равно как и последующая нормализация также соответствовала изменению политики в Испании. Рационально отметить в данном случае экономические интересы блока, так как значительную роль сыграло лобби предпринимателей и инвесторов из Европы, желающих выйти на кубинский рынок.

Библиография:

1. 96/697/CFSP: Common Position of 2 December 1996 defined by the Council on the basis of Article J.2 of the Treaty on European Union, on Cuba/ EUR-Lex // EU law and publications. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:31996E0697>. (Accessed: 25.04.2017).
2. Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom/ Official Journal L 309, 29/11/1996 P. 0001–0006 UR: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31996R2271:EN:HTML>. (Accessed: 26.04.2017).
3. Cuban Democracy Act of 1992, H.R.5323, 102nd Congress (1991–1992)/ The Library of the Congress/ Official website. Full text. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/5323/text> Official summary. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/5323>. (Accessed: 24.04.2017).
4. Cuban Liberty and Democratic Solidarity, H.R. 927, 104th Congress (1995–1996) / The Library of the Congress / Official website <http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/z?c104:H.R.927.ENR>: Official summary: <http://thomas.loc.gov/cgi-bin/bdquery/z?d104:HR00927:@@L&summ2=m&>. (Accessed: 08.11.2015).
5. Resumen de las relaciones bilaterales con España / ICEX España Exportación e Inversiones URL: <http://www.icex.es/icex/es/navegacion-principal/todos-nuestros-servicios/informacion-de-mercados/paises/navegacion-principal/el-pais/relaciones-bilaterales/index.html?idPais=CU#>. (Accessed: 27.04.2017).
6. UE confía sexta ronda negociadora con Cuba ayude a cerrar pronto el acuerdo / Infolatam/Efe Buenos Aires 01.12.15. Disponible en: <http://www.infolatam.com>.

¹³ Cañedo E. R., Morales E., *Aproximaciones al conflicto Cuba — Estados Unidos*, Editora política, La Habana, 2015, 446.

com/2015/12/01/ue-confia-sexta-ronda-negociadora-con-cuba-ayude-a-cerrar-pronto-el-acuerdo. Consultado: 24.03.16.

7. EU-Cuba: Council opens new chapter in relations / Press releases and statement // Council of the European Union. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/12/06-eu-cuba-relations/>. Accessed: 26.04.2017.

8. EU-Cuba negotiations towards a Political Dialogue and Cooperation Agreement / EU Relations with Cuba/ European Union External Action Official website URL: http://eeas.europa.eu/cuba/index_en.htm Accessed: 25.03.16.

9. Exportaciones españolas a Cuba podrían aumentar US\$200 millones por año / Reuters Madrid 10.08.15. Disponible en: <http://www.infolatam.com/2015/08/10/exportaciones-espanolas-a-cuba-podrian-aumentar-us200-millones-por-ano/>. Consultado: 15.12.2016.

10. Cañedo E. R., Morales E., *Aproximaciones al conflicto Cuba — Estados Unidos*, Editora política, La Habana, 2015.

11. Carlos A. Batista Odio, *La periodización del componente económico del conflicto EE UU — Cuba* / Carlos A. Batista Odio / El conflicto Estados Unidos — Cuba. — Centro de Estudios sobre Estados Unidos, La Habana, 1998.

Перспективы развития отношений между Кубой и США в эпоху Д. Трампа

Prospects for the development of relations between Cuba and the United States in the era of D. Trump

Resumen: Este artículo analiza las relaciones entre Cuba y los Estados Unidos en la época de Donald Trump y los principales factores que influyen en la interacción entre los dos países. Se explica como las acciones de la Administración Trump marcaron un retroceso de las relaciones bilaterales y se ofrecen unas perspectivas sobre cómo va a evolucionar la relación Cuba–EE.UU. en los próximos años.

Palabras clave: Cuba; EE.UU.; Trump; normalización; embargo.

Abstract: This article examines US–Cuba relations in the Trump Era and the main factors that influence the relationship between Havana and Washington. The study explains how the actions of the Trump Administration caused a setback in the relations and offers some perspectives on the future of the bilateral relationship.

Keywords: Cuba; USA; Trump; normalization; embargo.

В сентябре 2015 г., отвечая на вопрос о политике сближения США с Кубой, Д. Трамп, боровшийся в то время за право выдвинуться в президенты от Республиканской партии, сказал, что в целом она правильная, хотя Соединенные Штаты должны были заключить более выгодную для себя сделку².

Позднее он несколько раз высказывался в том же духе, однако по мере развития предвыборной кампании его позиция в кубинском вопросе начала эволюционировать. Так, в марте 2016 г. Трамп допустил возможность закрытия американского посольства в Гаване, до тех пор пока США не достигнут с Кубой лучшего соглашения, а во время дебатов на телеканале CNN говорил, что занимает промежуточную позицию между сторонниками сближения с Кубой и яркими противниками Кастро³. Затем,

¹ Шишков А. С., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, (Andrey.Shishkov@riss.ru), гр. РФ.

² *Donald Trump on His Nuclear Doctrine, Democracy Promotion And Why He Refuses To Use Term 'Supreme Leader'* // The Daily Caller. 2015. July 9. URL: <http://dailycaller.com/2015/09/07/donald-trump-on-his-nuclear-doctrine-democracy-promotion-and-why-he-refuses-to-use-term-supreme-leader/> (дата обращения: 04.05.2016).

³ *What next for US-Cuba relations?* // BBC News. 2016. August 15. URL: <http://www.bbc.com/news/world-latin-america-37059700> (дата обращения: 12.11.2016).

в конце предвыборной гонки, он обрушился с резкой критикой на правительство Кубы и на политику Обамы по отношению к Острову, заявив, что действия администрации носили односторонний характер и лишь укрепили «режим Кастро»⁴. Трамп отметил, что все уступки, сделанные Обамой, легко сможет отменить следующий президент, и он сделает это, если кубинское правительство не освободит политических заключенных и не обяжется соблюдать политические и религиозные свободы⁵. Столь резкий поворот во многом был вызван необходимостью победить в ключевом штате Флорида, для чего Трампу требовалась поддержка влиятельных представителей кубинской диаспоры — сенатора М. Рубио и конгрессмена М. Диас-Баларта, являющихся идейными противниками Коммунистической партии Кубы.

В течение некоторого времени после избрания Трампа президентом оставалось неясным, какую политику он будет проводить по отношению к Гаване. С одной стороны, большое влияние на Трампа в кубинском вопросе оказывал сенатор Рубио; с другой стороны, сторонники нормализации, в частности американские компании, которые уже ведут бизнес с Кубой или заинтересованы в этом, также предпринимали серьезные лоббистские усилия. В итоге 16 июня 2017 г. Трамп выступил с речью, в которой объявил об отказе от политики администрации Б. Обамы, направленной на сближение с Кубой, и подписал меморандум об основах нового курса Вашингтона на кубинском направлении.

Анализ меморандума позволяет сделать вывод об ужесточении политики США по отношению к Кубе. Вместе с тем, несмотря на крайне агрессивную риторику, Трамп не отменил большую часть мер, принятых предыдущей администрацией. Между странами сохранились дипломатические отношения и прямое регулярное авиасообщение. Не были введены ограничения на поездки на Кубу кубинцев, проживающих в США, и на их денежные переводы родственникам. Все сделки американских компаний, заключенные до подписания меморандума, и программы поддержки кубинского частного сектора также остались в силе. Вместе с тем было объявлено о запрете на взаимодействие американских фирм с кубинскими военными, в частности с группой ГАЭСА, действующей при Министерстве обороны Кубы и объединяющей десятки организаций из различных отраслей эко-

⁴ *Trump shifts on Cuba, says he would reverse Obama's deal* // CNN. 2016. September 17. URL: <http://edition.cnn.com/2016/09/16/politics/donald-trump-cuba/> (дата обращения: 10.12.2016).

⁵ *Ibid.*

номики, и были приняты меры по ужесточению режима поездок американских граждан на Кубу⁶.

По сути, меморандум от 16 июня является компромиссом между сторонами жесткой линии и адептами нормализации отношений. Стратегически новый курс Трампа по отношению к Кубе означал заморозку процесса нормализации и создавал значительные препятствия для дальнейшего сближения, поскольку требования, выдвинутые президентом США в качестве условий для прогресса в двусторонних отношениях, касаются внутреннего устройства Кубы и не могут являться предметом переговоров.

К дальнейшему ухудшению отношений между Кубой и США привели так называемые «акустические атаки» против американских дипломатов в Гаване, проводившиеся, по некоторым данным, в период с конца 2016 г по август 2017 г.⁷ Несмотря на то что виновный в этих инцидентах по состоянию на октябрь 2017 г. не был найден, США приняли решение эвакуировать две трети персонала из своего посольства в Гаване и объявили о прекращении выдачи виз кубинцам на неопределенный срок⁸. Государственный департамент также рекомендовал своим гражданам воздержаться от поездок на Кубу⁹.

Следует отметить, что приостановка процесса нормализации отношений с США происходит в сложном для Кубы контексте. Кризис в Венесуэле и снижение объемов поставок венесуэльской нефти ударили по кубинской экономике и привели к падению ВВП в 2016 г. на 0,9 %¹⁰, а меры, принятые администрацией Трампа, приведут к сокращению притока американских инвестиций и числа американских граждан, посещающих Остров, что окажет дополнительное негативное влияние на экономику страны.

Как будут развиваться отношения между Вашингтоном и Гаваной в ближайшие годы? В целом в США существуют три основных подхода по вопросу о том, какую политику следует проводить на кубинском направлении. Первый, который условно можно обозначить как конфронтационный, предполагает оказание максимального давления на кубинские власти

⁶ *National Security Presidential Memorandum on Strengthening the Policy of the United States Toward Cuba* // The White House. 2017. June 16. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/06/16/national-security-presidential-memorandum-strengthening-policy-united> (дата обращения: 08.07.2017).

⁷ *Washington aumenta a 24 la cifra de las víctimas de los 'ataques acústicos'* // Diario de Cuba. 2017. Octubre 20. URL: http://www.diariodecuba.com/cuba/1508522985_34779.html (дата обращения: 22.10.2017).

⁸ *Senior State Department Officials on Cuba* // U.S. Department of State. 2017. September 29. URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/09/274518.htm> (дата обращения: 01.10.2017).

⁹ *Cuba Travel Warning* // U.S. Department of State. 2017. September 29. URL: <https://travel.state.gov/content/passports/en/alertswarnings/cuba-travel-warning.html> (дата обращения: 30.09.2017).

¹⁰ *Economía de Cuba se contrae 0,9 pct en 2016, arrastrada por crisis Venezuela* // Reuters. 2016. Diciembre 27. URL: <http://lta.reuters.com/article/businessNews/idLTAКBN14G1IY> (дата обращения: 28.02.2017).

всеми возможными средствами. Сторонники этой стратегии выступают против отмены эмбарго, поскольку считают, что снятие санкций усилит кубинский режим экономически и будет означать политическую победу Гаваны. Второй подход, разделяемый сторонниками полной нормализации отношений, напротив, предусматривает отмену торгово-экономического эмбарго, так как оно, с их точки зрения, наносит вред американским компаниям, лишая их доступа к кубинскому рынку. Адепты данного подхода выступают за выстраивание отношений с Кубой на основе тех же принципов, что и с другими коммунистическими режимами, в частности с Вьетнамом и Китаем, и полагают, что нормализация отношений приведет к усилению влияния США на Кубу, способствуя в конечном итоге демократизации страны. И, наконец, третий подход, компромиссный, сочетает отказ от некоторых санкций и начало диалога по отдельным проблемам двусторонних отношений¹¹.

В период президентства Обамы верх брали сторонники нормализации, однако в новой политической реальности они все больше утрачивают влияние на действующую администрацию. Так называемые «акустические атаки» против американских дипломатов и активные лоббистские действия идейных противников кубинского правительства во многом свели на нет усилия сторонников сближения. В этой связи с большой долей вероятности можно прогнозировать, что в ближайшие годы основные раздражители в американо-кубинских отношениях будут сохраняться. Торгово-экономическое эмбарго, отмена которого в период правления Обамы казалась близкой, продолжит действовать как минимум до истечения срока полномочий Д. Трампа. В этой ситуации заинтересованность американских компаний в кубинском рынке будет снижаться, учитывая большое количество юридических и других препятствий, возникающих в процессе инвестирования в экономику Кубы.

Очевидно, что в ближайшие годы не удастся достичь договоренности и по ключевому для двусторонних отношений вопросу о выплате компенсаций американским компаниям и гражданам, чья собственность была национализирована после революции 1959 г. В США ущерб от национализации оценивают в 1,9 млрд долл.; вместе с процентами общая сумма составляет около 8 млрд долл.¹² Гавана со своей стороны выдвигает встречные претензии, утверждая, что американское эмбарго нанесло ущерб экономи-

¹¹ Sullivan M. P., *Cuba: U. S. Policy and Issues for the 115th Congress* // Congressional research service. 2017. July 26. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44822.pdf>. P. 29–31(дата обращения: 01.09.2017).

¹² *U. S. and Cuba Take Steps to Expedite Claims Process* // The Wall Street Journal. 2016. July 29. URL: <https://www.wsj.com/articles/u-s-and-cuba-take-steps-to-expedite-claims-process-1469814705?mg=prod/accounts-wsj> (дата обращения: 22.11.2016).

ке Острова на сумму в 121 млрд долл.¹³ Переговоры, начавшиеся при Обаме, не привели к существенному прогрессу, а администрация Трампа пока не высказывает желания обсуждать этот вопрос.

Также в ближайшие годы сохранится запрет для американских граждан посещать Кубу с туристическими целями. Его существование вызвано тем, что противники кубинских властей хотят лишить их важнейшего источника доходов, поскольку в случае отмены ограничений на поездки с туристическими целями поток туристов на Остров резко возрастет, а это, в свою очередь, принесет значительные доходы кубинскому государству и может стать катализатором модернизации экономики страны. Ожидалось, что восстановление прямого авиасообщения приведет к активному лоббированию авиакомпаниями и туристическими фирмами законодательного разрешения американским гражданам посещать Кубу с туристическими целями, однако пока их действия не привели к успеху.

В ближайшей перспективе маловероятен прогресс в урегулировании вопроса о военно-морской базе США в провинции Гуантанамо, хотя в период президентства Обамы в американском военно-политическом истеблишменте шли активные дискуссии о будущем базы. Так, в начале 2016 г. глава Южного командования Вооруженных сил США Д. Келли отмечал, что база сохраняет стратегическое значение для США и ее закрытие было бы ошибкой, но при этом он говорил, что она могла бы использоваться совместно с кубинской стороной¹⁴. Келли сделал это заявление за два дня до ухода с поста командующего, что позволило ему быть более откровенным. Еще яснее высказался другой бывший командующий Южным командованием адмирал Дж. Ставридис, заявивший, что США в будущем почти неизбежно будут вынуждены вернуть базу кубинцам¹⁵. Впоследствии Д. Келли стал одним из ключевых деятелей администрации Трампа, однако в сложившейся политической обстановке он вряд ли будет способствовать решению этого вопроса.

Дальнейшее развитие отношений между Кубой и Соединенными Штатами во многом будет зависеть от внутривнутриполитических событий в этих странах, от того, какие политические силы придут к власти в Вашингто-

¹³ *In Talks Over Seized U. S. Property, Havana Counters With Own Claim* // The New York Times. 2015. December 13. URL: <https://www.nytimes.com/2015/12/14/world/americas/talks-begin-in-cuba-on-confiscated-us-property-worth-billions.html> (дата обращения: 17.02.2016).

¹⁴ *Cuba to attend security conference with U. S. for first time* // Miami Herald. 2016. January 12. URL: <http://www.miamiherald.com/news/nation-world/world/americas/article54305100.html> (дата обращения: 28.07.2016).

¹⁵ *Why the U. S. base at Cuba's Guantanamo Bay is probably doomed* // The Washington Post. 2015. May 15. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/05/15/why-the-u-s-base-at-cubas-guantanamo-bay-is-probably-doomed/> (дата обращения: 11.02.2016).

не и Гаване в ближайшие годы. В период правления Трампа и в условиях доминирования республиканцев в конгрессе маловероятно принятие мер, направленных на сближение с Кубой. Определенные подвижки могут произойти лишь после ближайших выборов в сенат и палату представителей в случае убедительной победы на них Демократической партии.

Что касается Кубы, то Р. Кастро неоднократно заявлял, что покинет пост главы Государственного совета (верховного органа власти в стране) в 2018 г., после чего возглавить государство должен первый вице-президент Госсовета М. Диас Канель, представляющий новое поколение партийных функционеров. Вместе с тем по итогам VII съезда Коммунистической партии Кубы (КПК) Рауль и его ближайший соратник Р. Мачадо Вентура останутся, если их не подведет здоровье, первым и вторым секретарями Компартии до 2021 г. Согласно статье 5 действующей Конституции, КПК является «высшей руководящей и направляющей силой общества и государства». Таким образом, полная передача власти новому поколению откладывается на пять лет, в течение которых «старая гвардия» будет присматривать за «молодыми» руководителями, однако и нынешнее кубинское руководство, и те, кто идет ему на смену, в целом выступают за нормализацию отношений с США. Это связано с тем, что Куба остро нуждается в иностранных инвесторах, прежде всего для восстановления инфраструктуры и получения доступа к современным технологиям.

Представляется, что большое значение для американо-кубинских отношений будет иметь и позиция кубинцев, проживающих в США. Как известно, до недавнего времени все попытки отменить санкции против Гаваны наталкивались на ожесточенное сопротивление влиятельных кубинских конгрессменов. Они последовательно выступали против отмены эмбарго и против политики Обамы, направленной на нормализацию отношений с Кубой, поскольку, по их мнению, кубинские власти систематически нарушают права человека, а отмена санкций лишь усилит режим Кастро¹⁶. Вместе с тем в последние годы происходит постепенное разрушение консенсуса среди верхушки кубинских эмигрантов во Флориде. Если раньше они представляли собой монолитный блок, отстаивавший жесткие меры по отношению к режиму Кастро, то в настоящее время целый ряд влиятельных кубино-американских магнатов и политиков (А. Фанхуль, К. Саладригас, К. Гутьерес и др.) высказываются за сближение с Кубой и отмену эмбарго.

¹⁶ См.: *As Human Rights Abuses in Cuba Are Rising, Some Lawmakers Wrongly Seek to Reward the Castro Regime by Advocating Lifting Restrictions, Says Ros-Lehtinen* // Ileana Ros-Lehtinen. 2013. March 21. URL: <http://ros-lehtinen.house.gov/press-release/human-rights-abuses-cuba-are-rising-some-lawmakers-wrongly-seek-reward-castro-regime> (дата обращения: 02.04.2016); Marco Rubio: I will absolutely roll back Obama Cuba policy // The Guardian. 2015. July 10. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/jul/10/marco-rubio-cuba-obama-policy-roll-back> (дата обращения: 14.05.2016).

Вместе с представителями американского бизнеса они в перспективе могут преодолеть сопротивление конгрессменов кубино-американцев и добиться отмены эмбарго. Дополнительные аргументы сторонники нормализации, вероятно, получают в 2018 г., когда на Кубе должна произойти смена главы государства.

Библиография

1. What next for US-Cuba relations? // BBC News. 2016. August 15. URL: <http://www.bbc.com/news/world-latin-america-37059700> (дата обращения: 12.11.2016).
2. Trump shifts on Cuba, says he would reverse Obama's deal // CNN. 2016. September 17. URL: <http://edition.cnn.com/2016/09/16/politics/donald-trump-cuba/> (дата обращения: 10.12.2016).
3. National Security Presidential Memorandum on Strengthening the Policy of the United States Toward Cuba // The White House. 2017. June 16. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/06/16/national-security-presidential-memorandum-strengthening-policy-united> (дата обращения: 08.07.2017).
4. Washington aumenta a 24 la cifra de las víctimas de los 'ataques acústicos' // Diario de Cuba. 2017. Octubre 20. URL: http://www.diariodecuba.com/cuba/1508522985_34779.html (дата обращения: 22.10.2017).
5. Senior State Department Officials on Cuba // U.S. Department of State. 2017. September 29. URL: <https://www.state.gov/r/prs/ps/2017/09/274518.htm> (дата обращения: 01.10.2017).
6. Cuba Travel Warning // U. S. Department of State. 2017. September 29. URL: <https://travel.state.gov/content/passports/en/alertswarnings/cuba-travel-warning.html> (дата обращения: 30.09.2017).
7. Economía de Cuba se contrae 0,9 pct en 2016, arrastrada por crisis Venezuela // Reuters. 2016. Diciembre 27. URL: <http://lta.reuters.com/article/businessNews/idLТАКВN14G1IY> (дата обращения: 28.02.2017).
8. Sullivan M. P. *Cuba: U. S. Policy and Issues for the 115th Congress* // Congressional research service. 2017. July 26. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44822.pdf>. P. 29–31 (дата обращения: 01.09.2017).
9. U. S. and Cuba Take Steps to Expedite Claims Process // The Wall Street Journal. 2016. July 29. URL: <https://www.wsj.com/articles/u-s-and-cuba-take-steps-to-expedite-claims-process-1469814705?mg=prod/accounts-wsj> (дата обращения: 22.11.2016).
10. In Talks Over Seized U.S. Property, Havana Counters With Own Claim // The New York Times. 2015. December 13. URL: <https://www.nytimes.com/2015/12/14/world/americas/talks-begin-in-cuba-on-confiscated-us-property-worth-billions.html> (дата обращения: 17.02.2016).
11. Cuba to attend security conference with U. S. for first time// Miami Herald. 2016. January 12. URL: <http://www.miamiherald.com/news/nation-world/world/americas/article54305100.html> (дата обращения: 28.07.2016).

12. Why the U. S. base at Cuba's Guantanamo Bay is probably doomed // The Washington Post. 2015. May 15. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/05/15/why-the-u-s-base-at-cubas-guantanamo-bay-is-probably-doomed/> (дата обращения: 11.02.2016).

13. As Human Rights Abuses in Cuba Are Rising, Some Lawmakers Wrongly Seek to Reward the Castro Regime by Advocating Lifting Restrictions, Says Ros-Lehtinen // Peana Ros-Lehtinen. 2013. March 21. URL: <http://ros-lehtinen.house.gov/press-release/human-rights-abuses-cuba-are-rising-some-lawmakers-wrongly-seek-reward-castro-regime> (дата обращения: 02.04.2016); Marco Rubio: I will absolutely roll back Obama Cuba policy // The Guardian. 2015. July 10. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/jul/10/marco-rubio-cuba-obama-policy-roll-back> (дата обращения: 14.05.2016).

Mexico Revolucionario. Redes Intellectuales Y Debates Políticos En America Latina

Revolutionary Mexico. Intellectual Networks And Political Debates In Latin America

Resumen. Este texto explora las lecturas realizadas desde América Latina al proceso revolucionario mexicano. Interesa mostrar el impacto de la labor de emisarios mexicanos, encargados de difundir el programa de una revolución triunfante, en espacios políticos e intelectuales de América de Sur. En especial, se presta atención al encuentro de la generación de la Reforma universitaria de Argentina y Perú con sus congéneres de México. Como resultado de este encuentro cristalizaron proyectos y organizaciones políticas articuladas a partir de una densa red de vínculos en torno a personalidades como los argentinos Alfredo Palacios y José Ingenieros, el mexicano José Vasconcelos, y el peruano Victor Raúl Haya. Entre otros, estos intelectuales renovaron ideas y formularon propuestas interesadas en construir sociedades más justas e igualitarias, y en ese panorama, la Revolución Mexicana jugó el papel de modelo ejemplar.

Palabras clave: la Revolución mexicana; la izquierda; México; movimiento; Reforma universitaria; anti-cosmopolitismo; intelectuales.

Abstract. The article presents some approaches to revolutionary Mexico made from the Río de la Plata and Peru in the twenties. It is interesting to highlight the way in which Mexico allowed us to cut down issues and problems that will define proposals and political practices of a heterogeneous segment of the South American left.

Keywords: la Revolución mexicana; la izquierda; México; movimiento; Reforma universitaria; anti-cosmopolitismo; intelectuales.

Desde su estallido y en una marcha no exenta de obstáculos, la Revolución Mexicana ocupó un lugar sobresaliente en espacios de la política y la cultura latinoamericana. Dar cuenta de este fenómeno obliga a considerar la convergencia de dos procesos. En primer lugar, un sostenido interés de los revolucionarios por propagandizar su gesta, tratando de construir un escudo defensivo frente a una política norteamericana empeñada en negar legitimidad a las acciones y propuestas revolucionarias. En atención a estos asuntos, fue diseñada una estrategia publicitaria que se esparció por la geografía continental, tratando de enderezar noticias e informaciones que mañosamente trasmitían las agencias de información y el propio gobierno norteamericano. Desde febrero de 1917, aquella estrategia tuvo su princi-

¹ El Colegio de México.

pal soporte en la nueva Constitución mexicana. Los derechos de los trabajadores, la reforma agraria, el nacionalismo en materia de riquezas naturales, la educación pública y el jacobino laicismo contenido en el texto constitucional permitieron que en una genérica izquierda latinoamericana decantaran imágenes de un México en pie de lucha contra injusticias seculares y agresiones extranjeras.

En segundo lugar, estas imágenes se instalaron en un ambiente latinoamericano particularmente sensible a propuestas como las mexicanas. En realidad, el espíritu regenerador de las ideas mexicanas terminó encontrándose con otras, gestadas a la sombra de un proceso signado por el ascenso e incorporación al campo de la lucha política de un sector de clases medias empeñado en impugnar el ordenamiento político vigente. Protagonista de este proceso fueron la juventud universitaria y toda una pléyade de intelectuales integrantes de la llamada *Generación de la Reforma*.

La Reforma universitaria con su fuerte componente juvenil, aparece como tributaria de una serie de procesos que permitieron definir sus principales contenidos: uno de ellos, el más decisivo quizás, fue el impacto de la Primera Guerra Mundial. Las elites intelectuales percibieron que con aquella guerra se cerraba un ciclo de la historia. El fracaso de un modelo civilizatorio fracturó el cosmopolitismo dominante para dar lugar a un resurgir de preocupaciones nacionales. Una Europa desbastada obligó a volver la mirada a América, y aquí, la Revolución Mexicana replanteó la necesidad de forjar una conciencia nacionalista, anticosmopolita, cargada de un espiritualismo defensivo de reconocibles huellas arielistas. En este sentido, frente a la crisis de paradigmas que puso al descubierto la guerra europea, la experiencia mexicana emergió como modelo de reconstrucción política y cultural. Todo ello, además, en un escenario internacional donde el triunfo de la Revolución Rusa desempeñaría un papel decisivo abriendo nuevos horizontes en la conciencia política de aquella Generación. Ante la incertidumbre, la destrucción y las injusticias del capitalismo, México primero y Rusia más tarde bosquejaron una esperanzadora utopía.²

En este marco general, presentaré algunas aproximaciones a México revolucionario realizadas desde el Río de la Plata y el Perú en los años veinte. Interesa destacar la manera en que México permitió recortar temas y problemas que defi-

² Patricia Funes, *Salvar la nación: Intelectuales, cultura y política en los años veinte latinoamericanos*, Buenos Aires, Ed. Prometeo, 2008; Martín Bergel, *El Oriente desplazado. Los intelectuales y los orígenes del tercermundismo en la Argentina*, Buenos Aires, Universidad Nacional de Quilmes, 2015, Laura Ehrlich, *et. al.* Dossier “El antiimperialismo, ese objeto múltiple. En torno a las derivas del antiimperialismo latinoamericano de los años ’20” en *Políticas de la Memoria*, N° 6/7, Buenos Aires, Cedinci, verano 2006/2007, 103-164; Fredrick B. Pike, *The United States and Latin America: myths and stereotypes of civilization*, Austin, University of Texas Press, 1992; Juan Carlos Portantiero, *Estudiantes y Política en América Latina. 1918-1938. El proceso de Reforma Universitaria*, México, Siglo XXI Eds. 1978; Oscar Terán, *En busca de la ideología argentina*, Buenos Aires, Ed. Catálogos, 1986.

nirán propuestas y prácticas políticas de un heterogéneo segmento de la izquierda sudamericana.

Desde el Río de la Plata

En el espacio rioplatense y desde 1916 el Partido Socialista fue el interlocutor por excelencia de los revolucionarios mexicanos.³ En buena medida esa relación es deudora de la labor del servicio exterior mexicano en Buenos Aires y sobre todo de figuras como Isidro Fabela, Amado Nervo, Antonio Mediz Bolio Enrique González, Martínez y Alfonso Reyes. Las tareas de propaganda de la gesta revolucionaria, muy tempranamente despertaron el interés en dos figuras centrales del socialismo rioplatense: José Ingenieros y Alfredo Palacios, referentes ineludibles del movimiento de Reforma Universitaria. El primero, médico psiquiatra, criminólogo, escritor y sociólogo, era una de las figuras más encumbradas del pensamiento latinoamericano de entonces. El segundo, abogado precursor de la legislación laboral argentina. Además, desde 1904, Palacios gozaba del prestigio de haber sido el primer socialista latinoamericano en obtener una curul en un parlamento nacional.⁴

Los escritos de Ingenieros no eran desconocidos en México, sobre todo sus reflexiones que en el campo de la sociología y la política contemporánea mostrando el convencimiento de las potencialidades transformadoras de Revolución Rusa. Esta Revolución inauguraba un proceso que entendía internacional, en tanto materialización de “una nueva conciencia moral” capaz de regenerar éticamente a las sociedades conforme a nuevos principios de justicia económica, política y educativa. El optimismo de Ingenieros en la experiencia soviética, condujo a que con igual intensidad criticara a los que la “repudiaban” como a aquellos que intentaban imitarla. El intelectual argentino afirmaba que “las aspiraciones revolucionarias serán necesariamente distintas en cada país, en cada región, en cada municipio, adaptándose a su ambiente físico, a sus fuentes de producción, a su nivel de cultura y aún a la particular psicología de sus habitantes”.⁵

Estas argumentaciones fueron conocidas en México, despertando simpatías en un núcleo de revolucionarios pertenecientes a la vertiente más radical del agrarismo. Estos revolucionarios habían iniciado un tránsito hacia un socialismo que, sin

³ Pablo Yankelevich, «El socialismo argentino y la Revolución Mexicana. Los resultados de una intercepción carrancista» en *Boletín del Instituto de Historia Argentina y Americana Dr. Emilio Ravignani*, N° 9, Buenos Aires. Facultad de Filosofía y Letras. Universidad de Buenos Aires, mayo 1994

⁴ Víctor O. García Costa, *Alfredo Palacios: entre el clavel y la espada: una biografía*, Buenos Aires, Planeta, 2007; Oscar Terán, *José Ingenieros. Antimperialismo y Nación*, México, Siglo XXI Eds., 1979.

⁵ José Ingenieros, “La significación histórica del movimiento maximalista” en *Los tiempos nuevos. Obras Completas*, Bs. As., Elmer Ed. 1957, 458.

adherir a la III Internacional, no disimuló simpatías por los que sucedía en la Rusia de los soviets.

En el Rio de la Plata, el interés por la causa mexicana mucho debió al proceso de transformación iniciado en Yucatán por Salvador Alvarado y que, poco después, cristalizó en el experimento socialista bajo el liderazgo de Felipe Carrillo Puerto. Justamente con este último, Ingenieros mantuvo un nutrido intercambio epistolar. Estas cartas entre un intelectual sin ninguna experiencia política, y un líder con una escasa formación teórica, dibujan el esfuerzo y el deseo de “autoctonizar” una experiencia revolucionaria que se desenvolvía coetáneamente a la rusa. Un compañero de Carrillo Puerto en la XXIX legislatura, el veracruzano Manlio Fabio Altamirano, editó en México un ensayo de Ingenieros sobre la significación de la Revolución Rusa, y en el prólogo a este texto apuntó:

No seremos nosotros, los visionarios de la causa popular, quienes pretendamos copiar ciega o servilmente los procedimientos de la Rusia de los soviets, quienes intentemos trasplantar el estado social de Rusia a la región mexicana [...]. Nosotros queremos estar preparados para servir en un momento dado a nuestro pueblo, teniendo en cuenta los nuevos ideales [...] pero sin olvidar, ni por un momento, los antecedentes históricos de nuestro país, la idiosincrasia de nuestro proletariado.⁶

En una carta fechada el 1º de junio de 1922 y dirigida a Carrillo Puerto, Ingenieros expresó: “el caso Yucatán me parece de un interés no sólo americano, sino mundial” en tanto que “están ustedes haciendo un experimento de política social tan interesante como el de Rusia y, aunque de menor escala, lleva la ventaja de no tener a su frente la coalición europea”. Dicho lo anterior, pasó a recomendar una serie de acciones tendentes a consolidar la gestión gubernativa. En primer término, “sería esencial que su gobierno pusiera en primera línea las reformas educacionales.” En atención a estas cuestiones subrayó la necesidad de compilar la nueva legislación revolucionaria que se publicaba en el *Diario Oficial*. Ello se justificaba en tanto conformación de “cuerpo de doctrina” capaz de imprimir nuevos rumbos a la enseñanza jurídica. También en aquella misiva expuso ideas de significativa importancia en la constitución de la izquierda argentina. Era necesario, escribió al gobernador de Yucatán, que desplegara sus influencias para convencer al presidente Obregón de que desplegara “una propaganda metódica e ilustrada” tendiente a “ir preparando una confederación de países latinoamericanos capaz de enfrentar “a los imperialismos europeo y yanqui, cuyo peligro para nuestra autonomía sería ingenuo ignorar”.⁷

⁶ Manlio Fabio Altamirano; “La Revolución Rusa como fuerza transformadora de la mentalidad humana” en *En pro de la cultura de México.* [Prólogo a la edición mexicana del ensayo de Ingenieros “La Revolución Rusa como transformadora de la mentalidad humana”], México, s.p.i., octubre de 1921.

⁷ “Del Doctor Ingenieros al líder Felipe Carrillo Puerto” en *El Popular*, Mérida, 17 de Julio de 1922.

La ejemplaridad de la experiencia mexicana alcanzó su momento cumbre cuando Jose Vasconcelos visitó Buenos Aires en 1922. En una sencilla reunión organizada por un grupo de intelectuales se rindió homenaje al proceso de transformación cultural y educativa que liderada Vasconcelos. El discurso, *Por la Unión Latinoamericana*, escrito por Ingenieros, resulta trascendental por lo menos en dos cuestiones. La primera, al hacer evidente el resultado de una campaña propagandística iniciada años antes, y que condujo a la constitución de la más significativa imagen que de la Revolución mexicana quedó instalada en la conciencia intelectual de América Latina:

Los escritores [...] aquí reunidos, saludamos [...] a todos los hombres de esa generación de mexicanos que ha emprendido la obra magna de regenerar las costumbres políticas; que ha emprendido la reforma educacional, [...] que ha emprendido la reforma social [...]. Estas hermosas iniciativas [...] hacen que hoy México merezca, además de nuestra simpatía, nuestro estudio. Convertido en vasto laboratorio social, los países de América Latina podremos aprovechar muchas de sus enseñanzas para nuestro propio desenvolvimiento futuro.⁸

La segunda cuestión se refiere al papel que en la Argentina de los veinte jugó aquella imagen de México, al permitir cohesionar un espacio político-intelectual de nítidos contornos antiimperialistas y latinoamericanistas. Tomar distancia de Europa condujo a un replanteamiento de la cuestión nacional, y cuando ello sucedió se advirtió la real dimensión del fenómeno imperialista y en consecuencia se pensó en una nueva fisonomía para América Latina. Es decir, en sectores de la izquierda forjada en la matriz internacionalista, México permitió articular propuestas interesadas en llevar adelante una verdadera “defensa nacional”, a partir de gestar una conciencia colectiva capaz de “resistir conjuntamente las coacciones de cualquier imperialismo extranjero”.⁹

Alfredo Palacios, estuvo en México en 1923 y aquí pudo acercar la utopía a la realidad. Desde la tribuna de la Cámara de Diputados pronunció un largo discurso haciendo evidentes que el programa revolucionario no era otro más que la Constitución de 1917:

[...] En esa hermosa Constitución habéis lanzado la proclamación de los grandes derechos de la plebe, [...] habéis dicho que era menester declarar el derecho a la huelga. En esta constitución habéis declarado que es indispensable repartir la tierra: hermoso programa de acción que nace no de los países europeos que llegaron a la cumbre de su evolución, sino de este país ignorado, apenas conocido [...]. Habéis dicho que era necesario nacionalizar el subsuelo que todavía en el sur de América, no quieren

⁸ José Ingenieros. “Por la Unión Latinoamericana” en *Revista de Filosofía*, Buenos Aires, N° VI, año VIII, 1922, 438, 440 y 441.

⁹ *Ibidem*, 447 y 448.

realizar entregando el petróleo al Coloso del Norte, sin tener en cuenta que hoy el conflicto internacional del mundo gira alrededor de la lucha entre dos grandes capitalismo, el capitalismo yanqui y el capitalismo inglés [...] ¹⁰

“El socialismo de los mexicanos es puramente mexicano sin vinculaciones internacionales”¹¹ sentenció Ingenieros después de visitar México en 1925. En realidad para Ingenieros y Palacios, México era la posibilidad de compaginar la utopía socialista con los verdaderos problemas nacionales y en este sentido, para los padres fundadores de aquello que más tarde se llamó la “nacionalización” de la izquierda, México fue colocado en el papel de vanguardia de propuestas y políticas renovadoras. “Grande es la responsabilidad social e histórica asumida por Uds., declaró Palacios a un periodista mexicano, al acometer tan decididamente la realización de ideales socialistas considerados utópicos por las viejas naciones europeas y aún por las democracias del Nuevo Mundo [...]. Es este el primer Estado que en plena paz, sin recurrir a dictaduras más o menos militares, apoyado por el asentimiento general, sin sujetarse a dogmatismos de ninguna especie, emprende reformas trascendentales de carácter social capaces de asegurar el bienestar de los humildes. [...] Por eso estimo que es grande la responsabilidad que Uds. afrontan, porque de su acción depende que se acelere o se retarde el triunfo de nuestros ideales en Sudamérica.”¹²

A la sombra del experimento mexicano, un núcleo de intelectuales argentinos, bajo la dirección de Ingenieros y Palacios conformaron una organización en las que cristalizó buena parte de estas inquietudes. El discurso que pronunció Ingenieros en el homenaje a Vasconcelos en 1922, sirvió de exposición de motivos para la constitución de la *Unión Latinoamericana* en 1925.¹³ Entre las bases programáticas de esta organización figuraron los siguientes temas: solidaridad política entre los pueblos latinoamericanos, condena del panamericanismo, solución arbitral de diferencias jurisdiccionales, oposición a toda política financiera atentatoria de soberanías nacionales, nacionalización de las fuentes de la riqueza, lucha contra la influencia de la iglesia en la vida pública, extensión de la educación gratuita, laica, obligatoria y defensa de las formas democráticas de ejercicio del poder.¹⁴ Si se cotejan estas bases con la propaganda de México en Sudamérica, resulta fácil inferir los puntos de con-

¹⁰ *El Universal*, México, 4 de marzo de 1923.

¹¹ “Regreso de Ingenieros” en *Revista de Filosofía*, Buenos Aires, vol. XXV, septiembre de 1925, 476.

¹² *Tierra*. Órgano de la Liga Central de Resistencia, Mérida, 30 de septiembre de 1923. 3.

¹³ “El acta de fundación de *La Unión Latinoamericana*, 1925” en Alfredo Palacios, *Nuestra América y el imperialismo yanqui.*, Madrid, s.e., 1930, 16 y 17.

¹⁴ Pablo Yankelevich, *Miradas Australes. Propaganda, cabildeo y proyección de la Revolución Mexicana en el Río de la Plata, 1910-1930*, México, SRE-INEHR, Alexandra Pita González, *La Unión Latino Americana y el Boletín Renovación: redes de intelectuales y revistas culturales en la década de 1920*, México, El Colegio de México-Universidad de Colima, 2009.

tacto y la ejemplaridad que asumió la Constitución de 1917 en una buena cantidad de debates, y entre ellos destacaron los vinculados a la política petrolera.

En efecto, durante la segunda mitad de esa década, tuvo lugar en Argentina una batalla política que se expresó en el Congreso Nacional cuando se discutieron diversos proyectos legislativos que atendieran a la propiedad y producción petrolera. Esos debates legislativos amplificaron un conflicto que envolvió intereses particulares, empresas extranjeras y autoridades nacionales y provinciales. Las discusiones giraban en torno al papel del Estado frente a una industria que además de su importancia estratégica, mostraba prometedores signos de expansión. Entre junio y septiembre de 1927, la Cámara de Diputados debatió un proyecto de ley petrolera, cuya versión final aprobada por mayoría, contemplaba la nacionalización de los yacimientos, el monopolio estatal de explotación y transporte, y la prohibición de exportar petróleo. Un año más tarde, y ya en la segunda presidencia Hipólito Yrigoyen un nuevo proyecto modificó el anterior para incluir la expropiación de las concesiones en manos privadas. Turnado al Senado para su tratamiento, la iniciativa de ley nunca fue debatida por concentrarse en esta instancia legislativa el mayor bloque opositor al gobierno yrigoyenista. El golpe militar encabezado por el Gral. Félix Uriburu en 1930, canceló esta experiencia nacionalista aunque sus aspectos medulares marcaron, desde entonces, la sinuosa política argentina en torno a la industria petrolera.¹⁵

Como no podía ser de otra forma, en las discusiones parlamentarias destacó el ejemplo de México. Al promediar 1927, Carlos Gracidas, agregado obrero en la embajada mexicana en Buenos Aires, apuntaba en un informe: “Sería difícil encontrar algún escrito, algún libro o escuchar alguna conferencia, que no mencione insistentemente el nombre de México en relación a las actividades mundiales de la Standard Oil y de la Royal Dutch.”¹⁶

En efecto, México fue una referencia obligada con independencia de las diferentes posturas que se ventilaban en la tribuna legislativa rioplatense. El argumento que generó mayor movilización fue la amenaza a la soberanía nacional que implicaba que empresas extranjeras tuvieran el dominio de las reservas de hidrocarburos. “El petróleo es la vida o la muerte de las naciones” sentenció el diputado de la Unión Cívica Radical Diego Luis Molinari,¹⁷ y bajo este clima el caso de México fue traído

¹⁵ Arturo Frondizi: *Petróleo y Política*, Buenos Aires, Ed. Raigal, 1954; Carl Solberg, *Petróleo y nacionalismo en Argentina*, Buenos Aires, EMECE, 1982; Carlos Mayo, Osvaldo R. Andino y Fernando García Molina, *La diplomacia del petróleo (1916-1930)*, Buenos Aires, CEAL, 1983; Fernando García Molina y Carlos Mayo, *El general Uriburu y el petróleo*, Buenos Aires, CEAL, 1985. Orietta Favaro y Marta B. Morinelli, *Petróleo, Estado y Nación*, Buenos Aires, CEAL, 1991; y Nicolás Gadano, *Historia del petróleo en la Argentina, 1907-1955: desde los inicios hasta la caída de Perón*, Buenos Aires, Edhasa, 2006.

¹⁶ *Archivo General de la Nación, Departamento del Trabajo*, exp. 8/130/316 A 927.

¹⁷ *Diario de Sesiones de la Cámara de Diputados (DSCD)*, Congreso Nacional, Buenos Aires, 4 de agosto de 1927, 435.

y llevado por legisladores de distintas bancadas. La Constitución de 1917 fue citada en forma permanente cuando las discusiones abordaban los fundamentos legales de la nacionalización de las reservas.¹⁸

El diputado santafesino Juan Fiorillo, arremetiendo contra la Standart Oil, “empresa que acostumbra a provocar, incitar, diseminar y mantener cuando sus intereses se lo indican, situaciones de anarquía y sumisión” exhortaba a recordar “todas las revoluciones que estallan en México” provocadas por el dominio del petróleo.¹⁹ “Ninguna nación ha sufrido más que México como consecuencia de las combinaciones político-mineras y sobre todo por las del petróleo, producidas por los capitales norteamericanos, llegando a ensangrentar con guerras civiles su territorio”, señaló el socialista Juan Carlos Raffo de la Retra.²⁰ Y si aquella fue la política que Estados Unidos siguió “en México -argumentó el radical Daniel y Amadeo y Vedia— no tenemos porque pensar que no lo intente con nosotros”.²¹ En sus intervenciones parlamentarias, fueron los socialistas quienes hicieron alarde de su conocimiento de la situación mexicana. Esta bancada revisó antecedentes jurídicos y detalles de la complicada relación entre las administraciones de Carranza, Obregón y Calles con petroleros y el gobierno norteamericano. Los diputados Enrique Dickman, Nicolás Repetto y José Castellanos dedicaron a México largos espacios en sus alocuciones, el diputado Castellanos explicó las razones:

He dedicado a México y a su problema petrolífero [...] la parte más larga de mi exposición, por motivos que son de todos conocidos. Nos une con los hombres que dirigen los destinos de aquel pueblo un vínculo ideal, somos servidores del mismo propósito de elevación mental, moral y material del proletariado, y seguimos como anheloso interés el grave experimento que ellos realizan.²²

¹⁸ Entre otros, véase el discurso del Ministro de Agricultura Emilio Mihura, del 29 de julio de 1927 en *DSCD* p. 1.164; y del diputado radical Raimundo Meabe en *DSCD*, 3 de agosto de 1926. 416.

¹⁹ *DSCD*, 24 de junio de 1927, 67.

²⁰ *DSCD* 28 de julio de 1927, 242.

²¹ *DSCD*, 5 de agosto de 1927, 491.

²² *DSCD*, 28 de julio de 1927 280. Radicales y socialistas convenían en la nacionalización de las reservas de petróleo, no así en crear un monopolio estatal para su explotación, asunto al que los socialistas se oponían defendiendo el papel de la iniciativa privada como promotora del desarrollo. Citando el caso mexicano los socialistas apoyaron su postura. Enrique Dickman en una argumentó: «Saben los señores diputados que en México el petróleo ha desempeñado un papel importante en los últimos acontecimientos de aquel país [...] Pero allí no se ha pretendido establecer el monopolio del Estado. Hombres capaces e inteligentes, hombres que no adoptan posturas demagógicas [...] hombres como el presidente Calles, [...] jamás han propuesto el monopolio del Estado, porque ello hubiera sido arruinar la gran industria petrolera mexicana. Tengo en mis manos la ley reglamentaria del artículo constitucional que nacionalizó el petróleo en México, para que los señores diputados perciban que nacionalizar no quiere decir monopolio [...]. En México se nacionalizaron las minas, pero no las explota el Estado [...] en ninguna parte del mundo el Estado es industrial del petróleo. Sostengo que para el interés argentino, el monopolio sería un desastre. Tendríamos menos

En aquella coyuntura argentina, la emergencia de posturas nacionalistas en el campo de la política y la economía mostró su máximo despliegue, fue entonces cuando el embajador Alfonso Reyes apuntó en un informe a su cancillería: “En todo momento nuestro caso se establece como ejemplo político y jurídico”.²³

En tanto que Alfredo Palacios, presidente de la *Unión Latinoamericana*, en un documento dirigido a la Cámara de Diputados de Argentina, en apoyo al proyecto de nacionalización, invocaba el ejemplo mexicano: “Los gobernantes del México nuevo que señala el rumbo a Latinoamérica, han sabido demostrar con su entereza que los vilipendiados “extremistas” son capaces de realizar la más compresiva y eficaz acción nacionalista.”²⁴

En Argentina, aquella batalla en defensa del petróleo tuvo una figura de primera magnitud: el general Enrique Mosconi. Este hombre, que entre 1923 y 1930 estuvo al frente de la empresa estatal Yacimientos Petrolíferos Fiscales (YPF), se reveló como un incansable defensor de las riquezas en hidrocarburos, pero además fue un entusiasta pionero en la administración de una empresa de propiedad estatal. Con el apoyo del gobierno de Marcelo T. de Alvear (1924-1928), Mosconi había logrado encauzar a YPF dándole un fuerte impulso a fin de garantizar el autoabastecimiento, de vital interés estratégico para las Fuerzas Armadas, pero también para el desarrollo industrial del país.

La originalidad de sus planteamientos no residía tanto en la enconada lucha que encabezó en favor de una legislación que nacionalizara los recursos, sino y sobre todo, su convicción de que una empresa controlada nacionalmente fuera capaz de competir con los consorcios extranjeros en las actividades de exploración y producción y comercialización del petróleo. Los resultados que alcanzó YPF bajo su dirección, servían para corroborar la justeza su propuesta y en tal sentido su figura no tardó en trascender las fronteras, convirtiéndose YPF en un modelo de organización empresarial de donde extrajeron enseñanzas otras naciones del continente.²⁵

México no fue la excepción, la creación de Petromex en 1934, en alguna medida fue alentada por la experiencia que Mosconi capitaneó, y que tuvo oportunidad de explicar cuando visitó México a finales de enero de 1928. Como todo viajero con convicciones nacionalistas, sus primeras declaraciones fueron para celebrar las

petróleo y el petróleo sería más caro, tendríamos la corrupción política llevada a su último extremo [...]» (DSCD, 6 de agosto de 1927 pp.1.561).

²³ *Archivo Histórico Diplomático de la Secretaría de Relaciones Exteriores*. Fondo Embajada en Argentina, 1927-1931, leg. 33, exp. 14, folio. 36.

²⁴ DSCD 28 de julio de 1927, 210.

²⁵ Enrique Moscón; *La batalla del petróleo: YPF y las empresas extranjeras*, Buenos Aires, Ed. Problemas Nacionales, 1957.

coincidencias de una legislación que en ambos países colocaba las reservas petrolíferas en manos del Estado.²⁶

El militar argentino dejó amplio testimonio de su identificación con el esfuerzo mexicano por dar cumplimiento al mandato constitucional en materia petrolera. No escondió su admiración por Calles, reforzada después de la entrevista que sostuvo con el mandatario mexicano: “Ojalá general, me dijo, México no hubiera tenido petróleo [...]. Recordaré siempre esas palabras del presidente Calles, y las recordaré como ciudadano argentino que desea que su patria no sufra los males de México, por el único pecado de ser un país aspira a una lógica situación de pueblo libre”.²⁷

Calles no podía dejar de congratularse por los avances en la legislación rioplatense, expresando su opinión de que “Argentina se encontraba en buen momento para legislar, sirviendo de ejemplo la dolorosa experiencia que México presentaba, para que oportunamente evitaran tantos tropiezos y la formación de un estado de cosas, después imposible de retrotraer”.²⁸ A Mosconi, conecedor de las tensiones en la relación entre petroleros norteamericanos y el gobierno de Calles, no escaparon las modificaciones recientes en la legislación petrolera mexicana.²⁹ Sin embargo, quizás por haber experimentado él mismo el embate de las presiones, no pudo menos que justificar el cambio de rumbo en la política mexicana, apuntando al respecto:

Durante el gobierno del general Calles entró a regir la Constitución del año 1917, cuyo artículo 27 es el código más completo y que más ampliamente haya defendido los intereses petroleros del país. De ahí las dificultades con que tropezó el gobierno del pueblo hermano [...] Se plantearon entonces problemas más graves, si cabe, que los que se trataba de resolver, a los que el presidente Calles procuró dar solución, y si no lo consiguió en la forma amplia de sus deseos de gobernante, los puso en camino a ella, y ya se está logrando, gracias al empeñoso patriotismo de los hombres que dirigen allí estas cuestiones.³⁰

De esta forma, mientras en México se transitaba hacia una política que privilegió el entendimiento con Estados Unidos a costa de sacrificar posiciones nacionalistas, cuya defensa había tensado una relación de vecindad hasta ponerla al borde de amenazas intervencionistas; en Argentina, esa historia de amenazas e intervenciones otorgaba sustento a un proyecto de ley discutido y sancionado en un ambiente de marcados tintes antinorteamericanos. La visita de Mosconi a México reforzó sus

²⁶ *Excelsior*, México, 27 de enero de 1928.

²⁷ Enrique Mosconi, *Op. Cit.*, 175-176.

²⁸ *Archivo del Ministerio de Relaciones Exteriores de Argentina*, Sección Consular, caja 2.657, leg. 26, 5 de febrero de 1928.

²⁹ Lorenzo Meyer, *México y los Estados Unidos en el conflicto petrolero. 1917-1942*, México, El Colegio de México, 1972.

³⁰ Enrique Mosconi, *Op. Cit.*, pp. 174 y 175.

convicciones, y de ello dejó constancia en un largo artículo publicado días después de su regreso:

El problema del petróleo en México, representa un conjunto valioso e irremplazable de antecedentes que deben servirnos para resolver en oportunidad [...] el problema petrolífero argentino [...]. La Revolución mexicana lucha por depurar la atmósfera de delito que en el antiguo régimen gubernamental rodeara al petróleo. Entre los hombres representativos, lo mismo que entre las clases populares, se conserva clara la memoria del pillaje, de las coacciones, secuestros, robos y asesinatos que durante años se cometieron en torno al codiciado mineral, pero los hombres que actualmente dirigen los destinos de México tienen vigor y energía para sacar a la Nación de ese marasmo, restableciendo un ambiente moral que no se habría subvertido nunca si leyes previsoras hubieran mantenido el control de los yacimientos en manos del poder central.³¹

Desde los Andes

A diferencia del caso rioplatense, en Perú la reflexión sobre Revolución Mexicana fue realizada a partir de la práctica política de un núcleo de jóvenes intelectuales que, desde su condición de líderes universitarios, consiguieron articular un movimiento político con aspiraciones continentales, el APRA, que a la postre ya inserto en la realidad peruana, marcó el rumbo de la política en aquella nación. En tal sentido, México se significa como un lugar de referencia en la reflexión teórica, pero también como un escenario donde se desarrolló parte del accionar político.³²

México fue sometido a una heterodoxa mirada crítica que abrió polémicas en el campo de la izquierda internacional. La Revolución de 1910 sirvió para contrastar diagnósticos elaborados en los cenáculos de la III Internacional Comunista en un esfuerzo por diseñar estrategias políticas formuladas en clave continental.

La represión y el autoritarismo bajo la segunda presidencia de Augusto Leguía (1919-1930), convirtió a México en bandera de las fuerzas opositoras. No es de sorprender entonces que cuando en octubre de 1923, el líder de la Federación de Estudiantes Universitarios de Perú, Víctor Raúl Haya de la Torre, fue apresado y posteriormente desterrado a Panamá, Vasconcelos hiciera gestiones para su traslado a México,³³ y una vez en este país le extendió una oferta de empleo. “Voy a México

³¹ *La Prensa*, Buenos Aires, 19 de marzo de 1928.

³² Ricardo Melgar Bao, *Redes e imaginario del exilio en México y América Latina. 1934-1940*, Buenos Aires, Libros en Red, 2003.

³³ *Archivo General de la Nación, Grupo Documental Álvaro Obregón y Plutarco Elías Calles*, exp. 121-E-P—18, f. 2945.

-escribió desde Panamá— invitado por los estudiantes, por el maestro Vasconcelos y por todo lo que hay de libre y de revolucionario en esa gran tierra de libertad”.³⁴

En efecto, Haya de la Torre pudo confrontar las ideas e imágenes que tenía de México con una realidad que parecía transformarse por obra de un gobierno que decía encarnar los reclamos populares. Y es que, para aquel peruano perseguido, los discursos y las obras del presidente Obregón y el candidato Calles confirmaban su arribo a un paraíso revolucionario. “Los agraristas son la mejor gente de México” le había dicho Vasconcelos, y el dirigente universitario pudo comprobarlo cuando asistió a un homenaje al caudillo sureño: “Zapata— aunque parezca insólito afirmarlo— es una de las más altas figuras de la Revolución Mexicana, y a la vez una de las menos conocidas en el exterior. Es el adelantado del socialismo, o hablando con más precisión, del comunismo agrario mexicano”.³⁵

La valorización del pasado y el presente indígena, eran propuestas que ya rondaban en la mente de los estudiantes peruanos. Se pensaba rescatar al indígena y convertirlo en un sujeto de la transformación revolucionaria, en tanto portador de prácticas culturales y económicas que facilitarían la construcción de un nuevo orden. Haya de la Torre fue testigo de la apropiación que el régimen mexicano hizo del zapatismo, y en tal sentido este hecho no hacía más que confirmar la validez de aquellas propuestas que hasta entonces no eran más que intuiciones:

A la hora de los discursos, Calles declara que él será el continuador de la obra revolucionaria de Zapata. ‘La tierra para el campesino’, dice Calles, antiguo maestro de escuela, general de la Revolución [...]. Su palabra va encendida de incitaciones. ‘No aceptaré intrigas del capital nacional o extranjero’, exclama. Y una tempestad de aplausos le saluda. Luego habla Soto y Gama, el orador de más fama en México. Recuerda a Rusia y dice que América Latina tiene un proletariado que espera de México la cruzada que lo redima. Los campesinos son los autores de la Revolución y deben seguir hasta cumplirla. Hay vítores a Rusia y a la América proletaria³⁶

Además, la Revolución tenía lugar en la frontera con un vecino que pocas simpatías despertaba en el resto del continente. Las luchas mexicanas en defensa de la soberanía nacional servían de ejemplo para resistir los embates del “imperialismo yanqui, máquina siniestra del capitalismo opresor que avanza tentacularmente sobre nosotros”³⁷

En mayo de 1924, ante un grupo de estudiantes mexicanos reunidos en la Escuela Nacional Preparatoria, Haya de la Torre hizo público los puntos programá-

³⁴ “Declaración después del destierro” en *Renovación*, Buenos Aires, diciembre de 1923.

³⁵ Víctor Raúl Haya de la Torre, “Emiliano Zapata, apóstol y mártir del agrarismo mexicano” en *Obras Completas*, Lima, Librería-Editorial Juan Mejía Baca, vol. 1, 1977, 35.

³⁶ *Ibidem*, pp. 37.

³⁷ Víctor Raúl Haya de la Torre, “A los estudiantes y obreros de Panamá”, en *Ibidem*, 41.

ticos de una nueva organización: El APRA. “No sólo queremos a nuestra América unida sino a nuestra América justa. Sabemos bien que nuestro destino como raza y como grupo social, no puede fraccionarse: formamos un gran pueblo, significamos un gran problema, construimos una vasta esperanza.”³⁸ No fue fortuito que los cinco puntos programáticos del APRA: acción contra el imperialismo yanqui, unidad política de América Latina, nacionalización progresiva de tierras e industrias, internacionalización del canal de Panamá y solidaridad de todos los pueblos y clases oprimidas, fuesen lanzados desde México, en donde parecía existir un gobierno dispuesto a asumir los objetivos trazados por Haya de la Torre.

Sin embargo, hacia el final de los años veinte, banderas de corte antimperialistas, antilatfundistas y antioligárquicas en tanto repertorio de temas que compartían distintas vertientes de la izquierda latinoamericana comenzó a mostrar signos de agotamiento. En buena medida la ortodoxia de la III Internacional bloqueó la reflexión teórica; la dureza de un marxismo de cuño centroeuropeo que, en sucesivos congresos terminó condenando a Latinoamérica a la agenda de la “cuestión colonial”, fracturó y sectarizó el pensamiento de lo que hasta entonces emergía como la fracción más avanzada de la intelectualidad pequeño burguesa en América Latina. En ese panorama, destacaron voces heterodoxas como la de Haya de la Torre, en un esfuerzo por pensar la revolución en clave nacional, es decir, abrir paso a las particularidades de sus pueblos de este continente en el diseño de los programas y las estrategias revolucionarias.³⁹

La ruptura de Haya de la Torre con la Comintern, a partir de la conocida polémica en Bruselas con José Antonio Mella en 1927, define teóricamente al APRA y marca su rumbo inmediato.⁴⁰ Contra la ortodoxia comunista, Haya de la Torre sintetizó un plan de acción tendiente a la consecución de un socialismo de corte hispanoamericano. Sus observaciones fundadas en la escasa densidad histórica del capitalismo en el subcontinente, cuyos orígenes reconoce en la penetración imperialista, lo llevaron a invertir la fórmula leninista al sostener que el capital imperialista en América Latina se significaba como el estadio inicial del desarrollo capitalista. En sentido contrario del diagnóstico de la III Internacional, el tránsito al socialismo se percibía como una tarea de largo plazo, a consecuencia de la debilidad o ausencia de una moderna clase trabajadora que pudiera conducir el proceso revolucionario. Sobre esta base, Haya de la Torre alentó la constitución de frente único de trabaja-

³⁸ Víctor Raúl Haya de la Torre, “¿Qué es el APRA” en *Por la Emancipación de América Latina*, Santiago de Chile, Ed. Ercilla, 1927, 8.

³⁹ José Aricó, *Marx y América Latina*, México, Ed. Alianza, 1980; y *Las hipótesis de Justo, Escritos sobre el socialismo en América Latina*, Buenos Aires, Ed. Sudamericana, 1999.

⁴⁰ Julio Antonio Mella, *¿Qué es el APRA?: La lucha revolucionaria contra el imperialismo, el primer documento político sobre el aprismo, México, s.p.i., 1928*; Christine Hatzky, *Julio Antonio Mella. Una Biografía*, Santiago de Cuba, Editorial Oriente, 2008.

dores manuales e intelectuales capaz de conducir la lucha contra el imperialismo; y como parte de esa lucha planteó su tesis de la necesaria la construcción de un “estado antimperialista” como peldaño preparatorio al socialismo continental.

El líder peruano tenía en su horizonte las experiencias revolucionarias de Rusia, China y México. Con los teóricos bolcheviques confrontó ideas y conceptos en torno al significado y validez de las tesis marxistas en general y en particular sobre la Nueva Política Económica en la Rusia leninista; del caso chino y de la empresa anticolonial del Kuomintang rescató la estrategia frentista; pero lo que realmente guió su propuesta fue el principio de una acción autónoma de los pueblos latinoamericanos en la lucha contra el imperialismo, y es aquí donde la apelación a México cobró una dimensión cualitativamente distinta: “Ninguna experiencia histórica, en verdad, más cercana y más aprovechable para los indoamericanos, que las que nos ofrece México. En mi concepto, la Revolución Mexicana es *Nuestra Revolución*, es nuestro más fecundo campo de ensayo renovador.”⁴¹

Se trataba de consolidar un cuerpo doctrinal que hiciera posible adaptar las propuestas del marxismo europeo a la experiencia latinoamericana, y como parte de ella, México señalaba el límite entre lo posible y de lo deseable. Quizá por esto, en 1928 Haya de la Torre apuntaba que la gesta mexicana por “sus aciertos y sus errores, principalmente porque sus errores aportan un fecundo acervo de enseñanzas trascendentes que conviene recoger y analizar con método científico y con nítido y firme sentido de nuestra realidad.”⁴²

¿Cuáles eran las enseñanzas mexicanas que servían para validar el programa aprista? En primer lugar, la necesaria dimensión continental de la lucha antimperialista. Enfrentar al imperialismo era parte de una estrategia que incluía nacionalizar la riqueza y desfeudalizar la sociedad para poner en marcha un dispositivo que defendiera la soberanía nacional e implantara la justicia social. Hacer frente al imperialismo no podía ser obra de naciones aisladas:

[...] No hay que olvidar que México en su lucha revolucionaria por su independencia económica fue hasta donde pudo ir solo. Ningún país aislado de Indoamérica podría haber ido más lejos. Esa es la primera lección que nos ofrece la Revolución mexicana. Sus limitaciones y sus derrotas son características de un pueblo que lucha aisladamente por liberarse del imperialismo y de sus aliados internos, bajo la presión del poder formidable y próximo de su gran enemigo.⁴³

En la consecución de estos objetivos, Haya de la Torre propuso la formación de un amplio frente interclasista, en el entendido de que la lucha antimperialista

⁴¹ Víctor Raúl Haya de la Torre, *El antimperialismo y el APRA*, Santiago de Chile, Ed. Ercilla, 1936, pp. 82. *Cursivas en el original.*

⁴² *Ibidem*, 87.

⁴³ *Ibidem*, 83-84

era también y al mismo tiempo una lucha nacional, de suerte que en esa etapa, los trabajadores del campo y la ciudad y los sectores medios, podían suscribir alianzas temporales, “convenios transitorios” los llama Haya de la Torre, con burguesías nacionales amenazadas por el imperialismo.

La “inmadurez” de capitalismo latinoamericano obligaba a pensar en una estrategia revolucionaria distinta a la rusa. Allí, señalaba Haya de la Torre, la transición al socialismo se verificaba a través de un “capitalismo de Estado” cuya manifestación política era una dictadura proletaria derivada del peso específico que había alcanzado la clase obrera rusa. Para América Latina y con base en “la gran experiencia histórica de la Revolución Mexicana”, Haya de la Torre sostendrá la tesis de un “Estado antimperialista.”⁴⁴ Sucedió que los puntos de partida eran distintos, mientras que para “nosotros” la cuestión primaria era la emancipación del imperialismo, para Rusia lo era la dictadura del proletariado. “Nosotros vamos a conseguir la emancipación nacional como primer paso de nuestra transformación social que deberá comenzar y afirmarse en la desfeudalización de nuestros países.”⁴⁵ En este proceso, después de la toma del poder, la construcción de un Estado fuerte devenía en necesidad ineludible, solo desde allí se podría reestructurar la producción y la circulación de bienes con base en un programa de nacionalizaciones que permitiera echar a andar un amplio sistema cooperativo. En la conducción de este proceso Haya de la Torre ubicaba al APRA, organización que garantizaría la hegemonía obrera y campesina; y en este punto

También la Revolución Mexicana nos ofrece experiencia valiosa. La falta de una organización científica y económica del Estado, la falta de una estructura integral del aparato político revolucionario, consecuencia del carácter instintivo e improgramado del movimiento, ha producido la preponderancia de la clase media en el México post-revolucionario. Ideológica, política y económicamente la Revolución Mexicana, en la práctica no ha utilizado a las clases medias, sino que éstas han utilizado en gran parte la revolución. [...] La experiencia de México en este caso nos está señalando por negación, que en la organización estricta y científica del Estado antimperialista, queda prevista cualquier desviación posible de las clases medias fuera de su interesante y circunscrito rol.”⁴⁶

Destruir las bases de la feudalidad terrateniente y poner límites al poder imperialista, controlando y decidiendo las características de la inversión extranjera, constituía la razón de ser de la nueva estatidad. México marcaba el rumbo de nueva cuenta, pero esta experiencia se hallaba limitada por la ausencia una dirección polí-

⁴⁴ *Ibidem*, 145.

⁴⁵ *Ibidem*, 147-149.

⁴⁶ *Ibidem*, 153-154.

tica partidaria capaz de corregir la orientación pequeño burguesa que había asumido el proceso.

Ante este panorama, y en su búsqueda de una vía autóctona al socialismo, las apelaciones permanentes a México permitían a Haya de la Torre ubicar sus propuestas en las coordenadas de la realidad latinoamericana. “La Revolución Mexicana representa la primera etapa de la lucha antimperialista”, y así como en el caso del zapatismo encontró terreno idóneo para plantear sus tesis de las potencialidades antifeudales del “comunismo primitivo”, hizo lo mismo en el caso peruano, donde en la tradición colectivista de los trabajadores indígenas creyó hallar las condiciones históricas favorables para cumplir la segunda etapa.⁴⁷

México fue entonces un referente de insoslayable presencia en las izquierdas de América Latina. En 1922 José Ingenieros exhortó a la intelectualidad latinoamericana a dirigir la mirada hacia un país, que por obra de una revolución se había convertido en un “vasto laboratorio social” de donde era posible extraer “muchas de sus enseñanzas para nuestro propio desenvolvimiento futuro”⁴⁸ Además, para los propios mexicanos su revolución no dejaba de ser un laboratorio donde ensayaron políticas tendientes a la construcción de un orden social que privilegiara los intereses populares. El movimiento que estalló en 1910 y que se prolongó por casi una década, no estuvo liderado por una vanguardia política que diera soporte a planes, programas y proclamas. Se trató de un auténtico levantamiento popular en busca de una vida mejor sin que se supiera exactamente en qué consistía ni con qué medios alcanzarla. En realidad, la Revolución Mexicana fue pensada durante los años veinte por un sector de intelectuales mexicanos que salió al encuentro de propuestas teóricas y doctrinales en muchos casos compartidas por los miembros de la Generación de la Reforma en América Latina.

México sirvió de ejemplo para una práctica política que reivindicaba un programa socialista cuya realización dependía de las peculiaridades del desarrollo histórico de las naciones latinoamericanas. En este sentido, las reflexiones de latinoamericanos en torno a México, exhiben un esfuerzo por definir parámetros de autoctonía en la construcción de una estrategia revolucionaria, circunstancia que debe ubicarse en un panorama dominado por la ortodoxia de la III Internacional Comunista, y en donde la “ejemplaridad” de México dotaba de mayor visibilidad a los problemas derivados de la “cuestión nacional” en el espacio continental. Una variedad de temas se ventiló a la luz de la experiencia mexicana, entre otros, la naturaleza de un nuevo Estado atento a salvaguardar el interés nacional y a promover los derechos sociales de obreros y campesinos. En este sentido, durante los veinte Mé-

⁴⁷ Ricardo Melgar Bao “Las lecturas andinas de la Revolución Mexicana” en *Cuicuilco*, México, ENAH, N° 31/32, julio diciembre, 1992, 34-46.

⁴⁸ José Ingenieros. “Por la Unión Latinoamericana” en *Revista de Filosofía*, Buenos Aires, N° VI, Año VIII. 1922. 441.

xico hizo las veces de espejo que devolvió imágenes donde podían reconocerse tanto los problemas como las utopías de transformación pensados a escala continental.

Bibliografía

1. “Declaración después del destierro” en *Renovación*, Buenos Aires, diciembre de 1923.
2. “Del Doctor Ingenieros al líder Felipe Carrillo Puerto” en *El Popular*, Mérida, 17 de Julio de 1922.
3. “El acta de fundación de *La Unión Latinoamericana*, 1925” en Alfredo Palacios, *Nuestra América y el imperialismo yanqui.*, Madrid, s.e., 1930, pp.16 y 17.
4. “Regreso de Ingenieros” en *Revista de Filosofía*, Buenos Aires, vol. XXV, septiembre de 1925, pp. 476.
5. *Archivo del Ministerio de Relaciones Exteriores de Argentina*, Sección Consular, caja 2.657, leg. 26, 5 de febrero de 1928.
6. *Archivo General de la Nación, Departamento del Trabajo*, exp. 8/130/316 A 927.
7. *Archivo General de la Nación, Grupo Documental Álvaro Obregón y Plutarco Elías Calles*, exp. 121-E-P— 18, f. 2945.
8. *Archivo Histórico Diplomático de la Secretaría de Relaciones Exteriores*. Fondo Embajada en Argentina, 1927-1931, leg. 33, exp. 14, folio. 36.
9. Arturo Frondizi: *Petróleo y Política*, Buenos Aires, Ed. Raigal. 1954;
10. Carl Solberg, *Petróleo y nacionalismo en Argentina*, Buenos Aires, EMECE, 1982;
11. Carlos Mayo, Osvaldo R. Andino y Fernando García Molina, *La diplomacia del petróleo (1916-1930)*, Buenos Aires, CEAL, 1983;
12. Christine Hatzky, *Julio Antonio Mella. Una Biografía*, Santiago de Cuba, Editorial Oriente, 2008.
13. *Diario de Sesiones de la Cámara de Diputados (DSCD)*, Congreso Nacional, Buenos Aires, 4 de agosto de 1927, p. 435.
14. *DSCD* 28 de julio de 1927 pp.210.
15. *DSCD* 28 de julio de 1927, pp.242.
16. *DSCD*, 24 de junio de 1927, pp.67.
17. *DSCD*, 28 de julio de 1927 pp. 280.
18. *DSCD*, 5 de agosto de 1927, pp.491.
19. *DSCD*, 6 de agosto de 1927 pp.1.561.
20. *El Universal*, México, 4 de marzo de 1923.
21. Enrique Moscón; *La batalla del petróleo: YPF y las empresas extranjeras*, Buenos Aires, Ed. Problemas Nacionales, 1957.
22. *DSCD*, 3 de agosto de 1926. p. 416.
23. *Excelsior*, México, 27 de enero de 1928.
24. Fernando García Molina y Carlos Mayo, *El general Uriburu y el petróleo*, Buenos Aires, CEAL, 1985.
25. Fredrick B. Pike, *The United States and Latin America: myths and stereotypes of civilization*, Austin, University of Texas Press, 1992;

26. José Aricó, *Marx y América Latina*, México, Ed. Alianza, 1980; y *Las hipótesis de Justo, Escritos sobre el socialismo en América Latina*, Buenos Aires, Ed. Sudamericana, 1999.
27. José Ingenieros, “La significación histórica del movimiento maximalista” en *Los tiempos nuevos. Obras Completas*, Bs. As., Elmer Ed. 1957, pp. 458.
28. José Ingenieros. “Por la Unión Latinoamericana” en *Revista de Filosofía*, Buenos Aires, N° VI, año VIII, 1922, pp.438, 440 y 441.
29. Juan Carlos Portantiero, *Estudiantes y Política en América Latina. 1918-1938. El proceso de Reforma Universitaria*, México, Siglo XXI Eds. 1978;
30. Julio Antonio Mella, *¿Qué es el ARPA? : La lucha revolucionaria contra el imperialismo, el primer documento político sobre el aprismo*, México, s.p.i., 1928;
31. *La Prensa*, Buenos Aires, 19 de marzo de 1928.
32. Laura Ehrlich, et. al. Dossier “El antiimperialismo, ese objeto múltiple. En torno a las derivas del antiimperialismo latinoamericano de los años ‘20” en *Políticas de la Memoria*, N° 6/7, Buenos Aires, Cedinci, verano 2006/2007, pp. 103-164;
33. Lorenzo Meyer, *México y los Estados Unidos en el conflicto petrolero.1917-1942*, México, El Colegio de México, 1972.
34. Manlio Fabio Altamirano; “La Revolución Rusa como fuerza transformadora de la mentalidad humana” en *En pro de la cultura de México.*” [Prólogo a la edición mexicana del ensayo de Ingenieros “La Revolución Rusa como transformadora de la mentalidad humana”], México, s.p.i., octubre de 1921.
35. Martín Bergel, *El Oriente desplazado. Los intelectuales y los orígenes del tercermundismo en la Argentina*, Buenos Aires, Universidad Nacional de Quilmes, 2015,
36. Nicolás Gadano, *Historia del petróleo en la Argentina, 1907-1955: desde los inicios hasta la caída de Perón*, Buenos Aires, Edhasa, 2006.
37. Orietta Favaro y Marta B. Morinelli, *Petróleo, Estado y Nación*, Buenos Aires, CEAL, 1991;
38. Oscar Terán, *En busca de la ideología argentina*, Buenos Aires, Ed. Catálogos, 1986.
39. Oscar Terán, *José Ingenieros. Antimperialismo y Nación*, México, Siglo XXI Eds., 1979.
40. Pablo Yankelevich, “El socialismo argentino y la Revolución Mexicana. Los resultados de una intercepción carrancista” en *Boletín del Instituto de Historia Argentina y Americana Dr. Emilio Ravignani*, N° 9, Buenos Aires. Facultad de Filosofía y Letras. Universidad de Buenos Aires, mayo 1994
41. Pablo Yankelevich, *Miradas Australes. Propaganda, cabildeo y proyección de la Revolución Mexicana en el Río de la Plata, 1910-1930*, México, SRE-INEHR, Alexandra Pita González, *La Unión Latino Americana y el Boletín Renovación: redes de intelectuales y revistas culturales en la década de 1920*, México, El Colegio de México-Universidad de Colima, 2009.
42. Patricia Funes, *Salvar la nación: Intelectuales, cultura y política en los años veinte latinoamericanos*, Buenos Aires, Ed. Prometeo, 2008;

-
43. Ricardo Melgar Bao, *Redes e imaginario del exilio en México y América Latina. 1934-1940*, Buenos Aires, Libros en Red, 2003.
 44. *Tierra*. Órgano de la Liga Central de Resistencia, Mérida, 30 de septiembre de 1923. pp. 3.
 45. Víctor O. García Costa, *Alfredo Palacios: entre el clavel y la espada: una biografía*, Buenos Aires, Planeta, 2007;
 46. Víctor Raúl Haya de la Torre, “¿Qué es el APRA” en *Por la Emancipación de América Latina*, Santiago de Chile, Ed. Ercilla, 1927, p. 8.
 47. Víctor Raúl Haya de la Torre, “Emiliano Zapata, apóstol y mártir del agrarismo mexicano” en *Obras Completas*, Lima, Librería-Editorial Juan Mejía Baca, vol. 1, 1977, pp.35.
 48. Víctor Raúl Haya de la Torre, *El antimperialismo y el APRA*, Santiago de Chile, Ed. Ercilla, 1936, pp. 82. Cursivas en el original.

Política y religión en Argentina (1966–1976)

Politics and religion in Argentina (1966–1976)

Resumen: Este artículo apunta a interpretar el rol que jugó la Iglesia católica argentina, a la luz de la realidad episcopal latinoamericana, dentro de la política argentina entre los años 1966-1976. Además de la política, las relaciones sociales e intra-religiosas que la Iglesia argentina llevó adelante y que provocaron contradicciones internas y hasta la división del episcopado. En medio, la dictadura, la represión y el abuso de los derechos humanos.

Palabras clave: religión; política; dictadura; post-conciliares; pre-conciliares.

Abstract: This article aims to interpret the role played by the Argentine Catholic Church, in light of the Latin American episcopal reality, within Argentine politics between 1966-1976. In addition to politics, the social and intra-religious relations that the Argentine Church carried out and that provoked internal contradictions and even the division of the episcopate. In between, dictatorship, repression and the abuse of human rights

Keywords: religion; politics; dictatorship; post-conciliar; pre-conciliar.

Introducción: América Latina, una fenomenal complejidad

América Latina ingresó en los años '60 signada por conflictos: desde la amenazante promesa cubana de hacer de la cordillera de los Andes una Sierra Maestra a escala continental, hasta las guerrillas que proliferaron inicialmente en el ámbito rural y luego en el urbano, sumado a las resistencias populares contra las dictaduras más una serie de alzamientos de sectores militares. El objetivo directo de los grupos insurreccionales fue vencer a los militares para tomar el poder del gobierno. Con una ideología difusa, en ciertos casos compartieron casi en su totalidad un anti-imperialismo furioso y con ello el anticapitalismo que muchos interpretaron como anti-Estados Unidos. Su sustento ideológico se fue fraguando desde la tradición del marxismo latinoamericano alimentado por la sucesión de las persecuciones ideológicas y políticas, las crisis estructurales de pobreza y trabajo, el crecimiento de las oligarquías, las burguesías y las multinacionales extranjeras².

En este contexto, el accionar de la Iglesia católica se multiplicó pues consideraba que América Latina era una gran reserva religiosa que se encontraba amenazada por el marxismo y el protestantismo. Desde fines de la década de 1940 había comenzado a volcar recursos materiales y humanos con el fin de fortalecer la religión

¹ Pablo Baisotti, argentino, Research Fellow Sun Yat-sen University, pablo.a.baisotti@hotmail.com

² Trias V., *Historia del imperialismo norteamericano*, I y II, Montevideo: Ed. de la Banda Oriental, 1988.

católica pero sin lograr la efectividad deseada pues no consideró inicialmente como fundamentales los factores más acuciantes del continente: la pobreza y la marginalidad. Esta visión fue cambiando sobre todo después del Concilio Vaticano II (CVII 1962-1965) en donde se debatieron algunos de los problemas acuciantes del mundo, como por ejemplo el reconocimiento explícito de las profundas injusticias sociales que predominaban con el orden capitalista. El CVII no estuvo exento de dificultades pues enfrentó dos posturas religiosas: una, melancólica de los tiempos “gloriosos” de la Iglesia (denominada luego pre-conciliar) y la otra, más realista y favorable a avanzar de la mano de un mundo en constante transformación (llamada luego post-conciliar). No obstante, las ideas promovidas desde el CVII calaron en muchos sacerdotes, religiosos, pastores, teólogos y laicos que consideraron necesario un creciente diálogo entre el marxismo y el cristianismo³. En este contexto surgió la Teología de la Liberación (TdL), definida como la reflexión crítica de la praxis histórica a la luz de la fe. Su originalidad radicaba precisamente en su vinculación con la práctica social y eclesial arraigada en sus cultivadores. Era una teología que intentaba transformar la sociedad y la Iglesia, así como el discurso religioso, siendo su principal desafío aquellos a quienes el orden social no reconocía. La TdL creó una nueva articulación entre las dimensiones mística y política de la fe cristiana, intentando lograr que la experiencia de la presencia de Cristo llegara especialmente a las clases explotadas, razas olvidadas y culturas marginadas muchos de los cuales sufrían la persecución de las dictaduras de Seguridad Nacional y la cólera de muchos preladados conservadores⁴. Estas ideas comenzaron a plasmarse durante la Conferencia de Medellín (CdM, 1968) donde los obispos de América Latina comenzaron a promover la participación de los cristianos en la vida política subrayando la importancia de la acción de la Iglesia en la formación de la conciencia social y en la percepción realista de los problemas de la comunidad y de las estructuras sociales. Fue aquí donde afloraron las cuestiones por los pueblos latinoamericanos, por los pobres, por la liberación cristiana integral. En definitiva, la atmósfera que se respiraba desde el CVII reforzó las pretensiones del clero latinoamericano post-conciliar a nivel social y político⁵. La tercera conferencia general del Consejo Episcopal Latinoamericano (CELAM) se reunió en Puebla de los Ángeles, Méjico, a comienzos de 1979 con la presencia de casi 200 obispos latinoamericanos, 20 miembros del Vaticano, 12 obispos nombrados directamente por el Papa, varios delegados de organismos europeos de apoyo financiero a proyectos pastorales en América. El objetivo principal fue meditar sobre el proceso evangelizador latinoamericano que se plasmó en un documento llamado “La evangelización en el presente y en el futuro de América Latina”.

³ Silva Gotay S., *El pensamiento cristiano revolucionario en América Latina y el Caribe. Implicaciones de la teología de la liberación para la sociología de la religión*, Puerto Rico: Huracán, 1989.

⁴ Geffré, C., *La conmoción de una teología profética*, «Concilium», 1974.

⁵ Prien H., *La historia del cristianismo en América Latina*, Salamanca, Sígueme, 1985.

Uno de los argumentos fundamentales fue la “opción por los pobres”, aceptada sin oposición ante las crecientes y palpables diferencias sociales en el continente. La lucha por la liberación fue una de las interpretaciones radicalizadas de Puebla, como también lo fueron aquellas que sostenían que la cultura era el objetivo misional en la cual los pobres y los jóvenes debían tener precedencia.

Este artículo apunta a interpretar el rol que jugó la Iglesia católica argentina, a la luz de la realidad episcopal latinoamericana, dentro de la política argentina entre los años 1966-1976. Además de la política, las relaciones sociales e intra-religiosas que la Iglesia argentina llevó adelante y que provocaron contradicciones internas y hasta la división del episcopado. En medio, la dictadura, la represión y el abuso de los derechos humanos.

La “Revolución Argentina”

Con el nombre de “Revolución Argentina” se conoció al golpe de Estado de 1966 liderado por el general Onganía, quien lo concibió como una intervención a largo plazo con el objetivo de abolir la política para reorganizar la sociedad. La intervención militar tuvo como característica básica la de subordinar los objetivos político-institucionales a la materialización de determinados objetivos programáticos de modernización económica y social. El motor que había puesto en marcha este proceso fue el diseño de un sistema burocrático-militar en el cual la dictadura se apoyó. Sin embargo, en palabras de Onganía, el golpe militar no poseyó objetivos determinados: “Otra cosa sería de haber llegado al poder con un plan anterior [...]” denotando que la dictadura no tuvo inicialmente -y quizás nunca— explícitos planes sino más bien la voluntad de constituirse en el epílogo de la etapa iniciada en 1955 y el alba de un ciclo nuevo capaz de superar la crisis crónica⁶.

La legalidad en Argentina, prácticamente desde la caída de Perón, fue un “legalidad militar” que no se sostenía tanto sobre las instituciones cuanto sobre las fuerzas armadas. La organización civil se vio desbordada por los militares que entendieron que el respeto a la Constitución se basaba en la defensa del modo de vida occidental y cristiano. Y dentro de esta lógica, los militares se consideraron los salvadores de la Patria y paternales guías de una sociedad que había sido desviada por incapaces políticos. De ahí su idea de intervención para proteger, complementar o reemplazar al poder civil como fuerza estabilizadora, modernizante, conservadora y reaccionaria⁷. En política exterior esta dictadura se alineó con la lógica de la Guerra fría y la confrontación que de ella derivaba, es decir, contra la infiltración marxista

⁶ Las palabras del Presidente, «Criterio», 26 de febrero de 1970, 68 y La vocación política de los argentinos: burocracia militar o democracia pluralista, «Criterio», 24 de diciembre de 1970, 864.

⁷ *Régimen político y fuerzas Armadas*, «Criterio», 27 de enero de 1966, 49; *El papel de las fuerzas armadas*, «Criterio», 26 de setiembre de 1967, 675 y 676.

antipatria y anticristiana. Onganía buscó el acercamiento con Estados Unidos a pesar de que ello significara la pérdida del monopolio del nacionalismo económico⁸.

Este gobierno dictatorial abrió una etapa de crecientes conflictos manifestados a nivel social y religioso. En este último caso se produjo un deliberado acercamiento de los militares a los grupos católicos tradicionales con el claro propósito de re-unir al ejército y a la Iglesia. Ante esta pretensión, una parte del clero se manifestó repetidamente en contra, como por ejemplo a través de la declaración de tres obispos (Devoto, Podestá y Quarracino) que cuestionaron las relaciones entre la Iglesia y el gobierno y que rápidamente fueron apoyados por setenta sacerdotes en la reunión sobre “Iglesia y mundo” en la reunión de Chapadmalal de 1966. Nuevamente monseñor Devoto atacó el connubio político-religioso señalando que: “Últimamente se ha ido creando en forma progresiva una opinión pública como si la Iglesia jerárquica en nuestro país estuviera comprometida con las actuales autoridades y como si de hecho existiera una influencia notable”⁹.

En 1967 fue firmado un documento por 18 obispos latinoamericanos para el tercer mundo comprometidos con la cuestión social y de los pobres. A partir de allí unos 400 sacerdotes argentinos dieron forma, a principios de 1968, a una organización estructurada en equipos y por diócesis, conocidos como el Movimiento de los Sacerdotes para el Tercer Mundo (MSTM) llegando a aglutinar cerca de una décima parte del clero argentino. Se definieron por el socialismo, identificándose con la identidad del pueblo peronista y claramente enfrentados a las dictaduras. Este proceso, sumado al de Medellín, caló en las clases populares fomentando la creación de una red de alianzas y amistades que sirvieron para encauzar proyectos políticos pero, por otra parte, desencadenó serios conflictos con la mayoría del catolicismo argentino cuya jerarquía era considerada una de las más conservadoras de América Latina. En torno a esta experiencia sacerdotal se desarrolló una pastoral popular y una teología populista de la liberación, siendo pionera en su momento y convirtiéndose después en la ideología orgánica adoptada por grupos reformistas que se expresaron claramente en Puebla¹⁰.

El resultado fue casi automático: una enorme tensión intra-religiosa que derivó en una creciente falta de diálogo llegando a la ruptura en ocasión de los sucesos revolucionarios de Córdoba (“cordobazo”) de 1969¹¹ donde la tensión religiosa y política se unificaron. El proceso religioso-revolucionario convergió mayormente con

⁸ De Riz L., *La política en suspenso: 1966-1976*, Buenos Aires: Paidós, 2000.

⁹ *La prueba del poder*, «Criterio», 25 agosto de 1966, 603.

¹⁰ Moyano M., *La Iglesia argentina en la década del sesenta*, en Dussel E. et al. (eds.), *Historia general de la Iglesia en América Latina*, IX, Cehila, Salamanca: Sígueme, 1994.

¹¹ El 29 de mayo de 1969, en Córdoba, la movilización de los trabajadores industriales, acompañados no sólo por estudiantes sino por los más amplios sectores medios, derrotó a la policía, ocupó la ciudad y forzó la intervención del Ejército. Ello marcó un camino en el cual no había punto de retorno. Este era utilizar la violencia contra la dictadura.

la izquierda del peronismo como opción al poder dictatorial, dotándolo de legitimación y de mística cristiana además de contribuir, inicialmente, a la dinamización y al replanteamiento de las prácticas políticas de la izquierda¹². En 1969 también debe destacarse la “declaración de San Miguel”, producida por la jerarquía católica argentina con el objetivo de adaptar a la realidad argentina las conclusiones de Medellín. En este documento salen claramente a la luz los enfoques contrapuestos entre las vertientes pre y post-conciliares con una intensidad mayor a la de cualquier otro país latinoamericano. El obispo de Goya sostuvo que en Medellín se había hecho un llamamiento urgente a los sectores de poder haciendo ver que “si retienen celosamente sus privilegios, y, sobre todo, si los defienden empleando ellos mismos medios violentos, se hacen responsables ante la historia de provocar las revoluciones explosivas de la desesperación”¹³.

Asimismo se produjo el segundo encuentro nacional del MSTM celebrado en la localidad cordobesa de Colonia Caroya donde se analizó el tema “Política y Pastoral” expresando su “formal rechazo del sistema capitalista vigente y todo tipo de imperialismo económico, político y cultural”, así como su convencimiento de que la liberación sería obra de los “pueblos pobres y de los pobres de los pueblos”. Como resultado de este encuentro, salió a la luz un documento, llamado “Coincidencias Básicas del Movimiento”¹⁴. Ese mismo año un nuevo conflicto vio la luz cuando obreros de la obra del Chocón-Río Colorado exigieron al obispo de Neuquén, Francisco de Nevares, efectuar una reflexión sobre la situación económico-social del norte de Neuquén a la cual se refirió en una conferencia de prensa señalando que “la mayor obra argentina del siglo XX podría transformarse en la mayor vergüenza argentina del siglo XX”¹⁵.

Para contener el avance del “tercermundismo religioso” el gobierno de Onganía trató de reforzar aún más los lazos con el catolicismo pre-conciliar. Anunció, en noviembre de 1969, el deseo de consagrar la Argentina a la Virgen de Luján. El MSTM declaró su deseo de que el pueblo no respondiese a tal iniciativa ya que pensaban que la religión sería utilizada para sosegar el problema político-social: “Por eso desconfiamos de las alianzas entre el trono y el altar, entre la cruz y la espada [...] un hábil instrumento de una inauténtica intención política”. Finalmente la consagración se llevó a cabo el 8 de diciembre. Pero esta victoria de la tendencia conservadora-integralista sobre la progresista no fue aislada, sino el principio de una serie de hechos que acrecentaron la tensión hasta el punto de justificar la violencia hacia los

¹² *Ibidem*, 538.

¹³ *Declaraciones episcopales sobre la situación actual del país. Audición radial del obispo de Goya, Monseñor Alberto Devoto*, «Criterio», 12 junio de 1969, 379.

¹⁴ Mangione M., *Movimiento de Sacerdotes para el Tercer Mundo*, Rosario: Kolektivo Editorial “Último Recurso”, 2004.

¹⁵ *La situación económico-social del Norte de Neuquén*, «Criterio», 24 diciembre de 1970, 890.

“curas desviados”. Algunos ejemplos para ilustrar el conflicto: el cardenal Caggiano, fundador de Acción Católica, alentó a policías en la misa celebrada por la fundación de la Policía Federal en 1970 por el cumplimiento de su deber en defensa de la civilización y dique contra la subversión; mons. Sansierra de San Juan, afrontó una grave crisis de la Universidad Católica y en su clero; mons. Buteler de la arquidiócesis de Mendoza, se enfrentó a la primera grave crisis sacerdotal de América; mons. Vicentín de Corrientes, excomulgó al padre Marturet por sus ideas “tercermundistas”; mons. Bolatti afrontó la crisis de veintisiete sacerdotes en Rosario.

El progresismo religioso actuó en consecuencia continuando su accionar, e incluso redoblando sus ataques contra el exclusivismo demostrado por la jerarquía eclesiástica. Desde las bases, sobre todo, intentaron minar el sistema religioso heredado de carácter piramidal, jerárquico y apartado de la sociedad (especialmente de los pobres). Mons. Iriarte, de Reconquista (Santa Fe), había comenzado desde antes del CVII una renovación de su diócesis; mons. Devoto, de Goya (Corrientes), se había comprometido con la pobreza y la sencillez de vida episcopal demostrando sensibilidad social; mons. Angelelli, de La Rioja, apostó por un accionar incisivo e hiper-crítico de la Iglesia argentina; mons. Cafferata, de San Luis, adoptó una posición pastoral cercana a los pobres. En medio del conflicto tuvo lugar el tercer encuentro nacional del MSTM realizado en Santa Fe, donde se analizó la realidad social argentina rechazando el sistema capitalista vigente y su lógica consecuencia: el imperialismo económico y cultural. Se reconoció al peronismo como un elemento clave para el proceso revolucionario con el objetivo de lograr la liberación nacional¹⁶. En 1971 tuvo lugar el cuarto encuentro, realizado en Córdoba, que produjo el documento de Carlos Paz. El mismo destaca los males que aquejaban al país y condena la actitud negativa de las Fuerzas Armadas y parte de la Iglesia católica.

El largo proceso de deterioro de la autoridad de Onganía, cuyos orígenes se remontan al comienzo mismo del gobierno revolucionario, se vio acelerado luego de que en mayo de 1970 expusiese un confuso plan político que debía durar entre 14 a 16 años, así como también el secuestro y posterior asesinato del general Aramburu por la guerrilla Montoneros. Sumado a todo ello, Onganía pretendió confiscar el poder para sí, un poder que las Fuerzas Armadas le habían confiado y al cual no estaban dispuestas a renunciar. Ello obró sin duda en la decisión de sustituir el mando del gobierno. En junio de 1970, el general Levingston, representante argentino en la Junta Interamericana de Defensa en Washington, fue el hombre elegido por la reconstituida junta de comandantes para ejercer la primera magistratura del país. En noviembre de ese año miembros de los partidos radical y peronista constituyeron el frente antidictatorial conocido como *La Hora del Pueblo*, que implicaba un punto de partida para superar la escisión que había fracturado la política argentina en peronistas y antiperonistas y que había facilitado y propiciado el golpismo cró-

¹⁶ Comunicado del Tercer Encuentro Nacional. Santa Fe, 1º y 2º de Mayo de 1970.

nico. Si Onganía procuró ordenar la Argentina a través de la cláusula política, sin partido propio ni partidos ajenos e insinuando una alianza de apoyo corporativista, Levingston se lanzó a estructurar el partido de la Revolución sobre la base de las llamadas “generaciones intermedias”. Al buscar apoyo en los cuadros medios, alentaba la decapitación de las grandes fuerzas, y así la alianza pasó de ser corporativa a política. Pero implícitamente era la alianza del radicalismo sin Balbín, del peronismo sin Perón y del frondizismo sin Frondizi¹⁷.

En marzo de 1971 se dio un nuevo levantamiento obrero y popular en Córdoba (el “viborazo”), echando por tierra el segundo gobierno de la “Revolución Argentina”. La deposición del general Levingston finalizó con una doble aventura. La primera fue la pretensión desmedida de los revolucionarios de 1966 de imponer al país un cambio profundo en sus estructuras económicas, sociales y políticas, desconociendo los intereses y el sentir de la inmensa mayoría de los argentinos. La segunda fue la aventura de Levingston, quien desde la fecha en que fue convocado desde el exterior para hacerse cargo de la presidencia, se preocupó ante todo por acrecentar su poder personal con olvido de los demás elementales principios éticos y políticos. La consecuencia de todo ello se tradujo en una situación de crisis social en la cual los sectores económicos se retrajeron frente a la anarquía política; los sectores sindicales veían cuestionada la conducción de sus organizaciones por sus pares; los sectores ideológicos reformistas se encontraban imposibilitados de actuar por la acción de un neofascismo incipiente que ganaba sectores gobernantes y organismos oficiales, y un terrorismo ideológico. La Iglesia ensayaba tímidas críticas al gobierno por el lado de la reforma educativa, mientras sorteaba la crítica política a un régimen que empleaba la tortura.

El nuevo presidente impuesto por los militares fue el general Lanusse quien se propuso avanzar efectivamente hacia una transición política que tuviese como sustento un compromiso previo entre las Fuerzas Armadas y las diversas fuerzas políticas y sociales. Este proyecto, conocido con el nombre de Gran Acuerdo Nacional (GAN), implicaba el repudio a la subversión, el reconocimiento de la inserción de las Fuerzas Armadas en el futuro esquema institucional y, sobre todo, el acuerdo en torno a la candidatura presidencial. La misión de Lanusse fue asumir la realidad del peronismo, subrayar la nueva realidad de un “no peronismo” dominante sobre el viejo antiperonismo, romper la clausura política, situarse por encima de los partidos políticos y emprender una estrategia de democratización. A pesar de estos objetivos es claro que durante todo el período de la “Revolución Argentina” se pretendió prohibir al mayor protagonista político -el peronismo— y dejar impotente al segundo

¹⁷ *El fin de una ilusión*, «Criterio», 25 junio de 1970, 403 y 404; *El fin de la Revolución Argentina*, «Criterio», 24 de mayo de 1972, 245.

protagonista político -el radicalismo— siendo los militares los verdaderos dominadores de la escena nacional¹⁸.

Un gobierno nacional y popular. ¿Cuál?

En el bienio 1971 -1972, Perón desarrolló una táctica pendular: por un lado alentó a las organizaciones armadas peronistas, a las que llamó “formaciones especiales”, y por otro creó en febrero de 1972 agrupaciones políticas moderadas. Ese año regresó a Argentina, aunque luego regresó a España designando como candidato presidencial a su delegado personal, Cámpora, con el apoyo entusiasta de los sectores juveniles. En su efímera estancia en Buenos Aires, Perón fue visitado por sesenta sacerdotes quienes se comprometieron a colaborar estrechamente con un futuro gobierno peronista. El MSTM emitió un comunicado reflexionando sobre la reunión y prontamente el compromiso adoptado por los religiosos tercermundistas provocó una identificación con el peronismo y con las organizaciones guerrilleras que a través de la lucha armada buscaban el regreso de Perón al poder.

Las elecciones de 1973 dieron un aplastante triunfo al candidato peronista en un clima de franca movilización popular, creando la sensación en las clases dominantes, la jerarquía eclesiástica pre-conciliar y los propios militares que la última esperanza para frenar la radicalización política era el mismo Perón¹⁹. En parte se explica por el hecho que desde 1955 ninguna elección presidencial había contado con la participación del peronismo con sus propios candidatos, de ahí que el gobierno de Cámpora obtuviese una doble legitimidad: por el origen de su gobierno y por el caudal popular que concurrió a constituirlo²⁰. No obstante el poder adquirido, el gobierno tuvo que lidiar con un delicado equilibrio producto del compromiso entre facciones que poseían proyectos políticos muy diferentes -antagónicos en parte— y cuyo único término de unidad era la persona de Perón.

Precisamente fue por la irremediable fractura interna que el 13 de julio de 1973 presentaron su renuncia a la presidencia y vicepresidencia de la Nación Cámpora y Solano Lima respectivamente. Una vez aceptadas las renunciaciones por el Congreso Nacional, se nombró con toda celeridad al frente del poder ejecutivo al presidente de la Cámara de Diputados, Lastiri. Tres han sido los grupos o corrientes internas del peronismo que se disputaban el poder: el primero de ellos era el que estaba directamente al servicio de Perón (Isabel, López Rega, teniente coronel Osinde); el segundo era el grupo que apoyaba a Cámpora, siendo la juventud el factor principal; por

¹⁸ *El fin de una aventura*, «Criterio», 8 abril 1971, 179; *Degradación de la autoridad*, «Criterio», 24 de marzo de 1971, 140-141 y *El fin de la Revolución Argentina*, «Criterio», 24 de mayo de 1972, 244 y 245.

¹⁹ Larraquy M. 2010, *De Perón a Montoneros. Historia de la violencia política en la Argentina. Marcados a fuego II (1945-1973)*, Buenos Aires: Aguilar, 2010., 54-60.

²⁰ *La Victoria del Frente*, «Criterio», 22 de marzo de 1973, 115.

último, el grupo que expresaba los intereses del movimiento obrero sindicalizado, representados por las figuras de Rucci y Miguel. El triunfador fue el primer grupo, el de Perón, el cual constituyó el núcleo principal en el Congreso y fue el que orientó la política nacional permitiendo el retorno del viejo líder a la presidencia de la nación.

Una vez elegida la fórmula Perón-Perón, el líder debió gestionar diversos problemas para nada sencillos, tales como el ejercicio del mando institucional; la violencia; la cuestión del pacto social o método de concertación y el pacto institucional o político. Fue la violencia el problema más acuciante, ya que amenazaba con bloquear a la sociedad argentina. Aquella fue el resultado de la explosión de las contradicciones internas -y externas— del peronismo, que habían dado lugar a una modificación importante en la relación de fuerzas, compuesta por el ala izquierda del peronismo y por militantes de la izquierda no peronistas que veían en dicho movimiento un paso dialéctico para la conquista del Estado. Fue así que se conformaron tres oposiciones al gobierno peronista: una oposición institucional, dispuesta a sostener el régimen republicano y a demorar los enfrentamientos propios de la competencia por el poder en aras de la consolidación del sistema político; y dos oposiciones anti-sistema, contestataria y revolucionaria, representadas principalmente por Montoneros y el ERP²¹.

En relación a la Iglesia argentina, el ascenso popular y el gobierno de 1973 había encontrado en la jerarquía eclesiástica -salvo excepciones— el repliegue y el silencio. La corriente de los sectores más conservadores de la Iglesia se fue afianzando a partir de ese momento en neta oposición a los sectores progresistas, realizando un giro aún mayor hacia la derecha con el objetivo de aislar a los diferentes movimientos eclesiales y sacerdotales. La operación tuvo éxito ya que el MSTM fue progresivamente neutralizado, ya sea por la represión y censura eclesial, ya sea por las acuciantes contradicciones internas. Para reforzar esto último se menciona que desde agosto de 1973 dentro del MSTM existían dos grupos principales: uno vinculado a la corriente “pastoral-popular” de la región del Litoral, más en la línea peronista “ortodoxa”, verticalista y que condenaba toda violencia; y el otro, de Córdoba, Mendoza y Santa Fe principalmente, con una orientación más crítica y una acentuación más socializante. Esta escisión táctica indicó un resquebrajamiento estratégico, al tiempo que en Buenos Aires había comenzado una pastoral popular en barrios marginales denominada la “Acción Pastoral en las Villas de Emergencia”.

La Conferencia Episcopal Argentina, en un documento del 27 de junio de 1973, manifestó sus coincidencias con lo expresado por el gobierno peronista respecto a la reconstrucción del país en forma pacífica, priorizando las preocupaciones de los obispos que se referían a la “necesidad de autoridad”, “responsabilidad del deber” y el “repudio a la anarquía, la intolerancia y el caos”. Desde la otra perspec-

²¹ *La crisis del 13 de julio*, «Criterio», 26 julio de 1973, 371 y 372; *El proceso político*, «Criterio», 22 de agosto de 1973, 451; *Donde estamos*, «Criterio», 28 de noviembre de 1973, 643 y 644.

tiva, durante el mismo mes de junio, tres de los obispos más comprometidos con los lineamientos postconciliares de la CdM y de San Miguel, mons. Angelelli, Devoto y Brasca, emitieron una pastoral a sus respectivas diócesis señalando que “después de largos años nuestro pueblo ha podido expresarse y ha hecho una opción que es profunda y va más allá de los límites de los partidos políticos”. Afirmaban la necesidad de mantenerse fieles a “nuestros propios movimientos de base” y particularmente llamaban a los cristianos a “un serio y real compromiso con los sectores más pobres y marginados”.

La muerte de Perón, a mediados de 1974, dejó en manos de su esposa, Isabel Martínez de Perón el mando del gobierno. Ante la creciente falta de acción política frente al poder militar y de la guerrilla, la presidente comenzó a ceder funciones en grupos para-militares y militares hasta su desplazamiento mediante otro golpe de Estado en 1976. Tiempo antes del golpe de Estado, la Conferencia Episcopal Argentina había comenzado a pronunciarse bajo el creciente deterioro que estaba sufriendo el gobierno debido al auge de la derecha peronista. En el documento “Los problemas que seguimos viviendo” del 30 de noviembre de 1974 se dieron cuenta de la creciente violencia convocando a la conversión para superar la grave crisis moral, suplicando a aquellos que utilizan la violencia persistentemente. Además de interpelar al gobierno, muy cautelosamente, en relación a las detenciones arbitrarias y a los detenidos que se estaban multiplicando. El presidente de la Conferencia, mons. Tortolo se dirigió en estos términos: “La petición ha sido siempre la misma: solicitar el examen de cada caso; y en aquellos en que no hubiere razones probadas para continuar a disposición del Poder Ejecutivo se les otorgara la plena libertad”²².

El 14 de diciembre de 1975, el mismo monseñor dirigió dos misivas a la presidente y al comandante en Jefe del Ejército repitiendo algunos de los párrafos y con un estilo tan sumiso como alabador, en especial con el militar, futuro jefe de la dictadura. La primera solicitó: “la posibilidad de otorgar, según su propia prudencia, un indulto que sirva de testimonio de clemencia y equidad, en favor sobre todo de aquellos encarcelados que hayan dado suficientes pruebas de rehabilitación moral y civil”²³. En la segunda misiva además de lo arriba expuesto agregó que fuese otorgado más tiempo de visita a los familiares de los presos, recibir obsequios y aquellos

²² *Carta del presidente de la Conferencia Episcopal Argentina al señor ministro del Interior sobre los que se hallan privados de libertad*, Buenos Aires, 10 de octubre de 1975 en *Documentos del Episcopado Argentino. 1965-1981. Colección completa del magisterio postconciliar de la Conferencia Episcopal Argentina*; Claretiana, Buenos Aires, 1982, 258.

²³ *Carta a la señora de Perón solicitando indulto para ciertos detenidos con motivo de la clausura del Año Santo*, Buenos Aires, 14 de diciembre de 1975 en *Documentos del Episcopado Argentino. 1965-1981. Colección completa del magisterio postconciliar de la Conferencia Episcopal Argentina*; Claretiana, Buenos Aires, 1982, 272.

que lo solicitaren, los sacramentos. Concluye con una bendición²⁴. Más incisivos fueron aquellos obispos comprometidos con el pueblo como el mencionado Devoto, quien escribió en 1975 “Carta a los cristianos de Lavalle y Goya” en solidaridad con dos sacerdotes detenidos; o el de Formosa, Scozzina, quien decretó una “huelga de misas” ante la detención del sacerdote francés Renevot o la polémica pública suscitada entre el prelado de Neuquén, De Nevares y el general Buasso ante la detención y apremios ilegales de catequistas diocesanos.

Si se comparan los reclamos o las actitudes de la Conferencia Episcopal Argentina y la acción individual de los obispos progresistas, la diferencia es palpable. Los primeros, en su mayoría conservadores e integristas, fueron no sólo muy débiles al exigir respuestas ante los atropellos a los derechos humanos sino que con el pasar de los meses -y en especial cuando se instauró la dictadura— continuaron virando hacia la derecha hasta transformarse -en muchos casos— en promotores y entusiastas defensores de los militares. Decía el provicario castrense, Mons. Bonamín en una homilía en octubre de 1975: “Cuando hay derramamiento de sangre hay redención. Dios está redimiendo mediante el ejército argentino, a la nación argentina [...] El ejército argentino [...] ha llegado a purificarse en el Jordán de la sangre para ponerse al frente de todo el país [...]”.

En definitiva, entre 1967 y 1976, se aprecia un desplazamiento del dinamismo eclesial a manos de los clérigos tercermundistas, quienes se convirtieron en los referentes máximos de laicos, religiosos, grupos de estudio, obreros, estudiantes identificados con la opción revolucionaria. Fue una época con inicios dramáticos y finalmente trágicos para el MSTM, considerados responsables de desviar las enseñanzas del CVII y posteriormente defender la guerrilla de los años ‘70. Una gran parte de los acusadores, entre ellos muchos religiosos, condenaron la violencia desde las bases justificando la violencia desde arriba, la de los militares, quienes fueron vistos como el último recurso para contener a los “comunistas”. Una vez que el ejército incorporó el discurso salvífico-providencial, los sectores progresistas de la Iglesia católica fueron puestos en la mira siendo catalogados como una fuente constante de subversión. En escala menor se reprodujo la tajante división en el episcopado argentino: el sector pre-conciliar y el sector post-conciliar.

Conclusiones

El CVII, la CdM y de Puebla influyeron, con mayor o menor profundidad, en las diferentes realidades católicas — y políticas — latinoamericanas. En el caso ar-

²⁴ *Carta al Comandante en Jefe del Ejército Argentino solicitando, con motivo del Año Santo, cierta dulcificación de las penas a los detenidos*, Buenos Aires, 14 de diciembre de 1975 en *Documentos del Episcopado Argentino. 1965-1981. Colección completa del magisterio postconciliar de la Conferencia Episcopal Argentina*; Claretiana, Buenos Aires, 1982, 273.

gentino se llegó a límites inauditos de tensión intra-religiosa manifestada en posturas opuestas, casi enemigas. En un primer momento (durante la Revolución Argentina) la separación se delimitó entre pre-conciliares y post-conciliares. Los primeros, mayoritarios, se acercaron sin ningún resquemor hacia las posturas militaristas y tradicionales. Los segundos, los que optaron por una modernización del catolicismo, de la Iglesia y del acercamiento a las clases más pobres, fueron perseguidos por los militares y por sus mismos hermanos en la fe que no comulgaban con sus ideas de “progresismo religioso”. La expresión más cabal del segundo grupo fue el MSTM. Éstos se dividieron en dos posturas: aquellos que deseaban una estrecha unión entre socialismo y catolicismo y aquellos que se reflejaron en el peronismo considerándolo el representante más fiel de las clases desposeídas y trabajadoras. De esta manera el intento progresista de llevar nuevos vientos de renovación evangélica se vieron envueltos con la cuestión política argentina, la cual se encontraba altamente polarizada entre peronistas y anti-peronistas y éstos dos grupos contra los militares. El rechazo que los religiosos progresistas de ambas vertientes experimentaron por el sistema capitalista opresor fue a la par de la creciente aversión hacia la intervención militar en política. Los pre-conciliares fueron perfectamente en la dirección opuesta. La TdL en Argentina fue vista entonces como un proceso que sólo podría canalizarse a través de la política, de ahí que fuese percibida por sus detractores como la punta de lanza de la infiltración marxista en el país. Ello provocó un particular encarnizamiento de los militares contra los sostenedores de esta posición a los que acusaron de “envenenar” a una porción de la juventud y estrechar demasiados contactos con los pobres y los trabajadores.

Bibliografía

1. De Riz L. 2000, *La política en suspenso: 1966-1976*, Buenos Aires: Paidós
2. Di Stéfano R. y Zanatta L. 2000, *Historia de la Iglesia argentina*, Buenos Aires, Grijalbo-Mondadori.
3. Dussel E. 1979, *De Medellín a Puebla: Una década de sangre y esperanza, 1968-1979*, Méjico DF: Centro de Estudios Ecumenicos.
4. Farrell G. 1976, *Iglesia y pueblo en Argentina (1960-1974)*, Buenos Aires: Patria Grande
5. Geffré, C. 1974, *La conmoción de una teología profética*, «Concilium».
6. Halperin Donghi T. 2005, *Historia contemporánea de América latina*, Madrid: Alianza (I ed. 1967).
7. -----1991, *Argentina. La democracia de masas*, Buenos Aires: Paidós.
8. Healey M. 2003, *El interior en disputa: proyectos de desarrollo y movimientos de protesta en las regiones extrapampeanas*, en James D. (ed.), *Nueva Historia Argentina. Violencia, proscripción y autoritarismo (1955-1976)*, Buenos Aires: Sudamericana.
9. Larraquy M. 2010, *De Perón a Montoneros. Historia de la violencia política en la Argentina. Marcados a fuego II (1945-1973)*, Buenos Aires: Aguilar.

10. Mangione M. 2004, *Movimiento de Sacerdotes para el Tercer Mundo*, Rosario: Kolektivo Editorial “Último Recurso”.
11. Moyano M. 1994, *La Iglesia argentina en la década del sesenta*, en Dussel E. et al. (eds.), *Historia general de la Iglesia en América Latina*, IX, Cehila, Salamanca: Sígueme.
12. Obregón M. 2007, *La Iglesia argentina durante la última dictadura militar. El terror desplegado sobre el campo católico (1976-1983)*, en Pérotin-Dumon A. (ed.), *Historizar el pasado vivo en América Latina*. <http://www.historizarelpasadovivo.cl/downloads/obregon.pdf>
13. Pérez Esquivel L. 1994, *La Iglesia argentina durante la dictadura militar*, en Dussel et al. (eds.), *Historia general de la Iglesia en América Latina*, IX, Salamanca: Sígueme.
14. Pironio E. *Teología de la liberación*, «Criterio», 12 noviembre de 1970a.
15. Pironio E. *Teología de la liberación (II)*, «Criterio», 26 noviembre de 1970b.
16. Prién H. 1985, *La historia del cristianismo en América Latina*, Salamanca, Sígueme.
17. Rouquié A. 1978, *Pouvoir Militaire et Societé Politique en Republique Argentine*, Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques
18. Sacheri C. 1970, *La Iglesia clandestina*, Buenos Aires: Ediciones del Cruzamonte.
19. Seisdedos G. 1999, *Hasta los oídos de Dios. La historia de los Sacerdotes Para el Tercer Mundo*, Buenos Aires: San Pablo.
20. Sigal S. y Verón E. 2003, *Perón o muerte. Los fundamentos discursivos del fenómeno peronista*, Buenos Aires: Eudeba.
21. Silva Gotay S. 1989, *El pensamiento cristiano revolucionario en América Latina y el Caribe. Implicaciones de la teología de la liberación para la sociología de la religión*, Puerto Rico: Huracán
22. Trias V. 1988, *Historia del imperialismo norteamericano*, I y II, Montevideo: Ed. de la Banda Oriental.
23. Zuretti J. 1972, *Nueva Historia eclesiástica argentina*, Buenos Aires: itinerarium.

ОБОРОНА И БЕЗОПАСНОСТЬ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ В ЭПОХУ ПОСТ-ГЛОБАЛИЗМА

Dr. Héctor Luis Saint-Pierre¹

Mg. Diego Lopes²

Desenvolvimento tecnológico e autonomia estratégica: reflexões desde o Sul

Technological development and strategic autonomy: reflections from the South

Resumo. Há uma tendência a atrelar a excelência do desempenho estratégico dos países à posse de sistemas de armamento tecnologicamente sofisticados. Esse desempenho estratégico forneceria a vantagem para a vitória da guerra. Finalmente, essa capacidade garantiria a autonomia da decisão, isto é, maior sofisticação maior capacidade de decisão política. Com este artigo, pretendemos mostrar que: a) essas hipóteses são falsas e que obedecem à lógica da oferta mundial de armamentos que precisa gerar uma demanda para satisfazer falsas necessidades; b) que essas necessidades são geradas pela implantação ideológica da mística da “vitória tecnológica”; c) que o desenvolvimento tecnológico nacional não apenas não garante a liberdade de ação estratégica que garantiria a autonomia da decisão, senão que cria uma dependência estratégica que compromete a autonomia da decisão política.

Palavras chaves: Segurança Internacional; Armamento; Liberdade Estratégica; Desenvolvimento Tecnológico; Defes.

Abstract. There is a trend to link the excellence of countries' strategic performance to the possession of technologically sophisticated weapon systems. This strategic performance granted the victory of the war. Finally, this ability to win the war would guarantee the autonomy of the decision, that is, greater sophistication and greater political decision-making capacity. With this paper, we intend to show that: A) these hypotheses are false and obey the logic of the world supply of armaments that needs to generate a demand to satisfy false needs; B) that these needs are generated by the ideological implantation of

¹ Brasileiro, Professor Dr. Titular de Segurança Internacional. Diretor do Instituto de Políticas Públicas e Relações Internacionais da Universidade Estadual Paulista (UNESP) hector.sp@uol.com.br

² Brasileiro, Magister e Doutorando do Programa San Tiago Dantas de Relações Internacionais (UNESP) diegolopus.silva@gmail.com

the “technological victory”; C) that the national technological development not only does not guarantee the freedom of strategic action that would guarantee the autonomy of the decision, but creates a strategic dependence that compromises the autonomy of the political decision.

Keywords: International Security; Weaponry; Strategic Freedom; Technological Development; Defense; Decision Autonomy.

Internacionalmente, são poucas as empresas no mundo que controlam a maior parte das chamadas “tecnologias de ponta” e que provêm, praticamente, o mesmo material para todos os compradores. Logo, todos os países dependem, para o desenvolvimento tecnológico, do seu arsenal nacional proporcionado e controlado pelo complexo industrial-militar que define o arsenal global e sua tendência. Mas, em princípio, aquele país que mais consome sistemas de armas de alta tecnologia será quem imporá àquelas empresas os critérios de venda para todos os outros consumidores menores, quando não será esse próprio país que repasse aquela tecnologia que para ele já foi superada. Obviamente, aquele país que se constitui no maior cliente do complexo industrial-militar global não permitirá que este entregue a última tecnologia de ponta que ele consome para os demais países. Ou seja, ainda que essas empresas tenham uma existência supranacional, ou melhor, extranacional, ela sofrerá a pressão do país que mantém a maior demanda bélica para definir a distribuição mundial dos seus produtos. Mas, por outro lado, para satisfazer a prioridade tecnológica que requer esse país, ele deverá comprar material bélico à altura das exigências das empresas monopólicas.

Como a tecnologia é uma (ou poucas) e sua transferência depende dos arranjos de força e alianças dos maiores consumidores, os demais compradores, independentemente das suas capacidades de demanda, ficarão subordinados ao maior consumidor na escala do ranking do arsenal mundial, porque só poderá adquirir aquela tecnologia que o maior consumidor descarta por obsoleta. Assim, na medida em que os países entram na carreira de desenvolvimento tecnológico dependente, necessariamente aumentam sua dependência tecnológica, com o que diminuem sua liberdade de ação estratégica e, conseqüentemente, perdem a autonomia da decisão política. O paradoxo do desenvolvimento tecnológico para a Defesa consiste em que **quanto mais se desenvolve tecnologia bélica, mais se aprofundam os laços da dependência estratégica e mais se compromete a autonomia da decisão.**

A pergunta, assim, é por que então os militares, responsáveis por conseguir e manter a liberdade de ação estratégica, que permita abrir espaço para a autonomia da decisão, paradoxalmente a comprometem ao aumentar incessantemente sua dependência estratégica correndo atrás da ilusão do desenvolvimento tecnológico? Por outro lado, em relação à mística da vitória tecnológica: O domínio da mais nova

capacidade tecnológica do arsenal mundial garante inequivocamente a vitória na guerra em qualquer condição para aquele país que a possui?

Parte da resposta à primeira pergunta creio que se encontra na formação do que chamaremos *ideologia estratégica*. Por este conceito nos referimos a uma série de valores e princípios adquiridos e/ou transferidos desde a formação dos Estados-nações sul-americanos, na origem da formação dos exércitos nacionais e que, desde então, condicionam as perspectivas e escolhas do pensamento militar com relação à estratégia, à doutrina, à tática e à adequação mais feliz do instrumento específico para a guerra que devem enfrentar. Junto com essa ideologia, o arsenal mundial introduz a ideia de que só o desenvolvimento tecnológico (que ele transfere) pode garantir a liberdade de ação que defenda a autonomia da decisão. Porém (e essa é a nossa hipótese), **paradoxalmente, é esse desenvolvimento tecnológico que atrela o próprio desempenho estratégico à lógica e vontade do arsenal mundial e que acaba comprometendo a autonomia da decisão política.**

Outro valor inculcado desde a formação originária daqueles exércitos era a ideia de modernidade. A posse de instrumentos bélicos, produzidos com os últimos avanços do processo de industrialização, fornecia aos militares o sentimento de modernidade nas suas mãos. Pelo abismo entre os meios da guerra tecnologicamente modernos nas mãos dos militares com relação aos meios de produção em mãos do resto da população, basicamente agropecuária, os militares passaram a se sentir, não apenas portadores de modernidade, mas também dos valores da modernidade. Assim se sentiram na obrigação moral de assumir a messiânica missão de conduzir às sociedades, de maneira ordeira, detrás desses valores. A ideia de modernidade dos militares de começo do Século XIX foi substituída posteriormente pela de “progresso” pelos ares positivistas que bateram na região, para finalmente, os militares contemporâneos, adotarem a de desenvolvimento e se comprometeram com a missão de levar seus respectivos países por esse caminho. Agora, eles percebem o caminho desse desenvolvimento pelo estímulo à indústria militar e a esta atrelam o esforço empresarial e científico e tecnológico nacionais.

Os modelos europeus continuaram sendo o paradigma de exército estatal moderno e já na virada de século a assimilação de insumos bélicos, doutrinas e formação dependente era completa. Em larga medida, a implementação dos modelos militares francês e prussiano na América do Sul respondeu a fatores subjetivos. A militarização por capital-intensivo representa um dos símbolos mais importantes do Estado moderno.³ A adoção simbólica desses modelos de profissionalização militar tornou-se condição de possibilidade para que as novas nações conseguissem o

³ Barnett, Michael; WENDT, Alexander. Dependent state formation and third world militarization. *Review of international studies*, Vol. 19, 1993, 337.

seu reconhecimento internacional.⁴ A adoção desse modelo funcionava como garantia de manutenção da ordem interna e da integridade territorial e do mercado aberto para a comunidade internacional. A utilidade objetiva desses armamentos em eventuais campos de batalha era uma questão de segunda ordem.⁵

Sobre a correspondência simbólica dos modelos de organização militar, Suchman e Eyre defendem que a associação entre armas e soberania, além de envolver diferentes espécies de armamento também inclui estruturas gerais de organização militar. Para estes autores, aquisição de armamento e a estruturação da força representam a aceitação e imagem de uma definição mundialmente compartilhada de Estado, por isso, “a variável crítica que fomentará a aquisição desse objeto por um Estado Nação não será sua utilização funcional, mas sua imersão no sistema que concede a esse objeto seu significado”.

Esta perspectiva de interpretação sociológica do armamento e da estrutura da força questiona as tradicionais abordagens racionalistas da militarização. O paradigma racionalista, criticado por Suchman e Eyre na interpretação anterior, baseia-se na ideia de que agentes racionais determinam seus objetivos e seguem as estratégias que melhor maximizem seus ganhos. Como alternativa a esse paradigma, estes autores sugerem que a militarização e adoção de uma determinada estrutura e organização militar é motivada fundamentalmente por motivos intersubjetivos. Nesse sentido, os armamentos carregam consigo “valores e propósitos coletivos” que conferem reconhecimento e legitimação internacional a quem os porta.

David Kinsella aproxima-se da perspectiva de Suchman e Eyre mas em uma discussão mais ampla sobre a militarização e a composição da ordem global militar. Segundo este autor, o estabelecimento desse arranjo mundial de significados deve-se fundamenta-se a dois elementos: 1) à crescente isomorfia internacional entre as estruturas militares e doutrinárias (como tinha defendido Trotsky); e 2) à dependência militar que dita os termos da relação entre os Estados produtores e importadores conforme a lógica da oferta e a demanda.⁶ Nesse caminho de reflexão, Mary Kaldor referiu-se à alegada padronização militar, decorrente da difusão global desse con-

⁴ “[...] e da mesma forma que, como teremos a oportunidade de comprovar, as novas nações tentar ascender hodiernamente na hierarquia internacional mediante a aquisição de símbolos militares”. (KALDOR, M.(1986.p. 29).

⁵ “[No período pós-colonial] as Forças Armadas, equipadas com os mais modernos armamentos possíveis, tornaram-se para muitos governos no Terceiro Mundo como um símbolo de unidade e independência e como evidência tangível de que o governo pretendia defender sua soberania. A utilidade desses armamentos era secundária”. BALL, Nicole. *Third World arms control: a Third World Responsibility*.p. 49. In: OHLSON, Thomas (ed.). *Arms transfers limitations and Third World security*. Oxford: Oxford University Press, 1988.

⁶ Kinsella, David. *The Global Arms Trade and the Diffusion of Militarism*. Stavrianakis, Anna; Selby, Jan (Eds.). *Militarism and International Relations: Political Economy, Security, Theory*. London: Routledge, 2013.

junto de símbolos,⁷ como “Ordem Militar Mundial”. Aproximando-se de Kinsella, Kaldor (1986) percebe que o traço mais surpreendente dos tempos modernos talvez seja a homogeneidade nos modelos de organização militar entre as nações. Em sua configuração contemporânea, a Ordem Militar Mundial encontra a matriz do seu desenho à atuação norte-americana a partir do fim da II Guerra Mundial. Desde então, talvez dinamizado pela inércia produtiva do seu esforço industrial na Grande Guerra por um lado, e a perspectiva de avanço do comunismo por outro, Washington empenhou-se na montagem de arranjos de segurança coletiva e alianças regionais marcadas pela homogeneidade do material bélico, organização específica da força, o compartilhamento doutrinário e exercícios militares conjuntos nos quais todo o anterior era colocado a prova. Pelos mecanismos estabelecidos, como a Organização do Tratado do Atlântico Norte (OTAN) por exemplo, a concessão de ajuda militar a aliados ganhara significativa expressão na política externa norte-americana.

Percebendo esta deliberada construção internacional, Mary Kaldor sustenta que “através das diversas formas de ajuda militar, conhecidas geralmente como *security aid*, os Estados Unidos foram capazes de modelar os exércitos estrangeiros a sua própria imagem”⁸. De fato, o objetivo central das concessões era estabelecer uma rede de influência política e dependência estratégica sobre os países receptores de armamento e instruções doutrinárias, majoritariamente concentrados na Periferia. Ernest W. Lefever confessava em 1978 que

O Programa de Treinamento e Assistência Militar tem sido e é um instrumento de política externa de baixo custo e baixo risco; tem servido ao interesse dos Estados Unidos em manter a estabilidade interestatal; e tem provido um canal de comunicação e de influência valioso com uma elite significativa, especialmente no Terceiro Mundo [...] O programa tem incrementado a eficiência, performance, e preparação das forças militares receptoras. Talvez de modo ainda mais significativo, estabeleceu uma ligação contínua entre os Estados Unidos e as lideranças militares dos Estados receptores, muitos dos quais ocuparão posteriormente posições de responsabilidade política.⁹

Aqui nos interessa apresentar o fundamento basilar e a força dinâmica que globaliza a homogeneização militar e torna possível a expansão da Ordem Militar Mundial vigente: o sistema de armas. Ainda que seja possível identificar seus

⁷ Outras interpretações sobre as dimensões subjetivas imputadas aos modelos de militarização e seus trechos podem ser encontradas em Luckham, Robin. Of arms and culture. *Current Research on Peace and Violence*. Vol. 7, No. 1, 1984.p. 1-64; Walker, R. B. J. Culture, Discourse, Insecurity. *Current Research on Peace and Violence*. Vol. 10, No. 1, 1987.p. 50-64; e Stuart, Ewan. Mass Culture, Narcissism and the Moral Economy of War. *Telos* 44. 1980.p. 74-87.

⁸ Idem., 124.

⁹ Lefever, Ernest W. The Military Assistance Training Program. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, March, 1976.

primórdios na segunda metade do século XIX,¹⁰ uma concepção mais madura sobre sistemas de armas inicia-se ao fim do século XX impulsionada pela competição naval entre Inglaterra e Alemanha,¹¹ que será arrefecida pela Força Aérea norte americana na década de 1950¹².

Em um amplo estudo sobre a incidência dos armamentos na cultura, Luckham procurou compreender o papel dos sistemas de armas nesse contexto.¹³ Para ele os armamentos constituem os artefatos culturais mais sofisticados já produzidos pela vanguarda da ciência moderna. Simultaneamente, o mesmo talvez por essa sofisticação, eles constituem penetrantes símbolos e como tais se inserem “em um tecido complexo de mitos e ideologias. Seu valor na guerra é conjecturado nos cenários dos estrategistas, seu valor social definido nas ideologias pelas quais os estadistas e as classes dominantes reclamam o direito ao controle da força organizada”.¹⁴ Com essa passagem, Luckham concorda com que o armamento extrapola sua função inicial e básica de instrumento da guerra para tornar-se representação coletiva dos símbolos de poder.

O conceito de sistemas de armas possui caráter tridimensional: desde uma simples observação material, se define pela sua concretude pura e simples, isto é, por uma plataforma (aeronave, lançador de míssil, etc.) e sua munição (míssil, ogiva, projétil), em conjunção com os meios de comunicação e de comando. Em um segundo plano de observação, o sistema de armas representa um complexo corpo de conhecimentos técnicos necessários ao seu desenvolvimento, produção e operação. Nesse sentido, indica o estágio de desenvolvimento tecnológico e industrial alcançado pela sociedade que o desenvolve. Por fim, em sua terceira dimensão de observação pode ser percebido como a expressão da organização social necessária à sua produção e utilização,¹⁵ O conceito, além de uma classificação específica de material militar, classifica pessoas e a sua organização social “O sistema de armas implica a existência de um elenco de cientistas que inventem as armas, operários que as construam, soldados que as utilizem e técnicos que as reparem”.¹⁶

A globalização dos sistemas de armas importa para nossa pesquisa, entre outros, por dois aspectos principais. O primeiro deles refere-se a sua correspondência

¹⁰ Van Creveld, Martin. *Technology and war: from 2000 B.C. to the present*. Nova Iorque: The Free Press, 1991, 137

¹¹ Kaldor, Mary. *El Arsenal Barocco*. Madrid: Siglo XXI, 1986, 8.

¹² Kaldor, Mary. *The Weapons Succession Process*. *World Politics*. Vol. 38, Nº 4, 1986, 579.

¹³ Para outra interessante referência de estudo sobre a relação entre armamentos e cultura, ver Walker, R. B. J. *Culture, Discourse, Insecurity*. *Current Research on Peace and Violence*. Vol. 10, No. 1, 1987, 50-64.

¹⁴ Luckham, Robin. *Of arms and culture*. *Current Research on Peace and Violence*, Vol. 7, Nº 1, 1984, 3.

¹⁵ Kaldor, Mary. *The Weapons Succession Process*. *World Politics*. Vol. 38, Nº 4, 1986, 579.

¹⁶ Kaldor, Mary. *El Arsenal Barocco*. Madrid: Siglo XXI, 1986, .8.

simbólica. Assim como o modelo militar prussiano ou francês guardava um valor intersubjetivo às nações latino-americanas no século XIX e XX, “o sistema de armas representa em sua essência uma forma de legitimação internacional para os governos do Terceiro Mundo e, ao mesmo tempo, uma admissão tácita de sua subordinação”¹⁷. Sua adoção significa a legitimação de uma determinada concepção do poder militar, agora considerado a partir da quantidade e qualidade de sistemas de armas possuídos,¹⁸ e a resignação subordinante também na ordem da decisão soberana.

O segundo aspecto que desejamos ressaltar refere-se à dependência criada pela adoção dos sistemas de armas. A compra de um sistema de armas impulsiona a compra de outros equipamentos similares. Kaldor exemplifica a afirmação ao mencionar que a compra iraniana de F-14's obrigou o governo a encomendar em seguida um Sistema Aéreo de Alerta e Controle, equipamento necessário ao rendimento ótimo das aeronaves. Além da necessidade material gerada pela compra, há ainda a demanda por recursos humanos. Aviões F-14 requerem em média seis pilotos, dezesseis operadores de rádio, três oficiais e manutenção em terra além de um oficial de inteligência.¹⁹ Pela complexidade que envolve sua operação, é comum que os militares envolvidos na utilização da aeronave recebam treinamentos oferecidos no exterior, usualmente sediados no país de origem do equipamento. A oferta de treinamento, assim como a venda dos armamentos, é utilizada como uma ferramenta de obtenção de influência política e como importante instrumento que reforça doutrinarmente a subordinação não apenas doutrinária, mas também estratégica. Isto fica meridianamente evidente no relatório entregue ao Congresso norte-americano em 1978:

O Departamento de Defesa entende que o treinamento de pessoal estrangeiro tem valor duradouro e proporciona uma contribuição simples, direta, eficaz e relativamente barata à consecução dos objetivos da política externa americana. A participação no programa, espera-se, criará laços com os Estados Unidos que perdurarão muito após o término do treinamento. O corpo de alunos do programa inclui diversos indivíduos que se tornaram militares de alta patente e líderes de governo em seus respectivos países.²⁰

A difusão do sistema de armas — fundamento material e simbólico da Ordem Militar Mundial — não somente aprofunda a dependência militar dos países im-

¹⁷ Idem., 136.

¹⁸ Ibidem., 135.

¹⁹ Ibidem.p. 126.

²⁰ Congressional Research Service. *United States Arms Transfers and Security Assistance Programs* Prepared for the U.S. Congress, House of Representatives, Committee on International Relations, Subcommittees on Europe and Middle East. Washington, D.C., 21 de março, 1978

portadores de material bélico, como também a torna mais complexa e estável. A organização baseada no sistema de armas impõe seu paradigma à corporação militar subordinada de tal forma, que os militares tendem a ignorar ou desconfiar de inovações, sejam elas organizacionais ou mesmo materiais, que não se enquadrem no paradigma assimilado. Esse comportamento adquirido no processo de transferência do sistema de armas leva a que as novidades apresentadas pela indústria de armamentos circunscrevam-se ao modelo pré-estabelecido, uma vez que qualquer defeção expressiva demandaria uma revisão completa dos padrões organizacionais das forças. De tal forma, as inovações limitam-se a aumentos na eficiência e à diversificação de funcionalidades, processo denominado por Kaldor como “barroquização” (*sic*)²¹. Essa tendência tem duas consequências desfavoráveis aos países periféricos dependentes: 1) aumento crescente nos custos de produção dos armamentos, o que torna cada vez mais difícil para esses países estruturar uma base industrial de defesa sólida, mantendo-os na dependência; e 2) a utilização desses armamentos é progressivamente mais complexa, criando uma permanente demanda por treinamento dos efetivos no exterior, o que reforça a dependência doutrinária e condiciona a subordinação estratégica.

Acredito que esta breve e incompleta discussão bibliográfica, embora insuficiente para esgotar o tema e a abrangência de abordagens, tenha sido suficiente para vislumbrar a fertilidade de desdobramentos do caminho escolhido para nossa reflexão. Não obstante acredite que as consequências práticas e políticas da nossa pesquisa serão importantes e reveladoras, duvido que impactem seriamente na corporação militar, acomodada por formação em um arraigado paradigma ou na classe política desinteressada pelos temas da Defesa e muitas vezes comprometidos com o modelo dependente. Ainda assim, tenho convicção da importância que os resultados da pesquisa poderão representar para os estudos de Defesa, de Segurança Internacional e da Estratégia na área das Relações Internacionais. Finalmente, devo esclarecer que a crítica à *mistificação da tecnologia* na reflexão estratégica e a Defesa não se estende à negação da tecnologia em geral, nem ao seu uso racional e pragmático nos diferentes âmbitos da atividade humana, inclusive na reflexão estratégica e o preparo para a Defesa.

Referências Bibliográficas

1. Abetti, P.; Maldifassi, J. *Defense Industries in Latin American Countries: Argentina, Brazil, and Chile*. London: Praeger, 1994.
2. Ayoob, Mohammed. The Security Problematic of the Third World. *World Politics*, 1991.

²¹ Kaldor, Mary. The Weapons Succession Process. *World Politics*. Vol. 38, Nº 4, 1986. Para uma discussão mais completa Kaldor, Mary. *El Arsenal Barocco*. Madrid: Siglo XXI, 1986.

3. Ball, Nicole. The Political Economy of Defense Industrialization in the Third World. In: ROSS, Andrew. *The political economy of defense*, 1991.
4. Bousquet, Antoine. *The scientific way of warfare: order and chaos on the battlefields of modernity*. New York: Columbia University Press, 2009.
5. Brasil. Ministério da Defesa. *Estratégia Nacional de Defesa*. 2012. Disponível em: <<http://www.defesa.gov.br/arquivos/2012/mes07/end.pdf>>. Acesso em: 19 jan. 2017.
6. Brunton, Bruce. Institutional origins of the military-industrial complex. *Journal of Economic Issues*, vol. 22, n. 2, 1988, p. 599-606.
7. Brzoska, Michael; Ohlson, Thomas. Arms production in the third world: an overview. In: Brzoska, Michael; OHLSON, Thomas. *Arms production in the third world*. Taylor & Francis, 1986.
8. Brzoska, Michael. The Impact of Arms Production in the Third World. *Armed Forces and Society*, 1989.
9. Buzan, Barry; Herring, Eric. The arms dynamic in world politics. Colorado: Lynne Rienner, 1998.
10. Buzan, Barry. *Introducción a los estudios estratégicos: tecnología militar y relaciones internacionales*. Madrid: Servicio de publicaciones del E.M.E, 1991.
11. Catrina, Christian. *Arms Transfers and Dependence*. New York: Taylor and Francis, 1988.
12. Eyre, Dana; Suchman, Mark. Status, Norms, and the Proliferation of Conventional Weapons: An Institutional Theory Approach. In: Katzenstein, Peter J. (org.). *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. Nova York: Columbia University Press, 1996.
13. Gilpin, Robert. *War and change in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
14. Habermas, Jürgen. *Técnica e ciência como "ideologia"*. São Paulo: Editora Unesp, 2014.
15. Hornborg, Alf. *Symbolic technologies: machines and the Marxian notion of fetishism*. Anthropological theory, vol. 1, 2001.
16. Horowitz, Michael. *The diffusion of military power*. New Jersey: Princeton University Press, 2010.
17. Kaldor, Mary; Eide, Asbjorn. *The World Military Order: the impact of military technology on the Third World*. London: The Macmillan Press, 1979.
18. Kaldor, Mary. *El arsenal barroco*. Madrid: Siglo XXI de España Editores, 1986.
19. Kaldor, Mary. The Significance of Military Technology. *Bulletin of Peace Proposals*, vol 8, no 2, 1977.
20. Krause, Keith. *Arms and the State: patterns of military production and trade*. Cambridge: University Press, 1992.
21. Krause, Keith. The Political Economy of the International Arms Transfer System: The Diffusion of Military Technique via Arms Transfers. *International Journal*, vol. 45, 1990.
22. Lock, Peter; Wulf, Herbert. The economic consequences of the transfer of military-oriented technology. In: Kaldor, Mary; Eide, Asbjorn. *The World Military*

Order: the impact of military technology on the Third World. London: The Macmillan Press, 1979.

23. Luckham, Robin. Armament culture. *Alternatives*, Summer, pp. 1-44, 1984.

24. Rouquié, Alain. O Estado militar na América Latina. Alfa-Ômega, 1982.

25. Saint-Pierre, Héctor. L.; Zague, José. A. *La industria de la defensa y la autonomía estratégica: el caso de Brasil*. *Revista Patria*, n. 2, 2014, p. 181-191.

26. Tilly, Charles. *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990*. Massachusetts: Oxford: Basil Blackwell, 1990.

27. Van Creveld, Martin. *Technology and War: from 2000 B.C. to the present*. New York: The Free Press, 1991.

28. Wendt, Alexander; Barnett, Michael. Dependent state formation and Third World militarization. *Review of International Studies*, 1993, p. 321-347.

29. Wendt, Alexander. *The states system and global militarization*. 1989. Tese (Doutorado em Filosofia) — Graduate School of the University of Minnesota, 1989.

30. Wulf, Herbert. Arms Production in the Third World. In: *SIPRI Yearbook 1985: World Armaments and Disarmament*. Oxford: Oxford University Press, 1985.

Cuestión Malvinas, Atlántico Sur y problemática de Seguridad internacional en curso

Malvinas, Atlántico Sur and problematic issues International security in progress

Resumen: La Cuestión Malvinas —cuyo núcleo básico es la disputa entre Argentina y el Reino Unido— y la situación del Atlántico Sur son en parte tributarios de la problemática de seguridad internacional en curso. A examinar algunos aspectos y articulaciones de esta tríada se dedica esta ponencia.

Palabras claves: Cuestión Malvinas; Atlántico Sur; seguridad internacional; aspectos; conexiones.

Abstract: The Malvinas Question —whose basic core is the dispute between Argentina and the United Kingdom— and the South Atlantic situation are, in part, tributaries of the international security problematic in progress. To examine some aspects and conexions of this triad is dedicated this paper.

Key words: Malvinas Question; South Atlántic; international security; aspects; coenxions

Delimitación del Atlántico Sur

Conforme al Tratado de la Organización del Atlántico Norte (OTAN), el Trópico de Cáncer constituye el límite sur del espacio marítimo que aquel norteeño océano comprende. Por otra parte, se suele sostener haciendo hincapié en razones geográfico-morfológica que la separación —obviamente artificial— de las porciones norte y sur del Atlántico está marcada por la línea del Ecuador. Sobre ambos cortes se puede presentar reparos.

Conforme al criterio de la OTAN —que no se expide explícitamente sobre el Atlántico Sur pues ese no es el objeto específico de su preocupación— todas las islas antillanas que posean algún perfil costero bañado por el Atlántico ubicadas al sur del Trópico de Cáncer, más todo el litoral marítimo de Sudamérica incluyendo a Venezuela, Surinam, Guyana y la Guyana Francesa quedarían comprendidos por aquel. Abarcaría, asimismo, un amplio arco de países de Africa Occidental. En tanto que el Atlántico Sur delimitado por la línea del Ecuador agrupa solamente a tres países sudamericanos (Argentina, Brasil y Uruguay) que son ribereños. Y a seis países de

¹ ernestojustolopez@gmail.com
Universidad Nacional de Lanús/Argentina

Africa sudoccidental: Gabón, Congo, República Democrática de Congo, Angola, Namibia y Sudáfrica.

En cualquiera de los dos casos debe agregarse asimismo las disputadas Islas Malvinas, Georgias y Sandwichs del Sur, así como las británicas Santa Elena y Tristán da Cunha, a las que debe sumarse la isla de Ascensión, que el Reino Unido arrienda a los Estados Unidos.

El corte canceriano tomado en su totalidad es ampliamente heterogéneo y contiene una excesiva complejidad, que incluye formalmente una gran número de actores que —paradójicamente— se definen a sí mismos como caribeños antes que como sudatlánticos. Por el contrario, la cisura ecuatorial es excesivamente simplificada. Así las cosas, en este trabajo se opta por aplicar el corte ecuatorial con respecto al borde occidental de la cuenca sudatlántica (que admite la inclusión de solamente los tres países antedichos: Argentina, Brasil y Uruguay) y el corte canceriano en lo relativo a su borde oriental. Esto último es importante porque favorece la incorporación de un numeroso grupo de países africanos que integran la Zona de Paz y Cooperación del Atlántico Sur (ZOPACAS), creada por Naciones Unidas en 1986. Forman parte de ella Argentina, Brasil y Uruguay, y 21 países africanos: Angola, Benín, Cabo Verde, Camerún, República de Congo, República Democrática de Congo, Costa de Marfil, Gabón, Gambia, Ghana, Guinea, Guinea Bisau, Guinea Ecuatorial, Liberia, Namibia, Nigeria, Santo Tomé y Príncipe, Senegal, Sierra Leona, Sudáfrica y Togo.

Importancia económica y geopolítica del Atlántico Sur

Como es sabido, el espacio marítimo sudatlántico posee recursos naturales renovables y no renovables apreciables, especialmente pero no exclusivamente pesca y petróleo. Esto es particularmente importante para Argentina y Brasil. Alberga además rutas comerciales que no son las más relevantes del planeta pero no dejan por ello de ser significativas. Hasta la inauguración del Canal de Suez (1869), el enlace entre los Océanos Índico y Atlántico Sur fue fundamental para facilitar el comercio entre Oriente y Europa, como asimismo entre Oriente y la costa este del continente americano. Durante la segunda mitad del siglo XX el canal fue cerrado dos veces, en 1956 y 1967 respectivamente, debido a enfrentamientos bélicos, dando asidero a la importancia geopolítica que aun retenía la ruta bioceánica: era la única opción alternativa Suez. Ante el auge del transporte marítimo del petróleo —que aún se mantiene— el corredor sudatlántico fue utilizado por los superpetroleros que excedían por su tamaño las medidas requeridas para transitar por el canal. Hoy en día, no obstante su ampliación terminada en 2015, hay buques transportadores de crudo que ya lo exceden y utilizan la vieja ruta del cabo de Buena Esperanza para llegar hasta Europa. Otros hacen un trayecto mixto: pasan por Suez cargados y regresan

por el antedicho cabo porque es menos costoso: el combustible está barato y el peaje del canal es caro. Debe puntualizarse también, que una porción del comercio internacional de China se desplaza por el corredor Indico-Atlántico Sur de manera permanente: la que se dirige a la costa este de los Estados Unidos de todo el continente americano.

Por otra parte, la búsqueda de un paso entre el Atlántico y el Pacífico al sur del continente americano fue un temprano anhelo de las potencias de la época. Como se sabe, Hernando de Magallanes avistó y navegó el canal interoceánico que lleva su nombre en 1520, que junto con el Pasaje Drake –descubierto pocos años después— permiten el tránsito interoceánico. La construcción del Canal de Panamá, inaugurado en 1914, facilitó la interconexión entre ambos mares. En este caso, incluso para navíos de guerra que no excedieran las posibilidades del mismo. Pero la conexión austral se mantuvo siempre como alternativa: para los petroleros y los buques de guerra que excedían (exceden) las dimensiones del canal. De nuevo pues aparece la relativa importancia otorgada a las aguas sudatlánticas en virtud de la opción que ofrecen respecto de la vía panameña.

Last but not least, el Atlántico Sur es, asimismo, una de las puertas de entrada a la Antártida no por azar denominada, a veces, el continente del futuro.

Importancia estratégica y contexto actual del Atlántico Sur

El control y vigilancia de los mares, de sus puntos sensibles como los estrechos y los pasos interoceánicos fue indispensable para el desenvolvimiento de los reinos europeos y sus respectivas sociedades y economías desde el siglo XVI en adelante. Más tarde lo fue también para los Estados Unidos. Reinos y Estados precisaban resguardar el arribo de riquezas (oro), materias primas y suministros básicos a las metrópolis, tanto como facilitar el despliegue y la proyección de fuerzas militares hacia el mundo colonial. Ambas dimensiones, a su vez, contribuían al fortalecimiento de la capacidad de influencia y de disuasión de esos Estados. Y todavía lo hacen. Obviamente estos criterios generales se aplicaron y se aplican en la actualidad también al Atlántico Sur.

La historia de la construcción de un poderío británico que llegó a tener rango de imperio está ligada al desarrollo naval y a su capacidad de desplegar fuerza militar en diversos lugares del mundo. Lo anterior queda meridianamente claro si se ejemplifica con el establecimiento de bases naval/militares y puntos de apoyo enlazadas entre los Océanos Indico y Atlántico. En el primer tercio del siglo XIX, en prevención de la necesidad de desplegar fuerzas y en beneficio (o al servicio) de los avances en materia de autorizaciones de explotación comercial o de desenvolvimiento de posesiones coloniales conseguidas en India, China Ceylan, Singapur, Sumatra y Borneo, entre otros territorios, el Reino Unido hilvanó las islas Mauricio

(1810), Seychelles (1814) y Diego García (1816), en el Indico, con Ascensión (1814), Tristán da Cunha (1816) y Santa Elena (1818), en el Atlántico Sur. A ellas sumaron las Malvinas en 1833, islas “externas” al antedicho arco pero próximas a Tristán da Cunha y Santa Elena: un dispositivo que jalonaba una amplia parte del trayecto entre Asia y Europa, precisamente el que está más alejado del Reino Unido. Muy pocos años después comenzó la larga monarquía de la Reina Victoria (1837-1901) que marcó el apogeo del Imperio Británico.

En la actualidad, el antedicho arco se conserva en lo sustancial, pero con leves variantes: las islas Mauricio y Seychelles se han independizado pero forman parte del Commonwealth. El Reino Unido arrienda a Estados Unidos las islas de Diego García y Ascensión, en las que han establecido bases militares. Gran Bretaña conserva, no obstante, la posibilidad de usarlas. Esta ristra curvada de bases y puntos de apoyo con su “tangente” hacia el archipiélago malvinense resulta esencial para mantener una posición de dominio por parte del Reino Unido.

Estados Unidos, por su parte, divide hoy el Atlántico Sur en dos sectores sobre los cuales ha asentado dos potentes comandos militares generales: el Comando Sur que concierne a América Latina con la única exclusión de México y el Comando Africa, que atañe a todo ese continente con la excepción de Egipto. Específicamente sobre la porción sudamericana del Atlántico Sur tiene prevista la actuación de un componente naval potencial: la IV Flota, que tiene constituido su comando general en Jacksonville, Florida, pero carece de buques de guerra asignados en forma estable. Tiene previsto para casos de necesidad constituir una flota *ad hoc* con barcos que se hallen disponibles y cercanos. El comando Africa, por su parte, es atendido por la poderosa VI Flota que vigila el perfil occidental de la costa africana, si bien su interés principal se halla sobre el Indico desde el cual controla el perfil oriental del continente africano y una porción de Asia occidental donde, entre otros puntos de enorme significación, se encuentran los estrechos de Ormuz y de Bab el Mandeb, vitales para el tráfico de petróleo. Además, debe sumarse a esto la importante base aeronaval de la isla Ascensión, ya mencionada. Como se ve, el dispositivo militar estadounidense destinado al Atlántico Sur es poderoso y se potencia con la asociación estratégica que desde hace décadas han establecido Estados Unidos y Gran Bretaña.

Valoración estratégica del Reino Unido del espacio sudatlántico

Los intereses generales británicos en el Atlántico Sur no difieren de los señalados en el comienzo del acápite anterior: supervisión y control de vías de comunicación y rutas comerciales; vinculado a esto: vigilancia de los abastecimientos de materias primas y otros bienes esenciales; tránsito, despliegue y proyección de fuerzas militares; fortalecimiento de la influencia internacional y de la capacidad de disuasión. En lo específicamente relacionado con las Malvinas privilegia la explotación y

exploración de recursos naturales; el establecimiento de áreas exclusivas de explotación económica; y su defensa en tanto territorio de ultramar británico, para todo lo cual mantiene un fuerte contingente militar en ellas, que terminó constituyendo lo que hoy se conoce como la Fortaleza Malvinas. Este despliegue se compone, en la actualidad, de fuerzas de infantería, de fuerzas navales y de unidades aéreas. Cuenta cuatro aviones de combate Typhoon Eurofighter, el cazabombradero más poderoso de que dispone hoy la OTAN, un Hércules C 130 de transporte de personal y/o carga, un avión Voyager para reabastecimiento en vuelo, dos helicópteros Chinook también de transporte de carga y una batería de misiles Rapier tierra-aire. Asimismo, mantienen por lo menos un destructor o una fragata y un patrullero de la Royal Navy, y presumiblemente a juzgar por la información periodística dispone también del apoyo de submarinos.

Ahora bien, la valoración estratégica que los británicos hacen hoy en día del Atlántico Sur no puede estar desprendida de su percepción general sobre la seguridad internacional y de los intereses y prioridades que establecen en ese nivel. Conviene comenzar por recordar que la percepción británica actual ha estado (y está) fuertemente impregnada por la experiencia de la guerra de Malvinas y por el drástico cambio de política frente a la cuestión Malvinas impuesto por los gobiernos de Néstor y Cristina Kirchner, en el período 2003-2015. Este lapso coincide con hechos de enorme significación en la reconfiguración del contexto de seguridad internacional: el ataque a las Torres Gemelas en Nueva York (2001), el comienzo de la guerra de Afganistán, también en 2001, que el presidente Barak Obama dio por finalizada en 2014 pero aún continúa y la Guerra de Irak, que se desarrolló entre 2003 y 2011. En ambos conflictos bélicos Estados Unidos y el Reino Unido actuaron en estrechísima asociación. Conviene no olvidar, asimismo, que el entonces presidente George W. Bush, en su discurso a la Nación del 29 de enero de 2002, introdujo el concepto de Eje del Mal en el que incluyó a Irán, Irak y Corea del Norte. Pocos años atrás, durante el segundo gobierno de Clinton, se puso en boga el concepto de *Rogue States* (Estados canallas) que incluía a los recién mencionados más Siria, Afganistán y otros. De modo que tanto las conceptualizaciones predominantes como las acciones elevaron a la guerra al terrorismo internacional como uno de los objetivos centrales de la agenda de seguridad internacional en aquel, se mantienen hasta el día de hoy.

Volviendo al tiempo presente, puede mencionarse que en el Prefacio del documento producido por el gobierno británico denominado *National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015*, que firma el entonces Primer Ministro del Reino Unido David Cameron, éste indica:

- i) Que se ha conseguido superar la situación deficitaria que afectaba al área de la defensa desde 2010, que las cuentas están balanceadas y que en los próximos cinco años se avanzará en una reconfiguración de las Fuerzas Armadas Británicas, que entre otras iniciativas contemplará la creación de

dos nuevos escuadrones de Typhoon, un escuadrón de aviones F35, nueve aeronaves de patrulla marítima para proteger la capacidad de disuasión nuclear, dos nuevas brigadas de combate con capacidad de despliegue rápido, se incrementará el equipamiento de las Fuerzas Especiales y se reemplazarán cuatro submarinos misilísticos (curiosamente no alude al desarrollo de dos nuevos portaaviones a los que hará referencia el documento, más adelante); y

- ii) Esboza las cuatro metas mayores que se perseguirán en los años venideros: a) disuadir las amenazas de base estatal; b) combatir al terrorismo; c) mantener al Reino Unido como uno de los líderes en materia de cyber-seguridad; y d) asegurar capacidad de respuesta frente a crisis emergentes.² (United Kingdom: 5-6).

Los puntos B y C del Capítulo 4 del citado documento desarrollan más extensamente el programa presentado por Cameron, previsto para reforzar y modernizar las fuerzas armadas británicas tanto en el plano convencional como en el nuclear mediante un amplio plan de inversiones. Entre las muchas iniciativas previstas, se destacarán aquí solamente dos, por su importancia y a modo de ejemplo. Se incorporará a la flota dos nuevos submarinos de avanzada denominados clase Successor, que reemplazarán a los viejos Vanguard todavía activos. El sistema de defensa/ disuasión nuclear británico se basa hoy en esos sumergibles que son portadores de los misiles Trident que, a su vez, están bajo proceso de revisión debido a que hace ya muchos años que están en servicio. Por otra parte, los dos portaaviones que el Reino Unido tenía en uso hasta no hace mucho se hallan actualmente fuera de servicio, en reparaciones; en cualquier caso, tiene previsto incorporar otros dos portaviones de nuevo diseño a la flota llamados tipo Queen Elizabeth, a partir de 2018 según indicaba el documento citado inmediatamente más arriba.³

En este marco, el documento aborda y desmenuza diversas problemáticas. Las que podrían ser consideradas como centrales son las cuestiones relativas al terrorismo y al extremismo de base islámica, donde menciona explícitamente al ISI y a al Qaida; las amenazas de origen estatal, entre las que destaca el caso de Rusia luego de la anexión de Crimea y de su apoyo a los separatistas del este de Ucrania y a la amenaza que representa su despliegue de fuerzas nucleares en Kaliningrado y Crimea; concluye “que no se puede excluir la posibilidad de que pueda ser tentada [Rusia] a actuar agresivamente contra a los integrantes de la OTAN”.⁴ Analiza cuestiones referidas a la ciber-seguridad, al crimen organizado, al estado de sus alianzas

² United Kingdom: National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015.

³ Recientemente —el 16 de agosto de 2017— se anunció que había sido botado el Queen Elizabeth, primer portaviones de la nueva serie Evidentemente, los plazos previstos inicialmente se han acortado. Véase <https://mundo.sputniknews.com/defensa/201708161071614956-reino-unido-real-marina-portaviones/>

⁴ United Kingdom: *op. cit.*, 18

y asociaciones estratégicas y militares, repasa la situación del mundo musulmán: Arabia Saudita, Siria, Irak, Afganistán, Libia, etc. Merece destacarse que a lo largo del texto en consideración se hace solamente dos alusiones a Malvinas. Una referida al derecho a la autodeterminación de los isleños para cuya defensa se indica y la otra que: “... el riesgo de un ataque militar es bajo, pero retenemos una postura de disuasión con fuerzas militares suficientes, que incluyen naves de guerra de la Royal Navy, unidades del Ejército y aviones Typhoon de la RAF. Invertiremos hasta £ 300 millones durante los próximos 10 años para mejorar las comunicaciones operacionales, renovar los sistemas de defensa aérea existentes y actualizar infraestructura”.⁵ La cifra es absolutamente menor en el marco del amplio plan de reequipamiento y modernización de las fuerzas armadas puesto en marcha por Cameron. Pero un promedio de £ 30 millones anuales en inversiones no es poco para las islas. La otra mención, breve, es la siguiente: “Continuaremos fomentando en el nuevo gobierno argentino el respeto por un orden basado en el apego a reglas internacionales, particularmente en relación a las islas Malvinas (Falkland)”.⁶

No se hace ninguna mención explícita al Atlántico Sur.

Como se sabe, el Reino Unido es signatario del Convenio Antártico y reclama un territorio en la Antártida que coinciden en parte con los pretendidos por Argentina y Chile. La custodia de este interés abona también las posiciones estratégicas británicas.

Valoración estratégica de Estados Unidos del espacio sudatlántico

El despliegue de fuerzas norteamericanos examinado más arriba pone en evidencia que el Atlántico Sur le importa a EEUU por las mismas razones generales expuestas más arriba con respecto a Gran Bretaña: supervisión y control de vías de comunicación y rutas comerciales; vigilancia de los abastecimientos de materias primas y otros bienes esenciales; tránsito, despliegue y proyección de fuerzas militares; etc. Estados Unidos impulsa la participación de recursos navales, aéreos y/o militares, en acciones de duración variable en apoyo a operaciones antiterrorista, en algunos países de la costa de Africa Occidental (Nigeria es quizá el caso más notorio por la presencia allí del grupo Boko Haram) y del eje Magreb-Sahel⁷. En el otro costado, en la costa sudamericana sudatlántica el acento norteamericano está puesto en la lucha contra las narcoactividades. A este respecto fomenta acciones de asistencia y adiestramiento, tanto como operaciones combinadas que se han realizado con su

⁵ Ibid: 25

⁶ Ibid: 59

⁷ Herrero R. y Machin N.: El eje Magreb-Sahel: la amenaza del terrorismo, Revista UNISCI/Universidad Complutense de Madrid, Journal n° 39, oct. 2015; <https://www.ucm.es/data/cont/www/pag-74789/UNISCIDP39-8RUBEN-NIEVA.pdf>; consulta efectuada el 05/05/2017.

apoyo en Colombia, en Perú y en la zona amazónica fronteriza, en la que han confluído estos dos países más Brasil.⁸

En ninguno de los dos casos el Atlántico Sur como espacio marítimo específico tiene mayor relevancia estratégica que la general mencionada al comienzo de este apartado. En los territorios aledaños, en cambio, el combate al terrorismo en África y el combate contra el narcotráfico en América Latina sí la tienen y aparecen como objetivos dominantes.

Ahora bien, tal como se ha planteado para el caso británico, hay que señalar que la valoración estratégica que los norteamericanos hacen hoy en día del Atlántico Sur no puede estar desprendida de su percepción general sobre la seguridad internacional y de los intereses y prioridades que establecen en ese nivel.

En el último *Quadrennial Defense Report Review* presentado por el Departamento de Defensa de los Estados Unidos, que es de 2014, el entonces Secretario de Defensa, Chuck Hagel indicaba que era necesario adaptar, reconfigurar y rebalancear las fuerzas militares norteamericanas. Y establecía tres pilares estratégicos prioritarios: “...defender la patria (homeland); construir seguridad global mediante la proyección de la influencia de los Estados Unidos y la capacidad de disuasión de agresiones; permanecer preparados para triunfar decisivamente contra cualquier adversario en caso de que fracase la disuasión”.⁹

¿Por qué era necesario el rebalance? Estados Unidos, como se ha indicado ya, se había embarcado en 2001 en la guerra de Afganistán y en 2003 en la de Irak lo que daría inicio a un prolongado *raid* bélico en el mundo islámico, que persiste hasta el día de hoy. A trece años de aquel comienzo —repárese que el documento en consideración es de 2014— examinar lo hecho y modificar lo que fuera necesario aparecía como conveniente. Además, como la misma *Review* lo señala, algunas características de la guerra habían cambiado. En ese momento (2014) se debía hacer frente a un “...amplio espectro de conflictos que van desde el combate híbrido contra grupos violentos que usan aproximaciones asimétricas, hasta enfrentamientos con poderes estatales que tienen armas de destrucción masiva”.¹⁰ Por otra parte, también era necesario poner en marcha una reducción presupuestaria por un lapso de 5 años, a partir de 2015.¹¹

⁸ Véase por ejemplo: Diálogo. Revista Militar: “Militares de Colombia, Perú y Brasil en operaciones conjuntas en frontera”, 29/11/2010; <https://dialogo-americas.com/es/articles/militares-de-colombia-peru-y-brasil-en-operaciones-conjuntas-en-frontera>; consulta efectuada el 05/05/2017.

⁹ Department of Defense, USA: Quadrennial Defense Review, p. I <https://www.defense.gov/News/Special-Reports/QDR/>

¹⁰ Ibid: p. VII

¹¹ Ibid: p IV

El documento agrega a esto una puesta al día de los escenarios y desafíos más importantes a enfrentar. En este último plano las prioridades señaladas en el documento son:

- a) atención especial a la región Asia/Pacífico, en la que habían emergido nuevos actores significativos en razón del incremento de su poderío económico/comercial y/o militar; los dos casos que reciben más énfasis son China y Corea del Norte.
- b) Oriente Medio y otras regiones o países musulmanes convulsos (Yemen y Libia, vgr.)
- c) el terrorismo internacional
- d) Irán
- e) Rusia, todavía tratada con cierta benevolencia (repárese en que la anexión de Crimea y los episodios de apoyo a la autonomización de Ucrania de dos provincias del este ocurren en el mismo año en que se publicó el documento).
- f) América Latina, para la que se menciona explícita y exclusivamente las cuestiones del narcotráfico y el crimen organizado internacional.

También se menciona la problemática de la ciber-defensa. Ni el Atlántico Sur ni las Malvinas están mencionados.

Dos años después, en septiembre de 2016, el entonces Secretario de Defensa de los Estados Unidos, Ashton Carter, en la Blavatnik School of Government, de la Universidad de Oxford, definía los cinco mayores desafíos que enfrentaba su país: “...la agresión rusa, una creciente y agresiva China, la disuasión a una nuclearizada Corea del Norte y su provocación misilística, controlar la agresión iraní y su maligna influencia, y derrotar a ISIS y su pariente tumor en Iraq y Siria, y en cualquier lado en que haga metástasis”.¹²

Presencia y encuadre estratégico de Argentina en el Atlántico Sur

Argentina es Autoridad Responsable de la Búsqueda y Salvamento en el Atlántico Sur. Hay un convenio específico para ello establecido en el marco de la Organización Marítima Internacional (OMI), un organismo especializado de la ONU. Esta es una función relevante que entraña una responsabilidad también muy importante para Argentina. Tiene asimismo una presencia destacada y continuada desde hace décadas en la Antártida, a partir de las bases militares y científicas que ha instalado allí. Además (y desde luego) es signataria y miembro del Tratado Antártico. Forma parte también de la Zona de Paz y Cooperación del Atlántico Sur (ZOPACAS), como ha sido ya indicado. Esta asociación orienta particularmente

¹² Department of Defense/USA: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/936831/remarks-by-secretary-carter-at-the-university-of-oxfords-blavatnik-school-of-go/>

su atención hacia la prevención, en el ámbito sudatlántico, de la proliferación de armas nucleares y hacia la reducción de su militarización, objetivos que quedaron consignados en la Resolución 41/11 de la Asamblea General de Naciones Unidas de 1986, que le diera origen. En 1994, los países de la Zona aprobaron la Declaración de Desnuclearización del Atlántico Sur, en una Cumbre de los Estados Miembros realizada en Brasilia.

Pero aquí se acaban las buenas noticias. Debido al prolongado constreñimiento del presupuesto de Defensa, el país ha ido perdiendo capacidad defensiva. Un claro ejemplo de ello ha sido que durante la visita que el entonces presidente Obama hizo a Argentina en marzo de 2016, Argentina carecía ya aviones supersónicos que escoltaran su ingreso al espacio aéreo nacional: ¡lejana estaba la época en que los Dagger y los Super Etendard se habían batido con arrojo en la guerra de Malvinas! La situación es que, desde hace varios años atrás, ni la Armada ni la Fuerza Aérea están en condiciones de hacerse presentes con continuidad en el espacio aéreo o marítimo del Atlántico Sur. Y si bien ese mar y su lecho poseen hidrocarburos, yacimientos metalíferos, gases hidratados y nódulos de manganeso, entre otros destacables recursos, lo único que efectivamente se explota —y en una magnitud menor en comparación con el potencial que tiene— es la pesca. Podría decirse que, en rigor, Argentina no ha sido capaz aun de elaborar un plan de desenvolvimiento del litoral patagónico que fortalezca el desarrollo productivo y comercial de las ciudades y zonas costeras que, a su vez, se proyecte hacia su espacio marítimo.

Por otra parte, ha tenido posturas estratégicas oscilantes frente a la Cuestión Malvinas. No ha podido construir una posición persistente debido a las diferentes posiciones políticas sostenidas por los presidentes que se sucedieron desde 1983 en adelante, y a las diferencias políticas que han existido y todavía existen entre sus diversos actores políticos.

Cuestión Malvinas: antecedentes y presente

Las Islas Malvinas estuvieron históricamente bajo jurisdicción española. Es obvio pero necesario recordar que Cristóbal Colón, quien descubrió América, actuaba en representación de España. Las bulas del papa Alejandro VI y el Tratado de Tordesillas establecieron una primer delimitación, a fines del siglo XV, que adjudicó a aquella el dominio sobre América del Sur y sobre el Atlántico Sur, que obviamente incluía a las Malvinas. Desde aquel entonces desarrolló la conquista y colonización de amplísimos territorios americanos tanto en el norte (México) como en Centro y Sudamérica. En el siglo XVII, en el tratado Americano de 1670 reconoció la jurisdicción española en la América del Sur, lo que se ratificó en con la Paz de Utrech en 1713, entre otros documentos de esa naturaleza.

En el último tercio de este siglo XVIII el Reino Unido ocupó subrepticamente posiciones en la isla Gran Malvinas, en un sitio que llamó Puerto Egmont. España expulsó de allí a los británicos en 1770, luego de lo cual se abrió un periodo de negociaciones que incluyó una breve reinstalación británica en dicho puerto que, finalmente, abandonó en 1774. A partir de entonces España fomentó la ocupación y colonización de las islas y designó autoridades gubernamentales que dependieron inicialmente de la Real Audiencia de Buenos Aires (dependiente del Virreinato del Perú) y desde 1776 del flamante Virreinato del Río de la Plata, cuya cabecera era la ciudad de Buenos Aires. En 1811, ya iniciada la Guerra de Independencia contra España, las autoridades de las islas y un pequeño contingente militar que las custodiaba se replegó hacia Montevideo, que se hallaba aún bajo control español (no así Buenos Aires que había iniciado el movimiento libertario en el sur).

En 1820, el gobierno de Buenos Aires decidió tomar posesión efectiva de las islas y reponer autoridades, para lo cual envió al capitán David Jewwet que prestaba servicio a las nuevas autoridades. Desde entonces se sucedieron tres gobernadores: Pablo Areguatí, Luis Vernet y Esteban Mestiver.

En 1833 el Reino Unido despachó una expedición que desalojó a las autoridades argentinas y expulsó a los criollos residentes en las islas. Y se hizo cargo de su gobierno y de su repoblamiento.¹³ Argentina protestó ante el Reino Unido y fundamentó su posición en el *uti possideti juris*, es decir en el derecho que se deriva de ser quien reemplaza — puede decirse también hereda— a quien tenía con anterioridad derechos de soberanía sobre un territorio determinado. Derecho que se confirmó plenamente en el Tratado de Paz y Amistad entre España y Argentina firmado en 1859, en el que la primera reconoció la soberanía de la segunda sobre un territorio que con anterioridad había poseído ella (España).

Gran Bretaña, por su parte, sostuvo durante el siglo XIX y parte del XX que ella era poseedora de soberanía a partir de los descubrimientos de las islas hechos por los marinos John Davis en 1592 y Richard Hawkins en 1594. Esta pretensión inglesa tenía poco sustento pues marinos portugueses y españoles habían avistado y arribado con anterioridad las islas. Incluso el marino holandés Sebald de Weert llegó el archipiélago y lo cartografió con bastante precisión antes de que hicieran su aparición Davis y Hawkins.

Con el paso del tiempo, el desarrollo de la historiografía y de la cartografía llegaron en auxilio de Argentina: se demostró fehacientemente que marinos españoles y portugueses las habían descubierto y cartografiado con precisión mucho tiempo antes, lo que corroyó la argumentación inglesa. También la geografía comenzó a pesar: ya a comienzos del siglo XX era evidente para los profesionales de esa disciplina, que las islas eran una continuidad territorial de la parte sudeste de América del

¹³ Como es sabido, en 1982 sobrevino la guerra de Malvinas; Argentina ocupó las islas por un corto tiempo pero debió capitular y las islas quedaron nuevamente en poder de los ingleses.

Sur, de la misma manera que lo eran las islas de Tierra del Fuego y la de los Estados, que son argentinas. Y que por lo tanto no podía ser considerada como una *res nulla*, como pretendía el Reino Unido.

A raíz de las guerras de liberación y las luchas por la independencia del mundo colonial, acrecentadas en los años cuarentas y cincuentas, la ONU tomó cartas en el asunto y dio un primer paso significativo al aprobar su Asamblea General la Res. 1514, en 1960. Esta instó a acelerar el proceso de descolonización a partir de principios fundamentales: el reconocimiento del derecho a la libre determinación de los pueblos y el derecho al mantenimiento de la integridad territorial de los territorios de los pueblos colonizados. La Asamblea General en una primera fase y luego también su Comité de Descolonización examinaron diferentes casos en los que sobrevivía una situación colonial en base a dichos dos criterios. Para el caso Malvinas consideró —y considera— que se trató —y trata— de una cuestión asentada sobre una disputa de soberanía entre Argentina y el Reino Unido, tal como reza el texto de la Res. 2065 de 1965, que fue la primera expedida por ONU sobre este asunto y se reitera hasta el día de hoy. Exhorta a ambos países, además, a mantener conversaciones orientadas a superar el diferendo. En la medida en que dicha resolución no alude al derecho de autodeterminación —por la obvia de que las islas carecieron de población vernácula— la discusión sobre la cuestión de soberanía aludida por la Asamblea solo puede encuadrarse a partir del criterio de integridad territorial establecido por la antedicha Res. 1514 en su punto 6: “Todo intento encaminado a quebrantar total o parcialmente la unidad nacional y la integridad territorial de un país es incompatible con los propósitos y principios de la Carta de las Naciones Unidas”.

Desde hace más de 30 años, probablemente advertida de la debilidad de su argumentación en torno de la soberanía, Gran Bretaña dejó de arrogarse ese derecho y pasó a sustentar el de libre determinación de los pueblos. Comenzó enarbolando el respeto por los intereses de los isleños y terminó empujando un más que dudoso derecho de autodeterminación de una población no autóctona, transplantada, con alta movilidad —en el sentido de que hay gente que vive allí algunos años y luego migra siendo reemplaza por otra gente que reitera el comportamiento— y que al día de hoy tiene en su mayoría el *status* de ciudadanos británicos de ultramar. Estos tienen menos derechos que los que podría denominarse ciudadanos *plenos* —por ejemplo, no pueden radicarse sin autorización previa en las islas británicas— pero aun así se les reconoce ciudadanía. En esta línea, en el año 2013 se convocó a un plebiscito en Malvinas, en el que votaron ambas clases de ciudadanos, con el objeto de ratificar o no que las islas siguieran bajo dominio británico. Obviamente los ciudadanos ingleses votaron por seguir siendo ingleses. Ahora bien, más allá de cualquier sarcasmo que pudiera producir esta pintoresca iniciativa conviene reparar en el uso abusivo y distorsionador del concepto de pueblo que acompaña al de autodeterminación: de ningún modo se trata de comunidades autóctonas.

En resumen: las posiciones del Reino Unido y de Argentina, hasta fines de 2015, han quedado cristalizadas de la siguiente manera:

- a) el Reino Unido sostiene como base de su reclamo de soberanía el principio de autodeterminación en beneficio de los isleños. Y condicionan el inicio de conversaciones con Argentina —largamente recomendado por la ONU— a que aquella reconozca ese derecho;
- b) Argentina sustenta su demanda de soberanía en el *uti possideti iuris* y en razones de conexidad continental y de cercanía geográfica, como se ha indicado ya. Y se niega a reconocer derecho a la autodeterminación de los isleños, aunque ha manifestado siempre que respetará sus intereses.

Estas posiciones son han sido hasta el fin del gobierno de Cristina Kirchner (dic. 2015) irreductibles, de modo que el avance de las negociaciones ha sido nulo.

Cuadro de situación hasta 2015 y consideraciones finales

El Reino Unido opera de hecho en las aguas sudatlánticas fomentando el desarrollo de la pesca y la prospección petrolera en áreas adyacentes a las islas, es decir saca provecho —o busca hacerlo— de bienes obtenidos en una jurisdicción cuya soberanía está en discusión, en contra de disposiciones de ONU que indican que no se debería alterar el status quo imperante. Por otra parte, mantiene un despliegue militar considerable *vis a vis* las capacidades de las fuerzas sudamericanas. Debe mencionarse, sin embargo, que no le adjudica prioridad estratégica al área —aunque obviamente le importa conservarla— y atraviesa un lapso que simultáneamente es de administración contenida del gasto militar e inversión en el reperfilamiento de sus fuerzas armadas, con un fuerte acento puesto en la modernización de sistemas de armas muy costosos (portaaviones, submarinos, etc.), como ya se ha indicado. Bajo estas condiciones, no es exagerado decir que considera al Atlántico Sur un área de economía de recursos y de esfuerzos.

Una cosa parecida ocurre con los Estados Unidos que, como se ha visto más arriba, no le asignan mayor prioridad al área y se encuentran además procurando contener el gasto en defensa.

Argentina, por su parte, desde el arribo de Néstor Kirchner a la presidencia en 2003 y hasta el final del gobierno de Cristina Kirchner (2015) desarrolló una consistente y persistente política de reclamo de soberanía basada sobre una amplia búsqueda de apoyos explícitos internacionales, tanto de países como de organismos. Esta iniciativa fue tan amplia como exitosa: ganó solidaridades y adeptos en el mundo entero. Trabajó en el plano del *soft power* —si se puede decir así— con el objeto de incrementar los costos simbólicos y materiales de la persistente negativa inglesa a iniciar negociaciones, en el marco de políticas de reducción de costos materiales para la zona, tanto del Reino Unido como de Estados Unidos.

Una segunda fase de esta estrategia había comenzado a discutirse en algunos ámbitos académicos y políticos: dar un paso hacia un trabajo activo en el seno de organismos internacionales y en el de la búsqueda de solidaridades foráneas, que cuestionara el no cumplimiento por parte de Gran Bretaña de convenios internacionales que recomiendan la no nuclearización del Atlántico Sur, su desmilitarización, etc. Y con una mirada de más largo plazo, comenzar a trabajar con los países africanos de ZOPACAS con vistas a incluirlos en la crítica a la militarización y nuclearización del Atlántico Sur. Es decir, comenzaba a imaginarse una iniciativa referida al Atlántico Sur que pudiese enlazarse con la cuestión Malvinas. Siempre en la línea *soft* orientada a incrementar los costos simbólicos y materiales de la pertinacia británica.

Las elecciones generales de octubre de 2015, que abrieron paso a un gobierno de centro-derecha, colocaron nuevas condiciones en Argentina y congelaron el desenvolvimiento de la política hacia Malvinas de los años Kirchner. Habrá que ver cómo sigue la historia.

Bibliografía

1. United Kingdom: National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015.
2. Recientemente —el 16 de agosto de 2017— se anunció que había sido botado el Queen Elizabeth, primer portaviones de la nueva serie Evidentemente, los plazos previstos inicialmente se han acortado. Véase <https://mundo.sputniknews.com/defensa/201708161071614956-reino-unido-real-marina-portaviones/>
3. Herrero R. y Machin N.: El eje Magreb-Sahel: la amenaza del terrorismo, Revista UNISCI/Universidad Complutense de Madrid, Journal n° 39, oct. 2015; <https://www.ucm.es/data/cont/www/pag-74789/UNISCIDP39-8RUBEN-NIEVA.pdf>; consulta efectuada el 05/05/2017.
4. Diálogo. Revista Militar: “Militares de Colombia, Perú y Brasil en operaciones conjuntas en frontera”, 29/11/2010; <https://dialogo-americas.com/es/articles/militares-de-colombia-peru-y-brasil-en-operaciones-conjuntas-en-frontera>; consulta efectuada el 05/05/2017.
5. Department of Defense, USA: Quadrennial Defense Review, p. I <https://www.defense.gov/News/Special-Reports/QDR/>
6. Department of Defense/USA: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/936831/remarks-by-secretary-carter-at-the-university-of-oxfords-blavatnik-school-of-go/>
7. Como es sabido, en 1982 sobrevino la guerra de Malvinas; Argentina ocupó las islas por un corto tiempo pero debió capitular y las islas quedaron nuevamente en poder de los ingleses.

Política de defensa y relaciones civiles-militares en Argentina, en el contexto regional: Normas y organización coherentes, progresos en relaciones civiles—militares, pobres resultados en materia de defensa. Un análisis que incluye comparación con otros casos regionales

Defense policy and civil-military relations in Argentina, in the regional context: Consistent norms and organization, progress in civil-military relations, poor defense results. An analysis that includes comparison with other regional cases

Abstract: Argentina constituye un caso de análisis de sumo interés, en política de defensa. Posee normas y organización general correspondientes a dicho ámbito, modernas y adecuadas. Ha logrado sensibles progresos en materia de relaciones civiles-militares. No obstante, su instrumento militar se caracteriza por la obsolescencia de sus medios materiales, con serias falencias de mantenimiento; y por una muy baja condición de alistamiento. La ponencia analiza las causas de tales circunstancias, y efectúa una breve comparación con otros casos regionales, como Chile y Brasil.

Key words: Argentina; defense; Brazil.

Resumen: Argentina is a case of analysis of high interest, in defense policy. It has rules and general organization corresponding to this area, modern and adequate. It has made significant progress in civil-military relations. Nevertheless, its military instrument is characterized by the obsolescence of its material means, with serious failures of maintenance; and for a very low enlistment condition. The paper analyzes the causes of such circumstances and makes a brief comparison with other regional cases, such as Chile and Brazil.

Palabras clave: Argentina; defensa; Brasil.

¹ José Manuel Ugarte es, argentino. Doctor de la Universidad de Buenos Aires (área Derecho Administrativo), abogado y especialista en Derecho Administrativo y Administración Pública de la referida Universidad, en la que es profesor en grado y postgrado. Es asimismo profesor en la Universidad Católica de Santiago del Estero (Departamento Académico Buenos Aires), en la Universidad Abierta Interamericana, en el Instituto Universitario de Seguridad Marítima, y en la Escuela del Cuerpo de Abogados del Estado. E-mail manuguart@gmail.com, jmugarte@derecho.uba.ar

1. Introducción. La restauración de la democracia en Argentina, y las reformas legales en defensa

Argentina presenta en defensa una situación paradójica: control civil sobre las Fuerzas Armadas, legislación relativamente reciente con estructuras modernas, y, sin embargo, una pronunciada ineficacia e ineficiencia en defensa.

El país, durante el Conflicto Este-Oeste experimentó un prolongado período (1955-1983) caracterizado por gobiernos militares interrumpidos por breves intervalos de débiles gobiernos civiles (1958-62, 1963-66, 1973-75) condicionados por intervenciones militares al amparo de las *doctrinas de seguridad nacional* imperantes a la sazón en la región.

Las referidas doctrinas se caracterizaban por otorgar a los conceptos de *seguridad nacional* y *defensa nacional* alcances virtualmente omnicomprendivos. Entre sus consecuencias, se contaba la de establecer la dependencia de las policías y fuerzas de seguridad interior respecto de las Fuerzas Armadas o de los Ministerios de Defensa, y colocar bajo conducción militar los organismos civiles de inteligencia.

Restablecido el sistema democrático el 10 de diciembre de 1983, el gobierno encabezado por Raúl Alfonsín, sancionó o logró la sanción de cuerpos normativos adecuados (Decreto-Ley N° 23.023/83, Ley N° 23.554 de Defensa Nacional; y sucesores gobiernos, de la Ley N° 24.059 de Seguridad Interior y Ley N° 25.520 de Inteligencia Nacional), obteniéndose el control por el Gobierno de la seguridad interior y de la actividad de inteligencia civil.

Por otra parte, la Ley N° 23.554 de Defensa Nacional estableció la autoridad del Presidente de la Nación y del Ministro de Defensa sobre las Fuerzas Armadas, fortaleciéndose también las facultades del Estado Mayor Conjunto. Se redujo asimismo la amplitud del concepto de defensa nacional, que quedó reducido a la preparación durante la paz y la respuesta en caso de guerra a las agresiones armadas externas.

La Ley N° 24.059 de Seguridad Interior, a su vez, limitó el rol de las Fuerzas Armadas en seguridad interior, en tiempos ordinarios. al apoyo de las operaciones de Seguridad Interior, con servicios y elementos de carácter fundamentalmente logístico (artículo 27).

A su vez, la Ley N° 24.948 de Reestructuración de las Fuerzas Armadas, incluyó en su artículo 6° dos nuevas misiones: operaciones en el marco de las Naciones Unidas, y operaciones en apoyo a la comunidad nacional o de países amigos.

Cabe destacar asimismo que las Fuerzas Armadas argentinas están dedicadas fundamentalmente a la misión militar tradicional, careciendo de facultades en otras materias -seguridad interior, inteligencia civil, desarrollo, etc.— a diferencia de lo que frecuentemente sucede con sus pares latinoamericanas.

2. La evolución del presupuesto de defensa en Argentina, y su impacto en las estructuras de las Fuerzas Armadas

Descripta sucintamente la evolución normativa de la defensa en Argentina, resulta útil examinar las características y estado general de las Fuerzas Armadas argentinas a la época del restablecimiento de la democracia, y su evolución posterior.

En 1983, el gasto militar en Argentina ascendía al 4,2% del PBI². Tras la asunción del gobierno democrático de Raúl Alfonsín, descendió en 1984 a 2,8 y en 1985 a 2,4³.

Esa fuerte baja llevó dicho presupuesto a niveles propios de tiempo de paz.

Frente a esta reducción, hubiera correspondido una reestructuración de las Fuerzas Armadas que adecuara su estructura a las posibilidades presupuestarias.

Ello no sucedió y el poder político encomendó a las Fuerzas Armadas a través de las sucesivas Directivas N° 1/85, 1/86 y 2/86 sobre “Reforma Militar” su propia reestructuración.

Lo que en realidad hicieron las Fuerzas Armadas en forma virtualmente autónoma fue reducir drásticamente la incorporación de conscriptos, que disminuyó de 108.000 en 1983 a 40.000 en 1988 y 1989.⁴ La posterior supresión del servicio de conscripción en tiempo de paz establecida por la Ley N° 24.429 (1995) redujo el número de soldados del Ejército a un número oscilante entre 15.000 y 18.000⁵ sin prever la formación de reservas. También se redujo el número de incorporaciones en los institutos militares⁶.

La fuerte reducción presupuestaria de 1984 y 1985 fue acompañada además, inicialmente, por una reducción muy limitada en algunos grados de oficiales y sub-oficiales.

² Ernesto López, “Gasto militar en la Argentina 1970-1986” en, Gustavo Adolfo Druetta, Eduardo E. Estévez, Ernesto López y José Enrique Miguens, *Defensa y Democracia. Un debate entre civiles y militares*, Editorial Puntosur, Buenos Aires, 1990, Pág. 322. V. asimismo, Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Argentina, “Cuestiones de seguridad y defensa”, en, del Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Argentina, *Historia General de las Relaciones Exteriores de la República Argentina*, Buenos Aires, 2000, disponible en <http://www.argentina-rree.com/12/12-14.htm><http://www.argentina-rree.com/12/12-14.htm> (acc. 5-8-2017).

³ *Ibidem*.

⁴ Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Argentina, *op. cit.*.

⁵ Ministerio de Defensa de Argentina, *Libro Blanco de la Defensa Argentina Bicentenario 2010*, págs.. 136 a 138.

⁶ Así, en el grado inferior de oficial del Ejército, subteniente, en 1984 había 1295. Ese número en 1990, año de agudización de la reducción presupuestaria, había descendido a 475, y en 1994 a 391. En ese último año, había 974 tenientes coroneles. El número de subtenientes experimentó posteriormente un crecimiento que lo llevó a 659 en 2010, aún lejos del número de 1984. Una disminución similar pero algo menor se produjo en la Armada y en la Fuerza Aérea. Fuente: “Libro Blanco de la Defensa Argentina Bicentenario 2010”, Ministerio de Defensa, Buenos Aires, 2011, págs.. 136 a 138.

A partir del año 2002, comenzó a producirse en el Ejército un crecimiento significativo en los grados de coronel y teniente coronel, que los llevó en 2010 a un número superior al que tenían en 1983 (último año del gobierno militar) cuando el número total de personal militar era más del doble del actual.⁷ El número de personal en dichos grados se incrementaría más aún posteriormente.⁸ Algo similar pudo advertirse en la Armada, en que de 212 capitanes de navío para un número total de efectivos de la Fuerza de 40.059, en 2014 se pasó a 409 para un número total de efectivos en dicha Fuerza de 18.555; en suma, duplicación del número de miembros de dicho grado para una Fuerza reducida a la mitad. Del mismo modo, en la Fuerza Aérea se pasó de 211 comodores para un efectivo total de 21.903 en 1983, a 525 comodores en 2014, para una Fuerza con un efectivo total de 12.907.⁹

Por otra parte, los números de oficiales, suboficiales y tropa del Ejército Argentino, que en 1983 eran respectivamente de 6.891, 23.759 y 72.473, en 2014 pasaron a ser, respectivamente, de 6.188, 22.768 y 17.319; en la Armada Argentina, que en 1983 eran, respectivamente de 3.227, 15.473 y 21.359, pasaron a ser en 2014 de 2.492, 14.433 y 1.630; en la Fuerza Aérea Argentina, que en 1983 eran de 2.342, 9.061 y 10.500, pasaron a ser en 2014 de 2.542 —oficiales— y 10.345 —suboficiales— no contando con personal de tropa.¹⁰

Como puede advertirse, existió una reducción relativamente leve en la cantidad de oficiales y suboficiales por una parte, y una drástica reducción del personal de tropa, tendiéndose en el caso de los oficiales a una concentración en grados altos.

Ello se tradujo, en el caso del Ejército, a la generación de unidades incompletas, y, para las tres Fuerzas, en la proliferación de estructuras administrativas.

Otro de los resultados fue una estructura militar deformada en cuanto al número de personal correspondiente a cada uno de los grados, tendiéndose a la concentración de personal en los grados superiores, con la lógica consecuencia de un excesivo gasto en personal.

Mientras tanto, el gasto en defensa, que en dólares constantes de 2015¹¹ ascendía en 1988 a 9.909.000.000 dólares, pasó a representar en 1990 5.470.000.000, en 1996 4.564.000.000, y en el 2002 3728.000.000, iniciándose posteriormente cierta recu-

⁷ Ministerio de Defensa de Argentina, *Libro Blanco de la Defensa Argentina Bicentenario 2010*, edición citada, págs.. 136 a 138.

⁸ Ministerio de Defensa de Argentina, *Libro Blanco de la Defensa 2015*, Buenos Aires, 2015, págs.. 94/95. Surge de dichas páginas que en 2014, último año informado, el número de coroneles del Ejército Argentino ascendía a 810 para una fuerza que totalizaba 46.275, mientras que en 1983, para una fuerza que totalizaba entonces 103.123, se contaba con 654.

⁹ *Ibidem*.

¹⁰ *Ibidem* págs.. 92/97.

¹¹ SIPRI, *SIPRI Military Expenditure Database*, Estocolmo, 2017, disponible en <https://www.sipri.org/databases/milex> (acc. 27-8-2017).

peración —así, 2014 5.536.000.000 y 2015, 5.483.000.000 que correspondió a incrementos en el gasto en personal y a gastos de escaso interés militar.

La combinación de la reducción presupuestaria con la inexistencia de una reestructuración real, así como el crecimiento de la proporción representada por los grados altos con relación al resto de la estructura de personal, trajo como resultado una proporción muy elevada del gasto en personal —superior al 80%— respecto del total del gasto en defensa, y limitaciones en el gasto en funcionamiento que erosionaron el mantenimiento del material y el entrenamiento del personal, y, por sobre todo, la imposibilidad de renovar el equipamiento de defensa.

Así, el “Libro Blanco de la Defensa Argentina Bicentenario 2010” incluyó¹² una serie de ejecución presupuestaria 1989-2009 en la que es posible advertir que el gasto en personal, que representaba 63% en 1989, pasó a constituir a partir de 1993 el 80%, y así se mantuvo esencialmente hasta el fin de la serie. Por otra parte, el gasto en funcionamiento y mantenimiento, que representaba en 1989 el 31%, en 1993 representaba el 17% y en 1999 llegó a constituir el 11%, para retornar al 17% al final de la serie. En cuanto a inversiones, del 5% en 1989 se pasó al 1% entre 2003 y 2005, para concluir la serie en 3%; pero dentro del rubro inversiones, el ítem sistemas de armas, en 1989 representaba el 0%, porcentaje que se reiteró en cinco de los once años de la serie.

El ya referido impacto del gasto en personal continúa siendo el actual, como lo refleja el Libro de la Defensa 2015¹³, del que surge que en 2010 representó el 81%, en 2011 el 82%, en 2012 el 81%, en 2013 el 79%, y el 2014, el 78%. En operación y mantenimiento, los porcentajes fueron en 2010 el 15%, 2011 el 15%, 2012 el 17%, 2013 el 17%, y 2014 el 17%, mientras que las inversiones alcanzaron el 3% 2010, 2% en 2011, 1,7% 2012, 4% en 2013 y 5% en 2014.

Las leyes de presupuesto para 2015, 2016 y 2017 reflejan pautas similares. Así, para 2015, se presupuestó en la jurisdicción Defensa, incluyendo la pasividad militar, un gasto en personal del 85,4%, en funcionamiento del 16%, e inversiones por 3,5%. Para 2016, tales rubros fueron, en personal 82%, funcionamiento 13%, e inversiones 3,9%. Para 2017, de 81,80% personal, 14,3% funcionamiento y 3,8% en inversiones.

Según el SIPRI¹⁴ el presupuesto de defensa argentino, que representaba el 2,1% del PBI en 1988, osciló entre 1996 y 2016 entre el 1,2% y el 0,8%.

Lo que resulta evidente, es que con un presupuesto de defensa que representa alrededor del 1% del PBI, y un gasto en personal del 80%, es imposible proveer a un

¹² Ministerio de Defensa de Argentina, *Libro Blanco de la Defensa Argentina Bicentenario 2010*, edición citada, pág. 105.

¹³ Ministerio de Defensa, Buenos Aires, 2015 *Libro de la Defensa 2015*, , *Evolución presupuestaria por objeto de gasto en millones de pesos constantes, 2014 — Jurisdicción 45 (2010-2014)*, página 149.

¹⁴ *SIPRI Military Expenditure Database*, SIPRI, Estocolmo, 2017, disponible en <https://www.sipri.org/databases/milex> (acc. 5 de junio de 2017).

mínimo reequipamiento a fuerzas armadas que arrastran largos períodos de desfinanciamiento, y que tampoco puede obtenerse un adecuado adiestramiento.

3. Las consecuencias de la situación descrita: obsolescencia del equipamiento y limitaciones en equipamiento

No faltaron voces de alarma, ni observaciones de especialistas con relación a estos aspectos.

En 2002, Thomas Scheetz, señalaba que en Argentina “...los actores políticos han optado por un desarme de hecho. Las Fuerzas Armadas gastan en poco más que los salarios mensuales...”¹⁵

Comparando además el gasto en defensa argentino con el chileno en 1999, Scheetz constató que en 1998 Chile había gastado 585 millones de dólares en retiros militares y que ese año Argentina había gastado 1.184 millones de dólares en dicho rubro, diferencia que atribuyó al excesivo número de oficiales de altos grados en Argentina.¹⁶

En 2005, Marcelo Luis Acuña y Ricardo Runza¹⁷ señalaban que desde 1984 hasta 1991, el tamaño de las fuerzas armadas argentinas se había modificado ‘dramáticamente’, habiendo disminuido el total del personal militar de 188.000 en 1984 a 98.000 en 1991, pero que de tal disminución, el cuerpo de oficiales había disminuido el 8%, el cuerpo de suboficiales el 13% y la tropa el 84%, y que posteriormente (1999) el cuerpo de oficiales estaba constituido por 9.550 hombres, pero constituía el 14% de las fuerzas armadas, el cuerpo de suboficiales 43.557 hombres, pero constituyendo el 64% del personal militar, y que la tropa, ya implementado el voluntariado, constituía 14.972 hombres, constituyendo el 22%.¹⁸

Casi diez años después, tal diagnóstico se complementaba con lo expresado en el *Libro Blanco de la Defensa Argentina Bicentenario 2010*¹⁹ en el que entre otros aspectos, se señaló que el Sistema de Defensa presentaba “...obsolescencia y degradación material. Producto de una continuada desinversión neta en equipamiento e infraestructura y un inadecuado mantenimiento del stock de material existente...”

¹⁵ Thomas Scheetz, *El Presupuesto de Defensa en Argentina: Su contexto y una metodología de análisis*, “Security and Defense Studies Review”, Vol. 2, Summer 2002, Center for Hemispheric Strategic Studies, Washington D.C., pág. 48.

¹⁶ Thomas Scheetz, *op. cit.*, página 51.

¹⁷ Marcelo Luis Acuña y Ricardo Runza, *Hacia la modernización del sistema de defensa argentino*, Altamira, Buenos Aires, 2005, págs. 86 y 87.

¹⁸ Marcelo Luis Acuña y Ricardo Runza, *op. cit.*, pág. 87.

¹⁹ Ministerio de Defensa de Argentina, “Libro Blanco de la Defensa Argentina Bicentenario 2010”, Buenos Aires, 2011, págs. 189/193.

En los años 90's se sancionó la Ley N° 24.045, por la que se declaró “sujetas a privatización” a la totalidad de las empresas que operaban en jurisdicción del Ministerio de Defensa, comprendiendo empresas de producción civil, y de producción específicamente militar.

Dicha ley se tradujo en la venta, de la mayoría de tales empresas. Sólo se omitió la venta de algunos establecimientos de fabricación de productos militares que no hallaron comprador —las Fábricas Militares de Villa María, Río Tercero, Fray Luis Beltrán y Azul, que funcionan actualmente, pero dedicadas casi exclusivamente a producción civil.

Una explosión calificada como intencional en una causa penal destruyó la planta de carga de munición de la Fábrica Militar de Río Tercero, perdiéndose hasta la fecha la capacidad de fabricación de munición de grueso calibre.²⁰

La única adquisición significativa de material bélico por parte del país entre 1990 y 2016 fue la realizada a Estados Unidos entre 1993 y 1999 de 36 aviones de ataque subsónicos *Mc Donnell Douglas A-4M Skyhawk II* —construidos en la década del '70— a quienes se hizo una profunda recorrida y modernización, dotándose a 32 de ellos del radar APG-66, denominándose los *A-4 AR Fightinghawk*²¹.

En setiembre de 2015 la Fuerza Aérea Argentina comunicó la desprogramación definitiva de los aviones Mirage III, Mirage V y Dagger Finger que restaban en su inventario, perdiendo la capacidad de interceptación por aviones de caza²². Y en julio de 2016, la Fuerza Aérea Argentina comunicó la próxima desprogramación definitiva de los *A-4 AR Fightinghawk* —últimos aviones de combate que restan— para 2018²³. Cuando se concrete la anunciada desprogramación de los aviones A-4 —en su gran mayoría hoy fuera de servicio— Argentina habrá quedado desprovista de aviones de combate, quedando sólo una limitada cantidad de aviones de entrenamiento y ataque ligero IA-63 *Pampa*.

Los anuncios indicados y la falta de reposición de los aviones aludidos puso sobre el tapete el estado de los materiales de las Fuerzas Armadas argentinas.

Éstas cuentan aún con medios como los blindados TAM, sometidos hoy a una demorada modernización con participación de Elbit Systems, o como los tanques livianos SK 105 Kürassier. Si se trata de la Armada, es posible advertir que su base

²⁰ V. sobre la explosión, entre múltiples elementos, diario “Clarín” de Buenos Aires, 4 de setiembre de 2013, “El antecedente de Río Tercero: una explosión intencional que dejó 7 muertos y muchas dudas”, Daniel Santoro, y “Perfil” de Buenos Aires, 2 de noviembre de 2014, “A 19 años de la explosión que ‘tapó’ la venta de armas. Río Tercero. El ‘accidente’ que aún no tiene responsables”.

²¹ V. Esteban G. Brea, Gaceta Aeronáutica, *Los Halcones I (Génesis)*, 2011, disponible en <http://www.gacetaaeronautica.com/articulos/2011/09a4ar/index.htm> (acc. 5.4.2016).

²² *Clarín*, 3 de setiembre de 2015, *Despiden a los aviones Mirage, un ícono de la guerra de Malvinas*, nota de Guido Braslavsky

²³ *Infodefensa*, Madrid, 28 de julio de 2016, disponible en <http://www.infodefensa.com/latam/2016/07/28/noticia-fuerza-aerea-argentina-anuncia-desprogramacion-sistema.html> (acc. 5 de julio de 2017).

está constituida por los buques construidos en Alemania y los últimos en Argentina bajo diseño, especificaciones y equipamiento alemán por el programa MEKO, de la década de los '80s, buques que reclaman modernizaciones, presentándose problemas de mantenimiento.

Las indicadas no constituyen meras apreciaciones subjetivas. El clásico *The Military Balance 2017* señala sobre Argentina que "...después de un largo período de relativa negligencia y baja inversión, hay un requerimiento para reemplazar un gran número de plataformas antiguas, inoperables y retiradas..."²⁴ También se destaca que las Fuerzas Armadas argentinas "...son una sombra de aquellas que fueron derrotadas por el Reino Unido en una guerra limitada en 1982".

Por su parte, el hindú INDRA señaló que *...tras dos décadas de negligencia, las Fuerzas Armadas argentinas están enfrentando obsolescencia en bloque...*²⁵

4. La actualidad: algunos cambios que no resuelven la problemática

Habiéndose producido el 10 de diciembre de 2015 la asunción de un nuevo gobierno tuvieron lugar múltiples e infructuosas gestiones para solucionar la problemática en materia de aviación de combate, destacándose tratativas de compra de aviones Mirage F1 y Mirage 2000 a Francia²⁶, Saab Gripen NG a Suecia²⁷ y Mig 29 a Rusia.

Hasta la fecha no se han producido cambios sustantivos en la política de defensa, más allá de diversos y a veces contradictorios anuncios.

El 1 de agosto de 2017 fue publicado en el Boletín Oficial el Decreto N° 595/2017 que incluyó autorización para recurso al crédito público por un total de Euros 588.700.000 y dólares 160.470.000, para la adquisición de aviones de transporte medianos, adquisición de buques patrulleros oceánicos OPV, aviones turbohélice Beechraft T-6 Texan II de entrenamiento y ataque ligero, y pistolas 9 x 19 y fusiles de asalto.

Siendo la invertida una cantidad importante de dinero, resulta evidente que ninguno de los materiales adquiridos apunta a satisfacer las necesidades más importantes de material bélico del país. En realidad, las compras dispuestas aparecen más bien enderezadas al cumplimiento de funciones de seguridad interna.

²⁴ International Institute for Strategic Studies, *The Military Balance 2017*, London, 2017, pág. 423.

²⁵ IDSA, New Delhi, 30 de agosto de 2016, Sanjay Badri-Maharaj, *Argentina's Military Decline*, obtenido en http://www.idsa.in/idsacomments/argentina-military-decline_sbmarharaj_30086 (acc. 6-1-2017).

²⁶ *La Nación*, Buenos Aires, 14 de junio de 2016, Luisa Corradini, *La Argentina negocia con Francia la compra de 12 aviones de guerra*.

²⁷ *Infodefensa*, Madrid, 6 de julio de 2016, *Argentina ofrece comprar el 'Gripen' a Suecia a cambio de una parte de la fabricación* <http://www.infodefensa.com/latam/2016/07/06/noticia-argentina-ofrece-comprar-gripen-cambio-parte-fabricacion.htm> (acc. 15-6-2017).

Mientras, las Leyes de Presupuesto para 2016 y 2017 continúan mostrando la composición de gastos que, perdurando desde los '90s, constituye la causa de la situación actual.

5. Causas y conclusiones

Además de las características de sus normas y estructuras organizativas fundamentales reseñadas al comienzo de este análisis, probablemente el aspecto más característico de la política de defensa en Argentina ha sido el esquema de distribución presupuestaria en defensa establecido entre 1993 y la actualidad: 80 a 86% en personal, 15 a 17% en funcionamiento, 3 a 5% en inversiones, para un presupuesto de un 1% del PBI.

Esta característica ha impedido por espacio de 25 años la renovación del material bélico argentino y sólo ha posibilitado la realización de modernizaciones, en diversos casos inconclusas por falta de fondos.

En realidad, la compra de equipamiento más importante de los últimos 25 años ha sido la dispuesta por Decreto N° 595/2017, pero que poco aporta a las carencias más graves que afectan en materia de equipamiento a las Fuerzas Armadas argentinas.

Argentina gasta anualmente alrededor de 5.000.000.000 en defensa²⁸. Perú, con un gasto de alrededor de 2.200.000.000²⁹ mantiene tres escuadrones de cazabombarderos de cuarta generación y una flota de un crucero, 6 submarinos, y 7 fragatas, entre otros múltiples medios. Aunque el presupuesto de Defensa argentino es escaso para un país de su tamaño y producto bruto, parece evidente que la impotencia argentina para mantener y renovar su material halla origen fundamentalmente en la magnitud del gasto en personal.

Frente a esta situación, quedan dos opciones.

La primera y más aconsejable es a nuestro juicio la realización de una reestructuración que restaure adecuadas proporciones entre los grados militares y asegure unidades completas, rediseñando a las Fuerzas Armadas para responder a las necesidades de la defensa, y simultáneamente realizar un moderado incremento presupuestario, que asegure disponibilidad suficiente para realizar una renovación del material bélico del país.

La segunda consiste en realizar un incremento presupuestario sin reestructuración, que tendría que ser de mayor importancia que el anterior, porque no se contaría con esa hipótesis con una reducción del gasto en personal.

²⁸ International Institute of Strategic Studies, *Military Balance*, London, 2017, pág. 431, le adjudica 6.300.000.000 en 2015 y 5.300.000.000 en 2016.

²⁹ *Ibidem*, pág. 467, Según esta fuente, el presupuesto de defensa de Perú fue de 2.220.000.000 en 2015 y 2.009.000.000 para 2016.

Podría suponerse que otros países latinoamericanos comparables por desarrollo económico, y tecnológico con Argentina, se encuentran en una situación análoga. Pero no es así.

Chile, que realizó la reestructuración y modernización de su Ejército, con el Plan Alcázar, procedió a renovar y a incrementar su equipamiento militar destinando a ello una proporción de la renta de la minería estatal del cobre. Posee las fuerzas armadas mejor equipadas, destacándose una fuerza aérea con tres escuadrones de *Lockheed Martin F-16 Fighting Falcon* y un escuadrón de *Northrop F-5 Tiger III.*, un ejército con 131 *Leopard 24A* —los tanques más modernos de la región— y 114 *Leopard 1*, y una armada que además de 7 fragatas, cuenta con 4 submarinos, dos de los cuales son submarinos *Scorpène*, dotados con misiles.

Brasil posee el gasto en defensa más importante de la región con 23.500.000.000 (2017)³⁰. Aunque ese gasto no se refleja en capacidades militares proporcionales a su magnitud, cuenta con una muy importante industria bélica y ha iniciado la modernización de su equipamiento, contratando la modernización de los cinco submarinos que ya posee y la construcción de cuatro submarinos *Scorpène* dotados de misiles, previendo la construcción de un submarino nuclear, y la adquisición de 36 modernos cazabombarderos *Saab Gripen NG.*

Argentina, en definitiva, es un país casi desarmado pese a realizar un gasto en defensa no desdeñable para la región; pero sus vecinos —con los que hoy tiene excelente relación— exhiben características muy diferentes.

Una razón más para encarar cambios fundamentales en la política de defensa argentina.

Bibliografía

8. Ernesto López, “Gasto militar en la Argentina 1970-1986” en, Gustavo Adolfo Druetta, Eduardo E. Estévez, Ernesto López y José Enrique Miguens, *Defensa y Democracia. Un debate entre civiles y militares*, Editorial Puntosur, Buenos Aires, 1990, Pág. 322.
9. Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Argentina, “Cuestiones de seguridad y defensa”, en, del Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Argentina, *Historia General de las Relaciones Exteriores de la República Argentina*, Buenos Aires, 2000, disponible en <http://www.argentina-rree.com/12/12-14.htm> <http://www.argentina-rree.com/12/12-14.htm> (acc. 5-8-2017).
10. Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Argentina, *op. cit.*
11. Ministerio de Defensa de Argentina, *Libro Blanco de la Defensa Argentina Bicentenario 2010*, págs.. 136 a 138.
12. Ministerio de Defensa de Argentina, *Libro Blanco de la Defensa Argentina Bicentenario 2010*, edición citada, págs.. 136 a 138.

³⁰ Institute International of Strategic Studies, *The Military Balance 2017*, edición citada, pág. 438.

13. Ministerio de Defensa de Argentina, *Libro Blanco de la Defensa 2015*, Buenos Aires, 2015, págs.. 94/95. Surge de dichas páginas que en 2014, último año informado, el número de coroneles del Ejército Argentino ascendía a 810 para una fuerza que totalizaba 46.275, mientras que en 1983, para una fuerza que totalizaba entonces 103.123, se contaba con 654.
14. SIPRI, *SIPRI Military Expenditure Database*, Estocolmo, 2017, disponible en <https://www.sipri.org/databases/milex> (acc. 27-8-2017).
15. Ministerio de Defensa de Argentina, *Libro Blanco de la Defensa Argentina Bicentenario 2010*, edición citada, pág. 105.
16. Ministerio de Defensa, Buenos Aires, 2015 *Libro de la Defensa 2015*, , *Evolución presupuestaria por objeto de gasto en millones de pesos constantes, 2014 — Jurisdicción 45 (2010-2014)*, página 149.
17. *SIPRI Military Expenditure Database*, SIPRI, Estocolmo, 2017, disponible en <https://www.sipri.org/databases/milex> (acc. 5 de junio de 2017).
18. Thomas Scheetz, *El Presupuesto de Defensa en Argentina: Su contexto y una metodología de análisis*, “Security and Defense Studies Review”, Vol. 2, Summer 2002, Center for Hemispheric Strategic Studies, Washington D.C., pág. 48.
19. Marcelo Luis Acuña y Ricardo Runza, *Hacia la modernización del sistema de defensa argentino*, Altamira, Buenos Aires, 2005, págs.. 86 y 87.
20. Marcelo Luis Acuña y Ricardo Runza, *op. cit.*, pág. 87.
21. Ministerio de Defensa de Argentina, “Libro Blanco de la Defensa Argentina Bicentenario 2010, Buenos Aires, 2011, págs.. 189/193.
22. V. Esteban G. Brea, *Gaceta Aeronáutica*, *Los Halcones I (Génesis)*, 2011, disponible en <http://www.gacetaaeronautica.com/articulos/2011/09a4ar/index.htm> (acc. 5.4.2016).
23. *Clarín*, 3 de septiembre de 2015, *Despiden a los aviones Mirage, un ícono de la guerra de Malvinas*, nota de Guido Braslavsky
24. *Infodefensa*, Madrid, 28 de julio de 2016, disponible en <http://www.infodefensa.com/latam/2016/07/28/noticia-fuerza-aerea-argentina-anuncia-desprogramacion-sistema.html> (acc. 5 de julio de 2017).
25. International Institute for Strategic Studies, *The Military Balance 2017*, London, 2017, pág. 423.
26. IDSA, New Delhi, 30 de agosto de 2016, Sanjay Badri-Maharaj, *Argentina’s Military Decline*, obtenido en http://www.idsa.in/idsacomments/argentina-military-decline_sbmaharaj_300816 (acc. 6-1-2017).
27. *La Nación*, Buenos Aires, 14 de junio de 2016, Luisa Corradini, *La Argentina negocia con Francia la compra de 12 aviones de guerra*.
28. *Infodefensa*, Madrid, 6 de julio de 2016, *Argentina ofrece comprar el ‘Gripen’ a Suecia a cambio de una parte de la fabricación* <http://www.infodefensa.com/latam/2016/07/06/noticia-argentina-ofrece-comprar-gripen-cambio-parte-fabricacion.htm> (acc. 15-6-2017).
29. International Institute of Strategic Studies, *Military Balance*, London, 2017, pág. 431, le adjudica 6.300.000.000 en 2015 y 5.300.000.000 en 2016.
30. *Ibidem*, pág. 467, Según esta fuente, el presupuesto de defensa de Perú fue de 2.220.000.000 en 2015 y 2.009.000.000 para 2016.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ИБЕРОАМЕРИКА: КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ, АКАДЕМИЧЕСКИЕ ОБМЕНЫ И ПРОПАГАНДА

Н. А. Цветкова¹

**Истоки публичной дипломатии:
США и Латинская Америка в 1930-е гг.**

**The origins of public diplomacy:
the United States and Latin America in the 1930s.**

Abstract: The paper examines the beginnings of U.S. public diplomacy and applies a new corpus of documents. Latin America turns out to be a primary region where Washington exploited information, education, and culture in order to belittle the expansion of Germany during the period of 1930s. This first experience of government-sponsored projects contributed to building of the pillars of American public diplomacy as we know today, notably politically oriented projects and elite approach.

Keywords: public diplomacy, Latin America, United States.

Resumen: El documento examina los inicios de la diplomacia pública de EE. UU. Y aplica un nuevo corpus de documentos. América Latina resulta ser una región primaria donde Washington explotó la información, la educación y la cultura para menospreciar la expansión de Alemania durante el período de 1930. Esta primera experiencia de proyectos patrocinados por el gobierno contribuyó a la construcción de los pilares de la diplomacia pública estadounidense como lo conocemos hoy en día, especialmente los proyectos orientados políticamente y el enfoque de élite.

Palabras clave: diplomacia pública, América Latina, Estados Unidos.

¹ Цветкова Наталья Александровна, Ph. D., д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, (n.tsvetkova@spbu.ru), гр. РФ.

Введение

Публичная дипломатия США — это правительственный механизм, направленный на реализацию политических задач США в других странах при помощи мероприятий в области информации, образования и культуры. Публичная дипломатия США, которую историки совершенно справедливо называют культурной дипломатией, сформировалась в 1930-е гг. как один из рычагов политического влияния Вашингтона в странах Латинской Америки.

Несмотря на то что с момента зарождения публичной дипломатии США прошло немало лет и ее формы и методы заметно изменились, те фундаментальные принципы, которые были заложены и апробированы в странах Латинской Америки в межвоенный период, являются столпами современной публичной дипломатии. Именно тогда правительство США, во-первых, присоединило частные программы обменов в области культуры и образования к Госдепартаменту и создало правительственный механизм контроля за этим направлением международной деятельности. Во-вторых, программы в области академического и культурного обмена, пропаганда и обучение специалистов стали рассматриваться как политический инструмент, что навсегда изменило природу существования народной или общественной дипломатии. Она стала носить правительственный и политический характер. В-третьих, именно в те годы эксперты правительства США разработали систему эффективного влияния на зарубежные государства посредством вовлечения в программы обучения и обменов элиты государства, которая формировала политику и общественное мнение.

Нельзя не отметить, что тема о взаимодействии между США и странами Латинской Америки остается малоизученной в российской и зарубежной историографии. Как правило, истоки публичной дипломатии США в 1930-е гг. рассматриваются в контексте общей эволюции публичной дипломатии или культурной дипломатии США. Исследователи поверхностно затрагивают указанные вопросы и не акцентируют внимание читателей на уникальности взаимоотношений между США и странами Западного полушария в предвоенные годы в области информации, образования и культуры².

Новые рассекреченные документы о публичной дипломатии США добавляют важные детали о публичной дипломатии США периода 1930-х гг. и позволяют расширить дискуссию об историческом развитии американ-

² Ninkovich F., *The Diplomacy of Ideas: U. S. Foreign Policy and Cultural Relations, 1938–1950*, N. Y.: Cambridge University Press, 1981; Цветкова Н. А., *Cultural imperialism: международная образовательная политика в годы холодной войны*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

ской публичной дипломатии. Более того, анализ документов позволяет рассматривать государства Латинской Америки в качестве первых объектов американского идеологического и культурного влияния в 1930-е гг. Данное положение корректирует устоявшуюся в науке точку зрения о том, что Европейские государства, а не Латинская Америка, были первыми точками приложения политизированных программ в области образования и культуры США после окончания Второй мировой войны. Поэтому цель данной статьи — обозначить те современные принципы публичной дипломатии США, которые были сформированы в странах Латинской Америки в 1930-е гг.

Предваряя историческую реконструкцию американских проектов в странах Латинской Америки, необходимо отметить, что документальная база хранится в двух фондах Национального архива США. Первый фонд известен специалистам в области истории и современности внешней политики США — это фонд Государственного департамента США (№ 59). В нем хранятся документы отдела по культурным связям. Второй фонд меньше известен специалистам, но именно в нем находятся документы о культурном взаимодействии между США и странами Латинской Америки до начала Второй мировой войны. Фонд (№ 353) носит название «Документы межведомственных комитетов Госдепартамента США». Поскольку во внешнеполитическом ведомстве США не было отдела по публичной дипломатии до 1938 г., а проекты в области информации, образования и культуры уже существовали, то все они управлялись различными временными комитетами. Историки не обращали внимания на документы данного фонда, поскольку название фонда не содержит информации о культурных связях между США и Латинской Америкой. Однако данный фонд хранит уникальные документы о первых проектах США в данной сфере в странах Латинской Америки.

Именно проекты США в странах Латинской Америки заложили фундаментальные принципы современной публичной дипломатии США: ее политизированность, т. е. зависимость от внешнеполитических задач, и элитарность, т. е. влияние на представителей элиты зарубежных стран.

Создание правительственного механизма

Усиление Германии и нарастание напряженности в Европе в 1930-е гг. оказали наибольшее влияние на становление публичной дипломатии США. Германия стала тем государством, которое имело в своем арсенале и военную мощь, и идеологию, способные подорвать влияние США в странах Латинской Америки. Эффективная пропагандистская машина Германии

стала новой угрозой национальным интересам США в данном регионе. Регион экономических и стратегических интересов США со времен доктрины Монро оказался мишенью немецкой пропаганды, и информация, идущая из Германии, стала привлекать некоторую часть населения стран Латинской Америки. Интерес латиноамериканских стран к Германии и Европе в целом был вызван, видимо, негативным отношением населения Западного полушария к США после реализации политики «большой дубинки» и интервенций в Карибский бассейн в начале XX в. Активность Германии в странах Латинской Америки была огромной. К 1941 г. Германия построила около 900 школ в регионе. Во всех странах Латинской Америки развивалось преподавание немецкого языка, а немецкие книги переводились на испанский и португальский языки. Политика добрососедства Ф. Рузвельта, начатая в 1933 г.³, и новая публичная дипломатия США были призваны ответить на активизацию политики Германии посредством создания проамериканского идеологического консенсуса в регионе.

Культурная и образовательная деятельность Германии в регионе подталкивала Вашингтон начать процесс контроля за проектами в области образования и культуры США, которые исходили от частных фондов и неправительственных организаций. В 1935 г. служащие регионального отдела Госдепартамента по делам Латинской Америки предложили президенту Франклину Рузвельту финансировать такие проекты через федеральный бюджет, что было новым для правительства США. Тогда никто в правительстве США не придавал этому предложению особого значения, полагая, что федеральное финансирование программ образования и культуры, которые всегда существовали за счет частных пожертвований и фондов, будет только временной мерой против продвижения Германии.

Для осуществления программ публичной дипломатии требовалось согласие латиноамериканских государств участвовать в американских программах. Этот вопрос был успешно решен госсекретарем К. Халлом на конференции государств Латинской Америки в Буэнос-Айресе в 1936 г. На этой известной конференции сам президент Ф. Рузвельт обозначал образовательные обмены в области образования и культуры как основной метод защиты демократии в Западном полушарии, а также как метод противостояния фашизму. На конференции президент произнес известную речь о роли программ культуры и образования: «Можем ли мы, республики нового мира, помочь старому миру предотвратить нависшую угрозу? Да, я уверен, что мы можем. И мы собрались здесь, чтобы продемонстрировать единение

³ Address by Franklin D. Roosevelt, 1933, *FDR's Papers as President*. Franklin D. Roosevelt Presidential Library & Museum. URL: <http://www.fdrlibrary.marist.edu/aboutfdr/inaugurations.html>. (accessed 01.09.2017).

(Западного полушария. — Н. Ц.) всему миру и защитить демократическую форму конституционного правительства посредством распространения культуры, образования и свободы слова»⁴.

В соответствии с подписанными документами двадцать латиноамериканских государств соглашались на обучение студентов, журналистов и политиков в США. Впервые появилось межправительственное соглашение между США и группой зарубежных стран — Конвенция о продвижении межамериканских культурных связей — о конкретных программах обмена. Конвенция призвала «поощрять тесные отношения между неофициальными организациями, которые оказывают влияние на формирование общественного мнения» и продвигают взаимопонимание между США и странами Латинской Америки. Наконец, США подписали еще несколько договоров об обмене публикациями, выставками искусства и образовательными фильмами⁵.

В 1938 г. администрация США осуществляет еще один исторический шаг — создает Отдел по связям в области культуры в Госдепартаменте «для отпора проникновению фашистских идей на американские континенты»⁶. В его состав вошли восемь человек, а конгресс выделил сумму в 27 тыс. долл. для осуществления программ в области культуры и образования со странами Латинской Америки. Это была незначительная сумма, но уже в последующие два года она будет увеличена до одного миллиона долларов⁷. Появилась и новая должность в американском дипломатическом корпусе — атташе по культуре — для контроля над проектами публичной дипломатии и распространением антинацистской пропаганды в регионе.

Создание отдела в Госдепартаменте стало важнейшим событием для всей последующей истории публичной дипломатии США. Появился правительственный механизм формирования и реализации программ публичной дипломатии. До этого момента большинство программ в области культуры и образования находились в руках благотворительных фондов, университетов и неправительственных организаций. Начиная с 1938 г. Белый дом берет под контроль программы «мягкой силы», которые используются в политических интересах США. Эта дата стала своеобразным Рубиконом

⁴ Roosevelt F., *Address before the Inter-American Conference for the Maintenance of Peace*, Buenos Aires, Argentina, December 1, 1936, The American Presidency Project, URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=15238>.

⁵ См. полный список документов конференции 1936 г.: *Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1936. The American Republics, 1936*, Wash., D. C.: GPO, 1972. P. VII–XCV.

⁶ Meeting Minute. Interdepartmental Committee on Cooperation with the American Republics, 1939, *National Archive Records Administration, Records Group 353, Records of Interdepartmental and Intradepartmental Committees (State Department)*. Box 1.

⁷ *Ibid.*

для правительства США, поскольку в последующие годы новые вызовы американским интересам и ценностям будут только усиливать роль правительства в регулировании программ публичной дипломатии⁸.

Однако создание правительственного механизма реализации программ публичной дипломатии сразу же повлекло за собой борьбу между ведомствами за право контролировать эту область внешней политики. Нельсон Рокфеллер, который имел серьезные экономические интересы в странах Латинской Америки, развивает альтернативные программы для латиноамериканских представителей бизнеса. После поездки по странам Латинской Америки весной 1940 г. он передал президенту меморандум о создании нового агентства для активизации экономического и культурного сотрудничества в регионе. Свое предложение об учреждении независимого агентства он обосновывал необходимостью для частных коммерческих компаний США продвигать свои интересы в регионе, где западноевропейские бизнесмены уже давно взяли на вооружение международные образовательные контакты как средство создания обученного и лояльного персонала. Рокфеллер убеждал президента использовать международные образовательные обмены как инструмент сворачивания влияния европейцев в Латинской Америке⁹. Рузвельт согласился с меморандумом, и Н. Рокфеллер возглавил Офис по межамериканским делам. Офис подчинялся Белому дому, минуя Госдепартамент. Программы обрели двух кураторов в лице Отдела по связям в области культуры и Офиса по межамериканским делам. В итоге Госдепартамент и офис Н. Рокфеллера дублировали программы друг друга, что привело к неорганизованности в их реализации и соперничеству между руководителями ведомств. Хотя ведомство Н. Рокфеллера прекратило свое существование в 1946 г., межведомственная борьба за право контролировать программы, дублирование программ и ведомств станет характерной чертой всей последующей американской публичной дипломатии. В современном варианте эта межведомственная борьба проявляется на уровне взаимодействия между региональными отделами Госдепартамента и Отделом по публичной дипломатии за право контроля и реализации программ обменов в других странах.

⁸ Цветкова Н. А. *Op. cit.*, 53.

⁹ Ninkovich F., *Op. cit.*, 36–37.

Формирование принципов современной публичной дипломатии США

Первые проекты Отдела по связям в области культуры в Госдепартаменте носили политический характер. Реформирование университетов по американской модели, направление американской профессуры для чтения лекций по проблемам текущей политики, создание центров по обучению английскому языку, а также привлечение студентов — все эти проекты создавались для противостояния с немецкой публичной дипломатией¹⁰. Уже через год перечень мероприятий публичной дипломатии расширился до таких проектов, как распространение специальных фильмов по школам и университетам, информационное обеспечение американской внешней политики и изучение пропаганды, которая распространялась Германией в странах Латинской Америки. В меморандумах Отдела по связям в области культуры и образования стали появляться и новые тенденции публичной дипломатии США — «приглашение в США исключительно ведущих специалистов во всех областях знаний, администраторов университетов, которые могут оказать влияние на другие группы общества в государствах Латинской Америки». Только за 1939 г. правительство США создало более 130 фильмов, которые были показаны студентам университетов в таких странах, как Бразилия, Аргентина, Чили, Куба, Мексика, Парагвай и Уругвай¹¹.

Более того, правительство США открывало американские школы, колледжи, а также внедряло английский как язык обучения в вузах Латинской Америки. В ответ на действия Германии в системе образования региона США создали 230 американских школ. Однако количество американских школ было в три раза меньше, чем количество немецких¹².

Чем стремительнее продвигался Гитлер по Европе, тем чаще создание демократических политических институтов в странах Латинской Америки рассматривалось как основная задача программ публичной дипломатии. Появился и принцип отбора тех граждан, которые наиболее подходят для создания политической системы американского образца в латиноамериканских странах. Правительство США предполагало, что политики, члены правительства, депутаты законодательных собраний, главы таких культурных и образовательных учреждений, как библиотеки, школы, университеты, журналисты и главные редакторы всех журналов и издательств,

¹⁰ Memorandum. Interdepartmental Committee on Cooperation with the American Republics, 1939. *National Archive Records Administration. Records Group 353. Records of Interdepartmental and Intradepartmental Committees (State Department)*. Box 1.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

являются той особой частью общества, которую необходимо привлекать в программы обучения, и в итоге они и будут способствовать продвижению демократии в политической системе стран региона. Для влияния на эти профессиональные группы правительство США выделило дополнительные 70 тыс. долл., чтобы оплатить проезд представителей латиноамериканской элиты в США¹³. В 1940 г. первая группа политиков, студентов, профессуры и журналистов из стран Латинской Америки была приглашена Госдепартаментом для участия в программе обменов, известной сейчас как *International Visitor Leadership Program*. Данная программа зародилась как средство для налаживания контактов с представителями правительства и парламента. Для участия в этой программе приглашаются только те зарубежные граждане, которые занимают ведущие посты в своем государстве и способны внедрить политические ценности США в государственные структуры. Такие программы стали занимать ведущие позиции среди других проектов культурной дипломатии США, а бюджет подобных программ обмена стремительно рос. Именно в те годы появился еще один фундаментальный принцип современной публичной дипломатии — участники программ обмена должны оказывать влияние на мнение других членов общества, а также распространять позитивный взгляд о США при помощи публикаций различных заметок, тревелогов, статей и книг после возвращения из США. В первых отчетах различных ведомственных комитетов указано, что американские дипломаты отслеживали появляющиеся заметки латиноамериканских участников программ обмена и всячески способствовали их публикации¹⁴.

Наконец, исходя из отчетов отдела по связям в области культуры, можно заключить, что представители всех имеющихся политических, культурных и образовательных учреждений стран Латинской Америки принимали участие в программах туров и обменов правительства США в 1939–1940 гг. За очень короткий промежуток времени были привлечены такие известные политики, как глава Национального банка Гватемалы М. Моралес, а также еще сотни представителей правительственных министерств, писателей, ректоров университетов стран Латинской Америки.

Кульминацией развития американской публичной дипломатии можно назвать 1941 г., когда бюджет проектов в области информации, образова-

¹³ Report. Interdepartmental Committee on Cooperation with the American Republics. General Records of the Full Committee, 1939–1940. *National Archive Records Administration. Records Group 353. Records of Interdepartmental and Intradepartmental Committees (State Department)*. Box 1.

¹⁴ Meeting Minute. The Advisory Committee on Art. Interdepartmental Committee on Cooperation with the American Republics, 1939. *National Archive Records Administration. Records Group 353. Records of Interdepartmental and Intradepartmental Committees (State Department)*. Box 1.

ния и культуры составил около 2 млн долл., а композиция участников программ обучения и обменов состояла из таких групп общества, как «лидеры и специалисты», а также «студенты и профессора»¹⁵. Подобные программы публичной дипломатии способствовали не только откату влияния Германии в регионе, но и значительно укрепили политико-экономическую ориентацию государств на США¹⁶.

Заключение

Угроза американским интересам в странах Латинской Америки являлась политической причиной для создания новой модели культурной/публичной дипломатии. Во-первых, был создан правительственный механизм, который контролировал программы публичной дипломатии. Во-вторых, частные инициативы в данной области стали подчиняться внешнеполитическим целям Вашингтона, что поменяло природу народной дипломатии: она стала носить правительственный характер. В-третьих, именно в странах Латинской Америки был наработан опыт отбора участников программ по социально-профессиональному статусу грантополучателя. Концепция элитарного отбора участников программ остается самым значимым звеном современной публичной дипломатии.

Библиография

1. *Address by Franklin D. Roosevelt*, 1933, FDR's Papers as President. Franklin D. Roosevelt Presidential Library & Museum, <http://www.fdrlibrary.marist.edu/aboutfdr/inaugurations.html>.
2. Espinosa M., *Inter-American Beginnings of U.S. Cultural Diplomacy, 1936–1948*, Wash. D.C.: Department of State, 1976.
3. *Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers*, 1936. The American Republics, 1936, Wash., D.C.: GPO, 1972. P. VII–XCV.
4. *Meeting Minute. Interdepartmental Committee on Cooperation with the American Republics, 1939*, National Archive Records Administration, Records Group 353, Records of Interdepartmental and Intradepartmental Committees (State Department). Box 1.
5. *Memorandum. Interdepartmental Committee on Cooperation with the American Republics, 1939*. National Archive Records Administration. Records Group 353. Records of Interdepartmental and Intradepartmental Committees (State Department). Box 1.

¹⁵ *Report of the Division on Cultural Cooperation, 1940–1942*, Wash., D. C.: GPO, 1940–1942.

¹⁶ См. списки участников программ обменов. Espinosa M. *Inter-American Beginnings of U. S. Cultural Diplomacy, 1936–1948*, Wash. D. C.: Department of State, 1976.

6. Ninkovich F., *The Diplomacy of Ideas: U. S. Foreign Policy and Cultural Relations, 1938–1950*. N. Y.: Cambridge University Press, 1981.
7. *Report of the Division on Cultural Cooperation, 1940–1942*, Wash., D. C.: GPO, 1940–1942.
8. *Report. Interdepartmental Committee on Cooperation with the American Republics*. General Records of the Full Committee, 1939–1940. National Archive Records Administration. Records Group 353. Records of Interdepartmental and Intradepartmental Committees (State Department). Box 1.
9. Roosevelt F., *Address before the Inter-American Conference for the Maintenance of Peace, Buenos Aires, Argentina*, December 1, 1936, The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=15238>.
10. Цветкова Н. А., *Cultural imperialism: международная образовательная политика в годы холодной войны*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

Marca País de México: retos a través de una estrategia digital

Mexico Country Brand: challenges through a digital strategy

Resumen: Con la creación de la Estrategia Nacional Digital en 2013, el Gobierno Federal encabezado por el Presidente Enrique Peña Nieto comenzó a consolidar una plataforma democrática, transparente y accesible con sus ciudadanos en la cual pudiese poner en marcha sus promesas de campaña. Sin embargo, diversos conflictos políticos y sociales en el interior del país, así como efectos de la economía internacional, surgieron como un claro desafío para consolidar la imagen del país. La Diplomacia Digital se presenta entonces como una estrategia en la cual el gobierno federal de México cuente con una Marca país, la cual genere un impacto positivo tanto en su política interna como en su proyección internacional a través de políticas públicas eficientes.

Palabras clave: Soft Power; marca país; diplomacia digital; estrategia digital nacional; redes sociales; sociedad civil.

Abstract: With the creation of the National Digital Strategy in 2013, the Federal Government headed by President Enrique Peña Nieto began to consolidate a democratic, transparent and more accessible platform with its citizens, in which it could launch its campaign promises through the use of social media and digital strategies. Therefore, various political and social conflicts in the interior of the country, as well as economic effects derived from the international economy; emerged as a clear challenge to consolidate the country's image. Digital Diplomacy is then presented as a strategy in which the federal government of Mexico has a country brand, which generates a positive impact on both its internal policy and its international projection through efficient public policies.

Key words: Soft Power; nation branding; digital diplomacy; national digital strategy; social media; civil society.

Introducción

La imagen de México en su política exterior ha gozado de un prestigio sólido, gracias a sus antecedentes históricos como una nación que evita la confrontación así como el uso de la fuerza. La escuela diplomática mexicana se ha caracterizado a su vez por promover la libre auto determinación de los pueblos, además de aprovechar la cooperación comercial gracias a su posición geoestratégica. Considerando el adve-

¹ Universidad Estatal de San Petersburgo, Alumno de Maestría en Relaciones Internacionales
Nacionalidad: Mexicano
ramses.sanchez@gmail.com

nimiento de una era donde la tecnología juega un factor fundamental, los actores políticos no son ajenos a empoderarse a través de nuevas formas de interacción, siendo las redes sociales una plataforma que al ser usada de manera eficiente puede brindar resultados positivos en temas de difusión y posicionamiento de políticas públicas.

La campaña electoral para presidente de la República del año 2012, marcó para México un punto de partida en donde el Internet y las redes sociales empezaron a jugar un papel clave de estrategia digital con la finalidad de difundir las promesas de campaña de los candidatos a través de plataformas como Facebook, Youtube y Twitter principalmente, siendo éste último, un espacio novedoso donde los usuarios encontraban la oportunidad de interactuar de manera directa con los candidatos. Tras la victoria de Enrique Peña Nieto se empezó a consolidar en el año 2013 una Estrategia Digital Nacional con el fin de promover la imagen de sus políticas gubernamentales, así como los retos por venir para la aprobación y necesaria implementación de una serie de reformas estructurales que prometían apalancar a México como una nueva potencia económica hacia el exterior.

Con la puesta en marcha de el “Pacto por México”, las principales fuerzas políticas del país demostraban que el discurso político podía brindar resultados tangibles y como pocas veces en su historia, diferentes vertientes políticas de izquierda y derecha podían trabajar bajo una sola premisa la cual consistía en “Mover a México”, lema que llegó a convertirse en el eslogan de una estrategia de comunicación del Gobierno Federal para la propia difusión del Plan Nacional de Desarrollo. Así, la imagen presidencial se transfiguraba nuevamente con una especie de nostalgia de hegemonía del partido oficial, pero con un nuevo escenario en donde era claro que las negociaciones tenían que sumar a numerosos actores de la clase política mexicana en un complejo entorno institucional.

El objetivo del siguiente trabajo consiste en explicar la importancia de la Marca País de México a través de una Estrategia Digital Nacional basada en los esfuerzos de homologar el discurso interinstitucional del Gobierno Federal, en particular, mediante el uso de Internet y las redes sociales. De igual manera, el presente trabajo propone con urgencia no sólo la necesidad de hablar bien de México, sino hablar de una manera creíble y cercana a la gente, brindando propuestas y posibles soluciones a las necesidades que requiere la ciudadanía percibir de manera tangible; como lo es en materia de seguridad, economía familiar, educación, salud, entre otros muchos temas. En ello, se deja entrever los beneficios de una Marca País que pueda ser reconocida en todo el mundo y que pueda ser equiparada en resultados palpables de las políticas públicas internas de México.

Soft Power y Moviendo a México

La importancia de contar con una buena reputación, es una parte fundamental del oficio diplomático para cualquier país. En el famoso ensayo de Joseph Nye,

en el cual se desarrolló el concepto de “Soft Power”, la clave del éxito consistió en dar a dicho concepto un papel especial en el recién creado orden internacional con la participación de nuevos actores estatales y no estatales.² Dentro de este nuevo orden internacional, el Internet y las redes sociales se convirtieron en una forma ideal de impactar a un público más amplio con el uso de estrategias gubernamentales específicas que permitan a las personas identificarse de manera positiva ante ciertos mensajes.

Es en este punto donde el “Soft Power” se han apuntalado para fomentar la cultura, valores y las políticas nacionales y de política exterior entre los Estados, sobre cualquier otro medio que involucre el uso de la fuerza.³ Es este intercambio de ideas, información, valores, sistemas, tradiciones y creencias; factores que ayudan a fomentar la cooperación y credibilidad entre los propios países, además de fortalecer los vínculos entre los respectivos gobiernos y sus ciudadanos.⁴ Mediante la construcción de ideas los estados empiezan a crear vínculos de cooperación y establecer mecanismos donde encuentren puntos de equilibrio para encontrar cierta afinidad.

Joseph Nye subraya a su vez la importancia de la Diplomacia Pública, manifestando en que el “Soft Power” surge de la cultura, de los valores de cada nación, así como de su propia política interna y de su respectiva política exterior.⁵ De manera adicional, Nye predice un mayor papel del poder informativo e institucional como una transición hacia una nueva era en la que incrementa la influencia del “Soft Power” y la Diplomacia Pública con el fin de promover la imagen de una nación e influir positivamente mediante el uso de una comunicación efectiva.

La administración de Enrique Peña Nieto se ha caracterizado por mantener una incesante agenda dentro y fuera de la República Mexicana, buscando potenciar eventos nacionales e internacionales con diversos líderes de opinión, iniciativa privada y diversos actores de la esfera política y diplomática. Tan solo en los primeros dos años, se llevaron a cabo una importante serie de giras internacionales en donde además de buscar alianzas comerciales y mayor dinamismo del país en su política exterior, se fomentó la consolidación de la imagen de México a través de la implementación de las recién aprobadas reformas estructurales como parte del proyecto de nación de la actual administración.

La imagen de México empezaba a posicionarse en varios tabloides y cada visita de Estado significaba una oportunidad del ejecutivo federal para hablar de manera detallada acerca del buen trabajo que se venía haciendo en el país. Sin embargo,

² Joseph S. Nye, “Public Diplomacy and Soft Power”, Philadelphia, 2008, p. 317.

³ Joseph S. Nye, “Soft Power and American Foreign Policy, Political Science Quarterly”, *Academy of political science*, 2004.

⁴ Cummings, M., “Cultural Diplomacy and the United States Government: a Survey”, *Washington, D.C*, *Center for Arts and Culture*, 2003.

⁵ Hwuajung Kim, “Cultural Diplomacy as the Means of Softpower in an Information Age”, 2011.

a pesar de que dichos esfuerzos generaban frutos en el extranjero, en el ámbito nacional continuaba incrementando los niveles de violencia provocados por el crimen organizado desde el sexenio anterior, factor que junto con la desaparición de estudiantes normalistas de Ayotzinapa, comenzaron a posicionar a México de manera negativa. Aunado a lo anterior, diversos escándalos de corrupción fueron viralizados rápidamente a través de las redes sociales, alegando la supuesta participación de políticos de alto nivel y con ello el uso de posible conflicto de interés.

La importancia de una Marca País

En cuanto al uso de una Marca País como un esfuerzo de marketing, cada Estado determina las estrategias de comunicación, siendo influenciados en gran parte por la percepción de sus propios visitantes nacionales y extranjeros, lo cual afecta directamente a la imagen del país en el exterior. Como Simon Anholt expresa: “es esencial que los países entiendan cómo son vistos por los públicos de todo el mundo; cómo sus logros y fracasos, sus activos y sus pasivos, su gente y sus productos se reflejan en su imagen de marca”.⁶

El esfuerzo del Gobierno Federal de México para posicionar a su Marca País no es una tarea nueva, ya que el turismo y los visitantes extranjeros han sido desde hace varias décadas un papel fundamental dentro del flujo económico en el país, estrategia que a pesar de los numerosos conflictos internos, México ha puesto mayor atención como parte de un plan intergubernamental de consolidar al país como un Estado estable, competitivo y atractivo siendo incluso hoy en día el lugar número 8 a nivel mundial de acuerdo a la Organización Mundial de Turismo.⁷ Según Hankinson en Kavaratzis⁸, la literatura de marketing turístico, en particular, está dominada por la percepción de la marca, la cual se basa en la tarea de desarrollo de la imagen como el principal objetivo de la promoción de su sitio.

El papel del Estado ha cambiado como respuesta al rápido cambio internacional, y como resultado, el uso de la diplomacia se ha adaptado a nuevos entornos políticos. Como Dinne ejemplifica: mientras que la propaganda, la diplomacia cultural y la diplomacia pública eran los principales instrumentos de poder blando en el último siglo, la Marca País ha comenzado a jugar un papel central en la diploma-

⁶ Simon Anholt, “What is Nation Brand?”, *Superbrands*, 186-187. Disponible en: http://www.superbrands.com/turkeysb/trcopy/files/Anholt_3939.pdf

⁷ Gobierno de la República, “México sube al 8o lugar como país más visitado del mundo”, Secretaría de Turismo, 2017. Disponible en: <https://www.gob.mx/sectur/articulos/mexico-sube-al-8-lugar-como-pais-mas-visitado-del-mundo?idiom=es>

⁸ Hankinson, G.; in Answorth G.J. and Kavaratzis, M.: *Towards effective place brand management: branding European cities and regions*, Publishing Limited, 2010, p. 21.

cia.⁹ La importancia de las redes sociales, con respecto a Harris¹⁰ pueden añadir a la política de proceso de toma de la comunicación simétrica con el fin de participar discusión y el contenido de control.

Una estrategia digital cuidadosamente definida es entonces una excelente opción para proporcionar información y lograr una conversación bidireccional con el público dentro de una plataforma de trabajo conjunto de los diferentes actores involucrados en la creación y difusión de un mensaje, tanto en el mundo real y el digital. Con la construcción de una plataforma digital como parte de una Marca País implica un desarrollo de un proceso de planificación estratégica en la que el país complementa su programa tradicional con estrategias de marketing para lograr ventajas competitivas. La formulación de una estrategia de Marca País en el ámbito digital en México contempla como principales objetivos la participación ciudadana, salud universal y efectiva, transformación educativa, economía digital y transformación gubernamental.¹¹

El papel de las Estrategias Digitales

Las herramientas digitales representan entonces una área de oportunidad para fortalecer la relación entre el gobierno y sus ciudadanos, transformando la interacción entre ellos. Con el fin de tener un Gobierno Digital que pueda funcionar de manera satisfactoria, una estrategia no sólo debe centrarse en proporcionar procedimientos y servicios digitales, sino también aprovechando las nuevas tecnologías para estimular la imagen de cambio y el desarrollo del país. Tomando en cuenta lo anterior, el Gobierno Federal de México realizó en junio de 2013 una serie de reformas constitucionales en materia de telecomunicaciones, en el que dentro de sus principales puntos establecía una Estrategia Digital que estimularan el uso de las Tecnologías de la Información y Comunicación, además de fungir como un espacio para que la digitalización pudiera contribuir al desarrollo del país.¹²

En un entorno democrático, una estrategia gubernamental de medios digitales promueve la participación de sus ciudadanos, con instituciones abiertas y más fuertes que facilitan el acceso a servicios modernos y facilitan el uso de trámites gubernamentales y acceso la información. Las herramientas digitales permitirán no sólo informar al público de lo que se hace en el gobierno, sino también los ciudada-

⁹ Keith Dinnie, "Nation Branding: Concepts, Issues, Practice", Oxford, 2009.

¹⁰ Britney Harris, "Diplomacy 2.0: The Future of Social Media in Nation Branding", *The Journal of Public Diplomacy*, Vol. 4, 2013.

¹¹ Gobierno de la República, "¿Qué es la Estrategia Digital Nacional? Objetivos", 2017. Disponible en: <https://www.gob.mx/mexicodigital>

¹² Gobierno de la República, "Estrategia Digital Nacional", 2013. Disponible en: <http://cdn.mexicodigital.gob.mx/EstrategiaDigital.pdf>

nos pueden participar colaborando en el trabajo que se está realizando. Esta interacción entre gobierno y ciudadanía es uno de los grandes objetivos para un gobierno que desea plasmar una estrategia digital efectiva, que permita escuchar y motivar la participación ciudadana.

Con el fin de competir y fomentar una mejor imagen del país en el escenario internacional, la Estrategia Digital Nacional de México contempla la necesidad de que el país debe mantenerse constantemente actualizado con el uso de los avances tecnológicos y las demandas de su ciudadanía. Con esta visión, el uso de Internet y de las redes sociales representan una oportunidad sin precedentes para dar rienda suelta a la creatividad, mejorar la calidad de la educación y el espíritu empresarial, la promoción de la imagen de las políticas gubernamentales y convertirse así en una ventana abierta en el mundo digital.

“El propósito de incrementar la digitalización de México, consiste en maximizar su impacto económico, social y político en beneficio de la calidad de vida de las personas. Como resultado, uno de los principales objetivos consiste en el intercambio de conocimientos entre los diversos organismos gubernamentales y promover a su vez su colaboración para asegurar una transición digital eficaz”.¹³ En términos de políticas públicas, un gobierno digital debe estar constantemente innovado, adaptándose a nuevos procesos y contextos, con el fin de establecer una comunicación constante con sus ciudadanos. En un mundo digital, un gobierno debe ser también abierto, activo y siempre tener la mejor disposición para escuchar y ser capaz de responder.

De esta manera, México ha introducido cambios sustantivos en su marco regulatorio que consolidan elementos para un gobierno abierto. “Con las reformas constitucionales en materia de transparencia y lucha contra la corrupción, se profundizó el derecho de acceso a la información pública y se fortaleció el órgano encargado de garantizar este derecho otorgándole autonomía constitucional. En el marco de este fortalecimiento, dos disposiciones publicadas son relevantes: con la creación del Sistema Nacional de Transparencia y por otra parte con el surgimiento del Sistema Nacional Anticorrupción.”¹⁴

Además, una Estrategia Digital Nacional debe promover la interacción entre los ciudadanos y su gobierno, lo que contribuye a un nivel nacional para desarrollar bienestar social. Por lo tanto, el compromiso de la Estrategia Digital Nacional necesita democratizar el acceso a las TIC's para promover su adopción, así como para impulsar el desarrollo humano. Un importante factor para “garantizar la digitalización se convierte en un instrumento para el desarrollo de México. En concreto,

¹³ *Ibíd.* Et. Al.

¹⁴ Gobierno de la República, “Gobierno abierto: una nueva forma de gobernar”, 2016. Disponible en: <http://www.gob.mx/gobiernoabierto/articulos/gobierno-abierto-una-nueva-forma-de-hacer-gobierno-69794>

el objetivo de la presente administración es llegar a ser el país líder en digitalización en América Latina, y posicionarse con un nivel similar a la media de la OCDE para el año 2018, de acuerdo con el indicador establecido en el Programa para un Gobierno Abierto y Moderno, publicado el 30 de agosto de 2013” .¹⁵

Paralelamente, una estrategia de medios sociales se perfiló con el principal objetivo de institucionalizar la imagen del gobierno federal mediante el uso homologado de mensajes a través de redes sociales como Twitter, Facebook, Instagram, Youtube y Periscope. Un elemento clave para las redes sociales es que no sólo tienden a la búsqueda de un gran número de seguidores, sino también una mayor participación en las plataformas y aumentan la calidad de los contenidos con la participación de actores reales.

”Saving Mexico”

Como ya se ha mencionado en el presente trabajo, uno de los primeros retos del Presidente Enrique Peña Nieto consistió en la creación del “Pacto por México” y la consiguiente puesta en marcha del paquete de once reformas estructurales que van desde el combate a la corrupción, un nuevo modelo educativo, laboral, hacendario, energético, político-electoral, entre otros temas. Dicho proyecto sin duda posicionó a México en varios reflectores internacionales, como ejemplo aquella cobertura que la revista “Time” brindó en una entrevista al ejecutivo con el lema “Saving Mexico”, frase en la cual se hace alusión a la labor de Enrique Peña Nieto y a la nueva imagen de México como uno de los países con mejores opciones de inversión.

Sin embargo, en los años posteriores se comenzó a sufrir una serie de factores que comenzaron a desequilibrar la imagen del ejecutivo y con ello la labor del trabajo puesto en marcha pese a los múltiples esfuerzos interinstitucionales. La caída en la producción de yacimientos petroleros en México junto la caída del precio internacional del crudo, trajo consigo un incremento en los precios de la gasolina y a su vez generó una espiral internacional afectando a diversas economías entre ellas a México. De manera adicional, la ola de violencia se recrudeció en el país, llegando incluso a ser considerado en la segunda posición a nivel mundial con el mayor índice de homicidios internacionales, solo después de Siria quién se ubica en primer lugar.¹⁶

De manera adicional, los escándalos de corrupción seguían creciendo principalmente de figuras políticas que habían desfalcado con sumas multimillonarias las finanzas de diversos estados de la República. Aunado a lo anterior, una invitación desafortunada hecha por el Presidente Peña Nieto al entonces candidato Republi-

¹⁵ Gobierno de la República, “Estrategia Digital Nacional”, 2013. Disponible en: <http://cdn.mexicodigital.gob.mx/EstrategiaDigital.pdf>

¹⁶ Ruy Alonso Rebolledo, “México es el país más violento de América”, El Economista, 2017. Disponible en: <http://eleconomista.com.mx/sociedad/2017/07/26/mexico-pais-mas-violento-america>

cano por la presidencia de Estados Unidos de América, el magnate Donald Trump, impactó directamente en los niveles de popularidad del mandatario mexicano, siendo las redes sociales un escenario donde se criticó fuertemente dicha actuación, considerando el discurso generado alrededor de la construcción del muro entre ambas naciones, una renegociación del TLC con implicaciones negativas para México, así como una serie de políticas migratorias extremas en contra de la población ilegal en Estados Unidos.

Bajo el lema de ‘lo bueno casi no se cuenta, pero cuenta mucho’ la estrategia de comunicación del equipo de Comunicación del presidente Peña Nieto buscaba revivir con spots aquellos logros hechos por la administración en beneficio de la ciudadanía y además concentró sus esfuerzos en manejar una imagen más cercana a los jóvenes en su cuarto informe de gobierno, dejando a un lado el formato oficial y sumando a ello la transmisión del mismo a través del uso de las redes sociales y en particular de Youtube. De manera similar, dentro del marco de las negociaciones migratorias y comerciales con la actual administración del Presidente de los Estados Unidos el Gobierno de México relanzó el sello de ‘Hecho en México’ junto con diversas medidas económicas que permitan facilitar la competitividad de la economía del país.¹⁷

La Estrategia Digital Nacional ha sido sin duda una de las áreas que ha enfrentado directamente enormes retos a través de las redes sociales y dentro de sus logros sobresale la creación de una Ventanilla Única Nacional para trámites e Información de Gobierno a través de www.gob.mx, de igual manera a través de su portal de Internet la Coordinación de Estrategia Digital ha resaltado la participación de México como sede del 11º Foro para la Gobernanza de Internet, así como el avance en materia de Índice de Servicios en Línea ocupando el primer lugar en América Latina.¹⁸

Conclusión

Con la finalidad de poder crear Políticas Públicas viables, es vital tener información positiva y negativa para hacer un balance realista de lo que está sucediendo en el contexto internacional y doméstico de cada país. Por ello, de manera complementaria a un Plan Nacional de Desarrollo de un país como México debe configurarse una Estrategia Digital Nacional en donde se realce el papel de la sociedad civil y no solo los esfuerzos gubernamentales en spots televisivos, sino también me-

¹⁷ Rolando Ramos, “EPN anuncia cruzada para facilitar comercio e inversión”, *El Economista*, 2017. Disponible en: <http://eleconomista.com.mx/industrias/2017/02/02/epn-anuncia-cruzada-facilitar-comercio-e-inversion>

¹⁸ Gobierno de la República, “Logros en el año 2016 del Plan Nacional de Desarrollo”. 2017. Disponible en: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/218589/Logros_PND-EDN_2016.pdf

diante un compromiso para escuchar y tener en cuenta las voces que pueden ayudar a crear una estrategia de Diplomacia Pública efectiva para disminuir la propaganda negativa, misa que se exagera en Internet con información que puede llegar a resultar confusa e incluso con ciertas tendencias de manipulación.

Un mayor acercamiento con la ciudadanía y particularmente con los jóvenes, sin duda podría fortalecer la imagen del Gobierno Federal en redes sociales como una estrategia que promueva un gobierno incluyente. Sin embargo, es necesario también que el gobierno mexicano reoriente su estrategia de lucha contra la corrupción y a su vez enfoque gran parte de sus esfuerzos en el combate a la gran ola de violencia ocasionada por el crimen organizado. El país y sus ciudadanos merecen más que buenas intenciones, sino una estrategia que empalme datos reales con acciones eficientes de políticas públicas.

Bibliografía

1. Joseph S. Nye, "Public Diplomacy and Soft Power", Philadelphia, 2008, p. 317.
2. Joseph S. Nye, "Soft Power and American Foreign Policy, Political Science Quarterly", Academy of political science, 2004.
3. Cummings, M., "Cultural Diplomacy and the United States Government: a Survey", Washington, D.C , Center for Arts and Culture, 2003.
4. Hwuajung Kim, "Cultural Diplomacy as the Means of Softpower in an Information Age", 2011.
5. Simon Anholt, "What is Nation Brand?", Superbrands, 186-187. Disponible en: http://www.superbrands.com/turkeysb/trcopy/files/Anholt_3939.pdf
6. Gobierno de la República, "México sube al 8o lugar como país más visitado del mundo", Secretaría de Turismo, 2017. Disponible en: <https://www.gob.mx/sectur/articulos/mexico-suba-al-8-lugar-como-pais-mas-visitado-del-mundo?idiom=es>
7. Hankinson, G.; in Answorth G.J. and Kavaratzis, M.: Towards effective place brand management: branding European cities and regions", Publishing Limited, 2010, p. 21.
8. Keith Dinnie, "Nation Branding: Concepts, Issues, Practice", Oxford, 2009.
9. Britney Harris, "Diplomacy 2.0: The Future of Social Media in Nation Branding", The Journal of Public Diplomacy, Vol. 4, 2013.
10. Gobierno de la República, "¿Qué es la Estrategia Digital Nacional? Objetivos", 2017. Disponible en: <https://www.gob.mx/mexicodigital>
11. Gobierno de la República, "Estrategia Digital Nacional", 2013. Disponible en: <http://cdn.mexicodigital.gob.mx/EstrategiaDigital.pdf>
12. Gobierno de la República, "Gobierno abierto: una nueva forma de gobernar", 2016. Disponible en: <http://www.gob.mx/gobiernoabierto/articulos/gobierno-abierto-una-nueva-forma-de-hacer-gobierno-69794>
13. Gobierno de la República, "Estrategia Digital Nacional", 2013. Disponible en: <http://cdn.mexicodigital.gob.mx/EstrategiaDigital.pdf>

14. Ruy Alonso Rebolledo, “México es el país más violento de América”, *El Economista*, 2017. Disponible en: <http://eleconomista.com.mx/sociedad/2017/07/26/mexico-pais-mas-violento-america>
15. Rolando Ramos, “EPN anuncia cruzada para facilitar comercio e inversión”, *El Economista*, 2017. Disponible en: <http://eleconomista.com.mx/industrias/2017/02/02/epn-anuncia-cruzada-facilitar-comercio-e-inversion>
16. Gobierno de la República, “Logros en el año 2016 del Plan Nacional de Desarrollo”. 2017. Disponible en: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/218589/Logros_PND-EDN_2016.pdf

**Публичная дипломатия США на Кубе
в период администрации Б. Обамы:
молодежь и социальные сети**

**US Public Diplomacy in Cuba during the Obama
Administration: Youth and Social Networks**

Abstract: The paper examines the U. S. public diplomacy in Cuba during the Obama administration with particular focus on two case studies of the creation of social networks in Cuba. It turned out that the United States took concrete measures to liberalize the Cuban communication space, bypassing government control over the Internet through services of mass mailing. The U.S. also focused on digital solutions in information support of foreign policy initiatives which follows from the analysis of the strategy of information transfer of such U.S. outreach body on Cuba as Radio “Marti”. Although the counter measures taken by the Cuban government couldn’t be considered effective, so far they have been sufficient to prevent “the Cuban Spring”.

Keywords: public diplomacy, digital diplomacy, United States, Cuba, Obama.

Resumen: El artículo examina la diplomacia pública de los Estados Unidos en Cuba durante la administración de Obama, con especial énfasis en dos estudios de caso sobre la creación de redes sociales en Cuba. Resultó que los Estados Unidos tomaron medidas concretas para liberalizar el espacio de comunicación cubano, evitando el control gubernamental sobre Internet a través de los servicios de correo masivo. Los EE.UU. También se enfocaron en soluciones digitales en apoyo de información de iniciativas de política exterior que se desprenden del análisis de la estrategia de transferencia de información de dicho cuerpo de alcance de los EE.UU. Sobre Cuba como Radio “Martí”. Si bien las contramedidas adoptadas por el gobierno cubano no pudieron ser consideradas efectivas, hasta ahora han sido suficientes para evitar “la Primavera de Cuba”.

Palabras clave: diplomacia pública, diplomacia digital, Estados Unidos, Cuba, Obama.

Введение

Публичная дипломатия США при президенте Обаме вошла в историю многочисленными проектами вовлечения молодежи посредством социальных сетей. Ее особенностью в Латинской Америке и Карибском бассейне стало нежелание «поссориться» со своими соседями, осторожность,

¹ Сытник Анна Николаевна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, (anna@sytnik.me), гр. РФ.

долгосрочность. Президент Б. Обама попытался представить США в качестве стратегического партнера для стран Южной Америки, сделав акцент, помимо укрепления торговых связей и безопасности, на решении внутренних проблем государств региона. Под этим предлогом США осуществляли взаимодействие через различные программы с местными гражданскими активистами, обучая и наделяя их техническими и финансовыми ресурсами.

Наиболее очевидных успехов на латиноамериканском направлении Б. Обама достиг в отношениях с Кубой. В 2013 г. на похоронах Нельсона Манделы в ЮАР Барак Обама встретил Рауля Кастро, где состоялось первое публичное рукопожатие лидеров двух стран с 1959 г. В декабре 2014 г. президент Обама изложил свое видение нового курса в отношениях США и Кубы, которое включило восстановление дипломатических отношений и возобновление работы посольства США в Гаване. В мае 2015 г. Государственный департамент США использовал Twitter для восстановления связей с Кубой за несколько месяцев до официального восстановления дипломатических отношений.

В период администрации Б. Обамы проекты США на Кубе продвигались Агентством международного развития США, Управлением вещания на Кубу, Посольством США в Гаване и другими внешнеполитическими ведомствами. Основным фокусом их деятельности стало создание технических возможностей для молодежи через социальные и традиционные медиа и программы обмена. В статье представлен анализ публичной дипломатии США на Кубе в период администрации Б. Обамы, а также подробно рассмотрены 2 case-study по созданию социальной сети на Кубе и ответные действия правительства Кубы.

Агентство по международному развитию США: проект «ZunZuneo»

Агентство по международному развитию США было вовлечено в несколько проектов на кубинском направлении. К примеру, в рамках программы «Агенты-путешественники на Кубу» на остров отправлялись молодые латиноамериканцы (из Венесуэлы, Коста-Рики, Перу) в целях политической подрывной деятельности и стимулирования восстания. «Путешественники» работали под прикрытием, изображая туристов и пытаясь идентифицировать людей, которые могли бы стать политическими активистами². Однако наиболее ярким проектом Агентства на Кубе стала программа, названная в честь щебета кубинского колибри *ZunZuneo (ZZ)*. ZZ — SMS-сервис по типу *Twitter*, тайно продвигаемый США на Кубе с 2010 по

² *Proyecto Piramideo*. URL: <https://www.ecured.cu/Piramideo>. (accessed 01.09.2017).

2012 г., с помощью которого зарегистрированные кубинцы могли получать уведомления от друзей, а также новости о спорте, музыке и даже предупреждения о приближающихся ураганах. Благодаря расследованию, которое провело *Associated Press*, известны детали проведенной секретной операции.

Предполагается, что идея проекта возникла в Агентстве по международному развитию США или вашингтонской коммерческой компании *Creative Associates International*, связанной с правительством США. Поводом к созданию «кубинского *Twitter*» стала передача сотрудником из государственного сотового провайдера Кубы *Cubacel* номеров телефонов кубинцев инженеру, выходцу с Кубы, проживающему в Испании. Инженер предоставил телефонные номера Агентству и *Creative Associates* на безвозмездной основе. Менеджер из *Creative Associates* Ной Виллалобос, ранее работавшая в Агентстве, связалась со своим братом Марио Бернгеймом, компьютерщиком из Никарагуа, запросив у него информацию о возможности организации анонимной рассылки на имеющиеся номера телефонов. *Creative* наняли Бернгейма как субподрядчика, и началась работа над проектом *ZZ*. Финансирование, выделенное на проект на Кубе, было оформлено в правительственной базе данных как на неопределенный проект в Пакистане.

Команда *ZZ* работала из разных географических локаций: Манагуа (Никарагуа), Сан-Хосе (Коста-Рика), США, Испании, Великобритании. Было решено использовать список телефонных номеров, чтобы нарушить интернет-эмбарго Кубы и доставлять информацию кубинцам, а также предоставлять им возможность взаимодействовать друг с другом таким образом, чтобы правительство Кубы не могло это контролировать. Авторы проекта рассчитывали на то, что, если сервис будет выглядеть доброжелательно, *Cubacel* и кубинская контрразведка не станут вмешиваться. Далее, согласно их плану, когда сеть набрала бы критическое количество пользователей, кубинское правительство столкнулось бы с трудностями его блокирования из-за большого спроса со стороны кубинцев и зависимости *Cubacel* от дохода от текстовых сообщений. В документах, изученных *AP*, обсуждалась необходимость придать сайту *ZZ* коммерческий вид с помощью фиктивных рекламных баннеров. Контент сайта должен был постепенно измениться с новостей о спорте и музыке к политическим новостям и вдохновить кубинцев на организацию «быстрых демонстраций» (*smart mobs*) и Кубинской весны.

Целевой аудиторией *ZZ* были выбраны молодые люди, которые, согласно данным, собранным Агентством, были наиболее открыты для политических изменений. Кубинское общество было разделено на пять сегментов в зависимости от лояльности к правительству. С одной стороны было

демократическое движение, называемое в документах «все еще (в значительной степени) неуместным», а с другой — сторонники жесткой системы, получившие название «Талибаны».

В сентябре 2009 г. было решено протестировать политическую силу социальной сети. Поводом стало крупнейшее мероприятие — тысячи кубинцев собрались на площади Революции в Гаване, чтобы послушать концерт колумбийского рок-певца Хуанеса под слоганом «Мир без границ» («Peace without Borders»). Незадолго до этого команда ZZ наняла Алена Лаузана Фалкона, сатирика родом из Гаваны, проживающего в Чили, для написания комических и «слегка политических» сообщений в кубинском стиле. В одном из них он спросил респондентов, считают ли они, что две популярные местные музыкальные группы, не одобряемые правительством, должны присоединиться на сцене к Хуанесу. Около 100 000 человек ответили, не зная, что опрос использовался для сбора разведывательных данных. Паула Камбронеро, исследователь, работающий на *Mobile Accord* (компанию, работавшую по контракту над проектом ZZ), создала базу данных о кубинских пользователях, включая пол, возраст, восприимчивость и политические тенденции. Агентство полагало, что «демография по инакомыслию» (demographics on dissent) может помочь таргетировать другие программы на Кубе.

В феврале 2010 г. кубинцам представили *ZunZuneo* и запустили маркетинг. В течение шести месяцев социальная сеть набрала 25 тыс. подписчиков, их число росло быстрее и привлекало больше внимания, чем команда Агентства могла контролировать. Они обратились к Джеймсу Эберхарду, генеральному директору *Mobile Accord Inc.* в Денвере, технологическому предпринимателю, впервые использовавшему текстовые сообщения для собрания пожертвований после землетрясения на Гаити. Для запутывания следов было решено базировать компанию в Великобритании и учредить корпорацию в Испании. Отдельная компания под названием *MovilChat* была создана на Каймановых островах, известной офшорной налоговой гавани, с учетной записью *Bank of NT Butterfield & Son Ltd.* для оплаты счетов. Команда подрядчиков поместила серверы в Испании и Ирландии для обработки текстов, заключив контракт с независимой испанской компанией *Lleida.net* для отправки текстовых сообщений обратно на Кубу и фильтрации идентификационных данных. По мнению юриста Карлоса Санчеса Алмеида, США своими действиями в Испании нарушили Закон ЕС о защите баз данных. Кроме этого, *Mobile Accord* запрашивала информацию у инженеров испанской телекоммуникационной компании *Telefonica*, которые владели информацией о сети *Cubacel*.

Осознавая, что сокрытие финансирования проекта в длительной перспективе невозможно, чиновники из Агентства обратились к Джеку Дорси,

соучредителю *Twitter*, с предложением финансировать *ZZ*. Документы показывают, что Дорси встретился с Сюзанн Холл, служащей Госдепартамента, работавшей над проектами социальных сетей. Были также предприняты попытки нанять на должность главы испанской компании топ-менеджера, который смог бы договориться с *Cubacel* о более низкой цене за текстовые сообщения.

К марту 2011 г. у *ZZ* было около 40 тыс. подписчиков. Команда *ZZ* отказалась от предыдущих надежд на достижение 200 тыс. и вместо этого ограничила число подписчиков меньшим числом — 1 % населения Кубы, чтобы не привлекать внимание кубинских властей. Бывший работник *ZZ* рассказал на условиях анонимности, что кубинцев ловили и пытались заблокировать сайт. К середине 2012 г. кубинские пользователи начали жаловаться на то, что сервис работал только спорадически, а иногда совсем не работал. *ZunZuneo* исчез так же таинственно, как и появился.

Основной предпосылкой для закрытия проекта *ZZ* стала взаимосвязь секретности и высокой стоимости. Агентство не смогло найти альтернативное государственному финансирование, а отправка сообщений на Кубу была крайне затратной. Одновременно с этим было сложно привлечь к работе над проектом ведущих топ-менеджеров из-за невозможности полного раскрытия информации о проекте. И наконец, компании-подрядчики оказались не способными полностью уловить идею и реализовать все детали на практике³. Все это привело к сворачиванию проекта первой социальной сети на Кубе. Второй социальной сетью на Кубе занялось Управление вещания на Кубу.

Управление вещания на Кубу: радио «Марти» и социальная сеть «Пирамида»

Управление вещания на Кубу является одним из пяти отделений совета управляющих по вопросам вещания США и администрирует пропагандистские передачи радио и телевидения *Марти*, направленные на стимулирование изменений на острове. *Марти* представляет собой несколько каналов доступа к информации и развлекательному контенту «без цензуры» на Кубе, из Соединенных Штатов, Латинской Америки и всего мира. Под маркой *Марти* и его видео-, аудио- и онлайн-продуктами и услугами Управление вещания на Кубу стремится предоставить информацию, которая не доступна кубинцам в государственных СМИ, а также помогает им участвовать в обмене информацией и взглядами. Управление нанимает ку-

³ *US secretly created 'Cuban Twitter' to stir unrest and undermine government*, The Guardian, 3.04.2014. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/apr/03/us-cuban-twitter-zunzuneo-stir-unrest>.

бинских журналистов на Кубе и собирает сеть независимых журналистов внутри страны, которые могут хранить данные и обмениваться информацией через Интернет, SMS и телефон.

Для наиболее полного охвата кубинской аудитории Управление использует коротковолновый, средневолновый и прямой спутники, спутниковое радио, Интернет, социальные сети, флэш-накопители и DVD-диски. *Марти* в своей цифровой стратегии воплощает подход, где на первом месте находятся социальные медиа — с Кубы доступны аккаунты *Марти* в Facebook и YouTube. Так, во время освещения визита президента Обамы на Кубу этот подход позволил *Марти* получить аудиторию в три раза больше, чем у любых других игроков рынка, таких как *El Nuevo Herald*, *Granma* или *Cubadebate*⁴.

Команда *Марти* разработала несколько проектов, среди которых наиболее ярким стало создание социальной сети под названием *Пирамида* (*Piramideo*), сменившей неудавшуюся социальную сеть Агентства по международному развитию США *ZunZuneo*. Управление объявило о существовании *Пирамиды* в июне 2013 г. Доступные данные о том, функционирует ли она до сих пор, отсутствуют. Социальная сеть *Пирамида* функционировала следующим образом: кубинцы бесплатно регистрировались на веб-странице *Пирамиды*, вводя свой номер телефона или учетную запись электронной почты. Также они могли зарегистрироваться, позвонив по бесплатному номеру телефона. Далее они получали доступ к сайту, не требовавшему наличия доступа в Интернет и обходившего правительственные ограничения сети, откуда зарегистрированные пользователи могли отправлять сообщения сразу всем своим контактам⁵.

Социальная сеть *Пирамида* способствовала созданию сети «друзей», предложив гражданину Кубы возможность отправки SMS массово членам его «пирамиды» по стоимости одного сообщения. *Пирамида* задумывалась не просто как инструмент помощи кубинскому народу — США рассчитывали, что социальная сеть создаст подходящий «климат для протестов» и облегчит распространение сообщений о демонстрациях. Проект нарушил резолюцию 192 Министерства информатики и связи, содержащую «Правила по борьбе с вредной массовой рассылкой сообщений через телекоммуникационные сети»⁶.

⁴ Ed. Brown K., Hensman Ch., *The U. S. Advisory Commission on Public Diplomacy*, 2016 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 178.

⁵ Alvarez L., *Radio and TV Martí, U.S. Broadcasters to Cuba, Emerge From Cold War Past Facing Uneasy Future*, The New York Times. 24.03.2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/03/25/us/radio-tv-marti-cuba.html>.(accessed 01.09.2017).

⁶ Alvarez L., *Op. cit.*

Программа изначально оценивалась в 3,2 млн долл. и была разработана *Washington Software Inc.* в Джермантуан для радио и ТВ *Марту*. В апреле 2013 г. были обнародованы данные, что в рамках усилий на Кубе ВВГ заплатил: 531 576 долл., чтобы увеличить число прокси-серверов; 500 987 долл. — на услугу отправки коротких сообщений через SMS и социальные сети; 451 796 долл., чтобы избежать блокирования кубинским правительством электронных сообщений; 173 074 долл. — на отправку текстовых сообщений на Кубу с помощью SMS; 96 028 долл. — на программирование компьютеров; 84 000 долл. — на разработку и эксплуатацию системы SMS; 83 050 долл., чтобы финансировать команду, занимающуюся операциями IT-стратегии и архитектуры; 60 275 долл. для массовой рассылки по электронной почте; 2580 долл., чтобы оплатить расходы, связанные с интернет-шлюзами. В общей сложности — 1 983 366 долл. 20 июня 2014 г. правительство США выделило дополнительно 400 тыс. долл. компании-разработчику, так что контракт в течение одного года увеличился до 4 321 173 долл. (общая сумма выплат в *Washington Software* с июня 2011 г.)⁷.

В дополнение к социальной сети Управление вещания на Кубу проводит другие инициативы. *Репортаж с Кубы (Reporta Cuba)* является функцией, с помощью которой кубинцы могут публиковать блоги, новости и распространять информацию о задержаниях. А стратегия передачи контента (новостей, радиорепортажей, телевизионных программ) включает в себя распространение флэш-карт памяти, DVD, рассылку по SMS и электронной почте, что позволяет *Martínoticias.com* соединяться с 1 млн кубинцев каждый месяц⁸.

В Майами проводится *Конференция по свободе Интернета на Кубе (CIF)*, которая объединила цифровых новаторов и независимых журналистов с Кубы с другими людьми, сосредоточенными на улучшении цифровых прав и содействии бесцензурному доступу на остров. Мероприятие было организовано Управлением в рамках *Недели социальных медиа Майами (Social Media Week Miami)*, прошедшей в сентябре 2016 г. Участниками конференции 2016 г. стали технологи, политические деятели, специалисты из НКО, предприниматели и кубинские интернет-новаторы. Среди тем конференции были: «Кто может подключиться и как?», «Подпольная сеть Кубы», «Интернет как универсальное право», «Окружение и цензура»⁹.

Несмотря на некоторые успехи, радио и телевидение *Марту* подвергается критике. Его обвиняют в неэффективной трате своего многомиллион-

⁷ Proyecto Piramideo, *Op. cit.*

⁸ Proyecto Piramideo, *Op. cit.*

⁹ *Cuba Internet Freedom Conference*. Broadcasting Board of Governors. URL: <https://www.bbg.gov/2016/09/12/cuba-internet-freedom/>.(accessed 01.09.2017)

ного бюджета, собранного на деньги налогоплательщиков. К примеру, было потрачено миллионы на аэростатный шар и самолет как средства передачи телевизионных сигналов на Кубу, но проект оказался неудачным. Другим минусом считается пропагандистский настрой, объясняемый некоторой степенью контроля над *Марти* мигрантами с Кубы. Большое количество пропаганды, недостаток сбалансированных суждений и объективности подрывают его авторитет. Существует мнение о необоснованной цифровизации *Марти* — подавляющее большинство кубинцев не имеет домашнего интернет-подключения. Значительные сложности представляет оценка аудитории. По доступным данным, аудитория *Марти* на Кубе составляет лишь 2 % от населения острова. А на его сайте говорится об аудитории в 20 %. И наконец, само существование *Марти* создает проблемы в налаживании отношений между США и Кубой. Так, Рауль Кастро призывал положить конец *Марти* в качестве условия нормализации отношений между двумя странами¹⁰.

Ответные меры правительства Кубы

С тех пор как Фидель Кастро передал власть своему брату Раулю, Куба встала на путь сдержанного стимулирования роста экономики. Вместе с этим Рауль Кастро стал поощрять использование мобильных телефонов, и сотни тысяч кубинцев впервые стали пользователями мобильных телефонов, хотя смартфоны с доступом в Интернет оставались ограниченными. Граждане Кубы получили возможность отправки текстовых сообщений, но по высокой стоимости в стране, где средняя заработная плата составляла всего 20 долларов в месяц¹¹. Несмотря на некоторые сдвиги в коммуникационной политике, Куба по-прежнему остается одной из стран с самым ограниченным интернет-доступом в мире. Домашнее интернет-подключение по-прежнему запрещено, а сама сеть подвергается серьезной цензуре. Оценки проникновения в Интернет широко варьируются от 5 до 30 %¹².

Активные действия США на кубинском направлении приводят к контрмерам правительства Кубы. В 2009 г. на Кубе был арестован Алан Гросс, работавший по контракту с Агентством международного развития США, за распространение спутниковых телефонов, направленных на создание точек доступа Wi-Fi, которые должны были использоваться еврейской общи-

¹⁰ Alvarez L., *Op. cit.*

¹¹ *US secretly created "Cuban Twitter"* // *Op. cit.*

¹² Ed. Brown K., Hensman Ch., *Op. cit.*, 380.

ной Кубы¹³. Более того, кубинское правительство старается продвигать свои интернет-проекты. Государственная телефонная компания Кубы запустила систему электронной почты для смартфонов под названием *Nauta*: пользователи могут отправлять и получать электронные письма, но не могут осуществлять поиск в Интернете. Однако проект вряд ли можно назвать удачным, ведь первоначальная раздача электронных писем превысила возможности телефонной компании и на несколько дней обрушила всю систему сотовых телефонов. По сообщениям кубинцев, *Nauta* работает с перебоями и медленно^{14,15}. Правительство Кубы также прибегает к массовой рассылке текстовых сообщений. Так, была использована база данных «ЕТЕССА» для пропаганды освобождения пяти шпионов и участия в проправительственных политических мероприятиях¹⁶.

Заключение

Публичная дипломатия США на Кубе в период администрации Б. Обамы преследовала цель стимулирования политических изменений на острове. Для смены кубинского режима, т. е. Кубинской весны, Соединенным Штатам было необходимо развивать гражданскую активность на Кубе и предоставлять технические возможности для коммуникации рядовым кубинцам. В этих целях США приняли конкретные меры для либерализации кубинского коммуникационного пространства, обойдя правительственный контроль над Интернетом с помощью сервисов массовой рассылки. Разработанные США программы пользовались спросом у молодых граждан Кубы, так как стали альтернативным источником информации развлекательного характера и возможностью экономии на отправке сообщения нескольким контактам одновременно. Стратегия США была направлена на постепенную политизацию контента и стимулирование (в том числе с помощью функции массовой рассылки) организации «быстрых демонстраций». Первый проект США по созданию социальной сети на Кубе оказался неудачным из-за тайного характера деятельности, второй проект пока также не привел к каким-либо значительным достижениям.

В дополнение к социальным сетям США распространяли информацию с помощью флэш-карт памяти, DVD, рассылки по электронной почте.

¹³ Erlich R., *U. S. Funding (Another) Social Network to Try to Overthrow Castro* URL: http://www.huffingtonpost.com/the-groundtruth-project/us-funding-another-social_b_5599147.html.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ Yoani Sanchez., URL: <https://twitter.com/yoanifromcuba/status/887712696283668481>.

¹⁶ Torna O. A., *Zunzuneo: Subversion or Breaking Censorship*. URL: <http://translatingcuba.com/zunzuneo-subversion-or-breaking-censorship-odelin-alfonso-torna-hemosoido/> (дата обращения: 9.04.2014).

Крупнейшее пропагандистское ведомство США на Кубе, радио *Марти*, сделало упор на цифровую передачу контента, развивая аккаунты в Facebook и YouTube. В период администрации Б. Обамы США взаимодействовали с оппозиционными кубинскими блогерами, организуя мероприятия по обмену опытом и вручая премии. Соединенные Штаты способствовали открытию на Кубе около 85 платных общественных мест с Wi-Fi-доступом и интернет-центрами, а стоимость Интернета была снижена до двух долларов США в час, что все равно составляло одну десятую от среднемесячной заработной платы кубинца.

Контрмеры, принятые правительством Кубы, и его интернет-проекты выглядят недостаточно сильными для привлечения на свою сторону активной кубинской молодежи. Однако на данный момент их хватило для предотвращения Кубинской весны, что может объясняться и другими причинами социального характера. В перспективе продолжение политики «закрытости» в интернет-пространстве, в дополнение к экономическому и технологическому отставанию Кубы, может способствовать достижению целей США на кубинском направлении.

Библиография

1. Alvarez L., *Radio and TV Martí, U. S. Broadcasters to Cuba*, Emerge From Cold War Past Facing Uneasy Future, The New York Times. 24.03.2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/03/25/us/radio-tv-marti-cuba.html>. (дата обращения: 01.09.2017).
2. Ed. Brown K., Hensman Ch., *The U. S. Advisory Commission on Public Diplomacy*, 2016 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting.
3. Erlich R., *U. S. Funding (Another) Social Network to Try to Overthrow Castro*. URL: http://www.huffingtonpost.com/the-groundtruth-project/us-funding-another-social_b_5599147.html Cuba Internet Freedom Conference, Broadcasting Board of Governors, <https://www.bbg.gov/2016/09/12/cuba-internet-freedom> Proyecto Piramideo., <https://www.ecured.cu/Piramideo>. (дата обращения: 01.09.2017).
4. Torna O. A. *Zunzuneo: Subversion or Breaking Censorship*, URL: <http://translatingcuba.com/zunzuneo-subversion-or-breaking-censorship-odelin-alfonso-torna-hemosoido/> (дата обращения: 01.09.2017).
5. US secretly created ‘Cuban Twitter’ to stir unrest and undermine government. The Guardian, URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/apr/03/us-cuban-twitter-zunzuneo-stir-unrest> (дата обращения: 3.04.2014).
6. Yoani Sanchez. URL: <https://twitter.com/yoanifromcuba/status/887712696283668481>.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Л. М. Дмитренко¹

**Коллекции МАЭ (Кунсткамера) РАН в свете
культурного обмена между Россией и Аргентиной
в начале XX века**

**Collections of the MAE (Kunstkamera) of the Russian
Academy of Sciences in the light of cultural exchange
between Russia and Argentina in the n. XX century**

Abstract: The beginning of XX-th century opened new spheres of interest for both institutions: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS and Buenos Aires Museum of Ethnography. During just six years (1908–1913) Buenos Aires Museum sent to Saint-Petersburg nearly 700 ethnographical and archaeological objects. In tern Kunstkamera sent nearly one hundred valuable objects from Russia, Northern America and Oceania.

This exchange between MAE RAS and Buenos Aires Museum was of great importance for the collecting of “exotic” materials used for exposure and the developing of scientific researches. It opened for the scientists the possibility of knowledge changing, as well as the possibility of Argentine and Russian traditional archaeological and ethnographic cultures acquaintance

Keywords: MAE (Kunstkamera) RAS; Juan B. Ambrosetti Museum of Ethnography; L. Shternberg; J. B. Ambrosetti; collections exchange; beginning of XX-th century.

Резюме: Начало XX столетия открыло новые сферы интереса к двум институтам: Музею антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН и Музею этнографии Буэнос-Айреса. В течение шести лет (1908–1913) музей Буэнос-Айреса

¹ Дмитренко Любовь Михайловна — Россия, младший научный сотрудник отдела этнографии Америки музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (jakovlevaljuba@mail.ru). Статья выполнена при помощи финансирования гранта РФФИ (РГНФ) 17-31-01092 а2 «Исследование археологических коллекций из Аргентины в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН».

направил в Санкт-Петербург более 700 этнографических и антропологических объектов. В обмен Кунсткамера направила в Аргентину около сотник различных объектов из России, Северной Америки и Океании.

Ключевые слова: Кунсткамера (МАЭ), Музей этнографии Хуана Амбросетти, Л. Штенберг, Х. Б. Амбросетти, обмен коллекциями, начало XX века.

Собрание МАЭ (Кунсткамера) РАН насчитывает 17 коллекций археологических и этнографических материалов, присланных в качестве обмена Этнографическим музеем Буэнос-Айреса² в начале XX в.³ Обмен начался в 1908 г. по инициативе основателя Этнографического Музея Буэнос-Айреса Х. Б. Амбросетти⁴ и научного сотрудника МАЭ РАН Л. Я. Штернберга⁵.

Начало XX в. ознаменовалось повышением общественного интереса к традиционной культуре, сохранившей свою самобытность, на фоне всемирного научно-технического прогресса. Важную роль в развитии этого интереса играло накопление, изучение и публичная демонстрация коллекционных материалов крупнейшими музеями Старого и Нового Света. В свете этих тенденций недавно основанный Этнографический Музей Буэнос-Айреса (1904) и МАЭ РАН, имевший в начале XX в. внушительные коллекции этнографических древностей и анатомических редкостей, были взаимно заинтересованы в приобретении новых коллекций, ранее не представленных в музеях. Начиная с 1904 по 1913 г. Музей Буэнос-Айреса, провел 9 научных экспедиций, посвященных археологическим раскопкам и сбору этнографических предметов на территории Аргентины. Экспедиции проходили под руководством факультета философии и литературы Университета Буэнос-Айреса (Facultad de Filosofía y Letras, Universidad de Buenos Aires), на базе которого был создан и к которому до сегодняшнего дня относится Этнографический музей Х. Б. Амбросетти. В то же время Амбросетти начал переписку и завел знакомства с директорами наиболее крупных мировых музеев. В генеральном каталоге Амбросетти отмечал все города, в которые были переданы материалы музея этнографии. Среди них: Нью-Йорк (American Museum of Natural History, Smithsonian National Museum of the American Indian), Вашингтон (Smithsonian National Museum

² В настоящее время Музей этнографии имени Хуана Баутиста Амбросетти (Museo Etnográfico Juan B. Ambrosetti).

³ Ершова Е. А., Корсун С. А., *Указатель собирателей и дарителей коллекций отдела этнографии народов Америки МАЭ*, Отв. ред. Ю. Е. Березкин. Сборник музея антропологии и этнографии. Аборигены Америки: предметы и представления. СПб., Лема, 2005. Вып. L, 4–59.

⁴ Лукин Б. В., *Хуан Амбросетти и его связи с русскими этнографами (К столетию со дня рождения)* // Советская этнография. М., изд-во Академии наук СССР. 1965, № 4, 129–137.

⁵ Корсун С. А., *Л. Я. Штернберг как американист. Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения*, под ред. Е. А. Резвана. СПб., МАЭ РАН, 2012, 65–82.

of Natural History), Токио (The University Museum), Лейден (National Museum of Ethnology (Museum Volkenkunde)), Франкфурт (Städtisches Volkmuseum) и Canterbury Museum Christchurch (Новая Зеландия)⁶. Большое количество предметов было передано в Санкт-Петербург, они также имеют соответствующие записи в каталоге музея. Уже в 1912 г., в рамках издания «Записок Музея Этнографии», Амбросетти опубликовал краткий каталог фондов, насчитывающих тысячи археологических и этнографических предметов, представлявших традиционную культуру народов пяти континентов (Евразия, Южная и Северная Америка, Африка, Австралия)⁷.

Музей антропологии и этнографии РАН, в свою очередь, начал активный обмен музейными коллекциями после посещения директором В. В. Радловым осенью 1907 г. крупнейших европейских этнографических музеев Германии, Дании и Швеции⁸. Кунсткамера приобрела около пяти тысяч предметов по народам Латинской Америки в период с 1899 по 1916 г.⁹ Среди них — более 500 предметов по археологии¹⁰ и антропологии и около 200 по этнографии из собрания Музея этнографии Буэнос-Айреса. В документации отдела этнографии Америки и коллекционных описях отдела учета МАЭ сохранилась лишь небольшая часть информации о времени, месте и способе поступления данных коллекций в собрание Этнографического музея. Это краткие списки предметов с оригинальными номерами музея, сохранившиеся на большей части предметов. Наиболее важные документы, представленные в собрании МАЭ, это: 1) список предметов керамики индейцев кальчаки, присланный Амбросетти в 1908 г.; 2) список материалов поселения индейцев омауака Пукара-де-Тилкара от 6 декабря 1910 г.; 3) большой список, состоявший из 340 предметов археологии и этнографии из разных районов Аргентины, Боливии, Бразилии и Парагвая, датированный 30 сентября 1913 г.

⁶ Sprovieri Marina, *El mundo en movimiento: Circulación de bienes, recursos e ideas en el valle Calchaquí, Salta (Noroeste Argentino). Una visión desde La Paya.*, British Archaeological Reports, International Series, Oxford, Archaeopress, 2013, S2487, Tabla 3.

⁷ Ambrosetti Juan Bautista, *Memoria del Museo Etnográfico 1906 á 1912, Facultad de Filosofía y Letras. Publicaciones de la Sección Antropológica.* Buenos Aires, Compañía Sud-Americana de Billetes de Banco, 1912. P. 47.

⁸ Корсун С. А., *Американистика в Кунсткамере (1714–2014)*. Отв. ред. Ю. Е. Березкин. СПб., МАЭ РАН, 2015, С. 229.

⁹ Соболева Е. С., Г. Г. Манизер — участник второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг.: *Бразильский дневник*. СПб., МАЭ РАН, 2016, 46.

¹⁰ Дмитренко Л. М., *Коллекция керамики индейцев кальчаки из раскопок поселения Ла-Пайя в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН. Источники и историография по антропологии народов Америки*. Отв. ред. М. Ю. Мартынова, Е. С. Питерская, Д. В. Воробьев. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 2017, 21–36.

Большая часть писем, присланных Х. Б. Амбросетти и относящихся к обмену между музеями, хранится в собрании СПбФ АРАН. В двух из них, приведенных ниже, Амбросетти пишет о прибытии ненецких предметов в Буэнос-Айрес.

1 сентября 1909 г.

Доктор Л. Штернберг, С.-Петербург

Дорогой коллега:

я извлек из посылки женский костюм ламутов, вместе с белым лисьим мехом, о котором вы упоминали в письме, присланном в июне.

Я признаю, что костюм на самом деле интересен и занял почетное место в моем Музее при Университете.

Я хочу искренне Вас поблагодарить за меха. Мадам, также, просила передать с ее стороны, что она абсолютно очарована и что она получила не просто два потрясающих меха, но потрясающее доказательство дружбы. Вскоре я пришлю Вам новые этнографические предметы индейских племен Чако.

Если у Вас сложности с отправлением фигуры самоеда и оленей, ожидайте столько, сколько необходимо. Я не хочу давить на вас, но я был бы очень признателен, если бы вы прислали вещи алеутов и других племен, о которых вы говорили мне.

Я надеюсь, что ваша поездка была благоприятной для здоровья, и я приношу свои поздравления по поводу того, что Вы вырвались, к счастью, из объятий такой страшной болезни, как малярия.

У меня наилучшие воспоминания о времени, проведенном с Вами вместе, и я с нетерпением жду конгресса в этом году, на который вы уже получили приглашение от организаторов.

Передаю мои наилучшие пожелания вашей семье

Искренне ваш Х. Б. Амбросетти

30 сентября 1910 г.

Доктор Лев Штернберг!

Мы получили сани с оленьими шкурами, костюм самоеда и еще одну упряжь для оленей, которые вы посылали мне почтой.

Мы очень рады и ожидаем предметы с Алеутских островов, которые Вы нам обещали, мы высылаем вам древности, которые нашли при последних раскопках Пукара-де-Тилкара, долина Квебрада-де-Умауака, провинция Жужуй, откуда у вас есть две расписные вазы. Эти древности отличаются по орнаменту от происходящих из долины Кальчаки. Мы пересылаем также двадцать черепов из Пукара-де-Тилкара с характерной для индейцев кальчаки деформацией. Высылайте нам этнографические предметы из северной Азии и островов, будем рады их получить, а мы в свою очередь пришлем вещи из Аргентины.

Нас посетил доктор Липски из Ботанического сада Санкт-Петербурга, очень приятный человек, о котором я вам уже говорил.

Моя жена просит передать нежный привет мадам Штернберг, а я, в свою очередь, радушно пожимаю вашу руку.

Хуан Б. Амбросетти

Во время поездки в Буэнос-Айрес в августе 2017 г. автор доклада получила возможность работать с генеральным каталогом Музея Амбросетти в 7 томах, охватившим все предметы, поступившие в музей, начиная с 1905 г. Каталог хранится в Отделе археологии музея.

Благодаря этой возможности удалось найти большой объем новой информации о коллекциях, переданных Музеем этнографии Х. Б. Амбросетти в МАЭ. В частности, важные результаты дало сравнение списка 1913 г. из коллекционной описи МАЭ с документацией в Буэнос-Айресе. Все этнографические коллекции, хранящиеся в Фонде Америки под № 2228, 2230, 2232, 2233, 2234, 2235, не были собраны единовременно, а были сформированы из материалов, поступивших в разные годы, от различных собирателей, экспедиций и в большей части сохранили информацию об их этнической принадлежности.

Благодаря каталогу Музея этнографии стало известно, что коллекция этнографических предметов из Боливии (№ 2228) является сборной из предметов различных собирателей. Часть ее была приобретена у аргентинского этнолога и директора отдела антропологии Музея Ла-Плата Роберто Леман-Ницше. Несколько предметов были переданы из коллекции ученика Амбросетти Сальвадора Дебенедетти. Среди других собирателей: Виктория Агерре (Pla. Victoria Aguirre) и Хозе Хармендиа (Gau. José Garmendia). Предметы были собраны в различных районах провинций Ла-Пас, Кочабамба и Оруро.

Часть этой коллекции, обозначенная в оригинальном списке — «современные сакральные» предметы Боливии, была полностью приобретена у Роберто Леман-Ницше в 1910 г. и происходила из провинции Ла-Пас.

Другая часть этой коллекции, состоявшая из этнографических предметов аргентинской области Чако, была собрана в период 1909—1913 гг. Несколько предметов индейцев чиригуано поступили в Музей Амбросетти в 1909 г. из собрания Эдуардо Ладислао Хольмберга (Eduardo Ladislao Holmberg). Специалист по естественной истории и биологии, Хольмберг работал вместе с Флорентино Амегино над проблемой выделения особенностей различных экорегионов Аргентины. Среди других собирателей: Франсиско Герреро (Tbe. Coron. Fransisco M. Guerrero), Виктория Агирре (Pla. Victoria Aguirre), Педро Ченос (Mor. Pedro Cenoz), Энрике Лине Аррибальса (Enrique Lineh Arribalza) и Гвидо Кечи (Guido Cechi).

Большая часть коллекции индейцев гуаяки (Верхняя Парана, Парагвай, коллекция 2232) была подарена в 1911 г. доном Луисом Патри (Sr. Dn. Luis Patri).

Многочисленные предметы яганов (коллекция № 2234) были переданы уже упомянутым Эдуардо Хольмбергом в 1911–1912 гг. или собраны в 1913 г. в результате работы 9-й экспедиции Факультета философии и литературы Университета Буэнос-Айреса.

Согласно каталогу Музея этнографии, коллекция каменных орудий 2229А целиком происходит из места Арройо-Ла-Малакара ((Arroyo La Malacara), провинция Буэнос-Айрес), расположенного на берегу ручья около города Сентинела-дель-Мар (Sentinela del Mar). В генеральном каталоге отмечено только, что это была покупка. По спискам в описи 2228 известно, что они принадлежали американскому антропологу Алешу Хрдличке (Aleš Hrdlička).

Коллекция 2229Б происходит из Арройо-де-ла-Тотора (Arroyo de La Totorá), департамент Хенераль Альварадо (General Alvarado), провинция Буэнос-Айрес (Арройо-де-ла-Тотора — ручей в провинции Буэнос-Айрес, находится недалеко от Мар-дель-Сур (Mar del Sur), Пунта-Эрмэнго (Punta Hermengo) и Мирамар (Miramar)). В генеральном каталоге также было отмечено, что это была покупка. По спискам в описи 2228 известно, что они принадлежали аргентинскому антропологу Флорентино Амегино¹¹.

Коллекция 2231 была оставлена из различных материалов провинций Чубут, Санта-Крус и Буэнос-Айрес, поступивших в Музей Этнографии в 1911 и 1913 гг. В коллекции были представлены каменные наконечники стрел, подаренные сеньорой Доминга Артега-де-Маупас (Señora Dominga Arteaga de Maupas), Школой подготовки учителей (Escuela Normal Maestros) и Кристобалем Икеном (Cristobal Hicken), а также предметы, полученные в результате работы экспедиции Амбросетти в 1910 г. на стоянке Ла-Перегрина в провинции Энтре-Риос (Estancia La Peregrina, provincial Entre Rios). Еще одна часть коллекции была пожертвована Симоном Перейра (Simón Pereyra) и передана участникам 9-й экспедиции факультета философии и литературы Университета Буэнос-Айреса (1913 г.). Материал происходил из места Гайман (Gaimán), расположенном в 15 км восточнее г. Трелеу (Trelew), провинция Чубут.

Новую информацию о российско-аргентинском обмене удалось найти и в других отделах музея. Папка с документами, касающимися обмена с

¹¹ Podgorny Irina, “Human origins in the New World?” Florentino Ameghino and the Emergence of Prehistoric Archaeology in the Americas (1875–1912), A journal of *Early Human Migration and Dispersal*, Paleo America, Vol. 1, № 1, Texas, W. S. Maney & Son Ltd and the Center for the Study of the First Americans, 2015, 68–80

Санкт-Петербургом, хранится в фото- и рукописном Архиве Музея этнографии¹² и включает 31 лист, среди которых:

1. Типографская фотография с реконструкцией оленьей упряжи (рис. 1). Ниже снимка карандашом написан № 12026, присвоенный предмету в Музее этнографии. Сохранилась также подпись: Destruído (разобрано).

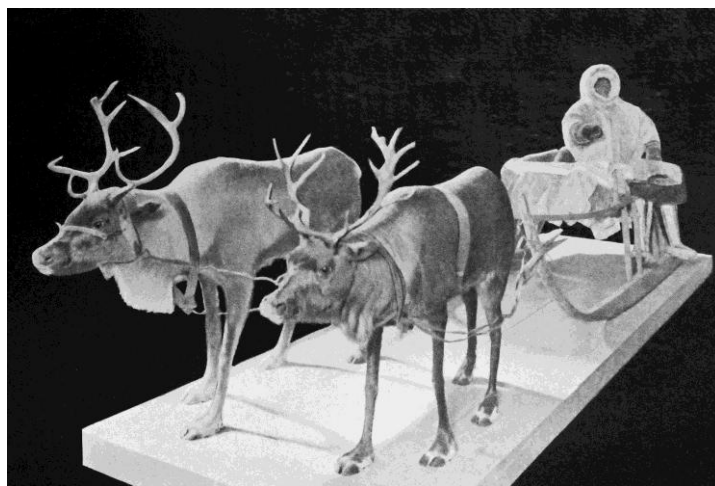

Рис. 1. Реконструкция ненецкой оленьей упряжи на этнографической экспозиции Музея этнографии Буэнос-Айреса, собранной из предметов, присланных МАЭ РАН в 1912 г. Ambrosetti, op. cit. P. 6–7.

Изображение реконструкции оленьей упряжи с нартами, созданной в музее из экспонатов, присланных МАЭ, было опубликовано в 1912 г. в сборнике Музея этнографии¹³. Об этих предметах Амбросетти писал Штернбергу в письме от 30 сентября 1910 г., приведенном выше¹⁴.

2. Черновик списка с предметами Ла-Пайя, печатная копия которого сохранилась в описи № 1481 МАЭ. На обороте списка сохранился черновик сопроводительного письма.
3. Оригинальный список предметов из разных регионов Южной Америки, присланных Музеем этнографии в 1913 г. Копия списка хранится в коллекционной описи МАЭ № 2228.
4. Список предметов из Пукара-де-Тилкара, подготовленных к отправлению в Санкт-Петербург. Он аналогичен копии, хранящейся в коллекционной описи МАЭ № 1800.

¹² Archivo Fotográfico y Documental del Museo Etnográfico “Juan B. Ambrosetti”, FFYL, UBA. Le gajo № 50. *Museo de San Petersburgo*, 1913.

¹³ Ambrosetti, *Ibid*, 6–7.

¹⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 282. Оп. 2, ед. хр. 11, Л. 2.

5. Черновик письма от 30 сентября 1910 г. о получении алеутских вещей и встрече с доктором Липски из Ботанического сада Санкт-Петербурга (копия в СПбФ АРАН, фонд Л.Я. Штернберга¹⁵).
6. Список предметов, присланных Кунсткамерой.
7. Сводный список предметов, отправленных Музеем этнографии в Санкт-Петербург на 8 листах.

Сохранились также письма Льва Яковлевича Штернберга. Одно из них датировано 14/27 мая 1910 г. В нем Штернберг сообщал о том, что не мог участвовать в конгрессе американистов в Буэнос-Айресе по причине нездоровья. Он также написал, что МАЭ отправил предметы для создания сцены с самоедом, управляющим оленями. В их числе: две шкуры оленя с рогами, головной убор самоеда, костюм самоеда, сани, пику для управления оленями, пару упряжи (для управления двумя оленями и одним), модель оленьей упряжи. Штернберг рекомендовал сделать реконструкцию самоеда, держащего упряжь в обеих руках.

Во втором письме, от 23.12.1910/05.01.1911, Штернберг писал Амбросетти о том, что Кунсткамера получила пять коробок с каменными и костяными орудиями, керамикой и деформированными черепами¹⁶. В этих же ящиках был найден список прибывших предметов:

Мы очень рады прибытию этой коллекции, единственное огорчает, что все большие сосуды были разбиты. Я очень рад, что предметы для реконструкции самоеда уже в Буэнос-Айресе. Вы писали о том, что я не прислал экспонаты, которые обещал, но я был очень занят с предметами, привезенными из моего последнего путешествия на Дальний Восток. Отправкой вещей для Вашего музея я займусь немедленно.

Я и моя супруга посылаем Вам и мадам Амбросетти наилучшие пожелания в Новом году.

Ваш друг, Лев Штернберг.

Особого внимания заслуживает список предметов, отправленных Кунсткамерой в Буэнос-Айрес в 1913 г. (Приложение 1). В ответ на археологические коллекции из Северо-Западной Аргентины и Патагонии МАЭ выслал коллекцию неолитической керамики, полученной в результате раскопок Владимира Ивановича Каменского в 1906 г. в г. Балахне под Нижним Новгородом.

¹⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 282. Оп. 1, ед. хр. 179. Л. 39.

¹⁶ Дмитренко Л. М. «Археологические коллекции из Аргентины в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН» // под ред. В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец. *Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы Второго международного форума*. СПб.: Гамма, 2015. Том I, 417–428.

Были переданы 19 предметов быта, одежды и украшений, представлявших традиционную культуру конца XIX — начала XX в. Сольвычегодского уезда Вологодской губернии.

Редкий даже для того времени образец традиционного костюма мордовского племени мокша происходил с территории Пензенской губернии и относился, скорее всего, к тому же сбору, что и коллекция МАЭ № 2239, собранная в Краснослободском уезде Михаилом Поликарповичем Головановым в 1913 г.

Вторую большую часть коллекции составили предметы народов Океании и Новой Гвинеи.

Среди них комплект из лука и девяти стрел с Соломоновых островов. Два лука, семь стрел, копье, украшения из перьев райской птицы (лат. *Paradisaeidae*), перьев казуаров (лат. *Casuarius*) и попугая, украшение из клыков кабана из Новой Гвинеи. Браслет из раковины трохусов (лат. *Trochus*) и монеты с полуострова Малакка из Папуа Новой Гвинеи.

На сегодняшний день в Фонде отдела этнографии Музея Амбросетти хранятся 43 этнографических предмета, переданные Кунсткамерой в 1912—1913 гг.

Вместе с предметами, вошедшими в список 1913 г., в Фонде этнографии хранятся оленья ненецкая упряжь, алеутские камлейка из кишок и шляпа-козырек, прибывшие в музей в 1912 г. Место нахождения предметов из большой реконструкции сцены оленьей упряжки и дата ее демонтажа автору пока неизвестны. Коллекция керамики из Нижнего Новгорода хранится в собрании отдела археологии Музея Амбросетти.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что обмен между МАЭ РАН и Музеем этнографии Буэнос-Айреса имел важное значение для накопления материалов и развития научных исследований обеих сторон. Межмузейный обмен начала XX в. открывал перед учеными возможности накопления знаний и изучения традиционной культуры народов, живущих в географически диаметрально противоположных точках земного шара. Несмотря на это, на протяжении прошедшего столетия интерес к материалам, поступившим в качестве обмена как в Санкт-Петербурге, так и в Буэнос-Айресе, был, скорее, историографическим и выставочно-экспозиционным, чем научным. Между тем современные методы исследования дают возможность получения новых знаний об истории создания, бытования и особенностях техники изготовления непосредственно самих коллекционных предметов, которая не может не привлекать российских и аргентинских ученых к новому этапу сотрудничества.

Библиография

1. *Дмитренко Л. М.*, Археологические коллекции из Аргентины в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН // Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы Второго международного форума / под ред. В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец. СПб.: Гамма, 2015, том I, 417–428.
2. *Дмитренко Л. М.*, Коллекция керамики индейцев кальчаки из раскопок поселения Ла-Пайя в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН. Источники и историография по антропологии народов Америки / отв. ред. М. Ю. Мартынова, Е. С. Питерская, Д. В. Воробьев. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 2017, 21–36.
3. *Ершова Е. А., Корсун С. А.*, Указатель собирателей и дарителей коллекций отдела этнографии народов Америки МАЭ // Сборник музея антропологии и этнографии: Аборигены Америки: предметы и представления / отв. ред. Ю. Е. Березкин. СПб.: Лема, 2005, Вып. I, 4–59.
4. *Соболева Е. С., Г. Г. Манизер* — участник второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг.: Бразильский дневник. СПб., МАЭ РАН, 2016. 606 с.
5. *Корсун С. А., Л. Я. Штернберг* как американист // Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения / под ред. Е. А. Резвана, СПб.: МАЭ РАН, 2012, 65–82.
6. *Корсун С. А.*, Американистика в Кунсткамере (1714–2014) / отв. ред. Ю. Е. Березкин. СПб.: МАЭ РАН, 2015, 504 с.
7. *Лукин Б. В.*, Хуан Амбросетти и его связи с русскими этнографами (К столетию со дня рождения) // Советская этнография. М.: изд-во Академии наук СССР, 1965. № 4, 129–137.
8. *Ambrosetti J. B.*, Memoria del Museo Etnográfico 1906 á 1912, Facultad de Filosofía y Letras. Publicaciones de la Sección Antropológica. Buenos Aires, Compañía Sud-Americana de Billetes de Banco, 1912. 47 p.
9. *Podgorny I.*, Human origins in the New World? Florentino Ameghino and the Emergence of Prehistoric Archaeology in the Americas (1875–1912), A journal of Early Human Migration and Dispersal, PaleoAmerica. Vol. 1, № 1. Texas, W. S. Maney & Son Ltd and the Center for the Study of the First Americans, 2015, 68–80
10. *Sprovieri M.*, El mundo en movimiento: Circulación de bienes, recursos e ideas en el valle Calchaquí, Salta (Noroeste Argentino). Una visión desde La Paya. British Archaeological Reports, International Series, Oxford, Archaeopress, 2013, 2487.

Архивные материалы:

СПбФ АРАН.Ф. 282. Оп. 1, ед. хр. 179.

СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2, ед. хр. 11.

Archivo Fotográfico y Documental del Museo Etnográfico “Juan B. Ambrosetti”, FFYL, UBA. Le gajo № 50. Museo de San Petersburgo, 1913.

Список предметов МАЭ, переданных в собрание Музея этнографии Буэнос-Айреса, датированный сентябрем 1913 г.

I. Великорусские, Сольвычегодский уезд, Вологодская губерния

D. 3–2. Кокошник — головной убор из парчи (ткань с вплетенными серебряными нитями) украшенный стеклянными бусами и полудрагоценными камнями (15059 — оригинальные номера Музея этнографии Буэнос-Айреса).

D. 3–68. Сарафан — длинное женское платье — с вплетенной золотой нитью (домашнее производство) (15060).

D. 3–11. Сарафан — из шелковой ткани (праздничный костюм) (15061).

D. 3–12. (Комплект с № D. 3–11). Женский пиджак из шелка с вышитым шелком узором (15062).

D. 3–122. Серебряный крест на серебряной цепочке (15063).

D. 3–86. Серебряное кольцо (15064).

D. 3–104. Пара серебряных серег с подвесками (15065).

D. 3–78. Латунный гребень (15066).

D. 3–31. Берестяной короб для соли (орнаментированный) (15052).

D. 3–34. Большой питьевой сосуд (сосуд для питья, использовавшийся в торжественных случаях) (15057).

D. 3–32; D. 3–34. Деревянный ковш (15058).

D. 3–30. Деревянная коробка для соли в виде утки (15053).

D. 3–35. Деревянная миска (15056).

D. 3–50. Прялка расписная (15051).

D. 3–23; D. 3–25; D. 3–20. Деревянные современные игрушки — производятся на ярмарках в северной части России (15067, 15068, 15069).

Примечание: Костюм из Вологодской области очень старый, теперь редко встречаемый и редкий экземпляр.

II. Мордва — мокша — Пензенская губерния

D. 5–14. «Огаки» — белая рубашка, вышитая цветной шестью (15070).

D. 4–35. «Панга» — головной убор замужней женщины (15071).

D. 4–39. «Каргане» — ювелирное шейное украшение из жемчужин, спереди элементов — «отчупыли» из раковин, стеклянных бусин и медных монет (раковины назывались «кунграт» — змеиный глаз) (15072).

D. 4–53. «Пунха пули» — ювелирное изделие из медных монет, раковин и стеклянных бусинок, носимое на спине (15073).

D. 4–20. Сосуд для соли в виде утки (15074).

Примечание: Племя мокша живет на реке Мокша, притоке Волги. Другая ветвь этого племени обитает на Волге и называется «эрзя». Костюмы такого рода больше не носят.

III. Коряки Камчатки

D. 2–1. Пара оленьих шкур.

IV. Неолитическая керамика из раскопок W. Kamenski в Нижнем Новгороде (15075)

V. Гипсовые бюсты

Три бюста чукчей.

Два бюста коряков.

VI. Океания

Соломоновы острова

1. Лук.

2–10. Девять стрел.

Новая Гвинея

11. Лук.

12. Лук.

13–19. Семь стрел.

20. Копье.

21. Украшение из перьев райской птицы (лат. *Paradisaeidae*).

22. Украшение из перьев казуаров (лат. *Casuarus*).

23. Украшение из перьев попугая.

24, 25. Свадебные украшения из клыков кабана.

Папуа Новая Гвинея

26. Браслет, вырезанный из раковины трохусов (лат. *Trochus*).

27. Десять монет с полуострова Малакка (1000 монет = 1 доллар).

Описание Бразилии в португальских письменных памятниках XVI века

Description of Brazil in the Portuguese written monuments of the XVI century

Abstract: The present study deals with the first descriptions of Brazil in the 16th century works written by the first navigators from Portugal. These works are very important for the modern anthropology in the study of norms and values of societies, especially those who describe the models of the life of the Indian tribes. The first grammar of Tupi, now correctly called Tupinambá, written by José Anchieta presents a great interest for the contemporary linguistics. The main themes of the books are behavior and clothing of the Indians, their customs and rituals, nature and land relief. The books give an idea of the new communicative situation in which the Portuguese language has been forming in Brazil.

Key-words: descriptions; tupi; norms; values; grammar.

Resumen: O presente estudo trata das primeiras descrições do Brasil nos livros dos primeiros navegadores portugueses — nos «livros de viagens». Os livros são muito importantes para a antropologia moderna que analisa normas e valores de sociedades, em especial, daquelas que descrevem os modelos da vida das tribos indígenas. A primeira gramática da língua Tupi, actualmente correctamente chamada Tupinambá, composta por José Anchieta, apresenta um grande interesse para a linguística contemporânea. Os temas principais dos livros são comportamento e vestuário dos indígenas, os seus costumes e rituais, natureza e relevo da terra. Os livros dão ideia da nova situação comunicativa em que se vem formando a língua portuguesa no Brasil.

Palabras clave: descrições; tupi; normas; valores; gramática.

Впервые описания Бразилии или сведения о населяющих ее племенах, языках коренных народов, культурах этих народов, природе, растительном и животном мире появились в Европе в сочинениях первооткрывателей нового континента в XVI в. Труды путешественников разнообразны в жанровом отношении: к ним относятся книги о путешествиях, миссионерские грамматики, трактаты о флоре и фауне, письма и записки о занятиях, обычаях и обрядах аборигенов. Документы XVI в. содержат важные свидетельства очевидцев описываемых событий. Свидетельство, как часть или тип документа, представляет индивидуальную субъективную информацию,

¹ Сапрыкина Ольга Александровна — Россия, доктор филологических наук, профессор кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (olgasaprykina@mail.ru).

которую автор документа получил, принимая непосредственное участие в том или ином событии.

Среди авторов важнейших документов по ранней истории Бразилии — португальцы Перо Ваш де Каминья (Pero Vaz de Caminha, 1450–1500), Мануэл да Нобрега (Manuel da Nobrega, 1517–1570) — «Диалог об обращении язычников» (*Diálogo sobre a conversão do gentio*, 1557), «Заметки о делах Бразилии» (*Apontamentos de Coisas do Brasil*, 1558), Габриэл Соарес де Соуза (Gabriel Soares de Sousa, 1540–1591), Перо де Магальяэш Гандаво (Pêro de Magalhães Gândavo, 1540–1580) — «Трактат о Бразилии» (*Tratado da terra do Brasil*, 1570), «История провинции Святого Креста (которую мы обычно называем Бразилией» (*Historia da provincial Santa Cruz (A que vulgarmente chamamos Brasil)*, 1576), Жозе де Аншьета (José de Anchieta, 1534–1597) — «Искусство грамматики самого используемого языка на побережье Бразилии» (*Arte de grammatica da lingua mais usada na costa do Brasil*, 1595), Фернан Кардин Fernão Cardim, 1540–1625) — «О климате и землях Бразилии» (*Do clima e terra do Brasil*), «О происхождении бразильских индейцев» (*Do princípio e origem dos índios do Brasil*) и «Повествование в письмах о путешествии и миссии иезуитов по Баие, Ильеусу, Порту Сегуру, Пернамбуку, Эспириту Санту, Рио де Жанейро, Сан Висенте etc. 1583 по 1590 гг.» (*Narrativa epistolar de uma Viagem e missão jesuítica pela Bahia, Ilhéus, Porto Seguro, Pernambuco, espírito Santo, Rio de Janeiro, São Vicente etc., desde o ano de 1583 ao de 1590*)).

Первые контакты на территории Бразилии между португальцами и коренным индейским населением установились сразу после открытия земель в Новом Свете. Возникла сложная коммуникативная ситуация, участники которой не были знакомы с языками друг друга. Различались их установки, стереотипы, эмоциональное состояние и индивидуальный стиль поведения.

В центре ситуации оказалось невербальное общение: его диапазон охватывал как воинственно-враждебные модусы, так и дружелюбные, контактоустанавливающие. Перо Ваш де Каминья привел один из примеров такого рода общения: «...Когда лодка достигла устья реки, на берегу стояло человек восемнадцать-двадцать... В руках у них были луки со стрелами. Они подбежали к лодке, и Николау Коэлью сделал им знак отложить луки, и индейцы положили их на землю. Он не смог понять их и не успел объяснить с ними, так как начинался прилив. Только подарил им красный берет, льняной капюшон, который носил на голове, и черную шляпу. Один из индейцев подарил ему шляпу из длинных птичьих перьев с небольшим хохолком из красных и темных перьев, как бывает у попугаев. А другой индеец подарил ему большую связку мелких белых бусин, похожих на жемчуг. Думаю, что капитан перешлет эти дары Вашему Величеству»².

² A Carta de Pero Vaz de Caminha. P. 12–13.

По словам бразильского историка Б. Фаусту, в целом отмечалась этнолингвистическая однородность индейского населения на восточном побережье Южной Америки. Однако среди местных племен выделялось два главных блока — тупи-гуарани и тапуя.

В племенной союз с тупи (tupi) входили воинственные гуарани (guarani). Первоначально тупи расселялись по землям в районе современного штата Сан-Паулу. Так как основными занятиями аборигенов были собирательство, охота и подсечно-огневое земледелие, тупи постоянно мигрировали, главным образом, с юга на север вдоль континентального побережья Южной Америки. В связи с этим тупи иногда называют «американскими финикийцами». В начале XVI в. насчитывалось около 1 млн индейцев тупи. По словам бразильского исследователя Д. Рибейро, тупи проживали в деревнях, численность населения в которых колебалась от 300 до 2 тыс. человек. Индейцы возделывали маниок, кукурузу, батат, фасоль, арахис, табак, тыкву, перец, собирали ананасы, кэшью и папайю³. Гуарани проживали в бассейнах рек Парана и Парагвай.

В истории сохранились сведения и об отважных гуайкуру (guaikuru) — доблестных индейцах-рыцарях, которые сражались верхом на лошадях. Гуайкуру вступали в альянсы то с португальцами, то с испанцами. Со временем гуайкуру-мбайя осели в регионе Мату Гроссу, гуайкуру-пайягуа расселились в окрестностях Асунсьона. Однако в португальских памятниках гуайкуру не упоминаются.

От тупи отличались индейцы тапуя tapuia. Слово “tapuia” закрепилось в португальском языке со значениями «дикий», «непросвещенный», «необузданный». К тапуя относились индейцы племен айморе-ботокудо (aimoré-botocudos), гойтака (goitaca), тремембе (tremembé), шаванте (xavante), каинганг (kaingang), каяпо (kaaporó).

Для индейцев тупи и тапуя была характерна ритуальная антропофагия: захваченных в плен врагов поедали в знак того, что таким образом будто бы восстанавливается единство с родственниками, которые пали жертвами врагов. Как полагает Б. Фаусту, «ритуальная антропофагия играла важную социальную роль, строго регламентировалась и была направлена «вовне», т. е. применялась только по отношению к противнику и никогда — внутри собственной группы»⁴.

Во второй половине XVI в. взаимодействие между туземцами и европейцами изменилось, так как среди европейцев появились испанцы,

³ Ribeiro D., *O povo brasileiro: A formação e o sentido do Brasil*. SP, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.usp.br/cje/anexos/pierre/ribeiro_darcy_povo_brasileiro_formacao_e_o_sentido_do_brasil.pdf, 31.

⁴ Фаусту Б., *Краткая история Бразилии*. М., 2013, 31.

французы и немцы. В 1563–1567 гг. при поддержке французов, закрепившихся в заливе Гуанабара, возникла Конфедерация Тамойо. В Конфедерацию входили некоторые племена тупинамба (из района Рио-де-Жанейро) и карижо (с плоскогорья в районе Сан-Пауло) в союзе с индейцами гойтака и айморе. Конфедераты хотели изгнать португальцев, которые все глубже продвигались вглубь континента. Реальным основанием конфликта стало противостояние контрреформаторов иезуитов и французских реформаторов-кальвинистов. Первоначальный состав памятников, описывающих Бразилию, значительно расширился — в него вошли документы, написанные французами Жаном де Лери (Jean de Lery, 1536–1613) и Андре Теве (André Thevet, 1516–1590) и немцем — Гансом Штаденем (Hans Staden, 1525–1579).

Книга немецкого ландскнехта и коммерсанта Штадена «Два путешествия в Бразилию» была впервые издана в 1557 г. в городе Марбурге в Германии. Ганс Штаден дважды побывал в Бразилии и даже был захвачен в плен индейцами тупинамба. В книге I рассказывается о том, как пленный Штаден ждал своей участи и подвергался постоянным побоям, причем били его, главным образом, женщины, готовые мстить за погибших родственников. При входе в индейскую деревню Штаден вынужден был кричать на языке тупинамба: “Ajú ne xe reé remiurama”, что означало: «Вот иду я, ваше пропитание». Интересно, что уже в XX в. в бразильском журнале, который стал рупором модернизма — *Revista de Antropofagia*, — в качестве девиза-эпиграфа использовалась фраза из XXVIII главы книги Штадена: “Ali vem nossa comida pulando” («Вот и еда наша скачет»).

В композицию многих ранних памятников входит описание новых земель. Так, об открытии новой территории и о том, как она выглядит, в послании португальскому королю Мануэлу сообщал секретарь экспедиции Кабрала Перо Ваш де Каминья:

«...Мы увидели землю: сначала большую гору, очень высокую и округлую, к югу от нее — горы пониже; равнины, густо поросшие лесом. Капитан назвал гору Monte Pascoal (Пасхальная гора), а землю — Terra de Vera Cruz (Терра де Вера Крус — Земля Истинного Креста)» [A Carta de Pero Vaz de Caminha:12]. Название Терра де Вера Крус просуществовало до 1501 г. и было заменено на Terra de Santa Cruz (Терра де Санта Крус — Земля Святого Креста). С 1503 г. новую страну уже называли Бразилией из-за обилия фернамбуковых деревьев с древесиной, из которой извлекался ярко красный пигмент для крашения: brasas (порт.) — «раскаленные уголья». Известно также, что андо-перуанские индейцы задолго до открытия Бразилии португальцами именовали ее Pindorama (Земля пальм).

Климат, растения и животных Бразилии представил в своих трактатах Ф. Кардин, известный португальский иезуит. Ф. Кардин перечислил

и достаточно подробно описал, приводя их местные названия, обитающих в Бразилии животных — оленей *sugoaçu*, тапиров *tapuretê*, кабанов *tayaçutirica*, зайцев *acuti*, бразильских морских свинок *раса*, ягуаров *оңа*, *iagoaretê* муравьедов *tamanduá*, броненосцев *tatu*, дикообразов *sanduaçu*, обезьян *aquigquig*. Интересно, что особое место в описаниях фауны у Кардина заняли фантастические морские чудовища, о существовании которых он узнал от местных жителей. Похожие на людей монстры — на языках аборигенов *Irupiara* — внушают людям неопишуемый страх, испытав который многие умирают. В случае с морскими чудовищами субъективное свидетельство («видели») вступает в противоречие с реальными научными фактами, отрицающими существование подобных монстров.

Языковая ситуация в подвергшейся колонизации Бразилии в XVI в. имела характер полиглоссии: в качестве официального языка использовался португальский, в бытовом общении говорили на разнообразных индейских языках. В разговорном межкультурном обиходе применялся *língua geral* (общий язык) — наддиалектное койне местных индейцев. Главным источником и основой лингва жерал был тупинамба. Как наддиалектная форма общения *língua geral* был распространен, главным образом, в сфере бытовой коммуникации, но иногда использовался и в областях управления и судопроизводства. На *língua geral* первыми заговорили члены смешанных семей: именно в них появились от союза белых с индеанками дети-метисы, собирательным названием для которых было *rovo tameluco*. Метисация населения длительное время была закономерностью существования в колонии.

Язык тупи в период первых языковых контактов с европейцами принято называть тупинамба (*tupinambá*). Исторически — в диахронии — тупинамба — старый тупи. Именно старый тупи, или тупинамба, составил основу «общего языка» — *língua geral*.

Описанию языка тупинамба был посвящен труд известного теолога, провинциала ордена иезуитов и «апостола Бразилии» Жозе де Аншьеты. Заслуги Аншьеты перед католической церковью были так велики, что в 2014 г. знаменитый теолог был канонизирован римским папой Франциском.

Аншьета прославился как один из основоположников миссионерской лингвистики. Его труд по грамматике тупинамба — внес значительный вклад в развитие науки о языке в эпоху Возрождения и задал вектор развития рационалистическим языковым доктринам в Новое время.

Необходимость написать подобную грамматику была вызвана практическими нуждами повседневного общения, с одной стороны, и, с другой — попыткой «духовного завоевания», покорения индейцев, распространения христианства среди языческих народов.

Аншьета подробно описал фонетические особенности тупинамба, указав на разнообразие вариантов произношения в разных частях Бразилии. Определенный интерес вызывает описываемое Аншьетой варьирование звуков. Фонетические варианты, которые анализирует Аншьета, обусловлены не только фонологически, но и морфонологически:

M.mb. Muitas vezes se vsão hũa por outra, desta maneira q as dições in principio tomadas absolute se pronunção com m. vel mag. vt Мо, vel mbo, Manus. Precedente o genitiuo, ou adiectiuo mudase em P. vt Pedro pó, Petri manus [...] Exipe, mbae, que nunca se muda [...].

Da mesma maneira o P. in medio dictionis, fica em mb: posto absolute in principio, vt Aba acabome, Mbaba, acabamento, pro Paba & c.

Conforme a isto, nunca se pronuncia B in principio dictionis sem m. & posto que por jncuria se escreuesse sem m. Sempre se lhe ha de prepор, vt pro Baê dizse Mbaê [...].

В главах, посвященных морфологии тупинамба, Падре Аншьета обращался к языковым категориям, которые были ему известны ранее. Так, в частности, в книге Аншьеты представлены категории числа и времени. Вместе с тем особым объектом анализа португальского теолога становится выражение времени в существительных с помощью деривационных суффиксов:

Em todos os nomes ha præterito, q he, oera, vel vera, & futuro, ama, vt mbae, coua, mbaeroera coua que foy, mbaerama, coua que ha de ser [...].

С точки зрения современной лингвистики представляют большой интерес рассуждения Аншьеты о глагольной редупликации (15-я гл.) и о звуковом символизме (5-я гл.). Вопрос глагольной редупликации представлен ученым в двух ракурсах — морфологически редупликация реализована как повторение слогов и функционально-грамматически как аспектуальная категория фреквентативности или преемственности действия. Тема звукового символизма связана с важным в фонетической системе тупинамба звуком “t”, с которого, по словам Аншьеты, начинаются слова, обозначающие человека, его родственников или части тела: túba «отец», tamũya «предки» (дедушки и бабушки), tetê «человек», toô «плоть», teçà «глаз», teomboéra «труп, покойник».

О бытовом восприятии языка индейцев сообщается в «Письме» Каминьи. Автор послания характеризует речь туземцев как громкую и шумную: algazarra («крик, шум, гам»).

В «Истории провинции Святого Креста» Перо де Магальяэша Гандаво, португальского хрониста и историка XVI в., друга Луиса де Камозенса, говорится об общем языке, распространенном на бразильском побережье: «Язык, которым они пользуются, один и тот же: отличия есть только в неко-

торых словах; но это не сказывается на том, чтобы они переставали понимать друг друга: так происходит до широты 27^о, а оттуда и выше уже живет другой народ, о котором у нас нет сведений и который говорит на другом языке. Тот же язык, о котором я сообщаю, является общим на всем побережье, он очень мягкий и людям любой нации легко его освоить. Некоторыми словами в этом языке пользуются только женщины, еще частью — только мужчины: у них нет трех букв, а именно: нет у них ни F, ни L, ни R»⁵.

Большой интерес представляют впечатления европейцев от внешнего вида туземцев. Каминья, например, дает внешние — эстетические и социокультурные — характеристики аборигенов:

- todos nus, sem nenhuma roupa que lhes cobrisse suas vergonhas; andam nus e sem nenhuma cobertura;
- a feição deles é serem pardos quase avermelhados, de rostos regulares e narizes bem feitos andam nus e sem nenhuma cobertura nem se importam de cobrir nenhuma coisa, nem de mostrar suas vergonhas. E sobre isto são tão inocentes como em mostrar o rosto.

Внимание автора «Письма» привлечено к особым украшениям индейцев — остро заточенным длинным булавкам или достаточно широким лабреткам, которые пронизывают нижнюю губу:

Traziam, ambos, os beiços de baixo furados e, cada um, metidos neles ossos de osso mesmo, brancos, medindo uma mão travessa e de grossura de um fuso de algodão e agudo na ponta, como furador.

В свою очередь, описывая аборигенов, Гандаво отметил, что, несмотря на раздельное проживание и различные имена племен, индейцы похожи друг на друга, живут в одинаковых условиях, имеют сходные обычаи и языческие обряды, в целом — едины. Местные жители, по словам Гандаво, имеют темный цвет кожи, гладкие волосы, массивные лица, причем некоторые черты лица похожи на китайские. Индейцы отличаются стройным телосложением и достаточно высокие, сильные. С точки зрения Гандаво, аборигены бесчеловечны, неблагодарны, жестоки и мстительны.

Заметное место в первых описаниях Бразилии занимают вопросы религиозного характера. Авторы XVI в., рассуждая о верованиях аборигенов и об их культовых практиках, считают необходимым обратить туземцев в христианскую веру. Так, в «Диалоге об обращении язычников» “*Diálogo sobre a conversão do gentio*” прославленного теолога-иезуита и провинциала ордена Мануэл да Нобреги среди прочих поставлен вопрос о том, есть ли душа у язычников. Один из участников диалога — Матеус Ногейра, который иносказательно назван «кузнецом Иисуса Христа», формулирует мысль о

⁵ Magalhães Gândavo, Pêro de, *Historia da provincia Santa Cruz* (A que vulgarmente chamamos Brasil), 34.

душе у язычников следующим образом: «Кажется, слышащий нас Христос мог бы сказать: Нечувствительные и не готовые поверить сердцем глупцы! Представляю, что все людские души созданы из одного и того же металла по образу и подобию Господа, все готовы к прославлению Бога и созданы для этого; и по природе своей перед Богом душа Папы стоит столько же, сколько и душа раба вашего папана (индеец племени, которое обитало на юге капитании Эпирито Санто)... У души есть три способности — разумение, память и воля, и они есть у каждого...».

В «Заметках о делах Бразилии» Нобрега сформулировал основные принципы колониальной политики по отношению к индейцам:

«Закон, что им должны дать, — это запретить им есть человеческое мясо и воевать без дозволения Губернатора; принудить их иметь только одну жену, одеваться, ибо имеют много хлопка, по крайней мере, после того как станут христианами, искоренить у них колдунов, держать их в справедливости между собой и в отношении христиан; заставить их жить спокойно, без перемещения в иной край, если только не отправляются [жить] среди христиан, при сем должно иметь распределенные земли, коих им будет достаточно, и при сих [язычниках] — Отцов Общества, чтобы их наставляли»⁶.

На вопросах веры останавливался и Ф. Кардин. В трактате «О происхождении бразильских индейцев» он, в частности, писал: «Язычник не имеет никакого понятия о своем Создателе, ничего не знает о делах небесных, не ведает о наказании или прославлении после смерти, ничему не поклоняется, не служит, не знает церемоний никакого культа. Но язычники знают, что у них есть душа, что душа не умирает и после смерти направляется в поросшие пальмами долины вдоль прекрасной реки. Взявшись за руки, души танцуют. Язычники боятся демона, которого называют Курупира (Curupira), Тагуайгба (Taguaigba), Макашера (Macachera), Аньянга (Anhanga). Страх этот так велик, что некоторые люди, только представив себе демона, умирают... Имени для объяснения Бога у них нет, говорят, что Тупа (Tupã) управляет громом и молниями, именно он дал им мотыги и продовольствие. И так как нет у них другого имени более точного и естественного, называют Господа Тупа»⁷.

Таким образом, в самых ранних описаниях Бразилии — в документах и свидетельствах XVI в. — представлено разнообразие племен и народов, составивших основу бразильской этнокультурной идентичности. В документах содержатся свидетельства того, что взаимодействие языков в усло-

⁶ Да Нобрега М. Заметка о делах Бразилии / пер. О. Дьяконова. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://terra-brasilis1500.narod.ru>.

⁷ Cardim, Fernão. *Do princípio e origem dos índios do Brasil*, 53.

виях языковых контактов должно привести к формированию особенностей бразильского национального варианта португальского языка.

Библиография

1. Культура Бразилии. М., 1981.
2. *Да Нобрега М.*, Заметка о делах Бразилии. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://terra-brasilis1500.narod.ru>.
3. *Сулимова Н. Г.*, История развития испанской грамматической мысли: XV–XIX вв. М., 2005.
4. *Фаусту Б.*, Краткая история Бразилии. М., 2013.
5. *De Anchieta, Jose*, Arte de grammatica da lingoa mais usada na costa do Brasil. Coimbra, Antonio de Mariz, 1595 [Электронный ресурс]. URL: http://anchieta_1595_arte_mindlin.pdf.
6. *De Caminha, Pero Vaz*, A certidão de nascimento do Brasil (A carta de Pero Vaz de Caminha). São Paulo, Edição do Fundo de pesquisas do Museu Paulista de São Paulo, 1975 // Cronistas e Viajantes. Seleção de textos, notas, estudos biográfico, histórico e crítico e exercícios por: Carlos Vogt, José Augusto Guimarães de Lemos, São Paulo, Abril Educação, 1982.
7. Cardim, Fernão, Do princípio e origem dos índios do Brasil // Cronistas e Viajantes. Seleção de textos, notas, estudos biográfico, histórico e crítico e exercícios por: Carlos Vogt, José Augusto Guimarães de Lemos. São Paulo, Abril Educação, 1982. P. 52–55.
8. Cronistas e Viajantes Seleção de textos, notas, estudos biográfico, histórico e crítico e exercícios por: Carlos Vogt, José Augusto Guimarães de Lemos. São Paulo: Abril Educação, 1982.
9. *Figueira, Luiz*, Grammatica da língua do Brasil, novamente publicado por Julio Platzmann. Leipzig, B. G. Teubner, 1878 [Электронный ресурс]. URL: http://etnolinguistica.wdfiles.com/local--files/biblio%3Afigueira-1878-grammatica/figueira_1878_grammatica.pdf.
10. *De Magalhães Gândavo, Pêro*, Historia da provincial Santa Cruz (A que vulgarmente chamamos Brasil) // Cronistas e Viajantes Seleção de textos, notas, estudos biográfico, histórico e crítico e exercícios por: Carlos Vogt, José Augusto Guimarães de Lemos, São Paulo, Abril Educação, 1982. P. 24–36.
11. *Ribeiro D.*, O povo brasileiro: A formação e o sentido do Brasil. SP, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.usp.br/cje/anexos/pierre/ribeiro_darcy_povo_brasileiro_formacao_e_o_sentido_do_brasil.pdf.
12. *Staden, Hans*, Duas viagens ao Brasil, Belo Horizonte/São Paulo, Liv. Itatiaia Editora/Edusp.1980: // Cronistas e Viajantes. Seleção de textos, notas, estudos biográfico, histórico e crítico e exercícios por: Carlos Vogt, José Augusto Guimarães de Lemos. São Paulo, Abril Educação, 1982. P. 56–62.

Императрица Екатерина Великая и первая мексиканская коллекция МАЭ РАН

The Empress Catherine the Great and the first Mexican collection of the MAE of the RAS

Abstract: The first and only collection from viceroyalty of New Spain was donated to Kunstkamera by Empress of Russia Catherine the Great in 1783. It consisted of 13 minerals and 18 polychrome earthenwares. The ceramics were stored at the museum until the fire on the exposition in 1936 when they were destroyed. For the moment there are only few burnt sherds in the depository. Fortunately, we have drawings and photographs of the objects which had been done before the fire. That provides us with the information about the appearance of the collection quite enough to undertake an investigation. Comparative study involving similar collections from other museums made it possible to reveal the wider context of European collecting history of Tonalá bruñida ware.

Keywords: búcaro; Tonalá bruñida ware; history of acquisition.

Resumen: En 1783 emperatriz de Rusia Catalina la Grande donó a Kunstkamera la primera y única colección del virreinato de Nueva España. La colección consistió en 13 minerales y 18 búcaros policromados. La cerámica fue destruida por un incendio en 1936 que se produjo en la exposición permanente del museo. Actualmente hay solo unos fragmentos quemados en el almacén. Por suerte, contamos con los dibujos y fotografías de los objetos que habían sido realizados antes del incendio. Estos materiales nos dan la información adecuada para hacer una investigación. El análisis comparativo de colecciones similares de museos de otros países de Europa permitió a mostrar el contexto más amplio sobre la historia inicial de acumulación de cerámica bruñida de Tonalá.

Palabras clave: búcaro; Tonalá bruñida; historia del coleccionismo.

Этнографические предметы с территории Южной Америки стали поступать в Кунсткамеру уже в первой половине XVIII в. Среди ранних приобретений была коллекция одежды креольского населения Аргентины⁹. Она погибла в результате пожара в здании музея в 1747 г. До наших дней дошли лишь рисунки отдельных предметов костюма. Подобная участь постигла и первую мексиканскую коллекцию Кунсткамеры, пострадавшую во время пожара на экспозиции в 1936 г.

⁸ Кондакова Ольга Владимировна — Россия, младший научный сотрудник отдела Америки, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (sov@kunstkamera.ru, sokolovaolga09@gmail.com).

⁹ Корсун С. А., *Американистика в Кунсткамере (1714–2014)*. СПб.: МАЭ РАН, 2015, 11.

Первое документальное упоминание о коллекции мы находим в протоколах заседаний конференции Императорской академии наук, где сообщается, что 2 июня 1783 г. княгиня Е. Р. Дашкова, в то время занимавшая пост директора ИАН, передает в дар от Ее Императорского Величества 13 минералов из Новой Испании, а также 18 букаро из провинции Гвадалахара Королевства Мексиканского¹⁰. Под термином «букаро» скрывались 20 керамических сосудов и фигурок. При первичной регистрации им было присвоено 18 номеров, один из которых содержал две единицы хранения (пара керамических ботинок). В списке 1783 г. отсутствует один сосуд. В сопутствующей документации он появляется лишь в ходе повторной регистрации, проведенной в октябре 1912 г. заведующим отделом Центральной и Южной Америки Карлом Карловичем Гильзенем. Тогда же коллекции был присвоен номер 2015.

В 1917 г. заведующий фотомастерской МАЭ Самуил Мартынович Дудин занес в книгу поступлений иллюстративную коллекцию из 36 негативов с фотоснимками предметов отделов Дальнего Востока, Океании и Южной Америки¹¹. В их числе были семь негативов с изображениями шести предметов коллекции № 2015.

В 1934 г. заведующая отделом Центральной и Южной Америки Ноэми Григорьевна Шпринцин завела карточки на коллекцию № 2015 для картотеки американского собрания МАЭ. Помимо 18 цветных рисунков карточки содержат информацию о размерах и краткое описание предметов.

В результате пожара 1936 г. коллекция в полном составе понесла непоправимые потери (о пожаре¹²). Семь почерневших черепков были отправлены на полки фондового хранилища, остальные не сохранились. С этого момента фотографии и рисунки, сделанные сотрудниками МАЭ, превращаются из вспомогательных учетных материалов в ключевые источники, дающие представление о внешнем виде утраченных и поврежденных предметов. Изобразительные материалы содержат информацию о формах посуды (чаши, кружки, кувшин, биконические и орнитоморфные сосуды) и фигурок (башмаки, черепаха, ящерица, кит, собака, скрипки) и показывают, что отличительной чертой декора большинства предметов является роспись красной и синей красками по кремовому фону.

Остатки предметов, фотографии, рисунки, музейная документация и архивные материалы дают нам ключевые зацепки, последовательный разбор которых позволяет идентифицировать тип керамики и представить контекст ее бытования.

¹⁰ СПбФ АРАН. Фонд 1, опись 1^а, № 3, 675.

¹¹ МАЭ РАН. Опись коллекции № 2661, 3.

¹² Корсун. *Op. cit.*, 319.

Сопоставление коллекции МАЭ с колониальной мексиканской керамикой из собраний музеев Испании, Франции и Великобритании показало, что подобные изделия относятся к стилю Tonalá bruñida (лощенная Тонала)¹³, характерному для гончарного производства ремесленного центра Тонала, в окрестностях города Гвадалахара (штат Халиско, Мексика). В колониальное время там делали несколько видов керамики, в том числе декорированную росписью красной и синей красками по кремовому фону. Предполагают, что подобную керамику начали изготавливать в Тонале в первой половине XVII в. с появлением монахов-августинцев¹⁴. К середине XVII в. она стала распространяться за пределы места производства, о чем свидетельствуют археологические раскопки сооружений колониального времени на территории современной Мексики, а также на юго-западе США, во Флориде и в Карибском бассейне¹⁵. Во второй половине XVII в. полихромная керамика из Тоналы экспортируется в метрополию. Фрагменты «лощенной Тоналы» обнаруживают при раскопках в портовых городах Испании (Севилья, Кадис)¹⁶. Производство лощеной полихромной керамики продолжается в Тонале до настоящего времени. Она преодолела долгий путь развития, но сохранила некоторые специфические характеристики, благодаря которым можно проследить линию стилистической преемственности от производства XVII в. до наших дней.

Значительные коллекции тональтекской колониальной керамики осели в испанских музейных собраниях. В Музее Америки в Мадриде хранится коллекция букаро, собранная во второй половине XVII в. Марией Луисой Манрике де Лара-и-Гонсага, графиней де Оньяте. Коллекция поступила в Национальный Археологический Музей в 1872 г. как дар от наследницы собирательницы Марии Хосефы де ла Серда-и-Палаfox, графини де Оньяте. В 1941 г. керамику передали в Музей Америки. По данным CERES — электронной базы данных по коллекциям музеев Испании, доступной для публичного ознакомления в сети Интернет — в состав коллекции де Оньяте наряду с изделиями других гончарных центров входят 799 образцов керамики из Тоналы. В составе коллекции выделяют три типа керамики: полихромная, краснолощенная и так называемые китайские

¹³ Thomas H. Charlton, Roberta Reiff Katz. “Tonalá Bruñida Ware: Past and Present”. *Archaeology*. Vol. 32, Num. 1, 1979, 45.

¹⁴ Meritxell Tous, Carme Fauria. “La cerámica de Tonalá en el Museu Etnològic de Barcelona: una aproximación multidisciplinar”. *Patrimonio Cultural e Identidad*. Santa-Fe, Artegraf, S. A., 2007, 219.

¹⁵ Anne A. Fox, Kristi M. Ulrich. *A Guide to Ceramics from Spanish Colonial Sites in Texas*. San Antonio, CAR-UTSA, 2008, 42.

¹⁶ Ester López Rosendo. “Cerámica indígena mexicana de los primeros contactos coloniales en el Puerto de Santa María (Cádiz, España)”. *Revista de Historia de El Puerto*. N°50. El Puerto de Santa María, Aula de Historia “Menesteo”, 2013, 50.

вазы, сосуды, отличающиеся крупными размерами, характерной формой и сплошной орнаментацией внешней поверхности. XVII в. датируется также керамика из коллекции Марии Луисы Молина Герра, которая поступила в Музей Америки в 1987 г. Объем коллекции составляет 17 керамических изделий. В музее хранятся и более современные образцы, которые датируют серединой XX в. В электронную базу CERES внесены только восемь предметов, однако ознакомление с фондами музея показало, что в действительности их больше. Происхождение поздних поступлений сотрудникам музея неизвестно.

Прочие музеи Испании располагают несравнимо меньшими по объему коллекциями керамики из Тоналы. Этнологический Музей в Барселоне обладает коллекцией, насчитывающей свыше 150 предметов гончарного производства Тоналы. Среди них есть как столовая посуда, так и всевозможные фигурки, выполненные в техниках глазурования, лощения и смоления. Полихромная керамика из Тоналы представлена на экспозиции Музея-дворца графини де Лебриха в Севилье. Донья Регла Манхон-и-Мерхелина, графиня де Лебриха, в 1901 г. приобрела дворец, постройка которого датируется XVI в., и в течение последующих 13 лет постепенно восстановила его, наполнив всевозможными антикварными редкостями, в том числе римскими мозаиками из раскопок, в которых иногда принимала личное участие¹⁷. Страстное увлечение коллекционированием превратило дворец графини в настоящий музей, где помимо прочего была собрана крупная коллекция древней и современной керамики. В 1999 г. дворец стал доступен для посещения. Расписные сосуды из Тоналы экспонируются в одной из витрин первого этажа наряду с образцами доколумбовой керамики¹⁸. Там она значится как керамика из Тоналы XVII в. В экспозиции Музея декоративного искусства в Мадриде находятся два образца последней четверти XVII — середины XVIII в. в качестве предметов интерьера господского дома XVII в.¹⁹ Информация об источнике и способе поступления керамики не сохранилась. В Национальном Музее подводной археологии в испанской Картахене хранятся три сосуда из коллекции де Оньяте, которые были переданы в 2014 г. Керамическая головка из Тоналы начала XXI в. находится в мадридском Национальном Музее антропологии. Кроме того, известно,

¹⁷ José Ramón López Rodríguez. “El coleccionismo arqueológico. Las piezas italicenses en la historia del coleccionismo sevillano”. *Las Instituciones en el Origen y Desarrollo de la Arqueología en España*. Sevilla, Universidad de Sevilla, 2007, 29–30.

¹⁸ Alfonso Pleguezuelo Hernández. “Las cerámicas del Palacio de la condesa de Lebrija”. *Museo-Palacio de la condesa de Lebrija*. Madrid, Ediciones el Viso, 2002, 139.

¹⁹ “Las casas señoriales en la España del XVII”. *Museo Nacional de Artes Decorativas, Salas 2.2 a 2.6*. Madrid, Secretaría General Técnica, 2007, 13.

что так называемые китайские вазы есть в музеях и частных коллекциях Кордобы, Сарагосы и Эсихи²⁰.

Через испанские порты мексиканская керамика поступала в другие европейские страны. Национальный музей керамики в Севре (Париж, Франция) располагает коллекцией глиняных изделий из Тоналы. Большая часть предметов поступила от барона Исидора Тейлора, который, помимо того что был драматургом и художником, также увлекался археологией и благотворительностью. В 1835 г. по заданию короля французов Луи-Филиппа I он совершил поездку в Испанию с целью приобретения живописи для Лувра. Из этой поездки барон привез коллекцию мексиканской керамики из Тоналы, производство которой датируется XVII — началом XIX вв., и передал ее в музей Севра в 1837 г.²¹ Интересные образцы тональтекского производства были получены Севром в 30-е гг. XX в. путем обмена с Музеем народного искусства г. Мехико.

Полихромная керамика из Тоналы есть в музее Виктории и Альберта в Лондоне. Тональтекские сосуды входили в состав коллекции испанских керамики и стекла, которая была приобретена в Мадриде в начале 70-х гг. XIX в. через мистера Риано, коллекционера, служившего посредником в пополнении фондов музея. Доподлинно не известно, каким образом предметы оказались у Риано, но, по словам сотрудников музея, вероятнее всего, он купил их в Испании.

Косвенные данные указывают на то, что керамика из Тоналы достигала фондов немецких музеев. В 1912 г. МАЭ РАН приобрела через Гамбургский этнологический музей коллекцию предметов мексиканской археологии и этнографии. Коллекция, среди прочего, содержит образцы этнографической керамики из Тоналы. Коллекционная опись сообщает нам, что в Гамбурге предметы хранились около 50 лет без всякой документации, и способ их поступления оставался неизвестен.

Таким образом, мы видим, что и высокопоставленные особы, и коллекционеры, и хранители европейских музеев проявляли интерес к керамике из Тоналы.

Сохранились упоминания авторов XVIII-XIX вв. о гончарном производстве в Тонале. Официальный географ Новой Испании Хосеф Антонио Вильясеньор в 40-х гг. XVIII в. сообщает о том, что главным объектом коммерческой деятельности населения Тоналы является производство фаянса,

²⁰ Tous. *Op.cit.*, 220.

²¹ Marie-Chantal de Tricornot, "Céramiques des Amériques à Sèvres: les collecteurs et leurs intermédiaires". *Sèvres: Revue de la société des amis du Musée National de Céramique*. № 22, Pampelune, I. G. Castuera, 2013, 62–63.

который они продают в другие округа²². Примечательна характеристика керамики из Тоналы как фаянса. Этот термин обозначает гончарные изделия из пористой глины, покрытой прозрачной глазурью, и представляющие в изломе шероховатый землистый вид²³. К. К. Гильзен, регистрировавший коллекцию № 2015 в 1912 г., отметил, что изделия выполнены из глазурованной глины. Вероятно, насыщенный блеск лощеной поверхности навел на мысль, что она декорирована поливой.

Г. Ф. Лион в 1826 г. отмечал большое сходство глиняных изделий из Тоналы с керамикой этрусков по легкости и изяществу форм²⁴.

Восторженный отзыв о керамике из Тоналы оставил мексиканский историк Матиас де ла Мота-Падилья, 1742 г.:

Тонала обладает месторождениями совершенно особенной глины, какой нет больше нигде в мире. По этой причине чаши, урны, кувшины и всевозможные фигуры животных, большие и маленькие, так высоко ценятся. Эти лощеные изделия так совершенны, что во многих частях Европы женщины едят такую глину. По этой же причине они продаются в большом количестве в Халапе, Веракрусе и Акапулько, даже когда разбиты. Эта глина ценится выше, чем хрусталь, китайский фарфор или чаши из Алькоры²⁵.

В XIX в. музеи Испании, Франции, Великобритании и Германии принимали изделия из Тоналы в состав своих собраний, а Кунсткамера оказалась в авангарде этого процесса. Особого внимания заслуживает факт поступления коллекции в дар от Екатерины Великой. Поиск в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в Российском государственном историческом архиве не принес удовлетворительных результатов, и то, каким образом коллекция мексиканской керамики оказалась при дворе российской императрицы, на данный момент остается загадкой. Из записи в камер-фурьерском церемониальном журнале за 1783 г. стало известно, что 28 мая, за несколько дней до передачи коллекции в Кабинет натуралий, Екатерину II посетил «шпанский посланник», имя которого указано не было²⁶. В этот период послом Испании в Российской империи был Фелипе де Фондесвиела, маркиз де ла Торре, а секретарем при нем — Мигель-Хосе де Асанса. Последний по служебной линии был тесно связан с Новой Испанией и до, и после «российского периода». Мы не знаем, сопровождался ли визит испан-

²² Patricia Moctezuma Yano. *Artesanos y artesanías frente a la globalización: Zipitajo, Patamban y Tonalá*. México, Formación gráfica, 2002, 163.

²³ Кубе А. Н. *История фаянса*. Берлин, Государственное издательство, 1923, 5.

²⁴ Moctezuma Yano. *Op.cit.*, 163.

²⁵ Natacha Seseña. *El vicio del barro*. Madrid, Ediciones El Viso, 2009, 50.

²⁶ *Камер-фурьерский церемониальный журнал 1783 года*. СПб., 1882, 228–229.

ского дипломата передачей коллекции керамики и минералов из Мексики, однако в случае принадлежности дарителя к испанской культуре можно предположить, что подарок был преподнесен скорее в качестве предмета роскоши, чем как заморская диковинка. Однако императрица определила место этим вещам в Кабинете натуралий, тем самым превратив Кунсткамеру в первый публичный музей, принявший в свое собрание тональтекскую расписную керамику.

Источники

1. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1783 года. СПб., 1882.
2. МАЭ РАН. Описание коллекции № 2661. 5 л.
3. СПбФ АРАН. Фонд 1. Описание 1^а, № 3, 675.

Библиография

1. Корсун С. А. Американистика в Кунсткамере (1714–2014). СПб.: МАЭ РАН, 2015. 503 с.
2. Кубе А. Н. История фаянса. Берлин: Государственное издательство, 1923. 138 с.
3. Charlton Thomas H.; Reiff Katz Roberta. Tonalá Bruñida Ware: Past and Present // *Archaeology*. Vol. 32, Num. 1. 1979, 44–53.
4. Fox A. A., Ulrich K. M. A Guide to Ceramics from Spanish Colonial Sites in Texas. San Antonio: CAR-UTSA, 2008. 157 p.
5. Las casas señoriales en la España del XVII // Museo Nacional de Artes Decorativas. Salas 2.2 a 2.6. Madrid: Secretaría General Técnica, 2007. 112 p.
6. López Rodríguez, José Ramón. El coleccionismo arqueológico. Las piezas italicenses en la historia del coleccionismo sevillano // *Las Instituciones en el Origen y Desarrollo de la Arqueología en España*. Sevilla: Universidad de Sevilla, 2007, 13–41.
7. López Rosendo E. Cerámica indígena mexicana de los primeros contactos coloniales en el Puerto de Santa María (Cádiz, España) // *Revista de Historia de El Puerto*. N°50. El Puerto de Santa María: Aula de Historia “Menesteo”, 2013, 35–78.
8. Moctezuma Yano, Patricia. Artesanos y artesanías frente a la globalización: Zipiajo, Patamban y Tonalá. México: Formación gráfica, 2002. 237 p.
9. Pleguezuelo Hernández, Alfonso. Las cerámicas del Palacio de la condesa de Lebrija // Museo-Palacio de la condesa de Lebrija. Madrid: Ediciones el Viso, 2002, 119–143.
10. Seseña, Natacha. El vicio del barro. Madrid: Ediciones El Viso, 2009. 63 p.
11. De Tricornot, Marie-Chantal. Céramiques des Amériques à Sèvres: les collecteurs et leurs intermédiaires // *Sèvres: Revue de la société des amis du Musée National de Céramique*. N° 22. Pampelune: I. G. Castuera, 2013, 26–67.
12. Tous, Meritxell; Fauria, Carme. La cerámica de Tonalá en el Museu Etnològic de Barcelona: una aproximación multidisciplinar // *Patrimonio Cultural e Identidad*. Santa-Fe: Artegraf, S. A., 2007, 217–223.

Индейцы Амазонии и Оринокии — юзеры Всемирной сети

The Indians of the Amazon and Orinocia as users of the worldwide network

Резюме: Дискурс коренных народов Амазонии и Оринокии во Всемирной сети представляет для социального и культурного антрополога большой интерес: как коренные народы позиционируют себя в Интернете, как ведут с представителями другой культуры, как строят с ними свои диалоги, что их интересует, какой информацией делятся, — это большой пласт нового полевого материала. Анализ данного материала позволяет выявить характерные типы поведения, присущие конкретному социуму или группе, как на примере лексического, так и визуального ряда, используемого индигенными юзерами Амазонии и Оринокии. Автор статьи также исследует различные социальные и культурные аспекты, связанные с проникновением цифровых технологий и Интернета в традиционную культуру индигенных групп Амазонии и Оринокии.

Ключевые слова: индейцы Амазонии; Интернет.

Abstract: The discourse of the indigenous peoples of the Amazonia and Orinocia in the world network represents a great interest for the social and cultural anthropologist: how the indigenous peoples position themselves on the Internet, how they conduct themselves with representatives of another culture, how they build their dialogues with them, what interests them, what information they share — this is a large stratum of new field material. Analysis of this material allows us to identify the characteristic types of behavior inherent in a particular society or group, both in the case of lexical and visual series used by indigenous users of Amazonia and Orinocia. The author of the article also explores the various social and cultural aspects associated with the penetration of digital technologies and the Internet into the traditional culture of the indigenous groups of Amazonia and Orinocia.

Key words: Indians of the Amazon; Internet.

Современные технологии глубоко проникают в джунгли Амазонии и Оринокии, накладывая своеобразный отпечаток на образ жизни индейских этнических групп региона. Сегодня в некоторых индейских деревнях Амазонии и Оринокии можно встретить школы, в которых есть компьютер, имеющий выход в Интернет. Как правило, это один-единственный

¹ Матусовский Андрей Александрович — Россия, кандидат философских наук, руководитель документального научно-популярного проекта «Малые народы мира» (AndreyMatusovskiy@rambler.ru).

компьютер, но он играет заметную роль в жизни индейских этнических групп Амазонии и Оринокии. Интернет ускоряет интеграцию индейских этнических групп в жизнь национальных обществ стран, гражданами которых они являются. Индейцы Амазонии и Оринокии становятся пользователями Всемирной сети. Их коммуникативные возможности в одночасье становятся безграничными: они получают не только оперативную информацию о жизни жителей городов своих стран, но и устанавливают прямые контакты с пользователями Интернета со всего мира.

На сегодняшний день вряд ли стоит говорить о массовой компьютеризации школ в индейских деревнях. Впервые автор доклада увидел компьютер в деревенской индейской школе в Бразилии в 2011 г. во время экспедиции к индейцам ваура в Индейский парк Шингу в Мату-Гросу². Этот компьютер имел доступ в Интернет и пользовался большой популярностью у местной молодежи.

В Пиюлаге, деревне ваура, где он находился, электричество вырабатывалось при работе генератора или аккумулировалось благодаря солнечным батареям. Доступ в Интернет обеспечивался посредством спутниковой антенны, установленной правительственными организациями, которая принимала сигнал от пролетающего в определенное время в этом географическом секторе спутника.

Местная молодежь знала это время и в нужный час собиралась рядом со школьным компьютером. Когда спутник покидал их сектор, связь с Интернетом обрывалась. Так у местной молодежи выглядел первый опыт работы в Интернете³. Подобная ситуация сохранялась и во время моего второго визита к ваура в 2013 г.⁴

Сегодня многие индейцы Амазонии и Оринокии бывают в городах, как в небольших, окружающих их земли, так и в крупных мегаполисах. В городах у них имеется возможность выходить в Интернет, и они с большим энтузиазмом пользуются этой возможностью. Пребывание индейцев Амазонии во Всемирной сети интересно рассматривать с трех ракурсов, охватывающих общение: а) в социальных сетях со своими соплеменниками или представителями соседних индейских этнических групп; б) с гражданами своей страны; в) с иностранными пользователями.

Основные наблюдения, связанные с поведением индейских юзеров во всемирной сети, сделаны автором доклада на примере бразильских индей-

² ПМА 2011. Полевые материалы экспедиции автора к индейцам ваура (Бразилия, штат Мату-Гросу, Индейский парк Шингу, деревня ваура Пиюлага, апрель — май 2011 г.).

³ Там же.

⁴ ПМА 2013. Полевые материалы экспедиции автора к индейцам ваура (Бразилия, штат Мату-Гросу, Индейский парк Шингу, деревня ваура Пиюлага, ноябрь 2013 г.).

цев. Как складывается дискурс индейских юзеров в Интернете разберем на примере индейцев шингуано, населяющих в Бразилии в штате Мату-Гросу Индейский парк Шингу.

Наиболее показательна в этом плане социальная сеть Facebook, являющаяся наиболее популярной среди индейских пользователей Интернета⁵. Автор доклада имеет в ней несколько индейских друзей и, соответственно, возможность наблюдать за их поведением в Интернете, как при личном общении, так и со стороны, видя контакты и переписку своих друзей по Facebook.

Как замечает финляндская исследовательница К. П. Виртанен, «для многих из тех, кто живет в тропических лесах Амазонки, внедрение социальных сетей изначально рассматривалось как способ общения в чрезвычайных ситуациях, но это может быть сделано с помощью различных средств, таких как радиоволны или спутниковые телефоны. Сами социальные медиа, похоже, предлагают что-то другое»⁶.

Сегодня большинство шингуано владеет португальским языком. Португальский язык является основным языком общения индейских юзеров. В очень редких случаях, желая выразить какие-либо особые чувства, индейские юзеры используют в общении с собой аборигенные языки. Слова родного языка набираются ими буквами латинского алфавита. Однако это происходит крайне редко и в отдельных фразах. Доминирующее положение португальского языка по отношению к аборигенным языкам очевидно — их диалоги видят люди, не говорящие на аборигенных языках, а индейские юзеры желают быть вовлеченными в общий дискурс, хотят, чтобы их понимали.

Для общения с зарубежными юзерами необходимо знание иностранного языка. Шингуано не знают каких-либо иностранных языков. К зарубежным пользователям Интернета они обращаются на португальском языке, никак не оговариваясь или извиняясь за незнание других языков. При этом вполне вероятно, что их друг по виртуальной переписке не владеет португальским языком. Отчасти объяснение такого поведения кроется в сети дружественных контактов. Друзьями по Facebook шингуано в основном являются люди, посещавшие их деревни в Индейском парке Шингу. Таким образом, индейцы резонно предполагают, что люди, их посетившие, должны так или иначе знать португальский язык. Португальский язык для самих индейских юзеров является языком выхода не только в город, но и

⁵ Pirjo Kristiina Virtanen. “Indigenous social media practices in southwestern Amazonia”, *Alternative*. 11:4, 2015, 354.

⁶ Virtanen. *Op. cit*, 359.

в большой неиндейский мир, частью которого они с удовольствием себя ощущают во Всемирной социальной сети.

Бразильский разговорный португальский имеет много лексических и стилистических особенностей, существенно отличающих его от классического варианта португальского языка. Более того, он имеет множество жаргонизмов, характерных для Бразилии. Индейские юзеры не учитывают такие особенности в силу того, что им просто незнакома подобная градация. Если им проще и короче говорить между собой на жаргонизмах, что весьма приемлемо для интернет-пользователей, то такое общение находится абсолютно за гранью понимания у зарубежных юзеров. Более того, индейские юзеры стараются сократить широко употребляемые фразы и жаргонизмы до нескольких букв. Вот некоторые примеры: blz — «все хорошо», vc — «ты», kkkkkk — соответствует русскому «ха-ха-ха», td — «всё», q — «что» и множество других вариантов сокращения. Индейские юзеры, очевидно, не понимают, что подобный стиль общения не позволяет зарубежным пользователям понимать их в полной мере. Удивляет, с какой скоростью индейцы освоили подобный стиль общения.

Нахождение индейцев Амазонии в Инернете имеет для современного этнолога и сугубо практические преимущества. Так, автору доклада довелось присутствовать в 2013 г. на цикле церемоний, приуроченных к периоду созревания плодов пеки, играющих важную роль в системе питания и мифологических воззрений у ваура⁷. Несмотря на то что я тщательно фиксировал все этапы праздника, у меня остались некоторые не проясненные моменты. После моего возвращения домой пролить свет на них мне помог мой друг ваура по Facebook — я получил ответы на заданные мной вопросы по Интернету.

Выгоду от использования Интернета иногда получают и сами индейцы. Быстро поняв возможности Интернета, шингуано довольно скоро сориентировались, что через Всемирную сеть можно получать деньги. К примеру, для продажи традиционных керамических изделий, мастерами изготовления которых являются ваура, шингуано создали отдельную страничку в Facebook. Нередки случаи, когда индейцы приглашают своих бразильских и зарубежных друзей по социальным сетям пожить в своей общине, намереваясь взять за это деньги.

Весьма интересен визуальный ряд, используемый индейскими юзерами для представления своей личности в Интернете. В нем присутствуют два вида фотографий: а) из родной деревни, в аборигенной среде; б) сделанные в городе. Если фотографии из аборигенной среды могут быть или нет на персональной страничке, то фотографии из города имеются практически у

⁷ ПМА 2013.

каждого индейского юзера. Шингуано спокойно относятся к наготe. Несмотря на то что сегодня у каждого шингуано найдется та или иная одежда, в деревнях в Индейском парке Шингу, особенно в периоды праздников, индейцы ходят обнаженными. Шингуано славятся своими яркими многолюдными праздниками. Они очень любят делать фотографии со своих традиционных праздников. На их страничках в Facebook очень много таких фотографий, в том числе где они изображены без одежды. Показательно, что такие фотографии не вызывают нездорового ажиотажа у их зарубежных друзей по социальным сетям, а сами индейцы гордятся этими снимками.

Индейцев Амазонии, пользующихся Интернетом, следует разделить на две основные группы: а) долго или постоянно живущих в городах и поселках; б) большую часть времени проводящих в аборигенных деревнях, иногда бывающих в городах и поселках. Индейские юзеры, изредка бывающие в городах, в социальных сетях стремятся показать, что они не хуже городских пользователей как индейского, так и неиндейского происхождения. На фото из городов индейские юзеры изображены на фоне обыденных непритязательных интерьеров и экстерьеров: в недорогих кафе, идущими по улице. На всех фото индейские юзеры представлены в чистой простой одежде, явно припасенной для выхода в город. На этих фото улавливается желание авторов, их сделавших, показать, что они могут выглядеть так же, как и жители городов, могут себе позволить чистую белую футболку или недорогие кроссовки Nike.

Показательный случай произошел с автором доклада и одним из его друзей ваура в Facebook. Молодой человек отправился в путешествие из родной деревни Пиюлага в город. На его страничке Facebook появлялись типичные для индейских юзеров фотографии, описанные выше. В первые дни его вояжа автору доклада пришло сообщение от юного путешественника примерно следующего содержания: «Я сейчас нахожусь в городе. Здесь везде нужны деньги. Если можете, пришлите мне денег».

Следует пояснить, что во время полевых исследований в Пиюлаге в 2011 и 2013 гг. автору доклада довелось контактировать с большим количеством людей, в том числе с 14–16-летними молодыми людьми. Скажу честно, в Пиюлаге я больше внимания уделял взрослым информантам и многих молодых ваура попросту не запомнил в лицо. Когда мне на Facebook приходит запрос на добавление в друзья от молодежи ваура, я, как правило, его подтверждаю. Но очень редко я могу вспомнить лица этих молодых людей, которые, очевидно, общались со мной во время моего визита к ним в деревню и помнят меня. Я осознаю это, и мое виртуальное подтверждение дружбы означает не только знак вежливости по отношению к ним, но и исследовательский интерес. Мне любопытно наблюдать за их поведением

во Всемирной сети. Очевидно, письмо юного путешественника ваура было связано с подобной предысторией нашего знакомства и никоим образом не следует его относить к компьютерным обманам или каким-то формам вымогательства.

Однако индейские юзеры отчетливо осознают, что их зарубежные друзья так или иначе могут быть источником определенных денежных поступлений.

П. К. Виртанен изучала процессы, связанные с использованием Интернета индейскими юзерами, в другой части бразильской Амазонии, в штатах Акри и Амазонас. Она отмечала, что Интернет предоставил индейским юзерам решающую возможность информировать местные власти о вторжениях незаконных лесозаготовителей и торговцев людьми, а также помогает в случаях, когда аборигенным сообществам необходима срочная медицинская помощь⁸. Социальные медиа, по ее мнению, являются для индейских юзеров мощным инструментом, используемым в качестве платформы для следующих основных целей: 1) для (пере)создания отношений; 2) для обсуждения личной жизни; 3) для выражения политических мнений, связанных с независимой политикой; 4) для организации совещаний; 5) для нахождения новых контактов⁹.

П. К. Виртанен видит в использовании индейскими юзерами Интернета, в их активном участии в социальных сетях возможность избежать ими «дальнейшей маргинализации, которая может иметь культурный, политический, религиозный или экономический характер»¹⁰. У этого, безусловно положительного, ракурса имеется и негативная сторона. Отрицательную сторону активного проникновения современных цифровых технологий в повседневную жизнь индейцев Амазонии и Оринокии характеризует, пожалуй, один пример из полевой практики автора доклада. Для традиции ваура типична ситуация, когда мужчины собираются вечером, после того как все дела завершены, возле мужского дома. Они курят, общаются между собой, обсуждают события прошедшего дня. Это целый ритуал. Последнее время в Пиюлаге появились телевизоры, которые ваура покупают в близлежащих городах. Индейцы с интересом их смотрят. Как-то вечером, сидя со мной возле мужского дома, глава общины грустно заметил: «Раньше вечером к мужскому дому выходило гораздо больше людей. Сейчас все сидят в своих хижинах и смотрят телевизор»¹¹.

⁸ Virtanen. *Op. cit.*, 353.

⁹ Virtanen. *Op. cit.*, 353–354.

¹⁰ Virtanen. *Op. cit.*, 360.

¹¹ ПМА 2013.

Фото 1. Индейцы барасана эдурья с ноутбуками. Колумбия, 2014 г. (Фото автора)

В бразильской Амазонии уровень компьютеризации индейских школ значительно отличается от соседних стран. Так, в 2014 г. индейцы барасана эдурья, жители Сонанья, общины в колумбийской Амазонии, в надежде ожидали для местной школы обещанный им правительством компьютер. Ни о каком подключении к Интернету вопрос тогда не стоял¹². Индейские школы в перуанской, эквадорской и венесуэльской Амазонии и Оринокии к началу 2010-х гг. также имели крайне низкий уровень оснащённости компьютерами. То, что какая-либо единичная индейская школа в Амазонии и Оринокии в Венесуэле, Колумбии, Эквадоре и Перу имеет компьютер, как правило, исключение.

Цифровые технологии, активно проникающие в жизнь индейцев Амазонии и Оринокии, приносят кардинальные изменения в их быт и культуру, способствуют ускорению процесса интеграции индейцев региона в национальные общества своих стран. Очевидно, совсем скоро индейские юзеры будут мало чем отличаться от других пользователей Всемирной сети.

В настоящее время социальные и культурные антропологи на примере индейцев Амазонии и Оринокии имеют возможность наблюдать ситуацию перехода, когда вчерашние маргинализированные носители аборигенной культуры становятся частью современных глобальных социокультурных процессов. Анализ этой ситуации позволяет глубже понять природу человеку и механизмы его поведения в социуме.

¹² ПМА 2014. Полевые материалы экспедиции автора к индейцам барасана и татуйю (Колумбия, департамент Ваупес, бассейн реки Пирапараны, ноябрь 2014 г.).

Библиография

1. *Pirjo Kristiina Virtanen*. Indigenous social media practices in southwestern Amazonia. *Alternative*. 11:4, 2015, 350–362.
2. ПМА 2011. Полевые материалы экспедиции автора к индейцам ваура (Бразилия, штат Мату-Гросу, Индейский парк Шингу, деревня ваура Пи-юлага, апрель — май 2011 г.).
3. ПМА 2013. Полевые материалы экспедиции автора к индейцам ваура (Бразилия, штат Мату-Гросу, Индейский парк Шингу, деревня ваура Пи-юлага, ноябрь 2011 г.).
4. ПМА 2014. Полевые материалы экспедиции автора к индейцам барасана и татуйо (Колумбия, департамент Ваупес, бассейн реки Пирапараны, ноябрь 2014 г.).

«Бразильский дневник» (1914–1915) Генриха Манизера: опыт издания спустя 100 лет

Henry Manizer's «The Brazilian Diary» (1914–1915): experience of the publication after 100 years

Резюме: Публикация уникального рукописного дневника «Ботокуды» молодого ученого Г. Г. Манизера ознаменовалась обнаружением многих новых материалов, раскрывающих историю участников Второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг., в том числе документов из их семейных архивов. Введение их в научный оборот раскрывает новую страницу российско-американских отношений начала XX в.

Ключевые слова: Бразилия; ботокуды; Г. Г. Манизер; дневник; Музей антропологии и этнографии, история.

Annotation: The publication of the unique manuscript diary «Botocudo» by the young scientist H. Manizer was marked by the discovery of many new materials revealing the history of the participants of the Second Russian Expedition to South America in 1914–1915, incl. documents from their family archives. Their introduction into scientific circulation reveals a new page of Russian–American relations in the early twentieth century.

Key words: Brazil; Botocudos; H. H. Manizer; diary; Museum of Anthropology and Ethnography; history.

В Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН хранятся материалы второй русской (студенческой) экспедиции в Южную Америку (1914–1915). За истекшее столетие они не потеряли своего значения. Об этом свидетельствуют хотя бы многочисленные запросы специалистов и обращения граждан стран Южной Америки.

Отдельные темы из богатого и разнообразного научного наследия экспедиции в разные годы привлекали внимание ученых разных специальностей. Н. Г. Шпринцин, Б. В. Лукин, Б. Н. Комиссаров, М. Ш. Файнштейн, Н. В. Смирнова, Э. Шебештьен, Т. В. Волкова выявили, опубликовали и прокомментировали документы Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, раскрывающие некоторые аспекты истории экспедиции. А. Д. Дридзе, Е. А. Ершова, М. Н. Третьякова подготовили к печати фрагменты дневников Г. Г. Манизера (17 статей) и Ф. А. Фиельструпа (12 статей), Н. Ч. Так-

¹ Соболева Елена Станиславовна — Россия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (soboleva@kunstkamera.ru).

сами — часть заметок С. В. Геймана из Архива МАЭ РАН. Виталий Николаевич Танасийчук, сын Н. П. Танасийчука, подробно осветил отдельные моменты экспедиции в статьях и документальной повести «Пятеро на Рио Парагвай»². В их основу положены документы из академических архивов, но, главным образом, сохраняемые в семье все эти годы дневник, перепечатанный с блокнотов в 1916–1917 гг., фотографии и рисунки.

Основные этапы истории экспедиции, таким образом, стали известны. Но многие ее детали и подробности пока изучены недостаточно. Весь массив источников до сих пор не введен полностью в научный оборот. Это можно объяснить тем фактом, что экспедиция была самодеятельной, а не официальной академической/университетской. Исторические условия — начавшаяся Первая мировая война, затем революция и разруха в России повлияли на приоритетность изучения этнографической тематики. Но в России академический интерес к истории и природе Южной Америки не исчезал никогда, и ученые использовали все возможности для обеспечения доступности этих уникальных материалов — в частности, объемные статьи российских авторов, написанные по результатам экспедиции, были опубликованы в трудах XXII и XXIII Конгрессов американистов в 1926 и 1928 гг.³

В начале 1914 г. пятеро студентов — участников кружка «Молодых биологов» при Биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта в Петербурге решили организовать экспедицию в малоизученные тогда районы Южной Америки. Они мечтали изучить территорию Венесуэлы (р. Ориноко) или район Чако. На спонсорские и частично собственные средства за океан отправились зоологи Иван Дмитриевич Стрельников и Николай Парфентьевич Танасийчук, этнографы Генрих Генрихович Манизер и Федор Артурович Фиельструп, а также Сергей Вениаминович Гейман, особо интересовавшийся обществоведением.

Студентов поддержали Санкт-Петербургская Биологическая лаборатория П. Ф. Лесгафта, Императорская академия наук (Зоологический му-

² Танасийчук В. Н. «Что гонит вас через Анды?..» (Русские студенты в Южной Америке, 1914–1915) // *Звезда*, 2001, № 7, 156–171; Он же. *Пятеро на Рио Парагвай*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2003. 272 с.; *Великие русские экспедиции. Русские географы в Латинской Америке. Хроника путешествий XIX — первой половины XX в.* / под ред. А. С. Наумова. М.: АСТ, 2014. 376 с.

³ Manizer H. Les Kaingangs de São Paulo // *Proceedings of the XXIIIth International Congress of Americanistes, held at New York, September 17–22, 1928*. N.Y., 1930, 760–791; Strelnikov I. D. “Les Kaa-iwuá du Paraguay” // *Atti del XXII. Congresso Internazionale degli Americanisti*. Roma, 1926. Vol. II. Roma, 1928, 333–366; Idem. “The Expedition of G.I. Langsdorf to Brazil in 1821–1829” // *Proceedings of the XXIIIth International Congress of Americanistes, held at New York, September 17–22, 1928*. N.Y., 1930, 751–759; Idem. “La música y la danza de las tribus indias Kaa-iwua (guarani), Kaingang y Botokudo” // *Proceedings of the XXIIIth International Congress of Americanistes, held at New York, September 17–22, 1928*. N.Y., 1930, 796–802.

зей, МАЭ), Русское антропологическое общество при Петербургском университете, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (антропологический, этнографический и зоологический отделы, лично Д. Н. Анучин); музеи выдали и необходимое снаряжение. Попечитель МАЭ Эмануил Людвигович Нобель выделил 400 руб., попечитель Лаборатории пермский купец и меценат Николай Васильевич Мешков — 500 руб. Каждый из участников внес по 300 руб. для расходов на одежду, снаряжение, покупку билетов и пр. Средства на экспедицию составили 3590 руб. Позже субсидии на сборы коллекций предоставил Музей этнографии при Буэнос-Айресском университете. Руководство МАЭ выдало удостоверения на этнографическую работу в Аргентине, Парагвае и Боливии, для сбора этнографических коллекций. Г. Г. Манизер также получил открытый лист от Русского антропологического общества при Петербургском университете. О. О. Баклунд, Ф. К. Волков, Л. Я. Штернберг, В. В. Радлов дали студентам рекомендации к своим знакомым аргентинским ученым.

Участники экспедиции обязаны были учитывать запросы и пожелания финансировавших их лиц и организаций. Они доставили «в Этнографический музей Академии наук — более 500 предметов; отправлено в Музей Московского университета — около 100 №; около 100 фотографических снимков передано в Педагогический музей военно-учебных заведений; в Зоологический музей Академии наук поступили собранные ими спиртовые препараты, шкурки, кости позвоночных и коллекции насекомых; ботанические объекты предназначены для Музея Ботанического сада»⁴. Коллекции были переданы также в Музей этнографии при Буэнос-Айресском университете, в Национальный музей в Рио-де-Жанейро, в музей сравнительной морфологии им. П. Ф. Лесгафта.

По возвращении в Россию о своих приключениях в Южной Америке написали только Г. Г. Манизер⁵ и Н. П. Танасийчук⁶ в газетах и журналах. Перед уходом на воинскую службу Г. Г. Манизер успел оформить результа-

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 3 об.

⁵ Манизер Г. Г. “Русские студенты в Южной Америке” // *Биржевые ведомости*. 1916. 23 мая; Он же. “Индийские впечатления” // *Биржевые ведомости*. 1916. 27 мая; Он же. “Антропологические данные о гиляках” // *Ежегодник Русского Антропологического общества при Императорском Петроградском университете* / Под ред. И. Руденко. Пг., 1916. Т. 6, 1–48; Он же. “Из путешествия по Южной Америке в 1914–1915 гг.” // *Природа*, 1917, № 5–6, 620–660.

⁶ Танасийчук Н. П. “В Южной Америке. Очерки путешествия по Бразилии, Боливии и Парагваю” // *Природа и люди*. 1917. № 18–20, 26, 35–36, 41–42, 45–47, 49–52; Он же. “Маршрут путешествия 1914–1915 гг. в Бразилию, Боливию и Парагвай И. Д. Стрельникова и Н. П. Танасийчука” // *Известия Географического института*. 1922. Вып. 3, 72–83.

ты некоторых своих исследований в виде докладов и пары статей⁷ и подготовить книгу о первой русской экспедиции в Бразилию (которая вышла в свет только в 1948 г.⁸).

Письма и официальные отчеты, хранящиеся в СПбФ АРАН, свидетельствуют, что, прибыв в Аргентину, студенты скорректировали свои планы по совету сотрудников российской дипломатической миссии и аргентинских ученых. В Буэнос-Айресе участники экспедиции получили консультации директора Национального музея Анхеля Гальярдо, директора Музея этнографии при Буэнос-Айресском университете Хуана Баутиста Амбросетти, директора Музея Ла-Платы Самуэля Алехандро Лафоне-Кеведо, ботаника Икена, профессора Роберта Лемана-Ницше и геолога Вальтера Шиллера; им помогли получить льготы на проезд и провоз багажа на пароходе по р. Парана и ее правому притоку р. Парагвай в г. Корумба, столицу бразильского штата Мату-Гросу. Там участники экспедиции разделились, и возвратились они в Петроград по отдельности в конце 1915 г. И. Д. Стрельников и Н. П. Танасийчук остались работать в почти не изученном в зоологическом отношении районе, где пересекались границы Бразилии, Боливии и Парагвая. Трое этнографов отправились к индейцам кадьюео, В. Гейман затем отделился от группы и отправился в путешествие по континенту, интересовался бытом европейских колоний, особенно славянских, читал в городах лекции, в том числе о своих впечатлениях о жизни среди индейцев с показом своих же диапозитивов, писал статьи в газеты. Этнографы, потратив все средства, бросив жребий, разделились: Г. Г. Манизеру выпало остаться у индейцев, Ф. А. Фиельструп в конце декабря 1914 г. вернулся в Буэнос-Айрес, откуда он, по ходатайству профессора Амбросетти, совершил восьмимесячное плавание на аргентинском фрегате «Адмирал Сармьенто» в качестве представителя Музея этнографии при Буэнос-Айресском университете.

Четверо молодых людей вернулись в Россию для отбывания воинской повинности, С. В. Гейман остался на работе в США. Судьба их сложилась по-разному. Г. Г. Манизер ушел в армию и скончался от тифа на Румынском

⁷ Manizer Henri. "Les botocudos (Boruns) d'après les observations recueillies pendant um séjour chez eux en 1915" // *Arquivos do Museu Nacional*. 1919. Vol. 22, sep. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 243–273; Манизер Г. Г. «Ботокуды (боруны) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г.» // *Ежегодник Русского Антропологического общества при Петроградском университете*. Пг., 1916. Т. 6, 83–130; Он же. Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии (1. Кадьюео. 2. Терено. 3. Файя. 4. Каинганг. 5. Гуарани. 6. Ботокудо) // *Сборник Музея антропологии и этнографии*. 1918. Т. V, вып. 1, 319–350.

⁸ Манизер Г. Г. *Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1828)*. М., 1948. 178 с.; Manizer G. G. *A expedição do académico G.I. Langsdorff ao Brasil: 1821–1828*. (Tradução Osvaldo Peralva.) São Paulo: Ed. Nacional, 1967. 244 p.

фронте 21 июня 1917 г. Младший брат Матвей, будущий знаменитый скульптор, вывез тело Г. Г. Манизера для захоронения на семейном участке Казанского кладбища в Пушкине.

В научном архиве МАЭ аккумулированы коллекции и исходные материалы этнографов — участников экспедиции (отчеты, дневники, письма, рукописи, карты, рисунки, фотографии, каталоги собранных ими предметов и др.). Недавно в МАЭ вышла в свет книга, в которой опубликован один из архивных документов, традиционно вызывавший повышенный интерес. Наконец в полном объеме удалось издать бразильский дневник Г. Г. Манизера «Ботокуды»⁹, охватывающий период с 26 февраля по 8 сентября 1915 г.

Сам факт, что молодой ученый получил возможность поселиться в среде индейцев ботокудов, охотников и собирателей, только что переведенных на оседлость в бразильских штатах Минас-Жерайс и Эспириту-Санту, является его невероятной удачей. Полковник Кандиду Рондон предложил Манизеру сопровождать нового инспектора Службы защиты индейцев на Риу-Доси; благодаря помощи Службы защиты индейцев Манизер получил доступ к рукописям еще неопубликованных материалов своих предшественников, в том числе обнаружил в Бразилии сведения об экспедиции академика Г. И. Лангсдорфа.

Подготовка текста дневника к печати через сто лет после написания сопровождалась множеством трудностей. Г. Г. Манизер оставил два варианта дневника — рукописный и машинописный, а также россыпь листков полевых записей и черновиков, не все из которых можно расшифровать. Дневник написан черными чернилами убористым почерком на двух сторонах линованных двойных листов большого формата, сплошь по строке, иногда с выделенными абзацами. Записи ведутся подряд и датируются. Разные по содержанию куски Г. Г. Манизер отделял чертой, в сплошной текст включал рисунки, схемы и таблицы. Во второй половине дневника имеются большие временные лакуны.

Выдержки из машинописной версии дневника публиковались в периодических изданиях РАН («Латинская Америка», «Кунсткамера: Этнографические тетради», «Курьер Петровской Кунсткамеры»). Рукописный дневник ранее не публиковался и вызывает понятный интерес. Распечатывал дневник на пишущей машинке, несомненно, сам Г. Г. Манизер в Петрограде по возвращении из Бразилии в конце 1915 г. Текст подвергнут авторской правке, из рукописи не были перенесены многие страницы, характеризующие, например, природную среду обитания индейцев, необходимые для понимания их экологических принципов.

⁹ Соболева Е. С. *Г. Г. Манизер — участник Второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. Бразильский дневник*. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 606 с.

Дневник велся в основном на русском языке, но с многочисленными португальскими, немецкими, французскими, индейскими и прочими вставками. Важно, что в машинописной копии дневника Г. Г. Манизер русифицировал транслитерацию многих индейских имен и слов. Дневниковые записи Г. Г. Манизера содержат также огромный объем оригинального материала по культуре как индейского, так и смешанного населения Бразилии, «необразильцев». Он записал огромный массив фольклорных текстов на бразильском варианте португальского языка. Португальские слова и выражения, многочисленные бразилизмы впервые переведены и объяснены при содействии известного петербургского португалиста, бразильца по происхождению, А. М. Гаха. В машинописную копию не вошли многие сказки и тексты на португальском языке. В книге оставлен оригинальный бразильский текст, записанный Манизером на слух, но в примечания вынесены его исправления на стандартный португальский. Это позволяет проследить становление разговорного бразильского языка в начале XX в. Подстрочник поэтических текстов, в том числе колядок (Folias), также впервые переведен А. М. Гахом.

Много внимания Г. Г. Манизер уделил языку ботокудов — лексике, грамматике, фонетике; используя алфавит Международной фонетической ассоциации и знаки, предложенные в 1911 г. Л. В. Щербой, он разработал фонетические знаки ботокудского языка, составил таблицы и схемы. Эти записи особенно важны в наши дни, когда вопрос сохранения языков в Бразилии стал актуален как для бразильских лингвистов, так и для индейских народов. К записям Манизера проявил интерес лидер бразильских индейцев Аилтон Кренак, потомок одного из основных информантов Манизера.

Другой важный блок полевых записей составляет музыкальный фольклор. Г. Г. Манизер обладал абсолютным музыкальным слухом, превосходно играл на скрипке. Его интересовали способы звукоизвлечения в процессе речи и в пении. Он записал нотами индейские мелодии, в том числе со словами, зарисовал схему шагов и движения танцоров. Дневник и черновые записи дополнены рисунками.

Текст дневника изобилует множественными обращениями к тропической флоре и фауне. Многие таксономические определения растений, животных, птиц, рыб, пресмыкающихся и др. к настоящему времени подверглись серьезным изменениям, и их идентификация потребовала дополнительных изысканий, которые стали возможны только при обращении к труднодоступной специальной бразильской литературе.

В процессе подготовки настоящего сообщения выявился новый пласт неопубликованных материалов Второй русской экспедиции в Южную Америку, причем объем этой новой информации оказался неожиданно велик.

После того как книга вышла в свет, Н. М. Манизер, племянница Г. Г. Манизера, дочь его младшего брата Марка, подарила бесценные семейные реликвии — мемуары, раскрывающие историю семьи и эпизоды становления личности молодого ученого, фотографии, а также письма из экспедиции, в которых содержатся интересные подробности путешествия. В письмах обнаружены сведения, которые не вошли ни в официальный отчет, ни в дневник. В частности, среди сюжетов, о которых Г. Г. Манизер писал своим младшим братьям, имеются нигде не публиковавшиеся индейские сказки.

В Архиве МАЭ обнаружены разрозненные заметки Ф. А. Фиельструпа. Имеются и его подробные письма родным, написанные мелким уборым почерком. Ф. А. Фиельструп писал брату и матери по-английски, вероятно, по этой причине ранее эти документы не привлекали внимания исследователей.

Также среди бумаг С. В. Геймана, которые тот передал в МАЭ, также обнаружены письма Г. Г. Манизера и Ф. А. Фиельструпа, послания от других корреспондентов на французском и испанском языках, многие любопытные записи, раскрывающие картину жизни в разных странах Южной Америки, и т. п.

Все эти материалы, особенно переписка участников экспедиции, заслуживают специального изучения и отдельной публикации. Сопоставление документов позволяет увидеть историю путешествия в ином ракурсе. Письма отражают характеры молодых людей и этику их взаимоотношений, свидетельствуют о том, что они поддерживали друг друга в непростых условиях (например, в финансовом плане, оставляя свою часть денег коллегам на быт и оплату возвращения домой). Выявляются подробности и проясняются ранее неизвестные аспекты, которые позволяют лучше оценить достижения молодых исследователей и осознать сложность решенных ими проблем. Переписка раскрывает детали культуры и быта населения в разных регионах Южной Америки. Не менее важно, что в письмах указаны имена людей, помогавших российским студентам во многих непростых ситуациях, и среди них немало выходцев из России, добившихся на новой родине значительных успехов. Только в Аргентине им помогли: родоначальник системы аргентинского водного транспорта Николас Миханович; Я. Д. Бродский — редактор и А. Д. Жаботинский — издатель газеты «Аргентинская жизнь»; начальник транспортной службы Буэнос-Айреса Александр Яковлевич Павловский; инженер и политик из Мендосы Юлий Николаевич Мариенгоф; супруги Виктор (врач) и Эльза (писательница) Видакович; врач Деметрио Аранович и многие другие. В официальных отчетах таких сведений нет.

Участники так называемой студенческой экспедиции оказались достаточно квалифицированными специалистами и сумели решить множество задач, как научных, так и практических, с которыми им пришлось столкнуться до отъезда, во время путешествия и по возвращении домой. Экспедиционный бюджет был весьма ограничен, но молодые люди, оказавшись в разных странах Южной Америки, нашли способы реализовать в той или иной степени свои научные планы. Им удалось установить тесные контакты с коллегами на местах и ознакомиться с новейшими результатами их исследований, получить доступ к архивам и библиотекам. Они многое успели сделать в поле: вели дневники, собирали, документировали и систематизировали коллекции, проверяли на южноамериканских материалах модные научные теории по своей специальности и т. д. К сожалению, не всем им довелось завершить свои научные труды.

Вновь выявленные документы при подготовке к печати также требуют подробных комментариев, уточнения фактов и имен. Как видим, материалы экспедиции являются любопытным литературным и историческим источником, обладают богатым научным потенциалом, остаются полезными для ученых разных специальностей — этнографов, фольклористов, лингвистов, натуралистов, др. Впрочем, не менее интересны эти свидетельства силы человеческого духа и для лиц, интересующихся историей путешествий, российской наукой, историей Латинской Америки.

Библиография

1. Танасийчук В. Н. «Что гонит вас через Анды?..» (Русские студенты в Южной Америке, 1914–1915) // Звезда, 2001, № 7, 156–171;
2. *Пятеро на Рио Парагвай*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2003. 272 с.; *Великие русские экспедиции. Русские географы в Латинской Америке. Хроника путешествий XIX — первой половины XX в.* / под ред. А. С. Наумова. М.: АСТ, 2014. 376 с.
3. Manizer H. Les Kaingangs de São Paulo // *Proceedings of the XXIIIth International Congress of Americanistes, held at New York, September 17–22, 1928*. N.Y., 1930, 760–791;
4. Strelnikov I. D. “Les Kaa-iwuá du Paraguay” // *Atti del XXII. Congresso Internazionale degli Americanisti. Roma, 1926. Vol. II*. Roma, 1928, 333–366;
5. Idem. “The Expedition of G.I. Langsdorf to Brazil in 1821–1829” // *Proceedings of the XXIIIth International Congress of Americanistes, held at New York, September 17–22, 1928*. N.Y., 1930, 751–759;
6. Idem. “La música y la danza de las tribus indias Kaa-iwua (guarani), Kaingang y Botokudo” // *Proceedings of the XXIIIth International Congress of Americanistes, held at New York, September 17–22, 1928*. N.Y., 1930, 796–802.
7. СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 3 об.

8. Манизер Г. Г. “Русские студенты в Южной Америке” // Биржевые ведомости. 1916. 23 мая;
9. Манизер Г. Г. “Индийские впечатления” // *Биржевые ведомости*. 1916. 27 мая;
10. Он же. “Антропологические данные о гиляках” // *Ежегодник Русского Антропологического общества при Императорском Петроградском университете* / Под ред. С. И. Руденко. Пг., 1916. Т. 6, 1–48;
11. Манизер Г. Г. “Из путешествия по Южной Америке в 1914–1915 гг.” // *Природа*, 1917, № 5–6, 620–660.
12. Танасийчук Н. П. “В Южной Америке. Очерки путешествия по Бразилии, Боливии и Парагваю” // *Природа и люди*. 1917. № 18–20, 26, 35–36, 41–42, 45–47, 49–52;
13. Танасийчук Н. П. “Маршрут путешествия 1914–1915 гг. В Бразилию, Боливию и Парагвай И. Д. Стрельникова и Н. П. Танасийчука” // *Известия Географического института*. 1922. Вып. 3, 72–83.
14. Manizer Henri. “Les botocudos (Boruns) d’après les observations recueillies pendant un séjour chez eux en 1915” // *Arquivos do Museu Nacional*. 1919. Vol. 22, sep. Rio de Janeiro: Imprensa Nacional, 243–273;
15. Манизер Г. Г. «Ботокуды (боруны) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г.» // *Ежегодник Русского Антропологического общества при Петроградском университете*. Пг., 1916. Т. 6, 83–130;
16. Он же. Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии (1. Кадиувео. 2. Терено. 3. Файя. 4. Каинганг. 5. Гуарани. 6. Ботокудо) // *Сборник Музея антропологии и этнографии*. 1918. Т. V, вып. 1, 319–350.
17. Манизер Г. Г. *Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1828)*. М., 1948. 178 с.; Manizer G. G. *A expedição do académico G.I. Langsdorff ao Brasil: 1821–1828*. (Tradução Osvaldo Peralva.) São Paulo: Ed. Nacional, 1967. 244 p.
18. Соболева Е. С. *Г. Г. Манизер — участник Второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. Бразильский дневник*. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 606 с.

Саморепрезентация знати майя колониального периода в исторических хрониках династии Печ

Self-representation of the Maya nobles of the colonial period in the historical chronicles of the Pech dynasty

Resumen: El artículo analiza los motivos principales de autorepresentación de la aristocracia maya colonial a base las llamadas Crónicas de los Pech procedentes de los pueblos de Chicxulub y Yaxkukul. Según el autor, se concentran en torno a la idea de nobleza genealógica. Se corrobora con los argumentos tanto indígenas (el supuesto patrimonio Itzá y la soberanía prehispánica del linaje) como europeos (utilización de los títulos españoles). Se nota también la importancia que le atribuyeron los Pech a los esfuerzos para demostrar su lealtad a la Corona, a veces en contra de los hechos históricos. Todo lo contrario se relaciona con los comuneros mayas a quienes se puede considerar los antihéroes de la narrativa. Son culpados por haber rebelado contra los españoles y despreciados por su ralea baja.

Palabras claves: Maya; Yucatán; Nueva España; período colonial; período posclásico.

Abstract: The article analyses the principal motifs of auto-representation of the Colonial Maya aristocracy based on the so-called Pech Chronicles proceeding from the towns of Chicxulub and Yaxkukul. For the author, they centralize around the idea of genealogical nobility. It is corroborated with the arguments both indigenous (the supposed Itza heritage and the pre-Hispanic sovereignty of the lineage) and European (use of Spanish titles). Also, the importance that the Pech gave to the efforts to demonstrate their loyalty to the Crown, sometimes contrary to the historic facts, is noted. Quite the opposite is the image of the Maya commoners, who can be regarded as the narrative's antiheroes. They are accused of having rebelled against the Spaniards and despised for their low birth.

Keywords: Maya; Yucatan; New Spain; Colonial period; Postclassic period.

Советская и российская латиноамериканистика в целом уделяла мало внимания колониальному периоду региона. В особенности это касается индейского населения. В подавляющем большинстве работ, как относительно новых, так и более старых, оно представляется некой недифференцируемой и полностью пассивной массой, роль которой в процессе общественного воспроизводства сводится к роли угнетаемого большинства. На высоком уровне абстракции это представление, конечно, верно; но в кон-

¹⁰ Федюшин Владислав Валерьевич — Россия, аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (vladfeduyushin@gmail.com).

кретном приложении оно оказывается бесполезным. Ни с социальной, ни с экономической точки зрения сельское (не говоря уже о городском) индейское население нельзя считать сколь-нибудь однородной группой. Напротив, внутри него продолжали существовать и развиваться (разумеется, под огромным деформирующим воздействием колониальной системы) те же социальные силы, которые обнаружили первые конкистадоры. Естественно, отдельные авторы допускали такую постановку вопроса, однако далее признания очевидного факта «коллорабационизма» аборигенной знати они не пошли¹¹.

Перед зарубежной, прежде всего латино— и североамериканской, наукой проблема в таком виде не стоит. Развитию в XVI—XIX вв. экономических, политических, социальных институтов одних лишь майя Юкатана посвящено множество трудов, одно перечисление которых заняло бы непозволительно много места¹². Значительно меньше среди них работ, касающихся классового сознания майяской колониальной знати — важного вопроса, решение которого может позволить нам лучше понять динамику как колониального общества, так и доиспанского, на идеологии которого вырастали эти представления.

Подходящим источником для проведения такого исследования представляются близкие (почти идентичные) тексты «Хроник Печей», известные в двух почти идентичных списках — «Хронике из Чикшулуба»¹³ и «Хронике из Йашкукуля»¹⁴. Последняя — датированная 1769 г. копия более раннего документа, относимого копиистами к середине XVI в. В 1793 г. члены ка-

¹¹ См. напр.: Самаркина И. К. *Община в Перу. Очерк социально-экономического развития*. М.: Наука, 1974, 75–76; Зубрицкий Ю. В. *Инки-кечуа. Основные этапы истории народа*. М.: Наука, 1975, 115–116; Кузьмищев В. А. *У истоков общественной мысли Перу. Гарсиласо и его История инков*. М.: Наука, 1979; Созина С. А. «Испанская Америка в колониальный период (XVI–XVIII века)», Н.М. Лавров (отв. ред.), *История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века*. М.: Наука, 1991, 83–84; А.А. Истомин А. А., «О «колониальном политаризме, латиноамериканском «феодализме» и некоторых аспектах отношения к аборигенам в Русской Америке». *Этнографическое обозрение* 3. 2000, 97; В. А. Ведюшкин, Г. А. Попова (отв. ред.). *История Испании. Том I. С древнейших времен до конца XVII века*. М.: Индрик, 2012, 527.

¹² Среди наиболее важных работ необходимо упомянуть: Nancy M. Farris, *Maya Society Under Colonial Rule: The Collective Enterprise of Survival*, Princetone, Princetone University Press, 1984; Inga Clendinnen, *Ambivalent Conquests: Maya and Spaniard in Yucatan, 1517–1570*, Cambridge: Cambridge University Press, 1987; Sergio Quezada, *Pueblos y caciques yucatecos, 1550–1580*, México, El Colegio de México, 1990; Pedro Bracamonte y Sosa, *Los mayas y la tierra: La propiedad indígena en el Yucatán colonial*, México, CIESAS, 2003; Rajeshwari Dutt, *Maya Caciques in Early National Yucatán*, Norman, University of Oklahoma Press, 2017.

¹³ Или Чакшулубчена — раннеколониальное название Чикшулуба.

¹⁴ Существует множество изданий текста. Использовано следующее: “Crónica de Chan Xulub Chen”, *Crónicas Mesoamericanas, T. I*, Guatemala, Universidad Mesoamericana, 2008, 44–58. Ссылки будут даваться не на страницы издания, а на пронумерованные параграфы текста.

бильдо селения Йашкукуль с ее помощью пытались обосновать свои права в земельном споре. Попытка не удалась — власти не сочли документ имеющим какую-либо силу¹⁵. Они оказались правы: анализ содержания испанских документов говорит о том, что текст был записан не ранее 1700 г.¹⁶ Но то, что в конце XVIII в. было для испанского судьи ничтожной подделкой, сегодня для историка — ценный источник.

Несомненно, «Хроники Печей» базируются на какой-то местной традиции (письменной или устной) и, с известными оговорками, могут считаться источником информации в том числе и по реалиям XVI в. Нас, однако, интересует сейчас не зерно истины, а преломление ее в сознании составителей.

Прежде всего, привлекают внимание попытки ассоциировать Печей с ица. В одном месте автор пишет о приходе испанцев «в наши, людей ица (ah Ytza), селения (cahal) в земле Юкатан»¹⁷. В другом связь более опосредована: Накук-Печу, от лица которого ведется повествование, приписывается правление Чичен-Ицой¹⁸.

Но этот древний город, в течение всего постклассического периода бывший первостепенным ритуальным центром, ко времени конкисты (о котором ведет речь хронист Печей) находился под властью Купулей¹⁹. Составитель «хроники» либо сам сознательно старается таким образом укрепить статус своего рода, либо отражает локальную традицию. Так или иначе, этот факт лишний раз говорит о не до конца еще понятом символическом значении ица в идеологии майя позднего постклассического периода. Реальная историческая траектория этой группы — вопрос крайне дискуссионный; но в целом не ставится под сомнение, что после крушения Чичен-Ицы, произошедшего ок. 1000 г.,²⁰ ица в узком смысле (как этническая группа) были вынуждены покинуть Северный Юкатан и мигрировать в Центральный Петен, где их царство продолжало существовать до конца XVII в.; ныне проживающие в том районе майя-ицах являются прямыми потомками данной группы²¹. Однако наряду с этническим у термина ица

¹⁵ Matthew Restall. *The Maya World: Yucatec Culture and Society, 1550–1850*. Stanford, Stanford University Press, 1997, 282.

¹⁶ Ibid, 290.

¹⁷ “Crónica...”, 28.

¹⁸ Ibid, 2.

¹⁹ Mercedes de la Garza et al. (eds.), *Relaciones histórico-geográficas de la gobernación de Yucatán (Mérida, Valladolid y Tabasco)*. T. 2, México, UNAM, 1983, 125–126.

²⁰ Julie A. Hoggarth et al. “The political collapse of Chichén Itzá in climatic and cultural context”. *Global and Planetary Change* 138, 2016, 25–42.

²¹ Grant D. Jones. *The Conquest of the Last Maya Kingdom*, Stanford, Stanford University Press, 1998; Prudence M. Rice, “The Kowoj in Geopolitical-Ritual Perspective”, Prudence M. Rice and Don S. Rice

было и другое измерение. В поздний постклассический период с ними ассоциировались отдельные линиджи Северного Юкатана, контролировавшие восточную часть полуострова, прежде всего — Кокомы и Купули²². Две других династии, от которых сохранились более-менее обширные записи (Шивы и Канули), с ица себя не аффилируют, причины чего понятны. Шивы в постмайяпанский период были злейшими врагами Кокомов и, помимо того, располагали собственным легитимирующим мифом об иноземном происхождении, аналогичным мифу ица²³ (огромное значение которому отводится в знаменитых книгах Чилам-Балам²⁴). Канули же являлись потомками мексиканских наемников, приглашенными правителями Майяпана; они не принадлежали к майяпанской знати и конституировались как чибаль (патрилинейный род) *post factum*, установив власть над северо-западной частью Юкатана в результате крушения Майяпанской державы, причем не могли претендовать на статусное равенство с исконной знатью²⁵.

Естественно, миф о происхождении — прежде всего не реальная династическая история, но способ легитимации власти. Он прослеживается как по письменным источникам²⁶, так и археологически. В ходе недавних исследований в регионе Кочвах были обнаружены постклассические святилища предков на заброшенных пирамидах классического периода; это обстоятельство справедливо интерпретируется шведским археологом Йоханом Нормарком как свидетельство ритуального закрепления за собой не только «предков», но и их земли.²⁷ Возможно, этим и следует объяснять внешнюю связь Купулей и Печей с ица, господствовавшими в терминальную классику.

(eds.). *The Kowoj: Identity, Migration, and Geopolitics in Late Postclassic Petén, Guatemala*. Boulder, University Press of Colorado, 2009, 28–30, 41–45.

²² Ralph L. Roys. “Literary sources for the History of Mayapan”, H. E. D. Pollock et al. *Mayapan, Yucatan, Mexico*. Washington, Carnegie Institution of Washington, 1962, 81; Rice. *Op. cit.*, 26–30.

²³ Tsubasa Okoshi Harada. “El cúuchcabal de los Xiu: Análisis de su formación y consolidación”, *Contributions in New World Archaeology* 4. 2012, 247–248; María Flores Hernández, Manuel Eduardo Pérez Rivas, “Alianzas y estrategias de legitimación de la nobleza indígena en el norte de Yucatán durante el posclásico: Un enfoque comparativo y multidisciplinario”. *Estudios de Cultura Maya* 40. 2012, 139.

²⁴ Munro S. Edmonson (ed.). *The Ancient Future of Itza. The Book of Chilam Balam of Tizimin*. Austin, University of Texas Press, 1982; Munro S. Edmonson (ed.). *Heaven Born Merida and Its Destiny: The Book of Chilam Balam of Chumayel*. Austin, University of Texas Press, 1986.

²⁵ Tsubasa Okoshi Harada. *Los Canules: Análisis etnohistórico del Códice de Calkiní*. México, 1992, 198.

²⁶ Flores Hernández, Pérez Rivas. *Op. cit.*

²⁷ Johan Normark. “Postclassic Miniature Shrines in the Cochuah Region”. Justine M. Shaw (ed.). *The Maya of the Cochuah Region: Archaeological and Ethnographic Perspectives*. Albuquerque, University of New Mexico Press, 2015, 162–163.

«Наследство ица» — аспект групповой самоидентификации, отделяющий, безусловно, Печей и от других знатных родов Юкатана и от массы общинников, с которыми они жили бок о бок. С ним был связан (но не тождествен ему) другой аспект — представление о собственном благородстве, позволяющее провести более глубокую черту между Печами как членами высшей знати всего полуострова и незнатным индейским населением.

Применительно к представителям правящих династий составители «хроники» используют эпитет/титул уах *chibal* — «первый/главный род» (или «первый/главный в роду») ²⁸. Помимо Печей среди майя так названы Купули ²⁹. Очевидно, речь идет именно о маркере высшей знати в целом — династий, контролирующих относительно крупные региональные политии (кучкабали). Американский антрополог Патрисия Маканани выдвинула предположение, что эпитет уах *chibal* связан с идеей первоначального занятия земель ³⁰. Эта идея требует двух критических комментариев. Во-первых, данное выражение встречается лишь в «хрониках Печей». Другие памятники довольно обширной майяской литературы его не упоминают. Во-вторых, в языке составителей «хроник» прилагательное уах означает, как представляется, не столько «первый», сколько «главный». Так, руководитель конкисты Ф. де Монтехо назван уах *ul* («главный чужеземец») ³¹. Об основании города Мерида (административного центра колониального Юкатана) сказано: “*he ahob уахchibalob*” («они [испанцы] основали уахchibal») ³². В данном случае речь, конечно, не идет ни о каком первоначальном занятии.

Простонародье обозначается в «хрониках», прежде всего, заимствованным из науа словом масеваль (*maseual*, от науат. *masehual*) ³³. В оригинале оно относится к полноправному общиннику ³⁴; в тексте оно приобретает оттенок подчинения и зависимости. В одном случае *maseual* обозначает, по-видимому, подчиненных должностных лиц: описывая визит главы кучкабаля Печей Ах-Макан-Печа в подчиненное селение Маштуниль, автор в качестве цели поездки пишет, используя possessивную конструкцию, о желании правителя «увидеть лица его масевалей» (*ylal u uichob u maseual uinicob*); здесь же говорится, что перед ним совершает ритуал («поет») пра-

²⁸ “Crónica...”, 11, 14, 15, 18.

²⁹ Ibid, 15.

³⁰ Patricia A. McAnany. *Living with the Ancestors: Kinship and Kingship in Ancient Maya Society*. Austin, University of Texas Press, 1995, 96–97.

³¹ “Crónica...”, 5.

³² Ibid, 18.

³³ Ibid, 15, 19, 21, 35.

³⁴ Michael E. Smith. *The Aztecs*. 3rd ed., Wiley-Blackwell, 134.

витель Маштуниля Накук-Печ³⁵. В другой раз речь идет об экспедиции испанцев, отправленной на поиски рабов во владения Челей. Здесь масевали, по сути, приравниваются к лично зависимым работникам (*palilob*)³⁶.

Другой частый оборот, порой считающийся социальным маркером³⁷, — *maua uinicob* (юк. «люди майя»)³⁸. Еще в конце XVI в. определение «майя» сохраняло отпечаток политической принадлежности, было, по сути, анахроничным политонимом, распространявшимся лишь на ту часть юкатеков, которая обитала на землях, прежде входивших в состав Майяпанской державы³⁹. Для авторов «хроник» майя — понятие уже, в значительной степени, этническое и культурное, не связанное с Майяпаном. Так, майяскими называют туземный календарь⁴⁰ и некрещеное имя правителя-Печа⁴¹. В тех же случаях, когда упоминаются «люди майя», очевидно, имеется в виду именно простонародье. Чувствуется определенное отторжение от него со стороны Печей. На «людей майя» составители «хроник» сваливают нежелание платить дань испанцам и поклоняться христианскому божеству⁴². Если первое обвинение выглядит правдоподобно, то второе сомнительно: ритуальная деятельность в доиспанский период была привилегией знати и жречества, и именно эти группы более всего сопротивлялись искоренению местных культов⁴³. Составители текста прибегают к фактическим искажениям для ослабления «ответственности» Печей за эти прегрешения перед церковью и короной. Наконец, Накук-Печ якобы вручает себя во власть бога и короля с тем, чтобы его потомки не попали под злые чары, не были забиты камнями и не стали жертвами людей майя⁴⁴. Эти страхи, конечно, многое сообщают о реальных социальных отношениях XVIII в.: туземная знать, оставившая далеко позади потрясения конкисты, хорошо встроилась в колониальную систему и понимала, что испанская власть оберегала в том числе и ее интересы.

³⁵ “Crónica...”, 15.

³⁶ Ibid, 19.

³⁷ Matthew Restall. “Maya Ethnogenesis”. *The Journal of Latin American Anthropology* 9:1, 2004, 66 table 1.

³⁸ “Crónica...”, 12, 15, 19, 28, 30, 37, 38, 39.

³⁹ De la Garza et al. (eds.). Op. cit. T. 2, 37.

⁴⁰ “Crónica...”, 18.

⁴¹ Ibid, 39.

⁴² Ibid, 12, 37.

⁴³ John F. Chuhiak. “Pre-Conquest Ah Kinob in a Colonial World: The Extirpation of Idolatry and the Survival of the Maya Priesthood in Colonial Yucatán, 1563–1697”. Ueli Hostettler and Matthew Restall (eds.). *Maya Survivalism*. Markt Schwaben, Verlag Anton Saurwein, 135–161.

⁴⁴ “Crónica...”, 38.

Мотивы «колдовства» и перенесения ответственности встречаются и в другом контексте — при описании восстания 1546 г., охватившего всю восточную часть полуострова и едва не покончившего с только что установившейся испанской властью в Юкатане. Событие это «Хроника Печей» игнорировать не могла: по-видимому, оно имело большое значение для испанцев. По крайней мере, в конце XVI в. в историко-географических сообщениях для короля о нем пишут в подробностях⁴⁵. Еще и в XVIII в. оно было, видимо, значительной частью креольского нарратива: так, юкатекский текст называет это событие испанским выражением *altose la tierra*. Печи в восстании участвовали и отрицать этот неприглядный для колониальных чиновников факт не могли. Но «вина» за него переносится на «колдунов» (*ahetzobob*); 1546 г. описывается как «год, в который произошло колдовство» (*lai hab sa uchi ahetzil lae*). Действующими лицами (главами) восстания названы некие Кануль, Камаль и Пакам; первые два, если верить тексту, были иностранцами, пришедшими с запада⁴⁶. Но именно западные провинции Юкатана сохранили верность испанцам; отряды Канулей (наряду с Шивами) участвовали в карательной экспедиции, разгромившей мятежников⁴⁷.

Текст богат титулатурой испанского происхождения. Наиболее распространенный титул — *don*; он неоднократно применяется к правителям-Печам колониального периода⁴⁸. В двух местах составитель отмечает, что Накук-Печ и его потомки являются идалго (*hidalgo*)⁴⁹. Первый эпитет, вероятно, является субститутом высших доиспанских титулов⁵⁰. Вторым был вручен Печам колониальной администрацией и обладал не одним лишь символическим значением: индейцы-идальго освобождались от податей и могли претендовать на ряд других привилегий, что сближало их с испанским дворянством⁵¹.

Эпитет «конкистадор» (*conquistador*) хронисты-Печи применяют не только к собственно испанским завоевателям. Наряду с ними⁵² конкистадором назван Накук-Печ — сперва под своим языческим, затем — под христианским (дон Пабло Печ) именем. Титулатура, приведенная здесь, напоминает рассмотренную выше майяскую, и связана с конкретным топонимом: «первый/главный идалго, конкистадор этой земли селения Маштуниль»

⁴⁵ De la Garza et al. (eds.). Op. cit. T. 2, 36 et pass.

⁴⁶ “Crónica...”, 22.

⁴⁷ De la Garza et al. (eds.). Op. cit. T. 1, 66–67.

⁴⁸ “Crónica...”, 9, 10, 13, 15, 28, 30, 35, 37, 39.

⁴⁹ Ibid, 2.

⁵⁰ Restall. *The Maya World...* P. 46.

⁵¹ Ibid, 89; “Crónica...”, 9, 14.

⁵² Ibid, 7, 8, 14.

(“ун Nakuk Pech уах hidalgos concixtadoren uai ti lum lae tu cacabil Maxtunil”)⁵³. Помимо него также представлен отец Накук-Печа — Ах-Ком-Печ (Мартин Печ). В его случае эпитет *concixtador* также связан с названием подконтрольного селения (“Don Martin Pech, conquixtador, Xulkum Cheel”)⁵⁴. Вполне вероятно, что составители «Хроник Печей» понимали слово *concixtador* не в буквальном смысле («завоеватель»), но, подобно эпитету *don*, как титул, аналогичный определенному доиспанскому.

Таким образом, саморепрезентация династии Печей строилась на основе смешения доиспанских и европейских представлений. Ее пронизывала идея знатности, присущая обеим культурам. Другой доминантой (по крайней мере внешне) была идея лояльности королевской власти и существующему порядку в целом. Важно отметить настороженное, опасливое отношение к подвластному населению — ясное свидетельство того, что Печи, осознавая свою социальную роль, ассоциировали себя скорее с колонизаторами, чем с индейцами.

Библиография

1. История Испании. Том 1 // С древнейших времен до конца XVII века / В. А. Ведюшкин., Г. А. Попова (отв. ред.). М.: Индрик, 2012.
2. *Зубрицкий Ю. В.* Инки-кечуа. Основные этапы истории народа. М.: Наука, 1975.
3. *Истомин А. А.* О «колониальном политаризме, латиноамериканском «феодализме» и некоторых аспектах отношения к аборигенам в Русской Америке. Этнографическое обозрение. № 3, 2000.
4. *Кузьмищев В. А.* У истоков общественной мысли Перу. Гарсиласо и его История инков. М.: Наука, 1979.
5. *Самаркина И. К.* Община в Перу. Очерк социально-экономического развития. М.: Наука, 1974.
6. *Созина С. А.* Испанская Америка в колониальный период (XVI–XVIII века). Н. М. Лавров (отв. ред.). История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века. М.: Наука, 1991, 76–106.
7. *Bracamonte y Sosa P.* Los mayas y la tierra: La propiedad indígena en el Yucatán colonial, México, CIESAS, 2003.
8. *Chuhiak J. F.* Pre-Conquest Ah Kinob in a Colonial World: The Extirpation of Idolatry and the Survival of the Maya Priesthood in Colonial Yucatán, 1563–1697. U. Hostettler and M. Restall (eds.). *Maya Survivalism*, Markt Schwaben, Verlag Anton Saurwein, 135–161.
9. *Clendinnen I.* Ambivalent Conquests: Maya and Spaniard in Yucatan, 1517–1570. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

⁵³ Ibid, 2, 28.

⁵⁴ Ibid, 13, 28.

10. Crónica de Chan Xulub Chen. *Crónicas Mesoamericanas*. T. I, Guatemala, Universidad Mesoamericana, 2008, 44–58.
11. De la Garza M. Et al. (eds.). *Relaciones histórico-geográficas de la gobernación de Yucatán (Mérida, Valladolid y Tabasco)*. T. 1–2, México, UNAM, 1983.
12. *Dutt R.* Maya Caciques in Early National Yucatán. Norman, University of Oklahoma Press, 2017.
13. *Edmonson M. S.* (ed.). *Heaven Born Merida and Its Destiny: The Book of Chilam Balam of Chumayel*. Austin, University of Texas Press, 1986.
14. *Edmonson M. S.* (ed.). *The Ancient Future of Itza. The Book of Chilam Balam of Tizimin*. Austin, University of Texas Press, 1982.
15. *Farris N. M.* *Maya Society Under Colonial Rule: The Collective Enterprise of Survival*. Princeton, Princeton University Press, 1984.
16. *Flores Hernández M., Pérez Rivas M. E.* Alianzas y estrategias de legitimación de la nobleza indígena en el norte de Yucatán durante el posclásico: Un enfoque comparativo y multidisciplinario. *Estudios de Cultura Maya*. 40, 2012, 123–166.
17. *Hoggarth J. A. et al.* The political collapse of Chichén Itzá in climatic and cultural context. *Global and Planetary Change*. 138, 2016, 25–42.
18. *Jones G. D.* *The Conquest of the Last Maya Kingdom*. Stanford, Stanford University Press, 1998.
19. *McAnany P. A.* *Living with the Ancestors: Kinship and Kingship in Ancient Maya Society*. Austin, University of Texas Press, 1995.
20. *Normark J.* Postclassic Miniature Shrines in the Cochuah Region. J. M. Shaw (ed.). *The Maya of the Cochuah Region: Archaeological and Ethnographic Perspectives*. Albuquerque, University of New Mexico Press, 2015, 157–170.
21. *Okoshi Harada T.* El cúuchcabal de los Xiu: Análisis de su formación y consolidación. *Contributions in New World Archaeology*. 4, 2012, 231–250.
22. *Okoshi Harada T.* *Los Canules: Análisis etnohistórico del Códice de Calkiní*. México, 1992.
23. *Quezada S.* *Pueblos y caciques yucatecos, 1550–1580*. México, El Colegio de México, 1990.
24. *Restall M.* *Maya Conquistador*. Boston, Beacon Press, 1998.
25. *Restall M.* Maya Ethnogenesis. *The Journal of Latin American Anthropology* 9:1, 2004, 64–89.
26. *Restall M.* *The Maya World: Yucatec Culture and Society, 1550–1850*. Stanford, Stanford University Press, 1997.
27. *Rice P. M.* The Kowoj in Geopolitical-Ritual Perspective, M. Rice and D. S. Rice (eds.). *The Kowoj: Identity, Migration, and Geopolitics in Late Postclassic Petén, Guatemala*. Boulder, University Press of Colorado, 2009, 21–54.
28. *Roys R. L.* *Literary sources for the History of Mayapan*. H. E. D. Pollock et al. *Mayapan, Yucatan, Mexico*. Washington, Carnegie Institution of Washington, 1962, 25–86.
29. *Smith M. E.* *The Aztecs*. 3rd ed., Wiley-Blackwell, 134.

Имперсонация в царских ритуальных практиках у древних майя

La personificación en las prácticas rituales de los reyes de los mayas antiguos

Resumen: El propósito de este artículo es analizar el rol de la personificación de seres sobrenaturales en las prácticas rituales de la élite maya durante el periodo clásico. Las personificaciones aparecen en los textos e imágenes procedentes de muchos sitios mayas. Las inscripciones jeroglíficas, en las cuales este ritual específico se expresa normalmente a través de un término especial que es b'aahil ʔaʔn (literalmente, “encarnación”), dan muestra de que la personificación podía ser combinada con otros rituales de casi todo tipo. A pesar de la importancia de un ser sobrenatural personificado, la persona del ser humano que personifica nunca desaparece de tales inscripciones. De acuerdo al autor, la personificación era una de las formas de materializar la idea del poder sagrado de los reyes mayas.

Palabras claves: Mesoamérica precolombina; mayas antiguos; prácticas rituales; personificación; epigrafía maya.

Abstract: The purpose of this research is to analyse the role of impersonation in the ritual practices of the Maya elite during the Classic period. Impersonations appear in texts and images proceeding from many Maya sites. The hieroglyphic inscriptions, in which this specific ritual is normally expressed by a special term b'aahil ʔaʔn (literally, “embodiment”), demonstrate that impersonation could be combined with almost any kind of ritual. Despite the importance of an impersonated supernatural being, the figure of the human being who impersonates never disappears from such inscriptions. According to the author, impersonation was one of the ways to materialize the idea of the sacred power of Maya lords.

Keywords: Pre-Columbian Mesoamerica; Ancient Maya; ritual practices; impersonation; maya epigraphy.

В древней Мезоамерике получили развитие особые идеологические концепции, религиозно-мифологические представления и ритуальные практики. Одной из таких особенностей является ритуальное имперсонаторство. Хотя некоторые примеры подобных явлений ритуальной жиз-

¹ Белобородов Никита Константинович — Россия, магистрант исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (b.nicetas@gmail.com).

ни известны и в Старом Свете², его распространение в мезоамериканском регионе было более широким и разнообразным. Из доколумбовых культур относительно много известно об имперсонации у астеков, которая связана с понятием *ixiptla*³. В целом имперсонацию можно определить как ритуальный акт такого взаимодействия со сверхъестественным существом, при котором человек в определенном смысле сам становится этим существом, но при этом не теряет собственной личности. Имперсонаторство в мезоамериканских культурах не следует путать с концепциями одержимости или шаманской болезни, поскольку, в отличие от них, имперсонация сверхъестественных существ, предков или других людей в этих культурах происходит по воле человека и основывается на четкой системе ритуальных действий и атрибутов, в частности, одеяния.

В классический период имперсонация занимает определенное традицией и достаточно важное место в ритуальных практиках майяской знати. Основная отличительная особенность имперсонации в том, что она редко встречается как отдельный самостоятельный ритуал и в подавляющем большинстве случаев является сопутствующим элементом основного ритуала — воскурения благовоний, игры в мяч, освящения здания и т. д.

Применительно к царям и царицам майя имперсонация в текстах в основном упоминается в контексте описания (фиксации) ритуала и значительно реже в рамках царского титула, указывающего, возможно, на проведенный в прошлом ритуал. Как правило, употребляется каноническая формула «*ʔubʼaahil ʔaʔn* + имя сверхъестественного существа + имя царя», где «*ʔubʼaahil ʔaʔn* + имя сверхъестественного существа» — посессивная конструкция, примерно переводящаяся как «воплощение (телесный облик) такого-то сверхъестественного существа»⁴, за которой следует, собственно, имя исполнителя ритуала, имперсонатора. Эта формула обычно стоит на первом месте в группе подлежащего, следом за ней записываются титулы правителя. Впрочем, такой порядок может меняться, особенно тогда, когда конструкция «*ʔubʼaahil ʔaʔn* + имя сверхъестественного существа» сама

² См. напр. об обряде «священного брака» в Древней Месопотамии: Немировский А. А. «Только человек, но не просто человек: сакрализация царя в древней Месопотамии». *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. М.: изд-во Института Африки РАН, 2005, 97, 124.

³ Arild Hvidtfeldt. *Teotl and Ixiptlatli: Some Central Conceptions in Ancient Mexican Religion*. Copenhagen, Munksgaard, 1958; Richard Fraser Townsend, “State and cosmos in the art of Tenochtitlan”. *Studies in Pre-Columbian Art and Archaeology* 20. Washington, 1979, 23–36.

⁴ Подробнее о структуре выражения, а также о термине *bʼaail ʔaʔn* и его колониальных когнатах см.: Erik Velasquez García. “Naturaleza y papel de las personificaciones en los rituales mayas, según las fuentes epigráficas, etnohistóricas y lexicográficas”. *El ritual en el mundo maya: de lo privado a lo público*. Andrés Ciudad Ruiz, María Josefa Iglesias Ponce de León, Miguel Sorroche Cuerva (ed.). Madrid, 2010, 203–233.

по себе является царским титулом (стоит в позиции титула, после имени его обладателя) и тогда может записываться не только после имени, но и в цепочке прочих титулов, как на иероглифической лестнице из Дос-Пилас (DPL, HS4, V).

В контексте имперсонации часто речь идет о календарных ритуалах, т. е. совершаемых в честь смены календарных периодов. Прежде всего это связано с тем, что они были основным видом ритуалов, проводимых майяскими царями, ядром ритуальной жизни царского двора: важные календарные события, такие как смена крупных календарных периодов и циклов, являются стержнем большинства известных царских надписей. В качестве календарных ритуалов, связанных с царской имперсонацией, упоминаются церемонии воздвижения и освящения монументов (*chumtuun*, *tz'aptuun*, *k'altuun*), а также воскурения благовоний (*chokch'aj*). Достаточно понятная и логичная ситуация, поскольку именно эти ритуалы, судя по царским надписям, чаще всего совершались в честь календарных событий. Наиболее широкую географию имеет совмещение имперсонации с ритуалом воскурения благовоний — такие примеры встречаются в Копане (CPN, St. B), Наранхо (NAR, St. 30), Помоне (PMT, Pan. 1), Сакуле (SCU, St. 1) и, возможно, Тикале (TIK, Tmp. 4, Lnt. 3). «Воздвижение камня» совмещается с имперсонацией в Копане (CPN, St. B), «повязание камня» — в Помоне (PMT, Pan. 1) и Тикале (TIK, St. 7, St. 8, St. 15, St. 27), «восседание камня» — в Помоне (PMT, Pan. 1). Важно отметить, что иногда с имперсонацией совмещались сразу несколько ритуалов, как, например, в Помоне (PMT: Pan. 1), где имперсонатор божества упоминается как исполнитель (участник) «восседания камня» (воздвижения монумента), «повязания камня» (освящения монумента) и «рассыпания капель» (воскурения благовоний) в честь середины 20-летия. Если имперсонация сопровождает подобный ритуал, это подчеркивается в тексте монумента, поскольку она поднимала на новый уровень и без того священную фигуру правителя, представляла собой своего рода одобрение, «курирование» ритуала высшими силами, которые таким образом тоже принимали в нем участие⁵.

На важность имперсонации для ритуальной жизни майяских царей указывают примеры ее вынесения на фронтальную часть монумента, в изображение и сопровождающую подпись, в то время как другой, более «привычный» календарный ритуал остается записан лишь в основном тексте. На фронте стелы 30 из Наранхо К'ак'-Тилив-Чан-Чак запечатлен как имперсонатор «ягуарьего бога подземного мира». Дата, записанная рядом с изображением и связанная с имперсонацией, — день 7-Ахав, 18-е число

⁵ Stephen Houston, David Stuart. “Of gods, glyphs, and kings: divinity and rulership among the Classic Maya”, *Antiquity* 70, 1996, 300.

месяца 'Унив. В тексте на обратной стороне стелы записана полная форма даты, по «долгому счету» — 9.14.3.0.0⁶; там же мы узнаем, что в тот день был проведен ритуал «рассыпания капель», но царь не изображен в момент совершения этого ритуала, как часто бывает, а запечатлен в качестве имперсонатора божества, к тому же имеющего явные военные коннотации, что отсылает к контексту стелы (как известно, она являлась частью монументальной программы К'ак'-Тилив-Чан-Чака, совершавшего многочисленные завоевательные походы и в период своего царствования значительно расширившего зону влияния Са'альского государства⁷). В Тикале мы также находим показательный пример. Стелы 7, 15 и 27 содержат одну и ту же дату — 9.3.0.0.0 по «долгому счету». На стеле 27 есть запись о ритуале «повязания камня», проведенном царем Чак-Ток-'Ич'аком (ТМК, St. 27), а на стелах 7 и 15 в контексте конца двадцатилетия Чак-Ток-'Ич'ак обозначен как имперсонатор божества — одного на обоих монументах (ТМК, St. 7, St. 15). Из-за повреждений на камне трудно сказать наверняка, но не исключено, что на всех трех стелах царь изображен с использованием иконографических элементов этого существа. Таким образом, из трех стел на одной говорится о воздвижении монумента в дату смены двадцатилетия, а имперсонация отдельно подчеркнута на двух других.

Помимо календарных ритуалов, связанных с воздвижением и освящением монументов, а также воскурения благовоний, имперсонация упоминается и в контексте игры в мяч. В качестве примера можно привести 7-ю ступень иероглифической лестницы 2 из Йашчилана (YAX, HS2, VII), на которой царь Йашун-Балам предстает имперсонатором Йаш-Чит-Хун-Виц'-Нах-Кана, есть также пример с иероглифической лестницы из другого города — Эль-Перу — где на каменных осколках ступеней можно прочесть фразу⁸, близкую к пассажу из Йашчилана⁹, только в случае Эль-Перу имперсонировано иное существо, имя которого, по предположению М. Зендера, читается как *Huk Ajaw* или *Hukte? Ajaw*¹⁰, что может являться когнатом Вукуб-Хунахпу из эпоса к'иче Пополь-Вух¹¹. Это сверхъестественное существо встречается в других надписях — в основном на сосудах — также

⁶ Конец трехлетия также мог являться важной датой в некоторых царствах, хотя такие случаи относительно редки.

⁷ Simon Martin, Nikolai Grube. *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. London, Thames & Hudson, 2008, 76.

⁸ *Jaatz'naj <...> Nal pitziil z'ub'aahil [za:n] Hukte? ?Ajaw*.

⁹ *Jaatz'naj huux zahaal ... ye[h]b'aal(?) z'ub'aahil za:n Yax Chiit Ju:n Witz' Naah Kaan*.

¹⁰ **НУК-ТЕ?-?АЖАВ**, где **ТЕ?** и **?АЖАВ** объединены лигатурой.

¹¹ Mark Zender. "Glyphs for "Handspan" and "Strike" in Classic Maya Ballgame Texts". *PARI Journal* 4:4, 2004, 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mesoweb.com/pari/journal/archive/PARI0404.pdf>.

в контексте имперсонации и игры в мяч, и, как ранее было отмечено А. Токвининым, является одним из божеств — покровителей игры¹².

В этой связи нельзя не упомянуть о найденной в 2014 году стеле 47 из Наранхо¹³. Судя по элементам иконографии Хун-’Ахава¹⁴, одного из божественных близнецов, в образе царя, он, вероятно, имперсонировал этого мифологического героя, причем следует обратить внимание на изображения костей и вырванных глаз в костюме, а также знак ‘АК’АВ’ («тьма, ночь») на пекторали правителя, которые, скорее всего, являются маркерами связи с подземным миром (миром мертвых). В тексте есть запись *johyaj ti pitz* «он был повязан (он оделся¹⁵) для игры в мяч». Не исключено, что протагонист стелы имперсонировал Хун-’Ахава во время ритуала, воспроизводившего игру божественных близнецов в подземном мире. В действительности имперсонация являлась одним из основных элементов игры в мяч у майя, своего рода ее стержнем, поскольку изображения и надписи, связанные с этой древней ритуальной традицией, часто содержат в себе сведения об имперсонации тех или иных сверхъестественных покровителей игры в мяч¹⁶. На одной из ранних стел Копана (CPN, St. 63, C-G), судя по всему, тоже упоминается имперсонация Хун-’Ахава (его знак — в блоке D). Его имперсонировал второй правитель Копана, сын основателя царской династии К’инич-Йаш-К’ук’-Мо¹⁷. Основным мотивом монумента является дата завершения четырехсотлетия (9.0.0.0), однако значительная часть текста сбита или малопонятна, ввиду чего сложно определить, в каком именно контексте упоминается имперсонация, однако ее связь с календарным событием очевидна. На сосуде K635 упоминается цепочка титулов *zitzat pitzil zub’aahil zaan huk ...* «ицат, игрок в мяч, имперсонатор Хук-...». Нет сомнений, что имперсонированная сущность — тот же божественный покровитель игры в мяч, чье имя начинается с «семерки» (*huk*). Следующий далее текст явля-

¹² Alexandre Tokovinine. “Divine Patrons of the Maya Ballgame”. 2002 [Электронный ресурс]. URL: www.mesoweb.com/features/tokovinine/Ballgame.pdf.

¹³ Simon Martin, Vilma Fialko, Alexandre Tokovinine, Fredy Ramírez. “Contexto y texto de la estela 47 de Naranjo-Sa’aal, Petén, Guatemala”. *XXIX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala 2015, tomo II*. Bárbara Arroyo, Luis Méndez Salinas, Gloria Ajú Álvarez (ed.), Ministerio de Cultura y Deportes, Instituto de Antropología e Historia, Asociación Tikal, Guatemala, 615–628.

¹⁴ Ibid, 616, 626. Ср. по: Michael Coe, Hero Twins: Myth and Image. *The Maya Vase Book: A Corpus of Rollout Photographs of Maya Vases 1*. Justin Kerr (ed.), New York, Kerr Associates, 1989, 161–184; Andrea Stone, Mark Zender. *Reading Maya Art: A Hieroglyphic Guide to Ancient Maya Painting and Sculpture*. London, Thames & Hudson, 2011, 44–45.

¹⁵ Simon Martin, Vilma Fialko, Alexandre Tokovinine, Fredy Ramírez. *Op. cit.*, 617.

¹⁶ Alexandre Tokovinine. “The Royal Ball Game of the Ancient Maya” [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mayavase.com/alex/alexballgame.html>.

¹⁷ Simon Martin, Nikolai Grube. *Op. cit.*, 194.

ется, вероятно, уточнением размеров мячей, использовавшихся во время игры (lajuzn nab' «десятипястный», b'olozn nab' «девятипястный»...¹⁸). Имперсонация нередко упоминается во владельческих надписях на сосудах, как, например, на K1383, где в качестве владельца упомянут имперсонатор покровителя игры в мяч с аналогичным указанием размера мяча (ti lajchaz nab' «с двенадцатипястным [мячом]»), ясно указывающим на то, что имперсонация происходила во время игры. Наконец, на сосуде K3296 записан следующий текст: b'uluk "ʔImux" hozlajuzn Muwaahn <...> zahk'taaj ti pitzil xuz Yax Pasaj Chan Yopaat Xukuup(?) zajaw nohol yok'in b'akab' ch'ajozm zub'aah[il] [ʔaz]n huk ...w ti pitzil — «в день 11-“Имуш”, 15-го [числа месяца] Муван <...> станцевал с “хуз” для игры в мяч Йаш-Пасах-Чан-Йопат, царь [Копана], имперсонатор Хук-...ва в игре в мяч». Сопровождена эта надпись, вероятно, изображением Йаш-Пасах-Чан-Йопата в церемониальных одеждах и с этим самым атрибутом, который назван термином pitzil xuz. Завершается текст фразой, непосредственно подчеркивающей, что царь имперсонировал покровителя игры в мяч в момент самой церемонии.

Достаточно интересен случай из текста на алтаре U в Копане, описанный Н. Грюбе¹⁹. Там имеется фраза: zub'aah[il] zazn huux pik ʔAkan ti zuk' chih, «имперсонатор Хуш-Пик-ʔАкана во время питья пульке». Хуш-Пик-ʔАкан — это явно какой-то аспект ʔАкана, который, помимо прочих своих ролей, являлся божеством пульке²⁰. Этот пример подтверждает, что питье пульке для майяской знати — это не только утилитарное употребление напитка. Оно (вероятно, благодаря опьяняющему воздействию алкоголя) было также частью особых церемоний, в ходе которых люди могли имперсонировать ʔАкана, который был, таким образом, и покровителем этих церемоний, поскольку связывался с питьем пульке. Напрашиваются параллели с игрой в мяч, во время которой майя также имперсонировали сверхъестественных существ, мифологически связанных с самим ритуалом.

Имперсонация обнаруживается и в контексте «вхождения огня» (скорее всего, освящение здания²¹). На 4-й ступени иероглифической лестницы 3 в Йашчилане в определенную дату Коках-Балам III — имперсонатор бога маиса — указан как владелец здания, в которое «входит огонь» (YAX, HS3, IV, B1-B4): ʔoch[i] k'ahk' ti yotoot zub'aahil zazn Lem ... ʔAhan ... Yok'in chan

¹⁸ См. подробнее: Mark Zender. Op. cit.

¹⁹ Nikolai Grube. “Akan — The God of Drinking, Disease and Death”. Daniel Graña-Behrens, Christian Prager, Frauke Sasche, Stefanie Teufel, Elisabeth Wagner (ed.). *Continuity and Change: Maya Religious Practices in Temporal Perspective (Acta Mesoamericana 14)*. München, 2004, 62–63.

²⁰ Ibid, 63.

²¹ David Stuart. “The Fire Enters His House: Architecture and Ritual in Classic Maya Texts”. Stephen Houston (ed.). *Function and Meaning in Classic Maya Architecture*. Washington D. C., Dumbarton Oaks, 1998, 373–425.

winaakhaab' z'ajaw chan winaakhaab' u'ajawte? z'ucha?n ?Ajnik Kokaaj B'ahlam «вошел огонь в дом (здание) имперсонатора Лем-...-'Ахан-..., йок'ина, царя на 4-м двадцатилетии, йахавте' на 4-м двадцатилетии, хозяина 'Ах-Ника Коках-Балама». Конечно, не вполне ясно, говорится ли здесь о том, что Коках-Балам имперсонировал божество в момент ритуала, проводимого со зданием, или же «имперсонатор» здесь — один из своего рода титулов, но порядок определений Коках-Балама, выдвижение конструкции «z'ub'aahil za?n + имя сверхъестественного существа + имя царя» на первое место в группе подлежащего и употребление ее непосредственно в контексте ритуала может указывать на то, что царь имперсонировал божество, когда «огонь входил в его дом».

Поразмыслим о ритуальном содержании имперсонации и месте имперсонатора в его отношениях со сверхъестественным. Имя божества в пассажах об имперсонации (или ритуалах, сопровождаемых имперсонацией) стилистически выдвигалось на первый план. Однако, исходя из имеющихся данных, вряд ли можно говорить о некоем «замещении сущностей» или «свободе воли» божества, «вселявшегося» в тело царя. Действительно, как справедливо отмечают некоторые исследователи, имперсонационные ритуалы и церемонии являлись в представлении майя не театрализованной постановкой, а, скорее, «реальной, физической репрезентацией божества»²². Но это вовсе не означает, что представитель знати, имперсонировавший некое сверхъестественное существо, мыслился лишь «оболочкой» для него, «сосудом», опустошавшим собственную сущность, чтобы вместить сущность высшего порядка. Если в тексте речь идет о конкретном ритуале, сопряженном с имперсонацией, то царь остается его участником и исполнителем, что следует из сохранения его имени в группе подлежащего в случаях письменного упоминания имперсонации. При фиксации ритуала в монументальных текстах упор делается не на участие божества в каких-либо актах, совершаемых имперсонатором, а на причастность, приближенность царя к божественным сущностям.

Вероятно, можно говорить о некоем совместном сосуществовании человеческого и нечеловеческого, об их совмещении в момент имперсонации при сохранении остающейся важной персоны царя (царицы) и даже его (ее) подчеркивания как того (той), кто имперсонировал божество, т. е., по всей видимости, человека в высшей степени достойного и обладающего значительным количеством к'ух (всепроникающей священной силы).

Более того, пример с изображением коронации К'инич-'Акуль-Мо'-Наба III в Паленке (южная панель из храма 19), которая сопровождается имперсонацией, указывает на невозможность «испарить» персоны знатных

²² Houston, Stuart. Op. cit, 299.

имперсонаторов (восходящего на трон царя и его кузена, передающего ему корону), поглотить их «воплотившейся в них» сущностью великих божеств из начала времен, ибо в таком случае терялся бы сам смысл подобного изображения и соответствующих надписей, суть которых в демонстрации своего рода «генетической связи» между властью древних божеств (первого мифологического царя Матавиля — Хун-Йеналя, первого из так называемых божеств паленкской триады) и властью реальных Бакальских царей, а именно конкретного К'инич-'Акуль-Мо'-Наба, т. е. во многом в подчеркивании сакральности и легитимности последнего (который и изображен имперсонатором Хун-Йеналя, получающего корону от Йаш-Нах-'Ицам-Кокаха, воплощением которого предстает кузен царя).

Хаустон, Стюарт и Таубе тоже предполагают концепцию слияния двух сущностей во время имперсонации²³. Говоря об ономастических традициях царских династий, увязывавших царей настоящего с царями прошлого и показывающих, что те фактически делили свою идентичность с предками, они остроумно замечают: не похоже, чтобы для майя существовали какие-то неудобства при мысли о том, что человек может быть несколькими личностями одновременно²⁴.

Так или иначе, вопросы, связанные с глубинным содержанием ритуальной имперсонации, ее культовым смыслом являются крайне сложными, поскольку понять ритуалы на уровне их значения и места в сознании человека древней культуры никогда не удастся в полной мере. В случае древних майя ситуация отдаленности по времени усугубляется крайне ограниченной источниковой базой. Дабы не скатываться к псевдонаучным инсинуациям и ошибочным выводам, оставим описанные выше проблемы на уровне вопросов и предположений (пусть и имеющих некоторую аргументацию), к которым приводит изучение эпиграфического материала, однако ни в коем случае не будем претендовать на обязательную верность этих предположений.

Тем не менее подведем некоторые итоги. Имперсонация играла важную роль в царских ритуальных практиках. Она могла являться элементом самых разных ритуалов — от установки стел и воскурения благовоний в честь смены календарных циклов до игры в мяч и питья пульке. Крайне редко имперсонация божества упоминается как самостоятельный ритуал, однако отдельное подчеркивание ее в надписях на монументах в случае совмещения с другими ритуалами указывает на особое значение, которое она имела для ритуальной жизни майяской знати в классический период. По-

²³ Stephen Houston, David Stuart, Karl Taube. *The Memory of Bones: Body, Being, and Experience among the Classic Maya*. Austin, University of Texas Press, 2006, 270, 274.

²⁴ Ibid, 272.

мимо непосредственно религиозно-культового содержания и ритуальной функции имперсонация являлась важным элементом царской идеологии и вообще идеологии знати, в частности, концепции сакральной власти правителя. Широкое распространение имперсонации в ритуальных практиках царей классического периода может как в очередной раз показывать, что правитель как таковой не обожествлялся, так и демонстрировать наличие конкретных механизмов сакрализации власти, отличных от прямого обожествления. Фиксация имперсонации сверхъестественных существ в монументальных текстах обладала также функциями, связанными с легитимацией власти, и становилась в некотором смысле «ритуально-мифологической» опорой для царей, нуждавшихся в дополнительном обосновании собственного положения на троне, однако этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Библиография

1. *Grube Nikolai*, Akan — The God of Drinking, Disease and Death. Daniel Graña Behrens, Christian Prager, Frauke Sasche, Stefanie Teufel, Elisabeth Wagner (ed.). Continuity and Change: Maya Religious Practices in Temporal Perspective (Acta Mesoamericana 14). München, 2004, 59–76.
2. *Houston Stephen, David Stuart*, Of gods, glyphs, and kings: divinity and rulership among the Classic Maya. *Antiquity* 70, 1996, 289–312.
3. *Houston Stephen, David Stuart, Karl Taube*, The Memory of Bones: Body, Being, and Experience among the Classic Maya. Austin, University of Texas Press, 2006.
4. *Hvidtfeldt Arild*, Teotl and Ixiptlatli: Some Central Conceptions in Ancient Mexican Religion. Copenhagen, Munksgaard, 1958.
5. *Martin Simon, Nikolai Grube*, Chronicle of the Maya Kings and Queens: Desiphering the Dynasties of the Ancient Maya, London, Thames & Hudson, 2008.
6. *Martin Simon, Vilma Fialko, Alexandre Tokovinine, Fredy Ramírez*, Contexto y texto de la estela 47 de Naranjo-Sa'aal, Petén, Guatemala. XXIX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala 2015, tomo II. Bárbara Arroyo, Luis Méndez Salinas, Gloria Ajú Álvarez (ed.). Guatemala, Ministerio de Cultura y Deportes, Instituto de Antropología e Historia, Asociación Tikal, 615–628.
7. *Stone Andrea, Mark Zender*, Reading Maya Art: A Hieroglyphic Guide to Ancient Maya Painting and Sculpture. London, Thames & Hudson, 2011.
8. *Stuart David*, Fire Enters His House: Architecture and Ritual in Classic Maya Texts. Stephen Houston (ed.). Function and Meaning in Classic Maya Architecture. Washington, D. C., Dumbarton Oaks, 1998, 373–425.
9. *Tokovinine Alexandre*, Divine Patrons of the Maya Ballgame. 2002 [Электронный ресурс]. URL: www.mesoweb.com/features/tokovinine/Ballgame.pdf.
10. *Tokovinine Alexandre*, The Royal Ball Game of the Ancient Maya [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mayavase.com/alex/alexballgame.html>.

11. *Townsend Richard Fraser*, *State and cosmos in the art of Tenochtitlan*. Washington D. C., Washington: Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University, 1979.
12. *Velasquez García Erik*, *Naturaleza y papel de las personificaciones en los rituales mayas, según las fuentes epigráficas, etnohistóricas y lexicográficas. El ritual en el mundo maya: de lo privado a lo público*. Andrés Ciudad Ruiz, María Josefa Iglesias Ponce de León, Miguel Sorroche Cuerva (ed.). Madrid, 2010, 203–233.
13. *Zender Mark*, *Glyphs for “Handspan” and “Strike” in Classic Maya Ballgame Texts*. *PARI Journal* 4:4, 2004, 1–9 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mesoweb.com/pari/journal/archive/PARI0404.pdf>.
14. Немировский А. А., *Только человек, но не просто человек: сакрализация царя в древней Месопотамии / Сакрализация власти в истории цивилизаций*. М.: изд-во Института Африки РАН, 2005.

Escisión, formación de conciencias y constructivismo en relación al proselitismo neoliberal. Perspectiva y conclusiones de 10 años de trabajo como antropólogo en Iberoamérica y con el ejemplo paradigmático de Cuba

Excision, conscience formation and constructivism in relation to neoliberal proselytism. Perspective and conclusions of 10 years of work as an anthropologist in Ibero-America and with the paradigmatic example of Cuba

Resumen: Desde las perspectiva sociológico-materialista y de la antropología económica, la evolución de la «Revolución Cubana» es ejemplo de como sociedades diversas son capaces de generar estructuras adecuadas al proselitismo neoliberal. Este estudio etnográfico pretende demostrar como Cuba, vista desde dentro, pero con un punto de vista etic, tiene la más neoliberal de las sociedades, a pesar de sus particularidades propias conformadas por su geografía, su herencia histórica y la huella de la Unión Soviética. El trabajo etnográfico base hace una descripción cruda del intercambio sexual como estrategia de alianza, exclusión y competencia y las estrategias del Estado cubano, de la criminalización a la subsunción.

Palabras clave: estrategias de exclusión y competencia; cultura de la pobreza; tecnologías de la comunicación; Cuba; sexo; Revolución.

Abstract: From a sociological-materialist perspective and the economic anthropology, the evolution of the “Cuban Revolution” is an example of how diverse social structures are capable of generating adequate structures for neoliberal proselytism. This ethnographic study aims to demonstrate how Cuba, seen from within, but with an etic point of view, has the most neoliberal of societies, despite of their own particularities shaped by its geography, its historical heritage and the imprint of the Soviet Union. The base ethnographic work makes a crude description of sexual intercourse as strategy of alliance, exclusion and competition together with the strategies of the Cuban State, from criminalization to subsumption.

Keywords: exclusion and competence strategies; culture of poverty; communication technologies; Cuba; sex; Revolution.

¹ España. D.E.A. y Licenciado en Filosofía y Antropología Social y Cultural; Licenciado en Derecho y abogado. Universidad de Sevilla (Sevilla) y U.N.E.D (Madrid).

Desde el punto de vista de la antropología y la sociología, ningún ejemplo más básico de como estructuras sociales diversas son capaces de generar modelos de comportamiento propios y adecuados a los fines del proselitismo neoliberal. Las aspiraciones y motivaciones a un lado y otro del «charco» no son tan diferentes como las diferencias que los propios actores de bandos opuestos explicitan. Modelos distintos, pretendidamente contrarios, pueden ponerse en marcha por las mismas causas y coexistir gracias a que tienden a un mismo fin fundamental. Las conclusiones que aquí se exponen se basan en sendas etnografías recogidas en el volumen *Cultura Vivida*² y en mi experiencia de campo a lo largo de 10 años de viajes de estudio por diversas comunidades locales, indígenas de diversas naciones de iberoamérica, que apuntan conclusiones no muy optimistas en relación al «progreso» en el sentido ilustrado del término. En el caso de Cuba, vista desde dentro pero con un punto de vista etic, pude apreciar que tiene la más neoliberal de las sociedades, a pesar de sus particularidades propias conformadas por su geografía, su herencia histórica y la huella de la Unión Soviética en rasgos culturales, educativos e infraestructuras, que conforman elementos simbólicos que aún permanecen. Se analizaron aspectos como la solidaridad grupal, estrategias de exclusión y competencia, cultura de la pobreza, motivaciones y aspiraciones de los individuos en la sociedad cubana bajo el manto de las consignas revolucionarias y el imaginario en torno al concepto de Revolución. El punto de partida etnográfico lo constituyeron dos viajes. El primero realizado en el año 2009, entre Junio y Julio, motivado por mi interés en observar el modelo político y previo a mi viaje a México DF para dirigir la mesa de mi simposio en el 53ICA en la Universidad Iberoamericana. El segundo en Noviembre y Diciembre de 2010 con ocasión del rodaje de la película «Juan de los Muertos», coproducción hispano-cubana, rodada íntegramente en la Habana, con un equipo internacional (compuesto en su totalidad por iberoamericanos y españoles).

Mi primer viaje estuvo fuertemente motivado por el interés que tenía en conocer el modelo social de primera mano, antes de que se produjese el colapso del régimen cubano revolucionario, mi impresión es que estábamos en la antesala de un proceso análogo al sucedido con la URSS, que mediante el embaucamiento de la mayoría de la población por los medios de comunicación masivos y la publicidad occidental, conllevaría la implosión del sistema propiciada desde dentro. Mis categorías de análisis, son profundamente materialistas, pero óbvias consideraciones políticas, porque no estoy definiendo posturas políticas personales (en todo caso muy heterodoxas y carentes de interés aquí) sino categorías de análisis.

² Gabriel Cordero Huertas; Silvia Elisa Benza Solari, et al. “Escisión y formación de conciencias ante el proselitismo neoliberal. Un ejemplo paradigmático del caso de la Revolución Cubana hoy, vista desde ambos lados: comercio, sexo y tecnologías de la comunicación”, *Cultura vivida, cultura sentida, cultura instrumentalizada: Construcción de identidades en el mundo globalizado*, Sevilla, Editorial Ybris, 2014, 313-417.

Como ya advirtiera el célebre Marvin Harris, sin materialismo la antropología es una colección de cuentos particularistas, adormecedores y apologetas, como ya conocemos todos por el legado de Boas. La visión de la política y economía que se cernía sobre mi país en aquel momento y sobre Europa, que ya anticipaba yo en mis exposiciones del congreso anterior (52 ICA celebrado en Sevilla) eran agobiantes. Osea, estaba listo para abrazar otra realidad ... En este viaje fui excelentemente recibido y tratado, y llegué a residir en unos días en casa de la familia del Che. Recibí una impresión de la isla ... impactante. Todo era mejor de lo que había imaginado.

Mi siguiente viaje a Cuba transcurrió en 2010, programado para finales de Noviembre y Diciembre. La excusa fue el rodaje de la película de cine «Juan de los Muertos», invitado por el equipo. Era una ocasión para tomar nuevas impresiones, aprovechando la libertad (extrema) de movimientos que otorgaba llegar acompañando al *staff* y conocer mucha gente, de todos los ámbitos, sin el sesgo del primer viaje, en el que se me mostró una cuba «pro regimen», ya que mis actores en el campo eran personas próximas al Estado. La imagen ahora cambiaba radicalmente. Cientos de anécdotas más tarde, aventuras diversas, algún peligro y emociones³ (uno no se va de Cuba sin sentir emociones, para bien y para mal), de mis extensas etnografías se pueden sacar una conclusiones en tonos clarososcuros, que resumo a continuación:

- I. Cuba tiene un estado de inspiración Socialista, pero con un carácter esencialmente autóctono y local, fundado por una Revolución cuyos principios teóricos están difuminados y apenas son entendidos ni compartidos por gran parte de la población. La identidad cubana se desarrolla alrededor del concepto de Revolución, pero esta se entiende más y negativamente como una oposición al «imperio», en una mitificación nacional heredera del mito de David y Goliath. Para el grueso, las injusticias se deben a los enemigos extranjeros, pero a la vez desean marchar a vivir con esos enemigos para poder acceder a lo que de verdad se ansía: los bienes de consumo. Lo que se percibe como injusticia y motivo de resistencia aglutinante de la sociedad cubana, es la falta de productos y servicios deseados, que desde el punto de vista de la subsistencia, podrían considerarse superfluos. En cambio los grandes logros de la Revolución, de la educación a la sanidad, la longevidad, la oferta cultural asequible y las capacidades de formación académica, no son valorados en su justa medida por los beneficiarios.
- II. La integración racial es otro de esos grandes logros. Un modelo que sería envidiable por muchos países, inclusive los vecinos Estados Unidos o República Dominicana, que arrojan resultados de bochorno. El Estado está libre de toda sospecha, a pesar de la categorización por razas, para un occidental políticamente incorrecta, que consta en los documentos de identidad. Obedece esto mas a un criterio de descripción rápida y su

³ Para el relato completo de las mismas, *Op. cit.*

incorrección política más a nuestros prejuicios. No obstante, es cierto que por razones no del todo claras, he encontrado mayor número de personas de estrato cultural inferior entre los que más rasgos afrodescendientes tienen, igualmente que la zona de las embajadas, salvo las áreas más pobres están ocupadas por gente blanca⁴. Igualmente la mayor parte de trabajadores sexuales, tienen marcados rasgos afrodescendientes aunque también podría deberse esto a su exotismo y gusto de los potenciales clientes.

- III. No existe discriminación sexual en Cuba en el ámbito legislativo ni Estatal. Sin embargo en este aspecto como en otros, a veces el Estado va por delante de su población.
- IV. El gusto y deseo por el consumismo ha desarrollado un auténtico Culto Cargo, al estilo melanésico. Con sorpresa descubro que incluso en ámbitos académicos, estudiantes e incluso licenciados desconocen los principios más básicos de la economía clásica. No se entiende que la incapacidad productiva del país es el fundamento de la escasez de productos y se piensa que bastaría erradicar la doble moneda, de forma caprichosa. Parece creerse ampliamente que el desabastecimiento de la isla y de la población es por un capricho intencionado del sistema político, o de los enemigos difusos como el «imperio⁵». Es decir se trata de una mera cuestión de justicia. Los cubanos tienen derecho a esos productos y se les están negando. Confunden la lucha por la justicia con la lucha por el consumo. La conclusión es especialmente deprimente para alguien que parte de mi paradigma teórico. En Cuba se valoran los bienes por lo que cuestan en CUC. Da igual que se circule en un taxi sin ventanas, lo importante es su precio. El valor de la mercancía lo establece su precio. Estamos ante el fetichismo de la mercancía elevado a su máxima expresión. Se valora igualmente la ostentación, da igual que un taxi te cueste el salario de una semana por llevarte a donde puedes llegar en 5 minutos andando, se valora que te vean llegar en él, aunque se caiga a pedazos. Las trabajadoras sexuales además, no durarán en invertir la mitad de sus ganancias en pasearse en ellos.
- V. La Dictadura cubana es de hecho una «**dictablanda**» en la actualidad. El margen de libertad personal es bastante elevado. Es más, y soy conocedor de lo controvertida (en occidente) de esta afirmación: el Estado cubano no es una carga para su población, sino el único garante del bienestar del que actualmente gozan. Esto quedará demostrado definitivamente tras

⁴ Esto podría tener su origen en la acogida por parte de Cuba de exiliados extranjeros, por ejemplo de Argentina, España, etc. que acudieron en busca de refugio y a muchos de los cuales el gobierno cubano, alojó generosamente lo mejor que pudo. Muchos acabaron quedándose para siempre.

⁵ Nadie conoce a Negrí, como sucede en Venezuela, pero la alusión al «imperio» como en la película *Juan de los muertos*, se utiliza para justificarlo todo.

la caída del régimen, estoy convencido, y de forma amarga. El Estado es paternalista, pero sin su intervención y a pesar de las corruptelas, el sistema social se vería rápidamente desintegrado. Es imposible ante la escasez de productividad establecer en Cuba un mercado de productos básicos que no esté totalmente regulado, lo contrario llevaría a la tragedia social.

- VI. La educación es accesible para quienes están interesados y el nivel académico es alto comparado con algunos países del entorno. Sin embargo se trata de una educación tremendamente utilitarista, a veces con postulados ingenuos, mas enfocada al resultado práctico directo. No es muy proclive a crear científicos, sino más bien técnicos remendadores, cuyo trabajo tenga una aplicación directa. Todo ello está condicionado por los propios recursos del país. Aún así es un elemento igualitario totalmente desaprovechado por la población joven actual, más preocupada por los ingresos y el consumo rápido que por hacer esfuerzos para obtener un título universitario. Por otro lado, las concepciones que se infiltran en los planes de estudio (he podido constatar estudios de dialéctica hegeliana como ciencia en facultades de medicina, o de homeopatía como ciencia real, etc) resultarán chocantes para el científico de formación occidental.
- VII. EL sexo: El turismo en Cuba busca habitualmente sexo, pero no solo eso, también busca un respiro de la sociedad hiperreglamentada asfixiante en la que vivimos. Paradójicamente la percepción de la «libertad» en la isla es mayor de la que se tiene en los propios Estados de origen. En buena medida, esto es así porque el sistema es muy permisivo con los turistas y extranjeros en general (el cubano medio tiende a interpretar a todo extranjero como turista, no se plantea el hecho de que alguno vaya a trabajar a la isla⁶, a menos que lo vea con un nivel de ostentación extremadamente alto, en cuyo caso lo puede percibir como un inversor potencial, pero tampoco se espera ver a este tipo de personas desenvolviéndose en la calle como hacen los turistas). El extranjero puede entonces no sólo tener unas vacaciones sino tener unas vacaciones de sí mismo. Puede adoptar otra identidad, a veces literalmente, cambiar de mujer ... (u hombre), tener cónyuge por unos días, una fantasía de otra vida (que por corta y fantásica puede ser bastante idealizada) con fecha de caducidad y después puede fantasear desde la distancia, con las

⁶ “... caminado por la isla con miembros del rodaje, algunos se acercaban a proponernos todo tipo de servicios, la pregunta para comenzar siempre era ¿cuanto tiempo llevan en la isla?, como forma de entrada para tratar de convertirse en nuestros guías. Bastaba decirles «tres meses», lo que cómicamente sucedió una vez cerca de los cines al unísono, dicho por todos por lo habitual que era ya la respuesta, para que nuestro interlocutor se diera por enterado y desapareciese ... si tanto tiempo llevábamos en la isla, ya no se nos podía embaucar con nada. Ya no éramos de interés. Igualmente se sorprendían si decíamos que habíamos venido a trabajar, o se preguntaban «¿en qué?». Así de fácil era librarnos de los asedios a que nos sometían. *Ibid.* 412

aventuras corridas y lo que podría haber sido esa vida. Pero igualmente la distancia, las dificultades de comunicación más teóricas que prácticas y el aislamiento en sí del régimen (dificultades más de orden económico que de otra cosa) permitirán el distanciamiento y la separación sin plantear grandes dilemas éticos. En todo caso el sexo está omnipresente, el Estado ha pasado de perseguir la oferta de estos servicios a financiarse con ellos, lo vimos en los distintos métodos de captación de divisas mediante la venta de objetos que necesitan ingresos en CUC como por las tasas de acceso a los hoteles, que permiten «legalizar» la entrada de un cubano otrora prohibida (precisamente para impedir la prostitución). Ello es fruto de la claudicación del Estado que no ha podido «dignificarse» erradicando, como siempre prometió el comercio sexual, y finalmente ha encontrado una manera de ingresar fondos, mediante este impuesto indirecto. De ahí mi patética conclusión «Revolución es Prostitución» (expresión también acuñada por mí por los motivos antes expuestos, el desconocimiento de la mecánica revolucionaria y las más elementales nociones de sociología materialista, y el consumismo fetichista como última expresión de fracaso) como última consigna. La distinción entre prostitución y actividades socialmente bien consideradas, puede ser laxa: puede basarse en la «calidad del cliente»; en la forma en la que se contrata el servicio o el sitio en el que se accede a él; en la duración de la relación, pues si es con visos de continuidad durante la estancia ya no se considera prostitución, estableciéndose un «maridaje» de corta duración. En algunos casos incluso con vocación de reiterarse en próximas visitas a la isla. Por otro lado, el Estado ha proveído de abundante educación sexual a la población, se conocen los medios de protección contra enfermedades y contraceptivos y sus usos, que subvencionados están extendidos y garantizados. Son altas la higiene personal y las consideraciones en este sentido de los cubanos. Las enfermedades venéreas y su difusión se puede considerar que se encuentran controladas con bastante eficacia. Las relaciones personales en sí, son también efímeras en muchas ocasiones, todas las mujeres conocidas menores de 40 años, en mi segunda visita se casaron muy jóvenes, tuvieron su hijo y estaban divorciadas o separadas. Esto se ve facilitado por las leyes sencillas sobre el divorcio y la ideología de inspiración marxista que desacraliza el matrimonio y por la ausencia de implicaciones patrimoniales del divorcio tales como las que sucederían en España. Por otro lado la promiscuidad es alta. Este y otros caracteres son previos a la Revolución. Todos estos motivos hacen que sea más fácil no percibir las relaciones con los extranjeros como prostitución.

VIII. El rol de mujeres y hombres parece distinto. Aunque no hay segregación en el sistema educativo, tanto el comportamiento como los trabajos que se

desempeñan suelen ser distintos. El hombre se gana su puesto en la casa como proveedor. Los roles son más distintos en gente más culta o «disidente» en el término que he usado de la palabra en el desarrollo de la etnografía, que no conlleva una disidencia política real y activa ni tal catalogación por el Estado. El trabajo como fuente de ingresos está minusvalorado por la juventud, por lo módico de los salarios y la facilidad con la que se obtienen ingresos en la economía sumergida. Las personas con intereses en puestos académicos tienen aspiraciones que sobrepasan con mucho el consumo material inmediato y mayor perspectiva. Existe una economía sumergida y un estado de corrupción generalizados que hasta cierto punto y mientras no se sobrepasen límites extremos está tolerado ante la incapacidad del Estado. Este hacer la «vista gorda» contribuye a mantener la paz social, pero a la vez constituye un problema de difícil solución. Paralelamente la gente se va haciendo individualista, pierde la ética del trabajo y aspira al negocio fácil y rápido, cuyos beneficios más rápidamente suelen consumirse en la forma propia de las Culturas de la Pobreza. Por eso concluyo que Cuba tiene una Cultura de la Pobreza, con Culto Cargo.

- IX. Hay una brecha intergeneracional, los valores se van perdiendo a medida que aparecen las nuevas generaciones, cada vez más desvinculadas de la Revolución implicadas en procedimientos mágico rituales como ese culto cargo o el renacimiento de creencias derivadas de lo Yoruba, etc. A su vez quedan personas educadas y nostálgicas con un sentimiento pesimista de hacia donde camina su sociedad. Y otros habitualmente mayores, que constatan también el fracaso de la Revolución.
- X. El «Bloqueo», apenas tiene capacidad alguna para influir en la isla. No hay nada que bloquear, puesto que la incapacidad de la economía cubana para operar en el mercado internacional es absoluta. Los productos que se pudieran comprar de China, llegarían de todas formas, nadie se atrevería a impedirlo, sólo falta el dinero ... El bloqueo permite soñar con lo que se podría tener sin él, es el aglutinante conformador de identidad para el pueblo cubano. Es además un chivo expiatorio al que el propio Estado puede transferir la responsabilidad por la incapacidad de obtener para los cubanos los bienes que ansían. Pero lo cierto es que su levantamiento, que ya vaticinaba en la redacción de aquella etnografía, favorecerá más a los contrarios del régimen, pues quedará expuesto a sus propias debilidades. Al igual que la caída del muro de Berlín no supuso la salvación para la economía soviética, sino subsunción dentro del capitalismo internacional.
- XI. La población en general está ideológicamente concienciada y adoctrinada, gracias al proselitismo neoliberal que ha calado con fuerza. La sociedad cubana se ha convertido en una de las más liberales e individualistas del

mundo. Sólo cuando se atiende a criterios de exclusión y competencia se forman agrupaciones solidarias de interés, que fácilmente pueden descomponerse. Muchos aspiran a integrarse en el mercado, sabiendo que no habrá para todos, pero esperando medrar más que los demás, en un puro alarde de antiética revolucionaria. Pocos parecen darse cuenta que no tienen nada que ofertar al mercado que los va a devorar, salvo ellos mismos como «capital humano», mayoritariamente no preparado. *Jinetas*, prostitutas, novias y amantes profesionales, esposas y esposos efímeros, se van a encontrar de repente con que van a tener que prostituirse de verdad, y esta vez no va a ser por consumir productos superfluos. Va a ser para sobrevivir de verdad. Y sin embargo están deseando el desenlace, sin comprenderlo, hasta tal punto llega la potencia de la ideología dominante actual.

Para quién escribe estas líneas, todo esto supone el final de la utopía y la constatación de un fracaso tanto ideológico como epistemológico. La película que se rodaba, era toda una alegoría al estado real de Cuba, no es una película de terror sino una tragicomedia, fiel reflejo de un sistema muerto, en permanente descomposición, donde todo es negociable, una apatía en el trabajo que lleva a que los protagonistas no puedan inicialmente ni percatarse de que los que andan por la calle son muertos vivientes (Juan llega a decir «¿notas algo raro» a lo que le contesta su compañero «no, yo lo veo igual que siempre»), el cartel de «Revolución o Muerte» que cae aplastando a los personajes, los zombis como «agentes del imperio en Contubernio con los Estados Unidos», la picaresca generalizada, la exacerbación del individualismo extremo, el comercio sexual, el negocio de «matar a esos molestos seres queridos que vuelven de la tumba», la total falta de escrúpulos y remordimientos. Como explicaba el director y guionista Alejandro Brugués “esto es lo que hacemos los cubanos en cualquier ocasión, negocio” ...

Figura 1. “Una revolución de atrezo” Imagen tomada en el malecón de La Habana

Bibliografía

1. Gabriel Cordero Huertas; Silvia Elisa Benza Solari, et al. “Escisión y formación de conciencias ante el proselitismo neoliberal. Un ejemplo paradigmático del caso de la Revolución Cubana hoy, vista desde ambos lados: comercio, sexo y tecnologías de la comunicación”, *Cultura vivida, cultura sentida, cultura instrumentalizada: Construcción de identidades en el mundo globalizado*, Sevilla, Editorial Ybris, 2014, 313-417.

Испаноязычная литература Экваториальной Гвинеи: latinidad Africana

Hispanic Literature of Equatorial Guinea: African Latinity

Resumen: Guinea Ecuatorial es el único país de Africa subsahariana donde español es uno de los idiomas oficiales. A parte de los idiomas romances (español y francés), en Guinea Ecuatorial se habla lenguas autóctonas así como dos lenguas criollas. La imposición del español se realizó por medio del sistema de gobierno colonial mixto basado sobre el concepto de la ‘misión civilizadora’ a través de la lengua y la religión. Actualmente, el idioma español, junto con la cultura afro-bantú, se ha convertido en un elemento de la identidad nacional en Guinea Ecuatorial (guineidad). Los escritores guineoecuatorialianos que escriben en castellano consideran que su pertenencia al mundo hispánico es el mayor rasgo diferenciador que distingue su país de sus vecinos francófonos y anglófonos.

Palabras clave: español; identidad; Hispanidad; guineidad; literatura; Guinea Ecuatorial; Africa subsahariana.

Abstract: Equatorial Guinea is the only country in sub-Saharan Africa, where Spanish is one of the official languages. Apart from Romance languages (Spanish and French), people in Equatorial Guinea speak autochthonous languages and two creoles. Spanish was imposed through the mixed system of colonial administration based on the concept of the ‘civilizing mission’ through language and religion. Today, the Spanish language in Equatorial Guinea has become a marker of national identity (guineidad), alongside with the Bantu heritage. Guinean writers, who create their works in Spanish, consider the fact that they belong to the world of Hispanidad as a trait differentiating them from other African countries, which are mainly francophone and anglophone.

Key words: Spanish; identity; Hispanidad; guineidad; literature; Equatorial Guinea; sub-Saharan Africa.

Экваториальная Гвинея — единственное государство в Тропической Африке, одним из официальных языков которого является испанский. Территория Экваториальной Гвинеи включает в себя остров Биоко (ранее носивший название Фернандо-По), где расположена столица страны г. Малабо (ранее Санта-Исабель), континентальную часть, именуемую Рио-Муни (столица — г. Бата), а также небольшой остров Аннобон. Экваториальная

¹ Найденова Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (nns1306@mail.ru), гр. РФ.

Гвинея граничит с франкофонными странами Габон и Камерун (вторым государственным языком последнего является также английский).

Как и в большинстве африканских стран, на территории Экваториальной Гвинеи проживает целый ряд народов, каждый из которых имеет свой собственный язык. Континентальная часть страны населена в основном представителями этнической группы фанг. В течение одиннадцати лет (с 1968 по 1979 г.) предпринимались попытки превратить фанг — родной язык президента страны Франсиско Масиаса Нгеми — в доминирующий язык-посредник страны. Вдоль побережья проживают этнические группы комбе/ндове, бухеба, бенга, бапуко, баленге и др., в совокупности именуемые на испанском языке *playero* (дословно «прибрежные народы»). На острове Биоко доминируют представители этнической группы буби.

На территории страны также существуют креольские языки на основе английского и португальского. Распространение контактного языка на основе английского восходит к середине XIX в., когда созданный в г. Фритаун (Сьерра-Леоне) орган по надзору за соблюдением договора об отмене работорговли был перенесен в основанный на острове Фернандо-По г. Кларенс, впоследствии переименованный в Санта-Исабель². Данное событие ознаменовало обширное проникновение на территорию полуострова Пунта-Фернанда потомков освобожденных рабов (креолов), получивших название *criollos* или *fernandinos*, за счет которых сформировалась гвинейская буржуазия конца XIX — начала XX в. Именно с их приходом получает широкое распространение *pidgin-english*, также именуемый *pichínglis*, *pichi*, *pichininglis*, *brokeninglis*, сформировавшийся на основе языка крио (англо-креольский язык Сьерра-Леоне), продолживший укреплять свои позиции за счет массовой миграции нигерийских чернорабочих (в основном принадлежащих к этническим группам ибо и калабар) на территорию Экваториальной Гвинеи. В настоящее время *pichínglis* является средством межэтнического общения на острове Биоко, за исключением ряда горных и южных районов, на острове Аннобон и в континентальной части (г. Бата).

Остров Аннобон является родиной креольского языка, сформировавшегося на базе португальского. Остров был открыт португальцами 1 января 1473 г. и в силу этого факта получил наименование *Ano Bom* (*порт.* do ano bom — новогодний), от которого были образованы производные топонимы на испанском (*Annobón*) и автохтонных (*Êmbô/Ambô*) языках. Сформировавшийся на острове пиджин, впоследствии превратившийся в креольский язык, получил наименование *fá d'ambô*, где *fá* представляет собой искаженный вариант португальской глагольной формы *falar* — говорить. Язык был

² Antonio Quilis, Celia Casado-Fresnillo, *La lengua española en Guinea Ecuatorial*, Madrid, UNED, 1995, 23.

создан местными жителями, работавшими в религиозных миссиях, учреждаемых португальцами на острове, и исходно представлял собой смесь латыни, португальского и автохтонных языков. *Fá d'ambô*, также именуемый «аннобонский язык» (*annobonés*), близок к креольскому языку Сан-Томе и Принсипи³.

К концу XIX в. на территории Экваториальной Гвинеи появляется все большее количество религиозных миссий, устанавливается регулярное морское сообщение с Испанией, что приводит к активизации колонизации как островных, так и материковых территорий в начале XX в. и соответственно широкому распространению испанского языка. Как и в Латинской Америке, на колониальную политику Испании в Экваториальной Гвинее сильное влияние оказала концепция каудильизма и могущество Католической церкви.

Испанская колониальная система носила смешанный характер и занимала промежуточное положение между прямой (французской) и косвенной (английской и бельгийской) формами управления⁴. Данный подход, именуемый «социологической колонизацией», состоял в постепенном привлечении местного населения к достижению социальных, политических и экономических целей, устанавливаемых метрополией. Центральная роль в этом процессе отводилась испанскому языку⁵. Испания, находившаяся долгие годы под влиянием ислама, использовала этот факт в целях собственной выгоды, и предназначение Экваториальной Гвинеи состояло в том, чтобы превратить ее в оплот католицизма. По меткому замечанию И. Тофиньо-Кесада, «...если в континентальной Франции и ее колониях школы воспитывали французов и француженок, то в Испании и ее колониях — ревностных католиков»⁶.

С 1926 г. испанский был официально объявлен языком администрации и документооборота, все государственные служащие из числа гвинейцев обязаны были овладеть испанским языком в течение полугода — в противном случае им грозило увольнение⁷. Испанский язык был провозглашен «средством приобщения (гвинейцев. — *H. H.*) к (испанским. — *H. H.*) иде-

³ Armando Zamora Segorbe, “Breve aproximación a la sociolingüística del FÁ d’Ambô en Guinea Ecuatorial”, *Oráfrica, revista de oralidad africana* 5, abril 2009, 71–112.

⁴ Mariano de Castro Antolín, Donato Ndongo-Bidyogo, *España en Guinea. Construcción del desencuentro: 1778–1968*, Toledo, Ediciones Sequitur, 1998, 153.

⁵ Rosa Medina-Doménech, “Scientific Technologies of National Identity as Colonial Legacies: Extracting the Spanish Nation from Equatorial Guinea”, *Social Studies of Science* 39:1, 2009, 81–112, 98.

⁶ Ignacio Tofiño-Quesada, “Spanish Orientalism: Uses of the Past in Spain’s Colonization in Africa”, *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East* 23: 1 & 2, 2003, 141–148, 144.

⁷ de Castro Antolín, Ndongo-Bidyogo, *op. cit.*, 165.

алам, прививания моральных норм и установок католической религии»⁸. Наиболее интенсивно процесс колонизации осуществлялся на острове Фернандо-По. Именно поэтому уровень владения испанским языком там наиболее высок и составляет около 90 %. Напротив, в центральной материковой части страны количество лиц, владеющих испанским языком, несколько меньше (60–70 %)⁹.

С точки зрения владения языком бывшей метрополии, его использования в качестве эффективного средства общения и формирования национальной идентичности Экваториальная Гвинея превосходит франкофонные страны Африки южнее Сахары. Как отмечает американский лингвист Дж. Липски, «встречаясь за рубежом, выходцы из Экваториальной Гвинеи зачастую предпочитают общаться на испанском, даже если они принадлежат к одной этнической группе, тем самым подчеркивая свою национальную идентичность и используя испанский язык в качестве средства, позволяющего безошибочно определить страну происхождения»¹⁰. По мнению ряда ученых, проекция испанской национальной идентичности на Экваториальную Гвинею повлекла за собой усиление культурного этноцентризма этой небольшой африканской страны¹¹.

В настоящее время испанский язык в Экваториальной Гвинее не имеет собственной литературной нормы¹². Для ее выработки предполагается создание Академии испанского языка Экваториальной Гвинеи. Сопоставительные исследования различных вариантов испанского языка, распространенных в Европе, Америке и Африке, позволили сделать вывод о том, что испанский язык Экваториальной Гвинеи в большей степени коррелирует с центральноязыковой нормой, нежели с латиноамериканскими национальными вариантами¹³.

Отдельно следует отметить использование испанского языка как маркера национальной идентичности граждан Экваториальной Гвинеи — самой маленькой по площади страны Тропической Африки — среди англо- и франкофонных стран Тропической Африки. Так, исследователи А. Килис

⁸ Ibid, 172.

⁹ John Lipski, “The Spanish of Equatorial Guinea: research on la hispanidad’s best-kept secret”, *Afro Hispanic Review* 19:1, 2000, 11–38, 12.

¹⁰ Ibid, 13.

¹¹ Idem; Medina-Doménech. Op. cit.

¹² Quilis, Casado-Fresnillo, Op. cit.; Gloria Nistal Rosique. “Estado actual del español y actuaciones para la mejora de la calidad del español en Guinea Ecuatorial”, *La situación actual del español en África. Actas del II Congreso Internacional de Hispanistas en África*, Madrid, SIAL, 2006, 375–380.

¹³ Hiroto Ueda. “Un estudio comparativo del léxico de Guinea Ecuatorial: Resultado de encuestas y clasificación”, *La situación actual del español en África. Actas del II Congreso Internacional de Hispanistas en África*, Madrid, SIAL, 2006, 479–495, 488.

и С. Касадо-Фреснильо приводят в доказательство данного факта следующие ответы информантов:

El español nos identifica en África.	Испанский язык — средство нашей самоидентификации в Африке.
Guinea, al hablar el español, puede servir de nexo entre el mundo hispánico y los países africanos.	Экваториальная Гвинея как испаноязычная страна может служить связующим звеном между испаноязычным миром и африканскими странами.
El español es el símbolo de nuestra identidad cultural	Испанский язык — символ нашей культурной идентичности.

Испанский язык ассоциируется с такими понятиями, как гордость (*orgullo*), восторг (*admiración*), принадлежность к великому испаноязычному миру (*pertenencia al gran mundo hispánico*)¹⁴.

Испанский язык выступает ключевой составляющей национальной идентичности гвинейцев (*guineidad*). Писатель Д. Ндонго-Бидиого характеризует ее как *identidad hispano-bantú* и заявляет о том, что она представляет собой гармоничное слияние (*fusión armoniosa*) культуры испаноязычного мира (*hispanidad*) и африканской самобытности¹⁵.

В сборнике эссе «Испанские зарисовки» (*Semblanzas de la hispanidad*) К. Оча'а Мве Бенгобесама говорит о том, что гвинейская идентичность содержит в себе палитру элементов самых различных культур, но в основе ее лежит культурное наследие народов банту. Гвинейская идентичность представляет собой слияние ценностей испаноязычной культуры и реалий банту¹⁶. Исследователь И. Казак отмечает, что на процесс формирования национальной идентичности гвинейцев оказывают влияние следующие факторы: 1) наследие испаноязычной культуры (*herencia hispana*); 2) идея о единстве народов банту (*la idea de la "unidad bantú"*); 3) «единение в условиях бедствия» (*unidad ante la adversidad*) в эпоху диктатуры Масиаса Нгеми; 4) влияние гвинейской диаспоры, проживающей за пределами страны (*aporte de los exiliados*)¹⁷.

¹⁴ Quilis, Casado-Fresnillo. Op. cit., 54.

¹⁵ Donato Ndongo-Bidyogo, "La literatura de Guinea Ecuatorial: 25 años después", Landry-Wilfrid Miampika (ed.), *La palabra y la memoria: Guinea Ecuatorial 25 años después*, Madrid, Editorial Verbum, 2010, 19–37, 26.

¹⁶ Constantino Ocha'a Mve Bengobesama, *Semblanzas de la Hispanidad*, Madrid, Anzos, 1985, 161–162.

¹⁷ Igor Cusack, "¿Que en mis pupilas se perpetúe el fulgor de las estrellas!: Literatura e identidad en Guinea Ecuatorial", M'bare N'gom (comp.), *La recuperación de la memoria: creación e identidad nacional en la literatura hispano-negroafricana*, Alcalá de Henares, Servicio de Publicaciones de la Universidad de Alcalá, 2004, 157–181, 158.

Гвинейский писатель Х. Мбомио Баченг отмечает, что гвинейская идентичность складывается под влиянием следующих компонентов: 1) основные ценности испаноязычного сообщества (*hispanidad*); 2) испанский язык; 3) католическая религия; 4) африканское культурное наследие, в первую очередь традиции банту¹⁸. При этом *hispanidad* трактуется, прежде всего, в аспекте связей не с бывшей метрополией, а с Латинской Америкой. *Hispanidad* для гвинейцев оказывается самоидентифицирующим признаком на Африканском континенте, где доминируют французский и английский языки.

Х. Мбомио Баченг развивает идею гармоничного сосуществования испанских и африканских культурных традиций следующим образом: «Прекращение гегемонии Испании в управлении Экваториальной Гвинеей отнюдь не означает отказ от испанских ценностей. Напротив, после обретения независимости гвинейцы, несмотря на свежесть воспоминаний о колониальной системе, проявляют свою приверженность культурным матрицам (*moldes culturales*), импортированным из Испании... От испанского владычества сегодняшней гвинеец унаследовал кастильскую гордость. Он чувствует себя “испанцем” и затем нюансирует свою позицию, добавляя “в первую очередь я африканец”, т. е. представитель испаноязычного мира (*hispano*), осознающий свою суверенность и отличие»¹⁹. Далее писатель заявляет о том, что это очевидное противоречие парадоксальным образом цементирует культурную идентичность гвинейцев и служит главным символом отличия от остальных африканских идентичностей. Х. Мбомио Баченг, как и Д. Ндонго-Бидиого, обращается к латиноамериканскому опыту. Писатель отмечает, что преимущество Экваториальной Гвинеи состоит в том, что она представляет собой место соприкосновения Ибероамерики и Африки, и вводит термин *latinidad africana* (дословно «латиноафриканская культура») ²⁰.

Об отношении к испанскому языку свидетельствуют следующие высказывания гвинейских писателей:

¹⁸ Joaquín Mbomio Bacheng, “Literatura guineana: una obra de libre expresión”, Landry-Wilfrid Miampika (ed.), *La palabra y la memoria: Guinea Ecuatorial 25 años después*, Madrid, Editorial Verbum, 2010, 55–66, 59–60.

¹⁹ Ibid, 62.

²⁰ Ibid, 63.

<p>El idioma español, originariamente impuesto a los guineanos por la colonización, ya forma parte consustancial de nuestra personalidad política y cultural <...> considero <la lengua española> tan propia como mi otra parte bantú, fang en concreto. Pienso indistintamente en fang y en español, lo cual significa que mi espíritu se identifica por igual en ambas idiomas, y mi creación literaria está imbuida por igual en ambas culturas. Otro planteamiento supondría renunciar a parte importante de nuestro ser y, desde luego, a nuestra identidad como país independiente y soberano, puesto que lo que nos diferencia de nuestros vecinos cameruneses, gaboneses y nigerianos es nuestra impronta hispánica²¹.</p>	<p>Испанский язык, изначально навязанный гвинейцам колонизаторами, уже стал неотъемлемой частью нашей политической и культурной жизни <...> я считаю <испанский язык> настолько же своим, что и языки банту, а именно фанг. Я думаю и на фанг, и на испанском, и таким образом я самовыражаюсь в равной мере на обоих языках, а мое литературное творчество одинаково пропитано обеими культурами. Иной подход к этому вопросу означал бы отказ от важной части нашего естества и, конечно, от нашего позиционирования как независимого и суверенного государства, так как от наших соседей — камерунцев, габонцев и нигерийцев — нас отличает наша принадлежность к миру испанского языка.</p>
<p>La lengua española <...> me pertenece²²...</p>	<p>Испанский язык <...> принадлежит мне...</p>
<p>Mi obra pertenece a la literatura hispana porque está expresada en castellano... La cultura hispánica no se decreta en España, la desarrollamos nosotros que hemos recibido parte de esta herencia y que, al ser hoy independientes, decidimos cómo y qué aportamos a este edificio intercontinental, universal, que pretende ser hoy la civilización hispánica²³.</p>	<p>Мое творчество принадлежит к испано-язычной литературе, потому что я пишу на испанском... Культура испаноязычного мира создается не в Испании, ее создаем мы, получившие часть этого наследия. Сегодня, обретя независимость, мы решили, как и что мы можем привнести в это межконтинентальное сообщество, охватывающее весь мир — испаноязычную цивилизацию.</p>
<p>España ha sido una madre para mí... y la lengua de mi madre es mi lengua maternal²⁴.</p>	<p>Испания стала моей матерью... а язык моей матери — мой родной язык.</p>

²¹ M'Bare N'gom (ed.), *Palabra abierta: conversaciones con escritores africanos de expresión en español*, Madrid, Editorial Verbum, 2013, 87.

²² Ibid, 25.

²³ Ibid, 149–150.

²⁴ M'bare N'gom Faye, *Diálogos con Guinea. Panorama de la literatura guineoecuatorialiana de expresión castellana a través de sus protagonistas*, Madrid, Labrys, 1996, 106.

<p>Es un honor expresarme en la lengua de Cervantes... Es un placer saber que muchos hermanos de América Latina leen mis libros y se interesan en la literatura africana de expresión castellana²⁵.</p>	<p>Писать на языке Сервантеса — для меня честь... Мне приятно знать, что многие наши братья в Латинской Америке читают мои книги и интересуются испаноязычной африканской литературой.</p>
<p>El castellano no deja de ser para mí un descubrimiento que me alumbra cada día y del que no me canso de dejarme alumbrado. Escribir en castellano es para mí un desafío... Para mí es la lengua por excelencia de la elegancia y de lo caballeresco, escribir en la lengua de Cervantes es para mí un sueño del que nunca me despertaré²⁶.</p>	<p>Я постоянно заново открываю для себя испанский язык, который озаряет каждый мой день и которым я не устаю восхищаться. Писать по-испански — вызов для меня... Для меня это в первую очередь язык эlegantности и рыцарства. Писать на языке Сервантеса — для меня прекрасный сон, от которого я не собираюсь пробуждаться.</p>
<p>...pienso en español, sueño en español y hablo en español la mayor parte de mi vida... <El español es> una lengua que siempre ha sido la mía... cuando llegué a España tenía ocho años y ni siquiera sabía decir tres palabras en fang.²⁷</p>	<p>Я думаю по-испански, вижу сны по-испански и говорю по-испански большую часть своей жизни... <Испанский> — это язык, который всегда был моим... когда я приехала в Испанию в возрасте восьми лет, я на фанг не могла и трех слова сказать.</p>
<p>...escribo en castellano porque he adoptado esa lengua que tanto ha ofrecido al mundo. Y me siento orgulloso de ello²⁸...</p>	<p>Я пишу по-испански, потому что я сделал своим этот язык, который столько дал миру. И я горжусь этим...</p>

Итак, гвинейские писатели считают свое творчество частью испаноязычной литературы, а культуру испаноязычного мира — своим наследием. Испанский для них — язык Сервантеса и других великих писателей, внесших вклад в мировую культуру, язык эlegantности и рыцарства, который постоянно открывает новые свои грани. Писать на испанском рассматривается как предмет гордости, чести, как удовольствие и прекрасный сон. Гвинейские писатели ассимилируют и адаптируют испанский язык, считая его своим родным языком.

Испанский рассматривается и как язык-посредник, обеспечивающий единство страны, скрепа нации, позволяющая преодолевать этнические границы.

²⁵ M'Bare N'gom (ed.), Op. cit., 188.

²⁶ Ibid, 246.

²⁷ M'bare N'gom Faye. Op. cit., 117.

²⁸ M'Bare N'gom (ed.). Op. cit., 304.

<p><El español es> el idioma vehicular, que configura la unión del país y su cohesión sociocultural²⁹.</p>	<p><Испанский> — язык-посредник, цементирующий национальное единство и социокультурную общность страны.</p>
<p>Escribir en castellano tiene una importancia multidimensional. Por una parte, representa la asimilación y adaptación de ese lenguaje que con tanto talento pudieron expresarse los grandes de la literatura del mundo hispánico. Tales como Cervantes, Lope de Vega, Rubén Darío, etc.; y por otra, demuestra que un lenguaje común, en este caso, el castellano, rompe cualquier barrera social y étnica en Guinea Ecuatorial³⁰.</p>	<p>Создание литературных произведений на испанском языке имеет важность по целому ряду причин. С одной стороны, оно отражает ассимиляцию и освоение этого языка, на котором создавали свои творения великие фигуры литературы испаноязычного мира, в числе которых Сервантес, Лопе де Вега, Рубен Дарио и т. д. С другой стороны, этот факт доказывает, что общий язык — в данном случае испанский — способен преодолеть любые социальные и этнические преграды.</p>

В этой связи исследователь Т. Амбадианг высказывает следующую оговорку. По его мнению, «испанская составляющая» в гвинейской идентичности превращается в основную отличительную черту (*lo hispano se convierte en el único rasgo genuinamente diferenciador*)³¹. При этом ученый справедливо отмечает, что испанский язык, на котором создают свои произведения писатели Экваториальной Гвинеи, за редким исключением, значительно отличается от того варианта, которым гвинейцы пользуются в повседневном общении. Гвинейские писатели идентифицируют себя с испаноязычным миром не только на уровне дискурса, но и собственно языковых практик, создавая тем самым потенциальный риск стирания своей самобытности по сравнению с другими испаноговорящими нациями³².

Таким образом, гвинейцы ощущают себя частью испаноязычного мира, созвездия метисированных культур. Испанский язык и культура испаноязычного мира составляют основу инаковости жителей Экваториальной Гвинеи. Испанский язык обособляет их положение среди африканских франко— и англоговорящих стран. В свою очередь, африканская культура (культура банту) подчеркивает их самобытность среди стран испанской речи.

²⁹ Mbomio Bacheng. Op. cit.

³⁰ M'Bare N'gom (ed.). Op. cit., 303.

³¹ Théophile Ambadiang, “Escrituras intersticiales y dinámicas de la alteridad: el 'problema' de la lengua en la literatura negroafricana escrita en español”, Landry-Wilfrid Miampika, Patricia Arroyo (eds.), *De Guinea Ecuatorial a las literaturas hispanoafricanas*, Madrid, Editorial Verbum, 2010, 41–64, 51.

³² Ibid, 57–59.

Bibliografía

1. Théophile Ambadiang, “Escrituras intersticiales y dinámicas de la alteridad: el ‘problema’ de la lengua en la literatura negroafricana escrita en español”, Landry-Wilfrid Miampika, Patricia Arroyo (eds.), *De Guinea Ecuatorial a las literaturas hispanoafricanas*, Madrid, Editorial Verbum, 2010, 41–64.
2. Mariano de Castro Antolín, Donato Ndongo-Bidyogo, *España en Guinea. Construcción del desencuentro: 1778–1968*, Toledo, Ediciones Sequitur, 1998.
3. Igor Cusack, “¿Qué en mis pupilas se perpetúe el fulgor de las estrellas!: Literatura e identidad en Guinea Ecuatorial”, M’bare N’gom (comp.), *La recuperación de la memoria: creación e identidad nacional en la literatura hispano-negroafricana*, Alcalá de Henares, Servicio de Publicaciones de la Universidad de Alcalá, 2004, 157–181.
4. Rosa Medina-Doménech, “Scientific Technologies of National Identity as Colonial Legacies: Extracting the Spanish Nation from Equatorial Guinea”, *Social Studies of Science* 39:1, 2009, 81–112.
5. John Lipski, “The Spanish of Equatorial Guinea: research on la hispanidad’s best-kept secret”, *Afro Hispanic Review* 19:1, 2000, 11–38.
6. Joaquín Mbomio Bacheng, “Literatura guineana: una obra de libre expresión”, Landry-Wilfrid Miampika (ed.), *La palabra y la memoria: Guinea Ecuatorial 25 años después*, Madrid, Editorial Verbum, 2010, 55–66.
7. Donato Ndongo-Bidyogo, “La literatura de Guinea Ecuatorial: 25 años después”, Landry-Wilfrid Miampika (ed.), *La palabra y la memoria: Guinea Ecuatorial 25 años después*, Madrid, Editorial Verbum, 2010, 19–37.
8. M’bare N’gom Faye, *Diálogos con Guinea. Panorama de la literatura guineoecuatorial de expresión castellana a través de sus protagonistas*, Madrid, Labrys, 1996.
9. M’bare N’gom (ed.), *Palabra abierta: conversaciones con escritores africanos de expresión en español*, Madrid, Editorial Verbum, 2013. Gloria Nistal Rosique, “Estado actual del español y actuaciones para la mejora de la calidad del español en Guinea Ecuatorial”, *La situación actual del español en África. Actas del II Congreso Internacional de Hispanistas en África*, Madrid, Sial, 2006, 375–380.
10. Constantino Ocha’a Mve Bengobesama, *Semblanzas de la Hispanidad*, Madrid, Anzos, 1985, 161–162.
11. Ignacio Tofiño-Quesada, “Spanish Orientalism: Uses of the Past in Spain’s Colonization in Africa”, *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East* 23: 1 & 2, 2003, 141–148.
12. Antonio Quilis, Celia Casado-Fresnillo, *La lengua española en Guinea Ecuatorial*, Madrid, UNED, 1995.
13. Hiroto Ueda, “Un estudio comparativo del léxico de Guinea Ecuatorial: Resultado de encuestas y clasificación”, *La situación actual del español en África. Actas del II Congreso Internacional de Hispanistas en África*, Madrid, SIAL, 2006, 479–495, 488.
14. Armando Zamora Segorbe, “Breve aproximación a la sociolingüística del Fá d’Ambô en Guinea Ecuatorial”, *Oráfrica, revista de oralidad africana* 5, abril 2009, 71–112.

Контакты и взаимные влияния в истории португальской и бразильской этнографии и антропологии

Contacts and mutual influences in the history of Portuguese and Brazilian ethnography and anthropology

Resumen: Portugal y Brasil, perteneciendo al mismo espacio lingüístico y cultural ejercieron influencias mutuas en la esfera de la ciencia, en particular, la etnoantropológica. En la primera etapa los contactos entre colegas brasileños y portugueses fueron intensos, como lo atestigua el ejemplo del etnólogo portugués Teófilo Braga y el brasileño Sílvio Romero. Posteriormente los caminos de los científicos de los dos países divergen, a pesar de los intentos aislados de algunos estudiosos, como Mendes Corrêa y Jorge Dias, y aunque exista una interacción a nivel teórico e ideológico más general: se puede mencionar la recepción de ideas luso-tropicalistas de Gilberto Freyre.

Palabras clave: etnología portuguesa; antropología; brasileña.

Abstract: Portugal and Brazil, belonging to the same cultural-linguistic space, influenced each other substantially in the field of science, particularly ethno-anthropology. At the initial stage contacts between Brazilian and Portuguese ethnographers were intense, as it is shown by the example of the Portuguese Teófilo Braga and the Brazilian Sílvio Romero. Later on the ways of scholars of the two countries diverge, in spite of isolated attempts of some academics such as Mendes Corrêa and Jorge Dias, even if some interaction is present in the works of a more general theoretical and ideological nature: one could mention the reception of Gilberto Freyre's luso-tropicalist ideas.

Keywords: Portuguese ethnology; Brazilian anthropology.

Для любой науки существенное значение имеет ее история; особенно это характерно для гуманитарных наук. Я занимаюсь историей науки, определяемой как «этнография», «этнология», «социальная и культурная антропология» (в определенном смысле сюда включается также изучение фольклора), применительно к странам Южной Европы.

В истории этноантропологических наук, как — в большей или меньшей степени — и в других, имели и имеют место контакты, взаимные влияния ученых и научных школ разных стран, циркуляция идей — в контексте

¹ Кабицкий Михаил Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М. В. Ломоносова и РГГУ (kabitski@yahoo.es), гр. РФ.

процесса, который было предложено назвать «интернационализацией науки»².

Несомненно, что в этом процессе общность языка, общая культурная традиция имеют — опять-таки для гуманитарных наук особенно — большое значение. В качестве примеров можно упомянуть о том, как известная американская исследовательница М. Мид, изучая папуасов, обсуждала со своим мужем, новозеландцем Р. Форчуном, и будущим мужем, британцем Г. Бейтсоном, монографию американки Р. Бенедикт и деятельность британца А. Рэдклиффа-Брауна в США³.

Также и немецкие (швейцарские, австрийские) этнологи и народоведы оказывали более прямое и заметное влияние на своих немецкоязычных (и даже скандинавских) коллег, чем в других странах. Так, например, теория «культурных кругов» немца Ф. Гребнера стала одним из элементов идей австрийца В. Шмидта и венской культурно-исторической школы⁴.

Возникает вопрос, было ли нечто подобное в португалоязычном мире, точнее, вопрос стоит прежде всего об отношениях португальской и бразильской наук, так как португалоязычные страны Африки и Азии были еще и во второй половине XX в. колониями Португалии.

Обратимся к периоду возникновения этноантропологии как науки (середина — вторая половина XIX в.). Как отмечает португальский исследователь Ж. Леал (кстати, едва ли не единственный, кто в Португалии занимается комплексным изучением истории данной дисциплины), имеется очень много общего в позициях, идеях и подходах двух выдающихся ранних представителей «науки о народной культуре» — португальца Теофилу Браги и бразильца Силвиу Ромеру. Среди этих общих черт можно отметить:

- сбор и изучение народной культуры как основная задача исследований;
- приоритет, отдаваемый «народной литературе», т. е. устному народному творчеству;
- значение этого для проблемы национальной идентичности;
- сочетание влияния романтизма с позитивизмом (в большей степени присущем Браге, в меньшей — Ромеру)⁵.

Т. Брага (1843—1924) был старшим современником С. Ромеру и одним из первых обратился к сбору устного народного творчества португальцев.

² João Arriscado Nunes, Maria Eduarda Gonçalves (eds.), *Enteados de Galileu? A Semi-Periferia no Sistema Mundial da Ciência*, Porto, Afrontamento, 2001, 15.

³ Мид Маргарет, *Культура и мир детства*. М.: Наука, 1988. С. 53, 59, 67—68.

⁴ Марков Геннадий, *Немецкая этнология*. М.: Гаудеамус, 2004, 86.

⁵ João Leal, “A antropologia em Portugal e o englobamento da cultura popular”, *Sociologia & Antropologia*, 2016, vol. 6, n. 2, 293.

В 1867 г. выходит его сборник народных исторических песен («Романсейру»), затем лирических песен, народной поэзии, сказок. В 1885 г. был опубликован его основной труд в области этнографии — «Португальский народ в его обычаях, верованиях и традициях». Т. Брага был также редактором научного журнала и пропагандистом идей позитивизма в Португалии. В дальнейшем он занялся активной политической деятельностью как республиканец и возглавил первое правительство Португальской Республики после свержения монархии в 1910 г.

С. Ромеру (1851–1914), вероятно не без влияния португальского коллеги, собрал и опубликовал первые сборники бразильских народных песен (1883) и сказок (1885; обе работы были изданы в Лиссабоне Т. Брагой). В последних он выделяет элементы европейского, африканского и индейского происхождения. Таким образом, С. Ромеру стал пионером в изучении тем, ставших весьма популярными в дальнейшем в бразильской антропологии: афробразильского населения, бразильских индейцев и метисного крестьянства внутренних районов страны (он также был личным другом Э. да Куньи, автора «Сертанов» — наиболее знаменитой работы, посвященной данной теме).

Далее (помимо личного разрыва между Т. Брагой и С. Ромеру) пути португальской и бразильской этноантропологии оказались различны. В Бразилии основными стали перечисленные выше темы; в Португалии выделилась колониальная антропология (направленная на обеспечение нужд управления и испытывающая сильное влияние физической антропологии) и так называемая «домашняя», этнология метрополии (близкая к фольклористике, иногда даже к краеведению, изучающая традиционную культуру — в основном сельского населения — отчасти с идеологическими целями)⁶.

Помимо разницы в тематике, португальскую и бразильскую науку разделяли и разные подходы. В самом деле, изучение афробразильского населения, казалось бы, могло иметь точки пересечения с исследованиями в африканских колониях Португалии (откуда происходила значительная часть афробразильцев). Однако если бразильская антропология, изучая негритянское население, рассматривала его как некую единую группу внутри бразильского народа, то португальская колониальная антропология при изучении колоний в большей степени акцентировала различия, рассматривала разнообразный этнический состав их населения.

Были, впрочем, попытки и в дальнейшем организовать сотрудничество ученых из двух португалоязычных стран. Так, например, А. Мендиш Коррея, наиболее влиятельный представитель португальской антро-

⁶ Кабицкий М., *История португальской этнологии*. М.: Изд-во МГУ, 2003, 117–118.

пологии в 1920—1940-е гг., дважды посещал Бразилию (в 1934 и 1937 гг.), поддерживал научные связи с бразильскими коллегами. Как отмечает современная исследовательница П. Ферраш, «в его трудах бразильская тема всегда присутствовала»⁷. Она затрагивалась, во-первых, в крупных работах глобального охвата, редактором которых выступал Мендиш Коррея: «Заморские владения Португалии», «Большая португальская и бразильская энциклопедия» и т. п. Кроме того, Бразилия служила для Мендиша Корреи примером успешной португальской колонизации, возможности сосуществования рас (причем метисация не рассматривалась им как опасность), но также культурного синтеза, вклада португальцев в культуру (концепция «лузо-бразильской культуры»)⁸.

Эти концепции близки к тому комплексу идей, который получил название «лузо-тропикализма» и главным автором которых был Жилберту Фрейри (1900—1987). Бразильский журналист, писатель и исследователь (обычно определяемый как социолог, хотя он учился у Ф. Боаса в Колумбийском университете), он стал известен благодаря своей работе «Каза-гранди и сензала» (1933), которую он, кстати, писал в Португалии.

В данной работе Ж. Фрейри обратился к традиционному укладу жизни колониальной Бразилии (преимущественно северо-восточных областей), вращающемуся вокруг усадьбы плантатора (каза-гранди) с прилегающими жилищами рабов (сензала). Автор подчеркивает патриархальный характер взаимоотношений белых плантаторов и негров-рабов, что вызвало в его адрес обвинения в приукрашивании рабства.

В дальнейшем Ж. Фрейри ввел ставшую популярной концепцию «расовой демократии» (*democracia racial*). Однако наибольшее признание он получил, особенно в Португалии, благодаря уже упомянутой концепции лузо-тропикализма. В таких работах, как «Мир, который создал португалец» (1940), «Лузитанец и тропики» (1961) и др.⁹, автор отмечает якобы присущую португальцам особую адаптивность — их приспособленность и умение приспосабливаться к условиям (как природным, так и социальным) тех тропических стран, которые они колонизовали. Отсутствие расовых предрассудков у португальцев способствовало, по Ж. Фрейри, успешной метисации.

⁷ Patrícia Ferraz de Matos, “Um olhar sobre as relações entre Portugal e o Brasil a partir da obra de Mendes Correia: desafios, pontes e interações”, *População e Sociedade*, Porto, vol. 21, 2013, 54.

⁸ António Augusto Mendes Correia, “A ‘cultura luso-brasileira’”, *Boletim da SGL*, 1956, Série 74, números 10–12, 347.

⁹ Gilberto Freyre, *Aventura e Rotina. Sugestões de uma viagem a procura das constantes portuguesas de caráter e de ação*, Lisboa, Livros do Brasil, 1954; Gilberto Freyre, *Um brasileiro em terras portuguesas. Introdução a uma possível lusotropicologia*, Lisboa, Livros do Brasil, 1954.

Лузо-тропикализм оказал заметное влияние на идеологию Португалии, в которой в 1920-е — начале 1930-х гг. была установлена диктатура фашистского типа — так называемое «Новое государство»¹⁰ во главе с А. Салазаром. Идеологам салазаровского режима импонировали постулаты лузо-тропикализма, провозглашающие особый, благотворный характер португальского колониализма. В этой связи лузо-тропикализм зачастую рассматривается как реакционная теория, хотя следует признать, что с его положительной оценкой метисации он представлял собой шаг вперед по сравнению с популярными еще в то время концепциями «отбеливания» населения. Характерно, что столь значительное идейное влияние оказал не «чистый» антрополог, причем не представитель бывшей метрополии (Португалии) на Бразилию, а наоборот.

В целом контакты между португальской и бразильской этноантропологией становятся довольно незначительными. Ж. Леал и П. Ферраш фиксируют такие их примеры, как контакты и совместные мероприятия, осуществлявшиеся по инициативе Мендиша Корреи, и пребывание выдающегося португальского этнолога Жоржи Диаша в Бразилии в 1950-е гг.

Ж. Диаш (1907–1973) — основатель современной португальской антропологии — читал лекции в университетах Параны и Сан-Паулу, получил грант для полевой работы в Амазонии (но, судя по всему, этот проект так и не был осуществлен), а также участвовал в создании Центра португальских исследований (Парана)¹¹. Данный факт, думается, не может служить подтверждением особых отношений в области науки с бывшей метрополией; аналогичным образом мог быть открыт подобный центр, посвященный японским или русским исследованиям. Описанные контакты с наиболее выдающимися португальскими учеными заметно не повлияли на бразильскую антропологию.

С другой стороны, в Бразилии в это время работают антропологи первой величины из ряда европейских стран и США, придавшие импульс исследованиям: М. Херсковиц, Р. Бастид, Д. Пирсон, изучавшие афробразильское население, К. Леви-Стросс, К. Нимуэндажу (Ункель), внесшие заметный вклад в изучение бразильских индейцев. Кстати, в Португалии также становится заметным присутствие иностранных антропологов, но несколько позднее — после революции 1974 г., а также собственно португальцев, получивших образование за границей. Особенно существенное влияние оказали французские, американские и британские (оксфордская

¹⁰ Характерно, что авторитарный режим Ж. Варгаса в Бразилии в это время использовал такое же самоназвание — «Новое государство» (*порт.* Estado Novo).

¹¹ Leal., *Op. cit.*, 294.

школа Дж. Питт-Риверса) антропологи на изучение сельской общины, развивавшееся с 40-х гг. XX в.

Разрыв с бразильской антропологией, таким образом, очевиден. Даже хотя его в 80–90-е гг. стали преодолевать, можно сказать, что он оставался весьма заметным и во многом сохраняется до сих пор. Несмотря на появление работ португальских антропологов по бразильской тематике¹², интерес исследователей нельзя назвать равнозначным с обеих сторон. Характерным был пример известного современного бразильского антрополога Жилберту Велью, посетившего Португалию в 90-е — начале 2000-х гг. В связи с этим выявился, с одной стороны, интерес португальских коллег к его работам (в особенности по городской антропологии), но с другой стороны — нехватка систематических контактов и недостаточная осведомленность бразильских ученых о португальской проблематике¹³.

На основе сделанного краткого обзора можно сформулировать некоторые выводы.

Единое культурное и языковое пространство важно, но недостаточно для широкого и плодотворного обмена идеями и взаимных научных влияний.

Общие черты и контакты между португальской и бразильской этноантропологией имели место в начальный период существования данной науки (вторая половина XIX в.), так как она зарождалась в похожих условиях (как исследование народной культуры, фольклора на базе романтизма и отчасти позитивизма) и имела общие задачи — утверждение национальной идентичности (в Бразилии это преимущественно касалось белого населения). Затем их пути расходятся.

Для наличия влияния, помимо культурно-языковой общности, должны существовать сильные национальные школы, интересы которых были бы направлены вовне. Португальская этнология больше обращалась к изучению собственно португальцев либо чисто прикладному изучению португальских колоний. Бразильская антропология ориентирована также на реалии своей страны. Последние имеют некоторые общие черты с ситуацией в других латиноамериканских обществах, и мы действительно наблюдаем влияние бразильской этноантропологии на науку соседних стран (примером может служить теория так называемого «индейского перспективизма»).

Кроме того, взаимное влияние возможно в тех случаях, когда имеет место выход на глобальные научные обобщения. Такие обобщения (или, по

¹² Например: João de Pina Cabral, *Gente livre. Consideração e pessoa no Baixo Sul da Bahia*, São Paulo, Terceiro Nome, 2013.

¹³ Cristiana Bastos, Graça Índias Cordeiro, “Desafios e metamorfoses da antropologia contemporânea, Entrevista com Gilberto Velho”, *Etnográfica*, Lisboa, 1997, vol. 1, n. 2, 325–326.

крайней мере, их попытки) делались в Португалии со стороны А. Мендиша Коррей и Ж. Диаша, в Бразилии — Ж. Фрейри.

Библиография

1. Кабицкий, Михаил Е. *История португальской этнологии*. М.: Изд-во МГУ, 2003.
2. Марков, Геннадий Е. *Немецкая этнология*. М.: Гаудеамус, 2004..
3. Мид, Маргарет. *Культура и мир детства*. М.: Наука, 1988.
4. Bastos, Cristiana, Índias Cordeiro, Graça, “Desafios e metamorfoses da antropologia contemporânea, Entrevista com Gilberto Velho”, *Etnográfica*, Lisboa, 1997, vol. 1, n. 2, 325–326.
5. Cabral, João de Pina, *Gente livre. Consideração e pessoa no Baixo Sul da Bahia*, São Paulo, Terceiro Nome, 2013.
6. Ferraz de Matos, Patrícia, “Um olhar sobre as relações entre Portugal e o Brasil a partir da obra de Mendes Correia: desafios, pontes e interações”, *População e Sociedade*, Porto, vol. 21, 2013, 54.
7. Freyre, Gilberto, *Aventura e Rotina. Sugestões de uma viagem a procura das constantes portuguesas de caráter e de ação*, Lisboa, Livros do Brasil, 1954; Gilberto Freyre, *Um brasileiro em terras portuguesas. Introdução a uma possível lusotropicologia*, Lisboa, Livros do Brasil, 1954.
8. Leal, João, “A antropologia em Portugal e o englobamento da cultura popular”, *Sociologia & Antropologia*, 2016, vol. 6, n. 2, 293.
9. Mendes Correia, António Augusto, “A ‘cultura luso-brasileira’”, *Boletim da SGL*, 1956, Série 74, números 10–12, 347.
10. Nunes, João Arriscado, Gonçalves, Maria Eduarda (eds.), *Enteados de Galileu? A Semi-Periferia no Sistema Mundial da Ciência*, Porto, Afrontamento, 2001, 15.

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИБЕРОАМЕРИКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н. С. Константинова¹⁴

Теоретические аспекты проблемы культурной идентичности в XXI веке

Theoretical aspects of the problem of cultural identity in the 21st century

Резюме: Статья посвящена одной из самых актуальных проблемы современности — проблеме культурной идентичности, рассмотренной на примере ибероамериканского культурного ареала. Особое внимание уделяется трактовке самого термина «идентичность», который интерпретируется по-разному в разных текстуальных дискурсах. Автор проводит демаркационную линию между понятиями идентичность и идентификация, которые порой смешиваются и используются как синонимы. Автор анализирует этот феномен через призму реального и мифологизированного видения, рассматривает его содержание в региональном и локальном контекстах. Особое внимание сконцентрировано на роли культурной идентичности в эпоху глобализации. В статье подчеркивается, что культурную идентичность следует рассматривать как открытый процесс, который никогда не бывает окончательно завершенным; как исторически складывающуюся идентичность, которая находится в процессе перманентной трансформации.

Ключевые слова: культурная идентичность; ибероамериканские страны; глобализация; кризис идентичности.

Abstract: The article is dedicated to one of the topical issues of the modern times — the problem of cultural identity, considered by the example of the Ibero-American cultural area. Particular attention is paid to the interpretation of the term “identity”, which is interpreted differently in different textual discourses. The author conducts a demarcation line between the concepts of identity and identification, which are sometimes mixed and used as synonyms. The author analyzes this phenomenon through the prism of a real

¹⁴ Константинова Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, руководитель Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН (natkonst@hotmail.com), гр. РФ.

and mythologized vision, examines its content in regional and local contexts. Particular attention is focused on the role of cultural identity in the era of globalization. The article emphasizes that cultural identity should be viewed as an open process that is never finalized; as a historically emerging identity, which is in the process of permanent transformation.

Keywords: cultural identity; Ibero-American countries; globalization; identity crisis.

Проблематика культурной идентичности — одна из модных тем современного дискурса в сфере гуманитарного знания. Ей посвящено бесчисленное множество исследований, в том числе в России и странах ибероамериканского культурного ареала. Нельзя не признать, что такой повышенный интерес более чем оправдан. В контексте глобализационных процессов, охвативших мировое сообщество, вопрос о самоидентификации, как на уровне индивидуумов, так и социумов, стоит чрезвычайно остро. Несмотря на этот неоспоримый факт, у некоторых исследователей возникают сомнения относительно научной легитимности самого понятия «идентичность». В России противники его употребления высказываются достаточно жестко. «Термин “идентичность”, — пишет отечественный культуролог В. С. Малахов, — основательно потеснил, а кое-где и полностью вытеснил привычные термины вроде “самосознания” и “самоопределения”... Между тем при ближайшем рассмотрении оказывается, что смысл употребляемых понятий не всегда ясен самому говорящему и, во всяком случае, весьма различается в зависимости от того, *кто* говорит»¹⁵. Ему вторит авторитетный кубинский исследователь Пабло Гуадаррама Гонсалес «При сегодняшней растущей интернационализации общественной жизни, — утверждает он, — становится легче заметить сходства и различия, которые существуют в культурах разных регионах. Даже в одной и той же стране различия культурных проявлений настолько велики, что позволяют всегда ставить под вопрос само понятие культурной идентичности»¹⁶.

Перечень схожих высказываний можно было бы продолжить. Однако вряд ли это имеет смысл, поскольку, на наш взгляд, употребление термина «идентичность» абсолютно правомерно с научной точки зрения, так как мы имеем дело не с мифом, а с реальным феноменом, исключительная сложность и многозначность которого скорее всего и рождает подобные суждения. Но ведь гуманитарное знание никогда не могло похвастаться предельной четкостью дефиниций тех или иных явлений. К счастью, это не приводило к отказу от их изучения. Вместе с тем можно согласиться, что

¹⁵ Малахов В. С. *Неудобства с идентичностью*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>.

¹⁶ Gonzalez Pablo Guadarrama. *Pensamiento filosófico e identidad cultural latinoamericana*. Santiago, 1992, 18.

само слово «идентичность», которое в отечественной языковой традиции понималось обычно как «тождество», для русского уха звучит менее привычно, чем, скажем, для носителей романо-германских языков. Но это уже лингвистическая проблема, выходящая за рамки данного доклада.

Итак, сегодня мы являемся свидетелями взрыва интереса к данной тематике, который стимулировали процессы социально-политической и культурной трансформации, происходившие в России и Испании наряду с другими государствами, в последние десятилетия. Речь идет о возрастающей саморефлексии, о своей культуре и идентичности, чему есть по меньшей мере два главных объяснения. *Первое* — это нивелирующее воздействие на культуру глобальных интеграционных процессов и массовой культуры. *Второе* — рост национального и этнического самосознания в условиях демократизации общественной жизни после конца господства тоталитарных и авторитарных режимов. Есть на это и еще одна веская причина, а именно специфика эпохи, в которой живет современное человечество. Эта эпоха с легкой руки исследователя Зигмунда Баумана получила название «текущая современность». Именно так озаглавлена его книга, посвященная этому феномену, смысл которого объясняется уже в эпиграфе. «Заминки, непоследовательность, неожиданности — обычные явления в нашей жизни, — пишет автор. — Они даже стали по-настоящему необходимы для многих людей, чей ум больше не может питаться ничем, кроме стремительных изменений и постоянно обновляющихся стимулов... Мы больше не можем сносить ничего длящегося... Скорость движения сегодня стала более важным, возможно главным, фактором социальной стратификации и иерархии доминирования»¹⁷.

В подтверждение этого Бауман говорит о том, что в современном мире настолько много возможностей и каждая последующая еще более привлекательна, что сложно остановиться на одной из них надолго, что в итоге приводит человека в состояние «возбуждающего переживания». Это умозаключение непосредственно касается и проблемы идентичности, когда ее выбор становится результатом акта свободного волеизъявления. «Общество, которое входит в XXI столетие, не менее “современно”, чем общество, которое вступило в XX в.; самое большое, что можно сказать, — это что оно современно другим образом. Его делает таким же современным, каким оно было около столетия назад, то, что отделяет современность от всех других исторических форм человеческого общежития: навязчивая, непрерывная, непреодолимая, вечно незаконченная модернизация; непомерная и неискоренимая, неутолимая жажда творческого разрушения (или разрушительного творчества, как может быть на самом деле: жажда “расчистки

¹⁷ З. Бауман Зигмунд, *Текущая современность*. СПб., 2008, 127.

места” во имя “нового и улучшенного” замысла; “демонтажа”, “урезания”, “свертывания”, “слияния” или “уменьшения габаритов” ради повышения способности еще больше делать то же самое в будущем — увеличивать производительность или конкурентоспособность)»¹⁸.

В последнее время разворачивается широкая дискуссия по проблемам культурной идентичности. Ее особенность заключается в том, что в конце XX — начале XXI столетия в большинстве стран эта проблема стала объектом внимания не только научного сообщества, но и всех тех, кого можно было бы назвать «заинтересованными лицами» — от политической элиты до представителей низших слоев общества. При этом часто идентичность интерпретируется как некая данность, изначально определяющая тот или иной субъект. На самом деле культурную идентичность следует рассматривать как открытый процесс, который никогда не бывает окончательно завершенным; как исторически складывающуюся идентичность, которая находится в процессе перманентной трансформации, смысл которой заключается в возможности развития самоосознания, автономии и вызванной внутренними факторами динамики.

Так что же такое идентичность? По мнению австро-американского ученого Эриха Эриксона, признанного основоположником теории идентичности, «обладать идентичностью значит ощущать себя неизменным независимо от ситуации, ощущать связь собственной непрерывности и признания этой непрерывности другими людьми»¹⁹. Пожалуй, самая краткая из формулировок гласит: *Я остаюсь собой в различных ситуациях*. Тем не менее идентичность, хотя и является итогом предшествующего ей периода идентификации, не означает нечто раз и навсегда данное, на чем делает акцент известный британский социолог и культуролог Стюарт Холл, подчеркивая, что она «всегда остается незавершенной, постоянно находится “в процессе”, непрерывно “формируется”»²⁰.

Несмотря на все терминологические перипетии, трудно не признать, что проблема идентичности — одна из самых актуальных проблем современного мира. Причем ее актуальность возрастает прямо пропорционально нарастающей глобализации, одновременно сопровождающейся центробежными тенденциями. Как известно, действие рождает противодействие. Желание не раствориться в безликой аморфной массе находит выражение в потребности ощутить свою принадлежность к определенной социокультурной общности. Именно поэтому в эпоху глобализации и господства постмодернистского сознания проблема культурной идентичности стала объ-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Эриксон. Эрик, *Идентичность, юность и кризис*. М., 2006, 46.

²⁰ Hall S., *The question of Cultural Identity*. Cambridge, 1992, 38.

ектом серьезной озабоченности мирового научного сообщества, включая Россию, Испанию и латиноамериканские страны.

Глобализация и культурная идентичность

Рассматривая проблему влияния процессов глобализации на культурную идентичность, следует отметить, что в последнее время в литературе все активнее обсуждается возможность формирования так называемой «мультикультурной идентичности», которая должна помочь индивиду выйти за рамки своей культуры, не чувствовать себя чужим в новых культурных условиях. Как пишет аргентинская исследовательница Моника Руффино в своей книге «Культурная идентичность на перекрестке. Планетарное и локальное», презентация которой состоялась на Международной книжной ярмарке на Кубе в 2017 г., «культурная идентичность строится на перекрестке. Каждая локальная группа находится в процессе построения своей культурной самобытности, сталкиваясь с постоянной планетарной осадой, продвижением глобальной коммуникации и неолиберальной моделью. Отрицательное в такой динамике — это господство, осуществляемое неолиберализмом, транснациональными предприятиями и крупными медиакорпорациями, которые навязывают свою идеологию, свою продукцию и свои символы»²¹.

Нет сомнений, что современное человечество действительно переживает кризис идентичности, являющийся неотъемлемым атрибутом самого этого феномена. Напомним, что в свое время Эрикссон постулировал, что кризис идентичности — закономерный этап ее становления. И именно в периоды кризисов происходит всплеск интереса к этому явлению как со стороны научных кругов, так и общества в целом, что, собственно, мы и наблюдаем сегодня практически повсеместно.

В контексте данной проблематики невольно встает вопрос о соотношении культурной идентичности и традиции. И ответ на него, на наш взгляд, достаточно очевиден. Именно традиция — это то, что сохраняет целостность общества, создает возможность не быть полным подобием других, а значит, иметь свою идентичность. Не случайно важнейшим условием понимания сущности идентичности является ее историчность, а именно включенность индивида и общества в исторический поток социально-политических и культурных изменений.

Таким образом, генетически идентичность всегда восходит к традиции, которую, и это принципиально важно, ошибочно рассматривать как нечто раз и навсегда данное. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что иден-

²¹ Ruffino Mónica, *La identidad cultural en la encrucijada. Lo planetario y lo local*. Buenos Aires, 2017.

тичность опирается на традицию, но одновременно находится с ней в непростых, порой критических отношениях. Все это наглядно прослеживается на примере иберийских и латиноамериканских стран, где в последние десятилетия появился целый ряд концепций и теорий, связанных с проблематикой идентичности. Естественно, они возникли не на пустом месте и во многом опираются на предшествующие знания и представления.

Несмотря на различия, о которых мы скажем чуть позже, между этими концепциями есть немало точек соприкосновения. Я думаю, что самая правильная характеристика этой концептуальной полифонии звучит как «единство многообразия».

Попробуем в нем разобраться. «Наше время — это не только эпоха глобализации, но и эпоха “власти идентичностей”, — пишет известный испанский социолог Мануэль Кастельс, подчеркивая, таким образом, важность самой проблемы и ее анализа, который в испанском контексте требует в высшей степени дифференцированного подхода с учетом исторически сложившегося культурного плюрализма. Любопытно, что одновременно Кастельс констатирует примат культурной идентичности над другими ее разновидностями и соответственно «ее доминирование в современном “сетевом сообществе”»²².

Проблема культурной идентичности воспринимается и интерпретируется по-разному практически в каждом из автономных сообществ, что далеко не всегда оправданно. Одно дело, когда речь идет о социумах, имеющих собственный язык, а следовательно, основание претендовать на признание самостоятельной культуры, как это происходит в Каталонии, Галисии и Стране Басков. Другое — когда любая местная специфика возводится в ранг непримиримого противоречия. Примером такой позиции служат взгляды некоторых представителей андалузской интеллигенции, призывающих к прямой конфронтации с Центром, который, по их мнению, ошибочно рассматривает культуру Андалусии как составную часть испанской культуры, и выступающих против ее «колонизации». Подобные настроения можно порой встретить и в других автономиях, в частности в Валенсии, Аликанте и в иных частях Испании.

Наиболее взвешенная точка зрения, по моему глубокому убеждению, состоит в том, что, признавая существование значительно большего культурного разнообразия, чем в предшествующие эпохи, необходимо рассматривать это разнообразие как истинное богатство, которое отрицается идеологией глобализма. Оно обусловлено как диверсификацией внутри культуры той или иной автономии, так и присутствием новых меньшинств, отличающихся в культурном плане. «В будущем по этим двум причинам ди-

²² .Castells Manuel, *The Power of Identity*. Oxford, 2004, 6.

версификация еще больше усилится. И к этому надо относиться как к обогащению и повышению ценности своей культуры, а не как к проблеме»²³.

Условием *sine qua non* для формирования национальной и культурной идентичности является противопоставление «своего» и «чужого». Таким же образом, любая идентичность всегда строится на отличии от других идентичностей. Это различие может быть понято как экзистенциальный конфликт, иными словами, как четкое деление на друзей и врагов, либо как более мягкая оппозиция.

Идентичность обязательно должна быть подкреплена образом либо внешнего врага, либо противника в том или ином смысле, что служит мощным катализатором ее формирования. Следует сказать, что противопоставление «мы» и «они» может принимать разные формы. Например, в Бразилии оно было сведено до минимума вследствие особенностей ее исторического развития, включая достаточно «безболезненное», по сравнению с другими государствами региона, обретение независимости. Не случайно выдающийся бразильский социолог Ж. Фрейри писал о том, что «главный урок бразильского смещения заключается именно в признании “другого” как конституирующей составляющей себя самого. Это смещение — не отрицание собственного культурного наследия, а, наоборот, его утверждение. Необходимо в свете происходящих в современном мире процессов актуализировать те традиции, которые изначально были нам присущи, в том числе такие, как любовь к досугу, к свободному времяпрепровождению, к которым столь не готовы многие современные общества, включая наиболее развитые из них»²⁴.

В качестве контрапункта можно привести пример Мексики, пережившей кровавую конкисту, с одной стороны, а с другой — расположенной в непосредственной близости к Соединенным Штатам, политика которых в отношении южного соседа неизбежно провоцировала антиамериканизм как форму проявления неприятия «другого».

Хотелось бы обратить внимание на такую разновидность идентичности, как *идентичность — сопротивление*. Ее адепты обращаются к терминологии Франца Фанона и ставят своей целью избежать «синдрома колонизации». Их лозунг — «идентичность — сопротивление», который сопровождается призывом дистанцироваться от того, что они называют «узаконенной идентичностью», имеется в виду разрешенной сверху, которая, по их мнению, на деле является скрытой формой подчинения и в конечном итоге ведет к полной утрате идентичности. Защитники такой точки зрения полагают, что нельзя одновременно участвовать в отстаивании обоих типов

²³ Ibid,

²⁴ Freyre Gilberto. *Novo mundo nos trópicos*. São Paulo, 2012, 12.

идентичности. Конечная цель *идентичности сопротивления* простирается довольно далеко, вплоть до отстаивания полной политической самостоятельности, как это происходит, например, в Каталонии. Но даже представители радикальных взглядов, напрямую связывающие культурную идентичность с проблемами политического характера, подчеркивают, что их позиция не противопоставляется ни мультикультурализму, ни стремлению к межкультурному взаимодействию. Она противостоит гомогенизации, навязываемой из центров культурной, политической и экономической власти, заинтересованных, по их убеждению, в том, чтобы народы утрачивали свою идентичность.

В заключение выскажу несколько предварительных соображений.

Несмотря на существование множества различных концепций ибероамериканской и российской культурной идентичности, в них фигурируют общие фундаментальные проблемы, позволяющие выдвигать гипотезы относительно векторов последующего развития исследований, поскольку, хотим мы того или нет, ни один из тезисов не дает удовлетворительного ответа на вопросы, связанные с этой сложной проблемой.

Стоит отметить, что у латиноамериканских авторов, в отличие от европейских и российских, изначально обнаруживалась чрезвычайная близость, а порой и синонимичность понятий «культурная идентичность» и «национальная идентичность». Эта тенденция присутствует и сегодня. Об этом писал в свое время Ж. Фрейри: «Когда бразильские ученые говорят о культурной или национальной идентичности, они оперируют категориями, отличными от употребляемых их европейскими коллегами. Единственное, что их объединяет, это тот факт, что данные понятия используются в качестве инструментов отличия конкретной культуры от совокупности всех остальных»²⁵.

Идентичность является ответом на вопрос «кто я» на индивидуальном уровне или «кто мы» на групповом, этническом, национальном или континентальном уровнях. И ответ может быть только плюралистичным. Иными словами, проблема идентичности — это всегда проблема идентичностей. Таким образом, мы можем представить себе культурную идентичность в качестве многоуровневой системы, не всегда последовательной, в результате чего могут возникать конфликты идентичностей.

Обращаясь к современности, мы полагаем (не отрицая наличия кризисных явлений в рассматриваемой сфере), что было бы правильным типологически разграничить два вида подобного кризиса — *глубинный* и *поверхностный*. В первом случае подразумеваются такие явления, как потеря исторической памяти, неприятие национальных символов, полная утрата

²⁵ Ibid, 12.

веры в складывавшуюся столетиями систему традиционных ценностей. Во втором речь идет, скорее, о разочаровании в ценностных установках, доминирующих в данный момент, о падении доверия к существующей власти, неудовлетворенности политикой, проводимой конкретным президентом и конкретным правительством. Все это, вместе взятое, стимулирует нежелание идентифицировать себя со сложившейся в стране ситуацией, прежде всего социально-политической. Кризисы такой «поверхностной» идентичности носят волнообразный характер. Их можно представить в виде некой кривой, обычно демонстрирующей наиболее низкий уровень несогласия на начальном этапе правления той или иной администрации и постепенно возрастающий, достигая максимальных величин к его финальному этапу.

Вряд ли во всех этих случаях правомерно говорить о структурном кризисе идентичности, поскольку речь не идет ни об утрате любви к Родине, ни об отречении от ее символики, ни тем более о желании от нее дистанцироваться (в прямом или переносном смысле). Речь идет о вполне понятной неудовлетворенности конкретной ситуацией, сложившейся «здесь и сейчас», о нежелании быть причастным к ней, о выражении несогласия с существующим на данный момент статус-кво. И сам по себе протест (а в последнее время он часто принимает достаточно активные формы) отнюдь не свидетельство утраты национальной идентичности. Напротив, это яркое ее проявление, демонстрирующее серьезную озабоченность не только своей собственной судьбой, но и судьбой страны, с которой те, кто выражает свое (чаще всего справедливое) недовольство, прочно себя ассоциируют.

Таким образом, характеризуя современную ситуацию в свете проблемы культурной идентичности, на наш взгляд, справедливее было бы говорить не о ее структурном кризисе, а об определенных негативных трендах, проявляющихся в том, что мы условно назвали поверхностным кризисом идентичности. Как справедливо отмечает российский культуролог И. В. Лысак, «на формирование глубинных пластов идентичности по-прежнему существенное влияние оказывают традиционные ценности локальных культур, их историческое прошлое и религиозные воззрения»²⁶.

Учитывая, что глобализация культурной сферы по своим масштабам все же уступает глобализации в экономической, технологической или информационной, то и дальнейшая судьба культурной идентичности предстает не в столь мрачных тонах. Социокультурная специфика, несомненно, будет сохраняться как в национальных масштабах, так и на локальных уровнях, в контексте диалектического взаимодействия общего и особенного. Не случайно подавляющее число исследователей рассматривает фено-

²⁶ Лысак И. В., «Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации» // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2010. № 4. С. 93.

мен культурной идентичности именно через призму диалектики общего и особенного, а именно локального и универсального. Как пишет М. Руффино, «крепость неолиберального господства создает трудности для малых периферийных культур в поддержании их воспроизводства, их образа жизни, их ценностей и символов. Здесь происходит стыковка между планетарным и локальным. Однако, несмотря на гегемонию больших консорциумов, каждая группа конституирует свою идентичность, в которой превалируют местные особенности»²⁷.

Основываясь на сказанном выше, есть все основания утверждать, что те турбулентные явления в российской, иберийской и латиноамериканской культурах, которые происходят в сфере их идентичности в XXI столетии, вполне вписываются в «допустимые отклонения от нормы». Более того, они имеют эффект бумеранга, поскольку сама мысль о потенциальной возможности утраты идентичности рождает желание противостоять такому негативному развитию сценария. Не будем забывать, что сегодняшний мир в целом и отдельные регионы в частности стали в беспрецедентной степени изменчивыми и динамичными. Было бы странно, если бы в таком контексте культурная идентичность превратилась в застывших сфинксов.

Библиография

11. Малахов В. С. *Неудобства с идентичностью*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>.
12. Gonzalez Pablo Guadarrama. *Pensamiento filosófico e identidad cultural latinoamericana*. Santiago, 1992.
13. Бауман Зигмунд. *Текущая современность*. СПб., 2008.
14. Эриксон Эрик. *Идентичность, юность и кризис*. М., 2006.
15. Hall S. *The question of Cultural Identity*. Cambridge, 1992.
16. Ruffino Mónica. *La identidad cultural en la encrucijada. Lo planetario y lo local*. Buenos Aires, 2017.
17. Castells Manuel. *The Power of Identity*. Oxford, 2004.
18. Freyre Gilberto. *Novo mundo nos trópicos*. São Paulo, 2012.
19. Лысак И. В. «Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации» // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2010. № 4, 93.

²⁷ Ruffino Mónica. Op. cit., 45.

**Архитектура Испании и России XX века:
параллели, взаимовлияния, сотрудничество**

**Architecture of Spain and Russia of the xx century:
parallels, mutations, cooperation**

Resumen: El informe se centra en paralelos en el desarrollo de la arquitectura de España y Rusia, la interferencia y cooperación de los arquitectos españoles y rusos desde finales del siglo XX. El énfasis principal está en pasión de los arquitectos rusos por el estilo moro de la segunda mitad del siglo XIX, en impacto de vanguardia rusa/soviética en obra de arquitectos españoles del siglo XX y principios del siglo XXI, y su cooperación con los maestros rusos.

Palabras clave: España; Rusia; estilo moro; vanguardia rusa/soviética; paralelos; interferencia; cooperación de arquitectos españoles y rusos.

Abstract: The report focuses on parallels, interference and cooperation of Spanish and Russian architects beginning with the end of the XX century. The main emphasis is on the passion for the Moorish style by the Russian architects at the end of the XIX century, on the influence of Russian/Soviet vanguard on the work of Spanish masters of the second part of the XX — beginning of the XXI centuries, on the work of Spanish architects in Russia and their cooperation with Russian masters.

Keywords: Spain; Russia; Moorish style; Russian/Soviet vanguard parallels; interference; cooperation of Spanish and Russian architects.

Долгое время в культуре Европы и Америки существовал феномен централизации, на каждом этапе развития искусства доминировала «определенная национальная школа, служившая своеобразным «камертоном» для всех других национальных школ; именно в ее рамках осуществлялись основные инновации, которые затем перенимались другими школами».²

На протяжении веков ни русская, ни испанская школы архитектуры не занимали доминирующего положения, хотя в разные исторические периоды зодчие Испании и России создавали удивительные по пластике, образности, метафоричности и при этом инновационные по решению сооружения. Особенно это касается возникшего на рубеже XIX–XX столетий стиля ар-нуво — модерн (определение В. Л. Хайта), явления интернацио-

¹ Шелешнева-Солодовникова Н. А., старший научный сотрудник Центра культурологических исследований ИЛА РАН (sheleshnatal@gmail.com), гр.РФ.

² Петров В. М., «Глобализация — либо сепаратизм?» // *Культурологические записки*. Вып. 9. М., 2004, 99.

нального, но в Испании и России давшего свой вариант, с сочетанием традиций и инноваций. Особенно ярко это проявилось в зодчестве представителей каталонского модернизма Антонио Гауди, Льюиса Думенек-и-Мунтанера, Жузепа Пуч-и-Кадафалка и русских архитекторов московской (Ф. О. Шехтель, Л. Н. Кекушев, И. А. Фомин, А. Н. Зеленко) и петербургской (А. фон Гоген, П. Ю. Сюзор, Ф. И. Лидваль, Н. В. Васильев) школ.

Культура Испании с XVIII в. привлекала русских писателей, поэтов, музыкантов, художников, театральных деятелей. Не остались в стороне от увлечения испанскими традициями и русские архитекторы эпохи эклектики и ар-нуво — модерна, в частности так называемым «мавританским стилем». В первую очередь это было свойственно для зданий Москвы (дом Арсения Морозова на Воздвиженке. 1895–1899, арх. В. А. Мазырин), и Петербурга. Наиболее известным доходным домом, построенным в этом стиле в тогдашней столице в начале 1870-х гг. архитектором А. К. Серебряковым, является дом Мурузи. Это здание стало своего рода мистическим для русских литераторов. В конце 1870-х гг. в нем поселился Н. С. Лесков, с 1899 г. до революции 1917 г. жили Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, после революции Н. С. Гумилев организовал в нем Дом поэтов, с 1950-х гг. до своей эмиграции в 1974 г. здесь жил и творил лауреат Нобелевской премии по литературе Иосиф Бродский.

Россия стала интересовать Европу и Испанию в значительной степени благодаря «Русским сезонам» Сергея Дягилева. Благодаря его постановкам в Париже встретились Игорь Стравинский и Мануэль де Фалья. Пикассо, также работавший над сценографией балетов Дягилева, стал мужем одной из прима-балерин — Ольги Хохловой, родившей ему сына Поля.

Что касается архитектуры, то с конца 1910-х гг. в России возник свой авангардный стиль, впоследствии получивший название школы советского конструктивизма. В русской живописи авангард проявился десятилетием раньше и в значительной степени повлиял на архитектуру. Более того, многие знаменитые художники, в частности Казимир Малевич и Эль Лисицкий, создали множество проектов «бумажной архитектуры», которые впоследствии оказали влияние на зодчих Европы и Америки. В Испании рационалистические идеи появились позже идей немецкого Баухауза, Ле Корбюзье во Франции и советской школы конструктивизма — лишь в конце 1920-х — начале 1930-х гг., а потому и просуществовали совсем недолго — до начала Гражданской войны. Архитекторы барселонской группы GATCPAC (del Grup d'Arquitectes i Tecnic Catalán per a la Realització de l'Arquitectura Contemporània, Группа каталонских архитекторов и инженеров за реализацию современной архитектуры), возникшей в 1928 г., и мадридской GATEPAC (El Grupo de Artistas y Tecnicos Españoles para el Progreso

de la Arquitectura Contemporánea, Группа испанских художников и инженеров за прогресс в современной архитектуре), образовавшейся в 1930 г., в значительной степени отталкивались от работ мастеров Баухауза и представителей русского (советского) архитектурного авангарда. Но это был очень короткий период. Как и в России, в Испании в конце 1930-х гг. воцарился помпезный вариант неоклассицизма, просуществовавший до середины 1950-х гг., когда Франко несколько ослабил диктат в области культуры. Рывок, который произошел в зодчестве Испании в конце 1950-х гг., произвел фурор в мировом архитектурном сообществе и позволил известному итальянскому искусствоведа Джиро Понти назвать данный период «испанским моментом в европейской архитектуре»³. С этого времени зодчество Испании становится одним из ведущих не только в европейском, но и в мировом пространстве.

Среди зодчих, совершивших своего рода переворот в испанской архитектуре, наиболее известны имена представителей Мадридской школы Луиса Мойи Бланко, Луиса Гутьерреса Сото, Алехандро де ла Сота и Фернандо Игуэраса Диаса. Основные проекты были осуществлены ими в конце 1950-х — 1970-е гг.

Творчеству Фисака, де ла Сота, Саэнса де Оинса и ряда других мастеров была посвящена лекция молодых испанских зодчих, братьев Альфонсо и Пабло Олалькиага, руководителей мадридской студии *Olalquiaga Arquitectos*, прочитанной в июле 2012 г. в Государственном музее архитектуры имени А. И. Щусева. Лекция называлась «Москва — Мадрид. Влияние советского авангарда на мадридскую архитектуру XX века». В лекции было подчеркнуто, что докладчики обратились к творчеству зодчих, которые учились на архитектурном факультете Мадридского политехнического университета в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Как ни парадоксально, на архитектурном факультете в эти годы не преподавалась архитектурная культура. Это поколение, как отметили лекторы, не было знакомо даже с каталонским модернизмом, во главе которого стоял великий Гауди. Но благодаря некоторым послаблениям в середине 1950-х гг. представители Мадридской школы архитектуры с жадностью стали приобщаться к достижениям зодчества XX в. Открытием стали для них конструктивизм и супрематизм советского авангарда. По мнению Олалькиага, «архитектоны» Малевича и «проуны» Лисицкого совершили переворот в скульптуре и архитектуре. Особое внимание лекторы уделили творчеству Константина Степановича Мельникова — архитектора, по их мысли, наиболее независимого, создавшего собственный стиль, с некоторыми реминисценциями модерна, но абсолютно

³ Pozo J. M., *Artículo de opinión*. URL: www.unav.es/arquitectura/documentos/not225/21.VIII.2007, 2. (accessed 01.10.2017).

свободного и, возможно по этой причине, самого истинного конструктивиста. Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить, что, рассматривая модерн, Дмитрий Владимирович Сарабьянов обращал внимание на присутствие в нем как черт эклектики, так и зарождающегося конструктивизма⁴.

Говоря о влиянии русского/советского авангарда на испанскую школу архитектуры, необходимо отметить статью «Испанские Мельниковы» одного из ведущих современных архитекторов, также представителя Мадридской школы, лауреата Притцкеровской премии 1996 г. (аналог Нобелевской премии в области архитектуры) Рафаэля Монео (р. 1938), которую он опубликовал в 1975 г., вскоре после смерти Мельникова, в 6-м номере журнала «Arquitecturas». Проводя параллели между русской и испанской архитектурой XX в., Р. Монео обратил внимание и на ряд спорных вопросов по этой теме, затронув, в частности, тему новаторства. Если Мельников, подчеркнул Монео, был абсолютным новатором в мировом масштабе, то испанские мастера в 1950-е гг. совершили инновационный переворот скорее на региональном уровне. К сожалению, Монео, так хорошо знающий русскую архитектуру, создавший много интересных проектов не только для Испании, но и для других стран, не осуществил в нашей стране ни одной постройки, самостоятельной или в соавторстве с российскими архитекторами. Его художественный почерк отличается ярко выраженным своеобразием, как и почерк трех других мастеров из «звездной плеяды» современной испанской архитектуры — Рикардо Бофилля (р. 1939), Мануэля Нуньеса Яновского (р. 1942), Сантьяго Калатравы Вальса (р. 1951). Первые двое сотрудничают с российскими архитекторами и осуществляют в России собственные проекты. Влияние Калатравы Вальса присутствует в некоторых осуществленных в нашей стране сооружениях.

«Дон Жуан» архитектуры, уподобляющий, по его собственным словам, процесс проектирования роману с прекрасной женщиной, один из ярчайших представителей постмодернистской парадигмы, Р. Бофилль в 1962 г., в возрасте 23 лет, создал в каталонской столице свою Мастерскую, одной из основных, достаточно амбициозных целей которой было желание попасть на «международную архитектурную орбиту»⁵. Здания и целые ансамбли, прославившие Бофилля, напоминают огромные скульптурные объекты из дешевого сборного железобетона, метафоричность которых обусловлена обращением в разное время к разным традициям. Бофилль стремился и стремится к созданию динамичного, «магического» пространства и образов, всегда привязанных к определенному месту. Начиная Бофилль исходя из опыта органической архитектуры Франка Ллойда Райта, «на-

⁴ Сарабьянов Д. В., *Стиль модерн. Истоки, история, Проблемы*. М., 1989, 45.

⁵ Urrutía A., *Arquitectura Española. Siglo XX*. Madrid, 1997, 584.

родного творчества» А. Аальто, советского конструктивизма, опираясь на каталонские традиции, пропущенные через творчество Гауди с его образностью, символикой, мифологизмом. Кубистические в своей основе, они навеяны также творчеством его соотечественников Пабло Пикассо и Хуана Гриса.

Одним из первых проектов Бофилля стал проект квартала Гауди (1964–1968) в Реусе, родном городе Гауди. Наибольший интерес здесь представляют черепичные крыши, на которых разбит общественный сад. Одним из произведений начала 1970-х гг., в котором прослеживаются черты советского конструктивизма, является комплекс Ксанаду в Кальпе (Аликанте, 1971). Названия многих произведений Бофилля сами по себе метафоричны и взяты из различных языков. Так, слово Ксанаду (*Xanadu*) в английском языке, в который оно пришло из Индии, означает райское место, наполненное спокойствием. Этот комплекс, расположенный на крутом средиземноморском берегу, словно оторвавшийся от внешнего мира, представляет собой семиэтажный блок с вынесенными кубическими номерами для отдыхающих и персонала (прямая отсылка к клубу Русакова К. С. Мельникова), которые сгруппированы вокруг центрального корпуса, предназначенного для утилитарных нужд. Несмотря на применение кубистической конструкции, зодчий активно использует местные мотивы — покатые черепичные крыши и окна с жалюзи.

Открыв в середине 1970-х гг. отделение Мастерской в Париже, Бофилль обращается к классике. Во Франции архитектор создает и реализует множество проектов сооружений и целых ансамблей, в которых в духе постмодернизма переосмысливает традиции классицизма и частично барокко. В это время классицизм мастера в значительной степени отмечен китчевым началом. Но этот китч и есть первый шаг к серьезному осмыслению традиций и осознанию принципа метафоры как управляющего процессом формообразования. Архитектурные комплексы Бофилля вызывают в памяти комплексы Баальбека и Пальмиры (II–III вв. н. э.) с их огромными размерами, грандиозностью ордеров, в какой-то степени живописностью решений, основанных на контрастах света и тени. Это относится к большинству произведений, созданных Бофиллем во Франции в 1970–1980-е гг. Их не так много в самом Париже, но достаточно в его пригородах, а также в других городах Франции, оказавшейся архитектору близкой по духу. Любовь к этой стране нашла ответный отклик и у многих французов. Так, президент Валери Жискар д'Эстен называл Бофилля величайшим архитектором современности. Но мэр Парижа и впоследствии президент Жак Ширак был явно иного мнения о творчестве зодчего, именно поэтому в самом Париже осуществлены лишь два из его проектов — вполне классическая колоннада

на площади Садуля и квартал «Барочные лестницы (Les Echelles du Baroque) на Монпарнасе.

К концу 1980-х гг. в его творчестве, по словам В. Л. Хайта, нарастает тенденция «высокого ортодоксального классицизма»⁶. В это время Бофилль впервые появляется в Москве и подписывает контракт на создание офисно-гостиничного комплекса на Смоленской площади. Московские архитекторы, сотрудничавшие с ним, высказали слишком много претензий автору, которые он не захотел принять. В результате от первоначальной идеи Бофилля в Смоленском пассаже осталось менее 50 %. Но не без влияния архитектуры мастера в 2000-е гг. в Москве был возведен Новинский пассаж на Кудринской площади. В настоящее время Бофилль активно сотрудничает с российскими архитекторами. Заканчивается строительство начатого по его проекту Конгресс-центра в Стрельне под Санкт-Петербургом. Северная столица с ее огромным количеством памятников барокко и классицизма оказалась Бофиллю близкой по духу. Находящийся рядом на берегу Финского залива Константиновский дворец во многом подсказал Бофиллю архитектурное решение. Такая важная деталь, как канал, ведущий от залива к дворцу, впервые примененная еще при строительстве Петергофа, также учтена испанским мастером. В последние годы Бофилль спроектировал несколько жилых комплексов как для Петербурга, так и для Москвы. В Петербурге, на Новгородской улице, уже построен комплекс «Александрия»; рядом со знаменитым Смольным монастырем работы Растрелли реконструирован жилой элитный комплекс «Смольный проспект». В пестрой, по сравнению с Петербургом Москве, на улице Бочкова, на бывшей территории завода «Калибр» напротив станции метро «Алексеевская» Бофилль приступает к строительству жилого комплекса «Маленький Амстердам», а на Рязанском проспекте — к сооружению жилого комплекса «Среда» (номинация «Лучший проект 2016 года»). Оба проекта, как и петербургские, отличаются детально разработанной инфраструктурой.

Верный соратник Бофилля по Мастерской Мануэль Нуньес Яновский в конце 1970-х гг. покидает команду и создает свое бюро в Бельгии, а затем в Париже. Архитектурные произведения Нуньеса Яновского поражают своей выразительностью, почти скульптурной пластикой, игрой образов и пространств. «Скульптура — это микроархитектура, архитектура — это макроскульптура», — говорит зодчий. Одним из самых знаменитых проектов Нуньеса Яновского является Place Picasso (Площадь Пикассо, 1979–1982) в пригороде Парижа Нуази-ле-Гранд. В качестве опоры для двух круглых объемов жилых зданий он использует наклонные арки Гауди. Но-

⁶ Хайт В. Л., «Классицизм и новейший классицизм» // *Актуальные тенденции в зарубежной архитектуре и их мировоззренческие и стилевые истоки*. М., 1998, 45.

вейшие технологии в железобетонных конструкциях дают зодчему возможность сделать наклонные арки почти невесомыми, способными удерживать массив сооружения.

Почти во всех остальных своих произведениях во Франции в качестве декора Нуньес Яновский активно применяет скульптурные формы, причем это не рельеф, а круглая скульптура. В большинстве проектов, как и Бофилль, он отталкивается от определенных исторических и художественных памятников, имен или обозначений. Таков его жилой дом «Venus 18» («Кариатиды») со статуями Венеры Милосской в пригороде Парижа Вилларуа. В основе шестиэтажного здания лежит принцип конструктивизма — это прямоугольный костяк с угловыми открытыми лоджиями. Но первый, второй, третий, четвертый блоки поддерживают, подобно кариатидам в древнегреческих храмах, статуи Венер.

В последние годы Нуньес Яновский также стал активно сотрудничать с российскими архитекторами и предлагать собственные проекты. Принципиальная метафоричность отличает победивший в конкурсе 2011 г. проект (в соавторстве с молодыми московскими архитекторами Алексеем Горяиновым и Михаилом Крымовым) православного храма Российского духовно-культурного центра на набережной Бранли в Париже, недалеко от Эйфелевой башни. У Нуньеса Яновского архитектура внешнего облика всегда сопряжена со смысловым началом и инновационными достижениями в области конструкции. Небольшой пятиглавый храм с золотыми куполами покрыт стеклянным голубым покровом, переходящим в стеклянные стены, ограждающие церковный Троицкий сад с березами. Несмотря на то что в связи с несогласием французского правительства с основной идеей центра его главным архитектором был назначен француз Жан-Мишель Вильмотт, проект храма остался не измененным.

Знаменитый испанский зодчий, уроженец Валенсии, Сантьяго Калатрава Вальс, выставка скульптурных произведений и архитектурных проектов которого в 2012 г. прошла в Петербурге, для России проектов также не создал. Но его удивительные идеи не прошли бесследно для зодчества России. Так, одна из башен делового центра «Москва-Сити», замысел которого принадлежит российскому архитектору Борису Тахору, явно перекликается с творчеством Калатравы Вальса. Речь идет о башне «Эволюция», спроектированной шотландским бюро RMJM в лице его главного архитектора Тони Кеттла. С российской стороны было представлено ЗАО «Главпроект» и его ведущий архитектор Филипп Никандров. Напоминающая двойную спираль ДНК, эта закрученная вокруг собственной оси башня представляет собой 52-этажный небоскреб. И хотя, по словам самого Тони Кеттла, его проект вдохновлен скульптурой Огюста Родена «Поцелуй», очевидно,

что без открывшегося 27 августа 2005 г. 54-этажного небоскреба «Вращающийся торс» в шведском Мальмё работы Сантьяго Калатравы Вальса, идея башни «Эволюция» вряд ли бы возникла. За 12 лет после создания «Вращающегося торса» в разных странах появилось множество интересных по решению спиралевидных небоскребов. Но «Вращающийся торс» Калатравы был первым.

Испанскую архитектуру последнего двадцатилетия называют искусством «между инженерией и скульптурой». Ее образность влияет на зодчество других стран. Хотелось бы, чтобы в будущем и Калатрава Вальс, и другие интересные мастера Испании сотрудничали с отечественными архитекторами.

Библиография

20. Петров В. М., «Глобализация — либо сепаратизм?» // *Культурологические записки*. Вып. 9. М., 2004, 99.
21. Pozo J. M., Artículo de opinión. URL: www.unav.es/arquitectura/documentos/not225/21.VIII.2007 (accessed 01.10.2017).
22. Сарабьянов Д. В., *Стиль модерн. Истоки, история, Проблемы*. М., 1989.
23. Urrutía A., *Arquitectura Española. Siglo XX*. Madrid, 1997.
24. Хайт В. Л., «Классицизм и новейший классицизм» // *Актуальные тенденции в зарубежной архитектуре и их мировоззренческие и стилевые истоки*. М., 1998, 45.

Идеология потребления в современном бразильском обществе (культурологический ракурс)

Ideology of consumption in modern Brazilian society (culturological foreshortening)

Резюме: Современное общество потребления породило особую культуру и идеологию, влияющую на повседневную жизнь индивида. Оказавшись одним из основных инструментов самоидентификации и построения социальной иерархии, процесс потребления начал выявлять и усиливать культурные, социальные и политические противоречия. В Бразилии на фоне недавней трансформации традиционной классовой структуры эта проблема проявила себя особенно остро. Доминирующая идеология неолиберализма, в рамках которой гражданин является, прежде всего, потребителем, проникла во все слои общества. Для представителей классов, еще недавно бывших маргинальными, потребление стало единственным доступным способом социального включения, получив серьезную идеологическую и символическую нагрузку. В то же время, элиты сопротивляются вовлечению широких масс в орбиту общества потребления, не желая расставаться со своими эксклюзивными привилегиями.

Ключевые слова: потребление; идеология; классовые противоречия.

Resumen: La actual sociedad de consumo ha generado una cultura y una ideología que afectan a la vida cotidiana de un individuo. Al volverse uno de los principales instrumentos de la identidad y de la formación de la jerarquía social, el consumo comenzó a revelar y intensificar las contradicciones culturales, sociales y políticos. En Brasil, en el fondo de la recién transformación de la estructura tradicional de clases, este problema se ha demostrado de forma particularmente aguda. La dominante ideología neoliberal, en el marco de la cual el ciudadano es, ante todo, un consumidor, ha penetrado en todas las capas de la sociedad. Para los representantes de las clases, recientemente consideradas marginales, el consume se ha convertido en el único medio de inclusión social, habiendo recibido una seria carga ideologica y simbólica. Al mismo tiempo, las elites resisten a la incorporación de las masas en la órbita de la sociedad de consumo, porque no quieren perder sus privilegios exclusivos.

Palabras clave: consumo; ideologia; contradicciones.

Современное общество потребления породило особую культуру, которая идеологически полностью укладывается в рамки доктрины неолиберализма. Ее основной характеристикой является «сведение всей парадигмы

¹ Кузнецова Варвара Александровна, аспирант ИЛА РАН (variroll@inbox.ru), гр. РФ.

человеческих взаимоотношений к рыночному обмену»², вследствие чего гражданин предстает в первую очередь как потребитель.

Само по себе включение культуры потребления в идеологический контекст не ново. Наоми Кляйн, канадский социолог, одна из лидеров альтерглобализма, называет «шопинг» времен холодной войны «экономическим фронтом великой битвы». «Когда американцы шли на шопинг, они участвовали в образе жизни, который коммунисты предположительно хотели сокрушить... В этом повествовании наши торговые центры означали свободу и демократию, тогда как их голые полки были метафорой контроля и репрессии».

С окончанием холодной войны, по мнению Кляйн, идеологическая составляющая потребления исчезла, «шопинг стал просто шопингом». Однако сегодня, когда идеологией, достигшей дискурсивного доминирования, стал неолиберализм, именно потребление стало формой рефлексии над такими его идеологемами, как «идентичность» и «демократические свободы». Потребление стало претендовать на саму организацию материальной формы жизни, конструируя потребности индивида, превращая их в обязанности. «Обязанность развлекаться и потреблять столь же фундаментальна для господствующей идеологии, как и обязанность, например, платить налоги»³.

Идеологическая составляющая процесса потребления заключается в первую очередь в том, что продукты, обладающие «высокой символической прибавочной стоимостью»⁴, становятся инструментом для построения социальной иерархии. В процессе потребления субъект становится обладателем в равной степени экономического, культурного, а главное — символического капитала, согласно классификации, предложенной французским социологом П. Бурдьё.

Особую, «гипертрофированную» форму идеология потребления принимает в развивающихся странах в силу их объективных экономических особенностей. Изначально присутствовавшее здесь крайнее экономическое неравенство не могло не привести к искаженным конфигурациям производства — потребления, что, в свою очередь, усилило идеологическую функцию потребления как фактора социальной дифференциации.

Важно также то, что развивающиеся страны на определенном этапе вступили в эпоху Модерна, оказавшись соблазненными потребительской идеологией. Как утверждает российский исследователь Д. А. Кузнецов в своей статье «Проблема справедливости в глобальном консьюмеризме»,

² Шварцмантель Дж., *Идеология и политика*. Харьков: Гуманитарный центр, 2009, 101.

³ Корнев В., «Вещизм и потребление» // *Труд и социальные отношения*. 2011. № 4, 130.

⁴ Migueles Carmen Pires, *Antropologia do consumo: casos brasileiros*. RJ, 2007, 126.

«изобилие благ, а не рациональность институтов Модерна — вот к чему стремятся незападные общества»⁵. Последний аспект особенно ярко проявляется в современном бразильском социуме в связи с «избыточным» характером бразильского подхода к этому процессу. Бразильский менталитет противоположен веберовской «протестантской умеренности», ему чужда идея накопления и планирования. Мир видится сквозь призму материального изобилия, тогда как в англосаксонской культуре делается акцент на конечности и ограниченности ресурсов⁶. Это делает некоторые особенности, присущие современному потреблению вообще, еще более рельефными и осязаемыми на бразильской почве.

Для понимания роли, которую играет сегодня потребление в бразильском социуме, важно учитывать изменения, произошедшие за последнее десятилетие, которые в значительной степени трансформировали его и без того сложную классовую структуру. Согласно официальным данным, с 1999 по 2009 г. так называемый «средний класс» в Бразилии вырос на 31 млн человек⁷, что явилось очень большим достижением для страны, где проблема бедности всегда была одной из самых насущных. Теоретически это должно было хотя бы отчасти сгладить социальные противоречия, однако произошло нечто абсолютно противоположное. На фоне массового роста материального благосостояния населения классовые конфликты лишь обострились. В контексте таких повседневных практик, как потребление, столкновение символических и идеологических интересов противоположных социальных классов стало наиболее очевидным.

Характерным примером этого «идеологического столкновения» стала сегрегация пассажиров на внутренних авиарейсах. Именно в последние годы многие авиакомпании ввели в самолетах зону повышенного комфорта. Как считает антрополог, профессор Оксфордского университета Розана Пиньеру-Машаду, проблема заключается не в комфорте как таковом, а в необходимости разделения пассажиров. «Авиаперелеты стали доступны более широким слоям общества, и обеспеченный пассажир теперь вполне может оказаться в кресле рядом со своей домработницей»⁸.

Никогда ранее в структурированном и разделенном на классы бразильском обществе подобная ситуация не виделась возможной. Бедные слои населения были «дисквалифицированы» как потребители. Считалось, что потребительское поведение бедных подчинено лишь логике выживания

⁵ Кузнецов Дм., «Проблема справедливости в глобальном консьюмеризме» // *ФН*. 2014. № 11, 61.

⁶ Migueles, Op. cit., 108.

⁷ Pinheiro-Machado Rosana, Scalco Lucia Mury. “Rolesinho: marcas, consumo e segregação no Brasil” // *Revista de estudos culturais*, 1, 13.

⁸ http://brasil.elpais.com/brasil/2015/01/17/politica/1421520137_687513.html/

ния. Подобный подход показал себя как ошибочный уже в конце 80-х гг. на примере провальной маркетинговой стратегии одной из ритейлинговых компаний. В 1988 г. сеть супермаркетов «Пау ди Асукар» купила магазины «Баратейру», ориентированные на бедные слои населения. Следуя общепринятой логике, было решено заполнить полки самой дешевой продукцией, которая теоретически должна была иметь успех у такой публики. Это отвечало устоявшейся концепции, заключавшейся в том, что данные слои населения не потребляют. Они выживают и покупают то, что стоит дешевле всего. Впоследствии сами владельцы сети признали такую стратегию провальной. Публика отвергла магазин, где продавались только дешевые товары, как «второсортный». Потребители хотели видеть на полках лидирующие марки, даже если они не могли покупать их в таком же количестве и с той же частотой, как более обеспеченные слои населения. Они не хотели чувствовать себя исключенными из общества потребления и, таким образом, руководствовались критериями символического, а не практического порядка⁹.

Очень скоро подход бедных слоев общества к процессу потребления стал объектом для анализа маркетологов, социологов и антропологов. В работе «Антропология потребления — бразильский случай» приводится пример «полевого исследования» на одном из нефтеперерабатывающих заводов, на котором зарплата рабочих и инженеров была практически одинаковой. Однако самые дорогие машины на парковке завода принадлежали именно рабочим. Инженеры утверждали, что им автомобили такого уровня просто не по карману. Противоречие разрешалось просто: согласно проведенному исследованию, инженеры гораздо больше денег, нежели рабочие, тратили на книги и образовательные услуги, и, таким образом, на дорогую машину средств действительно не оставалось. Тогда как по логике рабочих именно дорогая машина рассматривалась как символический «пропуск в средний класс»¹⁰.

Покупка слишком дорогого автомобиля, пива «не за 1 реал, а за 1,50»¹¹ или DVD-проигрывателя при неоплаченных счетах за электричество¹² — все это является попыткой «социального включения», приобщения к доминирующей культуре, желание копировать которую оказалось сильнее практических соображений.

⁹ Migueles. Op. cit., 102.

¹⁰ Ibid, 114.

¹¹ Ibid, 116.

¹² Ibid, 119.

Доминирующая идеология повлияла и на молодежную музыкальную субкультуру. Ответом на приобщение к культуре потребления стал жанр, получивший название «хвастливый фанк»¹³.

*E seu sonho de ter a Fireblade vermelha Repsol Cbr/ Uma Vmax, um apê, R8 Gt/ Ou uma Porsche Carrera, pôr no pulso um Zenith/ Ou um Patek Philippe/ Pingente de ouro com diamante e safira/ No pescoço um cordão, os bico vê e não acredita/ Que o neguinho sem pai que insiste pode até chegar/ Entra na loja, ver uma nave zera e dizer 'Eu quero, eu compro e sem desconto!'*¹⁴

Это отрывок из песни «Я покупаю» одной самых известных групп жанра *Racionais MC's*. Эта музыка не издается на компакт-дисках, ее нельзя скачать в приложении iTunes. Единственный способ ее распространения — клипы на YouTube, которые моментально зарабатывают тысячи просмотров. Аудитория этого жанра — не те, кто реально может владеть всеми перечисленными в тексте благами, но те, кто может о них лишь мечтать, — подростки с городской периферии, которая всегда была пространством «социального отвержения»¹⁵.

Музыкальный дискурс бразильских фавел, как правило, был ориентирован на социальную критику. Основным музыкальным направлением, выразившим протестные чаяния молодых жителей периферии, долгое время оставался рэп, тексты которого говорили об окружающей действительности и ее «болевых точках»:

*Eu só quero é ser feliz / Andar tranquilamente / Na favela onde eu nasci / É... / E poder me orgulhar / E ter a consciência / Que o pobre tem seu lugar /...Minha cara autoridade eu já não sei o que fazer / Com tanta violência eu sinto medo de vi-ver / Pois moro na favela e sou muito desrespeitado / A tristeza e alegria que caminham lado a lado / Eu faço uma oração para uma santa protetora / Mas sou interrompido a tiros de metralhadora / Enquanto os ricos moram numa casa grande e bela / O pobre é humilhado, esculachado na favela / Já não aguento mais essa onda de violência...*¹⁶

¹³ Fank Ostentação.

¹⁴ Я мечтаю о красном мотоцикле Fireblade Repsol Cbr/ круизере Vmax, о хате и гоночной тачке R8 Gt / или о Porche Carrera, мечтаю нацепить на запястье часы Zenith или Patek Philipp, / золотую серьгу с бриллиантом и сапфиром, / на шею цепь, чуваки смотрят и глазам своим не верят, / что черный, у которого нет отца, если будет настойчив, может даже / прийти в магазин / увидеть «нулевую» тачку и сказать: «Я хочу, я покупаю, скидок не надо».

¹⁵ Elaine Moura da Silva Oliveira, *RAP contestação e FUNK ostentação: consume e discursos sonoros na periferia*, Araraquara, SP, 2016, 7.

¹⁶ Я лишь хочу быть счастливым. / Ходить спокойно / по фавеле, где я родился, / и знать, что у бедняков есть свое место... / Моя дорогая власть, я уже не знаю, что мне делать, / вокруг столько насилия, что мне страшно жить, / потому что я обитатель фавелы, и меня не уважают. / Грусть и веселье идут бок о бок. / Я молюсь святой заступнице, но мою молитву прерывает звук пулемет-

В определенный момент протестный рэп, который формально можно считать «прародителем» «хвастливого фанка», уступил место текстам, описывающим не существующую, но воображаемую реальность.

Nois tem camarote / Nois tá na area vip / Nois brinda com Shandon / Nois charpa de whisky / Nois anda pesadão / Nois tá portando os kit / Nois usa polo play / E abercrombie fitch / Nois entra sem pagar / Nas festa de elite... NOIS É SEM LIMITE¹⁷.

«Воображаемый» — это слово становится ключевым при анализе данного явления. Аржун Аппадурай, американский социолог и антрополог индийского происхождения, выделяет фактор воображения как один из основных элементов, формирующих современную субъектность¹⁸. В случае с «хвастливым фанком» речь идет о том, чтобы вообразить себя принадлежащим «другому социальному классу, представить себя в ином социокультурном контексте, в иной материальной реальности, в ином мире — мире потребления»¹⁹.

Сами исполнители признают, что то, о чем они поют, не имеет никакого отношения к действительности — ни к той, в которой живет их аудитория, ни к их собственной: «У нас никогда не будет того, о чем мы поем. Мы говорим о десяти шикарных тачках, но у нас их нет. Хотя сейчас, слава Богу, хоть одна появилась»²⁰. У их поклонников нет ни одной, о шампанском *Moët & Shandon* они, скорее всего, только слышали, но сущность мечты — это гипербола.

«Хвастливый фанк» видится закономерным результатом искусственно созданного государством роста покупательской способности класса С и его попытки включиться в систему общества потребления. Логика включения проста: если не получается потреблять по-настоящему, то можно это хотя бы вообразить. «Изобилие западного потребления представляет собой коллективную мечту, оно предстает как всеобщее стремление, жизненный идеал универсальных масштабов. В наших странах даже те, кто практиче-

та. / Богатые живут в домах больших и красивых, / а бедный унижен, растоптан в своей фавеле. / Я больше не могу вынести этой волны насилия... Rap da Felicidade — MC Cidinho e MC Doca.

¹⁷ Мы в ложе, / мы в вип-зоне, / мы пьем шампанское Shandon, / мы надираемся виски, / мы живем в кайф, / мы носим крутые прикиды, / мы носим футболки Polo и Abercrombie & fitch./ Мы входим бесплатно / на праздник элиты... FUNK OSTENTAÇÃO, Dheel.

¹⁸ Alexandre Barbosa Pereira, “Funk Ostentação em São Paulo: imaginação, consumo e novas tecnologias da informação e da comunicação” // *Revista de estudos culturais*, 1, 8.

¹⁹ Ibid,

²⁰ Moura da Silva Oliveira, Op. cit., 111.

ски полностью лишен ресурсов, восприняли потребительские ценности и стали гипер-потребителями...»²¹

В текстах «хвастливого фанка» отсутствует типичный для протестного рэпа социальный пафос, однако при этом он не лишен идеологической составляющей, пусть даже она и отличается от той, какую привыкли ждать от музыкального дискурса периферии. «Культурные практики и молодежные движения, особенно охватывающие наиболее бедные слои населения, обычно рассматриваются как потенциально революционные, стремящиеся преобразить действительность... Такое восприятие объясняется тем, что бедного молодого человека можно видеть лишь в трех перспективах: он может быть преступником, жертвой или революционером»²².

В одной из песен «хвастливого фанка» говорится, что «девиз этой жизни — наслаждаться и тратить деньги»²³. Те, кто это поет и слушает, не видят себя ни преступниками, ни жертвами, ни революционерами. Они видят себя равными. Равными участниками «праздника потребления» наряду с представителями иных классов бразильского общества. И они, в отличие от предшествовавших им рэперов, не хотят это общество менять, сделать более справедливым или разумным. Они просто хотят войти в него на тех же правах, что и остальные, выражая это стремление доступными им средствами, которые у более обеспеченных слоев населения вызывают лишь иронию и недоумение. Так действуют люди, которые искренне хотят выполнить то, чего требует от них доминирующая идеология, но не имеют для этого никакой практической возможности.

Исполнители и слушатели «хвастливого фанка», уступив господствующему в обществе «императиву наслаждения», целиком и полностью принимают, по терминологии В. Беньямина, «историю победителей»²⁴, при этом оставаясь в глазах последних «побежденными». Т. Калдейра в своей работе «Город стен: преступность, сегрегация и гражданственность» пишет, что представители более обеспеченных классов подвергают осуждению потребление бедных, как только оно «пересекает воображаемую линию, разделяющую социальные группы и удерживающую каждого на “надлежащем” месте. Как может наемный работник купить ту же машину, что и хозяин? Как он осмелился уподобиться хозяину и надеть личину представителя иного класса? Недовольство, которое ощущают элиты в связи с включени-

²¹ Gilles Lipovetsky, *A cultura-mundo: resposta a uma sociedade desorientada*, São Paulo, Companhia das letras, 2011, 19.

²² Barbosa Pereira, *Op. cit.*, 11.

²³ Moura da Silva Oliveira, *Op. cit.*, 15.

²⁴ Priscilla Rodrigues Simões, “O deslizamento de sentido no funk ostentação” // *Discurso, cultura e mídia: pesquisas em rede*, Editora Unisul, 2015, 120.

ем трудящихся в общество потребления, очевидно. Если они тратят деньги на что-либо, считающееся привилегией вышестоящих, это всегда “смешно” и “отвратительно»²⁵.

М. Э. да Мота Роша, профессор социологии Федерального Университета Пернамбуку, полагает, что наблюдаемое сейчас обострение социальных противоречий было спровоцировано именно реформами последних лет, включившими большие массы населения в орбиту общества потребления. «Мы все еще живем в обществе, отягощенном рабовладельческим наследием, не консолидированном идеей равенства. Сейчас мы переживаем момент расставания с эксклюзивными привилегиями, что само по себе больно ранит элиты»²⁶.

Пока определенные блага были прерогативой высших классов, социальные предрассудки как будто спали. Все находились в своих привычных социальных нишах, существовавших в более или менее устойчивой форме еще с начала XX в. Как только два мира — богатых и бедных, черных и белых, европеизированных буржуа и «варваров из фавел» — начали соприкасаться в поле потребления, миф о бразильской «расовой демократии» оказался развенчан.

Меры по улучшению благосостояния наиболее бедных слоев населения, предпринятые за шестнадцать лет пребывания «левого» правительства у власти, не привели к реальному сокращению классового разрыва. Их следствием стало лишь включение ранее маргинальных слоев в орбиту общества потребления и полное принятие ими ценностей и идеологием неолиберализма.

Библиография

1. Бодрийяр Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры*. М.: Культурная революция; Республика, 2006.
2. Корнев В. В. “Вещизм и потребление” // *Труд и социальные отношения*. 2011. № 4, 129–136.
3. Кузнецов Д. А. “Проблема справедливости в глобальном консьюмеризме” // *ФН*, 11/2014, 59–70.
4. Шварцмантель Д. *Идеология и политика*. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.
5. Barbosa Pereira A. “Funk Ostentação em São Paulo: imaginação, consumo e novas tecnologias da informação e da comunicação” // *Revista de estudos culturais*, 16 2014, 1–19.

²⁵ Caldeira Teresa T. P. R., *Cidade de muros: crime, segregação e cidadania em São Paulo*, São Paulo: Editora 34 / Edusp, 2000, 73.

²⁶ http://brasil.elpais.com/brasil/2014/10/09/politica/1412885834_166697.html.

6. Caldeira T. P. R. Cidade de muros: crime, segregação e cidadania em São Paulo, São Paulo: Editora 34/ Edusp, 2000.
7. Garcia Canclini N. *Consumidores y ciudadanos. Conflictos multiculturales de la globalización* // Grijalbo, 1995.
8. Migueles C. *Antropologia do consumo: casos brasileiros*. RJ, 2007.
9. Moura da Silva Oliveira E. *RAP contestação e FUNK ostentação: consume e discursos sonoros na periferia*, Araraquara, SP, 2016.
10. Pinheiro-Machado, Rosana Mury Scalco, Lucia, “Rolesinho: marcas, consumo e segregação no Brasil”, *Revista de estudos culturais*, 1, 2015, 20–27.
11. Rodrigues Simões, P. *O deslizamento de sentido no funk ostentação*, *Discurso, cultura e mídia: pesquisas em rede*, Editora Unisul, 2015.

**Познание национального образа —
ключ к успешной межкультурной коммуникации.
Испания как метафора**

**Knowledge of the national image — the key to successful
intercultural communication. Spain as a metaphor**

Резюме: На примере Испании, через посредство различных концептов — цвет, праздник, юмор, семья — рассматриваются социокультурные феномены общества, особенности менталитета, поведенческие характеристики данного этноса. Изучается роль ключевых констант и метафор, прежде всего концепта *праздник* в изучении национально-специфического образа мира. Праздник в Испании — дуалистичное явление, сочетает в себе одновременно комическое и трагическое начало, консервативные и современные проявления, традиции и влияние глобализации. Изучаются разные поля проявления этого концепта — межличностная коммуникация, трапеза, народные гуляния, коррида, футбол, политические протесты, а также такие специфические явления, как мовида, ботельон, тертулии. Метафора праздника как средство познания определяет Испанию для массового сознания за рубежом, раскрывает особенности этого лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: национальный образ; Испания; метафора; константы; праздник; картина мира.

Abstract: The author examines the example of Spain, through various concepts — fiesta, color, family, humor, which serve as metaphors which reflect socio-cultural phenomenon and the behavioral characteristics of this ethnic group, their mentality. Fiesta in Spain is a dualistic phenomenon, combines both the comic and tragic characteristics, conservative and contemporary manifestations, traditions and the impact of globalization. Are studied various spaces of manifestation of the concept: interpersonal communication, meals, folk festivals, bullfights, football, political protests, as well as such specific phenomena as movida, botellon, tertulia. The metaphor of the fiesta serves as a key of knowledge, defines Spain for the mass consciousness abroad, reveals the features of this linguistic and cultural community.

Keywords: national image; Spain; metaphor; celebration; vision of the world.

Исследование национального образа Испании через посредство метафор, которые выступают как этнокультурные концепты, позволяет на-

¹ Астахова Елена Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России-Университет (elastakhova@yandex.ru), гр. РФ.

рисовать современный социальный портрет страны, изучить особенности менталитета и поведенческие характеристики.

Испания по всем признакам отвечает понятию метафоры в значительной части зарубежного сознания, в том числе российского. Метафора выступает как ключ к пониманию национального видения мира и обогащает понимание действительности, человеческих действий и языка. Границы самого концепта метафоры размыты, метафорой можно обозначить любой способ косвенного и образного выражения смысла. При этом она обращена к эмоциям, воображению, интуиции и таким способом воздействует на разум. Метафора, если она удачна, помогает воспроизвести образ, в данном случае образ страны, национальный характер.

Философы и ученые романтического склада считали метафору единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления. Ортега-и-Гассет в работе «Две великие метафоры» полагал, что «от наших представлений о сознании зависит наша концепция мира, а она в свою очередь предопределяет нашу мораль, нашу политику, наше искусство. Получается, что все огромное здание Вселенной, преисполненное жизни, покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры»². Этнографы и культурологи, изучающие национально-специфические образы мира, занимаются ключевыми метафорами, проецируя их на реальные ситуации.

В метафоре заключена и ложь и истина, она передает противоречивость впечатлений, ощущений и чувств. Это в полной мере относится к представлениям об Испании как в историческом, так и в современном контексте. Метафора многообразна, она описывает частности, которые невозможно отобразить в одном исследовании, но прокладывает дорогу к образу.

Существует особый флер национальной специфики, отличающий эту страну от остальной Европы, хотя в настоящее время в Испании борются две тенденции — глобализм и традиционализм. Испанские элиты настойчиво подчеркивают «европейскость», а «глобализированное» видение мира становится мейнстримом для значительной части испанского общества, особенно под влиянием СМИ. Современные жители ощущают себя не изолированной от «остальной» Европы и мира страной, а частью западной цивилизации, с которой разделяют ее ценности.

В то же время нельзя отрицать приверженность национальным традициям и стремление их сохранять и даже культивировать. «Возлюбленная непохожесть» народов обусловлена географией, климатом, пейзажем (Унамуно утверждал, что грань между человеком и природой вообще стирается) и историческими условиями.

² Ortega y Gasset José, *Las dos grandes metáforas. Obras Completas*. Madrid: Revista de Occidente, 1957. Vol. 2, 387–400.

Существуют концепты, имеющие особую ценностную значимость в когнитивном пространстве и в культуре той или иной страны, поскольку определяют целый комплекс ценностей и установок данного сообщества. Современные исследователи называют такие концепты «ключевыми словами культуры». В Испании таким ключевым словом является праздник, который выступает как мегаконцепт, охватывающий многие сферы жизни³. В Испании нельзя жить вне праздника, который захватывает, поглощает, заставляет меняться, расти, стариться, умирать. «Праздники в Испании, по сути, никогда не прекращаются. Причем это далеко не только национальные гуляния по поводу какой-то религиозной или национальной даты или календарного народного праздника. Сюда входят памятные даты семьи, дни рождения, крестины, дни свадеб, помолвок. К этим дням принято долго и сложно готовиться всей семьей. Вокруг праздников складывается здесь вся жизнь» — читаем в современном путеводителе⁴. Сами испанцы всегда признавали, что акцент в их жизни делается не на труд, а на радость жизни. И если русскую картину мира характеризуют прежде всего константы, связанные с психическим складом русского человека, — «душа», «судьба», «тоска» (по определению А. Вержбицкой), то в ценностной системе испанского сообщества важнейшую роль играют «искусство жить», семья, общение.

Праздник в Испании настолько многосложное понятие, что он включает в себя и противоположные эмоции — трагедию, тоску, страдания, скуку, апатию. Дуализм праздника ярко проявляется в таких знаковых понятиях как *фламенко*, *коррида*, пасхальная неделя — *semana santa*, в других религиозных событиях, в которых одновременно видны мотивы смерти и торжества жизни, скорби и радости, счастья и отчаяния, «славы и трагедии».

О дуализме испанского менталитета писали великие испанские философы. Мигель де Унамуно подчеркивал трагическое восприятие жизни испанцами, а о себе говорил: «Испания — моя боль» («*Me duele España*»). Хосе Ортега-и-Гассет, анализировавший национальные символы и поступки, писал, что испанцы быстро переходят от порыва к разочарованию, печали, меланхолии⁵.

Важнейшим элементом испанского национального характера является присутствие наряду с «праздничными» чертами жизни *острого чувства смерти, мистерии бытия*. Это можно проследить на протяжении всей истории Испании, где чередуются периоды расцвета и упадка, а гениальный

³ Астахова Е. В., *Испания как метафора*. М.: МГИМО-Университет, 2017, 98.

⁴ *Путеводитель по Испании. Испания по-русски*. Barcelona, 2010.

⁵ Ортега— и— Гассет Хосе, *Этюды об Испании* / Пер. с исп. Киев: Новый круг: Пор-Рояль, 1994. С. 134, 186, 211.

пример на все времена — образ Дон Кихота. В то же время острое осознание неизбежности смерти заставляет испанцев относиться к жизни как к концентрированному выражению праздника. Это восприятие жизни ярко и самобытно проявляется в знаковом явлении испанского духа, в *duende*, «таинственной», «магической» силе, которую «все чувствуют и ни один философ не объясняет» (Гарсия Лорка, говоря о дуэнде, цитировал слова Гёте о Паганини). Скрытая сила и темперамент испанского характера, гордость, самопожертвование, самодостаточность, стойкость в страданиях, национальное пение, танец, великая живопись, поэзия — все это и есть *duende*. *Duende* выступает как оборотная сторона праздника.

Позитивная, праздничная сторона картины испанского мира — *el sentido festivo de la vida* отражается в традициях, обычаях, бытовой и художественной культуре, в повседневном поведении, менталитете. «Важнейшей характеристикой жизни испанцев являются человеческие отношения; они быстро сходятся, легко и часто общаются; беседа — свободная, спонтанная, живая; можно сказать, что испанцы обладают искусством и даже эlegantностью в умении проводить, или лучше сказать, терять время, а ведь это, в конце концов, и есть самое главное вложение капитала», — пишет современный испанский социолог Хулиан Мариас, исследователь испанского национального характера⁶.

Испанский «праздник» следует рассматривать в совокупности географического, исторического, социально-экономического и психологического факторов, обусловивших развитие страны. Так, солнечный климат, безусловно, способствовал и способствует экстравертному поведению, социальному гедонизму, *сиеста* (от латинского *hora sexta* — *шестой час*) стала нарицательным словом, вошедшим во многие языки. Века романизации, арабского владычества создали особую культуру времяпрепровождения. Столетия реконквисты, конквисты и освоения Нового Света приучили жить на «легкие» деньги, не утруждая себя упорной работой. Расцвет империи, а затем, по словам Ортеги-и-Гассета, «усталость от собственной власти, разочарование в своем первенстве и превосходстве», самоизоляция — «поворот спиной ко всему прочему и поглощенность только своим» породили характерный стиль жизни⁷. Главными проявлениями этого стиля стали театр и бой быков. Театр отражал и одновременно формировал систему ценностей и модель поведения, видение мира.

Из театра XVIII в. родился такой типично испанский (и латиноамериканский) языковой и социальный феномен как *piropo* — эротический

⁶ Julián Marías. *Ser español. Ideas y creencias en el mundo hispánico*. Editorial Planeta, S.A., Barcelona, 2008, 40.

⁷ Ортега— и— Гассет Хоце, Op. cit, 184—185.

комплимент, который стал частью бытовой культуры и только в последние годы потерял популярность в связи с активным феминистским движением и социальными изменениями в обществе.

В XIX–XX вв. театр уже не был властителем душ и дум народа, интересы сместились, но по-прежнему пылкости и темпераменту испанского характера требовался выход, таким полем стала коррида.

В настоящее время идет активная полемика о том, насколько коррида отвечает сущности испанской культуры, ее так называемой *la españolez* — *испанской сути*. Защитники боя быков ссылаются на многочисленные высказывания Ортеги-и-Гассета, смысл которых сводится к следующей максиме: «Нельзя понять историю Испании, а также ее литературу, поэзию, искусство, без тщательной реконструкции истории тавромахии»⁸.

Кроме того, утверждается, что на корриде находит подтверждение философское значение жизни, а смерть на арене только усиливает это вечное противостояние природы. Социологи, занимающиеся феноменом привлекательности корриды, пишут о том, что «дерзкие движения и действия тореро отвечают эстетике “вызова”, которая связана прежде всего с концептом мужественности», преклонением перед *мачо*. В корриде проявляется, по мнению исследователей, вечная и природная склонность испанцев к жесту, «те же жесты мы наблюдаем при общении в кафе, на площадях»⁹.

В последние годы в Испании набирает силу движение с призывом запретить корриду, в 2011 г. в Каталонии такое решение уже было принято, хотя и носило оно больше не экологический и гуманистический характер, а политический. Смогут ли испанцы отказаться от векового культа быка как символа природы, силы, жизни, покажет время, политическая ситуация и влияние глобализации на испанские традиции.

О календарных и народных региональных праздниках в Испании существуют многочисленные и подробные описания, нам важно подчеркнуть другое: специфическую испанскую окраску имеет то обстоятельство, что чисто церковное по происхождению и характеру торжество насыщается всевозможными развлекательными, игровыми, декоративными элементами. Налицо неповторимый и органический синтез празднично-светского и празднично-церковного начал. Обряды и традиции проведения этих праздников чрезвычайно красочны, детализированы, насыщены драматургией.

Другой важный элемент этих праздников — повод для испанца подчеркнуть участие и принадлежность к социальной группе, территориальной общности.

⁸ Rafael Sánchez Ferlosio, “Patrimonio de la Humanidad” // *El País*. 5 de agosto de 2012.

⁹ *Ibid.*

Важно подчеркнуть фактор культуры участия в этих праздниках, которое носит не искусственный, навязанный сверху характер, а является самой формой бытия и потребностью. Это не явление праздной публике наемных ряженных, а существование каждого человека внутри действия, проживания его вместе со всеми.

Пространство праздника охватывает самые разные сферы бытия, что отражает особенности испанского характера — коммуникативность, стремление «быть в группе». Общение с семьей, друзьями, трапеза, походы в кафе, бары и рестораны, участие в совместных делах имеют признаки праздника. Испанский писатель Фернандо Диас Плаха, автор знаменитой книги о «семи смертных грехах испанцев», цитирует слова Мигеля де Унамуну, что сама испанская культура родилась в результате бесконечных разговоров в «кофейнях, а не в университетах»¹⁰. В этом контексте важным социокультурным явлением выступают *тертулии*, которые родились еще в XVIII в. как литературно-художественные салоны, особый расцвет получили в конце XIX — начале XX в., а в современном виде существуют как ток-шоу на злободневные темы по телевидению, собрания друзей для обсуждения разных событий, не обязательно политических, а также обычные курортные посиделки. Тертулии, даже в том виде, как они существуют в наше время, представляются как часть праздника, поскольку отвечают признакам этого концепта: это способ духовного единения, коллективного самовыражения, обретения свободы в мыслях, ухода от действительности, рутины.

Раскрепощение от десятилетий социальных табу, политических и идеологических ограничений, закрытости страны нашло свое выражение в другом социально-культурном феномене, спонтанно родившемся в конце 1970-х — начале 1980-х гг. и получившем название *мовида* (переводится как «движение», «перемена», в просторечии «тусовка», «драйв», «движуха»). Наиболее ярко мовида проявила себя в поп-музыке, кинематографе, фотографии, графике, комиксах, в литературном творчестве. Зародившись в Мадриде, мовида постепенно охватила города по всей Испании. Испанская молодежь, бросая вызов традиционному обществу, прежним ценностям морали, повторяла путь, пройденный поп-культурой и культурой *underground* в США и Западной Европе еще в 1960-е — 1970-е гг. Политическая поддержка левых политиков служила созданию новых символов страны, а за рубежом, благодаря СМИ, мовида с ее провокационной эстетикой стала восприниматься как образ новой демократической Испании.

Мадридская мовида осталась в истории страны уникальным явлением. По прошествии лет она стала восприниматься как что-то гораздо большее, чем была на самом деле, стала символом новых ценностей. Уже в конце

¹⁰ Fernando Díaz-Plaja, *El español y los siete pecados capitales*. Madrid, 2004, 319.

1980-х гг. движение сошло на нет, признаки альтернативной культуры превратились в массовые и уже не несли свежих творческих идей.

Сегодня многое изменилось: закрылись или потеряли былую славу наиболее известные ночные клубы тех лет, но дух мовиды, этот поток свободы и эйфории, не исчез, а стал частью жизни города, одной из традиций современного Мадрида. Многие туристы приезжают в столицу Испании, чтобы разделить этот праздник общения, ночной жизни, для них мовида — это поток нескончаемых развлечений. В то же время испанцы говорят о возникновении новой мовиды, но в настоящее время она возрождается в других формах, в условиях новой экономической и социальной ситуации. Это — протесты и демонстрации, участившиеся на фоне кризисных явлений, в которых участвуют целые семьи, представители разных социальных слоев и поколений. Самым ярким явлением 2011–2014 гг. стало движение «возмущенных» — *los indignados*, которое заявило о себе 15 мая 2011 г. и сопровождалось занятием площадей и улиц, многотысячными манифестациями и митингами. Протесты организовывались через социальные сети, где они получили имя «испанской революции», и нередко приобретали форму живого, экспрессивного, карнавального, зрелищного праздника. Результатом протестного движения стало рождение новой партии левого толка с ярко выраженной антилиберальной окраской. Партия Podemos — «Мы можем» быстро завоевывает популярность и в настоящее время стала третьей партией по числу отданных за нее голосов после выборов в Конгресс депутатов в июне 2016 г. (вместе с «Объединенными левыми» образовала предвыборную коалицию, а затем парламентскую фракцию «Unidos Podemos» — «Вместе мы можем»)¹¹.

Протест «возмущенных» и другие демонстрации последних лет стали как бы оборотной стороной праздника, ведь любой праздник выступает, кроме всего прочего, как своеобразное зеркало социальных противоречий, в нем находят свое отражение ущемление демократических форм жизни общества, крушение идеалов, разрыв между официальной идеологией и объективными реалиями действительности. Одновременно с протестными настроениями укореняются пассивные формы реакции на действительность.

Начиная с конца XX в., особенно в условиях финансово-экономического кризиса последних лет и массовой безработицы среди молодежи, получило развитие новое социальное явление — *ботельон* (*botellón*). Эти массовые собрания молодых людей от 13 до 24 лет на улицах, площадях, в парках сопровождаются потреблением крепкого алкоголя и пива, купленных заранее в супермаркете, но главное в этих компаниях — общение, слушание

¹¹ Астахова Е. В., «Штурм небес или особенности политического дискурса Подемос» // *Ибероамериканские тетради*. Вып. 1(11). М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016, 21–28.

музыки, знакомства. Молодежь начинает собираться днем, и общение продолжается до раннего утра, чему в немалой степени способствует благоприятный климат. В некоторых городах в конце недели на центральных площадях концентрируются до нескольких тысяч молодых людей, а места этих встреч стали именоваться *ботельодромы* — *botellódromos*. Договариваются о встречах через социальные сети. Нередко для встреч используются официальные и региональные праздники.

В этой новой молодежной мовиде отражаются потеря ценностных ориентаций, усугубленных кризисом, сложное экономическое положение в их семьях, а отсюда и отсутствие возможностей проводить время в кафе или ресторане из-за дороговизны. Сюда же относится стремление не чувствовать себя выключенными из сложившейся картины современного мира, где молодежь потеряла свои активные позиции и разочарована в будущем, а также неистребимое желание развлекаться. Появилась развернутая культура развлечения, характерная именно для молодежной среды, и в состав этого поля входят выпивка, наркотики, секс.

Можно ли назвать эти собрания молодежи вариантом праздника? В любом случае в подобных встречах присутствуют социокультурная интеграция определенной общности людей, одно социокультурное поле, уход от повседневности, рутинизации. Для молодых людей, участников ботельона, праздновать значит свободно и добровольно общаться, коллективно переживать, испытывать разрядку от неприятной напряженности. Особое значение в этом виде общения приобретает эстетическая составляющая: чувственно-эмоциональная насыщенность содержания, радость, что отражается в экспрессивной лексике молодежного сленга, новых языковых лексемах.

Для испанца в процессе зрелища и в любом другом времяпрепровождении важно «видеть и комментировать» одновременно. О нетерпении и даже о «ярости» долго «сидящего испанца» писал еще Лопе де Вега в трактате «Новое искусство творить комедии» («Arte nuevo de hacer comedias»), предлагая делать частые интервалы между театральными действиями¹². В этом плане футбол полностью отвечает испанскому национальному характеру, причем он вытесняет корриду (как ранее коррида заменила в массовом сознании театр), а в отчетах о футбольных матчах оперируют терминами тавромахии («добить зверя, бестию»). Футбол стал национальной гордостью испанцев. Социологические опросы свидетельствуют, что победы сборной «Furia Roja» («Красная фурия») на чемпионатах мира и Европы способствуют чувству единения страны. Испанская сборная команда, в которой играют и баски, и каталонцы, и галисийцы, и андалусийцы, действует сплочен-

¹² Fernando Díaz-Plaja, Op. cit., 95.

но, как единый отлаженный механизм, от действий одного зависит игра многих, их поведенческую модель сравнивают с «пчелиным роем».

На футбольном матче испанский болельщик чувствует себя частью группы, толпы. Недаром матчи предпочитают смотреть не дома по телевизору, а в большой компании в барах, в фан-зонах, если проблематично присутствовать на самом матче. Наконец, итоги игры служат предметом общения, нескончаемого обсуждения, в котором у каждого есть своя точка зрения.

Изучая концепт *праздник*, мы открываем новые пласты языкового и культурного пространства Испании, обогащаем свои знания о мировоззрении данного лингвокультурного сообщества. Испанский праздник наполнен ассоциациями, метафорами, стилистической образностью, языковыми и экстралингвистическими форматами, которые нужно рассматривать в различных измерениях — речевом, визуальном, текстуальном.

Праздник в Испании — это интерпретация жизни, ее комментариев, при котором бытие приобретает свои «ясность и строй». Этот строй в зависимости от исторических событий нарушается, но внутренние силы народа восстанавливают его вновь и вновь. Испания, как говорил Федерико Гарсия Лорка, — это страна, где «веками поют и пляшут», «в других странах смерть — это все. Она приходит, и занавес падает. В Испании иначе. В Испании он поднимается»¹³.

В условиях современного мира с его универсализацией ценностей испанцы стремятся сохранить свою идентичность, и праздник во множестве сущностей, признаков и явлений продолжает оставаться главной составляющей картины мира этой страны. Фиеста как метафора, определяющая Испанию для коллективного сознания (*imaginario colectivo*), раскрывает традиции и особенности этого лингвокультурного сообщества. Познание национального образа, используя различные источники и средства, в том числе на базе ключевых метафор, позволяет выстраивать успешную межкультурную коммуникацию.

Библиография

1. Fernando Díaz-Plaja. *El español y los siete pecados capitales*. Madrid, 2004.
2. Julián Marías. *Ser español. Ideas y creencias en el mundo hispánico*. Editorial Planeta, S. A. Barcelona, 2008.
3. Ortega y Gasset José. “Las dos grandes metáforas. Obras Completas”. Madrid, *Revista de Occidente*, 1957. Vol. 2, 387–400.

¹³ Гарсия Лорка Ф. *Избранное. Поэзия, проза, театр.* / Пер. с исп. М.: Издательство «АСТ», 2000. — 672 с.

4. Rafael Sánchez Ferlosio. “Patrimonio de la Humanidad” // *El País*. 5 de agosto de 2012.
5. Астахова Е. В. *Испания как метафора*. М: МГИМО-Университет, 2017.
6. Астахова Е. В. «Штурм небес, или Особенности политического дискурса Подемос» // *Ибероамериканские тетради*. Вып. 1(11). М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016, 21–28.
7. Ортега— и— Гассет, Хосе. *Этюды об Испании* / Пер. с исп. Киев: Новый круг; Пор-Рояль, 1994.
8. *Путеводитель по Испании. Испания по-русски*. Barcelona, 2010.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Dra. Susana Mallo¹

La protesta contrahegemónica en America Latina

The counterhegemonic protest in Latin America

Resumen: El fin del siglo xx y los inicios del xxi, marcan transformaciones en el quehacer político. Los gobiernos progresistas han sufrido los embates de la crisis, el caso de Argentina es paradigmático debido a las profundas transformaciones de un nuevo gobierno de corte neoliberal. A partir de una revisión sobre la reciente historia política de Uruguay y Argentina, se plantea profundizar sobre las condiciones sociales y presupuestos teóricos para el ejercicio de una ciudadanía plena y participativa en las Democracias del Cono Sur. En función de ello se realiza un doble recorrido: por un lado, se identifican los problemas recurrentes en el debate teórico sobre una ciudadanía digna y un espacio público democrático, ello a través de un análisis crítico de las propuestas elaboradas por H. Arendt y Habermas; por otro, se discuten dichas alternativas, a la luz de los contextos sociopolíticos de las sociedades y las democracias contemporáneas en el Río de la Plata. El análisis específico del proceso de crisis en la Argentina, de múltiples dimensiones (económica, política y social), muestra sus consecuencias sociales fuertemente regresivas, así como los impactos negativos en la participación y representación ciudadana. Asimismo, se plantea las alternativas políticas ensayadas para la salida de la crisis y los significados de la recomposición de las relaciones entre elencos políticos y sociedad civil. El diagnóstico de la crisis uruguaya de entonces, muestra un sistema político tensionado entre el impulso al cambio y los frenos conservadores, y por otro lado, la instalación de un proceso de crisis económica con resultados sociales devastadores. A diferencia con Argentina, la combinación de inestabilidad social y crisis económica, no culminó en una crisis de representación política, debido a la posibilidad de canalizar el descontento popular a través de los mecanismos de participación directa de la ciudadanía (plebiscitos y referéndum²).

La comparación, a pesar de las diferencias que hacen la especificidad de cada país, muestra las dificultades y desafíos comunes para la construcción de la ciudadanía en las

¹ Uruguay. Facultad de Ciencias Sociales Universidad de la República Oriental del Uruguay

² Una vieja práctica que la sociedad uruguaya incorporó a su participación política y el ejercicio de sus derechos, desde hace más de dos décadas, comenzando 'irónicamente' durante la dictadura militar.

democracias contemporáneas , particularmente en un nuevo contexto de crisis económica mundial . Por un lado, la comparación estimula a re-pensar el cómo hacer compatibles los principios de igualdad y pluralismo democráticos frente a formas de conformación y reproducción de fuentes de poder constituído y constituyente. Por último tematizaremos el desafío creciente de los gobiernos progresistas : avanzar hacia la participación ciudadana activa e inclusiva en contextos de alta vulnerabilidad y marginación social, como lo son nuestras sociedades latinoamericanas.

Palabras clave: America Latina, democracia, protesta

Abstract: The end of the twentieth century and the beginning of the twenty-first mark transformations in the political work. The progressive governments have suffered the onslaught of the crisis, the case of Argentina is paradigmatic due to the deep transformations of a new neoliberal government. Based on a review of the recent political history of Uruguay and Argentina, it is proposed to deepen the social conditions and theoretical assumptions for the exercise of full and participatory citizenship in the Southern Cone Democracies. Based on this, a double course is carried out: on the one hand, the recurrent problems in the theoretical debate on a dignified citizenship and a democratic public space are identified, through a critical analysis of the proposals elaborated by H. Arendt and Habermas ; on the other, these alternatives are discussed, in light of the sociopolitical contexts of contemporary societies and democracies in the Río de la Plata. The specific analysis of the crisis process in Argentina, of multiple dimensions (economic, political and social), shows its strongly regressive social consequences, as well as the negative impacts on citizen participation and representation. Likewise, it raises the political alternatives tested for the exit of the crisis and the meanings of the recomposition of relations between political groups and civil society. The diagnosis of the Uruguayan crisis of that time, shows a political system stressed between the impulse to change and the conservative brakes, and on the other hand, the installation of a process of economic crisis with devastating social results. Unlike Argentina, the combination of social instability and economic crisis did not culminate in a crisis of political representation, due to the possibility of channeling popular discontent through the mechanisms of direct citizen participation (plebiscites and referendum).

The comparison, despite the differences that make the specificity of each country, shows the common difficulties and challenges for the construction of citizenship in contemporary democracies, particularly in a new context of global economic crisis. On the one hand, the comparison encourages rethinking how to make the principles of democratic equality and pluralism compatible with forms of conformation and reproduction of sources of constituted and constituent power. Finally, we will thematize the growing challenge of progressive governments: move towards active and inclusive citizen participation in contexts of high vulnerability and social marginalization, as are our Latin American societies.

Keywords: Latin America, democracy, protest.

Introducción

La construcción de una democracia real y el fortalecimiento de un ciudadano responsable y participante³ han sido creciente objeto de preocupación y discusión teórica-política en la búsqueda de lograr un desarrollo con visos de justicia social, inclusión y consolidación del “bien público”.

Dados los casos que nos ocupan: Argentina y Uruguay; el tema reviste, como para la generalidad de América Latina, una enorme importancia, pues los niveles de crisis económica, política y social, cobraron y cobran un ‘intolerable’ número de vidas humanas. Dichas crisis delatan problemas enraizados en las matrices y supuestos neoliberales, en los cuales se apoyaron las prácticas y políticas implementadas por distintos gobiernos de las últimas décadas. La regresión económica, de las más grandes vividas en la historia de nuestros países rioplatenses, impactó en ambos países dando lugar a manifestaciones diferenciales, producto de la historia específica de los mismos, sus identidades y sus instituciones sociales. No obstante los particularismos, en ambas sociedades los niveles de conflicto sacudieron parte de las creencias con las que los ciudadanos se auto identificaban, percibiéndose una profunda transformación en sus sentimientos de identidad, sus formas de ‘entender y reconstruir’ el mundo, sus maneras de participación y adhesión al sistema político, es decir, los núcleos articuladores de la integración ciudadana.

Nos preguntamos sobre la validez y pretensión de construir al hombre actual en un ciudadano responsable y participativo en una sociedad crecientemente globalizada o “de modernidad fluida”; y cómo realizar esta promesa, sin parecer ingenuos, si vivimos en una región que estuvo inmersa durante muchos años en un proceso creciente de fragmentación y polarización social, y en las cuales en la salida hacia la ‘democratización’ solamente se socializaron los mecanismos de democracia política?.

La principal preocupación que se impone es cómo viabilizar un proceso de resignificación de los derechos humanos y de la ciudadanía que no responda sólo a la demanda de una “vida buena” sino al establecimiento de límites a la creciente expulsión de hombres y mujeres, y la consecuente polarización entre incluidos y excluidos

Al hablar de la ‘ciudadanía’ estamos haciendo alusión a una práctica intrínsecamente conflictiva y relacionada con las relaciones sociales de poder que configuran el campo de lo político, definiendo “quienes podrán decir qué” en cuanto las prioridades ciudadanas, la enunciación y jerarquización de problemas y el cómo deberán ser abordados .

³ Se aclara que la idea de centrarnos en ‘el ciudadano responsable y participativo’ no intenta culpabilizar al individuo, invirtiendo la problematización ‘deconstructivista’, que vuelve muchas veces al sujeto moral y criminalmente ‘responsable’ de sus actos, más que marcar las limitaciones históricas, tejidas en una intersubjetividad de discursos que lo limitan y explican.

Para nosotros la resignificación antes mencionada sólo es posible si se construye el poder ciudadano desde las bases sociales, de modo que logren imponerse, controlar y participar activamente en la toma de decisiones políticas, pasándose entonces de una democracia delegativa a una democracia participativa. La razón humana, dice Arendt, sólo puede provenir del hombre si este puede hacer uso público de ella, si es libre como hombre y como ciudadano, sin tutelaje. Se trata de “el derecho a tener derecho” porque ¿qué es constituirnos como ciudadanos sino la posibilidad de acrecentar nuestra acción, nuestro debate, nuestra legitimidad?⁴. De esta manera el ciudadano deja de ser un mero receptáculo de los derechos promovidos por el estado para transformarse en un sujeto de derecho que busca participar en ámbitos de ‘empoderamiento’, los que quedan definidos según su capacidad de gestión y según como evalúa el ámbito para las demandas que intenta gestionar.

A partir del consenso de Washington, la transformación en el modelo de desarrollo provocó grandes alteraciones en la estructura social; desestabilizó la integración y sus formas de socialización, rompiendo el entramado constitutivo de nuestras identidades.

Las sociedades del área sur, históricamente se caracterizaban como homogéneas (de origen mayoritariamente europeo: español e italiano), con sectores organizados de clase media y una ciudadanía de derechos amplios (comparativamente con el resto de la región); sin embargo, en un lapso de tiempo relativamente corto este modelo se fragmentó. La resultante fue un sistema en el que encontramos precarización en el trabajo, debilitamiento del estado en áreas claves de la política social, pérdida de calidad educativa y dificultad para generar nuevos tipos de solidaridad y organización social.

Como es de suponer, en estas sociedades polarizadas se han debilitado los lazos sociales que eran el soporte del individuo a nivel de: a) su trabajo, b) su relación con el Estado y la construcción de su ciudadanía, c) su familia y las relaciones interpersonales y d) los procesos de subjetivación. Ante esta crisis, las instituciones han dado respuestas parciales a la exclusión de los individuos en el sistema, creando leyes y normas que no se adaptan a la situación, aumentando las leyes, sobre todo penales, sin éxito en la mejora en los niveles de la seguridad. Ello no ha evitado la creciente expansión de una economía en negro, ni el desarrollo de redes de difícil control público, entre la que señalamos las del tráfico de drogas y la trata de blancas, el lavado de dinero, etc.

¿Cómo reconstruir los ámbitos públicos en democracias debilitadas por la crisis? ¿Cómo incorporar y estimular la participación política en la configuración de las nuevas identidades sociales? ¿Cómo ‘escuchar’ e ‘incorporar’ su ‘voz’ en un proyecto político donde las decisiones se construyan entre los ciudadanos y no se impongan a ellos? estos son algunos de las grandes interrogantes que se plantean en

⁴ Arendt Hannah, *La vida del espíritu* Paidós, Buenos Aires, 2002.

este trabajo. Los debates se suceden, y son desafío para cualquier gobierno progresista. Dicho fenómeno implica, en términos habermasianos, que la soberanía popular debe extender su influencia a las instituciones democráticamente estructuradas de la formación de la voluntad y opinión, y adoptar en resoluciones formales una forma autorizada, procurándose, en relación a los aspectos sistémicos de las cuestiones públicamente discutidas un suficiente saber de expertos y las adecuadas traducciones. En definitiva, se trata del control de los aspectos sistémicos por la ciudadanía, dado el desarrollo del poder comunicacional y el poder político en íntima articulación.⁵

Para tematizarlo hemos realizado una elección, nunca ingenua o neutra, del concepto de ciudadanía de H. Arendt, al cual contraponemos, indicando continuidades y rupturas, aquel derivado de la teorización habermaciana.

La construcción de ciudadanía

Para Arendt, el ciudadano activo se manifestó en la antigüedad clásica y en algunos momentos privilegiados de los tiempos modernos; más, en general, la modernidad es un proceso negativo, época de triunfo del burgués, es decir, del denominado hombre de masas.

La construcción del concepto de ciudadano, para dicha autora, se inscribe en la tradición republicana o democracia radical; es desde allí que reelabora las categorías público y privado, separando, al igual que en la polis griega, ambos ámbitos.

Es por ello que “lo social” no es para Arendt sino la victoria del “animal labo-rans” y la inclusión de la cuestión económica en el ámbito de la política con la consecuente privatización de lo público, lo cual conspirará en detrimento de la acción comunicativa.

Esto no significa un rechazo puntual del espacio privado, por el contrario, la privacidad para nuestra autora ofrece un lugar protegido y oculto. Es desde esta esfera que podemos entender su definición de “paria”, categoría utilizada desde sus textos más tempranos, y que sintetiza el lugar desde dónde su escritura se produce. Dicho concepto no solo trata de dar una respuesta teórico— política a las discriminaciones producidas por el nacional— socialismo, sino que adquiere un alcance mayor: el paria es mucho más que un desarraigado, es un “otro”, un excluido. Alguien totalmente distinto al parvenu (el advenedizo) quien, a su vez, no se limita a ser un mero escalador social, sino alguien con una pulsión tan enfermiza por asimilarse al mundo que está dispuesto a negarse a sí mismo con tal de no sentirse separado de él.

⁵ “Queda así distinguido, en la formación de ciudadanía, el concepto de poder comunicativo y el de poder político. Por el primero se entiende la posibilidad de producir discursivamente motivaciones y convicciones compartidas; el segundo, hace referencia a las pretensiones de dominio sobre el sistema político y el empleo del poder administrativo.” (“Desde el paradigma comunicacional: divergencias en torno al poder comunicacional y el poder político en la propuesta de Hanna Harendt y J. Habermas”. Sylvia Raquel González Mateos. Anales del Instituto de Profesores Artigas/ 2008, Montevideo, Uruguay)

No obstante la puntualización realizada en el párrafo anterior, la esfera pública es descripta en términos de diferenciación y antagonismo con la esfera privada.

La polis, es el ámbito desde donde hablar y actuar en común, es el lugar donde los ciudadanos se reconocen como ‘iguales’. Tal representación es la que hace posible la construcción política de la igualdad, aplicándose a todos aquellos que comparten palabra y acción. De esta forma, el espacio público, la polis, no tiene una localización espacial, no se identifica con una nación o un territorio. La idea de polis se transmite en el hecho de hablar y actuar juntos de modo tal que “a cualquier parte que vayas serás una polis”. Por tanto, la construcción de la ciudadanía para Arendt no pasa por el lugar donde se debate, ni dónde se actúa, sino qué es el debate mismo en cuanto acción compartida.

El concepto de poder comunicativo proviene de Hanna Arendt. Con él hace referencia a la capacidad que tienen los hombres de actuar y hablar unos con los otros. La autora, según reconoce el propio J. Habermas, parte de un modelo de acción comunicativo puesto que “el poder surge de la capacidad que tiene los hombres no solamente para actuar o hacer cosas, sino también para concertarse con los demás y actuar de acuerdo con ellos”⁶

Para la autora, el poder se actualiza en la acción, pero no como disposición sobre los medios que permiten influir sobre la voluntad de los otros, sino como acuerdo de los hombres de una comunidad para la realización de fines colectivos. El poder queda así asociado a la esfera pública, a las actividades de coordinación comunicativa para el entendimiento, y desligado tanto de los otros mecanismos de coordinación de la acción, (estratégicos y teleológicos), como de las conceptualizaciones sistémicas del mismo.

Podemos decir que se establece una relación equivalente entre poder— poder político— acción comunicativa orientada al entendimiento y esfera pública. Esta equivalencia es el producto de una sociología de la acción, basada en una perspectiva fenomenológica que excluye los aspectos sistémicos del poder, a la vez que refiere a la “cuestión social” como un mecanismo “reificación” de lo público por lo privado.

La crítica sustancial que Arendt realiza a la democracia representativa tradicional pasa por remarcar las limitaciones del propio sistema: representación y acción son, para ella términos antitéticos. A través de la representación se injertan los intereses económicos en lo público hasta constituirse como objetivos fundamentales de lo político; esto involucra otra inversión; la sustitución de la visión del hombre como creador (trabajo) por la de “hombre laborans” (productor) .De lo expuesto anteriormente, la autora deriva una crítica central: en la democracia representativa las personas delegan su consentimiento para ser gobernadas y por tanto, eliminan la posibilidad de la acción de los representados. He ahí la crisis que este sistema ha

⁶ Habermas, Jürgen, Teoría de la acción comunicativa. Tomo I. Madrid: Taurus, 1987.

producido al negar las instituciones que permitían la participación directa de los ciudadanos, facilitando con ello la burocratización y profesionalización de los partidos.

La conceptualización aristotélica de acción que realiza, la distancia del modelo weberiano, ya que de éste se desprende que la técnica moderna ha propiciado acciones que no pueden ser medidas en dimensiones éticas o de responsabilidad. Por el contrario, Arendt afirma que la acción es, por su misma naturaleza, “ilimitada en sus consecuencias e impredecible en sus resultados últimos”⁷.

Efectivamente, para la autora violencia y poder no es sinónimos. El poder es fuerza comunicativa buscando consensos. La violencia, en cambio, es imposición de voluntades por la fuerza, es coerción⁸.

Sin duda, el concepto de poder subyacente en esta reflexión excluye el aparato administrativo del estado y otros aspectos del funcionamiento político que tiene que ver con las necesidades de acciones estratégicas.

Podemos decir que Arendt establece una relación equivalente entre poder— poder político— acción comunicativa orientada al entendimiento y esfera pública.

Esta equivalencia será cuestionada por el propio Habermas al decir que “Hannah Arendt tiene que reducir el poder político exclusivamente a praxis, esto es, al habla y a la acción conjunta de los individuos, porque a esa praxis la deslinda de las actividades no políticas del producir y del trabajar, por un lado, y de la actividad no política del pensamiento, por el otro”⁹.

Como sostuvimos al comienzo del trabajo, la distinción entre poder comunicativo, poder político y poder sistémico es posible en Habermas debido a su conceptualización de la sociedad en términos de “sistema” y “mundo de la vida”, y a su análisis de la coordinación de la acción lingüística en términos de actos instrumentales, estratégicos u orientados al entendimiento. Admitir los dos primeros permite incorporar los análisis de manipulación de la opinión pública y la violencia estructural, la cual no se manifiesta como tal sino en cuanto barreras sutiles que impiden la comunicación, haciendo posible la emergencia de ideologías y convicciones “*con las cuales los sujetos se engañan sobre si mismos y sobre su situación*” (1986) Habermas. A estas ilusiones dotadas de la autoridad de convicciones comunes Habermas las llama ideologías, y según el autor el análisis de las mismas queda bloqueado cuando, como ocurre en el análisis de Arendt, se piensa el poder político sólo en términos de poder comunicativo.

Dicho autor elabora una teoría crítica de la modernización, en la cual sostiene que el capitalismo contemporáneo reifica las estructura simbólicas y reconoce un paulatino avance de la racionalidad sistémica sobre el mundo de la vida; dicho avance es vivido como crisis de motivación y socialización.

⁷ Arendt, Hannah, *La vida del espíritu* Paidós, Buenos Aires, 2002.

⁸ Arendt, Hannah, *Los orígenes del totalitarismo*. Planeta, Buenos Aires, 1994.

⁹ Habermas, Jürgen, *Teoría de la acción comunicativa*. Tomo I. Madrid: Taurus, 1987.

En su Teoría Crítica de la sociedad moderna reconceptualiza la reificación como “colonización del mundo de la vida” por fuerzas dimanantes de los sub sistemas económico y político. Analiza las deformaciones socioculturales fundamentales en relación a la creciente subordinación del mundo de la vida a los imperativos sistémico de la reproducción material. Frente a esta situación el proyecto político que propone Habermas ancla en las prácticas comunicativas, a las que son intrínsecas las posibilidades de entendimiento, es decir, la virtualidad de generar acuerdos racionalmente fundados; y se constituye, como se desarrolla en “Facticidad y Validez”, en el Estado de Derecho.

Habermas criticará a Arendt las fuertes dicotomías entre lo público y lo privado, entre la libertad y el bienestar, entre la actividad práctico— política y la producción. Excede el objetivo, y los límites de extensión que tenemos para el trabajo, desarrollarlas, pero a modo de ejemplificación reiteramos que en el pensamiento de la autora, la acción representa el ámbito de la libertad, y el ámbito de la libertad refiere al ciudadano y a la pólis. La producción de objetos, por el contrario, pertenece al mundo de la necesidad, pertenece a la reproducción material, al mundo privado, a los intereses particulares.

Dicha separación queda reiterada cuando en sus estudios sobre la Historia de las Revoluciones la “revolución buena”, es decir la Americana, es catalogada como tal en cuanto persiguió la libertad, entendiendo por tal la participación de los ciudadanos en la polis; mientras que la “revolución mala”, la Francesa, se constituyó como tal en cuanto mezcló las cuestiones políticas con las cuestiones socio económicas (“la cuestión social). Esta separación conceptual, por otra parte, tiene raíces en la concepción aristotélica de la política, a la cual Arendt remite.

Para Habermas el “estrechamiento categorial” que realiza la autora la lleva a eliminar del ámbito de lo político todos los elementos estratégicos; desligar la política de su entorno económico y social (en la que queda inserta a través del aparato administrativo); no captar los fenómenos de violencia estructural, a la cual nos hemos referido en el apartado anterior.

Por el contrario, y como señala el autor, es sólo en el marco de integración del análisis sistémico y de la acción comunicativa que es posible entender cómo los ciudadanos pueden tener convicciones que no son más que ilusiones, y generar de ese modo la institucionalización de un poder que se torna en contra de ellos mismos. Dicho en otros términos, la opinión pública puede ser manipulada. El tema central pasa a ser entonces el potencial crítico de la comunicación en cuanto pone en acto las pretensiones de validez en relación a un mundo objetivo, subjetivo o normativo, y no ésta en cuanto mera acción discursiva.

Señalaremos, a modo de conclusión, que en Habermas hay una clara distinción ente poder comunicativo y la transformación de las decisiones tomadas colec-

tivamente en poder administrativo, así también como una distinción de cómo se realizan las funciones de sanción, organización y ejecución.

Esto implica una especificación en la categoría poder político, pues, como ya lo señalamos, en las sociedades modernas la política no puede coincidir ya en conjunto con la práctica de aquellos que hablan entre sí para actuar de forma políticamente autónoma. El derecho “es el medio a través del cual el poder comunicativo se transforma en administrativo”. De esta manera Habermas continua la idea expuesta en Teoría de la Acción Comunicativa de que en las sociedades modernas el derecho penetra el mundo de la vida; pero también y como ya lo expusimos es un medio para su enriquecimiento en cuanto lugar de anclaje para el control ciudadano de las estructuras antidialógicas del subsistema de la política estatal.

Por otra parte Habermas descarta que se reduzca el actor humano al pensamiento científico y técnico; a la razón instrumental; o se apele a los particularismos del individuo o de la comunidad. Como consecuencia de ello, critica la dominación del pensamiento estratégico, pero también muestra su horror absoluto a las fuerzas populares que condujeron al nazismo. El autor afirma que no hay democracia sin ciudadanía, y no existe ciudadanía sin acuerdos, no sólo sobre procedimientos o instituciones sino también sobre los contenidos de dicha ciudadanía y los mecanismos de ‘diálogo’ y búsqueda de consensos.

Jürgün Habermas nos advierte que no hay democracia si no se escucha y reconoce al otro, si no se busca lo que tiene un valor universal en la expresión subjetiva de una preferencia. La deliberación democrática significa un parlamento, un tribunal, o un medio de difusión al que se le reconozca cierta validez y la aceptación del otro, salvo que este otro se coloque más allá de las fronteras de la sociedad. Los juicios morales y sociales son entonces medios para conservar y reproducir valores culturales, normas sociales y mecanismos de socialización.

Una sociedad no es un conjunto de producción, sino también una colectividad con exigencias de integración social y conservación de sus valores culturales; en términos más concretos, la educación y la justicia son tan importantes como la economía y la política. Entonces, el debate democrático combina tres dimensiones: 1. el consenso en referencia a las orientaciones culturales comunes, 2. el conflicto que opone a los adversarios, 3. el compromiso resultante, que relaciona ese conflicto respecto a un marco social —en particular el marco jurídico— que lo limita.

Justamente, la pregunta central de nuestro trabajo es cómo reconstruir solidaridades en sociedades tan castigadas por la crisis.

A tales efectos realizaremos un recuento de lo sucedido en Argentina y Uruguay en estos últimos años.

Los cambios políticos que se viven en América Latina dan cuenta de una crisis generalizada del modelo económico y sus consecuencias sociales, de la cual los partidos políticos no se han mantenido al margen.

Sobre este nuevo escenario se intentará configurar para Argentina y Uruguay el surgimiento de nuevas formas políticas que logran mayores grados de institucionalización, pero también las nuevas transformaciones que comienzan a percibirse en los partidos tradicionales que han persistido y dado continuidad al proceso democrático transitado en los últimos 20 años.

A pesar de las “inercias” provenientes de períodos anteriores que los gobiernos progresistas han tenido que enfrentar, se han ensayado nuevas formas de participación donde la relación con la ciudadanía y sus grupos organizados ha marcado profundos cambios en el proceso democrático.

La búsqueda de nuevas formas de participación se encuentra con grandes déficits derivados de un modelo de corte neoliberal, una clase política que aún no ha logrado transmitir intereses constituidos sobre la base de principios participativos populares, y una creciente fragmentación y desánimo social en los sectores más castigados históricamente.

El reclamo ciudadano y la construcción de nuevas subjetividades participativas establece una relación entre la acción, la libertad y la pluralidad.

Mientras que las viejas formas partidarias no pueden adecuarse a este proceso que parece ser tan irreversible como impredecible, los intelectuales tampoco han logrado cumplir con un rol crítico y creativo. Se hacen necesarias nuevas narraciones.

Nuevos espacios han esperado sin respuesta un compromiso que aporte soluciones a los procesos democráticos en la nueva coyuntura. La real falta de categorías y pensamiento propio significa un gran desafío a la hora de analizar y comprender la crisis de paradigma atravesada por nuestra región.

En este sentido, se intentará contribuir con un análisis propio desde donde reinventar el compromiso crítico y militante desde nuevas bases políticas y epistemológicas. Es decir, comprender las potencialidades y limitantes en las nuevas formas políticas ensayadas en nuestros países rioplatenses.

¿Es posible que los partidos políticos con impulsos progresistas puedan dar respuesta a las nuevas demandas sociales? Se buscará contemplar dichas demandas sociales condensadas a través de nuevas y viejas formas asociativas, así como intentar analizar posibilidades de construir nuevos canales inclusivos para los postergados y silenciados de nuestra sociedad.

Desde el paradigma comunicacional: una nueva construcción de lo político

Lo político significa un proceso dual. Por un lado, gobernar, es decir, lograr el asentimiento de la comunidad, cuestión que descansa en la distribución, la participación y jerarquía de lugares y funciones. Por otro, construir el sentido de la igualdad, el cual no puede separarse de la emancipación.

Lo político se configura en el espacio, brecha o el intervalo donde se redime la pretensión universal de la igualdad y las luchas particularistas por el poder. Incluiría toda práctica societal y las visiones que la conforman, deliberadamente orientadas a la persecución de intereses que atañen, en mayor o menor medida, a la distribución de los recursos materiales y simbólicos, la distribución y el reconocimiento.

En el Sur de América Latina, la arena de lo político se ensancha a medida que surgen nuevos espacios, nuevas causas, nuevos actores, nuevas instancias, nuevas voces -que no necesariamente anulan o reemplazan las anteriores— para la prosecución de objetivos en la esfera local, nacional o regional.

Como dice Arendt, la política conlleva sorpresas, desde esta perspectiva es política toda práctica societal que cumpla la condición de búsqueda, de incidencia en instituciones o esferas locales, de distribución de recursos en un contexto de interacción colectiva determinada, es político todo espacio de disputa.

Desde otra perspectiva, *para la concepción liberal*, el proceso democrático cumple la tarea de programar el estado sobre el interés común de la sociedad, entendiéndose el estado como el aparato de la administración pública y a la sociedad como el tráfico de las personas privadas y su trabajo social estructurado en términos de economía del mercado.

Para este enfoque la política sería la mediación entre los intereses sociales privados y un aparato estatal especializado en la administración del poder político con fines colectivos. El colectivo social es definido como el conjunto de individuos y no como grupos que se relacionan para competir por las definiciones culturales, políticas y económicas. El componente relacional se ve reducido entonces a su mínima expresión. Se define al ciudadano a través de un esquema de libertades negativas en las cuales se hace uso de ellas como personas privadas; es decir, libres de coacciones externas.

En contraposición a esta interpretación, incompleta de un modelo cuasi ideal, *la concepción republicana*, propone comprender la política sin que esta se agote en la función de mediación, sino como forma de reflexión de una trama de vida ética. El objetivo sería constituir a partir de los individuos pertenecientes a una comunidad, una conciencia de su recíproca dependencia y la configuración de una asociación de ciudadanos libres e iguales donde el valor solidaridad aparece como una tercera fuente de integración social.

Supone, la existencia de una base social autónoma, independiente tanto del estado como del mercado. En la concepción republicana, el espacio político público, y la sociedad civil cobran un real significado estratégico, proporcionando una fuerza integradora a partir de la autonomía de la práctica y del entendimiento entre ciudadanos.

Para el planteo republicano habermasiano los derechos ciudadanos son concepciones positivas como el derecho a la participación y comunicación política ejer-

cidas al logro del bien común. Todos estos logros concebidos dentro de una comunidad de libres y de iguales se dan en contextos de conflicto y lucha.

La función del estado, es la de garante de un proceso inclusivo de formación, de opinión y de voluntad política. A estas dos concepciones le agregamos una tercer alternativa en donde a este modelo republicano se le incorpora la definición de que la sociedad es también una autoorganización de ciudadanos unidos comunicativamente¹⁰.

La crítica del autor se dirige a que la perspectiva republicana hace depender el proceso democrático de las virtudes de los ciudadanos orientados al bien común. Pero la política no se compone sólo, ni siquiera primariamente, de cuestiones negativas al auto comprensión ética de los grupos sociales. Se hace necesario por lo tanto ampliar el concepto de racionalidad para dar cabida en él a lo “razonable” y lo “plausible”, para así reconocer las múltiples formas de la racionalidad.

Se trata, entonces, de expandir la democracia y su esfera de aplicabilidad a todas las relaciones sociales. El objetivo del autor es crear otra clase de articulación entre elementos de la tradición democrática liberal — sin perspectiva en un modelo de derechos individualistas, y otro modelo articulado en torno a la categoría “derechos democráticos”.

Esta concepción creará una nueva hegemonía, con la consiguiente permanencia de las relaciones de autoridad y poder que el mismo concepto implica; “Es importante abandonar el mito de una sociedad transparente reconciliada consigo misma... un proyecto de democracia radical y plural, por el contrario requiere la existencia de multiplicidad, de pluralidad y conflicto, y ve en ellos la razón de ser de la política”¹¹.

Como consecuencia de este intento de redefinición de lo político, se desarrolla la ineludible tarea de construir desde lo diverso, desde el otro como tal, como diferente, pues es lo que en última instancia caracteriza al hombre. Por eso, para Arendt “la política se basa en el hecho de la pluralidad de hombres... tratar de estar juntos los unos con los otros, los diversos”¹²

La política nace “entre” hombres, por lo tanto no existe ninguna sustancia propiamente política. La política surge “entre”, y se establece como relación; es un concepto que refiere a lo relacional — plural. Se inscribe, por consiguiente, como ámbito de acontecimiento y novedad. Es necesario que dicha pluralidad sea respetada por el gobierno y el estado para que se garantice que no existan silenciamientos y/o imposiciones, construyéndose entonces un espacio de diálogo real.

¹⁰ Habermas, Jürgen, *Facticidad y validez. Sobre el derecho y el Estado democrático del derecho en términos de teoría del discurso*. Trotta, Madrid, 1998.

¹¹ Ibid/

¹² Arendt, Hannah, *La vida del espíritu Paidós*, Buenos Aires, 2002.

Es por lo antes expuesto que entendemos la política como acción y esta va siempre acompañada de la palabra, del discurso. Gracias a la palabra y a la acción el mundo se vuelve habitable y se transforma. En él accionamos unos y otros, es lo que nos une y también nos separa. Así, la acción y la palabra construyen el espacio público, que para la autora mencionada es cada vez más “resplandor”, porque cada vez, en los tiempos que vivimos, “ilumina menos a la acción”.

Sin embargo, queda claro que no todo el espacio político es poder comunicacional, sino que se hace necesario identificar las relaciones de poder propiamente dicho.

Así, cuando se cae en la tentación de asimilar acción, poder, esfera pública y política a las relaciones entre dominados y dominadores se cae en el peligro de querer liberarse de la política y considerar que en el lugar del poder no hay nadie, lo cual es altamente peligroso para la vida democrática. La situación descrita es la que quizás más se asemeja en algunos países latinoamericanos, si el poder ejecutivo no es nadie en Bolivia o como se insinúa en Argentina, entonces los procesos de elección democrática son desconocidos, tornándose las sociedades en vulnerables debido a las prácticas “a-políticas” que sitúan a la “gente” dónde antes se erguía el ciudadano.

Surge así la política entendida como ‘amigo-enemigo’, negándose la posibilidad, como plantea Mouffe, de construir democracia al transformar el enfrentamiento con el enemigo en enfrentamiento con el adversario. Con éste, a diferencia del enemigo, se discute; existe, en consecuencia, la posibilidad de coincidencia parcial y la creación provisional de acuerdos: “La política consiste en domesticar la hostilidad y en tratar de neutralizar el antagonismo potencial que acompaña toda construcción de identidades colectivas”. Por tanto, es necesario pensar en que la política no sólo como el intento de creación de consensos a partir de la existencia de conflictos, sino también de tomas de decisión del poder político cuando aquel se hace imposible. Su propuesta es elaborar una forma verdaderamente política que sin dejar de postular la defensa de los derechos y el principio de la libertad individual no escamotee la cuestión del antagonismo y la decisión. Se trata entonces de construir “lo” político íntimamente ligado a la dimensión del antagonismo, lo que implica la aceptación de la hostilidad como consustancial a las relaciones humanas.

Para nosotros no hay dudas que el orden democrático no puede sobrevivir sin ciertas formas de consenso que debe apoyarse en valores ético-políticos constructores de legitimidad, y en las instituciones en que se inscriben, permitiendo, no obstante, que el conflicto aflore.

Para una democracia es necesario que los ciudadanos puedan elegir entre posibilidades reales y distintas. El consenso total es inexistente o falso, conduciendo por tanto a una engañosa equivalencia. El déficit total es igualmente peligroso y productor también de desequilibrios conducentes siempre a los totalitarismos.

Crear que la democracia es algo natural, evidente, o el resultado de una evolución moral de la humanidad es un grosso error. Se hace necesario percibir su carácter improbable e incierto. La democracia es frágil y algo nunca definitivamente adquirida. No existe un ‘umbral’ de la democracia que una vez logrado sea definitivo; antes bien la línea se

mueve a la deriva cuando se concentra y centraliza la riqueza , y , como contrapartida aumentan sin cesar la marginación de grupos enteros que están cada vez más excluidos de la comunidad política.

Es en este incierto escenario donde los países del área sur de nuestro continente debaten nuevas formas de integración, de inclusión, de distribución de la riqueza y la exclusión creciente.

Tomaremos en esta ponencia sólo los casos de Argentina y Uruguay, sin perder perspectiva de lo que ocurre en el resto del continente.

Argentina: entre la integración social y la resistencia

Si la política es el reino de la incertidumbre, de lo discutible, lo negociable, las verdades políticas son el resultado de las luchas y posibilidades de acuerdos parciales, domesticando la hostilidad. Pareciera que en Argentina, poco se ha aprendido de estas verdades.

Cuando un viejo régimen se agota surge una constelación de actores que no encuentran su lugar institucional y la subvierte para entrar en escena. Cuando esto ocurre, tiempos de cambios profundos habrán llegado.

En el caso argentino, existieron dos momentos de cambios de corte transformador: el surgimiento del radicalismo y el peronismo después.

Pero la historia del país está más marcada por períodos de crisis, desencuentros y quiebres institucionales que de acuerdos de gobernabilidad. A pesar de la reconquista de la democracia en 1983 han continuado experimentándose recurrentes conmociones de extrema gravedad. Las consecuencias son los retrasos, las frustraciones y las tensiones cuasi permanentes.

Si la historia argentina en su último período está firmada por expectativas incumplidas

Por ello el peligro de bandos amenaza en convertirse en un campo de batalla entre dos bandos existencialmente enfrentados”¹³. Nos referimos, concretamente, a la tensión gobiernos_ sectores populares a partir de la cual se generaron conflictos entre aquellos sectores sociales, generalmente de clase media, que apoyan al nuevo gobierno (tradicionalmente integrantes de las clases dominantes), y los sectores más populares, base de sustentación del gobierno.

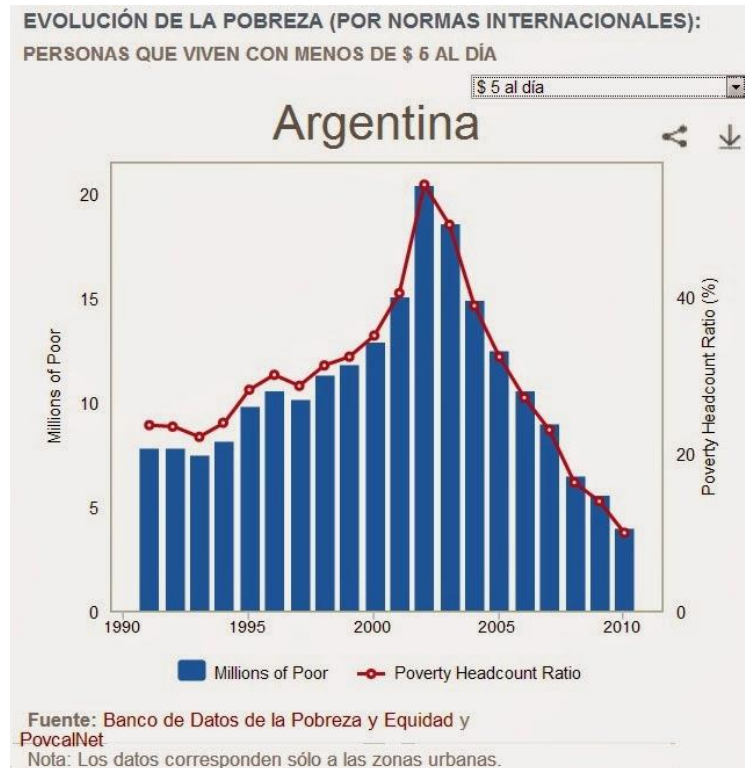
La crisis mundial ha desatado un nuevo debate en torno al modelo de desarrollo, esto es entre la alternativa de un país productivo incluyente o, el regreso al viejo modelo excluyente.

La disputa por la legitimidad política es uno de los rasgos permanentes de la cultura colectiva argentina. Consiste en el no reconocimiento de la centralidad del

¹³ Mocca, Edgardo, “Conflicto sectorial y tensiones políticas en Revista Debate”, Mayo 2008, Año 6, No 270, 12.

voto para la formación de una mayoría política, que como tal, debe de conformar un gobierno dentro de lo señalado por la constitución. Estas normas políticas que han sido desconocidas históricamente plantean al nuevo gobierno una disyuntiva: acceder a los requerimientos de los sectores sociales más prósperos o cumplir con las propuestas electorales que señalaban la necesidad de una distribución más justa.

El crecimiento durante estos últimos 5 años ha sido del 9% anual. Sin embargo, los indicadores de la pobreza no se han reducido en los niveles esperados.

Estas cifras presentan un verdadero dilema pues los votos del frente para la victoria provienen de los sectores populares y de clase media-baja. En la vereda del frente las clases medias acomodadas han votado por el voto opositor, lo que no sería grave si no fuera porque han comenzado a desplegar reflejos adormecidos que nos remiten al primer peronismo y al corte de clase que tantos afrontamientos produjo.

Una oposición organizada, con sus características, sus ideas, convicciones y sus maneras de sentir y actuar son parte de un proceso democrático. Sin embargo, este proceso se transforma cuando en la oposición confluyen intereses de clase minoritarios con reflejos racistas: se construye el otro como “la negrada” opuesta a un insaciable mundo empresarial.

Esta conjunción constituye hoy un espacio político decisivo y poderoso de la derecha. El panorama es cambiante y pareciera que en la mayoría de la clase media urbana y rural se construye un proyecto de centro-derecha. Es de esperar que el resultado sea un equilibrio de las fuerzas sociales y políticas típico de los países de mayor desarrollo, tal como lo plantea Di Tella.

Pero esta conjunción entre centro-izquierda y centro-derecha significa que no está claro quién ganará la próxima elección presidencial: si el caballito de batalla de la derecha contemporánea es la gestión y eficiencia, la respuesta de este gobierno es señalar que la cuestión esencial es “una batalla cultural” donde los temas no incluyen sólo aspectos económicos, sino también dar sentido a los derechos humanos.

Uno de los puntos interesantes del gobierno de Kichner y Cristina Fernández es precisamente su insistencia en devolverle a la gestión la dimensión política, elemento que ha despertado resentimiento en aquellos que se presentaban como la ‘verdadera opinión pública’. De ahí la centralidad que tienen los medios de comunicación, transformados en claros portavoces de la derecha, espacio decisivo y poderoso de la oposición. A lo que suma la presencia del tradicional sector agrario, que han cumplido, al decir de algunos estudiosos un rol “destituyente”.

La izquierda en el Uruguay: un crecimiento polifónico

A fines de la década del 50’ y durante los años 60’ el advenimiento de la crisis social y económica generó una polarización de la sociedad uruguaya, lo que implicó cambios en el papel de la izquierda. El antiguo rol testimonial fue sustituido por un creciente protagonismo, al menos en el debate, puesto que comenzó a vislumbrarse una pretensión de modelo alternativo. La revolución cubana, así como otros movimientos insurgentes en América Latina en un contexto de guerra fría, plantearon la hipótesis de un eventual acceso al poder de las fuerzas de izquierda.

Pero la polarización en los debates fue paralela al surgimiento de un movimiento de guerrilla urbana que cuestionó un modelo de país, el cual durante décadas pareció indestructible. La crisis social, política y económica comenzó a jaquear toda

la cosmovisión de una sociedad que se contemplaba a sí misma como casi perfecta, ‘la Suiza de América’, ‘la sociedad hiperintegrada’ y en donde los cambios sólo eran posibles como consecuencia de la inercia de los lentos procesos de transformación que vivió el país.

Rápidamente todo el sistema político se encontró inmerso en un caos al cual muchos se negaron a reconocer, otros no pudieron advertirlo, y lo que fue claro, era que nadie poseía la solución.

En este panorama fue lógico que la izquierda comenzara a articular nuevas formas de organización y de accionar político. Desde una situación de neta oposición al sistema tradicional de partidos, comenzó a gestar el cambio cualitativo más significativo en la vida política uruguaya de los últimos 130 años. Los partidos de izquierda ya existentes, sectores progresistas de los partidos tradicionales, personalidades independientes, y el Partido Demócrata Cristiano conformaron en 1971 una alianza política denominada Frente Amplio. Fue muy difícil comprender un acuerdo político entre cristianos y comunistas.

Con una propuesta programática de corte rupturistas con los modelos tradicionales uruguayos, donde se propuso la reforma agraria, la nacionalización de la banca y la integración latinoamericana para enfrentar los avances del imperialismo capitalista, esta nueva experiencia política generó muchas más dudas que certezas. Se desconocía cual era el potencial electoral que podía llegar a tener una coalición de esta naturaleza y la viabilidad de su permanencia en el tiempo.

Tras de sí se generó una intensa movilización ciudadana, a la cual se prometió, y al mismo tiempo se exigió, participación en la toma de decisiones. Se trataba de una nueva forma de organización política que no sólo pretendió diferir de tradicionales en cuanto a su ideología y su programa sino también a su funcionamiento.

En las elecciones de 1971, con una votación del 18% a nivel nacional, se confirmó que la posibilidad de acceder al poder era aún remota. Sin embargo, la izquierda que nunca había tenido más de dos escaños en el senado, pasa a tener cinco. A su vez, el Frente Amplio se convirtió en la segunda fuerza a nivel electoral en el departamento de Montevideo.

Los meses sucesivos a las elecciones tuvieron una intensidad muy particular. Fue en periodo de un fuerte bloqueo político, aumento del autoritarismo y de sucesivos pasos que confluyeron en el golpe de estado de 1973.

La intensidad de este periodo histórico en la vida nacional fue, también, paradójica, pues los partidos políticos tuvieron muy poca capacidad decisional.

El advenimiento del gobierno militar fue una circunstancia que la clase política no supo o no pudo evitar. Una vez producido el golpe de estado en junio de 1973, la suerte de los sectores que conformaban la izquierda fue dispar. Cárcel, clandestinidad y exilio fue el destino de la mayoría de los dirigentes. La masa ciudadana poco podía hacer para resistir los paulatinos avances de la represión militar. La

posibilidad de organización como órgano de oposición del Frente Amplio en ese período fue caótica. Existieron diferentes mecanismos de coordinación, pero sin un elemento orgánico que pudiera dirigir el movimiento. Poco a poco, tanto en el Uruguay como en el exterior, se comenzaron a realizar diferentes tipos de contactos con sectores democráticos de los Partidos tradicionales como forma de coordinar esfuerzos para disminuir la embestida cada vez más represora de las Fuerzas Armadas contra la población.

Estas conversaciones y embriones de acuerdos, fueron los primeros pasos para comenzar a desestigmatizar a la izquierda en el resto de la clase política uruguaya. Representó una revalorización de lo político expresado a través de los propios partidos, en los cuales la izquierda no había estado incluida.

Las pretensiones de los militares de legitimar su modelo de organización institucional se rechazó en el plebiscito de 1980. A partir de ahí quedó claro que, de una manera u otra, la solución al problema institucional habría de pasar por los partidos políticos.

Los militares insistieron en excluir a la izquierda de cualquier modelo de futuro país y convocaron a elecciones internas de sectores de los Partidos Tradicionales en noviembre de 1982.

Estas elecciones generaron dentro de la izquierda una disyuntiva que aún hoy sigue sin tener una respuesta definitiva: ¿cuál era el camino a seguir? Por un lado se planteó apoyar a los sectores democráticos de los Partidos Tradicionales; por otro, señalar el perfil propio y la vigencia del Frente Amplio a través del voto en blanco. Esta divergencia a nivel de dirigencia tuvo su espontánea resolución en el voto de la masa ciudadana de izquierda.

En tiempos de semiclandestinidad, combinada con fuerte represión, los canales de comunicación entre la dirigencia y la base, si es que estas categorías existían, fueron muy difíciles. El electorado de izquierda, en su gran mayoría, libérrimamente se expresó electoralmente de acuerdo a lo que su propia conciencia, niveles de lealtades partidarias, y consideraciones estratégicas le indicaron. El resultado fue doblemente bueno para la izquierda; se conformaron convenciones de los Partidos Políticos con un claro predominio de los sectores democráticos, que fueron en principio quienes irían a negociar con los militares, y a su vez los resultados del voto en blanco reafirmaron la vigencia del Frente Amplio como organización política.

El desarrollo de los acontecimientos políticos generó paulatinamente que la izquierda fuera tomando cada vez más protagonismo. Las movilizaciones sociales, donde la izquierda ejercía la hegemonía de la conducción fueron cada vez más frecuentes. El retiro del Partido Nacional de las negociaciones con los militares obligó a éstos a reconocer al Frente Amplio como fuerza imprescindible para que el acuerdo, al que se llegó con el Partido Colorado, tuviera una legitimidad indiscutida. De

ahí en más, tanto para los militares como para los Partidos Políticos la izquierda fue una realización política que ya no podría volver a discutirse.

Este hecho significó para la izquierda la posibilidad de una ubicación estratégica en la vida nacional. Mas allá de los cuestionamientos éticos de lo que representó negociar una salida política con un actor que tenía encarcelados a miles de sus integrantes, fue la primera vez en la historia nacional en la cual la izquierda podía por sí trabar o destrabar una de las situaciones más delicadas de la vida nacional de todo el siglo.

A partir de ese momento la sociedad uruguaya toda aceptó, implícitamente, un lugar — anteriormente negado— dentro del escenario político para la izquierda.

Las elecciones de 1984 marcaron un leve aumento electoral de la izquierda y consolidó su fortaleza en el departamento de Montevideo. En un clima de euforia democrática, la vigencia del Frente Amplio quedó plenamente asegurada, al tiempo que se generó una crisis no de crecimiento sino de reacomodo a la nueva situación del país y a la nueva situación interna. A partir de allí el porcentaje de votos a la izquierda seguirá un comportamiento en aumento sostenido.

Cuadro No 3

Elecciones nacionales — porcentaje sobre votos válidos

	11984	11989	11994	11999	22004
PARTIDOS TRADICIONALES	76.2	69.2	63.5	55.1	43.4
IZQUIERDA	23.7	30.2	35.9	44.7	51.7

Fuente: Corte Electoral Uruguay

El primer período democrático tuvo para el Frente Amplio dos grandes polos de atracción, por un lado el ejercicio de la oposición a la política del Poder Ejecutivo de no juzgar a los violadores de los derechos humanos durante la dictadura, y por otro, el reacomodo de su propia interna a la luz de los resultados electorales de 1984 y de las sucesivas controversias que se plantearon tanto por aspectos ideológicos como organizativos.

Las elecciones de 1989 encuentran a la izquierda dividida en dos opciones electorales. No obstante ello, a ambas fuerzas políticas los resultados los favoreció. El Frente Amplio aumenta levemente su caudal electoral a nivel nacional, pero fundamentalmente logró ganar el gobierno municipal de Montevideo. El Nuevo Espacio, coalición formada por el Partido por el Gobierno del Pueblo y el Partido Demócrata Cristiano y que se definió como socialista democrático, obtiene dos senadores teniendo un porcentaje de votación como nunca antes había tenido ningún partido de izquierda previo a 1971.

Ya desde el inicio de la gestión del Gobierno departamental de Montevideo por parte de la izquierda, se generaron diversos tipos de mecanismos de bloqueo

por parte de los partidos tradicionales. Este segundo gobierno democrático trató de relacionarse menos que el anterior con la izquierda. El Frente Amplio no participó de la dirección de ninguna de las empresas estatales, y sus planes de subsidio del transporte capitalino y de descentralización de la gestión municipal fueron combatidas desde el resto de los Partidos Tradicionales como nunca antes se había ocupado ningún partido de lo que sucediera en la Intendencia capitalina.

Poco a poco, la figura de Tabaré Vázquez fue creciendo dentro de la interna de los propios frenteamplistas desplazando al General Seregni, líder histórico de la coalición. La segura candidatura a la presidencia de Vázquez hizo que los partidos tradicionales apuntaran sus baterías contra el Intendente Montevideano intentando disminuir su prestigio.

Las elecciones de 1994 fueron una prueba de fuego para la izquierda. En ellas, no sólo se juzgó la capacidad de gobernar, presunto talón de Aquiles de la izquierda, sino también la capacidad de proyección de sus dirigentes hacia el resto del país. Si bien el Frente Amplio siguió siendo la tercera fuerza electoral, en noviembre de 1994 se produjo un virtual empate entre los tres Partidos mayoritarios, y el triunfo en Montevideo de la izquierda fue aún mayor de los obtenidos 5 años atrás.

Como afirma Real de Azúa: Uruguay “completó de alguna manera una imagen de país y la consideró aceptable, juzgando, por ende que no tenía razón de hacer ‘otra’ cosa”¹⁴. Estas palabras escritas en 1964, resultaron proféticas en 1999. La coalición del Partido Colorado y el Partido Nacional, lograron el triunfo de la fórmula electoral representado por las figuras de Jorge Batlle y Luis Hierro López.

El proyecto de centro derecha logró imponerse al frente de la izquierda captando el voto de los sectores medios, realizando un llamado a la tradición ‘democrática liberal’, con visos a la continuidad del modelo neoliberal, todavía en pie en esos años. El temor de dichos sectores a cambios económicos abruptos y el bombardeo ideológico que desde los medios de comunicación realizaron los políticos tradicionales produjeron el resultado esperado. A ello, cabe sumarse la falta de respuestas adecuadas, unitarias pero sobre todo rápidas y eficaces de la izquierda, representada por el Encuentro Progresista-Frente Amplio y de sus principales referentes. Como consecuencia de ello, los resultados electorales de la segunda vuelta concedieron el triunfo al partido Colorado con 51.6% de los votos.

La continuación de una política económica que daba muestras de su agotamiento, con la producción de un discurso de ‘cambio’, entendido como proceso de modernización con influencia neoliberal, produjo fuertes ambivalencias y abruptos corrimientos en su estrategia política. Ejemplo de esta contradicción en el seno del gobierno, fue la continuidad de la utilización del estado, como un gigantesco apa-

¹⁴ Real de Azúa, Carlos, *El impulso y su freno: tres décadas de batllismo y las raíces de la crisis uruguaya*. Ediciones de la Banda Orienta, Montevideo: 67, 1964.

rato clientelístico político-partidario y electoral, fruto de la más acabada tradición e identidad partidaria. La agenda política del presidente chocó rápidamente con las necesidades cada vez más acuciantes de una sociedad, a la que los cimbronazos de la crisis afectaba de manera creciente. Aún en temas como los derechos humanos, que se habían transformado en una bandera reivindicativa, el gobierno no sólo no la llevó a cabo, sino que ante la demanda de sectores amplios por “verdad y justicia” recomenzó la actitud de encubrimiento y negación.

En octubre del 2004, el triunfo del FA no tuvo que disputarse en una segunda vuelta, con el 50,4 % de los votos rompió con las viejas reglas de bipartidismo de los partidos tradicionales. Una ciudadanía esperanzada se manifestó en las urnas y en las calles.

El nuevo gobierno desde su campaña electoral no “prometía milagros”, se sabía que el país estaba bajo los efectos de la dura crisis del 2002.

Datos de Pobreza e indigencia en Uruguay

	Total país	Total país (5.000 + hab.)	Montevideo	Interior		
				Localidades de 5.000 + hab.	Localidades de menos 5.000 hab.	Zonas rurales
2002	..	22,1	21,3	22,9
2003	..	29,4	28,6	30,3
2004	..	29,9	28,9	31,0
2005	..	27,1	27,6	26,6
2006	24,2	24,2	24,5	23,9	32,6	16,0
2007	21,2	21,5	22,0	21,0	27,4	11,8
2008	17,4	17,5	19,0	16,1	23,7	8,5
2009	14,7	15,1	17,1	13,1	18,4	6,4
2010	12,6	12,6	14,6	10,8	16,4	4,6
2011	9,5	9,8	11,6	8,1	11,9	4,6
2012	8,4	8,9	11,3	6,7	7,0	2,9
2013	7,8	8,0	10,5	5,7	8,5	2,4
2014	6,4	6,7	8,5	4,9	6,4	2,2
2015	6,4	6,8	8,7	5,0	5,6	2,0
2016	6,2	6,4	8,3	4,6	6,8	2,1

Fuente: Instituto Nacional de Estadística (INE) - Encuesta Continua de Hogares (ECH).

Nota 1: “..” hasta el año 2005 no se dispone de información ya que la cobertura de la ECH era de Localidades de 5.000 y más habitantes.

Nota 2: A los efectos de analizar las precisiones de las estimaciones, en el Anexo se presentan los intervalos de confianza al 95 % para los años 2010 a 2015.

Nota 3: 2013 – 2015 cifras revisadas a marzo 2017.

Sin embargo, en el primer año de gobierno se consolidó una credibilidad ante los primeros cambios operados desde el estado. La larga marcha del discurso del cambio se vió afianzada por el triunfo, en mayo de 2005, de 8 intendencias de las 19 que conforman el país, lo que representa el 75% de la población y el 85% del aparato productivo.

Los primeros años de gobierno la agenda se centró en lo que se dio en llamar “el plan de emergencia”, el armado del equipo y la concreción por parte de los designados sobre las estrategias específicas a seguir. Si bien las reformas han encontrado

luces y sombras entre tensiones de cambio y visos de continuidad, lo cierto es que a pesar de las críticas de ‘asistencialismo’ se ha encarado el tema de la pobreza no como efecto colateral, sino como un aspecto estructural del tipo de crecimiento llevado a cabo en nuestro país.

Otro eje que ha sido de gran atención, fue el tema de los derechos humanos. La insistencia en la búsqueda de los desaparecidos terminó en algunos hallazgos y el encarcelamiento a responsables militares. La consigna del “Nunca Más” ha intentado combatir ciertas ‘tentaciones totalitarias’ buscando refundar la ciudadanía sobre bases de la memoria, la verdad, la justicia y reparación. En este sentido puede analizarse la coyuntura nacional como lo que Arendt llama ‘momento de verdad’.

A pesar de las críticas, lo cierto es que estos temas han ocupado un importante espacio en la agenda pública y abierto el debate ciudadano.

La apertura de espacios de negociación también es indiscutible, tal es el caso de la restauración de los consejos de salarios, que propiciaron un marco adecuado para el fortalecimiento del papel del movimiento sindical, el que venía en declive en el período de conducción política neoliberal.

En el último año, las políticas han girado hacia la profundización de las reformas. Encontramos como ejemplo de ello el pasaje del plan de emergencia al plan de equidad, el Plan de Salud, la reforma tributaria, algunos de los cuales han despertado resistencias quitándole al gobierno capacidad decisoria. El ejemplo más claro sería el de la reforma tributaria, cuestionada por la oposición de derecha sobre todo en el ámbito de las jubilaciones y pensiones. Ante ello, se derogó la reforma implementándose un nuevo programa basado en un nuevo impuesto.

Para concluir, podrían señalarse algunas deudas que el gobierno progresista no ha podido saldar: la reforma del estado, la legalización del aborto, entre otros. A lo que debe sumarse la sanción de una ley de educación que no encuentra consenso entre los agentes involucrados en el hacer educativo.

Uno de los problemas que se encuentran, no sólo a nivel nacional sino regional, es que a pesar de las múltiples reformas, no se ha podido ‘reformular’ a nivel global el modelo de crecimiento y desarrollo.

Conclusiones

América Latina está intentando transformaciones que, incluso siendo las más necesarias, producen tensiones en los procesos democráticos, así también como torsiones en la interpretación de la intencionalidad de las mismas. Casos extremos, como lo son Bolivia, Ecuador y Venezuela, representan claros ejemplos de ello.

Argentina y Uruguay, desde ópticas distintas, no escapan a las presiones de una oposición que, en el caso uruguayo, no se define como derecha y se apoya en

la crítica de las políticas económicas gubernamentales que han profundizado componentes redistributivos sin cambiar ninguno de los elementos de la lógica liberal, cuando no neoliberal.

La situación Argentina es más compleja aún, dada la labilidad de sus instituciones y una historia más cercada por la inestabilidad política y social. Sin partidos de derecha realmente estructurados como tales, los vaivenes de la política estos últimos cincuenta años han oscilado entre golpes de estado y crisis económico-sociales cuasi terminales.

Sin duda, pese a las distancias históricas y societales de Argentina y Uruguay, la comparación de los gobiernos nos permite señalar ciertas similitudes. Ambos, han construido con muchos esfuerzos e imaginación un proceso de cambio, rompiendo las representaciones simbólicas de los partidos tradicionales, estableciendo rupturas y fraccionamientos en el caso Argentino, unificándolos en el caso uruguayo.

En este último caso la vuelta a al Partidismo es de corte absolutamente distinto, pues rompe contradicciones muy acendradas. Históricamente hubiera sido difícil predecir un escenario político donde Blancos y Colorados votaran unidos contra el Encuentro Progresista-Frente Amplio.

En Argentina, nunca se hubiera pensado, la posibilidad de un presidencialismo de corte progresista, sobre todo en cuanto a derechos humanos, pese a los embates de los sectores tradicionales. Los doce años de gobierno naufragaron y la vuelta a la política de los llamados Ricos, impera en el país.

Sin embargo, tal como hemos planteado, el embate de los sectores tradicionales y las elecciones parlamentarias en la mitad del período presidencial, se han convertido en el test de la posibilidad de continuidad de un proyecto progresista, o por lo menos de un proyecto de país con intenciones de justicia social.

La situación regional, puede explicarse a través de dos dimensiones: A) la flexibilidad demostrada por las organizaciones sociales argentinas y uruguayas que lograron readaptarse a los cambiantes tiempos, y crecer en base a principios constitucionales de eficiencia y ética, para de esta manera reconstruir un espacio creíble y de cierta sintonía con las nuevas necesidades de la sociedad. B) el surgimiento en ambos países de líderes innovadores, pese a los crecientes embates de sectores que tradicionalmente han usufructuado del poder.

Un nuevo modo de gobernar otorga la capacidad de captar la creatividad potencial de las situaciones y orientar la práctica social. Esto no significa que el discurso se transforme en una sumatoria de elementos heterogéneos, pero lo cierto es que se ha complejizado la noción de “homogeneidad” del discurso.

Cómo construir lo heterogéneo sin perder homogeneidad es el gran desafío para las nuevas agrupaciones políticas. Lograr, asimismo, un formato integrador que unifique pero también las ubique en términos de distancia con otros discursos,

es otro de los desafíos a los cuales se hallan abocados los líderes. Se hace necesario para ambos gobiernos, definidos como centro-izquierda en Argentina e izquierda en Uruguay, construir un discurso como insumo y producto de identidad-identidades. No podemos pensar, sin embargo, que la coherencia necesaria del mismo implique sólo integración normativa, si no que la idea de conflicto y tensión debe estar siempre presente.

Las políticas contestatarias, han cambiado en esta etapa; sin embargo, a pesar de ser gobierno, no se puede negar todo lo hecho. Se construye desde lo que se tiene, muchas veces con grandes contradicciones; pese a ello la respuesta a la demanda sobre los derechos Humanos, sobre todo en Argentina, o ciertas políticas sociales en Uruguay, si bien no satisfacen, auguran la posibilidad de profundización de los cambios.

El dilema de las organizaciones es también muy similar. ¿Cohesión significa disciplina? ¿Se puede profundizar la institucionalización sobre la base de las agrupaciones existentes? ¿Existe la suficiente flexibilidad a la hora de ampliar la base electoral? Sin duda estas preguntas emergen como producto de una nueva situación; la centroizquierda tiene que estructurar sus discursos considerando la tensión entre el contenido del mismo en términos de captación de los movimientos sociales, ya que se observa distintas pérdidas ante la incoherencia de la práctica y el discurso. Esta idea adquiere relevancia a la hora de pensar la política y las propuestas del gobierno.

En este sentido, queremos abrir una interrogante sobre cómo construir un gobierno de centro-izquierda o izquierda coherente donde lo popular, práctica política, históricamente desdeñada pero que, pensada por Gramsci y luego por Laclau, es por nosotros fundamental en cuanto lógica social y modo de construir lo político teniendo en cuenta la lucha por la hegemonía y la formación de identidades sociales. Este proceso es fundamental para comprender los triunfos y los fracasos de los movimientos populares. De este modo se debería comenzar a pensar en un proyecto político de una “democracia radical en el actual escenario de un capitalismo globalizado”¹⁵.

La problemática que se ha instaurado en los países estudiados implica analizar cómo responder a la demanda popular y simultáneamente responder a los organismos internacionales que requieren políticas restrictivas. Lograr un equilibrio entre ambas propuestas no es fácil, de su éxito depende que nuestros países cumplan con sus anheladas metas de desarrollo, distribución y equidad.

En el caso Argentino, la búsqueda de equilibrios partidarios ha abierto nuevas alternativas. Por un lado, se ha estructurado un frente de centro— derecho que buscará a futuro aliarse a los sectores representativos de ésta corriente, hasta hoy

¹⁵ Laclau, Ernesto. *La razón populista* FCE, México, 2005.

dispersos. Por otro lado, se ha constituido un sector centro— izquierda, dónde el ex presidente Kirchner y la expresidenta Cristina Fernández buscaron alianzas con “sectores progresistas” de otras identidades partidarias. Al decir de Nun, estamos en una instancia superadora en la historia Argentina: “el desplazamiento es del eje peronismo — antiperonismo, que fue tan dañino para la política Argentina del último medio siglo, hacia un eje que hoy parece muy superior, que es el de centroizquierda — centro derecha”¹⁶. No obstante el gobierno perdió las elecciones en 2015, en manos, como ya se ha planteado en manos de un partido de derecha.

A modo de ir concluyendo: los gobiernos que llegan hoy al poder en las democracias del Cono Sur se enfrentan a nuevos desafíos. El panorama ha cambiado dada la crisis mundial que se ha abatido sobre el mundo, esta afectará sin duda las proyecciones económicas, pero los gobiernos progresistas de América latina, se han comprometido a mantener las políticas sociales

Más allá de las especificidades que se desprenden de cada país, encontramos que la conmoción que ha afectado a la condición salarial -el desempleo masivo y la precarización de las situaciones de trabajo-, a lo que se suma la inadecuación de los sistemas clásicos de estratificación social, han producido un nuevo sujeto social, “el marginado” motivo de preocupación de ambos gobiernos.

Se pretende sostener una democracia que implica la codificación de un sistema de reglas y de un Estado de derecho; de esta formalidad depende la capacidad misma del sistema de adaptarse y perdurar. Pero sin duda el sentido de una sociedad no está dado únicamente por un sistema de reglas, sino que es propiedad de las prácticas sociales mediante las cuales esas reglas se interpreta, se negocian y se aplican.

Adaptarse y perdurar, pero transformando. Para que la democracia formal pase a tener sentido y contenido, se debe garantizar un reclutamiento abierto a través de una verdadera ‘competencia’ en el ámbito popular.

Frente a las propuestas de privatizar al Estado o estatizar la sociedad, habrá que realizar políticas de democratización tanto de uno como de otra; crear ámbitos que puedan asegurar una vida colectiva “activa”, una mayor información, participación y descentralización de las decisiones. La ampliación de la esfera pública, no se da ‘mágicamente’ a través de la desregulación, sino a través de la intervención que combata los procesos de desintegración. Para una democracia fuerte, inclusiva y participativa, la esfera pública debe ser garantizada contra toda ‘captación’ sea de intereses privados, sea inclusive del estado.

Al llegar al poder, la izquierda en Uruguay se encuentra en una nueva ‘encrucijada’ y deberá incluir -buscando alianzas— a grupos que muchas veces nuestra historia ha postergado: los jóvenes, las mujeres, los no sindicalizados por no poseer trabajo y las nuevas generaciones que ya hace tiempo vienen de familias excluidas y

¹⁶ Nun, José. Reportaje, en Rev. Debate. No. 138 Noviembre de 2005, 123-140.

descreen de toda alternativa política. Creemos que este es el nuevo desafío, pasar de una identidad de oposición a formar una identidad dirigiéndose hacia esos grupos, centrándonos en ellos — en sus nuevos reclamos y sus nuevas protestas— y no sólo en los debates clásicos hacia la oposición.

Sostenemos que el pensamiento democrático hoy más que nunca se hace necesario; deberá ahondarse en la búsqueda de la igualdad continuando los caminos que se han abierto desde generaciones pasadas y dando garantías para la inclusión de los antiguamente postergados. La Integración es una prioridad interna de nuestras sociedades atomizadas, pero está ligada a la integración externa, esto es un proyecto común latinoamericano.

Partiendo de la historia regional, hoy nos preguntamos junto a Bobbio, ¿qué nos aglutina a pesar de nuestras ‘obvias’ diferencias provenientes de razones específicas y contextuales? Quizás “ser de izquierda” tenga como núcleo considerar toda desigualdad de origen social y toda injusticia, aberrante.

Bibliografía

1. Arendt Hannah, *Crisis de la República* Taurus, Madrid, 1998.
2. Arendt Hannah, *La vida del espíritu* Paidós, Buenos Aires, 2002.
3. Arendt, Hannah, *¿Qué es política? Traducido por Rosa Sala Carbó*. Paidós, Barcelona, 1997.
4. Arendt, Hannah, *La condición humana* Paidós, Buenos Aires, 1993.
5. Arendt, Hannah, *Los orígenes del totalitarismo*. Planeta, Buenos Aires, 1994.
6. Giussani, Pablo, *¿Por qué, doctor Alfonsín? Conversaciones con Pablo Giussani*. Sudamericana-Planeta, Buenos Aires, 1987.
7. Habermas, Jurgen, *Facticidad y validez. Sobre el derecho y el Estado democrático del derecho en términos de teoría del discurso*. Trotta, Madrid, 1998.
8. Habermas, Jurgen, *Perfiles filosófico — políticos*. Taurus, Madrid, 1996.
9. Habermas, Jurgen, *Teoría de la acción comunicativa. Tomo I*. Taurus, Madrid. 1987.
10. Laclau, Ernesto, *La razón populista FCE*, México, 2005.
11. Laclau Ernesto y Mouffe Chantal, *Hegemonía y estrategia socialista— hacia una radicalización de la democracia.*, Siglo XXI, España, 1987.
12. MacCarthy, Thomas, *La teoría crítica de Jürgen Habermas*. Tecnos. Madrid, 1992.
13. MacCarthy, Thomas, *Ideales e ilusiones. Reconstrucción y deconstrucción en la teoría crítica contemporánea*. Tecnos, Madrid, 1999.
14. Mocca, Edgardo, *Conflicto sectorial y tensiones políticas en Revista Debate*. Mayo 2008 Año 6 No 270, 2008.
15. Natason, José, *La nueva izquierda. Triunfos y derrotas de los gobiernos de Argentina, Brasil, Bolivia, Venezuela, Chile y Uruguay*. Sudamericana, Bs. As., 2008.
16. Nun, José. “Reportaje”, en *Rev. Debate*, No. 138, Noviembre de 2005.

17. Nun, José, *Democracia: ¿Gobierno del pueblo o gobierno de los políticos*. FCE, Buenos Aires, México, 2000.
18. Rancieri, J., *Los nombres de la historia: una política del saber*. Nueva Visión, Buenos Aires, 1993.
19. Real de Azúa, Carlos, *El impulso y su freno: tres décadas de batllismo y las raíces de la crisis uruguaya*. Ediciones de la Banda Orienta, Montevideo, 1964.

Políticas audiovisuales en América Latina: nuevas iniciativas de exhibición y circulación de contenidos latinoamericanos en el MERCOSUR

Audiovisual policies in Latin America: new initiatives for the exhibition and circulation of Latin American contents in MERCOSUR

Resumen: La producción, circulación y exhibición de productos audiovisuales regionales constituye una dimensión relevante para pensar la integración latinoamericana así como la consolidación de imaginarios sociales comunes en pos de una contra-hegemonía a la industria norteamericana hollywoodense. Las políticas neoliberales aplicadas en los años noventa por varios países latinoamericanos basadas en la apertura y desregulación de los mercados no aportaron al desarrollo y consolidación de las industrias culturales locales, menos aún a la diversificación de imaginarios y fortalecimiento identitario regional. Por el contrario, favorecieron a la configuración de hábitos y gustos ligados a los productos cinematográficos hollywoodenses afectando inclusive a los países con mayor tradición en los sectores cinematográficos como Argentina y México.

En los años dos mil se produce un renovado esfuerzo para impulsar las cinematografías nacionales latinoamericanas a la vista de la necesidad de una mayor sinergia en los países de la región en el ámbito de la producción, circulación, exhibición y legitimación de productos audiovisuales latinoamericanos. Así, el Mercado Común del Sur (MERCOSUR) ha incluido al cine en su agenda y desde la RECAM, a partir del programa “Mercosur Audiovisual” se ha lanzado la “Red Salas Digitales del Mercosur” en el que promueve la circulación y exhibición de películas latinoamericanas en una red de salas distribuidas en la región.

La iniciativa resulta de interés para analizar las agendas del cine latinoamericano y la conformación de imaginarios regionales a partir de la selección de su programación y oferta disponible. Esta ponencia va a analizar tanto los géneros como formatos audiovisuales disponibles en vistas a dar cuenta de la diversidad estética y narrativa de contenidos disponibles en vistas a su potencial de representación social para la región. La ponencia se enmarca en una investigación mayor del Grupo “Políticas culturales en el Uruguay del Siglo XXI” (CreA -FIC+ OBUPOC-FHUCE) en curso.

Palabras claves: MERCOSUR; Argentina; Mexico; Uruguay.

Abstract: The production, circulation and exhibition of regional audiovisual products is an important dimension for thinking about Latin American integration as well

¹ Uruguay, doctores, UDELAR, Uruguay. majucarvalho@gmail.com, rosario_radakovich@yahoo.com

as the consolidation of common social imaginaries in pursuit of a counter-hegemony to the North American Hollywood industry. The neoliberal policies applied in the 1990s by several Latin American countries based on the opening and deregulation of markets did not contribute to the development and consolidation of local cultural industries, even less to the diversification of imaginaries and regional identity strengthening. On the contrary, they favored the configuration of habits and tastes linked to Hollywood film products, affecting even the countries with the longest tradition in the film sectors such as Argentina and Mexico.

In the 2000s a renewed effort was made to promote the national cinematographies of Latin America in view of the need for greater synergy in the countries of the region in the field of production, circulation, exhibition and legitimation of Latin American audiovisual products. Thus, the Common Market of the South (MERCOSUR) has included the cinema in its agenda and from the RECAM, from the “Mercosur Audiovisual” program, the “Red Salas Digitales del Mercosur” has been launched in which it promotes the circulation and exhibition of Latin American films in a network of rooms distributed throughout the region.

The initiative is of interest to analyze the agendas of Latin American cinema and the creation of regional imaginaries based on the selection of its programming and available offer. This paper will analyze both the genres and audiovisual formats available in order to account for the aesthetic and narrative diversity of content available in view of its potential for social representation for the region. The paper is part of a larger investigation of the Group “Cultural Policies in Uruguay of the XXI Century” (CreA -FIC + OBU-POC-FHUCE) in progress.

Keywords: MERCOSUR; Argentina; Mexico; Uruguay.

Introducción

En América Latina una nueva hoja de ruta se traza para la producción cinematográfica a partir de un importante desarrollo productivo y una creciente institucionalidad, producto de innovadoras políticas públicas estatales y regionales en la primera quincena de los años dos mil de la mano de varios gobiernos de corte progresista en el sur latinoamericano –Brasil, Argentina, Uruguay. Sin embargo, paradójicamente, estas políticas no han tenido un correlato lineal en la relación con sus públicos locales que por un lado han mejorado relativamente su compleja relación con las propuestas nacionales pero poco interés plantean cuando se presentan producciones de otros países latinoamericanos. Entonces, a los problemas políticos, de recursos económicos y de distribución del cine regional se suman las dificultades de legitimación social y gusto cultural entre sus públicos y audiencias. Como saldo, instituciones, agentes y productores coinciden en que la relación entre cine latinoamericano y sus públicos es una ‘Caja de Pandora’.

La popularidad perdida de la producción latinoamericana independiente deriva del impacto de las políticas neoliberales de los años 90 en la región, pauta

por una marcada hegemonía de la cartelera y emisión en televisión de productos hollywoodenses, lo que años atrás Néstor García Canclini² denominó proceso de “americanización” de los hábitos de consumo cinematográfico latinoamericanos, en desmedro de la producción local, regional e incluso proveniente de otros contextos del mundo (europeos, asiáticos, africanos). Así, la producción cinematográfica latinoamericana, que supone la representación social de identidades culturales e imaginarios sociales y urbanos quedan relegadas en las salas tanto por intereses económicos de capitales internacionales y dificultades en los mecanismos de distribución entre países pero también por el limitado interés que suscitan entre los públicos locales.

En este contexto, en los últimos años se implementaron novedosas políticas de promoción del sector cinematográfico desde las instituciones nacionales y regionales de promoción del cine y el audiovisual. Entre ellas, la RECAM ha impulsado el programa de Red de Salas Digitales del Mercosur. La RDSM es un circuito de salas de exhibición direccionado a circulación de contenidos propios de la región implementado con el fin de promover la identidad del MERCOSUR. La propuesta es que la Coordinadora de Programación Regional, localizada en Montevideo, distribuya las películas del catálogo a las 30 salas de la red que están situadas en Argentina, Brasil, Paraguay y Uruguay.

Al abordar la iniciativa se plantean una serie de interrogantes: ¿qué problemas ofrecen las asimetrías de la región para el desarrollo de políticas públicas cinematográficas conjuntas? ¿Qué estrategias resultan más adecuadas para impulsar el visionado y la apreciación o valor social de las producciones locales/nacionales? ¿Cuáles son las dificultades?

Este trabajo explora en clave comparada la relación entre políticas regionales de impulso a la circulación y acceso cinematográfico y las dificultades de visionado de cine latinoamericano. Para ello se recurre al primer catálogo de películas ofertado en la Red de Salas Digitales del Mercosur, comparando datos con otras regiones del mundo.

¿Cuáles son las principales dificultades que se observan en el Sur Latinoamericano -y el MERCOSUR en particular en relación a otras regiones del mundo al analizar la circulación y exhibición de cine regional?

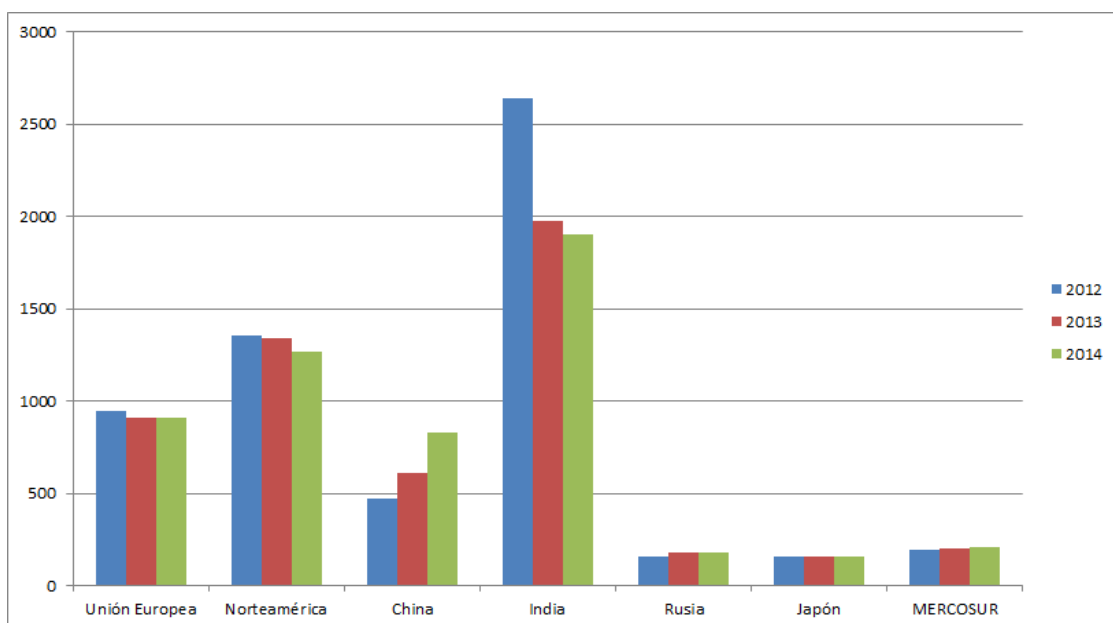
Varios son los desafíos que plantea el visionado de cine nacional y regional en América Latina entre sus ciudadanos cuando se les compara con la situación de otras regiones del mundo. Pese al crecimiento en número absoluto de la producción

² García Canclini, Néstor, *Diferentes, desiguales y desconectados*. Barcelona, Gedisa, 2004.

en la región en el inicio del siglo, Getino³ apunta que eso no representa el potencial efectivo y sostenible de un proyecto industrial ya que se depende de su incidencia real en el mercado interno y externo. Por eso la necesidad de revisar críticamente la relación entre la oferta y la demanda de obras cinematográficas de cuya relación armónica depende la posibilidad de una actividad productiva sostenible.

En primer lugar, los espectadores de cine en el MERCOSUR revelan, en números absolutos, un pequeño mercado de públicos en relación a los de la India, Norteamérica y la Unión Europea -como se aprecia en la Figura 1-. Aún así, es de destacar que los porcentajes del MERCOSUR son levemente superiores a los de Rusia y Japón.

Figura 1 — Evolución de los espectadores de cine por países/regiones.
Año 2012–2014

Fuente: elaboración propia / datos: EGEDA (2015)

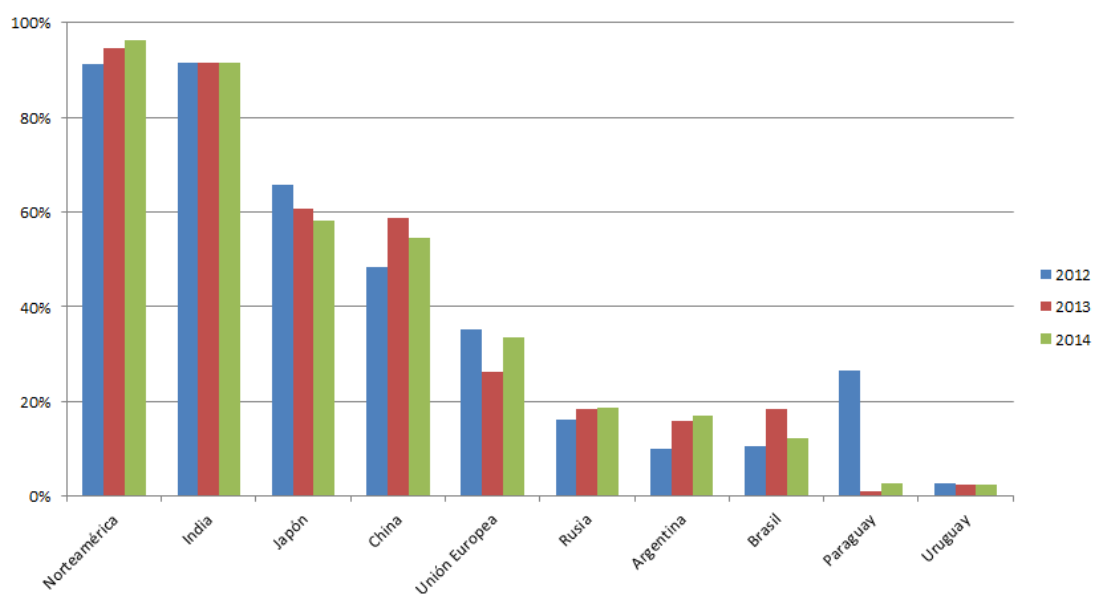
En segundo lugar y consecuentemente al bajo nivel de espectadores, la cuota de mercado de cine nacional en los países del MERCOSUR no se encuentran entre aquellos más favorecidos como se destaca en la Figura 2. Al comparar la cuota de mercado de producciones propias norteamericanas en territorio estadounidense se revela la hegemonía de la producción local en el consumo de los públicos. El caso de la India es similar al norteamericano. Hollywood y Bollywood expresan su hegemonía en el gusto de los ciudadanos de ambos países.

³ Getino, O. *Cine iberoamericano. Los desafíos del nuevo siglo*, Buenos Aires, Ciccus/incaa, 2007.

Ya en un segundo escalón, la producción propia de Japón y China acaparan algo más de la mitad del mercado nacional respectivamente. La Unión Europea muestra un mercado menos propio, donde la producción de la región representa una tercera parte del mercado de espectadores cinematográficos para 2014 -último dato disponible-.

Rusia plantea un escenario semejante al de algunos países del MERCOSUR en particular semejante al caso argentino y apenas superior al caso brasileño -países que son a nivel regional los que expresan una cuota de espectadores mayor-. Paraguay -salvo en 2012 que es curiosamente alto el nivel de participación del cine nacional en el mercado local— y Uruguay en los tres años analizados muestran que el cine nacional es muy poco relevante en la taquilla local, representando un ínfimo porcentaje en el mercado.

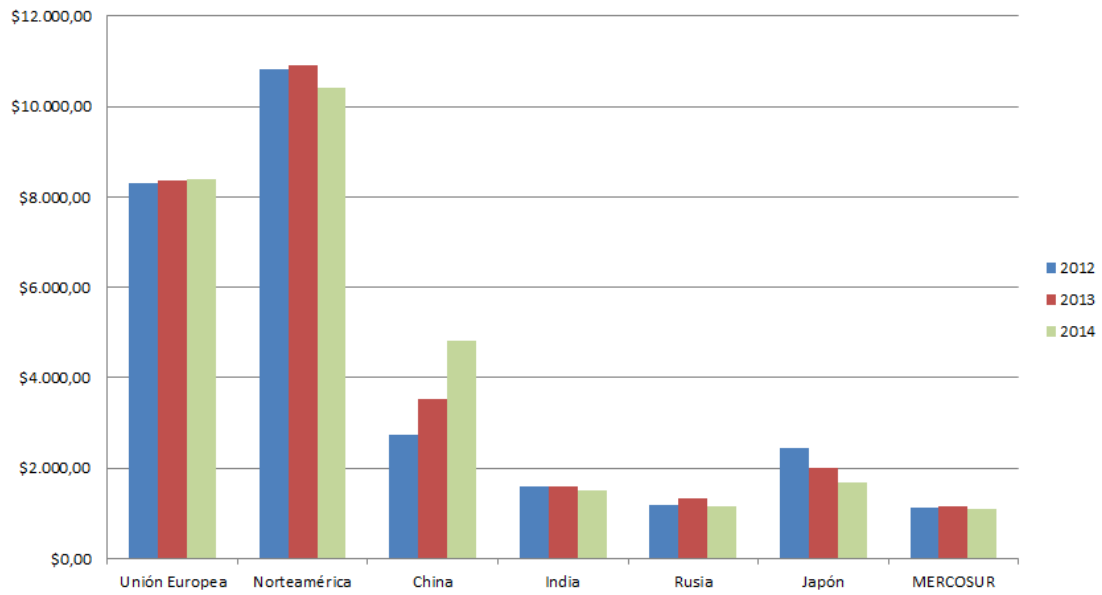
Figura 2 — Cuota de mercado cine nacional (%) por países/regiones. Año 2012–2014

Fuente: elaboración propia / datos: EGEDA (2015)

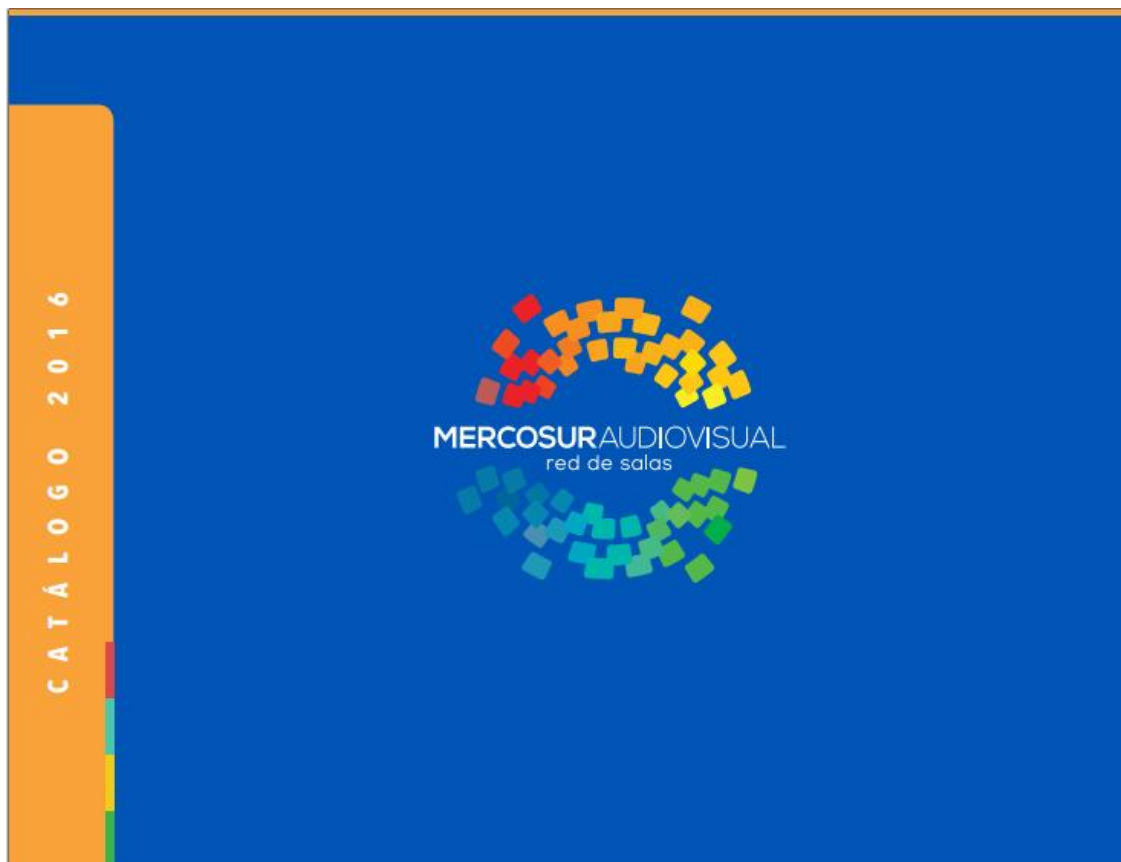
En tercer lugar, el ingreso que surge del cine regional en el MERCOSUR es en términos comparativos muy bajo frente a otras regiones del mundo. Como se desprende de la figura 3 las producciones cinematográficas del MERCOSUR presentan un muy bajo retorno de la producción cinematográfica propia. Estos datos son similares al caso de Rusia, levemente interiores al caso de India y Japón y netamente inferiores al caso de China y particularmente de la Unión Europea y Norteamérica.

Figura 3 — Evolución de ingreso de cine por países/regiones. Año 2012–2014

Fuente: elaboración propia / datos: EGEDA

Red de Salas Digitales del Mercosur

La Red de Salas Digitales del MERCOSUR (RSDM) es un circuito de salas de exhibición direccionado a la circulación de contenidos propios de la región implementado con el fin de “promover la identidad del MERCOSUR y facilitar el acceso a la diversidad cultural audiovisual”. La RSDM es conformada por 30 salas de exhibición, siendo: diez salas en Argentina, diez en Brasil, cinco en Paraguay y cinco en Uruguay. Todas las salas recibieron un servidor de reproducción para cine digital y, en el caso de Paraguay y Uruguay, también fueron equipadas con un proyector. La Coordinadora de Programación Regional (CPR) es instalada en Montevideo y tiene el papel de coordinar a los Nodos nacionales, que por su vez dialogan con cada una de las salas que conforman la Red.

El Mercado Común del Sur (MERCOSUR) es un proceso de integración regional conformado inicialmente por Argentina, Brasil, Paraguay y Uruguay al cual posteriormente se han incorporado Venezuela (actualmente suspensa) y Bolivia, que sigue en proceso de adhesión. La RECAM (Reunión Especializada de Autoridades Cinematográficas y Audiovisuales del Mercosur), gestora del proyecto, es formada por las máximas autoridades gubernamentales nacionales en la materia y se configura como un órgano consultor del bloque sobre cinema y audiovisual. Dentro de la estructura del MERCOSUR, la RECAM forma parte del Grupo Mercado Común (GMC) que es el órgano ejecutivo del bloque regional.

La cooperación entre la Unión Europea con el MERCOSUR, en el cual se incluyeron cuestiones vinculadas con la industria cinematográfica, significó una inyección significativa de fondos y asistencia técnica para la RECAM⁴. La firma del Programa Indicativo Regional (PIR) 2007-2013 proporcionó la implementación del Programa MERCOSUR Audiovisual (PMA) de donde se origina la Red de Salas Digitales del MERCOSUR (RSDM).

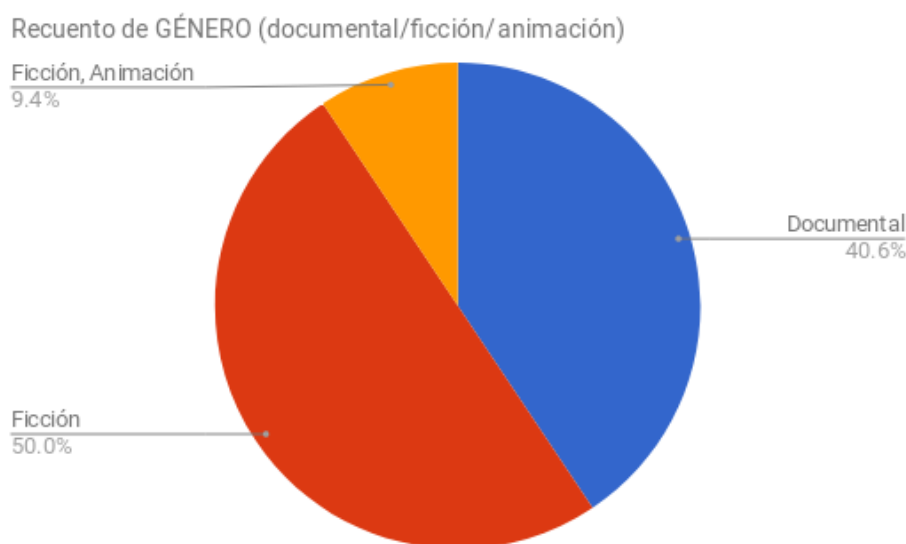
La RSDM es actualmente la iniciativa que más trae visibilidad a la RECAM. Con su implementación iniciada en julio de 2014, a fines de septiembre de 2015 fue finalizada la etapa de instalación técnica de la Red. En el mismo año, los ciclos de exhibición tuvieron inicio en Uruguay: entre abril y noviembre de 2015, se realizaron 223 funciones gratuitas a las que concurrieron cerca de 5 mil personas.

El “Catálogo 2016” del ciclo de lanzamiento de la RSDM fue compuesto por algunas películas concedidas por los organismos nacionales de cada país y otras seleccionadas por medio de una convocatoria. La convocatoria “Integrando miradas”, realizada en fines de 2015 por la RECAM fue un llamado abierto a contenidos audiovisuales producidos o coproducidos en los países miembros del MERCOSUR.

⁴ Moguillansky, M. “Cine, política y Mercosur. Un balance de los comienzos de una política cinematográfica regional”, *Políticas Culturais em Revista*, 2(2), 2010.

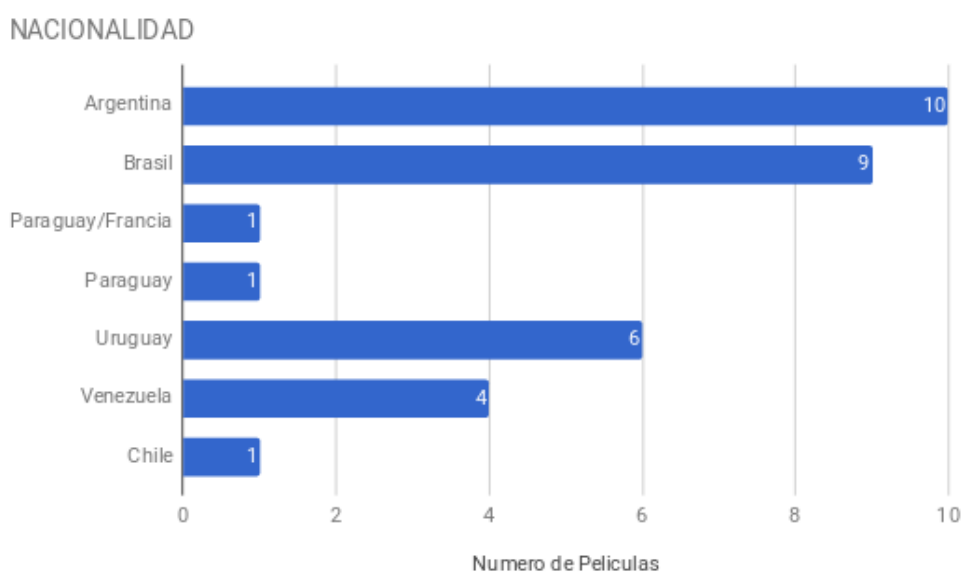
Un Comité designado por el organismo eligió películas que en cambio recibieron el subtítulo español-portugués. En ese acuerdo, las películas quedaron disponibles para la RSDM por un término de 1 año sin exclusividad, con un límite de 6 funciones gratuitas en cada sala.

Este catálogo con las primeras películas que están disponibles para distribución en la Red es formado por 32 películas, que son divididas de forma casi equitativa al respecto de los géneros cinematográficos: son 19 películas de ficción — siendo 3 animaciones — y 13 documentales. Esa opción por un gran número de documentales, inversamente proporcional al número de la producción documental de la región, es uno de los reflejos de la declarada intención de representar la realidad social de los países.

Respecto al origen de esas películas, ellas son en su mayoría argentinas y brasileñas, una suma que representa 19 películas en un total de 32, o sea, casi 60 %. Además de ser una proporción que representa los países con una mayor producción cinematográfica — en 2015, Argentina presenta un total de 182 estrenos nacionales y Brasil, 144 —, ese número también correspondiente a una mayor consolidación de los organismos nacionales de cine de los respectivos países.

Argentina y Brasil, los países más poblados y con mayores PIB del bloque, tienen una estructura de fomento al cine nacional mucho más consolidada si comparada con los demás países de la región. En el momento de negociación para cesión de las películas, el diálogo por medio del INCA en Argentina y AN-CINE en Brasil fue realizado de una forma mucho más accesible, según informaciones ofrecidas en entrevista por la Coordinadora de la RECAM, Nancy Caggiano.

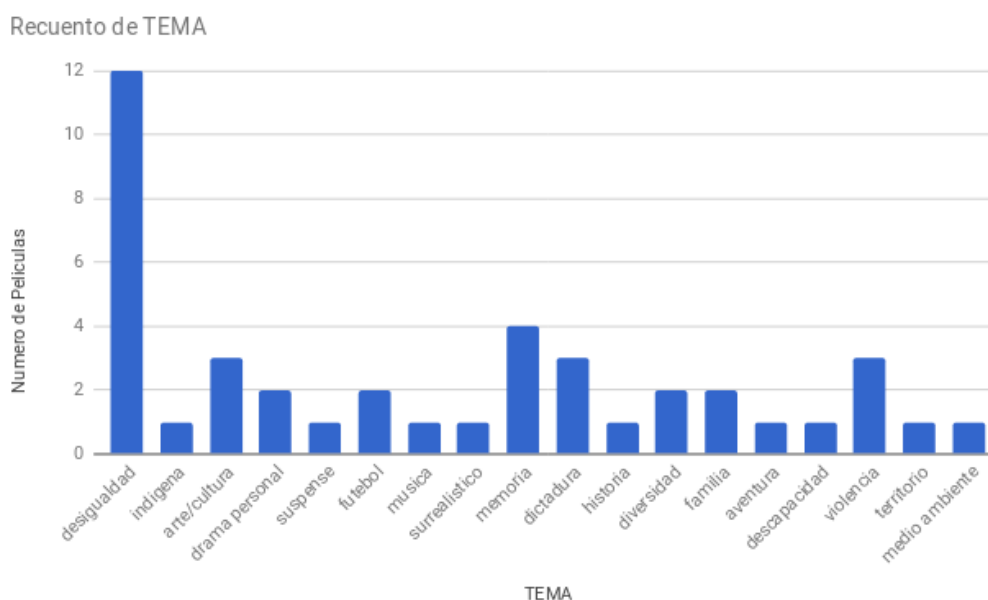

En contraposición, la baja representatividad de las películas paraguayas es proporcional a la dimensión de la industria cinematográfica del país si comparada a los demás. En el trienio 2013-2015, la cuota acumulada de cine USA en el top-100 en Paraguay se situó en el 88,7 % y en el mismo período, hubo un promedio de solamente 4 películas nacionales estrenadas al año. Paraguay es el único país del bloque que todavía no tiene una ley de cine ni tampoco un organismo nacional responsable por las políticas cinematográficas.

De forma a compensar las diversas asimetrías del contexto cinematográfico de la región, el hecho de la Coordinadora de Programación Regional estar localizada en la capital de Uruguay propició al país una significativa representación en el catálogo si comparada al número reducido de estrenos anuales del país — en 2015, hubieron 11 estrenos nacionales en el país. Ese hecho también propició Uruguay haber sido el primer de los países a empezar los ciclos de exhibición. En ese contexto, merece destaque la Sala Zitarrosa situada en el centro de Montevideo que, según estadísticas del Instituto de Cine y Audiovisual de Uruguay, concentró 54 % del público total de la RDSM en 2016.

La intención de representar la realidad social de los países también está presente cuando hacemos un análisis de las temáticas de las películas del catálogo, el énfasis en la representación de la realidad social de los países es fuertemente reflejado en sus contenidos: 12 de las 32 películas dispuestas tienen una perspectiva relacionada a la desigualdad social de la región. Memoria, dictadura y violencia están también entre las temáticas más abordadas.

Las dictaduras de Brasil y Paraguay se presentan retratadas Con “Democracia em preto e branco”, “Uma família ilustre”, “Esperanza”

En un análisis atento al catálogo, notamos también que ninguna de las películas disponibilizadas fueron suceso de taquilla en su respectivo país o presentan un fuerte apelo comercial. Películas con mayor potencial comercial no se interesan por la propuesta.

La iniciativa tuvo impacto en el sistema educativo, ya que se coordinó la circulación de títulos nacionales en la Red Audiovisual Uruguay y desde allí se llevaron adelante programas para estudiantes de UTU y Secundaria.

Conclusiones

En los últimos años se producen importantes transformaciones en el sector cinematográfico a nivel internacional⁵ y en particular en lo que hace a América Latina⁶. Cambios que afectan las formas de producción en su carácter industrial, tecnológico y creativo, y transformaciones en las políticas públicas de promoción cinematográfica, que paradójicamente no siempre dan cuenta o encuentran asidero en las valoraciones y prácticas de los públicos locales hoy crecientemente permeados por nuevos hábitos de visionado a través de las plataformas y redes en internet.

Este trabajo planteó explorar iniciativas del Sur Latinoamericano para la promoción de la circulación y exhibición del cine regional en salas especializadas como plantea la Red de Salas Digitales del Mercosur (RECAM).

⁵ Lipovetsky, Gilles, Serroy, Jean, *La pantalla global. Cultura mediática y cine en la era hipermoderna*, Anagrama, 2009.

⁶ Getino, O., *Cine iberoamericano. Los desafíos del nuevo siglo*, Buenos Aires, Ciccus/incaa, 2007.

El análisis constata el establecimiento de un modelo incremental *en las políticas audiovisuales regionales — que significa intentar solucionar problemas de forma gradual, sin provocar rupturas ni grandes modificaciones— presupone que a) la decisión envuelve relaciones de poder, no apenas una cuestión técnica; b) los gobiernos democráticos no poseen libertad total para la adecuación de los recursos públicos. Las iniciativas analizadas constituyen una “política incremental, que estimula la ampliación de intercambio entre las cinematografías nacionales pero no logran por se cambiar relaciones de hegemonía cultural largamente afincadas entre los ciudadanos latinoamericanos.*

Las políticas son innovadoras, promueven articulaciones de redes formales e informales y pueden promover la ampliación de la circulación de las producciones nacionales en la región pero tienen un poder limitado para transformar las dinámicas productivas y también los patrones estéticos de valoración de la cinematografía en el ámbito regional.

Justamente el éxito de la iniciativa se asociaría a su inclusión en un programa más amplio de legitimación pública del cine latinoamericano entre los ciudadanos de la región, a partir de programas de alfabetización cinematográfica y formación de públicos. De hecho, mayor variedad de oferta cinematográfica en la región no indica espontáneamente un nuevo gusto, interés o valor de los ciudadanos por su cine, por lo que no implica un visionado mayor al que el público ya habituado al cine independiente plantea.

Para la gran mayoría de latinoamericanos, el gusto cinematográfico sigue criterios de apreciación centrado en el formato hegemónico norteamericano y de las cinematografías comerciales regionales más fuertes —en el caso uruguayo por ejemplo, se consume lo más comercial argentino y lo de mayor éxito de taquilla y consagración en festivales internacionales de Brasil-. Hay que pensar en políticas integrales que aborden la exhibición regional conjuntamente con la formación de los públicos latinoamericanos.

La especialización del cine en nichos de mercado y perfiles de público específicos ha decantado un proceso de segmentación del consumo cada vez mayor. Una iniciativa como la RSDM no contribuye a una nueva ecuación de públicos que se acerquen a la producción latinoamericana sino que refuerza que la producción latinoamericana independiente “ES” para cinéfilos tradicionales, eruditos y no para el “gran público” o el ciudadano medio. En ese sentido, la iniciativa no contribuye a eliminar las barreras simbólicas o prejuicios sobre el cine regional ni a un visionado más abierto a públicos no especializados.

Más allá de las políticas industriales a impulso a la producción y la distribución del cine regional, se hace evidente la necesidad de contar con políticas culturales de formación en cine y audiovisual para estimular el valor social de la producción propia. Las políticas de formación de públicos son muy incipientes y poco se piensa

en la formación de capitales tecno audiovisuales que formen puentes para la apreciación y legitimación social de las producciones locales. En el caso de RSDM se utilizó en el programa Uruguay Audiovisual los contenidos ofertados para visionado en escuelas y liceos lo que constituye una auspiciante iniciativa.

El equilibrio entre los procesos de transnacionalización de la oferta y la capacidad de respuesta local de los ciudadanos a la producción cinematográfica propia se logra con una participación activa de los Estados y los organismos regionales —como Ibermedia, Recam— en la elaboración de políticas públicas de promoción de las cinematografías locales y regionales. Como consecuencia, la revalorización del ‘cine nacional’ y regional como ámbito de desarrollo productivo local se apoya en nuevas políticas culturales que superen el sesgo economicista, tecnológico y que apuesten a la formación y promoción del valor de las imágenes propias.

Bibliografía

20. Alvarez Monzoncillo, José María, “La industria cinematográfica: enfermedades crónicas e incertidumbres ante el mercado digital” en Enrique Bustamante (ed.): *Comunicación y cultura en la era digital. Industrias, mercados y diversidad en España*. Barcelona, Gedisa, 2004.
21. Augros, Joël, *El dinero de Hollywood. Financiación, producción, distribución y nuevos mercados*. Barcelona, Paidós Comunicación, 2000.
22. Garcia Canclini, Nestor, *Diferentes, desiguales y desconectados*. Barcelona, Gedisa, 2004.
23. Gauthier, C., *La passion du cinéma. Cinephiles, ciné— clubs et salles spécialisées à Paris de 1920-1929*, París, Association Francaise de Recherche sur l’histoire du Cinéma/ École Nationale des Chartes, 1999.
24. Getino, O., *Cine iberoamericano. Los desafíos del nuevo siglo*, Buenos Aires, Ciccus/incaa, 2007.
25. Jullier, L, Leveratto, J., *Cinéfilos y cinefilias*, Buenos Aires, La Marca Editora, 2012.
26. Lipovetsky, Gilles, Serroy, Jean. *La pantalla global. Cultura mediática y cine en la era hipermoderna*, Anagrama, 2009.
27. Miller, Toby. “Las tendencias principales y los resultados obtenidos por el cine latinoamericano y del caribe en Estados Unidos y Canadá.” (with Marta Hernández Salván and Freya Schiwy). *Producción y mercados del cine latinoamericano en la primera década del siglo XXI*. Ed. Octavio Getino. Havana: Fundación del Nuevo Cine Latinoamericano. 310-39.
28. Miller, Toby; Govil, Nitin; Mcmurria, John; Maxwell, Richard. *El nuevo Hollywood. Del imperialismo cultural a las leyes del marketing*. Barcelona, Paidós Comunicación, 2005.
29. Moguillansky, Marina. “Cine, política y Mercosur. Un balance de los comienzos de una política cinematográfica regional”, *Políticas Culturais em Revista*, 2(2), 2010.

30. Radakovich, R. “El consumo cinematográfico en Uruguay. Sobre gustos y valoración social del cine” En: Rosas Mantecon, Ana (org). *Públicos de cine en América Latina. Revista Versión*, Nro. 36, octubre, 2015, pp.100-112.
31. Radakovich, Rosario et al. *El cine nacional de la década. Industrias creativas innovadoras*, Montevideo, UDELAR, 2014.
32. Rosas Mantecon, Ana (org). *Públicos de cine en América Latina. Revista Versión*, Nro. 36, octubre, 2015.
33. Wortman, Ana. “De la americanización a la globalización de los espectadores”. En: Rosas Mantecon, Ana (org). *Públicos de cine en América Latina. Revista Versión*, Nro. 36, octubre, 2015, pp. 113-125.

Hacia donde va la integración Regional del Sur: el Mercosur 25 años después

Where the Regional Integration of the South is going: the Mercosur 25 years later

Resumen: La ponencia aborda la problemática de la integración latinoamericana, tomando como objeto de análisis el caso del proceso del Mercosur en los últimos 25 años, en perspectiva regional.

En la coyuntura, existe cierto escepticismo respecto a la integración latinoamericana con sus caras contradictorias en el marco de una globalización que incrementa aceleradamente la competencia comercial y económica entre países y regiones a nivel mundial. Diversos son los indicadores que apoyan estas interpretaciones como la baja interdependencia económica regional, la pérdida de liderazgo emergente de Brasil, la reorientación comercial externa hacia Asia, la multiplicación y burocratización de los formatos institucionales regionales, la poca participación social e involucramiento ciudadano en los procesos de integración, el debilitamiento de proyectos y falta de consensos políticos sobre integración regional, entre otros.

La perspectiva de este trabajo procura evitar las interpretaciones pesimistas “apocalípticas” así como las optimistas “integracionistas” sobre la integración regional, mediante la *crítica* de dos visiones como presupuestos a priori. La crítica de los enfoques *prescriptivos* que pretenden o expresan las expectativas de una integración progresiva de instituciones supranacionales al estilo o modelo europeo. Por otro lado, la crítica a las concepciones *estratégicas* que entienden el proceso de integración como un resultado del cálculo racional intereses e instrumental de gobiernos. En cambio, se propone una *mirada alternativa*, que plantea la integración regional como un *proceso intergubernamental* con final incierto, multidimensional, con múltiples actores, identidades y resultados no previstos, con *tensiones y contradicciones entre políticas públicas multinivel e integración «defacto»*.

Palabras claves: integración regional; Mercosur.

Abstract: The paper addresses the problem of Latin American integration, taking as an object of analysis the case of the Mercosur process in the last 25 years, in a regional perspective.

In the conjuncture, there is a certain skepticism regarding Latin American integration with its contradictory faces in the framework of a globalization that accelerates the commercial and economic competition between countries and regions worldwide. There

¹ Sociólogo, doctor en Ciencia Política con especialización en política comparada e integración latinoamericana, profesor agregado del Departamento de Sociología de la Facultad de Ciencias Sociales y del Departamento de Economía de la Facultad de Ciencias Económicas y de Administración de la Universidad de la República, investigador Nivel II del Sistema Nacional de Investigadores, ANII-MEC (Uruguay).

are several indicators that support these interpretations, such as the low regional economic interdependence, the loss of emerging leadership in Brazil, the external commercial re-orientation towards Asia, the multiplication and bureaucratization of regional institutional formats, the low social participation and citizen involvement in the processes of integration, the weakening of projects and lack of political consensus on regional integration, among others.

The perspective of this paper tries to avoid “apocalyptic” pessimistic interpretations as well as “integrationist” optimists about regional integration, by criticizing two visions as a priori presuppositions. Criticism of the prescriptive approaches that pretend or express the expectations of a progressive integration of supranational institutions to the European style or model. On the other hand, the critique of the strategic conceptions that understand the integration process as a result of the rational calculation of interests and instrumentalities of governments. Instead, an alternative perspective is proposed, which considers regional integration as an intergovernmental process with an uncertain, multidimensional end, with multiple actors, identities and unforeseen results, with tensions and contradictions between multilevel public policies and factual integration.

Keywords: regional integration; Mercosur.

El Mercosur: un modelo híbrido con recorrido incierto

A lo largo de dos décadas y media de existencia, El Mercosur se conformó como un proceso de integración regional en América Latina abierto y multidimensional², un proceso histórico en construcción abierta como proceso con avances y retrocesos en un contexto internacional de gran incertidumbre.

El abordaje de la integración se realiza desde una perspectiva amplia, desde la economía a la política y la sociedad, con el objetivo de recuperar diversos aspectos del proceso, rasgos y consecuencias en los planos comerciales, productivos, políticos, geopolíticos, culturales y sociales. Así pues, se considera al Mercosur como una construcción de un “nuevo espacio de pertenencia” en disputa, de integración y de conflicto, donde aparecen múltiples condiciones estructurales y de legados históricos preexistentes, de configuración de instituciones y actores; de procesos e interacciones asimétricas, así como de diversas alternativas y ámbitos de acción.

Se plantea como hipótesis principal que el caso del Mercosur se construye como un *modelo dual y flexible*, de una estrategia comercial de *regionalismo abierto* y una voluntad política *intergubernamental* con la voluntad de potenciar el espacio regional con una agenda de políticas, convocatoria de actores, identidades y recursos múltiples, en el marco de procesos de globalización e integración progresiva y de facto, con ciclos y dinámicas históricas variadas.

² De Sierra, G. (Comp.). *Los rostros del Mercosur. El difícil camino de lo comercial a lo societal*, Buenos Aires, Argentina: CLACSO, 2001.

Impulsos y frenos en la dinámica del Mercosur

La primera etapa fundacional del Mercosur se la caracterizó como *fenicio*, donde los objetivos y logros fueron comerciales en el marco del ciclo de reformas neoliberales entre los años 1991 y 1998. Se trató de un proceso dirigido desde los gobiernos, que definieron estrategias graduales y flexibles de apertura a la economía mundial. Se optó por un ensayo de regionalismo abierto para aprovechar las ventajas comparativas de proximidad geográfica, histórica, cultural, y de desarrollo. En este plano, en un corto tiempo se consiguió un “éxito relativo” en los resultados económicos con la multiplicación del comercio intraregional y la construcción de un bloque comercial que alcanzó la forma de unión aduanera incompleta (eliminando restricciones aduaneras internas y estableciendo un arancel externo común frente a terceros países no miembro).

Esta etapa de constitución fundacional de un Mercosur más “fenicio”, comercial e “intergubernamental” se plasmó en el Tratado de 1991 en un formato institucional con un sesgo decisorio anclado en las instituciones presidenciales (Consejo del Mercado Común y Grupo del Mercado Común, con subgrupos de trabajo temáticos). Los rasgos político-institucionales fueron: a) el intergubernalismo “extremo” e “interpresidencialista”, b) los “actos legales incompletos” y c) la falta de “órgano jurisdiccional autónomo y propio del bloque”³. La estructura organizacional va a tomar forma con el Protocolo de Ouro Preto en 1994, la estructura compuesta por el Consejo del Mercado Común, el Grupo Mercado Común y la Comisión de Comercio del Mercosur, se agrega, en calidad de órganos consultivos, a la Comisión Parlamentaria Conjunta y el Foro Consultivo y Económico-Social, y como órgano administrativo, a la Secretaría del Mercosur.

La integración regional incorpora además un acuerdo político de compromiso democrático para establecer una garantía a las transiciones democráticas ante la potencial recaída en golpes de estado o regresiones autoritarias y para reducir el papel de los militares restringiendo los conflictos fronterizos. Desde esta perspectiva, y al establecer la vigencia de las instituciones democráticas como condición sin la cual no es aceptable la integración, el Mercosur fue un mecanismo de apoyo institucional en momentos de inestabilidad política como los que atravesaron en diversas circunstancias Paraguay y Argentina.

Entre los años 1991 y 2001 se inicia un nuevo ciclo marcado por las “crisis económicas y políticas”. En este período se produjo una fase de pérdida de dinamismo del Mercosur, producto de los impactos de la devaluación económica brasileña de 1999, así como diversos fenómenos de inestabilidad económica y política en los países miembro, especialmente en la crisis de 2001 en Argentina. En el marco del

³ Caetano, G. Mercosur: ¿Quo vadis?”. *DEP: Diplomacia, Estrategia y Política*, 2007, enero-marzo, 5.

contexto de crisis económica se establece el Protocolo para la resolución de controversias del Mercosur en 2001. No obstante, el formato de baja institucional fundacional deja al descubierto las debilidades normativas e institucionales para mediar y resolver conflictos y trabas no arancelarias.

A partir de 2002 se produce un nuevo clima de “optimismo” en cuanto a la voluntad política de “relanzamiento” del proyecto de integración del Mercosur. Varios factores positivos convergen en la coyuntura. La caída de la convertibilidad en Argentina vuelve a favorecer las expectativas e intereses de expandir el comercio intraregional y la preservación del bloque económico. En este contexto se produce la reafirmación de la voluntad política —principalmente entre Argentina y Brasil— de priorizar el espacio multilateral para negociar con otros países; de retroceder en negociaciones bilaterales o unilaterales con EE. UU. y el ALCA. En esa dirección, se priorizan las políticas de integración y desarrollo a largo plazo en los ámbitos de proyectos de cooperación energética, comunicación e infraestructura. En forma paralela, se plantea el desafío geopolítico de afianzar la alianza entre los Estados miembro e incorporar nuevos socios en América del Sur. Al tiempo que se sale del ciclo de crisis, los agentes políticos reconocen los efectos sociales devastadores de las crisis económicas, el agotamiento de las reformas económicas estructurales y la emergencia de nuevas cuestiones sociales. El nuevo giro político parte de la revalorización del papel del Estado y las instituciones políticas en su intervención para articular políticas de desarrollo y de redistribución social.

Esta fase de “relanzamiento del Mercosur” abre perspectivas de una agenda integracionista más global y profunda, de “proyecto político”, “instituciones” y emergentes de una “ciudadanía mercosureña”. Así pues aparece la proposición de nuevos órganos, como el Parlamento del Mercosur y el Instituto Social, así como la aprobación de Fondos Estructurales para el tratamiento de las asimetrías, el reforzamiento técnico de las competencias de la Secretaría y el establecimiento de un Tribunal Permanente de Revisión. Este nuevo clima de convergencia política (Consenso de Buenos Aires, Acta de Copacabana, Comunidad Suramericana de Naciones, 2002-2004) no elimina las disputas y conflictos interestatales y de intereses sectoriales.

El ciclo aparece caracterizado como una nueva “inflexión de expectativas de avances” y de las posibilidades de firma de nuevos acuerdos pro integración al estilo de un “Ouro Preto II” con sentidos diversos. De un lado, se manifiesta el agotamiento de los modelos integracionistas propuestos hasta ese momento⁴: “Mercosur fenicio”, “Mercosur de dos velocidades”, “Mercosur de dos grandes y dos pequeños”, “bilateralismo excluyente” de Argentina y Brasil, así como del agotamiento de los modelos “nacional desarrollistas” pasados y del originado por

⁴ Ibid.

el “consenso de Washington”; de otro lado, la apertura de nuevos escenarios inciertos con la ampliación del Mercosur con el pedido de ingreso Venezuela como socio pleno.

Este ciclo 2004-2008 abre escenarios diversos, pautados por el “retorno de la política” como eje de la integración y por la persistencia de sus debilidades tanto externas —derivadas de la coyuntura económica de crisis económica— como internas, a saber: los “déficits democráticos”, o la irresolución de conflictos binacionales y sectoriales. Así pues, se presentan nuevas iniciativas políticas: el Parlamento del Mercosur (2004) y la adhesión de nuevos miembros, especialmente Venezuela (en 2006, que será ratificado como miembro pleno en 2012). También se prioriza la dimensión del Mercosur social, afirmación de políticas públicas orientadas a la reducción de las desigualdades internas, con el Fondo para la Convergencia Estructural del Mercosur (2004) y el Instituto Social del Mercosur (2007). En forma paralela, se afirma la voluntad política de integración con la convergencia con otros formatos de integración sudamericana (UNASUR en 2008) y latinoamericana (CELAC en 2011).

El ciclo histórico más reciente (2012-2016) estuvo marcado por la inestabilidad política y la incertidumbre económica. Se producen cambios en la integración de los estados miembro en contextos de fragilidad democrática institucional e inestabilidad política doméstica con la suspensión de membresía de Paraguay en 2012 y de Venezuela en 2016. La incertidumbre económica proveniente de la retracción y competencia comercial interna desencadena procesos nacionales dispares, como la reorientación de prioridades comerciales de los países ante nuevas oportunidades externas economía global por fuera de los acuerdos multilaterales. La crisis económica del ciclo posliberalismo se superpone a la recesión económica y pérdida de liderazgo regional de Brasil y el giro ideológico a la derecha en la región. En este marco aparecen nuevas iniciativas de regionales de liberalización comercial y tratados de libre comercio pero en formato bilateral.

Luego de esta somera revisión de la dinámica histórica institucional del Mercosur, ¿cuáles fueron las principales dimensiones del proceso y cómo caracterizar la naturaleza institucional del Mercosur?

El Mercosur económico

Desde punto de vista económico, el Mercosur se puede caracterizar como un proyecto de “regionalismo abierto”, impulsado en el marco del ciclo de globalización económica neoliberal de los años noventa. Este tipo de estrategia de integración tiene antecedentes en los países del sudeste asiático, cuyo objetivo prioritario es desarrollar zonas de libre comercio regionales como instrumento de liberalización y apertura económica al mercado mundial. Por tanto, es un espacio

en tensión, entre una estrategia de promoción de un espacio económico regional y una estrategia que prioriza la liberalización económica “abierta” a la economía mundial.

En el caso del Mercosur, inicialmente se pretendía estimular el comercio intrarregional, particularmente entre Argentina y Brasil, con una meta ambiciosa de creación de un mercado común en Sudamérica. De hecho, el principal mérito del Mercosur se verificó en la primera etapa fundacional con el desarrollo del comercio intrazona, cuyos flujos se multiplicaron rápidamente entre los cuatro socios originarios y se estableció una unión aduanera incompleta con un arancel externo común (con una lista de productos exceptuados a criterio de cada país). Es de recordar que este punto no fue de fácil acuerdo. El motivo por el cual se llega a la solución de un arancel externo con excepciones se explica porque existían dos posturas distintas en debate sobre la política comercial en esta etapa en el Mercosur: la argentina, en el período fundacional —seguida por los países pequeños—, que proponía avanzar en la competitividad económica de las empresas y productos mediante una liberalización rápida al mercado exterior en base a una reducción drástica a los niveles más bajos de arancel externo común; y la brasileña, que planteaba una reducción más gradual en función de una protección de los intereses sectoriales industriales de mejor desarrollo nacional.

Los logros de expansión del intercambio comercial entre los países miembro en el período fueron significativos. El volumen del comercio intraregional saltó del 8,9% en 1990 a 25,2% en 1999. Esto se explica por un comercio entre Argentina y Brasil que se triplica en el período, y que en el caso de los países pequeños llegó a alcanzar alrededor del 50% del comercio exterior.

No obstante, esos avances comerciales no se continuaron en forma progresiva en el tiempo. Los ciclos de crisis económica (1999-2002) produjeron retraimiento hacia medidas proteccionistas y *dumping* social. En el período de crisis, el comercio intraregional se reduce drásticamente a valores promedios cercanos al 10 % y luego en el ciclo de crecimiento posterior se eleva gradualmente hasta situarse en valores en torno al 15% del total del comercio exterior de los países miembro.

Un elemento adicional en el período de crecimiento económico posterior fue que se basó fundamentalmente en la expansión del comercio exterior extra zona y el mantenimiento de patrones productivos de los países miembro caracterizados por tensiones entre competencia y complementariedad entre sectores económicos.

Paradójicamente, más allá de la dinámica del comercio exterior, los procesos de globalización económica continuaron, tanto por el incremento de la circulación de capitales y recepción de inversiones externas como por la integración productiva de facto a través de empresas y cadenas de valor transnacionales multilatinas.

El Mercosur político

En la literatura especializada se encuentra un debate recurrente sobre la naturaleza política del Mercosur⁵. A primera vista aparece como una dicotomía entre la economía y la política, entre la centralidad de la estrategia comercial (regionalismo abierto) versus la formación de instituciones políticas regionales. No obstante, esta versión es un poco simplista, porque en rigor lo que está en juego desde la política es cuál es la forma de construcción política y de interacciones que se establece con la economía.

Desde punto de vista analítico, el diseño institucional se acerca más a las concepciones de “intergubernalismo” decisorio, de lógica presidencialista, flexible y con baja institucionalidad, donde predomina la voluntad política de las élites de gobierno de acuerdo con las prioridades de política económica: un diseño político que concentra en los órganos ejecutivos y las instituciones presidenciales como locus de autoridad y núcleo decisorio de los órganos del Mercosur en materia de integración (consejo mercado común, grupo mercado común, áreas de economía y relaciones exteriores), y un diseño institucional complementario a una estrategia económica liberal, que prioriza la lógica del mercado con un mínimo de “intervención” estatal cuyo objetivo es minimizar las “trabas” (arancelarias y no arancelarias) para la actividad comercial.

No obstante, la dinámica política e histórica mostró las insuficiencias de un modelo centralizado en los presidentes y con baja institucionalidad política para canalizar demandas de participación ciudadana, atender la agenda democrática y generar espacios de mediación política de conflictos y de intereses sociales colectivos.

Un objetivo relevante de los gobiernos que impulsaron el proceso de integración era afirmar las transiciones democráticas de los ochenta y evitar la regresión autoritaria. Esto explicó la incorporación de la “cláusula democrática” como condición para participar del proceso de integración, en tanto salvaguarda democrática y rechazo a las experiencias autoritarias del pasado reciente, así como para refuerzo del poder civil frente al militar instaurando mecanismos pacíficos de resolución de los conflictos fronterizos dentro de América del Sur. La cláusula de compromiso democrático (1994) estuvo muchas veces en la agenda del Mercosur con un seguimiento activo como, por ejemplo, durante la crisis política en Argentina en 2001, en el intento de golpe de estado en Paraguay en 1999 (que tuvo como resultado el asesinato del vicepresidente y la renuncia presidente Cobas, así como el juicio ejecutivo al presidente Lugo en 2012), en el *impeachment* de Dilma Rouseff en Brasil en 2016 y con la observación del proceso electoral en Venezuela.

⁵ Serna, M. Más acá y más allá de la integración económica: la agenda política y social del Uruguay ante Mercosur. En Bizzozero, L., De Sierra, G. y Terra, I. (Coords.), *La inserción internacional del Uruguay*. Montevideo, Uruguay: Ediciones de la Banda Oriental, 2010.

Otras inquietudes manifestadas desde diversos actores políticos y sociales se refirieron a los “déficits” institucionales y democráticos de Mercosur. En ese sentido, Gerardo Caetano y Romeo Pérez señalan tres desafíos principales para el desarrollo de las actividades y órganos parlamentarios del Mercosur⁶. En primer término, “representar la integración” que implica incorporar a los ciudadanos y agrupaciones políticas “favorables” y también “opositoras” a la integración, en un espacio nuevo que permita conformar una “representación diferente” a la del Estado-Nación, operando sobre la base de ciudadanía de cada Estado, al tiempo que se incorporan múltiples “cuerpos cívicos” e identidades. En segundo término, “cogobernar el proceso” a través de una práctica compartida de las decisiones gubernativas con los ejecutivos. En tercer lugar, “producir los asideros de la ciudadanía surgente”, aportar a la constitución de la “ciudadanía integrada” mediante la producción de “asideros cívicos”.

El Parlamento regional se crea como órgano de representación de los ciudadanos del Mercosur (2004) que se irá construyendo en etapas y transiciones sucesivas hasta la implementación de las elecciones directas y su instalación en con sede permanente, que será en Montevideo.

En el ámbito de la política subnacional, desde 1995 se funda la red de Mercociudades con la integración de once ciudades. La experiencia se amplía hacia el año 2000, cuando se crea la Reunión Especializada de Municipios e Intendencias, en la que participan 138 ciudades. Después, en 2004 extiende aún más su alcance con la constitución de un Foro Consultivo de Municipios, Estados Federados, Provincias y Departamentos.

La agenda para el Comité de Municipios es aún muy ambivalente, sin embargo se considera un ámbito potencial que podría integrar dimensiones relevantes como: a) tener una “orientación política precisa” hacia la integración regional; b) buscar incentivos económicos, poner a los Fondos para la Convergencia Estructural del Mercosur como “tema central de su agenda”; c) “abordar el tema de las políticas de fronteras del Mercosur”, tema típicamente local y de ciudades fronterizas; d) implementar “políticas de identidad mercosureña” en las ciudades para acercar los procesos de integración simbólica e imaginaria a la cotidianeidad de los ciudadanos; e) estimular “políticas municipales” para la cohesión territorial desde la base local⁷.

El MERCOSUR tiene un diseño administrativo y normativo de baja institucionalidad que se expresa en una burocracia liviana y ágil, cuyo soporte lo cons-

⁶ Caetano, G. y Pérez, R. La consolidación institucional del Mercosur: el rol de los parlamentos. En De Sierra, G. (Comp.) *Los rostros del Mercosur. El difícil camino de lo comercial a lo societal*. Buenos Aires, Argentina: CLACSO, 2001, 135-138.

⁷ Chasqueti, D. *El Mercosur y las ciudades. Apuntes del Comité de Municipios del Foro Consultivo de Municipios, Estados Federados, Provincias y Departamentos del Mercosur*. Montevideo, Uruguay: FESUR, 2006, 18-21.

tituye la Secretaría del Mercosur, con funciones administrativas de la normativa, reglamentos y organización operativa, decisiones e informes, así como funciones de asesoría técnica especializada. La contracara de un diseño institucional centralizado y flexible en la toma de decisiones lo constituye un “sistema legal incompleto” que requiere la ratificación parlamentaria posterior en cada país, que trabaja en base al principio formal de igualdad de los miembros y consenso de todos para las resoluciones y con mecanismos de arbitraje voluntarios de carácter no jurisdiccional para la resolución de conflictos.

El Mercosur social

En esta sección se presentan algunas paradojas de la dimensión social de la integración regional. La primera paradoja es entre la ausencia institucional y el reconocimiento de déficits de inclusión, participación e intervención en materia social, representación y mediación de intereses colectivos. La segunda paradoja es el desfase entre los reconocimientos institucionales y la generación de políticas, ámbitos, procesos y prácticas concretas donde emergen sujetos colectivos, temáticas sociales y espacios territoriales que van construyendo la agenda social.

El retraso relativo del reconocimiento social se debe a que, desde su origen en el Tratado de Asunción, la dimensión social y ciudadana de la integración no aparece de forma manifiesta⁸ (Serna, 2003 ССЫЛКА Не по правилам). La integración era concebida como una voluntad política de gobiernos y mercados económicos pero sin referencias a los actores y sujetos en la base de ese proceso.

No obstante, luego de su firma comienza a debatirse y gestarse la necesidad de la construcción de una agenda sociolaboral y de instituciones específicas (Subgrupos de Trabajo orientados a la cuestión laboral y seguridad social, la Comisión Parlamentaria Conjunta y el Foro Consultivo Económico Social), manifestando la preocupación por evitar el “*dumping* social” entre los países miembro y la importancia de asegurar la plenitud y eficacia de la ciudadanía laboral y social.

Los primeros logros más tangibles fueron el progresivo reconocimiento y su expresión en el plano institucional de la agenda social. Se constituyó un Subgrupo de Trabajo específico de integración tripartita para el seguimiento, evaluación y propuesta en las temáticas más directamente vinculadas a las transformaciones del mundo del trabajo en un proceso de integración (relaciones laborales, empleo y seguridad social) y de un Foro Consultivo Económico Social para la participación y representación de las organizaciones de intereses de la sociedad civil. Como resultado más vinculado a esos espacios se elaboró una carta de derechos sociolaborales

⁸ Serna, M. Cuentas pendientes de un proceso inconcluso: la integración social del Mercosur. En Mazzei, E. (Comp), *El Uruguay desde la sociología*, Montevideo, Uruguay: Depto. de Sociología, Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de la República, 2003.

(1998) en tanto instrumento a desarrollar para garantizar derechos laborales en este marco y con una nueva dinámica regional.

Más adelante se generan otras políticas de reconocimiento simbólico de los déficits sociales más estructurales vinculados a las asimetrías internas al Mercosur. Los impactos de una integración asimétrica, derivada de las enormes diferencias estructurales y socioeconómicas entre los países miembro para el funcionamiento del Mercosur, era una preocupación académica desde el inicio; no obstante, pasará bastante tiempo hasta que ingrese en la agenda institucional del Mercosur. El reconocimiento público del problema se produce con la creación del FOCEM (2005) como fondo para reducir las asimetrías de tamaño, regionales y subnacionales entre países miembro. Si bien se trata de una iniciativa con recursos muy pequeños, es un espacio para el tratamiento y reconocimiento de la problemática de las desigualdades internas, y la puesta en debate de políticas para el tratamiento preferencial de socios pequeños y territorios subregionales de desarrollo postergado.

Otra iniciativa institucional interesante en la línea de reconocimiento y construcción de agenda de políticas públicas sociales del proceso de integración fue la creación del Instituto Social del Mercosur (2007), cuyo objetivo definido fue el diagnóstico de temáticas sociales y producción de estadísticas sociales comparadas de los países del Mercosur.

Una dimensión relevante de los procesos de integración es la “movilidad geográfica de fuerza de trabajo y subjetividad social” de personas, particularmente en zonas fronterizas, que trae consigo cambios en la percepción de la subjetividad social y produce amenazas de “segmentación” y “fragmentación social” en el trato de inmigrantes que debe ser atendida en un plano supranacional para asegurar igualdad de derechos⁹.

Los datos disponibles de la CEPAL sobre las migraciones internas dentro de América Latina indican que el país que constituye el centro más importante de recepción de migrantes en la región es Brasil. También se disponen algunas investigaciones que muestran la relevancia de la migración fronteriza entre países de la cuenca del Paraná, cuyos flujos son significativos especialmente para los países pequeños.

En este plano, el Mercosur realizó avances interesantes, brindando estatutos preferenciales entre los ciudadanos de los estados miembro, especialmente entre los residentes en zonas de fronteras, facilitando los accesos y derechos recíprocos de residencia y trabajo.

En forma paralela, también se incorporaron en la agenda educativa del Mercosur iniciativas institucionales para facilitar la movilidad de la fuerza de trabajo calificada de nivel universitario. En ese sentido se puede mencionar la Red de Agencias

⁹ Falero, A. *El movimiento sindical uruguayo frente a los procesos de globalización y regionalización: perspectivas de construcción de una sociedad civil regional* (Tesis de maestría en Sociología). Departamento de Sociología, Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de la República, Montevideo, Uruguay, 2003, 35.

Nacionales de Acreditación (RANA) o comisiones *ad hoc* con el objetivo de evaluar la calidad de formación y reconocimiento de títulos universitarios en el Mercosur. Además, se realizó la implementación progresiva del mecanismo permanente de acreditación en la región denominado Acreditación Regional de Carreras Universitarias del Mercosur (ARCUSUR). A ello se suman protocolos del Sector Educativo del Mercosur (SEM) de reconocimiento de títulos universitarios para el ejercicio de actividades académicas y programas de movilidad académica a nivel universitario como la Asociación de Universidades Grupo Montevideo y el proyecto brasileño de la Universidad para la Integración Latinoamericana (UNILA), que favorecen la movilidad académica y abren oportunidades de movilidad transitoria de profesionales para la realización de consultorías.

Agendas del siglo xxi y transición a una nueva etapa

Las experiencias de integración en América Latina en las últimas seis décadas y media tuvieron un recorrido sinuoso, con avances y retrocesos múltiples en diversos niveles y espacios geopolíticos. El caso del Mercosur es una muestra de las fortalezas y debilidades que han enfrentado los procesos de integración regional. La mirada comparada de este trabajo trató de recuperar las principales convergencias y divergencias de los procesos de integración en múltiples planos —económico, político y social— así como de la dinámica interna.

A efectos del balance preliminar de los principales desafíos que se encuentran en los análisis sobre la temática, señalaremos algunos de los más recurrentes. Se han señalado como puntos “frágiles” en los procesos de integración regional en América Latina: 1) la “inestabilidad y crisis frecuentes” políticas y económicas; 2) la “escasa interdependencia comercial” entre países; 3) las “crecientes asimetrías” internas; 4) la “institucionalización frágil”; 5) la “geometría variable” de los acuerdos; y 6) la “influencia/dependencia exterior”¹⁰.

Otro aspecto se vincula al diseño y funcionamiento institucional, como la superposición de diversos formatos integración y la falta de compatibilidad en la aplicación de normas y reglas. La multiplicación de formatos institucionales muchas veces ha entrado en lógicas internas de competencias y conflictos en los espacios regionales y subregionales de integración latinoamericana, poniendo al desnudo problemas de funcionamiento institucional, como falta de reglas más claras y efectivas, ámbitos multinivel en competencia e influencia, insuficiente mediación de conflictos de intereses, déficits de canalización de participación ciudadana y subjetividades colectivas, entre otros. Todo ello se vio agravado por la disputa en

¹⁰ Dabène Olivier, La cuarta ola de regionalismo en *Los desafíos del desarrollo en América Latina Dinámicas socioeconómicas y políticas públicas* Institut des Amériques Carlos Quenan, Sébastien Velut, Eric Jourcin (coord.), Institut des Amériques, AFC, París, 2014, 77-78.

algunos casos y ausencia en otros de liderazgos consistentes de países en espacios geopolíticos subregionales, por ejemplo, de países grandes como México y Brasil, o de porte medio como Venezuela o Argentina.

En el plano sociocultural se ha puesto en cuestión la fragmentación, debilidad y vaciamiento de las identidades políticas y simbólicas compartidas de los proyectos de integración regional en América Latina y el Caribe¹¹.

Los proyectos y procesos de integración latinoamericana están también en relación con las formas de inserción internacional de América Latina en el nuevo orden y sistema mundial. En ese sentido, varios escenarios están en disputa actualmente.

En el plano económico, el desplazamiento de EE. UU. a China como socio comercial principal de los países latinoamericanos, tanto en las importaciones de productos chinos como en las exportaciones por la creciente demanda de alimentos y energía genera oportunidades y riesgos. ¿Consenso de Beijing? La expansión de la influencia de China sobre América Latina se basó fundamentalmente en la promoción del comercio, más que en la incidencia geopolítica y de normas internacionales (diferencia con EE. UU.), particularmente de las *commodities* primarias y de las empresas e industrias chinas a través de la Inversión externa directa en la región. Esto genera oportunidades de diversificación del comercio exterior para los países latinoamericanos a partir de la expansión de la demanda de *commodities* con bajo contenido tecnológico. Pero al mismo tiempo existen riesgos de reproducir el patrón de especialización productiva tradicional agropecuaria exportadora de América Latina con una reprimarización de la economía y una desindustrialización junto a un debilitamiento o ausencia de negociación en bloque.

Otro escenario, más optimista, es que en un mapa de competencia comercial y geopolítica entre los tres grandes núcleos geopolíticos de poder en el orden mundial (EE. UU., Unión Europea y China), los ensayos de espacios de integración regional en América Latina —con todas sus limitantes— permitan un distanciamiento y grados de autonomía relativa de la región que reduzcan la dependencia unilateral de alguna de las superpotencias.

Un escenario más pesimista es el riesgo de reproducción de las debilidades históricas de los procesos de integración de América Latina y el Caribe para negociar en bloque en el sistema mundial. Varios elementos conspiran en tal dirección. El reforzamiento de formatos de integración regional y subregional dentro de América Latina y el Caribe no contribuye necesariamente a agendas convergentes a nivel mega regional. Además, dentro de los principales líderes regionales, la posición de Brasil como subpotencia emergente y la lógica de la integración multipolar de los

¹¹ Malamud, A. El malentendido latinoamericano. *Revista Nueva Sociedad*, 2016, noviembre-diciembre (266).

BRICS (Brasil, Rusia, India, China y África del Sur) genera una política ambivalente entre la política internacional y la regional.

Por último, un interrogante más general hacia el futuro: ¿cuál va a ser el grado de influencia de los procesos de integración regional en la globalización capitalista mundial? Los procesos de integración regional podrán ser orientados por los Estados Nación y los espacios de negociación y participación de actores colectivos que se abren. O va a primar la lógica de la integración económica y social de facto dominada por capitales multinacionales, grandes empresas y fuerza de trabajo migrante transnacionalizada.

Referencias bibliográficas

1. Bernal-Meza, R. “El regionalismo: concepto, paradigmas y procesos en el sistema mundial contemporáneo”. En Bizzozero, L. y Clemente, I. (Coord.), *La política internacional en un mundo en mutación*. Montevideo, Uruguay: Ediciones de la Banda Oriental, 2011.
2. Botto, M. “América del Sur y la integración regional: ¿Quo vadis? Los alcances de la cooperación regional en el Mercosur”. *Confines de Relaciones internacionales y Ciencia Política*, 11(21), 2015, enero-mayo, 9-38.
3. Briceño Ruiz, J. *Las teorías de la integración regional*. Mérida, España: Ed. Vicerrectorado académico, Universidad de los Andes, 2003.
4. Caetano, G. Mercosur: ¿Quo vadis?”. *DEP: Diplomacia, Estrategia y Política*, 2007, enero-marzo, (5).
5. Caetano, G. y Pérez, R. La consolidación institucional del Mercosur: el rol de los parlamentos. En De Sierra, G. (Comp.) *Los rostros del Mercosur. El difícil camino de lo comercial a lo societal*. Buenos Aires, Argentina: CLACSO, 2001.
6. Chasqueti, D. *El Mercosur y las ciudades. Apuntes del Comité de Municipios del Foro Consultivo de Municipios, Estados Federados, Provincias y Departamentos del Mercosur*. Montevideo, Uruguay: FESUR, 2006.
7. Dabène Olivier, La cuarta ola de regionalismo en *Los desafíos del desarrollo en América Latina Dinámicas socioeconómicas y políticas públicas* Institut des Amériques Carlos Quenan, Sébastien Velut, Eric Jourcin (coord.), Institut des Amériques, AFC, París, 2014.
8. De Sierra, G. (Comp.). *Los rostros del Mercosur. El difícil camino de lo comercial a lo societal*, Buenos Aires, Argentina: CLACSO, 2001.
9. Falero, A. *El movimiento sindical uruguayo frente a los procesos de globalización y regionalización: perspectivas de construcción de una sociedad civil regional* (Tesis de maestría en Sociología). Departamento de Sociología, Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de la República, Montevideo, Uruguay, 2003.
10. Malamud, A. El malentendido latinoamericano. *Revista Nueva Sociedad*, 2016, noviembre-diciembre, 266.
11. Sanahuja, J. A. Del “regionalismo abierto” al “regionalismo post liberal”. Crisis y cambio en la integración de América Latina y el Caribe. En Martínez L., Peña, L.

y Vazquez, M. (Eds.). *Anuario de la integración regional de América Latina y el Gran Caribe 2008-2009*. Buenos Aires, Argentina: CRIES, 2008.

12. Serna, M. Desarrollo “desigual” e integración: las múltiples asimetrías del Mercosur. EDe Sierra, G (Comp.). *Los rostros del Mercosur. El difícil camino de lo comercial a lo societal*. Buenos Aires, Argentina: CLACSO, 2001.

13. Serna, M. Cuentas pendientes de un proceso inconcluso: la integración social del Mercosur. En Mazzei, E. (Comp), *El Uruguay desde la sociología*, Montevideo, Uruguay: Depto. de Sociología, Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de la República, 2003.

14. Serna, M. Más acá y más allá de la integración económica: la agenda política y social del Uruguay ante Mercosur. En Bizzozero, L., De Sierra, G. y Terra, I. (Coords.), *La inserción internacional del Uruguay*. Montevideo, Uruguay: Ediciones de la Banda Oriental, 2010.

15. Sasken, S. *Una sociología de la globalización*. Buenos Aires, Argentina: Katz Editores, 2007.

16. Trindade, H. UNILA: universidade para a integração latinoamericana [UNILA: universidad para la integración latinoamericana]. *Revista Educación y Sociedad*, 2009, enero, IESALC, año 14 (1).

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: РЕАЛИЗОВАННЫЕ И НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

А.Н Пятаков¹

«Боливарианский альянс» в условиях геополитической турбулентности Латинской Америки

“Bolivarian alliance” in the context of geopolitical turbulence in Latin America

Резюме: В статье анализируется современное состояние Боливарианского альянса как левого сегмента политического пространства Латинской Америки. Выдвигается предположение, что объединение типологически принадлежит к альтернативным моделям латиноамериканской интеграции. Констатируется, что в настоящее время альянс находится в состоянии стагнации, перспективы выхода из которой зависят от общей ситуации в регионе.

Ключевые слова: Боливарианский альянс, альтернативная интеграция, Латинская Америка, кризис.

Abstract: The article analyzes the current state of the Bolivarian alliance as the left segment of the Latin America political space. It suggests that the association typologically belongs to alternative models of Latin American integration. It is stated that nowadays the alliance goes through the stagnation phase, and the exit prospects depend on the overall regional situation.

Keywords: Bolivarian alliance, alternative integration, Latin America, crisis.

Современная Латинская Америка подошла к символичному, полному революционных исторических коннотаций, 2017 году в крайне поляризованном и политически напряженном состоянии. Поступательная фаза

¹ Пятаков Андрей Николаевич — канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН.

«левого поворота», длившаяся с 1998 по 2012 гг., сменилась контртенденцией². В таких южноамериканских «локомотивах», как Аргентина и Бразилия, к власти пришли правые правительства с ярко выраженной неолиберальной внутренней и внешней политикой. Это существенно изменило соотношение сил в политическом и интеграционном пространстве региона: MERCOSUR и Тихоокеанский альянс, ранее считавшиеся конкурентами, теперь ищут пути сближения своих интеграционных схем; ведутся разговоры о создании Зоны свободной торговли Латинской Америки как своего рода преемника несостоявшегося проекта Зоны свободной торговли двух Америк (ALCA); шаги по воплощению этих планов будут, скорее всего, предприняты на базе Союза южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR); Венесуэла переживает затяжной политический кризис и инициировала процедуру выхода из Организации Американских Государств (ОАГ)³; переживает глубокий институциональный кризис сам UNASUR, в котором пост генерального секретаря на протяжении второй половины 2017 г. оставался вакантным; налицо возрождение такого механизма социального протеста, как всеобщие национальные забастовки, прошедшие в Аргентине и Бразилии в 2017 году. В столь острой ситуации на «интеграционной карте» Латинской Америки уже почти полтора десятилетия существует ярко выраженный левый сегмент — Боливарианский альянс для народов Нашей Америки (ALBA), переживающий нелегкие времена.

Формирование и эволюция боливарианского объединения шла на фоне крупных трансформаций интеграционной архитектуры региона. Представляется, что в целом такие объединения, как UNASUR, Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC) и ALBA можно рассматривать как рядоположенные. Все три объединения представляют собой единый и внутренне взаимосвязанный процесс становления современной латиноамериканской интеграции нового, альтернативного типа. Действительно, все они в определенном смысле альтернативны сложившейся в XX веке межамериканской системе интеграции, в которой краеугольную роль играли внешнеполитические интересы США. Альянс ALBA изначально сформировался в качестве непосредственной альтернативы планам экстраполяции данной межамериканской системы в XXI век — прежде всего, проекту ALCA; по отношению же к UNASUR и CELAC своеобразным контрагентом остается

² Pyatakov A., «Maraton» integracionista latinoamericano a comienzos del siglo XXI. *Iberoamerica*, 2015, №1. 65-83.

³ Хейфец В., Хадорич Л., Кризис в Венесуэле и региональная интеграция. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, № 5, т. 61, 79-87. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-79-87

ОАГ. Более того, можно утверждать, что каждое из трех объединений представляет собой в хронологическом плане определенный *этап* региональной интеграции нового типа, а в геополитическом плане — определенный субрегиональный *контур* данного процесса. Так, ALBA, будучи началом и первым этапом альтернативной региональной интеграции (создан в 2004 г.), представляет и ее *боливарианский* контур. Образование UNASUR обозначило *южноамериканский* контур. Наконец, CELAC стал попыткой создания максимально широкого — можно сказать, *макрорегионального* — контура в масштабах всей Латинской Америки и Карибского региона. Таким образом, можно говорить о становлении в начале XXI века аутентично латиноамериканской системы международных отношений, складывающейся как противовес традиционной и в какой-то мере архаичной межамериканской системе. Несмотря на то, что в последние пять лет новая система переживает кризис, ее рано сбрасывать со счетов.

Переходя к рассмотрению собственно ALBA, начнем с его общего социально-экономического «портрета». К 2017 г. альянс объединяет одиннадцать государств: семь карибских (Антигуа и Барбуда, Гренада, Доминика, Куба, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис), три южноамериканских (Боливия, Венесуэла, Эквадор) и одно центральноамериканское (Никарагуа). Статус наблюдателей имеют Гаити и Суринам, а также Сирия. Территория стран альянса составляет 2,6 млн км², население — 79,7 млн человек, суммарный ВВП — 715 млрд долл. (соответственно 11% и 9% от Латинской Америки в целом). С формальной точки зрения, альянс представляет треть латиноамериканского сообщества, составляя в UNASUR и CELAC левую «фракцию».

Изначально и по сей день ALBA позиционирует себя в качестве альтернативного пути развития региона (главным образом, альтернативы неолиберализму и панамериканизму). Во внутривнутриполитическом плане для правительств альянса характерна преимущественная опора на работников госсектора, а также на малоимущие социальные слои. Отсюда вытекает выдвигаемый ими социально-экономический приоритет — решение проблем бедности и социальной исключенности.

В экономическом аспекте ALBA можно рассматривать как механизм социально ориентированной межгосударственной кооперации в торговой и производственной сферах. При этом делается ставка на развитие и стимулирование государственной собственности, отдается приоритет госрегулированию в экономике. Отсюда вытекает недоверие и скептицизм в отношении таких источников внешнего финансирования, как прямые иностранные инвестиции. Сведение их в ряде стратегических отраслей к минимуму компенсируется межгосударственным сотрудничеством. Главной формой

взаимодействия между государствами в производственно-экономической плоскости выступают так называемые крупнонациональные проекты (*proyectos grannacionales*) или корпорации (*corporaciones grannacionales* — КНК). Термин «крупнонациональный» — боливарианская интерпретация принятого в экономической литературе термина «многонациональный». Принципиальное отличие многонациональной корпорации (МНК) от транснациональной (ТНК) состоит в том, что, во-первых, МНК и ее элементы находятся в собственности государств; во-вторых, отношения внутри МНК основаны на паритете и взаимозависимости, в отличие от ТНК, строящейся на отношениях зависимости филиалов от материнской корпорации. Создание широкой сети профильных МНК на основе объединения национальных государственных предприятий выступает механизмом производственной интеграции ALBA. К 2017 г. функционировало порядка 20 КНК.

В частности, в рамках корпорации «Alba exportaciones-importaciones» (Albaexim), созданной в 2009 г., осуществляются коммерческие сделки между странами, решаются вопросы логистики и регулирования торговых потоков. Кроме того, под этим брендом в странах альянса открыта сеть супермаркетов, в которых представлена продукция Венесуэлы, Кубы, Боливии, Эквадора и Никарагуа. С февраля 2014 г. функционирует предприятие ALBAFARMA, цель которого — распределение лекарств по сниженным ценам, главным образом кубинского производства. В рамках корпорации действует сеть специализированных аптек. ALBAFARMA занимается реализацией фармацевтических товаров, произведенных КНК «ALBAMED» (создана в июле 2013г.). Активно ведущееся в странах альянса строительство потребовало создания международной корпорации по производству цемента. Экологическую направленность имеет ALBA-Forestal, специализирующаяся на проектах озеленения и проектирования парков.

Не все КНК носят многосторонний характер, некоторые — двусторонний. Например, Alba Alimentos (ALBA-Продукты) создана Никарагуа и Венесуэлой для продвижения сельскохозяйственного экспорта центральноамериканской страны.

В телекоммуникационной сфере функционирует Empresa grannacional de telecomunicaciones (ALBATEL) — КНК, созданная в мае 2007 года. Организационно она была оформлена лишь в июне 2010 года, а функционировать начала в мае 2012 года. Она объединяет государственных телекоммуникационных операторов пяти ведущих стран альянса. Именно ее усилиями были запущены два спутника. Первый — названный в честь исторического венесуэльского лидера Симона Боливара — был выведен на орбиту в октябре 2008 г. и предназначался для облегчения передачи информации по

сети Интернет, сотовой связи и телевидения. Через этот же спутник ведется вещание на всю Латинскую Америку венесуэльского информационного телеканала «Телесур». Функционирование этого спутника позволяет странам ALBA существенно экономить на услугах интернет-трафика со стороны телекоммуникационных корпораций. Второй спутник «Миранда» был запущен в сентябре 2012 г. и выполняет функции мониторинга венесуэльской территории, в частности для облегчения социальной миссии по жилищному строительству. В октябре 2017 г. на орбиту выведен третий спутник «Антонио Хосе де Сукре», рассчитанный на пять лет работы и предназначенный также для геомониторинга территории Венесуэлы⁴.

В августе 2012 г. ALBATEL ввела в действие оптико-волоконный кабель между Венесуэлой, Кубой и Ямайкой. Это позволило примерно на 25% снизить стоимость доступа к интернету на Кубе и обеспечить достаточно высокое качество соединения. Длина кабеля равна 5,3 тыс. км, отрезок между Венесуэлой и Кубой составил 1,5 тыс. км.⁵ Любопытно, что в 32 км от Гаваны проходит оптико-волоконный кабель, соединяющий Канкун и Майами, однако его использование невозможно из-за экономического эмбарго США.

Базовым принципом экономического взаимодействия выступает «взаимодополняемость», когда сильные стороны одного государства компенсируют слабости других. При всех ограниченностях исторических аналогий представляется, что в новой глобальной геополитической реальности ALBA выступает в какой-то мере региональным аналогом Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). В зарубежной латиноамериканистике есть работы, посвященные компаративистскому исследованию обоих объединений⁶. В самом деле, у двух интеграционных моделей немало общих черт: государственно ориентированная основа, направленность на постепенное преодоление диспропорций в экономическом развитии и приоритетное решение социальных проблем, особая роль топливно-энергетического сектора, а также использование единой валюты переходного-компенсационного типа (переводной рубль в Совете и SUCRE в Альянсе). Венесуэла в ALBA играет дотационную и донорскую роль, сходную с той, которую в СЭВ выполнял СССР, а создание в альянсе межгосударственных совместных пред-

⁴ URL:<https://www.telesurtv.net/news/Venezuela-lanza-con-exito-su-tercer-satelite-20171009-0001.html> (Дата обращения 10.11.2017)

⁵ URL:<https://www.theguardian.com/technology/2012/may/22/cuba-fibre-optic-cable-mystery> (Дата обращения 09.11.2017)

⁶ Eder J. El ALBA desde la perspectiva cubana. ¿Qué ha aprendido Cuba de las lecciones del CAME? Ponencia preparada para su presentación en el 8º Congreso del Consejo Europeo de Investigaciones Sociales en América Latina. Instituto de Iberoamérica, Universidad de Salamanca, julio de 2016 (inédito).

приятый схоже с построением единых производственных цепочек в СЭВ. Но есть между двумя объединениями и существенные отличия. Во-первых, это отсутствие в Боливарианском альянсе общих сухопутных границ, что выступает существенным тормозом для развития межгосударственной торговли и экономического взаимодействия в целом. Во-вторых, несмотря на позиционирование доктрины «Социализма XXI века» в качестве стратегического ориентира ALBA, экономическим фундаментом государств альянса остаются капиталистические отношения, так что в целом его можно отнести к госкапиталистическому типу.

Вместе с тем было преувеличением утверждать, что экономические механизмы в ALBA полностью подконтрольны государству. Существующие схемы предполагают и участие частных национальных и иностранных компаний. Внутри КНК центральная роль госпредприятий не исключает, но предполагает привлечение частного бизнеса. Как отмечают исследователи CLACSO, «КНК в своих региональных цепочках стоимости интегрируют частные, частно-государственные, локальные и иностранные предприятия»⁷. Другой яркий пример участия бизнеса в боливарианской интеграции — единая валюта SUCRE (аббревиатура Единой региональной компенсационной системы — Sistema Unitario de Compensación Regional) как ключевой механизм финансовой интеграции в ALBA. По данным на 2015 г., в торговых операциях с использованием SUCRE принимало участие 184 предприятия, из которых 91,8% являлось частными, 7,6% — государственными, а 0,5% — смешанными⁸. Отсюда видно, что в ALBA налицо сопряжение и взаимодействие между частным и государственным секторами.

В условиях мирового экономического кризиса большинство государств альянса (кроме Венесуэлы) продемонстрировали устойчивость и вышли из него пусть с небольшим, но с ростом ВВП. (см. Табл.№1). Большую роль в посткризисной стабилизации экономик альянса сыграл Китай, открывший широкие кредитные линии с государствами ALBA. «Львиная доля» китайских кредитов пришлась на Венесуэлу⁹, что, однако, в условиях максимальной нефтеэкспортной зависимости и внутривалютного кризиса не смогло пока стабилизировать ее экономику.

⁷ García M., Puntiel G., *El ALBA-TCP. Origen y fruto del nuevo regionalismo latinoamericano y caribeño*. CLACSO, Buenos Aires, 2015, 38.

⁸ *Sistema Unitario de Compensación Regional. Informe de Gestión — 2015*. Caracas, 2015. P. 20.

⁹ Розенталь Д. М. «Дракон над Каракасом. Китайско-венесуэльские отношения в начале XXI в.», *Латинская Америка*, 2016, № 3. С. 39-50.

Таблица 1

**Темпы роста ВВП в странах «ядра» ALBA (2009–2015)
и латино-карибском регионе (ЛАК) в целом**

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Венесуэла	3,2	-1,5	4,2	5,6	1,3	-3,9	-5,7
Куба	1,5	2,4	2,8	3,0	2,8	1,0	4,3
Боливия	3,4	4,1	5,2	5,1	6,8	5,5	4,8
Эквадор	0,6	3,5	7,9	5,6	4,9	4,0	0,2
Никарагуа	-2,8	3,2	6,2	5,6	4,5	4,6	4,9
ЛАК в целом	-1,7	6,2	4,5	2,9	2,9	0,9	-0,4

Источник: CEPAL, Anuario Estadístico de América Latina y El Caribe, 2016.

Слабой стороной экономической интеграции ALBA является низкий уровень развития внутриблоковых торговых связей. Так, в 2013 г. объем внутреннего экспорта между странами альянса составлял всего 5,3%¹⁰. Парадоксально, но государства альянса входят в «пятерку» ведущих партнеров друг друга по экспорту только в случае Кубы и Никарагуа (см. Табл. №2), а по импорту только у Кубы (см. Табл. №3). Объяснить это можно тем, что страны альянса, как указывалось выше, не имеют общих границ, и логистические издержки не позволяют преодолеть экономическую зависимость от традиционных торговых партнеров.

Таблица 2

**Ведущие торговые партнеры стран ядра ALBA по экспорту
(% от общего объема экспорта)**

Венесуэла		Куба		Эквадор		Боливия		Никарагуа	
США	26,6	Венесуэла	40,3	США	44,6	Бразилия	31,1	США	45,9
Китай	11,9	Китай	13	Чили	9,9	Аргентина	17,9	Мексика	13,2
Колумбия	11,2	Канада	11,9	Перу	7,5	США	14,8	Венесуэла	8,3
Нидерланды	9,1	Нидерланды	10,9	Колумбия	3,7	Перу	5,3	Канада	7,3
Бразилия	8,3	Испания	2,7	Россия	3,3	Япония	3,7	Сальвадор	4,4

Источник: журнал *Revista Cubana de Economía Internacional*, №2, 2015.

¹⁰ Santana Elissandro dos Santos, Jesús Ibáñez Ojeda, Wanderley dos Reis Nascimento Júnio. “Modelos divergentes de integración regional: el caso ALBA-TCP y Alianza del Pacífico”, *Revista REBELA*, vol.7, №.1. jan./abr. 2017. P. 131.

**Ведущие торговые партнеры стран ядра ALBA по импорту
(% от общего объема импорта)**

Венесуэла		Куба		Эквадор		Боливия		Никарагуа	
США	23,5	Венесуэла	42,3	США	25,2	Бразилия	8,4	США	45,9
Китай	16,9	Китай	9,2	Китай	16,7	Китай	3,1	Китай	13,2
Бразилия	10,1	Испания	7,3	Колумбия	8	Аргентина	13,1	Нидерланд. Антилские острова	9,8
Мексика	5	Бразилия	4,6	Панама	4,8	США	11	Мексика	9
Колумбия	4,8	Канада	3,4	Мексика	4,3	Перу	6,7	Коста-Рика	8,9

Источник: журнал *Revista Cubana de Economía Internacional*, №2, 2015.

В политическом аспекте для большинства стран альянса характерен «суперпрезиденциализм» и выстраивание жесткой вертикали власти с приоритетом исполнительной ее ветви. Критики ALBA видят в этом тенденцию к «мягкому» авторитаризму, однако динамичные и открытые электоральные процессы, признаваемые международным сообществом, а также участие широких масс в политической жизни демонстрируют обратное (к примеру Венесуэла с начала Боливарианской революции до настоящего времени провела 21 электоральную кампанию). Вместе с тем в последнее время можно констатировать значительное сужение электоральной базы боливарианских правительств. Особенно четко это продемонстрировали выборы в Венесуэле в 2013-2015 гг. Раскол электората имеет место и в Эквадоре, как показали президентские выборы 2017 г¹¹. В Боливии некоторое сужение социальной базы Эво Моралеса не позволило выиграть власти о внесении поправок в конституцию¹². Единственное государство, где удалось сохранить электоральную стабильность, — это Никарагуа. Муниципальные выборы октября 2017 г. показывают, что за сандинистов готовы голосовать 70% электората¹³.

Основной политический вызов странам альянса на 2017 г. составляет угроза внутренней дестабилизации. Острота этого вызова в разных странах

¹¹ Пятаков А.Н., “Победа Ленина Морено в Эквадоре: международный и внутривнутриполитический аспекты”, *Латинская Америка*. 2017, №6, 17-27.

¹² Воротникова Т.А., “Десять лет спустя. Как изменилась Боливия при Эво Моралесе?” // *Свободная мысль*, №6 (1660), 2016, 125-136.

¹³ URL: <https://www.el19digital.com/articulos/ver/titulo:63286-gran-victoria-del-fsln-en-elecciones-municipales-2017> (Дата обращения 12.11.2017).

варьируется. Перманентный политический кризис переживает в последние годы Венесуэла. В Эквадоре меньшая жесткость противостояния с оппозицией «компенсируется» острым кризисом правящей партии. На Кубе сценарий «транзита» находится в «спящем» состоянии. В Боливии и Никарагуа в целом удалось купировать деструктивные тенденции политической оппозиции и канализировать ее деятельность в конструктивное русло. Потенциально Боливии и Эквадору угрожают, пусть пока в латентной форме, сепаратистские варианты дестабилизации¹⁴. Актуализация сепаратистских настроений не исключена и в Венесуэле, где в итоге региональных выборов 2017 г.: пояс управляемых оппозицией штатов охватил территории, пограничные с Колумбией, и острова Карибского моря. Показательно, что в повестке саммитов ALBA экономические вопросы уступили место политическим (в первую очередь это касается солидарности с Венесуэлой).

В целом представляется, что проект боливарианской интеграции, несмотря на сложности и трудности на пути его продвижения, доказал опытом полутора десятилетий свою жизнеспособность и право на существование в интеграционной мозаике Латинской Америки. Что касается конкретно ALBA, дальнейшая судьба этого объединения будет зависеть от внутривнутриполитического будущего стран-членов и эволюции общей расстановки сил в регионе.

Библиография

1. Воротникова Т.А., “Десять лет спустя. Как изменилась Боливия при Эво Моралесе?” // *Свободная мысль*, №6 (1660), 2016, 125-136.
2. Пятаков А.Н., “Победа Ленина Морено в Эквадоре: международный и внутривнутриполитический аспекты”. *Латинская Америка*. 2017, №6, 17-27.
3. Розенталь Д. М., “Дракон над Каракасом. Китайско-венесуэльские отношения в начале XXI в.” *Латинская Америка*, 2016, № 3, 39-50.
4. Харламенко А.В., “Сепаратизм в Боливии и Эквадоре начала XXI в.” *Латинская Америка*. 2013, №12, 53-59.
5. Хейфец В., Хадорич Л., “Кризис в Венесуэле и региональная интеграция.” *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, № 5, т. 61, 79-87. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-79-87
6. Eder J., “El ALBA desde la perspectiva cubana ¿Qué ha aprendido Cuba de las lecciones del CAME?” Ponencia preparada para su presentación en el 8° Congreso del Consejo Europeo de Investigaciones Sociales en América Latina. Instituto de Iberoamérica, Universidad de Salamanca, julio de 2016 (inédito).
7. CEPAL, *Anuario Estadístico de América Latina y El Caribe*, 2016. — 134 p.

¹⁴ Харламенко А. В., “Сепаратизм в Боливии и Эквадоре начала XXI в.” *Латинская Америка*. 2013, №12, 53-59.

8. García M., Puntiel G., *El ALBA-TCP. Origen y fruto del nuevo regionalismo latinoamericano y caribeño*. CLACSO, Buenos Aires, 2015. — 423 p.
9. Pyatakov A., “«Maraton» integracionista latinoamericano a comienzos del siglo XXI”. *Iberoamerica*, 2015, №1, 65-83.
10. *Sistema Unitario de Compensación Regional. Informe de Gestión — 2015*. Caracas, 2015. 68 p.
11. Santana Elissandro dos Santos, Jesús Ibáñez Ojeda, Wanderley dos Reis Nascimento Júnio. “Modelos divergentes de integración regional: el caso ALBA-TCP y Alianza del Pacífico”. *Revista REBELA*, vol.7, №.1. jan.-abr. 2017, 115-138.

Кошель Владимир Андреевич¹⁵

Хиакоман Сергей Уаскарович¹⁶

Специфика PR-технологий в избирательной кампании Эво Моралеса на пост президента Боливии

The specificity of PR-technology in the electoral campaign of Evo Morales for the post of President of Bolivia

Резюме: В статье рассмотрена практика использования и значимость PR-технологий в избирательной кампании Эво Моралеса. В результате исследования были определены социально-исторические условия, детерминирующие эффективность коммуникационной стратегии в политических технологиях Боливии.

Ключевые слова: политические PR-коммуникации; коммуникационная стратегия; социально-исторические детерминанты избирательной кампании.

Abstract: The article considers current practice and the importance of PR-technologies in the electoral campaign of Evo Morales. The study was definite socio-historical conditions that determine the effectiveness of communication strategies in political technologies of Bolivia.

Keywords: political PR communications; communication strategy; socio-historical determinants of the election campaign.

Содержание политических PR-коммуникаций обусловлено социально-экономическим укладом и общественно-политическим устройством страны. Люди всегда будет стремиться к удовлетворению биологических и социальных потребностей, к повышению качества (уровня) жизни. И если в стране этот уровень реально повышается, тогда её население будет лояльно к власти. И напротив, — социальный гнёт и экономическая безысходность возбуждают в народе не просто настроения недовольства, но и чувства протеста против власти, которая воспринимается как чуждая и враждебная обществу.

Выдвижение политического лидера — подлинного представителя угнетённых слоёв общества явилось той естественной реакцией большин-

¹⁵ Кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна Российского Экономического Университета им. Г.В. Плеханова.

¹⁶ Студент факультета маркетинга Российского Экономического Университета им. Г.В. Плеханова.

ства обездоленного народа, которая привела в движение народные массы, консолидировала коренное индейское население, привела его к активному участию в избирательной кампании.

Таким политическим лидером и народным вождём оказался в Боливии индеец Эво Моралес. Результатом его коммуникаций с целевой аудиторией в ходе подготовки и проведения демократических выборов стало завоевание им поста президента страны.

Эффективность PR-технологий и победа Эво Моралеса на президентских выборах были обусловлены двумя основными факторами. Во-первых, практически, всеобщей поддержкой лидера широкими демократическими слоями общества, сознание которых дозрело до актуализации национальной независимости Боливии; а во-вторых, — систематично организованной и многовекторной предвыборной кампанией...

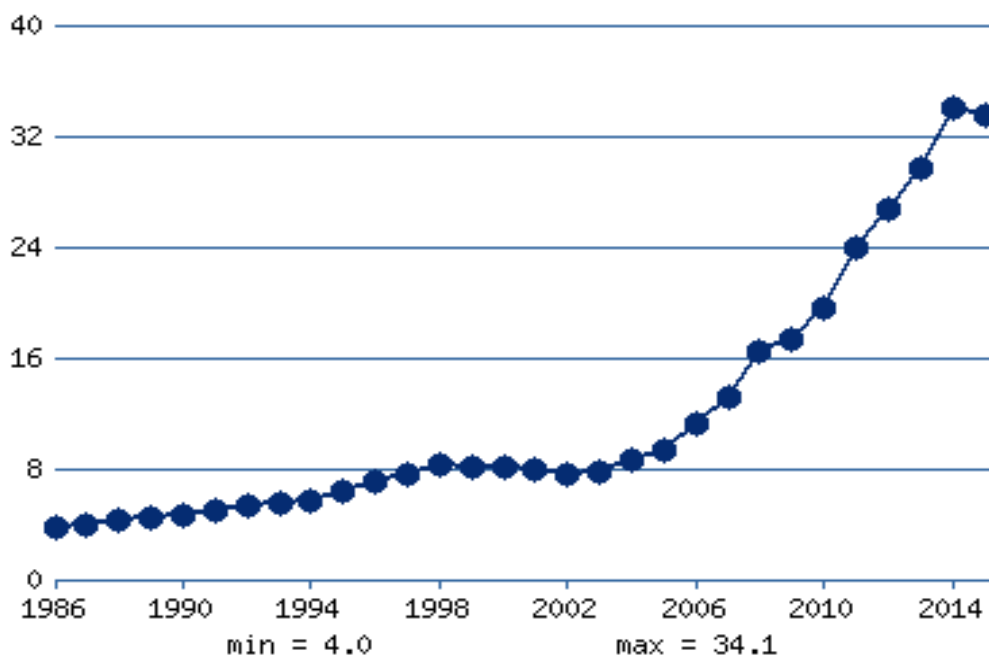
С приходом к власти Эво Моралеса в Боливии произошли качественные изменения. Новая власть национализировала природные ресурсы страны, а после попытки заговора, курируемого посольством США, в 2008-м году американский посол в Боливии был выслан из страны. И это существенно ослабило силы и влияние правых политических партий. Дискриминация индейцев — коренного населения Боливии — прекратилась, стало незаконным унижительное деление населения на индейцев, метисов и прочие этнические группы. Эво Моралес подписал декрет, согласно которому Боливия получила новое официальное название «Многонациональное Государство Боливия»¹⁷. Подлинно революционные изменения произошли в социально-экономической сфере.

На графике¹⁸ наглядно отображена динамика номинального ВВП Боливии. С 2006 г, когда Эво Моралес впервые пришёл к власти, экономика страны стала развиваться буквально взрывными темпами. И что важнее всего — эта экономика была социально ориентирована.

Была осуществлена электрификация отдалённых районов Боливии, проложены дороги и жизненно важные коммуникации (водо— и газоснабжение, канализация), в сёлах появились школы и медучреждения, реализован проект создания материнского капитала, учреждено бесплатное обучение и питание для школьников и студентов, бесплатный проезд на общественном транспорте для пенсионеров, организована систематическая помощь нуждающимся семьям.

¹⁷ *Официальный сайт ARCHIVE.ORG.RU* [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20110812125443/http://news.mail.ru/politics/2652925/> (дата обращения: 09.04.2017)

¹⁸ *Официальный сайт EREPORT.RU* [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ereport.ru/stat.php/graph/stat.php?razdel=country&count=bolivia&table=grecia&time=2> (дата обращения: 09.04.2017).

Динамика номинального ВВП Боливии. С 2006 по 2014 гг.

На международной арене налажены новые экономические и политические связи. В результате тесного сотрудничества с Китаем Боливия приобрела и запустила телекоммуникационный спутник¹⁹, обеспечив тем самым информационную безопасность страны. (Прежде такой стратегический ресурс, как информация, поставлялся и контролировался с помощью спутников связи США). Результатом сотрудничества с Россией²⁰ стала долгосрочная программа по добыче и переработке полезных ископаемых.

Социальная значимость столь масштабных преобразований давно вышла за пределы национальных границ Боливии. Именно поэтому те PR-технологии, создание и реализация которых обеспечили результативность политических коммуникаций, представляются и в настоящее время в высшей степени актуальными.

Итак, каковы же были предпосылки успешных PR-технологий нового для этой страны и этой исторической эпохи политического лидера?

Боливия долгое время находилась под «внешним управлением» транснациональных корпораций. Империалистическая власть воспринимала коренных жителей Боливии как «неграждан», а богатые природные ресурсы страны использовала как средство наживы. Во власть страны была

¹⁹ Официальный сайт AFTERSHOCK.NEWS.RU [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://aftershock.news/?q=node/201916&full> (дата обращения: 09.04.2017).

²⁰ Официальный сайт POLPRED.COM [Электронный ресурс] Режим доступа: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=883541 (дата обращения: 09.04.2017).

инкорпорирована коррупционная мафия, а правительство Боливии фактически было марионеткой США.

Непрекращающаяся борьба коренного народа²¹ Боливии за свои права была безуспешной до тех пор, пока народ не выдвинул достойного лидера. Его кровная связь с народными массами явилась главной причиной успешного восхождения к президентской власти. В этой неразрывной связи с народом сформировались эффективные коммуникации со всеми целевыми группами его электората.

Процесс преобразования марионеточно-мафиозной страны в национально-демократическую республику длился более трёх десятилетий.

Когда Моралес только начинал свою борьбу за социальную справедливость и демократические преобразования, против коррумпированной власти и дискриминации индейцев, эта власть была ещё в полной силе и контролировала не только социально-политическую ситуацию в стране, но и практически все ведущие СМИ страны.

Проамериканская власть всеми средствами (в том числе и СМИ) пыталась дискредитировать народного лидера в глазах общественности. Его задерживали, подвергали психологическому террору и даже предпринимали попытки лишить его жизни. Кроме этого власти всячески, под разными предлогами препятствовали тому, чтобы Эво Моралес не мог зарегистрировать свою партию. Именно поэтому до 2005 года Эво Моралес не мог участвовать в избирательной кампании. Но и добившись права участия в выборах, никакого финансирования он не получил, в то время как его проимпериалистические конкуренты получали от государства практически неограниченные бюджеты на избирательную кампанию.

Предвыборная кампания Эво Моралеса оказалась успешной благодаря не только солидарному участию в ней левых партий, социальных движений и профсоюзов, но, главным образом, — благодаря всеобщей поддержке народа, в ходе которой простые крестьяне и рабочие буквально вручную создавали предвыборные агитационные материалы.

Важно отметить, что коммуникационная стратегия Эво Моралеса по своей сути **не была традиционной**. В значительной степени эта стратегия строилась на глубоком понимании животрепещущих проблем народной жизни, позиционировании реальной заботы о многострадальном коренном населении Боливии. При этом в коммуникационной стратегии учиты-

²¹ Боливия находится в центральной Южной Америке. Это самое «индейское» государство, так как большинство его населения составляют индейцы кечуа и аймара. Официальный сайт SMILEPLANET.RU [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.smileplanet.ru/bolivia/> (дата обращения: 09.04.2017)

вались и другие сегменты электората: интеллигенция Боливии, испаноязычное городское население страны.

В рамках предвыборной кампании проводились конференции с интеллигенцией, встречи с представителями рабочего класса и прямые встречи в индейских поселениях с коренными жителями Боливии — индейцами.

Встречи с интеллигенцией, проводившиеся в неформальной обстановке и транслирующиеся по телевидению, были просто бесценным фактором формирования репутации Моралеса как умного, интеллектуально развитого человека, достойного представителя страны на самом высоком политическом уровне.

В общении с рабочими на их рабочих местах Эво Моралесне только проявлял глубокое понимание их интересов и потребностей, но и включался вместе с ними в работу. Ему не надо было технологически имитировать «своего парня», — он, выходец из рабочей семьи, реально был таковым. Его встречи и целенаправленные коммуникации с рабочими также транслировалось по телевидению и на волнах радиостанции «Зелёный лист».

И все же важнейшим практическим действием предвыборной кампании Эво Моралеса была личная коммуникация с коренным населением Боливии — индейцами. Во многих регионах, заселённых индейцами, не было электроэнергии, коммуникаций и дорог, и, естественно, средства массовой информации — газеты, радио и телевидение просто не доходили до этого важного сегмента целевой аудитории. Поэтому целенаправленное общение с самой многочисленной (70% всего населения) и самой обездоленной частью народа имело своим следствием самую горячую и массовую поддержку со стороны избирателей данного сегмента.

Системно обобщая ключевые параметры коммуникационной стратегии, определим основные каналы и формы коммуникации Э. Моралесас электоратом.

- Разъяснение своей предвыборной программы при личных встречах с представителями различных социальных слоёв.
- Создание собственной газеты «Lahojaverde» («Зелёный лист») и представление позиции Эво Моралеса для испаноязычных горожан.
- Создание собственной радиостанции.
- Запуск предвыборного ролика на государственном телеканале.
- Раздача агитационных буклетов с пакетиком коки на станциях автобусов дальнего следования.
- Встречи с представителями интеллигенции для обсуждения программы развития страны.
- Агитация на велосипедах и автомобилях по всей Боливии.

Кратко резюмируя исследование социально-исторических детерминант коммуникационной активности Моралеса, определим наиболее значимые факторы, которые способствовали созреванию общества до победы демократических выборов:

- Выдвижение в качестве народного лидера представителя 70% коренного населения Боливии, чистокровного индейца Эво Моралеса.
- Формирование репутации и имиджа Э. Моралеса как борца против дискриминации индейского населения и за принципы демократии.
- Позиционирование Э. Моралеса как «Защитника листа коки»²² — важнейшей составляющей тысячелетней культуры народа Боливии.
- Борьба за воду и национализацию природных ресурсов Боливии.
- Прямые коммуникации с населением в ходе предвыборных кампаний.
- Создание собственной демократической партии MAS-IPSP.

Особенности демократических PR-технологий и их политическая эффективность были обусловлены, в первую очередь, социальным созреванием боливийского общества, его борьбой против нещадного гнёта со стороны марионеточно-мафиозной власти Боливии. Талант и политическое чутьё Эво Моралеса, сумевшего адекватно ответить на вызов времени также явились значимым детерминирующим фактором успешности сформировавшейся коммуникационной стратегии.

Библиография

1. Николаев Ю., Эво Моралес: трудный путь от сельского мальчишки до президента страны // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://oldimg1.gia.ru/report/20060123/43145616.html> (дата обращения: 10.05.2017)
2. Тарасов Александр, «Левый поворот» по-латиноамерикански / Википедия. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%81,%D0%AD%D0%B2%D0%BE> (дата обращения: 14.05.2017)
3. Кошель В.А., Сегал А.П. «Проблемы трансформаций субъекта знания и процесса познания», *Профессиональное образование в современном мире*, 2016, Т. 6, № 4, 664-669.
4. Кошель В.А., «О предпосылках формирования субъекта социальных преобразований», *Альтернативы*, 2015, № 3, 168-177.

²² С древних времён листья коки использовались как стимулятор у коренных жителей Латинской Америки. В горах, при низком содержании кислорода, употребление коки снимает симптомы высотной болезни, помогает сохранять активность. В горах Боливии культивирование и потребление коки является частью национальной культуры. Кока служит мощным символом местной культурной и религиозной идентичности родов Южной Америки.

5. Кошель В.А., Сегал А.П. «Современные коммуникации как предмет социальной ответственности», *Credonew*, 2016, № 3, 10.
6. Кошель В.А., Сегал А.П. ««Клипное мышление» как форма обыденного сознания», *Международный академический вестник*, 2015, № 4 (10), 15-23.

МЕДИАПРАКТИКИ ИБЕРОАМЕРИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Г. С. Филаткина¹

**Президентские выборы в Латинской Америке:
роль национальных массмедиа в избирательных
процессах в 2006–2017 гг.**

**Presidential elections in Latin America:
the role of the national mass media in the electoral
processes in 2006–2017**

Abstract: The article discusses the role of mass media and social media during the presidential elections in Venezuela, Brazil, Argentina and Ecuador. The communication strategies of presidential candidates and the formation of their images in mass media and social media are analyzed in the research. Also the object of the research is the change of mass media system of the selected countries during the elections of the presidents. The research demonstrates that in the election campaigns when the forces of the main candidates are approximately equal, the resources of mass media and social networks help the voters make the right choice if they have not yet made up their minds.

Key words: presidential elections; president; Latin America; mass media; social media; Venezuela; Brazil; Argentina; Ecuador.

Resumen: En el artículo se examina la función de los medios de comunicación y las redes sociales durante el período de las elecciones presidenciales en Venezuela, Brasil, Argentina y Ecuador. Se analizan las estrategias comunicativas de los candidatos a la presidencia y la formación de sus imágenes en los medios de comunicación y las redes sociales. El objeto del estudio también es el cambio en el sistema de los medios de comunicación de los países seleccionados durante las campañas electorales. El estudio demuestra que en las elecciones cuando las fuerzas de los candidatos principales son aproximadamente iguales, los recursos de los medios de comunicación y las redes sociales ayudan a los votantes a hacer la elección correcta si no lo han definido todavía.

¹ Филаткина Гелия Сергеевна, Россия, кандидат филологических наук, преподаватель факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова (geliafilatkina@gmail.com).

Palabras clave: elecciones presidenciales; presidente; América Latina; medios de comunicación; redes sociales; Venezuela; Brasil; Argentina; Ecuador.

В 2006–2017 гг. в латиноамериканских странах состоялось 13 президентских выборов, в том числе в Аргентине, Бразилии, Венесуэле и Эквадоре. В ходе электорального цикла 2006–2011 гг. леворадикалы и представители левого центра уверенно одерживали победу над своими соперниками, закрепляя развитие «левого дрейфа» в регионе. Однако в начале 2010-х гг. политический маятник качнулся вправо, приведя к власти правые и правоцентристские силы.

С этого момента леворадикальные и левоцентристские кандидаты либо проигрывали, либо побеждали, но с минимальным отрывом от соперников, сталкиваясь при этом с постоянным ростом оппозиционных настроений. Особенно тяжелая ситуация сложилась в Бразилии в 2016 г., когда в период острого политического кризиса был объявлен импичмент переизбранному в 2014 г. президенту Дилме Руссефф. В рамках настоящего исследования были рассмотрены несколько страновых ситуаций (case studies), в контексте которых было изучено, какую роль играют национальные средства массовой информации и социальные медиа в избирательных процессах, какое влияние они оказывают на изменения политического ландшафта в регионе во время выборов, какие стратегии используют кандидаты в президенты в социальных сетях для мобилизации электората.

В исследовании были использованы методы сравнения, классификации, наблюдения, контент-анализа. В рамках последнего был рассмотрен корпус из порядка 1000 публикаций периодических изданий Аргентины, Бразилии, Венесуэлы и Эквадора, проанализированы аккаунты политических лидеров этих государств в социальных сетях «Твиттер» и «Фейсбук» и опубликованные в них сообщения. Отдельно были рассмотрены изменения системы СМИ вышеуказанных стран в период выборных кампаний.

Стоит отметить, что тема исследования лишь частично затрагивается в работах отечественных ученых (например, Дабагян Э. С., Ивановский З. В., Окунева Л. С., Пятаков А. Н., Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. и др.)².

² Калашников Н. В., Гаврилова Е. Х., Ивановский З. В., Пятаков А. Н., Чумакова М. Л., Константинова Н. С., Шинкаренко А. А. *Эквадор на пути «гражданской революции»*. М.: ИЛА РАН, 2009; Окунева Л. С. «Президентские выборы 2014 г. в Бразилии» // *Латинская Америка*, 2015, № 1, 4–19; *Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама* // З. В. Ивановский (ред.). М.: ИЛА РАН, 2015; Пятаков А. «Победа Ленина Морено в Эквадоре» // *Латинская Америка*, 2017, № 6, 17–27; Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. «„Правый поворот“ в Латинской Америке: случайность или тенденция» // *Латинская Америка*, 2010, № 6, 8–20; Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. «Латинская Америка: правый шторм для „левого поворота“» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия «Международные отношения», 2015, Том 15, № 4, 45–55.

В связи с этим автор опиралась на работы зарубежных, прежде всего латиноамериканских, исследователей (О. Ринкон, Ф. Д. Эрлих, С. Вайсборд и др.)³.

Выборы в Венесуэле и социальные медиа

Президентские выборы в Венесуэле 2006 г. проходили в освещении исключительно традиционных СМИ. Социальные медиа в тот период времени только развивались, ни у одного из кандидатов, включая действующего президента Уго Чавеса, не было персонального аккаунта в социальных сетях. В связи с этим президент проводил агитацию преимущественно в рамках собственной телерадиопередачи «Алло, президент», транслировавшейся шестью национальными телеканалами, а также с помощью прогосударственных печатных СМИ, сдерживавших натиск оппозиционных газет «El Nacional» и «El Universal», телеканалов «Globovisión», RCTV и др., вступивших в конфронтацию с правительством Чавеса еще в начале его правления.

И хотя сопернику Уго Чавеса, губернатору нефтедобывающего штата Сулия Мануэлю Росалесу, удалось сплотить оппозицию, победа (62,57 %) была на стороне Чавеса. Этот результат стал самым высоким, а разница количества голосов с соперником (25,94 %) — крупнейшей в истории Венесуэлы, начиная с выборов 1958 г.

В начале кампании 2012 г. венесуэльские СМИ, как и на предыдущих выборах, разделились на два лагеря: одни — газеты «Últimas Noticias», «Correo del Orinoco», «Ciudad Caracas», телеканалы VTV, teleSUR, ViVe, радиостанции «YVKE Mundial» и «Radio Nacional de Venezuela», агентство «Agencia Venezolana de Noticias» — освещали предвыборную кампанию Уго Чавеса, другие — газеты «El Nacional», «El Universal», «Tal Cual», «La Nación», «Diario de Los Andes», телеканалы «Globovisión» и «Televen» — поддерживали Энрике Каприлеса Радонски, кандидата от оппозиционной коалиции «Демократическое единство».

К 2012 г. социальные сети в Венесуэле получили большое развитие. Почти каждый крупный чиновник этой страны имел аккаунты в «Фейсбуке» и «Твиттере», в том числе президент страны. Его твиттер-аккаунт (@chavezсанданга) в финале выборной кампании насчитывал до 3,5 млн под-

³ ¿Por qué nos odian tanto? Estado y medios de comunicación en América Latina // Rincón Omar (ed.). Bogotá, 2010; Se nos rompió el amor. Elecciones y medios de comunicación // Mejía M. V. (ed.). Bogotá, 2007; Erlich F. D. "La relación interpersonal con la audiencia: El caso del discurso del presidente venezolano Hugo Chávez" // Revista Signos. 2005. No. 38 (59), 287–302; Waisbord S. Vox Populista: medios, periodismo, democracia. Barcelona, 2013.

писчиков. По этому показателю Чавес занял второе место в мире среди политических лидеров после президента США Барака Обамы.

Аккаунт Энрике Каприлеса (@hcapriles) за время президентской гонки (июль—октябрь 2012 г.) набрал до 1,4 млн подписчиков. По этому показателю его микроблог расположился на третьем месте в Венесуэле, уступив аккаунту президента и венесуэльского телеканала «Globovisión».

Проведенный анализ 140 сообщений аккаунта Чавеса, опубликованных в период предвыборной кампании, показал, что они либо были направлены против его главного оппонента, либо представляли собой эмоциональные высказывания и обращения к венесуэльскому народу с призывом голосовать. В них повторялись такие слова, как национальный, производство, развитие, социальный, народ, укрепить, Венесуэла, народный, консолидировать, боливарианский.

Анализ 1240 сообщений Энрике Каприлеса выявил повтор таких слов, как венесуэльцы, прогресс, страна, качество, образование, развитие, доступ, благополучие, возможности, иметь. Такой лексический подбор не случаен: электорат Каприлеса — молодые амбициозные венесуэльцы, предприниматели, стремящиеся развивать свой бизнес, будучи уверенными в справедливости законов, принимаемых правительством.

За весь электоральный период кандидатам не удалось провести и полноценную твиттер-дискуссию. За две недели до выборов Каприлес в резкой форме призвал Уго Чавеса вступить с ним в часовую дискуссию на национальном телевидении, однако тот отказался.

По итогам голосования, состоявшегося 7 октября 2012 г., Уго Чавесу удалось опередить кандидата от оппозиции, однако уже с меньшим отрывом, чем в 2006 г.: действующему президенту отдали свои голоса 55,25 % избирателей, тогда как Каприлесу — 44,13 %.

Последние президентские выборы в Бразилии

С июля по октябрь 2014 г. в Бразилии проходила президентская кампания. Основными соперниками в ней выступили действующий президент, представитель Партии трудящихся Дилма Руссефф, кандидат от Социал-демократической партии Бразилии Аэсиу Невис и кандидат от Бразильской социалистической партии Эдуарду Кампуш. После трагической гибели Кампуша в авиакатастрофе в августе 2014 г. в предвыборную гонку вступила кандидат от той же партии Марина Силва, которая уже имела опыт участия в президентских выборах (на выборах 2010 г. она заняла третье место).

Кроме прессы, радио, телевидения все три кандидата активно задействовали ресурсы социальных медиа для общения с избирателями и продвижения своих предвыборных программ. Не случайно президентские выборы в Бразилии стали одной из трех самых обсуждаемых тем в 2014 г. в социальной сети «Фейсбук», уступив только Чемпионату мира по футболу, состоявшемуся в Бразилии в том же году, и вспышке лихорадки Эбола: свыше 48 млн человек оставили порядка 674 млн высказываний о выборной кампании⁴.

В июне 2014 г. в «Твиттере» было зарегистрировано около 41 млн бразильцев. Аккаунт Дилмы Руссефф (@dilmabr) занимал первое место по числу подписчиков среди бразильских политиков (2,7 млн на начало президентской кампании) и был единственным португалоязычным аккаунтом, входившим в двадцатку самых популярных аккаунтов в мире среди политических лидеров.

Во время избирательной кампании в своем аккаунте Руссефф акцентировала внимание на темах образования, здравоохранения и безопасности, демонстрируя в цифрах достижения своего правительства в этих сферах. Одним из знаковых событий твиттер-кампании Дилмы Руссефф стала поддержка ее кандидатуры экс-президентом Бразилии Луисом Инасиу Лулой да Силвой, который от своего имени специально создал аккаунт @LulapeloBrasil, где публиковал текстовые сообщения, фото и видео в поддержку Руссефф.

Аккаунт представителя социал-демократов Аэсиу Невиса (@AescioNeves) за время кампании собрал около 330 тыс. упоминаний в «Твиттере», что на 50 тыс. меньше, чем у Дилмы Руссефф. На своей странице он опубликовал больше сообщений, чем Руссефф (1600 и 1190 соответственно), однако количество фолловеров его аккаунта составляло всего 272 тыс. пользователей, а к концу кампании — 300 тыс., что ставило его лишь на девятое место среди бразильских политиков. Из трех кандидатов Невис использовал самую агрессивную стратегию, выражавшуюся в непрерывных нападках на действующее правительство и президента страны. Тактика Невиса напоминала поведение Митта Ромни, кандидата в президенты США на выборах 2012 г., который в своих постах в «Твиттере» больше писал не о своей программе, а критиковал Барака Обаму и отвечал на его посты, пытаясь найти поддержку в критике Обамы.

Несмотря на то, что количество подписчиков аккаунта Марины Силвы (@silva_marina) было меньше, чем у Дилмы (800 тыс. на начало кампании, четвертое место среди бразильских политиков), ее сообщения собира-

⁴ «10 самых обсуждаемых тем 2014 года по версии Facebook» // *Комсомольская правда* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26319.4/3197432> (дата обращения: 01.10.2017)

ли больше ретвитов, чем посты Руссефф и Невиса. Накануне выборов количество подписчиков так же, как у Дилмы, увеличилось на 300 тыс., составив 1,1 млн человек. За всю кампанию она была процитирована свыше 360 тыс. раз. Свою кампанию в «Твиттере» Марина Силва построила главным образом на биполярной оппозиции «свой-чужие», где «своими» были ее сторонники, а «чужими» — политические оппоненты и их электорат.

На июнь 2014 г. в «Фейсбуке» было зарегистрировано около 76 млн бразильцев. Дилма Руссефф, в отличие от своих соперников, имела наименьшее число подписчиков в «Фейсбуке», которое составило к концу кампании 2,3 млн (рост на 800 тыс.). Она использовала небольшое количество хештегов, главным из которых был #SomosTodosDilma (#ВсеМыДилма). Заложенный в нем объединяющий смысл должен был противостоять критике Невиса, упрекавшего правительство в том, что его действия привели к разделению страны на север и юг.

Аккаунт Аэсиу Невиса стал самым популярным среди его соперников. Его страничка набрала за кампанию до 4 млн лайков. По этому показателю Невис занял первое место среди политических деятелей Бразилии в «Фейсбуке». Одной из важных коммуникативных составляющих кампании Невиса в «Фейсбуке» стали онлайн-конференции с пользователями, которые получили название «Разговор лицом к лицу»: в течение часа кандидат отвечал на актуальные вопросы избирателей.

Аккаунт Марины Силвы занимал второе место по числу подписчиков среди ее соперников (2,4 млн, рост на 1,7 млн). Она, как и Невис, использовала онлайн-конференции с избирателями и максимально задействовала возможности «Фейсбука»: разместила в своем профиле ссылки на свой официальный сайт и аккаунты в «Твиттере» и «Инстаграме», опубликовала видеообращения к избирателям, фото, ссылки на свои выступления в СМИ.

За счет высокой конкуренции ни одному из кандидатов не удалось набрать свыше 50 % голосов, поэтому им предстояло выступить во втором туре, состоявшемся 26 октября. В него вышли действующий президент и кандидат от Социал-демократической партии. Во втором туре Дилма Руссефф, набрав 51,64 % голосов, опередила Аэсиу Невиса всего на 3,28 %. Несмотря на не всегда высокие показатели активности аккаунтов Дилмы в «Твиттере» и «Фейсбуке», ее тактика «спокойного реагирования» на критику оппонентов, аргументирующая каждый их выпад и не провоцирующая переход на личности, во многом сыграла важную роль в ее победе. В то же время активность Аэсиу Невиса в социальных сетях, носящая конфронтационный характер, увеличила его электорат, прежде всего за счет молоде-

жи, и позволила сократить численный разрыв между ним и действующим президентом.

Аргентинский «правый поворот»

Большой интерес представляют президентские выборы 2015 г. в Аргентине, где левоцентристская политика Кристины Фернандес де Киршнер не получила своего продолжения в лице Даниэля Сциоли, поскольку победу одержал представитель оппозиционной коалиции «Давайте изменимся» Маурисио Макри. В связи с этим интересно проследить, какую роль играла ведущая медиагруппа страны «Clarín» в победе оппозиционного кандидата.

По состоянию на 2015 г. «Clarín» являлась ведущей медийной компанией в Аргентине и одной из крупнейших в Латинской Америке. Кроме общенациональных и региональных газет и журналов, «Clarín» владеет издательствами, теле- и радиостанциями, агентством по организации праздников, компаниями-поставщиками интернет-услуг и др. Один из главных активов группы — газета «Clarín». В 2015 г. ее тираж в будни составлял 160 000 экз., воскресный тираж — 505 709 экз.⁵ Сайт clarin.com входит в десятку самых посещаемых сайтов в Аргентине⁶.

Активная конфронтация издания с властью началась еще в период первого президентского срока Кристины Киршнер и усилилась после принятия в 2009 г. антимонопольного Закона об аудиовизуальной коммуникации, согласно которому ни одна из компаний, работающих в сфере масс-медиа, не может владеть в Аргентине более чем 10 лицензиями на теле- и радиовещание. В соответствии с законом, группа «Clarín» была вынуждена отказаться от ряда своих медиаактивов.

Проведенный контент-анализ 100 публикаций онлайн-версии газеты «Clarín» за период официальной предвыборной кампании (июль—ноябрь 2015 г.) позволил выявить оценку освещения кандидатов и ход предвыборной кампании.

Публикации «Clarín» охватывали различные темы: предвыборная полемика кандидатов, встречи с избирателями и привлечение голосов, поддержка известными политическими и общественными деятелями, участие в теледебатах, результаты выборных туров и реакция избирателей, личная жизнь кандидата. При этом Даниэль Сциоли позиционировался как не-

⁵ El Boletín de Instituto Verificador de Circulaciones [Электронный ресурс]. URL: <http://www.revistaairelibre.com.ar/boletin.ivc.pdf> (дата обращения: 01.10.2017).

⁶ Top sites en Argentina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexa.com/topsites/countries/AR> (дата обращения: 01.10.2017).

самостоятельный политик, «тень Кристины»⁷, победа которого должна лишь подготовить почву для возвращения экс-президента на политический олимп через четыре года. За месяц до выборов издание освещало отказ Сциоли участвовать в теледебатах с Маурисио Макри и еще одним кандидатом — Серхио Массой. Это напоминает известный прецедент в истории президентских выборов в США 1960 г., в ходе которых кандидат-республиканец Ричард Никсон отказался от участия в последнем туре теледебатов с кандидатом от Демократической партии Джоном Кеннеди, признав таким образом свое поражение еще до начала выборов. После первого тура выборов «Clarín» написала, что результаты Сциоли (37,08 % против 34,15 % у Макри) — «худшие за всю историю перонизма», чем еще больше сплотила оппозиционные силы вокруг Макри.

На протяжении всей избирательной кампании в материалах «Clarín», посвященных Макри, встречается больше слов с положительной коннотацией, чем в материалах о Сциоли. В публикациях об оппозиционном кандидате встречаются такие слова, как развитие, единая, свобода, развиваемся, права, мы, медицина, тогда как в статьях о Сциоли изобилуют слова киршнеризм, перонизм, хустисиализм, нация, я, к (обобщение всего, что относится к уходящей эпохе правления четы Киршнер). Таким образом, образ преемника Киршнер «Clarín» неразрывно связывает с продолжением киршнеристской политики.

Издание периодически размещало параллельно фотографии двух кандидатов, на которых Даниэль Сциоли был изображен усталым и апатичным, тогда как Маурисио Макри выглядел улыбающимся активным политиком, много ездящим по стране, встречающимся со своими избирателями. Кроме того, до начала второго тура Сциоли появлялся на фотографиях в основном вместе с Кристиной Киршнер. Макри, напротив, изначально позиционировал себя как самостоятельного кандидата.

На старте предвыборной кампании число публикаций с позитивной и нейтральной лексикой, посвященных Макри и Сциоли, было примерно одинаковым (по 15 и 9 публикаций соответственно), хотя и с небольшим перевесом в сторону кандидата от оппозиции. Накануне первого тура голосования заметно усилилась негативная оценка Сциоли (12), вместе с тем увеличилась нейтральная и позитивная оценка Макри (12), газета представляла последнего как вероятного победителя выборной гонки. В ноябре перед вторым туром число позитивных материалов о Макри в шесть раз превысило число публикаций о Сциоли, которому газета посвятила статьи,

⁷ Филаткина Г. С. «Аргентинская медиагруппа Clarín: взаимоотношения с администрацией Киршнер и роль в президентских выборах 2015 г.» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2016, № 12, 185.

отмеченные в основном нейтральной и негативной оценками (7). Во многом благодаря поддержке ведущей аргентинской газеты Маурисио Макри удалось получить 51,40 % голосов во втором туре и опередить своего основного соперника буквально на 2,8 % голосов⁸.

Победа Ленина Морено в Эквадоре

В 2017 г. в Эквадоре проходили президентские выборы, к которым было приковано особое внимание ввиду непредсказуемости исхода, а также политической напряженности и даже конфронтационности, сохранявшейся в стране на протяжении всего избирательного периода. Как отмечает А. Пятаков, по всей видимости, именно этот электоральный процесс был призван проверить на прочность «левый поворот» как региональное явление⁹.

Главными соперниками на президентских выборах выступили кандидат от проправительственного блока «Альянс ПАИС» Ленин Морено и представитель оппозиционного правоцентристского движения «КРЕО-СУМА» Гильермо Лассо.

Стоит отметить, что эти президентские выборы стали уже вторыми для Гильермо Лассо: в 2013 г. он уже соперничал с Рафаэлем Корреа за право на президентское кресло, однако проиграл действующему президенту с разгромным отставанием в 40 %. Тогда в ходе предвыборной кампании активно использовались ресурсы «Фейсбука», т. к. в нем было зарегистрировано около 4,3 млн эквадорцев, т. е. почти все интернет-пользователи страны (4,5 млн).

В ходе первого тура голосования, состоявшегося 19 февраля, преемнику Корреа не удалось набрать всего 0,64 % до 40 %, необходимых для победы в первом туре, чтобы обойти Лассо, получившего 28,09 %¹⁰. Это привело к необходимости проведения второго тура голосования.

Большое влияние на избирателей и, как следствие, на результаты голосования оказали эквадорские СМИ. В период правления Рафаэля Корреа в Эквадоре стало увеличиваться число государственных средств массовой информации, а частные СМИ перешли на сторону оппозиции. Информационное противостояние между властью и оппозиционными СМИ усилилось в 2013 г. после принятия Органического закона о массовых комму-

⁸ Elecciones argentinas. Segunda vuelta presidencial 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.resultados.gob.ar/balotage/dat99/DPR99999A.htm> (дата обращения: 01.10.2017).

⁹ Пятаков А. «Победа Ленина Морено в Эквадоре» // *Латинская Америка*, 2017, № 6, 19.

¹⁰ Resultados. CNE [Электронный ресурс]. URL: <http://portal.cne.gob.ec/es/estadisticas/publicaciones/category/877-publicaciones> (дата обращения: 01.10.2017).

никациях, который ограничил финансовые и юридические компетенции частных СМИ. Мощные информационные атаки на правительство привели к падению уровня общественной поддержки Корреа и росту популярности оппозиционных партий и политиков.

В период избирательной кампании 2017 г. оппозиционные массмедиа (в частности, газеты «El Universo», «El Comercio», радиостанции «Radio Quito», «Radio Visión», «Radio El Dorado», «Radio Cosmopolita», телеканалы «Teleamazonas», «Ecuavisa») разработали последовательную стратегию по продвижению Гильермо Лассо. Она проявлялась в навязывании через СМИ идеи о необходимости проведения второго тура голосования еще до публикации официальных результатов первого тура и недопущении фальсификаций в пользу кандидата от власти во втором, публикации опросов, свидетельствующих об убедительной победе Лассо.

Что касается Ленина Морено, то его поддерживали в основном официальные СМИ. Они приводили данные опросов, демонстрирующие преимущество проправительственного кандидата, а также позиционировали Морено без привязки к Рафаэлю Корреа, т. е. как самостоятельного политика. Кроме того, эквадорские СМИ подчеркивали гибкость Ленина Морено, его способность идти на уступки, в отличие от бескомпромиссного и импульсивного Корреа. Газета «El Telégrafo» размещала параллельно фотографии кандидатов, на которых Морено выглядел уверенным политиком, с его лица не сходила улыбка, тогда как Лассо — наоборот, уставшим и раздраженным. Газета «El Universo» использовала аналогичный прием, только в этом случае в более выгодном свете представал Гильермо Лассо.

По результатам второго тура выборов, состоявшегося 2 апреля, Ленин Морено одержал победу, набрав 51,15 % и опередив Гильермо Лассо на 2,3 %.

Таким образом, в ходе проведенного анализа на примерах Венесуэлы, Бразилии, Аргентины и Эквадора нам удалось установить механизмы, с помощью которых латиноамериканские политики выстраивают коммуникацию с избирателями в период выборных кампаний. Было выявлено, что оппозиционные кандидаты активнее задействуют ресурсы традиционных массмедиа и более агрессивно выступают в социальных сетях, чем кандидаты от партии власти. Последние достигают успеха в тех случаях, когда стремятся дистанцироваться от образа их политического предшественника. В условиях ожесточенной предвыборной борьбы, когда силы кандидатов оказываются примерно равными, именно ресурсы СМИ и социальные сети помогают определиться с выбором тем избирателям, кто еще не решил, за кого голосовать. В условиях второго тура голосования, когда разница в голосах между кандидатами остается минимальной, такой подход оказывается решающим, что и доказывает латиноамериканская практика.

Библиография

1. 10 самых обсуждаемых тем 2014 года по версии Facebook // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26319.4/3197432/> (дата обращения: 01.10.2017).
2. Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама // *З. В. Ивановский* (ред.). М.: ИЛА РАН, 2015.
3. *Окунева Л. С.*, Президентские выборы 2014 г. в Бразилии // Латинская Америка, 2015, № 1, 4–19.
4. *Пятаков А.*, Победа Ленина Морено в Эквадоре // Латинская Америка, 2017, № 6, 17–27.
5. *Филаткина Г. С.*, Аргентинская медиагруппа Clarín: взаимоотношения с администрацией Киршнер и роль в президентских выборах 2015 г. // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016, № 12, 182–186.
6. Калашников Н. В., Гаврилова Е. Х., Ивановский З. В., Пятаков А. Н., Чумакова М. Л., Константинова Н. С., Шинкаренко А. А., Эквадор на пути «гражданской революции». М.: ИЛА РАН, 2009.
7. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., «Правый поворот» в Латинской Америке: случайность или тенденция // Латинская Америка, 2010, № 6, 8–20.
8. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения», 2015, декабрь, Том 15, № 4, 45–55
9. El Boletín de Instituto Verificador de Circulaciones [Электронный ресурс]. URL: <http://www.revistaairelibre.com.ar/boletin.ivc.pdf> (дата обращения: 01.10.2017).
10. Elecciones argentinas. Segunda vuelta presidencial 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.resultados.gob.ar/balotage/dat99/DPR99999A.htm> (дата обращения: 01.10.2017).
11. Erlich F. D. La relación interpersonal con la audiencia: El caso del discurso del presidente venezolano Hugo Chávez // Revista Signos. 2005. No. 38 (59), 287–302.
12. ¿Por qué nos odian tanto? Estado y medios de comunicación en América Latina // Omar Rincón (ed.). Bogotá, 2010.
13. Resultados.CNE [Электронный ресурс]. URL: <http://portal.cne.gob.ec/es/estadisticas/publicaciones/category/877-publicaciones> (дата обращения: 01.10.2017).
14. Se nos rompió el amor. Elecciones y medios de comunicación // М. V. Mejía (ed.). Bogotá, 2007.
15. Top sites en Argentina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexa.com/topsites/countries/AR> (дата обращения: 01.10.2017)
16. Waisbord S. Vox Populista: medios, periodismo, democracia. Barcelona, 2013.

Медиарынок Испании в начале XXI века: проблемы и национальные особенности

Spanish Media Market at the Beginning of the 21st Century: Problems and National Features

Резюме: Испанский медиарынок начала XXI века несет в себе черты современного общества страны, которое преодолело путь от диктатуры к демократии, переживает последствия экономического и политического кризиса, адаптируется к технологическим изменениям во всех сферах жизни цифровой эпохи. Несмотря на глобализацию и концентрацию СМИ, сфере испанских медиа удается сохранять национальные черты и особенности, защищать право на свободное выражение мнений и критики.

Ключевые слова: Испания; медиарынок Испании; испанские СМИ.

Abstract: The Spanish media market of the beginning of the XXI century bears the features of the modern society of the country, which has overcome the path from dictatorship to democracy, is experiencing the consequences of the economic and political crisis, adapting to technological changes in all spheres of the digital age. Despite the globalization and concentration of the media, the sphere of Spanish media manages to preserve national features and features, to protect the right to free expression of opinions and criticism.

Keywords: Spain; media market of Spain; Spanish media market.

Пресса в Испании традиционно конкурирует с аудиовизуальными СМИ, которые пользуются более высоким спросом у аудитории. Данные общего исследования СМИ (EGM) показывают, что около 85 % испанцев ежедневно смотрят телевизор, 60 % слушают радио, более 78 % населения являются активными пользователями интернета. В то время как, по данным центра социологических исследований (CIS), 15,5 % испанского населения в возрасте 18–65 лет и старше никогда не читают газет. Это происходит на фоне ежегодного снижения тиражей прессы, которая уступает позиции цифровым форматам. Из тех испанцев, кто обращается к печатным СМИ, 83,4 % предпочитают журналы, газеты выбирают 60,5 %.

На медиарынке Испании по-прежнему можно наблюдать тенденцию к таблоидизации, то есть к определенному удешевлению информации по

¹ Паисова Анна Александровна, Россия, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова (apaisova@gmail.com).

форме и содержании ее подачи. Развлекательная традиция в испанской прессе имеет богатую историю. Описания чудес, паранормальных явлений, небывалых историй из жизни крестьян и горожан встречались уже в манускриптах XV века. Ее осуждают за недостоверность, лицемерие, циничность, отсутствие этики, низкий стиль, но при этом бульварные журналы лидируют по численности аудитории как бумажных, так и цифровых версий. Примечательно, что на испанском рынке нет ни одной желтой газеты. Неоднократные попытки их выпуска были неудачными, тогда как журналы с каждым годом только усиливали свои позиции.

В настоящее время в Испании выходит более ста журналов, из которых около 45 — еженедельной периодичности. Большая часть изданий в Испании ориентированы на женщин.

Издания бульварного, массового формата по количеству наименований и общей аудитории продолжают доминировать над общеинформационными изданиями, хотя последние сохраняют сильные позиции в своем сегменте за счет поддержки крупных качественных газет с постоянной аудиторией. Специалисты в области СМИ прогнозируют в будущем полный переход испанских журналов на цифровой формат. Ускорению этого процесса способствует динамичное распространение интернета — в 2016 году 78,7 % населения от 16 до 74 лет являлись его постоянными пользователями². Для сохранения читательской аудитории в интернете большинство изданий не только своевременно создали онлайн-версии, наполнив их содержанием всех возможных форматов, но и стали в начале XXI века объединяться в виртуальных киосках Орбит (Orbyt), Синио (Zinio), Киоско и Мас (Kiosko у más). Эти цифровые платформы по подписке или за плату за отдельный номер предлагают доступ практически ко всем крупным газетам и журналам, что существенно дешевле, чем покупка их бумажных версий. Помимо этого абоненты цифровых киосков получают льготный доступ к новинкам литературы, телесериалам и фильмам.

Ежедневные газеты национального распространения, которые появились как проводники демократических перемен в Испании, также сохраняют высокие позиции на фоне других изданий. Переход на цифровой формат и необходимость взаимодействовать с молодым читателем, предпочтения которого в выборе и способе получения информации отличаются, заставляют традиционные СМИ искать новые решения. Например, многочисленные приложения теперь дополняют практически все крупные газеты. С учетом особенностей каждого региона Испании редакции создают специальные вкладыши, в том числе на официальных языках Галисии, Стра-

² [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elmundo.es/sociedad/2016/04/04/57026219e2704e90048b465e.html> (дата обращения: 01.10.2017).

ны Басков и Каталонии. Присутствие в интернете испанских СМИ и использование социальных сетей также демонстрирует определенные успехи. Сайты газет «Эль Паис», «Эль Мундо» — в числе лидеров всего испаноязычного сегмента интернета.

Безусловное лидерство в сегменте ежедневной испанской печати принадлежит спортивной прессе. Аудитория газеты «Марка» (Marca) в первой половине 2017 г. насчитывала 2 млн 156 тыс. читателей, конкурирующее с ней издание «Ас» (As) выбирало 1 млн 149 тыс. Увлеченность населения спортом и несомненные успехи Испании в футболе, баскетболе, теннисе и пр. были одним из факторов успеха этого вида прессы. В то же время немаловажно учитывать и падение уровня доверия читателей к общеинформационным СМИ по причине их ангажированности и подверженности влиянию политических сил, владельцев капитала и рекламодателей.

Соблюдение этики в современных СМИ в Испании является одним из наиболее часто обсуждаемых вопросов в профессиональной среде журналистов. Также актуальными проблемами являются растущее число неквалифицированных кадров в журналистике, нестабильность, безработица, низкая оплата труда, как следствие затянувшегося экономического кризиса. В Испании за соблюдением норм этики в журналистике наблюдают различные профильные организации: Федерация ассоциаций журналистов Испании (FAPE), комиссия арбитража, жалоб и этики журналистики и др. Также в ряде газет («Эль Мундо», «Эль Паис», «Ла Вангардия», «Эль Пунт» и пр.) действуют специальные редакционные уставы и книги стиля. Кроме того, журналистам предписано следовать Международному кодексу по этике ЮНЕСКО (1983 г.) и ряду рекомендаций, выработанных в Испании для различных СМИ. Однако, несмотря на все эти меры, из-за национальных особенностей, связанных с интересом к таблоидному формату СМИ, этические аспекты журналистики в Испании продолжают оставаться одной из наиболее острых проблем. Более 84 % работников СМИ, опрошенных FAPE, подчеркнули, что именно передачи и ток-шоу бульварного толка, а также реалити-шоу демонстрируют аудитории наиболее нездоровые явления современности и дискредитируют профессию журналиста.

Распространение интернета в Испании также считают одним из факторов ослабления базовых ценностей журналистики. Технологическая революция, повлиявшая на СМИ, практически полностью устранила границу между журналистом и читателем, зрителем, позволив последним воздействовать на журналистов наравне с рекламодателями и издателями. Это приводит к тому, что информационная политика испанских СМИ все чаще строится на компромиссных решениях в угоду публике и часто в ущерб качеству, принципам этики, общественным задачам журналистики. Причи-

ны этических проблем журналистики специалисты также склонны видеть в профессиональной подготовке кадров. Около 45 % членов FARE считают журналистское образование в Испании посредственным.

Тенденция концентрации СМИ продолжает усиливаться на медиарынке Испании. За последние несколько лет число национальных и международных медиакомпаний в сфере медиа и коммуникации превысило 500. Ведущие позиции по-прежнему принадлежат группам «Приса» (Grupo Prisa), «Восенто» (Vocento), «Унидад Эдиториаль» (Unidad Editorial), «Сета» (Zeta), «Годо» (Godó), «Планета» (Planeta) и др. Существование крупных медиакорпораций, с одной стороны, может обеспечивать определенную стабильность СМИ в периоды экономических кризисов, перехода на новые форматы подготовки информационного продукта, сокращает безработицу в журналистской среде, но с другой — значительно уменьшает вероятность появления новых и независимых СМИ.

Библиография

1. *Gomez J. L.* Medio Siglo de prensa del corazon en España (1940–1990). Madrid, 1992. Informe anual de Comision del Mercado de telecomunicaciones (CMT).
2. Mapa de medios. TYC 2016.
3. *Falcón P.* El imperio rosa. Poder e influencia de la prensa del corazón. CIMS. Barcelona, 1998.

Трансформация политики в условиях коммуникативного капитализма: Интернет и «движение за независимость Каталонии»

Transformation of politics in the context of communicative capitalism: the Internet and the “movement for the independence of Catalonia”

Resumen: El informe se dedica al capitalismo comunicativo como una nueva formación ideológica y económica de la “era digital”. El autor considera críticamente al “Movimiento de la Independencia de Cataluña” y da una primera evaluación de la conversión de la atención de los usuarios de Internet a la acción política en el referéndum del 1 de octubre.

Palabras clave: capitalismo comunicativo; edad digital; Cataluña.

Abstract: The report is devoted to communicative capitalism as a new ideological and economic formation of the “digital age”. The author critically considers the “Catalan Independence Movement” and gives a primary evaluation of converting an Internet users attention to political action in 1st October referendum.

Key words: communicative capitalism; digital age; Catalonia.

Введение

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. обнажил проблемы единого европейского пространства и придал дополнительную легитимизацию позициям евроскептиков и сторонников национального самоопределения. Политические движения за независимость отдельных регионов: Шотландии, Страны Басков, Каталонии и других обрели новую силу.

Вместе с тем, начиная со второй половины 2000-х годов, исследователи медиа отмечают серьезный рост влияния интернет-технологий на социально-экономические процессы. Становление «цифровой» формации в большинстве стран стало возможным благодаря преодолению цифрового разрыва между ведущими и отстающими экономиками. По оценкам, в 2017 году число пользователей глобальной сети достигнет 3,7 миллиарда че-

¹ Декалов Владислав Владимирович, Россия, аспирант кафедры связей с общественностью в бизнесе Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, СПбГУ.

ловек², а обладателей смартфонов — 2,3 миллиарда человек³. Базовая коммуникационная «платформа» — доступ к интернету, владение коммуникационными девайсами, облачная инфраструктура — установилась практически на всех интересующих лидеров IT-отрасли рынках.

Коммуникационные технологии проникают и в политику. Множество исследований посвящено влиянию социальных сетей на события арабской весны 2011 года. До сих пор нет единого мнения о том, какова роль новых медиа в переводе протестного потенциала из интернета на улицы и на избирательные участки. Успех Дональда Трампа напрямую связывают с использованием твиттер-аккаунта⁴, однако нельзя провести прямую связь между «политическим спектаклем» и тем, как в итоге распределились голоса выборщиков.

То же можно сказать и о европейской политике. Несмотря на то, что Brexit сейчас «воспринимается как прецедент, который способен поднять целую волну недовольства»⁵, невозможно сказать определенно, какова в этом недовольстве доля обычных граждан. Учитываются ли высказываемые ими в соцсетях интересы.

В докладе мы обозначим проблемы, которые возникают в результате противоречия между национальным идеализмом политических движений и прагматикой новых рыночных отношений «цифровой эпохи».

Власть коммуникации или власть над коммуникацией? Экономика внимания и коммуникативный капитализм

В «цифровую эпоху» новым видом ограниченного ресурса, вокруг которого и строятся экономические отношения, становится внимание интернет-пользователя⁶. Процессы отбора, восприятия и интерпретации информации все менее линейны из-за перенасыщения виртуального пространства «свободным» и «бесплатным» продуктом. Конкуренция за удержание

² *Internet World Stats: INTERNET USAGE STATISTICS. The Internet Big Picture: World Internet Users and 2017 Population Stats* // Internet World Stats [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 01.10.2017).

³ *Number of smartphone users worldwide from 2014 to 2020 (in billions)* // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/330695/number-of-smartphone-users-worldwide/> (дата обращения: 01.10.2017)

⁴ Fuchs С. "Donald Trump: A Critical Theory Perspective on Authoritarian Capitalism" // *tripleC*, 2017, No. 15 (1), 54.

⁵ Дронова Ю. В. «Центробежные процессы в Великобритании и Испании в контексте Brexit» // *Гуманитарные науки, вестник финансового университета*, 2017, № 1, 74.

⁶ Декалов В. В. «Внимание как базовый ресурс коммуникативного капитализма» // *Российская школа связей с общественностью*, 2017, Т. 10, 28.

внимания интернет-аудитории и последующую его капитализацию требует применения новых рыночных и политических стратегий.

Наиболее полно цифровая формация проанализирована в работах американской исследовательницы Дж. Дин, автора концепции «коммуникативного капитализма». Коммуникативный капитализм, согласно Дин, является результатом развития объединенных в сеть информационных технологий и глобальных медиа, которые «захватывают» (enclose) своих пользователей, одновременно развлекая и контролируя их⁷. Один из неутешительных выводов Дин: коммуникативное действие вовлеченных в интернет-коммуникацию людей ведет не к коммуникативному идеалу, как считал Ю. Хабермас, а к новым формам «эксплуатации»⁸.

Однако в контексте обозначенной темы важен и еще один вывод. Современные способы демократического участия, медиатизированные крупными корпорациями, по сути, не столько служат свободному волеизъявлению, сколько подменяют реальную политику «неолиберальными фантазиями»: идеологическими принципами, которые поддерживают отношения экономического и политического неравенства. Среди этих «фантазий»: информационное изобилие, включенность каждого участника, единство⁹.

Иными словами, политическое действие отчуждается в виртуальном пространстве, которое разобщает участников в циркулирующем потоке контента: мнений, новостей, фейков и эмоций.

Капитал в цифровой среде

В своих исследованиях мы развиваем концепцию Дин, разграничивая при этом понятия социальных сетей/платформ и сетевых брендов. Первые — это сайты, порталы и приложения, которые по техническому признаку объединяют участки глобальной сети. Вторые — формирующиеся в «цифровой среде» коммуникационные проекты. Это могут быть реплики брендов из традиционного медиапространства (звезды шоу-бизнеса, лидеры мнений, политические движения) или бренды, сформированные в новой среде (видеоблогеры, популярные сообщества). Внимание аудитории принадлежит социальным платформам и одновременно с этим — сетевым брендам. Отношения между пользователями, брендами и платформами формируют поле, где актуализируется новая форма капитала — капитал коммуникативный.

⁷ Dean J. *Blog Theory*. Cambridge. Malden. Polity Press, 2010.

⁸ Dean J. "Why the Net is not a Public Sphere" // *Constellations*, 2003, Vol. 10, Issue 1, 95–112.

⁹ Dean J. *Democracy and other neoliberal fantasies. Communicative capitalism and left politics*. Durham. London: Duke University Press, 2009.

Экономическая природа капитала — это самовозрастающая стоимость. Однако, вслед за П. Бурдые, мы выделяем и социальную природу капитала как «власти над продуктом, в котором аккумулирован прошлый труд»¹⁰, а также над «механизмами, стремящимися утвердить производство определенной категории благ»¹¹.

Цифровой след, лайк, пост — это информационный/культурный продукт пользователя, обладающий самостоятельной потребительной стоимостью и увеличивающий потребительную стоимость участка сети. Множество подобных продуктов (в том числе создаваемых профессионально) формируют рынок, на котором внимание аудитории приковывается к тому или иному популярному тренду.

Но эти же продукты формируют другой рынок, на котором важна их меновая стоимость, то есть обезличенная информация о пользовательской активности, предпочтениях и реакциях (продукт становится коммуникативным). Подобный продукт ценен в первую очередь рекламодателям, с которыми вступают в отношения те, кто смог на своем участке или совокупности участков удержать внимание пользователей. Это и есть сетевые бренды и, на более высоком уровне, социальные сети. Извлекая добавленную стоимость, они капитализируют внимание.

Коммуникативный капитал — это стоимость, возрастающая: 1) в процессе выстраивания экономических отношений с пользователями, чье внимание было удержано на участке сети; 2) в процессе отчуждения коммуникативного продукта этих пользователей и его реализации третьим лицам.

Политический капитал

Коммуникативный капитал выступает превращенной формой капитала экономического. Однако он может конвертироваться и в другие формы капитала: культурный (мемы), социальный (связи), политический (действия, голоса).

Если сетевой бренд реализует политическую стратегию, он привлекает внимание пользователей и старается сформировать политический капитал, стимулируя аудиторию к совершению реальных политических действий (выйти на демонстрацию, прийти на избирательный участок). Однако для этого политический продукт одновременно должен быть продуктом информационным и культурным, чтобы обладать потребительной стоимостью. А также — коммуникативным, чтобы обладать стоимостью меновой.

¹⁰ Бурдые П. *Социология социального пространства*. СПб: Алетейя, 2007, 15.

¹¹ Ibid.

Иными словами, популярность в сети во многом зависит от готовности пользователей включить продукт бренда в «разделяемый многими ресурс»¹², который используют для общения (а именно ради него и пользуются интернетом). При этом она зависит и от формата этого продукта: в социальной сети эффективнее распространяется то, что создает для ее владельца потенциал для продажи рекламодателям.

Таким образом, есть определенные ограничения, налагаемые рынком внимания и социальными сетями на схемы привлечения и удержания внимания аудитории, перевода этого внимания в политическое действие. Сетевой бренд, реализующий эти практики, должен учитывать непредсказуемость трендов и хрупкость символических иерархий в цифровой среде.

Однако, что не ограничено, так это потенциал, который виртуальное пространство дает для накопления политического капитала путем использования нового, пусть и стандартизированного инструментария.

В следующей части доклада на примере движения за независимость Каталонии мы рассмотрим описанные процессы.

Политика в цифровую эпоху.

Движение за независимость Каталонии до 2017 г.

Исследователи отмечают, что всплеск национального сепаратизма Каталонии приходится на вторую половину 2000-х. Так, А. В. Баранов выделяет три этапа в движении за независимость Каталонии¹³: умеренный регионализм в рамках унитарного государства до 1998 года, федерализм с 1998 по 2005 гг. и открытые центробежные стремления с 2005 г. вплоть до настоящего времени. Риски сепаратизма, с которыми столкнулась испанская модель государства автономий¹⁴, выросли на фоне общемировых экономических проблем. Актуализировался дискурс, в рамках которого Каталонию стремятся позиционировать «как самостоятельное политическое сообщество»¹⁵, обладающее к тому же самостоятельными экономическими связями со странами Европейского союза. «Финансовый кризис обострил отношения между Барселоной и Мадридом, так как Каталония оказалась

¹² Вирно П. *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013, 31.

¹³ Баранов А. В. «Каталонский сепаратизм: факторы влияния на статус автономного сообщества» // *Вестник РУДН, серия «Политология»*, 2013, № 3, 34.

¹⁴ Баранов. *Op. cit.*, 28.

¹⁵ Тамарович А. Ю. «Движение за независимость Каталонии: причины и предпосылки сепаратизма» // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*, 2013, № 2 (11), Ч. 2, 151.

в положении бюджетной дискриминации»¹⁶. И несмотря на то, что данные о подобной дискриминации, по замечанию С. Дроновой, «несколько устарели»¹⁷, они «очень основательно закрепились в каталонском (частично и в испанском) обществе»¹⁸.

Попытка проведения референдума о независимости региона в 2014 году была заблокирована конституционным судом Испании, в результате чего в Каталонии прошел лишь не обладающий юридической силой опрос населения¹⁹. По результатам этого опроса за независимость высказалось около 80 % проголосовавших. Однако СМИ отмечают, что подобный результат во многом стал следствием низкой явки (всего лишь 37 % населения региона), что вызывает опасения: даже если референдум будет проведен, на участки придут преимущественно активные сторонники идеи независимости²⁰.

Референдум и «цифровая политика»

7 сентября 2017 года парламент Каталонии проголосовал за проведение референдума о независимости региона 1 октября. 11 сентября 2017 года, в Национальный день Каталонии (*Diada Nacional de Catalunya*), в регионе прошли многотысячные демонстрации сторонников отделения²¹.

В конце августа вокруг референдума 1 октября стал формироваться сетевой бренд. Аккаунты президента Женералитета Каталонии Карлеса Пучдемонты (279 тыс. подписчиков в «Твиттере», 104 тыс. подписчиков в «Фейсбуке») стали центрами привлечения внимания электората, активно показывая политическую хронику событий. Присутствует множество ретвитов других аккаунтов, в том числе с официальным статусом. В обсуждении разворачивающихся в регионе событий принимают участие лидеры мнений и официальные лица, а также СМИ. Важную роль играют аккаунты телерадиокомпаний 324 (364 тыс. подписчиков в «Твиттере») и издания

¹⁶ Дронова Ю. В. «Национальное самоопределение Каталонии: за и против» // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 2015, № 3 (19), 77.

¹⁷ Дронова. 2017. *Op. cit.*, 16.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ «За независимость Каталонии проголосовали более 80 процентов» // *Lenta.ru*. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2014/11/10/catalonia> (дата обращения: 01.10.2017)

²⁰ Алексеева Н. «Корона жмет: почему Каталония вновь готовит референдум о независимости от Испании?» // *RT на русском*. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/427510-kataloniya-referendum-nezavisimost-ispaniya> (дата обращения: 01.10.2017)

²¹ «В Барселоне сотни тысяч людей вышли на улицы в поддержку независимости Каталонии» // *Интерфакс*. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/world/578675> (дата обращения: 01.10.2017)

«Ага» (365 тыс. подписчиков в «Твиттере»), занимающих просепессионистскую позицию.

В качестве примера одного из инструментов в медиатизированном политическом процессе «цифровой эпохи» можно привести хештег, как быструю ссылку, которая тематически объединяет множество постов в социальной сети и способствует распространению темы, вхождению ее в топ популярных. Популярный хештег маркирует информационный продукт с высокой потребительной стоимостью. Простота аналитики и агрегации повышает его меновую стоимость. К тому же хештег можно присвоить, сделав официальным и присоединив к сетевому бренду политика или движения.

Хештеги стали заметной частью сетевого бренда референдума 1 октября. Официальный хештег референдума — #1Oct — указан в подзаголовке аккаунта Пучдемона. По данным одного из сервисов аналитики, за период с 15 августа по 13 сентября 2017 года количество твитов с этим хештегом составило более 130 000.

При этом сторонниками независимости используются и другие хештеги: #CatalanReferendum, #1OCTReferendum, #Catalonia, #Catexit. Присутствуют и негативно окрашенные, например, #Spanishinquisition и #HolaDictadura. Они сопровождают публикации, в которых испанское правительство обвиняется в жестоких мерах по отношению к каталонцам.

Можно отметить размывание цифровой кампании, когда официальный хештег референдума соседствует с не менее, а в некоторых случаях и более популярным неофициальным хештегом, например, #CatalanReferendum. Интересно, что последний хронологически возник позднее и активно используется в глобальном информационном пространстве (например, в твиттер-аккаунте основателя WikiLeaks Джулиана Ассанжа).

Политизация движения за независимость Каталонии требует отдельного эмпирического исследования: анализа публикаций в социальных сетях, их охвата и вовлечения в дискуссии интернет-пользователей, а также инструментов. Однако даже первичное исследование показывает, что сетевой бренд референдума привлекает в основном статусных пользователей. Что касается более широких слоев населения Каталонии, то их участие номинально. Мы видим стандартные, определяемые технологиями «Твиттера», «Фейсбука» и «Инстаграма», практики комментирования, реагирования и участия, которые маркируют интерес к политике как к теме, но не как к действию в реальности.

Стоит отметить и малую вовлеченность селебрити в политическую дискуссию (что стало трендом президентской кампании в США). С одной стороны, ряд важных общественных деятелей отметились на своих страницах с поддержкой референдума. Однако звезды с многотысячной и даже

многомиллионной аудиторией не спешат открыто высказываться по теме. Известен скандал 2015 года по поводу поддержки независимости Каталонии футболистом Жераром Пике (он присутствовал на митинге 2015 года²²), которому пришлось публично опровергнуть свою поддержку движения: «Стоит элитному спортсмену сделать такое заявление — и он неминуемо столкнется с серьезными проблемами»²³. В сети конвертация внимания в деньги первична, в политическое действие — вторична.

Сильный сетевой бренд не только использует площадку для трансляции политической программы, но и делает ее положения популярными и распространяемыми. Сетевой бренд референдума и движения в целом пока не использует адекватные новым реалиям схемы, ограничиваясь информационным шумом, который может дать политические очки в международных отношениях и дискуссиях, но вряд ли стимулирует демократическое волеизъявление каталонцев. Статусные пользователи и СМИ, в свою очередь, на символическом уровне подкрепляют выделенные Д. Дин иллюзии участия и общности, что свидетельствует скорее о поддержке интересов политической и экономической элиты региона, чем о потребности народа в самоопределении. Однако к 1 октября (доклад подготовлен в сентябре 2017 г. — прим. автора) ситуация все еще может измениться.

Заключение

Г. Волкова в своей статье приводит результаты исследования, согласно которым «каталонцев больше всего заботят социально-экономические проблемы, а отношения с остальной Испанией волнуют лишь пятую часть жителей региона»²⁴. На наш взгляд, эпоха коммуникативного капитализма и продолжающееся становление цифровой формации меняют расположение элементов в пирамиде потребностей: в основании остаются физические потребности и потребности в безопасности, но чувство причастности, чувство общности, в том числе национальной, становится менее значимым, чем самореализация, медиатизированная интернет-технологиями. Серьезной частью досуга становится потребление информационного и культурного продукта в глобальной сети.

²² "Independence fever and lots of flags as Catalans celebrate National Day" // *The Local*. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thelocal.es/20150911/live-la-diada-catalonias-national-day> (дата обращения: 01.10.2017).

²³ Жерар Пике: „Я никогда не высказывался за независимость Каталонии“ // *Sports.ru*. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sports.ru/football/1044762739.html> (дата обращения: 01.10.2017).

²⁴ Волкова Г. И. «Каталонский национализм и проблемы территориальной целостности Испании» // *Comparative Politics*, 2016, № 2 (23), 94.

Анализируя ситуацию с движением за независимость Каталонии, можно сказать, что в регионе пока нет политической силы, которая бы стала сильным сетевым брендом с большим коммуникативным капиталом и возможностью успешно конвертировать этот капитал в политический: привести пользователей на избирательные участки и убедить их принять нужное решение. Иными словами, если референдум и состоится, то его результаты станут не свидетельством демократического движения, но скорее следствием использования традиционных политических инструментов и практик: установки повестки дня в СМИ и использования двухступенчатой модели коммуникации с аудиторией.

Библиография

1. Баранов А. В. “Каталонский сепаратизм: факторы влияния на статус автономного сообщества” // *Вестник РУДН. Серия «Политология»*, 2013, № 3, 28–38.
2. Бурдые П. *Социология социального пространства*. СПб: Алетейя, 2007.
3. Вирно П. *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
4. Волкова Г. И. “Каталонский национализм и проблемы территориальной целостности Испании” // *Comparative Politics*, 2016, № 2 (23), 85–95.
5. Декалов В. В., “Внимание как базовый ресурс коммуникативного капитализма” // *Российская школа связей с общественностью*, 2017, Т. 10, 27–38.
6. Дронова Ю. В., “Национальное самоопределение Каталонии: за и против” // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 2015, № 3 (19), 71–79.
7. Дронова Ю. В., “Центробежные процессы в Великобритании и Испании в контексте Brexit” // *Гуманитарные науки, вестник финансового университета*, 2017, № 1, С. 73–79.
8. Тамарович А. Ю. “Движение за независимость Каталонии: причины и предпосылки сепаратизма” // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*, 2013, № 2 (11), Ч. 2, 148–156.
9. Dean J., *Blog Theory*. Cambridge: Malden, Polity Press, 2010.
10. Dean J., *Democracy and other neoliberal fantasies. Communicative capitalism and left politics*. Durham. London: Duke University Press, 2009.
11. Dean J., “Why the Net is not a Public Sphere” // *Constellations*, 2003, Vol. 10, Issue 1, 95–112.
12. Fuchs C., “Donald Trump: A Critical Theory Perspective on Authoritarian Capitalism” // *tripleC*, 2017, No. 15 (1), 1–72.

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

В. А. Голиней¹

Аспекты геополитической идентичности в Латинской Америке

Aspects of geopolitical identity in Latin America

Abstract: The focus of the current paper is the question of Latin American identity and self-consciousness. The process of self-identity of any ethnic group or historical-cultural type is multidimensional, and could be seen on several levels — geographical, regional (geopolitical), national and civilizational. For Latin America, the geopolitical level allows us answer the question — what are the roots of the Latin-Americans? Thus, it is imminent for this research to describe the geopolitical issues of the region, different projects and ideas, as well as the history of regional development through the aspects of integration processes in the XX and XXI centuries.

Key words: geopolitics of Latin America; identity; geopolitical space.

Resumen: El enfoque del presente trabajo es la cuestión de la identidad latinoamericana y la conciencia. El proceso de la identidad del cualquier grupo étnico o histórico-cultural es multidimensional, y puede ser visto en varios niveles — geográfico, regional (geopolítico), nacional y de las civilizaciones. Para América Latina, el nivel geopolítico nos permite responder a la pregunta: ¿qué raíces tienen los Latinoamericanos? Por lo tanto, para esta investigación es inminente describir los problemas geopolíticos de la región, los diferentes proyectos y las ideas, así como la historia del desarrollo regional a través de los aspectos de los procesos integrativas en los siglos XX y XXI.

Palabras clave: geopolítica de América Latina; la identidad; el espacio geopolítico.

История возникновения термина

Идея о том, что многие территории Нового Света в Южной Америке и Карибском бассейне имеют очень тесное родство с романской культурой и языком, берет свое начало в далеких 1830-х годах. В этот период во Франции бурлила политическая жизнь, поднимались реакционные силы, вершилась новая революция. В таких условиях развивались разного толка идеи и концепции, многие из которых позже стали считаться сектантскими. В рамках

¹ Голиней Владимир Андреевич, Россия, магистр международных отношений, факультет глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова (natli2009@yandex.ru).

как раз одного из так называемых учений (сент-семониантской идеологии) начинал свою политическую карьеру будущий сенатор Мишель Шевалье. Казалось бы, такая маленькая фигура на политической арене Франции не может нас заинтересовать, однако именно его идеи оказали прямое воздействие на сторонников Наполеона III, которые в 1860-х годах предложили императору термин «Латинская Америка». Исследования Шевалье касались материальных интересов Франции в Европе и в мире в целом, в своих работах он вывел следующий постулат — южная часть Америки была заселена людьми из «латинской расы», и они, следовательно, должны быть в тесном союзе с «Латинской Европой» и в плотной борьбе с «Тевтонской Европой», «Англосаксонской Америкой» и «Славянской Европой». Эти экспансионистские идеи накладывались на две главные мировые тенденции того времени.

Первая — создание североамериканской зоны влияния и взаимодействия, известная как «Доктрина Монро». Суть этой доктрины была выражена в политике трех Н: невмешательство, неприсоединение и нейтралитет. Озвучивалась эта политика в отношении Европы в момент, когда Священный Союз рассматривал планы реставрации колониальных владений Испании и Португалии. Чтобы этого не допустить, США предложили взаимно не вмешиваться в дела полушарий. Однако этим «Доктрина Монро» не исчерпывалась: чтобы никто из европейцев не вмешивался в дела Западного полушария, новообразованные государства не должны были сотрудничать с Европой, присоединяться к каким-либо объединениям, будь то Священный Союз под эгидой России или проекты Великобритании. Для достижения этих целей североамериканцам необходимо было поддерживать статус-кво — ту ситуацию, которая сложилась к 1823 году: Куба и Пуэрто-Рико остаются испанскими (никто не имеет права посягать на них, гарантами чего выступали США и Россия), новые республики Южной Америки должны быть равноудалены друг от друга и от Европы, что означало «торпедирование» США любых проектов по сближению между странами полушария² (провал Панамского конгресса 1826 года тому подтверждение), а также распространение североамериканских товаров на страны ЛА и их переориентация от Европы на США, создавая, таким образом, известный позже «задний двор».

Вторая тенденция — нежелание Франции и Великобритании возвращения обратно Испании и Португалии в Новый Свет, что немного коррелировало с чаяниями США, именно поэтому они согласились на наличие в регионе «Доктрины Монро», хотя и не собирались мириться с увеличивав-

² Исеров А. А., *США и борьба Латинской Америки за независимость. 1815–1830*. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2011, 222–254.

шейся ролью США. Франция и Великобритания на тот момент остались двумя ключевыми внерегиональными игроками Западного полушария, имевшими экспансионистские интересы. Именно между ними развернулась борьба за сферы влияния в ЛА, но исходя из очевидных факторов, а именно, что Великобритания сильна флотом и торговлей, а Франция лишь сухопутной армией, последним нужно было существенно укрепиться в регионе. Так на свет родился план интервенции в Мексику, осуществить который решил Наполеон III. Новому императору предложили использовать культурное родство Франции как главную причину, почему эти земли должны быть ее. В этот момент и появляется термин «Латинская Америка»³. Как мы можем увидеть, географически это наименование распространилось на все страны и территории Западного полушария, народы которых официально разговаривали на романских языках (то есть произошедших от латинского), прежде всего испанском и португальском, при этом под определение попадали континентальные страны Южной Америки и Центральной Америки, но не включались уже существовавшие территории Франции в Северной и Южной Америке.

Со временем этот термин стал распространяться и на англоязычные страны Карибского бассейна. Поэтому в лексическом обиходе также можно встретить понятие Латино-Карибская Америка, что является не совсем корректным, ибо в Карибском регионе доминируют африканская культура и языковые традиции, которые не имеют ничего общего с континентальной частью. Поэтому если мы хотим включить в дискурс о континенте Южная Америка карибские страны, то следует использовать понятие, введенное ООН — Латинская Америка и Карибский бассейн (ЛАКБ).

Широкое распространение термин «Латинская Америка» получил в начале XX века и окончательно закрепился в 1930-е годы⁴. До этого в исторической литературе чаще употреблялось выражение «Испанская Америка» или «Южная Америка», а в эпоху борьбы за независимость можно найти название всего континента как «Колумбия или Колумбийская Америка» (в честь Колумба)⁵. Интересно, что вне зависимости от этих названий жители обозначенных территорий (от Мексики до Чили) и креолы, поднявшие народы на путь освобождения от Испании и Португалии, именовали себя не иначе как американцы. Сегодня также используется понятие «Ибероамерика», а в последнее время с подачи ныне покойного Уго Чавеса стали говорить об «Индийской Америке», учитывая, что в большинстве латино-

³ Mignolo Walter D., *The idea of Latin America*. Oxford: Blackwell Publishing, 2005.

⁴ В СССР также использовался термин «Южная и Карибская Америка». — Прим. ред.

⁵ Бооркес К., *Франсиско де Миранда. Предтеча латиноамериканской независимости*. М.: Издательство «Республика», 2013, 271–300.

американских стран проживает индейское население, играющее все более заметную роль в политической жизни региона, хотя стоит отметить, что в целом в современной Латинской Америке чистокровных индейцев не более 15 % от всего населения. Лишь в Боливии и Гватемале индейцев более 50 %, в Перу и Эквадоре около 50 %⁶.

Для лучшего понимания мы продолжим пользоваться термином ООН — Латинская Америка и Карибский бассейн, но добавим, что в рамках исследования мы оперируем понятиями геополитических пространств, где к пространству ЛАКБ относятся территории Мексики, Центральной Америки, Карибского бассейна и континента Южная Америка.

Элементы геополитического пространства ЛАКБ

В настоящее время ЛАКБ включает 33 независимые страны и 19 зависимых. В 19 государствах (более 60 % населения региона) официальный язык — испанский, в Бразилии — португальский (35 % населения региона), в остальных — французский (Гаити), английский (11 государств), голландский (Суринам). Имеются зависимые территории со статусом полуколоний: 6 принадлежат Великобритании, 5 — Франции, 6 — Нидерландам, 2 — США⁷.

Это крупное геополитическое пространство имеет ряд однородных характеристик:

- лингвистическое единство или близкое языковое родство (романские языки);
- долгое доминирование одной религии (католицизм);
- сходство исторических судеб (бывшие колонии);
- долгая принадлежность к периферии мировой экономики и политики.

Эти характеристики формируют единое пространство латиноамериканских стран, которое подпитывается геополитической концепцией «Испанидад» — то есть того общего, что страны получили в наследство от Испании.

В тоже время это пространство является одним из самых многообразных. Страны региона сильно отличаются друг от друга по площади, численности населения, этническому составу, уровню экономического развития. Географически регион делится на северную часть (Мексика), Центральную Америку (располагается между Мексикой и до Панамского перешейка

⁶ При этом не менее 55 % населения являются метисами. — Прим. ред.

⁷ Алексеев Б. А., Белов Д. В. и др. Гл. ред. Давыдов В. М. *Латинская Америка: энциклопедия*. М.: Издательство «Экономика», 2013, 12–13.

включительно), Карибский бассейн (острова в Карибском море плюс Белиз, Гайана и Суринам) и Южную Америку. Если брать во внимание доминирующее положение Мексики в Центральном субрегионе, то можно часто встретить выделение Мезоамерики или Средней Америки (одной из частей регионального геополитического пространства). Южная Америка формируется двумя субрегионами — Андским и Лаплатским, то есть можно увидеть еще две части регионального геополитического пространства — Андо-Тихоокеанское (поскольку эти страны имеют прямой выход к Тихому океану и с давних времен ведут политику и торговлю в АТР), и Континентальное пространства.

Уже только один географический фактор позволяет говорить нам о наличии как минимум трех пространств, где имеются свои лидеры — Мексика, Колумбия, Чили, Бразилия и Аргентина, которые конкурируют между собой, участвуют в интеграционных проектах, качественно и количественно отличающихся друг от друга. Например, Андо-Тихоокеанское пространство представлено объединением Тихоокеанский Альянс, а Континентальное — МЕРКОСУР. Справедливости ради отметим, что в регионе имеется еще одно интеграционное направление — ALBA, которое географически в момент зарождения соответствовало Мезоамериканскому пространству и конкурировало с Мексикой и США за сферы влияния в этом субрегионе. Однако деятельность этой организации после смерти Уго Чавеса сошла к минимуму, поэтому ее мы рассматриваем лишь как одно из направлений, наполнявших региональное пространство, но не воплотившееся в действительности. Для нас большее значение и интерес представляют отношения между двумя региональными геополитическими пространствами — Континентальным и Андо-Тихоокеанским, которые имеют характер дихотомии и дуализма.

Дихотомия заключается в следующем: имея самую близкую социокультурную, историческую, языковую, государственно-правовую и религиозную общность в политических элитах и среди народов, осознавая себя единым регионом, страны Латинской Америки разделены между собой путями и методами государственного и регионального развития.

Дуализм виден в наличии разных внешнеполитических векторов и основной деятельности стран каждой группы. Страны Андо-Тихоокеанского пространства склонны к активизации деятельности со странами АТР, в то время как страны Континентального пространства склонны к европейским странам. Представленные аспекты позволяют нам увидеть, что ЛАКБ если и имеет региональную идентичность, то не в географическом смысле. Возможно, что латиноамериканскую идентичность мы найдем в другом аспекте — политическом. Для этого нам необходимо рассмотреть геополитический

тические проекты формирования ЛАКБ после независимости и этапы политического развития региона на примере смены элит и их политических концепций государственного строения.

После открытия Колумбом Нового Света новые территории стали не просто колониями, а инкорпорированной частью периферии международной системы. Территориальная структура экономики региона, которая была сформирована крупнейшими колониальными державами — Испанией и Португалией, не позволяла осуществлять территориальным образованиям какое-либо тесное взаимодействие. Таким образом, были определены основные черты латиноамериканских стран, которые мы встречаем и по сей день, а именно — слабость связей внутри региона, что привело к зависимости от продаж за рубеж, опора элит на сильное зарубежное «плечо», иностранную (прозападную) модель развития и неоднородность пространственного развития.

Принимая во внимание вышеизложенные характеристики, нам будет легче понять, почему инициативы по интеграции в ЛАКБ терпели неудачу в XIX веке, в XX веке эти инициативы реализовывались под руководством США, а в наши дни происходит торможение самостоятельных объединительных инициатив стран региона. Начнем с постколониального периода.

В разгар войн за независимость в Латинской Америке шла также ожесточенная идеологическая борьба о дальнейших путях развития региона и новообразованных стран. Многие революционеры в Латинской Америке желали повторить опыт 13 североамериканских колоний, которые, сплотившись, создали единое федеративное государство — США и быстро стали двигаться по пути прогресса. Одним из самых ярких представителей этого направления был Симон Боливар. Его оппонентами являлись Хосе де Сан-Мартин и Франсиско де Миранда. Первый выступал за идею Америки, объединенной на основе испанского наследия и противопоставляемой североамериканскому проекту, в некотором роде основой этого проекта должны были стать европейские корни американцев. Миранда же предлагал осуществить комбинированный вариант интеграции на основе идей Просвещения, то есть взять лучшие элементы государственного строительства у США, а также использовать идеи Великой французской революции о свободе, равенстве и братстве.

Мы можем увидеть, что, с одной стороны, почти все борцы за свободу и независимость были взволнованы проблемой грядущего устройства новых независимых стран, размышляли о федерализме и некоторых возможностях сближения государств региона, но, с другой стороны, имели совершенно противоположные представления о развитии региона. Заключалась эта разница также в силах, которые выступали в поддержку того или

иною проекта — Боливару поддерживали владельцы сахарных и шоколадных плантаций, торговая элита Венесуэлы (мантунианцы) и рабовладельцы, Сан-Мартин поддерживали крупные латифундисты Ла-Платы и Анд, а также британский капитал, Миранда же оказался в некотором вакууме поддержки локальной элиты Латинской Америки ввиду своей жесткой самостоятельной позиции, но пользовался широчайшей поддержкой народов Южной Америки, то есть бедных креолов, небогатых метисов и даже рабов, однако стоит отметить, что в реализации его планов принимали участие США, Великобритания, частично Россия и Франция⁸. Проанализируем три обозначенные направления проектов объединения стран Латинской Америки и государственного строительства в регионе.

Так, Миранда предлагал создать единый Конституционный проект для Испанской Америки, который позволил бы объединить все страны региона, за исключением Бразилии, французских и английских колоний. В рамках этого проекта предполагалось создать качественную систему сдержек и противовесов, а также отменить рабство, уравнивая права всех жителей Южной Америки. При этом главой объединенного пространства должен был стать Инка, т. е. монарх, который бы выступал в качестве агента, устанавливающего баланс между тремя ветвями власти (исполнительной, законодательной и судебной). Свои идеи Миранда выражал на основе работ Хуана Пабло Вискарьдо, идей Просветителей, опыта восстания Тупака Амару, личных воззваний к народам Испанской Америки и конституционных проектов, где пытался показать, что жители Западного полушария, родившиеся и жившие в нем, являются уже не испанцами, а неким иным этническим формированием⁹. Он оперировал фактами, согласно которым первые колонизаторы-конкистадоры, прибывшие в Новый Свет, получали открытые земли в личное пользование, отправляя назад в Испанию, королю, лишь часть добычи, в знак благодарности за пользование новыми территориями. Миранда говорил, что потомки конкистадоров, смешиваясь с местным населением, формировали новую этническую группу, которая имела мало общего с испанцами Пиренейского полуострова. Эти тезисы были принципиально важны в разгар войн за независимость, поскольку, во-первых, разрывали на духовном уровне нити, соединявшие элиты и население с испанской короной, во-вторых, давали возможность формированию процессов идентификации, самосознания и единения в регионе, т. е. рождали формулу «свой» (родившийся в Южной Америке, американец) и

⁸ Франсиско де Миранда. Архив, раздел «Переговоры» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.franciscodemiranda.org/colombeia/> (дата обращения: 20.05.2017).

⁹ Proclama a los pueblos del continente Colombiano Miranda [Электронный ресурс]. URL: <http://adhilac.com.ar/?p=6173> (дата обращения: 18.06.2017).

«чужой» (европеец), в-третьих, давали элитам в руки инструмент для создания общего пространства, не разделенного на какие-либо государства по этническому или национальному принципу, так как в рамках проекта Миранды все американцы Испанской Америки именовались колумбийцами, то есть наследниками первого открывателя, которые отличаются от североамериканцев и европейцев и создают свое новое и личное пространство. Сам континент получал название *Colombeia* или Колумбиана¹⁰. Миранда столкнулся с противостоянием местных элит, которые повели новообразованные государства по пути разъединения, формирования отдельных наций и этнических образований, преследуя свои экономические интересы и предав предтечу Независимости. В этом предательстве был замешан сам Боливар, отдавший распоряжение по аресту Миранды и переправке его в Испанию¹¹.

Второе направление геополитических проектов было связано с именем Хосе Сан-Мартина. Этот герой войн за независимость находился по своей значимости и влиянию на уровне Симона Боливара, и многие крупные землевладельцы того времени были полны надежд, что в рамках идейной борьбы Сан-Мартин одолеет Боливара, во многом потому, что ему сопутствовала удача во всех битвах с испанцами, на его стороне находилось больше вооруженных и опытных сил, а также ему оказывалась финансовая поддержка со стороны Великобритании и масонства Европы. Ключевым моментом стала встреча Боливара и Сан-Мартина в Гуякиле в 1822 году, где, будучи провозглашенным освободителем Перу, Сан-Мартин самостоятельно сложил с себя полномочия главы государства, отошел от политики и вернулся домой к больной жене. В результате Боливар и его верный соратник Сукре распространили свое влияние на территорию Перу и Боливии.

Таким образом, к 1826 году, номинально выиграв борьбу идейных проектов дальнейшего развития региона, Боливар был главой трех стран Латинской Америки одновременно: Колумбии (в составе которой были Новая Гранада, Венесуэла и Кито (Эквадор)) с 1821 г., Перу с 1824 г. и Боливии с 1826 года. Под его руководством в 1826 году была созвана конференция в Панаме, где обсуждались идеи создания единой конфедерации нескольких государств. Борцами за независимость был разработан «„Великий план Американской конфедерации“», в которую должны были войти молодые

¹⁰ Бооркес К., *Op. cit.* С. 171.

¹¹ Разногласия Боливара и Миранды были вызваны прежде всего внутривнутриполитическими моментами и неодинаковым видением тактики борьбы против испанцев. При этом Боливар обладал континенталистским видением будущего независимых стран Латинской Америки, и противоречий с Мирандой в этом вопросе у него не было. — Прим. ред.

латиноамериканские государства, обретшие политическую самостоятельность».

Конфедерация, которую должна была возглавить Колумбия, включила бы Рио-де-ла-Плата (Аргентину, Парагвай, Уругвай), Боливию, Чили, Перу, Мексику и Соединенные провинции Центральной Америки. С этими странами были заключены специальные соглашения.

Целями конфедерации объявлялись охрана суверенитета и независимости от посягательств иностранных держав, а также содействие взаимопониманию латиноамериканских народов. Регламентировались размеры вооруженных сил и то количество солдат, которое должно было предоставлять каждое государство для совместной обороны. В ведение конфедерации передавались также вопросы общего гражданства, создания общей экономической и торговой зоны, определенные судебные полномочия и пр. Однако воплотить проект в жизнь так и не удалось.

Через несколько лет после конференции внутри почти всех латиноамериканских стран началась борьба за делимитацию границ. Вместо нескольких крупных государств стали образовываться более мелкие: из Рио-де-ла-Платы вышли Аргентина, Парагвай и Уругвай, из Колумбии — Венесуэла, Эквадор и Новая Гранада, из Центральноамериканского объединения — Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика. На месте Верхнего Перу были созданы Чили, Боливия и Перу. Но в большей степени негативную роль сыграла переориентация местных элит с внутренних рынков на внешние, в частности, на рынок США, который должен был стать альтернативой европейскому в рамках проводившейся в жизнь «Доктрины Монро».

В итоге в самый ключевой момент своего развития — в момент появления независимых государств, нового, не испанского, а южноамериканского этноса, победившие элиты не смогли сформировать четкого представления об едином регионе, сформировать геополитическую, региональную идентичность. Вместо этого на протяжении всего оставшегося XIX века элиты занимались формированием национальных идентичностей, отдельных, разобщенных государств-наций. В конце XIX века процесс строительства наций в Латинской Америке был заторможен инициативой США по созданию Панамериканской зоны взаимодействия, где ключевую роль играли «старшие братья» — северные американцы, а «малые» южноамериканские братья, попадая поочередно под все более усиливавшееся влияние своего соседа, превращались в его «мягкое подбрюшье», «задний двор». Характерное асимметричное формирование нашло свое отображение в созданной в 1948 году Организации американских государств. Влияние этой организации в регионе велико до сих пор, однако, начиная с 1980-х годов, латиноа-

американские страны начали проявлять все большую инициативу по развитию своих государств, народов и геополитических пространств на индивидуальной основе, вытесняя США из региона.

Однако даже спустя почти 40 лет пока еще рано говорить, что латиноамериканские страны достигли успеха в этом деле. Связано это с тем, что прерванные когда-то процессы нациестроительства не нашли своего четкого отображения в современных странах региона, а потому заметен рост напряжения и конфликтных ситуаций как внутри государств, так и между ними. Справедливости ради заметим, что в некоторых странах национальное самосознание достаточно высоко, например, в Бразилии, где, согласно опросам, 72 % населения считают себя бразильцами, 18 % — гражданами мира, 7 % — латиноамериканцами, остальные — гражданами МЕРКОСУР¹². Но в Латинской Америке в целом главный ответ на вопрос «кто мы?» не был найден ни на региональном (геополитическом), ни на национальном (в полной мере) уровнях самоидентификации. Это заставляет нас обратиться к последнему уровню идентификации — цивилизационному. Может быть, там нам удастся найти ключ к разгадке тайны ЛА?

Библиография

13. Исеров А. А., *США и борьба Латинской Америки за независимость. 1815—1830*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 222—254.
14. Mignolo Walter D., *The idea of Latin America*. Oxford: Blackwell Publishing, 2005.
15. Бооркес К., *Франсиско де Миранда. Предтеча латиноамериканской независимости*. М.: Издательство «Республика», 2013, 271—300.
16. Алексеев Б. А., Белов Д. В. и др. Гл. ред. Давыдов В. М. *Латинская Америка: энциклопедия*. М.: Издательство «Экономика», 2013, 12—13.
17. Франсиско де Миранда. *Архив, раздел «Переговоры»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.franciscodemiranda.org/colombeia> (дата обращения 20.05.2017).
18. Proclama a los pueblos del continente Colombiano Miranda [Электронный ресурс]. URL: <http://adhilac.com.ar/?p=6173> (дата обращения 18.06.2017).
19. Gardini G. L., Almeida M. H. T. de. *Foreign policies response to the rise of Brazil: balancing power in emerging states*. New York: Palgrave Macmillan, 2016.

¹² Gardini G. L., Almeida M. H. T. de. *Foreign policies response to the rise of Brazil: balancing power in emerging states*. New York: Palgrave Macmillan, 2016, 32.

Современная латиноамериканская политика Канады: выводы для России

Modern Latin American policy of Canada: conclusions for Russia

Resumen: En el artículo se analiza el nivel de sofisticación de las relaciones de Canadá con los países de América Latina, después de casi 50 años desde el inicio de la nueva política latinoamericana de este país en 1968, se analiza los rasgos característicos de la política latinoamericana moderna de Canadá, se saca conclusiones sobre cuáles son las características suyas que pueden servir de ejemplo útil para Rusia, teniendo en cuenta la necesidad de un paso a un nuevo nivel en las relaciones de nuestro país con los estados de América Latina y la positividad de la experiencia de Canadá en este ámbito, se dan ejemplos de algunas de las dificultades con que Canadá y Rusia se enfrentan en la región.

Palabras clave: Canadá; Rusia; política latinoamericana; la presencia en la región; el acuerdo de libre comercio; el régimen sin visado; la actividad empresarial; la asociación de beneficio mutuo.

Abstract: In the article the author analyzes the level of development of the relations of Canada with the countries of Latin America after almost 50 years since the beginning of the new Canadian Latin American policy in 1968. Also are analyzed characteristic features of contemporary Latin American policy of Canada, are drawn conclusions about which features of the Canadian Latin American policy can serve as a useful example for Russia taking into account the necessity of reaching of a new level of relations of our country with the States of Latin America and the positive Canadian experience in this field. Are given examples of some of the challenges that Canada and Russia are facing in the region.

Keywords: Canada; Russia; Latin American politics; presence in the region; the agreement on free trade; visa regime; business activity; mutually beneficial partnership.

1 июля 2017 года исполнилось 150 лет Канаде — именно столько минуло со времени вступления в силу Акта о Британской Северной Америке, в связи с чем мы можем как оглянуться на пройденный государством путь, так и задуматься над перспективами его дальнейшего развития и участия в международной жизни, сделать при этом выводы также и для нашей страны.

¹ Квардаков Станислав Владимирович, Россия, студент 2 курса магистратуры факультета международных отношений СПбГУ (Kvardakov@inbox.ru).

В следующем, 2018 году исполнится 50 лет новой латиноамериканской политике Канады, отсчет начала которой относится ко времени прихода к власти в этой стране в 1968 году Пьера Эллиота Трюдо (1919–2000), который справедливо считается также «отцом» и самой современной Канады. Политическая линия, реализовавшаяся П. Э. Трюдо во время нахождения в высшем эшелоне власти вплоть до 1984 года, продолжается и сейчас, когда премьер-министром стал его сын Джастин Трюдо (с октября 2015 года). Сущность же этой линии по отношению к Латинской Америке заключается в утверждении самостоятельности канадской политики в данном регионе, ее независимости от Соединенных Штатов Америки.

Россия и Канада являются двумя самыми крупными по территории государствами в мире, находятся в сходных климатических зонах, в их экономике играет значительную роль сырьевой фактор, что само по себе создает возможности для сравнения их внешней политики.

Латинская Америка для Канады куда более близка географически, чем для России, однако в силу принадлежности к разным цивилизациям и разности структуры экономик выработка эффективной политики в отношении стран данного региона непроста для Канады так же, как и для России. При этом в современном мире большие расстояния уже не являются препятствием для сотрудничества даже самых удаленных друг от друга стран, и зачастую Россия может встречать поддержку своих действий и желание сотрудничать в Южной и Центральной Америке и не находить их среди близких европейских стран.

Следует отметить, что латиноамериканская политика Канады, начиная с последних десятилетий XX века и до настоящего времени, прошла большой эволюционный путь, и сейчас отношения с Латинской Америкой у наших соседей через полюс находятся на более высоком уровне, чем у России, причем во многом благодаря также и тому, что наша страна в 1990-е и начале 2000-х годов чрезвычайно сократила свое присутствие на этой части международной арены. Канада же после 1968 года не стесняется проводить отличный от линии США внешнеполитический курс в отношении отдельных стран, если это представляется выгодным, чему примером служат канадско-кубинские отношения. Так, в то время как США вплоть до последнего времени продолжали сохранять блокаду Кубы, на остров совершенно спокойно шел поток туристов из Канады, кроме того, заключались различные выгодные торговые контракты, выдавались кредиты. В 2014 году мировая общественность сочла сенсацией визит президента США на Кубу, однако следует сказать, что это было сенсацией лишь в силу собственной негибкости Соединенных Штатов на протяжении десятилетий. П. Э. Трюдо, например, опередив первое лицо из Вашингтона на десятки лет, дважды

посещал Кубу с официальными визитами и выступал там перед 200 000 человек на испанском языке².

Безусловно, у России позитивные отношения со странами региона, и сейчас им придается все большее значение, совсем недавно были достигнуты соглашения о введении безвизового режима со многими латиноамериканскими государствами, заключаются выгодные контракты, крепнет сотрудничество в сфере культуры. Однако Канада, безусловно, опережает нашу страну по степени присутствия и деловой активности в Латинской Америке, по уровню развития экономических отношений: так, Канада с США и Мексикой входит в НАФТА, кроме того, участвует в Транстихоокеанском партнерстве, имеет соглашения о свободной торговле со многими государствами (Чили, Колумбия, Перу, Коста-Рика, Панама, Гондурас), ведутся переговоры о заключении таких соглашений с другими странами, например, с Сальвадором, Доминиканской республикой, а также соглашений о свободной торговле с Карибским сообществом — CARICOM, с MERCOSUR, Андским сообществом. Кроме того, имеются 9 двусторонних соглашений о стимулировании и защите инвестиций, 30 двусторонних соглашений о воздушном сообщении³. Объем проделанной в этом направлении работы говорит сам за себя.

Канада активно продвигает идеи защиты окружающей среды, борьбы с наркотрафиком и организованной преступностью, с болезнями, а также защиты прав человека в Латинской Америке, формируя таким образом позитивный имидж Канады в регионе. Не случайно внимание часто обращается на активное применение Канадой инструментов «мягкой силы» во внешней политике⁴, в рассматриваемом регионе это проявляется в полной мере. Одновременно положительный образ страны подкрепляет широкое присутствие канадского бизнеса, например, Magna, Bombardier, банков, например, Scotiabank, в странах Карибского бассейна — Royal Bank of Canada. При этом основной упор Канадой не делается лишь на поставки на внешний рынок сырья, а энергично продвигается качественная высокотехнологичная продукция своей промышленности.

Для России в значительной мере необходимость укрепления партнерства со странами Латинской Америки и вывода его на новый уровень стало очевидным в связи с применением к нашей стране санкций, когда государ-

² Данилов С. Ю., *История Канады*. М.: Издательство «Весь мир», 2006, 198.

³ [Электронный ресурс]. URL: http://www.international.gc.ca/world-monde/international_relations_internationales/latin_america_caribbean-amerique_latine_caraibes/index.aspx?lang=eng. (дата обращения: 01.10.2017).

⁴ Ибраеян Е. В., Соколов В. И., «Канада: „мягкая сила“ как основа внешней политики державы „среднего ранга“» // *Вестник международных организаций*, 2014, Т. 9, № 2, 45-60.

ства региона не присоединились к давлению на Россию и предложили поставки необходимых товаров взамен подпавшей под контрсанкции продукции стран ЕС. Мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 году, безусловно, способствовал созданию БРИКС, однако, поскольку эта площадка из стран Латинской Америки включает только Бразилию, представляется, что это лишь один из первых необходимых шагов к полному развертыванию сотрудничества, так как именно в Латинской Америке Россия всегда может найти надежных партнеров, руководствующихся общими интересами, а не закостенелыми политическими установками.

Канада, безусловно, имеет свои ограничители в Латинской Америке: необходимость жесткой и часто заведомо неравносильной конкуренции с мощным ближайшим соседом — США, невозможность по политическим мотивам в определенных ситуациях проводить противоречащие позиции США внешнеполитические и внешнеэкономические действия, даже если они будут выгодны, например, безусловно отменить визовый режим для туристических поездок со странами региона из-за участия в НАФТА. Следует указать и на отвлекающее внимание на север появление новых вызовов в Арктике в связи с судоходностью Северо-Западного прохода, возникшей из-за таяния льдов⁵.

Канадский опыт для России при этом чрезвычайно полезен тем, что Канада стремится строить свои отношения с государствами региона эффективно вне зависимости от того, какие силы находятся у власти, и это весьма важно, так как при смене правящих элит не происходит ухудшение двусторонних отношений. Наша страна уже имеет огромное количество обратных примеров в истории своих взаимоотношений с Латинской Америкой, и представляется, что новых более не нужно. Относительно Канады здесь следует вспомнить, например, что даже при считавшемся весьма проамериканским премьер-министре Брайене Малруни не одобрялось вмешательство США во внутренние дела государств Центральной Америки, принимались многочисленные беженцы и левые эмигранты из Чили, чем демонстрировалась заслуживающая уважения толерантность. Канада до 1990 года, когда уже ушла в прошлое «холодная война», не вступала в ОАГ, в которой на принимаемые решения оказывали слишком большое влияние Соединенные Штаты Америки.

Позитивный образ Канады в Латинской Америке активно и настойчиво формируется правительственными и неправительственными структурами, многие латиноамериканцы едут в Канаду учиться и работать (хотя и значительно меньше, чем в США), в то время как знания о современной

⁵ Соколов В. И. и др. *Канада: современные тенденции развития. К 150-летию государства*. М.: Издательство «Весь мир», 2017, 287.

России в Латинской Америке в широких кругах населения, несмотря на дружественное к нам отношение, явно недостаточны, и Россия пока только начинает проникать в медийное пространство региона. РФ сейчас имеет регулярное транспортное сообщение только с Кубой, несмотря на то, что у «Аэрофлота» имеется опыт организации собственных рейсов в Бразилию, Аргентину, Перу, Чили и другие страны региона. В России только начинает развиваться идея закупки пассажирских самолетов, в том числе и в Бразилии, а не только в странах, применяющих к нам санкции, несмотря на имеющийся положительный пример частичной замены продовольственного импорта из ЕС латиноамериканским; с одной из наиболее развитых и благополучных стран Латинской Америки, Коста-Рикой, Россия сохраняет визовый режим, несмотря на то, что этой страной в 2014 году визовый режим для россиян был отменен и с соседними Никарагуа и Панамой мы визового режима не имеем. Это говорит о сохраняющемся недостаточном освоении Россией тех выгод, которые дает укрепление отношений со странами Латинской Америки.

Пример Канады демонстрирует: нужно не ждать, пока события подтолкнут к углублению партнерства с таким сверхперспективным регионом, как Латинская Америка, а инициативно предпринимать действия по наведению все новых и новых мостов в сотрудничестве, укрепляя уже существующие.

Библиография

1. Данилов С. Ю., *История Канады*. М.: Издательство «Весь мир», 2006.
2. Соколов В. И. и др., *Канада: современные тенденции развития. К 150-летию государства*. М.: Издательство «Весь мир», 2017.
3. Израелян Е. В., Соколов В. И., «Канада: «мягкая сила» как основа внешней политики державы «среднего ранга» // *Вестник международных организаций*, Т. 9, № 2, (2014), 45–60.
4. *Global Affairs Canada* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.international.gc.ca> (дата обращения: 01.10.2017).

Восприятие каталонского модерна в отечественном искусствознании

Perception of the Catalan Art Nouveau in the national art history

Resumen: ¿Por qué actitud hacia el modernismo catalán han cambiado en los distintos períodos de la historia del arte de la URSS y de la Rusia moderna ? En este artículo se aborda el tema de los estudios nacionales que participan en el estudio del modernismo catalán. Hemos señalado varios períodos en el nacional de historia del arte y hemos investigado el cambio de percepción del arte catalan de estilo modernismo. Además, hemos examinado cómo el cambio de la actitud de los artistas a lo largo del tiempo. Y por qué doméstica historiadores del arte, escribió acerca de ellos y por qué motivos y en diferentes períodos de la historia de la URSS y la Rusia moderna.

Palabras clave: España; Cataluña; historia del arte; el modernismo; Gaudí.

Abstract: Why in the different periods of the art history of the USSR and modern Russia attitude to the catalan modernism have been changed? This article deals with the topic of the domestic studies engaged in the study of Catalan modernism. We singled out several periods in the domestic art history and we have investigated the change of perception of art of the Catalan art Nouveau. In addition, we examined how changing the attitude of the artists over time and why domestic art historians wrote about them and why they did`n in different periods in history of the USSR and modern Russia.

Key words: Spain; Catalonia; history of art; art nouveau; Gaudi.

В последние десятилетия каталонскому модерну², а особенно архитектуре Антонио Гауди, в отечественной литературе уделяется все больше внимания. На рубеже XX–XXI вв. появляется своеобразная «мода» на этого архитектора, он был и остается одним из самых популярных и часто исследуемых архитекторов в западной литературе. Каталонский модерн, конечно же, не ограничивается только творчеством А. Гауди. В Барселоне в конце XIX в. шло бурное развитие художественной жизни. Несмотря на это, практически вся литература, посвященная каталонскому модерну, связана с именем Гауди.

Что касается отечественной истории изучения каталонского модерна, то тут складывалась непростая ситуация. Дело в том, что неизвестны тексты

¹ Кузина Наталия Андреевна, Россия, магистрант ГАУГН (nataliyamare@yandex.ru).

² В Испании этот стиль называют «модернисмо» (modernismo).

современников, писавших о каталонском модерне, и работы советских ученых довоенного времени, где бы освещалась и исследовалась эта тема. Объяснить это можно советской эстетической ориентацией на художественный реализм. В СССР 1920–1930-х гг. искусство модерна считалось формализмом и никак не рассматривалось. Кроме того, с 1939 по 1977 г. между СССР и Испанией отсутствовали дипломатические отношения.

Но ситуация меняется на рубеже 1960–1970-х гг., когда советские исследователи начинают обращаться к искусству Испании XX в. и особенно к творчеству А. Гауди. Возможно, это связано с тем, что в эпоху Хрущева окончилась борьба с космополитизмом и увеличилась внешняя открытость СССР. Рос интерес к европейскому искусству, в 1957 и 1959 гг. проходят художественные выставки, где экспонировались и нереалистические полотна, хотя гонения на нереалистическое искусство продолжались. В это время появился ряд статей, где западное искусство все еще рассматривалось с критической точки зрения. Но важен сам факт их появления³.

В 1965 г. выходит в свет «Всеобщая история искусств»⁴. Здесь, в разделе об испанской живописи и скульптуре, Татьяна Павловна Каптерева упоминает лишь двух художников каталонского модерна. Э. Англадо-и-Камарасу она называет «типичным порождением космополитического модерна»⁵. Исследователь никак не комментирует работы каталонского художника и совсем не пишет о его творчестве. Вероятно, это связано с доминирующей декоративностью его работ. Вторым художником, упоминаемым автором раздела, оказался Р. Касас, который стоял на реалистических позициях и отразил в своем искусстве исторические перипетии Испании того времени. По словам Каптеревой, «события, потрясавшие устои монархии, нашли некоторое отражение в произведениях Р. Касаса»⁶. Так же автор пишет, что на Пиренеях развитие формализма связано с влиянием Франции, а своеобразными «воротами», через которые в Испанию попадали новые художественные тенденции, была Барселона⁷. Основное внимание в данной главе сосредоточено на реалистическом направлении в искусстве Испании, каталонский модернизм здесь не выделяется как отдельный объект исследования.

³ Прокофьев В. «Что такое сюрреализм» // *Творчество*, 1959, № 7, 23–24; Андреев В. «Мертвое искусство» // *Смена*, 1959, № 6, 17.

⁴ *Всеобщая история искусств в шести томах*, Том 6. Искусство XX века. Книга 1. Под общей редакцией Веймарна Б. В. и Колпинского Ю. Д. М.: Искусство, 1965.

⁵ Каптерева Т. П., *Искусство Испании* // *Всеобщая история искусств*, Т. VI. Книга 1. М., 1965. 27.

⁶ Idem.

⁷ Idem.

В разделе, посвященном испанской архитектуре, также мало говорится о каталонском модерне. Авторы заключают, что «испанские архитекторы восприняли прежде всего декоративные тенденции модерна и, соединяя его элементы с формами местного барокко, создавали сложные композиции, отличительной чертой которых было обилие кривых линий и нагромождение декоративных элементов»⁸. Речь здесь идет, в основном, о творчестве А. Гауди, выделяются его положительные и отрицательные стороны. К первым относится «стремление выявить конструктивные возможности новых строительных материалов (параболическая арка, наклонные колонны) и умелое использование природных»⁹. Среди негативных черт его творчества указывается «доведение до крайностей поисков сложной конфигурации плана, необычной объемно-пространственной композиции здания, архитектурных форм криволинейного очертания и степени декоративной насыщенности внешнего облика сооружения»¹⁰.

В 1971 г. в журнале «Декоративное искусство СССР» выходит статья А. Товбина, где автор пишет о синтезе искусств, проявившемся в творчестве архитектора, и отмечает многогранность А. Гауди¹¹.

В 1972 г. в свет вышел 10 том «Всеобщей истории архитектуры»¹², где раздел об Испании написан М. Гарсией. Про Каталонию автор пишет, что «технический прогресс способствовал главным образом ускорению темпов городского строительства в целом, не оказывая существенное влияние на архитектуру отдельных типов зданий»¹³. По мнению М. Гарсии, влияние европейского модерна ничуть не изменило эклектичную линию развития каталонской архитектуры. Архитекторы лишь подражали какому-либо из испанских стилей. Характерными особенностями испанского модерна было «нагромождение декоративных элементов, смешение форм различных исторических стилей»¹⁴. Модернизм «определял строительство лишь в Барселоне, где сказывалось влияние яркой творческой индивидуальности А. Гауди»¹⁵. О других архитекторах испанского модерна говорится, что «они

⁸ Каптерева, *Op. cit.*, 281.

⁹ *Idem.*

¹⁰ *Idem.*

¹¹ Товбин А., «А. Гауди» // *Декоративное искусство СССР*, 1971, № 9, 43.

¹² *Всеобщая история архитектуры в 12 томах*. Том 10. Архитектура XIX — начала XX вв. Под редакцией Хан-Магомедова С. О. (отв. ред.), Максимова П. Н., Савицкого Ю. Ю. М., 1972.

¹³ Гарсия М. «Архитектура Испании» // *Всеобщая история архитектуры в 12 томах*. Том 10. М., 1972, 360.

¹⁴ Гарсия. *Op. cit.*, 361.

¹⁵ Гарсия. *Op. cit.*, 368.

были уверены, что модерн в Испании может существовать на основе барочных традиций»¹⁶.

Автор довольно подробно пишет о А. Гауди и признает, что выработанные им творческие принципы имеют международное значение и являются вкладом в развитие мировой архитектуры. М. Гарсия анализирует его работы, в основном, с точки зрения их функциональности¹⁷. Автор огромное внимание уделяет материалу, а не роли конструкции в творчестве А. Гауди. Так, в архитектуре Гауди часто встречаются параболические бетонные арки, и здесь подчеркивается значимость использования именно бетона, а не линейчатых поверхностей, которые до этого применялись только в архитектуре мостов. При этом отмечается гармоничное сочетание природы и архитектуры в парке Гуэль, где архитектору, по словам автора раздела, удалось «органично связать пейзаж, постройки и подпорные стенки, как бы объединив природу и сооружения в единое произведение искусства»¹⁸.

В 1980-е гг. отечественные ученые стали все чаще обращаться к творчеству Гауди. После смерти Ф. Франко в 1975 г. между Испанией и СССР были восстановлены дипломатические отношения (1977). В феврале 1980 г. в московском Музее истории архитектуры прошла выставка, посвященная творчеству архитектора А. Гауди, организованная Испанским посольством и Генеральной дирекцией культурных связей МИД Испании. В рамках этой выставки Х. Бассегода Нонель, профессор Политехнического университета Барселоны, выступил с двумя лекциями, посвященными архитектуре А. Гауди. Именно в те дни профессору предложили написать книгу для отечественных читателей о Гауди¹⁹.

В том же году вышла статья Л. Монаховой «Наследие Гауди»²⁰, где автор пишет о сложности восприятия творчества архитектора: «внешне его архитектура — это скорее скульптура или произведение синтеза, скульптурно-архитектурная среда». Автор отмечает и выделяет роль синтеза в творчестве мастера и считает, что из-за «многозначности Гауди» его творчеству достаточно сложно дать какую-то определенную характеристику и оценку.

В 1986 г. на русском языке издается книга Х. Бассегода Нонеля «Гауди», которая начинается со статьи В. Хайта «Гауди и архитектура Запада XX века»²¹. Издание книги о Гауди на русском само по себе стало событием, но

¹⁶ *Idem.*

¹⁷ Гарсия. *Op. cit.*, 362.

¹⁸ Гарсия. *Op. cit.*, 364.

¹⁹ Бассегода Нонель Х. А. *Гауди*. М., 1986, 16.

²⁰ Монахова Л. «Наследие А. Гауди» // *Декоративное искусство СССР*, 1980, № 5, 32.

²¹ Хайт В. А. *Гауди и архитектура Запада XX века* // Бассегода Нонель Х. А. *Гауди*. М., 1986, 3–15.

особого внимания заслуживает и статья В. Хайта. Наверное, впервые в отечественной литературе так глубоко и с разных сторон было исследовано наследие каталонского мастера. Для автора архитектор — «очень испанский, даже очень каталонский художник, и в то же время он универсален, всемирен»²², несмотря на мистицизм и аскетизм, это человек и архитектор своего времени. В. Хайт пишет: «Гауди использовал в своих зданиях конструкции (параболические арки, гиперболоиды, спирали, наклонные колонны и т. д.), геометрия которых предвосхитила поиски не только архитекторов, но и инженеров XX в.»²³. Он одним из первых говорит о принадлежности каталонского модернизма «характерным для эпохи национально-романтическим течениям»²⁴. Автор обращает внимание и на использование архитектором природных форм — «биоподобно, художественно-композиционно»²⁵, и заключает, что архитектор искал и находил в них необычность геометрии своих конструкций.

И. В. Шишкина в статье «Гауди — сказочник из Барселоны»²⁶ выделила три этапа в творчестве архитектора: 1) «историзм», связанный с использованием различных исторических стилей (особняк Гуэль); 2) «структурализм» (школа Святой Терезии) и 3) «натурализм» (парк Гуэль)²⁷. Она выделяет эти три периода не хронологически, а пишет о гранях творчества Гауди. Кроме того, автор отмечает изменение в восприятии природных форм и их роль в развитии архитектурного стиля мастера.

В дальнейшем произведения архитектора начинают все чаще рассматривать в различных исследованиях: например, в монографии В. Полевого «XX век. Искусство и архитектура»²⁸, в фундаментальном труде Д. Сабарьянова²⁹, посвященном стилю модерн в целом, где затрагивается творчество архитектора.

Л. Дьяконов в статье «Творчество Гауди» подчеркивает религиозный характер творчества этого мастера и замечает, что А. Гауди близки идеи Д. Рескина «о слиянии естественных наук и христианской этики для объяснения мира, в котором отражается деятельность Бога-Творца»³⁰. Авторы

²² Хайт. *Op. cit.*, 6.

²³ *Ibid.*

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Ibid.*

²⁶ Шишкина И., «Гауди — сказочник из Барселоны» // *Зодчество*, 1988, № 23, 184–186.

²⁷ Шишкина И., «Гауди — сказочник из Барселоны» // *Зодчество*, 1988, № 23, 186.

²⁸ Полевой В., *XX век. Искусство и архитектура*. М., 1989, 54.

²⁹ Сабарьянов Д. *Модерн*. М., 1989, 82.

³⁰ Дьяков Л., «Творчество Гауди» // *Юный художник*, 1996, № 2, 26.

В. Горюнов и М. Тубли³¹ пишут о Гауди как о самом значительном и, возможно, единственном представителе пластицизма в архитектуре. В книге авторы рассуждают о поколении 1898 г., о его «спиритуалистической направленности»³². Мироощущение Гауди описывается как «карнавально-трагическое». Представители каталонского модернизма, по мнению авторов, обладают рядом общих черт, таких как «повышенная экспрессивность, свобода в использовании архитектурной формы, активное применение цвета»³³.

Начиная с 2000-х гг. в отечественной литературе растет количество работ, посвященных А. Гауди, и появляются упоминания о других представителях каталонского модернизма. В 2003 г. выходит первая в отечественном искусствознании монография, посвященная Гауди³⁴. В своей книге С. Хворостухина описывает каталонский модернизм и считает, что именно в архитектуре Гауди отразились сепаратистские идеи, характерные для каталонского общества того времени³⁵.

В том же году вышла монография Т. Каптеревой, посвященная искусству Испании, где также рассматривается каталонский модернизм³⁶. В ней внимание уделяется не только А. Гауди, но и другим архитекторам Каталонии, и делается вывод, что «каталонский модерн так бы остался местным художественным явлением, если бы не Гауди»³⁷. Кроме того, только у этого автора можно найти информацию о живописцах Каталонии периода модерна. Автор отмечает, что «произведения художников модерна сильно уступали памятникам архитектуры»³⁸. В этой книге уже более подробно описано творчество таких художников, как Р. Касас, Э. Англада Камараса, и впервые говорится о Х. Марии Серте, С. Русиньоле, И. Нонеле. Каптерева одна из первых отметила, что художественное движение в рамках стиля модерн, его эстетика, «направленная на обновление каталонской культуры, возрождение национального самосознания, способствует развитию обще-

³¹ Горюнов В., Тубли М. *Архитектура эпохи модерна*, СПб, 1992, 166.

³² *Ibid.*

³³ *Ibid.*

³⁴ Хворостухина С. А., *Шедевры Гауди (Жизнь и творческий путь испанского архитектора конца XIX — начала XX вв. Антонио Гауди)*. М.: Вече, 2003.

³⁵ На самом деле наиболее полно эти тенденции выразились в архитектуре идеологов этого движения Л. Доменек-и-Монтанера и Ж. Пуч-и-Кадафалка (Н. К.).

³⁶ Каптерева Т. П. *Испания. История искусства*. М., 2003.

³⁷ *Ibid.*

³⁸ *Ibid.*

ственной и частной инициативы»³⁹. Отдельную работу Т. Каптерева полностью посвятила садам, созданным А. Гауди⁴⁰.

Кроме указанных исследований, среди изданных в 2000-е гг. можно выделить работы таких авторов, как Е. Калимова, рассматривавшая испано-мавританские традиции в раннем творчестве А. Гауди⁴¹ и исследовавшая принципы декоративно-символического формообразования в его творчестве⁴². А также статью А. Прохоренко и Д. Павловой о каталонском модернизме в творчестве А. Гауди⁴³, работу О. Лескиной, посвященной линейчатым поверхностям в архитектуре А. Гауди⁴⁴. К 150-летию со дня рождения архитектора вышла статья Н. Шелешневой-Солодовниковой «Музыка, застывшая в камне»⁴⁵, где автор спорит с В. Горюновым и М. Тубли о творческом методе архитектора.

В статье М. Тубли «Общее и особенное в творчестве А. Гауди»⁴⁶, опубликованной в 2012 г., отмечается, что Каталония первой в Испании начала преодолевать засилье эклектики и застой в развитии местной архитектуры, характерный для второй половины XIX в.

В 2014 г. вышел второй том фундаментального труда «История Испании»⁴⁷. В разделе, написанном Е. О. Гранцевой и посвященном Серебряному веку, наиболее комплексно рассматривается искусство и культура каталонского модернизма⁴⁸. В 2016 г. опубликованы две статьи Е. Полякова об архитекторах Ж. Пуч-и-Кадафалке и Л. Доменек-и-Монтанере. В этих ста-

³⁹ *Ibid.*

⁴⁰ Каптерева Т. П. *Сады Испании*. М.: Прогресс-Традиция, 2007.

⁴¹ Калимова Е. В. *Испано-мавританские традиции в раннем творчестве Антонио Гауди*. № 1. 2004. СПб: ИПЦ Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна (СП-ГУТД), 45–49.

⁴² Калимова Е. В. *Принципы декоративно-символического формообразования в творчестве Антонио Гауди. Проблемы генезиса и эволюции*. СПб, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/printsipy-dekorativno-simvolicheskogo-formoobrazovaniya-v-tvorchestve-antonio-gaudi-problemy-genezisa-i-evolyutsii#ixzz4rk8rDwEj> (дата обращения: 17.10.2017).

⁴³ Прохоренко А. И., Павлова Д. А. «Каталонский модернизм» Антонио Гауди: концепции, символы, образы. СПб: Астерион, 2006, 221–229.

⁴⁴ Лескина О. И. *Линейчатые поверхности как конструктивное, функциональное и художественное средство в архитектуре Гауди* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2014/3kvart14/leksina/abstract.php> (дата обращения: 24.10.2017).

⁴⁵ Шелешнева-Солодовникова Н. А. «Музыка, застывшая в камне: К 150-летию со дня рождения А. Гауди» // *Латинская Америка*, 2002, № 5, 76–93.

⁴⁶ Тубли М. П. *Общее и особенное в творчестве Антонио Гауди*. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2012.

⁴⁷ *История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века*. М., 2014.

⁴⁸ Гранцева Е. О. «Серебряный век испанской культуры» // *История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века*. М., 2014, 702–703.

тнях впервые в отечественной литературе было освещено творчество архитекторов и их биографии, проанализированы их работы⁴⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что каталонский модерн в СССР долгое время оставался малоизученным. Советское искусствоведение концентрировалось на отечественном реализме, акцентируя линейно-пластическую трактовку формы. Все нереалистические течения в искусстве в то время определялись как буржуазные, недемократические и недостойные быть объектом рассмотрения. Вторая причина отсутствия литературы о каталонском модернизме связана с продолжавшимся почти 40 лет режимом Франко, воспринимавшимся в СССР как враждебный. После восстановления дипломатических отношений в 1977 г. значительно увеличилось число публикаций, посвященных модерну в Каталонии. Рост исследований данной тематики в 1990-х и 2000-х гг., посвященных не только Гауди, но и другим мастерам каталонского модерна, связан с возможностью исследователей ездить в страну изучения, а также развитием интернета и доступа к материалам в библиотеках и архивах. Говоря о содержательной стороне исследований, можно заключить, что с 1980-х гг. начинается более детальное исследование наследия Гауди, исследователи обращают внимание на символику архитектуры мастера и культурный фон, с ней связанный.

Однако, несмотря на большое количество работ о Гауди, остается много сюжетов, которые до сих пор остались не исследованы. Среди них — символы и образы в архитектуре А. Гауди. Искусство каталонского модернизма требует изучения не только в контексте парижской школы, французского влияния, но и с учетом тех процессов, которые проходили в истории и культуре Каталонии в XIX в. Ведь каталонский модерн был частью большой политической идеи независимости Каталонии. Комплексное исследование живописи, скульптуры, архитектуры и декоративно-прикладного искусства Каталонии помогло бы заполнить этот пробел в отечественном искусствознании.

Библиография

1. *Всеобщая история искусств. Т. VI. Кн. 1.* М., 1965. 932 с.
2. Гарсиа М., «Архитектура Испании» // *Всеобщая история архитектуры.* Т. X. М., 1972. С. 338–370.
3. Горюнов В., Тубли М., *Архитектура эпохи модерна.* СПб, 1992. 360 с.

⁴⁹ Поляков Е. Н., Дончук Т. В. «Творческое наследие Жозепа Пуч-и-Кадафалка» // *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета.* 2016, 9–27; Поляков Е. Н., Дончук Т. В. «Творческое наследие Луиса Доменек-и-Монтанера» // *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета.* 2016, 9–27.

4. Гранцева Е. О., “Серебряный век испанской культуры” // *История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века*. М., 2014, 702–703.
5. Дьяков Л., “Творчество Гауди” // *Юный художник*, 1996, № 2, 26–29.
6. Каптерева Т. П. Испания. История искусства. М.: Белый город, 2003. 496 с.
7. Каптерева Т. П. Сады Испании. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 240 с.
8. Калимова Е. В. Испано-мавританские традиции в раннем творчестве Антонио Гауди. № 1/2004. СПб: ИПЦ (СПГУТД), 2004. С. 45–49.
9. Лескина О. И. Линейчатые поверхности как конструктивное, функциональное и художественное средство в архитектуре Гауди [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2014/3kvart14/leksina/abstract.php> (дата обращения: 24.10.2017).
10. Монахова Л. Наследие А. Гауди // *Декоративное искусство СССР*. 1980. С. 32–37.
11. Полевой В. XX век. Искусство и архитектура. М., 1989. С. 54.
12. Поляков Е. Н., Дончук Т. В. Творческое наследие Жозепа Пуч-и-Кадафалка // *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*. 2016. С. 9–27.
13. Поляков Е. Н., Дончук Т. В. Творческое наследие Луиса Доменек-и-Монтанера // *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*. 2016. С. 9–27.
14. Прохоренко А. И., Павлова Д. А. «Каталонский модернизм» Антонио Гауди: концепции, символы, образы. СПб: Астерион, 2006. С. 221–229.
15. Сарабьянов Д. В. Модерн. История стиля. М.: Галарт, 2001. 344 с.
16. Товбин А. А. Гауди // *Декоративное искусство СССР*. 1971. № 9. С. 42–47.
17. Тубли М. П. Общее и особенное в творчестве Антонио Гауди. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2012.
18. Хайт В. А. Гауди и архитектура Запада XX века // *Бассевода Нонель Х. А. Гауди*. М.: Стройиздат, 1986. С. 3–18.
19. Хворостухина С. А. Шедевры Гауди. М.: Вече, 2003. 208 с.
20. Шелешнева-Солодовникова Н. А. Музыка, застывшая в камне: К 150-летию со дня рождения А. Гауди // *Латинская Америка*. 2002. № 5. С. 76–93.
21. Шишкина И. Гауди — сказочник из Барселоны // *Зодчество*. 1988. № 23. С. 184–186.

Бразилия — форпост «Одного пояса, одного пути» в Латинской Америке

Brazil — the outpost of the “One Belt, One Road” in Latin America

Resumen: Brasil como miembro de BRICS puede ser el punto de entrada del proyecto chino “Un cinturón, un camino” en América Latina. Este artículo se centra en BRICS y BRICS+ como los instrumentos de promoción del proyecto chino, que se considera uno de los proyectos más ambiciosos de China, sobre la infraestructura y las relaciones de Brasil con los países vecinos y el papel de Brasil en los BRICS, llegando a una conclusión que el país más grande de América Latina es un candidato ideal para ser el primer país del continente en “Un cinturón, un camino”, para su promoción y desarrollo.

Palabras clave: Brasil; BRICS; China; “Un cinturón, un camino”; infraestructura; relaciones.

Abstract: Brazil as a member of BRICS can be the entry point of Chinese project “One belt, one road” in Latin America. This article focuses on BRICS and BRICS+ as the instruments of promotion of Chinese project, which is considered to be one of the most ambitious China’s project ever, on Brazil’s infrastructure and relations with neighbor countries and the role of Brazil in BRICS, coming to a conclusion that the biggest Latin America country is an ideal candidate to be the first country on the continent for “One belt, one road”, for its promotion and development.

Key words: Brazil; BRICS; China; “One belt, one road”; infrastructure, relations.

БРИКС сегодня является достаточно интересным явлением в мировой политике даже при том, что сам акроним БРИК был придуман 16 лет назад, в 2001 году, а встречи на высшем уровне начались только в 2009 году. В 2011 г. к странам, изначально входившим в объединение (Бразилия, Россия, Индия и Китай), присоединилась Южно-Африканская Республика. Тем самым БРИКС стал претендовать на полномасштабное представительство глобального Юга на мировой арене. Обсуждаемая повестка дня всегда была достаточно широкой и затрагивала не только некоторые аспекты финансовой модели мира, но также вопросы экологии, безопасности. Страны-члены всегда высказывались и оказывали друг другу поддержку во многих политических кризисах. Принимаемые по итогам саммитов декларации выражали общее мнение всех государств-участников. При этом важ-

¹ Гражданин России, аспирант СПбГУ.

но подчеркнуть, что БРИКС не был институционализирован до 2014 года, когда в Форталезской декларации², принятой по итогам встречи в Бразилии, не было объявлено о создании Банка БРИКС, по сей день остающегося единственным институтом этого объединения.

Развитие БРИКС как объединения происходит не только за счет институционализации, но также по причине того, что каждая страна преследует свои цели, при этом не нанося вреда объединению, а лишь создавая точки роста. Одной из таких точек роста стал упомянутый выше Банк БРИКС, следующей же может стать глобальный проект Китая, именуемый «Один пояс, один путь». При этом концептуально использование БРИКС в качестве драйвера этого проекта предопределено. Во-первых, по заявлению Си Цзиньпина, проект «Один пояс, один путь» открыт для стран за пределами Африки, Азии и Европы³, а значит, маршрут можно протянуть и до Бразилии, которая станет точкой входа на континент. Во-вторых, инициатива китайского министра иностранных дел Ван И о создании платформы БРИКС+ также способствует продвижению китайского мегапроекта и таким образом делает Бразилию представителем «Одного пояса, одного пути» в Латинской Америке. Впрочем, при осуществлении подобной идеи могут возникнуть некоторые затруднения, связанные как с инфраструктурой Бразилии, так и с ее отношениями с соседями по континенту.

Если говорить о роли Бразилии в БРИКС, то необходимо осветить цели и задачи, которые эта латиноамериканская страна старается достичь в рамках данного формата взаимодействия. БРИКС является межцивилизационным объединением, в котором каждая страна представляет отдельную цивилизацию. Латиноамериканская цивилизация остается достаточно молодой общностью, где симбиоз различных рас и культур очень четко прослеживается на протяжении всей истории Бразилии. Налицо тенденция превращения латиноамериканской общности в латиноамериканскую цивилизацию. Подтверждением данного факта является и «левый поворот», позволивший сократить разрыв в доходах населения, что, в сущности, является одним из факторов формирования общего цивилизационного сознания, а также консолидация элит вокруг идеи «универсальности» латиноамериканской цивилизации. Таким образом, Бразилия повышает свой авторитет не только в рамках своего континента, но и на мировой арене.

² НКИ БРИКС. Саммиты и документы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 01.10.2017).

³ Си Цзиньпин. Синьхуа Новости. *Инициатива «Пояс и путь» открыта для стран за пределами Азии, Европы и Африки*, 14.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2017-05/14/c_136281614.htm (дата обращения: 01.10.2017).

Кроме того, учитывая всевозрастающие амбиции Бразилии, следует отметить и ее активное участие в создании Нового банка развития БРИКС — первого незападного финансового института и первого института этого объединения. На этапе определения «веса» каждой страны китайское руководство заявило о желании сделать более крупный взнос, мотивируя большим объемом ВВП⁴, однако благодаря дипломатическим усилиям Бразилии и Индии было принято решение о равных долях⁵. То есть Бразилия не является эфемерным участником группы, а в полной мере отстаивает свои интересы.

Безусловно, стоит отметить, что Бразилия не является ведущей страной в БРИКС, так как роль первой скрипки принадлежит Китаю — ввиду размеров его экономики и темпов экономического роста. Отношения КНР с Бразилией можно с уверенностью назвать стратегическими. Так, в 1993 году две страны договорились о стратегическом партнерстве, а в 2012 г. — о всеобъемлющем стратегическом партнерстве⁶. При этом торгово-экономические отношения между странами развиваются достаточно успешно. В структуре бразильско-китайского экспорта можно обнаружить высокотехнологичные товары, поставляемые из КНР, и товары народного потребления, экспортируемые из Бразилии. Доля бразильской нефти в китайском экспорте составляет до 25 %⁷. При этом и политические отношения между двумя странами находятся на высоком уровне, так как Бразилия поддерживает политику единого Китая, а китайское руководство поддерживает стремления этой латиноамериканской страны играть более важную роль не только на региональном уровне, но и на глобальном. Все это способствует эффективному взаимодействию не только в рамках группы БРИКС, но и на

⁴ Макарова И. *Cardernos de Pós-Graduação em Direito: Seminário internacional de Pós-Graduação Brasil-Russia "BRICS. Energia. Cooperação bilateral e ação multilateral", "Círculo langsdorff de reflexão Brasil-Rússia"*, «Реформирование финансово-правовых институтов стран БРИКС и международное право». Sao Paulo: Faculdade de Direito Universidade de São Paulo, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/97125728> (дата обращения: 01.10.2017)

Батишта-мл. Паулу Ногейра. Carta Maior, «БРИКС: новый валютный фонд и новый банк развития», 02.03.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/world/20150302/226569712.html> (дата обращения: 01.10.2017)

⁵ Лавров М. *Новый банк развития БРИКС: итоги первого года работы*. РСМД 10.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/mihail-lavrov/2832/> (дата обращения: 01.10.2017)

⁶ 中国同巴西的关系 (Отношения КНР с Бразилией). Министерство иностранных дел КНР [Электронный ресурс]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/nmz_680924/1206_680974/sbgx_680978 (дата обращения: 01.10.2017)

⁷ Цзелань Чжэн. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. «Современные отношения КНР и Бразилии», май—июнь 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/ru/-pzn16-05/2689-a> (дата обращения: 01.10.2017)

двусторонней основе, что будет полезно при развитии китайского проекта «Один пояс, один путь» в Латинской Америке.

Идея о создании экономического маршрута Шелкового пути из Китая до стран Европы была официально озвучена в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином в ходе его визита в Казахстан. Однако не было четко сказано о маршрутах, необходимой инфраструктуре и, что самое главное, о причинах появления подобной идеи, которая ввиду вышеупомянутой информации рассматривалась скорее как «инициатива»⁸ китайского правительства. Отсутствие ясной цели (в качестве возможных рассматривалось создание инструмента глобального управления или распространения культуры Китая за рубежом⁹) породило недоумение в научных и бизнес-кругах, которое длилось порядка 4-х лет. В мае 2017 года китайский мегапроект получил новый импульс на форуме в Пекине, появились первые его маршруты, а также цифры. К проекту с 2013 года присоединилось более 100 стран и международных организаций, объем инвестиций «Фонда Шелкового пути» достиг 4 млрд долларов США, правительство Китая подписало соглашения о сотрудничестве с 40 странами и международными организациями, а Азиатский банк инфраструктурных инвестиций выделил 1,7 млрд долларов США на реализацию 9 проектов в присоединившихся к инициативе государствах¹⁰. Сам проект «Один пояс, один путь» может включать, по заявлению Си Цзиньпина, страны за пределами Африки, Азии и Европы¹¹, а так как Индия, Китай, ЮАР и Россия уже включены в проект, то включить Бразилию — логичный и экономически обоснованный шаг.

Технологическая платформа, на которой страны БРИКС будут являться базовыми для сотрудничества с другими странами и объединениями, БРИКС+, является инициативой китайского руководства и была озвучена в начале 2017 года. Подобный формат сотрудничества легитимизирует представительство «Одного пояса, одного пути» Бразилией на латиноамериканском континенте. Тем не менее, крайне важно, чтобы отношения Бразилии со своими соседями не вредили подобному позиционированию. Сре-

⁸ Денисов И. «Россия в глобальной политике» // *Путешествие на запад*. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315> (дата обращения: 01.10.2017)

⁹ Воробьев В. «Россия в глобальной политике» // *Новый шелковый курс*. № 3. Май/июнь 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-shelkovyi-kurs-16776> (дата обращения: 01.10.2017)

¹⁰ Си Цзиньпин. Синьхуа Новости. *Экономическое обозрение: роль инициативы «Пояс и путь» в качестве силы для восстановления глобальной экономики и плана мирового развития*. 15.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2017-05/15/c_136285224.htm (дата обращения: 01.10.2017)

¹¹ Си Цзиньпин. *Op. cit.*

ди 10 основных торговых партнеров Бразилии в 2016 году были 3 страны из Латинской Америки: Аргентина (7 %), Мексика (2,3 %) и Чили (2,2 %). При этом лидерами списка партнеров являются Китай (18,1 %) и США (14,5 %) ¹². Такое положение вещей демонстрирует увлеченность руководства Бразилии поиском особых отношений с США, своего места в глобальной политике ¹³. Основой таких действий является экономическое лидерство Бразилии в регионе. Так, по итогам 2016 года объем бразильского ВВП составлял 1,8 трлн долларов США, тогда как объем ВВП ближайшего конкурента в экономическом плане, Мексики, составляет 1,04 трлн долларов США ¹⁴. Также важно отметить, что ВВП Аргентины — политического конкурента Бразилии в рамках Южной Америки, составляет 0,5 трлн долларов США ¹⁵.

При этом крупнейшая латиноамериканская страна, стремясь упрочить свое региональное лидерство уже в политическом плане, активно участвует в международных организациях и объединениях. Так, в ООН Бразилия добивается вхождения в состав Совета Безопасности и получения права вето, в МЕРКОСУР — развивает отношения с соседними государствами на основе общего рынка, свободной торговли. УНАСУР позволяет упрочить региональное лидерство путем создания единого экономического, культурного, социального и политического пространства. Интеграция стран Латинской Америки является одним из приоритетов внешней политики Бразилии по отношению к соседним государствам, что находит свое подтверждение в ст. 4 Конституции этой страны ¹⁶.

Как уже сказано выше, отношения Бразилии с соседними государствами чрезвычайно важны в рамках представительства «Пояса и пути» на континенте. В дополнение необходимо отметить и роль регионального лидера в МЕРКОСУР и УНАСУР, так как согласно китайской концепции БРИКС+, сотрудничество может осуществляться не только на уровне «государство-участник БРИКС — государство, не входящее в объединение»,

¹² *Годовой обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Федеративной Республики Бразилии в 2016 году*. Г. Бразилиа. Бразилиа. Апрель 2017 г. Министерство экономического развития Российской Федерации. Торговое представительство Российской Федерации в Федеративной Республике Бразилиа [Электронный ресурс]. URL: [http://91.206.121.217/TpApi/Upload/7eeac7ad-667a-4e98-ae2-687694beb3e7/Годовой%20обзор%20сост.%20экономики%202016%20\(1\).pdf](http://91.206.121.217/TpApi/Upload/7eeac7ad-667a-4e98-ae2-687694beb3e7/Годовой%20обзор%20сост.%20экономики%202016%20(1).pdf) (дата обращения: 01.10.2017)

¹³ Gonzalo C. *Brasil descubre América Latina* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.paginasiete.bo/opinion/2014/7/6/brasil-descubre-america-latina-26036.html> (дата обращения: 01.10.2017)

¹⁴ *World Economic Outlook Database*. April 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/01/weodata/weorept.aspx?sy=2015&ey=2022&scsm=1&ssd=1&sort=subject&ds=.&br=1&prl.x=26&prl.y=8&c=311%2C336%2C213%2C263%2C313%2C268%2C316%2C343%2C39%2C273> (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁵ *Idem*.

¹⁶ *Constituição do Brasil* (red. 2014).

но и на уровне выше — по линии двух объединений, если какая-либо страна является членом обоих альянсов. Именно поэтому Бразилия является прекрасным кандидатом, чтобы быть точкой входа китайского мегапроекта в Латинскую Америку, поскольку БРИКС является своеобразной платформой для продвижения не только в Ибероамерику, но и в Африку и Евразию.

Еще одним не менее важным аспектом, который способен повлиять на успех Бразилии в продвижении «Пояса и пути» на территории целого континента, является уровень развития транспортной инфраструктуры. Важно сразу отметить, что инфраструктура Бразилии находится на 120 месте из 144 по данным Всемирного экономического форума 2014 года¹⁷, а объем ВВП, который выделялся на финансирование, упал с 5,2 % в 1980-х годах до уровня 2,5 % в 2013 году. Таким образом, можно сделать вывод, что бразильское правительство не уделяет достаточного внимания транспортному развитию своей страны. Тем не менее, подтверждением интереса Китая в Бразилии как к точке входа на континент стала недавняя покупка второго крупнейшего в Латинской Америке контейнерного порта Бразилии компанией *СМРН (China Merchant Port Holdings)*¹⁸.

В заключение следует еще раз упомянуть, что Бразилия, по мнению автора, является весьма привлекательной страной для китайского проекта «Один пояс, один путь», так как сопряжение платформ вышеупомянутого проекта и БРИКС в формате БРИКС+ может стать действенным инструментом развития как БРИКС, так и проекта «Один пояс, один путь». Существенными препятствиями на пути китайской экспансии могут стать отношения крупнейшей латиноамериканской страны со своими соседями, низкий уровень развития транспортной инфраструктуры. Однако при наличии китайских инвестиций вторая проблема со временем может исчезнуть, а налаживание отношений с соседями является первоочередной задачей правительства Бразилии.

Библиография

1. НКИ БРИКС. Саммиты и документы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 01.10.2017)
2. *Си Цзиньпин*. Синьхуа Новости. Инициатива «Пояс и путь» открыта для стран за пределами Азии, Европы и Африки. 14.05.2017 [Электронный ре-

¹⁷ Garcia-Escribano M., Goes C., Karpowicz I. IMF Working Paper: Filling the Gap: Infrastructure Investment in Brazil. WP/15/180. IMF. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp15180.pdf> (дата обращения: 01.10.2017)

¹⁸ Alun J. "China Merchants Port to buy Brazil's second largest container port for US\$920 million" // *South China Morning Post*. 04.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scmp.com/business/companies/article/2109592/china-merchants-port-buy-brazils-second-largest-container-port> (дата обращения: 01.10.2017)

сурс]. URL: http://russian.news.cn/2017-05/14/c_136281614.htm (дата обращения: 01.10.2017)

3. *Макарова И.* Cardernos de Pós-Graduação em Direito: Seminário internacional de Pós-Graduação Brasil-Russia “BRICS. Energia. Cooperação bilateral e ação multilateral”, “Círculo Langsdorff de reflexão Brasil-Rússia”, «Реформирование финансово-правовых институтов стран БРИКС и международное право». Sao Paulo: Faculdade de Direito Universidade de São Paulo, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/97125728> (дата обращения: 01.10.2017)

4. *Лавров М.* Новый банк развития БРИКС: итоги первого года работы. РСМД 10.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/mihail-lavrov/2832/> (дата обращения: 01.10.2017)

5. 中国同巴西的关系 (Отношения КНР с Бразилией). Министерство иностранных дел КНР [Электронный ресурс]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/nmz_680924/1206_680974/sbgx_680978/ (дата обращения: 01.10.2017)

6. *Цзелань Чжэн.* Современная наука: актуальные проблемы теории и практики // Современные отношения КНР и Бразилии. Май–июнь 2016.

7. *Си Цзиньпин.* Синьхуа Новости. Экономическое обозрение: роль инициативы «Пояс и путь» в качестве силы для восстановления глобальной экономики и плана мирового развития. 15.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2017-05/15/c_136285224.htm (дата обращения: 01.10.2017)

8. Годовой обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Федеративной Республики Бразилии в 2016 году, г. Бразилиа, Бразилия. Апрель 2017 г. Министерство экономического развития Российской Федерации, Торговое представительство Российской Федерации в Федеративной Республике Бразилия [Электронный ресурс]. URL: [http://91.206.121.217/TrApi/Upload/7eeac7ad-667a-4e98-aef2-687694beb3e7/Годовой%20обзор%20сост.%20экономики%202016%20\(1\).pdf](http://91.206.121.217/TrApi/Upload/7eeac7ad-667a-4e98-aef2-687694beb3e7/Годовой%20обзор%20сост.%20экономики%202016%20(1).pdf) (дата обращения: 01.10.2017).

9. *Constituição do Brasil* (red. 2014).

Е. А. Иванчикова ¹

А. Б. Иванчиков ²

Экономические факторы влияния на качество образования в Аргентине

Economic factors affecting the quality of education in Argentina

Резюме: В докладе проведен анализ системы образования Аргентины, а также представлены факторы экономического воздействия на качество образования.

Ключевые слова: качество образования; Аргентина; Латинская Америка; финансирование; государственное образование; частное образование; экономика.

Abstract: The education system in Argentina, as well as the factors of economic impact on the quality of education are analyzed in this report.

Keywords: quality of education; Argentina; Latin America; financing; public education; private education; economics.

Экономика Аргентины занимает третье место среди стран Латинской Америки с высоким индексом развития человеческого потенциала и относительно высоким ВВП. Аргентина является страной с одной из самых развитых систем образования среди государств Латинской Америки. Уровень грамотности населения составляет 97,6 %. В стране действуют более 100 университетов, доля государственных высших учебных заведений составляет около 50 %. В 70-х годах XX века в Аргентине было введено бесплатное обучение в средней и высшей школе, что вызвало превышение спроса на образование над возможностями бюджета страны. Закономерным итогом этого является недостаточное финансирование для поддержания и (тем более) повышения качества образования в государственных образовательных организациях. Положительным моментом становится активное развитие системы частного образования. На сегодняшний день частные образовательные организации посещает каждый четвертый школьник и

¹ Иванчикова Елена Аркадьевна, Россия, соавтор, студентка 3 курса факультета международных экономических отношений МГИМО (y) МИД РФ (www.alenai@mail.ru).

² Иванчиков Аркадий Борисович, Россия, соавтор, младший научный сотрудник Института системных проектов Московского городского педагогического университета (Ark.ivanchikov@gmail.com).

каждый шестой студент. Отсутствие стипендий в частном образовании вызывает социальный раскол в обществе, разделяя его на тех, кто может позволить себе платное обучение, и на тех, кто не в состоянии этого сделать. Необходимо обратить внимание на то, что в большинстве государственных высших образовательных организаций Аргентины обучение бесплатное и для иностранцев, если идет речь о получении основного высшего образования — степени бакалавра (*carrera de grado*).

Несмотря на экономические проблемы, в стране насчитывается более полумиллиона лиц с высшим образованием, действует разветвленная система вузов. По охвату населения начальным и средним обучением страна лидирует в регионе, приближаясь в ряде случаев к уровню отдельных западноевропейских государств.

Неоспоримым является тот факт, что, несмотря на мировой экономический кризис и проблемы экономики современной Аргентины, государство заботится о поддержании качества образования на высоком уровне.

Система образования Аргентины

Образование в Аргентине состоит из четырех основных этапов:

- *Educación Inicial* (дошкольное образование)
- *Educación Primaria* (начальная школа)
- *Educación Secundaria* (средняя школа)
- *Educación Superior* (высшее образование)

Educación Inicial (дошкольное образование)

Дошкольное образование представлено детскими садами, которые подразделяются на *Jardín Maternal* (ясли) и *Jardín de Infantes* (детский сад).

Jardín Maternal занимается детьми возрастом от 45 дней до 2 лет включительно. Каждый год включает отдельную развивающую и образовательную программу: с 45 дней до 1 года группа называется *Lactantes*, от 1 до 2 лет *Gateadores* и с 2 до 3 лет *Deambuladores*.

В *Jardín de Infantes* дети могут ходить с 3 до 6 лет, но последний год, который является подготовительным годом для школы, обязателен для посещения по закону.

Большинство заведений дошкольного образования работают в две смены: с утра до 12–13 часов и с 13–14 часов до вечера. Многие родители отдают детей только на половину дня, также немало и тех, кто отдает детей на весь день, забирая их на обед днем. Не во всех детских садах предоставляется питание: его либо просто нет, и дети едят обеды и полдники, приготовленные им родителями, либо за питание ребенка приходится доплачивать.

Частные и государственные детские сады

Детские сады могут быть как полностью государственными, так и частными. Государственные детские сады бесплатные, но не во все из них просто попасть. В последние годы в Аргентине наблюдается большой прирост детей в образовательных учреждениях, и новые детсады не успевают открываться, так что многие из них не испытывают недостатка в детях, в особенности это касается Буэнос-Айреса.

В частные детские сады попасть обычно проще, но за это уже придется заплатить. Основным плюсом частных садиков являются дополнительные занятия, а также занятия на иностранных языках. С иностранными языками стоит быть осторожным, поскольку порой у воспитателей владение иностранным языком может быть довольно низким, что не мешает садику заявлять о том, что в их дошкольном учреждении ребенок сможет выучить еще и другой язык.

В плане самых высоких цен бесспорным лидером является Буэнос-Айрес. Базовые цены колеблются в районе 90–120 долларов США в месяц при посещении на половину дня. Полный день стоит около 170–200 долларов США (существует система скидок для родителей, выбирающих целый день). При этом цена за месяц может достигать 1000 долларов США в детских садах при престижных школах Аргентины (часто детские сады находятся в тех же зданиях, что и обычные средние школы). Предполагаем, что такая огромная разница продиктована не только качеством образования, но и тем, чтобы дети самых богатых аргентинцев никак не пересекались с детьми людей «попроще» посредством установления непозволительной для подавляющего большинства цены.

Возникает вопрос: в каком детском саду дети получают более качественное образование, государственном или частном? Тут сложно дать однозначный ответ. Очевидно, что дорогой частный детсад имеет хорошее материальное оснащение, опытный высококвалифицированный персонал, но невозможно дать абсолютную гарантию того, что в государственном детском саду уровень получаемых знаний и навыков будет ощутимо хуже. Согласно проводимым мониторингам, качество образования в бюджетных организациях в разы лучше многих частных.

La educación primaria y secundaria (среднее образование)

В школе в Аргентине обучаются 12 лет. *Primaria* — это начальная школа, которая длится от 6 до 7 лет, *Secundaria* — в российском понимании включает в себя среднюю и старшую школу (среднее полное образование) и длится от 5 до 6 лет. В отличие от России, в Аргентине дети по закону обязаны отучиться полностью и в *Primaria*, и в *Secundaria*, начиная с 6-летнего возраста.

Обучение в *Secundaria* разбивается на два этапа: *ciclo básico* — этап, который длится от двух до трех лет и во время которого все школьники проходят одну общую программу, и *ciclo orientado*, который длится 3 года и уже имеет уклон в определенную сферу профессиональной деятельности (для технических и художественных специальностей иногда обучение на этом этапе длится на год больше и составляет 4 года). Если есть планы поступать после школы в университет, то уже на этапе *ciclo orientado* стоит принимать решение, в какой сфере ребенок продолжит свое дальнейшее обучение.

Необходимо отметить некоторые сложности выбора школы для дальнейшего обучения. В Аргентине государство гарантирует бесплатное образование, так что бюджетные образовательные организации обязаны брать всех желающих. Как правило, престижные государственные школы устраивают весьма серьезные вступительные экзамены, так что попасть в них не всегда просто. Школы же менее популярные берут всех, что означает весьма неоднородный контингент учащихся и, как следствие, переполненность классов. Не такая уж и редкость, когда в одном классе обучаются 30, 40, а то и 50 учеников. Говорить о высоком качестве такого образования не приходится. Естественной альтернативой служат частные школы, которые представлены в большом количестве, но, как и в ситуации с частными детскими садами, нельзя дать 100 % гарантии, что уровень образования в них будет выше, чем в государственных.

Средняя стоимость обучения в частных школах Буэнос-Айреса составляет 700—800 долларов США в месяц. Довольно часто мы можем наблюдать ситуацию, когда родители будущего ученика настолько боятся, что для их ребенка не останется мест в какой-то определенной школе, что выкупают места еще на год вперед, так что записаться на ближайший учебный год не всегда представляется возможным. Стоимость обучения в самых престижных частных школах составляет от 5000 до 8000 долларов США в месяц, что является просто огромными суммами для подавляющего большинства жителей Аргентины. Несмотря на это, в социальной среде состоятельных аргентинцев, желающих дать хорошее образование своим детям и подчеркнуть их высокий социальный статус, также отмечается огромный спрос.

Из неоспоримых плюсов частных школ можно выделить небольшое количество учеников в классах, обучение на иностранном языке (это касается только двуязычных школ) и, в отдельных случаях, признание дипломов этих школ в других странах.

Educación Superior (высшее образование)

Образование в Аргентине в государственных университетах бесплатно даже для иностранных студентов, что является несомненным плюсом.

К отрицательным моментам обучения в частных вузах можно отнести их узкую специализацию, а также высокую стоимость образовательного процесса. Стоимость обучения ежегодно меняется, в среднем за месяц она составляет 200–300 долларов. Учебные материалы приобретаются отдельно как в частных, так и в государственных вузах. Перед началом учебы проводится вступительный цикл. При поступлении в государственные вузы он длится один год и его можно проходить бесконечно, а в частные — от двух до трех месяцев. Точную информацию можно найти на официальных веб-сайтах университетов или их факультетов (электронные адреса сайтов указаны в конце доклада). Также в государственных вузах есть стипендия, но получают ее не более 10 % от общего числа студентов. Большой популярностью пользуются медицинские, гуманитарные и правовые науки. Точные науки выбирают намного меньше будущих студентов. Сроки обучения разнятся в зависимости от факультета и в среднем составляют 4–6 лет. На медицинских специальностях срок еще больше. Также в систему обучения входит послевузовское образование. Университеты Аргентины предлагают молодым специалистам получение степени магистра или доктора. Для поступления в магистратуру у абитуриента должен быть диплом о высшем образовании, причем не обязательно аргентинский. Послевузовское обучение платное и составляет 300–400 долларов в месяц.

Занятия проходят по субботам на протяжении двух лет. Интересной особенностью аргентинской системы образования является то, что только 20 % студентов оканчивают университет в положенный срок. Остальные растягивают процесс обучения на долгие годы, пересдавая экзамены и повторяя различные курсы. Это объясняется тем, что стоимость обучения в частных вузах довольно высокая, поэтому студенты вынуждены работать параллельно процессу обучения. Также в Аргентине есть специальные курсы для освоения практических навыков, которые необходимы для будущего трудоустройства. Обычно они длятся 2–3 года и не пользуются особым спросом среди иностранных абитуриентов³.

Хотим еще раз подчеркнуть: образование в Аргентине в государственных университетах бесплатно, даже для иностранных студентов, что является несомненным плюсом, но стипендию получают не более 10 процентов обучающихся, поэтому примерно половина студентов вынуждена работать и учиться. Оплата в частных заведениях достаточно высокая, и гражданину со средним достатком она недоступна. Поэтому доля студентов из рабочих семей составляет менее одного процента от общего числа студентов.

³ [Электронный ресурс]. URL: <https://biznes-prost.ru/ob-obrazovanii-v-argentine.html> (дата обращения: 01.10.2017).

Несмотря на тяжелую экономическую ситуацию в стране, правительство поддерживает высокий уровень качества образования в государственных высших учебных заведениях.

Перечислим наиболее известные и популярные вузы Аргентины.

Самые крупные государственные университеты:

- Университет Буэнос-Айреса (основан в 1821 году);
- Национальный технологический университет (в Буэнос-Айресе);
- Национальный университет Кордовы;
- Университеты Ла-Платы и Росарио;
- Северо-Восточный университет (в городе Корриентес);
- Университеты городов Тукуман, Санта-Фе, Ломас-де-Самора и Мендоса.

Самые известные частные университеты:

- Эль-Сальвадор;
- Бельграно;
- Маймонидес;
- Палермо;
- Сан-Андрес;
- Торкуато-ди-Телья.

Большинство частных вузов принадлежит католической церкви. Около шестидесяти процентов студентов изучают медицину, право и гуманитарные дисциплины, а точными и естественными науками занимается около тридцати процентов. Учебная программа вузов не унифицирована, в зависимости от профиля рассчитана на 4–6 лет обучения. В большинство университетов абитуриентов принимают без вступительных экзаменов, однако заканчивают обучение в срок не более двадцати процентов поступивших.

Не существует единого мнения о том, где обучение более качественное: в государственном или частном вузе.

Как поступить в высшее учебное заведение Аргентины

Для поступления на государственный факультет необходимо изучить и сдать экзамен годового курса СВС (*curso basico comun*) — «базовый общий курс». В частном университете этот курс сдавать не обязательно, достаточно только вступительного экзамена. Срок обучения в вузе зависит от выбранной специальности:

- Инженер — 5–6 лет;
- Программист — 5 лет;
- Аудитор — 5 лет;

- Архитектор — 5–6 лет;
- Медик — 6 лет.

Получив диплом об окончании университета, выпускник имеет право на лицензирование его профессиональной самостоятельной деятельности со стороны государства.

Аргентина — одна из крупнейших, потенциально самых богатых латиноамериканских стран, которая по размерам валового внутреннего продукта на одного жителя, степени урбанизации, грамотности населения, уровню квалификации рабочей силы, стандартам питания принадлежит к числу латиноамериканских лидеров.

В последние годы все больший интерес во многих странах вызывает экономическая политика, проводимая правительством Аргентины, ее опыт по проведению обширной программы приватизации, обузданию инфляции, достижению стабильности.

Анализируя экономику Аргентины, необходимо коротко охарактеризовать один из важнейших ее компонентов — трудовые ресурсы. По региональным меркам эти ресурсы значительны, причем многие их качественные параметры весьма высоки. В стране насчитывается более полумиллиона лиц с высшим образованием, действует разветвленная система вузов, неграмотность находится на минимальном уровне. По охвату населения начальным и средним обучением страна лидирует в регионе, приближаясь в ряде случаев к уровню отдельных западноевропейских государств.

Таким образом, речь идет о сложившейся системе образования, которая, несмотря на многие ее недостатки, в целом может служить основой кадрового обеспечения экономического роста страны.

Правительство Аргентины отдает себе отчет в том, что повышение качества образования в условиях технологической перестройки, происходящей в мировой экономике, носит стратегический характер, и без его дальнейшего развития невозможно создание современных производств, укрепление экономики страны и, как следствие, улучшение уровня жизни населения.

Библиография

1. Университет Буэнос-Айреса (Universidad de Buenos Aires, UBA). <http://www.uba.ar>.
2. Национальный университет Кордовы. <https://www.unc.edu.ar>.
3. Universidad Torcuato Di Tella commonly referred to as UTDT or La Di Tella. https://en.wikipedia.org/wiki/Torcuato_di_Tella_University.
4. Universidad Tecnológica Nacional (UTN). <http://www.utn.edu.ar>.
5. Instituto Universitario Nacional del Arte (IUNA). <http://www.iuna.edu.ar>.

6. Facultad Latinoamericana de Ciencias Sociales (FLACSO). <http://www.flacso.org.ar>.
7. Instituto de Enseñanza Superior del Ejército (IESE). <http://www.iese.edu.ar>.
8. Instituto Universitario de Seguridad Marítima (IUSM). <http://www.prefecturanaval.edu.ar/iupna>.
9. Instituto Universitario Naval (INUN). <http://www.inun.edu.ar/menues/home/index.htm>.
10. Instituto Universitario de Gendarmería Nacional. <http://www.gendarmeria.gov.ar/escusuper>.
11. Universidad del Salvador. <http://www.usalvador.net>.

К. А. Коновалова⁴

О значении Парагвая для актуальной российской внешнеполитической стратегии в отношении Латинской Америки

On the Importance of Paraguay for the Current Russian Foreign Policy Strategy for Latin America

Resumen: El presente artículo investiga el caso del Paraguay como un país-actor de estrategia latinoamericana en la política exterior contemporánea de Rusia. Se explican ciertas razones de su importancia como tal y además en su rol del país-indicador de problemática regional actual. Elaborando el análisis, la autora hace referencias al panorama común de relaciones rusa-latinoamericanas complejo y lleno de perspectivas todavía para abrir. En este contexto el caso de Paraguay se considera importante en tres enfoques. Primero, como el destinatario del poder blando ruso, basado en la memoria histórica desideologizada. Segundo, como el actor aunque menor pero capaz de demostrar el dinamismo de crisis e integracionista de la América del Sur. Tercero, como un socio comercial con cierto potencial aún para acrecentarse.

Palabras clave: Paraguay; Rusia; estrategia latinoamericana; contexto regional; memoria histórica; relaciones de economía y comercio.

Abstract: This article examines the case of Paraguay as an actor-state of the Latin American strategy within today's Russian external policy. Its meaning per se and in its role of the "indicator" of peculiar regional problematics is explained. Conducting the analysis, the author also looks at the big picture of Russian — Latin American relations of today, with its complexity and many prospects still unclear. In this context, the case of Paraguay is representative in three meanings. Firstly, Paraguay may be a relevant acceptor of Russian soft power, based on non-ideological historical memory. Secondly, although being a smaller actor, it shows crisis and integrational dynamics of the South America as a whole. Thirdly, it is a proper trading partner for Russia with some potential still to grow.

Key words: Paraguay; Russia; Latin American strategy; regional context; historical memory; economic and commercial relations.

Уже не ново звучит замечание о том, что на фоне западных санкций и устойчивых намерений диверсифицировать свои внешние связи Россия оказывается перед проблемой выработки адекватной внешнеполитической стратегии для Латинской Америки. Главная задача здесь состоит в критической переоценке подходов времен существования биполярной системы,

⁴ Коновалова Ксения Александровна, Россия, студентка 1 курса магистерской программы «Американские исследования» СПбГУ (missienna@yandex.ru).

чья инерция, на наш взгляд, пока сохраняет даже юридические рамки: в Концепции внешней политики РФ от 2016 г. Латинской Америке отведены два предпоследних абзаца, почти исключительно общие слова в разделе «О региональных приоритетах», притом она соседствует с Африкой⁵, что создает впечатление неизменной логики некоего «совокупного третьего мира».

Между тем, в свете последних событий — от приостановки аргентинскими властями бесплатного вещания телеканала «Russia Today» летом 2016-го⁶ до протестов оппозиционного венесуэльского парламента против сделок «Роснефти» с компанией *Petróleos de Venezuela, Sociedad Anonima (PDVSA)* в 2016 — начале 2017 гг.⁷ — кажется насущной, во-первых, проработка конкретных страновых подходов для различных региональных игроков, с учетом динамики их политических систем, во-вторых, «перезагрузка» восприятия регионального контекста на фоне актуальных тенденций — от кризисных до интеграционных, чье направление в течение XXI в. уже тоже неоднократно трансформировалось.

Показывая необходимость концептуального обновления латиноамериканского вектора российской внешней политики, для «чистоты эксперимента» хотелось бы представить перспективы взаимодействия нашей страны и Республики Парагвай — не «крепости социализма XXI века», как Куба или Никарагуа, и не геополитического гиганта, как Бразилия или Аргентина, при том, что именно две эти категории государств, очевидно, служат главным критерием поиска партнеров Москвы в регионе.

Во-первых, Парагвай интересен тем, что предоставляет России редкую в региональном контексте возможность опираться в своем проникновении в Латинскую Америку на абсолютно не идеологизированную и при этом позитивную историческую память.

Наиболее примечательный с этой точки зрения сюжет — Чакская война (между Боливией и Парагваем, 1932–1935), ход которой был отмечен важной ролью в жизни и исторической судьбе Парагвая именно русских людей, а не русских коммунистов. Президент Парагвая Орасио Картес (2013–н. в.) так и заметил в своем интервью первому заместителю генерального директора ТАСС Михаилу Гусману: «В прошлом русские отдали жизни за нашу страну, мы помним об этом. Наш народ хранит любовь к далекой Росси-

⁵ *Региональные приоритеты. Концепция внешней политики Российской Федерации* (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). М., 2016.

⁶ «Парламент Венесуэлы аннулировал сделку по увеличению доли „Роснефти“ в Petromonagas до 40 %» // *Ведомости*. 12.02.2017.

⁷ Кувырков М. «Кризис в Венесуэле угрожает российским инвестициям» // *Взгляд*. 30.05.2017.

и»⁸. Благодаря контактам по исторической линии белоэмигрантов в Парагвае существует серьезный русский след. Количественно русская диаспора в Парагвае невелика — всего несколько тысяч человек⁹, но ее влияние на общественную и политическую жизнь страны заметно. Так, по свидетельствам самого О. Картеса, в настоящий момент в кругу важнейших советников президента имеется ряд потомков русских¹⁰. Нельзя не сказать и о проведении мероприятий, нацеленных на продвижение русской культуры: к примеру, весной 2017 г. в Парагвае проходили Дни русского кино¹¹.

Таким образом, Парагвай уже сейчас мог бы выступить неплохой стартовой площадкой для реализации российского мягкосилового потенциала с позитивной повесткой (не основанной на конъюнктурной, а значит, сомнительно эффективной идее борьбы против «общего врага» — США и их союзников). Как при этом отмечает исследователь Университета Экстерната Колумбии Пио Гарсиа, мягкосиловое вовлечение является одной из непреходящих универсальных, в отличие от военно-политических альянсов, составляющих успешного взаимодействия любого стороннего государства с государствами Латинской Америки вообще¹².

Интересно заметить, что позитивная историческая память Парагвая о России не может быть каким-то образом омрачена советским прошлым, которое, по мнению некоторых рядовых представителей современных латиноамериканских обществ, так же, как и у США, отличалось у СССР империалистической борьбой за сферы влияния в третьем мире¹³. По иронии исторической судьбы, Россия с 1917-го по начало 1990-х просто не поддерживала с Парагваем дипломатических отношений, в связи с чем не было необходимости их демонстративно разрывать, скажем, с началом стрессневской диктатуры. При этом Москва, в отличие от Вашингтона, не была

⁸ «Президент Парагвая: отношения Москвы и Асунсьона должны развиваться в разных сферах» // ТАСС. 01.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3170061> (дата обращения: 01.10.2017)

⁹ Наумов А. «Русский очаг в Парагвае» // Информационный портал фонда «Русский мир». 28.01.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskiymir.ru/publications/85011/> (дата обращения: 01.10.2017)

¹⁰ ТАСС. Ibidem.

¹¹ "Rusia celebra su cine en Paraguay" // ABC Color. 16.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abc.com.py/espectaculos/cine-y-tv/rusia-celebra-su-cine-en-paraguay-1594169.html> (дата обращения: 01.10.2017)

¹² García P. "Rusia y América Latina: las agendas compatibles hacia el futuro" // OASIS. 2012. No. 17. P. 65–87 [Электронный ресурс]. URL: <http://revistas.uexternado.edu.co/index.php/oasis/article/view/3665/3765> (дата обращения: 01.10.2017)

¹³ См., напр., комментарии читателей к следующей публикации: "Rusia y su abrazo a América Latina" // La Prensa. 13.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.laprensa.com.ni/2016/11/13/politica/2134360-rusia-abrazo-america-latina> (дата обращения: 01.10.2017)

замечена во вмешательстве во внутренние дела Парагвая в сложные времена диктатуры и борьбы против нее демократического подполья¹⁴. Так или иначе, основным итогом правильной «работы» позитивной исторической памяти о России должен являться сегодняшний положительный имидж этой страны в Парагвае, констатировать наличие которого как раз позволяют наблюдения Latinobarómetro: по состоянию на 2016 г., 55 % опрошенных граждан Парагвая заявили о своем «очень хорошем» или «хорошем» отношении к России и только 10 % высказались о ней негативно¹⁵.

Во-вторых, Парагвай можно назвать страной-индикатором сложной динамики регионального контекста. Речь при этом должна идти как о кризисных, так и интеграционных явлениях, как упоминалось в начале.

Что касается кризисов, то с Парагваем связаны два крупных вызова для региональной безопасности. Во-первых, это герилья левацкой «Армии парагвайского народа» (Ejército del Pueblo Paraguayo). На фоне мирного процесса в Колумбии последних лет можно было бы говорить о приближении «освобождения» Южной Америки от исторического феномена герильи, но деятельность ЕРР, в полную силу развернувшаяся только в 2010-е, не позволяет это сделать. Во-вторых, «серая зона» в области «трехграничья», где наркотрафик, контрабанда оружия и другая организованная преступность угрожает территориям больших и исключительно важных для российских внешнеполитических планов в Латинской Америке соседей Парагвая — Аргентины и Бразилии.

Кроме того, как показывает содержание первых принятых в ходе построения диалогового формата «Россия — СЕЛАК» коммюнике, Россия в принципе выделяет сферу безопасности как одну из важнейших в многостороннем взаимодействии со странами Латинской Америки¹⁶. И поскольку некоторые парагвайские опыты по противодействию вызовам и угрозам национальной безопасности связаны с повесткой общерегиональных институтов (такова, в частности, Концепция кибербезопасности, запущенная

¹⁴ О всестороннем влиянии США на жизненный цикл режима Стресснера в Парагвае — от расцвета диктатуры до кризиса и старта демократического транзита — подробно сообщает, например, американский эксперт Фрэнк О' Мора. См. O'Mora F. "The Forgotten Relationship: United States-Paraguay Relations, 1937–89" // *Journal of Contemporary History*. Vol. 33. No. 3. Jul., 1998. P. 451–473 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jstor.org/stable/261125?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁵ "Paraguay: opinion sobre Rusia". Latinobarómetro. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp> (дата обращения: 01.10.2017)

¹⁶ *Совместное заявление министров иностранных дел России и «квартета» СЕЛАК о взаимодействии в рамках Постоянного механизма политического диалога и сотрудничества между Российской Федерацией и СЕЛАК*. Сочи, 14.11.2016 // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2522026 (дата обращения: 01.10.2017)

парагвайским министерством ИТ и коммуникаций при поддержке ОАГ и заявленная при этом Парагваем в качестве «модельной» для Латинской Америки¹⁷), непосредственный интерес к ним России был бы весьма оправдан.

Касаясь интеграции, стоит обратить внимание на то, что, будучи малым членом таких южноамериканских объединений, как МЕРКОСУР и УНАСУР, Парагвай обладает в них своей принципиальной позицией. Так, с идеологической точки зрения можно по-разному оценивать парагвайское лоббирование неучастия Венесуэлы в МЕРКОСУР, однако с точки зрения ценностно-правовой парагвайская позиция означает, в том числе, и недопущение размывания институциональной базы данного интеграционного объединения. Тем более, что летом 2012 — весной 2013 гг. вследствие импичмента президенту Фернандо Луго сам Парагвай оказывался исключенным из организации по решению других ее членов как нарушитель норм протокола «Ушуайя» (1998) о незыблемости конституционного порядка¹⁸. Парагвайская установка на институциональную твердость и ценностную непротиворечивость интеграционных полюсов южноамериканского регионализма на примере МЕРКОСУР приобретает значение, в первую очередь, потому, что обратные тенденции ведут к подрыву самих этих полюсов и замещению их единственной на сегодняшний момент мощной альтернативой — атлантистско-панамериканским, связанным с интересами США, интеграционным началом. Для России такое изменение правил игры означает большие сложности. Между тем, оно уже происходит, ярким примером чего может служить изменившаяся позиция Аргентины, при Маурисио Макри присоединившейся к связанному с неолиберальной идеологией и экономикой Тихоокеанскому альянсу и развивающей риторику о необходимости искоренения чрезмерной «политизации» МЕРКОСУР и сближения его с «более открытыми» структурами и идеалами Тихоокеанского альянса¹⁹.

Наконец, в-третьих, Парагвай достаточно интересен и как нетрадиционный торгово-экономический партнер, на обретение которого в Латинской Америке Россия «под санкциями» делает большую ставку.

Хотя, по данным Российского экспортного центра и Международного торгового центра (International Trade Center, ИТС) в 2014–2016 гг. в дву-

¹⁷ OEA apoyará a Paraguay en el desarrollo de su Plan Nacional de Seguridad Cibernética. Comunicado de prensa. Centro de noticias de la OEA. 03.11.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.oas.org/es/centro_noticias/comunicado_prensa.asp?sCodigo=C-476/14 (дата обращения: 01.10.2017)

¹⁸ Подробнее см.: Кудеярова Н. «Возвращение в фарватер привычной политики?» // *Латинская Америка*. 2013. № 10. С. 4–22.

¹⁹ Molina F. R. "Mercosur y Alianza del Pacífico inician la integración contra el proteccionismo de Donald Trump" // *El País*. 07.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2017/04/07/argentina/1491590076_975735.html (дата обращения: 01.10.2017)

сторонней торговле Парагвая и России наблюдается негативная динамика²⁰ при отрицательном торговом балансе для последней, экспорт России в Парагвай постепенно становится более качественно сложным. Например, как демонстрируют те же данные ИТС, в последнее десятилетие XXI в. устанавливается практика приобретения Парагваем в России энергетического оборудования. Это может означать не только общий рост потенциала местного рынка сбыта для российской продукции, но и стратегическую заинтересованность Парагвая в России как торгово-инвестиционном партнере, поскольку именно капитализация электроэнергетики (в Парагвае особый приоритет отдается гидроэнергетике) имеет исключительно большое значение для этой страны.

Показательно и то, что, не приобретая в России вооружения для военных целей и сопутствующие материалы, Парагвай заинтересован в контактах с Москвой по линии ядерных технологий. Атом в Парагвае используется для мирных неэнергетических медицинских и исследовательских нужд, и при этом стране не хватает собственных технологических мощностей как для разработки соответствующих ископаемых пород, так и для практического применения атома. Российский опыт в этой связи для Парагвая становится привлекательным, о чем говорит, например, прошедший в апреле 2017 г. в Асунсьоне экспертный семинар, посвященный современным ядерным технологиям. Семинар был инициирован парагвайской стороной при поддержке посольства России в Республике Парагвай, Национального университета Асунсьона, Национальной службы радиологического и ядерного регулирования Парагвая (Autoridad Reguladora Radiológica y Nuclear, ARRN) и состоялся в рамках Меморандума о взаимопонимании между «Росатомом» и ARRN о мирном использовании атомной энергии еще от октября 2016 г.²¹.

Как можно убедиться, в частности, на примере ситуации с венесуэльскими парламентариями и «Роснефтью», добыча стратегического сырья — отрасль в текущих торгово-инвестиционных отношениях России и стран Латинской Америки рискованная, привязанная к сложным внутривнутриполитическим трансформациям этих стран. Но нужно заметить, что Парагвай даже при правоориентированном О. Картесе держится в этом смысле относительно деидеологизированно: являясь традиционным партнером США, он

²⁰ «Парагвай. Страновой экспортный профиль, 2016» // *Аналитика и исследования АО «Российский экспортный центр»* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.exportcenter.ru/spief2017/docs/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B3%D0%B2%D0%B0%D0%B9%20%D1%81%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0%202016.pdf> (дата обращения: 01.10.2017)

²¹ «Росатом» провел в Парагвае семинар на тему современных атомных технологий и их применения. Пресс-служба компании «Росатом — Международная сеть». 24.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://rosatom.ru/journalist/news/rosatom-provel-v-paragvae-seminar-na-temu-sovremennykh-atomnykh-tekhnologiy-i-ikh-primeneniya/> (дата обращения: 01.10.2017).

наработал практику диверсификации контактов по стратегическим отраслям, таким, как оборона или энергетика, за счет европейских и латиноамериканских стран. Можно ожидать поэтому, что и Россия для Парагвая оказывается «еще одной европейской страной», торгово-экономический интерес к которой имеет широкую прагматичную, а не конъюнктурную основу.

Таким образом, если Россия заинтересована в разработке новой внешнеполитической стратегии для латиноамериканского направления, ей следует уделять большое внимание случаям отдельных стран. На примере Парагвая можно увидеть, что это должны быть и малые по географическим габаритам, но значимые с точки зрения регионального контекста игроки. Ведь мягкосиловое вовлечение, «интеграция интеграций», диверсификация торгово-инвестиционных связей — это как раз и есть те широко известные и громко формулируемые в официальной документации сегодняшние приоритеты нашей страны на латиноамериканском направлении. И, как мы стремились показать, случай Парагвая их напрямую касается.

Библиография

1. *Наумов А.* Русский очаг в Парагвае // Информационный портал фонда «Русский мир». 28.01.2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskiymir.ru/publications/85011/> (дата обращения: 01.10.2017)
2. *Коновалова К.* Ejército del Pueblo Paraguayo: очаг левого экстремизма в благополучном Южном конусе? // Латинская Америка: проблемы безопасности и новые глобальные вызовы: тезисы докладов научной конференции молодых ученых. М., ИЛА РАН. 18.05.2016. С. 33–34.
3. *Кувырко М.* Кризис в Венесуэле угрожает российским инвестициям // Взгляд. 30.05.2017.
4. *Кудярова Н.* Возвращение в фарватер привычной политики? // Латинская Америка. 2013. № 10. С. 4–22.
5. Парагвай. Страновой экспортный профиль, 2016 // Аналитика и исследования АО «Российский экспортный центр». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.exportcenter.ru/spief2017/docs/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B3%D0%B2%D0%B0%D0%B9%20%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0%202016.pdf> (дата обращения: 01.10.2017)
6. Парламент Венесуэлы аннулировал сделку по увеличению доли «Роснефти» в Petromonagas до 40 % // Ведомости. 12.02.2017.
7. Президент Парагвая: отношения Москвы и Асунсьона должны развиваться в разных сферах // ТАСС. 01.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/31700614> (дата обращения: 01.10.2017)
8. Региональные приоритеты // Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). М., 2016.

9. «Росатом» провел в Парагвае семинар на тему современных атомных технологий и их применения. Пресс-служба компании «Росатом — Международная сеть». 24.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://rosatom.ru/journalist/news/rosatom-provel-v-paragvae-seminar-na-temu-sovremennykh-atomnykh-tekhnologiy-i-ikh-primeneniya/> (дата обращения: 01.10.2017)
10. Совместное заявление министров иностранных дел России и «квартета» СЕЛАК о взаимодействии в рамках Постоянного механизма политического диалога и сотрудничества между Российской Федерацией и СЕЛАК. Сочи, 14.11.2016 // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2522026 (дата обращения: 01.10.2017).
11. *García P.* Rusia y América Latina: las agendas compatibles hacia el futuro // *OASIS*. 2012. No. 17. P. 65–87 [Электронный ресурс]. URL: <http://revistas.uexternado.edu.co/index.php/oasis/article/view/3665/3765> (дата обращения: 01.10.2017)
12. *O'Mora F.* The Forgotten Relationship: United States-Paraguay Relations, 1937–89 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 33. No. 3. Jul., 1998. P. 451–473 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jstor.org/stable/261125?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 01.10.2017)
13. Paraguay: opinion sobre Rusia. *Latinobarómetro*. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp> (дата обращения: 01.10.2017)
14. OEA apoyará a Paraguay en el desarrollo de su Plan Nacional de Seguridad Cibernética. Comunicado de prensa. Centro de noticias de la OEA. 03.11.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.oas.org/es/centro_noticias/comunicado_prensa.asp?sCodigo=C-476/14 (дата обращения: 01.10.2017)
15. *Molina F. R.* Mercosur y Alianza del Pacífico inician la integración contra el proteccionismo de Donald Trump // *El País*. 07.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2017/04/07/argentina/1491590076_975735.html (дата обращения: 01.10.2017)
16. Rusia y su abrazo a América Latina // *La Prensa*. 13.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.laprensa.com.ni/2016/11/13/politica/2134360-rusia-abrazo-america-latina> (см. комментарии к публикации) (дата обращения: 01.10.2017)
17. Rusia celebra su cine en Paraguay // *ABC Color*. 16.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abc.com.py/espectaculos/cine-y-tv/rusia-celebra-su-cine-en-paraguay-1594169.html> (дата обращения: 01.10.2017)

Villas de emergencia: история возникновения трущоб в Буэнос-Айресе и стигматизация их жителей

Villas de emergencia: the history of the slums in Buenos Aires and the stigmatization of their inhabitants

Resumen: El informe se enfoca en las etapas importantes del proceso de formación de los asentamientos informales, es decir las villas de emergencia en Buenos Aires. La autora analiza en si mismo el fenómeno de la estigmatización y de la identidad social de los habitantes y algunas propuestas para urbanizar dichos asentamientos. El informe consiste en dos partes principales: el componente histórico y social del fenómeno de los barrios marginales en Buenos Aires, que están estrechamente entrelazados. Se destacan tales aspectos como la exclusión social, las relaciones informales dentro de las villas y la criminalización de las villas de emergencia por parte de la sociedad.

Palabras clave: asentamientos informales; villas de emergencia; villas miseria; exclusión social; erradicación; urbanización; Argentina; Buenos Aires.

Abstract: The report focuses on important stages of the formation process of informal settlements in Buenos Aires. The author also analyzes the phenomenon of stigmatization and social identity of inhabitants and some proposals to urbanize such settlements. The report consists of two main parts: the historical and social component of the phenomenon of marginal neighborhoods in Buenos Aires, which are closely intertwined. It highlights such aspects as social exclusion, informal relations within the informal settlements, drug trafficking and consuming and the criminalization of villas by society.

Key words: informal settlements; villas miseria; social exclusion; eradication; urbanization; Argentina; Buenos Aires.

Индустриализация XIX в. повлекла за собой процесс урбанизации, активно развивавшийся на протяжении всего XX в. Если в начале века только одна восьмая часть населения мира жила в городах, то к его концу цифра приблизилась к 3 млн, что составляло около половины населения мира².

В результате сложного процесса миграции населения имел место прогрессивный рост городов: экономическая активность привела к увеличению

¹ Сыртланова Олеся Римовна, Россия, магистр международных отношений, СПбГУ (lesyasyrtlanova9@mail.ru).

² Wagner R. F. *Los asentamientos informales como cuestión. Revisión de algunos debates.* María Cristina Cravino (ed.). Los mil barrios (in)formales. Aportes para la construcción de un observatorio del hábitat popular del Área Metropolitana de Buenos Aires, Los Polvorines, Universidad Nacional de General Sarmiento, 2008, 15.

спроса на рабочую силу, что вело большие миграционные потоки в города в поисках работы и улучшения качества жизни. Ускоренный рост городов Латинской Америки спровоцировал недостаток жилищного фонда, что вызвало процесс поселения на свободных землях в районах, не подходящих для урбанизации³. Сопутствующая социальная изоляция отдельных лиц или семей, не являвшихся частью формального рынка и не располагающих достаточным доходом для покрытия своих основных расходов, является одной из характеристик городских трущоб⁴.

Аргентина характеризовалась своей ранней урбанизацией по сравнению с другими странами Латинской Америки. Буэнос-Айрес рос с головокружительной скоростью с конца XIX в. до середины XX в., превратившись в крупный мегаполис. Этот рост произошел в результате массового притока европейских мигрантов в XIX в., который оставался достаточно сильным до 1930 г.⁵

Между 1880 и 1910 гг. в Аргентину прибыло более четырех млн европейцев, 60 % из которых поселились в Буэнос-Айресе в так называемых *conventillos* в центре города и в *casas chorizo* в пригородных кварталах. В 1911 г. правительство приступило к строительству нового порта к северу от Пуэрто-Мадеро, где в 1920 г. образовались первые жилые помещения для портовых и железнодорожных рабочих. В 1929 г. в результате мирового экономического кризиса многие европейские иммигранты остались без работы. В 1931 г. военное правительство Хосе Урибуру решает предоставить приют портовым работникам, польским иммигрантам, на нескольких свободных складах в районе Пуэрто-Нуэво. Упомянутый поселок назывался *Villa Desocupación*, впоследствии изменив свое название на *Villa Esperanza*⁶.

Подобные неформальные поселения стали активно появляться в конце 1930-х гг. вокруг Буэнос-Айреса и других центральных городов — первоначальное расположение многих поселений было обусловлено возможностью получения работы в их окрестностях, что уменьшало транспортные расходы⁷.

В 1956 г. Национальная комиссия по жилищному строительству провела перепись и обнаружила, что в Буэнос-Айресе насчитывалось 21 нефор-

³ Wagner. *Op. cit.*, 18.

⁴ Gottelli C., Leclercq N., Solanet M. "Villas de emergencia en Buenos Aires. Análisis de propuestas" // *Libertad y progreso*. 2013, 3.

⁵ Cravino M. C. "La metamorfosis de la ciudad informal en el Área Metropolitana de Buenos Aires" // *Revista Lider*. 2009, Vol. 15, 34.

⁶ Gottelli, Leclercq, Solanet. *Op. cit.*, 3.

⁷ Bachiller S. "Moralidad, periferias y villas miseria. Indagando etnográficamente las representaciones sociales sobre los espacios urbanos relegados en Comodoro Rivadavia" // *Revista Estudios sociales contemporáneos*, 2014, No. 10, 82.

мальное поселение, в котором проживало 33 920 человек. Именно тогда жилищная проблема встала на национальном уровне. С тех пор чередующиеся администрации реализовали различные правительственные программы, чтобы попытаться решить жилищную ситуацию, но ни одна из них не оказалась действительно успешной⁸.

В докладе муниципальной комиссии по жилищному вопросу Буэнос-Айреса в 1980 г. трущобы характеризуются как «незаконные поселения семей на государственных землях, а в некоторых случаях и на частных, в сооружениях, не соответствующих минимальным стандартам пригодности для проживания, и с отсутствием инфраструктуры и гигиены, совместимых с городской жизнью, создавая высокий уровень переполненности⁹. Жизнь в трущобах виделась обитателями как возможность социального включения, восходящей социальной мобильности и интеграции. Переходное состояние предполагает название *villas de emergencia*, характеризующее их как временные поселения. Однако с течением времени они стали воспроизводиться все больше и больше, приобретая постоянный характер¹⁰.

Одним из самых значительных событий в недавней истории трущоб Буэнос-Айреса является их массовое уничтожение в 1978 г. во время последнего военного правительства. Эта мера характеризовалась предельной твердостью и репрессивным тоном, с которыми жители были изгнаны из своих жилищ, пополнив неформальные поселения Большого Буэнос-Айреса¹¹. План ликвидации неформальных поселений начался еще при администрации Артуро Илии в 1964 г. В то время население поселений увеличивалось примерно на 15 % в год. Одновременно с ликвидацией трущоб планировалось предоставлять кредиты на недвижимость для их жителей. Военный переворот 1976 г. положил конец этому плану, и началась агрессивная программа искоренения. Первоначально усилия были сосредоточены на уничтожении трущоб рядом со стадионами футбольного клуба River Plate в Нуньесе и в наиболее богатых районах Буэнос-Айреса. Это было связано с предстоящим чемпионатом мира 1978 г., который обращал международное внимание на столицу¹².

⁸ "A brief history of Buenos Aires' villas" // *Buenos Aires Herald*. 31.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.buenosairesherald.com/article/225217/a-brief-history--of-buenos-aires%E2%80%99-villas> (дата обращения: 01.10.2017).

⁹ Giménez M. N., Ginóbili M. E. "Las „villas de emergencia“ como espacios urbanos estigmatizados" // *Historia Actual On Line*, 2013, No. 1, 76.

¹⁰ Gottelli, Leclercq, Solanet, *Op. cit.*, 3.

¹¹ Guber Rosana. "Identidad social villera" // *Enía*. Olavarría, No. 32, 1984, 116.

¹² "A brief history of Buenos Aires' villas"...

В последнее десятилетие XX в. в Аргентине имели место различные социально-экономические кризисы, которые углубились в 1990-х гг. в результате внедрения новой экономической модели. Социально-экономический кризис 1989 г. усугубил сложное положение жителей трущоб¹³. В попытке выйти из указанного кризиса К. Менем, основываясь на неолиберальной парадигме, инициировал процесс приватизации государственных предприятий, либерализацию экономики и реструктуризацию частного сектора¹⁴. В результате произошло упразднение многих отраслей промышленности с последующей потерей занятости и ростом безработицы до 20 % экономически активного населения. Приватизация городских коммунальных служб привела к увеличению тарифов и стоимости пассажирских перевозок (как железнодорожных, так и автомобильных), что привело к увеличению расходов для людей, живущих на периферии¹⁵.

Реформы 1990-х гг. закончились экономическим провалом, и в 2001 г. разразился острейший экономический и социально-политический кризис, в результате которого население внутри нерегулярных поселений города резко увеличилось — до более чем 107 000 человек, и с тех пор эти цифры продолжают расти. Вместе с увеличением количества и размеров поселений был изменен и их облик. В то же время дома начали строиться из кирпича и цемента, что свидетельствовало о постоянном характере поселений¹⁶.

Стигматизация обитателей неформальных поселений

Рождение и эволюция преубеждений против тех, кто жил в трущобах, были связаны с процессом миграции сельского населения в город. Имел место национальный миф, согласно которому «аргентинцы высадились с кораблей». «Белое» население европейского происхождения, доминировавшее в столице, применяло различные унижительные прозвища в отношении тех, кто жил в трущобах, в отношении их физических характеристик — в особенности цвета кожи и волос, их индейского происхождения¹⁷.

Во время правления первого правительства Х. Д. Перона в трущобах преобладал оптимистичный климат вследствие полной рабочей занятости и расширения социальных прав. Свержение Х. Д. Перона в 1955 г. повлекло

¹³ Crovara M. E. "Pobreza y estigma en una villa miseria argentina" // *Política y Cultura*. México: Universidad Autónoma Metropolitana, 2004, No. 22, 37.

¹⁴ Giménez, Ginóbili. *Op. cit.*, 75.

¹⁵ Cravino. *Op. cit.*, 36.

¹⁶ "A brief history of Buenos Aires' villas"...

¹⁷ Bachiller. *Op. cit.*, 82.

за собой заметный рост стигматизации трущоб¹⁸. Во время военной диктатуры негативная коннотация базировалась на социальной опасности, исходящей от их жителей: считалось, что трущобы выступали как приют для преступников, нарко— и алкоголезависимых «тунеядцев», живших за чужой счет. Именно на этом этапе инакость *villero* выступила особенно ярко¹⁹.

В 1990-е гг. в рамках приватизации общественных предприятий упрочилась стигма обитателей трущоб как «мошенников», которые жили бесплатно, за счет других горожан. Кроме того, восприятие трущоб как «приюта для преступников» происходило в контексте безработицы и социально-экономической нестабильности, что способствовало распространению наркобизнеса и наркопотребления в трущобах²⁰. Так, последствием экономического кризиса стало появление нового наркотика — пако (*PBC — Pasta base de cocaína*), вызывающего сильное привыкание и завоевавшего популярность своей низкой стоимостью²¹.

Только в Буэнос-Айресе население тринадцати трущоб увеличилось на 77 % в период с 1991 по 2001 гг., до 93 000 человек. Большая часть этих поселений была расположена на юге города, за исключением *Villa 31* и *Villa 31 bis*, расположенных в районе Ретиро²².

Характерной чертой для разных исторических периодов является попытка классифицировать бедных. Таким образом, бедность возникает сама по себе как стигма, как отклонение: быть бедным означает быть другим в отрицательном или уничижительном смысле. Общим знаменателем в борьбе с нищетой является построение стереотипов: истины о некоторых людях экстраполируются на целую группу. Один из подобных стереотипов — считать бедных «лишенными достоинства» и связанными с миром преступности, бродяжничества, попрошайничества. Для жителей трущоб утвердилось уничижительное определение *villeros* — который подвергается различным дискриминациям со стороны остального общества: трудовая, связанная с трудностью нахождения стабильной работы; образователь-

¹⁸ Casabona V., Guber R. "Marginalidad e integración: una falsa disyuntiva". Leopoldo J. Bartolomé (ed.) // *Relocalizados. Antropología de las poblaciones desplazadas*. Buenos Aires, 1985, 158.

¹⁹ Hermitte E., Boivin M. "Erradicación de villas miseria y las respuestas organizativas de sus pobladores", Leopoldo J. Bartolomé (ed.) // *Relocalizados. Antropología de las poblaciones desplazadas*. Buenos Aires, 1985, 123.

²⁰ Puex N. "Las formas de la violencia en tiempos de crisis: una villa miseria del conurbano bonaerense" // *Heridas Urbanas. Violencia delictiva y transformaciones sociales en los noventa*. Buenos Aires: Editorial de las Ciencias, 2003, 43.

²¹ Mauro F. *País narco: tráfico de drogas en Argentina: del tránsito a la producción propia*. Buenos Aires, 2011, 143.

²² Lukin T. *Una ciudad fragmentada y desigual*. P. 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pagina12.com.ar/diario/economia/2-118063-2009-01-12.html>

ная — существует общее предубеждение, что принадлежность к трущобам является синонимом низких интеллектуальных способностей; социальная, проявляющаяся в нежелании социума устанавливать связи с жителями поселений; и гражданская в целом, включая правовую незащищенность²³.

Villero — социальная фигура, не беспокоящаяся о материальном и духовном прогрессе, характеризующаяся своей аномией, отсутствием правил и морали, апатией. Социальная идентичность жителей может быть представлена двумя признаками: нищета и безнравственность. Либеральное мышление понимает человека как единственного ответственного за свою судьбу. Таким образом, нищета становится безнравственной, потому что «не имея», «не прогрессируя», житель трущоб подтверждает свои скудные этические достоинства²⁴.

Одним из основных источников построения стигмы являются средства массовой информации, так как они обладают высокой способностью формировать мнение и, следовательно, обуславливать способ восприятия реальности. Так, для газеты «La Nación» термин *villeros* означает людей, живущих в «ситуации маргинальности, перенаселенности и ненадежности». Используемый дискурс, который уже по своей форме стигматизирует, не только формирует мнение, но и создает идентичность. Маргинальность выражается главным образом в отсутствии безопасности, что порождает панику среди тех, кто живет за пределами трущоб: они бедны, эрго, они опасны. Словами, которые наиболее распространены в контексте, являются: «внутренний враг», «война», «преступность», «маргинальные поселения», «центр насилия». Газета «Clarín» с более умеренным стилем, чем газета «La Nación», строит идентичность вокруг таких понятий, как «беспомощность», «отсутствие выбора» и «аномия»²⁵.

Трущобы являются источником неформальных отношений. Социальные сети внутри поселений обычно гарантируют связь с временными рабочими местами, которые отвечают их ежедневным потребностям²⁶. Социальное исключение привело к формированию собственных рынков и социальной сплоченности, отличных от формального общества. Существует система нелегальной собственности, неформальных рынков недвижимости, одежды и продуктов питания. В то же время институциональная неформальность служит и убежищем для различных видов незаконной деятельности, таких

²³ Giménez, Ginóbili. *Op. cit.*, 75.

²⁴ Guber. *Op. cit.*, 117.

²⁵ Silva M. R. "Villas y asentamientos: mil estigmas en los medios". María Cristina Cravino (ed) // *Los mil barrios (in)formales. Aportes para la construcción de un observatorio del hábitat popular del Área Metropolitana de Buenos Aires*. Los Polvorines: Universidad Nacional de General Sarmiento, 2008, 231–234.

²⁶ Guber. *Op. cit.*, 118.

как продажа и потребление наркотиков, и других видов преступной деятельности. Однако следует отметить, что не все обитатели трущоб участвуют в подобных мероприятиях. Многие из них имеют официальные рабочие места, ходят в школу и стремятся к реинтеграции в общество²⁷.

Заключение

В 2013 г. была проведено радиографическое исследование территории Аргентины, в результате которого было обнаружено 2432 неформальных поселения, в них проживало около 3 млн человек²⁸. В 73 % неформальных поселений нет официального доступа к электрической сети, 98 % не имеют канализационной сети, в 95 % семьи не имеют доступа к проточной воде. К крупнейшим неформальным поселениям относятся *Villa 1-11-14* в Бахо Флорес, в котором насчитывается около 13 000 семей, и *Villa 21–24* в районе Барракас, в котором насчитывается около 16 000 семей. В наиболее знаковых поселениях *Villa 31* и *31 bis*, расположенных в благополучном районе Ретиро, в общей сложности проживает 9500 семей²⁹.

Правительство М. Макри в соответствии с обещанием своей кампании добиться «нулевой бедности» в 2016 г. подписало указ о предоставлении семейных жилищных сертификатов почти 2 млн человек, проживающих в 4000 неформальных поселениях. Документ не означает признания права собственности на землю, которую они занимают, но это позволит обитателям трущоб договориться с сервисными компаниями о предоставлении им воды, газа, канализации или электричества и таким образом улучшить их качество жизни.

Также в 2016 г. было объявлено о планах по реорганизации некоторых из наиболее символических поселений, среди которых *Villa 20* и *Villa 31*. Программа включает в себя проведение канализации и освещения и, в конечном счете, слияние пригорода с окрестностями³⁰. Планируется ликвидировать шоссе, под которым располагаются дома-самострой, и создать там парковую зону³¹.

²⁷ Gottelli, Leclerq, Solanet. *Op. cit.*, 3.

²⁸ Bastus L. "Radiografía de la pobreza" // *Página 12*. 01.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pagina12.com.ar/921-radiografia-de-la-pobreza> (дата обращения: 01.10.2017).

²⁹ "A brief history of Buenos Aires' villas"...

³⁰ Pradilla A. "Las villas de Buenos Aires buscan la legalización" // *La Marea*. 04.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lamarea.com/2017/07/04/las-villas-buenos-aires-buscan-la-legalizacion/> (дата обращения: 01.10.2017).

³¹ Cué C. E. "La 31, de villa miseria a nuevo barrio de Buenos Aires" // *El País*. 30.08.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2016/08/30/argentina/1472565308_299661.html (дата обращения: 01.10.2017).

Таким образом, трущобы Буэнос-Айреса, появившиеся в 1930-х гг., пережили различные подходы правительств по решению жилищной проблемы, включая попытки принудительного искоренения и переселения, и урбанизации, которые оказались бессильными. Одновременно с появлением неформальных поселений начали формироваться и предубеждения городского населения относительно их обитателей: их идентичность связана с ленью, маргинальностью, нищетой, преступным миром. Как правило, многие преступные деяния инкриминируются жителям трущоб в результате подобной стигматизации. Представляется, что проблема носит гораздо более сложный характер, и недопустимо упрощать ситуацию, характеризуя всех жителей неформальных поселений как преступников. Важно также понимать, что проблема трущоб является динамичной и должна рассматриваться в рамках иммиграционной политики на национальном уровне, при координации с политикой регионального планирования и развития территории. Целью в среднесрочной и долгосрочной перспективе должно стать включение этих неформальных секторов в формальную экономику.

Библиография

1. A brief history of Buenos Aires' villas // Buenos Aires Herald. 31.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.buenosairesherald.com/article/225217/a-brief-history--of-buenos-aires%E2%80%99-villas> (дата обращения: 01.10.2017)
2. Pradilla A. Las villas de Buenos Aires buscan la legalización // La Marea. 04.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lamarea.com/2017/07/04/las-villas-buenos-aires-buscan-la-legalizacion/> (дата обращения: 01.10.2017)
3. Cué C. E. La 31, de villa miseria a nuevo barrio de Buenos Aires // El País. [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2016/08/30/argentina/1472565308_299661.html (дата обращения: 01.10.2017)
4. Gottelli C., Leclercq N., Solanet M. Villas de emergencia en Buenos Aires. Análisis de propuestas // Libertad y progreso. 2013. P. 1–17.
5. Hermitte E., Boivin M. Erradicación de villas miseria y las respuestas organizativas de sus pobladores. Leopoldo J. Bartolomé (ed.) // Relocalizados. Antropología de las poblaciones desplazadas. Buenos Aires, 1985. P. 117–144.
6. Mauro F. País narco: tráfico de drogas en Argentina: del tránsito a la producción propia. Buenos Aires, 2011.
7. Bastus L. Radiografía de la pobreza // Página 12. 01.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pagina12.com.ar/921-radiografia-de-la-pobreza> (дата обращения: 01.10.2017)
8. Giménez M. N., Ginóbili M. E. Las “villas de emergencia” como espacios urbanos estigmatizados // Historia Actual On Line. 2013. No. 1. P. 75–81.
9. Cravino M. C. La metamorfosis de la ciudad informal en el Área Metropolitana de Buenos Aires // Revista Lider. 2009. Vol. 15. P. 34.

10. *Crovara M. E.* Pobreza y estigma en una villa miseria argentina // *Política y Cultura*. México: Universidad Autónoma Metropolitana. 2004. No. 22. P. 31–55.
11. *Silva M. R.* Villas y asentamientos: mil estigmas en los medios. María Cristina Cravino (ed). *Los mil barrios (in)formales. Aportes para la construcción de un observatorio del hábitat popular del Área Metropolitana de Buenos Aires*. Los Polvorines: Universidad Nacional de General Sarmiento. 2008. P. 231–248.
12. *Puex N.* Las formas de la violencia en tiempos de crisis: una villa miseria del conurbano bonaerense // *Heridas Urbanas. Violencia delictiva y transformaciones sociales en los noventa*. Buenos Aires: Editorial de las Ciencias. 2003. P. 35–70.
13. *Wagner R. F.* Los asentamientos informales como cuestión. Revisión de algunos debates. María Cristina Cravino (ed.) // *Los mil barrios (in)formales. Aportes para la construcción de un observatorio del hábitat popular del Área Metropolitana de Buenos Aires*. Los Polvorines: Universidad Nacional de General Sarmiento, 2008. P. 13–44.
14. *Guber R.* Identidad social villera. *Enía*. Olavarría. No. 32. 1984. P. 115–125.
15. *Bachiller S.* Moralidad, periferias y villas miseria. Indagando etnográficamente las representaciones sociales sobre los espacios urbanos relegados en Comodoro Rivadavia // *Revista Estudios sociales contemporáneos*. 2014. No. 10. P. 79–89.
16. *Lukin T.* Una ciudad fragmentada y desigual // *Página 12*, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pagina12.com.ar/diario/economia/2-118063-2009-01-12.html> (дата обращения: 01.10.2017)
17. *Casabona V., Guber R.* Marginalidad e integración: una falsa disyuntiva. Leopoldo J. Bartolomé (ed.) // *Relocalizados. Antropología de las poblaciones desplazadas*. Buenos Aires, 1985. P. 145–163.

Проблема прав человека на протяжении кризиса в Венесуэле

The problem of human rights during the crisis in Venezuela

Резюме: В докладе характеризуется общая ситуация относительно соблюдения прав человека в Венесуэле. Нестабильная экономическая и политическая ситуация привела к массовым протестам среди граждан Венесуэлы, что сопровождается жертвами и обостряет проблему прав человека. Защита прав человека и основных свобод — это обязанность государства, не зависящая от его политической, экономической и культурной системы.

Ключевые слова: Венесуэла; политический кризис; экономический кризис; протесты; права человека.

Abstract: The report summarizes the overall situation regarding the human rights in Venezuela. Unstable economic and political situation has led to mass protests among the citizens of Venezuela and casualties. The issue of human rights escalates constantly. Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms is the duty of the state, independent of its political, economic and cultural system.

Key words: Venezuela; political crisis; economic crisis; protests; human rights.

Сегодня Венесуэла находится на этапе глубокого политического, социального, экономического и институционального кризиса, который начался в 2013 году и обострился после падения цен на основной экспортный товар — нефть.

С тех пор и до сегодняшнего дня продолжает расти инфляция, усиливаются противоречия между властью и оппозицией и недовольство населения, которое отвечает массовыми акциями и протестами.

Для исследования проблемы прав человека в Венесуэле я обратилась к источникам официальных ведомств Венесуэлы (Национальной ассамблеи (законодательный орган)), а также к документам международных и неправительственных организаций, специализирующихся на правах человека (УВКПЧ ООН, Комитет против пыток УВКПЧ ООН, Международная кризисная группа, Human Rights Watch, Coalición de Organizaciones por el Derecho a la Salud y la Vida (Codevida), Amnesty International).

¹ Нехамес Мария Игоревна, Россия, студентка бакалавриата МГУ им. М. В. Ломоносова (maria.nekhames@gmail.com).

В соответствии с международным правом государства берут на себя обязательства по уважению, защите и выполнению прав человека. Венесуэла подписала и ратифицировала большое количество документов в сфере прав человека, однако политика в этом вопросе достаточно часто подвергалась критике со стороны разных правозащитных организаций, как и реформы Уго Чавеса.

После начала кризиса ситуация резко ухудшается. На сегодняшний день Венесуэла обвиняется во множественных нарушениях прав человека, наиважнейшие проблемы из которых — разногласия правительства и Национальной ассамблеи (парламент), последствия гуманитарного кризиса и следующие из этого столкновения протестующих с национальной гвардией и полицией.

Гуманитарный кризис

По причине экономических проблем перебои в поставках продовольствия возникли еще в 2014 году. 15 марта 2017 г. оппозиционная Национальная ассамблея Венесуэлы приняла резолюцию о гуманитарном кризисе в стране. Цены на лекарства и продовольствие не только бесконтрольно растут, но их практически нет на прилавках. Для того, чтобы купить продукты, граждане Венесуэлы должны каждый день стоять в огромных очередях. Ради этого людей даже отпускают с работы. Покупателям даны четкие инструкции: покупать дефицитные товары они могут только в строго определенные два дня, в зависимости от последней цифры номера паспорта. Например, если номер паспорта оканчивается на «0» или «1», в очередь гражданин может встать только в понедельник, «2» и «3» — во вторник, и так далее. В субботу стоят в очереди граждане с последними цифрами от «0» до «4» и в воскресенье, соответственно, от «5» до «9»².

Отказ правительства принять помощь международных организаций для разрешения гуманитарного кризиса усугубил критическую ситуацию в области здравоохранения. Плохое состояние медицины привело к увеличению случаев болезней, поддающихся лечению, таких как малярия и туберкулез. Неправительственная организация Коалиция организаций по праву на жизнь и здоровье (Codevida) подсчитала, что существует нехватка 75 % дорогостоящих лекарств и 90 % основных лекарств³.

² «Очереди в Венесуэле стали нормой жизни» // *BBC*. 15 апреля 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/04/150420_venezuela_extreme_queues (дата обращения: 01.10.2017).

³ *VENEZUELA 2016/2017 annual report*. Amnesty International [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/countries/americas/venezuela/report-venezuela/> (дата обращения: 01.10.2017).

Правительство и оппозиция

Нарушения прав человека происходят в условиях абсолютной концентрации власти в руках правительства, когда нет независимых институтов, которые могли бы выступать в качестве контроля над исполнительной властью. После установления президентом Уго Чавесом политического контроля над Верховным судом в 2004 году судебная система прекратила свою деятельность как независимая ветвь власти. Правительство также контролирует Национальный избирательный совет. С помощью этих органов правительство пытается лишить Национальную ассамблею основных ее полномочий.

В декабре 2015 года оппозиция выиграла две трети мест в Национальной ассамблее. В ответ правительство Мадуро инициировало политику игнорирования оппозиции и попытки лишить силы любое из решений Ассамблеи. Используя номинально автономный Верховный суд, Мадуро объявил все законы, принятые оппозицией, либо неконституционными, либо финансово неисполнимыми. Конституционный суд сократил полномочия парламента, в том числе надзор за исполнительной властью и бюджетные полномочия, обвинив Национальную ассамблею в покупке голосов на выборах. В ответ оппозиция инициировала референдум об отставке президента Николаса Мадуро в соответствии со статьей 72 Конституции Венесуэлы. Мадуро использовал свой контроль над избирательной комиссией, чтобы задержать и в конечном итоге заблокировать референдум, который был отложен на неопределенный срок.

30 июля 2017 года состоялись выборы в Национальное учредительное собрание. Президент заявил, что это позволит положить конец массовым протестам и установить в стране мир и согласие, однако оппозиция утверждает, что цель выборов — установление абсолютной власти Мадуро путем изменения конституции страны. Оппозиция не признала выборы, указывая на то, что, согласно конституции, созыв учредительного собрания должен быть осуществлен через референдум.

В докладе ООН по правам человека рассматривается ситуация с правами человека у протестующих в этот период и обнаруживаются многочисленные нарушения. К ним относятся чрезмерное применение силы, нарушения права на жизнь и физическую неприкосновенность, произвольное задержание и нарушение права на мирные собрания.

Несколько месяцев оппозиция проводила почти ежедневные протесты. В ходе перестрелок с правительственными силами безопасности погибло более 100 человек. Первоначальными требованиями были: свободные и справедливые выборы; прием продовольствия и медицинской помощи для

облегчения гуманитарного кризиса; освобождение политических заключенных (которых насчитывается более 400 человек) и уважение разделения властей, включая полномочия парламента. Четыре месяца спустя ни одно из требований оппозиции не было выполнено.

Протесты и пытки

С 1 апреля по 31 июля 2017 г. Генеральная прокуратура начала расследование по меньшей мере по 1958 случаям сообщений о полученных ранениях во время демонстраций. Анализ результатов травм показывает, что применение силы постепенно возрастает. В первой половине апреля большинство травм было от вдыхания слезоточивого газа; к июлю медицинский персонал лечил огнестрельные ранения. Эти действия нарушают статью 68 Конституции Венесуэлы, согласно которой запрещается использование огнестрельного оружия и токсичных веществ при осуществлении контроля за проведением мирных демонстраций. В ходе антиправительственных демонстраций в Венесуэле были совершены обширные нарушения прав человека, которые указывают на «существование политики по пресечению политического инакомыслия и внушению страха населению»⁴. Злоупотребления со стороны венесуэльской полиции в вопросе прав человека происходят с 2014 года, что отмечено в докладах ООН. Согласно документам Комитета ООН против пыток, силы безопасности систематически используют чрезмерную силу для разгона демонстраций, нарушая международные и национальные стандарты.

В некоторых случаях, рассмотренных Управлением по правам человека ООН, были достоверные сообщения о жестоком, бесчеловечном или унижающем достоинство обращении со стороны сил безопасности. Используемая тактика включала в себя электрические удары, избиения, удушение газом и многочисленные угрозы⁵.

Несмотря на подавляющее количество доказательств злоупотреблений, нет никаких доказательств того, что ключевые должностные лица предприняли какие-либо шаги для предотвращения и наказания нарушений. Напротив, они преуменьшали злоупотребления или выдавали не-

⁴ *Human rights violations and abuses in the context of protests in the Bolivarian Republic of Venezuela from 1 April to 31 July 2017*. Geneva. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR). August 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/VE/HCRReportVenezuela_1April-31July2017_EN.pdf (дата обращения: 01.10.2017).

⁵ *Протестующие в Венесуэле подвергаются нарушениям и злоупотреблениям в области прав человека*. Доклад. Управление верховного комиссара по правам человека ООН. 31.08.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Stories/Pages/ReportProtestorsinVenezuelaHumanRightsViolations.aspx> (дата обращения: 01.10.2017).

правдоподобные общие опровержения, часто обвиняя демонстрантов в насилии. Единственный орган, признававший этот факт — Генеральная прокуратура Венесуэлы. В то же время генерального прокурора, Луису Ортега Диас, уволили в начале августа 2017 года, как она утверждает — за критику правительства.

* * *

Вывод однозначен — риск дальнейшего ухудшения положения в области прав человека в Венесуэле остается высоким, поскольку социальный кризис остается тяжелым, а поляризационная политическая напряженность продолжает возрастать. Для политического урегулирования в Венесуэле необходимо налаживание диалога между всеми ведущими политическими силами страны, что создало бы условия для исправления экономической ситуации.

Библиография

1. Borges: El único responsable de lo que ocurre en Venezuela es Maduro y su gobierno // Asamblea Nacional de la República Bolivariana de Venezuela. 29.08.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/_borges-el-unico-responsable-de-lo-que-ocurre-en-venezuela-es-maduro-y-su-gobierno (дата обращения: 01.10.2017)
2. Comisión de Defensa de la AN llama a la GN a proteger al pueblo y respetar la Constitución // Asamblea Nacional de la República Bolivariana de Venezuela. 4.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/_comision-de-defensa-de-la-an-llama-a-la-gn-a-proteger-al-pueblo-y-respetar-la-constitucion (дата обращения: 01.10.2017)
3. Diputada Salanova: El gobierno convirtió el hambre en la nueva epidemia sin antídoto // Asamblea Nacional de la República Bolivariana de Venezuela. 31.08.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/_diputada-salanova-el-gobierno-convirtio-el-hambre-en-la-nueva-epidemia-sin-antidoto (дата обращения: 01.10.2017)
4. Final Curtain for Venezuela's Democracy as Parliament is Dissolved // International Crisis Group. 27.08.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.crisisgroup.org/latin-america-caribbean/andes/venezuela/final-curtain-venezuelas-democracy-parliament-dissolved> (дата обращения: 01.10.2017)
5. Human rights violations and abuses in the context of protests in the Bolivarian Republic of Venezuela from 1 April to 31 July 2017 // Geneva, Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR). August 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/VE/HCRReportVenezuela_1April-31July2017_EN.pdf (дата обращения: 01.10.2017)

6. Marquina: Gobierno no puede controlar la inflación niel hambre // Asamblea Nacional de la República Bolivariana de Venezuela. 22.08.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/_marquina-gobierno-no-puede-controlar-la-inflacion-niel-hambre (дата обращения: 01.10.2017)
7. Pérez Roa: Escasez de medicinas es un golpe duro a la salud del pueblo Venezolano // Asamblea Nacional de la República Bolivariana de Venezuela. 04.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/_perez-roa-escasez-de-medicinas-es-un-golpe-duro-a-la-salud-del-pueblo-venezolano (дата обращения: 01.10.2017)
8. *Gunson P.* Venezuela's Last Flickers of Democracy // International Crisis Group, 3 august 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.crisisgroup.org/latin-america-caribbean/andes/venezuela/venezuelas-last-flickers-democracy> (дата обращения: 01.10.2017)
9. VENEZUELA 2016/2017 annual report // Amnesty International [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/countries/americas/venezuela/report-venezuela/> (дата обращения: 01.10.2017)
10. Venezuela: Senior Officials' Responsibility for Abuses // Human Rights Watch. 15.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hrw.org/news/2017/06/15/venezuela-senior-officials-responsibility-abuses> (дата обращения: 01.10.2017)
11. Venezuela: Violencia letal, una política de estado para asfixiar a la disidencia // Amnesty International. 10.07.2017.
12. Violence and Politics in Venezuela // International Crisis Group. 17.08.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.crisisgroup.org/latin-america-caribbean/andes/venezuela/violence-and-politics-venezuela> (дата обращения: 01.10.2017)
13. Протестующие в Венесуэле подвергаются нарушениям и злоупотреблениям в области прав человека. Доклад // Управление верховного комиссара по правам человека ООН. 31 августа 2017.
14. Очередив Венесуэле стали нормой жизни // BBC. 15 апреля 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/04/150420_venezuela_extreme_queues (дата обращения: 01.10.2017)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

М. С. Глебов¹

Роль публичной дипломатии Германии в условиях политического противоборства в Венесуэле

The role of Germany's public diplomacy in the context of political confrontation in Venezuela

Резюме: В докладе дается анализ использования правительством Германии публичной дипломатии как важного инструмента стратегической коммуникации для решения своих экономических и политических задач. В качестве примера выбрана Венесуэла, поскольку местный рынок весьма важен для германского капитала.

Ключевые слова: информационно-психологическое противоборство; стратегическая коммуникация; публичная дипломатия; политические фонды; Венесуэла; Германия.

Annotation: This paper analyses how the German government uses public diplomacy as an important strategic communication tool to meet its economic and political objectives. Venezuela is in focus because of the importance of regional markets for German capital.

Keywords: Psychological warfare; strategic communication; public diplomacy; political funds; Venezuela; Germany.

В научном сообществе публичная дипломатия понимается как «процесс коммуникации с иностранными аудиториями с участием правительства с целью обеспечения понимания и взаимопонимания их идей и идеалов, институтов и культуры, также как целей и политики»². Публичная

¹ Глебов Максим Сергеевич, Россия, аспирант Московского городского педагогического университета (regresnet@inbox.ru).

² *New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations* / Edited by Jan Melissen. N.Y., 2005. P. 221 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culturaldiplomacy.org>. [Site] (дата обращения: 26.07.2015); www.culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy.pdf (дата обращения: 26.07.2017).

дипломатия преследует следующие цели: 1) культивацию общественного мнения за рубежом; 2) взаимодействие частных групп и интересов одной страны с группами других стран; 3) содействие межкультурной коммуникацией между государствами, народами, гражданскими обществами и цивилизациями³.

В данной работе рассматривается применение правительством Германии публичной дипломатии как инструмента «мягкой силы» в рамках информационного противоборства⁴ на примере противодействия левым и левоцентристским движениям и правительствам в Венесуэле.

Латиноамериканский регион, как экономически, так и политически, имеет для Германии большое значение. Немецкие общины еще с конца XIX века являются самыми крупными и процветающими сообществами мигрантов в Чили, Аргентине и Венесуэле⁵. Немцы внесли значимый вклад в развитие региона, инвестируя средства в банки, строительство портов и железных дорог.

Также необходимо упомянуть колонию Товар, которую основали немцы, эмигрировавшие в Венесуэлу в XIX веке. Интересный факт: данная земля была подарена 13-м президентом Венесуэлы Мануэлем Фелипе Товаром, в честь которого и была названа колония. Колонисты выращивали кофе, ягоды, овощи. Колония и сейчас славится своими свежими овощами и фруктами. Естественно, Товар является популярнейшим туристическим городом.

На рубеже XIX–XX вв. Германия выступает одним из главных экономических партнеров стран Латинской Америки, уступая лишь США.

Также немецкие мигранты участвовали в формировании политического влияния Германии в регионе. Поэтому после Второй мировой войны немецкие фонды начали свою работу именно в Латинской Америке. Еще до объединения Германии, с 1950-х годов, правительство ФРГ, согласно доктрине Хальштейна⁶, занималось поиском «союзников» в экономически зависимых от нее странах Латинской Америки. Тем самым ФРГ стремилась утвердиться как единственное легитимное немецкое государство.

³ Anholt S., *Brand New Justice: The Upside of Global Branding*. Oxford, 2003, 192.

⁴ Изначально понятие «мягкая сила» подразумевало умение добиваться своих внешнеполитических целей на мировой арене не с помощью военной силы, но через дипломатические отношения, союзы, альянсы.

⁵ "Allemagne-Argentine: en Amérique du Sud, l'Allemagne est un peu chez elle" // *Journal Slate*. 13.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slate.fr/story/89823/alle-magne-argentine-amerique-sud-chez-elle> (дата обращения: 20.07.2014).

⁶ В декабре 1955 года государственным секретарем МИД ФРГ Вальтером Хальштейном на совещании послов Западной Германии была предложена внешнеполитическая доктрина, которая была направлена на изоляцию ГДР.

В XXI веке публичная дипломатия Германии применяется против прогрессивных режимов Латинской Америки. Пример вмешательства ФРГ во внутренние дела государств Латинской Америки — поддержка оппозиционных политиков во время президентских выборов в Венесуэле. Хотелось бы также отметить, что социальный протест венесуэльской оппозиции основан на недовольстве обеспеченной части граждан Венесуэлы правительством социалистов.

Речь идет о правом оппозиционной политике Каприлесе Радонски, отстаивающем интересы США в латиноамериканском регионе. В 2002 году он поддержал путч, подготовленный ЦРУ против законно избранного президента Уго Чавеса. Каприлес Радонски руководил осадой посольства Кубы, охотой за руководящими деятелями боливарианского режима⁷. В этой политической борьбе У. Чавес и его соратники вышли победителями.

После поражения путча страны Запада продолжают подрывную деятельность против легитимного президента Венесуэлы с целью утверждения у власти очередного проамериканского марионеточного режима, каких уже немало было в истории страны. В этом были задействованы и ведущие немецкие СМИ как важнейший инструмент публичной дипломатии. Они постоянно участвовали в медиавойне против Чавеса и его сторонников. К примеру, немецкое периодическое издание «Bild» охарактеризовало режим Венесуэлы как авторитарный, нарушающий права человека и представляющий угрозу миру⁸. На самого Чавеса наклеивались ярлыки «популиста-provokatora», «рецидивиста» и «безумного политика». Полярную позицию западные СМИ занимают по отношению к лидерам венесуэльской оппозиции. Например, крупнейшая европейская медиасеть «Euronews» 10 марта 2017 года выпустила статью, которая называется: «Леопольдо Лопес — венесуэльский Нельсон Мандела»⁹. Журналист «Euronews» Альберто де Филиппис назвал Лопеса главным противником этого режима. «Кто-то его считает венесуэльским Нельсоном Манделой. А другие полагают, что Леопольдо Лопес — это будущий президент страны»¹⁰.

⁷ Никандров Н., «Сакральная жертва как детонатор дестабилизации в Венесуэле» // *Фонд Стратегической культуры*. 27.03.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2012/03/27/sakralnaya-zhertva-detonator-destabilizacii-v-venesuele-13505.html> (дата обращения: 01.08.2015).

⁸ "Wie weit geht der Welt-Provokateur noch?" // *Zeitung Bild*. 18.08.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bild.de/politik/2008/wie-weit-geht-er-noch-4508806.bild.html> (дата обращения 18.07.2015).

⁹ «Леопольдо Лопес — венесуэльский Нельсон Мандела» // *Euronews.com*. 10.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.euronews.com/2017/03/10/wife-of-venezuelan-political-prisoner-leopoldo-lopez-speaks-to-euronews> (дата обращения: 20.09.2017).

¹⁰ Idem.

Эта критика во многом продиктована ущемлением интересов немецких инвесторов в ходе политики национализации в Венесуэле¹¹.

Правительство ФРГ заинтересовано в смене политического режима в Венесуэле в связи с усилением в регионе позиции Китая. Страны Латинской Америки, такие как Венесуэла, Боливия, Чили, в последние годы развивают сотрудничество с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, который был создан по предложению Китая. Также Венесуэла является лидером по закупкам китайского вооружения. Так, с 2011 по 2015 гг. страна закупила оружия на \$373 млн¹².

Американские и немецкие НПО оказывают финансовую и информационную поддержку Каприлесу Радонски и его партии *Primero Justicia* (Справедливость прежде всего). Американская правительственная организация *USAID* выделила ему 5 миллионов долларов¹³, а фонд Аденауэра инвестирует в партии, стоящие за Каприлесом Радонски, 500 тысяч евро в год¹⁴.

В феврале 2014 года в Венесуэле прошла волна протестов и демонстраций против Николаса Мадуро, преемника Чавеса. Оппозиционные и западные СМИ (в том числе немецкие) с помощью вбросов ложной информации пытались дискредитировать президента Н. Мадуро и его соратников. Так, западные медиакомпании, освещая события в Венесуэле, использовали подложные фотографии, изображавшие якобы многочисленные демонстрации оппозиции и жестокое обращение боливарианской гвардии с протестующими. Фотографии шествия в Испании представлялись как митинг сторонников Каприлеса Радонски в штате Тачера. Для дискредитации боливарианской гвардии западными СМИ использовались старые фотографии, где полицейские в других регионах мира (часть снимков была сделана в странах Евросоюза) избивают демонстрантов.

Крупнейшая немецкая медиасеть «Deutsche Welle» использует манипулятивные технологии в своих статьях. Так, 6 мая 2017 года вышла статья «Среди венесуэльских военных начались задержания», в которой говорится о недовольстве части военных режимом Мадуро. В конце статьи приво-

¹¹ Виноградова Е. А., «Социально-экономические и политические процессы в странах АЛБА в оценках европейских СМИ» // *NB: Международные отношения*, 2012, № 1, 1–12.

¹² "China's Growing Arms Sales to Latin America" // *The Diplomat*. 24.08.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2016/08/chinas-growing-arms-sales-to-latin-america> (дата обращения: 20.09.2017).

¹³ "Wer ist Capriles Radonski?" // *Zeitung Hintergrund*. 13.10.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hintergrund.de/201210132278/politik/politik-eu/wer-ist-capriles-radonski.html> (дата обращения: 20.07.2015).

¹⁴ *Idem*.

дится цифра убитых за 2016 год: «были убиты почти 28,5 тысяч человек»¹⁵. Возможно, цифра реальная, но подается она таким образом, будто режим Мадуро убил всех этих людей. Возможно, значительная часть убитых — жертвы банального бандитизма, но это в данной статье не указано, ведь для того, чтобы успешно манипулировать общественным мнением, главное — подать информацию, акцентировав внимание на большой цифре жертв. Еще один пример использования манипулятивных технологий, используемых «Deutsche Welle», можно привести статьей «Южная Америка расстается с социалистическими грезами», в которой говорится о том, что все люди, голосовавшие за социалистические правительства в Латинской Америке, все больше не доверяют избранному правительству. Позиция «DW» сводится к тому, что несмотря на определенные успехи правительства Чавеса (приходится признать, что за время правления Чавеса сократилось неравенство в распределении доходов, а также то, что ему удалось увеличить минимальную оплату труда и закрепить законодательно субсидирование государством потребительских товаров) экономика Венесуэлы «свалилась» в тяжелый экономический кризис и оказалась разрушенной. В статье одной из причин кризиса было названо правление Мадуро, подчеркивая при этом, что он, «разделяя убеждения предшественника, не имеет его талантов»¹⁶. В статье также делается акцент и на политическом кризисе, который «характеризуется угрозами, а также слежкой и насилием в отношении инакомыслящих»¹⁷.

6 сентября 2017 года канцлер Германии Ангела Меркель заявила о поддержке Национальной ассамблеи Венесуэлы во время встречи с оппозиционным политиком Хулио Борхесом — соучредителем партии «За справедливость», которая входит в «Круглый стол демократического единства»¹⁸.

После встречи с Меркель Борхес написал на своей странице в «Твиттере», что канцлер взяла на себя обязательство быть «фактором, который будет поддерживать демократию в Венесуэле»¹⁹. Меркель также выразила «глубокую озабоченность» из-за серьезного гуманитарного кризиса и «по-

¹⁵ Аросев Г. «Среди венесуэльских военных начались задержания» // *DW.com*. 06.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://p.dw.com/p/2cWA> (дата обращения: 06.09.2017).

¹⁶ Вальтер Я., Филатова И. «Южная Америка расстается с социалистическими грезами» // *DW.com*. 01.09.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://p.dw.com/p/1JuDx> (дата обращения: 06.09.2017).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Оппозиционная коалиция правых и леволиберальных партий Венесуэлы.

¹⁹ Julio Borges. Запись в Twitter. 06.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/JulioBorges/status/905446855898800130?ref_src=twsrc%5Etfw&ref_url=http%3A%2F%2Fwww.dw.com%2Fes%2Fmerkel-promete-apoyo-a-opositores-venezolanos%2Fa-40387252 (дата обращения: 07.09.2017).

стоянного нарушения прав человека в Венесуэле», также отметил на своей странице Борхес²⁰.

Хочется отметить, что Хулио Борхес является ярким сторонником экономических санкций, направленных на «удушение» экономики Венесуэлы и провоцирование гуманитарного кризиса²¹. 26 августа 2017 года он поддержал санкции. Таким образом, деятельность венесуэльской оппозиции пытается оправдать свержение легитимного правительства и военную интервенцию в Венесуэлу. Также с Меркель пыталась встретиться Лилиан Тинтори, жена и соратница лидера оппозиции Леопольда Лопеса²². Но власти Венесуэлы аннулировали ее паспорт в аэропорту Каракаса, тем самым не дав ей встретиться с западными политиками.

На данные действия венесуэльских властей немедленно отреагировали власти ФРГ. Так, глава отдела прессы и информации Федерального правительства Германии Штеффен Зайберт заявил на пресс-конференции: «Мы требуем, чтобы правительство Венесуэлы немедленно сняло запрет на поездки миссис Тинтори и позволило ей уехать в Европу»²³. Он также отметил, что власти Венесуэлы не выпустили Тинтори из страны и это еще один пример «произвола», который применяет правительство южноамериканской страны во главе с Николасом Мадуро²⁴. Зайберт сказал, что Меркель сожалеет о том, что активистке помешали отправиться в Европу в рамках тура по работе оппозиции режиму чавистов²⁵.

Все это — отработанные технологии информационной войны. Попытка «оранжевой революции» в Венесуэле провалилась, так как доверие к действующему правительству существенно превышает доверие к оппозиции. Но ситуация по-прежнему очень напряженная, и в любое время могут быть спровоцированы новые беспорядки с целью отстранения чавистов от власти.

²⁰ Julio Borges. Запись в Twitter. 06.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/JulioBorges/status/905446855898800130> (дата обращения: 07.09.2017).

²¹ Cabrera A. G. "Venezuela: el bloqueo económico y la Constituyente" // *La Jornada*. 01.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: www.jornada.unam.mx, <http://www.jornada.unam.mx/2017/08/31/opinion/026almun> (дата обращения: 07.09.2017).

²² Лопес был активным соучастником переворота против Чавеса в 2002 г., чем официально похвалялся, и был приговорен к 13 годам и 9 месяцам тюрьмы за устройство «гуаримбас» — протестов против правительства Николаса Мадуро, сопровождавшихся насилием, причинивших большой ущерб муниципальным учреждениям и унесших жизни 43 венесуэльцев.

²³ "Angela Merkel pide a Venezuela que Lilian Tintori abandone el país" // *Lapagina.com*. 04.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lapagina.com.sv/internacionales/131924/2017/09/04/Angela-Merkel-pide-a-Venezuela-que-Lilian-Tintori-abandone-el-pais> (дата обращения: 10.09.2017).

²⁴ Idem.

²⁵ Idem.

Справедливости ради следует отметить, что не все немецкие неправительственные организации поддерживают правую оппозицию в регионе.

Так, Германская коммунистическая партия оказывает информационную поддержку законно избранному правительству Венесуэлы. К примеру, в статье «Was wirklich in Venezuela geschieht»²⁶ в газете ГКП рассказывается об информационной, психологической и экономической войне, которую ведут страны Запада с 2002 года по сегодняшний день. В статье приводятся факты использования оппозицией «боевиков» для дальнейшей эскалации конфликта²⁷.

Как мы видим, латиноамериканский регион и в XXI веке является полем боя между противоположными политическими силами. По одну сторону находятся приверженцы идеи неолиберализма, проводящие политику в интересах транснациональных корпораций и банков США и Европы. Они поддерживают внешнюю политику США и тесно связаны с финансовыми олигархическими группами. Им противостоят сторонники идеи «социализма XXI века». Это новая социально-экономическая модель, которая является альтернативой неолиберальной глобализации. Идеи «социализма XXI века», с одной стороны, дистанцируются от «догматического социализма XX века», давая больший простор национальным особенностям, традиционализму, «прямой демократии», с другой стороны, они не отвергают труды основоположников научного социализма.

Лидеры прогрессивных правительств Латинской Америки смогли достичь многого в плане улучшения жизни широких слоев населения, потеснив от реальной власти олигархические кланы. Реформаторам удалось заложить основы социального государства, в котором граждане живут скромной, но достойной жизнью, пользуются бесплатной медициной, образованием, всеми достижениями современной цивилизации, сохраняя при этом национальную идентичность. В частности, Чавес национализировал нефтедобывающую промышленность в Венесуэле, и теперь доходы от продажи нефти используются на благо народа. Курс на национализацию сделал представителей ТНК и крупного капитала непримиримыми противниками прогрессивных режимов в Латинской Америке. Для обеспечения успеха информационных операций и ведения информационно-психологического противоборства они используют публичную дипломатию.

Многие политические фонды и некоммерческие организации на словах декларируют принципы демократии, прав человека и невмешательства

²⁶ «Что происходит в Венесуэле на самом деле».

²⁷ "Was wirklich in Venezuela geschieht?" // www.unsere-zeit.de. 04.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unsere-zeit.de/de/4924/21/5761/Was-passiert-in-Venezuela.htm> (дата обращения: 19.09.2017).

во внутренние дела суверенных государств, но на деле служат интересам финансового капитала той страны, которую они представляют. Часто с помощью немецких фондов формируется инфраструктура массовых протестов, финансируются оппозиционные движения и культивируются антиправительственные настроения в обществе. Публичная дипломатия часто становится «небоевым оружием» правительств, которые используют данный инструмент внешней политики, направляя ее на целевую зарубежную аудиторию, с целью повлиять на их умонастроения в желательном для данного правительства направлении²⁸.

В заключение хочется отметить, что публичная дипломатия в XXI веке является не только «небоевым оружием» в информационно-психологической войне, но и средством для налаживания связей между народами. Сотрудничество на различных направлениях — от экономических связей до взаимодействия науки и образования — в современном мире немыслимо без публичной дипломатии. Россия должна использовать публичную дипломатию для усиления международных контактов с союзниками и для противостояния враждебному информационному воздействию. Поэтому изучение процессов развития, а также современной специфики публичной дипломатии ФРГ представляется важным для результативности публичной дипломатии России.

Библиография

1. *Аросев Г.* Среди венесуэльских военных начались задержания // DW.com, 06.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://p.dw.com/p/2cWA> (дата обращения: 06.09.2017).
2. *Виноградова Е. А.* Социально-экономические и политические процессы в странах АЛБА в оценках европейских СМИ // *ВВ: Международные отношения.* 2012. № 1. С. 1–12.
3. *Никандров Н.* Сакральная жертва как детонатор дестабилизации в Венесуэле // Фонд Стратегической культуры. 27.03.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2012/03/27/sakralnaya-zhertva-detonator-destabilizacii-v-venesuele-13505.html> (дата обращения: 01.08.2015).
4. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2015. 464 с.
5. Леопольдо Лопес — венесуэльский Нельсон Мандела // Euronews.com. 10.03.17 [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.euronews.com/2017/03/10/wife-of-venezuelan-political-prisoner-leopoldo-lopez-speaks-to-euronews> (дата обращения: 20.09.2017).
6. *Anholt S.* Brand New Justice: The Upside of Global Branding. Oxford, 2003. P. 192.

²⁸ Кара-Мурза С. Г., *Манипуляция сознанием. Век XXI.* М.: Алгоритм, 2015, 174.

7. Angela Merkel pide a Venezuela que Lilian Tintori abandone el país // Lapagina.com. 04.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lapagina.com/sv/internacionales/131924/2017/09/04/Angela-Merkel-pide-a-Venezuela-que-Lilian-Tintori-abandone-el-pais> (дата обращения: 10.09.2017).
8. Allemagne-Argentine: en Amérique du Sud, l'Allemagne est un peu chez elle // Journal Slate. 13.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slate.fr/story/89823/Allemagne-argentine-amerique-sud-chez-elle> (дата обращения: 20.07.2014).
9. Chavez says Obama "lost in space" on Latin America // Reuters. 16.08.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/2009/08/16/us-venezuela-obama-idUSTRE57F24620090816> (дата обращения: 26.07.2015).
10. *Cabrera A. G.* Venezuela: el bloqueo económico y la Constituyente // La Jornada. 01.09.2017. www.jornada.unam.mx [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jornada.unam.mx/2017/08/31/opinion/026a1mun> (дата обращения: 07.09.2017).
11. China's Growing Arms Sales to Latin America // The Diplomat. 24.08.2016, [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2016/08/chinas-growing-arms-sales-to-latin-america> (дата обращения: 20.09.2017).
12. New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations // Edited by Jan Melissen. N. Y. 2005. P. 221. <http://www.culturaldiplomacy.org>. [Site] (26.07.2015). [Электронный ресурс]. URL: www.culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy.pdf (дата обращения: 26.07.2017).
13. *Julio Borges.* Запись в Twitter. 06.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/JulioBorges/status/905446855898800130?ref_src=twsrc%5Etfw&ref_url=http%3A%2F%2Fwww.dw.com%2Fes%2Fmerkel-promete-apoyo-a-opositores-venezolanos%2Fa-40387252 (дата обращения: 07.09.2017).
14. *Julio Borges.* Запись в Twitter. 06.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/JulioBorges/status/905446855898800130> (дата обращения: 07.09.2017).
15. Wer ist Capriles Radonski? // Zeitung Hintergrund. 13.10.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hintergrund.de/201210132278/politik/politik-eu/wer-ist-capriles-radonski.html> (дата обращения: 20.07.2015).
16. Wie weit geht der Welt-Provokateur noch? // Zeitung Bild. 18.08.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bild.de/politik/2008/wie-weit-geht-er-noch-4508806.bild.html> (дата обращения: 18.07.2015).
17. Was wirklich in Venezuela geschieht? // www.unsere-zeit.de. 04.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unsere-zeit.de/de/4924/21/5761/Was-passiert-in-Venezuela.htm> (дата обращения: 19.09.2017).

ТЕМЫ И АКТОРЫ В ПЕРЕСТРОЙКЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО РЕГИОНА: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МЕКСИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Eleazar Pérez Sánchez¹

Impactos del TLCAN en la agricultura mexicana

Impacts of NAFTA on Mexican agriculture

Resumen: El Tratado de Libre Comercio con Norteamérica (TLCAN) firmado entre México, Estados Unidos y Canadá, propició la liberación del comercio agrícola, disminuyendo y en algunos casos eliminando paulatinamente los aranceles, ciertas licencias de importación, cuotas y otras medidas de política que anteriormente distorsionaban el comercio agrícola. A pesar de las ventajas y beneficios generados en el comercio exterior para los tres países, también ha creado pérdidas irrecuperables en el sector agropecuario mexicano, porque no se ha alcanzado el comercio justo para los agricultores y las comunidades rurales. En este trabajo se destaca la pérdida del rol del Estado Mexicano en el escenario agrícola ante las cláusulas que componen el acuerdo. Se proponen algunas alternativas desde el punto de vista de la administración pública, para proteger al sector primario y para poder impulsar sus capacidades y potenciar el comercio de productos agrícolas de México al mundo.

Palabras clave: TLCAN; Mexico; America del Norte; agricultura mexicana.

Abstract: The North American Free Trade Agreement (NAFTA) signed between Mexico, the United States and Canada, proposed the liberalization of agricultural trade, decreasing and in some cases phasing out tariffs, import licenses and other policy measures that previously distorted trade. Despite the advantages and benefits generated in foreign trade for the three countries, also created irrecoverable losses in the mexican agricultural sector, because fair trade was not achieved for farmers and rural communities. This article highlights the loss of the role of the Mexican State in the field because of the clauses that

¹ México. Licenciado como Ingeniero Agrónomo especialista en Parasitología Agrícola por la Universidad Autónoma de Chapino. (eleazar.perez.sanchez69@gmail.com).

make up the agreement. Some alternatives are proposed from the point of view of the public administration, to protect the primary sector and to be able to increase their capacities and boost trade of agricultural products from Mexico to the world.

Keywords: NAFTA; Mexico; North America; Mexican agriculture.

La situación de la agricultura mexicana

A partir de 1983, en México se han generado una serie de reformas que han llevado a liberalizar el sector primario de la economía, cuyas principales directrices han sido la gran disminución del papel del Estado en la promoción del desarrollo económico del sector; una apertura comercial unilateral e injusta en términos de bienestar de la sociedad rural; y cambios a la legislación agraria que eliminó el carácter inalienable, inembargable e imprescriptible de los ejidos y la propiedad comunal, consagrado por la Constitución de 1917 el cual fue uno de los grandes logros de la Revolución Mexicana de 1910. Estos hechos en su conjunto, han provocado la concentración agraria en pocas manos a partir del mercadeo de tierras.

En el discurso, la serie de modificaciones estructurales suponía que liberalizar al campo llevaría al crecimiento de las inversiones en el campo, que los nuevos capitales llevarían al incremento de la eficiencia agrícola y que permitiría impulsar la construcción de las industrias dedicadas a la producción de alimentos. Ninguna visión fue cumplida a corto plazo o causa del efecto de liberalización, por el contrario, el despego del Estado de la agricultura permeó de legítima protección de la ley a la sociedad rural del país, en pro de generar monopolios de carácter local.

El retroceso del Estado en carácter rector, llevó a procesos de reestructuración o cancelación de las instituciones públicas encargadas de detonar el desarrollo agrario, generando efectos desfavorables principalmente en los productores más pequeños, en cuestiones de vital importancia para impulsar la empresa agrícola: el acceso a financiamientos, asesorías de técnica agrícola, entrada a los mercados y centros de distribución, su participación a la investigación científica y accesos a la innovación tecnológica, etc., por lo que se han obtenido situaciones de riesgo para el sostén de los servicios de protección agrícola y la producción de cosechas².

La diligencia de estas reformas ha causado la baja radical de los subsidios a la producción, la separación de los precios de garantía del mercado a través de entidades de protección al campesino como la Compañía Nacional de Subsistencias Populares (CONASUPO). Aquellos apoyos que se presentaban con el acceso de fertilizantes, agua de riego, con precios ajustados a las posibilidades del campesino, así como los créditos subsidiado avalados por el Estado y el acceso a servicios técnicos de forma gratuita fueron cancelados paulatinamente. El retiro de los gobernantes,

² Dirven Martine, "El papel de los agentes en las políticas agrícolas: intenciones y realidad", *Revista CEPAL*, num. 68, agosto 1999.

para garantizar la compra de productos finales y su rol como administrador de empresas que median claramente en el proceso de productor.

La suma de iniciación comercial y la mengua del rol estatal generan un entorno tan perjudicial para la producción campesina, en acciones como la importación de alimentos y materias primas que reducen la rentabilidad de la producción nacional y colocaron contra la pared al mercado doméstico de leguminosas, lácteos y carnes. En la misma dirección de la baja de apoyos estatales a la producción se ha colocado la rentabilidad de los negocios en las sociedades rurales³.

El impacto de las reformas sobre la ocupación, los sueldos y la renta familiar ha sido negativo, por lo que se ha tenido que presentar a finales de los años noventa, programas sociales orientados a indemnizar, de forma insuficiente, la disminución del ingreso real de la familia campesina. El resultado de estas políticas ha llevado al deterioro de los niveles de satisfacción básica en indicadores de bienestar y con ello, no se ha sino acrecentado los niveles de pobreza en el campo en el fin del siglo XX.

Sin compañías paraestatales, que antes ostentaban una asistencia importante en la compra y distribución de insumos y productos, se retiraron para dar paso al capital privado principalmente de origen extranjero que no se ha ajustado a las necesidades de los productores.

La apertura comercial apoyada en políticas monetarias que se encasilla de mantener una apreciación de la moneda nacional, afín de usar al peso como ancla de los precios, ha causado desajustes crecientes de la moneda, suprimiendo al sistema de precios de soporte, que instruyó el gobierno del general Lázaro Cárdenas. Esta condenable política ha llevado a la disminución de los precios de los productos nacionales en favor de los productos importados, que han ocasionado las grandes desventajas competitivas que los productores nacionales ahora deben enfrentar para conducirse ahora con los precios internacionales.

Al comienzo de las negociaciones del Acuerdo General sobre Aranceles Aduaneros y Comercio (GATT, por sus siglas en inglés de *General Agreement on Tariffs and Trade*) algunas divisiones de la administración de los Estados Unidos batallaron por la liberalización comercial, la desaparición de aranceles que protegían al agro mexicano y la desregulación de los crecientes competidores internacionales. La producción agrícola norteamericana había mostrado que su capacidad de producir era superior a la de consumir dentro de sus fronteras, por lo mantenían la visión de aprovechar dicha productividad para exportar el excedente. En pleno apogeo, se encontraban con la clara convicción de dismantelar la producción de las naciones competidoras, empezando con aquellos mercados ubicados en América Latina, y por ello con México, a fin de crear la demanda para su excesiva producción agroalimentaria.

³ CEPAL, "Efectos sociales de la globalización sobre la economía campesina", julio de 1999.

México que a lo largo de décadas instrumentó gran cantidad de barreras de protección al campo con aranceles a la importación de productos agrarios, cuotas a la importación de maíz, frijol, arroz, trigo, etc., vio el fin de la inversión pública en el desarrollo rural y la regulación a los precios que durante la aplicación del Modelo de Industrialización por Sustitución de Importaciones, avalado por la Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL) en los años cincuenta y sesenta del siglo XX, en asesoría con el economista Raúl F. Prébisch, había generado un esparcimiento de la oferta rural que había llevado a mejorar los ingresos de los campesinos en el país así como garantizar la dieta nutritiva de la población nacional.

Las corporaciones estadounidenses con clara intención de vender su maquinaria agrícola, insumos, agroquímicos y otros productos, se propuso a toda costa eliminar en las mesas de negociaciones todo sistema y programa de protección nacional, se fuera un obstáculo para sus intenciones comerciales. Se produjo una temprana transnacionalización de la industria alimentaria que con negativas consecuencias para el comercio nacional de alimentos. Particularmente, por medio de su estrategia de eliminar las cuotas de importación, de anular las tarifas agrarias y la paulatina reducción de los apoyos estatales en los países en vías de desarrollo en América Latina y el mundo.

Con la entrada de México al GATT en 1986, se estableció el compromiso de liberalización gradual de la agricultura mexicana, pero gracias a las reservas del protocolo de adhesión introducidas por el equipo negociador se introdujeran ciertos candados que preservaron facultades regulatorias, mecanismos de protección agrícola y el derecho a aplicar subsidios.

Sin embargo, a partir de 1989, la presión neoliberal de los Estados Unidos se acrecienta y el gobierno de Carlos Salinas tiene un agotamiento institucional producto de su falta de legitimidad. Aunado a la necesidad de contar con flujos de capital como medio para llevar a cabo la estabilización de la economía, origina que México inicie negociaciones para el Tratado de Libre Comercio de América del Norte (TLCAN) en condiciones de debilidad. Por el contrario, la agencia norteamericana estaba perfectamente clara, que ya mantenía la visión desde la Ronda Uruguay del GATT, iniciada en 1986 y culminada ocho años después en Marruecos.

Con el inicio de las diligencias de los convenios para el TLCAN en 1991, los Estados Unidos perciben la posibilidad de imponer su agenda iniciando con su país vecino. Además, de mantener un papel dominante en la economía mexicana, se ensayaba para que este acuerdo sirviera de referencia para imponer en las negociaciones de la Organización Mundial de Comercio, la conformación de un bloque comercial y económico con toda América Latina.

La agenda norteamericana fue muy clara en su misión para conseguir ventajas sustantivas en materia de desregulación a la entrada de capitales extranjeros, la privatización de empresas paraestatales, eliminación de aranceles y muchos elementos

más, para obtener el subordinamiento económico de México y presentar en el ámbito internacional, resultados para una agenda dirigida a la Organización Mundial de Comercio y una expansión global, a través del Área de Libre Comercio de las Américas (ALCA).

Entre 1991 y 1993, Estados Unidos logró el acuerdo por parte de México para llevar a cabo las políticas de desaparición a través de un procedimiento gradual, de los gravámenes al intercambio de productos agrícolas norteamericanos, introduciendo en el acuerdo cláusulas de tipo específico que tienen efectos significativos. A lo largo del tratado se le prohíbe a México, una vez acabada la etapa de transición, instituir cupos o fines cuantitativos a la importación de bienes, lo cual como ya se ha expuesto era parte de un sistema articulado de protección a producción nacional. Entre otros mecanismos, se diseñó la merma a los subsidios y demás apoyos gubernamentales, que alteran la libre competencia entre los productores de ambos países. Como resultado, todo apoyo al campesino mexicano fue prohibido en aras de un sistema liberalizador y competitivo, aunque claramente ventajoso para los productores extranjeros.

Propuestas de desarrollo rural tras la implementación del TLCAN

Se requiere de un nuevo modelo de desarrollo equitativo y sustentable, que permita la producción nacional suficiente y la disponibilidad y acceso a alimentos sanos, nutritivos y diversos para todos los mexicanos, entendiendo que la alimentación y el trabajo son derechos humanos que el Estado y la sociedad en su conjunto, debemos garantizar. Particularmente, es necesario diseñar e implementar una reserva estratégica de alimentos y un sistema nacional de abasto y almacenamiento.

Hoy día, el gran reto de la política económica para el campo mexicano consiste en poner punto final al experimento neoliberal, pasando a la reconstrucción de nuestra agricultura mediante un programa integral de fomento rural, este programa debería incluir cambios fundamentales como los que se sugieren en este apartado.

Se recomienda, una nueva política de precios de garantía o soporte a fin de otorgar certidumbre a las inversiones agropecuarias sobre horizontes de largo plazo, asegurando a los productores rurales márgenes razonables de rentabilidad y, en consecuencia, posibilidades reales de capitalización, tecnificación y solvencia crediticia.

La certidumbre en el ingreso rural es factor clave del dinamismo agrícola. No hay que olvidar que el sistema de precios de soporte, aplicado en Estados Unidos desde la Ley Agrícola de 1933 y en la Unión Europea desde el establecimiento de la Política Agrícola Común en 1957, permitió a Estados Unidos alcanzar la supremacía agrícola y a la Unión Europea convertirse en una de las potencias agrícolas del orbe.

El objetivo que ha tenido el sistema de precios en esos países —que históricamente han combinado política comercial selectivamente proteccionista con pagos

fiscales directos o indirectos (vía reducción de precios en insumos, etc.)— es el mismo que debe tener en México: incentivar la oferta interna y poner a salvo a los productores nacionales frente a las oscilaciones de los precios internacionales y frente a la competencia desleal por el control de los mercados y el food power.

Además, un programa de largo plazo de apoyo a la investigación y al extensionismo agronómico y zootécnico, cuyos efectos en la productividad y la producción son considerables.

Por otra parte, es recomendable incremento sustancial de los recursos públicos para obras de infraestructura, a fin de aprovechar mejor nuestros recursos naturales. Por ejemplo, el área irrigable asciende a 10 millones de hectáreas, de las cuales alrededor de 6 millones ya se abrieron al cultivo irrigado; la incorporación al riego de los 4 millones de hectáreas restantes requiere inversiones directas del Estado, por cuenta propia o en apoyo o asociación con agricultores.

La renegociación del capítulo agropecuario del TLCAN, es una tarea de enorme trascendencia para recuperar la soberanía alimentaria y defender el interés de la nación; sin embargo, es importante tener conciencia de que constituye un proceso largo ya que requiere el consenso de los Estados Unidos de América y de Canadá.

En conclusión, es prioritario impulsar una política agropecuaria y agroalimentaria que asuma los retos de la globalización a partir de un proyecto nacional de desarrollo sustentable que garantice la mejoría en los niveles de vida, empleo, salud, educación y vivienda de la población; fortalecer la competitividad del sector social de la economía para elevar su participación en el mercado interno y en las exportaciones; apoyar al sector agropecuario y silvícola con el objetivo de recuperar la soberanía y autosuficiencia alimentaria y preservar nuestra biodiversidad, cultura y prácticas sustentables de producción.

Conclusión

En resumen, la importancia de Estados Unidos como destino de las exportaciones mexicanas no solamente es apabullante, también es quien ha sabido aprovechar mejor al TLCAN al desplazar a un gran número de competidores del mercado mexicano. Esta situación permite concluir que la dependencia de México hacia Estados Unidos en la cuestión alimentaria se ha profundizado con el TLCAN vulnerando aún más la soberanía alimentaria del país⁴.

La situación de los exportadores mexicanos es completamente distinta; no solamente son de poca importancia en el mercado de EU, sino en vez de que el TLCAN les de una ventaja, enfrentan una mayor competencia con otros países.

⁴ Enrique Bautista, “Los tratados de libre comercio y la agricultura mexicana”, Jorge A. de Calderón Salazar (coord.), *Estudios de Evaluación del Tratado de Libre comercio América del Norte*, 2000, 146.

El TLCAN al reducir la protección de los granos y oleaginosas debilitó aún más la competitividad de la agricultura mexicana. La producción de granos básicos y oleaginosas ha perdido dramáticamente con el TLCAN. En particular, el maíz, junto con el frijol, son los perdedores netos de la negociación del TLCAN en la agricultura⁵.

El comercio exterior de México ha crecido durante los últimos años en forma vertiginosa, sobre todo en el periodo que comprende el TLCAN. Además, este dinamismo ha tenido un profundo y negativo impacto sobre la población que depende de estas actividades ya que el mal manejo que ha hecho el Gobierno Federal de los instrumentos que contemplaba el TLCAN para dosificar el acceso de las importaciones a nuestro mercado ha ocasionado que sean los precios internacionales de estos productos — la mayoría de las veces distorsionados por los subsidios y apoyos que reciben de parte de sus gobiernos — los que rijan en el mercado interno, sin que de manera paralela y equivalente sean aplicados dichos apoyos por nuestro gobierno, y sin que éste, emplee los esquemas y las facultades que cualquier acuerdo comercial ofrece a sus integrantes.

Por otra parte, existe un nexo entre la sobrevivencia en ciertas comunidades de la pequeña producción mercantil agrícola y las transferencias de migrantes residentes en Estados Unidos a familias del mundo rural mexicano. Además, los empleos subsidiarios y complementarios del mundo urbano, en parte subsidian a la agricultura de baja rentabilidad en ciertas regiones del país.

La importancia social, económica y política de la producción del agro mexicano justifica la aplicación de políticas que permitan alcanzar la soberanía alimentaria. Es por ello que entre las estrategias propuestas existe la continuación de políticas que permitan alcanzar en estos objetivos, afín de reducir las importaciones y aumentar la producción nacional.

Bibliografía

18. CEPAL, “Efectos sociales de la globalización sobre la economía campesina”, julio de 1999.
19. Dirven Martine, “El papel de los agentes en las políticas agrícolas: intenciones y realidad”, *Revista CEPAL*, num. 68, agosto 1999.
20. Enrique Bautista, “Los tratados de libre comercio y la agricultura mexicana”, Jorge A. de Calderón Salazar (coord.), *Estudios de Evaluación del Tratado de Libre comercio América del Norte*, 2000, 146.

⁵ Ibid. pág. 147

Negociaciones del TLCAN: Implicaciones financieras para la sociedad mexicana

NAFTA Negotiations: Financial Implications for Mexican Society

Resumen: En este trabajo se realiza un análisis de la dimensión financiera y comercial de México con miras a la renegociación del Tratado de Libre Comercio con América del Norte (TLCAN). Se destaca la integración que presentan algunos sectores de la economía a partir de la entrada en vigor del acuerdo en 1994, el cual tuvo como objetivo reducir paulatinamente los aranceles a bienes y servicios entre estos países, mejorar la competitividad de la región, alentar la inversión, los empleos, entre otros. También se contempla la importancia del flujo de remesas hacia México, que representan una opción de inclusión financiera para las familias. Se concluye que cualquier acuerdo que no busque modernizar y fortalecer las relaciones aún vigentes, conduciría a un grave problema de eficiencia en la región.

Palabras clave: Tratado de Libre Comercio con América del Norte; Mexico; America del Norte.

Abstract: This paper analyzes the financial and commercial dimension of Mexico with a view to the renegotiation of the North American Free Trade Agreement (NAFTA). The work highlights the integration of some sectors of the economy with the agreement that came into force in 1994, with aims to gradually reduce tariffs in products and services, improve the competitiveness of the region, encourage investment, jobs, and so on. The importance of the flow of remittances to Mexico, which represents a financial option for families, is also considered. It is concluded that any agreement that does not seek to modernize and strengthen the relations still in force, will lead to a serious problem of efficiency in the region.

Keywords: Free Trade Agreement with North America; Mexico; North America.

La integración comercial entre Estados Unidos y México

El Tratado de Libre Comercio con América del Norte (TLCAN) acordado desde 1991 entre México, Estados Unidos y Canadá, entró en vigor el 1° de enero

¹ México. PhD en Administración Pública, MBA con Especialidad en Finanzas, BA en Economía y Derecho. Profesora-Investigadora de la Benemérita Universidad Autónoma de Puebla. (ary_hr@yahoo.com.mx).

de 1994, con la finalidad de obtener beneficios del intercambio de bienes y servicios entre los países a nivel global. El objetivo fue reducir paulatinamente los aranceles a bienes y servicios entre los miembros, mejorar la competitividad de la región, alentar la inversión, impulsar el empleo, entre otros. Con datos de la Secretaría de Economía de México, la zona más competitiva del mundo por su área estratégica de libre comercio brindó la cantidad de \$2.8 mil millones de dólares (mdd) al día en 2016. Y de acuerdo a la misma fuente, México exporta a sus socios \$36 millones de dólares (mdd) cada hora.

El sector manufacturero ha sido el mayor beneficiado en México, al incrementar la demanda de trabajo en plantas maquiladoras y de ensamblaje, principalmente en productos textiles y prendas de vestir, que presentaron las mayores reducciones arancelarias, seguidos de las industrias en calzado, productos químicos, manufacturas diversas y equipo de transporte². Por otra parte, el sector terciario, los agricultores mexicanos, han sido los más afectados debido a la alta competitividad de los productores norteamericanos en cultivos extensivos como el maíz³.

La balanza comercial ha mostrado variaciones significativas en el nivel de exportaciones e importaciones, dado que desde la apertura comercial de 1994, México ha presentado en casi los 23 años un déficit comercial, provocado por un aumento en el nivel de importaciones de México con sus socios (Tabla 1).

Tabla 1

**Balanza Comercial de Mercancías de México
(Cifras expresadas en millones de dólares)**

Periodo	Cifras	Periodo	Cifras
1994	-1462.9	2006	694.3
1995	-307.7	2007	-1677.5
1996	667.5	2008	-1763.5
1997	517.2	2009	-1707.1
1998	-670.1	2010	-444.2
1999	-547.9	2011	142.5
2000	-605.9	2012	-267.4
2001	-946.5	2013	-2854.4
2002	-579.7	2014	-3181.1
2003	-8.6	2015	-3262.9
2004	-161.2	2016	-3289.8
2005	-1146.5	2017	-3294.3

Fuente: Elaboración propia con información recabada de la Balanza Comercial de Mercancías de México, del Instituto Nacional de Estadística y Geografía (INEGI), 2017.

² Mark Weisbrot, Stephan Lefebvre, y Joseph Sammut, “Did NAFTA Help Mexico? An Assessment After 20 Years”, *Center for Economic and Policy Research*, Washington, DC., 2014.

³ Sandra Polaski, “Mexican Employment, Productivity and Income a Decade after NAFTA”, *Carnegie Endowment for International Peace*, Washington, DC., 2004.

Es así como con el TLCAN, el gobierno y los empresarios mexicanos se propusieron: incrementar el acceso de las exportaciones, promover un ambiente de negocios abierto y seguro en el cual los exportadores, inversionistas y estadounidenses puedan planear su inversión, producción, y tengan cierta confianza y certidumbre. Las negociaciones entre los tres países han dado lugar a una exitosa integración comercial, que Guedán considera que en Iberoamérica han optado por imitar para un mejor funcionamiento de sus economías⁴.

De acuerdo con el *World Economic Forum* (WEF) las exportaciones de México a Estados Unidos y Canadá pasaron de 53,000 mdd en 1994 a 319,000 mdd en 2015, un incremento de más del 500 %. Es por ello que, como se mencionó antes, Estados Unidos ha sido y es importante en términos comerciales para México, dado que más del 95 % de las exportaciones mexicanas están dirigidas a Estados Unidos.

La relación entre Estados Unidos y México ha sido una relación comercial muy estrecha, donde en ambos lados de la frontera, millones de puestos de trabajo dependen de los lazos comerciales entre los dos países. De acuerdo con el Departamento de Comercio⁵, las empresas multinacionales de Estados Unidos en México, empleaban 1.29 millones de personas y generaban ventas de 253.4 mil millones de dólares, mientras que las filiales en Estados Unidos de las empresas multinacionales mexicanas, daban empleo a 77 mil 800 personas en 2014, un incremento del 3.7 % en comparación con 2013 y con ventas de 32.8 mil millones de dólares, con un incremento de 7.3 %.

México declaró en 2016, que el 63 % de la riqueza nacional es generada a través de las exportaciones y llegó a posicionarse como el tercer socio de Estados Unidos en el comercio de bienes manufacturados (14.5 % del total), por detrás de China y Canadá (Gráfica 1).

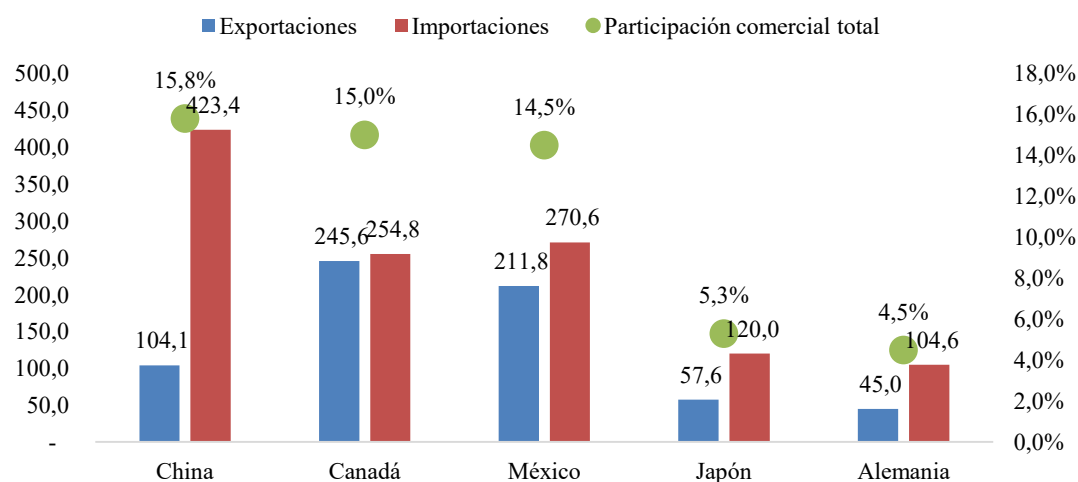
México se encuentra conectado con el resto del mundo a través de la apertura comercial y 12 tratados de libre comercio, 28 Acuerdos para la Promoción y protección Recíproca de las Inversiones (APPRI) y 9 Acuerdos de Complementación Económica y Acuerdos de Alcance Parcial, convierten a México, en un punto central del comercio ya que conecta a un mercado que posee el 60 % del PIB mundial.

En el rubro de exportaciones e importaciones, se observa que el socio comercial número uno de México es Estados Unidos, se registra el mayor número de intercambio comercial de México a Estados Unidos, sumando la cantidad de empresas que se han establecido en México y contribuyen a la economía mexicana con un gran número de empleos brindados año con año debido al establecimiento de las mismas. He aquí la importancia de la relación existente entre estas dos economías

⁴ Manuel Guedán, “Una Comunidad de naciones, llamada Iberoamérica”, *Quórum. Revista de pensamiento iberoamericano*, 13, Madrid, 2005, 6–9.

⁵ United States Department of Commerce (USDOC), Key Economic Indicators, 2016.

Gráfica 1. Principales socios comerciales de Estados Unidos (miles de millones de dólares)

Fuente: Elaboración propia con información de *United States Department of Commerce* (USDOC), 2016.

y el TLCAN. Sin embargo, de acuerdo con el Wilson Center⁶ el comercio con México ayuda a crear casi cinco millones de empleos en todo el país y genera unos 230 mil millones de dólares al año. Los estados de California, Texas, Nueva York, Florida e Illinois son quienes mantienen mayores beneficios.

Tabla 3

Los estados que más dependen del TLCAN con México

	Estado	Miles de empleos	Exportaciones (mmd)
1	California	565,553	26,800
2	Texas	382,048	95,000
3	Nueva York	322,228	3,100
4	Florida	290,259	2,470
5	Illinois	200,238	1,100
6	Michigan	138,000	11,100
7	Arizona	89,300	9,200
8	Ohio	178,200	6,500
9	Luisiana	65,400	5,800
10	Tennessee	99,700	4,800
11	Indiana	95,500	4,800
12	Pensilvania	199,900	4,200
13	Georgia	152,500	3,500
14	Carolina del Norte	151,500	3,200
15	Wisconsin	96,300	3,000

Fuente: Elaboración propia con datos del *Mexico Institute*, *Wilson Center* (2016)

⁶ Wilson Center, *Growing Together: U.S. Jobs that Depend on Trade with Mexico*, Washington, DC., 2016.

Otro rasgo de gran importancia, reside en la dependencia alimentaria de México, que requiere en gran medida de las importaciones de alimentos básicos, como la carne, los productos lácteos y los huevos, y en particular los cereales (es decir, el maíz y la soja) procedentes de los Estados Unidos. La importancia del mercado mexicano para los agricultores estadounidenses no puede ser sobrevalorada, con entidades como Iowa, donde restricciones comerciales o medidas de represalia por parte de México en caso de que las negociaciones bilaterales se vuelvan igualmente tensas.

Si bien la economía mexicana se vería severamente debilitada por una guerra comercial con Estados Unidos, la economía estadounidense también es altamente vulnerable a un fuerte deterioro de las relaciones comerciales. Las empresas enfrentarían costos de insumos muy altos, una erosión de la competitividad de las exportaciones y la población presentaría grandes pérdidas de empleos. De ahí la existencia de una importante oposición política y pública en ambos países, sobre la aplicación de aranceles comerciales y medidas proteccionistas.

Implicaciones sociales del flujo de remesas

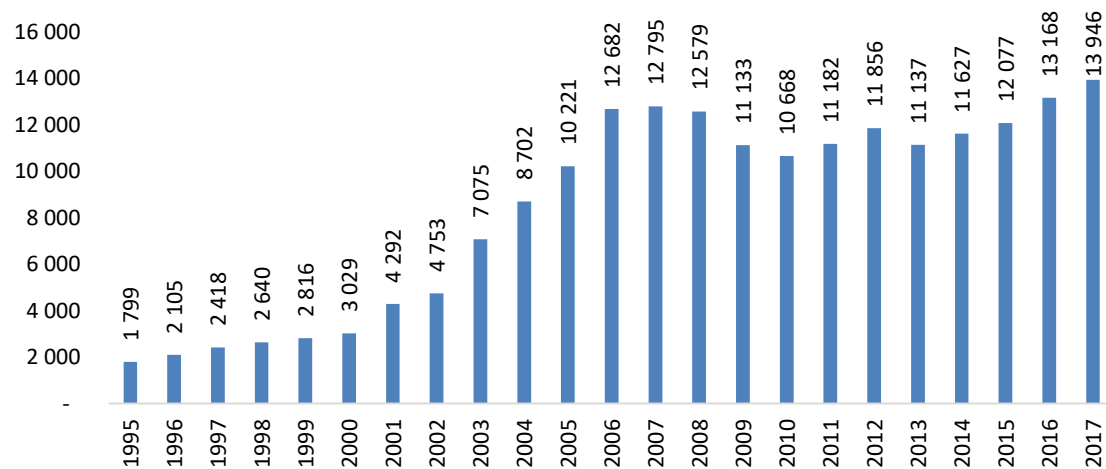
Con la liberalización comercial que México emprendió con la firma del TLCAN, se estableció una nueva lógica de integración de la cuál un importante grupo de la población fue incapaz de adaptarse. Por ello, la migración ha sido una constante durante las últimas décadas, aumentando con ello el valor de las remesas que contribuyen al mantenimiento de varias familias que deciden invertirlo en emprendimientos, salud y educación. El tema de la migración es muy relevante a nivel internacional, especialmente analizado por parte del desarrollo, cuando en países como México, los desequilibrios económicos como el desempleo y los bajos salarios, se consideran entre las principales causas para la migración.

México recibió, de acuerdo con el Centro de Estudios Monetarios Latinoamericanos (CEMLA)⁷, más de un tercio (37.8 %) de todas las remesas de América Latina. Después de varios años de estancamiento, los flujos de remesas recibidos en los últimos dos años indican una recuperación definitiva, alcanzando 24.785 millones en 2015, lo que equivale a una tasa de crecimiento del 4.8 % año anterior, siendo las tasas de crecimiento interanual de las remesas positivas para todos los trimestres del año.

Depender de las remesas procedentes de Estados Unidos plantea riesgos para los países que las reciben, por razones cíclicas o, como actualmente, por posibles cambios en las políticas relacionadas con la inmigración. De acuerdo a la Encuesta Nacional de Ingresos y Gastos de los Hogares (ENIGH) el gasto de los hogares que reciben remesas se distribuye principalmente en necesidades básicas (Tabla 3).

⁷ Centro de Estudios Monetarios Latinoamericanos, “*Remittances to Latin America and the Caribbean in 2015–2016*”, Ciudad de México, 2016.

Gráfica 2. Flujo de remesas recibidos de enero-junio, 1995–2017 (millones de dólares acumulados)

Fuente: Elaboración propia con información del Banco de México (Banxico), 2017.

Tabla 3

Gasto de los hogares por recepción de remesas en México (%)

Necesidades básicas	Salud	Educación	Ahorro	Pago de deudas	Vivienda
59.9	2.6	10.4	10.7	8.3	3.5

Fuente: Elaboración propia con base en datos Encuesta Nacional de Ingresos y Gastos de los Hogares (ENIGH) del Instituto Nacional de Estadística y Geografía (INEGI), 2014.

Los bajos niveles empleados por los hogares para el ahorro o el emprendimiento, motiva a programas de inclusión financiera, públicos o privados a introducir a la población al sistema financiero formal y permitirles acceder una puerta de acceso a otro tipo de servicios como el ahorro, el crédito y los seguros. Las remesas son una fuente importante para incrementar el ingreso de los países, mejorar la distribución de la riqueza y reducir los niveles de pobreza. Se estima que la recepción de remesas reduce la probabilidad de que un hogar sufra de pobreza alimentaria y de pobreza de capacidades en 7.7 y 6.3 %, respectivamente⁸.

Organismos internacionales como el Fondo Monetario Internacional (FMI) recomiendan establecer reformas que reduzcan los costos de transacción y fomentar el uso de canales formales de intermediación. De ahí que el TLCAN debiera negociarse de manera que se puedan crear instrumentos de ahorro. Disminuir los costos del envío de remesas hacen permitirían que los hogares obtuvieran un exceso de efectivo durante algún período de tiempo. Esto podría aumentar sus demandas

⁸ Gerardo Esquivel y Alejandra Pineda, “Las remesas y la pobreza en México: un enfoque de pareo de puntuación de la propensión”, *Integración y Comercio*, 27:11, Buenos Aires, 2007, 47–74.

de cuentas de depósito, ya que las instituciones financieras ofrecen a los hogares un lugar seguro para almacenar este exceso temporal de efectivo.

Por otra parte, el procesamiento de flujos de remesas proporciona a las instituciones financieras información sobre los ingresos de los hogares receptores. Esta información podría hacer que las instituciones financieras estén más dispuestas y puedan extender préstamos a prestatarios opacos. Las remesas podrían aumentar la probabilidad de que los hogares obtengan un préstamo.

Panorama actual de la renegociación del TLCAN

México, Canadá y Estados Unidos han acordado continuar las negociaciones en una amplia variedad de temas que son sumamente importantes. De acuerdo a lo analizado anteriormente, la relación entre el TLCAN y los acuerdos paralelos son de vital importancia para el funcionamiento del mismo, por lo cual ambos países establecen comités y grupos de trabajo para analizar aspectos que admitan alcanzar la liberación de las compras gubernamentales federales, de estados y provincias de cada país (mayores a las existentes), subsidios, estándares industriales, regulaciones ambientales, trámites aduaneros, inspecciones fronterizas y transporte, así como medidas sanitarias y fitosanitarias agrícolas, reglas de origen en el sector textil y del vestido, servicios entre otros.

Conforme a estos acuerdos, el TLCAN debe funcionar inclusive en base a una conciencia ambiental, y el presidente de Estados Unidos no quiere colaborar con este tema, pues de acuerdo a algunos diarios, en la conferencia que brindó el 22 de enero de 2017, dijo que solo es una mala jugada hacer frente a esta situación y un desperdicio de recursos, sumando que México establece como condición que se debe respetar dicho punto, si no, será difícil la negociación. Canadá por su parte, parece ser que solo está inmersa en lo bien que le va a su economía, y por el momento no quiere involucrarse con ninguna de las partes (mucho menos con Estados Unidos, dado que es una economía más grande y mejor estratégica a comparación de México).

A nivel comercial el TLCAN propicia dos principales beneficios para la economía mexicana, los cuales son: un cambio mejorable en la rentabilidad de exportaciones mexicanas, debido a los beneficios obtenidos por el tratado, ya que permite a productores mexicanos competir con prelación ante otros países que negocian con Estados Unidos y Canadá, y, la ampliación de los mercados para los productos mexicanos, que traerá efectos positivos, así como el incremento en la variedad de productos, innovación tecnológica y la especialización en la producción no solo nacional, si no también internacional de aquellos bienes en los que a México le resulte tener mayores ventajas competitivas con los recursos e innovación actual.

Conclusiones

El TLCAN ha sido un acuerdo que a pesar de críticas malas que ha tenido a lo largo de este tiempo, ha sido un acuerdo que ha beneficiado en varios aspectos a la economía mexicana con la apertura comercial, al hacer a dicha economía más competitiva y contribuyendo a la creación de empleos, entre otros factores.

Estados Unidos mantiene más riesgos en las tensiones comerciales con Canadá y México que de los que reconoce la retórica de la actual Casa Blanca. El enfoque de las medidas proteccionistas que propone, llevaría a costos más altos de los insumos para los fabricantes estadounidenses que tendrían que trasladarse al consumidor, lo que resultaría en precios más altos en los Estados Unidos, además de erosionar la competitividad de las exportaciones americanas de vehículos y otras manufacturas, lo que iría en contra de la meta de reducir el déficit comercial estadounidense.

El proteccionismo contra las importaciones de productos manufacturados mexicanos podría perjudicar a la economía estadounidense a través del deterioro de la competitividad de las exportaciones de los fabricantes estadounidenses y, en última instancia, la pérdida de puestos de trabajo en Estados Unidos.

Hoy en día con el tema de la globalización, es importante que México incrementa su participación en negociaciones comerciales internacionales, y el TLCAN hasta donde se conoce tiene como propósito favorecer la apertura comercial de América del Norte mediante la eliminación de barreras arancelarias del comercio, ciertos permisos, cuotas, licencias y tarifas, facilitando la circulación transfronteriza de bienes (productos) y servicios, para así estimular la IED y contribuir con el desarrollo de la economía y sociedad mexicana. Dado que la globalización implica que un gran número de transacciones económicas e interacciones sociales entre agentes se realicen en una región multiterritorial, este tipo de acuerdos brindan ventajas competitivas para cada miembro que lo conforme.

Por otra parte, sobre la dependencia de un importante número de hogares en México de las transferencias, es necesario promover la educación financiera afín de que puedan redireccionar el uso de estos recursos a emprendimientos productivos que representen un ingreso más estable para las familias. Aunque es plausible el apoyo que el gobierno federal ha iniciado para un mejor aprovechamiento de los recursos para proyectos productivos, la difusión de la educación financiera y de las herramientas debe ser incentivado, así como el anuncio de reducir los costos del envío y recepción de remesas, así como ampliar la red de sucursales a los municipios más lejanos que cuentan con población receptora de remesas, mismas acciones que acatan las recomendaciones internacionales.

Se debe tener presente que el TLCAN puede traer algunos aspectos negativos para México en la renegociación y los cuales podrían ser: el descenso de la Inversión Extranjera Directa (IED) y por ende, la caída de empresas multinacionales con

posibilidades de invertir en México, el nivel de desempleo puede aumentar (si no se toman medidas de precaución adecuadas) debido a la fuga de grandes empresas, reducción de exportaciones e importaciones de México-Estados Unidos, considerando un posible aumento de precios (si no se busca algún otro medio de libre comercio) dado que este libre comercio existente entre estos tres países permitía que los precios fueran más accesibles para los consumidores mexicanos, y afectaciones serias a los diversos sectores, en especial, al sector agropecuario, entre otros. Pero se espera que esta renegociación brinde ventajas para todos, reforzando puntos que hasta la fecha podrían debilitar al comercio internacional, creándose una mejor estrategia diplomática para neutralizar los desplantes del nuevo gobierno.

Bibliografía

21. Centro de Estudios Monetarios Latinoamericanos, “*Remittances to Latin America and the Caribbean in 2015–2016*”, Ciudad de México, 2016.
22. Esquivel G. y Pineda, A. “Las remesas y la pobreza en México: un enfoque de pareo de puntuación de la propensión”, *Integración y Comercio*, 27:11, Buenos Aires, 2007, 47–74.
23. Guedán M., “Una Comunidad de naciones, llamada Iberoamérica”, *Quórum. Revista de pensamiento iberoamericano*, 13, Madrid, 2005, 6–9.
24. Polaski S., “Mexican Employment, Productivity and Income a Decade after NAFTA”, Carnegie Endowment for International Peace, Washington, DC., 2004.
25. United States Department of Commerce (USDOC), Key Economic Indicators, 2016.
26. Weisbrot M., Stephan Lefebvre, y Joseph Sammut, “Did NAFTA Help Mexico? An Assessment After 20 Years”, Center for Economic and Policy Research, Washington, DC., 2014.
27. Wilson Center, “Growing Together: U.S. Jobs that Depend on Trade with Mexico”, Washington, DC., 2016.

Los flujos migratorios en el contexto del TLCAN: Implicaciones económicas y sociales

Migratory flows in the context of NAFTA: Economic and social implications

Resumen: Las reformas de liberalización que México emprendió a partir de 1980, y principalmente tras la incorporación al Tratado de Libre Comercio con América del Norte (TLCAN), estableció una nueva lógica de integración de la cuál un importante grupo de la población ha sido incapaz de adaptarse. Ya sea por la imposibilidad de competir con la producción agrícola internacional o ante las pocas posibilidades de bienestar que ofrecía una economía con salarios anclados, la solución para las familias fue la migración a los Estados Unidos. Los flujos migratorios han crecido durante las últimas décadas, y con ello las remesas que contribuyen al mantenimiento de sus familias que decide invertirlo en la producción agrícola, salud y educación, contribuyendo a romper el ciclo de pobreza. La migración también ha generado una transformación de la sociedad rural, que moviliza a jóvenes y modifica la estructura de las comunidades

Palabras clave: Mexico; Tratado de Libre Comercio con América del Norte; America del Norte.

Abstract: The liberalization reforms that began after 1980, and mainly the incorporation of the North American Free Trade Agreement (NAFTA), established a new logic of integration where an important group of the population has been unable to adapt. Either because of the impossibility of competing with international agricultural production or because of the few possibilities of offered by an economy with low wages, the solution for families was migration to the United States. Migratory flows have grown during recent decades and with it the conditions of families are better to decide to invest in agricultural production, health and education, helping to break the cycle of poverty. Migration has also generated a transformation of rural society, which mobilizes young people and modifies the structure of communities.

Keywords: Mexico; Free Trade Agreement with North America; North America.

El nuevo escenario migratorio entre México y Estados Unidos

La movilidad de población entre México y los Estados Unidos es un fenómeno de muy larga práctica, y configura uno de los corredores migratorios más antiguos que existen en la actualidad. Diversos autores sitúan su inicio en la segunda mitad

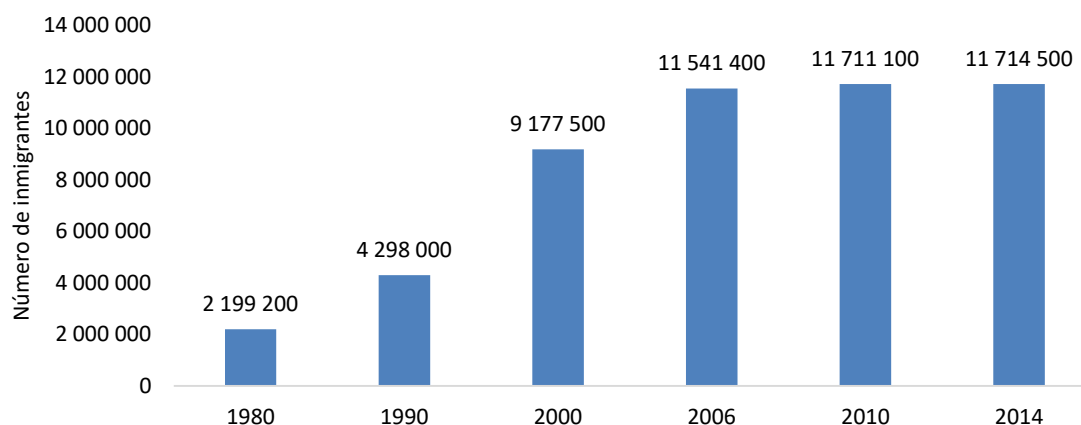
¹ México. Estudios en Economía por la Benemérita Universidad Autónoma de Puebla (cesarsvz@outlook.com)

del siglo XIX, en el marco de la expansión del capitalismo norteamericano hacia la costa oeste, incorporando los territorios que alguna vez pertenecieran al territorio mexicano. A partir de entonces, la migración de mexicanos a los Estados Unidos se ha mantenido como una constante en la historia de la relación entre ambos países. A lo largo del tiempo, este proceso migratorio ha pasado por distintas etapas y enfrentado diversas coyunturas políticas, sociales, demográficas y económicas, unas más favorables, y recientemente, más restrictivas.

Después de cuatro décadas de rápido crecimiento, el tamaño de la población inmigrante mexicana en los Estados Unidos se ha mantenido estable en los últimos años. En 2014, más de 11.7 millones de inmigrantes mexicanos residían en los Estados Unidos, representando el 28 % de los 42.4 millones de nacidos en el extranjero, que constituían el mayor grupo de origen inmigrante del país.

Entre 2006 y 2010, el número de inmigrantes mexicanos aumentó en 200 mil, comparado con los más de 2 millones que llegaron en los cinco años anteriores (Gráfica 1). Siguiendo esta tendencia, en la última década y media, la participación mexicana entre todos los inmigrantes disminuyó de 29.5 % en 2000 a 27.6 % en 2014.

Gráfica 1. Población mexicana inmigrante en los Estados Unidos, 1980–2014

Fuente: U.S. Census Bureau 2006, 2010 y 2014, American Community Surveys (ACS), Washington, D.C.

México también ha dejado de representar el principal país de origen entre los inmigrantes más recientes de los Estados Unidos. En 2013, de acuerdo con el Departamento de Migración de los Estados Unidos, China e India superaron a México como los países de origen más comunes de los inmigrantes que han residido en los Estados Unidos por un año o menos. Una minoría de los emigrantes mexicanos que llegan a los Estados Unidos, se dirigen a Canadá, un promedio de 94,000.

Revisando los datos de la Oficina del Censo de los Estados Unidos, el Anuario de Estadísticas² de Inmigración del Departamento de Seguridad Nacional, se esti-

² American Community Surveys (ACS), “U.S. Census Bureau”, Washington, D.C., 2006, 2010 y 2014. Available at: <https://www.census.gov/programs-surveys/acs/> (accessed 01.20.2017).

ma que la mayoría de los inmigrantes de México se establecieron en California (37 %), Texas (21 %) e Illinois (6 %). Los cuatro condados principales con inmigrantes mexicanos fueron el Condado de Los Ángeles en California, el Condado de Harris en Texas, el Condado de Cook en Illinois y el Condado de Orange en California. En conjunto, estos cuatro condados representaron alrededor del 23 % de la población total de inmigrantes mexicanos en los Estados Unidos.

En el período 2010 al 2014, las ciudades de los Estados Unidos con el mayor número de inmigrantes mexicanos fueron las mayores áreas metropolitanas de Los Ángeles, Chicago, Houston y Dallas (Tabla 1). Estas cuatro áreas metropolitanas representaron alrededor del 31 % de los inmigrantes mexicanos en los Estados Unidos.

Tabla 1

Principales concentraciones por ciudad para migrantes mexicanos, 2010–2014

Ciudad	Número de migrantes mexicanos	% de la población
Los Ángeles	1,735,000	13.3%
Chicago	669,000	7.0%
Houston	606,000	9.8%
Dallas	601,000	9.0%
Riverside	562,000	12.9%
Phoenix	344,000	7.9%
San Diego	337,000	10.6%
Nueva York	332,000	1.7%
San Francisco	250,000	5.6%
McAllen	218,000	27.1%

Fuente: U.S. Census Bureau 2010 y 2014, American Community Surveys (ACS), Washington, D.C.

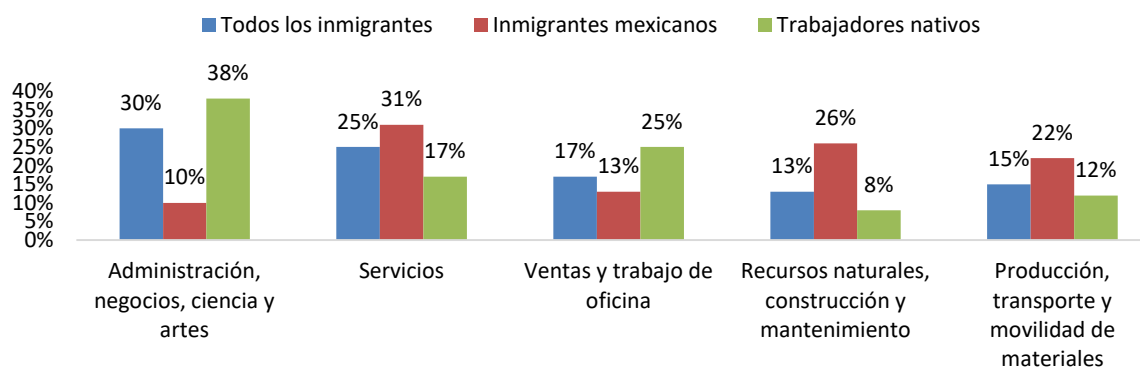
El censo de 2014 también da cuenta de que la mediana de edad de los inmigrantes mexicanos fue de 41 años, en comparación con 44 de otros trabajadores extranjeros y 36 para los nacidos en Estados Unidos. En 2014, el 87% de los inmigrantes mexicanos estaban en edad de trabajar (18 a 64), una proporción mucho mayor que el 80 % de todos los inmigrantes y el 60 % de los nativos.

Los inmigrantes mexicanos tienden a tener un nivel educativo mucho menor en comparación con el total de las poblaciones extranjeras y nativas. En 2014, el 6 % de los inmigrantes mexicanos (de 25 años o más) tenía una licenciatura o más, comparado con el 29% de la población nacida en el extranjero y el 30 % de la población nacida en Estados Unidos.

Los inmigrantes mexicanos participan en la fuerza de trabajo a una tasa ligeramente superior a la de las poblaciones inmigrantes y nacidas en Estados Unidos. En 2014, alrededor del 69 % de los inmigrantes mexicanos (de 16 y más años) estaban en la fuerza de trabajo civil, en comparación con el 66 % y el 62 % de todos los inmigrantes y nativos nacidos, respectivamente. Los inmigrantes mexicanos eran

mucho más propensos a ser empleados en ocupaciones de servicios (31 %); recursos naturales, construcción y mantenimiento (26 %); y la producción, el transporte y las ocupaciones que mueven materiales (22 %) que las poblaciones totales extranjeras y nativas (Gráfica 2).

Gráfica 2. Trabajadores ocupados en el mercado laboral (16 años o más) por ocupación y origen, 2014

Fuente: U.S. Census Bureau 2006, 2010 y 2014, American Community Surveys (ACS), Washington, D.C.

De acuerdo estadísticas mexicanas, una de las características de la migración mexicana hacia Estados Unidos de en las últimas fechas, es que a diferencia de lo que ocurría en las décadas de los setenta y ochenta, la población que está decidiendo marcharse es la más joven: la población joven emigrante de origen mexicano en Estados Unidos creció de 2.5 millones en 1996 a 3.6 millones en 2006; y a casi cuatro millones de jóvenes entre los 12 y los 29 años de edad³.

Otro dato a destacar es que entre las y los mexicanos jóvenes, la mayor concentración se ubica entre los 24 y los 29 años de edad; es decir, una de las etapas de mayor capacidad productiva en el ciclo de la vida laboral, así de los 3.6 millones de jóvenes en el segmento etario contabilizados en 2006, había 1.6 millones en el grupo señalado de los 24 a los 29 años de edad, es decir, el 52 % del total.

El segundo grupo se ubicó entre los 18 y los 23 años de edad, con un millón de jóvenes emigrados a Estados Unidos, los cuales representan casi 35 % del total; mientras que el resto se ubica en el grupo de adolescentes de 12 a 17 años de edad, el cual suma un total de 517 mil adolescentes que deberían estar o bien en la educación secundaria o en la preparatoria en nuestro país.

Las remesas totales enviadas a México a través de canales formales ascendieron a 24 mil millones de dólares en 2015, lo que representa alrededor del 2% del producto interno bruto (PIB) del país, según datos del Banco Mundial. Las remesas recibidas por los mexicanos han aumentado constantemente en los últimos años después de un dramático descenso durante la Gran Recesión, principalmente,

³ Telésforo Ramírez García & Manuel Ángel Castillo, "México ante los recientes desafíos de la migración internacional", *Consejo Nacional de Población*, México, D.F., 2012.

debido a los niveles de volatilidad del tipo de cambio. Desde el punto de vista económico, el impacto positivo se da a partir de las remesas que los migrantes envían a sus lugares de origen, pues reflejan la vinculación de los trabajadores y su familia, por ser un apoyo a la economía nacional⁴.

Panorama de los migrantes mexicanos: los grandes retos

La historia confirma que el proceso migratorio entre México y Estados Unidos se encontró en sus inicios, apoyado por políticas unilaterales de Estados Unidos. Son conocidos que comenzaron con periodos de reclutamiento activo y de tolerancia implícita para el cruce de indocumentados, lo que permitió el flujo masivo de migrantes nacionales. Pero esta política ha cambiado radicalmente, con la entrada del siglo XXI se han incrementado las leyes de represión y nuevas políticas de deportación masiva, un escenario que ha evolucionado a una persecución sistemática apoyada por ideas xenofóbicas.

Los hechos recientes se deben a las nuevas condiciones de las últimas administraciones, que han modificado la tendencia histórica de los migrantes, pues anteriormente, a pesar de que ingresaban varios millones de mexicanos cada año, una cantidad muy similar retornaba. Entre 1965 y 1986 un 85 % de los migrantes indocumentados regresaba, por ello el incremento en general de mexicanos registraba un crecimiento anual considerado modesto⁵.

Antes, muchos autores consideraban que gran parte de los trabajadores que componían los flujos inmigratorios hacia los Estados Unidos regresaban a su país de origen, una carrera migratoria que culminaba con el retorno de un trabajador más maduro, un fenómeno conocido como migración circular⁶, y que la evidencia empírica probaba como lo hace ahora, pero en contra: en 1980, la probabilidad de retorno era de 46 %, pero después de 1986 empieza a decrecer hasta llegar a un modesto 7 % en 2007.

Los inmigrantes mexicanos, de acuerdo a las estimaciones, se encuentra mucho más propensos a experimentar pobreza que los otros dos grupos. En 2014, nuevamente considerado la información censal, se estimaba que el 28 % de las familias inmigrantes mexicanas vivían en la pobreza, en comparación con el 18 % de todas las familias inmigrantes y el 10 % de las familias nacidas en los Estados Unidos.

⁴ Aurora Furlong y Zacauala & Raúl Netzahualcoyotzi Luna, “El impacto de la crisis económica-financiera en la migración y remesas de la región México-Centroamericana”, M. D. París, A. Furlong y R. Álvarez (Coords.), *Migraciones laborales, nuevos flujos, rutas e identidades*, México, Editorial BUAP, 2011, 199-218.

⁵ Douglas S. Massey & Audrey Singer, “New estimates of undocumented Mexican migration and the probability of apprehension” *Demography* 32:2, Pennsylvania, mayo de 1995, 203-13.

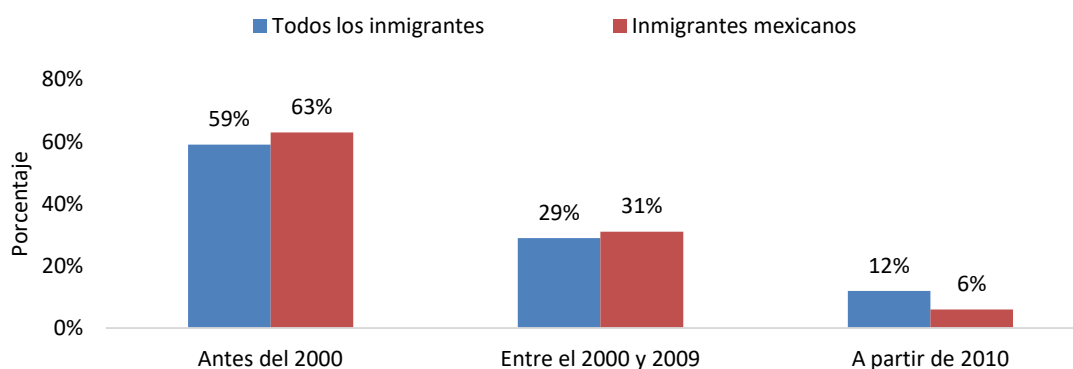
⁶ Jorge A. Bustamante, “La migración laboral entre México y los Estados Unidos: innovaciones teóricas y metodológicas y resultados de investigaciones”, Colegio de la Frontera Norte, México, 1997.

Gran parte de esta situación, puede atribuirse a las bajas tasas de naturalización específicamente para el caso de los connacionales, pues las cifras indican que sólo el 27 % de los 11.7 millones de inmigrantes mexicanos que residían en los Estados Unidos eran ciudadanos naturalizados, en comparación con el 47 % de la población total nacida en el extranjero.

Cada vez más inmigrantes mexicanos han regresado a México de los que han emigrado a Estados Unidos desde el final de la Gran Recesión 2007-2009, según un reciente informe del Pew Research Center⁷. La disminución de los flujos de migración es el resultado de una combinación de factores, entre ellos el debilitamiento de las oportunidades de empleo en los Estados Unidos y una aplicación más estricta de la ley en las fronteras, además, en menor medida, a la disminución a largo plazo de las tasas de natalidad en México y las mejoras relativas de la economía mexicana.

Casi dos tercios de los inmigrantes mexicanos llegaron antes de 2000 (63 %), 31% entre 2000 y 2009, y 6 % en 2010 o más tarde. En comparación, el 59 % de todos los inmigrantes llegaron a Estados Unidos antes de 2000, 29% entre 2000 y 2009 y 12 % en 2010 y después (Gráfica 3).

Gráfica 3. Inmigrantes en los Estados Unidos por periodo de llegada, 2014

Fuente: U.S. Census Bureau 2006, 2010 y 2014, American Community Surveys (ACS), Washington, D.C.

En un contexto aún más presente, México es también el país de origen más grande entre los beneficiarios del programa de Acción Diferida para los Llegados de la Niñez (DACA), que proporciona alivio de deportación temporal y autorización de trabajo. Entre el inicio del programa del 15 de agosto de 2012 y el 30 de septiembre de 2015, los Servicios de Ciudadanía e Inmigración de los Estados Unidos (USCIS) aceptaron 609,105 solicitudes iniciales y 371,219 solicitudes de renovación DACA de jóvenes no autorizados nacidos en México (77 % renovación combinadas). Aproximadamente el 90 % de las solicitudes iniciales y el 92% de las solicitudes de renovación de nacionales mexicanos habían sido aprobadas para fines del año fiscal 2015.

⁷ Renee Stepler & Mark H. López, “South still leads nation in growth overall, but three counties in North Dakota top list of fastest-growing”, Pew Research Center, Washington, D.C., 2016.

Los planes de exclusión de educación de la administración de Donald Trump con la cancelación del programa, se agrava con el hecho de que el 47% de los inmigrantes mexicanos estaban sin seguro, una tasa mucho más alta que el total de la población nacida en el extranjero (27 %) y los nativos (9 %). Los inmigrantes mexicanos también tenían menos probabilidades de tener seguro de salud público o privado que las poblaciones extranjeras y nativas, según la información censal.

Conclusiones

La apertura de México a la economía internacional en 1994, a través de la entrada en vigor del Tratado de Libre Comercio de América del Norte (TLCAN), y la crisis económica generada por la devaluación del peso mexicano en ese mismo año, agudizaron los problemas sociales, económicos y políticos en el país, motivando con ello la emigración de miles de mexicanos. Además, en esos años, las redes familiares y sociales que sustentaban la migración mexicana se encontraban en una época de esplendor.

Durante las negociaciones que condujeron al TLCAN, el presidente mexicano Carlos Salinas de Gortari declaró en los países socios que la aprobación del TLCAN reduciría dicha migración proporcionando empleo para los mexicanos en México. Sin embargo, la aprobación del TLCAN no condujo a un aumento en los ingresos y empleo y no disminuyó el flujo de migrantes a Estados Unidos. Por el contrario, se convirtió en una importante fuente de presión sobre los mexicanos para migrar.

La migración se encuentra a la baja, aunque cerca de doce millones de migrantes mexicanos indocumentados que se encuentran en los Estados Unidos, planean permanecer ahí permanentemente. Las estadísticas muestran que la migración indocumentada crece a un ritmo cada vez menor e incluso, que actualmente las tasas de retorno crecen, pero no al nivel que hace pensar la gran hostilidad gubernamental norteamericana.

La presencia de inmigrantes indocumentados, aún con el creciente ingreso de migrantes legales y autorizados, sitúa al colectivo mexicano en una situación de extrema vulnerabilidad. La existencia de un contexto con creciente rechazo antiinmigrante, apoyada por medios de comunicación y la legislación, tanto federal como en los diferentes estados, que pretenden limitar derechos que en algún momento eran permisibles y fomentados.

Para algunos autores⁸, en el debate político de Estados Unidos los cortadores de café, desterrados de Veracruz o los trabajadores desempleados de la Ciudad de México, son llamados inmigrantes porque ese debate no reconoce su existencia

⁸ David Bacon, "Cómo la globalización y el tratado de libre comercio de América del Norte han causado la migración de México", J. M. Sandoval Palacios & M. A. Vázquez Ruiz, *En la senda del TLCAN: Una visión crítica*, Universidad de Sonora, México, 183-193.

antes de que ellos salen de México. Sería más apropiado llamarlos migrantes y al proceso, migración, ya que esto toma en cuenta tanto a las comunidades de origen de las personas como aquellas a las que ellos viajan para encontrar trabajo.

Aunque una mayoría de la población inmigrante, con mayor tiempo de residencia ha podido integrarse y ha desarrollado una serie de lazos con la sociedad norteamericana, la política migratoria oficial sigue promoviendo obstáculos para el proceso natural de integración. Sin embargo, es importante enfatizar en los peligrosos niveles de discriminación que detonan en algunos sectores de la sociedad en Estados Unidos, la cual, genera un serio problema en las condiciones de migrantes legales e ilegales, así como sus descendientes, que los hace sentir excluidos.

El sentimiento de exclusión ante los comportamientos de marginalización en que mexicanos han debilitado sus lazos con sus comunidades de origen ante el endurecimiento de las políticas fronterizas que impiden su retorno, y al mismo tiempo, la falta de aceptación de las comunidades en que ahora residen lleva como resultado final a una nueva era, en donde la marginalización de los mexicanos es la característica fundamental, aunada a condiciones muy precarias de vida, educación, salud y trabajo.

Muy pesar de la disminución del flujo migratorio ilegal de mexicanos a los Estados Unidos, las violaciones a sus derechos, la criminalización de su estadía y los peligros que enfrentan al tratar de cruzar siguen existiendo y se han incrementado en los últimos años. No debe ignorarse, además, el hecho de que el origen se halla en la falta de oportunidades y de mejores condiciones de vida que sus comunidades de origen no han podido ofrecerles, por lo que han decidido migrar a pesar de los peligros que esto representa. Por tanto, es tarea de la administración pública no sólo garantizar la seguridad de migrantes en su trayecto o retorno, sino también el de reducir las brechas de desigualdad y pobreza en la población que ve en la migración una válvula de escape a las condiciones existentes.

Bibliografía

1. American Community Surveys (ACS), “U.S. Census Bureau”, Washington, D.C., 2006, 2010 y 2014. Available at: <https://www.census.gov/programs-surveys/acs/> (accessed 01.20.2017).
2. Aurora Furlong y Zacacla & Raúl Netzahualcoyotzi Luna, “El impacto de la crisis económica-financiera en la migración y remesas de la región México-Centroamericana”, M. D. París, A. Furlong y R. Álvarez (Coords.), *Migraciones laborales, nuevos flujos, rutas e identidades*, México, Editorial BUAP, 2011, 199-218.
3. David Bacon, “Cómo la globalización y el tratado de libre comercio de América del Norte han causado la migración de México”, J. M. Sandoval Palacios & M. A. Vázquez Ruiz, *En la senda del TLCAN: Una visión crítica*, Universidad de Sonora, México, 183-193.

-
4. Douglas S. Massey & Audrey Singer, “New estimates of undocumented Mexican migration and the probability of apprehension” *Demography* 32:2, Pennsylvania, mayo de 1995, 203-13.
 5. Jorge A. Bustamante, “La migración laboral entre México y los Estados Unidos: innovaciones teóricas y metodológicas y resultados de investigaciones”, Colegio de la Frontera Norte, México, 1997.
 6. Renee Stepler & Mark H. López, “South still leads nation in growth overall, but three counties in North Dakota top list of fastest-growing”, Pew Research Center, Washington, D.C., 2016.
 7. Telésforo Ramírez García & Manuel Ángel Castillo, “México ante los recientes desafíos de la migración internacional”, *Consejo Nacional de Población*, México, D.F., 2012.

СТРАНЫ ИБЕРОАМЕРИКИ В ООН И ДРУГИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТРУКТУРАХ

К. Е. Голодова¹

Интеграционная модель Боливарианского альянса (ALBA): особенности и перспективы

Integration model of the Bolivarian Alliance (ALBA): features and perspectives

Abstract: Bolivarian Alliance for the Peoples of Our America is an alternative model of integration that differs from the traditional model by the complex nature of the interaction of participating countries. In the article the author made a SWOT-analysis of the model and came to the conclusion that the development of ALBA depends on internal political processes and interaction with the integration associations of the region.

Key words: ALBA; integration; model of integration; regionalism.

Resumen: La Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América es un modelo alternativo de integración que difiere del modelo tradicional por la naturaleza compleja de la interacción de los países participantes. En el artículo el autor realizó un análisis FODA del modelo y llegó a la conclusión de que el desarrollo del ALBA depende de procesos políticos internos e interacción con las asociaciones de integración de la región.

Palabras clave: ALBA; integración; modelo de integración; regionalism.

Боливарианский альянс для народов нашей Америки (АЛБА) — организация субрегионального уровня, созданная по инициативе Венесуэлы и Кубы в 2004 году² в качестве альтернативной по отношению к традиционным механизмам интеграции, которые характеризуются сильным влиянием США, модели интеграции. Главным принципом интеграции в Альянсе выступает экономическая взаимодополняемость и сотрудниче-

¹ Голодова Катерина Евгеньевна, Россия, студентка магистратуры факультета социологии СПбГУ (golodova.katerina@mail.ru).

² В настоящее время включает Венесуэлу, Кубу, Боливию, Эквадор, Никарагуа и ряд небольших государств Карибского бассейна.

ство стран-участниц, при которой слабые стороны одной национальной экономики компенсируются сильными сторонами других³. В отличие от традиционных форм интеграции, интеграционное взаимодействие в рамках АЛБА носит комплексный характер, затрагивая политическую, экономическую и социальную сферы общественных отношений⁴. Таким образом, проект АЛБА является принципиально новым проектом интеграции, в основе которого лежит идеология боливарианизма, социализма XXI века в противовес неолиберальной концепции, которой руководствуется Тихоокеанский альянс.

Производственная интеграция стран-участниц проекта АЛБА осуществляется более десяти лет. За это время Альянс доказал свое право на существование и накопил уникальный опыт построения производственной альтернативы современной доминирующей модели глобализации. Исходя из этого, необходим детальный анализ сильных и слабых сторон интеграционной модели Боливарианского альянса, его возможностей и угроз существования. Одним из методов анализа данных факторов является SWOT-анализ, суть которого в рассмотрении объекта исследования с точки зрения характеристик внутренней среды (сильных и слабых сторон) и факторов внешнего воздействия (возможности и угрозы). Анализ взаимосвязи данных факторов дает нам возможность определить возможные тенденции развития исследуемого объекта.

Сильной стороной интеграционной модели АЛБА является тот факт, что в Альянсе сосредоточены огромные запасы ресурсов (железа, газа, стали, более половины мировых запасов лития и т. д.) и в особенности нефти, так как страна-основатель — Венесуэла — обладает самыми большими запасами нефти в мире. АЛБА развивает новую международную финансовую систему с целью защиты АЛБА от возможных кризисов капитализма⁵. Также Венесуэла осуществляет крупные инвестиции в Альянс⁶. Меньше всего противоречий страны-участницы имеют по вопросам энергетики, культуры, инфраструктуры, а также в социальной сфере и сфере образования, то есть это те направления сотрудничества, результаты которых сильнее ощущаются обычными гражданами. Это способствует укреплению поддержки интеграционных процессов, преодолению политических и экономических

³ Пятаков А. Н. «Модели альтернативной интеграции Латинской Америки в начале XXI в.» // *Иberoамериканские тетради*, 2014, № 3 (5), 111.

⁴ Нелина Л. П., «Внешнеполитические проекции альтерглобализма в Латинской Америке» // *Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал*, 2015, № 1, 148.

⁵ Пятаков А. Н., «Модели альтернативной интеграции Латинской Америки в начале XXI в.» // *Иberoамериканские тетради*, 2014, № 3 (5), 112.

⁶ Пятаков А. Н., «Боливарианский и Тихоокеанский альянсы. Два пика интеграционного марафона в Латинской Америке в начале XXI в.» // *Латинская Америка*, 2014, № 9, 31.

препятствий. Необходимо отметить также роль культурных факторов: общий язык, религия (общая католическая система ценностей), общий исторический путь⁷.

Среди слабых сторон группировки можно выделить неясный характер взаимодействия с другими региональными организациями, отсутствие общих границ. Ресурсная обеспеченность Альянса сильно зависит от колебания цен на ресурсы, особенно нефть⁸.

К возможностям интеграционного блока можно отнести развитие сотрудничества с СЕЛАК, являющимся альтернативой ОАГ, а также новые формы сотрудничества между изолированными прежде странами, которые создала Венесуэла в рамках АЛБА⁹.

Основная угроза существования Альянса — раскол общества в странах АЛБА, особенно в Венесуэле. В Латинской Америке экономические циклы оказывают прямое влияние на политическую обстановку — после снижения цен на латиноамериканские экспортные товары многие страны-участницы столкнулись с экономическими трудностями. Это, в свою очередь, привело к разочарованию населения в выборе политического пути¹⁰ — в ряде стран, где кризисные тенденции проявились особенно сильно, произошёл правый поворот¹¹. Сильная зависимость интеграционного блока от политических и экономических процессов в Венесуэле является основным дестабилизирующим фактором. Среди возможных угроз стоит также выделить небольшое расхождение идеологий лидеров блока — Кубы и Венесуэлы: первая руководствуется постулатами традиционного социализма, вторая — «социализмом XXI века», который лежит в основе самого Альянса. Вследствие этого существует опасность мировоззренческого кризиса в АЛБА. Также существуют угрозы последовательного падения режимов в периферийных государствах блока¹².

Таким образом, возможные тенденции развития АЛБА во многом зависят от внутренних политических процессов, а также взаимодействия с

⁷ Кузнецов Д. А., «Особенности и перспективы латиноамериканской интеграции на современном этапе» // *Ибероамериканские тетради*, 2015, № 3 (9), 41–42.

⁸ Пятаков А. Н., «Модели альтернативной интеграции Латинской Америки в начале XXI в.» // *Ибероамериканские тетради*, 2014, № 3 (5), 112.

⁹ Золотова Е. В., «Роль Боливарианской Республики Венесуэла в Альянсе АЛБА» // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 2015, № 2, 177.

¹⁰ Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., «„Правый поворот“ в Латинской Америке: случайность или тенденция» // *Латинская Америка*, 2010, № 6, 8–20.

¹¹ Шишков А. С., «„Правый поворот“? К вопросу о смене политического цикла в Латинской Америке» // *Проблемы национальной стратегии*, 2017, № 4 (43), 48–55.

¹² Пятаков А. Н., «Боливарианский и Тихоокеанский альянсы. Два пика интеграционного марша в Латинской Америке в начале XXI в.» // *Латинская Америка*, 2014, № 9, 33.

интеграционными объединениями региона. Несмотря на то, что ни в одной из стран Боливарианского Альянса не произошло смены власти, угроза прихода к власти правых сил остается. Особенно ярко она проявляется в Венесуэле — в результате падения цен на нефть страна переживает глубокий экономический кризис, что в условиях сильной поляризации политических сил может привести к социальному взрыву. В данной ситуации опасность распада блока из центра сохраняется.

Библиография

1. *Золотова Е. В.* Роль Боливарианской Республики Венесуэла в Альянсе АЛБА // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 2. С. 174–178.
2. *Нелина Л. П.* Внешнеполитические проекции альтерглобализма в Латинской Америке // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. 2015. № 1. С. 146–150.
3. *Кузнецов Д. А.* Особенности и перспективы латиноамериканской интеграции на современном этапе // Ибероамериканские тетради. 2015. № 3 (9). С. 37–49.
4. *Пятаков А. Н.* Боливарианский и Тихоокеанский альянсы. Два пика интеграционного марафона в Латинской Америке в начале XXI в. // Латинская Америка. 2014. № 9. С. 25–41.
5. *Пятаков А. Н.* Модели альтернативной интеграции Латинской Америки в начале XXI в. // Ибероамериканские тетради. 2014. № 3 (5). С. 109–118.
6. *Шишков А. С.* «Правый поворот»? К вопросу о смене политического цикла в Латинской Америке // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 4 (43). С. 48–61.

ISDS/ICS clause in FTAs: facilitating commerce or undermining democracy?

Cláusula ISDS / ICS en los TLC: ¿facilitar el comercio o socavar la democracia?

Abstract: This article raises questions on the ramifications of the increasing use of the Investor-to-State Dispute Settlement clause also called Investor Court System in new Free Trade Agreements. It delves into the hypothetical future of international trade relations, and what ISDS clauses may portend for the democratic process and institutions in member/signatory countries. Many Latin-American countries are signatories to these trade agreements and are already being affected by its nefarious consequences. Argentina's ongoing case serves as a good example. The secrecy surrounding the negotiations, and the active role of transnational corporations during FTA negotiation processes are critically analyzed.

Keywords: FTA; ISDS; ICS; TPP; TTIP; Transnational corporations.

Resumen: Este artículo plantea preguntas sobre las ramificaciones del uso creciente de la cláusula de Solución de Controversias entre Inversionistas y Estados también llamada Sistema de Corte de Inversores en nuevos Acuerdos de Libre Comercio. Se adentra en el futuro hipotético de las relaciones comerciales internacionales, y lo que las cláusulas de ISDS pueden augurar para el proceso democrático y las instituciones en los países miembros / signatarios. Muchos países latinoamericanos son signatarios de estos acuerdos comerciales y ya se están viendo afectados por sus nefastas consecuencias. El caso actual de Argentina sirve como un buen ejemplo.

Palabras clave: FTA; ISDS; ICS; TPP; TTIP; corporaciones transnacionales.

Introduction

The TransPacific Partnership free trade agreement (TPP) and the Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) also known as the Transatlantic Free Trade Agreement (TAFTA) are the latest of the new generation of free trade agreements. These new generation free trade agreements (FTAs) are completely different from previous agreements in a number of ways. The most important and impressive aspects of these agreements is the huge size of the signatory countries both economically and geographically.

¹ IDEA Research Center, University of Lorraine Metz, France, peterson.nnajiofor@univ-lorraine.fr

The TTIP agreement, if successful, will represent 34.5 % of world GDP, 25.3 % of world exports, 29.2 % of world imports, 56.8 % of world FDI inward Stock, 70.2 % world FDI outward stock, 55.2 % world M&A (mergers and acquisitions) sales and 18.7 % World M&A purchases. Population-wise, the two parties represent over a billion people.²

On the TPP side, the figures are equally significant. Together, these two agreements cover close to 70 % of world commerce, an unprecedented level of international cooperation on trade. Another important point to be noted is the scope of these agreements as well as the declared objectives of the concerned parties. According to the Sierra Club, a long-time opponent of free trade agreements, over 90 percent of the areas covered by these agreements actually do not concern trade directly.³ Thus, the larger parts of these agreements deal with governance and control at the global level. Different groups both in the signatory-countries and outside them are quite vociferous in their criticism of different aspects of the agreements from issues concerning environmental protection, democratic governance, social justice, human rights to the increasing power struggle between private corporations and public institutions. Different stakeholders are very skeptical about some of the possible ramifications of these agreements in the future. This skepticism is due to the fact that the new FTAs could be said to be establishing the rules and regulations for the control of present and future world trade.

The huge size of the areas concerned by these agreements, their scope as well as their objectives⁴ make all the clauses and conditions in the agreement highly crucial. However, for the purposes of this study, we will be focusing mainly on one aspect of these new generation FTAs: The Investor-State Dispute Settlement (ISDS) clause also known as Investor Court System (ICS).⁵ This clause is increasingly being included in FTAs all over the world.

Simply put, ISDS/ICS is a legal framework put in place to protect private investments. Its inclusion in the draft copies of the TTIP has been quite controversial⁶

² Citizens and residents.

³ “The Transatlantic Free Trade Agreement: What’s at Stake for Communities and the Environment”, http://ttip2014.eu/files/content/docs/Full%20documents/The_Sierra_TIP_Report_2.pdf (consulted February 20, 2017).

⁴ “Trans Pacific Partnership, Preamble”, https://www.mfat.govt.nz/assets/_securedfiles/Trans-Pacific-Partnership/Text/0.-Preamble.pdf (consulted February 15, 2017).

⁵ Investor Court System (ICS) was adopted by the EU during the course of preparing this paper, as the new term to replace the controversial Investor-State Dispute Settlement (ISDS). For the purposes of this paper, we will use a combination of both terms (ISDS/ICS) to avoid confusion.

⁶ Daniel J. Ikenson, “A Compromise to Advance the Trade Agenda: Purge Negotiations of Investor-State Dispute Settlement”, *CATO Institute Free Trade Bulletin*, 4 March 2014, <http://www.cato.org/publications/free-trade-bulletin/compromise-advance-trade-agenda-purge-negotiations-investor-state>. Last consulted on February 21, 2016.

on both sides of the ideological spectrum. The ISDS/ICS can be considered as the main legal arm of the new FTAs. It provides for the settlement of disputes through an arbitral tribunal outside the jurisdiction of state judicial systems. The espoused aims are the facilitation and expedition of trade conflict settlements in order to avoid lengthy litigation processes in state courts and their politicization. Let us proceed first to the origins of ISDS/ICS for a better comprehension of this matter.

Brief history of ISDS/ICS

ISDS/ICS in trade agreements is really not a new phenomenon. Its roots go back to the Middle Ages. Tietje and Baetens trace the foundations of ISDS/ICS to the investment protection concessions negotiated by Venetian merchants with sovereigns to avoid paying duties at Byzantine ports in the 10th century. Genoese sailors followed their suit and then the English kings in the 12th century. Tietje and Baetens recorded the change in the 17th and 18th centuries during the emergence of nation states, when sovereigns started negotiating these concessions. From these concessions were to develop the main structures of the current ISDS/ICS when states without colonial possessions resorted to these agreements to protect their investments. The United States drafted its first agreement with France in 1778 and then in 1794, the Treaty of Amity, Commerce, and Navigation, also known as the Jay Treaty, was signed between the United States and Britain.⁷ The latter established mixed dispute resolution commissions to settle state-to-state, and state-to-individual disputes resulting from the War. Thus, it was arguably the first treaty to create the underlying structure of subsequent international investment treaties and ultimately the ISDS/ICS structure.⁸ The fundamentals of the Jay Treaty would remain the model used in international investment treaties till the end of the Second World War and the creation of the Bretton Wood institutions, and later, the adoption of the New York Convention of 1958.⁹ From the end of the Second World War onwards, most of the FTAs including aspects of ISDS/ICS clauses were signed by the United States with countries mostly in Latin America, Asia and Africa. Other countries, mainly in the West did the same thing. The main objective of these contracts was to protect investments in countries that were considered too risky for business. This is the reason why

⁷ “Treaty of Amity Commerce and Navigation, between His Britannick Majesty and The United States of America, by Their President, with the advice and consent of Their Senate (“The Jay Treaty”)” (signed 19 November 1794), http://avalon.law.yale.edu/18th_century/jay.asp (last consulted February 21, 2016).

⁸ C. Tietje & F. Baetens, “The Impact of Investor-State-Dispute Settlement (ISDS/ICS) in the Transatlantic Trade and Investment Partnership”, 19 at http://www.eumonitor.eu/9353000/1/j4nvgs5kjg27kof_j9vvik7m1c3gyxp/vjn8exgvufya/f=/blg378683.pdf (last consulted on February 21, 2017).

⁹ “The New York Convention”, http://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=more_results&look_ALL=1&user_query=*&autolevel1=1&provision=25 (last consulted on February 21, 2017).

most of the agreements were signed with countries that were considered economically or politically unstable.

The new development in the last couple of decades is that the new ISDS/ICS clauses are being inserted in FTAs between developed and rather politically and relatively economically-stable countries like in the case of the TTIP. The inclusion of these clauses in FTAs between developed and rather stable countries as is the case in the TTIP, CETA and to some degree TPP pushes some groups to question the reasons for these clauses and to suggest that there are other ulterior motives behind the agreements.

Reasons for criticisms and opposition

As mentioned above, ISDS/ICS clauses were originally never meant to be used in stable, functioning democracies with advanced and functioning legal systems. Its main objective was to protect investors doing business in unstable foreign countries with weak judicial systems from arbitrary decisions of governments in those countries notably concerning expropriation or seizure of investments in the form of capital or properties. ISDS/ICS in that case was a sort of insurance against business risks. Logically, in developed countries with advanced and functioning legal systems like the United States, Canada, and most countries of the European Union, ISDS/ICS seems redundant and unnecessary.

Why then are these clauses being inserted in the FTAs and Bilateral Investment Treaties being signed by these countries?

Arguments for the ISDS/ICS clauses

In order to fully understand and analyze the tenets of ISDS/ICS in the new-generation FTAs, it would be worthwhile to look at some of the arguments presented in support of it. The most compelling of these arguments are those presented by the EU Commission's Directorate General for Trade (DG Trade) in its fact sheets which states that:

'The main reason for having an ISDS/ICS mechanism is because in many countries investment agreements are not directly enforceable in domestic courts. Therefore, an investor who finds him or herself discriminated against or whose investment is expropriated cannot invoke investment protection rules before the domestic court to get redress.'¹⁰ (DG Trade, 2013).

¹⁰ EU DG Trade, "Fact sheet: Investment Protection and Investor-to-State Dispute Settlement in EU agreements", 26 November 2013, http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/november/tradoc_151916.pdf

Specifically, the Commission used the federal system in the U.S. and its two levels of judiciary at the state level and at the federal level as an example for the need for ISDS/ICS in the TTIP and other EU FTAs. Three cases were used as illustrative examples, *Loewen v. United States*, *Mondev v. United States* and the *Havana Club case*. In *Loewen v. United States*, the commission stated that “an investor involved in a contractual dispute worth \$5m was ordered to pay damages of \$500m before he could appeal.” In *Mondev v. United States*, it noted that, “an investor could not sue the Boston Redevelopment Authority because of an immunity clause.” In the *Havana Club case*, it observed that “Pernod Ricard, a French investor has been prevented from using one of its trademarks for over 10 years.”¹¹

J. Kleinhesterkamp observes that these arguments are very weak since “they are “no evidence for any broader or systemic problem that would require some remediation through international law rather than judicial reform.” He goes further to state that “a closer look suggests that the two cases as well as the *Pernod Ricard case*, actually undermine the strength of the Commission’s argument rather than supporting (sic) it.”¹² And that it is not clear how ISDS/ICS in the TTIP could achieve a different result in those cases.

The Commission equally stated that there was a need to have ISDS/ICS clauses inserted in its FTAs with developed nations with functioning advanced legal systems because

*“The fact that a country is a developed country and has a strong legal system does not always guarantee that foreign investors will be adequately protected. There are several examples of cases where a developed country has expropriated a foreign investor, not paid compensation and prevented them from going to local courts. In these circumstances, investors are left without anywhere to bring a claim for compensation, unless there is an ‘ISDS/ICS’ provision in the investment agreement. »*¹³

And to buttress its argument on the importance of ISDS/ICS system in contrast to national courts, the commission stated that enforcement of obligations in national courts is not always easy and provided three arguments to support this point. The first one notes that an investor may prefer not to litigate against the host country in that country’s courts “because it might think they are biased or lack independence.” The second argument states that « investors might not be able to access the local courts in the host country. It mentioned cases “where countries have expropriated

¹¹ “Answers given by Mr De Gucht on behalf of the Commission”, January 27, 2014, <http://www.europarl.europa.eu/sides/getAllAnswers.do?reference=E-2013-013215&language=EN> (consulted on February 21, 2017).

¹² J. Kleinhesterkamp, “Is there a Need for Investor-State Arbitration in the Transatlantic Trade and investment Partnership (TTIP)?” February 14, 2014. Available at *Social Sciences Research Network*: <http://ssrn.com/abstract=2410188> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2410188> consulted on September 21, 2017.

¹³ “DG Trade Factsheet”, *op cit.*, 2.

*foreign investors, not paid compensation and denied them access to local courts. And the third argument is that “countries do not always incorporate the rules they sign up to in an investment agreement into their national laws. When this happens, even if investors have access to local courts, they may not be able to rely on the obligations the government has committed itself to in the agreement.”*¹⁴

On the part of the United States, the argument essentially states that ISDS/ICS “creates a fair and transparent process, grounded in established legal principles, for resolving individual investment disputes between investors and states.”¹⁵ It went further to list the following “eight facts” about the ISDS/ICS in trade agreements in which the US is a signatory:

1. “Provide basic legal protections for American companies abroad that are based on the same assurances the United States provides at home.
2. Protect the right of governments to regulate in the public interest.
3. Do not impinge on the ability of federal, state, and local governments to maintain (or adopt) any measure that they deem necessary.
4. Do not expose state or local government to new liabilities.
5. Provide no legal basis to challenge laws just because they hurt a company’s profits.
6. Include strong safeguards to deter frivolous challenges to legitimate public interest measures.
7. Ensure fair, unbiased, and transparent legal processes.
8. Ensure independent and impartial arbitration.”¹⁶

The above points and arguments essentially highlight the preference for ISDS/ICS systems over national courts by the EU and the US. They basically argue that the public courts and judicial systems in both the E.U. and the U.S. are incompetent when it comes to international business dispute settlements and that cases relating to business should be treated in private courts.

Stating that ISDS/ICS provides basic legal protections for American companies abroad that are based on the same assurances the United States provides at home is in essence saying that the E.U. for example cannot provide adequate legal protections for businesses. This is paradoxical given that the EU and the U.S. have always been very vocal about the fairness and impartiality of their judicial systems, which they often laud as the best in the world.

The United States and Australia, in the recent past have refused the inclusion of ISDS/ICS in their bilateral trade agreement arguing that both countries have “ro-

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *USTR Tradewinds*, <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/blog/2014/March/Facts-Investor-State%20Dispute-Settlement-Safeguarding-Public-Interest-Protecting-Investors> (consulted on February 28, 2017).

¹⁶ *Ibid.*

bust, developed legal systems for resolving disputes between foreign investors and government". This example shows that advanced systems of court that can handle any legal disputes resulting from FTAs and BIT agreements exist in the U.S. and the E.U. and improvements and modifications could be made in case of inadequacies if necessary. But the two parties prefer to hand over the power of arbitration to non-state and undemocratic entities in this case. This begs the question: Why choose ISDS/ICS, a system of dispute settlement completely outside the jurisdictions of public courts?

From all indications, there appears to be no real logic or rationale to support the choice of the ISDS/ICS system in these new FTAs. The only logical reason behind this choice might have nothing to do with the espoused statements of both parties regarding rule of law and strong judicial protections but rather with the continuous transfer of power from the public and democratic system to the private corporate system. In the last decades, the powers of the state have gradually been chiseled down and handed over to corporate interests. The massive privatization of public companies that started in the early eighties under the conservative leaderships of Ronald Reagan in the U.S and Margaret Thatcher in the U.K. was the first major attack on government power and its credibility notably on matters affecting the business world. This first breach opened a way for subsequent attacks by corporate interests on the right of governments to control, legislate and govern in the interests of the citizens. Billions of dollars have been spent by corporations through their powerful lobby groups in Washington and Brussels and all the seats of power on both sides of the Atlantic to make sure that corporate interests are protected at all times and at all costs. The success of these attacks is what we are witnessing in the current power play between corporate interests and public interests. It is the main reason behind the erosion of government power in most areas of the economy leading to massive distrust of elected officials by their citizens.

The success of the corporate lobbies has created a system whereby taxpayers are left to bear the costs and burden of corporate risks and mistakes whereas the gains and profits are transferred to shareholders and the corporate elite. The most symbolic and recent example is the case of the 2007/2008 financial crises of which the consequences are still being felt today. It is worthy of note that the corporate operatives and interests responsible for the crisis went scot-free and basically nobody was punished nor penalized to pay for the huge errors except the taxpayers. The ongoing negotiations and conditions being imposed on nations like Greece is another example of the citizens bearing the costs of inept and unconscionable private investment decisions. In this case, EU taxpayers are being forced to shoulder the bills of mainly ill-advised corporate lending to the Greek government and financial institutions. The privatization of public spaces in various cities across Europe and the United States is also another example of corporate takeover of public goods for the benefits and profits of their shareholder despite public outcry and opprobrium.

The increased secrecy surrounding the negotiations of these new FTAs tends to validate this hypothesis.

Civil society, public stakeholders, the majority of elected officials and the general public were largely kept outside the negotiating process for these agreements whereas the corporations and their lobby groups had quasi-unrestricted access to the negotiations.

Molly Scott Cato, Green Party of England and Wales Member of European Parliament (MEP) denounced this culture of secrecy surrounding the TTIP negotiating process after being obliged to sign a 14-page document undertaking not to reveal the contents of the documents to her constituency or to journalists.¹⁷ She noted that, *“all discussions about TTIP have been hypothetical, since the negotiations are taking place in secret.”* Most telling however is the percentage of consultations between the EU commission and stakeholders. Molly Scott Cato reported that 92 % of groups involved in the negotiation consultations have been corporate lobbyists and that out of the 560 lobby encounters the EU commission had, 520 were with corporate lobbyists and only 26 (4.6 %) were with public interest groups.¹⁸ She stated that for every encounter with a trade union or consumer group, there were 20 with companies and industry federations and that she left the secured reading room at the EU library where the documents were locked without any sense of reassurance either that the process of negotiating the trade deal was democratic, or that the negotiators are operating on behalf of the citizens.

Among the major corporate lobbyists involved in most meetings with the EU commission, Corporate Europe Observatory identified the following groups¹⁹:

BusinessEurope: the European employers’ federation and one of the most powerful lobby groups in the EU.

Transatlantic Business Council: listed as a corporate lobby group that represents more than 70 EU and US-based corporations.

ACEA: a European car lobby group lobbying on behalf of big US and EU manufacturers such as Ford, Renault, BMW, and so on.

CEFIC (the European Chemical Industry Council): which lobbies on behalf of big corporations on both sides of the Atlantic such as Dow chemicals, Bayer, BASF and so on.

European Services Forum: represents large services companies and federations notably Deutsche Bank, Telefonica, and TheCityUK.

¹⁷ CATO Molly Scott , “I’ve seen the secrets of TTIP, and it is built for corporations not citizens, The Guardian”, February 4, 2015, <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/feb/04/secrets-ttip-corporations-not-citizens-transatlantic-trade-deal> (consulted September 17, 2017).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Corporate Europe Observatory, “TTIP: a corporate lobbying paradise” at <http://corporateeurope.org/international-trade/2015/07/ttip-corporate-lobbying-paradise> (consulted on March 4, 2017).

EFPIA: Europe's largest pharmaceutical industry association representing transnational corporations such as GlaxoSmithkline, Pfizer, Eli Lilly, Astra Zeneca, Novartis, Sanofi, and Roche.

FoodDrinkEurope: EU's largest lobby group in the food industry representing giant corporations such as Nestlé, Coca Cola, and Unilever.

US Chamber of Commerce: the wealthiest of all US corporate lobbies.

Digital Europe: which lobbies on behalf of corporations like Apple, Blackberry, IBM, and Microsoft.²⁰

The whole process in Molly Scott Cato's opinion, from the implicit accusation of industrial espionage against MEPs, *"to the recognition about who is actually engaged in the negotiations, makes it clear that it was a corporate discussion and not a democratic one."*

In conclusion, Molly Scott Cato observed that the TTIP vision *"arises from a sense of the need to order and control; the sense that uniformity is equivalent to security. But it is also clear that the decisions are made by corporations whose very DNA is the profit motive, and which are legally required to serve shareholders at the expense of all others."*

Matthias Fekl, the French trade minister stated that the *"total lack of transparency" surrounding the TTIP negotiations posed a "democratic problem"*.²¹

The fact that most of the groups cited above have been actively lobbying against the interests of the general public²² does not help to assuage the fears of their critics.

On the U.S. side, Robert Smith, NPR host, commented on the trade agreement as follows:

*In Washington DC they love secrecy, but even by Washington standards this amazed me. "In the basement of the US capitol, there is a room, a locked soundproof room, and the only people allowed in this room are US senators, and they can't bring their assistants, they can't bring their phones, they can't even take notes in there. "Inside this room is not codes for our nuclear weapons, it's not CIA files, it's not the documents that tell us an alien landed in Roswell. No, in this room is the text of a trade deal (sic)."*²³

This cloak of secrecy surrounding FTA negotiations has made it difficult for observers to believe that they are good for the citizens of the signatory countries. This has led to widespread suspicion and controversy and pushed civil groups and

²⁰ Idem

²¹ Lee Williams, "TTIP: Three million people sign petition to scrap controversial trade deal", Independent Newspaper, October 5, 2015 at <http://www.independent.co.uk/news/business/ttip-three-million-people-sign-petition-to-scrap-controversial-trade-deal-a6680411.html> (consulted March 4, 2017).

²² Idem

²³ Boren Z.D. "TTIP controversy: Secret trade deal can only be read in secure 'reading room' in Brussels", *Independent Newspaper*, August 14, 2015.

scholars to question the conditions in the agreements and to demand the outright exclusion of parts of the agreement notably the sections concerning ISDS/ICS.²⁴

Thus, the case of ISDS/ICS clauses in FTAs whereby elected members of parliament and other government officials are being obliged to sign nondisclosure documents before they can be allowed to consult trade documents under negotiation and the wide potential ramifications of these clauses appear to be just another stage of the increasing clout and influence of corporations in their quest for more dominance and control of public policy and discourse. If access to the main tools of negotiations by democratically elected officials is restricted, who then, apart from corporations, direct and control the process? ISDS/ICS clauses in FTAs, and FTAs in general could thus be seen as a web of parallel legal frameworks being put in place by corporations and investors to challenge and ultimately overpower state legal systems while government officials, like pawns, are there merely to facilitate this process.

One of the initiatives against ISDS/ICS signed by close to 300 civil society groups and associations identified 7 main reasons why ISDS/ICS should be excluded from the TTIP, TPP and similar trade treaties and agreements in the future.²⁵ The reasons are the following:

1. *It would empower corporations to sue governments over measures to protect the environment, health and workers.*
2. *It means that billions in taxpayer money could be paid to compensate corporations, including for missed future profits.*
3. *It is a sure-fire way to bully decision-makers, potentially curtailing desirable policymaking.*
4. *It would give powerful rights and privileges to foreign investors, without any obligations.*
5. *Since only investors can sue, there is an incentive for arbitrators to side with them to bring more lawsuits and fees.*
6. *It is likely to be incompatible with EU law, as it sidelines European courts and is fundamentally discriminatory.*
7. *It risks locking us into a legal straightjacket, as it will be practically impossible to remove investor privileges from larger trade deals.*²⁶

²⁴ See Stiglitz Joseph, “On the Wrong Side of Globalization”, *The New York Times*, March 15 2014 at http://opinionator.blogs.nytimes.com/2014/03/15/on-the-wrong-side-of-globalization/?_r=0 (consulted February 20, 2016).

²⁵ Corporate Europe Observatory, “Statement against Investor Protection in TTIP, CETA, and other trade deals” at <http://corporateeurope.org/international-trade/2016/02/statement-against-investor-protection-ttip-ceta-and-other-trade-deals> (consulted February 28, 2017).

²⁶ *Idem. op. cit.*

The following is a brief analysis of the reasons

Reason number 1:

It would empower corporations to sue governments over measures to protect the environment, health and workers.

Despite the assurances on both sides of the Atlantic from the US government and the EU Commission, the fear that ISDS/ICS in the TTIP will empower corporations to sue governments over measures to protect environment, health and workers seems to be quite widespread. Over three million people have signed the petition against the TTIP citing ISDS/ICS (ICS) as one of the major areas of concern.²⁷ The number of legal cases against governments by corporations under the ISDS/ICS clause of trade agreements has been on the increase in the past decades.²⁸ A report by the Sierra Club found that by the end of 2012, over 500 ISDS/ICS cases were launched by corporations against 95 governments on areas including but not limited to environmental regulations, land-use laws, energy and other socially beneficial policies.²⁹ Rachel Wellhausen of the University of Texas at Austin noted that foreign investors have sued at least 120 different countries more than 650 times between 1990 and 2014.³⁰ Most of these cases were brought by wealthy corporations against developing countries. But there are increasingly more and more cases by companies against developed nations since the inclusion of ISDS/ICS in recent free trade agreements between developed economies as in the case of NAFTA. The following are good examples:

Lone Pine Resources sued Canada in 2012 for US\$250 million in damages over the moratorium on shale gas exploration and development under the St. Lawrence River.

Mobil (ExxonMobil) and Murphy Oil sued the Canadian government over fees required by the Canadian government to fund research and development in Newfoundland and Labrador. An ICSID tribunal granted the companies USD \$13 million plus interests.

Clayton and its subsidiary Bilcon sued the Canadian government for USD \$300 million over Canada's Department of Fisheries and Ocean report that found that the activities of the company in basalt mining might be dangerous for the en-

²⁷ Williams, *op. cit.*

²⁸ Citizen, Investor State Chart at <http://www.citizen.org/documents/investor-state-chart.pdf> (consulted March 4, 2016).

²⁹ Sierra Club, "The Transatlantic Free Trade Agreement, What's at Stake for Communities and the Environment", June 2013, 18.

³⁰ Wellhausen Rachel, "Investors have controversial new rights to sue countries. Here's why this matters for the U.S.", *The Washington Post*, November 30, 2015.

vironment notably for some most endangered species in the region. An ISDS/ICS tribunal ruled in favor of the company in March 2015.

Ethyl brought a case against the Canadian government over the government's ban of the use of MMT a toxic gasoline additive. Canada settled the case for US \$13 million.

AbitibiBowater, a Delaware incorporated company with headquarters in Canada successfully challenged the Newfoundland and Labrador government's decision to confiscate the company's assets after the latter closed a paper mill in Newfoundland making 800 workers redundant. The Canadian government settled the case for US \$122 million.

TransCanada Corporation is suing the US government for US \$15 billion over the Obama administration's refusal to approve the Keystone XL pipeline project citing environmental concerns.

Vatenfall, a Swedish energy firm is suing the German government through ICSID for damages including lost profits amounting to US \$4.6 billion due to the German government's decision to phase out nuclear powered reactors and embrace renewable energy sources.³¹

These are just a few examples of the use of ISDS/ICS clauses against governments in developed nations. It is important to note that these cases will most likely increase exponentially under TPP and TTIP because of the sheer size of the number of companies involved in these new FTAs.

Latin America

Latin American countries have been the most attacked by companies using ISDS litigations. More than a quarter of all known ISDS cases were against Latin American countries making it the region with the highest cases of ISDS (Titi and Fach Gómez, 2016). Argentina is one of the countries with the highest number of cases. Davi Dayen observed that "*As of January 2017, of the 767 ISDS cases initiated in the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) at least 59 were brought against Argentina » Making the country the most targeted country by ISDS tribunals. And that « Since 2002, Argentina has paid \$980 million in ISDS awards and spent millions of taxpayer money on ISDS litigation*".³²

The nationalization of Aerolíneas argentinas (Argentina's national airline) serves as an illustrative example. Burford Capital investment, a group mainly specialized in the funding of corporate litigation invested \$13 million on behalf of the original Spanish investors who initiated litigation proceedings against Argentina for

³¹ These examples were taken from Citizen, Investor State Chart at <http://www.citizen.org/documents/investor-state-chart.pdf> (consulted March 4, 2017).

³² David Dayen "A Monster Payday in Argentina Shows a Flaw in Trump's NAFTA Renegotiation" , *The Intercept*, July 28, 2017.

expropriation after the nationalization of Aerolíneas Argentinas. They won the case and Burford Capital's share of the penalty award was \$140 million. This outcome is one of the examples of what is now called Zombie litigations. It is the takeover of cases by rich investors speculating on ISDS lawsuits for profits. Dayen (2017) reported that 60 % of ISDS cases sought or obtained third party funding before lodging their complaints. Investors have even bought companies in order to sue governments under the ISDS clause.

Latin American countries in general have been the most affected by the ISDS suits. More than a quarter (27 %) of all known ISDS cases were against Latin American countries making it the region with the highest cases of ISDS. (Titi & Fach Gómez 2016). Bolivia's Foreign Minister reported that out of 232 ISDS cases brought against countries in the region, Corporations won in 230 of them.³³ This makes the arguments in the next question more poignant.

Reason number 2:

It means that billions in taxpayer money could be paid to compensate corporations, including for missed future profits.

Billions of taxpayers' money is already being used to pay for arbitration costs and damages. Cross (2013) states that "*investors have made claims of up to USD\$114 billion, and 2012 saw the highest ever award of an ISDS/ICS claim, of USD\$1.77 billion (UNCTAD 2013a).*"³⁴

Despite assurances from the U.S. government that ISDS/ICS "provide no legal basis to challenge laws just because they hurt a company's profits", the aforementioned examples of ISDS/ICS challenges against states actually tend to show the opposite.

Increasingly, more ISDS/ICS cases against states are claiming damages including lost profits and in some cases even projected profits are included in the claims. A good example is the case brought by TransCanada Corporation against the United States. The cost of TransCanada's Keystone pipeline project was USD \$3 billion but the company asked to be compensated for US \$15 billion factoring in the profits it would have made in the lifetime of the project if it had been approved.³⁵ Another case in point, still ongoing, is that of Mercer International, a US-based

³³ "Gobierno Boliviano denuncia convenio con CIADI", available at: http://www.mre.gov.ve/index.php?option=com_content&view=article&id=18939:mppre&catid=3:comunicados&Itemid=108 (consulted September 30, 2017).

³⁴ Cross Ciaran, "The treatment of non-investment interests in investor-state disputes: Challenges for the TAFTA/TTIP Negotiations", *The Transatlantic Colossus*, Ed. Daniel Cardoso et al., Bertelsmann Stiftung, Berlin, December 2013, 78.

³⁵ Democracy Now, "TransCanada Sues the U.S. for \$15B for Rejecting Keystone XL. Will This Be the New Normal Under TPP?" http://www.democracynow.org/2016/1/7/transcanada_sues_the_us_for_15b (consulted February 15, 2017).

company. Approximately 75 percent of the US \$250 million Mercer is claiming represents the projected profits Mercer calculated that it would have made had the Canadian energy regulations not allegedly discriminated against its subsidiary Celgar. It is noteworthy to state that even when states win cases, taxpayers still lose because of the huge costs that ISDS/ICS litigation entails.

Reason number 3:

It is a sure-fire way to bully decision-makers, potentially curtailing desirable policymaking.

Legislative or regulatory chill is the expression normally used to define this bullying of decision-makers and lawmakers. It is believed that fear of lawsuits arising from ISDS/ICS clauses ultimately influences national legislatures and governments pushing them to think twice before legislating. Tietje and Baetens define regulatory chill as a situation whereby “*a state actor will fail to enact or enforce bona fide regulatory measures because of a perceived threat of investment arbitrations.*”³⁶ Tienhaara observed that “*the purpose of investment law is to ‘chill’ the promulgation of measures designed with discrimination and protectionism in mind.*”³⁷ Tietje and Baetens identified three major categories or kinds of “chill”. The first one is anticipatory chill “*where policy-makers take into account potential disputes with foreign investors before they begin drafting regulatory or legislative changes for the public interest.* They observe that this is the most difficult to identify of all the categories of chill. The second one is called the specific response chill, which represents a situation whereby a specific regulatory measure is *chilled* once policy-makers “*become aware of the risk of an investor-state dispute*”. This they say can come from actual, threatened, or perceived disputes. And the third one is the precedential chill that occurs in cases whereby policy-makers or legislators change a regulation in response to a settled or resolved investor-state dispute out of fear that future arbitrations may use the arbitral decision as precedent against them.”³⁸

However, after their presentation of evidence of governmental acts and case studies from arbitration cases in support and against regulatory chills, Tietje and Baetens concluded that ISDS/ICS does not lead to regulatory chill. This conclusion may seem strange especially given the fact that their study showed primary evidence to the contrary.

³⁶ Tietje Christian & Baetens Freya, “The Impact of Investor-State-Dispute (ISDS/ICS) in the Transatlantic Trade and Investment Partnership”, Study prepared for the Minister for Foreign Trade and Development Cooperation, Ministry of Foreign Affairs, The Netherlands, Ref: MINBUZA-2014.78850, June 2014, 39.

³⁷ K. Tienhaara, “Regulatory chill and the threat of arbitration: A view from political science”, Chester Brown & Kate Miles (Eds.) *Evolution in Investment Treaty Law and Arbitration* (2011) 607.

³⁸ Tietje & Baetens, *op. cit.* p. 41

Most notable of this evidence is the statement of a legal adviser to the Sri Lankan Foreign Ministry that declared that, “*Sri Lanka believes that an expansive interpretation of regulatory measures could circumvent the national policy space hindering the government’s right to regulate, creating a risk of “regulatory chill”, with governments hesitant to undertake legitimate regulatory measures in the public interest for fear of claims for compensation being preferred by investors.*”³⁹

In line with this statement, the Indonesian government announced plans to terminate over 60 bilateral investment treaties it has with other countries in which elements of ISDS/ICS are found. These treaties include those it signed with China, France, Singapore, the United Kingdom and so on, with effect from July 2015.⁴⁰

The Financial Times noted that a number of governments have reportedly retreated from passing some laws for fear of potential ISDS/ICS lawsuits or modifying legislation to avoid lawsuits.⁴¹ Brickhill & Du Plessis used *Piero Foresti v. South Africa* (ICSID Case No. ARB (AF)/07/1), to show how investors were exempted from a South African legislation aimed at “*redressing the enduring legacy of apartheid.*” This exemption was granted after some European investors claimed to be put at a disadvantage by the South African government policies and forced the government to reach a settlement with them and to pay USD\$5 million in legal fees (Cross 2013). In another instance, Germany is believed to have weakened its environmental regulations on coal-powered energy generation plants due to Vattenfall’s ICSID case against the German government. The Canadian government has been accused on several occasions of modifying and adjusting legislation to avoid ISDS/ICS lawsuits. In *Clayton v. Bilcon*, , the dissenting members of the tribunal that awarded USD\$300 million (damages pending) state that:

“*Once again, a chill will be imposed on environmental review panels which will be concerned not to give too much weight to socio-economic considerations or other considerations of the human environment in case the result is a claim for damages under NAFTA Chapter 11. In this respect, the decision of the majority will be seen as a remarkable step backwards in environmental protection.*”⁴²

³⁹ Ibid., 42

⁴⁰ Netherlands Embassy in Jakarta, Termination Bilateral Investment Treaty, <http://indonesia.nlembassy.org/organization/departments/economic-affairs/termination-bilateral-investment-treaty.html> and B. Bland, “Indonesia to Terminate More Than 60 Bilateral Investment Treaties,” *Financial Times*, (26 March 2014), available at <http://www.ft.com/cms/s/0/3755c1b2-b4e2-11e3-af92-00144feabdc0.html#axzz34Q-JuirDj> (consulted March 12, 2017)/

⁴¹ Ibid., 78

⁴² “*William Ralph Clayton, William Richard Clayton, Douglas Clayton, Daniel Clayton and Bilcon of Delaware, Inc. v. Canada*, Dissenting Opinion of Professor Donald McRae, Ad hoc—UNCITRAL Arbitration Rules (2015)”, p. 19. Cited in Table of Foreign Investor-State Cases and Claims under NAFTA and other U.S. “Trade” Deals, Public Citizen, June 2015.

In addition to the Ethyl Case mentioned above, the case of public auto insurance to check the rates of private insurance companies in Canada and the case of open-pit mines in Indonesia⁴³ are all examples pointing to regulatory chill. But due to the fact that this aspect of ISDS/ICS appears to be the most complex part to prove owing to the difficulty in detecting with precision when it is a factor in legislation and when it is not makes proponents of ISDS/ICS to continue claiming that there is no “smoking gun” evidence to prove that regulatory chill is caused by ISDS/ICS. The facts and the numerous cases that we presented above, however, point to the contrary and tend to corroborate the fact that ISDS/ICS is a significant factor in regulatory chills in addition to business lobbying.

Arguing that regulatory chill is not a threat to state legislatures ergo to democracy because 47 % of ISDS/ICS disputes were found by researchers to be associated with executive agencies of government while only 9 % arise from legislative acts, and extolling the “virtues” of ISDS/ICS to the point of asking democratic legislatures to see it as advantageous for democracy and as an additional check on executive branch misbehavior (Tietje & Baetens 2014) may be considered as not only misleading but outright dishonest. It gives a simplistic interpretation of the interwoven relationship between the three branches of government making it appear as if the actions of the executive branch have no real impact on the other branches and on citizens and taxpayers. The result of regulatory chill remains nefarious for states no matter which branch of government happens to be involved.

Reason number 4:

It would give powerful rights and privileges to foreign investors, without any obligations.

Despite the fact that no consequential proof has been found establishing any link between foreign direct investment (FDI) in a given country and the country’s adoption of extensive investor protections such as ISDS/ICS clauses, the latter are being added in most of the new FTAs.⁴⁴ The major reason for the embrace of ISDS/ICS in these FTAs appears to be the powerful rights and privileges that ISDS/ICS grants to corporations without real obligations. The most important of these rights is the exclusive right to sue states without fear of reciprocity. States cannot really sue investors under the ISDS/ICS clause.⁴⁵ Only investors have this right and they have been using it without hesitation since they are assured that even if they lose the case, there will not be penalties in the form of countersuits or reimbursement of the oppo-

⁴³ Caron D. et al, “Practicing Virtue: Inside International Arbitration”, *Oxford University Press*, 2015, 553.

⁴⁴ “TTIP: Why the EU-US trade deal matters” — *BBC News*, February 15, 2017.

⁴⁵ See Article 9 of the TPP Agreement.

site party's legal fees. This has led to a number of cases being initiated against states at times for pure financial gains.⁴⁶

Another important point is the privilege of choosing which channel of litigation investors can pursue, ISDS/ICS or domestic legal systems or both. This grants unfair advantage to foreign investors compared to states or domestic investors because the latter have a limited list of choices in case of litigation. The fundamental principles of the ISDS/ICS system lie in the protection of investors against state policies and regulations that are considered unfair or that interfere with or have impacts on the business interests of foreign investors.⁴⁷ This principle has led to a lot of state policies being potentially considered and interpreted by ISDS/ICS tribunals, as tantamount to indirect expropriation or as breaching the standards of fair and equitable treatment. Further compounding issues is the fact that ISDS/ICS tribunals are organized on a case-by-case basis and do not recognize the *stare decisis* doctrine on which judicial precedents are based. This literally means that ISDS/ICS tribunals, composed of private individuals partly chosen by investors, have a quasi-unlimited power on the way they interpret cases brought in front of them. This is both a power and privilege that other legal organs do not have and it tips the balance of power largely in favor of corporations since they are the ones that initiate suits and hire the majority of ISDS/ICS tribunal judges. These points have led to serious claims that the ISDS/ICS is inherently biased in favor of investors and is democratically deficient.⁴⁸

It is noteworthy to observe that ISDS/ICS protects the rights of investors to move their capital freely without any hindrance. While this seems normal it actually grants investors power to play the international trade system by investing and withdrawing capital to maximize profits without bothering about the socioeconomic and political consequences. These consequences are considered as externalities left for other stakeholders, notably workers and the state, to deal with. Ultimately, this leads to a situation whereby profits are privatized and protected for the benefit of investors, whereas risks and liabilities are left to states and taxpayers.

Reason number 5:

Since only investors can sue, there is an incentive for arbitrators to side with them to bring more lawsuits and fees.

⁴⁶ Dayen David, "A Monster Payday in Argentina Shows a Flaw in Trump's NAFTA Renegotiation", *The Intercept*, August 28, 2017.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Choudhury Barnali, "Recapturing Public Power: Is Investment Arbitration's Engagement of the Public Interest Contributing to the Democratic Deficit?" *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, 2008, vol. 41, 775-832.

This point mentioned briefly in the previous question remains one of the main concerns of the ISDS/ICS clause in FTAs. Given that only investors can sue, ISDS/ICS arbitrators who are generally professionals depend on these investors to remain in the ISDS/ICS business. This raises the question of neutrality and impartiality of the arbitrators since they risk losing lucrative cases and clients if the investors are not satisfied with the outcome of cases. Several studies have pointed to this issue and denounced its weaknesses. Eberhardt and Olivet (2012) criticized the ISDS/ICS for “*investing immense power in a small core of professional arbitrators who dominate the ISDS/ICS circuit.*”⁴⁹

In essence, the ISDS/ICS clause in FTAs can be compared to some degree to the private arbitration systems being increasingly adopted and developed in different states today in the United States. According to Jessica Silver-Greenberg and Michael Corkery of the New York Times, the private arbitration system is increasingly eroding the powers of the state to judge and handing this power over to corporations through the private arbitration tribunals that have come to cover almost all areas of justice including criminal law. Corporations are gradually opting out of the public court system and choosing private arbitration that makes it possible for them not to be tried legally by courts and therefore render it difficult and at times impossible for their clients to sue them in courts.⁵⁰ This, of course, leads to a system where private arbitrators have the power to decide the fate of citizens without due process in claims of “*medical malpractice, sexual harassment, hate crimes, discrimination, theft, fraud, elder abuse and wrongful death.*”⁵¹ The study noted that “*over the last ten years, thousands of businesses across the country — from big corporations to storefront shops — have used arbitration to create an alternate system of justice.*”⁵² This alternate system, they observed, have the tendency of being in the favor of businesses, and private arbitrators have been used to replace judges and juries. These arbitrators commonly consider the companies as their clients. Myriam Gilles of the Benjamin N. Cardozo School of Law declared in that New York Times article that it amounted to the “*whole-sale privatization of the justice system*” and that “*Americans are actively being deprived of their rights.* Arbitration panels are generally filled with the same individuals just like in ISDS/ICS panels. These individuals most times have conflicting interests in that they are associated in the past or present with the companies or investors that they are judging. In some cases, they have even been found to be legal counsels of corporations or stockholders in subsidiaries of corporations they were

⁴⁹ Cited in Ciaran Cross, 76.

⁵⁰ Jessica Silver-Greenberg & Michael Corkery, “In arbitration, a privatization of the Justice System” *The New York Times*, February 15, 2017.

⁵¹ *Idem.*

⁵² *Idem.*

meant to judge. This leads to accusations of partiality and bias against them and the system in general.

Reason number 6:

It is likely to be incompatible with EU law, as it sidelines European courts and is fundamentally discriminatory.

The arguments used above partly respond and substantiates this type of criticism. European courts especially the EU highest courts are supposed to be the courts with the highest jurisdiction in the European Union, however, the ISDS/ICS system undermines this supremacy of EU courts by establishing a parallel judicial system. The fact that ISDS/ICS tribunals have no real democratic backing highly contributes to the erosion of democracy in the EU. This argument applies equally to U.S. courts. In essence, the authority of public courts is being replaced or diminished by ISDS/ICS private tribunals making it possible for investors and corporations to be treated differently. This of course is discriminatory in a judicial system that is supposed to be free and fair for all. Alfred de Zayas, UN rapporteur's statement on ISDS/ICS seems most suitable here:

“There is no justification for the existence of a privatized system of dispute settlement that is not transparent nor accountable and often results in aberrant arbitral awards. Indeed, the system has led to inconsistent, unpredictable and arbitrary awards that courts worldwide should refuse to implement as manifestly ill-founded and contrary to national and international ordre public”. ISDS/ICS is not needed. Investors can have their day in court before national jurisdictions bound by article 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights, often with multiple appeal instances. Investors can also rely on diplomatic protection and inter-State dispute settlement procedures.⁵³

Suffice it to say here that the adoption of ISDS/ICS clauses in FTAs is inherently incompatible with a free and fair judicial system, which upholds the ideals that the U.S. and E.U. court systems and citizens have always striven to attain. The large scope of these agreements, the huge geographical expanse they cover and the immense population they affect make the ISDS arbitration method dangerous for democracy.

Reason number 7:

It risks locking us into a legal straightjacket as it will be practically impossible to remove investor privileges from larger trade deals.⁵⁴

⁵³ De Zayas Alfred, “Statement by Alfred-Maurice de Zayas, Independent Expert on the promotion of a democratic and equitable international order at the 70th session of the General Assembly”, New York, October 26, 2015.

⁵⁴ Corporate Europe Observatory, “Statement against Investor Protection in TTIP, CETA, and other trade deals” at <http://corporateeurope.org/international-trade/2016/02/statement-against-investor-protect->

This is one of the legal issues at stake in ISDS/ICS clauses in FTAs. Once it is included in an agreement, it becomes very difficult to get out of it. This is why several observers have called for its exclusion from FTAs. Alfred De Zayas in his address to the United Nations above is an example.

The espoused objectives of the TTIP and TPP include the use of these agreements as models and templates for future trade agreements. This means that future trade treaties and agreements are going to include ISDS/ICS if it is left in the TPP and TTIP. And even without directly including ISDS/ICS, the scope of ISDS/ICS will make it easier for investors to invoke and demand similar powers and privileges as those of ISDS/ICS in future agreements in order to strongly protect their investments.

Conclusion

The arguments and facts presented above appear to highlight the fact that ISDS/ICS clauses do not really have any sustainable, common good-oriented logical reason for their inclusion in FTAs most especially in those FTAs between the US, the EU or other developed nations like Canada or Australia. The inclusion of these clauses, however, could be interpreted as the expression of the victory of investors and corporations over governments and their citizens. The original objectives of these clauses being the protection of capital and investments in unstable, weak and poor countries without much bargaining power, it could be said that the imposition of these clauses on the EU, the US and Canada relegates these nations and group of nations to the same league with the poor, economically unstable and politically weak countries. It may mean that investors and corporations have defeated all opposition against them by making sure that investment risks are essentially transferred to other parties whereas profits are protected, and assured. ISDS/ICS systems will be there to ensure that corporate investments in general are protected from state regulation thus ensuring their profitability. We deem it important at the end of this study to note that while ISDS/ICS is inherently designed for foreign investors, it would be self-deceiving for anyone to believe that it is purely meant for foreign investors because in today's highly globalized corporate world, company names and founding origins are basically meaningless, while financial markets have become truly transnational. A huge percentage of companies that are considered as national flag bearers are in reality retained by share and debenture holders outside their national territories. In 2012 for example, approximately 53 % of quoted company shares in the U.K. were owned by foreign interests⁵⁵ and the average for other European countries

tion-ttip-ceta-and-other-trade-deals (consulted on February 28, 2017).

⁵⁵ Office for National Statistics, "Ownership of UK Quoted Shares: 2012", Statistical bulletin, at <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/pnfc1/share-ownership---share-register-survey-report/2012/stb-share-owners->

stood at 37 % in 2006-2007 and has been expanding ever since⁵⁶. This means that identifying what is foreign and what is not when it comes to investments has become very complex. This situation coupled with the fact that large and even medium-sized corporations, with their mastery of the intricacies of international trade legislations and their formidable web of branches, subsidiaries and shell companies, means that they can easily find ways of exploiting the ISDS/ICS system to their advantage. It will suffice to say that ISDS/ICS systems are meant for investors in general against non-investors. From our findings in this paper, they appear to contribute largely to undermining democratic institutions than facilitating commerce. But most importantly they aim to ensure the maximization and protection of corporate profits. Their inclusion in the new cross-regional free trade agreements like the TPP, TTIP or CETA would most likely forebode nothing but ill for democracy and good governance in the world economy.

Bibliography

8. BBC News, "TTIP: Why the EU-US trade deal matters" — February 15, 2016. N.p., n.d. Web.
9. Bland Ben. "Indonesia to Terminate More Than 60 Bilateral Investment Treaties," *Financial Times*, N.p. Web. 26 March 2014. <http://www.ft.com/cms/s/0/3755c1b2-b4e2-11e3-af92-00144feabdc0.html#axzz34QJuirDj> (consulted March 4, 2017)
10. Boren Z.D. TTIP controversy: Secret trade deal can only be read in secure 'reading room' in Brussels. *Independent Newspaper*. 14 August 2015.
11. Caron David D., Schill Stephan W., Cohen Smutny Abby, Triantafyllou Epaminontas E. *Practicing Virtue: Inside International Arbitration*, Oxford: Oxford University Press, 2015.
12. CATO Molly Scott. I've seen the secrets of TTIP, and it is built for corporations not citizens. *The Guardian*. N.p. Web. February 4, 2015. <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/feb/04/secrets-ttip-corporations-not-citizens-transatlantic-trade-deal> (consulted March 4, 2017)
13. Choudhury Barnali, Recapturing Public Power: Is Investment Arbitration's Engagement of the Public Interest Contributing to the Democratic Deficit? *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, vol. 41 (2008): 775-832.
14. Citizen.org, Investor State Chart. N.p. Web. <http://www.citizen.org/documents/investor-state-chart.pdf>
15. Corporate Europe Observatory. Statement against Investor Protection in TTIP, CETA, and other trade deals. N.p. Web. 28 February 2017. <http://corporateeurope>

[hip-2012.html](#) (consulted March 14, 2016).

⁵⁶ Federation of European Securities exchanges, "Share Ownership Structure in Europe", December 2008. http://www.fese.eu/images/SHARE_OWNERSHIP_SURVEY_2007.pdf (consulted September 17, 2017).

org/international-trade/2016/02/statement-against-investor-protection-ttip-ceta-and-other-trade-deals (consulted March 4, 2017)

16. Corporate Europe Observatory. TTIP: a corporate lobbying paradise. N.p. Web. July 2017 <http://corporateeurope.org/international-trade/2015/07/ttip-corporate-lobbying-paradise> (consulted March 4, 2017)

17. Cross Ciaran. The treatment of non-investment interests in investor-state disputes: Challenges for the TAFTA/TTIP Negotiations. *The Transatlantic Colossus*. Ed. Daniel Cardoso et al., Berlin: Bertelsmann Stiftung, December 2013: 78.

18. Dayen David « A Monster Payday in Argentina Shows a Flaw in Trump's NAFTA Renegotiation », *The Intercept*, July 28, 2017.

19. De Gucht Karel, Answers given by Mr De Gucht on behalf of the Commission. Web. January 27, 2014, <http://www.europarl.europa.eu/sides/getAllAnswers.do?reference=E-2013-013215&language=EN> (consulted March 4, 2017)

20. De Zayas Alfred, Statement by Alfred-Maurice de Zayas, Independent Expert on the promotion of a democratic and equitable international order at the 70th session of the General Assembly. New York. 26 October 2015.

21. Democracy Now. TransCanada Sues the U.S. for \$15B for Rejecting Keystone XL. Will This Be the New Normal Under TPP? *Democracy Now*. Web. 7 January 2017, http://www.democracynow.org/2016/1/7/transcanada_sues_the_us_for_15b (consulted March 4, 2017)

22. EU Commission on Trade, “Fact sheet: Investment Protection and Investor-to-State Dispute Settlement in EU agreements.” Web. 26 November 2013. http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/november/tradoc_151916.pdf (consulted March 4, 2017)

23. Hamilton, Daniel S. and Quinlan, Joseph P. “The Transatlantic Economy 2013: Annual Survey of Jobs, Trade and Investment between the United States and Europe.” *Center for Transatlantic Relations Johns Hopkins University, Paul H. Nitze School of Advanced International Studies* (2015) Web. 19 February, 2017 http://transatlanticrelations.org/sites/default/files/TE2015_CompleteBook.pdf. (consulted March 4, 2017)

24. Ikenson Daniel J. “A Compromise to Advance the Trade Agenda: Purge Negotiations of Investor-State Dispute Settlement.” *CATO Institute Free Trade Bulletin*. Web. 4 March 2014 <http://www.cato.org/publications/free-trade-bulletin/compromise-advance-trade-agenda-purge-negotiations-investor-state> (consulted March 4, 2017)

25. Kleinheisterkamp J. Is there a Need for Investor-State Arbitration in the Transatlantic Trade and investment Partnership (TTIP)? *Social Sciences Research Network*. Web. 14 February 2014.

26. Netherlands Embassy in Jakarta, Termination Bilateral Investment Treaty, <http://indonesia.nlembassy.org/organization/departments/economic-affairs/termination-bilateral-investment-treaty.html> (consulted March 4, 2017)

27. Sierra Club, The Transatlantic Free Trade Agreement, What's at Stake for Communities and the Environment? *Sierra Club*. June 2013, p. 18.

28. Silver-Greenberg Jessica & Corkery Michael , In arbitration, a privatization of the Justice System' *The New York Times*. 15 February, 2017.
29. Stiglitz Joseph, On the Wrong Side of Globalization, *The New York Times*. N.p. Web. 15 March 2014. http://opinionator.blogs.nytimes.com/2014/03/15/on-the-wrong-side-of-globalization/?_r=0 (consulted March 4, 2017)
30. Table of Foreign Investor-State Cases and Claims under NAFTA and other U.S. "Trade" Deals, Public Citizen, June 2015.
31. The New York Convention. 1958. N.p. Web http://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=more_results&look_ALL=1&user_query=*&autolevel1=1&provision=25 (consulted March 4, 2017)
32. "The Transatlantic Free Trade Agreement: What's at Stake for Communities and the Environment", N.p. Web. 20 February 2017, http://ttip2014.eu/files/content/docs/Full%20documents/TTIP_Report_2.pdf (consulted March 4, 2017)
33. Tienhaara K., Regulatory chill and the threat of arbitration: A view from political science. Brown Chester & Miles Kate (Eds.) *Evolution in Investment Treaty Law and Arbitration* (2011) 607.
34. Tietje Christian & Baetens Freya, The Impact of Investor-State-Dispute (ISDS/ICS) in the Transatlantic Trade and Investment Partnership, *Study prepared for the Minister for Foreign Trade and Development Cooperation, Ministry of Foreign Affairs, The Netherlands, Ref: MINBUZA-2014.78850*. June (2014): 39.
35. Titi C. & Fach Gómez K. "Overview of Recent ISDS Developments involving Latin America" TDM 5 (2016), Web. 28 September 2017, <www.transnational-dispute-management.com/article.asp?key=2393> (consulted October 4, 2017)
36. Treaty of Amity Commerce and Navigation, between His Britannick Majesty and The United States of America, by Their President, with the advice and consent of Their Senate ("The Jay Treaty") (signed 19 November 1794). Web. http://avalon.law.yale.edu/18th_century/jay.asp
37. U.K. Office for National Statistics, Ownership of UK Quoted Shares: 2012. *Statistical bulletin*. N.p. <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/pnfc1/share-ownership---share-register-survey-report/2012/stb-share-ownership-2012.html> (consulted March 4, 2017)
38. USTR Tradewinds, N.p. Web. March 2014. <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/blog/2014/March/Facts-Investor-State%20Dispute-Settlement-Safeguarding-Public-Interest-Protecting-Investors> (consulted March 4, 2017)
39. Wellhausen Rachel, Investors have controversial new rights to sue countries. Here's why this matters for the U.S., *The Washington Post*, November 30, 2015.
40. William Ralph Clayton, William Richard Clayton, Douglas Clayton, Daniel Clayton and Bilcon of Delaware, Inc. v. Canada, *Dissenting Opinion of Professor Donald McRae*, Ad hoc—UNCITRAL Arbitration Rules (2015): p. 19.
41. Williams Lee, TTIP: Three million people sign petition to scrap controversial trade deal, *Independent Newspaper*, October 5, 2015 N.p. Web. <http://www.independent.co.uk/news/business/ttip-three-million-people-sign-petition-to-scrap-controversial-trade-deal-a6680411.html> (consulted March 4, 2017).

США и Испания в НАТО в эпоху президентства Дональда Трампа

USA and Spain in NATO in the era of Donald Trump's presidency

Резюме: Дональд Трамп является неудобным союзником для испанского правительства. Новый американский президент непопулярен в Европе, он требует от своих союзников по НАТО увеличения расходов на оборону, возбуждая сомнения последних в готовности Вашингтона гарантировать их безопасность. Испания в своей внешней политике стремится органично сочетать «атлантизм» и «европеизм». Мадрид позиционирует себя в качестве лояльного союзника США, в меру собственных сил поддерживая ключевые американские инициативы в рамках НАТО, однако уклоняясь от повышения военных расходов. Политика правительства М. Рахоя направлена на обеспечение безопасности страны в тесном сотрудничестве с Соединёнными Штатами, повышению её международного престижа, привлечение дипломатической поддержки Вашингтона по широкому кругу вопросов, включая целостность страны

Ключевые слова: США; Испания; НАТО; международная организация.

Abstracts: Donald Trump is an uncomfortable ally for the Spanish government. The new American president is unpopular in Europe, he requires his NATO allies to increase defense budgets, but raises doubts about Washington's readiness to guarantee their security. Spain aims to combine "Atlanticism" and "Europeanism". Madrid positions itself as a loyal ally of the United States, supporting key US initiatives within NATO, but avoiding increasing military spending. M. Rajoy seeks to ensure his country's security in close cooperation with the US, enhance its international prestige, attract support from Washington on a wide range of issues, including the integrity of the country.

Key words: USA; Spain; NATO; international organization.

Асимметричный характер отношений США с их союзниками по НАТО исторически определялся конфигурацией сил в международной системе. Развитие угроз европейскому порядку и безопасности в Европе — обострение противоречий между Россией и западными странами, не утихающие конфликты на Ближнем Востоке, подъем активности террористов и т. д. — повысило ценность сотрудничества с Соединенными Штатами для их союзников.

¹ Богуславская Юлия Константиновна — Россия, доцент кафедры американских исследований СПбГУ (boguslawskaya@gmail.com).

Асимметричный характер отношений в Североатлантическом альянсе Соединенные Штаты на протяжении всей его истории использовали для оказания давления на более слабых в военном и политическом отношении союзников. Другим следствием асимметрии являлось отсутствие консультаций и игнорирование позиций союзников по значимым международным вопросам, воспринимавшиеся как само собой разумеющееся не только представителями внешнеполитической элиты в Вашингтоне, но и историкам трансатлантических отношений²

В условиях асимметрии в отношениях союзники США по НАТО ищут способы защиты своих интересов и адаптации к политике отдельных президентских администраций. Данный доклад посвящен изучению особенностей политики администрации Дональда Трампа в отношении НАТО и взаимодействия Испании с США в рамках Североатлантического альянса.

В контексте отношений с союзниками США по НАТО заявления Трампа в период предвыборной гонки и в первые месяцы президентства можно считать нехарактерными для американской политической элиты. В период предвыборной гонки Трамп писал в своем аккаунте в «Твиттере», что НАТО устарела³. Кандидат от Республиканской партии настаивал на том, чтобы союзники США несли справедливые в сравнении с Вашингтоном военные расходы, чтобы быть достойными защиты Соединенных Штатов. Тем самым под сомнение ставилось самое важное в отношениях — стойкая нерушимая и безусловная гарантия безопасности союзников со стороны Вашингтона. Заявления делались на фоне риторики о намерениях вести переговоры с Россией с целью достижения «лучшей сделки». Неоднозначная позиция Трампа по российскому вопросу усиливала страхи в отношении возможности сговора «великих держав» — США и России — в ущерб интересам союзников Вашингтона по Североатлантическому альянсу.

Как отмечала Е. Черкасова, «географическое положение, историческая и культурная традиции обусловили весьма прочные и тесные связи Испании со странами Южного Средиземноморья и Севером Африки, а также с Латинской Америкой...»⁴. Таким образом, понятна обеспокоенность Мадрида в отношении угроз на «южном фланге» Североатлантического альянса (Ближний Восток и Северная Африка). В то же время официаль-

² Costigliola F., “Kennedy, the European Allies, and the Failure to Consult”. *Political Science Quarterly*. Vol. 110 Number 1, 1995, 106.

³ Серия заявлений о том, что НАТО устарела, появляется в аккаунте Д. Трампа в «Твиттер», начиная с 27 марта 2016 г. См. подр.: Freisleben Sh. “A Guide to Trump’s Past Comments about NATO”. *CBS News*. April 12, 2017 [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.cbsnews.com/news/trump-nato-past-comments/> (accessed 12.06.2017).

⁴ Черкасова Е. Г. “Испания между атлантизмом и европеизмом (постфранкистский период)”. *Мировая экономика и международные отношения*, 2009, № 8, 86.

ный Мадрид руководствуется принципом неделимости европейской безопасности, а премьер-министр Испании Мариано Рахой высказался в поддержку НАТО, которая «смотрит во всех направлениях»⁵. Являясь «средней державой», Испания более склонна поддерживать такой миропорядок, где все акторы — даже наиболее могущественные — руководствуются правилами, нежели систему, основанную на принципах *Realpolitik*, где ключевые вопросы решаются путем достижения договоренностей между великими державами.

После избрания на пост президента США Д. Трамп вскоре изменил свою точку зрения относительно состояния Североатлантического альянса, придя к заключению, что организация не устарела, так как стала активно заниматься проблемой терроризма⁶.

Трамп никогда не призывал к пересмотру членства США в Североатлантическом альянсе, сокращению взносов в бюджет данной организации или численности размещенных в Европе американских военнослужащих. Когда он был избран президентом, Соединенные Штаты продолжили выполнять совместные с союзниками по НАТО обязательства по итогам Варшавского саммита 2016 г., предусматривающие отправку четырех международных батальонов в страны Прибалтики и Польшу, а также размещение механизированной бригады армии США в Польше.

Наиболее красноречиво свое отношение к европейскому интеграционному проекту Трамп продемонстрировал уже после избрания на пост президента США в интервью журналистам лондонской газеты «Таймс» и немецкого еженедельника «Бильд» 16 марта 2017 г., повторил в основном идеи, которые высказывал во время избирательной кампании⁷. В нем он, среди прочего, говорил о том, что в то время испытывал равное доверие к канцлеру ФРГ Ангеле Меркель и президенту РФ Владимиру Путину. Недавно избранный президент с пониманием отзывался о «брекзите»⁸ вместо того, чтобы выразить безусловную поддержку европейскому интеграционному проекту.

⁵ Lazaro F. Rajoy, con las tropas españolas en Letonia: «Queremos una OTAN que mire en todas las direcciones» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elmundo.es/espana/2017/07/18/596ddf3d268e3eb3498b4661.html> (fecha de acceso: 12.09.2017).

⁶ Trump Says NATO Not Obsolete, Reversing Campaign Stance [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-nato-idUSKBN17E2OK> (accessed 24.08.2017).

⁷ Full Transcript of Interview with Donald Trump. *The Times*. January 16, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/full-transcript-of-interview-with-donald-trump-5d39sr09d> (дата обращения: 12.06.2017).

⁸ Указанное понимание «брекзита» и его причин Трамп выразил в контексте обсуждения его будущей иммиграционной политики и грядущих ограничений на въезд из ряда мусульманских государств: Ibid.

Критика союзников США по Североатлантическому альянсу, не желавших нести расходы по обеспечению собственной безопасности, а также демонстрация невнимания и пренебрежительного отношения к организации вообще помогли привлечь голоса избирателей, недовольных глобальными планами Вашингтонской элиты и отсутствием должного внимания к проблемам национальной экономики. В условиях усилившейся международной напряженности в связи с подъемом альтернативных США центров силы и роста вызовов и угроз международному порядку и безопасности тактика оказания сильного давления на союзников представлялась Трампу выгодной и перспективной.

Испанское правительство возглавляет Мариано Рахой, представитель народной партии, более других политических сил Испании склонной поддерживать атлантистский вектор во внешней политике страны. 7 февраля 2017 г. состоялся телефонный разговор между М. Рахоем и Д. Трампом, в котором премьер-министр Испании объявил о намерении действовать как «посредник в Европе, Латинской Америке, а также в Северной Африке и на Ближнем Востоке»⁹ для Соединенных Штатов. В испанской прессе высказывалось также предположение о том, что на фоне «брекзита» Испания может претендовать на роль основного посредника между США и ЕС. Что касается акцента на борьбу с терроризмом, который делал Трамп в ходе предвыборной кампании и с первых дней своего президентства, то эта его позиция встретила понимание в Испании. 23 марта 2017 г. министр обороны Испании Мария Долорес де Коспедаль посетила Вашингтон и встретила с главой Пентагона Джеймсом Мэттисом. По итогам встречи она заявила о приверженности двух стран делу борьбы с джихадистским терроризмом, необходимости укрепления трансатлантических связей, а также напомнила о том, что Испания является единственной европейской страной, у которой есть физическая граница с Африкой¹⁰. Теракт в Барселоне 17 августа 2017 г. лишь укрепил убежденность испанского правительства в необходимости противодействовать джихадистскому терроризму.

Трамп станет для М. Рахоя сложным союзником. Причиной тому не только неопределенность его позиции по ключевым вопросам повестки дня европейской безопасности, но и недостаток политической координации с европейскими союзниками, а также негативный образ американско-

⁹ Gonzalez M., Ayuso S. Spanish PM Offers to Act as Negotiator for Trump in Europe, Latin America [Электронный ресурс]. URL: / https://elpais.com/elpais/2017/02/08/inenglish/1486539468_696001.html (accessed 17.09.2017).

¹⁰ Defense Minister Cospedal Meets with U.S. Secretary of Defense Mattis [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.exteriores.gob.es/Embajadas/WASHINGTON/en/Noticias/Pages/Articulos/Defense-Minister-Cospedal-Meets-with-U-S--Secretary-of-Defense-Mattis.aspx> (accessed 17.09.2017).

го президента, созданный СМИ. Однако с целью повышения своего международного влияния и престижа Испания избрала стратегию «лояльного союзника» в отношениях с США и в целом ее придерживается, хоть и с некоторыми ограничениями.

Особую роль в контексте трансатлантических отношений сыграло крайне негативное освещение большинством американских и европейских средств массовой информации деятельности Трампа, которые акцентировали внимание либо на его ошибках, либо на осознанном желании нанести ущерб Североатлантическому альянсу, усиливая впечатление разлада в трансатлантических отношениях. Одним из примеров того является серия редакционных статей в ведущей испанской газете «Эль паис», предлагавших негативные оценки действий нового американского президента. Так, Трампа объявляли врагом единой Европы из-за его поддержки «брекзита» и призывали к солидарности лидеров государств Старого света, чтобы противостоят дезинтеграции¹¹.

Критика в адрес президента США усилилась после саммита НАТО в Брюсселе 25 мая 2017 г. Поведение Трампа на самом саммите ведущие испанские СМИ сочли возмутительным и неподобающим¹². Критика в адрес американского президента усилилась, когда он объявил о намерении Соединенных Штатов выйти из соглашения по климату. Испанская газета «Эль Паис» обвинила Вашингтон в отказе оказывать позитивное влияние на международную повестку дня, в том, что он ставит национальные интересы превыше императива сохранения стабильного международного порядка и тем самым отдаляется от своих союзников¹³.

Еще одной яркой демонстрацией отсутствия координации в трансатлантических отношениях явилось принятое Соединенными Штатами в одностороннем порядке решение наказать правительство Б. Асада за имевшее место, с их точки зрения, применение химического оружия против мирного населения. 7 апреля 2017 г. корабли американских ВМС нанесли удар крылатыми ракетами «Томагавк» по авиабазе сирийских войск «Аш-Шайрат». Согласно сообщениям СМИ, заранее предупреждены об ударе были лишь те из американских союзников, которые принимали непосредствен-

¹¹ Trump contra Europa. El próximo presidente estadounidense tensa las relaciones transatlánticas. *El País*, 17 enero 2017 [Электронный ресурс]. URL: // https://elpais.com/elpais/2017/01/16/opinion/1484593458_263987.html (fecha de acceso: 12.09.2017).

¹² Rodriguez Suanzes P., Donald Trump humilla a sus socios de la OTAN [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elmundo.es/internacional/2017/05/25/5927287aca4741cb4d8b45c4.html> (fecha de acceso: 12.09.2017).

¹³ Carbajosa A., Abellan L. Los líderes alemanes endurecen el pulso con la Administración de Trump [Электронный ресурс]. URL: [://http://https://elpais.com/internacional/2017/05/29/actualidad/1496078576_469351.html](https://elpais.com/internacional/2017/05/29/actualidad/1496078576_469351.html) (fecha de acceso: 12.09.2017).

ное участие в воздушной кампании (Великобритания, Франция, Голландия, Дания, Канада). Остальные, включая Испанию, узнали об ударах из письма главы американского представительства при НАТО утром 7 апреля, когда СМИ уже распространили соответствующую информацию¹⁴. Однако испанское правительство в своем заявлении поддержало акцию Соединенных Штатов, оценив ее как «рассчитанный и пропорциональный ответ на использование сирийской армией химического оружия против гражданского населения страны»¹⁵.

Проблема справедливого распределения коалиционных издержек осложняла отношения между союзниками по НАТО с первых дней существования альянса. После окончания холодной войны Соединенные Штаты, направлявшие на оборону более 3,5 %, настаивали на том, чтобы их партнеры по НАТО, не сокращали военные расходы. С середины 2000-х гг. Вашингтон использовал усредненный показатель — 2 % от размера ВВП в качестве минимального для стран Североатлантического альянса. В сентябре 2014 г. на очередном саммите альянса, проходившем в Уэльсе, была принята декларация, в которой члены НАТО пообещали не снижать свои военные расходы и в течение ближайших десяти лет достичь показателя в 2 % ВВП¹⁶. Уже начиная с 2015 г. совокупный военный бюджет союзных США государств Европы и Канады перестал сокращаться и даже продемонстрировал тенденцию к росту¹⁷. Заметное повышение военных расходов характерно в основном для небольших экономик Восточной Европы, лежащих в непосредственной близости от России. Более крупные экономики, таких стран, как Германия, Италия, Испания, наращивают их довольно медленно¹⁸. Так, по оценкам НАТО, расходы Мадрида на оборону составят 0,92 % ВВП — один из самых низких для стран альянса показателей. Этого вопроса неоднократно касался Д. Трамп как в публичных выступлениях, так и в беседах с представителями испанского руководства.

¹⁴ Gonzalez M. The Spanish-US Defense Agreement in the Era of Trump [Электронный ресурс]. URL: // https://elpais.com/elpais/2017/04/12/inenglish/1491997268_257823.html (fecha de acceso: 17.09.2017).

¹⁵ Government Press Statement on US Action against Military Base in Syria [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.lamoncloa.gob.es/lang/en/gobierno/news/Paginas/2017/20170407-statement-syria.aspx> (accessed 17.09.2017).

¹⁶ Wales Summit Declaration. Issues by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Wales. 05 September 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (accessed 24.08.2017).

¹⁷ Defence Expenditure of NATO Countries (2010–2017). 29 June 201, [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_06/20170629_170629-pr2017-111-en.pdf (accessed 24.08.2017).

¹⁸ Military Spending by NATO Members. Does America Contribute More Than Its Fair Share? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2017/02/daily-chart-11> (accessed 24.08.2017).

Правительство Рахоя пока не объявило ни о планах увеличить отчисления на оборону, ни о намерении изменить методологию их подсчета, как это сделали в Канаде. Премьер-министр Испании пообещал, что страна выполнит взятые на себя обязательства к 2024 г., сославшись на уверенный экономический рост в стране¹⁹. Мадрид ставит под сомнение адекватность использования показателя процентного отношения суммы военных расходов к ВВП для измерения вклада союзников в общее дело. Большое значение он придает совместным операциям альянса.

С 2016 г. ВМФ Испании принимает участие в деятельности Постоянной морской группы НАТО и Постоянной группы НАТО по разминированию, а также в операции Sea Guardian по борьбе с угрозами безопасности различного свойства в регионе Средиземного моря. С 2004 г. испанские военнослужащие участвуют в патрулировании воздушного пространства над Балтикой. Сейчас их численность составляет 127 чел.²⁰ В июне 2017 г. во исполнение решения, принятого в ходе Варшавского саммита, Испания направила более 300 своих военных и 80 единиц техники для комплектования международной боевой группы, размещенной на базе Адажи в Латвии, командование над которой взяла на себя Канада. Однако направленные Мадридом военнослужащие не будут осуществлять патрулирование, только участвовать в военных учениях и находиться в состоянии боевой готовности²¹. Вероятно, такое распоряжение объясняется желанием избежать провокаций, а также сходства с Голубой дивизией, на которое уже указали испанские СМИ²². Особо следует отметить геополитическое значение испанских баз Рота и Морон для Вашингтона.

Мадрид также откликнулся на призыв Д. Трампа к союзникам США направить дополнительные силы в Афганистан, заявив о намерении разместить 30 военнослужащих в штаб-квартире сил Североатлантического альянса в Кабуле. Когда-то участие в операции там стоило Испании 3,7 млрд евро и жизней 99 военнослужащих и двух переводчиков, потому решение правительства М. Рахоя не будет популярно внутри страны.

Испанское правительство стремится гармонично сочетать атлантистский вектор во внешней политике страны с европейским, последовательно поддерживая усиление военной интеграции внутри ЕС. Таким образом,

¹⁹ Gonzalez M., Ayuso S. Op. cit.

²⁰ Lazaro F. Las misiones internacionales suman ya más de 158.000 militares [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elmundo.es/espana/2017/08/13/598f471aca4741dc1f8b4663.html> (fecha de acceso: 17.09.2017).

²¹ Gonzalez M. Lastropasespañolasse despliegan junto a Rusia con la orden de "evitar provocaciones" [Электронный ресурс]. URL: https://politica.elpais.com/politica/2017/05/23/actualidad/1495561605_705842.html (fecha de acceso: 17.09.2017).

²² Ibid.

позиционируя себя как лояльный союзник США и посредник между ними и Европейским союзом, Испания также поддерживает стремление к большей автономии европейских стран. В рамках НАТО стремление к большей автономии европейских стран призвано сократить доминирование Соединенных Штатов.

Реализация стратегии «лояльного союзника» в отношении США — это способ для испанского правительства усилить свою безопасность, повысить международный престиж страны, дать ответ критикам внутри страны, утверждающим, что роль Испании не заметна в мире. Это также помогает привлечь на свою сторону поддержку США по актуальным вопросам испанской внутренней и внешней политики. Подтверждение тому — недавнее заявление Трампа о том, что Испания должна оставаться единой накануне готовящегося референдума в Каталонии. В то же время американский президент является не самым удобным союзником для Испании, что в дальнейшем может создать сложности для правительства М. Рахоя.

Библиография

1. Черкасова Е. Г., «Испания между атлантизмом и европеизмом (постфранкистский период)». *Мировая экономика и международные отношения*, 2009, № 8, 82–88.
2. Costigliola F., Kennedy, the European Allies, and the Failure to Consult, *Political Science Quarterly*, Vol. 110, Number 1, 1995, 105–123.
3. *Defence Expenditure of NATO Countries (2010-2017)*. 29 June 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_06/20170629_170629-pr2017-111-en.pdf (accessed 24.08.2017).
4. *Defense Minister Cospedal Meets with U.S. Secretary of Defense Mattis* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Embajadas/WASHINGTON/en/Noticias/Pages/Articulos/Defense-Minister-Cospedal-Meets-with-U-S--Secretary-of-Defense-Mattis.aspx> (accessed 17.09.2017).
5. Freisleben Sh., *A Guide to Trump's Past Comments about NATO*. CBS News. April 12, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbsnews.com/news/trump-nato-past-comments/> (accessed 12.06.2017).
6. “Full Transcript of Interview with Donald Trump”, *The Times*. January 16, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/full-transcript-of-interview-with-donald-trump-5d39sr09d> (дата обращения: 12.06.2017).
7. Gonzalez M., Ayuso S., *Spanish PM Offers to Act as Negotiator for Trump in Europe, Latin America* [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/elpais/2017/02/08/inenglish/1486539468_696001.html (accessed 17.09.2017).
8. *Government Press Statement on US Action against Military Base in Syria* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lamoncloa.gob.es/lang/en/gobierno/news/Paginas/2017/20170407-statement-syria.aspx> (дата обращения: 17.09.2017).

9. *Military Spending by NATO Members. Does America Contribute More Than Its Fair Share?* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2017/02/daily-chart-11> (accessed 24.08.2017).
10. *Trump Says NATO Not Obsolete, Reversing Campaign Stance* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-nato-idUSKBN17E2OK> (accessed 24.08.2017).
11. *Wales Summit Declaration. Issues by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Wales. 05 September 2014* [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (accessed 24.08.2017).
12. Carbajosa A., Abellan L., *Los líderes alemanes endurecen el pulso con la Administración de Trump* [Электронный ресурс]. URL: [http:// https://elpais.com/internacional/2017/05/29/actualidad/1496078576_469351.html](http://https://elpais.com/internacional/2017/05/29/actualidad/1496078576_469351.html) (fecha de acceso: 12.09.2017).
13. Gonzalez M., *España acepta la petición de tropas para Afganistán* [Электронный ресурс]. URL: https://politica.elpais.com/politica/2017/07/16/actualidad/1500220527_556489.html (fecha de acceso: 17.09.2017).
14. Gonzalez M., *Las tropas españolas se despliegan junto a Rusia con la orden de “evitar provocaciones”* [Электронный ресурс]. URL: https://politica.elpais.com/politica/2017/05/23/actualidad/1495561605_705842.html (fecha de acceso: 17.09.2017)/
15. Gonzalez M., *The Spanish-US Defense Agreement in the Era of Trump* [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/elpais/2017/04/12/inenglish/1491997268_257823.html (fecha de acceso 17.09.2017).
16. Lazaro F., *Las misiones internacionales suman ya más de 158.000 militares,* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elmundo.es/espana/2017/08/13/598f471aca4741dc1f8b4663.html> (fecha de acceso: 17.09.2017).
17. Lazaro F., *Rajoy, con las tropas españolas en Letonia: “Queremos una OTAN que mire en todas las direcciones”* [Электронный ресурс]. URL: [http:// http://www.elmundo.es/espana/2017/07/18/596ddf3d268e3eb3498b4661.html](http://http://www.elmundo.es/espana/2017/07/18/596ddf3d268e3eb3498b4661.html) (fecha de acceso: 12.09.2017).
18. Rodriguez Suanzes P., *Donald Trump humilla a sus socios de la OTAN* [Электронный ресурс]. URL: [http:// http://www.elmundo.es/internacional/2017/05/25/5927287aca4741cb4d8b45c4.html](http://http://www.elmundo.es/internacional/2017/05/25/5927287aca4741cb4d8b45c4.html) (fecha de acceso: 12.09.2017).
19. *Trump contra Europa. El próximo presidente estadounidense tensa las relaciones transatlánticas. El País, 17 enero 2017* [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/elpais/2017/01/16/opinion/1484593458_263987.html (fecha de acceso: 12.09.2017).

ЭСПЕРАНТО КАК МОСТ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ

Д. А. Шевченко¹

Язык эсперанто как средство равноправной коммуникации в сети Интернет в условиях глобализации

The language of Esperanto as a means of equal communication on the Internet in the context of globalization

Resumen: Esperanto es un idioma internacional construido, fundado en 1887 por el dr. L. L. Zamenhof en Varsovia. Es el más utilizado en el mundo del lenguaje auxiliar. Dado que los esperanto-hablantes no se concentran en un estado o territorio propio, las tecnologías digitales juegan un papel muy importante para intercambiar información entre ellos. Por otra parte, y tomando en cuenta las condiciones de la globalización, un idioma neutral que no pertenece a algún país o comunidad juega un papel primordial en el derecho a la comunicación igualitaria. Tanto en los países en los que se habla portugués como en los de habla hispana existen varios hablantes de esperanto, el cual sirve como puente entre los países iberoamericanos, Rusia y otras naciones del mundo.

Palabras clave: Esperanto; tecnologías digitales; globalización; idioma internacional; medios de comunicación virtuales; redes sociales; comunicación internacional; esperanto en Iberoamérica.

Abstract: Esperanto is constructed international language, founded in 1887 by Dr. L. L. Zamenhof in Warsaw. It is most used in the world auxiliary language. People who know Esperanto, do not have an own state and a territory where they live in compact, online technologies are a very important tool to exchange the information between them. In the conditions of globalization, neutral language not belonging to any country or nation, plays an important role in equal communication. In countries where they speak Spanish and Portuguese are many Esperanto speakers, which become a bridge between the Ibero-American countries, Russia and the other countries of the world.

¹ Шевченко Дмитрий Александрович — Россия, магистр, Российский университет дружбы народов (shevchenko_da@rudn.university).

Key words: Esperanto; digital technologies; globalization; international language; virtual media; social networks; international communication; Esperanto in Ibero-America.

Первые бумажные издания на языке эсперанто появились в конце XIX в., сразу после того как этот язык был создан в 1887 г. Лазарем (Людвигом) Марковичем Заменгофом в Варшаве, через два года после публикации первой книги об эсперанто “*Lingvo internacia. Antaŭparolo kaj plena lernolibro*” («Международный язык. Предисловие и полный учебник»), в котором он описал грамматику нового языка и приложил небольшой краткий базовый эсперанто-русский словарь².

Численность людей, которые владеют языком эсперанто, разными исследователями оценивается по разному, но большинство исследований сходится в том, что она составляет от нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов³, что является существенной аудиторией, сравнимой и часто превосходящей аналогичные аудитории многих естественных языков. Если опираться на вышеуказанные исследования и данные, эсперанто входит как минимум в число первых 100 языков мира по распространенности, учитывая, что в мире насчитывается всего около 7000 языков. В настоящий момент достаточно много людей, владеющих языком эсперанто, проживает в ибероамериканских странах. Это связано с тем, что лексика эсперанто имеет много общего с испанским и португальским языками, что существенно облегчает его изучение носителями этих языков. Наибольшее количество эсперантистов и самое активное эсперанто-движение из этих стран находится в Бразилии. На территории стран Ибероамерики проводится большое количество разноуровневых и разнотематических встреч. В том числе Всемирная ассоциация эсперанто (UEA) провела в странах Ибероамерики следующие Всемирные конгрессы эсперанто, которые проходят ежегодно в разных странах мира: Испания, Барселона (1909), Испания, Мадрид (1968), Бразилия, Бразилиа (1981), Куба, Гавана (1990), Испания, Валенсия (1993), Бразилия, Форталеза (2002), Куба, Гавана (2010), Аргентина, Буэнос-Айрес (2014)⁴. В 2018 г. конгресс (103-й) будет впервые проводиться в Лиссабоне, Португалия. Эта статистика показывает, что в конце XX и в XXI в. ибероамериканские страны стали чаще выбираться местом для проведения Всемирных конгрессов эсперанто.

² Заменгоф Л., *Международный языкъ*. Предисловіе и полный учебникъ. Варшава, 1887. 40 с.

³ Статистические исследования эсперантоязычной аудитории [Электронный ресурс]. URL: https://eo.wikipedia.org/wiki/Statistiko_de_Esperantujo.

⁴ Список и статистика Всемирных конгрессов эсперанто на сайте Всемирной ассоциации эсперанто [Электронный ресурс]. URL: <http://uea.org/kongresoj/listo>.

Распространенность эсперанто в мире может подтвердить, например, обилие изданной литературы на этом языке, к которой относятся как переводные произведения, так и оригинально написанные на эсперанто. В этой области было произведено большое количество исследований, которые были опубликованы как на эсперанто, так и на других языках, например, “*Concise Encyclopedia of the Original Literature of Esperanto*” («Краткая энциклопедия оригинальной [написанной изначально на языке эсперанто] эсперанто-литературы»)⁵ и “*Historio de la Esperanta literaturo*” («История эсперанто-литературы»)⁶. Также большое распространение получила периодическая печать на языке эсперанто. Уже через два года после создания эсперанто, в 1889 г., начали появляться первые газеты и журналы на этом международном языке. Далее, в течение XX–XXI вв. на нем выпускалось множество периодических изданий, многие из которых выходят до сих пор. В этой области было проведено большое количество исследований. Среди русскоязычных источников в качестве примеров можно привести две изданные монографии Д. В. Власова⁷, которые основываются на его диссертациях на соискание степени магистра и кандидата филологических наук, которые он успешно защитил на факультете журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Также примером исследования в этой области может служить магистерская диссертация Д. А. Шевченко, защищенная на кафедре массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов в 2010 г.⁸

Эсперанто достаточно широко используется для международной коммуникации частными лицами, организациями и СМИ. Однако люди, которые владеют языком эсперанто, а также его носители разбросаны по всему миру, и, в отличие от большей части национальных языков, отсутствуют зоны компактного массового проживания, где бы говорили на эсперанто. По этой причине такие СМИ на языке эсперанто, как традиционное телевидение и радио, а также бумажные периодические издания (для доставки которых теряется большое количество времени) хоть и существуют, но все

⁵ Sutton G., *Concise Encyclopedia of the Original Literature of Esperanto*. New York, Mondial, 2008. 728 p.

⁶ Minnaja C., Silfer G., *Historio de la Esperanta literaturo*. La Chaux-de-Fonds, Kooperativo de Literatura Foiro, 2016 (repr.). 748 p.

⁷ Власов Д. В., *История применения эсперанто в России: печать, радиовещание, переписка, самиздат*. М.: Импэто, 2014. 408 с.; Власов Д. В. *Эсперанто: полвека цензуры. Развитие эсперанто-движения и его журналистики в условиях цензуры в Российской империи и СССР (1887–1938 гг.)*: монография, М.: Импэто, 2011. 184 с.

⁸ Шевченко Д. А., *Периодические издания на языке эсперанто как средство международной массовой коммуникации (история и проблемы развития 1889–2010, тематические направления, перспективы)*: магистерская диссертация. Научный руководитель Т. Н. Иванова. Кафедра массовых коммуникаций РУДН. М., 2010.

же уступают по популярности СМИ в сети Интернет. Стоит отметить, что на эсперанто существует интернет-телевидение и интернет-радио. Среди интернет-СМИ можно выделить, например, Internacia Televido («Международное телевидение»), China Radio International («Международное китайское радио»), которое имеет также традиционное и спутниковое вещание, а также интернет-радио TutMonde («Всемирно»). Однако их распространение не так значительно в сравнении с распространением интернет-газет и интернет-журналов. Качественным примером таких изданий также может послужить интернет-журнал El popolo Ĉinio («Из народного Китая»), который посвящен в основном событиям в КНР, а также культуре этой страны. Периодические издания на языке эсперанто такого типа представляют особую ценность для мирового сообщества, так как могут оперативно распространять информацию по всему миру на нейтральном международном языке. При этом для говорящей на языке эсперанто аудитории, представителями которой являются, в отличие от носителей национальных языков, люди практически всех народов мира, получение данной информации не представляет труда, так как этой аудитории нет необходимости использовать переводчиков или учить язык другой страны или народа. Нейтральность является одной из ключевых особенностей языка эсперанто. Он не принадлежит какому-либо народу или нации и, таким образом, его использование не предоставляет неравноправных преимуществ той или иной стороне, которые она могла бы использовать в достижении собственных политических и экономических целей. Это крайне важно в современных условиях глобализирующегося мира, когда использование эсперанто является инструментом для ведения равноправного диалога между странами и культурами. Информационные потоки на эсперанто в глобальной международной сети Интернет вносят существенный вклад в распространение методов равноправной коммуникации.

В настоящий момент известно несколько сот периодических изданий на языке эсперанто в сети Интернет, при этом их количество постоянно растет. Однако это не говорит об уходе традиционных печатных СМИ в Интернет, так как существуют также и абсолютно обратные ситуации, когда, например, интернет-газета на языке эсперанто первоначально появляется в электронной форме, а лишь после того, как редакция исследует читательскую аудиторию, разместив несколько бесплатных номеров на сайте, она начинает выпускать эту газету в бумажной форме.

Популярность языка эсперанто в сети Интернет также напрямую подтверждает проект международной многоязычной свободной энциклопедии «Википедия», которая является одним из самых посещаемых ресурсов в мире. По ее официальной статистике, количество статей на

языке эсперанто в настоящий момент занимает 32-е место из 299⁹, опережая такие языки, как датский, турецкий, болгарский, литовский и многие другие. Эсперантоязычная Википедия в настоящий момент содержит более 242 тыс. статей. Популярность этого ресурса среди эсперантистов можно также отследить по оффлайн-публикациям, так, вышли две книги на эсперанто, посвященные Википедии: “*Vikipedio — praktika manlibro*” («Википедия — практическое руководство»)¹⁰ и “*Vikipedio por vi. Kiel ĝi funkcias, kiel vi kontribuas*” («Википедия для вас. Как она работает, какой вклад вы вносите»¹¹).

Эсперанто используется также и другими интернет-гигантами. В качестве примера можно привести Google, у которого есть версия на языке эсперанто, а также крупнейший в мире онлайн-переводчик Google.Translate, который позволяет осуществлять перевод с эсперанто и на эсперанто для всех языков, которые поддерживаются в сервисе. Также «Яндекс.Переводчик» в 2016 г. добавил в список языков эсперанто и постоянно совершенствует алгоритм перевода. В настоящий момент около 1,2 млн чел. используют крупный сервис для изучения иностранных языков Duolingo для изучения эсперанто. В настоящий момент там существуют курсы эсперанто на английском и испанском. Готовятся курсы на португальском, русском и других языках.

Особое распространение эсперанто получил в социальных сетях. Так, например, Facebook позволяет выбрать в качестве языка интерфейса эсперанто. Российская социальная сеть «ВКонтакте» также имеет интерфейс на эсперанто, который постоянно дорабатывается, в связи с техническими изменениями и добавлением новых функций. В своем профиле эсперанто в качестве языка, на котором говорит пользователь, в сети Facebook указали 330 тыс. чел. (статистика на январь 2016 г.). Тем не менее стоит учитывать, что не все активные пользователи эсперанто в этой социальной сети детально заполняют свой профиль, таким образом, количество владеющих языком эсперанто в Facebook может быть значительно выше. В этой социальной сети существует большое количество сообществ на эсперанто и страниц — региональных и международных — эсперанто-организаций, клубов и объединений по интересам, эсперанто-издательств, писателей, артистов, музыкантов и пр. Сообщества, организации и индивидуальные пользователи активно используют Facebook для размещения фотографий, текстов, аудио— и видеозаписей о мероприятиях эсперантистов, которые

⁹ Статистические исследования эсперантоязычной аудитории [Электронный ресурс]. URL: https://eo.wikipedia.org/wiki/Statistiko_de_Esperantujo.

¹⁰ Nevelsteen Y., (Red.). *Vikipedio — praktika manlibro*. Partizánske, Espero, 2007 (2a eld). 39 p.

¹¹ Dijk (van) Z., *Vikipedio por vi. Kiel ĝi funkcias, kiel vi kontribuas*. Partizánske, Espero, 2008. 57 p.

проходят по всему миру ежедневно. Facebook является крупнейшей в мире социальной сетью, и вполне закономерен тот факт, что наибольшее количество разного типа информации на и об эсперанто создается или размещается именно там. Но эсперанто широко распространен также и в других международных социальных сетях, в таких, как, например, Twitter и Google+. Эсперанто также используется в региональных социальных сетях. Особенно можно отметить китайские социальные сети, где проявляется активность на эсперанто. Это связано с возросшим интересом к этому языку в КНР и появлению все новых курсов изучения эсперанто в школах и университетах страны. Существуют также попытки создания социальных сетей, которые полностью предназначены для эсперанто-аудитории и размещения контента на этом международном языке, но на настоящий момент ни одному из этих проектов не удалось достигнуть достаточной популярности, так как это требует существенных инвестиций и серьезных конкурентных преимуществ, даже не каждая крупная страна может позволить себе создание и поддержку своей собственной социальной сети. Есть и социальные сети, в которых эсперантоговорящие являются одной из основных аудиторий. Так, например, французская социальная сеть для творческих людей Ipernity, основанная в 2006 г., практически с самого начала имела интерфейс на эсперанто, а публикации на этом языке составляли существенную часть общего объема размещаемой информации этой социальной сети.

С развитием мобильных технологий, помимо социальных сетей, развиваются их «младшие братья» — мобильные приложения и мессенджеры. Так, эсперанто-сообщество проявляет существенную активность в Telegram. Существуют и собственные разработки, созданные непосредственно в эсперанто-среде. Так, в 2017 г. было запущено приложение под названием Amikumi для операционных систем iOS и Android, которое позволяет искать людей, которые говорят на эсперанто и территориально находятся рядом, что помогает, например, в путешествиях, когда требуется наладить контакты с местными или нужна помощь.

Язык эсперанто изначально создавался как искусственный язык, но впоследствии превратился в живой и полноценный, как и национальные языки, и теперь его можно называть плановым и искусственным лишь формально. Это подтверждается тем, что он постоянно развивается, имеет разнообразную и богатую культуру, а некоторые его носители говорят на нем с детства и называют его родным. Эти качества привели к широкому использованию эсперанто в современной коммуникации в сети Интернет, в частности, с использованием социальных сетей и приложений для мобильных устройств.

Библиография

20. Courtinat L. *Historio de Esperanto 1887–1913*. Bellerive-sur-Allier, UEA, 1964. 610 p.
21. Dijk (van) Z. *Vikipedio por vi. Kiel ĝi funkcias, kiel vi kontribuas*. Partizánske, Espero, 2008. 57 p.
22. Minnaja C., Silfer G., *Historio de la Esperanta literaturo*. La Chaux-de-Fonds, Kooperativo de Literatura Foiro, 2016 (repr.). 748 p.
23. Sutton G., *Concise Encyclopedia of the Original Literature of Esperanto*. New York, Mondial, 2008. 728 p.
24. Nevelsteen Y., (Red.) *Vikipedio — praktika manlibro*. Partizánske, Espero, 2007 (2ª eld.). 39 p.
25. Власов Д. В., *История применения эсперанто в России: печать, радиовещание, переписка, самиздат*. М.: Импэто, 2014. 408 с.
26. Власов Д. В., *Эсперанто: полвека цензуры. Развитие эсперанто-движения и его журналистики в условиях цензуры в Российской империи и СССР (1887–1938 гг.)*: монография. М.: Импэто, 2011. 184 с.
27. Заменгоф Л., *Международный языкъ. Предисловіе и полный учебникъ*. Варшава, 1887. 40 с.
28. Шевченко Д. А., *Периодические издания на языке эсперанто как средство международной массовой коммуникации (история и проблемы развития 1889–2010, тематические направления, перспективы)*: магистерская диссертация. Научный руководитель Т. Н. Иванова. Кафедра массовых коммуникаций. РУДН, М., 2010.
29. *Список и статистика Всемирных конгрессов эсперанто на сайте Всемирной ассоциации эсперанто* [Электронный ресурс]. URL: <http://uea.org/kongresoj/listo>.
30. *Статистические исследования эсперантоязычной аудитории* [Электронный ресурс]. URL: https://eo.wikipedia.org/wiki/Statistiko_de_Esperantujo.

**Опыт преподавания языка эсперанто
на филологическом факультете
Российского университета дружбы народов
и Universidade Federal do Ceará (Бразилия)**

**Experience teaching the language of Esperanto at
the Faculty of Philology of the Russian University of
Friendship of Peoples and Federal University of Ceara**

Resumen: Actualmente en el centro de estudios optativos de la facultad de filología de la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos (RUDN) existen tres programas de estudio para instruir el idioma esperanto, los cuáles están dirigidos tanto a gente con título de estudios superiores como a estudiantes e interesados en general. Sus programas educativos se fundó en 2014 como marco del Centro de educación profesional adicional, muchos estudiantes ya se han graduado y recibido diplomas. La enseñanza del esperanto en universidades tiene una larga historia también en Iberoamérica, un buen ejemplo es la Universidad Federal de Ceará (Brasil), en la que el esperanto se enseña desde 1954, y muchas otras universidades de la región.

Palabras clave: Universidad Federal de Ceará; Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos; Esperanto; enseñanza de idioma; Rusia; Iberoamérica; educación universitaria.

Abstract: At present, there are three study programs to study the Esperanto language, which are aimed at people with a higher education degree and at the Faculty of Philology of The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), for students and interested in general. It's education programs is founded in 2014 as framework of Center for additional professional education, many students have already graduated and received diplomas. The teaching of Esperanto in universities has a long history also in Latin America, a good example is the Federal University of Ceará (Brazil), in which Esperanto has been taught since 1954 and many other universities of the region.

Key words: Federal University of Ceará; Peoples' Friendship University of Russia; Esperanto; language teaching; Russia; Latin America; university education.

Преподавание эсперанто в России имеет более длинную историю, чем в ибероамериканских странах. Это связано в первую очередь с тем, что сам язык был создан на территории Российской Империи, в городе Белостоке (ныне территория Польши), а самая первая книга об эсперанто, которая

¹ Стриганова Анна Олеговна — Россия, магистр, Российский университет дружбы народов (striganova_ao@rudn.university).

являлась по совместительству также и первым учебником этого международного языка, была выпущена именно на русском языке². Таким образом эсперанто стал сначала активно распространяться на территории Российской Империи и соседних государств, постепенно продвигаясь в направлении других континентов. Так в Бразилии первый эсперантист появился только в 1896 г., а настоящее распространение языка эсперанто в этой стране началось только после 11 апреля 1898 г., после публикации о нем в издании *Revista Brasileira*, издававшемся в Рио-де-Жанейро. «Золотая эра» языка эсперанто в России приходится на раннюю советскую эпоху, которая началась после 1917 г. В этот период, вплоть до 1936 г., в РСФСР и других советских социалистических республиках эсперанто массово преподавался, выходило множество периодических изданий, книг, вещали радиостанции. На эсперанто возлагались надежды как на будущий язык мирового пролетариата. В период «Большого террора» (1937–1938), а также последующих репрессий эсперанто-движение было практически полностью уничтожено. Об этом свидетельствуют многие исследования, одним из самых известных их них является книга немецкого ученого Ульриха Линса “*La danĝera lingvo*” («Опасный язык»)³. Преподавание эсперанто в СССР возобновилось лишь в середине 1950-х, а активизация эсперанто-движения пришлась на период 1960–1980 гг., но никогда эсперанто более не достигал такого распространения, как в первой половине XX в. В этот период вели свою деятельность несколько выдающихся ученых, которые исследовали феномен эсперанто, а также преподавали этот язык. В 1966 г. тиражом в 50 000 экземпляров издается русско-эсперантский словарь под редакцией советского лингвиста профессора Е. А. Бокарева, а в 1974 г. выходит 40-тысячный тираж эсперанто-русского словаря того же автора. Тиражи обоих изданий быстро разошлись, и впоследствии появилось множество неофициальных и «самиздатовских» копий этого словаря, которые печатались до конца 1990-х гг., пока им на смену не пришли более современные словари эсперанто. Что касается РУДН, то исследования, связанные с эсперанто, в этом университете ведутся много лет. Так, можно выделить М. И. Исаева, который преподавал эсперанто и интерлингвистику в Институте языкознания Российской академии наук, где он работал главным научным сотрудником, а также вел спецкурс по интерлингвистике на филологическом факультете РУДН. Его учебник эсперанто, написанный совместно с З. В. Семеновой, был напечатан тиражом в 30 тыс. экземпляров в 1984 г. в издательстве «Наука»⁴. Также в РУДН

² Заменгоф Л., *Международный языкъ*. Предисловіе и полный учебникъ. Варшава, 1887. 40 с.

³ Lins U., *La danĝera lingvo*. Studo pri la persekutoj kontraŭ Esperanto. Moskvo, Progreso, 1990. 568 p.

⁴ Семенова З. В., Исаев М. И., *Учебник языка эсперанто*. М.: Наука, 1984. 256 с.

(тогда УДН) работал известный эсперантист С. Н. Кузнецов, который опубликовал ряд научных работ по интерлингвистике и эсперанто.

В современной России, после 1991 г., эсперанто преподавался в ряде университетов, как в качестве факультативных и спецкурсов, так и в качестве основного курса. Такие курсы были организованы, например, в Московском автомобилестроительном институте МАСИ (ныне Московский государственный индустриальный университет). В 1995–2011 гг. эсперанто в качестве обязательного предмета преподавался в Европейском университете Права *Justo*. В 2007 г. в Российской академии образования (РАО) состоялась конференция под названием «Пропедевтическая роль эсперанто в изучении иностранных языков». В ней приняли участие представители нескольких стран: эсперантисты, дипломаты, преподаватели вузов. Резолюция конференции подтверждает пропедевтическую ценность эсперанто для изучения иностранных языков⁵: ее участники пришли к выводу, что изучение эсперанто в качестве первого иностранного языка в дальнейшем облегчает изучение других иностранных языков, в частности европейских. По итогам этой конференции был выпущен сборник статей⁶.

В России с 2008 г. ежегодно проводятся письменные и устные экзамены на знание языка эсперанто по системе CEFR⁷, но поскольку эта система не имеет официального статуса в системе российского образования, этот экзамен за все время в нашей стране сдали только 134 человека⁸. Эти дипломы выдаются Всемирной эсперанто-ассоциацией УЕА и венгерским университетом имени Лооранда Этвеша, в котором эсперанто и интерлингвистика преподаются с 1966 г.

В 2014 г. на базе центра дополнительного образования филологического факультета (ЦДПО) Российского университета дружбы народов (РУДН), после утверждения Ученым советом, были открыты две образовательные программы преподавания эсперанто: «Базовый курс языка эсперанто» и «Основы языка эсперанто»⁹. Открытию программ предшествовал пробный бесплатный блицкурс (10 академических часов), набравший более 30 участ-

⁵ Резолюция конференции «Пропедевтическая роль эсперанто в изучении иностранных языков» [Электронный ресурс]. URL: http://www.planedo.ru/images/aprilo_2007/rezolucija.html.

⁶ *Эсперанто — наилучшая пропедевтика: сб. ст. конференции* / под ред. Д. Шевченко. М.: Импэ-то; Европейский университет Права «Justo», 2007. 240 с.

⁷ *Common European Framework of Reference for Languages* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages/>.

⁸ *Статистика KER-экзаменов по странам* [Электронный ресурс]. URL: <http://edukado.net/ekzamenoj/ker/statistiko>.

⁹ *Язык эсперанто среди образовательных программ Центра дополнительного профессионального образования филологического факультета РУДН* [Электронный ресурс]. URL: <http://philrudn.ru/materiali/yazykovye>.

ников. Опыт короткого курса показал, что даже за такой небольшой промежуток времени слушатели получают достаточно большой объем знаний, а за 100 часов обучения уже можно начать понимать эсперанто на базовом уровне и уметь изъясняться на нем на различные темы, что является практически недостижимой целью при изучении естественных языков.

Программа «Базовый курс языка эсперанто» рассчитана на слушателей с окончанным высшим образованием и длится 100 академических часов. В результате прохождения обучения слушатель овладевает основами грамматики языка эсперанто; средним словарным запасом; навыками чтения и понимания простых текстов с минимальным использованием словаря; пониманием на слух разговорной и литературной речи на общие темы. После успешной сдачи итогового экзамена слушатели получают удостоверение о повышении квалификации в РУДН. Вторая программа, «Основы языка эсперанто», рассчитана на лиц от 16 лет без специальных требований к образованию. К ним предъявляются меньшие требования на экзамене, успешные слушатели получают сертификат установленного образца.

В 2016 г. ученый совет РУДН утвердил новую программу «Язык эсперанто. Начальный курс», которая длится 16 академических часов и успешно функционирует в рамках Центра дополнительного профессионального образования (ЦДПО) филологического факультета РУДН. В рамках этого курса слушатели получают достаточный объем знаний, в частности в области грамматики эсперанто, что позволяет продолжить изучение языка либо в рамках более продолжительных курсов, либо самостоятельно. Ввиду простоты изучения и особенностей строения языка эсперанто 16 академических часов вполне достаточно для освоения большей части грамматики, а также базовой лексики этого языка. Практика показала, что уже после такого непродолжительного обучения слушатели, которые успешно прошли курс и сдали выпускной экзамен, готовы к повседневному общению на языке эсперанто, а также к дальнейшему самостоятельному изучению и совершенствованию знаний.

Преподавание эсперанто в бразильском Universidade Federal do Ceará (UFC) имеет более долгую традицию, чем в РУДН. Здесь преподавание эсперанто в рамках учебных программ началось в 1954 г. Также, в отличие от РУДН, эсперанто здесь преподается не как курс дополнительного профессионального образования (или курсы повышения квалификации), а может быть зачтен у студентов в общей рейтингово-балльной системе высшего образования. Профессор Пауло Аморим Кардосо из северно-восточного штата Бразилии — основатель курсов языка эсперанто, автор множества научных трудов и активный эсперантист, делегат Всемирной ассоциации эсперанто в Бразилии.

Библиография

31. Lins U., *La danĝera lingvo. Studo pri la persekutoj kontraŭ Esperanto*. Moskvo, Progreso, 1990. 568 p.
32. Заменгоф Л., *Международный языкъ. Предисловіе и полный учебникъ*. Варшава, 1887. 40 с.
33. Семенова З. В., Исаев М. И., *Учебник языка эсперанто*. М.: Наука, 1984. 256 с.
34. *Эсперанто — Наилучшая пропедевтика: сб. ст. конференции / под ред. Д. Шевченко*. М.: Импэто; Европейский университет права Justo, 2007. 240 с.
35. *Common European Framework of Reference for Languages* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages/>.
36. *Резолюция конференции «Пропедевтическая роль эсперанто в изучении иностранных языков»* [Электронный ресурс]. URL: http://www.planedo.ru/images/aprilo_2007/rezolucija.html.
37. *Статистика KER-экзаменов по странам* [Электронный ресурс]. URL: <http://educado.net/ekzamenoj/ker/statistiko>.
38. *Язык эсперанто среди образовательных программ Центра дополнительного профессионального образования филологического факультета РУДН* [Электронный ресурс]. URL: <http://philrudn.ru/materiali/yazykovye>.

БРИКС: Великие культуры и их потребности в коммуникации

BRICS: Great cultures and their communication needs

Резюме: Страны БРИКС обладают не только экономическим потенциалом, но и самобытной богатой культурой. Межкультурная коммуникация народов стран БРИКС важна для понимания традиций и культурного наследия каждой из стран. Это обогащает и сближает культурный уровень народов. Однако межкультурные связи затруднены из-за разных национальных языков. Использование какого-либо национального языка для межнационального общения приводит к доминированию одной национальной культуры над другими. Сложившаяся практика использования английского языка в качестве межнационального общения оказывает негативное влияние на национальные культуры, когда национальные культурные произведения представляют народам других национальностей через призму одной только англоязычной культуры. Использование в качестве языка межнационального общения нейтрального планового языка эсперанто на уровне национальных ассоциаций эсперантистов уже сейчас показывает высокую эффективность в межкультурной коммуникации. Странам БРИКС следовало бы показать пример другим странам, широко используя в своих образовательных системах и в межкультурных связях нейтральный международный язык эсперанто.

Ключевые слова: БРИКС; коммуникации; эсперанто.

Abstract: The BRICS countries have not only economic potential, but they have also an original rich culture. Intercultural communication of the peoples of the BRICS countries is important for understanding the traditions and cultural heritage of each country. This enriches and brings together the cultural level of peoples. However, intercultural ties are difficult due to different national languages. The use of a national language for interethnic communication leads to the dominance of one national culture over others. The prevailing practice of using English as an interethnic communication has a negative impact on national cultures, when national cultural works represent the peoples of other nationalities through the prism of English-speaking culture alone. The use of the neutral planned language of Esperanto as the language of interethnic communication at the level of national associations of Esperantists already shows high efficiency in intercultural communication. The BRICS countries should have set an example for other countries, making wide use of the neutral international language of Esperanto in their educational systems and in intercultural relations.

Key words: BRICS; Esperanto; communication.

¹ Чертилов Михаил Константинович — Россия, член правления Российского союза эсперантистов (mikaelo@reu.ru).

1. Культуры стран БРИКС являются всемирно значимыми культурами

Объединение стран БРИКС произошло, по существу, по экономическим причинам. Как утверждается, пять этих стран обладают суммарным валовым внутренним продуктом в 16 039 млрд долл. США (2013), что составляет около 20 % мирового валового продукта и ориентировочно 4 трлн долл. валютных резервов².

Следует отметить, что для всего мира, не менее чем их экономический потенциал, важны также и культуры стран БРИКС — каждая со своей мощной традицией и уникальной самобытностью.

1.1. Россия

Если страна является самой большой в мире, то, конечно, и ее культура является не менее значимой. Россия занимает 17 075 400 кв. км и восьмую часть заселенной территории Земли. Россия простирается через всю северную Азию и большую часть восточной Европы. Она содержит 9 временных зон и разнообразный ландшафт. По численности населения страна стоит на 9-м месте, на ноябрь 2014 г. это около 144 млн чел.

История России длится от появления первых племен восточных славян — с третьего по восьмое столетия до сегодняшнего времени. Переняв религию и церковь у Византийской империи, Россия стала ее наследницей в этом важном аспекте.

В XVIII в., в период Русского просвещения, развитие русской литературы определили труды Михаила Ломоносова и Дениса Фонвизина, а в начале XIX в., благодаря плеяде выдающихся писателей, зародились современные национальные литературные традиции. Этот период, известный как Золотой век русской поэзии и литературы, начался с Александра Пушкина, русского Шекспира, и продолжился рядом выдающихся поэтов, прозаиков и драматургов: Михаил Лермонтов и Николай Некрасов, Александр Островский и Антон Чехов, Николай Гоголь и Иван Тургенев. Лев Толстой и Федор Достоевский рассматриваются литературными критиками всего мира как самые великие романисты всех времен и народов.

Нет смысла продолжать перечень известных литературных имен авторов Серебряного века, периода реализма и символизма. Лучше обратимся к философии. Русская философия расцвела в XIX в., когда разгорелись споры между западниками и славянофилами. Западники предпочитали европейские политические и экономические модели, в то время как сла-

² World Economic Outlook. IMF. April 2013. kaj «Amid BRICS' rise and 'Arab Spring', a new global order forms». Christian Science Monitor. 18 October 2011.

вянофилы настаивали на развитии России как отдельной цивилизации. Среди них Николай Данилевский и Константин Леонтьев, основатели евразийской школы. Понятно, что вследствие своего географического положения Россия всегда ставила своей задачей соединить азиатские и европейские идеи.

Следует сказать и о культурном наследии после революции 1917 г. Ясно, что в истории последних столетий русская революция после французской стала единственным важным событием, направленным на улучшение условий жизни людей на нашей планете. После прав, утвержденных французской революцией, которые были правами буржуазного гражданина, пришло время прав бедных работающих людей. Этот эксперимент и вся порожденная им культура является уже неотъемлемой частью человеческой истории, и мир не может не замечать ее.

Итак, не будет преувеличением вывод, что русская культура является одним из краеугольных камней всемирной культуры в различных ее аспектах.

1.2. Китай

Вторая страна, чью культуру мы хотели бы рассмотреть, это Китай. Известно, что история китайской цивилизации идет из глубокой древности. Пещеры в Чжоукоудянь около современного Пекина поведали нам о первобытных людях, живших там между 680 000 и 780 000 лет до н. э. Найденные останки свидетельствуют, что «пекинский человек», вид человека прямоходящего (*homo erectus*), уже использовал огонь. Первая китайская письменность найдена в Цзяху и датируется приблизительно 7000 лет до н. э. Первой китайской династией по традиции считается династия Ся, которая относится к 2100 г. до н. э., что подтверждается археологическими раскопками в Эрлитоу, провинция Хэнань, проведенными в 1959 г.

Сохранилось множество свидетельств о последующем периоде воюющих княжеств, приведших к объединению Китая в 221 г. до н. э., когда царство Цинь захватило шесть других царств и установило единую китайскую империю Цинь, с едиными законами по всей стране.

Было бы слишком долго резюмировать дальнейшую китайскую историю, мы просто должны констатировать, что Китай был ведущей страной в сфере научных открытий до династии Мин.

Великие китайские открытия и изобретения — изготовление бумаги, компас, книгопечатание, порох — постепенно распространились в Азии и Европе. Китайские математики первыми использовали отрицательные числа. Превосходство Китая в технической сфере длилось вплоть до XVII в., когда Западный мир превзошел его.

После многих военных поражений от европейцев китайские реформаторы начали внедрять современную науку и технику как часть движения за усиление своих позиций. После победы коммунизма наука и техника развивалась по советской модели в рамках централизованного планирования, и после смерти Мао Цзэдуна это проявилось успехом Четырех Модернизаций.

Хотя вклад Китая в этой сфере находится еще ниже уровня, например, США или Японии, усилия китайских властей часто называют «техническим национализмом». Китай, во всяком случае, быстро развивает свою образовательную систему с упором на науку, математику и инженерию и уже выпускает больше специалистов с высшим образованием, чем все другие страны. Китай является второй страной по количеству выходящих в свет научных статей.

Добавим к этому практические достижения в сфере компьютерной (китайские фирмы, такие как «Леново», достигли мирового уровня) и промышленной робототехники. В 2013 г. Китай стал страной, запустившей людей в космос, и прогресс в этой области таков, что уже в 2018-м Китай планирует сбор образцов лунного грунта.

Если добавить к этим культурным фактам то, что в 2014 г., согласно Международному Валютному Фонду, китайская экономика стала второй в мире по валовому внутреннему продукту и что сейчас страна имеет наибольшую покупательную способность, можно понять, почему Китай считается не только самой древней, но и самой современной культурой в мире.

Относительно числа жителей Китай является самой многонаселенной страной мира. Перепись населения 2010 г. установила 1 370 536 875 чел., среди которых 16,6 % — младше 14 лет, 70,14 % — между 15 и 59 лет и 13,26 % — старше 60 лет.

Иметь Китай в клубе стран БРИКС — поистине хороший шанс с разных точек зрения, включая культурные.

1.3. Индия

Индия на языке эсперанто имеет также название *Barato*, по официальному названию страны на хинди: *Bhārat Gaṇarājya*, Республика Бхарат. Речь идет о седьмой по величине стране мира и второй по количеству населения в 1,2 млрд. Это также многоязычная и многонациональная страна.

Индия — это место зарождения цивилизации долины реки Инд, такой же древней, как китайская, и это место, где пересекались многочисленные торговые и культурные пути. Четыре религии зародились здесь: индуизм, буддизм, джайнизм, сикхизм. В первом тысячелетии н. э. в Бхарат

пришли зороастризм, иудаизм, христианство и ислам, внося вклад в религиозный пейзаж страны.

История Индии долгая и богатая. Первые следы пребывания человека датируются 30 000 лет, а цивилизация в долине реки Инд началась 7 000 лет назад и достигла расцвета около 2 500 лет до н. э. В последующие периоды вплоть до 500 лет н. э. с севера вторглись индоевропейцы, захватившие страну и внесшие своеобразие в ее цивилизацию. Книги, так называемые веды, были написаны в этот период, в этот период появились и касты. Одновременно в южном Бхарате закрепились местные жители, образовавшие племена и племенные федерации.

Около 0 года н. э. уже формировались империи, которые господствовали на большей части территории нынешних Пакистана и Бхарата, и была установлена система налогов, которая стала моделью для всего региона, в то время как южный Бхарат торговал с Римской империей и с другими азиатскими странами. Литература на санскрите была в своем золотом периоде, процветали науки, особенно математика и медицина.

Южно-бхаратская культура и политические системы экспортировались в страны, которые сейчас называются Майами, Таиланд, Лаос, Камбоджа, Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Индонезия. Эти страны сейчас называются индокитайскими, потому что они испытали влияние с обеих сторон. В тот период бхаратские торговцы, просветители, а также иногда и армии перемещались по всему этому региону.

Бхарат около середины европейского Средневековья приобрел исламских правителей и испытал влияние исламской культуры, чаще всего через персидский язык. Это продолжалось до постепенного интегрирования всего подконтинента в английскую империю, которое закончилось только в новое время, после Второй мировой войны. Тогда возникли две страны — исламский Пакистан и Бхарат, в основном индуистский, который вырос до нынешнего членства в БРИКС. Долгая борьба за независимость связана в основном с именем Ганди, провозгласившего единственной формой борьбы ненасилие.

Индийская экономика — седьмая в мире по валовому внутреннему продукту и третья в мире по покупательной способности. Несмотря на проблемы, связанные с коррупцией, бедностью и здравоохранением, Бхарат — одна из наиболее быстро развивающихся стран. Культура страны, если мы хотим резюмировать ее значение в мире, — это античность, продолжающая завораживать современный мир.

1.4. Бразилия

Речь идет о самой большой стране Средней и Южной Америки и о пятой самой большой стране мира по территории и по населению. Это,

кроме того, самая большая португалоязычная страна в мире. При этом ее особенностью является смешанность населения. Ни в одной другой стране современного мира не могут так гармонично сожительствовать различные расы и этнические группы. Согласно национальному исследованию семей в 2008 г., 48,43 % населения (около 92 млн) относят себя к «белым», 43,8 % (около 83 млн) — к «коричневым», 6,84 % (около 13 млн) — к «черным», 0,58 % (около 1,1 млн) — к «азиатам» и 0,28 % (около 536 тыс.) — к американским коренным жителям, в то время как 0,07 % (около 130 тыс.) не относят себя ни к одной расе. Добавим к этому, что, по сведениям Национального фонда индейцев от 2007 г., в тот период существовали 67 племен без контактов с внешним населением. Считается, что в Бразилии самое большое количество людей, еще не контактирующих с внешним миром.

С прибытием португальцев во всех частях страны произошло большое смешение людей белой расы, коренных жителей и чернокожих, с преобладанием в течение всего времени людей европейского происхождения. Согласно исследованиям, они составляли между 65 % и 77 %. Хотя здесь влияют и субъективные оценки. Так, «коричневая» группа может также относить себя к «белым», если они существуют условиях благополучия.

Более высокий процент чернокожих, мулатов и метисов находится на восточном побережье северо-восточного региона, от Баия до Параиба, а также в северной части Мараньян, в южной части Минас-Жерайс и в восточной части Рио-де-Жанейро. Кроме этого, с XIX в. Бразилия открыла свои границы для мигрантов, и приблизительно 5 млн чел. из более 60 стран эмигрировали в Бразилию между 1808 и 1972 гг. Большинство из них были португальского, итальянского, испанского, немецкого, украинского, польского, еврейского, русского, китайского, японского и арабского происхождения.

Такое же смешение мы увидим, если обратимся к религии. Католическая религия здесь встречается с африканскими религиями и с индейскими ритуалами. Это порождает широкую гамму религий и религиозных практик. Многие спиритуалисты, например, являются одновременно католиками. В последнее время появились и все более укрепляются протестанты.

Общая культура Бразилии является производной от португальской, привнесшей свой язык и католическую религию. Но Бразилия также была подвержена влиянию африканцев, местных индейцев и непортугальских европейцев.

Бразильское искусство представляет такую же характерную смесь различных влияний. Музыка, например, конечно же, была очень обогащена влиянием португальских и африканских традиций. Африканский ритм,

некоторые танцы и музыкальные инструменты, оказали влияние в появлении бразильской народной музыки.

Машадо де Ассиз, который основал Бразильскую Академию Литературы, возможно, наиболее известный среди бразильских писателей-романтиков. Бразильская литература возвращает нас к XVI в., когда исследователи рассказывали о стране и народах, о животном мире и лесах. В романтический период в Бразилии появилось много произведений о коренных жителях, где они представляются как герои.

Вот краткая презентация бразильской культуры, не достаточно известной в странах БРИКС и в мире в целом.

1.5. Южно-Африканская Республика

Южно-Африканская Республика (ЮАР) — единственная африканская страна в группе стран БРИКС, но она представляет и африканскую, традиционную культуру, и культуру смешанной страны, где после столетия расового разделения учатся сожительствовать белые, чернокожие и цветные, т. е. южноафриканцы — выходцы из Азии, и южноафриканцы смешанных рас. Страна не столь большая, как те, о которых уже шла речь. Это 25-я страна в мире по величине и 24-я по населению в 53 млн чел.

Многонациональность Южно-Африканской Республики отражена в основном законе страны, который признает 11 официальных языков, это больше, чем в любой другой стране мира. Два из них европейского происхождения. Это африкаанс, развившийся из голландского (языка первых колонистов) и являющийся языком большинства белого и цветного населения в Южной Африке, а также английский язык — наследие британского господства, использующийся в торговле и общественной жизни, занимающий четвертое место среди разговорных языков в ЮАР.

Южно-Африканская Республика — одна из африканских стран, не испытавшая военных переворотов и без малого столетие имевшая парламентские выборы, но, с другой стороны, чернокожие до 1994 г. были лишены многих гражданских прав. С 1948 г., когда Национальная партия белого населения объявила апартеид, история страны характеризовалась борьбой чернокожих за свои права. В том числе вследствие протестов из-за рубежа, дискриминационные законы начали отменяться с 1990 г., затем Африканский Национальный Конгресс и партия Нельсона Манделы образовали национальное правительство. С 1994 г. в ЮАР все этнические и языковые группы не только признаются, но и представлены в Парламенте страны, которая разделена на 9 провинций. Южно-Африканскую Республику часто называют «Страной Радуги», подчеркивая мультикультурализм развивающейся страны после падения апартеида как политической идеологии.

Действительно, письменная грамотность среди взрослого населения составляет 90 % — высокий показатель для Африки. ЮАР имеет привычную трехуровневую систему образования для всех, с начальными и средними школами и университетами, тогда как по прежним законам чернокожим предлагалось лишь начальное образование, чтобы они становились работниками только ручного труда. Сейчас в Южной Африке 23 публичных университета, 11 традиционных общих университетов, 6 технических университетов и 6 университетов общих и технических наук.

Южно-Африканская Республика с экономической точки зрения рассматривается Мировым Банком как развивающаяся, и ее экономика вторая в Африке и 34-я в мире. Несмотря на многие оставшиеся проблемы, Южно-Африканская Республика — страна с большим потенциалом роста.

2. Межкультурная коммуникация народов стран БРИКС

2.1. Они разнообразны, как разнообразен наш мир, каким он и должен остаться

Культуры пяти стран БРИКС очень отличаются друг от друга, и такими они должны оставаться. Склонность США разрушать все культуры мира путем ассимиляции их в рамках «культурной империи», которую они называют «культурная глобализация», есть нечто противоречащее попыткам сохранить разнообразие культур в нашем мире. Даже нынешний папа Франциск в последнем письме-энциклике “*Laudato si’*” (Будь благословен) отдельно затронул эту проблему:

«144. Потребительское видение человека, которое поддерживает механизмы нынешней глобальной экономики, склонно делать культуры однородными и ослаблять грандиозное культурное разнообразие, являющееся сокровищем человечества. По этой причине требования решать все сложности путем единых норм и технических внедрений заставляют нас опускать местные проблемы, которые требуют активного участия населения. Новые сформированные процессы не всегда могут быть интегрированы в моделях, привнесенных извне, а должны исходить изнутри из самой местной культуры. Так же как жизнь и мир являются динамичными, забота о мире должна быть гибкой и динамичной. Одни лишь технические решения имеют риск рассмотрения симптомов, которые не соотносятся с самыми глубокими проблемами. Необходимо брать перспективу прав народов и культур и таким образом понимать, что развитие социальной группы подразумевает исторический процесс внутри культурного контекста и что это требует дальнейшего главного участия местных деятелей их собственной культуры. Даже понятие качества жизни может быть навязано, ведь это по-

нятие должно пониматься внутри мира символов и обычаев, относящихся к каждой группе людей.

145. Многочисленные формы активной эксплуатации и потребления окружающей среды могут исчерпать не только местные средства к существованию, но также и социальные средства, которые обеспечивали образ жизни, который в течение долгого времени поддерживал культурную идентичность, смысл существования и совместного проживания. Исчезновение только одной из культур так же важно и даже более важно, чем исчезновение животного или растительного вида на Земле. Насажение гегемонистского стиля жизни, связанного со способом производства, может быть настолько же вредным, как и изменение экологических систем»³.

Таким образом, если мы хотим быть хотя бы столь же чувствительными к проблемам культурного разнообразия, как папа, мы должны всеми способами стремиться, чтобы прекрасные и разнообразные культуры стран БРИКС оставались самими собой. При этом они не должны быть изолированы, а должны информировать о себе как минимум другие страны БРИКС.

Однако эти культуры недостаточно знакомы современному миру, который смотрит только на одну империю, чьим языком является английский.

Мы дадим только один конкретный пример по этому поводу. Index Translationum («Таблица переводов») в ЮНЕСКО приводит список всех возможных переводов книг в мире⁴. Достаточно посмотреть выборочную статистику. Переводы с оригинальных языков с 1979 по 2016 г. представлены следующим образом:

— с английского	1 266 110
— с французского	226 123
— с немецкого	208 240
— с русского	103 624
— с испанского	54 588
— с китайского	14 071
— с португальского	11 583
— с хинди	1 513

Без комментариев легко понять, что в основном переводятся произведения с английского языка. Такой же результат мы находим, если посмотрим список первых 50 переведенных авторов:

³ [Электронный ресурс]. URL: http://w2.vatican.va/content/francesco/it/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_encyclica-laudato-si.html. Перевод авторов статьи.

⁴ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatlist.aspx?lg=0>.

1	Christie Agatha	7233	26	Stevenson Robert Louis	2039
2	Verne Jules	4751	27	Steiner Rudolf	1868
3	Shakespeare William	4281	28	Wilde Oscar	1787
4	Blyton Enid	3921	29	Sheldon Sidney	1732
5	Cartland Barbara	3648	30	Holt Victoria	1660
6	Steel Danielle	3628	31	Marx Karl	1643
7	Lenin Vladimir Il'ič	3592	32	Balzac Honoré de	1590
8	Andersen Hans Christian	3520	33	Hemingway Ernest	1569
9	King Stephen	3354	34	Ludlum Robert	1530
10	Grimm Jacob	2976	35	Hesse Hermann	1521
11	Grimm Wilhelm	2950	36	Kafka Franz	1491
12	Roberts Nora	2597	37	Koontz Dean R.	1491
13	Dumas Alexandre	2540	38	Nietzsche Friedrich Wilhelm	1490
14	Doyle Arthur Conan	2495	39	Rajanīša	1488
15	Twain Mark	2428	40	Clark Mary Higgins	1485
16	Dostoevskij Fedor Mihajlovič	2340	41	Platon	1479
17	Simenon Georges	2315	42	Čehov Anton Pavlovič	1473
18	Lindgren Astrid	2270	43	Tolkien John Ronald Reuel	1458
19	Joannes Paulus II	2257	44	Poe Edgar Allan	1435
20	Gosciny René	2234	45	Kipling Rudyard	1424
21	Stine Robert L.	2221	46	Perrault Charles	1401
22	London Jack	2181	47	Dahl Roald	1398
23	Tolstoj Lev Nikolaevič	2178	48	Goethe Johann Wolfgang von	1397
24	Asimov Isaac	2158	49	García Márquez Gabriel	1395
25	Dickens Charles	2107	50	et al.	1383

2.2. Как прийти к более справедливой ситуации, хотя бы среди стран БРИКС

Существуют различные возможности знакомить мир, в том числе другие страны БРИКС, со своей культурой.

Можно использовать английский язык, как это сейчас и практикуется, но при этом, по крайней мере в культурном плане, переводы становятся частью англоязычного мира и нынешняя ситуация не меняется: привилегии получает культура США. Никто не будет читать индийские произведения, и все далее будут переводить английских авторов. То, что, возможно, сейчас кажется самым простым решением, в дальнейшем будет иметь самые негативные последствия.

По той же логике превосходства в выборе языка для коммуникации следовало бы выбрать китайский — язык, наиболее распространенный в странах БРИКС. Китай имеет самое большое население среди пяти стран,

и он уже открыл школы китайского языка за рубежом. Это известные институты Конфуция⁵, которые присутствуют во всех странах БРИКС.

Перевод художественной литературы на язык другого народа и культуры неизбежно связан с адаптацией к другой культуре. Таким образом, знакомство с произведениями, переведенными на английский язык, идет через призму англоязычной культуры, а дальнейший перевод с английского на национальные языки еще более отдаляет нас от оригинала.

Можно также пробовать использовать все языки в равной степени, что, кажется, является наилучшим демократическим решением. Например, Бразилия должна бы переводить на русский, китайский, хинди, английский, африкаанс, зулу... и т. д. Насколько это реально, мы не знаем, но очень сомнительно, что на нужды взаимного общения во всех странах БРИКС найдется столько средств.

Остается только одно решение, решение, которое США решительно отрицает: использование международного языка эсперанто. США отрицает его, ибо считает себя абсолютным лидером в мире и, следовательно, все должны использовать их язык. Хотя формально и официально Европейский союз декларирует многоязычие, на практике он идет тем же путем, вероятно, руководствуясь тезисом: «Мы — союзники США, и мы должны следовать за ними». Такой образ мысли, конечно же, не годится для нового сообщества стран БРИКС, которые хотят создать объединение стран нового типа на базе полного равноправия.

При этом нужно подчеркнуть, что переводы с национального языка на вненациональный, нейтральный язык не требуют какой-либо адаптации к чужой культуре, поэтому передают все национальные, фольклорные оттенки произведений наиболее точно. Учитывая общедоступность и легкость международного языка, такое решение сделает общедоступными культурные национальные богатства наших стран.

2.3. Коммуникация между странами БРИКС на равноправной основе

Как мы ранее отметили, существует только один способ межнационального общения на равноправной основе. Это использование международного языка эсперанто, который может одновременно принадлежать всем людям на Земле и никакому народу в отдельности.

У истоков эсперанто стоял Людвик Заменгоф (Лазарь Маркович Заменгоф). Он провел свою юность в многоязычном городе Белостоке, который тогда принадлежал Российской империи, сейчас Польше, где он часто мог наблюдать межэтнические конфликты. Так как он считал отсутствие общего языка основной причиной конфликтов, уже будучи гимназистом,

⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://confuciusinstitute.unl.edu/institutes.shtml>.

он начал разрабатывать новый подходящий язык, способный выполнить эту задачу. Это должен был быть, в отличие от национальных языков, язык нейтральный и легко изучаемый, и поэтому способный быть принятым всеми как второй язык для всех, язык, изучаемый одновременно с национальными и используемый в ситуациях, когда необходимо межнациональное взаимопонимание.

В течение первых десятилетий общение на эсперанто осуществлялось почти только письменно, но после неожиданно успешного Всемирного Конгресса, прошедшего в 1905 г. во французском городе Булонь-сюр-Мер, где подтвердились возможности применения международного языка и в разговорной форме, начали быстро расти также личные контакты и встречи эсперантистов.

Стремления к миру и гармонии после Первой мировой войны породили новые надежды, благодаря которым эсперанто быстро распространился. Однако в период между войнами и во время Второй мировой войны произошли преследования эсперантистов со стороны нацистов в Германии и со стороны сталинистов в Советском Союзе.

Старания принять эсперанто в качестве общего языка встречали позитивные отклики: обращения в поддержку языка, адресованные к ООН, подписали более 80 млн чел. Генеральная Ассамблея Юнеско приняла похожие резолюции в Монтевидео 10 декабря 1954 г. и в Софии 8 ноября 1985-го. В них отмечены результаты, «достигнутые эсперанто в сфере международных интеллектуальных обменов и для сближения народов в мире», приглашаются страны-участники «способствовать введению учебных программ по проблемам языков и по эсперанто в своих учебных заведениях» и рекомендовано международным неправительственным организациям «присоединиться к чествованию столетия эсперанто и изучить возможность использовать эсперанто как средство для распространения среди своих членов всей информации, включая информацию о деятельности Юнеско».

Тот факт, что многие цели эсперанто-движения не реализованы, можно отнести среди прочего к технологической и культурной гегемонии Британии и США, особенно в период после Второй мировой войны, что послужило нынешнему использованию английского в качестве коммуникативного языка в любой международной деятельности.

Тем не менее сегодня пользователей языка эсперанто в мире несколько миллионов. Всемирная Эсперанто-Ассоциация (UEA), члены которой составляют самую активную часть эсперантистского сообщества, имеет свои национальные подразделения почти в 70 государствах, а индивидуальных членов — в почти вдвое большем количестве государств. Количество проданных учебников и статистика членов местных групп показывает,

что существуют уже сотни тысяч или даже миллионы людей со знанием этого языка в разной степени. Говорящие на эсперанто находятся во всем мире, наиболее сконцентрированы в таких различных странах, как Бразилия, Болгария, Китай, Иран, Япония, Куба или Мадагаскар.

По данным проекта Ethnologue («Этнолог»), общее количество говорящих оценивается в 2 млн, из которых 2 тыс. составляют носители языка от рождения, в основном благодаря использованию эсперанто в межнациональных семьях.

На международном языке можно очень быстро начать общаться, что представляет идеальную стартовую площадку для изучения иностранных национальных языков. Уже через несколько недель можно переписываться на эсперанто, а после нескольких месяцев совершать поездки, активно используя язык.

Экспериментальные и неформальные наблюдения показывают, что предварительное обучение языку эсперанто может позитивно влиять на дальнейшее овладение другими иностранными языками (так называемый пропедевтический эффект). Были осуществлены несколько попыток формально исследовать этот феномен: например группа учащихся, изучающая в течение одного года эсперанто, а затем в течение трех лет французский язык, имела лучшие результаты, чем контрольная группа, которая изучала французский все четыре года. Похожие результаты были получены также, когда вторым языком был японский или при уменьшении срока эксперимента наполовину.

Нам представляется целесообразным использовать этот метод при преподавании национальных языков стран БРИКС, например, обучение русскому языку (а также китайскому, португальскому и т. д.) для учащихся, прошедших базовый курс эсперанто.

Структура эсперанто поддерживает естественную склонность человеческого мышления к аналогиям и более прозрачна, чем в большинстве этнических языков. Продуктивная система словообразования гарантирует уже на ранней стадии обучения возможность выражения смысловых нюансов. Быстрые успехи эмоционально мотивируют учащихся к дальнейшему прогрессу. Поэтому одинаковая интенсивность изучения эсперанто позволяет достичь того же языкового уровня, что и при изучении национального языка, за меньший промежуток времени. Так, несколько месяцев изучения эсперанто равны нескольким годам изучения английского или французского языков.

Из-за доминирования европейских корней слов для неевропейцев нужно больше времени для изучения, но все же меньше, чем для изучения другого азиатского языка.

В своей знаменитой «Первой книге» (1887) Заменгоф представил грамматику из 16 правил (которые, впрочем, не поясняют все детали использования языка.) Эта грамматика вошла в системный документ «Основы эсперанто», который, по решению первого Всемирного конгресса в 1905 г., должен гарантировать непрерывность развития языка.

Хотя эсперанто преподают в некоторых университетах, чаще всего в настоящее время (около 90 %) этот язык изучают самостоятельно, дистанционно, на специальных сайтах в Интернете, например lernu.net, или в эсперанто-клубах.

В современном мире, когда все более осознаются права национальных меньшинств и языковое многообразие, международный язык вновь обращает на себя внимание. Неправительственные организации и ассоциации настаивают, чтобы вопрос о международном языке стал темой дискуссии в ООН и Европейском союзе. Пражский Манифест (принятый Всемирным эсперанто-конгрессом в 1996 г. в Праге) — современная декларация ценностей и целей эсперанто-движения, выделяет языковую демократию и сохранение языкового многообразия. К известным людям, использующим эсперанто в современном мире, относятся лауреат Нобелевской премии Райнхард Зельтен (1994), чемпионы мира по шахматам Юдит Полгар и Тивадар Сорос — отец финансиста Джоржа Сороса. Эсперанто использовался также в международном проекте «Диалоги коренных жителей» (*Indighenaj Dialogoj*), целями которого было укрепление обменов опытом между коренными народами в мире, который отказался от использования некогда колониальных языков.

Развитие эсперанто после распространения компьютерной сети ускорило. В настоящее время он занимает достойное место среди первых пятидесяти языков мира по частоте использования в межнациональном общении. Википедия на эсперанто содержит более 215 000 статей; добавляются около 1000 новых статей каждый месяц, занимая 32-е место по числу статей⁶ и 43-е место по посещаемости⁷ (июнь 2015 г.). Эти числа сравнимы со словацкой (около 205 000), болгарской (около 203 000) и датской (около 200 000; июнь 2015 г.) версиями Википедии. Google предлагает эсперанто как один из 41 языков для поиска, и он один из шестидесяти языков в Google Translate. Эсперанто используется в социальных сетях Facebook, «ВКонтакте», Ipernity.

В Литве и Венгрии эсперанто занимает 16-е место по числу жителей, знающих иностранные языки. Эсперанто — один из десяти языков, кото-

⁶ [Электронный ресурс]. URL: https://meta.wikimedia.org/wiki/List_of_Wikipedias#100_000.2B_articles.

⁷ [Электронный ресурс]. URL: <http://stats.wikimedia.org/EO/Sitemap.htm>.

рые китайское правительство использует в своих официальных новостных сайтах, и один из шестидесяти языков, которые папа римский использовал до 2012 г. для приветствия верующих во время Пасхи и Рождества. В разных местах эсперанто имеет большую или меньшую поддержку. В проекте переводов фраз Татоеба он занимает второе место после английского с более 223 000 фраз (март 2013 г.). В Венгрии он был третьим языком в 2004 г. (после английского и немецкого), по которому студенты сдают государственные экзамены.

На эсперанто существует литература, частично оригинальная, частично переведенная с национальных языков. В целом она насчитывает около 50 тыс. наименований. К сожалению, существует мало произведений, переведенных с эсперанто на национальные языки, поэтому неэсперантистской публике они не знакомы.

Богатые литературные традиции признает также ПЕН-клуб, эсперанто-секция которого создана на 60-м конгрессе клуба в сентябре 1993 г. Творчество на эсперанто стимулируется Академией Эсперанто-Литературы, образованной в 2008 г. К важным современным писателям, пишущим на эсперанто, относятся: Тревер Стил (Австралия), Мануел де Сеабра (Каталония), Иштван Немере (Венгрия), Споменка Штимац (Хорватия), поэты Михаил Гишплинг (Россия/Израиль), Мауро Нерви (Италия), Мао Зифу (Китай), Абель Монтагут (Каталония) и Эли Урбанова (Чехия); эссеисты и переводчики Пробал Дасгупта (Индия), Хамфри Тонкин (США) и Крис Кэй (Япония). Писатели Вильям Оулд, Марджори Бултон и Бальдр Рагнарссон выдвигались на Нобелевскую премию по литературе.

Так как одной из целей стран БРИКС является улучшение мировой ситуации и изменение отношений между странами в сторону большей справедливости, выбор эсперанто в качестве языка общения, конечно, станет одним из четких сигналов миру, которые они могли бы дать.

Библиография

1. «*Amid BRICS' rise and 'Arab Spring', a new global order forms*». Christian Science Monitor. 18 October 2011.
2. Auld W., *La fenomeno Esperanto*. Rotterdam. UEA. 1988.
3. Judith M. Brown, *Modern India: The Origins of an Asian Democracy*. Oxford e New York, Oxford University Press, 1994.
4. Calmon Pedro, *História da Civilização Brasileira*. Brasília: Senado Federal, 2002.
5. *Central Intelligence Agency, the World Fact Book* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/>.
6. Forster P. G., *The Esperanto Movement*. The Hague: Mouton Publishers, 1982.
7. Gledhill C., *The Grammar of Esperanto: A Corpus-Based Description*. Second edition. Lincom Europa, 2000.

8. *Tabulation on the 2010 Population Census in the People's Republic of China* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/censusdata/rkpc2010/indexch.htm>.
9. Heitzman J., Worden R.L., *India: A Country Study*, Library of Congress, 1996.
10. Thompson L., *A History of South Africa*, Third Edition. Yale University Press. 1 March 2001.
11. Wells J., *Lingvistikaj aspektoj de Esperanto* ("Linguistic aspects of Esperanto"). Second edition. Rotterdam: Universala Esperanto-Asocio, 1989.
12. World Economic Outlook. IMF. April 2013.
13. [Электронный ресурс]. URL: http://w2.vatican.va/content/francesco/it/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_enciclica-laudato-si.html
14. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatlist.aspx?lg=0>.
15. [Электронный ресурс]. URL: <http://confuciusinstitute.unl.edu/institutes.shtml>.

РАЗМЫШЛЯЯ О ПАРАГВАЕ

Luis A. Fretes Carreras¹

El conservadurismo en el Paraguay pos-dictadura

Conservatism in post-dictatorship Paraguay

Resumen. Este trabajo es parte de un análisis sobre las limitaciones que existen para la ampliación de los recursos de la participación política democrática de los paraguayos, en un contexto de post-dictadura.

El proceso político de transición hacia la democracia altera las reglas existentes de la organización estatal, la organización y disputas políticas así como de los derechos de los ciudadanos. En forma paralela se operan otros cambios tales como el aumento de la población, la migración interna hacia las ciudades, la modernización de la agricultura y ganadería y los cambios tecnológicos que facilitan el comercio internacional.

La incorporación de nuevos recursos políticos-institucionales y la transformación de las estructuras social, demográfica y económica, presionan el proceso político interno y el sistema productivo sin conseguir la afirmación de un sistema estable de convivencia democrática, exhibe limitaciones para promover la equidad social y el desarrollo económico que debido a sus contradicciones permite el predominio, la creciente revalorización y el aggiornan de líderes y organizaciones conservadores de orientación autoritaria.

En el presente ya son numerosas las protestas pacíficas que confrontan y ponen en entredicho la legitimidad democrática de las normas, instituciones y autoridades constituidas en la transición y que a su vez cuentan con el apoyo táctico de “nostálgicos” de la dictadura que reivindican sus contenidos más autoritarios de la participación política.

Surge las interrogantes: ¿Cómo se explica la continuidad del conservadurismo autoritario en la post-dictadura? ¿Cuáles son las ideas que fundamentan las conductas y actitudes que derivan en autoritarias? ¿Qué caracteriza al conservadurismo de la post-dictadura?

Este trabajo analiza la continuidad y vigencia del *conservadurismo* en la post-dictadura y sus vínculos con las ideas del *nacionalismo autoritario* en un contexto de alteraciones. Se propone una aproximación multidisciplinaria para identificar y definir cuáles son las características de esas prácticas que resisten, se aggiornan y sobreviven a las reformas políticas y a las transformaciones de la sociedad.

Palabras claves: nacionalismo; conservadurismo; autoritarismo; democracia.

¹ Portugal. Abogado (UNA, 1989), Master en Ciencia Política (UNA, 1994) Doctorando en el Programa de Gobernanza Global (Universidad de Salamanca). Profesor Convidado de ISCTE — Instituto Universitario de Lisboa (ISCTE-IUL) e Investigador del Centro de Estudos Internacionais (CEI-IUL).

Abstract. This work is part of an analysis on the limitations that exist for the expansion of the resources of the democratic political participation of the Paraguayans, in a post-dictatorship context.

The political process of transition to democracy alters the existing rules of state organization, organization and political disputes as well as the rights of citizens. In parallel, other changes are taking place, such as the increase in population, internal migration to the cities, the modernization of agriculture and livestock, and the technological changes that facilitate international trade.

The incorporation of new political-institutional resources and the transformation of social, demographic and economic structures, pressure the internal political process and the productive system without achieving the affirmation of a stable system of democratic coexistence, exhibits limitations to promote social equity and economic development that due to its contradictions allows the predominance, the increasing reevaluation and the agiornan of leaders and conservative organizations of authoritarian orientation.

In the present, there are already numerous peaceful protests that confront and question the democratic legitimacy of the norms, institutions and authorities constituted in the transition and that in turn have the tactical support of “nostalgic” dictatorship who claim their contents more authoritarian political participation.

The question arises: How is the continuity of authoritarian conservatism in the post-dictatorship explained? What are the ideas that underlie the behaviors and attitudes that result in authoritarian? What characterizes the conservatism of the post-dictatorship?

This paper analyzes the continuity and validity of conservatism in the post-dictatorship and its links with the ideas of authoritarian nationalism in a context of alterations. A multidisciplinary approach is proposed to identify and define which are the characteristics of those practices that resist, aggiornate and survive political reforms and transformations of society.

Keywords: nationalism; conservatism; authoritarianism; democracy.

1 — La Post dictadura paraguaya

La experiencia de dictaduras y tiranías tiene antecedentes en diferentes etapas de la historia y regiones del mundo y sus consecuencias afectan la conducta humana y altera las relaciones sociales.

“Uno de los efectos más terribles del sistema despótico es el terror, que, a su vez engendra una larga serie de vicios repugnantes que degradan y envilecen el carácter del hombre: la mentira, la calumnia, la falsedad, la hipocresía, la mala fé y la suspicacia...”
(Centurión, 1903)

La literatura latinoamericana posterior a las dictaduras del siglo XX relata, de forma amplia y sistemática, cómo después de tantos años de autoritarismos y represión violenta las conductas, los valores, roles y certezas en las sociedades habían cambiado y que, además de las alteraciones en el sistema político, económico y social habían producido fracturas existenciales en las personas.

Esta adjetivación de la literatura como post-dictadura permite “formar una identidad” de aquellos sujetos víctimas de “una atmósfera asfixiante” de miedos, parálisis y pérdida de la autonomía por “la interferencia violenta de los regímenes dictatoriales en las esferas más íntimas de los sentimientos humanos”.

Estas alteraciones “existenciales” con frecuencia están ocultos del análisis político y pueden ser factores relevantes que condicionan la libertad, espontaneidad y confianza en las interacciones personales, familiares y sociales que a su vez transmiten esas dificultades y limitaciones para la apropiación y puesta en práctica de la participación política democrática² (Lira, 1991).

El miedo a los dictadores y sus prácticas represivas en América Latina explica en parte la heterogeneidad de reacciones en los estados que recuperaron la democracia o iniciaron procesos de democratización. En algunos países se evitan confrontar y sancionar a los responsables de la dictadura, para ello se aprueban leyes especiales, amnistías legales, elaboran informes sobre violaciones de derechos humanos o se limitan a sanciones selectivas tal como ocurre en Paraguay, Brasil y Guatemala. Otros estados establecieron tribunales y condenaron ejemplarmente a sus autores. En algunos casos a través de procesos de revisión de las amnistías previas, como por ejemplo en Argentina y Chile.

En este sentido, será muy importante la constitución de los informes de las Comisiones de Investigación, de las sanciones los Tribunales de Justicia y la reparaciones de los gobiernos a las víctimas de violaciones a los derechos humanos, porque rompe con la tradición anterior de venganza o del olvido.

Con relación al último periodo de Dictadura en Paraguay, el Informe Final de la Comisión Verdad y Justicia establece en 20.090 víctimas directas y 107.987 víctimas indirectas afectados en violaciones de derechos humanos con la explícita referencia que en estas cifras existe un enorme sub-registro. Este número de personas representa el 0,80 % de la población o una de cada 124 personas que fueron víctimas por violación de derechos humanos o fundamentales, calculo basado en que “el promedio de la población total del Paraguay fue de 2.500.000 –1.300.000 en 1950 y 4.100.000 en 1992”³.

La dimensión de este violento proceso justifica analizar desde una perspectiva multidisciplinar “las características actuales de la sociedad y los traumatismos acumulados de un pasado común” atendiendo a las “... *condiciones socio-históricas, culturales y políticas... dentro de las cuales se cruzaron autoritarismo, nacionalismo,*

² Lira, E.,. Psicología de la amenaza política y el miedo. Santiago de Chile: Chileamerica. CESOC, 1991.

³ Comisión Verdad y Justicia (2008). Informe Final. Pág. 30. Disponible en formato web: http://www.derechoshumanos.net/lesahumanidad/informes/paraguay/Informe_Comision_Verdad_y_Justicia_Paraguay_Conclusiones_y_Recomendaciones.pdf (accessed 01.10.2017).

*militarismo, resistencias... en Paraguay*⁴. para comprender la continuidad y vigencia del conservadurismo autoritario.

En Paraguay, durante la post-dictadura⁵, se gestan cambios políticos institucionales que modifican las formas, contenidos, organización, y procedimientos de las leyes, instituciones gubernamentales y los partidos políticos al mismo tiempo que la sociedad experimenta alteraciones significativas en su composición demográfica — tasas altas de natalidad y población joven-, asociada a un intenso desarrollo urbano y acelerada modernización e internacionalización de su sistema económico.

Esta conjunción de factores incita a pensar que las alteraciones y cambios favorecen la ampliación de los recursos de participación política e implantación de procedimientos democráticos que permitirían: a) el surgimiento de nuevos actores y/o la incorporación de grupos excluidos y b) la constitución de espacios institucionales de diálogo para establecer acuerdos entre intereses contrapuestos mediante la formulación de políticas públicas.

Pero este proceso de democratización no es lineal y en Paraguay las reformas se desarrollan con múltiples “frenos”, no siempre explícitos pero subyacentes. Un ejemplo fue el tratamiento que se dio a las graves violaciones de los derechos humanos y a los hechos de corrupción de los altos responsables de la dictadura. Muy pocos fueron sancionados y encarcelados, en los pocos casos de sanciones estas fueron poco ejemplificadoras⁶ e incluso, transcurrido poco tiempo fueron incorporados a los nuevos gobiernos.

Otro ejemplo es la falta de una acción gubernamental para la recuperación de la propiedad rural mal habida, puesto que en el periodo dictatorial millones de hectáreas fueron asignadas de manera ilegal e irregular a militares y civiles vinculadas al gobierno⁷ y que en defensa del derecho a la propiedad privada fueron “legaliza-

⁴ Velázquez Seiferheld, David. “Relaciones entre autoritarismo y educación en el Paraguay 1869-2012. Un análisis histórico 1869-1936.” Pág. 6, Vol. 1. Editora Servicio Paz y Justicia Paraguay (SERPAJ PY), 2012.

⁵ Se incorpora a este artículo el término post-dictadura para ayudar a identificar algunas dificultades que existen para la ampliación de los recursos de la participación política en el periodo que comprende 1989 — 2016.

⁶ Arnoso Martínez; Cárdenas Castro; Páez Rovira y Beristain (2014) “Paraguay: de las violaciones a los derechos humanos a la justicia transicional.” En SALUD & SOCIEDAD, Vol. 5, No. 1: “No se han realizado medidas de justicia distributiva: no se han realizado juicios penales y no hay sentencias ni condenas contra quienes participaron en las violaciones de derechos humanos, más allá del inicio de algunos procesos que finalmente fueron truncados, y de la condena de la Corte Interamericana de Derechos Humanos al Estado paraguayo por la detención y desaparición forzada de Agustín Goiburú, los hermanos Ramírez Villalba y Amilcar Oviedo, primera sentencia dada en el marco de la operación cóndor.” Pág. 103. ENERO — ABRIL, 2014

⁷ Comisión Verdad y Justicia (2008). Informe Final. “De los exámenes realizados se pudo detectar y comprobar que el Estado en el período que abarca desde 1954 a 2003 ha realizado 200.705 adjudicaciones de lotes, que comprende una superficie total de 12.229.594 hectáreas...” Pág. 72

dos” y protegidos por los tribunales e instituciones administrativas de los gobiernos democráticos.

La impunidad al delito, la proximidad al poder y la protección de los tribunales en democracia para quienes actuaron con violencia y corrupción generan la continuidad del miedo y la desconfianza. Estos eventos constituyen una “interferencia íntima” que limita la participación democrática al mismo tiempo que confirma la supremacía de la ilegalidad y la corrupción en la acción política.

Esta “normalización” de los actores violentos y corruptos que actuaron en nombre de un orden conservador dio pie a la continuidad de las prácticas autoritarias. Con el paso de los años y los fracasos del nuevo sistema democrático, numerosos actores, tanto individuales como colectivos nuevos, algunos de ellos con amplio apoyo popular, han recuperado los mensajes, consignas y valores más conservadores del periodo dictatorial y, lo que resulta más crítico justificando con las debilidades e incapacidades del proceso democrático los argumentos que sustentaban el modelo que logró consolidar su longeva hegemonía.

La post-dictadura como “interferencia íntima” asociada a la “normalización” de los actores de la dictadura resultan así una pieza clave para ralentizar los cambios, mantener las prácticas e incluso resignificar las instituciones nacidas de la transición hacia la democracia.

2 — El malestar social que se transforma

La caída de la dictadura está asociada a la idea de cambio. En este sentido la inmediata vigencia sin restricciones de las libertades públicas “...desde el primer día después de aquel 3 de febrero de 1989...” constituyen el punto de inflexión que se corresponde con una expectativa genuina de cambio en la orientación de la tendencia autoritaria (Paredes, 2014) que había predominado hasta ese entonces en la historia paraguaya. La formulación de una nueva Constitución en 1992, consolidó esta idea de viraje político social al transformar el marco jurídico en “... un espacio común que marca las reglas de nuestro accionar común. Ahí nos constituimos en Estado Social de Derecho, fundamos nuestras instituciones, pero, sobre todo: nos otorgamos deberes y derechos sobre los que se establece el contrato social que nos rige.”⁸.

Con la reforma política se implementó un proceso de liberalización de la economía y desregulación del mercado que incorporó al Paraguay en el proceso de globalización desde la matriz neoliberal. Desde un principio las reformas neoliberales del sistema productivo y económico se ejecutan bajo un orden social excluyente heredado de la dictadura que agrava las condiciones de vida, en particular de las poblaciones rurales dedicadas a la pequeña agricultura. Miles de agricultores se

⁸ Fernández Bogado, Benjamín, “A Sacudirse! Claves para la construcción de una nueva República.” Editora Libre. Asunción, Paraguay, 2010.

ven obligados a migrar hacia las ciudades, al mismo tiempo que las áreas urbanas y sub-urbanas son presionadas por la insuficiencia y precariedad de los servicios públicos debido al incremento de su población. A su vez, el nuevo sistema político no logra modificar viejas prácticas autoritarias, suma fraudes en los procesos electorales, así como también continúa el arbitrario funcionamiento del sistema judicial donde numerosos casos de corrupción e incluso crímenes quedan impunes y en consecuencia corrompen la confianza en la legalidad del sistema político institucional.

Esta conjunción de alteraciones y cambios produce un malestar social que se traduce en masivas movilizaciones, protestas y ocupaciones de tierra en demanda de acciones gubernativas y aplicación de políticas públicas para enfrentar las consecuencias.

En los primeros años de la transición hacia la democracia, las protestas y medidas de fuerza, tales como las ocupaciones de propiedades rurales y urbanas fueron lideradas por organizaciones campesinas de “sin tierras” y en menor medida por organizaciones urbanas de “sin techos”. También, las organizaciones sindicales, con particular fuerza de los sindicatos de funcionarios públicos, realizaron huelgas y paros en demandas de mejores condiciones laborales y salariales. Estas protestas pocas veces colocaban en entredicho el nuevo orden jurídico e institucional y por lo tanto actuaban como presión para avanzar en el proceso de inclusión económico, social y político.

Trascurridas dos décadas de alteraciones y cambios, el malestar se expresa de manera diferente, existe un aumento sustancial de las protestas por parte de grupos organizados campesinos— propietarios pequeños y medianos agricultores y ganaderos en demanda de incentivos para sus productos y la protección de sus derechos de propiedad u ocupación precaria pero también de individuos, quienes recurren a estas opciones para intervenir en la vida pública, denunciar a los gobernantes e instituciones o llamar la atención sobre sus demandas sectoriales.

Es notorio advertir que a las periódicas y cada vez más institucionalizadas manifestaciones campesinas, en esta nueva etapa se suman y de manera incremental las protestas urbanas a través de “...manifestaciones protagonizadas por ciudadanos autoconvocados -no identificados colectivamente con partidos políticos-“ que “... se estructuraron alrededor de reivindicaciones puntuales... con distintos niveles de organización, identidad gremial, convocatoria y presencia mediática...”⁹ por lo que es posible afirmar que se han incorporado a la disputa política paraguaya otros grupos sociales no tradicionales con exigencias diversas, aplicando nuevas y diferentes estrategias de convocatoria, organización, protesta y comunicación.

Estas protestas traen la novedad, con relación al periodo inicial de la transición, que sus protagonistas desconocen la legitimidad de las instituciones, las organizaciones y los partidos políticos, asumen que no se ven representados en esta

⁹ Ibid.

institucionalidad y por lo tanto recurren a la acción pública para presionar la implementación de reformas al orden jurídico y, en algunos casos, de las instituciones existentes.

Sin embargo, hasta la fecha, estas masivas movilizaciones y protestas no resultan eficientes para mudar la orientación como tampoco las políticas de los gobiernos. Durante la última década aumentan las protestas pero también se incrementa la violencia donde se destaca la acción de organizaciones armadas revolucionarias en zonas rurales. En tanto la confrontación se incrementa en diversidad y violencia, las respuestas institucionales se caracterizan por el retorno a políticas conservadoras y el ejercicio de prácticas autoritarias.

3 — El péndulo de la “Democradura Paraguaya”

El proceso político que comprende la década final del siglo XX y las primeras décadas del XXI puede ser simplificado con la imagen de un péndulo que se desplaza entre un extremo autoritario, conservador y nacionalista y otro extremo democrático, progresista e internacionalista. Por supuesto que en la disputa políticas concretas, estas ideas son asociadas en órdenes diferentes que responden a la particularidad de los actores y sus organizaciones.

En la post-dictadura (1989-2016) se sucedieron ocho presidentes¹⁰ de los cuales, utilizando los sectores del péndulo, cuatro de la ANR —Partido Colorado y uno del Partido Liberal Radical Auténtico (PLRA) pueden ser ubicados en el espectro amplio del sector conservador en tanto que dos Nicanor Duarte (ANR) y Fernando Lugo (APC), pueden ser ubicados en el sector más progresista. Lo particular de estos dos últimos, es que además del progresismo comparten las premisas tradicionales del nacionalismo. Por lo expuesto, para comprender mejor esta coincidencia se hace necesaria analizar la transición y sus disrupciones en el proceso de democratización.

a) La débil Transición de la dictadura hacia la democracia

Desalojado Stroessner en 1989 y anunciada la vigencia de las libertades políticas y del respeto a los derechos humanos, se popularizó la idea que destituido el dictador, modificadas la constitución y algunas leyes se terminaba el ciclo autoritario y con ello el predominio del pensamiento, los valores y las prácticas tradicionales que caracterizaron las dictaduras conservadoras y militaristas de Paraguay.

Parecía inexorable que se cumpliría la promesa de una sociedad democrática en un estado social de derechos que por fin permitirían la inclusión de grupos que por su ideología, género, condición racial o posición social estaban excluidos.

¹⁰ Son presidentes de la post-dictadura: Andrés Rodríguez (1989-1993); Juan Carlos Wasmosy (1993-1998); Raúl Cubas (1998-1999); Luis González Macchi (1999-2003); Nicanor Duarte (2003-2008); Fernando Lugo (2008-2012); Federico Franco (2012-2013); Horacio Cartes (2013-2018).

Sin embargo el peso de las prácticas por décadas y la falta de liderazgos de convicción democrática en posición de gobierno limitaron la aplicación de las nuevas normas e instituciones facilitando su corrupción y transfiguración en instrumentos de origen democráticos pero con usos autocráticos.

Diversos actores de la élite así como amplios sectores populares recurren a un relato mítico de la historia que condensa las ideas fuerzas del nacionalismo autoritario y que, con cada conflicto, protesta o manifestación permiten reconfigurar los patrones culturales conservadores y autoritarios que se establecieron en los largos gobiernos de dictadura.

Resulta importante considerar que varias generaciones fueron instruidas en una versión de la historia y la cultura paraguaya donde se justificaba la concentración y el ejercicio violento del poder¹¹ para garantizar la unidad, promover el desarrollo y defender la nación de la ambición de los vecinos.

En el 2004 se abrió un período de estabilidad en las políticas de gobierno, unidad de la administración con el partido gobernante y cooperación entre oficialismo y oposición. El presidente Nicanor Duarte Frutos desarrolla en los primeros años de su mandato una política pública ordenada, a la vez que realiza una reforma del sistema tributario para fortalecer las finanzas estatales, racionaliza los gastos administrativos e implementa programas de asistencia social a los sectores más empobrecidos y vulnerables.

Construye un discurso agresivo contra la plutocracia, los terratenientes y las transnacionales utilizando el idioma guaraní para proyectar una identidad común y un liderazgo popular cercano a los excluidos particularmente de origen campesino. Se identifica con la imagen telúrica del “tendotá” que en guaraní significa jefe de la manada y con ello recupera la tradicional figura del líder-caudillo. Nicanor Duarte Frutos y su corriente política, el Movimiento Progresista Colorado, asocia el nacionalismo, el autoritarismo y el progresismo social con el partido tradicional conservador. Un aspecto disruptivo es su pertenencia religiosa no católica, pero también se opone a las demandas de otros grupos progresistas como el aborto y el matrimonio homosexual.

En la última etapa de su mandato y luego de conseguir el control interno de su partido se embarca en un proyecto de reelección prohibida por la Constitución vigente y en la confrontación, desarrolla una campaña donde identifica la visión progresista de preocupación por la desigualdad y la exclusión con el nacionalismo autoritario. Fracasa en su intento por ser reelecto pero es el precursor de una línea política que recupera para la organización más conservadora del Paraguay una

¹¹ Couchonnal, Ana, “De la guerra del Chaco a la Dictadura Stronista. Ascenso del actor militar en la política y el discurso nacionalista del Paraguay” en *Revista Tiempo Histórico*, 2014, Año 5, N°9, 141-161.

versión más moderna pero no menos paternalista del liderazgo único, caudillista y asociado con las tradiciones nacionales.

La victoria en 2008 de la Alianza Patriótica para el Cambio integrada por liberales, socialdemócratas y movimientos de izquierdas de diferentes orígenes fue un acontecimiento único en la historia paraguaya. Por primera vez en la historia política paraguaya una alianza entre diferentes partidos y grupos sociales accede al gobierno por el voto popular y a su vez se realiza una trasmisión del gobierno en paz¹².

La alianza inició un gobierno con fuerte discurso de ataque a los ejes centrales del conservadorismo autoritario: la propiedad latifundiaria, la desigualdad social, la exclusión de minorías (indígenas, gais), la limitación de derechos de las mujeres y la subordinación a las multinacionales y potencias vecinas en particular contra Brasil. Ejecuta políticas sociales que mejoran en los servicios de salud, educación e infraestructuras¹³. Promueve la modernización y profesionalización de la administración pública sin mucho éxito. Modifica la orientación de las relaciones internacionales y renegocia el valor de la energía eléctrica que se vende a Brasil.

Pero al interior de esta alianza existía gran fragmentación donde los movimientos sociales y agrupaciones con escasa representación parlamentaria estaban sobredimensionados en el gobierno a lo que se suma la incapacidad para constituir consensos lo que rápidamente derivó en conflicto interno que debilita el mensaje e impidió la acción de gobierno. Sin haber consolidado cambios sociales significativos, la alianza rápidamente se fracciona y se deshace por causa de valores y ambiciones contrapuestas que ocasiona la destitución del presidente y sustitución por su vicepresidente de orientación liberal conservadora.

b) El resurgimiento del templo nacionalista con su patrono Solano López resucitado

La destitución del Presidente Fernando Lugo en 2012 evidencia — en términos de la política nacional— que el nacionalismo conservador tiene gran poder para aglutinar diferentes partidos, instituciones y gremios. También revela el fuerte antagonismo existente entre los grupos ideológicos que integran el llamado “espacio o sector democrático” al tiempo que destruye la creencia que la oposición al Partido Colorado (ANR) es suficiente para la unidad de los diferentes grupos y ejercer la

¹² Fretes Carreras, Luis A., «La Consolidación Democrática en Paraguay» en América Latina Hoy, 2012, N° 60, pág. 73.

¹³ López, Magdalena (2010) “Entre los avances visibles relacionados al mejoramiento de la calidad de vida, se encuentra(n): (1) ... la gratuidad de la salud pública; (2)... tecnología para las escuelas, computadoras para los alumnos y cursos y capacitaciones para docentes; (3) ... la extensión del seguro social a las empleadas del servicio doméstico de todo el país (anteriormente sólo estaban cubiertas las de la ciudad de Asunción), así como la aplicación de la ley de pensión alimenticia para adultos mayores en situación de pobreza... Pág. 105 “La Democracia en Paraguay. Un breve repaso sobre los partidos políticos tradicionales, el sistema electoral y el triunfo de Fernando Lugo Méndez.” En Revista Enfoques Vol. VIII, N° 13, pp. 89-106. Argentina.

administración estatal. Este conflicto también permite que la sociedad paraguaya redescubra los condicionamientos geopolíticos y de manera explícita y concreta su grado de dependencia de las potencias regionales y las limitadas capacidades para desarrollar una política exterior autónoma.

Destituido por un proceso expeditivo pero legal, fracturó la Alianza que había triunfado en el 2008, reagrupó y fortaleció las organizaciones con predominio de los grupos más conservadores de estas organizaciones. Este conflicto interno derivó en sanciones de organismos internacionales regionales como MERCOSUR y UNASUR que por solidaridad regional en defensa de la democracia suspendieron relaciones diplomáticas con el nuevo gobierno paraguayo y promovieron su sanción internacional.

Esta ruptura interna y su consecuente sanción externa incentiva y legitima la resurrección de los valores conservadores asociados al nacionalismo autoritario que tienen un relato articulado en la historia de lucha por la independencia, la defensa de la soberanía territorial las guerras de la triple alianza y del chaco y un modelo político propio que derivó en el “Estronismo”.

Una vez más, se identifica a los líderes y organizaciones de demócratas, progresistas, liberales, socialistas e izquierdistas como una amenaza interna que pretende destruir la identidad y los valores de los paraguayos quienes asociados a intereses externos ejercen presión para imponer modelos impropios para esta nación, su mejor síntesis fue la propaganda del Estronismo de la “Democracia sin comunismo”. Así los sectores más conservadores y autoritario recurren a los mitos de la historia y a “la exaltación heroica de lo actuado en la guerra como modo de reivindicación de lo propio”¹⁴ (Couchonnal, 2014) en defensa de la soberanía, integridad e independencia del estado paraguayo ganando popularidad en la población y reforzando su posición de poder en las instituciones.

En las elecciones del 2013 se impone el Partido Colorado (ANR) y conforma un gobierno de clara orientación conservadora. Promete un “nuevo rumbo”¹⁵. mediante una gestión pública moderna de tipo “empresarial” con abierta simpatía por el capital extranjero asociados a la cadena de valor de trasnacionales y los intereses de las potencias regionales.

Algunos ejemplos de este nuevo rumbo son:

¹⁴ Couchonnal, Ana, “De la guerra del Chaco a la Dictadura Stronista. Ascenso del actor militar en la política y el discurso nacionalista del Paraguay” en *Revista Tiempo Histórico*, 2014, Año 5, N°9, 141-161.

¹⁵ Nuevo Rumbo es el slogan de campaña utilizado por Horacio Cartes para para promover su candidatura a Presidente en 2013, posteriormente Decreto N° 500 de fecha 21 de octubre de 2013 asigno este término para las comunicaciones oficiales. Ver: <https://www.youtube.com/watch?v=NUKe94-n7zY>

- a) la intensa procura de la inversión extranjera tipo “maquilas” en el sector agrícola e industrial mediante la facilitación de la burocracia administrativa, la reducción de impuestos y promesas de privilegios¹⁶.
- b) La liberalización de reglas para la participación y el financiamiento de empresas extranjeras en el desarrollo de obras públicas de infraestructuras.
- c) La negociación de acuerdos con Argentina para el saneamiento de las finanzas de la Entidad Binacional Yacyretá.

El perfil nacionalista lo expresa en acciones de políticas públicas “paternalistas” con orientaciones hacia la asistencia social antes que la inclusión social. Recurre a la mitología histórica conservadora, nacionalista y autoritaria como por ejemplo replicando la acción gubernativa del Presidente Carlos Antonio López (1841-1862) mediante la ejecución del programa de financiamiento público para estudios de posgrado en el exterior (BECAL) el propósito de “... mejorar la oferta del capital humano avanzado” y con ello “... contribuir a aumentar los niveles de generación y aplicación de conocimiento en las áreas de Ciencias y Tecnología (CyT) y en los niveles de aprendizaje en la educación.”¹⁷

En contraposición a estas iniciativas y programas de políticas públicas, existe un esfuerzo para modificar la concepción bajo las cuales fueron implementados los programas sociales del servicio gratuito de salud, los programas de autoayuda o autoconstrucción de viviendas sociales subsidiadas por fondos públicos y los subsidios y apoyos a los pequeños y medianos agricultores. Todos estos programas, fueron modificados para aplicar una lógica empresarial y de creación de mercado para la inversión del capital nacional y extranjero.

Tal vez la muestra más contundente de los esfuerzos para replicar el conservadurismo autoritario fue la acción del Presidente Horacio Cartes para reformar la constitución y permitir la reelección del Presidente cooptando algunos de sus adversarios¹⁸ y utilizando procedimientos prohibidos en la Constitución Democrática de 1992.

En este sentido se conformó una mayoría circunstancial en el Congreso Nacional para modificar la prohibición de reelección del Presidente por la vía de la en-

¹⁶ La prensa local registra manifestaciones poco correctas donde las máximas autoridades promueven las inversiones con alegorías a “la facilidad” y al “abuso”. ABC Color (2013) y Última Hora (2014). <http://www.abc.com.py/edicion-impres/politica/paraguay-es-facil-es-una-mujer-bonita-dice-cartes-632556.html>

<http://www.ultimahora.com/cartes-empresarios-brasilenos-usen-y-abusen-paraguay-n767800.html>

¹⁷ Programa Becas Carlos Antonio López (BECAL). <http://www.becal.gov.py/>

¹⁸ La cooptación de grupos opositores y fragmentar sus adversarios, fue uno de los métodos utilizados por Alfredo Stroessner en el año 1967, para modificar la Constitución y garantizar un marco legal para la reelección indefinida en el cargo de Presidente de la República y que le permitió el ejercicio del poder hasta su destitución en 1989.

mienda a la Constitución y obtuvo el apoyo de miembros importantes de diferentes grupos políticos, incluyendo los principales partidos de la oposición.

4 — Características del conservadorismo paraguayo de la post-dictadura

Las principales ideas conservadoras de esta nueva etapa en la política paraguaya favorecen la existencia de una autoridad que garantice la preeminencia del estado. En su proyección social identifica el ideario conservador con la familia, la religión y la cultura asociándolas en un entorno geográfico único y particular. En este sentido:

1. Asocia a **la autoridad**, con un gobernante suficientemente poderoso para administrar el Estado;
2. Considera a **la familia** como núcleo central de la organización social basada en los valores tradicionales de la pareja heterosexual y jefatura patriarcal;
3. Identifica a **la religión cristiana**, como fuente de inspiración espiritual de la sociedad. Otorga un estatus privilegiado a la jerarquía de la Iglesia Católica Apostólica y Romana y es tolerante con otros credos religiosos en especial las iglesias cristianas, y;
4. Considera que **el idioma guaraní**, es el auténtico articulador de la identidad e idiosincrasia paraguaya que interpreta y expresa los sentimientos y pensamientos de su condición de sujetos mestizos.

La **idea de autoridad** al estar asociada al gobernante poderoso muchas veces justifica el ejercicio autoritario y violento del poder. Recurre al argumento que existen “hechos concretos” de un pasado de inestabilidad, guerras civiles y atraso económico y social, que obligan a establecer la unidad en el gobierno con amplios poderes para así mantener la estabilidad de las instituciones, el orden en la sociedad y dar continuidad de las políticas públicas.

También, justifica la necesidad de restricciones a las libertades civiles y políticas para garantizar la Paz y la Seguridad. En este sentido es susceptible de proponer leyes que faciliten el uso del estado de excepción, aumenten la rigurosidad de las penas por delitos al patrimonio y permitan la intervención de los militares en los conflictos sociales y la lucha contra la delincuencia común.

En este mismo sentido considera que el Estado es un organismo natural para otorgar privilegios y prebendas a grupos o sectores afines al gobierno de turno para consolidar una clientela política en los procesos electorales o una clientela económica en el usufructo de la corrupción y los mercados ilegales.

En cuanto a la **organización y función política del Estado**, el pensamiento conservador es partidario de la organización unitaria del Estado y del gobierno centralizado. La versión contemporánea desplaza formalmente a los militares activos

de la función administrativa y le asigna funciones subordinadas en el campo de la seguridad y defensa. Si bien, los conservadores promueven la centralización del estado, se diferencian del modelo anterior en que promueven la reducción del Estado, el comercio libre y con bajos impuestos así como la privatización de los servicios públicos.

La *religión cristiana* es una herencia cultural colonial muy fuerte que resulta determinante en Paraguay por el vínculo privilegiado que subsiste entre la jerarquía de la Iglesia Católica y los gobiernos así como también una creciente presencia de los grupos cristianos protestantes en funciones de gobierno. Estos vínculos constituyen una importante fuente de poder para implementar políticas públicas de salud y educación con sesgos confesionales así como también para confrontar con éxito desde el gobierno, organizaciones y grupos que promueven el libre pensamiento y el laicismo.

Así la defensa de la identidad religiosa, ya no se reduce la unión del estado con la Iglesia Católica o la devoción social a las tradiciones espirituales como las peregrinaciones, fiestas o celebraciones puesto que se expande a la acción gubernamental para proteger e incentivar modelos sociales como la familia tradicional y el rol de los géneros, implementar políticas públicas para evitar la planificación familiar y el aborto así como también promover creencias como la vida se origina desde la gestación y los LGTB no deben disponer derechos para el matrimonio.

El *idioma guaraní* representa la confirmación material de la existencia de una identidad particular, los paraguayos. En este contexto la vigencia y preeminencia del idioma nativo otorga contenido y sustancia al espacio geográfico natural donde esa identidad particular construye y desarrolla sus expresiones culturales.

En este proceso de construcción cultural, también existe una exaltación a un tipo de guaraní puro que no confronta al guaraní “yopará”, ese idioma híbrido entre guaraní y castellano popular y popularizado que convive con el idioma castellano y que en conjunto representan la simbiosis de razas y culturas que habitan el territorio.

El conservadurismo utiliza el guaraní como un instrumento de comunicación pero también trasmisor de emociones e ideas mitológicas en la cual impone que el paraguayo que no habla guaraní no puede ser paraguayo. Esta imposición, constituye un factor de unión pero también de exclusión

5 — A modo de conclusiones

Si, en el actual proceso político, se identifican que casi todos los síntomas que “potencian” el conservadurismo autoritario en Paraguay, también es importante destacar que estos valores y prácticas nunca se debilitaron de manera letal como para extinguir, perseguir o marginalizar de la acción política ni de las políticas públicas, tal como aconteció en otras naciones. El gobierno de Stroessner no se limitó a ser la dictadura más prolongada de Paraguay y América del Sur en el

siglo XX, también fue la continuidad, profundización y consolidación de anteriores procesos políticos que unificaron y sistematizaron las ideas conservadoras, nacionalistas y autoritarias.

La prolongada acción educativa, formativa y propagandística de la dictadura otorgó fuerza y vigor a una acción, visión y práctica política que continúan influenciando las formas y contenidos del ejercicio del gobierno, la convivencia social y de la participación política muchos años después de caída. Por lo tanto, la actual versión del conservadurismo paraguayo tiene la facilidad de disponer ideas fuertemente implantadas en el imaginario social y en las prácticas de convivencia.

Al identificar la nación con un nacionalismo particular que deriva del espacio geográfico, el mestizaje racial y el idioma nativo se construye un sistema cultural que condiciona los vínculos incluyendo los más íntimos. De esta forma, el Estado paraguayo y sus instituciones no pueden desconocer la cultura con pena de fracasar en sus políticas públicas.

De aquí que, el nacionalismo se constituya en componente esencial de toda idea u organización que pretenda gobernar el estado.

En este sentido es importante considerar que el renovado conservadurismo paraguayo recupera el vínculo con las ideas que dieron origen al discurso de la formación del estado paraguayo : a) la independencia; cuyo objetivo y propósito natural es lograr la unidad de la población con su raza y cultura mestiza en el espacio territorial ancestral autónomo, y b) la dictadura; que establece el principio de autoridad, concentra el poder, centraliza el gobierno y limita las libertades civiles para garantizar la independencia.

Subsisten antiguos problemas políticos como la práctica del fraude electoral, el clientelismo y el crimen así como problemas sociales y económicos tales como la concentración de la riqueza, la limitada prestación de servicios básicos entre otros. En consecuencia se observa una creciente frustración y las reacciones son cada vez más violentas incluso con la acción armada.

Por oposición, se observa que los avances para incrementar los recursos democráticos no han tenido una trayectoria continua de transformación y aumento progresivo como era de esperarse en un proceso de transición.

Las nuevas instituciones y la reconstitución de los partidos políticos, no impidió que numerosos gobernantes, líderes así como organizaciones políticas y sociales — muchas de ellas con amplio apoyo popular — actúen con los prácticas del periodo anterior invocando y utilizando los mensajes, consignas y valores más conservadores y autoritarios del periodo dictatorial y, lo que resulta más crítico justificando los argumentos que sustentaban el discurso que logró consolidar su longeva hegemonía.

Parece evidente que las propuestas e ideas de ese conservadurismo autoritario no solo resistieron los embates del nuevo orden sino también se incorporaron a la

argumentación democrática corrompiendo su contenido y dificultando la aplicación de los recursos impuestos en la transición para acceder a gobiernos democráticos.

Por la cantidad de líderes que se identifican abiertamente con ella, la constante promoción y la capacidad para cooptar seguidores parecen indicar que su larga hegemonía en las ideas y las costumbres sociales del siglo XIX y XX se proyectan con vigor en el actual sistema político institucional y las organizaciones sociales.

Además de mantener suficiente capacidad para contrarrestar los avances de las ideas y los programas reformistas y progresistas, el conservadurismo paraguayo parece tener la versatilidad para responder las demandas más urgentes de una sociedad en transformación y mantenerse como pensamiento rector de la participación política.

El revisionismo y la crítica al autoritarismo en la transición hacia la democracia, estuvo disociado del nacionalismo y el conservadurismo porque estuvo centrado básicamente en las reformas de las instituciones formales, sean estas leyes u organismos y en menor medida en los liderazgos y las bases autoritarias de sus ideologías.

Quizás por esta débil acción de los gobiernos de la transición, los valores del conservadurismo nacionalista y autoritario se han aggiornato a medida que recuperaba protagonismo en la administración de gobierno y esto es posible observar, con particular fuerza, después de las sanciones impuestas a Paraguay por el MERCOSUR en el año 2012 y las acciones del gobierno surgido en el 2013.

Bibliografía

1. Arnoso Martínez; Cárdenas Castro; Páez Rovira y Beristain, “Paraguay: de las violaciones a los derechos humanos a la justicia transicional”, *SALUD & SOCIEDAD*, 2014, Enero — Abril, Vol. 5, No. 1, 98-114.
2. Calderón Gutiérrez Fernando, coord., “La protesta social en América Latina”, *Cuaderno de Prospectiva Política*, 2012, 1, 21.
3. *Constitución de la República del Paraguay* (1992). <http://jme.gov.py/transito/leyes/1992.html>
4. Couchonnal, Ana, “De la guerra del Chaco a la Dictadura Stronista. Ascenso del actor militar en la política y el discurso nacionalista del Paraguay” en *Revista Tiempo Histórico*, 2004, Año 5, N°9, Segundo semestre 2014, 141-161.
5. Chartier, Roger, *Espacio público, crítica y desacralización en el siglo*
6. *XVIII. Los orígenes culturales de la Revolución Francesa*. 1ª. Reimpresión, Editorial GEDISA. Barcelona, España, 2003.
7. Dávila, Mireya y Fuentes, Carlos, *Promesa de cambio: izquierda y derecha en el Chile contemporáneo*. Editorial Universitaria y FLACSO. Santiago, Chile, 2003.
8. Durán Estragó, Margarita. *El Catecismo de San Alberto .adaptado para las escuelas del Paraguay*. Gobierno de Francisco Solano López.” Edición Facsimilar, 2005.
9. Fernández Bogado, Benjamín, *A Sacudirse! Claves para la construcción de una nueva República*. Editora Libre. Asunción, Paraguay, 2010.

10. Fretes Carreras, Luis A., “La Consolidación Democrática en Paraguay” en *América Latina Hoy*, 2012, N° 60, 73.
11. López, Magdalena y Taboada, Victoria, (coord). *Violencia(s). Reflexiones sobre sus diversas formas en Paraguay*. 1ª. Ed. Grupo de Estudios Sociales sobre Paraguay (GESP) — Sociodata (SD). Edit. Arandurã. Asunción, Paraguay, 2015.
12. Lewis, Paul, *Partidos Políticos y generaciones en Paraguay 1869-1940*. Editorial Tiempo de Historia. Paraguay, 2016.
13. Lira, E., *Psicología de la amenaza política y el miedo*. Santiago de Chile: Chileamericana. CESOC, 1991.
14. López, Magdalena, “La Democracia en Paraguay. Un breve repaso sobre los partidos políticos tradicionales, el sistema electoral y el triunfo de Fernando Lugo Méndez”, *Revista Enfoques*, 2010, Vol. VIII, N° 13, 89-106.
15. Maradei, Guadalupe, *Periodizaciones de la literatura argentina post-dictadura y concepciones de la historicidad* [en línea]. VII Congreso Internacional.
16. *Orbis Tertius de Teoría y Crítica Literaria, 18 al 20 de mayo de 2009. Memoria Académica*, Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación (FaHCE) de la Universidad Nacional de La Plata, Argentina. Disponible en: http://www.memoria.fahce.unlp.edu.ar/trab_eventos/ev.3566/ev.3566.pdf
17. Paredes, Robert, “25 años de Democracia. 1989-2014” Industrias Culturales Caballo de Troya. Asunción, Paraguay, 2014.
18. Rojas Villagra, Luis, “La Metamorfosis del Paraguay. Del esplendor inicial a su traumática descomposición.” BASE-IS y Fundación Rosa de Luxemburgo. Asunción, Paraguay, 2014.
19. Velázquez Seiferheld, David, *Relaciones entre autoritarismo y educación en el Paraguay 1869-2012. Un análisis histórico 1869-1936. Volumen 1*. Editora Servicio Paz y Justicia Paraguay (SERPAJ PY). Asunción, Paraguay, 2012.